

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЯНВАРЬ

1901 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.



26-го декабря 1900 года

въ 8 часовъ вечера

**скончался въ Лубнахъ извѣстный малорусскій
этнографъ**

М а т в ѣ й Т е р е н т ѣ в и ч ъ

Симоновъ (Номись).

Извѣщеніе о результатахъ конкурса, назначеннаго редакціей „Кіевской Старины“.

Въ январѣ 1896 года редакціей нашего журнала былъ объявленъ конкурсъ для представленія ей въ теченіе двухъ лѣтъ обработаннаго курса Исторіи Малороссіи, объемомъ приблизительно около 25 листовъ печати. Подробныя условія конкурса и программа „Очерковъ Исторіи Малороссіи“ напечатаны были въ № 2 журнала за 1896-й годъ. Такъ-какъ къ назначенному сроку не было представлено въ редакцію ни одного труда на этотъ конкурсъ, то срокъ представленія сочиненій на тѣхъ-же условіяхъ былъ продленъ сначала до 1-го января 1899 года, а потомъ до 1 января 1900 года. Въ прошломъ году, въ № 1-мъ, было заявлено, что на означенный конкурсъ доставленъ въ редакцію *одинъ только трудъ*, который, въ случаѣ признанія его удовлетворяющимъ требованіямъ объявленной программы, будетъ удостоенъ преміи въ *1000 рублей* и начнется печатаніемъ въ нашемъ журналѣ.

Въ настоящее время редакція считаетъ себя обязанной извѣстить, что означенный трудъ не признанъ удовлетворяющимъ требованіямъ объявленной программы, а потому редакція на ассигнованные ею для преміи *1000 рублей* разсчитываетъ пригласить отдѣльныхъ лицъ заняться составленіемъ „Очерковъ Исторіи Малороссіи“ по указанной программѣ и, послѣ окончанія такого труда, напечатаетъ его на страницахъ журнала.



Правленіе „Благотворительнаго общества изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ“ симъ объявляетъ конкурсъ на составленіе популярныхъ брошюръ на малорусскомъ языкѣ:

1) по сельскому хозяйству или естествознанію вообще, примѣнительно къ практическимъ потребностямъ и вопросамъ крестьянскаго быта южно-русскихъ губерній; 2) по гигиенѣ или медицинѣ, также въ формѣ практическихъ указаній, вытекающихъ изъ условій сельской жизни и принаровленныхъ къ наиболѣе настоятельнымъ нуждамъ малорусскаго крестьянства.

Необходимымъ условіемъ присужденія премій является общедоступность и простота изложенія; желательна беллетристическая форма. Предпочтеніе отдается произведеніямъ, пополняющимъ наиболѣе ощутительныя пробѣлы популярно-научной малорусской литературы.

Размѣръ брошюръ опредѣляется отъ 1 до 3 листовъ, формата послѣднихъ изданій общества ($1/32$).

Премій назначается двѣ: 1) за лучшую брошюру, удовлетворяющую условіямъ конкурса и посвященную сельскому хозяйству или естествознанію, выдается сто пятьдесятъ руб.; 2) за лучшую брошюру по медицинѣ или гигиенѣ уплачивается отъ двадцати пяти до пятидесяти руб. съ печатнаго листа, смотря по достоинству произведенія.

Премированныя рукописи поступаютъ для перваго изданія въ распоряженіе „Благотворительнаго общества“.

Послѣдній срокъ представленія рукописей—1 января 1902 г.

Рукописи высылаются на имя Предсѣдателя общества—Д. Л. Мордовцева (С.-Петербургъ, Столярный пер. 6).



Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ исторіи каждой страны нѣтъ болѣе важнаго и интереснаго предмета, какъ жизнь даннаго народа, проявляется ли она въ видѣ опредѣленнаго массоваго движенія, взрыва и настроенія, или течетъ вяло, безцвѣтно, дробясь на тысячи мелкихъ индивидуальныхъ стремленій, интересовъ, столкновеній. Бурныя проявленія народной жизни, какъ все яркое и эффектное, всегда привлекали вниманіе историковъ,—благо, для изображенія такихъ моментовъ даже сухія и скудныя въ другихъ отношеніяхъ лѣтописи даютъ болѣе или менѣе обильный матеріалъ. Но какъ отдѣльный человѣкъ остается самимъ собою, совершаетъ ли онъ геройскіе подвиги, или погружается въ обыденные, житейскіе интересы, такъ и народная жизнь, вспыхиваетъ ли она яркой полосой, или погружается въ тусклыя сумерки будничнаго прозябанія, должна представлять для историка одинаковый интересъ, ибо въ томъ и другомъ случаѣ въ ней непрерывно совершаются эволюціонные процессы, пристальное наблюденіе надъ которыми только и можетъ привести къ познанію исторической закономерности. Но это пока—идеаль будущаго; ближайшей же задачей историческаго изученія является по возможности все-

стороннее, живое и полное представлѣніе минувшей жизни въ ея повседневныхъ, будничныхъ проявленіяхъ.

Но гдѣ-же взять матеріалы для такого детальнаго изученія минувшихъ эпохъ? Обычные историческіе источники—лѣтописи, дипломатическіе акты, законодательные памятники и т. под. окажутся уже недостаточными. Наиболе пригоднымъ матеріаломъ для этого была бы литература изучаемой эпохи или, еще лучше, повседневная пресса, и нѣтъ сомнѣнія, что историки будущихъ вѣковъ, при изученіи нашей, напимъ, эпохи, главнымъ образомъ и будутъ пользоваться этимъ матеріаломъ. Но мы имѣемъ дѣло обыкновенно съ такими эпохами, литература которыхъ слишкомъ скудна и безжизненна, а періодической прессы и вовсе не было. Взамѣнъ той и другой приходится довольствоваться мемуарами. Но если и мемуаровъ нѣтъ или они плохи, тогда историку остается рассчитывать на единственный цѣнный матеріалъ, къ сожалѣнію не существующій для исторіи отдаленныхъ вѣковъ, но болѣе или менѣе сохранившійся отъ эпохъ болѣе къ намъ близкихъ: разумѣемъ судебные акты. Нѣтъ нужды въ подробномъ разъясненіи цѣнности этого матеріала для указанной цѣли; достаточно напомнить, что и въ наше время, при возможности непосредственнаго наблюденія надъ общественною или народною жизнью, нѣтъ болѣе удобнаго мѣста для подобныхъ наблюденій, какъ судебныя засѣданія, и не даромъ судебные отчеты занимаютъ такое видное мѣсто въ повременной печати. Нерѣдко уголовные процессы вскрываютъ такіе тайники души народной или же такія глубоко скрытыя язвы въ общественномъ организмѣ, которыя при обыкновенныхъ условіяхъ жизни не поддаются наблюденію.

Исторія Малороссіи болѣе, чѣмъ какая-либо иная, есть исторія народная. Самымъ блестящимъ и самымъ интереснымъ ея періодомъ справедливо считается XVII вѣкъ, когда украинскій народъ проявилъ высшее напряженіе своихъ духовныхъ силъ и, хотя на короткое время, устроилъ свою жизнь по своимъ извѣчнымъ идеаламъ; когда, по образному выраженію поэта,

Братерская наша воля,
Безъ холопа и безъ пана,
Сама соби, у жупани,
Розвернулася весела.

Ни литература того вѣка, скудная и безжизненная, ни записки иностранныхъ путешественниковъ, очень цѣнныя въ другихъ отношеніяхъ, не даютъ сколько-нибудь полнаго представленія о тогдашней народной жизни; своихъ же мемуаровъ изъ той эпохи мы и вовсе не имѣемъ. Остается разсчитывать на единственный источникъ—судебные акты; но прежде чѣмъ говорить объ этомъ источникѣ, необходимы нѣкоторыя предварительныя объясненія.

Въ то время, какъ для исторіи западной Малороссіи, т. е. Волыни, Подолья и отчасти Кіевской Украины, мы имѣемъ около шести тысячъ актовыхъ книгъ бывшихъ здѣсь въ XVI—XVIII вв. судовъ гродскихъ, земскихъ и магистратскихъ,—книгъ, представляющихъ неисчерпаемый матеріалъ для всесторонняго изученія протекшей жизни этого края,—объ актовыхъ книгахъ лѣвобережной Малороссіи ни въ одномъ историческомъ сочиненіи нѣтъ и упоминанія, да и самый вопросъ о существованіи такихъ книгъ еще не разъясненъ. Правда, въ Черниговскихъ Губ. Вѣдомостяхъ 1852 и 1857 гг. были напечатаны отрывки изъ Стародубскихъ магистратскихъ книгъ за 1683 и 1690 годы, но эти отрывки такъ незначительны по объему, что странно было и говорить о нихъ, какъ объ историческомъ матеріалѣ; о другихъ же актовыхъ книгахъ малороссійскихъ судовъ XVII—XVIII ст. составилось общее убѣжденіе, что онѣ погибли безъ остатка. Вотъ почему и о судоустройствѣ въ старой Малороссіи нельзя было сказать ничего опредѣлительнаго, и вопросъ объ этомъ важномъ предметѣ до послѣдняго времени не подвергался обстоятельному изслѣдованію. Лишь недавно стали извѣстны новые актывыя матеріалы бывшихъ малороссійскихъ судовъ: въ Черниговскихъ Губ. Вѣдомостяхъ 1887 г. напечатаны отрывки изъ Нѣжинскихъ магистратскихъ книгъ за 1657 и 1673—74 годы; въ 1892 г. въ

приложеніи къ нашему журналу была издана цѣлая актовая книга Бориспольскаго ратушнаго суда за годы 1612—1698; наконецъ, намъ лично извѣстно, что въ библіотекѣ почтеннаго изслѣдователя старой Малороссіи А. М. Лазаревскаго хранятся отрывки актовой книги Борзенскаго сотеннаго суда 1664—1720 г. и четыре полныя книги Полтавскаго полковаго суда второй половины XVII и XVIII вв., да двѣ книги того же суда (XVII в.) имѣются въ библіотекѣ покойнаго В. В. Тарновскаго, завѣщанной имъ, вмѣстѣ съ его музеемъ, Черниговскому губ. земству ¹⁾. Итакъ, вотъ сколько актовaго матеріала прибыло въ теченіе послѣднихъ лѣтъ! Конечно, это лишь ничтожныя крупинки изъ того богатаго запаса актовыхъ книгъ, какой долженъ былъ скопиться въ Малороссіи въ теченіе болѣе чѣмъ столѣтняго существованія въ ней своихъ судовъ, и мы твердо увѣрены, что со временемъ отыщутся и другія актыя малороссійскія книги; но и тѣ, что уже открыты, представляютъ въ общей сложности настолько обильный и важный матеріалъ, что отнынѣ ни одинъ изслѣдователь малорусской старины не въ правѣ болѣе игнорировать его. Въ рукахъ г. Лазаревскаго этотъ матеріалъ отчасти уже послужилъ для интереснаго и пока единственнаго въ нашей литературѣ очерка судоустройства въ старой Малороссіи ²⁾, въ такой-же степени онъ пригоденъ и для освѣщенія многихъ бытовыхъ сторонъ ея прошедшей жизни.

Настоящіе „Очерки“ также составлены по актовымъ книгамъ преимущественно Полтавскаго полковаго и отчасти другихъ козацкихъ судовъ, и нужно сказать, что лучшаго матеріала мы и пожелать не могли бы: едва-ли найдутся другіе судебные

1) Извѣстно, сверхъ того, что въ Москвѣ, въ Румянцевскомъ Музеѣ, хранится актовая книга Прялудскаго полковаго суда за 1660 годъ, куда поступила изъ библіотеки П. Лукашевича.

2) См. его брошюру: «Замѣчанія на историческія монографіи Д. П. Миллера о малор. дворянствѣ и о статутowychъ судахъ». Харьковъ, 1898 г.

акты, такъ ярко и полно отражающіе въ себѣ жизнь народную, какъ именно акты малороссійскіе. Это объясняется двумя причинами: а) судъ въ Малороссіи во второй половинѣ XVII в. былъ народнымъ, слѣдовательно всесословнымъ и вполне свободнымъ отъ мертвящаго формализма, и б) юридическая практика еще не успѣла выработать тѣхъ мертвящихъ канцелярскихъ формъ, благодаря которымъ самыя яркія проявленія жизни, пройдя черезъ протоколъ, на половину обезличиваются, поэтому протоколы малороссійскихъ судовъ, писанные народнымъ языкомъ, отличаются жизненностью.

До переворота Хмельницкаго въ Малороссіи, какъ и въ другихъ областяхъ южно-русскаго края, существовали суды: статутные—городскіе и земскіе (въ Кіевѣ, Черниговѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ и Стародубѣ) и магдебургскіе—магистратскіе и ратушные въ городахъ и мѣстечкахъ. Всѣ они были построены на сословномъ началѣ: суды статутные существовали почти исключительно для шляхтичей, магдебургскіе—для мѣщанъ. Существовалъ, кажется, и у козаковъ свой особый судъ, но о немъ пока еще ничего опредѣленнаго мы не знаемъ. Что же касается народной массы, то для нея не существовало специально организованнаго суда: посполитые, жившіе въ королевскихъ староствахъ, судились у старостъ или ихъ намѣстниковъ, (такъ было въ староствахъ: Черкасскомъ, Любецкомъ, Остерскомъ, Нѣжинскомъ и мн. др.), а тѣ, что жили на частно-владѣльческихъ земляхъ, были подчинены присуду своихъ „дѣдичей“ или ихъ старостъ и намѣстниковъ. Правда, сельское и деревенское населеніе въ маловажныхъ дѣлахъ судилось собственнымъ, народнымъ—„громадскимъ“ судомъ, соотвѣтствовавшимъ древнему „копному“ суду, еще и въ то время существовавшему на Волини и въ Кіевской Украинѣ, но государственная власть совершенно игнорировала „громадскій“ судъ, хотя „копный“ отчасти признавала. Когда Малороссія была освобождена и должна была вновь создавать себѣ формы гражданскаго быта, то ей нужно было прежде всего организовать судъ, такъ какъ старыя его формы не отвѣчали новымъ условіямъ обще-

ственной и политической жизни страны. Когда именно и какимъ законодательнымъ актомъ совершена была эта важная реформа—не извѣстно, но реформированные суды несомнѣнно функционировали въ Малороссіи еще при жизни Хмельницкаго. Въ общихъ чертахъ реформа состояла въ слѣдующемъ: а) городскіе и земскіе суды, а равно старостинскіе и частновладѣльческіе, были уничтожены, а вмѣсто нихъ учреждены были суды козацкіе: въ сотняхъ—сотенные, въ полковыхъ городахъ—полковые, и въ качествѣ высшей инстанціи, при гетманскомъ управленіи—судъ генеральный; б) существовавшіе до того времени въ Малороссіи магистратскіе и ратушные суды не только не подверглись той же участи, но получили еще большее распространеніе: теперь они встрѣчаются во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ только населеніе занималось торговлей и ремеслами; но такъ какъ сословный—мѣщанскій характеръ магистратскихъ и ратушныхъ судовъ не имѣлъ смысла въ безусловной Малороссіи, то эти суды не могли удержать прежней общности и скоро слились съ козацкими судами: въ сотняхъ—съ сотенными, въ полковыхъ городахъ—съ полковыми, хотя старинные магистраты въ маловажныхъ дѣлахъ часто дѣйствовали и безъ участія козацкой старшины; в) собственный юридическій кодексъ для малороссійскихъ судовъ, естественно, не могъ быть тотчасъ составленъ,—мысль о его составленіи возникла лишь въ началѣ XVIII ст., послѣ чего и было приступлено къ составленію свода „Малороссійскихъ правъ“; до того же времени (да и впослѣдствіи) малороссійскіе суды, какъ собственно козацкіе, такъ и магистратскіе и ратушные, въ равной мѣрѣ руководствовались Литовскимъ Статутомъ и Магдебургскимъ правомъ, но по большей части видоизмѣняли ихъ предписанія подъ вліяніемъ мѣстнаго обычнаго права или внутреннихъ понятій о справедливости. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что Литовскій Статутъ и Магдебургское право были удержаны единственно въ качествѣ юридической нормы при опредѣленіи рода наказаній за уголовные проступки и взысканій по тяжбамъ гражданскимъ; всѣ же прочія предписанія названныхъ кодек-

совъ, касавшіяся организаціи суда, порядка и формъ судопроизводства, вопросовъ о подсудности, правѣ апелляціи и т. под., не имѣли силы и были замѣнены новыми обычаями, нигдѣ, однако, не записанными. Судебныя засѣданія, какъ и въ прежнихъ судахъ, были всегда публичны и, какъ видно изъ протоколовъ, охотно были посѣщаемы; но это не была „публика“ въ современномъ значеніи, влекомая въ судъ лишь простымъ любопытствомъ: тогдашніе посѣтители шли въ судъ потому, что считали правосудіе актомъ общенароднымъ, и по мѣрѣ силъ старались оказывать ему содѣйствіе. Болѣе почетныя лица („защитныя персоны“) изъ числа присутствовавшихъ козаковъ и мѣщанъ были приглашаемы въ составъ суда и вмѣстѣ съ „урядовыми персонами“, т. е. присяжными судьями, участвовали въ совѣщаніяхъ при составленіи декретовъ. Но кромѣ того, каждый изъ присутствовавшихъ могъ безъ вызова заявить суду, что ему извѣстно по данному дѣлу. Если присутствовавшіе находили приговоръ слишкомъ суровымъ, они тутъ же ходатайствовали о его смягченіи, и такія ходатайства по большей части немедленно судомъ были удовлетворяемы. Порядокъ и формы судопроизводства отличались крайней простотой и патріархальностью. Все, что въ предписаніяхъ Статута и Магдебургскаго права отзывалось формализмомъ или создавало почву для казуистики, было отвергнуто: ни возныхъ, ни письменныхъ позвовъ, ни повѣренныхъ—ничего этого и въ поминѣ не было въ козацкихъ судахъ. За то въ нихъ практиковалось немало такихъ обычаевъ, о которыхъ не знаютъ ни Статутъ, ни Магдебургское право.

Такимъ же характеромъ простоты и отсутствіемъ канцелярскаго формализма отличаются и протоколы козацкихъ судовъ XVII ст. По формѣ ближе всего они подходятъ къ протоколамъ тогдашнихъ ратушныхъ судовъ, напимѣръ, Олыки, Ковля, Выжвы, та же въ нихъ и терминологія; но благодаря тому, что малороссійскія актовыя книги писались народнымъ языкомъ, онѣ тѣмъ самымъ выигрываютъ со стороны жизненности. Въ общемъ—это рядъ какъ бы стенографическихъ отчет-

товъ, только болѣе короткихъ. Писарь не передаетъ своими словами содержанія жалобы или свидѣтельскаго показанія, а буквально воспроизводитъ рѣчи участниковъ процесса, сохраняя всѣ характерныя особенности живого слова, съ разными подчасъ наивностями, записывая даже разнообразныя формы обращенія къ суду истца, отвѣтчика или свидѣтелей. Благодаря такому приему изложенія, актовыя книги козацкихъ судовъ обладаютъ необыкновенною силою увлекательности: ими положительно можно зачитываться, какъ реально-художественнымъ произведеніемъ. Передъ вами проходятъ словно живые люди XVII ст.; точно изъ фонографа, вы слышите ихъ подлинныя рѣчи, ощущаете какъ-бы дыханіе давно минувшей старины. И кого только нѣтъ въ этой волшебной панорамѣ! Благодаря единству суда, передъ вами мелькаютъ живыя тѣни изъ разныхъ слоевъ тогдашняго бессословнаго общества. Здѣсь вся Малороссія временъ Самойловича и Мазены,— правда, преимущественно въ лицѣ порочныхъ своихъ гражданъ; но и самыя ихъ пороки и преступленія нерѣдко такъ своеобразны, такъ рѣзко запечатлѣны характеромъ того оригинальнаго быта и вѣка!

И намъ казалось, что ничто не въ состояніи такъ непосредственно ввести читателя въ ту эпоху, какъ простой, безхитростный пересказъ болѣе характерныхъ процессовъ, сопровождаемый лишь необходимыми историко-бытовыми поясненіями. Мы старались выбрать такія дѣла, въ которыхъ раскрываются по возможности разнообразныя стороны и проявленія тогдашней жизни. Чтобы сохранить въ нашемъ пересказѣ то впечатлѣніе живой непосредственности, какое получается при чтеніи подлинныхъ книгъ, мы, слѣдуя приему тогдашнихъ писарей, приводимъ рѣчи дѣйствующихъ лицъ текстуально, какъ онѣ протоколированы, но чтобы не затруднить читателей-нефилологовъ, позволяемъ незначительныя текстуальныя измѣненія, именно—устраиваемъ немногія, явно книжныя выраженія и формы (въ томъ убѣжденіи, что они принадлежатъ писарю, а не записаны изъ народныхъ устъ) и замѣняемъ тогдашнее бессистемное правописаніе близкимъ къ современному. Поэтому приво-

димые нами во множествѣ образцы тогдашняго языка со стороны формъ и начертанія не удовлетворяютъ строгимъ требованіямъ филолога, которому рекомендуемъ обратиться къ подлиннымъ актамъ, но въ отношеніи лексическомъ они вполнѣ вѣрны подлинникамъ.

1. Убійство и грабежъ въ Самарскомъ монастырѣ.

Самарскій Николаевскій монастырь ¹⁾, исторія котораго столь неразрывно связана съ исторіей Запорожья, получилъ начало не ранѣе 1672 года; но точныхъ свѣдѣній о начальныхъ годахъ его существованія не имѣется. Довольно сказать, что первое документальное о немъ упоминаніе (въ письмахъ кошевыхъ) относится лишь къ 1691 году. Вообще же можно утверждать, что въ началѣ существованіе этого монастыря было эфемерно: монахи (преимущественно изъ бывшихъ съчевиковъ) то сходились въ него, то по разнымъ причинамъ разбѣгались. Прежде всего, имъ не было житья отъ татаръ; монастырь находился одинаково далеко какъ отъ южной границы гетманщины, такъ и отъ Сѣчи, и потому ничтожный татарскій загонъ всегда могъ разорить его раньше, чѣмъ придетъ помощь съ той или съ другой стороны. Правда, въ 1687 г. московскимъ правительствомъ былъ заложенъ на р. Самари, близъ монастыря, Богородицкій городокъ; но это была ничтожная крѣпость, съ незначительнымъ гарнизономъ, и на ея помощь нельзя было серьезно рассчитывать. При томъ же, надо вспомнить, какимъ бѣльмомъ на глазу у запорожцевъ служила Богородицкая крѣпость и какъ непріязненно они относились къ ея гарнизону; а Самарскіе иноки были плотью отъ плоти запорожцевъ и на все смотрѣли ихъ глазами. Но, кромѣ татарскихъ набѣговъ, монастырь постигали и другія бѣдствія. Въ 1690 г.

¹⁾ Близъ г. Новомосковска, Екатериносл. губ.; существуетъ и нынѣ.

въ іюлѣ появилась на Самари саранча, все истребила и своимъ трупомъ отравила воздухъ, отчего здѣсь открылся моръ, жертвою котораго сталъ игумень и многіе изъ братіи, остальные же въ страхѣ разбѣжались, такъ что къ осени въ монастырѣ осталось всего лишь три монаха, но и изъ нихъ два уѣхали зачѣмъ-то въ Ичню, оставивъ монастырь на попеченіе единственнаго брата, отца Авксентія, и при немъ стараго сѣчевика въ званіи послушника. Кромѣ этихъ двухъ лицъ, ни въ самомъ монастырѣ, ни близъ него не было ни одной живой души. Лишь изрѣдка сюда навѣдывались изъ ближнихъ зимовниковъ сѣчевики, оставшіеся для промысловъ, но и они опасались вступать въ зараженную обитель.

Къ этому именно времени относится кровавый эпизодъ, живыя подробности котораго сохранились въ актахъ полтавскаго полкового суда.

Въ Нехворощанскомъ монастырѣ ¹⁾ проживали въ числѣ послушниковъ нѣкто Иванъ Петренко и Петро Винникъ. Первый былъ раньше „кравцемъ“ (портнымъ) въ Соколкѣ, а другою, безродный „нетяга“, съ молодыхъ лѣтъ служилъ по „выннцяхъ“ (на винокурняхъ), отчего и получилъ свое прозвище, такъ какъ фамильнаго у него не было. При всей простотѣ и несложности экономической жизни тогдашней Малороссіи, въ ней было всегда много субъектовъ, по разнымъ причинамъ не умѣвшихъ пристроиться ни къ какому опредѣленному дѣлу или же легко выбывавшихся изъ жизненной колеи. Ихъ такъ и именовали: „неробочіе“, „культай“. Изъ такихъ неудачниковъ въ военное время легко рекрутировались охотницкіе полки и запорожскія „ватаги“, а когда войны не было, они „тягались“ по винокурненнымъ, пивовареннымъ и селитреннымъ заво-

1) Нехвороща—тогда сотенный городъ Полтавскаго полка, нынѣ мѣстечко Константинагр. у. Тамъ находился Успенскій монастырь, основанный одновременно съ Самарскимъ и закрытый въ 1786 г.

дамъ, а болѣе отважные пускались на легкую, хотя опасную „добычь“ въ качествѣ „прыбышовъ“ (разбойниковъ). Наши новые знакомцы Петренко и Винникъ пока избрали средній терминъ—поступили въ монастырь, гдѣ ихъ охотно приняли, какъ мастеровыхъ людей, возложивъ на нихъ и „послушаніе“, соответственно ихъ прежнимъ занятіямъ: Петренко обшиваль братію, а Петро Винникъ работалъ на монастырской винокурнѣ. „Но скученъ миръ однообразный сердцама, рожденнымъ для войны“, такъ и нашимъ „не тягамъ“ не могло прійтись по вкусу ипотечское безмолвіе, ночныя бдѣнія, а паче всего воздержаніе и обязательный трудъ. Имъ мерещилась иная жизнь—сытая, пьяная и привольная; но для такой жизни нужно много денегъ, а ихъ не заработаешь столько честнымъ трудомъ. Вотъ если бъ подвернулся счастливый случай, легкая „добычь“!

И вотъ имъ показалось, что такой случай представился. Въ ихъ монастырь пришли два брата изъ Самари и повѣдали горестную вѣсть, что тамъ свирѣпствуетъ ужасный моръ, игумень и многіе изъ братій умерли, остальные разбѣжались, а самая обитель со всѣмъ ея имуществомъ и казной оставлена впустѣ, и никто не смѣетъ войти въ нее изъ страха заразы. Петренко и Винникъ разомъ овладѣла преступная мысль.— „А много ли казны осталось въ монастырѣ“? спрашивали они пришельцевъ. Тѣ въ точности этого не знали, но полагали, что очень много, а добра всякаго—серебряной посуды, шелковыхъ матерій, турецкихъ платковъ, поясовъ и не перечестъ: запорожцы любили свою обитель и щедро одѣляли ее всѣмъ, что ни посылалъ имъ Господь на сушѣ и на морѣ, въ татарскихъ и турецкихъ земляхъ. И вотъ Петро Винникъ, какъ болѣе опытный въ такихъ дѣлахъ, сталъ подговаривать товарища отправиться на легкую и богатую „добычь“ въ Самарскій монастырь. Петренко не долго колебался, и въ ближайшую ночь, въ началѣ октября 1690 г. оба они исчезли изъ Нехворочи. Предпріятіе казалось имъ очень легкимъ и безопаснымъ: вѣдь монастырь совершенно пустъ, къ нему бояться даже приблизиться,—кто же помѣшаетъ имъ похозяйничать тамъ, какъ дома? Когда они

пришли на Самарь, тамъ дѣйствительно на всемъ лежала печать заброшенности и запустѣнія, но монастырь не былъ все-таки совершенно оставленъ: въ немъ обитали старецъ Авксентій и при немъ послушникъ, престарѣлый сѣчевикъ Ѳеодоръ. Это значительно разстраивало планы нашихъ добычниковъ, но отступать было уже поздно. Они сдѣлали видъ, будто пришли съ намѣреніемъ вступить въ число братіи опустѣлаго монастыря; конечно, ихъ приняли очень охотно. А на четвертый день послѣ этого Петренко и Винникъ вѣроломно убили пріютившихъ ихъ старцевъ, ограбили монастырскую казну, взяли немалую сумму наличныхъ денегъ и какія нашли цѣнныя вещи и оставили монастырь на этотъ разъ совершенною „пусткою“, съ двумя непогребенными трупами. Убійцы были столь безпечны, что возвратились снова въ Нехворощу, гдѣ ихъ, конечно, тотчасъ и накрыли. Имъ не удалось воспользоваться ни одной полушкой изъ своей „добычи“, такъ какъ путь изъ Самари до самой Нехворощи проходилъ совершенной пустыней, и они съ деньгами умирали отъ голода. Отобранныя у нихъ вещи ясно указывали на то, гдѣ они ихъ добыли; да они, впрочемъ, и не думали таиться и при первомъ допросѣ во всемъ повинились. Мѣстный сотникъ арестовалъ ихъ и подъ конвоемъ отослалъ въ Полтаву.

18 октября происходило первое засѣданіе полкового суда по дѣлу объ этихъ „квалтовникахъ и запамяталыхъ забойцахъ“, привлечшее въ зданіе ратуши многочисленную публику. Съ нихъ стали снимать допросъ, при чемъ они „сами добровольно злость свою визнавали, повидаячы: „Грихъ то насъ, панове, смертельный такъ спиткавъ, що мы невинныхъ душъ позабывалисьмо въ монастыри святого Ньколы Самарскимъ“. Первымъ былъ допрошенъ Иванъ Петренко, давшій такое показаніе:

— Булы мы въ товариствѣ въ монастыри Нехворощанскому, я бувъ послушныкомъ, а Петро вынныкомъ. И ставъ мене Петро намовляты: „Ходимъ, мовыть, на добычъ на Самарь, до монастыра тамошнёго“. Я килькокротне зборонявся, не прыступаючы на ти ёго слова, а налотимъ, давшыся намовыты,

пйшысьмо обьдва до монастыра Самарского и прожыльсьмо тамъ днйвъ чотыри; я жъ заставаъ пры козаку, который въ тимъ же монастыри бувъ послушныкъ, а Петро пры чернци, въ еднй целіи (кельи). А такъ мени Петро мовывъ: „напередъ ты козака вбйи, а вбывшы прыйды до мене, скажешъ мени висть о смерти ёго, а я того-жъ часу убью чернца“. Съ которой Петровои порады вбывъ я ночной поры того козака, вже спячого, обухомъ въ голову, и свичка свитылася, а по вбютю, взяшы свичку, пйшовъ до Петра, ажъ Петро стоить зъ чернцемъ у пекарни. Такъ тоди Петро тымъ же обухомъ стоячого чернца вдарывшы въ голову, обвалывъ на землю и ставъ взаты, пыткаючысь грошей. А той небожчыкъ чернецъ сказаъ: „гроши у скрыни, въ трапези“. Тоди одбывшы тую скрыню, найшысьмо въ ній готовыхъ грошей трыста золотыхъ, кубокъ срибный церковный, жупанивъ чотыри, шапокъ кунихъ такожь чтыри, поясивъ шовковыхъ малыхъ два, и третій блакытныи бильшій, хустокъ турецькыхъ пять, кытайыи жовтой штука и запаска червоная кытайчаная. Зъ тымъ всимы ричамы пйшысьмо зъ Самарского монастыра, и прыйшовшы до Кильчени ¹⁾, подлыльсьмося въ ривный диль, и въ Нехворощу прыбулы, де насъ панъ сотныкъ пймавшы, ти вси помененныи ричи и гроши одибравъ одъ насъ“.

Другой „забойця“, Петро Винныкъ началъ такъ:

— Панове, власне було, якъ повидаетъ Иванъ, товаришъ мій“,—и затѣмъ буквально повторилъ его разсказъ, прибавивъ лишь слѣдующую подробность объ убійствѣ имъ старца Авксентія: „Винъ же, небожчыкъ, руки и ноги мои цилуючы, для мылостывого Бога просывся, абы я ёго не забываъ; однакъ я, не глядячы на ёго прозббу, зглядывъ ёго своими руками зъ сѣго свита“. Свое показаніе Петро такъ закончилъ: „Поты моеи повисты; хочъ и на той свитѣ пйду, бильше мене не пытайте: остатнюю правду вамъ повидаю“.

1) Рѣка въ Новомосковскомъ у., правый притокъ Самари.

Судъ велѣлъ записать „добровольнее признанія тыхъ збродивъ“, а ихъ самихъ отвести въ тюрьму, „покиль хто за почыненя того забойства не одзовется стороною акторскою“, т. е. пока явится обвинитель или же лице, потерпѣвшее отъ даннаго преступленія.

Но черезъ два дня судъ снова вызвалъ обвиняемыхъ и, не довольствуясь ихъ добровольнымъ сознаниемъ, велѣлъ ихъ „на квестію (иначе: „на пробу“, „на спытку“) даты, допытующьсь“, не взяли-ли они въ Самарскомъ монастырѣ еще какихъ-либо вещей, „або товариства зъ собою бильше чы не малы“. Иванъ Петренко былъ пытавъ троекратнымъ приложеніемъ раскаленнаго желѣза, а Петро Винникъ „звычайною мистровскою пробою трикотною“, т. е. дыбою. Оба они утверждали прежнее показаніе: ничего больше изъ монастыря не брали и въ „товаристві“ съ ними никого не было. „Вже мени—прибавлялъ Петро—приходьтъ часъ на той свить иты: самую правду вамъ повідаю“.

Лишь въ началѣ ноября „отозвалася акторская сторона“ въ лицѣ прибывшаго въ Полтаву „честного отца Веніамина, законника монастыря Самарского“. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ изъ Сѣчи козакъ Васько съ „товариствомъ“, присланный въ качествѣ представителя Войска Запорожскаго низового, считавшаго себя патрономъ и ктиторомъ Самарской обители. Когда открылось засѣданіе полкового суда и были введены подсудимые, отецъ Веніаминъ, какъ главный истецъ и обвинитель, держалъ такую рѣчь:

— Панове! Оныи запамятамы и Бога небоячіися люде монастырѣ пашъ кривью невынною осквернылы, брата мого отца Авксентія убывшы и послушныка зъ нымъ Ѳедора, побралы гроши, що тамъ було, и иншіи речи. Нехай бы незбожыныкы, худобу тую забравшы, жывыхъ ихъ въ монастыру оставылы,—меншая бъ то скорбъ була; а то знялыся имъ руки, безбожынкамъ, погубыты невыныны души. По моровій плядзи (бѣдствіи, карѣ), якъ по Божимъ доущеніи черезъ той же моръ превелебный въ Богу отецъ игумень нашъ зъ братією зъ

сѣго свита пійты мусилы, тоди мы остались тры насъ тилько въ монастыри. Я жь для нужной потреби поихавъ бувъ зъ монастыра до Ични, а ё о, отца Авксентія небожчыка, зоставывъ въ монастыри съ послушныкомъ Ѳедоромъ, въ которій дорози одно часъ не по тому бувъ, а друге—все на мысль прыпадае вертатыся до монастыра Самарского назадъ; такъ я и вернувся зъ другимъ братомъ, который теперь въ Сичи. Прыхалысьмо въ Самарь, до монастыра, ажъ выйшовъ до насъ козакъ той, що монастырскіи посудкы (снасти) на ловъ рыбный беретъ, и ставъ до насъ мовыты: „Отцеве честныи! Прышовъ я тилько що зъ куреня въ монастыръ, ажъ померъ, знаты, зъ мору отецъ Авксентій, и послушныка Хведора нема. Да тутъ було и два чоловикы, казалыся съ Полтавы, а нема ихъ теперь: десь-то небожчыкъ ихъ пославъ“. Чуючы одъ козака такую мову, звонтпылемся (я не рѣшился) зъ другимъ братомъ и въ монастыръ иты, а потимъ тее не въ певности стало: тыи люде, що зъ Полтавы меновалыся, де бѣ милы буты посланыи? Тыхо прышовшы я въ монастыръ, викино видсунувъ въ целіи; виконьця впала на землю. Глянупо—ажъ послушныкъ, небожчыкъ Ѳедоръ, лежытъ, голова ёму напывъ перегята. Потимъ прышлы мы до целіи, де чернець бувъ, ажъ небожчыка убыто и голову у пологъ уверчено, той пологъ увесь кривавый, у голови два раны великыхъ, сокырою протятыхъ, було, а плечи и груди одъ обуха вси збыты zostалы. Обачывшы мы тее забойство, оддыхалы въ Новобогородычынъ, а съ потребу возивъ наняшы, прыхалы въ монастыръ и все, що було, въ городъ Новобогородычынъ позабиралы. Правда, въ церкви святій церковныхъ ричей ничего не брано, тилько, якъ чую есть запысано, скрыню одбыто въ трапези и гроши, и що було пры грошихъ, все побрано. О которыхъ квалтовныкахъ и забойцяхъ вже въ Новобогородычынимъ вчувъ я, що вони есть тутъ, въ полтавскимъ вязеню, зъ якихъ запамяталыхъ людей прошу мылостей вашихъ святой справедливости“.

Козакъ Васько и его товарищи, делегаты Запорожья, заявили, что они съ своей стороны „попырають (поддерживаютъ)

тую жъ справу“, и именемъ кошевого и всего Войска Запорожскаго низового просили „скутечнои справедливости зъ тыхъ домови Божому квалтовныкивъ и душъ людскихъ забойцивъ“.

Слово еще разъ было предоставлено обвиняемымъ, не сообщать ли они еще чего-либо, касающагося совершеннаго ими преступленія, но отъ нихъ послѣдовала лишь слѣдующая „отповидь“:

— Вже, панове, покилькочротне до того свого злого учинку признавалисьмося, такъ и теперъ тее жъ повидаемъ: я, Иванъ Петренко, вбивъ послушныка Хведора обухомъ, а я, Петро, черница до смерти приправивъ; а якъ въ той монастырь Самарскій прийшлысьмо, есть мылостямъ вашимъ достатечне видно зъ признатя нашего“.

Судъ нашель, что „все слушны доводы“, т. е. уличающія обстоятельства, достаточно разъяснены, и приступилъ къ составленію декрета. Этому предшествовала „судовая порада“ (совѣтъ), на которой „все згодне одынъ къ другому склонившыся“, судьи „удалися до книгъ Статуту Литовского“ и нашли въ раздѣлѣ одиннадцатомъ артикулъ третій „о квалтѣ церковъ Божіихъ набоженства христіанскаго“, гласящій: „если бы хто, квалтовне на церковъ Божую найшовшы, кого забилъ, тотъ горло тратить“. Это наказаніе показалось судьямъ недостаточно строгимъ для даннаго случая, и они остановились на 18 артикулѣ того же раздѣла: „хто кого молчкомъ потаемене ножемъ и якою иншою бронью на улицѣ, въ дому албо въ коморцѣ забьетъ, таковый срокгою карностью, четвертованьемъ зъ свѣта маеть быти зглаженъ“. Къ такой именно казни судьи и приговорили Петренка и Винника.

Но въ это время отецъ Веніаминъ заявилъ домогательство, чтобы осужденные еще разъ были даны „на квестію“: онъ не зналъ навѣрное, „чы много тыхъ всихъ грошей було въ скрыни у трапези“, и хотѣлъ, чтобы это было ему выяснено. Судьи хотя и находили вторичную пытку излишней послѣ произнесенія декрета, и безъ того опредѣлившаго осужденнымъ очень „срокгою карность“, но не захотѣли отказать „акторской сторонѣ“

въ ея домогательствѣ. Преступники быди отведены въ тюрьму и тамъ снова подвергнуты „спытцѣ“ при помощи „сродзе распаленого“ желѣза, въ присутствіи отца Веніамина, который, по принятому обычаю, обязанъ былъ лично задавать пытаемымъ вопросы. Отвѣты получились прежніе: „не бильшь, тилько таляривъ сто (иначе 300 золотыхъ) було, тыхъ грошей, которыми въ ривный диль на Кильчени подилылысьмо. На той вже свить идемо, остатнюю повидаемъ правду“.

„По спытцѣ оной (заключаетъ протоколъ) тие квалтовники и забойци огъ мистровыхъ рукъ четвертованямъ зъ сего свѣта пойшли“. Протоколъ не упоминаетъ о мѣстѣ совершенія казни, но она обычно происходила на площади базарной, въ присутствіи толпы народа.

Отобранныя отъ преступниковъ деньги и вещи были отданы отцу Веніамину, „яко сторонѣ акторской“, съ тѣмъ, чтобы онъ то и другое „мѣсцу святому, до монастыра Самарского вернулъ“. При отдачѣ денегъ вышелъ немалый конфузъ: преступники и добровольно, и на пыткѣ твердили, что у нихъ было отобрано сто таларовъ, или триста золотыхъ, а въ наличности ихъ оказалось всего двѣсти золотыхъ и то еще „безъ пяти копъ“. Судьи объясняли этотъ недочетъ тѣмъ, „що тыи гроши черезъ розніе руки ишли“, при томъ же о. Веніаминъ и самъ навѣрное не зналъ, „чи много ихъ всѣхъ було, нѣмъ (пока) пану сотникови подано“. Впрочемъ, заключилъ судъ, это обстоятельство „на увазѣ панской (т. е. полковника) належати маеть“.

2. П р ы б ы ш и.

Герои Самарской „трагедіи“ Петренко и Винникъ, какъ мы видѣли, принадлежали къ категоріи тѣхъ „веробочыхъ“ людей, или „гультяевъ“, которымъ тягостенъ былъ скромный повседневный трудъ пахаря или ремесленника; имъ все мерещилась легкая „добыча“, которая доставляла бы неизсякаемыя средства для беззаботной, разгульной жизни. Къ такому „добычничеству“

малороссъ XVII ст. легко могъ пріучиться самымъ ходомъ политическихъ событій на своей родинѣ: не говоря уже о запорожцахъ, постоянно предпринимавшихъ морскіе и сухопутные походы за добычей, стоитъ вспомнить безконечныя войны, долго не прекращавшіяся въ Малороссіи, когда козакъ возвращался съ похода, обремененный богатою добычею, и беззаботно пропивалъ талеры и дукаты и за безцѣнокъ сбывалъ дорогую утварь, платье и оружіе, увѣренный, что скоро предстоитъ новый походъ, и онъ снова легко добудетъ этого добра, сколько пожелаетъ. Когда войны сдѣлались рѣже, а походы въ чужія государства, какъ раньше въ Молдавію и Польшу, и вовсе прекратились, пріобрѣтенная долгими годами страсть къ добычничеству или спорадически проявлялась въ такихъ дикихъ взрывахъ, какъ массовые „рабунки“ богатыхъ и значныхъ въ 1687 г., послѣ низложенія Самойловича, или же принимали хроническую форму „прыбшества“, т. е. разбоевъ. Любители легкой наживы, „прыбши“ соединялись въ небольшія шайки, укрывались въ лѣсахъ, при большихъ дорогахъ и рѣчныхъ переправахъ, и грабили и убивали проезжихъ. Почему-то преимущественно жертвами ихъ свирѣпства являлись „московскіе люди“, торговцы и даже военные, приходившіе въ Малороссію съ своими воеводами. „Прыбши“ имѣли своихъ пристанодержателей, укрывателей и сбытчиковъ награбленной добычи. Для отвода глазъ они нерѣдко накупали рыбы или дегтя и пускались въ торговлю, въ прасольство или на другіе промыслы, но главнымъ, профессиональнымъ ихъ занятіемъ все-таки было воровство и разбой. Легко добывая деньги, они такъ же легкомысленно и растрачивали ихъ: на базарахъ, на ярмаркахъ водили за собою музыкантовъ, поили и угощали перваго встрѣчнаго и съ напускнымъ равнодушіемъ не берегли ни мало своихъ кармазиновыхъ жупановъ и цвѣтной обуви, чѣмъ нерѣдко и выдавали свое профессиональное занятіе. Казалось бы, что, при отсутствіи организованной полиціи, при безусловной свободѣ занятій и передвиженія населенія, при отсутствіи даже намека на что-нибудь въ родѣ паспортовъ, приписки къ обществу и другихъ мѣръ современнаго полицей-

скаго контроля, трудно, даже невозможно было властямъ успѣшно бороться съ этимъ ужаснымъ зломъ—разбоемъ; но, просматривая декреты тогдашнихъ малороссійскихъ судовъ, мы поражаемся сравнительною малочисленностью дѣлъ о разбояхъ и на каждомъ шагу находимъ доказательства, что власть отлично справлялась съ „прыбышами“ и, какъ говорится, держала ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Безъ сомнѣнія, этому отчасти должны были способствовать тѣ жестокия мѣры наказанія, какія тогда примѣнялись къ разбойникамъ, попадавшимъ въ руки правосудія: ихъ немилосердно вѣшали, а не то—отсѣкали по одной рукѣ и ногѣ или пятнали урѣзываніемъ носа, ушей, а при допросахъ жестокими пытками заставляли выдавать товарищей и соучастниковъ. Но лучшей и наиболѣе дѣйствительной гарантіей противъ чрезмѣрнаго размноженія разбоевъ, какъ и другихъ преступленій, служилъ живой, дѣятельный и неусыпный контроль самого общества надъ каждымъ изъ своихъ членовъ и та полная, завидная и для нашего времени солидарность между обществомъ и властью, какая неизмѣнно проявлялась, до крайней мѣрѣ въ области правосудія, въ дѣлѣ открытія и преслѣдованія преступниковъ. При малолюдности тогдашнихъ даже городскихъ поселеній, почти всѣ односельцы знали лично другъ друга, жизнь каждаго протекала у всѣхъ на виду, и не было возможности укрыться дурному поступку. Пословица же: „моя хата съ краю“, очевидно, сложилась впоследствии, при другихъ общественныхъ и административныхъ порядкахъ; во всякомъ случаѣ въ то время, о которомъ мы говоримъ, она рѣшительно не примѣнялась въ жизни. Не только тотъ, кто непосредственно терпѣлъ отъ даннаго преступленія, но и всякій, кто о немъ вѣдалъ или могъ навести на его слѣдъ, не стѣснялся обращаться къ содѣйствию власти или даже возбуждать противъ виновнаго судебное преслѣдованіе. Простота и патріархальность тогдашней юстиціи, отсутствіе тонкихъ, недоступныхъ простому разумѣнію юридическихъ формальностей, благопріятствовали этому въ полной мѣрѣ. Никто не опасался столь страшной впоследствии судебной волокиты, ибо таковой вовсе еще не было. Въ судебныхъ актахъ того времени можно указать

сотни дѣлъ по разнымъ уголовнымъ проступкамъ, возбужденныхъ совершенно посторонними, нимаю отъ нихъ не потерпѣвшими лицами. Мало того, благодаря гласности и публичности тогдашняго суда, при самомъ разборѣ даннаго дѣла изъ среды присутствующей въ судѣ публики то и дѣло выступали частныя лица и безъ всякаго стѣсненія уличали подсудимыхъ, если тѣ показывали неправду, и нерѣдко при этомъ сообщали суду очень важныя свѣдѣнія по данному дѣлу. Вотъ чѣмъ была сильна и страшна для преступниковъ тогдашняя юстиція въ Малороссіи; вотъ почему ея малочисленная администрація, даже не имѣвшая въ своемъ составѣ спеціально полицейскихъ органовъ, съ успѣхомъ обуздывала и во время накрывала любителей легкой „добычи“! Поэтому и самые разбои въ то время были довольно мелки и не такъ ужъ часты. Такія крупныя фигуры на этомъ поприщѣ, какъ знаменитый Гаркуша, формировались въ другое время, при другихъ условіяхъ.

Нижеслѣдующій пересказъ одного судебного процесса „орозныхъ прыбышахъ“ долженъ послужить живою иллюстраціею къ сказанному.

Въ августѣ 1688 года нѣкто Прокопъ Столчанинъ, житель полтавскій, бывши въ Решетиловѣ, обратилъ вниманіе мѣстной старшины на одного франтоватаго гуляку, который „марне копійками и ыншыми гришмы шафуетъ и подъячасъ въ кали въ сапьяновыхъ чоботихъ въ грязи ходыть“, и предложилъ задержать этого молодца „на выводъ, що бы винь мивь буты?“ Задержанный оказался Процыкомъ Стадниченкомъ, небезъизвѣстнымъ сотенной старшинѣ, такъ какъ онъ одно время проживалъ даже въ Решетиловѣ, занимаясь шинкарствомъ, потомъ неизвѣстно куда исчезъ, оставивъ по себѣ довольно темную память, какъ человѣкъ „чепевный“. На вопросъ, чѣмъ онъ теперь промышляетъ и откуда добылъ тѣ значительныя деньги, которыми такъ „марне шафуетъ“, Процыкъ не далъ удовлетворительнаго объясненія, и потому сотникъ рѣшилъ отправить его, какъ подозрительнаго

человѣка, въ Полтаву, гдѣ въ то время происходилъ большой розыскъ о пойманныхъ въ разныхъ мѣстахъ „прыбышахъ“, авось и Процыкъ окажется изъ этой же компаніи. Тамъ дѣйствительно нашлись между арестантами его давніе знакомцы, признавшіе въ Процыкѣ своего стараго компаньона; но самъ онъ упорно отрицалъ это и ни въ чемъ не хотѣлъ сознаться.

Насталъ день разбора этого дѣла въ полковомъ судѣ. Въ числѣ другихъ подсудимыхъ, призванъ былъ къ допросу Процыкъ; онъ и на судѣ продолжалъ отрицать свою виновность не только въ разбоѣ, но и въ какомъ бы то ни было преступленіи. Но въ это время изъ публики выступилъ „значный товарышъ“ панъ Тимошъ Гаевскій и сказалъ:

— Панове! Я заразъ признавъ того неробочого, прыбыша Процыка. Хиба-жъ я—продолжалъ онъ, уже обращаясь къ подсудимому—не видаю досконале о твоихъ нецнотахъ? Якъ бувъ я высланнымъ (командированнымъ) одъ бувшого полковныка Семеновыча въ Новимъ-Санджарови, а ты самочвартъ съ прыбышамы въ кунця Краснокуцкогo орихы зъ воза выкралы-сте и и орихы ты волоскіи михомъ носылы-сте въ Старый-Санджаривъ, продаючи чумакови, и того чумака, якъ злодія, за ты орихы карано, и шкуру возовую поризалы-сте, явный злодію. Я жъ тебе хотивъ за те караты, а ты просывся и подыймовався добрымъ буты, и за упрошениямъ твоимъ давъ я тоби кобенякъ, убрания и шапку. И ты, нецното, зрадывъ мене: побравшы мою одежу, знову въ тимъ же есы прыбыстви. Де жъ ты, нецното, грошей тилько мивъ набраты? Ты явный злодій!

Процыкъ ничего не отвѣтилъ на эту обвинительную рѣчь пана Гаевского.

А тутъ поднялся полтавскій мѣщанинъ Марко Тесля, „зацная персона“, и такъ „повидавъ“:

— Панове! Того запамяталого ризуна людского, прыбыша Процыка Стадныченка новосанджаривского зъ грихомъ вамъ ёго жывыты (оставлять въ живыхъ) для велыкыхъ шкодъ, яки винъ плодыть, по ризныхъ мисцяхъ, по рикахъ, въ лисахъ людей мордуючы. Отъ и прошлого року, пидъ часъ походу вѣйскового,

въ стороживъ, въ пасици чернецькій, мнозство винъ съ прыбышамы людей руськихъ¹⁾ поризалы, тилько копійкы и оружя доброе одбыраючы. А въ монастыру часто бувають зимою, бо зъ Паськомъ шынкаремъ товариство міють. А якъ Процькъ зъ вязеня полтавского втикъ, много винъ въ ровняхъ (въ степяхъ), въ рикахъ людей невынныхъ помучылы зъ Кыктемъ и зъ Чутомъ, которыи Кыкотъ и Чуть и теперъ зъ прыбышамы самоцвартъ въ стинци²⁾ Билыцькій застають, а сей Процькъ, товаришь Кыктивъ и Чутивъ, для славы будто въ торговлю кынувся, шафуючы скарбомъ людскымъ, которого скарбу прыбыствомъ, людей невынныхъ рижучы, добулы. Увесь Подоль нашъ, пидъ монастыремъ, досконале о тимъ свидомъ. Той же Процькъ уже тры разы въ мистра (палача) въ рукахъ бувавъ, а все зъ вязеня втикаеть. Билшыхъ злостей Процьковыхъ не можно выповисты. Тое вамъ истотне повидаю. Знаеть же Процька и братъ Паськивъ ридный Самойло (одинъ изъ подсудимыхъ), бо вони зъ тымъ Самойломъ изъ вязеня полтавского втекли, а напотимъ чоловика заризавшы, кони и возы побралы. Я жъ самъ и піймавъ сѣго Процька, злодія, зъ конемъ и зъ возомъ и зъ хомутомъ и давъ въ двирь ёго мылосты панови полковныкови въ Полтави. А послѣ того знову вони въ ричкахъ, по розныхъ мисцяхъ, людей розбываючы, шкоды строили“.

Далѣ „обизвався“ Левко Хлибенко, козакъ полтавскій, и обращаясь къ Процьку, такъ „мовилъ“:

— „Азажъ (развѣ) ты, злодію, съ прыбышамы не прыходывъ пидъ мою кимнату, хтячы кимнатное окно открутыты? А мене сторожъ дворовый остеригъ, такъ я выбигъ на мій двирь, ажъ ты и твое товариство, втикаючы черезъ перелазъ, одбиглы со-

1) Рѣчь идетъ о первомъ Голыцынскомъ походѣ въ Крымъ въ 1687 г. Монастырь разумѣется полтавскій. Любопытно, что великороссовъ и въ то время, какъ и нынѣ, именовали въ Малороссіи «руськими». И въ «протокулѣ» Стародубскаго магистрата 1690 г. великороссіяне именуется нерѣдко «людьми руськои породы».

2) *Стинка* — гора, поросшая лѣсомъ.

кырку, которая и теперь при менн застаеть, а тебе, злодію, піймавъ я въ тиви мисячній пидь кимнатою, и ты зь рукъ моихъ втикъ. Оповищавъ я твою злость сусидомъ и прытелемъ моимъ Иваномъ Красноперычомъ».

Наконецъ отозвалась нѣкая Палажка Кунтушивна и „доброволне сама на себе тое вызнала“:

— А що жь, панове, якъ шынквала я въ пана Якова Перехрысты, добре ся знала съ прыбышамы, а зь симъ Процыкомъ прыбышомъ и дытмну соби прыплодыла, которое дытя и вмерло“.

Имѣя противъ себя цѣлый сонмъ свидѣтелей и уличителей, поколебался въ своемъ упорствѣ Процыкъ „неробочый“ и такъ „доброволне самъ на себе вызналъ“:

— А що жь, панове, рикъ тому будетъ о святій Цокрови, якъ я на ярмарку въ Нижыни вкравъ въ купця московского шистъ сотъ золотыхъ и тьи гроши марне пошафовавъ, пустывшиися до чумацтва, хтивъ горилкою шынкваты, и домъ купывъ бувъ соби у Решетыловци; а що ся грошенячь zostало, позычывъ Савци Лытвынови Орлинскому¹⁾ копіекъ десять золотыхъ, чехивъ симъ копъ, ножны на сафьяни пидь сребромъ и зь ланцупшомъ срибнымъ давъ Савци до спрату; але Савка о моихъ злостяхъ не видаеть. До того купывъ я дѣгтю пивторы бочки и рыбы вялои пивъ-пяты головы, и еще въ Савкы моихъ тры михы борошна пшеничного и жытного михивъ два. Остатнюю вамъ правду повидаю, хочъ уже и на той свить пійду“.

Перешли къ другимъ обвиняемымъ. Стали допрашивать Самойла, пріятеля Процыка. Противъ него выступилъ обвинителемъ братъ его Пасько, говоря такъ:

— Панове! Маю певныи ведомости, що Самойло, рожовый братъ мій, съ прыбышамы туляючыся по розныхъ мисцяхъ, чыгаеть (подстерегаетъ) прыправыты мене о смерть и всю домивку мою росшарпаты. Оповищавъ я тое непеоднокротне

¹⁾ Т. е. жителю г. Орла, что нынѣ мѣст. Орлицъ, кобеляцкаго уѣзда.

паномъ Иваномъ Красноперычомъ¹⁾ що на мое здоровья рожонный братъ мій непріятельско наступуетъ. Въ день и въ ночи завжды zostaю въ осторожности. А въ тимъ мене остеригъ Борисъ, такий же прыбышъ, товаришъ Самойливъ“.

Самойло отрицалъ это, но противъ него „обозвался“ одинъ изъ подсудимыхъ, тотъ самый Борисъ, на котораго ссылался Пасько:

— Чого ся, Самойло, таишь? А же ты вправди тую злость хтивъ надъ братомъ твоимъ пополниты! Я твій товаришъ, и съ тобою вкралысьмо коней трое на броду Буцкого, на Коломаку, и съ того броду привелысьмо тии кони на Рудное три насъ“.

Слѣдующіе три „злочинци“, Нычпоръ Мырошныкъ, Яковъ Шабатура и Павло „прыбышъ“ „самы злость свою доброволне вызнали“. Нычпоръ за всѣхъ держалъ рѣчь:

— А що жъ, панове, бувъ и я пры товариству, якъ матку Матвіеву мучено, допытуючыся сукна и грошей; я до той злосты и прычывцею бувъ. А направляла насъ на тоє Каська шынкарка: „теперь, мовыть, батька Матвіевого нема, пишовъ до Кыива, а самъ Матвій у війську, —тамъ теперъ добудетеса“, и на ей повистъ тую злость справылысьмо. Вправди, ничого-сьмо въ неи не пропылы“.

По справкѣ оказалось, что двое изъ этой компаніи побывали уже въ „рукахъ мистровыхъ“. У одного недоставало уха. Его спросили: гдѣ онъ уха „позбувся?“ Онъ откровенно отвѣтилъ:

— Я вуха ливого позбувъ за московскіи кони.

Судьи признали, что виновность „тыхъ явныхъ збродневъ, розбойниковъ и прыбышевъ“ вполнѣ доказана «и болшихъ доводовъ не потребуеть», и „по радѣ товарьской вгляпувши у право“, постановили декретъ: „не допускаючы злымъ на свити жыты и запобигаючы тому, абы ся тая злость въ городи и по селахъ

¹⁾ Иванъ Красноперычъ былъ тогда атаманомъ городовымъ въ Полтавѣ.

не діяла“, примѣнить къ подсудимымъ артикуль Магдебургскаго права, гласицій: „по квестіи злодѣй маєть быти обвѣшонъ“.

Когда осужденныхъ подвергли пыткѣ (черезъ троекратное приложеніе „сродзе распаленого“ желѣза), они стали выдавать своихъ приставодержателей и укрывателей добычи. Процыкъ „волаѣлъ: у отця мого есть двѣ бляси срибра и глекъ грошей, подилылысьмося зъ нымъ; въ Кобеляци, въ Мыколая Мирного жупанѣ фалендышовый и бочка борошна; зъ Афанасіемъ чернцемъ въ Коломаку зховалысьмо пидъ коморнымъ помостомъ, по правимъ боку отъ пекарни, саблю пидъ срибромъ янычарскую. въ Яська Бабенченка шабля пидъ ящуромъ. Хочъ и на той свить пійду, останю вамъ правду повѣдаю“.

Нѣкоторые изъ осужденныхъ подъ пыткой старались очистить тѣхъ, кого они напрасно раньше оговаривали: „Дмытро Кузубенко („волаѣлъ“ они) задный чоловикъ: винъ того злого дѣла ничего не видаеть, дармо на нѣго безчестя наволокли булы, а теперь ёго не хочемъ дармо каляты“.

Когда, послѣ пытки, осужденныхъ стали вести уже на висѣлицу, судъ двумъ изъ нихъ уменьшилъ кару: вмѣсто шибеницы, велѣлъ «тымъ розбойныкомъ каждому по одной рудѣ и по нозѣ втяты (отсѣчь), абы ся тая злость не множила».

Сомнительно, чтобы они были особенно рады такой милости.

Изъ этого пересказа можно убѣдиться, какъ мелки и незначительны были разбои въ то время. Какой-нибудь Процыкъ Стадниченко, въ сущности, является едва-ли не самою крупною фігурою въ ряду тогдашнихъ „прыбышевъ“. Но вотъ передъ нами судебный декретъ о пяти „прыбышахъ“, приговоренныхъ въ 1700 г. къ четвертованію. Судя по крайней строгости кары, можно бы думать, что ей подверглись какіе-нибудь страшные кровоіицы; а между тѣмъ ихъ преступленія состояли вотъ въ чемъ. Трое изъ нихъ забрались на пасѣку, на Коломакѣ, и стали мучить раскаленнымъ заступомъ старика-пасѣчника, допытываясь денегъ. Пасѣчникъ немедленно указалъ имъ все, что имѣлъ цѣннаго, и

разбойники взяли у него 70 золотыхъ, двѣ „ручницы“, нѣсколько круговъ воску, сермягу и ушли, оставивъ его въ живыхъ. Въ другой разъ они же забрались ночью въ хуторъ полтавскаго козака Стецька Сергіенка, о которомъ „чувалы, що у вѣго грошей много“. Его также подвергли пыткамъ, но сколько ни „пекли“, онъ твердилъ одно: „мои гроши по людяхъ: люде моими гришмы орудують“. Такъ ничего и не добились, хотя замучили его на смерть, а уходя, взяли воловью шкуру и порѣзали себѣ на „постолы“. Судъ нашель это преступленіе неслыханнымъ и такъ мотивировалъ свой суровый приговоръ: „Поневажъ вони, не памятаючи на Господа Бога, на право посполитое и на карность срокую, и не маючи литости (жалости) надъ чоловікомъ невыннымъ, безъ увагы оного мордовалы и до смерти спеклы, не мають вѣни и самы у суду мылосердія миты“,—и приговорилъ ихъ къ высшей мѣрѣ наказанія. Лишь одного изъ нихъ судъ помиловалъ въ послѣднюю минуту и то снисходя „на плачливую прозьбу честной госпожи игуменіи монастыра дивочого полтавскаго“, почему-то принявшей въ немъ близкое участіе.

Преступленіе двухъ другихъ прыбышовъ, приговоренныхъ къ тому же ужасному наказанію, было совсѣмъ уже обыкновеннымъ. Ъхали они зачѣмъ-то въ Чигринъ-Дуброву и остановились ночевать въ чужомъ пустомъ хуторѣ. На свою бѣду, туда же заѣхалъ для ночлега проѣзжіи челоуѣкъ. Они его соннаго застрѣлили изъ ружья, сняли съ него жупанъ „тузинковий“ (недорогого сукна), кожухъ, шаблю, взяли коня съ сѣдломъ, немного денегъ, а тѣло убитаго, „за хоромамы положывшы, очеретовыми двермы накрылы“.

3. Н е т я г и.

Осенью 1699 года въ Велико-Будицкой сотнѣ участились случаи кражъ и грабежей. Ни убійствъ, ни крупнаго разбоя еще не было, но только и слышно было—тамъ остановили въ лѣсу и ограбили проѣзжаго, тамъ обокрали комору, а тамъ за-

брались въ уединенный хуторъ и унесли съѣстные запасы. Всѣ говорили, что это пошаливаютъ не настоящіе „прыбыши“, а голодные „нетяги“. Такъ назывались бездомные бродяги, которые обыкновенно нанимались въ чернорабочіе, а потерявши службу, не знали чѣмъ жить и кормиться, уходили въ лѣса, искали товарищей и начинали промышлять на дорогахъ и въ чужихъ амбарахъ. На крупный разбой „нетяги“ обыкновенно не отваживались, но если во главѣ шайки становился опытный и смѣлый „ватажокъ“, то подъ его руководствомъ нетяги быстро могли переродиться въ настоящихъ „прыбышей“.

Въ концѣ октября мѣстному сотнику удалось накрыть шайку „нетягъ“ въ хуторѣ Будищскаго женскаго монастыря, и гдѣ-же? въ „господѣ“ атамана, гдѣ у нихъ была „складка“ добычи. Шайка состояла изъ шести человекъ, но поймано было только трое, а остальные вмѣстѣ съ „ватажкомъ“ ускользнули. Изъ имущества была захвачена лишь лошадь, „ручныця“ и кожухъ, принадлежавшіе „ватажку“.

Пойманныхъ „нетягъ“ препроводили въ Полтаву и предали полковому суду. Здѣсь выступила противъ нихъ и „акторская“, или „укривжоная сторона“. Нѣкій Панасъ, коваль изъ с. Петровки, жаловался, что ему отъ тѣхъ нетягъ „вчынвися погромъ на шляху добровольномъ Будянскомъ“: его обобрали дочиста и сняли съ чересомъ золотыхъ сорокъ „и въ капшущи“ на шеѣ золотыхъ „полсема“ (6¹/₂). Козакъ Хведоръ Шаравка, изъ с. Рыбцовъ, „скаржывся о выкраденю зъ коморы всеи зложенои худобы“. Велебный отецъ игумень Полтавскаго монастыря прислалъ двухъ законниковъ „зъ скаргою, що въ хутори ихъ, на Говтви, одѣ тыхъ нетягъ многи пакости почынылыся въ худоби, и що тамъ було для роботниківъ солонны, сала и пшона, все забрано, и еще на законныка, будучого тамъ на послушаніи, засидають, хотять ёго вбыты“.

Выслушавъ эти жалобы, судъ подвергъ подсудимыхъ допросу, и первому изъ нихъ, Хведору Василенку, былъ предложенъ вопросъ:

— Зъ якого ты города и якее есть дило твое и жытіе?

И тотъ „безъ жадного прымусу и страху и карана“ показаль:

— Я зъ Багачкы. Сёго лита до черныць приставъ: казаль мени, що по Дымытріи (26 октября) будешъ овецъ пасты, ажъ стало такъ, що овецъ не дано пасты. Тоди я, зъ нетагами знайшовшыся, добувалыся на шляху, и сёго коваля потрусилы и щось грошей въ нёго въ кашуци було—подилылыся и иншы ричи зъ воза и зъ нёго позабыралы; а о тыхъ грошихъ, якѣи, онъ говоритъ, булы въ череси, не знаю. А потимъ и другого чоловіка на тій же дорози, йихавъ зъ крейдою, розгромлы и борошна чотыри михы взялы, а ёго самого пустылы. Поты мои повисты“.

По той „испытци“ спрошенъ былъ о томъ же другой „нетяга Васылъ“, безъ прозвища, давшій такое показаніе:

— Родомъ я зъ Харькова. До Будыщъ прыйшовъ того року, якъ саранча ишла ¹⁾, а жытіе мое таке: въ людей служывъ, а теперь, недавно, знявшыся зъ нетагами, тому маеть буты недиль дви, якъ пробуваемо въ лиси, и то шышующы (sic), знайшовъ на шляху якогось Максима зъ Тахтавулова, зъ возомъ драбынчастымъ и зъ конемъ рыжымъ, а въ вози було уздъ чотыри и хомуть зайвий и дижечка лыповая зъ вичкомъ зъ водою, и тамъ той Максимъ на дорози безпечне огонь роскладавъ, которого я запытавъ: „Чому ты тутъ на шкюдливимъ мистци ставъ? Десь ты не маешь буты певный, бо добрый бы чоловікъ не стававъ тутъ“. И вишь мени одказавъ такъ: „Бачышь, пане брате, який я? Такой-же якъ и ты нетяга. Мене Иванъ Черняченко, сотныкъ полтавскій, у вязеню килько недиль державъ и бывъ, и я ледва выкрутыся одъ нёго. Уже мени у Полтаву и въ Тахтавуливъ невыдно, бо зловлять и вже не видаю, якъ попаду, чы й выйду знову видгиль. Отъ уже буду зъ нетагами пробуваъты, бо и теперь я въ попа якогось яблукъ накравъ и то возывъ въ Рубливку и въ Будыща про-

1) Т. въ 1690 году.

даваты“. И ставъ раиты мени, щобъ я зъ товариствомъ своимъ прыйшовъ до ёго на шляхъ, „бо я, мовыть, йдучы зъ города, глядивъ, хто будетъ за мною йхаты: матымемъ добычу добрую“. Я, послухавшы его, пишовъ и прививъ зъ собою чотырохъ чоловікъ нетягъ: сыхъ двоухъ, що тутъ ніймани, и другихъ двоухъ, що повтикалы зъ тымъ ватажкомъ Максимомъ,—я и йменя ихъ не знаю, бо не казалы свого йменя; и не забарывшысь, того жъ часу сёго коваля за ёго (Максымовымъ) приводомъ погромылы и другого затымъ, у которого борошна чотыри михы взяли; тилько жъ до грошей, що, мовыть коваль, въ череси малы буты, не знаю и не бачывъ. И до сей шкоды, що чернци жалуются, я признаюся: мы взяли въ ихъ хутори сало, полоть солонны и сорочку чорную, въ якую сорочку пшоно завязалы,—було изъ пидсытокъ, и тее все въ схованю остается у атамана чернычого въ Будыщахъ, у погреби, а о ыншихъ речахъ не знаю. Воля, панове, ваша зо мною, куды хотиты повернуты“.

Третій негяга, Васыль Кгрудзыченко сдѣлалъ такое „прывзятя“:

— Я зъ Будыщъ, у чернычого плуга всю осянь погонывъ, и одставшы одъ плуга, приставъ до сыхъ же гуляивъ тако-жъ недавно, передъ Дымытріемъ. Я, панове, безъ быття признаюся вамъ по правды, що того ватажка Тахтавулиевского мы вси слухалы и за ёго приводомъ у вечерь, на Дымытрія святого, сёго коваля розбылы, и що въ ёго було на вози и на нюмъ, побралы, объ чимъ вси знаютъ, о всихъ речахъ, де що подилося, тилко тыхъ грошей, яки на ковалевы булы, воны не знаютъ, бо я самъ зъ нёго, якъ шарпалы одержу, ухватывъ чересь зъ гришмы и тамъ свою пайку и тую, що зъ капшука подилылыся, укынувъ и закопавъ потай товариства пядь пня, недалеко одъ монастыра. Я ти гроши изнайду, колы извельте туда мене повесты,—вси цили; та и казанокъ ёго жъ покынувъ въ келарни. По тій шкоди другого чоловіка шарпалы, и я притомнымъ бувъ, въ которого борошно отняли, а бильше не видаю. Надъ сымъ насъ поймано троухъ, а тры зъ того погрому

втеклы. А того нашего ватажка кинь въ сотника Будыського и ручныця, а кожухъ у асаула; а складка наша у атамана маестности чернычой. Погы моеи повисты“.

Судъ призналъ „таковыхъ неробочыхъ людей“ виновными въ кражѣ и разбоѣ и, принимая мѣры къ тому, „абы такіи злости не шырылися межи народомъ хрыстіянскымъ“, рѣшилъ покарать ихъ по заслугѣ. „А вглянувши въ „Порядокъ“ права Магдебурского, который вказуетъ на листи 221 за такуюю роботу плату такимъ подобенствомъ: „зрайцу, розбойныка, лупеццу (грабителя) въ коло вплести“ (колесовать),—судьи признали такую кару слишкомъ суровой и предпочли мѣру наказания, предписанную въ Литовскомъ Статутѣ: „злодій, приведеный зъ лицемъ и правомъ переконанный, по квестіи маеть быти повѣшенъ“. Но и эту кару примѣнили не ко всѣмъ осужденнымъ: Васыля Кгрудзыченка, „который свою добычъ до рукъ господареви тому, въ кого розбылы, отдавъ“ судьи „пустили на поваляніе“; „а тыхъ двоухъ, по квестіи (пытѣ), велено на пыбеныцю выдаты, поручаючы ихъ души судови Божому“.

4. „Злодійская складна“.

Въ концѣ 1690 года въ с. Мачохахъ, недалеко отъ Полтавы, у бѣдной вдовы пономарки Гапки Яцыхи, „злодій“ обокрали комору и забрали все ея достояніе. Виновныхъ не удалось отереть, и дѣло грозило кануть въ вѣчность; но вскорости послѣ того въ с. Супруновкѣ былъ пойманъ на кражѣ чужихъ овецъ Климъ овчаръ, у котораго при обыскѣ оказалась плахта, похищенная въ числѣ другого имущества у Гапки пономарки. Естественно, его заподозрили и въ этой кражѣ, но онъ упорно отрицалъ свое участіе въ ней, хотя не скрывалъ, что ему вѣдомо, кто обокралъ Гапку: по его словамъ, это было дѣломъ рукъ воровской компаніи, состоявшей изъ членовъ семьи вдовы-козачки Марьи Педорчыхи: ея сына Харька, зятя Йосыла Хведченка, и нѣкоего Гаврыла овчара, незадолго передъ тѣмъ повѣшеннаго за овцекрадство; у

этого Гаврыла Климъ и купилъ будто-бы пономарчину плахту. Тамъ, въ сельцѣ Хведоркахъ (близъ Мачохъ), на пасѣкѣ Марьи Педорчыхи, была „злодійская складка“ и тайное убѣжище „прыбышивъ“, съ которыми ея сынъ и зять вмѣстѣ ходили на добычу.

По этому оговору позваны были въ полковой судъ Марья Педорчыха и ея сынъ Харько (зять не былъ разысканъ) и подвергнуты допросу. Оба они отрицали оговоръ, а Климъ такъ уличалъ ихъ:

— Чого ся, Хведорчыхо, таишь? Досконале о тимъ видаешъ, що я тоби очне повідаю, що въ пасици вашій сынъ твій Харько, міючи складку злодійскую, передержовавъ прыбышивъ. Южь того не можешъ ся втаиты!

На это Педорчыха „жадной одповиди не дала, тилько таилася, що яко-бы о тимъ не видаеть“. А неугомонный „Климъ веробочій подруге и потретье Педорчыси очне мовывъ.“

— Хиба жъ то неправда, Педорчыхо, що зять твій въ твоихъ же добрахъ добычъ злодійскую и самыхъ прыбышивъ передержувавъ, о чимъ есы добре видала, бо зъ твого дому й исты имъ ношено.

Но Педорчыха твердила одно:

— Не знаю о тимъ ничего, не видаю.

Тогда Климъ принялся за ея сына.

— Запамяталый Харьку, чого ся таишь? Передержувавъ ты въ пасици своій прыбышивъ и вси складки злодійскіи, о чимъ и matka твоя видаеть. Хочъ на той свить пиду, остатнюю вамъ правду повідаю.

Если бы Марья Педорчыха впрямь сознавала себя невинно оклеветанною, то она, „вносячы зъ себе потваръ“, должна была бы положить на столь шостакъ—плату палачу—и потребовать, чтобы Климъ, какъ явный „злодій“, не заслуживающій никакого довѣрія, немедленно подвергнуть былъ пыткѣ и на дыбѣ повторилъ клеветническія рѣчи. Но Педорчыха этого не сдѣлала. Тогда судъ, по собственной инициативѣ, велѣлъ Клима „на kwestію дати“, желая допытаться, „якъ власне (какъ именно) тыхъ покраденыхъ ричей лице—плахта ёму до рукъ досталася“. По-

званъ былъ палачъ и началъ связывать Климу руки, чтобы вести его на пытку. Тутъ Клима сталъ „волаты, мовячы:“

— Що хочете зо мною, панове, чините, а я вамъ одно повидаю, що Харько, Педорчышынъ сынъ, Йосыпъ Хведченко, зять Педорчышынъ, и Гаврыло вивчаръ, которого за Будыськи вивци обвишено,—а мене тоди зъ вязеня пущено и горломъ даровано,—тии до паламаркы выкрататы комору ходылы. О тимъ я видаю добре, бо колы я, купуючы у Гаврыла тую плахту за висимъ шагивъ, пытавъ ёго, де вона есть добута, тоди мени Гаврыло вивчаръ казавъ: „выкралысьмо, прави, въ Гапкы паламаркы комору тры насъ: я, Харько Педорчышынъ сынъ и Юсыпъ Хведченко. Самую вамъ правду, панове, повидаю, хочъ и на той свить пйду, бильше мя не пытайте!

Судьи велѣли записать Климово „признатя“, а его самого, „яко прылычного злодія“, все-таки приказали „на пробу попрывадыты“, Педорчыха же и ея сынъ, какъ лица оговоренныя Климомъ, должны были присутствовать при его истязаніи, чтобы онъ и на пыткѣ могъ имъ „очне“ (въ глаза) повторить оговоръ или же отречься отъ него. Тутъ Марья Педорчыха, какъ видно, очень нервная женщина, не выдержала роли и взволнованно заговорила:

— Не хочу я, панове, того, абы Клыма бувъ мучень: есть у мене чымъ покраденны ричи съ худобы нагородыты Гапци паламарци. Якъ першъ просыла-мъ, щобъ той злодій Клыма не бувъ на муку выданный, такъ и теперъ о тое прошу, и не хочу за нымъ туды иты, де винъ буде мучень. А що-сьмо зъ сыномъ проступылы, повинна я тое съ худобы своей одбуваты, и що въ хутори нашому прыбышивъ передержувалы-сьмо съ краденны ричама—не таюся я: есть то самая правда, съ которыми прыбышамы сынъ мій Харько и Юсыпъ, зять, хожовалы красты въ людей ризныхъ ричей.

Послѣ такого откровеннаго признанія судъ не сталъ продолжать слѣдствія и прямо приступилъ къ составленію приговора. Судьи признали „явное проступство Марьи Педорчыхи, що вона, видомость мючы о злодіяхъ, у своимъ хутори жыю-

чыхъ, не только щобъ могла объ оныхъ урядови даты знаты, але ще зъ дому еи, якъ признаеть Клымъ, йисты нимъ ношено, и сына свого Харька одъ той крадижи не завстягала“ (удерживала). Поэтому Харько, обокравшій вмѣстѣ съ другими „комору“ Гапки пономарки, согласно Статуту (разд. XIV, арт. 14), „годень есть обвинень буты на шыбеныци“; но судъ, „на молоды лета ёго респектъ міючы“, дароваль его „горломъ и назначенямъ члонковъ“, обявзавъ однако его съ матерью „за такъ значное проступство“ уплатить „вину панскую и врядовую“ и потерпѣвшую отъ его воровства Гапку пономарку „слушне нагородити и во всемъ успокоити“. Клима же овчара, какъ „приличного злодія“, судъ велѣлъ „одризанямъ носа скаравшы, зъ миста посторонкамы (веревками) выбыты“

Мѣсяць спустя въ тотъ же полковой судъ явилась Гапка Яцыха, пономарька, и заявила:

— Мила я, панове, значныи шкоды въ выкраденю худобы моеи и вывидалася по самій слушности, що Харько Педорченко тоєю жъ крадежею бавывся; за тое мя Марья Педорчыха передъ людьмы зацнымы, тамъ же, на сели Мачухахъ, угодыла и во всемъ перепросыла и поєднала, давшы мени готовыхъ грошей сорокъ золотыхъ, о чимъ и атестацію передъ мылостямы вашымы презентую.

А Марья Педорчыха къ этому прибавила:

— Такъ есть, панове: угодыла я на всемъ Яцыху паламарку за проступство сына мого Харька, що мылостямы вашымы нехай видномо буде, ижъ бысьмо (чтобы мы) въ симъ заводи правнымъ билыше не турбовалыся“.

Судъ велѣлъ прочеть „еднальвыи листъ“, составленный сторонами передъ Мачошскимъ атаманомъ, священниками и др. „зацнымы людьмы“. Тамъ было оговорено между прочимъ, что Яцыха пономарька впредъ „не буде турбоваты Марушкы Педорчыхы“ и ея сына Харька, „а оная Педорчыха не буде жадныхъ похвалокъ и посвару зъ Гапкою паламаркою чыныты“, а если одна изъ сторонъ вздумаетъ „заводъ сей правный взновляты,

должна будетъ за то на урядъ городовый полтавскій заплатить „заруку“ десять таларовъ.

Полковой судъ, съ своей стороны, наказалъ сторонамъ строго соблюдать условія мировой, а ихъ заявленія объ „угодѣ“ и „листъ еднальный“ велѣлъ внести въ актовую книгу. Но впоследствии эта запись въ книгѣ была зачеркнута, въ объясненіе чего писарь сдѣлалъ приписку: „Сия справа затерта есть по указу его милости пана Захарыя Шийкевича, посланого отъ е. м. вельможного пана гетмана у Полтаву для ферованя (рѣшенія) розныхъ справъ на тотъ часъ прилучающихся“. Очевидно, генеральный писарь, посылавшійся въ полковые суды для ревизій, призналъ мировую сдѣлку Недорчихи съ Гапкой противозаконной. Сопровождалось ли это привлеченіемъ Харька къ уголовной отвѣтственности за кражу—не знаемъ. Извѣстно только, что этотъ Харько, какъ и его младшій братъ Семенъ, и впоследствии ловился на кражахъ, но корыстолюбивый полковникъ Иванъ Искра обыкновенно „даровалъ ихъ карностью“, получая всякій разъ въ „вѣчную посессию“, въ видѣ „вины“ или „за добровольнымъ пущеньемъ“, то лѣсокъ, то грунтикъ, то иное угодые изъ числа ихъ „отцевскихъ добръ“.

Ор. Левицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДОЛЯ.

(Риздвяне оповидання).

Гей! а хто тамъ каже: „доли немає“? Хто каже: „доля—выгадки“?... Ты, Охриме? Та й чудный-же ты чоловікъ! Якъ-то „доли немає“? Якъ-то „доля—выгадки?“ Поспытайся краще мене, воли хочешъ дизнатися правды. Люде чы бачылы, чы ни, а я не разъ бачывъ іи своимы очыма, добре знаю, яка вона зъ себе и на зристь, и на масть, яка въ неи вдача, де вона и пробувае. Не вирыте? Я доли не бачывъ? Овва! Та я іи на рукахъ, якъ свою ридну дытну, носывъ, пидъ однією оселею жывъ, на своёму вози возывъ. А! та и неймовирный-же народъ! То-бъ-то я брешу? Горилкою очи залыло? Эге-жъ, горилкою! Отакъ и Хивря каже: „горилкою“, а спробуйте лышевъ выпыть барыло горилкы, чы побачыте долю? Ось спробуйте! Песы-головци, мыши червони, пивни безголови, сыройиды оти...—наше мисце свято!—ажъ кышитымутъ передъ очыма: й по подушкахъ, и по стинкахъ, и по сорочци плыгатымутъ, а доля... доля й пальцемъ не кывне, й не навернется, бо не такого вона заводу,—онъ що!

Та й те подуматы: ну, якый зъ мене пьяныця? Чарку-двѣ иноди и выпью по трудахъ, та й то бильше черезъ клопоты, бо того клопоту собачого не збудешся, не перебудешъ до-вику... Ось, скажемо, шкапына... дарма, що 12 карбованцивъ

коштуе—жива товарюка, йисты хоче. Треба якось розкынуты головою, прыбырать ума, якъ ии содержуваты, чымъ прогудуваты. Або диткы! Дочка пишла десь замижъ у чуже село, до чужыхъ людей, Хведиръ—у москаляхъ, Андрій—у наймахъ, Степанъ—разъ-у-разъ дома на работи—хиба-жъ то все легко зносыты батькови! Ось и теперъ: йидемо, гомонимо, а на серци наче та гадюка вьется, въ голови—гуде, нудно, досадно, а все черезъ ти клопоты. Выпывъ-бъ зъ горя осьмыну, выпывъ-бы ажъ-ажъ,—та не дала проклятуца баба и шага! повирыте? Сьрыню, гаспыдська, замкнула.—Отъ горе!—Ага! Вы такы изнову про долю? Зацикавылыся небись? Одже, якъ не чвертка, то й не розкажу. Вамъ по пятаку зъ кышени вытягты, а мени може легше було-бъ на гору каминь котыты, нижъ згадуваты про ту долю. Здатни на чвертку? Гараздъ! Хай кони идуть тюпкы—не на весилля поспишаемося; попокыдаемо ще тыхъ лантухивъ за свій викъ! Охриме! годи-бо сирныкй нивечыты—беры ось кресало. Запалюй люльку и ты, Степане, щобъ дома не журылыся! Андрію, сидай и ты на визь!.. Слушайте-жъ теперъ, братця, якъ я вперше ту долю побачывъ!

Кажуть люде, що ии проты нового року можна побачыты—воно такы й правда. 1) Разъ якось на Меланкы трапылася намъ добра хура—повезлы мы ячминь до вокзалу. Прыйихалы туды зарани; гадалы за сонцяи до-дому повернутыся, адже покы ськнулы лантухы, покы расплатывся хазяянъ, стало намеркаты. Пидвечерялы, де-хто може й выпывъ яку осьмыну (заведено—зима!),—рушылы до-дому.

Выйихавъ и я у-слидъ за валкою. Йихавъ я, йихавъ та й заснувъ якось венарокомъ. Прокынувся—стоитъ коняка моя надъ якымсь проваллямъ, а навколо ни души, ни лялечкы... ривный билий степъ—та й годи. Сумно, наче ажъ якось моторошно мени. Звивъ я очи до неба, а тамъ мисяць ясный та повновыдый до когось моргае та усмихається.

1) Долю можна побачыты передъ Рыздомъ, передъ Водохрыщамы, на Меланкы и у четвергъ на страстнымъ тыжни.

„Эге!“—подумавъ я соби,—„це винъ до мене такъ: зрадивъ-бо, що не самотній середь степу, та хоче, сердешный, до мене забалакати“. Скинувъ я шапку, усмихнувся прыязненно, але-жь только що хотивъ бувъ проказати: „здоровъ бувъ, мисяцю-брате“, а щось: „хи—хи—хи“ били самыхъ саней. Обернувся, глянувъ—та й охоловъ: не дали, якъ оце ты, Охрима, видь мене, бижить та пидстрыбуе на одній вижци дивча якась. Легенька сорочына иззаду розидрана видь комира ажъ до самыхъ пьятъ, збоку телипається клапотъ, ноженята по кисточки у снигу... Стрыба вона, рученькою мотузокъ якыйсь колесомъ кругыть, а мисяць своимъ проминнямъ и ажъ наскризь пронызуе, наче черезъ той крышталь просвичуе. Злякався я спершу, братця, злякався—ниде правды диты, хотивъ мерщій на сани сидаты та безвисти тикаты, а дали роздумався: отака негидь, холодъ та снигъ, а воно, нещасне, босонижъ стрыбае.

— Гей,—кажу їй—сидай, дочко, на сани—довезу до-дому.

А вона мени тонисенько такъ, та ще зъ прыдавцемъ:

— Не хочу.

— Чому-жь то такъ, що не хочешъ?

— Ты мене не слухатымешъ.

— Ахъ, ты-жь, кошени,—кажу,—хто-жь бы тебе, задрипанко, слухавъ?

— Давыдъ Мойсеевычъ, Авраамъ Дувыдовычъ мене слухалы.

— Такъ ты жыдивка, чы що?

— Мене и Памхвыль Тимохвиевычъ и Никыхворъ Семёновычъ слухалы...—та й пострыбала дали...

— Що-жь ты таке?—гукнувъ я їй навздогинь.

— Доля!—донись мени витерь.

— Эге!—думаю соби,—колы ты справди доля, то не втечешъ моихъ рукъ; за тобою давно побываюся, тебе звидусиль выглядаю, на тебе всю надію покладаю—не втечешъ видь мене!

Стёбнувъ коня разъ, вдруге—догнавъ ии якосъ.

— Гей-бо!—кажу,—доленько, не тикай, не стрыбай по снигу—ниженькы потрудышь, сидай-бо на визъ!

Вона не хоче.

Стрыбнувъ я зъ саней, ухопивъ за сорочыну:

— Не пуцу,—кажу,—доки не скажешъ, куды бижышъ, чому до мене не хочешъ?

Сипнула вона разъ, вдруге свое дрантя, бачыть—не іи сыла.

— Мисця, каже, шукаты.

— Такъ ты наймычча?

Вона—у-смихъ:

— Наймычка! Ачъ, що выгадавъ! *Воны* мои наймыты. Я *имъ* плачу.

— Хто жъ-то *воны*? Кому ты платыла, де пробувала?..

— Давыду Моисеевичу, Памхвылу Тymoхвiевычу, але *воны* теперъ померлы!

— Огъ и гараздъ!—кажу.—Вична *имъ* памъять, земля перомъ!.. Иды теперъ до мене, плати мени.

— Не хочу.

— Чому?

— Ты такый самый, якъ и швецъ.

— Який швецъ?

— Той, що сорочку порвавъ.

— Хто-жъ жъ винъ такый?

— Кривый Хведиръ.

— Знаю я того шевця—добрячи чоботы шые. Не пручайся—однаково не пуцу, доки не скажешъ, за вищо тоби Хведиръ сорочку розидравъ?

— „За папирчани подошвы“—каже.

— За яки подошвы?

— Кажу: за папирчани!—зъ сердцемъ видказала вона мени та й сипнула сорочку зъ моихъ рукъ.

Я не пустывъ.

— Не пуцу,—кажу,—доки до дила не розскажешъ про подошвы!

Не хотилося їй розказуваты—страхъ якъ не хотилося, та швода мабудь сорочыны стало: нахмурыла бровенята та й каже:

— Забигла я до Хведора, а винъ саме до чобитъ подошвы прыбывае. Сила я поручъ зъ нымъ, та й кажу стыхенька: „пры-

бий краще подошвы зъ товстого паперу: Тыхохвій Тыхохвиевичъ на такыхъ подошвахъ дви крамныци збудувавъ“,—а винъ мене за комиръ та на двирь...

— Отъ дурный, отой Хведирь—кажу—колы-бъ це мени...

Але воѡа вже и зныкла, наче кризь землю провалылася, мовъ парою розійшлася. Охъ! и досадно-жъ мени стало. Де-жъ: держаты долю у рукахъ та упустыты!

Втретте стѣбнувъ по коняци—потаскавъ винъ мене, ажъ духъ мени зайняло, ажъ сердце ниміе, а винъ все таска... Летымо мы, якъ той витерь, а навколо по всѣму степу щедривка лунае: „у Юрусалыми рано задзвонылы“—спивають у одному, „у пана Даныла та на ёго двори“—щедруе челядь у другому. А кинь одно несе мене, несе и на хвылыну не спыняется. Перескочылы мы черезъ яръ якыйсь, помынулы лись, пробиглы скилькись гонивъ по самому лёду—та й ставъ мій кинь, якъ вкопавый, передъ чіеюсь хатыною.

Злизъ я зъ саней, глянувъ... Боже мій! Та це-жъ я била Максимовай хаты. Якымы шляхамы таскавъ мене кинь, зъ якого боку пидйихалы мы до сіен хаты, хочъ вбййте, не скажу. Де воно той яръ, той лись, та ричка взялася—и доси не зрозумію.

Злизъ я зъ саней, зазырнувъ у виконце—тамъ саме Меланка гуляе: музыкы грають, дидь-машкара штуку преставаляе, москаль та Меланка тропака выбывають.

— Слава тоби, Господы!—добывся, думаю, до знакомого чоловіка, хочъ у чужій хати зазнаю свято. Та отъ горе, братця: дверей не знайду. Кругляю била хаты, мацаю, мацаю по стинкахъ, облапавъ всю хату видъ самой стрихы ажъ до земли—нема ниде дверей,—хочъ у верхъ стрыбай. Надійшовъ я до виконця,—стукнувъ разъ—не чують; вдруге—не чують (заведено: гоминь, спивы, та танкы!). Ухопывъ я тоди ципокъ. Ну, вже, думаю, хочъ скло выгачу, та такы подамъ про себе звистку!

Ухопывъ ципокъ, нацилывся—не влучывъ, знову нацилывся—не пошавъ. Бый тебе сылаБожа! Що воно за знакъ?

Колы це видчыняются двери—Меланка зъ хаты йде. Угледивъ я двери—та туды. Шкодá—зъ мисця не зйду: держыть

мене щось за плечи, не пускае. Обернувся я—„вона“; за кожухъ иззаду учепылася—ніякъ не одирву.

— Пусты-бо!—ставъ я іи прохаты.

— То й пуцу—каже, а сама мерцій у хату..

Изнову такы не бачу дверей. Зрозумивъ я, чого це мене обмарюе: вона не хоче мене до Максима впустыть.

— То вже,—кажу—брешеш! Ты розумна, а я старийшій: не обдурышь мене. Хочъ отутъ и одубну, а дизнаюся, яки въ тебе намиры, яки думкы.

Ставъ надъ виконцемъ, дывлюся—сыдыть Максимъ самъ,—жинкы не выдко,—на колинкахъ старшенького хлопчыка держыть. Трое меньченькыхъ на полу пидъ ряденцемъ сплять, а „вона“ прытаилася за кочергамы й не ворухнется.

— Чы вы-жь, тату, купыте на ярмарку бычкывъ?—пытаеця сынокъ.

— Не куплю,—каже Максимъ.

— Чому?

— Грошей немае,—не виддала Бондарыха.

— А чому-жь у дядька Спырыдона и бычкы, и коривкы, и гроши завжды йе? Вони-жь такый ткачъ, якъ и вы...

— Мабуть, сыну, винъ хочъ ткачъ кращій за мене, хочъ доля ёго краща,—ажъ зитхнувъ Максимъ.

— Яка-жь у дядька доля?—пытаеця изнову сынокъ.

— Роботяща.

— А ваша-жь яка?

— Ледаща.

— Здобудьте, каже сынокъ, и соби роботящу.

— Радый-бы здобути, та не знаю, де іи шукать, а сама вона,—кльчу, кльчу—не йде.

— А дайте, я гукну іи у-верхъ, чы не прыйде?

— А гукны, гукны—сёгодня саме и день той, шо вона блука!—сміеця Максимъ.

Скочывъ хлопчыкъ зъ колинъ, стрыбнувъ на ослиничкъ, всунувъ свою голивку у прыпичокъ: „Гей“, гукае, „доле роботяща, йды до насъ жыты!“

А тутъ саме й Лукына на поригъ.

— Оце-жь наша и доля!—сміється Максимъ, показуючы на жинку.

— Прямо доля, бодай-бы такой доли и лыхи ворогы не зазналы! Чы воно намъ заказано, чы мы таки гришни передь Богомъ—немае намъ доли та й край!—каже Лукына, а сама трохы не плаче.

— Що тамъ таке?—пытається Максимъ.—Де ты була?

— Була тилько шо у Хрысти; набралася досады—на вси святкы и годовыи, и роковыи постачыть.

— Та що таке скоилося?—пытається Максимъ.

— Домаха прыйихала; нарочыто—каже—за полотномъ забылася. Прыньсь Спырыдонъ іи полотно,—гыдко-жь, гыдко выткавъ,—а вона не добачае, заплатыла до копійкы та ще й подякувала. „Завтра—каже—ще до Максима навидаюсь; якъ шо почавъ, то и вси впередь гроши заплачу“.

— Невже!—наче ажъ злякався Максимъ.

— Далеби, правда!—каже Лукына.

— Що-жь ты ій сказала?

— Зъ досады—каже Лукына—ничого ій не видказала.

— А! бидно голивонько! Це-бъ якъ разъ на бычкы поста-чыло—каже Максимъ.

— Бидкайся, не бидкайся—не пособыть. Було-бъ мене послухать, якъ тоби казала: покынь Бондаренкове полотно, почынай Домашыне.

— Хотилося, бачъ,—каже Максимъ—по правди, по черзи: хто равійшь пряжу прыньсь, тому равійшь и полотно выткаты.

— Отъ теперь и знатымешъ, яка-то правда, яка то черга: зостанешся и на цей рикъ безъ бычкывъ—каже Лукына.

— Ай, доле-жь моя проклята! Миркуешъ, думаешъ, якъ-бы краще зробыты, а воно тоби все на зло!—ажъ скипивъ Максимъ...—Працюешъ, працюешъ, рукъ не покладаючы, а не бачышь и кинця тій лыхій годыни. Чы вже-жь такы намъ черезъ

те, що Свято заступило сѣгодня, а не завтра, що я не встигъ полотна тій Домаси початы,—зальшытыся ще на рикъ бычкивъ?..

— Колы-бъ—каже Лукына—ты хочъ почавъ те полотно, абы Домаха побачыла основу, то й булы-бъ гроши.

Замыслывся Максимъ, такъ замыслывся, наче ажъ зблidy на выду.

Лукына помолылася Богу, поклала сынеа на пиль, а сама полизла на пичь спаты. Перевивъ я очи до кочергъ, до „неи“. Ой Боже-жъ мій! И доси, якъ иноди згадаю, ажъ за боки беруся. Колы-бъ же вы, братця, побачылы, яки „вона“ кумедіи почала престаляты!

Сыдыть Максимъ за столомъ, голову на руки схыльвъ, а „вона“ поступытся видъ кочергъ на одынъ крокъ напередъ та изнову стрыбъ у кутокъ; оде надійде до ёго блыжче, зазырне у вичи та скылько духу назадъ, а сама ажъ зъ лыця миняется: то врадїе—почервонїе, то наче зъ ляку пополотнїе... Колы це бачу: ворущатся—ворущатся клубкы на жердци. О! вже у Максима у рукахъ одынъ клубокъ; крутыть винъ той клубокъ, розмотуе, изнову змотуе, а вона ёму стыхесенька та обережно такъ:

— Заводъ на основу—до-свита оснуешъ, и бычкы будутъ.

— Отаке Вельке Свято...—каже про себе Максимъ.

— Богъ простыть, жинка спыть, и бычкы будутъ—каже „вона“ вже смилывійше, та все блыжче, блыжче до Максима поступається.

Глянувъ я на Максима—ажъ зчорнявъ на выду видъ до-сады; мовчыть та на той клубокъ зъ-пидъ лоба дывытсья...

— А що?—думаю соби—наскочыла? Пожды! дасть и цей тоби по потылыци.

Колы це... пидводытсья мій Максимъ, пидводытсья... простуе прямо до верстата. А! бый тебе сыла Божа! Вже заводыть и пряжу на основу... Ось щобъ я вечора не диджавъ, колы брешу! Своими очыма бачывъ: заводыть...

Винъ заводыть, а пряжа,—одно рвется, одно—рвется, такъ и лизе...

— Та це, здається, наша гень-позаторишня пряжа; у Домахи мицна—догадувався Максимъ, та почавъ изразу їи назадъ на клубокъ змотуваты.

А „вона“ ухопыла ёго за руку:

— Заводь—каже—заводь смилыво: Домаха не добачае, а ты ще бильше за Спырыдона на пряжи выгадаешъ.

Що-жь-бы вы думалы? И словечка не видмовывъ винъ їй... Запыла, братця, робота! Зроду-вику не бачывъ, щобъ хто такъ швидко ткавъ. Винъ спуе, а „вона“ клубокъ розмотуе та вузлыки на основи звязуе.

— Гляды—думаю самъ соби—не дурно кажуть: багатому чортъ колыску гойдае,—справытся и Максимъ за такимъ по-собныкомъ на дукареву стежку.

Колы це якъ не схопытся мій Максимъ! Якъ не сипне основу—на шматкы порвавъ, понивечывъ основу.

— Не призведешъ мене, проклята, не призведешъ до гриха!—крычыть, а самъ ажъ до стели вирись. Бачывъ я здоровыхъ людей, ось скажемо й Охримъ, хай здоровъ буде, не зъ маненькихъ, а такой людыны, якъ Степанъ у той вечерь, не бачывъ я й зроду. Руки стали у маховый сажень, кулаки—зъ мою голову, очи—у яблуко завбильшкы, волосся пиднялося вгору, якъ та щетына... Крыкнувъ винъ, махнувъ рукою... и доля вчупи зъ основою ажъ за воритьмы опынылася.

Стала вона за воритьмы, затуманылася на хвылыну, але-жь тилько на хвылыну: не встыгъ я и словечка промовыты до неи, якъ вона побигла... Я изнову такы за нею...

Опынывся я ажъ у якомусь сели—не то Матяшивци не то Миколаивци.—Глянувъ... ажъ „вона“ вже пидъ виконцями якоись хатыны шыгае. Запырнула туды—одійшла геть; запырнула у другу хату—те-жь щось здалося не до-вподобы; побигла до третей—четвертой,—всю вулицю прострыбала та ажъ до парны добигла.

— Куды-жь ты теперь бижышь, навиженна?—запытавъ я їи.

— До пана Надienка!—кынула вона мени, а сама, якъ той витеръ, якъ та завирюха, пустылася бигты.

— Оце гараздъ—подумаў я самъ соби,—що ты таке пры-
розумила: це-жь ты простуешь прямисенько до моеи хаты.

Вы-жь свидоми, де моя хата? Эге-жь, поручъ зъ панськымъ
дворыщемъ.

Дывлюсь—ажъ я вже коло своеи хаты. Покинувъ коня
посередъ двору, а самъ мерщій черезъ перелазъ до пансь-
ского будынку. Зыркнувъ—„вона“ вже тамъ: по-пидъ викнамы
блукае... Поблукала, поблукала та й зопьялася до того виконця,
де блыцало свитло.

Зопьялася, держытся самымы пальчыкамы объ прызбу, а
сама такъ и влыпла до скла.

Ставъ я поручъ зъ нею: дывлюся, слухаю...

Охъ, братци, трохи бувъ забудъ про шкалыкъ, а це изнову
згадавъ, изнову за сердце ухопыло. Выпывъ-бы я теперь осьмыну!
Охъ, выпывъ-бы мабуть и панъ ще охитнійше за мене, колы-бъ
раньше пересвидчывся, якъ той шкалыкъ добре видъ жиночои
лайкы пособляе. Доводылося мени чымало видъ жинкы горя пры-
няты, доводылося за свій викъ чымало перетерпиты, одже не
дошкулыла вона ни разочку такъ, якъ пани у ту ничъ сердеш-
ному панови. Що вона ёму, спытаете, робыла? А ничогисинько
не робыла—стояла тилько передъ нымъ та одно—лопотила, одно—
лопотила...

Винъ вже и встававъ, и сидавъ, и грымавъ, и благовъ...
ни, не стыхала, не спынялася ави-же ни на хвылыну. Ажъ
пóгомъ пройняло ёго, ажъ плямы на выду повыступалы, а вона
все свое—не стыхае.

Що вона ёму, пытаете, казала? Ой, Боже нашъ, Боже
нашъ! Чы то-жь запамьятуваты все, що скаже жинка за такый
довгый часъ, та ще, крый Бигъ, вчена? По облыччу пановому ба-
чывъ, що не соловейка, не горлыцю слухае... Ого тилько и ро-
зибравъ, що недостаткамы ёго докоряла. Отъ горе! 1000 деся-
тынъ, гаи, лисы, и таке хозяйствечко, стільки добра—та ще не-
достаца! „Проби“—каже—„у злыдняхъ та недостаткахъ, у журби
разъ-у-разъ черезъ тебе“, а сама шовковымъ хвостомъ хату за-
митае. „Проби, теперь саме у Петербруси балы усяки, музыкы
выграють, кумедіи преставляють, а мене зануда жывцемъ йистъ

черезъ те, що у тебе грошей немає на мою подорожъ у той Петербрухъ. Проби, не вмѣшь ты своимъ добромъ користуватись, не вмѣшь, не знаєшь, якъ де грошей здобувати.“

— Потерпы трохи—благавъ їи панъ:—сама знаєшь, я ще й зъ строковцями не оплатився и у збанокъ не посылавъ, а чымъ я виненъ? У позыку не дають, хліба не могу продаты, бо легковисный дуже цей рикъ вдався.

— И у Ивана Ивановыча не важче за твое жыто—про те винъ змигъ продаты ёго,—скипила пани.

— Не знаю, якъ винъ позбувсь свого жыта. Пощастыло явось ёму“—зитхнувъ панъ.

— Тымъ мабутъ и пощастыло, що ты ёго за дурня вважаєшь. Ось не пныся и ты краще у велькоумнымы, то й твоя доля не сказытсь!

— „Охъ, доле моя, доле!“—ажъ застогнавъ панъ.

А „вона“ ажъ затремтила вся... Не встыгъ панъ и духу перевесты, якъ вона вже била ёго опынылася. Прыпадає, братця, до ёго, голубить, цилує... тилько, тилько не скаже: „ось и я“.

— „Дострыбалася—думаю соби—знайшла такы людыну соби до вподобы, тутъ мабутъ и зимуватымешъ. Пиду соби спаты“.

Адже ще я и до хаты не дійшовъ—чую: щось пфурхъ! та на городъ. Я видразу и пизнавъ „їи“. Невже, думаю, и тутъ тобі незгода?

Ажъ зыркь! Зупывився я... де-жъ бы вы думалы, братця??? У самисенького Шмулевого ляжка. Хай мене сыла Божа побье, колы брешу. Такъ такы била самисенькихъ подушокъ и спынывся мій кинь.

Стала вона надъ Шмулевымъ вухомъ та й прощопотила щось. Немовъ опеченый схопывся Шмуль.

— Сурко, а Сурко! Це ты мени вельшь йихаты до пана Надієнка та купыты въ ёго жыто?

— Видчепыся—я сплю!—гыркнула на ёго жанка.

— „Вставай, выймай гроши—иды зразу до пана!“—все мени яыйсь голосъ учувається,—каже Шмуль.

— Чы ты не здуривъ? Яый голосъ? Адже вже трычи дывывся ты на те жыто та й трычи казавъ, що не гоже.

— Дывився, казавъ, а теперъ—голосъ... Мабудь телеграмъ прийшовъ, що жыто подорожчало. Вставай!...

Ажъ ось зновъ нибы мы у паньскому двори; вже и Шмуль тамъ, а „вона“ наче ажъ поздоровшала: бижить, пидстрыбуе та грудочками пидкыдається...

Отъ колы, братця, отъ колы побачывъ я суму! Увесь стиль закыдавъ Шмуль червинцямы та бумажкымы. Зроду-вику не бачывъ такого грошей та й не доведеться мабудь и побачыты николы. Не то я—пани ажъ рукамы сплеснула, якъ глянула на стиль. Сила вона била пана, обняла за шыю, цилуе та одно туркоче: „поцастыло тобі, поцастыло, мій голубе“... „Охъ!“ думаю соби „куды не глянь—скрызъ однаково: що у мужыкывъ, що у панывъ—одно заведеніе. Якъ поцастыть людныи, якъ усмихнется ёму доля, то усимъ стане любязнымъ. Я самъ колысь, якъ продавъ пивъ-копы розбовткывъ, такъ цилисенъый день—чы повирыте?—не чувъ видъ жинкы и худого слова. Прямо такы и накрыво за увесь день не сказала, косо не глянула, а самъ я... Ачъ! яки нетерплячи! Погодить-бо трохы! Зразу казатыму и про долю...

Сивъ панъ била столу, розиклавъ „бамажкы“ на купкы та й прыказуе: „оце жинци на Петербрюхъ“, „оце тежъ жинци“, „оце строкивцямъ“. Скинчывъ бамажкы—прыступывъ до золота. Одличывъ одынъ стовпець: „на земськи оплаткы“—каже; одиклавъ решту, поличывъ: „а! бидна голивонько“, каже: „не постачыть у земельный“.

— „Прысыпъ сёгоришній вивсюгъ, торипнимъ вивсомъ, то й на земельный буде“, пидскочыла „вона“ до пана.

— „Якъ? вивсюгъ вивсомъ прысыпаты? Купця дурыты? Та я швыдче сердце вырву зъ грудей своихъ, вижъ допущу себе до такой гыдоты... скыпывъ панъ.

— „За жыто послухавъ, а за овесь и ни“,—заголосыла „вона“ на всю хату та й подалася геть зъ кимнаты.

— „Доленько!“ кажу я їй тоди „ось иды бо до мене! Я тебе слухатыму, я тобі догождатыму, я тобі корытымуся, якъ ридній матери...“

Стала вона на ганку, озырнулася навкругы, вытерла оченята:

— Беры, каже, лантухъ пшеницы та несы до-дому.

Зроду-вику, братця, не кравъ, не було въ вашому роду злодивъ и въ заводи, а це... хай Богъ простыть—пидійшовъ до коморы, взявъ одынь лантухъ зъ тыхъ, що наготовылы до млына, и потаскавъ до-дому.

Иду, а самъ все назадъ позыраю; ни, такы не збрехала—бижыть за мною.

Увійшли мы у хыжу, зсыпавъ я ту пшеницю у засичокъ, а „вона“ якъ не розсміється... Та такъ-же весело, такъ-же любо, ажъ у хыжи повеселишало, самъ я наче ажъ зминывся, помолодшавъ, поздоровшавъ, наче николы не знавъ и горя на своёму вику. Та не страшно мени стало а ни голоду, а ни холоду, а ни оплаткывъ—наче того и на свити немає.

Та й не даремно: добре, справди, зъ того часу жыття почалося. Стало, братця, щастыты мени скрызъ: ставъ я у-двое меньше сійты—ораты, а кипъ стало у-двое бильше прыбуваты. Чого, пытаете, такъ? Хиба я знаю? Выйдемо, було, у-ночи на степъ: „де“, пытаю, „доленько, моя сгайка хлеба“?

— „Зъ панськой—каже—почынай“!

Я и почынаю... Добре жыття було, що й казаты? Ото тилько хиба и кецьке дило було, що доводылося ночей не досыплаты. Усе село спыть, ажъ хропе, а я у доленькы на поради.

— Куды—пытаю—доленько, йихаты, що чыныты?

А вона вже и прыдумала, на всю довго ничку работы прырозумила.

Запряжу конячку, посажу „и“ поручъ изъ собою та й гайда до панськыхъ коміръ, ожередивъ, у лисъ—куды трапытся..

У-ранци люде тилько-тилько зъ лижка рушають, да я вже зъ города повернувся, грошей зъ торгу привизъ, де-що купывъ—справывсь.

„Щастыть бисовому Степанови,—не спыть ёго доля: и вывка родыть добре, и конячка сыта, и диты не голодни“—гомонять навколо люде.

— „Доля, братця, кажу: доля повернулася“. Та й не брехавь...

Вона мене оберегала, вона мене захищала, вона мене направляла, вона мене розуму наставляла. Я було чы засну, чы ни, а вона вже не задримае.

Але ось прыйшовъ великый пистъ. Пойхавъ я якось у городъ, уторгувавъ добри гроши, купывъ жинци платокъ, шкапови чоботы, выпывъ зъ осьмыну—повернувся до дому веселый... та не въ добрый часъ,—напьяла мене, братця, жинка моврымъ рядомъ:

— И докы и покы ты, харцызе, злодію, пьянице, по ночахъ блукатымешъ? Докы ты злодійкуватымешъ? Якъ ты и говитымешъ? Якъ тебе Господь до святого прычастя допустыть?

— А хйба я—кажу—що роблю?

— Схамеыся, опамьятайся, пьянюго!

— Чы ты мени заборонышь слухаты доли?

— Якои доли? Чы тоби очи горилкою позалывало, чы ты збожеволивъ?

— Огйев, кажу, доли, що пособляе крамныци будуваты, срибломъ та злотомъ скарбныци накладаты. Пожды рикъ-другый,—якый зъ мене дукаръ буде!

— Брешешъ, злодію! Брешешъ, пьянюго! Чы зъ тобою схотила-бъ злыгатыся доля?

— Хйба, кажу, вона перебирае? Йй—абы слухняный.

Такъ хйба-жъ вы не знаете Хиври? Налаяла мене, заплювала мени очи, не схотила и дослухаты до кинця. Плюнувъ и я на неи, божевильну бабу, пишовъ геть...

Адже хочъ я пишовъ геть видъ неи,—слова іи палы на сердце мое, наче те насиння зъ собачои лободы. Лаю іи, аспыдську бабу, а самъ чую, прямо такы чую, якъ те насиння роскореняется, росточки пускае—ажъ боляче робытся, ажъ щемыть, ій-же Богу! А въ голови, якъ на похмилля, йсе обертомъ иде: почну личыть покрадени за зиму лантухы, сино або курей—панъ-отець зъ прычастямъ уявляється; стану вторговани гроши личыты—страшный судъ на думку снадае—одно слово: хочъ пропадай!

Блукавъ я, блукавъ по надвирью, та й пишовъ до Гершка (тоди ще монополькы не було). Выпывъ осьмыну, выпывъ ще шкалыкъ—не бере: не йде зъ думкы Св. прычастя та страшный судъ. Людямъ тежъ стало не тее... дывытыся у вичи...

Пишовъ я до-дому та прямисенько до „ней“.

— Доленько!—кажу,—чы не годи-бъ намъ по чужыхъ степахъ та коморяхъ блукаты? Адже була десь, кажуть, така доля, що по степу за хазяиномъ ходыла та погублени колоскы доушы збирала—робы и ты такъ. Йе въ мене трохы пшеницы—посій ты ии своима рученькамы, походы по ныви своими ниженькамы, зберы колосочокъ до колосочка—гляды, рокивъ черезъ десятокъ и „копыталы“ у насъ поведутся.

Вона якъ не вызвыртыся:

— Зъ колоскивъ копыталы! Вже видъ тиси пращуркы, що колоскы збирала, и попилъ потливъ, а ты мени очи нею выидаешъ! Одвернулася, губу закопылыла, розсердылася, а дали пидгорнула кулакы пидъ голову, заплющыла очи.. та й заснула.

Проживъ я такъ-сякъ не бильше, якъ зъ тыждень. На поведилокъ не постачыло сина. Метнувся я до доли—спыть. Пишовъ я до людей—позычывъ оберемокъ. На четвергъ вже и бошна позычывъ: у суботу печи нема чымъ затопыты...

— Де твоя доля, Степане?—дратують мене люде.

— Де? Спыть—кажу.

Сміются, глузують...

— Смійтеся, смійтеся!.. Ось якъ диждемо, дастъ Бигъ,—думаю соби,—весны та якъ посіемо пшеницю, та якъ прокынется „вона“...

Протягъ я ще якось зъ допомогою людей який тыждень, а дали навсправжкы замыслывся: що ёго робыты? Жинка докоре, диты плачуть, у конячкы ребра свитятся—бачу, не перелывкы—нанявся у економію.

Колы це якось видпрохався я до-дому, прыхожу—ажъ у мене гостей, гостей! Цинують, братця, и коня, и усе якъ есть, що тилько можно цинуваты, за неоплатку у гамазей. Повытыгали на двиръ де не бувъ який зайвыи скарбъ, де не було

якои празыкковой або такъ зайвои одягы. Повытыгали все, поскладали на купу, а Хивря ухопыла дитей на оберемохъ та тежъ туды: „цинуйте!“—крычыть—„и дитей“! Диты плачуть, люде крычать, жинка люте—горенько тяжке! Сумно и згадаты! Ухопылся я за голову—не знаю, чы дитей увищаты, чы жинку спыняты, чы людеи благаты; метнувся и до „ней“—спыть.

Выбигъ я назадъ до людеи.

— Господа, кажу, обчество! не займайте коня, не займайте того дрантя! Ось я продамъ пшеницю, то й оплачуся безъ клопоту.

Розійшылся, спасыби Богови, люде; угомонылася жинка, заспокоймыся диты—ставъ я пшеницю дабираты.

Выбравъ всю пшеницю до зернечка—бачу: не постачыть на оплату.—Зажурывся я, тяжко зажурывся. Докоряю самъ себе, лаю себе: „бодай тоби, старому дурневи, и толку не стало: кравъ, кравъ, а на оплаткы и не розстарався.

Ажъ дывлюсь—„вона“; вже и догадалася: повнисиньку па-зущыну писку прытаскала.

Повагавсь я трохы, подумавъ, подумавъ, а дали махнувъ рукою: спыть, кажу. Всыпала вона той писокъ у пшеницю. Завьязавъ я мишечкы, скинувъ на визь; сила вона зверху—пойихалы. Сталы мы вже до города дойиздыты, саме на писокъ зйихалы, колы йде навпроты насъ старецъ—зъ монастыря повертаеця. Поривнявсь винъ зъ нами, прывитався; давъ я ёму шагъ. Вытягъ старецъ свій гаманецъ, сховавъ той шагъ, хотивъ гаманецъ назадъ у кышеню вкынуты, а винъ замысть у кышеню—та на землю. Що-жъ бы вы думалы? Не встыгъ той гаманецъ и обь писокъ червнютыся, якъ „вона“ вже и пидхопыла ёго, вже и до рукъ мени тыче.

Сивъ я на писку, роскрывъ гаманецъ—бачу, гроши. Колы це иде Максимъ Бараболя.

— Здоровъ бувъ,—каже. — Що-то якъ доля: и на писку гроши растутъ. А скылько ихъ тамъ?

— Два карбованци та ще шагивъ скылькось.

— Буде каже опохмельтыся,—та й пойихавъ...

Доличывъ я грошей: 2 карбованци 27 копіекъ наличывъ, закывъ гаманецъ,—не знаю, куды ёго сховаты. Колы тутъ саме: бомъ! бомъ! у церкви святой Варвары, а дали бомъ-бомъ-бомъ-бомъ! у вси дзвоны.

Ухопывъ я той гаманецъ, та скилько духу, скилько слыы за старцемъ: на, кажу, дидусю, твій гаманъ, та гляды не губы вдруге, а самъ не знаю, и доси не зрозумію, чого—чы то зугледившы хрестъ на святому храми, чы то зъ радосты, що не попустывъ своєї души до гриха утайты гроши,—знявъ шапку, та одно, бью поклоны...

Охъ! колы-бъ же вы угледили пидъ отой часъ долю! Колы-бъ вже вы та зазырнули у іи лыченько! Мовъ наче хмарою заволоклося, мовъ наче ажъ почорнила. Блкнула вона на мене оченятамы, мовъ наче тією блискавкою, затремтила уся, одвернулася та й ни пары зъ вустъ.

Зважывъ я Шмулеви пшеницю, спорожывъ мишки, заплаывъ мени Шмуль, що слидъ; привъязавъ я коня до стовця, а самъ забигъ на хвылыну туды... у шынкъ. Выйшовъ я, або—ниде правды диты—вытягъ мене якыйсь супостать зъ шынку та й кывувъ пидъ тыномъ. Прокывувсь я—ни коня, ни шапкы, ни шага за душею. Э-жъ, смійтеся! смішки, бачъ, зъ чужої кишкы, а въ мене и душа перетлила, помы я доплентавъ до дому.

Дійшовъ я до свого тыну, хожу навколо, у двирь заглядаю, а самъ боюся и до хаты наблизытись: де-жъ? коня прогавывъ.

Колы це чую, спасыби Богови—крычть Степанъ: — „стій, буланый!“

— Слава тобі Господы! кинь дома.—Це вона, доленька показяйнувала: до-дому шкапыну довела, дарма що розгнивалася на мене; думаю соби: пиду-но, подякую іи!

Увійшовъ у хыжу, метнувсь туды, сюды по всихъ куточкахъ, по всихъ засичкахъ—нема іи.

И вечиръ прыйшовъ—нема, и* ранокъ прыйшовъ—немае.—

На другій день, такъ якъ у обидню пору, запригъ я коня— пойхавъ до Шмуля. Ажъ ёго уже и близько немає: пойхавъ, кажуть, до того подрядчыка, що поставляє нашимъ москалямъ у Туреччыну харчи, чоботы, то що.

— А доля, пытаю, де?

— Хиба я знаю?—здывувалася Сурка.

Пишовъ я у ту комору, куды учора пшеницю зсыпавъ, гукавъ, гукавъ іи—не видьлыкнудася.

Двадцять два roky не бачывъ я іи, не знавъ, куды вона подилася, до кого подалася. А це... Вы-жъ свидоми, якъ мени цей рикъ у Великий пистъ прыйшлося? Вже на першому тыжни почала Хивря хлиба позычаты, а на останвѣму люде вже годи и даваты. Православни хрыстіяне Святкамъ радіють, мажуть, билать, шыють та готують, а мене видъ самого страстного понедилка такій смутокъ обгортае, що не знаю, де-бъ и дився, що-бъ и робывъ. Разъ—досадно, що доведеться на останнимъ тыжни вкупи зъ пъяныцямъ говиты, вдруге—ни за вищо говиты, втретте—знаю, що й пылынкы борошна на паску не прыпасено, а до того ще й жинка лютуе.—Отъ и пережывай, мовлявъ, якъ знаешъ, стилько заразомъ клопотывъ!!! У четвергъ, ще на свить не благословылося, а жинка вже й репетуе: пойдь та й пойдь на вокзалъ—може хочъ на паску заробышь. Не хотилося мени йихаты,—Господы! не хотилося: разъ—сусида хрестыны справлявъ, а вдруге й те на думку спадало: якый зъ того прыбутокъ буде, що я зароблю 50,—хай одъ сылы 60 копіёкъ на тому вокзали? Поверну ти гроши на говиння—паскы ни за вищо буде справыты; паску куплю—ни у чымъ буде до Святого храму питы ту паску посвятыты, бо у правому чоботи кать-ма закаблукывъ, а зъ ливого вси 5 на добры-день кывають. Адже не вблагаешъ ніякымъ побутомъ клятой бабы, не умовышь іи ніякъ—у одну шкуру: „йидь“!

Пойхавъ я.

Ще здалека чую: шыпыть, свыстыть, стугонить чугунка.

— Коля-бъ же, думаю, не спизныться. Поспишаюся швидче до ганку. Куды тобі! До ганку и не потыкайся. Не те що! Яблукови ниде впасть—такого людей. Били самого ганку стоить карета, у коморю завбільшкы, золотымы вызырункамы та цвяшкы уся якъ есть поцяцькована. Шестеро, волось-у-волось, коней басуе, землю копытамы пидкыдае... За каретою ажъ три хвае-тоны,—по четверо коней у кожному. Ось выходить зъ вокзалу двое у золотыхъ гудзыкахъ,—сказать-бы охвыцерыкы, такъ пого-нивъ немає,—и ведуть воны, братця мой, пидъ руки старого-старого, у довгому, мало не до пять, жупани, пана. Оже-жъ, думаю соби, архырей.

— Пропустить, люде добри, пидъ благословеніе!

А люде мени:

— Шмуль, Шмуль прыйхавъ! Шмуль зъ Туреччыны повернувся.—Вже збудувавъ десь одну сахароварню, а це—будуватыме другу у насъ, поблызу.

Глянувъ я—такъ и йе: Шмуль. Боже же мій! це мій знаёмый.

— Господынь купецъ, господынь купецъ—метнувся до ёго.

Адже не вспивъ: посадылы вже у карету, фурманъ ляснувъ по коняхъ—побиглы. Побигъ и я соби у слидъ... Дигнавъ, стрибнувъ на зализну пиднижку, ухопывся за золоте держальце у дверцяхъ, зазырнувъ у виконце... зазырнувъ, та й отерпъ, обомливъ, братця: сыдыть Шмуль на оксамытовій подушци и очи заплющывъ, а повзъ ёго... хто-жъ бы вы думалы?... доля! Та сама доля, у тій самій и сорочци, що розидравъ колысь Хведиръ. Сыдыть вона били Шмуля та червинцямы грается.

— Доленько! голубонько!—гукнувъ я їй наче ажъ не своимъ гласомъ, бо такы зрадивъ їй. А вона мене—штговхъ у груди:

— Не бачышь, хиба, мазепо, що *визъ* спыть?

Упавъ я та якъ-разъ у калюжу. Упавъ, лежу, не зведуся ніякъ, а вона высунулася зъ кареты, сміется та ще й языкъ вытрища,—то-бъ-то на глумъ мени.

Охъ! скыпивъ я! Скрутивъ ій зась, пидвивъ руку въ-гору:
— На, зйижь!—гукнувъ, ажъ залунало.—Хочъ и въ калюжи
лежу, га не твій, пошарпана задрипанко, наймытъ!

Онъ бачыте, якого цеглы навозылы? Ото-жь нашъ Шмуль
сахароварню будуватыме—отамъ и „вона“ живе.

Л. Яновская.



ЕВРЕИ ВЪ ЮЖНОЙ РОССИИ.

(Историческая справка). *)

Въ Чуфуть-Кале — вблизи Бахчисарая, въ Карасубазарѣ, въ Феодосіи и въ другихъ мѣстахъ Таврическаго полуострова открыто было въ сороковыхъ годахъ XIX столѣтія много надгробныхъ памятниковъ и рукописей, которые указываютъ, что въ VI в. по Р. Х. въ предѣлахъ Крымскаго полуострова, занятого греческими колоніями, уже обитали евреи. Можно думать, что около того же времени они находились и въ греческихъ колоніяхъ на сѣверномъ побережьи Азовскаго, а, можетъ быть и Чернаго моря. Черезъ три вѣка послѣ этого историческіе памятники указываютъ на присутствіе евреевъ далеко уже за пре-

*) Источниками служила, кромѣ отдѣльныхъ статей и замѣтокъ въ журналахъ, главнымъ образомъ:

1) Лѣтопись по Инатскому списку. Изд. Археографич. Коммиссіи. 1871 г. Спб.

2) Писцовыя книги бывшаго Пинскаго староства. Ч 1 и 2. Вильна, 1874 г.

3) Ревизія Кобринской экономіи, составл. въ 1563 г. Вильна, 1863 г.

4) Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверо-Зап. Россіи, изд. при Управленіи Виленск. учебн. Округа. 1867 г. т.т. I—IX.

дѣлами Крыма, на сѣверъ и сѣверо-востокъ. Въ IX в. ихъ вліянію подпадаетъ обширное Хозарское царство, въ которомъ еврейское племя выступаетъ, какъ органическій элементъ государства, а религія Моисея становится господствующей въ странѣ: по крайней мѣрѣ ее исповѣдывали хозарскій ханъ и городское хозарское населеніе. Тогда же евреи проникаютъ и въ землю русскихъ славянъ, между прочимъ и въ Кіевъ, гдѣ они встрѣчаются вмѣстѣ съ греками и, вѣроятно, шведами и датчанами, пѣмцами, поляками и печенѣгами. Первобытно-свободная Русь въ X-мъ вѣкѣ была открыта для всѣхъ мирныхъ

5) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ: Вильна, Ковно, Трокъ. Вильна, 1843.

6) Акты, относящіеся къ исторіи Западнаго края, собр. и изд. Археографич. комиссіей. Т. 1—3.

7) Акты, издаваемые ком. Высочайше утвержденной для разбора древнихъ актовъ въ Вильнѣ. т. т. I—VI.

8) *Шараневичъ*. Исторія Галицко-Владимірской Руси.

9) *Szaranievicz*. Rys wewnętrznych stosuncow Galycyi Wschodniej w drugiej polowie XV wieku. Lwow, 1861.

10) *Бершадскій*. Литовскіе евреи, исторія ихъ юридич. и обществ. положенія въ Литвѣ отъ Витовта до Люблинской уніи.

11) Дръ *Адольфъ Іелинекъ*. Еврейское племя. Этн. этюды. Спб. 1870 г.

12) *Исидоръ Коимъ*. Столѣтіе эманципаціи евреевъ и ея христіанскіе защитники 1870 г.

13) Судьба евреевъ въ средніе вѣка и обычаи ихъ по настоящее время. Москва, 1860 г.

14) *Головацкій*. Карпатская Русь. Географ. статист. и историко-этногр. очерки Галиціи, сѣверо-вост. Угрии и Буковины (Славянск. Сборникъ 1877 т. т. I и II).

14) *Чубинскій*. Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край. Т. т. 5 и 7.

16) Военно-статистическое обозрѣніе Россійской имперіи. Таврическая губ. 1849.

17) Pr. Pilata. Wiadomosci statystyczne. 1881 г.

иностранцевъ, и потому понятно, почему въ этотъ періодъ евреи могли выступать и у насъ съ культурно-религіозными стремленіями, слѣды чего отмѣчены занесенною въ лѣтопись легендою о принятіи крещенія св. Владиміромъ. Судя по религіозно-культурной роли евреевъ въ Хозарскомъ царствѣ, а равно и у насъ въ Кіевѣ въ первое время, въ связи съ топографіей обитанія евреевъ, можно думать, что евреи, отмѣченные въ памятникахъ до X вѣка, были по преимуществу *библейсты*, выходцы непосредственные изъ Азіи, отдаленныхъ потомковъ которыхъ, асси-

18) *Риттихъ*. Племенной составъ контингента въ русской арміи и мужск. населенія Европ. Россіи. Спб. 1876.

19) *Де-Ливронъ*. Статистическое обозрѣніе Россійской Имперіи. Сиб. 1874 г.

20) Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба: Черниговская губ.—Домонтовича (1865), Бессар. обл.—Защукъ (1863), Гродненская губ.—Оброскій (1863 г.), Минская губ.—Зеленскій (1863) и Херсонская губ.—Шмидтъ (1863).

21) Календарь юго-зап. края, сост. Борисовъ и Чубинскій. Кіевъ, 1872.

22) *Нановъ*. Статистическіе очерки Россіи (Дѣло, 1873 г. №№ 1, 4, 7 и 10).

23) *Скальковский*. Опытъ Статистич. описанія Новороссійскаго края. Ч. 1.

24) Статистическій временникъ Россійской Имперіи, 1865. Вып. 1, вып. 17.

25) *Диттерици*. Народонаселеніе земного шара по количеству, племеннымъ различіямъ и вѣроисповѣданіямъ.

26) Мѣсяцесловъ на 1860 и 1864 г.

27) *Лебедкинъ*. О племенномъ составѣ народонаселенія зап. края Росс. Ими. (Записки Русск. геогр. Общ. 1861 г. № 3).

28) Статистическія свѣдѣнія о государствахъ 1866 г. (Приложенія къ Современнику 1860 г. № 1).

29) Ир. Житецкій. Смѣна народностей въ Южной Россіи («Кіевск. Старина», 1883 г.).

милировавшихся позже съ іудействующими татарами, мы знаемъ теперь подъ именемъ караимовъ. Но рядомъ съ евреями библеистами уже въ это отдаленное время можно предполагать появленіе въ Южной Россіи и евреевъ талмудистовъ. Какъ извѣстно, евреи послѣдняго вида начали поселяться въ Европѣ прежде всего на Аппенинскомъ полуостровѣ; отсюда они, разселяясь по торгово-промышленнымъ мотивамъ въ предѣлахъ Римской Имперіи, перешли на Пиринейскій полуостровъ, на которомъ, особенно въ мусульманскій періодъ, играли видную роль въ торгово-промышленномъ мірѣ, а затѣмъ и въ другія провинціи имперіи.

На своей родинѣ, въ Малой Азіи, евреи представляли земледѣльческое населеніе. Даже послѣ Р. Х. они не утратили этой черты. Такъ, въ Талмудѣ Вавилонскомъ (сост. около 600 г. по Р. Хр.) почти нѣтъ еще постановленій, относящихся къ торговлѣ. Рѣчь идетъ только о куплѣ, продажѣ земледѣльческихъ орудій, рабочаго скота, домашнихъ животныхъ, удобренія и т. п. Очевидно, тамошніе евреи въ то время занимались не торговлей, а сельскимъ хозяйствомъ, какъ, впрочемъ, было отчасти и въ Европѣ до XI столѣтія. Имѣются положительныя свѣдѣнія, что въ Греціи, въ Ломбардіи, въ сѣверн. Италіи, въ южн. Франціи евреи занимались земледѣліемъ. Но на ряду съ этимъ въ Европѣ евреи занимались уже промыслами и вели торговлю, которая принимала въ нѣкоторыхъ странахъ значительные размѣры. О грандіозныхъ торговыхъ предпріятіяхъ евреевъ въ Испаніи и Франціи сообщаетъ одинъ арабскій писатель подъ 880 г. по Р. Хр. замѣчательныя подробности. „Владѣя различными языками“, говоритъ онъ, „и находя почти повсюду единовѣрцевъ, евреи достигали на своихъ корабляхъ Индіи и Китая, а иногда они отправлялись черезъ славянскія земли на Волгу, въ Хозарское царство и далѣе въ Туркестанъ“. Изъ еврейскихъ источниковъ извѣстно также, что еврейскіе купцы доставляли цѣлые караваны товаровъ изъ прирейнскихъ странъ въ русскія, т. е., вѣроятно, въ сѣверную Галицію. Очень возможно, что евреи западной Европы (талмудисты) проникли „въ южно-русскіе пре-

дѣлы уже въ IX вѣкѣ и раньше, преимущественно съ торговыми цѣлями. На это указываетъ проживаниеъ евреевъ въ хозарскихъ и славяно-русскихъ городахъ, ведшихъ торговлю съ Азіей и Европой, и посредничество евреевъ въ продажѣ плѣнныхъ въ восточныя мусульманскія страны. Но около этого же времени судьбу европейскихъ евреевъ стали сопровождать уже и такія событія и обстоятельства,] которыя еврейское населеніе стали направлять все болѣе и болѣе въ славянскія страны. Мало по малу папскій Римъ втянулъ европейскую жизнь въ сферу церковнаго вліянія, и евреи послѣдовательно стали исключаться отъ всякаго участія въ этой жизни. Сначала католицизмъ пытался привлечь евреевъ къ христіанству мирнымъ путемъ, а при неудачахъ въ этомъ направленіи сталъ все болѣе и болѣе ограничивать евреевъ въ ихъ гражданскихъ правахъ.

При Юстиніанѣ старыя ограничительныя законы Константина и Θεодосія II были еще усилены, и особенно тягостно съ ними поступали иконоборствующіе императоры. Въ Западной Имперіи уже при Карлѣ Великомъ постепенно шли измѣненія въ гражданскихъ занятіяхъ евреевъ, которымъ предоставлена была торговля и промыслы, да ростовщичество. Къ этому же времени относятся и первыя прямыя гоненія на евреевъ. По распаденіи имперіи Карла Великаго, государи Франціи и Германіи, а также владѣтели разрозненныхъ частей Италіи, представили церкви по отношенію къ евреямъ полную свободу дѣйствія. Уже въ 855 г. Людовикъ II пытался совершенно изгнать евреевъ изъ Италіи, а начиная съ X стол., во Франціи и Германіи страстная недѣля часто становилась для евреевъ временемъ страшныхъ погромовъ. При первомъ крестовомъ походѣ (1096 г.) цѣлыя еврейскія общины въ Трирѣ, Шпейерѣ, Вормсѣ, Майнцѣ и Кельнѣ, послѣ жестокихъ мученій, были истреблены, не пожелавъ креститься. Во время второго крестоваго похода пришлось сильно пострадать евреямъ во Франціи, а затѣмъ корыстолюбивый Филиппъ II Августъ (1180—1223) изгонялъ и призывалъ обратно евреевъ неоднократно, смотря по тому, что представлялось выгоднымъ для его казны. Приготовленія къ третьему

крестовому походу оказались печальными для англійскихъ евреевъ, и ихъ преслѣдуемое положеніе длилось до тѣхъ поръ, пока въ 1240 г. всѣ евреи не были совсѣмъ изгнаны изъ Англии. Преслѣдуемые евреи съ перваго же времени стали бѣжать на востокъ, въ новыя славянскія государства, гдѣ царствовала вѣротерпимость, но они уже въ это время приносили туда и свои, воспитанныя вѣковымъ преслѣдованіемъ, антиобщественныя свойства, особенно въ формѣ ростовщичества. Западная христіанская церковь въ этотъ періодъ строжайше преслѣдовала своихъ послѣдователей за денежный ростъ, и потому по неизбѣжности пришлось разрѣшить вѣрующимъ займы у „невѣрныхъ“.

Благодаря этой мѣрѣ, евреи могли пріобрѣсть замѣтное вліяніе, хотя этимъ же денежнымъ дѣламъ евреи также обязаны были тѣмъ, что часто становились жертвами страшнѣйшихъ гоненій. Существуетъ основаніе полагать, что съ этого же времени въ южно-русскія области стали вселяться, кромѣ евреевъ библистовъ, западные евреи талмудисты, специализировавшіе свою дѣятельность, благодаря исключительнымъ условіямъ своей европейской исторіи, на торговлѣ и ростовщичествѣ. Къстати, общественно-экономическія свойства тогдашней южно-русской страны, не имѣвшей организованнаго національнаго коммерческаго населенія и страдавшей отъ внутреннихъ неурядиць, представляли благоприятныя условія для дѣятельности западныхъ евреевъ. По крайней мѣрѣ тѣми же признаками, какими отличаются евреи талмудисты въ теченіе всей южно-русской исторіи и до нашего времени, характеризуются уже кіевскіе евреи временъ Святополка II и Владиміра Мономаха. Такъ, по смерти Святополка II кіевляне взяли евреевъ „на потокъ“ и „разграбиша я“ въ отместку за ростовщичество и захватъ мѣстной торговли. Съ тѣми же особенностями евреевъ ведетъ борьбу и Владиміръ Мономахъ, издавая постановленіе о „рѣзахъ“ и изгоняя евреевъ изъ Кіева. Въ этотъ періодъ евреи составляли уже далеко не временныхъ, а постоянныхъ жителей города Кіева. Такъ, извѣстно, что при пожарѣ 1124 г. въ Кіевѣ

погорѣли и „жидове“. Вѣроятно, они жили даже въ отдѣльной части города, на сѣверо-восточной сторонѣ Кіева, куда вели „жидовскія ворота“. Поселенія евреевъ, конечно, не ограничивались городомъ Кіевомъ, и вѣроятно они были и въ другихъ торговыхъ мѣстахъ южной Руси, какъ Любечъ, Черниговъ, и проникли даже вмѣстѣ съ князьями и въ сѣверную Русь. Такъ они оказываются даже во Владимірѣ на Клязьмѣ, гдѣ по случаю смерти Андрея Боголюбскаго въ 1175 г. „жидове“ плакали по немъ. Особенно можно предполагать значительное еврейское населеніе въ галицко-владимірской землѣ, какъ области, ближайшей къ западной Европѣ и притомъ выдѣлявшейся въ то время своей внѣшней торговлей, гдѣ евреевъ особенно цѣнили, о чемъ и свидѣтельствуетъ сказаніе Волинской лѣтописи о томъ, что въ Галицкомъ княжествѣ въ половинѣ XIII в. они оплакивали смерть Володимірскаго князя Василька.

Изгнанія евреевъ, подобно кіевскому при Владимірѣ Мономахѣ, были, конечно, явленія мѣстныя и временныя, и таковыя, въ связи со взятіемъ ихъ имуществъ „на потокъ“, лишь указываютъ на то, что и въ эту раннюю эпоху южно-русской исторіи, именно въ XI—XIII вѣкахъ, уже отчетливо вырисовываются особенности южно-русскаго еврейства и тѣ ненормальныя экономическія отношенія евреевъ къ туземному населенію, какія потомъ уже рѣзко выступаютъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Упадокъ общей жизни въ странѣ въ эпоху татарщины пропорціонально ослабилъ и еврейское населеніе, хотя есть основаніе утверждать, что въ періодъ грозной татарщины евреи не исчезли совершенно на территоріи южной Руси, такъ какъ они, между прочимъ, оказываются въ числѣ сборщиковъ дани, которая собиралась для монгольскихъ хановъ съ туземнаго населенія.

Новое и болѣе обильное населеніе евреями южной Руси произошло уже въ періодъ литовско-польскій, и особенно сопровождало переходъ этого края подъ власть Польши.

Въ составѣ еврейскаго населенія различаются ясно двѣ этнографическія группы: еврей-караимы (или библисты) и и еврей-талмудисты (или раввинисты). Первые переселялись

обыкновенно отдѣльными семьями въ южную Русь изъ Крыма въ XIII, XIV в. в., но въ отдѣльныхъ случаяхъ переселеніе принимало и болѣе массовой характеръ. Такъ, въ 1363 г., послѣ похода Ольгерда въ Крымъ, караимы въ значительномъ числѣ семей вышли изъ Крыма, были гостепріимно приняты литовскими князьями и поселились сначала въ Трокахъ, а оттуда уже перешли въ волынскіе города, главнымъ образомъ въ Луцкъ, откуда еще позже расселились на западъ—въ Галицію и на востокъ—въ Приднѣпровье. Главное занятіе евреевъ-караимовъ была торговля; но ни своею численностью, ни своимъ вліяніемъ караимы не имѣли для страны того значенія, какое пріобрѣли еврей-талмудисты. Послѣдніе передвигались въ южно-русскую страну изъ западной Европы, по преимуществу черезъ Польшу, гдѣ появленіе евреевъ относится къ незапамятнымъ временамъ, хотя несомнѣнные свидѣтельства о евреяхъ въ польскихъ провинціяхъ восходятъ лишь къ XI в. Козьма Пражскій подъ 1093 г. сообщаетъ, что богемскіе евреи, спасаясь отъ преслѣдованій, выѣзжали изъ Богеміи и высылали свое имущество въ сосѣднюю Польшу и Венгрію *къ своимъ единовѣрцамъ*. Въ 1264 г. великопольскимъ евреямъ отъ Калишскаго князя Болеслава Благочестиваго особою грамотою предоставляются права торговать всѣми предметами, наравнѣ съ мѣщанами, право ссуды денегъ подъ закладъ и залогъ; религіозная свобода евреевъ охраняется угрозою конфискаціи имущества. Подобныя же привилегіи позже нѣсколько подтверждаетъ для малопольскихъ евреевъ грамота короля Казимира Великаго (1367). Около этого же времени, именно съ XIV в., еврейское переселеніе увеличивается замѣтно и совпадаетъ съ усиленіемъ и расширеніемъ польскаго государства. Польскіе короли сами стали заботиться о переселеніи прирейнскихъ евреевъ, какъ населенія, отмѣченнаго уже и тогда своимъ коммерческимъ складомъ, въ малолюдные въ то время города и мѣстечки Польской короны. На такія зазыванія послѣдовали массовыя передвиженія нѣмецкихъ евреевъ, и къ XV в. еврейское населеніе въ польскихъ владѣніяхъ считалось

уже тысячами. Изъ Польши евреи переходили и въ сосѣднія литовскія владѣнія.

Въ Литовской Руси лѣтописи упоминаютъ евреевъ въ качествѣ постоянныхъ жителей уже въ половинѣ XII ст., и еврейскій элементъ въ Литвѣ растетъ по мѣрѣ распространенія Литовскаго государства на востокъ. Въ половинѣ XIV ст. они отмѣчаются уже старинными жителями Бреста Лит., Трокъ и Луцка, какъ это удостовѣряетъ жалованная грамота вел. князя Витовта отъ 1388 и 1389 годовъ, такъ какъ первая грамота лишь систематически излагаетъ тѣ привилегіи, которыми уже раньше обладали евреи. Особеннымъ покровительствомъ еврейской колонизаціи отмѣчены въ Польскомъ королевствѣ Казиміръ Великій, а въ Литовскомъ—Витовтъ и Ягелло. Въ силу Люблинской уніи (1569 г.) открывається возможность широкому передвиженію евреевъ изъ Польши въ Литву. Польскіе евреи немедленно пользуются этимъ, и въ вольныхъ новыхъ польскихъ переселенцахъ исчезаютъ старые русскіе евреи. Мало по-малу и здѣсь еврейская жизнь складывается по-польски: евреи обращаются быстро въ замкнутое сословіе, какъ въ Польшѣ. Общее направленіе колонизаціи въ южно-русскихъ земляхъ—съ запада на востокъ: чѣмъ восточнѣе область южной Руси, тѣмъ позже появляются въ ней евреи, такъ что, напримѣръ, во Владимірѣ Галицкомъ евреи уже были въ значительномъ количествѣ въ 1288 г., тогда какъ въ Пинскѣ они появляются въ лишь началѣ XVI ст.

Въ XIV в. евреи указываются историческими источниками во многихъ городахъ Галицкой Руси: во Львовѣ, Галичѣ и пр.; на Волыни—въ Брестѣ, Володимірѣ, Луцкѣ Кобринѣ и др. Въ XV в. встрѣчаемся съ ними въ Подоліи: въ Каменцѣ, Смотричѣ и пр., а также въ Кіевщинѣ—именно въ Кіевѣ, а въ XVI и въ Пинскѣ, Клецкѣ и др., и къ началу XVII в. еврейскія поселенія указываются и по лѣвой сторонѣ Днѣпра, напр. въ Путивлѣ.

Сначала евреи поселялись только въ городахъ, особенно замѣтныхъ въ торгово-промышленной дѣятельности, изъ нихъ потомъ переходили въ менѣе населенныя и богатыя поселенія, пока наконецъ не достигали и деревень. Что касается общей

численности евреевъ въ эту эпоху, то въ предѣлахъ Литовскаго княжества, сравнительно съ послѣдующими вѣками, она не была особенно еще велика. Напр., въ г. Кобринѣ, принадлежавшемъ къ берестейскому воеводству, особенно обильному тогда евреями, послѣднихъ въ 1563 г. было всего 30 семействъ, да за р. Муховцомъ еще 4 семьи, въ мѣстечкѣ Дуботинѣ 19 семей, въ м. Городцѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Кобрина, 3 семьи; около того-же времени въ г. Пинскѣ мужчинъ евреевъ числилось всего 39 человекъ. По расчету г. Бершадскаго, въ предѣлахъ Литовскаго княжества во второй половинѣ XV в. было евреевъ обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ отъ 10 до 12 тысячъ человекъ; относительно гуще было еврейское населеніе въ южно-русскихъ провинціяхъ Польши.

Евреи Литовско-польскаго періода по своимъ занятіямъ и общественному строю представляютъ значительно измѣнившійся типъ, сравнительно съ тѣмъ, какой они имѣли въ періодъ до-татарскій, хотя и тѣ и другіе евреи переселились въ южную Русь изъ западно-европейскихъ государствъ.

Съ конца XI столѣтія въ Западной Европѣ обстоятельства сильно измѣнились въ невыгодѣ евреевъ. Вслѣдствіе крестовыхъ походовъ европейскіе христіане вступили въ близкія сношенія съ востокомъ, образовались христіанскіе цехи, въ которые евреи не могли имѣть доступа, и для нихъ въ этой области осталась только мелочная торговля. Въ средніе вѣка, съ развитіемъ цеховъ, евреи были вытѣснены изъ всѣхъ промысловъ, и имъ дозволена была лишь починка стараго платья. Кромѣ мелочей торговли и домашней ручной работы, евреямъ для поддержанія жизни оставалось еще занятіе врачебнымъ искусствомъ, въ чемъ они, несмотря на запрещеніе, сдѣлались необходимыми, и наконецъ денежныя дѣла въ видѣ ростовщичества. Послѣднее занятіе то создавало для евреевъ вліяніе, то еще чаще было источникомъ бѣдствій. Займодавца еврея, при господствовавшемъ тогда церковномъ вліяніи, можно было безнаказанно при удобномъ случаѣ убить, или изгнать всю еврейскую общину изъ города и тѣмъ освободиться отъ всѣхъ долговъ, или исходатайствовать у

главы государства эдиктъ, объявляющій всѣ выданныя евреямъ долговныя обязательства потерявшими силу. Исключенные отъ всякаго участія въ жизни государства, евреи могли находить успокоеніе въ собственной семьѣ и въ обычаяхъ предковъ, а это вело къ послѣдовательному замыканію евреевъ въ сферу узкихъ личныхъ и національныхъ интересовъ. Къ этому вели, какъ требованія отъ евреевъ жить въ особыхъ кварталахъ, носить особые знаки на одеждахъ, такъ еще въ большей мѣрѣ и раз-роставшіяся гоненія на нихъ. Съ XI вѣка въ Западной Европѣ каждая община ежеминутно должна была страшиться нападенія или изгнанія. Въ 1391 г. во всѣхъ почти городахъ Испаніи произошла страшная рѣзня, въ которой погибли тысячи евреевъ, а черезъ столѣтіе (2-го августа 1492 г.) около 300,000 евреевъ вынуждены были оставить страну, которая въ теченіе 1500 лѣтъ была ихъ родиной. Въ XV в. во многихъ мѣстностяхъ, особенно въ Германіи, евреи были поголовно истреблены, а изъ другихъ бѣжали. Германскіе евреи находили себѣ сносное положеніе въ славянскихъ земляхъ, и особенно въ Польшѣ, а оттуда въ Литвѣ и южно русскихъ предѣлахъ. Сюда они естественно при-несли съ собою и всѣ антиобщественныя особенности, какія копили среди гоненій въ западной Европѣ. Михаилъ Литвинъ (Michalon) въ половинѣ XVI вѣка пишетъ, что „въ страну нашу собрался отовсюду самый дурной изъ всѣхъ народовъ—іудейскій, распространившійся по всѣмъ городамъ Подолиі, Волыни и дру-гихъ плодородныхъ областей, народъ вѣроломный, хитрый, вред-ный, который портитъ наши товары, поддѣлываетъ подписи, пе-чати, на рынкахъ отнимаетъ у христіанъ средства къ жизни, не зная другого искусства кромѣ обмана и клеветы“. Аналогичные отзывы раздавались и на люблинскомъ сеймѣ (1569 г.), гдѣ ли-товскіе депутаты жаловались на отдачу евреямъ въ аренду раз-наго рода оброчныхъ статей: мельницъ, солодовень, торговыхъ пошлинъ, мыта, на то, что въ рукахъ евреевъ находятся всѣ корчмы, куда они, пользуясь страстью славянъ къ водкѣ, завле-каютъ крестьянъ всѣми способами, развиваютъ въ нихъ средѣ

порчу нравовъ и потворствуютъ разнымъ порокамъ. На своей новой родинѣ евреи, хотя и не сдѣлались полноправными гражданами, но какъ въ Польскомъ государствѣ, такъ и въ Литовскомъ, они составляли существенную часть населенія главнѣйшихъ городовъ, пользовались въ значительной мѣрѣ гарантированнымъ положеніемъ и разными льготами, подтвержденными правительственными актами. Благополучіе евреевъ устраивалось, какъ въ интересахъ фиска, такъ еще болѣе въ личныхъ расчетахъ польскихъ королей, нуждавшихся въ богатыхъ и надежныхъ кредиторахъ, какими оказывались евреи, примкнувшіе къ власти королей, пока еще имѣвшихъ силу и фактическое значеніе въ странѣ. Порабощеніе посполства и отсутствіе организованнаго и развитого промышленно-торговаго класса въ странѣ представляли просторъ для дѣятельности евреевъ, и „эти бездомные скитальцы и отверженцы общеевропейской цивилизаціи“, въ сравнительно короткое время, своими дѣйствіями успѣли возбудить и здѣсь, во всѣхъ мѣстахъ своихъ поселеній, противъ себя недовольство кореннаго населенія. Это обстоятельство не могло не отражаться и на судьбѣ самихъ евреевъ. Положеніе ихъ, сравнительно съ прежнимъ, постепенно дѣлается юридически менѣе выгоднымъ и болѣе неопредѣленнымъ: въ польско-литвинскомъ законодательствѣ вводятся ограниченія и составляются отдѣльныя сеймовыя постановленія, особенно въ XVI в. Королевскою грамотою 1619 г. евреи утратили право на осѣдлость и торговлю въ Кіевѣ, куда имъ разрѣшалось пріѣзжать только на одинъ день и останавливаться на особомъ подворьѣ; еще строже поступлено было съ евреями относительно Каменца, окрестности котораго даже на разстояніи трехъ миль были закрыты для евреевъ; въ Кременцѣ евреи потеряли право на производство вина, пива, меда и на торговлю ими. Грамотою королевича Владислава 1623 г. запрещено было евреямъ жить въ повѣтахъ Черниговскомъ и Сѣверскомъ. Помимо мѣстныхъ ограниченій, отъ времени до времени сеймовыя постановленія стѣсняли евреевъ и общими мѣрами: взиманіемъ податей въ

двойномъ количествѣ, единовременными подушными налогами, запретомъ торговли лошадьми, отбираниемъ на монетный дворъ по низкой цѣнѣ принадлежащаго евреямъ серебра. Можно въ южно-русской исторіи того времени отмѣтить и случаи поголовнаго изгнанія евреевъ, хотя послѣдніе скоро возвращались на старыя мѣста, съ правомъ брать во владѣніе свои прежніе дома и земли, которыми въ промежутокъ изгнанія пользовались христіане. Основаніемъ указанныхъ явленій въ положеніи евреевъ служило, какъ стремленіе королей и сеймовъ парализовать вредное вліяніе послѣднихъ на экономическое положеніе массы, торговлѣ и ремесламъ которыхъ еврейская монополія нанесла явный ущербъ, такъ и интересы привилегированныхъ сословій государства—шляхетства. Въ завладѣніи евреями денежнымъ рынкомъ правящее сословіе не могло не видѣть нарушенія своихъ интересовъ и имѣвшеюся въ ихъ рукахъ властью естественно стремилось ограничить обогащеніе евреевъ. Сеймовыя стѣсненія указали, на чью сторону въ польскомъ королевствѣ переходила фактическая сила, и евреи, вѣрные талмудическому афоризму „когда лисица въ силѣ, и ей должно кланяться“, примкнули къ польскому панству: открыли кредитъ и сдѣлались вольными слугами и агентами могучаго панства. Въ жизни и законодательствѣ такое социальное явленіе выразилось въ томъ, что евреи изъ королевскихъ имѣній, на которыхъ они сначала и имѣли только право постоянной осѣдности на правахъ подвластныхъ королямъ, начали экстенсивно наполнять собою владѣнія магнатовъ.

Слабѣйшая сторона тогдашняго южно-русскаго общественнаго строя состояла въ разрывѣ между панствомъ и „хлопами“ и въ безграничной власти перваго надъ послѣднимъ. Евреи заполнили собою этотъ огромный промежутокъ, отдѣлявшій въ Речи Посполитой полновластную шляхту отъ безправныхъ хлопъ, и сдѣлались *factotum*'омъ пановъ. Сближеніе произошло не только въ жизни, но и въ социальномъ-юридическомъ положеніи. По своимъ правамъ евреи въ Польско-Литовскомъ госу-

дарствѣ стояли вообще ближе къ дворянству, чѣмъ къ посполству и даже мѣщанству: права евреевъ на жизнь, честь и свободу по закону удовлетворялись наравнѣ съ шляхтичами; они пользовались привилегированнымъ правомъ меча (*jus gladii*), въ силу котораго носили саблю; въ городахъ съ 1578 г. они освобождены отъ суда по Магдебургскому праву; какъ панскіе арендаторы, получили право судить крестьянъ и наказывать ихъ даже смертію и получили своеобразное устройство, дѣлавшее ихъ юридически независимыми и самобытными. Уже въ концѣ XV в. главный городъ cadaго воеводства содержитъ въ себѣ и главную еврейскую общину, представляющую въ глазахъ государственной власти всѣхъ евреевъ административнаго округа. Отдѣльный еврей мало-по-малу закрывается для государства еврейскимъ обществомъ, внѣ котораго онъ безсиленъ и безпомощенъ. Опираясь на свои привилегіи, польскіе евреи къ концу XVI ст. вырабатываютъ, примѣнительно къ государственному устройству Речи Посполитой слѣдующую организацію. Все еврейское населеніе раздѣляется между четырьмя провинціями, имѣющими совершенно самостоятельное управленіе: Великою Польшей, Малою Польшей, Русью (Червонною) и Волянью. Всѣ евреи провинціи составляютъ „синагогу“. Всякая провинція или „синагога“ распадается на меньшіе округа, называемые „кагалами“, а территория cadaго кагала дѣлится еще на „прикагалки“. Во главѣ cadaго кагала или прикагалка находились избираемые евреями на опредѣленный срокъ раввинъ и старшины; на нихъ лежали всѣ судебныя и административныя функціи по завѣдыванію дѣлами евреевъ округа. Основаніемъ для разрѣшенія всѣхъ споровъ между самими евреями служилъ Талмудъ и до извѣстной степени мѣстные еврейскіе обычаи. Кагалъ являлся оффиціально признаннымъ органомъ, къ которому обращалась государственная власть со своими требованиями и предписаніями. Изъ кагалныхъ старшинъ и особливо избираемыхъ депутатовъ отъ cadaго кагала составлялись провинціальныя сеймики. По дѣламъ всѣхъ евреевъ польскихъ еже-

годно, одинъ разъ въ Ярославѣ Галицкомъ, а другой—въ Люблинѣ, собирались старшины всѣхъ польскихъ кагаловъ и депутаты отъ всѣхъ четырехъ провинцій на генеральный сеймъ польскихъ евреевъ, извѣстный въ исторіи подъ названіемъ „синада четырехъ странъ“. Опираясь на такую стройную организацію, подчиняясь безусловно авторитету еврейскаго права, польскіе евреи сложились окончателно въ замкнутое торгово-промышленное сословіе, овладѣли большею частью промысловъ и всею торговлею королевства. Поддерживаемые покровительствомъ воеводъ и ихъ намѣстниковъ и католическимъ духовенствомъ, которому они платили искусственно большіе проценты на занимаемые у нихъ капиталы, евреи быстро ослабили торговцевъ христіанъ, находившихся между собою въ постоянныхъ столкновеніяхъ, благодаря соперничеству цеховому и пр. Ставъ на мѣсто мѣщанъ, евреи, однако, не въ состояніи были выйти изъ своего замкнутаго положенія. Лишенные возможности получать иное образованіе, кромѣ талмудическаго, евреи остались безучастными къ внутренней жизни польскаго общества, остались иностранцами, проживающими въ чуждомъ имъ государствѣ. Съ другой стороны, въ результатъ сближенія денежнаго еврейства съ властнымъ шляхетствомъ, повторилась въ исторіи Польскаго королевства XVI—XVII вв. старая исторія, какую евреи пережили въ Александріи, въ Испаніи, въ Римѣ и, вообще, во всѣхъ странахъ, куда ихъ заносила судьба: они и здѣсь примѣнили отмѣченное въ Талмудѣ Рабби Іохананомъ „замѣчательное искусство евреевъ быть господами своихъ тирановъ“. Прежде всего расширилась территорія поселеній евреевъ: подъ видомъ польскихъ арендаторовъ, управителей и агентовъ, евреи получили фактическое право жить въ тѣхъ мѣстахъ, которыя по закону имъ были недоступны. Такимъ путемъ они проникли, вопреки грамотѣ Владислава 1627 г., въ лѣвобережную Украину, вкоренились во всей области, появились въ селахъ и не только въ видѣ шинкарей, но и какъ фактическіе землевладѣльцы, и уже въ началѣ XVII ст. евреи были въ *городахъ и селахъ* Га-

лиціи, Подоліи, на Волини, въ Кіевщинѣ, въ предѣлахъ теперешнихъ Полтавской и Черниговской губерній, пробрались даже въ Новороссійскія степи, въ сосѣдство съ запорожцами, гдѣ они вели различную торговлю, были откупщиками соли у крымскихъ хановъ и ростовщиками. Численность еврейскаго населенія возрастала пропорціоально расширенію области, увеличиваясь не однимъ естественнымъ ростомъ, но и продолжавшимся переселеніемъ евреевъ изъ западной Европы. На всемъ пространствѣ южно-русскихъ поселеній, какъ въ польской, такъ и въ литовской половинѣ, евреи раскинули сѣти своихъ коммерческихъ предпріятій и овладѣли городами и селами. Въ городахъ и мѣстечкахъ коренное населеніе, вытѣсненное изъ сферы торговли и промышленности, обратилось къ земледѣльческимъ работамъ, и въ результатѣ города оказались истощенными, съ полукрѣпостнымъ населеніемъ, оторванные отъ общей жизни страны и переполненные иноплеменнымъ еврейскимъ населеніемъ, и южная Русь въ это время лишилась возможности на образованіе національнаго средняго сословія. Побѣда евреевъ въ городахъ была тѣмъ успѣшнѣе, что, помимо разныхъ привилегій, евреи явились въ южную Русь съ болѣе значительною степенью общаго и экономическаго развитія, чѣмъ туземные горожане; они были къ тому же сильны солидарностью въ дѣйствіяхъ и, наконецъ, сознавая себя постоянно племенемъ пришлымъ, чуждымъ туземцамъ и ихъ интересамъ, евреи въ своей дѣятельности не стѣснялись никакими моральными требованіями, кромѣ экономической выгоды. Не въ лучшемъ положеніи находилась и села: паны довѣряли евреямъ свои доходы, свои шинки, мельницы, заводы, свои имѣнія и своихъ подданныхъ, и еврейскіе арендаторы, корчмари и экономы благопріятствовали истощенію богатствъ земли и помогали панству въ порабощеніи народа, и въ то же время обращали въ свою пользу значительную выгоду, какую бы получило панство, или, говоря словами лѣтописи, „мазали пановъ по тѣлу ихъ собственнымъ саломъ“.

Народъ сознавалъ тяжесть еврейскаго хозяйничанья въ странѣ и, не находя дѣйствительной себѣ поддержки въ борьбѣ съ еврействомъ въ правительствѣ, которое ограничивалось грамотами и разными ограничительными постановленіями, принялся помогать себѣ средствами массъ, какъ при Святополкѣ II,—грабежемъ и убійствами. Кровавая расправа въ періодъ козацкихъ войнъ постигла на ряду со шляхетствомъ и его двойника—еврейское населеніе. Еврейскій элементъ ослабѣлъ въ южно-русскихъ областяхъ, а въ ближайшихъ къ военному району мѣстахъ и совершенно исчезъ, но, однако, не на долго. Волны народнаго возбужденія постепенно улеглись, опасности отъ ярости массы не оказывалось для евреевъ, и социальна-экономическія условія страны не измѣнились, особенно въ правобережной Украинѣ: къ XVIII в. въ край по прежнему не существовало такого свободнаго національнаго сословія, которое могло бы заполнить вновь образовавшійся промежутокъ между панствомъ и хлопствомъ, а правящіе классы относительно евреевъ держались прежнихъ основаній. Однимъ словомъ, все благопріятствовало возврату евреевъ въ край. И дѣйствительно, съ раздѣленіемъ Южной Руси по Андрусовскому договору, въ заселенную часть правобережной Украины, рядомъ съ польскими порядками, приходили и евреи, и гдѣ только поселялись, дѣлались по прежнему придаткомъ панства, посредствомъ котораго паны не безъ ущерба, впрочемъ, для себя, владѣли своими хлопами. Въ лѣвобережной Украинѣ, откуда болѣе всего евреи были вытѣснены козацкимъ движеніемъ, во весь гетманскій періодъ евреямъ дозволялось жить только временно, ради торговыхъ операцій; но по мѣрѣ заселенія праваго побережья Днѣпра, они незамѣтно, мало-по-малу, водворялись и на лѣвомъ берегу. Въ 1764 г. малорусское гетманство уничтожилось, а русское правительство, въ интересахъ уничтоженія автономныхъ традицій Малороссіи, не стало ставить преградъ для еврейской осѣдлости въ ней. Результаты получились сходные съ XVII ст.; на защиту интересовъ малорусскаго населенія возникло гайдамацкое

движеніе, жестоко расправившееся, на ряду съ поляками, и съ евреями.

Къ концу XVIII ст. политическія обстоятельства значительно измѣнились: въ 1773 г. послѣдовалъ первый раздѣлъ Польскаго королевства, а въ 1792 г. и второй, и судьба жгучаго тогда еврейскаго вопроса въ южно-русскихъ областяхъ ставится въ полную зависимость отъ внутренней политики двухъ сильныхъ европейскихъ государствъ—Русскаго и Австрійскаго. Польское правительство съ XIV вѣка и до конца своего существованія держалось по отношенію Евреевъ принципомъ утилизаціи: евреи не были признаны полноправными гражданами, но они, какъ полезный элементъ, составляли покровительствуемое племя, и имъ было предоставлено въ законодательныхъ установленіяхъ столько свободы, сколько, при односторонности шляхетскаго воззрѣнія, того требовала государственная польза и интересъ правящихъ классовъ. Съ переходомъ власти отъ Польши къ Австріи и Россіи, какъ то, такъ и другое государства нѣкоторое время въ еврейскомъ вопросѣ слѣдовали тѣмъ же принципамъ утилитаризма не безъ нѣкоторой, впрочемъ, примѣси гуманныхъ началъ, модныхъ тогда при дворахъ Іосифа II и Екатерины II. Подъ вліяніемъ именно гуманнаго настроенія въ 1782 г. въ Австріи былъ опубликованъ такъ называемый „эдиктъ терпимости“ (Toleranza Edict) Іосифа II, по которому евреямъ дозволялось постоянно жить во всѣхъ городахъ и, за нѣкоторыми исключеніями, и въ деревняхъ, заниматься ремеслами и торговлей, но безъ права владѣнія недвижимыми имуществами; они получали право основывать нормальныя школы и нести обязанности военной службы. Почти одновременно, именно въ 1786 г., современницей Іосифа II, Екатериной II-ой, подписанъ былъ сенатскій указъ, отмѣнявшій неравноправность евреевъ въ имущественныхъ и судебныхъ дѣлахъ и религіозную нетерпимость, въ чемъ и выразилось фактическое стремленіе русскаго правительства къ уравниенію правъ евреевъ. Параллелизмъ въ этомъ отношеніи Австріи и Россіи

продолжается приблизительно до конца XVIII вѣка. Въ этотъ періодъ евреи, разогнанные передъ тѣмъ гайдамацкими расправами, вновь заселяютъ Юго-Западный край; съ присоединеніемъ къ Россіи въ 1772 году Бѣлоруссіи, еврейское населеніе нахлынуло въ теперешнія Полтавскую и Черниговскую губ., гдѣ они и были укрѣплены въ 1794 г. въ городахъ и помѣщичьихъ имѣніяхъ; фактически тогда водворилось еврейство и въ „Екатеринославскомъ намѣстничествѣ“ и въ „Таврической области“, хотя указъ, разрѣшавшій евреямъ водвореніе на жительство въ „Новороссійской“ губ., послѣдовалъ лишь въ 1829 г., 16-го ноября; въ концѣ же XVIII в. евреи поселились въ Буковинѣ и Угорской Руси, куда они перешли изъ Галиціи и Польши. Слѣдовательно, къ началу XIX в. изъ малорусскихъ областей только Харьковская и малорусскія части Курской, Воронежской и Земли Войска Донск., а равно и земля Черноморскаго войска были свободны отъ еврейскаго населенія.

Въ XIX вѣкѣ Австрія, служа невольнымъ отраженіемъ политическихъ движеній въ Европѣ, шла постепенно, хотя и не безъ колебаній, къ полной эмансипаціи евреевъ, а юридическое положеніе евреевъ въ малорусскихъ областяхъ, въ силу государственной необходимости, подвергалось такимъ же колебаніямъ, какъ и все вообще конституціонное устройство государства. Существенныя улучшенія, въ смыслѣ дѣйствительнаго уравниенія правъ, австрійскіе евреи получили, однако, лишь по конституціи 4-го марта 1849 г. Наступившая потомъ реакція породила снова разныя ограниченія: такъ, указомъ отъ 2-го октября 1853 г., право евреевъ на поземельное владѣніе во всѣхъ коренныхъ земляхъ было снова временно ограничено, а указомъ 18-го февраля 1860 г. приобрѣтеніе евреями недвижимой собственности въ Галиціи и Буковинѣ поставлено было въ зависимость отъ диплома высшихъ учебныхъ заведеній или отъ офицерскаго званія; только конституціей отъ 24 декабря 1867 г. евреи окончательно были уравнены съ остальными гражданами, что было потомъ еще гарантировано особымъ закономъ

о вѣроисповѣданіяхъ (25 мая 1868 г.), которымъ признавалось полное равенство и свобода всѣхъ вѣроисповѣданій въ религіозныхъ и гражданскихъ правахъ.

Нѣсколько менѣе послѣдовательно и постепенно совершалась эманципація въ Венгріи. Въ 1847 г. въ литературѣ поставленъ былъ вопросъ о равноправности евреевъ въ государственныхъ сферахъ и энергично поддерживался Кошутомъ, но объ палаты по этому вопросу ограничились рѣшеніемъ, что еврейскіе церковнослужители должны были получать содержаніе отъ правительства. Послѣдовавшее вскорѣ усмиреніе венгерскаго движенія печально отразилось на судьбѣ венгерскихъ евреевъ: имъ въ этотъ періодъ разрѣшено было пріобрѣтать поземельную собственность, но отъ исключительныхъ законовъ все не отказывались еще долго, не смотря на жаркую борьбу по этому вопросу въ мартовскомъ сеймѣ 1861 г., и законъ объ уравненіи евреевъ съ христіанами во всѣхъ гражданскихъ и политическихъ правахъ и объ отмѣнѣ всѣхъ противныхъ этому постановленій утвержденъ былъ обѣими палатами лишь 20 декабря 1867 года.

Такимъ образомъ, евреи въ малорусскихъ провинціяхъ Австріи—въ Угорской Руси, Галиціи и Буковинѣ съ 1868 г. и юридически, и фактически пользуются не только всѣми судебными и имущественными правами, но и въ политическомъ отношеніи являются полноправными гражданами Австрійской Имперіи.

Иначе устроились евреи въ малорусскихъ провинціяхъ Россіи. Во вторую половину царствованія Екатерины II издано было уже нѣсколько ограничительныхъ положеній о евреяхъ, ничего общаго не имѣющихъ съ гуманными принципами указа 1786 г., и между прочимъ характерный указъ, запрещающій евреямъ вести какую-бы то ни было корреспонденцію кромѣ торговой.¹⁾ Въ началѣ царствованія Александра I, наравнѣ съ

¹⁾ Поводомъ къ этому указу послужило открытіе, что во время турецкой войны еврейскіе купцы въ своей корреспонденціи передавали туркамъ свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи страны.

многими другими вопросами, былъ поднятъ и вопросъ вѣроисповѣднѣй, и въ 1804 г. обнародованъ „указъ“, имѣвшій задачей поставить евреевъ „въ состояніе равное съ другими, безъ различія закона и народа“. Но кромѣ указаннаго устава, всѣ прочія относящіяся къ евреямъ постановленія въ XIX вѣкѣ носятъ явные слѣды системы опеки съ разными задачами: „образовать“, „перевоспитать“, „ассимилировать“ евреевъ, какъ народъ лишь терпимый. Система опеки сопровождалась и разными ограниченіями дѣятельности и района поселеній евреевъ, а по временамъ и преслѣдованіемъ религіозно бытовыхъ особенностей націи. Такъ, въ царств. Николая I изданы были постановленія, запрещающія евреямъ носить польско-еврейскій костюмъ: ермолки, пейсы и пр.; въ 1844 г. уничтожено было кагальное устройство у евреевъ, и надзоръ за ними былъ съ этого времени порученъ общимъ административнымъ властямъ. Однако, рядомъ съ ограниченіями, въ покровительственной системѣ русскаго правительства шли и нѣкоторыя расширенія еврейскихъ вольностей: они были допущены въ общія учебныя заведенія, имъ было дано право записываться въ купечество и мѣщанство, устраивать фабрики и заводы, равно какъ и заниматься ремеслами, предпринята была цѣлая система пріученія евреевъ къ земледѣлію и пр. Особенно преобразовательное царствованіе Александра II было сравнительно богато гуманными мѣрами къ уравниенію евреевъ въ правахъ съ остальными національностями страны: прекращены были изгнанія евреевъ изъ селъ; Высочайшимъ повелѣніемъ 1861 г. было дозволено евреямъ, получившимъ ученую степень, вступать въ государственную службу, кромѣ педагогической дѣятельности; въ 1865 году разрѣшено куцямъ первой гильдіи жить во внутреннихъ губерніяхъ, а равно и ремесленникамъ іудейскаго вѣроисповѣданія; евреи уравниены были относительно рекрутской повинности, призваны къ участию въ городскомъ самоуправленіи и т. д.

Сравнительно съ евреями австрійской части Малороссіи, положеніе евреевъ Малороссіи русской осталось неопредѣлен-

нымъ и незаконченнымъ. Въ современномъ нашемъ законодательствѣ находится болѣе пятидесяти главъ съ 400 сепаратныхъ статей о евреяхъ, которыми прямо или косвенно ограничиваются права ихъ, то съ цѣлью огражденія населенія отъ вреднаго вліянія евреевъ, то ради пользы самихъ же евреевъ. Среди этихъ мѣръ существуетъ ограниченіе осѣдности евреевъ. Выше уже отмѣчено было, что въ концѣ XVIII в. еврей фактически обитали, за незначительными исключеніями, во всѣхъ малорусскихъ областяхъ, и въ этомъ отношеніи дѣйствительное расселеніе переходило за предѣлы, предвидѣнные законами, и только *post factum* уже происходило узаконеніе мѣстожителства евреевъ. Такъ, указомъ отъ 23 декабря 1791 г. евреи узаконены были въ теперешнихъ губ. Екатеринославск. и Таврической; черезъ 12 лѣтъ они допущены были въ Херсонскую губ. и окончательно утверждены указомъ отъ 16 ноября 1829 г. Позже этого происходили лишь частичныя урегулированія вопроса о районѣ еврейской осѣдности, и въ настоящее время, по русскому законодательству среди малороссовъ евреи имѣютъ право жительства въ губерніяхъ: Бессарабской, Подольской, Волынской, Кіевской, кромѣ г. Кіева, Люблинской, Сѣдлецкой, Гродненской, Минской, въ сѣверныхъ частяхъ Таврической, въ Херсонской, Екатеринославской, Черниговской и Полтавской. Всѣ эти области полны теперь еврейскимъ населеніемъ. Количество еврейскаго населенія, въ предѣлахъ собственно малорусскихъ поселеній въ Россіи и Австріи, около 2,000,000 душъ.

Центромъ поселенія евреевъ въ Малороссіи служатъ старыя польскія владѣнія—Галиція, Привислянскій и юго-западный край, гдѣ еврейское населеніе доходитъ до 20% по отдѣльнымъ округамъ, а въ среднемъ составляетъ болѣе 13%. Отъ этого района величина коэффиціента падаетъ болѣе рѣзко на востокъ и менѣе чувствительно на западъ и югъ. Относительно еврейскаго населенія среди другихъ народностей выясняется слѣдующее явленіе: на востокъ и сѣверо-востокъ, среди великорусскаго населенія процентъ евреевъ выражается въ совершенно ничтож-

ныхъ доляхъ; на западѣ: въ Румыніи одинъ еврей приходится на 19 душъ населенія, въ Венгріи—на 22, въ Моравіи—на 47, въ Богеміи—на 57, въ Пруссіи—на 79, въ Европ. Турціи—на 150, въ Швейцаріи—на 386, во Франціи—на 785, въ Бельгіи—на 2541, въ Испаніи—на 2806, въ Швеціи—на 3646, въ Норвегіи—на 69164, т. е. чѣмъ какая страна западной Европы дальше отстоитъ отъ Малороссіи, тѣмъ слабѣе въ ней еврейское населеніе. Однако есть области, вѣдъ малорусскихъ поселеній, которыя въ количествѣ еврейскаго населенія даже превосходятъ южную Русь—это Польша и Бѣлоруссія. Въ первой одинъ еврей приходится на 7 жителей, а въ послѣдней существуютъ такіе уголки, какъ Чаускій у. Могилевской губ., въ которомъ евреи составляютъ 55,5% всего населенія. Очевидно, что въ настоящее время центръ еврейскихъ поселеній приблизительно совпадаетъ съ географическимъ центромъ Европы, и малорусскій народъ, жительствуя въ серединѣ Европейскаго материка, оказался вмѣстѣ съ поляками и бѣлоруссами въ центральномъ мѣстѣ нынѣшняго еврейства.

Въ Европѣ колыбелью евреевъ были по преимуществу страны Романскаго населенія—Аппенинскій полуостровъ и южная Франція; къ среднимъ вѣкамъ евреи передвинулись въ среду германскаго племени, а отсюда уже густою массою іудаизмъ сталъ вселяться въ поселенія славянскихъ народовъ—сначала Чеховъ и Моравовъ, которые къ нашему времени успѣли уже освободиться отъ евреевъ, а потомъ въ Польшу, Бѣлоруссію и Малороссію, на территоріи которыхъ теперь обитаетъ около $\frac{2}{3}$ всѣхъ евреевъ земного шара. Въ западной Европѣ вѣтъ уже и воспоминаній о религиозныхъ преслѣдованіяхъ, а во второй половинѣ XIX ст. исчезли и послѣдніе остатки неравноправности еврейскаго населенія, за исключеніемъ только Швеціи, Норвегіи, Евр. Турціи и Румыніи, и однако еврейское населеніе продолжаетъ свое движеніе и теперь, уменьшалась на западѣ Европы и увеличиваясь въ ея центрѣ. Во Франціи въ 1809 г. числилось евреевъ до 80,000 душъ и одинъ еврей приходился на 362 жит.;

въ 1829 г. еврейское населеніе уменьшилось до 60,000, и одинъ еврей оказывался на 600 душъ населенія; а въ 60-хъ годахъ одинъ еврей приходился уже только на 785 душъ. Аналогичное явленіе произошло и въ другихъ частяхъ западной Европы.

Совершенно противоположное явленіе происходило въ этотъ періодъ въ центральной части Европы, именно среди Малоруссовъ. Въ Буковинѣ систематическія поселенія евреевъ начались лишь въ самомъ концѣ прошлаго вѣка, а черезъ полстолѣтія евреевъ уже числилось около 50,000. Въ Полтавской и Черниговской губ. въ 1739 г. было всего 573 еврея въ 130 дворахъ, а въ 1870, т. е. черезъ 130 лѣтъ, здѣсь числилось уже около 100,000 евр., а еще черезъ десять лѣтъ въ одной Черниговской губ. евреевъ считалось болѣе 81,000. Въ Полт. губ. въ 1842 г. евреевъ было до 17,000, къ 1862 г. ихъ уже насчитывалось около 31,000, а въ 1873 г. евреевъ исчислено было до 63,000; въ 1881 г. еврейское населеніе составляло уже 84,000 д. Такое интенсивное размноженіе евреевъ не можетъ быть объяснено естественнымъ приростомъ, а происходитъ отъ наплыва евреевъ въ предѣлы Малороссіи изъ другихъ мѣстъ. Безъ сомнѣнія, часть еврейскаго населенія даетъ Малороссіи отъ своего избытка ея ближайшій сосѣдь—Бѣлорусскій край, который за одно семилѣтіе съ 1863 по 70-ый годъ потерялъ около 100,000 еврейскаго населенія; но остальная часть не могла явиться ни изъ Польши, гдѣ съ 1867 г. по 70-ый населеніе еврейское увеличилось на 115,000, ни изъ Галиціи и Буковины, гдѣ приростъ евреевъ несоразмѣрно великъ, а вѣроятнѣе всего изъ стараго же источника—изъ западной Европы и старымъ же путемъ—черезъ страны западныхъ сосѣдей малоруссовъ. Гонить же еврейство изъ западной Европы къ намъ теперь уже не преслѣдованіе, а постепенно растущій уровень образованія и развитія населенія, при которомъ не остается мѣста для еврейства, ничего не производящаго, а живущаго исключительно посредничествомъ въ торгово-финансовыхъ операціяхъ.

Ир. Житецкій.

НАША ДОЛЯ-БОЖА ВОЛЯ.

I.

Отъ сколько есть на нашій славній та веселій України усякихъ селъ, слобиць та хуторивъ и сколько въ тыхъ селахъ, слободахъ та хуторахъ живе усякихъ людей, а, здається, такого села, якъ Суныцивка, Харькiвськой губерни и Харькiвського повіту, а найпаче такого чоловіка, якъ Максимъ Микитовичъ Витрякъ, що проживає у тій Суныцивці, десть нема на всій широкій та далекій України.

Що-жъ воно за село та Суныцивка и чымъ воно славне? Чы тымъ, що дуже багате? Чы тымъ, що дуже велике? А чы, може, тымъ, що дуже пышне та роскишне село? Ни, и не пышне, и не багате воно; а що до славы, то воно таке славетне, що якъ зазнають ёго верстовъ за двадцять навкругі окильні селяне, то отъ то и вся ёго слава... Але все-жъ такы не завжды можна побачыты таке село, якъ та Суныцивка...

Якъ хочешъ ты гараздъ раздывиться на те село, то йды ты до нёго зъ полуденной стороны, по дорози одъ хутора Коноваливки, и тутъ тобі буде спершу всёго, у ливоручъ, глыбоченне провалля; однимъ кинцемъ те провалля досягає до самой дороги, а другимъ до великои гребли, що на широкимъ та

глыбокимъ панськимъ ставу. По середыни того провалля есть глыбокій колодязь, де бье джерело чыстои, якъ скло, и холоднои, якъ крыга, воды: луччои воды, якъ у тому колодязи, нема у всій Суныцивци,—того-жь то зъ нѣго и возить воду панамъ на чай; пры самому киньци того провалля, тилько геть выще колодязя, есть страшенно глыбока,—кажуть, будимъ-то зовсимъ безодня, яма, и въ тій ями щось дуже не добре діється. И не дай, Боже, заглянуты у ту ямуру у темну ничь! Тамъ чоловікови такє увывжається, що винъ чы гляне туды, чы ще й не гляне, а вже буде ажъ цилый тыждень жахаться та позихаты та хрестыгы рота та оглядагысь округъ. Промияжь людей ходе така балачка, шо будимъ-то тамъ саме найстрашенне вышло, де кубляться нечысти, мовъ ти гадюкы на прѣвесни у порожньому дупли дерева.

За тымъ проваллямъ починається „выщый“ панський садъ. Тутъ ты вздрышь и велыченни дубы, и роскишни кленкы, и товстенни бересткы, и высоки-превысоки березы, шо Богъ-знакымъ и Богъ зна колы понасажувани у тому саду на дыво всимъ сунычанамъ, бо не тилько у Суныцивци, а, мабудь, такъ, шо и по всій Харьковській губерни, береза на велыку дывовыжу всимъ. Того-жь то кожний, хто не йде по дорози на Суныцивку, якъ тилько поривняється зъ „выщимъ“ панськимъ садомъ и якъ тилько побачыгъ высоки та товсти березы, а на макивци тыхъ березъ уздрыть ще й вуликы для божои мушкы-бжилкы, щобъ сидала, якъ летитыме зъ чужои пасику, — такъ якъ поривняється зъ тымъ садомъ чоловікъ, то заразь же стане супроти березъ, та й давай дывыгысь на нихъ. Дывыгся винъ и на ту билу кору, и на ти тонки та довги, якъ батогы, гилочкы, шо прямисенько-прямисенько, якъ струночка, спускаются зъ верху унизъ; дывыгся и на ти дрибни та зелененьки лыстячка, шо такъ и дрижать, такъ и трипочутся проты сонечка одъ легкого та тыхесенького витреця. Якъ то буде йтымымо того саду дидъ, то подывыгся винъ, подывыгся на березу та й скаже: „Славна-жь и кора на цій берези! И яку-бъ-то зъ неи можна було зробить тавлыночку для табаку!..“ А якъ то

буде дядько, а не дидь, то подывытєся винь, подывытєся на ти гнучки та довги гилочки, та й скаже: „Ну-й ловка-жь була-бъ и метелочка изъ цыхъ гилочокъ пидметаты токы!..“ А якъ-же то буде иты по дорози стара баба и погляне на ту березу, то тутъ-же потыхесеньку нидкрадется пидъ саму нызьку гилочку дерева, та й давай щыпаты зъ нѣго брунькы та ховаты ихъ за пазуху: „Ще дуже щилуеще древо,—якъ нарваты побильше цыхъ брунѣкъ, та якъ до пыхъ прыбавыты ще молоденькыхъ гилочокъ, та якъ настояты це все на крипкѣй горильци, та потерты цѣю березивкою чы поясныцю, чы жывить, то у тебе и въ жывоти полегша и поперекъ перестане болить“... А якъ уже бигтыме по дорози повзъ „выщого“ панського саду яке-небудь хлопья, та якъ уздрьтѣ воно високу березу, и колы то буде на провесни, то ото воно вже й не живе, щобъ не пидлизты крадькома пидъ березу, не продовбаты малесенькой дирочки у ствольни дерева, не вставыты туды очеретынкы, та не посмок-таты черезъ ту дирочку березового соку. Воно черезъ те, ска-зать, бува и велыка шкода дереву, та хлопцєви до того бай-дуже: винь-же, той сикъ, солодкый, та смашный такый, що й Боже мій! И смокче воно той сикъ, и смокче, прытульвышысь щильно губамы до очеретынкы и уткнувышысь носомъ у саму кору дерева.

Якъ мынешь ты той „выщый“ панський садъ, то тутъ буде одразу шырокый майданъ, и на тому майдани, у право-ручь, убачышь ты панський тикъ зъ глыбокымъ ровомъ и зъ высокымъ валомъ, чы, якъ кажуть тамъ, загатою, округъ; а у ливоручь побачышь невелычку, прысадкувату, якъ печерычка, церковку. То-жь то й церковка славнесенька! Невелычка, кажу, вона соби и збудована не зъ цєглы, а зъ дерева, помалѣвана зъ бокивъ билою фарбою, а сверху зеленою ярью; округъ неи нызенька, побилына вапною оградочка, зложена изъ цєглы, тилько не въ щиль, а, якъ тамъ кажуть, у решето зъ витрогю-намы. Выще ограды, надъ правымы боковымы дверыма цер-квы, намалѣвана и далеко видризняется видъ стины постать Господа Вседержытеля зъ довгою-предовгою та билою, якъ

снигъ, бородою и зъ двома пиднятымы у гору благословляючымы рукамы. Здалека выдко, якъ грае та перелывається сонечко у тыхъ высокыхъ зъ зализнымы перепеламы викнахъ, де повставлени шматочки зеленого, червоного, синёго и жовтого скла. Мижъ церковкою и оградою ростуть та красуются товсти, гиллясти та пахучи жовтымъ цвитомъ лыпы; высоки та зелени зъ лапчастымъ листомъ кленкы, и въ одному куточку, що коло двиницы, гойдаются гилочкы рябины, що позвысалы ажъ черезъ ограду до самого дёлу, укупы зъ червонымы, якъ дрибне кораллове намысто, ягідочкамы. И якъ то погоже, и якъ то славно у тій церковній оградѣ пидъ тымы деревамы у литній пекучій день!..

Якъ разъ супроты тіен церковкы, тилько трошки ливійшь, стоить старынний, у два поверхы, панський будынокъ, и коло того будынка пороскыдани скрызъ усякы будивлы, яки потрибны за-для панського господарства, се-бъ то: ледовня, лазня, столярня, пральня, застольня, загоны, стайны, хливы, сажы и друге. За панськымъ будынкомъ выявляється „ныжчий“ панський садъ, а за „ныжчымъ“ садомъ поблыскуе проты сонечка шырокий та довгый панський ставокъ. Вы, може, подумаете, що то такъ соби, абы-який садъ? Эге-жъ! Та то такый садъ, що якъ-бы забравсь туды ночной добы, то хто ёго зна, чы выблудывсь бы и къ свиту изъ ёго...

И, Боже мій, яки то въ тому саду ростуть велычезны та густы дерева! Тутъ и дубы, и кленкы, и сосны,—упьять такы велыке дыво у тій сторони,—и лыпы, и акаціи, и ясенкы, и бересткы, и били сриблясти тополи. Отъ тутъ тополи, такъ тополи!

Такыхъ высокыхъ та товстыхъ тополь, пройидь ты сто, пройидь двисти, або й трыста верстовъ, не побачышь ниде. Якъ помираты ихъ рукамы, то буде тры, або й чотыри обіймыщивъ округъ. Та воно й не дыво, що тутъ такы тополи: стоять вони край самисенького берега ставка и ростуть у чорній, якъ вороняче крыло, и въ жирній, якъ те масло, земли. Тамъ-то прохолодно, тамъ то роскишно, тамъ-то славно, у тому „ныж-

чому“ панському саду! Тамъ що тыхъ квитокъ, тамъ що того овочу усякого, тыхъ ягідъ, тіен огородины, тыхъ пташокъ, що щечечуть, спивають, та залываються на всяки голосы!

Всёго, всёго тамъ багато, а тилько боязко туды и однимъ окомъ зыркнуть. Одно те, що тамъ лютий-прелютий сторожъ Хвилька Баукало, увесь волохатый, якъ той звірь, крывльивый, якъ та сорока билобока, занюханый та засопляный, якъ та мара свитова, зъ однымы костянымы „колодочкамы“ на пальцяхъ замість нигтивъ,—цей Хвилька Баукало якось-то зимнѣи поры одморозывъ соби на лёду нигти и шкуру на пальцяхъ, якъ йшовъ пьяный черезъ ставъ у панський садъ та вправъ на лідъ и проспавъ на нѣму усю ничъ. Черезъ те то у нѣго, замість пальцивъ, зосталысь одни чорни „колодочки“. И злющый же винъ бувъ чоловикъ! Хлопци, глядучы на ёго „колодочки“, казалы, що винъ зовсимъ уже й не чоловикъ, що винъ зъ того часу, якъ ёго понюхалы чорты на лёду, самъ ставъ чортомъ... Такъ отъ черезъ того сторожа, кажу, и боязко було заглянуты у той „ныжчий“ панський садъ. А друге й те, що въ тому саду часто выглядавъ ще лютійшый, нижъ Хвилька Баукало, самъ панъ Иванъ Мытровычъ Головань. И не дай маты Божа, якый то бувъ скаженный панъ! Высокий, товстый, банькастый, лысый, якъ макогинъ, зъ довгымъ та закарлюченымъ, якъ у орлякы, носомъ, съ страшенымъ голосомъ; той панъ, Головань, бувъ справжнимъ страховыщемъ на все село и своимъ голосомъ лякавъ и старыхъ и малыхъ, и жинокъ и мужыкывъ, не кажучы уже про малу дитвору. И шо винъ тилько vyrоблявъ зъ своимы крепакамы, такъ якъ тецерь сказаты, то мало хто й повире, а воно-жъ правда, справжня правда. Мужыкывъ винъ бывъ, нивечывъ, катутавъ гирше, нижъ никчемну товариаку; минявъ ихъ на собакъ, програвавъ у карты, завдававъ у некруты, засылавъ у Сибирь. Молодыць, якъ яка була бржава та красовыта, бравъ у „горныци“ за для своей потихы; а якъ яка некрасовыта та нечепурна, тій отдававъ на згодування одъ гончои сучкы цуцныять. И годувала вона ихъ умисти зъ своею дытною, а панъ, на дыво велькый стрилецъ, що-тыжня

довидувався до тієї молодьци, и пыльно доглядавъ, чы добре вона годуе собачягъ, чы не худи зъ пидъ неи виходять годованьци, и боронь Боже, якъ худи! „Розокъ! Запороть еѣ! Зака-татъ! Пороть, пока своею кровью не подилывѣтъ!“ Такъ хочешъ, не хочешъ, а годуй! „А воно-жъ тебе, прокляте собака, тягне за груди та куса тоби тило, та дряпае собачьмы кихтямы шкуру. А ты залывайся слизьмы, та годуй, та мовчы, та все мовчы, а то люгый панъ на вики тебе и забѣе и засиче“... А ще гирше того выпадало одъ того пана Голованя дворовымъ людямъ; ти вже бидолахы, що часъ, що хвылыну тремтили за свое жыття. Завжды голодни, завжды зъ облупленною шкурою, завжде залякани, вони ходылы у-литку и голи и боси, а взимку набували на себе деревьяни черевыкы, що самъ панъ выточувавъ на „токарному станку“... И хто-бъ ни йшовъ, и хто-бъ ни йхавъ зъ мужыкывъ черезъ панськый двиръ, скидай зъ головы шапку за нивъ-версты, а то якъ уздрить тебе панъ, що ты йдешъ мимо ёго ганка у шапци, то тутъ тоби й капуть: „Запорию! Засѣку! Заморю! На конюшню его, подлеца! Дать ему девяносто! Всыпать ему сто!..“ А якъ сяде-жъ той панъ, не дай Боже, на свого билого коня та надине на себе охвыцерськый картузь, бо винъ на лыхо всимъ бувъ майоръ, та якъ визьме у руки реминный зъ дротомъ малахай и поийде по своѣму селу, то отъ то вже все, що тамъ буде жывого и хрещеного, старого и малого, слипого и выдющего,—все неначе одъ чумы бижить и, не оглядуючысь, ховається, хто по бурьянахъ, хто по погрибахъ, хто по горыщахъ, хто по хливахъ. И якъ яка жинка хвора та непорожня схоче утекты одъ пана на горище, та не попаде на драбьну, що стоить у синяхъ, а злизе на двери, що зъ хаты одчыняются въ сины, то тамъ-же, сыдючы на дверяхъ, зъ переляку и дытynu зкыне. „А, такая-сякая! Я вамъ приказываль не топить по вечерамъ печей! Хотите пожару надѣлать на все село? Въ кандалы забью! въ тюрьмѣ згною!..“ Та такъ устрахае, шо бидна жинка и туды и сюды, и сама не зна, чы вона жыва, чы вона мертва. Ажъ страшно згадувати—якый-то люгый бувъ той панъ Головань. Та, хвалыты

Бога, власть пана Голованя хутко увирвалась, якъ увирвалась власть усихъ панивъ надъ мужыкыма пнсля скасування крѣпацтва.

Такъ отъ то, кажу, якъ разъ супроты тѣи Божой церковкы стоить панскый будынокъ, и въ тому будынку живе панъ Иванъ Мытровычъ Голованъ. Якъ помынешь-же ты панскый двирь, то ось тоби скоро, у праворучь, буде невеличка хата и невеличкый коло неи двирь, де живе паламаръ Ныканоръ Нечипайло-Будякъ, а урядъ зъ нимъ и госпда батюшкы, отца Калистрата Горобця. Супроты г сѣбды батюшкы, тилько тришкы оподаль, у ливоручь, стоить просторый та довгый шынокъ, де шынкарое, якъ кажуть прости люды, пидпобель, се-бъ то фельдфебель, Кастіёнъ Петровычъ Чубарокъ, захожый звидклясь москаль. Давно уже той Кастіёнъ Петровычъ топче рясть у Суныцивци, и давно винъ уже вохається тамъ у тавыхъ роскопахъ, яки наврядъ чы прыснятся иншому чоловіку и у висни... Того-жъ то винъ такой гладкый та повновидный, а въязы у нѣго хочъ обиддя гны;—десь, мабудь, ёму дуже погано на свити жыть... Якъ настане оце день, та якъ сонечко почне дуже прышикаты на вулицы, то Кастіёнъ Петровычъ позатуляе уси викна виконныцями у своёму шынку, розчыне широко синешни двери, сяде у синяхъ на невеличкому ослинчыку, та якъ почне „залываты“ московской писни, шо тамъ „Сизинькай галупчикъ, завдалой малотчикъ, сидѣль на дубочку, брови въ ёго чорни, глаза въ ёго кари, личенькомъ биленькой. Прощай, прощай, Маша, дорогая Саша, а я скоро їду во царскую службу. Плакала, рыдала, слѣзы ютирала правою рукою, лентой голубою.“ Скинчыть одну писню, почне выводить другу: „Ты, сухота, ты сухота, ты сухотушка моя, иссушыла дивчинонька завдолова молодца, вынимала румяница съ его бѣлова лица... А я съ горя пойду въ поле, да рассѣю грусть-тоску... Я рассѣяль да й найшоль, ва зеленый садъ зайшоль; ва зеленому садочку саловой паеть во клѣткѣ, виноградъ растеть на вѣткѣ, а я слушалъ-переймалъ, подѣ кустомъ сидѣль дремалъ...“ Отакъ, кажу, якъ почне Кастіёнъ Петровычъ розлягаться голосомъ, якъ

почне выводыты, такъ ажъ уся вулиця лунае. Выводе писню, а самъ нызенько пидстрыжений та чепурненько пидголений, сыдыть та шые соби кумачеву сорочку; здалека тилько выдко, якъ винъ прудко мотае правою рукою: то винъ такъ орудуе голкою, прыганяючы одинъ шматокъ кумачу до другого... Осъ якъ тилько сонечко стане у макивку чотовика, тоди Кастіёнъ Петровычъ покыне свою роботу, ласо и добре пообидае, псля обидь добре видпочыне, а потимъ устане, напыется зъ лимоною, або зъ вышневымъ вареннямъ та зъ бублыкамы чаю, дали порозчыня вси викна у своихъ кимнатахъ, и тоди жде та пиджыдае до себе любыхъ та дорогыхъ гостей: „Эй, идить же та поспишайтесь и багати и бидни, и стари и молоди мужыкы—Васылъ Тыхоновычъ Полушка, Якуша Пылыповычъ Крыженко, Семень Ивановычъ Гыренко, Васылъ Рябий-Могиленко, Андрыша Прыдуха-Кебетенко, Ондрій Ивановычъ Семененко, Олекса Кудрявий-Чекмаренко—идить швыденько, поспишайте хутенько до Петровыча, та несить ёму побильше, яко мога, побильше вашихъ трудовыхъ, пдтомъ та кровію добутыхъ грошыкывъ! Тамъ у тому „прохладному“ шынку вы заспываеете и „Сухота, ты, сухота, ты сухо-тушка моя“ и „Соловей ва клѣткѣ, виноградъ на вѣткѣ“, а на свое ридне, украинське вы наплюйте, обхайте ёго и начхайте на нѣго! То колысь-то ваши диды та ваши батькы спывалы: „Ой, горе тій чайци, горе тій небози, що вывела чайнять пры бытій дорози“; або: „Гей, летыть орелъ та по-надъ моремъ, та й крычыть: море, пыты; гей, горе тому козакови та на Украини жыты...“ Такъ спышитъ, та поспишайте, сыны Украины, у той „прохладный“ та любязный вамъ шынокъ Кастіёна Петровыча Чубарка, а мы пидемъ дали, все дали по дорози того села Суныцывкы.

Якъ мынешъ ты зъ правои руки двиръ батюшкы Калистрата Горобця, а зъ ливои—шынокъ Кастіёна Чубарка, то тутъ же побачышь невеликый будынокъ убогого панка Крачка, що живе на своимъ власнымъ грунти, якый ёму доставсь чы одъ дида, чы ще одъ прадида, що зайшовъ у Суныцывку ажъ изъ-за Днипра, яко бродячий музыка, и оселывсь въ ній зъ ласкы

панивъ Голованивъ, шо держалы коло себе велики двирьски музыкы. За будынкомъ пана Крачка починается уже саме село. Невелычке воно соби те село: въ нѣму усѣго навсѣго дви переї, выща и ныжча, и одна, тилько одна вулиця; по середныи вулицы глыбоке та довге провалля, куды звозять зъ усѣго села гнїй, и де, якъ кажуть въ одынъ голосъ и стари и мали, чортивъ и всякои другої нечести куды бильшь, нижъ у тїй ямури, шо въ глыбокому провалли, коло „выщого“ паньского саду. Бильшь провалля чортячого у Суныцивци нема, якъ оця баюра, шо по середныи села. Ото-жь видъ тыхъ чортивъ, шо кублятєся у гнояци, неначе у багныщи, а не видъ чого другого, такъ и дметєся вгору пѣра, такъ и стелетєся нисля дощу по всѣму селу густый туманъ... За тымъ гноєвымъ та чортячымъ проваллямъ иде зновъ та-жь такы вулиця. На самому кинци та вулиця подаетєся трошкы у-праворучъ, и все выще и выще пидїймаетєся въ-гору, и напоследокъ переходыть у высокый шыль, де гниздятєся убоги хаткы убогыхъ людей, найбильшь молодыхъ хазяинивъ, шо виддилылысь видъ батькивъ. Цей край села зветєся Жабокрюкивкою, бо поныжче хатокъ, у балочци, выднїетєся невелычке багныще, де литнѣи поры, у ночну добу, разъ-у-разъ квакають да брекекекають жабы.

II.

Такъ у тому-то невелычкому, глухому та вбогому сели Суныцивци живъ одынъ чоловікъ, Максимъ Мыкытовчъ Витрякъ. Може хто подума, шо Максимъ Витрякъ або красовытый, або дуже бравый, або тяжко багатый чоловікъ? Ни, Максимъ Витрякъ и не красовытый, и не бравый, и не багатырь чоловікъ. Зросту винъ бувъ высшого, зъ выду русявый, тиломъ бильше, сказать, худый, чымъ товстый, боридка и вусы у нѣго такъ соби, и не велики, и не овси, щобъ сказать, мали; нисъ ривный и трошкы довгый, очи добри и якись-то вдумльви. Винъ бувъ чоловікъ добрый и подильчывый, спокойный и розсудли-

вый, и ридко хто бачывъ, щобъ винъ колы-небудь чы розпалывсь, чы розсердивсь дуже на кого; а що вже винъ бувъ богобоязливый, чесный, повсегда тверезый, то про те уже всяке, и старе и мале скаже, хто живе, чы тилько прожывае у сели Сунныцивци. И ниде Максимъ Витрякъ не высовувавсь и ниде не выпынавсь попереду другихъ, щобъ выявляты свій розумъ и свій хысть: якъ ёго не пытають, то винъ и мовчыть, а якъ спытають, то винъ скаже и добру пораду дасть.

— А що, Максиме Мыкытовичу,—спыта оце було ёго якый-небудь тамъ сусидь:—чы буде на завтра дощъ, чы не буде? Я хотивъ побигты у городъ борошно продать, та й не знаю, чы йхать мени, чы не йхать. Максимъ Мыкытовичъ, почувшы такой спытъ, пидвине у-гору голову, погляне на схидъ сонця, погляне на захидъ, подывытся на небо, та й скаже:

— Ни, Якымовичу, не йдите вы завтра у городъ, бо щось дуже кладется на дощъ. Ось бачыте, якъ лыстя на вашыхъ вербахъ трещощутся,—не зъ боку, а зъ-пидъ нызу у-верхъ, та ще ажъ крутятся. Та й те сказаты вамъ, Якымовичу: учора у-ночи, якъ лягаты спаты, у мене дуже поперекъ боливъ, а сёгодня, якъ я снадавъ, такъ надъ самою мыскою спуствывся зъ стели чымалый павукъ; а такъ, якъ уже звернуло зъ обиднейи поры, почавъ хававкать та выбывать голосомъ отой перепель, що высыть у крывого Ялдокыма Могыляка у клитци, пидъ стрихою. Такъ я зъ тымъ, що не совитую вамъ йхать.

И сусидъ послуха, и гляды, такъ воно и выйде: на другой день у равний обидъ такой полосне дощъ, що ажъ усе навкругы запыщыть...

— Слухайте, Максиме Мыкытовичу, якъ вы у цю весну: чы рано, чы пизно будете сياتы?

— Я думаю, Пылыповичу, почать попизнійшь, бо зъ весны у насъ дощыкивъ Богъ дасть, та ще й съ зимы земля выйшла суха: торикъ писля субботы Дмытра, якъ ударылы одразу морозы, якъ ударылы морозы, то высушылы землю геть чысто, а тоди вже на ту суху землю упавъ снигъ, що лежавъ верухомо ажъ до середописття; потимъ одразу пишло поло-

видля. Такъ тутъ уже не сподивайсь, щобъ у земли була яка-небудь вохкість. А оцей мисяць, що теперь народывсь, тежь показуе сушу: верхвій рижечокъ ёго острый-преострый, та ще й закарлюченый. Черезъ те, якъ дуже поранышся посіять — якъ-бы уся твоя заправка задарма не пропала, — краще трошки подождать: скоро мисяць буде на ущерби замоложувать на дощъ, то тоди вже можна буде и сіяты благословлясь.

— Шо це у насъ, тату, такъ собаки валують? Якъ настане ничъ, то вони чисто-жь по всёму селу такъ и заливаються, неначе показывысь, а нашъ Покоть, такъ той улизе у загороду, та вые, та все вые, безъ угаву и безъ перестану, пиднявши морду ажъ выще вухъ.

— На моровыцію то бъ то, сыну! Колы-бъ у насъ моровыци на товаръ у це лито не було? Треба-бъ оце, яки молоди телята, то треба-бъ ихъ поризаты; та воно й на жныва и яловычынка онъ якъ здасться!

И якъ отго Максимъ Мыкытовичъ сказавъ, такъ воно й сталося: ось скоро-недовго проявылась пошерсть на товаръ: уже пропала корова у одного сусида, пропала и у другого, дійшла черга и до Максима Витряка: и у него одна, що найлучча, корова полягла. Що-жь тутъ казать? на те воля Бога! Одначе, про Бога думай, та й про себе гадай: треба бороньты хочъ уже тыхъ коривокъ, що zostалысь живи. И Максимъ Витрякъ бороньты, и якъ бороньты?

Якъ тилько згынула у него одна корова, винъ перво-на-перво видлучывъ видъ неи другихъ коривокъ, потимъ перегнавъ здоровыхъ у нову обору и не давъ имъ ни йисты, ни пыты зъ ранку и до самого вечора. Тымъ часомъ мерщій знявъ шкуру зъ здохлои коровы, уволькъ ии у стару хату, положывъ шерстю у-нызъ на пичъ, посыпавъ зверху силью, натопывъ жарко пичъ и продержавъ шкуру на тепли, ажъ покы вона не степлылась и не просолылась силью. Тоди обережно знявъ ии зъ печи за чотыри киньци, прынись у загинъ, розвернувъ передъ коровамы и зновъ посыпавъ силью. Коровы, простоявши увесь день безъ годивли, заразъ-же кынулысь до шкуры, та й давай ии

лызати. Якъ добре вони налызались тією солы, тоди Максимъ Витрякъ прынісь имъ по видру воды и напоивъ ихъ. Ранкомъ на другый день хазяинъ давъ имъ по доброму клаптю сина и по пивъ ведра воды. Такъ выдержавъ Витрякъ коровъ своихъ тры дни, и вси коровы ёго, Богъ мылувавъ, на четвертый день пішли здорови, а на всёму сели стилько-жъ ихъ полягло, що, батю мій!..

А то и такъ у Максима Витряка бувало: скрызъ у людей червякъ поийсть хлїбъ, а у нёго на ныви и чуткы нема про того червяка. А черезъ що? А отъ черезъ що: випъ оце якъ почуе, чы за годъ, чы тамъ за два, що червякъ пойда на поли хлїбъ, то замистъ того, щобъ сіяты хлїбъ на толоци, посіе ёго на коноплыщи, и гляды, Богъ погодить такъ, що у нёго уроде таке добро, якъ золото. Воно, бачъ, червякъ та не любе того духу, що видіае видъ конопель, и черезъ те уже ни за що не полIZE у коноплыще.

Такъ-то робылось у Максима Мыкытовича Витряка. Иншый чоловикъ норывить посіяты картоплю на нызку, та ще й жде, щобъ на неи пройшли дощечкы, а у Максима Витряка вона росте и на гори. Винъ ото, якъ тилько що картопля выкыне бадилля, заразь визьме тры-чотыри возы старои соломы, привезе їи до картопли, та такъ обридно, злегка, и пакрые нею увесь картопляный ланокъ. То воно черезъ те у земли повсигда держыгся вохкнсть, неначе писля доброго дощу, и картопелька тоби и не схне и не вяне, а въ-осены выросте завбільшыкы зъ кулакъ. Каминь, кажуть, та й той пуска росу, а то-жъ земля, та ще й покрыта соломою!..

Ридко хто изъ суныцивськихъ мужыкивъ вывозывъ у поле гній, та угноювавъ нымъ свій ланъ, а Максимъ Витрякъ повсигда це робывъ, та ще й робывъ не абы-якъ: иншый вывезе гній у поле, роскыда ёго у кучкы та й край, и шабашёмъ дило; а Витрякъ, такъ той не такъ: винъ оце вывезе у поле гній, пошле своихъ хлопцывъ на ланъ та звельтъ имъ заразь-же заорать и землю и гній; то воно черезъ те и сикъ

зъ гною не пропаде, и самый гній скорійше перегніе, лежучы въ земли,

Такъ осл бачыте, якый премудрый бувъ той Максимъ Мыкытовчъ Витрякъ! Отакъ чы кому треба закынуты у сажъ кабанця, чы посадыты на грядкы капусту, чы купыты коня, або продаты корову,—спытай порады у Максима Витряка, и винь тебе нараить такъ, що вже не будешъ каяться,—та все такъ тыхенко, та все зъ ласкою, та такъ прыязно, та любязно! А трапыты на сели якому чоловікови беда, то тутъ першый хто заратуе ёго? Усе-жь такы Максимъ Витрякъ: винь скільки людей одъ глата одвольнывъ! А есть-же ворогы таки, що не пожывышся. Огъ хоть-бы тоби Грыцько Драпчакъ: той самъ себе тры разы на годъ любе, а про другихъ, щобъ винь кого любывъ, такъ и не кажы. Якъ прыйде чоловікъ до нёго купыты чы зерна, чы борошла, то винь заразъ и пыта: „Чы готови гроши?“ — „Ни, наборы!“ „Нема!..“ одриже тоби та й край. А Максимъ Витрякъ—той, якъ гроши йе, грошей дае, а грошей нема, то ишеныци, або жыта дае: „беры, та продавай, то й гроши тоби!“

И мудрый и добрый, тай богобоязкый и богомильный бувъ Максимъ Витрякъ. Уже чы велике, чы невелике тамъ настане свято, а якъ тилько паламарь бовкне на дзвыныци у дзвинь, Витрякъ уже и вбирается до церкви. Заразъ вымыется чыстенько, визме билу сорочку зъ выризуваннямъ, зъ мережкамы та зъ шырокымы рукавами,—теперь ёго и на свити нема, того шырокого рукава, бо скрызъ усе вузеньки повельсь; такъ визме, Кажу, сорочку, набуе на ноги добри чоботы, одягнется у нову свыту, пидпережеться штенненко суконнымъ поясомъ, надине високу шапку, визме квитчасту хустку за пазуху та й пиде тыхою та поважною ходою до церкви. А въ церкви якъ стане на одному мисци, то такъ и стоять, якъ струночка, тилько пидниме у-гору голову та воде нею то за батюшкою, то за дякомъ. „У церкви стоишь“, каже винь: „усе однаково, шо передъ самымъ Господомъ стоишь.“ Иншый стоять, та тилько вытришки ловыть, якъ тамъ кажуть, рукою мотае, а думкою по

всѣму свиту литае, а Максимъ Витрякъ,—э!.. той не такъ: той такъ ажъ неначе увищется увесъ у святе пысьмо. „Нема“, каже винъ, „наимудрїйшого пысьма, якъ святе пысьмо; уже якый-бы тамъ не бувъ мудрый чоловикъ, и яку-бъ винъ розумну книгу не напысавъ и скилко-бъ рокивъ винъ надъ нею не працювавъ, а того винъ не скаже, що сказавъ у святей евангелии Господь Исусъ Христось... „Господы, Господы, чого-бъ я не давъ, щобъ тилько мени буты пысьменнымъ! Темный я, невыдющый чоловикъ... Хочъ-бы уже которого изъ сынивъ своихъ навчыты пысьма... Йе за кымъ и вчытыся, та ба, школы нема“..

И изъ церкви иде Максимъ Мыкытовичъ Витрякъ не такъ, якъ други люде йдуть: иде винъ, похылывшы нызенько голову, та все дума про те, що чытавъ батюшка у церкви. „Не зарывай, каже, чоловиче божый, талану свого у землю: якъ тоби дано одынъ таланъ, то ты зроби зъ него два; а якъ тоби дано два, то ты зроби тры; грихъ великый закопуваты у землю Богомъ дарований таланъ“. „Огъ паньчу, каже Максимъ Мыкытовичъ Ивасыку Краченку, що поручъ иде зъ нимъ зъ церкви до-дому: „не ховай талану свого у землю: твїй батько казавъ мени, що у тебе есть велика кебета до науки, и що ты не встыгнешъ перекрынуты одного аркуша на другый, якъ уже й знаешъ и що въ тому аркуши напысано, и якъ зрозумиты его розумомъ; а тилько не хочешъ йихаты у городъ до науки. Не загрибай свого талану, бо то есть великый грихъ. Чы чувъ, що сѣгодня батюшка у церкви чытавъ?“— „Чувъ, Максиме Мыкытовичу, чувъ!“—И впьять Максимъ Мыкытовичъ зныкне у-нызъ головою и, йлучы, ще тихше, впьять щось згадуе, що винъ чувъ чы сѣгодня, чы, може, ранїйшъ колы, якъ чыталось у церкви: „Нѣсть власть, аще не отъ Бога; сущїи-же власти отъ Бога учинены суть“. То правда, справжня правда! Безъ власти не бува и царства на земли, и якъ хочешъ жыты у божому свити, слухайся властей. Ну, а якъ-же жъ пань? Вони тежъ власть? И ихъ треба слухать? Такъ власть, якъ вона одъ Бога, повинна буты спра-

ведлыва, а де-жъ та правда у нашихъ панивъ? Отъ хочъ-бы панъ Головань! Що винъ тилько за крепацтва выроблявъ? Жинка Максима Витрыка якъ була молодою, то яка брва та хороша була! И ставъ панъ що-дня выгравать на вулицы на своєму жеребцю, та все чы йде на село, чы йде зъ села, то все стане супроты двору Максима Витрыка, та все й дывытся и дывытся... А то якось у-литку косывъ Максимъ Витрыкъ жыто коло панського лису, Корнійвкы, а жинка ёго, Маруся, за нимъ вязала. Колы ось выбига зъ лису до Маруси Грыцько Драпчакъ, що ходывъ за панського старосту, та й каже: „Марусю, иды-лышень у лись, до пасикы, туды прыйихала пани, такъ зве тебе до себе за-для якогось-то дила.“ Глянувъ Максимъ Витрыкъ на того Грыцька та й затрусывсь увесь: „не ходы, Марусю! Яке тамъ дило пани до тебе? Пани у насъ тыха та смърна, вона така, що все сыдыть дома, та чыта святи книжки. Тутъ щось не те.“—„Такъ щожъ ты, Марусю?“ пыта Грыцько Драпчакъ, будимъ-то не чуючы того, що каже Максимъ.—„Що? Не пиду! Отъ що!“—одризала Маруся. Але не вспила вона вымовыты цёго слова, якъ Грыцько мытнувсь у лись, и черезъ хвылыну писля того выскочывъ изъ лису на кони зъ малахаемъ у руди самъ панъ Головань и, якъ скаженный, налетивъ на Марусю: „Взять её, шельму, и отвести въ лѣсь!“ Тутъ въ очахъ у Максима все позеленило, руки й ноги затрусылись, и винъ, самъ себе не тямлючы, забувши Бога, забувши власть, забувши страхъ, пиднявъ однією рукою въ гору косу, а другою перехрестывсь та якъ закрычыть не-своимъ голосомъ: „Ну, що буде, то буде, а я тебе, людойида, косою засичу! Просты мени, Боже, мій велыкый грихъ!“ И зъ тымъ якъ кынувсь на Голования, та якъ пиднявъ надъ нимъ косу, а той баче, що лихо, та малахаемъ по коняци, та ходъ тикать, та въ лись!.. А Маруся, ни-жыва—ни-мертва, упала навколошкы, плаче та хрыстится, та прыказуе голосомъ: „Пропалы-жъ мы теперь, голубчыку мій, на вики пропалы! Зйистъ винъ насъ, людойидъ, розшматуе на шматкы! Лучче уже и мене зарубай, щобъ не досталась на посмихъ собаки лютому, та й соби лихо загодій, щобъ не згноивъ тебе у Сибиряци!“

Тутъ тилько пизнавъ Максимъ Витрякъ, яке лихо винъ накладывъ и на себе, и на свою жинку; якъ пизнавъ винъ те, тоди перехрестывся та й каже Маруси: „Заспокойся, моя дружно вирная, не наложу я ни на тебе, ни на себе руки, а якъ Господь дастъ, такъ и буде!“

Охъ, яка-жь страшна була писля того ничъ для Максима та Маруси! Ось-ось прыйдуть одъ пана посланци та потребу-ють ихъ у панськый двирь... Ось-ось прыйдуть... Ой лышечко, ой горечко велике!.. Одначе, минула ничъ, минувъ и день, минула и друга ничъ и другой день, а одъ пана ни слуху, ни духу... Уже навпосли дознавъ Максимъ Витрякъ, що про те провидала суныцивська пани,—то була справди свята душа!—та й вымолила у пана на-вколюшкахъ мылости Максиму та Маруси. А панъ уже писля того, якъ йде було по полю, та якъ уздрить де-небудь косаривъ, то заразь-же й пыта: „А кто тамъ перёдъ ведётъ?“—Максимъ Витрякъ, пане! „Гм, хорошій мужикъ, только крѣико сердитый, подлець!“ Та такъ ажъ до самой воли и панъ и его староста греблы ногою на Витряка.

„Слава-жь тоби, Боже, за твои велики мылости до мене; сперше за те, що я теперь, якъ и весь хрыстьянскый людъ, уже жыву на воли; друге за те, що я не зробивсь душоубцемъ и злодѣемъ: хочъ винъ п лютый панъ, а якъ не я, а Господь давъ ёму жысть, то нехай Господь и одбира и у вѣго. Та и впять-же такы у церкви чытається: „Нѣсть власть, аще не отъ Бога; сущи же власти отъ Бога учинены суть...“

Того-жь, якъ треба стояты у церкви, Максимъ Витрякъ навчавъ и своихъ дитей; уже чы ты велике, чы ты маленьке, а якъ зачуеть дзвинъ, то заразь-же иды до церкви, и въ церкви стій, на людей не оглядайсь, не пасы очей, а слухай, що батюшка у вивтари буде чытать, чы дякы на крыласахъ будутъ спивать, а прыйдешъ до дому, ще й розскажы. За це Максимъ Витрякъ дуже зыськувавъ.

Однаково зыськувавъ Максимъ Витрякъ и тоди, якъ яка дытна чы визьме у чужому садку що-вѣбудь зъ садовыны, чы пидниме у чужому току яечко яке,—за це Витрякъ дуже gry-

мавъ на свою дитвору! „Чужого никола не займы! Переступы, а не займы! Свого не губы, та й чужого не чилай! Ты ёго не дбавъ, ты ёго не добувавъ, воно й не твое! Кто краде чуже добро, той краде чужи сылы, чужый трудъ, чужый розумъ, чуже щастя? Чы чулы вы, диты, що святе пысьмо каже? „Не украдь!“ Такъ глядять-же у мене: боронь васъ, Боже, одъ такого страмотного гриха! Кто захоче зъ васъ узаты чуже, той нехай сперше всёго закона мене живого у землю, щобъ я и не бачывъ, и не чувъ про такой соромъ.

Та вы думаете, шо цей грихъ такъ дарма и пройде вамъ? Ни, голубчыкы мои, винъ на девьятій води сплыве, а въ десяти утопыть и васъ самыхъ. Якъ хочешъ, щобъ у тебе у домивци була усяка усячына,—робы; работа усе тоби дасть: и худобу, и гроши, и здоровья, и повагу одъ людей.“

Такъ повсегда казавъ Максимъ Витрякъ; такъ якъ казавъ, то такъ и робывъ. Уже якъ рано ты ни вставай, а ранійшъ Максима Витряка не встанешъ: винъ уже, Богъ зна колы, пиднявсь и, Богъ зна колы, гунае циномъ у клуни. До тией роботы Максимъ Витрякъ уже такой бувъ прыдатный, уже такой палкый та упадлывый, шо ажъ трусытся було та робыть. Винъ якъ ходыть було чы по двору, чы по току, чы по вгороду, то не инакше, якъ росчыпырившы руки, и все неначе збирается щонебудь ухопыть та робыть, робыть и робыть. „Робы та не лилуйсь и памятай, шо работа холовика збагача, а лить роворя; ледацтво пирше хворобы“—такъ було каже Витрякъ своимъ сынамъ. И щобъ хто-небудь бачывъ ёго безъ роботы, то ажъ ни хто и ажъ никола, хiba тилько у празныкъ який, або у недилу святу. Винъ уже не лежатыме литнѣи поры де-небудь у холодку а зимнѣи—у проси, на печи; винъ уже не пиде тоби у той шынокъ та не загуле въ нѣму. И, крый Маты Божа, якъ винъ не любывъ того шынка! „Шынокъ—то“, каже, „храмъ сатаны; у нѣму образы потемнили одъ скверныхъ словесъ, шо пьяны люде верзуть, позабывавшы соби уси тямкѣ“. И никола, такы справди никола, не бувъ Максимъ Витрякъ у тому шынку, дарма шо живъ якъ-разъ черезъ дорогу одъ того шынку. Що-дня, що-часу бачывъ винъ,

якъ то одынъ, то другый чоловікъ простувавъ по дорози до шынку и якъ метлявъ винъ по тій-же дорози навадъ изъ шынку; чувъ, якъ пьяныця коренывъ та лаявъ своиы пьянымы устамы, хто ёго зна кого, и хто ёго зна за що; чувъ винъ не разъ и не два ти спивы та крѣкы, що выліталы изъ шынку на дорогу та луналы ажъ на всю вулицю; не разъ и не два запрошуваний бувъ винъ сусидамы зайты у „прохладни“ кимнаты Кастіёна Петровича Чубарка та выпыты тамъ хочъ чарку або дви горилкы,—такъ ни: Максимъ Витрякъ не тилько що не пиде у шынокъ, а ще й почне одговорюваты и другихъ видъ того. „Хто ёго выгадавъ той шынокъ? Хто? Уже-жь Богъ не выдумавъ! Сатана—нихто! То нечестывый Вавылонъ; бижы зъ ёго, чоловіче, яко мога, вонъ! Шынокъ не наставыть тебе хазяиномъ: заробышь крѣвно, а въ шынку пропьешъ даремно. У шынку великои чести не запобижышь: пидешъ до нёго разъ—ничого; пидешъ и въ-друге—ничого; а въ-трете такой дадутъ выволочки, абы втрапывъ у двиръ. У насъ, якъ почувешъ, такъ тилько й балачкы, шо тому жыты погано, тому скрутно, а тому сутужно, а воно, якъ завлязаты соби горлянку, то ще можна жыты!“

Отъ такъ було казавъ Максимъ Витрякъ про той шынокъ. Одначе, не можна сказаты, щобъ Витрякъ овси не бравъ горилкы въ ротъ; ни, винъ, якъ колы, чы тамъ у свято яке, чы пры якій оказіи, то такы й пывъ; та тилько пывъ дома и не бильше, якъ чарку, або дви, одъ сылы—тры. „Выпывъ чарку до хлиба, та й край; хйба іи що-дня брыдня, чы що? Ты вивымы у розумъ те, шо хто повсигда пье, той запевне бильше голодный, нижъ найденый живе...“ Що до горилкы, то винъ уже такый чепурный бувъ, шо ёго зъ-роду и одна душа не бачыла, щобъ винъ колы-небудъ не то, шо бувъ пьяный, а тилько пидпылымъ бувъ. Та й чудно якосъ було-бъ бачыты пьянымъ Максима Мыкытовича Витряка!..

Оттакого-то заповиту бувъ Максимъ Витрякъ. Скилько зазналы ёго стари люды суныцивськи, то винъ замолоду бувъ дуже биднымъ парубкомъ; женывъ тежъ на бидній дивчыни,

Маруси Шелестивни. Усе їи багатство у тому тилько й було, що Господь наградывъ їи чаривною красою. Изъ себе вона була невеличка, а тилько, якъ тамъ кажуть, така уже була краса, така краса, що й очей одъ неи не можна було одвести. А взята вона була у Суныцивку изъ другого села, изъ самыхъ Лыпцивъ, що ажъ за дванадцять верстовъ одъ Суныцивки. Тымъ-то вона и не досталась, якъ ще була дивчиною, пану Голованю. Велике щастя знайшовъ Максимъ Витрякъ, якъ одруживсь зъ Марусею Шелестивною: одно те, що вона була роботяща та невсыпуща, якъ и винь; а друге те, що вона ёго вирно та щиро вохала, а уже винь їи любывъ, такъ безъ краю и безъ винця...

Оттакъ и жылы Максимъ та Маруся. Жылы по божому, чесно та праведно, и працювали, не покладаючы рукъ и не даючы соби спокою, и Господь благословывъ ихъ усякымъ добромъ. Було у ихъ дви хаты,—одна стара, друга нова; була добра клуня на току, була нова съ пиддашьямъ комирчына; были два огороды,—выщый, де сїялись конопли, картопля, макъ, соняшныкы,—и ныжчый, де садылась капуста, морква, редька, рипа, сачавыця, бурякы, жовти ханькы, смугнасти горгопкы. Було у ихъ и тягла доволи—пятьеро, чы шестеро коней, тры коривчыны, килька тамъ телятокъ; було овечокъ чымало; свыней зъ десятеро, а птыци—курей, гусей, качокъ,—такъ не въ пойидокъ; тилько индыкивъ не любывъ плодыты Витрякъ, та не такъ винь, якъ вона: „то“, каже, „птыця дуже уричлива: хто зазихне, то зостанеться двое зъ трыдцяти; це тобі не такъ, якъ гуска, або качка,—тымъ байдуже...“ И все те у Витряка и добре було нагодовано, и въ пору напоено, и за часу выгвано на пашу. Любывъ Максимъ Витрякъ и скотыну гараздъ годувать и семью свою добре удовольнять. „Якъ середина повна, то и вси крайкы грають“, казавъ винь по всякъ часъ, якъ сидавъ за стиль обидать и якъ выходывъ пнсля обидъ до клуни молотыты. Земли у Максима Витряка було хочъ и омаль, усёго тилько одынъ надилъ, сказать, тры десятины, але винь то у чана, то у попа найме було земли, та такъ самого жыта сїе

було десятинь зъ десять, и такъ, що пидъ годъ сотъ на дви продасть самого зерна.

Усёго доволи було у Витряка. Господь благословывъ ёго и диточкы: сынивъ у Максима та Маруси було четверо: Охримъ, Якымъ, Петро и Павло; ще й дочка одна була,—Орысею звалы. И шо то вже за сыны славни булы! Тыхи та не бытлыви, слухняни та роботяци, богобоязьки та покирни! Максимъ та Маруся, глядючи на своихъ сынивъ, не знали уже, якъ имъ за таке щастя и Господа Бога дякуваты. А сусиды, прислухаючысь, якъ Максимъ Витрякъ выбывае було ципамы у клуни зъ трёма сынамы,—меньшый ще бувъ овси малый,—тільки дывувалысь тому: „Чуете, якъ Максимъ Витрякъ зъ своею капелією гоцае: цоко! цоко! цоко!!! ажъ земля гуде! ажъ ципура сюрчыть! И снопивъ самъ соби ніякъ не надасть! Ну й роботящий-же й чоловікъ! Якъ наполяже, якъ наполяже, такъ усе ажъ ходоромъ коло вёго ходе. „Эй, сыны, сыны, а-ну пиддайте! а-нуче ще, а-нуче ще! Робота хороша, та шкода день малый!..“ А сыны—не сыны, а чысто тоби скарбъ! И дасть-же Господь щастя таке чоловікови! Але якъ-же ёму й не дать? То жъ и чоловікъ якый? Чы забудь винъ хвалыты диламы Бога? Чы ступывъ винъ колы-небудь хочъ одією ногою у нечестывый шынокъ? А чы, може, не знавъ винъ нагодуваты калику, або зарятуваты у нужди бидного чоловіка?—То якъ-же ёму одъ Господа и мылости не ждать?

III.

Отже-жъ и цёго богобоязького, чесного, непытущого и доброго чоловіка спиткало лыхо, та ще й яке лыхо? Що-жъ винъ? Може поныкъ духомъ? Може покынувъ працюваты? Може хотивъ валожыты на себе руки? Эге-жъ! И не думавъ ничого такого, а все тилько молывъсь Богу та твердывъ, що кожному чоловікови Господь посла на земли испытаніе и за

все, що дарує чоловікови Господь, треба дяковати Ёго Святого, бо винь зна, на що робить такъ, а не инако. И колы-жь мы добро прыймаемо одъ Бога, то чы не потерпымо-жь злого?

А якъ воно склалось, те лыхо, и якъ ёго стричавъ Витрякъ, про це саме й буде оповидь.

Сперше всёго спиткнувсь винь на своёму старшому сыну, Охриму. Непоказный бувъ изъ себе Охримъ Витряченко, але, якъ тамъ кажуть, густый козакъ. Зросту невеличкого, прысадкуватый, трошки опецькуватый, зъ довгымы руками, повсигда на выду червоный, зате тыхый, звичайный, мовчазливый, слухняный та роботящий, Охримъ николы не сказавъ супротивного слова ни батькови, ни матери, и бувъ писля батька старшымъ хазяиномъ на всёму господарствы. Уже й жонатый винь бувъ, и зъ жинкою своею живь, якъ законъ велить: жалувавъ и, николы не зобиждавъ, а щобъ тамъ ударыты колы, такъ и пальцемъ николы не торкнувъ. Тилько диточокъ у Охрима та у Палажки не було. Та й те сказать: якъ вони побралысь, то всёго, може, рокивъ два, не бильшь, було.

— Слухай сюды, Охриме! Оце у насъ черезъ два тыжни будо Рыздво, такъ треба тоби зйиздыты у Харькявъ та продаты тамъ четвертей чотыри пшенишного борошна та купыть де-чого про празныы. А щобъ тоби не загоняться до Метелька та не прыбавляты кругу, пойдешъ ты на Красну слобиду, Гребенныкови хутори, тамъ выскочышь на велькый шляхъ, а дали по шляху и до самисинького города и на Конну. Продасы на Конній борошно, купышь соли пудивъ зо два, бо скоро будемъ колоты кабанивъ, такъ треба солыты сало; купышь рыбы чабака, хунтивъ симъ, або и всидесять; купышь оли, — та гляды покуштуй, щобъ не була гирка; озмешъ горилкы зъ пивъ-ведра, — горилка городська, самъ знаешъ, не те, що у нашего Кастіёна Чубарка: винь чымъ тилько не розведе и: и дурманомъ, и колодязною водыцею, та ще хочъбы зъ Сыдоренкового, а то зъ Гекового колодязя; такъ визьмешъ, кажу, горилкы, — празныкамы трапытся якый добрый чоловікъ, то треба-жь ёго, якъ поведытся у людей, и горилкою

почастуваты; купишь пляшку церковного вина,—беры у купця Жевержея, бо тамъ, кажутъ, саме добре вино,—а то прыйде батюшка на Риздо зъ хрестомъ, то винъ у насъ горилкы не вжива, а пье церковне вино; ну, та купы на копышныкъ, чы на два, солодыхъ риживъ та на стилько-жъ медяныкивъ, ма-ленькому Павлусеви та Орыси про святкы.. Отце неначе и все.. Ну, зъ Богомъ, сынку!.. Эге, постривай! Ось бачъ, и забудь будь: купы олывы на лампадку про свято!.. Гм., це не на добро, що я про олыву забудь.. Таке вельке свято, а я й забудь. Ще-жъ Маруся и нову лампадку купыла на ярмарку, у Лыпцяхъ, а я про олыву й забудь. Це не на добро.. Ну, та Господь мылосердный простыть мени мій грихъ.. Теперь уже справди усе.. Та слухай, Охрима, коней не дуже-то гоны; а прыйдешъ у городъ, то горячихъ не напувай, а дай имъ спершу видпочты. Та не загубы де-небудь по дорози рептуха зъ синомъ,—частійшь на ёго поглядай. А вивса-жъ ты повенъ мишокъ насыпавъ?“

— „И насыпавъ, тату, ще й натоптавъ!“

— „Ну, гляды-жъ! Та сина, ажъ покы у городъ не прыйдешъ, не требы,—чуешъ?“

— „Чую, тату!“

— „Ну, щасты-жъ тобі, Боже, на все добре! А скупышся, то не забаряйся, а швидче, не гаючы часу, до-дому вертайся, а то теперь, самъ бачышь, денькы таки, якъ у зайця хвистъ.“

— „Ни, тату, не забарюсь!“

— „Та гляды—надержуй гнидого коня, а то винъ дуже шульный, горячий кинь: ёго тилько торкнешся батогомъ, то й то винъ неначе опеченый бижыть..“

На двори ще було зовсимъ темно, колы Витрякъ заходывсь выряжаты свого сына Охрима до города. Къ свиту зроблось ще темнійшь, нижъ було опивночи, и по селу де-ни-де выднилось свитло у викнахъ. У таку-то добу Охримъ и рушывъ зъ дому. Ось надйхавъ винъ до церкви, знявъ зъ себе шапку и звычайненько помолывсь до Божого храму; округъ церкви

тыхо-тыхо, та сумно-сумно... Ось надїхавъ винь и до „выщого“ панського саду, — теперъ винь увесь замуrowаний у снигу стоить, а ти высоки березы такъ ясно облиплени снигомъ, неначе то не березы, а снигови стовпы стоять. Ось мнувъ винь и провалле, те, що побиля панського саду такъ далеко простяглось. Ну й дыко-жь ёму було йхаты побиля того провалля! Тамъ, у середини ёго, неначе щось завыло, такъ протягло та жалибно, що у Охрима ажъ волосся у гору пиднялось... Такъ отто помывъ, кажу, Охримъ провалля, покывъ у праворучь Коноваливку; пройхавъ черезъ Красну слобидку, тамъ пиднявъ черезъ мисточокъ на гору, а тамъ скоро-не-довго выскочывъ и на шырокий шляхъ, що йде, колы хто зна, изъ Билогорода черезъ Лыпци на Харьковъ. Тутъ уже Охрими и заплющавшысь можна було дойхаты до Харькова, бо скрызъ, по обохъ бокахъ того шляху, стоялы вельченни та стари вербы, таки, що, мабуть, бачылы на своёму вику ще царя Петра. Ось Охримъ, такъ якъ у ранній обидь, уже и въ городи. Кони у нёго добри, дорога найизжана, — такъ чы довго тамъ перебиты ти сорокъ верстовъ одъ Суныцивки до Харькова?

Якъ тилько Охримъ Витряченко прыйхавъ у городъ и якъ тилько винь тамъ примостывсь десь на „Конній площади“, якъ ось швидко Богъ пославъ ёму и купця на борошно. Знаёмый ёму бувъ той купецъ: робывъ винь колысь у Суныцивську церкву канистась, а мавъ свою господу у городи, десь ажъ на Ключкахъ. Метнувъ Охримъ сюды-туды по городу, купывъ те, шо ёму тра було купыть, та скорійшь и на Конну; zostалось тилько олывы узаты, та тоди вже й край. „Ще я уже якъ буду выйиздыть изъ Конной до-дому, то тамъ у крайній крамныци и куплю, а теперъ погодую коней, дамъ имъ воды та швиденько й потрюхаю до-дому; тутъ-же и самъ трохы перекушу“.

Нагодувавъ Охримъ коней, напоивъ ихъ изъ колодызя, шо десь выкопаний бувъ коло двору якогось-то кунця, самъ трохы перехопывъ, напывъ изъ бадїйки воды, запрягъ у санкы коней, сивъ та й йиде соби. Ось пидїхавъ виць до крамныци, де тамъ

продавали ольву, ладавъ и друге таке, що потрібне за-для церквы. Прыпынывъ Охримъ коней до пиддашья, коло крамныци, а самъ увійшовъ у крамныцю и отго спытавъ тамъ соби ольвы про свято. Поки купецъ тамъ знайшовъ тіей ольвы, а прыкащкѣй видавали усякѣй крамъ другимъ людямъ, Охримъ пидійшовъ до тіей полицы, де стоялы тамъ чашечкѣй, чарочкѣй та слоечкы, сыни, блакитни та зелени,—отти, що вставляются у лампадку на ольву. Стоявъ Охримъ, стоявъ, а дали якось-то, хто ёго зна и якъ, простягъ потыхеньку руку до тіей полицы, де стоялы банькѣй та пляшечкы, та й узявъ одну сыненьку зъ биленькымы очкамы. Узявъ, подержавъ-подержавъ іи у руци, подывывъсь-подывывъсь на неи и вже хотивъ поставыты на мисце, та тутъ якось такъ, ушыть такы, хто ёго зна и якъ, сама рука узяла та й засунула ту пляшечку за назуху кожуха, та ще й осмыкнула кожухъ коло пояса.

Ось подады Охримови ольву. Винъ узявъ ольву та й давай вытягувати изъ кышени гроши, та й упусты изъ-за назухы на доливку ту пляшечку. „Що це таке?“ пыта Охрима купецъ. Охримъ и запнувся. Глянувъ купецъ на полицю, ажъ тамъ, де стоила пляшечка, одно пусте мисце. „Шо це таке?“ зновъ пыта у Охрима купецъ. Охримъ такъ зразу перелякався, що й голосъ у нёго стерявся. „Це ты звидциля узявъ? Кажы: звидциля?“ пыта купецъ, а самъ увесь ажъ почервонивъ.—„Звидциля, господынъ хазяинъ!“ „Якъ-же це ты посмивъ чуже добро зачиплять? Га? Якъ ты посмивъ?“—„Я, господынъ, хазяинъ, я... Простить мене, господынъ купецъ! Я... и й самъ добре не знаю, якъ воно й вышло“... „А, ты й самъ того не знаешъ, якъ воно й вышло? Роспятакуй тамъ! Може духомъ святымъ? Та ты, може, ще друге що-небудъ зачепывъ,—признавайсь“!—„Ни, господынъ купецъ, ни, зъ роду-вику ничого чужого не бравъ, а це“... „Такъ, балакай! Це тоби мабуть, уже не первына!.. Ахъ, ты бессоромна тварь! Ахъ, ты погана лычына! И не соромно-жь тоби пидниматы очи на людей, що оце тутечкы посходылысь та дывлятыся на тебе? И не стыдво-жь тоби дывытысь на свитъ Божый? Десь, мабуть, у тебе батько такый, що не вчывъ тебе

честь та шанобу! Геть чишовъ звидцїля, поганець!.. Хлопци, митлами ёго погаными изъ крамарїи!..“

Якъ уже пїсля такого сорому выйшовъ Охримъ изъ крамныци, якъ винъ улизъ у санки, якъ выйхавъ изъ города—того винъ и самъ не знавъ. Якъ тилько дїйшовъ винъ до саней, то такъ одразу и ввалывсь у нихъ, ажъ на самисенькїй на спидъ, такъ и застыгъ увесь; уже и вишовъ не держыть и кивьмы не правыть. А кони тому и ради: замись того, щобъ порожнякомъ швиденько бигты до-дому, вони йдуть собі зъ ноги на ногу та ще й те туды, то сюды мыкуляться. Протарганылысь вони оттакечкы по всёму шляху, що тягнется одъ Харькова до Лыпець, звернули у бикъ на Гребиницькови хutory, перейхалы Красну слобїдку и, якъ уже зовсимъ стемнило, тоди тилько дотюпалы до того глыбокого провалля, шо тягнулось одъ „выщого“ панського саду до ставка. А Охримъ и не бачыть, и не чует, и не розумїе, де винъ и шо винъ. Колы ось тилько шо надїхавъ винъ надъ саме провалля, тутечкы щось якъ выскочыть изъ саду та якъ пльгне у провалля, а кони Охрима, якъ шелеснуть та зразу у бикъ! А Охримъ тилько беркыць! Та зъ саней та такъ и хляпнувь бокомъ объ поручча, шо звычайно робляться коло провалля за-для обороны проїзжаючыхъ по шляху людей... И штовханъ той такїй сыденный бувъ, шо Охриму такъ зразу и вси тямкы видбыло...

Довго лежавъ Охримъ безъ памьаты надъ самою кручею провалля, зачепывшысь за стовпъ видъ поручча; и лежавъ бы десь усю ничъ, до свита, якъ бы на ёго щастя та не выпалы дви оказїи: перша та, шо кони ёго, шелеснувьшысь у-бикъ, недалеко, одначе, видбиглы видъ провалля, бо зразу попали у глыбоку канаву, шо выкопана була видъ дороги, повзъ панського саду, и зимнїи поры засыпана була уся снїгомъ; а друга та, шо тамечкы трапывся одинъ чоловикъ, шо йхавъ ничью изъ Суныцївки на Коноваливку та вчувъ якись-то стогнання. Спершу винъ дуже злякавьсь, а дали, побачывшы коней и недалеко видъ выхъ чоловика, зразу узавъ у тямкы, яка трапылась Ѕидоласи прыгода, и зупынывьсь на дорози. Пидїйшовъ винъ до Охрима, видходывъ ёго, пидвивъ до саней, пидмигъ ёму влизты въ нихъ и

поклавъ ёго на бикъ; дали вывивъ коней на дорогу и пустывъ ихъ напрямѣць. И кони, найившысь добре дрижакивъ, теперь швыдко побиглы до-дому.

А тымъ часомъ дома Охрима и батько, и маты, и жинка, и браты, и сестра ждуть и ни якъ не дождутся. Уже килько разъ и старый выходывъ ажъ геть за кљуню та дывывсь на дорогу, чы не йиде Охримъ, уже й Маруся килько разъ выходыла ажъ за верхній тигъ; уже й сама Палажка выбигала ажъ на выгинъ,—такъ одъ Охрима ни хуху, ни духу. „Що це нашъ Охримъ такъ забарывсь? Якъ бы якои халепы не було? Чы не обломывся де у дорови? Чы не заблудывъ де? чы не захворавъ у нёго якый кинь? Уже щось воно та йе. Винъ же у насъ и не пытущый, и швыдкый такый, и не то, щобъ любывъ базикаты въ кымъ по-дурному. Тай дорбга теперь така, що хочъ бокомъ котысь, не то шо тамъ рѣсквась, якъ буває по весни, що по сами маточнынны гразюка...“ И мала дитвора тежъ жде—не дождется Охрима: сыдючы на печи, Павлусъ та Орыся килько разъ гукалы у-верхъ до „братика“ Охрима, щобъ винъ скорыше йихавъ до-дому та привозывъ солодкыхъ рижкивъ да смашныхъ медяныкивъ. А „братика“ Охрима усе - жъ такы нема та й нема.

Уже туды геть-геть, якъ уси люде погасылы у себе свитло и полягали спаты, уже тоди кони Охрима дотюпали до-дому. Прыбылысь вони до ворить та й стали, а Охримъ лежить тилько що живой та теплый: не здужае и изъ саней вылизты. Ось кони ёго заиржали у ворить; имъ на те заиржали и домашни кони; якъ заиржали домашни кони, то тутъ заразы же въ хаты по-выскакувалы и батько и маты, и жинка Охрима, и вси браты, окримъ малои дитворы. А Охримъ лежить у саняхъ, не здужае и пидвестысь та тилько стогне. „Охрима, Охрима, що въ тобою зробылось? Охрима, Охрима, сыне, сыночку, та що въ тобой сталось“?—„Заслабъ, тату, дуже заслабъ!“ «Чого жъ ты заслабъ? Що въ тебе болыть? Коны жъ воно саме почало болить?» „Кони мене... люде мене... купци... кони понесли та перекрынули у зръ, такъ я... крипко прыбылы мене... Ой, смерть моя!“... „Головонька-

жъ моя бесталанная! Лышенько-жъ мени! закрычала, почувшы слова Охрима, не своимъ голосомъ жинка ёго, Палажка. «Не дурно-жъ,—голосыла у мисци зъ Палажкою Маруся,—не дурно-жъ мени и сонъ такой страшный позавчера приснывся, неначе-бъ то нашъ Охримъ та на шлюби стоявтъ! Недурно жъ у мене сёгодня увесь день и серденько такъ ныло! Не дурно жъ мени и страва нѣка у ротъ не йшла! Сыночку жъ мій, любый мій, соколыку мій! Дай же я хочъ на ручки свои тебе пидйму!»— «Та постій, стара, постривай! шо ты такъ зъ маху на нёго на-кынулася. Може жъ винъ ще не такъ кричко забывсь?.. Ведить мерщій, хлопци, коней у двиръ та давайте ёго зносыты зъ саней!...» Ось хлопци пидвели коней до хаты, зсадылы Охрима зъ саней и внеслы ёго въ хату; у хати ёго роздягли, положиы на пиль и обглядили скризъ. Тило ёму було циле, и ниде ни сыныны, ни дряпаныны, а винъ усе стогне та стогне та якъ повернется, то такъ и вхопытся за бикъ. А маты заразъ у слёзы, а жинка соби. «Та розскажи жъ ты намъ, на мылый Бигъ, якъ воно сталося, що тебе таке лыхо спиткало», пыта Охрима батько. А Охримъ тилько й каже; „Кони мене... люде мене... были мене... кричко побылы“... Та впять якъ застогне та якъ закрычытъ: „Смерть моя! Ой, смерть моя!..“ Маруся уже й свичку страсну запалыла передъ образомъ Пантеліймона циющого, уже й лампадку засвityла передъ Спасытелемъ, щобъ Господь помылувавъ хворого Охрима. „Мамо, мамо, не свитить лампадкы, бо мени щось дуже у вичи удари!.. Ой, смерть, ой, смерть моя!..“

Усю ниченьку пробидкалысь и Максимъ, и Маруся, и Палажка коло Охрима, то повертаючы ёго зъ одного боку на другый, то одягаючы та зновъ роздягаючы ёго, то прыскуючы святою водою, та подаючы ёму кухлыкъ зъ пыттямъ. Бильше усихъ убывалась та бидкалась сердешна маты Охрима, Маруся: вона за всю ничъ хочъ бы на хвылыночку очыма звезда: „Може, тоби моченыхъ выслычокъ прынести? Може, тоби даты настойкы на чыльчыбели, або на калгану? Може, тебе стерты перцивкою? Може тоби заварыты соняшыныци?“— „Ничого мени, мамо, ничого не треба... Смерть моя! Ой смерть моя!..“

Уже чого-чого бидна маты не робыла своѣму сынови, уже якъ ни благала за нѣго Бога, обрикалась и въ печери до Кіева сходьты, и старцямъ обидь зварыть, и на престоль одіяння зробыть, такъ ничего не запомогло: Охримъ, якъ злигъ та все „охъ та охъ“, и все де дали, тымъ гирше.

Такъ пройшовъ тыждень; пройшло ще пивъ-тыждня. Максымъ Мыкытовичъ зъ сынамы десь поравсь на двори, мала дитвора десь гралась на вулицы, а Маруся пишла на тикъ насмыкаты соломы зъ ожереду топыты пичъ. Прыйшла вона на тикъ, стала коло загаты та й смыче. Смыче, колы це чуе, по той бикъ загаты балака зъ кымсь ии сусидка, Хымка Дудукалка. То баба на все село: и ротата и языката, а шо вже лайлыва, такъ така, що якъ выйде було за ворота та якъ начне лаяты кого-небудь, то лайка ии лунае ажъ на все село. А лайнуты було чымъ: ротъ такый, шо якъ-бы всунувъ туды цилу лопату, то десь бы и дѣржала не вздривъ... Та така вона соби сухорлява, порожнювата та вигнута, якъ та сула; очи у неи сири, якъ полуда, а вся ии тварь поколуцана виспоу, неначе те решето... Такъ стоить отто Хымка Дудукалка по той бикъ загаты та й слезеуе: „Ты думаешъ, кумко, шо Охрима Витряченка и справди кони перекынули и черезъ те винъ такъ гирко забывсь? Эге-жъ, кони! Винъ укравъ у якогось купця у городи зъ крамныци ажъ сто карбованцивъ грошей, та й уже було зъ нымы и втикъ, такъ за нымъ прыкащыкы якъ уляглы, якъ уляглы та дошлы ажъ на краю города та якъ скрычалы гвалтъ, а людей якъ позиходылось, такъ моя годыно! Та уже тамъ ѣго якъ почалы типашыть, якъ почалы быть, и вси печинкы поодбывалы: та тамъ бы ѣму и яма була, якъ бы произжаючи люде сыломиць не виднылы... Такъ отто-жъ воно писля того и прыкынулось Охрими... Та ты думаешъ, шо це ѣму первына? Эге жъ! Винъ и ранійшъ того счекавъ щось у того жъ такы купця... Та воно, мабуть, кумасю, такъ шо ии панськый млынъ обикравъ ништо, якъ Охримъ Витряченко... Та, може, и замкы у церковныхъ дверяхъ Охримо-жъ покрутывъ... А, може, отто на лыпчанському шляху и чоловіка произжающого

винь же жь такы забудувавъ. А ты думаешъ, кумочко, самъ Максимъ Витрякъ то й не забуде чоловіка? Може, уже й не одного ухевавъ та де-небудь закопавъ... Ты думаешъ, що винь и справди добрый чоловікъ? Нелюдъ, а не чоловікъ! Звидкиля воно те все багацтво ёго узялось? Га? Звидкиля?— „А вже, кумко, що правда, то правда: ти багачи—дукарячча повсигда зъ чортамы водятся!“ „Не що, кумасю, не що!“— „Та винь на крадени гроши и хаты повыстроювавъ,—сама Маруся якось балакала зо мною та й проязычылася!“— „А такъ и повыстроювавъ, кумасю, и повыстроювавъ!“— „Такъ отъ я тоби, кумасю, и доказала-бъ, у кого винь и гроши покравъ, такъ и сама забула“...

Якъ почувла таку розмову Маруся, то такъ у неи у животи все и похолонуло. Покынула вона браты й солому та заразы у хату. Ускочыла у хату та мыттю до Охрима: „Охрима, Охрима, скажы мени, якъ передъ самымъ Господомъ,—ты, кажуть, узявъ сто карбованцивъ у якогось-то купця, у Харькови; скажы мени по правди, чы це було?“— „Я, мамо, узявъ сто карбованцивъ грошей? Ни, мамо, я взявъ тилько слоечокъ,—той, що въ лампадку за-для ольвы вставляється.“ „Та на що винь здавъ? Господь зъ тобою! У насъ же своихъ два, та ще й третій я недавно купыла! Та якъ-же ты? Та що це ты? Та хто-жь тебе навчывъ того? Чы у тебе батько такый, що зачепыть чуже, чы маты така?“— „Нихто мене, мамо, нихто не вчывъ, а це мене бисъ спокусывъ: я й самъ не счувсь, якъ я ёго взявъ и якъ за пазуху поклавъ!..“ „Може-жь ты ще що-небудь у того-жь такы купця, або у якого другого узявъ?“— „Ни, мамо, бильшь ничего и николы зроду-выку не бравъ“...

Такъ одразу у бидной Маруси и налягли слёзы, щобъ плакать, якъ почувла вона таке одъ сына. Плаче вона та хрыстытся, хрыстытся та плаче. А якъ вона николы и ничего не таила одъ свого Максима, то заразы же выйшла изъ хаты та й розказала ёму про грихъ Охрима. Максимъ Витрякъ якъ почувъ таке, такъ ажъ здригнувъ увесь, ажъ поблидъ, якъ крейда. Якъ? Ёго Охримъ та щось тамъ укравъ у купця? И вириты ёму не хочется!.. „Охрима, Охрима, чы правда тому, що маты про тебе

мени сказала?“ — „Правда, тату, правда! Простить мій великий грихъ!“ — „Та хто жъ тебе такого вчывъ?“ — „Нихто мене, тату, не вчывъ, а це мене нечистый спокусывъ: а й самъ не знаю, якъ я зробывъ и для чого зробывъ“!..

Тутъ Охримъ тяжко застогнавъ, скинувъ зъ себе рядно, зъ превеликою сылю пиднявъ на руки, спустывъ зъ полу на доливку, унавъ одразу навколюшкы та такъ и прыныкъ головою до батькивськыхъ нигъ; трусытся увесь, плаче розривается та просе у батька прощенія: „Николы я и ничего, зроду-вику николы не бравъ чужого, а це справди неначе мене хто спокусывъ... Тату, голубчыку, ридненькый, простить мени мій грихъ! Вы насъ усихъ навчали на добро, вы, и легаючы и вставаючы, казали намъ, щобъ мы ничего чужого не займалы, и це вже мій, тилько мій грихъ. Тату, убийте мене, а тилько простить! Простить же, таточку, простить, бо я чую, що мени вже не жывотить!“...

Слуха Максимъ Мыкытовичъ Охрима, а у самого такъ зло на души и запыа: такъ бы винъ узывъ своими власными руками та й задушывъ своего сына.. И задушывъ бы, и жалко ёму своєї кровы. „Геть, одійды одъ мене! Якъ ты не стыдаешся на свять Божый дывытыся пился такого страмотного дила?“ — „Тату, таточку, покарайте мене, а простить! Я-жъ ще не овси злодій, а Господь и злодйивъ прощавъ. Тату, помылуйте мене“!... И згадавъ Максимъ Витрякъ, якъ батюшка у церкви про розбійныка чытавъ, про того, що высивъ коло Господа на хресту, якъ винъ воззавъ до Спасытеля, и якъ Спасытель одповивъ ёму зъ хреста: „Двесь будеши со мною въ раю“... — „Та для чого-жъ ты взывъ? На вищо воно тобі здалось?“ — „Тату, простить,—убийте мене, а простить!“ — шепоче Охримъ слабымъ голосомъ, а самъ неначе ажъ ковта щось, та ажъ давытся, а дали якъ прыпавъ лицемъ до доливкы, то кровъ такъ и клянугла у нёго зъ рота... Максимъ Витрякъ, гляючы на такы невымовни муки своего сына, не мигъ бильше держатысь: слёзы, гарячи слёзы такъ и побиглы у нёго но обохъ щевахъ: „Ну, нехай тебе судыть Богъ, а не я! Господь давъ кожному чоловіку волю, и чоловікъ може

слухаты або Бога, або сатану. Ты послухавсь голоса сатаны; молись же теперь, щобъ Господь простывъ тоби твѣй грихъ, а я прощаю тебе"! Якъ ухопывся жъ тоди Охримъ за ноги батька, якъ почавъ ихъ цилувать, такъ Максимъ Витрякъ ніякъ и не одведе ёго одъ себе. „Ну годи тоби, сынку, годи! Давай я поможу тоби злизты на пиль“. Узывъ Максимъ Мыкытовичъ Охрима, якъ малу дытну, пиднявъ ёго до примосткы, положывъ на подушкы, прыкрывъ зверху рядномъ, перехрестывъ та й выйшовъ изъ хаты; иде изъ хаты, а у самого слёзы такъ и льются, такъ безперестанно и льются скрызъ и по лицу, и по бороде, и по грудяхъ...

А Охримъ усе—охъ та охъ, усе—охъ та охъ, та такъ скоро писля Водохреща и прыбравсь...

IV.

Охъ, и залюта жъ тоди була зима! Снигу навалыло такого, що Суныцивку усю геть чысто такъ занесло, такъ и замело, такъ и зажулыло. И вси дворы, и вси хаты, и вси хливы, чысто жъ такы позасыпало округъ; щобъ выбраться зъ хаты, люде робылы по-пидъ снегомъ ходы, а щобъ выйхаты зъ двору на вулицю, то йиздили поверхъ ворить. Отаке-то робылось по селу! А вже про дороги и казаты ничего. До такого снегу та ще й морозы: морозъ якъ уриже-уриже, такъ ажъ скадки скачуть, ажъ неначе мрява пиднимается отъ земли. А въ повітри така тыша, що нищо въ нѣму й не поворухнется. И якъ идѣ який чоловікъ по дорози на однимъ кинци вулицы, то рыль одъ ёго чобить чуется геть ажъ на другому кинци. Викна въ хатахъ позапушувало такъ, шо скилько тамъ дитвора ни хукай на скло, а ничего не вздрышъ, що воно робытся на вулицы, бо тилько шо одхукае хлопець въ одному мисти та почне хукаты у другому, якъ воно вже у першому мисци и замуrowало и запушыло и таки вывело розводы, що чоловіку зроду и не прыгадаты тавыхъ. Уже и стари и мали килько разъ личылы

та перелічували усихъ лысыхъ та голомозыхъ на сели, щобъ пересився морозъ, такъ де тобі! Учора та завчора бувъ лютий морозъ, а сѣгодня ще лютійшъ. По хатахъ скривъ такой холодака, що стари бабы та диды позабывались геть ажъ на пичъ та тамъ и лежать, якъ ти бабаки.

— Диду, диду, чы чулы? Охримъ Витряченко вмеръ! Идить лышень помынать,—годи вамъ на печи лежать!

— Якъ? Що? Юхымъ Пистряченко змерзъ?

— Кажы глухому про Тараса, а винъ каже: пивтораста! Охримъ Витряченко вмеръ, такъ идить, кажу, помынать!

— Богъ зъ нымъ, зъ тымъ Витряченко! Нехай винъ соби царствуе! Куды тутъ у такой холодаку, та зъ хаты входить!

— Дядьку, дядьку, пустить у хату!

— А що тобі треба?

— Та мене прыслалы до васъ батько прохаты, чы не пишли-бъ вы, спасыби вамъ, конаты яму на кладовыщи,—оце нашъ Охримко вмеръ...

— Охъ, сынку, сынку, якъ-же ии, ту яму, у такой холодаку копать?

— Та будь ласка, дядечку-голубчыку! У насъ же, чуєте, горе яке!...

— Що горе, то горе!.. А що холоднеча, то вже така, що й носа не можна выткнуты на вулицю, а не то що конаты землю! Теперь тиен земли и зубамы не вгрызешъ.

— Та здилайте мылость!

— Ну, та Богъ зъ вами—треба уже йты...

Одъ одного дядька пишовъ хлопецъ до другого, такъ у того и овси не достукавсь. Дали пишовъ до третёго,—тамъ тежъ саме. Насылочку-насылочку уже знайшовсь ще одинъ чоловікъ, Давыдко-розгамуза.

Сякъ-такъ ти два чоловіка выкопалы такы яму. Максимъ Витрякъ прызвавъ батьку, одправивъ панахыду та й понисъ бидного Охрима на кладовыще. А холоднеча-жъ така, що такъ и риже тобі въ лице, такъ огнемъ и палыть, такъ духъ и займа,

що ажъ дыхаты важко, ажъ стояты не можна на місци. Хто тамъ ни бувъ на похорони, то вси позавязувались, позатулялись, та повкутушкались,—хто платками, хто ряднами, або опанчамы, та такъ и йдуть за труною. Одынъ тилько Максимъ Витрякъ идé зъ непокрытою головою, идé—зовсимъ не чуе, якъ морозъ пече ёму, неначе вогнемъ, и лице, и вуха, и нись, и руки. „Охрима, Охрима, сыну мій любый, що це ты соби зробишь, и що це ты соби заподіяшь?.. Нехай же тебе простыть Господь и ёго пречыста Маты!“ Маруся, такъ та и зъ хаты не выйшла: якъ рушылы домовыну зъ покійныкомъ, такъ вона якъ упала на лаву, то такъ и злягла, неначе нежива. А жинка Охрима, Палажка, такъ та, якъ дійшла до ямы та якъ узяла у руку грудку мерзлой земли, щобъ кинуты ии на труну чоловіка, то такъ и заholола зъ тією грудкою, ажъ покы Максимъ Мыкытовичъ не рознявъ ии руки та не выкинувъ самъ тіей грудкы у яму.

Такъ и поховалы того бидолашного Охрима Витряченка. А мыръ, якъ бувъ, такъ и зоставсь, и нищо въ нёму не перевернулось и не переставылось: якъ свитыло праведне сонце, и якъ за Божымъ днемъ шла Божя ничъ, а за ничью наступавъ день, такъ воно й зосталось. И никому нема до того дила, що одного чоловіка не стало на свити. Тилько про те й знали, що въ хати у Витряка. Максимъ Витрякъ, поховавши свого старшого та любого сына та помьянувши ёго, якъ треба, похрыстьянськи, дуже задумавсь надъ своимъ лыхомъ. Шо це мій Охримъ зробишь таке? Зроду-жъ за нимъ не було ничего такого, а тутъ ось тоби на! Та ще й на якій речи!.. И розсудлымый винъ у мене бувъ, и непытущый, и богобоязкый, а все-жъ такы... Та яка-жъ ричъ! Хочъ бы вже тамъ що путне, а то що-жъ воно коштуе?.. Це вже не ёго, а мене покаравъ за щось Господь?... Це вже не ёго грихъ! Може прогнывывъ чымъ Господа Бога; може образывъ чымъ чоловіка, може погордувавъ передъ кымъ; може супроты закону колы-небудь пійшовъ... А може це... може це мени за те, що я занисъ косу надъ чоловікомъ та хотивъ ёму голову зарубать?... У Бога праведного та всевидющого ничего дарма не робытся. Просты-жъ мени,

Боже, и помылуй за мій невыдимый грихъ и не выправляй ёго на моихъ дитяхъ! Скарай уже краще мене самого, нижъ моихъ дитей!... А про те, якъ Твоя воля, такъ и буде... А може це... може прадидивськый та пращурськый грихъ: Господь карае човиба и въ девьятимъ колени за ёго грихы... Господы, просты и помылуй!...

Д. Яворницкій (Д. Эварницкій).

(Дали буде).

Договоры прихожанъ съ священниками въ Старой Малороссіи.

(По поводу договорнаго акта 1789 г.).

Актъ, напечатанный ниже, не представляетъ собою чего-либо новаго, совершенно неизвѣстнаго. Подобнаго рода акты, заключающіе въ себѣ условія договора прихожанъ съ священниками, были не разъ публикуемы и на страницахъ „Кіевской Старины“, и въ другихъ изданіяхъ¹⁾, и даже были предметомъ изслѣдованія.²⁾ Если, тѣмъ не менѣе, мы помѣщаемъ его здѣсь, то дѣлаемъ это по многимъ причинамъ. Прежде всего потому, что актовъ подобнаго рода напечатано все еще сравнительно немного, между тѣмъ вопросъ объ отношеніяхъ населенія старой Малороссіи къ низшему духовенству—одинъ изъ крупныхъ вопросовъ и можетъ освѣтить многое въ исторіи Малороссіи, въ особенности же въ исторіи ея религіозной политической и соціальной борьбы съ Польшей. Съ другой стороны, нашъ настоящій документъ касается мѣстности (именно Сѣверщины), относительно которой не было еще ни разу констатированъ фактъ примѣненія и въ ней выборнаго начала, господствовавшаго какъ въ правобережной, такъ и въ лѣво-

¹⁾ См. архивъ Ю. З. Россіи, ч. 1, т. II; матеріалы для исторіи православія въ Украинѣ въ XVIII в. Особенно актъ № II, 1759, № III, VI, XVIII и др.

²⁾ И. Лучицкій, Малороссійская сельская община и сельское духовенство въ XVIII в. Въ «Земскомъ обзорѣ», Полтава, 1889 г., № 6.

бережной Украинѣ, той ея части, которая входила въ составъ нынѣшней Полтавской губерніи. Какъ ни незначительно количество извѣстныхъ намъ договоровъ прихожанъ съ священниками, они, тѣмъ не менѣе, во первыхъ, обнимаютъ собою цѣлое столѣтіе, начиная съ 1712 г. ¹⁾ и кончая 1789 г., а во вторыхъ, касаются самыхъ разнородныхъ мѣстностей, и нѣсколькихъ сель бывшего Чигиринскаго староства ²⁾, и лѣваго берега Днѣпра, сель нынѣшнихъ уѣздовъ Золотоношскаго и Переяславскаго, и Черниговщины, и, наконецъ, Сѣверщины. А это важное свидѣтельство общераспространенности обычая какъ выборовъ сельскихъ священниковъ „громадами“, такъ и общеобязательности договоровъ между священниками и громадами.

Церковь въ Старой Малороссіи была церковью, опиравшейся на выборномъ началѣ, какъ на высшихъ, такъ и на низшихъ своихъ ступеняхъ, и, вдобавокъ,—особенно въ томъ, что касалось вознагражденія священниковъ,—являлась такъ сказать какъ-бы свободною церковью, независимой отъ внѣшней власти. Какъ таковая, она существовала съ давнихъ временъ, и въ XVII в. ея организація, опиравшаяся на принципъ выбора, была столь же распространенной, какъ и раньше и позже. Право выбора принадлежало одинаково и городскому, ³⁾ и сельскому населенію, и было настолько обычнымъ явленіемъ, что попытки отмѣнить его или только нарушить въ томъ или иномъ случаѣ, вызывала жалобы и протесты со стороны прихожанъ. Когда въ концѣ XVII в. новый кіевскій митрополитъ, Варлаамъ Ясинскій, началъ было собственною властью, „сильно“, сажать на вакантныя мѣста священни-

¹⁾ Договоръ обществъ сель Козлова и Леляковъ. Въ Земскомъ Обзорѣ, 1889 г., № 6.

²⁾ Старый Крыловъ, Липовое, Райгородъ и т. д. Архивъ ю. в. Россіи.

³⁾ См. королевскій декретъ по дѣлу между мѣщанами и униатскимъ священникомъ Іоанномъ Юзефовичемъ о правахъ на Воскресенскую церковь въ Кіевѣ. Въ прилож. (№ XXXII) къ книгѣ проф. Голубева, Петръ Могіла, т. 1, изд. 1883 года.

ковъ, помимо вѣдома прихожанъ, кievскіе мѣщане, ссылаясь на жалованныя грамоты, на исконное ихъ право выбора священниковъ, опротестовали дѣйствія митрополита. Войтъ кievскій, Иванъ Быковскій, со всѣмъ урядомъ, обратился съ протестомъ и жалобой къ московскому патріарху, Адріану, и добился у него не только признанія правъ Кіева на выборы „парохіальныхъ священниковъ“, но и посланія, съ которымъ патріархъ обратился къ кievскому митрополиту и въ которомъ потребовалъ отъ послѣдняго возстановленія нарушеннаго права во имя „христіанской любви“ и мира.¹⁾ И любопытны основанія этого требованія. „Кievскіе мѣщане, пишетъ патріархъ, извѣстиша намъ, что прежде сего митрополитовъ кievскихъ и при твоёмъ уже бытіи бысть таковой обычай у нихъ, егда къ церкви которой во градѣ надобенъ парохіальный священникъ, и тогда они, прихожане, и всѣ ихъ урядники, по любви, чтобы онъ былъ *отецъ* имъ и *жертвоприноситель*, избираютъ обще, и о посвященіи во іереѣство вамъ, архіереемъ, бьютъ челомъ, и еще и при насъ отъ прихожанъ таковое челобитье творится, еже бы о томъ у нихъ роптанія и ради нелюбве въ духовности отлученія и нуду не было“. Теперь же, продолжаетъ патріархъ, „отъ тебе къ нимъ бывають присланы къ приходскимъ ихъ церквамъ священники *сильно*, не по ихъ избранію, и дѣло де имъ то во оскорбленіе бываетъ, яко не созиждаются въ Божіей любви“, и рекомендуетъ кievскому митрополиту „пасти христово стадо любовно“ „пещися да Богъ мира со всѣми будетъ“.

Дѣло о назначенія священника и объ уплатѣ ему его содержанія лежало исключительно на одномъ населеніи, на „громадахъ“ каждаго даннаго (прихода. Отъ „громады“ зависѣло указать на то или иное излюбленное избранное ею

1) Посланіе патріарха Адріана находится въ числѣ рукописей московскаго архива министерства юстиціи (Деп. Правит. Сената, кн. № 5—1732 г.,) ф.о. 205—208. За сообщеніе этого любопытнаго документа приносимъ искреннюю благодарность проф. С. Голубеву, любезно предоставившему копію документа въ наше распоряженіе. Онъ будетъ помѣщенъ въ одномъ изъ ближайшихъ №№ «Кievской Старины».

лицо. Обязанность высшей духовной власти, епископа или архіепископа данной епархіи, заключалась лишь въ выдачѣ ставленной грамоты, въ удостовѣреніи, что данное избранное лицо способно быть священникомъ, или же въ томъ, чтобы подготовить его къ священству, въ случаѣ отсутствія у него подготовки. Данный приходъ избиралъ прежде всего извѣстное ему лицо, заключалъ съ нимъ договоръ и затѣмъ посылалъ и приговоръ, и договоръ къ архіерею. Послѣдній предписывалъ „послать избраннаго во ученіе каѳихиза и святыхъ тайнъ, и на хоръ чтенія и пѣнія, затѣмъ, получивши рядъ удостовѣреній отъ экзаменатора, что ставленникъ „Законъ Божій, святое церковное таинство и прочее надлежащее въ катихизису изучил“, и отъ духовника, разрѣшалъ рукоположить его; наконецъ, послѣ выдачи ставленнику удостовѣренія въ успѣшномъ обученіи богослуженію („священнослуженія іерейскаго добрѣ обученъ“), выдавалъ ставленную грамоту“. 1)

Будущій ставленникъ могъ быть указанъ и избранъ и самой громадой, могъ, въ иныхъ случаяхъ, просить громаду избрать его, взять на себя инициативу 2). Никакихъ ограниченій для выбора не существовало. Громадѣ вольно было избрать либо духовное лицо (бывшаго уже священника или служащаго при архіерейскомъ дворѣ и т. д.), либо свѣтское, все равно изъ старшины ли (какъ, напр., священникъ с. Домантова переяславскаго полка 3), или изъ козаковъ, или изъ посполитыхъ 4).

Разъ данное лицо оказывалось избраннымъ громадой, послѣдняя приступала къ ряду дѣйствій, въ видахъ установленія на прочныхъ основаніяхъ будущихъ отношеній своихъ къ своему „пастыру и богомольцу“. Она устанавливала прежде всего размѣръ вознагражденія священника за исполненіе имъ разнаго

1) Архивъ ю. з. Р., т. II, стр. 4—5, ср. 15—17 и др.

2) Договоръ с. Самовицы 1761. Земскій Обзоръ Ср. Ар. Ю. З. ч. I, т. II, 28, 31 и др.

3) Рум. Опись, с. Домантовъ.

4) Арх. Ю. З. Россія, ч. I, т. II, стр. 27, 32, 50 и др.

рода требъ и послѣ переговоровъ съ нимъ выдавала ему контрактъ или договоръ, который нерѣдко (какъ видно и изъ прилагаемаго акта) посылала въ судъ для засвидѣтельствованія. Договоръ заключался съ цѣлью оградить прихожанъ, членовъ громады, отъ излишнихъ поборовъ, почему въ него нерѣдко вносилось прямое требованіе, чтобы „попъ ничего больше не вымалъ“, не забиралъ ничего „насильно“ или „самъ собою“. Въ нихъ прямо говорится, что опредѣленнымъ громадою онъ „повиненъ контентоваться“ ¹⁾. Договоръ имѣлъ, впрочемъ, силу лишь по отношенію къ членамъ избравшей священника громады: онъ былъ обязателенъ для него. По отношенію къ лицамъ постороннимъ, которые пожелали бы обратиться къ священнику данной громады, послѣдняя, какъ то видно изъ прилагаемаго акта, предоставляла своему „пастыру“ свободу дѣйствій: онъ могъ „уднаться“ съ чуже-общественникомъ (актъ с. Козлова), но „сходственно съ указанными повелѣніями“.

Размѣръ вознагражденія за требы точно опредѣлялся громадой, и тарифъ вносился цѣликомъ въ договоръ, но плата не была одной и той-же: она измѣнялась постепенно отъ начала къ концу XVIII в. Такъ, въ 1712 г. села Козловъ и Студеники опредѣлили платить за сорокоустъ всего 30 к., тогда какъ въ 1761 г. за него въ Самовицѣ уплачивали 3 р. и таже цѣна отмѣчена и въ договорѣ 1789 г. с. Погребки. За вѣнчанье въ 1712 г. платили всего 5 коп., тогда какъ 1761 г.—20 к., а въ 1789—10 к., но съ добавленіемъ отсынного хлѣба, роковщины, которой вовсе не уплачивали въ XVIII в. другія села лѣвобережной Украины. За похороны плата съ 5 коп. въ 1712 г. возросла до 10 коп. 1761 и 1789 г. и т. д. Но въ 1789 г. уже гораздо детальнѣе опредѣлена плата за всякія мелкія требы, чѣмъ въ актахъ предшествующихъ, чего вовсе нѣтъ въ старыхъ договорахъ, какъ нѣтъ и обязательной роковщины.

¹⁾ См. И. Лучицкій с. община и с. духовенство, акты № (сел. Козлова 1712), № III (с. Самовицы 1761).

Рядомъ съ договоромъ о платѣ за требы разрѣшался громадой и вопросъ о земельномъ обезпеченіи священника и причта. Обыкновенно громада отводила избранному ею священнику такое количество земли, какое считала нужнымъ. Села Бозловъ и Студеники отводятъ гай и луку; жители Самовицы—пахать въ общественной толокѣ, мѣсто для двора и рыболовный уступъ; жители с. Каневцы—пахать въ общественной толокѣ („помѣрки“) въ двухъ смѣнахъ и сѣнокосъ. Во всѣхъ этихъ актахъ земля отводится совмѣстно и козаками, и посполитыми. Такой-же отводъ земли совершается и въ с. Погребкахъ въ 1789 г., но здѣсь уже новая черта: отводить землю отдѣльно козаки, отдѣльно казенные крестьяне. Въ большей части случаевъ отводъ производился изъ общественныхъ земель и признавался дѣйствительнымъ, въ старыхъ актахъ, лишь до тѣхъ поръ, пока „кто з оныхъ (священника или причта) церкви Божіей служить будетъ,“ (актъ с. Каневцы 1764 г.) Не лицо признавалось собственникомъ земли, не данный священникъ, а священникъ вообще, какъ данный, такъ и его преемники. Но однажды отведенная земля считалась неотчуждаемой: ее отдавали „на вѣчность“, какъ церковную собственность.

Довольно значительное различіе существовало между договорами сель лѣвобережной Украины, сѣверной и южной, и сель правобережной. Въ первой, гдѣ община была болѣе свободной, не требовалось согласія какой либо власти, не требовалось ея разрѣшенія для составленія договора. Не только козаки, но и посполитые дѣйствовали сами, по собственной волѣ. Въ правобережной члены громады испрашиваютъ прежде всего разрѣшеніе приступить къ выборамъ и составленію договора. Жители Старого Крылова получаютъ это разрѣшеніе отъ комиссара чигиринскихъ имѣній князя Яблоновскаго, который, также какъ и громада, посылаетъ просьбу объ утвержденіи даннаго лица въ званіи священника архіерею ¹⁾. Съ другой стороны, отсутствуютъ въ лѣвобережной Украинѣ и тѣ обяза-

¹⁾ Архивъ Ю. З. Р., ib., стр. 1—10, стр. 18—19 и др.

тельныя взысканія презентовъ и проч., которыми были обложены священники праваго берега ¹⁾.

Труднѣе рѣшить вопросъ, какъ поступала „громада“ въ тѣхъ случаяхъ, когда священникъ не исполнялъ договора. Несомнѣнно, договоръ,—разъ онъ еще и засвидѣтельствованъ былъ въ судѣ,—долженъ былъ имѣть силу и значеніе юридическаго акта, обязательнаго для обѣихъ сторонъ. Если, какъ то показываютъ данныя о с. Козловѣ, переяславскаго полка, священникъ могъ жаловаться полковой старшинѣ чрезъ атамана на нарушеніе своихъ правъ, то, вѣроятно, такимъ-же правомъ обладала и „громада“. Къ сожалѣнію, у насъ имѣть въ рукахъ данныхъ подобнаго рода для лѣвобережной Украины. Но что община могла требовать смѣны священника и замѣны его новымъ, ею избраннымъ, видно изъ того, что села правобережной Украины пользовались этимъ правомъ, правда, лишь въ одномъ случаѣ, когда, не желая отступать отъ православія, не только настаивали на замѣнѣ обратившагося въ унию священника другимъ, православнымъ, за котораго прихожане подали свои голоса, но просто удаляли его ²⁾. Существовало-ли это право и въ другихъ случаяхъ нарушенія договора, остается открытымъ вопросомъ.

И. Л.

1789 года, марта 10 дня, мы нижеподписавшіеся дали сей обвѣзательной контрактъ находившемуся въ новгородскомъ архиерейскомъ домѣ въ должности расходчика, церковнопричетническому сыну, Іосифу Домницкому, ³⁾ въ томъ, что если Богъ

¹⁾ Ів, LIX.

²⁾ Архивъ Ю.-З. Р., ів., дѣло объ избраніи въ м. Мглѣвѣ священника Григорія Хоминскаго вмѣсто Василя Гдишннскаго, котораго жители имѣть не желаютъ. Стр. 446 и сл.

³⁾ Изъ архивныхъ данныхъ погребской церкви видно, что Домницкій еще состоялъ священникомъ въ селѣ Погребки и въ началѣ XIX ст. С. Р.

удостоить и господинъ преосвященнѣйшій Иларіонъ, епископъ новгородскосѣверскій и глуховскій, посвятить его, Домницкаго, къ нашей приходской церкви, храму Покрова пресвятія Богородицы, во священника, то тогда за его священнослуженіе и исправленіе намъ христіанскихъ требъ опредѣляемъ ему, Домницкому, въ руку место, на которомъ умершаго священника, Гурія Горачевскаго, состоитъ жилой домъ съ огородомъ, при томъ же дворъ имѣемъ, и въ лузѣ сѣнокошь церковный ¹⁾ во урочищи Далматовѣ, а особливо того со стороны козачей хлѣбопахатной земли во урочищи Боровой сменѣ, близълежащей с. Погребокъ на Ивоть ²⁾ дороги, посѣвомъ на четверть, да со стороны казенныхъ крестьянъ, съ вѣдома господина эконома директора, Семена Федоровича Уманца, пустовскій имѣемій грунтъ, прозиваемій Козинскій, ³⁾ состоящій во всѣхъ трохъ смѣнахъ, яко то Боровой, ⁴⁾ въ средней и кормовой, и притомъ въ лузѣ сѣнокошь, Козинъ же; сверхъже того обязуемъ давать въ годъ отъсипного хлѣба отъ всякаго грунта по полчетверты старой мѣры, особливо же за требы, именно: за молитву родительницѣ 2 коп., за крещеніе младенца 2 коп., за елеосвященіе 1 ефимокъ (?), за погребеніе младенца 5 к., за погребеніе возрастнаго 10 к., и за чтеніе притомъ евангелія каждаго 5 к., за панихиду большую 10 коп., за уписаніе въ помянникъ умершей души 40 коп., за сорокоустъ 3 ефимка, за здоровный обѣдъ, за молебень, за акафистъ, за освященіе дому, воды и колодезя по 10 коп., за освященіе иконы 2 коп., за обвѣчаніе своего прихода отъ тѣхъ, кои отсипнимъ хлебомъ даютъ роковщину, по 10 коп., а от огородниковъ и стороннихъ смотря по чело-

¹⁾ Состоить в нынѣ во владѣніи церкви Погребской въ пользованіи у причта. С. Р.

²⁾ Село Ивожь находится въ 7 верстахъ отъ Погребковъ. С. Р.

³⁾ Существуетъ нынѣ урочище «Боровая Смѣна», С. Р.

⁴⁾ Названія „Козинъ“, «Козинскій сѣнокошь» болѣе не существуютъ въ с. Погребки, и мѣсто, гдѣ они находились, остается неизвѣстнымъ. С. Р.

вѣку и по доброхотству, сходственно съ указанными повелѣніями. Во утвержденіе какова учиненнаго нами договора дозволяемъ ему, Домницкому, сей контрактъ, гдѣ надлежитъ, оконфирмовать, на коемъ и подписуемъ при печатехъ. Къ сему контракту намѣстничества и уезда Новгородско-сѣверскаго жительствоующіе въ селѣ Комонѣ¹⁾, при печатехъ подписались: корметь Опанасъ Худорбій; значковой товарищъ Владимиръ Худорбій²⁾ Къ сему контракту уезда Кролевецкаго жительствоующій въ селѣ Погребкахъ губернской регистраторъ Иванъ Гриневиць при печати подписался. Къ сему контракту сотенній асауль, дворянинъ Денисъ Малченко, при печатехъ подѣписался. Къ сему контракту намѣстничества Новгородско-сѣверскаго, уезда Кролевецкаго, села Погребокъ козаки: Юсифъ Денисенко, Иванъ, Никифоръ, Демянъ и Михаило Фатуни, Каленикъ и Иванъ Вощныи, Захаръ Луговой, Сергей Межуй, Илья Отрошко, Сергей и Мина Шляхти, Леонтій, Василь и Омелко Колмиченки, Владимиръ и Артемій Тереховскіи, Трофимъ Козель, Тарасъ Воронай, Никифоръ Куций, Федоръ Жоровъ, подписались, а вмѣсто ихъ неграмотныхъ, по ихъ персональному прошенію, за нихъ и за себя того жъ села Погребокъ итаманъ Василь Денисенко руку приложивъ.— Казеннаго ведомства крестьяне: войтъ Семенъ и Яковъ Шерстюки, Терентій и Петро Рудкм, Стефанъ Благушъ, Димитрій Коротченко, Нивита, Ходько, Данило и Иванъ Товкачи, Васи-

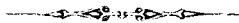
1) С. Комонъ находится въ 2 верстахъ отъ Погребковъ. С. Р.

2) Земли Худорбіевъ находятся и теперь въ дачахъ с. Погребки. Фамилія—Худорбій, какъ и фамилія Малченка, извѣстны еще во время «шведской вѣкурсіи». Отмѣченная въ исторіи Маркевича (II, 474—75) фамилія «Худорбай», какъ и фамилія козака с. Погребки, у котораго останавлявался Петръ I, — „Мальчикъ“, очевидно не вѣрны. По всей вѣроятности значковой товарищъ Худорбай, — потомокъ того хоружого, котораго согникъ Н.-Сѣверскій, Жоравка, посылалъ къ Петру въ Погребки. Относительно рода Малченокъ погребскіе старожилы рассказываютъ, что на одной изъ балокъ хаты Малченка была вырѣзана надпись: «здѣсь былъ Петръ I» Въ 1889 г. хата сгорѣла. С. Р.

лій Смоляникъ, Халимонъ и Константій Заровніе, Федоръ, Исай, Василь и Василь Мойсеенки, Григорій Скрипченко, Иванъ Школній, Иванъ Комаръ, Никита и Отрохъ Шамови, Семень Реготъ, Дорохъ Кохановъ, Федоръ, Василь и Николай Хроленки, Алексѣй Макаренко, Макарь Зимодранъ, Матвѣй Сквородка, Петро Стягайло, Федоръ Коротченко, Илія Потапенко, Антонъ Пацуй, Захарій Шепель, Онисимъ Пластунъ, Симонъ Морочко и Гуринъ Науменко подписалися, а вмѣсто ихъ неграмотныхъ, по ихъ персональному и рукоданному прошенію, за ихъ и за себя того жь села житель изъ дворянъ козакъ Филипъ Малченко при печати руку приложилъ.

1789 года, марта 13 дня, сей договоръ въ Крелевецкій уездный судъ со стороны прихожанъ погребскихъ явленъ и въ книгу входящихъ дѣлъ подъ № 55 записанъ и за надлежащимъ подписомъ, съ приложеніемъ судовой печати, изъ сымъ засвидѣтельствваніемъ просытелю Иосифу Домнѣцкому возвращенъ. Засѣдатель Лукянъ Огневскій, секретарь Александръ Антоновичъ, коллежскій канцеляристъ Павель Стожко. (Архивъ Покровской церкви села Погребки Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда).

Собщилъ Сергѣй Рѣлицкій.



Александръ Яковлевичъ Конисскій.

(Некрологъ).

I.

Немногочисленные ряды выдающихся дѣятелей на нашей родной нивѣ съ каждымъ годомъ все рѣдѣютъ и рѣдѣютъ; съ каждымъ годомъ одинъ за другимъ сходятъ со сцены энергичные, горячо преданные своей родинѣ и народу, вѣрные до конца жизни разъ принятому ими направленію работники. Если утрата подобныхъ работниковъ всегда тяжела даже въ обществахъ, успѣвшихъ хорошо развить свою культурную жизнь и потому богатыхъ культурными силами, то тѣмъ чувствительнѣе она въ той средѣ, которая, въ силу различныхъ обстоятельствъ, постоянно оказывается задерживаемой въ своемъ естественномъ ростѣ и вслѣдствіе этого считающей въ своихъ рядахъ энергичныхъ, неутомимыхъ работниковъ только единицами.

Такимъ именно работникомъ и былъ, скончавшійся 29 ноября минувшаго года, извѣстный украинскій писатель и общественный дѣятель, А. Я. Конисскій. Въ лицѣ сошедшаго въ могилу А. Я. Конисскаго Малороссія и Галичина понесли тяжелую утрату, одного изъ старѣйшихъ, самыхъ неутомимыхъ работниковъ, въ теченіе слишкомъ сорокалѣтней своей кипучей дѣятельности неизмѣнно и твердо стоявшаго на стражѣ интересовъ своей ро-

дины и своего народа. Этими чертами своего характера покойникъ долженъ служить прекраснымъ примѣромъ для молодого поколѣнія.

Для полной и всесторонней оцѣнки общественной и литературной дѣятельности покойнаго, длившейся болѣе сорока лѣтъ, теперь пока еще не время: слишкомъ она была продолжительна и слишкомъ разнообразна, а потому ее и не возможно сдѣлать сейчасъ, предъ незакрытой еще почти могилой. Цѣль настоящаго очерка—познакомить читателей, друзей и почитателей сошедшаго въ могилу дѣятеля съ главными моментами жизни и дѣятельности его и дать общій перечень литературныхъ трудовъ и работъ покойника.

А. Я. Конисскій родился 6 августа 1836 г. въ хуторѣ Переходовѣхъ, нѣжинскаго у., черниговской губ. Потерявъ на седьмомъ году своей жизни отца, Конисскій рано испыталъ тяжелое положеніе сироты, матеріальныя лишенія и притѣсненія окружающихъ. Девяти лѣтъ его отдають въ нѣжинское приходское училище, а затѣмъ—въ Черниговскую гимназію. Здѣсь ему пришлось испытать первыя горечи за свое влеченіе къ высшимъ порывамъ человѣческаго духа: гимназическое начальство усмотрѣло его испорченность въ томъ, что онъ пишетъ стихи на малорусскомъ языкѣ, и въ результатѣ онъ очутился за порогомъ гимназіи. Попытка продолжить образованіе въ Нѣжинскомъ дворянскомъ училищѣ и лицейѣ также окончилась неудачей: крайне стѣсненныя матеріальныя обстоятельства, а также тяжелая болѣзнь глазъ, заставили его бросить школу и вступить въ жизнь на борьбу съ лишеніями и невзгодами. Въ 1854 г. Конисскій поступаетъ на службу при судѣ въ Полтавѣ, не оставляя въ то-же время надежды пополнить свое образованіе самостоятельнымъ трудомъ, и дѣйствительно достигаетъ намѣченной цѣли. Юношескіе годы Конисскаго совпали съ тѣмъ освободительнымъ теченіемъ, которое увѣковѣчено также недавно сошедшимъ въ могилу, покойнымъ Джаншіевымъ въ его трудѣ подъ названіемъ „Эпоха великихъ реформъ“. Конисскій отдался служенію народу со всею страстью своей пылкой натуры. Онъ

принимаетъ дѣятельное участіе въ устройствѣ воскресныхъ школъ въ Полтавѣ, пишетъ корреспонденціи въ „Искру“, „Черниговскій Листокъ“ и „Основу“, гдѣ выступаетъ пламеннымъ защитникомъ интересовъ народа и убѣжденнымъ борцомъ за его права. Наступившія въ 1863 г. неблагопріятныя вѣянія отразились и на Конисскомъ: по доносу одного изъ сослуживцевъ, его обвинили въ распространеніи превратныхъ сепаратистическихъ идей и сослали сначала въ Вологду, а затѣмъ въ Тотьму, гдѣ онъ пробылъ до 1865 г., когда получилъ разрѣшеніе возвратиться на родину: сначала въ Воронежъ, затѣмъ—Елисаветградъ, Бобринецъ и Екатеринославъ. Въ 1872 г. Конисскій переселяется въ Кіевъ, гдѣ живетъ до послѣднихъ дней, посвящая все свое время литературнымъ занятіямъ, главнымъ образомъ на малорусскомъ языкѣ.

Не входя въ подробную оцѣнку литературной дѣятельности Конисскаго, мы все-же не можемъ не остановиться прежде всего на тѣхъ обвиненіяхъ по его адресу, какія часто раздавались и въ печати, и въ частныхъ отзывахъ, обвиненіяхъ въ проповѣди національной исключительности и нетерпимости. Такія обвиненія, по нашему мнѣнію, основаны только лишь на недоразумѣніи: не національную нетерпимость и исключительность онъ проповѣдывалъ, а напротивъ—свободу національностей. Видя свой родной народъ не на высотѣ тѣхъ правъ, какими пользуются другіе народы, онъ не могъ иногда, какъ натура въ высшей степени чуткая и отзывчивая, освободиться отъ страстного, обличительнаго тона, который его противники толковали, какъ шовинизмъ и исключительность. Что мысль наша сирава, доказательствомъ тому является и то обстоятельство, что, посвятивъ свои силы малорусской литературѣ, Конисскій не чуждается въ то-же время и русской и принимаетъ дѣятельное участіе въ лучшихъ органахъ ея: Вѣстникъ Европы, Русская Мысль, Искра, Страна, Порядокъ, Заря, Земство, Земскій Обзоръ, Семья и Школа, Московскій Телеграфъ, Днѣпровская Молва и мн. др.

Литературная дѣятельность Конисскаго начинается съ 1858 года, когда имъ въ „Театрально-Музыкальномъ Вѣстникѣ“

помѣщено было нѣсколько замѣтокъ. Начало 60-хъ годовъ совпадаетъ съ возрожденіемъ и расцвѣтомъ малорусской литературы въ Россіи, и вотъ Конисскій помѣщаетъ по-украински и по-русски въ „Основѣ“ и „Черниговскомъ Листкѣ“, издававшемся извѣстнымъ украинскимъ писателемъ Глѣбовымъ, рядъ очерковъ беллетристическаго и публицистическаго содержанія, подписывая ихъ псевдонимомъ „Переходовець“.

Въ публицистическихъ своихъ очеркахъ онъ ратуетъ за допущеніе въ народную школу малорусскаго языка и вообще за предоставленіе ему правъ полного гражданства. Въ то-же время дѣятельность его въ качествѣ учителя воскресныхъ школъ въ Полтавѣ натолкнула его на мысль составить учебники для украинскихъ школъ, результатомъ чего и были его „Украински прописи“ и „Арихметика, або щотниця“. По поводу учебниковъ на народномъ языкѣ онъ ведетъ интересную переписку съ Костомаровымъ. Но измѣвившіяся условія вскорѣ прервали эти зачатки педагогической дѣятельности Конисскаго: другіе составленные имъ учебники не были разрѣшены къ печати. Такое исключительное положеніе малорусской письменности въ періодъ 1863—73 г.г. натолкнуло Конисскаго на мысль перенести свою литературную дѣятельность въ Галичину. Конисскій въ этотъ періодъ печатаетъ свои произведенія (стихотворенія, повѣсти, романы, рассказы, статьи литературно-критическаго и публицистическаго содержанія) въ галицкихъ и буковинскихъ украинскихъ изданіяхъ—„Слово, Галичанинъ, Мета, Вечорниця, Правда“ и др. Неоднократныя поѣздки въ Галичину еще болѣе укрѣпили его связи съ галицкими дѣятелями національнаго направленія, связи, не прерывавшіяся до самой его смерти. Галичина и вся Малороссія особенно обязаны К—му за его дѣятельность въ качествѣ одного изъ основателей извѣстнаго „Науковаго товариства імени Шевченка“ въ 1873 г., сперва поставившаго себѣ чисто литературныя задачи, а затѣмъ съ 1892 г. реорганизовавшагося, при поддержкѣ и горячемъ участіи его, въ научное общество. Въ началѣ 70-хъ годовъ малорусскому слову въ Россіи вздохнулось свободнѣе, и Конисскій, не пре-

рывая своей дѣятельности въ Галиціи, опять обращается къ изданію книжекъ въ Россіи: имъ издано нѣсколько популярныхъ брошюръ, приготовлены къ печати литературные сборники, не увидавшіе, впрочемъ, свѣта. Въ 1881 г. Конисскій поднимаетъ вновь старый вопросъ о допущеніи малорусскаго языка въ народную школу. Статья его по этому вопросу, появившаяся въ журналѣ „Семья и Школа“, вызвала цѣлую литературу въ русской современной печати, большинство представителей которой вполне согласились съ положеніями автора. Вообще при каждомъ удобномъ случаѣ Конисскій поднималъ этотъ вопросъ, какъ въ статьяхъ, такъ и въ различнаго рода докладныхъ запискахъ, выступая всегда защитникомъ правъ малорусскаго слова.

Послѣдніе годы своей дѣятельности Конисскій посвятилъ изученію личности и произведеній Шевченка. Плодомъ этого изученія былъ двухтомный трудъ „Тарасъ Шевченко-Грушевський. Хроніка його життя“, первый томъ котораго появился въ 1898 г. въ Львовѣ, а второй появится въ скоромъ времени. Тотъ-же трудъ авторъ переработалъ и издалъ въ Россіи подъ названіемъ „Жизнь украинскаго поэта Т. Гр. Шевченка“. Трудъ Конисскаго представляетъ лучшую біографію знаменитаго украинскаго поэта. Шевченку-же посвященъ и послѣдній трудъ Конисскаго, появившійся на русскомъ языкѣ—это популярная біографія поэта, предназначенная для широкой публики, напечатанная въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ „Журнала для всѣхъ“.

Перечислить все написанное Конисскимъ не представляется пока возможнымъ: его произведенія печатались большею частью въ Галицкихъ изданіяхъ, мало въ Россіи извѣстныхъ и доступныхъ, подъ многочисленными псевдонимами („Переходовецъ“, „Верныволя“, „Сирота“, „Журавель“, Дроздъ, Семень Жукъ, О. Яковенко, К. Маруся, О. Кошовый, Перебендя, Лесько, Кость Одовецъ, Сирота зъ Украины, О. Я. Хуторный, Вакула зъ Лубенъ, Степанъ Шкода, Полтавецъ, О. Я. К., О. К., Дрибный и др.), изъ которыхъ многіе остались нераскрытыми до сихъ поръ.

Болѣ популярныя его романы и повѣсти—„Семен Жук і його родичі“, „Юрій Горовенко“ (подъ псевдонимомъ Красюченко), „Непримиренна“, „В гостяхъ добре, а дома ліпше“. Въ послѣднее время Конисскій предпринялъ изданіе своихъ беллетристическихъ произведеній въ Россіи; до сихъ поръ вышло три тома, въ недалекомъ будущемъ ожидалось еще нѣсколько томовъ, но смерть прервала его намѣренія.

Утрата, понесенная малорусской литературою, тяжела и трудно вознаграждаема. Съ энергіей, стойкостью, убѣжденіемъ онъ въ теченіе своей долгой литературной и общественной дѣятельности отстаивалъ то, во что вѣрилъ, и до послѣдней минуты убѣжденъ былъ, что стѣсненная теперь въ своемъ теченіи родная литература дождется свѣтлыхъ дней... Если къ кому можно примѣнить прекрасное изреченіе: „Теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ“—такъ это къ Конисскому.

Несомнѣнно, что онъ оставилъ глубокій слѣдъ въ малорусской литературѣ и жизни.

Миръ праху твоему, неутомимый, стойкій труженникъ и вѣрный сынъ родной страны!

Матушевскій-Ефремовъ.

П.

Библиографическій указатель сочиненій А. Я. Конисскаго, написанных по-малорусски.

Предлагаемый нами ниже перечень произведеній покойнаго А. Я. въ хронологическомъ порядкѣ составленъ отчасти на основаніи труда Ив. Ем. Левицкаго „Галицко-Русская библиографія XIX ст. (съ 1801—1889)“, отчасти послѣ просмотра тѣхъ изданій, въ которыхъ покойный А. Я. сотрудничалъ, отчасти, и даже главнымъ образомъ, на основаніи матеріаловъ и записей, оставшихся послѣ его кончины. Въ настоящемъ перечнѣ мы почти исключительно останавливаемся на произведеніяхъ, печатавшихся въ Галицкой Руси, которыя, въ особенности до 1890 года, отмѣчены нами повидимому съ достаточной полнотой; что же касается времени послѣ 1890 года, то здѣсь оказались крупныя пробѣлы, благодаря рѣдкости нѣкоторыхъ изданій, которыхъ намъ не представилось возможности видѣть... Предлагая этотъ, хотя и далекій отъ полноты, указатель, мы исходимъ изъ того вполне естественнаго заключенія, что отдѣльныя лица и редакціи, въ особенности галицкихъ періодическихъ изданій, для которыхъ дорога память почившаго, еще такъ недавно поддерживавшаго съ ними самыя живыя сношенія, не преминутъ подѣлиться съ нами своими сообщеніями, дополненіями, поправками, замѣчаніями—драгоценнымъ матеріаломъ для будущихъ біографовъ А. Я. Конисскаго.

Какъ извѣстно изъ біографической записи А. Я. Конисскаго, первый его опытъ на литературномъ поприщѣ относится въ 1858 г. въ „Театральномъ и Музыкальномъ Вѣстникѣ“; ¹⁾ въ томъ же году онъ помѣстилъ первыя свои стихотворныя произведенія въ Черниговскихъ Губ. Вѣдомостяхъ, съ которыхъ мы и начнемъ перечень.

1858 г.

Въ „Черниг. Губ. Вѣдом.“—Стихотвор. **Перебендя О.** (№№ 37, 40, 45).

1) Замѣтка объ итальянской оперѣ въ Полтавѣ.

1861 г.

1) Въ „*Основѣ*“ 1861 г.—**Кюнисскій Ал.** Изъ Полтавы. Вісті (Полтавскіе колонисты)—(май, 68—71); Людська память про старовину. Спафаріева рудка—(ноябрь—дек. 1—7); стих. Сиротина (май, 26). **Ол. Переходовець.** Зъ Полтавы. Вісті (Положеніе школьнаго образованія въ Полтавѣ) (Янв., 319—322); Изъ Полтавы. Вісті. (Мѣстныя извѣстія) (май, 71—74); Листи въ дороги (изъ Херсона) (Окт., 145—148).

2) Въ «*Чернишковомъ Листкѣ*». Повѣсть «Купованый батько».

1862 г.

1) Въ «*Галичанинѣ*», кн. I, вып. I, Литерат. сборн., издаваемомъ Я. О. Головацкимъ».

Стихотворенія.

Верниволя О.: Вечерня розмова (стр. 9—10), Вѣтеръ (10), До дивчины. Ганнѣ Павловнѣ Ф. Р—ъ (8—9), Думка (10—11), Зъ святого письма (I. Царь Саулъ. II. Пѣсня пѣсенъ) (7—8), Каторжний (II), Левъ та барсъ. Басня зъ Крылова (6), Моя доля (11), Споминки (10).

К. О. Я. Думки (6—7), Пророкъ. Миколаю Ивановичу Костомарову (7).

Кюнисскій Александръ Я. Бажання (6), Весна и зима. Виктору Васильевичу Лободѣ (3—4), Доля (3), До Млнъ. Вольный переводъ изъ Шиллера (15), До моря (5), Останне слово Василю Тарасовичу М. . . . (3), Петро (1—3).

Разказы. **Кюнисскій Александръ Я.** Цанська воля. Оповданне (21—35).

2) Въ книгѣ «*Р. (озлуцкій) М. В.* Сонное видѣніе, або разговоръ духовъ о польскій и рускій справѣ. Оповѣдь въ стихахъ». — **Кюнисскій Александръ Я.** На смерть Тараса Шевченка (стихотвореніе) (106—108).

3) Въ «*Словѣ*», Львовъ, 1862. Рочникъ второй.

Стихотворенія. **Верниволя О.** Въ память дня 19 лют. 1861 р. (№ 50), До сестры (№ 35), Думка (№ 54), Заповѣдь. Богдану Александровичу Калинѣ (№ 78), Зъ святого письма. Іефеяева дочка. Марку Вовчку (№ 39), Калѣка (№ 79), Коли-бъ (№ 78), Мое бажання (№ 22), Нема й надѣи (№ 75), Нѣ! Нѣ! Романсъ, присвяч. О. О. М. (№ 28), Одного бажаяю (№ 67), Панамъ—дже-либераламъ (№ 79), Пѣсня братямъ галичанамъ (№ 46), Сестрамъ-галичанкамъ (№ 47), Туга (№ 61).

Конисскій Александръ Я. Грѣшница (№ 53).

Корреспонденціи. **Верниволя Ѳ.** Зъ Полтавы (№№ 32, 40, 43, 45, 54, 59, 68, 74, 83, 84, 97).

4) Въ *«Черниовскомъ Листкѣ»* 1862 г. Стихотвор. **А. Конисскаго:** Безталанна (№ 6), До вбогон (№ 6).

О. Переходовець — Листъ до редакціи (№ 12)

5) Въ *«Основа»*. **Конисскій.** Дорожня замѣтки (изъ Полтавы въ Кременчугъ) (февр. 55—58); **Переходовець Ол.** Вісті. З Кременчуга (мартъ, 78—80), З Млыновъ (май, 19—22), З Лубенського у. (май, 16—19), З Полтавы (февр., 52—54), З Старыхъ Санжаръ (май, 11—16)

6) *Українськи прописі.* Полтава, 1862. Ц. 4 коп.

1863 г.

1) Въ *«Вечерницякъ»*. Рочникъ II.

Стихотворенія. **Сирота:** Плачъ Іереміи (№ 16), Споминки про Богдана Хмельницького (№ 13), Українська нічъ. Олені Василевні С—л—д—кій (№ 14),

2) Въ *«Галичанинѣ»*. Книга I, Выпускъ II.

Стихотворенія. **Верниволя Ѳ.** До В. В. Лободы (стр. 13), До родини (11), **Журба** (14), Моя любовь. Ганнѣ Викентьевнѣ П... (16), На прощанье. Г. М. С. (16), На смерть Я. Г. Кухаренка. Степану Як. Кухаренкови (13—14), Не вѣрю клятвѣ я раба (12—13), Не призывайте всуе Бога (12), Очи (15), Покрышка (14—15), Пѣсня. Оленѣ Михайловнѣ Филофернѣ (12), Сама до себе. Ганнѣ Миколаевнѣ С... (15), **Сирота** (15), Усе плаче! Д. П. Пильчикову (11—12).

Конисскій Александръ Я. Загублена душа. Бретонська баллада зъ феодальныхъ часѣвъ (8—11).

Разказы. **Верниволя Ѳ.** Прощани люде. Оповіданье. Ганнѣ Олексіевни П-а-ч-к-в-ô-й (60—68).

3) Въ *„Галичанинѣ“*. Книга I, Выпускъ III и IV.

Стихотворенія. **Сирота зъ Украины:** Братьямъ на Вераину (№ 2), До П. М. Ар...т-а (4), До себе (4—5), До старой моеи неньки (3), Послѣдній день. Ив. Ант. Криштофу (3—4), Словомъ рабского не хочу я (2).

4) Въ *«Словь»*. Рочникъ III.

Стихотворенія. **Верниволя Ѳ.** Пустка. (№№ 94—96).

Корреспонденціи. Верниволя **Ө.** Зъ Полтавы (№ 1); **Сирота.** Зъ Полтавы (№№ 5, 29).

5) *Ариѳметика або щотниця.* Спб. 1863. Ц. 5 коп. Видано Н. Костомаровымъ.

1864 г.

1) Въ «Словѣ». Рочникъ IV.

Стихотвореніе. Верниволя **Ө.** Прощанье Чайдъ—Гарольда. По Мицкевичу. Моему щирому и любому пріятелеви Леону Ковальскому (№ 100).

1865 г.

1) Въ «Метль». (Первый годъ изданія).

К. Маруся. Критичный оглядъ украинской русской драматической литературы. Зъ московского журнала „Русская Сцена“ (стр. 532—535).

2) Въ «Словѣ». Рочникъ V.

Стихотвореніе. Перебендя. Надѣя (№ 93).

1866 г.

1) Въ «Русалкѣ» (всего 11 №№).

Стихотворенія. Верниволя **Ө.** Елегія (№ 5), Памяти В. Щ. (№ 6); Перебендя: Де вы? (№ 1), До А. Ф. К. (№ 2), До дивчины (№ 8), До М. В. В. (№ 4), До русалки! Присвячено рускимъ академякамъ у Львовѣ (№ 3). Думка. Ст... К... (№ 7), Памяти великихъ. Въ роковныи смерти Тараса Шевченка (№ 9); **Сирота** (на вигнаньи): В. В. М...чу (№ 11).

Разказы. **Сирота.** Спомянки давнего. Школа (№№ 3, 6, 9); **Журавель.** Передъ свѣтомъ. Олюдаване для людей нового часу. Присвячую любой мойй жѣнцѣ (№№ 6—11).

Критич. статья. **К. Маруся.** Критичный оглядъ украинской [русской] драматической литературы. Зъ московского журнала „Русская Сцена“ (№№ 5—7).

2) Въ «Читанкѣ русской для низшой гимназіи. Часть II. Львовъ».

Стихотвореніе. Конисскій Александръ. Доля (стр. 75—76), Зьма (66—67).

1867 г.

Въ «Правдѣ» (1-й годъ изданія).

Стихотвореніе. Верниволя: На смерть С...а С—а М—в—а
(№ 17).

Конисскій Александръ Я.: У селі (№ 12). Частина зъ поемъ
Войнаровськийъ. Перекладъ зъ Риліева (№№ 14, 21).

Полтавець: Думка. (И я въ неволи, на чужнінѣ (№ 7).

По—О. Б.: До небоги (№ 5).

И...ъ Мое бажанніа (№ 1).

Сирота: До братівъ товаришівъ по долі. Прологъ до поемъ
„Острожницькѣ“ (№ 6), Пісня (№ 16), Частина зъ поемъ «Острожницькѣ»
(№№ 10, 19, 22).

Критическія, статті.

О. П.: а) Сватанніа невзначай, драма въ шести діяхъ. Напи-
савъ О. Цись; б) Ятровка, драма въ пяти діяхъ зъ прологомъ На-
писавъ О. Цись (№№ 1—2).

1868 г.

1) Въ Сборникѣ «*Горонскій Алексій. Руская читанка для
высшій гимназіи. Томъ III. Ч. I. Львовѣ.*».

Конисскій Александръ. *Стихотворенія:* Весна и зима (стр.
480—481), Левъ та барсъ. Басня зъ Крылова (481—482), На про-
щанье (472), Петро (478—480), Пророкъ (Зъ Лермонтова) (483), Си-
рота (482) (Всѣ эти стихотворенія были напечатаны въ предыдущіе
годы въ вышеуказанныхъ изданіяхъ).

1869 г.

1) Въ „Правдѣ“. Р(окъ) III.

Стихотвореніе. Яковенко. Зъ сербського (№ 4).

1870 г.

Въ «Правдѣ». Рочн. IV.

Стихотвореніе. Яковенко. Нива (№ 2).

1871 г.

1) Въ сборникѣ «*Барвинскій Александръ. Руска Читанка для
высшій гимназіи. Ч. III. У Львовѣ.*».

Стихотворенія. Конисскій Александръ: Весна и зима (157—158), До П. М. Ар...т—а (160—161), *Дуброва* (154—155), *Думка* (И за що, за що, Боже милый), (162), *Завтра* (155), *Заповѣдь* (161—162), *Зъ святаго пвсьма. Іефеаева Дочка* (162—163), *Люби друмихъ, якъ самъ себе* (157), *Моя доля* (158), *На прощанье* (160), *На смерть Я. Г. Кухаренка* (159), *Обжунки* (155—156), *Отъ цулькы! до мене злодій влизъ* (154), *Що наймирише* (158). (Стихотворенія курсивомъ — нанечатаны въ этихъ изданіяхъ впервые).

2) Въ сборникѣ „*Партыукій Емилианъ. Руска читанка для низшихъ класъ середнихъ школъ. Ч. II. У Львови*».

Стихотворенія. Конисскій Александръ: Елегія (стр. 83), *Микола, Надъ моремъ, Наука Христова* (стр. 84) (Стихотворенія курсивомъ—въ зготъ изданів впервые).

Разказы. Конисскій Александръ. Мій першій прихидъ до школы (стр. 122—123).

3) Въ сборникѣ „*Читанка руска для низшихъ класъ середнихъ шкиль. Часть I. Во Львовѣ*“.

Стихотворенія. Конисскій Александръ: Зима (стр. 430), *При видѣвздѣ* (стр. 449), *У селѣ* (428—429).

1874 г.

Въ „*Правдѣ*“, рочникѣ VII: З Украіни (№ 5, 229), *Подорож од Полтавы до Гадяча* (№ 10, 11, 13).

1875 г.

1) Въ „*Ластовкѣ*“. Львовѣ. Р(очникѣ) VII.

Стихотвореніе. Верниволя О. Бѣдна дитинка и недобрн люди (№ 24).

2) Въ „*Правдѣ*“. Рочникѣ VIII.

Стихотворенія. В-р-ля О. До ватажка (№ 5) *Думка* (Тихо округъ мене) (№ 18), *На память 10 січня 1865 р. М. А. К.* (№ 9), *Старий* (№ 15). *Тобі сусідоньки сказали* (№ 5).

Разказы. К—ий О. Я. Моі давні знаємі. *Етюды з життя: Дмитро Книш* (№ 24), *Марта Михайловна Перепечка* (№ 20), *Сила Федорович Гарбуз* (№ 21).

Яковенко О. *Семен Жук* и ёго родичі. *Хроніка* (№№ 1—10, 16—20, 22).

Критическ. статьи. Кошової О. Коли ж виясниться. За про-
водом повісти И. Левцого „Хмары“ (№№: 19, 20). До всіх живих
руських людей (№ 23), Політични часовиси на Україні (№ 17), Літе-
ратурні злочинства (ст. 931—933).

1876 г.

1) Въ *«Газетъ Шкільній»*. Рочникъ II.

Стихотвореніє. Конисскій О.: Елегія (№ 22).

2) Въ *«Правдѣ»*. Рочникъ IX.

Стихотворенія: В-р-ля О. В больниці душевно-недужих (№ 10),
До музи (№ 8), На Тарасовій могилі (№ 12), Наша пісня (№ 5).

Перебендя О. На березі моря (№ 5), На 15-ти роковини
смерти Т. Шевченка (№ 5).

Разказы. К. О. Я. Мої давні знаємі. Етюди з життя: Бродяга
Иванъ (№№ 10, 11).

О. Я.: Наймичка. Оповіданє (№№ 21—22).

Критическія статьи и замѣтки. Дрибный. Ліка своєнародні.
З домашнєго обиходу и в картинах життя. Київ, 1875 (№ 5), Про
холеру. Київ, 1875 (№ 5).

Кошової О. Збірник творів Іеремін Галки. Одесса, 1875 (№№ 3,
4), Про карн, до якихъ присуджують мирові суді. Київ, 1875 (№ 4).

1877 г.

Въ *«Правдѣ»*. Рочникъ X-ий.

Стихотворенія. Перебендя. О. Думка (На скелі високій—снжу
одинокій) (№ 22), Скорбні пісні (№ 22), Українська пісня (№ 22).

Мелкія статьи. Вакула изъ Лубенъ. Мої хуторні сусіди (№ 1)

1878 г.

Въ *«Правдѣ»*. Рочникъ XI. Томъ I.

Стихотворенія. Перебендя. Біля церкви (стр. 233), Картинка
(стр. 232), Марусі Ф. (231).

2) *Тамъ же*, Томъ II.

Разказы. К. О. Я. Мої давні знаємі. Етюди з життя: а) Ба-
буся Харитина (стр. 90), б) Павло Бодько (стр. 42)

Корреспонденція. Изъ Кієва (Историческое Общество Нестора-
Лѣтеница) (№ 24).

Статьи. Сєгочасне літературне прямування. Ч. I (№ 11).

1879 г.

1) Въ „Правдѣ“. Рочникъ XII-ий.

Стихотворенія. **Перебендя**. Скорбні пісні (стр. 505).

2) Въ сборникѣ „Реманчукъ Юліянь. Руска читанка для низшихъ класъ середнихъ шкіль. Часть I. У Львовѣ“

Стихотворенія. **Конискій Александръ**: Зима (стр. 230), **Привидѣньдѣ**. (245), **У селѣ** (237).

1880 г.

1) Въ «Зорѣ. Рочникъ першій».

Статья. **О. К.** Михайль Куземскій (№ 4).

3) Въ „Правдѣ. Рочникъ XIII, въ № 4—6 (стр. 195).

1881 г.

1) Въ „Антології руській“. У Львові.

Стихотворенія. **Верниволя О. Я.**: Вітер (73), Вїздячи на Україну (153), **Каліка**, **Каторжний** (101), **Тюрма за волю** (33); **Конискій Александръ**: Думка (стр. 173), Коли б, (45) **Мое бажання** (6), **Моя любов** (26), **Одного бажая** (131), **Сиротина** (стр. 145).

2) Въ „Свѣті“. Рочник I.

Стихотворенія. **В-р-ля О.** Вїздячи на Україну (№ 1), **Думка**. (На свелі високій свѣжу одинокій) (№ 6), **Зоря** (№ 8, 9), **Філантропія** (№№ 11—12); **Перебендя**: **Буває інком порою** (№№ 8, 9), **В ясну ніч у садок** (№ 7), **До Миколи Лисенка** (№ 10), **Мої кучері опали** (№ 8, 9), **Молитись хочу! слів немає** (№№ 8, 9), **Не для мене прийшла** (№№ 8, 9), **Отак, не вирвавшись на волю** (№ 7), **Сквитоване** (№ 11, 12).**Розказы. К—ий О. Я.** Мої давні знайомі. Етюди з життя: **Антін Калвна** (№№ 11, 12)Статті: **К.** Відчити з історії руско-українського письменства XIV віку (Котляревскій, Гоголь, Боровиковскій, Гребинка, Бодянскій, Гулак-Артемовскій) (№№ 1, 2, 8, 10); **Шкода Степанъ**: Листи з дороги (№№ 8—12); **О. В.**: Листи про Ірландію (№№ 10—12).

3) Въ «Дѣль. Рочникъ II».

Конискій Александръ: Листъ зъ Кієва до редактора «Дѣла» (№ 74).

4) Въ сборникѣ «Луна». Кіевъ, 1881.

Стихотворенія. О. К. Скорбна пісня (стр. 9); **Перебендя.** На березі моря (стр. 10), Просты (стр. 58); **А Конисскій.** Вожевільна (стр. 11); **Федоръ Верниволя.** Думка.

1882 г.

1) „Свѣтъ“. *Рочникъ III.*

Стихотворенія. В-р-ля **Θ.** Ніч (№ 13); **Перебендя.** Скорбні пісні (Ізо дня в день, із віку в вік) (№ 15).

Розкази. **К. О.** Із життя хуторян в Полтавщині (№ 16, 17), Антон Балина (№ 14); **безъ подписи:** И ми—люде! (№№ 15, 18—21).

Статті: **Конисскій Александръ Я.** (автобіографія съ портр.) (№ 13); **К.** Відчуття з історії русько-українського письменства XIX віку (№ 14); **Θ. В.:** Листи про Ірландію (№ 13, 14).

1883 г.

О. К. Перша граматка, або читанка. Кіевъ, 1883 г. Ц. 10 к.

1884 г.

1) Въ „Зорь“. *Рочникъ пятый* (два рази въ мѣсяць).

Стихотворенія. **Перебендя:** Вѣрна дружина (№ 14), Зъ скорбныхъ пісень (№ 3), Сподѣване (№ 13).

Розкази: **К. О. Я.** Музика Павло Дрантусъ (№№ 18—19), Порвани струни (№№ 6—11).

Статті. **Жукъ Семень:** Листи зъ Полтавщини (№№ 2, 8, 9, 15, 24, 25, 48, 49, 85, 99); **К. О. Я.:** Павло Чубинський (некрологъ) (№ 10); **Кость Одовецъ:** Очерки изъ історії української літератури XIX ст. Н. И. Петровъ, Кіевъ, 1884 (№№ 43, 44—46, 54, 55, 61, 62); „Руска Библиотека“, томъ III. Критична замѣтка (№ 86).

3) Въ „Календарь иллюстр. Товариства „Просвѣта“ на рикъ 1885“.

Розкази. **Конисскій Александръ Я.** Пастухъ Кузьма Шило (стр. 1).

4) **Конисскій Александръ Я.** Порвалась нитка! Комедія на чотыри сравы. Написавъ Олександръ Я. Конисскій. У Львовѣ (накладомъ Ивана Белея). Зъ другарий Товариства ім. Шевченка, 1884, 8^о, стр. 73—1.

1885 г.

1) Въ „Альманахъ буковинскомъ въ память общества «Союзъ» въ Черновцяхъ“.

Стихотворенія. **К. Я.** До рускои молодежи (стр. 36), Мати (36), Смерть ватажка переходжихъ. За Фрайлвигратомъ (39).

Разказы. **К. О. Я.** Коханне въ останне (стр. 76).

2) Въ «Буковинъ». *Рочникъ I* (2 раза въ мѣсяцъ).

Стихотворенія. **Перебендя О.** Заспѣвъ до поемы „У Гуцулвѣ“ (№ 3).

3) Въ „Зорь“. *Рочникъ шестый.*

Стихотворенія. **Перебендя.** Давно а нынѣ (№№ 15, 16), Доля славы (№ 13); **Перебендя О.:** Розмова Музы зъ поетомъ. Перекладъ изъ Альфреда Мюссе (№ 8).

Разказы. **Дроздъ.** Въ гостяхъ добре, а дома лѣйше. Зъ жия рускои емиграціи (№№ 8—19); **К. О. Я.** Чи злочинець, чи недужий? Зъ карнои хроняки (№№ 3—5); **Конисскій О. Я.** Драма в тюрмі (№ 23).

Статьи. **Жукъ Семень.** Нова громада. Поема В. Кострицького (№ 19); **Конисскій Александръ Я.** Микола Костомаровъ. Некрологъ (№ 3).

4) **Дроздъ.** Въ гостяхъ добре, а дома лѣйше. Зъ жия рускои емиграціи. Историчне оновѣдане Дрозда. Передрукъ зъ „Зорь“. Львовъ. Зъ друкариѣ Товариства имени Шевченка, 1885, 8^о, стр. 165.

5) Въ «Календарь иллюстр. тов. «Просвѣта» на рикъ 1886.

Статьи. **Жукъ Семень.** Зъ исторія Руси—Украины. Писля Микола Костомарова (стр. 33).

6) Въ «Дѣль. *Рочникъ VI*».

Статьи **Конисскій О. Я.** Микола Костомаровъ. Мов вгадки про него и его листы (№№ 49—52).

7) **Лисенко Николай.** Имя на жѣночи голоса зъ акомп. фортепьяна. Слова **О. Я. Конисского.** Библиотека музыкельна. Выпускъ III. Львовъ. У Львови, 8^о.

8) **Красюченко.** Юрій Горовенко. Романъ. Львовъ, 1885. Выдане Руско-Укр. Библиотека.

9) **Яковенко.** Фотографія зъ старого альбому. Кіевъ, 1885 г. (Марта Черенечка, Бабуся Харитяна, Музыка Павло Дрантусъ).

1886 г.

1) Въ «Буковинъ». *Рочникъ II.*

Разказы. К—ій О. Я. Капитанъ Гуля. Ескавъ (№№ 10, 11, 12); **Конисскій О. Я.** Завѣячене жыте (№№ 16—19).

2) Въ «Дяль». *Рочникъ VII».*

Статьи. **Одовець Кость.** Михайло Максимовичъ. Біографічна замѣтка (№№ 56, 57).

3) Въ «Зоръ». *Рочникъ VII».*

Стихотворенія. **Конисскій О. Я.** Проповѣдь на горѣ (№ 22). *Разказы.* (Жуеъ Семенъ). Зъ жыта на селахъ. Фотографіи (№№ 1, 11); **Конисскій О. Я.** Отакъ буля вскочили! Зъ народныхъ усть (№ 18, 19).

4) Въ „Календарь буковинскомъ на рикъ 1887“.

Разказъ. **Конисскій О. Я.** До чого доводитъ людей горѣлка.

5) Въ «Календарь ілюстр. товар. «Просвіта» на рикъ 1887».

Стихотвореніе. **Яковенко.** Елегія (стр. 45).

6) Въ книгѣ «Исторія Украины за часивъ Петра Великого и Катерины II: Павло Полуботокъ. Петро Кальнишевский. Видане Товар. «Просвіта» (ч. 89). У Львовѣ»,—авторъ очерка „Петро Кальнишевский“—**Кость Одовець.**

Статьи: **Конисскій О. Я.** Женщины-профессоры на университетѣ въ Болонья. Писля Никитенка (№№ 20—23), Жѣноча освѣта на Уравнѣ (№№ 3, 4).

2) Въ „Дяль. Рочникъ V“.

7) *Костомаровъ Ник. Ив.* Исторични монографіи Миколи Костомарова. Т. I. Руска исторична бібліотека подъ редакціею Олександра Барвѣнского. Томъ II, въ Тернополѣ. Содержить: а) Двѣ Руски народности (въ переводѣ О. В.) (стр. 1), б) Нарысы народнои украинсько-русской исторіи (въ переводѣ Дрозда и Уманца) (стр. 93).

8) Въ томѣ V „Рускои Историчной Библіотеки“—*Смирновъ М.* Доля Галицкои Руси до злученя ей съ Польщею—переводъ О. В. (стр. 1).

9) Въ Сборникѣ «Партыцкій Емельянъ. Руска Читанка для III класы шкіль середныхъ» Львовѣ.

Стихотвореніе. **Конисскій Александръ.** До доньки (стр. 310).

Статья. **Конисскій Александръ.** Степы. Сѣнокосы въ степахъ (стр. 211).

10) Въ Сборникѣ «*Партыцкій Емельянъ. Руска Читанка для IV класы шкіль середныхъ*». Львовъ.

Разказы. Дровдъ. Въ Кленовцѣ (стр. 241), *Ночлѣгъ* (стр. 187)

11) Въ книгѣ «*Романчукъ Юліанъ. Руска Читанка для низшихъ класъ середнихъ школь. Ч. I. У Львовѣ*».

Стихотворенія. Конисскій Александръ: Зима (стр. 255), *При водѣвдѣ*, (стр. 261), *У селѣ* (стр. 253)—всѣ были напечатаны въ предыдущіе годы.

12) *Порвани струны. Виршы. Жытомырь, 1886. Ц 20 коп.*

1887 г.

1) Въ «*Библіотекѣ для молодѣжи*». Въ *Черновцяхъ. Рочникъ III*. Стихотвор. *Конисскій Александръ: Сиротина* (стр. 161)

2) Въ „*Буквинь*“. *Рочникъ III*. *Разказъ. Конисскій Александръ Я.: Черничка* (№№ 19, 20).

3) Въ «*Ватръ*». Въ *Стрѣлю Стихотвор. Перебендя О.: Скорбни пѣснѣ* (стр. 11).

Разказы. Конисскій Александръ: Сѣчовикъ. Зъ подорожи по хуторахъ Украины (стр. 20—37).

Статьи. Конисскій Александръ: Біографични замѣтки (нѣкоторыя данныя къ біографіямъ: Василя Гречулевича, Петра Охощого—Огіевского, Александра Ильича-Шишацкого, Петра Кузьменка, Анатолія Свидницкого (стр. 105—118); *Пубични и приватни архіви на Украинѣ* (стр. 166—168).

4) Въ *Дѣль. Рочникъ VIII*. *Разказы: Конисскій Александръ Я. Казенный млынъ. Розповѣвъ Мартинъ Химула* (№№ 36—38), *Кокрадъ Иванъ Дранка. Зъ споминокъ адвоката* (№№ 33—34), *Не любви двоухъ. Зъ устѣ послушныцѣ Червички Ксеніи* (№№ 66—67)

5) Въ «*Зорь. Рочникъ VIII*». *Стихотв. Перебендя: Бенкетъ у царя Ирода* (№ 2), *Казка* (№ 17), *Марево* (№ 12).

Разказы. Конисскій Александръ Я. Браты Чепѣги. Фотографія зъ народного життя (№№ 15—16), *Доля одного письменника. Ескизъ зъ натуры* (№ 3); *Понови грушѣ. Розповѣла стара дачыха* (стр. 54—57); *Чудниригоди въ житю* (стр. 24—28), *Чотыри вечерѣ. Образки зъ житя народного учителя* (стр. 111—114).

Статьи: Просвѣтный поступъ галицкои Руси за послѣдне десятилѣтіе (стр. 231—234), *Освѣта на захидно-пиведенній Украинѣ* (стр. 234—236; 259—262).

Статьи. Конисскій Александръ Я. Олександръ Атанасіевъ Чужбинскій (№ 4).

- 6) Въ „Календарь“ ілюстр. Товар. „Просвіта“ на рік 1888. *Розкази*. Конисскій Александръ Я. Гарибальдій. (стр. 3—9); *Перебендя*. Батьківски слезы (стр. 50—64). *Статья*. О. Я. Михайло Максимовичъ (съ портретом) (стр. 85—88).

1888 г.

- 1) Въ «Буковинь». *Рочникъ IV*. Стихотвор. Конисскій Александръ. Зъ скорбныхъ пісень (№№ 1—2). *Переводъ*: За що жь? Оповідане Д. Мордовцева (стр. 22—24).
 2) Въ «Дяль». *Рочникъ IX*. *Статья*: О. Я. Я. Шляхта на Украинѣ (№№ 54—56, 62, 66).
 3) Въ изданіи: «Зерна. Літерат.-науковий додаток до «Буковини» за р. 1888. Чернівці. Стих. Перебендя: Весна (стр. 3—5).
 4) Въ «Зорь». *Рочникъ IX*. *Статья*. Конисскій Александръ Я. Про Анатоля Свидницкого (№ 7). *Розказъ*: Смерть Хруща (стр. 261—262) *Статья*. Де лѣше? (ст. 53—55, 66—70).
 5) Въ «Календарь буковинск. на рік 1889». Стихотв. Конисскій Александръ: Безродный (стр. 75—76).
 6) Въ «Календарь ілюстр. тов. «Просвіта» на рокъ 1889.» Стихотвор. Перебендя. На веселому вечерѣ (стр. 47—48); Батьковські слезы. Оповіданне, стр. 50—64.

7) Въ «Правдѣ». *Рочникъ XIV*.

Стихотв. Перебендя. З скорбних пісень Перебенди (стр. 187—188); *Оповіданне* Анастасіада (№ 1, 29—39). *Статті*. Народні болячки а урядові властирі на Україні (101—106, 169—178), Потреба реформи в освіті жіноцтва (I, 25), Потреба кафедри історії України (провідна ст.) (III, 145), Потреба морального виховання (провідна ст.) (III, 145), Потреба історичн. знання (пров. ст.) (81, 85), Шевченко на столітніх роковинах Щепкина (переводъ ст. Н. Стороженька). (III, 188), Сучасне становище русинів (II, 85—88), Провідні статті (II, 149), Вісті: з Києва (I. 38; III, 178), Кременчуга (III, 182).

1889 г.

- 1) Въ «Библиотека для молодѣжи (74—85). *Рочникъ V*. *Розказъ*. Конисскій О.: Оповіданя зъ бібліи. (ч. стр. 62—72, 84—86, 101—102).

2) Въ «Дяль». *Рочникъ X.*

Разказы. К. О. Я. Півень. Оповѣданье (№№ 60—68), За кригою. Оповѣданье (№№ 36, 37).

3) *Перебендя.* Бнягиня. Повість Тараса Шевченка. Переклад Перебенди. Передрук з II т. Правди 1889 г. Львів. Зъ друкарні Тов. імени Шевченка, 1889, 8°, стр. 27.

4) Въ «Правді». *Том II. Выпускъ IV—VI.*

Разказы. Перебендя. Бнягиня. Повість Тараса Шевченка. Переклад. (стр. 312), Пригоди в дорозі. С подорожі на Вкраїну (стр. 346, 416).

Статьи. О. В. Короткий огляд устрою держав европейських: Швеція та Норвегія (стр. 254, 408); Переводи: «Особый русский языкъ» А. Пыпина (стр. 473), Про твори Шевченка історичного змісту проф. В. Б. Антоновича (стр. 3371), Про твори Шевченка писані московською мовою.—ст. А. Пыпина (стр. 341). *Статьи:* Шевченкові малюнки (стр. 369), Де-що про штунду (IV, 29—34; V, 119—124); Бунти селян въ Київщині (V, 129—135), Про земельну власність (провідні статті) (IV, 7—113; VI, 107—182), Про батраків в Ірландії

То-же, том III, выпускъ VII—IX.

Стихотвор. Перебендя О. З скорбних пісень (стр. 62).

Статьи. Жукъ С. З огню та в полумя (стр. 182), *С. Ж.* До історії колонізації Чорноморья (стр. 124), Де-що про штунду (V, 62—65). *Оповідання.* За що його вибили? (кн. VII, 43—48), Теорія и практика (т. VIII, 125—133), Між бабами (замість фельетона) (VIII, 144—152), В тісній баби (IX, 202—217).

То-же, том IV, выпускъ X—XII. *Статьи. К.* До історії українсько-руського письменства: Де-що про Опанаса Марковича (VIII, стр. 105); *С. Ж.* Вісті з України (про селянський банки (стр. 226), Цукровий промисел на Україні (стр. 198).; *О. В. А. Лазаревскій.* Описаніє Старой Малороссіи. Т. I, (стр. 15), Колонізація України від половини XIII до половини XV віку. Компіляція з статті проф. Буданова (стр. 115, 181); Нужди і потреби України перед коміссією Катерини II (XI—XII, 132, 146); Народне здоровье (провід. ст.) Огляд політичний (VII, 65; VIII, 140; IX, 227), Про народне здоровье (1, 226), Про фінанси Сполуч. держ. Пів. Америки (228), Колонізація Африки вимцями (230), Сучасна хроніка (VII, 75, VIII, 161; IX, 235), Вісті з Ёйва (XI—XII, 167), Некролог Зайончківської (VIII, 160), Некролог Щедрина (Салтыкова) (V, 152). *

То же, том I, вип. I—III. Стихотвор. *Перебендя.* З скорбних пісень (стр. 63), Ковалі (268).

Розказъ. К—ій О. Я. Козарський ланок. С хровіки одного села на Україні (стр. 10, 86), Віщовання (кн. 35). Переводъ: Т. Г. Шевченко. *Їнягня* (II, 312—337). *Статъи:* Українці замучені: в Соловецькому острозі (I, 263), Про руську азбуку (пров. статъя) (стр. 222), На вічну память Котляревському (№ 5, 123), Провідна статъя про значіння Федьковича (I, 219), Пров. статъя про Шевченка (II, 298), Пров. статъя про Шашкевича (II, 302), Як треба помянать Шевченка (II, 305), Літер.-Наукова бібліотека Франка (II, 360), Пров. статъя про Костомарова (III, 473), Бібліограф. замітки (Ib. 151), Переполюх над свіжою могилою Шевченка (Переклад статъи Білвка (268, 360), Провідні статті (I, 217; IV, 58; V, 145; VI, 241; VII, 86; IX, 65; XI, 81—85); Огляд політичний (III, 461), Потреба реформиз Літ. Товар. ім. Шевченка на Наукове (провідна статъя) (II, 304—312), Шевченкові малюнки (II, 369), Сучасна хроніка (83, 158, 288, 373, 466).

5) *Конисскій Александръ Я.* Оповѣдана. Передрукъ зъ «Дѣла». Накладомъ видавництва «Дѣла». Львівъ. Зъ друкарнѣ тов. им. Шевченка, 1889, 16°, стр. 1—141. Содержаніе: Коноградъ Иванъ Дранка, Казенный млынъ, Не любы двохъ, За кригою, Шѣвень.

1890 г.

1) Въ «*Правдѣ*» — О. **Конисскій.** Грѣшник (эюд), (I, 11—26), Боротьба (романъ) (I, 33; II, 124; III, 204; IX, 12; IV, 109; XI, 181; XII, 225). *Статъи:* про Белгю (I, 26; II, 120; III, 197). Переклад: Ів. Лучницький. Займанщина на Україні (IV, 29); Провідні статі (IV, 1—6), Робітницьке витанне (6—12), Огляд журналістики російської (I, 67, 78; IV, 67—72), Бібліогр. замітки про твори Манжурп (I, 85), Бібл. замітки про праці Комара, Яснопольского і інч. (IV, 72), Провідні ст. (I, 1—11; II, 90—96; III, 176—181), Ювілей Антоновича (III, 169—171), Утиски Финляндія (179), Пров. статъи (I, 1—4; II, 70—72), Права чоловіка в імперіи Російській (перекл. статъи Тавѣва) (III, 219; IV, 40; IX, 101), Провідна ст. про становище поляків і русинів (I, 1—5), Сучасна хроніка (246), Вісті: з Києва (I, 78; III, 240; XI, 205), З життя в Полтаві (сиоминки) (II, 106—119).

2) Въ «*Буковинь*» — Разсказъ: Памятне видѣне («Зъ моихъ споминокъ»).

3) Въ «*Бібліотецѣ для молодѣжи. Червоци*» (кн. I—VI) — карафейзія (переробка зъ сербськом мовы).

1891 г.

1) Въ «*Зорі*» — **Олександр Кониський**. Не попушу. Оповіданне (стр. 4—7); *Стих.* «З скорбних пісень Черубенді (стр. 327). Стаття: **Олександр Кониський**. На Шевченковій могилі (стр. 90), Памяти Трохима Зіньківського—Певного (стр. 273), До історії українсько-руського письменства. Кілька слів про Василя Мову (стр. 394).

2) Въ «*Правдѣ*» — **О. Кониський**. Дівоча журба: Думка (кн. VIII, 95—97). Оповідання: Грішник (роман) (продолженіе) (I, 5; II, 73; III, 133), Пімста (етюд) (VII, 74—86) Переклад: Ів. Лучицький. Займанщина на Україні (IX, 145). Стаття: Україна въ цифрах (V, 281; VI, 353), Розверстаніе угодій (VI, 380—391), Недорід і причини його (X, 212—218), Думки при роковинах Шевченка (II, 91), Народна память про Шевченка (Ів. 95), Історична мсія Росіи (I, 31—34), Реформа німецьких шкіл (I, 34—36), Поступові придбанія Росіи за 10 літ (II, 102; III, 151), Вісті з Бердичевського повіту (II, 108—113), Некролог Трохима Зайончівського (VII, 71), Некролог Потебні (XII, 375), Некролог Репніної В. (XII, 375), Некролог Рецина В. (XII, 275), Некролог Харитоненка (XII, 376), Некролог Червишевського М. (?).

1892 г.

1) Въ «*Записк. Наук. Тов. ім. Шевченка*». — **О. Кониський**. Дитавний вік Т. Г. Шевченка (Крпично-біографічний нарис), т. I, (87—123).

2) Въ «*Зорі*» — **Олександр Кониський**. Сестра жалібниці (фотографії з холерного часу) (стр. 461); *Стих.* З скорбних пісень (стр. 6).

3) Въ «*Правді*» — **Олекс. Кониський**. Оповідання: Непримиренна (оповід.) (III, 129; IV, 193; V, 257). Де та правда? (XI, 17 719—125). *Стаття.* До історії штунди (IV, 214—219), Придбанія в музеї В. Тарновського (III, 157), Народна моральність на Україні (III, 146), Провідна ст. Про еміграцію (XII, 741—744), Кобза, бандура, торбан (библ. замітка) (IV, 253), Огляд подій року 1891, (I, 19—25), Придбанія Росіи (II, 79—84), Провідні статі (I, 1—5), Віщовання про

XX вік (II, 92; V, 281), Видатніші реформи Росії (XI, 675), Фінанси Росії (XII, 745).

1893 г.

1) ВЪ «Зорі» — Ол. Кониський. Діл Евмен (стр 131); *Подорож в рідні села Шевченка* (стр. 48, 71, 92); О. К. Похорони Леоніда Глібова (стр. 481).

2) ВЪ *Правді* — Оповід.: Розстрига (240, 303, 360, 423, 472). *Статті*: Міщанин Малєваннй і професор Сікорський (353, 417, 405, 531), До життєписі Шевченка (II, 73—90), Огляд подій в Європі за рік 1892 (I, 5, 16), Торішна ворохобя в Росії (57; 233; 297), Падолєсний ювілей (IV, 190—195), Записки Т. Шевченка (переводъ) (440, 486, 551, 607, 672), Некролог Глібова (XII, 698).

1894 г.

1) ВЪ «Записк. Н. Тов. ім. Шевч.—О. Кониський. Парубочий вік Т. Г. Шевченка до викупу з крєпацтва (1829 до 1838). Критично-біографічний нарис (т. IV, 1—28).

Тамъ-же—Сообщ. о рефератъ И. М. Каманна «Универсалъ Тимоша Хмельницького». (т. III, библ. 226—228).

Тамъ-же.—Сообщ. о рефератъ Н. Н. Оглоблина «О Томской Литвѣ 1634 г.» (т. III, биб. 222—225).

1) ВЪ «Зорі» — О. Кониський. Бенєфіс Д. Пьунової (рецензія Т. Шевченка) (стр. 115); Шевченко підчас перебування его в академії художеств.—(ч. 16—21, и отдѣльн. оттискъ—Львів, 1894; (реценз на него—Зап. Н. Тов. ім. Шевч., т. IX, библ. 27—31).

Олександр Кониський. Оповідання: Вісім день з житя Люлі (стр. 454, 472 и 493), Собача правда (стр. 435); Подорож по Україні. II. ВЪ Дакнівці (II, 34, 59, 81, 129, 156, 177 и 199). Спомянки: Дмитро Пильчєвнй (стр. 92).

2) ВЪ «Правді» — Оповідання—Вірна дружина (695, 711). *Статті*: Банк селянський на Україні (37, 179, 244), Огляд політ. 1893 (I, 40—47), Епопея Федора Білецького (VIII, 542), Записки Т. Шевченка (переводъ) (21, 90, 159, 232, 291, 353, 425, 497, 577).

3) *Дидъ* Евмент. Спомянки бабы Ульяны Красючки. Записавъ Олександръ Кониський. Виданне 2-е, У Черныгові, 1—24. Цина 5 к.

1895 г.

ВЪ «Записк. Н. Тов. ім. Шевченка» — О. Кониський. Тарас Шевченко в арєстї (5 квітня до 23 червня р. 1847). (Критико-біографічний нарис). Т. V, 1—26). (Рец. см. вЪ т. IX, биб. 34—37).

Тамъ-же. Проба улаштування хронології до творів Тараса Шевченка. Частина трета (т. VIII, 1—20).

2) ВЪ «Зорі» — **О. Кониський**. Т. Шевченко підчас розцьвіту його кебети до арешту його (1845—1847) (№№ 5—14; отд. оттискъ Львів, 1895). (Реценз. на него—Зап. Наук. Тов. ім. Шевч. IX, библи. 31—34).

Тамъ-же. **Олекс. Кониський**. Грішники Повість. (стр. 1, 21, 41, 61, 121, 141, 161, 181, 201, 221, 241, 261, 281 и 301).

3) В «Правді» — Оповід. Через крикушу (435, 460), Вдова (95, 545, 569). В додатку до «Правди» — переклади: Е. Оржешко. *Великий* и Т. Г. Шевченко. *Наймичка*; *Статті*: про Царя Миротворця (I, 55—61), Царська запомога письменникам (II, 73—75), Петиціи Російских земств до царя (III, 176—186), Хроніка Українська (158, 228), Вісті з України (541).

1896 годъ.

1) ВЪ «Зап. Наук. Тов. ім. Шевченка» — **Кониський**. Тарас Шевченко на першому заслання (1/13 червня 1847—17/29 жовтня 1850). Критико-біографічний нарис. (т. XI, 1—62).

— *Тамъ же*: Тарас Шевченко на другому заслання (17/29 жовтня р. 1850—2/14 серпня р. 1857) (Критико-біографічний нарис) (т. XIII, 1—76).

— *Тамъ же* — Тарасъ Шевченко підчас перебування його в Петербурзі (З 29 березоля 1858 до червня 1859 р.) (т. XIV, 1—42).

2) ВЪ «Зорі». **Олекс. Кониський**: Листи з Криму. I. Київ-Симферопіль (стр. 13), II. Географічний і історичний огляд (34, 35), III. З Симферополя до Алушти. Алушта. Татари і Зайди. Токмаков і Молотков. Стахеев. Бандероля (стр. 112, 133). IV. З Алушти в Ялту (стр. 151). V. Алушка (170, 191). VI и VII. Ялта (236, 255, 277 и 295). **О. Кониський**. Шевченко в дорозі до заслання (стр. 90, 117, 137, 156, 175, 195, 215, 237 и 256) (Рец. въ Зап. Н. Тов. ім. Шевч. т. XVI, библи. 1—4). **Ол. Е-ий**. Іраклій і Агата Ускови (стр. 100).

3) ВЪ «Кіевской Старині», № 4, отд II, стр 1—2, — «Время написанія Шевченкомъ картини «Катерина.»

4) ВЪ «Правді». — З подорожі на той світ (180, 196, 208, 243, 255), Вісті з Стародуба (393).

5) *О. Кониський*, У тиснои бабы (оповид). Київъ, 1896. ц. 5 к.

6) Дядь Евменъ. Спомины бабы Ульяны Красючки. Записавъ Олександръ Кониський выданне трете у Києви, 1—32, ц. 5 к.

1897 г.

1) Въ «*Записках Наук. Тов. ім. Шевченка*». О Кониській: До родоводу Кониських (т. XVI, 2—4).

Тамъ же, — Тарасъ Шевченко підчас останньої його подорожі на Україну (3/15 червня до 7/19 вересня 1859 г.) (т. XV, 1—35).

Тамъ же: Тарас Шевченко в останні часв свого життя (7 вересня 1859 до 26 лютого 1861 р) (т. XVI, 1—70).

Тамъ же: Проба улаштування хронології до творів Тараса Шевченка. Частина друга (т. XVII, 1—22).

Тамъ же—рецензія на книгу: «Величко Гр. Др. Народнописна карта укр.-руського народу. Коштомі и заходом тов. „Просвіта“ у Львові. 1896. (Т. XVI, Библ. 42—45).

Тамъ же—рец. на журн. «Русская Старина за 1896 г.»—(т. XX, Н. Хр., 12—13).

2) Въ „*Зорі*“—**Кониській О. Я.** Малюнки сучасного життя на селах. Баба Явдоха (стр. 261, 281, 301, 321); Безщасний. Переклад **О. Я. Кониського** (стр. 87, 101, 121); Лейла. З сербського. Переробка **О. Я. Кониського** (стр. 461); стаття: Похорони Т. Шевченка (стр. 81).

1898 г.

1) Въ „*Литер.-Наук Вістнику*“.

О. Кониській: Обшир і людність російської України (т. I, кн. I, стр. 1—7), Въ тумані (дійсність і галюцинації) (кн. II, стр. 135—139), Стихотв. „З скорбних вісень Перебенді“ (кн. X, стр. 47—49), Хоча б була постаті дожала, (стр. 255—261).

2) Въ „*Руслані*“—**О. К.** «Цікава сторінка з минулого» (ч. 137—142).

3) Въ „*Записках Наук. Тов. ім. Шевченка*“—**О. К.** Реценз. на „Н. Барсуковъ. Воспоминанія о Н. П. Костомаровѣ и А. Н. Майковѣ. Сиб. 1898 (т. XXV, библ. 43—45).

4) **Олександръ Кониській**. Тарас Шевченко—Грушівський, хроніка його життя. Т. I. Ювілейне видання товариства. У Львові, стр. 1—252, in 8°.

5) **А. Я. Кониській**. Жизнь Украинскаго поэта Т. Г. Шевченка. Одесса, 1—728. Ц. 1 р. 75 к.

1899 г.

1) Въ «*Литерат.-Наук. Вістнику*»—**О. Я. Кониській**. Сікутор. З подорожних заміток (кн. X, 251—258).

2) *Твори. О. Я. Конисского-Перебенди* Т. I. Оповідання (Дидь Евменъ, Непрымыренна, Баба Явдоха, Хвора душа). Одесса, стр. 1—223, in 8°. Ц. 50 к.; т. II. Оповідання (У тиснои бабы—Млынъ.— За крыгою.— Огакъ були вскочылы!—Завертка.— Народня Педагогія.— Не любы двохъ.— Конокрадъ.— Музыка Дрантусъ.— Надія.— Марта Перепичка.— Бабуся Харытына). Одесса, стр. 1—214. Ц. 50 к.

1900 г.

1) Въ „*Запискахъ Наукового Товариства ім. Шевченка*“—**Олександръ Конисскій**. Варіанти на декотрі Шевченкові твори (томъ XXXIII, стр. 1—16).

2) Въ газетѣ „*Дніпровская Молва*“—**А. Я. Конисскій**. Объ изученіи личности Т. Г. Шевченка (№№ 7—9) (Отд. оттискъ. въ Екатеринбургѣ, 1900, стр. 1—16).

Тамъ же,—Воспоминанія о Полтавѣ въ началѣ 60-хъ годовъ (№ 3).

3) Въ „*Літерат.-Наук. Вістнику*“—**О. Конисскій**: За плахту. Оповіданне (кн. III, стр. 273—280), До життєпису М. О. Дикарева (кн. X, XI, стр. 10—29, 75—91).

4) *Твори О. Я. Конисского-Перебенди*. Томъ третій. Ялта, 1900, стр. 1—421, in 8°. Змість: Гришныкъ, Спокусыва ныза, Сестра жалбыцы, Пригоды въ дорози, Смерть предателя, Ранкомъ въ Алуици, Радощи и скорботы великого скрыпныка, Питання, Зъ ранку до ночи, Поэтка, Стари люде, Протестантъ, Иванъ непомнящій родства, Наймычка, То йому за чужи груши, Хоча б була постати дожала, Въ сели, Пимста, Спафаріева Рудка.

5) **О. Конисскій**. Грошолоубка. Выдання третє. Черкасы. 1900, № 13. Ц. 5 коп.

6) Дидь Евменъ. Спомыны бабы Ульяны Красючки. Записавъ Олександръ Конисскій. Виданне 3-є (4-є?). Харьковъ, 1900, 1—29. Изданіе Комитета Харьк. общ. распространенія въ народѣ грамотности. № 56.

7) Въ сборникѣ стихотвореній «*Викъ. 1798—1898*. Кієвъ, 1900»—*Стихотвор:* Проновидь на гори, Мое бажанна, Ратай, Не прызывайте всуе Бога, Сыротына, У-сели, Биля моря, Сподиванна, До староя моен ненькы, Думка, Зъ скорбныхъ писень (1—4) (стр. 192—208).

8) Посмертное изданіе—въ «*Руслані*»—(№№ 177—178 и слѣд.)—«З писанъ Ол. Я. Конисского. Кумедні пригоди». Глава I).

Что-же касается русских періодических изданій, въ которыхъ принималъ участіе покойный Ал. Яковлевичъ, то здѣсь—представить хотя-бы даже краткій перечень произведеній—пока не представляется возможности. Можемъ отмѣтить, согласно собственноручнымъ записямъ покойнаго, лишь заглавія изданій, въ которыхъ онъ сотрудничалъ: Театральный и Музыкальный Вѣстникъ, Русская сцена, Порядокъ, Страна, Молва, Искра, Судебный Вѣстникъ, Семья и Школа, Педагогическій Музей, Заря, Московскій Телеграфъ, Земство, Земскій Обзоръ, Новороссійскій Телеграфъ, Днѣпровская Молва, Русская Мысль (о Шевченкѣ, 1894), Вѣстникъ Европы (о Галичинѣ, 1886 г.; о Федьковичѣ, 1888, февр.), Журналъ для всѣхъ (Біографія Т. Г. Шевченка, 1900).

На обязанности почитателей таланта покойнаго Ал. Як. и его ближайшихъ друзей—соратниковъ лежитъ священный долгъ—собрать все, что было имъ написано за все время болѣе чѣмъ 40-лѣтней литературной дѣятельности,—трудъ, разумѣется, не легкій! Но этимъ будетъ достойнымъ образомъ оказана дань уваженія памяти неумоимаго труженика на благо и преуспеваніе родного края и народа.

В. Доманицкій.



Документы, известія и замѣтки.

Конотопская старина по устному преданію. Недавно мы имѣли возможность пересмотрѣть нѣсколько десятковъ тетрадей разныхъ *записей изъ живыхъ устъ*, почтеннаго малорусскаго этнографа Ст. Дан. Носа (нынѣ пораженнаго нервнымъ уларомъ); нѣкоторое появленіе объ этихъ *записяхъ* могутъ дать приводимые здѣсь ихъ отрывки. Безконечно жаль будетъ, если эти единственные въ своемъ родѣ сборники, начатые съ 1855 г., не будутъ сохранены. Желательно, чтобы на нихъ обратилъ вниманіе какой-нибудь меценатъ¹⁾...

А. Л.

Помищикъ — ровичъ признавъ становаго, щобъ подвергнуть наказанію чоловика—300 ударовъ ризгами.—А за що?—за те, що долженъ бувъ чоловикъ вернуться изъ соломою (изъ сосѣднаго хутора) въ десятому часу, а вернувся въ 12-му, оттого, що гололедыця и беригъ скотыну, щобъ не побыть.—ровичъ давай ёго лаять, а дали порвавъ людей, щобъ высвяты.—За що-жь вы будете сикты?—одправте мене въ судъ, нехай судъ насъ розбере, чы я выновать?—Ахъ ты, сякой-такой сынъ, ты смѣешь говорить!—Становаго!—Той давъ трыста, да въ стану—трыста одъ себе прыбавывъ, щобъ показаты прыязнь пану ликарю (—ровичъ бувъ ливаремъ) и якъ жинка або дытина заболіе, щобъ полчывъ...

¹⁾ Во время печатанія этой замѣтки, получено известіе о смерти Ст. Д. Носа, въ г. Городнѣ, Черниговск. губ.

Пасичникъ того-жъ — ровича та впустивъ роя (пчелъ); винъ звеливъ закувать ёго въ путо, щобъ такъ у - пути глядивъ пчолъ. Разъ полизъ (пасичникъ) на дерево, зачепився путомъ; тамъ-бы бувъ ёму в капуть, якъ-бы люде не одчыпылы. Поты того мучывъ, шокы зъ свита вигнавъ чоловика...

Пиць о. Петро—винъ десь зъ малку при монастыри бувъ. Було приходитъ чоловикъ да й пытае: що визмете за винчанна, паноче?—То винъ було: що мылость твоя!—Пивкипкы визмете?—Спасеть Бигъ!—Тоди було пиць, якъ становится на прыходъ, заразы було бере подпыску одъ людей що його прыймають. Було умовляються—поскільки за винчанна братыме, за хрестыны, похороны... А тоди вже йиде до архіерен.—А теперь громады и знать не хоче! Ище о. Александръ, якъ становився помомъ у нашому сели, такъ громада: «мы не знаемо васъ, може вы зъ насъ будете лышна брать. Якъ дасте подпыску, такъ и оставайтесь у насъ помомъ!» Ище я покойному пысавъ и подпыску. Винъ на мене за те трохы и сердывся... Тоди було время не таке, якъ теперь. Покойный о. Петро було ходыть у нагольному кожущку, у *кучмочци*, а було, якъ служыть, дакъ и дратву на рукахъ знать: шые було покойный чоботы.

Заньковичъ, маршалъ, скільки наробывъ дворянами!—половину Озарычъ (село) наробывъ дворянъ.—Голову сахару або бочонокъ вына прывезе... А въ того бувъ пысьмоводытелемъ Прасоль, батько Ивана Федоровича,—свидытельство нацшыше, що зъ дворянъ, тоди въ ратушу на службу, до Пинчука, щобъ у ратушу опредилывъ.—Що-жъ винъ уміе пысать?—Та вже шрябае!—Ну, нехай ходыть!—А черезъ чотири годы представляють, и чынъ получывъ...

На *Марусю* посадыть—значыть закувать за шыю и прыкувать до колоды. Такъ наказують у Николая Гаврыловича крестянъ.

Преже бувало, якъ дытына не поважае батька,—люды обявять попу: треба його прывязать до дзыныци и—прывязують для стыда...

Александръ Петровычъ, не мавшы способа ослобоныться одъ того, щобъ не пыты въ ратныкы (1855 г.), хлопотавъ про те, щобъ його отдали подъ судъ.

Петро Петровичъ Скоропадскій запявъ у Черныгова, прѣйхавшы у Черныговъ безъ одпуска. Отъ Павелъ Ивановичъ (Тессе), узнавъ про се, да ѣ присылае полицмейстера узнать про здоровье Скор—аго. А въ се время бувъ тамъ фершалъ, котрый пускавъ кровь Скоропадскому; дакъ полицмейстеръ прѣйхавши да ѣ каже фершалу, щобъ винъ сказавъ, що губернаторъ приславъ полицмейстера запытать про його здоровья.—Дакъ винъ выймае гривенныкъ изъ кышени, звернувъ його у трубочку, да ѣ каже: на! однеси губернатору, скажи—стало-быть я здоровъ, колы звернувъ у трубочку гривенныкъ!

Ничымъ було суда (земського) ¹⁾ топыть, бо тоди гроши не одпускались, а предписаніе зробится на сѣла, щобъ доставылы дровъ, такъ черезъ годъ и доставлять... У суди холодно... Було, диловання (заборъ) позабирають, порубають на дрова та въ сундукъ и поскладають, а на сундуци бумагы... Прыходять трусыть у судъ съ кварталнымъ, дивляться—а тутъ одни бумагы... Квартальный державъ за насъ руку... Бумагу було дають (для пысьма) четверточками. Ни ослона, ни стульця,—на колинахъ було пышемъ... Канцелярськи булы за мальчыкывъ,—у посылы посылають.—Секретарь, якъ губернаторъ... Канцелярскій у бильхъ (полотняныхъ) штаняхъ, чоботы насылу волоче, бо велики, якъ у пистровому жупани, то ѣ хрантъ. А на вкучачкы: тилько земскій та уѣздный судъ выйде, наша взяда! Заразъ Илько Страшный и почавъ качать...

У старовыну жинка никола, було, не пиле безъ намытки; стадо виганье: изъ колка и бере намытку; а дома—безъ намытки.

Було, хоронять, котрый богатый: выдовбае сучильного дуба и положить...

Къ исторіи статутовыхъ судовъ въ лѣвобережной Малороссіи. Недавно намъ встрѣтился два акта, указывающіе, что статутовые суды существовали въ лѣвобережной Малороссіи уже и въ перв. полов. ХVІІ в. и, слѣд., наше мнѣніе, что тогда «не было, повидн-

¹⁾ Теперешнее уѣздное полицейское управленіе.

тому, статутныхъ судовъ въ сѣверной лѣвобережной Малороссіи», т. е. въ Черниговщинѣ и Стародубщинѣ (Кіевск. Стар. 1898 г., июль—августъ), оказывается не вѣрнымъ. О черниговскомъ земскомъ судѣ свидѣтельствуется актъ 1639 г., въ которомъ значатся: Станиславъ Пюнчиковскій—судья, Якубъ Война-Оранскій—подсудовъ и Николай Солтанъ—писарь, судовые земскіе черниговскіе урядники («zadowi ziemscy Czernihowscy urzędnicy»). О Стародубскомъ земскомъ судѣ говоритъ актъ 1643 г., начинающійся такъ: «На рокахъ судовыхъ земскихъ о святой Тройце, святе римском, припалых и порядкомъ правнымъ в Стародубе на месцу звеклом отправуючихъ передъ нами: Яномъ Кавицкимъ, судею, Каролемъ... подсудкомъ, а Малхеромъ Кгабриелемъ Милвидомъ, писаром, урядниками судовыми земскими Стародубовскими»...

А. Л.

Пастна Богдана Хмельницкаго. Изъ приводимаго здѣсь документа видно, что «славной памяти» гетманъ, устраивая судьбу освобожденнаго имъ края, заботливо велъ и свое домашнее хозяйство.

«Перед нами, урядомъ, Лаврѣну Радченку, сотнику Уласовскому ¹⁾, Михайлу Брайку, атаману городовому, за прибитіемъ честного отца Андрияна, іеромонаха обителя стой Пивской ²⁾, постановившихъ люде зацные Стецко Махно, Лаврѣнъ Димиденко, жители бывшіе Чегиринскіи, а теперь Уласовскіе, вызнавали ведлугъ пасеки Ояисковской, лежащей в Чорном лѣсе ³⁾, в тотъ способ, мовачи, иж тую мененую пасеку

¹⁾ Мѣст. Власовка, Кременчугск. уѣзда.

²⁾ «Пивскій монастырь» находился ок. м. Городища, иначе Градижска, Кременч. у. См. о немъ Полт. Епарх. Вѣд. 1877 г., № 1.

³⁾ «Черный лѣсъ» — знаменитый лѣсъ, находившійся въ Александрійскомъ уѣздѣ, Херсонской губерніи, и занимавшій пространство отъ в. къ з — 30 верстѣ, а отъ ю къ с. — 15 в. Подробное его описаніе см. въ Вѣстн. Геогр. Общ. 1859 г., № 7, 43—65. Центромъ этой мѣстности было извѣстное поселеніе Пыбулевъ. Черный лѣсъ въ XVIII в. былъ излюбленнымъ убѣжищемъ всѣхъ бѣглецовъ изъ Малороссіи, искавшихъ свободы. Тутъ-же запорожцы, во втор. пол. XVIII в., занимались грабежомъ разныхъ путниковъ. (См. Хронол. Обзор. Новор. Края, 1, 39). Пчеловодство въ Черномъ лѣсу и теперь находится «въ довольно цвѣтущемъ положеніи». Черный лѣсъ находился отъ Чигирина верстахъ въ 15-ти. См. карту Александрійскаго уѣзда, приложен. къ Описанію этого уѣзда въ «Матеріал. для оцѣнки земель Херсонск. губ.», т. III. (Херсонъ, 1888 г.).

еще славной памети Богданъ Хмельницкій у Шулгана отнялъ был условне, а потомъ Гедеонъ Хмельниченко, вышовши з Польци, за упоменемся о тую паску (sic) Шулганцѣ, сто талярей далъ и оную цѣлкомъ заплатилъ вправди, и небожчикъ Павло Яненко ¹⁾ хотѣлъ и просилъ Хмельниченка, жеби до половины тоей пасеки принустился и принял, еднат до того Хмельниченко не призволивсе и тое пасеки а нѣ половины не попустилъ. Тое теди визнаие мененихъ людей выслахавши (sic) а на жадаие іеромонаха чесного отца Андрияна, казалвсмо записат. В року 1690, марта 9 д.

Иванъ Гавриловичъ, писаръ Уласовскій и сего записаня.
(Съ подлинника).

Происхожденіе слова „мацапура“. Извѣстенъ стихъ изъ Эвейды, гдѣ описываются мученія «мацапуры» въ яду:

Якусь особу *мацапуру*
Тамъ жарили на шашлику...

Здѣсь это слово употреблено въ нарицательномъ смыслѣ. Происхожденіе-же его такое: *Мацапурою* звался извѣстный разбойникъ перв. полов. XVIII в., какъ видно изъ слѣдующаго «суказа изъ нѣжинской полковой канцеляріи сотнику Воронежскому Холодовичу», 1740 г.— «Минувшого ноября 29, противъ 30 чисель, содержаційся подъ карауломъ въ Глуховѣ, бывшій заплѣчній Прилуцкого полку майстеръ, главній воръ и разбойникъ Павелъ *Мацапура*, которій не точію безчисленне воровства и многіе разбои чинилъ, но зверхъ того и безчеловѣчнне неслиханніе мучительства, яко-то: яденіе челоуѣческаго мяса и протчннн богонротивннн злодѣяннн, чрезъ многіе лѣта, надъ многими починилъ и ночью бежалъ, а овий *Мацапура* примѣтами таковъ: росту болшого, волося темнорусого, очей сѣрыхъ, носъ долговатъ, бороду бриетъ, челоуѣкъ здоровъ и широкоплечой, кнутомъ неоднократно битанъ»...

¹⁾ Павелъ Яненко Хмельницкій сначала былъ однимъ изъ полк. старш въ Чигиринск. полку, а потомъ съ 1654 г. полковникомъ Киевск. полка.

О посылкѣ межигорскихъ монаховъ въ Сѣчь, въ 1770 году.

Слѣдующее представленіе архимандрита Межигорскаго монастыря Кіевскому мигрополиту указываетъ, что въ Запорожскую Сѣчь Межигорскій монастырь посылалъ разомъ по нѣсколько монаховъ, для священнослуженія не въ одной только, слѣдовательно, сѣчевой церкви, но и въ другихъ церквяхъ запорожскихъ поселеній, хотя изъ книги *Матеріалы для историко-статистическаго описанія Екатеринославской Епархіи* (Екатеринославъ. 1880) видно, что въ церквяхъ значительнѣйшихъ запорожскихъ поселеній, напр. въ Стар. Кайдакѣ, с. Камянскомъ и др., и до 1770 г., были уже священники изъ блага духовенства.

«Ясне въ Богу преосвященнѣйшій яладыко, милостивый архипастырь мой. По имѣющей въ Войску Запорожскомъ надобности въ священнослуженію и преподаваніи (sic) требъ христіанскихъ, отправляются нынѣ ѿ ставропигіальнаго Кіево-межигорскаго монастыря въ оное Войско іеромонахи: Феоктистъ, Адрианъ и Варлоломей, да предъ симъ отправленъ въ Сѣчь по нѣкоторой надобности іеромонахъ Савва, который и пристановленъ тамо для таковыхъ же предписанныхъ церковнослуженій, которымъ вашего ясне въ Богу преосвященства покорнѣйше прошу къ таковой опредѣляемой имъ іеромонахамъ въ Войску Запорожскомъ должности преподавать свое архипастырское премощнѣйшее благословеніе, причемъ я, вручивъ себе вашего ясне въ Богу преосвященства въ архипастырскіе молитвы и благословенія, съ моимъ высокопочитаніемъ пребуду. Вашего ясне въ Богу преосвященства низжайшій слуга и богомолецъ ставропигіальнаго Кіево-межигорскаго монастыря архимандритъ Гедеонъ 1770-го года, мая 9 дня. № 241».

О зачисленіи „черногорскаго шляхетства молодыхъ людей“ въ студенты Кіевской академіи, въ 1757 году. Сношенія Черногоріи съ Россіей начались съ Петра В., но прибытіе оттуда «молодыхъ людей» „для обученія російскаго языку“, въ первый разъ имѣло мѣсто, какъ кажется, только въ 1757 г., причемъ молодые черногорцы направились въ Кіевъ; администрація послѣдняго представила объ ихъ прибытіи въ правит. сенатъ, а до полученія отвѣта, они были помѣщены въ Кіевскую академію. Въ послѣдней однако-жъ они не

стались, такъ какъ въ 1758 г. приказано было ихъ перевезти въ С.-Петербургъ для помѣщенія тамъ въ кадетскій сухопутный корпусъ¹⁾).

„Указъ ея императорскаго величества Самодержицы Всероссийскія изъ духовной митрополіи Кіевской консисторіи духовной консисторіи члену Кіевского святогоавлвенского Братскоучилищного монастыря архимандриту и ректору Манассіи. Настоящаго 1757 года, декабря 23 числа, присланною въ дух. консисторію изъ Кіевской губернской канцеляріи промеморіею, объявлено: сего жъ де декабря 10-го числа, прибыли въ Кіевъ, при маоре Петровиче изъ Черныхъ Горъ, для обученія Россійскаго нраву и разныхъ наукъ, Черногорского шляхетства молодыхъ людей девять человекъ, въ томъ числѣ преосвященнаго Черногорского митрополита Саввы родныхъ племянниковъ два, сердаря Вукотича родной же племянникъ одинъ, о которыхъ де представлено въ правительствующій сенатъ и дабы де, до указа правит. сената они праздно здѣсь быть и втуне время продолжать не могли, оною промеморіею требовано, дабы соблаговолено было обучать ихъ въ Кіевской академіи славенороссійской грамотѣ. По которой Кіевской губернской консисторіи промеморіи, опредѣлено: послать въ вамъ ея и. величества указъ и посылается, дабы вы вышеобъявленныхъ прибывшихъ въ Кіевъ, при маоре Петровиче, изъ Черныхъ горъ, Черногорского шляхетства молодыхъ людей, девять человекъ, въ Кіевскую академію, заявкою ихъ, принявъ, опредѣлили кому въ академіи обучать ихъ славенороссійской грамотѣ и дух. митр. Кіевск. консисторіи члену кіевск. св. Богоявл. бр. учил. монастыря архимандриту и ректору Манассіи учинить о томъ по сему ея и. величества указу. О полученіи же сего и исполненіи репортовать. 1757 года, декабря 24 дня. Катедральный вѣстникъ іеромонахъ Лука. Катедр. уставникъ Свѣѣ. Реентъ іеродіаконъ Іаковъ. Канцеляристъ монахъ Веніамонъ“.

Письмо въ редакцію (по вопросу объ открытіи въ Кіевѣ Южнаго Отдѣла Географическаго Общества). Милостивый Государь, Господинъ Редакторъ! Имѣю честь покорнѣйше просить Васъ дать

¹⁾ См. Архивъ Сената II. Баранова III, № 11061.

въ Вашемъ журналѣ мѣсто настоящему письму. Вамъ извѣстно, что я былъ однимъ изъ инициаторовъ возбужденія вопроса объ учрежденіи въ Кіевѣ Южнаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества. Въ засѣданіи подсекціи статистики X съѣзда естествоиспытателей и врачей 26 августа 1898 г. мною былъ прочтенъ по этому вопросу докладъ подъ названіемъ «Нужды статистики въ Юго-Западномъ краѣ», напечатанный въ ноябрьской книжкѣ Вашего журнала за 1898 г. Затѣмъ профессоромъ Н. П. Яснопольскимъ и мною собирались подписи лицъ, желающихъ поступить въ число членовъ-учредителей будущаго Отдѣла, подъ заявленіями на имя Географическаго Общества, содержавшими ходатайства подписавшихся о скорѣйшемъ учрежденіи этого Отдѣла.

Въ виду этого я считаю себя обязаннымъ дать отчетъ о положеніи даннаго вопроса въ настоящее время, по скольку таковое характеризуется матеріалами, напечатанными въ послѣднихъ книжкахъ „Отчета“ и „Извѣстій“ ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества. Данныя эти могутъ быть кромѣ того интересны для читателей „Кіевской Старины“ и сами по себѣ — въ качествѣ матеріаловъ для исторіи вопроса о судьбахъ Отдѣла Географическаго Общества въ Кіевѣ.

Привожу эти матеріалы цѣликомъ въ томъ видѣ, какъ они напечатаны въ названныхъ изданіяхъ Общества, но съ соблюденіемъ ихъ хронологическаго порядка (который въ «Извѣстіяхъ» не вполне сохраненъ):

1) Протоколъ засѣданія подсекціи статистики 26 Августа 1898 г. (выписка) ¹⁾

«Л. С. Личковымъ доложено сообщеніе «Нужды статистики въ Юго-Западномъ краѣ», въ которомъ, изложивъ данныя о неудовлетворительности официальной статистики въ немъ, о почти полномъ отсутствіи въ немъ какого-либо общества, занимающагося его изученіемъ, напомнилъ о предполагавшемся въ 1894 г. по инициативѣ бывшаго Кіевского, Подольскаго и Волынскаго Генераль-Губернатора графа А. П. Игнатьева обслѣдованіи его въ отношеніи экономическомъ и для цѣлей оцѣнки, въ видахъ правильнаго обложенія недвижимыхъ имуществъ земскими сборами. Указавъ, что изслѣдо-

¹⁾ Извѣстія, т. XXV, 1899, вып. VII, стр. 784.

ваніе это не состоялось лишь въ виду предстоявшей въ то время всеобщей народной переписи, каковое препятствіе теперь не существуетъ, и что нужды оцѣночнаго обслѣдованія края въ цѣляхъ установленія правильнаго земскаго обложенія и понинѣ не устранены, докладчикъ предложилъ возбудить ходатайство о производствѣ помянутаго изслѣдованія въ настоящее время. Исходя затѣмъ изъ отсутствія въ краѣ какого либо ученаго общества, имѣющаго своею цѣлью изслѣдованія экономическаго быта и этнографіи столь обширнаго, густонаселеннаго и разнообразнаго края, какъ Юго-Западный, Л. С. Личковъ, въ качествѣ дѣйствительнаго члена ИМПЕРАТОРСКАГО Географическаго Общества, предложилъ возбудить ходатайство объ учрежденіи Юго-Западнаго Отдѣла Географическаго Общества, а для формулировки обонхъ его предложеній избрать комиссію подъ предсѣдательствомъ Д. И. Пихно, въ составъ которой предложилъ Н. П. Василенко, Т. И. Осадчаго, Н. И. Борисова, А. С. Бориневича, В. Е. Постникова и А. А. Русова.

Собраніе единогласно приняло предложеніе докладчика, просило именованныхъ лицъ образовать комиссію и просило его, г. Личкова, войти въ составъ комиссіи въ качествѣ члена таковой. Примѣчаніе. Засѣданіе происходило въ присутствіи 118 членовъ и до 80-ти гостей“.

II) „Протоколь засѣданія подсекціи статистики 27 августа (выписка).¹⁾

Д. И. Пихно доложилъ собранію протоколь избранной въ засѣданіи 26 августа комиссіи по докладу Л. С. Личкова. Комиссія, при участіи предсѣдателя секціи географіи, этнографіи и антропологии, профессора В. Б. Антоновича, соглашаясь съ соображеніями докладчика, предложила подсекціи: 1, признать необходимымъ производство сплошнаго статистическаго и оцѣночно-экономическаго обслѣдованія Юго-Западнаго края, 2. обратиться чрезъ секцію географіи, этнографіи и антропологии въ Распорядительный Комитетъ X съѣзда съ просьбою о возбужденіи ходатайства передъ ИМПЕРАТОРСКИМЪ Географическимъ Обществомъ относительно учрежденія Южнаго Отдѣла Географическаго Общества въ г. Кіевѣ для губерній Юго-Западныхъ, Малороссійскихъ и Новороссійскихъ. Предложенія эти при

¹⁾ Тамъ же, стр. 785.

няты Собраніемъ единогласно. Примѣчаніе. Засѣданіе происходило въ присутствіи 115 членовъ и 48 гостей^а.

Ш) «Протоколъ засѣданія секціи Географіи, Статистики и Антропологій 27 Августа (выписка).¹⁾ Завѣдывающій секціею проф. В. Б. Антоновичъ вноситъ на обсужденіе секціи предложеніе под-секціи Статистики войти съ заявленіемъ въ Распорядительный Комитетъ о томъ, чтобы онъ ходатайствовалъ передъ ИМПЕРАТОРСКИМЪ Русскимъ Географическимъ Обществомъ объ открытіи въ Кіевѣ Южнаго отдѣленія этого Общества. Предложеніе это единодушно принято, и секція проситъ завѣдующаго секціей войти съ этимъ ходатайствомъ чрезъ посредство Распорядительнаго Комитета въ Географическое Общество».

IV) «Протоколъ Четвертаго Общаго Собранія 30 августа (выписка).²⁾ Секретарь сѣзда доложилъ нижеслѣдующія ходатайства и предложенія различныхъ секцій, заслушанныя и одобренныя Распорядительнымъ Комитетомъ въ засѣданіи 28 сего августа». «Отъ секціи Географіи, Этнографіи и Антропологій: Статистическая секція, обсуждая приемы для возможно успѣшнаго изученія края въ отношеніи географіи и входящихъ въ ея составъ областей знанія, пришла къ заключенію, что огромную пользу въ этомъ отношеніи могло-бы оказать учрежденіе большого количества областныхъ отдѣловъ ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества, въ которомъ могли бы сосредоточиваться мѣстныя научныя силы и стремиться къ вышеуказанной цѣли по выработанной программѣ и при взаимномъ гармоническомъ содѣйствіи своихъ членовъ. Желая въ возможной мѣрѣ осуществить эту мысль, подсекція Статистики предложила Географической секціи обратиться въ Распорядительный Комитетъ X сѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей съ покорною просьбою принять на себя трудъ ходатайствовать предъ Географическимъ Обществомъ объ открытіи въ Кіевѣ Южнаго Отдѣла этого Общества. Географическая секція, выслушавъ въ своемъ засѣданіи 27 августа предложеніе статистической подсекціи, нашла это предложеніе въ высокой степени полезнымъ для научнаго изученія края и постановила единогласно присоединиться къ нему и проситъ Распорядительный

¹⁾ Тамъ же, стр. 786.

²⁾ Тамъ же, стр. 786.

Комитетъ X сѣзда не отказать принять на себя трудъ ходатайства передъ ИМПЕРАТОРСКИМЪ Русскимъ Географическимъ Обществомъ объ учрежденіи въ Кіевѣ Южнаго Отдѣла этого Общества. Къ этому постановленію примкнула и подсекція статистики⁴.

„Общее собраніе утвердило всѣ эти ходатайства и постановило представлять тѣ изъ нихъ, которыя не могутъ быть исполнены Распорядительнымъ Комитетомъ, на благоусмотрѣніе г. Министра народнаго Просвѣщенія, ¹⁾).

22 Января 1899 года послано было изъ Кіева на имя Географическаго Общества нижеслѣдующее заявленіе ²⁾).

V) „Въ ИМПЕРАТОРСКОЕ Русское Географическое Общество.

Нижеподписавшіеся, всецѣло присоединяясь, на основаніи мотивовъ, изложенныхъ въ постановленіяхъ Общаго Собранія членовъ X сѣзда естествоиспытателей и врачей, секціи географіи, этнографіи и антропологіи и подсекціи статистики, къ состоявшемуся 30 августа 1898 г. рѣшенію X сѣзда возбудить ходатайство объ учрежденіи въ Кіевѣ Южнаго Отдѣла Географическаго Общества для губерній Новороссійскихъ, Малороссійскихъ и Юго-Западныхъ,—имѣетъ честь покорнѣйше просить ИМПЕРАТОРСКОЕ Русское Географическое Общество о зависящемъ распоряженіи относительно скорѣйшаго открытія областного Отдѣленія названнаго Общества въ Кіевѣ и о зачисленіи насъ, нижеподписавшихся, какъ лицъ, желающихъ принять посильное участіе въ предстоящихъ научныхъ работахъ проектируемаго Отдѣла, въ число членовъ-учредителей его, съ правами членовъ-сотрудниковъ Общества на точномъ основаніи его устава“. „(Далѣе слѣдуетъ 74 подписи членовъ мѣстной администраціи, профессоровъ университета ³⁾ и преподавателей другихъ учебныхъ заведеній)».

Это заявленіе доставлено было въ Географическое Общество черезъ меня, а нижеслѣдующее — чрезъ профессора Н. П. Яснопольскаго.

¹⁾ Это постановленіе общаго собранія сѣзда, какъ видно изъ самой его формулировки, относится вообще ко всѣмъ ходатайствамъ, представленнымъ Общему Собранію разными секціями и получившимъ, его одобреніе. См. Дневникъ X сѣзда, стр. 509—510 и стр. 511.

²⁾ Извѣстія, т. XXV, 1899, выч. VII, стр. 784.

³⁾ и Кіевскаго политехническаго института.

VI) «Въ Императорское Русское Географическое Общество» 1).

«При громадности Россіи, при большомъ природномъ и культурномъ ея разнообразіи, уже давно обнаружилось, что одному столичному учрежденію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества безъ содѣйствія мѣстныхъ его органовъ не подѣ силу справиться съ обширною его задачею. Между тѣмъ какъ на страницы исторіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества занесено уже не мало цѣнныхъ для науки открытій цивилизованному міру очень мало ему до того извѣстныхъ пустынныхъ окраинъ дальняго востока и сѣвера Имперіи и даже мѣстностей, лежащихъ внѣ ея предѣловъ,—та часть территоріи Россіи, на которой проживаетъ главная масса ея русскаго населенія, и донныѣ остается недостаточно изслѣдованною въ географическомъ отношеніи. Восполнить этотъ пробѣлъ въ дѣятельности Общества призваны именнно мѣстные его органы, какъ могущіе стать ближе къ населенію и странѣ въ разныхъ ея частяхъ. Сознаніе этой потребности уже привело къ образованію отдѣловъ названнаго Общества въ нѣсколькихъ, даже малокультурныхъ частяхъ Имперіи. Между тѣмъ югъ Европейской Россіи, богатый природными дарами и населеніемъ, особенно въ послѣднее время быстро прогрессирующій въ промышленномъ отношеніи, обладающій тремя университетскими центрами, цѣлѣ не имѣетъ ни одного Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, хотя онъ уже давно созналъ потребность въ подобныхъ учрежденіяхъ, выразившуюся въ образованіи сначала комиссіи для описанія Кіевскаго учебнаго округа, а потомъ Юго-Западнаго Отдѣла И. Р. Географическаго Общества, не функціонирующаго уже болѣе двухъ десятилѣтій. Послѣ столицъ, Кіевъ обладаетъ самымъ многолюднымъ университетомъ и еще двумя высшими, многими средними учебными заведеніями и многими же учеными обществами. Одно уже это свидѣтельствуешь объ обиліи въ Кіевѣ такихъ значительныхъ интеллигентныхъ силъ, которыя могли-бы принять участіе въ изслѣдованіи тѣхъ краевъ родной страны, которые къ нимъ гораздо ближе, знакомѣ имъ, чѣмъ это оказывается для отдаленнаго столичнаго учрежденія—Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Хотя было бы желательнo, чтобы въ каждомъ университетскомъ центрѣ Россіи

1) Извѣстія, т. XXV, 1899, вып. VII, стр. 787.

основалось свое отдѣленіе И. Р. Географическаго Общества, но, пока это еще не осуществилось, Кіеву, какъ крупнѣйшему и культурному и окружному центру юга Европ. Россіи, слѣдовало-бы взять на себя инициативу въ географическомъ изслѣдованіи юга Евр. Россіи, а для этого включить въ раіоны дѣятельности проектируемаго Отдѣла И. Р. Географическаго Общества весь этотъ югъ, т. е. *приблизительно* три учебныя округа—Кіевскій, Харьковскій и Одесскій. Это географическое расширеніе задачи южнаго Отдѣла тѣмъ болѣе умѣстно, что прилегающія къ Черному и Азовскому морямъ степи экономически тѣсно связаны съ густонаселенными мѣстностями Кіевского и Харьковскаго учебныхъ округовъ, не распространяясь здѣсь уже о томъ, что *природа и люди* въ плодородныхъ частяхъ бассейна Чернаго и Азовскаго морей, не смотря на все свое разнообразіе въ частностяхъ, носятъ и общій отпечатокъ вліянія юга,—правда, русскаго юга. Въ частности же юго-западный край, окружнымъ центромъ для котораго служитъ Кіевъ, и донинѣ еще лишенъ земскихъ учрежденій, а послѣднія своими статистическими описаніями не мало помогаютъ самопознанію. Поэтому-то основаніе Южнаго Отдѣла И. Р. Географическаго Общества именно въ Кіевѣ оказало бы Юго-Западному краю особенную услугу, хотя отчасти неполнивъ тотъ пробѣлъ, который вызванъ долгимъ отсутствіемъ земства въ Юго-Западномъ краѣ. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, нижеподписавшіеся лица имѣютъ честь просить Императорское Русское Географическое Общество сдѣлать зависящее отъ него распоряженіе объ открытіи въ Кіевѣ своего отдѣла, предоставивъ ему возможность распространить свою научную дѣятельность на весь югъ Европ. Россіи въ очерченныхъ выше предѣлахъ. Желая принять посильное участіе въ предстоящихъ научныхъ работахъ Южнаго Отдѣла И. Р. Географическаго Общества, мы просимъ зачислить насъ въ члены этого Отдѣла. (Далѣе слѣдуетъ 40 подписей профессоровъ университета и преподавателей другихъ учебныхъ заведеній).

Въ результатъ всѣхъ этихъ ходатайствъ, 17 марта 1899 г. состоялось слѣдующее рѣшеніе Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества:

VII) «Постановлено возбудить ходатайство объ учрежденіи въ Кіевѣ новаго отдѣла Общества подъ названіемъ Южнаго» ¹⁾.

¹⁾ Отчетъ И. Р. Геогр. О. за 1899 г., стр. 23.

При личном моем свиданіи въ Петербургѣ въ 1900 году съ г. вице-предсѣдателемъ Географическаго Общества П. П. Семеновымъ выяснилось, что во исполненіе этого постановленія Совѣтъ Общества просилъ г. вице-предсѣдателя лично поддержать это ходатайство передъ г. Министромъ внутреннихъ дѣлъ, но до того времени (февраль 1900 г.) личное ходатайство это еще не было возбуждено.

Л. Личковъ.

4-го декабря 1900 г.

Текущія извѣстія.

Памятникъ Т. Г. Шевченку. Въ общемъ собраніи союза взаимопомощи русскихъ писателей 28 ноября рѣшено ходатайствовать установленнымъ порядкомъ объ открытіи всероссійской подписки на памятники: а) писателю Бѣлинскому и б) *Малороссійскому писателю Шевченко*,— послѣднему на берегу Днѣпра въ Кіевѣ. (С.-Петерб. Вѣдомости).

Памятникъ П. И. Нищинскому. На засѣданіи «Виділу наукового товариства імени Шевченка» 31 октября постановлено оказать матеріальную поддержку для постановки памятника покойному талантливому композитору и писателю П. И. Нищинскому и обратиться къ инымъ обществамъ и заграничнымъ землякамъ съ приглашеніемъ принять участіе въ пожертвованіяхъ. (Літер.-Науковий Вістник, в.ч. XII).

Дѣятельность „Українськьо—руської Видавничої Спілки“. Основанная во Львовѣ два года тому назадъ „Видавничя Спілка“ до сихъ поръ ограничивалась изданіемъ книгъ для интеллигенціи. Имѣя возможность расширить въ настоящее время объемъ своей дѣятельности, „Видавничя Спілка“, не оставляя серіи начатыхъ ею изданій, открываетъ рядъ новыхъ изданій подъ общимъ названіемъ „Літературно-Наукової Бібліотеки“, предназначающей для крестьянъ, мѣщанъ, молодежи и менѣе состоятельной интеллигенціи. „Літературно-Наукова Бібліотека“ будетъ заключать въ себѣ все, что мо-

жуть заінтересовать русянское общество. Въ программу ея входять: 1) Оригінальная и переводная беллетристика: повѣсти, разказы, драматическія произведенія и стихотворенія наилучшихъ украинскихъ и вностранныхъ писателей, 2) Оригінальныя и переводныя статьи изъ сферы общечеловѣческаго знанія и науки,—популярныя, по возможности,—изъ области естественныхъ и общественныхъ наукъ, изъ исторіи, политики и др.

„Літературно-Наукова Бібліотека“ будетъ виходить два раза въ мѣсяць отдѣльными книжками, въ среднемъ—въ объемѣ двухъ печатныхъ листовъ. Подписная цѣна за годъ—5 коронъ. Для первыхъ выпусковъ „Лит.-Наукової Бібліотеки“ приготовлены слѣдующія произведенія, которыя будутъ изданы въ теченіе перваго года: 1) М. Грушевський. Хмельницький і Хмельниччина. 2) Мирний. Лови. 3) Курций Руф. Фільотас, 4) І. Франко. Изъ моїхъ споминів, 5) Ів. Пулюй. Непронаща сила, 6) Короленко. Ліс шумить, 7) Волод. Барвінський. З поля статистики, 8) Золя. Напад на млин, 9) Драгоманов. Жите Костомарова, 10) Костомаров. Про Кирило-Методіеве товариство, 11) М. Левицький. Силбовий договір для селян, 12) Куліш. Орися, 13) Волод. Наумович. Про сонце, 14) Чехов. Каштанка, 15) Ляссаль. Що таке конституція, 16) М. Грушевський. Бех—Аль—Джугур, 17) Франко. Данте Алігері, 18) Монасан. Орля, 19) Про поділ Галичини, 20) Достоевський. Великий інквізітор, 21) М. Коцюбинський. Біографія Гарібальді, 22) Гете. Нова Мелюзина, 23) Тайше товариство на Україні в. р. 1846, записки сучасника, 24) Музаїос. Геро і Леандер.

Крімъ того, въ обѣихъ серіяхъ (беллетристической и научной) передположено къ изданію около 30 книжекъ, среди которыхъ намѣчены произведенія Шекспира въ переводѣ П. Куліша (Юлій Цезарь, Антоній і Клеопатра, Ромео и Джуліета, Богато голосу з нечев'я, Король Лір, Міра за міру), Л. Толстого—Відродженне, Крейцерава Соната; Тургенєва—Весняні води; Лермонтов—Герой нашого часу; Калевала—фінська епопея в перекладі Евгєна Тимченка; Коцюбинского—Оповіданя (третья книжка); Іван Франко—Сім казок,—Оповіданя, Коваль Басссим—поема, з переднім словом А. Кримського; Флямарион. Про небо; и другіє. (Літерат.—Науковий Вістник, кн. ХІІ).

Неудачная реставрація живописи въ Лаврской церкви (въ Кієвѣ). „Спеціальная коммиссія, состоящая изъ художниковъ, осмотрѣвъ живописныя работы по росписи Великой лаврской церкви,

признала ихъ неудовлетворительными, такъ какъ во многихъ случаяхъ эта живопись не соотвѣтствуетъ духу церковныхъ изображеній, слаба по композиціи, страдаетъ рѣзкой, бьющей въ глаза, нестротой тоновъ, уродливостью рисунка фигуръ святыхъ и т. п. Работы эти производились бывшимъ профессоромъ Императорской академіи художествъ Василіемъ Петровичемъ Верещагинымъ. Орнаментныя работы гг. Лазарева и Станищева, по заключенію комиссіи, также неудовлетворительны, такъ какъ лишены стила, грубы и безвкусны. На эти живописныя работы Лаврой затрачены огромныя деньги. („Россія“).

Интересная находка. Изъ Рима сообщаютъ, что въ одномъ изъ монастырей свѣ. Италіи открыта рукопись на пергаментѣ, заключающая въ себѣ молебны, псалмы и молитвы IX вѣка, также церковный календарь, при датахъ котораго записаны имена умершихъ лицъ. Между этими записанными попадаются имена поляковъ, чеховъ, венгерцевъ и русскихъ. Рукопись эта въ 1000 году была въ Тревизѣ, затѣмъ перешла въ собственность Езона Геренфрида изъ Лотарингіи, а съ дочерью этого послѣдняго, Рыксой, пошла въ Польшу. Дочь Мѣшка I и Рыксы вышла замужъ за князя Изяслава Кіевского, и съ нею рукопись эта перешла на Русь, гдѣ къ ней прибавлены были новыя миниатюры. Затѣмъ, она была собственностью Ярополка, сына Изяслава, а послѣ его смерти возвратилась обратно въ Польшу, можетъ быть, съ Здиславой, первой женой Болеслава III. Во всякомъ случаѣ, вторая жена этого князя, Саломея, дочь графа Берга, владѣла этой рукописью и около 1140 г. подарила ее монахамъ въ Цвифальтенсѣ.

Рукопись украшена многочисленными миниатюрами; болѣе раннія принадлежатъ къ разряду знаменитыхъ ирландскихъ, а болѣе позднія вставлены въ рукопись, когда она была на Руси. Эти послѣднія носятъ на себѣ чисто византійскій характеръ и имѣютъ подписи частью греческія, а частью славянскія. (Одесс. Листокъ, № 319).

Племянникъ Т. Г. Шевченко. 24 ноября въ херсонскомъ окр. судѣ предстояло къ разбору дѣло по иску крест. Кіевской губ. нѣкоего Андрея Шевченко къ О. В. Фальць-Фейну въ суммѣ 4800 руб. за увѣчые, полученное сыномъ Андрея, Митрофаномъ, служившимъ въ качествѣ ученика въ слесарной мастерской Фальць-Фейнъ, гдѣ ему оторвало лѣвую руку, въ послѣдствіи ампутированную до плеча.

Дѣло разборомъ отложено за неявкой свидѣтелей со стороны Шевченка. Старикъ Андрей—родной племянникъ «соловья Украинны», поэта Тараса Григорьевича Шевченко. У поэта, какъ извѣстно, кромѣ трехъ сестеръ Ирины, Катерины и Маріи, были два брата, Никита и Осипъ; отъ послѣдняго пменно и происходятъ Андрей, котораго судьба привела къ судебной тяжбѣ съ г. Фальць-Фейнъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Андрей, по окончаніи военной службы, оставилъ родное село и сталъ служить прикащикомъ по различнымъ экономіямъ. Въ 1898 году Андрей наваялся сторожемъ въ портъ Харлы, а сынишку своего Митрофана отдалъ въ ученіе въ слесарную мастерскую въ имѣніи «Преображенка» той-же владѣльцы. Тутъ-то и постигло Митрофана Шевченка несчастье, а съ нимъ и Андрея, съ тѣхъ поръ совершенно выбитаго изъ колен и въ настоящее время въ чужомъ городѣ вынужденнаго вмѣстѣ съ калѣжкой Митрофаномъ терпѣть холодъ, голодъ и всѣ лишенія заброшенной сиротской жизни (Югъ).

Субсидія на ученый трудъ. Св. правительствующій синодъ ассигновалъ субсидію въ 6,000 р. кievской духовной академіи на изданіе новой крупнои ученой работы—«Историческіе памятники православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII вѣкахъ». Это изданіе, подъ ред. доцента Ѳ. Титова, должно составить 6 громадныхъ томовъ и послужить основаніемъ для составленія исторіи церкви отъ 1686 до 1795 гг.—труда, предпринятаго по предложенію оберъ-прокурора св. синода К. Шобѣдоносцева. (Бир. Вѣд., № 333).

Юбилейный сборникъ. Весною 1901 г. исполнится 30-лѣтіе научной и общественно-публицистической дѣятельности профессора Императорскаго московскаго университета Н. И. Стороженко. Его ученики и почитатели рѣшили издать ко дню юбилея научно-литературный сборникъ. Всѣ расходы по изданію должны быть покрыты по подпискѣ. Лица, желающія принять участіе въ изданіи сборника, приглашаются обращаться на имя И. И. Иванова (Москва, Воздвиженка, гост. «Петергофъ») или М. Н. Розанова (Москва, Поварская, Трубниковскій пер., д. Игнатьева).

Выборы въ Галиціи. На выборахъ V и IV Куріи въ Галиціи въ число пословъ до Рады Державної оказались избранными со стороны галичанъ-русиновъ—изъ IV куріи: Юліанъ Романчукъ, Олександръ Барвинскій, др. Михайло Король, Василь Яворскій, свящ. Корнело Мандычевскій, др. Иванъ Длужанскій, др. Омелянъ Гладшовскій, и изъ V: др. Андрій Косъ. („Руслан,“ ч. 274).

Украинская пѣсня на китайской границѣ. Въ № 306 газ. «Сѣверный Курьеръ», г. г. Д. П. и Р., въ описаніи своихъ дорожныхъ впечатлѣній на китайской границѣ, между прочимъ даютъ интересный образчикъ того, какъ украинская пѣсня, неизвѣстно какимъ образомъ занесенная къ сибирскимъ козакамъ, выродилась въ обыкновенную солдатскую пѣсню. На просьбу авторовъ сѣтъ что-нибудь, козаки начали:

Засвистали козаченьки
 Въ паходъ съ палуночи,
 Заплакала Марусеночка
 Свои ясни очи.
 Не плачь, не плачь, Марусеночка,
 Мы вазьмемъ тебя съ собою,
 Мы вазьмемъ тебя съ собою—
 Назовемъ родной сестрою.
 Не сестрою тебя, не родною—
 Жоной бравой, молодою».

Труппа М. Л. Кропивницкаго (подъ управленіемъ Н. К. Садовскаго и А. К. Саксаганскаго). Лѣтомъ минувшаго года въ жизни украинскаго театра произошла важная перемѣна: лучшія артистическія силы—М. Л. Кропивницкій, М. К. Заньковецкая, И. К. Карпенко-Карый, Н. К. Садовскій и А. К. Саксаганскій пришли къ взаимному соглашенію и составили одну труппу—М. Л. Кропивницкаго, подъ управленіемъ Н. К. Садовскаго и А. К. Саксаганскаго. Соединеніе первостепенныхъ артистическихъ талантовъ—выдающихся сценическихъ дѣятелей, смотрящихъ въ высшей степени идейно на служеніе искусству, образцовая постановка и выборъ пьесъ, прекрасная обстановка—естественно обуславливаютъ выдающійся

усилѣхъ этой труппѣ. Репертуаръ ея значительно расширился, представляя, главнымъ образомъ, соединеніе пьесъ г.г. Карпенка-Караго и Кропивницкаго; въ числѣ послѣднихъ между прочимъ оказываются «Глытай або-жь Павукъ» и «Доки сонце зійде, роса очи выйвисть» — снятыя со сцены около 10 лѣтъ тому назадъ и въ мнѣшшемъ году снова разрѣшенныя.

Новинкой является только что разрѣшенная драматической цензурой новая пьеса г. Карпенка-Караго «Хозяинъ», представляющая по идеѣ какъ бы продолженіе извѣстной комедіи того-же автора, — «Сто тысячъ». Труппа соединенныхъ выдающихся артистовъ — «корифеевъ» украинской сцены, — начала свою дѣятельность 29 іюня мнѣшшаго года въ Полтавѣ, затѣмъ побывала въ Николаевѣ, Екатеринославѣ (до 19 октября), съ 22 и по 2 ноября въ Лубнахъ, затѣмъ до 15 ноября въ Нѣжинѣ и, наконецъ, съ 16 ноября и по настоящее время даетъ спектакли въ Кіевѣ, въ театрѣ Бергонье. Кромѣ упомянутыхъ уже «корифеевъ», въ труппѣ состоятъ немалоизвѣстные артисты и артистки — г-жи и г.г. Ливницкая, Суслова, Тобилевичъ; Вукотичъ, Загорскій, Зайченко, Панькивскій, Чечорскій и друг.

—

Послѣднее стихотвореніе Я. И. Щоголева. Отъ М. И. Лободовскаго въ ред. «Южн. Края» получено съ просьбой напечатать слѣдующее письмо:

«Многоуважаемый г. редакторъ! Въ 1893 г. мною изданъ 2-й томъ стихотвореній украинскаго поэта, покойнаго Якова Ивановича Щоголева, на малорусскомъ языкѣ, подъ названіемъ «Слобожанщина». По поводу изданія «Слобожанщины» мнѣ приходилось часто бесѣдовать съ Яковомъ Ивановичемъ. На мой вопросъ, всѣ ли написанныя имъ стихи вошли во 2-й томъ, онъ мнѣ сказалъ, что только, *одно* не вошло, такъ какъ было написано зимой 1898 г., т. е. въ годъ изданія этого 2-го тома, когда уже получена была рукопись изъ цензуры съ разрѣшеніемъ печатать. Слѣдовательно, это *одно* стихотвореніе было написано имъ за 3—4 мѣсяца до его смерти, такъ какъ Я. И. умеръ 28 мая 1898 года. Онъ мнѣ прочелъ это стихотвореніе на память, а я вопрошалъ позволеніе списать его; у него же въ домѣ оно и было мною списано. Чтобы не затонуло это предсмертное твореніе глубокоуважаемаго поэта въ житейскомъ морѣ, имѣю

честь покорнѣйше просить Васъ, милостивый государь, напечатать его въ уважаемой вашей газетѣ. Вотъ оно:

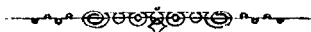
Янголь смерти.

Кто бѣ не бувъ ты: сыльный свита,
 Белеть той, передъ котрѣмъ
 Безъ прывита и одвита
 Мы занедбано стоимъ;
 Кто бѣ не бувъ ты: старецъ бидвый,
 Що не знае, де и якъ
 Прымостыты въ скрынци мидній
 Десь загореный пятакъ;
 Хтобъ не бувъ ты: юнакъ смилый,
 Зачарованый кругомъ,
 Лада въ шати снижнобилій,
 Корунувана винкомъ,—
 Не жахайтеся вы сымы,
 Що не знать въ который часъ
 Налитае видъ могылы
 Несподиванно на насъ:
 То оману, то дурныцю
 Намъ малюнокъ напысавъ,
 Що таемну чаривныцю
 Кистякомъ колысь вражавъ;
 Тая сыла—Янголь Божый,
 Якъ вси Янголы Ёго:
 Духомъ смиренный, выдомъ гожий,
 Вирный кметъ Царя Свого;
 Темнымъ флересомъ повиытый,
 Промижъ нами винъ лита,
 Кладучы покою миты
 На змовкаючи уста,
 И говоре: „якъ-бы жало
 Те, якимъ я жало васъ,
 Та вражаты перестало,—
 Пожалили бѣ вы не разъ!
 Я беру зъ земли викчемнисть—

Ту, що долею зовуть,
И веду васъ у таемнисть
Свита иншого нижь тутъ...
Такъ лига посланецъ Божый
Зъ краю въ край и день за днемъ,
Той и любячый, и гождый,
Що дарма мы смертью звемъ.

Щоголевъ.

(Южн. Край, № 6872).



БИБЛІОГРАФІЯ.

Materyały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, wydawane staraniem Komisji Antropologicznej Akademii Umiejętności w Krakowie. Tom IV. W Krakowie. 1900.

Матеріали означенаго тома касаються українсько-руського народа и мѣстностей, занятыхъ имъ, лишъ въ отдѣлахъ антропологическомъ и археологическомъ.

Изъ антропологическихъ работъ на первомъ мѣстѣ стоитъ работа *Talko-Hryncewicza—Przyczynek do poznania świata kurhanowego Ukrainy*. Объ этомъ изслѣдованіи, вышедшемъ раньше отдѣльнымъ оттискомъ, В. Б. Антоновичемъ было сдѣлано сообщеніе въ одномъ изъ засѣданій Общества Нестора Лѣтонисца, переданное затѣмъ вкратцѣ и на страницахъ *Кіевск. Старинны* («Археологич. Мѣтонисъ», іюнь п. г.), такъ что снова говорить о работѣ г. Талько-Гринцевича не приходится.

Maryan Udziela въ статьѣ *Trwanie życia w Japonie na zasadzie wykazu zmarłych w ciągu lat 110 (1785—1894)*, имѣя подъ руками метрики мѣстныхъ приходовъ, какъ католическаго, такъ и униатскаго, различнымъ образомъ комбинируетъ тѣ данныя, которыя представили метрики, и приходитъ къ нѣкоторымъ выводамъ. Оня даетъ общія цифры умершихъ въ Яновѣ (мѣстечко возлѣ Львова, называемое также «Русскимъ Яновомъ») за 110 лѣтъ, причемъ наибольшая смертность падаетъ на десятилѣтіе 1845—54, а также на годы эпидемій (1831, 1848, 1855 и 1872), приводитъ далѣе таблицы умершихъ, съ подраздѣленіемъ на возрасты и таблицы смертности

по отношенію къ живущимъ. Всѣ эти цифровыя данныя расположены отдѣльно для поляковъ и отдѣльно для русиновъ. Что до итоговъ, то они не въ пользу русиновъ: продолжительность жизни у нихъ меньшая, чѣмъ у поляковъ, смертность дѣтей на первомъ году жизни большая, хотя въ дальнѣйшіе годы смертность у поляковъ большая, чѣмъ у русиновъ. Поражаетъ средняя продолжительность жизни какъ у русиновъ, такъ и у поляковъ: у первыхъ она равняется всего 23, 4 год., у вторыхъ—24, 6; главной причиной этого факта является упоминаемая авторомъ страшная бѣдность, гнетущая мѣстное населеніе.

На основаніи данныхъ, полученныхъ при призывѣ къ отбыванію воинской повинности, *Leon Magierowski*, въ отвѣтъ *Wzrost ludności w powiecie Sanockim*, устанавливаетъ среднія для роста поляковъ, русиновъ и евреевъ въ этомъ уѣздѣ. Ростъ поляковъ оказался ниже средняго, ростъ русиновъ и евреевъ—низкимъ. Именно: у поляковъ, при измѣреніи 304 человекъ, онъ равнялся 164,5 см., у русиновъ, при 415 измѣреніяхъ,—159,5 см., у евреевъ, при 61 измѣр.,—162,7 см. Эти цифры получились при измѣреніи роста новобранцевъ (21 года), для людей-же болѣе взрослыхъ ихъ нужно увеличить приблизительно на 3,3 см. Г-нъ Магеровскій распредѣляетъ затѣмъ ростъ по мѣстностямъ. У поляковъ, жителей Санока и сель преобладаетъ ниже-средній ростъ, у жителей-же мѣстечекъ—высокій. У русиновъ—въ Санокаѣ и мѣстечкахъ—ниже средняго, въ селахъ—низкій.

Настоящій томъ даетъ массу данныхъ по доисторической археологіи Галичины. Благодаря неутомимой энергіи и вполнѣ научному отношенію къ дѣлу д-ра В. Деметрыкевича, секретаря комиссіи, начинается понемногу освѣщаться доисторическое прошлое этого края (имѣемъ въ виду Восточную Галичину), оказывающагося не менѣе богатымъ въ этомъ отношеніи, чѣмъ и другія, сосѣднія съ нимъ, страны. Для насъ изслѣдованіе даннаго края представляется тѣмъ болѣе интереснымъ и важнымъ, что черезъ него проникали и къ намъ (по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени) тѣ вліянія западно-европейскихъ доисторическихъ культуръ, слѣды которыхъ все съ большей и большей ясностью начинаютъ обнаруживаться и на обширной территоріи южной Россіи. Что касается Подольской губерніи, то эти взаимныя вліянія установлены для нея уже давно, но интересно, что теперь, однородность культуръ прослѣживается и

дальше, напр. въ предѣлахъ Киевской и Херсонской губерній. Вслѣдствіе этого, для всѣхъ, интересующихся древностями нашего юга, необходимо внимательно слѣдить за открытіями въ этой области на территоріи Галичины.

Имѣя это въ виду, мы постараемся вкратцѣ отмѣтить всѣ тѣ факты, которые собраны г. Деметрыкевичемъ въ данномъ томѣ матеріаловъ.

Уже въ протоколахъ засѣданій Коммиссіи, которыми начинается томъ, есть интересныя свѣдѣнія объ изслѣдованіяхъ г. Деметрыкевича. Такъ, имъ продолжались раскопки въ пещерѣ Вертеба въ *Бильчъ Злотомъ*, начатыя еще покойнымъ Г. Оссовскимъ. Здѣсь открыта новая сѣтъ ходовъ со слѣдами многочисленныхъ кострищъ, со скелетами и расписной посудой до-микенскаго типа. Въ ходахъ средней части встрѣтились еще болѣе интересныя находки: посуда того-же типа, но лучшей выдѣлки, съ орнаментомъ, иногда изображающимъ звѣрей—лисицъ, бѣлокъ, оленей, издѣлій изъ кости и, наконецъ, нѣсколько орудій и буссъ изъ чистой мѣди.

Посѣтилъ г. Деметрыкевичъ и с. *Михалковъ* для обслѣдованія на мѣстѣ найденнаго тамъ новаго цѣннаго клада ¹⁾. На основаніи сходства посуды, въ которой найденъ кладъ, съ посудой скифскаго типа изъ сосѣдняго села (Ивань Пустый), г. Деметрыкевичъ говоритъ, что михалковскія находки имѣютъ близкую связь съ т. н. скифской культурой. Намъ кажется, что одного сходства посуды еще не достаточно, сами-же предметы представляютъ мало аналогій съ многочисленными извѣстными предметами скифской культуры.

По сосѣдству съ Михалковымъ г. Деметрыкевичъ сдѣлалъ развѣдки и въ другихъ мѣстахъ. Въ с. *Сапоговъ* ему удалось удостовѣриться, что нѣкогда вывезенныя отсюда г. Киркоромъ вещи, имѣющія характеръ скифскихъ, происходятъ изъ 3-хъ кургановъ, заключающихъ погребенія и сожженія. Въ с. *Крычъ* открыто существованіе пещеръ въ гипсовыхъ скалахъ, ожидающихъ подробнаго изслѣдованія. Въ с. *Монастыркъ* осмотрѣнъ гротъ въ скалѣ, считавшійся языческой святыней; г. Деметрыкевичъ считаетъ несомнѣнной принадлежность его къ христіанской эпохѣ, когда гротъ служилъ для цѣлей церковныхъ. Въ с. *Бедрыковцахъ* изслѣдованъ могильникъ, заключавшій погребальныя ямы, иногда прикрытыя каменными пли-

¹⁾ См. Киевск. Стар., февраль 1900 г., Археол. Лѣт.—Михалковскій кладъ.

тами; могильникъ относится къ концу доисторическаго періода по переселеніи народовъ.

Среди статей, г. Деметрыкевичу принадлежать двѣ. Въ первой— *Korony bronzowe przedhistoryczne, znalezione na obszarze ziem dawnej Polski*, мы имѣемъ обстоятельную монографію, посвященную этимъ рѣдкимъ памятникамъ доисторическаго прошлаго. Бронзовыя короны довольно часто встрѣчаются на сѣверѣ—въ Швеціи, Норвегіи, Даніи и Сѣверной Германіи; южнѣе ихъ было найдено всего 2 въ Познанскомъ в. и одна въ Галичинѣ, въ с. Залѣсѣ надъ Збручемъ. Авторъ опровергаетъ существующее объясненіе этихъ коронъ г. Садовскаго, считавшаго ихъ *corona vollaris*, выдававшихся римскимъ воннамъ за взятіе окоповъ, а также мнѣнія скандинавскихъ ученыхъ, считающихъ ихъ шейными украшеніями, и предлагаетъ свое, несомнѣнно наиболѣе правдоподобное. Именно, корона, найденная въ Залѣсѣ, снабженная довольно высокими и острыми зубцами, не могла служить украшеніемъ шеи, а служила скорѣе всего украшеніемъ головы, и предназначалась для скрѣпленія волосъ. Что касается эпохи, то г. Деметрыкевичъ относитъ короны къ концу бронзоваго вѣка и къ т. н. періоду La Tène.

Прибавимъ къ этому, что на территоріи южной Россіи намъ извѣстны два случая находокъ такихъ коронъ. Одна найдена въ м. Новомъ Дашевѣ, Липовецкаго у., и хранится въ Церковно-археолог. музеѣ при Кіевск. Дух. Акад., другая найдена въ Подольской губ.—къ сожалѣнію не знаемъ точно мѣста находки и не имѣемъ свѣдѣній, куда она поступила отъ любителя, пріобрѣтшаго ее.

Результатомъ цѣлаго ряда археологическихъ изслѣдованій г. Деметрыкевича въ Трёмбовельскомъ уѣздѣ явилась другая его статья— *Poszukiwania archeologiczne w powiecie Trembowelskim w Galicyi wschodniej*. Авторъ дѣлится тѣми наблюденіями, какія онъ вынесъ изъ посѣщенія и осмотра той или другой мѣстности; последуемъ и мы за нимъ.

Въ самомъ в. Трёмбовль, при проведеніи желѣзной дороги, открыты т. н. пашенныя ямы съ остатками проса и гречихи; вблизи этого мѣста обнаружены погребенія съ глиняными и стеклянными сосудами. Къ сожалѣнію, съ обѣими этими находками поступили по варварски: ихъ совершенно уничтожили; но на основаніи нѣкоторыхъ находокъ—вышеупомянутыя погребенія нужно отнести къ римской эпохѣ

(II—III в. по Р. Х.)¹⁾. Далѣе, у с. *Подюрья* также встрѣченъ могильникъ римской эпохи но уже съ обрядомъ сожженія.

Рядъ интересныхъ наблюдений и открытій дало с. *Зеленче* и его окрестности. На плоской возвышенности, на берегу Серета, здѣсь обнаружены слѣды поселенія княжеской эпохи (интересны находки сосудовъ, наполненныхъ стеклянными браслетами и кольцами). Въ другомъ мѣстѣ, на той-же возвышенности, встрѣченъ цѣлый рядъ остатковъ жилищъ неолитической эпохи съ расписными сосудами и глиняными статуэтками. Здѣсь легко было установить присутствіе этихъ остатковъ: послѣ свѣжей всяшки поля, если еще прошелъ частый дождь, можно было замѣтить на полѣ большія пятна квадратной или четырехугольной формы, отличавшіяся отъ остальной поверхности болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ,—эти пятна и служили указаніемъ присутствія остатковъ жилищъ. Находки представляютъ обычные типы: расписные и нерасписные сосуды, глиняныя грузила, встрѣчающіяся иногда цѣлыми массами, такія-же статуэткі, кремневая орудія—все это въ слоѣ переженной глины. Описывая свои находки, г. Деметрыкевичъ попутно опровергаетъ теорію г. Оссовскаго, принимавшаго совершенно аналогичныя находки въ Бильчѣ и Васильковцахъ за погребальныя поля съ погребальнымъ обрядомъ, по которому въ сосуды помѣщали прахъ не всего покойника, а лишь по одной переженной косточкѣ. Г. Деметрыкевичъ вполне правильно считаетъ эти остатки разрушившимися жилищами, а куски обожженной глины съ отпечатками—обмазкой стѣнъ; послѣднее положеніе, намъ кажется, еще требуетъ болѣе вѣскаго подтвержденія. По поводу этихъ-же самыхъ находокъ авторъ дѣлаетъ упрекъ русскимъ ученымъ, удивляясь, что послѣдніе менѣе всего занимались обслѣдованіемъ этого рода памятниковъ. Но г. Деметрыкевичу вѣроятно неизвѣстно, что присутствіе этихъ памятниковъ на территоріи Россіи (главн. обр. въ Кіевской губ.) установлено всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ и что научное изученіе ихъ только-лишь начинается...

Тѣ-же наблюденія, что и у Зелевча, удалось сдѣлать г. Деметрыкевичу и подъ ж. *Будзановымъ*, т. е. такіе-же остатки жилищъ съ расписной посудой.

¹⁾ У насъ большую аналогію съ ними представляютъ погребенія и сожженія, открытыя между сс. *Жуковцами*, *Веремьемъ* и *Черняхомъ*, Кіевск. у. (см. «Лѣтопись», іюнь 1900 г.).

На пространствѣ той-же гмины Зеленче, на правой сторонѣ Серета, провзведены раскопки городища, и обнаружены слѣды нѣсколькихъ доисторическихъ эпохъ.

Въ с. *Подбайчицахъ Юстиновыхъ* открыты слѣды неолитическихъ поселеній того-же типа и могилы II—III в. по Р. X. Въ с. *Семеновъ* раскопано 6 славянскихъ могилъ, къ той-же эпохѣ г. Деметрыкевичъ относитъ и погребенія, открытыя въ одномъ изъ двухъ большихъ кургановъ, расположенныхъ на возвышенности возлѣ села, но, пожалуй, твердыхъ основаній для такого опредѣленія эпохи в не имѣется, такъ какъ единственная находка—сосудъ грубой выдѣлки можетъ указывать и на болѣе раннюю эпоху.

Опуская цѣлый рядъ мѣстностей, гдѣ встрѣчены болѣе или мѣнѣе мелкія находки или гдѣ о памятникахъ упоминается лишь вскользь, отмѣтимъ еще раскопку одного кургана у с. *Глецавы*, заключавшаго въ себѣ каменную кисту съ покойникомъ. Къ сожалѣнію, погребеніе было уже кѣмъ-то нарушено, но кое-какія находки даютъ возможность опредѣлить его время—II—IV в. по Р. X.

Просматривая работы г. Деметрыкевича, оставляя въ сторонѣ ихъ несомнѣнное научное значеніе, проникаешься невольнымъ уваженіемъ къ автору, какъ представителю цѣлой группы лицъ, за то отношеніе къ памятникамъ старины, которое чувствуется въ нихъ. Дѣйствительно, каждый фактъ, какъ бы ни былъ онъ незначителенъ, тщательно отмѣчается, взвѣшивается, оглашается. Не то у насъ. При массѣ производимыхъ раскопокъ, большинство ихъ гибнетъ безслѣдно для науки, и въ результатѣ изслѣдованіе памятниковъ древности превращается въ уничтоженіе ихъ.

Н. В.

Сборникъ Харьковскаго историко-филологическаго общества.

Т. 12 й. Харьковъ 1900 г.

Новый томъ «Сборника» знакомитъ насъ: а) съ состояніемъ и дѣятельностью историко-филологическаго общества вообще (въ отчетѣ за 1898—99 годъ) и б) съ трудами нѣкоторыхъ его членовъ. Въ обзорѣніи состоянія и дѣятельности будемъ слѣдовать порядку изложенія въ отчетѣ. Средства общества очень небольшія: поступило 876 руб. 53 к.; израсходовано 501 р. 93 к., въ остаткѣ 364 р. 80 к.

Источники средствъ обычные: съ трудомъ выжимаемые членскіе взносы да продажъ изданій общества. Обычны также и расходы: устройство засѣданій и печатаніе „Сборника“. Необычнымъ источникомъ средствъ служить субсидія отъ университета въ размѣрѣ 1000 рублей, изъ нихъ расходуется на изданіе трудовъ общества 400 руб. и на жалованье архиваріусу Харьковскаго архива («историческаго»)—600 руб. Случайнымъ источникомъ является доходъ отъ публичныхъ лекцій, читанныхъ членами Общества; суммою однако очень невеликъ—83 рубля. Всего получено за лекцій 942 р., но изъ нихъ 856 р. ушло на расходы по устройству лекцій; правда, 30 руб. 86 коп. пожертвованы въ пользу голодающихъ. Въ отчетѣ приведенъ списокъ лекторовъ, количество лекцій и сумма сбора, слѣланнаго каждымъ лекторомъ. Лекторовъ было 7 (г.г. Рѣдинъ, Сумцовъ, Тимофеевъ, Малиренко, Котовъ, Маслово, Риттеръ). Наибольшій сборъ дали лекціи г. г. Рѣдина и Риттера; наименьшій—Маслова. Первые имѣли каждый около 200 слушателей, а послѣдній—около 60 (предполагаа цѣну билетовъ въ 1 руб. и въ 50 коп.). Вообще, успѣхъ лекцій не великъ для такого многолюднаго города, какъ Харьковъ, да еще при обстановкѣ лекцій картинами волшебнаго фонаря. Гдѣ лежитъ причина этой неудачи? Къ сожалѣнію, отчетъ не объясняетъ этого и не даетъ матеріала для разрѣшенія.

Составъ общества не означенъ, вѣроятно по недосмотру редактора.

Дѣятельность общества выразилась въ 11 засѣданіяхъ, въ которыхъ прочтено 18 сообщеній; изъ нихъ исторіи южной Руси коснулись 6 сообщеній, т. е. 1/3. Вотъ ихъ краткое содержаніе: г. Дриновъ, разобравъ румынскую надпись на иконѣ Богоматери, находящейся въ с. Рогани (Харьков. губ.), нашелъ, что икона эта—копія чудотворной иконы Немецкаго (въ Молдавіи) монастыря; написана копія не позже XVII в. и принесена молдавскимъ господаремъ Дмитріемъ Кантемиромъ, которому принадлежало с. Рогань.

А. Сумцовъ, посвящая свое чтеніе «памяти Калнишевскаго», описываетъ печальное состояніе могильнаго памятника послѣднаго кошевого атамана Запорожья и предлагаетъ южно-русскимъ историческимъ обществамъ (въ томъ числѣ и кіев. обществу Нестора-Лѣтописца) принять участіе въ исправленіи памятника.

Гг. Рѣдинъ и Федоровскій, описавъ раскопку «могильникъ курнана (sic) слободы Сенькова, Купянскаго уѣзда», пришли, на основа-

яні добытыхъ данныхъ, въ заключенію, что въ преѣлахъ Харьковской губерніи жилъ какой-то народъ, въ періодъ болѣе древній, чѣмъ «железный» (г. Федоровскій) или, точнѣе, въ періодъ, когда наряду съ предметами каменными, кремневыми, были въ употребленіи бронзовые (г. Рѣдпнтъ).

Г. Халанскій въ двухъ своихъ докладахъ «о происхожденіи имени и прозвищъ Ильи Муромца» и «о происхожденіи названія Муравскаго шляха» старается доказать, что Илья Муромецъ — Олегъ Мурманскій, вѣщій Олегъ, а Муравскій шляхъ — Мурманскій.

Наконецъ г. Савва сообщилъ о выходѣ въ свѣтъ перевода г. Муркоса «Путешествіе патріарха Макарія въ Москву, описанное сыномъ патріарха архидіакономъ Павломъ Алепискимъ». Критики этого описанія путешествія, судя по изложенному содержанію доклада, все-таки явѣтъ въ послѣднемъ, а она была-бы весьма необходима, такъ какъ при массѣ впечатлѣній, при постоянной перемѣнѣ мѣста, при невозможности записывать впечатлѣнія немедленно по ихъ воспріятіи, составитель описанія многое записывалъ по памяти и неизбѣжно долженъ былъ впадать въ неточности и путаницу.

Изъ статей, помѣщенныхъ полностью въ настоящемъ томѣ «Сборника», должно отмѣтить двѣ—г. Федоровскаго: «Могильникъ кургана Слободы Сеньковъ Куянскаго уѣзда», сущность которой передана нами выше; она не требуетъ болѣе подробнаго изложенія, такъ какъ состоитъ изъ описанія самого могильника и добытыхъ въ немъ предметовъ, и г. Амфіана Лебедева: «Іоасафъ Горленко, епископъ бѣлгородскій и обоянскій (съ 2 іюня, 1754 г. до 10 декабря 1754 г.)», которая написана по неизданному архивному матеріалу и даетъ точные факты для характеристики Іоасафа Горленка, какъ самостоятельнаго епархіальнаго правителя. Авторъ не ставитъ своей цѣлью полной біографіи или полной оцѣнки пастырской дѣятельности Горленка; онъ сообщаетъ лишь немногіе факты, но за то факты характерные, благодаря которымъ личность этого общественнаго дѣятеля очерчивается довольно ясно и отчетливо. Горленко принималъ энергическія мѣры въ видахъ уничтоженія безпорядковъ въ церкви, поднятія умственнаго и нравственнаго состоянія духовенства, уничтоженія въ народѣ остатковъ языческой старины, строго преслѣдовалъ несоблюденіе постовъ, оступленія отъ нравственной жизни и проч.; лица, подпадавшія его суду, наказывались весьма строго; такъ, наир., у одного сельскаго священника вмѣсто купели онъ нашелъ нѣчто въ родѣ

рукомойника для крещенія на дому дѣтей; за это нарушеніе церковнаго устава священникъ былъ наказанъ въ духовномъ правленіи плетьюми. Или еще: монахини Троицкаго монастыря въ Курскѣ безъ его епископскаго указа выбрали себѣ игуменью; за это епископъ Іоасафъ приказалъ 18 избравшихъ монахинь наказывать плетьюми. Къ наказанію плетьюми прибавлялось часто отлученіе отъ церкви и проклятіе; онъ не щадилъ даже дѣтей: учениковъ, убѣгавшихъ отъ тогдашней суровой школы, онъ велѣлъ наказывать розгами и сковывать ноги учениковъ по-парно. Картина, нарисованная г. Лебедевымъ, производить удручающее впечатлѣніе на современнаго читателя, но, при оцѣнкѣ дѣятельности надо имѣть въ виду жестокіе нравы начала и первой половины XVIII в., когда жилъ и дѣйствовалъ Іоасафъ Горленко. Остальныя статьи хотя и очень крупныя (напр. «Леонардо да Винчи» г. Сумцова),—не имѣютъ отношенія къ южно-русской исторіи.

Въ этомъ же томѣ продолжается печатаніемъ сырой матеріалъ: «Экстрактъ о взнеможеніи слободскихъ полковъ», добрая половина котораго съ удобствомъ для изслѣдователя (такъ какъ и читателя онъ приводитъ въ взнеможеніе) могла-бы быть опущена, и «Оппись» «историческаго архива»; полнота описи оставляетъ желать одного—чтобы надъ опписью каждаго документа въ дѣлѣ обозначался бы и листъ (т. е. его цифры).

Внѣшность книги производитъ пріятное впечатлѣніе, и только виньетка на обложкѣ и заглавномъ листѣ, хотя и очень поэтичная, но мало соотвѣтствуетъ содержанію книги и характеру изданія. Не лучше ли было бы замѣнить ее «портретомъ мнѣческаго Харька, якобы основавшаго г. Харьковъ», каковой портретъ, вѣроятно, будетъ доставленъ на выставку XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ въ 1902 году и окажется ея гвоздемъ.

И. Каманинъ.

Приходскія фундушевыя училища въ Юго-Западномъ краѣ: ихъ возникновеніе и средства содержанія. *Кіевъ, 1900, стр. 1—171.* (*Приложеніе къ Циркулярю по Управленію Кіевск. учебн. округомъ за 1900 годъ*).

Неизвѣстный авторъ настоящаго интереснаго изданія, составленнаго на основаніи извлеченныхъ изъ архивовъ университета св.

Владимира и Канцеляріи Управленія Кіевскаго учебнаго округа свѣдѣній о приходскихъ фундушевыхъ училищахъ въ Юго-Западномъ краѣ, ближайшей цѣлью въ своемъ трудѣ поставилъ—возможно обстоятельное разъясненіе о времени и причинахъ происхожденія и назначенія состоящихъ въ вѣдѣніи Управленія округа капиталовъ и недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ училищамъ, о порядкѣ распоряженія ими, о способахъ взысканія платежей и полной комбинаціи имуществъ,—затрагивая попутно и нѣкоторыя другія стороны жизни означенныхъ училищъ. Самъ авторъ въ своемъ предисловіи указываетъ, что „фундушевыя документы и дѣла заключаютъ въ себѣ богатѣйшій матеріалъ для исторіи народнаго образованія въ юго-западномъ краѣ и ждутъ только своего изслѣдователя, который бы собралъ, привелъ въ порядокъ и освѣтилъ этотъ крайне интересный матеріалъ, между прочимъ, въ бытовомъ и политическомъ отношеніи“ (стр. 3). Въ ожиданіи такого изслѣдователя, авторъ и рѣшилъ взять на себя благодарную задачу—предохранить архивныя дѣла отъ вліянія времени и привести ихъ въ опредѣленный порядокъ, результатомъ чего и явилось лежащее передъ нами цѣнное изданіе, съ важнѣйшими пунктами котораго считаемъ небезъинтереснымъ ознакомить читателей.

Основаніе большинства нынѣ существующихъ фундушевыхъ училищъ Юго-западнаго края было положено въ знаменательные въ исторіи просвѣщенія въ Россіи вообще 1802—1803 года. Обширный планъ устройства училищной части въ Имперіи намѣченъ былъ въ „Предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія“, Высочайше утвержденныхъ 24 января 1803 г., по 3 ст. которыхъ каждый приходъ или два вмѣстѣ должны имѣть хоть одно приходское училище. Понятно, что намѣченный планъ, при его осуществленіи, долженъ былъ встрѣтить большія затрудненія прежде всего въ матеріальныхъ затратахъ, которыя были бы непосильны въ то время для государственнаго казначейства. Въ виду этого въ „Правилахъ“ (ст. 48-я) указывалось на единственно возможный источникъ болѣе широкаго распространенія просвѣщенія—на частныя средства гражданъ, желающихъ пожертвовать частныя выгоды общей пользѣ, за что имъ и должно принадлежать „особенное и преимущественное право на уваженіе своихъ соотчичей“. Такое предположеніе правительства встрѣтило полное сочувствіе и готовность на жертвы интеллигенціи присоединенныхъ отъ Польши областей. Во главѣ движенія въ пользу

открытія школъ стали видныя дѣятели и польскіе патріоты—князь Адамъ Чарторійскій, попечитель Виленскаго университета и округа, въ составъ котораго, въ числѣ 8-ми губерній, вошли Кіевская, Подольская и Волынская, и тайный совѣтникъ Ѳаддей Чацкій, получившій должность Визитатора трехъ губерній юго-зап. края. Оба они затратили массу труда и энергіи для осуществленія взятаго на себя дѣла. Въ то же время, во второй половинѣ того-же 1803 г., едва были обнародованы „Правительственныя правила“, большинство самыхъ видныхъ представителей общества откликнулось на призывъ, и непосредственнымъ результатомъ явился опредѣленно выраженные ими желанія открыть въ своихъ имѣніяхъ „парафіальныя школы“, при чемъ желанія эти обнаружались не на словахъ только, не въ видѣ обѣщаній, но въ законныхъ документахъ на крупныя пожертвованія. Главнѣйшей, конечно, заботою при открытіи училищъ было снабженіе ихъ достаточными матеріальными средствами,—„фундушами“, т. е. движимымъ и недвижимымъ имуществомъ или капиталомъ, доходъ съ которыхъ долженъ поступать, по силѣ извѣстнаго рода документовъ, на поддержаніе тѣхъ учрежденій. Такими документами въ 1803 и 1804 гг. снабжено было 28 школъ Волынской губ. По примѣру свѣтскихъ фундаторовъ, и духовныя лица, и учрежденія, преимущественно капитулы монашескихъ орденовъ, дали обязательство содержать приходскія училища во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не будетъ уѣздныхъ училищъ. Такія училища обязались открыть: *Доминикане*—въ Волынск. губ.—9, въ Подольской—7, въ Кіевской—3, *Кс. Тринитары: босые*—въ Волынск.—1, въ Подольской—1; *Монахи Кармелитанки*—въ г. Дубно—приходское женское училище; *Кс. Бернардины*—въ Волынск.—7, въ Подольской—2; *Кс. Капуцины*—въ Волынской—1; *Кс. Францискане*—въ Волынской—4.

Дѣйствительно, въ одной Волынской губерніи до 1831 г. духовенствомъ и учебнымъ вѣдомствомъ открыты были приходскія училища въ 45 мѣстечкахъ и селеніяхъ, не считая губерній Кіевской и Подольской (въ послѣдней—главнѣйшіе пункты: Кіевъ, Лысанка, Бѣлая Церковь; въ Подольской—въ 9 пунктахъ).

Въ виду значительныхъ крупныхъ пожертвованій дворянства и духовенства юго-зап. края, слѣдовало, конечно, считаться съ желаніями жертвователей и съ тѣми правами, которыя они имѣли въ виду предоставить себѣ по отношенію къ открываемымъ на ихъ средства училищамъ. Въ этомъ направленіи Коммиссія училищъ подѣ предѣ-

дательствомъ графа П. Завадовскаго представила въ 1807 году на Высочайшее воззрѣніе «Уставъ для приходскихъ училищъ въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской», утвержденный 31 августа того же года... Вслѣдъ за утвержденіемъ Устава 1807 г., нѣкоторые владѣльцы рѣшили сдѣлать пожертвованія на основаніи его положеній. Изъ такихъ фундушей отмѣчены: въ Луцкомъ—2, въ Ковельскомъ—1, въ Староконстантиновскомъ—3, въ Ровенскомъ—1. Кромѣ того, подчпнились этому Уставу также нѣсколько училищъ изъ тѣхъ, которыя существовали еще раньше, съ прошлаго столѣтія: Турійское въ Ковельскомъ, Топорицкое—въ Житомирскомъ, Выговское въ Овручскомъ и Брусилловское (Фаддея Чацкаго) въ Радомысльскомъ у.

Такъ какъ теперь въ распоряженіи Виленскаго округа очутились громадныя имѣнія и капиталы, распоряженіе которыми представляло не мало затрудненій, то Высочайшимъ повелѣніемъ 21 дек. 1807 г. признано было необходимымъ «для приведенія въ ясность фундушевыхъ дѣлъ и для разрѣшенія споровъ» учредить двѣ Комmissiи—въ Вильнѣ (для губерній Вѣлорусскихъ, Литовскихъ и Минской) и въ Кременцѣ (для Волынской, Подольской и Кіевской). Послѣдняя, упраздненная въ 1829 г., въ теченіе своей, хотя непродолжительной, дѣятельности, оказала громадныя услуги въ дѣлѣ матеріальнаго обезпеченія и возникновенія нынѣ существующихъ фундушевыхъ училищъ. Ей же всѣ существующія училища обязаны тѣмъ, что, благодаря ея вліянію, фундушевыя записи получили окончательное значеніе безспорныхъ документовъ, будучи внесены въ 1819 г. въ актовыя книги подлежащихъ судебныхъ учрежденій (уѣздныхъ судовъ).

Между тѣмъ, послѣ учрежденія устава 1807 г., правительственныя распоряженія по М. Н. Пр. стали клониться къ тому, чтобы дѣло обученія юношества по возможности привести въ соотвѣтствіе съ общегосударственными интересами; такъ, 25 мая 1814 г. послѣдовало циркул. распоряженіе о желательности большаго распространенія русскаго языка въ школахъ; о томъ, чтобы учитель имѣлъ извѣстный образовательный цензъ и установленное свидѣтельство на право обученія, и др. Но въ особенности на учебную дѣятельность въ юго-зап. краѣ повліяли событія 1830 года: всѣ приходскія училища, состоящія въ вѣдѣніи р.-католич. духовенства, были закрыты, а вмѣсто нихъ, по мѣрѣ возможности, открывались такія же училища при церквахъ греко-россійскаго или уніатскаго исповѣданія. Официальное закрытіе училищъ произошло 4 октября того же 1830

года. Въмѣстѣ съ тѣмъ, подобная мѣра должна была распространиться и на приходскія училища, открытыя на средства свѣтскихъ лицъ, такъ какъ фондуши ихъ пришли въ окончательное разстройство, а направленіе учебной дѣятельности также не внушало довѣрія. Въ началѣ 1832 г. обнаружилось, что эти училища дальше не могутъ существовать безъ точнаго разъясненія и возстановленія источниковъ ихъ содержанія; естественнымъ выходомъ изъ такого положенія явилось закрытіе всѣхъ ихъ съ мая—іюля 1832 г. по 1834 годъ, пока окончательно не опредѣлилась возможность дальнѣйшаго ихъ существованія. Возстановленіе нарушеннаго порядка пошло съ началомъ дѣйствій вновь учрежденнаго около этого времени (въ 1832 году) Кіевскаго учебнаго округа, въ составъ котораго вошелъ весь юго-западный край. Уже въ началѣ слѣдующаго 1833 г. попечитель фонъ-Брадке командировалъ въ Волинскую губернію двухъ чиновниковъ—Сбитнева и Александра Мицкевича, которые объѣхали всѣ тѣ пункты, гдѣ должны были имѣться фондуши и училища, и въ 1834 г. представили результаты своихъ трудовъ. Пока продолжались работы Сбитнева и Мицкевича, пока учебное начальство разбиралось въ результатахъ этихъ работъ, выяснилось окончательное заключеніе, что учебныя заведенія юго-зап. края должны подчиниться общегосударственнымъ началамъ. Эта необходимость выразилась въ Высочайшемъ указѣ правительствующаго сената 5 іюля 1834 г. о подчиненіи училищъ западныхъ губерній дѣйствію Устава 8 декабря 1828 г. Однимъ изъ главнѣйшихъ отличій этого устава отъ Устава 1807 года является вопросъ о порядкѣ назначенія учителей въ приходскія училища, объ ихъ правахъ и обязанностяхъ, а также о правахъ въ этомъ отношеніи фундаторовъ. Тогда какъ, по прежнему уставу, право назначенія учителей оставалось за «мѣстнымъ начальствомъ», т. е. учредителемъ или въ крайнемъ случаѣ предводителемъ дворянства, теперь «въ учителя приходскихъ училищъ опредѣляются штатнымъ смотрителемъ лица всякаго состоянія, но нравственнаго качества и поведенія, причемъ «общества и помѣщики или иначе частные люди, коины учреждаются или содержатся приходскія училища, *имѣютъ право представлять кандидатовъ въ учителя оныхъ*» Отсюда возникъ одинъ изъ главныхъ поводовъ къ столкновеніямъ между фундаторами и училищнымъ начальствомъ; помѣщики отказывались отъ содержанія училищъ, игнорируя послѣдній уставъ, и твердо стояли на томъ, чтобы внесенное въ записи условіе осталось въ своей силѣ, считая въ противномъ

случаї всѣ обязательства утрачивающими силу, разѣ условія документа не исполняются заинтересованной стороной. Въ результатѣ—многократные и могочисленные судебные процессы, не оконченные отчасти и по сію пору. Тѣмъ не менѣе, этотъ непрерывный процессъ заканчивается нынѣ все-таки съ значительнымъ для дѣла успѣхомъ: 26 училищъ въ Волынской и 3 въ Кіевской существуютъ и содержатся на фундушевыя средства, и 4 училища, хотя и упразднены, но въ управленіи учебнаго округа хранятся нѣкоторые капиталы, которые въ будущемъ дадутъ основаніе для возстановленія училищъ тамъ, гдѣ они предположены были по записямъ.

Таковы главнѣйшія, интересующія насъ данныя, заключающіяся въ первой общей части настоящаго изслѣдованія. Во второй части, болѣе обширной, излагаются краткіе очерки о фундушѣ каждаго приходскаго училища въ отдѣльности, составленные преимущественно на основаніи данныхъ изъ отчетовъ упомянутыхъ выше—Сбитнева и Мицкевича. Здѣсь сообщаются данныя объ упраздненныхъ приходскихъ училищахъ Волынской губерніи—Ивановскомъ, Турійскомъ, Мельницкомъ, Топорницкомъ, Выговскомъ, Киселинскомъ, Торговицкомъ и Столинскомъ, затѣмъ о 26 существующихъ въ той же губерніи, о Брусилловскомъ и Вѣлоцерковскомъ—въ Кіевской губерніи и Немировскомъ—въ Подольской.

На этомъ заканчивается данное изслѣдованіе. Авторъ отмѣчаетъ (стр. 33), что въ разсмотрѣнной имъ части архива Виленскаго округа, хранящагося при университетѣ св. Владимира, и въ дѣлахъ бывшей Канцеляріи Виленскаго Попечителя за время 1803—1831, найдено въ общемъ очень мало данныхъ, касающихся фундушей приходскихъ училищъ, и что въ первомъ случаѣ могутъ быть почерпнуты цѣнныя свѣдѣнія для *общей исторіи приходскихъ училищъ*. На эту то сторону слѣдовало бы обратить вниманіе лицамъ, интересующимся исторіей просвѣщенія въ нашемъ краѣ.

В. Д.

А. П. Добрывъ. Біографіи русскихъ писателей средняго и новаго періодовъ. Съ алфавитнымъ указателемъ произведений писателей. С.-Петербургъ, 1900, I—VI, 1—534, 1—49, in 8°. Цѣна 2 р.

Авторъ задался весьма симпатичной цѣлью «собрать и составить біографіи русскихъ писателей отъ эпохи царствованія Императрицы

Елизаветы Петровны до настоящаго времени, по возможности съ указаніемъ въ систематическомъ порядкѣ произведеній каждаго изъ нихъ». Безъ сомнѣнія, такой трудъ, удовлетворительно исполненный, явился бы немалымъ подспорьемъ для всякаго, желающаго получить справку о литературной дѣятельности того или иного выдающагося русскаго писателя. Выдающихся писателей авторъ насчитываетъ, со времени Елизаветы Петровны и до нашихъ дней, 200 съ лишнимъ, руководствуясь при этомъ, надо полагать, личными симпатіями. Такъ напримѣръ, зачисливъ въ ряды бессмертныхъ Веревкина, Виленкина, Дудышкина и др., авторъ игнорируетъ *П. Кулиша*, *А. Сторожженку* и многихъ другихъ малорусскихъ писателей, которыхъ вообще, какъ напр. Гребенку, Котляревскаго, Квитку-Основьяненко, Костомарова, Мордовцева, Шевченка, онъ, повидимому, не исключаетъ изъ числа русскихъ.

Но, впрочемъ, счастливъ ихъ Богъ что они не удостоились быть избранными... Чтобы убѣдиться въ послѣднемъ, обратимся къ тѣмъ біографіямъ малорусскихъ писателей, которыя вошли въ книгу г. Добрыва. Возьмемъ Е. П. Гребенку. Здѣсь мы съ глубокимъ интересомъ читаемъ, что Е. П. въ 1834 году издалъ свои малоросійскія «*Призраки*(!)¹⁾»,—имѣвшія большой успѣхъ и потребовавшія второго изданія», а затѣмъ далѣе, въ перечнѣ произведеній, съ меньшимъ любопытствомъ находимъ, что Е. П. написалъ романъ «*Нѣжинскій полковникъ Золотоноша*»(?)²⁾... Перейдя къ Н. И. Костомарову, найдемъ, что онъ написалъ драму «*Савва Шалый*», историческую статью: «*Иванъ Спиргофскій*» и друг. произведенія. Котляревскій также написалъ «*Москаля-Черевника*»—хотя въ особенности прославился «переложеніемъ на украинское нарѣчіе «*Энеиды*» (*Вергинія*), гдѣ боги и герои античнаго міра дѣйствуютъ среди жизни украинскаго просто-народья, въ обстановкѣ *хохлацкаго* быта имѣвшая(?) громаднѣйшій успѣхъ и популярность на Украинѣ, гдѣ она долго была любимой книгой грамотнаго южанина» и т. д... «Въ этой *породіи*, помимо своего интереса, какъ веселой блестящей шутки, имѣется еще немалое значеніе (sic!) какъ вѣрная картина (sic!) украинскаго быта, какъ изображеніе пороковъ и смѣшныхъ сторонъ малоросійскаго народа» Что касается Квитки-Основьяненка, то въ 1833 году вышло „на

1) Вм. *Приказки*.

2) Вм. *Золотаренко*.

русскомъ и малороссійскомъ языкахъ одно изъ лучшихъ его произведеній, романъ *«Панъ Холявскій»*, въ которомъ Г. О. неподражаемо, правдиво и картинно изобразилъ помѣщичій бытъ *тою* (sic!) веремени. Въ біографіи Д. Л. Мордовцева можно прочесть, что онъ на писалъ разсказъ *«Солдаты»* (Салдатка). Не лучше составлена и біографія Т. Г. Шевченка. Разсказывая о его дѣтствѣ, авторъ замѣчаетъ, что положеніе его какъ сироты, у дядька Богорскаго, «было однимъ изъ худшихъ. Въ два года тяжелаго ученья онъ успѣлъ однако пройти *грамотку, числовецъ* и *псалтырь*». Побывъ нѣкоторое время у Лысинскаго малара—дьякона, четырнадцатилѣтній мальчикъ «порѣшилъ возвратиться въ родное село, наняться пасти стадо, *разсчитывая на большой досугъ, нужный ему для излюбленныхъ занятій*» (sic!). Упоминается, что Шевченко написалъ произведенія: *«Сонъ невольника»* (поэма)(?!), *«Иванъ Гусь, Никита Гайдай»* (?) и друг.

Какъ видимъ, не посчастливилось малорусскимъ писателямъ въ сборникѣ г. Добрыва,—и только имъ специально, такъ какъ біографіи русскихъ писателей, насколько мы замѣтили, составлены сравнительно сносно.

В. Д.

Викъ (1798—1898). *Кыивъ 1900., стр. 1—464, ч. 2 р.*

Минувшій годъ, послѣдній въ девятнадцатомъ столѣтіи, далъ, среди многихъ другихъ изданій малорусскаго слова, изданіе названной въ заголовкѣ книги, подводящей какъ бы итоги цѣлому столѣтію существованія печатной малорусской словесности въ отдѣлѣ стихотворномъ, что почти совпадаетъ съ итогами этого творчества въ девятнадцатомъ вѣкѣ. Хотя изданіе это, къ сожалѣнію, не имѣетъ никакой вводной статьи, замѣненной мало говорящимъ о сущности дѣла стихотвореніемъ Кулиша, но по самому заглавію его *«Викъ 1798—1898»* можно догадываться, что это сборникъ образцовъ изъ малорусскихъ писателей, начиная съ Котляревскаго. Беря въ руки подобную книгу, читатель прежде всего разсчитываетъ увидѣть въ ней образцы малорусской поэзіи, разположенные въ хронологическомъ порядкѣ, чтобы имѣть возможность сдѣлать наблюденія надъ тѣмъ, какъ шагъ за шагомъ шелъ ходъ развитія и роста этой поэзіи въ теченіе столѣтія,—и онъ не ошибется, такъ какъ, начиная съ Котляревскаго встрѣтитъ здѣсь произведенія 50 авторовъ, вклучительно до многихъ нашихъ современниковъ, вновь выступающихъ въ печати. Но вотъ тутъ-то и встрѣчается первое недоразумѣніе: для читателя, не по-

священнаго въ детали изученія малорусской словесности, остается загадкой, исчерпанъ-ли этими 50-ю авторами весь запасъ опытовъ украинской поэзіи 19 вѣка, или это только лучшіе представители ея? Человѣку, знакомому съ этимъ вопросомъ, сразу станетъ яснымъ, что составителемъ сборника имѣлась въ виду послѣдняя задача, и что помѣщенные въ книгѣ 50 авторовъ есть, по мнѣнію конечно составителя, лучшіе по силѣ своего таланта, такъ какъ къ указаннымъ авторамъ можно было-бы, не особенно долго роясь въ книгахъ, сейчасъ же прибавить еще нѣсколько десятковъ (особенно имѣя въ виду галицкія изданія), оставленныхъ за флагомъ, какъ слабѣйшіе. Мы готовы не оспаривать вкуса составителя сборника по отношенію избранныхъ имъ авторовъ и, признавая, что въ этихъ 50 именахъ отразилось все лучшее въ малорусской поэзіи, посмотримъ, можно-ли опредѣлить по этой книгѣ картину жизни и роста нашей родной поэзіи въ 19 вѣкѣ.

Прежде всего надо замѣтить, что «Викъ» не есть сборникъ однородныхъ по содержанію и характеру піесъ, вслѣдствіе чего трудно улавливать, такъ сказать, переходъ и развитіе историко-литературныхъ теченій, какъ это, впрочемъ, всегда бываетъ въ сборникахъ именуемыхъ *антологіями*, почти приближающимися къ хрестоматіямъ. Тутъ вы найдете и образцы эпического творчества въ разныхъ видахъ и формахъ, и лирическія пьесы; тутъ вы встрѣтите и оригинальныя, и подражательныя, и переводныя произведенія,—и все это разбросано по всей книгѣ, стоя въ связи съ разными авторами. Такимъ образомъ, главная задача составителя такого сборника состоитъ въ тщательномъ выборѣ произведеній даннаго автора, давая оригинальное въ творествѣ cadaго изъ нихъ. Вотъ съ этой-то стороны, намъ кажется, можно сдѣлать маленькій упрекъ составителю сборника, совершенно не обнаруживающему для насъ, какимъ принципомъ онъ руководствовался при выборѣ пьесъ. Для иллюстраціи возьмемъ подборъ пьесъ изъ Шевченка, который, какъ и слѣдовало ожидать, занялъ въ книгѣ по объему первое мѣсто (74—126 стр.). Для такого поэта, какъ Шевченко, удобнѣе всего было-бы избрать хронологическую систему, т. е. дать образцы его поэзіи до 1847 года, пока онъ былъ на свободѣ, затѣмъ—подобрать болѣе оригинальныя по содержанію и тону піесы, написанныя во время пребыванія его въ ссылкѣ, т. е. до 1857 года, и наконецъ—кое-что изъ пьесъ послѣднихъ годовъ. Въ сборникѣ-же «Викъ» вы не увидите не только такой системы означенія съ поэтомъ, но даже не встрѣтите въ подобранныхъ піесахъ

ни одного произведенія изъ тѣхъ, которыми поэтъ такъ прославилъ себя въ началѣ 40-хъ годовъ и которыя составляютъ оригинальное явленіе въ его творчествѣ: мы разумѣемъ его лироэпическія поэмы „Тополя“, «Причинна», «Катерина»; нѣтъ также ни одного отрывка и изъ его классической піесы «Гайдамаки». Такое-же точно замѣчаніе можно сдѣлать и относительно нѣкоторыхъ другихъ авторовъ, какъ напр.—Щоголевъ, Манжура, Руданскій. Что же касается авторовъ, представленныхъ въ 2-хъ, 3-хъ піесахъ (а Морачевскій, Забила, Мова, Шашкевичъ—даже только въ одной), то остается предположить, что составитель сборника считаетъ такихъ авторовъ слишкомъ однообразными и потому выбираетъ для образца только лучшія двѣ-три піески. Если такъ, то читатель имѣетъ право быть особенно требовательнымъ къ достоинству этихъ піесъ, иначе самихъ авторовъ слѣдовало отнести къ оставляемымъ за флагомъ. Въ этомъ послѣднемъ, на примѣръ, безусловно надо отнести Морачевского, который совсѣмъ не можетъ быть характеризуемъ тѣмъ однимъ образцомъ, какой данъ въ сборникѣ (изъ поэмы «До чумака»), такъ какъ личность и авторство Морачевского въ напечатанныхъ до сихъ поръ его произведеніяхъ освѣщается далеко не въ томъ видѣ, какой можно представить себѣ по этому образцу: истинное значеніе Морачевского станетъ яснымъ тогда, когда будетъ обнародованъ его переводъ Св. писанія, а до тѣхъ поръ лучше его писанія въ сборникъ не вносить. Нельзя не указать еще одного недостатка въ сборникѣ «Викъ»—это внесеніе составителемъ его въ одну общую линію писателей малорусскихъ и галицкихъ. Недостатокъ этотъ уже былъ отмѣченъ г. Сумцовымъ въ его рецензій, помѣщенной въ «Южномъ Краѣ», гдѣ совершенно вѣрно было указано, что галицкая поэзія, даже въ предѣлахъ народовцевъ, очень разнится и по интересамъ, и особенно по формѣ, отъ нашей малорусской, вслѣдствіе чего смѣшеніе ихъ производитъ впечатлѣніе искусственнаго и случайнаго соединенія. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы мы захотѣли судить о томъ, насколько языкъ и форма поэзіи нашей являются постепенно мѣняющимися, совершенствующимися, то, послѣ образцовъ поэзіи Гулака-Артемовскаго, Гребинки, поэзія М. Шашкевича и Головацкаго окажутся взятыми какъ-бы совсѣмъ изъ другой среды, а между тѣмъ они поставлены рядомъ съ первыми, или, послѣ Шевченка, Кулиша, Щоголева, Глѣбова, Конисскаго, сразу чѣмъ-то инымъ повѣсть отъ поэзіи Федьковича, гдѣ вы прочтете между прочимъ и такіа строки:

Най пташка не тужить, зозуля не жуе,
 Най такъ *соловіи* не плачуть,
 Най руськая *земля* Бояна учуе,
 Най руськи сыны *йо* зачують!

Однимъ словомъ, галицкая поэзія должна быть выдѣлена въ сборникѣ въ особую группу и представлена въ большомъ количествѣ авторовъ и ихъ образцовъ.

Не смотря на отмѣченные нами недостатки, мы все-же должны сказать большое спасибо составителю сборника «Викъ», дающему намъ возможность увидѣть итоги малорускаго стихотворнаго творчества въ теченіе столѣтій и въ часы досуга не безъ удовольствія перечестъ вновь иногда забытые образцы нашихъ давнихъ авторовъ.

Мы слышали, что первое изданіе «Вика» уже почти распродано, и теперь готовится второе изданіе. Пожелаемъ-же ему такого-же успѣха, какой имѣло первое, и вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ надѣяться, что въ этомъ второмъ изданіи будутъ сдѣланы значительныя улучшенія въ смыслѣ болѣе обоснованнаго какимъ-нибудь принципомъ выбора авторовъ и ихъ произведеній, а также въ смыслѣ расширенія біографическихъ и бібліографическихъ справокъ, въ чемъ ощущаются въ первомъ изданіи большіе пробѣлы.

В. Н.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 12; 2) Русская Старина, № 12; 3) Историческій Вѣстникъ, № 12; 4) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 12; 5) Вѣстникъ Европы, № 12; 6) Русская Мысль, № 12; 7) Научное Обзорѣніе, № 12; 8) Книжки Восхода, № 11; 9) Літературно-Науковий Вістникъ, № 12; 10) Ateneum, № 12; 11) Biblioteka Warszawska, № 12; 12) Slovanský Přehled, № 12 (3); 13) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 12; 14) Przewodnik naukowy i literacki, № 12; 15) Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 10; 16) Русскій Филологическій Вѣстникъ, кн. 3—4; 17) Русская Школа №№ 10—11; 18) Варшавскія Университетскія Извѣстія, кн. VI; 19) Записки Императорскаго Харьковскаго Университета, кн. 4.

Русскій Архивъ, № 12.

Ал. Маркевичъ. Замѣтки къ біографіи М. Ю. Лермонтова (стр. 622—624). Авторъ предлагаетъ нѣкоторыя дополненія въ воспоминаніяхъ князя А. В. Мещерскаго (см. въ 10 кв. Р. Арх.), между прочимъ объ имѣніи въ Малороссіи, принадлежавшемъ Лермонтову.

Русская Старина № 12.

В. А. Бильбасовъ. *Екатерина II и Василій Васильевичъ Каховскій.* 1791—1793 (стр. 527—552).

Указы Екатерины II—В. В. Каховскому (№№ 23—65),—весьма интересный матеріалъ для исторіи юга Россіи. Между прочимъ, указы изданы объ Екатеринославскихъ фабрикахъ (въ Дубровкѣ, Купавнѣ и Койдакахъ), о разрѣшеніи молдавскому протопопу Михаилу Стрѣльбицкому завести типографію въ Дубосарахъ, о разведеніи лѣсовъ въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ, объ отводѣ земель и матеріальной поддержкѣ менонитамъ и друг. колонистамъ, объ открытіи народныхъ училищъ въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ, объ укрѣпленіи границъ отъ Ягорлыка по Двѣриу до устья его, объ учрежденіи межевой экспедиціи въ Екатериносл. намѣстничествѣ, объ отправленіи Черноморскаго войска на о. Фанагорію, о шелковичномъ заводѣ въ Кіевѣ (порученномъ завѣдыванію Василю Капниста, автора „Нбеды“), о штатѣ экспедиціи для производимыхъ въ новопріобрѣтенной области крѣпостныхъ и прочихъ строеній, о ризницахъ и сервизахъ покойнаго Григорія Алекс. Потемкина, два указа о Турбаевцахъ и друг.

Проектъ гр. А. Бенкендорфа объ устройствѣ высшей полиціи (стр. 615—616). Объ учрежденіи тайной полиціи въ главнѣйшихъ городахъ Имперіи, въ томъ числѣ Кіевѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Рескриптъ Императора Павла I—генералу Розенбергу отъ 29 сент. 1797 г. (стр. 720). О назначеніи генерала Розенберга военнымъ губернаторомъ и инспекторомъ украинской дивизіи по пѣхотѣ.

Записки Михаила Чайковскаго (Мехмоть-Садыхъ паши) (Продолженіе) (стр. 721—744). Въ главѣ LXXVI есть указаніе, что казакъ Берто деръ-Давидъ отправился, со стариннымъ знаменемъ Запорожской сѣчи, взятымъ изъ патриархата, изъ Стамбула въ Варну, гдѣ ему было приказано сформировать полкъ охотниковъ, прибывшихъ изъ Добруджи.

Историческій Вѣстникъ № 12.

1) *А. С—скій. Къ воспоминаніямъ объ Е. П. Гребенкѣ* (стр. 1011—1020). Въ дополненіе къ своимъ воспоминаніямъ, помѣщеннымъ въ IX кн. „Историч. Вѣстника“, авторъ сообщаетъ вновь собранный имъ матеріалъ о Е. П. Гребенкѣ и лицахъ, близкихъ ему: дочери Надеждѣ Евгеніевнѣ и женѣ Аннѣ Павловнѣ, урожденной Свѣчка. Наибольшій интересъ представляетъ найденный одной особой рисунокъ, изображающій Гребенку, входящаго въ классъ (рисунокъ приложенъ въ началѣ журнала).

Къ тексту приложенъ также рисунокъ могилы Е. П. Гребенки.

2) *В. Т. Иностранцы о Россіи. Воспоминанія графа Де-ла-Феррона* (стр. 1094—1120).

Воспоминанія, относящіяся къ концу XVIII ст., связаны съ пребываніемъ арміи Кондэ въ г. Дубнѣ (Волинск. губ.) Въ воспоминаніяхъ сообщаются кое-какія свѣдѣнія объ этомъ городѣ.

3) Въ отдѣлѣ „Критика и библіографія“ (стр. 1121—1134) даны, между прочимъ, отзывы объ изданіяхъ и книгахъ: „Древности. Труды им. Моск. арх. общ. томъ XVII. Москва, 1900“, „Извѣстія общ. любителей изученія Кубанской Области. Выпускъ II. Екатеринодарь, 1900“, „Собраніе Б. И. и В. Н. Ханенко. Кіевъ, 1899—1900“.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 12.

В. И. Срезневскій. И. Е. Бецкій—издатель Молодика (стр. 273—304). Разсматривая дѣятельность И. Е. Бецкаго, какъ издателя «Молодика» (Харьковъ, 1843,—на 1843 г.; Харьковъ 1843—на 1844 годъ и СПб. 1844), авторъ касается произведеній малорусскихъ и имѣющихъ отношеніе къ Малороссіи, помѣщенныхъ въ «Молодикѣ», сообщая попутно нѣкоторыя весьма цѣнные для исторіи малорусской литературы указанія.

Н. Павловъ-Сильванскій. Имунитетъ въ удѣльной Руси (стр. 318—365). Въ своемъ очеркѣ феодальныхъ отношеній удѣльной Руси, авторъ спеціально останавливается на имунитетахъ—тѣхъ обширнѣйшихъ судебныхъ и податныхъ привилегіяхъ, которыя обезпечивались вотчинникамъ жалованными грамотами, льготными и несудными, XIII—XVI столѣтій. Эти привилегіи, по мнѣнію автора, несомнѣнно составляютъ учрежденіе, по существу тождественное съ западно-европейскимъ имунитетомъ. Сравнивая детально русскія жа-

дованнѣ грамоты съ иммунитетными дипломами, авторъ переходитъ къ тому убѣжденію, что иммунитетные порядки на Руси и на западѣ совпали во многихъ частностяхъ.

Вѣстникъ Европы № 12.

Левъ Жемчужниковъ. Мои воспоминанія изъ прошлаго. Нѣсколько страницъ посвящено пребыванію автора въ Малороссіи въ 1852 году, при чемъ здѣсь кратко розказано о посѣщеніи имъ Чернигова, Седнева, Батурина, Ковотопа, а особенно живо и прочувствованно—Полтавщины (стр. 517—524).

Въ отдѣлѣ «Изъ Общественной хроники» помѣщено письмо изъ Полтавы, гдѣ розказанъ очень странный инцидентъ съ популярными брошюрами *г. Чикаленка* «Розмова про сільске хазайство». Первыя двѣ книжки этихъ «Розмовъ» были одобрены въ первомъ изданіи ученымъ комитетомъ министерства земледѣлія и ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, и вдругъ одесская цензура запретила ихъ при второмъ изданіи (стр. 882). Впрочемъ, намъ теперь достовѣрно извѣстно, что въ высшихъ инстанціяхъ послѣдовало разрѣшеніе на второе изданіе, которое на дняхъ должно появиться въ продажѣ.

Русская Мысль № 12.

Въ *отдѣлѣ бібліографіи* данъ отзывъ объ изданіи: «Изъ украинской старины» (стр. 456—458).

Книжки Восхода № 11.

М. Шорръ. Внутренняя организація евреевъ въ Польшѣ (стр. 94—115). (Продолженіе). Третій періодъ,—отъ половины 16 в. до перваго раздѣла Польши. Устройство общины въ этотъ періодъ: общинная администрація, порядокъ выборовъ ея, цехи и другія сообщества. Отношенія между еврейскими цехами и христіанскими.

Літературно-Науковий Вістникъ, № 12.

Нечестиве кохання. Уривки з ліричного роману на трохи декадентській підвалині. Із сирійських згадокъ А. Кримського (I—XXVII) (стр. 241—250).

Без пуття. Оповідане по декадентському Івана Левицького (IV—V, кінець) (стр. 251—280).

Перехресні стежки. Повість Івана Франка (LV—LX, кінець) (стр. 281—329).

Кленові листки. Оповідане Вас. Стефаника (I—IV) (стр. 330—337). Въ высшей степени художественная картинка крестьянской тяжелой жизни.

Із оповідань Франсуа Копе: Передмова I. Час спати! II. За столом. III. Ходаки малого Вольфа (стр.—338—354).

Привид. Оповідане Болеслава Пруса (стр. 355—367).

Із переспівів В. Милорадовича: I. Маврський халіф (із Гайне). II. Маврська журба (із ішпанського) (стр. 368).

На склоні віку. Розмова в ночі перед новим роком 1901, Івана Франка (стр. 135—149). Бґлий обзоръ духовныхъ приобрѣтенихъ XIX в. и надежды на XX вѣкъ.

Панько Омелькович Кулиш. Огляд його діяльности. Написав Осип Маковей (кінець) (стр. 150—169). Пребываніе Кулиша во Львовѣ въ 1882 г.—Послѣднія его литературныя произведенія: Магометъ и Хадиза, Байда, Маруся Богуславка, Царь Наливай, Петро Сагайдачный, различные переводы.

З Російської України. Факт історичної вартости (стр. 170—177). О соединеніи въ одну трупу лучшихъ артистическихъ силъ малорусскаго театра—М. Д. Кропивницкаго, М. К. Заньковецкой, И. К. Карпенка-Караго, Н. К. Сидовскаго и А. К. Саксаганскаго.

Хроніка і бібліографія (стр. 181—200).

Ateneum, № 12.

St. Piotrowski. Wspólna własność ziemiska w gminie Wielkorosyjskiej (стр. 511—544). Приводятся нѣкоторые свѣдѣнія о земельномъ положеніи въ древній періодъ русской исторіи на основаніи данныхъ лѣтописи и другихъ историческихъ памятниковъ.

Biblioteka Warszawska № 12.

Ksawery Chamiec. Wśród stepow i jarów. Kultura przeddzigejowa (стр. 465—500). (Окончаніе). Авторъ, какъ и въ первой части своей статьи, останавливается главнымъ образомъ на погребеніяхъ въ каменныхъ ящѣкахъ («вистахъ») во всей Европѣ, и въ частности въ Малороссіи, удѣливъ также нѣсколько мѣста гипотезѣ о происхожденіи

въ нашихъ вѣрахъ до-микенской культуры съ расписными сосудами (такъ называемыхъ «площадокъ»).

Slovansky Přehled, № 3 (12).

Въ отдѣлѣ «Rozhledy a zprávy» (стр. 150) упоминается о юбилеѣ О. Поповича, о почетной дѣятельности послѣдняго и приводится отрывокъ изъ газеты «Буковина» по поводу славянской взаимности.

Труды Кіевской Духовной Академіи № 12.

Свящ. Ѳ. Титовъ. Преосвященный Иннокентій Борисовъ, архі-епископъ Херсонскій и Таврическій, какъ ректоръ Кіевской духовной Академіи (15 декабря 1800 г.—15 декабря 1900 г.). (Къ столѣтнему юбилею со дня рожденія его) (стр. 493—521).

Краткій очеркъ жизни и дѣятельности преосвященнаго, главнымъ образомъ въ бытность его ректоромъ Кіевской Академіи. Упоминается о занятіяхъ его церковной исторіей, особенно западно-русской, быть можетъ подъ воздѣйствіемъ митр. Евгенія и М. А. Максимовича, съ которымъ преосв. Иннокентій былъ связанъ узами тѣсной дружбы; а также объ участіи вмѣстѣ съ Максимовичемъ въ возбужденіи вопроса объ основаніи въ Кіевѣ общества исторіи и древностей словено-россійскихъ, для которыхъ вырабатывался въ 30-хъ г.г. XIX в. даже и уставъ.

С. Т. Голубевъ. Гedeонъ Одорскій (бывшій ректоромъ Кіевской Академіи въ началѣ XVIII ст.) (продолженіе) (стр. 567—629).

Назначеніе Одорскаго въ должность ректора. Замѣчанія о матеріальныхъ средствахъ Кіевской Академіи къ началу XVIII вѣка. Заботы Одорскаго объ упроченіи этихъ средствъ. Полученные имъ отъ гетмана Мазепы универсалы на земельныя уголья.—Универсалъ Мазепы 1704 о Корниловской пущѣ. Сооруженіе имъ каменнаго корпуса для Академіи. Изображеніе его на панегирикѣ—гравюрѣ, поднесенной бывшему ректору П. Колачинскому. Евангеліе, пожертвованное въ Академію бывшими учащими и воспитанниками Академіи, и списокъ ихъ, съ указаніемъ ихъ сана (всѣхъ 114 душъ).

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 10.

Н. П. Василенко. Генеральное слѣдствіе о маестностяхъ Нѣжинскаго полка (273—288). (Продолженіе).

Записки Императорскаго Харьковскаго Университета № 4.

А. Л. Пельтцеръ. Англійскія и шотландскія баллады по сборнику Чайльда (стр. 89—152). Излагая англійскія и шотландскія баллады, составляющія десятитомный сборникъ Чайльда, авторъ снабжаетъ послѣднія малорусскими аналогіями по сборникамъ Аванасьева, Чубинскаго, Головацкаго, Антоновича и Драгоманова и др. русскихъ этнографовъ. Работа г. Пельтцера представляетъ немалый интересъ для лицъ, занимающихся малорусскою этнографіей..

Д. И. Багалъй. Опытъ исторіи Харьковскаго Университета (стр. 31—78). (Продолженіе). Состояніе Харьковскаго Округа и Университета при попечителяхъ: Филатьевъ и Головкинъ (по 1846 годъ).

Протоколы 4, 5 и 6 засѣданій предварительн. комитета по устройству XII археол. съѣзда въ Харьковъ и приложенія къ протоколамъ: докладъ **Е. К. Рьдина.** «Памятники церковныхъ древностей Харьковской губерніи», **Н. А. Федоровскаго.** Древности окрестности с. Райгородки, Изюмскаго уѣзда, **М. Г. Халанскаго:** 1) О нѣкоторыхъ предметахъ древности, на которые желательно обратить вниманіе археологическаго съѣзда въ Харьковъ, и 2). Новый списокъ перевода твореній Іоанна Дамаскина, сдѣланнаго княземъ А. М. Курбскимъ, **А. М. Покровскаго.** О раскопкахъ въ с. Прелестномъ, Изюмскаго уѣзда, **И. Ш—ва.** Памятники старины въ Ахтырскомъ уѣздѣ (изъ Хар. Губ. Вѣд. отъ 11 іюля 1900 г.), и **Ю. И Морозова.** О городищахъ Харьковской губерніи (Изъ Х. В. за 1891 г. №№ 43 и 45). (стр. 1—48).

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 5 журнала «Кавказскій Вѣстникъ» помѣщена статья проф. грузинской литературы А. Хаханова подъ заглавіемъ „Грузинскіе поэты на малорусскомъ языкѣ“ (стр. 168—176). Авторъ разсматриваетъ переводы О. Любенького, В. Гринченка и П. Грабовскаго (и отзывается о нихъ съ симпатіей (всѣ переводы дословно выписаны имъ изъ «Зорі», «Правди» и др. журналовъ). Въ заключеніе своей статьи авторъ говоритъ: «Привѣтствуемъ переводы нашихъ поэтовъ на языкъ Малороссовъ, поэзія и музыка которыхъ имѣютъ такъ много общаго и родственнаго съ нашими. Пожелаемъ, чтобы малорусская литература, такъ роскошно развившаяся, расцвѣтала и впредь».

Такого же содержанія статья, на грузинскомъ языкѣ, помѣщена проф. Хахановымъ въ газетѣ «Иверія».

Въ № 12 „Журнала для всѣхъ“ (стр. 1411—1424) помѣщено окончаніе статьи покойнаго А. Я. Конисскаго „Украинскій поэтъ Т. Г. Шевченко“, представляющей обстоятельную біографію поэта. Къ статьѣ приложенъ портретъ Т. Г. Шевченка—въ кожухѣ и черной шапкѣ.

Въ томъ же № даны Ив. Бунянымъ переводы двухъ стихотвореній Шевченка: „Заповить“ и „У зеленимъ темнимъ гаи“..

Въ №№ 375, 382, 389 газ. „Сѣверный Курьеръ“ г. В. Перетцъ помѣстилъ рядъ «Очерковъ по исторіи малорусской литературы». Въ помѣщенныхъ очеркахъ авторъ касается вопроса о времени и причинахъ появленія малорусской литературы, указываетъ образцы богословско-полемическихъ сочиненій и похвальныхъ стихотвореній, начинающихся съ конца XVI в.; останавливается на первыхъ произведеніяхъ Малорусской поэтической литературы—одахъ; излагаетъ процессъ постепеннаго проникновенія школьной и простонародной, духовной и свѣтской малорусской поэзіи въ московскую Русь и вліанія на великорусскую стихотворную литературу, в, наконецъ, даетъ характеристику искусственныхъ пѣсенокъ начала XVIII в., помѣщенныхъ въ сборникахъ того времени.

Продолженіе интересныхъ очерковъ г. Перетца слѣдуетъ.

Въ іюньской книжкѣ московскаго журнала «Наблюдатель» помѣщенъ переводъ «Перебенди» Шевченка, принадлежащій Уманову-Капуновскому; переводъ плохой и совсѣмъ не поэтической.

Въ № 334 газ. «Новости и Биржевая Газета» г. Д. Мордовцевъ въ фельетонѣ помѣстилъ статью «Романъ Мазень». «Не имѣя подъ рукой книги г. Уманца»,—г. Мордовцевъ полемизируетъ съ послѣднимъ по поводу романа Мазень съ Мотрей Кочубей, пользуясь замѣткой въ «Библіографическомъ Листѣ» «Ежемѣсячныхъ Сочиненій І. І. Ясинскаго (за іюль мѣсяць прошл. года). Авторъ, не ссылаясь ни на одно изъ болѣе новыхъ изслѣдованій о Мазенѣ, основываетъ свои выводы на «Дѣлѣ Кочубей», печатавшемся въ свое время въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древностей».

Въ № 1052 газ. «Придніпровскій Край» г. Петръ Южный помѣстилъ статью «Объ архивной комиссіи». Послѣ краткаго обзора дѣятельности вообще архивныхъ комиссій, авторъ переходитъ къ необходимости учрежденія архивной комиссіи и въ г. Екатеринославѣ, для которой работы найдется порядочно. При этомъ авторъ отмѣчаетъ, въ какихъ архивахъ какіе документы можно встрѣтить.

Въ № 43 еженедѣльнаго польскаго журнала „Prawda“ помѣщена статья д-ра В. Морачевского подъ загл. „Literatura Małoruska“. На самомъ дѣлѣ—въ статьѣ рѣчь идетъ лишь о двухъ писателяхъ: І. Франко и Вас. Стефанякъ. Статья преисполнена категорическими, но далеко не совсѣмъ правильными утверждениями, какъ напр., что у насъ нѣтъ повѣсти(!), нѣтъ драмы(!). Для образца приведемъ слѣдующую фразу: *Będziemy mieli obraz literatury małoruskiej do ostatnich czasów, literatury roztkliwionej, wiecześnie piszącej wierszami, o chatach, płotach, chustkach i jaworach (których nikt z piszących na własne oczy nie oglądał), a prozą—o przemyśle drobnym, kwestyi kobiecej i powszechnem głosowaniu*“.

Врядъ ли подобныя сентенціи могутъ претендовать на серьезное значеніе...

Въ № 6856 газ. „Южный Край“ въ замѣткѣ „Исторія г. Харькова за 250 лѣтъ его существованія (1655—1904 гг.)“—вложено планъ предпринятаго проф. Д. Багалъемъ труда по составленію всесторонняго изображенія исторіи г. Харькова.

Въ послѣднюю книжку (195-ю) „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“ между прочимъ вошли слѣдующіе матеріалы и изслѣдованія: 1) „Письмо Сардинскаго посла Барона де-ла-Турбіа о Россіи 1796 г. Съ предисловіемъ М. Полиевктова (стр. 1—22), въ которомъ авторъ, проѣхавшій чрезъ Малороссію и Новороссію въ 1796 г., даетъ краткое описаніе видѣнныхъ имъ мѣстностей, порядковъ, сосредоточивъ главное свое вниманіе на описаніи Новороссійскаго края,—и 2) „Литовско-Русскій Сеймъ. Опытъ по исторіи учрежденія въ связи съ внутреннимъ строемъ и виѣшнею жизнью государства—Матвѣя Любавскаго“ (главы I—V, стр. 1—508). Въ настоящей части своего огромнаго труда авторъ касается вопросовъ о происхожденіи литов-

ско-русскаго сейма, его состава и функцій въ начальной стадіи его развитія; о національно-политической борьбѣ въ лит.-русск. государствѣ въ XV в. и происхожденіи „великаго вальнаго сойма“; о великихъ вальныхъ соймахъ при Сигизмундѣ I, ихъ составѣ и функціяхъ; о составѣ и политическомъ значеніи господарской рады при Казимірѣ и его сыновьяхъ; объ организаціи шляхетскаго сословія въ Литовско-Русскомъ государствѣ къ половинѣ XVI вѣка.

Въ № 46 газ. «Хуторянинъ» данъ отзывъ объ изданіи «Изъ Украинской Старины (La Petite Russie d'autrefois). Изданіе А. Ф. Маркса, 1900, in folio“.

Въ № 11 „Литературныхъ Приложеній въ Нивѣ“ и книгѣ 7 „Педагогическаю Листка“ (стр. 977) даны отзывы о книгѣ „Т. Г. Шевченко. Кобзарь. Сборникъ произведеній поэта въ переводѣ русскихъ писателей, съ біографіей. Ив. Бѣлоусова. 1900. Ц. 1 р. 50 к.“.

Въ послѣдней книжкѣ (2-й, тома V) „Извѣстій отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“ помѣщены, между прочимъ:

А. А. Шахматовъ. Симеоновская лѣтопись XVI вѣка и Троицкая начала XV в. (стр. 451—553) (Продолженіе слѣдуетъ)

Авторъ отмѣчаетъ, что описываемая имъ рукопись, которую онъ предлагаетъ назвать по имени владѣльца—печатнаго дѣла „справщика іереа никифора сумешнова“, *Симеоновской*, по сличеніи съ Лаврентьевской отъ 1177 до 1305 г. доказываетъ близость обѣихъ лѣтописей и такимъ образомъ подтверждаетъ мысль о тѣсной связи Симеон. лѣтоп. съ Троицкой, которая, какъ извѣстно, весьма сходна съ Лаврентьевскою. При этомъ, отличія Симеоновскаго лѣтописца отъ Лавр. объясняются именно тождествомъ этого лѣтописца съ Троицкой, которая мѣстами сильно отличалась отъ Лаврентьевской, дополняя и измѣняя ея текстъ на основаніи другихъ источниковъ.

Н. Петровъ. Историко-географическая основа былинъ о побѣдѣ Ильи Муромца надъ Соловьемъ Разбойникомъ (стр. 624—630).

Авторъ высказываетъ предположеніе, что Илья Муромецъ въ своемъ побѣдномъ шествіи направлялся съ сѣверо-востока на ю.-з. изъ Муромъ въ Кіевъ, а не обратно. По всей вѣроятности, истори-

ческій Ілья Муромецъ и скончался на югѣ Россіи, привявъ, по примѣру многихъ другихъ предковъ нашихъ, передъ своей кончиной нвочество.

Въ отдѣлѣ „Библіографів“ (стр. 705—721), г. А. І. Лященкомъ данъ обстоятельный обзоръ изданій ученаго „Общества имени Шевченка во Львовѣ“ за 1898 годъ и г. Ильинскимъ рецензированы „Юбилейный сборникъ въ честь В. О. Миллера, изданный его учениками и почитателями подъ ред. Н. А. Янчука. М. 1900“.

Въ №№ 7 и 8 журнала „Педагогическій Листокъ“—въ „Библіографическомъ справочникѣ о книгахъ для народнаго и дѣтскаго чтенія по 1898 годъ“ отмѣчены отзывы журналистики о слѣдующихъ книгахъ:

Малороссійскія сказки (бытовныя). Изд. Прянишника, — Посредств. отзывъ въ „Русск. Мысли“ 1895, № 7.

Братства въ Ю.-З. Руси. С. Р. Изд. Харьк. О-ва Гр-ти. — поср. отзывъ въ „Русск. Мысли“ 1897, № 5 и „Образованіи“, 1896, № 5.

Графъ Ал. П. Разумовскій. — Э. Миллеръ. Изд. Харьк. О-ва, Гр-ти. Цѣна 3 коп. — Высш. отзывъ—въ „Русск. Мысли“, № 4.

Григорій Ал. Потемкинъ. — Фурманъ П. Изд. Мартынова. 184 стр. Цѣна 1 р. — Посред. отзывъ въ журн. „Воспитаніе и Обученіе“, 1889 г. стр. 390.

Изъ жизни запорожскихъ козаковъ. Изд. Калмыковой. Цѣна 2 коп. Посредств. отзывъ въ „Русск. Мысли“, 1894, № 1 и „Русск. Школѣ“, 1894, № 3.

Разумовскій А. Г. Изд. Харьков. О-ва—Посредств. отзывъ въ журн. „Образованіе“ 1896 г., № 5.

Сковорода Г. С. — С. Р. Изд. Харьк. О-ва Гр-ти. — Низш. отв. въ „Русск. Мысли“, 1897, № 5 и „Сѣверн. Вѣстникъ“, 1895, № 5, посредств. — въ „Образованіи“, 1896 г., № 5.

Шевченко Т. Г. Изд. журн. „Мірскаго Вѣстника“. Цѣна 15 к. Посред. отзывъ въ „Воспитаніе и Обученіе“ 1888 г. № 9, стр. 359.

Шевченко Т. Г. (Для юношества), 54 стр., съ 4 рис. Цѣна 1 р. 50 к. — *Е. К. Григорьевой.* — Низшій отзывъ въ „Вѣстн. Воспитанія“, 1897, № 4.

Шевченко Тарасъ Гр. Украинскій повтъ. — Ч. Вѣтринскій. Изд. Муриновой. 48 стр. Цѣна 4 коп. — Высш. отзывъ—„Миръ Божій“,

1896, № 2; посредств. „Русск. Мысль“, 1894, № 8 и „Всходы“, 1896, № 13; низшій—„Русск. Школа“, 1894, № 11.

Благодатный Край (Малороссія).—П. Александрова. Изд. Панафидина. 32 стр. Цѣна 10 к. Низш. отывъ въ „Вѣстн. Воспитація“, 1897, № 8.

„Молода Україна“, ч. 11.

Зміст: Кілька слів в конечній обороні. *Теофилъ Меленъ*: Григорій Савич Сковорода. *Степняк*: Софія Перовска. *Лесь На.* У тиху ніч. Хроніка з нашої життя.—Бібліографія.—Дрібні вісти.

Списокъ драматическимъ произведеніямъ, разрѣшеннымъ драматическою цензурою къ представленію.

По 1 Октября 1900 г.

1) Марія покритва (або грихъ и покаення). Драма у 4-хъ діяхъ зъ пѣснями, хоромъ и танцями (Свята правда). Сочиненіе Митра Свиридовича Тугого (Короля).

2) Тытаривна. Драма в 4 діяхъ (сюжетъ позыченый). В. Ф. Квѣцинскаго (Леонидова). (Правит. Вѣст. № 258).

По 1 Ноября 1900 г.

1) Середъ бури. Драма на пять дій Б. Гринченка. (По печатному изданію „Хвыля за хвылею“).

2) Не въ добрый часъ. (Оповідання Олексы Стороженка, перероблене для сцены). У трехъ картынахъ. Переробывъ Матро Свиридовичъ Тугій (Король).

3) Не задывляйтесь на городянокъ, колы розуму не маєте. Русско-малорусска комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе М. Д. Гайсинскаго.

4) Свои ридни--гирше басурмана. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. Скомпонувавъ Олекса Карбованецъ (А. И. Ястребцовъ).

5) Хазиниъ. Комедія въ 4 діяхъ. Ивана Тобилевича (Карпенка-Барого). (Правит. Вѣстн. № 275).

Памяти А. Я. Конисскаго, скончавшагося 29 ноября прошл. года въ Кіеаѣ, некрологъ и перечень трудовъ котораго помѣщены въ настоящемъ номерѣ, посвящены слѣдующія болѣе или менѣе обширныя статьи и замѣтки: Въ *кіевскихъ* газетахъ: «Кіевлянинъ» (№ 333), «Кіевская Газета» (№№ 351, 352), «Кіевское Слово» (№№ 4635,

4636 и 4652); въ *иногороднихъ*: «Волянь» (№№ 266, 267), «Южный Край» (№ 6862, 6863), «Одесскій Листокъ» (№ 311), «Приднѣпровскій Край» (№ 1038, 1040), «Полтавск. Губ. Вѣдомости» (№№ 267, 268), «Виржевыя Вѣдомости» (№ 334, 339), «Югъ» (№ 791), «С.-Петербургскія Вѣдомости» (№ 331), «Новое Время» (отъ 3 Декабря), «Одесскія Новости», «Русскія Вѣдомости» (№ 344), «Крымскій Курьеръ» (№ 279), „Россія»; въ *зараничныхъ*: «Дѣло» (№№ 273, 274, 276), «Русланъ» (№№ 271, 275, 276), «Буковина» (№№ 145, 147) и, кромѣ того, своеобразная замѣтка въ № 272 «Галичанина».



Археологическая лѣтопись.

1900 годъ въ археологическомъ отношеніи.

По примѣру прошлаго года, отмѣтимъ вкратцѣ все, болѣе или менѣе выдающееся въ области южно-русской археологіи, что далъ намъ 1900-ый годъ.

Въ обзорѣ за 1899 г., на первомъ мѣстѣ, былъ поставленъ Кіевскій археологическій съѣздъ. И теперь мы начнемъ *со сгъзда, но будущаго, Харьковскаго*. Въ данномъ случаѣ представляется еще новый фактъ, съ очевидностью показывающій какое значеніе имѣеть для русской археологіи идея покойнаго графа А. С. Уварова—археологическіе съѣзды. Громадное пространство, ограниченное Днѣпромъ и Дономъ, до сихъ поръ мало изслѣдованное, вдругъ какъ-бы ожило. Въ разныхъ частяхъ его образуются общества, комитеты, комиссіи, откликаются люди, начинается энергичная работа по описанію и собиранію памятниковъ старины, —и все это обязано будущему съѣзду. Центральнымъ пунктомъ является Харьковскій предварительный комитетъ по устройству съѣзда, онъ даетъ тонъ работѣ, самъ энергично работаетъ. Нужно замѣтить при этомъ, что археологія является новымъ дѣломъ для Харькова—въ немъ отсутствовали до послѣдняго времени и музеи, и спеціально подготовленные лица,—теперь устраиваются музеи, нашлись люди. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ,

давая отчетъ о Рижскомъ създѣ, ¹⁾ мы высказали пожеланіе, чтобы на Кіевскомъ създѣ не была забыта и этнографія, такъ хорошо представленная на Латышской этнографической выставкѣ, — но она была забыта. Не забылъ ее Харьковъ—есть полное основаніе надѣяться, что устраиваемая при създѣ малорусская этнографическая выставка соберетъ достаточно матеріала; матеріаль останется для этнографическаго музея, а выставка дастъ толчекъ для дальнѣйшей работы въ этомъ направленіи, работы необходимой, уже сильно у насъ запоздавшей. Помимо Харькова, устраиваются и дѣйствуютъ филиальныя отдѣленія комитета и встрѣтитъ здѣсь произведенія 50 авторовъ, включительно до многихъ общества въ Воронежѣ, Нѣжинѣ, Полтавѣ, Новочеркасскѣ, Екатеринодарѣ, движеніе по изученію памятниковъ старины охватило около десяти губерній и областей, и, насколько говорятъ факты, движеніе бодрое, живое...

Ученыя общества лѣваго берега Днѣпра, Слободской Украины, Дона и Кубани заняты създомъ; правобережныя, и, въ частности, кіевскія, не отличались особымъ интересомъ къ старинѣ: въ Обществѣ Нестора Лѣтописца и Церковно-археологическомъ было сдѣлано нѣсколько докладовъ, Кіевское общество древностей и искусствъ и въ этомъ году не перешло еще къ активной научной работѣ—устраивало музей. Нужно однако отмѣтить, что состоящая при Обществѣ Нестора Лѣтописца Комиссія по описанію и изданію памятниковъ украинской старины, переживъ, такъ сказать, вершительный моментъ, вызванный повизной дѣла, послѣ экскурсій нѣсколькихъ лицъ, особенно по Волини и Подоли, экскурсій, показавшихъ какъ много интереснаго хранить еще въ себѣ край, приступаетъ къ болѣе интенсивной дѣятельности. Упомянемъ еще объ одномъ очень отрадномъ фактѣ—вступило въ жизнь Общество Исслѣдователей Волини, о немъ—немного ниже.

Исслѣдованія и раскопки, произведенныя въ отчетномъ году, носили характеръ или систематическихъ обслѣдованій цѣлага ряда мѣстностей, или сосредоточивались на какомъ нибудь одномъ пунктѣ. Къ первымъ относятся: экскурсія отъ Городецкаго музея Волинской губ. барона Э. Р. Штейнгель, принявшая

на этотъ разъ довольно обширные размѣры и доставившая много матеріала для музея, затѣмъ, экскурсіи для описанія памятниковъ украинской старины—наша—по Кіевской губ., О. А. Фотинскаго—по Волынской и о. Е. Сѣцанскаго—по Подольской (о ней—см. ниже). Такого рода экскурсіи для нашего края являются еще новымъ дѣломъ; до сихъ поръ вниманіе изслѣдователей привлекала къ себѣ, главнымъ образомъ, отдаленная старина, теперь пришла очередь и для памятниковъ, болѣе намъ близкихъ и по времени, и по характеру ихъ; этихъ памятниковъ, не смотря на интенсивное уничтоженіе, еще много, такъ что къ работѣ слѣдуетъ привлечь возможно болѣе интересующихся лицъ, тогда и собранный матеріалъ будетъ представленъ въ достаточной полнотѣ и, слѣдовательно, будетъ изъ чего выбирать для изданія „Украинскихъ древностей“¹⁾.

Раскопки доисторическихъ древностей особымъ обиліемъ въ данномъ году не отличались; достигнутые ими результаты также не блестящи; какъ на болѣе интересныя, можно указать на раскопки похороннаго поля П—Ш в. по Р. Х. вблизи м. Триполья, на раскопки остатковъ жилищъ и, какъ кажется, кургановъ съ посудой до-микенскаго типа у. с. Колодистаго и на раскопки Ольвійскаго городища, начатыя систематически лишь въ отчетномъ году.

Изъ случайныхъ находокъ, самыя выдающіяся падаютъ, какъ этого и слѣдовало ожидать, на г. Кіевъ; всѣ онѣ относятся къ княжеской эпохѣ. Въ „Лѣтописи“ за прошлый годъ мы указали лишь на сравнительно не очень цѣнныя, объ одной-же находкѣ, состоявшей изъ замѣчательнаго клада золотыхъ предметовъ, украшенныхъ перегородчатой эмалью, сканью и жемчугомъ, предметовъ, составляющихъ очень рѣдкій по полнотѣ подборъ украшеній княжескаго періода, мы еще не имѣли возможности сообщить—сдѣлаемъ это въ ближайшемъ будущемъ.

Слѣдуетъ затѣмъ отмѣтить находку въ склепахъ подъ соборной церковью св. Духа въ г. Ромнахъ цѣлаго ряда гробовъ

¹⁾ См. Кіевск. Стар., октябрь 1896 г.

съ сохранившейся на покойникахъ богатой козацкой одеждой, — въ сожалѣнію, цѣнный матеріалъ, какой давала въ руки эта находка, не былъ какъ слѣдуетъ использованъ.

Отчетный годъ показалъ, что мысль о необходимости устройства *музеевъ*, какъ областныхъ, такъ и болѣе частныхъ, получаетъ широкое распространеніе въ нашемъ обществѣ; объ этомъ свидѣлствуютъ напр. проекты музеевъ въ Каменецъ-Подольскѣ, Екатеринославѣ и Конотопѣ. Существующіе музеи и собранія продолжали дѣйствовать, сообразуясь съ энергіей лицъ, стоящихъ во главѣ ихъ, и съ имѣющимися матеріальными средствами. Эти послѣдніе служатъ обыкновенно очень и очень сдерживающимъ стимуломъ; для примѣра можно указать на Кіевскій Музей Древностей и Искусствъ, который и до сихъ поръ еще не началъ правильно функціонировать.

Что касается *изданій*, посвященныхъ южно-русскимъ древностямъ, то отчетный годъ уступалъ въ этомъ отношеніи предыдущему по продуктивности, хотя и въ этомъ году можно отмѣтить такія цѣнныя изданія, какъ описанія собранія Б. И. и В. Н. Ханенко и II-й томъ Каталога собранія В. В. Тарновскаго.

Н. Вѣляшевскій.

Ученія общества.

27 ноября прошлаго года состоялось подъ предсѣдательствомъ прибывшей въ Кіевъ гр. П. С. Уваровой засѣданіе *Комиссіи по описанію и изданію древностей Украины*. Въ засѣданіи присутствовало 12 членовъ комиссіи, на обсужденіе которыхъ были предложены нѣкоторые вопросы, касающіеся какъ экскурсій, такъ и изданія.

Н. Ф. Бѣляшевскимъ были демонстрированы фотографическіе снимки (до 50-ти), снятыя съ разныхъ памятниковъ старины во время экскурсій прошлаго лѣта. За отсутствіемъ о. Е. Сѣцинскаго и О. А. Фотинскаго, отчеты объ ихъ экскурсіяхъ, иллюстрируемые снимками, были доложены предсѣдателемъ Общ.

Нестора Лѣтописца проф. Н. П. Дашкевичемъ. К. В. Щербина демонстрировалъ снимки, снятые во время поѣздовъ по Юго-западному краю и Полтавской губ.

Что касается изданія, то, по предложенію гр. П. С. Уваровой, рѣшено отложить его до Харьковскаго съѣзда, т. е. до 1902 г., такъ какъ только къ тому времени можетъ быть собранъ достаточный матеріалъ. При изданіи памятниковъ, руководствоваться распредѣленіемъ ихъ по уѣздамъ, самое же изданіе поручить Обществу Нестора Лѣтописца.

По предложенію Н. Ф. Бѣляшевскаго, рѣшено обратить вниманіе на памятники старины г. Кіева, въ большинствѣ случаевъ еще неописанные и неизданные.

Гр. П. С. Уварова предложила также воспользоваться для изданія матеріалами, хранящимися въ Кіевскомъ Церковно-археологическомъ музеѣ и въ собраніи В. В. Тарновскаго, и для этой цѣли заняться ихъ описаніемъ и фотографированіемъ.

Проф. Голубевъ представилъ замѣтки покойнаго проф. Лашварева, какъ матеріалъ для будущаго изданія „Древностей Украины“.

А. М. Лазаревскій указалъ на важность матеріаловъ Архива Министерства Юстиціи, касающихся кіевскихъ древностей,—гр. П. С. Уварова взяла на себя трудъ обратиться къ управляющему Архивомъ съ соотвѣтственной просьбой о составленіи выборокъ изъ актовъ.

Въ заключеніе, рѣшено пригласить въ члены Комиссіи проф. Н. И. Петрова и Е. М. Кузьмина.

2-го декабря, въ Житомирѣ, состоялось первое общее собраніе членовъ *Общества Изслѣдователей Волини*. Мысль объ учрежденіи общества для изученія Волини возникла уже давно. Еще въ 1896 г. былъ составленъ проектъ устава Общества Изслѣдователей Волини. Въ свое время мы подробно познакомили читателей съ этимъ проектомъ; ¹⁾ послѣдній, полу-

1) См. Кіевск. Стар., январь 1897 г.

чиль утвержденіе лишь 14-го апрѣля прошлаго года и въ настоящее время Общество открыто. Напомнимъ вкратцѣ суть устава. Общество имѣеть цѣлью всестороннее изученіе Воыни, ея прошлаго и настоящаго, поэтому въ предѣлы изученія входятъ и территоріи, составлявшія раньше части Воынской земли и Воынскаго княжества. Сообразно этой цѣли, Общество раздѣляется на 4 секціи: 1) естественныхъ наукъ, 2) этнографическая, 3) экономическая и 4) историческая. Для научныхъ сообщеній Общество устраиваетъ публичныя собранія, можетъ открывать платныя или безплатныя чтенія лекцій, имѣеть право печатать свои труды безъ предварительной цензуры, получать изъ-за границы научныя изданія безъ цензурнаго просмотра. Изъ вспомогательныхъ учрежденій устраиваетъ библіотеку, архивъ, лабораторію и музей. Въ видахъ охраны предметовъ старины Общество входитъ въ сношенія съ Имп. Археологической Комиссіей, а также и съ другими учрежденіями (для охраны рѣдкихъ видовъ флоры и фауны и т. п.). Вообще нужно замѣтить, что уставъ общества въ основѣ составленъ очень рачіонально, Обществу открыто обширное поле дѣятельности.

Первое собраніе, отличавшееся многочисленностью (присутствовало до 120-ти человекъ), было открыто воынскимъ губернаторомъ Г. Я. Дунинымъ-Борковскимъ, передавшимъ затѣмъ председательство специально пріѣхавшему для этого засѣданія въ Житомиръ генералу А. И. Косичу, въ теченіи многихъ лѣтъ руководившему работами офицеровъ генеральнаго штаба по изслѣдованію Воыни. Послѣ очень интересной рѣчи А. И. Косича, говорилъ С. А. Уваровъ, выразившій благодарность губернатору Г. Я. Дунину-Борковскому, содѣйствовавшему учрежденію Общества. Въ отвѣтной рѣчи Г. Я. Дунина-Борковскій, указавъ на свои многообразныя занятія, выразилъ однако надежду, что ему удастся поставить Общество на правильный путь, такъ что-бы о немъ не имѣли основаній говорить, что оно чахнетъ и влечитъ жалкое существованіе, а наоборотъ, что-бы его можно было поставить въ примѣръ живой и полезной дѣятельности...

Мы, съ своей стороны, отъ всей души привѣтствуемъ открытіе новаго Общества и присоединяемся къ только-что высказанному пожеланію.

Изслѣдованія и раскопки.

Эккурсія о. Е. Ступинскаго для описанія памятниковъ старины Подольской губерніи. Историческія судьбы Подоліи не благопріятствовали сохраненію памятниковъ старины, особенно памятниковъ монументальныхъ, художественныхъ. Да и не могло быть здѣсь много такихъ памятниковъ. Эта страна была окраинной частью сначала Кіевскаго и Галицкаго княжествъ, затѣмъ литовскаго государства и наконецъ Рѣчи-посполитой и какъ окраина, соприкасающая съ татарскими кочевьями, съ турецкими, молдавскими и венгерскими владѣніями, была въ вѣчной тревогѣ, испытывала постоянныя опустошительныя набѣги татаръ, частыя разорительныя походы другихъ сосѣдей. XVII вѣкъ былъ для Подоліи особенно тяжелымъ, и если вторая половина вѣка стала для южно-русскаго края временемъ „руины“, какъ называютъ историки это время, то именно руиной стала въ это время Подолія. Рядъ постоянныхъ разореній страны закончился двадцатисемилѣтнимъ господствомъ турокъ, которые, занявъ страну и не надѣясь долго удержать ее за собой, не заботились о гражданскомъ, а особенно о культурномъ ея преуспѣяніи. Предъ занятіемъ края турками и во время самого владѣнія, почти вся мѣстная интеллигенція ушла изъ Подоліи и увезла съ собой всѣ цѣнности,—книги, рукописи, документы. Остался здѣсь только простой, бѣдный русскій народъ, не имѣвшій средствъ двигаться въ чужія страны. Просматривая архивы церквей и монастырей Подоліи, осматривая ихъ инвентари, вы видите, что будто страна эта начала существовать только съ начала XVIII в.: рѣдко гдѣ можно найти какую-нибудь вещь, икону, рукопись, документъ, древность которыхъ простиралась-бы раньше XVIII в. Если и попадется что древнее, то это принесено сюда уже въ

болѣе позднее время. Особенно это нужно сказать о церковныхъ древностяхъ. Кромѣ вышеуказаннаго, были и позднѣйшія причины того, что въ подольскихъ церквяхъ не сохранилось древностей. Какъ извѣстно, въ Подоліи, съ выходомъ изъ нея турокъ и съ началомъ XVIII в., введена была унія, не допускавшая возврата въ страну православныхъ древнихъ вещей, вывезенныхъ отсюда въ эпоху руины. Затѣмъ, съ конца XVIII в. восстановлено православіе:—и здѣсь, какъ и въ другихъ епархіяхъ, рьяные искоренители уніи изгнали изъ церквей всѣ остатки старины подъ видомъ уніи. Такъ пропало много древнихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, рукописей, иконъ, утвари и др. Даже самыя церковныя зданія трехкупольнаго типа признавались уніатскими и поспѣшно замѣнялись новыми, съ высокими колокольнями, приземистыми куполами и т. п.

По порученію Московскаго Археологическаго Общества о. Е. Сѣдинскимъ начать прошлымъ лѣтомъ систематическій осмотръ и описаніе памятниковъ старины Подольской губерніи. На этотъ разъ было обращено вниманіе главнымъ образомъ на западную половину Подоліи, и экскурсія охватила сѣверъ уѣздовъ: Винницкаго, Литинскаго и Летичевского, отъ г. Винницы, чрезъ м.м. Калиновку и Яновъ и гор. Хмѣльниць, до Пилявы, а затѣмъ, оттуда, къ югу, по направленію къ Каменцу; совершена также поѣздка по Могилевскому уѣзду, отъ м. Сниткова къ югу, до м. Ярошева и с. Лядавы на Днѣстрѣ. Кромѣ того, посѣщены и нѣкоторыя мѣста восточной Подоліи въ Ольгопольскомъ и Гайсинскомъ уѣздахъ, отъ Бершадскаго монастыря къ Грановскому и затѣмъ, чрезъ г. Гайсинъ, въ м. Лодыжинъ. При этихъ поѣздкахъ осмотрѣны слѣдующіе памятники (съ нѣкоторыхъ изъ нихъ сдѣланы фотографическіе снимки, произведены обмѣры и пр.).

Въ г. *Винницѣ*, изъ немногихъ остатковъ монументальной старины, осмотрѣны высящіяся при вѣздѣ въ центральную часть города опустѣвшія зданія іезуитскаго кляштора, такъ называемые народомъ „муры“, служившіе въ XVII—XVIII вв.

городскимъ замкомъ. Осмотрѣны также монастырице бывшаго здѣсь женскаго монастыря (съ 1635 г.) и четыре городища, изъ нихъ три въ районѣ города и одно въ окрестностяхъ (около с. Соборова). Одно изъ этихъ городищъ представляетъ значительный по размѣрамъ островъ на Бугѣ, съ сохранившимися еще по краямъ острова земляными валами; здѣсь нѣкогда Винницкій полковникъ Богунъ „упремудривъ“ поляковъ, угостивъ ихъ холодной ванной въ бугскихъ прорубяхъ. Другія два городища, расположенныя въ городѣ на высокихъ берегахъ Буга, представляютъ мѣста бывшихъ древнихъ замковъ города. Въ предмѣстьѣ Старыхъ Хуторахъ осмотрѣна деревянная трехкупольная церковь, построенная въ 1726 г. монахами Винницкаго монастыря. Хотя зданіе это не слишкомъ древнее, но по архитектурѣ представляетъ интересную, типичную южно-русскую трехкупольную церковь, окруженную „опасанемъ“.

На предмѣстьѣ „Старая Винница“ церковь трехкупольная, постройки 1746 г., но въ позднѣйшее время зданіе ея потерпѣло нѣкоторыя измѣненія въ наружномъ видѣ (увеличены окна и т. п.).

Въ м. *Калиновка*, Винницкаго у., осмотрѣно старое зданіе деревянной церкви 1733 г., предназначенное къ разборкѣ.

Въ м. *Яновъ* сдѣланы снимки мѣстечковой ратуши, представляющей видъ крѣпости съ зубчатыми стѣнами. Кажется, это зданіе, какъ и тамошній дворецъ гр. Холоневскихъ, представляющій видъ старого затка, не слишкомъ древнее, вѣроятно XVIII в., но интересно по наружному виду. Въ мѣстечкѣ, среди мѣщанъ, сохранилось много обычаевъ бывшаго здѣсь цехового устройства.

Въ м. *Хмѣльникъ* сдѣланы снимки съ замковой церкви, устроенной въ башнѣ, и отмѣчены также черты цехового устройства среди тамошнихъ ремесленниковъ.

Въ с. *Голодькахъ*, возлѣ Хмѣльника, осмотрѣно монастырице бывшаго здѣсь до половины XVIII в. монастыря. Въ церкви есть чтимая икона Св. Николая хорошаго письма, бывшая раньше, какъ гласитъ првданіе, въ монастырскомъ храмѣ.

Въ *Пилявѣ* (главной цѣли поѣздки въ эту сторону) осмотрѣны и измѣрены развалины замка, памятнаго по знаменитой битвѣ здѣсь Богдана Хмельницкаго съ поляками. Отъ замка, представлявшаго раньше квадратъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ зданіями, стѣнами и башнями, осталась въ настоящее время только одна сторона съ двумя башнями,—остальное все разнесено то помѣщикомъ, то сельскимъ начальствомъ на свои надобности. Возлѣ замка стоитъ старая упраздненная деревянная церковь во имя Успенія Божіей Матери, подлежащая разборкѣ, не древняя (1799 г.), но типичная по архитектурѣ; сдѣланы снимки и этого памятника старины, имѣющаго скоро исчезнуть.

При проѣздѣ черезъ м. *Меджибожъ*, гдѣ, какъ извѣстно, прекрасно сохранился замокъ Синявскихъ, посѣщена Успенская церковь 1669 г., въ *Зиньковѣ* обмѣрена и снята на фотографію Св. Троицкая церковь 1526 г., осмотрѣны костель 1450 г. и остатки замка. Въ *Сутковцахъ* посѣщена церковь XV—XVI в., сдѣланы снимки какъ съ этого памятника старины, такъ и съ остатковъ бывшаго здѣсь замка. Въ *Ярмолинцахъ* отыскана плита одного изъ Ярмолинскихъ, владѣльцевъ этого мѣстечка, и сосѣдняго села Сутковецъ, съ надписью на русскомъ языкѣ (даты нѣтъ,—отбита, но по характеру письма можно отнести къ XVI в.).

Въ Могилевскомъ уѣздѣ осмотрѣна и обмѣрена старая деревянная церковь въ м. *Ярышевъ*, подлежащая разборкѣ; эта церковь пятикупольная; хотя построение ея относятъ къ XVIII в., но по своей архитектурѣ она достойна подробнаго описанія, иконостасъ ея также представляетъ интересъ: интересны на иконостасѣ, надъ царскими вратами, рѣзныя изображенія 4-хъ крылатыхъ евангелистовъ. Въ *Лядавѣ*, на Днѣстрѣ, осмотрѣна пещерная церковь, бывшая когда-то монастырской. Здѣсь есть чтимая древняя икона обрѣтенія главы Св. Іоанна Крестителя.

Въ с. *Курашовцахъ*, Могилевскаго уѣзда, очень интересенъ старый домъ священника, постройки половины XVIII в.; въ немъ имѣются двери и ставни съ разными аллегорическими изображеніями и правоучительными надписями. Старина не

глубокая, но теперь и такой нигдѣ не отыскать; все подобное замѣняется новымъ, — и этотъ домъ будущей весной будетъ снесенъ. Въ Курашовцахъ издавна священниками были изъ рода Кардасѣвичей; недавно, въ 1900 г., умеръ здѣсь священникъ, священствовавшій болѣе 50 лѣтъ; предъ нимъ, здѣсь же, долго священствовали его отецъ и дѣдъ. Благодаря этому, здѣсь и сохранились старый домъ и амбаръ XVIII в. и вообще живы преданія старины, обычаевъ церковныхъ и общественныхъ. Здѣсь найдено въ церкви нѣсколько рукописныхъ церковно-богослужебныхъ книгъ (поступили въ Каменецкое Древнехранилище Епархіальнаго Историко-Статистическаго Комитета) Здѣсь сохранился еще у крестьянокъ обычай повязывать голову „намиткой“, носить „запаску“ (что въ другихъ селахъ давно исчезло).

Въ м.м. *Снитковъ* и *Ярышевъ*, Могилевскаго уѣзда. есть характерныя по архитектурѣ еврейскія синагоги; особенно интересна синагога въ Ярышевѣ; внутри она вся росписана арабесками; изъ надписи на еврейскомъ языкѣ, находящейся внутри синагоги подъ куполомъ, видно, что росписка ея сдѣлана около 1780 г. Внутри интересна рѣзба шкафа, въ которомъ хранится свитокъ закона, — рѣзба, отчасти напоминающая старинную рѣзбу иконостасовъ: колонки здѣсь сдѣланы также въ видѣ вьющихся виноградныхъ лозъ съ кистями. Въ *Снитковѣ* осмотрѣна коллекція тамошняго доктора г. Монастырскаго, состоящая изъ первобытныхъ древностей, стариннаго оружія и др.

При поѣздкѣ въ Брацлавщину, предполагалось найти что-нибудь въ двухъ монастыряхъ, расположенныхъ на окраинѣ Брацлавщины — *Бершадскомъ* и *Грановскомъ*; но ожиданія не оправдались. Здѣсь осмотрѣны и архивы, и зданія, и церковная обстановка, но ничего достопримѣчательнаго не найдено, — все новое, благоустроенное, приведенное въ порядокъ... Въ Бершадскомъ монастырѣ есть еще старая, маленькая, древняя церковь, построенная въ послѣдней четверти XVIII в. при возобновленіи монастыря, послѣ его разгрома уніатами и поляками около 1789 г. Въ Грановскомъ монастырѣ была старая церковь XVIII в.,

но она весною настоящаго года разобрана. Въ архивѣ того и другаго монастыря нѣтъ ничего ранѣе конца XVIII в. Въ селѣ, лежащемъ близъ Бершади, *Беризкахъ Бершадскихъ* осмотрѣны пещеры съ остатками пещерной церкви (кажется, что эти пещеры не древнія и относятся ко времени гоненій на православіе въ Брацлавщинѣ). Въ эту же поѣздку сдѣланы фотографическіе снимки съ нѣкоторыхъ старыхъ церквей трехкупольнаго типа— въ сс. *Гунчи и Кислякь*, Гайсинскаго уѣзда.

Въ ту же поѣздку посѣщено село *Козавчинъ*, Балтскаго у.,— здѣсь должны были быть татарскія гробницы XIV в., о коихъ упоминаетъ Марчинскій въ своемъ сочиненіи „*Statystyka gubernii Podolskiej*“, изд. въ Вильнѣ 1820—1822 гг. О существованіи этихъ гробницъ повторяли за Марчинскимъ и другіе мѣстные историки, но такихъ гробницъ тамъ не оказалось. Можно думать, что эти памятники, находившіеся, какъ говорятъ, у скалистыхъ береговъ Буга, уничтожены при ломкѣ камня на постройки. Недавно, однако, о. Е. Сѣцинскимъ получено извѣстіе, что въ заборѣ одного крестьянина того села есть большой камень съ какою-то непонятною надписью; этотъ камень привезенъ былъ когда-то изъ окрестностей села. Въ *г. Гайсинь*, во время этой поѣздки, осмотрѣна значительная коллекція первобытныхъ древностей Г. А. Венгрженовскаго; коллекція собрана въ окрестностяхъ с. Севериновки, Литинскаго уѣзда.

Кромѣ этихъ поѣздокъ, о. Е. Сѣцинскимъ совершались небольшія поѣздки по радіусамъ отъ Каменца—въ близъ лежащія мѣстечки и села, гдѣ имѣлись тѣ или другіе памятники старины, напр. въ *Жванецъ, Паневцы, Княжполь* и др.



въ П—нѣ появляются подсосѣдки разныхъ владѣльцевъ; по вѣд. 1753 г. ихъ показано 23 дв. и 10 бд. х.; у бунч. тов. Дениса Демяновича было 4 дв., у значк. тов. Григорія Подольскаго—9, а остальные—все больше по одному двору.

Приведенныя свѣдѣнія о П—нѣ даютъ нѣкоторую возможность заключить, что мѣстныя экономическія условія привлекли сюда, уже въ половинѣ XVII в., значительное сравнительно населеніе, которое и держалось въ ней до начала XVIII в., но затѣмъ, при Скоропадскомъ, оно пошло на убыль и *мѣстечко*, общавшее развиться въ значительный центръ,—объединѣло. Между прочимъ, изъ вѣдом. 1740 г. видно, что въ это время въ П—нѣ, кромѣ владѣльческихъ 6-ти водяныхъ мельницъ, другихъ, т. е. принадлежащихъ козакамъ или крестьянамъ, уже не было, а прежде онѣ были... Державческій гнетъ былъ повидимому главною причиною объединенія П—ны.

Для исторіи П—ны можно добавить, что ок. 1760 г. учреждена была *Переволочанская сотня*, при чемъ сотникомъ въ ней былъ назначенъ младшій сынъ Степана Лукомскаго (с. 136). Въ составъ этой сотни входили слѣд. села: Дѣдовцы, Боршна, Валки, Мольки, Лѣски, Рыбець, Красяне, Подища, Ладинь, Высокое, Смошь и Калюжинцы.

Д. Мольки, Удай ¹⁾, были свободны („подъ вѣдѣніемъ войсковымъ“) до 1710 г., когда, по свѣдѣнію генер. слѣдствія, Скоропадскимъ были отданы Петру Носенку, у котораго М—ки оставались до 1716 г., а въ этомъ году, по тому же свѣдѣнію, М—ки отданы бы гетманомъ полк. писарю Галенковскому, на рангъ. Кр. П. 19 хоз. А. 36 д. В. 21 д. В. 21 д. Г. 7 д. 7 х. Д. 17 д. 21 х. Ис. 2 д. 4 х. Кз. В. 11 д. Г. 12 д. 12 х. Д. 17 д. 32 х. Ранговою маетностью (полк. писарей) М—ки остались и до 1780 г. Уменьшеніе кр—нъ по ревизіи 1740 г. объясняется ихъ уходомъ изъ села, такъ какъ въ продолженіе 1736—40 гг. изъ М—къ, по свѣдѣнію этой-же ревизіи, ушло („без-

1) По вѣд. 1740 г.—«подъ тою деревнею за версту влетъ вода чистая р. Удай».

вѣстно“) 7 хозяевъ, оставившихъ „плещы“ свои пустыми. Почему-то Галенковскій не скупалъ здѣсь козаковъ, не смотря на свое особенно авторитетное положеніе въ полку.

С. Воршна, Удай, принадлежала къ числу ратушныхъ сель. По близости къ Густынскому м—рю, послѣдній очень старался захватить Боршенскихъ кр—нъ въ свое владѣніе путемъ „скупли“. Купивъ въ Б—нѣ нѣсколько „плещовъ“ и посадивъ на нихъ кр—нъ, м—рь требовалъ, чтобы Прилуцкая ратуша не „притягала“ ихъ къ общенароднымъ повинностямъ; ратуша возражала, что Боршна—село ратушное, а слѣдовательно всѣ кр—не этого села подлежатъ вѣдѣнію ратуши. Монахи жаловались гетману, который и поручилъ ген. бунч. Лизогубу разслѣдовать дѣло. По разслѣдованію оказалось, что м—рю въ Б—ной принадлежать только два двора, которые и были исключены изъ ратушнаго вѣдѣнія. Извѣщая о такомъ результатѣ слѣдствія, гетманъ писалъ Густынскому игумену (14 сент. 1720 г.): „Превелебній въ Богу мосцѣ отче игумень м—ря Г—го, велце мосцѣвій господине, отче и ласкавій пріятелю. По суплѣцѣ, при листѣ отъ вашей пр—бности къ намъ присланной, посылаемъ нашъ до п. полк—ка При—го указъ, дабы онъ до людей монастырскихъ въ с. Боршнѣ мешкающихъ, розискнымъ писмомъ п. бунчучного належати къ обителѣ опредѣленныхъ, а именно до Харка Коваленка и Леска Толоки (якіи до владѣнія писаніемъ тутъ нямъ презентованнымъ м—вѣ суть ствержени) не велѣлъ интересоватѣся урядникамъ городовимъ Пр—мъ, тилко жъ и ваша превелебность—прикажи большого числа селянъ Боршенскихъ, ратушевѣ Пр—му отведенныхъ, *не привлащати до поданства монастырскаго, ижъ-бы намъ уже до уставичныхъ трудностей болшъ такіи не заходили жалобливіе, якіе уже и придокучили, апелляциі, жадаемъ“*... 1). Распоряжаясь, чтобы Пр—ая ратуша „не интересовалась“ до означенныхъ кр—нъ, гетманъ въ своемъ письмѣ по этому предмету къ полковнику добавлялъ: „кромѣ стоялской sustentацѣи, якую сполне зъ селами монастырскими (монастырскіе кр—не) двигати повинни“ 2).

Не попавъ въ монастырское „послушаніе“, Б—на была назначена въ числѣ прочихъ сель въ ранговое владѣніе, причемъ въ 1732 г. досталась ген. есаулу Лысенку. Кр. П. 25 хоз. А. 64 д. В. 29 д. В. 57 д. Пс. 3. Г. 32 д. 32 х. Пс. 12 х. Д. 27 д. 96 х. 4 бд. х. Пс. 9 д. 12 х. 2 бд. х. Кз. В. 14 д. Г. 31 д. 15 х. Д. 28 д. 73 х. Указанныя въ ревизіи 1740 г. 12 х. подсосѣдковъ принадлежали Густынскому м—рю; причемъ замѣчено, что они имѣютъ „конѣ и волы“, а наличность скота указываетъ, что эти подсосѣдки имѣли не только хаты, но и дворы и что запись ихъ по ревизіи 1740 г.—живущими въ бездворныхъ хатахъ, повидимому, неправильна и сдѣлана съ цѣлію уменьшить тогдашній денежный налогъ ¹⁾.

Боршенскіе ранговые, какъ видно изъ вѣдом. 1740 г., платили „владѣльцу“ Лысенку по сто рублей и затѣмъ личныхъ повинностей должно быть уже не несли; замѣна личнаго крестьянскаго труда денежнымъ платежомъ, сколько намъ извѣстно, въ гетманщинѣ было фактомъ исключительнымъ; относительно ранговыхъ маестностей Прилуцкаго полка—этотъ фактъ мы встрѣтили только во владѣніяхъ Лысенка (см. ниже с. Смошь) и отчасти генер. есаула Мануйловича. Находился-ли этотъ фактъ въ связи съ личнымъ характеромъ владѣльца или зависѣлъ отъ другихъ причинъ—мы не знаемъ. По смерти Лысенка Б—на пожалована была въ 1744 г. зятю Разумовскихъ Ефиму Дара-

¹⁾ По ревизіи 1753 г. тѣ же самыя монастырскіе кр—не, показанные въ числѣ 13-ти хоз., названы *посполитыми* (а не подсосѣдками), живущими въ дворахъ, при чемъ 5 хоз. показаны—„нищетными“, а 7—„крайне нищетными“ и только одинъ хоз.—жилъ въ бездворной хатѣ. Разница въ платежѣ денежнаго налога—на полковыхъ и друг. чиновниковъ,—у подсосѣдковъ и „нищетныхъ“ даже козневъ—была оч. значительная. По распологу этого платежа за 1753 г. всѣ подсосѣдки, имѣвшіе лошадей, платили по 1 коп. отъ хозяина, а „посполитые“, какъ „нищетные“, такъ и бездворные— $10\frac{1}{8}$ к., а „крайне нищетные“ и бездворные—по $4\frac{1}{2}$ коп. Отсюда видно—какъ было выгодно тяглымъ кр—намъ записываться въ ревизіяхъ—подсосѣдками.

гану ¹⁾.—Въ цифрахъ о населеніи Б—ны обращаетъ на себя вниманіе многосемейность въ ней „дворовъ“ и при томъ въ самомъ концѣ XVIII в. Такая многосемейность „дворовъ“ (т. е. отсутствіе дѣлимости семей) видна не только среди козачьяго населенія, но и среди крестьянъ: у послѣднихъ, напр., въ 27-ми дворахъ живеть 96 семей, (считая на каждую хату по семьѣ), т. е. среднимъ числомъ болѣе чѣмъ по три семьи въ дворѣ...

Д. Манджосовка, Удай, по свѣдѣнію генер. слѣдствія, была отдана Дм. Горленкомъ Прилуцкому полковому „подьесаулію“ Мартыну Рыжему, а потомъ (должно быть его преемнику по уряду) такому же подьесаулію Семену Портянкѣ; засимъ, въ 1707 г., тѣмъ-же Дм. Горленкомъ М—ка отдана Игн. Лисаневичу, въ то время полк. писарю, но въ 1709 г. отъ послѣдняго отобрана Скоропадскимъ и отдана канцеляристу Степану Тарновскому, у котораго и осталась. Кр. А. 24 д. В. 20 д. В. 38 д. Г. 37 д. 37 х. Д. 37 д. 42 х. Кз. В. нѣтъ. Г. 12 д. 12 х. Д. 2 д. 3 х. Козачьяго населенія здѣсь первоначально не было; явилось оно раньше 1731 г., такъ какъ въ этомъ году здѣсь было уже 8 коз. двор. Козаки могли явиться въ М—кѣ во время коллегіи (1722—27), скупивъ здѣсь пустые „плецы“ ушедшихъ кр—нъ. Но коз. населеніе недолго здѣсь продержалось; вѣроятно оно сократилось, когда державцею М—ки сталъ Яковъ Тарновскій, занимавшій какъ извѣстно урядъ генер. бунчучнаго.

С. Валки, Удай. Изъ универсала Б. Хмельницкаго, даннаго Густ—у м—рю въ 1649 г., видно, что право на помоль въ Вальковской водяной мельницѣ отдаво было Густ—у м—рю еще при Вишневецкихъ. Право это м—рю Хм—мъ было подтверждено въ октябрѣ 1649 г. ²⁾, но самимъ селомъ монахи не

¹⁾ Арх. Сената, Ш, № 9332.

²⁾ Приводимъ этотъ универсалъ полностью, интересный уже и по времени его выдачи. — «Богданъ Хмельницкій, гетманъ з войскомъ его кор. милости Запорожскимъ. Всемъ вобецъ и каждому з особна, а меновите полковникомъ, сотникомъ, атаманомъ и всему товариству войска нашего до ведомости доносимъ, ижъ ведлугъ наданья яснесвечонныхъ князатъ пх мл. Вишневецкихъ православныхъ па

успѣли завладѣть, оно вошло въ составъ ратушныхъ селъ.
Кр. П. не показаны. А. 102 д. В. 54 д. В. 78 д. Пс. 1. Г. 32 д.
32 х. Д. 29 д. 36 х., 2 бд. х. Пс. 5 д. 6 х. 2 бд. х. Кз. В.
27 д. Г. 39 д. 48 х. Д. 47 д. 117 х. Это уменьшеніе кр—скихъ
дворовъ за время отъ 1729 по 1740 г. объясняется тѣмъ, что
Валки въ 1738 г. отданы были въ ранговое владѣніе генер.
судьѣ Михайлу Забѣлѣ, который засталъ въ этомъ селѣ 77 крест.
двор. (ревизія 1740 г.); но на другой же годъ послѣ вступле-
нія Забѣлы во владѣніе В—ми, отсюда ушло 32 домохозяина,
а въ 1740 г. еще 13, итого за два года ушло—45 домохоз.
и налицо, при составленіи въ к. 1740 г. ревизіи, осталось 32 до-
мохоз. 2). При этомъ изъ 45-ти оставшихся послѣ ушедшихъ
„плещовъ“, 42 показаны *во владѣніи Забѣлы*, а 3 остались
пустыми, вѣроятно потому, что Забѣла не успѣлъ еще, во время
составленія ревизіи, зачислить ихъ за собою. Несомнѣнно, что
такой повальный уходъ кр—нъ изъ села былъ слѣдствіемъ того
порядка въ хозяйствѣ, который установилъ въ немъ Забѣла.
Къ сожалѣнію, сущность экономическихъ нововведеній послѣд-

меседе светое манастырѣ Густынскій в селе Валкахъ преднейшій —
кол две млыновыхъ, одно ступное, а другое мучное, с которыхъ вы-
меры на пожитокъ манастырскій мають ити, мы реферуючисе во
всемъ до права давного, срокго напоминаемъ хто толко товарышомъ
нашимъ се менуеть и зъ месчанъ, жебы жадное черешкоды ни от
кого манастырѣ Густынскій не поносилъ и хто колвек до того
млына молоти привез без мерочки звычайное не мололъ, але все зу-
полна до рукъ отца нгумена и братан манастыра Густынского дохо-
дило. Ежели-бы хто спротивнымъ былъ сему универсалови напомя
и вымеры не належне с тыхъ млыновъ бралъ, розказуемъ пану
полковникови Прилуцкому, абы безъ жадное фолгы своевольныхъ су-
рово каралъ, не одсылаючи до насъ. Данъ в Чигиринне, дня 8 мѣ-
сяца октября, року 1649.

Богданъ Хмельницкий рука власна“. (Съ подлинника, въ Киевск.
центр. арх., въ бумагахъ Густынск. м—ря).

1) Свѣдѣнія эти беремъ изъ ревизіи 1740 (оконченной въ но-
ябрѣ этого года), гдѣ приведемъ *поименный* списокъ кр—нъ, ушед-
шихъ въ 1739 г. и особо въ 1740 г.

няго въ В—хъ остается неизвѣстною, но подкладкою ихъ была конечно тяжелая „панщина“. В—ки находились во владѣнїи М. Забѣлы до его смерти ок. 1740 ¹⁾ Затѣмъ, въ 1743 г. В—ки были отданы Полтавск. п—ку Андрею Горленку, передавшему ихъ своимъ наслѣдникамъ.

С. Смошъ, рч. Смошъ, принадлежала къ числу ратушныхъ сель до 1732 г., когда была отдана въ ранговое владѣнїе генер. есаулу Лысенку. Кр. П. 29 хоз. А. 43 д. В. 40 д. В. 82 д. Шс. 5. Г. 56 д. 59 х. Д. 87 д. 125 х. Кз. В. 25 д. Г. 19 д. 24 х. Д. 22 д. 45 х. По вѣд. 1740 г. количество кр—скихъ дворовъ противъ ревизїи этого же года замѣтно разнїтся: въ этой вѣд. вм. 56 д. показано 70 дв., т. е. количество ближе подходящее къ цифрѣ 1729 г. Съ этихъ кр—нъ, по той же вѣд., собиралось въ пользу владѣльца 200 р., т. е. и здѣсь, какъ и въ с. Боршной (см. выше), Лысенко вм. „панщины“ облагалъ кр—нъ денежнымъ сборомъ. По смерти Лысенка, Смошъ пожалована была въ 1744 г.—Герасиму, Денису, Андрею, Павлу и Корнѣю Демешкамъ ²⁾, которые стали позже называться Стрѣшенцами. Все это были братья Натальи Демьяновны Разумовской. Позже Б—ною владѣли только Денисъ Стрѣшенецъ и племянникъ его Кирилль Герасимовичъ, капитанъ Преображенскаго полка, при чемъ хозяйство у нихъ было раздѣльное. Хозяйство это по Румянцовской описи (составл. въ ноябрѣ 1766 г.) описано такъ: „Господскій домъ, въ которомъ живетъ прикажчикъ Тернопольскій, изъ козачества, служить въ годъ, сверхъ пищи, по 10 рубл. Къ тому двору принадлежитъ земли пахотной въ трехъ мѣстахъ (смѣнахъ): 1) за греблю, къ Переволочной,—58 дней, 2) подъ д. Оникіевку,—20 дн. и 3) подъ с. Вальки,—27 дн. ³⁾. На р. Смоши мельница одна, о 2-хъ колахъ мучныхъ, съ конхъ на одномъ колѣ и толчея и валуши; мелеть во весь годъ поочередно съ мельницею Кирилла Стрѣшенца и съ другими, чрезъ четыре и пять дней; размѣр-

1) О Мих. Забѣлѣ см. Опис. Ст. Малороссїи, II, 139.

2) Арх. Сената, III, № 9322.

3) Мѣра земли *день* = $\frac{3}{4}$ десят.

ного хлѣба получается до 15 четв., трингелду 1)—ничего нѣтъ; съ толчей пшена до 2-хъ четвертей, а съ валушнѣ денегъ до 2-хъ рубл. 2).—Винокурпя во дворѣ о 2-хъ котлахъ, въ ней висиживается къ годъ вина по 12 кувъ, въ каждой по 24 ведра.—Солодовня, въ коей солодъ растится толко для господского двора.—Шинкъ, въ коемъ вино продается господское, въ винокурнѣ висижуемое, и съ того въ годъ получается доходу до 100 руб.—Лѣсовъ дровяныхъ три: 1) въ окружности—3 версты 360 саж., 2) на 1 в. 410 саж. и 3)—на 460 саж.“.

По вѣд. 1780 г. владѣльцами Смоши показаны гр. Кир. Разумовскій и умерш. тайн. сов. Тепловъ.

О. Калюжинцы, Утка, по свѣдѣн. генер. слѣдствія, первоначально находились во владѣніи Лазаря Горленка, повидимому, безъ гетманскаго универсала; затѣмъ, въ 1705 г., Дм. Горленко получилъ отъ Мазены на К—цы универсаль, и владѣль ими до измѣны. Въ 1710 г. на К—цы былъ выданъ универсаль сыну Дмитрія Горленка Андрею (с. 23), у котораго село это оставалось до 1715 г., когда было отобрано и отдано какому то „маршалку Волоскому бану Савину“, но послѣдній въ томъ же году „пошолъ въ свою землю“, и К—цы были выпрошены у Петра В. другимъ такимъ же авантюристомъ, сербомъ Гавриломъ Милорадовичемъ. По этому поводу Головкинъ писалъ къ Скоропадскому: „г. полковникъ сербскій Гаврило Милорадовичъ, братъ полковника Михаила М—ча, въ случаѣ прошедшей съ турками войны такжеде службу свою къ его ц. величеству показалъ и *нѣсколько пожитковъ своихъ притомъ употребилъ*, и не можетъ нынѣ къ дому своему возвратиться; и его ц. величество, за тѣ его Гаврила М—ча службы и въ награжденіе понесенныхъ его убытковъ, повелѣлъ дать ему на Украинѣ въ Прилукскомъ полку село Калюжинцы, бывшее п—ва Прилукскаго Горленка, которымъ по указу ц. величества владѣль волостной (волоскій?) бояринъ Савинъ банъ, и нынѣ онъ отпу-

1) Слѣдуетъ думать, что подъ трингелдомъ разумѣется денежная доплата къ «розмѣрному хлѣбу».

2) Это та самая мельница, которая Стрѣшенцами отнята у го-рода Прилуки (с. 92).

щень во отечество... Ваша вельможность о дачѣ ему Г—лу М—чу вышеобъявленнаго Горленкова села Калюженцовъ изволите учинить по его ц. величеству указу...¹⁾ По этому письму К—цы и были отданы М—чу. Какимъ суровымъ державцею явился этотъ авантюристъ въ своихъ маестностяхъ (кромѣ К—цовъ, М—чу дано было еще Сосницкое село Нехаевка), объ этомъ приведены подробныя свѣдѣнія въ другомъ мѣстѣ.²⁾ Насилія М—ча получили особую извѣстность, когда онъ сталъ въ 1728 г. Гадацкимъ полковникомъ. По ходатайству Апостола насилія эти вызвали слѣдствіе, результатомъ котораго было устраненіе М—ча отъ полковничества, но К—цы и Нехаевка остались при немъ.—

Кр. II.? А. 109 д. В. 74. д. В. 63 д. Г. 64 д. 73 х. Д. 100 д. 150 х. Кз. В. 8 д. Г. и Д.—нѣтъ. Отсюда видно, что главнымъ результатомъ хозяйничанія М—ча въ К—цахъ было уничтоженіе здѣсь козаковъ, которыхъ въ 1718 г. было еще 8 дв., а въ 1731 г. уже не было ни одного двора³⁾. Умеръ М—чъ въ 1730 г., завѣщавъ будто бы, между прочимъ,—„отдати послѣднее свое поклоненіе“ тогдашнему гетману. Такъ писала Апостолу вдова М—ча, ходатайствуя, чтобы мѣстныя власти не трогали посаженныхъ умершихъ М—чемъ въ своихъ шинкахъ (въ Калюжницахъ и Переволочной) „жидовъ“⁴⁾. Наслѣдни-

1) Матеріалы для Отеч. Истор., Судьбенка, II, 244.

2) Кіевск. Старина 1882 г., мартъ.

3) Какъ это видно изъ ревизіи 1731 г.

4) Приводимъ здѣсь это прошеніе вдовы М—ча, дающее нѣкоторыя свѣдѣнія о «жидахъ»-шинкаряхъ въ геманщинѣ. «Покойный сожитель мой предъ преставленіемъ своимъ, видячи себе зъ временнаго житія на вѣчное, спомнивши имени яси—в—ть вашу, своего добродѣя, приказалъ отдати послѣднее свое яси—ти вашей поклоненіе, а преставленіе его мѣс. сентеврива зъ 24 числа на 5. Что же до сихъ временъ умедлялось жаланіе покойнаго сожителя моего, тое мусило стать за немалымъ скорбнымъ препятствіемъ, а нынѣ зъ повторительнымъ моимъ нпжайшимъ поклоненіемъ до яси—ти в. отзвываячися, доношу, нпжъ будучи покойнй сожитель мой зо мною въ Глуховѣ минуваго времени лѣтняго, надѣючися на тое, же жиди въ Глуховскихъ шивкахъ пребываютъ, такожь и въ прочихъ владѣльческихъ маестностяхъ въ Мал. Россіи обрѣтаются. иныяли и мы въ маест-

комъ Гаврила М—ча былъ его сынъ Антоновъ, ограничившійся въ службѣ положеніемъ бунч. товарища. Онъ былъ женатъ на Агафѣѣ Степ. Бутовичъ (внукъ генер. ес.) и оставилъ 7 сыновей и 4 дочери; всѣ эти сыновья служили въ военной службѣ.

ность свою Калюжницы одного жида, другого въ мѣст. Переволочную, въ домъ нашъ собственный шинковій, и дали онымъ напитокъ горѣлчаній и медовій. А же п. сотникъ полк. Пр—ій Петро Носенко перво, запечатати приказалъ атаману Переволочанскому въ дворѣ нашемъ напитокъ, въ мѣс. сентеврѣ, и до насъ написалъ не держати жидовъ, а настоящій м—ць, по указу его, набѣгаючи козаки въ Переволочную и въ маети. Калюжницы, шинки въ разореніе привели и жидовъ квалтомъ иобрали... Потимъ, отѣхавши до Прилуки зъ жидами, присланъ одъ того сотника указъ до старости подъ штрафомъ, если бы жидовокъ не прислалъ до Прилуки, звать приводячи шинки весьма до разоренія. А выражаетъ въ своемъ указѣ будто до его именемъ яс—ти в. п. полковникъ Пр—л—цкій пишетъ зъ Глухова о висилцѣ жидовъ зъ полку его, и такового указу намъ не обявляно...» Засимъ вдова проситъ гетмана о выдачѣ ей универсала, чтобы Носенко «впередъ не чинилъ того.» (20 окт, 1730 г.). О результатахъ этого прошенія—свѣдѣній нѣтъ. Къ этому можно добавить, что первое (въ XVIII в.) распоряженіе о высылкѣ евреевъ изъ Малороссіи, сколько намъ вѣдомо, относится къ 1721 г., когда Скоропадскимъ былъ изданъ слѣд. универсалъ: «Любо мы за уряду нашего гетманского килкокротные передъ симъ издавали въ полки указы наши, до царск. величества стосуючіеся, о висилцѣ и вигнаню заграицу жидовъ зъ Украины, однакъ по тому хоѣай они были зъ иишихъ мѣстцѣ вислани, но не отсюду; теперъ знову ихъ немалое число, якъ слышимъ въ Мал. Россіи обрѣтаются и щоразъ еще умножаются; изъ тихъ мѣръ они жъ жида пле богоненавистнии мѣючи зде по городахъ и селахъ шинковые и другіе промисли въ напояхъ и впрочемъ народъ христіанскій напаствуютъ, стараючися зъ природы и злочестивой науки своей всякимъ образомъ христіанъ озлобити, а къ тому между людьми вѣрными мѣючи жилища и зборища, свои мерзкими своими жъ обхожденми всякіе чипятъ соблазни. Зверхъ засъ того наемные у нихъ въ службѣ домовою христіане, мужеска и женска пола, въ постные седмици имъ потрави жидовские готуючи, безъ оскверненія обйтиси не могутъ. Прето не хотячи мы болшь уже тиль зловѣрнымъ и креста Господня врагамъ жидамъ въ полкахъ рейменту нашего мешкани позволяти, а особливе, когда подъ сее время, черезъ посланыхъ нашихъ з Спб—рха возвратившихся, именной о томъ получилисмо его ц. величества

С. Высокое, Удай, находилось въ числѣ ратушныхъ сель до 1732 г., когда было отдано на рангъ генер. есаулу Мануйловичу. Кр. П. 21 хоз. А. 45 д. В. 28 д. В. 29 д. Пс. 1 Г. 24 д. 28 х. Д. 19 д. 20 х. Пс. 10 д. 15 х. Кз. В. 10 д. Г. 16 д.

указѣ, дабысма всячески жидовъ з Малой Россіи презъ границу, зложивши срокъ до котораго они з своими панами и заводцами въ порученныхъ себѣ шинкахъ и иныхъ промыслахъ розчислиться и свѣтоватися могутъ, висилати велѣли одсея зъ Малой Россіи, чрезъ сей нашъ унѣверсалъ грозно приказуемъ и упоминаемъ подъ неотпустившими винами и сродимъ штрафомъ на тихъ, которіи въ городкахъ или селахъ жидовъ держать, абы всякъ зъ старшины и державцовъ и хто колвекъ оныхъ подъ своею имѣть протекцію, росчислившихся зъ ними и росквитавшихся въ промыслахъ ихъ жидовскихъ шинковыхъ или иныхъ, кѣе хто которому жиду полѣщилъ, безъ отлагательства оныхъ за границу висилали, чтобъ ни единъ зъ нихъ до Покрова Пресв. Богородицы, о первыхъ числахъ октоврія, внутрь М. Россіи не остался, развѣ тилко тотъ, хтобы жидовское покинувши невѣрие, восхотѣлъ до христіанства вернуться... А по вийстю помянутого термѣну... пошлемъ одѣ себе (въ полки)—охочіе полки сердюковъ при нарочныхъ висланныхъ, для обыску жидовъ и если где у кого мѣль бы винайтися жидъ, то той самъ знатного... штрафу и наказанія не уойдетъ, а жиды имъ удержаного велимо все его жидовское имѣніе розграбивши зъ безчестіемъ и съ умаленіемъ здоровья, пречъ за рубѣжъ обнаженного вигнати»... (15 іюля, 1721 г.) Сборн. универсаловъ Скороп. 1720—722 гг., рукоп. Кіевск. археогр. комиссіи, № 477. Это «грозное» распоряженіе однакожъ не возымѣло желаемаго результата, такъ какъ Апостоль въ первый же мѣсяцъ своего гетманства (27 окт. 1727 г.) разослалъ другой о томъ же универсалъ, въ которомъ ссылаясь на высочайшій указъ о высылкѣ изъ М. Россіи всѣхъ жидовъ за границу, приказалъ немедленно исполнить этотъ указъ— «и сего ради велѣли во всѣ полки рейменту послать указы, дабы всѣхъ жидовъ зо всякой маетности выслать за границу всеконечно.» *Матер. для Отеч. Ист.* I, отд. 2-й, стр. 12. Но и это распоряженіе исполнено не было, какъ видно изъ прошенія вдовы Милорадовича, и вѣроятно только дало старшинѣ возможность— «мазать себѣ руки», какъ выразился гетманъ Апостоль въ одномъ своемъ универсалѣ, говоря о старшинскихъ поборахъ. Замѣтимъ, что въ одной рукоп. малорос. *хроникѣ*, подъ 1727-мъ годомъ, замѣчено: «Жиды безъ остатка вси зъ Россіи вигнати». Къ Малороссіи это извѣстіе повидимому не относится.

21 х. Д. 26 д. 38 х. Послѣ смерти Мануйловича, В—кое осталось ранговою маестностью ген. есауловъ, какъ значитса и по вѣд. 1780 г.

С. Мацѣевка, Удай, извѣстна съ 1619 г., когда была еще хуторомъ, принадлежавшимъ Густынскому м—рю. Черезъ 30 лѣтъ М—ка была уже многолюднымъ селомъ, принадлежавшимъ тому же м—рю. Въ 1649 г. население его хотѣло было, воспользовавшись общимъ возстаніемъ народа противъ державцевъ, — освободиться отъ монастырскаго послушанія, но монахи пожаловались Хмдльницкому и тотъ приказалъ (универсалъ 8 октября 1649 г.) Прилуцкому полк—ку „чтобъ козаковъ и селянъ Мацѣевскихъ смирилъ, которые непослушны м—рю“. Изъ этого универсала, полное содержаніе котораго неизвѣстно, видно, что уже въ 1649 г. въ М—кѣ были и *козаки*, какъ отдѣльная группа сельскаго населенія; козаки эти—должно полагать—выдѣлились изъ мѣстныхъ крестьянъ, какъ это происходило тогда во всей лѣвобережной Малороссіи ¹⁾. Распоряженіе Хмельницкаго конечно было исполнено, но Мацѣевскіе кр—не и затѣмъ пытались неразъ избавиться отъ монастырскаго послушанія, при чемъ единственнымъ для этого средствомъ, кромѣ ухода изъ села, представлялась переписка въ козаки. Впрочемъ эта мѣра для кр—нъ возможна была только при условіи, если мѣстные урядники—низшіе и высшіе—не особенно мирволили монахамъ; но когда нельзя было найти управы на самовольство крестьянъ у мѣстнаго полковника, которому постоянныя монашескія жалобы прискучали,—то монахи обращались къ гетману. Последнему труднѣе было отстранять эти доуки, вслѣдствіе чего и осталось такое обиліе гетманскихъ универсаловъ, выданныхъ для поддержанія монашеской власти въ ихъ маестностяхъ. Такой универсалъ выданъ былъ Самойловиченъ и Густынскому м—рю (19 апр., 1676 г.) для прекращенія „бунтовъ“ Мацѣевскихъ крестьянъ ²⁾.—Черезъ десять лѣтъ послѣ этого монахи

¹⁾ См. Опис. Стар. Малороссіи, I, 381.

²⁾ «Вамъ, всѣмъ жителямъ села Мацѣювки, тымъ нашимъ ознаемъ писавемъ, ижъ дошла насъ отъ велебного въ Богу г. о. ігу-

выпросили себѣ у того же гетмана и право торговли водкою, какъ въ Мацѣевкѣ, такъ и въ сосѣднихъ двухъ селахъ, Половѣй и Левкахъ, т. е. гетманъ отдалъ монастырю тотъ откупной сборъ съ шинковъ, который шелъ въ войсковой скарбъ ¹⁾.
Кр. П.? А. 79 д. В. 52 д. В. 115 д. Г. 71 д. 80 х. Д. 106 д.
118 х. Пс. 3 бд. х. Козаковъ въ М—кѣ въ XVIII в. уже не
было вовсе; значить, монахи успѣли отъ нихъ избавиться еще въ XVII в., заставивъ ихъ—или покинуть село или переписаться въ кр—не. Видное изъ приведенныхъ цифръ уменьшеніе населенія въ 1718 г. и затѣмъ увеличеніе его за 11 лѣтъ болѣе

мена Густынского скарга, же вы подлугъ звычайу, якъ належить подданнымъ, не отдаете монастырови повинности, бунтуетесь и хотите въ козацтво вписоватися, не порозумѣвшись, же опрочъ того въ якомъ теперъ зостаєте, іншому не можете выдолати поволаню, а надто зосланого его, который загадуєть вамъ на послушенство, перехваляетея забити. Прето, яко не помалу насъ тоє муситъ обходити, такъ тымъ унѣверсаломъ нашимъ васъ заславшы розказуємъ, жебысте понехавшы тыхъ бунтовъ, ведлугъ старынного у васъ заховалого порядку вшелякое послушенство и повинность монастыреви Густынскому отдавали, а въ козацтво мужики абы не вписовалися и на зосланнаго похвалокъ не чинили, бо и тыхъ трохъ мужиковъ, которые своеволно, не хотячи отдавати повинности, въ реєстръ козацкій вмазалися, жебы ихъ зъ оного вылучилъ—писалисмо о томъ до п. полковника Прилуцкого». (Съ подлинника, въ Кіевск. центр. архивѣ, бумага Густынск. м—ря).

1) «Ознаймуємъ смѣтъ нашимъ писанемъ каждому кому о томъ вѣдати належитъ, ижъ села Мацѣевку и Половую и Левки, въ области монастыра Густынского найдуючимся, якіе близко тогожь монастыра мають свое положене, увольняемъ отъ аренды. А то взглядомъ того, же превелебный г. отецъ игумень зъ братією—зъ шинковъ тамошнихъ маєть вспоможенье ку реставрованю будинковъ потребныхъ въ обители своей. Мѣти теды хочешъ, абы, якъ п. полковникъ Прилуцкий, такъ и нѣхто инший преречоныхъ соль, якъ въ Прилуцкихъ, такъ и въ иншихъ мѣсть арендовнихъ (въ?) реєстръ потягати, явъ теперъ такъ и впередъ, не вяжился. Данъ въ Батуричѣ, августа 8 д., року 1686». (Оттуда-же).

чѣмъ вдвое—не умѣемъ объяснить. М—ка оставалась въ подданствѣ Густ. м—ря до 1786 г.

С. Олъшаная, вершина Смоши, поселена въ перв. полов. XVII в. Конецпольскимъ, которому и принадлежала до изгнаія поляковъ ¹⁾. Затѣмъ О. была пожалована Лазарю Горленку (с. 9, 15), отъ котораго перешла къ сыну его Дмитрію, а послѣ измѣны послѣдняго, Скоропадскимъ отдана фельдмаршалу Шереметеву въ 1712 г., когда новый гетманъ волею и неволею одѣлялъ „Петровыхъ штенцовъ“ украинскими маестностями ²⁾. Кр. П. ? А. 230 д. В. ? ³⁾. В. 184 д. Пс. 3 Г. 120 д. 152 х. Д. 149 д. 243 х. Кз. В. 10 д. Г. 23 д. 30 х. Д. 29 д. 65 х.

У Шереметевыхъ О. оставалась до 40-хъ г.г. XVIII в., а въ 1744 г. она была пожалована бунч. тов. Власу Климовичу ⁴⁾, (позже—Будлянскому), передавшему это село своимъ наслѣдникамъ, за которыми оно показано и въ 1780 г.

Д. Сезьки поселены Лаз. Горленкомъ во время владѣнія имъ с. Олъшаною, къ которой и причислялись; по послѣ измѣны Дм. Горленка, С—ки обособились; исторія этого поселенія разсказана въ прошеніи Власа Будлянского, поданномъ имъ въ 1753 г. гетману: „на принадлежащихъ къ селу Олъшаной поляхъ бывшій полковникъ Прилуцкій Лазоръ Горленко, владѣя онимъ селомъ Олъшаною, устроилъ хуторъ прозваніемъ *Сезьки*, которымъ и владѣлъ; по умертвіи же полковника Лазора, жена его полковница Лазорка владѣла“... Послѣ измѣны Мазепы Сезьки были отданы Скоропадскимъ сотнику Золотаренку, на урядѣ, какъ значится въ генер. слѣдствіи. Послѣ Золотаренка Сезьки перешли, при Анастолѣ, къ полк. ес. Панкевичу, тоже на урядѣ, а послѣ его смерти сельдомъ этимъ владѣла вдова его, пока у послѣдней Сезекъ не отнялъ владѣлецъ Олъша-

1) Michałowski, Księga Pamiętnicza. Krakow, 1864, стр. 94.

2) Матеріалы для Отеч. Исторіи, II, 362.

3) По вѣдом. 1718 г. Олъшанскіе кр—не не показаны вѣроятно потому что эта вѣдомость была составлена для расцолога *порцій* и *рацій*, а Олъшанскіе кр—не, должно полагать, были освобождены отъ этого налога.

4) Арх. Свята П. № 9332.

ной—Будлянскій. Однакожъ послѣдній писалъ гетману невѣрно: по его словамъ, Сезьками вдова П—ча владѣла до своей смерти, „а нынѣ, продолжаетъ Будлянскій, женившійся на Панкевича внуцѣ зн. тов. Михайло Марковичъ тѣми Сезьками завладѣлъ (ср. с. 72); а понеже въ рѣшительныхъ пунктахъ, данныхъ гетману Апостолу, велѣно у женъ козачихъ только покаместъ во вдовствѣ будутъ и у дѣтей мужеска полу—не отнимать маестностей, а якъ оной Панкевичъ и жена его померли и мужеска полу никакихъ наслѣдниковъ не имѣется“, то Будлянскій и просилъ гетмана—Сезьки отдать ему, „особливо же, что на грунтахъ надлежащихъ къ с. Ольшаной тѣ Сезьки состоятъ“. Будлянскій скрывалъ, что въ этотъ моментъ Сезьки были уже имъ отняты, слѣдовательно понималъ свою неправоту, которую и хотѣлъ узаконить гетманскимъ универсаломъ. Разумѣется, просьба зятя Разумовскимъ была удовлетворена. Кр. А. 26 д. В. 5 д. В. 12 д. Г. 1) ? Д. 14 д. 16 х. Пс. 1 д. 2 х. Кз. нѣтъ 2). Сезьки оставались во владѣніи Будлянскихъ и въ 1780 г.

С. **Мошковичи**—теперь не существуютъ, но въ актахъ 1697—1700 гг. упоминаются неразъ („село Мошковичи“ или „Мошковцы—области Прилуцкой“) ³⁾. Село это находилось гдѣ-нибудь недалеко отъ Сезькъ, потому что ок. этого села и нынѣ—верховьямъ рѣчки Нежеровой (или по теперешнему—Радьковки) присвоится названіе Мошковки ⁴⁾. Вслѣдствіе какихъ

1) Въ ревизіи 1740 г. Сезьки почему-то не показаны, а по ревизіи 1731 г. кр—нѣ здѣсь показано 9 дв.

2) По ревизіи 1731 г. въ Сезькахъ значится 2 дв. козаковъ. Оч. мож. быть, что Панкевичъ, владѣвшій въ это время Сезьками, позволялъ имъ тутъ поселиться съ тѣмъ, чтобы впоследствии обратиться въ своихъ подсосѣдковъ.

3) Бумаги Густынск. м—ря въ Киевск. центр. арх.

4) «Рѣчка Радьковка (притокъ Удая) въ своихъ верховьяхъ, у х. Дзюбина, носитъ названіе *Мошковки*, по причинѣ, какъ объясняли мѣстные жители, обилія мошки». «Прилуцк. уѣздъ», стр. 9. Ср. «Полтавская губернія въ Синскихъ насел. мѣсть», № 3532, *Неже-*

причинъ могло совершенно исчезнуть село въ нач. XVIII в.— трудно сдѣлать и предположенія.

Д. Вуды, Нежирова (с. 74), судя по названію возникли изъ бывшаго здѣсь поташнаго завода; первымъ ихъ владѣльцемъ, по свѣдѣніямъ генер. слѣдствія, былъ сотникъ Золотаренко, получившій это сельцо на урядъ отъ Мазепы, въ 1690 г. Послѣ З—ка Буды отданы на урядъ Панкевичу (с. 71); а послѣ смерти П—ча Будами владѣла его вдова, у которой они были отяты Будлянскимъ, вмѣстѣ съ Сезьками (с. 72), однакожь этого сельца Б—ій не успѣлъ укрѣпить за собою, такъ какъ въ 1753 г. здѣшними владѣльцами, были: Густынский м—ръ (6 дв., 8 х.), полк. есаулъ Яковъ Величко (6 дв. 8 х.) и бунч. тов. Петръ Горленко (1 дв.) Кр. А. 6 д. Б. 6 д. В. 23 д. Пс. 1. Г. 11 х. Д. 18 д. 22 х. Кз. нѣтъ.

Слободка Нежеровская показана въ вѣд. 1753 г., причемъ владѣльцемъ ея названъ бунч. тов. Андрей Марковичъ (5 д. и 5 бх.). Нѣтъ сомнѣнія, что это бывший „хуторъ въ Нежеровѣ“, о которомъ Ив. Марковичъ упоминаетъ въ своемъ завѣщаніи (с. 118). Въ к. XVIII в. слободка Нежеровская называется уже с. Радьковкою (при сліянніи Нежеровой съ Удаемъ), съ обозначеніемъ, что въ ней 21 д. 34 х.—„владѣнія разныхъ чиновъ“; но главными владѣльцами тутъ были Марковичи.

С. Колесники—въ 1711 г., по универсалу Скоропадскаго, отданы Ив. Марковичу (с. 114). Изъ исторіи этого „державства“ интересенъ слѣд. эпизодъ. Ольшанскій приказчикъ графини Шереметевой пожаловался (1725 г.) въ генер. к—рію, что умершій въ 1724 г. судья Прилуцкій Марковичъ забралъ у одного изъ Ольшанскихъ „подданныхъ“ Шереметевой—Карпенка (перешедшаго изъ Колесниковъ въ Ольшаную)—всю „худобу“ и вырубилъ его лѣсъ. Жалоба приказчика отослана была на рѣшеніе Прилуцкаго полк. суда, который вызвавъ вдову М—ча, „велѣлъ ей противъ жалобы отвѣтъ учинити“. Вдова отвѣчала:

(есть тутъ и Дзюбинъ) и заключавшій въ себѣ полвѣка назадъ болѣе 500 жит. Не это ли мѣсто бывшаго с. Мошковичъ... Интересны по этому вопросу мѣстные розысканія въ преданіяхъ.

„покойного п. гетм. Скоропадского засланны были таковыя указы (якихъ и нынѣ держатся), абы посполитіе люде шо разъ зъ иной маетности въ другую, подъ ишого державцу, ради своей ползи—чимъ бы отъ дачи драунской и протчихъ общенародныхъ тягостей тимъ переходомъ свободать,—не переходили, а буде которій преслушавши той указъ, перейдетъ, то позволяемъ въ оныхъ вѣсь его пожитки державцу въ свое владѣніе одобрать и шо хотя зъ ними чинити ¹⁾. По якомъ указу и небожчикъ п. судя, кгда вышписанній Карпенко тайнымъ образомъ зъ ихъ маетности села Колесниковъ въ Олшаную на житло перейшоль, велѣлъ въ его кгрунтъ иному челоуѣку на мешканне перейти и его пожитками владѣючи, всякіе зъ того кгрунту отбывать повинности, а зъ худобы его Карпенковой, которіе рѣчи по свѣдѣтельству атамана, войта и протчихъ Колесницкихъ людей, небожчикъ п. судя до своего двора казалъ забрати, то панѣ судѣна, по смерти небожчиковой, еще въ май (1725 г.) мѣсяцѣ оніе ему Карпенку поотдавала, а иніе свои господарскіе рѣчи помянугій Карпенко, якихъ теперь требуетъ, договорували ему Карпенку свидителѣ, же зъ *Нежеровского* ихъ (Марковичей) *хутора*, пріѣхавши зъ Ольшаной, онъ, Карпенко, побралъ до себе самоволно; лѣсъ и гай, якъ предъ тимъ были цѣліе, то такъ и теперь найдуются и оними панѣ судѣна ему, Карпенку, *не боронитъ владѣти*, а шо за его Карпенка—у войта еи Колесницкого, не вѣдаетъ за шо, приказчикъ Олшанскій, еще въ прошлій великій постъ, узавши коня, по сей часъ не отдаеть, то въ томъ панѣ судѣна проситъ милости“ ¹⁾... Приведенный отвѣтъ вдовы М—ча указываетъ на полное удовлетвореніе обиженного Карпенка: несомнѣнно что вдова М—ча боялась спорить, зная, что за Карпенка можетъ вступиться, кромѣ Шереметевой, еще и Вельяминовская коллегія... Кр. П.

¹⁾ Намъ не приходилось встрѣчать такого универсала, но что онъ могъ быть вырощенъ у Скоропадского—хотя бы однимъ изъ Марковичей—въ этомъ нельзя сомнѣваться. Во всякомъ случаѣ, имѣя такой универсалъ въ рукахъ, державцы могли сильно вліять на свободное передвиженіе крестьянъ.

¹⁾ Съ подлинника въ наш. б—кѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

4-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

4-й годъ изданія.

на 1901 годъ.

на ежедневную научно-литературную, политическую и экономическую газету

„ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ“.

издаваемую въ г. Екатеринославѣ М. С. Копыловымъ.

Газета будетъ издаваться въ 1901 году подъ тою-же редакціей (В. В. СВЯТЛОВСКАГО), при томъ-же составѣ главныхъ сотрудниковъ и по той-же программѣ.

Въ „Приднѣпровскомъ Краѣ“ будетъ отведено достаточно мѣста для иллюстрацій и рисунковъ. Въ газетѣ принимаетъ участіе цѣлый рядъ профессоровъ, ученыхъ и писателей.

Газета кромѣ телеграммъ Россійскаго телеграфнаго агентства, будетъ помѣщать телеграммы своихъ специальныхъ корреспондентовъ изъ С.-Петербурга и Москвы.

Условія подписки на 1901 годъ. Съ доставкой въ Екатеринославѣ.
На 12 мѣс. 10 р. На 9 мѣс. 7 р. На 6 мѣс. 5 р. 50 к. На 3 мѣс. 3 р. 50 к. На 1 мѣс. 1 р. 25 к. Съ пересылкой почтой въ другіе города. На 12 мѣс. 12 р. На 9 мѣс. 9 р. На 6 мѣс. 6 р. 50 к. На 3 мѣс. 4 р. На 1 мѣс. 1 р. 40 к. Съ пересылкой за границу. На 12 мѣс. 23 р. На 9 мѣс. 17 р. На 6 мѣс. 12 р. На 3 мѣс. 7 р. На 1 мѣс. 2 р. 50 к.

Отдѣльные номера продаются въ Екатеринославѣ и повсемѣстно по 5 к.

НА

иллюстрированный популярно-научный журналъ

Энциклопедія

24 книги въ годъ,

выходящихъ 10 и 25 числа каждаго мѣсяца.

Задача популярно-научнаго журнала „Энциклопедія“ — давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе по всѣмъ отраслямъ знаній, слѣдить за движеніемъ современной мысли и знакомить читателей съ современной литературой и искусствомъ. Статьи будутъ иллюстрированы художественными рисунками, необходимыми для нагляднаго объясненія текста.

Особенно богатый біографическій отдѣлъ будетъ давать обстоятельные отчеты, съ необходимымъ краткимъ изложеніемъ содержанія, о новыхъ выдающихся произведеніяхъ русской и иностранной литературы, такъ что каждый читатель всегда будетъ въ курсѣ современной литературы, науки и искусства всего цивилизованнаго міра.

Такимъ образомъ журналъ „Энциклопедія“ представитъ собою дѣйствительную энциклопедію современныхъ знаній, давая резюме современнаго движенія науки, литературы и искусства въ общедоступномъ, но строго-научномъ изложеніи. Ничто такъ не полезно и интересно, какъ такое резюме, въ которомъ откинуто все скучное и узко-спеціальное и оставлено лишь то, что представляетъ дѣйствительную важность и жизненный интересъ. Весьма важнымъ подспорьемъ для нагляднаго ознакомленія съ предметомъ являются художественныя иллюстраціи, которыми будутъ снабжены многія статьи журнала.

Не смотря на свою низкую стоимость, журналъ „Энциклопедія“ дастъ много весьма интереснаго и поучительнаго материала какъ для каждой образованной, такъ и для всякаго, желающаго пополнить чтеніемъ свое образованіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ „Энциклопедія“ съ пересылкой: на годъ—6 руб.; за-границу—10 руб.

Допускается разсрочка: при подпискѣ—2 руб., въ Мартѣ—2 руб., въ Іюнь—2 руб., или первые шесть мѣсяцевъ по одному рублю.

Цѣна отдѣльной книги—50 коп., съ пересылкой—70 коп.

Контора журнала: С.-Петербургъ, Рижскій пр., 48.

2—3

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1901 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: рецензіи на магистерскія и докторскія диссертациі; представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе награды; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія: библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о дѣйствіяхъ, статьи, посвященныя

зрѣнію коллекціи и состоянію учебно-вспомогательныхъ учреждений при университетѣ, бібліографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники, историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Учебныя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всеміи приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7р. Отдѣльныя книжки можно получить изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ө. Мищенко*

2-3

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е

о продолженіи изданія журнала

Труды Кіевской Духовной Академіи

въ 1901 году.

(Годъ изданія сорокъ второй).

Журналь „Труды Кіевской Духовной Академіи“ будетъ издаваться и въ 1901 г. по прежней программѣ. Въ немъ печатаются статьи по всеміи отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Дух. Академіи, по предметамъ общезанимательнымъ и по содержанию общедоступнымъ большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ „Библіотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ“

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 10—15-ти и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб., а за границу 8 руб.

За прежніе годы „Труды“ продаются по уменьшеннымъ цѣнамъ, именно: за 1860—1878 гг. по 5 р., за 1879—1883 гг. по 6 р., за 1885—1897 гг. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 руб. съ перес. Экземпляры „Трудовъ“ за 1867—68 и 1884 гг. распроданы.

Кромѣ того въ вѣнторѣ редакціи продаются между прочимъ слѣдующія книги: „Библиотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ:“ а.) св. Кипріяна, еп. Каро., части 1 и 2, б.) блаж. Геронима, а ч. ч. 1—15 и в.) блаж. Августина, ч. ч. 1—8. Цѣна каждой части 2 р. съ перес., кромѣ 9-й и 15-й частей творен. блаж. Геронима, цѣна которыхъ по 1 р. 50 к.

«Опытъ правосл. догматическаго Божеслуженія» еп. Сильвестра, т. 1 (изд. 3-е) ц. 1 р. 70 к., т. 2 (изд. 3-е ц. 3 р. 30 к., т. т. 3, 4 и 5 (изд. 2-е) по 3 р. каждый.

Съ требованіями относительно журнала и книгъ редакція проситъ обращаться непосредственно къ ней по слѣд. адресу:

Въ редакцію журнала „Труды Кіевской Духовной Академіи“ въ г. Кіевъ (Ильинская, д. № 5).

Редакторъ профессоръ В. Ф. Пшоничкій.

2—3

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1901 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція „Русской Старины“ будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и рассказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и худож-

никовъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе рассказы и преданія; 7) документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и рассказы иностранныя, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея могочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполне обеспеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будетъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145,

2—3

Открыта подписка на 1901 г. (8 г. изд.)

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

Изданіе П. П. СОЙКИНА

подъ редакціей д-ра философіи М. М. Филиппова

„Научное Обзорніе“ не спеціальный, но общій журналъ, имѣющій въ виду всѣхъ читателей, интересующихся успѣхами науки, а также выдающимися литературными явленіями.

Журналъ остается вѣрнымъ своимъ завѣтамъ, т. е. по прежнему будетъ органомъ прогрессивнаго направленія, исключаящаго всякій школьный догматизмъ и рутину.

Вступая въ XX-й вѣкъ, одной изъ задачъ котораго является распространеніе научнаго образованія въ возможно широкій:

кругахъ общества, журналъ нашъ посвятитъ особое вниманіе вопросамъ самообразованія.

Съ этою цѣлью редакция „Научнаго Обозрѣнія“ рѣшилась присоединить къ журналу рядъ популярныхъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ знаній, подъ общимъ заглавіемъ:

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

Къ концу года это прилож. сост. большой томъ въ 40 печ. лст. т. е. 640 страницъ.

Сочиненія и статьи, напечат. въ „Народномъ Университетѣ“ будутъ доступны даже для читателей, обладающ. самой элементарн. подготовкой.

Завѣдываніе этимъ отдѣломъ принялъ на себя извѣстный популяризаторъ В. В. Битнеръ.

Для печатанія въ „Народномъ Университетѣ“ предпол., между прочимъ слѣдующее:

Происхожденіе животнаго міра.—Миръ въ каплѣ воды.—Невидимые враги.—Происхожденіе и значеніе денегъ.—Чудеса электричества.—Мозгъ, какъ органъ мышленія.—Прогулки по небу.
Доисторическій человѣкъ.

Текстъ будетъ поясненъ чертежами, рисунк. и хромолитогр.

По примѣру прежнихъ лѣтъ въ „Научному Обозрѣнію“ будутъ приложены капитальныя переводныя сочиненія:

Авенаріусъ. Міропониманіе.—*Тардъ*,—Соціальный законъ, и одно сочиненіе *Джона Стюарта Милля*, еще не бывшее въ русскомъ переводѣ.

Въ историческомъ отдѣлѣ приметъ ближайшее участіе выдающійся историкъ и популяризаторъ проф. А. С. Травецкій. Здѣсь, между прочимъ, будутъ печататься: Историческая хроника Мериме и статьи по исторіи инквизиціи.

Отдѣлъ обзора журналовъ русскихъ и иностранныхъ будетъ значительно расширенъ, что дастъ читателямъ возможность

въ сжатомъ видѣ слѣдить за современнымъ движеніемъ чело-
вѣческой мысли, открытіями, новостями литературы, искусства и
науки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ безъ дост. въ Спб. 6 р. 50 к.
Съ доставкою и пересылкою по всей Россіи—7 руб. За гра-
ницу 10 рублей.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 апрѣля
2 руб. и къ 1 іюля остальные, или по одному рублю, начиная
съ декабря.

Адресъ кооторы: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремяная, 12, ссб. домъ.

2-3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„ВОЛЫНЬ“

(Двадцать третій годъ изданія)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 12 мѣс. 6 руб.		На 3 мѣс. 1 р. 50 в.
На 6 мѣс. 3 руб.		На 2 мѣс. 1 р. 10 к.
На 4 мѣс. 2 руб.		На 1 мѣс. — р. 60 к.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА ЛѢ ПО 5 КОП.

Подписка принимается въ г. Житомирѣ, въ главной кон-
торѣ редакціи, по Б.-Бердичевской ул., въ Архіерейскомъ домѣ.
*Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку газеты лишь въ
томъ случаѣ, если подписка принята въ Главной Конторѣ.*

Контора газеты открыта ежедневно, за исключе-
ніемъ дней праздничныхъ, отъ 9 час. утра до
6 час. пополудни.

Редакторъ-издатель Г. И. Коровицкій.

2-3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

НА

„С В Е Р Ъ“

XVI-й годъ изданія

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Въ 1901 году гг. подписчики „Сверга“ получаютъ: 52 №№ роскошно иллюстрированнаго журнала, въ литературномъ и художественномъ отдѣлахъ котораго, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, будутъ печататься произведенія нашихъ извѣстныхъ писателей и художниковъ; 52 №№ еженедѣльнаго обзорѣнія политической и общественной жизни, въ форматѣ газеты, составляющей отдѣлъ журнала „Сверга“; 12 №№ журнала „Парижскія моды, Хозяйство и Домоводство“, со множествомъ новѣйшихъ модныхъ рисунковъ и полезныхъ указаній, необходимость для хозяйства и домашняго обихода; 12 №№ выкроекъ на отдѣльныхъ большихъ листахъ, съ узорами и рисунками дамскихъ руководѣлій; кромѣ того, на основаніи пріобрѣтеннаго отъ автора права печатанія всѣхъ вышедшихъ въ свѣтъ его произведеній, редакция, не останавливаясь передъ значительными денежными затратами, дастъ въ теченіе одного 1901 года, въ книгахъ „Библиотеки Сверга“, на глазированной бумагѣ, съ портретомъ автора.

24 тома СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ 24 тома

Д. Д. МОРДОВЦЕВА

Въ отдѣльной продажѣ сочиненія эти стоятъ 20 руб.

Кромѣ всего этого, гг. годовые подписчики получаютъ роскошный альбомъ:

„Галерея русскихъ писателей и художниковъ“,

въ который войдутъ исполненные фототипографіей портреты нашихъ извѣстныхъ художниковъ слова, кисти и рѣзца, съ ихъ біографіями и характеристиками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ:

Безъ доставки въ С.-Петербургъ—6 р.; безъ доставки въ Москвѣ: 1) въ конт. Л. и Э Метцль и Ко; 2) въ книжн. маг. Альшвангъ и Герлахъ (прот. мал. театра)—6 р. 25 к.; безъ доставки въ Одессѣ въ кіоскахъ Г. В. Свистунова—6 р. 50 к. Съ пересылкой во всѣ города и мѣстн.—7 р.

На 1/2 года съ дост. и перес. 3 р. 50 к., на 3 мѣс.—1 р. 75 к., на 1 мѣс.—60 к. За границу—11 р.

Разсрочка допускается по полугодіямъ, четвертямъ года и по мѣсячно. Поручительство гг. казначеевъ и управляющихъ не требуется. Подписки въ кредитъ не принимаются. Подписавшіеся съ разсрочкою и уплатившіе къ концу года подписную плату сполна получаютъ премію наравнѣ съ гг. годовыми подписчиками. Подписки просятъ адресовать въ Главную контору журнала „Сѣверъ“ (СПБ., Невскій пр., 170) на имя изд. *Ник. Фед. Мерцля.*

Пробный № высылается бесплатно.

2-3

Газета политическая, общественная и литературная

ХАРЬКОВСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ

Выходитъ ежедневно.

Постоянныя рубрики газеты слѣдующія: 1) передовыя статьи по вопросамъ внутренней и вѣшной политики. 2) Отдѣльныя статьи, обсужденію мѣстныхъ вопросовъ. 3) Мѣстные извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ. 4) Послѣднія извѣстія (мѣропріятія слухи, проекты и т. п.) 5) Телеграммы. 6) Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной). 7) Корреспонденціи, 8) Новости науки, литературы и искусства. 9) Театръ и музыка. 10) Внутреннія извѣстія. 11) Земская и городская хроника. 12) Вѣшнія извѣстія. 13) Судебный отдѣлъ. 14) Фельетонъ (беллетристика оригинальная и переводная, критическія статьи, научные очерки и проч.). 15) Библиографическія замѣтки. 16) Смѣсь. 17. Справочный отдѣлъ.

Подписка принимается въ Харьковѣ, въ конторѣ „Харьк. Вѣд“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ перес. иногородн.: на 12 мѣс. 10 р., на 9 мѣс. 8 р., на 6 мѣс. 5 р. 75 к., на 3 мѣс. 3 р. на 2 мѣс. 2 р. 10 к., на 1 мѣс. 1 р. 20 к. Съ доставкой: на 12 мѣс. 9 р. 25 к., на 9 мѣс. 7 р., на 6 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., на 2 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. 1 р. Безъ доставки на 12 мѣс. 8 р. 25 к., на 9 мѣс. 6 р. 50 к., на 6 мѣс. 4 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 р. 25 к., на 2 мѣс. 1 р. 50 к., на 1 мѣс. 80 к.

Редакторъ Ефимовичъ.

2—3

„НЕДѢЛЯ“

принимается подписка на 1901 г. (тридцать четвертый годъ изданія).

„НЕДѢЛЯ“ состоитъ изъ двухъ изданій, еженедѣльной общественно-политической газеты „НЕДѢЛЯ“ и ежемѣсячнаго литературнаго журнала „КНИЖКИ НЕДѢЛИ“ и редактируется при ближайшемъ участіи *М. О. Меньшикова* и *П. Е. Накрохина*.

Въ послѣдніи годы въ „Недѣлѣ“ и „Книжкахъ Недѣли“ печатались произведенія *В. П. Авенариуса*, *К. Д. Бальмонта*, *А. Н. Будищева*, *И. А. Бунина*, проф. *Н. П. Вагнера* (Кота Мурлыки) *В. Л. Величко*, *Ө. Ө. Воропонова*, *П. П. Гнѣдича*, *В. М. Грибовскаго*, *В. Л. Дѣдлова*, *Г. Р. Каргрэмъ*, *А. Ф. Кони*, проф. *А. Н. и П. Н. Красновыхъ*, *Ө. Ө. Крыштофовича*, *М. А. Лофицкой*, *Евг. Л. Маркова*, *В. Микуличъ*, *С. Пругавина*, *О. П. Руновой*, *С. А. Рапопорта*, *И. Е. Рѣпина*, *К. К. Случевскаго*, *Влад. С. Соловьева*, *П. А. Тверскаго*, *В. А. Тихонова*, *К. И. Ттра К. М. Фофанова*, *Ант. П. Чехова*, *А. К. Шелера* (*Михайлова*), *Т. Л. Щепкиной-Куперникъ*, *И. И. Янжула* и др.

Соединеніе еженедѣльной общественно-политической газеты съ ежемѣсячнымъ литературно-критическимъ журналомъ даетъ возможность редакціи „НЕДѢЛИ“ служить всѣмъ интересамъ текущей жизни опираясь на тщательно выборный и провѣренный матеріаль.

Цѣна газеты „НЕДѢЛЯ“ съ КНИЖКАМИ „НЕДѢЛИ“
десять рублей въ годъ съ пересылкой и доставкой.

Въ уплатѣ подписной суммы допускается разсрочка: при подпискѣ—5 руб. и въ 1-му іюня—4 р., а также и на другихъ условіяхъ по соглашенію съ конторой редакціи.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „НЕДѢЛИ“ Фонтанка, 37, въ кн. магазинѣ И. Глазунова, Невскій 27, въ кн. Складѣ Т-ва „Трудъ“, Фонтанка, 86, въ Москвѣ въ конторѣ Печковской, кн. магазинѣ В. В. Думнова. Мясницкая д. Обидиной и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ Россіи.

Редакторъ-издатель В. П. Гайдебуровъ.

2-8

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЗДАНИЕ

Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества

„НАЧАЛЬНОЕ НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ РОССІИ“

подъ редакціей членовъ И. В. Э. Общества

Г. А. Фальборка и В. И. Черколускаго.

Въ программу изданія, являющаго результатомъ перваго, охватывающаго всю Имперію, изслѣдованія положенія въ Россіи народнаго образованія, входитъ изученіе школъ всѣхъ типовъ, положенія и состава учителей и учащихся въ нихъ, средствъ содержанія, постановки учебно-воспитательной, административной и финансовой стороны народной школы и т. д. Все изданіе заключаетъ въ себѣ свыше 200 печатныхъ листовъ большаго формата въ 8 томахъ *in folio* и состоитъ изъ текста, многочисленныхъ діаграммъ и картограммъ, статистическихъ таблицъ по губерніямъ, районамъ, уѣзднымъ городамъ Имперіи.

Цѣна за все изданіе по подпискѣ: 25 рублей, въ прочихъ пакахъ 28 рублей.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 15 рубл., а по выходѣ третьяго и четвертаго томовъ по 5 рубл. По закрытіи подписки цѣна будетъ повышена.

Первые два тома изданія (LIX+825 стр. вышли из печати и немедленно высылаются подписчикамъ. Цѣна каждаго тома въ отдельной продажѣ 6 рублей. Слѣдующій томъ печатается.

Подписка на изданіе принимается: въ С.-Петербурѣ, въ И. В. О. Обществѣ (Забалавскій пр., д. 33) и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

2-2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 3-й ГОДЪ

(съ октября 1900 по октябрь 1901)

Ежемесячнаго Иллюстрированнаго Изданія:

ИСКУССТВО

и

Художественная Промышленность,

подъ редакціей Н. П. СОВКО,

съ снимками въ черномъ видѣ и въ краскахъ, какъ въ текстѣ, такъ и на особыхъ листахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ годъ за 12 выпусковъ съ особыми приложеніями (въ общемъ до 1000 стр. текста и около 500 снимковъ), безъ дост. 8 р.; съ дост. и пер. 10 р.; за грав. 12 р.

Въ отдельной продажѣ—отъ 75 к. до 1 р. за выпускъ, при чемъ 1-я книжка высылается наложеннымъ платежомъ за 2 руб. съ зачетомъ этой суммы въ послѣдствіи при подпискѣ.

Иногородные подписчики, во избѣжаніе излишнихъ проводочекъ въ доставкѣ подписки черезъ книжные магазины, благоволятъ обращаться преимущественно въ Главную Контору: С.-Петербургу, Мойка, 83.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка отъ 40 до 60 коп. съ годового экземпляра, смотря по роду подписки.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные экземпляры первыхъ 2-хъ лѣтъ продаются по 10 руб., съ перес. по 12 руб.

2-3

Открыта подписка на

„РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

Журналъ безъ предварительной цензуры.

Цѣна съ пересылкой и доставкой на годъ 10 р., на полгода 6 р.,
на три мѣсяца 3 руб., на мѣсяць 1 рубль.

Для лицъ духовнаго званія, преподавателей среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ *пониженіе цѣны допускается по соглашенію съ редакціей.*

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ нихъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ объ этомъ въ конторѣ журнала.

Въ виду многочисленныхъ запросовъ, поступающихъ въ контору редакціи со стороны читателей, заявляемъ, что нынѣшнее издательство журнала ничего общаго съ прежнимъ не имѣеть.

2—3

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1901 года.

(Годъ 39-й)

„Русскій Архивъ“ въ 1901 году будетъ выходить по прежнему *двѣнадцатью выпусками*, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1901 году съ пересылкой и доставкой *девять рублей*. Для чужихъ краевъ—*дѣнадцать рублей*.

Подписка принимается въ *Москвѣ*, въ конторѣ „Русскаго Архива“ на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ кни-

живыхъ магазинахъ „Новаго времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

Въ приемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1884, 1887, 1888 и 1889 получаютъ, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р.; годы 1890, 1892, 1893, 1894, 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы 1898 и 1899 по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первые 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Алфавитнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна три рубля.

Составитель и издатель «Русскаго Архива» Петръ Бартеневъ.

3-3

ЗАПИСКИ

Императорскаго Харьковскаго Университета

(Адресъ Редакціи Харьковъ, Университетъ).

ВЫХОДЯТЪ ЧЕТЫРЕ РАЗА ВЪ ГОДЪ

(1-го Января, 1-го Марта, 1-го Мая и 1-го Ноября).

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Часть *официальная*: извлеченія изъ протоколовъ Совѣта, а также и другіе официальные акты и документы.

2) Часть *неофициальная*: а) научный отдѣлъ (ученныя изслѣдованія, сообщенія и наблюденія, публичные чтенія, отчеты объ ученыхъ командировкахъ и т. п.); б) критика и библиографія; в) Харьковская университетская лѣтопись (статьи и матеріалы по исторіи Харьковскаго Университета, біографіи и некрологи профессоровъ и почетныхъ членовъ Университета, отчеты о диспутахъ и пр.); г) приложенія, заключающія въ себѣ болѣе обширные труды, какъ-то: *диссертации, курсы, каталоги, описи музеевъ, архивовъ* и пр.

Подписная цѣна 4 руб. безъ пересылки, 5 руб. съ пересылкою, въ годъ; для студентовъ Харьковскаго Университета 2 руб. въ годъ.

Редакторъ Д. Овсянико-Куликовскій.

3-3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
 на 1901 годъ
 (32-й годъ изданія)
 на еженед. иллюстрированный
ЖУРНАЛЪ
 со многими приложениями

НИВА

Гг. подписчики „НИВЫ“ получать въ теченіе 1901 года:

52 №№

художественно-литературн. журнала „НИВА“ (около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ). Въ нумерахъ журн. между прочимъ, появятся: 1) еще нигдѣ не напечатанные посмертн. произвед. **Д. В. ГРИГОРОВИЧА:** „Очерки Венеціи“ и „Изъ замислой книжки“ (характеристика выдающихся современ. русскихъ дѣятелей и анекдоты изъ

изъ жизни); 2) рядъ статей со множествомъ рисунковъ картинъ и пр. подъ заглавіемъ: „**ХІХ ВѢКЪ**“

Эти статьи дадутъ читателю полную картину истекающаго столѣтія и составятъ отдѣльный роскошный томъ.

24 ТОМА

Полн. собранія
 СОЧИНЕНІЙ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО

съ портретомъ, факсимиле и биографическ. очеркомъ. Полное соб. соч. Г. П. Данилевскаго. *стѣщаясь въ отдѣльной продажѣ 15 руб.*, будетъ отпечатано на хорошо глазированной бумгѣ и будетъ приложено при „Нивѣ“ въ теченіе одного 1901 года подъ заглавіемъ: „Сборникъ Нивы“, въ 24 томахъ — по два тома въ мѣсяцъ, такъ что „Сборникъ Нивы“ 1901 года, по количеству матеріала для чтенія, значительно превзойдетъ „Сборникъ“ всѣхъ прежнихъ лѣтъ.

Назовемъ здѣсь только крупнѣйшія изъ произведеній Данилевскаго:
 I. РОМАНЫ: 1) Бѣглые въ Новоросіи, въ 2 частяхъ. 2) Воля, въ 2 ч. 3) Новый мѣсяцъ, въ 2 ч. 4) Девятый валъ, въ 3 ч. 5) Миревичъ, въ 3 ч. 6) Черный годъ, въ 3 ч. 7) Восемьсотъ двадцать пятый годъ, (отрывки). — II. ИСТОРИЧ. РОМАНЫ: 8) На Индію при Петрѣ I, въ 2 ч. 9) Княжна Тараканова, въ 2 ч. 10) Потемкинъ на Дунай. 11) Сожженная Москва, въ 2 ч. — III. ИСТОРИЧ. ПОВѢСТЫ: 12) Уманская рѣзня. — IV. ПОВѢСТЫ: 13) Не вытанцовалось, въ 2 ч. — Затѣмъ слѣдуютъ и много естество В. РАЗСКАЗОВЪ И ОЧЕРКОВЪ отдѣльныхъ и подъ общими заглавіями, напр.: „Семейная старина“, „Слобожане“, „Святочные вечера“, „Изъ литературныхъ воспоминаній“, „Украинская старина“, и проч. — V. СТИХОТВОРЕНІЯ — VI. ПИСЬМА ИЗЪ ЗАГРАНИЦЫ. — VII. ДРАМЫ ШЕКСПИРА: „Цимбелинъ“, и „Жизнь и смерть короля Ричарда Третьяго“. Переводы. — IX. МЕЛКИЯ СТАТЬИ и пр. и пр.

12 КНИГЪ

НИИ“ содержащихъ романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя и критическія статьи и проч. современныхъ авторовъ.

12 №№

„ПARIЖСКИХЪ МОДЪ“, выходящихъ еженесячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ по фасонамъ лучшихъ мастеровъ руководѣльныхъ и вышнѣйшихъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выроекъ въ натуральную величину, выходящихъ еженесячно.

12 ЛИСТОВЪ

„СТВЕННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1901 г., отпечатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годовое изданіе со всѣми приложениями: безъ доставки: 1) въ Сиб. — 5 р. 50 к. 2) въ Москвѣ, въ конг. Н. Н. Печковской (стрѣвск. линія) — 6 р. 25 к. 3) въ Одессѣ, въ кн. маг. „Образованіе“ (Григорьевск. № 12) — 6 руб. 50 коп. Съ доставкой въ С.-Петербургъ — 6 руб. 50 коп. Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи 7 руб. Заграницу 10 руб.

Требованія адресовать въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журн. „НИВА“. (А. Ф. Марксу), Малая Морская, д. № 22.

ОБЪ ИЗДАНИИ

КІЕВСКИХЪ

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1901 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обзорнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.
6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студенческой ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, *pro venia legendi* и т. п., а также и самыя диссертаци.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полныя курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—о ф-фициальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неоффициальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обзорѣню выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*,—заключающимъ къ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библиотеки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1901 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ *Извѣстій* безъ пересылки *шести рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкой *семь рублей*. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе *Университетскихъ Извѣстій* 3 руб сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину, въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатику, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ В. Ивонниковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ“.

въ 1901 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ казенныхъ прибавленій. Съ доставкой по гор. почтѣ на годъ 16 р.; на 6 мѣс. 9 р.; на 3 мѣс. 4 р. 50 к.; на 1 мѣс. 1 р. 80 к. Съ пересылкой иногородн. на годъ 17 р.; на 6 мѣс. 10 р.; на 3 мѣс. 5 р. 50 к.; на 1 мѣс. 2 р. За границу на годъ 26 р.; на 6 мѣс. 14 р.; на 3 мѣс. 8 р.; на 1 мѣс. 3 р.

Съ казенными прибавленіями. Съ доставкой по гор. почтѣ на годъ 18 р.; на 6 мѣс. 10 р. Съ пересылкою иногородн. на годъ 19 р.; на 6 мѣс. 11 р. За границу на годъ 28 р.; на 6 мѣс. 16 р.

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ чрезъ гг. казначеевъ (по особому съ ними соглашенію); для частныхъ же лицъ, обращающихся прямо въ контору редакціи: 7 руб. при подпискѣ, 5 руб. въ концѣ марта и 5 руб. 1 августа.

Для духовныхъ лицъ, воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, преподавателей народныхъ училищъ и всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а равно для общественныхъ библиотекъ и читаленъ подписная цѣна: 12 руб. въ годъ или по 1 руб. въ мѣсяцъ (исключительно черезъ контору „СПБ. Вѣдомостей“). Подписчикамъ, не внесшимъ въ срокъ подписныхъ денегъ, высылка газеты прекращается.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, Шпалерная 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской; *иногородные адресуютъ:* Петровскія линіи № 61. С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель князь **Э. Э. Ухтомскій**

Подписка на 1901 годъ

(XIX годъ изданія)

на ежедневную, политическую, экономическую и литературную газету

„ЮЖАНИНЪ“.

Въ 1901 году газета вступила въ новый фазисъ своего существованія съ обновленнымъ и значительно расширеннымъ составомъ редакціи.

Являясь выразителемъ интересовъ южной окраины Россіи, газета свое главное вниманіе обращаетъ на всестороннюю разработку экономическихъ и культурно-общественныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью избраннаго ею района.

Редакція газеты направляетъ всё свои средства къ своевременному и возможно полному сообщенію читателямъ извѣстій о событіяхъ, останавливающихъ на себѣ въ данный моментъ вниманіе всего цивилизованнаго міра. Для этой цѣли редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ столицахъ и въ главныхъ пунктахъ юга Россіи.

Къ участию въ газетѣ приглашены также сотрудники выдающихся столичныхъ изданій.

Газета издается по слѣдующей программѣ:

1) Оффиціальныи отдѣлъ; 2) Руководящія статьи по экономическимъ, политическимъ, юридическимъ, земскимъ и сельско-хозяйственнымъ вопросамъ; 3) Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и „Россійскаго Телеграфнаго Агенства“; 4) Земскій отдѣлъ; 5) Обзоръ жизни Юга; 6) Корреспонденція; 7) Хроника; 8) Наша печать; 9) Письма въ редакцію; 10) Мѣстная хроника; 11) Фельетоны общественные, научные, критическіе и литературные; 12) Театръ и музыка; 13) Наука, искусство и литература; 14) Судебная хроника; 15) Спортъ, смѣсь и шахматы; 16) Торговья свѣдѣнія (по телеграфу и телефону); 17) Справочный листокъ; 18) Объявленія.

Условія подписки на газету „Южанинъ“.

Съ пересылкой и доставкой: 1 м.—1 р., 3 м.—2 р. 50 к., 4 м.—3 р., 6 м.—4 р., 8 м.—5 р. 20 к., 10 м.—6 р. 30 к., 11 м.—6 р. 70 к., 12 м.—7 р. Безъ доставки и пересылки: 1 м.—75 к., 3 м.—2 р., 4 м.—2 р. 50 к., 6 м.—3 р. 50 к., 8 м.—4 р. 50 к., 10 м.—5 р. 30 к., 11 м.—5 р. 70 к., 12 м.—6 руб.

За границу къ подписной иногородней платѣ прибавляется по 50 к. въ мѣсяцъ. Подписка принимается только съ 1-го и 15 чиселъ мѣсяца.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы, если объ этомъ будетъ заявлено при подпискѣ, въ два срока: съ до-
ставку: къ 1-му января—4 руб. и къ 1-му мая 3 руб.; безъ до-
ставки: къ 1-му января—3 р, 50 к. и къ 1-му мая—2 р 50 к.

Редакторъ-Издатель С. П. Юрицынъ.

2-3

Общественно-педагогическая и литературная еженедѣльная газета

„Жизнь и Школа“

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

„Школьное Обозрѣніе“

(г. XIII)

подъ редакціей М. Виноградова.

Запросы современной жизни и школы съ каждымъ днемъ осложняются, становятся серьезнѣе, острѣе и требуютъ вдумчиваго и трезваго рѣшенія. Мы идемъ на встрѣчу этимъ запросамъ и по мѣрѣ нашихъ силъ служимъ выясненію и удовлетворенію ихъ. Мы не замыкаемся въ узкой рамкѣ будничной „жизни“ и въ тѣсныхъ стѣнахъ „школы“: шире раздвигаемъ нашъ горизонтъ и смотримъ на жизнь, какъ на школу, а на школу, какъ на жизнь. И поэтому всѣ явленія русской жизни и школы будутъ съ возможною полнотою отражаться въ нашемъ изданіи. Главное вниманіе наше, по прежнему, будетъ обращено на основные вопросы духовной жизни и идеальной школы.

Цѣна за годъ съ перес. и дост. 5 руб., за полгода—3 р. и за 3 мѣс. 2 руб.; для начальныхъ школъ и народныхъ учителей—4 р. въ годъ, за границу 6 руб. Допускается разсрочка платежа—по соглашенію съ Редакціей. МѢ-въ за прежніе годы „Школьнаго Обозрѣнія“ не имѣется. Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные комплекты газеты 1893 г., 1894 г. можно получать по два

руб., и 1895, 1896, 1898 и 1899 г. по 3 руб. за годъ. (Новые подписчики при выпискѣ газеты за прежніе годы, сверхъ того, пользуются 50% уст.). Библиотеки и бесплатныя читальни пользуются особой уступкой. Подписчикамъ предоставляется помѣщать бесплатно всякія объявленія, относящіяся къ спросу и предложенію труда, а именно: по найму учителей, гувернантокъ, боннь и т. п., а также по продажѣ изданій, книгъ и проч. Отъ учебныхъ заведеній принимаются объявленія объ условіяхъ приема и поступленія въ нихъ, а также объ имѣющихся вакансіяхъ учащихся и учащихся.

Доставившему подписку на десять экземпляровъ — одиннадцатый безплатно.

Подписка принимается въ главной конторѣ „ЖИЗНЬ и ШКОЛА“ и „ШКОЛЬНОГО ОБОЗРѢНІЯ“: С.-Петербургъ, Загородный пр., 34.

2—3

Открыта подписка

на ежемѣсячный литературно-научный журналъ
на 1901 годъ

„КАВКАЗСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(годъ второй),

издаваемый въ г. Тифлисъ В. Д. Коргановымъ, подъ редакторствомъ К. Н. Вьгичева, по слѣдующей программѣ:

1. Правительственныя распоряженія.
2. Кавказъ и сосѣднія съ нимъ страны въ историческомъ и современномъ отношеніяхъ. Мемуары, записки, воспоминанія, біографіи и некрологи выдающихся дѣятелей.
3. Статьи по различнымъ научнымъ отраслямъ, а также практическаго характера. Протоколы ученыхъ обществъ и общественныхъ учреждений.
4. Беллетристика: оригинальныя и переводныя романы, повѣсти, рассказы, драматическія произведенія, поэмы и стихотворенія.
5. Обзоръ событій мѣстной и европейской жизни. Корреспонденціи изъ Россіи и за-границы, преимущественно имѣющія отношеніе къ Кавказу и сосѣднимъ ему странамъ.
6. Литературная

критика и библиографія. Статьи по искусству. 7. Смѣсь: историческіе эскизы, анекдоты, мелкія беллетристическія произведенія и т. п. 8. Справочный отдѣлъ. 9. Объявленія.

По мѣрѣ надобности статьи въ журналѣ иллюстрируются виньетками, рисунками и портретами, а также къ нимъ прикладываются карты, планы и чертежи.

Для участія въ журналѣ приглашены лучшія научныя и литературныя силы въ Россіи. Для обзора заграничныхъ событій, касающихся Кавказа и соедѣнныхъ съ нимъ странъ, имѣются корреспонденты въ главныхъ городахъ Европы.

Редакція помѣщается на Авчальской ул. д. Корганова, № 28.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Городскіе: за годъ—9 р., $\frac{1}{2}$ года—5 р., 3 мѣсяца—3 р.
 Иногородніе: за годъ—10 р., $\frac{1}{2}$ года—6 р., 3 мѣс.—3 р. 50 к.
 За-границу: за годъ—12 р., $\frac{1}{2}$ года—7 р., 3 мѣсяца—4 руб.

За перемѣну адреса взимается 50 к.

За объявленія, помѣщаемыя въ книжкахъ журнала, взимается за цѣлую страницу 20 р., за $\frac{1}{2}$ стр. 12 р., за $\frac{1}{4}$ стр. 7 р.

Подписка на журналъ и объявленія принимается въ Тифлисъ, въ конторѣ журнала „Кавказскій Вѣстникъ“, на Головинскомъ пр., д. № 10, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

(2-й годъ изданія)

на большую ежедневную политическую и литературную газету

безъ предварительной цензуры

СЪВЕРНЫЙ КУРЬЕРЪ.

Въ основу своего міросозерцанія «Сверный Курьеръ» полагаетъ идею единства европейской цивилизаціи, не исключаящей началъ національной самобытности и ставитъ своей цѣлью добросовѣстное

изученіе русской жизни и освѣщеніе ея въ духѣ справедливости и развитія гражданственностями. Въ этомъ смыслѣ «Сѣверный Курьеръ» направляетъ всѣ усилія, чтобы быть вѣрнымъ выразителемъ прогрессивныхъ стремленій наиболѣе отзывчивой части русскаго общества. Придавая огромное значеніе совершающейся въ Россіи экономической эволюціи въ области земледѣлія и промышленности, «Сѣверный Курьеръ» внимательно слѣдитъ какъ за самымъ процессомъ эволюціи, такъ и за всѣми происходящими на этой основѣ измѣненіями въ духовной жизни народа, всюду выдвигая надъ узко-эгоистическими личными и групповыми интересами благо и интересы трудящихся массъ безъ различія сферы приложенія ихъ труда. Серьезное вниманіе удѣляется выясненію и установленію правильныхъ отношеній между центромъ и окраинами на основѣ полного признанія и уваженія правъ личности, національности и началъ вѣротерпимости. «Сѣверный Курьеръ» вѣритъ въ необходимость органическаго роста областного начала, желательность дальнѣйшаго расширенія сферы общественной самостоятельности и потому отводитъ подобающее мѣсто вопросамъ земскаго и городского самоуправленія, областнымъ интересамъ и нуждамъ. Не меньшее значеніе придаетъ газета успѣхамъ русской школы и просвѣщенія и въ этой области ставитъ своей задачей сплоченіе и объединеніе усилій разрозненныхъ дѣятелей на просвѣтительномъ поприщѣ. Серьезное вниманіе удѣлено также интересамъ науки, искусства и литературы.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ. 10 руб., на 6 мѣс. 5 руб., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 руб. За границу: на годъ 16 руб., на 6 м. 8 руб., на 3 мѣс. 4 руб., на 1 мѣс. 2 руб.

РАЗСРОЧКА допускается по четвертямъ, а для служащихъ (черезъ казначеевъ) по 1 р. въ мѣсяцъ (при подпискѣ на годъ въ теченіе первыхъ десяти мѣсяцевъ). Подписка принимается только съ перваго числа каждаго мѣсяца.—Объявленія принимаются во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Бол. Морская ул., 5 (отъ 12 до 4 час. дни). Отдѣленіе Конторы въ Москвѣ у. И. К. Голубева, Шокровка, д. церкви Іоанна Предтечи.

Издатель *Кн. В. В. Барятинскій*. Редакторы: *Кн. В. В. Барятинскій*. *К. И. Арабаджинъ*.

1
15 коп.
три мѣс.

БОЛЬШАЯ

1
15 коп.
три мѣс.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА и

ДВА ИЛЛЮСТРИРОВАН. ЖУРНАЛА

Второе изданіе „Биржевыхъ Вѣдомостей“ и

САМОСТЯТЕЛЬНЫЙ въ своихъ сужденіяхъ, чуждый тенденціознаго извращенія фактовъ и безусловно независимый органъ печати. Яркое освѣщая всѣ явленія общественной жизни, имѣя огромную сеть корреспондентовъ, эта газета, при всей своей твердости и неуклонности, справедливая и безпристрастная, уже много лѣтъ является, несомнѣнно

наиболѣе полнымъ
ВЫРАЗИТЕЛЕМЪ НУЖДЪ ПРОВИНЦИИ.

Главные отдѣлы газеты, а въ особенности передовой, политическій, съ театра военныхъ дѣйствій, столичной и провинціальной общественной жизни,

съ ЕЖЕДНЕВНЫМИ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ, телеграммъ, корреспонденцій и пр.— по своей полнотѣ и свѣжести совершенно отвѣчаютъ подобнымъ же отдѣламъ другихъ большихъ столичныхъ газетъ. Въ ней нѣтъ ненужныхъ несвязанныхъ, случайныхъ замѣтокъ, а ихъ замѣняетъ

живое слово.

Главная контора „Биржевыхъ Вѣдомостей“, С.-Петербургъ, Невскій 28.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА второго изданія „Биржевыхъ Вѣдомостей“, вмѣстѣ съ журналами и съ пересылкою: на годъ 4 руб. 60 коп., на 6 мѣсяцевъ—2 руб. 30 коп., на 3 мѣсяца—1 руб. 15 коп., на 1 мѣсяць—40 к.

Почтовые и гербовые марки въ уплату не принимаются.

Въ 1900 году болѣе 125,000 подписчиковъ.

- ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЕ ЖУРНАЛЫ
- 1) „Новая Иллюстрація“
 - 2) „Огонекъ“

какъ по содержанию, такъ и по характеру своихъ иллюстрацій совершенно **НОВАГО ДЛЯ РОССІИ ТИПА.** Въ живыхъ наброскахъ нашихъ художниковъ и корреспондентовъ, въ нихъ находятъ свои отраженія всѣ

ЗЛОБЫ ДНЯ.

Въ предстоящемъ году напечатаны: „ПЕТРОВСКІЕ ДНИ“, историческій романъ эпохи Императрицы Екатерины Великой, Гр. Е. А. Салиаса. „НЕЖДАННО - НЕГАДАННО“, большой бытовой романъ Вас. Ив. Немировича-Данченко.

15 ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ, ПРЕМИРОВАННЫХЪ
на литературномъ конкурсѣ
высшими наградами изъ 1108 произведеній, представленныхъ на конкурсѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЬ

1901 НОВЫЙ МІРЪ 1901

иллюстрированный двухнедельный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній, издаваемый ТОВАРИЩЕСТВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ, подъ редакціею П. О. Ольхина.

ЗА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ

безъ всякой доплаты за пересылку премій, подписчики „НОВАГО МІРА“ получаютъ въ теченіи 1901 года, съ доставкою и пересылкою во все мѣста Россійской Имперіи, слѣдующія пять изданій:

- | | | |
|---|---|--|
| <p>1) ЖУРНАЛЬ
„НОВЫЙ МІРЪ“
съ
«Всемирной Лѣтописью»
24 выпуска въ форматѣ лучшихъ европейскихъ иллюстрацій.</p> | <p>2) Иллюстриров. журналъ прикладныхъ знаній
„МОЗАИКА
НОВАГО МІРА“
(24 выпуска).
выѣщающій въ себѣ 16 рубрикъ.</p> | <p>3) ЖУРНАЛЬ
Литературные ВЕЧЕРА
новаго міра
12 ежемѣсячныхъ иллюстриров. книжекъ романовъ и повѣстей для семейнаго чтенія.</p> |
|---|---|--|

- 4) 12 изящно переплетенныхъ книгъ ежемѣсячнаго журнала „БИБЛИОТЕКА РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ“
въ составъ котораго войдетъ
- | | |
|--|---|
| <p>СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
М. Н. ЗАГОСКИНА
въ 12 изящно переплетенныхъ томахъ, съ біографіею и портретами писателя.</p> | <p>или
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ПРЕОСВ. ИННОКЕНТІЯ
въ 12 изящно переплетенныхъ томахъ, съ біографіею и портретами писателя.</p> |
|--|---|

Каждому подписчику предоставлено выбрать собраніе сочиненій того или другого писателя.

5) НОВЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЬ „ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ“

иллюстрированный вѣстникъ отчизновѣднія, исторіи, культуры, государственной и экономической жизни Россіи, издаваемый ТОВАРИЩЕСТВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ, подъ редакціею И. М. Ольхина.

Первый русский журналъ, посвященный исключительно изученію Россіи въ ея прошломъ и настоящемъ и выясненію и обсужденію ея нуждъ и потребностей, 52 №№ въ годъ.

Въ составъ журнала будутъ входить—въ *первомъ его отдѣлѣ*: статьи и изслѣдованія по всемъ вопросамъ русской жизни, описанія выдающихся мѣстностей, путешествія по Россіи, историческія изслѣдованія, соединяющія, вмѣстѣ съ серьезностью научной обработки, общедоступность изложенія; во *второмъ-же отдѣлѣ*: полная лѣтопись всего, что творится изо дня-въ-день на Руси во всѣхъ уголкахъ нашего отечества, корреспонденціи, сообщенія, замѣтки, обзоры разныхъ сторонъ русскаго быта и хроника русской жизни.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отдѣлѣ принимаютъ участіе лучшія научныя и литературныя силы, посвятившія себя изученію Россіи. Какъ тотъ, такъ и другой отдѣлы будутъ иллюстрированы преимущественно фотографическими автотипиями съ натуры—какъ наиболее точнымъ способомъ воспроизведенія дѣйствительности.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НОВОМУ МІРУ“ со всеми преміями и приложениями, съ доставкою и пересылкою во все мѣста Россійской Имперіи на годъ **14 р.**

Роскошное изданіе—18 руб. За границу—24 руб., роскошное изданіе—28 руб. Допускается разсрочка платежа, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 руб., остальные же деньги могутъ высылаться, по усмотрѣнію подписчика, ежемѣсячно, до уплаты всѣхъ 14 руб. При подпискѣ въ разсрочку первая безплатная премія (12 перепл. книгъ «Библиотека русск. и иностр. писателей» высылается только по уплатѣ всей подписной суммы.

Объявленія для помѣщенія въ журналахъ: „НОВЫЙ МІРЪ“ и «МОЗАЙКА НОВАГО МІРА»,—принимаются съ платою: съади текста по 40 коп. за строку нонпарели въ $\frac{1}{5}$ ширины страницы «Новаго Мира» или $\frac{1}{3}$ ширины «Мозаики Новаго Мира»; передъ текстомъ плата двойная.

Подписка на Новый Міръ и объявленія принимаются въ конторахъ журнала, при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ, въ С.-Петербургѣ, Гостинный Дворъ, № 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ № 12, а также въ редакціи «Новаго Мира», въ С.-Петербургѣ, Васильевскій Островъ, 16 линія, собст. домъ, №№ 5—7.

SLOVANSKÝ PŘEHLED

(Славянское Оздорвнне),

ежемѣсячный всеславянскій
журналъ

въ III-мъ году изданія

будеть издаваться по прежней программѣ. Журналъ выходитъ книжками въ 3 и больше листовъ, въ первую пятницу каждаго мѣсяца (исключая—августъ и сентябрь), заключая въ себѣ статьи и корреспонденціи, касающіяся культурной жизни всѣхъ славянскихъ народовъ, сверхъ того будутъ печататься переводы стихотвореній славянскихъ поэтовъ на чешскомъ языкѣ, библиографическія извѣстія изъ всѣхъ славянскихъ литературъ, свѣдѣнія о славянскомъ искусствѣ и пр.

Подписная цѣна для Россіи 3 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкою.

Подписка принимается въ конторѣ журнала «Slovanský Přehled» въ Прагѣ Чешской (адресъ: Nakladatelstvo F. Šimáček, Praha, Jerusalemksù ul. 11).

Издатель Ф. Шимачекъ.

Редакторъ А. Черны.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ V-ЫЙ.

1901 г.

ОТВЕРТА ПОДПИСОВА

1901 г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

выходящую ВЪ ОДЕССѢ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ
съ иллюстраціями въ текстѣ:

Рисунки событій дня, портреты общественныхъ дѣятелей, художниковъ, виды мѣстностей и т. под., появляющіеся на отдѣльныхъ листахъ не менѣе двухъ разъ въ недѣлю.

Съ Января 1901 г. въ иллюстр. листахъ будетъ печататься полный переводъ послѣдняго романа Эмиля ЗОЛЯ

„ТРУДЪ“.

Подписная цѣна на газету „Южное Обозрѣніе“: Въ Одессѣ съ дост. на домъ на годъ 6 р., 6 мѣс. 3 р. 50 к., 3 мѣс. 1 р. 80 к., 1 мѣс. 60 к. На города (съ пересылкой) на годъ 8 р., 6 мѣс. 4 р., 3 мѣс. 2 р., 1 мѣс. 70 к. Допускается разсрочка платежа.

Подписка принимается въ Одессѣ въ главной конторѣ газеты „Южное Обозрѣніе“, при типографіи Исаковичъ и Вейленсонъ, Гаванная ул., соб. домъ.

Редакторы: *В. Н. Маракуевъ. Н. П. Цакни.*

Издатель *Г. М. Бейленсонъ.*

Годовые подписчики „Южнаго Обозрѣнія“ имѣютъ право пріобрѣтать слѣдующія вновь выходящія въ 1901 году иллюстрированныя изданія по значительно уменьшеннымъ цѣнамъ:

„ЖЕНСКІЙ АЛЬМАНАХЪ“

подъ редакціей проф. А. Н. Деревницкаго и Н. Т. Герцо-Виноградскаго.

Въ „Женскомъ Альманахѣ“ принимаютъ участіе: А. Е. Богрова, З. А. Венгерова, П. И. Вейнбергъ, М. Л. Волкова, И. А. Гриневская, Л. Я. Гуревичъ, С. П. Даль, В. Каменская, проф. А. И. Кирпичниковъ, Е. Ѳ. Литвинова, М. П. Салтыкова, О. Н. Чюмина, О. А. Шапиръ и др.; составленіе отдѣла по женскому образованію любезно принялъ на себя проф. А. Н. Деревницкій.

Просятъ гг. годовыхъ подписчик. заявлять свои требованія на „Женскій Альманахъ“ не позже 15 февраля 1901 г.

ТЕХНИЧЕСКІЙ, городск. и сельскаго хозяйствъ СБОРНИКЪ
подъ редакціей инженера *Г. М. Вольфензона* и *В. И. Зуева*,

Просятъ гг. подписчиковъ заявлять свои требованія на „Техническій Сборникъ“ не позже 15 февраля 1901 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901-й ГОДЪ

НА ГАЗЕТУ

„ВОСХОДЪ“

выходящую два раза въ недѣлю

и ежемѣсячный журналъ „КНИЖКИ ВОСХОДА“

Восходъ посвященъ интересамъ еврейскаго народа. Онъ стремится къ укрѣпленію внутреннихъ силъ еврейства, подъему культурнаго уровня массы и объясненію сязь интеллигенціи на дружной работѣ на народной еврейской нивѣ; его задача—служить дѣлу національнаго возрожденія, гражданской и общественной эмансипаціи евреевъ среди другихъ народовъ.—Газета выходитъ два раза въ недѣлю, разм. въ 2 печ. листа, и имѣетъ слѣд. содержаніе: **руководящія статьи** по всеѣмъ текущимъ вопросамъ еврейской жизни въ Россіи и за границей, **хроника** всеѣхъ новѣйшихъ извѣстій, **корресп.** изъ провинціи и загранич., **сенатская** и **судебная практика** по еврейскимъ дѣламъ (сен. указы), **юридич. бесплатная консультація** (отвѣты на юрид. вопросы подписчиковъ въ особомъ отдѣлѣ), **обзоры** евр., русской и польск. **печати**, **фельетонъ** (разск. и проч.), **обзоры общей политич. жизни** Россіи и иностр. государствъ, критика и библиографія.

ЦѢНА ГАЗЕТЫ—7 руб. въ годъ (допуск. разсрочка: при подпискѣ—3 р., въ 1 марта—2 р. и въ 1 іюля—2 р.).

КНИЖКИ ВОСХОДА—выходятъ **ежежѣсячно** въ разм. до 10 печ. лист. **Повѣсти** и **разказы** изъ евр. жизни, стихотв. и популярн. научныя статьи по исторіи, литературѣ, религіи, философіи, критикѣ, **вопр обществ. жизни**. **Книжки восхода**—единственный журналъ, посвященный еврейской литературѣ и наукѣ, на русскомъ языкѣ. Желая способствовать его широкому, распространенію, новая редакція установила отдѣльную подписку за **крайне доступную цѣну:**

12 книгъ за 3 руб. (съ перес.).

Главная Контора «Восхода» помѣщается въ С.-Петербургѣ, Площадь Большого Театра, д. 2.

Подписчики на оба изданія, внесшіе до 1 января 1901 г. всю плату за годъ, получаютъ газету въ этомъ году со дня подписки **бесплатно.**

Годовые подписчики на оба издания получают въ 1901 году бесплатное приложение: Сборникъ повѣстей и разсказовъ одного изъ талантливѣйшихъ современныхъ беллетристовъ И. Зангвилля, въ изящно изданномъ томѣ, разм. до 20 печ. листовъ.

1-3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ (12 годъ изданія)

На общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Въ теченіе 1900 года въ «Русской Школѣ» напечатаны были между прочимъ, слѣд статьи: 1) Педагогическій съѣздъ въ Одессѣ въ 1881 году. Громака-Громаченка; 2) Въ былой духовной школѣ. М. Кукина; 3) Замѣтки и наблюденія (изъ записокъ бывшаго сельскаго учителя). Дидо; 4) вспомогательныя школы для отсталыхъ и малоспособныхъ дѣтей на Западѣ Д-ра Щеглова; 5) Положеніе естествовѣдѣнія въ заграничныхъ среднихъ школахъ. Н. Кричагина; 6) Школьный день. А. П. Нечаева; 7) Умственное утомленіе и переутомленіе. Проф. И. Оршанскаго; 8) О постановкѣ преподаванія и воспитанія сообразно естественному ходу умственнаго развитія, Проф. И. Сикорскаго; 9) Средняя школа въ Россіи тридцать лѣтъ тому назадъ. Проф. В. А. Бильбасова; 10) Соображенія школьнаго врача по поводу реформы средней школы. Д-ра А. С. Виреніуса; 11) Наши школьныя вопросы. (Изъ посмертныхъ бумагъ). В. Стоюнина; 12) Школьныя противорѣчія. Старова; 13) Наши учителя, ученики и система. П. Головачева; 14) Пансіоны и общежитія А. Анастасіева; 15) Къ вопросу о матеріальномъ положеніи педагоговъ вашей средней школы. Юрія Андреева; 16) По вопросу о положеніи учителей городскихъ училищъ. И. У.; 17) По поводу толковъ о введеніи новаго устава для духовно-учебныхъ заведеній. П. Маркова; 18) Къ вопросу о пересмотрѣ программъ классическихъ гимназій. М. Тростникова; 19) Изъ исторіи народной школы. В. А. Бильбасова; 20) Вліяніе народнаго образованія на народныя богатство, здоровье и нравственность. П. Мнжуева; 21) Насущный вопросъ въ области народнаго образованія. И. Бѣло-

конскаго; 22) Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію за 1899 годъ. Его же; 23) Организація книжной помощи народнымъ учителямъ. М. Новикова; 24) На пользу русской народной школѣ. М. Страховой; 25) Вопросъ о всеобщемъ обученіи крестьянскаго населенія въ тверскомъ земствѣ. И. Красноперова; 26) Начальныя народныя училища въ Вятской губерніи. А. А. Красева; 27) Русское начальное народное образованіе на Парижской всемірной выставкѣ. И. Бѣлоконскаго; 28) О преподаваніи педагогики въ женскихъ гимназіяхъ. А. Анастасіева; 29) Критическій обзоръ способовъ обученія правописанію Ап. Соболева; 30) Объ арифметическихъ задачахъ алгебраическаго характера. С. Шохоръ-Троцкаго; 31) Объемъ задачи и цѣль пренедевитическаго курса естествовѣдѣнія въ средней школѣ. М. Ускова; 32) О желательной постановкѣ курса средневѣковой исторіи. Проф. Н. И. Карѣва; 33) Опытъ психологіи грамоты. Кл. Тихомирова и многія другія.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы“, кромѣ отдѣла критики и библіографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Зап. Ев. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессиональнаго образованія В. В. Бирюковича и пр.

«Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—семь руб., съ доставкой 7 руб. 50 коп.; для вногородныхъ съ пересылкой—восемь руб.; за границу девять руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за шесть руб. въ годъ съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ**



ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ.

Двадцать первый годъ изданія.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Выходитъ ежедневно безъ предварительной цензуры.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, экономической и общественной жизни. III. Обзорные газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“. V. Последнія извѣстія (сообщенія собственныхъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. Маленькій фельетонъ. X. Вѣсти съ юга: корреспонденци „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденци „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XII. Извѣстія по горному дѣлу. XIII. Внѣшнія извѣстія: письма заграничныхъ корреспондентовъ, последняя почта. XIV. Фельетонъ: научный, беллетристическій, критическій и общественной жизни. XV. Судебная хроника. XVI. Библиографія. XVII. Смѣсь. XVIII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XIX. Почтовый ящикъ. XX. Календарь. XXI. Справочныя свѣдѣнія: засѣданія учебныхъ обществъ, театръ и зрѣлища, дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, и резолюціи по нимъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. XXII. Стороннія сообщенія. XXIII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ очень многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Редакція ежедневно получаетъ извѣстія изъ Петербурга и Москвы отъ собствен. корреспондентовъ.

Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамили, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политиканъ, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ.

Подписная цѣна на 1901 годъ:

съ доставкою въ Харьковъ:

На 12 м. 10 р., 11 м. 9 р. 50 к., 10 м. 9 р., 9 м. 8 р. 25 к.,
8 м. 7 р. 50 к., 7 м. 6 р. 75 к., 6 м. 6 р., 5 м. 5 р. 25 к.,
4 м. 4 р. 50 к., 3 м. 3 р. 40 к., 2 м. 2 р. 40 к., 1 м. 1 р. 20 к.

Съ пересылкою иногороднимъ:

На 12 м. 11 р., 11 м. 10 р. 50 к., 10 м. 10 р., 9 м. 9 р. 20 к.,
8 м. 8 р. 50 к., 7 м. 7 р. 80 к., 6 м. 7 р., 5 м. 6 р., 4 м. 5 р.,
3 м. 4 р., 2 м. 3 р., 1 м. 1 р. 50 к.

Допускается разсрочка платежа за годовую экземпляръ по соглашенію
съ конторой.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ
главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Сумской улицѣ,
въ домѣ А. А. Юзефовича, № 13.

„Южный Край“ печатается НА РОТАЦИОННОЙ МАШИНѢ МАРИНОНИ, ПОЛУЧЕННОЙ ИЗЪ
ПАРИЖА, которая даетъ до 20,000 оттисковъ въ часъ.

Редакторъ-издатель А. А. ЮЗЕФОВИЧЪ.

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

двадцать второй годъ

на ежемѣсячное литературно-политическое изданіе

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Вышла декабрьская (двѣнадцатая) книга журнала. Содержаніе: 1) Тернистый путь. (Разсказъ).—И. А. Салова. Окончаніе. 2) Злая немочь. (Разсказъ).—Н. Анненковой-Бернардъ. 3) Ледъ растаялъ.—Франца Фердинанда Гейтмюллера. (Пер. съ нѣм.).—Н. К. 4) Другъ для друга. (Повѣсть).—И. Н. Потапенка. (Окончаніе). 5) Первое путешествіе, первая ложь. Альфонса Додэ. Пер. съ фр. Макса Ли. (Окончаніе). 6) Будничный день. Новелла Антонія Потоцкаго (Грота).—(Пер. съ польск.) В. М. Л. 7) Всемирный языкъ и народныя языки.—В. В. Лесевича.

(Окончаніе). 8) Главнѣйшіе представители Дарвинизма въ западной Европѣ. Августъ Вейсманнъ. М. А. Мензбира. 9) Къ вопросу о нашихъ университетахъ. Старога профессора. 10) Очерки санитарной статистики. П. И. Курбина. (Окончаніе). 11) Сенъ Симонъ и начатки французскаго позитивизма. И. И. Иванова. (Окончаніе). 12) О нашемъ фабричномъ законодательствѣ. В. П. Литвиновъ-Фалинскій: „Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи“. Спб., 1900 г.)—И. О. 13) Фридрихъ Ницше. Аристократическій радикализмъ. Статья Георга Брандеса. Пер. съ датск.—В. С—ой. 14) Письма о западѣ. (Письмо первое). П. С. Когана. 15) Генрикъ Сенкевичъ. (Съ итальянскаго). Е. К. 16) Земскій подвижной школьный музей.—О. К—ской. 17) Возраженіе Г. И. П. По поводу статей г. Хитрово о русск. воен. уголовн. процессѣ и возможной его реорганизаціи. Н. П. Хитрово. 18) Письмо въ редакцію. По поводу книги д-ра П. И. Якобіа: „Основы административной психіатріи.—Д-ра Вл. Яковенка. 19) Со стороны (Письма изъ деревни).—Веталиса. 20) Внутреннее обозрѣніе. 21) Иностранное обозрѣніе.—В. А. Г. 22) Письма о современномъ искусствѣ. 23) Горе героямъ! (Письмо въ редакцію).—Ив. И. Иванова. 24) Библиографическій отдѣлъ. 25) Объявленія.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкою во всѣ мѣста Россіи: на 12 м. 12 р., 9 м. 9 р., 6 м. 6 р., 3 м. 3 р., 1 м. 1 р. Зиграницу: на 12 м. 14 р., 9 м. 10 р. 50 к., 6 м. 7 р. 3 м. 3 р. 50 к., 1 м. 1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1-го апр., 1-го іюля, 1-го октября по 3 руб. при непосредственномъ обращеніи въ контору или ея отдѣленія. Цѣна отдѣльнаго номера съ перес. 1 р. 30 к. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 к. съ полнаго годового экземпляра. Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается. Подписка принимается: въ Москвѣ, въ к-рѣ журнала. Шереметевскій пер., д. гр. Шереметева, кв. 30., въ Сиб. въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Кіевѣ, въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина; въ Варшавѣ, въ кн. маг. Н. П. Карбасникова, въ Вильнѣ, въ кн. маг. Н. П. Карбасникова.

При редакціи находится магазинъ русск. и иностр. книгъ. (Уг. Б. Никитской ул. и Леонтьевск. пер., д. Хилатова) съ приемомъ подписки на всѣ журналы, газеты и словари Брокгауза и Гречата. Кн. маг. принимаетъ на комиссію истор. изданія и высылаетъ по первому требованію всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты, принимаетъ на себя составленіе народн. и другихъ библиотекъ на какія угодно суммы, даетъ справки по открытію библиотекъ и складовъ для продажи книгъ.

Редакторъ-Издатель В. М. Лавровъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. П. А. КУЛИШЪ. Биограф. очеркъ. Гл. I—V. В. Шенрока.	153—179
II. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. (Продолженіе). Ор. Левицкаго.	180—216
III. УКРАИНСКАЯ ВѢДЬМА. (Очеркъ). В. Милорадовича.	217—233
IV. НАША ДОЛЯ—БОЖА ВОЛЯ. Повість. (Продолженіе). Д. Яворницкаго.	234—282
V. ПИСЬМА М. М. ЛАЗАРЕВСКАГО КЪ Т. Г. ШЕВЧЕНКУ (1857—1859 г. г.). В. Н.	283—300
VI. ПАМЯТИ В. С. ГНИЛОСЫРОВА. В. Науменка.	301—307
VII. М. Т. СИМОНОВЪ (НОМИСЬ). Некрологъ. В. Н.	308—311

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Нѣкоторыя данныя для биографіи Т. Г. Шевченка. В. Д.; б) Письмо А. Л. Метлинскаго къ Н. И. Костомарову о проектѣ общества для изданія малорусскихъ народныхъ книгъ; в) Письмо В. В. Тарновскаго къ Т. Г. Шевченку; г) Вѣнчаніе вокругъ «джи». Сообш. В. Доманицкій; д) Къ бытовой исторіи малорусскихъ монастырей; е) Переселеніе малороссіянъ въ Тамбовскій край въ полов. XVIII в.; ж) Къ исторіи народнаго волненія, бывшаго въ гетманщинѣ вслѣдъ за поставленіемъ Мазены гетманомъ; з) Походное вооруженіе гетманскаго козака; и) Литература народнаго самоврачеванія въ Малороссіи; і) Два універсала Спиридону Шираю, 1688 г.; к) Опись домашнихъ вещей бунч. тов. Григорія Фридрикевича; л) Могила подъ Любаромъ; м) Справка В. Срезневскаго.	65—84 84—91
II. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Записки Науковаго Товариства імени Шевченка, т. XXXVІІ и XXXVІІІ. В. Д.; б) А. Я. Ефименко. «На Украинѣ». Очерки и рассказы. В. Д.; в) Указатель къ матеріаламъ, собраннымъ г. Чубинскимъ въ «Трудахъ этнограф.-статистической экспедиціи Имп. Русск. Геогр. Общ. въ западно-русскій край». Кіянина; г) Свящ. о. Игнатій Лотоцкій. Виннице-Браиловскій женскій монастырь и его святыни. В. Д.; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.	92—120 121—130
III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Прилуцкій полкъ. Ал. Лазаревскаго. Листъ 12-ый.	177—192

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXII.

1901 г.

ФЕВРАЛЬ.



К І Е В Ъ

Типографія Императорскаго Университета Св. Вл.
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.

1901.

Дозволено цензурою. Київ, 13 январа 1901 года.

П. А. КУЛИШЪ.

(Биографическій очеркъ). ¹⁾

Отъ редакціи.

Четыре года тому назадъ, когда получено было извѣстіе о смерти П. А. Кулиша, 2-го февраля 1897 года, нашъ журналъ далъ обѣщаніе постоянно удѣлять мѣсто на страницахъ своихъ матеріаламъ для всесторонней оцѣнки дѣятельности такого виднаго работника на родной нивѣ. Въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ, „Кіевская Старина“ выполняла данное обѣщаніе, печатая обширную переписку П. А. Кулиша со многими лицами. Переписка эта, по мнѣнію редакціи, есть тотъ первый матеріалъ, который болѣе всего умѣстенъ для печати, подготавливая всѣ данныя, на основѣ которыхъ только и можетъ быть составлена *впоследствии* вполне справедливая и безпристрастная оцѣнка какъ самой личности, такъ и ея трудовъ. Говоримъ *впоследствии* потому, что дѣятели, подобные Кулишу, слишкомъ широко раскинувшіеся въ своей работѣ, игравшіе роль не только въ наукѣ, но и въ публицистикѣ, и даже въ политикѣ, не могутъ сразу

¹⁾ Настоящій очеркъ былъ провѣренъ вдовой покойнаго Кулиша, Александрой Михайловной, и покойнымъ его другомъ и родственникомъ В. М. Бѣлозерскимъ.

быть оцѣнены по достоинству современниками: слишкомъ еще живо, а иногда и болѣзненно, отзывается въ современности та активная роль, которая выпала на ихъ долю. Вотъ причина, заставившая насъ четыре года тому назадъ воздержаться отъ подведенія какихъ-бы то ни было итоговъ дѣятельности П. А. Кулиша и ограничиться напечатаніемъ маленькаго некролога,¹⁾ исполненнаго лиризма на почвѣ примиренія съ почившимъ и принадлежавшаго перу М. Т. Номиса (Симонова), некрологъ котораго мы помѣщаемъ теперь въ этой же книжкѣ.

Прошло четыре года—и мы все-же не чувствуемъ себя вправѣ рѣшить, что теперь наступилъ уже часъ высказать безошибочное сужденіе о личности и дѣятельности П. А. Кулиша: мало еще удалились въ область прошедшаго тѣ дѣла, съ которыми тѣсно были связаны жизнь и труды покойнаго. Единственно, что возможно сдѣлать теперь—это въ біографическомъ очеркѣ дать тотъ, болѣе или менѣе, объединенный матеріалъ, который поможетъ впереди нарисовать правдивый обликъ умственной и нравственной фізіономіи виднаго общественнаго работника. Мы знаемъ, что, печатая теперь біографію П. А. Кулиша, составленную уважаемымъ нашимъ сотрудникомъ В. И. Шенрокомъ, мы оставляемъ много мѣста для внесенія въ эту біографію иныхъ страницъ, съ дополненіями и поправками, а также и съ инымъ освѣщеніемъ, но пусть все это будетъ сдѣлано впереди, пусть портретъ съ полной разрисовкой всѣхъ чертъ создастся постепенно, а пока-что читатель во всякомъ случаѣ получитъ хоть общій контуръ этой многозначительной для нашей Украины личности, этого почтеннаго сочлена знаменитой украинской тріады писателей середины прошлаго вѣка.

Ред.

Приступая къ описанію жизни извѣстнаго патриота и писателя Пантелеймона Александровича Кулиша, мы сознаемъ всю трудность взятой на себя задачи—въ виду, съ одной стороны,

¹⁾ 1897 г. № 3.

ея важнаго значенія, а съ другой—необычайно разностороннихъ дарованій и дѣятельности покойнаго. Мы далеки отъ самоувѣренной надежды дать въ нашемъ очеркѣ полное воспроизведеніе его духовнаго облика, и въ то же время намъ кажется желательнымъ и умѣстнымъ позаботиться о своевременномъ сохраненіи существующихъ данныхъ для изученія жизни этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго дѣятеля, имѣющаго несомнѣнное и притомъ многостороннее историческое значеніе. Покойный Кулишъ по многимъ причинамъ особенно заслуживаетъ вниманія, и притомъ вовсе не со стороны однихъ только малороссовъ,—уже потому, что это былъ рѣдкій подвижникъ умственнаго труда, труда неустаннаго, самоотверженнаго и согрѣтаго пламенной любовью къ родинѣ. Какъ понималъ Кулишъ призваніе всей своей жизни и дѣлалъ-ли ошибки, выполняя это призваніе,—это вопросъ весьма трудный и сложный, по поводу котораго неизбѣжно и долго будутъ возникать разногласія. Но теперь, когда его дѣятельность отошла уже въ исторію, невозможно отказать его кипучей энергій въ значительной дозѣ чистаго идеализма. Это былъ дѣятель, несмотря на многія свои достоинства и заслуги, въ концѣ своей жизни въ значительной степени неощененный и забытый. Причиной этому было, главнымъ образомъ, его раннее, въ силу обстоятельствъ, отстраненіе отъ широкой общественной и литературной арены, обособленность его научныхъ работъ послѣднихъ лѣтъ и погруженіе въ отдаленномъ хуторѣ въ трудовую отшельническую жизнь. Еще задолго до своего затворничества Кулишъ, съ ужасомъ предчувствуя возможность подобной перспективы, говорилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ роднымъ: „Сердце мое содрогается отъ мысли, что я могу опуститься въ хуторѣ, какъ многіе другіе, начавшіе свою жизнь иначе. Нѣтъ, я такъ не кончу: и послѣднія мои минуты будутъ отданы—если не труду, то благороднымъ помысламъ и завѣтамъ“. Эти слова, вырвавшіяся невольно въ самомъ заурядномъ и совершенно неинтересномъ въ остальныхъ отношеніяхъ письмѣ, по нашему мнѣнію, именно поэтому получаютъ особенное значеніе, и они въ самомъ дѣлѣ потомъ вполнѣ оправдались на дѣлѣ. Трудъ,

у порный и неутомимый трудъ, не смотря ни на что, наполнилъ всю жизнь Кулиша и продолжался до послѣднихъ дней его. И ничто не было въ силахъ сломить этой энергіи и остановить этой дѣятельности: ни всевозможныя нападенія и интриги періодической печати известной фракціи и частныхъ лицъ, ни многочисленныя внѣшнія препятствія, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести и неизбѣжныя житейскія дразги, особенно тяжелыя для бѣднаго человѣка, ни пожаръ, истребившій многолѣтними трудами съ любовью собранную бібліотеку, ни временами постигавшая его ужасающая бѣдность, граничившая почти съ нищетой, ни, наконецъ, обидное полузабвеніе при жизни и невозможность печатать многіе и обширные труды, остававшіеся по годамъ въ рукописяхъ. И всю жизнь Кулишъ бился объ желѣзную стѣну и все спѣшилъ работать до надрыва, подавляемый сознаніемъ необъятности стоящихъ на очереди задачъ, какъ это неизбѣжно бываетъ удѣломъ людей, страстно преслѣдующихъ широкія цѣли. Въ другомъ, тоже незначительномъ письмѣ, мы находимъ еще слѣдующія любопытныя строки, похожія отчасти на отчаянный вопль: „я занятъ вѣчно и чувствую себя въ долгу у всѣхъ, кому бы слѣдовало показать вниманіе. Некогда жить на свѣтѣ!“. Все это, естественно, оставаясь въ тѣни при жизни Кулиша, имѣетъ, однако, огромное значеніе для правильнаго сужденія о немъ по смерти.

До составленія полной и исчерпывающей дѣло біографіи, конечно, далеко; для этого было бы необходимо предварительно привести въ извѣстность и издать всѣ сочиненія, переводы и письма Кулиша, словомъ, все оставшееся отъ него обширное литературное наслѣдіе, чтобы была передъ глазами и чувствовалась вся, едва ли многими предполагаемая, колоссальная громада имъ написаннаго, ¹⁾ переведеннаго и задуманнаго, чтобы имѣть возмож-

1) Въ одномъ письмѣ къ львовскому профессору Огоновскому Кулишъ перечисляетъ, напр., слѣдующіе свои переводы изъ Шекспира: «Король Лиръ», «Коріоланъ», «Ромео и Джульета», «Цезарь», «Мак-

ность не только вполне разобраться во всемъ этомъ, но и изучить все, что должно пройти болѣе яркій свѣтъ на его личность и дѣятельность, словомъ, необходимо исполнить много предварительныхъ работъ, которыя, не говоря о томъ, что онѣ требуютъ многихъ лѣтъ, пока невозможны еще вслѣдствіе множества затрудненій. Только вооружившись всѣмъ этимъ историко-литературнымъ и біографическимъ аппаратомъ, можно было бы представить обстоятельную и всестороннюю оцѣнку и полный обзоръ дѣятельности Кулиша и обрисовать вполне его личность и значеніе для украинской и русской литературъ. Не задаваясь такой обширной цѣлью, мы считаемъ желательнымъ въ нашемъ очеркѣ по крайней мѣрѣ приблизительно показать, какую замѣчательную личность и умственную силу представлялъ собой покойный, показать высоту его стремленій и идеаловъ, предоставляя другимъ оцѣнку его такъ называемыхъ „увлеченій“, наконецъ, дать представленіе о томъ, какъ, не смотря ни на какія обстоятельства, Кулишъ вѣчно трудился и не зарылъ по собственной винѣ ни одного изъ многихъ данныхъ ему природой талантовъ, хотя многіе изъ нихъ, быть можетъ не проявились вполне—по винѣ общественныхъ и другихъ внѣшнихъ условій. Желательно было бы, наконецъ, вызвать дальнѣйшія работы по изученію и изданію трудовъ Кулиша, чтобы не заглохли безплодно брошенные имъ сѣмена, не погибли его оригинальные труды и переводы на малоросійскомъ языкѣ многихъ капитальнѣйшихъ произведеній всемірной литературы, и не остался въ неизвѣстности и забвеніи и самоотверженный подвигъ всей жизни этого несомнѣнно талантливаго идеалиста. ¹⁾

беть», «Антоній и Клеопатра», «Мѣра за мѣру», «Много шума изъ ничего», «Гамлетъ» и проч.; называетъ также свои переводы изъ Байрона („Чайльдъ Гарольдъ“) и изъ Гейне. Всѣ эти переводы частію уже напечатаны, а частію готовятся къ печати. Обстоятельный перечень переводовъ Кулиша см. въ „Кіевск. Стар.“ 1899, IX, 366—379.

1) Въ «Исторіи Славянскихъ литературъ» Пыцина и Спасовича Кулишъ прямо названъ „наиболѣе ревностнымъ защитникомъ малоросскаго интереса въ литературѣ“ (изд. I, 226).

Мы должны оговориться, что въ изложеніи событій, относящихся къ раннимъ годамъ жизни Кулиша до половины сороковыхъ годовъ, мы пользовались, за недостаткомъ другихъ данныхъ, уже напечатанными сочиненіями, именно воспоминаніями г. Чалаго въ „Кіевской Старинѣ“ (1897, V) и краткой біографіей Кулиша, напечатанной въ одномъ заграничномъ изданіи. 1) При томъ мы будемъ постоянно имѣть въ виду, главнымъ образомъ, личную жизнь Кулиша, какъ по указаннымъ выше соображеніямъ, такъ и потому, что окончательный трудъ по составленію біографіи Кулиша, по нашему мнѣнію, долженъ быть принятъ на себя спеціальнымъ знаткомъ малорусской и русской литературъ и политическихъ отношеній этихъ странъ въ послѣднія десятилѣтія. 2)

I.

Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ родился 27 іюля 1819 года въ мѣстечкѣ Воронежѣ, глуховскаго уѣзда черниговской губерніи, въ коренной Малороссіи, неподалеку отъ Новгородсѣверска. Предки Кулиша извѣстны со временъ Петра Великаго. 3) Отецъ его происходилъ изъ исконнаго козацкаго рода. Хотя при императрицѣ Екатеринѣ II многіе изъ болѣе выдающихся козацкихъ родовъ начали получать дворянство и къ числу пожалованныхъ принадлежалъ также и дѣдъ Кулиша, несмотря даже на неимѣніе имъ чина, но отецъ нашего писателя, Александръ Андреевичъ, согласно Императорскому указу Николая I, въ качествѣ въ свою очередь невыслужившаго чиновъ,

1) «Правда» — журналъ, издававшійся въ Львовѣ 1868 г.

2) Характеристику литературной дѣятельности Кулиша читатель можетъ найти въ „Исторіи украинской литературы“ Петрова, Кіевъ, 1884, стр. 264—296 и въ „Исторіи русской этнографіи“, А. Н. Пыпина, т. III, стр. 188—222.

3) Одинъ изъ нихъ былъ при Петрѣ войсковымъ товарищемъ, другой сотеннымъ атаманомъ.

долженъ былъ считаться простымъ козакомъ. 1) Родители Кулиша слыли за людей зажиточныхъ; они владѣли въ окрестностяхъ Воронежа кое-какими пустошами, лѣсами и полями. Но они были оба простые и неизбалованные люди, вели самый скромный образъ жизни, а отецъ даже самъ пахалъ землю съ наемными рабочими. Это былъ человѣкъ добрый, но вспыльчивый и суровый въ обращеніи, не спускавшій рабочимъ ни малѣйшей оплошности, за что и былъ прозванъ „горячій Кулишъ“. Прозвище это унаслѣдоваль и его даровитый сынъ, но въ примѣненіи къ нему оно получило уже иное, болѣе почетное значеніе. 2)

Отецъ Кулиша женился на гораздо болѣе родовитой, чѣмъ онъ, воронежской дворянкѣ, но его первая жена вскорѣ умерла; оставшись вдовцомъ, онъ вступилъ во второй бракъ съ дочерью сотника Катериной Гладкой. Послѣдняя сначала не хотѣла выходить за вдовца, но упорное сватовство скоро привело къ желанной цѣли. Катерина Ивановна Кулишъ, урожденная Гладкая, сильно побаивалась своего мужа и, говорятъ, трепетала при звукахъ его голоса, но вмѣстѣ съ тѣмъ пользовалась вліяніемъ на него въ присутствіи постороннихъ людей, потому что при всемъ крутомъ характерѣ, Александръ Андреевичъ очень гордился умомъ жены и любилъ показывать, какъ онъ ее цѣнитъ и любитъ. Въ самомъ дѣлѣ, это была женщина простая и необразованная, но замѣчательно умная и добрая. Въ то время въ ху-

1) По этому указу правъ дворянства лишались лица, не выслужившія чиновъ въ двухъ поколѣніяхъ.

2) Кромѣ указанной черты характера, т. е. способности за все братья горячо и все принимать къ сердцу, Кулишъ унаслѣдоваль отъ отца также необычайное, по истинѣ бенедиктинское, трудолюбіе и неутомимую жажду дѣятельности: какъ въ рукахъ отца спорилось всякое ручное и хозяйственное дѣло, такъ и у сына всегда кипѣла работа и чисто практическаго свойства, вплоть до столярнаго и переплетнаго мастерства и рисованья акварелью, сѣней, масляными красками, карандашемъ и гальваноцластикой, но особенно всякое научное и литературное предпріятіе.

торскомъ быту еще никому не приходила мысль обучать грамотѣ дѣвочекъ, и если кто вздумалъ бы заговорить объ этомъ, то ему непременно возразили бы: „а на что это нужно? чтобы она научилась любовникамъ „письма писать?!“ Но, не смотря на невѣжество, женщина эта была такъ богата природнымъ умомъ, что производила на окружающихъ самое внушительное впечатлѣніе. Говорятъ, что когда она посреди бесѣды стремительно вскакивала съ мѣста и дѣлала жестъ, призывавшій къ молчанію, всѣ утихали и слушали. Доброта ея уже видна изъ того, что она горячо привязалась къ своему грозному мужу и при одномъ ласковомъ взглядѣ его забывала горе и слезы, считая себя въ замужествѣ съ нимъ счастливѣйшей женщиной. Изъ многочисленнаго своего семейства Катерина Ивановна съ особенной нѣжностью любила сына Тимоѳея, котораго рано лишилась и потомъ всегда представляла себѣ въ своихъ грустныхъ грезахъ чуть ли не единственнымъ въ мірѣ ребенкомъ. Но не этому любимцу ея, а седьмому или даже восьмому по старшинству ея ребенку было суждено прославить дарованіями свою фамилію.

Мальчикъ Пантелеймонъ родился очень слабымъ; онъ казался чуть живымъ и очень поздно, на третьемъ году, едва началъ говорить, и то какъ-то особенно растягивая слова. Въ одной изъ его повѣстей, напечатанныхъ въ „Основѣ“ подъ заглавіемъ „Другой чоловік“, изображено празднованіе рожденія будущаго писателя; отецъ его зазывалъ на пиръ всѣхъ встрѣчныхъ, такъ что скоро дворъ превратился въ какую-то почтовую станцію, загроможденную экипажами. Когда мальчику было четыре года, умеръ его братъ Тимоѳей. Послѣ этого мать перенесла свою любовь на Пантелеймона, холила и лелѣяла его; отца же онъ побаивался и, подобно матери, дрожалъ, слышавъ издали его голосъ. Съ своей стороны, отецъ не особенно благоволилъ къ своему, какъ ему казалось, неудачному ребенку, хилому и слабому, тогда какъ онъ особенно цѣнилъ физическія преимущества, обладая и самъ могучимъ тѣлосложеніемъ.

Въ этой малокультурной средѣ, гдѣ не вели толковъ ни о литературѣ, ни о политикѣ, росъ даровитый ребенокъ; впрочемъ

родители его умѣли находить себѣ достойныя развлеченія, и въ домѣ Кулишей, въ кругу близкихъ знакомыхъ, часто пѣлись украинскія пѣсни, рассказывались старинныя преданія. Особенно мать Кулиша славилась дивнымъ голосомъ; она умѣла привлекать къ себѣ своими артистическими наклонностями (разумѣется, достаточными лишь для скромнаго хуторскаго обихода), но еще больше добротой и обходительностью и умѣвьемъ ободрить ласковымъ словомъ, подать совѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она была очень религіозна и, обладая замѣчательною памятью, хорошо знала Библию и церковную службу.

Кулишъ рано лишился матери¹⁾ и, по его словамъ, „взросъ одинокимъ мальчикомъ въ сообществѣ отца, который горячо любилъ его, но утомлялъ чтеніемъ Державина и ариѳметическими задачами“. ²⁾ Этимъ, впрочемъ, и ограничилась его ученость, что не мѣшало ему, по словамъ сына, быть Аристотелемъ между сосѣдями, причемъ главными данными для такого отзыва служили его природныя дарованія. Кулишъ такъ характеризуетъ его въ своихъ „Воспоминаніяхъ дѣтства“: „Онъ былъ отъ природы человѣкъ очень умный и отличный говорунъ. Жилъ онъ не щегольски, какъ и всѣ наши сосѣди; но въ его осанкѣ явно выражалось такое сознаніе собственнаго достоинства, которое было-бы въ пору какому-нибудь знатному барону³⁾. О своихъ родителяхъ и ихъ вліяніи на себя въ годы дѣтства Кулишъ говоритъ такъ: „Кругомъ нашего хутора не было ни одного

1) Говоря о матери Кулиша, позволимъ себѣ здѣсь повторить легенду о томъ, что когда ребенкомъ онъ учился у какого-то дьячка и однажды ночевалъ въ школѣ, дьячокъ, проснувшись, увидѣлъ свѣтъ въ хатѣ и за столомъ пишущаго Панюшу; на вопросъ о томъ, что онъ дѣлаетъ, дьячекъ не получилъ отвѣта и вдругъ замѣтилъ, что свѣтъ погасъ, а мальчикъ спокройно спитъ подлѣ него. Мать считала этотъ сонъ пророческимъ.

2) «Воспоминанія дѣтства», стр. 119. Бахмутъ 1899 г.—Ниже вездѣ указаны точныя цитаты приводимыхъ мѣстъ выраженій, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онѣ взяты изъ ненапечатанныхъ писемъ.

3) Тамъ же, стр. 105.

значительнаго имѣнія, котораго владѣлецъ былъ бы знакомъ съ культурною жизнью большого города... Отецъ мой, какъ и его сосѣди, были прямые потомки тѣхъ козаковъ, которые пріобрѣли право дворянства, не усвоивши себѣ привычекъ образованной жизни. Они какъ будто вчера скинули старосвѣтскіе жупаны и надѣли запоздалаго покроя сюртуки... Я не очень сильно привязанъ былъ къ дому родительскому, потому что у меня не было матери: родной кровь и мать—эти два понятія одно съ другимъ неразлучны¹⁾. Но дѣтство Кулиша не было совершенно лишено сердечнаго женскаго вліянія; передъ нимъ мелькнула одна загадочная и оригинальная личность, Ульяна Терентьевна Мужилловская, сперва окружившая себя небывалой роскошью и блескомъ среди убогой простоты хуторскаго быта, гдѣ казалась чудомъ ея роскошная мебель, серебряная и фарфоровая посуда и картины на стѣнахъ, а потомъ все раздавшая бѣднымъ и не оставившая себѣ ничего изъ прежнихъ благъ. Хуторъ ея, казавшійся невиданнымъ въ провинціальной глуши дворцомъ, и сама владѣтельница, проникнутая строгимъ и идеальнымъ взглядомъ на жизнь, отказавшаяся потомъ отъ міра и постригшаяся въ монахини, произвела глубокое впечатлѣніе на душу воспримчиваго мальчика и представлялась его воображенію какимъ-то высшимъ, почти неземнымъ существомъ. Кулишъ потомъ навѣщалъ ее въ годы студенчества, а когда сталъ зарабатывать достаточно денегъ, всегда помогалъ ей, и даже въ половинѣ 50-хъ годовъ, среди собственныхъ нуждъ, находилъ небольшія деньги, чтобы выплачивать назначенную пожизненную пенсію. Эту личность онъ изобразилъ въ своей повѣсти „Исторія Ульяны Терентьевны“. Заграничная біографическая записка о Кулишѣ, приписывая важное значеніе вліянію Ульяны Терентьевны на зарожденіе въ его душѣ идеализма, называетъ ее второй матерью. Кулиша²⁾ и указываетъ на сходство въ ихъ судьбѣ, именно въ

1) «Воспомнанія Дѣтства», стр. 119,

2) Это мнѣніе подтверждается собственными словами Кулиша, который въ «Воспомнаніяхъ дѣтства» называетъ ее „благодѣтельной

томъ, что оба они, увлекшись идеалистическими стремленіями испортили себѣ жизнь, если смотрѣть на дѣло съ внѣшней, практической стороны.¹⁾ Ульянѣ Терентьевнѣ Кулишъ былъ обязанъ и тѣмъ, что былъ отданъ въ гимназію въ Новгородъ-Сѣверскѣ. Не располагая большими средствами и не получивъ самъ образованія, отецъ Кулиша едва-ли могъ бы остановиться на этой мысли, но онъ не рѣшился отказать уважаемой имъ Ульянѣ Терентьевнѣ, и ей, такимъ образомъ, принадлежитъ заслуга спасенія мальчика отъ духовнаго мрака предковъ, въ который онъ легко погрузился бы, еслибы осуществились мечты его отца отдать его на службу въ повѣтовый судъ.

Такъ какъ Новгородсѣверскъ отстоитъ отъ мѣстечка Воронежя на разстояніи тридцати верстъ, то мальчикъ былъ отданъ въ чужой домъ. Его помѣстили у одной офицерской вдовы Хлопотовой, знакомой отца, но послѣдняя жила такъ далеко отъ училища, что мальчику приходилось съ немалыми затрудненіями добираться въ дождливую погоду до училища по грязнымъ буеракамъ и косогорамъ. Въ домѣ своей хозяйки увидѣлъ Кулишъ ту самую Оеклушу, которая была имъ потомъ изображена въ повѣсти того же названія, но авторъ отступилъ отъ истины въ изображеніи конца своей героини, которая у него топится въ рѣкѣ, тогда какъ настоящая Оеклуша выбросилась изъ окна („покинулась“).

феей“ и говорить о ней, что „каждое его воспоминаніе о ней проникнуто умиленіемъ и всѣ ея поступки обвѣяны дыханіемъ поэзіи“ (стр. 196). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Не мужское дѣло воспитывать дѣтей: ихъ дѣло профессорствовать. Женщинѣ ввѣренъ драгоценный долгъ питать и согрѣвать юную раскрывающуюся душу“ (242). Наконецъ онъ прямо говоритъ: „Съ умиленіемъ пишу о ней, пишу съ чувствомъ сына, молящагося на могилѣ матери“ (стр. 145). Эта тихая, сердечная и вмѣстѣ умная и образованная женщина отчасти способствовала даже пробужденію въ Кулишѣ научной любознательности (см. стр. 205, 206, 222 и пр.), но особенно имѣла благотворное вліяніе на его нравственное развитіе (245).

¹⁾ «Правда», Львовъ, 1868, стр. 32.

Въ училищѣ Кулишъ продолжалъ свою дружбу съ Чуйкевичемъ и сблизился съ новымъ товарищемъ Діонисіемъ Подружниковымъ, а изъ учителей ему навсегда остался памятенъ Яковъ Яковлевичъ Игнатъевъ, изображенный имъ впоследствии въ повѣсти того-же заглавія, большой оригиналъ „выражавшійся языкомъ, какимъ писались книги прошлаго столѣтія“. ¹⁾ Онъ преподавалъ ариметику, нѣмецкій языкъ, чистописаніе и рисованіе. По старинному обычаю учитель требовалъ отъ своихъ питомцевъ не столько познаній и любви къ наукамъ, сколько добродѣтельныхъ приношеній живностью и мукой, и пока отецъ Кулиша не догадался объ этомъ, сынъ его не былъ на хорошемъ счету, но послѣ приношеній ученическая репутація мальчика стала быстро возвышаться, не смотря на то, что въ раннемъ возрастѣ духовныя силы его развивались туго и никакъ не позволяли пока провидѣть въ немъ будущаго литератора. Но рано дала себя знать артистическая жилка, сказавшаяся прежде всего въ мастерскихъ рисункахъ. Можно сказать, что Кулишъ отъ природы имѣлъ такое же призваніе къ живописи, какъ къ литературѣ и наукѣ; еще ребенкомъ онъ научился самоучкой чертить мѣломъ на стѣнахъ лошадей, церкви и т. п. Любопытно, что не только школьный учитель Кулиша, увидѣвъ въ первый разъ его рисунки, ни за что не хотѣлъ вѣрить, чтобы они могли принадлежать карандашу его ученика, пока не убѣдился въ томъ очевидностью; но и помощникъ попечителя кіевского округа Юзефовичъ, будущій покровитель Кулиша, впалъ впоследствии въ такое же сомнѣніе и также былъ пораженъ искусствомъ. Впрочемъ въ годы ученія большой помѣхой для усѣховъ Кулиша въ рисованіи было невѣжество въ своемъ предметѣ его учителя рисованія Кириллова, который скоро принужденъ былъ сознаться, что онъ не въ состояніи руководить своего питомца. Но, сойдясь съ своимъ товарищемъ Готовымъ, Кулишъ, по словамъ Чалаго, „заключилъ съ нимъ союзъ взаимопомощи: Готовъ отлично рисовалъ пейзажи, а Кулишъ былъ искусный жан-

1) „Воспоминанія дѣтства“, стр. 27.

ристь, ловко изображавшій живыхъ людей,—потому, не ожидая указаній со стороны преподавателя, они сами себя совершенствовали. Не посѣщая иногда уроковъ, они запирались въ квартирѣ и рисовали, поправляя одинъ другому свои работы.¹⁾ Мало пользы принесъ Кулишу и Яковъ Яковлевичъ, не умѣвшій толково разъяснять уроки ариѳметики, такъ что Кулишъ шелъ успѣшно, лишь пока проходили первыя дѣйствія, объясненныя ему еще дома, но встрѣтилъ потомъ большія затрудненія, когда дошелъ до дробей, тогда какъ его товарищъ Подпружниковъ, обладая сильной механической памятью, вполне удовлетворялъ наставника своего. Къ обученію своему подъ фѣрулой Якова Яковлевича Кулишъ относился потомъ съ добродушной насмѣшливостью. Однажды, уже въ 1853 г., онъ писалъ И. С. Аксакову, выражая сожалѣніе о томъ, что ему въ дѣтствѣ мало удалось наслаждаться малороссійской деревенской весной: „Въ то время, когда бы мнѣ слѣдовало дышать запахомъ розъ,“—говорилъ онъ—„я дышалъ уличною пылью, а вмѣсто соловьиныхъ пѣсенъ слушалъ учительское объясненіе Якова Яковлевича“. Не смотря на неблагоприятную обстановку, способности Кулиша стали быстро развертываться въ школѣ, такъ что, едва переведенный, единственно за красивый почеркъ, изъ приготовительнаго класса въ первый (ему сильно мѣшало тогда пониманіе книжнаго русскаго языка), Кулишъ сдѣлался потомъ первымъ ученикомъ и во многомъ опередилъ товарищей; онъ сталъ быстро рѣшать въ умѣ задачи, прекрасно владѣлъ языкомъ, а грамматика и правописаніе усваивались имъ со сказочной легкостью и быстротой, какъ будто ученіе сразу далось какимъ-то чудомъ. Но особенно замѣчательна была его способность писать и запоминать стихи и рано пробудившееся въ немъ эстетическое чувство. Любимымъ поэтомъ его всю жизнь былъ Пушкинъ, стихи котораго онъ часто цитировалъ въ устной бесѣдѣ и въ письмахъ, но на школьной скамьѣ онъ увлекался преимущественно балладами Жуков-

¹⁾ «Кіевская Старина», 1897, V, стр. 294.

скаго и отчасти стихотвореніями Державина.¹⁾ Въ своемъ преклоненіи передъ поэзіей онъ встрѣтилъ живое сочувствіе въ лицѣ товарища Сердюкова, который, будучи двумя годами старше его, при хорошей памяти, едва могъ равняться съ Кулишомъ своими познаніями въ области русской поэзіи, хотя превосходилъ его во всѣхъ другихъ предметахъ и нерѣдко, какъ бы заступая для него мѣсто учителя, помогалъ ему своими объясненіями. Изъ своихъ товарищей Кулишъ очень полюбилъ Чуйкевича и Подпруджника; Сердюкова же онъ уважалъ до того, что этотъ мальчикъ казался ему ученѣе ихъ общихъ учителей. Дойдя до четвертаго класса гимназіи, Кулишъ имѣлъ столкновеніе съ учителемъ алгебры, притѣснявшимъ учениковъ и вынуждавшимъ ихъ брать у себя частныя уроки. Когда однажды Кулишъ замаялся въ рѣшеніи одной задачи и получилъ отъ учителя замѣчаніе, онъ вдругъ рѣшительнымъ тономъ заявилъ: „Боги поставьте мене навколишки, то забыну на вики алгебру, якъ же на сей разъ мени простыте,—буду добрымъ учнемъ“. Учитель, однако поставилъ его на колѣни, а Кулишъ бросилъ алгебру. На экзаменѣ въ присутствіи директора Тимковскаго Кулишъ сказалъ, что онъ ровно ничего не знаетъ изъ алгебры; но послѣдній, зная способности мальчика, выставилъ ему хорошій баллъ, взявъ съ него слово, что онъ займется этимъ предметомъ.

II.

Ранніе годы Кулиша прекрасно описаны имъ въ его „Воспоминаніяхъ дѣтства“, составившихся изъ повѣстей „Яковъ Яковлевичъ“, Ульяна Терентьевна“ и „Оеклуша“. Всѣ эти повѣсти біографическія и представляютъ значительный интересъ какъ по мѣткому и правдивому изображенію старинной жизни въ одномъ изъ незамѣтныхъ уголковъ Россіи, такъ и по мастерской обрисовкѣ нѣсколькихъ ярко очерченныхъ лицъ. Какъ въ зер-

¹⁾ См. „Воспоминанія дѣтства“, стр. 164.

калѣ здѣсь отражается незатѣйливая простота провинціального быта и нравовъ со всей своей безцвѣтностью и однообразіемъ; передъ нами проходятъ силуэты безхитростныхъ людей, обреченныхъ на беспросвѣтное прозябаніе въ мертвой глуши, прозябаніе, не свободное однакожъ отъ бурь и страстей. Содержаніе всѣхъ повѣстей составляетъ задушевное воспроизведеніе впечатлѣній нѣжнаго и отзывчиваго подростка, сумѣвшаго тонко подмѣтить и оцѣнить въ окружавшихъ его заурядныхъ людяхъ много истинно-прекраснаго; рассказъ ведется ретроспективно, съ точки зрѣнія пытливой дѣтской наблюдательности. Психологически вѣрно изображена свѣжесть и чуткость дѣтскихъ впечатлѣній, живо схваченъ, такъ сказать, самый тонъ чувствъ и ощущеній мальчика лѣтъ 12—14-ти и живо представлено его положеніе въ кругу взрослыхъ. Передъ нами смысленный ребенокъ, одаренный живымъ воображеніемъ и зоркой наблюдательностью, еще вполне живущій впечатлѣніями минуты и безпечно приглядывающійся къ старшимъ; онъ легко сживается съ ними и невольно располагаетъ къ себѣ своей чистой дѣтской привязанностью, а часто оказывается догадливѣе¹⁾ и даже проникательнѣе ихъ, вполне сохраняя въ то же время свойственныя возрасту наивность и простодушное невѣдѣніе жизни. Авторъ имѣлъ по-этому право сказать, что въ дѣтствѣ ему „міръ представлялся свѣтлою духовною областью, въ которой все родное, все одинаково прекрасное тотчасъ взаимно чувствуетъ себя и сплѣснуть сблизиться“ и что его „душа была тогда довѣрчиво открыта любви и дружбѣ, какъ цвѣтокъ солнечному сіянію“. „Боже“—продолжалъ онъ—„какъ я не похожъ теперь на того цвѣтущаго всѣми силами ребенка, о которомъ вспоминать составляетъ для меня наслажденіе“. ²⁾ Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: „все, что поражало мой глазъ и ухо, отражалось въ мой душѣ, живописно и музыкально. Поэтому я не могу вспомнить ни малѣйшаго

¹⁾ Забавно между прочимъ, какъ однажды онъ надоумливаетъ своего стараго учителя поцѣловать ручку у невѣсты.

²⁾ «Воспоманія дѣтства», стр. 111.

обстоятельства моего дѣтства, которое бы не пробудило въ памяти моего сердца гармоническаго сочетанія радости и грусти, веселыхъ и мрачныхъ впечатлѣній“. 1) Благодаря этимъ качествамъ, Кулишу удалось много извлечь для своего духовнаго развитія изъ самой скудной обстановки и потому онъ такъ страстно потомъ отыскивалъ возвратную дорогу въ тѣ годы, которымъ нѣтъ возврата. 2) Но всего привлекательнѣе было въ подросткѣ пробуждавшееся живое чувство красоты природы и поэзіи и теплая отзывчивость сердца на доброту и ласку. Съ какою любовью, на примѣръ, онъ восхищался, какъ „вечернее солнце играло на сѣдыхъ волосахъ“ 3) старика и умѣлъ находить красоту въ самыхъ простыхъ пейзажахъ: „Какъ хорошо потянулись внизъ по рѣкѣ горы, на которыхъ бѣдные домики городка Н. усѣлись между садовъ, точно гуси на лугу. Какъ ярко сіяютъ монастырскія главы!“ и проч. Благодатные природныя задатки способствовали устраненію и смягченію всякихъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ вліяній, если вѣрить слѣдующимъ словамъ Кулиша: „Я одинокой своей жизни дома, скучному училищному быту и отсутствію материнской любви приписываю раннее развитіе во мнѣ симпатіи ко всему, что манитъ сердца“. 4) Какъ видно изъ одного признанія автора, онъ искалъ въ бесѣдѣ съ читателемъ сердечнаго отклика на дорогія чувства, желая въ то же время воздать честь памяти симпатичныхъ ему людей и подѣлиться этой свѣтлой памятью съ другими. Задача—дать почувствовать душевную красоту неэффектныхъ героевъ и заставить ихъ полюбить такъ, какъ любилъ ихъ связанный съ ними интимными воспоминаніями авторъ,—это задача не изъ легкихъ, и удачное ея разрѣшеніе дѣлаетъ въ нашихъ глазахъ большую честь какъ искусству его пера, такъ и краснорѣчію сердца. Читая эти воспоминанія, пронизанные и согрѣтые любовью, невольно думаешь, что не такъ

1) Стр. 117.

2) Стр. 388.

3) Стр. 118.

4) Стр. 130.

бѣдна человѣческая природа, какъ часто кажется, но что не всегда душа наблюдателя бываетъ одарена такою чуткостью ко всему доброму, какъ мы видимъ это у нашего автора.

Ш.

Еще въ школѣ Кулишъ дѣлалъ большіе успѣхи въ словесныхъ предметахъ; онъ охотно писалъ товарищамъ планы для предложенныхъ сочиненій, а исторію Кайданова, благодаря изумительной памяти, зналъ почти наизусть и даже, подъ вліяніемъ этого риторическаго руководства, въ отвѣтахъ употреблялъ напыщенные выраженія, которыя при воспоминаніи возбуждали въ немъ смѣхъ въ зрѣлыя годы. Раздѣляя съ нимъ любовь къ словесности, пріятель товарищъ его, Сердюковъ, охотнѣе изучалъ нѣмецкую литературу и увлекался поэзіею [Гете, тогда какъ Кулишъ совершенно погрузился въ родную украинскую словесность и, оставивъ отъ товарища въ начитанности, превзошелъ его раннимъ яворствомъ, пробуя свои силы на небольшихъ повѣстяхъ, какъ напр. „Цыганъ“, появившейся въ изданномъ Гребенкой въ 1841 г., альманахѣ „Ластівка“. Когда до Кулиша дошли первыя повѣсти Гоголя, восторгамъ его не было границъ; въ то же время онъ упивался произведеніями Квитки, особенно „Марусей“.

Но все это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ упоеніемъ, съ той жаркой юношеской страстью къ народной поэзіи, которую зажегъ въ душѣ юноши случайно попавшійся въ его руки сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ Максимовича. Объ этомъ событіи въ своей жизни Кулишъ такъ говоритъ въ „Воспоминаніяхъ о Костомаровѣ:“ „Николаша“ (Костомаровъ), какъ мы всѣ, питомцы общерусскихъ школъ, въ началѣ пренебрегали хохлатчиною и думалъ на языкѣ Пушкина. Но съ обоими нами, на двухъ отдаленныхъ точкахъ Малороссіи, произошелъ замѣчательный случай. Ему въ Харьковѣ попалъ въ руки сборникъ украинскихъ пѣсенъ Максимовича, 1827 г., а я въ Новгородѣ Сѣвер-

скомъ также случайно сдѣлался обладателемъ украинскихъ думъ и пѣсенъ того же Максимовича, 1834 г. Мы оба въ одинъ день изъ великорусскихъ народниковъ сдѣлались народниками малорусскими¹⁾ Подѣлился Кулишъ своей радостью съ Сердюковымъ, и забыли они надолго обо всемъ, чѣмъ увлекались прежде, и скоро вѣсть о чудной находкѣ облетѣла всѣхъ одноклассниковъ-гимназистовъ. Кулишъ сталъ приносить въ классъ сборникъ и увлекалъ товарищей молодой, захватывающей душу, восторженной декламаціей. Сильно западаютъ впечатлѣнія въ ранніе годы, и цѣлый новый міръ обаятельныхъ поэтическихъ образовъ открылся воображенію юноши: національная старина ожила и получила глубокій смыслъ для юнаго патріота, и глубоко хватала его за сердце то разгульныя и бодрья, то заунывныя, но всегда очаровательныя своей задушевностью украинскія мелодіи. Хмельницкій, Сагайдачный, Дорошенко, Коновченко безпрестанно мелькали въ его воображеніи и возбуждали въ немъ глубочайшую симпатію. Всю книгу выучилъ Кулишъ наизусть и никогда потомъ, не разставался надолго съ излюбленнымъ сборникомъ. Когда Кулишъ пѣлъ столь полюбившіяся ему пѣсни, въ звуки ихъ онъ влагалъ свою душу и своимъ увлеченіемъ неудержимо заражалъ слушателей.

Не смотря на свою любовь къ наукѣ и поэзій и на быстро развивавшіяся способности, а частью, можетъ быть, даже благодаря имъ, Кулишъ, въ надеждѣ черезъ нѣкоторое время выдержать экзамень въ только что учреждавшійся кіевскій университетъ, противъ воли отца, оставилъ гимназію. Но какъ гимназистъ, вышедшій изъ пятаго класса, онъ могъ, по тогдашнимъ правиламъ, получить право на университетское испытаніе не ранѣе, какъ по истеченіи двухъ лѣтъ. Вслѣдствіе этого ему пришлось взять на себя обязанности домашняго учителя въ помѣщичьихъ домахъ. Тогда-то онъ началъ въ свободное время являться среди народа и, мастерски умѣя войти во вкусы и довѣріе своихъ собесѣдниковъ, затрагивалъ самыя чуткія струны

1) «Новь», 1885, № 13, стр. 63.

ихъ души. Его, обращенная къ нимъ задушевная рѣчь, его воодушевленная, льющаяся изъ души пѣснь легко пролагали себѣ дорогу къ ихъ сердцу. Кулишъ обращался съ простолюдиномъ, какъ другъ, забывая о своей принадлежности къ привилегированному сословію, и безъ всякихъ заднихъ мыслей, которыя, какъ бы ни были благородны и самоотверженны, всегда имѣютъ свойство возбуждать въ народѣ инстинктивную подозрительность и недоброжелательство. Кулишъ же обходился съ людьми изъ народа, какъ съ младшими братьями, не по принципу, а просто по побужденію сердца, чѣмъ и производилъ неотразимое обаяніе. Такимъ характеромъ отличались его отношенія къ народу отъ ясной зари до позднего заката его дней. Слупая, какъ онъ декламируетъ на память думы, народъ чувствовалъ въ немъ своего искренняго, а въ звукахъ исполняемыхъ имъ мелодій ему слышалось что-то родное, кровное и невыразимо-дорогое. Въ такія минуты высокаго наслажденія забывались прозаическія заботы; душа пѣвца и слушателей сливались, переполняясь счастьемъ тихой грусти, которая дороже и выше всякаго веселья. Такъ устанавливалась между Кулишомъ и его аудиторіей столь сердечная связь, что о немъ сложилась наивная легенда, будто бы онъ—переодѣвшійся въ національный костюмъ царскій сынъ. Одинъ старикъ, сзывая своихъ сыновей слушать пѣніе Кулиша, въ отвѣтъ на обнаруженное ими удивленіе, такъ какъ дѣло было въ будни, сказалъ: „работа не уйдетъ, а *такого* гостя больше не увидимъ!“ То же наивное, но задушевное сочувствіе выразилось въ послѣдствіи и въ хуторскихъ разсказахъ послѣ смерти Кулиша о томъ, будто бы онъ былъ похороненъ въ золотой гробъ, т. е. въ золотомъ гробѣ.

IV.

Не сразу удалось Кулишу осуществить свою мечту о поступленіи въ университетъ: въ первый разъ онъ явился на экзамень, повидимому, съ недостаточнымъ научнымъ багажемъ, вслѣдствіе чего ему пришлось вновь обратиться къ занятіямъ домашняго

наставника; но черезъ годъ, вернувшись опять въ Кіевъ, онъ уже выдержалъ испытаніе и сталъ слушать лекціи сначала по словесности, а потомъ по юридическому факультету. Запасаясь такимъ образомъ разносторонними познаніями въ аудиторіяхъ, въ лѣтнее время онъ вступалъ въ живое общеніе съ народной массой и, становясь къ ней лицомъ къ лицу, обогащалъ свой языкъ складомъ народной рѣчи и глубокимъ знаніемъ народной жизни. По мнѣнію г. Чалаго, малороссійскимъ „языкомъ Кулишъ владѣлъ въ совершенствѣ, какъ никто изъ современныхъ ему писателей“ ¹⁾. Около 1837—1838 г. Кулишъ, по словамъ его друга, В. М. Бѣлозерскаго, служилъ канцелярскимъ чиновникомъ въ правленіи лица кн. Безбородко. Въ своихъ воспоминаніяхъ о Кулишѣ г. Чалый сообщаетъ далѣе слѣдующія подробности: „Въ 1839 г. былъ вновь открытъ университетъ св. Владиміра послѣ временнаго его закрытія, и П. А., хотя выдержалъ экзаменъ удовлетворительно, но по неимѣнію документа о дворянскомъ происхожденіи, не допущенъ формалистомъ ректоромъ К. А. Неволинымъ къ слушанію лекцій. ²⁾ О студенческихъ годахъ Кулиша г. Чалый, поступившій въ университетъ годомъ позднѣе, рассказываетъ такъ: „Встрѣтившись въ царскомъ саду съ студентомъ Ив. Долинскимъ, я, по его указанію, скоро

1) «Кіевская Старина», 1897, V, стр. 295.

2) Лишенный такимъ образомъ возможности получить университетское образованіе, въ одномъ изъ писемъ своихъ (на галицко-русскомъ языкѣ) онъ съ горечью вспоминаетъ объ этомъ прискорбномъ фактѣ: «Черниговскія власти могли бы, если бъ захотѣли, разыскать мои документы по моему указанію, «да мій панотець зоставсь десятилиткомъ безбатченкомъ, тымъ и не зумивъ описля спонукаты герольдію, колы и я отъ ничого не вдіавъ. Тымъ часомъ ректоръ Неволинъ—той, що не схотивъ бачыты ридной матери, злыденной вдовыци-попади и выславъ їй 25-рублевый напирець,—присипавсь до мене, щобъ дворянскый протоколъ напысанъ бувъ въ Черныгови на мое, а не панотцеве имѣя, а покы що, не дозволивъ мени слухаты лекціи, а я, рессипіагит сауса, не мигъ узить на себе «гиркои по судахъ волокаты».

отыскалъ квартиру своихъ сѣверянъ, П. А. Кулиша и П. Е. Чуйкевича. Неразлучные друзья-земляки жили въ Графскомъ переулкѣ, позади извѣстнаго въ то время виннаго магазина Фишке, надъ Провальемъ. Замѣтивъ изъ первыхъ же моихъ словъ, что я—совершеннѣйшій провинціалъ—простота, котораго на каждомъ шагу въ незнакомомъ большомъ городѣ каждый могъ обмануть, добрый мой землякъ П. А., отложивъ въ сторону своего „Огненнаго Змія“ (повѣсть, которую онъ писалъ для „Кіевлянина“),—поспѣшилъ накинуть на себя сюртукъ и отправился со мною нанять извозчика для перевозки засвѣтло моего скарба съ Подола. Пріѣхавъ на пристань и забравши сундукъ, я вернулся на квартиру студентовъ и остался у нихъ ночевать“. ¹⁾ Эти строки рисуютъ добрый и обходительный характеръ Кулиша.

Въ университетѣ Кулишъ слушалъ по словесности лекціи Максимовича. Ему удалось, съ своей стороны, сдѣлать вкладъ въ его собраніе пѣсенъ, представивъ въ распоряженіе его тѣ, которыя были нѣкогда записаны имъ отъ матери; Максимовичу же для напечатанія въ альманахѣ „Кіевлянинъ“ передалъ Кулишъ и двѣ сочиненныя имъ легенды о воронежскихъ козакахъ. Цюлюбивъ талантливаго юношу, Максимовичъ сталъ приглашать его къ себѣ, и часто они вмѣстѣ пѣли украинскія пѣсни и читали Вальтеръ-Скотта. Юноша съ жадностью ловилъ объясненія любимаго профессора-словесника, и именно этому профессору онъ былъ больше всѣхъ обязанъ во всѣхъ отношеніяхъ, тогда какъ прочіе держали студентовъ въ значительномъ отъ себя отдаленіи и обращались съ ними съ олимпійскимъ высокомеріемъ. Но при всемъ расположеніи къ Кулишу любимаго профессора, ничто не могло спасти его, когда съ одной стороны для молодого человѣка наступило время крайней нужды, а съ другой въ оставленію *almae matris* его побуждало неимѣніе нѣкоторыхъ нужныхъ документовъ, и Кулишу

¹⁾ «Кіевская Старина», 1897 г., V, 295—296.

не удалось окончить университетскаго курса, подобно тому какъ раньше онъ преждевременно оставилъ гимназію.

Стараясь всячески помочь Кулишу, Максимовичъ далъ о немъ самую лестную рекомендацію Юзефовичу, бывшему сперва инспекторомъ училищъ, а потомъ помощникомъ попечителя кіевскаго учебнаго округа. Онъ также оцѣнилъ съ своей стороны молодого человѣка; Кулишъ впоследствии печатно отозвался о немъ, какъ о человѣкѣ, „которому онъ, въ первоначальномъ образованіи своемъ, обязанъ больше, чѣмъ кому-либо, изъ предшествовавшаго поколѣнія“. ¹⁾ Юзефовичъ назначилъ Кулиша учителемъ въ лудское дворянское училище, находившееся въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ, обладая прекрасной бібліотекой, обогащенной „конфискованными, по распоряженію генераль-губернатора Бибикова, бібліотеками волынскихъ магнатовъ, съ дорогими и рѣдкими изданіями, и состоявшей изъ 1500 томовъ“. „Эта бібліотека“, продолжаетъ г. Чалый,—„весьма много способствовала расширенію умственнаго кругозора Кулиша и дала ему возможность пополнить пробѣлы недостаточнаго образованія. Въ бібліотекѣ, между прочимъ, находилось полное собраніе романовъ Вальтеръ-Скотта на французскомъ языкѣ“. ²⁾

Въ Лудкѣ П. А. Кулишъ подружился съ своимъ новымъ товарищемъ, учителемъ Иваномъ Филипповичемъ Хильчевскимъ, который былъ десятью годами старше его; ему онъ также былъ многимъ обязанъ, какъ опытному руководителю и другу. Кулишъ оправдалъ здѣсь возлагаемыя на него Максимовичемъ и Юзефовичемъ надежды. Онъ не только безъ труда справлялся съ новыми обязанностями, но находилъ время и для изученія иностранныхъ языковъ, которое подвигалось съ большой быстротою: пріѣхавъ въ Лудкѣ почти профаномъ въ данномъ отношеніи, что и составляло тогда его слабую сторону, онъ незамѣтно научился свободно читать по-французски. Впоследствии онъ въ совершенствѣ изучилъ, кромѣ малороссійскаго и русскаго, еще

1) «Новь», 1885, № 13, стр. 61.

2) «Кіевская Старина», 1897, V, 296—297.

польскій языкъ, также древнеславянскій, на которомъ любилъ потомъ говорить и переписываться съ Костомаровымъ, и хорошо узналъ нѣмецкій, итальянскій, испанскій, англійскій, а также латинскій. Вскорѣ онъ прочелъ на французскомъ языкѣ Вальтеръ-Скотта и, вдохновленный его романомъ, „Карль Смѣлый“, написалъ и издалъ въ 1843 г. „Михаила Чарнышенка“, своего литературнаго первенца (если не считать незначительные ранніе опыты).

Въ молодомъ Кулишѣ жизнь была ключемъ: по всѣмъ воспоминаніямъ, мы видимъ въ немъ, въ занимающую насъ пору, человека веселаго, не чуждаго увлеченій женской любовью, человека общительнаго и пріятнаго въ дружескомъ кругу и даровитаго работника на литературной аренѣ. Кулишъ писалъ такъ легко и успѣшно, что поражалъ близкихъ ему людей даромъ безъ малѣйшаго напряженія и безъ поправокъ излагать свои мысли въ красивой и изящной формѣ. Эта способность сохранилась у него до самой смерти. Кстати замѣтимъ, что онъ обладалъ также изящнымъ, щегольскимъ почеркомъ, и всѣ его рукописи были всегда такъ чисто и хорошо написаны уже начерно, что только нѣкоторыя вставки на поляхъ, дѣлаемая имъ почему-нибудь въ видѣ прибавокъ на основаніи какихъ-нибудь вновь полученныхъ историческихъ документовъ, могли служить единственной причиной, вслѣдствіе которой Кулишъ имѣлъ иногда нужду въ перепискѣ, при чемъ эту работу онъ никогда не поручалъ другимъ лицамъ. Не менѣе удивлялъ онъ, по свидѣтельству г. Чалаго,—„и искусствомъ передавать на бумагѣ житейскія сцены и портреты окружающихъ лицъ“¹⁾.

V.

„При кратковременномъ пребываніи въ Луцкѣ“—разсказывалъ намъ со словъ Кулиша В. М. Бѣлозерскій—„Кулишъ приобрѣлъ множество научныхъ свѣдѣній. Большая училищная биб-

¹⁾ «Кіевская Старина», 1897, V, 297.

ліотека въ 1500 томовъ много способствовала расширенію умственнаго кругозора Кулиша и пополнила пробѣлы недоконченнаго образованія“.

„Между знакомыми Хильчевскаго было немало поляковъ, съ которыми онъ познакомилъ Кулиша, жившаго съ нимъ на одной квартирѣ. Живая и дѣятельная натура Кулиша влекла его и въ женское общество; онъ между прочимъ влюбился на короткое время разомъ въ двухъ дѣвицъ, извѣстныхъ у него подъ № 1 и № 2, недоумѣвая, которой отдать преимущество. Болѣе другихъ, повидимому его занималъ № 1, племянница бывшаго профессора Кременецкаго лицея, Зиновича. Кулишъ своей обаятельной личностью очень нравился Хильчевскому, воскрешая для него родную Малороссію; говорилъ онъ чистѣйшимъ украинскимъ языкомъ. Живя душа въ душу, друзья чувствовали себя вполне счастливыми и довольными своей судьбой. Но спокойствіе и тихое теченіе ихъ жизни продолжалось недолго: въ срединѣ года въ училище былъ назначенъ новый смотритель, нѣкто Глыбовскій, изъ Чернигова. Несимпатичная, невѣжественная личность новаго начальника поселила между учителями разладъ; особенно ожесточенную войну съ смотрителемъ повелъ горячій и нетерпѣливый Кулишъ. „Я не люблю горячаго Кулиша“, сказалъ однажды Глыбовскій. „Бо собаки не любятъ горячаго“, отвѣчала Кулишъ.

Борьба началась изъ-за того, что смотритель сдѣлалъ неумѣстное замѣчаніе бібліотекарю Хильчевскому за то, что онъ оставлялъ по цѣлымъ днямъ въ бібліотекѣ Кулиша одного. Кромѣ того, учителя открыли въ Глыбовскомъ весьма неблаговидный порокъ: онъ бралъ взятки и отъ родителей, и отъ квартиросодержателей; поэтому учителя отправили попечителю, князю Давыдову, коллективную просьбу избавить училище отъ позора. Послѣдствіемъ было то, что Глыбовскаго куда-то удалили, но вслѣдъ затѣмъ Хильчевскаго понизили по службѣ, перемѣстивъ его изъ дворянскаго лудкаго въ роменское уѣздное училище, а Кулиша перевели въ Кіево-подольское дворянское училище, и

онъ оставилъ Луцкъ, прослуживъ тамъ всего одинъ годъ. ¹⁾ Впрочемъ успѣхи Кулиша на служебномъ поприщѣ были въ сущности второстепенными: онъ написалъ цѣлый рядъ литературныхъ произведеній, какъ-то идилію „Орися“, поэму „Украина“ и проч. и при этомъ такъ быстро подвигался въ смыслѣ развитія и самообразованія, что интимный кругъ его друзей вскорѣ составляли уже такіе люди, какъ извѣстный польскій писатель Михаилъ Грабовскій, сразу оцѣнившій его талантъ и отнесшійся къ нему съ такимъ сочувствіемъ, что Кулишъ считалъ время

¹⁾ Семь мѣсяцевъ пробылъ Кулишъ преподавателемъ Луцкаго училища. Въ служебномъ аттестатѣ его находимъ слѣдующія свѣдѣнія о его первоначальной службѣ: „Въ службу вступилъ исполняющимъ должность учителя русскаго языка въ Луцкое дворянское училище 1841 г. февраля 10 дня; перемѣщенъ въ таковую же должность въ Кіево-печерское дворянское училище въ томъ же году августа 21; въ Кіево-подольское дворянское училище—въ томъ же году декабря 25; утвержденъ въ должности учителя русскаго языка и словесности 1842 г. сентября 15; командированъ для осмотра въ Кіевской губерніи всѣхъ архивовъ, находящихся при правительственныхъ мѣстахъ и монастыряхъ 1843 г. іюля 5; назначенъ учителемъ исторіи и географіи при томъ же Кіево-подольскомъ дворянскомъ училищѣ того же года октября 23; назначенъ членомъ сотрудникомъ при временной комисіи для собиранія свѣдѣній о предметахъ древности въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Кіевской губерніи того же года іюля 13; перемѣщенъ къ исправленію должности старшаго учителя исторіи въ Ровенскую гимназію 1845 г. августа 31; перемѣщенъ старшимъ учителемъ русскої словесности въ пятую С.-Петербургскую гимназію того же года декабря 15; Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ 1 и 15 октября 1846 г. положено: отправить Кулиша для изученія славянскихъ нарѣчій въ Пруссію, Саксонію и Австрію, на два съ половиною года... 1886 г. октября 22^а. Мы позволили себѣ привести эту длинную выписку потому, что, несмотря на сухость оффиціального тона, она является въ высшей степени замѣчательной и краснорѣчивой въ смыслѣ яркаго доказательства *необыкновенныхъ успѣховъ* Кулиша на служебномъ поприщѣ, почти *неимовѣрныхъ при отсутствіи протекціи и связей*.

своего знакомства съ нимъ во многихъ отношеніяхъ лучшей цорой жизни.

Наконецъ, настала знаменательная пора перваго знакомства Кулиша съ Костомаровымъ и Шевченкомъ. О томъ и другомъ мы узнаемъ изъ не разъ названной статьи его „Воспоминанія о Костомаровѣ“.

„Однажды“—говорить Кулишъ—„засталъ я у Юзефовича магистра Харьковскаго университета, Н. И. Костомарова, въ широковѣщательной бесѣдѣ о козакахъ, до которыхъ мы всѣ были большіе охотники, я же лично былъ преисполненъ такой любви къ ихъ подвигамъ, что лѣтописныя о нихъ сказанія и пѣсни хранилъ въ памяти, какъ малорусскую „Иліаду“. Принявъ участіе въ бесѣдѣ, я привелъ цѣликомъ длинную тираду изъ какой-то лѣтописи. Костомарова поразило такое рьяное изученіе малорусской письменности, и мы съ перваго обмѣна мыслей сдѣлались близкими знакомыми“¹⁾. Скоро сближеніе дошло до того, что они „проговаривали напролетъ цѣлыя лѣтнія ночи и въ своихъ ночныхъ прогулкахъ, сопровождавшихся нестѣсеннымъ викакими еще страхами ораторствомъ“,—продолжаетъ Кулишъ,—„стороннему наблюдателю мы могли казаться пьяными. Избытокъ мечтательности, основанной на любви къ лучшему (какъ мы были убѣждены) изъ народовъ, дѣлалъ насъ восторженными“²⁾.

Оригинально было начало знакомства Кулиша съ Шевченкомъ. „Когда я сидѣлъ за мольбертомъ, утопая въ игрѣ линій, тоновъ и красокъ“, рассказываетъ Кулишъ—„передо мною появилась невѣдомая еще мною фигура Шевченка, въ парусинномъ балахонѣ и въ такомъ же картузѣ, падавшемъ ему на затылокъ, подобно козацкому шлыку.

¹⁾ «Новь», 1885, № 13, стр. 61. Въ «Правдѣ» объ этомъ разсказано такъ: «Вдарило Костомарова, що Кулишъ напам'ятъ проказанъ аргументъ свій изъ лѣтописи. Винъ разомъ зъ нимъ вийшовъ видъ Юзефовича п—скажемо такъ—*учепивсь ёму въ полу*». (1868 г. стр. 296—297.

²⁾ «Новь», 1885, № 13, стр. 62,

— „А вгадайте, хто?“—это были первые слова Тараса, произнесенныя тѣмъ очаровательно-веселымъ и беззаботнымъ голосомъ, который привлекалъ къ нему и женщинъ и дѣтей. И отвѣчалъ: „Шевченко“.

— „Виня“, отвѣчалъ Тарасъ, засмѣявшись такъ, какъ смѣются наши молодлицы. Тогда онъ не носилъ еще усовъ и на лицѣ было много женственнаго.

— „Чи нема въ васъ чаркы горилкы?“—Это была вторая, услышанная мною отъ Шевченка, фраза. ¹⁾

Съ Костомаровымъ Кулишъ особенно сошелся и жилъ съ нимъ душа въ душу, а Шевченко иногда коробилъ его своимъ цинизмомъ, тогда какъ, съ другой стороны, ультрадемократу Шевченку Кулишъ представлялся аристократомъ. Деликатный и сдержанный въ рѣчахъ, рѣдко позволявшій себѣ двусмысленности и цинизмъ, Кулишъ, хотя и любилъ Шевченка и охотно проводилъ время въ его обществѣ, особенно часто отпрапляясь съ нимъ въ бытность въ Кіевѣ на рыбную ловлю, но не могъ чувствовать въ немъ такую же духовно-нравственную личность и находить въ его обществѣ такое же глубокое удовлетвореніе, какъ въ обществѣ Костомарова.

В. Шенрокъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Тамъ же, стр. 64.

Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.

(Продолженіе ¹).

5. Козацкія насилія во время походовъ.

Если въ мирное время общественная безопасность въ Малороссіи была нарушаема разными „прибышами“ и „нетягами“, то въ военную пору, при переходахъ козацкихъ полковъ, такими нарушителями нерѣдко оказывались сами же козаки. Это зло—насилія военныхъ людей надъ гражданами своей же земли—было обычнымъ явленіемъ въ исторіи всѣхъ народовъ, а въ странахъ малокультурныхъ, напр. въ Турціи, Китаѣ и др., оно въ большей или меньшей степени не исчезло и донинѣ. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ военное ополченіе состояло изъ людей наемныхъ, нерѣдко иноземцевъ, тамъ солдатскія своевольства и насилія обыкновенно достигали размѣровъ настоящаго народнаго бѣдствія, по своей тяжести мало уступавшаго ужасамъ непріятельскаго вторженія. Пальму первенства въ этомъ отношеніи безспорно заслужили польскіе жолнеры, неистовства которыхъ въ XVII—XVIII вв. вызывали непрерывный, хотя и бесполезный вопль

¹) См. Киев. Ст. № 1.

негодованія у современныхъ писателей, сеймовыхъ ораторовъ и проповѣдниковъ; актовыя книги южнорусскихъ воеводствъ также полны вопіющихъ жалобъ на эти неистовства. Козацкое войско уже въ силу того, что оно являлось народнымъ ополченіемъ, не могло вести себя столь варварски по отношенію къ мирному населенію своей страны; даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда козакамъ приходилось дѣйствовать на территоріи, хотя принадлежавшей враждебному государству, но населенной ихъ же единоплеменниками, напр. на Волини или въ Галичинѣ, они не забывали о племенной связи, соединявшей ихъ съ мѣстнымъ населеніемъ и, безжалостно истребляя евреевъ и поляковъ, грабя подчасъ имѣнія и южнорусскихъ пановъ, мало или вовсе не обижали мѣстное посольство. Надобно еще имѣть въ виду, что въ исключительныхъ случаяхъ, когда война принимала характеръ внутренней усобицы, наряду съ правильно организованными козацкими полками дѣйствовали еще партизанскіе отряды, подъ именемъ дейнекъ, левенцевъ и др., рекрутированные чаще всего изъ разныхъ „гультаевъ“, „нетягъ“ и тому подобнаго сброда и потому дозволявшіе себѣ разныя насилія надъ мирнымъ населеніемъ; но было бы несправедливо ихъ безчинства относить на счетъ козаковъ. Послѣдніе если и дозволяли себѣ въ походахъ нѣкоторыя своевольства, то они всегда были дѣломъ немногихъ отдѣльныхъ лицъ, а не цѣлыхъ отрядовъ, и происходили довольно рѣдко; по крайней мѣрѣ жалобы на нихъ почти не встрѣчаются въ актовыхъ книгахъ. Такія безчинства по большей части случались лишь въ началѣ похода, когда сотенное „товарыство“, угостившись не въ мѣру при прощаніи съ односельцами, выступало небольшими партіями; но лишь только козаки становились подъ свои хоругви, суровая дисциплина сковывала ихъ дѣйствія и не давала имъ возможности своевольничать.

Безъ сомнѣнія, и въ козацкомъ войскѣ существовалъ своего рода военно-полевой судъ, каравшій за нарушеніе дисциплины, порядка службы и другія преступленія, совершенныя въ лагерѣ или въ походѣ; но потерпѣвшіе отъ такихъ преступленій могли

привлекать виновныхъ и въ обыкновенные суды, именно въ полковые, въ составѣ которыхъ хотя находились и члены магистрата или ратуши, но преобладающая роль принадлежала полковой старшинѣ.

Для образца приводимъ двѣ „кримінальныя sprawy“ о козацкихъ своеволіяхъ, разбиравшіяся въ 1657 г. въ вѣжинскомъ полковомъ судѣ.

—

Олена Яцыха Шовкоплясыха, „селянка“ изъ с. Вишневки, бѣдная вдова, горько жаловалась, что когда козаки, ея односельчане, выступали въ походъ, то одинъ изъ нихъ Ничипоръ Яцковичъ безвинно нанесъ ея сыну Мартыну, „виннику“ (рабочему на винокуренномъ заводѣ), столь тяжкіе побои, что тотъ на другой день умеръ. Обвиняемый не отрицалъ своей вины и лишь тѣмъ оправдывался, что былъ въ то время пьянъ и совершилъ убійство безъ намѣренія, вслѣдствіе несчастливой „прыгоды“ (случая). По его словамъ, дѣло происходило такъ:

— Выйшли-смы зъ Вышніовки въ дорогу, до вѣйска. Перенявши насъ, другій атаманъ въ тимъ же сели, Мысько, запроевъ на горилку“. И въ то время, когда козаки пьянствовали въ дворѣ атамана, „небожчыкъ Мартынъ, надъшовшы протывъ насъ на улыци, свыснувъ, за который свысть нашъ атаманъ Марко пославъ небожчыка иматы (схватить). Межы иншымы и я, побигшы, хотивъ ёго взяти, а колы жъ винъ ся не дававъ, въ посвари тимъ обухомъ, съ которымъ мене атаманъ пославъ, неумысне, але съ пьянства и прыгоды ударывъ я Мартына у голову разъ, одъ которого разу ажъ два другого у вечеръ змеръ“.

Быть можетъ, въ другое время судъ принялъ бы во вниманіе эти смягчающія вину обстоятельства и оказалъ бы подсудимому снисхожденіе, но въ то именно время подобныя козацкія безчинства повторялись очень часто, и потому судъ, „забигаючи дальшому сваволенству, поневажъ срокгая (ужасная) покилькакоть сваволя зъ роспусы (вслѣдствіе распущенности) и пьянства смужо оказалась и по дорогахъ розбои значныи почынено“, рѣ-

шилъ подвергнуть подсудимаго примѣрно строгому наказанію и постановилъ декретъ: „абы Нечыпоръ мечемъ на горли скараный бувъ, а атаманъ Марко абы головщину¹⁾ жони забытого и выну (доходъ) на урядъ належную, зъ нагороженемъ сторони шкодъ, поплатывъ, и за змерлого душу священника за сорокоусть и столы (поминальное угощеніе) той же Марко повиненъ погодыты, поневажъ за ёго неосторожнымъ посланямъ тое ся забойство стало“.

Въ тотъ же день нѣжинскимъ полковымъ судомъ было разсмотрѣно и другое аналогичное дѣло о насиліи, учиненномъ выступавшими въ походъ козаками.

Въ воскресный день 31 мая батуринская мѣщанка Вивдя (Евдокія) Борисыха, вмѣстѣ съ своей сестрой и полувзрослой дочкой, отправилась пѣшкомъ въ сосѣднее село Пальчики. Въ пути ихъ нагнали три всадника. Завидѣвъ ихъ, женщины свернули съ дороги и пошли хлѣбами, не слушая приказа нѣжныхъ козаковъ остановиться. Тогда двое изъ козаковъ, Василій Волошинъ и Мыско Татарченко сошли съ коней, поручивъ поддержать ихъ третьему товарищу Мойсею Мульченку, и погнались за женщинами. Ударами обуха Вивдя и ея дочь были сбиты съ ногъ, а ихъ спутница убѣжала съ крикомъ о помощи, и хотя неподалеку были пастухи, Вивдя подверглась грубому насилію со стороны Волошина, а Мыско сорвалъ съ дѣвочки монисто „зъ московчиками“ (привѣсными великор. монетами), стоившее около десяти копъ литовскихъ, и отнял готовыхъ денегъ коць на три. Неизвѣстно, какъ и кѣмъ разбойники были задержаны, но на другой день они держали отвѣтъ передъ судомъ.

Главный преступникъ Василь Волошинъ, оказавшійся „выросткомъ“²⁾ гетманскаго шурина Василя Золотаренка, бывшаго

1) Т. е. предписанное Лит. Статутомъ денежное вознагражденіе за голову убитаго.

2) *Выростками* именовались: а) пріемыши, питомцы и б) слуги, выросшіе въ дѣмѣ. Въ какомъ смыслѣ употреблено здѣсь это слово, нельзя опредѣлить.

передъ тѣмъ (и вполѣдствіи вторично) нѣжинскимъ полковникомъ, „не признался до учинку и вымолвлялся непамятью, же (что) былъ пьяный“. Его товарищъ Мульченко оказался откровеннѣе. Онъ такъ „оповидавъ“:

— Мы самотреть видѣ Пальчикики йхалы. Обачывшы, що жинки идуть бѣкомъ (стороною), Волошынъ, зсившы съ коня, а мени давши держаты, самъ погнався за жинками и Мысько за нымъ тамъ же бигавъ, де Васыль Борысыху бившы по челюсти, гвалтъ ий пополнывъ“.

Мысько Татарченко также „признавъ очеысто (въ глаза) на Васыля, що незбожный учынокъ гвалтомъ выполнывъ надъ Борысыхою“.

Затѣмъ были спрошены свидѣтели, очевидцы преступленія. Пылыпъ, старый челоувѣкъ, обыватель с. Пальчиковъ, далъ такое показаніе:

— Шукавъ я шкапы своей въ полю и иду до воды пыты, ажъ невеста (женщина) бигучы, гвалтъ волаючы, мене просытъ, оповидаючы, що ей сестри гвалтъ Васыль Волошынъ чынытъ. Я, надбигшы, выдилемъ Васыля надъ тою невестою на гвалтовнымъ учынку, тилко обавялемся (опасался) даты ратунку, бо вони, гвалтовныкы, пры оружи, а я зъ голымы руками.

Другой свидѣтель, пастухъ Омелянъ, показалъ:

— Выдилемъ Васыля Волошына на тимъ гвалтовнымъ учынку въ полю, якъ и Пылыпъ, и Мыська Татарченка выдилемъ, що ся за дивчыною гонытъ и бивъ нагайкою, яко жъ и мене той же Мысько, набигшы, бивъ, абы зъ чередою пречъ отогнався, и мусилемъ зъ боязни далеко одійты, а вони що хотили тамъ полнылы.

То же подтвердилъ и Федоръ, „чередныкъ“ (стадникъ) батуринскій.

Судъ, „выслухавшы обохъ сторонъ контроверсій и оныя добре у соби уважывшы, забираючы такъ сурокгому сваволенству подъ часъ тягнени войскового и прыхыляючыся до права пысаного (т. е. Статута), въ роздѣлѣ 11-мъ, артикулѣ 2-мъ, и въ Саксонѣ (Speculum Saxonum) на картѣ 165-ой описаного,“ велѣлъ потер-

пѣвшеі Вивдѣ Борисыхъ „при свѣдкахъ поприсягнуть“ Василя Велошина и Мыська Татарченка, послѣ чего оба они должны быть „на горлѣ мечемъ караны“. Но тутъ произошло неожиданное затрудненіе: потерпѣвшая „гвалтовниковъ своихъ поприсягать не хотѣла“,—не потому, конечно, чтобы она усомнилась въ справедливости своей жалобы, а потому, что ей тяжело было вести людей на плаху; она заявила, что „даруетъ ихъ горломъ“, и „домовлялася“ только „шкодъ нагороженя, гвалту и выкладовъ“ (судебныхъ издержекъ). Но судъ не согласился оставить насильниковъ безъ наказанія, хотя и уменьшилъ степень его тяжести: „забигаючи злій роспусти“, судьи новымъ декретомъ постановили, согласно „Порядку“¹⁾ (карта 132), „абы Василеви и Мыськови мистръ (палачъ) по уху отризавшы, зъ миста посторонками высвидчывъ (веревкой позорно выгналъ изъ города), щобъ и въ полку тутейшимъ ни въ кого и ниhto ихъ передержуваты не важывся, подъ горловымъ скаранемъ; а Мойсій Мульченко, при томъ же гвалтовномъ учинку будучій, що не давъ жадного ратунку, повинень будетъ Борысыси почтывое навязати ведле еи стану (т. е. уплатить положенную Статутомъ „навязку“—денежное вознагражденіе за безчестье), шкоды и выклады (расходы) понагорожати и вину на урядъ належитую (судейскій доходъ) заплатити“.

6. Обвиненіе священника въ убійствѣ.

Во вторникъ первой недѣли великаго поста, 9 февраля 1692 года, пришелъ изъ Павленокъ, что нынѣ предмѣстье Полтавы, убитый горемъ бѣднякъ, не имѣвшій даже фамиліаго имени или прозвища—въ актѣ онъ поименованъ: „Продыкъ, Савышынъ свать“—и заявилъ передъ полковымъ судомъ такую „плачливую“ жалобу:

¹⁾ Разумѣется извѣстная руководящая книга по магдебургскому праву: *Porządek sądow y spraw mieyskich*, служившая въ Малороссіи законною книгою.

— Панове! Мавъ я сына Семена, кравця (портного), которій мешкавъ въ монастыру нашимъ полтавськимъ, у кравечни (въ портняжей мастерской). Сымы днямы, на масныци въ четвергъ, небожчыкъ сынъ мій, будучы на послушаніи монастырскимъ, зъ отцемъ Каріономъ, діякономъ, въ сели Петровци осыпъ¹⁾ выбрали и зайхалы въ Семянивку. Въ сели тимъ, не знаты, зъ якои прычыны, отъ отця Ивана Терпыла, священника Семяновского, въ дому чернецкимъ, сынъ мій збытый zostавъ тыранско, одъ которого бою, колы привезено ёго въ пятницю до дому мого, третёго дня, въ неділю, рано, и Господу Богу духа отдавъ. Учора ёго и поховано“.

Жалкій видъ Процька, необыкновенно скорбный тонъ его жалобы, а болѣе всего необычайность преступленія такъ поразили судей, что они въ тотъ же день отрядили въ Семяновку, на мѣсто происшествія, двухъ бурмистровъ, „людей виры годныхъ“, Петра Юревича и Процька Соляныка, чтобы они „подлугъ самой слшности тому забойству вывели инквизицію и, що належить, порядне все казаль запысаты“. Слѣдователи отправились сначала въ Петровку, взяли съ собою мѣстнаго атамана и двухъ „зацныхъ людей“, въ качествѣ понятыхъ, и хотѣли ѣхать съ ними въ Семяновку; но имъ сказали, что петровскій асаулець²⁾ Олыхвиръ (Елеерій) Бей сопровождалъ покойнаго Семена Проценка при сборѣ „осыпа“, лично присутствовалъ при нанесеніи ему священникомъ побоевъ и можетъ дать подробныя показанія объ этомъ происшествіи. Онъ былъ боленъ въ то время, лежалъ въ постели, поэтому слѣдователи съ понятыми отправились къ нему въ домъ и записали съ его словъ слѣдующее:

— Панове! Прыйшовшы въ Семяновку, небожчыкъ Семень Проценка погнався, жартуючы, за Терпыловою дытыною, а вернувшысь, увійшовъ у корчму чернецкую, де отецъ Иванъ Тер-

1) *Осыпъ* — хлѣбный сборъ въ пользу монастыря, такъ какъ с. Петровци было монастырскимъ вмѣніемъ.

2) *Асаулець* или *асаульчикъ* — полицейскій урядникъ въ родѣ нынѣшняго десятскаго.

пыло, священникъ семяновскій, сыдивъ. Заразъ ёго безъ жадной причины ухопывъ отецъ Иванъ и ставъ давыты за горло, и давивъ ёго, небожчыка Семена, зъ годуны добрую, потимъ пальцею ставъ быты и пальцю всю на нимъ поламавъ. А колы-сьмо почалы Семена боронеты зъ Тымошемъ Ложечныкомъ, въ тимъ же рази винъ, отецъ Иванъ, и Ложечныкови руку тіею жъ пальцею перебивъ“:

Послѣ этого слѣдователи отправились въ Семяновку и допросили сначала Тимоша Ложечника, который „тое жъ признавъ, якъ и Олыхвиръ, слово въ слово“. Затѣмъ была призвана шинкарка Евдокія Билка, въ корчмѣ у которой случилось „забойство“. „По напомненю ій (какъ и другимъ свидѣтелямъ) боязны Божои“, Билка такъ „посвидчыла“.

— Мои ласкавіи панове! Одъ власныхъ рукъ Терпыловыхъ той Проценко зъ сѣго свита пишовъ: очыма своими бачыла, що бивъ ёго отецъ Иванъ Терпыло нещадно, безъ мылосты, и за горло зъ годуны давивъ. Все жъ тое діялося, де я шынкую горилкою, въ дому чернецкимъ, де на той часъ бувъ пры тимъ побои и Тымишъ Ложечныкъ, и що ся тамъ чыныло одъ отца Терпыла, все тое по самій истынній правди передъ мылостыма вашыма высвидчаю“.

Допросомъ этихъ трехъ свидѣтелей-очевидцевъ и ограничилось первое слѣдствіе. Самого отца Терпыла къ допросу не привлекали.

Когда бурмистры, окончивъ возложенное на нихъ порученіе, возвратились въ Полтаву и въ открытомъ засѣданіи полкового суда доложили слѣдственный протоколъ вмѣстѣ съ устнымъ отчетомъ, ихъ сообщенія произвели большую сенсацію. Выходило такъ, что священникъ затѣялъ въ корчмѣ драку съ монастырскимъ слугою и причинилъ ему смертельные побои. Такое позорное преступленіе было, очевидно, весьма исключительнымъ, если не безпримѣрнымъ, въ тогдашней уголовной хроникѣ. Возникалъ вопросъ: какъ же поступить теиерь съ „забойцей“? Не будь онъ посвященнымъ лицомъ, его немедленно бы „дали до вязена“ и затѣмъ судили бы въ полковомъ судѣ обыкновеннымъ

порядкомъ. Но по литовскимъ законамъ, духовныя лица по всѣмъ преступленіямъ подлежали исключительно духовному суду, т. е. митрополичьему, или вообще епархіальному, свѣтскому же уряду, именно гродскому суду, принадлежало лишь право принимать жалобы на духовныхъ, совершившихъ уголовное преступленіе, и производить по нимъ разслѣдованіе,—не предварительное дознаніе, котораго литовско-русское судопроизводство почти не знало, а такъ называемую „скрутенію“ (scrutinium), т. е. разборъ и оцѣнку доказательствъ, представляемыхъ въ судебномъ засѣданіи самими тяжущимися сторонами, съ примѣненіемъ всѣхъ приемовъ состязательнаго процесса, послѣ чего потерпѣвшей сторонѣ выдаваема была формально удостовѣренная выписъ изъ судебного протокола для представленія въ духовный судъ, который при рѣшеніи дѣла руководился данными, добытыми и разъясненными съ помощью „скрутенія“. Тѣ же порядки остались и въ Малороссіи, съ замѣною лишь суда гродскаго полковымъ судомъ; но въ настоящемъ случаѣ старый порядокъ былъ нарушенъ, и дѣло получило весьма оригинальный ходъ и разрѣшеніе.

Когда полтавское городское духовенство, близко интересовавшееся дѣломъ своего собрата, ознакомилось съ результатами „инквизиціи“, произведенной посланными на мѣсто бурмистрами, оно единодушно признало ее неполной, невѣрной и во всѣхъ отношеніяхъ негодной и, „хотячи самой истины дойти“, настойчиво просило „урядъ, абы выведена була“ вторая „инквизиція“, въ Полтавѣ, при совмѣстномъ участіи уряда свѣтскаго и духовнаго, для чего должны быть вызваны не только тѣ „свѣдки“, которые уже были допрошены бурмистрами, но и другіе, „кто тилко бувъ тому бою прытомный“ (очевидцемъ). Полковій урядъ удовлетворялъ желаніе духовенства, и вторичная «инквизиція» состоялась 11 февраля, т. е. черезъ два дня послѣ первой. Такая быстрота дѣйствія была возможна потому, что Семяновка и Петровка находились въ очень близкомъ разстояніи отъ Полтавы.

Не въ ратушѣ, обычномъ мѣстѣ судебныхъ засѣданій, а въ «братерскомъ дворѣ пречистскомъ», какъ мѣстѣ, болѣе при-

личною для честныхъ отцовъ, собрался урядъ духовный и свѣтскій «для выведенія» вторичной инквизиціи. Предсѣдательствовалъ полтавскій протопопъ Лука Симеоновичъ, «при бытности честныхъ отцевъ презвитеровъ парохіальныхъ полтавскихъ, зъ притомностію уряду городского»: наказного полковника и полкового судьи „и при многихъ обчыхъ (стороннихъ) персонахъ“. Ни войта, ни бурмистровъ, повидимому, не было въ составѣ слѣдственной комиссіи, если не разумѣть ихъ въ числѣ „обчыхъ персонъ“. На аналоѣ были положены св. евангеліе и крестъ для привода свидѣтелей къ присягѣ, чего не дѣлали первые инквизиторы.

Первымъ былъ допрошенъ Олыхвирь Бей, асаулецъ петровский. Онъ былъ тяжело боленъ, и его съ трудомъ привезли изъ Петровки, рискуя, что онъ могъ и помереть въ дорогѣ, но духовенство особенно настаивало на его бытности. Олыхвиру напомнили, чтобы онъ „памятавъ на смерть и на судъ Божій“ и говорилъ правду, и велѣли приложиться къ св. кресту и евангелію: въ этомъ и состоялъ краткій обрядъ присяги, хотя въ другихъ случаяхъ судебная присяга производилась по формѣ, близкой къ современной. Олыхвирь Бей „вызнавъ тымы словами:“

— Выбираючи мы осыпъ зъ небожчыкомъ Семеномъ, прыйшлы-сьмо на Семяновци въ двиръ шынковный чернецкій, де трапывся и сынъ отца Тернылы, присланный зъ пляшкою по горилку. Купывшы горилку, винъ пишовъ до-дому, а небожчыкъ Семень, жартуючы, погнався за нимъ, а не вдарывшы ёго ни разу, вернувся и пишовъ до школы, ¹⁾ а потимъ прыйшовъ до воза, и поихалы-сьмо добираты осыпу. Потимъ другимъ разомъ прыйшлы-сьмо въ корчму чернецкую горилкы пыты. На скоримъ часи прыйшовъ до тѣи жъ корчмы чернецкой отецъ Терныло и ставъ небожчыкови мовыты: „для чого ты гнався за моею дытненою?“ и вхопывши Семена за груди, ставъ давыты пальцемъ у горло, ажъ я мусивъ ихъ розвесты. Отець Иванъ

¹⁾ Любопытное указаніе, что и въ такомъ маленькомъ сельцѣ, какъ Семяновка, была тогда школа. Ниже упоминаются и ея «школяри».

Терпыло сивъ на лави. Мало часу згодывши, другимъ разомъ почавъ ёго быты пальцею, а бьучы, и кинецъ тіеи пальци уломывъ. А по тимъ бою пишовъ отецъ Терпыло до-дому и, осидавшы коня, мивъ йихаты до начальныка зъ скаргою на небожчыка. А мы збытого небожчыка, що не мигъ о свой сыли иты, взявши, вынесли-сьмо зъ хаты и въ визъ вложили. Тутъ надъихавъ отецъ Терпыло и, выдячы небожчыка барзо збытого, надъвозомъ просывъ ёго о прощеніе, и попростылыся зъ собою, а небожчыкъ Проценко, пры прощеніи тимъ, давъ ёму и руку. И заразъ пойихалы-сьмо. Булы пры тимъ люды зацныи, меновыте: Тымишь Ложечныкъ, Иванъ Байракъ, Иванъ Коробочка и шинкарка чернецькая прозвыськомъ Билка.

Слѣдователи „велилы Бееви, яко хорому, систы, а другого свидка призваты“:

Призвали Евдоѣю, шинкарку. Подѣловавъ крестъ и евангеліе, она „подъ сумненемъ завязанымъ повидала“ тономъ, не столь увѣреннымъ, какъ передъ бурмистрами:

— Я, панове, не бачыла того, якъ небожчыкъ Семень за хлопцемъ отця Терпыловымъ гонывся, тилко тое мени школяри казалы; а що побой стався въ чернецькій хати, де я шинкую, тое вамъ по самій истыни повидаю, душу мою Господу Богу ховаючы, що отецъ Терпыло разъ тилко всѣго того змерлого Семена затывъ кулакомъ, и то впередъ межы вымы стався по-сваръ за хлопця, за которымъ небожчыкъ гонывся, хотячы зъ пляшкою отняты горилку. За тое гоненя и ляканя хлопця ставъ отецъ Терпыло небожчыка лаяты, а винъ ще барзій ёго лаявъ, такъ передъ ударенямъ, якъ и по удареню Терпыловимъ, за що отецъ Терпыло и другимъ разомъ хотивъ небожчыка пальцею ударыты, але замахнувшы, по сволоку ударывъ. Ложечныкъ тежъ Тымишь розважавъ ихъ; а такъ другій разъ отецъ Терпыло замахнувшы на небожчыка, нехотячы затывъ по руди Тymoша, и билшь южъ бійкы не було. Що зась Олыхвиръ, асаулець, мовыть, щобъ отецъ Терпыло небожчыка, взявши за груди, давывъ за горло, то не есть правда: свидокъ тому Иванъ Коробочка, Тымишь Ложечныкъ и Левко Куць, ктыторъ семяновскій,

которые силне зъ отцемъ Иваномъ въ дому чернецкимъ сидылы. Могуть и тиѣ мылостямъ вашимъ посвидчыты, що такого бою отецъ Терпыло не чынивъ надъ тымъ змерлымъ Проценкомъ, якъ то Олыхвиръ повидаетъ; и не выношено Семена зъ хаты, але самъ побигъ, насмихаючыся зъ отца Терпылы и лаючы, и похвалы чынячы, за що мивъ отецъ Терпыло зъ скаргою до началыка на того жъ Проценка йихаты за свою зневагу, але за упрошеннямъ людей задныхъ, наветъ и сѣго жъ Олыхвира, отецъ Иванъ Семена, небожчыка, во всимъ простывъ и вже не йиздывъ зъ скаргою до началыка. Зъ котрымъ то Семеномъ, небожчыкомъ, отецъ Иванъ, по прощени, и зъ тымъ жъ людмы, якіи отца Ивана за небожчыка просылы, увійшы знову въ хату, и купывъ имъ Олыхвиръ за шагъ горилкы, иднанщыны, ¹⁾ и въ хати повторне прощенья межи собою взяли. Поклонывся той небожчыкъ Проценко отцю Иванови и поцилувавъ въ руку.

Сказавъ это, Билка „обернулася до Олыхвира и рекла“:

— А чы не такъ було?

Олыхвиръ равнодушно отвѣтилъ:

— Правда. По прощени булы-сьмо въ хати, и купывъ я за шагъ горилкы.

Тутъ „урядовыи особы“ замѣтили Бѣлкѣ:

— А чому жъ ты такъ передъ тымъ не свидчыла, колы выводды инквизицію посланци наши? Тебе тамъ здысано такъ, що ты повидала, що одъ власныхъ рукъ Терпыловыхъ зйшовъ зъ свита Семень, небожчыкъ, и що давывъ небожчыка отецъ Терпыло за горло зъ годуны и бивъ нещадно.

Билка немного смутилася, но тотчасъ отвѣтила:

— Высланыи зъ ратуша, которыи туда, на Семянивку зйиздылы, найбарзій Олыхвировои мовы слухалы и тое пысаты

¹⁾ Въ текстѣ: *иднанщына*, т. е. мировая; могорычъ, распиваемый по случаю примиренія. Обычай и слово, существующіе и нынѣ въ народномъ быту.

казалы, що винъ поводавъ. А я и того часу самую истынную правду повидаты передь ными хотила, але мени не дали въ ричи мойй виры, поводаючи: „неправду ты мовышь—Олыхвирь правду мовыть“, а нанотимъ пидпысалы мене, якобы и я такъ посвидчала, якъ Олыхвирь, а то есть неправда.

Призвали третьяго „свидка“, Тимоша Ложечнива, который показаль:

— Сыдивъ и я, панове, въ дому чернецькимъ зъ господыномъ ¹⁾ Терпыломъ и зъ Ивановъ Коробочкою и зъ Левкомъ Кудемъ, ктыторемъ. Того жъ часу прыйшовъ Олыхвирь и за нымъ заразъ небожчыкъ Проценко Семень. Ставъ мовыты тому небожчыкови Семенови отецъ Иванъ: „За що ты, прави, мого хлопця бывъ и гонывся за нымъ?“ и налаявъ ёго за тое, а Проценко также отцю Иванови налаявъ прыкро. Отець Иванъ вставшы, ударывъ кулакомъ разъ усёго, а за горло не даывъ, якъ Олыхвирь поvidaеть; не було того. Барзо ще й напотимъ mezi собою сварылыся, и лаявъ Проценко отцю Ивану, за що хотивъ ёго отецъ Иванъ пальцеж ударыты, а я, щобъ кровопролыты не було, уложывся (вмѣшался). Тоди винъ мене нехотячы въ той часъ пальцею ударывъ по палцяхъ. А щобъ даывъ за горло отецъ Терпыло небожчыка Семена, то не есть правда; и не выносывъ ёго Олыхвирь до воза: самъ небожчыкъ, ще й похвалкы чынячы на отця Ивана, зъ хаты къ возови пишовъ. Діялося тое на масныци, у вивторокъ. И потимъ пры насъ же и попрощалыся за поворотомъ зъ дому отця Терпыловымъ.“

Далѣ выступиль четвертый „свидокъ“ Левко Кудъ, ктыторъ семяновскій. Онъ такъ казалъ:

— Я за своею потребою мимо двирь чернецькій тоди йшовъ, а не умыслне (нарочно) горилкы пыты, бо одъ запусъ черезъ увесь пистъ святой великій горилкы николы не пью, ажъ до Воскресенія. Обачывшы мене отецъ Иванъ

¹⁾ Почтительный титулъ, прилагаемый въ то время исключительно къ духовнымъ лицамъ и очевидно заимствованный изъ церковнаго поминанія: «господина (древн. *жиръ*) нашего епископа»...

тиномъ, просивъ до себе, а я отповидавъ: „Я вамъ не допомогу, бо горилы не пью“. А отецъ Иванъ реклъ: „Та ходи такы, хочъ такъ посыдышь, о щось порадымось“. А такъ я вступивъ до нихъ. А въ прудкимъ часи прыйшовъ Олыхвиръ Бей, пидпылый, которого отецъ Терпыло запытавъ: „Чы то вы хлопця мого скубъ и гонывся за нымъ?“ Отповидавъ Бей: „Я того не знаю“. А въ тимъ часи прыйшовъ и Проценко Семень, небожчыкъ, де ставъ мовыты отецъ Иванъ до ёго: „За що ты за моимъ дытною гонывъ?“ А винъ одповидавъ: „То що жъ, що гонывся?“ А отецъ Терпыло, тымы словамы уразывшыся, налаявъ ёму, а Проценко ще гиршей зъ лайбою одозвався. Повставшы тоди, отецъ Иванъ пхнувъ ёго въ груди разъ всёго кулакомъ, а колы винъ не перестававъ лаяты отця Терпыла, отецъ Терпыло хотивъ ёго пальцею ударыты, але по сволоку ударывъ, а другій разъ замахнувши, ударывъ по руци Тymoша Ложечныка, а пальцы ни трохи не зламавъ. Тилько було всёго тией бійкы. И выйшовшы на подвирья, Проценко лаявъ отця Ивана и тамъ же прыпомынавъ и якісь подвязкы, а отецъ Иванъ пишовъ до дому, хотячы за безчестя свое пойхаты до начальныка зъ скаргою. А Проценко прыйшовъ до хаты, которому ставъ я мовыты: „Небоже, не гараздъ чынышь, що такъ священыка зневажаешъ; ли пше бъ, колы бъ ты ёму укорывся та подросывъ о прощеніе“. Винъ на мою раду схлылывшыся, запытавъ: „А куды отецъ Терпыло будетъ йихаты?“ Отповидали ёму: „Не куды, тилко мимо сюю корчму“. И заразы небожчыкъ ставъ мене просыты, щобъ зъ нымъ и зъ другими споль сыдячымы перепросывъ отця Ивана. На прозъбу ёго выйшы-сьмо вси на улицу, а ото отецъ Иванъ ведеться зъ конемъ осидланымъ, которого почалы-сьмо вси просыты, абы де бійка сталася, тамъ було и прощеніе. А такъ отецъ Иванъ, на прозъбу небожчыкову и нашу, попростывся зъ небожчыкомъ, и ввійшовшы до хаты, небожчыкъ ще й руку поцйловавъ Терпылову, а Бей и горилкы купывъ“.

Пятый свидѣтель Иванъ Коробочка показаль то же, что и Левко Кудъ, почему его „мовы“ и не записали, да и некогда было: „священныци спышылыся на службу прездесвященную, а

южь було мало не ку вечеру“. Такъ долго инквизиція продолжалась.

Отмѣтимъ одну существенную особенность настоящей „инквизиціи“: она производилась безъ всякаго участія и даже, кажется, въ отсутствіи главныхъ лицъ во всякомъ процессѣ—обвинителя и обвиняемаго. Судъ самъ разыскиваетъ свидѣтелей, допрашиваетъ ихъ, устраиваетъ имъ очныя ставки, а тѣ, кого ближе всѣхъ касалось дѣло и кто могъ бы представить наиболѣе существенныя улики и оправданія, указать нужныхъ свидѣтелей, отмѣтить ошибки или намѣренную ложь въ ихъ показаніяхъ,—тѣ даже не присутствуютъ при гласномъ разслѣдованіи ихъ дѣла. Порядокъ судопроизводства, предписываемый Лит. Статутомъ, исключалъ самую возможность подобнаго слѣдствія; статутные суды производили „скрутеніи“ непременно при личномъ участіи сторонъ, которыя сами приводили свидѣтелей, представляли улики и оправданія, вступали между собою въ состязаніе, а суду оставалось лишь, какъ въ современномъ гражданскомъ процессѣ, оцѣнивать силу и достоинство представленныхъ ему доказательствъ. Впрочемъ, и козацкіе суды обычно не устраняли обвиняемаго и обвинителя отъ участія въ производствѣ слѣдствія и не отказывались допрашивать тѣхъ свидѣтелей, на которыхъ стороны указывали или, чаще всего, сами же и приводили въ судъ. Бывало и такъ, что обвиняемый опорочивалъ предварительную „инквизицію“, произведенную безъ его участія сотеннымъ или сельскимъ урядомъ, и требовалъ произвести ее заново, и судъ удовлетворялъ такія требованія. Въ дѣлѣ отца Терпила первая инквизиція тоже была опорочена, но не обвиняемымъ, а посторонними лицами—полтавскимъ городскимъ духовенствомъ, которое затѣмъ присвоило себѣ первенствующую роль при производствѣ вѣдочной инквизиціи. Это стороннее вмѣшательство и въ дальнѣйшемъ ходѣ процесса измѣнило его обычное теченіе.

Мы уже упомянули, что право суда надъ священникомъ, обвиняемымъ въ уголовномъ проступкѣ, по церковнымъ канонамъ и по прежнимъ польско-литовскимъ узаконеніямъ, принадлежало епархіальной власти; слѣдовательно, въ данномъ случаѣ слѣд-

ственное производство объ о. Терпилѣ нужно было передать для рѣшенія кievскому митрополиту, епархія котораго обнимала тогда всю нынѣшнюю Полтавщину. На самомъ же дѣлѣ „справа“ о. Іоанна Терпила разсматривается и получаетъ окончательное рѣшеніе на мѣстѣ, въ Полтавѣ, въ соединенномъ засѣданіи „суда духовнаго и свѣцкаго“. Судъ свѣтскій—это полковой, но безъ обычнаго участія въ его составѣ войта и бурмистровъ, а судъ духовный—это игуменъ мѣстнаго монастыря и всѣ городскіе священники. Правду сказать, такой смѣшанный судъ не предусматривъ ни церковными, ни прежними литовско-русскими законами и составляетъ исключительное изобрѣтеніе малорусской юстиціи. Мало того, собраніе городского духовенства, во главѣ съ протопопомъ, могло считаться законнымъ „духовнымъ судомъ“ лишь въ томъ случаѣ, если бы оно для разсмотрѣнія извѣстнаго дѣла получило спеціальное полномочіе отъ митрополита, которому одному принадлежало право духовнаго суда въ предѣлахъ своей епархіи; но въ данномъ случаѣ такое полномочіе не было испрошено. Въ этомъ сказалась давняя традиція южнорусскаго духовенства узурпировать, принадлежащее лишь епархіальной власти, право духовнаго суда. И въ прежній польско-литовскій періодъ, въ XVI—XVII в. в., мы часто встрѣчаемъ на Волини и, вообще, въ правобережной Малороссіи случаи, что протопопы, а нерѣдко и простые приходскіе священники, самовольно совершаютъ разводы, даютъ разрѣшеніе на недозволенные канонами браки, судятъ прелюбодѣевъ и т. п., и архіереи безуспѣшно протестуютъ противъ подобной узурпаціи. То же самое совершалось и въ гетманщинѣ до тѣхъ поръ, пока новое, синодальное управленіе завело и въ Малороссіи общерусскіе церковные порядки.

Какъ бы то ни было, 16 февраля, того же 1692 года, населеніе Полтавы съ утра уже толпилось въ „братерскомъ“ успенскомъ дворѣ, чтобы послушать, какъ будутъ судить семановскаго священника за убійство „кравца“. За судейскимъ столомъ на самомъ почетномъ мѣстѣ сидѣлъ „превелебный въ Богу его милость господинъ отецъ“ Лазарь Бузкевичъ, игуменъ пол-

тавскаго монастыря, и съ нимъ его намѣстникъ „всечестный старушекъ“ отецъ Іеремія Свитаило; далѣе—„превелебный въ Богу господинъ“ отецъ Лука Симеоновичъ, протопопъ полтавскій, и „честные господинове отцы презвитеры полтавскіе“: святоуспенскій Іоаннъ Величковскій,—по свидѣтельству лѣтописца Самуила Величка, „мужъ благодати Божія и мудрости полный“, привѣтствовавшій въ 1687 г. гетмана Самойловича, при его проѣздѣ въ Крымъ черезъ Полтаву, высокопарными виршами „своеи композитурѣ 1); спасскій Іоаннъ Свитаило, впоследствии имѣвшій несчастье впутаться въ злосчастную исторію Кочубевскаго доноса и за то вынесшій жестокую пытку и затѣмъ сосланный въ Соловки; 2) никольскій Іосифъ Нищинскій, срѣтенскій Тихонъ Филиповичъ и воскресенскій Іоаннъ Филиповичъ. „Зѣ свицкаго тежъ уряду“ присутствовали: полковникъ Павелъ Семеновичъ Герцыкъ, судья наказной Иванъ Красноперичъ, бывшій полковникъ п. Леонтій Чернякъ и сынъ его п. Иванъ Чернякъ, писарь полковый, „и много иныхъ зацныхъ особъ рыцарскаго и миськаго уряду“. Здѣсь же собраны были всѣ свидѣтели, допрошенные на предварительномъ слѣдствіи. Олехвиръ Бей, „на смертельномъ лижку (постели) будучы, для тяжкой хоробы не могль самъ прытомне стати до суду, прето (поэтому) жона ёго Настя въ особи ёго зѣ тымы жѣ свидкамы стала“. О присутствіи въ судѣ о. Терпила и „акторской стороны“—Процыка, „Савышыного свата“, въ протоколѣ не упоминается; кажется, они опять отсутствовали, что являлось рѣзкимъ и непонятнымъ нарушеніемъ порядковъ, принятыхъ и въ козацкихъ судахъ.

Сначала была прочтена жалоба потерпѣвшаго Процыка и протоколы первой и второй „инквизицій“, послѣ чего судъ „на

1) Лѣтопись Величка, III, 9.

2) Сохранилось преданіе, что когда этотъ поцъ Свитаило и сотникъ Кованько послѣ пытки лежали на полу, прикрытые окровавленными рогожками, то Кованько сказалъ: «Отче Иване! Яка жѣ московська пужка солодка! Купимъ їи жинкамъ на гостынець». —Бодай тебе, Петре, побыла лыха годына: хьба тобі трохы спыну спысалы!» —отвѣчалъ Свитаило.

достовернѣйшее всего того испытаніе“, велѣлъ еще „всімъ свидкамъ, ставши, устне у голосъ повѣдати, що хто признавалъ“. Прежде всѣхъ „пытаю жону Олыхвѣрову Бееву, на мѣсцу мужа еи, що бы мѣла повѣдати именемъ мужа своего?“ Настя такъ сказала:

— Панове! Мужъ мій хочъ було и подопеть, а еднакъ хороше дывытся; а теперъ, по выбраню того осыпа, прыбувшы до-дому, захоривъ и чомусь гостро ставъ дывытыся, и колы прыйиздылы посланы на инквизицію, южъ бувъ хорый и, хорымъ будучы, не видаю, що тамъ винъ имъ повидавъ. Потимъ взято ёго, хорого, до Полтавы на инквизицію, и тамъ не видаю, що винъ повидавъ, тилко прыйихавшы, ще барвій гостро ставъ дывытыся и кошулю зъ себе скинувъ; що я постеригшы, пыльновала ёго, яко жона, въ тій тяжкій хороби и сусидъ просыла, щобъ мени въ тимъ допомагалы. А колы трохы прыйшовъ къ соби, пытала я ёго: „Шо ты тамъ свидчывъ а, чуты, и прысягъ есы?“ А винъ одповидивъ: „Я не знаю ничого, що тамъ говорывъ“. Потоы моеи повисты“.

Затѣмъ велѣно остальнымъ „свидкамъ“ поочередно „мовыты“, и всѣ они „повидали тое слово въ слово, що у второй инквизиціи запысано“. Послѣ этого имъ предложено еще разъ поцѣловать св. евангеліе и крестъ и тогда велѣно „выступити“ (отойти).

Судъ, „порадившись“ между собою, объявилъ, что четыремъ свидѣтелямъ: Тимошу Ложечнику, Левку Куцю, Ивану Коробочкѣ и Евдокіи Билкѣ онъ „даеть зуполную виру, яко статечнымъ свидкамъ, а Олыхвира Бея, яко подъ часъ того бою бувшого подпылого и подъ часъ инквизиціи не въ зуполномъ уми зоставшого, а надто не единослова, яко ся показуетъ зъ обохъ инквизицій (здѣсь указаны несогласія въ его двукратныхъ показаніяхъ), не прыймуеть за свидка, понеаажъ въ двоохъ ричахъ солгавъ, южъ такому и въ иныхъ ёго свидоцствахъ довыраты не можемъ, звлаша, же (что) и жона его признаеть ёму забытіе ума“. Кромѣ того, и первую инквизицію „судъ не прыймуеть для многихъ въ ней фалшиве попысанныхъ речій: шынкарку напысано-

Настею, а вона Евдокія; Ложечныка напысано Миськомъ, а имя ему Тымпшъ“ и т. п. Въ виду этого „тыхъ первыхъ инквизиторовъ, за неумітность въ вывоженію инквизиціи, судъ нынѣшній велить карати вязенемъ (арестомъ), а честного отца Іоанна Терпыла, священника семяновского, одъ той напасти увольняетъ и симъ декретомъ наказуетъ, абы Процыкъ за тую нанесеную потварь (клевету) и безчестіе отца Терпыла во всемъ перепросывъ. Варуетъ (предупреждаетъ) тежъ судъ нынѣшній подъ виною (судебнымъ штрафомъ) на архипастырскую милость (митрополита) ста таляровъ, абы никто, такъ зъ духовныхъ, яко и зъ свицкыхъ не важмыся николи безчестя того задавати честному отцу Іоавну Терпылу, яко невывно напасть претерпившему; а хто бъ смивъ тымъ ёму прывыты, таковыѣ неотпустне вышреченую выну заплатитъ“.

Такъ энергично вступились полтавскіе пресвитеры за своего собрата,—не только обѣлили его, но и заградили уста всякому, кто былъ иного мнѣнія относительно „напасти“, якобы „невинно претерпѣнной“ отцомъ Терпиломъ. Это горячее заступничество, конечно, дѣлаетъ честь ихъ братской солидарности, но не судейскому ихъ безпристрастію. Вѣдь не съ добра же умеръ скоропостижно молодой Проценко послѣ іерейскихъ побоевъ. А что Проценко былъ избитъ, объ этомъ не было спора и на судѣ; тамъ шло лишь разногласіе о большей или меньшей интенсивности побоевъ.

А несчастный Процыкъ, Савышынъ свать, не только потерялъ сына, можетъ быть, единственнаго кормильца, но долженъ былъ еще „перепросить“ о. Терпила „за потварь и безчестье“. Это совсѣмъ уже такъ, какъ рассказывается въ юмористической пѣснѣ:

Была жинка мужыка,
 Пишла позываты:
 Присудылы мужыку
 Ще й жинку прохаты.

7. Убійца, прикованный къ гробу своей жертвы.

Крѣпко печалилась старая Кузьмиха, полтавская мѣщанка, вдова, что ея сынъ Тымко вышелъ не честнымъ ремесленникомъ, какимъ она надѣялась его видѣть, а „ледащомъ“ и забулдыгой. Учился онъ смолоду „гаптарству“ (золотошвейному мастерству) и могъ быть хорошимъ „гаптаремъ“, если бы поменьше волочился по шинкамъ да не связывался съ шинкарками. Надѣялась мать, что женитьба исправитъ безпутнаго сына, но и молодая жеча не сумѣла привязать къ дому Тымка, и онъ снова принялся за старое: „День гаптуе—два гайнуе, часомъ въ шинку й заночуе“. Хорошо, что хоть извѣстно было, въ какомъ именно шинкѣ надо было искать его—„на братерскомъ пречистескомъ дворѣ“, гдѣ шинковала Гапка „чаривныця“. Кузьмиха твердо была убѣждена въ томъ, что Гапка „бавылась чаровныцтвомъ“, иначе—чѣмъ же другимъ могла она „прывабыты до себе“ ея сына? Ни „вроды“ у нея, ни „хысту“, да и „прыстаркувата“ уже, а объ ея „нецнотлывомъ жытіи“ и говорить нечего. Кто же видалъ „цнотлывую“ шинкарку? Недаромъ полтавскій отецъ протопопъ отказывалъ шинкаркамъ въ святомъ причастіи. А случится въ городѣ „злодійство“—у кого тотчасъ же „трусать“ (обыскиваютъ) краденое? У шинкарокъ. Развѣ и эту Гапку мало „трусилы“ и „у вязеню“ держали? И эта „нецнота“, эта, „злыдена нетипаха“ задумала было женить на себѣ Тымка! И едва не успѣла въ своемъ замыслѣ, да спасибу Вуцькѣ, другой шинкаркѣ, во время предупредившей объ опасности. Сколько тогда Кузьмиха продила слезъ, умоляя и заклиная сына не позорить ихъ честнаго рода этой женитьбой и взять за себя другую дѣвушку, которую она сама же выбрала для него! Къ счастью, Тымко таки одумался, послушался матери и мѣсяць-другой послѣ женитьбы какъ будто и остепенился; но теперь снова пьетъ да гуляетъ и, кажется, опять „злгся“ съ тою же Гапкою. Охъ, чуетъ материнское сердце—не добромъ это кончится!

Предчувствія старой Кузьмихи сбылись скорѣе, чѣмъ она ожидала.

Наступилъ праздникъ св. Николая (9 мая 1700 г.), день ярмарки въ Полтавѣ. Тымко съ утра шатался по ярмаркѣ и привелъ съ собою къ Гапкѣ какую-то „черныцю“ изъ Будицкаго монастыря, отрекомендовавъ ее своею родственницею. Потребовавъ угощенія, онъ пригласилъ за столъ Гапку; но Гапка, охмелѣвъ, стала ревновать Тымка къ „черныци“ и довела его до такого бѣшенства, что онъ схватилъ рогачъ и попереворачивалъ въ печи горшки „зъ стравую“. Гапка, избитая, ревѣла въ пекарнѣ, со злости катаясь по полу. Не обращая на нее вниманія, Тымко забрался въ „кимнату“ (боковую комнату) и улегся спать; туда же поплелась за нимъ и цыная черница, и черезъ нѣсколько минутъ изъ „кимнаты“ доносился уже усиленный храпъ. Тогда Гапка подкралась на цыпочкахъ, заперла на защенку „кимнатную“ дверь и завязала щеколду свуркомъ. Въ ея головѣ зародился предательскій умыселъ: дождавшись, когда въ шинокъ сойдутся люди, открыть предъ ними дверь въ „кимнату“ и потребовать, чтобы Тымку и черницѣ, какъ явнымъ прелюбодѣямъ, были обрѣзаны полы¹⁾ и ихъ самихъ отвели въ ратушу. Такъ бы оно и случилось, можетъ быть, но минутою спустя вернулась изъ церкви жившая въ томъ же братскомъ домѣ старуха Ганья Ивановна и, ничего не вѣдая, отвязала дверь и вошла зачѣмъ-то въ „кимнату“. Гапка въ ту минуту была въ снѣгахъ. Спохватившись, что Ивановна, открывъ дверь и разбудивъ спящихъ, разстроила ея планы, она сначала вбѣжала въ „кимнату“ и съ бранью начала гнать оттуда Тымка, но затѣмъ сообразивъ, что не все еще потеряно, Гапка быстро заперла дверь и хотѣла звать людей. Какъ ни пьянъ былъ Тымко, онъ разгадалъ, однако, предательскій замыселъ Гапки и сталъ бѣшено ломиться въ дверь. Вырвавшись изъ западни, онъ такъ неистово принялся колотить Гапку, что она подъ его ударами испустила духъ.

¹⁾ Обычный въ то время способъ позорнаго клеймленія захваченныхъ на прелюбодѣніи.

Сбѣжался народъ. Тымка связали и, какъ „забойцу, зѣманого на горячимъ учынку“, отвели въ ратушу, „до полкового уряду“. Тамъ его немедленно подвергли допросу. Тымко такъ объяснял происшедшее убійство:

— Я, панове, въ тимъ двори пывъ, а вона, Гапка, безъ дѣння прычыны мене по щокахъ ударила, чого я, пьянымъ будучы, не стерпившы, вдарывъ ей тилко всёго два разы, а Гапка, павшы на землю, заразъ и духа пострадала.

Судъ на „достовернійшый доводъ тои справы“ велѣлъ призвать свидѣтельницу убійства Ганну Иванову, которая такъ показала:

— Прйшла я до тѣи жъ господы въ двиръ братерскій и не застала въ хати никого, тилко самую Гапку, ажъ бачу—поставци на столи стоятъ порожніи и стилъ полытый. Спыталася я: „чы то въ тебе, Гапко, напытку нема? Позбирай зъ столу поставци“. И тое іѣ сказавшы, пішла зъ хаты въ другую и обачыла, що горшкы въ печи зъ стравою поворочано, и пішовшы знову въ хату переднюю, нарикала я на Гапку за тое, що шкода есть, страву поворочано. Взявши зъ викна железне перехрестя, хотила понести ёго въ кимнату, ажъ двери кимнатны мотузкомъ завязаны. Я ихъ одчынула, увійшла въ кимнату и застала ёго, Тымка, зъ черницею нѣякоюсь зъ Будыського монастыря, а вернувшысь зъ кимнаты, сказала: „Гапко, чого винь, Тымко, туда увійшовъ?“ А Гапка отказала: „Не знаю для чого и колы—не бачыла“, и почала ёго, Тымка, зъ кимнаты гоныты, а потимъ сама напередъ выбигши, защеннула двери защипкою, а Тымко почавъ двермы трусыты и велеть отщепнуты. Скоро жъ вона отщепнула двери, а Тымко, выбигшы, почавъ іѣ, Гапку, быты, выговоруючы: „Сякая-такая нецноты, чому ты на мене наволикаешъ безчестя?“ и такъ тыранско бывъ, що ажъ заледво оную водою одылы. Вона жъ, Гапка, прйшовшы къ соби, схопившыся, кынулася до Тымка, а Тымко знову іѣ затявъ два разы, которая впавши на землю вмерла. И такъ одъ Тымковыхъ рукъ небожка свита пострадала“.

Хотя фактъ преступленія былъ вполне ясенъ и не нуждался въ разслѣдованіи, но судъ почему-то нашелъ нужнымъ отложить рѣшеніе дѣла „до указа пана зверхнійшого“, т. е. полковника, котораго въ то время не было въ городѣ, а преступника велѣно было тотчасъ „пры тилу небожки Гапки прикуваты, нимъ (пока) будетъ небожка погребена, а по погреби звычайнимъ до секвестру ёго, Тымва, дати“ (т. е. взять подъ арестъ).

Фактъ, о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ документѣ, т. е. приковываніе убійцы къ гробу жертвы, касается любопытнаго обычая, имѣвшаго въ то время общее распространеніе въ лѣво-бережной Малороссіи, но, сколько извѣстно, не практиковавшагося на правомъ берегу Днѣпра. О немъ нѣтъ упоминанія ни въ Литовскомъ Статутѣ, ни въ Магдебургскомъ правѣ. По объясненію профессора М. Ф. Владимірскаго-Буданова,¹⁾ это—остатокъ древняго судебна-уголовнаго обычая, состоявшаго въ томъ, что убійцу, схваченнаго на мѣстѣ или даже подозрѣваемаго лишь въ этомъ преступленіи, привязывали къ ногѣ трупа и оставляли въ такомъ положеніи до суда, до официальнаго осмотра. Это имѣло значеніе или поличнаго (непререкаемой улики), или—пытки, которою вынуждалось собственное сознаніе; и нужно сказать, что такая форма пытки была одною изъ самыхъ дѣйствительныхъ, такъ какъ рѣдкій убійца могъ выдержать долго очень близкое сосѣдство съ жертвою. Въ такой формѣ этотъ архаическій обычай существовалъ и въ Великороссіи еще въ XVI ст.

Въ Малороссіи XVII и XVIII вв. приковываніе къ гробу потеряло уже правовой характеръ и получило значеніе ненужнаго dodatka къ тому наказанію, какое окончательно потомъ предстояло убійцѣ. Правда, на Запорожьи, если вѣрить народнымъ преданіямъ, нерѣдко случалось, что убійцу заживо хоронили вмѣстѣ съ жертвою. Хотя въ гетманщинѣ эта жестокая казнь

¹⁾ См. интересную его замѣтку объ этомъ предметѣ въ «Кіев. Старинѣ» 1888 года, т. XX.

несомнѣнно не практиковалась въ XVII ст., но если только она когда-либо была въ обычаяхъ древняго народнаго суда, то въ такомъ случаѣ приковываніе убійцы къ гробу убитаго можетъ быть разсматриваемо какъ ея символъ, или пережитокъ, имѣвшій цѣлью позоръ и устрашеніе. Правду сказать, и въ этой смягченной формѣ данный обычай заключалъ въ себѣ много излишней, утонченной жестокости. Преступникъ оставался прикованнымъ къ гробу иногда въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ и въ такомъ видѣ обязательно сопровождалъ его въ процессіи, когда мертвеца несли въ церковь и на кладбище. Легко представить, какія нравственныя муки онъ долженъ былъ испытывать, слушая вопли и причитанія родни убитаго и служа объектомъ негодованія со стороны окружающаго народа. Но этого мало. Обыкновенно покойника, наканунѣ погребенія, на ночь вносили въ церковь, и несчастный убійца проводилъ мучительнѣйшую ночь въ запертомъ храмѣ, наединѣ съ жертвою; а чтобы онъ, метаясь въ безумномъ ужасѣ, не опрокинулъ гроба, его нерѣдко связывали веревками и клали на ночь подъ „марами“ (носивками), на которыхъ помѣщался гробъ.

Въ такой формѣ этотъ ужасный обычай просуществовалъ въ Малороссіи почти до конца XVIII ст. Еще въ 1783 году въ одной изъ церквей Черниговской епархіи, послѣ панихиды надъ убитымъ козачьимъ сыномъ Іосифомъ Бѣденкомъ, была прикована къ его гробу козачья дочь дѣвица Христина Водяникова, при чемъ мѣстный священникъ не только не препятствовалъ этому, но самъ приказывалъ бывшимъ въ церкви людямъ вязать Христину веревками и связанную положить подъ гробъ. Этотъ случай побудилъ генераль-губернатора графа Румянцева, циркулярнымъ письмомъ къ архіереямъ малороссійскихъ епархій, обратить ихъ вниманіе на это „странное и человѣчество уражающее (оскорбляющее) произшествіе“ и просить о воспрещеніи столь жестокаго и противозаконнаго обычая, что и было исполнено ¹⁾.

¹⁾ Тамъ же, указъ черниговскаго архіерея о воспрещеніи даннаго обычая.

Такую мучительную пытку долженъ былъ вынести и герой нашего разсказа Тымко Кузьменко и затѣмъ ожидать въ тюрьмѣ рѣшенія своей участи.

Ровно черезъ недѣлю „маестратъ миській полтавскій“¹⁾, „одобравшы отъ зверхнійшого пана, властелина, одъ его мылосты пана полковника, указъ цетоваты (рѣшить) тую справу подлугъ (по) належытого права“, велѣлъ снова „передъ собою поставыты того мужоубойцу Тымка не для выведеня инквизици, лечъ (но) для ферованя (произнесенія) декрету и уконченя справы“. Тутъ явилась въ судъ и „акторская сторона“, сестра убитой Гапки, и „домовлялася судового всказаня“ надъ убійцей. Справившись съ законами, судъ приговорилъ Тымка къ смертной казни; но въ эту минуту полученъ былъ другой „указъ“ отъ полковника: „за условнымъ кривавослезнымъ маткы Тымковой и тещи и жоны его прошеніемъ, дароваты ёго горломъ“, обязавъ лишь его „поеднаты духовенство за отпаву погребу небожки Гапки и за сорокоустъ за душу ея“ и сверхъ того уплатить „крвнымъ“ ея предписанную въ Литовскомъ Статутѣ „поголовщину“. Такъ какъ покойная Гапка „жила лезно, безъ мужа, и не мила ёго, а шынкомъ бавылася“, то судъ опредѣлилъ за голову ея низшій размѣръ платы, всего 50 золотыхъ. Наконецъ, Тымко долженъ былъ уплатить „выну врядовую“, т. е. извѣстный денежный штрафъ въ пользу судей.

А „вына панская“, т. е. полковничій доходъ, неужели была прощена? О нѣтъ, полковникъ тоже въ накладѣ не остался. Оказывается, что не одиѣ „кривавослезныя“ мольбы несчастныхъ женщинъ подвинули его на милосердіе, а нѣчто иное, болѣе существенное. Такъ какъ у старой Кузьмихи и у ея свахи не было ни грунтовъ, ни пасѣкъ, ни даже „паровиць“ воловъ, то продолжительный торгъ за голову Тымка окончился выдачей полковнику формальнаго обязательства, по которому „оный Тымко;

1) Такъ титулуеть себя въ данномъ декретѣ полковой судъ, собравшійся въ обычномъ своемъ составѣ: наказной полковникъ, полк. судья, городовоу атаманъ, войтъ и бурмистръ.

выдачи такъ великое по Бозѣ его милости пана полковника отцевское надъ собою милосердіе, ижъ (что) не тилко на здорю не пострадалъ, и на худобѣ неварушонимъ зосталъ,—во вѣчние и неуставаючіе роды зъ жоною своею поручилъ себе въ доживотную дому его панскому службу“.

Честь избрѣтенія такой, новой въ Малороссіи, кабалы всецѣло принадлежитъ полтавскому полковнику Ивану Искрѣ, тому самому, который семь лѣтъ спустя вмѣстѣ съ Кочубеемъ задумалъ было подставить ногу Мазепѣ. Прежніе полковники продавали милосердіе за меньшую цѣну.

8. Козачка, спяна застрѣлившая работницу.

Раннею весною 1689 года козацкіе полки, вмѣстѣ съ гетманомъ, выступили въ Крымскій походъ. Ушелъ вмѣстѣ съ ними и Борзенскій козакъ Грыцько Плющенко, а дома осталась жена его Палажка съ малыми дѣтьми. Въ то время рѣдкая изъ козачекъ въ отсутствіе мужа вела себя „статечно“ (благо-разумно, воздержно), особенно въ городахъ: на базарѣ ежедневно съ ней встрѣчались кумушки да сестрички, охотницы повеселиться, звали къ себѣ или сами шли къ ней въ гости,—и изо дня въ день тянулись „бѣсиды“ да пьянство, а съ пьянства возникали подчасъ и другіе грѣхи. „Не статкувала“, какъ видно, и Палажка Грыцьха: она тоже въ отсутствіе мужа предалась пьянству и дошла до того, что спяна застрѣлила свою „наймычку“.

Въ то время Борзна была сотеннымъ городомъ нѣжинскаго полка и въ ней, какъ и въ другихъ городкахъ, существовалъ „козацкій сполне и мѣйскій“ судъ, немедленно собравшійся для разслѣдованія такого неслыханнаго проступка. За отсутствіемъ сотника, ушедшаго въ походъ, предсѣдательствовалъ въ этомъ судѣ городской атаманъ, а съ нимъ засѣдали: войтъ, „значное товариство“ (козаки), бурмистръ и нѣкоторые изъ почетныхъ мѣщанъ. Обвинителями выступили родители убитой,

нѣкто Тышко Батюта съ женой. Они съ плачемъ жаловались, что Палажка Грыцьха, „будучи подпылою, чы въ умыслу, чы зъ трафунку (случайно),—о томъ Богъ всемогущій знаетъ,—не-видомо за якую прычыну, а зъ неналежного своего жоноцкого поступку, чого бь їй не годылося чыныты, порвавшыся до ручныци (ружья), хочай не знала, що оная була заправлена (заряжена), наймычку свою а дочку нашу власную Катерыву на смерть зъ ручныци застрелыла“.

Судьи спросили Палажку: „Для чого ты такой злый учынокъ учыныла: зъ якого ранвору (злопамятства), або за який выстүпокъ смила на смерть забыты дывчыну, наймычку свою?“

— Що жь, панове,—винулась Палажка,—грихъ мене споткавъ. Тилко и було прычыны—за одну фанту¹⁾ кармазыновую старую, що удерто шмать полы. Пытала-мъ: „чы то ты учыныла шкоду?“ Тилко жь вона, небожчыця Катерына, мовыла, що „я того непровынна: не знаю и не видаю, бо тое ще пры самомъ господареви (хозяинѣ), якъ до вѣйска не йшовъ, учынылося удартьє“. И за тую прычыну хотила-мъ пострашыты: поставыла-мъ ей на тій фанти, узывшы ручныцю съ килка, а правди не знаючы, що була заправлена. Якъ звела-мъ куроць, безъ подсыпки опустывся, невидаты зъ чого спалыло на пановци, и застрелыла-мъ небожчыцю на смерть“.

Дѣло было ясно, въ дальнѣйшемъ разслѣдованіи не было нужды; постановить же приговоръ по настоящему дѣлу сотенный урядъ не имѣлъ полномочій, такъ какъ уголовные проступки, за которые могла угрожать смертная казнь, подлежали рѣшенію вышаго суда, полкового или генеральнаго. Поэтому Палажку Грыцьху, какъ „забойцю“, судъ велѣлъ немедленно посадить въ тюрьму и занялся рѣшеніемъ вопроса о томъ, что сдѣлать съ трупомъ убитой Катерины.

1) *Фанта*—закладъ, залогъ; очевидно, рѣчь идетъ о кармазыновой одеждѣ, кѣмъ-то оставленной въ залогъ.

По обычаю, отчасти основанному на предписаніи Статута¹⁾, не принято было хоронить убитого раньше, чѣмъ свершится судъ надъ убійцей. При необыкновенной быстротѣ козацкаго судопроизводства, когда преступникъ нерѣдко судился и даже подвергался казни не позже, какъ на другой или третій день послѣ преступленія, такой обычай не былъ очень стѣснительнымъ; но если дѣло грозило затяжкой, судъ обыкновенно постановлялъ раньше декретъ о предаіи убитого погребенію, не ожидая рѣшенія судьбы убійцы. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ: принимая во вниманіе, что дѣло должно поступить на рѣшеніе высшаго суда и что трупъ въ лѣтнюю пору (дѣло происходило въ концѣ мая) нельзя долго держать, урядъ Борзенскій разрѣшилъ его „до гробу отпровадити“.

Но при этомъ, согласно существовавшему въ Малороссіи обычаю, слѣдовало вести за гробомъ и убійцу, прикованную къ гробу жертвы. Тутъ выступили родственники Палажки и стали просить Тышка Батюту освободить ее отъ этой позорной церемоніи въ виду ненамѣренности совершеннаго ею проступка. Въ то время отъ воли потерпѣвшаго зависѣло многое въ участи подсудимаго, даже полное освобожденіе его отъ кары за уголовный проступокъ. И Батюта, уступая этимъ просьбамъ, оказалъ „милость“ преступницѣ: „не позволилъ Грыцыхы до гробу при тѣлѣ дочки своей явне вести“, а затѣмъ, „за намовами людскими и прозбою“ Палажки, „склонился и до згоды зъ нею“ и заключилъ мировую, въ силу которой Грыцыха должна была нанять сорокоустъ за душу убитой и кое-чѣмъ вознаградить осиротѣвшихъ родителей, а послѣдніе отказывались отъ уголовного преслѣдованія ея за убійство ихъ дочери.

Обо всемъ этомъ сотенный урядъ былъ обязанъ донести высшему суду, именно полковому; но въ данномъ случаѣ онъ почему-то миновалъ эту инстанцію и непосредственно обратился

¹⁾ Разд. 11, артк. 2-й; въ него видно, что до изданія 3-ей редакціи Статута, во всей Литвѣ было въ обычаѣ не хоронить убитого до совершенія суда надъ убійцей.

въ войсковый генеральный судъ, прося у него „науки“, какъ поступить съ этой „справой“. Отъ генеральнаго суда послѣдовала такая „информація“: такъ какъ Палажка Грыцыха примирилась съ отцемъ убитой ею Катерины „и тое сталося зъ воли инстикгаторской (обвинителя, истца), того южь и мы въ той справи поеднаня судомъ нашимъ не розрываемъ. Однакоъ, гриху и помсты Божои варуючыся (остерегаясь), безъ карности такого проступства, мимо законъ Божій, повинность наша судовая пустыты тую забойцю не повелѣваетъ; бо если право святое отцеви, который бы сына своего хотячы и не хотячы забывъ, указуетъ рикъ и шить недиль у вязеню сыдиты, а другой рикъ въ собори церковномъ себе чтырикротъ на празныкы облычаты, ¹⁾ а сеей забойци Грыцыси, которая, подпылою (пьяною) будучы, знаты зъ зухвальства своего надъ служебкою такее окрутное (жестокое) дило пополнила, овшемъ (тѣмъ паче) треба карности даты. Зачымъ абысте ей дали до визеня, то есть до турмы, ежели на долгое вязеня способна, а ежели назбытъ прыкра (слишкомъ слаба), то въ якую комору крайнюю ей посадите, жебы слюта (непогода) не досаждала, де маеть рикъ и шить недиль, ведлугъ права (согласно закону), за свій выступокъ сыдиты; або выну пиняжную, ровную зъ нагородою укывжоному, нехай намъ, суду, отдасть, ежели захочеть фолкги (снисхожденія) и волности отъ сыдишья“.

Палажка, очевидно, предпочла уплату „вины“ продолжительному заключенію, потому что спустя нѣсколько дней Борзенскій урядъ получилъ отъ генеральнаго судьи Михаила Вуяхевича слѣдующее увѣдомленіе:

„Мои ласкавіи прытели, пане атамане Борзенскій и пане войте тамушній зъ бурмистрами! Поневажь Грыцыха, того своего злого учынку жалуючы, досыть тому укывжоному отцеви забытой небожчыци учыныла, сорокоуста за душу еи уеднала, теды судъ нашъ, респектомъ и малыхъ еи дитей, и прыхыльвышися на прозьбу отца Грыцышына и дядька, одъ вязеня еи увольняетъ,

¹⁾ Имѣется въ виду предписаніе Статута, розд. 11, арт. 7, § 2.

съ котораго абысте ваши милости, южь жадного датку не вытягаючи, ей выпустилы и въ домъ до дитей поиты и вольно мешкаты (памятаючи на грихъ той, щобъ до покуты ся доброволне удала) позволялы. При томъ, по васъ того пыльно хотячы миты, застаю назавше вашмостямъ всего добра зычлывымъ прыателемъ ихъ царского пресвитлого вельчества Войска Запорозского енералный судя и наказный гетманъ Мыхаиль Вуяхевичъ. Зъ Батурына, мая 28, 1689 року“.

9. Жестокая жена.

Убийство женою мужа искони почиталось однимъ изъ самыхъ тяжкихъ преступлений и по степени уголовной отвѣтственности приравнивалось къ убійству родного отца или матери. Въ Литовскомъ Статутѣ опредѣлена была особая, необыкновенно жестокая, специальная кара за три преступленія: отцеубійство, матереубійство и убійство одного супруга другимъ. Первые два преступленія, какъ совершенно противоестественныя, всегда были крайне рѣдки; скажемъ даже больше: ни въ уголовной практикѣ городскихъ и магистратскихъ судовъ, насколько она извѣстна намъ изъ актовыхъ книгъ юго-западнаго края, ни въ актахъ козацкихъ судовъ мы не припоминаемъ ни одного случая такихъ преступлений. Но убійство между супругами лишь благодаря доктринерству старинной юриспруденціи могло быть включено въ одну категорію съ двумя первыми преступленіями; на дѣлѣ же, по самой природѣ своей, оно далеко не такъ, какъ тѣ, противоестественно, а неразрывность брачнаго союза, безправное положеніе замуженной женщины и другія несовершенства семейнаго быта могутъ создавать на каждомъ шагу достаточные поводы къ этому ужасному преступленію. Правду сказать, мало-русская женщина XVI—XVII в. в. меньше, чѣмъ всякая другая, имѣла поводовъ посягать на жизнь своего мужа: ея положеніе далеко не было безправнымъ; въ случаѣ неудачнаго брака не трудно было добиться развода; наконецъ, благодаря извѣстнымъ

свойствамъ малороссійскихъ нравовъ и характеровъ, женщина здѣсь всегда играла въ семьѣ такую роль, что чаще мужу приходилось терпѣть отъ нея, а не наоборотъ. Поэтому семейныя катастрофы были здѣсь явленіемъ чрезвычайно рѣдкимъ, почти исключительнымъ. Даже въ правобережной дворянской средѣ (XVI—XVII в. в.), сильно уже тронутой польскимъ культурнымъ вліяніемъ и утратившей патриархальную строгость и чистоту нравовъ, съ трудомъ можно указать лишь нѣсколько случаевъ мужеубійства, въ которыхъ напрасно было бы искать выраженія какого-либо протеста противъ супружескаго гнета: преступницами обыкновенно оказывались легкомысленныя или развращенныя женщины, желавшія путемъ убійства избавиться отъ нелюбимыхъ мужей и овладѣть ихъ состояніемъ. Въ уголовной хроникѣ козацкихъ судовъ намъ извѣстенъ пока единственный случай подобнаго преступленія, именно тотъ, который мы намѣрены рассказать; но и онъ, какъ увидимъ, если и даетъ поводъ говорить о семейномъ деспотизмѣ, то жертвой такого деспотизма, во всѣхъ отношеніяхъ, долженъ быть признанъ убитый мужъ, а отнюдь не убійца жена.

Дѣло происходило въ с. Мачохахъ, недалеко отъ Полтавы, въ первыхъ числахъ сентября 1700 года.

Жилъ тамъ нѣкій Дынысь, бѣднякъ, не имѣвшій даже фамильнаго прозвища. Пробурлаковавъ всю жизнь, захотѣлъ онъ подл старость обезпечить себѣ пристанище въ семьѣ и женился или, какъ говорится, „проставъ въ пріймы“ къ немолодой уже бездѣтной вдовѣ Ульянѣ Бурвовчихѣ, имѣвшей и хату, и грунтъ, и небольшое хозяйство. Дынысь оказался усерднымъ, трудолюбивымъ „господаремъ“, и казалось, что престарѣлой четѣ до конца дней было обезпечено спокойное и безбѣдное существованіе. Одно лишь горе: Ульяна обладала однимъ изъ тѣхъ несносныхъ и для совмѣстной жизни совершенно невозможныхъ характеровъ, о которыхъ такъ мѣтко говоритъ извѣстное народное присловье: „се така баба, що їй чортъ на маховыхъ вылахъ чоботы подававъ“. Безъ мѣры злая и сварливая, Ульяна

сразу же обратила мужа въ батрака и въ безотвѣтную жертву всегда ей присущаго желчнаго настроенія. Вдобавокъ, была у нея пріятельница Тетяна Яцыха, такая же фурія, пьянствовавшая вмѣстѣ съ нею и почему-то постоянно вооружавшая ее противъ Дыныса. Долго бывший бурлака „пондсывъ“ отъ жены „многи биды, досады и униженія“, наконецъ мѣра его терпѣнія истощилась, и онъ принялъ рѣшительное намѣреніе бѣжать отъ прелестей супружеской жизни и поступить въ „шпиталь“ (богадѣльню), въ это послѣднее убѣжище сирыхъ, недужныхъ и безпріютныхъ. Но такихъ, какъ онъ, даромъ въ „шпиталь“ не пускали, а требовали „вступного“ копу грошей. Какъ ни незначительна была эта сумма, но у бѣднаго „господаря“, до изнеможенія работавшаго не на своемъ „господарствѣ“, никогда ея не водилось, а жена не давала и требовала, чтобы онъ раньше окончилъ уборку хлѣба и тогда уже убирался „хочь пидъ тры чорты“. Дынысъ добросовѣстно исполнилъ и это требованіе, свезъ хлѣбъ до послѣдняго снопа въ токъ, сложилъ въ скирды и сталъ настойчиво просить жену отпустить его съ миромъ и дать ему копу грошей „для вкупленія въ шпиталь“ и новую свиту. Но Ульянѣ не было никакого расчета лишиться дарового работника, и она, грубо издѣваясь надъ мужемъ, прогнала его съ глазъ и ушла въ корчму къ пріятельницѣ. Вернулся несчастный бурлака на токъ, а тамъ стоятъ аккуратно сложенные стожки—его „кривавая праця“, плодъ неустанныхъ его трудовъ на чужую корысть. Невыносимо горько сдѣлалось на душѣ у Дыныса, и онъ „зъ велького жалю“, не помня себя отъ гнѣва и огорченія, взялъ да и поджегъ эти самые стожки, а самъ натянулъ на плечи драную свиту, нахлобучилъ шапку, махнулъ рукой и ушелъ „свить за очи“.

Когда надъ токомъ взвились клубы дыма, сбѣжались сосѣди и стали тушить пожаръ. Прибѣжала и Дынысыха. Она сразу догадалась, чьихъ рукъ это дѣло, и неистово кричала: „Ой дожените, ой приведите мени того клятого паля, того старого собаку“. Когда пожаръ былъ уже притушенъ, двое изъ сосѣдей, особенно негодовавшихъ на Ды-

ныса за поджогъ, угрожавшій и ихъ усадьбамъ, сѣли на возъ и погнались за бѣглецомъ. Они догнали Дыныса далеко за селомъ, связали, привезли на мѣсто пожарища и первые стали бить палками. Прибѣжала затѣмъ Ульяна, схватила оглоблю и была связаннаго мужа до изнеможенія, потомъ позвала на помощь пріятельницу Тетяну и велѣла ей бить вилами. Бѣдный Дынысъ не былъ въ состояніи выдержать такого дружнаго боя и выпустилъ духъ.

Собрался судъ для рѣшенія дѣла о такой неслыханной „злости“. Въ качествѣ истцовъ явились племянники убитаго Каленикъ и Пылыць Науменки, жители сосѣдняго съ Мачохами сельца Хведорокъ, а обвиняемыми были: Ульяна Дынысыха, какъ „принципалка забойства“ и помогавшіе ей: Тетяна Яцыха, Юско Литвинъ и Павло Билыкъ. Первымъ былъ допрошенъ Юско Литвинъ, ѣздившій въ погоню за Дынысомъ. Его спросили: „Зъ якихъ миръ и съ кымъ ты Дыныса бувъ?“ Онъ отвѣтилъ:

— Правда, панове, піймавши ёго и привизши до ёго току, я немного бувъ оного зъ Павломъ Билыкомъ, тилко жъ вышныною, и вдарывшы-сьмо по килка разивъ, оставил-емъ оного, а самъ пишовъ до атамана оповистыты, що ёго, Дыныса, піймали и привезлы; и колы вже зъ атаманомъ прыйшли-сьмо, застали жону ёго Уляну Дынысыху та Тетяну Яцыху, которіи ёго были: Уляна оглоблю, а Яцыха выламы, и такъ одъ того бою мало и живъ будучы, якъ-бы годынъ въ дви чы въ тры умеръ, которого вже и розвязалы-сьмо неживого“.

Спросили Павла Билыка: „чы и ты тому бою прытомнымъ (участникомъ) бувъ?“

— А що жъ, панове—отвѣтилъ онъ—було тое, бо якъ привизъ Юско зъ Педоромъ Деныса, пойманого, а я стеригъ вогню, щобъ не располонывся, тоди Юско веливъ мени дви вышныны выризаты, и такъ я, выривавшы ёму одну, а соби другую, были-сьмо ёго потимъ, звязаного. Юско жъ до атамана пишовъ, а я стеригъ оного. Тутъ прыйшла Дынысыха, а взявши зъ стрихы оглоблю, была ёго, Дыныса, тыранско. Потимъ прыйшла Тетяна Яцыха, и мало вже живого заставшы, тежъ

была выламы, допытуючыся: „за що ты, мовыть, злѣй сыне, на мене маешъ за зле и говорышь, будто ты черезъ мене не маешъ мешкаты зъ жоною своею?“ И якъ вже прыйшовъ Юско зъ атаманомъ, застали Дыныса тилко що живого, однакъ вже не говорыть, который того жъ часу и Богу душу отдавъ.

Тетяну Яцыху спросили: „За що ты Дыныса была?“ Она сказала:

— Правда, панове, що была-мъ ёго, бо винъ на мене бывало все говорыть, будто черезъ мене зъ жоною своею мешканя не маеть, и за тое ёго зъ килька разивъ пальцею ударила; бо жона ёго Уляна, прыйшовшы до мене, сказала мени: „прывезлы, мовыть, и того старого собаку, ворога нашего, который о тоби а о мени много чынывъ обговору и веславы. Будеть мене памяты: частовала мъ ёго оглоблю добре; пойды и ты а своего жалю помстыся надъ старымъ псомъ“. Послухавшы ии, пишла до току и была-мъ ёго пальцею, тилко не одъ мене смерть ёго постыгла.

Сама Денысха Уляна ограничилась короткимъ объясненіемъ:

— За тое я ёго была, що винъ мое добро, пашню въ току запалывъ. Тилко жъ того бою не я, панове, початкомъ: Лытвынъ зъ Павломъ впочатку, скоро ёго прывезлы, піймавшы, были въ дви пальци.

Спрошены были въ заключеніе и свидѣтели, очевидцы происшествія. Они показали:

— Юско впочатку зъ Павломъ Билыкомъ были въ дви пальци, перестаючы, и колы просывъ Дынысъ пыты, Юско знову веливъ ёго наповаты пальцями, и насъ заставлявъ быты, але жъ мы ёго быты не хотили; тоди Юско знову зъ нымъ же, Павломъ, ёго, Дыныса, были. Потимъ прыйшла, жона ёго, Дынысова, и взявшы оглоблю, была ёго оглоблю нещадно; а по вѣй Яцыха прыйшла а, взявшы выла, оного жъ была. А Юско, видячы, що вже Дынысъ кончытся, пишовъ до атамана, и вже зъ атаманомъ прыйшовшы, живого Дыныса не застали, але вмерлого вже розвязали.

Судъ нашель, что дѣло вполнѣ выяснено „и жадного большъ доводу не потреба, поневажъ самы обжалованныи злость

свою на себе выпали“. Прежде всего судьи постановили, чтобы тѣло убитаго, остававшееся, какъ всегда, до производства судебного слѣдствія не похороненнымъ, было предано землѣ „подлугъ звичаю“, затѣмъ приступили къ составленію приговора относительно Ульяны Дынысыхы, признанной виновной въ мужеубійствѣ, и ея случайныхъ помощниковъ. Справившись съ Литовскимъ Статутомъ, нашли въ 6 артык. 11-го разд. прямое предписаніе, что жена, умертвившая „доживотнаго пріятеля своего, не только горломъ маеть быти карана, але и почтивость и всю маетность тратить, а тоєю карностью ганебною (позорною) маеть быти карана: по рынку волочачы, клѣщами тѣло торгати, а потомъ въ мѣхъ скуряный (кожаный), всадивши до него пса, кура, ужа и кошку, зашити и где найглубей до воды втопити; тымъ же тежъ обычаемъ и помощники мають быти караны“. Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ слишкомъ сложный и вычурный родъ казни едва ли примѣнялся и въ самой Литвѣ, по крайней мѣрѣ на Волини извѣстные намъ процессы о мужеубійствахъ оканчивались обыкновенною смертною казнью отъ руки палача; тѣмъ меньше этотъ родъ казни могъ примѣняться въ лѣвобережной Малороссіи. Не остановились на немъ и члены полтавскаго полкового суда: „А поневажъ (читаемъ далѣе въ декретѣ) въ насъ того обычаю не заховують, теда, запобигаючы мы такій злости, абы промежъ людьмъ, а звлаца межи малженствомъ, оная не множылася, якая на Ульяну Дынысыху показалася, що вона, не памятаючы на почтивость стану малженского и жадного никобы пошанованя мужеви своему не чынячы, овшемъ (а на-противъ) завше его пры старости унычыжала, зъ дому ёго гоныла, а наостатокъ, якъ зъ инквизиціи показалося, свты едвои и копы грошей для вкупленяся въ шпиталь ёму не дала, и тымъ злость взгнитышы, що винъ пашню свою запалывъ, о смерть ёго зъ помощныкамы своими прыправыла,—маеть вона подлугъ нынѣшнего декрету киньмы по рынку волочена и клищамы торгана, а наостатокъ маеть смертелне четвертованемъ скарана буты сама одна, а помощныкы ей повинны головщину крвнымъ Дынысовымъ платыты и выну панскую и врядовую“.

Постановляя этотъ суровый приговоръ, судьи не могли не сознавать, что въ данномъ преступленіи, въ сущности, не было

предназначеннаго убійства, а было лишь причиненіе жестокихъ побоевъ въ состояніи запальчивости, вызванной опрометчивымъ поступкомъ самого пострадавшаго; вотъ почему остальные участники преступленія подверглись легкой карѣ, какая положена была за неумышленное убійство, между тѣмъ какъ Ульяна Дынысыха, въ сущности не болѣе ихъ виновная, была присуждена къ лютой казни, назначенной въ законѣ за предумышленное мужеубійство. Но судьи въ этомъ случаѣ могли невольно поддаться тому тягостному и крайне невыгодному для подсудимой впечатлѣнію, какое было произведено раскрытой при слѣдствіи картиной отношеній Дынысыхы къ ея покойному мужу, и въ своемъ приговорѣ они явились какъ бы мстителями за всѣ униженія и поруганія, какія терпѣлъ несчастный Дынысъ отъ злой жены.

10. Женоубійца.

Совсѣмъ иначе отнесся тотъ же судъ къ аналогичному преступленію—убійству жены мужемъ.

Въ началѣ 1700 г. присланъ былъ въ полтавскій полковой судъ „на декретъ“ житель г. Переволочной, Юхимъ Рѣзникъ, обвиняемый въ томъ, что онъ, „запомнившы боязнь Божию и встыду людского, тиранско замордовавъ жону свою ажъ до смерти“. На судъ его спросили: „Що тому забойству за причина була“? Онъ такъ отвѣтилъ:

— А що жъ, панове, такъ то мене грихъ поткавъ и вседушевный непрятель до того мене прывивъ. Воля ваша що хочиты зо мною чыныты, тилко якъ передъ Богомъ вамъ ся откываю, що вона, небижка, завжды пьянствомъ ся бавыла и статковаты не хотила, и мене не слухала, и ганебне було векуець¹⁾, диты зъ дому розгонить, и такъ зъ неосторожности своей хотивъ еи покараты, а до смерти прыйшло“.

¹⁾ Старинное польское *weksować* (отъ лат. vexare)—надоѣдать, мучить.

Въ Литовскомъ Статутѣ за женоубійство опредѣлена была та же самая лютая казнь, что и за мужеубійство; если же въ преступленіи Юхыма Рѣзника нельзя было усмотрѣть умышеннаго убійства, то и въ дѣлѣ Ульяны Дынысыхы, какъ мы видѣли, тоже не было основанія приписать ей злой умыселъ, однако ее покарала по Статуту, какъ умышленную мужеубійцу. Но въ данномъ случаѣ судьи, вопреки обычаю, даже не „взглянули у право“ и безъ всякой ссылки на статьи закона постановили слѣдующій приговоръ: „Судъ, выдачы тое, що за убійство ёго (Рѣзника) и инстикгаторовъ (обвинителей) жадныхъ немає и диты на ёго не настоюють и зъ выны вымовляють, полицаючи (поручая) сіе забойство праведному судови Божому, даруєть его (Рѣзника) душею и отпускаєть на покаяніе, щобъ за еи, небожкы, душу духовного отца за сорокоустъ погодывъ и за свое прегришеніе старався до кончыны своей покутоваты“.

Здѣсь судъ вступилъ въ явное противорѣчіе съ закономъ: въ Лит. Статутѣ убійство между супругами отнесено именно въ числу тѣхъ немногихъ, особенно тяжкихъ преступленій, за которыя судъ былъ обязанъ по собственной инициативѣ и своими средствами преслѣдовать виновнаго, хотя бы дѣти или близкіе родственники не желали возбуждать дѣла или даже готовы были простить убійцу¹⁾. Очевидно, что этотъ Рѣзникъ былъ дѣйствительно несчастливымъ мужемъ, но заботливымъ отцомъ, и у судей изъ чувства человѣколюбія не поднялась рука, чтобы обрушить на него громы правосудія и окончательно осиротить его несчастныхъ дѣтей. А въ подобныхъ случаяхъ члены козацкихъ судовъ, какъ непрофессіональные юристы, не стѣснялись слѣдовать исключительно велѣніямъ своей совѣсти, пренебрегая требованіями положительнаго закона.

Ор. Левицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

1) Раздѣлъ 11, артыкуль 6, § 2.

УКРАИНСКАЯ ВѢДЬМА.

(О Ч Е Р К Ъ).

Внѣшность вѣдмы. Испытанія ея и подготовленіе къ дѣятельности. Превращенія, полеты, сборища вѣдмъ; вредная дѣятельность послѣднихъ, направленная на личность и собственность. Обереги отъ вѣдмъ, поимка ихъ, испытаніе водой, сожженіе, побои, увѣчья, конфискація имущества. Естественная смерть вѣдмы.

Отвратительная, зловѣщая старуха, съ загнутымъ носомъ, красными, опущенными внизъ глазами—таковъ портретъ вѣдмы въ малорусскихъ и западно-европейскихъ этнографическихъ сборникахъ¹⁾. Устные народные рассказы Лубенскаго уѣзда прибавляютъ къ этому портрету еще слѣдующія черты. „Видьма въ лицѣ мнѣнѣста, жовта, очи чорни—глыбоко. Поглядъ у неѣ негарный. Їѣ по очамъ пизнають. Вона на сонце праведне не буде дывытѣся и въ церкви усе дывытѣся унизъ.“ Кромѣ лица, главнымъ отличительнымъ признакомъ вѣдмы признается хвостъ, и убѣжденіе въ существованіи хвостатыхъ людей распространено между отдаленнѣйшими арабскими, африканскими, меланезійскими пле-

1) Чубинскій. Тр. Экспед. т. 1, в. 1. 197. Ивановъ. Народн. рассказы о вѣд. въ Сб. Хар. Ист.-Филол. Общества, т. III, 164. Канторовичъ. Среднев. прощ. о вѣд., 20. E. Monsieur. Le Folklore Wallon. Bruxelles., 85.

менами¹⁾. Другой вѣшній признакъ вѣдьмъ—черная полоса волосъ отъ затылка до пояса (какъ у вятки) попадаетъ только среди народныхъ представленій о вѣдьмѣ въ Харьковской губерніи²⁾. Перечисленныя особенности только и могутъ, конечно, принадлежать „родовитій“ вѣдьмѣ; ученой-же—дѣлается каждая женщина, выдержавшая испытаніе. Это испытаніе, какъ видно изъ печатныхъ источниковъ³⁾ и устныхъ народныхъ разсказовъ, записанныхъ мною въ Лубенскомъ уѣздѣ, заключается, кромѣ поруганій святыни,⁴⁾ еще въ образномъ представленіи будущей дѣятельности вѣдьмы и ея грядущей судьбы. Испытываемая подходитъ въ полночь къ рѣкѣ, откуда вылазятъ пресмыкающіяся, ~~вы-эрныхъ~~ будущая вѣдьма доитъ и беретъ зубами; вѣдьмъ пресмыкающіяся жадно расхватываютъ сыръ, какъ въ послѣдствіи разорвутъ вѣдьму или ея душу. Нѣсколько отличенъ искусь вѣдьмы въ слѣдующихъ народныхъ разсказахъ. „Жинка просыла своей кумы: „навчы й мене видьмыть“. А кума каже: „не выдержишь“.—Выдержу.—Прыхоть завтра“. У вечеру прыйшла та жинка до кумы и кума повела на ихъ собраніе. Здохла кобыла, и въ кобылы и гады, и черепахи, и жабы; и туды тій куми пролазыть. Вона те побачыла та й назадъ и ти видьмы навелы йй прычynu и вона ошалымоныла, ума тронулась“. (Отъ кр. с. Пѣсокъ И. Рябича).

„Одна жинка другу вчыла, повела до колодки, а у тій колодци червы ворущатся,—и сказала: „Якъ ты вѣвчышся видьмою, такъ отакъ на тимъ свити будуть твою душу червы точыть. А якъ поведу тебе до рички,—щобъ ты не боялась, стояла“. Повела, трычи свыснула. Выскочылы нечысти. Сталы вони и розважать,—ту, шо вчылась, казати: „поступай до насъ, и буде

1) Comte H. de Charancey. Le folklore dans les deux mondes. Paris. 1894. 264, 268.

2) Ивановъ. 164. '

3) Чубинскій. Тр. 1., в., 1., 198, 199. Чернявская. Обр. и пѣсни с. Бѣлозерки, Херс. губ., 4; Кіев. Старина 1894 г., III, 553.

4) Ивановъ. 168, 172.

тоби хорошо жить". И та женщина перелякалась, не схотила". (Отъ кр. м. Снѣтина Д. Сивѣнковой).

„Въ Хитцахъ ѳе баба, уси кажутъ—видьма. Вона и другихъ обучала, Узяла соби двоухъ молодыць и узяла паляныцю и повела ихъ до коماشни; узяла розломыла надвое паляныцю и половыну устромила у коماشню, а другу половыну переломила ще разъ на два куска и ти молодыци танцювалы кругомъ коماشни и йлы той кусокъ. А видьма приказуе имъ: танцюйте, танцюйте, а то и поклонитесь тій коماشни. Потимъ сказала: идить до-дому и не оглядайтесь назадъ, покы ажъ до-дому не дїйдете, а въ ранци встанете до схидъ сонця и пидете туды до коماشни и той шматокъ возьмете. А чоловікъ ишовъ тай чувъ ихъ розговоръ та взявъ той шматокъ вынявъ та собаки и отдавъ. Всталы ти молодыци утромъ, пишлы до тїеи коماشни, довбалысь, довбалысь, нема ничого—уже взято. Пишлы вони до тїеи, що вчыла, и давай їи допрошувать: „на що ты взяла? сама клала, сама й узяла!“ А вона имъ божытса, шо не брала. Давай вони спорытса и за косы водытса, такъ, шо и люде зналы. Жинкы ти кажутъ видьми: сяка-така дочко! то хочъ яке-небудъ було молоко въ нашихъ коровъ, а теперь нема нїякого“. (Отъ кр. с. Хитцовъ Дм. Погорилого).

„Чоловикъ бачывъ, якъ дви видьмы у саду поскыдалы запаскы и очипкы и ходять до вышни, або груши, мовъ до коровы“. (Отъ кр. м. Снѣтина. К. Прихидькиной).

Много свѣдѣній, необходимыхъ для дальнѣйшей дѣятельности, получаютъ вѣдьмы, сорвавъ цвѣтокъ папоротника. „Воны ходять на Ивана Купала и ждуть, якъ цвите папорочъ. Вона тилько половыны ночи цвите, а то сейчасъ же опада. Розризуютъ долонь и запынають пидъ шкуру, щобъ все знать.“¹⁾ Въ основанїи всякой дѣятельности вѣдьмъ находится умѣнїе превращаться въ неодушевленные и одушевленные предметы, безъ чего самая дѣятельность эта не всегда была-бы возможна. Спо-

1) «О томъ же» Чернявская. Обр. и пѣсн. 19. и Очер. дѣмон. малор. въ Москвитяниѣ 1842 г., XII, 115.

способность къ превращеніямъ мѣстами ограничивается лишь двѣнадцатью видами предметовъ, въ которые обращается вѣдьма, ¹⁾ мѣстами-же такая способность признается почти неограниченной ²⁾. Вѣдьма превращается, между прочимъ, въ собаку съ женскимъ лицомъ, ³⁾ кошку, крысу, мышь; ⁴⁾ въ птиць, ⁵⁾ змѣй, ⁶⁾ жабъ, ⁷⁾ лягушекъ, ⁸⁾ насѣкомыхъ ⁹⁾. Тѣ-же превращенія вѣдьмъ извѣстны и въ иностранномъ фольклорѣ. Шотландскія вѣдьмы преслѣдуютъ парней въ видѣ кошекъ; ¹⁰⁾ итальянки особенно часто превращались въ началѣ XVII в. въ кошекъ ¹¹⁾, валлонки и фламандки въ собакъ, кошекъ, воронъ и сорокъ ¹²⁾, сициліанки въ жабъ и лягушекъ ¹³⁾. Какъ въ этихъ превращеніяхъ, такъ и особенно при полетахъ вѣдьмъ важное значеніе принадлежитъ мази, приготовляемой по западно-европейскому рецепту изъ человѣчьяго, особенно дѣтскаго жира, стружекъ отъ алтарей и церковныхъ часовъ ¹⁴⁾; по малорусскому—изъ кошачьяго мозга, собачьей кости и человѣчьей крови ¹⁵⁾ или только майскаго масла и сажи ¹⁶⁾. Уже

1) Сумцовъ. Культ. переж. въ Кіев. Стар. 1889 г., XII, 601.

2) Ивановъ. 195.

3) Ib. 180.

4) Ib. 162, 196.

5) Ib. 197., Москв. 1842 г., XII, смѣсь 112—120, Афанасьевъ.

Рус. Нар. Ск., изд. III, т. II, 329, Кіев. Стар. 1883 г., XI, 395.

6) Ивановъ. 176.

7) Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ., V, 19, 60.

8) Чуб. т. I, в., I 205

9) Ивановъ. 197.

10) Тэйлоръ. Первоб. культ. I, 289.

11) В. Поповъ. О колдунѣ; Мысле. Время 1863 г., II, 65.

12) E. Monseur. Le folkl. wal., 85, 86. Is. Teirlinck. Le folkl. flamand. 102.

13) Arturo Trombatore. Folk—lore catanese. Torino 1896, 12.

14) Поповъ. О колд. 57, 61, 68, Канторовичъ 16, 70, 71.

15) Ивановъ. 170. Въ одномъ изъ рассказовъ Сборн. Иванова (171) вѣдьмы натираются корой осины.—Какъ согласить такое свѣдѣніе съ общеизвѣстною боязнью вѣдьмъ осины?

16) Манжура. Сб, Харьк. Истор. Фил. Общ. II, 138, 139.

въ сказкѣ Апулея „Золотой осель“ Памфила, натершись подобной мазью, превратилась въ сову и улетѣла; затѣмъ французская вѣдма, смазавшись мазью, кричитъ: *emen hétan!* и улетаетъ на лозинѣ; ¹⁾ нѣмецкая вѣдма, вымазанная мазью, летитъ нагая на помелѣ, кочергѣ, метлѣ; ²⁾ фламандскія вѣдмы летаютъ на козлѣ, рѣшеткѣ, вилахъ, палкѣ, метлѣ. Вылетая, тоже кричатъ: „черезъ трубу! выше деревьевъ, домовъ, выше всего!“ ³⁾ И малороссіянка, помазавъ подъ плечами „пурхне, якъ горобецъ, у-верхъ“ на коромыслѣ, чаще на мечикѣ изъ терницы. ⁴⁾ „Якъсь ночью зійшлись видмы у хату до хазяйки, а наймытъ не спытъ, дывытся. Мотаються вони по хати, наварылы вареныкы и, хто ихъ зна, у-вищо вмочалы. Кажна зъистъ варенка и летытъ уверхъ“. (Огъ кр. м. Свѣтина Д. Сизоненковой).

Шумной, беспорядочной толпой, какъ въ „Фаустѣ“ Гете, спѣшать вѣдмы всѣхъ странъ, темной ночью, едва освѣщенной луннымъ, красноватымъ блескомъ блудящихъ огней на *Guy de Döme*, Бараону, Брокентъ, Лысую гору въ свои собранія. Свѣдѣнія о малорусскихъ сборищахъ вѣдмъ кратки и блѣдны, вѣроятно по незначительности процессовъ о колдовствѣ. Предсѣдательствуетъ видмачъ, иначе вовкулака, ⁵⁾ приказчикъ,—вообще

¹⁾ Цоповъ. Колл, 57, 61, 68. Гейне. Германія. Ш, 136.

²⁾ *Ib.* 29, Кантор. 5.

³⁾ *Teirlinck.* 106, 116, 117.

⁴⁾ Ночисъ. Укр. ирык., 3.

⁵⁾ Слово вовкулака имѣетъ разное значеніе. Такъ называютъ:

1. жертвъ вѣдмъ, но не тѣхъ вѣдмъ, о которыхъ рѣчь, а болѣе искусныхъ, приближающихся къ типу Цирцев. Иногда онѣ обращаютъ въ волковъ цѣлыя свадебные повѣзды (Ивановъ. 205, 223, 224), чаще отдѣльныхъ лицъ. По-бѣлорусскимъ повѣрьямъ женщина обращаетъ въ волка на срокъ до семи лѣтъ (Романовъ. Бѣлор. Сб. IV, 103). Теща обратила зятя въ волка за побой дочери. (Желѣзновъ. Библи. для чт. 1861 г., Ш, 11—16). Дѣвка, бросивъ ленту на измѣнившаго ей парня, обратила послѣдняго въ волка. (Кіев. Стар. 1894 г., VI, 543—545) Женщина достигла того-же, навязавъ на шею человѣку веревку (Чуб. Тр. I, в. I, 223). Вовкулаки этой категоріи, будучи жертвами вѣдмъ, не могутъ имѣть надъ послѣдними

умѣряющій дѣятельность вѣдьмъ. Послѣднія только любезничаютъ съ чертями, не имѣя связи, танцуютъ, играютъ въ подобіе войнъ, въ куклы даже, согласно мѣстному разсказу.¹⁾ Въ западноевропейскомъ фольклорѣ, гдѣ вѣдьмачъ—ничтожество (*Michilet. La sorcière*), предсѣдательствуетъ самъ сатана въ собраніяхъ вѣдьмъ въ видѣ козла съ человѣческимъ лицомъ. Вѣдьмы садятся за ужинъ изъ кушаньевъ, не приправленныхъ солью, послѣ ужина танцуютъ въ маскахъ, рубашкахъ или голыя (молодыя, по замѣчанію Гете), обращаясь другъ къ другу спиной. Послѣ пляски идетъ месса на изнанку, а затѣмъ участники предаются физическимъ излишествамъ и противоестественнымъ порокамъ. Въ заключеніе сатана сжигаетъ себя, а вѣдьмы берутъ пепель для новыхъ злодѣйствъ.²⁾ Дѣйствія вѣдьмъ разно-

нвкакой власти. 2. По общечеловѣческимъ вѣрованіямъ, есть люди, способные къ оборотничеству вообще и къ частной формѣ послѣдняго—превращенію въ волковъ. Кромѣ классическихъ разсказовъ о такихъ оборотняхъ, еще Денны въ Америкѣ управлялись тиранами, обращавшимися въ собакъ; по яванскимъ преданіямъ принцъ блуждалъ въ видѣ собаки. (*C—te de Charencey. Le folk. dans le deux monde. 274*). Дикари вообще вѣрятъ въ оборотней, обращающихся въ льва, тигра, гіенну и т. д. Въ судебныхъ процессахъ XVII в. обвиняемые показывали, что, натершись мазью, обращались въ волковъ, разрывали и ѣли дѣтей. (*Спенсеръ. Основ. социологін 356, 357. Тейлоръ. Первобыт. культ. 288, 289, Канторовичъ. Среднев. проц. 77—81*). Въ Катавіа жена отпираетъ дверь мужу вовкулакѣ послѣ троекратнаго требованія, иначе будетъ разорвана въ куски. (*A. Trombatore Fl. sat. 18*). Валлонскій вовкулака изорвалъ зубами передникъ жены (*E. Monseur. Le Fl. wal. 85*). Парень, замѣченный своимъ отцемъ въ видѣ волка, перекинулся волкомъ и навсегда убѣжалъ (*Бѣньковскій. Кіев. Стар. 1894 г., XII, 495—497*). Хозяинъ обращался въ волка, перекидываясь черезъ пенькъ (*Кулишъ. Зап. о Ю. Руси. II, 35*). О вовкулакахъ этой послѣдней категоріи народъ замѣчаетъ: «видьмамы заправля самый главный вовкулака, або видьмычъ» (иногда отаманъ, ушыряка). (*Ивановъ. 173. Манжура. 140*).

¹⁾ Чубинскій. I, в. I., 197, 205; Манжура, 140, Ивановъ. 215, 221, Ефименко. Судъ надъ вѣдьм. въ Кіев. Стар. 1883, XI, 378.

²⁾ Гейне. Герм. III, 29, 137—143. Поновъ. Колд. 61, 72. Канторовичъ. Ср. проц. 6. *Teirlinck. Fl. flam. 107*.

образны; порой онѣ представляются невинной шуткой, шалостью, какъ въ слѣдующихъ народныхъ разсказахъ.

„Старыкъ ишовъ зъ шинку пизно. Колышня ѣго бѣе по ногахъ, винъ пада. Доходить до свого двора,—валомъ переснована улыця. Якъ уплутавсь винъ у той валъ, крычть: „рятуйте!“ Два чоловика вывели ѣго, довели до дому, кажуть: „Парасю! визьмы свого чоловика.“ Тимъ же чоловикамъ не було валу, а старыку есть—обмарыло“. (Отъ кр. м. Свѣтина Н. Ивахненка).

„Пишли мы на риздвяныхъ святкахъ на досвитки, на грыще, на Дивынщину ¹⁾. Дійшли на солонци. Морозъ—ажъ скалки скачуть. Мисяшно. Насъ чотыри йде. Де взялась горохова копыця, коло насъ кругомъ вертытся; що мы ступымъ, то вона не дае ходу, а въ насъ ни въ одного нема й пальци. Мы й просымъ: „пусты насъ, дай намъ ходъ.“ Вона й посунулась на кладовыще“. (Отъ него-же).

Къ менѣе опаснымъ дѣламъ вѣдмъ можетъ быть причислена ѣзда на парняхъ, какъ въ Гоголевскомъ „Віѣ“ и параллельныхъ ему народныхъ сказкахъ ²⁾, и принужденіе людей летать съ помощью тирлича (*volantia minor*) ³⁾. Но, затѣмъ, уже ассирійская вѣдма, вкрадываясь въ дома, отравляетъ пищу, изводитъ людей глазомъ, языкомъ, узлами, зельями, питьями, чарами ⁴⁾; западно-европейская—также умерщвляетъ, похищаетъ,

1) Свѣтинскій кутокъ.

2) О ѣздѣ вѣдмы на парняхъ см. въ моемъ очеркѣ «Къ вопросу объ источн. Віа» (Кіев. Стар. 1896, IX, 46—48). О распространенности главнаго мотива «Віа» свидѣтельствуетъ, между прочимъ, сказка племени Ба-Ронка, живущаго по берегамъ Делагоа, о принцессѣ, поставленной въ гробу въ церква. Принцесса съѣла нѣсколькихъ солдатъ, пока послѣдній охранитель не накормилъ и не наполнилъ ее виномъ, чѣмъ избавился отъ смерти. (Junod. *Les chants et les contes des Barons*. Lausanne. 1897. 317—322).

3) Черняв. Обр. 19, Квитка. Конот. вѣдма. 228—230. Номисъ Укр. Пр. 5, Кулишъ. Зап. о Ю. Руси. II, 39.

4) Вс. Миллеръ „Ассир. Закл.“ Рус. Мысль 1896 г., VII 72—73.

портить дѣтей, содѣйствуетъ выкидышамъ и роженію уродовъ; отымаєтъ производительныя силы супруговъ, поселяя семейныя раздоры между ними, по ночамъ душитъ людей въ видѣ Nachtaag ¹⁾. И малорусская вѣдьма ходитъ ²⁾ по ночамъ съ ведромъ и точитъ кровь изъ сонныхъ, умерщвляетъ людей, похищаетъ или портитъ дѣтей, „очыма ихъ йистъ“; пожираетъ трупы ³⁾. Переходомъ отъ вредной дѣятельности вѣдьмы, направленной исключительно на личность въ имущественному вреду, является заламываніе закрутокъ на болѣзнь, смерть, надежъ, убытки, усыханіе лѣса ⁴⁾, порчу хлѣба ⁵⁾. По мѣстнымъ сказаніямъ закрутки дѣлаются такъ. „Видьма бере зверху пашню, скрутыть навпаки, переламує пополамъ, загне до кореня и до земли у кустыкъ заткне. Не можна зжывать; хто зажне—заболіє, або вмре.“ Закрутки дѣлаются на зарѣ въ одной рубашкѣ ⁶⁾. Въ узелѣ залома кладутъ золу, соль, землю съ кладбища, яичную скорлупу, зерна, уголь ⁷⁾. Похищеніе звѣздъ вѣдьмами можетъ быть также разсматриваемо, какъ убыточное дѣйствіє. „Звиздохватка знима свитову и полунишню зирку, щобъ не було дощу и для того, щобъ пивни не сивали, щобъ їй вильно ходыть цилу ничъ“. „Дивка полизла на небо та зняла зирку, такъ са-

1) Teirlinck. Le fl. flam. 103, Monseur. Le fl. wal. 85. 86. 89, Trombatore. Fl. catan. 15; Кантор. 4, 71, 99.

2) Во всѣхъ этихъ случаяхъ вѣдьма блуждаетъ или какъ обыкновенная женщина, или же летитъ одна ея душа, а тѣло остается на мѣстѣ. (См. мою «Зам. по поводу вал. и сиц. фолькл. сборниковъ въ Кіев. Стар. 1898 г. VІІ, VІІІ, 3—5). По нашимъ народнымъ, также сицилійскимъ и средневѣковымъ французскимъ повѣріямъ, душа вѣдьмы, возвратясь и найдя тѣло перемѣщеннымъ, не можетъ уже войти въ него. (E. Langlois. Origines et sources du Roman de la rose. Paris. 1891, 167).

3) Очер. демон. Малор. Москв. 1842, XІІ, 112—120. Чуб. т. I, в. I, 204 и т. II, 410. Ивановъ 207.

4) Литвинова. Кіев. Стар. 1899, Ш, 140.

5) Антоновичъ. Тр. Эксп. I, в. I, 348.

6) Литвинова 140.

7) Даль. О повѣр. 71.

рана и вылетела,—одъ того и повелась“—разсказываютъ крестьянки. Для того, чтобы снять звѣзду, вѣдьма лѣзетъ на крестъ вверхъ ногами ¹⁾, или—вверхъ по острію ножа ²⁾; снятыя звѣзды хранятся закопанными въ кувшинахъ или горшкахъ ³⁾. Давно уже наука сблизила это похищеніе звѣздъ малорусской вѣдьмой съ общечеловѣческими повѣрьями объ уничтоженіи, поврежденіи и кражѣ свѣтилъ во время затмений. Дикіе тогда вопяты, шумятъ, стрѣляютъ, желая отогнать враждебный духъ, угрожающій свѣтилу. Въ лѣтописяхъ затменія разсматриваются какъ ущербъ или погибель свѣтила. Лоухи заключаетъ въ скалу солнце и луну, ессалийская колдунья послѣднюю въ коробку ⁴⁾. Флоберъ, приводя въ „Искушенія св. Антонія“ различныя вѣрованія, между прочимъ замѣчаетъ: „La lune tremble sous l'incantation des sorcières.“ По народнымъ представленіямъ вѣдьмы навосятъ значительный вредъ произвольнымъ управленіемъ стихіями. Такое представленіе принадлежитъ къ древнѣйшимъ и наиболѣе распространеннымъ вѣрованіямъ. Коринетъ, напримеръ, содержалъ укротителей вѣтровъ ⁵⁾. У кафровъ колдунъ называется дѣлательемъ дождя ⁶⁾. Въ современной Бельгіи народъ вѣритъ, что вѣдьма движеніемъ руки ⁷⁾ или метлы сводитъ молнію, производитъ бури, опрокидывающія дома и мельницы, срывающія крыши, деревья ⁸⁾. И наша украинская вѣдьма насылаетъ грозу, градъ, вихри, метель, снѣгъ, морозы, отымаетъ

1) Чубинскій I, в. I, 198.

2) Въ моемъ сч. «Объ источ. Вія». Кіев. Стар. 1896, IX, 47.

3) Сумцовъ. Культ. пер. Кіев. Стар. 1890, I, 60, Манжура 134, Мскв. 1842, XII, 112.

4) Аванасьевъ. Зоомор. бож. III, 6, 8, 9, 12; Сумцовъ. Культ. пер. Кіев. Ст. 1890 г. I, 61. Даль о повѣр. 61.

5) Сумцовъ. Кіев. Ст. 1889. I, 77.

6) Comte Goblet d'Alviella. L'idée de Dieu d'apr. l'anthrop. et l'hist. Paris, 1892, 95.

7) Ср. въ «Конот. вѣдьмѣ» Квитки: Пазька... куды махнула рукою, туды и хмары пійдуть. (203, 204)

8) Monseur. 88; Teirlinck. 106, 107.

росу и запираетъ дождевыя тучи въ комору или горшокъ въ видѣ лягушки. Однажды паренъ, вынудъ по указанію вѣдьмы колъ, вызвалъ обильный дождь ¹⁾). Вѣдьмамъ иногда приписываютъ и порчу полей воробьями, гусеню, ржавчиной, садовъ—плодожорками ²⁾).

Наконецъ особый видъ вреда, причиняемаго вѣдьмами, составляетъ порча ими скота вообще и тельныхъ коровъ въ особенности. Она отымаетъ молоко у послѣднихъ не только непосредственно, но и на разстояніи. Въ одномъ изъ народныхъ разсказовъ, записанныхъ въ Лубенскомъ уѣздѣ, невѣстка отомкнула чопъ въ сохѣ, откуда полилось молоко, а свекровь прибѣжала, крича: „ую череду повалыла“ ³⁾). Вѣдьма, кромѣ коровъ, доить еще: собакъ, кошекъ, жабъ, ящерицъ, гадюкъ ⁴⁾), почему и въ маслѣ, приготовляемомъ вѣдьмой, есть „гадюче, жабяче, черепахе“. Такимъ образомъ кругъ дѣятельности вѣдьмы, по народнымъ понятіямъ, весьма значителенъ, но есть извѣстные разряды лицъ, по самой природѣ своей изъятые изъ этого круга; таковы перворожденные ⁵⁾), послѣдніе въ семьѣ и седьмые, какъ видно изъ слѣдующихъ народныхъ разсказовъ.

„Ишла я зъ матирью. Собака била, а очи червони, сыдила пидь тыномъ. Може-бъ вона матирь зняла, такъ вони идуть та просать: „не займай, я тоби ничего не заподіяла. А я у матери сѣма, такъ мене не займе. Первого, сѣмого и мызынкы—не займа“. (Отъ М. Скрыпчиной, м. Лукомья).

„Ишла я зъ поля, думала, шо буркунныа цвите. Дойшла, колы кишечка лащытса до мене, а занять не займе. Ишла за мною ажъ до-дому, а не займе—шо я сѣма“. (Отъ нея-же).

Остальное человѣчество предохраняетъ себя отъ вѣдьмъ различными средствами и пріемами. Макъ, конопля, крапива и

¹⁾ Москв. 1842 г., XII, 112—120. Аванасьевъ. Зоомор. бож. III, 13, 16. Даль. О пов. 61, Ивановъ. 214, Чернявская, 5.

²⁾ Москв. 112—120, Канторовичъ 5, Teirlinck. 103.

³⁾ О томъ же у Чубинскаго, I, 203. Иванова, 178.

⁴⁾ Квитка. Кон. вѣдьма, 203.

⁵⁾ Ивановъ. Раз. о вѣдьм. 190, 192.

др. средства обороны малоруссовъ, шиповникъ—грузинъ, звѣрбой (*hypericum perforatum*. L., l'hypericon), лютикъ (*polygatum multiflorum*. L.)—западно-европейцевъ ¹⁾). Въ Римѣ въ Иванову ночь продаются метлы, предохраняющія отъ вѣдьмъ. Въ Падуанской провинціи женщины въ ту-же ночь катаются по росѣ, предохраняя себя такимъ образомъ отъ вѣдьмъ ²⁾ Грузинъ и бѣлоруссовъ предохраняютъ тогда-же отъ вѣдьмъ остры ³⁾. Охраняющими отъ вѣдьмъ животными признаются: перворожденная собака ⁴⁾ и пѣтухи, какъ видно изъ слѣдующаго. „Той пивень, шо манисенькимъ спива и у ёго тры пирьины бильшихъ, и видьмы ти пирьины вырываютъ, шобъ не рано спивавъ“. „Пивень почакунь, шо найперидь спива; якъ винь заспива, то вси пивни спиваютъ“. „Баба зибрала у мирку тихъ курчятокъ, шо тыждень якъ вылуцшысь, и взнала, де пивныкы, де курочки. Тоди давай заразь валашыть пивныкы; а ти москали, шо стоялы на кватери, пытаются: „на шо ты, бабушка, такъ дѣлаешъ?“ Вона говоритъ: „оце на то я, диточки, роблю, шо той пивень, шо валашенный ⁵⁾, за дванадцять дворивъ не допустыть видьмы до осели. Якъ видьма иде, то винь почуе, та заспивае, такъ вона николи не дойде до того двору.“ Къ выгодамъ первородства принадлежитъ возможность увидать вѣдьму безъ всякихъ особыхъ приготовленій; другіе, желающіе ее увидѣть, должны засѣдать за тѣнью: „проты тини вона не побачыть.“ Лучше всего засѣдать за бороною, начатою утромъ и конченною до захода солнца ⁶⁾, хотя борона и не всегда

¹⁾ Сумцовъ. Культ. пер. Кіев. Ст. 1889. V, VI, 305 и VIII, 425, Сумцовъ. Совр. этногр. Кіев. Ст. 1892 г. II, 212, Чуб. I, 8. Кіев. Стар. 1895 г., VII и VIII. Докум. 12, Даль. О пов. 63. Teirlinck. Le Fl. flam. 109.

²⁾ Tuchmann. La fascination. въ Melusine 1899. T. IX, Mai—Juin 200.

³⁾ Вѣстн. Евр. 1868. II, 552, Зап. Имп. Геогр. Общ. V, 61, 721.

⁴⁾ Чуб. I, 53, Ивановъ. 177, 180, Кіев. Стар. 1894. III, 553.

⁵⁾ Каплунъ.

⁶⁾ Куляшъ. Зап. о Юж. Руси. II, 37.

можетъ предохранить отъ внушенія. Напримѣръ: „Чоловикъ за-
сидавъ за бороною. Видьма прійшла и пытае: „сыдышь за бо-
роною, то й говоры изо мною“. Винъ окамянивъ и сидивъ.
Выйшла ёго жинка, борону остановыла и въ хату ввела“. (М.
Снѣтинъ).

Подобныя же рассказы приведены въ вышеуказанныхъ
сборникахъ: Кулиша (38) и Иванова (177, 180 и др.) Увидѣвъ
вѣдму, нужно схватить ее сзади, „ловить за вьязы, або за
волосья, бильшь ни за вицо не вдержышь; брать треба зверху,
рукою на выдли. Якъ возьмешъ видьму, то руки не росправ-
ляй и не переминяй, такъ и держы; якъ росправышь—вона
выскочыть—и нема, пишла“. „Бувъ парубокъ и ходывъ на улы-
цю. Ёго видьма не разъ была, а винъ не знавъ, шо й казать.
Сказавъ ёму батько: „хватай їи на выдли, то принесешъ. Вый-
шовъ винъ; клубокъ ставъ проты ёго котыться. Винъ схопывъ
на выдли; прынись до дверей, ставъ у другу руку брать,—не-
знать, де й дилось. Батько сказавъ: „не переминяй у другу руку;
якъ узявъ, такъ и несы“. Винъ понисъ у хату, поставывъ въ
кочергахъ на швайку. Уставъ утромъ, ажъ сыдыть жинка, плаче“.
(Отъ Д. Сизоненковой, м. Снѣтина).

Вѣдму ловятъ еще, вбивъ гвоздь въ то мѣсто на стѣнѣ,
гдѣ легла тѣнь отъ вѣдмы 1). Непойманную на дѣлѣ, а только
подозрѣваемую вѣдму, подвергали прежде испытанію водою.
Такое испытаніе, или ордаля, извѣстно повсемѣстно и не только
средневѣковымъ, но и древнимъ, также дикимъ народамъ—поли-
незийцамъ, краснокожимъ, африканцамъ, и основано на убѣжде-
ніи, что вода отвергаетъ виновнаго, почему онъ не тонетъ 2).
Въ XVIII, даже въ XIX в. еще купали вѣдмъ въ правобереж-
ной Украинѣ 3), но о купаніи ихъ въ лубенскомъ у., и, ка-

1) Москв. 1842 г., XII, 115.

2) Comte Goblet d'Alvilla. L'idée de Dieu. 196. Гейне. Герма-
нія. III, 30. Сумцовъ. Культ. пер. Кіев. Ст. 1889, I, 83—89.

3) Антоновичъ. Тр. Эксп. I, в. II, 346, 347. Ефименко. Суд.
надъ вѣдм. Кіев. Стар. 1883. XI, 387, Кіев. Стар. 1885, XI,
567—570.

жется, во всей центральной лѣвобережной Малороссіи, не сохранилось никакихъ историческихъ и этнографическихъ данныхъ. Топленіе вѣдьмъ было не только испытаніемъ, а и казнью ¹⁾. Гораздо чаще однако колдовство въ западной Европѣ наказывалось сожженіемъ, особенно въ XVI и XVII в., а въ Польшѣ и въ XVIII. Еще въ 1793 г. сожжено 14 женщинъ возлѣ Кракова ²⁾. Польскимъ вліяніемъ слѣдуетъ объяснить случаи сожженія вѣдьмъ въ 1827 и 1831 гг. въ Галиціи въ засуху и холеру ³⁾. Бывали и въ Великороссіи рѣдкіе случаи [сожженія колдуній ⁴⁾]. Въ Бѣлорусскихъ пѣсняхъ сохранился намекъ на этотъ родъ казни:

Купальской ночи
 Выпекли вѣдзьмы очи...
 Забью вѣдзьму кочергою,
 Спалю вѣдзьму головуню ⁵⁾.

Въ средней же Малороссіи, гдѣ народъ былъ предоставленъ нѣкоторое время самому себѣ, нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на сожженіе вѣдьмъ. Повидимому здѣсь оно никогда не имѣло мѣста. Въ народной мѣстной расправѣ надъ вѣдьмами преобладаютъ побои, соединенные съ истязаніями, поврежденіями, рѣдко—со штрафомъ, какъ видно изъ слѣдующаго. „Одна хазяйка въ-ночи прокынулась,—бачыть: жинка безъ очипка и въ сорочци корову доить,—чуть, якъ молоко дзюрка. Хазяйка та взяла лопату, прыбигла, трычи вдарыла, та не влучыла по видьми, а по земли. Хто хоче влучыть видьму, хай бье по іи тини“ ⁶⁾. (Отъ Н. Ивахненка, м. Снѣтина).

1) Сумцовъ. Култ. Пер. Кіев. Ст. 1889 г., I, 83—89.

2) Антоновичъ. Тр. Эксн. I, выи. II, 325, 326, Ефименко. Кіев. Стар. 1883 г., XI, 388, 392—394. Канторовичъ. Средн. проц. 178.

3) Потебня. Объясн. Малор. пѣс. II, 436.

4) Канторовичъ. 210, 216.

5) Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. V, 426, 454.

6) У фламандцевъ слоенное послѣ вѣдьмы молоко ставятъ въ печь и бьютъ по немъ палкой, вѣря, что эти удары получаетъ сама вѣдьма (Teirlinck. 103). О побояхъ и истязаніяхъ вѣдьмъ см. выше-приведенные сборники и статьи: Чубинскаго, Ефименка и Иванова.

„Одынъ вовкулакъ парубковавъ и дивка ёго любила, а винъ їи не хотивъ. И хотила вона зъ ёго посміяться ночью; схватылась ёму на плечи, а винъ їи за передни лапы узявъ и пишовъ зъ хлопцями. Заходять на досвиткы, и винъ їи посадывъ на лавци. Дивкы стали сміяться зъ тїи собаки, хлопци хотили быть. Винъ каже: „не бийте, хай гуля.“ Сыдыть вона на покути. Потимъ идуть на други досвиткы. Бере їи на плечи той парубокъ та й несе. Обносявъ уси досвиткы, и вона нагулялась, и тоди лапы взявъ передни та й порозризувавъ и сказавъ: „ступай соби, та бильшь не зважуйсь того робыть.“ (Отъ И. Христича, с. Пѣсокъ).

„Зъ досвитокъ ишли парубкы, душъ шить, и де взялась сучка и вдарылась у ноги. Воны вси поторопили и кажутъ: „шо воно таке? Поймать їи.“ Упіймалы и занесли на досвиткы. Вона давай скавучать, руки лызать имъ. Той каже: „лапу їи одирвать,“ другой—„ухо одривать.“ А третій каже: „знаете шо?—ротъ розирвемъ.“ Розидралы їй ротъ и выпустилы їи. „Теперь мы визнаемъ, хто такій“! И оказалась баба—лежить, нездорова. Выйшла невества на улыцю, пытають їи: „де-жь маты?“—Лежить больна.—Чимъ?—Ротъ болыть. Стала вона кривороты. Узналы, шо видьма настояща, а то тилько подейкувалы на неи“. (М. Снѣтина).

„Манчыха—була скажена баба: кача по дорови, гуде, свыню пидкыда. Чоловикъ пидъ коровою заставъ та й око выбывъ пидпорою“. (Отъ Г. Мартыщенка, с. Литвяковъ).

„Я вже дивчыною велькою була, а въ мене титокъ дви. Воны ходылы на улыцю. Одна прыйшла ранійше, а друга прыстояла зъ хлопцемъ та иде послѣ до-дому, пизнїйше. Иде, колы доить коровы щось у-ночи. Вона прыстояла, подывылась,—стоитъ жинка безъ запасокъ, безъ очипка, доить корову. Дїйныця велька, якъ дижка, и реминаякою зачеплена за шыю. Пишли хлопци та взяли видьму у загороди пидъ коровою, увели въ хату. Дядько каже: „по’друбую рукы.“ А вона впала въ ноги, якъ узяла просыть, та’дала имъ пивъ огорода свого и прынесла юнку билу, щобъ не явылы, шо вона була; дивци по-

дарувала дныще и сказала: „я молоко высыпте на тикъ и розметить митлою и прыбѣйте осыковымъ килкомъ, то не то я вже не пиду, а нихто не пиде у вашъ двирь.“ Якъ высыпали молоко, такъ така калюжа—куды вамъ! мовъ пиде дощу“. (Отъ К. Прихидькиной, м. Сяѣтина).

И естественная смерть вѣдьмы тяжела ¹⁾. Для облегченія страданій она должна передать свою силу кому-нибудь, напри-мѣръ дочери; послѣдняя тотчасъ дѣлается вѣдьмой ²⁾. Для облегченія предсмертныхъ страданій вѣдьмы сверлятъ еще чиринь на печи и срывають крайній сволокъ ³⁾. Послѣдній приѣмъ представляется, быть можетъ, воспоминаніемъ о древнемъ обыкновеніи дѣлать въ могилахъ и гробахъ отверстіе для выхода души, оставшемся у готентотовъ, самоѣдовъ, краснокожихъ и фиджійцевъ ⁴⁾, для чего служила и посмертная трепанациа черепа ⁵⁾. Мѣстные народные рассказы рисуютъ смерть вѣдьмы такими чертами.

„Видьма умирала трудно, повертили стелю та впала глына ий на губы, вона й кончылась. Выйшли жинкы зъ хаты, колы чорный собака выскочывъ спидъ стели“. (М. Якимовская, м. Лукомья).

„Въ одного чоловіка маты була видьма. Вона стала вмирать, та шо збунтується умирать—ніякъ не вмре. Чужа баба сказала: „прорубайте въ стели диру, вона вмре. Прорубалы,—вона й умерла“. (А. Ризниченкова, с. Волчка).

„Занедужала велыка знахурка и видьма, пролежала недилю, чы дви; потимъ прийшло розризняться души зъ тиломъ. Реве, языкъ вывалыла, якъ блюне кровью, ризаною ⁶⁾ такою, просыть: „зорвить стелыну, то я швидче умру“. Узялы зирвалы

1) Ивановъ. 216.

2) Бѣцьковскій. Киев. Стар. 1896 г., IX, 242.

3) Мов Нар. обр. и пѣс. Луб. у. 166.

4) Comte Goblet d'Alviella. Lidée de Dieu 24.

5) Ib. 25.

6) Красной.

стелыну, то вона стала ревети, такъ якъ на реговвищи скоть. Люды повтикалы зъ хаты геть уси, покы вмерла.“ (Е. Купріева, д. Шекъ).

„Домаха заболела якъ и слидъ, а потимъ стала ничего не понимать; лежыть, а два ѳи сыны и дви дочкы держать за руки и за ноги, а чуже боится прыступыть до неи. Лежыть вона, зареве, мовъ скотына, не людськымъ гласомъ, гавка, якъ собака, обома руками доить, мовъ корову. Воны мучылысь, мучылысь, шо сумно людымъ чужимъ, та стали чиринь вертить свердломъ, такъ якъ дерево, зрывалы ѳи стелю. Вона ѳи умерла. Братъ ридный ходывъ ѳи убирать, чужи боялысь; такъ зъ неи стала кровъ иты, бигла до порога; и ночвы пидставлялы пидъ лаву. Нагнало ѳи—така, якъ бочка...“ (П. Кириленкова, с. Тишовъ).

„Якъ видьма умирала въ Кремянци, то за одынъ день не вмерла. На другой день уже зовсимъ умерла; стали убирать—вона реве, якъ корова. ги уси покынули, поросходылысь и стелыну зирвалы. Колы на третій день дивка бижыть до сусиды, просыть: „идить, бо маты вмирае.“ Сталы ѳи вбирать, а вона було вмерла, а то зновъ не хоче. Уже на пьятый день прыйшла дивка зновъ и каже: „идить, уже маты вмерла.“ Узялы борошна, сала—чого треба, и шишлы. Посходылысь. До вечора диждалысь, заховалы ѳи. А вона—та, шо вмерла—прыйшла до дочкы и каже: „скыньте зъ мене запаску, бо не таку надилы“. Имъ було-бъ надивать сыню, шо до плахты, а воны надилы чорну, ту, шо жинкы у будень носятъ. Ще разъ прыходыла вона до дочкы, ище щось зъ нею прыходыло биле. Такъ одъ того часу дочка уже не жыла въ тій хати—закляте мисто“. (М. Романченкова, с. Волчка).

Изложенныя данныя приводятъ къ заключенію, что мало-русскіе народныя рассказы и повѣрья о вѣдмахъ, сходясь въ мельчайшихъ подробностяхъ съ западно-европейскими, открываютъ любопытныя черты древнѣйшаго міросозерданія человѣчества: вѣру въ оборотничество, основанную, по мнѣнію Спенсера, на постоянныхъ измѣненіяхъ растительныхъ и животныхъ

формъ въ самой природѣ; вѣру въ двойственное существованіе, т. е. въ дѣятельность души, отдѣльную отъ тѣла, основанную на представленіи о реальности сновидѣній; вѣру въ возможность произвольно управлять стихіями и похищать звѣзды, основанную на незнаніи законовъ природы и величины небесныхъ тѣлъ. Только правовыя западно-европейскія и малорусскія воззрѣнія на вѣдью замѣтно расходятся. Нашему юридическому быту не былъ извѣстенъ такой исключительный порядокъ судопроизводства о вѣдмахъ, какъ на западѣ, съ тюрьмой въ качествѣ единственной мѣры пресѣченія способовъ уклониться отъ суда, пыткой, исключеніемъ защиты, безапелляціоннымъ приговоромъ, усиленной смертной казнью, конфискаціей всего имущества у семьи обвиненной. Причины сравнительно снисходительнаго отношенія малорусскаго народа къ вѣдмамъ заключаются, между прочимъ, въ представленіи о врожденности способностей вѣдмы, исключаящемъ злую волю; въ слабомъ развитіи въ народномъ воображеніи представленій о договорѣ съ дьяволомъ; въ отсутствіи въ украинскомъ прошедшемъ всякихъ ересей,—слѣдовательно и ереси колдовства, и отсюда въ полномъ невмѣшательствѣ духовенства въ вопросы о вѣдмахъ.

В. Милорадовичъ.



НАША ДОЛЯ-БОЖА ВОЛЯ.¹⁾

V.

Окримъ Охрима, у Максима Мыкытовича Витряка було ще три сыны, и старшымъ теперь ставъ Якымъ. Це парень бувъ друзяка: здоровый, высокый, повновыдый, добрый роботяга, слухняный, моторный и непытущый. Якъ ще живой бувъ Охримъ, то Якымъ гулявъ нежонатымъ, теперь-же, якъ Охримъ умеръ и якъ ёго жинка Палажка одйшла одъ Витрякивъ до своего батька та до матери, треба було подуматы и про те, щобъ женыты Явима. Ну що-жь! Якъ женыты, то й женыты! Знайшлася швидко и дивчына, десь ажъ у Нескушному, верстовъ, мабуть, за висимъ одъ Суныцивки. Сырота вона соби була—ни батька, ни матери, а звали ии Мареою. Якымъ якось-то йиздывъ у те Нескушне до шаповала, щобъ виддаты ёму вовну та звалаты сукно зъ неи на свыткы, та тамъ и побачывъ у того шаповала ёго небогу, сыроту Марёу. Дуже вона ёму прыпала до серця, бо була соби дивка высока, огрядна, здорова, весела и хотъ не овси-то красовыта, такъ зате брва и дуже прыязна. Та шо тамъ за корысть зъ тией красы? Зъ лыця, вазуть, воды не пыты! Та й що тамъ изъ тыхъ грошей? Карбованецъ не гроши, абы чоловікъ хорощый.

Отъ-то такъ по осени, якъ люде зовсимъ упоралысь зъ хлебомъ, скоилось у Витрякивъ и весилля. Бильшь усёго вло-

¹⁾ См. Киевск. Стар. 1901 г. № 1.

поталась у такому дили Маруся: вона, якъ настало саме весилля, и молодыхъ на кожухъ садовыла, шобъ вони, бачъ, багатеньки та замижененьки були; вона и замкы усяки замыкала, и ключи видъ ныхъ геть кудысь далеко кыдала, шобъ молоди дружно та ладненько про-мижъ себе жылы; вона и обводыла трычи молодого округъ воза передъ тымъ, якъ йїхаты ёму до шлюбу; вона й розсыпала навкругы весильного пойизду цили прыгоршни вивса та вмисти зъ вивсомъ розкыдала милякы грошей.

Отъ и звинчали молодыхъ. Молода выйшла, якъ молода. Весилля одгулялы такъ, шо на все село. Булы и музїкы—двискрыпкы ще й одынъ басъ; була и всяка страва,—и печене, и шмалене, а шо вже тїей горилкы, такъ хочъ купайсь у нїй. Ажъ цилыхъ два тыждни веселувалы люде у Максыма Витряка.

Пройшовъ одынъ рикъ нисля весилля Якыма Витряка; пройшло ще пивроку. Молоди жыуть, якъ ти голубята: и не налюбуются, и не намылуются. Якымъ, якъ и ранїйшъ, працювавъ та слухавсь батька, та гонобывъ у хазяйстви, такъ и теперь однаково робивъ. Марѳа тежъ була роботяща та слухняна. Свекра та свекруху вона и любила, и шанувала, и николы не чутно було, шобъ у Витрякивь, якъ тамъ у другихъ людей, чы свекоръ, чы свекруха лаялы за що-нибудь невестку, або докорялы їй. Маруся, може, якъ колы, то ще й погримает за що-нибудь на Марѳу, а шо вже Максымъ Мыкытовичъ, такъ той зроду николы. „Оце, дочко, не такъ, а ось якъ; а оце, доню, не годытсь,—у насъ такъ не поведытсь, а поведытсь отъ такъ“, скаже було винъ невестци безъ серця и безъ лайкы, якъ побаче, шо молодыця чы не втрапыть зробыть до-пуця чого-нибудь по хазяйству, чы не такъ скаже, якъ треба. Черезъ те-то мабуть, Марѳа и була повсегда весела та балакуча така. Якъ йе зъ кымъ балакаты їй, то вона тому чоловікови розскаже, якъ у ихъ сторони, се-бъ то у Нескушному, за висимъ верстовъ одъ Суныцивки, та все ынчи звычай та ынчи обычай, та ынчи попы и ынчи дякы, шо овси не таки, якъ у Суныцивци. А якъ нема

кому їй розказуваты, або їй самій никого слухаты, то вона за-разъ заведе яку-небудь пiсню та-ї спива соби и спива, та такъ спива, шо пiсня їи лунае скривъ и по всѣму двору и по всѣму току.

Такъ якось-то по осени,—а осинь тоди була така славна, деньы стоялы такы ясны, зъ ранку хочъ трошкы й свиженъко, а проте, въ день такъ тепло та соняшно! такъ отъ-то кажу, якось-то по осени, такъ уже о пивдня, тре Марѳа на терлицы, у току пидъ тополею конопли и спива соби пiсню:

„Ой шо пры нивци, пры шырокій дольнци,
Брала дивка билый лёнь!

Ой, вона брала, тонко розстылала,
Всю дольну сходыла.

Ой, та не найшла парня молодого,
Которого любыла.

А вже-жъ того парня молодого

Та въ солдаты узялы,

Та й повезлы парня молодого

Все крутымы горами.

Ой, выйшла дивка за нови ворота,

Выпвається слѣзамы“...

Якыма у той день не було дома: винъ ще зъ вечора пойивавъ чогось у волость, ажъ у село Веселе. А Марѳа отъ-то тре соби конопли на терлицы та спива пiсню и не знае, яке лыхо пидкрадається до неи. „Марѳо! Марѳо! иды лышень у хату“!—кличе їи Максимъ Мыкытовичъ Витрякъ. Марѳа, почувшы голосъ батька, покынула мняты конопли та швиденько побигла до хаты. „Иды, донько, скорійшь“! Ось убигла вона въ хату та, переступывшы поригъ, тутъ же й стала, неначе вкопана. Якымъ їи журливо сыдыть за столомъ, положывшы голову на руку и зныкъ ажъ до самого столу. Супроты нѣго стоять маты Маруся и вся такъ и залывається слѣзамы, шо й свита божого за нымы не баче. „Якыме! Якымочку! мамочко! таточку! Що це таке? Шо зробылось? Татусю, голубчыку, шо таке“?—

„Бильшь ничего, донько, окримъ того, якъ твоёму Якымови упавъ жеребокъ у москали йты“! „Охъ, лышенько-жъ мени! Охъ, долечко жъ моя лыхая! Шо жъ це воно буде такого? Куды жъ мени теперъ дитися у свити Божему? Пропала жъ я, сырота безталанная! На вики пропала“!—„Не бійсь, донько, не пропадешъ: молись Богу, то все буде гараздъ. Теперъ яка тамъ служба москалямъ? Рокивъ тры-чотыри послуже та й до-дому прыйде, а ты тымъ часомъ у насъ такъ шануватымешся, якъ не шанувалась у ридного батька та матери: мы тебе й словечкомъ не зобидымъ, абы ты тилько сама жыла чесно та по закону; а тамъ, якъ дастъ Господь мылосердный, Якымъ одбуде свій строкъ та звернется до-дому, то и все лыхо забудется... Э, якъ-бы винъ у насъ бувъ пысьменный, то друга була-бъ ричь: ёму бъ и вильгота була и свить передъ очима бувъ-бы не той“! „Якыме! Якымочку, голубчыку мій! Поглянь же ты на мене, оглянсь та й озьмы и мене зъ собою! Я жъ безъ тебе не можу жыты! Я изсохну, я пропаду безъ тебе“!—„Та схаменсь ты, Марео, на мылый Бигъ, схаменсь! Хиба жъ такы воно де у свити діется такъ, шобъ жинкы та ходылы за своимы чоловикамы у службу? Уже якъ-не-якъ, а треба згодытсь, бо на вздогинь, кажутъ, дочко, не нацилуешся... Дастъ Богъ, ты й не счуешся, якъ и пройдутъ ти два-тры roky, и якъ Якымъ повернется зъ службы до-дому. Господы, Господы, и чомъ такы у насъ нема школы? Отъ якъ бы винъ бувъ пысьменный, то друга-бъ и балачка була... Темнымъ та невыдющымъ людямъ скрызъ погано“!..

Такъ посумувалы та побалакалы надъ своимъ лыхомъ Витрякы, та й зъ тымъ, шо треба Якыма выражаты до города. Боже, и слизъ же було, якъ розставалсь Маруся та Марео зъ Якымомъ! Якъ ухопе то одна, то друга ёго за шыю, якъ почне плакаты та прыговорюваты, то справди такы неначе пидьнымы земля розступається. „Та годи тоби, стара! Годи вже! Хиба такы винъ на вйну йде, чы шо? Годи тоби, дочко, годи убываться надъ нымъ! Чы ты ёго, боронь Боже, на смерть, чы на мѹку яку, чы у Сибирь выражаешь? Чудно и дивно мени!

И яка вже тамъ у Бога теперъ служба москалямъ! Теперъ не те, шо за прежнёго царя, воны москали служылы но двадцать по пять годъ! Буде вамъ голосыты!.. Ну, сынку, прощай! Служы Богу и царю праведно, не ливуйсь, не пустуй, не забувай батька, матери та жинкы, прыходь до-дому зъ радиснымъ та легкымъ сердцемъ!.. Прощай же, сынку! Помагай-би тоби на все добре!.. Та началства слухайсь! Началству не суперечь! Чуешъ“?

— Чую, тату!..

Ото Якимъ Витраченко уже и въ москаляхъ. Уже бильшь року минуло зъ тіей поры, якъ винъ служе москалемъ. Стоить винъ десь у Кышени-городи и що-мисяця пыше лысты батькови, матери и жинци, Марѣи Петровни, и двомъ братамъ своимъ, Петру та Павлусю Максимовичамъ, и сестри Орыси Максимовни, и всимъ сватамъ, и всимъ свашенькамъ, и всимъ сусидамъ, и всимъ сусидкамъ. И каже, шо ёму служба овси не важка, шо началство имъ дуже задоволено, жалует и хвале ёго, пыше, шобъ батько не пеклувався высылаты ёму грошей, бо москали ни въ чому не мають нужды, а шобъ гонобывъ у свое хазайство.

Якъ одберуть ото Витрякы лысты одъ Якыма, то заразъ же Маруся та Марѣа идуць зъ нимъ до дякона и тамъ уже и чытають и слухають того лыста. А чыта-жь той дяконъ такъ не скоро, та такъ высоко, та жалибно, та такъ же жалибно!.. Слухаючы того лыста, Маруся та Марѣа такъ и облываются слизьмы. „Боже, Боже, Боже, и якъ то воно ёму, бидоласи, у тому чужому городи жывется? Де-жь воно той городъ находытся, отець дяконъ“?— „Чы я-бъ вамъ и сказавъ, такъ, ій-же-Богу, и самъ добре не знаю. Мабудь, такъ, шо десь ажъ коло Турецыны!“ „Ажь, кажете, коло Турецыны! Окъ, моя-жь годыно! Крый-же ёго, маты Божа“!..

И зновъ надишле Якимъ лыста, и зновъ Маруся та Марѣа идуць чытаты ёго до дякона, а отъ дякона пидуть ще до пысьменного хлопця, Петра Метеля, шо навчывся пысьменства ажъ десь тамъ у Лыпцяхъ, чы ще дали.

Одначе, чымъ дали, тымъ Якымъ Витряченко ставъ чоґось усе ридче и ридче пысать до-дому. А якъ колы и надишле лыста, то одно тилько й пыше, шо ёму трудно и, Боже мій, якъ трудно службыть! Такъ трудно, шо николы ни сорочки чыстои узять, ни чобить перебутъ,—такъ у чоботяхъ и спы; онучкы такъ геть чысто усе на прахъ и попріють на ногахъ. А шо вже тіеи нужи, такъ такого, шо бодай тебе!.. А службу все-жь такы знай: и коло коня ходы, и за конемъ „командѣра“ гляды, и „мундеръ-церу“ годы. И важко-жь, охъ якъ важко службыть! А найголовна ричъ, шо прыходытся дуже бидкаться безъ грошей, а тутъ на лыхо попалась така скажена коняка, шо кажни-сеньку ничъ рве на соби уздечку, и ты хочъ роды, а шобъ у тебе була цила уздечка, а не буде цила, такъ такого тоби про-чухана зададутъ, шо не знатымешъ, на яку й ступыть: и на обахти высыдышь, и лящивъ добрыхъ піймаешъ, и въ штрахну кныжку попадешъ. А старшый, клятый чоловикъ, и не дывытся, яка то скажена коняка,—бье тебе по щелепахъ, та й край.. Хочъ увесь тыждень сыды у конюшни та на коняку дывысь. Узьяв бы іи та хорошенько нагайкою нажавъ, такъ де тоби? Буде таке, шо!.. Беры іи блызенько бороды та говоры до неи, неначе до чоловика, та гладъ іи, та дывысь ій пыльно въ вичи, а вона, якъ скажена, такъ и скаче, такъ и скаче на тебе, та такъ усю сорочку и штаны геть чысто все на шмаття пошма-туе. „Шо-жь воно, може, и сиравди ёму, бидоласи, та служба дуже важка“, скажутъ було Максимъ та Маруся, чытаючи Якимивъ лысть, та ото якъ сироможутся, то й пошлють ёму кильеа тамъ грошенять. А Якимъ якъ одбере лысть зъ гришмы, то одпыше до-дому, а якъ одбере самый лысть, безъ грошей, то й мовчыть и мовчыть, неначе ёго и на свити нема.

Такъ воно и шло, тыждень за тыжднемъ, мисяць за мисяцемъ. Колы ось пройшла чутка, шо руськый царъ буде вою-вать зъ турецькымъ. Незабаромъ писля того прыйшовъ до Ви-трякивъ и лысть одъ самого Якыма, де винъ пысавъ, шо скоро ёго повеъ выступе за Дунай. Боже, Боже, шо вже тоди слизъ було у хати Витряка, такъ и свазать не можна! Маруся та

Марѳа и молылысь, и плакалы, и ходылы до батюшкы найматы ёго правыты молебень, шобъ Господь Богъ заступывъ Якыма на вѣйни, а наконецъ тѣго пишлы ще до дякона за тымъ, шобъ винъ напысавъ лыста до Якыма у повкъ. И дяконъ напысавъ имъ такого жалибного та довгого лыста, шо якъ ставъ вычитуваты ёго въ голосъ, то Маруся и Марѳа такъ и облылысь слизмы... Довго того було!..

Напысавшы того лыста, Маруся та Марѳа заразъ же и одислалы ёго до Якыма, а сами ждуть и не диждутся виднысу. А одъ Якыма ни слуху, ни духу... Чы винъ жывый тамъ? Чы винъ здоровый? Чы, може, уже ёго давно убыто? Чы, може, винъ де потонувъ у тѣй ричци, у Дунаю?..

Недовго, одначе, йшла та война промижъ руськымы та туркамы: швидко пройшла друга чутка, шо уже руськый царь замыривсь зъ турецькымъ. Чують Витрякы, шо уже одынъ салдаты, такый, шо пишовъ у москали умисти зъ Якымомъ, вернувсь у село; другый напысавъ до-дому, шо скоро буде; а третій переказувавъ черезъ людей, шо десь тамъ забаривсь у дорози, але-жъ такы спишыть та поспишае до своей ридни; а одъ Якыма усе-жъ такы нѣякои звисткы нема. Витрякы уже й не зналы, шо имъ и думаты про це...

Була пиздня осиння доба. Люде давно уже попрыбиралы усе и зъ поля, и зъ огородивъ. Чоловики,—якъ яки молотылы по клуняхъ та вѣвозылы зъ дворивъ гнѣй, якъ яки возылы дрова зъ лису до-дому та мололы хлѣбъ у млынахъ. Жинкы якъ яки чыстылы та квасылы на-зиму бурякы, якъ яки сиклы сикачамы капусту та складалы ии у глыбоки дижкы по погрибахъ, тежъ такы готуючы добро на зимнюю добу; а де-яки то выбиралы кавуны та ховалы ихъ у полову на гориче, шобъ додержаты циленькымы ажъ до зимнѣи поры.

Тежъ саме робылось и въ хати Витрякивъ. „Господы, Господы, шо це про нашего Якыма нема нѣякои звисткы? Уже-жъ ондычкы и Сѣмка прыйшовъ, уже и Стецько вернувсь, а нашего усе нема та й нема. Отъ и батькови нашому треба-бъ було помочы, бо Петро хочъ и роботящый хлопецъ, такъ ще

молодой парубчакъ,—не те у него на думци, а Павлусь зовсимъ хлопчакъ. Хочь бы такы Господь скорійше прынисъ ёго! И хазяйство жь такы у насъ, хлалыты Бога, чымале, а помочы хазяину нема; до того, ще й хазяинъ нашъ щось уже поставивсь“.

Такъ балака, сыдючы въ хати, на лави, стара Маруся. „Уже-жь, мамо, и пора такы ёму прийты“, одповида Маруси Марёа, сыдючы на тій-же лави, супроты широкого шыритваса, куды вона складала сичену капусту. Марёа и дни и часы и хвылыны личыла та переличувала, чы скоро скинчытся той строкъ службы Якыма и чы довго ій ще ждаты свого любого та хорошего человека. Вона ни на одну хвылыну не переставала думаты про него и такъ ёго щиро та вирно кохала, шо й на мысли у неи никого, окримъ Якыма, не було. А оце у ту недилю подавала вона у церкви на часточку помьянуты Якыма умерлымъ: ій сказала якась стара баба, шо якъ помьянуты живого человека умерлымъ, то де-бъ винъ не бувъ и шобъ винъ не робывъ, а ёго заразъ же потягне туды, де ёго ждуть та бажають. Такъ оце уже скоро тыждень, якъ Марёа помынала Якыма у церкви, а ёго усе нема, та й нема... А, може, такы, дастъ Господь, шо й прийде!..

Сиче Марёа капусту, а сама и духомъ и слухомъ уся на двори. „Мамо, чы вы чуєте, неначе щось пидйихало до ворить“?— „А шо тамъ, доньво, пидйихало? То, мабудь, нашъ Покоть пробигъ по прызьби та торкнувсь бокомъ объ стину“.— „Нп, мамо, перехопыла Марёа, такы неначе щось и ворота уже одчыня. А-ну-лышень, я выскочу зъ хаты та подывлюсь“! Не впила, одначе, Марёа пиднятысь зъ лавы, якъ ось двери у хати рывнулы, и на порови зъявивсь москаль. Марёа такъ и скрыкнула одъ радощивъ та такъ и кынулась до москаля. „Якыме, Якымочку, голубчыку мій“!.. И справди, то бувъ Якымъ Витряченко... Боже, якъ-же жь тому зрадили Витрякы, и стари и мали, а найбільшь усихъ Максимъ Мыкытовичъ Витрякы!..

VI.

Швидко по всѣму селу пройшла чутка, що Якимъ Витряченко вернувся изъ службы до-дому. Тутъ и вси родичы, и вси сваты, и вси кумы, и вси кумаси заразъ-же понашевкались до Максима Мыкытовича Витряка у хату, щобъ подивытыся на Якима Витряченка, який то зъ нѣго вийшовъ москаль. За-для такой оказіи Максимъ Мыкытовичъ доставъ изъ погребца городськой горилкы, а Маруся понастановыла на стиль усякой стравы, и тутъ почалась учта и дорогого сыночка и хорошихъ гостей, шо посходылись дывытыся на бравого москаля. Максимъ Мыкытовичъ не жаливъ горилкы и витавъ гостей щиро одъ усѣго сердца. И ото якъ уже уси добре пидвыпылы та разбазикались, то тутъ и почалы пытать Якима, де винъ служывъ, кого бачывъ, якъ переходывъ ричку Дунай, яка въ неи глыбнѣя, яка мильнѣ, якъ воювавъ винъ зъ туркомъ, и въ якихъ „баталіяхъ“ бувавъ.

— Розскажить-но намъ, Якиме Максимовичу, якъ воно у тій сторони люде жыуть?

— Якъ у тій сторони люде жыуть? Овси не такъ, якъ у насъ: тамъ замѣсть хлѣба,—Якимъ Максимовичъ закидавъ уже по-московькому,—тамъ замѣсть хлѣба йдять кукургузу.

— Кукургузу?

— Кукургузу!

— Шо жъ це воно за кукургуза така?

— Такая, значить, примѣромъ будучи сказать, пшеничка, што вогъ и у насъ на вгородахъ растѣть.

— Онъ воно шо! Ну, а ще шо йдять?

— А дали йдять брындзу,—ѣто такой уже, примѣромъ будучи сказать, сыръ изъ овечого молока.

— Брындза, кажете?

— Брындза!

— Ну, а ще шо?

— А ще йдять чавкѣ, по нашому сказать, просо; только воно, значить, не простое, а турецькое просо.

— Ну, и хрухту яку потребляють?

— Хрухту? Гм!.. Тамъ што етихъ абаркосивъ, такъ выдѣмо и невыдѣмо! Свннѣмъ кыдають, та й ти не йидять!

— Абаркосивъ, кажете?

— Тамъ што етихъ абаркосивъ!.. А што етого кавунячча! Гм!.. Та ще яки кавуны? Качається, наче той чавунный казань! Такъ, прымѣромъ будучи сказать, пудивъ три буде одынъ кавунъ.

— Пудивъ три одынъ кавунъ?

— Пудивъ три одынъ кавунъ, колы не бильшь!.. А што етой картопли? Падлець я буду, бадилля росте, наче той лисъ, а саме ядро завбольшкы та-якъ добрыхъ два кулакы. Отъ якъ!

— Тамъ-же десь и дешевына на все?

— А такъ што дешевына! Храпокъ, або пивхранка у руку взявъ, та й цилый визъ кавунячча накупывъ.

— Шо жъ воно за хранокъ такой?

— Гроши таки! Храпокъ, пивхранка, кралакганъ, ливкгалакгана,—це все болгарскы гроши.—Есть и турецкы, зъ гадюкою, и прускы, зъ трѣма святымы. Усякого було!..

— Тамъ же десь и людямъ добре жыты?

— Гм!.. А то хйба добро у нашій обидраній сторони? У насъ хаты скрызъ такъ, што бильше небомъ укрито, а тамъ...

— Якыме, шо це ты кажешъ? переходывъ сына старый Витрякъ и зглянувъ на вѣго якось-то прозоро.

— А шо я кажу? Батьку, покажы путь, якъ горилку пьютъ! Отъ шо я кажу!..

— Ну, а якый тамъ, Максимовичу, народъ жыве?

— Братушкы та туркы!.. „Берегысь мага бирь рюмкѣ аракъ“.—„Явши, якши“! „Берегысь мага тютюнь“! „Тыръ ты симыны“!—„Явши, якши“. „Муиынъ пулы аракъ“?—„Чокъ, чокъ“! „Яманъ, яманъ“! „Братушка, дай на мене икметъ кушать“! „Братушка, дай на мене тютюну цопыть“.

— Онъ воно якъ! онъ якъ! Отъ скылько рокывъ панебрате, якъ я жыву на свити, а сякый-такый сынъ, хто ёго и чувъ, щобъ отгавечкы балакалы люде, якъ оце. Шо-жъ воно значе?

— Ето, примѣромъ будучи сказать: „подать мнѣ рюмку водки та трубку тютюну! Сдѣлать покурыть!“— „Хорошо, хорошо!“ „А што стоитъ водка?“— „Дорого, дорого!“ „Это не хорошо, овси не хорошо!“ „Братушка, дай мени хлѣба поѣсть!“ Братушка, дай мени тютюну попыть!“ Не кажутъ „покурыть“, а кажутъ „попыть“... А то говорить и такъ:

„Давайте выпьемъ за отца до кивця, за неньку повненьку, а за жиночку симъ,—хай буде весело всимъ“.

— А, такы й воны пьють?

— Есть!

— Ото-жь вы зъ тымъ туркомъ и воювалы?

— А зъ тымъ же туркомъ и воювавъ.

— И шо-жь, и не пидстрелылы васъ ниде?

— Мене пидстрелылы? Гм!.. У насъ тоже горохъ у носи ёсть!..

— А десь и страшно було воювать?

— Гм!.. Батьку, крапнить, лышень, чарку того пекельного выпелю,

Шо литомъ не кысне,
Зимою не мерзне,
Передь обидомъ не суше,
Писля обидь потуше...

Батько наливъ Якыму чарку горилкы, и Якымъ такъ одразу и проковтнувъ ии, неначе закънувъ за потылицю.

— Дай, Боже, усе, шо гоже, а шо не гоже, поправъ, Боже, шобъ було гоже!.. Зразу ставъ, кумы мои, на вѣйну, такъ страшно було воювать, а потимъ обыкъ. Не дасть Богъ смерти—не визьмутъ и черти... Одно слово, покы не воюешъ, то воно й страшно, а якъ визьмешъ у руки ружжо, то забудешъ и весь страхъ: такъ и лѣзышъ, такъ и лѣзышъ у вагонъ, неначе та свыня на вгордѣ. Инчому и руку по ликоть отсичуть, а винъ разгарячтєся та тїєю жъ куксою такы й дѣль-

ствуе, неначе штыкомъ... За то-жь тилько й бьётся, што нашъ братъ—салдаты, а што ети охвигери, такъ вони тилько, примѣромъ будучи сказать, ховаются, по-за нашимъ братчикомъ—салдатомъ; оны толькы у мырное уремя камандувать нами хороши, а якъ на войну, то тутъ имъ и копь, тутъ имъ и копь! На войнѣ вони и курить нашому брату дозволяютъ, и кисеть роспростырають и табаку своего даютъ. Такъ и нашъ братчикъ тоже не дуракъ: якъ набрякается на якого охвигерика у тиснимъ кутку, то такъ пидправить ёго штыкомъ, што у того и бурдюкъ изъ пуза выпадетъ геть: „Молысь Богу та отуть и лежы“! А тамъ, примѣромъ будучи сказать, запышуть у лапортъ, што на войнѣ турокъ зарубавъ. Тоди смичъ насъ за штаны!..

— Якыме, шо це ты кажешъ? Хиба жь воно такъ навспражкы и бува, якъ оце ты говоришь?

— Шо я кажу? Налый мени, отецъ, чарку горилкы!.. Пый пывоту, та выгонь лыхоту, шобъ тая лыхота не сушыла живота! Отъ шо я кажу!

Батько зновъ, хочъ и дуже нехотя, наливъ чарку горилкы, и Якымъ упыять чабулькунувъ ии такъ, шо тилько денце у чарци блыснуло: „Дай, Боже, у цимъ дили шо-недили“!

Дывытся Максимъ Мкытѣвичъ Витрякъ на своего сына Якыма та самъ себе и пыта, чы це ёго сынъ, чы не ёго: Якымъ же ёго зроду чаркы въ руки не бравъ, а цей москаль глушыть горилку, якъ воду...

— Скажить-же, Максимовичу, яки вы города проходылы?

— Проходылы?... Проходылы Дунай...

— Та тожь, кажуть, ричка Дунай?

— Ну-да примѣромъ будучи сказать, ричка... А потомъ проходылы Свыстовъ, Плѣвъ-городъ, Шумъ-городъ, Костянтин-городъ...

— Эге, отака ловысь! Каже, Турецына, а города звется такъ, якъ и въ насъ.

— А черезъ те звется такъ, якъ и въ насъ, што та турецкая земля, вона ще отъ сотворенія мыра була руського царя.

— Онъ бачъ якъ! Такъ черезъ те то напѣ царь и воювавсь зъ турецькымъ,—за свою землю!

— Не що! Древній плашъ, будучи примѣромъ сказать, найшовъ у своимъ дворци, и на тому плану усмотривъ, што вся турецькая земля, ще якъ тилькы народывсь мырѣ, була за руськымъ царемъ. Отъ воно що, а не то що! Што говорятъ тамъ за болгарь, за братушекъ, то это пустое...

— Боже, Боже, чого вы тилькы, Максимовичу, не выдады, чого не чувалы, чого не пройхалы и чого не проходили? Отъ де вже свита побачылы,—не то, що мы!..

— Пройшовъ и багато земель, пролизъ и багато дирѣй, пройшовъ и Крымъ и Рымъ, и огни, и воды и мѣдніи трубы, понавсь було и чортови въ зубы, та, якъ бачыте, выйшовъ знову на свить.... Хи, разъ и страху було, якъ нашъ койиздъ та найшовъ на другый! Такой товчій наробыло, шо!.. Вагоны на вагоны цапа посталы, та—якъ жеребци, а паравозъ злипыло, якъ пырижокъ, а шо вже народу нобыло, такъ....

— Моя-жь годыно! Черезъ шо-жь воно койиздъ на койиздъ найшовъ?

— Черезъ то, шо по тій рейци, де намъ бигты, та джиджирувавъ, будучи примѣромъ сказать, манѣвры робывъ, другый койиздъ.

— Джиджирувавъ, кажете?

— Джиджирувавъ! Сюды-туды по рейци бигавъ.

— Ну, якъ-же вы добрались до миста?

— А якъ? Силы на другый койиздъ, тай на вѣйну!

— Отъ де ще, мабуть, нашего брата гыне, на вѣйни?

— На вѣйни кули бильпѣ бьютъ ляшкывъ, низъ нашего брата.

— Черезъ шо-жь воно такъ?

— У ихъ вира не така, якъ у насъ,—отъ черезъ шо! Кто, примѣромъ будучи сказать, зъ нашою вирую идѣтъ, то того и куля не берѣтъ....

— Онъ воно якъ! Скажите-же намъ, Максимовичу, ще одно,—выбачайте уже у цѣму слови, шо пытаемо:—чы вы й гра-

моты у москаляхъ навчылысь, чы зъ тымъ, якъ булы, и до-дому звернулысь...

— А навчывьсь! Буки-азба, види-азба, глали-азга, како-азка... ять-ять-никому пиднять, юсь-юсь-я самъ пиднимуся, ыжыця-ыжыця-до чогось розка блыжытця-блыжытця... А главна речь, я вернувьсь изъ службы ни въ чымъ неповреждёнъ.

— Це-жь якъ?

— А такъ, што ни въ чому поганому незвѣстенъ: други-прочи тамъ то те, то се, а мы... гм!

— Ну, и чына-жь вы доскочылы?

— А вже-жь, доскочывь! А толькы што овъ прыйдѣтъ навпослѣ!

— Якъ-же то такъ, шо навпослѣ?

— А такъ, што значыть, будучи прымѣромъ сказать, одынь получа чыпъ сразу, а другый навпослѣ,—дисцыплына така!

— Шо-жь це воно за... дыс-пыц-лына така?

— А это такая штука, што по ній горилякы хрюкаты!... Тату, а-нута ще ухнить у чарчыну того дйва, шо пече губы, полоще зубы, пале въ жывоти, а ные въ кості! Ахъ, ахъ, хотя въ Москви не бывахъ, но горилочку пывахъ! Ахъ, ахъ!...

— Та, може-бъ, сыну, уже й годи?

— Э, батьку, батьку, хочъ пый-умрешъ, хочъ ве пый-то ногы задерешъ! Та хйба ии якъ? Кусаты, чы шо? Ковтай тай тоди! Жалаимъ добра, шобъ выпыть до дна!

Туть Якымъ, уже не диджавшысь учты одъ батька, самъ налывь здоровлящу чарку горилкы, та такъ и хыльнувь ии одразу у ротъ...

А Максимъ Мыкытовичъ Витрякъ усе дывытса на своего сына, и чые ёго сердце, шо то вже не ёго сынъ... Ну, та, може, це винъ такъ тилькы, зъ прыходу, а дали обйдетса, прывыкне, та-й буде зновъ такый, якъ бувъ... Крый мене, маты Божа, отъ усякои биды!...

Було уже далеко за пивничъ, якъ уси родычи, уси кумы та кумаси покынули госпуду Максима Витряка и поросходы-

лись по хатахъ. Якимъ, якъ сидивъ за столомъ, такъ и повалился на лаву, такъ и захрипъ на ній...

На другой день, чимъ свить, Якимъ уже бувъ на ногахъ и заразы-же за горилку.

— А шо, мамо, чы нема чаркы тіей жывыци-ледащци, чымъ можна-бъ похмелыться?

— Якъ нема, сынку? На, та похмеляйсь та будь здоровъ!

Сивъ Якимъ за стилъ та-й давай похмелаться. Ось скоро-недовго прыйшовъ до нѣго де-хто изъ новыхъ гостей, и въ хати Максима Витряка зновъ почалась весела бѣседа. И зновъ Якимъ розсказуе, яки „хрумты“ растутъ у „тій“ стороны, яки народы тамъ жывуть, яки гроши тамъ ходять, якъ винъ тамъ бывся зъ турками, яки проходывъ городы, якъ воюется „нашъ братъ“ салдатъ, и якъ стражаютця „ети охвыцери“. Розсказуе винъ та зновъ пѣе горилку, а дали, упывшысь, зновъ спыть ажъ до пивдня; а тамъ, тилькы шо прокынувся, тилькы шо роздывывсь-розлупавсь, якъ зновъ за горилку. На третій день Якимъ идѣ уже самъ до якогось тамъ чы до свата, чы до кума, а тамычкы упыять тежъ саме робытся. На четвертый день винъ идѣ до кумы, а дали до свахы, та таеъ увесь тыжденёчокъ. А Максимъ Витрякъ усе дывытся та самъ себе пыта, чы скоро воно оце все скинчытся, чы, може, цѣму николы не буде й кинця.

— Ну, сынку, оце вже цѣлый тыждень, якъ ты прыйшовъ изъ службы додому,—теперь треба уже и за роботу браться.

Отъ и взявсь Якимъ за роботу, та тилькы ненадовго: день поробывсь, поробывсь и другой, а на третій день, якъ батько лигъ пияля обидъ спочыть, вигъ опынывся у „прохладныхъ“ кимнатахъ Кастіёна Петровыча Чубарка... Уже туды геть-геть, якъ зайшло сонечко и якъ зовсимъ стемнило, вернувся Якимъ до-дому. Максимъ Мыкытовичъ неначе-бъ то й не баче того, а у самого такъ сердце и колотытся. Усю ниченьку винъ и на хвылыну не задримнувъ. Чуть свитокъ—винъ уже и вставъ. Уставъ и Якимъ; уставъ та й не дывытся ни на кого та прямо въ клуню та за ципъ. Ажъ ось за нымъ и батько въ клуню.

— Якыме, Якыме! Що це зъ тобою робытся?

— А шо, тату?

— А то шо ты зродá вику не ходивъ у той проклятый шынокъ, а теперь...

— Та це я, тату, ще не одгулявсь.

— А волю-жь ты такъ гулявъ? Та якъ уже хотивъ ты такъ гулять, то гулявъ бы дома, а не соромивсь по шынахъ...

— Я, тату, бильшь не буду! Будь вона трычи проклята, та горилка! И той поганый чоловікъ, хто їи выдумавъ!.. Я бильшь не буду!..

— Чы правду-жь ты говорышь?

— Правду, тату!

— Ну, гляды!..

VI.

Прошло ще двивъ зъ два, чы зъ тры. Якимъ и на двори, и въ клуни, и на току вештається, а тилько выдко, шо ёму дуже нудно на серци. Визьметься винъ за одно дило—покыне ёго. Визьметься за друге—и того не зробе; сяде йисгы—покруте ложкою у мысци, покруте и покыне ложку; стане балакаты зъ живкою—кто ёго зна чога и хто ёго зна за шо розсердытся. Въ одному тилько й находе втиху, шо куре; усе кушпелыть, усе кушпелыть, усе смалыть, усе смалыть ти цыгаркы, та такъ, шо ажъ давытсья...

Ось настало пуцання на Пылыпивку. Якимъ вставъ раненько, надагъ на себе мундерь свій, накынувъ зверху шынелю, узявъ картузь и пишовъ до церкви. Выстоявъ винъ службу Божу, выйшовъ изъ церкви та й иде до-дому. Иде, ажъ ось ёму у ливоручъ и веселенькый шынокъ Кастіёна Петровыча Чубарка, та также гарно та прязно дывытсья! Синешни двери въ нёму розчынени навстяжь и черезъ выхъ уже не одинъ чоловікъ проскочывъ у середыну кимнать. „Хиба й соби зайты? А шо-жь? Зайду, одну чарчыну выпью, та й швыденько до-дому загивлять!.. Якъ бы, одначе, старого не розгивать? Чы зайты,

„чы“... Поснувавъ—поснувавъ Якымъ коло шынку та й зайшовъ... Якъ зайшовъ, та якъ засивъ, якъ засивъ, такъ забувъ и про пуцання, и про батька, и про матирь, и про жинку свою... А дома ёго ждуть и не сѣдають за стилъ. Ось уже и обидня пора настыгла, ось Маруся та Марѳа уже и обидаты налагодылы, а Якыма якъ нема та й нема... „Де це нашъ Якымъ дивсь? Чы не зайшовъ лыбонь до батюшкы? Чы не забалакавсь зъ кымъ, идучы зъ церкви“?

А у Якыма инчій стилъ и инча кумпанія, нижь дома. У шынку коло нѣго уже чымало зъявылось „братчиковъ“, такыхъ, шо и выпыть и закусыть та й побалакать и посміяться—хочъ куды! Одынъ Васылъ Рябый чого стое! Цей друзьяка славенъ на все село, якъ самый сылетельный чоловикъ и якъ великый мѣтець шобъ и поглузуваты зъ кого, и въ потылицю накласты кому—на все гараздъ.

Сыдять за столомъ Якымъ Витряченко та Васылъ Рябый, розсылысь-розчетверылысь, глушать горилку и усяки теревени вени точать: то се та те, то те та се.

„А-ну, выпьемъ ливеварты водкы,
Зймо дви селѣдки,
Хунть зъ рыбы икры,
Та булѣкы тры,
Закурымъ цыгары,
Дивчатъ по пари,
Добре запьемъ,
Ворота забьемъ,
Слюны распустымъ,
Никого не пустымъ,
Самѣ будемъ гулять.

— Мужыкы!

— Ну!

— Одолжи мени ароматного злаку, нарыцаёмого табаку, шо ёго вжывають и благородни и кунци, и мужыкы, и шевци и кравци-молодци, тилько не вжывають старовѣры-падлеци. Хто

куре табачокъ, той хороший мужычокъ; хто не cure табаки — не стое собаки. Славный мужычокъ, хто й нюха табачокъ: хто нюха, той трюха, а хто дывытся, той туды жъ хылытся.

— Та й славно-жъ ты й приказуешъ, охота й слухать! И выдко, шо бувъ у москаляхъ!

— Не только што бувъ, а й Дунай переходывъ, и въ самому страженіи состоявъ, — чувъ?

— А чувъ! Ну, якъ ты такой хвабрый москаль, шо-жъ ты соби ни жодной медали не заслужывъ? Онъ Сёмка Крыженко, такъ той уже й выдко, шо хвабрый бувъ москаль: заслужывъ соби два хресты та ще й медалю та кожни два мисяци по три карбованця пипціёну гребе, а ты шо соби заслужывъ? Чымъ ты свою хвабрость докажешъ?

— Я? Я, може, на мисяць десять карбованцивъ заслужывъ!

— Эге-жъ! Шо мисяць — то десять, а на годъ пьятнадцать, — отъ такъ, мабудь, ты заслужывъ...

— Я? Я бувъ первой гыльдіи салдаты! Та ты знаешъ, шо безъ меня, покы я не осмотрю позиціи, командёръ, примёромъ будучи сказать, зъ мѣста нигуда не пайдётъ... Я? Я, може, на кожний штыкъ по три турка зразу сажавъ!.. Это есть моя привелегія!..

— Хто й не сажавъ, явъ не ты? А мени чуется, шо ты большъ собакъ изъ-за вугла стрелявъ, нижъ турокъ на штыкъ сажавъ...

— Да это ты, примёромъ будучи сказать, говорышь про миня?

— А то жъ про кого?

— Эхъ, ты, мужыкъ, мужыкъ, а чы знаешъ ты, што такое есть салдаты!

— А шо? Собача лобода, — ни шо!

— Дуракъ! Въ отставцѣ шыпется, шо пешнадцать мужыкивъ одного салдата стдють. А проты мене двадцать мужыкивъ ништо! Я чоловікъ прахтыкованный, а ты палиняка дровъ и большъ ничаво! Ты знаешъ, шо такое есть салдацький отче-

нашъ? Якъ мы муку зъ артели продавалы, а денёгъ въ казну не давалы, то хто буде платыть за насъ?

— Шо ты, салдата свыня, на тры копейкы задаешься? Отецъ вашъ и отче-нашъ? Хто жъ тебе ёму навчывъ? Чы не анчутэи, шо пидъ греблею сыдять? Не протыкованный, а простякованный ты салдаты—Солопій Ивановычъ,— бильшь ничего! А настоящего отче-нашу ты знаешь?

— А на што намъ ёго звать?

— Якъ на шо? А шобъ Богу молыться?

— А на шо-жь ёму молыться?

— Якъ то, на шо? Шобъ Богъ здоровья давь!

— А мени дохтуръ здоровья дасть!

— Ну, шобъ Богъ хлеба давь!

— А мени каптенармусъ хлеба дасть! Шо мени! Хочь сто конь, хочь одынь спонь, а салдату все тры хунты хлеба въ день полагається,—у вёго повсигда хлѣбный тукъ у животи ёсть...

— Огожь у салдаты черезъ той хлѣбный тукъ и пузо до верхнёи косты прысушуется? Славный же зъ тебе, бачу, и салдаты! Недурно жъ и кажутъ, шо салдаты, якъ прыйде зъ службы до-дому, то тры годы Богу не молытся.

— Шо зъ тобою, хамломъ, разговарювать? Ты поймы то, шо хороший салдаты—чорту братъ, поганный салдаты—трёмъ чортамъ братъ, а пьяный салдаты—усимъ чортамъ братъ... Я пидъ Плѣвомъ бувъ! Я Свыстовъ бравъ! Я Шумъ-городъ воювавъ! Я Дунай перейшовъ! Бережысь, рябо, а то розшибу! Это есть моя привелегія!

— Гляды ты у мене, салдацкы смиття, якъ бы я тоби отъ-туть выволочки, чы матлошкы не давь? То ты у мене и свыснешь, и плюнешь, и зашумышь, и Дунай ричку пишки перейдешь!..

— Хто? ты?

— А хочь бы й я?

— Куды тоби, мазныци такій? Ты, прымѣромъ будучи сказать, салдацькой дисциплины не понимаешь? Вотъ скажи мени, сколько на свѣти погодъ?

— Це ще шо доброго выгадавъ,— куряча твоя голова? Ичь якои юхы набравсь, якъ побувавъ у москаляхъ? Ось скажи мени ще шо, то я тоби такой чирвы дамъ, шо ты...

— Та ты шо? Я тебя, дурака, пытаю про погоды, жи, прымѣромъ...

— А я тоби, дурне салдацьке мясо, и одвить даю!

— Такъ скилько жъ ихъ есть?

— А скилько?

— Девьять!

— А може жъ, десять?

— А я тоби кажу девьять! самъ командѣръ, прымѣромъ будучи сказать, задававъ мени таку загадку, а я ёму й говорю: „Вашъ-бродъ, дайте мени тыждень подумать“. „Думай“. Я й почавъ думать...

— И де жъ ты думавъ? У шынку?

— Мовчы, мужыча твоя образына!

— Стій, кажу, не лайсь, а то лыхо матери твой!..

— А я тоби кажу: стій, слухай мене! Я й выдумавъ, шо ихъ девьять. Счытай: метелица-шателица—двѣ; шатѣть-метѣть—чотыри, сухая-мокрая—шесть, теплая-холодная—восимъ, а девьятая крушка—подавай, мужыкъ, солдату трубку! Слухай сюды, небезобразованный мужыкъ! Скажи ты мени, у якихъ часахъ есть трынадцатый часъ?

— Чы довго ще ты будешь варнякать отуть?

— У нимецькихъ часахъ! Потому. выдышь ты, безмозглый карбо, воны довшы руськихъ, и въ нихъ трынадцатый часъ набига. Понявъ? Чы де тоби понять? Ты знаешь въ чомъ салдацька дисциплина состоить?

— У собачу кожу выбывати! Салдаты у барабанъ бѣе та Настасью попадаю выбыва: „Ты, Настасья попада, ты Настасья попада! Отожь черезъ ту дыс—пыц—лыну у салдата на пузи чирякы...

— Брѣшь! Салдаты, примѣромъ будучи сказать, заразы встаѣтъ, ружье своё у руки бырѣтъ и на свою занятію идѣтъ.

— Яку? Красты казенну муку?

— Стой! Какъ ты смѣешь меня такъ говорить, балваняча твоя голова? Если-бъ ты мени на команди попалъ, то я бѣ зъ тебе кожу на барабанъ зидравъ! Это есть моя привелегія!

— Кто? Ты зъ мене кожу бѣ зидравъ?

— Я бѣ и зидравъ!

— Ты, кажу, зъ мене бѣ зидравъ?

— А я жъ!

— Ахъ, ты бруква гныла! Ахъ ты гарбузъ немиченый! Ахъ, ты собачый недоидокъ!

— Мовчати, вуцый Рябок! А то я тибѣ какъ паднесу, такъ ты!.. Я подъ Плевомъ бувъ!

— Такъ постривай же жъ ты, канцелюга поганый, сперше я тоби паднесу! Бережысь! Разъ! Два! Тры! Отъ якъ у насъ! У насъ скорійше Плёвъ берутъ!..

Не вспивъ „хвабрый“ Якимъ и окомъ моргнуть, якъ Василь Рябий пидставивъ ёму пидъ очи ажъ тры здоровенныхъ каганця.

— А шо, пидрябывъ? Удостоивъ? Я тоби казавъ, помовчы! Ты думавъ, набигъ дурныка та й одуривъ? Эге жъ! Якъ хочешъ, я ще й краце пыку тоби наварю!

Не такивськый же бувъ и Якимъ, шобъ сразу очуняться та швидче отстать одъ Рябого Василя. Ни, винъ въ одынъ ментъ пидскочивъ зъ земли, вмытъ пидбигъ до стола, схопивъ на нёму пусту пляшку и, розмахнувшись рукою зъ усіен силы, пустывъ ии наввѣдъ у Василя. Одначе, розмахъ ёго пропавъ ни за понюхъ табакы: Василь одхыльнувся одъ Якима у бикъ, и винъ замість того, шобъ уллучыты у своего врага, уллучывъ нею у стину, а самъ такъ и хряпнувся бокомъ объ стиль. А

въ той ментъ Василь Рябый завдруге якъ замахнется кулаёмъ та якъ затопе Якыма у саму тварь, такъ той такъ стовбуръа середь хаты и ставъ, та ще й носомъ по доливци заоравъ,— ажъ повно хряпа ёму земли набылось...

Баче Якымъ, шо не перевага, та тоди выскочывъ изъ шынку та й давай крычатъ калавуръ, и вытъ коло него зибралась цила юрба народу. Ось почувлы той крыкъ и у Витрякывъ. Выбигла спершу Марѳа, тамъ Маруся, а тамъ и самъ Максимъ Витрякъ. „Хто и де ёго“?— „Василь Рябый у шынку“! „За шо и якъ“?— „За те, що прахтыву дилавъ та хотывъ ребромъ стиль перебыть“!..

Отъ и повывъ бидолашний Максимъ Витрякъ своего сына Якыма изъ шынку до-дому. Прыывъ до-дому, увійшовъ у хату, сивъ за стиль та такъ и залывсь слизьми. Плаче Максимъ, а за нимъ Маруся, а за Марусею Марѳа...

Уже пизно, дуже пизно посидалы у Витрякывъ за стиль, а ще пивнйшь полагалы спаты... А Якымъ, такъ, не обидавшы и не загивлявшы, и повалывсь на пиль та такъ ажъ до самого свиту и проспавъ.

На другой день, не свить-не зоря, якъ Якымъ уже сидивъ у шынку и похмелявсь. Похмелявсь винъ ажъ до самого обиду, а тамъ прыйшовъ до-дому та й спать. На третій день те жъ самѣ. Та такъ що-божый день и що-гыждень. Иде бувало Якымъ изъ шынку до-дому пьяный-препьяный, ледве ноги переставля, не тямлючы добре, що винъ таке и на свити йе; иде та й писню салдацьку спивае:

Въ семдесятъ васьмомъ гаду объявывъ турокъ вайну,
Объявывъ турокъ вайну на Расбюшку на всю.

Граймо славу трубой,
Мы дралысь, турка, зъ табой,
По горамъ твоимъ, Балканъ,
Прогремѣла слава намъ!

А пятнадцатого юня ёдкрывавсь нашъ ёгонь,
 Мыколай нашъ прызводитель, вонъ скрычавъ: „сидьсь на конь“!
 Дымомъ горы покрывало, Дунай кровью обливало,
 Ну, какъ турки волкомъ были и клялы своихъ князей..
 А нашъ Гурко сказавъ: Мы подъ Плевни пайдёмъ,
 Мы падъ Плевни пайдёмъ, на шляху редуть найдёмъ“.
 Мы падъ Плевни пайшлы—на шляху редуть найшлы,
 Османъ въ Плевняхъ юкрыпывсь, хатѣль долго не пустыть,
 Но онъ зъ голоду втомывсь, на проломъ хотѣль юйтты.
 На проломъ Османъ пайшовъ, сибѣ мѣста не найшовъ,
 Оглянувся назадъ—ружья въ козлахъ стоять.

Стой! Сторонысь! Я пидъ Плѣвомъ бувъ! Я въ Свыстиви воювавъ! Я Шумъ-городъ бравъ! Розшыбу! Рознесу! Атѣць, ты знаешь салдацькый отче-вашъ? Ты знаешь, сколько есть на свѣти погодъ? Адвичай мнѣ, у якихъ часахъ есть трынадцатый часть? Скажи мени, чы треба салдату молыцься Богу? Повнимаешь ты, што такое салдацькая дисциплина? Равненіе на право кругомъ, аршь!... Атѣць, отдели мене,—я не хочу зъ тобою жыты! Подай мени мое,—я самъ соби буду хазяиномъ жыты! Шо мени на чужыхъ робыты? Якъ батько та маты, такъ уже й то! Мени про васъ клопаты? Отдилай мене, кажу тобі!

Огъ такъ якъ пишовъ Якимъ каламутыты, якъ пишовъ, то все де дальше, тымъ бильше и тымъ гирше. Пробувавъ старый Максимъ Витрякъ зуплниты Якима и ласкивостью, и сувористью, такъ де тобі?

Разъ прыйшовъ Якимъ изъ шинку увесь побытый, сыній-пресыній, роздутый, роскудовчаний, увесь у глини, прыйшовъ до-дому та якъ счепывсь зъ батькомъ, якъ счепывсь, такъ бидный Максимъ Витрякъ не чувсь, якъ винъ ёму и вси петелькы у сорочци порвавъ. „Пусты! Пусты! Шо це ты робышь? На батька руку пидймаешь? Пусты, кажу тобі“!— „Не пусты! Отдели мене, тоди пусты“! „Якыме, схаменысь! Шо це ты робышь“?— „Убью, а не пусты“! Тутъ Якимъ якъ стысне батька руками та якъ пидійме ёго у-гору. „Шо це ты? Шо це ты? Ахъ, ты жъ варваръ! Шо це ты робышь? Будь же

ты за це... Охъ, охъ, шо це я кажу?.. Нехай же тоби за це Богъ помога! Я отдилю тебе! Жывы, жывы, де хочешъ и якъ хочешъ... Охъ, Господы милостывый, просты мени мій тяжкый грихъ и заступы мени мои уста!.. Якыме, Якымочку, сыну мій, схаменысь, оханысь! Я жъ твій батько, я ридный твій батько! Шо це ты робышь? На кого це ты пидіймаешъ свою руку? Бери все, шо тоби треба и йды, йды куды хочъ! Якъ я тебе не отдилявъ, то черезъ те, шобъ ты овси не згубывъ своєї души"...

Якъ не бувъ пьяный Якымъ, а якъ почувъ винъ таки слова та якъ побачывъ, шо ёго батько плакавъ гиркымы слизмы, то такъ одразу и въ розумъ прыйшовъ и батька зъ рукъ выпустывъ. Поточывшысь якосъ то на бикъ, винъ важко опустывсь на дрывитню, закрывъ лице руками та такъ и зарыдавъ. „Тату! Таточку! Простить мене окаянного! Це горилка, проклята горилка згубыла мене! Товаришы у москаляхъ вывчылы пыть, и я теперь пропавъ, чую самъ, шо пропавъ. Вона мени ось такъ и кортыть, вона мене тягне до себе, вона простяга до мене руки, и я бъ ии усе пывъ бы и цывъ, безъ мира и безъ кинца.. Краще вже мене отдилить, то я хочъ душегубцемъ не буду..."

Такъ и отдилывъ Максимъ Витрякъ своего сына Якыма. Выпрохавъ ёму у общества грунтъ, давъ ёму и коня, и корову зъ телямъ, и свиню, и птыци килька тамъ, давъ и соху, и борону, и визъ, и сокыру, и лису на хату; одно слово,—усе, акъ слідъ.

Отъ и выйшовъ Якымъ на Жабокрюкивку. Выйшла за нимъ и ёго безгаламна жинка Марѳа, бо вже, якъ тамъ кажуть, куды голка, туды й нитка. Выйшовъ Якымъ на Жабокрюкивку, та тилько не довго винъ тамъ господарювавъ и швидко звывсь на нивить-щю: позбувавъ усю худобу, шо давъ ёму батько, и zostавсь, якъ той старецъ; а дали, покынувши и ту землю, шо була ёму упала, подавсь реть ажъ у Харьковъ. Служывъ винъ тамъ спершу за дворника, потимъ за водовоза, а потимъ неначе чы кризь землю де провалывсь, чы въ воду де впавъ. Де винъ бувъ и шо винъ робывъ, того никто й не

знавъ изъ Витрякивъ. Уже черезъ два roky дѣйшла до ихъ чутка, шо Якимъ десь пьяный коло „Сабуровой дачы“ одубивъ, а ёго жинка, Марѳа, вернувшысь у ридне село та позбувавшы свою матерызну, пишла скрызъ мыркаты по свиту... И на сей день никто не знае, де вона у Бога и шо зъ нею сталось...

Якъ дизнавъ про те Максимъ Мыкытовчъ Витрякъ, то заравъ же пишовъ до батюшки, наннявъ ёго одправыты панахвѣду по „новопреставленному рабу божому“ Якиму, помьянувъ ёго, якъ требуе законъ, та писля того якъ забравсь у стару хату, якъ сивъ кинецъ стола та й задумавсь. „Отъ и другого сына у мене не стало. А чымъ и не парняга бувъ? И роботяга добрый, и здоровый изъ себе, та й розумомъ Богъ не зобидывъ, та ба! згынувъ. А черезъ шо згынувъ? Тутъ и чужый и свѣй грѣхъ: одно те, шо салдатчына, де бильше товаришивъ, и бильше простору, и бильше спокушення, вижъ дома; а друге—своя воля, безъ батька та безъ матери, шо никому ни доглядиты, ни прыпыныты. Якъ бы ще винъ бувъ чоловікъ укрѣпленный, якъ други люды, або якъ бы винъ бувъ такъ пысьменный, то, може бъ, узавъ чы святе письмо, чы другу яку кныжку та й не пишовъ бы у той проклятуцый шынокъ... И колы такы, Господы, у насъ заведется та школа, шобъ уже якъ не диты, то хочъ онуки наши учылысь грамоти та стереглысь недобрыхъ дилъ?.. Такъ... такъ, тутъ и свѣй и чужый грѣхъ: щастя чоловіка и одъ насъ и одъ людей, шо коло насъ, а надъ усими нами Богъ. Выдыме дило, одынъ Богъ. Навчы жъ мене, Боже, якъ мени жыты и якъ мени довесты до розуму другихъ моихъ дитей!..

VIII.

Такъ стратывши другого своего сына, Максимъ Мыкытовчъ Витрякъ посумувавъ-посумувавъ, а дали зновъ узавсь за дило и узавсь зъ таковымъ паломъ, неначе ёму и старосты не було. Теперь у нѣго бувъ дѣбрый помишныкъ, третій сынъ,

Петро. Цего вже не визьмутъ у москали, бо винъ бувъ на одно око слипый, черезъ шо такъ и звався на сели, Петро Слипый-Витряченко.

Петро Витряченко своєю хыттю овси не бувъ схожий ни на Охрима, ни на Якима: це парень дуже жвавий, веселый, шаркый, до роботы прыгравный, на усяки выгадки, на прыкладкы, та кумедіи великый мѣтець. Якъ де вже проявится було Петро Витряченко, чы на досвіткахъ мижъ дивчатамы, чы на лукахъ мижъ хлопцями, то ото вже тамъ стоить такой смихъ та регить, шо ажъ земля горить... Пры батькови та пры матери винъ було ходе неначе той святой, а якъ тилько батько, або маты куды-небудь одхыльнется, то винъ и не жывый, шобъ тутъ же не показаты меньчому брату, Павлу-севи, язика, а маненькій сестри, Орыси, не скривыты такой пыкы, шо вона, глядючы на нѣго, и соби скривытся та заразь же въ плачь.

— Чого це ты, Орысю?—спыта було батько.

— Та ондечкы Петро мене перекрывля та дражне!

— Пѣгре, ты все зъ вытивками! Шо ты тамъ выробляеш?

— Ажъ ничогисинько, тату! То вона не знать шо выгадуе! Мени позихнулось, и я соби рота перехрестывъ,—тилько й було...

— Та ни-бо! Ты ще обома руками мени й дули засукавъ!

— Эге, дули! То я горихъ тоби показавъ! Скажы, Орысю, на чимъ горихы растутъ?

— На чимъ же? На оришыни!

— Эге, на оришыни! А може жъ, на лицыни? Якъ ты Орыся, такъ думаешъ, шо на тоби й горихы растутъ?

Отъ такой-то бувъ той Петро. Роботяга зъ нѣго бувъ добрый; не чуты було, шобъ винъ и у шо погане укыдавсь: чы въ шынкъ заглядавъ, чы у карты гравъ, якъ оце теперъ позвыкала молбдяжъ скрызъ по селахъ гратъ, чы того зилля, шо тютюномъ звется, хапавъ. Батька та матери Петро слухавсь и поважавъ, та й меньчыхъ видъ себе не ображавъ, а тилько

инколы надъ ными глузувавъ та шкелювавъ. Одынь за нымъ тилько й бувъ грихъ,—це той, шо винъ якось-то не любивъ дома сидить: усе бѣ ёму то побиггы у лисъ, то выскочить на самый найвыщый шпыль отъ тіей горы, шо промижъ Суныцивкою та Иванивкою стоить; то затарасуватысь мижъ вильхъ, шо ростуть на болоти, ажъ въ кинци Иванивки, по той бикъ горы; то пойхаты у городъ, погындлювать та пошвендягы тамъ по тому товчку, де тамъ товчутся та бадурятся зъ ранку и до самого вечера, врычать, репетують, сходятся и расходятся усяки людци: хто зъ одежою, хто зъ чобитымы, хто зъ сластѣнамы, хто зъ бублыкамы, хто зъ чымъ попало и якъ попало. Оначе, и цѣго мало було Петрови: хотилось бы ёму дременуты куды-небудь ще подали,—чы у Таврію, чы отъ у Чорноморію. Тамъ же, Боже, и свита скилько! Тамъ-то десь можна надывытсья та набачытсья дывивъ! Тамъ десь и народъ овси не такой, якъ у Суныцивци, тамъ десь и сонце инакъ сходе, та чы такъ воно тамъ и заходе?.. Эхъ, шо то за щаслыви ти люде, шо скрызъ йиздять по свиту божому!..

Такъ ото чы ходе Петро по двору, чы молоте на току, чы ййде верхы конемъ де-небудь по полю, то все у нѣго одна думка: якъ бы ёму выхопытсья зъ дому та черконуты у Таврію.

— Шо це у насъ, тату, шо не годъ, то все плохше и плохше урожаи: ни дощивъ Богъ не дае, ни хлиба, ни травы, та й на вгородахъ мало шо вырвалы—усе повыгоряло, а оплатки за подушне усе бильше и бильше росте. Наче жъ мы, мовлявъ, и туды робымъ и сюды, а выходе...

— Все одъ Господа, сыну: Винъ одынь зна, якъ треба и якъ не треба робыть... Прогнявылы Бога, черезъ те Господъ и мылосты своей не посила.

— Упередъ було, тату, у кого-у кого, а уже у насъ по-всигда йе хлибъ, а теперь ондычкы два токы,—одынь коло клуни, а другый повыше картопляща,—и обыдва стоить пусти. Та впередъ, покы лучче мѣлось у насъ, и шаноба намъ не така була одъ людей.

— Якъ бы було зъ кымъ та чымъ, сынку! Та якъ бы здорова ще до того! А теперъ онъ, бачъ, руки уже якось-то мало слухаются. Якъ живый бувъ Охрымъ та якъ не ходывъ у москали Якымъ... Охъ, якъ же мени у груди шпыгнуло!.. И скрутно, и скрутно стало!..

— Може бъ, тату, мени питы на заробиткы куды-небудь, чы у Таврію, чы у Черноморію... Тамъ, кажуть, заробитно добре... Онъ Иванъ Кандёръ, на що підслипуватый та легкодухый парень, а й той ходывъ на роздобуткы та ще й привисъ стилько грошвы, шо каже: „мени теперъ и за ригъ не прожыть“.

— Воно шо такъ, то такъ, сынку, а тилько Таврія—це дуже далека сторона,—усе може трапиться чоловіку, а ни видъ кого й ласкового слова почуты.

— А воно жъ, тату, кажуть и такъ, шо якъ вовка боаться, то и въ лисъ не ходыть.

— Шо кажуть, то кажуть, та тилько дома усе жъ такы враще, вижъ на чужій стороні: чы захворавъ, чы спиткнувсь якъ, то тутъ и батько й маты направлять; дома, сынку, кажуть, и трискы помогаютъ, шобъ ты знавъ.

— А Иванъ Кандёръ збирается зновъ у Таврію..

— Збирается, кажешъ?

— А збирается, тату! Та ще такъ, колы не завтра, такъ сёгодня и на Харьковъ. Винъ, чуєте, якъ дійде у степъ, то заразы у байбары.

— Шо жъ це воно таке, байбары.

— Байбары? Ого винъ йвсты варыть чабанамъ та лычманамъ, шо овецъ пасуть у степу. Та за те й гребе або пъятьдесять карбованцивъ гладко, або пъятьдесять два, чы тры. Тамъ же ёму й жысть попалась!

— Такъ винъ збирается?

— А збирается жъ!

— А батько жъ ёго, Андрій, шо?

— А шо? Пуска! Иды, каже, помижъ людей, ума набырайсь, заробляй гроши та до дому прынось.

— Гм! Треба про це з старою поговорити.

— Та я вже балагавъ, такъ маты кажуть, якъ батько.

— Ну, добре! Подожды, сынку, до завтрёго: шо скаже ранокъ, те й буде.

Довго думавъ старый Максимъ Витрякъ. И такъ винт прыкне, и инакъ; выходе: и се и не те. Воно, правды ниде диты, годы теперь дуже трудни: одно те, шо старіюся кришко,—уже й руки не такъ служатъ; друге те, шо отъ уже третій рикъ, якъ у насъ урожайвтъ нема,—не дае Господь Богъ дощю; а трете те, шо за подушне кришко тягнуть,—тамъ знать ничего не хотять,—подай та й квытъ! хочъ кровъ зъ носа. А шо ты тутъ дасы, колы ніякъ не стигнешся на гроши; ондечкы давно вже треба стару хату пересыпаты, такъ и не кажы... И сутужно, и сутужно жъ! Ще якъ я ставъ на свить, такъ такого не бачывъ: то овси ничего нема, а то хочъ и зароде Господь, такъ омолоть дуже плоха. А тутъ ще дорожвеча на все... Ну, и пустыть хлопця тежъ не зовсимъ гараздъ: молодой, дуже баскый, попадется ледачымъ людямъ, ще въ биду яку ускоче... Онъ Охримъ та Якимъ и не таки выхватни булы, якъ Петро, а бачъ шо зъ нымы зкоилось. Охъ, сыны мои, сыны мои!.. И впять же жъ не пустыть! Шо жъ винъ тутъ, дома, заробе? Осё-сь незабаромъ выйде изъ волости старшына,—подушне дай та подай, а ёго нема. То все такы якъ заробе, то якась полегкисть буде... Ну, шо Богъ дастъ, те й буде: нехай зъ Богомъ иде...

Тавъ усю ниченьку и проморочывся Максимъ Мыкытовичъ, перевертаючысь зъ одного боку на другой та все думаючы, якъ бы ёго не зробить и соби и сыноби якого лыха. А якъ тилько почало на свить займаться, старый Витрякъ уже и вскочывъ на ноги, уже й пидъ повитку прыдыбавъ, де спавъ Петро.

— Петро! Петро! Чы ты тутъ?

— Тутъ, тату!

— Ну, якъ шо вже маешъ охоту иты на заробиткы, то йды,—нехай тоби Богъ на все добре помага!..

Не довго збиравсь Петро. Узявъ винь невеликый мишечокъ, положывъ два кускы сала, чымало сухаривъ, дви чы три сорочки, одни штаны, заховавъ за халяву три карбованьци грошей, почепывъ мишовъ черезъ плече, узявъ у руки ципокъ та й подавсь. Батько та маты выйшли провожаты ёго геть ажъ за село, мало чы не до Метелька, и тамъ уже якъ прощались зъ нимъ у останній разъ, то й хрестылы ёго, и прыказувалы ёму, шобъ, якъ прыйде до миста и якъ найметься до кого, то шобъ найсаме-впередь напысавъ имъ лыста про свое здоровья; а якъ жытyme у кого, то шобъ не пустувавъ, хазяина слухавсь, чужого ничого не займавъ, гроши по дурному не проводывъ, зъ ледачымы товаришамы не братавсь, шобъ льбонь не навчывсь чому поганому та черезъ ныхъ не присипалы за те, чого й не бачывъ и не чувъ...

Отъ и пишовъ Петро, и пишовъ, скільки выдко. Батько и маты ёго пиднялысь на високу могылу, дывляться ёму у слидъ та все хрестать дорогу, та все пеночуть молитвы...

Прошло зъ пивмисяця. Ось Витрякъ уже й лыста одибравъ одъ свого Петра. Пыше Петро, шо винь пройшовъ усю Катеринославщыну и половину Таврии и сягнувъ ажъ до города Марнополя (се бъ то Маріуполя) и тамъ нанявсь до якогось-то пана за отамана. Панъ—добра людына, а пани ще добрійша. Ставъ винь у строкъ до Покрова ажъ за пъятьдесять за пъять карбованцивъ, а работа ёму такъ: то въ степу, то въ току, коло машыны, а то зъ пшеницею та зъ жеребцями у Бердянку на ярмарокъ. Тамъ-то, у тій Бердянцѣ, усякыхъ дывивъ! Тамъ и цыгане, и нимци, и кгрекы, и вирмены, и татары, и туркы, а наибильшъ усёго жыдивськой хевры. Та все народъ промысловый та комерчеськый! И торгъ тамъ такый иде, що ажъ усе выпыть. Отъ тамъ-то саме люде жыву копѣчку добувають!

Прошло вже и лито. Ось и Иванъ Богословъ, колы суньцяне храмують у своёму сели. Ось и свята Покрѣва на двори. Незабаромъ пилса Покровы зъявывсь до-дому и Петро Витряченко. Шо то вже радощивъ було, якъ побачылы ёго батько та

маты! Не знаютъ уже, вуды ёго и посадовыть; не знаютъ, шо ёго и спытать; не знаютъ, шо ёму и сказать. Вернувь Петро, дякуваты Богу, и здоровый, и щаслывый, и зъ гришмы, и зъ подарунками. Усихъ, геть чысто всихъ удовольнывь и никого не забувь. Гроши, шо заробывь, отдавь батькови. И весело, и радисно було старому Витряку, шо у нёго такой моторный та бравый сынъ: и промижь людмы побувавъ, и батька та матиръ не забувь, и гроши уси до-дому прынисть.

А на села уже давно пробигла чутка, шо Петро Витряченко до-дому вернувь, и шо винъ багато подарункивъ прынисть, а шо вже грошей, такъ и не переличыть... И ставъ Петро Витряченко у великй моди на села: парубкы зъ нымъ братаются, дивчата,—дарма, шо винъ на одно око слищый,—до нёго, якъ ти ластивкы, зальцяются. Якъ выйде винъ оце у вечери на вулицю, то коло нёго такъ заразъ и збижытса юрба хлопцивъ та дивчатъ. Тутъ винъ и почне всихъ учыты новыхъ писень, шо чувъ самъ десь у далекий Тавриі. Поберутса за нёго хлопци та дивчата, одни зъ одного боку, а други зъ другого, та й ходять по вулици у-ночи, ходять та все спивають писни,—не сыдятъ тамъ де-небудъ, чы на прызьби, чы на левади, пидъ вербамы, а вже по-новомоднёму, ходять по вулици, та выводятъ писни та ще й выводятъ яки?

Та за ричкою, та за перевозомъ,
 Думала, думала, думала, подумала,
 Тамъ цыгане пылы та гулялы,
 Думала, думала, думала, подумала.
 Ёдынъ цыганъ не пье, не гуляе,
 На цыганку скоса поглядае.
 Ты цыганко, ты моя боханко,
 Думала, думала, думала, подумала.
 Ты, ёддай же ключи золотіи,
 Думала, думала, думала, подумала.
 Ёдимену я сундувы новіи,
 Думала, думала, думала, подумала.

Та й выйму я тысячу цилковыхъ,
 Думала, думала, думала, подумала.
 Та й выкуплю себе изъ неволи,
 Думала, думала, думала, подумала.
 Не разъ не два тебе выкупала,—
 Думаю, думаю, думаю, подумаю.
 Въ виконечко видъ тебе втикала—
 Думаю, думаю, думаю, подумаю.
 Въ вышневимъ саду сама ночувала,—
 Думаю, думаю, думаю, подумаю“.

Отакъ усю ниченьку ходе було Петро Витряченко по вулицы, а за нимъ уся ёго капелія, та все спивають нови писни та й зъ языка ихъ не спускають. Проспивають одну, тоди почнуть спивать другу; проспивають другу, почнуть спивать третю. Писля того, якъ уже вси добре наспиваются, Петро почне прыставлять „усяку усячану“. Почне показувать, якъ паны чай пьють: „винь, той пань, сёрбне чаю та й балака, сёрбне та й балака, а якъ я, кѧе, то якъ допадусь, такъ наче виль до калюжи: штукъ пятнадцять стаканівъ одразу опорю“... Дали почне показувать, якъ паны танцюють полькы, або кандрѣли, та озьме у руки ослинъ та й танцюе зъ нимъ, наче зъ панею. Тутъ же „прывставе“, якъ яка-небудь пани, роспустывшы хвоста, неначе той индыкъ, ходе по кимнатахъ та все оглядаеця на свій хвистъ та все любуе ёго; або якъ яка-небудь панночка ходе по свитлыци передь панычамы та все видмахуеця платочкомъ, а сама, буцимъ то и не вона, зачепе имъ якого-небудь паныча та ще й „мерсыкне“ ёму. Писля усёго того Петро визьме де-небудь рогачъ, ляже середь дороги у-нызъ носомъ та й каже:

— А-нуге, хлопци, поставте мени оцей рогачъ поверхъ шыи, такъ шобъ винъ осидлавъ ии зверху, якъ йиздець коня, та держить крицко, яко мога, крпико, чы я вывернусь зъ-пидъ нѣго, чы ни.

— Отъ же не вывернешся!

— Отъ же вывернусь!

Томъ 72.—Февраль, 1901.

Отъ и визьметса за рогачъ якый-небудь найздоровійшій хлопецъ, навьне ёго на шыю Петру та ажъ кречче та держыть ёго. А Петро лежыть пидъ рогачемъ та тилько руками воде по земли. Воде, воде, а потимъ якъ пійма того хлопця за ногу та напругомъ якъ сипонé ёго до себе, то хлопецъ зъ рогачемъ такъ и полетыть стовбурá на дорогу та ще й разивъ тры перекынется черезъ голову. Смиха тоди наробе такого, шо ажъ вулыця застогне одъ реготу!.. Покрыне Петро рогачъ, выйме изъ кышени колоду картъ, перемастыть ии, пиддывытса крадькома, яка карта ляже на самый спидъ колоды, та тоди й каже:

— А ну-те, хлопци, або вы дивчата, я оце одверну назадъ голову, а вы выбырайте карту, яку любля, та кладите ии на спидъ колоды, то я ту саму карту, яку положыте, и выкыну вамъ.

-- А-ну я!

— А-ну я!

— Та кладите, хто хочъ!

Отъ якый-небудь хлопецъ и давай класты карту на спидъ колоды. А Петро стоить, одвернувшы назадъ голову, наче бъ то и не винъ. Потимъ того, якъ почне перекыдаты карты, якъ почне—усе по купкамъ, усе по купкамъ; перекыда, перекыда та й выкыне ту саму, шо парубокъ положывъ на спидъ колоды. Тоди-жь и дыва наробе такого, шо неначе винъ выпустывъ на небо мисяця изъ своего рукава. Такъ округъ уси и обгорнуть ёго! А винъ стоить та ще й приказуе:

А сходьтесъ, молодци, а сходьтесъ!

Рады послухаты, табакы понюхаты!

А сходьтесъ! А сходьтесъ!

Я, маненькый хлопчыкъ, родывсь въ вивторчыкъ,

У середу рано до школы отдано...

А сходьтесъ! А сходьтесъ!

— Хлопци, а чы зуміе хто зъ васъ выпыты чарку горилкы, не бравшы ии въ руки, та ще й кынуты ии геть видъ себе черезъ голову?

— А якъ же ты ии выпьешъ, якъ не визьмешъ у руки? Хиба хто ввиллè тоби въ ротъ?

— Я й выпью!

— Овва!

— Выпью!

— Не выпьешь!

— Ось посылай за пивквартою до Чубарка!

— А якъ же не выпьешь?

— Самъ куплю цилу кварту!

— Ну, гляды-жь, самъ поминывсь кварту купить.

— А самъ же и поминывсь!

Ось парубокъ метнувся до шинку; ось принисъ винь и пляшку горилкы и чарку. Постановывъ чарку на землю, наливъ у ню горилкы та й дывытся, якъ то Петро буде пыты зъ неи горилку. А Петро ставъ на-вкюлюшкы, заложывъ назадъ обы-двѣ руки, нагнувся нызенько до чаркы, роскрывъ широко рота, узявъ чарку въ зубы, видкынувся назадъ головою та такъ повагомъ и выцидывъ усю горилку, до капелюшечкы. И потимъ того прутко мотнувъ головою и перекинувъ черезъ голову чарку та прямисенько въ пыку тому хлопцеви, шо принисъ горилку.

— Отъ дыковына, шо свыня не кована! А шо, чы бравъ я въ руки чарку?

— Ни, не бравъ!

— Э, такъ бы й я выпывъ!

— А хто жъ тоби не веливъ?

— Такъ якъ бы жъ ты сказавъ!

— А може бь ще й писню проказавъ?

— Яку писню?

— Та хочъ бы й таку:

Сунцивськи парубкы пойхалы на вловы,
 Та вловылы комаря та повезлы до пана,
 Сталы суды судыты, якъ комаря дилыты:
 Сёму тому по стегну, а Йванкови голова,
 А Йванкови голова—ёго дивка безъ ума,
 А Васылку телеса—ёго дивка нечоса,

А Семенку та нижка,—ѳго дивка, якъ вишка,

А Петрови тулубецъ, шо хорощый молодець...

Прыказуе, прысвистуе, выляскуе руками и тутъ же зновъ налье чарку горилки, зновъ визме ии у зубы, перехылытся назадъ головою та такъ усю до крапельны и вытягне, та ще й языкомъ зробе такъ, мовъ винъ чымъ-небудъ, самымъ ласымъ та смашнымъ, закуское, а потимъ упъять за прыказки.

„У Семенка на носу йидять чорты ковбасу“.

Скочывъ козель на нашъ тикъ,

Та вытоптавъ винъ часныкъ,

Ще й чорную чорвущку,

Зеленую петрушку,

Ще й червони бурякы,

Наши хлопци козакы,

Сувныцивськи дуракы“.

Покыне Петро хлопцивъ, та до дивчатъ: выхопе у якомъ крадькомъ изъ-за пояса хустку та соби ии въ кышеню.

— Слухай, Петре!

— Петра дома нема!

— Та ну-бо, Петре!

— А шо, ну?

— Виддай бо назадъ!

— Та шо таке?

— Та хустку!

— Яву хустку?

— Та ту, шо вытягъ зъ-за пояса! Оддай бо!

— Та яку хустку? Я выдать не выдавъ, чувать не чувавъ, слыхать не слыхавъ! Ходывъ я де-що и гомонивъ про що, а щобъ я хоть що, або або-що, такъ нехай мени казна що, отъ що, а не то що! А ты кажешъ, шо що, або або-що!

— Хи, ты бисивъ парубокъ, це чысто зъ нымъ кумедія та й годи! Ты ёму одно, а винъ тоби друге! Ты ёму говоры, а винъ тоби каже.

А Петро ничего того й не чуе та зновъ за свои выгадки. То розкаже винъ про царя Гороха, того, шо голова горохвяна, очи цыбуляни, нисъ буряковий, руки капустани, а ноги изъ зеленыхъ стеблынъ крученыхъ сунуцивськыхъ парубкивъ (замистъ „крученыхъ панычивъ“). То розкаже про те, якъ баба Хымка Дудукалка, родыма видьма, ходыла до панського ставка праты сорочки та нагнулась до воды, а у неи изъ пидъ чорной охвоты высочывъ невеличкый хвостыкъ, а Петро хотивъ пиддывтыся та на одно око и ослипъ. Отъ матери ёго Тарасъ!

— Ну, цёго Витряченка и до свита не переслухаешъ! О, бодай тебе морока преставляла! зарегочутся хлопци та дивчата та й ну розбигатысь до-дому зъ вулицы.

— Хлопци, хлопци, дивчата, пидождите! Я ще шось вамъ розкажу. А хто зъ васъ одразу може потрощитъ цилый хунть сахарю, зъисты цилый кусокъ сала, а на закуску закусыты двома оселедцями! Хто може?

— А ты хйба пробувавъ?

— А якъ же ты думавъ?

— Такъ сёгодня жъ, люде кажутъ, пъятныця.

— А якъ пъятныця, то шо? Хйба якъ, хйба шо, хйба грихъ, чы що?

— Та докы сёго буде? Ёго й за тры дни не переслухаешъ!

— Слухай, Петре, виддай мени пъятака, шо зъ кышени вытягъ.

— Якого пъятака?

— А шо заразъ зъ кышени вытягъ?

— А на що тобі, такому розгамузи, тава сумà грошей? Гроши—сыла у розумного чоловіка, а ты що?.. Визьмы тры копійкы.

— А ще жъ дви.

— То вже нехай собака погавка!

— Це якъ же жъ воно?

— А такъ: визьмы, колы хочъ, два пъятака! Та тилько шо ты зъ нымы зробишь? Ты мени дай гроши, такъ округ мене усе ажъ зашумыты!.. Хлопци, хлопци, а хто зъ васъ пройде такъ, шобъ пъягамы упередъ?

— А мы плятамы назадъ та й до-дому! Тебе й до свита не переслухаешъ!..

Такъ отакый-то хымерный та невгаючыый бувъ той Петро Витряченко. И скривъ и завше такый. Оде хто зимою воде по селу козу? Петро Витряченко! Зробе зъ хвостомъ, зъ рогамы, зъ чотырма ногамы та зъ мочуляною бородою козу; потимъ до неи довгоносого, цыбатого та высоченного журавля, знайде два, або тры бубны, збере коло себе цилу юрбу малыхъ хлопцивъ, та тоди и гайда гвнчуваты скривъ по селу. Та бижыть по вулицы та выгадуе усяки вытребеньки, та такъ и сыпле одъ себе веселоци та жарты, неначе хмиль изъ рукава. „Шо це воно такого? Шо це такого“? „Петро Витряченко козу воде!.. Тутъ, Боже мій, скільки народу збизытятся на таке диво! И чоловизивъ, и живоцтва, и парубоцтва, и малии дитворы! Хи, матери ёго хыря! Тутъ шо смиху, шо реготу, шо врыку, шо галасу, шо выгадокъ, шо вытывокъ, такъ чысто тоби ажъ уся вулиця гуде... А Петро танцюе козою та хвистъ у-гору задыра та мекекека, та трусе бородою, та пиднима то одну, то другу ногу та ще й то... морока ёго зна, й шо... А журавель соби! Танцюе коло козы та довбе ии по голови та прытуля свій хвистъ до ии хвоста та все танцюе, усе танцюе, ажъ покы коза не брыкне ёго ногою такъ, шо винъ и ноги вытягне на снигу, а носомъ пробуртыть снигъ ажъ до самой земли. А капелія малыхъ хлопцивъ, шо йде за козою та журавлемъ, шалено бубонуть у бубны, спива „kozyнячу“ писню та соби танцюе:

Пане господарю, Господь зъ тобою,
 Господь зъ тобою, идемъ зъ козою!
 На гори коза зъ козынятамы,
 Въ долини вовчокъ зъ вовченятамы.
 Де взявся вовчокъ, за козу чокъ-чокъ!
 А вовченята—за козынята.
 Де взявся зайць—ставъ козу лашть:
 „Дурная коза, нерозумная,
 Своимъ диточкамъ не господыня,

Своихъ диточокъ та й не кормыла,
 Раннёю росою та й не поила".
 Вхопыла серпокъ—побигла въ лисокъ,
 Нажала травыци зъ овсяный снопокъ,
 Своихъ диточокъ та й накормыла,
 Раннёю росою та й напоила...

Отакъ скрызъ, зъ одного села та до другого и пройде Петро зъ козынячою комедією, зъ спивамы, скокамы та играш-камы.

— Ну й сибирный же хлопецъ, цей Петро Витряченко! И чого тилько винъ не выгада, такъ урагова ёго й маты зна! оце скаже якый-небудь сусидъ, або Иванъ Крыженко, або Иванъ Вовченко, довго дывлячысь на вытивкы Петра.

— Эге, ще й не таке, добродіи, буде! Це винъ ще не вси рбзрывкы взнавъ, а якъ дивна вси, то... Тилько глядять, якъ бы ци смішкы та играшкы до чого лыхого не довели Петруса!.. Якъ бы воно не сталося зъ нымъ, якъ тамъ кажуть: упавъ зъ вышни, та піймавъ черешню...—прошамка на таки слова стара баба Дудукалка та ще й на бикъ скрываются, не-наче той грихъ.

— Не такій, бабо, хлопецъ: ёго дванадцять товкачывъ улучало, та ни одынъ не влучывъ! Цей, кому ззавгодно, прышвы прышые.

— Нехай до якого часу, а тамъ якыйсь товкачъ и ёго такы влуче...

— Винъ, кажуть, бабо, хутко у купци запышется, якъ шо вже й теперь чы не купецъ.

— И я така купчыха, якъ винъ купецъ! И кризь пятеро штанивъ выдко, якого винъ колина...

А Петрови и гадкы нема до того, шо тамъ про нёго балакають на сели: якъ настане масныця, то хто носе ото по селу на высокой коляци колесо та спива зъ дивчатамы веснянокъ? Упъять же такы ништо, якъ Петро Витряченко.

А уже жъ весна, а уже жъ красна,
 Изъ стрихъ вода капле, изъ стрихъ вода капле,—

Козакови та Петрови

Мандривочка пахне, мандривочка пахне,
Мандривочка пахне!

И справди, якъ тилько настала весна, такъ Петрови й шкода; такъ и потягло ёго чкурнуть куды-небудь, або въ Таврію, або въ Чорноморію.

И Петро уже чкурнувъ...

Литомъ Петро уже упьять десь тамъ мижъ нимцями, жыдамы, цыганами, кркеками та вирменами, а на Покрову винъ заявляється до-дому. Тутъ упьять винъ прыносе зъ собою и грошый, и подарункивъ, ще й прыводе панську собаку зъ „ожерелкомъ“ на шыи, а до тіей собаки ще й добре „ружжо“ и до „ружжа“ усю прымусію; самъ уже ходе „пры часахъ“ и не въ свыти, а въ „пинжаці“, або въ „жукетці“, и не въ шапці, а въ пльсовому картузи; носе уже не полотняни, а суконни штаны и рантови зъ рыпомъ на высокыхъ закаблукахъ чоботы; куре не люльку, а панськи папирсы; зна, шо таке ромъ и шо таке „коняка“ (се бъ то коньякъ), а изъ себе выдае уже бильшь на купця, ніжъ на мужыка; уже де-хто такъ велыча ёго не Петромъ, а Максимовычемъ. Други-прочи хлопци, шо вертаются зъ заробитокъ, прыходятъ до-дому частенько и голи, и боси, и безъ копяхы грошей, а Петро Витряченко, той не такъ: винъ и самъ прыодягнется добре, и батька та матирь отъ якъ гришмы звеселить, та й передъ парубками та дивчатамы покаже себе такъ, шо всимъ оскому на зубахъ набье; особлыво якъ почне закъдаты або на нимедькый штатулъ, або на цыганську герготню,—одного спыта: „Вась махтеръ“? другому скаже: „худъ мордень“, а третёму: „Не ходы въ калантыръ, не пый цыпундры, не грай на баяндрасахъ“...

Одначе, далеко не вси сусиды вирылы Петрови: де-яки, дывлячысь на те, якъ винъ „пры часахъ“, зъ рушныцею та зъ собакою, идё на полювання, тилько кывалы у ёго сторону головою та потыхеньку осмихалысь. А найбильшь усихъ моргала на Петра своими гадючымы очыма баба Дудукалка, родыма видьма.

— Ой, гляды, хлопче, якъ бы ты часомъ не скопытывсь! Бо шось дуже вже ты почавъ брышкаты! И не таки кони бувають, та спотыкаются... Поменьше бь пащыкувавъ, то краще було бь... Онъ бувъ у твого батька, Витряка, и Охримко, бувъ и Якимко, та выйшло зъ ныхъ одно пхе. Ичь який иде напидюченый! Отъ тожъ недаромъ кажуть, шо теперь уся люде паны посталы, а свыннi никому пасты, то воно й правда. И хочъ бы вже бувъ парубокъ, якъ парубокъ, а то, скарай Боже, на одно жъ око слищый, а ты бачь!.. Та чы жъ на трудовани гроши воно добуते, оте, шо на тоби йе? А якъ вы знаете, доброди, чия оце на ёму уся одежа? Га? Або жъ то й справди ёму даремно дають?

— А бачъ же, бабо, дають!

— Ото жъ мени й на вдывовыжу, шо де винъ грошей таку суму бере, шо убранпя на нёму, якъ на панычеви.

— Та винъ же каже, бабо, шо на Дону рыбу ловывъ, черезъ те й здобувся.

— Эге жъ! А зъ якои руки ловывъ? Чы не зъ ливои часомъ?..

Та й самому Максиму Мыкытовичу Витряку шось не овси до вподобы було те, шо ёго Петро прыходывъ до-дому зъ панською собакою, зъ рушницею та зъ годиннымкомъ, шо винъ ходывъ у пиньжади та въ суконыхъ штанахъ, ще й въ пльсовому картузи.

— Слухай, сыну, по правди тоби сказать, мени не дуже то до вподобы те, шо ты прыходышь до-дому такой убраный, неначе той павычь.

— Такъ мени жъ, таку, инаьше не можна,—у мене дило таке.

— А яке жъ у тебе дило?

— По комерцив, тату! Я вже теперь, якъ прыхожу у Таврiю, то мене вси тамъ знають; тамъ уже де продать, де купыть, де проминять, то вже безъ мене ридко колы дило обходьтся; черезъ те мени, тату, уже якось-то нiяково ходыты у свыти та въ мужыцькiй шапци. Паны, де я жывъ, такъ таку

уже совість узялы, шо, було, якъ посылаты мене куды у ярмарокъ, то дають мени не визъ и не брычку зъ колыскою, а визокъ зъ табуркою, а кони такі, шо ажъ кыплять, ажъ мыло зъ выхъ пада. И якъ йихаты мени, то я вже надиваю на себе не свыту, а жукетку,—надину та ще й почухаюсь. А якъ посяду на визокъ йихать, такъ одно слово, верстовъ симъ пробижу, неначе насиння злучу жменю... Якъ хочешъ ламать дила, то бильше пылу у вичи пускай... Воно серизъ такъ помижъ купцивъ та панивъ поводитъся,—я це теперь товсто урзумивъ... Воно, тату, якъ-бы мени оце де-небудь доскочыть копыталу, карбованцивъ п'ятъсотъ, або хочъ, на малу миру, двисти, то я бъ таку завивъ комерцію, шо куды тамъ къ лыхій годыни и нашому Кастієну Петровычу Чубарку!.. Та я бъ ни за шо мавъ и не такыхъ, якъ Чубарокъ... Я мижъ чужымы людмы ухвалывъ лучче жыть, нижъ мижъ своимы,—та—якъ ото Таврычеська сторона: народу тамъ далеко меньчъ, нижъ у нашому краю, а простору того... хи! Куды вамъ! Отъ де добра можно доскочыть!

— Охъ, гляды, сынку! Краще бъ тоби праціювати коло плуга, та коло сохы, нижъ коло тіен комерціи. Съ чого хлибъ йисы, того й гляды. Наше щастя не въ комерціи, а въ хлибробствіи.

— Шо жъ, тату, коло плуга та коло сохы? Не втикъ, не піймавъ! Ось вы уже килько рокивъ праціюете коло плуга та коло сохы, уже и руки у васъ черезъ роботу поплюсклы, а хиба вамъ не выпада такъ, шо инколы ніякъ и за подушне знесты?

— Выпада, сынку! На те воля Божа! А все жъ я тоби скажу такъ: хто зъ чымъ рожденъ, той на те й гожденъ.

— А якъ же жъ, тату, хиба багати купци та все зъ купцивъ? Ось хочъ у насъ у Харькови, купецъ Пащенко? Та винъ же жъ зъ такыхъ, якъ и мы зъ вами. Тутъ яка кому лынія упаде, якъ чоловікъ родытся на свить... Хиба я у Бога вальшнѣго кабана вкравъ, чы шо?.. Эге, мени бъ тилько де-небудь копыталу добуть, а то-бъ я зароборывъ! Я бъ и справжнимъ

купцямъ носа утеръ... Та що? Не то шо копыталъ, а якъ бы хочь добра спроможность, то я бъ не тягавсь по гнояци отутъ, а забравсь бы десь туды, де й совы очыма не лупають...

— Эхъ, сынку, сынку, не жадуй! Багатый не той, хто багато мае, а той, хто всѣму миру знае. Шо, багатство? Мана и тлинь, —бильшь ничего! Головне—совість.

— Совість, тату, совістю, а якъ прыйде пора зноситы подушне, то тутъ уже однією совістю ничего не поробышь, а треба десь и грошій роздобувать.

— Це, сынку, ще не-съ-такъ велька беда: де сокыркою цюгнувъ, де ципомъ помолотывъ, де тягломъ, чы сказать, скотынкю, поробывъ, отъ и все горе розвивъ,—абы було чымъ та съ чымъ. А то такъ у наймыты до нана Голованя: трыдцять два карбованця на годъ, та ще й одна штука у панській череди. Отъ и буде намъ, такъ шо слава Богу, чымъ заратуватись.. Намъ, сынку, не пышно, абы затышно!..

— На шо жъ мени, тату, у наймыты йты, якъ у мене есть кебета въ голови? Адаже жъ кажутъ, якъ маешъ таланъ, то не загортай ёго у землю, а робы такъ, шобъ у тебе стало въ одного та два... Шо мени та сокыра? Шо мени той ципъ, шо за день не бильшь копы зробышь? Для мене, тату, друга робота есть.

— Ну, робы, сынку, якъ самъ, здоровъ, знаешъ, а тилько отъ шо: робы чесно та совисно, а головне—не задры и не жадуй. А то ондечкы Васыль Полушка пожадувавъ та й у тюрягу попавъ.

— А шо ёму, тату, та тюряга? Теперь, кажутъ, иде въ тюрьму—плаче, а йде зъ тюрьмы—скаче... Мени, тату, чуєте, якъ бы копыталъ, то я бъ и не задрывъ и не жадувавъ, —я бъ знайшовъ за яке мени дило зачепытсья; я бъ шеменувъ такъ, шо!.. Отъ хочь бы товариачи гурты,—хиба це, тату, не дило? Теперь у насъ, тутечкы, быкы ни по чому, а ондечкы у Тавріи, ажъ пыщать та ніякъ не можуть ихъ занедаць. Тутъ купы, дожены до Мариополя, чы до Бердянкы, продай,—отъ уже й гроши тоби, та ще й яки гроши? Сотъ тры

одразу стягъ та й паномъ дило живе. А тамъ, продавшы бы-
кывъ, повернувь та купывъ пшеници та на Кубань и зновъ
продавь,—туть тежъ копійку прирдавь... А дали и за трете
яке-небудь дило зачепывсь,—не все жъ за одно: чы на чавунку
поставу, чы панамъ заводськыхъ жеребцивъ. Вы, тату, и не
подумаете того, якъ добре зъ тыми панамы дила ламать! Одно
те, шо панъ никола не торжытся за копійку: винъ надае сто
карбованцивъ, а потимъ одразу набаве п'ятъдесять; а друге те,
шо винъ, якъ уже шо продасть, такъ не вдержытся одъ того,
шобъ не побенкетувать... Эхъ, жысть наша мотузьяна! Шо це у
насъ за жысть?—Отъ тамъ жысть, такъ жысть,—у панивъ та
у купцивъ! Тамъ и ласо пойисты и хороше походыты. Люблю я
те все йисты та пыты, шо йидать та п'ють господа!.. Якъ бы
грошей до сына, то я бь... Я теперь товсто урозумивъ дило...

— Не тоби бь, сынку, таке казать, а не мени бь таке
видъ тебе слухать! Бережысь, якъ бы таки мысли та не пере-
ценылы тоби дорогу до Бога!.. Я бачу, у тебе въ сердци ягась
нечысть сыдыть.

— А хйба, тату, и у всихъ панивъ, якъ вони такъ ласо
жывуть, тежъ нечысть у сердци сыдыть?

— На панивъ, сынку, не потурай: ты бильшь на себе
дывысь. Паны, колы ласо жывуть, то вони звыклы такъ жыть,—
имъ те байдуже; а мужыкъ, якъ почне по-панськи жыть, то
ото вже й погыбель ёму...

ІХ.

Не до смаку було Петрови слухаты такы речи батька, и
винъ однимъ вухомъ слухавъ, а черезъ друге выпускавъ геть.
Выдко було, шо у него засилы въ голови якись-то дуже великы
думкы, шо не давалы ёму и всыдыть на однимъ мисти...

Такъ мынула зима, настала весна, и Петро зновъ подавь
у Таврію, та ще й подавься якось такъ, колы батька и дома
не було, а була тилько сама маты.

Старый Витрякъ, хочъ уже й звыкъ до мандривокъ Петра, але у це лито винъ дуже чогось ёго жде. Оце, якъ помыне лито, а зъ нымъ вернется до-дому и Петро, то теперь уже годи ёму швендять по заробиткахъ,—теперь, хвалыты Бога, лучча доба настала, такъ шо й дома йе надъ чымъ попрацювать, та треба уже подуматы и про те, шобъ одружыты Петра. И шо це у нёго ци дни Петро зъ головы не йде? Такъ, шо бь винъ ни думавъ и шобъ ни робывъ, а Петро у нёго ось передъ очима, пеначе живый, такъ и стоить. Хоче старый позвать свого Павлуся, а клыкне Петра; почне балакаты зъ Марусею про дочку Орысю, а нагада й про Петра.

— Шо це мени, стара, Петро не йде зъ головы?

— Та колы хочъ, старый, то и я оце чогось усе про нёго думаю: цю ничъ та якъ же й погано винъ мени снывсь, шобъ ты знавъ!

— Колы бь, стара, якого лыха зъ нымъ не скоилось!

— Боронь насъ, Боже, видь того! Чы вже жь такы зъ насъ мало того лыха, шо було? Чы вже жь такы усёго лыха, яке есть на божому свити, та не можна роздылыты промижь усихъ людей, шобъ воно досталось не одному чоловіку, а всимъ по троху? Тилько шо видпочылы видь лыха, колы це зновъ уставай та прочынайсь. Та нехай на нёго пипъ зъ кадильныцею, на те лыхо!

— Эхъ, стара, стара! Покійный мій дидь, шо живъ у Котлубуси за пасишныка, такъ той любывъ говорить: „казало лыхо, шо добра не буде“... Такъ-то, стара! А проте—воля божя: може, Богъ дастъ, ось, якъ не выдко, нашъ Петро и до-дому буде...

Такъ помиркувалы мижъ собою стари Витрякы, перехрестылысь та перосходылысь по своихъ куткахъ.

Було такъ уже на сходи лита, коло Пречыстои, а тилько стояла страшенна спека: такъ пекло, такъ криво палыло, шо ажъ лысты на деревьяхъ скручувалось. То, якъ тамъ казалы, сонце прощалось зъ литомъ.

Максымъ Мыкытовичъ Витрякъ успивъ уже перевезты килька тамъ возиръ нового жыта и вложывъ ёго у влуни и

ото заходивсь, шобъ перепустыты килька тамъ випъ. Выривнявъ винъ середь клуни тикъ, наклавъ рядокъ снопивъ та й бье ихъ ципомъ. Коло нѣго тутъ же мотаються ёго меньши диткы, хлопчыкъ Павлусь и дивчынка Орыся; одынъ выгриба зъ клуни кучечками солому, а друга насажуе у рядкы снопы батькови пидь ципъ. Мотается дитвора коло батька та тутъ же й щечече ёму, — Павлусь про те, якъ винъ, якъ водывъ коней пасты у недилю пидь Байракъ, та дравъ у лиси зъ хлопцями граченятъ та варывъ зъ ныхъ кашу, и ява була солодка та каша зъ граченятамы; а Орыся про те, якъ вона, ще въ литку, умисти зъ великымы дивчатамы, несла марену до ставу та топыла ин у води та писля того спивала зъ дивчатамы жъ усяки писни.

— А якыхъ же ты тамъ, доню, спивала писень?

— Усякыхъ спивала, тату!

— Ну, та якыхъ жъ?

— Та спивала:

„Якъ прыйхавъ мій мыленькій зъ поля,

Та привъязавъ коня до порога“.

— А ще якои?

— Багато жъ, кажу, тату, спивала! Ось и цїен:

„Гей, у лузи калына, чомъ не рано зацвила?

А на тїй же калыни сыдыть мале соловья,

Та ниhto жъ того соловья, та ниhto ёго не пїйма.

Налетили соколы зъ чужой дальвей стороны,

Взялы, взяли соловья та на крылечкы свои“.

— Хто жъ тамъ найлучче всихъ спивавъ?

— А хто жъ, тату, якъ не Марїйка Гекова!

— Та це жъ твоя прятелька?

— А вже жъ!

— Та чы вмїе жъ вона ще спивать? Я чувъ, шо вона овси и не тїме спивать...

— Шо це вы, таточку, кажете? Це на неи такъ нанесено! Та вона тава спивыва, шо проты неи ни одна дивка у Суньцивци такъ не заспива.

— Не заспива?

— Не заспива!

— Ну, якъ же жъ вона спива?..

Тутъ Орыся покынула тягаты снопы, стала середъ клуни та й давай спивать. Спива та выводе, та такъ выводе, та такъ пиднима голосокъ, шо батько, дывлячысь на неи, увесь берется веселымъ смихомъ, самъ радіе серцемъ та розцвита душею... Ёму здається, шо й винъ такый же малый, якъ ёго мала дочка... А вона черезъ те ще выще пиднима голосокъ та ще голоснійшь выводе...

— А стривай-лышень, донечко! Шо це воно неначе дзвоникъ дзеленьчыть десь на вулицы? А побижы-лышень та подывысь, шо воно тамъ таке...

Орыся перестала спивать, метнулась на вулицю и черезъ хвыльнку прыбигла зновъ у клуню; прыбигла, а сама и слова не вымове.

— Шо тамъ таке? Шо тамечкы таке?

— Охъ, таточку—голубчыку! Тамъ... тамъ понайхало скільки панивъ, зъ яснымы гундзыкамы, а коло панивъ скільки людей, и тамечкы... нашъ Петро стоить, прыв'язаний до оглобель...

— Якъ, Петро? За шо?—не скрыкнувъ, а якось то ажъ неначе простогнавъ Витрякъ, а самъ такъ и охолонувъ, якъ кам'яный мраморъ, и духу ніякъ не може перевести; прытульвъ ливу руку до грудей и зробывсь увесь бильй, якъ стина; руки, ноги, голова у борода такъ и затрусылись у него, а языкъ неначе прырись до зубивъ: хоче винъ сказаты слово, а самъ ни жодною мирою не може сказать. Одно слово, той же каминь,—и сердце не бьется. Простоявши такъ зъ хвыльну на однимъ мисти, Витрякъ кынувсь, якъ бувъ, зъ ципомъ у руди, изъ клуни и въ одну мить опынывся на вулицы.

— Хто це? За шо це? Господы просты и помылуй!

— Стій, старый, стій! Це твій сынъ? Прыдывысь на него, добре прыдывысь!

— А мій, ваше благородіе! Мій же, мій!

— А якъ твій, такъ винъ у тебе хвалшвыи гроши зъ цыганами та зъ вирменами збувавъ!

— Крый мене, маты Бога, одъ такого сорому! Такъ отъ якъ! Такъ отъ куды ты, блудяжнй сыну, метнувь!! А, такъ отъ такъ ты! Убью! Якъ гадюку ногами ростопчу!—скрыкнувь страшнымъ голосомъ Витрякъ и, якъ бувъ зъ циномъ у руци, такъ и кынувь прожогомъ до Петра.

А Петро стоитъ обирванный, обшарпанный, увесь побытый, въязанный веревками, прыкрученный до оглобень та чорный-пре-чорный, якъ земля. Згорнувши руки на грудихъ, винъ одъ стыда та одъ сорому утупувъ очи у землю и увесь трусытся, якъ на ножи...

— Бый, батьку! Бый! Я... я заслужывъ того! Тилько од-разу бый! Ось сюды по голови... бый!

— Стій, старый! не рупъ! Теперь уже не ты ёго будешъ карать, а каратыме законъ... Старшына, староста, сотьски, поняти! Обдывитесь у Витряка вси ёго куткы и вси ёго заулкы! scomандувавъ справныкъ,—бо той панъ „зъ яснымы гудзыками“ бувъ ништо, якъ самъ справныкъ зъ становымъ.

Тутъ, по слову справныка, кынулысь и поняти, и сотьски, и староста, и старшына и почалы скрызъ нышпорыть по всихъ куткахъ та суточкахъ у старого Максима Витряка. Передывылысь и въ коморяхъ, и въ засикахъ, и въ виббаряхъ, и въ пуньци, и въ клуньци, и въ погриби, и на горици, и въ комини, и въ дымари и скрызъ-скрызъ, де тилько можна було по-небудъ и одъ кого небудъ сховать.

— Признавайсь, старый, чы ты знавь про дила твого сына? Може, и въ тебе де-небудъ сховани хвалшвыи гроши? Га? Кажы, то буде тоби тилько пивъ-кары.

— Хай мене Господь на цимъ самимъ мисци громомъ убье, якъ шо я знавь про таке незвычайне дило моёго блудяжного сына! Суды Богъ, судить люде! Шукайте, люде судови, скрызъ, руйнуйте мое добро, кыдайте мене у темну темныцю, рижте мене, шматуйте, а тилько я увесь тутъ передъ вами, якъ передъ самымъ Господомъ, и ни душою, ни тиломъ невыненъ у грихахъ моёго сына. Сыну мій, сыну! Шо жъ це ты наробывъ? Осоромывъ ты мою сыву голову, на выкы вични

и прылюдно и прынародно осоромывъ! Сыну мій, сыну! Кто жъ навчавъ тебе такому дилу? Кто тебе заставлявъ таке робыты? И чы знаешъ же, шо жъ тоби за такый вчынокъ буде?

— Тутъ, старый, буде не трыдцять тры рокы вежы, якъ колысь у старовыну було, а цылый Сибирь, вичня каторга,—отъ шо!.. Поняти, глядять лышень скрызъ хорошенько! Глядять въ ожередахъ соломы, у застрихахъ лискы, у сувіяхъ полотна, глядять у подушкахъ, за халявама чобить!..

И зновъ поняти, сотськи, старшына та староста кынулысь шукать. Довго вони шукалы, усе геть чысто поруйнувалы и попереверталы, а тилько не знайшлы того, чого имъ треба було; знайшлы тилько зъ десятокъ карбованцивъ грошей у прыскрынку, та й ти никто не прызнавъ, шобъ вони были хвалшыви.

— Шо це у васъ за чоловикъ такый, цей Витрякъ? Спытавъ справныкъ понятихъ.—Кажить по щырій правди, якъ передъ самымъ Богомъ.

— Шо жъ, ваше благородіе, якъ по правди пытаете, то по правди и скажемо вамъ!—обизвався на такый спытъ справныка Иванъ,—такы старый Вовченко, спокійный, розсудливый и непытуцый чоловикъ, найблыщый сусида Максима Витряка. Винъ у насъ самый справный и самый розумный надъ усима; винъ такый, шо въ рода-вѣку не зобиждавъ никого, не зачипавъ ничого чужого, не вжывавъ горилкы, жывъ по-божому, а до роботы такъ усима жыламы бравсь, якъ тамъ кажутъ, и сюды робывъ, и туды робывъ, черезъ те дуже сыльно, за жытно колысь жывъ, та отъ тилько у сынахъ щастя ёму якъ не було, такъ и нема... Шо жъ, ваше благородіе, *харошз* чоловикъ! Одно слово *харошз*! Грихъ и слово говорыты!.. Оце вамъ сказавъ, якъ передъ самымъ Господомъ. Не ймете виры, спытайте у другихъ людей.

Справныкъ та становый спыталы де-кого ще про Максима Витряка. Потимъ того якъ узялы пысать, якъ узялы соби пысать, спысалы те все, шо выслухалы про Витряка, виддалы старого на поруку тому жъ такы Ивану Вовченку, а

самы, закуваршы Петра Витряченка у зализа, зъ тымъ и одъ-
ихалы геть изъ села...

Днивъ шить, чы симъ писля того ходивъ Максимъ Ви-
трикъ неначе несамовѣтый. Самъ винъ не боявсь ніяком
кары, бо совисть ёго була чыста, якъ той крышталь: винъ су-
мувавъ тилько за своимъ пропащимъ сыномъ, Петромъ... Про-
павъ и третій сынъ у Максима Витряка. Шо жъ тебе таке згу-
было? Згубыло тебе, сыну, те, шо ты не схотивъ жыты такъ,
якъ живъ твій дидъ та праидъ та якъ живе батько и пишовъ
по инчій стежци та тутъ и спиткнувсь... Тоби мало було того, чимъ
удовольнявсь твій дидъ та батько, тоби треба було шырше поле
и шыршый шляхъ. Одного тилько ты не знавъ, шо той шляхъ
не для селянъ: нехай по нѣму ходе той, хто змалычку звикъ
ходыть, а мужыцькый шляхъ не до комерціи, а до сохы... Кто жъ
тому выненъ, шо винъ пишовъ по новому шляху и спиткнувсь
на нѣму? Це моя причина! Чомъ я ёго не вдержавъ коло себе?
Чомъ я ёго не зупынивъ у останній разъ иты у Таврію? Чомъ
я ёго не женивъ та не зоставивъ працюваты коло дому?.. И
впять же жъ, хйба можна чоловікови, хочъ бы й своёму рид-
ному сынови, уставыты свій розумъ, свою совисть и свій хысть?
У нѣго е и своя воля, и свій розумъ, та ще й до того по-
всигда знаходятся товариши, таки, шо напучають на все злее.
Хйба таке дило робытся безъ товаришивъ?.. Отъ и пишовъ ин-
чою стежкою, пишовъ та й згынувъ... Теперь тилько одно й
зостається тоби, заблудливый сыну, покаяться и передъ Богомъ,
и передъ людмы, и передъ самымъ собою. Нема у свити та-
кого гриха, за який бы Господь мылосердный не простывъ чо-
ловика, абы бъ тилько чоловікъ щиро та свято поважвся передъ
Господомъ у своихъ грихахъ и зновъ не гниывъ бы Ёго
злымы диламы.

Д. Яворницкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма Мих. Матв. Лазаревского къ Т. Г. Шевченку (1857—1859 гг.)

Въ самой полной изъ напечатанныхъ до сихъ поръ биографій Т. Г. Шевченка, составленной А. Конисскимъ, мы не находимъ точнаго указанія, когда собственно началось знакомство поэта съ семьей Лазаревскихъ. Извѣстно, что съ однимъ изъ братьевъ Лазаревскихъ, Федоромъ, онъ впервые встрѣтился 9 июня 1857 г. въ Оренбургѣ, гдѣ Лазаревскій служилъ въ Оренбургской пограничной комиссіи.¹⁾ Тогда ли началось знакомство и съ братомъ Федора, Михаиломъ Матвѣвичемъ, служившимъ въ 200 верстахъ отъ Оренбурга въ должности попечителя прилинейныхъ киргизовъ, точно установить, кажется, нельзя; но что съ нѣкоторыми изъ членовъ этой семьи онъ былъ знакомъ нѣсколько раньше, доказывается тѣмъ, что въ первой половинѣ 1847 года, еще до ссылки, Шевченко написалъ извѣстное свое стихотвореніе „Вечирь“, посвятивъ его матери Лазаревскихъ. Вѣроятно же всего, что знакомство это началось съ того времени, когда Шевченко въ 40-хъ годахъ проживалъ подолгу въ Малороссіи и между прочимъ въ Черниговской губерніи.

Въ жизни Шевченка во время ссылки его играли не мало-важную роль оба брата Лазаревскіе, постоянно приходившіе къ нему на помощь въ разныхъ случаяхъ и разными способами. Объ этомъ мы знаемъ, съ одной стороны, изъ мелкихъ замѣтокъ,

¹⁾ Кіев. Стар. 1899 г. № 2, стр. 152.

помѣщавшихся въ „Основѣ“ въ 1861 и 1862 гг., гдѣ печатался „Дневникъ“ Шевченка и переписка его съ разными лицами, а съ другой—изъ тѣхъ матеріаловъ, которые были напечатаны и у васъ, въ „Кіевской Старинѣ“ (напр. „Изъ воспоминаній Ф. М. Лазаревскаго о Шевченкѣ“, 1899 г. № 2) и наконецъ—изъ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ біографіяхъ Шевченка, составленныхъ М. К. Чалымъ („Жизнь и произведенія Тараса Шевченка, Кіевъ, 1882 г.) и А. Конисскимъ („Жизнь украинскаго поэта Т. Г. Шевченка“, Одесса, 1898 г.). Среди этихъ матеріаловъ можно встрѣтить выдержки изъ писемъ Мих. Матв. Лазаревскаго къ Шевченку, относящихся къ 50-мъ годамъ, но письма эти въ полномъ видѣ до сихъ поръ не были опубликованы. Благодаря любезно доставленному намъ матеріалу нашимъ сотрудникомъ М. К. Чалымъ, мы печатаемъ теперь 13 писемъ М. М. Лазаревскаго къ Шевченку. Письма эти имѣютъ особенный интересъ, въ виду того, что относятся къ моменту, когда шли хлопоты объ освобожденіи поэта изъ ссылки и когда эта желанная свобода наконецъ состоялась. Во всемъ этомъ дѣлѣ М. М. Лазаревскій оказалъ большія услуги, пользуясь знакомствомъ своимъ съ вліятельными лицами въ Петербургѣ, гдѣ въ то время онъ состоялъ на службѣ. Лучшими комментаріями къ нимъ являются письма Шевченка къ М. М. Лазаревскому, напечатанныя въ „Основѣ“ 1862 г. № 3, такъ какъ почти на каждое изъ напечатанныхъ писемъ Шевченка находимъ отвѣтъ въ печатаемыхъ теперь, или наоборотъ.

В. Н.

I.

Когда началась переписка между Шевченкомъ и М. М. Лазаревскимъ, точно опредѣлить нельзя; извѣстно только, что 8 августа 1856 года Лазаревскій написалъ коротенькое письмо къ Шевченку (въ матеріалахъ его нѣтъ), на которое послѣдній отвѣтилъ 8 октября, а затѣмъ вторично 7 декабря; въ этомъ вто-

ромъ писемъ, нѣсколько мистифицируя, Шевченко писалъ о своей повѣсти *Матросъ*, которая будто бы написана *Дармогра-емъ*.¹⁾ Отвѣтомъ на это и было слѣдующее письмо М. Лазаревскаго, хотя и не помѣченное 1857-мъ годомъ, но дата его точно опредѣляется содержаніемъ и связью съ указанными письмами Шевченка.

17 января (1857 г.) С.-Петербургъ.

Получивши твое первое письмо съ Матросомъ, я отдалъ его переписать; многіе жалѣютъ, что не на малорусскомъ языкѣ пишеть Дармограй. Сію минуту воротился (12 ч. ночи) изъ театра и получилъ отъ Дармограя отъ 8 декабря.

На первое письмо не отвѣчалъ, ожидая сегодняшняго и ожидая окончательнаго результата о Дармограѣ.

Нехай молится Богу и дякуе Царю и добрымъ людямъ: о увольненіи его въ отставку уже послѣдовало разрѣшеніе Царя и сообщено объ этомъ Воен. Министру для исполненія; но виттиля чутки ще нема. Теперь, слава Богу, не до Матроса; теперь нужно думать да гадать, какъ выратысь виттиля. Уже толковали, что на выѣздъ нужны деньги и, я думаю, хоть немного— скоро будетъ. Всѣ думаютъ, что гораздо лучше пріѣхать сюда, а не до дому, если только позволятъ это. Тутъ есть добрые знакомые, при помощи которыхъ можно устроить фотографич. и дагеротипн. станокъ и имѣть кусокъ хлѣба на всю жизнь. Если это ему не понравится, то можно найти 20 другихъ предметовъ къ жизни. И тамъ, въ Малороссіи, винъ не загыне, да тутъ все таки лучше.

Такъ думаютъ твои знакомые, которые тебѣ отъ души желаютъ добра. Я дома не былъ уже 7 лѣтъ и теперь собираюсь туда, взявши отпускъ на мѣсяцъ; послѣ завтра уѣзжаю и къ половинѣ февраля ворочусь. Я думаю, и безъ меня тутъ вышлютъ тебѣ денегъ для Дармограя, а если нѣтъ, то еще можно успѣть до лѣта.

¹⁾ «Основа» 1862 г., № 3, стр. 3—5.

Просьбъ его и твоихъ о разузнаніи о разныхъ лицахъ не справлю. Объ Осиповѣ я говорилъ Семену¹⁾ и самъ спрашивалъ, да не чуть такого тутъ. Писемскій въ Отеч. Запискахъ не участвуетъ, да его и въ ПБ. нѣтъ теперь.

Княгиня, кажется, теперь у Н. Д. Бѣл., съ которымъ буду видѣться и возьму. Отдалъ ее Кулишъ ему, а Кулишъ теперь въ Москвѣ, а его жена въ Малороссіи. В. М. Бѣл. уѣхалъ жениться, но скоро воротится. Вотъ еще слово, только пусть Дармограй не разсердится: ты знаешь, якъ я его поважаю; да и не я одинъ. Будь же ласковъ, скажи ему, чтобы онъ отъ радости не зробивъ чего нибудь непригодного. Поздравь его съ Царскою милостью и скажи, что мы такъ обрадовались ей, что ты и не повѣришь, да и онъ тоже.

Прощай же, мій любый, мій дорогій Тарасъ! можетъ быть: до свиданья и скорого! Молись же Богу.

Твой весь и всегда М. Л.

Чы получивъ ты мою посылку? Картина твоя, что ты сдѣлалъ когда-то для Езучевского, досталась мнѣ въ лотерею. Многіе кланяются тебѣ низенько, а о желаніяхъ нечего и говорить.

II.

Только-что приведенное письмо отъ 17 января было получено Шевченкомъ въ Новопетровскомъ укрѣпленіи только 7 марта (см. Основа 1862 г. № 3, стр. 6), такъ-что М. Лазаревскій, не дождавшись отвѣта, написалъ ему второе письмо, 11 апрѣля 1857 года.

11 апрѣля (1857 г.) С.-Петербургъ.

Христось Воскресе! мій любый, мій дорогій Тарасе. Что ты такъ долго молчишь, не откликнешься до сихъ поръ? Я воротился уже давно изъ Малороссіи и началъ сейчасъ разнохивать, что

1) Братъ Матв. Лазаревского.

и какъ, и только на дняхъ добился положительно, что довлѣдь о тебѣ и другихъ подобныхъ готовъ и будетъ представленъ къ Цасхѣ. Миѣ тотчасъ-же обѣщали принести приказъ, но и до сихъ поръ его нѣтъ, и я боюсь, чтобъ не отложили опять до 17 ч. Давно уже я собираюсь писать къ тебѣ, но все откладывалъ, чтобъ сказать что-нибудь положительное; а сегодня не утерпѣлъ и пишу, хоть не окончателное, но положительное все-таки, что ты можешь скоро рассчитывать на милость; но какую и съ какимъ ограниченіемъ—еще не знаю. Можетъ быть черезъ недѣлю обрадую тебя. И тамъ, гдѣ я недавно былъ, сильно радуются привезенному мной туда извѣстію и обѣщали миѣ помочь въ добромъ дѣлѣ; и здѣсь твои знакомые радуются милости Царя. Дай-же Боже намъ еще разъ увидѣться съ тобою, и въ лучшемъ положеніи для тебя. По полученіи этого письма сейчасъ-же пиши, что и какъ ты думаешь, какъ ты теперь живешь-поживаешь и въ чемъ и насколько бы примѣрно ты нуждался на проѣздѣ, если милость Царя тебѣ объявится. Я слышалъ, что и другіе здѣсь хлопчутъ для тебя и хотятъ помочь.

Теперь пишу, лишь бы сказать словцо, а какъ получу извѣстіе—напишу тебѣ больше и подробнѣе.

2-го отдѣла твоего Матроса еще не успѣли переписать; но на дняхъ окончится она; а ужъ твой подлинникъ въ переплетѣ, и никому не уступится.

Прощай, а можетъ быть и до свиданія.

Дай Богъ, чтобы ты былъ здоровъ, счастливъ и богатъ.

Все и всѣ тебѣ кланяются.

Твой весь М. Лазаревскій.

Отвѣтомъ на это письмо служить 4-ое письмо Шевченка изъ напечатанныхъ въ „Основѣ“ (стр. 8).

Ш.

Послѣ долгихъ ожиданій, наконецъ М. Лазаревскій могъ извѣстить Шевченка о состоявшемся 17 апрѣля помилованіи,

что и видимъ изъ слѣдующаго письма его отъ 2 мая, отвѣтомъ на которое является 6-ое письмо Шевченка (Основа, стр. 10). Незначительныя выдержки изъ этого письма напечатаны были уже въ книгѣ г. Чалаго (стр. 95), при чемъ сличеніе текста въ кн. г. Чалаго съ подлинными письмами показываетъ, что г. Чалый не точно воспроизвелъ его, а почти пересказалъ своими словами, соединивъ два письма въ одно (письмо отъ 17-го янв. и 2 мая).

2 мая 1857 г. С.-Петербургъ.

Ну, поздравляю наконецъ тебя, дорогой мой Тарасъ Григорьевичъ, съ великою милостью Царя: Дай Богъ, чтобы ты воспользовался ею счастливо и чтобы жизнь твоя съ этого времени текла въ покоѣ и довольствѣ; а ты, я увѣренъ, сумѣешь заслужить и милость Царя, и доброе мнѣніе о тебѣ всѣхъ твоихъ друзей. Но безъ объясненій: я узналъ только, что третьяго дня послана бумага командиру Оренбургскаго корпуса, что ты, согласно просьбѣ Гр. Толстого и засвидѣтельствуванію гр. Перовскаго, получаешь отставку съ предостереженіемъ избрать родъ и мѣсто жизни. Но такъ-ли это—не убѣжденъ, потому что самъ не видѣлъ бумаги и увижу ее только черезъ нѣсколько дней. Потерпи, дружище, немного и вѣроятно самъ узнаешь все вѣрнѣе, нежели я теперь пишу.

Я слышалъ, что гр. Толстой имѣетъ у себя для тебя нѣкоторую сумму денегъ, которую будто бы думаетъ передать тебѣ по приѣздѣ сюда; вѣроятно онъ самъ будетъ тебѣ писать: я съ нимъ не знакомъ.

Я же посылаю теперь же въ особомъ конвертѣ на имя твоего начальника изъ числа переданныхъ мнѣ 75 руб. серебр. для возможнаго пособія тебѣ къ выѣзду.

Теперь-же я пишу въ Оренбургъ къ М. В. Ладыженскому, чтобы не задержалъ тамъ о тебѣ бумаги.

Пиши-же: ты совсѣмъ замолчалъ; а мы жаждемъ слышать объ тебѣ какую-нибудь вѣсточку; пиши подробно. Будь здоровъ и счастливъ и молись Богу.

Весь твой Мих. Лазар.

IV.

Слѣдующее затѣмъ письмо М. Лазаревскаго, отъ 12-го октября 1857 года, написано было Шевченку уже въ Нижній-Новгородъ и служить отвѣтомъ на 8-ое письмо Шевченка (Основа, стр. 12), извѣщавшее о неприятномъ осложненіи для него въ дѣлѣ прямого переѣзда въ столицу изъ ссылки, хотя, какъ видно, Лазаревскій зналъ уже объ этомъ случаѣ отъ Ир. Алекс. Ускова. Отвѣтомъ на печатаемое письмо Лазаревскаго является 9-ое Шевченка (стр. 14).

12 октября (1857 г.) С.-П. Буря.

Около мѣсяца навадь я получилъ письмо отъ Ирак. Ал. о вышедшемъ тамъ недоразумѣніи и былъ въ сильномъ недоумѣніи насчетъ тебя, дорогой другъ. Полученное вчера вечеромъ твое письмо хоть нѣсколько успокоило за тебя. Жаль, что ты былъ боленъ. Пожалуйста, голубе сизый, береги себя и свое здоровье; ты не имѣешь права рисковать этимъ.

Прилагаю 2 письма Залѣскаго къ тебѣ; а 150 р. сегодня отправилъ въ особомъ конвертѣ на имя Г. Овсянникова. Отъ Кухаренка ничего ни имѣю. По письму Ир. Ал. отсюда писали о тебѣ къ Катенину; писали и Алекс. Ник. Муравьеву. Усковъ сильно боится и беспокоится: напиши къ нему. Тебя здѣсь ждали съ нетерпѣніемъ.

Сейчасъ ѣду къ графинѣ Настасьѣ Ивановнѣ, съ которою я еще не знакомъ, но которая прислала Сигизмунда Сѣраковскаго узнать о тебѣ, и я посылаю ей твое и Уск. письма; ее хвалятъ до чрезвычайности.

Едва-ли ты... (помѣшали).—Былъ у графини: она сильно беспокоится о тебѣ и благодарить тебя за письмо. По совѣту съ графомъ рѣшили, чтобы ты написалъ графу *Ө. П.*¹⁾ письмо, что ты сильно желаешь заниматься живописью и изучить ее, чего нигдѣ не можешь такъ достигнуть, какъ въ Академіи Художествъ, а потому просишь исходатайствовать дозволеніе на

¹⁾ Гр. *Ө. П.* Толстой, вице-президентъ Академіи Художествъ.

пріѣздъ въ Петербургъ. Гр. по этому письму будетъ просить Президента.

Ты, вѣроятно, дождешься въ Нижнемъ паспорта, и если получишь, то пробирайся сюда, т. е. поближе къ Петербургу, но въ Малороссію не ѣзди; а главное береги себя, о чемъ поручила мнѣ просить тебя и графиня; а ты ея просьбу долженъ исполнить: она о тебѣ заботится, какъ о родномъ; да и не одна она. У нея есть для тебя деньги, но она положила ихъ въ банкъ, до твоего сюда пріѣзда. Если бы тебѣ еще были нужны деньги, то пиши не стѣсняясь; скоро я еще буду имѣть для тебя деньги.

Вечеръ: Бѣлозерскій женатъ на родственницѣ Катенина и общается, что ему еще напишетъ о тебѣ, и онъ совѣтуетъ тебѣ не возвращаться, если можно, въ Оренбургъ, а ожидать паспорта въ Нижнемъ. Жду твоего письма. Крѣпко, крѣпко обнимаю тебя и отъ души желаю тебѣ здоровья и счастья.

Вполнѣ преданный тебѣ М. Лаз.

V.

Пятое письмо М. Лазаревского, датированное 19-го ноября, находится въ соотношеніи съ 10-мъ Шевченка („Основа“, стр. 14), т. е. въ этомъ послѣднемъ находимъ всѣ указанія на то, что оно есть отвѣтное письмо на печатаемое нами теперь. Сомнѣніе видимое только въ датахъ: письмо Лазаревского помѣчено 19-го ноября, а письмо Шевченка—18 ноября; но тутъ можетъ быть одно изъ двухъ объясненій: или въ Основѣ сдѣлана опечатка—18, вмѣсто 28, или въ подлинникѣ письма Лазаревского надо читать 9 вмѣсто 19, тѣмъ болѣе, что въ этой датѣ сдѣлана очевидная поправка, а именно—вначалѣ какъ будто было написано 10, а послѣ изъ 0 сдѣлано 9.

19 ноября (1857 г.) Петербургъ.

Много виноватъ я передъ тобой, дорогой другъ Тарасъ, что до сихъ поръ не отвѣчалъ тебѣ; все это время у меня дѣло, какъ

въ котлѣ кипитъ, а сверхъ того, твое письмо я въ день полученія передалъ Пант. Алекс. и до сихъ поръ не могу вырвать; но на дняхъ освобожусь и тогда напишу побольше.

Что-жъ ты ничего не скажешь о себѣ? А я то съ нетерпѣніемъ жду каждый день отъ тебя извѣстій. Неужели изъ Оренбурга нѣтъ до сихъ поръ ничего? На дняхъ будетъ ѣхать изъ Вятки сюда черезъ Нижній братъ Федоръ; онъ вѣроятно будетъ видѣться съ Далемъ; постарайся и ты увидѣться и расскажи ему побольше, нежели на письмѣ. Всѣ здоровы.

Весь твой М. Лазар.

Пант. Алекс. тогда же обѣщаль отправить тебѣ книги.

VI.

Письмо 6-ое есть отвѣтное на 10-е Шевченка, о чемъ ясно свидѣтельствуется то *полицье* (портретъ), которое обѣщаетъ выслать Шевченко.

9 декабря (1857 г.) С.-Петербургъ.

Дорогой Тарасе! И Федоръ сильно, сильно жалѣеть, что не могъ отыскать тебя въ Нижнемъ (онъ не зналъ о твоёмъ выѣздѣ въ Балахну), но дожидаться никакъ не могъ: онъ сильно спѣшилъ сюда.

Слава жъ Богу, что ты получилъ уже отставку: всѣ мы дуже, дуже рады этому. Вчера я былъ у графа: добрая графиня сама обѣщала писать къ тебѣ скоро и тоже рада за твою отставку; они говорятъ, что съ твоимъ письмомъ ничего не узнано, до полученія свѣдѣнія объ отставкѣ; а теперь при первомъ удобномъ случаѣ графъ будетъ просить Президента о дозволеніи тебѣ продолжать занятія при академіи. Какъ только будетъ что-либо похожее на милость, то я сейчасъ извѣщу тебя. Графиня показывала мнѣ твоего киргиза съ твоимъ полицьемъ и хвастала, что показывала многимъ и всѣ хвалятъ.

Сапожниковъ¹⁾ у нихъ не былъ и они ничего объ немъ не слышали. Письмо твое къ графу, какъ онъ говоритъ, написано хорошо. И Кулишъ, и Бѣлозерскій читали твое письмо; и послѣдній видѣлся гдѣ-то съ Воронцовымъ, но я не знаю, что это за человекъ, а слышалъ вчера, что онъ живетъ гдѣ-то на Васильевскомъ.

Пѣсни Метлинскаго посылаю тебѣ теперь же по почтѣ.

Уложи-ка хорошенько свой портретъ, чтобы не потерялся, да пришли черезъ почту, а то долго придется ждать удобнаго случая; а мнѣ хочется скорѣе подывиться на тебя хоть на бумагѣ. Да ты похожъ?

У меня дѣла оч. и оч. много, но праздниками можетъ быть и вырвалъ бы дня два-три, чтобы съѣздить въ Москву и благодатный хуторъ, если онъ близко отъ Москвы. Да, я думаю, что тебѣ можно бы прїѣхать въ Царское Село и тутъ жить; тогда бы съ тобою много кто бы видѣлся и часто. Семена въ это время не видѣлъ.

У меня было твоихъ грошей 36 р., да недавно прислалъ 175 р. Алексѣй Мих. Жемчужниковъ отъ брата своего Льва и просилъ не говорить тебѣ, отъ кого они. Если тебѣ нужны деньги, то пиши; я сейчасъ же вышлю, сколько скажешь; только не забудай и черного дня. Я встрѣтился здѣсь съ Кишкинымъ,²⁾ который ѣхалъ съ тобой изъ Астрахани, и много съ нимъ говорилъ о тебѣ; онъ очень хвалитъ тебя.

Прощай, мій любый, мій дорогій друже. Крѣпко, крѣпко обнимаю тебя. Твой весь М. Л. Всѣ здоровы; Федоръ скоро ѣдетъ въ Малороссію.

¹⁾ А. А. Сапожниковъ—извѣстный миллионеръ Астраханскій. Шевченко былъ знакомъ съ нимъ еще въ пере. полов. 40-хъ гг. Выѣстъ съ нимъ Шевченко ѣхалъ на пароходѣ «Кн. Пожарскій» изъ Астрахани до Нижняго.

²⁾ Капитанъ парохода «Князь Пожарскій», на которомъ Шевченко ѣхалъ изъ Астрахани до Нижняго.

Узнай и скажи, откуда Павелъ Абрамовичъ? ¹⁾ Вѣдь я самъ Конотопскій, но его фамилія не знаю тамъ.

11 ч. вечера. Сейчасъ принесли твое письмо къ Кулишу, которое отправлю завтра.

VII.

Слѣдующее письмо есть отвѣтъ на коротенькое письмо Шевченка, отъ 4 яв. 1858 г. (Основа, стр. 15).

19 января 1858 года. С.-Петербургъ.

Спасыби тоби, велике спасыби, мой милый, мой золотый Тарасе, за твой подарокъ: *твое поличье*. Ты не могъ выдумать лучшаго подарка, и я ему такъ радъ, что не знаю, какъ и благодарить тебя.

Павла Абрамовича я увидѣлъ черезъ нѣсколько дней послѣ его прїѣзда, наговорились съ нимъ о тебѣ вдоволь: теплая душа у него и доброе сердце.

Ты пишешь: „дай Кулешови *купу* серебромъ“. Я не видѣлся съ нимъ послѣднее время; на дняхъ побачусь и можетъ быть онъ разъяснитъ мнѣ это.

Мнѣ передалъ деньги Алексѣй Мих. Жемчужниковъ, живущій здѣсь, но объ этой передачѣ просилъ его братъ Левъ Мих. Жемчуж. (родомъ кацапъ, а душою чистый малороссъ). Онъ теперь за границую, въ послѣднее время былъ въ Парижѣ, но, кажется, уѣхалъ уже въ Италію: онъ въ душѣ артистъ, хорошо рисуетъ и много ѣздилъ по Малороссіи, для снятія видовъ ея.

Графиню Настасью Ивановну давно уже видѣлъ я; олинъ разъ, какъ-то недавно, я ѣздилъ, но она была нездорова и не принимала никого, а теперь я не дуже здоровъ; но, можетъ быть, на дняхъ заѣду.

¹⁾ Кажется, Кочубей?

Потретъ твой уже у фотографа, и какъ только будутъ готовы копи, то сейчасъ-же пришлю тебѣ 4 штуки.

Не нужно ли тебѣ отсюда что-либо такое, чего у васъ въ Нижнемъ нѣтъ? Напиши.—Овсянниковъ еще долго пробудетъ здѣсь, можетъ мѣсяца два, а потому письмо адресую на твое имя.

Прощай, мой добрый другъ. Будь здоровъ, счастливъ, веселъ и богатъ.

Всею душой преданный тебѣ Мих. Лазаревскій.

Василь и Федоръ кланяются тебѣ. Вѣроятно, къ тебѣ заходилъ братъ Яковъ (котораго ты не знаешь). Онъ поѣхалъ на службу въ Вятку, и я просилъ зайти къ тебѣ, если Вятскій Губ—ь Муравьевъ (родной племянникъ вашего), съ которымъ братъ поѣхалъ, пробудетъ въ Нижнемъ хоть полсутокъ.

VIII.

Письмо 8-ое стоитъ въ связи съ 12 и 13 письмами Шевченка, такъ-какъ оно есть отвѣтное на 12-ое, а 13-ое есть отвѣтъ на него.

10 февраля 1858 г. С.-Петербургъ.

Спасибо тебѣ мой сивый голубе Тарасе, что отеликаешься изъ своего захоlustья. Конст. Андр. Шрейдерсъ, ¹⁾ спасибо ему, два раза былъ у меня, а завтра поѣду и къ нему съ этимъ письмомъ; съ нимъ посылаю 4 портрета; много есть охотниковъ, желающихъ и молящихъ у меня твоего портрета, и я рѣшаюсь заказать 50 штукъ, чтобы продавать съ барышемъ. Черезъ недѣлю они будутъ готовы и, сколько получу за нихъ барыша—скажу, а гроши приложу къ имѣемымъ у меня твоимъ. Ты, друже, пожалуйста не сердись на меня за это доброе дѣло не для тебя, а для другихъ: гроши грошима, но главное не слѣ-

¹⁾ Пріятель Шевченка по Нижнему-Новгороду.

дуетъ отказывать въ такой теплой искренней просьбѣ о твоёмъ портретѣ всѣмъ душевно тебя любящимъ.

Объ Овсянниковѣ я уже писалъ тебѣ; но послѣ того еще не видѣлся съ нимъ: и ему, и мнѣ некогда, но скоро мы съ нимъ увидимся.—Кажется, я тебѣ уже писалъ, что Кулишъ уѣхалъ за границу, а если не писалъ, то теперь скажу; онъ уѣхалъ отсюда въ самыя заговины на постъ (2 ч.) въ Малороссію, а оттуда сейчасъ-же черезъ Варшаву въ Брюссель, гдѣ будетъ слушать лекціи въ Университетѣ, послѣ того въ Парижъ и еще кое-куда; думаетъ вернуться въ октябрѣ или ноябрѣ; твоихъ произведеній онъ мнѣ не показывалъ, т. е. я видѣлся съ нимъ наканунѣ отъѣзда; у него было уже все уложено. Говорилъ, что тамъ займется всѣмъ и оттуда будетъ писать.

Шекспиръ въ переводѣ Кетчера рѣдокъ и стоитъ не меньше 25 р., а потому до твоего разрѣшенія я не купилъ его. Вовча опять тебѣ послали (тутъ многіе имъ недовольны и говорили про Кулиша недобре); Беранже въ переводѣ Курочкина (славная вещь), говорятъ, есть у тебя, а повѣсть о временахъ Бориса Годунова и Дмитр. Самозв. (для дѣтей), хотъ и Кулиша, да говорятъ, не стоитъ покушать: я не читалъ ее.

Прочитавши все это, скажи, что тебѣ нужно изъ этихъ книгъ, и я сейчасъ вышлю.

Овсянниковъ не былъ еще у графини Настасьи Ивановны; и я давно не былъ у нея; но вчера былъ у меня (при Шрейдерсѣ) одинъ знакомый и спрашивалъ меня отъ графини, когда будетъ у ней Овсянниковъ. Вчера былъ у меня и Семень и просилъ кланяться тебѣ; я говорилъ ему, чтобъ самъ написалъ тебѣ, но онъ хотъ и общалъ, да едва-ли исполнить: лѣнивый. Спасибо тебѣ, ты привиталъ моего брата Якова: онъ не нахвалится тобой, и изъ Вятки уже прислалъ твои письма. Прощай, дорогой, и люби по-прежнему вполне преданнаго къ тебѣ Мих. Лазар.

IX.

9 ое письмо, напечатанное почти цѣликомъ г. Чалымъ въ его статьѣ „Изъ переписки Т. Г. Шевченка съ разными лицами“, ¹⁾ перепечатывается теперь нами, какъ виду того, что нѣкоторыя строки въ немъ были пропущены, такъ и для полноты всей этой переписки. Оно находится въ связи съ 14-мъ письмомъ Шевченка (Основа, стр. 17), которое служитъ краткимъ отвѣтомъ на него.

20 февраля 1858 г. С.-Петербургъ.

Сегодня графиня прислала ко мнѣ Сѣраковскаго, чтобы я съ Овсянниковымъ пріѣхалъ къ ней. Овсянникова я не застала въ квартирѣ и былъ у нея одинъ, а къ Овсянникову сейчасъ послалъ письмо, что графиня ждетъ насъ обоихъ непремѣнно послѣзавтра.

Графиня прислала за мною, чтобы объявить, что по просьбѣ Графа Федора Петровича тебѣ дозволено жить въ Петербургѣ (подъ надзоромъ полиціи) и подъ руководствомъ графа Ф. П. для продолженія изученія живописи при Академіи Художествъ.

Графиня чрезвычайно рада, что ты пріѣдешь сюда (ахъ, если бы ты зналъ доброту ея сердца и желаніе дѣлать какъ можно болѣе добра!), и просить тебя, чтобы ты послѣшилъ, а главное, не обижался условіями, потому что это только форма. Она говоритъ, что ты долженъ представиться Президенту (Ее Высочеству) Академіи, что тобою теперь интересуются всѣ художники и желаютъ скорѣйшаго твоего пріѣзда.

Зная изъ словъ Овсянникова и Шрейдерса, что ты свыкся уже съ Нижнимъ, я не знаю, какъ ты примешь настоящее извѣстіе, но искренно скажу, что я оч. радъ не потому только, (какъ и всѣ, которые знаютъ тебя только по слуху даже), что увижу тебя, но что ты здѣсь можешь жить и лучше и полезнѣе

¹⁾ Киев. Стар. 1897 г. № 2, стр. 153.

для себя и другихъ—и въ физич. и въ нравств. отношеніи. Притомъ же, если бы ты послѣ и не захотѣлъ остаться здѣсь, то можешь уѣхать, куда и когда хочешь. А по всему этому и ты долженъ быть радъ дозволенію пріѣхать сюда.

Графъ Ѳ. П. просилъ Ея Высочество, и она докладывала, о чемъ Ѳ. П. третьяго дня получилъ письмо отъ Адлерберга,¹⁾ который извѣщаетъ, что объ этомъ сообщено Долгорукому, для извѣщенія Нижегород. Губ—а. Графиня тебя проситъ не медлить, чтобы застать выставку и скорѣе явиться къ Президенту, чего будто она хочетъ. Поспѣшай же! Посылаю тебѣ въ особомъ конвертѣ 50 р. На дорогу станетъ, а то и здѣсь деньги нужны. Пріѣзжай же скорѣе! Наговоримся при свиданіи. Если не сейчасъ выѣдешь, то пипи; ниши и графинѣ и графу. До скорого свиданія.

Весь твой М. Лаз.

Въ случаѣ бы тебѣ не объявили еще объ этомъ официально, то ты держи это въ секретѣ, и никому не рассказуй; такъ просила и графиня,—она боится, чтобъ не выдумали чего.

X.

Это письмо есть отвѣтное на 15-ое Шевченка (Основа, стр. 17), въ которомъ онъ извѣщалъ о своей болѣзни и потому о задержкѣ въ Москвѣ.

16 Марта 1858 г. С.-Петербургъ.

Надняхъ графиня Настасья Ивановна присылала за мною и убѣдительно просила, какъ только ты пріѣдешь—сейчасъ-же дать ей знать и привезть тебя самого. Сегодня я былъ опять у

¹⁾ Управляющій военнымъ министерствомъ въ концѣ сороковыхъ годовъ.

нея съ твоимъ письмомъ изъ Москвы: она чрезвычайно жалѣеть о твоей болѣзни и боится, чтобы Михайло Семеновичъ ¹⁾ не удержалъ тебя въ Москвѣ и на Пасху; она даже сомнѣвается въ твой болѣзни и думаетъ, что ты остался тамъ для Мих. Сем—ча.

Обдѣлалъ я изящно одинъ твой портретъ и поднесъ ей сегодня: она была оч. благодарна и проситъ тебя скорѣе пріѣхать сюда, если можно—къ Праздникамъ. Графа сегодня не видѣлъ, а третьяго дня онъ даже говорилъ, что ждетъ тебя съ удовольствіемъ. Пріѣзжай-же, друже, скорѣе—мы всѣ ждемъ тебя съ нетерпѣніемъ.

Овсянникова опять не видѣлъ нѣсколько вѣковъ и не знаю, здѣсь-ли онъ; но вчера послалъ ему по городской почтѣ письмо, чтобы онъ непременно заѣхалъ къ тебѣ въ Москвѣ.

Рисунки, если и получу на дняхъ, то едва-ли фотографъ успѣетъ снять съ нихъ копіи въ празднику; впрочемъ, посмотримъ тогда.

Выздоровливай же скорѣе и пріѣзжай сюда; а то ужъ и намъ скучно такъ долго ждать. Прощай и будь здоровъ.

Семень и всѣ кланяются.

Тв. М. Лазар.

XI.

Слѣдующее письмо, не датированное въ подлинникѣ, писано въ мартѣ 1858 года, такъ какъ является отвѣтомъ на 16-ое письмо Шевченка (отъ 9 марта), въ которомъ онъ извѣщаетъ, что болѣзнь глазъ задерживаетъ его въ Москвѣ и что раньше свѣтлой недѣли докторъ не позволяетъ ему двинуться въ путь.

Христось Воскресе!

Мій дорогій Тарасе! жаль, что твое око наробило такъ погано; а мы ждали тебя сегодня непременно. Пожалуйста не

¹⁾ Шенкинъ.

мѣшкой, когда выздоровѣешь. И третьяго дни, и вчера я былъ у фотографа; онъ говоритъ, что чрезвычайно трудно снять копию съ твоихъ картинъ, что всѣ черныя мѣста не выходятъ, но обѣщаль постараться и на дняхъ возвратить. Я ему говорилъ, что если фот. трудно, то пусть и не дѣлаетъ, но онъ непремѣнно хочетъ сдѣлать.

Завтра буду у графа и графини и разузнаю все. Посылаю тебѣ вчера полученное мною письмо страховое.

Третьяго дня я думаль было махнуть въ Москву и уже было собрался, да обстоятельства измѣнились, и теперь мои дѣла въ такомъ положеніи, что изъ П.-Бурга я не могу выѣхать; впрочемъ м. б. на праздникахъ и удастся; но едва-ли. Поздравляю тебя съ праздниками и желаю тебѣ...

Весь твой Мих.

ХII и ХIII.

12-е письмо Лазаревскаго, писанное 13 іюня 1859 года, когда Шевченко былъ въ Малороссіи, стоитъ внѣ связи съ напечатанными письмами Шевченка. Что-же касается 13-аго письма, проще сказать записочки, писанной 17-го іюля 1859 г., то она имѣетъ отношеніе къ 17-му письму Шевченка (Основа, стр. 18). Въ виду отсутствія интереса этой записочки, мы не печатаемъ ее, а только указываемъ, что одновременно съ нею было послано письмо какой-то Марьи Александровны, о которой упоминаетъ Шевченко въ своемъ отвѣтномъ письмѣ.

13 іюня 1859. С. П. Б.

На дняхъ былъ у меня Брылкинъ ¹⁾, пріѣхавшій сюда на сутки. Онъ сказалъ, что формовщикъ, которому ты заказалъ для Брыкина двѣ статуи, хоть и сдѣлалъ ихъ, но одну кому-

¹⁾ Управляющій пароходствомъ «Меркурій», въ Астрахани, гдѣ Шевченко впервые съ нимъ познакомился.

то раньше продалъ, а потому онъ самъ уже заказалъ у него же двѣ статуи и самъ рассчитается съ нимъ. Просилъ тебѣ кланяться низенько. Я передавалъ объ этомъ Честаховскому, который тоже былъ у формовщика и убѣдился, что все это правда. Поэтому я 50 р. не получу отъ Брылкина. Новаго въ Петербургѣ ничего не слышно. Желяховскій ¹⁾ завтра ѣдетъ и кланяется тебѣ.

О кн. Гагаринѣ есть уже въ газетахъ, а о Гр. Ѳ. П. нѣтъ ничего еще.—

Я уѣду, кажется, въ 1 іюля на мѣсяць.

Прощай, будь здоровъ и вертайся счастливъ.

Твой Мих.



¹⁾ Антоній Сава—польскій писатель; Шевченко какъ его, такъ и Сѣраковского впервые встрѣтилъ въ Орской Крѣпости.

Памяти В. С. Гнилосырова.

3-го ноября минувшаго года скончался въ г. Каневѣ *Василій Степановичъ Гнилосыровъ*. Совершенно неизвѣстный въ литературѣ подъ этой своей фамиліей и мало выступавшій вообще въ печати подъ своей псевдонимной подписью „*Гавришичъ*“, покойный имѣеть однако всѣ права на то, чтобы имя его было отмѣчено на страницахъ нашей культурной исторіи, если не для отдаленнаго потомства, то хотя бы для современниковъ и ближайшихъ къ нимъ поколѣній. Не говоря уже о тѣхъ симпатичныхъ чертахъ въ характерѣ покойнаго, которыя хорошо были извѣстны лицамъ, близко знавшимъ его; не говоря даже о тѣхъ качествахъ его, которыя, выходя за предѣлы личныхъ отношеній, касались разныхъ сторонъ нашей общественной жизни,—достаточно сказать только о томъ, что В. С. Гнилосыровъ, живя въ Каневѣ съ 1873 года, былъ „вѣрнымъ стражемъ“ могилы Т. Г. Шевченка, постоянно проявляя свою заботливость о сохраненіи ея въ порядкѣ, былъ живой лѣтописью всѣхъ тѣхъ событій, которыя связаны съ вопросомъ о реставраціи этой могилы въ 80-хъ годахъ. Въ этомъ отношеніи имя его хорошо извѣстно многочисленнымъ посѣтителямъ могилы нашего пѣвца Украины, т. к. на вопросъ ихъ о томъ, кто завѣдываетъ могилой, всегда былъ одинъ отвѣтъ—Василій Степановичъ Гнилосыровъ. Вотъ эта-то связь его съ именемъ Шевченка и заставила насъ, по полученіи извѣстія о

смерти его, отложить поминку о немъ до февральской книжки нашего журнала, всегда, въ большей или меньшей степени, удѣляющей мѣсто разнымъ матеріаламъ, имѣющимъ отношеніе къ имени „Кобзаря Украины“. И вотъ теперь, въ 40-ую годовщину смерти Шевченка, мы и рѣшаемъ сказать нѣсколько словъ о томъ человѣкѣ, который всю свою сознательную жизнь прожилъ съ беззавѣтной любовью къ родинѣ, такъ чудно воспѣтой „Кобзаремъ“, и который закрѣпилъ эту любовь къ ней другою любовью—благоговѣйнымъ отношеніемъ къ памяти того пѣвца, охрана могилы котораго составила одну изъ главныхъ задачъ въ его жизни.

Вас. Степ. Гнилосыровъ родился 21 марта 1836 года и происходилъ изъ мѣщанъ г. Полтавы. Какъ прошли первые годы его дѣтства и ученія, намъ не извѣстно; знаемъ мы только, что по окончаніи средней школы, онъ поступилъ въ Харьковскій университетъ на историко-филологическій факультетъ въ концѣ 50-хъ годовъ, гдѣ былъ ученикомъ, между прочимъ знаменитаго впоследствии, но тогда еще молодого адъюнкта А. А. Потебни, съ которымъ находился въ отличныхъ отношеніяхъ, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ его письмо къ намъ въ 1899 году, сопровождавшее рукопись букваря Потебни ¹⁾.

Увлеченный въ тѣ годы широкой волной народничества, В. С. Гнилосыровъ, будучи студентомъ харьковск. университета, предается народному дѣлу, распространяя, между прочимъ, среди сельскаго населенія малорусскія книжечки и преобразивъ себя на нѣкоторое время изъ студента въ „книгоношу“, путешествующаго изъ села въ село по ярмаркамъ. Нѣсколько любопытныхъ страницъ изъ этого періода его жизни можно прочесть въ „Основѣ“ 1862 года (№ 9), въ статьѣ „Пять день зъ життя X—го студента“, подписанной А. Гавришъ и рассказы-

¹⁾ См. Кіев. Стар. 1899 г. № 8, приложенія.

вающей о студентъ X—го университета В. С. Г. (Вас. Степан. Гнилосыровъ), но принадлежащей перу самого Гнилосырова. Помимо очень любопытнаго содержанія этой статьи, дающей рядъ живыхъ картинокъ въ изображеніи опыта торговли по ярмаркамъ малорусскими книгами при исключительной обстановкѣ (торгуетъ интеллигентъ, не скрывающій своего званія),—самый языкъ, которымъ статья написана, методъ разсказа, переполненнаго остроумными замѣчаніями и изреченіями—все такъ живо и своеобразно, что нельзя не увлечься чтеніемъ ея и нельзя сейчасъ-же не узнать въ авторѣ того-же самаго В. С. Гнилосырова съ его острой и оригинальной рѣчью, какого мы знали въ теченіе многихъ послѣднихъ лѣтъ его жизни. Этимъ увлеченіемъ живой работой для просвѣщенія массъ, должно быть, надо объяснить и тотъ фактъ, что В. С. Гнилосыровъ въ 1861 году, не окончивъ курса, покидаетъ университетъ и держитъ экзаменъ на званіе учителя русскаго языка, послѣ чего сейчасъ-же получаетъ мѣсто исправляющаго должность учителя того-же предмета въ Ахтырскомъ уѣздномъ училищѣ. Черезъ два года (въ 1864 году) былъ онъ переведенъ на ту-же должность въ Харьковское уѣздное училище, гдѣ прослужилъ до 1869 года, когда вышелъ въ отставку. Отставка его, вѣроятно, должна быть объясняема тѣмъ, что въ это именно время онъ увлекся организаціей „потребительныхъ обществъ“; по крайней мѣрѣ давніе киевляне должны помнить его въ 1869 году въ Киевѣ, гдѣ онъ принималъ участіе въ основанномъ здѣсь потребительномъ обществѣ, сразу вызвавшемъ было большое оживленіе въ публикѣ, но очень скоро, благодаря не совсѣмъ удачно поведеннымъ операціямъ, заглохшемъ и черезъ нѣсколько лѣтъ совсѣмъ прекратившемся. Очевидно, разочаровавшись въ этомъ дѣлѣ, В. С. Гнилосыровъ, въ концѣ 1870 года, вторично поступаетъ на службу учителемъ-же русскаго языка въ Звенигородское двухклассное городское училище, а въ 1873 году получаетъ мѣсто штатнаго смотрителя такого-же училища въ Каневѣ и остается въ этой должности до 1895 года, когда выходитъ въ отставку и остается на жительство въ Каневѣ до самой своей кончины.

Не касаясь его служебной дѣятельности въ роли офици-
ального лица, мы считаемъ своимъ долгомъ, зная его за весь
періодъ его каневской службы, отмѣтить ту страничку въ его
педагогической работѣ, которая выходитъ за предѣлы офици-
альности, а именно—его личные отношенія къ своимъ учени-
камъ. Посѣщая его въ Каневѣ, намъ не разъ приходилось быть
свидѣтелемъ той простоты и сердечности, съ какою онъ обра-
щался къ своимъ питомцамъ, еще учившимся въ школѣ; тутъ
не было и тѣни начальническаго тона, не чувствовалось и на-
мека на излюбленную у педагоговъ дѣланность отношеній и
официальность разговоровъ,—все было искренно, просто, пре-
исполнено чисто дружескихъ приемовъ бесѣды старика съ маль-
чикомъ, при чемъ въ малорусской его рѣчи при этихъ разгово-
рахъ, которая была его второй натурой, слышался всегда тотъ
юморъ, безъ котораго нельзя нарисовать себѣ фигуру этого по-
чтеннаго педагога. Еще болѣе сказывалась сердечность его на-
туры въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя сохранялись у него съ
бывшими его питомцами: воспитывая въ нихъ съ дѣтства ту
любовь къ родному, которая въ теченіе всей жизни была нераз-
лучна съ нимъ самимъ, развивая ихъ въ этомъ направленіи еще
въ школѣ, В. С. Гнилосировъ не разрывалъ съ ними связи и въ
дальнѣйшей ихъ жизни, по окончаніи школы. Лично намъ не
разъ приходилось вести дѣловыя отношенія съ такими лицами—
и всегда по порученію или рекомендаціи Василя Степановича;
въ разказахъ ихъ всегда слышалась та нота особеннаго почте-
нія къ своему учителю, которая не имѣетъ ничего общаго съ
официальностью, а звучитъ чистой лирикой, опирающейся на
началахъ дружбы людей, раздѣленныхъ только годами. Для
лучшаго освѣщенія этихъ отношеній мы воспользуемся выдерж-
кой изъ письма къ намъ одного изъ бывшихъ учениковъ Васи-
ля Степановича, который вскорѣ послѣ смерти его писалъ намъ
слѣдующее. — „Юношескій блескъ его глазъ, не смотря на
шестидесятилѣтній возрастъ, и образная малорусская рѣчь его,
то скрапиваемая своеобразнымъ юморомъ, то отѣняемая
острымъ сарказмомъ, производили симпатичное и надолго со-

храняемое въ памяти впечатлѣніе. А слушателями его была преимущественно та молодежь, которая выходила ежегодно изъ городского училища. Эта молодежь, ищущая на первыхъ порахъ по выходѣ изъ школы нравственной поддержки и помощи въ дальнѣйшемъ образованіи и развитіи, всегда находила такую поддержку въ лицѣ своего бывшаго учителя; если-же кто либо изъ этой молодежи обращалъ на себя особенное вниманіе Василія Степановича своими умственными и нравственными качествами, то послѣдній долгое время относился къ нему съ восхищеніемъ. Нерѣдко случалось, что такая личность, выбившись на самостоятельную дорогу, нравственно опускалась или измѣняла первоначальнымъ своимъ убѣжденіямъ, тѣмъ убѣжденіямъ, которыя служили связующимъ звеномъ между ученикомъ и его бывшимъ учителемъ,—но, не смотря на такія печальныя для Вас. Степ. „оказіи“, ему еще долго не хотѣлось вѣрить такой, очевидной уже для другихъ, истинѣ. Такія „оказіи“ тяжело ложились ему на душу, и онъ, какъ утопающій, хватался за всякую соломинку, желая оправдать, какъ въ собственномъ мнѣніи, такъ и въ мнѣніи другихъ, своего отщепенца-ученика, доказывая этой чертой своего характера все тотъ-же свой юношескій идеализмъ; не покидавшій его до могилы. Припоминая небольшую статейку покойнаго Вас. Степ. „Пять день зъ життя Х—аго студента“ и сравнивая мысленно этого молодого студента съ отставнымъ уже учителемъ, черезъ промежутокъ времени около 40 лѣтъ, видишь все того-же молодого душой книгоношу, всю жизнь распространявшаго между молодежью идею народнаго самосознанія, и если слѣдствіемъ такого систематическаго, хотя повидимому и незамѣтнаго, сорокалѣтняго труда оказалось нѣсколько челоувѣкъ его послѣдователей, то о немъ смѣло можно сказать, что жизнь имъ прожита не даромъ, что у родины смерть отняла добраго ея сына, и что всѣ изъ оставшихся въ живыхъ, знавшихъ болѣе или менѣе близко духовную жизнь покойнаго Василія Степановича, обязаны помянуть его „незлымъ тихымъ словомъ“.

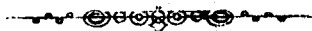
Такими сердечными словами оканчиваетъ свое письмо къ намъ его бывший ученикъ; этими-же словами могли-бы и мы окончить нашу замѣтку, если бы не чувствовали себя обязанными сказать еще о немъ хоть нѣсколько словъ, какъ о человѣкѣ, связанномъ съ нами единствомъ интересовъ въ нашей специальной области. Мы говоримъ о нашемъ журналѣ „Кіевская Старина“. Сознвая, что изданіе это должно служить интересамъ дорогой для него родины, Вас. Степан. въ теченіе 19 лѣтъ существованія журнала поддерживалъ съ нимъ духовную связь: всѣ его письма къ кіевскимъ знакомымъ всегда касались вопросовъ, связанныхъ съ журналомъ. Хотя литературное его участіе ограничилось очень немногими страницами, напечатанными у насъ ¹⁾, но это зависѣло отъ того, что жизнь въ захолустномъ городкѣ мало представляетъ удобствъ для литературной работы; между тѣмъ намъ достовѣрно извѣстно, что Василій Степановичъ все время слѣдилъ за ходомъ развитія и разрѣшенія всякихъ вопросовъ, связанныхъ съ культурной исторіей дорогой для него Украины, постоянно пріобрѣталъ на свои очень скромныя средства всѣ наиболѣе выдающіяся сочиненія по этимъ вопросамъ и дѣлалъ для себя разнообразныя выписки и замѣтки по поводу ихъ; извѣстно намъ также, что въ его бумагахъ сохраняются многія замѣтки съ воспоминаніями о тѣхъ или другихъ интересныхъ событіяхъ, какъ въ его личной, такъ и общественной жизни. Будемъ надѣяться, что все это не погибнетъ безъ слѣда, и тогда восполнится та литературная роль Василія Степановича, которая, при другихъ обстоятельствахъ личной жизни, несомнѣнно могла бы быть его удѣломъ, принимая во вниманіе его бойкую и умную рѣчь въ минуты оживленія, но которая, такъ сказать, заглохла въ немъ и сдѣлала его при жизни только писателемъ для себя. Считаемъ обязанными сообщить, что вдова покойнаго любезно предоставила намъ право на полученіе всѣхъ этихъ матеріаловъ, съ которыми мы надѣемся познакомить и нашихъ читателей, и тогда

¹⁾ 10-лѣтіе Кавевск. публичн. библіот. 1889 г., № 8.

для всѣхъ будетъ видно, что покойный Василій Степановичъ былъ духовнымъ сотрудникомъ нашего журнала, какъ человекъ, всецѣло принадлежавшій интересамъ родного края.

Заканчивая нашу поминку о В. С. Гнилосыровѣ, скажемъ обычное малорусское „земля тобі перомъ“! Пусть же тѣло его мирно почиваетъ неподалеку отъ могилы Тараса Шевченка, а духъ его вѣчно будетъ витать подлѣ той самой могилы, вѣрнымъ стражемъ которой онъ былъ въ теченіе многихъ лѣтъ!

В. Науменко.



М. Т. Симоновъ (Номисъ).

(Некрологъ).

Первую книжку текущего года намъ пришлось начать печальнымъ извѣщеніемъ о кончинѣ 26 декабря 1900 года хорошо вѣдомаго всей Украинѣ этнографа, беллетриста, педагога и общественнаго дѣятеля, *Матвѣя Терентьевича Симонова*, въ печати выступавшаго подъ псевдонимомъ *М. Номисъ*, что составляетъ обратное чтеніе его предковской фамиліи *Симонъ*.

Годъ тому назадъ мы закончили печатаніемъ въ приложеніяхъ къ нашему журналу *разказы* его, помѣщавшіеся въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ въ „Русской Бесѣдѣ“, „Основѣ“, „Черниговскомъ Листкѣ“ и альманахѣ „Хата“, приложивъ къ нимъ и автобіографическія воспоминанія автора, написанныя спеціально для этого собранія его сочиненій. Ввиду этого, теперь, когда намъ приходится съ горестью печатать поминку объ этомъ почтенномъ нашемъ сотрудникѣ, мы не станемъ повторять болѣе подробныхъ фактовъ изъ его біографіи, а предложимъ читателямъ перечестъ вновь его статью „Изъ дѣтскихъ и отроческихъ воспоминаній“ (Кіев. Стар. 1899 г. № 12), а также его брошюру „Замѣтки къ юбилейной, по случаю 25-тилѣтія Лубенской гимназіи, записки“ Кіевъ 1898 г. Мы ограничимся теперь только указаніемъ главнѣйшихъ моментовъ его жизни, чтобы отчетливѣе обрисовался умственный и нравственный обликъ по-

войнаго. Весьма сожалѣемъ, что не успѣли мы для настоящей книжки журнала изготвить и портретъ М. Т. Симонова, который будетъ приложенъ къ слѣдующему номеру.

М. Т. Симоновъ родился въ 1823 году въ с. Зарогѣ, лубенскаго уѣзда, и до 1832 года жилъ и обучался дома, въ зажиточной семьѣ отца. Съ 1832 года онъ поступаетъ въ Лубенское приходское училище, въ которомъ остается 3 года и отсюда, до окончанія училища, въ 1835 году переводится въ Переяславское духовное училище, гдѣ остается до 1840 года, а затѣмъ опредѣляется въ 4-ый классъ гимназiи. По окончанiи гимназiи въ 1844 году, онъ поступилъ въ кiевскiй университетъ, который окончилъ въ 1848 году по словесному факультету. Службу свою началъ онъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенiя, преподавая русскiй языкъ и словесность въ гимназiяхъ нѣжинской и немировской, затѣмъ перемѣнилъ службу и занималъ разныя должности въ государственномъ контролѣ въ С.-Петербургѣ, въ контрольныхъ палатахъ псковской, екатеринославской и волынской. Когда земство открыло на свои средства мужскую гимназiю въ Лубнахъ, М. Т. Симоновъ приглашенъ былъ занять въ ней мѣсто директора. Въ 1877 г. онъ вышелъ въ отставку и немало поработалъ затѣмъ на пользу земскаго дѣла, будучи одно время предсѣдателемъ лубенской земской управы, и, наконецъ, съ осени 1890 г. былъ мировымъ судьей въ Лубенскомъ уѣздѣ и предсѣдателемъ тамошняго мирового съѣзда.

Его личная и служебная дѣятельность прекрасно охарактеризована слѣдующими строками въ Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (1901 г. № 8). „Покойный принадлежалъ къ числу такихъ выдающихся дѣятелей на общественномъ и государственномъ поприщѣ, которые собственнымъ своимъ примѣромъ вносили въ окружающую ихъ среду, а въ особенности учащуюся—наглядныя понятiя о честности, порядкѣ, трудолюбiи и состраданiи къ ближнему. М. Т., проходя свою службу въ указанныхъ выше учрежденiяхъ и въ послѣднее время, за нѣсколько лѣтъ до своей кончины, оставивъ должность миро-

вого судьи, не измѣнялъ ни прекраснымъ наклонностямъ своего сердца, ни простому образу своей жизни: до смерти онъ тратилъ на себя крайне мало, живя въ обыкновенной крестьянской избѣ, и почти весь свой заработокъ отдавалъ нуждающимся. Привыкнувъ къ трудовой, скромной жизни съ юныхъ лѣтъ, и стоя на разныхъ ступеняхъ общественной дѣятельности, онъ свободные часы проводилъ за своей излюбленной работой на столярномъ верстаѣ и токарномъ станкѣ, много времени посвящая обращавшимся къ нему за разнообразными совѣтами крестьянамъ, любившимъ его безгранично за его практическія и теоретическія знанія въ разныхъ вопросахъ, такой сложной въ настоящее время, деревенской жизни. Не забывалъ онъ и учившейся у него молодежи, часто являвшейся съ разными вопросами къ своему бывшему директору, „строгому, но справедливому“. Время директорства М. Т. въ Лубенской гимназіи вспоминается бывшими воспитанниками этой гимназіи съ умиленіемъ, благодарностью къ бывшему ихъ директору“.

Чтобы судить, насколько М. Т. Симоновъ былъ преданъ общественнымъ интересамъ и заботился о благѣ родной земли, надо указать на тотъ фактъ, что, продавъ все свое имущество, онъ въ 1895 году подарилъ всѣ свои капиталы (около 50 тысячъ рублей) Полтавскому губернскому земству съ тѣмъ, чтобы капиталъ оставался неприкосновеннымъ, а проценты съ него расходовались на разныя благотворительныя дѣла. Главнымъ изъ нихъ является содержаніе въ родномъ ему селѣ Зарогѣ особаго врача, обязаннаго безвозмездно оказывать медицинское пособіе жителямъ с. Зарога съ хуторами, а также выдавать бесплатно лѣкарства.

Но помимо высокихъ качествъ покойнаго, какъ человѣка и общественнаго дѣателя, онъ, какъ сказано уже, занималъ и въ наукѣ и литературѣ почетное мѣсто, какъ составитель сборника малорусскихъ пословицъ подъ заглавіемъ „Українські приказки, прислів'я и таке инше. М. Номисъ“. Не будь ничего больше издано и напечатано М. Номисомъ—и въ такомъ случаѣ имя его сохранилось бы въ потомствѣ, т. к. трудъ этотъ составляетъ

вкладъ въ науку малорусской этнографіи не только по богатству матеріала, но и по способу обработки и систематизаціи, особенно принимая во вниманіе, что работа эта исполнена была около 30 лѣтъ тому назадъ. Но кромѣ этого этнографическаго труда, мы имѣемъ цѣлый рядъ рассказовъ М. Номиса въ беллетристической формѣ, въ которыхъ онъ обнаружилъ себя такимъ знатокомъ старыхъ народно-бытовыхъ чертъ своей родины, что чтеніе ихъ невольно переноситъ васъ въ ту обстановку малорусской жизни, которая теперь уже почти отошла въ область невозвратнаго прошлаго. Достаточно перечестъ вновь такіе его рассказы, какъ „Отрывки изъ автобіографіи Василя Петровича Бѣлокопытенка“, „Риздвяни святки“, „Дидь Мына и баба Мыныха“, чтобы почувствовать всю прелесть его простого и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оригинальнаго творчества.

М. Т. Симоновъ скончался въ любимомъ своемъ родномъ городѣ Лубнахъ, гдѣ и похороненъ 29 декабря. Изъ дома до кладбищенской церкви гробъ несли студенты разныхъ университетовъ, бывшіе во время праздниковъ въ Лубнахъ, а въ день погребенія изъ церкви до могилы—учителя гимназіи. На гробъ его возложены были вѣнки: 1) отъ Лубенской гимназіи первому своему директору; 2) отъ Лубенскаго [дамскаго] благотворительнаго общества; 3) отъ общества вспомошествованія бѣднымъ гимназистамъ; 4) отъ полтавской губернской земской управы; 5) отъ Лубенской уѣздной земской управы; 6) отъ неизвѣстныхъ „Дорогому учителю“; 7) отъ почитателей покойнаго; 8 и 9) сдѣланные руками дѣвушекъ Н. В. и А. С. Время не позволило намъ возложить на гробъ почившаго вѣнокъ отъ имени нашей редакціи, тѣсно связанной съ М. Т. Симоновымъ не только узами частныхъ отношеній, но и единствомъ общихъ интересовъ. Пусть же настоящая поминка будетъ выраженіемъ слабой дани того почтенія, которое мы всегда будемъ питать къ нашему почившему собрату и которое владеть на насъ обязательство въ будущемъ дать нашимъ читателямъ болѣе подробную характеристику какъ его личности, такъ и его трудовъ.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Нѣкоторые данныя для біографіи Т. Г. Шевченка. Въ недавно вышедшей во Львовѣ (1900 г.) книгѣ *Fr. Rawita-Gawrońskiego „Studia i szkice historyczne. Serja II*, среди другихъ очерковъ, почти исключительно касающихся различныхъ малорусскихъ вопросов¹⁾, встрѣчается *«Kilka słów o rodzinie i miejscu rodzinnem Tarasa Szewczenki»* (стр. 211—224).

Что-же это за «нѣсколько словъ» и насколько эти «слова» для насъ новы и важны? Послѣдуемъ за авторомъ и рассмотримъ по порядку тѣ новыя данныя и новыя выводы, къ которымъ пришелъ авторъ интересующаго насъ очерка.

Дѣло въ томъ, что у автора, въ его рукописномъ собраніи, оказалась одна рукопись подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *«Oblata aktu tradycyjnego na gruncie dóbr wsi Kuryłówki i innych w. Dębowskiemu służącego A^o 1779, d. 27 Febr. In Oro Kijowiensi»*. Это не что иное, какъ инвентарь с.с. Кирилловки, Педышовки и Козацкой долины (нынѣ с. Козацкое), принадлежавшихъ Ксаверію Любомырскому, полковнику русскихъ войскъ, составленный при передачѣ этихъ маестностей В. Дембовскому. Конечно, въ данномъ случаѣ главный интересъ представляетъ инвентарь с. Кирилловки, мѣста рож-

¹⁾ Здѣсь находятся: *Losy wielkiej fortuny na kresach ukraińnych. — Filip Orlik, nieuznany hetman kozacki. — Prawo bartne XVI w. — Pogląd na historję rolnictwa w Polsce. — Siabrostwo, jako forma władania ziemią. — Ludowe sądy kupne czyli kopne na Polesiu. — Przypadek jмé. p. Józefa Sieńkiewicza, namiestnika chorągwi tatarskiej. — Ludwika Sniadecka. —*

денія поэта. Но прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію данныхъ инвентаря, авторъ намѣренъ сказать нѣсколько словъ о семьѣ Шевченка, «такъ какъ этотъ вопросъ (ta sprawa) и донынѣ не исчерпанъ».

Въ біографіяхъ Шевченка (у Чалаго и у Конисскаго) говорится, что Шевченко имѣлъ двойную фамилію—*Шевченко-Грушевскій*, и что дѣдъ, а можетъ быть—прадѣдъ, Иванъ былъ «швецемъ», откуда и получилъ прозвище «Шевченко». Между тѣмъ оказывается, что въ спискѣ населенія с. Кирилловки *нѣтъ совершенно* фамиліи Грушевскихъ; «ни одинъ изъ прадѣдовъ, и даже дѣдовъ Шевченка не носилъ этой фамиліи». Остается допустить, что это—позднѣйшее, «панщизняное», добавленіе, явившееся по неизвѣстной для насъ причинѣ, и оно-то, собственно, и является прозвищемъ, уличной фамиліей.

Перейдемъ теперь къ названію «Шевченко». Происхожденіе его, какъ нарицательнаго отъ «швецъ», по крайней мѣрѣ въ отношеніи дѣда Шевченка, также не подтверждается. Въ инвентарѣ с. Кирилловки 1779 г. встрѣчается 4 названія одного и того же типа: «Василь Швецъ, Андрій Швецъ, *Оныстратъ Шевченко* и *вдова Іванія (!) Сзевсцусцихова*. Слѣдовательно, фамилія *Шевченко* въ это время уже существовала. Но гдѣ же дѣдъ Шевченка, Иванъ? Такъ какъ его имени не встрѣчается въ инвентарѣ, то авторъ считаетъ возможнымъ допустить «съ полнымъ правдоподобіемъ, что протопластомъ Тараса—дѣдомъ—былъ *Оныстратъ Шевченко* (?), хотя не исключается возможность родства по прямой линіи съ *Іваніа Szewscuzichowa*. Между тѣмъ, какъ намъ кажется, эта послѣдняя и есть не кто иная, какъ жена дѣда Шевченка, Ивана: на это указываетъ и несуществующее въ Малороссіи имя «Іванія», означающая просто—«жену Ивана» (Иваныху), и, еще болѣе, самая фамилія, образованная въ польскомъ духѣ—на «ова»: очевидно, она по смерти мужа оказалась «*Шевченчыха*» или «Шевчыха», а при записи полякомъ въ реестръ обратилось въ «*Шевчычухова*».

Слѣдующій затѣмъ спорный вопросъ—мѣсто жительства родителей Шевченка. Члѣнъ въ своемъ трудѣ говоритъ, что отецъ Шевченка «переселился въ Моринцы», а Конисскій—«перешелъ на жительство», а въ 1816 г. снова возвратился въ Кирилловку. Авторъ нашего очерка не допускаетъ возможности послѣдняго (первое, само собою, не правильно) въ виду строгости административныхъ поряд-

ковъ того времени: можно было бѣжать, быть проданнымъ въ другое село, но добровольное переселеніе—не мыслимо...

Но въ данномъ случаѣ и Кирилловка, и Моринцы принадлежали одному и тому же владѣльцу,—слѣдовательно, послѣдній ничего не потерялъ бы, если бы его подданный, по извѣстнымъ соображеніямъ и на извѣстныхъ условіяхъ перешелъ на новое жительство въ его же владѣніяхъ. Впрочемъ, мы не настаиваемъ на своемъ утвержденіи, а лишь указываемъ на возможность и такого рѣшенія вопроса.

Какъ же авторъ объясняетъ путаницу въ данномъ вопросѣ? «Мать Шевченка была родомъ изъ с. Моринець, а отецъ былъ *не швецомъ и не плотникомъ*, но, какъ видимъ изъ упомянутого инвентаря, землепашцемъ с. Кирилловки» (но могъ бы быть и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ?). «Произошла обычная исторія: мать Шевченка, чувствуя приближеніе родовъ, захотѣла отбыть ихъ у родителей—отбыла, дитя обрестила у родителей и вернулась къ мужу и хозяйству».

Прекрасно... Но почему же въ метрической книгѣ с. Моринець, гдѣ записанъ актъ о рожденіи и крещеніи Тараса Шевченка, сказано: «у жителя с. Моринець Григорія Шевченка и жены его Екатерины родился сынъ Тарасъ. Молитвовалъ и крестилъ іерей Алексѣй Базаринскій. Восприемникомъ при крещеніи былъ Григорій Ивановъ Дяденко, *житель Моринскій*.¹⁾—Или предположить, что священникъ допустилъ вольную или невольную ошибку? Однако мы и на этомъ не будемъ настаивать—вопросъ этотъ пока еще открытый.

Перейдемъ далѣе,—къ вопросу о зажиточности семьи Шевченка. Это наиболѣе оригинальная и наименѣе обоснованная часть въ его очеркѣ. Взявъ за основаніе слова поэта въ одномъ изъ его произведеній на великорусскомъ языкѣ: «Передо мною наша бѣдная, старая бѣлая хата, съ потемнѣвшею соломенной крышей и чернымъ «дымаремъ», а около хаты на „причильку“, яблоня съ краснобокими яблочками, а вокругъ яблони цвѣтникъ, любимецъ моей незабвенной сестры... За вербою клуны, а за клуней... „левада“,—авторъ съ достаточной наивною утверждать: «тамъ въ серьезъ о нуждѣ не могло быть и рѣчь, гдѣ делятъ сады съ цвѣтами (но вѣдь этотъ маленький цвѣтникъ—отъ собственныхъ трудовъ сестры Тараса?), гдѣ есть хорошія (?) хозяйственные постройки (?) (клуны), гдѣ есть садъ у хаты, за садомъ огромное (?) паст-

¹⁾ Киевск. Стар. 1891, № 2, стр. 315.

бище (левада)». Вообще же, по словамъ автора, причина изображенія въ мрачныхъ краскахъ жизни Шевченка какъ у біографовъ, такъ и у самого поэта, вызвана *«недоразумѣніемъ между простотой, нетребовательностью жизни и обычаямъ того времени и привычками и потребностями псевдо-цивилизационными»* (!)

Наивность ли это, или что-либо большее?

Чтобы обосновать фактически свои утвержденія о зажиточности родителей Шевченка, авторъ ссылается на инвентарь с. Кирилловки 1780 г. (т. е. за 34 года до рожденія послѣдняго!) и находитъ тамъ, что и Іварія Шевчычуха и Оныстратъ Шевченко принадлежали къ наиболѣе богатымъ семьямъ, ибо первая платила чиншу 16 зл., а второй 32, и что въ то время вообще *панщины*, въ смыслѣ земельной повинности, въ Кирилловкѣ не существовало; что подати были очень малы и т. п. (стр. 221), а между тѣмъ раньше (стр. 220) одно лишь перечисленіе всевозможныхъ повинностей и платежей заняло чуть ли не полъ-страницы. Да и самъ авторъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 221), говоря о притѣсненіяхъ Любомірскаго, приводитъ свидѣтельство крестьянъ с. Кирилловки, что «дольше они поставятъ подводъ не будутъ въ состояніи»; «но это,—замѣчаетъ авторъ,— была причина вовсе не экономическая, но попросту *злоупотребленіе!*»

Таковы новыя данныя о Шевченкѣ, найденныя нами въ очеркѣ г. Равиты-Гавронскаго. Въ сущности, новаго даво очень мало, но за то много раздраженія по адресу «*lekkomyślnie operujących słowami biografów*», по адресу «школы хлопомановъ и позднѣйшихъ ихъ поклѣннѣй», безъ котораго, повидимому, означенный очеркъ ничего бы не потерялъ, а только лишь выигралъ.

В. Д.

Письмо А. Л. Метлинскаго къ Н. И. Костомарову о проектѣ общества для изданія малорусскихъ народныхъ книгъ. Печатаемое ниже письмо проф. харьковскаго университета Амвросія Лукьяновича Метлинскаго къ Н. И. Костомарову получено было въ Кіевѣ уже послѣ ареста Костомарова, обвиненнаго въ принадлежности къ славянскому кирилло-меоодіевскому обществу. Съ Метлинскимъ Костомаровъ сблизился еще въ Харьковѣ. У пріятелей явилась мысль издавать сельское чтеніе для простого народа на малорус-

скомъ языкѣ; предполагалось, между прочимъ, переводить статьи изъ «Сельскаго Чтенія» кн. Одоевскаго. Костомаровъ писалъ объ этомъ Метлинскому, предлагалъ подыскать сотрудниковъ и жертвователей и разработать программу изданія для представленія властямъ на утвержденіе; предполагалось просить содѣйствія Министерства Госуд. Имуществъ въ дѣлѣ распространенія изданія между простымъ народомъ. Метлинскій въ письмахъ Костомарову усердно разсматривалъ вопросъ о правописаніи для малорусскихъ сочиненій; К. относился къ этому нѣсколько скептически; М. доказывалъ важность вопроса. При этомъ попутно поднимались вопросы объ исторіи малорусскаго дворянства, о поддержаніи народности и пр. Дѣло о кияно-мееодіевскомъ обществѣ, какъ извѣстно, окончилось печально для обвиняемыхъ, и издательское общество, организациіи котораго посвящено письмо Метлинскаго, не могло осуществиться въ то время. Сколько извѣстно, Метлинскій не былъ привлеченъ къ дѣлу, продолжалъ беспрепятственно свою преподавательскую дѣятельность въ харьковскомъ и кievскомъ университетахъ до 1858 г. Въ 1854 г. онъ напечаталъ «Народныя южнорусскія пѣсни», создавшія ему почетное имя въ литературѣ.

Копія настоящаго письма отыскалась въ бумагахъ покойнаго Н. А. Ригельмана, любезно переданныхъ въ редакцію сыномъ его.

«Харьковъ при католической церкви. 28 марта 1847. Коханный ты мій Микола! Давненько такъ ты не калякавъ еси зо мною. Та силькись! Я не такой мудрый чоловікъ, щобъ и тобѣ оддячити за се довгою мовчанкою. Такъ почнемо на мову твою до мене де що казати. Саме важнѣйше зъ усего того, що ты до мене пишешъ, конечно е те за для тебе, що женишся: се змѣна въ життѣю чоловіка на цѣлый вѣкъ и змѣна безпремѣйна для всѣхъ, окроме деякихъ людей, которыхъ небагато. Бажаю тобѣ зъ будущею жинкою, зъ твоею матерью, зъ усімъ родомъ доброго життя отъ Господа Бога, а далѣ здоровья и всякого другого счастья, бо теиерь усе для васъ обще и одинъ безъ другого стало быть ничего не матимете. А я для тебе останусь тавже риднымъ, якъ бувъ и попереду, бо не маю и не матиму семьи, племени и роду особливого: такъ пишло життя мое, а може й не безъ Божого поущенія.

Панъ П. П. Артемовскій Гулакъ иногда хвораеть, а дѣла не покидае: пагадять хочъ про адьюнкство я не мавъ случаю та и не знаю, чи послужило бъ до того. Коли хочъ, напиши до его. Письмо

твое дійшло до мене на страстній недѣли. Чувъ одъ Сементовскаго, що и винъ одъ тебе получивъ. Я не думаю, якъ ты писавъ и пишешъ, щобъ война за правописаніе була задаромъ: бо писанья и вымова—зямя характера и существа народности. А шо таке война за дворянство, не вѣдаю, а равно и шо зъ того буде. Я предлагавъ, окромѣ правописанія, змѣну книжокъ и проче, и ничого на те не чую. Писавъ недавно до Срезневскаго, якій видно дуже... занявся, що тильки до родычивъ инше. Почувъ недавно, що Кулѣшъ за границею, а Шевченко занявся зъ чарочками (шкода!). Чи не багато, пане брате, замышляешь? купишь имѣніе: гляди, щобъ не *процѣтити*(?) ¹⁾ грошей задаромъ! ²⁾

Кулѣшъ просивъ збирать пидписку на чорную раду на малороске ³⁾; почавъ було збирать, а тія рады немає! Писавъ еси про Хмельницкого: розшитувався, а про Хмельницкого нечутв! Задумали есте изданья для простого народу: чога бъ, кажу, лучше. Почавъ було и самъ и приглашать декого писати шо можна для того благого дѣла изъ людей, зяающихъ науку добре... такъ ни бо! Вже... шось инше! Хто жъ звѣриться на насъ, якъ буде на тыждень симъ пятниць?

Общества для печатанія не гудю, только нужно его утвердити гараздъ, а то никто не пристане изъ постороннихъ, а коли мало буде, то выйде изъ усега вшыкъ! Совѣстно и казать (хоча казавъ), бо не вѣдасшт, шо одвѣтитъ на деяки необходимы вопросы. Моя рада (и до неп приставъ бы де хто): збирается сумма (безъ всякаго общества... См. *сводъ уол. зак.*) для пособія при изданіи сочиненій, имѣющихъ предметомъ Южную Русь по языку и содержанию или принадлежащихъ южному краю Россіи въ этихъ отношеніяхъ и имѣющихъ цѣлю содѣйствовать так. обр. познанію своего отечественнаго и противодѣйствуя распространенію чужеземныхъ, несвоиственныхъ духу и почвѣ народа мечтаній (еще что нибудь о народности, неразрывно связанной съ правосл. и самодерж.), послѣдую примѣру Географическаго общества и тому подобное (ты понимаешь, что надобно оставлять что-нибудь и для размышленія читателю и

¹⁾ Очевидно въ копіи слово исковеркано: вѣроятно—*запронастити*

²⁾ Н. И. Костомаровъ дѣйствительно думалъ было купить небольшое имѣніе въ Кіевщинѣ, но ватѣмъ отказался отъ этого плана.

³⁾ Вѣроятно—*по-малорусски*.

соблюдать не только раціональныя, но и оффиціальныя формы). Подписчикъ вноситъ 10 или 15 р. сер. *единовременно* (кто хочетъ, пожалуй и больше: тѣмъ лучше!). Капиталъ владется въ Приказъ общественнаго призрѣнія въ Кіевѣ и Харьковѣ (для избѣжанія издержекъ при пересылкахъ), съ тѣмъ, чтобы проценты ежегодно выдавались въ Кіевскія или Харьковскія типографіи за напечатаніе упомянутыхъ сочиненій. Сочиненія должны быть одобрены, по крайней мѣрѣ, тремя изъ подписчиковъ, доказавшихъ свое знаніе языка и края, или избранными отъ прочихъ подписчиковъ. Подписчики получаютъ проценты (даже 10-й) на свою сумму книгами, изданными (ничего не теряютъ), а сверхъ того напечатанные экземпляры предоставляются автору въ пользу и распоряженіе (подписчики постоянные могутъ и должны бы помогать также сбыту).—Я надѣюсь быть лѣтомъ въ Кіевѣ. Если общество рѣшится на что-нибудь подобное, внеси за меня: или отдамъ лично, или пришлю деньги, ежели дѣло состоится и найду участниковъ, а не то, буду подписчикомъ на Шевченка и хорошія сочиненія.

Кланяюсь панови Шевченкови и посылаю подарунокъ ¹⁾. Девинъ буває, Богъ его знае: перешли до его. Извѣсти, коли кому изъ щирыхъ знадобится моя книжка: багатому за гроши, а бѣдному за спасибо: идучи у Кіевъ, буде случай передать. Тутъ начинаютъ багато де хто говорить, а у мене есть довольно и писаного, бильше чудного и, особливо по языку, дуже доброго. Якъ бы составился капиталъ, то навѣки нашлась бы дорога для слова и дарованія: уже на 300 единовр. пожертвованій можно бы мати проценты для невеличкихъ книжечки, а що бильше, то лучше для кожного, и потому було бь выгодно для кожного шукать пристающихъ до сего дѣла.—Программу въ такомъ родѣ, какъ я отчасти накинувъ, треба бь напечатать и роздать ревнителямъ въ достаточномъ числѣ экземпляровъ (печатное много значить!) Существо дѣла, напр., что печатать на южномъ языкѣ, подразумѣвать и кому слѣдуетъ объявить и соблюдать; въ печатной же программѣ нечего входить въ *мелочи* и *подробности*; они должны быть приняты *tacite*. Я готовъ бы може пристать и до вашего плану; но ты ничего про се опять не пишешь и до

¹⁾ Къ письму приложено стихотвореніе Владиміра Александрова «До Т. Шевченка»: «Брате—голубе Тарасе! Счастливый ты въ Бога: Богъ давъ тобі слезы й слово—Спивай яко мога» и пр.

Сементовского. Да и какъ, опять, просить давать сочиненія *безмездно* кого нибудь? Свое готовъ бы, но чужое просить совѣстно. Но повторяю, чтобъ дѣлу доброму не помѣшать, на первый разъ 10 р. за мною, а дальше побачемо, якъ Богъ дастъ.

Письмо В. В. Тарновскаго къ Т. Г. Шевченку. Письмо это, не датированное временемъ и мѣстомъ, касается какого-то произведенія Шевченка, которое В. В. Тарновскій, извѣстный дѣлатель по крестьянской реформѣ,¹⁾ совѣтуетъ даже сжечь. Незвѣстно, о какомъ сочиненіи идетъ рѣчь, но судя по тону письма, вѣроятно объ одной изъ повѣстей его на русскомъ книжномъ языкѣ, такъ-какъ совѣты, подобныя даваемому В. В. Тарновскимъ, часто слышались отъ разныхъ лицъ по адресу его русскихъ повѣстей, какъ наир. въ 1858 г. отъ П. Кулиша и С. Аксакова.

«Когда Вы рассказывали мнѣ, милый другъ, Тарась Григорьевичъ, содержаніе сочиненія Вашего, я со всею откровенностію выразилъ Вамъ мою мысль о главномъ недостаткѣ его и догадывался, что оно не удастся и въ исполненіи... Теперь я убѣдился, что самый высокій талантъ надаетъ, когда избираетъ ложный путь: исполненіе ниже Вашего таланта.—Умоляю Васъ, сожгите Вашу рукопись. Горько намъ было бы, если бы мимолетное заблужденіе положило пятно на Вашу славу и вмѣстѣ съ тѣмъ и на нашу народную литературу.—Простите мою искренность, она внушена глубокимъ къ Вамъ уваженіемъ и любовью къ Вамъ и народу.

Вашъ искренній другъ В. Тарновскій.

Вѣнчаніе вокругъ „дичи“. (Случай двукратнаго вниманія одной и той же четь). Въ концѣ 20-хъ гг. XIX ст. въ с. Колодистомъ, Звенигородск. у., появился, какъ кажется изъ Черкаскаго уѣзда, нѣкій, преклонныхъ лѣтъ священникъ Левицкій,—„дыкій пипъ“ Появленіе его въ означеномъ мѣстѣ вызвано было двумя причинами: съ одной стороны, дочь его, вдова матушка, вышла замужъ за одного изъ богатей с. Колодистаго—крестьянина Павла Зарембу; а съ другой—батюшка, не вѣдомо за какія прегрѣшенія, находился „на запрещеніи“. Явля-

¹⁾ См. о немъ Кіевск. Стар. 1898 г. № 4.

пись въ село, гдѣ въ то время священствовалъ Маркіянъ Доманицкій, и, не имѣя никакого занятія, священникъ Левицкій придумалъ оригинальный способъ конкуренціи съ мѣстнымъ настоятелемъ: сталъ вѣнчать по дешевымъ цѣнамъ и при томъ упрощеннымъ способомъ. Похитивши заблаговременно на клиросѣ въ церкви требникъ, о. Левицкій, гдѣ-нибудь въ коморѣ, или въ хатѣ, ставилъ брачущихся въ парѣ, читалъ надъ ними изъ требника соотвѣтствующія молитвы и, при цѣнѣ «Исаія ликуй», обводилъ ихъ трижды вокругъ „*дижи*“. На этомъ обрядѣ и прекращался. Если же почему-либо о. Левицкому не удавалось заблаговременно припрятать требникъ, тогда онъ читалъ различныя молитвы на память, какія только приходили ему въ голову, при чемъ фантазія играла не послѣднюю роль. Слава о немъ, какъ о священникѣ, который вѣнчаетъ безъ всякихъ формальностей, прогремѣла далеко. Къ нему начали съѣзжаться крестьяне и мелкіе панки изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей Звенигородщины и Уманщины, и Херсонской губерніи—всѣ, у кого являлись затрудненія въ смыслѣ паспорта или близкой степени родства. Дошло даже до того, что Колодистскіе парафіане совершенно перестали вѣнчаться въ церкви у своего настоятеля.¹⁾ И не одну пару, да и не одинъ десятокъ, повѣнчалъ о. Левицкій упрощеннымъ способомъ; а тѣ и не подозрѣвали, что ихъ брачные союзы, освященные благословеніемъ священника „не законны...“

Между тѣмъ прошло почти двадцать лѣтъ. Одни изъ обвѣнчанныхъ о. Левицкимъ умерли (мы разумѣемъ только Колодистскихъ), другіе разошлись по бѣлу свѣту, немногіе остались въ живыхъ; умеръ уже и мѣстный священникъ, при которомъ совершалъ вѣнчанія о. Левицкій,—Маркіянъ Доманицкій, а на его мѣсто поступилъ сынъ его Михаилъ. Какъ вдругъ откуда-то дошла вѣсть до консисторіи (почти черезъ двадцать лѣтъ!) о «неблагополучіи» въ с. Колодистомъ. Довлаживаютъ архіерею, архіерей велитъ изготovitъ указъ, по которому всѣхъ лицъ, обвѣнчанныхъ незаконно свящ. Левицкимъ, предписывается немедленно обвѣнчать „*повторяемымъ бракомъ*“. Ко времени

¹⁾ Любопытную картину представляютъ записи метрическихъ книгъ того времени. Въ отдѣлѣ о брачующихся, число состоявшихся браковъ въ г.г. 1824—1826 и 1829—1837 въ среднемъ даетъ цифру 12, не понижаясь за 8 и не повышаясь за 17. Между тѣмъ въ годы пребыванія свящ. Левицкаго—1827—1828—оказывается: въ 1827—3, а въ 1828—1.

полученія указа, въ нач. 1846 г., въ с. Колодистомъ оказалась, кажется, только одна чета, подлежащая „повторяемому брику“. Это были: казенный крестьянинъ Яковъ Матвѣевъ Заверуха, 67 лѣтъ, и жена его — Евфросинія Ивановна—56 л. ¹⁾

Трудно вообразить себѣ, какія чувства испытывали престарѣлые повобрачные, потребованные къ вѣнцу послѣ почти двадцатилѣтней совмѣстной семейной жизни, имѣвшіе уже взрослыхъ дѣтей, — и теперь эти послѣдніе оказываются какъ будто незаконными! ²⁾

Обвѣнчанная наново чета еще не скоро отошла въ иной міръ. Мужъ умеръ спустя девять лѣтъ (въ 1855 г.), а женѣ суждено было существовать еще цѣлыхъ 28 лѣтъ.

Собщицъ В. Доманицкій.

Къ бытовой исторіи малорусскихъ монастырей. *Письмо гетмана Разумовскаго къ кіевскому митрополиту о томъ, чтобы Максаковскій игуменъ и другія духовныя власти не брали платы на паромныхъ перевозахъ.* «Преосвященнѣйшій господинъ архіепископъ митрополитъ Кіевскій, намъ въ Духу Святомъ отецъ пастыръ. Умершого судіи генералнаго Лисенка жена, чрезъ поданное свое прошеніе, донесла намъ, что ігуменъ епархіи Кіевской, монастыря Максаковскаго Митрофанъ Горленко, прошлаго юня, первыхъ члселъ, у отправленныхъ отъ ея судіиной подданныхъ, въ ея маестность, съ тремя куфами простаго вина, одну куфу, за неуплатку перевознаго, заграбилъ былъ, и по тѣ поры въ монастырѣ содержалъ, пока требуемаго платежа неуплачено. Да и въ прошломъ де мѣсяцѣ сентябрѣ онъ же, ігуменъ, въ ѣдущихъ же къ ней судіиной съ естными и другими домовыми припасы, подданныхъ же, заграбилъ же до нѣсколко десять локоть свитнаго сукна, которое де хотя на ея судіиной прошеніе и воавратилъ, толко къ ней, судіиной, писалъ, дабы отъ нея подданнымъ было притверждено, чтобъ подданніе ея, перевозжающіе чрезъ Максаковскій паромъ, платились, и просила въ томъ нашего рассмотренія. И хотя намъ еще неизвѣстно по какимъ крѣпостямъ оной Максаковскій монастырь то перевозное збѣраетъ и должно-ль собѣрать ему, и каковой-

¹⁾ По слухамъ, всѣхъ «перевѣнчанныхъ» было паръ десять. Но въ Метрич. книгахъ мы нигдѣ не нашли подтвержденія этого.

²⁾ Кромѣ этихъ дѣтей, у Якова Заверухи были еще другіе дѣти отъ первой жены, большею частію уже пристроенныя.

платежъ съ купечества?—О томъ впредъ подлежащія справки учинены будутъ. Нынѣ же, яко изъ вѣдѣнаго доношенія оказывается, что на ономъ перевозѣ и изъ подданныхъ владѣльческихъ не ради купечества, но точію зъ припасами владѣльческими изъ одной въ другую деревню переезжающихъ, требуется платежа. А уповаю, что вашему преосвященству не безъизвѣстно о состоявшихся указахъ за жизнь блаженнаго и вѣчнодостойнаго памяти государини императрицы Анны Іоанновны, Самодержицы Всероссійской, въ 734 году, августа въ 8 д., именномъ, за подписаніемъ собственнаго ея импер. величества руки, въ коемъ между прочимъ повелѣно: на мостахъ, на гребляхъ и на перевозахъ—зъ генералвой старшины, полковниковъ и съ полковой старшины, сотниковъ и прочихъ чиновниковъ, такожъ и зъ козаковъ зъ доношеніями въ Глуховъ и въ прочіе мѣста посылаемыхъ, да и съ подданныхъ старшинскихъ и полковничихъ и прочихъ чиновниковъ—съ естными и питейными припаси въ Глуховъ въ нимъ едущихъ а изъ Глухова возвращающихся—никакого платежа не брать, по прежнему ихъ обикновенію, 2) Правительствующаго сената въ 746-мъ годѣ, генваря 20 д., съ темъ повелѣніемъ, дабы со всякихъ служивихъ людей, козаковъ, духовенства и посполства, переезжающихъ не ради своего купечества,—мостового, погребельного и перевозного отнюдь не брать, подъ взятіемъ неопустного штрафа. Того ради, ваше преосвященство, соблаговольте, какъ къ оному ігумену Макаковскому, такъ и къ другимъ духовнымъ властямъ, у коихъ въ Малой Россіи такіе жъ перевозки имѣются, чтобъ на оныхъ зъ козаковъ и посполства, переезжающихъ не ради купечества, никакого платежа не взимаю и не требовано накрепко предложить, а отъ насъ къ полковнику Черняговскому, чтобъ онъ наблюдать приказалъ, дабы въ силѣ предписанныхъ указовъ на томъ Макаковскомъ и другихъ перевозахъ никакого платежа зъ козаковъ и посполства, не за купечествомъ едущихъ, отнюдь не взимаю, предложено.

Вашего преосвященства *послушнѣйшій слуга Графъ К. Разумовскій.* 1)

751 году, ноябра 5 дня. № 2513».

(Съ подлинника).

1) Курсивомъ напечатанныя слова писаны собственноручно граф. К. Разумовскимъ.

Переселеніе малороссіянъ въ Тамбовскій край въ полов. XVIII вѣка. Сложившіяся тяжелыя условія общественной жизни для крестьянъ и козаковъ въ гетманщинѣ—заставляли ихъ,—уже съ первыхъ десятилѣтій XVIII в.,—покидать родину и уходить въ невѣдомыя мѣста для отысканія лучшихъ условій быта. По свѣдѣнію Якова Марковича, уже въ 1741 г. «мужики» Лубенскаго полка «записывались въ Оренбургъ».. (II, 139). А вотъ любопытное свѣдѣніе о переселеніи гетманцевъ въ Тамбовскій край въ 1751 г., сообщаемое И. И. Дубасовымъ въ его интересныхъ разсказахъ „Изъ Тамбовскихъ былей“.

„Въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка у насъ все еще совершалась первобытная колонизація. Шли къ намъ цѣлыми сотнями-таборами и малороссы. Они обыкновенно «осаживались» на свободныхъ земляхъ крупныхъ тамбовскихъ помѣщиковъ и обязывались платить за это владѣльцамъ «чиншовой сборъ». Такъ, въ 1751 г. малороссы, подъ начальствомъ Якова Гуца, поселились на землѣ Нарышкиныхъ, въ Шацкомъ уѣздѣ и основали село Новодмитріевское, Елань тожь. Мало-по-малу колонія размножилась и усилилась вслѣдствіе естественнаго размноженія и новыхъ переселеній. Тогда Еланцы, по старокозацкому обычаю, задумали присвоить себѣ новоселитѣбныя земли. Они собрались «со всей слободы до единого человѣка, вооруженные пришли въ домъ Нарышкинскваго управляющаго Небольсина и отняли у него Нарышкинскую казну. А затѣмъ торжественно и самоуправно объявили сами себѣ, что занятая ими земля не Нарышкинская, а казенная.»

«Иные ихъ земляки поступали гораздо хуже. Въ 1760 г. Малороссійскій таборъ, человѣкъ въ 500 и больше, самовольно поселился въ «Чураевскомъ бору», близъ р. Выши, риздѣлился на „курени“ и безвѣчно зажилъ козацкою жизнью. Чураевскіе козаки въ своемъ глухомъ лѣсу выбрали поляну въ нѣсколько верстъ и поставили «многія избы» и «вырыли многія землянки». Чѣмъ жили они, мы не знаемъ. Вѣроятно, про это знали лучше ихъ сосѣди и г. г. прѣвѣжающіе... Шацкія власти приступили къ упорядоченію Чураевскихъ самовольниковъ только въ 1771 г....» (*Русск. Арх.* 1900, № 3, стр. 427).

Это было свободное переселеніе на востокъ. Несвободныя переселенія крестьянъ, изъ Малороссіи, туда—случались нерѣдко въ XIX в. Объ одномъ изъ нихъ приводитъ любопытныя свѣдѣнія г. Влад. Короленко въ разсказѣ о переселеніи гр. Ал. Ъир. Разумовскимъ, (бывшимъ м—ромъ нар. просвѣщенія) своихъ крестьянъ въ Лукьяновскій уѣздъ,

Нижегор. губ., (Русск. Вѣд. 1892 г., № 319 и Русск. Богатство 1893 г., № 7, стр. 170).

Къ исторіи народнаго волненія, бывшаго въ гетманщинѣ вслѣдъ за поставленіемъ Мазепы гетманомъ. Объ этомъ народномъ волненіи выѣтся уже нѣсколько свѣдѣній (см. Кіевск. Стар. 1898 г., мартъ, 483). Приводимъ еще одно.

«Року 1687, мца октоврѣя 20 дня. На ратушу нашомъ Гадацкомъ, предо мѣною Иваномъ Озерянскимъ, на сей часъ сотникомъ Гадацкимъ, Ѳеодоромъ Донъцемъ, атаманомъ городовимъ, при бытности значнаго товариства войскового, пана Тишъка Подлѣснаго, пана Еухима Вечурки, Кирила Мартиновича, Жадка Стефановича, Ѳеодора Бруховецкаго, Криштопа Вѣлчынъскаго, городничаго Гадацкаго, а изъ майстрату Гадацкаго: Романа Михайловича, войта, Ігната Василевича, Івана Тимошенъка, бурмистровъ Гадацкихъ. Станувши персвалѣтеръ Паско Степаненко і Гарасимъ Паниченко, жители Лютевские, поручилися за троухъ чоловѣка, втоужъ жителей Лютевскихъ, іминно: за Паска Бойченка, Матвѣя Кубѣтенъка и за Куця Колесника, а то таковимъ способомъ, ижъ оные мененъние Паско Бойченко, Матвѣя Кубѣтенко і Куць Колесникъ розъшарнали худобу его мсти пана Михайла Буроховича, полковника войска ихъ прскаго пресвѣтлаго величества Запорозскаго Гадацкаго, подчасъ трѣхъ нещасливихъ рабунъковъ; теда такъ тие поручники Паско Степаненко і Гарасимъ Паниченко дали на себе таковий вирокъ, мовлячи такъ: если би которий колвекъ мѣвъ ухилитись с тихъ то рабовниковъ, мы повинъни за той ихъ вистунокъ, яко поручники, во всемъ що ни шкодуеть его млтѣ панъ полковникъ нашъ Гадацкый—сами все тое слушне нагородити мы мѣемъ, що втоужъ мы вишьнаписаний урядъ оную поруку записавши, его милосты пану Михайлу Буроховичу, полковникави своему, при звяклой печати наши майстратовой казалисмо видати.

Писанъ на ратуши нашомъ Гадацкомъ, року и дня вишисаного. М. П.

Року 1688, мца февруарѣя 18 д., данъ термѣнъ з суду Паску Степаненку и Гарасиму Паниченку і назначено до середопуста на постановлене передъ судомъ Паска Бойченка, а ежели не поставять

на менованый термѣнъ передъ судомъ, тебѣ всю шкodu одъ Паска уиновеную, оны поручники, заплатити мають тысячу золотыхъ пану полк(овникови). Захарія Шийкевичъ». (Съ подлинника).

Походное вооруженіе гетманскаго козана въ 1735 г. видно изъ слѣд. „вѣдомости“, представленной Топалскимъ сотникомъ въ „полковую Стародубскую канцелярію“— „коликое число сотнѣ Топалской козаковъ въ походъ откомандировано и что въ нихъ имѣется оружія и оружейныхъ припасовъ“.

— Григорій Кирияновъ имѣеть мушкетъ, шаблю и списъ, пороку фунтовъ полтрета ($2\frac{1}{2}$), куль 50.

— Савва Махоринъ имѣеть мушкетъ, шаблю и списъ, пороку фунт. 2, куль 70.

— Николай Гракъ имѣеть мушкетъ, шаблю и списъ, пороку фунтовъ 2, куль 50.

— Мойсей Розувановъ имѣеть мушкетъ, шаблю и списъ, пороку фунтовъ 2, куль 100.

— Артемъ Хаменокъ имѣеть мушкетъ, шаблю и списъ, пороку фунтовъ 3, куль 100. И т. д.

Всѣхъ перечислено 14 козаковъ.

«На сей вѣдомости подписались: Сотникъ наказный Топалскій Михайло Янджуръ. За хоружого правящій Гавриилъ Бочогъ. Цисаръ сотнѣ Топалской Хрисанъ Околовичъ». (Съ подлинника).

Литература народнаго самоврачеванія въ Малороссіи.

Въ 1882 г. была издана очень интересная книжка Н. В. Слюнинымъ— „Матеріалы для изученія народной медицины въ Россіи“, (СПб. 80, 91 стр.) въ приложеніи къ которой помѣщенъ указатель *изветныхъ статей* по народному самоврачеванію. Изъ этого указателя перечисляемъ статьи, относящіяся къ Малороссіи.

1861 г. Кіевскій Телеграфъ, № 50.—1863 г. Харьковскія губ. вѣдомости, № 22 —1867 г. Кіевск. губ. вѣд., №№ 2—15. Кіевлянинъ, №№ 82—89.—1868 г. Кіевск. телеграфъ, №№ 56—57—1875 г. Кіевск. Губ. Вѣд., № 7.

Два универсала Спиридону Шираю, 1688 г. (*Къ характеристикѣ Мазепы*). Въ числѣ бумагъ, поступившихъ въ б—ку университета св. Владимира изъ собранія М. О. Судьенка, находятся, между прочимъ, слѣдующіе два универсала, въ подлинникахъ.

I. „Іоанъ Мазепа, гетмавъ зъ войскомъ ихъ царскаго пресвѣтлого величества Запорожкимъ.

Пану полковникови Стародубовскому, зо всею его полковою старшиною, также сотникомъ, атаманомъ и всѣмъ обывателемъ тамошнимъ, ознаймуемъ, ижъ зъ певныхъ респектовъ и причинъ надаемъ в завѣдоване и в уживане, до ласки нашей войсковою, селце Синимъ прозиваемое п. Сипридонови, обывателеви Стародубскому. Вѣдаючи теде о таковой нашей волѣ, абы ему, помененному Спиридонуви в держеню того преречового села и в отбраню з него отъ тяглыхъ людей (оирочъ козаковъ) всякого послушенства, не важился якъ самъ панъ полковникъ Стародубовский, такъ и нѣкто зъ обывателей тамошнихъ жадной и наименшой чинити перешкоды, пилно мѣсти хочемъ и приказуемъ. З Батурина. 26 мая, 1688. Звпшьменованъный гетманъ рукою власною“.

II. „Іоанъ Мазепа, гетманъ зъ войскомъ ихъ царскаго пресвѣтлого величества Запорожкимъ.

Вѣдомо чинимъ симъ нашимъ писанемъ каждому, кому бы о томъ вѣдати належало, меновите пану полковниковѣ войска ихъ царскаго пресвѣтлого величества Запорожкого Стародубовскому, обозному, судии, асаулови, сотникомъ, атаманомъ и всему старшому и меншому полку тамошнего товариству, ижъ по указу великихъ государей нашихъ, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой государинѣ и благовѣрной царевни и великой княжны Софли Алексѣевнѣ, всея Великія и Малыя и Бѣлія России самодержцовъ, кгда мы справуемъ въ Малоросійскихъ городахъ належитий порядокъ, уступивъ доброволне учтивий панъ Ісаакъ Ярмоловичъ Деревянка такъ уряду войтовства Стародубовского, яко и села Озаричъ ¹⁾, на тотъ же урядъ идучого, а на тое мѣстце отъ майстратовыхъ и обывателей Стародубовскихъ есть обранъ панъ Спиридонъ. Еднакъ же ми для заслугъ его и певныхъ респектовъ, не отдаемъ пана Ісаака Ярмоловича отъ слободки на томъ крунтѣ,

¹⁾ Должно бы ъ Азаровки.

прозываемой Автоновъ Лубокъ, стоячей, але позволяемъ ему зъ людей тяглихъ тамошнихъ належитое соби отбирати послушенство; также и зъ троухъ млиновъ на рецѣ Ревнѣ своею працею и своимъ коштомъ въ певнихъ рознихъ мѣстахъ, именно: на сыромъ коренѣ, подъ селомъ Демянками, урочища Гутнича и въ селѣ Понуровцѣ построенихъ, при господарской своей части отъ войсковихъ размѣровъ до ласки нашей не отдаляемъ. Тутъ же и сѣнжати его, называемие Будища, межи рѣчъками Ревною и Товкачовкою, за власные свои грошѣ покушление, на которие и кучие маеть, симъ нашимъ універсаломъ ствержаемъ. Въ якомъ прето заживаню всѣхъ тыхъ вышѣ писанихъ добръ, аби никто такъ зъ старшими и черни найменшой не важился чинить пану Ісааку перешкоди, ипши варуемъ и рейментарско заказуемъ. Писанъ въ Батуринѣ, року 1688, мѣсяца ноеврія 3.

Звышѣ менованный гетманъ рукою власною“.

Не имѣя предъ собою перваго універсала въ подлинникѣ можно было бы усомниться въ его дѣйствительности. По этому універсалу Мазепа, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего поставленія, отдаеть крестьянъ села Синина, „съ певныхъ респектовъ и причинъ“, „п. Сигридонови, обывателеви Стародубскому“, при чемъ отдаются крестьяне, на общемъ основаніи — „для отбирания отъ нихъ всякаго послушенства“. Кто такой „п. Спиридонъ“, какія его заслуги въ «Войскѣ» (только за эти услуги гетманъ и могъ раздавать маетности) — объ этомъ въ универсалѣ не говорится ни слова, вопреки непремѣнному тогдашнему обычаю — указывать на услуги «Войску» жалуемаго.

Черезъ пять мѣсяцевъ послѣ выдачи перваго універсала, выдается другой универсалъ, извѣщающій объ избраніи войтомъ главнаго торговаго центра старой Малороссіи, — Стародуба, — тогоже «п. Спиридона», (при чемъ въ универсалѣ указывается опять одно только календарное имя новаго войта), и утверждающій за прежнимъ войтомъ маетности. Въ этомъ второмъ универсалѣ обращаютъ на себя вниманіе, какъ его редакція, такъ и тѣ обстоятельства, при которыхъ состоялось поставленіе новаго войта... Въ текстѣ универсала найдено нужнымъ указать на источникъ гетманскаго права при «устроеніи въ Малороссійскихъ городахъ надлежащаго порядка», каковыхъ указаній въ тогдашнихъ гетманскихъ универсалахъ обыкновенно не дѣлалось. Значить, гетману нужно было подчеркнуть значеніе своей власти... А

затѣмъ говорится, что «п. Спиридонъ» выбранъ войтомъ послѣ того, какъ прежній войтъ Исакъ Деревянка *отказался* отъ этого уряда, при чемъ за отказавшимся отъ войтовства Деревянкою—тутъ же утверждаются разные пріобрѣтенныя имъ во время войтовства имѣнія и утверждаются въ такомъ видѣ, точно Деревянка ими вознаграждается за его отказъ отъ войтовства...

Приведенные универсалы станутъ болѣе понятными, когда будетъ добавлено, что указываемый въ нихъ «п. Спиридонъ» былъ богатый Стародубскій кунецъ, который велъ обширную заграничную торговлю пенькою, сначала черезъ Ригу, а потомъ черезъ Архангельскъ. Прозывался онъ Шираемъ, но, повидимому, прозвище это у «п. Спиридона» было не родовымъ, а только личнымъ («уличнымъ»), почему онъ, быть можетъ, и стѣснялся называть себя въ официальныхъ бумагахъ этимъ прозвищемъ...

Однако жѣ, не смотря на свое богатство, «п. Спиридонъ» въ маѣ 1688 г. былъ только Стародубскимъ мѣщаниномъ, т. е. челоуѣкомъ «посполитого стану», не имѣвшимъ слѣдовательно, по своему состоянію, никакого права на владѣніе крестьянами... Но «п. Спиридонъ» былъ очень богатъ... Поэтому является логическое предположеніе, что Мазепа далъ Шираю село Сининъ—съ тѣхъ «респектовъ и причинъ», что Ширай хорошо ему за это заплатилъ... Другихъ «респектовъ и причинъ», о которыхъ нельзя было бы сказать въ универсалѣ, выискать трудно... Несомнѣнно, что особая помощь гетманской власти оказана была Шираю и при поставленіи его на войтовство Стародубское. И если Сининъ былъ данъ Шираю за деньги, то такія же деньги должны были быть даны и за универсалъ, которымъ закрѣпчалась состоявшаяся между Деревянкою и Шираемъ сдѣлка—о замѣнѣ, для перваго изъ нихъ, войтовскаго уряда магнотами...

Приведенная здѣсь догадка для объясненія выданныхъ Мазепою Шираю универсаловъ—является еще болѣе вѣроятною, когда вспомнимъ, что именно въ это время Мазепѣ нужны были деньги, и деньи большія, для пополненія десяти тысячной «обѣтницы» Голицыну за помощь на Коломакѣ... 1).

1) См. Кіевск. Стар. 1898 г., мартъ, 477. Интересно, что впоследствии Мазепа даже породнился съ Шираемъ, такъ какъ сынъ послѣдняго былъ женатъ на дочери Мазепаинаго пасынка Криштофа Фридрикевича.

Опись домашнихъ вещей бунч. тов. Григорія Фридрикевича.

Отецъ Григорія Ф—ча Криштофъ Самойловичъ Ф—чъ, сотникъ Седневскій († 1700), былъ, какъ извѣстно, пасынкомъ Мазепы. ¹⁾ По-водъ къ составленію настоящей описи не объясняется, но можно догадываться, что она составлена по случаю смерти Григорія Ф—ча, *въ пути*, и именно въ м. Воронежѣ, гдѣ поѣтому опись находившихся при умершемъ вещей и была составлена тамошнимъ сотникомъ Ходовичемъ. Григорій Ф—чъ умеръ въ двадцатыхъ годахъ (XVIII в.), такъ какъ въ 1728 г. вдова его была уже за вторымъ мужемъ. Опись вещей интересна, какъ по общественному положенію ихъ хозяина, такъ и по указанію *дорожныхъ* вещей, при чемъ совсѣмъ непонятно—зачѣмъ Ф—чу въ пути нужно было имѣть три дюжины деревянныхъ ложекъ... Можетъ быть, что онъ ихъ везъ куда-то. Интересно указаніе, что въ гробъ покойному положена былъ и «кустка матеріалная», т. е. шелковый платокъ носовой...

«Реестръ покойного пана Григорія Фридрикевича позоставилъ рѣчей. Въ червоной и черной шкатулкахъ, межъ росписками и сказками ревѣзи Нѣжинской и между прочими письмами, нѣчого болше не винашло, кромѣ крѣпостныхъ на кгрунта мунѣментовъ, якіе въ тую жъ чирвоную шкатулку зложивши, реестровне оставлены в добромъ сохраненіи у Воронежю, в мене, и при оныхъ еденъ золотій сегнѣтъ (перстень съ печатью), а другій такожь золотій обручикъ, которіе з рукъ у покойного зняты; а тамъ-же, въ червоной шкатулкѣ былъ крестикъ позлоданій з мощамъ святыхъ, и зверцядло складное, тое до рукъ отдано Ивану Коваленку и Кирилу, слузѣ покойного и. Григорія, а другая шкатулка черная, зъ нѣкоторими приватными писмами, отсилается.—Въ третьей скринцѣ палубчатой: шапка ба-ранковая. Божка срѣбная. Ложокъ деревянныхъ Московскихъ тузневъ (дюжинъ) трое. Патушокъ (рюмокъ?) кристалныхъ трое. Молитовникъ зеленый, которій взяла себѣ на память и. сотникова (мать умершаго). Ножовъ пара. Рукавиць пара. Силна одна. Кантурки иѣстолетни чирвоны, гаптованіи. Кошуль паръ трое. Фянджаловъ чаевыхъ сѣмъ. Печатка срѣбная една. Шапка лпсая. Шапка видровая. Ручни-ковъ два. Серветъ шѣсть. Пантоплѣ червоны. Пуздерко з чотирма пляшками кристалными и чаркою срѣбною. Въ палубѣ (новозкѣ)

¹⁾ См. Любецкій Архивъ, предисл.

кунтушь тонкій шарій. Кунтушь тонкій лисій. Юпка штоповая. Платье кронатовый. Шабля полская. Каованъ едомашковый чирвоный. Шаравари суконніи вишневыи. Кулбака з платомъ гаеованимъ. Пляшка цѣновая. Ладовница эрѣбромъ оправляная. Каованъ рецетовый кронатовый. Муштуковъ два зеленыхъ. Ладовница цѣновая. Дихторъ въ купу сложеній, мосеженій. Кавяру фунтовъ 12. Рыби оситрини фунт. 8. Пуздо мѣдное з мѣсочками мѣдными и талѣркамы вусѣми. Чоботы сафяновіи новіи. Чоботи другіи старіи сафяновіи. Кандѣйка мѣдная. Вѣлчуря чорвая. Матераць блакитный. Подушечокъ шѣсть. Ковдра матеріалная. А на покойного положено шапку шитую, кунтушь тонкій перцовый, кафтанъ жолтій) штоповій, поясъ зеленій з засновами золотими, фуста матеріалная.

Иванъ Холодовичъ, сотникъ Воронежскій“. (Съ подлинника).

Могила подѣ Любаремъ. Возникавшія въ гетманщинѣ дѣла о неправильной запискѣ козаковъ въ крестьяне—очень часто сопровождалась опросами потерпѣвшихъ о прежней ихъ службѣ; при этомъ опрашиваемые давали показанія, очень перѣдко, заключавшія въ себѣ интересныя историческія свѣдѣнія. Спрошенный въ нач. XVIII в. козакъ Сосницкаго села Волянки Петръ Демиденко, показалъ, напр., слѣдующее: „былъ онъ подѣ Чигириномъ (1678 г.), послѣ Чигирина у Кіевѣ Печерское дѣлали въ 1679 г., подѣ Переяславоиъ стояли и того часу дѣлали Переясловъ; подѣ Чигириномъ же другій походъ, якъ Самойловича взято в 1686 г., (sic) на Запорожжу, подѣ Сѣчу, подѣ Самарю на работѣ, подѣ Казѣкерменомъ въ 1695, подѣ Паланкою въ 1694, въ Бѣлогорщинѣ въ 1696, подѣ Азовомъ въ 1696, на Ижорской баталіи съ Петромъ Матѣевичомъ Апраксиномъ, въ Полци съ Переяславскимъ полковникомъ бывшимъ Мировичомъ, подѣ Любаремъ¹⁾ могилу сыпали...“ О высылкѣ этой могилы говорятъ, кромѣ Демидка, и другіе козаки, которыхъ вмѣстѣ съ нимъ спрашивали о прежней ихъ службѣ,²⁾ но ни слова не прибавляютъ съ какою цѣлью сыпалась эта могила. Сыпали эту могилу, повидимому, въ 1704 г., когда по свидѣтельству

¹⁾ Мѣстечко Новгр-Волянск. у., Волянск. губ.

²⁾ Арх. генер. к-рин по Черниговск. описи № 2570.

Самовидца, „гетманъ Мазепа въ войскахъ козацкими на Перепятисѣ и подъ *Любаремъ* до осени стоялъ...“ Для чего эта могила могла высыпаться и существуетъ-ли она теперь?

Справка. Въ дополненіе замѣтки моей относительно „Записей И. П. Котляревскаго о первыхъ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ турецкую войну 1806 года“¹⁾, считаю необходимымъ сообщить, что всѣ рукописи, которыми я воспользовался въ предисловіи, равно и оригиналы записей Котляревскаго, принадлежать С.-Петербургской Императорской публичной библіотекѣ; мелкіе документы хранятся въ отдѣльныхъ листкахъ, переплетенными, „Записи“ находятся въ сборникѣ, состоящемъ изъ рукописей разнообразнаго содержанія (т. IV, № 551).

В. Орезневскій.

Текущія извѣстія.

Библіотека-читальня имени Т. Г. Шевченка. 26-го февраля исполняется сорокъ лѣтъ со дня кончины знаменитаго украинскаго поэта, автора «Кобзаря». При возвращеніи изъ ссылки, Шевченко время съ 19-го сентября 1857 г. по 8-е марта 1858 г. провелъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Въ виду этого обстоятельства, по словамъ «Ниж. Л.», среди малороссовъ, живущихъ въ Нижнемъ, возникла симпатичная мысль: ознаменовать сорокалѣтнюю годовщину кончины украинскаго кобзаря устройствомъ въ Нижнемъ библіотеки-читальни имени Т. Г. Шевченко. (Русскія Вѣдомости, № 16).

Читальня имени Тараса Шевченка въ Канадѣ. Въ Канадѣ, въ Reaver Czeek. Alta недавно открыта, какъ сообщаетъ американская „Свобода“, читальня имени Тараса Шевченка, благодаря старанію о. Заклинскаго и П. Зварича, а въ настоящее время обсуждается проектъ основанія гимнастическаго общества «Січ».

¹⁾ См. Кіев. Стар. 1900 г. № 12.

Открытие народнаго дома въ Стрыѣ. 1 янв. наст. года въ Стрыѣ, состоялось торжественное открытіе Народнаго Дома. Ко дню открытія сюда прибыли делегаты отъ многихъ русинскихъ обществъ и учреждений; получено было нѣсколько десятковъ привѣтственныхъ телеграммъ изъ провинціи и другихъ городовъ со множествомъ подписей. Домъ, по величинѣ не уступающій „Народному Дому“ во Львовѣ, снаружи производитъ весьма благопріятное впечатлѣніе. Стѣна фронтона и окна изукрашены рельефной штукатуркой и лѣпными изъ гипса украшеніями. Подъ окнами устроено шесть нишъ, въ которыхъ поставлены бюсты: Шевченка, Шашкевича, Федьковича, Устіяновича, Котляревскаго и Лисенка; надъ окнами, на огромномъ синемъ фонѣ, надпись золотыми буквами: «Рускому Народови»; надъ главнымъ входомъ вырѣзанъ гербъ Руси. Внутри домъ еще красивѣе, чѣмъ снаружи. Въ залѣ устроена сцена. («Дѣло», ч. 1).

Дѣятельность общества „Просвѣта“ въ 1900 году. Дѣятельность Галицкаго русинскаго общества «Просвѣта», занимающаго первое по значенію мѣсто послѣ Науковаго Товариства ім. Шевченка, выразилась въ минувшемъ году въ слѣдующемъ: 1) Издано 9 популярныхъ книжекъ (№№ 235—247), въ количествѣ 7—8 тысячъ каждая, 2) новыхъ членовъ поступило 118, 3) основано новыхъ читаленъ 106, такъ что къ концу минувшаго года всѣхъ читаленъ было 924 (филій, какъ и въ предыдущемъ году, оставались 19). (Дѣло, ч. 8).

Капитальный вопросъ въ школьномъ дѣлѣ. Последнее Полтавское губернское собраніе обратило вниманіе на одну весьма существенную потребность населенія въ дѣлѣ его школьнаго ученія, а именно на отсутствіе вполне приспособленныхъ въ народному пониманію учебниковъ. Вопросъ этотъ, конечно, не новый, и въ Полтавскомъ земствѣ поднимался уже много разъ. Въ 1894 г. въ докладѣ губернской земской управы высказывала комиссія по народному образованію пожеланіе, чтобы «губернское земство озаботилось пополненіемъ народной литературы книгами, соответствующими характеру и потребностямъ мѣстнаго населенія, путемъ изданія подобнаго рода книгъ на счетъ губернскаго земства, а также выдачей премій, назначеніемъ конкурсовъ» (стр. 17 доклада 1894 года). А въ

ожиданіи, пока такія книги напишутся, та-же комиссія нашла, что слѣдовало-бы обратиться съ ходатайствомъ о скорѣйшемъ расширеніи каталога книгъ, 'допускаемыхъ въ школьныя и народныя бібліотеки, и о включеніи въ этотъ каталогъ книгъ на малороссійскомъ языкѣ (стр. 43). Въ докладахъ губернской управы за 1896 годъ проявляется та же забота о составленіи народныхъ бібліотекъ «примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ Полтавской губерніи» (стр. 10, докладъ 1896 г.), т. е. имѣя въ виду прежде всего тотъ языкъ, на какомъ говоритъ мѣстное населеніе. Уѣздное же Полтавское земское собраніе въ томъ же 1896 г. возбуждаетъ передъ губернскимъ земствомъ ходатайство «о назначеніи конкурса и объ изданіи если не всѣхъ необходимыхъ для народныхъ школъ учебниковъ, то хотя бы однихъ задачникъ, которые отвѣчали бы интересамъ мѣстнаго населенія».

Черниговское земство также обращало вниманіе на неудобство для мѣстнаго населенія учиться по чужимъ, малопонятнымъ книгамъ, и комиссія по народному образованію, существующая при Черниговскомъ земствѣ съ 1898 г., бралась за пересмотръ всѣхъ одобренныхъ для народныхъ школъ классныхъ книгъ для чтенія. Всѣ эти пересмотры приводили къ тому общему выводу, что книгъ — букварей, хрестоматій, задачникъ, удовлетворяющихъ современнымъ запросамъ народной школы, нѣтъ: одни устарѣли и бѣдны содержаніемъ, другіе проникнуты какимъ-нибудь одностороннимъ узкимъ направленіемъ, третьи слишкомъ дороги, а, главное, — большинство изъ нихъ написано труднымъ, малопонятнымъ языкомъ. Уже не разъ возбуждался вопросъ о томъ, что каждый учебный округъ, на какіе подѣлена Россія, могъ бы одобрить и имѣть въ своемъ распоряженіи буквари и классныя книги, примѣненныя къ находящейся въ нихъ вѣдѣній области. Такія книги значительно облегчили бы работу учителя и вызвали бы въ учащихся гораздо больше сознательнаго интереса къ ученію. Между тѣмъ какъ теперь, въ каждомъ земскомъ отчетѣ любой малорусской губерніи можно встрѣтить жалобы учителей на трудность для школьника-малоросса усвоить грамоту по русскому букварю.

Въ Черниговскомъ Земскомъ Сборникѣ ¹⁾ читаемъ тѣ же жалобы.

¹⁾ См. Черн. Зем. Сборн. 1897 г., статья: «Отношеніе народа въ грамотности и къ книгѣ», стр. 28.

Задумываясь надъ этимъ печальнымъ положеніемъ дѣла, Черниговская земская коммиссія по народному образованію рѣшила обратиться къ педагогамъ и учителямъ, чтобы составить болѣе подходящія для населенія учебныя книги, гдѣ читатель изъ нашей южной области встрѣчался бы съ родными картинами и образами, а главное—видѣлъ бы слова своего родного языка.

Совершенно понятно, что земства начинаютъ считаться съ препятствіями во всѣмъ признаваемомъ необходимымъ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Полтавское уѣздное земское собраніе въ засѣданіи 29 сентября 1896 г. постановило возбудить передъ губернскимъ земствомъ ходатайство о томъ, «чтобы, пригласивъ желающихъ на конкурсъ, издать если не всѣ необходимые для народныхъ школъ учебники, то по крайней мѣрѣ задачники, которые отвѣчали бы интересамъ мѣстнаго населенія»¹⁾, мотивируя это все тѣмъ же невозможнымъ положеніемъ дѣла, при которомъ «учителю приходится объяснять ученикамъ каждое слово, переводя его на родной языкъ, а нерѣдко и самъ учитель, встрѣчаясь съ чисто народными, великорусскими выраженіями, не знаетъ, какъ малороссъ, ихъ значенія». На эту насущную нужду школьнаго дѣла, т. е. на изданіе подходящихъ учебниковъ, Полтавское губернское земство отпускаетъ уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по 750 р. ежегодно, но до сихъ поръ на конкурсъ не предъявлено никакихъ учебниковъ, и послѣднее Полтавское губернс. собраніе поручаетъ это дѣло особой коммиссіи.

Нельзя не пожелать, чтобы усилія избранной имъ коммиссіи для улучшенія преподаванія въ народной школѣ и облегченія трудной работы народнаго учителя встрѣтила полное сочувствіе отъ всѣхъ лицъ, могущихъ своими знаніями и своимъ опытомъ прійти къ ней на помощь. Только преподаваніе на понятномъ и родномъ языкѣ можетъ расширить умственный кругозоръ учениковъ народной школы и пробудить къ сознательной работѣ всѣ дремлющія способности. Извѣстный знатокъ дѣла народнаго образованія—Левассеръ—въ своемъ обширномъ изслѣдованіи народныхъ школъ культурныхъ странъ прямо говоритъ: «народная школа должна быть національна. Денационализировать школу—значитъ отнять у нея всѣ жизненные за-

¹⁾ Докл. Полт. губ. зем. упр. комм. по нар. образ. 1896 г., стр. 26.

датки, заморить ея жизнь, не давъ ей правильно расцвѣсть». (Хуторянинъ, № 52, статья С. Р.)

Важное ходатайство. Важное въ практическомъ отношеніи ходатайство возбуждено, по словамъ «Волины», житомирскимъ уѣзднымъ комитетомъ попечительства о народной трезвости. Комитетъ хлопочетъ о допущеніи въ читальняхъ при сельскихъ народныхъ чайныхъ нѣкоторыхъ полезныхъ книгъ и брошюръ на малорусскомъ языкѣ.

«Такое ходатайство, — говоритъ «Волинь», — слѣдуетъ признать вполне мотивированнымъ, такъ какъ доказано, что крестьянское населеніе лишено возможности усвоить что-нибудь по прикладнымъ знаніямъ изъ русскихъ книгъ. Въ крестьянскомъ быту говорятъ у насъ исключительно по-малорусски, а кратковременное пребываніе въ школѣ не прививаетъ дѣтямъ относительнаго знанія русскаго языка. Въ результатѣ оказывается, что крестьяне не только ничего не выносятъ изъ русскихъ книгъ по техническимъ и прикладнымъ знаніямъ, медицинѣ и т. д., но вообще не читаютъ такого рода книгъ, уразумѣніе которыхъ для нихъ сопряжено съ большими трудностями, а чаще всего и совсѣмъ недоступно. Было бы поэтому очень цѣлесообразно предлагать всѣ старанія къ снабженію сельскихъ библиотекъ лучшими образцами русской изящной литературы, знакомство съ которой крайне полезно для учащихся въ школахъ и доступно для всѣхъ грамотныхъ крестьянъ, но наряду съ этимъ, по прикладнымъ знаніямъ и популярно-научнымъ — допускать книги на малорусскомъ языкѣ, единственно популярномъ, особенно для взрослога населенія деревни, для котораго такого рода книги и предназначаются».

Эпитафія д-ра Владиміра Александрова. Среди бумагъ покойнаго украинскаго писателя доктора Владиміра Александрова, умершаго въ Харьковѣ, найдена, какъ сообщаетъ газета «Русланъ» (№ 284 прошл. года) слѣдующая эпитафія его самому себѣ:

Володимир Александров
 Доктор медицини,
 Умер з тієї самої причини,
 З якої й всі ті умирають,
 Що медицини зовсім і не знають!

Симпатичный проэктъ. Въ «Развѣдчикѣ» сотникъ Головковъ высказываетъ нѣсколько грустныхъ замѣчаній по поводу той травы забвенія, которою среди самихъ козаковъ поросла «козачья слава».

«Попробуйте спросить *козаковъ*: откуда они взялись? какое ихъ прошлое?.. чѣмъ замѣчательно?.. и проч. И я увѣренъ, что изъ десяти-девяти не сумѣютъ отвѣтить вамъ ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ.. Если уже мы сами себя не знаемъ, то что можемъ требовать отъ другихъ, толкующихъ о козачествѣ. Живутъ-ли въ памяти нашихъ козаковъ имена ихъ героев? Нѣтъ, потому что устная предавія старожиловъ не вѣчны, и уносятся ими въ могилу вмѣстѣ съ собою».

Въ противовѣсъ этому печальному факту, авторъ высказываетъ пожеланіе, чтобы въ станичныхъ школахъ введено было въ число обязательныхъ предметовъ «преподаваніе исторіи козачества, въ живыхъ примѣрахъ и разсказахъ; чтобы молодое, подрастающее поколѣніе, съ первыми проблесками сознанія, знало уже себя, свое прошлое и гордилось имъ, какъ дорогимъ наслѣдіемъ отцовъ и дѣдовъ, омытыхъ ихъ кровью. Вѣдь стыдно, въ самомъ дѣлѣ, и грѣшно дѣтямъ не знать своихъ родителей; не менѣе стыдно и цѣлому обществу или сословію не знать своего прошлаго, на счетъ котораго оно живетъ!»

Авторъ полагаетъ, что, при осуществленіи его проэкта, не приходилось бы зачастую наткаться на курьезы вродѣ слѣдующаго, сообщаемаго имъ:

«Находясь въ одной изъ станицъ по службѣ, я зашелъ въ станичную школу, присѣлъ въ сторонѣ и сталъ наблюдать за ходомъ занятій, руководимыхъ инструкторомъ. Желая, по всей вѣроятности, щегольнуть передо мной занятіями своихъ воспитанниковъ, казачать-приготовишекъ, онъ обратился къ одному изъ нихъ, самому бойкому, съ слѣдующимъ вопросомъ:

— А скажи мнѣ, почему ты называешься казакъ, а не солдатъ?

— «По Его Императорскаго Величества, по его утвержденію, отъ судъ войскъ, отъ высшаго генерала до низшаго рядового— имени не простого, а потому я называюсь казакъ, а не солдатъ», — скороговоркой, въ одинъ духъ, откололъ казачокъ, искоса и самодовольно поглядывая на меня. На, молъ, тебѣ! Знай нашихъ!»

«Бѣдные казачата! — съ горечью восклицаетъ въ заключеніе сотникъ Головковъ, — «родитесь вы и въ гробъ ложитесь, а все не знаете,

почему называется казаками. Нѣтъ у васъ ни писемъ, ни скрижалей; лавры ваши сложены въ архивахъ, и славу вашу ѣдятъ мыши».

Лекціи Н. И. Карѣева. Извѣстный русскій историкъ, бывшій проф. С.-Петербургскаго университета, проѣзжая черезъ Львовъ, прочелъ двѣ лекціи, въ томъ числѣ одну (вторую) въ пользу бібліотеки «Наукового Товариства ім. Шевченка».

Первая лекція состоялась 13 января въ „Академичній Громаді“ на тему „Стремленія русской молодежи къ самообразованію“, а на другой день, въ залѣ „Народного Дому“—на тему «Значеніе Н. К. Михайловскаго въ русской литературѣ». Послѣдняя будетъ цѣлкомъ помѣщена въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ журнала «Літературно-Науковий Вістникъ». (Дѣло, ч. 12).

Лекціи проф. Д. И. Эварницкаго. Двѣ лекціи профессора московскаго университета Д. И. Эварницкаго, прочитанныя имъ въ Екатеринодарѣ, въ залѣ женской гимназіи 10 и 11 января, привлекли значительное для Екатеринодара количество слушателей. Особенно много публики было на первой лекціи о «Запорожской старинѣ», что объясняется высокимъ интересомъ данной темы для слушателей, большинству которыхъ запорожцы пріемы или косвенные предки. На вторую лекцію явилось слушателей нѣсколько меньше, чѣмъ на первую, несмотря на то, что одинъ и тотъ же билетъ давалъ право входа на обѣ лекціи. Это явленіе, въ свою очередь, объясняется заглавіемъ темы (Общій очеркъ археологіи въ Европѣ и Россіи), которая, по всей вѣроятности, показала многимъ черезчуръ спеціальной и способной заинтересовать лишь ограниченный кругъ слушателей. (Куб. Обл. Вѣд. № 10).

Что дарить колядникамъ? Корреспондентъ „Кубанск. Обл. Вѣдом.“, замѣчая, что колядниковъ, христославщиковъ, посѣвальщиковъ и т. д. принято награждать, ставитъ вопросъ: отчего бы вмѣсто даримыхъ денегъ и сластей, не дарить имъ книжечекъ доступнаго содержанія, т. е. на самомъ понятномъ для народа языкѣ, въ данномъ случаѣ—на малорусскомъ, родномъ языкѣ огромнаго большинства здѣшняго населенія. „Надо пользоваться каждымъ случаемъ распространенія просвѣщенія въ народѣ, а книжки на родномъ языкѣ,

конечно, наилучшее средство для достиженія этой цѣли. Такую форму благодарности за поздравленія мы практикуемъ третій годъ и убѣдились, что всѣ довольны подобными подарками, и число посѣтителей нашей хаты съ тѣхъ поръ ежегодно возрастаетъ. Народъ любить книжки, но не привыкъ покупать ихъ. Не пожалѣйте же, господа, хоть разъ въ годъ истратить 2—3 рубля на книжки для народа и поставьте себѣ за правило предлагаемый способъ одаривать колядниковъ и посѣвальщиковъ.

Малорусскія книжки разныхъ названій, изданныя для народа по цѣнѣ отъ одной, двухъ, трехъ копѣекъ и дороже, можно приобрести въ бесплатной читальнѣ, и въ войсковомъ книжномъ складѣ. (Куб. Вѣд. № 274).

Памяти М. Т. Симонова (Номиса). Въ № 6 газ. «Кіевлянинъ», въ корреспонденціи изъ «Лубенъ» помѣщенъ некрологъ Матвѣя Терентьевича Симонова. Некрологъ и описаніе похоронъ помѣщены также въ газетахъ: „Биржевыя Вѣдомости“, № 8 (П. Быкова), „Полтавскіи Губернскіи Вѣдомости“ (№ 13), «Кіевское Слово» (№ 11).



БИБЛОГРАФІЯ.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. XXXVII и XXXVIII. У Львові, 1900, кн. V и VI.

«Наукове Товариство ім. Шевченка», реформированное въ 1892 г. изъ литературнаго Общества въ научное и развитіе въ теченіе этого сравнительно небольшого промежутка времени необычайно энергично свою дѣятельность во всѣхъ сферахъ научной области,—издало между прочимъ по настоящее время 38 томовъ «Записокъ», пользование которыми для всякаго, кто лишь касается любого малорусскаго сюжета, является неизбѣжной необходимостью. Помимо своей огромной цѣнности, о которой неоднократно приходилось говорить на страницахъ „Кіевской Старины“ при разсмотрѣніи предыдущихъ томовъ, „Записки“ являются необходимымъ справочнымъ изданіемъ не только для лицъ, интересующихся малорусскими сюжетами, но и для всякаго: кромѣ замѣчательно полной и обстоятельной библиографіи, обзорѣвающей огромное количество книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій, имѣющихъ то или иное отношеніе къ области изслѣдованія «Записокъ», здѣсь съ прошлаго года въ каждомъ томѣ дается обзоръ западно-европейской литературы по культурной и политической исторіи, исторіи литературы и искусства,—обзоръ, являющійся необычайно важнымъ и цѣннымъ пособіемъ для всякаго,—не только ученаго или историка.

Въ двухъ послѣднихъ томахъ «Записокъ» помѣщено 5 статей и изслѣдованій: 3 по археологіи, 1 по исторіи и 1 по исторіи литературы. Статьи по археологіи принадлежать—двѣ М. Грушевскому:

«Костки т. зв. київського типу у сучасних Кавказцях» и «Печатки в околиць Галича» (съ рисунками), и „Археологічний з'їзд у Києві“ — Миколѣ Княжевичу. Въ этой послѣдней авторъ, представляя обзоръ продукціи сѣзда, указываетъ на причини, по нашему мнѣнію, вполнѣ основательныя, неудачи XI археологическаго сѣзда.

Область исторіи представлена изслѣдованіемъ Денпса Коренца «Зносили Івана Виговською з Польщею в р. 1657—58» (рефератъ, предназначавшійся на XI археолог. сѣздъ въ Києві).

Не давая ничего новаго въ смыслѣ новаго матеріала, авторъ, пользовавшійся исключительно печатными источниками, очень умѣло, съ полной ясностью открываетъ намъ комплексъ тѣхъ мотивовъ, которыми руководствовались Выговскій и Польша во взаимныхъ сношеніяхъ, а также выясняетъ причины ихъ соединенія, выразившагося въ «Гадяцкихъ пактахъ».

Изслѣдованіе автора, не будучи обширнымъ по объему (всего 20 стр.), благодаря своей ясности и простотѣ изложенія, является пріятнымъ вкладомъ въ сокровищницу нашей исторіи.

Наконецъ, послѣднее, наиболѣе солидное по объему (заняло 126 стр. въ обояхъ томахъ) и по внутреннимъ достоинствамъ, изслѣдованіе принадлежитъ извѣстному ученому д-ру Івану Франку. Это — «Карпаторуське письменство XVII—XVIII віків», — рефератъ, также предназначавшійся на XI археологической сѣздъ въ Києві. Въ виду его несомнѣнно великой важности, остановимся на немъ нѣсколько дольше.

Изслѣдованія въ области исторіи литературы по територіямъ, да и вообще изслѣдованія по исторіи украинской литературы, въ особенности прошлыхъ вѣковъ, у насъ понынѣ почти не начаты. Въ цѣломъ рядъ монографій г. г. Дашкевича, Грушевскаго, Житецкаго, Сумцова и др. освѣщались донинѣ или отдѣльные вопросы, или комплексы ихъ, и лишь проф. Петровъ, а въ минувшемъ году Житецкій даютъ пробы обзора всего литературнаго приобрѣтенія Украины въ XVIII в. Но проф. Петровъ сузилъ свою задачу, ограничившись Киевомъ и его Академіей; въ трудѣ же г. Житецкаго видно уже желаніе разсмотрѣть различные центры литературныхъ трудовъ в различныхъ ихъ формы, восточныя и западныя. Однако и этотъ трудъ не можетъ исчерпать темы: съ одной стороны, авторъ ограничилъ себя отысканіемъ генезиса для Энеиды, съ другой — ему не были извѣстны, благодаря отсутствію опубликованнаго матеріала, огромныя

территоріи, гдѣ существовала своеобразная духовная работа. Одной изъ такихъ невѣдомыхъ понынѣ территорій др. Франко и считаетъ Карпатскую Русь. До сихъ поръ о специальной письменности, которая могла бы существовать на этой территоріи въ ХVІІ—ХVІІІ в., не было и рѣчи. Почтенному автору въ послѣдніе годы удалось ознакомиться съ значительнымъ рукописнымъ матеріаломъ, специально возникшимъ въ Карпатской Руси. На основаніи этихъ матеріаловъ (детальное описаніе которыхъ помѣщено въ дополненіи къ данному изслѣдованію), авторъ опредѣляетъ, насколько возможно, характеръ и развитіе Карпаторусской письменности, фязіономія которой до извѣстной степени опредѣлилась въ ХVІІ—ХVІІІ в. и которая должна занять подобающее мѣсто въ общей конструкціи нашей литературной исторіи, какъ одинъ изъ хорошо обрисованныхъ ея типовъ.

Какъ на характеристическій признакъ Карпаторусской письменности слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе—на его популярность, на языкъ, близкій къ народному. Этими чертами характеризуются: апокрифъ «Другій листъ небесный», составленный въ концѣ ХVІ в. гдѣ-то въ Перемышльской области; учительскія евангелія—Данилівське (угрорусское) (около половины ХVІІ в.) и многія другія; «Староміський рукопис»,—гдѣ переведены зачала евангелій на всѣ недѣли года; памятники поэтической письменности: «наиболѣе древній—отрывокъ изъ Рождественской вирши 1655 г., свидѣтельствующій о существованіи на галицкомъ Подгорьѣ духовной вирши въ легкомъ юмористическомъ тонѣ. Въ концѣ ХVІІ в. на Карпаторусской территоріи произошла черембна во вкусахъ и духовныхъ потребностяхъ людей, занимающихся литературой: съ востока и запада появляется масса различныхъ произведеній—апокрифовъ, легендъ, апологовъ, свѣтскихъ разсказовъ; повсюду начинается популяризація этого матеріала: заимствованные изъ «Перла Многоцѣннаго», изъ «Ключа разумѣнія» «приклады» и чудеса переходятъ въ народныя уста и влетаютъ въ канву старинныхъ разсказовъ, вѣсенъ, колядокъ. Какъ образецъ, авторъ приводитъ т. наз. «Кіевскую» пѣсню, найденную въ Каміанскомъ рукописномъ Богогласивѣ 1734 г., отмѣчаетъ нѣкоторыя колядки и т. п. Въ концѣ же ХVІІ в. и началѣ ХVІІІ в. литературное движеніе проявляетъ себя въ различныхъ рукописныхъ сборникахъ энциклопедическаго характера. До насъ дошли четыре такихъ сборника, составленные исключительно или преимущественно на народномъ языкѣ въ концѣ ХVІІ и нач. ХVІІІ в.—всѣ четыре

изъ сѣверной Угорщины, и три подобныя же сборника изъ Галичины, составленные или въ самыхъ горахъ, или на Подгорья (сборники Ст. Теслевцоваго и Кузиковича). Насколько свободно авторы сборниковъ обращаются со своими темами, исключительно духовнаго характера, образцомъ можетъ служить хотя бы такое мѣсто въ разсказѣ объ Іосифѣ и его братьяхъ въ Египтѣ: „ми сини патріарка Якова—може-сте чували про него“.

Помимо сборниковъ—сюда же относится и „Александрія“; и она перерабатывалась такимъ же методомъ (авторъ приводитъ двѣ Карпаторусскихъ переработки начала XVIII вѣка), подобно другимъ романтическимъ повѣстямъ, легендамъ и въ особенности разсказамъ апокрифовъ, имѣющимъ отношеніе къ загробной жизни и адскимъ мукамъ. Наконецъ, сюда же относятся вирши церковныя (Угрорусскій съпіваник, Дробицький збірник, Каміанський Богогласник 1734 г.) и свѣтскія („Письмо о свѣтѣ“, «Пѣснь о плачливомъ житіи бѣднаго студента»). Вообще, чѣмъ ближе къ концу XVIII ст., тѣмъ болѣе исчезаетъ мода списывать сборники разсказовъ, житій и т. п., и является наклонность къ списыванію пѣсней и виршей. Извѣстно огромное количество «съпіванників», первоначально почти исключительно духовныхъ пѣсней, а впоследствии съ значительнымъ содержаніемъ свѣтскихъ пѣсней; между прочимъ оттуда извѣстны: «Пѣснь свѣцка о ляхахъ зъ москалями» (по поводу событій 1764 г.), „вирша про війну Москалівъ зъ турками подъ Хотиномъ 1739 г.“ Наконецъ, съ конца XVII в. появляются пробы записывать народныя или полународныя (дворацькіи) пѣсни,—нѣсколько образцовъ очень любопытныхъ, такихъ записей авторъ приводитъ въ дополненіи къ своему изслѣдованію (№№ XIX, XXI, XXII, XXIII). Спрашивается: если существовала столь богатая литература въ теченіе почти 3-хъ столѣтій,—какой постигъ ее конецъ? подготовила ли она почву для новой народной литературы? претворилась ли органически въ новыя высшія формы? Къ сожалѣнію, ничего этого не случилось, и когда въ концѣ XVIII столѣтія по волѣ австрійскаго императора появились для Русиновъ высшія школы, въ которыхъ Русины должны были просвѣщаться *lingua patriae*,—въ сознаніи даже просвѣщенныхъ слоевъ русинскаго общества утерялось сознаніе, что такое этотъ *lingua patriae*, и пришлось снова, послѣ вѣковой работы, начинать *ab origine*...

Въ дополненіи къ изслѣдованію авторъ приводитъ XXV драгоценныхъ литературныхъ произведеній, составляющихъ весьма крупное приобрѣтеніе для исторіи украинской литературы вообще.

Въ отдѣлѣ «Miscellanea» особенный интересъ представляетъ «Незвѣстный листъ Мазепы до міста Львова» — копія, найденная С. Томашевскимъ въ рук. библ. Оссолинскихъ во Львовѣ за № 1447, стр. 337—8. Письмо, относящееся приблизительно къ 14 авг. 1705 г., отправлено Львовскимъ мѣщанамъ въ отвѣтъ на просьбы ихъ пословъ мпновать съ козаками Львовъ, и такъ уже разрушенный шведами. Гетманъ, милостиво принявъ пословъ, обѣщаетъ оставить въ сторонѣ Львовъ съ околицами, хотя ему и придется «in hoc passu z nakładem drogi uti circulationibus. Въ обезпеченіе города отъ отдѣльныхъ козацкихъ отрядовъ, гетманъ присоединяетъ охранный листъ изъ своей войсковой канцеляріи.

Изъ другихъ замѣтокъ отмѣтимъ «Довжанське четвероевангеліе», относящееся къ 1595 г. и съ интересными приписками на народномъ языкѣ, «Два автографа Францішка Смольки», «З віденської революції 1848 р.», «Е. Руліковський. — В. Лукашевичъ» (некролог).

В. Д.

А. Я. Ефименко. «На Украинѣ». Очерки и рассказы. (Съ рисунками). Выпускъ 1, 2 и 3. Библиотека «Дѣтскаго чтенія», Москва, 1901 г., стр. 1—85, 1—136, 1—88, in 8°. Цѣна 1 и 2 вып. — 30 к., 3-го — 25 коп.

Только что вышедшіе изъ печати, лежащіе передъ нами, три выпуска очерковъ и рассказовъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ принадлежатъ перу извѣстнаго историка и знатока Малороссіи — А. Я. Ефименко. Какъ можно заключить уже изъ заглавія — авторъ избралъ сюжеты изъ жизни Украины. Дѣйствительно, въ означенные выпуски вошли слѣдующіе очерки: въ первый — «На родниѣ», «Бандуристь», «На майданѣ», «Татарскіе набѣги», «Какъ Самуэль Кошка убѣжалъ изъ Турецкой неволи»; во второй — «Чумаекъ», «Богданъ Хмельницкій», «Пасѣчникъ Чернаго лѣса», «Изъ быта Польши» и «Т. Г. Шевченко», и въ третій — «Канунъ Рождества», «Старыя вѣнки», «Въ куренѣ», «Цадикъ», «Связка про жадную купчиху да про бѣдную старушку».

Особенно интересны первые два выпуска, въ которыхъ болѣе всего удѣлено мѣста популярному развитію наиболѣе интересныхъ моментовъ въ историческомъ прошломъ Украины. — Здѣсь предъ нами встаетъ, какъ живой, представитель нынѣ почти угасшей уже отрасли

музыки—украинскій бандуристъ, прошедшій тяжелую школу своей науки и скорбящій объ исчезновеніи ея; тутъ воскресаетъ мрачная страница далеко минушаго—ужасные татарскіе набѣги, ведущіе за собой всеобщій ужасъ и разореніе; тамъ, далѣе, дается живой рассказъ о побѣдѣ Самуила Кишки, тридцать лѣтъ пробывшаго въ турецкой неволѣ; вотъ раскрывается предъ вами грандіозная картина освобожденія украинскаго народа отъ панскаго ярма при Богданѣ Хмельницкомъ, хотя и не надолго; а вотъ снова, спустя сто лѣтъ, тотъ же народъ, очутившійся въ прежнемъ тяжкомъ положеніи, подымается снова на защиту своихъ правъ и убѣжденій («Пасѣчникъ изъ Чернаго лѣса»); тутъ же читатель мысленно переносится въ славную Сѣчь Запорожскую («Въ куренѣ», «Богданъ Хмельницкій»), хотя, надо сознаться, этотъ весьма любопытный уголокъ исторіи раскрытъ авторомъ съ меньшей полнотой и обстоятельностью, чѣмъ можно было ожидать; наконецъ, сюда же надо отвести и яркую картину состоянія польско-шляхетскаго государства передъ паденіемъ Польши. Таковы историческіе сюжеты, затронутые авторомъ. Не меньшій интересъ представляетъ и популярная, мастерски написанная біографія Шевченка. Въ остальныхъ очеркахъ, болѣе случайнаго характера—излагается процессъ гонки смолы на Полѣсьѣ («На майданѣ»), дается понятіе о внутренней (духовной) организаціи евреевъ («Цадикъ»), отмѣчается страсть къ кладовскательству, вызываемая нерѣдко «старыми книгами», въ которыхъ, молъ, прописаны всѣ клады («Старыя книги»), наконецъ, дается описаніе празднованія въ Малороссіи кануна Рождества («кути»). Есть еще одинъ очеркъ («Сказка про жадную кучиху да про бѣдную старушку»), который хотя и написанъ подобно остальнымъ очеркамъ, чрезвычайно художественно, но не совсѣмъ умѣстенъ, по нашему мнѣнію, среди цѣлаго ряда другихъ очерковъ, написанныхъ на столь интересныя и важныя темы, какъ это было указано выше.

Вообще же, очерки написаны такъ художественно, такимъ прекраснымъ, простымъ и понятнымъ языкомъ, такъ жизненно и правдиво рассказаны, что трудно представить себѣ что-либо лучшее, въ особенноти если принять во вниманіе, какія трудности вообще представляетъ популярное изложеніе. Въ добавленіе къ этому авторъ постарался оживить еще болѣе свои очерки, снабдивъ ихъ соответствующими рисунками, принадлежащими главнымъ образомъ кисти худож-

ника Н. Каразина, что придаетъ еще большій интересъ прекраснымъ его очеркамъ.

Рекомендуя ихъ читателямъ, интересующимся популярными изданіями, мы питаемъ надежду, что на этомъ не ограничится почтенный авторъ и продолжитъ свои очерки въ рядѣ новыхъ выпусковъ, выбирая при этомъ болѣе серьезныя темы изъ богатой историко-культурной жизни Малороссіи,—изъ области исторіи, исторіи литературы, социальна-экономической, юридической, этнографіи и т. п.

В. Д.

Указатель къ матеріаламъ, собраннымъ г. Чубинскимъ въ „Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ Западно русскій край“. Составленъ студентомъ Чеславомъ Багенскимъ подъ редакціей проф. Е. Ѡ. Будде. (Прил. къ Учен. Зап. Каз. унив. за 1900 г., декабрь). Казань. 1900 г. Стр. XVII+66.

Указатель отърывается двумя объяснительными статьями: „отъ редактора“ (проф. Будде) и отъ автора (студ. Ч. Багенскаго въ его „Предисловіи“). Въ первой статьѣ г. редакторъ указываетъ на важность матеріала, собраннаго г. Чубинскимъ и его сотрудниками, важность столь извѣстную, что авторъ считаетъ излишнимъ распространяться о ней, и при томъ не меньшую какъ для этнографа, такъ и для лингвиста. Между тѣмъ, составитель указателя въ своемъ „Предисловіи“ впадаетъ въ нѣкоторое противорѣчіе съ редакторомъ и въ значительной степени ограждаетъ важность для лингвиста „Трудовъ“ г. Чубинскаго, замѣчая, что „Труды“ представляютъ записи не одного г. Чубинскаго, но нѣсколькихъ, даже многихъ лицъ. Сюда вошли записи, сдѣланныя не только лицами, понимающими необходимость фонетическихъ записей, но и лицами, для которыхъ эти требованія чужды, какъ-то: священниками, сельскими учителями, ученикамъ духовныхъ и учительскихъ семинарій, наконецъ, писцами г. Чубинскаго. Ужъ одно это обстоятельство не позволяетъ лингвистамъ вполне довѣриться транскрипціи матеріаловъ г. Чубинскаго. Далѣе авторъ говоритъ о небрежности изданія, массѣ опечатокъ и неудобномъ для лингвиста расположеніи этнографическаго матеріала, смягчая этими выраженіями приговоръ своего учителя, но мнѣнію котораго „названія мѣстностей

часто до того *перезраны* (нашъ курсивъ) и перепутаны, что ориентироваться въ этихъ названіяхъ не было никакой возможности“. Странно только, что, „въ виду всего этого“, проф. Е. О. Будде не занялся самъ, а предложилъ студентамъ заняться составленіемъ алфавитнаго (?) указателя, и только въ виду важности для науки этого указателя взялъ его редакцію на себя. Цѣлью составленія указателя являются интересы одной только „русской діалектологіи“; противъ этого ничего нельзя было-бы возразить, если бы такому указателю была придана и соотвѣтственная форма, съ указаніемъ территориальнаго распространенія діалектическихъ особенностей малорусскаго языка; но указателю придана форма обыкновеннаго географическаго указателя; и если бы г. редакторъ и авторъ не повторяли на каждой страницѣ о какихъ-то особенныхъ нуждахъ діалектологіи, то никто бы никогда и не догадался, зачѣмъ составленъ географическій указатель. Разъ для лингвиста нуженъ обыкновеннѣйшій географическій указатель къ «Трудамъ» г. Чубинскаго, разъ такого указателя до сихъ поръ (къ стыду южнорусовъ) нѣтъ, то не проще ли было бы составить указатель въ той формѣ, какъ принято ихъ составлять. Онъ былъ бы полезенъ и для лингвистовъ, и для занимающихся другими отраслями знанія. Между тѣмъ ограниченіе цѣли указателя нуждами одной только изъ наукъ привело къ тому, что изъ VI и VII томовъ „Трудовъ“ Чубинскаго географическія имена совсѣмъ не выбирались. Такимъ образомъ, необходимость въ полномъ общемъ и обстоятельномъ географическомъ указателѣ къ „Трудамъ“ осталась неудовлетворенной, а такой указатель нуженъ и для этнографа, и для лингвиста, и для историка, и для юриста.

Но оставимъ въ сторонѣ нужды лицъ, не занимающихся филологіей, и посмотримъ, насколько удобна система расположенія географическихъ именъ, принятая г. г. составителемъ и редакторомъ, для самихъ филологовъ. А система эта такова: всѣ географическія названія распределены на шесть группъ или, по терминологіи автора, „отдѣловъ“: 1) „съ обозначеніемъ деревни, села, мѣстечка и города“; 2) «съ обозначеніемъ волости»; 3) «съ обозначеніемъ уѣзда»; 4) «съ обозначеніемъ губерніи»; 5) «съ обозначеніемъ области» и 6, «безъ обозначенія мѣстности». Но къ чему эти мелкія группы, или отдѣлы, когда всѣ названія легко укладываются и удобнѣе отыскиваются въ краткомъ алфавитномъ порядкѣ даже лингвистомъ? При системѣ же указателя проф. Будде лицу, изучающему говоры какой-нибудь гу-

берніи или уѣзда, напр. Кіевской, надо пересмотрѣть всѣ отдѣлы — вездѣ, гдѣ находится Кіевская губерніи, тогда какъ при общей алфавитной системѣ просматривались бы цифры, стоящія противъ рубрикъ «Кіевская губерніи»; правда, при общей алфавитной системѣ нѣкоторыя цифры повторились бы два и три раза, за то они и при печатаніи заняли бы меньше мѣста, и при полученіи справки изъ указателя потребовали бы меньшей затраты времени. Но зачѣмъ допустить г. редакторомъ 6-й отдѣлъ, въ который отнесены матеріалы безъ обозначенія мѣстности? Рѣшительно не можемъ понять. Кому и для чего потребуются въ этомъ отдѣлѣ цифръ справки? Развѣ только для того, чтобы, послѣ лингвистическаго изученія матеріала, приурочить послѣдній къ какой-либо территоріальной единицѣ? Или можетъ быть это нужно для статистики? ¹⁾

Однако потребность въ алфавитномъ указателѣ мѣстѣ чувствовали сами и г. редакторъ, и г. составитель, и послѣдній внесъ въ свое «Предисловіе» алфавитный перечень селъ, т. е. далъ указатель къ указателю. Это-ли не путаница?

Но съ этимъ еще не конецъ. «Есть мѣстности, говоритъ составитель указателя, не обозначенныя въ *«Трудахъ»* ни въ одномъ случаѣ *уздами* или *обозначены неверно* (курсивъ автора) и потому, представляющія затрудненія при группировкѣ мѣстностей для справокъ лингвистовъ и діалектологовъ», и сообщаетъ *«Списокъ такихъ мѣстностей»*. Но всѣ эти мѣстности легко могли бы быть опредѣлены, если бы составитель указателя пользовался «Словаремъ» г. Семенова, «*Słownikiem*» г. г. Хлѣбовскаго и Валева, «Указателемъ г. Новицкаго, «Списками» г. Похилевича или, по крайней мѣрѣ, трехверстнаго или десятиверстнаго масштаба картами. Въ число *«такихъ мѣстностей»* внесено напр., и „Поросье“. Правда, его ни на какой картѣ нельзя найти, да и искать не слѣдуетъ, потому что «Поросье» (какъ и «Поволжіе») обозначаетъ собой мѣста, расположенныя по р. Роси и могущія поэтому принадлежать къ шести уѣздамъ Кіевской губерніи, съ которыми соприкасается или чрезъ которые протекаетъ этотъ притокъ Днѣпра. И лингвистики не помогли разгадать, что это за „Поросье“.

¹⁾ Статистики замѣтили, что даже количество отправляемыхъ по почтѣ писемъ безъ обозначенія адресовъ изъ года въ годъ повторяется съ удивительной правильностью

При составленіи указателя не обошлось и безъ курьезовъ: напр. с. *Говорье* въ текстѣ „Трудовъ“ г. Чубинскаго принадлежитъ къ Ушицкому уѣзду, между тѣмъ какъ по свѣдѣніямъ, добытымъ составителемъ указателя изъ Подольскаго Статистическаго Комитета, въ дѣйствительности—къ Ново-Ушицкому. Въ указатель это село причислено къ послѣднему уѣзду“. Изъ словъ составителя указателя выходитъ, что онъ предполагаетъ существованіе двухъ одноименныхъ, уѣздовъ въ Подольской губерніи. Между тѣмъ въ Подольской губ. есть—только одинъ Ново-Ушицкій уѣздъ, который для удобства произношенія называется просто Ушицкіямъ.

Или вотъ еще курьезъ: Читатель изъ «Предисловія» съ удивленіемъ узнаетъ, что село Кривинъ лежитъ въ Овручскомъ повѣтѣ, между тѣмъ всѣмъ хорошо извѣстно, что село это—въ Острожскомъ уѣздѣ. Въ указатель уѣздъ этого села означенъ правильно. Ясно, что въ „Предисловіи“ опечатка. Да вѣдь какая досадная!

Таковъ-то указатель, составленный исключительно ради однихъ интересовъ лингвистической науки.

О наука, наука! Твоимъ именемъ многія чудеса творятся.

Кіянинъ.

Свящ. Игнатій Лотоцкій. Виннице-Браиловскій женскій монастырь и его святыни. Немировъ, 1900, in 8^o, 1—62 (съ 6 фотографіями).

Настоящая, прекрасно изданная, брошюра представляетъ трудъ недавно почившаго старшаго священника Браиловскаго монастыря о. Игнатія Лотоцкаго, священствовавшаго въ послѣднемъ съ 1895—1898 годъ. Покойный авторъ, занявшись изслѣдованіемъ прошлыхъ судебъ монастыря, составилъ помянникъ благотворителей, священнослужителей, сестеръ обители, разработалъ программу юбилейнаго празднованія монастыря, по случаю исполнившаго въ 1895 г. столѣтія со времени воссоединенія монастыря съ православіемъ. Плодомъ литературныхъ занятій его и является настоящая брошюра

Вся брошюра состоитъ изъ VII главъ, освѣщающихъ историческое прошлое монастыря и его современное состояніе. Для насъ, въ данномъ случаѣ, представляютъ большой интересъ тѣ главы, въ

которыхъ авторъ касается исторіи монастыря: I „Положеніе и историческія судьбы монастыря“ и III. Рожецкая Александро-Маріинская пустынь—тѣмъ болѣе, что матеріаломъ для настоящаго очерка, помимо печатнаго матеріала, послужили также документы монастырскаго архива.

Изъ упомянутыхъ главъ мы видимъ, что начало Виннице-Браиловскаго монастыря относится къ 1635 году, когда фундаторъ его Михаилъ Кропивницкій исходатайствовалъ у короля Владислава IV грамоту на основаніе въ городѣ Винницѣ дѣвичьяго монастыря, въ видахъ поддержанія православія въ Брацлавщинѣ. Но уже въ первой четверти XVШ ст. монастырь этотъ попалъ въ руки униатовъ, а къ 1780 году пришелъ въ такое запустѣніе, что униатскія монахини совершенно покинули его. Около этого времени Францискомъ Салезіемъ Потоцкимъ неподалеку, въ Браиловѣ, воздвигнуты были величественныя зданія для проводниковъ латинства, монаховъ—тринитаровъ. Въ эти-то зданія, оставшіяся пустыми послѣ выселенія отсюда въ 1832 году католическихъ монаховъ, и былъ перенесенъ въ 1845 г. Винницкій женскій монастырь, гдѣ и пребываетъ понынѣ.

Другая обитель, приписанная къ Виннице-Браиловскому монастырю, это Рожецкая Александро-Маріинская пустынь, основанная въ началѣ XVШ в. въ мѣстности, гдѣ раньше, еще съ XVI вѣка, существовалъ мужской монастырь, извѣстный подъ именемъ Микулинскаго, уничтоженный въ XVII в. усиліями одного изъ пановъ Микулинскихъ и нападениемъ татаръ. Но недолго вновь возникшая обитель оставалась православною: въ 1730 г. здѣсь появилась унія, затѣмъ случился въ обители опустошительный пожаръ, и монахини принуждены были уйти въ хозяйственный хуторъ бывшаго монастыря Рожокъ, гдѣ и устроили нѣсколько келій и небольшую часовню. Новый монастырекъ влечилъ здѣсь самое убогое существованіе, пока въ 1748 г. униатская власть не упразднила его, а инокини и имущество Рожецкаго монастыря поступили въ Винницкій Благовѣщенскій монастырь. Однако, въпослѣдствіи неоднократно возникала въ Рожкѣ монастырская обитель, переходившая отъ униатовъ къ православнымъ и обратно, и даже въ недавнее время, въ 1891 г., построенъ и освященъ храмъ во имя князя Александра Невскаго.

Въ остальныхъ главахъ своего труда: „Храмы и другія зданія монастыря въ м. Браиловѣ“, «особенно чтымыя святыни монастыря», „просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія Браиловской

обителі и современное ея состояніе“, „юбилейныя торжества Браиловской обителі“,— авторъ даетъ цѣльную яркую картину внутренняго и вѣшняго благодѣвія монастырскихъ храмовъ, состоянія просвѣтительнаго и матеріальнаго, представляющую большой интересъ, въ особенности для лицъ, изслѣдующихъ церковную старину.

Вообще же книга, рассчитанная на неширокій кругъ читателей, можетъ быть съ интересомъ прочтена и не спеціалистомъ.

В. Д.

Обзоръ журналовъ конца прошлаго и начала текущаго годовъ.

Для настоящаго номера рассмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 1; 2) Русская Старина, № 1; 3) Историческій Вѣстникъ, № 1; 4) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 1; 5) Вѣстникъ Европы, № 1; 6) Русская Мысль, № 1; 7) Научное Обзорѣніе, № 1; 8) Книжки Восхода, № 12; 9) Литературно-Научовий Вістникъ, № 1; 10) Ateneum, № 1; 11) Biblioteka Warszawska, № 1; 12) Slovanský Přehled, №№ 1 и 2 (4 и 5); 13) Przewodnik naukowy i literacki, № 1; 14) Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 11; 15) Варшавскія Университетскія Извѣстія, кн. VII и VIII; 16) Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 9—12; 17) Извѣстія Общества Археологіи, исторіи и этнографіи при Имп. Казанскомъ Университетѣ, вып. 4—6; 18) Этнографическое обзорѣніе, кн. 3; 19) Wisła, кн. IV; 20) Русская Школа № 12; 21) Kwartalnik Historji, т. IV; 22) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, № 12; 23) Вѣстникъ Всемирной Исторіи, №№ 1 и 2; 24) Кавказскій Вѣстникъ, № 1; 25) Міръ Божій, № 1; 26) Книжки Недѣли, № 1.

Русскій Архивъ, № 1.

Первые мѣсяцы царствованія Екатерины Великой. (Изъ донесеній прусскаго посланника Гольца Фридриху Второму). Въ этихъ интересныхъ донесеніяхъ встрѣчаемъ нѣсколько строкъ, посвященныхъ гетману Разумовскому, а именно—10 августа 1762 г. въ донесеніи Гольца есть такія строки: „Однаково (какъ и братьевъ Орловыхъ) ненавидятъ они (недовольные) гетмана. Къ нему всегда относилась съ презрѣніемъ вся здѣшняя знать за его низкое происхожденіе; недовольные-же говорятъ теиерь, что во время переворота

онъ предалъ государя, обращавшагося съ нимъ, какъ съ братомъ, только затѣмъ, чтобы воспользоваться безпорядками въ государствѣ и самому захватить престолъ, но что эти замыслы не удались ему. Въ сущности они дѣлають ему слишкомъ много чести; ибо, хотя онъ и способенъ на всевозможные преступные замыслы, но его дарованія слишкомъ ничтожны, чтобы онъ могъ играть подобную роль“ (стр. 32).

Русская Старина № 1.

К. С. Веселовскій. Русскій философъ Д. М. Велланскій (стр. 5—19). Сообщаются свѣдѣнія о томъ, какъ этотъ знаменитый философъ, родомъ малороссъ, сынъ бѣднаго Борзенскаго ремесленника Кавуника, дважды потерѣлъ неудачу въ Академіи наукъ, въ 1812 и въ 1832 году, когда наши академики дали неодобрительный отзывъ о его ученыхъ трудахъ, а въ послѣднемъ случаѣ даже указывали на вредное направленіе подобной философіи. Нѣкоторые свѣдѣнія объ этомъ философѣ были помѣщены въ *Кіевск. Стар.* 1897 года, № 11, гдѣ между прочимъ напечатаны письма его къ М. В. Бѣлозерскому.

А. Кирпичниковъ. М. П. Погодинъ и Н. В. Гоголь (1832—1852 г.). Сообщается нѣсколько очень интересныхъ страниць изъ первоначальной дружбы, а затѣмъ почти полного разрыва ея между Погодинымъ и Гоголемъ (стр. 79—96).

Къ біографіи В. Н. Каразина. Напечатано прошеніе Каразина въ С.-Петербургскую цензуру объ изданіи отдѣльной брошюры „Опытъ сельскаго устава для помѣщичьяго имѣнія, состоящаго на оброкѣ“. Этотъ уставъ былъ первоначально напечатанъ въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ 1818 года (кн. 5-ая), а когда была отпечатана названная брошюра, то она вызвала замѣчаніе цензурному комитету (стр. 244).

Историческій Вѣстникъ № 1.

Записки Н. И. Мамаева. Авторъ записокъ, бывший съ 1838 г. по 1842 г. адъютантомъ при волынскомъ губернаторѣ, въ 3-ей части своихъ записокъ касается этого періода. Въ настоящей книгѣ еще не напечатана эта часть, но между прочимъ дава справка, что въ бумагахъ Мамаева, кромѣ записокъ, сохранились другія рукописи, а именно: 1) Историческія воспоминанія о волынской губерніи; 2)

Два дня свѣтской жизни — повѣсть изъ времянь польскаго востанія 1830 года (стр. 43).

Въ отдѣлѣ «критики и бібліографіи» находимъ отзывы о книгѣ «*Józef Dunin-Karwicki. Z zamglonej i niedawno minionej przeszłości. Wolyńskie opowiadania historyczne.* Warszawa 1901» (стр. 348).

Въ отдѣлѣ „Смѣсь“ есть замѣтка о диспутѣ въ С.-Петербургскомъ университетѣ приватъ-доцента В. Н. Перетца. Такъ-какъ тема его диссертациі «Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы изъ исторіи русской пѣсни» затрогиваетъ сюжеты по исторіи малорусской пѣсни, то диспутъ представилъ особенный интересъ для насъ южанъ. (стр. 399).

Тамъ-же помѣщенъ краткій отчетъ о докладѣ В. И. Ясевичъ (Бородаевской) «Сектантство въ Кіевской губерніи», читанномъ 17 ноября 1900 г. въ этнографическомъ отдѣлѣ географическаго общества. (стр. 407).

Въ отдѣлѣ *Некроловъ* помѣщенъ краткій некрологъ А. Я. Ко-нисскаго (стр. 413).

Вѣстникъ Европы № 1.

Кружокъ «Крулой Башни». Изъ воспоминаній В. Д. Хрущовой (стр. 240—284). Эти воспоминанія относятся ко времени русско-турецкой войны 1877—78 гг., когда въ Кіевѣ стали формироваться разнообразныя кружки для оказанія помощи раненымъ и больнымъ воинамъ. Въ одномъ изъ этихъ кружковъ принимала дѣятельное участіе В. Д. Хрущова, жена инспектора классовъ въ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Характеристика лицъ, участвовавшихъ въ дѣлахъ помощи раненымъ, довольно блѣдная и мало дающая тѣничаго для освѣщенія жизни Кіева: подобныя картины одинаково можно было встрѣтить въ любомъ пунктѣ.

Русская Мысль № 1.

Въ „Бібліографическомъ отдѣлѣ“ помѣщенъ отзывъ о книгахъ:
1) *Записки Науковаго Товариства імени Шевченка* Т. 33—38. (стр. 17).

Літературно-Науковий Вістник, № 1.

Наш Альбом:

Із поезій Дніпрові Чайки, А. В—О., Надії Кибальчич, В. Залізняка, Із пісень Дмитренка, Івана Рекуна, Степана Петрушкевича. Стр. 1—14.

Мое слово, Василя Стефаника (стр. 15—17).

Над морем. Оповідане Лесі Українки (конець буде) (стр. 18—33).

Мінятюри:

Я. Жарко: I. Чари, II. Згадка, III. Пташки (стр. 34—38).

В. Тарчанський: Ich grolle nicht (стр. 38—40).

I. Франко: Хмельницький і ворожбит (стр. 40—44).

Перша треба. Із записок сьвященника Т. Добрянського (стр. 45—51).

Більмо. Образок із гуцульського життя Марка Черемшини (стр. 52—64).

Із поезій Вл. Соловйова (стр. 65—70).

Із циклю сцен „При столі“ Жанни Марні (стр. 71—85).

Притчі про початок авторитету, Мультипулі (стр. 86—90).

Із славянських поетів. (П. Славейкова, Чинтулова, Раковського, Вяч. Стаха, Вяч. Ганки, Я. Коляра, О. Хмеленського, Івана Коубека, Вілянї, Б. Фурха, Вяч. Небеського, Анд. Сладковича, Ос. Гурбана, Анд. Зайлера)—пересп. П. Граба (стр. 91—96).

Із „Фантазий реаліста“ Лінкея (проф. Й. Поппера) (стр. 98—116).

Іван Раковський: Вік нашої землі (стр. 1—9). Краткій обзорь исторіи развитія земного шара.

Роман Заклинський. Спомини про Федьковича (стр. 10—20). (Конець буде).

Матеріали для біографіи: два посвщєнія О. Федьковича—первое, въ 1866 г. О. Олексю Слюсарчукомъ, и второе, въ 1867, др. М. Бучинскимъ.

Ф. Майкут. Дещо з сучасного російського життя (По газетам і журналам) (стр. 21—31).

Наукові листки (стр. 32—45).

Новий отдѣлъ въ журналѣ, содержащій цѣнный научный матеріалъ: 1. Граматичний рїх у аріо-европейських язиках—Бодуэна де—Куртене; 2. Остання праця Макса Міллера; 3. Рукониси Генриха Гайне, 4. Новий Грецький роман („Історія Хіони“), 5. За что ста-

рика обидѣли?—І. Ф. (по поводу статьи Свистуна въ „Галичанинѣ“ въ защиту о. А. Петрушевича) 6. Тезей „Нов. Время“ і його похід проти Мінотавра „окраїна“—Ф. М. 7. Мукденські рукописи.

Олександр Яковлевич Кониський (18 серпня 1836—12 грудня 1900) (стр. 46—47).

Краткая замѣтка, отмѣчающая крупное значеніе почившаго въ исторію української культурної життя.

Осин Маковей. Людвік Якововський. Посмертна згадка (стр. 48—50).

Серій Ефремов. Останні години життя, смерть і похорон Олександра Кониського (стр. 51—54).

Хроніка і бібліографія (стр. 55—76). По обыкновенію, огромное количество цѣннаго матеріала для исторіи текущей культурной жизни.

Slovanský Přehled, № 4 и 5 (1 и 2).

Dr. Ivan Franko. К dejinam českorusinske vzájemnosti (стр. 156—160). Задавшись цѣлью указать вѣратцѣ историческіе факты взаимныхъ сношеній чеховъ и русиновъ (украинцевъ вообще) съ древнихъ временъ (съ XI в.) и до нашихъ дней, авторъ попутно отмѣчаетъ имена чешскихъ дѣятелей, способствовавшихъ ознакомленію чешскаго міра съ галицко-русскимъ въ частности и съ Малороссіей вообще.

Въ отдѣлѣ „Rozhledy a zprávy“ (стр. 192—193) отмѣчены нѣкоторые факты культурной Галицко-русской жизни, какъ-то: приготовленія къ предстоящему XII археологич. съѣзду; соединеніе въ одну группу: М. Л. Кропивницкаго—подъ управленіемъ А. К. Сакаганскаго и Н. К. Садовскаго, при участіи М. К. Заньконецкой и И. К. Карпенка-Караго—лучшихъ украинскихъ драматическихъ силъ; обязательное изученіе должностными лицами восточной Галиціи украинскаго языка и др.

№ 5 (2).

Въ отдѣлѣ «Rozhledy a zprávy» (стр. 246) отмѣчены: исторія постановки памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ, юбилей Петрушевича.

Przewodnik naukowy i literacki, № 1.

Fr. Rawita-Gawroński. Wycieczki Historyczno—Archeologiczne po Ukrainie (стр. 45—57). (Продолженіе слѣдуетъ). Авторъ дѣлится

своими впечатлѣніями отъ посѣщенія съ научно-археологическими цѣлями нѣкоторыхъ пунктовъ, лежащихъ по Дуѣру: д. Вишенокъ и Боровицы (оба на полтавскомъ берегу). Особенно цѣннаго въ научномъ отношеніи интереса впечатлѣнія эти не представляютъ.

Dr. Eugeniusz Romer. Rola Rzek w Historji i geografii narodów (стр. 58—68) (окончаніе слѣдуетъ). Историко-философскія соображенія о значеніи крупнѣйшихъ рѣкъ, какъ то: Волги, Вислы, Эльбы, Одра и др. въ исторіи различныхъ народовъ, между прочимъ и Дуѣра—въ исторіи славянъ.

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 11.

Н. П. Василенко. Генеральное слѣдствіе о маестностяхъ Нѣжинскаго полка. (стр. 289—352). (Продолженіе).

Варшавскія Университетскія Извѣстія кн. VII и VIII.

Е. О. Карскій. Очеркъ славянской кирилловской палеографіи. (Продолженіе) (стр. 243—312; 313—344).

Книга VII. Писцы книгъ. Школы письма, почерки. Способъ письма. Какъ приобрѣтались въ старину книги и гдѣ ихъ можно было купить. Записи писцовъ и разныя помѣтки въ книгахъ: послѣсловія, краткія приписки о писцахъ, разныя случайныя помѣтки. Приписки вкладчиковъ и владѣтелей книгъ. Списокъ извѣстныхъ писцовъ кирилловскихъ книгъ по 1500 годъ.

Книга VIII. Первые типографіи и типографы: въ Краковѣ, Прагѣ, Венеціи и др. мѣстахъ. Типографіи въ западной и восточной Руси (Виленская, Несвижская, Забудовская, Львовская, Острожская). Первопечатныя книги.—Разныя редакціи рукописей, между прочимъ и русская: рукописи новгородскія, псковскія, галицко-волынскія, западно-русскія.—Особенности языка галицко-волынскихъ и западно-русскихъ письменныхъ памятниковъ.

Кіевскія Университетскія Извѣстія №№ 9—12.

М. В. Довнаръ-Запольскій. Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонахъ (стр. 89—223) (Продолженіе).

Глава II. Доходы, источникомъ которыхъ служила судебно-административная дѣятельность самого великаго князя: полудіе, стація на господаря (яловщина, болкуновщина, мезлева, дары челобитья, судебныя вина, тивущина. Глава III. Государственныя имущества:

добра «властныя» господарскія, столовыя и земскія, должностныя лены. Способы управленія господарскими и земскими добрами. Господарское хозяйство: «платы» и службы населенія.

Этнографическое Обзоріе, № 3.

А. Л. Масловъ. Лирники Орловской губерніи, въ связи съ историческимъ очеркомъ инструмента «малороссійской лиры» (стр. 1—13). Послѣ краткихъ историческихъ справокъ о лирѣ на Руси до XIX столѣтія, авторъ сообщаетъ данныя о нѣкоторыхъ лирникахъ въ Ливенскомъ у. Орловской губ., существующихъ тамъ уже около 40 лѣтъ (захожихъ съ южныхъ губерній) и имѣющихъ особый языкъ, отличающійся отъ языка юго-западныхъ лирниковъ. Репертуаръ ихъ, по словамъ автора, вращается теперь около духовнаго стиха и пляски.

Въ отдѣлѣ «Критика и бібліографія» (стр. 154) данъ отзывъ о книжкѣ проф. **Т. Флоринскаго.** „Малорусскій языкъ и украинско-русскій литературный сепаратизмъ. С.-Петербургъ, 1900“. Рецензентъ (А. М.) заканчиваетъ свой отзывъ слѣдующими словами: «ратованію противъ этого (цитированнаго рецензентомъ изъ книжки проф. Флоринскаго) національнаго движенія и посвящена брошюра проф. Флоринскаго, свидѣтельствующая только о томъ, что люди науки иногда бываютъ очень дурными и вредными для народнаго дѣла и для самой науки публицистами“.

Wiśta, № 6.

Н. Л. Obrzędy weselne на Нізу Днипровымъ (стр. 743—752). Авторъ записалъ въ постепенномъ порядкѣ обряды, сопровождающіе свадьбу («весілля») въ Екатеринославской губерніи.

Въ отдѣлѣ «*Poszukiwania*» (стр. 770—786) отмѣчены: картинное письмо у Гуцуловъ и бойковъ-Верховинцевъ, язъ книги **Józefa Szpaidera: Z kraju Huculów**, а также изслѣдованія Володимира Охримовича: «Останки первісного камунізму у Бойків-Верховинців— (въ Записк. Наук. Тов. т. 31—32), прибѣгающихъ къ различнымъ знакамъ взамѣнъ цифръ; представленія и понятія о природѣ въ с. Юрковщизнѣ, Звягильскаго уѣзда—различныя повѣрья о циклопахъ, кометахъ, «смокѣ» (радугѣ), громѣ, мѣсяцѣ, вѣтрѣ, землѣ, человѣкѣ, аистѣ, жаворонкѣ, «зузулѣ», павлинѣ, пѣтухѣ, гусѣ, сорокѣ, совѣ, «кажанѣ», воронѣ, голубѣ, журавлѣ, конѣ, дикой козѣ, собакѣ, котѣ, мышѣ, ужѣ, жабѣ, пчелѣ, муравьѣ, блохѣ, паукѣ и божьей коровкѣ.

Въ отдѣлѣ «Sprawozdania i Krytyka» (стр. 786—801) даны отзывы объ изданіяхъ: «Pisanki w Galicji. III. Lwów, 1898. Odbitka z «Ludu», str. 48», «Записки Наукового Товариства ім. Шевченка, т 31—32».

„Etnografja w Słowniku Geograficznym Królestwa Polskiego i innych krajów słowańskich (стр. 801—807).

Кварталник Historyczny т. IV.

Adam Szelągowski. Przesilenie pieniężne w Polsce za Zygmunta III» (стр. 584—623). Авторъ разсматриваетъ вопросъ о финансовомъ кризисѣ въ первой половинѣ XVII ст., о причинахъ его и мѣропріятіяхъ правительства къ поднятія стоимости монеты; приводитъ свидѣтельства современной разсматриваемому имъ вопросу литературы, дающей любопытныя сравнительныя цѣны различныхъ предметовъ обстановки и потребленія.

Въ отдѣлѣ «*Recenzje i Sprawozdania*» даны отзывы объ изданіяхъ: «Списокъ населенныхъ мѣстъ Кіевской губерніи. Изданіе кіевскаго губернскаго статист. комитета. Кіевъ, 1900 г.» (стр. 699—700) и «*Zalęski Stanisław. Jezuci w Polsce, tom I. Lwów, 1900*» (стр. 706—711).

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, № 12.

Л. Архангельскій. Образование и литература въ Московскомъ государствѣ кон. XVI—XVII вв. (стр. 153—198) (продолженіе).

Въ настоящей главѣ авторъ останавливается на организаціи западно-русскихъ братствъ, ихъ дѣятельности (школы, типографіи), а также на наиболѣе выдающихся четырехъ лицахъ, которыя или тѣсно примыкаютъ къ братствамъ, находясь съ ними въ постоянныхъ, тѣсныхъ сношеніяхъ, или стоятъ отдѣльно отъ нихъ, какъ-то: А. М. Курбскій, Францискъ Скорина и др. Подробно отмѣчены литературныя труды доктора Скорины и А. М. Курбскаго.

Вѣстникъ Всемирной Исторіи № 1 и 2.

Бошнякъ. Майборода. Шервудъ. По запискамъ декабриста кн. С. Г. Волконскаго (стр. 101—115). Нѣсколько интересныхъ страничекъ изъ жизни Южнаго Общества, въ которой очень неблагоприятную роль сыграли наши земляки—Бошнякъ, помѣщикъ херсонской губерніи, и Майборода, изъ мелкопомѣстныхъ херсонскихъ дворянъ.

Грузинскій пергаментный манускриптъ 1042 года объ осадѣ Царырада русскими въ 626 году (стр. 230—233). Объ этомъ интересномъ документѣ было сообщено у насъ въ 1900 г. № 11, отд. 2-й, стр. 111-я.

№ 2.

Въ отдѣлѣ «Странички Прошлаго» (стр. 195) помѣщенъ интересный документъ «*Заготовка розогъ*», относящійся къ 1846 году. Кіевское губернское присутствіе въ упомянутомъ году постановило заготовить въ Кіевской губерніи 20,000 пучковъ березовыхъ розгъ для Херсонской губ. и 9,000 для Таврической.

Изъ области археологіи (стр. 203—206).

Отчетъ о сообщеніи А. А. Бобринскаго въ засѣданіи Р. Арх. Общ. о раскопкахъ Зноско-Боровскаго и о засѣданіи предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ.

Кавказскій Вѣстникъ, № 1.

Въ отдѣлѣ «Внутреннее Обзорѣніе» (стр. 174) отмѣчено чествованіе 70-лѣтняго юбилея извѣстнаго русско-украинскаго писателя Д. Л. Мордовцева.

Мірѣ Божій, № 1.

Въ отдѣлѣ „На Родинѣ“ (стр. 29—30) дано сообщеніе объ интересномъ докладѣ В. И. Бородаевской въ „Союзѣ писателей“ — „Сектанты въ Кіевской губерніи“.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 1-мъ журнала «Нива» помѣщенъ рисунокъ П. С. Шарварока, ученика И. Е. Рѣпина, подъ заглавіемъ «Думы мои, думы мои», представляющій сложную композицію разнородныхъ сюжетовъ поэзій Т. Г. Шевченка. За эту картину П. С. Шарварокъ удостоенъ высшаго званія художника по новому академическому уставу.

Въ № 282 газ. „Волянь“ помѣщена замѣтка В. К. «Сочельникъ на Воляни и во всей Украинѣ», авторъ которой отмѣчаетъ обычаи, соблюдаемые народомъ въ сочельникъ.

Въ № 279 газ. „Волянъ“ помѣщена малорусская сказка «Якъ почали робити горилку», записанная В. Г. Кравченкомъ въ м. Червонномъ, Житом. у. Сказка, повидимому, представляетъ вариантъ обработанной Л. Н. Толстымъ народной легенды о „винокурѣ“. Сказка записана съ соблюденіемъ особенностей говора рассказчика.

Въ № 5 газ. «Кубанскія Областныя Вѣдомости» помѣщено продолженіе изслѣдованія Е. Д. Фелицына— «Кубанскій край сто лѣтъ назадъ». Глава III. Черноморіа. Административный строй.

Въ № 280 газ. «Кубанскія Областныя Вѣдомости» помѣщены двѣ статьи: 1) *М. Пахомова*. «Різдвані Святки въ Черноморіи» и 2) *Ив. Гр. Иванова*. Рождественскія святки на Львів (народные обычаи предъ праздниками Рождества Христова и Новаго Года въ ст. Вознесенской, Лабинскаго отдѣла).

Какъ въ той, такъ и другой приводятся интересныя данныя для характеристике народныхъ обычаевъ въ Кубанской Области, приводятся также нѣсколько колядокъ и щедривокъ.

Въ № 2, 3, 4 и слѣд. газеты «Буковина» печатается въ переводѣ на украинскій языкъ комедія Гоголя «Ревизоръ».

Въ №№ 4 и 5 газ. «Дѣло» помѣщена въ фельетонѣ статья М. Лозинскаго: «Украинско-руська література в 1900 р.» Авторъ отмѣчаетъ литературную продукцію на Украинѣ (журналъ «Кіевская Старина», сборникъ «Викъ»), на Угорской Руси (календари), Буковинской (газеты: Буковина, Руска рада; отд. изданіе: «Буковинська Русь»), въ Америкѣ (газ. «Свобода») и, наконецъ, въ Галицкой Руси (Науков. Тов. ім. Шевченка, Літературно-Науковий Вістникъ, «Видавничя Спілка», „Просвѣта“, Молода Україна; отдѣльныя изданія).

По мнѣнію автора, «въ нашемъ литературномъ движеніи замѣтенъ съ каждымъ годомъ все большій и большій прогрессъ какъ въ отношеніи количества, такъ и качества литературной продукціи».

Въ № 6877 газ. „Южный край“ помѣщена въ фельетонѣ статья Ев. Гай-Сагайдачной: „Три царя“. Автору удалось видѣть три года тому назадъ въ Чугуевѣ мистерію „Три царя“, въ исполненіи бродячей труппы; запись этой мистеріи и дана ей въ упомянутой газетѣ. Въ

числѣ дѣйствующихъ лицъ, какъ-то: Иродъ, царь Максимиліанъ, Мамай, палачь Брамбеусъ, Смерть, войны—фигурируетъ и дѣдъ гробкопатель, говорящій довольно правильнымъ украинскимъ языкомъ.

Въ № 5 газ. «Куб. Областныхъ Вѣдомостей» помѣщенъ учителемъ К. Ковалевымъ интересный списокъ заговора отъ лихорадки, записанный въ ст. Шапсугской.

«Молода Україна», ч. 12 за грудень 1900 р. Зміст: По році.— На зеленій Буковині. *Іван Брик*: Олександр Коняський (з портретом).— *Теодій Мель*: Григорій Савиц Сворода.— *Володимир Лідин*: На границі.—Хроніка з нашого життя.—Бібліографія.

СПИСОКЪ ВНОВЬ ВЫШЕДШИХЪ КНИГЪ.

А. Л. Дорога до свѣдомости. I. Капиталь и праця. Выдава часоп. «Свобода», ч. 12. Olyphant, Pa. 1900. Зъ друкарни «Свободы». Ст. 26, 8°. Ціна 10 цент.

Archiwum Komisji Prawniczej T. VII. Nakładem Krakowskiej Akademii Umiejętności. Содержить «Статутъ Литовскій во второй редакціи» (1566 г.).

Balzer Oswald. Nistorya porównawcza praw slowiańskich, główne kierunki rozwoju nauki i jej istotne znaczenie. Lwów, 1900.

Библиотека для русской молодежи пидъ редакціею проф. Юліана Насальского. Выпускъ XXVIII. Коломыя, 1900. Змість: 1) Позѣрка, оповѣдане Франца Мешка въ перекладѣ Ильва Кузева; 2) Оповѣдане сѣльского священника.—Зъ французского; 3) Дивне писъмо, дѣточа комедія въ одномъ актѣ Теодіа Медведа.

Василенко, В. И. Очерки кустарныхъ промысловъ Полтавской губерніи. Выпускъ I. Пряденіе и ткачество въ Зѣньковскомъ и Миргородскомъ уѣздахъ. Изданіе Полтавскаго Губ. Земства. Полтава, 1900, I—III, 1—111.

Въ дѣтальтну рочницю уни лъвиевскои архидіецезіи. Написавъ Т. А. Накладомъ Митр. Ординаріята. Львовъ, 1900. Зъ друкарнѣ Ставропигійского Института. ст. 40, 8. Ціна 10 сот.

Волинскій народный календарь (мѣсяцесловъ) на 1901 годъ. Годъ 8-ой Изд. О. Ив. Досинчука. Житомиръ, 1900, I—XXXII, 1—144. Цѣна 20 коп.

Временникъ Ставропільскаго Института съ мѣсяцесловомъ на годъ обыкновенный 1901. (Годъ изданія XXXVIII). Львовъ, 1900. Изъ типогр. Ставр. Института. Ціна 1 кор.

Gawronski-Rawita Fr. Historia ruchów Hajdamackich. Lwów, 1901.

Где есть скарбъ закопаний? Наува о томъ, якъ его выдобути. Написалъ Г. А. Цолянскій). Перепечатано зъ «Рускои Рады». Коломыя, 1900. Черевками и накладом Михайла Бѣлоуса. Ст. 74, 8°. Ціна 20 сот.

Грабина А. Т. Панъ Халивскій. Комелія-фарсь въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Кіевъ, 1900, 1—75. Цѣна 50 коп.

Грушевскій Мих. Бех-Аль-Джугур. Оповідане. «Літерат.-Наукова Бібліотека». Ч. 9. Львів, 1900.

Грушевскій Михайло. Хмельницькій і Хмельницзна. Історичний ескіз. «Літерат.-Наукова Бібліотека». Ч 4. У Львові, 1901, стр. 1—63, 16. Ціна 20 сот.

Гумористичний—ілюстрований календар «Комара» на рік звичайний 1901. У Львові, 1900. Коштм и заходом редакції «Комара». З друкарні Уділової. Ст. 96+32, 16°. Ціна 50 сот.

Енцикліка Папи Льва XIII про робітниче питаннє. Накладом «Літерат.-Науков. Товариства української духовн. семинарії у Львові». Львів, 1900. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка, 8°, стр. 40. Ц. 15 кр.

Етнографічний Збірник. Видає етнографічна Комісія Наукового Товариства імени Шевченка. Т. VIII. Галицькі народні новели. Зібрав Осип Роздольський. У Львові, 1900. Накладом Товариства. З друкарні Н. Т. ім. Шевченка. Стор. IX+166 вел. 8°. Ціна 2 кор. Зміст: 1) Передмова (д-ра І. Франка); 2) Текст новель, ст. 1—81; 3) Поважчик важнійших мотивів. Т. IX. Етнографічні матеріали з Угорської Руси. Зібрав Володимир Гнатюк. Том 3-ій. 1) Західні угорсько-руські комітати. 2) Бач-Бодрогський комітат. У Львові, 1900. Накладом Товариства. З друкарні Наукового Товариства імени Шевченка. Ст. 4+284, вл. 8°. Ціна 3 корони.

Ефименко, А. Я. На Україні. Очерки и рассказы. Съ рисунками. З выпуска. М. 1901 г. Ц. I и II вып. по 30 к., III—25 к.

Жерновъ Матвій Семеновичъ. Збірникъ творивъ. Томъ первій. Харьквивъ, Друкарня Саввы Іванченко, 1900 року, 1—87, in 16°. Ціна 20 коп.

Записки И. П. Котляревскаго о первыхъ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ турецкую войну 1806 года. Отт. изъ журн. «Кіевской Старинны». Кіевъ, 1901 г., стр. 1—15.

Zalecki St., ks. J. J. Jezuci w Polsce, t. I. Walka z róznowierstwem. 1555—1606, część I. Lwów 1900.

Зальцман Христіян. Г. Книжка приказокъ про те, якъ не належиться поводитися з дітьми. Переклав Теодор Біленький. З переднім словом Івана Франка. Виданне Тов. «Просвіта», чч. 243—244. Львів, 1900, стр. 1—48. Ціна 40 сот.

Замятченскій, П. проф. Старобѣльскій уѣздъ Харьковской губ. въ геологическомъ, гидрологическомъ и почвенномъ отношеніи. Отчетъ Старобѣльскоі уѣздной земскоі управы. Издано Старобѣльскоі уѣздной земскоі управой. Сиб. 1900. Тип. К. Биркенфельда, 8 д. П—148 стр.

Zbiór cwiczeń pisemnych polskich, ruskich i niemieckich, dla szkół ludowych typu niższego z językiem wykładowym polskim i ruskim. Nowy Sącz. 1901. Wydawnictwo Red. «Szkolnictwo». Ц. 1. 10 кр.

Ілюстрований буковинський календар на рік 1901. Видав «Рускоі Бесіди», ч. 160. Чернівці, 1900. З друкарні «Рускоі Радв», Ц. 50 сот.

Ілюстрований Календарь Пр. Дѣвы Маріи на рикъ 1901. У Винтерберзѣ, 1900. Накладомъ Івана Штайнбренера, стр. 80, 4°. Цѣна 80 сот.

Ілюстрований календарь Общества имени Михаила Качковскаго на юдь звычайный 1901. Изданъ подъ редакцію Б. А. Дѣдицкаго. Годъ XVII. Львовъ, 1900. Типогр. Ставр. Института. Ціна 70 сот.

Інформаційний календарик Рускоі педагогічноі Товариства у Львові на звич. рік 1901 в двадцяті роковини Товариства. Зложив Др. Мих. Пачовскій, п. в. професор акад. гімназіі у Львові. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. У Львові. 1900, 1—131. Ціна 50 сот. (Видане Рус. Тов. педагогіч., ч. 85).

К. В. Образки з Криниці. Аргастично Літературні новини. Книжка IV. Перемишль, 1900. З друкарні М. Джулинського. 30. 8°. Ціна 50 сот.

Календарь для американськихъ Русиновъ на рикъ 1901. Олифантъ (Пенсильванія), зъ друкарні «Свобода». Съ влдустр. и портретами: Котляревскаго, Драгоманова, Гончаренка и др. и 6 фотограф. снимками: Первые помпники по Т. Шевченкѣ на американск. территоріи въ Ша-

мокинѣ, вечерняя школа въ вѣ Олифантѣ, читальня имени Котляревскаго въ Ансоніи, Русинская школа въ Мт.-Кармелѣ, читальня имени Шашкевича въ Олифантѣ и русинская школа въ Олифантѣ.

Календар на звич. рік 1901. Накладом філії Руского Товариства Педагогичного в Коломиї. Ц. 25 сот-

Каллашъ Вл. Изъ исторія малорусской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX вѣка. III. Отт. изъ журн. «Кіевск. Стар.» Кіевъ, 1901, стр. 1—38.

Калитовскій Омелян. Учебникъ географіи для II и III класи шквіи середніх (з 39 ілюстрацями). У Львові, 1900. Накладом фонду краевого. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 254, 8°. Ціна 2. 50 кор.

Др. Ол. Колесса. Погляд на сучасний стан історичних розслідув укр.-рускої літератури. Найдавніший періодъ. Кілька проблем и де-зідератів. У Львові, 1901 Наклад. Наук. Тов. ім. Шевченка.

Коляди и щедрівки. З додатком тропарів і антифонів на Різдво Христове і Богоявлене. У Львові, 1900. З друкарні Науков. Тов. ім. Шевч. Виданне товар. «Просвіта». У Львові, 1900, 1—84, 16°. Ціна 20 сот.

Короста (Чухачка). Якъ личыты коросту (Отдѣльный листъ). Аваньевъ, 1900. Тип. Е. Н. Макаревича и А. А. Ковякина.

Котляревскій И. П. Собрание сочиненій на малоросійскомъ языкѣ. 1) Москаль-Чаривнякъ; 2) Наталка-Полтавка; 3) Энеида. Москва, 1900. Тип. т-ва Вл. Чичеринъ, 8 д., 338 стр. Цѣна 1 р. (3000 экз.).

Кулида Д. В. Стихотворенія. 1887—1889 г. Изд. А. Кулиды. Кременчугъ. 1900, Тип. Д. Жолковскаго, 8 д., 20+1 стр. (500 экз.).

L. Z. W. Stronnictwa polityczne w Galicyji w przedniu wyborów. Kraków, 1900.

Левичкій М. Короста (Чухачка). Читанка для селянъ. Изданіе Врачебнаго Отдѣленія Кіевскаго Губернскаго правленія. Кіевъ, 1900, 1—8, in 16° (съ рисункомъ). Цѣна 1 коп. (10.000 экз.).

Левичкій Кость. Пронис людности. В додатку: «Староруські оповіданя», ч. V и VI (д-ра Ів. Франка). Виданне тов. «Просвіта», ч. 245. Львів, 1901, стр. 16+20. Ціна 20 сот.

Лепкий Богдан. Оповіданя. Накладом А. Хойнацкаго. З друкарні В. А. Шийковскаго. Ст. 138, 12°. Ціна 2 кор. Зміст: 1) Цѣвіт щастя, 2) Закутник, 3) Стріча, 4) Починок.

Лепкий Богдан. Оповіданя. Накладом А. Хойнацького. У Львові, 1900, 1—16. Ціна 2 корони.

Ласкоронскій В. Прошлое м. Триполья и мѣстныя народныя преданья о немъ. Кіевъ, 1901 г. Цѣна 50 коп.

Макаръ Стефанъ. Руско-англійскій провидникъ. Видавництво часописи «Свобода». Ч 11. Olyphant, Pa. Зъ друкарни „Свободы“. 1900. Ст. 116, 8°. Стр. 41.

Мандичевскій Евген. З живого і мертвого. Новелі. Львів, 1901. Накладом автора. Зміст: 1) Сирітський сон, 2) Мужичьке жито, 3) Харигнвки, 4) Білила полотна, 5) Тайна поэта, 6) Марійка, 7) Нужда, 8) Вечір. Ціна 1 кор.

Маркевичъ, А. И. Пушкинъ и Новороссійскій край. Рѣчь, произнесенная въ торж. собр. универс. и учен. общ. 27 мая 1901 г. Одесса, 1900 г. Ц. 30 к.

Мирний Панас. Лова. Оповіданє. «Літерат.-Наукова Бібліотека», ч. 7. Львів, 1901.

Др. Іос. Мъльницькій. Теофилъ або выкладъ гоимлетичный Апостоловъ и Евангелій. Т. Ш, выш. VI. Львовъ, 1901, 8°. Стр. 41.

Наумович Володимир. Величина і будова звіздяного свѣта. Водатєу: Спомини про Володимира Наумовича, написав Іван Франко. «Літерат.-Наукова Бібліотека». 6. Львів, 1901.

М(алинякъ) Н. Д. Малая Евхарістическая книжица. Послѣдованіє въ святому причащенію. Перенечатано изъ Почаевского Молитвослова изъ конца XVШ вѣка. Перемышль, 1900. Изъ тип. Н. Л. Джулынскаго. Ст. 48; 12°. Цѣна 50 сот.

М(алинякъ) Н. Д. Зерна горущичны изъ сѣменца Камянина. Евхарістика. Календарь. Семенарь. Языкъ и каѳоликъ. Епілогъ. Перемышль. 1900. Зъ печатни Н. Л. Джулынскаго. Ст. 52, 8°.

Оюновскій П. Учебник аратметики для низшихъ клас. Часть I (на I и II кл). 2 виданне. Львів, 1900. Ц. 1 кор. 80 кр.

Оюновскій Гляріон. Словар до Гомерової Одиссеї і Іліяди. Накладом Науков. Тов. ім. Шевченка при підпомозі Галицького сойму. У Львові, 1900, стр. 1—433. Ціна 4 корони.

Оркан Владислав. Скапанний свѣт. Переклад Йосифа Стадника. Вид. Р.-Укр. Видавничої Спілки. Ч. I. Львовъ, 1900.

Остѣнте дѣтєй приходити ко мнѣ. Начеркъ науки религія въ першѣи класѣ народнои школы. Уложивъ свѣщ. Л. Лужницьій

Львѣвъ, 1900. Накладомъ редакціи „Богословскаго Вѣстника“. Ст. 48, 12°.

Остапенко Грыцько. „Кобзарь“. Сборникъ малороссійскихъ пѣсень. Изд. Е. Коноваловой. Москва, 1900. Тип. И. Полякова, 16 д. 144, стр. 6000 экз.

Rawiński A. Teki tom VI. Dyaryusze sejmowe, część I ч. 1581, 1681, 1726. Lwów. 1900. 4 k. 60 h.

Петелениъ-Калитовський Герман. Вирави німецькі для IV кл., 2 видане. 1900 р.

Про сифилисъ (франци). Перекладъ зъ выдання „Общества рускихъ врачей въ память Н. И. Пирогова“. (Отдѣльный листъ). Ананьевъ, 1900. Типографія Е. Н. Макаревича и А. А. Коняхина.

Про скарлатыну (краснуха). Перекладъ зъ выдання „Общества врачей въ память Н. И. Пирогова“. (Отдѣльный листъ). Ананьевъ, 1900. Типографія Е. Н. Макаревича и А. А. Коняхина.

Профессоръ Николай Θεодоровичъ Сумцовъ. Къ двадцатипятилѣтней годовщинѣ его учено-педагогической дѣятельности. Харьковъ, 1900, 1—37, in 8°.

Познанскій Б. Симсотъ первый и симсотъ второй законъ. Разказъ. Отг. изъ журн. „Кіевск. Стар.“. Кіевъ, 1901, 1—16.

Покрива Т. Дорога до свѣдомости. II Борба класъ. III Для чого робітники організуються? Вид. час. „Свобода“. Ч. 13. Olyphant. Ра. 1900. Зъ друкарнѣ „Свобода“. Ст. 24, 8°. Цѣна 10 цент.

Приятель жовніра. Календарь на рік 1901. Вівтенберг, 1900. Накладомъ Івана Штайнбренера. Стр. 128, 4°.

Пулюй Іван, др. Непропаща сила. „Літерат.-Наукова Вібліотека“, ч. 8. Львів, 1901.

Пятка Стефанъ. На прічках. Видане Руского Товариства педагогичного, Ч. 80. У Львові, 1900. З друкарні Науков. Тов. ім. Шевченка. Ст. 34, 8°. Ц. 30 сот.

Радичъ В. Запорожская Старина. Историческіе разказы. Изд. реж. журн. „Всходы“. Спб. 1900 г., 1—242. Цѣна 1 р. Содержание: Дѣдушка, Ссылка, Святой вечеръ, Погромъ Крыма, По синамъ волнамъ, Палій и Палиха, У гетмана, Максимъ Желѣзнякъ.

Ркмичкій М. Городъ Новгородъ-Сѣверскій, его прошлое и настоящее. Изд. редакціи «Земскаго Сборника Черниг. губ.». Черниговъ, 1900. Тип Губ. Земства. 8 л., 32 стр.

Ротарь Ив. Епифаній Славянецькій, літературний діятель XVII вѣка. Оттискъ изъ журн. «Кіев. Стар». Кіевъ, 1901, 1—119.

Самойловичъ Иванъ. Лѣтопись с. Разбишевки, Гадячскаго уѣзда, Полтавской губ. Полтава, 1900, стр. 1—32 (Оттискъ изъ №№ 5—6 «Полтавск. Епарх. Вѣдомостей» за 1900 г.).

Сборникъ Им. Р. Ист. Общ. Т. 107. Матеріалы Еватерининской Законодательной Коммисіи. Т. IX. Сиб. 1900. Ц. 3 р.; т. 108. Бунаги кабинета импер. Анны Ивановны. 1731—1740. Собр. и изд. подъ редакціей А. Н. Филишова. Т. III (1734 г.). Юрьевъ, 1900 г. Ц. 3 руб.

Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства, относящихся къ крестьянскому общественному управленію. Общее положеніе. Т. I, ч. I. Москва, 1901.

Сборникъ декламаций, составленный изъ стиховъ первостепенныхъ нашихъ писателейвъ. Собралъ М. Бѣлоусъ. Коломыя, 1900. Черенками М. Бѣлоуса. Ст. 64, 8^о. Ціна 30 сот.

Слово о Генр. А. Полянскою по случаю генерального собранія членовъ им. Михаила Качковскаго въ Сяноцѣ (18/9 1900). Черенками Михаила Бѣлоуса. Ст. 16, 8^о. Ціна 10 сот.

Стефаник Василь. Дорога. Збірка нарисів (Дорога, Скин, Давнина, Вістуин, Май, Палій, Кленові листки, Похорон, Сон, Басараби, Озимина, Злодій, Такий панок). Видане «Рус.-Укр. Видавничої. Спільн.» Ч. 2. Львів, 1900.

Студинський Кирило. Літературні змѣтки. Львів, 1901. Накладом А. Хойнацкаго. З друкарні В. А. Шийковскаго, in 8^о, стр. 131. Зміст: 1) Козацтво і гайдамаччина въ Енеїді Котляревського (стр. 1—32), 2) Характеристика поезій Петра Гулава-Артемовскаго (стр. 35—131). Ціна 10 сот.

Teisseyre Wawrjyniec Dr. Atlas geologiczny Galicyji, zeszyt 9 (mapy i tekst). Kraków, 1900.

Тобилевичъ И. К. (Карпенко-Карый). Бурлака. Драма на 5 дій. Кіевъ, 1900, типографіи П. Барскаго. № 16. Стр. 1—78, in 16^о. Ціна 7 коп.

Федьковичъ Ю. І. Фармазони. Красна и правдива повість для розумныхъ господарів. П. Поезія Юрія Федьковича. Виданне Тов. „Просьвіта“, ч. ч. 246—247. У Львові, 1900, 1—80 стр. Ц. 40 сот.

Фільотас. Старинный процес за змову на королівське житє. Оповідане Квінта Курція Руфа. З латинської мови переклав Іван Франко. У Львові, 1901, стр. 1—89, 16^о („Літер.-Наук. Бібліотека, ч. 5).

Франко Іван. Перехресні стежки. Повість. Видане ред. „Літ.-Наук. Вістника“. Львів, 1900. Ст. 320, 8°. Ціна 3 корони.

Хатемжинз А. Земський гласний. Розказъ. Отт. изъ журн. «Кіевск. Стар.». Кіевъ, 1901, стр. 1—37.

Chronik der ukrainischen Ševčenko—Gesellschaft der Wissenschaften im Lemberg № 3. (Mai—August). Львів, 1900. З друкарні Н. Т. ім. Шевченка. Ст. 22, 8°. Ціна 30 сот.

Християнський календар Місіонаря на 1901 рік. Жовква. Печатня о.о. Василян, 1900. Стор. 110, 8°. Ціна 50 сот.

Часопись правнича і економічна. Під редакцією Станіслава Дністрянського. Львів, 1901. Зміст: 1) Передмова, 2) **Андрій Гошовський:** Про новий напрям в науці приватного права, 3) **Др. Станіслав Дністрянський:** Бернська унія і наше відношене до неї, 4) **Др. Іван Франко:** Грималівський ключ въ р. 1800.

Ш. Я. Пробуждающийся край (Л. Василевскій. Современная Галиція. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушнѣкова. Спб. 1900). Отт. изъ жур. «Кіевск. Стар.». Кіевъ, 1901, 1—22.

Шабленко А. Я. Нова хатына. Збирничокъ творивъ. С.-Петербургъ. 1900 г., in 16°, стр. 40. Столичная типографія. Гороховая, № 12. Ціна 20 к.

Шекспір Уїлліам. Юлій Цезарь. Переклад П. А. Куліша. З передмовою і поясненням д-ра І. Франка. Наклад. „Укр.-руськ. Видавн. Спільн.“. Ч. 3. Львів, 1901, ст. XII+132, 8°. Ціна 1. 60 кор.

Шпайноровскій Сергій. Руска читанка для першої класи шкѣл середних. Чернівці, 1900. Накладом ц. к. книгарні університетської.

Якъ оберегты себе видъ висты. Перекладъ зъ видання „Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова“. Ананьевъ 1900. Тип. Е. Н. Макаревича и А. А. Коняхина.

Яроцькій Я. В. Изъ прошлаго Волини. Сборникъ небольшихъ историческихъ очерковъ. Выпускъ 1-ый. Содержаніе: 1) Шереметевы валы на Волини и ихъ историческое значеніе, 2) Парафіальныя школы на Волини; ихъ возникновеніе и значеніе, согласно уставу 1807 г., 3) Парафіальныя школы Влад.-Волинск. у. и ихъ закрытіе въ 1832 г., 4) Изъ исторіи одного владѣльческаго города, 5) Искорость (възъ путевыхъ замѣтокъ), 6) Изъ Искорости въ Народичи (путевыя замѣтки). Житомиръ. 1900 г., стр. 1—50.

Археологическая лѣтопись.

Ученыя общества.

Воронежская ученая архивная коммиссія. 1 декабря состоялось торжественное открытіе въ г. Воронежѣ губернской ученой архивной коммисіи. Къ торжеству открытія собрались въ губернаторскій домъ представители разныхъ вѣдомствъ и учреждений, члены-учредители, а также и нѣкоторые изъ земскихъ представителей, прибывшіе въ Воронежъ на губернское земское собраніе.

Объявляя коммисію открытой, начальник губернии П. А. Слѣпцовъ выразилъ благодарность кружку лицъ, инициативѣ которыхъ принадлежитъ учрежденіе въ г. Воронежѣ губернской ученой архивной коммисіи. (Разрѣшеніе на учрежденіе коммисіи дано 23 сентября настоящаго года). Затѣмъ главный инициаторъ учрежденія коммисіи въ г. Воронежѣ, предводитель дворянства Коротоявскаго уѣзда, извѣстный своими археологическими работами, Савеловъ произнесъ рѣчь, посвященную выясненію вопроса: что такое ученая архивная коммисія, что она должна сдѣлать и что она можетъ сдѣлать. Указавъ, что дѣятельность архивной коммисіи распадается на три отдѣла: архивный, историко-археологическій и этнографическій, ораторъ отмѣтилъ, что, кромѣ этихъ, чисто научныхъ занятій, коммисія должна озаботиться составленіемъ музея и библіотеки. Заканчивая свою, одушевленную идеальными стремленіями, рѣчь и обращаясь къ будущимъ труженикамъ коммисіи, почтенный ораторъ выразилъ надежду, что

въ Вороженскомъ краѣ, родинѣ Евгенія Болховитинова, Н. И. Костомарова, Н. А. Сѣверцова и многихъ другихъ, найдутся Второвы и Тарачковы, а при ихъ помощи юная воронежская комиссія займетъ съ честью подобающее ей мѣсто среди комиссій другихъ губерній.

По окончаніи рѣчи Л. М. Савелова произведены были выборы. Большинствомъ голосовъ избраны были: предсѣдателемъ—извѣстный писатель, воронежецъ Евг. Льв. Марковъ, товарищемъ предсѣдателя—Л. М. Савеловъ и правителемъ дѣлъ—членъ-секретарь губернскаго статистическаго комитета мѣстный педагогъ М. Н. Быловъ.

Занявшій предсѣдательское мѣсто Марковъ поставилъ на разрѣшеніе собравшихся въ количествѣ 34 членовъ нѣсколько вопросовъ. Такъ какъ еще ранѣе открытія настоящей комиссії была организована при воронежскомъ статистическомъ комитетѣ особая комиссія по устройству въ Харьковѣ XII археологическаго съѣзда, то рѣшено слить эту комиссію съ вновь открытой. Такъ какъ при мѣстномъ статистическомъ комитетѣ уже организованъ музей, уставъ котораго до сего времени не утверждёнъ, то обсуждался вопросъ о возможности присоедененія музея къ открытой комиссії, о чемъ и постановлено просить статистическій комитетъ въ ближайшемъ общемъ его засѣданіи. Открытая комиссія пока не располагаетъ никакими денежными средствами. Единственнымъ источникомъ такихъ средствъ являются, въ настоящее время, членскіе взносы, ежегодный размѣръ которыхъ для дѣйствительныхъ членовъ, проживающихъ въ Воронежской губерніи, установленъ въ 3 р. и пожизненный—въ 75^{р.} Помѣщеніе для первыхъ ученыхъ занятій комиссії рѣшено пока отвести при статистическомъ комитетѣ.

Но съ самаго же начала архивной комиссії, какъ извѣстно, должны образоваться историческій архивъ и библіотека: возникаетъ серьезный вопросъ о самостоятельномъ помѣщеніи для комиссії... Затѣмъ, комиссія должна печатать свои научные труды—найдутся-ли нужныя средства?.. Какъ юное учрежденіе выйдетъ изъ этихъ затрудненій—покажетъ будущее, но, во всякомъ случаѣ, остается пожелать симпатичному дѣлу полного успѣха
(„Спб. Вѣд.“)

25 ноября въ Императорскомъ русскомъ археологическомъ обществѣ состоялось засѣданіе членовъ русскаго отдѣленія, подъ предсѣдательствомъ проф. С. Ѡ. Платонова. Прочитаны рефераты: графомъ А. А. Бобринскимъ „Кіевскія древности въ раскопкахъ Зноско-Боровскаго“ и С. Л. Пташицкимъ „Нумизматика, какъ средство опредѣлить, кто былъ Лжедимитрій I“ (по поводу новѣйшихъ польскихъ изданій о смутномъ времени). По сообщенію предсѣдателя Императорской археологической комиссіи, графа А. А. Бобринскаго, посвятившаго много лѣтъ на изученіе кіевскихъ древностей, археологія Кіевской губерніи за послѣднія 20 лѣтъ оказала значительные успѣхи. Тысячи раскопанныхъ кургановъ позволяютъ сдѣлать нѣкоторые интересные выводы относительно племенъ, обитавшихъ нѣкогда въ этихъ мѣстностяхъ. Всѣ курганы кіевской области можно раздѣлить на 5 группъ. Къ первой принадлежатъ древнѣйшія крупныя насыпи, характеризующіяся скорченными костяками, бѣдностью предметовъ и находками грубо-выдѣланной посуды еще безъ помощи гончарнаго круга. Находки кургановъ второй группы, наоборотъ, отличаются изобиліемъ, разнообразіемъ и богатствомъ предметовъ. Но это богатство кургана служило приманкою грабителей, и поэтому только не болѣе двадцатой части ихъ осталось не расхищенными. Курганы эти—скиѣскаго происхожденія. Къ третьей группѣ принадлежатъ курганы римскаго времени (съ вещами римскаго происхожденія). Четвертую группу составляютъ славянскія погребенія и, наконецъ, пятую—новый, недавно открытый типъ кургановъ—„печеньжскій“. Характеризуются они остатками лошади при костяхъ воина. Зноско-Боровскій, о раскопкахъ котораго сообщилъ графъ Бобринскій, былъ проникательный, точный и глубоко, до фанатизма, преданный своему дѣлу работникъ. Изслѣдовано и научно-описано имъ до 105 кургановъ. Коллекція предметовъ послѣ его смерти поступила въ собственность кіевского музея. Изъ четырехъ, наиболѣе интересныхъ кургановъ одинъ, судя по находкамъ, Зноско-Боровскій относитъ къ числу погребеній сарматскихъ амазонокъ, другой обнаружилъ остатки воина въ полномъ вооруженіи, съ желѣзной маской, нѣкогда покрывавшей его лицо. Это типъ печеньжскій.

Второй референтъ, П. А. Пташицкій, указалъ на нѣкоторые любопытныя заключенія, къ которымъ пришли современные

польскіе изслѣдователи смутнаго времени. По мнѣнію одного изъ нихъ, первый самозванецъ былъ сыномъ Стефана Баторія.

17-го декабря состоялось засѣданіе *Коммисіи по описанію и изданію памятниковъ украинской старины*. Въ немъ было доложено заключеніе гр. П. С. Уваровой о доставленныхъ экскурсантами прошлаго лѣта фотографическихъ снимкахъ, гдѣ высказаны нѣкоторыя замѣчанія, касающіяся технической стороны дѣла. Затѣмъ, по предложенію предсѣдателя коммисіи, Н. П. Дашкевича, рѣшено обратиться съ просьбой къ гр. П. С. Уваровой о разсылкѣ священникамъ чрезъ епархіальное начальство краткихъ вопросныхъ пунктовъ о времени постройки церквей и инвентарѣ послѣднихъ; такого рода свѣдѣнія необходимы для составленія маршрутовъ предстоящихъ экскурсій. Рѣшено также обратиться къ инспекторамъ народныхъ училищъ о собираніи свѣдѣній о памятникахъ старины при посредствѣ народныхъ учителей, при чемъ однимъ изъ членовъ коммисіи было заявлено, что инспекторомъ 3-го района Кіевской губ. В. Н. Бутовичемъ уже выражено желаніе способствовать такимъ путемъ дѣламъ Коммисіи. Выбраны въ члены Коммисіи инженеры П. И. Голландскій и В. А. Осьмакъ—нельзя не привѣтствовать это избраніе, такъ какъ до сихъ поръ среди членовъ Коммисіи отсутствовали спеціалисты по исторіи архитектуры и по архитектурѣ вообще.

Изслѣдованія и раскопки.

Изъ журналовъ раскопокъ Н. Е. Бранденбурга. Свѣдѣнія о двухъ нижеописанныхъ раскопкахъ еще не были нигдѣ опубликованы; приносимъ искреннюю благодарность Н. Е. Бранденбургу, сообщившему намъ выписки изъ журналовъ этихъ раскопокъ,—помѣщеніе такого рода свѣдѣній составляетъ, какъ объ этомъ мы уже говорили раньше, одну изъ задачъ „Лѣтописи“.

Остатки небольшого кургана около с. Бурты, Каневского у. Кіевской г. Въ срединѣ, въ материкѣ, могильная яма (8×4 ар.),

глубиной $1\frac{1}{2}$ ар., въ ямѣ—остатки дубоваго гроба съ дѣтскимъ скелетомъ (послѣдній длиною $1\frac{3}{4}$ ар.), лежащимъ головой на западъ. Кости малы и тонки и сохранились очень дурно. На шеѣ скелета найдена серебряная гривна, въ видѣ согнутаго кольцообразно граненаго прута съ петлей и крючкомъ на концахъ. Рядомъ съ гробомъ, съ сѣверной стороны, лежалъ остовъ небольшого жеребенка въ обычной позѣ—съ поджатыми подъ себя ногами, но туловище лежитъ на боку и нѣсколько свернувшись (немного напоминаетъ положеніе спящей собаки); при остовѣ—стремя, желѣзная пряжка, въ зубахъ удила и на ребрахъ нѣсколько обломковъ какихъ-то костяныхъ оправокъ. Это единственный случай находки дѣтскаго погребенія съ конемъ, очевидно племя было кровное—кочевое.

Остатки кургана при с. Пышкахъ, Каневского у. Курганъ почти совсѣмъ уничтоженъ бывшей на немъ мельницей. Въ материкѣ—большая могильная яма (5×3 ар.), глубиной 5 ар.; на днѣ ямы—слѣды гроба и остатки совершенно истлѣвшаго скелета, головой почти на западъ. У головы скелета, съ правой стороны, найденъ желѣзный шлемъ и вдоль тѣла—длинная сабля, а также кучка желѣзныхъ стрѣлъ съ остатками древковъ, обвитыхъ полосками бересты; съ лѣвой стороны—длинная полоса золототканной матеріи, составлявшая, какъ видно, бортъ отъ покрова или плаща (остатки или слѣды послѣдняго совсѣмъ изъ другой матеріи); кромѣ того, при скелетѣ найдены: бронзовая пуговка, огниво съ кремнемъ, желѣзные кольцо и пряжка и золотой прутіекъ (длиною $5\frac{1}{2}$ дм. и вѣсомъ до 15 золот.),—б. м. часть разогнутой гривны. Съ сѣверной стороны скелета, но на 1 арш. выше его, находились остовы двухъ лошадей, головами также на западъ, лежащихъ на брюхѣ, съ подогнутыми ногами и съ удилами въ зубахъ. При лошадяхъ найдены двѣ пары стремянъ и три пряжки, а близъ поверхности ямы—желѣзное копьѣ.

Всѣ находки сохраняются въ Артиллерійскомъ историческомъ музеѣ въ С.-Петербургѣ.

Прошлымъ лѣтомъ В. Н. Доманицкимъ начато изслѣдованіе городища, находящагося въ с. Колодистомъ, Звенигородскаго у. Киевск. г. Городище расположено въ возвышенной

части села, почти въ центрѣ его, сохранилось не вполнѣ, но слѣды вала и рва въ нѣкоторыхъ частяхъ ясно замѣтны. Изслѣдованіе городища имѣетъ пока характеръ предварительныхъ развѣдокъ, но и при такихъ раскопкахъ удалось собрать довольно значительный подборъ предметовъ, главнымъ образомъ, остатковъ керамики. Судя по этимъ остаткамъ, можно предположить, что городище должно представлять большой интересъ. Посуда приготовлена на кругѣ, хорошо обожжена и украшена орнаментомъ изъ концентрическихъ кружковъ, углубленій и розетокъ, произведенныхъ оттискиваніемъ—орнаментъ, очень напоминающій украшенія посуды изъ погребальнаго поля у с. Триполья, относящагося ко II—III вв. по Р. X. Кромѣ остатковъ посуды, на городищѣ найдены глиняныя пряслицы, сердоликовыя граненыя буссы, серебряныя и бронзовыя пряжки отъ узкихъ поясовъ, желѣзные ножики. Обнаружено здѣсь также и погребеніе на глубинѣ 1½ ар., скелетъ обращенъ головой на сѣверъ.

Въ концѣ декабря и началѣ января, по порученію Московск. Археологич. Общества, нами производилось описаніе и фотографированіе памятниковъ украинской старины въ г. Глуховѣ, Черниговской губ. За краткостью времени осмотрѣны и сняты различные предметы церковной утвари лишь въ церквяхъ соборной и Николаевской, гдѣ хранятся прекрасныя образцы серебрянаго дѣла и шитья XVII—XVIII ст. Работа велась нами при ближайшемъ участіи знатока глуховской старины П. Я. Дорошенко, въ собраніи котораго также нашлось нѣсколько очень интересныхъ памятниковъ письменной и вещественной старины.—Кромѣ Глухова, намъ удалось съѣздить въ лежащее неподалеку с. Сварковъ—родовое гнѣздо Марковичей; здѣсь сняты: церковь, постройки половины XVIII ст., церковная утварь и нѣкоторые старинные предметы, принадлежащіе семьѣ Марковичей. Всего во время поѣздки въ Глуховъ сдѣлано болѣе 40-ка снимковъ. Продолжать съемку памятниковъ глуховской старины любезно взялъ на себя А. А. Мокрицкій, и на первую очередь поставлена церковь въ части города Веригицѣ, гдѣ имѣется довольно много иконъ и утвари XVIII ст., въ большинствѣ случаевъ датированныхъ.

Случайныя находки.

Минувшимъ лѣтомъ, *возль деревни Кептинецъ*, отстоящей отъ Каменца въ 7 вер., найдена гробница каменнаго вѣка. Открылъ ее крестьянинъ той деревни Химчакъ при вспашкѣ своего поля: плугъ наткнулся на большой камень и крестьянинъ, желая выкопать его изъ земли, увидѣлъ, что это большая плита, прикрывающая гробницу, устроенную въ землѣ и обложенную со всѣхъ сторонъ громадными плитами изъ известняка (длиною около 2 арш. при толщинѣ въ $\frac{1}{4}$ арш.). Съ помощью другихъ крестьянъ онъ поднялъ верхнюю плиту и сталъ выбрасывать землю, наполнявшую гробницу. Здѣсь земля оказалась очень рыхлою, мягкою; на глубинѣ двухъ аршинъ, въ гробницѣ оказалось два костяка, глиняные горшки, разбившіеся при раскопкѣ, и два кремневыхъ полированныхъ топорика. Докопавши до дна гробницы, выложеннаго камнемъ, и не найдя никакого клада, чего находчики ожидали, крестьяне все выкопанное сбросили въ яму и засыпали землей. Изъ найденныхъ двухъ кремневыхъ топориковъ одинъ былъ разбитъ нашедшимъ его крестьяниномъ на куски для огнива, а другой попалъ въ Каменецкое Древнехранилище Историко-статистическаго Комитета. Последній топорикъ имѣеть длины 8 см., ширины 3— $2\frac{1}{2}$ см. и толщины $1\frac{1}{2}$ см. Найденная гробница находится на высокой ровной мѣстности, немного покатой къ рѣчкѣ Смотричу; въ томъ мѣстѣ, гдѣ найдена гробница, не замѣтно курганной насыпи. Длина гробницы внутри $2\frac{1}{4}$ арш., шир. $1\frac{1}{4}$ арш. и глуб. до 2 арш.; направленіе длины отъ ю.-в. къ с.-в.

Е. С.

На помѣщичьемъ полѣ у с. *Богдановки, Брацлавскаго у. Подольской губ.*, въ октябрѣ прошлаго года крестьянинъ выоралъ горшокъ съ монетами. Горшокъ отъ удара плугомъ разбился, монеты-же поступили къ владѣльцамъ имѣнія (Ярошинскимъ). Монеты оказались мелкимъ римскимъ серебромъ, въ количествѣ

770 штукъ. Относятся онѣ къ царствованіямъ императоровъ Траяна, Адріана и Антонина Пія и довольно потерты.

Е. В. В.

Нѣсколько времени тому назадъ на кіевскомъ рынкѣ появился очень *интересный кладъ*, найденный въ с. *Войтовцахъ, Переяславск. у. Полтавской губ.* Кладъ состоялъ изъ слѣдующихъ предметовъ княжеской эпохи: 1) золотого перстня съ шестиграннымъ щиткомъ, на которомъ выгравированъ левъ, 2) золотого кольца изъ двухъ перевитыхъ проволокъ со спаянными концами, 3) двухъ витыхъ серебряныхъ браслетовъ, у одного изъ которыхъ головки украшены чернью, 4) двухъ широкихъ, составныхъ изъ двухъ частей, серебряныхъ браслетовъ, съ лъвинными головами при соединеніи; каждая изъ половинокъ украшена розеткой и птицей, исполненными чернью; типъ браслетовъ—еще неизвѣстный въ кіевскихъ находкахъ, 5) 28-ми серебряныхъ шестигранныхъ монетныхъ гривенъ, изъ которыхъ одна вѣсила 25 золотн., 2 по 36 зол., 7 по 36¹/₂ зол., 10 по 37 зол., 3 по 37¹/₂ зол., 1—38 зол., 2 по 46¹/₂ зол. и 2 по 47 зол.; на нѣкоторыхъ гривнахъ видны тонкія нарѣзки, въ видѣ царапинъ.

Музеи и собранія древностей.

Вопросъ объ устройствѣ „Музея древностей Подоліи“, какъ сообщаютъ „Подольск. Губ. Вѣдомости“, находится въ такомъ положеніи: проектъ устава отправленъ для предварительнаго разсмотрѣнія его въ Императорское Московское археологическое общество, которое вправѣ дать извѣстныя указанія по существу и рекомендовать учредителямъ тѣ или другія измѣненія въ проектѣ. Хотя этого, какъ надо полагать, и не случится, такъ какъ посланный проектъ выработанъ учредителями по предварительномъ сношеніи съ предсѣдательницею названнаго археологическаго общества графинею Уваровою и притомъ примѣнительно къ присланному ею нормальному уставу подобнаго рода музеевъ, тѣмъ не менѣе, до возвращенія этого проекта археологическимъ

обществомъ, представляется не удобнымъ вносить вопросъ о музей на разсмотрѣніе мѣстной городской думы. Несмотря, однако, на это, подготовительныя работы, благодаря энергіи инициатора дѣла М. А. Трублаевича, идутъ безпрепятственно; такъ, г. Трублаевичемъ получено въ пользу будущаго музея 100 рублей, пожертвованныхъ высокопреосвященнѣйшимъ Модестомъ, архіепископомъ Волынскимъ и Житомирскимъ; затѣмъ, отъ одного изъ мѣстныхъ домовладѣльцевъ, Х. Крайза, — довольно цѣнный сборникъ рисунковъ по нумизматикѣ — какъ русской, такъ и иностранной; наконецъ, раздобыта г. Трублаевичемъ для музея каменная плита съ армянскою надписью 1550 года. Такимъ образомъ, желающіе сдѣлать какой-либо посильный вкладъ свой для будущаго музея могутъ и нынѣ направлять свою лепту, вещами или деньгами, М. А. Трублаевичу. По полученіи проекта устава музея отъ Московскаго археологическаго общества, М. А. Трублаевичъ немедленно извѣститъ о томъ всѣхъ лицъ, сочувствующихъ открытію этого, въ высшей степени полезнаго для нашего края, учрежденія.

По инициативѣ члена Таврической ученой архивной комиссіи г. Иваненко, съ разрѣшенія Имп. Археологической Комиссіи, въ Бахчисаранѣ, въ мѣстномъ дворцѣ, устроенъ музей предметовъ, относящихся къ исторіи и этнографіи крымскихъ татаръ. Въ музей уже поступили: многіе историческіе предметы, собранные г. Иваненко, коллекція оружія и монетъ, пожертвованная Бедромъ Топаловымъ, и будутъ переданы изъ Эрмитажа дубликаты ханскихъ монетъ.

Въ кіевскихъ газетахъ недавно было помѣщено извѣстіе, что находящійся вблизи г. Лубенъ археологическо-этнографическій музей, принадлежащій Е. Н. Скаржинской, подаренъ владѣлицей одному изъ столичныхъ ученыхъ учреждений. Но по другимъ свѣдѣніямъ („Южн. Край“), г-жа Скаржинская, съ цѣлью усилить общественное значеніе музея, обнаруживаетъ готовность пожертвовать его правительственному или общественному учрежденію, съ условіемъ сохраненія его въ г. Лубнахъ. Надѣмся, что это послѣднее свѣдѣніе окажется болѣе близкимъ

къ истинѣ, чѣмъ первое, такъ какъ музей г-жи Скаржинской— музей чисто мѣстный, и съ переходомъ его въ столицу, онъ въ значительно меньшей степени будетъ служить просвѣтительнымъ цѣлямъ, чѣмъ это онъ можетъ дѣлать, оставаясь на мѣстѣ. Въ настоящее время составляется описаніе археологическаго отдѣла музея,—по окончаніи и изданіи его мы не преминемъ дать объ этомъ свѣдѣнія въ „Лѣтописи“.



14 д. А. 67 д. В. 56 д. В 57 д. Г. 25 д., 26 х. Д. 64 д. 75 х.
 Пс. 4 д. 10 х. Къ. В. 8 д. Г. 9 д. 9 х. Д. 7 д. 21 х. К—ки
 у Марковичей оставались до к. XVIII в.

С. Полова, руда Половая. Въ актѣ 1615 г., опредѣлявшемъ земли зачинавшагося Густынскаго м—ря, упоминается „рудка або рѣчка Половая“, на которой въ то время никакого поселенія не было; возникло оно ок. 1638 г., когда возстали козаки съ Остриницею во главѣ; въ это время до Густыни дошелъ слухъ, что поляки схватили Мгарскаго игумена съ братіей за то, что будто тѣ доставляли козакамъ—аммуницію (prochi). Слухъ этотъ испугалъ Густынскаго игумена до того, что онъ убѣдилъ свою братію—бѣжать въ „Московщину“; дѣйствительно, Густынскіе монахи, „зобравъ все имѣніе церковное и монастырское, бѣжали въ Путивль, остави м—ръ впускѣ“. Въ этотъ моментъ, по запустѣніи м—ря, окрестный народъ и сталъ заселять монастырскія земли: „Прилуцкіе и окрестніе жители, устремившись къ разоренію и расхищенію грунтовъ монастырскихъ, дуброву м—скую,—отъ Прилуки по Хаенкову долину и до Твердоустовой гребельки,—зрубали безъ остатка сплошь и тую землю, пахотную и сѣнокосную, завладѣи и—первіе, село Половая, а потомъ деревня Левки, селилась“. 1) И когда монахи вернулись изъ Путивля въ Густыню, то „на рудкѣ Цоловой“ застали населеніе, отнять у жителей котораго занятія земли было уже имъ не подѣ силу; тогда монахи обратились въ Хмельницкому съ просьбою отдать Половою на м—ръ, доказывая, что это село, какъ сѣвшее на монастырской землѣ, монастырю и должно принадлежать. Въ отвѣтъ на эту просьбу, въ маѣ 1655 г., Хмельницкій выдалъ слѣд. универсаль: „ознаймуемъ... ижъ мы зъ побожности напой село Цоловое, стоячое на кгрунтахъ м—ра Густынскаго, феровалисмо отцемъ въ м—ру Густынскомъ будучимъ на вижевлене, въ которомъ селѣ обывателѣ встаючие во всемъ абы были послушными м—реви и вшелякую

1) Такъ показывали Густынскіе монахи при составленіи Румянцовской описи.

повинность безъ спорки жадное отдавали, тимъ писанемъ срокго напминаемъ. До которого села п. полковникъ Прилуцкій наименшее справи аби не имѣлъ и до жадныхъ повинностей обывателей тамошнихъ потягати не важился...¹⁾ Кр. II 20 д. А. 96 д. В. 36 д. В. 77 д. Г. 18 д. 20 х. Д. 49 д. 82 х. Пс. 1 д. 4 х. Кз. В. 12 д. Г. 14 д. 19 х. Д. 20 д. 77 х. Умаленіе крестьянскаго населенія въ теченіе 11-ти лѣтъ (1729—740) почти вчетверо—должно быть объяснено суровыми отношеніями къ этому населенію монастырскаго начальства, которое въ лицѣ своего тогдашняго игумена Гавріила Леопольскаго проявляло иногда случаи ужасной жестокости по отношенію къ монастырскимъ крестьянамъ.²⁾ Въ ревизіи 1740 г. показаны „шедшіе“ изъ Половы только за одинъ 1738 г., при чемъ ихъ было 7 хоз. Спасаясь отъ монашескихъ насилій, крестьяне частью расходились, а частью переписывались въ козаки, какъ объ этомъ говорятъ сами монахи въ свѣдѣніяхъ, представленныхъ въ 1766 г. для Румянцовской описи: „*козаки Половянскіе, зпрежде небываліе въ Половой, зъ подданства въ козацтво повдиравшіесъ, зъ грунтами и землею монастырскою подданическою, а ивие зъ стороны въ тое село повходившіе и все оніе грунта и землю у подданныхъ поскуплявши, завладѣли въ границѣ монастырскаго землѣ пахатной дней на 249*“ (187 дес.).

Попытка Половянскихъ кр—нъ проявилась во время замѣшательства въ краѣ послѣ измѣны Мазепы; въ это время нѣ-

1) Съ подлинника въ Кіевск. центр. арх., бумага Густынскаго м—ря.

2) Въ 1737 г. монастырскій крестьянинъ изъ с. Левковъ переселился было въ Ольшаную, подъ защиту Шереметевскихъ приказчиковъ. Узнавъ объ этомъ, Густынскій игумень Леопольскій послалъ двухъ своихъ «экопомовъ» (одного—«монастырскаго», а другого—«дворцоваго») для „насилнаго взятія“ обратно ушедшаго Карпенка, „котораго за привозомъ, въ монастыру, на задворку у игумена, по приказу его жъ игуменскомъ, по самой сорочки бито шеленами, т. е. плити товстымъ, гораздо, такъ что и крузь сорочку кровь показывалася, и оный Карпенко по томъ бою тамъ же въ монастыру и умре“. Такъ писалъ Ольшанскій приказчикъ Дольбергъ въ Прилуц. полк. судъ. (Изъ бумагъ Н. А. Маркевича).

сколько крестьянъ перечислилось въ козацкіе реестры, но монахи тогда же пожаловались гетману и въ 1710 г. получили отъ него такой универсалъ: „супплѣковаль до насъ превел. въ Богу г. отецъ Іовъ Мартыновичъ, иг—нъ м—ра Густ—го, что жителѣ с. Половой, подданніи до ихъ обители належали здавна, именно Грицко Черномазь и друг. (всѣхъ названо 19 чел.), села такъ тежъ Левковъ—Карпъ Левковскій (и еще 3), не хотячи обители св. Густ—ой належитого подданского отдавати послушенства, въ *реестръ козацкій повписывалися...*“ Поэтому гетманъ приказываетъ: впредь крестьянъ въ казаки не принимать, а перечисленныхъ въ универсалѣ жителей Половой и Левковъ—попрежнему „привернуть“ м—рю въ крестьяне.¹⁾ Позже, въ концѣ 30-хъ годовъ, Половянскіе кр—не снова стали было искать козачества, при чемъ имъ помогаль тогдашній полк. судья Ягельницкій. Такъ, въ 1738 г., два жителя Половой, числившіеся крестьянами, при помощи Ягельницкаго были переписаны въ казаки. А когда монахи, не подчиняясь этому рѣшенію судьи, потребовали отъ „нововписныхъ“²⁾ посполитой тяглости, то на помощь послѣднимъ явился подпоручиѣ Невскаго драгунскаго полка Фридрихъ Фохтъ, который, захвативъ съ собою „канцеляристовъ и козаковъ“, напалъ на монастырскій „дворецъ Заудайскій“, схватилъ тамошняго эконома да другого монаха и—били „обоихъ смертно палицами, плитми, кулаками и повидирали волосы зъ головъ и бородъ обимъ...“ Видно, что противъ монашескихъ насилій протестовали даже чужіе люди въ родѣ Фохта, офицера квартировавшаго въ Прилукѣ полка.

Д. Левки поселены, какъ видно выше, около 1638 г., на землѣ Густынскаго м—ря. Послѣ изгнанія поляковъ, Л—ки „прислушали“ Прилуцкой ратушѣ пока Г—скіе монахи не обратились къ Хмельницкому, доказывая на Левки такія же свои права, какъ и на Цолову. По этой просьбѣ гетманъ выслалъ въ апрѣлѣ 1657 г. состоявшаго у него тогда „прибоку“, Петра Дорошенка, поручивъ ему вмѣстѣ съ мѣстнымъ полк. судьей дознать—на чьей землѣ сидятъ Левки. Судья Лавриновичъ и До-

¹⁾ Бумаги Густынск. м—ря въ Кіевск. центр. архивѣ.

рошенко разслѣдовали дѣло и выдали м—рю слѣдующій актъ:
 „Вѣдомо чинимъ, ижъ дойшла насъ скарга отъ превел. о. Иосифа Федоровича, игумена м—ра Густынскаго, на Костя Нечипоровича, бывшего войта Прилуцкаго, же селце Левкувцѣ, человекъ кил-канадцять, которое на вгрунтѣ монастырскомъ засѣло, якъ и въ привилеяхъ отъ славной памяти ясн—осв. князатъ Вишневецкихъ есть ограничено, неналежне и бесправне отнялъ, которому и послушество тѣе людцеве отдавали, зачимъ мы, высланніе, прихляючіеся такъ до привилеовъ, яко такъ и до унѣверсалу велможного его мил. п. гетмана, тое селце, чоневажъ на вгрунтѣ монастырскомъ засѣло, отдаливши и отнявши отъ войта, до *мостира отдаемъ, приказавши тоей громадѣ, абы вишеляное послушенско* и повинности честнымъ господиномъ отдавали, а то до дальнейшей резолюціи велможного его мил. п. гетмана...“¹⁾ Дальнѣйшая исторія Левковъ одинакова съ Половинскою, только здѣсь монахи не допустили козакамъ появиться. Кр. П. ? А. 34 д. В. 15 д. В. 16 д. Г. 17 д. 18 х. Д. 19 д. 27 х. Кз. нтъ.

Д Сорочинцы Дальніе или Лѣсовые, Нежерова, получили свое названіе отъ первыхъ насельниковъ по прозвищу *Сорочъ*, какъ указываетъ на это актъ 1658 г.²⁾ По свѣдѣніимъ генер.

1) Бумаги Густынск. м—ря въ Кіевск. центр. архивѣ.

2) Въ этомъ актѣ читаемъ: «о. Леонтій, чернецъ м—ра Густынскаго, родичъ Прилуцкій, сынъ небожчика Василя *Сорочи* зятя, доходилъ отчизны своей, меновите ставка греблею занятого въ *Сорочи селѣ* Прилуцкомъ...» (Бумаги Густ. м—ря въ томъ же арх.).—По другому акту, того же года, тотъ же самый «чернецъ» Леонтій, приобрѣвъ земли въ Сорочинцахъ и тутъ поселившись, будучи уже схимонахомъ, все свое имѣніе записалъ Густынскому м—рю, по слѣдующему любопытному акту, условно, съ тѣмъ, что до своей смерти онъ будетъ вести тутъ хозяйство безъ всякаго вмѣшательства м—ря. «Я, схимонахъ Леонтій Василевичъ, пригорнувшись подъ власть и опеку мѣстца св. м—ря Густынскаго, за позволеніемъ на тотъ часъ отца игумена іеромонаха Иосифа Федоровича и соборныхъ братій на тотъ часъ бывшихъ, за свою власную копу купивши грунты в селѣ *Дальнихъ Сорочинцахъ*, где на оныхъ взглядомъ размышляяся розныхъ пожитковъ мѣсцу святому, якіе Господь Богъ преизволить промислвити, позволила ми

слѣдствія, С—цы въ 1685 г. отданы были Самойловичемъ тогдашнему обозному Григорію Чернявскому, передавшему ихъ своему сыну Степану, полк. есаулу, по смерти котораго С—цы по универсалу 1714 г. были оставлены за вдовой его Марьей. По вѣд. 1724 г. владѣльцемъ С—цѣ называетъ себя неграмотный значк. тов. Романъ Березинскій. Какъ попала въ его владѣніе населенная маетность—видно изъ слѣд. универсала Разумовскаго, 1752 г.—„Сего 1752 г., дек. 3 дня, л. гв. Преображенскаго полку сержантъ Моисей Березинскій представилъ намъ: полку Пр—го, въ сотнѣ полковой, имѣется с. Сорочинцѣ въ собственномъ его, сержанта, и родного его брата значк. тов. Романа Березинскаго владѣніи, которое де село унѣверсалами гетмана г. Скоропадскаго, первіе, отчиму его, сержанта, асаулу полк. умершему Стефану Чернявскому, а потомъ родному отцу просителя значк. тов. *Роману* Бер—му и матцѣ его, жѣ сержанта Маріи Самойловой дочери, съ позostalыми ея дѣтми, за служби онихъ его отчима и отца въ спокойное владѣніе утвержденого. А они де, сержантъ съ тѣмъ братомъ своимъ, о отдачи на владѣніе

с приданимъ братомъ, або послушникомъ, по вся дни живота моего тамъ мешкати, где и келейки коштотъ моимъ побудовати усиловатиму, и помощію того-жѣ Господа Бога старатимуся—сади садити, виногради кохати, ставки сипати, если можная я млинобъ який збудовати, грунти и поле разширати. Где іжъ давніе сади суть, прето зъ оныхъ що над виховане мое збывати, мель рокъ по рокъ пожитки, до м—ра отдавати повиненъ буду, маючи теди надѣю в Господу Богу—обицу тамъ на пять сотъ золотыхъ пол. мѣсцу святому размножити пожитковъ, що все, по зестю моемъ з сего свѣта, оставатиметь до м—ра Густынского вѣчными часы. А поки при тыхъ грунтахъ мешкати, теди ми утиску—теперешній отецъ ігуменъ и всѣ о Христѣ братія—пообидцали не чинити, шлюбуючи и за потомнихъ честнихъ гг. отцевъ игуменовъ и за всю братію мѣсца святого, же ми прикрости и утиску не чинитимуть. і если бы мимо теперешнюю увагу мѣли бы уразливе прикрости чинити, теди ми волю буде съ тими всѣми пожитками, якъ хотя поступити, на чомъ и сіе писане с подписомъ власной руки моея до мѣстца святого даю. Писано при обители святой, року 1658, мѣс. декаврія 19 дня. Схмонахъ Леонтій Василевъ рукою своею власною.“ (Бумаги Гусг. м—ря въ К. ц. арх.).

ему зъ братомъ его—тѣмъ селомъ въ силѣ тѣхъ универсаловъ—просили подтвержденія“. Въ подтвержденіе своего ходатайства Березинскіе представили Разумовскому слѣд. универсалы: а) 1709 г., сент. 19, значк. тор. Стефану Чернявскому на с. Сорочинцы, „до ласки войсковой“, и б) 1715 г., сент. 16, товар. полку Пр—го Роману Березинскому, „кой оставшуюсь въ удовольствіи Марію Чернявскую взялъ себѣ въ жену“, на то село Сорочинцы. Въ виду этихъ универсаловъ Разумовскій С—ца, „со всѣми къ оному селу принадлежащими посполитыми грунтами и угодіями“, утвердилъ за братьями Мойсеемъ и Романомъ Березинскими, въ „вѣчное и безпрепятственное владѣніе“.

Кр. П. 7 д. А. 19 д. В. 22 д. В. 11 д. Пс. 1 Г. 3 д. 3 х. Д. 29 д. 43 х. Кз. В. 3 д. Г. 5 д. 5 х. Д. *нѣтъ*. Умаленіе посполитаго

населенія въ 1740 г., когда еще тутъ жила вдова Ст. Чернявскаго, слѣдуетъ приписать м. б. женскому хозяйству, а увеличеніе въ 1780 г.—появленію здѣсь подсосѣдковъ на грунтахъ какъ козачьихъ, такъ и посполитскихъ, которыхъ Березинскіе, повидимому, не удержали за собою, такъ какъ по вѣд. 1780 г. здѣсь показаны только „разные владѣльцы“, т. е. владѣльцы подсосѣдскихъ дворовъ. Вѣроятно путемъ „скупки“ приобрѣли тутъ земли и Марковичи (с. 118, 123).

Д. Стрѣльники, Удай, свободные до 1716 г., когда Галаганомъ отданы (генер. слѣдств.) п. есаулу Панкевичу на урядъ, причемъ эта „надача“ была подтверждена и Скоропадскимъ, въ 1719 г. Послѣ Панкевича, С. отданы тоже на урядъ въ 1738 г. п. есаулу Никифору Носенку. Кр. П. 13 д. А. 23 д. В. 24 д. В. 19 д. Г. 7 д. 7 х. Д. 9 д. 12 х. Кз. В. ? Г. 4 д. 4 х. Пс. (капитана Дулова) 2 бд. х. Д. 3 д. 6 х.

Д. Пироговцы возникли изъ хуторовъ, селившихся поблизу Прилуки; по ревизіи 1713 г. П. значатся „селомъ Пѣрогувцями“, которые отданы были, вмѣстѣ со Стрѣльниками и Будами, на рангъ Панкевичу. Послѣдній поселилъ тутъ особый свой хуторъ, какъ видно изъ слѣд. универсала: „п. Гр. Панченко прикладаль намъ, что с. Сорочинцы, здавна на урядѣ есаульства полк. належащее, опредѣлено зъ респекту нашего до ласки войсковой жонѣ вдовствующой покойного Черняв-

ского, прежде бывшего асаула, чего ради просить насъ онъ, п. Гр. П., о конфирмаціи на людей посполитыхъ коло власного его фютора, на купленномъ кгрунтѣ устроенного, въ Прилуцѣ на Зарѣчью, прозываемомъ Пироговка, поселившихся, на которыхъ одержалъ передъ симъ одъ своего полковника листъ отгористій, въ позволеніемъ владѣти онимъ“. (1719 г.) Ходатайство Панкевича было удовлетворено. Повидимому, этотъ хуторъ затѣмъ слился съ Пироговцами, такъ какъ отдѣльно онъ не упоминается, и по ревизіи 1731 г.—посполитое населеніе Пироговцовъ показывается за Панкевичемъ безъ какого либо раздѣленія, причемъ эта перепись Пироговцовъ подписана симимъ „Панковичемъ“, какъ ранговымъ ихъ владѣльцемъ. Кр. А. 21 д. В. 9 д. Пс. 4 Г. 4 д. 4 х. 3 бдх. Д. 18 д. 35 х. Пс. 3 д. 6 х. Кз. В. (П—цы не показаны). Г. 8 д. 9 х. Д. 8 д. 15 х. По вѣд. 1780 г. посполитые показаны „разныхъ владѣній“.

Д. Сорочинцы—Влижніе, какъ и Пироговцы, возникли не позже нач. XVIII в. изъ селившихся около Прилуки хуторовъ; по ревизіи 1713 г. здѣсь было уже 27 дв. Затѣмъ, въ послѣдующихъ ревизіяхъ Бл. С—цъ почему то нѣтъ, а по вѣдом. 1780 г. здѣсь значится: Кр. 32 дв. 41 х Пс. 2 дв. 4 х. и Кз. 2 дв. 7 х. Кр—не показаны „разныхъ владѣльцевъ“.

Д. Лапинцы (Чернявщина), Удай. См. с. 109. Отдѣльно отъ Прилуки Лапинское населеніе показывается лишь во втор. полов. XVIII в. Въ 1780 г. здѣсь было: Кр. 55 д. 64 х. (изъ нихъ коронныхъ 17 д. 17 х.) и Пс. 9 д. 15 х. полковн. Горленка. Кз. 3 д. 3 х.

Слоб. Замостье, Удай. См. с. 109. Отдѣльно отъ Прилуки здѣшнее населеніе показывается лишь во втор. пол. XVIII. Въ 1780 г. здѣсь было Кр. 19 х. 31 д. (изъ нихъ коронныхъ 7 д. 17 х.) Пс. 3 д. 6 х. Кз. 37 д. 66 х.

Д. Линовица, Руда, по свѣд. генер. слѣдствія, въ пол. XVII в. была „пустымъ селищемъ“, на которомъ Прилуцкій протопопъ Иванъ Магеровскій осадилъ, передъ Кизикерменскимъ походомъ (1697), „слободу“, утвержденную затѣмъ за Магеровскимъ Дм. Горленкомъ; послѣ измѣны Мазепы, по универсалу 7 февр.

1709 г., Скоропадскій утвердилъ за тѣмъ же Магеровскимъ— „людей осѣлыхъ“ при хуторѣ Линовицкомъ. Но спустя нѣкоторое время, по свѣд. тоже генер. слѣдствія, Л—ца взята была Скоропадскимъ „на свою особу“, и послѣ его смерти перешла къ его вдовѣ.¹⁾ Послѣ гетманши владѣльцемъ Л—цы является Минихъ, за которымъ она показана по ревизіи 1740 г., подъ названіемъ *хутора*, въ которомъ все населеніе состоитъ изъ *подсосѣдковъ*. Послѣ паденія Миниха, Л—ца отдана была въ 1742 г. сербу Стоянову (см. выше с. Мамаевка), за наслѣдниками котораго значится и по вѣд. 1780 г. Кр. А. 26 д. В. 31 д. В. 25 д. Пс. 3 д. Г. подсосѣдки Миниха—32 бд. х. и „пона“ Мих. Лисаневича—5 бд. х. Д. 86 д. 115 х. Пс. 2 х. Кз. нѣтъ.

С. Дубовый Гай, руда Росошь, до измѣны Мазепы находился, повидимому, во владѣніи Дм. Горленка, потому что впоследствии былъ отданъ Скоропадскимъ его сыну Андрею, въ числѣ прочихъ отцовскихъ маетностей (с. 24). А когда Скоропадскій съ женою рѣшили отдать Горленковскія маетности на Гамалѣвскій м—рь (с. 26), то Дубовый Гай—подъ именемъ „отческаго хутора“ гетманши—сдѣланъ былъ центромъ этихъ маетностей, получившихъ общее названіе *Дубогаевского староства*, границы котораго были установлены актомъ 1716 г.— „По высокопоставленному указу яс—го е. мил. п. Іоанна Ск.—го... будучи я, Иванъ Даровскій, господарь двору его рейментарского, умислене зосланнымъ въ села маетностей его жъ панскихъ въ полку Пр—мъ знайдующихся, именно зовеміе: въ Дубовый Гай, въ Ковтуновку, въ Сергѣевку, въ Бѣлошанки, въ Вечурки и въ прочие села до *староства Дубогаевского* належные, для власного разсмотренія и ограниченія грунтовъ ихъ.., жеби всякъ впередъ вѣдаючи свое опредѣленіе поколь его и чіе мѣеть быти, въ чужое вступати не дерзаль...“²⁾ За Гамалѣвскимъ м—ремъ Д. Гай

1) Днев. Зап. Якова Марковича, I, 137.

2) Въ этомъ актѣ интересно указаніе тогдашнихъ здѣсь рѣчекъ:— «и тою дорожкой до руди Яблоницѣ по-нуль горою идучой... черезъ Туровскій шляхъ. . где идетъ *рѣчка Переводъ*, взявши тою жъ рѣкою Переводомъ, надъ которымъ перве, сидитъ Сѣргѣевка, потомъ

остался до 1786 г. Кр. А. 12 д. В. 42 д. Пс. 6. Въ 1731 г.—
56 д. Г. 18 д. 20 х. Д. 44 д. 63 х. Пс. (разн. вл.) 19 д. 24 х.
Кз. въ 1731 г.—14 д. Г. 36 д. 40 х. Пс. 13 бд. х. Д. 35 д.
57 х.¹⁾

Д. Ковтуновка, руда Росошъ. Кр. А. 25 д. В. 19 д. Пс 3.
 Въ 1731 г. 15 д. Г. 9 д. 10 х. Д. 29 д. 35 х. Пс. 11 д. 16 х.
Кз. въ 1731 г.—12 д. Г. 42 д. Пс. 7. Д. 24 д. 16 х.

С. Яблоновка, руда Яблоновица. Кр. А. 33 д. В. 73 д. Пс. 6.
 1731 г.—85 д. Г. 54 д. 58 х. Пс. 4 бд. х. Кз. 1731 г.—18 д.
Г. 22 д. 26 х. Пс. 37 бд. х.

С. Сергіевка, Переводъ. Кр. А. 59 д. В. 72 д. Пс. 4 д.
 1731 г.—78 д. Г. 50 д. 53 х. Д. 109 д. 157 х. Пс. 25 д. 50 х.
11 бд. х. Кз. 1731 г.—19 д. Г. 27 д. 33 х. Пс. 30 бд. х. Д.
13 д. 32 х.

С. Вѣлошанки, Переводъ. Изъ исторіи этого села за перв.
 полов. XVII в. извѣстно, что Б—ки, по многолюдству, назывались
 мѣстечкомъ, въ которомъ сидѣлъ особый Вишневецкаго „дер-
 жавца“ Сверхцевскій, завѣдывавшій окрестными селами. Къ
 Б—камъ тогда принадлежала обширная степь отъ Перевода до
 Оржицы, на которой уже съ XVII в. стали возникать значитель-
 ные хутора. Кр. А. 37 д. В. 50 д. Пс. 14 д. 1731 г.—53 д. Г.
38 д. 39 х. Пс. 2 бд. х. Д. 24 д. 42 х. Пс. 7 д. 18 х. Кз.
1731 г.—27 д. Г. 27 д. 33 х. Пс. 24 бд. х. Д. 15 д. 31 х.

хуторъ зовемъ Шентовщина, а за хуторомъ Вѣлошанки и Вечурки,
 яки граничатъ зъ Сасоновцями и Грабовцями... у берегъ *руды* про-
 зывалась *Росуши*, злучившойся ниже Бубновскаго ставу—зъ *Яблоно-*
вицею... Всѣ эти *руды* указываютъ, что и эта—нынѣ почти без-
 водная—мѣстность нѣкогда орошалась нѣсколькими рѣчками, обра-
 тившимися впоследствии въ болота, отъ недостаточнаго уклона въ ихъ
 теченія.

1) Монастырскія села были избавлены отъ постоа и потому въ
 вѣд. 1718 г. не попали; поэтому, при обозначеніи населенія магно-
 стей Гамал. м—ря лит. В. не показывается, и вводится цифра другая,
 которую беремъ изъ ревизіи 1731 г.

Можно замѣтить, что по ревизіи 1713 г., въ послѣднихъ трехъ селахъ—въ перечнѣ посполитыхъ—отмѣчены „чиншовіе, якіе мѣсячнаго датку не даючи, старостѣ Дубогаевскому даютъ чиншъ“; ихъ было немного: въ Бѣлошапкахъ—1, въ Яблунувкѣ—3 и въ Сергіевкѣ—5. Повидимому, чиншъ платили преимущественно богатые, имѣвшіе по нѣсколько воловъ и лошадей; напр., „Ганна Живилиха, удова, маєтъ воловъ 4 и коней 2, а на рокъ даетъ чиншу старостѣ Дубогаевскому копь 10.—Семень Трушъ маєтъ воловъ 8 и коней 2, и даетъ на рокъ чиншу старостѣ копь 7.—Тимко Черненко маєтъ коня, а даетъ на рокъ чиншу старостѣ золот. 10.“ Послѣдній кр—въ, какъ видно, рабочаго скота не имѣлъ, но вѣроятно былъ небѣденъ.

Всѣ эти села—Ковтуновка, Яблоновка, Сергіевка и Бѣлошапки—принадлежали Дм. Горленку и затѣмъ Скоропадскимъ отданы были Гамалѣевскому м—рю, въ составѣ *Дубогаевского староства*.

Х. Бубновщина поселена въ к. XVII в. Дм. Горленкомъ, при Бубновскомъ „ставу“, на которомъ устроены были его мельницы. По универсалу 1694 г., Мазепа далъ Горленку „для гачева Бубновского ставу, три сельця: Яблуновицю, Сергіевку и Бѣлошапки“. Въ 1714 г. Б—на, вмѣстѣ съ друг. маестностями Дм. Г—ка, отдана Гамалѣевскому м—рю. Кр. Г. 8 бд. х.

Д. Лемешовка, руда Святогоръ (притокъ Оржицы), поселена, повидимому, Нѣжинск. полковникомъ Толстымъ, на старомъ „селищѣ“ прежняго поселенія, разореннаго татарами или по другой причинѣ исчезнувшаго. При опредѣленіи Батуринскимъ сотникомъ, въ 1703 г., границы между Прилукою и Пирятинскою сотнями, мѣстными обывателями были указаны: „рѣка Святогоръ“ и около—„давно ораное поле селища Лемешувского, якъ еще люде сидѣли въ Лемешувцѣ поселеніемъ, надъ рудкою Свягоромъ“. Нестеренко—„поле селища Лемешовки привернулъ для заживаня Бѣлошапскимъ обывателямъ“, потому что по показанію старожиловъ—прежде бывшее село Лемешовка при Вишневецкихъ „прислушало къ Бѣлошапкамъ, бывшимъ тогда *мьстечкомъ*“. Такимъ образомъ въ Лемешовкѣ мы видимъ поселеніе, которое въ нач. XVIII в. слыло „селищемъ“ т. е. мѣстомъ исчезнувшаго незадолго передъ тѣмъ села, можетъ быть—въ 60-хъ го-

дахъ XVII в., когда татарами было разорено нѣсколько поселеній въ южной Малороссіи. Въ 1752 г. Л—ка была продана сыновьями Толстого Ос. Лук. Закревскому. Кр. В. 32 д. 1731 г.—25 д. Г. 22 д. 23 х. Д. 47 д. 93 х. 15 б. х., владѣнія прапорщика Алексѣя Закревскаго.

Д. Ганзеровщина поселена, судя по названію, Гандзеровскимъ, своякомъ Скоропадскаго; затѣмъ, перешла къ Нѣж. полк—ку Толстому, сыновьями котораго продана О. Л. Закревскому. Кр. Д. 81 бд. х. владѣнія кол. ассес. Григорія Закревскаго.

С. Туровка, Переводъ, по универс. 12 іюня 1712 г. отдана Скоропадскимъ в. тов. Федору Марковичу „для вспоможенія его господарства“. М—чъ уже раньше скупалъ около Туровки земли и устроилъ тутъ хуторъ (с. 121), который вѣроятно и былъ указанъ гетману, какъ требующій „вспоможенія“—для полученія въ подданство посполитыхъ ближайшаго села. Кр. А. 13 д. В. 17 д. В. 30 д. Г. 10 д. 14 х. Пс. 16 бд. х. б. тов. Алексѣя (Александра?) Сакевича и 4 бд. х. Густынск. м—ря. Д. 52 д. 92 х. и 5 бд. х. владѣнія майоровъ Ивана и Ивана и б. тов. Константина Маркевичей. Кз. В. 2 д. Г. 3 д. 7 х. Пс. 6 бд. х. Д. 1 д. 2 х. Какъ видно, козацье населеніе—почти уничтожено...

С. Погребы (Переводъ), Переводъ. Въ актѣ 1657 г. читаемъ: „я, Семень Касяненко, обыватель Переводскій, атаманъ на тотъ часъ козацкій, чиню вѣдомо, ижъ продалемъ до м—ря Густинскаго хуторъ свой надъ рѣчкою Переводомъ, у островѣ, который занялемъ (устроилъ) самъ, своимъ коштомъ, за позволеніемъ на тотъ часъ бывшаго п. Павловскаго, который отъ п. Еремѣя Вишневецкаго, у Держикраю, въ року 1640, урядъ удержалъ...“ Актъ подписанъ Переводскимъ священникомъ „Іоанномъ Стефановымъ“. Названное здѣсь с. Переводъ лѣтъ нѣсколько спустя „по спустошенію татарами, лежало впустѣ“ (генер. слѣдств.); но какъ только Малороссія послѣ Брюховецкаго успокоилась, Переводскія земли стали заселяться, при чемъ заселеніе шло такъ быстро, что ок. 1690 г. здѣсь уже явилось „сельце“, получившее новое названіе—„Погребцовъ“, которое могло быть усвоено народомъ Переводскому *се.мицу* по тѣмъ погребнымъ ямамъ, которыя только и оставались отъ разореннаго

Перевода.—Степь, среди которой возникли Погребцы, считалась городской Прилуцкою, вслѣдствіе чего и возникшее здѣсь сельце—городъ считаетъ своимъ и сталь отъ его жителей требовать „послушанія“.—Но степь, окружавшая это сельцо, представляла столько экономическихъ выгодъ, что на нее скоро обратилъ вниманіе тогдашній Нѣжинскій полковникъ Обидовскій, который и выпросилъ себѣ у Мазепы Погребцы.—Мѣстные старожилы позже рассказывали, что при передачѣ этого села Обидовскому, тогдашній Прилуцкій полковникъ Дм. Горленко, „уважая на него (Об—го), якъ въ близкомъ свойствѣ (родствѣ) будущою зъ Мазепою, опредѣлили до сельца Погребцовъ степи—по рудку Гнилицу да по Рядовыя Могилы, въ вершинѣ Гнилицы...“ Однако Обидовскій, не довольствуясь отведенною степью, „засягнулъ“ и на другой берегъ Гнилицы отъ Прилуки, и завладѣвъ самовластно здѣсь степью, началъ запрещать Прилучанамъ косить сѣно тамъ, гдѣ у нихъ по-надъ Гнилицею были „дѣдизныя“ и куленныя сѣножати. Такъ рассказывали въ 1715 г. старожилы сосѣднихъ селъ (Заизда, Толкачовки, Обичева и двухъ Дѣвиць) ес. генер. артиллеріи Семену Карпѣкѣ, которому Скоропадскій поручилъ разобрать жалобы Прилучанъ, за захваты городской степи, получившей названіе Гнилицкой (с. 86) по близости ея къ рч. Гнилицѣ. А когда Обидовскій умеръ, продолжали старожилы, то вдова его продолжала владѣть захваченною степью; „и трудно было въ той часъ зъ нею судиться, поневажъ близкая кривная, по мужевѣ своему, Мазепѣ найдовалася“. Послѣ взмѣны Мазепы, Погребцы были у Обидовской (дочери Кочубея) отобранны и отданы тогдашнему Нѣжинскому полковнику Жбураховскому, который тоже не допускалъ Прилучанъ косить сѣно на лѣвомъ берегу Перевода и Гнилицы; „и если кому зъ людей Прилуцкихъ потребно было травы, мусѣли (должны были) у старосты Погребского куповати“. Такимъ образомъ по разслѣдованію Карпѣки оказалось, что кромѣ той степи, которую Горленко отвелъ Обидовскому вмѣстѣ съ Погребцами, у Прилучанъ отнята была часть Гнилицкой степи, которая находясь на лѣвомъ берегу рѣчки Гнилицы, принадлежать къ Погребцамъ не могла. Такъ разсудилъ и Карпѣка, указавшій, что степь на лѣв. бер. Гнилицы, „взявши отъ каменного мосту, гдѣ рудка Гнилица въ Переводъ впала, въ вершину Гнилицы“ и т. д.,—

должна принадлежать Прилуць. Гетманъ утвердилъ такое заключеніе Карпѣвки, „на що немало ратушного Прилуцкого ложено кошту“ (употреблено средствъ), какъ говорили потомъ Прилучане, конечно, желая этимъ сказать, что заплачено было и Карпѣкѣ и въ Глуховѣ... Кр А. ? В. 18 д. В. 47 л. Г. 38 д. 41 х. Д. ? Кз. нттз.

С. Поддубновка, Переводъ. О началѣ П—ки Густынскіе монахи въ 1766 г. писали: „владѣть онымъ селомъ м—рь Густынскій, яко оное село прежде небывалое, на землѣ монастырской, купленной съ хуторомъ и сѣножатю за Переводомъ, 1656 г., отъ жителя Переводского Семена Косяненка, змѣнничкою Обидовскою осажено“. Такимъ образомъ, монахи утверждали, что П—ка поселена на землѣ, купленной у Касяненка (с. 187), въ купчей котораго значится, что продалъ онъ монастырю хуторъ свой „надъ рѣчкою Переводомъ, у островѣ, тамъ же и нивя и сѣножати, поблизу хутора; а граничка того хутору—отъ селища по крайнюю рудку, а одъ рудки долиною по могилки, а ниже хутора—къ Туровцѣ селцу“ и т. д. Этотъ хуторъ у монаховъ назывался тогда Переводскимъ; подъ такимъ именемъ онъ показанъ въ универсалѣ Мазепы 1700 г., по которому за м—ремъ утверждена была купленная у Касяненка земля.¹⁾—Пользуясь этимъ универсаломъ, монахи объявили—своими раньше прихваченныя земли с. Перевода. Жители послѣдняго пожаловались въ 1701 г. на монаховъ Мазепѣ, который для провѣрки жалобы выслалъ „чрезвычайную особу“—Батурина сотника Нестеренка. При производствѣ Нестеренкомъ слѣдствія, мѣстные старожилы рассказали ему, что Г—скіе монахи, имѣя „хуторъ подъ с. Переводомъ, немало было приняли поля внизъ рѣчки Перевода, до паханя мешканцамъ Переводскимъ належачого, власне якобы на пятери гоней добрихъ вширь и вдовжъ; оттого немалая дѣялась Переводцамъ перешкода и утискъ отъ пастуховъ чернецкихъ—грабежемъ коней и товару (рогатого скота), и самихъ людей самовольнымъ биттемъ“. При этомъ „старинный мешканецъ“ Переводскій Фе-

¹⁾ Сборн. Харьк. истор.-филол. общ., IV, 102.

доре Поддубный указалъ и свой „гай“ съ полемъ, отнятый у него монахами, при чемъ пояснилъ, что захваченныя ими земли расположены вѣтъ того окопа, который сдѣланъ былъ монахами около своего хутора (т. е. хутора, купленнаго у Касяненка) еще тогда, какъ „подъ Чудновомъ Шеремета розбито“. Въ подтвержденіе своего показанія Поддубный предложилъ слѣдователю „присягу выконать“, но находившійся тутъ же Г—скій игумень Амвросій Чечканъ съ братіей, „спустившися на Господа Бога, не допустилъ Поддубнаго до присяги,“ т. е. призналъ показаніе его вполнѣ правильнымъ и безъ присяги. Убѣдившися въ правильности жалобы Погребчанъ, Нестеренко „приказалъ“ Г—скимъ монахамъ возвратитъ Погребчанамъ отнятыя у нихъ земли, при чемъ земли эти тутъ же были отмежеваны плугомъ отъ монастырскаго хутора и монахамъ указано—не выступать изъ границъ, означенныхъ въ купчей Касяненка.—Такое рѣшеніе Нестеренка безъ сомнѣнія находилось въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что с. Пореводъ, или Погребцы, принадлежали въ это время племяннику Мазены—Обидовскому. Неизвѣстно—живъ ли былъ послѣдній въ этотъ моментъ, такъ какъ онъ умеръ въ томъ же 1701 г., но вдова его рѣшеніемъ Нестеренка воспользовалась и тогда же на отобранной отъ монаховъ землѣ „осадила“ Поддубновку, „осадчимъ“ которой можетъ быть былъ тотъ самый Поддубный, который явился, повидимому, главнымъ свидѣтелемъ при слѣдствіи Нестеренка. Однакожъ Г—скіе монахи не забывали, что Поддубновка сидитъ на землѣ, которая разъ уже находилась въ ихъ обладаніи и если была отъ нихъ отобрана, то благодаря лишь тому, что соперникомъ явился близкій родичъ Мазены. Но когда послѣдній взмѣнилъ, монахи нашли возможнымъ обратитъ къ новому гетману съ просьбою—возвратитъ имъ Поддубновку, „осаженную *змѣнничкою* Обидовскою“ на монастырскихъ земляхъ. Время было такое, что всѣхъ „змѣнниковъ“ преслѣдовали и не смотря на то, что указанная „змѣнничка“ была дочерью только что пострадавшаго смертью за „вѣрность“ Кочубея, Поддубновка была отобрана у Обидовскихъ и отдана Г—скому м—рю, въ февралѣ 1709 г. 1)

1) Тамъ-же, IV, 193. А черезъ годъ монахи нашли нужнымъ выпроситъ у Скоропадскаго другой универсалъ на то же поселеніе, въ

Это была одна изъ тѣхъ большихъ несправедливостей, которыя нерѣдко чинились гетманами благодаря настойчивости монашескихъ „докукъ“ (с. 162). Кр. А. 27 д. В. 24 д. В. 57 д. Г. 23 д. 24 х. Д. 44 д. 58 х. 8 бл. х. Пс. 5 бл. х. Кз *читъ*. Засимъ, приводимъ отрывки изъ вѣдомости о Поддубновкѣ, составленной монахами въ 1766 г. для Румянцовской описи.—„Владѣеть онымъ селомъ м—ръ Г—скій, яко тое село прежде небывалое, на землѣ монастырской купленной зъ хуторомъ и сѣножатю за Переводомъ, 1656 г., отъ Семена Касяненка, змѣнничкою Обидовскою осажено.—Всей земли купленной нахатной и сѣнокосной, съ владѣемою подданными того села, зачавъ вдлину отъ бывшего на р. Переводѣ каменного мосту икъ с. Туровкѣ до Острой Могилы, на шесть верстъ и 275 саж., а вширину отъ р. Перевода по рудку Гнилицю, называемую Крайняя Рудка, на одну версту 460 с.“ Такое пространство земли монахи присвоили себѣ подъ видомъ земли приобрѣтенной отъ Касяненка..

С. Гнилица, рч. Гнилица. Произведенное въ 1715 г. Карпѣкою разграниченіе Погребскихъ земель мало принесло пользы Прилучанамъ; трудно было имъ—при тогдашнемъ нравѣ сильнаго—удержать за собою такіе приволья, какія представляла собою Гнилицкая степь. Выше сказано (с. 188), что границею степи, отдѣленной Карпѣкою для Прилуки отъ Погребовъ, между прочимъ, было указано то мѣсто на берегу Перевода, гдѣ съ этою рѣчкою сливалась „рудка“ Гнилица, при чемъ признакомъ границы означенъ *каменный мостъ*. Изъ существованія здѣсь такой рѣдкой для того времени постройки, слѣдуетъ заключить, что около этого каменного моста, уже раньше существовало поселеніе и весьма вѣроятно, что это и былъ уюминаемый въ купчей Касяненка (с. 187) *Держикрай*, поселенный кн. Острожскимъ (с. 3), а затѣмъ перешедшій къ Вишневецкому. По списку Пршездѣцкаго въ Держикраѣ значится 318 „господарей“. Затѣмъ Держикрай исчезъ, вѣроятно разоренный одновременно съ Переводомъ (с. 187). Его „селище“, какъ уже разъ насижненное, не могло не

вѣдѣ подтвержденія Мазеппинскаго універсала 1700 г. на Переводскій хуторъ. Тамъ же, 104.

привлечь вниманія такого ревностнаго собирателя земель, какимъ былъ Галаганъ. Задумавъ завладѣть частью Гнилицкой степи, Г—нъ, для большей осторожности, обратился къ гетману за позволеніемъ—посадить здѣсь хуторъ, но при этомъ указывалъ не Гнилицу, а уроч. Свидовець, ¹⁾ гдѣ, по его словамъ, уже и прежде былъ хуторъ *полковника* Горленка. Въ отвѣтъ на эту просьбу гетманъ выдалъ въ 1719 г. слѣд. универсалъ: „Позволилисмо п. полковнику Игн. Г—ну для построения хутора занять мѣстце надъ Свдовцеимъ, въ степу Прилуцкомъ, гдѣ бувшого полковника Прил. Горленка также былъ построенъ хуторъ; тѣлко варуемъ того, чтобы онъ, п. полковникъ, для расширеня оногo мѣстца, *отведенного границею до помѣжныхъ селъ кирунту—не принималъ*; а если для самой нужды къ тому хутору—потребно будетъ большой степу обширности, *то къ Гнилицѣ лежачого, по влушности, а не надъ мѣру, воленъ есть принять степу*, обехавши снодне и ограничивши изъ тамошнею полковою старшиною...“²⁾ Воспользовавшись оговоркою, Г—нъ сразу завялъ подъ хуторъ земли „надмѣру“, и при томъ не у Свидовца, а на Гнилицѣ, чѣмъ тогда же вызвалъ жалобы Прилучанъ, желавшихъ оберечь Гнилицкую степь отъ новыхъ захватовъ. Вотъ эта ихъ жалоба. „Получивъ въ 1715 г. универсалъ на Гнилицкую степь, „посполство и ўбожь (бѣдняки) Прилуцкая, зъ того одстояного степу, жадной (никакой) не имѣла корысти, ибо п. полковникъ Г—нъ, построивши, безъ позволенія рейментарского и безъ вѣдома полчанъ, надъ рѣчк. Гнилицею хуторъ, *мало не увесъ* Гнилицкій тотъ степъ въ свое обявлъ владѣніе и уже нѣхто не дерзаетъ тамъ косити себѣ травы...“ Скоропадскій не любилъ Г—ка и потому немедленно послалъ ген. бунч. Лизогуба разслѣдовать жалобу Прилучанъ. Осмотрѣвъ проведенныя Карпѣкою границы и распросивъ стариковъ, Лизогубъ раздѣлилъ Гнилицкую степь между городомъ и тѣми владѣльцами, которые позанимали здѣсь участки „отъ 20, 30 и 40-хъ лѣтъ“. Кромѣ того, часть Гнилицкой степи отдѣлена была на Прилуц-

1) Мы не можемъ опредѣлить мѣстонахожденіе этого урочища, но, конечно, оно было гдѣ-нибудь поблизу отъ Гнилицы.

2) Съ подлинника въ семейн. архива покойн. Г. П. Галагана.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

(2-й годъ изданія)

на большую ежедневную политическую и литературную газету

безъ предварительной цензуры

СЪВЕРНЫЙ КУРЬЕРЪ.

Въ основу своего міросозерцанія «Съверный Курьеръ» полагаетъ идею единства европейской цивилизаціи, не исключаящей началъ національной самобытности и ставитъ своей цѣлью добросовѣстное изученіе русской жизни и освѣщеніе ея въ духѣ справедливости и развитія гражданственностями. Въ этомъ смыслѣ «Съверный Курьеръ» направляетъ всѣ усилія, чтобы быть вѣрнымъ выразителемъ прогрессивныхъ стремленій наиболѣе отзывчивой части русскаго общества. Придавая огромное значеніе совершающейся въ Россіи экономической эволюціи въ области земледѣлія и промышленности, «Съверный Курьеръ» внимательно слѣдитъ какъ за самымъ процессомъ эволюціи, такъ и за всѣми происходящими на этой основѣ измѣненіями въ духовной жизни народа, всюду выдвигая надъ узко-эгоистическими личными и групповыми интересами благо и интересы трудящихся массъ безъ различія сферы приложенія ихъ труда. Серьезное вниманіе удѣляется выясненію и установленію правильныхъ отношеній между центромъ и окраинами на основѣ полного признанія и уваженія правъ личности, національности и началъ вѣротерпимости. «Съверный Курьеръ» вѣритъ въ необходимость органическаго роста областного начала, желательность дальнѣйшаго расширенія сферы общественной самодѣятельности и потому отводитъ подобающее мѣсто вопросамъ земскаго и городского самоуправленія, областнымъ интересамъ и нуждамъ. Не меньшее значеніе придаетъ газета усиѣхамъ русской школы и просвѣщенія и въ этой области ставитъ своей задачей сплоченіе

и объединеніе усилій разрозненныхъ дѣятелей на просвѣтительномъ поприщѣ. Серьезное вниманіе удѣлено также интересамъ науки, искусства и литературы.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ. 10 руб., на 6 мѣс. 5 руб., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 руб. За границу: на годъ 16 руб., на 6 м. 8 руб., на 3 мѣс. 4 руб., на 1 мѣс. 2 руб.

РАЗСРОЧКА допускается по четвертямъ, а для служащихъ (черезъ казначеевъ) по 1 р. въ мѣсяцъ (при подпискѣ на годъ въ теченіе первыхъ десяти мѣсяцевъ). Подписка принимается только съ перваго числа каждаго мѣсяца.—Объявленія принимаются во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Бол. Морская ул., 5 (отъ 12 до 4 час. дня). Отдѣленіе Конторы въ Москвѣ у. И. К. Голубева, Покровка, д. церкви Іоанна Предтечи.

Издатель *Кн. В. В. Бяратинскій*. Редакторы: *Кн. В. В. Бяратинскій*, *К. И. Арабажинъ*.

3-3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ.

Двадцать первый годъ изданія.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Выходитъ ежедневно безъ предварительной цензуры.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, экономической и общественной жизни. III. Обзорѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“. V. Послѣднія извѣстія (сообщенія собственныхъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. Маленькій фельетонъ. X. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ.

XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XII. Извѣстія по горному дѣлу. XIII. Внѣшнія извѣстія: *письма заграничныхъ корреспондентовъ, по-сальдняя почта*. XIV. Фельетонъ: научный, беллетристическій, критическій и общественной жизни. XV. Судебная хроника. XVI. Библиографія. XVII. Смѣсь. XVIII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XIX. Почтовый ящикъ. XX. Календарь. XXI. Справочныя свѣдѣнія: засѣданія учебныхъ обществъ, театръ и зрѣлища, дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, и резолюціи по нимъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. XXII. Стороннія сообщенія. XXIII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ очень многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Редакція ежедневно получаетъ извѣстія изъ Петербурга и Москвы отъ собствен. корреспондентовъ.

Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипами, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ.

Подписная цѣна на 1901 годъ:

съ доставкою въ Харьковъ:

На 12 м. 10 р., 11 м. 9 р. 50 к., 10 м. 9 р., 9 м. 8 р. 25 к., 8 м. 7 р. 50 к., 7 м. 6 р. 75 к., 6 м. 6 р., 5 м. 5 р. 25 к., 4 м. 4 р. 50 к., 3 м. 3 р. 40 к., 2 м. 2 р. 40 к., 1 м. 1 р. 20 к.

Съ пересылкою иногороднимъ:

На 12 м. 11 р., 11 м. 10 р. 50 к., 10 м. 10 р., 9 м. 9 р. 20 к., 8 м. 8 р. 50 к., 7 м. 7 р. 80 к., 6 м. 7 р., 5 м. 6 р., 4 м. 5 р., 3 м. 4 р., 2 м. 3 р., 1 м. 1 р. 50 к.

Допускается разсрочка платежа за годовую экзemplярь по соглашенію съ конторой.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Сумской улицѣ, въ домѣ А. А. Іозефовича, № 13.

„Южный Край“ печатается на РОТАЦИОННОЙ МАШИНѢ МАРИНОНИ, полученной изъ ПАРИЖА, которая даетъ до 20,000 оттисковъ въ часъ.

Редакторъ-издатель А. А. ІОЗЕФОВИЧЪ.

SLOVANSKÝ PŘEHLED

(Славянское Одозрѣніе),

ежемѣсячный всеславянекій
журналъ

въ III-мъ году изданія

будеть издаваться по прежней программѣ. Журналъ выходитъ книжками въ 3 и больше листовъ, въ первую пятницу каждаго мѣсяца (исключая — августъ и сентябрь), заключаая въ себѣ статьи и корреспонденціи, касающіяся культурной жизни всѣхъ славянскихъ народовъ, сверхъ того будутъ печататься переводы стихотвореній славянскихъ поэтовъ на чешскомъ языкѣ, библиографическія извѣстія изъ всѣхъ славянскихъ литературъ, свѣдѣнія о славянскомъ искусствѣ и пр.

Подписная цѣна для Россіи 3 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкою.

Подписка принимается въ конторѣ журнала «Slovanský Přehled» въ Прагѣ Чешской (адресъ: Nakladatelstvo F. Šimáček, Praha, Jerusalemksù ul. 11).

Издатель Ф. Шимачекъ.

Редакторъ А. Черны

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

1901 **НОВЫЙ МІРЪ** 1901

иллюстрированный двухнедельный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній, издаваемый ТОВАРИЩЕСТВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ, подъ редакціею П. О. Ольхина.

ЗА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ

безъ всякой доплаты за пересылку премій, подписчики „НОВАГО МІРА“ получаютъ въ теченіи 1901 года, съ доставкою и пересылкою во все мѣста Россійской Имперіи, слѣдующія пять изданій:

1) ЖУРНАЛЪ
„НОВЫЙ МІРЪ“
съ
«Всемирной Лѣтописью»
24 выпуска въ форматѣ лучшихъ европейскихъ иллюстрацій.

2) Иллюстриров. журналъ прикладныхъ знаній.
„МОЗАИКА
НОВАГО МІРА“
(24 выпуска).
выѣщающій въ себѣ 16 рубрикъ.

3) ЖУРНАЛЪ
Литературные
ВЕЧЕРА
новаго міра
12 ежемѣсячныхъ иллюстриров. книжекъ романовъ и повѣстей для семейнаго чтенія.

4) 12 изящно переплетенныхъ книгъ ежемѣсячнаго журнала

„БИБЛИОТЕКА РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ“

въ составъ котораго войдетъ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

или

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

М. Н. ЗАГОСКИНА

ПРЕОСВ. ИННОКЕНТІЯ

въ 12 изящно переплетенныхъ томахъ, съ біографіею и портретами писателя.

въ 12 изящно переплетенныхъ томахъ, съ біографіею и портретами писателя.

Каждому подписчику предоставлено выбрать собраніе сочиненій того или другого писателя.

5) **НОВЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ**

„ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ“

иллюстрированный вѣстникъ отчизновѣдѣнія, исторіи, культуры, государственной и экономической жизни Россіи, издаваемый ТОВАРИЩЕСТВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ, подъ редакціею И. М. ОЛЬХИНА.

Первый русскій журналъ, посвященный исключительно изученію Россіи въ ея прошломъ и настоящемъ и выясненію и обсужденію ея нуждъ и потребностей, 52 №№ въ годъ.

Въ составъ журнала будутъ входить—въ *первомъ его отдѣлѣ* статьи и изслѣдованія по всѣмъ вопросамъ русской жизни, описанія выдающихся мѣстностей, путешествія по Россіи, историческія изслѣдованія, соединяющія, вмѣстѣ съ серьезностью научной обработки, общедоступность изложенія; во *второмъ-же отдѣлѣ*: полная лѣтопись всего, что творится изо-дня-въ-день на Руси во всѣхъ уголкахъ нашего отечества, корреспонденціи, сообщенія, замѣтки, обзоры разныхъ сторонъ русскаго быта и хроника русской жизни.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отдѣлѣ принимаютъ участіе лучшія научныя и литературныя силы, посвятившія себя изученію Россіи. Какъ тотъ, такъ и другой отдѣлы будутъ иллюстрированы преимущественно фотографическими автотипіями съ натуры—какъ наиболѣе точнымъ способомъ воспроизведенія дѣйствительности.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НОВОМУ МІРУ“ со всѣми преміями и приложениями, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи на годъ **14 р.**

Роскошное изданіе—18 руб. За границу—24 руб., роскошное изданіе—28 руб. Допускается разсрочка платежа, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 руб., остальные же деньги могутъ высылаться, по усмотрѣнію подписчика, ежемѣсячно, до уплаты всѣхъ 14 руб. При подпискѣ въ разсрочку первая бесплатная премія (12 перепл. книгъ «Библиотека русск. и иностр. писателей») высылается только по уплатѣ всей подписной суммы.

Объявленія для помѣщенія въ журналахъ: „НОВЫЙ МІРЪ“ и «МОЗАЙКА НОВАГО МІРА»,—принимаются съ платою: съади текста по 40 коп. за строку непарели въ $\frac{1}{5}$ ширины страницы «Новаго Мира» или $\frac{1}{3}$ ширины «Мозаики Новаго Мира»; передъ текстомъ плата двойная.

Подписка на Новый Міръ и объявленія принимаются въ конторахъ журнала, при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ, въ С.-Петербургѣ, Гостинный Дворъ, № 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ № 12, а также въ редакціи «Новаго Мира», въ С.-Петербургѣ, Васильевскій Островъ, 16 линія, собст. домъ, №№ 5—7.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ V-ЫИ.

1901 г.

ОТВЕРТЪ КОДИКОВА

1901 г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

выходящую ВЪ ОДЕССѢ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ
съ иллюстраціями въ текстѣ:

Рисунки событій дня, портреты общественныхъ дѣятелей, художниковъ, виды мѣстностей и т. под., появляющіеся на отдѣльныхъ листахъ не менѣе двухъ разъ въ недѣлю.

Съ Января 1901 г. въ иллюстр. листахъ будетъ печататься полный переводъ послѣдняго романа Эмиля ЗОЛЯ

„ТРУДЪ“.

Подписная цѣна на газету „Южное Обозрѣніе“: Въ Одессѣ съ дост. на домъ на годъ 6 р., 6 мѣс. 3 р. 50 к., 3 мѣс. 1 р. 80 к., 1 мѣс. 60 к. На города (съ пересылкой) на годъ 8 р., 6 мѣс. 4 р., 3 мѣс. 2 р., 1 мѣс. 70 к. Допускается разсрочка платежа.

Подписка принимается въ Одессѣ въ главной конторѣ газеты „Южное Обозрѣніе“, при типографіи Исаковичъ и Вейленсонъ, Гаванная ул., соб. домъ.

Редакторы: *В. Н. Маракувъ. Н. П. Цакни.*

Издатель *Г. М. Бейленсонъ.*

Годовые подписчики „Южнаго Обозрѣнія“ имѣютъ право пріобрѣтать слѣдующія вновь выходящія въ 1901 году иллюстрированныя изданія по значительно уменьшеннымъ цѣнамъ:

„ЖЕНСКІЙ АЛЬМАНАХЪ“

подъ редакціей проф. А. Н. Деревницкаго и Н. Т. Герцо-Виноградскаго.

Въ „Женскомъ Альманахѣ“ принимаютъ участіе: А. Е. Богрова, З. А. Венгерова, П. И. Вейнбергъ, М. Л. Волкова, И. А. Гриневская, Л. Я. Гуревичъ, С. П. Даль, В. Каменская, проф. А. И. Кирпичниковъ, Е. О. Литвинова, М. П. Салтыкова, О. Н. Чюмина, О. А. Шапиръ и др.; составленіе отдѣла по женскому образованію любезно принялъ на себя проф. А. Н. Деревицкій.

Просятъ гг. годовыхъ подписчик. заявлять свои требованія на „Женскій Альманахъ“ не позже 15 февраля 1901 г.

ТЕХНИЧЕСКІЙ, ГОРОДСК. И СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВЪ СБОРНИКЪ

подъ редакціей инженероѣ *Г. М. Вольфензона и В. И. Зуева,*

Просятъ гг. подписчиковъ заявлять свои требованія на „Техническій Сборникъ“ не позже 15 февраля 1901 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901-й ГОДЪ

НА ГАЗЕТУ

„ВОСХОДЪ“

выходящую два раза въ недѣлю

и ежемѣсячный журналъ „КНИЖКИ ВОСХОДА“

Восходъ посвященъ интересамъ еврейскаго народа. Онъ стремится къ укрѣпленію внутреннихъ силъ еврейства, подъему культурнаго уровня массы и объясненію силъ интеллигенціи на дружной работѣ на народной еврейской нивѣ; его задача—служить дѣлу національнаго возрожденія, гражданской и общественной эмансипаціи евреевъ среди другихъ народовъ.—Газета выходитъ два раза въ недѣлю, разм. въ 2 печ. листа, и имѣетъ слѣд. содержаніе: **руководящія статьи** по всѣмъ текущимъ вопросамъ еврейской жизни въ Россіи и за границей, **хроника** всѣхъ новѣйшихъ извѣстій, **корресп.** изъ провинціи и загранич., **сенатская** и судебная **практика** по еврейскимъ дѣламъ (сен. указы), **юридич. бесплатная консультація** (отвѣты на юрид. вопросы подписчиковъ въ особомъ отдѣлѣ), **обзоры** евр., русской и польск. **печати**, **фельетонъ** (разск. и проч.), **обзоры общей политич. жизни** Россіи и иностр. государствъ, **критика** и **библіографія**.

ЦѢНА ГАЗЕТЫ—7 руб. въ годъ (допуск. разсрочка: при подпискѣ — 3 р., къ 1 марта—2 р. и къ 1 іюля—2 р.).

КНИЖКИ ВОСХОДА—выходятъ **ежежѣсячно** въ разм. до 10 печ. лист. **Повѣсти** и **разказы** изъ евр. жизни, **стихотв.** и популярн. **научныя статьи** по исторіи, **литературѣ**, **религіи**, **философіи**, **критикѣ**, **вопр обществ. жизни**. **Книжки восхода**—единственный журналъ, посвященный еврейской литературѣ и наукѣ, на русскомъ языкѣ. Желая способствовать его широкому, распространенію, новая редакція установила отдѣльную подписку за **крайне доступную** цѣну:

12 книгъ за 3 руб. (съ перес.).

Главная Контора «Восхода» помѣщается въ С.-Петербургѣ, **Площадь Большаго Театра, д. 2.**

Подписчики на оба изданія внесшіе до 1 января 1901 г. всю плату за годъ, получаютъ газету въ этомъ году со дня подписки бесплатно.

Годовые подписчики на оба изданія получаютъ въ 1901 годъ бесплатное приложеніе: Сборникъ повѣстей и рассказовъ одного изъ талантливейшихъ современныхъ беллетристовъ И. Зангвилля, въ изящно изданномъ томѣ, разм. до 20 печ. листовъ.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ (12 годъ изданія)

На общенадогогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Въ теченіе 1900 года въ «Русской Школѣ» напечатаны были между прочимъ, слѣд статьи: 1) Педагогическій съѣздъ въ Одессѣ въ 1881 году. Громава-Громаченка; 2) Въ былой духовной школѣ. М. Кукулина; 3) Замѣтки и наблюденія (изъ записокъ бывшаго сельскаго учителя). Дидо; 4) вспомоگательныя школы для отсталыхъ и малоспособныхъ дѣтей на Западѣ Д-ра Щеглова; 5) Положеніе естествовѣдѣнія въ заграничныхъ среднихъ школахъ. Н. Кричагина; 6) Школьный день. А. П. Нечаева; 7) Умственное утомленіе и переутомленіе. Проф. И. Оршанскаго; 8) О постановкѣ преподаванія и воспитанія сообразно естественному ходу умственнаго развитія, Проф. И. Сикорскаго; 9) Средняя школа въ Россіи тридцать лѣтъ тому назадъ. Проф. В. А. Бильбасова; 10) Соображенія школьнаго врача по поводу реформы средней школы. Д-ра А. С. Виреніуса; 11) Наши школьные вопросы. (Изъ посмертныхъ бумагъ). В. Стоюнина; 12) Школьныя противорѣчія. Старова; 13) Наши учителя, ученики и система. П. Головачева; 14) Пансіоны и общежитія А. Анастасіева; 15) Къ вопросу о матеріальномъ положеніи педагоговъ нашей средней школы. Юрія Андреева; 16) По вопросу о положеніи учителей городскихъ училищъ. И. У.; 17) По поводу толковъ о введеніи новаго устава для духовно-учебныхъ заведеній. П. Маркова; 18) Къ вопросу о пересмотрѣ

программъ классическихъ гимназій. М. Тростникова; 19) Изъ исторіи народной школы. В. А. Бильбасова; 20) Вліяніе народнаго образованія на народныя богатство, здоровье и нравственность. П. Мижуева; 21) Насущный вопросъ въ области народнаго образованія. И. Бѣлоконскаго; 22) Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію за 1899 годъ. Его же; 23) Организація книжной помощи народнымъ учителямъ. М. Новикова; 24) На пользу русской народной школѣ. М. Страховой; 25) Вопросъ о всеобщемъ обученіи крестьянскаго населенія въ тверскомъ земствѣ. И. Красноперова; 26) Начальныя народныя училища въ Вятской губерніи. А. А. Красева; 27) Русское начальное народное образованіе на Парижской всемірной выставкѣ. И. Бѣлоконскаго; 28) О преподаваніи педагогикѣ въ женскихъ гимназіяхъ. А. Анастасіева; 29) Критическій обзоръ способовъ обученія правописанію Ап. Соболева; 30) Объ ариметическихъ задачахъ алгебраическаго характера. С. Шохоръ-Троцкаго; 31) Объемъ задачи и цѣль пренедевитическаго курса естествовѣдѣнія въ средней школѣ. М. Ускова; 32) О желательной постановкѣ курса средневѣковой исторіи. Проф. Н. И. Карѣева; 33) Опытъ психологіи грамоты. К. Тихомирова и многія другія.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы“, кромѣ отдѣла критики и библіографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Зап. Ев. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессиональнаго образованія В. В. Бирюковича и пр.

«Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—семь руб., съ доставкой 7 руб. 50 коп.; для иногородныхъ съ пересылкой—восемь руб.; за границу девять руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за шесть руб. въ годъ съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ

1 15 коп. три мѣс. **БОЛЬШАЯ** **1** 15 коп. три мѣс.
Р. ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА и **Р.**
ДВА ИЛЛЮСТРИРОВАН. ЖУРНАЛА

Второе изданіе „Биржевыхъ Вѣдомостей“ и

САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ въ своихъ сужденіяхъ, чуждый тенденціознаго извращенія фактовъ и безусловно независимый органъ печати. Ярко освѣщая всѣ явленія общественной жизни, имѣя огромную сѣть корреспондентовъ, эта газета, при всей своей твердости и неуклонности, справедливая и безпристрастная, уже много лѣтъ является, несомнѣнно.

наиболѣе полнымъ
 ВЫРАЗИТЕЛЕМЪ НУЖДЪ ПРОВИНЦІИ.

Главные отдѣлы газеты, а въ особенности передовой, политической, съ театра военныхъ дѣйствій, столичной и провинціальной общественной жизни,

съ ЕЖЕДНЕВНЫМИ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ, телеграммъ, корреспонденцій и пр.— по своей полнотѣ и свѣжести совершенно отвѣчаютъ подобнымъ же отдѣламъ другихъ большихъ столичныхъ газетъ. Въ ней нѣтъ ненужныхъ несвязанныхъ, случайныхъ замѣтокъ, а изъ замѣняетъ

ЖИВОЕ СЛОВО.

Главная контора „Биржевыхъ Вѣдомостей“, С.-Петербургъ, Невскій 28.
 ПОДПИСНАЯ ЦѢНА второго изданія „Биржевыхъ Вѣдомостей“, вмѣстѣ съ журналами и съ пересылкою: на годъ 4 руб. 60 коп., на 6 мѣсяцевъ—2 руб. 30 коп., на 3 мѣсяца—1 руб. 15 коп., на 1 мѣсяць—40 к.

Почтовые и гербовые марки въ уплату не принимаются.

Въ 1900 году болѣе 125,000 подписчиковъ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ ЖУРНАЛЫ

- 1) „Новая Иллюстрація“
- 2) „Огонекъ“

какъ по содержанію, такъ и по характеру своихъ иллюстрацій совершенно **НОВАГО ДЛЯ РОССИИ ТИПА.** Въ живыхъ наброскахъ нашихъ художниковъ и корреспондентовъ, въ нихъ находятъ свои отраженія всѣ

ЗЛОБЫ ДНЯ.

Въ предстоящемъ году напечатаны: „ПЕТРОВСКІЕ ДНИ“, историческій романъ эпохи Императрицы Екатерины Великой, Гр. Е. А. Салиаса. „НЕЖДАННО - НЕГАДАННО“, большой бытовой романъ Вас. Ив. Немировича-Данченко.

15 ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ, ПРЕМИРОВАННЫХЪ

на литературномъ конкурсѣ высшими наградами изъ 1108 произведеній, представленныхъ на конкурсѣ.

Подписка на 1901 годъ

(XIX годъ изданія)

на ежедневную политическую, экономическую и литературную газету

„ЮЖАНИНЪ“.

Въ 1901 году газета вступила въ новый фазисъ своего существованія съ обновленнымъ и значительно расширеннымъ составомъ редакціи.

Являясь выразителемъ интересовъ южной окраины Россіи, газета свое главное вниманіе обращаетъ на всестороннюю разработку экономическихъ и культурно-общественныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью избраннаго ею района.

Редакція газеты направляетъ всё свои средства къ своевременному и возможно полному сообщенію читателямъ извѣстій о событіяхъ, останавливающихъ на себѣ въ данный моментъ вниманіе всего цивилизованнаго міра. Для этой цѣли редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ столицахъ и въ главныхъ пунктахъ юга Россіи.

Къ участію въ газетѣ приглашены также сотрудники выдающихся столичныхъ изданій.

Газета издается по слѣдующей программѣ:

1) Официальный отдѣлъ; 2) Руководяшія статьи по экономическимъ, политическимъ, юридическимъ, земскимъ и сельско-хозяйственнымъ вопросамъ; 3) Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и „Россійскаго Телеграфнаго Агенства“; 4) Земскій отдѣлъ; 5) Обзоръ жизни Юга; 6) Корреспонденціи; 7) Хроника; 8) Наша печать; 9) Письма въ редакцію; 10) Мѣстная хроника; 11) Фельетоны общественные, научные, критическіе и литературные; 12) Театръ и музыка; 13) Наука, искусство и литература; 14) Судебная хроника; 15) Спортъ, смѣсь и шахматы; 16) Торговля свѣдѣнія (по телеграфу и телефону); 17) Справочный листокъ; 18) Объявленія.

Условія подписки на газету „Южанинъ“.

Съ пересылкой и доставкой: 1 м.—1 р., 3 м.—2 р. 50 к., 4 м.—3 р., 6 м.—4 р., 8 м.—5 р. 20 к., 10 м.—6 р. 30 к., 11 м.—6 р. 70 к., 12 м.—7 р. Безъ доставки и пересылки: 1 м.—75 к., 3 м.—2 р., 4 м.—2 р. 50 к., 6 м.—3 р. 50 к., 8 м.—4 р. 50 к., 10 м.—5 р. 30 к., 11 м.—5 р. 70 к., 12 м.—6 руб.

За границу къ подписной иногородней платѣ прибавляется по 50 к. въ мѣсяцъ. Подписка принимается только съ 1-го и 15 числа мѣсяца.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы, если объ этомъ будетъ заявлено при подпискѣ, въ два срока: съ до-
ставкою: къ 1-му января—4 руб. и къ 1-му мая 3 руб.; безъ до-
ставки: къ 1-му января—3 р. 50 к. и къ 1-му мая—2 р. 50 к.

Редакторъ-Издатель *С. П. Юрицевъ*

3-3

Общественно-педагогическая и литературная еженедѣльная газета

„Жизнь и Школа“

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

„Школьное Обозрѣніе“

(г. XIII)

подъ редакціей *М. Виноградова*

Запросы современной жизни и школы съ каждымъ днемъ осложняются, становятся серьезнѣе, острѣе и требуютъ вдумчиваго и трезваго рѣшенія. Мы идемъ на встрѣчу этимъ запросамъ и по мѣрѣ нашихъ силъ служимъ выясненію и удовлетворенію ихъ. Мы не замыкаемся въ узкой рамѣ будничной „жизни“ и въ тѣсныхъ стѣнахъ „школы“: шире раздвигаемъ нашъ горизонтъ и смотримъ на жизнь, какъ на школу, а на школу, какъ на жизнь. И поэтому всѣ явленія русской жизни и школы будутъ съ возможною полнотою отражаться въ нашемъ изданіи. Главное вниманіе наше, по прежнему, будетъ обращено на основные вопросы духовной жизни и идеальной школы.

Цѣна за годъ съ перес. и дѣст. 5 руб., за полгода—3 р. и за 3 мѣс. 2 руб.; для начальныхъ школъ и народныхъ учителей—4 р. въ годъ, за границу 6 руб. Допускается разсрочка платежа—по соглашенію съ Редакціей. №№-въ за прежніе годы „Школьнаго Обозрѣнія“ не имѣется. Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные комплекты газеты 1893 г., 1894 г. можно получать по два

руб., и 1895, 1896, 1898 и 1899 г. по 3 руб. за годъ. (Новые подписчики при выпискѣ газеты за прежніе годы, сверхъ того, пользуются 50% уст.). Библиотеки и бесплатныя читальни пользуются особой уступкой. Подписчикамъ предоставляется помѣщать бесплатно всякія объявленія, относящіяся къ спросу и предложенію труда, а именно: по найму учителей, гувернантокъ, боннъ и т. п., а также по продажѣ изданій, книгъ и проч. Отъ учебныхъ заведеній принимаются объявленія объ условіяхъ пріема и поступленія въ нихъ, а также объ имѣющихся вакансіяхъ учащихся и учащихся.

Доставившему подписку на десять экземпляровъ — одиннадцатый бесплатно.

Подписка принимается въ главной конторѣ „ЖИЗНЬ и ШКОЛА“ и „ШКОЛЬНОГО ОБОЗРѢНІЯ“: С.-Петербургъ, Загородный пр., 34.

3—3

Открыта подписка

на ежемѣсячный литературно-научный журналъ
на 1901 годъ

„КАВКАЗСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(годъ второй),

издаваемый въ г. Тифлисъ В. Д. Коргановымъ, подъ редакторствомъ К. Н. Бьгичева, по слѣдующей программѣ:

1. Правительственныя распоряженія.
2. Кавказъ и сосѣднія съ нимъ страны въ историческомъ и современномъ отношеніяхъ. Мемуары, записки, воспоминанія, біографіи и некрологи выдающихся дѣятелей.
3. Статьи по различнымъ научнымъ отраслямъ, а также практическаго характера. Протоколы ученыхъ обществъ и общественныхъ учрежденій.
4. Беллетристика: оригинальные и переводные романы, повѣсти, рассказы, драматическія произведенія, поэмы и стихотворенія.
5. Обзоръ событій мѣстной и европейской жизни. Корреспонденціи изъ Россіи и за-границы, преимущественно имѣющія отношеніе къ Кавказу и сосѣднимъ ему странамъ.
6. Литературная

критика и библиографія. Статьи по искусству. 7. Омьсь: историческіе эскизы, анекдоты, мелкія беллетристическія произведенія и т. п. 8. Справочный отдѣль. 9. Объявленія.

По мѣрѣ надобности статьи въ журналѣ иллюстрируются виньетками, рисунками и портретами, а также въ нимъ прилаживаются карты, планы и чертежи.

Для участія въ журналѣ приглашены лучшія научныя и литературныя силы въ Россіи. Для обзора заграничныхъ событій, касающихся Кавказа и соседнихъ съ нимъ странъ, имѣются корреспонденты въ главныхъ городахъ Европы.

Редакція помѣщается на Авчальской ул. д. Корганова, № 28.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Городскіе: за годъ—9 р., $\frac{1}{2}$ года—5 р., 3 мѣсяца—3 р.
 Иногородніе: за годъ—10 р., $\frac{1}{2}$ года—6 р., 3 мѣс.—3 р. 50 к.
 За-границу: за годъ—12 р., $\frac{1}{2}$ года—7 р., 3 мѣсяца—4 руб.

За перемѣну адреса взимается 50 к.

За объявленія, помѣщаемыя въ книжкахъ журнала, взимается за цѣлую страницу 20 р., за $\frac{1}{2}$ стр. 12 р., за $\frac{1}{4}$ стр. 7 р.

Подписка на журналъ и объявленія принимается въ Тифлисъ, въ конторѣ журнала „Кавказскій Вѣстникъ“, на Головинскомъ пр., д. № 10, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

3—3

Открыта подписка на

„РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

Журналъ безъ предварительной цензуры.

*Цѣна съ пересылкой и доставкой на годъ 10 р., на полгода 6 р.,
 на три мѣсяца 3 руб., на мѣсяць 1 рубль.*

Для лицъ духовнаго званія, преподавателей среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ пониженіе цѣны допускается по соглашенію съ редакціей.

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ нихъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ объ этомъ въ конторѣ журнала.

Въ виду многочисленныхъ запросовъ, поступающихъ въ контору редакціи со стороны читателей, заявляемъ, что нынѣшнее издательство журнала ничего общаго съ прежнимъ не имѣетъ.

3—3

1901

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

1901

НА

иллюстрированный популярно-научный журналъ

Энциклопедія

24 книги въ годъ,

выходящихъ 10 и 25 числа каждаго мѣсяца.

Задача популярно-научнаго журнала „Энциклопедія“—давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе по всѣмъ отраслямъ знаній, слѣдить за движеніемъ современной мысли и знакомить читателей съ современной литературой и искусствомъ. Статьи будутъ иллюстрированы художественными рисунками, необходимыми для нагляднаго объясненія текста.

Особенно богатый біографическій отдѣлъ будетъ давать обстоятельные отчеты, съ необходимымъ краткимъ изложеніемъ содержанія, о новыхъ выдающихся произведеніяхъ русской и иностранной литературы, такъ что каждый читатель всегда будетъ въ курсѣ современной литературы, науки и искусства всего цивилизованнаго міра.

Такимъ образомъ журналъ „Энциклопедія“ представитъ собою дѣйствительную энциклопедію современныхъ знаній, давая резюме современнаго движенія науки, литературы и искусства въ общедоступномъ, но строго-научномъ изложеніи. Ничто такъ не полезно и интересно, какъ такое резюме, въ которомъ отзы-

нудо все скучное и узко-спеціальное и оставлено лишь то, что представляет дѣйствительную важность и жизненный интерес. Весьма важнымъ подспорьемъ для нагляднаго ознакомленія съ предметомъ являются художественныя иллюстраціи, которыми будутъ снабжены многія статьи журнала.

Не смотря на свою низкую стоимость, журналъ „Энциклопедія“ дастъ много весьма интереснаго и поучительнаго матеріала какъ для каждой образованной, такъ и для всякаго, желающаго пополнить чтеніемъ свое образованіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ „Энциклопедія“ съ пересылкой: на годъ—6 руб.; за-границу—10 руб.

Допускается разсрочка: при подпискѣ—2 руб., въ Мартѣ—2 руб., въ Іюнь—2 руб., или первые шесть мѣсяцевъ по одному рублю.

Цѣна отдѣльной книги—50 коп., съ пересылкой—70 коп.

Контора журнала: С.-Петербургъ, Рижскій пр., 48.

3—3

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1901 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученныя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: рецензіи на магистерскія и докторскія диссертациі; представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся

въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія: библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о дѣстухахъ, статьи, посвященныя зрѣнію коллекціи и состоянію учебно-воспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, библиографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники, историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнаруженные.

Учебныя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7р. Отдѣльныя книжки можно получить изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Θ. Мищенко*

3—3

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е

о продолженіи изданія журнала

Труды Кіевской Духовной Академіи

въ 1901 году.

(Годъ изданія сорокъ второй).

Журналь „Труды Кіевской Духовной Академіи“ будетъ издаваться и въ 1901 г. по прежней программѣ. Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Дух. Академіи, по предметамъ общезанимательнымъ и по содержанию общедоступнымъ большинству читателей, а также переводы

твореній блаж. Иеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ „Библиотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ“

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 10—15-ти и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб., а за границу 8 руб.

За прежніе годы „Труды“ продаются по уменьшеннымъ цѣнамъ, именно: за 1860—1878 гг. по 5 р., за 1879—1883 гг. по 6 р., за 1885—1897 гг. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 руб. съ перес. Экземпляры „Трудовъ“ за 1867—68 и 1884 г. распроданы.

Кромѣ того въ конторѣ редакціи продаются между прочимъ слѣдующія книги: „Библиотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ:“ а.) св. Кипріана, еп. Карѣ., части 1 и 2, б.) блаж. Иеронима, ч. ч. 1—15 и в.) блаж. Августина, ч. ч. 1—8. Цѣна каждой части 2 р. съ перес., кромѣ 9-й и 15-й частей творен. блаж. Иеронима, цѣна которыхъ по 1 р. 50 к.

«Опытъ правосл. догматическаго Богослуженія» еп. Сильвестра, т. 1 (изд. 3-е) ц. 1 р. 70 к., т. 2 (изд. 3-е) ц. 3 р. 30 к., т. т. 3, 4 и 5 (изд. 2-е) по 3 р. каждый.

Съ требованіями относительно журнала и книгъ редакція проситъ обращаться непосредственно къ ней по слѣд. адресу:

Въ редакцію журнала „Труды Киевской Духовной Академіи“ въ г. Киевъ (Ильинская, д. № 5).

Редакторъ профессоръ В. Θ. Пыницкій.

3—3

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1901 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція „Русской Старины“ будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣ-

дованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и рассказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе рассказы и преданія; 7) документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и рассказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполне обеспеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будетъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣляется уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145,

3—3

Открыта подписка на 1901 г. (8 г. изд.)

ЕЖЕМѢСІЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

Изданіе П. П. СОЙКИНА

подъ редакціей д-ра философіи М. М. Филиппова

„Научное Обозрѣніе“ не спеціальный, но общій журналъ, имѣющій въ виду вѣсь читателей, интересующихся успѣхами науки, а также выдающимися литературными явленіями.

Журналъ остается вѣрнымъ своимъ завѣтамъ, т. е. по прежнему будетъ органомъ прогрессивнаго направленія, исключая всякій школьный догматизмъ и рутину.

Вступая въ XX-й вѣкъ, одной изъ задачъ котораго является распространеніе научнаго образованія въ возможно широкихъ кругахъ общества, журналъ нашъ посвятитъ особое вниманіе вопросамъ самообразованія.

Съ этою цѣлью редація „Научнаго Обозрѣнія“ рѣшила соединить къ журналу рядъ популярныхъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ знаній, подъ общимъ заглавіемъ:

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

Къ концу года это прилож. сост. большой томъ въ 40 печ. лст. т. е. 640 страницъ.

Сочиненія и статьи, напечат. въ „Народномъ Университетѣ“ будутъ доступны даже для читателей, обладающ. самой элементарн. подготовкой.

Завѣдываніе этимъ отдѣломъ принялъ на себя извѣстный популяризаторъ В. В. Битнеръ.

Для печатанія въ „Народномъ Университетѣ“ предпол. между прочимъ слѣдующее:

Происхожденіе животнаго міра.—Міръ въ каплѣ воды.—Невидимые враги.—Происхожденіе и значеніе денегъ.—Чудеса электричества.—Мозгъ, какъ органъ мышленія.—Прогулки по небу.
Доисторическій человѣкъ.

Текстъ будетъ поясненъ чертежами, рисунк. и хромолитогр.

По примѣру прежнихъ лѣтъ къ „Научному Обозрѣнію“ будутъ приложены капитальныя переводныя сочиненія:

Авенариусъ. Міропониманіе.—*Тардъ*,—Соціальный законъ, и одно сочиненіе *Джона Стюарта Милля*, еще не бывшее въ русскомъ переводѣ.

Въ историческомъ отдѣлѣ приметъ ближайшее участіе выдающійся историкъ и популяризаторъ проф. А. С. Травескій. Здѣсь, между прочимъ, будутъ печататься: Историческая хроника Меримэ и статьи по исторіи инквизиціи.

Отдѣлъ обзора журналовъ русскихъ и иностранныхъ будетъ значительно расширенъ, что дастъ читателямъ возможность

въ сжатомъ видѣ слѣдить за современнымъ движеніемъ человѣческой мысли, открытіями, новостями литературы искусства и науки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ безъ дост. въ Сиб. 6 р. 50 к.
Съ доставкою и пересылкою по всей Россіи—7 руб. За границу 10 рублей.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 апрѣля 2 руб. и къ 1 іюля остальные, или по одному рублю, начиная съ декабря.

Адресъ конторы: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремяная, 12, сбб. домъ.

3-3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„ВОЛЫНЬ“

(Двадцать третій годъ изданія)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 12 мѣс. 6 руб.		На 3 мѣс. 1 р. 50 к.
На 6 мѣс. 3 руб.		На 2 мѣс. 1 р. 10 к.
На 4 мѣс. 2 руб.		На 1 мѣс. — р. 60 к.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА №№ ПО 5 КОП.

Подписка принимается въ г. Житомирѣ, въ главной конторѣ редакціи, по Б.-Бердичевской ул., въ Архіерейскомъ домѣ. Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку газеты лишь въ томъ случаѣ, если подписка принята въ Главной Конторѣ.

Контора газеты открыта ежедневно, за исключеніемъ дней праздничныхъ, отъ 9 час. утра до 6 час. пополудни.

Редакторъ-издатель Г. И. Коровицкій.

3-3

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ I.

- I. КРЕСТЬЯНЕ И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА ВЪ ВОСТОЧНОЙ АВСТРИИ. **И. Лучицкаго** 313—351
- II. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЧЕРНИГОВСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. (1861—1863 гг.). **А. Л.** 352—367
- III. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. (*Продолженіе*). **Ор. Левицкаго** 368—381
- IV. ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ВВЕДЕНІЮ ПОЛОЖЕНІЙ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. ВЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБ. (Къ 40-лѣтію со дня освобожденія крестьянъ). **Ние. Василенка** 396—423
- V. НАША ДОЛЯ—БОЖА ВОЛЯ. (*Продолженіе*). **Д. Яворницкаго** 444—460
- VI. II. А. КУЛИШЪ. Біографическій очеркъ. (*Продолженіе*).
В. Шенрока 461—492

ОТДѢЛЪ II.

- I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи освобожденія крестьянъ б) Два документа къ исторіи 19 февраля 1861 г.; в) Подольская пѣсня о панщинахъ; г) Озеро Свитязь и народныя преданія о немъ. **П. Т.**; д) Къ исторіи женскаго образованія въ Кіевской губ. (Архивная справка); е) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **А. Мёрдеръ** ж) Поправка. 131—157
- Текуція извѣстія 158—165
- II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Украинскія изданія 1900 года. **В. Доманицкаго**; б) Древности. Труды Имп. Моск. Археолог. Общ. изд. подъ ред. **В. К. Трутовскаго**, секретаря общества. Т. XVII. **Б.**; в) **Karol Wołsunowski. Najdawniejsze pomniki chrześcijaństwa na Rusi** **М. Ю.**; г) Графиня Уварова. Матеріалы по археологіи Кавказа. Вып. VIII. Могилиники сѣвернаго Кавказа. **В.**; д) **Ksawery Chamiec. Wśród степów i jarów. Kultura przedziejowa.** **В.**; е) Обзоръ журналовъ текущаго года; ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. 166—196
- Археологическая лѣтопись. 197—205
- III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго**. Листъ 13-й . 193—208
- 2) Портретъ **М. Т. Симонова (Номиса)**.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXII.

1901 г.

МАРТЪ.



К І Е В Ъ

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.

1901.

19-го февраля 1901 года исполнилось 40 лѣтъ съ того великаго дня, когда крѣпостная масса русскаго народа получила личную свободу и тѣмъ признана была имѣющей права человѣческой личности. 5 марта положеніе о крестьянахъ было обнародовано и вскорѣ стало извѣстнымъ во всей Россіи, а также и на нашемъ югѣ. Нашъ журналъ, посвященный изученію и освѣщенію моментовъ прошлаго въ Малороссіи, не можетъ пройти молчаніемъ этого 40-лѣтняго юбилея крестьянской реформы и потому считаетъ обязательнымъ для себя помѣстить въ настоящей книжкѣ рядъ статей и матеріаловъ, посвященныхъ исторіи крестьянской реформы въ Малороссіи.



МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ.

Изданіе ЛЕОНА ИДЗИКОВСКАГО въ Кіевѣ.

КОБЗАРЬ Т. ШЕВЧЕНКА.

Музыка Владислава ЗАРЕМЫ,

для пѣнія съ аккомпанементомъ фортепіано.

1. Витре буйный, витре буйный (сопр.)	40
2. Ой умерь старый батько (м. сопр.)	30
3. Мынають дни, мынають ночи (баритонъ-басъ)	60
4. До сестры (сопр.)	30
5. Не журюся я (барит.)	60
6. Не тоюлю високою (бар.)	—
7. Черезъ гору пиду	30
8. Зори зъ місяцемъ надъ долиною постричалася	60
9. Ой одна я, одна, якъ былиньонька въ полі (сопр.)	45
10. За думою дума роємъ вылитає	60
11. Чого мени тяжко (бар.)	45
12. Тече вода въ сыне море	45
13. Загувала зозуленька (бар.)	30
14. На улыци не весело, въ хатѣ батько лає	30
15. На що мени чорни бровы	50
16. У перетьку ходыла по горыкы	30
17. Калына. Баллада. Чого ты ходышь на могылу	60
18. Якъ бы мени черевыкы	30
19. На городи коло броду	30
20. Трала-ла, трала-ла, на базари була	30

21. Утоптала стежечку черезъ яръ.	30
22. Думы мои, думы! Вы мои едины!	45
23. Ой люли, люли моя дытyno.	30
24. Надъ Днипровою сагою.	45
25. И тутъ и всюды скривъ погано	45
26. Якъ бы мени, мамо, намысто.	60
27. Не женися на багатій, бо выжене съ хаты	45
28. Сонде заходять, горы чорніють	45
29. И багата я, и вродлива я	45
30. Заповить. Якъ умру, то поховайте.	30

Этого же автора для фортепіано въ 2 руки.

Adieu à l'Ukraine. Pièce de salon. Pozegnanie Ukrainy	50
Au Cimetière. Elégie.	60
Chant d'Oukraine. Doumka.	50
Chant Ukrainienne populaire «Зибралыся вси бурлаки»	60
Де гримъ за горами. Украинская пѣсня	50
Doumka-Schoumka.	50
Гей же вы, хлопци, славни молодци. Запор. пѣсня.	60
Langueur après l'Ukraine. Pièce de Salon.	60
Реве та стогне Днипръ широкий. Украинская пѣсня, слова Тараса Шевченка, музыка Д. Крыжановскаго	50
Стоить гора высокая.	60
Въ киянцѣ гребля шумлять вербы	60

МОЯ МЫЛОВАНКА.

Мазурка для пѣнія.

Слова М. Старыцького.

Цѣна 50 коп.

Адресъ: Книгопродавцу Леону Идзиковскому въ Кіевѣ.





Крестьяне и крестьянская реформа въ восточной Австріи.

I.

Крестьянская реформа въ Буковинѣ.

Усилившійся въ послѣдніе годы истекшаго столѣтія интересъ къ вопросамъ земледѣлія и земледѣльческаго класса, къ его судьбамъ въ прошломъ, къ его состоянію въ настоящемъ и къ его будущему, къ существовавшимъ и существующимъ теперь поземельнымъ отношеніямъ въ его средѣ, съ одной стороны, — развивающееся сознание, — особенно окрѣпшее въ послѣдніе тридцать лѣтъ, — что „исторію сверху“ можно создать лишь изученіемъ детальнымъ и серьезнымъ „исторіи снизу“, т. е. исторіи каждой соціальной группы въ каждой отдѣльной странѣ, изученіемъ ихъ съ точки зрѣнія, главнымъ образомъ, экономическихъ условій ихъ существованія и развитія, съ другой, породили въ 3. Европѣ цѣлую литературу историко-экономическихъ изслѣдованій вообще, крестьянскаго земледѣльческаго класса въ частности. Изъ той зависимой, второстепенной роли, какую играли эти вопросы въ прежнихъ работахъ, изслѣдованіяхъ и общео-историческихъ построеніяхъ прежняго времени, гдѣ они, въ лучшемъ случаѣ, служили простой иллюстраціей для обрисовки общаго фона, на которомъ историки расписывали свои арабески,

они превращены теперь въ одинъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ для изслѣдованія, безъ выясненія которыхъ представляется немислимымъ выясненіе и пониманіе процесса жизни исторической, ея развитія. Естественнымъ, отсюда, явилось и привлеченіе къ изученію цѣлой серіи данныхъ и документовъ, на которые прежніе историки обращали мало вниманія, которые покрывались многолѣтнею пылью въ глубинѣ архивовъ, никѣмъ не тронутые, считавшіеся чуть не хламомъ... Архивная работа начала заполнять историческую литературу, и мало по малу стали разясняться нѣкоторыя черты, часто совершенно новыя и неожиданныя, процесса развитія экономической жизни прошлаго различныхъ европейскихъ странъ, въ частности развитія поземельныхъ отношеній и судебъ земледѣльческаго класса. Въ Англіи со времени появленія трудовъ Роджерса, въ Франціи въ послѣдніе десять лѣтъ, въ Германіи, благодаря иниціативѣ Шмоллера, Кнаппа и Гильдебранда изученіе развитія земледѣлія и земледѣльческихъ классовъ получило сильный толчекъ, и въ рукахъ интересующагося судьбами крестьянства очутилась теперь значительная масса вполне почти установленныхъ, критически провѣренныхъ и точныхъ данныхъ и выводовъ относительнаго развитія и судебъ крестьянскаго класса въ различныхъ странахъ западной Европы, данныхъ и выводовъ, основанныхъ не на однихъ только нерѣдко сомнительныхъ или неполныхъ свидѣтельскихъ показаніяхъ отдѣльныхъ лицъ...

Движеніе, зародившееся въ исторической литературѣ, коснулось не однихъ только крупныхъ и выдающихся націй. Изученіе прошлаго и нынѣшняго состоянія крестьянскаго класса проникло и въ сферу самыхъ мелкихъ, незамѣтныхъ странъ, не игравшихъ,—какъ это принято выражаться относительно „малыхъ сихъ“ такъ называемой „исторіи“,—выдающейся роли, и создало уже рядъ трудовъ, впервые попытавшихся снять завѣсу, покрывавшую прошлое массы трудового населенія и въ такихъ уголкахъ, какъ Буковина, Галичина, Седмиградія, мелкія нѣмецкія княжества и т. д.

Когда, какъ это было, напр., въ Буковинѣ, подъ напоромъ вспыхнувшей въ Австріи революціи 1848 г. былъ поднятъ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостной зависимости, тяготѣвшей надъ большей частью населенія крестьянскаго какъ въ Австріи вообще, такъ и въ Буковинѣ, „историческая наука“ оказалась безсильною выяснить прошлое этого населенія. Оно, это прошлое, было очень мало, даже совершенно неизвѣстнымъ. Въ 1848 году была издана въ Буковинѣ лишь одна брошюра, явившаяся какъ памфлетъ, а не какъ серьезное изслѣдованіе, памфлетъ, вышедшій изъ подъ пера одного изъ ярыхъ защитниковъ стараго, теперь подорваннаго революціей режима. Я разумѣю „Denkschrift über den Ursprung und die Entwicklung des Unterthanswesens in der Bukowina“, неизвѣстнаго автора. Здѣсь впервые сообщены были нѣкоторые самые общіе факты изъ прошлаго крестьянскаго населенія Буковины, но непровѣренные и нерѣдко (особенно по вопросу о поземельныхъ владѣніяхъ крестьянъ) не точные и невѣрные. Съ другой стороны, положеніе крестьянъ въ прежнее время, особенно до австрійскаго господства, изображены въ черзчуръ розовомъ цвѣтѣ, и всѣ бѣдствія, испытанныя крестьянами въ теченіе почти 70 лѣтъ, предшествующихъ 1848 году, представлены, какъ результатъ исключительно одного только „бюрократическаго генія“ австрійскихъ чиновниковъ. Тенденція автора обезпечить землей помѣстное сословіе и создать свободу для крестьянскаго населенія путемъ освобожденія его отъ тяготы владѣнія землей сказывается въ памфлетѣ вполне прозрачно, и исторія поземельныхъ и личныхъ отношеній пригоняется и поддѣлывается для этой цѣли. Авторъ рисуетъ намъ блестящую картину того, какъ царило въ XVIII в., наканунѣ присоединенія Буковины къ Австріи, право вольнаго перехода среди крестьянъ, и какъ рядомъ съ этимъ всѣ поземельныя отношенія ихъ къ помѣщикамъ исчерпывались временнымъ, аренднымъ держаніемъ крестьянами владѣльческихъ земель.

Для Буковины и отношеній буковинскихъ крестьянъ къ владѣльцамъ не было въ то время сдѣлано даже и того, что имѣлось уже для Галичины въ видѣ чисто юридическихъ трак-

татовъ, заключавшихъ въ себѣ простое описаніе юридическихъ нормъ этихъ отношеній, трактатовъ въ родѣ книги Slotwinski, systematische Darstellung der Unterthansgesetze in Galizien (3 т. 1827), или L. Klunker'a (die gesetzliche Unterthansverfassung in Galizien 3 т., Lemberg 1845—46), или Drdacki, die Fronpatente Galiziens (1838).

Да кромѣ того, послѣ напечатанія упомянутаго Denkschrift не появлялось ни одного труда, посвященнаго крестьянамъ, хотя въ теченіе времени съ 1848 г. по 1870 г. начата и почти завершена была крестьянская реформа въ Буковинѣ.

Лишь въ семидесятыхъ годахъ возникаетъ слабое движеніе въ исторической литературѣ, затрогивающее вопросъ о судьбахъ крестьянскаго класса въ Буковинѣ. Вновь издается извѣстный трактатъ Дмитрія Кантемира, описаніе Молдавіи, этотъ главный источникъ для ознакомленія съ положеніемъ крестьянъ въ Буковинѣ XVIII в. (1842), появившійся еще въ началѣ XVIII в. и перепечатанный Büsching'омъ на нѣмецкомъ языкѣ въ 1771 г. Затѣмъ Wickenhanser въ своихъ двухъ работахъ: Moldawa (2 т.) и Molda (5 т.) публикуетъ цѣлый рядъ актовъ, начиная съ конца 14 вѣка, актовъ, пролившихъ новый свѣтъ на процессъ измѣненій, происходившихъ въ поземельныхъ и личныхъ отношеніяхъ крестьянъ къ господамъ молдавскимъ, владѣльцамъ и церкви. Наконецъ, Ficker впервые освѣщаетъ исторію цыганъ въ Буковинѣ, значительная часть которыхъ была еще съ XIV в. превращена въ абсолютно безправныхъ рабовъ¹⁾, и кромѣ того впервые знакомитъ съ нѣкоторыми изъ любопытныхъ отчетовъ о состояніи Буковины, положенія крестьянъ въ ней, отчетовъ, представленныхъ центральному вѣнскому правительству комиссарами, посылаемыми въ Буковину въ 1775 и послѣд. года, во время присоединенія ея къ Австріи²⁾. Если мы присоединимъ

¹⁾ Ficker, Zigeuner in Bukowina, въ вѣнскомъ statistischen Monatschrift 1879 г., т. V. n^o 5, стр. 249—265.

²⁾ Ficker, Hundert Jahre, 1775—1785, въ томъ же Monatschrift 1875, стр. 403—429.

сюда небольшой очеркъ Буковины, написанный *Bidermann*'омъ: *die Bukowina unter oesterreichischen Verwaltung* (1875), представляющій скорѣе газетную замѣтку, чѣмъ изслѣдованіе, то этимъ и исчерпаемъ то, что сдѣлано было тогда.

Крупные шаги впередъ въ дѣлѣ изученія (какъ исторіи Буковины вообще, такъ и крестьянскаго сословія въ частности) относятся почти исключительно къ послѣднимъ годамъ, съ 1893 по настоящее время, и благодаря этому выдающіяся моменты развитія крестьянскихъ отношеній выступили теперь довольно ясно и опредѣленно. Разработка вопроса о крестьянахъ въ Румыніи вообще, въ трудахъ *Xenopol*'а (*histoire des roumains*), *Kogolniceanu* (объ освобожденіи цыганъ), *Blaramberg*'а (*essai comparé sur les institutions et les lois de la Roumanie, Bukarest 1855*), *Geblesco* (*la propriété rurale, 1896*) и т. п., въ особенности же рядъ документовъ, изданныхъ въ Румыніи въ послѣдніе годы (въ родѣ напечатанныхъ въ *Magazin istoric pentru Dacia, Hurmuzachi, documente privitoare la istoria Romanitôr, Codrescu, uricariul cuprendetor de chrisoave, anaforale de alte acte ale Moldovei* и т. п.) дали богатую почву для изслѣдованій, и уже съ 1893 года появились такіе труды, какъ рядъ очерковъ по исторіи Буковины, написанные авторомъ блестящей работы о политическихъ движеніяхъ въ Седмиградіи при *Іосифѣ II* и *Леопольдѣ II*, *Zieglauer*'омъ, подъ заглавіемъ: *geschichtliche Bilder aus der Bukowina zur Zeit der oesterreichischen Occupation*, далеко превзошедшихъ по полнотѣ и обилію сообщеннаго имъ неизданнаго матеріала для исторіи положенія крестьянъ въ Буковинѣ упомянутую работу *Ficker*'а ¹⁾. Затѣмъ *Kaindl*, профессоръ Черновицкаго университета, дополнилъ данныя *Циглауера*, новыми данными относительно роли *Іосифа II* въ дѣлѣ крестьянской реформы въ Буковинѣ ²⁾, а еще раньше

1) Съ 1893 по 1898 *Zieglauer* выпустилъ 5 т. (взданы въ Черновцѣ).

2) *Kaindl*, *Kaiser Ioseph II in seinem Verhältnisse zur Bukowina*, *Czenowitz*, 1896.

I. Polek издалъ мемуаръ одного изъ комиссаровъ австрійскихъ, посланныхъ въ Буковину для производства измѣреній и межеванія въ 1783 г., Иоганна Будинскаго ¹⁾. Благодаря какъ всѣмъ этимъ работамъ и изслѣдованіямъ, такъ и документамъ (частью издаваемыхъ въ выходившемъ въ то время въ Черновцахъ журналѣ: *Jahrbuch des Bukowiner Landesmuseum*), Kaindl'ю удалось написать первую полную исторію Буковины (3 тома Czernowitz 1895—98), въ которой судьбы крестьянскаго населенія были изложены впервые болѣе обстоятельнымъ образомъ, хотя и въ самыхъ общихъ чертахъ. То была первая, сколько нибудь серіозная попытка освѣтить положеніе крестьянъ въ Буковинѣ. Но авторъ не остановился на ней, и въ 1899 году, послѣ ряда розысканій въ архивахъ, составилъ первую полную и обстоятельную исторію какъ крестьянства въ Буковинѣ, такъ и его освобожденія, напечатанную въ *Archiv für oesterreichische Geschichte* 1899, томъ 86 ²⁾. Кайндль ведетъ исторію крестьянъ съ первыхъ моментовъ, о которыхъ сохранились свѣдѣнія, съ 1342 г., и заканчиваетъ 1870 г., когда закончена была почти всецѣло выкупная операція. Онъ рассказываетъ намъ, какъ сформировалось крупное землевладѣніе церковное и свѣтское въ Буковинѣ, составлявшей тогда часть Молдавіи, затѣмъ какъ отразился этотъ процессъ и на крестьянахъ, превратившихся постепенно въ зависимыхъ поданныхъ, и на обращенныхъ въ рабовъ военнопленныхъ татаръ и цыганъ, наконецъ переходить къ изложенію послѣдствій подчиненія или, вѣрнѣе, захвата Буковины Австріей, послѣдствій для крестьянскаго класса во всей его совокупности. Анализъ, самый детальный, какъ проектовъ реформъ, такъ и реформъ поземельныхъ крестьянскихъ отношеній, въ томъ видѣ, въ какомъ проводило ихъ австрійское правительство, то приспособляясь къ существующимъ порядкамъ, то остав-

1) J. Polek. die Bukowina zu Anfang des Jahres 1783. Nach einer Denkschrift des Mappirungsdirector Ioh. Budinszky. Czernowitz, 1894.

2) Статья эта вышла п отдѣльной книгой въ Вѣнѣ 1899 г.

ляя безъ измѣненія старые порядки, которые оно застало въ Буковинѣ уже выработанными и такъ сказать узаконенными хрисовулами Гики, то, наконецъ, создавая новые порядки, сообразно съ общей аграрной политикой того времени въ Австріи, представляютъ совершенно новую и неизвѣстную до сихъ поръ страницу въ исторіи крестьянской реформы, какъ ее проводить въ Австріи вообще и въ Буковинѣ въ частности Иосифъ П. Всѣ стороны процесса описаны Кайндлемъ. Онъ слѣдитъ за измѣненіями и въ сферѣ государственной барщины и государственныхъ платежей, и въ сферѣ поземельныхъ порядковъ, въ отношеніи какъ крупной собственности, такъ и крестьянскихъ владѣній, и въ области личныхъ отношеній, насколько они касаются рабовъ, съ одной стороны, подданныхъ—крестьянъ, съ другой. Съ такой же подробностью изложена имъ впервые и исторія мѣропріятій, предпринятыхъ въ сферѣ личныхъ и поземельныхъ отношеній въ Буковинѣ въ правленіе Франца П и Фердинанда до 1835 г., приведшихъ къ тому тяжелому и невыносимому положенію, въ какомъ очутились буковинскіе крестьяне въ послѣдніе годы, предшествующіе революціи 1848 года. Наконецъ, хотя къ сожалѣнію, въ болѣе сжатомъ видѣ, рассказываетъ онъ намъ исторію крестьянскихъ волненій въ Буковинѣ въ 1848, излагаетъ идеалы и требованія крестьянъ, и затѣмъ и примѣненіе къ нимъ крестьянской реформы и выкупной операціи (уже, главнымъ образомъ, съ 1857 года). Въ своей работѣ Кайндль является лишь простымъ рассказчикомъ. Онъ не пытается ни объяснить причины тѣхъ или иныхъ явленій и образованій въ крестьянской средѣ, ни выяснить экономическія условія, среди которыхъ и подъ влияніемъ которыхъ развивалось крестьянство въ Буковинѣ. Съ другой стороны, онъ далеко не использовалъ того громаднаго матеріала, который сосредоточенъ въ Вѣнѣ и касается процесса реформъ, какія пыталось провести въ Буковинѣ въ теченіе XIX в., до 1835 г., имперское австрійское правительство. Кромѣ того не всѣ выводы его обоснованы, не всѣ данныя критически провѣрены. Если изложенную имъ исторію личныхъ отношеній

крестьянъ къ владѣльцамъ можно признать вполне почти обстоятельной и точной, то нельзя сказать того же объ его исторіи поземельныхъ отношеній крестьянъ къ владѣльцамъ. Несмотря на отрицательное отношеніе его къ даннымъ, сообщеннымъ въ упомянутой брошюрѣ 1848 (*Denkschrift*), онъ, тѣмъ не менѣе, вполне принимаетъ его точку зрѣнія на поземельныя права крестьянства при молдавскомъ владычествѣ, считаетъ владѣніе крестьянъ лишь аренднымъ, временнымъ владѣніемъ (*Pachtsystem*) и оставляетъ почти безъ вниманія и безъ объясненія рядъ фактовъ относительно порядковъ крестьянскихъ земельныхъ держаній въ Буковинѣ, далеко не совпадавшихъ, даже болѣе того: противорѣчившихъ системѣ временныхъ держаній въ смыслѣ арендныхъ держаній.

То, что не было выполнено или если и выполнено, то не вполне точно Кайндлемъ, было въ значительной мѣрѣ пополнено извѣстнымъ изслѣдователемъ австрійской крестьянской реформы, какъ она была проведена въ Чехіи, Моравіи и Силезіи, Карломъ Грюнбергомъ.¹⁾ Онъ долгое время работалъ надъ изученіемъ данныхъ о крестьянахъ и крестьянской реформѣ, находящихся въ вѣнскомъ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, данныхъ, касающихся всѣхъ сторонъ крестьянской жизни и отношеній,²⁾ извлекъ изъ нихъ все, касающееся между прочимъ и Буковины, пополнивъ этими данными все то, что было извѣстно и изслѣдовано раньше, и въ 1900 г. составилъ очеркъ исторіи крестьянскихъ несвободныхъ отношеній и ихъ измѣненій въ Буковинѣ (*die bäuerliche. Unterthansverhältnisse und ihre Beseitigung in der Bukowina*³⁾). Въ противоположность своему

¹⁾ Я разумѣю его изслѣдованіе: *die Bauernbefreiung und die Auflösung des gutsherrlich—bäuerlichen Verhältnisse in Böhmen, Mähren und Schlesien*—2 т. Leipzig, 1894.

²⁾ Это—серія К и А, обнимающіе всякаго рода *Unterthansacten*: актовъ крѣпостного состоянія, рабства, земельныхъ надѣловъ, наслѣдственной аренды, реформъ и т. д.

³⁾ Въ *Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft*. Издав. G. Schmoller'омъ. 1900, 4 Heft стр. 231—310.

предшественнику, онъ не только рассказываетъ о процессѣ измѣненій въ положеніи крестьянъ въ Буковинѣ, но пытается, съ большей или меньшей полнотой и сообразно съ суммой данныхъ, которыми онъ располагаетъ, выяснить экономическія условія развитія такихъ явленій, какъ напр., усиленіе стремленія со стороны владѣльцевъ увеличить размѣръ барщинныхъ услугъ въ XVIII в. и затѣмъ XIX в., стремленія, отсутствовашаго въ XVII в. и направленнаго тогда скорѣе къ увеличенію размѣра платежей деньгами и натурой со стороны крестьянъ. Самое изложеніе хода какъ реформы, такъ и измѣненій въ положеніи крестьянъ является у Грюнберга гораздо болѣе систематическимъ и яснымъ, чѣмъ у Кайндля, и онъ не впадаетъ въ тѣ ошибки, которыя допустилъ послѣдній. Опираясь на данныя, сообщенныя комиссарами, посланными австрійскимъ правительствомъ въ Буковину для разслѣдованія вопроса о земельных владѣніяхъ въ 1819, 1820 и посл. годовъ, данныя, которыя Кайндлю были извѣстны лишь отчасти, Грюнбергъ путемъ сопоставленія ихъ съ законодательными актами, изданными еще XVII в. молдавскими господами (напр. хрисовуломъ Василія Дупула), выяснилъ, даже болѣе открылъ такую сторону порядковъ землевладѣнія въ Буковинѣ (въ молдавскій періодъ, какая не была извѣстна и выяснена раньше. Между тѣмъ благодаря ей и ея выясненію совершенно инымъ свѣтомъ освѣтились мѣропріятія австрійскаго правительства до 1835 года

Указанія двѣ работы: изслѣдованіе Кайндля и трудъ Грюнберга, даютъ полную возможность съ достаточной полнотой обрисовать ходъ и развитіе крестьянской реформы въ Буковинѣ. Руководясь какъ ими, такъ и другими указанными выше изслѣдованіями и изданіями, мы и попытаемся изложить исторію крестьянской реформы въ Буковинѣ до 1870 г. Затѣмъ мы перейдемъ къ исторіи реформы за то же время въ Галичинѣ и, наконецъ, попытаемся, насколько позволяютъ имѣющіяся у насъ скудныя данныя, обрисовать послѣдствія, какія создала австрійская крестьянская реформа для сельскаго населенія обѣихъ областей.

Въ моментъ выхода настоящей статьи въ свѣтъ исполнится 40 лѣтъ съ того великаго дня, когда въ 1861 г. 19 февраля крѣпостное право было отмѣнено въ Россіи вообще, въ Малороссіи въ частности. Въ память этого дня нѣкоторымъ явленіямъ и событіямъ того времени отводятся спеціальныя статьи въ настоящемъ № Киевской Старины. Намъ казалось, повтому, умѣстнымъ и небезполезнымъ дать читателямъ и обзоръ хода реформы въ сосѣднихъ и родственныхъ областяхъ, гдѣ въ истекшемъ году исполнилось тридцать лѣтъ съ того времени, какъ закончена была выкупная операція.

II.

Крестыане въ Буковинѣ въ молдавскій періодъ.

Въ моментъ занятія Буковины австрійскими войсками и присоединенія ея къ Австріи (1774—75 г. г.) крестьянское рабочее населеніе области распредѣлялось по тремъ значительно различавшимся другъ отъ друга группамъ. Въ одну, наименѣе многочисленную и представлявшую собою, подобно свободнымъ крестьянамъ Даніи, жалкіе обломки недавняго сравнительно прошлаго, входили либо каларашаи, либо мелкіе свободные крестьяне собственники, такъ называемые резешаи (*resesch=heres*), нѣчто среднее между крестьянами и низшими дворянами, ¹⁾ либо

1) См. D. Kantemir, Beschreibung der Moldau, стр. 261. «In der dritten (Klasse) sind die Ritter, *Calaraschi*, welche für die Nutzung der Landgüter, die ihnen von den Fürsten geschenkt worden, beständig auf ihre eigene Kosten mit ihnen zu Felde ziehen müssen. Die letzten sind die *Reseschi*, die wir besser freye Landleute, als Edelleute nennen können. Sie kommen fast mit der Russen Odnodworzi überein, haben auch keine Bauerhöfe, sondern mehrere derselben bewohnen ein Dorf, und bauen ihre Länderen entweder selbst oder durch ihre gedungene Knechte».

свободные пастухи, занятые овцеводствомъ, сохранившіе свою личную свободу въ горныхъ долинахъ, защищаемыхъ природой, скалами и лѣсами. Они и къ концу XVIII в. удержались въ Буковинѣ, но лишь въ немногихъ мѣстностяхъ, образуя въ нихъ, по словамъ Кантемира, нѣчто въ родѣ „республикъ“. ¹⁾ То были: во первыхъ, такъ наз. Долгополье (Kumpullung) въ Сучавскомъ округѣ. Въ началѣ XVIII в. въ немъ насчитывалось всего 15 деревень, управлявшихся по собственнымъ законамъ и согласно собственнымъ выработаннымъ ими обычаямъ. „Они, писалъ Кантемиръ, незнакомы съ искусствомъ обработки земли: ихъ главное занятіе—овцеводство. Они платятъ только ежегодную дань князю, но не въ тѣхъ размѣрахъ, какіе онъ могъ бы требовать, а въ тѣхъ, какіе установлены ими самими“. Они связаны съ княземъ договорами, которые возобновляются ихъ уполномоченными всякій разъ, какъ только новый князь вступаетъ въ управленіе областью, а въ случаѣ, когда князь проявляетъ желаніе увеличить дань или обложить ихъ новыми налогами, они прекращаютъ переговоры, удаляются въ неприступныя мѣстности въ горахъ и нерѣдко ищутъ защиты и покровительства у сосѣднихъ странъ, у польскихъ королей и т. п. Совершенно почти въ томъ же положеніи находились и обитатели Уранціи, на самой границѣ Валахіи (12 деревень съ 2000 дворовъ), и жители Кигича, лежавшаго въ лѣсу на границѣ съ буджакскими татарами, между Прутомъ и Бессарабіей. Эти послѣдніе, въ количествѣ 8 тыс. душъ, состояли исключительно изъ однихъ каларашей и платили князю самый ничтожный налогъ.

Но такого рода свободныхъ лицъ насчитывалось крайне мало въ XVIII в. Они не составляли и 1% всего крестьянскаго населенія, жившаго преимущественно въ болѣе низкихъ, менѣе защищенныхъ или равнинныхъ мѣстностяхъ. Вся остальная масса крестьянъ находилась въ зависимыхъ отношеніяхъ къ владѣльцамъ, являлась для нихъ либо рабочею силою, либо источникомъ постоянного дохода. Юридическое положеніе этой подавляющей

1) Ib., 278—281.

своею численностью массы далеко не было одинаковымъ. Она разбивалась на двѣ рѣзко различныя группы: во-первыхъ, на группу рабовъ въ полномъ смыслѣ этого слова, *robi (robi)*, во-вторыхъ, на подданныхъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ (*glebae adscripti*) и носившихъ названіе *vesini*.

Первая изъ нихъ, рабы, была относительно незначительной. Изъ общаго числа жителей, которые насчитывали въ 1774 году австрійскіе уполномоченные, именно: 75 т. душъ, всего около 3—3¹/₄% составляли рабы, и еще въ 1784 г. насчитывалось до 567 семей рабовъ, изъ которыхъ 144 семьи (422 души) находились во власти свѣтскихъ владѣльцевъ, остальные—въ рукахъ церкви и монастырей.¹⁾ Послѣдніе въ XVIII в. являлись главными и наиболѣе крупными владѣльцами рабовъ: Стѣны монастырей были наполнены рабами. Монастырь Молдавица еще въ 1775 г. насчитывалъ до 80 семей рабовъ (294 души).²⁾ Монастырь Солька въ 1771 г.—25 семей.³⁾ М—рю Гумара принадлежало до 95 семей или дворовъ въ 1785 г.⁴⁾ Монастырь Путна, одинъ изъ самыхъ богатыхъ въ Буковинѣ, уже въ XVI в. (въ 1581) владѣлъ 53 семьями, 11 холостыми, 7 взрослыми „дѣвками“, въ общей сложности 124 душами, не считая дѣтей. Къ XVIII в. калугеры м—ря имѣли уже въ своемъ распоряженіи около 109 семей, 6 вдовъ, 4 холостыхъ раба, а всего около 313 душъ.⁵⁾ Если у свѣтскихъ владѣльцевъ количество рабовъ было гораздо меньшимъ, если изъ списка, напр., 17 владѣльцевъ, перечислен-

1) См. донесеніе австрійскаго комиссара графа Enzenberg'a изъ Черновиць 25 мая 1784 г., цит. у Grünberg'a стр. 237, прим. 3. Ср. составленную Грюнбергомъ таблицу распредѣленія рабовъ по мѣстностямъ, стр. 237—238 прим. 4.—Ficker въ своей статьѣ о цыганахъ въ Буковинѣ, основываясь на болѣе раннихъ данныхъ комиссара Spleny, опредѣляетъ число рабовъ въ 534 семьи, что, очевидно, ниже дѣйствительности. Ficker, *Statist Monatschrift*, V, кн. 5, стр. 250.

2) Wickenhauser, *Moldawa*, I, n° 195.

3) *Ib.*, II, n° 157.

4) *Ib.*, *Molda*, I, 164.

5) *Ib.*, *Molda*, III, n° 38, и II, 151

ныхъ въ докладѣ окружнаго буковинскаго правленія отъ 1787 г., лишь у одного насчитывалось до 60 душъ рабовъ, у 3—отъ 31 до 36 душъ, у 3—отъ 22—26, у 2—отъ 12 до 19 и у 8—отъ 2 до 9, ¹⁾ то за то, если вѣрить Кантемиру, не было въ Буковинѣ ни одного „барона“, свѣтскаго владѣльца, у котораго не было бы въ дворѣ нѣсколькихъ семей рабовъ. ²⁾ Держаніе рабовъ было общимъ и повсемѣстнымъ обычаемъ въ области, и, можно думать, что число ихъ не только не уменьшалось, а, напротивъ, росло въ XVIII в. По крайней мѣрѣ и въ XVIII в. не было рѣдкостью закабаленіе въ рабы тѣхъ или другихъ лицъ ³⁾, либо по доброй волѣ, либо въ силу брака съ рабыней, либо, нерѣдко, и путемъ насилія, либо, наконецъ, систематически путемъ размноженія, съ помощью насильственныхъ браковъ рабовъ съ рабынями ⁴⁾.

¹⁾ Grünberg, стр. 238, прим.

²⁾ Kantemir, 272.

³⁾ См. напр. актъ 1760 г. 12 іюля (Wickenhauser, Moldawa, II, n° 106). «Я, Ѳеодоръ Церке, даю сіе мое писъмо въ руки отца игумена... в братія сятаго м—ря въ Солькѣ и заявляю, что, будучи чужеземцемъ—цыганомъ изъ Венгріи и не имѣя надъ собой господина, по доброй своей волѣ отдаю себя святому м—рю въ качествѣ раба монастырскаго, подобно всѣмъ другимъ цыганамъ. А также прошу м—рь дать мнѣ одну изъ монастырскихъ цыганскихъ дѣвокъ въ жены». Женитьба на цыганкѣ рабынѣ была крупнымъ источникомъ умноженія рабовъ въ Буковинѣ. Въ актѣ 1759 г., 2 іюня, мы читаемъ въ жалобѣ м—ря въ Солькѣ, что чужеземцы изъ Венгріи являются въ Буковину и забираютъ въ жены монастырскихъ цыганокъ. Между тѣмъ по отношенію къ послѣднимъ существуетъ историческій обычай, что молдаванинъ, взявшій себѣ въ жены цыганку, самъ становится цыганомъ, а равно молдаванка, вышедшая замужъ за немолдаванна, остается цыганкой, т. е. рабой». Wickenhauser, Moldawa, II, n° 99.

⁴⁾ Въ виду этого между м—рями и владѣльцами происходитъ постоянный обмѣнъ «дѣвками»—рабынями. «Дѣвку» за «дѣвку», таковъ былъ обычай. Такъ, въ 1710 одинъ цыганъ, рабъ м—ря Молдавица, взялъ въ жены цыганскую дѣвку, рабыню великаго канцлера Строича. Соглашаясь на этотъ бракъ, валугеры выдаютъ канцлеру обязательство

Институтъ рабства, вполне сохранившійся въ Буковинѣ еще и въ XVIII в., установился въ области съ давнихъ временъ, и его существованіе, отвѣчавшее экономическимъ условіямъ жизни, очевидно, мало измѣнившимся въ теченіе почти столѣтій, указываетъ довольно ясно на характеръ отношеній и сельско-хозяйственныхъ порядковъ, царившихъ и въ XIV, XV, XVI и XVIII вв. Какъ и въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ мѣстностяхъ, во Флоренціи, Руссильонѣ, Каталоніи,¹⁾ и здѣсь онъ былъ обусловленъ, какъ отсутствіемъ въ первое время даровой рабочей силы, такъ и, въ частности въ Буковинѣ, сохраненіемъ почти полнымъ первобытнаго сельскаго хозяйства, лишь слабо развивавшагося въ Буковинѣ къ XVIII в. Та роль, которую играли рабы въ Буковинѣ, тѣ занятія, которыя они несли, были, въ существѣ, совершенно почти сходными съ существовавшими до XVII в. во Флоренціи, въ Венеціи, въ Румыніи, Каталоніи и т. д. Какъ и тамъ, и въ Буковинѣ они играли прежде всего роль домашнихъ слугъ, состояли въ качествѣ поваровъ и кухарокъ, нянекъ, кормилицъ, кучеровъ, кузнецовъ, пастуховъ, рабочихъ и т. д.²⁾ Только въ

отдать послѣднему взамѣнъ свою дѣвку». Ib., I, n° 150 и др. Въ числѣ рабынь м—ра Солька, жень рабовъ, псчисляются рабыни м—рей Гумора, Пугна, Молдавица, епископства Радоць и т. д. Ib., II, 157. См. Kaindl, Unterthanswesen, 569 и сл.

1) См. мои статьи о рабствѣ и русскихъ рабахъ во Флоренціи XIV и XV вв., Кіевъ 1886, и о русскихъ рабахъ и рабствѣ въ Руссильонѣ въ XIV и XV вв. Кіевъ 1886 (въ Унив. Извѣстіяхъ) и отдѣльнымъ изданіемъ.

2) Изъ отчета одного миссіонера, посѣтившаго Буковину видно, что *Cingani sive Cingari sunt magnatum coqui; cingarae puerorum educatrices, et nutrices et multa alia similia officia et servitutis ministeria obeunt cingani et cinganae. Omnia monasteria calugherorum habent proprios cinganos, quorum mulieres, anus vetulae, juvenes sponsae et puellae libere per Monasterium ambulat, panem pinsunt, coquinam colunt, domos scopis purgant*“. Цит. Grünberg'омъ изъ *Magazin istoric pentru Dacia*, V, 56. Буквально тоже повторяется и въ докладѣ окружного управленія 1787 года: *ihre Arbeiten... von undenklichen Zeiten her von der Willkühr der Besitzer abhegangen. Sie*

нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ попадалось золото, рабовъ употребляли для промывки золота, для работъ по его добыванію ¹⁾, и лишь въ XVIII в. уже, хотя и въ ограниченныхъ размѣрахъ, для сельско-хозяйственныхъ цѣлей, для обработки владѣльческихъ земель.

Когда возникъ въ Буковинѣ институтъ рабства, мы не знаемъ, но, несомнѣнно, что уже въ XIV в. онъ существовалъ, какъ обычное явленіе, и его источникомъ служили въ началѣ военноцѣнные татары, а затѣмъ съ XIV в. почти исключительно одни цыгане. Въ 1370 г. мы находимъ одно изъ первыхъ указаній относительно цыганъ рабовъ въ дарственной записи Валахскаго господара, Владислава Лачко, м—рю св. Антонія. ²⁾ Документы, относящіяся къ Буковинѣ и Молдавіи, документы, начинающіеся съ 1402 г. и идущіе затѣмъ непрерывно почти, указываютъ на распространенность и здѣсь института рабства. Въ 1402 г. м—рю Молдавица пожаловано въ даръ 4 семьи татаръ. ³⁾ Въ 1428 такой же даръ принесенъ м—рю Бистрица (12 хижъ татаръ, ⁴⁾ а въ 1432 4 двора пожалованы одному изъ бояръ. ⁵⁾ Рядомъ идутъ и пожалованія цыганъ, усиливаясь все

werden demnach verschiedentlich, als Bediente, Köche, Kutschers, Haiduken, Schmiede, Hirten, Wirtschaftsknechte, ihre Weiber und Töchter als Dienstmenschen, Ammen, Kindeswärterinnen, Wäscherinnen etc. verwendet. И онъ прибавляетъ новую, еще болѣе характерную черту, указывающую на возникновеніе новыхъ условій сельско-хозяйственной жизни въ Буковинѣ; „doch werden einige, die von ihren Herrn mit Felder versehen sind, nur bey den Feldbau, jedoch mit dem Unterschiede verwendet, dass ihre Robot auch hier auf keine gewisse Zahl der Tage beschränket wird. Alle in Bukowina befindliche Robi entrichten ihre Arbeit ihren Besitzern in natura, und ebenso sind die ehemaligen klösterlichen Robi gehalten worden, *wodurch die Klöster ihre Wirtschaften grosstenteils bestritten haben*“. Ib.

¹⁾ Kantemir, 82—85.

²⁾ Ficker, въ Monatschrift, стр. 249.

³⁾ Wickenhauser, Moldawa, I, n^o 1.

⁴⁾ Kaindl, Unterthanswesen, 567.

⁵⁾ Wickenhauser, Molda, III, n^o 4.

болѣе и въ XV, и въ XVI, и въ посл. вѣка. Такъ, въ 1428 г. монастырь Бистрица получилъ 12 татарскихъ семей и кромѣ того 31 семью (szelid) цыганъ, въ качествѣ гоби,¹⁾ и этотъ даръ былъ подтверждаемъ и въ 1454, и въ 1458, и въ 1522 гг., какъ подтверждались много разъ и всѣ другія подобныя же пожалованія, которыя въ смутныя времена (въ XVI в. въ особенности) могли легко быть утеряны вмѣстѣ съ цѣннымъ объектомъ въ видѣ раба и его потомства. Рядомъ съ пожалованіями шли и покупки рабовъ, какъ вещи, которая „весьма пригодна для многочисленныхъ домашнихъ работъ“. ²⁾ Покупали рабовъ господа для раздачи ихъ вѣрнымъ своимъ слугамъ. Покупали рабовъ и эти слуги другъ у друга, покупали ихъ и въ Валахіи, и въ Бессарабіи. ³⁾ Въ XVI в. за цыгана съ женою его Параской съ 5 сыновьями и дочерью государь Петръ уплатилъ 40 венгерскихъ гульденовъ и одну лошадь. ⁴⁾ Въ XVII в. государь Стефанъ Томша заплатилъ за 10 цыганскихъ семей 400 венгерскихъ гульденовъ, или по 40 гульденовъ за семью, а въ концѣ того же столѣтія за одного цыгана было уплачено тысячу асперновъ или около 175 марокъ. ⁵⁾

Въ моментъ, когда гоби появляются въ Буковинѣ и вплоть до возвращенія австрійскаго владычества юридическое положеніе ихъ остается неизмѣннымъ. Это—лица, вполне поработанные, обязанныя вѣчно и постоянно со своими женами и потомствомъ служить господамъ. ⁶⁾ Они—движимость и какъ таковая со всѣми движимостями можетъ быть продаваема, отдаваема въ даръ и

¹⁾ Ib., Moldawa, I, n° 8.

²⁾ Ib., Moldawa, II, n° 7.

³⁾ Ib., II, n° 7, I, n° 38; Molda, III, n° 26.

⁴⁾ Ib., I, n° 43.

⁵⁾ Ib., II, n° 7 и I, n° 136. I асперт=0,179 маркв.

⁶⁾ Законъ 1749 г. Константина Маврокордато гласитъ: Les Cziganes sont complètement asservis et doivent avec femmes et enfans servir d'une manière permanente leurs maîtres. Цит. у Blaramberg, essai comparé sur les institutions de la Roumanie, 592.

залогъ, по заищчанію и т. д. ¹⁾ Отсюда безконечный рядъ актовъ XV и слѣд. вѣковъ вплоть до XVIII в., которые опубликованы Wickenhauser'омъ и въ которыхъ то и дѣло рѣчь идетъ то объ обмѣнѣ „дѣвки“ на „дѣвку“, цѣлой семьи на другую семью, того или другого члена семьи на соответственнаго раба или рабыню и т. д., то о такихъ же покупкахъ и продажахъ въ раздробъ и оптомъ, то объ отдачѣ на время въ пользованіе раба, какъ кузнеца или въ какомъ либо иномъ званіи и т. д. Отсюда, дошедшая до детальной обработки правилъ обычнаго права,—этотъ результатъ безконечныхъ процессовъ въ судахъ изъ за владѣнія рабами, процессовъ и между свѣтскими владѣльцами съ монастырями и между монастырями и свѣтскими владѣльцами между собою. Не только бракъ признается съ рабыней цыганкой обычнымъ правомъ основаніемъ вполне безспорнымъ для превращенія женившася, хотя бы онъ былъ другого состоянія, а не рабскаго, въ раба, но и пребываніе вольныхъ пастуховъ, пробывшихъ на земляхъ монастыря въ теченіе зимы и вступившихъ въ связь съ монастырской „дѣвкой“ или „дѣвками“, влечетъ за собой неизбѣжное рабство для свободнаго пастуха. ²⁾

Какъ и вездѣ, говъ, понятно, не имѣлъ никакихъ правъ, какъ гражданинъ, и не несъ его обязанностей. Онъ былъ освобожденъ отъ несенія государственныхъ повинностей, отъ государственной барщины, отъ военной службы. Все это обусловлено было во всѣхъ актахъ пожалованія рабами, которыхъ щедро рукою раздавали господа. Не имѣлъ, естественно, говъ права искать защиты у суда или у государственной полиціи противъ насилій своего владѣльца, ³⁾ которому принадлежало полное и вполне

1) „Sie kommen ebenso wie andere bewegliche Güter durch Erbschaft, Kauf, Heiratsgut und dergleichen von einem Besitzer auf den andern“. Докладъ окружн. управления 1787. Цит. у Grünberg'a, 235, прим. 2.

2) Wickenhauser, Moldawa II, n^o 137 (дѣло м—ри Solka изъ за 2 пастуховъ, перезимовавшихъ на земляхъ м—ри).

3) Omnes nobiles, говорятъ извѣстный миссіонеръ (1688 г.), habent cinganos, et illis utantur et abutantur sicut mancipiis, et ad

неограниченное право распоряженія и личностью, и имуществом гоб'а и право суда надъ ними. О какой либо постоянной связи раба съ землей, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ и его семья стали получать земельные надѣлы въ XVIII в., о какомъ либо правѣ на землю его не могло быть и рѣчи: ни обычное право, ни законы не признавали его. Даже болѣе, освобожденіе раба не могло юридически имѣть значенія: какъ вольноотпущенникъ, онъ оказывался безъ господина, не былъ подчиненъ никакому владѣльцу (Herr) и, слѣдовательно, въ силу обычая и закона, или долженъ добровольно отдаться въ рабство, или сдѣлаться вновь рабомъ насильно, такъ какъ любой изъ бояръ могъ завладѣть имъ. ¹⁾ Не могло спасти его и бѣгство, ибо обычай, законъ и взаимные договоры между владѣльцами дѣлали поимку и водвореніе его на его мѣстожительство обязательнымъ для каждаго подъ угрозой наказанія. ²⁾

Иного рода былъ процессъ возникновенія и развитія той другой и самой многочисленной группы крестьянъ, которая носила названіе *vesini* (сусида, селянинъ) и достигла полного своего развитія лишь въ XVIII в. Трудно выяснитъ во всей полнотѣ процессъ созданія зависимыхъ крестьянъ—подданныхъ въ Буковинѣ. Слишкомъ мало на этотъ счетъ опубликовано данныхъ, еще меньше сдѣлано въ этомъ отношеніи и румынскими, и нѣмецкими изслѣдователями. Единственно, что возможно дать по этому, это—общія лишь черты процесса этого развитія.

Исходнымъ пунктомъ былъ XIV в., время завоеванія Буковины Людовикомъ I венгерскимъ (1342) и затѣмъ образованія самостоятельной области изъ Молдавіи и Буковины при господарѣ или воеводѣ Богданѣ (1348—9). Новообразованное государство, обнимавшее земли, бывшія до того ареной столкно-

instar manicipiorum eos opprimere ut vult possunt. Ни одинъ изъ нихъ, добавляетъ онъ, не свободенъ (*nullus liber est*). Цит. у Grünberg'a 236, прим. 2, 234 прим. 2.,

¹⁾ Grünberg, 237.

²⁾ Wickenhauser, Moldawa, II, 28.

веній, борьбы и переселенія татарскихъ и иныхъ ордъ, представляло въ большей части своей пустопорожня пространства съ малымъ относительно числомъ населенія, занятаго преимущественно скотоводствомъ, лѣсными промыслами, пчеловодствомъ и менѣе всего и въ рѣдкихъ случаяхъ въ болѣе низменныхъ мѣстахъ земледѣліемъ. Еще и долгое время позже, почти до XVIII в., область, не смотря на увеличивавшееся населеніе, подверглась въ этомъ отношеніи весьма незначительнымъ измѣненіямъ, и слѣды такого порядка вещей бросались въ глаза австрійскимъ комиссарамъ, ознакомлявшимся съ Буковиной еще и въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII в. Повидимому здѣсь въ XIV и посл. вѣка царили тѣже хозяйственные порядки, которые еще въ XV в. имѣли мѣсто на югѣ Россіи, въ Киевской области, о чемъ говорятъ намъ ревизіи XV в.

Сгруппированное въ деревняхъ населеніе, также какъ и вся территория Буковины, съ образованіемъ господарства, подпали подъ власть господара, которая выражалась лишь въ провозглашеніи земли собственностью господара, какъ верховнаго собственника, а затѣмъ въ тѣхъ, во первыхъ, даняхъ, точнѣе *десятинахъ*, со всѣхъ продуктовъ, которыми было обложено населеніе, во вторыхъ, въ тѣхъ повинностяхъ, которыя оно обязано было отбывать натурой, въ формѣ работъ для устройства мостовъ, дорогъ, постройки крѣпостей и т. п., доставленія подводъ для надобностей господара, отбыванія воинской повинности и т. п. Но ни личная свобода крестьянскаго населенія, ни права его на владѣніе землями фактически не были совершенно затронуты. Населеніе сохраняло, повидимому, до XVI в. какъ право свободного перехода, такъ и земельныя права, права, носившія здѣсь, какъ увидимъ, особый характеръ ¹⁾. Тотъ фактъ, что лишь въ началѣ XVII в., въ 1644 году, впервые законодатель-

1) См. Xenopol, *histoire des Roumains de la Dacie Trajane*, Paris 1896, I, 235, 438 Ср. *ib.*, I, 220 и сл., 426 и сл., II, 207, гдѣ вложено положеніе крестьянъ съ перваго столѣтія послѣ образованія Молдавіи.

ство вмѣшивается въ отношенія крестьянъ и открыто воспрещаетъ имъ переходить съ мѣста на мѣсто, лишаетъ ихъ свободы перехода, ясно указываетъ на существованіе раньше, еще и въ XVI в. полной свободы крестьянъ, удержавшихъ ее въ XVIII в. только въ весьма немногихъ, какъ мы видѣли, мѣстностяхъ Буковины.

Но уже, начиная съ конца XIV в., создаются новыя условія для крестьянскаго населенія, постепенно приводящія къ коренному измѣненію его положенія. Начинаются тогда уже все болѣе и болѣе усиливающіяся съ теченіемъ времени пожалованія какъ частнымъ лицамъ за услуги разнаго рода, такъ и церкви и монастырямъ. Но это—не пожалованіе земель, а исключительно однихъ деревень ¹⁾ или, точнѣе, тѣхъ правъ, которыми владѣлъ фактически господарь, т. е. права взимать десятину и требовать отбыванія натуральныхъ повинностей, того, что получило названіе барщины, но безъ права суда, безъ правъ административно-полицейскихъ надъ крестьянами. Пожалованія церкви и монастырямъ обнаруживаютъ этотъ фактъ съ полной ясностью. Такъ въ 1408 г. отдается на вѣчность монастырю Молдавица деревня Вама на Молдавѣ *со всеми ея доходами* ²⁾. Въ 1488 г. доходы съ воска съ 6 работниками, добывавшими воскъ, затѣмъ мукомольная мельница съ доходами пожалованы м—рю Путна ³⁾. Въ 1457 г. м—рю Молдавица передается право взимать со всѣхъ домовъ въ Сучавѣ всѣ господарскіе налоги, и большіе и малые, которые прежде шли господарю, и имъ предписывалось теперь не нести ни барщины

¹⁾ «Les plus anciens documents des pays roumains qui contiennent presque exclusivement des donations de terres, indiquent presque tous que la terre donnée n'était pas une lande deserte, mais un village habité» Xenopol, I, 236. Ср. Kaindl, Unterthanswesen, 555 и сл.

²⁾ Wickenhauser, I, 56 Ср. акты пожалованій м—рю Солька, ib., II, 72, 81, 88 и др.

³⁾ Kaindl, Unterthanswesen, 557.

въ господарскихъ мельницахъ, ни другихъ видовъ натуральныхъ повинностей ¹⁾. И тоже и относительно бояръ.

Въ силу всёхъ такого рода пожалованій деревень и доходовъ съ нихъ около половины территоріи очутилось въ рукахъ духовенства и монастырей, значительная часть въ рукахъ господарскихъ слугъ, бояръ или „бароновъ“ какъ ихъ титуловалъ Кантемиръ, а во власти господаря осталась въ XVIII в. лишь незначительная сравнительно территорія трехъ городовъ: Сучавы, Серета и Черновца, да кромѣ того область тѣхъ трехъ республикъ, о которыхъ мы говорили выше, хотя эти послѣднія тоже въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ были затронуты пожалованіями (какъ въ приведен. случаѣ деревни Wama, входившей въ составъ Долгополя) ²⁾.

Почти до конца XVI в. пожалованія эти, какъ ни были они обширны уже въ то время, мало измѣняли существовавшія отношенія. Мѣсто господаря, взывавшаго подати, занимало частное лицо или монастырь, но юридическое положеніе крестьянина не измѣнялось. Онъ только уплачивалъ тѣже десятины и несъ тѣже натуральныя повинности новому лицу вмѣсто стараго. Онъ, правда, изъ доменнаго, господарскаго крестьянина превращался въ монастырскаго или боярскаго, но и только. Онъ не терялъ ни права перехода, ни права искать въ судѣ, не рвалъ окончательно связи съ господаремъ во всемъ касавшемъ администраціи, полиціи, отбыванія воинской службы. Да кромѣ того, за господаремъ оставалось значительное число и совершенно свободныхъ крестьянъ, полноправныхъ, связанныхъ договорами съ господаремъ, договорами, регулировавшими ихъ платежи и повинности. Борьба съ Турками повела къ гибели массы свободныхъ ³⁾. Затѣмъ подчиненіе Турціи создало обязанность уплаты имъ ежегодной дани, падавшей всею своею тяжестью на населеніе. А между тѣмъ въ теченіе всего XVI в.,

1) *Ib.*, Moldawa, I, n^o 24.

2) *Kaindl*, Unterthanswesen, 558. *Grünberg*, 233.

3) *Xenopol*, II, въ разныхъ мѣстахъ.

не переставая, свирѣпствовала внутренняя борьба изъ за господарскаго престола, борьба партій, доведившая крестьянство до полного разоренія, и это тѣмъ болѣе, что при дворѣ тратились громадныя суммы враждующими и соперничающими партіями. Добывать ихъ было возможно только съ однихъ крестьянъ, и въ результатѣ получалось все болѣе и болѣе усиливавшееся стремленіе добиться отъ господара полной независимости подвластныхъ крестьянъ отъ несенія господарскихъ повинностей, включая даже и повинность военную ¹⁾, а съ другой стороны либо насильственный захватъ свободныхъ вполнѣ крестьянъ, либо хотя и свободный, вслѣдствіе согласія самихъ крестьянъ отдаться подъ покровительство того или иного боярина или монастыря, но фактически вынужденный полнымъ отсутствіемъ безопасности личной въ странѣ, и превращеніе ихъ въ частныхъ, зависимыхъ крестьянъ.

Правда, благодаря полному почти отсутствію на земляхъ владѣльческихъ сколько нибудь обширнаго хозяйства, измѣненій, сколько-нибудь замѣтныхъ, въ размѣрахъ натуральныхъ повинностей не было. Барщинныя услуги не требовались въ такой мѣрѣ, какъ позже, въ XVIII в. Но за то, какъ слѣдствіе указанныхъ выше обстоятельствъ, создалось усиливавшееся стремленіе облагать крестьянъ возможно большими платежами. Крестьянинъ представлялся въ глазахъ и боярѣ, и монастырей, какъ источникъ прямого дохода, и, естественно, что, съ одной стороны, ему открывали возможность, какъ увидимъ, откупаться отъ несенія барщины, въ видахъ увеличенія его платежей, а, съ другой, стали употреблять всѣ усилія, чтобы удержать платежную силу на мѣстѣ. И это послѣднее тѣмъ болѣе, что разореніе области, усиленныя взиманія доводили крестьянъ до полного разоренія и заставляли ихъ либо спастись бѣгствомъ, либо переходить съ мѣста на мѣсто, отыскивать лучшія условія

¹⁾ Эта тенденція замѣтна уже съ конца XV в. См. Wickenhauser, Moldawa, I, n° 25, гдѣ дано освобожденіе отъ платежей крестьянамъ деревни, подаренной и—рю, и др.

или въ области, или внѣ ея. Обязанность уплачивать дань туркамъ, смотрѣвшимъ на Молдавію какъ на свой хлѣбный магазинъ, съ одной стороны, развитіе роскоши среди бояръ, сказавшееся уже въ концѣ XVI и особенно въ XVII в., съ другой, побуждали господарей усиленно добывать хлѣбъ отъ подвластныхъ ему крестьянъ путемъ увеличенія ихъ натуральныхъ повинностей, а бояръ—добиваться бѣльшихъ полученій съ нихъ деньгами и хлѣбомъ, и заставляли и тѣхъ, и другихъ смотрѣть на вольный переходъ, какъ на подрывъ ихъ средствъ. Фактически уже въ концѣ XVI в. вольный переходъ все болѣе и болѣе затруднялся, и крестьянъ задерживали на мѣстахъ силою. Въ 1601 году была сдѣлана даже попытка узаконить запрещеніе вольнаго перехода. Но эта мѣра, какъ и злоупотребленія и насилія бояръ, монастырей и господарей, вызвали въ 1604 году крупное возстаніе среди крестьянъ, за которымъ послѣдовала крестьянская война, тянувшаяся съ 1623 по 1628 г. Крестьянское возстаніе было подавлено, и въ 1644 г. вольный переходъ былъ окончательно отмѣненъ Василиемъ Лупуломъ. „Если крестьянинъ сбѣжитъ отъ своего господина, гласилъ законъ, никто не долженъ принимать и держать его у себя, подъ угрозою штрафа суду въ размѣрѣ 12 гульденовъ и господину въ размѣрѣ 24 гульденовъ“¹⁾.

То, что уже зарождалось раньше въ Буковинѣ, теперь было распространено на большую часть крестьянъ: они окончательно были превращены въ подданныхъ какъ частныхъ владѣльцевъ, такъ и монастырей, державшихъ въ XVII в. въ своихъ рукахъ большую часть территоріи. Цѣль, къ которой они стремились, была достигнута: они могли облагать крестьянъ на полной своей волѣ и удерживать ихъ подъ вѣчной своей властью. Далѣе этого они пока не пошли. Ихъ отношенія къ крестьянамъ, ихъ подданнымъ, построены были теперь исключительно на почвѣ ихъ частно-правныхъ интересовъ, не выходили изъ

¹⁾ См. Хенрол, I, 439 и др.

сферы частно-правныхъ отношеній. Правда, кромѣ всякаго рода взятій деньгами и натурой владѣльцы приобрѣли нѣкоторыя права баналитета и монополіи въ видѣ монополіи мельницъ и т. п., предпочтительной продажи вина и водки и т. п. Но они не превратились въ феодальныхъ владѣльцевъ, не приобрѣли верховныхъ правъ собственности. Они не сдѣлались ни судьями надъ подданными, ни административно-полицейскими чиновниками. Всѣ эти функціи удержали въ своихъ рукахъ господа. ¹⁾ Благодаря этому крестьяне сохранили возможность обращаться къ суду, подавать жалобы господарю или его представителямъ и путемъ судебныхъ процессовъ создать нѣкоторые обычаи, до нѣкоторой степени препятствованіе превращенію ихъ вполне и дѣликомъ въ существовавшій въ Буковинѣ совершенно безправный классъ рабовъ, цыганъ.

Юридически крестьяне считались подданными, но они не были лишены личныхъ правъ, права свободно заключать браки, свободно же распоряжаться движимостью. Движимое имущество они могли свободно приобретать, отчуждать, передавать по наследству и т. д. Обычай не признавалъ за владѣльцемъ права силою отымать у крестьянина его скотъ, его товары ²⁾. Правда, они превращены были въ лицъ, крѣпкихъ землѣ, *glebae adscripti*, лишены были права свободного перехода, но въ силу обычаевъ и законовъ они не могли быть оторваны отъ земли. Ихъ нельзя было продавать, дарить, уступать, отдавать въ залогъ отдѣльно отъ земли. Въ противоположность рабамъ (*robi*), они не должны были служить предметомъ продажи и купли сами по себѣ.

¹⁾ «Il n'y a jamais eu en Roumanie cette confusion de la souveraineté et de la propriété qui est un des caractères, propre du régime féodal». Geblesco, la propriété rurale en Roumanie, Paris 1896, 234. Тоже говорятъ и Xenopol и Blaramberg.

²⁾ «Mit Gewalt darf der Herr ihnen ihr Geld oder ihr Vieh nicht wegnehmen. Wenn der Bauer sich auch einem noch so grossen Schatz erwirbt, so hat doch sein Herr keinen Theil daran: hat er es ihm mit Gewalt entrissen, so wird er in dem Gerichte verurtheilt, dem Klager es wieder zu geben». Kantemir, 276.

Даже болѣе того. Обычай и законъ воспрещали перепродажу ихъ съ землей за предѣлы ихъ деревни. Ихъ нельзя было переводить изъ одной деревни въ другую ¹⁾. Съ другой стороны, такъ какъ владѣлецъ не имѣлъ права суда надъ крестьянами, то убійство, напр., крестьянина считалось обыкновеннымъ убійствомъ, виновникъ смерти подвергался суду и суровому наказанію, а семья и потомки убитаго уже въ силу факта убійства становились свободными ²⁾.

Отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ исчерпывались, главнымъ образомъ, платежами и повинностями всякаго рода, которые они были обязаны нести въ пользу владѣльцевъ. То были: либо десятина со всѣхъ продуктовъ и разные другіе мелкіе платежи, либо барщинная работа въ пользу владѣльца. Почти до половины XVIII в. наиболѣе тяжелыми были лишь первыя изъ нихъ. Спросъ на трудъ крестьянина въ видѣ даровой барщины былъ относительно малъ и ничтоженъ вслѣдствіе

1) «Verkaufen kann wohl ein Baron einen Unterthan, aber nicht ausser dem Dorfe, wo er geboren ist. Verkauft er aber das ganze Gut nebst den Bauern, so wird solcher Verkauf für recht und gültig erkannt». Kantemir, 276. И тоже читаемъ мы и въ законѣ 1749 г.: Vecini не суть рабы и ими нельзя владѣть на такомъ основаніи, какъ рабами. Ни одинъ изъ нихъ не обязанъ такимъ повиновеніемъ, какимъ обязанъ рабъ... Вся его зависимость сводится къ тому, что онъ не имѣетъ права покинуть свою деревню, и буде онъ учинилъ бы это, то подлежитъ водворенію вновь на мѣсто. Продавать или уступать крестьянъ въ раздробъ, переводить ихъ изъ деревни въ деревню, превращать ихъ въ предметъ обмѣна отдѣльно отъ земли или отнимать дѣтей у ихъ родителей, все это такого рода права, какими никогда не обладалъ въ Молдавіи никакой собственникъ». У Blaramberg, 592—3.

2) «Den Gesetzen nach ist es verboten, ihn (Bauer) ums Leben zu bringen, und wenn er ihn auf irgend eine Art tödtet, wird nicht nur der Herr zum Tode verurtheilt, sondern er mus noch der Frau und den Kindern die Freiheit geben. Denn kein Privatmann hat das Recht über Leben und Tod irgend eines Moldauers; es kommt allein dem Fürsten zu». Ib., 276

мало-развитой сельско-хозяйственной дѣятельности владѣльцевъ. Всѣ ихъ стремленія были направлены лишь на увеличеніе и умноженіе платежей и на превращеніе возможно большаго числа платежей натурой въ платежи деньгами. До XVII в., даже до половины его платежи сравнительно не были значительными. Такъ, крестьяне области Черемошь, напр., уплачивали кромѣ обычной десятины по 2 парала (3 крейцера) за каждый клафтеръ ¹⁾ луговой земли; а за дома по 9, 6 и 3 куропатки, смотря по состоянію владѣльцевъ домовъ; сверхъ того обязаны были возить соль и вино и помогать при жатвѣ 9 дней ежегодно. ²⁾ Но,—особенно во второй половинѣ XVII в.—возникаетъ уже рядъ процессовъ между владѣльцами и крестьянами, процессовъ изъ за требованій объ увеличеніи платежей. Почти всѣ они оканчиваются къ выгодѣ владѣльцевъ, и въ 1693 г. господарь Константинъ Дука издаетъ законъ, обезпечивающій за владѣльцами право взывать съ крестьянъ платежи въ увеличенныхъ сравнительно съ прежнимъ размѣрахъ. ³⁾ Чинишь съ домовъ превращень въ денежную плату въ размѣрѣ 2 флориновъ для болѣе зажиточныхъ, 1 флорина 30 крейцеровъ для средне-зажиточныхъ и 1 флорина для бѣднѣйшихъ. Десятина установлена со всѣхъ добываемыхъ крестьяниномъ продуктовъ, какъ установлена и обязанность ихъ помогать по первому требованію владѣльцевъ во время охоты (крестьяне обязаны являться на охоту съ оружіемъ) и при ловлѣ рыбы. Что касается барщины, то крестьянамъ представлялась либо нести ее натурой, либо откупаться отъ нея деньгами. Въ однихъ мѣстахъ вмѣсто барщины они платили по одному гульдону, въ другихъ—уже по 2 гульдона, въ видѣ возмѣщенія барщины. ⁴⁾

¹⁾ 1 клафтеръ составлялъ $\frac{1}{2880}$ фальтше. Фальтше=1,8 моргена (около $\frac{1}{2}$ десятины).

²⁾ Wickenhauser, Moldawa, I, n° 190.

³⁾ *Ib.*, Molda, V, n° 9.

⁴⁾ *Ib.*, Moldawa, I, n° 205. Въ актѣ сказано, что крестьянамъ указывается ежегодно, сколько они, смотря по состоянію, должны платить владѣльцу либо трудомъ, либо деньгами.

Барщина, это наследіе старинной обязанности выполнять натуральные повинности всякаго рода въ пользу господаря, была, по теоріи, неопредѣленною и зависѣвшею въ своихъ размѣрахъ отъ воли и усмотрѣнія владѣльца. Никакихъ инвентарей, точно опредѣлявшихъ размѣры повинностей, не существовало въ Буковинѣ. Отношенія опредѣлялись либо (въ большинствѣ случаевъ) „добровольнымъ“ соглашеніемъ, либо на основаніи судебного рѣшенія, отчасти обычая, которые, какъ увидимъ, устанавливали барщину въ размѣрѣ 12 дней въ году для большей части деревень, распредѣляя ихъ въ соответствующихъ количествахъ на лѣто, осень и весну. Но съ XVIII в., особенно съ половины столѣтія, тѣже стремленія, какія существовали въ XVII в. по отношенію къ крестьянскимъ платежамъ, переносятся и на ихъ повинности, на крестьянскую даровую барщину. Уже при Константинѣ Маврокордато, а особенно при Александрѣ Гикѣ все чаще и чаще раздаются жалобы со стороны крестьянъ на насилія владѣльцевъ, на стремленіе съ ихъ сторонѣ увеличивать размѣръ барщины. „Дѣлаемъ вѣдомымъ всѣмъ, гласилъ законъ 1766 г., изданный Гикой, что къ намъ доходятъ въ неслыханномъ количествѣ жалобы селянъ на то, что ихъ вопреки порядку и справедливости страшно отягощаютъ барщинными работами“. ¹⁾ И не только является тенденція примѣнить къ жизни старую теорію о безграничности барщины, о чемъ сообщаетъ намъ Кантемиръ, ²⁾ но возникаетъ рядъ попытокъ обойти установленные обычаемъ или судебными рѣшеніями и „добровольными“ соглашениями размѣры барщинъ, путемъ измѣненія основаній расчета. Для сельско-хозяйственныхъ цѣлей, для увеличенія необходимыхъ для того даровыхъ рукъ владѣльцы все

¹⁾ Законъ этотъ помѣщенъ у Codrescu въ его Uricariul, II, 217 в слѣд.

²⁾ Alle (Bauern), von welcher Art sie auch seyn mögen, werden zu den Arbeiten ihrer Herren schärfer angehalten; es ist ihnen kein gewisses Maas der Arbeit vorgeschrieben, sondern es stehet in dem Belieben ihres Herrn, wie viele Tag lang er sie will arbeiten lassen. Kantemir, 275—276.

чаще и чаще пытаются замѣнить барщину, выразившую въ данномъ количествѣ времени, т. е. днѣ работы, барщиной; исчисляемой на основаніи даннаго количества земли, которое подлежитъ обработкѣ въ теченіе дня, которое должно быть обработано въ данный срокъ, т. е. въ одинъ день. Этимъ сразу число дней на дѣлѣ должно было увеличиться сравнительно съ нормой, и, какъ увидимъ, господаи узаконяють такой порядокъ, постепенно увеличиваютъ число дней барщины, сначала вдвое, а затѣмъ и втрое.

Вслѣдствіе всего этого положеніе крестьянъ все болѣе и болѣе ухудшается въ Буковинѣ въ теченіе XVIII в. Уже Кантеміръ отзывается о положеніи крестьянъ въ Буковинѣ, какъ о самомъ плачевномъ изъ всѣхъ существующихъ въ мірѣ.¹⁾ Да это и понятно. Обычай, договоры, законы не въ силахъ были гарантировать крестьянъ, разъ въ рукахъ бояръ и монастырей сосредоточивалась громадная часть территоріи, разъ они являлись господами положенія, составляли ту силу, предъ которой не смѣли устоять господаи, зависимые вполне отъ нихъ, избираемые ими. Ни установившіяся юридическія нормы отношеній крестьянъ къ владѣльцамъ, устанавливавшія нѣкоторую грань между ними и рабами, ни законы, издаваемые господами, не въ состояніи были охранить ихъ въ сколько нибудь значительной мѣрѣ отъ произвола владѣльцевъ, особенно съ того момента, когда стали выступать все яснѣе и яснѣе интересы послѣднихъ, когда началось среди нихъ движеніе въ сторону расширенія сельскохозяйственной дѣятельности. И бояре, и монастыри дѣйствовали въ одномъ направленіи и дѣлали все возможное, чтобы сгладить различія, существовавшія между подданными и рабами. Въ XVIII в. нарушенія правъ крестьянъ, создавшіяся въ предшествующее время, стали усиливаться. Отсюда и тѣ безконечныя жалобы, съ которыми крестьяне обращаются уже въ первой по-

1) «Ich würde gewiss die moldawischen Bauern für die elendesten aller Landleute unter der Sonne halten, wenn nicht die Fruchtbarkeit des Boden etc». Ib. 276.

ловинѣ XVIII в. къ государямъ. „Жалобы крестьянъ, сидящихъ на земляхъ монастырей и бояръ, гласить одинъ актъ XVIII в. ¹⁾, на закрѣпощеніе, которому подвергаютъ ихъ господа, увеличиваются и учащаются; причиной ихъ недовольства и жалобъ является, по ихъ словамъ, то обстоятельство, что ихъ господа не дѣлаютъ никакого различія между подданствомъ и рабствомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. И они ссылаются въ подтвержденіе своихъ заявленій на такіе случаи, какъ, напр., продажи помѣщиками крестьянъ—подданныхъ, какъ рабовъ, продажи отдѣльныхъ членовъ семьи, чѣмъ они приравняются къ цыганамъ, записи ихъ въ такомъ же видѣ въ духовныхъ и дарственныхъ актахъ, продажи ихъ дѣтей, перемѣщенія изъ одной деревни въ другую и т. д.“ Не мало было жалобъ и на развивавшуюся съ конца XVII в. практику отдачи подъ залогъ то отдѣльныхъ семей, то цѣлыхъ деревень. А эта послѣдняя въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ произволъ владѣльцевъ, ухудшала положеніе крестьянъ. Она, по словамъ одного изъ австрійскихъ комиссаровъ, была широко распространенной въ Буковинѣ, какъ и въ Галичинѣ. „Здѣсь въ Буковинѣ, писалъ онъ въ 1783 г., ²⁾ царить ростовщическій обычай, въ силу котораго землевладѣльцы взаменъ за ссужаемыя имъ деньги отдаютъ въ залогъ то отдѣльныхъ ихъ подданныхъ, то ихъ поля и луга, то цѣлыя деревни. Вслѣдствіе этого бѣдные крестьяне не только все болѣе и болѣе отягощаются, но вынуждены платить больше, чѣмъ въ состояніи они вынести, становятся должниками и разоряются въ конецъ“. А ко всему этому присоединялись еще и платежи и повинности въ пользу государства, платежи и повинности, столь же, если еще не болѣе неопредѣленные и произвольные, не урегулированные законами, которые взымались съ крестьянъ въ пользу госу-

1) Act pentru desrobire vecinilor in Moldova, у Blaramberg, 592 и слѣд.

2) Bericht австр. комиссара Enzenberg'a, цит. у Grünberg'a, стр. 249, пр. 3.

дарства, т. е. господарей. 1) Взиманіе ихъ, вдобавокъ, возлагалось на чиновниковъ, которые въ той же мѣрѣ, какъ и бояре, и духовные владѣльцы, видѣли въ крестьянахъ источникъ не однихъ государственныхъ доходовъ, но прежде всего личнаго благоденствія. 2)

Понятно само собой, къ какимъ результатамъ могли привести и проводили всѣ указанныя условія, въ которыхъ жили крестьяне Буковины. Уже Кантеміръ указывалъ въ общихъ чертахъ на эти результаты въ своемъ описаніи Молдавіи. Только, писалъ онъ, одно плодородіе почвы, богатая жатва спасаютъ до нѣкоторой степени отъ полной бѣдности крестьянъ Буковины, положеніе которыхъ онъ самъ же называлъ самымъ бѣдственнымъ въ мірѣ. „Крестьяне въ Буковинѣ, говоритъ онъ, 3) крайне лѣнны къ работѣ; они обрабатываютъ очень слабо землю и сѣютъ мало. Не заботятся они о томъ, чтобы съ помощью труда приобрѣсть все возможное для себя, и довольствуются скопленіемъ въ своихъ амбарахъ лишь самаго необходимаго для ихъ пропитанія въ теченіе года или, какъ они выражаются, до новаго хлѣба. И достаточно одного неурожая или нашествія врага, какъ имъ приходится испытывать голодовку“. Кантеміръ описывалъ въ такихъ чертахъ положеніе крестьянъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Но оно не измѣнилось къ лучшему и во второй половинѣ того же вѣка. Ревностный патріотъ новаго австрійскаго отечества и столь же ревностный агентъ Австріи въ моментъ присоединенія къ ней Буковины, молдавскій бояринъ Василій Бальшъ, 4) почти въ тѣхъ же чертахъ обрисовываетъ положеніе крестьянской массы. „Преобладающимъ

1) «Er (der Bauer) bezahlt soviel Auflagen, als der Fürst ausschreiben lässt, wobei ihm weder Art, noch bestimmte Zeit vorgeschrieben wird». Kantemir, 276.

2) См. у Zieglauer'a, Bilder, I, 25—36.

3) Ib., 277.

4) Balsch, Beschreibung der Bukowina und deren inneren Verhältnisse, изд. Zieglaur'омъ въ его Bilder, II, 48—65.

занятіемъ, разъясняетъ онъ въ своемъ донесеніи австрійскому правительству, служить въ Буковинѣ скотоводство, поддерживающее здѣсь кочевой образъ жизни. Значительная часть области все еще покрыта лѣсами, не тронутыми топоромъ. Земледѣліе, напротивъ, находится въ самомъ жалкомъ положеніи, такъ какъ каждый почти крестьянинъ засѣваетъ лишь такое количество земли, жатва съ которой едва въ состояніи покрыть его нужды въ теченіе года. Онъ ограничиваетъ свои посѣвы одной лишь кукурузой, льномъ и коноплей. Плодовая культура и виноградничество находятся въ самомъ жалкомъ положеніи. Главное богатство крестьянина—его скотъ, который перегоняется съ мѣста на мѣсто^а. Отсюда и крайне враждебная характеристика, какую онъ даетъ крестьянамъ. Онъ усиливаетъ и сгущаетъ тѣ краски, которыми обрисовалъ буковинскаго крестьянина Кантеміръ. „Крестьяне Буковины, по его словамъ, совершенно лишены привычекъ къ порядку, хозяйственности, чистоплотности, ремесленному труду. Всѣ они сплошь народъ лѣнивый, лживый и крайне грубый по отношенію къ своимъ господамъ, и эти послѣдніе не могутъ добиться отъ нихъ исполненія самыхъ ничтожныхъ услугъ или работъ иначе какъ при помощи ругани и побоевъ. Только и помышляютъ они о томъ, какъ бы покинуть своего господина, разъ доходы ихъ уменьшаются благодаря увеличенію налоговъ и платежей, и то и дѣло убѣгаютъ въ мѣстности, кажушіяся имъ болѣе привольными и выгодными. Да и что значить бѣгство для нихъ? Вѣдь не составляетъ же крупной потери покинуть жалкую, изъ жердей и соломы устроенную мазку, дворъ, большею частью пустой, безъ сада, безъ огорода и т. п.“

Характеристика написана владѣльцемъ, очевидно враждебнымъ къ крестьянамъ, смотрящимъ на нихъ свысока, но, нужно замѣтить, ее далеко нельзя назвать фальшивой. Факты, безспорно вѣрны, ихъ освѣщеніе лишь невѣрно; а, главное, объясненія происхожденія ихъ не даетъ намъ Balsch, преслѣдовавшій въ своихъ донесеніяхъ одну цѣль—обеспеченіе правъ и вольностей боярства. Но то, о чемъ не говоритъ Бальшъ, вскры-

васть его современникъ, Стурдза. „Да, писалъ этотъ послѣдній въ своемъ мемуарѣ,¹⁾ положеніе крестьянина въ Молдавіи—самое ужасное, самое жалкое. Онъ, этотъ крестьянинъ, существуетъ лишь для удовлетворенія капризовъ владѣльца; онъ доведенъ почти до скотскаго состоянія, предоставленъ вполнѣ жадности и страсти къ наживѣ всѣхъ и вся, начиная съ вышихъ и и кончая самымъ малымъ, какимъ нибудь ничтожнымъ сборщикомъ податей. Его эксплуатируютъ и арендаторъ, и собственникъ. И что же удивительнаго послѣ всего этого, если его же, этого бѣдняка, обвиняютъ въ томъ, что онъ лѣнивъ и безпеченъ“.

Усиливавшееся съ конца XVII в. стремленіе и владѣльцевъ, и монастырей увеличить обложеніе крестьянъ, при полномъ почти отсутствіи сколько нибудь выработанныхъ формулъ отношеній между крестьянами и владѣльцами, отсутствіи инвентарей, которые опредѣляли бы размѣры крестьянами платежей и повинностей, уже тогда, въ девяностыхъ годахъ XVII в., породили цѣлый рядъ столкновеній и споровъ между владѣльцами и ихъ крестьянами. И споры эти усилились благодаря спеціальной причинѣ. Потребность увеличить количество платежныхъ единицъ при существованіи массы пустопорожныхъ земель приводила къ ряду попытокъ вызвать новыхъ колонистовъ изъ сосѣднихъ областей. Поселенцамъ обѣщали разнаго рода льготы, ихъ осаживали на слободахъ (slobodzii) съ правомъ не нести повинностей и платежей въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ. Колонисты въ такихъ случаяхъ считались какъ бы особымъ классомъ, и акты того времени различали царанъ (segan) отъ поданныхъ (vesini).²⁾ Но такое отношеніе сохранилось къ новопоселенцамъ въ каждомъ почти данномъ случаѣ лишь до истеченія льготныхъ лѣтъ. Разъ срокъ свободы истекалъ, и съ царанами переставали церемониться. Ихъ подвергали тому же режиму, какой былъ устанавливаемъ

¹⁾ Michail Sturza, memorial despre abusul cu scutelnici di despre starea teranilor din Moldova, напеч. въ сборникѣ Hurmuzaki, suppl. I, V, 30—33.

²⁾ Wickenhauser, Moldawa, I, n^o 137.

для старыхъ крестьянъ—подданныхъ, и различіе между ними и крестьянами—подданными исчезало, его пытались всяческими способами уничтожить. Достаточно было, напр., колонистамъ царянамъ сослаться на ихъ льготы, на пріобрѣтенное ими право не нести повинностей, какъ ихъ либо силою принуждали къ тому, либо просто изгоняли изъ бывшей слободы. 1) Естественнымъ послѣдствіемъ всѣхъ указанныхъ дѣйствій было, съ одной стороны, ослабленіе прилива новыхъ поселенцевъ, особенно изъ Валахій, съ другой, либо повальное бѣгство крестьянъ, выселеніе ихъ нерѣдко толпами въ сотни или тысячи человекъ въ сосѣднія области, въ Россію и Польшу, либо превращеніе части бѣглецовъ въ бродячій элементъ, находившій убожище въ горахъ и лѣсахъ Буковины. Въ теченіе времени съ начала XVIII в. до сороковыхъ годовъ движеніе въ этомъ смыслѣ стало пріобрѣтать внушительные размѣры, и тѣмъ самымъ поставило и владѣльцевъ, и господарей въ тяжелое положеніе. Доходы и тѣхъ, и другихъ сильно упали, а между для господарей было дѣломъ неотложнымъ еще уплачивать и ежегодную дань Турціи, которая требовала неукоснительнаго взноса ежегодно причитавшихся ей съ Молдавіи платежей. Необходимо было найти выходъ изъ такого положенія, и его попытались найти въ реформѣ существующихъ отношеній. Уже въ 1742 г. въ рѣшеніи спора между монастыремъ Молдавица и слобожанами, рѣшеніи, изданномъ господаремъ Константиномъ Маврокордато, можно подмѣтить слабое стремленіе до нѣкоторой степени ограничить произволъ владѣльцевъ. Требованіе м—ря заставить слобожанъ уплачивать десятину и нести барщину было удовлетворено, но, во первыхъ, дано разрѣшеніе лишь на барщину въ размѣрѣ 12 дней въ году, а, во вторыхъ, поставлено въ обязанность игумену и калугерамъ „не обременять чрезмѣрными требованіями и взысканіями крестьянъ“ 2) Само собою разумѣется, что серьезнаго значенія такого рода просьбы господаря имѣть не могли, и при-

1) *Ib.*, I, 152 отъ 1714 г.

2) *Ib.*, Moldawa, I, n° 187.

шлось прибѣгнуть къ болѣе общей мѣрѣ, въ видѣ спеціальнаго закона, регулирующаго отношенія крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ и вслѣдъ за тѣмъ и къ государству, съ цѣлью обезпечить приливъ колонистовъ и остановить эмиграцію крестьянъ. Такой мѣрой общаго характера былъ законъ, изданный тѣмъ же Константиномъ Маврокордато 6 апрѣля 1749 года. Онъ заключалъ въ себѣ двоякаго рода постановленія: одни, касавшіяся спеціально отношеній крестьянъ къ владѣльцамъ, другія, въ силу которыхъ создавались новые порядки въ дѣлѣ обложенія крестьянъ государственными налогами. Но, за малыми исключеніями, первыя изъ нихъ являлись не болѣе, какъ попыткой распространить существовавшіе обычаи, опредѣлявшіе нормы платежей и повинностей нѣкоторыхъ крестьянъ, на всю массу. Новымъ была отмѣна названія *vesini* въ примѣненіи его къ крестьянамъ—подданнымъ, но *de facto* отмѣна имѣла лишь словесное значеніе. Все, чего требовалъ новый законъ, заключалось главнымъ образомъ въ стремленіи положить предѣлъ тѣмъ попыткамъ владѣльцевъ превращать подданныхъ крестьянъ въ простыхъ рабовъ, которыя, какъ мы видѣли, стали проявляться въ XVIII в. и вызывали усиленные жалобы со стороны крестьянъ. Отвѣтомъ на эти послѣднія и явилось заявленіе закона, въ силу котораго крестьяне объявлены были свободными людьми, т. е. людьми, съ которыми нельзя обращаться, какъ съ рабами. Въ дѣйствительности то было не болѣе, какъ узаконеніемъ существовавшаго раньше обычая, по которому за крестьянами признавались, какъ мы видѣли, права на бракъ, на движимое имущество и т. п. Свобода перехода, существовавшая до XVII в., восстановлена не была. Переходъ дозволенъ былъ лишь при одномъ условіи, которое дѣлало безцѣльнымъ и бесполезнымъ статью закона о правѣ перехода крестьянъ. Крестьянину дозволялось уходить въ другое мѣсто лишь исключительно въ томъ случаѣ, когда владѣлецъ даетъ свое согласіе на переходъ и когда къ переходу будутъ представлены достаточныя основанія. И законодатель прибавлялъ, что, въ случаѣ самовольнаго пере-

1) Законъ этотъ изданъ въ *Magazin istoric pentru Dacia*, II, 294.

хода, крестьянинъ обязательно долженъ быть силой возвращенъ на мѣсто его жительства. ¹⁾ Не было крестьянамъ дано даже того права, какое октроировано было крестьянамъ Валахїи три года раньше (закономъ 1746 г.): право откупаться отъ барщины. Правда, законъ, сохраняя всецѣло десятину, устанавливалъ норму барщины въ 24 и 12 дней въ году, но это было выражено не какъ императивъ, а какъ простая просьба, рекомендація. Понятно отсюда, что серьезныхъ измѣненій онъ не создавалъ въ отношеніяхъ крестьянъ къ владѣльцамъ, и все оставалось по старому; все сводилось *de facto* къ урегулированію отношеній лишь въ томъ смыслѣ, чтобы предоставить ихъ, эти отношенія, волѣ и капризу бояръ и монастырей. И это въ такой степени, что и послѣ изданія закона продажа крестьянъ съ землею, не совмѣстимая съ принципомъ вольнаго перехода, продолжала существовать въ Буковинѣ. ²⁾ Продажи совершались на основаніи оффиціальныхъ актовъ съ характернымъ добавленіемъ: „въ случаѣ если проданный подданный окажется принадлежащимъ третьему лицу и будетъ имъ отнять, то я, продавецъ, обязуюсь замѣнить его другимъ“.

Повидимому, гораздо серьезнѣе была реформа налоговъ, взимаемыхъ въ пользу государства, но на дѣлѣ и въ этомъ отношеніи положеніе крестьянъ не измѣнилось сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ. Правда, взамѣнъ всѣхъ старыхъ налоговъ, законъ 1749 года вводилъ особый, въ видѣ поголовной подати

¹⁾ Ст. 10 закона: «*teranul poateasi lasa satul pentru o pricina bine cuventata si cu voe stapânului, altmintrelea stapânul l'introarce la urma sua.*» Ср. отзывъ N. Soutzou: «*ce même prince abolit le servage et supprima la dénomination de vecini; mais de fait le paysan n'en demeura pas moins attaché a la glèbe.*» Notices statistiques sur la Moldavie.

²⁾ Такъ, три года спустя послѣ закона 1749 г., въ 1752 г. одинъ изъ крупныхъ владѣльцевъ, Стефанъ Тентуль, продалъ другому боярину, Поттлогу, подданнаго, жившаго въ русскомъ Долгоцолѣ, Григорія Букача, со всѣми его разробками за 25 гульденовъ. Wickenhauser, *Moldawa V*, 2, n^o 49.

со всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ. Но уже въ скоромъ времени тотъ же самый господарь, который издалъ этотъ законъ, вынужденъ былъ рядомъ съ поголовной податью возстановлять постепенно и старыя налоги, воскрешать старый порядокъ вещей. И это въ значительной мѣрѣ и потому, что попытка ограничить число крестьянъ, принадлежавшихъ частнымъ владѣльцамъ и монастырямъ и освобожденныхъ отъ государственныхъ налоговъ, оказалась неудачной. Для нѣкоторыхъ крестьянъ, именно тѣхъ, которые были подданными высшаго класса бояръ и нѣкоторыхъ монастырей, законъ призналъ фактъ ихъ свободы отъ государственныхъ налоговъ, придавъ имъ специальное названіе: крестьяне—скутельники и крестьяне—послушники,¹⁾ а затѣмъ всѣхъ остальныхъ объявилъ податными, обязанными нести повинности и платить налоги въ пользу государства. Но дѣло въ томъ, что число скутельниковъ и послушниковъ начало все болѣе и болѣе возрастать на счетъ числа податныхъ и пришлось позже прибѣгнуть къ новымъ мѣрамъ, чтобы спасти государственные доходы.

Законъ 1749 года оказался, такимъ образомъ, палліативомъ, не принесшимъ никакихъ существенныхъ выгодъ крестьянамъ и до нѣкоторой степени полезнымъ лишь для однихъ владѣльцевъ, произволь которыхъ на дѣлѣ не былъ серьезно ограниченъ. Поэтому, и послѣ 1749 г. вплоть до 1766 г. эмиграція и бѣгство крестьянъ продолжались въ прежнемъ видѣ, и господаи по прежнему получали массами жалобы отъ крестьянъ. Умноженіе и увеличеніе платежей съ крестьянъ продолжалось подъ благовидной фѳормой „добровольныхъ соглашеній“.²⁾

1) Подъ первыми разумѣлись крестьяне нѣкоторыхъ лишь бояръ и монастырей, подъ вторыми—домашняя прислуга, дворовые люди. См. Zieglaueg, Bilder, I, 74—78.

2) Такъ, уже въ 1762 г. монастырь Путна съ 19 гудуловъ, поселившихся на монастырскихъ земляхъ, кромѣ обычныхъ платежей взымалъ еще, по договору, за 8 горныхъ пастбищъ по 19 овецъ ежегодно и обложилъ ихъ обязанностью давать и—рю постоянную охрану отъ нападенія разбойниковъ. *Ib.*, *Molda*, V, 2, n^o 217.

Въ 1766 г., поэтому, была сдѣлана новая попытка регулировать отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ. 1 января 1766 г. новымъ господаремъ Григоріемъ Александромъ Гикой была издана для этой цѣли „золотая грамота“, или хрисовуль, 1) легшій позже въ основаніе мѣропріятій по части крестьянскаго вопроса въ Буковинѣ при австрійскомъ владычествѣ. То не былъ законъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Законодатель не рѣшался создавать свои порядки, силою власти вводить ихъ въ жизнь. Не измѣнялъ онъ всего уже существующаго и выработаннаго раньше. 2) Цѣль законодателя не шла дальше установленія нормы отношеній, которыми могли бы пользоваться въ случаѣ желанія, при заключеніи договоровъ, владѣльцы. Безусловно обязательнаго значенія законъ, такимъ образомъ, не имѣлъ до присоединенія Буковины къ Австріи. И его значеніе было такъ ничтожно въ Буковинѣ, что его почти ни разу не приводили въ исполненіе, 3) а на крестьянъ его дѣйствіе было таково, что не смотря на вызовы колонистовъ—вызовъ, напр., 1768 г. остался безъ отвѣта и безъ результата. 4) Съ другой стороны, не удовлетворилъ онъ и владѣльцевъ, недовольныхъ установленными въ законѣ нормами, особенно установленіемъ 12 дневной барщины въ теченіе года. Владѣльцы стали настойчиво требовать увеличенія нормы до 36 дней въ году, и имъ въ Молдавіи, уже послѣ отдѣленія Буковины, удалось добиться изданія новаго закона 1777 г., по которому уже на *всѣхъ* крестья-

1) Актъ этотъ изданъ въ Uricariul, II, 217—222; у M. Drdacki die Fronpatente Galiziens, 207—208 и цѣликомъ (въ переводѣ австрійскомъ 1776) у Kaindl'я, Unterthanswesen, 596 и см.

2) Такъ, напр., въ нѣкоторыхъ селахъ на границахъ Венгріи, въ русскомъ Долгополѣ, сохранены были совершенно иные порядки, чѣмъ тѣ, которые установлены грамотой. Подданные этихъ селъ имѣли права собственности на разработки, платили очень мало и не несли барщины. Отчеты австр. комиссаровъ, цит. у Грюнберга, 264, прим. 2.

3) Grünberg, 265, прим. 2.

4) Ib.

янтъ, во всѣхъ имѣніяхъ боярскихъ и монастырскихъ возлагалась обязанность сверхъ 12 дней въ году работать на мельницахъ и рыболовняхъ, помогать при починкахъ водочныхъ заводовъ и кабаковъ и т. п. Кромѣ того къ обязательной барщинѣ присоединена обязанность помогать трудомъ при дворѣ для домашнихъ нуждъ владѣльца и доставлять ежегодно же по двѣ подводы дровъ (съ каждаго хозяйства). ¹⁾ Законъ этотъ, обязательный для Молдавіи, какъ увидимъ, не остался безъ вліянія и на Буковину.

Вся суть закона 1766 года Гики заключалась лишь въ созданіи какъ бы проекта тѣхъ инвентарей или урбаріевъ, которые, какъ мы знаемъ, не существовали въ Буковинѣ. Онъ касался одновременно и денежныхъ платежей, и барщинныхъ повинностей крестьянъ. Что касается послѣднихъ, то онъ объявлялъ подлежащимъ барщинѣ каждаго самостоятельнаго хозяина, все равно былъ ли онъ надѣленъ землею или нѣтъ. Свободными отъ барщины признавались лишь холостые сынолья, живущіе при отцѣ, а также больные и увѣчные. Число дней барщины для всѣхъ подданныхъ установлено одно и то же въ размѣрѣ 12 дней въ году: 4 весною, 4—лѣтомъ и 4—осенью. Лишь для подданныхъ пограничныхъ сель барщина уменьшена до половины (6 дней). За то всѣ, владѣющіе скотомъ, обязаны были являться съ потребнымъ количествомъ для работы и скота, и людей. Нести барщину обязанъ былъ каждый хозяинъ лично. Лишь въ случаѣ болѣзни могъ онъ поставить вмѣсто себя другое годное исполнѣе лицо или уплатить за каждый день по 20 бани ($\frac{1}{8}$ гульдена). Но самопроизвольно замѣнить барщину уплатой денегъ ни въ какомъ случаѣ не разрѣшалось крестьянину: разрѣшеніе замѣны такого рода принадлежало исключительно одному владѣльцу, его личной инициативѣ. Сверхъ того, этому послѣднему же предоставлялось по его личному усмотрѣнію распорядиться барщинными работами, какъ ему угодно: все равно для обработки ли земли или для какихъ либо иныхъ его нуждъ. Получалъ онъ также право, — фактически приводившее къ неизбѣжному увеличенію числа дней

¹⁾ Законъ нанечанъ въ Uricariul, I, 133—136.

барщины,—устанавливать у себя норму рабочаго барщиннаго дня, т. е. то количество работы, которая должна быть произведена въ теченіе сутокъ, считая отъ восхода и до захода солнца съ перерывомъ небольшимъ для ѣды (около 2 часовъ въ день). Такъ, въ теченіе дня установлено было обработать $\frac{1}{4}$ погона ($12\frac{1}{2}$ аръ) подъ кукурузу; во время косовицы скосить въ теченіе дня $\frac{1}{2}$ фальтше ($71\frac{1}{2}$ аръ) и сложить сѣно въ копицы и т. д. ¹⁾

Единственнымъ ограниченіемъ произвола владѣльца являлось только требованіе исключать изъ счета 12 дней барщины время для прибытія на мѣсто работы лишь тѣхъ крестьянъ, жилье которыхъ отстояло отъ мѣста барщинной работы болѣе, чѣмъ въ 6 часовомъ разстояніи. Что касается денежныхъ платежей или платежей натурой, то эти послѣдніе состояли главнымъ образомъ изъ десятины, которая взымалась со всѣхъ и всякаго рода продуктовъ, добытыхъ крестьяниномъ. Освобождались отъ десятины лишь огородныя растенія, но и то только въ той части ихъ, которая шла на прокормъ семьи: съ огородины, педшей на продажу, обязательно было отдавать владѣльцу десятину. Никто изъ крестьянъ не освобождался отъ десятины. Да кромѣ того, не разрѣшалось забирать продуктовъ съ поля до появленія владѣльца или его уполномоченнаго, которые тутъ же на мѣстѣ отдѣляли десятую долю продукта: владѣльцу рекомендовалось только производить взиманіе въ „подходящее“ для крестьянина время.

И. Лучицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Размѣръ земли, которую обязательно было выорать въ теченіе дня, опредѣленъ не былъ: указана ширина поля безъ опредѣленія ея длины.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЧЕРНИГОВСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.¹⁾

(1861—1863 гг.).

I.

Въ началѣ марта 1861 г. неожиданно появились (въ Петербургѣ) въ продажѣ *Положенія 19 февраля 1861 г.* Всѣ бросились читать этотъ—давно уже тогда ожидаемый актъ.—Когда я прочелъ „Общее положеніе“, въ которомъ излагались общія начала уничтоженія крѣпостнаго права, а затѣмъ и другія „Положенія“, меня обуяла великая охота самому попасть въ число тѣхъ, которые призывались для „приведенія въ дѣйствіе“ великаго закона. Казалось, что всѣ молодыя силы отдали бы этому дѣлу,—такъ оно было свѣтло и радостно... Но, увы, главными исполнителями по приведенію въ дѣйствіе закона 19 февраля 1861 г. являлись мировые посредники, которые выбирались изъ мѣстныхъ дворянъ, съ извѣстнымъ образовательнымъ и земельнымъ цензомъ; я же, хотя и имѣлъ этотъ цензъ по черниговской губерніи, но не жилъ на мѣстѣ, недавно лишь окончилъ одинъ изъ столичныхъ университетовъ, далекій отъ родины. Разсчитывать попасть

¹⁾ Печатаемъ только *отрывки*, потому что—*пока*—многое нужно опустить.

въ число избранныхъ я не могъ... Но кромѣ посредниковъ, въ имѣвшихъ образоваться крестьянскихъ учрежденіяхъ оказалась должность, на которую я имѣлъ уже болѣе доступное для меня право. Въ „Положеніяхъ“ говорилось, что въ „Съѣздѣ“ мировыхъ посредниковъ, участвуетъ, кромѣ уѣзднаго предводителя дворянства, еще и „членъ отъ правительства“; функціи этой должности въ законѣ не опредѣлялись, но затѣмъ практика выработала изъ этой должности нѣкоторое подобіе теперешнему товарищу прокурора, участвующему въ „Съѣздахъ“ мировыхъ судей. Намѣтивъ себѣ эту должность, я сталъ думать о способахъ къ ея полученію. И тутъ не было у меня почти никакихъ шансовъ. Повидимому, назначеніе на эту должность зависѣло отъ мѣстнаго губернатора. Въ Черниговѣ, въ мартѣ 1861 г., былъ назначенъ новый губернаторъ, какъ и во многія другія губерніи, причемъ имѣлось въ виду для новаго вина приготовить и новыя мѣха. Черниговскимъ губернаторомъ былъ назначенъ, на мѣсто уволеннаго Шабельскаго, князь Голицынъ, о которомъ мнѣ было извѣстно только то, что онъ былъ членомъ „редакціонной комиссіи“, слѣдовательно человекомъ расположеннымъ къ крестьянскому дѣлу. Помню, что при разговорахъ о моихъ планахъ съ Н. М. Жемчужниковымъ (теперь—Буда-Жемчужниковъ), послѣдній обѣщаль мнѣ помощь въ достиженіи намѣченной мною цѣли чрезъ гр. А. К. Толстого, который, какъ богатый черниговскій помѣщикъ и какъ старшій знакомый Голицыныхъ, могъ указать новому губернатору на меня. О желаніи моемъ—втиснуться въ крестьянское дѣло, на родинѣ,—зналъ близкій мой пріятель и товарищъ по университету И. А. Новиковъ. Объ этомъ желаніи онъ какъ то сообщилъ хорошему своему знакомому Шумахеру, бывшему тогда директоромъ одного изъ департаментовъ м—ва вн. дѣлъ, а сей послѣдній неожиданно предложилъ Новикову—попросить Н. А. Милютина (тогда товарищъ министра вн. дѣлъ) попредстательствовать за меня у черниговскаго губернатора Разумѣтса, предложеніе было принято, послѣ чего Милютинъ позвалъ меня къ себѣ въ м—во.—Явившись въ швейцарскую, я попросилъ сказать обо мнѣ М—ну, который и незамедлилъ

выйти ко мнѣ въ швейцарскую же. Тутъ, отведя ко окну, спросилъ онъ меня—почему именно желается мнѣ получить намѣченную должность. Я отвѣчалъ, что хочу служить крестьянскому дѣлу. Затѣмъ послѣдовалъ, сколько помню, такой разговоръ.

— Вы братъ того Л., который служить у Муравьева?

— Родной братъ, отвѣчалъ я.

Вопросъ этотъ предложенъ былъ, повидимому, по сомнѣнію въ искренности желанія служить въ крестьянскихъ учрежденіяхъ Л—аго, брата того Л—аго, который, по службѣ своей у Муравьева, предполагался несочувствующимъ освобожденію крестьянъ...

— Знаете вы—кто теперь въ Черниговѣ губернаторомъ?

— Князь Голицынъ.

— Знаете ли вы его книжку „Печатная Правда“?

— Читалъ.

— Какого вы мнѣнія объ этой книжкѣ?

Книжка Голицына, о которой спрашивалъ Милютинъ, была очень неудачная популяризація вопроса объ уничтоженіи крѣпостного права, хотя писалась несомнѣнно съ добрыми желаніями. Очень рѣзкую статью объ этой книжкѣ напечаталъ, помнится, извѣстный въ то время цензоръ Крузе, которую закончилъ тѣмъ, что князь Г. „удостоилъ“ крестьянъ разговоромъ о томъ, въ чемъ суть ихъ освобожденія, но это моль дѣло такое нелегкое, что за него не всякому можно браться...

Отзывъ мой М—ну о книжкѣ Голицына, разумѣется, былъ отрицательный.

Сдѣлавъ еще нѣсколько вопросовъ по крестьянскому вопросу, видимо, съ цѣлію удостовѣриться въ сочувствіи тому дѣлу, на службу которому я просился, М—въ сказалъ, чтобы я прислалъ ему по городской почтѣ записку—кто я и чего желаю, и тутъ же пообѣщалъ написать обо мнѣ Голицыну.

Вслѣдъ затѣмъ обстоятельства такъ сложились, что я, въ концѣ апрѣля, поѣхалъ изъ Петербурга, съ умершимъ уже моимъ спутникомъ Г. Н. Честаховскимъ, провожать тѣло Т. Г. Шевченка въ Кіевъ. Послѣ похоронъ тѣла поэта, около Канева, Г. Н.

Ч—ій остался „прибирать“ могилу, а я поспѣшилъ въ родное село, къ матери, которая, по слухамъ, сильно тревожилась въ своемъ одиночествѣ происходившимъ вокругъ волненіемъ, какъ „пановъ“, такъ и „мужиковъ“. Приѣхавъ домой, я нашелъ крестьянъ своего села (нѣсколькихъ владѣній) по виду спокойными. Покой этотъ, какъ выяснилось позже, былъ только наружный. Дѣло въ томъ, что крестьяне здѣсь, въ Малороссіи (да и въ другихъ мѣстахъ—тоже) очень долгое время никакъ не могли понять той „воли“, которую получили... „Воля“ была объявлена, а „панщина“ продолжалась; говорилось, что крестьянская земля остается при крестьявахъ, а помѣщики говорятъ о какихъ то „отрѣзкахъ“; дворовые остаются въ панскихъ дворахъ и должны будто бы продолжать прежнюю службу панамъ—еще два года... Все это не вязалось въ умѣ крестьянъ съ тою „волею“, которая прочтена была имъ въ церквахъ. Естественно возникъ рядъ недоумѣній, за разрѣшеніемъ которыхъ крестьянамъ положительно не къ кому было обратиться: помѣщикамъ и священникамъ—они не вѣрили, а тѣ немногіе грамотные, которые тогда встрѣчались въ крестьянской средѣ, главнымъ образомъ отставные солдаты, давали комментаріи относительно „воли“—сбивчивые и неодинаковые... Изъ всѣхъ своихъ недоразумѣній крестьяне сдѣлали выводъ, что объявленная имъ воля—не та, которая дана царемъ, а извращенная панами, что настоящая воля сама объявится позже, когда крестьяне получатъ возможность прочесть настоящую волю... Поэтому крестьяне уже и къ первымъ распоряженіямъ администраціи по исполненію закона 19 февраля (образованіе сельскихъ обществъ, выборъ сельскихъ старостъ...) стали относиться совершенно пассивно, будучи убѣждены, что еще не насталъ тотъ „слушный часъ“, въ который они узнаютъ настоящую волю... Въ ожиданіи послѣдняго крестьяне не вѣрили разъясненіямъ мировыхъ посредниковъ и ни на какія почти предложенія помѣщиковъ, часто очень выгодныя для крестьянъ, не соглашались, ссылаясь на *слушный часъ*. Наступить „слушный часъ“, говорили межъ собой крестьяне, и лишь тогда они узнаютъ настоящую волю и будутъ знать, что имъ дѣлать, на что соглашаться,

а на что—нѣтъ... Хорошо помню свои разговоры съ крестьянами по поводу „введенія уставныхъ грамотъ“: нѣкоторые помѣщики предлагали крестьянамъ на выборъ—получить въ даръ четверть надѣла или взять, за установленную плату, полный надѣлъ. Крестьяне не знали что дѣлать. Приходилось и мнѣ говорить съ ними по этому же вопросу. Крестьяне поровили отдать отвѣтъ на предложеніе и, не смотря на указаніе, что написаніе уставныхъ грамотъ не можетъ быть отдалено, всякій разъ кончали тѣмъ, что просили подождать *слышнаго часа*. Известно, что тѣ крестьяне, которые въ моментъ освобожденія вовсе не имѣли земли, ¹⁾ могли по положенію 19 февраля получить четверть нормального надѣла, но могли также и отказаться отъ него. Ожиданіе *слышнаго часа* повело къ тому, что безземельные крестьяне, не взявъ четвертнаго надѣла своевременно, затѣмъ вовсе потеряли на него право и остались безъ клочка пахатной земли тамъ, гдѣ весь ихъ бытъ основанъ на хлѣбопашествѣ...

Въ іюнѣ (1861 г.) получилъ я письмо отъ В. Н. Забѣлы (поэта), въ которомъ онъ „спѣшилъ извѣстить“ меня, что „его сіятельство господинъ начальникъ губерніи“ поручилъ ему передать мнѣ, чтобъ я пріѣхалъ въ Черниговъ для полученія желаемого мѣста. Дѣло въ томъ, что В. Н. Забѣла очень любилъ знакомиться со всякимъ „начальствомъ“. Будучи содержателемъ почтовой станціи въ г. Борзнѣ, черезъ которую проходила „московскій“ почтовый трактъ, Забѣла нерѣдко встрѣчалъ на этой станціи то или другое „начальство“ и тогда спѣшилъ ему представиться и по возможности познакомиться. Такимъ образомъ З—ла разъ встрѣтилъ на борзенской станціи князя Паскевича, представился ему, поднесъ своей наливки и за эту любезность былъ приглашенъ въ Гомель. Конечно, приглашеніе это было принято, и затѣмъ Забѣла очень любилъ повторять рассказъ о

¹⁾ Т. е. тѣ крестьяне, у которыхъ полевые земли цѣлкомъ были отобраны помѣщиками, при чемъ отобранныя земли обрабатывались безземельными крестьянами изъ части урожая.

своимъ визитѣ кн. Паскевичу, въ Гомель... Не знаю, гдѣ Забѣла встрѣтилъ Голицына, но приглашеніе послѣдняго, о моемъ пріѣздѣ въ Черниговъ, я, съ удивленіемъ, получилъ чрезъ Забѣлу. Приглашеніе губернатора показывало, что Милютинъ общаеіе свое исполнилъ.—Я поспѣшилъ въ Черниговъ и, облекшись во фракъ, явился въ губернаторскій домъ. Разговоръ съ губернаторомъ былъ коротокъ.

— Желаете служить по крестьянскимъ учрежденіямъ?

— Очень желаю, ваше с—ство.

— Я получилъ письмо отъ Н. А. Милютина и желаемое вами мѣсто согласенъ вамъ предоставить. „Свои люди—сочтемся!“ закончилъ губернаторъ, разумѣя „своимъ“ человѣкомъ Милютина.

Но когда Голицынъ спросилъ мои документы, то оказалось, что таковыхъ у меня не было, такъ какъ въ это время я служилъ въ археографической комиссіи; слѣдовательно, нужно было списаться съ начальствомъ послѣдней, чтобы оно сказало о немѣнни препятствій на перемѣщеніе въ крестьянскія учрежденія. Губернаторъ обѣщаль списаться, а пока получитя отвѣтъ, я былъ свободенъ и уѣхаль домой.—Передъ отъѣздомъ, я зашелъ къ близкому пріятелю одного изъ моихъ братьевъ, бывшему тогда предсѣдателемъ черниговской палаты гражданскаго суда, Р. Д. Т—нѣ. Прежде онъ занималь должность секретаря дворянскаго собранія, т. е. секретаря губернскаго предводителя или правой руки послѣдняго, пользовался большою извѣстностью въ губерніи, какъ за безкорыстіе, такъ и за участливое отношеніе къ ходатайствамъ всякаго состоянія протестителей. Изъ нѣсколькихъ фразъ Р. Д. Т—ны, можно было видѣть, что это не только честный и добрый чиновникъ, но и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ довольно образованный и развитый. Сочувственно относясь къ крестьянской реформѣ, Тризна замѣтилъ мнѣ, что о новомъ губернаторѣ дать окончательное заключеніе—что онъ за человѣкъ—нельзя еще, но что выбранный имъ секретарь крестьянскаго присутствія, В. Д. Заика, несомнѣнно выходитъ изъ ряда обыденныхъ чиновниковъ по своимъ способ-

ностимъ, при чемъ, какъ человѣкъ молодой, онъ, Заика, кромѣ того, горячо относится къ крестьянскому дѣлу и несомнѣнно можетъ имѣть самое желательное вліяніе на ходъ этого дѣла въ сферѣ своей дѣятельности. ¹⁾

II.

На желаемую должность я былъ опредѣленъ въ концѣ августа, а съ сентября началась и моя служба.

Я уже сказалъ, что въ „Положеніяхъ“ обязанности этой должности не были обозначены. Не могъ обязанностей этихъ предуказать и губернаторъ, по совершенной новизнѣ дѣла. Известно было лишь, что министръ вн. дѣлъ,—въ циркулярѣ губернаторамъ о томъ, что за люди должны быть опредѣляемы на эту должность,—писалъ, что отъ нихъ требуется прежде всего полное сочувствіе крестьянскому дѣлу... Циркуляръ этотъ исходилъ отъ только что назначеннаго тогда министромъ Валуева...

Членовъ отъ правительства мировыхъ сѣздовъ въ черниговской губ. полагалось четыре; между ними должны были быть распредѣлены пятнадцать уѣздовъ губерніи. На эту должность были назначены, кромѣ меня, П. Г. Борсукъ, А. В. Марковичъ и—не помню имени—Лузановъ. Борсукъ († 1893 г.), студентъ кіевского университета, получилъ это мѣсто по рекомендаціи Г. П. Галагана, у котораго онъ былъ передъ тѣмъ домашнимъ секретаремъ. Это былъ молодой человѣкъ, молчаливый, скромный, но въ тоже время съ характеромъ, и вполне преданный идеѣ освобожденія крестьянъ. Кромѣ того, Б—къ хорошо былъ подготовленъ къ дѣлу потому, что съ крестьянскимъ положеніемъ знакомился еще до его напечатанія, при посредствѣ Галагана,

¹⁾ В. Д. Заика умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, занимая мѣсто директора одного изъ д—товъ м—ва вн. дѣлъ.

по порученію котораго разбиралъ документы на „собственныя земли“ галагановскихъ крестьянъ.¹⁾ Какъ у члена съѣздовъ, у Б—ка была еще отличительная черта, кромѣ предварительнаго знакомства съ „Положеніями 19 февраля“, заключавшаяся въ близкомъ знакомствѣ съ условіями крестьянской жизни. Родившись подъ Нѣжиномъ, онъ въ Нѣжинѣ окончилъ и образованіе (въ кievскій университетъ Б—къ поступилъ послѣ окончанія нѣжинскаго лица); такимъ образомъ, отъ рожденія и до окончанія лица, Б—къ жилъ *дѣла*, въ той средѣ мелкопомѣстныхъ *панковъ*, которая тѣсно связана была съ крестьянствомъ и ежедневно наблюдала экономическія и всяческія другія условія жизни послѣдняго.—Своимъ знаніемъ дѣла и своею скромною настойчивостью, Б—къ имѣлъ большое вліяніе въ съѣздахъ, направляя на правый путь тѣ дѣла, которыя, по неопытности или по другимъ причинамъ, посредники рѣшали съ отступленіями отъ закона.

Другой членъ съѣздовъ былъ А. В. Марковичъ, извѣстный знатокъ малорусской народности и мужъ писательницы, извѣстной подъ именемъ Марка Вовчка.²⁾ Дѣятельность М—ча въ съѣздахъ едва-ли была особенно полезна, такъ какъ онъ не способенъ былъ къ хладнокровному обсужденію дѣла... Третій членъ

¹⁾ Къ характеристикѣ Б—ка можно еще добавить, что это былъ очень талантливый актеръ, удивившій черниговцевъ 12-го февраля 1862 г., когда онъ сыгралъ роль выборнаго въ «Наталкѣ-Полтавкѣ» (См. Основа, 1862 г., № 3, стр. 71—75). Заглавную роль при этомъ играла О. Н. Ш., которая при своей миловидности, еще и пѣла очень хорошо. Спектакль этотъ прошелъ до того удачно, что, по общему настоятельному желанію, онъ былъ чрезъ нѣсколько дней повторенъ. П. Г. Б—къ опять исполнялъ роль выборнаго, удивляя пріятелей своею рѣшимостью—выйти на театральные подмостки. Но когда, весной того-же года, Б—къ повѣнчался съ «Наталкой-Полтавкой», пріятелямъ его стало ясно—что влекло актера на черниговскую сцену...

²⁾ О Марковичѣ см. Киевск. Стар. 1892 г., сентябрь.

сѣздовъ—изъ учителей гимназіи,—былъ человекъ, сколько помню, довольно равнодушный къ новому его дѣлу.

Прежде чѣмъ началась наша членская дѣятельность, т. е. прежде чѣмъ открылись засѣданія сѣздовъ мировыхъ посредниковъ, мы присматривались и прислушивались къ тому, о чемъ говорилось въ засѣданіяхъ губернскаго присутствія, куда губернаторъ насъ постоянно приглашалъ.

Здѣсь я нахожу не лишнимъ сказать о начальной дѣятельности черниговскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, заимствуя для сего свѣдѣнія изъ *журналовъ* присутствія, которые, по распоряженію губернатора, печатались: въ полномъ видѣ—для всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу, и въ сокращеніи—для всеобщаго свѣдѣнія, въ губернскихъ вѣдомостяхъ.¹⁾

Новый губернаторъ (Голицынъ) вступилъ въ должность 14 марта и на первомъ представленіи ему губернскихъ чиновниковъ, въ своей рѣчи къ нимъ, сказалъ между прочимъ слѣдующее. „Во главѣ предстоящихъ намъ занятій стоитъ приведеніе въ исполненіе великаго двухъ-сословнаго преобразования. Первый шагъ этого дѣла былъ совершенъ еще до моего приѣзда. Всемиловѣйшій манифестъ обнародованъ 9-го марта и въ настоящую минуту нѣтъ мѣста въ черниговской губерніи, въ которомъ онъ не былъ бы извѣстенъ. Высочайше утвержденныя положенія о крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, ожидаются мною съ-часу на-часъ; немедленно по полученіи, онѣ будутъ разосланы по всей губерніи.—Засимъ намъ будетъ предстоять святое дѣло введенія въ дѣйствіе этихъ положеній. На мнѣ и товарищахъ моихъ по губернскому присутствію лежитъ значительная часть этого труда... Помѣстное дворянство наше, безъ сомнѣнія, значительно облегчитъ намъ

1) Журналы губ. присутствія заключаютъ въ себѣ полную исторію—какъ вводилась въ черниговской губерніи реформа 19 февраля 1861 г., разумѣется съ опущеніемъ нѣкоторыхъ *закулисныхъ* добавленій. Жаль только, что полные экземпляры этихъ журналовъ найти теперь почти невозможно.

это дѣло. Оно выступило бодро и честно на встрѣчу преобразованія; оно и теперь, всѣми мѣрами будетъ способствовать ускоренію развязки, равно необходимой для охраненія всѣхъ вообще интересовъ...“¹⁾ Черезъ два дня послѣ этого, 16 марта открыто было губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе въ составѣ: губернатора, губернскаго предводителя, управляющаго палатою государственныхъ имуществъ, губернскаго прокурора и членовъ присутствія, А. И. Лизогуба и И. Г. Есимонтовскаго.— Второе засѣданіе, происходящее 20 марта, было прервано „по случаю внезапнаго прибытія фельдъегерей, привезшихъ назначенные для помѣщичьихъ имѣній экземпляры Высочайше утвержденныхъ *Положеній* о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, почему предсѣдатель закрылъ засѣданіе, такъ какъ ему необходимо было распорядиться немедленною разсылкою сихъ *Положеній* по уѣздамъ“. Слѣдующія засѣданія происходили 27 и 31 марта, 11, 12, 13, 17 апрѣля, 11, 13, 17, 18, 22, 24, 30 мая и т. д. Какъ видно, засѣданія происходили очень часто, при чемъ уже съ апрѣля мѣсяца, присутствіе функционировало въ составѣ четырехъ своихъ членовъ, А. И. Лизогуба И. Г. Есимонтовскаго, Г. П. Галагана и П. А. Васильчикова. Предметами главныхъ занятій присутствія—за это время—было составленіе формъ для уставныхъ грамотъ и распоряженія объ открытіи сельскихъ обществъ. Относительно послѣднихъ, губернаторъ, въ одномъ изъ засѣданій присутствія, заявилъ, что скорѣйшее открытіе сихъ обществъ неминуемо должно повести къ успокоенію возбужденныхъ во многихъ мѣстностяхъ губерніи умовъ крестьянъ. Къ сожалѣнію, отдѣльные факты, указывавшіе на такое „возбужденіе умовъ“ едва ли записаны... Открытіе сельскихъ обществъ произведено было, подъ наблюденіемъ предводителей дворянства, исправниками и становыми приставами. Засимъ, въ майскихъ засѣданіяхъ присутствія обсуждался въ высшей степени важный вопросъ для черниговской губерніи—опредѣленіе тѣхъ мѣстностей, гдѣ могло быть введено „великороссійское по-

1) Черниг. губ. вѣд. 1861 г., № 12.

Томъ 72.—Мартъ, 1901.

ложеніе“, выгодное для помѣщиковъ и невыгодное для крестьянъ. Три уѣзда — суражскій, новозыбковскій и стародубскій — уже въ началѣ мая заявили въ губернскомъ присутствіи ходатайство „о повсемѣстномъ введеніи въ этихъ уѣздахъ великороссійскаго положенія“. По закону (ст. 3 мѣстн. малорос. положенія) великорос. положеніе разрѣшалось вводить въ шести уѣздахъ черниговской губерніи: въ трехъ названныхъ и еще — мглинскомъ, новгородсѣверскомъ и глуховскомъ, но при этомъ требовалось „*обоюдное соглашеніе* между помѣщикомъ и крестьянскимъ обществомъ, засвидѣтельствованное мировымъ посредникомъ“. А помѣщики названныхъ уѣздовъ желали сдѣлать это положеніе *повсемѣстно* (въ уѣздахъ) *обязательнымъ для крестьянъ*. Къ нимъ присоединились и помѣщики сѣверной части сосницкаго уѣзда. Дѣло это велъ въ губерніи *членъ отъ правительства* И. Г. Есимовскій. Будущій историкъ крестьянской реформы въ черниговской губерніи расскажетъ эпизодъ объ обязательномъ введеніи въ ней великорос. положенія, при чемъ вѣроятно, окажется, что *повсемѣстному* (въ названныхъ пяти уѣздахъ) введенію его едва ли было мѣсто...

Въ маѣ мѣсяцѣ выбирались и назначались мировые посредники. Въ засѣданіи присутствія 6 іюня, губернаторъ по этому поводу заявилъ: „по совѣщанію съ губернскимъ и уѣздными предводителями дворянства, я предположилъ учредить въ губерніи 57 мировыхъ участковъ. Приглашеніе лицъ къ занятію во всѣхъ этихъ участкахъ должностей мировыхъ посредниковъ мною сдѣлано. 52 посредника, изъявившихъ мнѣ свое согласіе, введены уже мною въ отправление этихъ должностей. Отъ остальныхъ ожидаю я отзывовъ“. Въ іюнѣ мѣсяцѣ послѣдовало открытіе волостей, и дѣятельность губернскаго присутствія вступила за симъ въ опредѣленную закономъ колею — „введенія въ дѣйствіе положеній 19 февраля“, т. е. руководства при составленіи уставныхъ грамотъ, выкупныхъ, договоровъ и др. актовъ, которыми неопредѣленныя условія крѣпостнаго состоянія уничтожались и замѣнялись различными юридическими формами, точно въ законѣ опредѣленными, уже *свободнаго* состоянія крестьянъ...

Засимъ продолжаемъ наши личныя воспоминанія.

III.

„Приглашеніе лицъ къ занятію должностей мировыхъ посредниковъ“ — было важнѣйшею изъ функцій, возложенныхъ закономъ на губернаторовъ при „введеніи въ дѣйствіе положеній 19 февраля 1861 г.“ Мировые посредники являлись главными дѣятелями великой реформы, главными ея исполнителями. Какъ же произведено было это «приглашеніе» въ черниговской губерніи?— Хотя послѣдняя и не была чужою кн. Голицыну, такъ какъ онъ имѣлъ въ ней богатая имѣнія (въ нововыбковскомъ уѣздѣ), будучи однимъ изъ наслѣдниковъ Румянцева-Задунайскаго, ¹⁾ но такъ какъ Голицынъ почти постоянно жилъ за границей, то, разумѣется персоналъ черниговскаго дворянства, даже сѣверныхъ уѣздовъ, ему былъ почти совсѣмъ не знакомъ. Приходилось, значить, при выборѣ посредниковъ руководствоваться чужими мнѣніями.

Но что же за человекъ былъ самъ губернаторъ, на обязанности котораго лежалъ выборъ почти 60-ти *лучшихъ людей* въ губерніи?—Кн. С. П. Голицына я близко зналъ, впоследствии, какъ губернатора и какъ частнаго человека, и, не обинуясь скажу, что это былъ безусловно честный и добрый человекъ, а къ тому же безсребренникъ. Жена его, при такой же добротѣ, какою отличался и мужъ, имѣла еще и недюжинный умъ. Голицынъ учился въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ (его товарищемъ былъ Лермонтовъ) и затѣмъ служилъ въ преображенскомъ полку. Онъ рано женился на фрейлинѣ, гр. Л. П. Апраксиной, которая, при своей красотѣ, блистала, говорятъ, при дворѣ. Женившись, Г—нъ скоро оставилъ военную службу и былъ назначенъ однимъ изъ *attache* при русскомъ посольствѣ въ Штутгартѣ, гдѣ княгиня Г—на снискала сердечную привязнь королевы Ольги Николаевны, дружескимъ расположеніемъ ко-

¹⁾ Мать кн. С. П. Голицына, В. С. Кагульская унаслѣдовала имѣнія гр. С. П. Румянцева.

торой пользовалась и потомъ. Въ Штутгартѣ Г—нъ прожилъ до 1859 г., когда былъ назначенъ членомъ редакціонной коммисіи, какъ говорятъ, по указанію самого Государя. Вотъ въ это то время Г—нъ, желая познакомить русское крестьянство съ предстоящей реформой его состоянія, и напечаталъ свою неудачную „Печатную Правду“. У Г—на вообще была литературная жилка. Живя безъ дѣла въ Штутгартѣ, онъ перевелъ на французскій языкъ и напечаталъ книжку Щебальскаго о царевнѣ Софьѣ, а затѣмъ, будучи губернаторомъ, любилъ передѣлывать французскіе водевили на русскій ладъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ печаталъ. Строгий отзывъ Круже о „Печатной Правдѣ“ заставилъ Г—на куда то далеко запрятать эту книжку, и затѣмъ авторъ никогда о ней уже и не упоминалъ.

Когда въ нач. 1861 г. смѣнено было нѣсколько старыхъ губернаторовъ и замѣнено новыми, въ виду предстоящей имъ дѣятельности въ крестьянской реформѣ, смѣненъ былъ и черниговскій губернаторъ, бывший передъ тѣмъ харьковскимъ губ. предводителемъ дворянства, К. П. Шабельскій, а вмѣсто его назначенъ кн. Голицынъ.

Губернскій персоналъ чиновниковъ, близко стоявшихъ къ губернатору, былъ въ это время слѣдующій.

Вицегубернаторское мѣсто анималъ Ш., который будучи близкимъ родичемъ очель вліятельнаго тогда въ Петербургѣ С—на, держалъ себя довольно высокомерно, почему Г—нъ, съ первыхъ же дней, сталъ его сторониться. ¹⁾

1) Ш. скоро почувствовалъ свою ошибку въ отношеніяхъ къ Г—ну, но уже не могъ съ нимъ сойтись. Непріязненные свои отношенія къ Г—ну Ш. выражалъ довольно странно. Книгиня Голицына впоследствии рассказывала мнѣ, напр., такую выходку Ш. Когда въ нач. 1862 г. ставилъ въ Черниговѣ любители *Наталку-Полтавку*, то въ этой постановѣ принималъ большое участіе Г. П. Галаганъ, помогая юнымъ актерамъ своимъ знаніемъ народнаго быта, за что былъ обвиняемъ уже и тогда въ пристрастіи къ роднѣ... Въ вечеръ представленія *Наталки*, когда Голицынъ былъ тоже въ театрѣ, Ш. пріѣхалъ къ княгинѣ Голицыной (почти никуда не выѣзжавшей)

Губернскимъ предводителемъ былъ Н. П. Бороздна, занимавшій это мѣсто лѣтъ пятнадцать уже до того, человекъ очень искусный въ дворянскихъ дѣлахъ, но довольно равнодушный ко всякому дѣлу, даже и крестьянскому, тѣмъ болѣе, что въ это время онъ думалъ только о губернаторствѣ, которое ему было настоятельно обѣщано. А затѣмъ, въ губернской администраціи былъ еще близкій къ губернатору человекъ—правитель его канцеляріи. Эту должность занималъ тогда Х., разславленный „Искрой“ на всю Россію подъ именемъ *Ханушина*... Не могу не сказать нѣсколько словъ объ этомъ типичномъ представителѣ дореформеннаго чиновничества. Х., послѣ прохожденія курса въ уѣздномъ училищѣ, поступилъ въ губернаторскую канцелярію, разумѣется, писцомъ; а затѣмъ, во время губернаторства П. И. Гессе, сдѣлался помощникомъ тогдашняго правителя канцеляріи Оболенскаго.¹⁾

Это было время очень памятное для черниговскихъ старообрядческихъ слободъ, такъ какъ въ сороковыхъ годахъ, по представленію мѣстной администраціи, для раскольничьихъ слободъ черниговской губерніи, съ цѣлью противодѣйствія расколу, было учреждено нѣсколько новыхъ полицейскихъ должностей, подъ именемъ *помощниковъ становыхъ приставовъ*, на обязанность которыхъ возлагалось наблюденіе за нераспространеніемъ раскола и за появленіемъ раскольничьихъ поповъ... Назначеніе на эти должности, до Голицына, говорили, приносило тогда губернской канцеляріи особый и солидный доходъ.. Х. получилъ мѣсто правителя канцеляріи послѣ ухода Гессе, при губернаторѣ Анненскомъ, а можетъ быть и Шабельскомъ. Чѣмъ выслужилъ эту должность сей Х., я никакъ не могъ понять, когда уже близко

и, какъ бы изъ участія, произнесъ такую фразу: „вотъ вы, княгиня, сидите здѣсь спокойно и не подозреваете, что въ этотъ моментъ черниговцы будутъ ставить Галагана на гетманство...“ Разумѣется, расчетъ былъ тотъ, чтобы наугадъ жену губернатора..

1) Позже—товарища прокурора казанской судебн. палаты, человека тоже очень замѣтнаго...

зналъ этого чиновника. Необразованный, 'неумный, малограмотный, грубый Х. не могъ быть, повидимому, желаннымъ правителемъ для двухъ послѣднихъ предшественниковъ кн. Голицына, потому что и Анненскій, и Шабельскій были, какъ всѣ говорили, людьми безупречными... Одною чертою своего характера выдѣлялся Х.—своимъ низкопоклонствомъ и грубою лестью... Быть можетъ, что предшественники Голицына ловились на удочку этой грубой лести... Какъ бы то не было, но Х. сдѣланъ былъ правителемъ губернаторской канцеляріи и вмѣстѣ съ этимъ получилъ большее вліяніе на выборъ полицейскихъ чиновниковъ, а въ томъ числѣ и чиновниковъ на доходныя мѣста въ раскольничьихъ слободахъ. Такого правителя канцеляріи засталъ Голицынъ, при чемъ ему хорошо было извѣстно и прозвище его *Ханушинымъ*.

Ни Бороздна, ни Ш., ни Х.—никакой помощи Голицыну въ знакомствѣ съ контингентомъ мировыхъ посредниковъ оказать не могли. Кромѣ того, Голицынъ не нашелъ въ своей канцеляріи ни одного чиновника, котораго могъ бы приблизить къ себѣ: все это были люди безъ образованія и съ сомнительной репутаціей или же бездарные.—Но былъ въ Черниговѣ въ это время управляющій палатою государственныхъ имуществъ П. Л. Левдикъ (изъ стародубскихъ козаковъ), человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, умный и съ безупречною репутаціей. Вотъ этотъ то Левдикъ и указалъ Голицыну на молоденькаго чиновника своей палаты В. Д. Заику, способностей котораго нельзя было не замѣтить его умному начальнику. Голицыну не изъ кого было выбирать секретаря крестьянскаго присутствія и онъ пригласилъ на это мѣсто Заику. Послѣдній, кромѣ замѣчательныхъ своихъ редакторскихъ способностей, былъ еще, кромѣ того, постоянно привѣтливый и общительный человѣкъ, очень располагавшій къ себѣ людей, которымъ приходилось имѣть съ нимъ дѣло. Голицынъ скоро оцѣнилъ Заику, которому и сдалъ на руки канцелярскую часть крестьянскаго присутствія. Большая часть серьезныхъ „циркуляровъ“ и другихъ „бумагъ“ писались Заикою, (впрочемъ Голицынъ и самъ могъ ихъ писать и нерѣдко писалъ), и нѣтъ сомнѣнія, что будущій

историкъ крестьянской реформы въ черниговской губерніи отмѣтитъ выдающуюся дѣятельность перваго секретаря губернскаго присутствія. — Будучи студентомъ кievскаго университета, Заика, кромѣ того, зналъ тѣхъ своихъ товарищей по ученію, изъ черниговскаго дворянства, которые могли стать въ ряды желанныхъ мировыхъ посредниковъ. Указаніями Заики, по сей части, Голицынъ тоже воспользовался, и не ошибся. Кромѣ Заики, Голицынъ надежныхъ совѣтниковъ пріобрѣлъ себѣ, но гораздо позже, въ нѣкоторыхъ членахъ дворянствъ губернскаго присутствія, которыхъ числомъ было четыре: два — по назначенію отъ правительства, а два — по выбору дворянства. Въ черниговскомъ присутствіи первыми были: Г. Ц. Галаганъ и И. Г. Есимонтовскій, а вторыми — А. И. Лизогубъ и П. А. Васильчиковъ. Вотъ при такихъ условіяхъ Голицынъ и намѣтилъ тѣхъ людей, которыхъ онъ затѣмъ пригласилъ на мѣста посредниковъ. Разумѣется, не обошлось тутъ и безъ предстательства, за родичей и близкихъ людей, отъ разныхъ мѣстныхъ тузовъ. Голицынъ сдѣлалъ нѣсколько уступокъ этимъ ходатайствамъ, при чемъ впоследствии оказалось, что назначенные по этимъ протекціямъ посредники оказались не изъ лучшихъ... Выборъ остальныхъ, въ общемъ, былъ болѣе или менѣе удаченъ, какъ увидимъ ниже.

А теперь скажемъ о членахъ крестьянскаго присутствія, имѣвшихъ большое вліяніе на ходъ крестьянскаго дѣла въ губерніи.

А. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.

(Продолженіе ¹⁾).

11. Кровосмѣшеніе и дѣтоубійство.

Полтавскій козакъ Данило Клитненко женатъ былъ на вдовѣ, имѣвшей сына. Своихъ дѣтей у него не было, и онъ выростилъ „пасерба“ (пасынка), какъ родного, женилъ его и надѣялся въ старости имѣть въ немъ опору и утѣшеніе. Но въ началѣ 1698 г. этотъ „пасербъ“ неожиданно умеръ, скоро послѣ того умерла и жена Данила, и остался онъ лишь съ неродною невѣсткою-вдовою Параскою Жаданивною. Данило былъ далеко не старымъ человекомъ, а его невѣстка совсѣмъ была молодою, и не диво, что, живя вдвоемъ въ одномъ домѣ, впали они въ превеликій грѣхъ, прижили дитя и, боясь позора и кары, погубили его. Можетъ быть, преступленіе это осталось бы нераскрытымъ, но вслѣдъ за тѣмъ сами преступники стали испытывать такое мучительное душевное состояніе, что Данило отпра-
влялся къ своему духовнику, полтавскому протопопу о. Лукѣ Симеоновичу, повинился ему во всемъ и сталъ умолять наложить на него и на невѣстку самую тяжкую „покуту“ (епитимію), но снять съ ихъ совѣсти непосильную тяготу и вернуть имъ утраченный душевный покой. Старый протопопъ пришелъ въ ужасъ, выслушавъ Данилову исповѣдь, и сказалъ: „Безъ мѣры великъ твой грѣхъ, человекъ, и нѣтъ вамъ иного способа для его искупленія, какъ съ раскаяніемъ и покорностью волѣ Божіей

¹⁾ См. Кіев. Ст. № 2.

перенести ту кару, какую наложить земное правосудіе“,—и съ этими словами отправилъ Данила въ полковый судъ.

Вѣсть о неслыханномъ преступленіи Давила Клитненка и его невѣстки взволновала всю Полтаву, и много „значного козацтва“ и „славетного“ мѣщанства собралось въ ратушу, чтобы послушать, какъ будутъ судить великихъ грѣшниковъ. Съ видомъ глубокаго сокрушенія Данило и Параска предстали предъ судомъ и не таясь и не оправдываясь „сами на себе тотъ ганебный учинокъ признали“.

— Грихъ насъ, панове, спиткавъ,—винился Данило,—бо ще одъ святъ прошлыхъ воскресенскихъ знесиися я зъ Параскою, невесткою моею, мешкалы-сьмо по смерти жоны моеи въ едномъ дому, и грихъ полначы, прыжылысьмо дытя, дивчыну, и на морози держачы оное заморозылы и въ хыжи у землю закопалы, уходячы публѣкы свитовой и карности. Любо жъ (хотя) я еи, Параску, одъ того и одводывъ, лечъ (но) не мигъ еи въ тымъ погамоваты (удержать), бо вона мени сказала: „вольмо вже за грихъ терпаты у Бога кару, нижъ встыдъ межъ людьмы миты“; и такъ по еи воли и я дався и билысь одъ тои згубы не одводывъ, але и самъ на тое радывъ.

Параска ничего не сказала, потому что за горькимъ плачемъ не могла проговорить и слова.

Ни допроса свидѣтелей, которыхъ, впрочемъ, и не могло быть, ни извлеченія трупа погубленнаго ребенка, ни другихъ какихъ-либо слѣдственныхъ мѣръ судъ не призналъ нужнымъ производить: зачѣмъ все это, когда преступники сами во всемъ випились? Оставалось произнести декретъ.

Судъ, „познавши такой ганебный учинокъ Даныловъ и Парацинъ“, призналъ, что они повинны въ двухъ тяжкихъ преступленіяхъ: „прогнивалы Господа Бога“ тѣмъ, что, „въ сродстви будучы, допустилися такого спросного (гнуснаго) гриха, а що гише—поневажъ еще и плоду набувшы, оный згубылы“; и „вглянувши въ право посиолитое, (судьи) вынайшы въ Статутъ князства Литовского“ (роздѣлъ 11, артык. 60) такое постановленіе: „кды бы (если бы) которая бѣлая-голова, не живучи въ станѣ малженскомъ, але вшитечне ся и нерядне справуючи и такъ плоду набувши, а потомъ для встыду албо боязни караня тотъ плодъ сама албо черезъ кого иного стра-

тыла и о смерть приправовала, таковыя—яко тотъ, хто ся того чинити и плодъ такой губити подвизалъ, яко и тая, которая плодъ свой на страту дала, сами мають горломъ варани быти“. Въ виду этого судъ постановилъ: „тому жъ декретови и тыи двое збытечныи и явногришныи Даныло и Параска, невестка его, zostaly подлеглими“.

Осужденныхъ отвели на мѣсто казни, и тамъ они „подлугъ права, за свою такую ганебную вину, zostaly стяти“, т. е. имъ отрубили головы.

12. Расторженіе брака, какъ мѣра уголовного наказанія

Близка была отъ опасности впасть въ ту же „ганебную вину“ душегубства и полтавская мѣщанка Настя Цымбалистая. Была она женщина далеко немолодая, имѣла мужа и почти взрослую дочь. Мужъ занимался прасольствомъ, ѣздилъ то въ Сѣчь, то за Днѣпръ, то въ Слободскую Украину и по цѣлымъ годамъ не бывалъ дома; а легкомысленная жена, получая отъ него деньги на уплату долговъ, прогуливала ихъ „въ мылосныкомъ“ (любовникомъ) Грыгоромъ „винникомъ“ (винокурномъ) да справляла ему дорогіе жупаны. Это былъ заходій мастеровой человекъ, служившій на одномъ изъ винокуренныхъ заводовъ, какихъ въ то время было много въ Полтавѣ, и судя по имени (Грыгоръ=польск. Grzegorz) долженъ быть признанъ если не полякомъ, то выходцемъ изъ Бѣлоруссіи или правобережной Украины.

Что ни дѣлалъ несчастный Мартынъ, чтобы отвадить этого Грыгора отъ своей жены, ничто не помогало; пока онъ дома, Настя будто ведетъ себя „статечне“, какъ подобаетъ „мужней жонѣ“, а чуть мужъ со двора, она принимается за старое. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока осенью 1690 года Настя „неподивано набула плодъ“ и, боясь мужа и „свитовой публікы“, задумала отдѣлаться отъ него путемъ преступленія или сдать его на попеченіе виновника его дней, какъ поется въ дѣяніи:

Ой на тоби, коваче, дытыву,
 Бо, далеби, въ крошыву укыну:
 Я не хочу дытя годуваты,
 То не будуть люди мене знаты.

Къ чести Грыгора, слѣдуетъ сказать, что онъ не отвѣтилъ, какъ герой той же пѣсни:

Не моя прычына—не моя дытына:
 Сама есы, дурна дивко, ты у всѣму вынна.

Опасаясь, какъ бы Мартыныха и впрямь не сгубила ребенка, онъ пріискалъ ему кормилицу и нанялъ для нея помещеніе вдали отъ сосѣдей, въ предмѣстьи Полтавы, Павленкахъ. Но отъ любознательныхъ кумушекъ не скроешься и подъ землею: онѣ не спускали глазъ съ Мартыныхи съ первыхъ дней ея интереснаго положенія и прекрасно знали, гдѣ находится ея ребенокъ и что съ нимъ дѣлается.

Но вотъ спустя три мѣсяца кормилица была рассчитана, а ребенокъ куда-то исчезъ. Сосѣдки и кумушки пришли въ волненіе: куда Мартыныха дѣвала ребенка? Ужъ не „згладыла“ ли его со свѣта? Поволоновались день-другой и рѣшили, что нужно оповѣстить урядъ. И вотъ въ февралѣ 1691 г. ближайшая сосѣдка Меланка Кованьковна, обиженная тѣмъ, что Мартыныха не пригласила ее „бабовать“, отправилась въ полковый судъ и заявила слѣдующее:

— Панове! Мартыныха Цымбалыстая, боязны Божои забувшы и карая права посполытого, безъ бытности мужа своего Мартына, который у Сичи черезъ рокивъ два заставаъ, сподыла дытя зъ Грыгоромъ выныкомъ и породыла ёго сея прошлой осени, передъ святымъ Дымьтріемъ. Видаю я о тыхъ нецнотлывыхъ поступкахъ еи добре, бо тоди Настя, дочка Мартынышына, призвала мене до матери своєї, ажъ дытыву уже уродыла Мартыныха. Тамъ тоди стоявъ Яцько Лысый, выныкъ, и баба тїей дытыны, Хымка Семеныха. Яцько Лысый, выныкъ, и Олена Хведорыха, взявши тую дытыву, пишли до манастыра, абы тамъ еи охрещено—для того, щобъ въ поголощи людскій

тое Мартынышыне проступство не могло чынытыся. И я зъ нмы туды жъ ходыла. Охрещено тамъ тую дытynu руками отца Исхія, памисныка, и дано їй имя Настя. Зъ монастыра тоди, не несучи вже тїи дытны до Мартыныхы въ домъ, але прынесено ей до Сухыныхы старои въ хату. Тая жъ Олена Хведорыха, що була кумою, нанялася тую дытynu годоваты на чверть року за пять золотыхъ. А теперь не видаю, де тая дытна дилася. Поты моеи повисты.“

Судъ велѣлъ эту „повистъ“ записать, а бывшую „мамку“ и куму Олену Хведориху „припровадити“ на урядъ. Въ тотъ же день она была допрошена и показала такъ:

— Правда то есть, панове: хрыстыла я тую дытynu въ манастири изъ Яцькомъ выныкомъ; тамъ тоди була и Мелашка Кованькивна. По крещени зась, для пидпору свого убовства, взяла я тую дытynu годоваты на чверть року за пять золотыхъ. Перше зоставала я съ тїєю дытною въ Сухыныхы чотыри недили, и Сухыныси, що мя передержала зъ дытною чотыри недили, дала Мартыныха два золотыхъ. А одъ Сухыныхы пишовшы, промешкала я на Павленкахъ у Ивана Чыгыря висимъ недиль. Бильшь безъ нагороды годоваты я не хотила. Ажъ прыйхавъ туды, на Павленки, Яцько Лысый, выныкъ, кумъ Мартынышынь, съ которымъ я тую жъ дытynu хрыстыла у манастири. Прыйхавшы зъ якымсь чоловикомъ, повывавъ Яцько, що се прыятель Мартынышынь, въ Решетыливици жыветъ, и того чоловика жинка, взявши дытynu Мартынышыну одъ мене, повезлы не видаю куды. Поты моеи повисты“.

Судъ и эту „мову Оленыну“ записать велѣлъ.

Затѣмъ былъ призванъ кумъ Мартыныхы, Яцько Лысый, выныкъ, сослуживецъ и большой прыятель Грыгора, чѣмъ и обясыяется его заботливое участіе въ судьбѣ ребенка и въ сохраненіи тайны его рожденія. Яцька спросили: „Черезъ який способъ дытynu тую, взявши зъ Оленою Хведорыхою, пишылы вы до манастира хрыстыты, а не до парохіяльного презвытера?“

— Я, панове, не знаю, чія то дытна,—отвѣчалъ Яцько. Мене на улыци попрошено, Олена Хведорыха просмла, и пишылы-сьмо, тую дытynu перехрыстылы въ манастири.

— А що то за чоловікъ, що съ тобою прійїхавши на Павлиенки, до хаты Ивановой Чегырѣвой, взяли зъ рукъ Олены, кумы и мамы Мартынышыной, дытynu Мартынышыну? спросили судьи.

— Не знаю, не знаю,—„одпирася“ Яцько,—що то за чоловікъ зъ жоною своею, на Павлиенки прійїхавши зо мною, взяли у Олены тую дытynu.

Въ виду столь явнаго заперательства, судъ велѣлъ дать Яцька „пидъ кїевое караня“. У него тотчасъ развзался явкъ, и онъ сталъ молить:

— Не кажитъ мене, панове быты: я вамъ скажу самую правду. Такъ було, якъ Мелашка Кованькивна и Олена Хведорыха повидаютъ: не на улыци мене прошено тую дытynu Мартынышыну хрестыты, але зъ госпды еи, Мартыныхы, взявши, у хрещеня святое у монастыри увелы-сьмо; и того чоловіка, що зъ своею жинкою и зо мною прійїхавши на Павлиенки, у Олены тую дытynu узали, зовуть ёго Юхымомъ, а госпдыню ёго Орышкою, живутъ вони на сели Кгуджулахъ. Той Юхымъ Грыгорови тому, зъ которымъ Мартыныха сплodyла дытynu, братъ удругыхъ (т. е. двоюродный.) Бо почувшы Мартыныха, що мужъ еи скоро къ домови будетъ, просыла мене, абы я Грыгоровій невестци тую дытynu отдавъ; я на прозьбу еи чынывъ тое, отдавъ дытynu на село Кгуджулы до рукъ Орышкы, невесткы Грыгоровой.

Въ это время „миськи слугы“ привели въ судъ Настю Мартыныху Цымбалистую. „Не показуючы ей доводовъ тыхъ, що въ семъ свидомью вышей доложено“, судьи спросили Настю: „Чи правда есть тому, що ты, грихъ беззаконный поплывшы, сплodyла соби дытя зъ Грыгоромъ вынынкомъ?“

— Не знаю я того, панове,—отвѣчала крайне смущенная Настя.—Такъ то на мене люди говорятъ, але я не чуюся въ тимъ.

Тутъ судьи позвали Олену Хведорыху и велѣли ей уличать Настю. И „стала ий Олена, кума и мама, все въ очи выговоруваты, повидаютчы: „Чого таишся, Насте? Сплodyла-сь тое

дытя зъ Григоромъ, вынныкомъ, которое теперь, за провъбою твоею, одъ мене взявши, на Кгуджулы отдано.“

Настя, слушая это, горѣла отъ стыда „и зъ великого встыду мало вже що и одповидала“. Её велѣно взять „до вязеня“.

Наконецъ „зысканъ“ былъ и Григоръ, винокуръ. Онъ упорно „прився (отрицалъ) всихъ своихъ нецнотливыхъ поступкивъ“. Его не стали уличать, а просто велѣли дать „до вязеня“.

На другой день была допрошена Химва Семеныха, „що тій порожній Мартынышній дытны бабою була“. Она показала:

— Заввала мене, панове, Настя, Мартынышна дочка, въ хату, говорячы: „ходь, прави, маты моя недужа“. Я зась прыйду, ажь тилко тией дытны порожденя стало. Тоди мусила-мъ очыстыты по звычайу нашому“.

Въ этотъ же день были „припровоажени“ изъ с. Гуджуловъ, что близъ Полтавы, Юхымъ съ его женою Орышкою и съ ребенкомъ Насти Мартыныхи. Юхымъ „повѣдалъ“ такъ:

— Я не видавъ, що то за дытна, бо Яцько Лысий говорывъ мени такъ: „сестра, прави, моя вмерла и дытна тая осталась; давъ я бувъ ей годоваты мамци, такъ вона не схотила годоваты въ чужій хати“. А я певне не видавъ, чія то дытна.“

Этимъ закончено было судебное слѣдствіе, рѣшеніе же дѣла отложено до возвращенія въ Полтаву „акторской стороны“, то есть мужа преступной Насти, которая до того времени, вмѣстѣ съ Григоромъ, должна была оставаться въ заключеніи.

Лишь черезъ двѣ недѣли послѣ того вернулся домой—не на радость, конечно—Мартынь Цымбалистый, и на другой же день судъ занялся окончаніемъ дѣла о его женѣ. На судѣ Мартынь такъ жаловался на Григора винокура:

— Панове! Сей зрайца Григоръ вже одъ давного часу мешканя мое псуеть и не даетъ мени зъ жоною мешкаты, худобы моеи зъ моею Настею не мало поліотровалы (разграбили). Напоминавъ я незбожынка вилькокротне, щобъ мени встыду на домивеу не наволікавъ, але винъ, на тое не дбаючи, до

сыхъ часть зъ жоною моею мешкаючи, дытя (якъ теперъ я вывидавъ слупными доводамы) сплodyлы, убогый домъ мій привелы до нечесты. Я, убогый чоловікъ, черезъ еи власне у великыхъ довгахъ ставъ: що прышлю зъ Сичи и зъ иншыхъ сторинъ людямы виддаты, то вона зъ мылосныкомъ своимъ, зъ сымъ Грыгоромъ, прогуляеть, ще до того и жупаны ёму справляла. Воля мылостей вашыхъ, тилко жъ одъ сёго часу не хочу еи миты за жову. Прошу зъ оной справедливосты.

Судьи спросили Настю: „Чы зъ давныхъ вже часивъ зъ тымъ выныкомъ Грыгоромъ мешкаешъ?“

— Я того ничего не знаю,—продолжала играть роль угнетенной невинности Настя,—и не моя то дытыпа, що годовала мамка.

За то Грыгоръ пересталъ запирацца.

— Що жъ, панове,—винился онъ,—мешкавъ я много зъ Мартыныхою, пополнылы-сьмо беззаконный грихъ, въ которомъ гриху сплodyлы-сьмо дытя, якее мылостямъ вашимъ показувано. Правда, скоро воно уродылося, повидала мени Мартыныха: „Де хочъ, прави, ёго подишь: хочъ убый, хочъ дай мамци годоваты“. Тоди я, боячыся великого караня на себе, заказавъ ий, абы тои дытны не вбываючи, мамци дала годоваты, и на тымъ сталося съ порады моеи“.

Послѣ этого откровеннаго признанія Настя убѣдилась, что дальнѣйшимъ запирательствомъ она лишь напрасно вредить себѣ, и „вырекла тое“:

— Такъ есть, панове, гришыла я много зъ тымъ выныкомъ и уродыла тое дытя. Не могу ся вже проступку, встыду одъ людей, а надто гриха свого затаиты, тилько прошу мылостей вашихъ надъ собою змылованя.“

Судъ справился съ „правомъ посиолитымъ“ и въ книгѣ „Порядокъ“, на листѣ 132, нашолъ „декретъ“: „Чужоложникъ на горлѣ маеть бутя карань, а чужоложница абы была у пренкгера (позорнаго столба) быта и одъ права малженского оддалена“. Но тутъ за Грыгора стали ходатайствовать „люды задныи“ изъ числа присутствовавшей въ судѣ публики, можетъ

быть хозяева тѣхъ винокурень, которыя имъ были устроены. Судьи согласились смягчить ему кару и постановили такой приговоръ: „Чужоложника Грыгора любо (хоти), за прозъбою людей зацныхъ, караньемъ на горли даровалы-сьмо, однакъ прыказуемъ урядовне, абы винъ одъ сѣго часу куда хоти зъ миста (изъ города) пишовъ и не тилько въ самимъ городи Полтави, але и въ селяхъ полтавскихъ не мивъ свого жытла. А Настю Мартыныху, чужоложницю, не въ пренкгера, тилко на рынку, предъ народомъ посполитымъ, публице, киямы пробывшы добре, даемо на волю Мартынови: колы не хоче, респектуючы на диты, зъ нею спложены, прыняты онои Насти за жону, тоди, якъ доложено у „Порядку“ на листи вышей напысаномъ, одъ права малженского и мы отдаляемъ. А колы въ наступуючи часы винъ моглъ бы прыняты оную Настю за жону, то о тымъ впередъ въ суду духовного, птнимъ намъ, врядови, повывенъ оповыстытися“.

Въ этомъ декретѣ достойна вниманія весьма любопытная подробность. Въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, когда одинъ изъ супруговъ подвергался осужденію за чужеложство, Магдебургское право безусловно предписывало расторгненіе брака; между тѣмъ козацкій судъ, руководясь тѣмъ же параграфомъ Магдебургскаго права, постановляетъ декретъ о расторгненіи брака лишь условно, въ зависимости отъ желанія или нежеланія стороны невиновной. Это общая черта козацкой юстиціи—свободное отношеніе къ буквѣ закона и примѣненіе его лишь постольку, поскольку его предписанія не противорѣчили мѣстнымъ юридическимъ воззрѣніямъ и обычаямъ, отъ которыхъ дѣйствовавшее право терпѣло на каждомъ шагѣ болѣе или менѣе значительныя видоизмѣненія. Такъ и въ данномъ декретѣ предписаніе Магдебургскаго права потерпѣло видоизмѣненіе потому, что оно противорѣчило основному положенію мѣстнаго обычнаго права, по которому главнымъ факторомъ въ дѣлѣ расторгненія брака признавалась воля и согласіе самихъ супруговъ. Безъ нея даже юридическія и коновическія причины были бессильны сами по себѣ уничтожить брачный союзъ.

Разведенные такимъ способомъ супруги могли впоследствии возстановить свой брачный союзъ, что зависѣло, главнымъ образомъ, отъ воли и желанія невинной стороны; но въ такомъ случаѣ они обязывались предварительно заявить о томъ духовной власти и тому свѣтскому суду, по приговору котораго ихъ бракъ подвергся расторженію. Это опять черта мѣстнаго обычнаго права, не встрѣчающаяся ни въ одномъ изъ кодексовъ права Магдебургскаго. Повидимому, въ этомъ предписаніи рѣчь идетъ не объ испрошеніи у духовнаго и свѣтскаго уряда дозволенія на возстановленіе расторгеннаго брака, а лишь о такомъ формальномъ заявленіи, какое въ любой гражданской сдѣлкѣ договаривающіяся стороны обязывались сдѣлать передъ урядомъ, если хотѣли вновь возстановить законную силу добровольно уничтоженнаго ими соглашенія.

13. Супружеское право помилованія осужденнаго.

Если бъ Мартынь Цымбалистый захотѣлъ простить свою преступную жену, онъ не только имѣлъ право возстановить ея супружескія права, которыхъ она лишилась по судебному декрету, но могъ бы освободить ее и отъ той кары, къ какой она была приговорена.

Разъ судъ, подчиняясь возрѣніямъ обычнаго права и опасаясь нарушить интересы и права невиннаго супруга, нашель возможнымъ отступить отъ положительнаго требованія дѣйствующаго закона, то почему не итти и дальше въ этомъ направленіи? Если одна изъ мѣръ наказанія невѣрной жены—лишеніе ея супружескихъ правъ—ставится въ зависимость отъ согласія на то невиннаго мужа, то почему и другія мѣры наказанія за то же преступленіе не подчинить тому же условію? Въ тѣ времена даже на убійство и другія уголовныя преступленія смотрѣли прежде всего какъ на дѣянія, нарушающія частные интересы, и если, напримѣръ, убійца или воръ примирались съ потерпѣвшими и получали отъ нихъ прощеніе, то судъ, по большей части, освобождалъ ихъ отъ всякаго наказанія, высказывая

съ нихъ лишь свой судейскій доходъ, или „вину“. Почему же и на чужеложство и вообще супружескую невѣрность не смотрѣть съ частно-уголовной точки зрѣнія, какъ на преступное дѣяніе, болѣе всего наносящее ущербъ чести, интересамъ и вообще праву невиновнаго супруга? А если такъ, то какъ долженъ былъ поступить судъ въ такомъ случаѣ, когда невиновный супругъ заявлялъ на судѣ, что онъ прощаетъ виновнаго, хотя бы преступленіе его было доказано и онъ уже подвергся осужденію?

Такой именно случай произошелъ въ полтавскомъ полковомъ судѣ въ маѣ 1688 года.

Судились нѣкіе Педоръ Панченко и Гапка Панасыха, изъ с. Шостаковъ, пойманные на чужеложствѣ. Они „добровольно обою злость свою на себе визнавали“ и такъ винились:

— А що жъ, панове, нашъ то грихъ. Южъ то мієть буты рикъ, якъ пьяныхъ насъ дьяволъ звивъ и пополняли-сьмо вшетеченство, любо то въ Педора жона есть, а въ мене мужъ. Вольно вамъ, панове, зъ нами що хотиты чыныты: самую правду вамъ по-видаемо“.

Въ виду признанія подсудимыхъ, слѣдствіе признано было излишнимъ, и судъ произнесъ декретъ: „Поневажъ тіи проступци обою zostавали въ стану малженскимъ, поскромляючи такіи ро-спусты и вшетеченство, наказуемъ декретомъ нашимъ, ведле „Порядку“, въ части 4-й, на лысти 131, абы чужоложники Педоръ Панченко мечемъ бувъ каранъ, а чужоложница Гапка Панасыха у провѣга абы быта була и одъ права малженского оддалена“.

Но тутъ произошло нѣчто неожиданное: изъ среды присутствовавшей въ судѣ публики выступилъ Панасъ, мужъ осужденной Гапки, „и не допускаючи жоны своей подъ карность, прынявъ соби жону за жону“, а слѣдую его примѣру, „туть же и Зинька, Педорова жона, прынялася за мужа, пробачывши ёму той злый учынокъ вшетеченства“. Что оставалось дѣлать суду при этой умильной сценѣ? Не вырывать же было осужденныхъ изъ объятій невиновныхъ супруговъ, любовью и всепрощеніемъ покрывшихъ ихъ проступки. И судъ немедленно постановилъ другой декретъ: „и мы,

на жаданя ихъ (невиновныхъ супруговъ) изволившы, карностью ганебною оныхъ проступчивъ даруемъ, еднакъ вину паяскую и врядовую за проступство ихъ мають платыты“.

14. Разводъ мужа съ женой-воровкой.

Если Магдебургское право карало замужнюю женщину, обличенную въ прелюбодѣянiи, расторгенiемъ брачнаго ея союза съ невиновнымъ мужемъ, то въ этомъ законоположенiи не трудно усмотрѣть извѣстное логическое соотвѣтствiе между преступленiемъ и наказанiемъ, ибо чужеложство и по каноническимъ правиламъ признается достаточнымъ основанiемъ для законнаго развода. Но что сказали бы присяжные юристы, если бы кто-либо потребовалъ развода единственно на томъ основанiи, что его жена опозорила себя совершенiемъ какого-нибудь уголовнаго и при томъ легко наказуемаго проступка, напримѣръ кражей? Конечно, ученый юристъ призналъ бы такое требованiе абсурднымъ, такъ какъ данный проступокъ не имѣетъ никакого отношенiя къ сферѣ супружескихъ обязанностей провинившагося лица. Но это теоретическое соображенiе могло казаться мало убѣдительнымъ или даже вовсе непонятнымъ судьямъ изъ народа, простецамъ, незнакомымъ ни съ какими юридическими доктринами, а судившимъ преимущественно по внутреннему убѣжденiю о справедливости, и въ своихъ опредѣленiяхъ болѣе руководившимся правовыми воззрѣнiями и понятiями своей среды, нежели положительными велѣнiями писаннаго закона; а таковъ именно и былъ характеръ и составъ малороссійскихъ судовъ XVII ст. Не входя въ тонкости юридическаго анализа при рѣшенiи вопроса, почему именно прелюбодѣянiе служить препятствiемъ къ продолженiю брачнаго союза, козацкіе юристы могли усматривать это препятствiе въ томъ поворѣ, какимъ клеймилось прелюбодѣянiе въ тогдашнемъ обществѣ, при чемъ позоръ этотъ пятналъ не однихъ виновныхъ, но и членовъ ихъ семьи, ихъ рода и даже ближайшихъ ихъ потомковъ. Понятно, что съ

опозоренною такимъ образомъ женою тяжело было продолжать брачный союзъ невинному мужу. Но не меньшимъ позоромъ карало тогдашнее общественное мѣніе и лицъ, уличенныхъ въ кражѣ; отсюда народное правосудіе естественно могло прийти въ выводъ, что не одно чужеложство, но и воровство, а можетъ быть и вообще всякое позорящее преступленіе могло служить для невиннаго супруга законнымъ поводомъ требовать расторженія брака съ лицомъ, опозорившимъ себя и семью совершеніемъ преступнаго дѣянія.¹⁾ Вѣроятно, этимъ лишь можно объяснить, почему въ практикѣ козацкихъ судовъ были возможны дѣла и рѣшенія въ родѣ слѣдующаго.

Въ 1665 году въ Бориспольскомъ сотенномъ и вмѣстѣ ратушномъ судѣ разсмотрѣно было дѣло по обвиненію мѣстной обывательницы, жены козака Лукьяна Лихолапа, въ кражѣ „курты“ у нѣкоей Носачихи. Обвиняемая хотя запиралась, но не могла оправдаться въ приписываемомъ ей проступкѣ, и судъ готовъ уже былъ признать ее виновной. Но потерпѣвшая Носачиха заявила суду, что она „не настоуетъ“ на осужденіи Лихолапихи. Судьи, согласно обычаю, спросили мѣніе „мыра“, т. е. присутствовавшихъ на судѣ козаковъ и мѣщанъ, но „мырь весь едностайне крыкнувъ.“

— Колы той на настоѣтъ, кому шкода, а намъ на що?

Суду послѣ этого ничего не оставалось, какъ составить декретъ, по которому Лихолапиху „даровано жадною карністю“, т. е. она освобождена была отъ всякаго наказанія. Тѣмъ не менѣе судьи обратились къ присутствовавшему здѣсь же ея мужу Лукьяну съ вопросомъ: „Чи приймешъ еѣ собѣ за жону, якъ булы-сте впередь?“

Лукьянъ такъ „отповедилъ:“

— Пане вряде! Я не хочу еѣ мѣти собѣ за жону, колы вона ся тыхъ злыхъ речий (обвиненія) выводу собѣ не дастъ

¹⁾ Ниже, въ очеркѣ № 18, мы встрѣтимъ случай, что судъ угрожалъ зятю расторженіемъ его брака единственно за непочтительное обращеніе его съ тестемъ.

(т. е. не оправдается); а ежели бь дама выводь, що вона не есть тому причинцею, можна бь тому ричь. А теперь еь цураюся и не хочу за жону мѣти, болше неславы не хочу на собѣ носыты; а дѣти моѣ при мнѣ нехай застають.

Судьи, „выслушавшы мовы Лукьяановой: „ижь я цураюся еь“, казали оное дѣло признати и писару записати,“ т. е. узаконили заявленіе Лукьяна о расторженіи его брачнаго союза съ женою-воровкою на выраженныхъ имъ условіяхъ. Сверхъ того Лукьянъ просиль дать ему „писание, щобъ онъ напотомъ не мѣль жадной домовки“ (попрека) по поводу того, что его жена прокралась. Судь удовлетвориль и эту просьбу и выдалъ ему письменное удостовѣреніе такого содержанія: „якъ до сего часу Лукьянъ Лихолапъ цнотливимъ былъ, и теперь цнота (честь) его ни въ чомъ не нарушена, якъ заднымъ предъ тымъ былъ, и теперь задный. А хто бь мѣль важитися ему на цноту (посягать на его доброе имя), на собѣ самъ повесеть“.

Эготь декретъ былъ скрѣпленъ подписями не только членовъ суда: войта, бурмистровъ и нарочито „зосланныхъ на тую справу отъ пана полковника“ лицъ, но и нѣкоторыми изъ присутствовавшихъ на судѣ „на той справѣ задными и вѣры годными людьми“.

15. Д в у м у ж н и ц а.

До сихъ поръ мы видѣли, что козацкіе суды, отчасти основываясь на своеобразномъ пониманіи извѣстнаго параграфа Магдебургскаго права, свободно расторгали браки по причинамъ, ничега общаго не имѣющимъ съ каноническими предписаніями. Уже по одному этому можно судить, что принципъ неразрывности брачнаго союза въ убѣжденіяхъ людей той эпохи далеко не имѣлъ того абсолютнаго характера, какой ему придается церковными канонами; оттого и тогдашнія духовныя власти не протестовали противъ вторженія свѣтскаго суда въ такую область, которая во всѣхъ христіанскихъ обществахъ относилась всецѣло въ духовной юрисдикціи. Но жизнь народная шла дальше въ

этомъ направленіи, освящая обычаемъ еще болѣе рѣзкія отъелоневія отъ церковныхъ правилъ. Вообще можно сказать, что въ то время въ Малороссіи, какъ и въ другихъ западно-русскихъ областяхъ, брачныя отношенія все еще регулировались не столько каноническими предписаніями, сколько народными обычаями и преданіями, унаслѣдованными отъ предшествовавшихъ эпохъ.

Извѣстно, что еще въ XII в. не было на Руси у простыхъ людей церковнаго вѣнчанія; вѣнчались только бояре и князья. Однако, въ тѣ времена бракъ простыхъ людей былъ бракомъ не только въ глазахъ государства, но и въ глазахъ церкви. Многолѣтнія усилія церкви водворить исключительно церковную форму брака не могли быть безплодны: вліяніе христіанскаго закона мало-по-малу проникало въ глубь населенія, начиная съ верхнихъ его слоевъ; но еще въ XVI и XVII ст. въ правобережной Малороссіи и въ Бѣлоруссіи существовала двойственность возрѣвій на условія правильнаго совершенія брака: не только простой народъ, но и высшій классъ, бояре и земляне, продолжаетъ руководиться старинными возрѣвіями обычнаго права на бракъ, какъ на актъ чисто гражданскій, основанный на свободномъ договорѣ брачующихся сторонъ. А чтобы этотъ договоръ имѣлъ законную силу, необходимо было соблюденіе извѣстныхъ формъ, требовавшихся тогдашнимъ закономъ и обычаемъ. Законъ требовалъ, чтобы договоръ заключенъ былъ открыто, при свидѣтеляхъ, и оформленъ законнымъ документомъ, а обычай еще съ большею неотложностью требовалъ, чтобы выполненъ былъ стародавній обрядъ въ формѣ „весилья“, которое и до сего времени въ быту простого народа не утратило важнаго значенія въ дѣлѣ заключенія брака, а въ тѣ времена значило гораздо больше. Конечно, духовенство и тогда настаивало, чтобы бракъ былъ сверхъ того освящаемъ и церковнымъ обрядомъ, и нѣкто изъ благочестивыхъ намѣренно не противился этому требованію; но фактъ въ томъ, что бракъ почитался законнымъ и безъ церковнаго освященія, лишь были бы выполнены формы обычнаго права.

Точно такъ же и разводы сплошь и рядомъ совершались безъ участія духовной власти; для этого требовалось лишь, чтобы супруги, въ присутствіи свидѣтелей, выдали другъ другу такъ называемые тогда „роспустные листы“ и затѣмъ лично заявили ихъ передъ судомъ—духовнымъ или свѣтскимъ, послѣ чего обѣ стороны могли вступить въ бракъ съ другими лицами. Несогласная жизнь супруговъ считалась достаточнымъ поводомъ для расторженія брака по взаимному соглашенію; въ тѣхъ же случаяхъ, когда одинъ изъ супруговъ обвинялся въ прелюбодѣяннн и виновность его была доказана, судъ (не только духовный, но и свѣтскій) постановлялъ декретъ о расторженіи брака по требованію стороны невиновной.¹⁾

Все это можетъ быть подтверждено многочисленными и неопровержимыми свидѣтельствами въ видѣ предбрачныхъ контрактовъ, разводныхъ листовъ и другихъ документовъ, сохранившихся въ актовыхъ книгахъ юго-западнаго и сѣверо-западнаго края отъ XVI по XVIII ст. Въ лѣвобережной Малороссіи такія книги почти всѣ погибли или, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не разысканы; тѣмъ не менѣе имѣются пока многочисленные указанія, что и здѣсь брачный союзъ регулировался тѣми же воззрѣніями обычнаго народнаго права и при его заключеніи и расторженіи практиковались тѣ же порядки и формы, что и въ правобережной Малороссіи. Такія указанія встрѣчаются и въ тѣхъ судебныхъ актахъ, которые послужили матеріаломъ для нашихъ очерковъ. Вотъ наиболѣе опредѣлительное изъ нихъ.

Въ 1683 году въ Кишиньскомъ сотенномъ судѣ возникло дѣло по жалобѣ мѣстной козачки вдовы Ганны Петращиhi на свою „пасербицу“ (падчерицу) Гальку „о заданію соби отъ неи непочтывыхъ дѣлъ и нецнотливого имени“, т. е. о безчестьи.

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ—см. изслѣдованіи проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова въ области семейнаго права по документамъ Виленскаго и Витебскаго центр. архивовъ, а равно и наши статьи объ этомъ предметѣ въ «Русской Старинѣ» 1880 г., № 10, и въ «Кіевской Старинѣ» 1900 г. № 1.

Разслѣдованіемъ подтвердилось, что въ какой-то „бесиди,“ „при учтивыхъ жонахъ, Галька мачуху свою тыми словами публиковала: „тебе, мовить, отецъ мій въ Зинькови у стовпа (поворнаго) взявъ, ты-сь, мовить, курва“. По обычному порядку дѣло поступило для рѣшенія въ полтавскій полковный судъ, который предложилъ жалобщицѣ предварительно доставить отъ Зиньковскаго сотеннаго уряда свидѣтельство „о житю ей въ Зинькови и о поступкахъ ей жъ билоголовскихъ, коли оную небожчыкъ Петрашко соби за малжонку бравъ“. Въ назначенный срокъ обѣ стороны предстали предъ судомъ, причемъ Ганна Петращиха вручила предсѣдателю суда, полковнику Павлу Герцыку слѣдующій „лысть“ отъ Зиньковскаго уряда:

„Мосци пане полковнику полтавскій, велце намъ мылостывій пане и добродію! Въ заводи (тяжбѣ) Петращыхы, Кишиньской жылельы, зъ ей пасербыцею Галкою, которая публикуеть ей, Петращыху, ніякымысь нестатечнымы ричаы, якобы вона овде (когда-то) въ насъ, въ Зинькови, мила за проступокъ явыйсъ въ стовпа сыдты и якобы съ того вязеня небожчыкъ Петрашко оную взявъ въ стань малженскій, такъ до вашмосци пана пышемъ, що Галка Петрашкывна мачуси свой Петращыси жаднымъ (никакимъ) доводомъ слушнымъ реченого сромотного заданя довесты не можетъ, бо то не тилко намъ, урядови, свидомо о ей Петращышыныхъ статечныхъ поступкахъ, але и инші старынныи люде, видаючи о ей зъ першымъ мужемъ статечномъ мешканю, такого ей еццессу не прывзнають, яко жъ и панъ Мыкыта Безпалый, атаманъ нашъ городовый, старостою пидъ часъ ихъ акту весильного будучи, мовить, що тіей публіки на Петращыху не було. О тымъ вашмости, добродіеви нашому, выпысавшы, остаемъ на завше покорныи слугы: Оома Григоріевычъ, сотныкъ Зиньковскій, Мыкыта Безпалый, атаманъ городовый, Иванъ Матвіевычъ, войтъ зъ майстратомъ“.

Этимъ документомъ окончательно опровергались клеветническія сплетни, выдуманныя Галькою относительно мачехи. Но для большаго посрамленія строптивой и дерзкой „пасербицы“, судъ призналъ „за ричъ слушную“ собрать такія же справы о

ней самой, объ ея „житію и билоголовскихъ поступкахъ“. Съ такимъ запросомъ полковникъ обратился къ полтавскому протопопу Лукѣ Симеоновичу, который не замедлилъ прислать слѣдующій отвѣтъ:

„Мосципане полковнику, добродѣю мой! Совѣсти, на исповѣди открываемой священникови, не достоинъ откривати; а що ся дѣетъ всѣмъ явного о чиихъ нецнотахъ, тое оповѣдѣти не возбранно. Галка Петрашквина, мѣючи живого мужа, въ другимъ нецнотливимъ понялася и безъ благословенія моего и безъ вѣдомости парахияльного своего священника взяла шлюбъ. Дармо ся доброю менуетъ и нецноты свои приверненемъ славы покрыты услууетъ, выводячись въ якихъсѣ обмовокъ. Правда то, що корову въ неи отъ парахияльного преввитера взято, проте и еще не вольна есть жити съ симъ мужемъ, але розлученію подлежить, вгды жъ (такъ какъ), мѣючи живого мужа, съ симъ прелюбы творить, а не по закону Божію живетъ. А еще и не бравши съ симъ вторимъ мужемъ шлюбу, приобрѣла дѣтище, за що и я возьмемъ корову. Неналежная рѣчь, абы она съ симъ прелюбодѣемъ жила: конечно ихъ розлучити треба; тилко одъ того ся завше криеть, до сего часу не трафилосѣ ен зыскати. Тое милости твоей ознаймивши, застаю милости твоей всѣхъ добръ желатель и богомолецъ Лука Симеоновычъ, протопопа полтавский“.

Итакъ, мы узнаемъ, что Галька Петрашквина, не обращаясь къ духовному суду, развелась съ первымъ мужемъ и вступила въ новый бракъ съ другимъ лицомъ, при чемъ неизвѣстно, былъ ли этотъ бракъ вѣнчаннымъ, или дѣло обошлось однимъ „весильемъ“. Съ точки зрѣнія обычнаго права, Галька не совершила нарушенія закона, а потому и сама она искренно считала себя „доброю“, т. е. честною „мужнею женою“, и общество признавало законность ея второго брака. Будь иначе, ея открытое сожителство съ мужемъ явилось бы не чѣмъ инымъ, какъ явнымъ любодѣянїемъ; а въ тѣ времена въ Малороссіи не только явные, но и тайные прелюбодѣи подвергались немилосердному преслѣдованію: всякій, кто хотѣлъ (а въ охотникахъ не было

недостатка), имѣлъ право подстеречь ихъ „на зломъ учынку“, подвергнуть позорному клеймленію (урѣзать полы и связанными представить на урядъ), а судъ всегда подвергалъ ихъ тяжкимъ денежнымъ штрафамъ и позорнымъ наказаніямъ, а нерѣдко приговаривалъ и къ смертной казни. Но оказывается, что приходскіе священники и протопопы, стоя на почвѣ каноническихъ предписаній, нерѣдко заявляли свой протестъ противъ народныхъ обычаевъ въ области брачнаго права. Справедливость требуетъ замѣтить, что такіе протесты не всегда исходили изъ чистыхъ побужденій, т. е. изъ пастырской заботливости о народной нравственности и исполненіи церковныхъ законовъ. Еще въ XVI ст. южнорусскіе архіереи многократно громили подвластныхъ имъ протопоповъ и священниковъ за узурпацію единственно принадлежащаго епископу права совершать разводы, разрѣшать недозволенные канонами браки, судить прелюбодѣевъ и другихъ нарушителей церковныхъ законовъ и т. п.; а эта узурпація обусловливалась не столько іерейскимъ властолюбіемъ, сколько корыстью: вѣдь тогдашній судъ какъ свѣтскій, такъ и духовный, доставлялъ судьямъ значительный доходъ въ видѣ судебныхъ пошлинъ и штрафовъ, или „винъ“. Эта приманка могла сама по себѣ служить поводомъ духовенству для вмѣшательства въ область народныхъ обычаевъ, касающихся брачнаго права. Такъ было и въ данномъ случаѣ: за самовольный разводъ и вторичный бракъ приходскій священникъ отбираетъ у Гальки корову; въ то же время полтавскій протопопъ привлекаетъ Гальку къ своему суду за то, что она немного поторопилась стать матерью, и въ качествѣ судебной „вины“ тоже беретъ у нея корову. Простодушная Галька и ея мужъ навѣрное полагаютъ, что двумя коровами они въ достаточной мѣрѣ расквитались за неумышленное нарушеніе невѣдомыхъ имъ каноновъ, и надѣются, что теперь уже оставятъ ихъ въ покоѣ,—не тутъ то было: протопопъ попрежнему считаетъ Гальку двумужницей и требуетъ, чтобы она насильственно была разлучена отъ совмѣстной жизни съ „прелюбодѣемъ“, т. е. вторымъ мужемъ.

Впрочемъ, полковій судъ не выразилъ, что онъ придаетъ какое-либо значеніе этому требованію. Протопопское письмо ему понадобилось только лишь для посрамленія дерзкой падчерицы, которая, сама имѣя не совсѣмъ безупречное прошлое, осмѣлилась безчестить мачеху, ложно обвинивъ ее „въ непочтивыхъ рѣчахъ“. Въ своемъ декретѣ судъ призналъ Ганну Петрашиху „за невинную и доброе имя и почтивіе, статечные поступки мающую“, въ удостовѣреніе чего и въ огражденіе на будущее время ея неопороченной чести велѣлъ выдать ей посвидѣтельствовавшую копію настоящаго декрета; а Галька была признана виновной въ клеветѣ, и ей велѣно было публично признать, что она ложно „задавала мачусѣ своей ганьбы и непочтивости“, и „ревоковать“, т. е. взять назадъ свои „клямливыя речи“. И когда Галька исполнила все это, Ганна Петрашиха, согласно обычаю, „Галку, яко клеветницу свою власную, по щокахъ килька разовъ вдарила“. Откуда явился въ Малороссіи этотъ жестокий обычай—не умѣемъ сказать: ни въ Статутѣ, ни въ Магдебургскомъ правѣ о немъ нѣтъ и помину; но обычай этотъ неизмѣнно практиковался лишь въ дѣлахъ объ оклеветаніи женщинъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда невинно оклеветаннымъ оказывался мужчина, дѣло оканчивалось одной „ревокаціей“, безъ пощечинъ.

16. Вотчимъ и падчерица.

Передъ нами только что прошли мачеха съ падчерицей. Взаимныя отношенія между ними, какъ и слѣдовало ожидать, крайне враждебны. Конечно, степень обостренности этихъ отношеній—явленіе случайное; но, вообще говоря, мирныя, а тѣмъ болѣе любовныя отношенія мачехи къ нероднымъ дѣтямъ—феноменъ столь же рѣдкій, какъ и смоввы, выросшія на ивѣ, или изюмъ на липѣ, о которыхъ иносказательно говоритъ Даніилъ Заточникъ. Отчего мачеха не можетъ стать (иногда при всемъ желаніи) доброю матерью для пріемныхъ дѣтей—это вопросъ изъ области біологіи или психологіи, но никакъ не исторіи. Наша

наука можетъ лишь констатировать, что несимпатичный типъ мачехи въ своихъ существенныхъ чертахъ остается неизмѣннымъ во всѣ эпохи и у всѣхъ народовъ. Вліяніе расы, религіи, даже культуры не имѣетъ здѣсь почти никакого значенія, ибо опытъ свидѣтельствуетъ, что и образованныя женщины часто бываютъ безсильны до конца побороть въ себѣ неизменное чувство инстинктивной неприязни къ пасынкамъ и падчерицамъ.

Къ чести представителей „грубаго пола“ надо отнести, что они мало или вовсе не подтвержены этой странной идіосинкразіи. Въ то время, какъ въ народныхъ сказкахъ, напримѣръ, „злая мачеха“ только и дѣлаетъ, что злобно преслѣдуетъ и даже изводитъ со свѣта несчастную падчерицу, вотчимъ неизмѣнно рисуется, какъ добродушный и справедливый человѣкъ, съ одинаковою заботливостью относящійся къ роднымъ и нероднымъ дѣтямъ. И въ современномъ быту, не только среди культурныхъ классовъ, но и среди простонародья, какъ часто можно встрѣтить вотчимова, питающаго настоящую отцовскую привязанность къ пріемнымъ дѣтямъ и пользующагося съ ихъ стороны тою же любовью! Это—важное преимущество мужчины, свидѣтельствующее о превосходствѣ его ума, чувства справедливости и человѣчности.

Такимъ прекраснымъ вотчимова былъ и Решетилловскій козакъ Пасько Палѣнка. По смерти жены осталась на его попеченіи „пасербица“ (падчерица) Ивга; ¹⁾ онъ ее выростилъ, какъ родную дочь, и выдалъ замужъ за какого-то Грыцька Семченка. Зять оказался пьяницей, „ледащомъ“, часто колотилъ жену, поэтому она скоро бросила его и стала жить у вотчима. Какъ ни старался Грыцько вернуть Ивгу, однако не могъ этого добиться, потому что старый Палѣнка не позволялъ взять ее силой и какъ родную дочь защищалъ отъ насилій пьяницы мужа. Это приводило въ бѣшенство Грыцька, и онъ при содѣйствіи своего зятя, такого же пьяницы, Паська Гончаренка, сталъ распускать слухи,

¹⁾ Т. е. Евгенія. Въ подлинномъ актѣ это имя, согласно тогдашнему произношенію, пишется *Юга*.

будто бы Палёнка потому удерживаетъ у себя его жену, что живетъ съ нею „встетчно“. Не удовольствуясь этимъ, пріатели искали случая причинить Палёнкѣ еще большія неприятности. Однажды они застали его въ корчмѣ въ состояніи полнаго опьяненія. Гончаренко привязался къ нему и въ присутствіи нарочно приглашенныхъ пріателей и родственниковъ сталъ попрекать его, будто онъ состоитъ въ преступной связи съ падчерицей. Пьяный Палёнка бормоталъ что-то невнятное. Тогда Гончаренко крикнулъ присутствующимъ:

— Будьте, панове, свидками: Паліонка самъ визнаеть на себе, що чужоложить зъ Ювгою, и просыть мене, абы-мъ я того не розголошавъ. Ахъ ты жъ, нецното!“ и съ этими словами Гончаренко нанесъ пьяному старику нѣсколько пощечинъ.

Палёнка, конечно, пожаловался за эти побои и безчестье. Гончаренко оправдывался, что онъ „поличковаль“ (билъ по щекамъ) Палёнку, какъ явнаго прелюбодѣя, открыто признавагося въ гнусномъ преступленіи, и ссылался на свидѣтелей, которые утверждали, будто слышали изъ устъ самого Палёнки это признаніе; но решетиловскій сотенный судъ не принялъ во вниманіе этихъ оправданій и приговорилъ Гончаренка къ тюремному заключенію и крупному денежному штрафу. Тогда Гончаренко и его пріатели употребили другое средство: по ихъ наущенію, пьяный Грыцько подвараулилъ какъ-то свою жену, силою увелъ въ домъ своего родственника, подвергъ ее жестокимъ истязаніямъ, пекъ раскаленнымъ желѣзомъ и даже угрожалъ убить ее, требуя, чтобы она, для „вызволенья“ изъ тюрьмы его зятя, въ присутствіи все тѣхъ же припасенныхъ впередъ свидѣтелей, призналась, будто „чужоложила“ съ отчимомъ. Опасаясь за свою жизнь, истерзанная Ивга была вынуждена сдѣлать на себя этотъ поклепъ. Послѣ этого ее сейчасъ же повлекли къ сотнику, передъ которымъ она, уличаемая мужемъ и его свидѣтелями, должна была повторить тотъ же поклепъ. Въ виду такого якобы добровольнаго сознанія, сотникъ приказалъ арестовать Ивгу и ея вотчима и отправить ихъ, какъ тяжкихъ преступниковъ, въ полковый судъ.

Въ началѣ августа 1694 года происходилъ разборъ этого дѣла. Пасько Палѣнка горько жаловался, что Гончаренко и его свидѣтели ложно „наводятъ на него“ тяжкое преступленіе, и просилъ у судей «въ такой невинности свой святой справедливости». Первой была допрошена Ивга; она «плачливе» такъ говорила:

— Милостивыи мои панове! Пасько Гончаренко отчыма мого побывъ, за якее безчестя отчымъ мій до суду тамошнёго ршетыльвскою ёго, Гончаренка, бувъ позвавъ и конь симъ грошей на оного наложывъ, которого Гончаренка тамошній урядъ и до вязеня давъ. А въ тій ихъ контроверсіи мужъ мій Грыцько, прыйшовшы на госпуду отчыма мого, бувъ мене тыранско, выговоруючы тое: «ты, прави, живешъ, нецноту, зъ отчымомъ своимъ», пополняючы зъ нымъ чужоловство»; а потимъ, узавшы мене за шыю намитвою, повивъ до дядька своего Киндрата, де и тамъ бувъ мене нагайкою, а потимъ, росклавшы вогонь и распалывшы железо, шикъ мене, одъ чого и теперь, якъ бачыте, на тили моимъ шванкы (поврежденія), и мордовавъ, такъ выговоруючы: «Твій, нецноту, отчымъ для того тебе до себе взявъ, щобъ зъ тобою такой гряхъ пополнявъ; якъ Пасько Гончаренко, зять мій, на отчыма твого свидчыть и бувъ ёго по щокахъ за тое, а отчымъ твій ще ёго, Паська, и просывъ, мовячы: „будь ласкавъ, що було, то було, а нехай тилко тое Господь Богъ видаеть, а ты того не розшырай, змылуйся“! А колы зять мій тое не хотивъ утаты, винъ зятя мого теперь и самого у биду управывъ. А теперь, щобъ ёго зъ тией биды якъ вызволиты, говоры на отчыма свого, будто винъ съ тобою вшетечне живеть“. Прото я, терпячы тавую биду отъ мужа мого, що и собырою ще хотивъ мени шыю утаты, колы бъ того не казала, мусила-мъ тое говорыты, будто отъ Святой недили¹⁾ живу зъ отчымомъ моимъ вшетечне. Тое я и говорыла, и такъ вони, по моимъ невынимъ ся прызнатю, принесли тое и до суду и сюда въ полтавское вязеня управылы мене зъ отчымомъ моимъ. А уховай Боже, панове, нехай мене Господь Богъ скараеть на души и

1) Какъ называется недѣля Пятидесятницы, или Троицкая.

на тили,—не чыныла я зъ отчымомъ моимъ того богомерзкого гриха и не видаю. И за тее мужъ мій мене мордовавъ и зъ направи власного зятя Гончаренка пикъ вогнемъ: „бо твій, прави, отчымъ зятя мого, що ёго ударывъ по щобахъ, зъ остатною сорочки вывертыть, колы ты на ёго не скажешъ, щобъ винъ зъ тобою мешкавъ, якъ изъ своею жоною“. Але нехай на мене явны доводы въ тимъ злимъ учынку, въ якимъ зъ давныхъ моихъ литъ не чуюся, покажетъ, и вси, хто тамъ на той часъ бувъ пры моимъ мордерстви (мученіи), який доводъ слушний дадутъ“.

Свидѣтели Гончаренка единогласно показали:

— Мылостывны панове райци! Любо (хотя) пры тому мордерстви еи не byly-сьмо, а однакъ, поневажъ Гончаренко, прятель нашъ же, завидъ маючы зъ Палёнкою, пославъ насъ пытаты Ювгы, чы вона зъ нымъ мила сполковання (связь); аже вона и передъ нами—правди, вже бытая—призналась, що тое було межъ ными; та и давно тая поголоска похóдыла, що вони жывуть зъ собою.“

Спрошенъ былъ въ качествѣ свидѣтеля и „господаръ (мужъ) Ювжынъ“, давшій такое показаніе:

— На тестя мого, панове, за тое жалую и въ подозрѣню жону мою маю, що вона, зо мною не жывучы, мешкала зъ нымъ, отчымомъ своимъ, ввупи, въ едній господи. Та и зять мій Гончаренко на ёго тое визнаеть и людей пидводять, що зъ усть еи чувъ, якъ вона и передъ судомъ призналася въ Решетыловци, що зъ отчымомъ своимъ жыла власне, якъ бы въ своимъ мужомъ“.

Наконецъ очередь дошла до Паська Гончаренка, игравшаго въ этомъ процессѣ двойную роль—обвиняемаго и вмѣстѣ обвинителя. Съ видимымъ одушевленіемъ и злобой онъ сказалъ:

— Панове уряде! Черезъ цилый рикъ уже тое слынуло, що якобы Паліонка, взявши до себе Ювгу, жону шурына мого, изъ нею чужеложывъ; тилько жъ не смилы-сьмо въ тимъ за ёго взятись. А теперь, колы люде, пры нашимъ заводу, стали шемраты о тимъ, та и сама Ювга передъ урядомъ призналася, на

що єсть у мене свидкы, яки зъ усть єи тоє чулы,—тоди и я, жалуючы по тому, що черезъ ёго, Паліонку, шурынови моему мешканя немає, и на людскіи повисти упавшы, такъ дерзновенно, маючы ёму тоє довесты, говорылемъ; и самъ Паліонка передо мною признався бувъ до того, що мивъ зъ пасербыцею своею злее сполкованія, и просывъ мене и кланявся, абы-мъ того ёго злого учынкѣ никому не оголошавъ. А колы винъ, Паліонка, свать мій, хоче теперьъ мене въ биду прыправыты, самъ будучы въ тій злости запаленыи, що якъ люде свидоми, та и мы зъ усть ёго чулы, якъ винъ самъ на єи и на себе признавъ той учынокъ,—того жъ и теперьъ не запыраємось и такъ повыдаємо, що винъ власный тому єсть дїйця. Поты моеи повисты“.

Судъ призналъ, что Гончаренко и его свидѣтели ложно обвиняли Паська Палѣнку и его падчерицу, „жадныхъ въ томъ ясныхъ доводовъ и певныхъ знаковъ не маючи, а ни на учынку ихъ не заставшы, и людей не маючи таковыхъ, якіє бъ милы быты при застатю, зъ кымъ бы вони милы тоє присагою довесты“, а мнимое сознаніє Ивги не имѣетъ значенія, „поневажъ за сро-вгостю мордерства, повосячогося отъ мужа єи, мусила Ювга зє-знаваты на себе такую невинность“. Поэтому, „маючы тыхъ всихъ за неправдыи свидкы, що вони, контроверсію за бой зъ Паліонкою маючы, такую на ёго невинность злослыве зложылы и зъ своими прытелями на оного у суду того доводылы“, судъ, „подлугъ права Майдебурского, въ „Порядку“ полскомъ, на лысту 17 омысаного“, постановылъ, чтобы обжалованная сторона, т. е. Палѣнка и его падчерица, „въ той своей невинности пры-сагою одведыся“, послѣ, чего согласно Статуту (разд. 4, арт. 76), „мененыи свидкы, поневажъ дознани суть свидкамы неправ-дымы, мають вси быти карани, чымъ милы блыжнимъ своимъ ушкодыты,“ т. е. подвергнуться тому же наказанію, какое угро-жало, по ихъ оговору, Палѣнкѣ и Ивгѣ. По закону послѣднимъ угрожала смертная казнь, какъ кровесмѣсителямъ. Какому именно наказанію подверглись ихъ обвинители съ лжесвидѣтелями—не знаемъ, такъ какъ судебный протоколъ глухо говоритъ объ этомъ въ такихъ выраженіяхъ, что они, „той же винъ подлежащими зо-

ставши и карность належную понесши, яко правные выклады (судебные расходы) стороны поводовой, такъ и безчестя нагородити повинни, при заплаченю вины панскои и врядовои.“

17. Тестъ и зять.

Въ мартѣ 1689 года бѣдный полтавскій мѣщанинъ Панасъ Тесля пришелъ судиться съ своимъ „сватомъ“ Леськомъ Матіенкомъ, по прозвищу Винограднымъ (ибо онъ на своемъ подгородномъ хуторѣ разводилъ виноградъ) и въ качествѣ улики привезъ мертвое тѣло сына своего Ѳедора. Ставши передъ полковымъ судомъ, онъ такъ жаловался на свата:

— Панове! Реченый свать мій Лесько сына мого ридного а зятя свого зъ неужытого сердца, тилко въ посвари за хустыну, якъ вдарывъ засовомъ по голови, то и о смерть прыправывъ: въ суботу у вечеръ вдарывъ, и съ того вдару небожчыкъ и не говорывъ, а на завтрешній день, у недилю, и Богу свій духъ предавъ, слова жадного не промовывшы. Прошу мылостей вашихъ skutечнои справедливосты, чехай той трупъ сына мого ведле звычайу хрыстіянского похованъ будетъ, а що ричъ билша—небожчыкъ людемъ ризнымъ задолжывся много, що мни, убогому, а ни жони ёго ничымъ тыхъ довнивъ платыты, которыхъ довнивъ всіхъ цилкомъ сорокъ золотыхъ безъ золотого и безъ трохъ чехивъ“.

Судьи спросили Леська Винограднаго: „Для якои бы то прычины Хведора, сына Панасового а зятя свого, такъ ганебне вдарывшы, о смерть прыправывъ?“

Лесько съ поникшимъ видомъ отвѣтилъ:

— А що жъ, панове, грихъ мій тяжкый, смертельный. Въ насъ и гниву не було, тилко то въ посвари за хустку подлюю, за дявольскимъ наущеніемъ, вдарывъ я зятя свого засовомъ по голови разъ тилко. Моя въ тимъ вина: вильно вамъ, панове, во мною що хотиты чыныты. Мое то неужытее сердце забойство справыло, чого не можу оджаловаты.“

що есть у мене свидки, які зъ усть еи тое чулы,—тоди и я, жалуючы по тому, що черезъ ёго, Паліонку, шурынови моему мешканя немає, и на людскіи повисти упавшы, такъ дерзновенно, маючы ёму тое довесты, говорылемъ; и самъ Паліонка передо мною признався бувъ до того, що мивъ зъ пасербыцею своею злее сполкованя, и просывъ мене и кланявся, абы-мъ того ёго злого учынку никому не оголошавъ. А колы винъ, Паліонка, свать мій, хоче теперь мене въ биду прыправыты, самъ будучы въ тій злости запаленый, що якъ люде свидоми, та и мы зъ усть ёго чулы, якъ винъ самъ на еи и на себе признавъ той учынокъ,—того жъ и теперь не запыраемось и такъ повидаемо, що винъ власный тому есть дійця. Поты моеи повисты“.

Судъ привналь, что Гончаренко и его свидѣтели ложно обвиняли Паська Палѣнку и его падчерицу, „жадныхъ въ томъ ясныхъ доводовъ и певныхъ знаковъ не маючи, а ни на учынку ихъ не заставшы, и людей не маючи таковыхъ, якіе бъ милы буты при застатю, зъ кымъ бы вони милы тое присягою довесты“, а мнимое сознаніе Ивги не имѣеть значенія, „поневажъ за сро-вгостю мордерства, поносячогося отъ мужа еи, мусила Ювга зезнаваты на себе такую невинность“. Поэтому, „маючы тыхъ всяхъ за неправдыи свидки, що вони, контроверсію за бой зъ Паліонкою маючы, такую на ёго невинность злослыве зложылы и зъ своими прытелями на оного у суду того доводылы“, судъ, „подлугъ права Майдебурского, въ „Порядку“ полсвомъ, на лысту 17 омысаного“, постановилъ, чтобы обжалованная сторона, т. е. Палѣнка и его падчерица, „въ той своей невинности прысягою одвелыся“, послѣ, чего согласно Статуту (разд. 4, арт. 76), „мененыи свидки, поневажъ дознани суть свидкамы неправдымы, мають вси быти карани, чымъ милы близьнимъ своимъ ушкодыты,“ т. е. подвергнуться тому же наказанію, какое угрожало, по ихъ оговору, Палѣнкѣ и Ивгѣ. По закону послѣднимъ угрожала смертная казнь, какъ кровесмѣсителямъ. Какому именно наказанію подверглись ихъ обвинители съ лжесвидѣтелями—не знаемъ, такъ какъ судебный протоколъ глухо говоритъ объ этомъ въ такихъ выраженіяхъ, что они, „той же винъ подлежащими зо-

ставши и карность належную понесши, яко правные вклады (судебные расходы) стороны поводовой, такъ и безчестя нагородити повинни, при заплаченю вины панской и врядовой.“

17. Тестъ и зять.

Въ мартѣ 1689 года бѣдный полтавскій мѣщанинъ Панасъ Тесля пришелъ судиться съ своимъ „сватомъ“ Леськомъ Матіенкомъ, по прозвищу Винограднымъ (ибо онъ на своемъ подгородномъ хуторѣ разводилъ виноградъ) и въ качествѣ улики привезъ мертвое тѣло сына своего Ѳедора. Ставши передъ полковымъ судомъ, онъ такъ жаловался на свата:

— Панове! Реченый сватъ мій Лесько сына моего ридного а зятя своего зъ неужытого сердца, тилко въ посвари за хустыну, якъ вдарывъ засовомъ по голови, то и о смерть приправывъ: въ субботу у вечерь вдарывъ, и съ того вдару небожчыкъ и не говорывъ, а на завтрешній день, у недилу, и Богу свій духъ предавъ, слова жадного не промовывшы. Прошу мылостей вашихъ скутечнои справедливосты, нехай той трупъ сына моего ведле звичаю хрыстіянского похованъ будетъ, а що ричъ билша—небожчыкъ людемъ разнымъ задолжывся много, що мни, убогому, а ни жони ёго ничымъ тыхъ довгивъ платиты, которыхъ довгивъ всякъ цилкомъ сорокъ золотыхъ безъ золотого и безъ трохъ чехивъ“.

Судьи спросили Леська Винограднаго: „Для якои бы то прычины Хведора, сына Панасового а зятя своего, такъ ганебне вдарывшы, о смерть приправывъ?“

Лесько съ поникшимъ видомъ отвѣтилъ:

— А що жъ, панове, грихъ мій тяжкый, смертельный. Въ насъ и гниву не було, тилко то въ посвари за хустку подлюю, за дьявольскимъ наущеніемъ, вдарывъ я зятя своего засовомъ по голови разъ тилко. Моя въ тимъ вына: вильно вамъ, панове, во мною що хотиты чыныты. Мое то неужытее сердце забойство справыло, чого не можу оджаловаты.“

Судьи осмотрѣли трупъ убитаго, видѣли рану на головѣ и стали „радитись“, какой карѣ подвергнуть убійцу. Посмотрѣли въ Статутъ—тамъ (разд. 12, арт. 1 и 2) сказано: если шляхтичъ убьетъ человѣка „простого стану“, то платитъ лишь головщину; если же и убійца окажется „человѣкомъ простого стану“, то подлежитъ смертной казни и уплатѣ головщины изъ его имущества. Посмотрѣли еще „въ Саксонъ правъ Майдебургскихъ“—тамъ категорически сказано (въ 38 артк.): „мужебойца маеть быти стять“. Уримѣнительно къ этимъ статьямъ закона, судьи постановили приговоръ: „Поневажъ то Лесько давъ мисце неужытому серцю своему и прытеля (родственника) свого о смерть приправывъ, маеть буты, ведле права, горломъ каранъ, а головщина зъ маестности его рухомои ведле стану ёго заплачена буты маеть“. Но тутъ „наступылы прозьбы людскіи“ о помилованіи невольнаго убійцы, и судъ немедленно измѣнилъ декретъ: „даровавшы ёго смертельною карностью, наказуемъ, абы Лесько той трупъ зятный ведле звычайнъ хрыстіянскихъ поховавъ, зъ нанятымы сорокоустамы, во всемъ слушне, якъ того звычайъ вказуетъ, при заплаченю поголовщины, тутъ же и вины панскои и врядовои.“

Лесько съ одинаковымъ равнодушіемъ выслушалъ тотъ и другой декретъ; онъ долго стоялъ въ раздумьи, чѣмъ-то озабоченный, наконецъ сказалъ:

— А що жъ, панове, не мію чымъ того платыты, ажъ хиба грунтыкы кому спродамъ, котріе маю: хуторець подъ городомъ изъ виноградомъ и особлыве лисокъ за Ворскломъ, надъ Коломакомъ.

Затѣмъ онъ обратился къ предсѣдателю суда, полковнику Оедору Жученку:

— Добродію мій, зарятуї мя гришмы, а я тоби за тыи гроши вичысте (навѣки) пуцаю той мій хуторець зъ виноградомъ.

Полковникъ согласился на эту сдѣлку, и здѣсь же, въ судебномъ присутствіи, былъ составленъ формальный „реестръ“ съ точнымъ обозначеніемъ, что именно будетъ имъ уплачено за Леська въ качествѣ цѣны за „хуторець виноградный“: отцу протопошу за похоронъ и за сорокоустъ полковникъ „поступилъ

кона доброго“, цѣною въ сорокъ золотыхъ „и на заплаченя долговъ небожчиковскихъ даль готовыхъ грошей сорокъ золотыхъ безъ золотого и безъ трохъ чеховъ“, что же касалось уплаты „головщины“ и „вины врядовой“, то полковникъ заявилъ, что онъ „въ томъ датку за Леська не заступуетъ“. Головщина за человѣка „простого стану“, по Статуту, равнялась 25-ти копамъ литовскимъ; во что цѣнилась „вина врядовая“— неизвѣстно; но очевидно, обѣ эти уплаты превышали стоимость принадлежавшаго обвиняемому „лѣска надъ Коломакомъ“, почему полковникъ и отказался отъ его приобрѣтенія.

Ор. Левицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Первые шаги по введению Положеній 19 февраля 1861 года въ Черниговской губернии.

(Къ 40-лѣтію со дня освобожденія крестьянъ).

Въ столицахъ манифестъ 19 февраля 1861 г. былъ объявленъ 5; въ Черниговѣ—9 марта ¹⁾).

16 марта состоялось первое засѣданіе Черниговскаго Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія.

Губернскому Присутствію принадлежалъ высшій надзоръ и руководство всѣми крестьянскими учрежденіями въ губерніи.

Предсѣдателемъ Присутствія былъ губернаторъ, а членами— губернской предводитель дворянства, управляющій палатой государственныхъ имуществъ, губернской прокуроръ, два члена изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ, приглашенныхъ, по сношенію съ начальникомъ губерніи, министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ высочайшаго соизволенія, и два члена изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ, избранныхъ собраніемъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства ²⁾). Для обсужденія частныхъ мѣстныхъ вопросовъ Губернскому Присутствію предоставлялось право приглашать, для совѣщаній и нужныхъ объясненій, опытныхъ

1) *Джаншиевъ*. Изъ эпохи великихъ реформъ, 5 изд. стр. 74.

2) Положеніе о губ. и уѣзд. по крестьянск. дѣламъ учрежденіяхъ. Ст. 123.

помѣщиковъ 1). Для дѣлопроизводства при Губернскомъ Присутствіи полагался секретарь.

Дѣла, подлежащія вѣдѣнію Губернскаго Присутствія, распались на три категоріи: 1) жалобы на дѣйствія мировыхъ посредниковъ и уѣздныхъ мировыхъ съѣздовъ; 2) добровольныя соглашенія между помѣщиками и крестьянами, если эти соглашенія влекли за собой уменьшеніе крестьянскаго надѣла; 3) распорядительныя дѣйствія по крестьянскимъ дѣламъ. Послѣднія были перечислены довольно подробно и заключали въ себѣ: установленіе всѣхъ подробностей, относящихся до приведенія въ исполненіе Положенія; составленіе смѣтъ на содержаніе Губернскаго Присутствія и землемѣровъ; утвержденіе проектовъ раздѣленія уѣздовъ на волости; разграниченіе мѣстностей въ отношеніи размѣровъ крестьянскаго надѣла; возвышеніе или пониженіе повинностей крестьянъ противъ установленныхъ размѣровъ; разсмотрѣніе и утвержденіе тѣхъ уставныхъ грамотъ, которые подлежали, на основаніи Положенія, окончательному утвержденію Присутствія; составленіе урочнаго положенія и установленіе сроковъ начала лѣтнихъ и зимнихъ работъ; опредѣленіе размѣровъ пособія, которое владѣльцы обязаны были выдавать дворовымъ людямъ, неспособнымъ къ работѣ, въ случаѣ увольненія ихъ до истеченія срока обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами; опредѣленіе въ степныхъ мѣстностяхъ размѣровъ солончаковъ, входящихъ въ крестьянскіе надѣлы; опредѣленіе условій пользованія рыбными ловлями крестьянъ; разрѣшеніе представленій мировыхъ посредниковъ о причисленіи къ господскимъ землямъ лѣсныхъ покосовъ при разверстаніи угодій; разрѣшеніе окончательнаго присоединенія отведенной въ пользованіе крестьянъ земли къ угодьямъ, остающимся навсегда въ непосредственномъ распоряженіи помѣщика; разсмотрѣніе представленій мировыхъ посредниковъ объ увольненіи дворовыхъ людей изъ обязательственныхъ къ помѣщику отношеній, въ случаѣ злоупотребленія помѣщиковъ своею властью; утвержденіе мир-

1) Тамъ же, ст. 124.

скихъ приговоровъ объ удаленіи крестьянъ изъ общества; дѣла мировыхъ съѣздовъ, по которымъ не состоялось, при рѣшеніи ихъ, большинства; дѣла объ обязательномъ перенесеніи крестьянскихъ усадебъ и объ обмѣнѣ угодій, если въ мировомъ съѣздѣ не состоялось по этому поводу единогласнаго рѣшенія; наконецъ, разныя другія дѣла, которыя могли возникнуть при приведеніи Положенія въ исполненіе и которыя были поименованы въ правилахъ о крестьянахъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости 1).

Компетенція Губернскаго Присутствія была, такимъ образомъ, очень широка.

На основаніи журналовъ за 1861 годъ мы постараемся охарактеризовать дѣятельность Черниговскаго Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія въ первое время послѣ объявленія манифеста 19 февраля 1861 г. 2)

I.

Мы уже говорили, что Черниговское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе открыло свои засѣданія 16 марта 1861 г. Съ той поры по 30 декабря того же года оно имѣло 77 засѣданій, чуть ли не по два въ недѣлю. Одно это уже показываетъ, какую лихорадочную дѣятельность проявило Присутствіе на первыхъ порахъ, не говоря уже о массѣ дѣлъ, разрѣшенныхъ имъ за это время, массѣ вопросовъ, поднятыхъ и разрѣшенныхъ.

Предсѣдателемъ Присутствія былъ начальникъ губерніи князь Сергѣй Павловичъ Голицынъ, на долго оставившій по себѣ

1) Тамъ же. Ст. 126—129.

2) Полные экземпляры журналовъ Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія достать теперь очень трудно, несмотря на то, что они рассылались всѣмъ предводителямъ дворянства, въ мировые съѣзды и мировымъ посредникамъ. Ихъ не хранили. Мы пользовались однимъ изъ такихъ полныхъ экземпляровъ, сохраненнымъ для потомства А. М. Лазаревскимъ въ своей библіотекѣ.

добрую память среди черниговцевъ. Членами по должности—губернскій предводитель дворянства Николай Петровичъ Бороздна, а въ его отсутствіе черниговскій уѣздный предводитель дворянства Иванъ Николаевичъ Дурново, теперешній (1901 г.) председа- тель комитета министровъ; управляющій палатой государственныхъ имуществъ—Павель Логгиновичъ Левдичъ, а въ его отсутствіе совѣтникъ хозяйственнаго отдѣленія Яковъ Павловичъ Филоновичъ; губернский прокуроръ—Александръ Семеновичъ Соколовъ. Членами, съ высочайшаго соизволенія, были назна- чены Григорій Павловичъ Галаганъ ¹⁾ и Иванъ Григорьевичъ Есимонтовскій; а по выбору предводителей дворянства—Петръ Алексѣевичъ Васильчиковъ ²⁾ и Андрей Ивановичъ Лизогубъ. Секретаремъ Присутствія былъ чиновникъ особыхъ порученій при палатѣ государственныхъ имуществъ Владимиръ Денисьевичъ Заика, умершій впослѣдствіи директоромъ департамента общихъ дѣлъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ засѣданіяхъ Присутствія изрѣдка принималъ участіе вице-губернаторъ Пла- тонъ Александровичъ Шатохинъ, а также приглашались нѣсколько разъ помѣщики разныхъ уѣздовъ. Такъ напр., въ засѣданіи 11 мая принимали участіе помѣщики: городницкаго уѣзда В. Д. Дунинъ-Борковскій и нѣжинскаго Н. Н. Волжинъ, очевидно, съ совѣщательнымъ только голосомъ, такъ какъ въ засѣданіи 13 мая они также присутствовали, но не подписали читаннаго тогда журнала предшествовавшаго засѣданія. Въ за- сѣданіи 17 мая принимали участіе Н. Н. Волжинъ и отъ новго- родсѣверскаго уѣзда кн. А. В. Голицынъ; въ засѣданіи 22 мая—

1) Въ первый разъ присутствовалъ въ засѣданіи Присутствія 31 марта.

2) Въ засѣданіи Присутствія 31 марта председателемъ доло- жена была телеграмма министра внутр. дѣлъ Ланского такого содер- жанія: «Вмѣсто Подвысоцкаго считать членомъ Васильчикова. Подроб- ности почтою». Объясненія этой телеграммы нѣтъ въ журналахъ При- сутствія. П. А. Васильчиковъ въ первый разъ прибылъ въ засѣданіе Присутствія 17 мая.

черниговскій уѣздный предводитель дворянства И. Н. Дурново и суражскій кн. А. Г. Баратовъ, а также мировой посредникъ бобровицкаго участка черниговскаго уѣзда Н. И. Савинъ и т. д. Словомъ изъ 77 засѣданій въ 38, т. е. въ половинѣ, принимали участіе приглашенные для совѣщанія помѣщики отдѣльныхъ уѣздовъ. Въ засѣданіе 19 іюля 1861 года былъ приглашенъ высокопреосвященный Филаретъ, архіепископъ черниговскій и нѣжинскій. Вопросъ шелъ тогда о содѣйствіи духовенства въ дѣлѣ разъясненія истиннаго смысла Положенія крестьянамъ, а также объ установленіи перечня праздниковъ, въ которые крестьяне не могли быть принуждаемы къ работамъ.

Всѣ постоянные члены Присутствія несли свои обязанности, повидимому, очень добросовѣстно. На сколько можно судить по подписямъ похъ журналами, члены исправно посѣщали засѣданія, принимали въ нихъ дѣятельное участіе, беря на себя разработку того или другаго вопроса. Наибольше активную роль въ дѣлѣ разработки отдѣльныхъ, возникавшихъ въ дѣятельности Губернскаго Присутствія, вопросовъ играли П. А. Васильчиковъ и Г. П. Галаганъ, представлявшіе такіе обстоятельныя и мотивированныя доклады, что Присутствіе обыкновенно соглашалось съ ними единогласно. Многіе изъ вопросовъ были разработаны А. И. Лизогубомъ, И. Г. Есимонтовскимъ, наконецъ, самимъ предсѣдателемъ Присутствія кн. С. П. Голицынымъ, считавшимъ крестьянское дѣло „святымъ“ и отдававшимъ ему, вообще много силъ. Губернскій прокуроръ А. С. Соколовъ давалъ обыкновенно заключенія по вопросамъ объ удаленіи отдѣльныхъ крестьянъ изъ общества, о проступкахъ крестьянъ и должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправленія и т. п.

II.

Въ первомъ засѣданіи Присутствія былъ поднятъ вопросъ объ образованіи мировыхъ учреждений, а также сельскихъ и волостныхъ обществъ. Вопросъ этотъ былъ поставленъ въ пер-

вую очередь. Такъ гласилъ и высочайшій указъ правительствующему сенату 19 февраля 1861 года. Въ то же время начальникъ губерніи обязанъ былъ приступить къ избранію мировыхъ посредниковъ и объ избранныхъ имъ лицахъ донести правительствующему сенату 1).

На мировые участки распредѣлялись всѣ имѣнія, населенныя крѣпостными крестьянами. Волости не должны были дробиться между мировыми участками. Число участковъ и селенія, входившія въ ихъ составъ, опредѣлялись уѣзднымъ дворянскимъ собраніемъ и представлялись затѣмъ на утвержденіе начальника губерніи 2).

Въ каждомъ участкѣ полагался одинъ мировой посредникъ 3).

Въ мировые посредники назначались потомственные дворяне, владѣвшіе не менѣе 500 десятинъ земли, или имѣвшіе не менѣе 150 десятинъ, но зато окончившіе курсъ наукъ въ учебномъ заведеніи, дающемъ право на чинъ XII класса, или располагавшіе правомъ голоса въ губернскомъ дворянскомъ собраніи. Порядокъ назначенія мировыхъ посредниковъ былъ такой. Уѣздный предводитель дворянства составлялъ первоначально списки дворянъ, которые могли быть назначены въ посредники; списки эти провѣрялись уѣзднымъ дворянскимъ собраніемъ и въ такомъ видѣ представлялись начальнику губерніи, который изъ нихъ дѣлалъ уже выборъ кандидатовъ въ мировые посредники. Кандидаты представлялись правительствующему сенату и утверждались въ должности его указами 4).

Губернское Присутствіе предложило уѣзднымъ предводителямъ дворянства немедленно же приступить къ распредѣленію уѣздовъ на мировые участки, а также къ составленію списковъ

1) Жур. Присут. 16 марта 1861 г.

2) Положеніе о губерн. и уѣздн. по крестьян. дѣламъ учрежд. ст. 2—4.

3) Тамъ же ст. 5.

4) Тамъ же ст. 6—20.

лиць, имѣющихъ право на назначеніе мировыми посредниками. Уѣзднымъ предводителямъ дворянства предлагалось кромѣ того образовати особыя уѣздныя комиссіи для составленія проектовъ распредѣленія селеній на волости.

Крестьяне, водворенные на землѣ одного помѣщика, если ихъ было болѣе 20 ревизскихъ душъ, а если меньше, то нѣсколькихъ владѣльцевъ, живущихъ въ одномъ селѣ или не на далекомъ одинъ отъ другого разстояніи, должны были составить изъ себя сельское общество. Смежныя сельскія общества одного уѣзда соединялись въ волости. Наименьшее число жителей въ волости полагалось 300, наибольшее около 2000 душъ. Разстояніе отдаленнѣйшихъ селеній отъ центра волостного управленія должно быть не болѣе 12 верстъ. При образованіи волостей сельскія общества не раздроблялись. Общимъ правиломъ ставилось, чтобы волость совпадала съ приходомъ, а гдѣ приходы маленькіе, ихъ соединяли по нѣсколько во одну волость ¹⁾).

Въ первую же очередь было поставлено составленіе смѣты расходовъ по содержанію Губернскаго Присутствія и по найму частныхъ землемѣровъ, а также опредѣленіе размѣра денежнаго пособія, которое владѣльцы обязаны были выдавать неспособнымъ къ работѣ дворовымъ людямъ, если они увольняли ихъ до истеченія двухлѣтняго срока обязательныхъ отношеній. Разработку перваго вопроса принялъ на себя А. И. Лизогубъ, доказавшій вмѣстѣ съ Н. П. Бороздной, что настоятельной потребности въ частныхъ землемѣрахъ пока нѣтъ, а слѣдовательно, нѣтъ и надобности составлять смѣту расходовъ по ихъ содержанію ²⁾. Разработка втораго вопроса была поручена И. Г. Есимонтовскому, на основаніи заключеній котораго, было признано справедливымъ давать вознагражденіе неспособнымъ къ работѣ дворовымъ людямъ, увольняемымъ до срока. Размѣръ этого вознагражденія опредѣлили такъ. Помѣщикъ обязанъ

¹⁾ Общее положеніе ст. 40—45.

²⁾ Журналы 16, 20 и 27 марта.

быль давать увольняемому крестьянину стоимость продовольствія и одежды за все, оставшееся до истеченія двухдѣтнаго срока, времени ¹⁾).

III.

Въ засѣданіяхъ 27 и 31 марта наиболѣе безотлагательными обязанностями Губернскаго Присутствія были признаны: составленія образца уставной грамоты, составленіе урочнаго положенія, оцѣнка рабочихъ дней, оцѣнка усадебъ въ разныхъ мѣстностяхъ; установленіе харчоваго и кормоваго вознагражденія крестьянамъ при посылкѣ подводъ на разстояніе далѣе суточнаго пути. Последнее было опредѣлено по одной копѣйкѣ серебромъ на каждую версту и подводу ²⁾).

Надѣленіе крестьянъ землею, а также повинности, которыя слѣдовали съ крестьянъ за это въ пользу помѣщика, опредѣлялись добровольнымъ между крестьянами и помѣщикомъ соглашеніемъ. Для опредѣленія постоянныхъ поземельныхъ отношеній между помѣщикомъ и крестьянами были введены уставныя грамоты. Онѣ составлялись самимъ помѣщикомъ по опредѣленному образцу, измѣненія въ которомъ предоставлялось дѣлать Губернскимъ Присутствіямъ, сообразно мѣстнымъ условіямъ. Сдѣлать такія измѣненія взялись А. И. Лизогубъ и Г. П. Галаганъ и въ слѣдующее уже засѣданіе 11—12 апрѣля представили выработанные ими образцы уставныхъ грамотъ какъ для мѣстностей, въ которыхъ вводилось малороссійское положеніе, такъ и для тѣхъ мѣстностей, на которые распространялось положеніе великороссійское.

Къ вопросу о выработкѣ формы уставныхъ грамотъ Присутствіе отнеслось въ высшей степени осторожно и возвращалось къ нему нѣсколько разъ, въ цѣломъ рядѣ засѣданій.

¹⁾ Журналы 16, 20 и 27 марта.

²⁾ Журн. 31 марта.

Въ засѣданіи 11—12 апрѣля проектъ формы былъ только прочитанъ, 13 апрѣля Присутствіе сдѣлало въ немъ нѣсколько дополненій и поправокъ, существеннѣйшею изъ которыхъ было обозначеніе общаго количества земли подъ рубрикой разныхъ угодій, въ виду того, что, при отсутствіи межевыхъ данныхъ, трудно опредѣлить количество пахатной земли отдѣльно отъ луговой и сѣнокосной. Были рассмотрѣны также проекты подворной описи и разныхъ приложений къ уставной грамотѣ. Все это постановлено было отпечатать и, въ корректурномъ видѣ, разослать членамъ, снова затѣмъ пересмотрѣть тщательно и тогда уже утвердить окончательно. Проекты уставныхъ грамотъ разсматривались, такимъ образомъ, снова въ засѣданіи 11 мая и, наконецъ, утверждены окончательно 13 мая, причемъ раньше печатанія поручено было предсѣдателю еще разъ просмотрѣть и сверить ихъ. На каждой грамотѣ постановлено былъ напечатанъ губернской гербъ. Бланки уставныхъ грамотъ продавались въ уѣздныхъ казначействахъ. Помѣщикъ Кочубей сдѣлалъ уступку на 800 стопахъ бумаги для печатанія ихъ, по 25 коп. на стопѣ, „во вниманіе къ предмету, на который предназначается эта бумага“. Такъ доложилъ объ этомъ князь Голицынъ Присутствію.

Для составленія уставныхъ грамотъ Г. П. Галаганъ написалъ особую инструкцію. Она разсматривалась въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, прежде чѣмъ была утверждена. Въ то же время по распоряженію предсѣдателя Присутствія, были собраны всѣ узаконенія и распоряженія, которыя могли бы служить къ руководству мировымъ посредникамъ. Повѣрялъ и окончательно редактировалъ ихъ А. С. Соколовъ ¹⁾.

Дѣятельность Присутствія носила, такимъ образомъ, энергичный характеръ. Важность дѣла, атмосфера времени, которая окружала первыхъ дѣятелей, давала имъ бодрость, силу, энергію...

¹⁾ Журн. Присут. 11 мая.

Кромѣ уставныхъ грамотъ, регулировавшихъ земельныя отношенія между помѣщиками и крестьянами, Губернское Присутствіе, какъ было замѣчено выше, поставило на первую очередь и составленіе *урочнаго положенія*. Оно должно было регулировать издѣльную повинность (барщину).

Урочное положеніе опредѣляло количество работы, которую течение дня должны были, въ счетъ повинности, исполнять работникъ или работница ¹⁾. Подъ урочныя могли быть, понятное дѣло, подведены только такія работы, которыя можно было учесть относительно времени и труда (молотьба, косьба, вывозка навоза и т. п.). Учетъ ихъ предполагалъ знакомство съ мѣстными условіями, такъ какъ величина и характеръ подобныхъ работъ естественно разнились по мѣстностямъ. Понятно, почему Губернское Присутствіе не сейчасъ же рѣшило этотъ вопросъ, а запросило сначала у уѣздныхъ предводителей дворянства необходимыя свѣдѣнія ²⁾. Въ связи съ урочнымъ положеніемъ стояла и оцѣнка рабочихъ дней. Присутствіе постановлено включить эту оцѣнку въ урочное положеніе.

За справками къ уѣзднымъ предводителямъ рѣшено обратиться и по вопросу объ оцѣнкѣ въ торговыхъ мѣстечкахъ и селахъ усадебъ по 102—240 рублей за десятину.

IV.

Приведеніе въ исполненіе Положеній о крестьянахъ 19 февраля 1861 г. вызывало на практикѣ много, конечно, вопросовъ, разрѣшить которыя мѣстныя власти были не въ состояніи. Они обращались къ Губернскому Присутствію за разъясненіями, иногда же съ различнаго рода ходатайствами.

6 апрѣля 1861 г. нѣжинскій уѣздный предводитель дворянства обратился въ Присутствіе съ представленіемъ, въ кото-

¹⁾ Малорос. Полож. ст. 212. Великор. Полож. ст. 214.

²⁾ Журналы 27 и 31 марта.

ромъ изложилъ ходатайство нѣжинскаго уѣзднаго дворянскаго собранія по цѣлому ряду вопросовъ, въ томъ числѣ объ отмѣнѣ и измѣненіи нѣкоторыхъ статей Положеній, а также о введеніи круговой поруки для крестьянъ. Первое ходатайство Присутствіе безусловно отклонило. Въ его компетенцію не входили подобнаго рода ходатайства. Что касается введенія круговой поруки, то Губернское Присутствіе такъ мотивировало свой отказъ поддержать нѣжинское дворянское собраніе. Круговая порука примѣняется при общинномъ пользованіи землею, между тѣмъ какъ въ Малороссіи способъ пользованія подворный. „Губернское Присутствіе никакъ не можетъ дозволить себѣ подобнаго домогательства, ведущаго къ измѣненію цѣлой системы поземельнаго устройства крестьянъ, принятой закономъ въ основаніе столько же по мѣстнымъ условіямъ поземельнаго надѣла крестьянъ, сколько по тому, что всякая другая система отвѣтственности за повинность не могла бы быть введена во всей Малороссіи иначе, какъ мѣрами насильственными“ 1).

Тотъ же нѣжинскій предводитель дворянства спрашивалъ разъясненія по цѣлому ряду статей Положеній. Соображенія по поводу ихъ высказалъ Г. П. Галаганъ, и Присутствіе съ нимъ согласилось.

Для характеристики дѣятельности Губернскаго Присутствія по толкованію Положеній, мы остановимся подробнѣе на вопросахъ нѣжинскаго уѣзднаго предводителя дворянства; приведемъ нѣкоторыя изъ соображеній и Г. П. Галагана.

Нѣжинскій предводитель спрашивалъ: какъ понимать 6-й пунктъ манифеста 19 февраля, въ которомъ сказано, что до утвержденія уставныхъ грамотъ крестьяне и дворовые люди должны находиться въ прежнемъ повиновеніи помѣщикамъ и безусловно исполнять свои обязанности? Что значитъ выраженіе „прежнія ихъ обязанности“? Разумѣется ли здѣсь всякая работа въ пользу помѣщика или работа только по хозяйству? По 10 ревизіи большая часть дворовыхъ людей въ нѣжинскомъ

1) Журналы 11 и 12 апрѣля.

уѣздѣ записана въ крестьяне, а между тѣмъ они живутъ во дворахъ владѣльцевъ и пользуются содержаніемъ отъ нихъ. Должны ли они, при такихъ условіяхъ, исполнять всякую работу или же работать мужчины по 3, а женщины по 2 дня въ недѣлю; несовершеннолѣтнія же и вовсе освобождаться отъ работы?

На этотъ вопросъ Губернское Присутствіе, со словъ Г. П. Галагана, отвѣтило такъ. Въ 6 пунктѣ манифеста подъ прежними обязанностями крестьянъ, въ строгомъ смыслѣ, безъ сомнѣнія, разумѣется отбываніе повинностей работою или деньгами въ опредѣленныхъ размѣрахъ. Такою повинностью крестьяне отличаются отъ дворовыхъ, находящихся въ личномъ услуженіи у помѣщиковъ. Что касается крестьянъ, занимающихъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ хозяйственныя должности, то на это есть прямыя указанія въ 231 ст. малоросс. положенія. Если бы они не захотѣли дольше нести свои обязанности, то увольняться отъ крестьянской обязанности вообще не могутъ до утвержденія уставныхъ грамотъ. Въ такомъ случаѣ все должно быть предоставлено добровольному соглашенію, которое, конечно, исполнѣ возможно тамъ, гдѣ крестьяне будутъ видѣть, что „ихъ существованіе обезпечено справедливымъ съ ними обращеніемъ и хорошимъ содержаніемъ“. Что касается несовершеннолѣтнихъ, то они зависятъ только отъ власти ихъ родителей: законъ не наложилъ на нихъ какихъ-нибудь обязанностей, даровавъ имъ полную свободу. Насильственное удержаніе круглыхъ сиротъ на прежнихъ мѣстахъ никакими узаконеніями не допускается.

Второй вопросъ предводителя касался 20 статьи малороссійскаго положенія: должны ли быть включены въ надѣлъ болота, которыя косятся только въ сухое время? Если должны, то въ какой пропорціи относительно сѣнокосовъ? Если помѣщикъ позволить косить крестьянамъ болота, прилежающія къ его усадьбѣ, то должны ли они войти въ составъ крестьянскаго надѣла? Затѣмъ предводитель спрашивалъ разъясненія 23 ст.: должны ли болота и лѣсныя заросли войти въ составъ крестьянскихъ усадьбъ, въ случаѣ когда они прилегаютъ къ усадь-

бамъ и т. д. Такихъ вопросовъ предводитель дворянства задалъ Губернскому Присутствію 8. Всѣ они даютъ намъ понятіе о томъ, какъ много недоразумѣній вызывало Положеніе 19 февраля при его практическомъ примѣненіи.

Вопросы, съ которыми отдѣльныя лица и учрежденія обращались къ Присутствію, можно бы увеличить до значительной степени.

11 іюля, напримѣръ, мировой посредникъ черниговскаго участка возбудилъ слѣдующія семь вопросовъ, интересныхъ въ томъ отношеніи, что они вытекали прямо изъ практики мировыхъ посредниковъ.

1) Какія мѣры слѣдуетъ принимать ко взысканію оброка съ дворовыхъ людей, живущихъ въ разныхъ мѣстахъ и уклоняющихся отъ платежа оброка, принятаго ими по добровольному соглашенію съ помѣщиками, и въ правѣ ли мировой посредникъ отдавать такихъ неплательщиковъ въ заработки?—Въ правѣ—отвѣтило на это Присутствіе, на основаніи 11 ст. Полож. объ устройствѣ дворовыхъ людей.

2) Можно ли обязать крестьянъ, вмѣсто отработки пропущенныхъ жнивныхъ и сѣнокосныхъ барщинныхъ дней, уплачивать помѣщику деньгами по цѣнѣ, за какую помѣщики нанимаютъ работниковъ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Присутствіе указало на 91 ст. Полож. о губ. и уѣзд. по крест. дѣламъ учрежд., гдѣ перечислены всѣ мѣры, которыя посредникъ можетъ употреблять при взысканіи съ крестьянъ недоимокъ. Взысканіе платы за прогульные дни можетъ имѣть мѣсто, до введенія уставныхъ грамотъ, только по взаимному соглашенію помѣщика съ крестьянами.

3) Какая повинность должна слѣдовать помѣщику, когда въ семействѣ, пользующемся усадьбнымъ и полевымъ надѣломъ, нѣтъ ни мужчинъ моложе 55 и старше 18 лѣтъ, ни женщинъ моложе 50 и старше 17 л.?—Основываясь на циркулярѣ М—ва Вв. Д., Присутствіе разъяснило, что основаніемъ барщины служить не извѣстнаго размѣра земельный участокъ, а лицо из-

вѣстнаго возраста; разъ въ семействѣ такихъ лицъ нѣтъ, съ него нельзя требовать и барщины.

4) Слѣдуетъ ли крестьянъ, не имѣющихъ ни усадебнаго, ни полеваго надѣла, обязать работами въ пользу помѣщика и какой мѣрѣ?—На этотъ вопросъ Присутствіе отвѣтило отрицательно: нельзя привлекать къ работѣ въ пользу помѣщика тѣхъ крестьянъ, которые ничѣмъ отъ него не пользуются.

Пятый вопросъ касался праздничныхъ дней, количество которыхъ и было установлено въ засѣданіи Присутствія 19 іюля.

Шестой вопросъ затрогивалъ натуральную повинность: слѣдуетъ ли подѣ словомъ *натуральная повинности*, отъ которыхъ на основаніи пун. 1, ст. 124 Общ. Полож. освобождаются должностныя лица, разумѣть и издѣльную повинность въ пользу помѣщика? Вопросъ этотъ, какъ заявилъ предсѣдатель, возбуждался во многихъ мѣстахъ, какъ онъ могъ въ этомъ убѣдиться изъ развѣздовъ по губерніи. Присутствіе рѣшило его такимъ образомъ. Подѣ *натуральными* повинностями разумѣются повинности казенныя: подводная, постоянная и др.; повинности же въ пользу помѣщика называются *издѣльными*. Отъ первыхъ должностныя лица крестьянскаго самоуправленія освобождаются на время ихъ службы, отъ вторыхъ нѣтъ; но за это имъ назначено особое жалованье.

Свой отвѣтъ на шестой вопросъ Присутствіе рѣшило разослать циркулярно всѣмъ посредникамъ.

На седьмой вопросъ, могутъ ли быть въ настоящее время опредѣлены урочныя работы, хотя бы на одну только обработку и уборку полей и сѣнокосовъ,—Присутствіе отвѣтило отрицательно: урочное положеніе не можетъ быть введено раньше окончательнаго утвержденія уставныхъ грамотъ 1)...

1) Журналъ 19 іюля.

V.

Если Положеніе 19 февраля вызывало столько вопросов и недоумѣній у лицъ, призванныхъ къ исполненію его, лицъ интеллигентныхъ, то что же говорить про крестьянъ? Для нихъ оно было малопонятной, а то и совсѣмъ непонятной книгой. Объ истинномъ смыслѣ Положенія крестьяне и знали часто только по наслышкѣ: „Не легко было даже грамотнымъ людямъ усвоить себѣ содержаніе этого довольно большого тома, состоящаго изъ 15 отдѣльныхъ законоположеній, написанныхъ нашимъ обычнымъ „казеннымъ“ языкомъ, не отличающимся ни большою точностью, ни полною вразумительностью“ — говоритъ Г. А. Джаншіевъ ¹⁾. Въ черниговской губерніи, какъ и вообще въ Малороссіи языкъ Положенія былъ еще менѣ понятенъ. Народъ, говорившій на своемъ родномъ, малорусскомъ языкѣ, не въ силахъ ужъ совсѣмъ былъ разобраться въ „казенномъ“ текстѣ Положенія. Существовала попытка издать Положеніе 19 февраля 1861 года на малорусскомъ языкѣ, въ переводѣ, кажется, Кулиша; начали было уже и печатать его, но затѣмъ почему то пріостановились ²⁾. Вопросъ о переводѣ малороссійскаго положенія на мѣстное нарѣчіе поднимался и въ Черниговскомъ Губернскомъ Присутствіи, но послѣднему это „не представилось удобнымъ“ ³⁾ а между тѣмъ, думается намъ, если бы политика здѣсь уступила мѣсто практическому здравому смыслу, Положеніе 19 февраля было бы сдѣлано гораздо доступнѣй для пониманія грамотныхъ крестьянъ, быть можетъ нѣкоторыя случаи недоразумѣній съ крестьянами, совсѣмъ не имѣли бы мѣста или получили болѣе мягкой характеръ, чѣмъ это было впоследствии.

¹⁾ Г. А. Джаншіевъ. Изъ эпохи великихъ реформъ 5-е изд. стр. 76.

²⁾ Корректурные листы Положенія на малорусскомъ языкѣ мы видѣли въ б—кѣ А. М. Лазаревскаго

³⁾ Журн. Присут. 11 в 12 яврѣля.

Къ сожалѣнію, о крестьянскихъ волненіяхъ, о недоразумѣніяхъ съ мировыми посредниками, о мѣрахъ, которыя принимались для подавленія возстаній или устраненія недоразумѣній мы мало узнаемъ изъ журналовъ Губернскаго Присутствія, а если и узнаемъ, то только въ самыхъ общихъ чертахъ.

Въ началѣ апрѣля 1861 г.—не прошло еще, значить, и мѣсяца со дня объявленія манифеста 19 февраля въ Черниговѣ—помѣщикъ Кобеляцкій представилъ съѣзду дворянъ черниговскаго уѣзда особую записку о тревожномъ и затруднительномъ положеніи помѣщиковъ. Съѣздъ нашелъ эту записку „совершенно соотвѣтственно съ обстоятельствами нынѣшняго времени и нуждами помѣщиковъ“ ¹⁾ и рѣшилъ представить ее въ Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе, „какъ выраженіе нуждъ и ходатайства дворянства всего уѣзда“ ²⁾. Текстъ записки, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстенъ. Она содержала въ себѣ 9 пунктовъ „по весьма важнымъ и обширнымъ вопросамъ“ ³⁾.

Составленіе отвѣтовъ на записку Кобеляцкаго приняли на себя предсѣдатель Присутствія кн. С. П. Голицынъ и А. И. Лизогоубъ.

Въ журналѣ 30 мая 1861 г. помѣщена выписка, заключающая въ себѣ краткое содержаніе этихъ отвѣтовъ. Въ цѣломъ она довольно отчетливо рисуетъ намъ настроеніе дворянства того времени, вытекавшее изъ опасенія съ одной стороны крестьянскихъ волненій, съ другой—хозяйственныхъ затрудненій, которыя должны были наступить съ освобожденіемъ крѣпостныхъ крестьянъ. Губернское Присутствіе, оказалось, само уже предусмотрѣно многіе изъ тѣхъ вопросовъ, которые возбуждены были въ запискѣ, и приняло соотвѣтствующія распоряженія. „Исправникамъ было поручено, передавъ часть своихъ затятій непремѣннымъ членамъ земскихъ судовъ, за-

¹⁾ Журн. 11 мая.

²⁾ Журн. 30 мая.

³⁾ Журн. 11 мая.

няться, при содѣйствіи становыхъ приставовъ, посѣщеніемъ помѣщичьихъ селеній, для разъясненія крестьянамъ точнаго смысла Положеній и внушенія имъ должнаго повиновенія владѣльцамъ и исправнаго выполненія прежнихъ работъ, съ тѣми только облегченіями, которыя указаны правилами о приведеніи въ дѣйствіе Положеній“. Сдѣлано было также распоряженіе о немедленномъ открытіи сельскихъ обществъ ¹⁾, разъяснено значеніе названія хозяйство и др. вопросы.

Въ концѣ іюня и началѣ іюля губернаторъ объѣхалъ семь уѣздовъ: сосницкій, новгородъ-сѣверскій, стародубскій, мглинской, суражскій, новозыбковскій и городницкій и вынесъ изъ поѣздки самое благоприятное впечатлѣніе. Всѣ распоряженія Губернскаго Присутствія приводятся въ исполненіе съ полнымъ успѣхомъ; „открытіе волостныхъ учреждений имѣетъ весьма хорошее вліяніе на крестьянъ. Они, видимо, сочувствуютъ этому третьему шагу на пути преобразованія; для нихъ становится ясно, что дѣло идетъ впередъ“. Мировые посредники, видимо, пріобрѣтаютъ довѣріе крестьянъ. Въ должностныя лица по крестьянскому самоуправленію выбраны лица толковыя, смѣтливыя, состоятельныя. Они охотно берутся за исполненіе своихъ обязанностей. „Мнѣ кажется, говорилъ кн. С. П. Голицынъ въ засѣданіи Присутствія 19 іюля 1861 г.,—что крестьяне вообще, убѣждаясь мало-по-малу въ дѣйствительности пріобрѣтаемыхъ ими правъ, становятся нынѣ осмотрительнѣе и ведутъ себя, какъ люди, у которыхъ уже есть что хранить, а не тавъ, какъ вели себя вначалѣ, когда продолжали думать, что терять имъ нечего“.

Предстояла трудная работа—составленіе и введеніе въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ. Для болѣе успѣшнаго и спокой-

¹⁾ Въ Журналѣ 13 апрѣля, содержащемъ въ себѣ постановленіе о скорѣйшемъ открытіи сельскихъ обществъ, указано, между прочимъ, что «скорѣйшее открытіе сихъ обществъ неминуемо должно повести къ успокоенію возбужденныхъ во многихъ мѣстностяхъ губерніи умовъ крестьянъ».

наго совершенія этого дѣла князь С. П. Голицынъ считалъ необходимымъ немедленно же приступить къ откровенному и точному разъясненію крестьянамъ важности для нихъ уставной грамоты. „Необходимо всячески стараться пріохотить крестьянъ къ составленію этого акта—добавлялъ кн. Голицынъ. Это разъясненіе—дѣло не вполнѣ легкое, потому что во многихъ мѣстахъ крестьяне, къ сожалѣнію, держатся двухъ мнѣній, а именно: 1) что они обязаны работать, по прежнему, два года; по истеченіи же этихъ двухъ лѣтъ имѣютъ получить земли въ безвозмездное пользованіе, и 2) что всякая бумага, которую они подпишутъ теперь же, будетъ ничѣмъ другимъ, какъ актомъ новаго добровольнаго закрѣпощенія. Нѣтъ сомнѣнія, что, для довершенія прочаго устройства крестьянскаго быта, необходимо прежде всего ясно доказать вѣрность этихъ двухъ ложныхъ понятій“ 1)...

Недоразумѣнія между помѣщиками и крестьянами происходили по разнымъ случаямъ. Иногда, дѣйствительно, крестьяне добивались невозможнаго, но иногда и помѣщики позволяли себѣ несправедливые поступки относительно крестьянъ и самое небольшое проявленіе съ ихъ стороны протеста раздували до понятія крестьянскаго бунта. Столкновеній между помѣщиками и крестьянами, само собой разумѣется, болѣе всего было при составленіи уставныхъ грамотъ, гдѣ затрогивались существеннѣйшіе матеріальные интересы обѣихъ сторонъ.

Въ маѣ и іюнѣ происходили крестьянскія волненія въ д. Селищѣ суражскаго уѣзда, и мировой посредникъ дяличскаго участка Н. Г. Есимонтовскій просилъ у Присутствія разрѣшенія созвать въ д. Селищѣ мировой сѣздъ „какъ для водворенія порядка и повиновенія между крестьянами, такъ и для удовлетворенія ихъ справедливыхъ жалобъ относительно надѣла землею“ 2).

1) Журн. 19 іюля.

2) Журн. 19 іюля.

Въ имѣнні помѣщика Подольскаго при деревняхъ Антоновичахъ и Тарасевичевыхъ Величкахъ черниговскаго уѣзда встрѣтилось затрудненіе въ видѣ существованія тамъ людей, по X ревизіи записанныхъ въ разрядъ дворовыхъ, а на самомъ дѣлѣ пользовавшихся поземельнымъ надѣломъ. Мировой посредникъ жукотскаго участка спросилъ Губернское Присутствіе, какъ отбывать имъ барщину? Присутствіе признало ихъ крестьянами; слѣдовательно, и барщина должна была отбываться въ размѣрѣ, установленныхъ для крестьянъ 1). Тѣмъ не менѣе г. Подольскій очевидно, недовольный дѣйствіями мирового посредника, обратился съ письмомъ къ предводителю дворянства, а послѣдній передалъ это письмо въ Губерн. Присутствіе. Къ сожалѣнію, ни этого письма, ни заключенія по нему А. И. Лизогуба въ журналахъ Присутствія нѣтъ. Мы знаемъ только, что на соображенія А. И. Лизогуба были нѣкоторыя возраженія, и затѣмъ Присутствіе постановило: „независимо отъ административныхъ мѣръ, которыя предсѣдатель приметъ по поводу сего, по званію начальника губерніи, спросить у мирового посредника жукотскаго участка, какого рода волненія между крестьянами деревень Антоновичей и Тарасевичевыхъ Величекъ, принадлежащихъ г. Подольскому, могли произойти вслѣдствіе объявленія имъ постановленія черниговскаго Губернскаго Присутствія, какой характеръ имѣли эти волненія“. Г. Подольскій изображалъ дѣло такимъ образомъ, что постановленіе Присутствія вовсе не относилось къ условіямъ жизни крестьянъ въ его имѣнні 2). Мировой посредникъ будто бы представилъ эти условія не такими, какими они существовали на самомъ дѣлѣ, и вызвалъ, такимъ образомъ, смуту.

Оказалось наоборотъ. Помѣщикъ Подольскій все выставилъ въ ложномъ свѣтѣ, и Губернское Присутствіе опредѣлило: „считать дѣло по письму г. П. неподлежащимъ дальнѣйшему движенію“.

Въ своемъ объясненіи мировой посредникъ писалъ, что люди г. Подольскаго, записанные по сказкамъ X ревизіи дворовыми,

1) Журн. 30 мая.

2) Журн. 9 іюня.

но живущіе домохозяевами и пользующіеся полевымъ надѣломъ наравнѣ съ крестьянами, 29 мая явились къ нему со старо-стою, прося разъяснить имъ, какую они должны отбывать барщину? По этому поводу посредникъ обращался къ Губернскому Присутствію и получилъ оттуда извѣстное уже намъ разъясненіе. Онъ сообщилъ копію отношенія Присутствія г. Подольскому; крестьянамъ же не сообщалъ ее, а просто велѣлъ старостамъ д. Антоновичъ наряжать такихъ людей на барщину, подобно крестьянамъ. „Волненій между крестьянами деревень Антоновичей и Тарасевичевыхъ Величекъ—прибавляетъ мировой посредникъ, никакихъ не происходило и не происходитъ, и въ настоящее время они отбываютъ барщину подобно крестьянамъ. Что же касается до того, что г. Подольскій упомянулъ въ письмѣ своемъ о волненіи, то, какъ онъ самъ говоритъ, онъ этимъ хотѣлъ выразить недоразумѣніе, происшедшее между крестьянами относительно отбыванія барщины, т. е. должны ли они отбывать барщину какъ дворовые или какъ крестьяне, такъ какъ г. Подольскій полагалъ, что они должны отбывать ее какъ дворовые“ 1).

Недоразумѣнія между помѣщиками и крестьянами происходили и въ конотопскомъ уѣздѣ. Помѣщики, судя по отзыву мирового посредника конотопскаго участка Л. А. Астафьева, требовали отъ крестьянъ ежедневной работы; а когда крестьяне отказывались исполнять ее, ссылаясь на Положеніе, то землевладѣльцы грозили имъ, что когда настанетъ жатва, они отдадутъ снимать хлѣбъ на своихъ поляхъ съ копны постороннимъ людямъ, а имъ зажинать не позволять или допускать зарабатывать съ копны только въ теченіи трехъ дней въ недѣлю 2). Въ м. Олишевкѣ козелецкаго уѣзда были случаи уклоненія отъ отбыванія женской работы. Сходясь постоянно на работахъ съ крестьянками с. Смолянки, хотя одного владѣнія, но разныхъ мировыхъ участковъ, крестьянки м. Олишевки слышали отъ нихъ, будто мировой посредникъ говорилъ, что сколько бы

1) Журн. 9 іюля.

2) Журн. № 26, 22 іюля.

семействъ ни жито въ одной избѣ вмѣстѣ, со всѣхъ ихъ слѣдуетъ только 2 дня барщины въ недѣлю. По справкамъ оказалось, что мировой посредникъ верквевскаго участка поступаетъ такъ, какъ говорили крестьянки с. Смолянки, т. е. требуетъ двухдневной женской барщины съ двора или хозяйства. Это исполнѣ совпадало съ разъясненіями понятія двора или хозяйства, сдѣланными Губернскимъ Присутствіемъ 1).

Временно-обязанные крестьяне села Зметнева сосницкаго уѣзда отказались отъ надѣла и не желали обсѣменять его, ссылаясь на то, что земли, которыми они надѣлены, неудобны и имъ съ нихъ крайне тягостно и убыточно уплачивать казенныя повинности и отбывать повинности въ пользу владѣльца. Земли оставались невспаханными и необсѣменными. Губернское Присутствіе поручило мировому посреднику провѣрить уставную грамоту. Результаты этой провѣрки намъ неизвѣстны 2).

Въ суражскомъ уѣздѣ происходили волненія среди крестьянъ при введеніи уставныхъ грамотъ въ имѣніяхъ генералъ-маіора Искрицкаго Членъ Присутствія И. Г. Есимонтовскій взялся лично на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ. Объясненія его были не въ пользу крестьянъ. Изъ другихъ мѣстностей губерніи шли также свѣдѣнія о томъ, что „крестьяне оказываютъ явное противодѣйствіе введенію уставныхъ грамотъ, отказываются, безъ всякой законной причины, отъ подписи акта при повѣркѣ уставной грамоты; въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже самыя призванные для того добросовѣстные не соглашаются свидѣтельствовать этотъ актъ“. Губернское Присутствіе въ засѣданіи своемъ 16 ноября приняло цѣлый рядъ мѣръ противъ подобныхъ отказовъ. Мировой посредникъ, въ случаѣ отказа крестьянъ подписать уставную грамоту долженъ былъ составлять объ этомъ актъ и затѣмъ, пользуясь подписью добросовѣстныхъ, приступать къ введенію грамоты, не обращая внима-

1) Журн. № 29, 1 августа.

2) Журн. № 49, 9 октября 1861 г.

нія на сопротивленіе крестьянъ; если откажутся подписать уставную грамоту добросовѣстные, привлечь ихъ къ суду, какъ лицъ должностныхъ, уклоняющихся отъ своихъ обязанностей. Въ случаѣ буйствъ, насилій мировой посредникъ долженъ былъ обращаться къ содѣйствию земской полиціи и дѣйствовать въ этомъ отношеніи на основаніи особыхъ циркуляровъ министерства ¹⁾).

Дѣло генераль-маіора Искрицкаго, вызвавшее всѣ эти постановленія, представилось совсѣмъ въ иномъ видѣ, когда за него взялся Г. П. Галаганъ. Дѣло это на столько характерно для тогдашнихъ отношеній, что мы остановимся на немъ вѣскольکو подробнѣе.

8 октября 1861 г. мировой посредникъ буднянскаго участка суражскаго уѣзда получилъ отъ генераль-маіора Искрицкаго уставныя грамоты. Для повѣрки ихъ было назначено 15 число, но повѣрка началась только 19 октября. Крестьяне отказались принять условія, изложенныя въ уставныхъ грамотахъ. Мировой посредникъ донесъ объ этомъ Губернскому Присутствію, которое, какъ было уже сказано выше, поручило члену своему И. Г. Есимонтовскому ознакомиться съ положеніемъ дѣла на мѣстѣ. 31 октября и 1 ноября происходила повѣрка и объясненіе уставныхъ грамотъ въ присутствіи г. Есимонтовскаго, исправника и становаго пристава.

Въ душатинское волостное правленіе сованы были уполномоченные отъ крестьянъ изъ деревень: Кашевки, Власовичъ, Василевки и Лубенекъ, при постороннихъ добросовѣстныхъ изъ временно-обязанныхъ крестьянъ м. Душатины, въ числѣ 4 человекъ. При повѣркѣ мірскихъ приговоровъ на избраніе уполномоченныхъ оказалось, что представленъ былъ только приговоръ по д. Василевкѣ; приговоры же по д. Кашевкѣ и Власовичамъ были украдены у сельскихъ старостъ. Земской полиціи было поручено произвести объ этомъ дознаніе; уполномоченные

¹⁾ Журн. № 63, 16 ноября.

же и безъ мірскихъ приговоровъ были признаны представителями соответствующихъ обществъ.

При повѣркѣ уставныхъ грамотъ крестьяне выразили свое несогласіе на оброкъ въ 8 рублей съ ревизской души, означенный въ уставныхъ грамотахъ, съ круговою отвѣтственностью всего общества, и выразили желаніе отбывать барщину, опредѣленную Положеніемъ, но приняли всѣ остальные условія уставныхъ грамотъ. Составленный по этому поводу актъ уполномоченные, однако, отказались подписать. Уставныя грамоты были признаны провѣренными, но крестьяне все-таки просили позволенія поговорить кой-о-чемъ со своимъ помѣщикомъ. Результаты этихъ переговоровъ сказались на другой день. 1 ноября въ с. Иржачахъ, куда съѣхались всѣ лица, бывшія при повѣркѣ уставныхъ грамотъ, мировому посреднику было подано прошеніе генералъ-маіора Искрицкаго и крестьянъ означенныхъ выше деревень. Крестьяне выражали желаніе, съ согласія помѣщика, перейти на оброкъ на условіяхъ, изложенныхъ въ уставныхъ грамотахъ, а также выкупить весь надѣлъ съ выдачей ссуды отъ правительства и съ отказомъ г. Искрицкаго отъ 20% всей суммы, слѣдовавшей ему по капитализаціи оброка.

Въ далисицкой волости крестьяне совсѣмъ не допустили до провѣрки уставныхъ грамотъ и оказали буйные поступки. Надъ ними было наряжено формальное слѣдствіе, результатовъ котораго нужно искать въ другомъ мѣстѣ, а не въ журналахъ Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія.

Разсматривая уставныя грамоты по душатинской волости, Г. П. Галаганъ въ своемъ докладѣ Губернскому Присутствію находилъ не все въ нихъ „совершенно законнымъ и правильнымъ“. Изъ уставныхъ грамотъ не было видно, напр., существовала ли у крестьянъ душатинской волости круговая порука при отбываніи какихъ-нибудь повинностей? Изъ актовъ составленныхъ мировымъ посредникомъ было видно, напротивъ, что „для крестьянъ это было совершенно новое условіе, на которое они, можетъ быть, потому именно и не сомасились, незави-

симо отъ общихъ заблужденій крестьянъ по этому предмету". Кроме упоминаній о круговой поруки въ уставной грамотѣ было „еще одно условіе, предрѣшающее дѣло и тѣмъ еще болѣе стѣснительное для крестьянъ: въ немъ было выражено, что въ случаѣ крестьяне измѣнятъ обыденное пользованіе землею на наследственное, то каждый дворъ съ двумя ревизскими душами долженъ получить 9 десятинъ земли и платить 16 рублей; круговая отвѣтственность всѣхъ крестьянъ при этомъ не отмѣняется. По силѣ 115 ст. Велікорос. Положенія, сохраненіе круговой поруки послѣ отмѣны общественнаго пользованія должно зависѣть отъ обоюднаго условія, а слѣдовательно, никакъ не можетъ войти въ составъ уставной грамоты, написанной помѣщикомъ безъ участія крестьянъ. Если взять во вниманіе выраженное крестьянами противодѣйствіе именно въ отношеніи поступленія на оброкъ съ круговою за него отвѣтственностію, то нельзя не придти къ предположенію, что самое неправильно введенное въ уставную грамоту стѣснительное условіе, упущенное изъ виду мировымъ посредникомъ, имѣло нѣкоторое вліяніе на дурное расположеніе крестьянъ къ новому для нихъ Положенію". Что касается заявленія крестьянъ относительно выкупа ими земель при ссудѣ правительства и скидѣ съ выкупной суммы 20% со стороны помѣщика Искрицкаго, то заявленію этому, по мнѣнію Г. П. Галагана, нельзя было придавать значенія законнаго акта. Условія выкупа были слишкомъ тяжелы. Выкупная сумма составляла 60611 руб. 15 коп. Сверхъ этого до 1 января 1862 г. крестьяне обязывались продолжать издѣльную повинность; съ 1 января по 23 апрѣля они обязывались по расчету мѣсяцевъ и дней, уплатить оброкъ впередъ, а съ 23 апрѣля впередъ до утвержденія ссуды Правительствомъ обязывались уплачивать оброкъ за 6 мѣсяцевъ впередъ, за круговою порукою всего общества. Заявленіе о выкупѣ надѣла было подписано г. Искрицкимъ и крестьянами, по нѣсколько только человѣкъ отъ cadaго сельскаго общества: изъ 214 крестьянъ д. Кашевки подписалось, напимѣръ, 14 душъ; столько же подписалось и изъ д. Власовицъ, гдѣ крестьянъ было 246 душъ

изъ 95 крестьянъ деревни Василевки на заявленіи подписалось 12 душъ. Тѣмъ не менѣе въ концѣ подписей стояло удостовѣреніе мирового посредника, что сдѣлка о выкупѣ дѣйствительно добровольна и что всѣ выставленные въ прошеніи (заявленіи) свѣдѣнія и расчеты согласны съ дѣйствительностью.

Разсмотрѣвъ докладъ Г. П. Галагана, Губернское Присутствіе исполнѣ согласилось съ его соображеніями и утвердило всѣ его заключенія. Уставныя грамоты по имѣнію генераль-маіора Искрицкаго были признаны дѣйствительными съ исключеніемъ изъ нихъ всѣхъ условій, которыя могли быть допущены только при добровольномъ соглашеніи обѣихъ сторонъ ¹⁾. Относительно выкупа надѣловъ необходимо было составить, по взаимному соглашенію помѣщика и крестьянъ, особый законный актъ, на основаніи 74—92 ст. Положенія о выкупѣ ²⁾.

Этимъ дѣломъ, повидимому, не кончилось. 7 декабря предсѣдатель сообщилъ Присутствію распоряженія, сдѣланныя имъ по поводу введенія уставныхъ грамотъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ суражскаго уѣзда, въ которыхъ крестьяне оказывали упорное сопротивленіе. При обсужденіи мѣръ, которыя могли бы быть полезными въ этомъ случаѣ, Н. П. Бороздна, П. А. Васильчиковъ, Г. П. Галаганъ и И. Г. Есимонтовскій внесли особое письменное заявленіе, которое было затѣмъ представлено въ

1) А) „Общинное пользованіе землею и круговое за повинность ручательство можетъ быть упомянуто (въ уставной грамотѣ), какъ существующее въ имѣніи, только въ томъ случаѣ, если оно, по надѣлу и повинности дѣйствительно представляетъ общинное пользованіе“; б) безусловно вводить въ уставную грамоту какія-либо предрѣшающія дѣла условія, какъ напр., о раздѣленіи земли на каждый дворъ съ двумя ревизскими душами по 9 десят. равныхъ угодій земли; в) условіе сохраненія круговаго ручательства всего общества послѣ раздѣленія земли на наследственные участки, какъ могущее состояться только лишь въ силу обоюднаго согласія или сдѣлки, не должно быть вносимо въ уставную грамоту, составленную безъ участія крестьянъ. (Журн. 29 ноября, стр. 11).

2) Журн. № 66, 29 ноября 1864 г.

министерство ¹⁾). Къ сожалѣнію, сообщеніе председателя и заявленіе указанныхъ членовъ Присутствія намъ остались неизвѣстными.

Интересъ суражскаго дѣла заключается въ томъ, что оно характеризуетъ серьезное отношеніе Губернскаго Присутствія къ крестьянскому вопросу. На первыхъ порахъ легко было обвинить однихъ только крестьянъ въ самоуправствѣ, въ незаконныхъ требованіяхъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, крестьяне не такъ уже были виноваты, отстаивая свои матеріальные выгоды и интересы. Можетъ быть, со временемъ безпристрастная исторія приведетъ намъ не одинъ еще случай крестьянскихъ волненій, подобныхъ тѣмъ, какія происходили въ суражскомъ уѣздѣ въ имѣніи генераль-майора Искрицаго Мы увидимъ тогда, въ какое трудное положеніе были поставлены крестьяне въ 1861 году, не понимая истиннаго смысла Положенія, не имѣя людей, которые бы толково, не горячася, не начальствуя, разъяснили имъ его. Отстаивая свои интересы, путаясь на каждомъ шагу, не рѣшаясь предпринять какое-нибудь определенное рѣшеніе изъ боязни потерять многое, крестьяне часто, можетъ быть, совершенно невольно доходили до грубыхъ поступковъ, до бунтовъ, для усмиренія которыхъ вызывались войска... Бунтами этими не занималось Губернское Присутствіе. Они, по существу, не были предметомъ его сужденій. Только изрѣдка, поэтому, упоминается о нихъ въ „журналахъ“. Мы знаемъ, напр., что были какія то волненія въ суражскомъ уѣздѣ въ имѣніи черниговскаго губернскаго предводителя дворянства Н. П. Борозды ²⁾; былъ нарушенъ порядокъ въ имѣніяхъ помѣщика Стражкова и помѣщика Дунинь-Борковскаго ³⁾ и т. п. Подробности этихъ волненій и нарушеній порядка намъ неизвѣстны. Въ имѣніи Н. П. Борозды все кончилось благопо-

1) Журн. № 69, 7 декабря 1861 года.

2) Журн. № 39, 29 августа 1861 г.

3) Журн. № 63, 16 ноября.

лучно, добровольнымъ соглашеніемъ между помѣщикомъ и крестьянами 1)...

Волненія между крестьянами, вызванныя непониманіемъ истиннаго смысла Положенія 19 февраля 1861 г., были явленіемъ повсемѣстнымъ не только въ Малороссіи, но и въ Рос-сіи. Это вынудило министерство внутреннихъ дѣлъ издать 2 декабря циркулярное предписаніе для объявленія его во всеобщее свѣдѣніе. „Изъ доходящихъ до министерства внутреннихъ дѣлъ, говорилось въ этомъ предписаніи, свѣдѣній о положеніи крестьянскаго дѣла видно, что дальнѣйшему успѣшному ходу его и, въ особенности, составленію уставныхъ грамотъ, во многихъ мѣстахъ, препятствуютъ распространившіеся между крестьянами превратные толки и укоренившіяся въ нихъ ложныя надежды. Они ожидаютъ, такъ называемой ими, *новой воли*, съ объявленіемъ которой, по истеченіи двухъ лѣтъ, они получаютъ, будто-бы, какія-то *новыя льготы*, въ Положеніяхъ 19 февраля не указанная, и отъ пользованія которыми будто-бы будутъ устранены крестьяне, заключившіе добровольныя сдѣлки съ помѣщиками и подписавшіе уставныя грамоты. Для прекращенія такихъ ложныхъ ожиданій государю императору благоугодно было, во время путешествія въ Крымъ, неоднократно, и въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ его имп. величеству были представляемы старшины обществъ временно-обязанныхъ крестьянъ, лично разъяснять имъ сущность дѣла и напоминать о лежащихъ на ихъ обязанностяхъ. Государь императоръ, въ такихъ случаяхъ, соизволилъ говорить крестьянамъ, что никакой другой воли не будетъ, кромѣ той, которая дава, и потому крестьяне должны исполнять то, чего требуютъ отъ нихъ общіе законы и Положенія 19 февраля“ 2).

Двухлѣтній срокъ, установленный Положеніемъ для окончанія обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщику, на практикѣ вызывалъ вообще много недоразумѣній не у однихъ только крестьянъ. Одинъ изъ мировыхъ посредниковъ, напр.,

1) Журн. № 39, 29 августа.

2) Журн. № 73, 15 декабря 1861 г.

черниговскаго уѣзда толковалъ его въ томъ смыслѣ, что онъ обязателенъ для крестьянъ: до истеченія его уставныя грамоты не могутъ быть введены. Но этому поводу Губернское Присутствіе высказало такого рода сужденіе. „Ложное понятіе о значеніи этого срока могло возникнуть между крестьянами; по ихъ малограмотности, можно допустить, что они могли не понять, что этотъ срокъ поставленъ въ Положеніи какъ крайній предѣлъ для окончательнаго, посредствомъ уставныхъ грамотъ, опредѣленія отношеній между помѣщиками и крестьянами. Ошибочность въ этомъ случаѣ убѣжденія крестьянъ, породившая уже столько затрудненій, должна быть всѣми мѣрами исправлена и всѣ усилія должны клониться къ точному и вѣрному разясненію вопроса. Противное не можетъ не быть призвано вреднымъ, такъ какъ оно можетъ служить только къ большому еще укорененію въ умѣ крестьянъ ложнаго пониманія двухлѣтняго срока, даннаго на повсемѣстное введеніе въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ“ ¹⁾.

Ник. Василенко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Журн. № 69, декабря 7.

НАША ДОЛЯ-БОЖА ВОЛЯ.¹⁾

(Продолженіе).

Х.

Мынуло килька тамъ тыжднивъ, и зновъ Максимъ Мыкытовичъ Витрякъ працюе, и зновъ ходе що-праздныка до божого храму, и зновъ, якъ побаче старця якого, то вже такъ не видпусте ёго одъ себе, а подасть ёму мылостыню та ще й скаже: „Прыймы, старче божый, подаваніе та помольсь за гришну душу Петра“... Тилько вже після того подавсь Максимъ Мыкытовичъ Витрякъ, дуже подавсь: и руки у нёго крипко стали труситься, такъ шо, якъ вызьме винъ було карватку зъ водою, то и вода въ неи не держытсья, та й поперекъ ставъ ёго шось дуже доймають... А тилько шобъ Максимъ Витрякъ показавъ кому свою журбу? Ажъ никому и ажъ николи! Та й чого ёму, якъ на чужу думку, журытсья? У нёго, окримъ Петра, есть ще дочка Орыся, и яка дочка? Та есть ще найменьшый сынъ Павлусь,—такъ чого ёму?

¹⁾ См. Кіевск. Стар. 1901 г № 2.

Вы подывиться, люде добри, яка выйде изъ тїен Орыси Витрякивы краса? Ще вона, сказать, тилько дивчынка, але ось незабаромъ буде и дивкою. Хиба дивчатамъ довго росты? Воны, якъ те пшенычне тисто, шо не вспіешъ ёго и замисыты, якъ воно уже й зійшло. То хлопци... а дивчата, якъ верба. Такъ усяка дивка, такъ и Орыся Витрякивна.

Ще маненькою Орыся була така втишна, така уже втишна та гарна дытна була, шо онъ яка! Вона було и розскаже батькови про Ивашечка та про видьму; вона ёму и писню яку проспива, и въ голови ёму поська. И все було бильшь коло батька, усе коло батька, якъ тамъ кажуть, трется та мнется. А батько уже, якъ тилько прысяде де, такъ заразы же ухоне за рученята донечку свою та до себе на колина; посадовытъ ии та такъ и держытъ у себе и зъ колинь не спуска. А вона ёму щебече, а вона ёму цвырынчытъ та порошытъ! „Щебечы, щебечы, моя галочко! Хай Богъ хранытъ, абы бѣ не плакать“! скаже було Максимъ Мыкытовичъ, спускаючи зъ колинь свою донечку та хрыстючы ии хрестомъ.

Отъ такъ було тишытся Максимъ Мыкытовичъ Витрякъ своею Орысею, якъ вона була ще малою. А якъ уже стала вона велькою, такъ винъ и очей зъ неи не зводе, безъ неи и не йистъ, и не пье, безъ неи и не дыха. Черезъ шо жъ воно такъ? Одно черезъ те, шо вона була у нѣго едыначка-дочка; а друге черезъ те, шо вона така жъ невымовна була красуня, якъ и ии маты Маруса, якъ ще молодою дивчыною гуляла, колы ии уперше уздривъ Максимъ Витрякъ. И справди такы Орыся на все село славылась своею красою. Зросту вона була середнѣго, станъ у неи бувъ тонкый та ривнесенькый, неначе та молода тополя, шо росте—гойдается у садку захыстному; походка у неи була спокойна та поважна, неначе у тїй королывны; зъ лыци вона була округла и повновыда; ротокъ невеличкый и повсигда трошкы раскрытый, нисокъ коротенькый и неначе трошкы кырпатенькый; а зубонькы—ну чысто жъ такы неначе воны выточени: ривнесеньки-ривнесеньки та били-били,—

таки уже били, шо ажъ свитятся, якъ свитытса бильнй снигъ у морозный та ясный день на сонци; а шо вже очи, ти кари та весели очи, то воны у неи повсигда свитять такъ, якъ свитять у неби дви самыхъ блескучыхъ зирочки, и чымъ бильше дывылся у ти очи, тымъ бильше хочеться дывытса у нихъ, тымъ радиснійшь у тебе робытса на души и веселійшь на серци. Оце якъ засміеться було Орыся, та якъ роскрые свои коралови губонькы, то неначе одъ неи, якъ одъ ясного сонечка, свить скрызъ заблещыт та засяе. А въ очахъ у неи стилько смиху, стилько радощивъ, стилько щастя, шо, глядючи на неи, и самый сумный чоловікъ заразы же росправыт на чоли своѣму зморшкы та стане такой веселый, якъ на Велькеденъ передъ розговиннямъ. Куды ни поверны Орысю, одна краса та й годи!

Ты подывысь ще на ии косы: якъ заплете оце вона ихъ у дрибушкы та якъ попуска унызыт, то воны у неи ажъ выже колинъ простягнутса. А якъ убереться було Орыся на яке-небудь свято, якъ надягне на себе свое дивоче убрання, червону, ще одъ бабы, квитчасту, усю въ картахъ, плахточку, зелену зъ червоными лапками та зъ гарусными гудыками керсетку, якъ пидперезеться каламайковымъ пояскомъ, за поясъ затгне мережану хусточку, на шыю начепыт разкывъ пъять, або й бильшь доброго намыста, ще й килька тамъ золотыхъ дукативъ та срибныхъ хрестивъ, у косы вилете червону, блакитну, рожеву та жовтогарячу стѣжку, голову уквитчае живыми гвздыками, зеленымъ барвинкомъ та дивочымъ винкомъ, а на нижкы набуе маненьки червоного сапьяну зъ пидковками чобиты, якъ убереться та якъ одягнется отакъ Орыся, то чысто-жъ тоби картына, отъ-та сама картына, шо малярн малюють по городахъ на дывовыжу панамъ. И якъ иде оце Орыся у такому убранни до церкви, то неначе вона и до земли не доторваеться, и одъ красы та одъ радощивъ неначе горыт уса въ золоти... А ще краца бува Орыся тоди, якъ передъ веде у танку! Э, тутъ вона уже не дывчына, а справжня короливно! Тутъ вона якъ протягне своимъ звинкымъ та высокымъ голос-

комъ писню, якъ пробижыть попереду всихъ, ведучы за собою увесь танокъ, якъ стукне нижка обь нижку чобитвамы, якъ обкрутне дивчатъ округъ своеи руки, шобъ зробыты зь ныхъ справжнй танокъ, такъ хто тамъ буде на вулицы, чы старе, чы молоде, чы жинка, чы чоловікъ, то вже не вдержытса, шобъ не сказаты: „Ну-й дивка жь оця, Орыся! На все село дивка! Не дивка, а чысто тоби втиха! Шо вродлыва, шо спивлыва, шо брава, шо жвава, такъ уже й нукуды бильшь“!..

Такъ на таку дивку десь уже хлопци не зазыралы? Эге-жь! Инчы дывытсан на неи, дывытса, та ажъ очи вытрищыты. А инчы погляне на неи, погляне, та скорйшь и одвернетса, ухопе себе за сердце, зитхне тяжко-претяжко та й геть одйде оть танка.

— Ну, й дочку жь Богъ давъ Маруси Витрячуси!—промовыть оце, дывлячысь на Орысю, баба Одарочка Сыдорыха.

— Эге, у литку й качка прачка, а нехай вона побрыжка зимнѣи поры! перехопе бабу Одарочку Сыдорыху баба Химка Дудукалка. Ще побачымъ, шо зь неи дали выйде; тоди скаже „гоць“, якъ выскоче.

— А що дали? Замижъ пйде за кого любля,—не що!

— А хйба якъ замижъ пйде, то вже й щастя запобижыть? Може писля веселошывъ та играшокъ доведетса ще й сплакнутъ. Зь горемъ натѣрпытса, такъ и не таку заведе.

А Орыся гуля соби, та й байдуже йй и до молодыхъ хлопцивъ, и до старыхъ бабывъ. У неи ще не те на думци: у неи на уми те, якъ бы матинци свой краще догодыть та якъ бы татка, свого любого татка, пры старосты засноконты. И ось вона то побижыть до колодязя та прынесе до-дому воды; то метнетса на вгородъ та выкопа картопли, або бурянивъ на борць; то кынетса на тикъ та нарве тамъ травыци коровкѣмъ, шобъ вони побильше давалы молока. И за яке-бъ дило вона ни взялась, то такъ воно у неи и горыть, такъ и горыть. Батько та маты ще гараздъ йй и не скажуть, а тилько такъ, навтыкѣ, шо тамъ треба чы зробыть, чы ухопыть, якъ ось воно уже й йе. Вона и тре, и мне, и шые, и мне, и обидъ готуе, и въ поли працюе. Покры маты тамъ скубвдыты одынъ снпъ, а

вона тры, а вона тры. Та все, куды бь вона ни йшла, шобь ни робыла, за шобь ни бралась, та все зь играшкамы, та все зь спивама та зь радошамы. И така жь тоби весела та втишна та славна дивчына, шо онь яка! А якь оце вже все переробе и ничдогь бильшь ий не зостається робыть, тоди вже вона у свій любый та гарный садокь. Тамь вона чысто якь у божому раю. Тамь вона такь уже слива та выпивуе, такь радие та втишається, шо ажь возна квитка, кожень куцкыь ий сміються та усмихаються. А квитокь у неи у тому садку, тамь якихь тилько и нема? Тамь и холодна мнята, и зеленый любыстокь, и душыстый кануперь, и пахучы васыльки; тамь и крокись и дзиндзивирь, и майоркы, и чернобрывци, и висока рожа, и макивь цвить. И чого тамь, чого тилько нема? И тамь же надь тымь квиткамы, по середыни садка, ростуть-гойдаються кучеряви вышенькы та темно-зелени черешни, а вь одному, тихому та захыстному куточку, дрижать на вильнимь повитри та шепочуть своимь било-зеленымь лыстамь сриблясти тополи. Невельчкый той садокь, а тилько винь такь рясно усажень квиткамы и такый винь веселый та чаривный, шо такь до себе и прытяга чоловика у литню палку добу. И садокь прытяга, и дивчына, шо слива у тому садку...

XI.

Обичь зь садкомь Максима Мыкытовчы Витряка стоявь садокь Грыгорія Якымовчы Крачка. Цей Крачокь бувь невеличкый соби панокь и прожывавь винь на своёмь грунті, коло Максима Витряка, зь давныхь давень. Колысь-то, чы ёго дидь, чы праидь, зайшовь зь-за Днипра на Слобожанщину и якось-то опынывьсь у Суныцивци. Тамь винь довго керувавь музыкантамы—крепакамы пана Ивана Борысовчы Голованя, и вь якыйсь тамь щаслывый чась такь догодывь тому Голованю, шо вивь подарувавь ёму и грунть и двоухь, чы трёхь крепа-

кивъ. Такъ отъ-то правнукъ того захожого Крачка, Григорій Якимовичъ Крачокъ, и прожывавъ обикъ зъ дворомъ Максима Мыкытовича Витряка. Винъ и родывсь, и зрись на своему грунті и черезъ те дуже любывъ свій ридный кутокъ. Тутъ же винъ, десь недалечко одъ Суныцивки, и панночку соби якусь-то знайшовъ; тутъ же и одружывсь зъ тією панночкою, Ганнусею; тутъ же Богъ дарувавъ ёму и сыночка, Ивасыка.

Тилько одного сынка пани Крачыха и породыла на свить; одынъ винъ и zostався на втиху батька та матери. Черезъ тежъ батько та маты такъ крипке и кохалы та пестылы свого сыночка, шо для ныхъ луччихъ и радощивъ не було, якъ бачыть здоровымъ та щасливымъ свого Ивасыка. А воно жъ тоби те хлопця ще змалку шо вже було огненне, шо вже було прудке та жваве, такъ чысто жъ тоби одно лыхо зъ нымъ та й годи! Ничымъ ёго не зупынышь, ничымъ не вдержышь, хйба тилько казку розкажешъ, або писню яку проспываешъ, або чымъ страшнымъ налякаешъ. Оце спыть було воно у ноци, у свойй кимнатци, а потымъ прокынется о пивночи та й давай воюваты зъ бабою Одарочкою, шо спыть коло нёго. То баба и такъ и сякъ, ниякъ ёго не вгамуе, а дали й каже:

— Спы, спы, Ивасыку, а то онъ видьма йде та вхопе тебе та й понесе.

— А де-жъ вона, бабуся, та видьма йде?

— А ондечкы выскочыла зъ глухого киньця Крыженковыхъ ворить... Онъ вона зигнулась, якъ собака, та верхы на кійку зъ дійныцею и крадется по-пидъ тынню..

— Ой, бабуся, я боюсь! Вона мене не визьме?

— Якъ не будешъ воюваты, то не визьме, а якъ будешъ, то ухопе, та й понесе.

— А яка вона, бабуся, та видьма?

— А яка? Била-била, якъ снигъ; спереду морда довга-предовга, а ззяду ще й хвистъ. Ось дывысь, ось дывысь, якъ крадется по-пидъ тынню!..

— Ой, ой, бабуся, я боюсь! Краще ты мене закрый зъ головою,—я вже не буду бильшь.

Бабуся закрые хлопчыка, и воно угамуется, хочъ и довго, дуже довго пiсля того не спыть: воно хочъ и закрыте, а добре баче черезъ вiкно, якъ скрызъ по дорози мыготыть та перелываеця свитъ одъ мiсяця и якъ вiнь падае яснымы та бiлымы пасмугамы на ворота, на хату и на повитку Крыженка: „ото-жъ, мабутъ, одъ тiей бiлои видьмы такъй бiлый промiнь!.. Ой, и страшно жъ, и не дай же, Боже, якъ страшно! А тутъ ще то баба Одарочка балакала, а то заснула та шо хропе, шо вже хропе! ий же й байдуже, а тутъ же жъ!..

А якъ устане Ивасыкъ зъ лiжка ураньци, то и тутъ зъ нымъ лыхо: не хоче ни одягаться, ни обуваться: уже бабуся до нёго и такъ и сякъ, такъ ни: не хоче та й край.

— Спивай мени, бабуся, пiсню, тоди я буду одягаться.

— Та яку-жъ тоби спивать? Хиба про Хому та про Ярему? Якъ Хома та Ярема та ридниi браття симъ годъ збиралысь у Русалымъ, такъ Ярема хочъ заразъ, а Хома все збираеця, такъ якъ оце ты у мене одягаешся.

— Э, ни, бабуся, я цiей не хочу! Спивай мени про орла та про сокола, шо купалысь у мисти на мори та балакалы про козака.

Отъ и почне бабуся спивать Ивасыку:

Та ой на мори на смнёму,

На камени на билому

Сокиль зъ орломъ купается,

Сокиль орла пытаеця:

„Чы бувъ, орле, за Дунаемъ,

Чы не знаешъ про Ногаи,

Чы не чувъ ты про Мыхайла“?

— Не такъ я чувъ, якъ самъ знаю:

Ишлы ляхы на тры шляхы,

А татары на чотыри,

Запорожци поле вкрылы,

Чобиткамы зачорнылы,

Шабелькiамы заяснылы,

Шапочкѣмы закрасылы.
 Попереду гетьманъ йиде,
 Въ правій рѹчци держыть мѣча,
 Въ ливій рѹчци горыть свича,
 А шо зъ мича тече кривця,
 А изъ кривци бижыть ричка,
 Надъ ричкою воронъ кряче,
 По сынови маты плаче.
 „Не плачь, маты, не вбывайся,
 Ще жъ я не весь порубався:
 Тилько руки на три штуки,
 А виженькы на чотыри.
 Треба, маты, майстривъ ськаты—
 Мени хату бѹдуваты,
 И безъ дверецъ, безъ виконецъ,
 Шобъ витренько не вѣяло,
 И сонечко не сяяло:
 Мени въ двери не ходыты,
 А въ виконце не глядыты,—
 Мени, маты, въ земли приты“.

Такъ отъ такечкы якъ почне ривнымъ та спокійнымъ голосомъ спивать бабуся Одарочка, то й сама забуде, шо й треба одягать панычыка. Слива соби та выводе старечымъ голосомъ, а панычыкъ соби спива та выводе. А дали, якъ скиньчыть бабуся писню про орла та про сокола, тоди панычыкъ до неѣ сь проханнямъ, шобъ спивала другу яку. Та вчепыты рученятамы йй за шію и давай ии цилуваты и въ шію, и въ плечи, и въ очи, шобъ тилько заспивала про ту сердешну Галя, шо, по прыказу своей свекрухы, ходыла въ неділю пшепыченкы жаты, жала пшепыченку та й не росхылялась, на свою малу дытну та й не задывлялась, якъ побигла жъ Галя дытны дывытыся, та й зустрѣла жъ Галя три вовчыкы сирыхъ,

А одынъ же несе колыску новеньку,
 А другый же несе пелюшку биленьку

А третій же несе дытynu маненьку,
 Та й почалы жъ воны дытynu дилыты:
 Которому ручка, которому нижка,
 А матери очки, шо не спала ночкы...

Спива бабуся про Галю, а сама плаче та й плаче, неначе вона и справди баче, якъ безщасну дытynu та пошматували сири вовкы въ поли. А за бабусею плаче панычыкъ....

— Панычу, панычыку, та годи тоби, годи! То воно въ писни такъ! Одагайся лучче! Ось тоби штанци, ось тоби соро-чечка, та, шо маты прынесла своёму Ивасыку, якъ винъ ходывъ на ричку рыбки ловыты.

— А якъ же жъ винъ ходывъ, басусю, якъ по ричци не-можна ходыть?

— Ну, такъ плававъ човныкомъ, а маты ёго приходыла до бережечка та казала ёму...

— А шо жъ вона казала ёму?

— Казала: „Ивашечку, мій батечку, прыплывъ-прыплывъ до бережка, я тоби штанци й сорочечку прынесла“!..

-- Ну, ось я, бабуся, и прыплывъ до бережка! Давай теперь мени и штанци и сорочечку!

Отъ така то була морока въ тымъ Ивасыкомъ уже зъ малечку. А якъ ставъ же винъ учыться письма, такъ тутъ зъ нымъ ще й гирше лыхо: не хоче блазнѣ вчыться само, а подай ёму товариша, тоди такъ! Отъ и знайшлы ёму товариша, Стецька Гырю. И почавъ винъ умести зъ нымъ учыться: сюды-туды повернувся, уже й вывчывъ те, шо ёму велено, уже й закрывъ кныжку, уже й выскочывъ зъ Стецькомъ изъ хаты, ускочывъ у синныкъ, де наложене свиже та пахуче сино, та й давай борюкатся зъ Стецькомъ на сини. То потягне ёго за ногу, то перекине унызъ головою, а въ гору поставе ногамы; то накыда на нёго сина, а самъ геть выскоче изъ синныка, мыттю выдерется на дерево въ садку та й регочется-регочется тамъ, сміючысь зъ Стецька, шо винъ такой кволый, та невко-вырний, ни якъ не выдряпается на дерево, шобъ ухопыты па-ныча за чобить та зтягты ёго на землю.

— Паньчу, паньчу, злазь унызь та ходимъ до насъ!

— А шо тамъ у васъ?

— У пасъ сёгодня буде борщъ зъ саломъ та каша-кутя зъ молокомъ.

— А не брешешъ ты?

— Чого? йиже-Богу! Злазь!

— А, якъ такъ, то я ось уже и внызу!

Отъ наши хлопчакы уже и въ хати у старого Ивана Гыри; отъ вони уже и за столомъ сидятъ. Ну-й добрый же у того Гыри борщъ! А ще добрыйша каша-кутя зъ холоднымъ молочкомъ!..

— Скажи мени, паньчу, шо то таке балакають мижь собою горобци, якъ позитаются до куны? Ты теперь уже пысьменный, такъ, мабуть багато де-чого знаешъ. Шо у васъ у книжкахъ про це йе?

— Ни, дидусю, у насъ цёго у книжкахъ нема.

— Эге, ще, значыть, не вспили завесты у книжки. Це вони, анахтемськи горобци, такъ на Хрыста. Якъ мучылы жыды Хрыста, то оце бьютъ ёго, пречеснбого, бьютъ, а дали бачуть, шо винъ уже й не дыше, та й вынуть у ясла: „Теперь, кажуть, дйшовъ“. Ажъ воно хочъ и прибылы ёго, та тилько не до виньця. Тутъ де не визьмутся горобци, понасидають на ясла та й цвириньчатъ: „жывъ—жывъ, живъ—жывъ“! То жыды упьятъ за Хрыста та впьятъ давай мучыты ёго.. Такъ про те вони, гаспадови горобци, и балакають промижь собою. О, ба—о! Цёго у твоихъ книжкахъ нема?

— Ни, дидусь, нема!

— Ну такъ ты упышы?

— Якъ вывчусь, дидусю, пысать, то выпышу.

— Ну, а шо жъ у твоихъ книжкахъ сказано про те, якъ выйшлы горы на земли?

— Ни, дидусь, и цёго не сказано; а якъ же вони выйшлы?

— А отъ якъ вони выйшлы: якъ Господь творывъ свить божый, то бисъ—хай Духъ Святъ пры насъ!—то бисъ, кажу,

шо ни сотворить Богъ, чы тамъ вивцю, чы корову, чы коня, чы качку, ухопе те та заразы же и зысть. А якъ почавъ уже Господь творить землю, то бись, якъ ии йисты не можна, давай дряпаты ии кыктымы. Та ото якъ надряпавъ, та давай выкыдаты ии изъ-пидъ кыктивъ: якъ выкыне шматокъ, то й гора, якъ выкыне другый, то й друга. О, ба—о!

— Невже жъ такы, дидусь, отъ такы высоки горы, якъ оце у насъ, шо про-мижъ Суныцивкою та Иванивкою, то вси воны булы у чорта пидъ кыктымы? Якый же то у нѣго кыкоть завбільшкы?

— Эге, у нѣго, панычу, такой кыкоть, шо пидъ нымъ и тры такыхъ горы сховається, якъ наша: винъ оце начепе на выкоть землю та й держыть ии,—одъ того середъ дня и свита инколы не бува; люде кажутъ, шо то сонце минытса, ажъ воно, якъ по справжнѣму сказать, такъ то чортъ землю на кыкты держыть. Та вже, якъ Господь дѣржавою своею ёго опече и якъ винъ выпусте землю изъ кыкты, то тоди зновъ на земли и сонце засяе и свить заблыщтыть... О—ба—о! И цѣго у твоихъ кныж-какъ нема?

— Нема, дидусь, и цѣго!

— А якъ нема, такъ ты заведы!

— Заведу, дидусь, якъ вывчусь пысать, заведу!

— Ну, а скажы мени ще одно: чого то зинське щеня та очей не мае?

— А я, дидусь, не бачывъ, чы воно мае, чы не мае.

— Очей воно справди не мае, и знаешъ черезъ шо?

— А черезъ шо?

— А отъ черезъ шо: якъ Богъ сотворивъ ёго, такъ воно хотило подывытса на Господа та й ослипло: Господь сяе такымъ блескучымъ свитомъ, шо проты нѣго и соняшний свить не свить. Черезъ те Господа нихто не може й бачыть, а тилько може чуты Ёго вельку силу... О, ба—о! Гляды жъ и це у кныжку заведы, якъ шо навчышся пысать.

Отъ такъ слуха Ивасыкъ, шо ёму розказуе дидъ Иванъ Гыря, а тутъ же й баче, якъ ёму Стецько кывае изъ синей

пальцемъ, шобъ скорійшъ выходывъ изъ хаты въ сины та отъ то шобъ дременуты имъ куды-небудъ, чы на тикъ, чы на ого-родъ, чы ажъ на ту леваду, шо за капустамы, пидъ горою. Тамъ такъ зелено, тамъ такъ погоже та такъ весело! Тамъ, по тій левади, вьется небелычкый зъ чыстою, якъ слизочка, водою струмочокъ, шо вьзявся десь ажъ повыще Жабокрюкивыи, а уплыва у панськый ставокъ, супроты панського саду. По обохъ берегахъ того струмочка растутъ высоки, дуласти та розлоги вербы, шо своими гилкамы позвысалы ажъ до самой воды; а на тыхъ вербахъ турчать горлыци, скрекочуть сорокы, выбывають носамы, неначе ковали зализнымы молоткамы, довбачй-жбвны; а шо вже тыхъ шпакивъ, то воны, неначе та хмара, такъ и облилылы усю вербу,—и гилля не знать, а надъ усимъ тымъ пиднялось высоко-высоко ясне сонечко и обливае на около своимъ палкымъ та огненнымъ свитомъ и всю леваду, и всю гору, и все село.

Туды-то, на ту саму леваду, пидъ ти роскишни вербы, до того чыстого струмочка, и дременулы наши хлопчакы, Ивасыкъ та Стецько. А тамъ уже циле збиговыще тавыхъ же хлопцивъ, якъ и воны, и дивчатокъ, трошкы поменьче за ныхъ годамы: тамъ Захарько Блукеть, Серёга Зализный, Павлусъ Соқырка, Яцько Кебета, Васылъ Пампушка, Тышко Полушка, Настя Гыривна, Вивдя Соқырчына, Оныся Кульбакивна, Уляна Бережкывна и Орыся Витрякивна,—тамъ хто пасе телятъ, хто стереже качать, хто догляда гусятъ.

— Хлопци, дивчатка!

— А шо?

— Давайте гратся!

— Давайте! А въ шо?

— Давайте у квака?

— Давайте!

Ось и постановылысь хлопци та дивчатка кружка и давай граты у квака. Тутъ одинъ хлопецъ, якому выпала черьга, ставъ на ливу ногу, праву видкынувъ видъ себе назадъ и пиднявъ инъ въ гору; дали зробывъ изъ двоухъ першыхъ пальцивъ

ливои руки невеличке кильце и почавъ помаленьку плюваты черезъ те кильце, а други стали коло хлопца и пильно прыдвляються на те, якъ винъ плюе. И ото якъ упаде слына у кильце, не зачепытся за пальци, то отъ то чыстый хлопецъ, а якъ зачепытся, то тоди вси крычать: „Квакъ! Квакъ! Ййже-Богу квакъ“!

Писля того роблять коло, у середину кола заводять квака и почынають быты ёго долонямы, по чимъ хто влуче; бьють, а самы прудко видскакують видъ нёго, шобъ квакъ не видбывсь, та не передавъ свого стану другому: „Кваче, кваче, та не побьешъ! Кваче, кваче, та не побьешъ“!.. А винъ стоить та видмахуется та бига по вѣду та прыкладается, шобъ уллучыты котрого зъ хлопцивъ, або зъ дивчатокъ. И якъ уллуче котрого, то тоди вже квакъ не винъ, а той, кого винъ уллучывъ. Новый квакъ тежъ становытся въ коло и тежъ плюе въ кильце.

— Годи вже въ квака! Давайте теперь весилля справляты.

— Давайте! А хто-жъ буде молодымъ?

— Ивасыкъ!

— А хто-жъ буде молодою?

— Орыся!

— Давайте!

— Давайте!

— А хто-жъ буде старшымъ боярнымъ?

— Стецько Гыря!

— Ну, такъ давайте жъ!

— Давайте!

Отъ и почала дитвора справлять весилля, такъ саме, якъ роблять те старши: дивчатка плегуть изъ квитокъ винкы та крутятъ молодому та молодій изъ калачикивъ обидци, потимъ мисять изъ клею коровай, а изъ земли шышкы; а хлопцята выбырають бояръ-пойизжанъ, шобъ везты молодыхъ до шлюбу, та шукають троисти музыкы, шобъ граты на весилли, та крутятъ траву, шобъ перевязувать, нею замистъ рушныкивъ, старостивъ черезъ плече. И писля всёго того, два хлопчакы, загнуздывшысь травкою та видкынувшы на биекъ головы, одынъ

направо, а другой наливо, везуть молодыхъ винчаться до ривчака; тутечкы одни везуть, а други бижать за нмы слидкомъ та спиваютъ писни та плещуть у долони.

Якъ же повинчаютъ молодыхъ, тоди сперше всёго дають имъ напыться вына,—справди воды изъ лопушыного листа, потимъ надиваютъ на пальци молодымъ обидци, тоди вже садовлять ихъ рядкомъ та справляютъ весилля. Тутъ дивчатка спиваютъ весильныхъ писень, а хлопьятка грають на музыкахъ. Одынъ хлопчыкъ бере у руки два цурпалкы та й давай нмы грать: одынъ у него служе за скрипку, а другой за смычка; другой хлонецъ надыма соби обыдвн щокы, якъ тилько можна ихъ надуты, та самъ себе и бье кулакомъ то по одной, то по другой щоци,—то у него такъ бубонъ бубонуть; а третій стувльвъ до купы дви долони та якъ свыстоне, якъ свыстоне у нихъ, такъ яжъ усе птаство схоплюется зъ гылля та въ гору летыть. И тутъ же пиль ти музыки хто танцюе, хто перекидается черезъ голову по травы, хто лазе рачкы та реве, якъ той ведмиць.

— Ой, дайте горилочки горлянку промочыть!

— А онъ пий изъ ривчака,—тамъ горилкы, скилько хочь!

— Ну, хлопци та дивчата, теперь уже Ивасыкъ та Орыся—чоловикъ та жинка; теперь вони уже не розійдутся никуды.

— Эге-жь, такъ воно й було! А ну, Стець, побижымъ онъ туды, за той рижокъ горы, звидкиля выднѣется дида Вельчка баштань!..

Отъ наши хлопчакы уже й на баштани. Уже вони сыдать коло дида Вельчка; уже й йилать кавуньци. Той дидъ, Олексій Вельчко, такой древній-предревній дидъ, увесь билый-билый, яеъ снигъ, а такой славный та добрый, якъ мала дытыва; больше всёго на свити винъ любывъ малу дитвору. Своихъ дитей у него зроду не було, такъ винъ узывъ чужу дытыву та й тишывъ ии, покы выростывъ, а потимъ и въ люды пустывъ. А яеъ старымъ уже ставъ, то оце понасадовыть було у литку коло себе цилу юрбу дитей та й годуе всихъ и кавунамы, и

дынямы, и огирочкамы. Та ще, якъ нагодуе, то вельть и до-
дому брать кавунивъ, або дынь, скилько хто у руки захопыть,
а въ кишеню, або въ пазуху не беры,—то вже непотрибна
ричъ. „Чоловику, каже, треба стилько, скилько можуть руки
захопыть, а шо бильше того, то вже жадоба и за те велькый
грихъ одъ Бога“. А шобъ тебе, дытyno моя, не спокушала ни
пазуха, ни кешени, такъ ты роздягнись та голенькый и наби-
рай; а якъ свою здобычъ однесешъ, тоди вже йды та свою
одежу беры.

— Чи жъ вы, диткы, есть, шо до мене у гости, прийшли?

— Та я, дидусь, Грыцька Крачка, а цей Ивана Гыри.

— А, такъ отъ вы чii: ты Крачыня, а ты Гырыня! Ну,
шо-жъ вы и грамоты учытесь?

— Учымось, дидусь!

— И хутко у городъ пойндете, до школы?

— Не знаемо, дидусь, якъ батько та маты.

— А въ городи колы булы?

— Ни, дидусь, зроду не булы.

— Эге, не булы! А мени то де тилько и не доводилось
бувать?

— А дежъ вамъ, дидусь, доводилось бувать?

— Скризь: и въ Польши, и въ Басарабиі, и на Капказахъ
бувъ. И шо то за край славный, той Капказъ! Горы тоби таки,
шо макивкамы ажъ до неба досягають, ажъ у хмары упираются.
Звиру якого тамъ, птаства-пернаства! Боже, Боже, и якого тамъ
птаства тилько й нема? Якъ летыть оде зъ гиръ у степъ орляка,
такъ крыламы махае, наче той витракъ на витри. И сыльна жъ
птыця яка! Оде якъ нагляне де у степу зайця, то такъ грудо-
махою и вдарытся на нѣго. А той бидненкоый перекынется до
голичерва та такъ лапкамы майдалае-майдалае та крычть-
крычть; чысто тоби мала дытына! Такъ тоди якъ гунышъ изъ
ружжа на того орляку, то згукъ той такъ и покотытся скризь
по горахъ, такъ и покотытся-покотытся: га—га—га—га!.. не-
наче гримъ загрюкотыть, та ажъ у воздѹхы пиднимется... А
шо вже того гаду, Боже велькый! Якъ набыжышъ оде на га-

дуче кубло та якъ почнешь кроиты батогомъ той гадъ, такъ усе наоколо ажъ свистыть... Э, де тилько мене и не було? Бувъ я и въ Петербурзи, де цари живутъ...

— Онъ де, мабуть, дидусь, хороше,—де цари живутъ? Га? Чы правда тому, шо тамъ, де живутъ цари, тамъ увесь крышталевый городъ, крышталевы вулицы, крышталевы дома, крышталевы мистки и надъ усимъ тымъ велика-велика крышталева покривля, а сонечко, кажуть, надъ тымъ городомъ, якъ жаръ, такъ и горыть, такъ и горыть,—чы правда тому дидусь?

— За те, любя дытны моя, не скажу тебя; а тилько шо цари йиздять у золоти, пьють-йидять изъ золота, сыдять на золоти, одягаются у золото, то це шо правда, то правда. Давно, дуже давно, якъ ще я бувъ меньчий, нижъ оце вы, такъ бачывъ я, якъ царицы Катерына йихала у золотій карети у Крымъ,—карета вся зъ золота и царицы въ золоти... Дуже давно це було! Я ще скоро зазнаю, такъ скрызъ по шляхахъ, де бигла царицы, стоялы камьяни мыли, а впередъ царицы бижыть було машталиръ та на сурьми грае, та грае жъ ловко—охота й слухать... Ой, якъ же воно давно й було!..

— А хйба вы, дидусь, таки стари?

— Не такъ старый, якъ давній, дытны моя! Такой давній, шо вже треба бъ и вмираты, такъ десь про мене на тимъ свити й забулы. Та такы й пора и вмиратъ, бо дуже кисткы болять.

— А не страшно жъ вамъ, дидусь, умиратъ?

— А чого жъ ёго страшно, дытны моя? На той свитъ иты—до Бога иты... Та, мабуть, скоро такы й пиду. Ось полапайте мене за вуха, чы мянги.

— Мянги, дидусь, дуже мянги!

— А багато ще твердого зосталось?

— Ни, дидусю, трешечкы.

— Ото жъ стилько мени й жыть, скилько у мене твердого: якъ вуха зовсимъ стануть мянги, то тоди вже й смерть.

— А у мене, дидусь, чы багато твердого?

— А ну? Э, у тебе вушко тверде, якъ заячый кигтыкъ! Тоби, дытно моя, довго жыть! А-ну, дай мени ще твою праву руку! А-ну, ходы, сыночку, близче до мене, а ну! Я шось ставъ недобачать... Эге, и щасливый же ты зародывсь! Побачышь ты и багато крышталевыхъ городивъ и у золоти царивъ... Щасливый ты, а тилько й горя багато на своимъ вику уздрышь... Рука у тебе золота. Цю руку такъ, шо хочъ и старому, то можна поцилувать. Ты мале дытя, а малыхъ дитей и Господь любывъ, любывъ та и цилувавъ...

— Дидусь, дидусь! почекайте! Вы дывитя, якъ высоко пиднявсь голубъ надъ садомъ Явдокыма Могыляка! Осё-сё, осё-сё! Летыть, летыть! Осё-се!.. Стець, Стецько, а побижимъ до Явдокыма у садокъ та подывимось, якого це винъ тамъ выпустывъ буркуна.

Отъ наши хлопци уже и въ садку у Явдокыма Могыляка. Той Явдокымъ Могылякъ бувъ одъ природы калика, у него зросльсь обидви ноги пидъ колинамы, и винъ лазывъ по земли навколюшкахъ, пидпераючысь то однією, то другою долонею, а изъ себе бувъ вѣлеть, справжній „богатырь“ Илля Муромецъ,— и „богатырь“, и красень. Голова у него здорова та кучерява, голосъ густый та гучный, грудына уся у шерсты, бровы чорни, густы та ровни якъ по струни, нисъ прямой та высокий, зубы чысто тоби слоневой косты, борода густа-прегуста, та ще й кучерява; а шо вже очи, такъ чысто Богъ давъ ихъ тому калици на вдывовыжу всимъ: блакитни, блакитни та ясни-ясни, неначе те блакитне та ясне небо, и стилько въ нихъ добристы та ласкавосты дытячои, чыстои та неповынной, шо такъ бы й дывывсь, такъ бы безперечъ и дывывсь у нихъ. А одразу якъ заговоре Явдокымъ густымъ та сыльнымъ голосомъ, та якъ заре-гочетя, то зробитя ажъ страшно, а потимъ якъ засміетя та якъ роскотытця-роскотытця басомъ, то сміетя у него и ротъ, сміютя й зубы, сміютя й блакитни очи, сміетя и винъ самъ, увесь, чысто увесь... Явдокыму тому було уже, мабудь, годъ тридцять пять, а винъ бувъ такый же чыстый, и тиломъ, и сердцемъ, и душею, якъ мала дытына. Бильше усёго винъ любывъ свій

маненькый вышневый садокъ,—и славно жъ у тому садку було!.. А ще бильшь любивъ своихъ голубивъ. И якыхъ тилько у него не було голубивъ? И буркуцьки, и дыки, и турманы, и ряби, и сызи, и попелясти, и зузулясти, и червони въ билимъ перомъ.

— Дывись, дывись, паньчу, яки штаны на моёму рябому голубу! Ось дывись! ось дывись! Неначе той туроць у штаняхъ! А слухай, якъ винъ буркотыть! Ось слухай! ось слухай! Ичь якъ! Чувъ? То винъ сердытся на свою голубку та загана ии на гнездо. Хи, а литá якъ! Ты подывись! Ось подывись! Куды къ лыхій годьни отъ тому буркуцькому голубу, шо отъ то шытыльгавый Пашка швецъ изъ города привизъ! Та ще-жь винъ у мене такый удашний, чы сказать, красивый, шо чысто тобі... Отъ хиба твй буркуцькый трошки въ моимъ поривняется... Э, а який бувъ у мене позаторикъ рябий та чубатый голубъ, такъ такого десь и въ цилимъ свити не було,—такъ украла якась яретыча душа. Такъ я подававъ десять копіёкъ Ивану Воину,—той, кажуть, зыськуе ворюгъ, та й на сей день нема чуткы. Не мылююгъ и мене,—крадутъ!.. Ну, а такъ шобъ самъ де залетивъ,—цёго нема: де бъ не бувъ, а до-дому прылеть, де-бъ не бувъ, а до-дому, чуешь, прылеть.

— И якъ такъ, Явдокымъ, шо у тебе багато голубивъ и шо вони никуды не залитають видъ тебе?

— Эге, я шось таке знаю, шо вони не залитають видъ мене...

— А шо-жь ты знаешь?

— Цёго вже дурно, безъ могоарычу, не скажу.

— А чимъ же тебе пидмогорычыть?

— Якъ прочитаешъ мени казку про того богатыря, шо за однимъ махомъ сто душъ побывахомъ, то тоди скажу.

— Та це, мабуть, про Полкана богатыря?

— Эге жъ!

— Прочытаю!

— Зъ тымъ, шо прочитаешъ?

— Зъ тымъ, шо прочытаю.

— Ну, такъ слухай же: оце тилько тоби та Стецькови и скажу, а вы вже, глядять, никому не кажить.

— Ни, зроду-вику никому!

— Такъ слушайте. Якъ настане оце неделя, такъ ты пиды до церкви, стань коло дзвинуци та й дывьсь, якый прыйде до церкви самый найстарійшый дидь та поставе свій ципокъ коло дзвинуци. Такъ ты, якъ той дидь увйде уже въ церкву, визьмы потыхеньку той ципокъ та звидты мерщи до-дому та скорійшь и всунь ёго у свій голубныкъ. Отъ тоди у тебе голубивъ-голубивъ буде и ни одынъ зъ ныхъ одъ тебе не втече!.. Го—го—го—го, ни одынъ, чуешь, не втече!.. А прочытаешъ же про Полкана-богатыря?

— Прочытаю!

— А колы жъ ты?

— У недилю, писля того, якъ ципокъ уткну у голубныкъ.

— Гляды жъ,—я буду ждаты! Го—го—го—го!.. А квыжка у тебе зъ малюнкамы?

— Зъ малюнкамы.

— И тамъ есть Полканъ-богатырь?

— Есть и Полканъ-богатырь!

— Гляды жъ прынесы!

— Та язь хочешъ, то я й сёгодня у вечери прынесу.

— Ни, сёгодня не прынось: ссгодня у вечери наши хлопци поведуть на ничъ коней пасты, такъ мени треба коло хвори бабы сидить.

— А де жъ вони поведуть?

— На толоку, нидь Корніевськый лись.

— Стецьво, а ты сёгодня не поведешъ?

— Та й я поведу.

— Ну, такъ и я жъ зъ тобою! Слухай сюды, Стець: я теперь силу у санчатахъ, нидь повиткою, шо прычилкомъ выходе у Гекивъ переулокъ, такъ ты пидйидь потыхеньку до повиткы, крыкны мени пугачемъ, або совою, то я перескочу черезъ плитъ та тоди й гайда до лису,—нихто й не побаче, шо мене й дома нема. Добре, Стець?

— Добре, паньчу! Пидйиду до повиткы, крыкну совою, пидставлю тобі пидь плитъ гнидого,—того, шо увесь-увесь гнидый, а права задня нога, поньжче колина, била, а ты тоди и улучай на нѣго, а тамъ якъ улучышь, такъ мы зъ тобою въ тры мыга уже й будемъ коло Корніевського лису. Та тилько гляды, то такый кинь, шо якъ не влучышь на нѣго, то винъ и ногою дрійнѣ...

— Такъ я й не влучывъ,—глядь!

XII.

Ну й темна жъ и ничъ выпала нашимъ хлопчакамъ! Така темна, така темна, шо й грывы конякы неможна побачыть, а хлопчакамъ же те й байдуже! Посидалы воны на коней, одынь на вороного, а другый на гнидого, та такъ чешуть по дорози, пидь Корніевський лисъ, такъ уже чешуть, неначе ти козаки запорожци пидь турка на выручку товариства, а за хлопцями слидма бижить ще й тры стрыгуны и одно маненьке лоша. Оце одынь якъ прыпече, якъ прыпече свого коня та язъ ушкваре по дорози, а другый соби якъ улупе за першымъ, такъ ажъ на пивъ-аршына пидскакуе выще спины коня. Ото жъ у ихъ думка, хто кого выпереди и хто ранійшь добижыть до таборыща, куды селянськи хлопчаки змовылись збыратся зъ киньмы на ту ничъ.

Отъ Ивасыкъ та Стецько уже й коло Корніевкы. Тутъ, навкругы, скилько займае око, простяглось шыроке та темне поле, и по тому полю шо вже травы, шо вже усякои квіточный, шо вже пахоцивъ, такъ безъ миры и безъ кинця! Здавалось, шо то не поле, а цилый квітанный садъ и надъ тымъ садомъ тилько шо спустилось циле море чыстои, рясной та пахучой росы. Бильшь усѣго тамъ було темно-зеленои бабкы зъ блакитно-сынимъ цвитомъ та лапчастымъ лыстямъ, и та бабка застылала собою и всю землю, и всю траву, и тутъ же выпу-

скала изъ себе свои особши, якисъ то дуже солодки и дуже пьянки пахоци, и неваче заливала нмы увечь безмирный и неоглядный лань. А дали, задалегидь, у кинци поля, чорніе высокій дубовый лись, шо простягся геть-геть по глыбокій та крутій балци и стоить нерухомо, неваче винъ або зачарованый, або заговореный якоюсь невыдымою и неперееборымою сылюю... А онъ-де-онъ, ажъ надъ самымъ шляхомъ, де впаала сунцивська межа, висока могыла шелестыть, а пры самому взлиску палае велыке огныще и коло того огныща вытыкается скилько хлопьячыхъ головъ. И надъ усимъ тымъ полемъ, и надъ тымъ огныщемъ, и надъ тымы хлопцями простяглось темне-темне та глыбоке-глыбоке небо, а на неби де-не-де грають невелычкымъ свитомъ зори, неваче ти гискоркы...

Ось Ивасыкъ та Стецько уже й коло огныща; ось вони поскакували зъ коней, попуталы ихъ мерци путамы, а самы уже й коло хлопцивъ. Хи, отъ де весело та радисно! Тамъ, коло того огныща, циле збиговыще хлопцивъ, мало чы не зъ усёго села. Лежать вони жывотамы на земли округъ багаття, поидпиралысь долонамъ у пидбориддя та й ведутъ усяки балачкы про страшне, про чудне, про кумедне та регочутся-регочутся та заливаются такимъ веселымъ смихомъ, шо ажъ гискры пиднимаются въ гору изъ полумья та розсыпаются навверугы по зеленій трави та по рясныхъ квиткахъ. Однъ розсказуе про те, якъ винъ колысь-то у ноци бигавъ за панськый млынъ до панського току, де рисъ солодкый стрючковатый горохъ, та въ тому гороси набачывъ зализну бабу зъ червонымы, якъ жаръ, очима и зъ острымы, мовъ у собаки, зубамы, та якъ чкурнувъ видъ неи навтикача, та таки лататі завдававъ, шо ажъ пьяткы улыпалы въ задъ... Другый розсказуе про те, якъ винъ полизъ у панськый ставокъ ракы печерувать, покынувшы свои штаны та сорочку на берези ставка, и якъ тамъ десь у прасунка узався сторожъ садовый, Хвылька Бавукало, та вхопывъ ёго одежу и закынувъ геть на високу тополю, и якъ ёму черезъ те прышлось бигты до-дому голому. И хочъ винъ пробигъ цоловыну села голый, такъ за тежъ скилько й ракивъ прынесъ

до-дому! Третій розказує про те, якъ винъ ходивъ на новий годъ посыпаты до самого пана Голованя та набравъ у рукавицю, умести въ жытомъ, сухой квасоли та гороху, и якъ панъ вийшовъ до нѣго у прыхожу, то винъ якъ почавъ штурляты на нѣго зъ рукавыци горохомъ та квасолею та по лыснни та все по лыснни пана: „На щастя, на здоровья зароды, Боже, жыто-пшеницю на всякій папныци“! Та якъ учысте ёго, учысте, такъ у пана на голови ажъ круги понабиталы, бильшь нижъ самый горохъ, та червони, червони, веначе ти вязюльки, шо росгуть по садкахъ. А панъ закрывъ обома руками лыснну та только одно знай крычыть: „Будя! будя! будя“!.. А четвертый розказує про те, якъ винъ йихавъ зъ своимъ дядькомъ повзъ оцѣго самого лису Корніевського, у ночи, дуже пизнѣи добы, и якъ вони только шо поривнялись зъ высокымъ дубомъ, шо стоить пры самому шляху, колы тутъ имъ назустрічь якъ выскоче зъ лису жеребець, билый-билый увесь, веначе снигъ, та якъ зарже-зарже, а дали якъ кинется на дорогу, а зъ дороги на високу могылу, шо стоить за кладовищемъ, на шылю, та зновъ якъ зарже-зарже: „Го! го! го! го!“—то такъ луна и покотылась-покотылась-покотылась скрызъ, и по лису и по балци, шо за лисомъ, и по яру, шо за кладовищемъ... А у поли було такъ мисашно, шо хочъ голкы збрай... Шьятый перебува четвертого та каже, шо й ёго дидь, сказать, батькивъ дядько, якъ йихавъ колысь ничью повзъ Корніевкы, такъ тутъ де не взялись зъ лису голубы, такъ бы то пробилувати зъ червонымъ перомъ, надлетилы надъ самый визъ та такъ и сидають, и сидають то на дугу, то на здуховыны, то на клубы коня, а дидь дывытса на те та все хрыстытса, та все хрыстытса, та все шепоче молитвы, а описля того швидко и вмеръ... Такъ де-котри бабы казалы, шо то не голубы, а Духъ Святъ... Шьостый забига попередъ пятого та каже, якъ коло Корніевкы, раннѣи весны, оравъ Мыкытка Гекъ, а нидь возомъ у нѣго сьдивъ ёго маненькій Захарьво, и якъ наскочыла звидкылась чорна-пречорна хмара, а изъ тѣи хмары грюконувъ гримъ та прямо пидъ визъ, де сьдивъ хлопчыкъ. Тутъ якъ почало жъ воно

того хлопчыка пидкыдать у гору, якъ почало, такъ виць увесь зробивсь сыній-пресыній, та тамъ же и Богови душеньку свою видавъ. Самъ Мыкытка Гекъ казавъ, шо то нечыстый ховавсь одъ Бога та вскочывъ у дытину, и якъ бы було швыдко прыбигты до воза та перехрестыты дытину хрестомъ, то нечыстый не насмилывся бь полизты пидъ визь. А Маруся Гекова такъ та казала, шо за тыждень, якъ умерты Захарькови, прыходывъ до ихъ отой Семень Петровычъ, шо вештается скрызъ по свиту, якъ Марко проклятый по пеклу, и шо кажутъ про нѣго: „Семень Петровычъ усимъ людямъ родычъ“. Прыйшовъ, каже, та ставе ципокъ свій у кутку, мижъ рогачама, а винъ визьме та й впаде: два разы становывъ,—та все пада. „Це, каже Семень Петровычъ, на вмйруце!.. А же жъ пишъ якъ прыходе сповидать, то заразъ ставе палыцю: якъ стоять, то буде жыть, а яцъ упаде, то вмре“... А то ще й цыганка прыходила до ихъ та казала...

— Хлопци, хлопци, шо це наши кони такъ захроплы? Чы не вовкъ де проявився? А-ну-мо за кячча та до табуна! Хвыть! Хвыть! Хвыть! Тю—лю—лю—лю! Беры! беры ёго! Беры! Покоть! Рябко! Бровко!

— Хлопци, хлопци, а постривайте лышь! Чы вы знаете, шо нашъ Покоть ярчукъ? У нѣго есть вовчий зубъ; винъ черезъ те и видьму, и вовка, и чорта чуе; ёго ни одынъ вовкъ не здолие! Винъ у насъ такый, шо никому и въ гору не дасть глянуты,—не то що! Не бійтесь ажъ ничогисенько та лягайте соби та спить, винъ и за верству не пидпустыть вовкывъ до табуна...

— Отъ и полягали хлопци спаты. Хто коло огныща, хто трошкы оподаль, на взлиску, а хто на толоци, у высокій та густій трави. Тамъ же, мижъ пахучымы квиткамы, на мвягкій трави поляглы и наши хлопчакы, Ивасыкъ та Стецько, одынъ била одного, укывшысь зверху свыткамы та прытулывшысь щильно одынъ до одного спыною. Сплатъ вони соби та такъ солодко та здорово сплатъ, шо й не чують, якъ почавъ крапаты на ихъ дощъ, сперше потыхеньку, а потимъ, де дали, усе дужче

и дужче. Пада винь на траву, на квіткы, на землю, на одужу хлопчакывь, а воны пидь той ривный та одномаитый шелесть ще дужче, ще солодче сплять. Уже давно той дощь и все огвище погасывь,—тилько й курывся сдынъ дымокъ, шо такъ нызько ровлягавсь по земли; уже давно той дощь и землю досыгь намочывь,—тилько й зосталось сухенькой земли, де спалы помижь травую хлопчакы. Дощь уже й не йде, а прямо такы сиче, и чують хлопчакы кривь сонъ, якъ винь пробирается имь пидь свыткы, якъ пада на голову, а зъ головы тече за шыю, а воны все такы сплять соби та й сплять. Дытячий совь—и, Боже мій, якый крипкый!. Уже якъ почало зорять, тилько тоди наши хлопчакы, дуже змочени дощемь, повскакували на ноги, мерщій посадали на коней та швыденько до-дому на село. Ось Ивасыкь уже й дома, ось винь уже и пидь повиткою, уже й спыть у санчатахъ, на сухому сини, неначе винь никуды и не втикавь зъ дому.

Одначе, те ночне полювання коло лису Корніевкы не пройшло дарма панычеви Ивасыку. Черезъ два чы черезъ три дни пидля того, якъ Ивасыкь вернувсь до-дому зъ пидь Корніевкы, пишовь винь якось зъ кубушечкою по холодну воду до Гекового колодязя та якъ нагнувсь надъ нимь, то такъ и впавь, такъ и злигъ тамъ, на зруби, та й лежавь, ажъ покы не прыгнавь до колодязя напуваты кони Максимъ Мыкытовичь Витрякь та не вздривь тамъ Ивасыка. Сперше Максимъ Мыкытовичь подумавь, шо хлопья заснуло коло воды, а дали якъ кынувсь до него, ажъ воно зовсимь неначе не живе: усе такъ и взялось паломъ та жаромъ, заплющыло очы и ничогисенько не говоре и пары не пуска зъ усть. Узавь Максимъ Мыкытовичь Витрякь хлопчыка на руки та скорійшь до Крачка. „Отъ такъ и такъ, каже, найшовь ваше хлопья коло колодязя та й не знаю, чы воно живе, чы й неживе. Такъ шо, глядять, колы бь швыдко й не захогнуло“.

Батю мій, якъ стрипенетя жь, почувшы такы слова, пани Ганна Крачыха, а за нею и самъ пань Крачокь! Кынулись воны до свого хлопьяты, а воно все такъ неначе полумьямь

узялось и ни словечка не говоре, а тилько воде рученятамы то туды, то сюды, та все якъ зитхне-зитхне, та якъ вивьется то въ одну, то въ другу сторону, такъ ажъ страшно на нѣго дывиться. „Ой лышенько! ой горечко мени! Шо жъ тутъ на божимъ свити казать и шо тутъ робить? Куды ёго зъ такимъ лыхомъ кинуться“? крычала неначе несамовыта маты Ивасыка. Никуды бильшэ, янъ до хрещенои матинкы Ивасыка, Гали Ивановны Голованивны, шо запомогала людямъ у всякій биди. „Панночко, голубчко, риднесенъка, запоможить моѣму горю: мій Ивасыкъ пишовъ отъ такъ и сакъ до колодязя, и теперь лежить на лижку та умира“! заголосла Крачыха, прыбигшы у горныци до Гали Голованивны. „Шо таке зъ нымъ зробылось? Шо таке“?— „Та отъ таке та онъ яке“...

Отъ и побигла добра панночка до своѣго хрещенъка Ивасыка. А воно лежить, зпустывшы зъ лижка рученята свои та, нычого не тямлuchy, буровытся у свой же крови, шо такъ и тече, такъ и тече зъ носа у нѣго, та така густа та ажъ неначе чорна вся: „Охъ, лышенько, це жъ у него гарячка!“..

Отъ и почала личыты панночка свого хрещенъка. Личе день, личе й другый, личе й третій, а ему все важче та важче робытся. Плаче надъ нымъ ридна маты, плаче и хрещена. „Зъ тимъ шо помре Ивасыкъ“... Боже, Боже, яке жъ то горе велике, яке лыхо страшне выпало риднѣй матери! Воно жъ, те хлопятко, у неи одно, тилько одно, вона жъ имъ болила, вона жъ ёго годувала, вона жъ ёго пѣстыла, вона жъ ёго доглядала, та не доглядила, бачъ, и теперь шые ёму червону сорочечку та шукае маненьки черевычкы, щобъ спорудды ёго на той свить. „Ой, Боже жъ мій, ой, сыночочокъ мій, любый мій, голубчыку, соколыку, лебедыку мій“!.. И не одна маты лье слёзы надъ Ивасыкомъ: онъ и батько ёго якъ розлягается надъ нымъ; онъ и у бабуси Одарочки не высыхають старечи очи одъ слизъ; онъ и Стецько Гыря якъ рыда надъ своимъ товаришомъ панычыкомъ; онъ и Орыся, „молода“ Ивасыка, почувшы, шо вже ёму на цимъ свити не жывотить, прыбигла у кимнаты до Крачка, прыпала до нижокъ Ивасыка та плаче, та

вже плаче надъ нимъ, неначе винъ дорогше їй ридного батька, дорогше ридной матери, дорогше усёго-усёго на всимъ свити...

Отъ же жъ, мабуть, ци гарячи слёзы, слезы матери та батька, слёзы святи та чысти дятячи дійшлы до мылосердного Бога: тыжднивь черезъ два, чы трохи бильше, пияся того Ивасыкъ пиднявся зъ своёго лижка, а ще черезъ два тыждни зовсимъ пишовъ здоровенькый... И впять побить винъ по селу: побувавъ и у всихъ хлопцивъ товаришивъ, и у всихъ дидивъ, и у всихъ кривыхъ, и у всихъ слипыхъ, и у всихъ голубчатныкивъ, и у всихъ собачивъ...

Одначе, недовго лисля хворобы прыйшлося Ивасыку бигаты по селу. Осъ прыйхавъ до пани Крачыкы їи ридный братъ, шо вчывсь десь у Петербурзи, у найвысчій школи; прыйхавъ винъ, подывивсь на Ивасыка та й ставъ уговорять свою сестру, шобъ вона виддала свого сына въ науку: „Отдай, каже, сестро, цёго хлопця у науку,—зъ нёго буде корысть“. И, батю мій, якъ почувъ же таки слова Ивасыкъ, то такъ увесь и охолонувъ. Ихъ лихо! Де бъ винъ ц дивсь? А старый Крачокъ, шо дуже поважавъ брата своей жинкы, дывлячысь на те, ще й бильше нагнавъ холоду Ивасеви: „ну, шо жъ, каже, якъ у науку, то и въ науку, наука, кажутъ, не мука, а просвита людамъ“.

Такъ скоро-недовго пияся Спаса и вырядылы Ивасыка у науку. Плаче маты ёго, провожаючи свого сыночка; плаче ёго кривный товаришь и друзяка, Стецько Гыря; плаче ёго вирна та щира „молода“, Орыся Витрякивна; плаче бабуся Одарочка; плаче самъ Ивасыкъ, розстаючи зъ усима товаришамы, зъ кудлатымы та лапатымы псамы своимы, зъ своимъ сирымъ котомъ-муркотомъ, зъ своимъ бурецькымы та чубатымы голубамы, зъ своимъ зеленымъ та прохолоднымъ садомъ. А ёго якъ посадылы у визокъ, та й повезлы, та й повезлы, та й повезлы...

XIII.

Багато-багато зъ тієї пори утекло воды въ ричкахъ, якъ паньчыка Ивасыка одвезлы изъ села Суныщывкы у далекій-далекій край та отдады у науку. Уже давно винъ не паньчыкъ, а паньчъ. Уже давно винъ скинчывъ середню школу и перейшовъ до найвыщихъ наукъ, се-бъ то зробывсь студентомъ университета, та й и въ выщій школи ёму zostалося тилько одынь рикъ учытсья. Осъ йиде винъ у свою Суныщывку, шобъ побачыть татка та матинку та набратысь на вильному жытти побильше мици та здоровья та шобъ добре скинчыты усю науку и тоди вже братысь за службу. Йиде винъ до-дому, дывытсья шырокымы очыма на давно знаёми мисци, любуе и мылуе все свое ридне, дороге, украинське.

Украино. Украино! Люблю тебе, люблю сердцемъ, люблю душею, всимы мыслямы тебе люблю! Та й якъ тебе, свята родыно, якъ тебе не любить? Украино! скільки и веселыхъ и тяжкыхъ думъ встае въ мойй голови пры одному цёму слови! Тилько одно слово, але—яке жъ выразне та глыбоке слово! Чы знайдеться де-небудь у нашій безмирно-шырокій Руси такый, дуже славный своими историчнымы дїямы и ще до того такый дуже чаривный своєю прыроднёю красою край, якъ та тыха, далека та шырока Украина? Чоловиче подорожній, стань-зупынысь: тутъ земля священна!.. Такъ, тутъ земля священна! Трычи священна! Тутъ, шо ни крокъ, то нагадь на славетне мынуле нашихъ славетныхъ предкивъ. Скільки труждалось тутъ прославленныхъ въ нашій исторіи лыцаривъ-героивъ? Скільки разъ, за часы вїйнь, гучалы тутъ, скрызъ по-пидь небомъ, то радосни писни та побидни громы, то жалибный плачь та сумни стогны? А скільки разъ залывалась тутъ земля кровію хрестіянською, скільки разъ засывалась вона кистьмы людсьбымы, скільки разъ покрывалась вона зброямы воёвнымы? Вельмы зубожена и безталанна Украино! Шо въ тоби діялось въ ти страшни, въ ти тяжки нескинчанни часы татарщыны, колы

густа мла всю огортала тебе, колы сама земля стогнала великымъ стогиномъ, колы бидни люды твои, попавшы въ тяжку турецьку неволю, зализнымы кайданамы брязчалкы, свою гирку долю влялы-прокляналы, до Господа мьдосердного жалибно вzywады? Шо тоди діялось промижъ сынивъ твоихъ, бездожня Украина?

Зажурылась Украина, шо ниде прожыты:
 Вытоптала орда киньмы маненькїи диты;
 Ой, маненькыхъ вытоптала, великыхъ забрала,
 Назадъ руки постягала, пидъ хана погнала.

А шо чиньлось на лони твоимъ, Украина, въ ти бучни часы людскихъ бенкетивъ, колы католикы ногамы топталы твою ридну православну виру, колы людски права сынивъ твоихъ ознайменовани булы яко нелюдски, колы хрстыянынь зневаженный бувъ немовъ та безсловесна товаряка, колы чоловікови давано було прызвыще „быдло, пся кривъ, поганьство“, колы церкви твои споганени булы нечыстымы руками жыда-невиры, колы школы твои зробылысь прытynomъ ненажерлыхъ іезуитивъ... Шо тоди діялось на лони твоимъ, безталанна Украина?

Встае хмара въ-за лыману,

А другая въ поля,

Зажурылась Украина,—

Така ии доля!

Зажурылась, заплакала,

Якъ мала дытына,

Нихто ии не рятуе,

Козачество гыне...

Якъ та галичъ поле крые,

Ляхы, уніаты

Налитають—нема кому

Порадонькы даты...

Але ось за-для щастя и за для вичного жыття Украины въ ии лони зъявылась могутня, допрежъ того невидома сыла и

гучно провеклася вона по всьому божому свиту. То було гризне, никимъ не перемджне, никимъ необдрене и никимъ неодляне вызове козацтво. Тоди неначе спорушена найвыщою сылою, уся Украина, мовъ та силенна хвыля у бурхлыву годину на безкрайму морю, заколыхалась велькою хвылею и, хлюпнувши геть далеко черезъ свій берегъ, гризно, якъ та блескуча блискавыця, свирконула страшнымъ мечемъ на вси на чотыри стороны свита и счиныла вельку пожежу. Мицне тиломъ, тверде духомъ, вызове козацтво, якъ та летюча комета, бурхлыво пронеслось по всій шырокій Украины, скрызъ покидаючи за собою кривавый следъ и скрызъ видмещаючи страшною помстою ворогамъ своей дидивськой виры и супротивныкамъ своей украинской народности, якими были кровопийни бусурмены и ненавысни католикы... И розлылась та слава козацького руху далеко-далеко, запавшы глыбоко въ сердца не тилько близькихъ, але й далечезныхъ потомкивъ вызового лыцарства... И до сіей поры слипци-кобзари, слипци-бандурысты жывымы глаголамы выспивують-розносять по Украине ту славу велького козацького руху...

Але часы козакивъ на Украине давно вже мынулись, страсти вгомонылись, кровь перестала лытсья, и на мисти велькихъ вчынкивъ сынютъ тилько высоки могылы та вильно гуляе буйнесенькый, шо нышкомъ гомонить зъ могыламы про давни гучни часы велького козацького руху... Мынули ти часы козацьки; самы козаки давно вже зійшли зъ историчного кону, старе племенб зминылось молодымъ поколиннямъ, а прырода, якою була, такою й зосталась: „Родъ прыходе, родъ переходе, а земля во вить стоить“... Все те жъ саме блакитне-блакитне, неначе въ теплій Италиі, небо; все ти жъ ярко-зелени, свижи та роскишни шаты, все ти жъ чаривни темнолысти та прохолодни лиса; все ти жъ ричкы, шо тыхо несуть срибни воды свои та ледве-ледве котятся по безкрайныхъ вильныхъ степахъ. Чудовый край! Люблю тебе, люблю сердцемъ, люблю душею, всими мыслямы тебе люблю!..

Ось и той шляхъ, шо зъ гóрода иде въ ридве село; ось и той „постоялый двирь“ Метелькь, шо, не доизжаючи за пять верстовъ до села, стоитъ у праворучь, пры самому шляху: ось и лись Корнiевка, шо простягнувсь геть-геть по яру ажъ до Вильныхъ хуторивъ, ось и невеличке кладовище зъ деревьянымы, витромъ пидбытымы та поваленымы на землю хрестамы; осьдечкы, наостаньци, и саме село Сувидивка, куды давно вже спишыть-поспишае нашъ панычъ Ивась Краченко.

„А шо, якъ-то теперь жыуть тамъ татко та матинка? Якъ-то тамъ уси тоvaryши та прытели? Чы вже велики зрослы? Якъ то тамъ диды? Чы й доси жыуть на божимъ свити? Якъ то тамъ мотается Максимъ Витрякъ? А яка то стала теперь ёго дочка Орыся? А чы великий теперь розрися садокъ у Витряка? А чы густый ставъ садокъ у самого татуся“? Такъ то, идучы до-дому, миркувавъ соби та згадувавъ панычъ Ивась Краченко, и ёго думкы та згадки, неначе ти бжолы у вулику, роились у молодiй голови.

Боже, Боже! сколько радощивъ, сколько слизь, сколько молытовъ було, якъ побачыла своего сыночка Ивася стара Ганна Крачыха! Якъ кинулась вона до нёго, якъ обхопыла ёго руками та такъ и вшылась у нёго! Цилуе ёго въ щокы, цилуе ёго и въ очы, цилуе и въ плечи, и въ шью, и въ руки... Не знае уже, куды ёго и посадовыты, чимъ ёго и нагодуваты, чимъ ёго и напоиты... А самъ старый Крачокъ, той, дывлячысь на своего бравого та хорошего сына, тилько плакавъ та шепотивъ якись слова, стоячы середь кимнаты та зложывши на грудяхъ обидви руки. Дывытсь винъ на своего сына и самъ соби не вире, шо у нёго такой сынъ...

А панычъ Ивась Краченко молодець молодець выйшовъ. Высокий, прямой, якъ струночка, зъ тонкимъ та гнучкимъ становомъ—винъ справди бувъ, якъ той высокий, тонкий та темно-зеленый лавиръ, шо вырися на зеленыхъ лугахъ та пры чыстiй, якъ дытячи слезы, води. А шо найкраще всёго було у паныча—це очы; якись-то глыбоки, чаривни, блескучи, якъ самоцвиты, и невыможно таемни очы. Такъ якъ заговоре панычъ Ивась

зъ якимъ чоловікомъ, та якъ зблизяться своїмъ лицемъ до лица того чоловіка, та якъ гляне ёму своїми очима у ёго очи, то того чоловіка такъ и потягне до паньча; такъ бы винъ все дывивсь ёму въ вичи и все бѣ слухавъ и слухавъ про те, шо винъ балака ёму. У тыхъ очахъ стилько свитылось розуму, стилько було вогню, укупи зъ якимсь веселымъ жартомъ, шо хочъ бы чоловікъ сперше и виры не нивъ тому, про шо ёму казали, а якъ паньчъ гляне на чоловіка, якъ випьется у нёго своїми, повными мыслей та загадокъ очима, то той чоловікъ и слуха ёго, и вире ёму, и лине за нимъ душею и серцемъ и всіми думками кудись далеко-далеко, у той невыдимый таемный муръ, куды инколи залитъ кожна жыва душа кожного жывого чоловіка. „Винъ, той Ивась Краченко, казали про паньча ёго товаришы, винъ, якъ захоче, то хочъ кого завгодно зачаруе своїми дивными очима“... Тилько хто ёго зна чимъ бильше зачаровувавъ Ивась Краченко, чы своїми „очама“, чы своїми „речама“, бо винъ говоривъ зъ такою сылою, зъ такимъ вогнемъ та паломъ, и такъ якось ласкаво та тепло, шо такъ бы вить слухавъ ёго и не наслухався...

Одначе, Ивась Краченко ще й самъ добре не знавъ тиен сылы, якою щедро подарувала ёго прырода. Теперь ёго тилько одно й цикавило та турбовало: яко мога швидче оббигать усн куточки свого двору, свого току, свого садка, горбда и до вёсго пыльно додывыться и доглядиться. И паньчъ, трошкы видпочывшы пилса дороги, побигъ скризъ на оглядыны...

Бильшь усёго тягъ ёго до себе маненькій садокъ, де росли дрибнолысти вербы, сриблясти тополи, кучеряви вышенькы, темнозелени черешни. И ось винъ уже у своёму укоханному садочку. Тутъ винъ то вырве лысточокъ любыстку, то вытягне изъ земли куцъ холодной руты-мяты, то одщипне гилочку божого дерева та все те жужмомъ прытуля до носа, та все те нюха та вдыхае въ себе. Ось пидійшовъ винъ до самого тыну, де колысь посадивъ молодого дубочка, та й ставъ розглядать, чы великый вырися, чы прямымъ пишовъ у гору ёго коханецъ.

Довго розглядавъ паньчъ свого дубочка, а дали глянувъ черезъ илить у садокъ Максима Витряка и несподивано уздривъ тамъ дивчыну. Уздривъ та й зразу остовпивъ: передъ нымъ стояла прямо такы невыразна вродныця, чудодывна дивчына-кராля, отъ така саме, якъ отъ то спивають у писняхъ—„не наймычка, такъ дочка, чудодывна кралячка“... Вона прытулыла до лоба праву долоню и дывылась далеко-далеко вдалечинь, туды, де заходило ажъ геть за церквою, за паньськымъ садомъ, за глыбокымъ проваллямъ ясне сонечко, шо передъ самымъ захидомъ зробылось таке червоне-червоне, порозкыдало далеко одъ себе, скривъ по небу, довги-предовги пясмугы и озолотыло частыну неба чудовымъ, гарячымъ та блескучымъ проминомъ. Вродныця-дивчына, дуже задумавшысь, стояла нерухомо въ дывному видблыску и дывылась на золоте сонечко, а паньчъ Ивась, зача- рованный дывовыжною красою дивчыны, дывывся на ии чысте та спокійне лычко, шо червонило веселымъ слявомъ вечирнёго сонця и, здавалось, палало безкраимъ щастямъ молодой диво- чои доли...

— Не вже це Орыся Витрякивна?... Орысю, та це ты?

— Охъ мени лыхо! Кто це тамъ пыта? Ивась... Паньчу... та звидкыла жъ це вы взылись?.. Та чы це вы, чы хто другый?..

— Я, Орысю, я! Яка жъ ты красу... яка жъ ты велька стала!

— Та й вы жъ яки... Пишовъ геть, бисивъ Цокотъ, изъ саду!.. Ну, це ще!.. Та й вы жъ яки стали...

Прывитавшы такъ одынь одного, Ивась та Орыся на цимъ и замовкы: паньчъ Ивась стоить та дывытся на Орысю, а Орыся стоить та дывытся на Ивася, и чогось имъ обомъ нибы бъ то соромно стало. Орыся уся ажъ зашарилась, ажъ полумьямъ узялась, а паньчъ, опустывшы долу очи, одно знай робе, шо туле до носа то любыстокъ, то руту—мнѣту, то боже-дерево, та все нюха, та все такъ криво нюха та вдыха въ себе пахоци. И никоы жъ винъ такъ не соромывсь, а тутъ неначе вчынокъ якый вчынивъ и неначе ёго на самому

мисти того вчынка застукала ціла громада людей и соромыть и докаря ёго.

Але ось на выручку Орыси та Иваса якъ разъ тутъ трапывсь Максимъ Мыкытовичъ Витрякъ: винь проходывъ чогось черезъ тикъ, уздривъ у садку паныча и кнувсь до нёго, неначе до ридного сына.

— Якъ? Шо? Колю? Чы на довго до насъ, Иване Рыгоровичу?

— Та ажъ на два зъ половиною мисяци, Максиме Мыкытовичу!

— Отъ десь уже вамъ татко—нехай здоровъ ходе!—раденый, шо Богъ прививъ за стільки рокивъ побачыты сыночка?

— Де вже не раденький, Максиме Мыкытовичу! Який же батько, або маты та не будуть ради своёму сынови? Отъ хочъ бы й вы, якъ котрый изъ вашихъ сынивъ вертаеця до дому зъ далекои стороны?

— Э, Иване Рыгоровичу, Иване Рыгоровичу, мои сыны!.. У мене теперь тилько одинъ сынъ, Павлусь, и zostавсь та, якъ бачыте, дочка Орыси.

— Якъ такъ?

— Такъ, та й бильшь ниякъ! Шкодà й казаты!.. Пожывете—почуете... Не вмивъ до пуття довесты... А теперь хочъ бы вже цёго у люде вывесты. И якъ винь рвется до того пысьменства! Такъ де жъ тутъ и навчытыся, якъ у насъ и доси и школы нема?

— А хиба такы и доси нема?

— А нема!

— А рвется дуже?

— Ще й якъ рвется! Такъ рвется, шо, я жъ кажу, спыть и у-ви снй баче те пысьменство. Винь тамъ у когось навчывсь пысаты десять цыхвёръ, такъ оце теперь изъ рукъ и крейды не выпуска та все малое ти цыхверы и на палышныкахъ, и на дверяхъ клуни, и на дубкахъ, шо лежать зрублени на току, и на тополяхъ, шо ростуть у садку,—де тилько можна, тамъ и

пыше... Та ось винъ якъ разъ зъ крейдою и йде... Павлусю!
Павлусю! а ходы лишень сюды, сынку!

— Здоровъ тоби, Павлусю!

— Здорови вамъ!

— А шо чы пизнаешъ?

— Та неначе бъ то пизнаю, а про те Богъ васъ зна, хто
вы таки.

— Та ты гарненько прыдывысь, то може...

— То жъ то бо й йе: якъ добре прыдывлюсь, то выходе,
неначе нашъ панычъ Краченко, а якъ добре не прыдывлюсь, то
неначе якыйсь чужый городянскый панычъ...

— Отакъ ты мене отестувавъ! Ну, одначе, якъ же ты
тутъ прожываешъ?

— Зъ усячыною!

— А пысьменства хочешъ учыться? Га?

— А хочу!

— И дуже хочешъ?

— А дуже!

— Ну, такъ знаешъ шо? Я оце прыйхавъ до-дому ажъ
на два зъ половыною мисяци, такъ думаю буты тоби за
вчытеля.

— Шо це вы, Иване Рыгоровычу? скрыкнувъ одъ радо-
щивъ Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ.

— А шо? Буду вчыть вашого Павлуса,—та й бильшь
ничого!

— Господы мылосерднй, Господы праведнй, та пошлы
жъ ты цѣму доброму чоловику за ёго добристь щастя, якого
тільки винъ одъ Тебе бажа! Отъ колы для мене буде радистъ,
якъ мій Павлусъ та навчытса грамоты! Отъ колы мени буде
втиха! Павлусю! Орысю! Та дякуйте жъ панычеви! Та молит-
ся-жъ за нѣго! Марусю! Марусю! А ходы лишень швидче
сюды!..

— Та шо це вы, Максиме Мыкытовычу? Богъ зъ вами!
Вы жъ бильшь зробылы за-для мене, нижъ я для васъ, якъ

пиднялы мене коло колодязя... Вы жысть мени дарувалы, а тутъ шо? Тутъ моя тажа послуга, шо вона мени ажъ ничогисенько не коштуе: то Павлусь до мене, колы ёму можна буде, забижыть, то я до нёго заверну, та такъ за циле лито, дастъ Богъ, мы и навчымось и чытаты и пысаты...

Такъ и почавъ панычъ Иванъ Грыгоровычъ Краченко учыты пысьменства Павлуса Витряченка. И хваткый же бувъ Павлусь до того пысьменства! Винъ такъ за нёго релыхомъ и взявсь... Ще не всеіе панычъ показаты Павлусеви буквыцю, ще не всеіе винъ, якъ слидъ, втлумачыты ёму, якъ іи треба протягты голосомъ, якъ Павлусь уже й зна, уже іи й голосомъ протяга, уже й слово зъ неи склада, и тутъ же самъ соби дывуется, шо зъ такыхъ коротенькыхъ буквецъ та выходе циле слово и въ тому слови циле значиння: У—мъ... Умъ"... Дывысь, та це жъ воно и есть, якъ отъ то кажуть: „Умный чоловік“... „У—съ... Усь“... Бачъ, дви буквыци, а выходе циле слово „усъ“, то „борода“, а то „усъ“... „О—с—а... О—с—а“.

Дывысь же ты, дывысь! Тилько тры буквыци, а выходе справжне слово, та ще й яке кусюче слово! Бачъ, яке воно, то пысьменство! Бачъ!

Такъ пройшовъ тыждень; пройшовъ и другый, а на третій тыждень Павлусь Витряченко уже почавъ чытаты, хочъ и зъ прыпынкамы, яки завгодно слова, не тилько зъ двохъ, або зъ трёхъ буквецъ, а и изъ пятёхъ, або й бильшь того. Дали панычъ почавъ даваты Павлусеви маненьки кныжечкы-читанкы до-дому, и якъ визьме Павлусь таку кныжечку, то такъ и увипытся у неи: чы йде по двору, чы йде куды у поле, то заразы же вытягне іи изъ-за пазухы, або зъ кышени та й чита соби и чита. „Эге, дей уже у Максима Витряка сынъ буде пысьменный! Цей такъ, шо буде пысьменный! Дывысь, якъ винъ чыта: неначе молоткомъ куде, або шаблюю сиче! Та якъ голосно, та якъ выразно, не то шо нашъ зайка паламарь, Нечипайло-Будяк“! Такъ казалы про Павлуса уси люде на сели. И справди, Павлусь узявсь за пысьменство такъ шыро, шо усякому выдко було, шо зъ того выйде справжня для нёго корысть.

Одначе Павлусеви не доволи було одного письменства,—винь увязь ще за щотвицю. Тутъ Павлусь выявивъ таку кибету, шо прямо такы на вдывовыжу панычеви: винь такъ легко розгадувавъ усяки завдання та чыслови загадки, неначе роспускавъ клубы нытокъ. А шо вже Павлусь цикавый бувъ на всяке питання, чы про небо, чы про землю, чы про жыття якого звиря, або комахы якои, такъ тилько слухай ёго та поспивай ёму одвичать. Бильшь усёго любивъ Павлусь чытаты божественни кныжы и надъ усе ёго цикавылы религійни пытання. Це прямо такы для нёго byly справжни святоци, у якихъ винь повсигда кохався и своимъ серцемъ, и своими думкамы. Черезъ те винь не знавъ, якъ други хлопци, ни играшкывъ, ни жартивъ, а ни звычайныхъ дытячихъ радощивъ, и зналы ёго на сели за „чуднодо“ хлопця, такого, шо у нёго не вси-бъ то дома въ голови.

Зъ велькою охотою ходывъ панычъ Иванъ Григоровычъ Краченко до Витрякывъ. Тилько хто ёго зна, хто бильше прытягавъ до себе паныча, чы Павлусь Витряченко, чы, може, Орыся Витрякывна, и черезъ шо воно, и якъ воно сталось такъ, шо якъ тилько оде настане день, то паныча вже й тягне до Витрякывъ. Якъ нема дома ни Павлуса ни Орыси, то панычъ прыйде у свій садокъ, стане коло свого коханця-дубка та тамъ и стоить и стоить та все дывятся черезъ плитъ у садокъ Максима Витряка, а самъ, Богъ зна, де й литае своими мыслонькамы, и куды бъ винь ни залитивъ своими мыслямы, а скривъ зъ нымъ и за нымъ Орыся Витрякывна. А якъ же Павлусь та Орыся дома, то й панычъ коло ихъ. И якъ сяде винь у старій хати учыты Павлуса, то такъ и лагодытся, шобъ тутъ же була и Орыся. Та й Орыся, неначе бъ то вона й не хоче того, шобъ зустрічатысь зъ панычемъ, а все якось воно выходе такъ, шо якъ тилько панычъ рыпне дверыма у старій хати, то тутъ уже и Орыся: то їй треба взыты у старій хати, въ скрени, клубокъ суровыхъ нытокъ, то їй треба тамъ достаты, у мыслынку, маненьку макитерку, то треба зныты зъ жердкы батькывскій кожухъ та выкнуты ёго на сонце. Оде ускоче Орыся

у хату, достане те, шо їй тамъ треба, и тутъ же або сяде на лави, або стане коло дверей та буцимъ-то слуха, шо тамъ чыта Павлусь, а сама крадькома зыркне на паныча та скорійшь и очици спусте у землю, та то румьяна, а то уся почервоніе, якъ калына... И чимъ частійшь бачылысь Орыся та Ивась, тымъ усе дужче и дужче имъ хотилось бачытысь...

Д. Яворницкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П. А. КУЛИШЪ.

(*Біографическій очеркъ*). 1)

VI.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ служебная и учено-литературная дѣятельность Кулиша быстро приняли широкіе размѣры²⁾. Пользуясь уваженіемъ и покровительствомъ помощника попечителя кievскаго учебнаго округа М. В. Юзефовича, нашъ молодой ученый старался найти себѣ такое поприще дѣятельности, на которомъ ему можно было бы вполне развернуть свои силы. Планы одинъ шире и смѣлѣе другого возникали въ его головѣ и быстро смѣнялись другъ друга, и всѣ они, при всемъ своемъ разнообразіи, имѣли одну неизмѣнную черту—всѣ были такъ или иначе связаны съ дорогой Украиной. Къ Юзефовичу Кулишъ обращался часто и свободно и притомъ, въ виду его литературныхъ связей, также и по дѣламъ журнальнымъ. Однажды

1) См. Кіев. Стар. 1901 г., № 2.

2) Однимъ изъ первыхъ проявленій Кулиша была повѣсть: «Михаилъ Чернышенко», о которой Шевыревъ далъ весьма лестный отзывъ въ «Москвитяницѣ», отмѣтивъ блестящее дарованіе Кулиша и его горячую любовь къ Украинѣ.

Кулишъ писалъ ему: „вы вельѣли мнѣ напомнить вамъ о вашемъ обѣщаніи войти въ переговоры съ какимъ-нибудь журналомъ, который бы доставилъ мнѣ постоянную плату отъ листа“. Мы видимъ изъ слѣдующихъ затѣмъ словъ, что Кулишъ уже довольно высоко цѣнить свой трудъ и готовъ „лучше жить однимъ жалованьемъ и совсѣмъ не братья за перо, нежели обогащать бездумныхъ столичныхъ писаекъ, умѣющихъ разглагольствовать только въ программахъ да на журнальныхъ обложкахъ“. Замыслы Кулиша уже поражаютъ обширностью и отвагой, но для исполненія ихъ онъ принужденъ искать простора, для чего и необходимо было содѣйствіе вліятельныхъ лицъ. Онъ писалъ Юзефовичу: „У меня родилась такая дерзкая мысль, что я ужъ не смѣлъ и говорить вамъ о ней прежде ея осуществленія—мысль выразить жизнь малороссійскаго народа въ эпопеѣ. Я избралъ для этого языкъ и форму народныхъ нашихъ думъ, которыя изучалъ долго и прилежно, и такъ какъ думы наши суть отрывки народной эпопеи, то я вставлялъ ихъ цѣликомъ, приближаясь къ воспѣваемой въ нихъ эпохѣ“¹⁾.

Скоро Кулишу, при его необъятныхъ планахъ, тѣсно стало въ Кіевѣ, и онъ началъ просить Юзефовича помочь ему устроиться въ Петербургѣ, гдѣ можно было бы безпрепятственно посвятить себя изданію малороссійскихъ лѣтописей, исторіи малороссійскихъ фамилій и подобныхъ трудовъ, а досуги посвящать любимымъ занятіямъ живописью въ Академіи художествъ. Для многаго уже были заготовлены матеріалы, иное заранѣе рисовалось молодому автору въ весьма опредѣленныхъ и заманчивыхъ чертахъ; вездѣ его манила перспектива самостоятельнаго творчества и прокладыванія новыхъ путей. Каждый предпринимаемый трудъ представлялся Кулишу настоящей и неотложной потребностью его родины, и онъ считалъ себя призваннымъ по мѣрѣ силъ способствовать разрѣшенію ея историческихъ за-

¹⁾ «Кіевская Старина», 1899, II, стр. 191. Разумѣется «Черная Рада» (письмо отъ 14 августа 1843 г.)

даль¹⁾. . Свои завѣтныя мысли онъ сообщаетъ Юзефовичу, по-видимому съ необходимыми уступками оффиціальнымъ взглядамъ, въ такомъ видѣ²⁾: Политическая жизнь Малороссіи давно кончилась; та жизнь, которая выражается въ языкѣ, костюмахъ, обычаяхъ и проч.—назову ее хоть поэтической,—также съ каждымъ годомъ теряетъ свою выразительность. Малороссія скоро сольется въ одно тѣло съ Россіею. Это и хорошо; но не хорошо то, что она, расцвѣтая около двухъ вѣковъ такую сильною, такую пышною народною жизнью, мало принесла въ него элементовъ новыхъ, выработанныхъ собственными силами во время отдѣльнаго своего существованія. Было время, когда мы, малороссіяне, въ соприкосновеніи съ русскими, могли бы, такъ сказать, напитать ихъ запахомъ своихъ степей, придать имъ богатство колорита своими народными красками, осіять ихъ блескомъ своей поэзіи. Я увѣренъ, что послѣ вліянія, произведеннаго на русскихъ романами Вальтеръ Скотта, мы сдѣлались бы для нихъ предметомъ особеннаго изученія²⁾. Увлекаюсь богатствомъ и глубокимъ поэтическимъ значеніемъ памятниковъ духовной жизни малороссійскаго народа, Кулишъ сильно сокрушался о томъ, что они почти не приведены въ извѣстность и потому не могутъ оказывать должнаго благотворнаго вліянія какъ на малорусскую, такъ и на великорусскую народность. Отсюда первой неотложной задачей онъ считаетъ изданіе малороссійскихъ лѣтописей (въ этомъ направленіи онъ старался дѣйствовать на Юзефовича и другихъ вліятельныхъ лицъ), пѣсенъ, свода малороссійскихъ узаконеній, собранія всевозможныхъ географическихъ данныхъ и „описанія старинныхъ церквей и зданій, утварей

1) Кулишъ въ это время говорилъ о себѣ: «Я теперь хожу, какъ пчела по сотамъ: гдѣ только встрѣчу сѣдую бороду, не отойду безъ того, чтобы не выжать изъ нея пахучаго цвѣта народной поэзіи или въ преданія или въ пѣснѣ. Изученіе этихъ малороссійскихъ антиковъ такъ же меня совершенствуетъ, какъ живописца изученіе антиковъ скульптуры» («Кіевская Старина», 1899, II, 189—190).

2) Кіевская Старина, 1899, II, 199—200.

домашнихъ принадлежностей, хозяйства, торговли, ремесль¹⁾. Изъ этого видно, какая широкая программа создавалась въ годовѣ Кулиша. Понятно, что при такихъ стремленіяхъ онъ всячески избѣгалъ пустыхъ знакомствъ и непроизводительной траты времени и старался вступать въ сношенія преимущественно съ людьми, извѣстными своими трудами въ области исторіи и словесности, что вскорѣ привело его къ перепискѣ съ Погодинымъ, Плетневымъ, Максимовичемъ и другими. Такимъ образомъ кругъ дѣятельности и сношеній Кулиша становился все шире, но центръ постоянно оставался тотъ же. Весной 1843 года Кулишъ отъ чрезмѣрной работы сталъ чувствовать сильныя боли въ груди и даже боялся смерти; имъ ненадолго овладѣло отчаяніе, но когда опасность миновала, его мысли опять немедленно устремились къ привычнымъ предметамъ, и онъ почувствовалъ приливъ новыхъ силъ. „Міръ, представлявшійся мнѣ дотолѣ мрачнымъ скопищемъ людскихъ недостатковъ,—говорилъ онъ—явился въ моей душѣ со всѣмъ тѣмъ, что только она находила въ немъ поэтического, и это явленіе неожиданно озарило для меня художественнымъ колоритомъ нѣсколько страницъ нашей исторіи“²⁾.

VII.

Въ такомъ настроеніи застало Кулиша сближеніе его съ семействомъ Бѣлозерскихъ, имѣвшее большое значеніе въ его жизни. Онъ прежде всего познакомился съ юнымъ украинскимъ патріотомъ, своимъ будущимъ другомъ и создателемъ малороссійскаго украинскаго журнала „Основа“, В. М. Бѣлозерскимъ. При началѣ ихъ знакомства послѣдній былъ еще студентомъ; онъ былъ нѣсколькими годами моложе Кулиша. Сообщаемъ о ихъ первыхъ встрѣчахъ со словъ самого покойнаго Василя Михайловича³⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 200.

²⁾ «Кіевская Старина», 1899, II, 188—189.

³⁾ См. о немъ же нашъ некрологъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» 28 февраля 1899 г. (№ 59).

„Въ 1843 году студентъ Кіевскаго университета Д. П. Пильчиковъ, желая познакомить меня съ Кулишемъ, какъ любителемъ и знаткомъ всего украинскаго, привелъ меня на ту квартиру, гдѣ былъ у него г. Чалый. Квартира его состояла изъ двухъ комнатъ; въ первой никого не было, во второй находился Кулишъ. Пильчиковъ вошелъ туда, пробылъ недолго и, возвращаясь, сказалъ, что Кулишъ теперь занятъ и надо притти въ другой разъ. Послѣ этого прошло довольно много времени, пока я съ нимъ познакомился. Миновало лѣто, наступила осень, и Кулишъ былъ уже учителемъ въ Кіевскомъ училищѣ, живя на квартирѣ въ Старомъ Кіевѣ. Кажется, Пильчиковъ посовѣтовалъ мнѣ быть у него одному. Придя къ нему вечеромъ, я встрѣтилъ очень привѣтливый пріемъ и, пробывъ до поздней ночи, возвращался къ себѣ на Печерскъ темными улицами, по страшной грязи, восхищенный и восторженный, нисколько не жалѣя, что засидѣлся. Я съ нимъ говорилъ такъ, какъ будто былъ давно знакомъ и привязался къ нему всѣмъ сердцемъ... Мы съ нимъ условились видѣться какъ можно чаще.“

Съ первыхъ же свиданій Кулишъ совершенно околдовалъ своего новаго знакомаго задушевными бесѣдами о Малороссіи и знаніемъ народныхъ пѣсенъ и обычаевъ¹⁾. Вскорѣ онъ снабдилъ его лѣтописью Грабянки и другими столь же драгоценными для обоихъ рукописями и книгами. Замѣтивъ въ юношѣ горячій энтузіазмъ ко всему, что касалось ихъ возлюбленной родины, Кулишъ вознамѣрился отклонить его отъ избранныхъ имъ юридическихъ наукъ на путь изученія исторіи и литературы, желая вовлечь его въ литературную дѣятельность. Вскорѣ молодые люди сблизились настолько, что Бѣлозерскій, уже заочно познакомившій Кулиша съ своимъ семействомъ, при наступленіи лѣт-

¹⁾ Въ свою очередь Бѣлозерскій также полюбилъ Кулишу, который писалъ о немъ П. Е. Чуйкевичу: «Вася былъ для меня избраннымъ сосудомъ, въ который я полагалъ самыя дорогія и тайныя свои чувства» («Кіевск Стар.», 1899, 14, стр. 357).

нихъ каникулъ, предложилъ ему поѣхать вмѣстѣ въ свое имѣніе Мотроновку (борзенскаго уѣзда, черниговской губерніи).

Страсть ко всему малороссійскому была наслѣдственной въ семьѣ Бѣлозерскихъ. Ею въ высшей степени отличался отецъ семейства Михаилъ Васильевичъ, служившій по выборамъ въ Малороссіи комиссаромъ, повѣтовымъ судьей и маршаломъ дворянства. Обязанный говорить въ оффиціальныхъ сношеніяхъ съ административными лицами по-русски,—въ бесѣдахъ съ сосѣдями и крестьянами онъ постоянно пользовался малороссійскимъ нарѣчіемъ, любилъ пѣть народныя пѣсни и играть на гусяхъ¹⁾. Ко времени пріѣзда Кулиша въ Мотроновку его уже не было въ живыхъ, но пламенная любовь къ малороссійскимъ правамъ и обычаямъ отличала также сестру его, Елену Васильевну, и жену, Матрону Васильевну²⁾, такъ что всѣ семейныя преданія согласно тянули въ одну сторону³⁾.

Въ этой народолюбивой сферѣ Кулишъ, уже становившійся тогда извѣстнымъ своими горячими украинскими симпатіями, явился не какъ гость одного изъ членовъ семьи, а какъ общій жезлацный другъ и собесѣдникъ. Сближеніе, конечно, не замед-

1) По словамъ письма Ш. А. Кулиша къ львовскому профессору Огоновскому, желавшему получить отъ него біографическія свѣдѣнія о его женѣ, хотя Михаилъ Бѣлозерскій былъ хорошаго происхожденія и учился въ кіевской духовной академіи, но по рѣчи и привычкамъ былъ близокъ къ народу. Онъ былъ почитателемъ Вольтера, къ большому неудовольствію своего отца, который въ гнѣвѣ прокололъ глаза въ портретѣ при книгѣ сочиненій Вольтера, находившейся у его сына“. Говорятъ, что онъ былъ такой мастеръ рассказывать, что для того, чтобы слушать его, бросали карты и танцы.

2) Последняя, по словамъ Кулиша въ письмѣ къ Огоновскому, любила малороссійскую словесность, народныя рассказы, пѣсни, обычаи и т. п., а изъ иностранныхъ авторовъ особенно восхищалась Вальтеръ Скоттомъ.

3) Воспитательница невѣсты Кулиша въ сельскомъ пансіонѣ также любила малороссійскія пѣсни Котляревскаго, Гулаба-Артемовскаго и поэта Виктора Нвк. Забѣлло.

лило послѣдовать, чему особенно способствовало то, что, играя на флейтѣ и скрипкѣ, онъ любилъ пѣть малороссійскія пѣсни: „Ой сивъ пугачъ тай на могилы“, „Ой горе, горе, який я вдався“, „Ой ходывъ чумакъ симъ литъ на Донъ“ и множество другихъ пѣсенъ, веселыхъ и грустныхъ. При немъ всегда находился большой сборникъ пѣсенъ, которыя любила пѣть его мать. Время проходило оживленно и пріятно; всѣ наслаждались отъ души. Кулишъ очень понравился матери и сестрамъ Бѣлозерскаго и потомъ вскорѣ сошелся съ старшимъ братомъ Викторомъ и съ ихъ дядей Николаемъ Даниловичемъ, котораго всѣ они очень уважали. Съ ними обоими онъ велъ потомъ дружескую переписку, а съ Василиемъ Бѣлозерскимъ скоро сдѣлался почти неразлученъ. Вникая въ дальнѣйшія отношенія Кулиша къ семейству Бѣлозерскихъ, мы убѣждаемся, въ особенности на основаніи недавно ¹⁾ изданной переписки его съ И. Ф. Хильчевскимъ, что въ сущности здѣсь мы имѣемъ дѣло гораздо больше съ отвлеченнымъ духовнымъ союзомъ, обусловленнымъ общностью національныхъ интересовъ и увлеченій, нежели съ горячими личными симпатіями, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ могли быть неустойчивыми или даже вовсе отсутствовать. Основой взаимнаго притяженія были постоянныя оживленныя бесѣды о равно всѣхъ интересовавшихъ предметахъ, на почвѣ которыхъ не разъ возникали даже широкіе политическіе планы и предположенія. У всѣхъ Бѣлозерскихъ съ Кулишемъ была общая жилка—всѣ въ большей или меньшей мѣрѣ имѣли непреодолимое влеченіе къ малорусской словесности, этнографіи и археологіи; подобно Кулишу, эта семья тяготѣла ко всему, въ чемъ сказывается пульсъ народной жизни, и дорожила живыми отголосками родной старины. Этимъ воиолнѣ объясняется и легкая для нихъ въ годы молодости возможность увлеченія въ области политическихъ утопій, а также не всегда согласныхъ, при идейной солидарности, родственныхъ отношеній. По болѣзни Кулишъ легко поддавался хандрѣ при самомъ началѣ сближенія съ Василиемъ Бѣлозер-

¹⁾ «Кіевская Старина», 1898, I, стр. 84—149.

скимъ, но его развлекали посѣщенія новаго друга. На пасхѣ 1844 г. онъ писалъ Н. Д. Бѣлозерскому: „На меня напала давняя моя нелюдимость; не хочется нигдѣ быть; бываю счастливъ, если голова и душа сильно дѣйствуютъ, но едва дѣятельность меня оставляетъ, является скука самая мучительная. Утѣшаетъ меня только одна благочестивая бесѣда съ вашимъ дорогимъ Васею. Онъ часто меня оживляетъ. Очень часто теперь видимся, читаемъ вмѣстѣ Слово Божіе, трактуемъ, замышляемъ многое въ будущемъ; дай Богъ всему доброму исполниться“. И тутъ же сообщается дальше объ отправкѣ въ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ статьи „Поѣздка въ Малороссію“ и о полученіи отъ одного изъ знакомыхъ дневника его прадѣда, генеральнаго хорунжаго, въ которомъ „все записано кратко, но зато упоминается о всякой домашней мелочи“, благодаря чему Кулишъ надѣялся „ознакомиться получше съ бытомъ малороссійскихъ пановъ во времена Петра Великаго“. Въ то же время Кулишъ зачитывался Литовскимъ Статутомъ съ цѣлью опредѣлить состояніе малороссійскаго или, лучше сказать, древнерусскаго языка до того времени, когда онъ началъ ополячиваться“. Погрузившись такимъ образомъ съ головой въ изученіе Украины, Кулишъ искалъ полнаго кабинетнаго уединенія, освѣжаемаго бесѣдами по душѣ съ избранными людьми. „Люблю“—говорилъ онъ—„только такія собранія, гдѣ сойдутся три-четыре человѣка, связанныхъ или любовью родственной, или любовью къ наукѣ и добродѣтели“.

Между тѣмъ кругъ друзей, малороссійскихъ патриотовъ, постепенно расширялся; вскорѣ Кулишъ подружился еще съ Г. Т. Мизко и В. Н. Волкъ-Карачевскимъ. Молодой ученый жилъ тогда мечтами молодости и то составлялъ проекты поѣздокъ къ друзьямъ и путешествій,—причемъ всегда имѣлась въ виду возможность предаваться на свободѣ излюбленнымъ бесѣдамъ или наблюдать и изучать нравы,—то замышлялъ новый планъ жизни съ болѣе широкимъ кругомъ дѣятельности. Благодаря его просьбамъ, Юзефовичъ назначилъ его (въ 1845 г. на мѣсто Костомарова) учителемъ гимназіи въ Ровно, преду-

предивъ о невыносимой тамошней скукѣ. „Правду вы говорили“—писаль вскорѣ Кулишъ своему покровителю,—„что не пройдетъ и мѣсяца, какъ я возопію къ вамъ о переводѣ меня въ Кіевъ. Здѣсь мнѣ такая тоска, что я почти боленъ. Если только представится какая-нибудь возможность, ради Бога, переведите меня въ Кіевъ. Я готовъ даже читать словесность, хотя словесность гораздо труднѣе читать въ гимназій, чѣмъ исторію. Кіевъ теперь еще привлекательнѣе для меня, потому что тамъ Костомаровъ, котораго общество для меня такъ много значитъ“¹⁾. Въмѣсто Кіева, однако, судьба перенесла Кулиша въ Петербургъ, чѣмъ онъ былъ обязанъ Плетневу.

Знакомство съ Плетневымъ было въ высшей степени благодарительно для Кулиша. Работая надъ „Черной Радой“, Кулишъ стремился знакомить съ своимъ трудомъ настоящихъ цѣнителей. Поэтому въ августѣ 1843 года, отправившись въ поѣздку по Кіевской губерніи, онъ заѣхалъ къ извѣстному польскому писателю Грабовскому, представился ему и такъ полюбился, что тотъ удержалъ его на нѣсколько времени, предложилъ въ его услугамъ даже деньги для напечатанія „Черной Рады“ и „Орыси“²⁾. Тутъ же онъ перевелъ одну часть „Дзядовъ“ подъ заглавіемъ „Любовь за гробомъ“ и подписалъ подъ переводомъ слова: „переводилъ я подъ вліяніемъ страданій, похожихъ на страданія Густава“³⁾. Значеніе этихъ словъ разъяснится намъ въ слѣдующей главѣ.

Въ Кулишѣ Грабовскій видѣлъ талантливаго и мыслящаго человѣка, подававшаго большія надежды. Изъ устъ его онъ охотно и даже съ увлеченіемъ, иногда долго засиживаясь съ ними по

1) «Кіевская Старина», 1899, II, 202.

2) Грабовскій даже говорилъ Кулишу, что онъ «первый постигъ элементы души запорожской и что со временемъ напишетъ что-нибудь равное «Веверлею» и «Пуританамъ».

3) Густавъ—дѣйствующее лицо въ этой части, выражающее любовь къ дѣвушкѣ—чистую и экзальтированную въ высшей степени.

вочамъ, слушалъ народныя малороссійскія легенды, рассказы про гайдамаковъ и многое другое изъ сокровищъ народной поэзіи, которыми овладѣлъ Кулишъ въ студенческіе годы 1). Съ своей стороны Грабовскій замѣчательно умѣлъ дѣйствовать на подъемъ духа своего молодого друга и всячески старался помогать ему, разыскивая и доставляя ему разныя свѣдѣнія. Нѣкоторыя выдержки изъ его поэмъ онъ посылалъ для напечатанія Крашевскому въ его „Ateneum“, но Крашевскій не помѣстилъ ихъ, чтобы „nie parazić się naszej publiczności“ 2). „Можетъ быть, — писалъ Кулишъ Юзефовичу о „Чорной Радѣ“ — „я бы и совѣмъ не показалъ вамъ этого труда, предпринятаго не съ полною увѣренностію въ своихъ силахъ, но Грабовскій, которому я читалъ, превозноситъ его такими похвалами, что я начинаю вѣровать въ его достоинства“ 3). Вотъ эта вѣра и внушила Кулишу мысль послать первыя пять главъ „Чорной Рады“ Плетневу, какъ лицу, достойному почета и довѣрія, какъ бывшему другу Пушкина и человѣку, извѣстному своей теплой, сердеч-

1) Впослѣдствіи Грабовскій приходилъ въ большой восторгъ отъ сочиненій Кулиша. Однажды онъ ему писалъ: „Ja Pana kochałem zawsze jako człowieka; miałem Pana za jednego z najzdolniejszych i najrozumniejszych ludzi, jakich spotkałem u mem życiu; ale wyznaje Pana że jako o pisarzu nie miałem wielkiego wyobrażenia. Dwa ostatnie tomu pańskiego zbioru wprowadziły mnie z błędu“ („Правда“, 1868, стр. 284).

2) Объ этомъ см. также „Кіевскую Старину“, 1899, II, стр. 191—192.

3) Онъ же сблизилъ Кулиша съ библіоманомъ Свидзвнскимъ, почему-то получившимъ прозваніе графа, хотя въ дѣйствительности не имѣлъ этого титула. Кулишъ, впрочемъ, не долюблялъ или, по крайней мѣрѣ, не уважалъ этого человѣка, называя его «старымъ и причудливымъ холостякомъ» и сообщая о томъ, что онъ и Костома-ровъ «допекали его, завятаго аристократа, своими демократическими нападками на бывшее польское орудованье козаками». «Pan hrabia» — говорилъ онъ — краснѣлъ, пыхтѣлъ, называлъ козаковъ, нашихъ предковъ, наглыми хлопами, и продолжалъ снабжать насъ рукописями и старопечатными книгами съ довѣрчивостію непостижимой».

ной отзывчивостью. Избравъ Плетнева своимъ покровителемъ, Кулишъ разсчитывалъ на его благородство и доброту, и не ошибся. Между прочимъ Кулишъ имѣлъ въ виду здѣсь и завѣтную свою мечту о переходѣ на службу въ Петербургъ, куда онъ особенно стремился въ виду завязавшагося у него въ Мотроновкѣ неудачнаго (сначала) романа ¹⁾, чтобы отвлечь свои мысли отъ предмета страсти. Кулишъ имѣлъ въ виду также убѣдить Плетнева присылкой сочиненій въ своемъ знаніи русскаго языка ²⁾, необходимаго для полученія каѳедры въ одномъ изъ петербургскихъ средне-учебныхъ заведеній, которую желалъ занять тогда Кулишъ ³⁾. Съ тѣхъ поръ у Кулиша завязалась

1) Впослѣдствіи Кулишъ писалъ И. Ф. Хильчевскому: «Ты, братъ, не знаешь, какое важное значеніе имѣеть въ жизни моей Мотроновка».

2) Вскорѣ Плетневъ ближе узналъ Кулиша, приходилъ въ восторгъ отъ прекраснаго знанія Кулишемъ поэзіи Жуковскаго и Пушкина и даже такихъ поэтовъ, о которыхъ и въ кружкѣ Плетнева никто не зналъ. Плетневъ любилъ говорить о Кулишѣ: «вотъ какъ нужно изучать русскую словесность!» («Русск. Обзорніе», 1897, III, стр. 205.

3) Не имѣя университетскаго диплома, Кулишъ не могъ бы занять мѣсто учителя гимназіи, если бы лично знавшій его Юзефовичъ не рѣшился, въ виду замѣчательныхъ познаній и талантовъ Кулиша, пренебречь формальностями. Теперь приблизительно то же предстояло сдѣлать Плетневу, который для этой цѣли и рѣшилъ опереться на литературные труды Кулиша. Мало того, по словамъ одного изъ ораторовъ на полугодовомъ поминаніи Кулиша, его шурина О. М. Бѣлозерскаго: „Плетневъ и Жуковскій устроили его отцу ради даровитаго сына сомнительное дворянство“. „Не осудимъ“,—говоритъ г. Бѣлозерскій—„а поблагодаримъ покровителей за это, памятуя слова практической мудрости Екатерины, сказавшей, что ложь позволительна, если кому-либо приноситъ пользу, и никому не причиняетъ вреда“. О покровительствѣ Плетнева Кулишу см. въ „Перепискѣ Грота съ Плетневымъ“, т. II, стр. 404, 528, 536, 622—623 и проч. Кулишъ же заочно познакомилъ Плетнева съ Костомаровымъ (тамъ же, 635). На предостереженія Грота, что Плетневъ слишкомъ скоро предался Кулишу (стр. 632), послѣдній отвѣтилъ:

переписка съ Плетневымъ, который, съ свойственной ему про- ницательностью, по первымъ литературнымъ трудамъ уже про- видѣлъ въ Кулишѣ крупную литературную силу и, подобно тому, какъ раньше Юзефовичъ, подаль ему руку для возвыше- нія по лѣстницѣ учено-литературнаго прогресса, предоставивъ ему одновременно два мѣста: учителя V петербургской гимна- зіи (Плетневъ исполнялъ тогда должность попечителя округа) и преподавателя русскаго языка студентамъ-инородцамъ въ уни- верситетѣ. Плетневъ полюбилъ Кулиша, какъ родного сына. Вспоминая о благодѣяніяхъ и задушевномъ обращеніи съ нимъ Плетнева, Кулишъ говорилъ: „Благодаря пристрастію дилеттанта бюрократіи, нѣкогда дуэлиста-маіора“ (т. е. Юзефовича), „я посланъ былъ на мѣсто Костомарова въ Ровно изъ учителей трехкласснаго дворянскаго училища; подобное же пристрастіе одного изъ столичныхъ администраторовъ, Петра Александровича Плетнева, недѣли черезъ три перенесло меня въ сто- лицу“ ¹⁾. Впослѣдствіи Кулишъ не мало сожалѣлъ о томъ, что не вполне умѣлъ цѣнить чудную личность Плетнева, потому что полной его любви и уваженію къ послѣднему отчасти мѣ- шало нѣкоторое недовольство его незнаніемъ Плетневымъ мало- російскаго языка и отсутствіе въ немъ горячаго увлеченія Малороссіей, котораго нельзя было и требовать отъ старика- великоросса, но которое въ глазахъ энтузіаста Украины явля- лось обязательнымъ въ человѣкѣ, идеальномъ въ другихъ отно- шеніяхъ. Въ свою очередь, и Плетневъ не могъ раздѣлять восторговъ Кулиша и не сочувствовалъ нѣкоторой исключитель- ности его симпатій, хотя вообще высоко цѣнилъ его, отозвав- шись о немъ такъ въ одномъ изъ писемъ къ Я. К. Гроту: „милой молодой человѣкъ, интересный и наружностью, и чисто- той души и умомъ“ ²⁾. Черезъ Плетнева сблизился Кулишъ и

„Кулишъ молодой человѣкъ высокихъ нравственныхъ и религіозныхъ правилъ“ (635 стр.) и что онъ „высокій образецъ чувствованій и дѣлъ“ (стр. 753).

¹⁾ „Новь“, 1885, № 13, стр. 62.

²⁾ «Переписка Грота съ Плетневымъ», т. II, стр. 623.

со многими другими замѣчательными и достойными личностями: съ Ишимовой, извѣстной издательницей „Здѣзлочки“, съ братьями Гротъ ¹⁾ и Нордштремами.

VIII.

Исторію любви Кулиша къ его будущей женѣ В. М. Бѣлозерскій передавалъ намъ въ слѣдующемъ разсказѣ.

„Въ первое же лѣто (1843 г.) мы вмѣстѣ поѣхали изъ Кіева въ нашъ хуторъ Мотроновку. Здѣсь онъ познакомился съ моей матерью и сестрой Александрой; матери онъ очень полюбился; сестра была имъ очарована: онъ страстно въ нее влюбился. Они оба признались мнѣ въ своихъ чувствахъ, но сестра (ей было только 15 лѣтъ), воспитанная подъ внимательнымъ надзоромъ матери, какъ ея любимица, не помышлявшая даже о возможности чувствовать и мыслить безъ ея вѣдома, не говорила ей, однако жъ, о своихъ чувствахъ и старалась быть сдержанной съ Кулишомъ. Онъ, страстный и нетерпѣливый, хотѣлъ непременно добиться ея признанія, но не могъ, и когда выѣз-

1) Яковомъ и Константиномъ Карловичами. О Я. К. Гротѣ Кулишъ отзывался такъ: «Онъ такъ-же молчаливъ, какъ и Петръ Александровичъ, но зато каждое его слово имѣетъ значеніе, и ни одно не сказано праздно. Этотъ человѣкъ не столько удивляетъ меня своими филологическими и другими способностями, сколько правильностью жизни и подчиненіемъ всего себя законамъ разума». Изъ сужденій Грота приводится между прочимъ слѣдующее: «Гротъ замѣтилъ, что идти въ монастырь непростительно, потому что назначеніе человѣка не въ томъ состоитъ, чтобы молиться только Богу; лучшая молитва, говоритъ онъ, заключается въ нашихъ дѣлахъ». Но религіозный Кулишъ замѣчаетъ: «Нѣтъ, господа, гордо вы мудствуете, и душа моя невольно отъ васъ отстраняется». Впрочемъ позднѣе самъ Кулишъ высказывался, и весьма энергично, въ томъ же смыслѣ, какъ и Гротъ, противъ монастырей, сильно осуждая даже пушкинскаго Пимена. (См. его письмо къ Галагану въ «Кіевской Старинѣ», 1899, IX, 345—346).

жалъ отъ насъ, по порученію губернатора Фундуклея для путешествія по кievской губерніи, просилъ ее принять его портретъ на память, но она отказалась, и онъ, выѣхавъ отъ насъ, за воротами изломалъ его и бросилъ въ канаву.

„Слѣдующій годъ мы провели въ Кіевѣ, и Кулишъ довольствовался краткими свидѣніями, которыя сообщались мнѣ сестрою въ письмахъ, и не разъ говорилъ о томъ, что старается ее забыть. Когда наступило время вакацій, онъ не поѣхалъ къ намъ, но прошло немного времени—и онъ неожиданно вдругъ явился. Помню, это поставило меня въ большое затрудненіе; я чувствовалъ, что должно произойти что-то рѣшительное. И дѣйствительно, произошло. Сестра, зная, что мать очень любитъ Кулиша, но несогласна на ея замужество съ нимъ, какъ съ человѣкомъ бѣднымъ и безъ опредѣленнаго положенія, стала отъ него сторониться; это доводило его до крайняго нетерпѣнія, и наконецъ онъ рѣшился прямо объясниться съ матерью, попросивъ дать ему свиданіе наединѣ. Мать согласилась, по моему совѣту. Это свиданіе происходило въ нашемъ старомъ домѣ, которымъ впоследствии владѣла сестра и который сгорѣлъ въ 1890 году. Свиданіе происходило въ такъ называемой столовой, дверь изъ которой вела въ дѣтскую, гдѣ мы съ сестрой помѣстились въ трепетномъ ожиданіи. Дверь была заперта, но мы все слышали. П. А. обратился къ матери съ упрекомъ за то, что она мѣшаетъ его сближенію съ А. М. „Нисколько“, отвѣчала мать: „она совершенно свободна, и сама не желаетъ сближенія“.—„Какъ не желаетъ?! она меня любитъ!“—„Позвольте мнѣ объ этомъ лучше знать!“—отвѣчала мать съ раздраженіемъ.—„Она это вамъ говорила?“ спросила съ насмѣшкой мать. Кулишъ былъ поставленъ въ затрудненіе, но отвѣчалъ, что хотя не говорила, но онъ въ томъ увѣренъ.—„Какая самоувѣренность!“ насмѣшливо замѣтила мать, и зная, что мы находимся въ сосѣднихъ комнатахъ, громко позвала: „Саша! Саша!“ Для сестры наступила рѣшительная минута; она вышла на зовъ матери.—„Саша, Пантелеймонъ Александровичъ говорить, что ты его любишь“.—„Да, я люблю Пантелеймона

Александровича“, отвѣчала сестра твердымъ голосомъ. „Я этого не знала!“ отвѣчала мать и сказала, обращаясь къ Кулишу, что она не выдастъ за него дочери, и тутъ же съ нимъ простилась. Что тогда произошло въ домѣ, трудно рассказать. Кулишъ вышелъ во флигель, въ которомъ мы съ нимъ жили. Мать и сестра молчали; я бросился за П. А. и увидалъ его на кровати съ головой, уткнутой въ подушку, и страшно, спазматически рыдающимъ. На другой день онъ уѣхалъ. Сестра, оставшись съ матерью наединѣ, сказала: „вамъ не угодно, чтобы я вышла за П. А.; я изъ вашей воли не выйду, но никто другой не будетъ моимъ мужемъ“.—„И это говорить барышня! Стыдись, Саша!“ отвѣтила мать. Но Саша, 16 лѣтняя дѣвушка, выросла выше своихъ лѣтъ; любовь ее преобразила. И цѣлую ночь мать прислушивалась у дверей къ громкимъ рыданіямъ дочери“.

 IX.

Такимъ образомъ сердечный романъ на время пріостановился. По переѣздѣ Кулиша въ Петербургъ, онъ первое время былъ всецѣло занятъ, кромѣ своихъ учено-литературныхъ дѣлъ, своими отношеніями къ Плетневу и лицамъ, его окружающимъ. Впослѣдствіи, въ одномъ письмѣ къ И. Ф. Хильчевскому, Кулишъ сказалъ: „Годъ и мѣсяцъ холостой моей жизни передъ 1847 годомъ я прожилъ семьяниномъ между семьей Плетнева“¹⁾. Въ своихъ ожиданіяхъ отъ представителей столичной печати онъ очень скоро разочаровался. „Современная наша

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1898, I, стр. 121.—Плетневъ проповѣдывалъ ему одну идею, важную для всякаго талантливаго человѣка, — о необходимости искать такихъ людей, которые въ какомъ-нибудь отношеніи могутъ быть образцами и наставниками. Въ „Перепискѣ Грота съ Плетневымъ“ постоянно встрѣчаемъ упоминанія о томъ, что Кулишъ часто проводилъ время и обѣдалъ у Плетнева.

литература“, писалъ онъ Юзефовичу—„представляетъ печальное зрѣлище. Представителями ея, кромѣ немногихъ истинныхъ жрецовъ поэзіи, все народъ развратный,—другимъ словомъ я не могу опредѣлить этого коммерческаго духа, которымъ давно заражены старыя и молодыя сердца“. Въ концѣ концовъ цвѣтомъ петербургской интеллигенціи Кулишъ доволенъ не больше, нежели кіевской. „Молчаливый зритель всѣхъ этихъ грустныхъ явленій“—продолжаетъ онъ,—„я здѣсь заключаюся самъ въ себѣ глубже, нежели въ Кіевѣ, и благодарю Бога, что я не раньше попался въ этотъ хаосъ“.

Повторяется все то-же, что было въ Кіевѣ: такой же дѣятельный трудъ, то же недовольство другими и желаніе трудиться иначе, по новому, разумному плану, и наконецъ снова громко и сильно проявляетъ себя потребность женской любви. Мало-по-малу начинаетъ на себя обращать вниманіе Кулиша единственная дочь Плетнева, Ольга Петровна. О первой встрѣчѣ съ Ольгой Петровной Кулишъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Пріѣзжаю къ Петру Александровичу на вечеръ и застаю двухъ дѣвушекъ, танцующихъ въ сарафанахъ. Одна изъ нихъ была О. П. Въ сарафанѣ она показалась мнѣ совершеннолѣтнею и чрезвычайно привлекательною. Вчера я случайно завелъ съ ней разговоръ объ одномъ молодомъ человѣкѣ, хорошо образованномъ и свѣтскомъ. Ея отзывъ о немъ удивилъ меня своею солидностью и показалъ въ ней умъ, достойный прекраснаго чела, какимъ природа ее надѣлила. Сегодня новое впечатлѣніе оживило въ моей душѣ вчерашнее, а къ тому прибавилось еще одно обстоятельство: она обыкновенно ведетъ себя по-дѣтски“.— „Сегодня“—писалъ онъ въ своемъ дневникѣ подъ 3 января 1846 года, „сидя насупротивъ меня за столомъ, Ольга была такъ тиха и задумчива, что я назвалъ ее героиней баллады. Она мнѣ нравилась, и я почувствовалъ, что могу къ ней пристраститься. Надо вести себя какъ можно благоразумнѣе. Не смѣшно ли увѣрять себя и другихъ, что безъ той-то жить

1) „Кіевская Старина“, 1899, 11, 201 стр.

не могу! Время ото всего насъ излѣчиваетъ. Теперь Саша ¹⁾ дорога моему сердцу, какъ сестра, но и безъ нея еще возможно для меня семейное счастье. Впрочемъ, да будетъ воля Божья"! Тѣмъ не менѣе Кулишъ, полюбивъ Плетнева, какъ отца, такъ привязался къ его дочери, что неизвѣстно, чѣмъ кончилось бы дѣло, если бы однажды, когда онъ, разговарившись съ ней объ украинскихъ думахъ, сказалъ между прочимъ: „вотъ и вы выучитесь со временемъ по-украински“, она не отвѣтила ему: „никогда“. Это слово отворожило отъ нея Кулиша.

X.

Между тѣмъ Кулишъ получилъ уроки въ только что основанной петербургской пятой гимназiи, гдѣ пока были открыты лишь младшіе классы,—обстоятельство весьма благоприятное для молодого ученаго, нуждавшагося въ свободномъ времени для своихъ литературныхъ занятій ²⁾. Тогда же Кулишъ сдѣлался лекторомъ русскаго языка въ петербургскомъ университетѣ и надѣялся получить заграничную командировку. Такимъ образомъ карьера его подвигалась съ необычной быстротою. Однажды Кулишъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „То, что обыкновенно называютъ счастьемъ, льется на меня рѣкой. Я счастливъ, но счастье мое было бы самое бѣдное, если-бы основывалось только на возвышенiи, съ котораго такъ легко ниспасть. На возвышенiе свое я смотрю, какъ на средство распространять больше добра между людьми“. Удачно устроивъ собственныя дѣла, онъ не переставалъ заботиться и о своихъ друзьяхъ и, пользуясь своей близостью къ Юзефовичу, энергично ходатайствовалъ за нихъ. Почти въ каждомъ письмѣ онъ напоминаетъ Юзефовичу о Чуйкевичѣ, Красковскомъ, Хильчев-

¹⁾ Александра Михайловна Бѣлозерская, впоследствии жена Кулиша.

²⁾ „Кіевская Старина“, 1899, II, 204.

скомъ. „Михаилъ Владиміровичъ, столь добрый для меня и столь равнодушный къ участи моихъ друзей“! писалъ Кулишъ Юзефовичу: „Услышите мою покорнѣйшую просьбу: сдѣлайте Хильчевскаго штатнымъ смотрителемъ въ Малороссіи, а Красковскому тоже какъ-нибудь поблагодѣтельствуйте“ 1). И наконецъ, даже такъ: „О Чуйкевичѣ, о Хильчевскомъ и о Красковскомъ до тѣхъ поръ не перестану васъ просить, пока у меня будетъ перо или голосъ. Въ Кіевѣ я стану повторять вамъ каждыя пять минутъ свою просьбу. Я куплю попугая, выучу его кричать: „Хильчевскій, Чуйкевичъ, Красковскій“! и подарю его вамъ“ 2). Просьбы Кулиша дѣйствительно имѣли поразительный успѣхъ. О Костомаровѣ онъ пишетъ: „Я очень радъ, что Костомаровъ будетъ въ числѣ вашихъ университетскихъ оракуловъ. По крайней мѣрѣ, теперь вы будете имѣть въ словесномъ отдѣленіи хоть одного профессора не ремесленника. Это душа благороднѣйшая, руководимая чистѣйшими побужденіями, и если только хотя нѣсколько студентовъ уразумѣютъ его и пойдутъ его дорогою, благо имъ будетъ!.. Онъ много сдѣлаетъ для вашего университета 3)“. На мѣсто же Костомарова Кулишъ уже прочитъ въ первую кіевскую гимназію В. М. Бѣлозерскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавляетъ: „между тѣмъ вы можете сдѣлать министру представленіе объ отправленіи его за границу для изученія славянскихъ языковъ. Теперь это самое горячее желаніе моего сердца. Прошу васъ, и да будетъ моя просьба стоить тысячи“ 4). А между тѣмъ въ то же время и съ той же просьбой Кулишъ обращался и къ Плетневу. Здѣсь, однако, надо замѣтить, что сначала, еще не будучи увѣренъ въ успѣхъ своей просьбы за Бѣлозерскаго, Кулишъ намѣтилъ было себѣ въ спутники заграничной поѣздки Чуйкевича, который—говорилъ онъ—„будетъ весьма полезенъ, какъ

1) „Кіевская Старина“, 1899, III, 304.

2) Тамъ же, стр. 310.

3) Тамъ же, стр. 309.

4) „Кіевская Старина“, 1899, III, стр. 306.

переписчикъ и исполнитель всякихъ надобностей, на что онъ охотно соглашается“ ¹⁾). Кулишъ просилъ даже исходатайствовать ему бесплатный выѣздъ за границу, а когда Чуйкевичъ былъ въ проектѣ замѣненъ Бѣлозерскимъ, то Кулишъ просилъ перевести его учителемъ въ Бѣлую Церковь ²⁾).

Въ это время уже образовалось въ Кіевѣ „Кирилло-Меѳодіевское братство принимавшее въ число членовъ людей безукоризненной репутаци и отнюдь не допускавшее извѣстнаго іезуитскаго девиза. Завѣтная мечта братства заключалась въ объединеніи славянъ въ свободномъ союзѣ подъ протекторатомъ русскаго императора и въ улучшеніи быта и заботы о просвѣщеніи крестьянъ. Эмблемой общества служилъ чугунный перстень съ вырѣзанными на немъ именами святыхъ первоучителей славянства. (Кулишъ былъ противъ этого внѣшняго знака, но другіе члены сильно стояли за него). Дѣйствовать рѣшено было словомъ изустнымъ и печатнымъ.

XI.

24 января 1847 года совершилось знаменательное событіе въ жизни Кулиша: онъ женился на сестрѣ Василя Бѣлозерскаго, Александрѣ Михайловнѣ, получившей впоследствии въ украинской литературѣ почетную извѣстность подъ именемъ Ганны Барвинокъ. Это была тогда еще совершенно юная дѣвушка, первоначально обратившая на себя вниманіе своего будущаго мужа вовсе не тѣми качествами, которыя онъ такъ высоко цѣнилъ въ ней впоследствии. Молодой литераторъ, въ воображеніи котораго рисовалась блестящая ученая карьера, для чего при его богатыхъ дарованіяхъ у него были несомнѣн-

¹⁾ Тамъ же, стр. 305.

²⁾ Вслѣдъ за этими лицами предполагалось выписать Шевченка для усовершенствованія его таланта въ живописи, и друзья просилиго только хлопотать о паспортѣ, а о деньгахъ не заботиться.

ныя данныя, встрѣчаясь съ молодой дѣвушкой, чувствовалъ живое обаяніе отъ ея восторженной и чистой натуры; но, отдавая себѣ наединѣ отчетъ въ зарождавшейся въ его душѣ нѣжной симпатіи, онъ сначала старался всѣми силами противостоятъ своему влеченію въ виду недостаточности средствъ и страха за осуществленіе своихъ завѣтныхъ научныхъ стремленій, которыми онъ рѣшился посвятить всю свою жизнь. Въ то время его петербургскіе друзья, корифеи учено-литературнаго міра, возлагали уже на него широкія надежды и побуждали его къ усиленной научной дѣятельности, а самъ онъ былъ, въ свою очередь, воодушевленъ свойственнымъ его страстной натурѣ пламеннымъ желаніемъ работать надъ усовершенствованіемъ своихъ познаній и, вообще, своей внутренней личности. Учено-литературные труды увлекали его, и въ головѣ его создавались все новыя планы. Онъ работалъ тогда надъ „Черной Радой“ и отдавалъ этой работѣ значительную часть времени, а примѣръ его друга Шевченка окрылялъ его надеждой осуществить свою завѣтную мечту—создать самостоятельную украинскую литературу и высоко поднять національное знамя, и украинскій языкъ возвести на степень литературнаго. Кулишъ съ жаромъ отдавался избранному призванію и неуспынно стремился дѣйствовать на одномъ полприщѣ съ своими друзьями, въ числѣ которыхъ, кромѣ названнаго украинскаго поэта и Костомарова, наиболѣе видное мѣсто занимали Бодянский, Метлинскій и другіе. Можно сказать, что онъ совершенно жилъ тогда своими малоросійскими симпатіями, и насколько горячо любилъ, напримѣръ, Костомарова, на столько же относился отрицательно къ Срезневскому и Юзефовичу ¹⁾, несмотря на чувство благодарности къ послѣднему и на хорошія личныя отношенія. „Лѣтопись Самовидца“, имъ найденная и напечатанная, „Исторія Священника“, Плиска, лѣтопись Грабянки, „Исторія Руссовъ“—вотъ что привлекало тогда къ себѣ все его явте-

1) Впрочемъ отношенія Кулиша къ Юзефовичу всегда были довольно загадочныя.

ресы, да къ тому же онъ задумалъ еще изданіе собственнаго украинскаго альманаха и мечталъ даже о романѣ на малоросійскомъ нарѣчїи. „Странно думать“, говорилъ онъ, „что народъ, такъ дѣятельно участвовавшій въ событіяхъ рода человѣческаго, не въ состояніи былъ бы рассказать о своей жизни въ историческомъ романѣ“¹⁾. И вотъ у него въ портфель имѣющей возникнуть редакціи находились уже новыя стихотворенія и статьи Шевченка, Могилы (Метлинскаго), Іеремїи Галки (Костомарова). Эта дружная горсть людей, вся исполненная надеждъ, воодушевленная сознаниемъ разумности и высокой справедливости своихъ чистыхъ и благородныхъ стремленій, вся такъ и кипѣла жаждой завѣтной дѣятельности. Единодушіе этихъ людей было замѣчательное: передъ нами не случайный подборъ случайныхъ сотрудниковъ, но тѣсная корпорація, проникнутая одной общей и вѣрною имъ дорогой идеей. Русская жизнь не много представляетъ примѣровъ такого идейнаго союза, гдѣ бы каждый членъ вполне подчинялъ соображенія личнаго успѣха интересамъ общаго дѣла, какъ это выразилось во многихъ мѣстахъ переписки Кулиша, между прочимъ хотя бы въ слѣдующихъ строкахъ одного изъ писемъ его къ Бодянскому: „Шевченко теперь въ Кіевѣ. Служить при архивной комиссіи; получаетъ 1000 р. жалованья. Этому нужно радоваться, потому что Комиссія посылаетъ его безпрестанно въ разныя мѣста Южной Россіи для снятія старинныхъ памятниковъ, а это должно современемъ доставить ему Шекспировское званіе людей и обычаевъ“²⁾. Какъ здѣсь каждое слово дышитъ любовью, горячимъ сочувствіемъ и радостной надеждой на личные успѣхи прїятеля и на успѣхи общаго дорскаго дѣла! Самъ Кулишъ, только-что успѣвъ приготовить къ печати „Лѣтопись Самовидца“, уже посылаетъ Бодянскому составленную для дѣтей исторію Малороссіи, предпринятую въ сущности съ

¹⁾ «Кіевская Старина», 1897, IX, стр. 399 и «Русскій Архивъ», 1892, XI, стр. 293.

²⁾ Тамъ же.

тайной мыслью въ краткомъ и наименѣ отвѣтственномъ изложеніи затронуть интересующіе его вопросы, чтобы „предложить знатокамъ нашей исторіи нѣсколько мыслей, извлеченныхъ изъ изученія источниковъ историческихъ и самого украинскаго народа, чтобы окончательно рѣшить нѣкоторые вопросы, опредѣляющіе значеніе украинцевъ въ нравственной дѣятельности славянскаго міра“. Ему хочется, чтобы его трудъ „имѣлъ дѣйствіе камня, брошеннаго на неподвижную поверхность воды“ 1).

Между тѣмъ по рекомендаціи Плетнева, С.-Петербургскій университетъ, нуждавшійся, послѣ смерти Прейса, въ ученомъ славистѣ, и Академія наукъ успѣли уже оцѣнить этого украинскаго Инсарова, а послѣдняя рѣшила послать его за границу для усовершенствованія въ славянскихъ языкахъ 2). Въ ожиданіи почетной командировки, Кулишъ, съ упоеніемъ энтузіаста, утопаетъ въ архивахъ, но онъ менѣ всего могъ бы напомнить всей своей, тогдашней и послѣдующей, исполненной кипучей страсти, дѣятельностью сухого кабинетнаго отшельника. Письма Кулиша этого времени живо показываютъ, какъ его мысли и чувства были поглощены всѣмъ, касающимся Украины, и какъ его занимали украинскіе сборники, альманахи и другія изданія, не говоря уже о лѣтописяхъ; какъ, наконецъ, его интересовали большіе и малые дѣятели на поприщѣ изученія Украины: Максимовичъ, Бантышъ-Каменскій, Шевченко, Квитка, Стороженко, Срезневскій. Однимъ словомъ, украинскія увлеченія Кулиша были въ полномъ ходу и энтузіазмъ его достигалъ самаго высокаго градуса.

Въ это-то время, какъ мы знаемъ, въ семействѣ, относившемся съ такимъ же пыломъ къ прошлому и настоящему Украины, сочувственное вниманіе Кулиша обращаютъ на себя пре-

1) „Русскій Архивъ“, 1892, XI, 294 и „Кіевская Старина“, 1897, IX, 400.

2) „Русскій Архивъ“, 1892, XI, стр. 293. „Кіевская Старина“ 1897, IX, 401. См. также въ „Перепискѣ Грота съ Плетневымъ“, II, 813 и проч. особенно 949.

имущественно Василій Михайловичъ Бѣлозерскій, получившій отъ него символическое прозваніе Ивана Коповченка и „ангело-подобнаго Васи“, и его сестра, будущая невеста нашего украинскаго патріота. Въ душѣ послѣдней, въ свою очередь, зрѣла и крѣпла симпатія къ нему, но, замѣтивъ въ ней жилку домо-водства, онъ даетъ ей шутовское прозвище „Хозяйственныя способности“. Въ своемъ дневникѣ отъ 20 августа 1847 г. онъ пишетъ: „кто узналъ любовь болѣе достойную человѣка, тотъ уже не придаетъ столько цѣны любви женской“, и „я не смѣю рѣшиться на бракъ, который, поглотивъ всѣ мои доходы, лишитъ меня возможности располагать ими для цѣлей благороднѣйшихъ“. Но не такова была дѣятельность и жезнерадостная натура Кулиша, чтобы остановиться передъ призракомъ препятствій, хотя его отчасти, можетъ быть, и пугало, что для женитьбы онъ долженъ будетъ отказаться отъ литературныхъ замысловъ и предпріятій, которые составляли отраду всей его жизни. „Вмѣсто изданія народныхъ пѣсень, лѣтописей, антиковъ, буду“, продолжалъ онъ, „заботиться о домашнихъ потребностяхъ“. Въ то же самое время ему „пріятно было жить въ пріязни между людьми въ хуторскомъ затишьѣ, и сколько было въ сердцѣ отмѣрено чувства для любви къ матери, которой цѣну онъ узналъ только по ея смерти, сколько дано ему было отъ природы способности любить сестру, которой у него не было, столько онъ принесъ въ жертву этимъ двумъ женщинамъ, т. е. Хозяйственнымъ Способностямъ и ея матери“. Чтобы оцѣнить вполнѣ колебанія Кулиша, укажемъ также выраженіе, встрѣтившееся въ одномъ изъ его писемъ къ Бодянскому: „Вступивъ въ храмъ исторической правды, я чувствую въ душѣ такое благоговѣніе, что совершенно забываю о своей личности“¹⁾. Посылая Бодянскому рукопись „Черной Рады“, онъ писалъ: „вѣрю вамъ мое сокровище съ такимъ чувствомъ, съ какимъ мать передаетъ свое дитя мужу. Знаю, что оцѣните его

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1897, IX, 400; „Русскій Архивъ“, 1892, XI, стр. 295.

по достоинству, сбережете и въ дѣло употребите какъ нельзя лучше“ 1). Но страсть къ наукѣ и страсть къ женщинѣ не всегда исключаютъ другъ друга, и наконецъ Кулишъ однажды сообщилъ тому же Бодянскому: „люблю вже я давно одну гарну дивчыну на Украини. Знаю добре, що никого, опричь її, не вивзму за себе, вернувшисьъ изъ нѣмещны. Дакъ щобъ її не було у столиці якось моторошно, що, бачыте, не зна языкивъ, беру зъ собою за гряньцю. А въ її и грошенята йе,— буде за що жыты у Нѣмещны. И братъ її йиде зъ нами. Не судите жь мене и не корите за се. Безъ сердца я бь ничего въ свити не врадывъ: така моя натура“ 2). Такъ разрѣшились мучительныя колебанія, но ни передъ свадьбой, ни въ такъ называемый медовый мѣсяць, Кулишъ не разставался съ своими обычными занятіями, а равно и съ своими украинскими друзьями, какъ живыми, такъ и мертвыми, но неотлучно жившими въ его воображеніи; переписывался съ Костомаровымъ, онъ, напр., горячо убѣждалъ его въ тождественности „Исторіи презѣльной брани“ съ лѣтописью Грабянки; въ письмахъ къ Бодянскому убѣдительно умоляетъ „освободить изъ подъ ланы“ цензора Никитенка вычеркнутыя имъ мѣста и возстановить ихъ въ „Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей“, „пользующагося благодѣтельнымъ правомъ собственной цензуры“ (причемъ, между прочимъ, „страха ради цензорска“ въ рукописи, предъявленной Никитенку, въ одномъ разсказѣ имя Потемкина вездѣ было замѣнено вымышленнымъ „Верходумовъ“ 3); наконецъ рекомендуетъ Бодянскому Сердюкова, „человѣка неизвѣстнаго, но великаго знатока украинской исторіи и заохотившаго его къ критическому разбору нѣкоторыми своими замѣчаніями весьма дѣльными“ 4). Словомъ, на каждомъ письмѣ его попрежнему

1) Тамъ же, стр. 405.

2) „Кіевская Старина“, 1897, X, 35.

3) „Кіевская Старина“, 1897, X, 27 и „Русскій Архивъ“, 1892, XI, 297.

4) „Кіевская Старина“, 1892, XI, 32.

лежитъ печать полнѣйшаго погруженія въ интересы украинской исторіи, для которыхъ предпринималась поѣздка въ Москву и предполагались сношенія съ харьковскими учеными по вопросу о народных пѣсняхъ, и все это почти наканунѣ свадьбы. „Если харьковцы такъ малодушны, что не рѣшаются передавать вамъ своихъ рукописей“ — пишетъ онъ Бодянскому, „то не думаю, чтобы они были такъ низки, что не позволяютъ списать ихъ человѣку, нарочно для того пріѣхавшему“ ¹⁾, и особенно волнуется Кулиша, что „послѣ повѣстей Основьяненка, малороссіяне совсѣмъ уснули со своею литературою“ ²⁾.

ХІІ.

Между тѣмъ приближалось время отъѣзда за границу. По свойственной ему живости, Кулишъ не можетъ переносить официальныхъ проволочекъ. Онъ жалуется Бодянскому: „я уже двѣ недѣли свободенъ отъ своихъ должностей, но академія дѣйствуетъ чрезвычайно медленно“. ³⁾ Надо было пройти рядъ формальностей. Предстоящее бракосочетаніе также не могло не вызвать нѣкоторыхъ пертурбацій въ обычномъ теченіи жизни. Прежде всего произошла важная перемѣна въ самомъ главномъ и коренномъ рѣшеніи, именно въ вопросѣ о времени свадьбы. Заграничная жизнь грозила продолжительной отсрочкой супружества, чего не хотѣла ни та ни другая сторона, во избѣжаніе всякихъ превратностей, что и оправдалось на судьбѣ Костомарова и его невѣсты. Рѣшено было отпраздновать свадьбу передъ отъѣздомъ, но относительно подробностей дѣла возникли несогласія, по поводу которыхъ невѣста потребовала было даже возвращенія обручальнаго кольца. Дѣло было такъ: Кулишъ настаивалъ однажды, чтобы невѣста прочла ему одно стихотвореніе Пушкина, но она не рѣшалась

1) Тамъ же стр. 28.

2) Тамъ же стр. 29.

3) Тамъ же, стр. 28.

читать при немъ и настойчиво отказывалась. Подъ вліяніемъ мысли о предполагаемомъ неимовѣрномъ упорствѣ ея характера, Кулишъ воскликнулъ: „Ахъ, я несчастный!“ Въ отвѣтъ на это невѣста сняла обручальное кольцо и, войдя въ комнату жениха въ его отсутствіе, положила на письменномъ столѣ при запискѣ: „Я никакъ не желала быть несчастьемъ другого, а тѣмъ болѣе вашимъ, и потому возвращаю кольцо, пока есть время“. Но это была минутная вспышка, на которую Кулишъ отвѣчалъ такъ: „несмотря на то, что для васъ такъ легко потребовать отъ меня кольца, я не возвращу его вамъ никогда. При всѣхъ вашихъ недостаткахъ, я васъ люблю, какъ родное дитя, и не только не отрекусь отъ васъ добровольно, но буду противостоять до послѣдней возможности всѣмъ тѣмъ, которые окружаютъ васъ туманомъ. Мнѣ жаль васъ. Вы дитя моего сердца, и я испытываю отъ васъ такія противорѣчія. Впрочемъ, не вы виноваты. Да не смущается сердце ваше. То, что я прочелъ, написала не будущая супруга Кулиша, а разсерженная дѣвочка. На дѣтей сердиться не могу, а только жалѣю о нихъ. Впрочемъ утѣшаюсь надеждой, что дѣти въ свое время будутъ взрослыми“. Но недоразумѣніе было непродолжительно и скоро улеглось. 18 января было написано названное письмо, а черезъ нѣсколько дней молодая чета стояла уже подъ вѣнцомъ.

Объ этомъ знаменательномъ событіи въ жизни Кулиша сообщимъ нѣсколько любопытныхъ подробностей. Передъ самой свадьбой сгорѣла кухня, и мать, выйдя во время пожара на крыльцо, простудилась и потомъ не выходила къ гостямъ, что имѣло свои неудобства и нѣкоторыми было принято, какъ несчастливое предзнаменованіе.

Незадолго до вѣнчанія пріѣхалъ Шевченко, принимавшій участіе въ церемоніи въ качествѣ шафера, и здѣсь произошло приключеніе, сначала смутившее и разстроившее многихъ, а потомъ обрадовавшее. „О пріѣздѣ Тараса Григорьевича“ — рассказываетъ Александра Михайловна Кулишъ — „непремѣнно хотѣлъ знать Николай Даниловичъ Бѣлозерскій, и мы поспѣшили его извѣстить. Онъ пріѣхалъ вечеромъ. Зная, что Шевченко не бла-

говорить къ панамъ, но издавна восхищаясь его поэтическими произведеніями, онъ вошелъ въ залъ молча и молча же подаль руку Шевченку, который только-что передъ тѣмъ пѣлъ. Николай Даниловичъ сѣлъ, а мы, желая занять гостя, приступили къ Шевченку съ просьбой что-нибудь спѣть; но Шевченко неожиданно уперся и на нѣсколько разъ повторенныя просьбы пѣть отказался. Пантелеймонъ Александровичъ въ смущеніи оставилъ его и обратился съ бесѣдой къ Николаю Даниловичу. Шевченко продолжалъ мѣрными шагами ходить изъ угла въ уголъ по залѣ, и когда мы уже совсѣмъ перестали ждать, вдругъ запѣлъ козацкую пѣсню: „Ой морозе, морозенку! Ой ты славный козаче! За тобою, Морозенку, вся Украина плаче“. Казалось, онъ никогда не пѣлъ съ такимъ совершенствомъ. Пѣсня его раздавалась по залѣ, какъ, бывало, по степи. Онъ кончилъ, и тутъ произошло нѣчто невиданное и неслыханное: Николай Даниловичъ быстро сошелъ съ мѣста, бросился къ Шевченку, обнялъ его и зарыдалъ на груди. Шевченко едва могъ его успокоить; все, что было въ душѣ обоихъ, родное, завѣтное, поднялось и обнаружилось въ этихъ слезахъ, въ этихъ объятіяхъ и рыданіяхъ. Съ этой минуты Николай Даниловичъ никогда не забывалъ его и потомъ посылалъ ему въ ссылку деньги“. О Шевченкѣ, какъ превосходномъ исполнителѣ украинскихъ пѣсенъ, восторженно воспоминалъ потомъ Кулишъ, называя его въ одномъ письмѣ къ В. В. Тарновскому сыну¹⁾ тройнымъ поэтомъ: слова, кисти и пѣнія, причемъ, по его мнѣнію, скорѣе можно было найти въ немъ недостатки въ двухъ первыхъ отношеніяхъ, но какъ пѣвецъ, „онъ былъ совершенствомъ, и судьей надъ нимъ было само сердце“ „Ничего лучшаго“—говоритъ Кулишъ въ подтвержденіе—„мы не слышали—такое по крайней мѣрѣ у насъ осталось воспоминаніе хотя бы о томъ, какъ онъ пѣлъ на нашей свадьбѣ“.

1) «Кіевская Старина», I, 1899 (январь), стр. 87.—В. В. Тарновскій отецъ, школьный товарищ Гоголя, очень любилъ Кулиша, а также и сынъ его, скончавшійся лѣтомъ 1899 года.

Во время свадебнаго бала съѣхалось много гостей; было весело, играла музыка. Шевченко былъ въ ударѣ, шутилъ, вызывалъ изъ кадрили старшихъ сестеръ молодой и экзаменовалъ ихъ въ малороссійскомъ языкѣ. Онѣ сначала церемонились, но потомъ стали отвѣчать на вопросы бойко и удовлетворительно. Присутствующіе, удивленные тѣмъ, что, муштруя другихъ сестеръ, Шевченко все время оставлялъ въ покое молодую, стали въ шутку упрекать его въ пристрастїи, на что Шевченко отвѣтилъ: „Я не экзаменую ее потому, что она будущая жена Кулиша, а онъ иначе и не женился бы, еслибы она была неспособна выдержать экзаменъ въ родномъ словѣ“. Въ тотъ же вечеръ еще до прїѣзда гостей Шевченко превосходно пѣлъ „Зирочку вечернюю“ и нарисовалъ портретъ молодой и написалъ въ альбомъ ея стихи (онъ былъ въ сѣромъ пальто и красномъ шерстяномъ шарфѣ). Отзывъ Шевченко о Ганнѣ Барвинокъ подтверждается и слѣдующими словами о ней Кулиша къ Бодянскому: „Оженившись 24 числа. Гарна и розумна дуже въ мене жинка. Знае добре нашу исторїю, а писни такъ спивае (та все насъки), що ажъ сердце радуется“. ¹⁾ Дѣйствительно, будучи самъ горячимъ малороссійскимъ патріотомъ, Кулишъ, конечно, только и могъ любить такую же восторженную любительницу всего относящагося къ Украинѣ. ²⁾ Она знала даже всѣ народныя малороссій-

¹⁾ «Кіевская Старина», 1897, X, 36.

²⁾ Это обстоятельство и было главной причиной, вслѣдствіе которой любовь къ Ганнѣ Барвинокъ вытѣснила изъ сердца Кулиша зарождавшуюся было въ его душѣ страсть къ дочери Плетнева, что мы можемъ ясно видѣть на основанїи дневника Кулиша. Однако, нѣкоторое время въ его душѣ происходила борьба, и любопытно, что уже почти передъ свадьбой, сравнивая обѣихъ дѣвушекъ, онъ объяснялъ свое предпочтеніе невѣстѣ именно ея кореннымъ малороссійскимъ происхожденіемъ: „О. П. не малороссійка, иначе, можетъ быть, она воспреобладала бы надъ мовымъ сердцемъ. Я ее нѣжно люблю; но Саша, воспитанная матерью, будетъ лучшею женою“. Душевное настроеніе Кулиша передъ свадьбой было крайне неспокойно отъ множества разнообразныхъ хлопотъ и отъ столкновенія въ его душѣ раз-

скія повѣрья, и между прочимъ во время бракосочетанія очень радовалась, что восковыя свѣчи, перевязанныя пышнымъ бантомъ, горѣли ровно; свѣчи были, по народному обычаю, вложены въ стаканы, насыпанные рожью, и были поставлены передъ молодыми. По примѣтѣ выходило, что оба супруга умрутъ въ одно время. По указанной же причинѣ, т. е. въ силу пламеннаго согласія въ любви къ родинѣ, Кулишъ любилъ и мать и тетку своей невѣсты, родную сестру ея отца.

ХІІІ.

Послѣ свадьбы молодые вскорѣ двинулись за границу. Еще 26 ноября 1846 г. была получена Кулишомъ бумага о выѣздѣ за границу для путешествія по славянскимъ землямъ. Отмѣчая этотъ фактъ въ своемъ дневникѣ, Кулишъ восклицаетъ: „одинъ изъ счастливейшихъ дней моей жизни“. Это была уже вторая бумага; первая, о назначеніи заграничной поѣздки, пришла мѣсяцемъ раньше. Кулишъ послѣшилъ подѣлиться своей радостью съ лучшимъ другомъ и патрономъ, П. А. Плетневымъ, который былъ, въ свою очередь, очень обрадованъ и при этомъ сказалъ

народныхъ влеченій. Ему снялись тревожные сны: то та, то другая интересующая его дѣвушка, т. е. то его невѣста, то Плетнева оказывались въ свидѣніяхъ выходящими замужъ за кого-то другого. Бѣлозерская должна была ѣхать вѣнчаться съ его пріятелемъ Чуйкевичемъ, который, подобно самому Кулишу, собирался ѣхать за границу, Плетнева же выходила замужъ неудачно и совершенно несогласно съ желаніями и принципами отца—за знатнаго и богатаго человека, безъ всякихъ личныхъ достоинствъ. Въ другой разъ Кулишъ видѣлъ во снѣ, напротивъ, Бѣлозерскую выходящую за глухаго, но богатаго человека, но онъ убѣдилъ ее отказать недостойному жениху и, заступивъ его мѣсто, рѣшилъ ѣхать съ нею за границу. Все это показываетъ, что рѣшеніе такого великаго шага, какъ бракъ, далось Кулишу не легко, и что сердечныя влеченія въ немъ сильно боролись. Отсюда происходила какая-то временная нервная надломленность, напугавшая его невѣсту.

слѣдующее небольшое напутствіе: „Помните только, что въ сча- стіи гораздо труднѣе сохранить благоразуміе, нежели въ несча- стіи; отъ несчастья рѣдко сходятъ съ ума, а отъ счастья весьма часто. Это запишите въ своемъ дневникѣ“. Спусти нѣсколько дней Кулишъ встрѣтилъ у Плетнева молодого ученаго Вернадскаго, ¹⁾ „представившаго ему путешествіе въ самомъ привлекательномъ видѣ“. Эта встрѣча произвела на него самое отрадное впечатлѣніе; довольство его случайнаго собесѣдника своей долей не могло не сообщиться такому воспріимчивому человѣку, какъ Ку- лишъ, притомъ уже приготовленному къ восторгамъ. „Онъ уѣхалъ худымъ и измученнымъ“—пишетъ Кулишъ въ своемъ днев- никѣ,—„а возвратился полнымъ силъ и свѣжести. Отъ него такъ и вѣетъ жизнью. Онъ такъ наэлектризовалъ меня радостью, что восторгъ могъ показаться даже страннымъ. Правда, я былъ расположенъ радоваться: въ немъ я видѣлъ себя черезъ три года“.

Съ этихъ поръ для Кулиша наступаетъ непродолжительный переходный фазисъ его жизни: онъ находится въ самомъ напря- женномъ оживленіи; не оставляя своихъ обычныхъ интересовъ и занятій, онъ волнуется восторженнымъ ожиданіемъ идеальной новой жизни за границей, переносится въ разговорахъ съ Вер- надскимъ въ ласково манящее близкое будущее, хотя его вскорѣ же нѣсколько охлаждаетъ недостатокъ въ его новомъ пріятелѣ эстетическаго вкуса: „онъ романы Евгенія Сю“—съ досадою отмѣчаетъ Кулишъ въ своемъ дневникѣ—„ставитъ во всѣхъ почти отношеніяхъ выше романовъ Вальтеръ Скотта. Вообще онъ, кажется, вездѣ хромаетъ, гдѣ дѣло касается эстетическихъ вопросовъ. Въ немъ преобладаетъ направленіе раціональное. Ху- дожественная сторона въ немъ очень слаба.“

Передъ отъѣздомъ за границу Кулишъ рѣшилъ повидаться съ нѣкоторыми знакомыми и родными и предпринялъ цѣлый

¹⁾ О Вернадскомъ см. въ „Перепискѣ Грота съ Плетневымъ“, т. II, 851—859. Кулишъ такъ быстро сошелся съ Вернадскимъ, что, говоря о послѣднемъ въ письмахъ къ Гроту, онъ уже называетъ его пріятелемъ Кулиша. См. также «Кіевск. Стар.», 1898, II, 187.

рядъ поѣздокъ, начиная съ Москвы, куда, какъ мы знаемъ, онъ уже раньше собирался къ Бодянскому, знакомому съ нимъ впрочемъ пока лишь заочно. Передъ выѣздомъ изъ Петербурга случился забавный анекдотъ. „Все благопріятствовало“—разсказываетъ Кулишъ въ своемъ дневникѣ,—„моему отъѣзду изъ Петербурга. Зная, что на почтовой станціи въ большихъ городахъ трудно сразу достать лошадей, я велѣлъ гимназическому солдату нанять вольныхъ. Но онъ привелъ мнѣ почтовыхъ. Онъ наговорилъ смотрителю, что я важный человѣкъ, что я ѣду за границу по Высочайшему повелѣнію и проч.—„Да зачѣмъ онъ ѣдетъ“? спрашивали его. „Онъ ѣдутъ“—отвѣчалъ солдатъ—„для малороссійскаго языка.. отыскать отъ начала вѣковъ. Они издатели малороссійскаго языка“.—„Да гдѣ жъ онъ тамъ его отыщетъ“?—„Да ужъ онъ знаютъ—гдѣ. Велѣно отыскать отъ начала вѣковъ“.—«Послѣ этого»—добавляетъ Кулишъ—«всякій согласится, что не дать лошадей было невозможно». Дорбгой одинъ старикъ, узнавъ, что Кулишъ ѣдетъ въ разныя государства, перепугался за него и сказалъ: „что нашъ братъ говорить, что господамъ легко: черезъ такіе народы надо проѣхать! Вотъ и теперь поѣдете на Кіевъ, а вѣдь тамъ народъ—хохоль“! ¹⁾)

Явившись къ Бодянскому, Кулишъ „вознамѣрился привѣтствовать его по-малороссійски, какъ человѣкъ ѣдущій за границу для отысканія малороссійскаго языка „отъ начала вѣковъ“. Находясь все еще въ самомъ отрадномъ настроеніи и подъ впечатлѣніемъ недавней забавной рекомендаціи его, какъ „издателя малороссійскаго языка“, Кулишъ въ шутливомъ тонѣ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ впечатлѣніе отъ первой встрѣчи съ московскимъ ученымъ, котораго онъ засталъ больнымъ, съ пиявками на рукѣ. „Я воображалъ его очень худощавымъ и притомъ безобразнымъ“—писалъ Кулишъ въ дневникѣ: „такое понятіе о его на-

¹⁾ Въ послѣднее время жизни въ Петербургѣ Кулишъ, кромѣ научнаго приготовленія къ предстоящей командировкѣ, особенно усердно занимался рисованіемъ (см. напр. «Переписку Грота съ Плетневымъ», т. II, стр. 823, 825 и проч.)

ружности составилъ я по рассказамъ знакомыхъ. Но не нашелъ ни того, ни другого. Блѣдное и довольно полное лицо его не лишено пріятнаго выраженія; даже одинъ Кутузовскій его глазъ, который при томъ смотритъ въ сторону, не безобразитъ великаго славнофила, напротивъ придаетъ его фізіономіи какое-то поэтическое выраженіе, такъ что, когда съ нимъ бесѣдуешь, то кажется, будто лѣвый его глазъ вникаетъ въ современность, а правый устремленъ въ начало тѣхъ вѣковъ, въ которыхъ я долженъ отыскать малороссійскій языкъ“. Съ Бодянскимъ Кулишъ въ два своихъ посѣщенія все время говорилъ по-малороссійски и о малороссійской исторіи.

Изъ Москвы Кулишъ поѣхалъ на свою родину въ мѣстечко Воронежъ (черниговской губерніи), но отъ свиданія съ большимъ и окруженнымъ сомнительнымъ обществомъ отцомъ вынесъ тяжелое впечатлѣніе. Оттуда онъ проѣхалъ къ роднымъ молодой въ Мотроновку.

В. Шенрокъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Къ исторіи освобожденія крестьянъ. Въ 1895 г. была издана въ Кіевѣ брошюра умершаго въ 1889 г. М. В. Юзефовича.— *Нѣсколько словъ объ исторической задачѣ Россіи.* Говоря въ этой брошюрѣ о томъ, что императоръ Николай I не разъ затрагивалъ вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, но лишь конфиденціально, Юзефовичъ продолжаетъ: «объ одной послѣдней его такой попыткѣ я знаю положительно изъ сообщенія Государственнаго Совѣта члену своему Д. Г. Вибикову, въ концѣ сороковыхъ или въ началѣ пятидесятихъ годовъ, точно не помню»... И тутъ же въ подстрочномъ примѣчаніи приводитъ любопытное извѣстіе для исторіи освобожденія крестьянъ. Извѣстіе это, по малоизвѣстности брошюры Юзефовича, мы перепечатаваемъ здѣсь полностью.

«Д. Г. Вибиковъ, получивъ отъ государственнаго совѣта конфиденціальное сообщеніе съ требованіемъ его мнѣнія по предложеннымъ вопросамъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, былъ поставленъ въ затруднительное положеніе, такъ какъ, по его словамъ, не былъ вовсе знакомъ практически съ этимъ дѣломъ. Поэтому онъ, между прочимъ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ, не знаю ли я когонибудь, съ кѣмъ бы я могъ посоветоваться. Я указалъ на бывшаго въ то время полтавскимъ предводителемъ (впослѣдствіи московскаго губернатора) Ивана Васильевича Каиниста, стараго моего пріятеля, всю жизнь мечтавшаго и думавшаго объ освобожденіи крестьянъ. Вибиковъ слышалъ о немъ, какъ о человѣкѣ умномъ, но затруднился, какимъ образомъ вызвать его къ себѣ. Тогда я предложилъ съѣздить

къ нему въ Полтаву и привезти оттуда письменные его отвѣты на предложенные государственнымъ совѣтомъ вопросы. Предложеніе мое охотно было принято, и я съ подлинной бумагой поѣхалъ въ Полтаву. Капнисть принялъ порученіе не только съ готовностью, но съ радостью, такъ какъ ему представлялся неожиданный случай провести свои любимыя идеи чрезъ такое авторитетное лицо, какимъ былъ Бибиковъ. Онъ тотчасъ принялся за дѣло и на другой же день сообщилъ мнѣ написанное введеніе, гдѣ объяснялась въ общихъ чертахъ исторія крестьянскаго закрѣпощенія у насъ вообще и въ Малороссіи въ частности. Потомъ мы бесѣдовали ежедневно о томъ, какъ рѣшить задачу. Я оставался въ Полтавѣ чуть не мѣсяцъ, но Капнисть не прибавилъ къ своему введенію ни строчки. Его идеализмъ встрѣтился на практической почвѣ съ такими затрудненіями, которыя поставили его втупикъ: оказались необходимы разныя подготовительныя мѣры, — школы, и новыя формы суда, и предварительное развитіе у народа понятія о правахъ и налагаемыхъ ими обязанностяхъ, и еще многое такое, безъ чего опасна была бы воля. Однимъ словомъ, я привезъ обратно отрицательный отвѣтъ, съ полнымъ убѣжденіемъ поборника, въ принципѣ, этой реформы, что приступать къ ней еще несвоевременно, такъ какъ она въ своихъ послѣдствіяхъ, при настоящемъ положеніи народа, могла бы принести ему болѣе вреда, нежели пользы. Освобожденіе должно было быть концомъ, а не началомъ этого великаго дѣла. И такъ думали у насъ въ то время всѣ положительныя практическіе умы. Но исторія распорядилась по своему, и дѣло, начатое съ конца, благодаря духовному народному складу, разрѣшилось благополучно, лишь доказавъ еще разъ, что у насъ даже умные люди, смотря въ западно-европейскіе очки, видѣли свою жизнь и свой народъ только снаружи».

Два документа къ исторіи 19 февраля 1861 года. Всѣмъ извѣстны тѣ опасенія, которыми сопровождалась въ правящихъ сферахъ подготовка, а затѣмъ и объявленіе крестьянской реформы. Ожидали чуть-ли не поголовнаго возстанія крестьянъ, чуть-ли не всенароднаго бунта. ¹⁾ Ничего подобнаго, конечно, не случилось.

¹⁾ Г. А. Джамшиевъ. Изъ эпохи великихъ реформъ, 5-е изд., стр. 48 и слѣд.

Два документа, печатаемые ниже, относятся къ этому тревожному времени и находятся между собой въ тѣсной связи, хотя одинъ изъ нихъ предшествовалъ манифесту 19 февраля, другой представляетъ собой распоряженіе мѣстной власти послѣ обнародованія освободительнаго манифеста.

17 февраля 1861 года, когда, значить, крестьянская реформа приходила уже къ концу, разсмотрѣніе ея было почти закончено въ государственномъ совѣтѣ, былъ уже написанъ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ и проектъ манифеста, подписаннаго затѣмъ императоромъ Александромъ II 19 февраля, — канцелярія оберъ-прокурора св. Синода обратилась съ циркулярнымъ письмомъ къ епархіальнымъ архіереямъ, и въ томъ числѣ къ митрополиту кievскому Арсенію, о принятіи мѣръ съ ихъ стороны, чрезъ священниковъ, противъ неправильныхъ толкованій «мысли объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ». «На духовенствѣ, говорится въ этомъ письмѣ, лежитъ священная обязанность, по мѣрѣ силъ своихъ и возможности, оказывать полное и всецѣлое содѣйствіе къ тому, чтобы эта благая мысль, при введеніи въ исполненіе, не была превратно понята и истолкована».

Священники должны были дѣйствовать путемъ увѣщаній, разъясненій, совѣтовъ, не давая своимъ дѣйствіямъ такого вида, какъ будто-бы они особенно назначены были отъ правительства дѣйствовать въ настоящихъ обстоятельствахъ». Причетникамъ было запрещено высказывать своя мнѣнія относительно новыхъ постановленій для крестьянъ. Если-бъ они услышали «между крестьянами толки, неблагопріятные дѣлу и общему спокойствію», то должны объ этомъ доводить до свѣдѣнія священника. «Все указанное здѣсь (т. е. въ циркулярномъ письмѣ) дѣйствованіе приходскаго духовенства — говорится въ заключеніе — должно происходить съ необходимою въ подобномъ случаѣ тихостію и скромностію».

Циркулярное письмо это было разслано всѣмъ приходскимъ священникамъ кievской епархіи.

Второй изъ печатаемыхъ документовъ — циркуляръ управленія кievскаго, подольскаго и волынскаго генераль-губернатора чиновникамъ земской полиціи.

Манифестъ 19 февраля былъ уже обнародованъ, но Положенія какъ общія, такъ и для отдѣльныхъ мѣстностей, не были еще присланы въ достаточномъ количествѣ въ юго-западный край. Циркуляръ

вкратцѣ излагаетъ основы Положеній 19 февраля съ тѣмъ, чтобы чины земской полиціи могли распространять ихъ въ народѣ и разъяснить могущія встрѣтиться до разсылки Положеній недоумѣнія. «При всѣхъ объясненіяхъ вашихъ (т. е. чиновъ полиціи) съ крестьянами, говорилось въ циркулярѣ, вы будете внушать имъ, что они должны непремѣнно молить Бога за государя, даровавшаго имъ права состоянія, но что только честною трудовою жизнію, уваженіемъ и повиновеніемъ установленнымъ властямъ они содѣлаются достойными оказанной имъ государемъ императоромъ милости».

Циркуляръ этотъ былъ разосланъ также всѣмъ священникамъ кievской епархіи, при чемъ, по резолюціи митрополита, имъ рекомендовалось «по возможности строго держаться смысла вышесказаннаго циркуляра, но, для собственной безопасности, выражаться самими терминами онаго, дабы не подать повода къ превратнымъ толкованіямъ ихъ словъ и намѣреній, и чрезъ то избѣжать неприятныхъ для себя послѣдствій».

1. *Циркулярное письмо Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода епархіальнымъ архіереямъ.* Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый государь и архипастырь! Ваше Высокопреосвященство изволило уже знать, что Государь Императоръ, въ отеческой заботливости о благѣ своихъ подданныхъ, въ скоромъ времени намѣренъ привести въ исполненіе мысль объ улучшеніи быта повѣщичьихъ крестьянъ, занимавшую предшествующихъ Императоровъ, по которую, по благимъ судьбамъ Божиимъ, назначено доверить Ему. При этомъ случаѣ на духовенствѣ лежитъ священная обязанность, по мѣрѣ силъ своихъ въ возможности, оказывать полное и всецѣлое содѣйствіе къ тому, чтобы эта благая мысль, при введеніи въ исполненіе, не была превратно понята и истолкована.

1) При введеніи въ дѣйствіе новыхъ постановленій, касающихся цѣлыхъ сословій въ Государствѣ, не рѣдко случается, что оныя не всѣми принимаются съ должнымъ расположеніемъ, чему причиною могутъ быть иногда недоразумѣнія, иногда неправильныя внушенія отъ людей, управляемыхъ своими частными видами, иногда нѣкоторыя дѣйствительныя затрудненія, соединенныя съ новостію дѣла, прежде нежели къ нему приспособились. Подобные случаи могутъ встрѣтяться и при введеніи новаго постановленія объ отношеніи крестьянъ къ помѣщикамъ. Каждый вѣрнопопданный, особенно достигшій

нѣкоторой степени образованности, когда встрѣчается съ случаемъ сего рода, обязанъ, по мѣрѣ возможности, споспѣшествовать прекращенію недоразумѣнія, ослабленію неправильнаго впушенія, уменьшенію и преодолѣнію затрудненій. Въ исполненіи сей общей обязанности, безъ сомнѣнія, должны принять, по мѣрѣ возможности, участіе сельскіе приходскіе священники, по самому служенію своему состоящіе въ близкихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ.

2) Всегдашняя обязанность священниковъ есть, между прочимъ, поучать прихожанъ, чтобы они соблюдали вѣрность къ Государю и повиновеніе начальствамъ, отъ Него постановленнымъ, чтобы неуклонно и добросовѣстно исполняли законныя повинности и платили опредѣленныя подати и паложенныя или условленныя оброки; чтобы, если находятъ себя неправильно отягощенными къмъ-либо, или чѣмъ либо, искали защиты и облегченія, каждый по своей нуждѣ, законнымъ путемъ, не распространяя безпокойства въ обществѣ, и съ терпѣніемъ ожидали отъ начальства подлежащихъ распоряженій и дѣйствій правосудія. Такими наставленіями должны сельскіе приходскіе священники дѣйствовать и въ настоящихъ обстоятельствахъ, какъ въ церковныхъ поученіяхъ, такъ и въ домашнихъ бесѣдахъ, при открывающихся къ тому случаяхъ.

3) Нѣтъ нужды и не должно давать сему дѣйствованію такой видъ, какъ бы священники особенно назначены были отъ Правительства дѣйствителями въ настоящихъ обстоятельствахъ. Они должны исполнять свою обыкновенную обязанность учить прихожанъ сколько благочестію, столько же и добрымъ дѣламъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніи; но ученіе общее должно примѣнять, какъ благоразуміе требуетъ и всегда, къ особеннымъ открывающимся случаямъ и обстоятельствамъ.

4) Должно изъяснить крестьянамъ, что новое о нихъ постановленіе есть плодъ Отческаго о нихъ попеченія Государя Императора, который желаетъ возвысить ихъ благосостояніе, и Его довѣрія къ ихъ благоразумію, что они трудъ, который отнынѣ болѣе прежняго будетъ зависѣть отъ ихъ собственной доброй воли, разсудительно и нелицемерно употреблять для своей и общей пользы. Посему они должны войти въ свое новое положеніе съ благодарностью и съ ревностнымъ желаніемъ оправдать попеченіе и надежду Государя.

5) Худо понятая мысль о свободѣ и неразсудительно преувеличенныя надежды могутъ имѣть послѣдствіемъ то, что нѣкоторые

крестьяне найдутъ свое новое положеніе не столь удовлетворительнымъ, какъ ожидали. Таковымъ надлежитъ изъяснить, что свобода не въ томъ состоитъ, чтобы поступать по неограниченному произволу, при чемъ не могло бы стоять никакое общество, но въ томъ, чтобы избирать и дѣлать добрыя и полезныя дѣла въ предѣлахъ, постановленныхъ закономъ. Когда Государь восхотѣлъ даровать новыя права и льготы, тогда Онъ, внимая закону справедливости и Своей Отеческой любви ко всѣмъ вѣрноподаннымъ, не могъ не позаботиться о томъ, чтобы охранено было благосостояніе помещиковъ.

6) Такія вразумленія и объясненія, когда нужно, священникъ долженъ предлагать прихожанамъ, какъ размышленія и совѣты, которые предлагать побуждаетъ его доброжелательство къ нимъ и попеченіе о ихъ благѣ и спокойствіи.

7) Причетникамъ отъ священника должно быть сдѣлано двоякое вразумленіе: во первыхъ, чтобы они, слыша разсужденія о новыхъ постановленіяхъ для крестьянъ, не вмѣшивались въ оныя изъясненіемъ своихъ мнѣній, такъ какъ по недостаточному пониманію дѣла, они могутъ пристать къ ложнымъ мнѣніямъ другихъ, или другимъ сообщить свои погрѣшительныя мнѣнія, отчего могутъ произойти дурныя послѣдствія; во-вторыхъ, чтобы они, если услышатъ между крестьянами толки, не благоприятныя дѣлу и общему спокойствію, немедленно и вѣрно доводили о томъ до свѣдѣнія Священника.

8) Все указанное здѣсь дѣйствованіе приходского духовенства должно происходить съ необходимою въ подобномъ случаѣ тихостію и скромностію.

Испрашивая святыхъ молитвъ Вашихъ, съ отличнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашего высокопреосвященства милостиваго государя и архиепископа покорнѣйшій слуга Г. А. Толстой.

2. Циркуляръ кіевскаго, поѵольскаго и вольнскаго генералъ-губернатора чиновникамъ земской полиціи, разосланный съ резолюціей митрополита духовенству кіевской епархіи. Высочайшій манифестъ о дарованіи крѣпостнымъ людямъ правъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей уже обнародованъ. — Между тѣмъ слѣдующія къ нему

положенія, какъ общія, такъ и отдѣльныхъ мѣстностей, хотя уже Высочайше утверждены, но не могли быть присланы въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ для того, чтобы можно было, теперь же, передать ихъ для руководства и исполненія во всѣ помѣщичьи имѣнія, что впрочемъ будетъ сдѣлано въ самомъ непродолжительномъ времени, и положенія будутъ доставлены въ двухъ экземплярахъ, одинъ для помѣщиковъ, а другой для крестьянъ.

Поэтому, и имѣя въ виду, что крестьяне нѣкоторыхъ имѣній, по прочтеніи имъ Высочайшаго манифеста, пожелаютъ имѣть болѣе подробное разъясненіе будущихъ отношеній ихъ къ владѣльцамъ имѣній, въ коихъ они водворены, и станутъ обращаться къ вамъ съ вопросами, или, не понявъ хорошо содержанія манифеста, будутъ прерратно толковать опредѣляемыя положенія права ихъ и обязанности, я считаю нужнымъ изложить въ настоящемъ предписаніи, въ главныхъ чертахъ, опредѣленные положенія права и обязанности крестьянъ и дворовыхъ людей, поручая вамъ, впредь до разсылки Высочайше утвержденныхъ положеній, руководствоваться настоящимъ предписаніемъ въ объясненіяхъ вашихъ съ крестьянами, въ случаѣ вопросовъ съ ихъ стороны, или въ случаѣ превратныхъ толковъ о содержаніи манифеста.

На основаніи Высочайше утвержденныхъ положеній, помѣщики обязаны предоставить водвореннымъ на ихъ земляхъ крестьянамъ въ постоянное пользованіе усадебную осѣдлость и настоящія нынѣ въ ихъ пользованіи полевая земля. За пользованіе ихъ усадьбами и землями, крестьяне обязаны отбывать въ пользу помѣщика повинности въ размѣрѣ, подробно опредѣленномъ въ положеніи сообразно качеству и количеству состоящей у каждаго хозяйства земли. Повинности будутъ платиться деньгами (оброкъ), или отбываться работою (барщина); въ послѣднемъ случаѣ отъ крестьянъ будутъ требоваться только пѣшіе мужскіе дни и они не будутъ обязаны отбывать:

- 1) Женскихъ рабочихъ дней;
- 2) Мужскихъ тяглыхъ дней (съ рабочимъ скотомъ), въ томъ числѣ и подводъ;
- 3) Сгонныхъ дней;
- 4) Строительныхъ дней;
- 5) Ночного караула.

Усадебную осѣдлость крестьяне имѣютъ полное право выкупать въ собственность по цѣнѣ, опредѣленной въ положеніи. По добро-

вольному условію съ помѣщикомъ и съ его согласіа, они могутъ по переходѣ на оброкъ выкупить и полевая земли и въ семъ послѣднемъ случаѣ, по Высочайше утвержденному положенію о выкупѣ, Правительство облегчить имъ пріобрѣтеніе земель.

Но даруемыми новыми положеніями, льготами крестьяне не могутъ пользоваться теперь же, ибо для введенія новаго положенія необходимо опредѣлить съ точностью качество и количество находящейся въ пользованіи крестьянъ земли и потомъ съ точностью исчислять причитающіяся за эту землю повинности, для чего каждымъ помѣщикомъ будетъ составлена для его имѣнія уставная грамота, съ подробнымъ въ ней опредѣленіемъ всѣхъ будущихъ хозяйственныхъ отношеній крестьянъ, согласно Высочайше утвержденнымъ правламъ. Грамота эта будетъ повѣрена на мѣстѣ, съ предъявленіемъ крестьянамъ, утверждена и затѣмъ приведена въ дѣйствіе; со введеніемъ въ дѣйствіе уставной грамоты въ каждомъ имѣніи начнется и отбываніе повинностей по новому порядку. Но какъ для исполненія всего этого потребуется время, то на окончательное введеніе въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ назначенъ послѣдній срокъ—двухлѣтній; до введенія уставной грамоты крестьяне должны пользоваться тѣми угодьями, какими пользуются теперь, и отрабатывать ту же барщину, какую работаютъ теперь, съ тѣмъ однако-жъ облегченіемъ, что, вмѣсто 12 сгонныхъ дней съ каждаго способнаго работника, будутъ работать по 8 сгонныхъ дней, съ платою не менѣе 20 коп. въ день.

Въ положеніяхъ крестьянъ даруются права свободныхъ сельскихъ обывателей личныя и по имуществу; они будутъ имѣть свой собственный судъ и расправу; но какъ для того необходимо прежде образовать волости, избрать сельскихъ должностныхъ лицъ и судей, то, до исполненія сего, дабы не могъ нарушиться порядокъ въ отчянахъ, право суда и расправы сохраняетъ помѣщикъ.—Вмѣстѣ съ обнаруженіемъ положенія, крестьянамъ дается право вступать въ бракъ, не испрашивая разрѣшенія помѣщика, и пріобрѣтать въ собственность движимыя и недвижимыя имущества.

Для разбора недоразумѣній, споровъ и жалобъ, могущихъ возникнуть изъ обязательныхъ отношеній между помѣщиками и, водворенными на ихъ земляхъ, крестьянами—будутъ избраны и утверждены Правительствующимъ Сенатомъ мировые посредники, къ которымъ крестьяне и должны обращаться съ своими претензіями. Для разрѣшенія жалобъ на рѣшенія мировыхъ посредниковъ учреждаются въ

каждомъ уѣздѣ уѣздные мировые съѣзды и, наконецъ, Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе, подъ предсѣдательствомъ Гражданскаго Губернатора.

Дворовые люди, со дня изданія положенія, въ теченіи двухъ лѣтъ должны: тѣ, которые служили у помѣщика, служить ему по прежнему, за что помѣщикъ обязанъ одѣвать, кормить, платить за нихъ поdatи и выдавать жалованье, не ниже положеннаго по инвентарнымъ правиламъ; тѣ же, которые были на оброкѣ, платить помѣщику въ теченіи двухъ лѣтъ оброкъ, съ тѣмъ однакожь, чтобы оброкъ этотъ не превышалъ 30 руб. для мужчины и 10 руб. для женщины: но тѣ дворовые, которые платятъ теперь меньше, должны платить теперешній меньшій оброкъ и таковой не можетъ быть увеличенъ.

Въ теченіе двухъ лѣтъ дворовые люди должны оставаться въ полномъ повиновеніи помѣщику, съ тѣмъ однакожь ограниченіемъ, что они могутъ вступать въ бракъ безъ согласія помѣщика, и помѣщикъ въ случаѣ проступковъ, для наказанія будетъ отсылать ихъ въ Полицію и не можетъ, безъ разрѣшенія подлежащаго учрежденія, отдавать ихъ въ исправительныя заведенія и въ распоряженіе Присутельства.

По истеченіи двухъ лѣтъ дворовые люди получаютъ полное освобожденіе.

Изъ вышензложеннаго ясно выказывается Всемилоствѣйшая заботливость о сохраненіи, при введеніи реформы, пользы помѣщиковъ и крестьянъ. Для помѣщиковъ установленіемъ двухлѣтней обязательной службы дворовыхъ людей и опредѣленіемъ срока для постепеннаго введенія въ дѣйствіе новыхъ положеній устраняется опасеніе разстройства ихъ хозяйствъ; крестьянамъ даруются теперь же нѣкоторыя льготы и личныя права и тѣмъ облегчается имъ ожиданіе болѣе существенныхъ льготъ, которыми начнутъ пользоваться: крестьяне по введеніи въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ, а дворовые люди черезъ два года со дня изданія положенія. Наконецъ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ о выкупѣ помѣщикамъ и крестьянамъ облегчается возможность достигнуть прекращенія обязательныхъ отношеній и крестьянамъ сдѣлаться собственниками земель.

При всѣхъ объясненіяхъ вашихъ съ крестьянами вы будете внушать имъ, что они должны непрестанно молить Бога за Государя, даровавшаго имъ права состоянія, но что только честною трудовою

жизнію, уваженіємъ и повиновеніємъ установленнымъ властямъ они содѣляются достойными оказанной имъ Государемъ Императоромъ милости.

На отношеніи Г. Генераль-Губернатора, при коемъ препровождено было сіе циркулярное предписаніе Земскимъ Чиновникамъ, резолюція Его Высокопреосвященства состоялась слѣдующая: приложенный при семъ циркуляръ въ точныхъ копіяхъ разослать немедленно къ Благочиннымъ, для раздачи подвѣдомымъ имъ Священникамъ, съ оставленіемъ по одному экземпляру у себя, съ тѣмъ, чтобы они какъ сами, такъ и состоящіе въ ихъ вѣдомствѣ Священники, принявъ оный къ своему свѣдѣнію и соображенію, и въ частныхъ разговорахъ съ своими прихожанами и даже посторонними лицами, и еще болѣе въ своихъ наставленіяхъ, увѣщаніяхъ и объясненіяхъ прихожанамъ, по дѣлу Высочайше дарованныхъ имъ правъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей, старались, по возможности, не только строго держаться смысла вышеупомянутаго циркуляра, но для своей безопасности, и выражаться самыми терминами онаго, дабы не подать повода къ превратнымъ толкованіямъ ихъ словъ и намѣреній, и чрезъ то избѣгать неурядицъ для себя послѣдствій.

Подольская пѣсня о панщинѣ. Дѣтъ десять тому назадъ прислалъ намъ, въ даръ, недавно умершій М. Т. Симоновъ (да будемъ ему земля перомъ) связку разной бумажной старины. Въ этой связкѣ, между прочимъ, находилась тетрадь въ листь, наполненная разнаго рода произведеніями искусственной и народной малорусской литературы. Тутъ есть: колядки, переводъ комедіи Мольера *Le medecin malgré lui*, „Палій, драматични сцены“ (неизвѣстнаго автора), переводъ «Вія», Гоголя, „Характерникъ“, сцены для театра, переводъ „Генриха IV“, часть II и разная мелочь. На тетради рукою Матвѣя Терентьевича надписано: „Все это труды Вита Андреевича К—ва, помѣщика с. Гулай-Поля, на р. Гайчурѣ, Александровскаго уѣзда. Я получалъ рукопись отъ самаго К—ва, въ 1865 году“. Въ числѣ мелочей, въ этой тетради записаны и двѣ „пѣсни“ о панщинѣ. Поминая нынѣ сорвалаѣтне освобожденія крестьянъ отъ этой „панщины“, вспомнились и эти пѣсни. Одна изъ нихъ начинается такъ:

Не дывуйте, добри люде, що мужыкъ гуляе,
 Винъ господарь зъ ласки Бога и пань его знае.
 Маю плуга, маю рало и все що лотрибно.
 Заграйте жъ мени зъ горя шумкы, тилько дуже дрибно.
 Натягнувся жъ я косою, намахався ципомъ,
 Прыгнавъ же я зъ лиса волю, якъ ще передъ свитомъ.
 Теперь мене запросылы кумъ на честь до себе,
 Грай же мени хорошенько, колы прошу тебе!
 Теперь же я не боюся ни пана, ни вѣйта,
 Оддавъ свою рокищину, ще й одробывъ квита ¹⁾
 Въ мене жинка госпожня и дитки хороши.
 Заказнице встаеъ рано, ходить пидъ виконцемъ,
 Загадуе на панщиву передъ сходомъ сонця,
 А полевій не вважаеъ на снасть, на худобу,
 Беруть хлопа зъ оконмомъ, сыплють ему бобу.
 Хочъ насъ паны бьють у-шкуру, то не справедливо:
 Якъ бы жъ мужыбывъ не було, щобъ паны робылы?—

И т. д.

Далѣе не продолжаемъ, находя, что это не пѣсня народная, а сочиненіе какого нибудь книжника, близко стоявшаго къ Подольскому крестьянину. — Другую пѣсню помѣщаемъ вполнѣ; повидимому, это произведеніе народа. Подобнаго склада пѣсни извѣстны были и въ лѣвобережной Малороссіи ²⁾.

Ой, судома, пане-брате,
 Судома, судома!
 Нема въ мене снопка жыта
 Ни въ поли, ни дома.

Було въ мене, пане-брате,
 Жыто, да й зелене,
 Найихалы вражы паны
 Забралы у мене.

¹⁾ Мае квитокъ, що й на булуци дня одробывъ панщину. *Примѣч. записывавшаго.*

²⁾ См. Кіевск Стар. 1899 г., апрѣль, стр. 6.

Якъ пишовъ же я до пана
 Поминатысь платы,
 То винъ мене набывъ добре,
 Да ще й выпхавъ зъ хаты.

А якъ стали полиськіи
 Панкы завздыты,
 Такъ же стали наши люде
 Панщыну робыты.

Ходывъ же я въ понедилокъ,
 Ходывъ у вивторокъ:
 А вже жъ мени показалось,
 Що вже недиль сорокъ.

А въ недилю пораненько
 У вси дзвоны дзвонять,—
 Отаманы зъ козакамы
 На панщыну гоняты.

„Зъ ципомъ, зъ ципомъ, вражый сыну,
 Зъ ципомъ—молотыты,—
 Бо якъ прыйдешъ до вынису,
 То ще будешъ бытый.

„Сыны зъ ципомъ, сыны зъ ципомъ,
 А батько зъ косою,
 Стара маты жъ—на данъ жаты
 Рано и зъ дочкою.

„Ярынны по пивторы ¹⁾
 А озими—копу“.
 Треба добре увыхатысь
 Хочь яному хлопцу.

¹⁾ Пивторы копы.

Парови ¹⁾, поедынкы ²⁾
 Высоко ся носять:
 Якъ свято, або недѣля,
 То сыровецъ возять ³⁾.

А пишии неборакы
 Хаты замиталы;
 Якъ свято або недѣли,
 Зъ хативъ повтикалы ⁴⁾

А ти же то отаманы
 Мають въ пана ласку:
 Зъ чоловика берутъ штаны,
 А зъ жинкы запаску.

А якъ би жъ ти пиши люде
 Горилкы не пылы,
 То бъ идучы зъ винокурни
 По лисахъ ходылы.

По всіхъ горахъ витерь вые,
 А въ долини тыхо,
 По всіхъ селахъ нема добра,
 И въ насъ таке жъ лыхо.

Ой у насъ же лыхо, лыхо,
 Да ще й трохи гáраздъ:
 Якъ не выйдешъ на панщину
 Протягають заразъ.

¹⁾ Що мають 6 паръ воливъ

²⁾ Одну пару воливъ мають.

³⁾ У виннецю, щобъ мати будень для себе, одробившы панщину въ свято або въ недѣлю.

⁴⁾ Щобъ на панщину не в'гнали. (Тамъ пивецъ додавъ, чого я не тямивъ).

Еденъ бере за головку,
 А другій за нижку,
 Третій же то стоить зъ боку
 Да маеть три ризки.

Въ концѣ пѣсенъ имѣется такое примѣчаніе: «Плавни. 1862 року, лицевъ. Си два пьсьни про паящину занесены у Плавни зъ подольской губерніи. Записаль С. Козубенька» ¹⁾.

Озеро Свитязъ и народныя преданія о немъ. Огромное и глубокое озеро Свитязъ ²⁾ находится въ сѣверо-западномъ углу Владиміръ-Волинскаго уѣзда, близъ границы губерній Люблинской, Сѣдлецкой, Гродненской и Волинской. Длина его достигаетъ 8¹/₂ верстъ, ширина—до 6-ти верстъ. Вокругъ него, довольно въ далекомъ разстояніи, находится цѣлая группа другихъ озеръ, меньшихъ размѣровъ: на сѣверо-западѣ озера—Пулемецкое, Островское, Клямовское и Черное; на сѣверѣ: озера—Луки (Перемуть) и Песочно; на сѣверо-востокѣ: озера—Крымно, Соменецъ, Карасинецъ, Плотичье; на востокѣ: озера—Накрапье, Пьявочное, Долгое, Круглое, Черное, Люце-мѣръ; на югѣ—озеро Лановецъ. Многія изъ перечисленныхъ озеръ связаны съ болотами; глубина ихъ б. ч. незначительная. Среди этой группы озеръ Свитязъ отличается какъ своими размѣрами и глубиною, такъ и особенными свойствами своей воды. На юго-западѣ Свитязъ образуетъ довольно мелкій заливъ Бужно, на юго-востокѣ—извилистый и глубокой заливъ Лука. На сѣверо-западномъ берегу Свитязя расположено довольно значительное селеніе Пульмо (въ немъ въ 1898 году по «Списку насел. пунктовъ» Волин. статист. комитета числилось 205 дворовъ и 1703 чел. жителей,—795 мужч. и 908 женщ.), гдѣ находится волостное правленіе; на южномъ берегу—еще большее село Свитязъ (400 дворовъ и 2041 чел. жителей,—889 мужч. и 1152 женщ.). Берега озера Свитязя б. ч. невысоки; только

¹⁾ Что такое *Плавни* (дѣйтровскія) см. въ журн. «Русское Судоходство» 1887 г. № 13—19

²⁾ Въ настоящее время принадлежит М. И. Драгомирову.

на западномъ берегу, сѣвернѣе залива Бужно, находится песчаная «Татарская гора» (абсол. высота 78,9 саж., относит. высота надъ уровнемъ озера около 4 саж.), а на восточномъ берегу, саженьхъ въ 200 отъ озера, безъимянная песчаная гора съ абсол. высотой 81,8 саж. (относит. высота надъ уровнемъ озера около 7 саж.).

Въ 1900 г. мною произведено подробное лимнологическое изслѣдованіе озера Святиязи. Изслѣдованіе это показало, что озеро Святиязь, имционирующее своей огромной величиной и мощной массой своей воды, замѣчательно и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Берега его и дно сложены изъ бѣлаго мѣла, прикрытаго песчаными ледниковыми отложеніями. На югѣ и западѣ отъ озера пески слоистые, безвалунные; на сѣверѣ и востокѣ они содержатъ валуны (частью—пирамидальные валуны), иногда огромныхъ размѣровъ; громадные валуны лежатъ также полосой на днѣ Святиязи, у восточнаго его берега, достигая болѣе сажени въ діаметрѣ. Лѣса вокругъ Святиязи вырублены; они сохранились болѣе или менѣе лишь на сѣверо-восточной и юго-западной его сторонахъ. «Татарская» гора представляетъ обнаженный холмъ, интенсивно развѣваемый вѣтромъ; по преданію, она была въ старину гораздо выше; при преобладающихъ здѣсь западныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтрахъ цѣлыя тучи несу съ этой горы несутся въ озеро, особенно въ заливъ Бужно, сильно засоренный пескомъ и потому мелководный. Вода въ Святиязѣ замѣчательно чистая, свѣтлая и прозрачная, и въ этомъ отношеніи рѣзко отличается отъ воды всѣхъ остальныхъ сосѣднихъ озеръ, что замѣчено и мѣстными жителями. Въ тихую погоду озеро имѣетъ интенсивно-синій цвѣтъ; въ бурю оно дѣлается чернымъ, а мелководныя прибрежныя полосы—грязнозелеными отъ взмучиваемаго песка. Въ мелкихъ мѣстахъ на днѣ озера растетъ много водяныхъ растений («зелья») и камыша. Изслѣдованіе воды по способу Секки показало, что она обладаетъ значительной степенью прозрачности, которая, по словамъ мѣстныхъ рыбаковъ, еще увеличивается зимою, такъ что можно видѣть мелкіе предметы на глубинѣ 5 и болѣе сажень. Волненіе на озерѣ Святиязѣ представляетъ величественную картину: волны въ видѣ валовъ, съ пѣнвыми бѣлыми гребнями («зайчиками»), достигаютъ вышины $1\frac{1}{2}$ и болѣе аршина и съ ревомъ обрушиваются на берегъ, напоминая бурю на морѣ. Волненіе чаще всего бываетъ при западномъ вѣтрѣ (съ Татарской горы) и длится не менѣе недѣли; мѣстные жители говорятъ, что предъ волненіемъ «Татарская гора гуде». Въ озерѣ ловится огромное

количество рыбы; невода достигаютъ въ длину до 1000 сажень и вѣсятъ (въ намокшемъ состояніи) до 400 пудовъ; большія лодки рыбаковъ имѣютъ въ длину 14 аршинъ, въ ширину $3\frac{1}{4}$ аршина (по срединѣ) и поднимаютъ до 600 пудовъ; всѣ лодки плоскодонныя. Слѣдовъ усыхания на озерѣ незамѣтно,—даже напротивъ, оно становится все многоводнѣе и начало недавно затоплять свои берега (въ селѣ Свѣтязѣ дошло уже до фундамента церкви), такъ что въ 1887 году мѣстными крестьянами, по собственной ихъ инициативѣ (съ разрѣшенія администраціи), прорытъ былъ каналъ, сообщающій оз. Свѣтязь (на сѣверѣ) съ оз. Перемуть. На работу вышелъ *полоовно* всѣ крестьяне 3 селеній и проконали каналъ (длиною около 3 верстъ, шириною внизу $4\frac{1}{2}$ арш., глубиною болѣе $1\frac{3}{4}$ сажени) *въ одну ночь*; такая торопливость вызвана была опасеніемъ сопротивленія со стороны крестьянъ сосѣдней волости, по землямъ которыхъ частью прошелъ каналъ, и со стороны арендатора озера, боявшагося ухода рыбы изъ Свѣтязя въ Перемуть. Послѣ открытія канала вода съ ревомъ устремилась въ оз. Перемуть и уровень ея въ Свѣтязѣ понизился болѣе чѣмъ на $1\frac{1}{2}$ сажени (что хорошо замѣтно нынѣ въ селѣ Свѣтязѣ, у церкви). Каналъ существуетъ и въ настоящее время; по моимъ измѣреніямъ, черезъ него уходитъ изъ озера Свѣтязя 923 тысяча ведеръ воды въ сутки. Этотъ каналъ—единственный истокъ озера; притокъ у него нѣтъ и тѣмъ не менѣе уровень его не понижается, даже и въ засушливые годы. Глубина озера весьма неравнобѣрна; на днѣ его есть «горы» и «ущелья»; болѣе замѣчательныя „горы“ носятъ названія «Скитская гора» (наменьшая глубина $2\frac{1}{2}$ метра=3,6 арш.), «Куцкая» (глуб. 7 м.=10 арш.), «Тучная» (глуб. 2 м.=2,8 арш.), «Жищеная» (глуб. 3 м.= $4\frac{1}{3}$), «средняя» (глуб. 1,3 м.=1,8 арш.), «Герешева» (глуб. 2,55 м.=3,37 арш.), «Грицены» (глуб. 3 м.= $4\frac{1}{2}$ арш.) и «Черевницкая» (глуб. 3 м.= $4\frac{1}{3}$ арш.). Изъ «ущелій» или впадинъ съ очень крутыя склонами (понижающимися «залпомъ», по выраженію рыбаковъ) самая замѣчательная воронкообразная впадина находится къ с.-с.-з. отъ острова; по моему измѣренію глубина здѣсь достигаетъ 27 сажень или $56\frac{1}{4}$ метровъ, но нѣтъ сомнѣнія, что глубина этой воронки больше (вслѣдствіе сильнаго волненія и не могъ стать на якорѣ и разыскать точки наибольшей глубины, которая, по согласному показанію мѣстныхъ рыбаковъ, значительно превосходитъ 30 сажень). Температура воды на этой глубинѣ 9° Ц. (на поверхности озера въ моментъ измѣренія 22° Ц.).

Посреди озера Свитязя находится небольшой песчаный островокъ, поросшій деревьями; на немъ—развалины какой-то хаты, разрушившейся въ незапамятныя (но во всякомъ случаѣ—историческія) времена; вокругъ островка—мель, густо заросшая высокимъ камышомъ. Никакихъ остатковъ доисторическаго человѣка ни на островкѣ, ни на меляхъ вокругъ него (подробно мною обследованныхъ), ни на выше «горахъ» (гдѣ могли существовать свайныя постройки), ни на берегахъ озера Свитязя—нѣтъ; ¹⁾ по разспросамъ, здѣсь нигдѣ не находили каменныхъ орудій; однажды лишь вытащили неведомъ рога оленя (болѣе сажени въ поперечникѣ) и огромный черепъ неизвѣстнаго звѣря (судя по разсказамъ,—мамонта), но эти находки, какъ ненужныя, брошены въ озеро.

Подробное изслѣдованіе озера Свитязя (которое будетъ опубликовано съ батиметрической картой въ журналѣ «Землевѣдѣніе», издаваемомъ Москов. Обществомъ Любит. Естествознанія, Антроп. и Этногр.) привело меня къ убѣжденію, что озеро это по своему происхожденію—очень оригинальное; оно образовано не ледниковой эрозіей и не эвразіей (какъ это принимаютъ для большинства озеръ сѣверо-германской озерной полосы), оно не принадлежитъ ни къ „Stauseen“, ни къ «Rippenseen» германскихъ геологовъ, хотя и находится у конечной морены великаго ледника. Въ образованіи его принималъ участіе и ледникъ (I-ой ледниковой эпохи), но первоначально и на первомъ планѣ оно обязано своимъ происхожденіемъ могучимъ ключамъ подмѣловой артезіанской воды, прорывающимся и нынѣ въ двухъ воронкообразныхъ впадинахъ на днѣ озера и въ одномъ мѣстѣ на зап. берегу залива Бужно. Эти могучіе ключи (самобытныя артезіанскіе ключи) питаютъ озеро, покрываютъ расходъ воды въ вышеупомянутомъ каналѣ (923 тысячи ведеръ воды въ сутки или коло 337 милліоновъ ведеръ въ годъ) и тождественны съ описанными мною въ 1899 году „Полѣскими окнами“ Луцкаго уѣзда; ²⁾ подобно послѣднимъ, образованіе ихъ находится въ связи съ крупными тектоническими перемѣщеніями въ земной корѣ (съ такъ наз. Мани-

¹⁾ На Татарской горѣ и на высокой горѣ восточнаго берега Свитязя мною собрано въ песокъ значительное количество черепковъ глиняной посуды, повидимому, очень древней.

²⁾ *И. Тутковскій*. Полѣсскія «окна», —Землевѣденіе 1899 г., кн. IV, стр. 29—82.

шлякско-Сандомирской дисловацей). Подобные ключи, какъ оказывается, играютъ значительную роль въ гидрологіи Полѣсья, еще очень мало изученной, несмотря на пресловутыя обширныя работы экспедиціи ген. Жилинскенго.

Во время моихъ изслѣдованій на озерѣ Свитязѣ я собралъ нѣсколько народныхъ преданій, относящихся къ озеру; преданія эти приводятся здѣсь въ томъ видѣ, какъ они записаны мною со словъ мѣстныхъ крестьянъ ¹⁾ (здѣшніе крестьяне говорятъ на довольно чистомъ малорусскомъ языкѣ и по одеждѣ непохожи на полѣшуконъ-бѣлоруссовъ).

П. Т.

1. Преданіе и происхожденіи озера Свитязя.

Паслы пастухы быдло на лузи. Йшовъ дидь (а це бувъ Богъ), и на ёго почавъ собака брехаты. Меньшы пастушкы почалы нацюкуваты, а бильші почалы одганяты. Винъ на тѣи меньши каже: вы йдите за мною. И завивъ ихъ до камня велького и каже: пидіймайте того камня. Воны почалы пидійматы,—кажуть, що не можна. А винъ каже: а я пидійму. Взавъ—кіемъ заважывъ, и почала вода йты зъ пидъ того камня и стало озеро (Свитязя),—тѣи малыи потопылыся. А на бильшыхъ хлопци та дивчыну каже: и вы йдите за мною, тилько не оглядайтесь. Воны йшли, шли, та не втерпили—оглянулись,—на тимъ мѣсти взявся островъ, а воны стали яворъ та лына на острови. Того явора якъ зарижуть, то кровь йде; и лына такъ само.

2. Преданіе о кладѣ водяного.

Поставывъ мужыкъ нову хату въ Пульми. И полягають спаты у хати, а попробуджуются на двори: хтось ихъ выносыть зъ хаты. Оце разъ прыйшовъ до нихъ поводырь зъ ведмедемъ, ставъ просытьса на ничъ. Хазяинъ каже: у насъ не можна ночуваты, бо у насъ неспокой такъ, каже, якъ мы полягаемо спаты въ хати, а попробуджуемоса на дворв. Тоди винъ каже: йды до ковала, зроби скобля и прывья-

¹⁾ Еще въ 1899 году, во время перваго посѣщенія Свитязя, ямщикъ (изъ с. Шацка) рассказалъ мнѣ преданіе о происхожденіи озера Свитязя, вполне сходное съ легендой, положенной въ основу извѣстной поэмы Мицкевича «Switez»; въ сожалѣнію, тогда это преданіе не было мною записано.

жемо ведмеда коло дверы. Того ведмеда привъязали до дверы и полаглы спаты. Ажъ въ ночи той, що ихъ выносивъ зъ хаты, прыйшовъ—тай полотывсь на того ведмеда; вони почали боротыся. А новодыръ каже до хазяина: чы ты чуешъ, що тамъ робытся? Той каже: чую. Боролыся вони довго. Ажъ засчивали пивни—и винъ зибрався, пивовъ. Писля зайихавъ мужыкъ на озеро, на Святиязь по рыбу. Хтось ёму зъ воды каже: Грыцю, а злапавъ добру кыцю? (намекъ на медвѣдя).—Злапавъ, каже, але отъ рыбъ наловлю и другую таку куплю. Винъ каже: буде зъ тебе и теп. Не жалуй, каже, що ты хату новую поставывъ; розверны хату и розберы ничъ; тамъ нидъ ничью е така, каже, сума (сумма), що буде и тоби и дитямъ твоимъ. (А це богатый чоловикъ утопывся въ Святиязи и ходывъ довидуваться до своихъ грошей, ёму жалько було сумы). Мужыкъ розвернувъ хату и взявъ грошы.

3. *Преданіе о заколдованныхъ деньгахъ.*

На Татарській гори йшло тры мужыкы зъ лыбами и дывлются—щось таке блыщыть. Йиденъ забрався—побигъ, а тѣи забачылы—и соби. Колч-бъ бувъ йиденъ бигъ, то може-бъ вони булы на мисци лежали (а то гроши зъ-нидъ земли выйшлы пересушуваться). Вони якъ зачалу вси бигты—и тѣи гроши поховалыся. И якъ зачалу гребты нисокъ, выгреблы 6 рублей.

4. *Еще преданіе о заколдованныхъ деньгахъ.*

Мужыкъ зайихавъ жыто жаты и коло ёго дивчына мала ходыла. Вона зайде надъ озеромъ, набере грошей-червонцивъ, та й каже: тату, у мене е хороши черепкы. А винъ каже: ну тебез, зъ твоими черепками! Вона ще другой разъ каже: тату, у мене е хороши черепкы. Винъ каже до неи: но, покажы. Вона показала—а то грошы. Ну, каже, заведы мене, де вони. Дивчына ёго завела до озера. Дывытся винъ—плавае на Святиязи скрынъка, повна червонцивъ. Якъ хтивъ винъ протатты руку, набраты тыхъ грошей,—скрынъка сама зачынылася та й поплыла на озеро.

5. *Вариантъ предыдущаго преданія.*

Разъ коло Луку (заливъ) хлопцы пѣсла гусы, але бачуть—щось плыве, кишь не кишь (корзина для перевозки живой рыбы), скрынъка—

не скрива. Ажъ підпливає бляжче—а то залізний котель а въ нѣму сяють червонци. Хлопци підійшли, нагорнули въ зацилъ и пійшли до-дому. Якъ побачили батько и маты, що це гроши, такъ и побігли до озера зъ цихою (большой мѣшокъ). Але якъ протягли руки, щобъ нагорнуты гроши,—якъ хлясне вичко, такъ и поотбывало руки. А котель заразъ пурнувъ у воду. Тыхъ грошей никто не посонкае (не воспользуется).

6. *Преданіе о холерѣ.*

Колысь бувъ страшный помѣрокъ на людей и на скотыву. Але разъ до йидного мужыка приходить въ вечери нобы пани и просытса на ничъ. Мужыкъ довго не змагався—и позволилъ переночуваты. На другій день пани просытъ, щобъ перевизъ іи черезъ озеро. И якъ йихалы, зирвалась шура, побыло човна, и цяя пани насылу вхопылась на плечы парубкови. А винъ бувъ здоровый и доплывъ до другого берега. Вона тоды каже: вже до страшного суду я не буду въ Свитязи. Якъ сказала—мыгнула якъ блискавка—и не стало. (У жителей села Свитязи есть повѣрье, что холеры у нихъ никогда не будетъ).

7. *Преданіе о колоколь.*

Ловылы два мужыкы неведомъ рыбу коло острова. И выдобулы неведомъ щось важкѣ. Дывлются—а то дзвинъ великый. Давай, каже йиденъ, отдамо до церкви. Ни, каже другый, мерщій занеземъ до кѣрчмы та проньемо. Якъ сказавъ винъ про кѣрчму, дзвинъ забравсь и пишовъ самъ назадъ въ озеро. Тилько ёго и бачылы.

8. *Варіантъ того же преданія.*

А ще за старо вытягли неведомъ дзвона и постановылы ёго на леду и стали радытсь, що зъ нымъ зробиты. Рыбакы порадылы раду и кажутъ: подаруймо ёго до церкви. А жыдъ—рендаторъ не хтивъ даромъ виддаты до церкви, а хтивъ продаты. И якъ мицно засварылысь—якъ лясне лидъ! И дзвинъ пишовъ на дно. Съ теи поры ни разу вже не бачылы, тилько чуты бувае, якъ щось гудѣ пидъ водою.

9. *Преданіе о сомѣ.*

Сомѣ бувають въ Свитязи безъ кинца, безъ миры. Разъ якъ поивъ мужыкъ волю на шнурци, сомъ схопывъ ёго за ногу; але волю якъ рванулысь до берега—и вытягли мужыка и зъ сомомъ.

Къ исторіи женскаго образованія въ Кіевской губ. (*Архивная справка*) ¹⁾. Въ м. Златополѣ Кіевской губ. уже въ 30-тыхъ годахъ истекающаго столѣтія обстоятельства благопріятствовали открытію средняго учебнаго заведенія, какъ мужскаго, такъ и женскаго.

Въ 1830 г. учрежденъ былъ иностранцемъ людвигомъ Вильетти частный мужскій пансіонъ, состоявшій изъ нѣтъ классовъ и подготовлявшій учениковъ къ поступленію не только въ Гимназіи, но и въ высшія учебныя заведенія. Въ 1836 г., благодаря щедрому пожертвованію владѣльцевъ м. Златополя Лопухиныхъ, Петра и Адріана Федоровичей, было учреждено тамъ Уѣздное Дворянское училище, и всѣ воспитанники пансіона Вильетти составили пріготовительный и три основныя класса этого училища, продолжая жить въ Вильетти, который назначенъ былъ учителемъ французскаго яз. у училищъ.

Въ архивѣ Златопольской гимназіи сохранились кое-какіе слѣды существованія въ м. Златополѣ и женскихъ пансіоновъ. Такъ, въ самый годъ открытія Уѣзд. Двор. училища штатному смотрителю его пришлось исполнять распоряженіе Попечителя Округа о закрытіи женскаго пансіона маіорши Данилевской, которая, задолжавши 396 р. помѣщику Нечаю, представившему при жалобѣ своей росписку маіорши на эту сумму, не могли, очевидно, справиться съ матеріальными затрудненіями.

Въ то же самое время французская подданная Елисавета Перрмондъ ходатайствовала о дозволеніи ей открыть женскій пансіонъ въ м. Златополѣ, но представленный ею планъ, какъ не соотвѣтствующій

¹⁾ Назначенный въ 1886 г. инспекторомъ Златопольской Гимназіи накануне празднованія ея 50-тилѣтія своего существованія—сначала въ видѣ уѣзднаго Дворянскаго училища, и затѣмъ Прогимназіи,—я съ особымъ удовольствіемъ занялся, согласно порученію Педагогическаго Совѣта, составленіемъ Исторической записки, при чемъ использовалъ весь имѣвшійся въ архивѣ матеріалъ. А матеріалъ этотъ представлялъ значительный интересъ для мѣстной исторіи. Къ сожалѣнію, при напечатанной въ іюлѣ 1887 г. моей «Исторической запискѣ», по независимымъ отъ меня обстоятельствамъ, не было напечатано самое цѣнное и обширное приложение къ ней—свѣдѣнія о служившихъ въ заведеніи лицахъ, свѣдѣнія, тщательно мною собранныя главнымъ образомъ изъ архивныхъ данныхъ, частію же по воспоминаніямъ мѣстныхъ старожилловъ. Надо думать, что современемъ Гимназія найдетъ средства для напечатанія и этого приложения.

Въ училищномъ архивѣ сохранились кое-какія свѣдѣнія и о женскихъ пансіонахъ, которые были подчинены училищному начальству. Эти-то свѣдѣнія я и сообщаю въ настоящей «справкѣ».

щій § 309 Устава 1828 г., не былъ утвержденъ. Только въ декабрѣ 1837 г. г-жа Перримондъ, принявъ русскою подданство, получила свидѣтельство на право обученія въ частныхъ домахъ чтенію и письму на французскомъ яз., а къ тому времени послѣдовало и разрѣшеніе г. Маяистра Нар. Пр. открыть ей въ м. Златополѣ женскій пансіонъ на степенн Гимназіи. Пансіонъ, по плану, состоялъ изъ трехъ классовъ съ двухгодичнымъ курсомъ въ каждомъ, и съ преподаваніемъ, кромѣ русскаго, французскаго и нѣмецкаго, еще и языка польскаго. Плата отъ полныхъ пансіонерокъ предположена въ 600 р. (безъ танцевъ и музыки) и отъ полупансіонерокъ 300 р.

Одновременно съ г-жей Перримондъ хлопотала о разрѣшеніи открыть въ м. Златополѣ «училище для дѣвицъ средняго состоянія» и капитанша Настасія Никифоровна Протокинская. При прошеніи своемъ къ директору училищъ кіевской губ. она приложила свидѣтельство предводителя дворянства Чигиринскаго уѣзда о знаніи ею русскаго яз. и рукодѣльи и способности ея обучать имъ дѣтей. Но директоръ увѣдомилъ просительницу, что представленная ею программа училища «не сообразна съ законными требованіями относительно частныхъ учебныхъ заведеній»,—а свидѣтельство предводителя дворянства не даетъ ей права на преподаваніе.

Тогда она подала прошеніе штатному смотрителю училища о допущеніи ея къ испытанію, которому и подвергалась въ училищѣ и получила свидѣтельство о достаточныхъ показаніяхъ въ русскомъ яз. и арифметикѣ. Свидѣтельство это признано было однако не достаточнымъ и за выдачу его сдѣлано было смотрителю замѣчаніе съ предписаніемъ послать о произведенномъ испытаніи условленный протоколъ, подписанный всѣми членами Педагогическаго Совѣта. Смотритель оправдывался тѣмъ, что при училищѣ вѣтъ «Положенія о домашнихъ наставникахъ и учителяхъ», Высочайше утвержденнаго 1 іюля 1834 г., и просилъ прислать такового. Одинъ экземпляръ этого «Положенія» и былъ присланъ изъ дирекціи, но—на французскомъ яз. Видно, что Протокинской такъ и не удалось открыть «училища для дѣвицъ средняго состоянія». Пансіонъ же г-жи Перримондъ уже въ первый годъ своего существованія имѣлъ 32 учащихся, въ томъ числѣ 27 дворянокъ и 5 дѣвицъ купческаго званія. Кромѣ учителей Уѣзд. Дворян. училища, въ пансіонѣ преподавали: сама содержательница—французскій яз., а иностранецъ Маркъ Бенисъ—нѣмецкій яз.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1838 г. учащихся въ пансіонѣ было 39. Но въ слѣдующемъ 1839 г. г-жа Перримондъ умерла, и пансіонъ былъ закрытъ. Только въ іюлѣ 1850 г. возникаетъ новый женскій пансіонъ уже на степенни уѣзднаго училища. Открыла его жена коллежскаго ассессора Анна Велькоборская съ платою по 172 р. въ годъ. Въ первый годъ существованія этого пансіона учащихся въ немъ было 37, но затѣмъ въ 1852 г. ихъ было уже 60, въ томъ числѣ православныхъ 39, католиковъ 17 и лютерановъ 4, а въ 1855 г. учащихся 64. Но и этотъ пансіонъ просуществовалъ не долго: 29 октября 1856 г. Велькоборская умерла, надзоръ за воспитанницами и содержаніе ихъ до времени отъѣзда ихъ въ дома родителей поручено было классной дамѣ Александрѣ Константиновнѣ Тархановой, и затѣмъ пансіонъ былъ оффиціально закрытъ въ декабрѣ. Пыталась затѣмъ учредить въ м. Златополь женскій пансіонъ, но неудачно, нѣкая Александра Овнсимовна (фонъ) Парфиновичъ, пѣе Кадушкина, дочь отставнаго подпоручика, жена австрійско-подданнаго. Начала она свою педагогическую дѣятельность съ доноса, подавши 7-го октября 1858 г. штатному Смотрителю училища жалобу, что-де «она съ разрѣшенія г. Министра Нар. Пров. прибыла въ м. Златополь для открытія пансіона, и на проѣздъ и усмиреніе понесла большіе расходы», а ученицъ имѣтъ «по тому случаю, какъ я нынѣ узнала, что въ с. Водяной Звенигородскаго уѣзда открытъ помѣщицей Каминскою пансіонъ, на что она не имѣетъ вовсе права». Возникла переписка, становой приставъ провозводилъ дознаніе, по которому оказалось, что у помѣщицы Каминской имѣется пять дочерей и двѣ племянницы, которыя и учатся вмѣстѣ дома. Тѣмъ же не менѣе 23 августа 1859 г. назначено было открытіе пансіона г-жи Парфиновичъ (пѣе Кадушкиной) въ трехъ классовъ, но, видно, ученицъ этотъ пансіонъ на привлекъ: въ декабрѣ 1861 г. въ немъ было 13 полныхъ и 3 полупансіонерки, а больше свѣдѣній о немъ въ «дѣлахъ» и не имѣется.

А. А.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Вертопрахъ въ костелъ.* Въ 1837 году, въ день празднованія Божьяго тѣла, въ Голованевскѣ, какъ донесъ засѣдатель Балтскому Земскому суду, въ костелъ «среди литургіи и пѣніи священства явился помѣщичій сынъ

селенія Катеринки, Владиміръ Д., съ усами, подбородкомъ подшею и бородою шпанкою, который въ странномъ костюмѣ сѣмъ во мѣсто колѣнопреклоненія и благовѣнія при поднесеніи священникомъ чаши, въ видѣ вертопраха обращался какъ на коловраткѣ, и, измѣняя съ минуты на минуту позыцію свою, наконецъ раздѣлся и шинель свою, спитую заграничною модою, бросилъ съ небрежностію на лавки».

По свѣдѣніямъ, имѣющимся у засѣдателя, Д. и съ родителями обращается неблагопристойно, а потому Земскій Судъ полагаетъ провѣсти слѣдствіе, при депутатѣ со стороны р.-к. духовенства, съ повальнымъ обыскомъ.

Но графъ Гурьевъ предписалъ розысканіе прекратить, уволивъ засѣдателя отъ должности за явное пристрастіе.

2) *Бердичевскій полиціймейстеръ о помѣщикахъ, прибывшихъ на ярмарку.* Въ іюнѣ 1838 года Бердичевскій полиціймейстеръ рапортовалъ Генераль-Губернатору о томъ, что во время бывшей ярмарки, «нѣкоторые изъ пріѣзжихъ помѣщиковъ были замѣчены въ неприличныхъ ихъ званію поступкахъ».

Изъ нихъ четверо «собирались толпами, одинъ у другого, въ неблагопристойномъ и полураздѣтомъ видѣ выходили на улицу и шумѣли, произнося что-то похожее на ура, или вообще на какой-то торжествующій голосъ»...

Помѣщикъ Я., «будучи въ театрѣ, во время представленія, въ виду всѣхъ зрителей, до такой дошелъ неблагопристойности, что надѣвъ на голову шляпу, показывая какое-то презрѣніе цѣлой публикѣ, старался тѣмъ обижать самую полицію... Не смотря на сдѣланныя ему мною по выходѣ изъ театра замѣчанія, оставался упорнымъ, грубымъ и до такой степени дерзкимъ, что требовалъ отъ меня объясненій на польскомъ языкѣ, говоря, что русскаго языка не понимаетъ».

Въ присутствіи Губернскаго предводителя, не придавашаго дѣлу значенія, Я. хвалился, что, будучи капитаномъ польскихъ войскъ, носилъ лучшей султанъ, нежели Бердичевскій полиціймейстеръ...

Наконецъ, помѣщикъ О. намѣревался ввести въ театрѣ мороженщика, изъ-за чего въ буфетѣ поднялся шумъ. Публика, воображивъ, что въ театрѣ начинается пожаръ, въ страхѣ и смятеніи бѣжала...

3) *Бѣлая горячка.* Въ 1836 году Кіевскій Губернаторъ доносилъ Генераль-Губернатору, что Совѣтникъ Губернскаго Правленія Д., по удостовѣренію пользующихъ его врачей, одержимъ бѣлою горячкою, происшедшею частію отъ гемморoidalныхъ припадковъ, частію же отъ огорчительныхъ размышленій...

4) *Кирпичныя шоссе.* Въ 1844 года Главное Управленіе Путей Сообщенія предписало X округу произвести въ Кіевѣ опыты устройства «шоссе искусственнаго изъ обожженной глины», въ виду недостатка во многихъ мѣстахъ пригоднаго для дорожныхъ работъ камня.

Пробное шоссе устроено отъ Сѣзжаго дома Дворцовой части до квартиры начальника губерніи, но на первыхъ же порахъ устроители въ немъ разочаровались. 8 Мая 1845 г. Кіевская Губернская строительная коммиссія доноситъ Генераль-Губернатору, что «отъ безпрестанной по оному шоссе ѣзды экипажами, а при сухой погодѣ отъ настиланнаго кирпича происходитъ несносная пыль», покрывающая толстымъ слоемъ стѣны и крыши домовъ.

Предстоявшее квартированіе на семь участкѣ улицы Великаго князя Константина Николаевича побудило губернскую администрацію къ замѣнѣ сего шоссе попрежнему мостовой.

Изъ сообщенія Главноуправляющаго узнаемъ, что подобный же опытъ въ Еватеринославѣ, въ противность Кіевскому, увѣнчался полнымъ успѣхомъ, почему Генер. Адъют. Графъ-Клейнмихель просилъ вторично испытать новый типъ шоссе.

Округъ распорядился замощеніемъ участка на Лютеранской (нынѣ Аняенковской), отъ Шелковичной (нынѣ Левашевской) до Университетскаго спуска и по спуску, но въ октябрѣ 1860 года кирпичныя шоссе признаны негодными, и отъ дальнѣйшихъ съ ними опытовъ окончательно отказались.

5) *Кіевскія маншратскія пушки.* Осенью 1836 г. Кіевскій 2-й тильдіи купецъ Сергій Тереховъ обратился къ Графу Чернышеву съ просьбою всходатайствовать Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на принятіе всеподданнѣйше подносимыхъ двухъ однокаляберныхъ чугунныхъ орудій, отлитыхъ, якобы, въ 1371 году, принадлежавшихъ Кіевской Думѣ и ею только что проданныхъ съ публичнаго торга.

Государю Императору угодно было повелѣть мѣстному начальству выяснитъ, насколько въ дѣйствительности древни орудія, о коихъ идетъ рѣчь, почему принадлежали они Думѣ, и не имѣется ли въ распоряженіи городского управленія какихъ либо другихъ рѣдкостей, которыя бы также предназначались къ продажѣ.

Генераль-Губернаторъ Графъ Гурьевъ потребовалъ свѣдѣній отъ Губернатора, изъ допесенія коего явствуетъ, что, когда въ 1811 году, стоявшій на Подолѣ общественный домъ городскихъ присутственныхъ мѣстъ сгорѣлъ, то на пепелищѣ, среди желѣзнаго лома, отысканы двѣ пушки, одной необыкновенной длины ружейный стволъ и 600 старыхъ, къ употребленію негодныхъ, пикъ: послѣднія изготовлены въ 1806 году для милиционеровъ. Сверхъ того, въ домѣ бывшаго войта Киселевскаго, хранятся кованные и чеканные:

1) Фигура Архистратига Михаила съ копьемъ въ десницѣ, которымъ, сообразно числу часовъ, онъ ударялъ въ пасть простертаго у его ногъ дракона; на лѣвой рукѣ щитъ съ надписью «кто яко Богъ». (красной мѣди 2 пуда 10 фунтовъ).

2) Статуя Богини Правосудія — (желтой мѣди 1 пудъ 28 фунтовъ).

3) Двуглавый орелъ; на груди, въ кругломъ щитѣ, изображеніе Императора Петра Великаго на конѣ, съ надписью: «Царь Петръ Алексѣевичъ всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ» (красной мѣди 4 пуда).

Такъ какъ архивъ магистрата истребленъ пожаромъ, то никакихъ точныхъ свѣдѣній о сихъ городскихъ реликвіяхъ на лицо не имѣется.

Въ 1836 году представителями города постановлено: гербъ города съ вѣсами правосудія и «ружейный» стволъ, но очевидной древности оныхъ «оставитъ безъ продажи», а пушки и пики продать (первыя пошли за 14 рублей; вторыя куплены евреемъ Гребенемъ за 12). Почему оружіе своевременно не сдано въ Арсеналь — ни Дума, ни магистратъ объяснить не могли.

Гражданскій Губернаторъ представилъ Главному начальнику края о передачѣ пушекъ и пицали въ Арсеналь, съ уплатою Терехову израсходованныхъ имъ денегъ; пикъ предположено оставить у покупщика на рукахъ; гербъ и вѣсы правосудія сохранить.

14 апрѣля 1837 года изъ столицы повелѣно объявить Терехову монаршее благоволеніе; орудія принять и сдать въ Кіевскій Арсе-

налъ. Всѣ прочіе предметы, о коихъ рапортовано Графомъ Гурьевымъ, Городскому Управленію хранить.

Выдержка изъ описанія орудій и ствола, которыхъ чертежи хранятся при дѣлѣ № 444. Полицейской части Канцеляріи Генераль-Губернатора за 1836 годъ.

1) Пушки калибра 1 дюйма; каналъ и камера цилиндрическіе. Стѣнки ствола въ дульной части 1 дюймъ 1 ливія, въ торелі 5 дюймовъ 8 линій. Длина, безъ винграда, 2 фута $4\frac{1}{2}$ дюйма.

На казенной части одной, ниже фризозъ, отдѣляющихъ затравку—число 1371; цифры выпуклыя, величиною 7 линій «но оно не должно означать года вылитія орудія», ибо въ XIV столѣтіи, по введеніи въ употребленіе пороха ¹⁾, не могли отливать подобныхъ хорошо отдѣланныхъ орудій съ дельфинами, цапфами и соблюденными во всѣхъ частяхъ размѣрами.

2) Желѣзный восьмигранный стволъ, съ «хвостовикомъ», длиною 7 футъ $10\frac{1}{2}$ д.; калибръ 1 дюймъ; стѣнки въ казенной части 2 д. $7\frac{1}{2}$ лин., въ дулѣ $5\frac{1}{2}$ линій.

При затравкѣ, на боковой части, имѣется полка съ выемкою для насыпки пороха. По длинѣ ствола на трехъ верхнихъ граняхъ въ трехъ мѣстахъ нарѣзки для укрѣпленія ствола—въ станкѣ на нижней грани 3 скобы со сквозными дырами. Цапфы отъ дула въ 3 ф. 6 д. На верхней грани въ разстояніи 1 дюйма отъ «хвостовика», клеймо, сходное со встрѣчающимися на турецкомъ оружіи.

Сообщилъ Алексѣй Мёрдеръ.

Поправка. Въ № 2-мъ текущаго года, въ статьѣ «Письма М. М. Лазаревскаго къ Т. Г. Шевченку», на стр. 286-й ошибочно дана справка, что упоминаемый въ письмѣ Семень есть братъ Матв. Лазаревскаго. Здѣсь очевидно идетъ рѣчь о ближайшемъ другѣ Шевченка еще до ссылки его—Артемовскомъ. За эту поправку приносимъ благодарность А. М. Лазаревскому, который сообщилъ намъ, что у отца его, Матвѣя Лазаревскаго, братьевъ не было.

¹⁾ Въ Россію огнестрѣльное оружіе ввезено нѣмцами въ 1389 году при Димитріѣ Донскомъ.

Текущія извѣстія.

Юбилейный спектакль въ Херсонѣ въ память сороковой годовщины со дня кончины Тар. Гр. Шевченка. (*Корреспонденція*). Среди мѣстной малорусской интеллигенціи возникла мысль достойнымъ образомъ почтить память Шевченка, по случаю сороковой годовщины со дня его смерти.—Въ виду этого рѣшено было обратиться въ содѣйствію гостившей въ Херсонѣ малорусской труппы Разсудова-Ратмировой. Артисты ухватились за эту мысль, т. к. она обѣщала имъ хорошій сборъ. Но вмѣсто того, чтобы посоветоваться съ инициаторамъ, хорошенько обдумать программу вечера и подготовиться какъ слѣдуетъ къ нему, т. е. разучить стихотворенія и музыкальныя произведенія Шевченка, товарищество сейчасъ же расклеило широкофашательный анонсъ: „Въ субботу 27 января, по случаю сороковой годовщины со дня кончины Т. Гр. Шевченка, имѣетъ быть юбилейный спектакль съ апофеозомъ и живымъ бюстомъ при роскошной обстановкѣ“.—Публика заинтересовалась и повалила въ театръ, но тутъ ее ждало полное разочарованіе. До самаго конца спектакля ничто не напоминало, что присутствуешь на чествованіи національнаго поэта: ни декорированнаго зеленью бюста его на виду у публики, ни чтенія произведеній поэта, ни украинской музыки—ничего... Даже въ антрактахъ, вмѣсто обѣщанныхъ украинскихъ пѣсенъ, оркестръ все время навигривалъ польки, вальсенки, попури изъ давно заѣзженныхъ романсовъ и даже «Эй, ухнемъ!..» Можетъ быть такая *интернаціональная* музыка гдѣ-нибудь и умѣстна, но только не во время чествованія *національнаго* поэта.—Объ исполненіи самой пьесы („Назаръ Стодола“) говорить много не приходится: всѣ артисты, за исключеніемъ г-жи Россиной (Стеха) и г. Чубатаго (Хома Кычатый), были не на своихъ мѣстахъ.—За то апофеозъ, надо отдать справедливость труппѣ, удался прекрасно. Задній занавѣсъ изображалъ прекрасно написанную могилу Шевченка на берегу Днѣпра. По срединѣ сцены возвышался хорошо загриммированный живой бюстъ поэта въ кожухѣ и смушковой шапкѣ; изображалъ его г. Чубатый. По обѣ стороны авансцены расположился мужской и женскій хоръ, который очень стройно пропѣлъ дважды „Заповіт“. Затѣмъ было поставлено 5 живыхъ картинъ изъ «Невольника» и «Катерины». За-

кончился апофеозъ картиной изъ «Невольника» — возвращеніе Степава подъ родную „стриху“ и пѣніемъ «Боже, вси мы твои диты».

Казалось бы, что хотя часть сбора будетъ удѣлена труиной на какое-нибудь дѣло, достойное памяти поэта, напримѣръ на Петерб. Общество имени Шевченка, Львовское Наукове Товариство ім. Шевченка, на основаніе украинскаго університета во Львовѣ или, наконецъ, на Петер. Общество изданія общепользыхъ и дешевыхъ книгъ. Но эти «украинскіе» артисты, вѣроятно, и не подозрѣвали существованія названныхъ обществъ, какъ не знали и того, что Шевченко умеръ 26 февраля, а не 26 января... Впрочемъ, отъ людей, преданныхъ всецѣло жививъ, смѣшно и ожидать какихъ-то идейныхъ стремленій, какого-то служенія національнымъ идеаламъ и пр., — не будемъ поэтому и требовать отъ нихъ того, что имъ чуждо, чего они и дать-то не могутъ. Но чего ужъ и людямъ, поклоняющимся золотому тельцу, не слѣдовало дѣлать, такъ это трепать дорогое всѣмъ ния поэта.

Дѣло въ томъ, что на слѣдующій же день шла такая пустая и глупая вещь, какъ „Запорожскій кладъ“; и вотъ къ подобной то пьесѣ снова примостили «апофеозъ при полной обстановкѣ». Очевидно, тутъ спекулировали Шевченковымъ именемъ, иначе никакъ нельзя объяснить себѣ такой безтактности, такого явнаго неуваженія къ памяти поэта и къ инициаторамъ чествованія. Что обвиненіе это справедливо, видно изъ того, что на слѣдующій же день (29 янв.) была поставлена опера „Катерина“ уже безъ апофеоза, т. к. она и сама по себѣ обѣщала хорошій сборъ.

Владиміръ Яблоковскій.

Панихида по Т. Г. Шевченку въ Кіевѣ. По случаю сороковой годовщины смерти Т. Г. Шевченка, въ Кіевѣ 5 февраля отслужена была въ Софійскомъ соборѣ панихида каедральнымъ протоіереемъ о. Александромъ Брайловскимъ, въ сослуженіи Ключара Собора о. Петра Орловскаго и свящ. Н. Стеллецкаго. На панихидѣ шлъ прекрасно организованный обширный хоръ любителей. Храмъ былъ переполненъ молящимися.

Чествованіе 40-вой годовщины смерти Т. Г. Шевченка въ Галичинѣ. 1) Во Львовѣ 3 февраля «Товариство рускихъ ремісниківъ

«Зоря» въ огромной залѣ «Народного дома» устроили литерат.-музыкально-вокальный концертъ при участіи извѣстнаго артиста—Мышуги, хора товариства «Зоря» и военного оркестра. Концертъ сошелъ въ высшей степени удачно, при громадномъ стеченіи публики, преимущественно изъ средняго класса и крестьянъ. (Дѣло № 17).

2) Во Львовѣ 17 и 18 февраля въ залѣ Реального училища учениками II, III, IV и V классовъ гимназіи и реального училища устроенъ былъ литературно-музыкально-вокальный вечеръ, въ которомъ принимали участіе только учащіеся. Вечеръ прошелъ съ необычайнымъ оживленіемъ (Дѣло, ч. 39).

3) Читальня с. Медина возлѣ Подволочиска устроила литературно-вокальный вечеръ въ домѣ мѣстнаго священника. Вступительную рѣчь связалъ о. Андрей Качала, въ которой выяснилъ значеніе и цѣль чествованій; затѣмъ о. Герасимовичъ изъ с. Терпиловки произнесъ рѣчь о жизни и произведеніяхъ Шевченка, продолжавшуюся цѣлый часъ; потомъ хоръ исполнилъ „Заповитъ“, «Ще не вмерла України» и др. соотвѣтствующія данному случаю пѣсни. Номера хора чередовались съ номерами декламацій. (Дѣло, № 32).

Чествованіе памяти Маркіана Шашкевича. Въ 58 годовищину смерти Маркіана Шашкевича, 30 января въ Снятинѣ, въ залѣ магистрата устроенъ былъ «Рускою мѣщанською читальнею въ Снятинѣ», музыкально-вокальный вечеръ по слѣдующей программѣ: 1) вступительное слово, 2) «Не згасайте ясні зорі»—хоръ, 3) декламація—«Причинна», 4) Ой чого ти почорвіло—хоръ, 5) «Збудись, народе»—декламація, 6) «Нове життя»—декламація, 7) „Не пора“—хоръ, 8) Славянскіе гимны—хоръ; 9) «Чомъ, річенько домашня» и друг. Вечеръ удался вполне. Публики явилось значительное количество. (Дѣло, ч. 33).

Родственники Т. Г. Шевченко. Въ газетахъ былъ помѣщенъ печальный фактъ изъ жизни родственниковъ Т. Г. Шевченко. Въ 1898 году Андрей (родной племянникъ Т. Г. Шевченко) нанялся сторожемъ въ портъ Харлы, а сынишку своего, Митрофана, отдалъ въ ученіе въ слесарную мастерскую въ имѣніи «Преображенка» владѣлицы г-жи Фальцъ-Фейнъ. Митрофану оторвало лѣвую руку, внослѣдствіи ампутированную до плеча. Андрей съ тѣхъ поръ со-

вершено выбитъ изъ колеи и въ настоящее время въ чужомъ городѣ вынужденъ вмѣстѣ съ калѣжкой Митрофаномъ терпѣть голодъ, голодъ и всѣ лишенія заброшенной свротской жизни. Теперь Андрей Шевченко, какъ пишетъ «Рос.» М. Борковка, предъявляетъ къ владѣлицѣ имѣнія «Преображенка» искъ, но дѣло отложено, и Андрей Ш., вмѣстѣ съ сыномъ, принужденъ влечь вышеупомянутую жизнь. Не говоря уже о томъ, что на обязанности общества лежало дать образованіе внуку пѣвца Украины, оно теперь даже не откликается, видя безвыходность его положенія. А, кажется, чего проще—собрать небольшую сумму денегъ и выслать по назначенію, чтобы на время, до суда, сдѣлать жизнь этихъ людей мало-мальски сносною. Неужели даже этимъ мы не можемъ поблагодарить Т. Г. Шевченка за дарованныя имъ талантливыя „Думы“? (Одесск. Листокъ).

Юбилей 25 лѣтней литературной дѣятельности О. П. Косачъ. 3 февраля, въ залѣ литературно-артистическаго общества съ особенной торжественностью былъ отпразднованъ юбилей малорусской писательницы Олены Пчилки (Ольги Петровны Косачъ). Изъ прочтанныаго реферата, присутствовавшая въ залѣ многочисленная публика познакомилась со всей разносторонней литературной и общественной дѣятельностью уважаемой малорусской писательницы, имя которой, по словамъ референта, должно быть дорого не только своему народу, но и всѣмъ людямъ, способнымъ жить жизнью человѣческаго духа, способнымъ понимать силу волшебныхъ словъ: родина и свобода. Послѣ прочтенія реферата на эстраду, при шумныхъ, несмолкаемыхъ аплодисментахъ, была вызвана сама почтенная юбилярша, и вслѣдъ за этимъ началось чтеніе адресовъ, телеграмъ и привѣтствій, полученныхъ г-жей Косачъ со всѣхъ концовъ Россіи и Галиціи. Привѣтствій этихъ было такъ много, что ихъ пришлось читать тремъ лицамъ; было получено болѣе десяти адресовъ, тридцать телеграммъ и множество писемъ отъ украинскихъ писателей изъ Россіи, Галиціи и Буковины. Членъ правленія литературно-артистическаго общества М. П. Старницій поднесъ г-жѣ Косачъ отъ лит.-арт. общества золотой жетонъ и прочелъ адресъ, въ которомъ правленіе лит.-арт. общества, отзываясь съ глубокимъ уваженіемъ о дѣятельности уважаемой писательницы на пользу родного народа, съ особой благодарностью вспомнило ея заслуги передъ лит.-арт. обществомъ, къ развитію котораго уважаемая юбилярша относилась всегда съ самымъ горячимъ сочувствіемъ.

Затѣмъ были прочтены остальные] адреса, телеграммы и привѣтствія. Во всѣхъ адресахъ было отмѣчено высокое значеніе г-жи Косачъ, какъ украинскаго писателя, а также какъ гражданина, четверть вѣка неустанно трудящагося на пользу родного народа. По окончаніи чтенія телеграммъ и привѣтствій, въ залѣ долго не смолкали шумные аплодисменты. Когда, наконецъ, публика успокоилась, г-жа Косачъ произнесла горячую рѣчь, въ которой выразила искреннюю вѣру въ будущее литературно-художественнаго общества, ставшаго центромъ, вокругъ котораго группируются представители интеллигенціи всѣхъ народностей, живущихъ въ Кіевѣ, имѣющіе одну общую, дорогую всѣмъ цѣль—распространеніе гуманныхъ просвѣтительныхъ идей среди возможно большихъ массъ общества. Далѣе, уважаемая писательница изъявила благодарность всѣмъ присутствующимъ и отсутствующимъ лицамъ и учрежденіямъ, оказавшимъ ей свое вниманіе, а также высказала горячую вѣру и надежду въ дальнѣйшее преуспѣваніе и развитіе того чистаго и святаго дѣла, которому служила она и ея соратники по перу. Послѣ этого началась программа литературно-музыкальнаго отдѣленія вечера. Залы литературно-художественнаго общества были переполнены публикой. Вечеръ прошелъ съ рѣдкимъ одушевленіемъ. (Кіев. Сл., № 4704).

Въ газетѣ «Волянь» (№ 19) также помѣщена статья «Къ 30-лѣтнему юбилею Ольги Косачъ», въ которой приведена привѣтственная телеграмма юбиляршѣ отъ житомирской украинской интеллигенціи и дана оцѣнка литературной дѣятельности О. П. Косачъ.

Вопросъ о малорусскомъ языкѣ въ школахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ членъ черниговской земской управы, И. Шрагъ, возбудилъ вопросъ о допущеніи малорусскаго языка и книгъ въ народныя школы. Комиссія по дѣламъ народнаго просвѣщенія постановила просить о допущеніи малорусскаго языка и малорусскихъ книгъ въ народныя школы съ цѣлью объясненія учащимся русскихъ непонятныхъ словъ и выраженій. Гласный Максимовичъ выступилъ по поводу этого представленія съ рѣчью, въ которой возражалъ противъ допущенія малорусскаго языка въ народной школѣ опасаясь, чтобы это обстоятельство не оказало вліянія на ослабленіе чувства политическаго и національнаго единства двухъ братскихъ племенъ. Противъ его доводовъ возражали г. г. Хижняковъ и Шрагъ, до-

казывая, что введеніе малорусскаго языка въ народныя школы необходимо для поднятія уровня народнаго образованія. Земское собраніе значительнымъ большинствомъ голосовъ постановило просить о допущеніи и малорусскаго языка, и малорусскихъ книгъ въ народныя школы, въ цѣляхъ объясненія малорусскимъ дѣтямъ непонятныхъ для нихъ русскихъ словъ и выраженій. («Gazeta Lwowska»).

Малорусскіе переселенцы въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Въ «Восточномъ Обзорѣнн» г. Лаврецкій дѣлится впечатлѣніями, вынесенными имъ изъ знакомства съ жизнью новоселовъ Южно-Уссурійскаго края. Ближайшимъ объектомъ наблюденія автора было село Вознесенка, расположенное въ самомъ центрѣ края, вблизи г. Никольско-Уссурійскаго.

«Жители Вознесенска,—пишетъ онъ,—малороссы, переселившіеся сюда дѣтъ шестнадцать тому назадъ изъ Полтавской, Черниговской и Могилевской губерній, расселились по землячествамъ—въ одномъ концѣ полтавцы, въ другомъ черниговцы и т. д. Характерная особенность: эти концы живутъ почти каждый своей особой самостоятельной жизнью и вовсе не питаютъ другъ въ другу дружелюбія. Такъ, назвать у насъ полтавца черниговцемъ или наоборотъ—считается большой безтактностью. Когда хлопцы и парни одного конца приходятъ въ другой—межъ ними непременно завязывается драка и т. п.

По первому впечатлѣнію, производимому селомъ, переселенцы здѣсь устроились хорошо: много хлѣба, скота, водятся деньжонки, чтобы заплатить даже такія большія суммы, какія платятся здѣсь за воловъ и лошадей; наконецъ,—пишетъ г. Лаврецкій,—свидѣтельствуетъ о томъ же владѣніе нѣкоторыми изъ хозяевъ хорошими заимками, мельницами и земледѣльческими орудіями. Но если вы войдете въ жилище переселенца даже зажиточнаго—васъ поразитъ убогость, тѣснота его, грязь и скудость во всемъ; я тщетно отыскивалъ и не нашелъ себѣ въ этомъ большомъ селѣ какой-нибудь комнаты или отдѣльной избы подъ квартиру—у всѣхъ одна темная, неприглядная и подчасъ страшно холодная хата служитъ жильемъ для многочисленной иногда семьи. Одежда на вознесенцахъ—этихъ малороссахъ, любящихъ тамъ, у себя въ Малороссіи, щегольнуть и «світкой», и хорошимъ кожухомъ, и красивой пестротой на женщинахъ и на дѣву-

шкахъ, — поражаетъ бѣдностью и нерѣдко несоотвѣтствіемъ по времени года. Церковь въ селѣ небольшая и холодная до того, что у священника руки чуть не примерзаютъ къ утвари. Школы нѣтъ. Дѣтей (челов. 10), учитъ какой-то несчастный старикъ изъ ссыльно-поселенцевъ, едва получая за это пропитаніе. Питаются вознесенскіе обыватели очень незатѣйливо; овощей нѣтъ, такъ какъ онѣ, будто бы, погибаютъ отъ сырости и раннихъ заморозковъ, а мясо очень дорого. Яйца и молоко очень дороги, и потому отираваются на продажу въ Никольскъ. Остается: хлѣбъ и просяная каша. Изъ хлѣбовъ болѣе нѣжные (пшеница и т. п.), но рассказамъ сельчанъ, здѣсь вовсе не сѣются или сѣются кое-гдѣ и весьма рѣдко, такъ какъ «пропадаютъ»...

Вмѣсто школы, здѣсь процвѣтаетъ кабакъ и всевозможныя суевѣрія и предрасудки, а огромное большинство крестьянъ не только не грамотно, но и молитвъ-то путемъ не знаетъ». (С.-Петербург. Вѣд. № 31).

Насколько переселенцы сознаютъ свое бѣдственное положеніе въ далекихъ отъ родины мѣстахъ, изобилующихъ, по видимому, всякими благами — яркой иллюстраціей можетъ служить слѣдующее четверостишье въ письмѣ одного богатаго крестьянина с. Таращи, Каневского у., переселившагося въ Южно-Усурійскій край и извѣщающаго оттуда земляковъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Тутъ, — пишеть онъ:

Земли — хочъ удавися,
 Воды — хочъ утопыся,
 Лиса — хочъ повисся,
 А хлиба — хочъ сказыся!»

Левція г-жи Ефименко. Третьяго февраля въ залѣ губернской земской управы въ пользу Полтавской общественной библиотеки А. Я. Ефименко (членъ Императорскаго географическаго и археологическаго Общества) прочла публичную лекцію на тему «Украинскій философъ и учитель народа Г. С. Сковорода». Программа лекціи слѣдующая: Сковорода какъ «сверхчеловѣкъ». Его біографія. Философема Сковороды, какъ ученіе раціоналистическаго монизма. Субъективизмъ — отличительная черта его философскаго настроенія. Определеніе его взглядовъ съ точки зрѣнія современной философіи. Итоги его жизни и дѣятельности.

Лекція привлекла много слушателей, выразивших по окончаніи чтенія свое одобреніе почтенной лекторшѣ дружными аплодисментами. (Полт. Губ. Вѣд. 6 февр.).

Художественная выставка. Галицкій художникъ Иванъ Трушъ въ концѣ марта устраиваетъ во Львовѣ выставку своихъ картинъ. Помимо нѣсколькихъ миниатюрныхъ эскизовъ, на выставкѣ будутъ находиться: «Могила Шевченка подъ Каневою», «Наддѣпрянскій видъ съ могилой Шевченка», «Мѣсто Крещенія Руси въ Кіевѣ», «Вечеръ надъ Днѣпромъ», «Андреевская церковь въ Кіевѣ», «Видъ съ Псла подъ Гадачемъ». Изъ значительнаго числа портретовъ, нарисованныхъ имъ въ послѣднее время, будутъ выставлены: Н. В. Лысенка, проф. Антоновича, проф. Грушевскаго, г-жи Грушевской, Леси Украинки, г-жи Драгомановой (дочери), Вяч. Будинновскаго. (Дѣло, ч. 28).

Къ дѣятельности Товариства „Просвѣта“. Въ январѣ мѣсяцѣ 1901 г. числилось всѣхъ читателей товариства „Просвѣта“ 946; въ настоящее время «Товариство» вошло съ ходатайствомъ въ Намѣстничество объ открытіи новыхъ 22 читателей. Новыхъ членовъ въ теченіе января мѣсяца поступило 90; всѣхъ же членовъ, со времени основанія общества, числится 13288. (Дѣло, ч. 36).

БИБЛОГРАФІЯ.

Украинскія изданія 1900 года.

I.

Послѣднему году XIX столѣтія въ отношеніи украинской литературы можно отнести не послѣднее мѣсто въ ряду нѣсколькихъ лѣтъ конца вѣка, ознаменовавшихся появленіемъ въ украинской литературѣ значительнаго количества крупныхъ и мелкихъ изданій, составляющихъ, въ большинствѣ случаевъ, весьма желательное явленіе. Къ числу наиболѣе выдающихся и по величинѣ, и по значенію изданій у насъ въ Россіи, прежде всего, естественно, должны быть отнесены—изданные въ Кіевѣ: II-ой т. «Повистей и оповдань» И. С. Левицкаго—«*Старосвітськи батюшкы та матушкы*», произведеніе слишкомъ хорошо извѣстное въ украинской литературѣ, чтобы о немъ распространяться,¹⁾ а также сборникъ лучшихъ образцовъ украинской поэзіи за сто лѣтъ существованія художественной украинской литературы (1798—1898) подъ заглавіемъ «*Викъ*». ²⁾ Остановившись на немъ въ нашемъ бѣгломъ обзорѣ новостей украинской литературы также не будемъ, отсылая интересующихся къ тѣмъ изданіямъ, въ

¹⁾ Рец. см. Кіевск. Стар., кн. 7—8 за 1900 г., стр. 40—47; Литерат.-Научковий Вістник, кн. XI, за 1900 г., стр. 115—120; Русская Мысль, VII, стр. 409—410; Русское Богатство, № 8; въ газетѣ „Приднѣпровскій край“ № 864.

²⁾ Настоящее изданіе является I томомъ предполагаемаго солиднаго изданія—дать лучшіе образцы во всѣхъ областяхъ украинской литературы; 2 и 3 т. (проза)—находятся въ цензурѣ; готовится также и 4 томъ (драматическ. произведенія).

которыя даны были отзывы объ этомъ художественномъ изданіи; ¹⁾ скажемъ лишь въ двухъ словахъ, что болѣе изящныхъ изданій съ вѣшней стороны, при сравнительно дешевой стоимости (первое—1 р. 50 к., второе—2 р.), врядъ ли много можно указать понынѣ въ украинской литературѣ.

Переходя затѣмъ къ другимъ болѣе крупнымъ явленіямъ, на первомъ мѣстѣ должны будемъ отмѣтить изданный авторомъ въ Ялтѣ 3-ій томъ: *«Творы Комисского-Перебенди»*. ²⁾ Въ этотъ томъ вошло 19 болѣе мелкихъ произведеній недавно умершаго талантливаго писателя, а именно: Грышныкъ, Спокуслява ныва, Сестра жалібныця, Пригоды въ дорози, Смерть предателя, Ранкомъ на Алуци, Радоши и скорботы велького скрыпника, Пытання, Зѣ ранку до ночи, Поэтка, Стари люде, Протестантъ, Иванъ непомнящій родства, Наймычка, То йому за чужи груши, Хоча бѣ була постати дожала, Въ сели, Пимста, Снафаріева Рудка.—Помимо художественнаго интереса, какой представляютъ перечисленные произведенія, настоящее изданіе должно привлекать и своей крайней дешевизной (1 рубль при объемѣ въ 421 стр.).

Изъ другихъ болѣе крупныхъ изданій наиболѣе вниманія заслуживаютъ изданныя въ Бахмутѣ *«Оповідання П. О. Кулиша, зъ переднимъ словомъ В. Чернявского»*. Въ настоящій томъ вошли всѣ мелкія украинскія произведенія П. О. Кулиша: Орыся, Сичови гости, Гордовыта пара, Дивоче серце, Сира кобыла, Пчпивныця, Цыганъ, Лысты съ хутора (I—V), печатавшіяся въ началѣ 60-хъ г. г. въ *«Основѣ»*, а затѣмъ неоднократно издававшіяся отдѣльными брошюрами (*«метелыками»*). Сочиненіямъ предислана краткая критическая статья на данныя произведенія, составленная М. Чернявскимъ весьма симпатично и серьезно.—Въ Харьковѣ одновременно появилось другое крупное изданіе (486 стр., in 8⁰) произведеній П. О. Кулиша: *«Драмована (!) трылогія»*, въ составъ которой вошли драмы: *«Байда, князь Дм. Вышневецкый; Гетьманъ Петро Сагайдачный и Наказный геть-*

¹⁾ См. Киевск. Стар. I кн. за 1901 г., стр. 37—40; Русское Богатство, № 8; Русская Мысль, № 11, стр. 408—409; газеты: «Кіевское Слово» (№ 4467), Русскія Вѣдомости, Полтавск. Губ. Вѣдом. (№ 176), Южный край (№ 6766), Придѣпров. Край (№ 957), Сѣверный Кавказъ (№№ 1676 и 1677), галицкое «Дѣло» (№ 4 за 1901 г.)

²⁾ 4 и 5 томы въ непродолжительномъ времени будутъ представлены въ цензуру.

манъ Северычъ Налывайко». Написанныя въ семидесятые годы, когда П. О. Кулишъ открыто выступилъ отрицателемъ прежнихъ своихъ идеаловъ, и являясь лишь яркой иллюстраціей къ новымъ взглядамъ на значеніе историческаго процесса и историческихъ дѣятелей эпохи козачества, драмы эти, слабыя также и по развитію драматической акціи, тѣмъ не менѣе должны быть поставлены высоко, какъ и всѣ произведенія Кулиша, со стороны внѣшней: онѣ написаны звучнымъ, плавнымъ стихомъ, нерѣдко достигающимъ высшей степени художественности.

Обращаясь къ другимъ болѣе крупнымъ художественнымъ произведеніямъ минувшаго года, съ особеннымъ удовольствіемъ можемъ указать на солидный, весьма содержательный сборникъ, изданный въ Черниговѣ, подъ заглавіемъ «*Хвиля за хвилею*». Сюда вошли произведенія:—Бордуляка (Першый разъ. Оповидання), Гринченка (нѣсколько стихотвореній и драма «Середь бури», впервые напечатанная въ 1899 г. въ «Літерат.-Наук. Вістнику»), Динпровой Чайки (Морськи малюны,—весьма художественныя произведенія въ прозѣ), Зинькивського (Кудю йты?—Риздвина новистка), Коцюбинського (За-дя за-гального добра. Оповидання—пзъ бессарабскихъ нравовъ: картинка борьбы съ филоксерою), Крымського (Самотою на чужини Вирши), Маковея (Вуйко Дорко. Оповидання), Самійленка (нѣсколько стихотвореній и «Драма безъ горилки»). Жартъ—остроумная, ѣдкая, но мѣстами нѣсколько утрированная сатира на украинскую пишущую братію), Франка (Зъ поезій и «Лесышына челядь. Оповидання» пзъ сборника «В поті чола»). Прекрасный подборъ произведеній выдающихся украинскихъ писателей, безукоризненно добросовѣстное и изящное изданіе, какъ и всѣ вообще изданія Б. Д. Гринченка, недорогая цѣна (1 рубль) при сравнительно солидномъ (434 in 16^o) объемѣ, заслуживаютъ вполне самаго широкаго распространенія въ публикѣ.

Нельзя также не порадоваться новому изданію (въ Одессѣ) исторической хроники П. О. Кулиша «Чорна Рада», ставшей за 40 лѣтъ, со времени ея черваго изданія, библиографической рѣдкостью. Изданіе это, прекрасно исполненное съ внѣшней стороны (часть его въ скоромъ времени появится въ продажѣ съ иллюстраціями художника Ждахи), весьма недорогое (50 к.), безъ сомнѣнія встрѣтитъ самый радужный пріемъ со стороны уже давно жаждущей имѣть его публики.

Область драматической литературы въ минувшемъ году представлена была довольно слабо. Если исключить стоящія въ сторонѣ: комедію Л. Яновской *«На зеленый клыкъ»*, отличающуюся жизненностью и правдивостью изображенія, а также драму М. Л. Кропивницкаго *«Передъ волею»*, дающую довольно яркіе типы крѣпостнаго быта «передъ волею» (обѣ помѣщены были на стр. «Кіевской Стар.» въ минувшемъ году, а также вышли отдѣльными оттисками); ¹⁾ если не считать дешеваго и чистенькаго изданія для народа двухъ пьесъ И. К. Тобилевича (Карпенка-Караго): *«По-надъ Днiproмъ»* (въ Черкасахъ) и *«Бурлака»* (въ Кіевѣ),—нашимъ взорамъ предстанетъ цѣлая серія «перловъ» украинской драматической музы: *«Тысуртієвы випадки»*—жартъ въ 1 дн А. Т. Грабыны, ²⁾ *«Панъ Халаявскій»*—комедія-фарсъ, его же (обѣ книжки изданы въ Кіевѣ); послѣднее,—впрочемъ, нѣсколько серьезнѣе перваго, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ авторъ, желая «перемудритъ» Квитку-Основьяненка, дѣлаетъ вставки отъ себя, портящія лишь дѣло; *«Панъ Штукаревичъ, або оказія якои не бувало»*. Сельскіи сцены въ 2-хъ дѣяхъ и 4-хъ одминахъ Зиневича (въ Каменецъ-Подольскѣ)—безсмысленный плодъ досужей фантазіи автора, свидѣтельствующій о низкой степени вкусовъ автора; *«Кожанци-Шкодники»*, жартъ-водевиль въ 1 дн—С. Ф. Воронки (въ Сумахъ)—не только безсмысленная, но и безнравственная композиція, вызывающая при чтеніи одно отвращеніе; *«Не до пары побралысь»*—Малороссійская драма въ 5 д. и 7 варт.—Кобищановой Марѣи Яковлевны, въ Курскѣ. ³⁾

Но если драматическая литература въ изданіяхъ минувшаго года была представлена слабо, за то изящная и повѣствовательная (книжки популярно-научныя) литература нашла выраженіе въ значительномъ количествѣ болѣе или менѣе крупныхъ брошюръ, по большей части достойныхъ полнаго вниманія и уваженія. На первомъ мѣстѣ поставимъ изданія *Кіевскія: Л. Яновская. Смерть Макарыхи* (повість) и ея же *«Идеальный батько»* (обѣ печатались въ

¹⁾ Кромѣ того, въ «Кіевск. Старинѣ» и въ отдѣльныхъ оттискахъ были помѣщены еще *«Любка, или сватанесъ въ с. Рижмазѣ»*. Оперетта въ 4-хъ дѣйствіяхъ, относящаяся къ 30—40 г. г., а также Б. Іозаньского *«Кармачки сучаснаго селяньскаго побыту»* (не за-для кону“).

²⁾ Рец. см. въ „Кіевской Старинѣ“, кн. XII за 1900 г., стр. 171—172.

³⁾ Къ сожалѣнію, намъ не пришлось видѣть этого изданія.

«Кіевской Старинѣ», а также вышли и отдѣльными оттисками). Это художественныя картинки, съ тонко развитой психологіей главныхъ дѣйствующихъ лицъ, ярко рисующія до мельчайшихъ подробностей духовный міръ: въ первомъ случаѣ, умирающей съ удивительнымъ стоицизмомъ «бабы Макарыхи», а въ послѣднемъ—духовный разладъ помѣщика, готоваго всѣмъ пожертвовать для сохраненія жизни своего единственнаго законнаго сына въ то время, какъ своего незаконнаго сына, парубка Ивана, страдающаго полученной въ наслѣдство отъ отца энцефаліей, онъ довелъ до того, что Иванъ преждевременно умираетъ у него же на работѣ. Какъ то, такъ и другое произведеніе талаптливой писательницы по справедливости должны занять почетное мѣсто въ ряду выдающихся произведеній украинской литературы.

Въ томъ же журналѣ помѣщены были, и затѣмъ вышли отдѣльными изданіями, еще три беллетристическихкихъ произведенія: *А. Хатевкина. Земський гласный* (разсказъ), *Б. Познанскаго. Симсоть первый и симсоть второй законъ* (разсказъ), и *В. Левенка. Старе и нове* (Оповідання). Въ первомъ изъ нихъ авторъ даетъ фигуру земскаго гласнаго, менѣе всего пригоднаго для несенія, хотя бы даже удовлетворительно, обязанностей, лежащихъ на этомъ послѣднемъ; во второмъ—авторъ приводитъ изъ своей юридической практики случай своеобразнаго толкованія 701 и 702 статьи X тома св. законовъ, и наконецъ, въ третьемъ, затрагивающемъ весьма любопытные вопросы общественной жизни, изображается постепенная замѣна въ глухомъ городишѣ, въ рабочей средѣ, прежняго консервативнаго направленія новымъ, плущимъ по слѣдамъ прогресса. Помимо интереснаго сюжета, разсказъ этотъ пріобрѣтаетъ еще большую цѣнность, благодаря особенностямъ его изложенія: въ данномъ разсказѣ авторъ выражаетъ на прекрасномъ литературномъ украинскомъ языкѣ самыя отвлеченныя философскія понятія, давая лишній разъ наглядный образецъ полнѣйшей пригодности и умѣстности этого языка и въ областяхъ, выходящихъ за предѣлы, положенныя «этнографическими нуждами».

Изъ другихъ изданій, вышедшихъ въ Кіевѣ, слѣдуетъ указать на двѣ брошюры, изданныя Кіевскимъ Обществомъ Грамотности,—обѣ заключающія произведенія *Марка Вовчка*: 1) *Максымъ Грымаць, Выкупъ, Даныло Гурчъ* и 2) *Свекруха и отецъ Андрій*,—оба изданія исполнены чистенько, аккуратно и сравнительно недорого (4 и 2 к.); на популярно-научную (медицинскую) брошюру *М. Левичького* «Бо-

роста (чухачка). Читанка для селянъ», — написанную простымъ хорошимъ языкомъ и въ то же время весьма содержательную, выданную «Врачебнымъ Отдѣленіемъ Кіевскаго Губернскаго Правленія» въ значительномъ количествѣ экземпляровъ (10,000) по очень дешевой цѣнѣ (1 коп.), а также изданіе «Наталки-Полтавки» И. П. Котляревскаго (изданіе въ количествѣ 8.000 экз. принадлежитъ извѣстному Т. Губанову. ¹⁾)

Кстати будетъ сказать, что та же „Наталка-Полтавка“ была издана въ колич. 12.000 экз. также и въ Москвѣ—Сытиннымъ. Очевидно, спросъ на эту пьесу публуждаетъ г. г. книгопродавцевъ къ столь частымъ и численнымъ изданіямъ. Слѣдуетъ гадать, что въ минувшемъ году въ Москвѣ т—омъ Вл. Чячерина издано было въ количествѣ 3.000 экз. также и „Собраніе сочиненій И. П. Котляревскаго на малороссійскомъ языкѣ: 1) Москаль Чаривныкъ, 2) Наталка Полтавка и 3) Энеида“.

Въ *Черниговѣ* Б. Д. Гринченкомъ, кромѣ упомянутого выше сборника «Хвыля за хвылю», была издана всего лишь одна брошюра: № 46. *Наталка або двѣ доли разомъ. Поэма Михайла Макаровського.* (Третье изданіе: первое въ „Южн. Русск. Сборникѣ“ (1848 г.), 2—въ Харьковѣ 1890 г.) Поэмѣ предисланы краткія біографическія свѣдѣнія объ М. М. Макаровскомъ.

Въ *Петербургѣ* «Благотворительнымъ обществомъ изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ» изданы три брошюры: № 4. Ормыш П. А. *Кулиша*, съ портретомъ Кулиша и съ иллюстраціями, нѣсколько въ ложно-классическомъ стилѣ; № 5. *Вирна нара. Въ-осени лѣто.* — Сивасина нара — *Ганни Барвинокъ* (съ портретомъ автора), и № 6. *Ф. И. Немоловскаго.* Бжильництво. Доглядъ за звычайною и рамковою паспкою». — Упомянутыя изданія отличаются изящной внѣшностью и дешевизной (первая 2 коп., вторая 3, послѣдняя въ 105 стр— 8 коп.), что можетъ служить лучшей гарантіей для ихъ самаго широкаго распространенія въ народѣ.

Кромѣ изданій «Благотворительнаго Общества» тамъ же появился „Збирнычокъ творивъ“ *А. Я. Шабленка* подъ заглавіемъ «Нова Хатыня», состоящій изъ 8 стихотворныхъ произведеній и одного раз-

¹⁾ Этотъ же Губановъ издалъ въ Кіевѣ сборникъ: „Украинскій кобзарь“. Малороссійскія пѣсни знаменитыхъ писателей—Шевченка, Котляревскаго и друг. Скомпанувавъ *Н. И. Сучиленко.*— Сборникъ, какъ и слѣдовало ожидать, представляетъ сенигретъ изъ трудноузнаваемыхъ произведеній народныхъ и книжныхъ.

сказа («Доля наплювала»). Не отличаясь художественностью и изяществомъ, произведенія эти, въ особенности стихотворныя, свѣдѣтельствуютъ тѣмъ не менѣе о томъ, что автору не чужды лучшія общечеловѣческія и гражданскія чувства, что не «плодъ недолгой цанки» понудилъ къ перу его «праздны руки».

Въ *Харьковѣ* минавшій годъ далъ 5 брошюръ, а именно: 1) *Олександръ Кониській*. Дидъ Евментъ. Спомынки бабы Уляны Красючки. Выдана третья (четвертое ?)—изданіе «Издательскаго комитета Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ Грамотности» (въ 20.000 экземпляровъ); 2) *Пейсеринтъ*. Морозъ, переклавъ Гнатъ Галайда,—художественный небольшой рассказъ финскаго писателя, удачно выбранный переводчикомъ въ виду его занимательности и соответствія темы рассказа съ нѣкоторыми явленіями нашей общественной жизни; 3) «*Уладько*»—т. е. украинскій «Соломонъ», по которому желающій можетъ узнать свою судьбу. Для этой цѣли на первой страницѣ сдѣланъ кругъ, на сѣтку котораго нанесено 287 дѣлений, соответственно числу отвѣтовъ въ «Видновиднику». Это оригинальное изданіе, потребность въ которомъ у народа существуетъ въ сильной мѣрѣ, все же будетъ полезно хоть тѣмъ, что ознакомитъ каждаго обращающагося къ нему со многими перлами народной мудрости, изъ которыхъ составленъ «Видновидникъ», 4) *М. Л. Кропивничкій*. По ревізіи. Этюдъ въ 1 дѣйстви. Видане 6, выправлене авторомъ.—Къ сожалѣнію, исправленія, незначительныя въ общемъ, въ большинствѣ случаевъ лишь ухудшаютъ первоначальную редакцію. Тѣмъ не менѣе, нельзя не привѣтствовать это новое изданіе, значительно болѣе дешовое, чѣмъ предшествующія (5 коп.), вышедшее въ солидномъ количествѣ (10.000) экземпляровъ; наконецъ, 5) *Жерновъ Матвій Семеновичъ*. Збирничокъ творивъ. Т. I. Цѣна 20 коп.,—сборникъ довольно слабыхъ покушеній на поэзію, преимущественно подражаній Шевченку; нѣкоторыя вещи являются почти пересказомъ произведеній Шевченка.

Въ *Черкассахъ*, кромѣ упомянутой выше брошюры: «№ 14 По надѣ Днипромъ Н. Тобилевича (Куряенка-Корого), были изданы «№ 13. О. Я. Кониській. Грошолобка. Выданне третье»,—прекрасный очеркъ, рисующій типъ жадной „грошолобки“ бабы Явлохы, съ виду «тыхоп та божоп», а на самомъ дѣлѣ злобной и деснотической натуры, и «№ 15. Т. Г. Шевченка Малый Кобзарь.» (Съ портретомъ Шевченка на обложкѣ). Сюда вошло 63 болѣе мелкихъ, преимущественно

лирических произведений Шевченка. Оба изданія, какъ и раньше упомянутое «По-надъ Днипромъ», отличаются привлекательной внѣшностью, изданы добросовѣстно и въ то же время недорого (5 коп. 70—80 стр.).¹⁾

Нельзя не отмѣтить съ особымъ удовольствіемъ любопытныхъ и въ то же время въ высшей степени полезныхъ изданій, вышедшихъ въ г. *Ананьевъ*, Херс. г. Это медицинскіе совѣты: «Якъ оберегты себе видъ виспы»,²⁾ «Про скарлатину», «Про сифились (бранци), «Короста (чухачьа)»,³⁾ заимствованные изъ изданія «Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова»; изданы они не въ формѣ брошюръ, а на отдѣльныхъ полулистахъ, какъ стѣнные календари. Лицу, принявшему на себя трудъ изданія этихъ крайне важныхъ медицинскихъ совѣтовъ, должна быть отдана огромная дань уваженія.⁴⁾

Одесса дала два весьма цѣнные изданія. Это—1) «*Е. Чикаленко*. Розмова про сельске хозяйство. 3-ти книжка. Сіяни травы, кукуруза, та буряки. Зъ малюнками»,—прекрасное изданіе со стороны содержанія и съ внѣшней стороны, снабженное нѣсколькими рисунками земледѣльческихъ орудій и сельско-хозяйственныхъ продуктовъ полевого хозяйства. Какъ и первыя двѣ брошюры, эта послѣдняя по справедливости должна занять выдающееся положеніе въ общерусской популярной литературѣ по сельскому хозяйству;⁵⁾ 2) *А. Конощенко*. Украински песни зъ нотами,—сборникъ изъ 100 украинскихъ пѣсень, записанныхъ г. Конощенко преимущественно въ Херсонской, а также Кіевской, Полтавской и Подольской губерніяхъ. Каждой пѣснѣ въ книжкѣ предпосланъ мотивъ, положенный на ноты. Мотивы и текстъ пѣсень оригинальные, сравнительно простые; очень немногіе находятъ соотвѣтствіе въ сборникахъ Н. В. Лисенка. Книжка

¹⁾ Довольно обстоятельная рецензія на „Малый кобзарь“ дана въ XII кн. «Літературно-Наукового Вістника», стр. 186—187.

²⁾ Издано въ количествѣ 12.000 экз.

³⁾ Издано въ количествѣ 20 000 экз.

⁴⁾ Уже во время печатанія нашего обзора мы узнали, что всѣ четыре медицинскіе листки вышли въ Харьковѣ въ видѣ отдѣльной брошюры: „№ 7. Якъ оберегаты себе видъ виспы. Про скарлатину. Про сифились. Про коросту. Выдано Рс. И. Гурюмъ. Харьковъ, 1900“.

⁵⁾ Книжка «*Чорный паръ, плодояминъ*»—въ настоящее время въ исправленномъ и дополненномъ видѣ вышла въ Одессѣ вторымъ изданіемъ въ количествѣ 50.000 экз.

издана изящно, чистенько и при значительномъ объемѣ (136 стр. словъ съ нотами) сравнительно очень дешево (30 коп.).

Кстати, заговорявъ о музыкальномъ изданіи, нельзя не отмѣтить двухъ крупныхъ явленій въ этой области:— *М. В. Лисенко. Утоплена (Майська нічъ). Лирично-фантастична опера у 3-хъ дѣяхъ, 4-хъ админахъ*, изданная въ Лейпцигѣ и *«Н. Аркасъ. Катерина. Опера у 3-хъ дѣяхъ. Либретто по Т. Г. Шевченко»*, изданная въ Николаевѣ (первая 4 р. вторая — 3 р.). Не будучи компетентными въ музыкѣ—не беремса высказывать свое сужденіе о нихъ.

Въ *Бахмутъ* издана М. Чернявскимъ брошюра: *«Щыри слезы надъ могилою П. О. Кулиша»* съ предисловіемъ ¹⁾ М. Чернявскаго къ тѣмъ выраженіямъ горя по утратѣ великаго писателя и сочувствію осиротѣлой вдовѣ его, которыя и составляютъ содержаніе данной книжки ²⁾. Въ виду того, что выраженія сочувствія и даны уваженія почившему послѣдовали со стороны лицъ различныхъ классовъ, сослоній и степеней образованія, то и содержаніе данной брошюры въ отношеніи художественности является довольно разнообразнымъ; наиболѣе выдающимися произведеніями можно считать стихотворенія М. Чернявскаго: *«П. О. Кулишъ»* и *«На могилы П. О. Кулиша»*, запечатлѣнные несомнѣннымъ талантомъ художника-поэта.

Остается теперь упомянуть еще о нѣсколькихъ изданіяхъ, присутствіе которыхъ въ украинской литературѣ минувшаго года является, по меньшей мѣрѣ, нежелательнымъ и излишнимъ. Это, во первыхъ, двѣ маленькія вещицы *Г. Яковича*, изданныя имъ въ *Полтавѣ*: *«Псалма (въ псалма)»* (въ 4 страницы) и *«Швецъ (Изъ казкы)»* (115 стр.),—Какъ та, такъ и другая свидѣтельствуютъ лишь о безнадежности поэтического дара у автора; во-вторыхъ, *„Кулида В. Д. Слипецъ“* и *„Стихотворенія 1887—1899“*,—въ *Кременчутъ* (первое—въ количествѣ 400, а второе—500 экз.). Хотя, къ нашему огорченію, намъ и не удалось достать этихъ изданій, но предыдущія творенія этого автора, оцѣненные по достоинству и на страницахъ *«Кіевской Старшны»*, и *«Літературно-Наукового Вістника»*, внушаютъ намъ сильныя подозрѣнія на счетъ ихъ доброкачественности. Наконецъ,

¹⁾ Это предисловіе было также издано и отдѣльной брошюрой (въ 8 страницъ). Бахмутъ, 1900.

²⁾ Собственно, данное изданіе является перепечаткой съ Женеваго изданія 1897 г. подъ тѣмъ же заглавіемъ.

въ *Екатеринославѣ* издана брошюра (всего лишь въ 100 экз.)—*«Дубравскій Матвій»*. Вирши. Перши юношни творы та переклады» (22 стр.) Къ сожалѣнію, и этой брошюры намъ не удалось видѣть.¹⁾

Таковъ итогъ литературной продукціи на нивѣ украинской литературы въ Россіи за минувшій годъ. Безъ сомнѣнія, не мало среди указанного нами матеріала можно найти излишняго балласта, но въ общемъ, если захотимъ сравнить въ качественномъ отношеніи (да и въ количественномъ!) изданія 1900 и 1899 гг. съ изданіями каждаго изъ предшествующихъ годовъ послѣдней четверти столѣтія,—несомнѣнное преимущество останется на сторонѣ этихъ двухъ послѣднихъ; который же изъ нихъ былъ болѣе продуктивенъ,—трудно сказать. Да и это не важно: дай Богъ, чтобы послѣдующіе годы новаго столѣтія давали не меньше.

Прим. Въ обзорѣ украинско-русской литературы за 1899 г. (Кіевск. Стар. 1900, кн. II) нами по различнымъ причинамъ не были отмѣчены нѣкоторые изданія 1899 года, о которыхъ мы сейчасъ и скажемъ нѣсколько словъ.

На первомъ мѣстѣ, конечно, надо поставить два изданія «Благотворительнаго Общества изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ» въ Петербургѣ—*«№ 2. О. Степовыкъ. Про городыну»* и *«№ 3. Г. Барвинокъ. Молодыча боротьба»*;—отзывъ о которыхъ былъ данъ въ свое время на стр. журнала „Кіевская Старина“²⁾; затѣмъ, въ *Луцкѣ*—нѣкто *Евгеній Ясинскій* издалъ рассказъ *«Кара Божья»*, являющійся для читателя несомнѣнной «карой Божьей»: рассказъ такъ наивенъ, ненатураленъ и неинтересенъ, что остается лишь предупредить читателя держаться подальше отъ подобныхъ сплошь тенденціозныхъ произведеній; въ

¹⁾ Въ заключеніе надо упомянуть о цѣлой серіи драматическихъ произведеній нѣкоего *И. М. Качинскаго*, изданныхъ авторомъ въ Москвѣ (Литограф. Московск. театр. библіот. С. Разсохина) въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ (110), именно: 1) Въ мори безъ кормыла (драма), 2) Дивчына—атаманъ банды ровійныивъ (драма), 3) Дочка запорожця XVII вѣку (мелодрама), 4) За сыротою—Вождь въ калытою (мелодрама), 5) Палке серце—загублена доля (драма), 6) Промежь молотомъ та наков'дломъ (!) (комедія).—И этихъ изданій не пришлось намъ видѣть. Наконецъ, нѣсколько украинскихъ стихотвореній, относящихся къ 30 гг. XIX ст., можно найти въ брошюрѣ „Воспоминанія и стихотворенія Н. Шрамченка“, изданной „pro domo sua“. Шрамченко, умершій въ 90 гг.—уроженецъ м. Борожежа, Глуховск. у.

²⁾ См. кн. IV, за 1900 г. стр. 29—30.

Кіевъ также не отмѣчены были два изданія фирмы Т. А. Губанова: 1) Дивный сонъ сиротыни (позма) и Розмова про гроши, або сиротына—*Максыма Цымбаленка*—два произведенія, добросовѣстно написанныя шестистопнымъ ямбомъ, не имѣющія опредѣленнаго смысла и 2) Колядакы *Собраль Кирилль Ивановичъ Самойленко*, и *Максымъ Цымбаленко*. Семень у пекли. Позма—первая изъ нихъ, паче чаяннѣя, имѣеть значительный интересъ, такъ какъ является записью колядокъ и щедривокъ, существующихъ въ настоящее время въ Кіевскомъ уѣздѣ, а вторымъ—очень оригинальнымъ по замыслу—авторъ, очевидно вознамѣрился затмить славу И. П. Котляревскаго, и потому собственной персоной отиравился въ пекло, чтобы провѣрить автора «Энеиды». Результаты поѣздки оказались довольно утѣшительные: отчетъ занялъ сколо 75 страницъ, загроможденныхъ такой «чертовщиной», что даже у человека привычнаго ко всякимъ ужасамъ „чубъ сверломъ стане“.

Не уступающій Т. Губанову, собрать его по ремеслу,—Сытинъ, издалъ въ *Москвѣ*: *Грицько-Кобзарь*. Сборникъ малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ, въ двухъ частяхъ—здѣсь можно найти и щедривки, и колядки, и колыбельныя, и обрядовыя пѣсни, и произведенія Шевченка и Котляревскаго (которые можно пѣть), и, вообще, что хотите. Тѣмъ не мевѣе, изданіе это нельзя ставить на одинъ уровень съ какимъ-нибудь «Семеномъ у пекли»,—оно, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ одобренія.

Кромѣ того, тамъ же вышелъ другой сборникъ, подъ заглавіемъ „Кобзарь. Сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ—*Грицька Остапенка*, въ количествѣ 6.000; 1) наконецъ, въ *Николаевѣ* вышла брошюра «*Безшляхъ Г. (Шуцанскый-Кривый)*. Не любо—не слухай, брехать не мишай. Фантазія югового(!) руського народу. Выдане 2, выправлене и доповнене». 2)

Въ заключеніе, считаемъ нужнымъ добавить, что отмѣченныя нами въ прошлогоднемъ обзорѣ одесскія изданія *Ц. . . батька О. Стародавня Украина въ драматичныхъ соравахъ. I. Чорный шляхъ. II.*

1) Къ сожалѣнію, намъ не приходилось его видѣть.

2) Тоже.

Козакъ Байца. III. За виру и правду. IV. Тарасъ Бульба; V. Ле-
венци. VI. Пушкарява. VII. Злыгодни. VIII. За Булану, — оказываются
не мелкими брошюрами, а огромныхъ размѣровъ (in 4°) тетрадами
по 100 и болѣе стр. каждая, литографированными въ незначи-
тельномъ (100 шт.) количествѣ экземпляровъ.

В. Доманицкій.

**Древности. Труды Импер. Московскаго Археологическаго Обще-
ства, изданные подъ редакціей В. К. Трутовскаго, секретаря
общества. Томъ XVII. Москва. 1900. 4°.**

Означенный томъ заключаетъ, главнымъ образомъ, протоколы
засѣданій Общества и Комиссiи по сохраненію древнихъ памятни-
ковъ, за 1893—96 г.г. Въ видѣ приложеній къ протоколамъ помѣ-
щены различнаго рода сообщенія, замѣтки и отчеты. Изъ послѣд-
нихъ мы отмѣтимъ имѣющіе отношеніе къ южной Россіи.

*Отчетъ г. кievскаго губернатора Л. Томары на запросъ Обще-
ства о нѣкоихъ Теленковъ.* Дѣло относится еще къ 1893 году, по
поводу газетной замѣтки, въ которой сообщается, что какой-то Те-
ленковъ развѣзжаетъ по Кіевской губ. и занимается скупкою старин-
ныхъ церковныхъ вещей и книгъ или обмѣномъ ихъ на новыя. Раз-
слѣдованіе подтвердило это сообщеніе. Теленковъ оказался крестья-
ниномъ Путивльскаго у., проживалъ съ 1880 г. въ Кіевѣ, занимался
шитьемъ ризъ для магазиновъ и развѣзжалъ по приходамъ Кіевск.
губ. съ вышеуказанной цѣлью. По его словамъ, имъ пріобрѣтено: въ
Таращавской соборной церкви 50 полотенецъ, 2 подрывника и нѣ-
сколько старыхъ ризъ, въ с. Ставахъ, Радомильск. у., — 2 старыхъ
евангелія (за 7 руб.): одно печатное, а другое писанное на перга-
ментѣ, послѣднее продано г. Хойновскому; въ г. Каневѣ, въ соборной
церкви — нѣсколько ризъ и подрывниковъ; въ уманскомъ соборѣ —
облаченія и другія парчевыя принадлежности. Кромѣ того, Теленковъ
сознался, что обмѣнивалъ и покупалъ старинныя церковныя вещи
во многихъ другихъ приходяхъ, но гдѣ и когда — не помнитъ. По со-
браннымъ, затѣмъ, свидѣніямъ черезъ исправниковъ, указанъ еще
цѣлый рядъ приходоу, гдѣ Теленковъ пріобрѣдалъ различные церков-
ные предметы. Разслѣдованіе открыло въ Кіевѣ еще одного скупщика

подобнаго рода—козака Онисима Шведова. Приведенные факты говорить сами за себя, прибавлять къ намъ нечего, можно только представить себѣ, сколько предметовъ было взято изъ церквей этими господами за время ихъ многолѣтней практики! Неудивительно послѣ этого, что церкви Кіевской епархіи, какъ это показала, между прочимъ, и наша послѣдняя экскурсія для описанія памятникѣвъ старины, оказались почти совершенно очищенными отъ всего стараго. Но гг. Теленковы тутъ не виноваты,—это мелкіе, необразованные торгаша, преслѣдующіе лишь цѣль наживы,—виноваты тѣ, кто можетъ и долженъ заботиться о церковной старинѣ и, вмѣсто этого, допускаетъ ихъ сплошное уничтоженіе...

Въ замѣткѣ С. Е. Зетрега—*Археологическія находки въ Воронежской губ. въ 1892—93 и.*, приводятся свѣдѣнія о находкахъ, главнымъ образомъ, монетъ, не представляющихъ особаго интереса.

Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ представилъ *Краткій отчетъ о поездкѣ въ Юго-Западный край и Крымъ*, гдѣ описываетъ встрѣченные имъ памятники армянской старины. Имъ посѣщены: г. Могилевъ на Днѣстрѣ, г. Каменецъ-Подольскъ (армянскій Николаевскій костель, построенный въ 1398 г. съ иконой Вожіей Матери X в., ризница, портреты, надписи), с. Жванецъ, Кишиневъ, Григоріополь, мѣстности по Дунаю, Одесса, Аккерманъ (43 надписи, изъ нихъ одна X в.), Θεодосія (въ церквяхъ 53 надписи, одна XI в. и въ музей—10 надписей, одна XI в.), Старый Крымъ, Симферополь. Поездка г. Кучукъ-Іоаннесова показала, что югъ Россіи и въ частности Юго-Западный край могутъ дать нѣкоторый матеріалъ для изслѣдователя армянской старины, и намъ кажется, что болѣе тщательные розыски дадутъ матеріала еще больше.

В.

Karol Bojsunowski. Najdawniejsze pomniki chrześcijaństwa na Rusi. (III Zjazd historyków polskich w Krakowie).

Небольшая брошюрка, въ 10 страницъ, занята, главнымъ образомъ, описаніемъ рисунковъ, помѣщенныхъ на приложенной таблицѣ. Сначала трактуется о пути отъ Черного моря къ Балтикѣ и главное вниманіе обращается на Привпять («Припуть» по терминологіи автора, что означаетъ «при-пути»!), а дѣлается это съ той цѣлью, что въ

бассейнѣ Приняти, у нѣкоторыхъ селѣ Овручскаго уѣзда, на песчаныхъ буграхъ, наряду съ цѣлой массой другихъ предметовъ, начиная отъ каменнаго вѣка и кончая XIX ст., были найдены, между прочимъ, и предметы, обратившіе серьезное вниманіе автора, послужившіе основаніемъ настоящаго реферата и признаваемые авторомъ за древнѣйшіе памятники христіанства на Руси.

Это, прежде всего, бронзовая привѣска въ видѣ рыбки, а рыба—символь Спасителя, и потому наша «рыбка» должна относиться къ V-му вѣку и служить вѣрнымъ свидѣтельствомъ существованія христіанства въ этомъ вѣкѣ въ глубинѣ Полѣсья... Затѣмъ идутъ: привѣска въ формѣ схематическаго изображенія человѣческой фигуры—авторъ «вѣрить», что это прототипъ пятиконечнаго креста, употреблявшагося въ первыя времена христіанства, два крестика—обычный типъ тѣльничковъ XI—XIII ст., но, по мнѣнію автора,—IX вѣка, каменный крестъ—очень и очень сомнительный въ отношенія подлинности, бронзовый медальонъ въ формѣ сердечка—XVII или, что вѣрнѣе, XVIII в.,—по мнѣнію-же автора—XIV в., набивная бляшка въ формѣ сердечка, XI—XII ст., въ массѣ находимая на княжескихъ городищахъ, и еще нѣсколько крестиковъ, очень обычныхъ типовъ XI—XIII ст.—и все это памятники первыхъ временъ христіанства на Руси, отодвигаемаго авторомъ къ V-му вѣку, главнымъ образомъ, благодаря «рыбкѣ»! Конецъ реферата посвященъ рѣшенію еще одного капитальнаго вопроса: чѣмъ объяснить находеніе въ южной Россіи такой массы римскихъ монетъ I—III вв.? Дѣло обстоитъ очень просто: послѣ втораго возстанія евреевъ, въ 135 году они были окончательно разсѣяны, забрели и на Русь и принесли съ собой римскія монеты...

М. Б.

Графиня Уварова. Матеріалы по археологіи Кавказа. Вып. VIII. Могильники Сѣвернаго Кавказа. Москва. 1900. 4°. 381 стр. + карта + 134 табл.

Настоящій трудъ гр. Уваровой займетъ выдающееся мѣсто въ археологической литературѣ, къ слову сказать, въ послѣднее время сильно оскудѣвшей. Какъ результатъ личныхъ раскопокъ и наблюденій, внимательнаго изученія и сравненія всего, имѣющагося въ

русскихъ и заграничныхъ музеяхъ, этотъ капитальный сводъ матеріала, касающагося могильниковъ Сѣвернаго Кавказа, долженъ послужить настольной книгой для всякаго, кто штудируетъ древности Россіи и особенно древности южно-русскія. Знакомство съ древностями Кавказа началось для графини Уваровой съ 1879 г. и съ того времени не прекращался интересъ къ нимъ. Будучи участницей многочисленныхъ раскопокъ покойнаго гр. Уварова и его сотрудниковъ (В. Б. Антоновича, В. Л. Беренштама, г. Полякова, А. А. Руссова и др.), продолжая, затѣмъ, раскопки самостоятельно, гр. Уварова накопила громадный запасъ свѣдѣній. «Я весьма долго не воображала, говорить гр. Уварова въ предисловіи, возможнымъ лично для себя обработку и изданіе собираемаго матеріала, не воображала потому, что не считала себя довольно подготовленною для столь трудной задачи и ожидала случая передать кому-либо, болѣе достойному, собранный матеріалъ, дневники и личныя наблюденія. Но годы идутъ; времени прошло не мало, не только со времени первыхъ систематическихъ раскопокъ на Кавказѣ, но даже и съ кончины графа; надвигается старость, и меня начинаетъ разбирать страхъ — увести съ собой въ могилу все, что пришлось видѣть и слышать о могилахъ Кавказа, и оставить снова весь собранный драгоценный матеріалъ безъ описанія и обработки. Думаю, что издавъ его, какъ умѣю, со многими таблицами и цинкографіями, я, несмотря на всѣ недочеты своихъ познаній, все-таки послужу дѣлу и дамъ возможность русскимъ ученымъ, во-первыхъ, оправдаться предъ Европой изданіемъ научнаго матеріала, всецѣло принадлежащаго Россіи, но до сихъ поръ обработаннаго преимущественно иностранными учеными, и во-вторыхъ — воспользоваться имъ для дальнѣйшихъ трудовъ и научныхъ выводовъ, которые станутъ возможнѣе и доступнѣе при матеріалѣ, собранномъ въ одно цѣлое и болѣе или менѣе систематизированномъ»... Данный томъ составляетъ лишь начало цѣлаго ряда такого рода сводовъ по древностямъ Кавказа, по немъ можно судить о грандіозности принятой работы. Здѣсь, одно за другимъ, слѣдуетъ цѣлая масса описаній изслѣдованныхъ могильниковъ, представляющихъ огромное разнообразіе въ отношеніи времени происхожденія, погребальныхъ обрядовъ, типовъ найденныхъ предметовъ. Изложеніе состоитъ изъ характеристики мѣстности, описанія хода раскопокъ, перечисленія и детального описанія добытаго инвентаря и въ концѣ — выводовъ. Если прибавить, что все это иллюстрируется, дополняется и объясняется

массой таблицъ, превосходно исполненныхъ фототипіей и хромофотографіей, а также рисунками въ текстѣ, то станетъ очевиднымъ то серьезное, *научное* значеніе, какое представляетъ настоящій трудъ. Опубликованіе массы неизвѣстнаго или мало доступнаго матеріала открываетъ новыя перспективы въ объясненіи многихъ вопросовъ, связанныхъ съ культурными взаимоотношеніями древности, взаимоотношеніями, затронувшими отчасти и нашъ югъ, такъ что, несмотря на ту скромность, съ какой говоритъ о своемъ трудѣ гр. Уварова, его нужно поставить на ряду съ замѣчательными научными открытіями, сильно измѣняющими движеніе и направленіе научной работы.

В.

Ksawery Chamiec. Wśród stepów i jarów, Kultura przeddziejowa.

(*Biblioteka Warszawska, ноябрь и декабрь 1900 г.*)

Ксаверій Хамецъ время отъ времени помѣщаетъ въ названномъ журналѣ небольшіе очерки, посвященные первобытной культурѣ Кіевщины. Авторъ хорошо знакомъ съ мѣстными памятниками древности, хорошо знаетъ также и западно-европейскую археологическую литературу. Сближеніе и освѣщеніе нашихъ древностей съ данными западно-европейскими и составляетъ главную цѣнность этихъ очерковъ. До сихъ поръ авторъ трактуетъ пока еще древности каменнаго вѣка.

Въ первой статьѣ, послѣ небольшого вступленія, гдѣ говорится о находкахъ т. н. «площадокъ» съ культурой восточнаго происхожденія, и амфоръ, также чужеземнаго происхожденія (хотя нужно замѣтить, что для отнесенія послѣднихъ къ каменному вѣку пока еще нѣтъ данныхъ), авторъ все вниманіе сосредоточиваетъ на погребеніяхъ въ каменныхъ гробахъ или кистахъ. Такого рода памятники встрѣчены въ сѣверной, лѣсной части Кіевщины, но къ сожалѣнію, до сихъ поръ мы имѣемъ лишь очень немного свѣдѣній объ этихъ находкахъ. Объясняется это тѣмъ, что надъ кистами, на поверхности земли, нѣтъ никакихъ насыпей или другихъ признаковъ, указывающихъ на ихъ существованіе, — находятъ ихъ лишь случайно.

Благодаря скудости матеріала, погребеніямъ этого рода Кіевщины авторъ удѣляетъ здѣсь немного мѣста, распространяется-же главнымъ образомъ о вопросахъ болѣе общаго характера, однако имѣющихъ отношеніе и къ настоящему. Здѣсь говорится о дольменахъ, объ ихъ происхожденіи, назначеніи, о связи дольменовъ съ кистами, причемъ доказывается, что кисты могли возникнуть и самостоятельно; поднимается затѣмъ вопросъ о томъ, одному-ли народу принадлежали дольмены и кисты, или разнымъ,—все это съ массой ссылокъ на факты.

Погребенія въ каменныхъ гробахъ относятся къ неолитическому періоду каменнаго вѣка, къ бронзовому вѣку и даже захватываютъ желѣзный. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ исключительно о первыхъ. Среди другихъ видовъ погребальнаго обряда этой эпохи, встрѣчающихся въ Кіевщинѣ, этотъ типъ относится къ позднѣйшему времени. Именно, самымъ древнимъ авторъ считаетъ погребеніе въ землѣ трупа, завернутаго въ кору или шкуру—типъ, общій и для сѣверной и для южной части Кіевщины. Затѣмъ, въ южной, степной, части края господствующимъ является совмѣстное погребеніе нѣсколькихъ труповъ въ курганахъ, въ сѣверной-же, лѣсной—погребеніе въ кистахъ. Этотъ послѣдній типъ, по мнѣнію автора, возникъ здѣсь не самостоятельно, а былъ занесенъ съ юго-запада, изъ покутско-подляскаго Подкарпатья. Въ заключеніе авторъ касается географическаго распространенія всѣхъ каменныхъ гробовъ, къ какой-бы эпохѣ она ни относились (конечно, рѣчь идетъ лишь о доисторическомъ времени). Въ этомъ отношеніи авторъ дѣлитъ Европу на двѣ части: восточную и западную, и принимаетъ за раздѣляющую линію теченіе Западной Двины и Днѣпра, хотя добавляетъ, что отъ этой главной линіи шли и отклоненія. Такъ, на югѣ, отъ средняго теченія Днѣпра до Чернаго моря, распространеніе каменныхъ гробовъ скорѣе можно констатировать въ бассейнахъ Буга и Днѣстра, чѣмъ въ бассейнѣ Днѣпра.

Начало второй части посвящено обширному обзору и характеристикѣ погребеній въ каменныхъ гробахъ на всемъ обширномъ пространствѣ Западной Европы. Разбивъ, затѣмъ, всѣ эти данныя на группы по мѣстонахожденію, авторъ постепенно приближается къ востоку, къ каменнымъ гробамъ, обнаруженнымъ въ южной Россіи. Они образуютъ здѣсь обособленную группу, названную авторомъ подольско-воляско-полѣвской и составляютъ какъ-бы самостоятельное

гнѣздо. Авторъ даетъ перечисленіе находокъ въ данной области попутно отмѣчаетъ сходство въ археологическомъ отношеніи Подоліи русской и галицкой и послѣ этого «длиннаго путешествія», какъ онъ говоритъ, возвращается къ Кіевщинѣ, но не надолго, такъ какъ матеріалъ, какъ указано выше, здѣсь очень ограниченъ. Въ концѣ статьи вниманіе автора снова привлекаетъ культура съ расписными сосудами, составляющая, какъ извѣстно, уже переходъ къ металлу. Что касается происхожденія этой культуры, то авторъ присоединяется къ общепризнанному мнѣнію именно слѣдующему: новый типъ расписанной посуды, по всей вѣроятности черезъ Венгрію и Подолію, вмѣстѣ съ южной культурой, достигъ Кіевщины; здѣсь онъ засталъ мѣстную культуру и, наряду съ ней, другую, пришедшую съ сѣверо-запада (тутъ авторъ отчасти противорѣчитъ раньше высказанному положенію), быть можетъ отъ оз. Голла или изъ теперешнихъ Кузвъ, представителями которой являются каменные гробы.

Вопросъ о погребеніяхъ въ кистахъ почти не былъ затронутъ въ нашей литературѣ. Между тѣмъ, уже и теперь имѣющіася данныя говорятъ за распространеніе этого типа на югѣ Россіи, но нужны еще факты, а для этого нужны и спеціальныя изслѣдованія,—статьи К. Хамца очень кстати ставятъ на очередь этотъ вопросъ. Единственный упрекъ, какой можно сдѣлать автору,—это чрезчуръ ужъ растянутое изложеніе, снабженное массой подробностей, мало интересныхъ для читателя-неспециалиста, для котораго и предназначена статья.

В

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера рассмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 2; 2) Русская Старина, № 2; 3) Историческій Вѣстникъ, № 2; 4) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 2; 5) Вѣстникъ Европы, № 2; 6) Русская Мысль, № 2; 7) Научное Обозрѣніе, № 2; 8) Книжки Восхода, № 1; 9) Литературно-Научный Вѣстникъ, № 2; 10) Ateneum, № 2; 11) Biblioteka Warszawska, № 2; 12) Slovanský Přehled, № 6 (3); 13) Przewodnik naukowy i literacki, № 2; 14) Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 12 1900 г. и 1 за 1901 г.; 15) Варшавскій Университетъ-

скія Извѣстія, 1900 г. № 9; 16) Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 1; 17) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, № 1; 18) Миръ Божій, № 2; 19) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 1.

Русскій Архивъ, № 2.

И. А. Матвѣевъ. Москва и Малороссія въ управленіе Ордина-Нащокіна Малороссійскимъ Приказомъ.

Послѣ краткаго обзора событій, предшествовавшихъ непосредственно смерти Хмельницкаго, авторъ переходитъ къ опредѣленію отношеній Ордина-Нащокіна къ Малорусскому вопросу и степени его участія въ немъ. Какъ извѣстно, Ординъ-Нащокінь не видѣлъ пользы въ присоединеніи «Черкасскихъ городовъ» къ Московскому государству и въ этомъ направленіи старался повліять и на Алексѣя Михайловича. Однако политическія соображенія Московскаго правительства шли въ разрѣзъ съ мнѣніемъ Нащокіна.—Послѣ избранія гетманомъ восточной Украины Брюховецкаго—начинается сближеніе съ Москвою, такъ какъ Брюховецкаго «Московской протекціи», и дѣйствительно, до 1667 г. вѣрно и усердно служилъ Москвѣ. Но Андрусовскій договоръ и слухи, что Нащокінь заключилъ съ польскими панамъ союзъ противъ козаковъ—побудили Брюховецкаго къ «измѣнѣ» и къ сношеніямъ съ Дорошенкомъ. Въ Москвѣ, въ Приказѣ Малой Россіи, всполошились и занялись принятіемъ мѣръ къ уснокоенію умовъ; но начальникъ Приказа Малой Россіи обнаружилъ при этомъ свое явное незнаніе людей и отношеній въ Малороссіи. Въ 1668 г. произошло извѣстное изгнаніе русскихъ воеводъ. Когда позже произведено было разслѣдованіе о причинѣ вспыхнувшаго въ Малороссіи возстанія, оказалось, что одной изъ причинъ было сомнѣніе, вызванное словами Ордина-Нащокіна, который гетманскимъ посланцамъ говаривалъ, что царскому величеству Малороссія будто бы ненадобна, и Кіевъ будетъ вскорѣ отданъ Польскому королю.

Моиша Гоголя (стр. 338). Сообщается о печальномъ состояніи могилы Гоголи въ Москвѣ.

Историческій Вѣстникъ № 2.

В. О. Милневичъ. Исторія карточной игры на Руси (главы V—VII) (стр. 559—587). Упомянуется о «Банкахъ» гр. А. Г. Разумов-

скаго, большого любителя карточной игры, о карточной игрѣ въ Малороссіи и Запорожьи вообще (ссылка на «Эванду» Котляревскаго и завѣщаніе прилудкаго есаула М. О. Мовчана, писанное въ 1742 году—см. Русск. Архивъ, 1875, кн. I, стр. 320).

Нельзя не отмѣтить курьеза въ данной статьѣ. Говоря о Разумовскихъ, въ особенности о гетманѣ Кириллѣ Григорьевичѣ, пользовавшихся большимъ вліяніемъ и большой популярностью въ Малороссіи, и вообще о поднятій, благодаря ихъ возвышенію, кредита всѣхъ вообще малороссовъ въ Петербургѣ, преимущественно богатыхъ представителей знатныхъ шляхетныхъ фамилій, авторъ добавляетъ: «*Потомъ* кредитъ этотъ, какъ извѣстно, былъ сильно уроненъ измѣной... *Мазень*» (!)

Мелетій Васильевъ. Изъ прошлаго. Разказы о Митрополитѣ Филаретѣ (стр. 816—818). Четыре небольшихъ разказа о митрополитѣ Филаретѣ, записанные въ с. Выдыборѣ, Радомысльскаго у.,—о его щедрости, любви къ дѣтямъ, тактичномъ пресѣченіи въ консисторіи взяточничества, объ отказѣ отдать приходъ за дочерью матушки вдовы, вслѣдствіе крайне безобразной наружности невесты. Въ отдѣлѣ «Смѣсь» (стр. 831—834) помѣщенъ отчетъ о дѣятельности «Комитета по устройству археологическаго съѣзда въ Харьковѣ».

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 2.

Въ отдѣлѣ «Критика и библиографія». *Ю. А. Кулаковскій*. О. Браунъ. Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній. I. Готы и ихъ сосѣди до V вѣка. Періодъ первый: Готы на Вислѣ СИБ. 1899». (стр. 500—526).

Рецензентъ указываетъ крупныя недочеты въ трудѣ О. Брауна, какъ-то: неточное опредѣленіе родины готовъ, смѣлое установленіе термина a quo для исторіи славянскаго міра, погрѣшности въ толкованіи исторіи скифовъ.

Русская Мысль № 2.

Въ статьѣ *Н. Тулуновъ*: «*Книжные склады въ Россіи*» (стр. 15—43) приводятся нѣкоторыя данныя о книжной торговлѣ въ южныхъ губерніяхъ, гдѣ нѣкоторыми губернскими и уѣздными земствами устроены книжные склады (херсонск. и харьковское губернск. земства, кременчугск., александрійское, александровское, елисавет-

градское уѣздныя земства). Изъ веземскихъ губерній встрѣчаемъ краткія указанія на книжный складъ Кіевского Общества Грамотности. Изъ данныхъ о томъ, какія книги пользуются наибольшимъ спросомъ, отмѣчено, что «Наймычка» Шевченка пользуется особой популярностью среди крестьянокъ южныхъ губерній, а также довольно распространены «Сестрыца Галя» Гринченка и «Павло Чернокрыль» Марко-Вовчка.

Д. И. Эварницкій. «Гайдамацкое движеніе и уманская рѣзня 1768 года». (стр. 44—71). Это есть публичная лекція, читанная авторомъ въ Петербургѣ въ мартѣ прошлаго года для усиленія средствъ Общества имени Т. Г. Шевченка въ Петербургѣ.

Літературно-Науковий Вістник, № 2.

Маруся Боуславка, П. Куліша. Друга половина (конецъ буде) (стр. 117—139).

З військового шпиталю, оповідане М. Яцкова (140—150). Картинка госпитальныхъ нравовъ.

Над моремъ, оповідане Лесі Українки (конецъ, стр. 151—168). Изъ ялтпнскихъ встрѣчь; изображается типъ скучающей, пустой русской интеллигентной дѣвушки, ничѣмъ не занимающейся, кромѣ флирта и нарядовъ.

Так криче, оповідане Гр. Григоренка. (стр. 169—185). Изображается яркій типъ крестьянина (незаконнаго сына помѣщика), дармоѣда, отвыкшаго отъ какого-либо труда и потому живущаго на счетъ чужихъ силъ и средствъ. Оканчивается тѣмъ, что герой разсказа поджегъ скирды помѣщика и угодили на каторгу.

Разсказъ написанъ художественно и производитъ на читателя сильное впечатлѣніе.

Мінятюри: VI. Гарменія—Дніпрової Чайки. VII. Сиовій духа—Гната Хоткевича, VIII. Гимн щастя, IX. На руїнах—Ярос. Веселовського (стр. 186—193).

Изъ буддійської книги «Сутта-Нипата», пер. Івана Франка (стр. 194—196).

Маруся, оповідане В. Г. Короленка (кон. буде) (стр. 197—230) Переводъ.

Изъ «Фантазій реалиста». Лінкея (проф. Й. Поншера) (стр. 231—238). Въ высшей степени жизненныя сцены и картинки общественной жизни.

На порозі столітя, М. Грушевського (стр. 77—87). Итоги культурнаго розвитку української народности и надежды на будущее.

Споминки про Федьковича, Р. Звклиньского (далі) (стр. 88—104). Исторія букваря и «сиванника», составленныхъ Федьковичемъ, и переписка по этому поводу Федьковича съ Вучинскимъ.—Воспоминанія о Федьковичѣ Семанюка (студента Вѣнскаго университета).

З російської України, Spectator'a (стр. 105—112).

Обзоръ украинской жизни за минувшій годъ: некрологи, юбилей, общественная жизнь, національные споры, литература).

З подорожі по Европі, Андрия К—ського (стр. 113—120). З передмовою І. Франка.

Впечатлѣнія автора отъ посѣщенія имъ Швейцаріи.

Наукові листки I—VI. (стр. 121—131). 1) Криза в біології,— І. Ф.; 2) Міжнародній звязок Академій Наук,—В.; 3) До характеристикки М. С. Щенкина,—А. Я. (изъ «Вѣстника всемірної исторіи») 4) «Гумористичний орган» — по поводу «Славянського Вѣка» —С. Е.; 5) «Говорпла баба до самої смерти» — по поводу послѣднихъ статей проф. Флоринскаго въ «Кіевлянинѣ», С. Е.; 6) Македонське питання і сучасні фарисеї —С. Е.

Хроніка и бібліографія (стр. 132—152). По обыкновенію, множество цѣннаго матеріала для текущей культурной жизни Галицкой Руси-Украины.

Slovanský Přehled, № 6 (3).

Ručená Jesenská. Z poesie maloruske. Ivan Franko: Rozvejte se vetrem («Розвійтеся з вітром, листочки зівяли»), V Peremyšli, kde San zeleny plyne («В Перемишлі, де Сан зелений плине»), Ach, to je ta cesticka («Чи сеж тая стежечка»), Odevzdáni vire («Дождання»), Život a utrpení, zajetí a smrt, muka i proslavení svatého Seledia («Житє, страждання, мука і смерть, прославлення святого Селедія»), Kráčí vitr po žite («Гуля по ниві вітер»), Rozkaz proti hladu («Наказ проти голоду»), Na udolim viska lezi («При долині сельце стоить»).

Переводъ 8 стихотвореній извѣстнаго талантливаго писателя, исполненный Р. Ясенской довольно удачно, съ сохраненіемъ размѣра подлинника.

Przewodnik naukowy i literacki, № 2.

Fr. Rawita-Gawroński. Wycieczki historyczno-archeologiczne po Ukrainie (стр. 131—148). Авторъ дѣлится впечатлѣніями отъ посѣщенія съ археологическими дѣлами Чигирина и Субботова. Между прочимъ онъ высказываетъ гипотезу, на основаніи нѣкоторыхъ личныхъ соображеній, что «Метрополь» Птолемея—долженъ быть вовсе не Кіевъ, а Чигиринъ. Заговоривъ о Субботовѣ, авторъ не удержался, чтобы не разразиться филиппикой по адресу Хмельницкаго («zbyt czesto pijanego Chmiela») и его «вредной» дѣятельности; останковъ же Хмельницкаго «поляки несомнѣнно не выбрасывали; довольно посмотрѣть на толщину стѣны, чтобы убѣдиться, что гробъ (Хмельницкаго) починаеть, если не въ церковномъ подвалѣ, то въ боковой стѣнѣ—только никто до сихъ поръ не искалъ его!»

Dr. Eugeniusz Romer. Rola rzek w historyi i geografii i narodów (стр. 149—161). (Окончаніе). Подтверждается примѣрами та мысль, что коммуникаціонное и торговое движеніе производится во всемъ мірѣ въ двухъ направленіяхъ: въ вертикальномъ, въ которомъ происходятъ постепенное водоизмѣненіе продуктовъ земли, вслѣдствіе измѣненія климатическихъ условій, и горизонтальномъ—въ которомъ измѣняются культуры.

Fr. Bujak. Długosz jako geograf (стр. 171—184). Указываются ошибки въ его географическихъ трудахъ; неправильное приуроченіе названій, напр., къ рѣкамъ въ Польшѣ и въ нынѣшней Малороссіи.

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 12-й 1900 г. и № 1-й 1901 г.

№ 12. Въ отдѣлѣ «Земское и городское хозяйство» (стр. 34) сообщается о конкурсѣ для составленія учебниковъ русскаго языка и ариметики, приворовленныхъ къ особенностямъ народнаго языка и быта Полтавской губерніи.

Въ отдѣлѣ «Монографіи, матеріалы и свѣдѣнія»: *Б. Гринченко.* А. М. Кулишъ (Ганна Барвинокъ). (По поводу сорокалѣтія ея литературной дѣятельности) (стр. 42—61).

Биографическій очеркъ и оцѣнка литературной дѣятельности писательницы, празднующей въ настоящемъ году сорокалѣтній юбилей своей литературной дѣятельности.

Въ отдѣлѣ «Мѣстная Хроника» (стр. 61—63): *Александръ Яковлевичъ Конисскій*. Некрологъ, заимствованный изъ газеты «Кіевлянинъ».

Въ «Приложеніяхъ»:

Н. П. Василенко. Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ вѣжинскаго полка, (стр. 353—417) (Окончаніе).

Здѣсь же приложено и предисловіе къ „Генеральному слѣдствію“ (стр. I—IX).

Б. Д. Гринченко. Изъ усть народа. Этнографическіе матеріалы. (Отдѣльное приложеніе).

Очень цѣнный матеріаль—малорусскіе разказы, сказки и проч., составляющіе IV томъ въ высшей степени цѣнной серіи „Этнографическіе матеріалы“.

№ 1. *О. Бьлззерскій*. Родина. Сестра. Любянка (стр. 66—74). Не большіе экскурсы въ область народнаго творчества—лирическихъ пѣсенъ, изъ которыхъ явствуетъ, насколько малороссъ всегда тяготѣлъ къ культу кровной связи, а въ частности, — къ члену ея—сестрѣ, а также явствуетъ разница во взглядѣ на любовь великоросса и малоросса, разница въ степени женственности и домовитости украинской женщины въ сравненіи съ великорусской.

Экскурсы въ область пѣсеннаго творчества заставили автора прійти къ тому заключенію, что нашъ народъ „закристаллизовался въ формахъ родоваго быта“, и къ первобытнымъ, еще отъ поры земледѣльческаго и номаднаго общепарійскаго быта, названіямъ, какъ то: folk—полкъ, полчище, grām—громада, ничего не прибавляя къ номенклатурѣ болѣе обширнаго общественнаго порядка. Поэтому становятся понятными тѣ неурядицы, которыми сопровождался каждый подъемъ народнаго духа въ нашей исторіи: не было понятія, а слѣдовательно и слова, которое бы всѣхъ соединяло.

О. Иличевскій. Земледѣльческіе кружки въ Галиціи (стр. 116—121). Свѣдѣнія о достойной подражанія дѣятельности Львовскаго „Общества Земледѣльческихъ Кружковъ“, достигшаго въ теченіе 15 лѣтъ того, что въ настоящее время въ Галиціи нѣтъ ни одной деревни, гдѣ бы не было организовано земледѣльческаго кружка.

Ученія Записки Императорскаго Назанскаго Университета, № 1.

А. Архангельскій. Образование и литература въ Московскомъ государствѣ кон. XV—XVII вв. (Продолженіе) (стр. 1—34). Перечисляются переводные труды А. Курбскаго, а также отмѣчается благотворная дѣятельность К. К. Острожскаго въ дѣлѣ просвѣщенія (типографія, изданія по его мысли и порученію: Апокризисъ и др.)

Труды Кіевской Духовной Академіи № 1.

Н. И. Петровъ. Историко-археологическій очеркъ г. Брянска, Орловской губерніи, и его отношеній къ Кіеву (стр. 3—33). Историческія свѣдѣнія о г. Брянскѣ Орловской губ. съ XII в. и по настоящее время. Зависимость г. Брянска отъ Кіево-Печерской Лавры въ XVII и XVIII вв. Археологическій интересъ къ г. Брянску (Церковныя древности).

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 2 журнала «Журналъ для всѣхъ» помѣщенъ, на 1-ой страницѣ, прекрасный портретъ Т. Г. Шевченка и такая же статья А. Ефименко «Памяти Тараса Григорьевича, Шевченка», въ которой авторъ отмѣчаетъ особенное значеніе Шевченка для Украины, не какъ поэта лишь, а какъ и дѣятеля историческаго, способствовавшаго возникновенію національнаго самосознанія у цѣлой народности. Тамъ же помѣщенъ переводъ стихотв. А. Я. Конисскаго «На смерть Т. Г. Шевченка» (пер. принадлежитъ Ив. Бѣлоусову).

Въ № 1 журн. «Журналъ для всѣхъ» помѣщенъ краткій некрологъ А. Я. Конисскаго.

Въ № 40 газеты «Новости и Биржевая газета» помѣщена интересная статья А. Лотоцкаго «Украинскій театръ», представляющая обстоятельный историческій очеркъ развитія театральнаго искусства въ Украинѣ въ XVII, XVIII и XIX столѣтіяхъ. Очеркъ содержитъ много новыхъ данныхъ для исторіи украинскаго театра во второй половинѣ минувшаго столѣтія, когда театральное искусство достигло наибольшаго развитія и стало на твердую почву. Статья эта, несомнѣнно,

займетъ почетное мѣсто въ небогатой понинѣ литературѣ украинскаго драматическаго искусства.

Исполнившееся въ 1898 г. столѣтіе малорусской литературы составило предметъ статьи Г. Адама въ послѣднемъ выпускѣ *Magazin für Literatur*. Сообщивъ о главнѣйшихъ дѣятеляхъ этой литературы и объ ихъ произведеніяхъ, авторъ заключаетъ, что не смотря на непрерывную борьбу съ различными препятствіями, малорусская литература продолжала развиваться и можетъ уже выставить рядъ имевъ, которыя сдѣлали бы честь любой литературѣ. (Русск. Вѣд. № 24).

Въ 1894 г. изъ-подъ пера нѣкогого А. Тодароделла Галія вышла на итальянскомъ языкѣ книга подъ заглавіемъ „Положенія русскаго гражданскаго права“ (*Istituzioni di diritto civile russo* (per A. Todaro della Galia. Torino-Roma. L. Roux e C. librai—editori. 1893, 8°, XXVIII+498). Сочиненіе посвящено императору Александру III, написано на основаніи свода законовъ Рос. Имперіи (т. X, ч. I) и другихъ русскихъ и иностранныхъ источниковъ и раздѣляется на 3 части, изъ которыхъ одна носитъ названіе: «*Disposizioni specialitei governi di Tchernigof e Poltava*» (стр. 237—251) и трактуетъ о семейныхъ, имущественныхъ и наследственныхъ отношеніяхъ въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ. Цѣль автора, очевидно, знакомаго съ русскимъ языкомъ,—содѣйствовать своимъ трудомъ расширенію данныхъ для сравнительнаго изученія права въ разныхъ странахъ.

Въ № 16 газ. «Кубанск. Областн. Вѣдомост.» помѣщено письмо въ редакцію М. О. Поночовнаго «Къ вопросу объ основателяхъ гор. Темрюка», въ которомъ сообщаются данныя о началѣ заселенія мѣстности г. Темрюка праирадѣдомъ автора корреспонденціи—Демьяномъ Поночовнымъ.

Въ № 41 газ. «Дѣло» помѣщена статья «Справа народныхъ шкель на Украини», въ которой отмѣчены ходатайства земствъ въ послѣдніе годы о допущеніи въ народныя школы украинскаго языка и книгъ.

Въ послѣднемъ, XXVIII выпускѣ «Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа» помѣщено обширное изслѣ-

дованіе Е. С. Токайшвили «Жизнь и извѣстіе о Багратидахъ, царяхъ нашихъ грузинскихъ, откуда они явились въ эту страну, или съ какого времени владѣютъ они царствомъ грузинскимъ, которое написалъ Сумбатъ, сынъ Давида». Въ этомъ послѣднемъ приводятся (стр. 158—159, прим.) интересныя данныя армянскаго писателя XI в. Асохика объ участіи русскихъ войскъ въ военныхъ дѣйствіяхъ царя Василія (греческаго) въ концѣ X столѣтія противъ Грузіи: «ихъ было 6000 человекъ пѣшихъ, вооруженныхъ коньями и щитами, которыхъ просилъ царь Василій у царя рузовъ (русскаго) въ то время, когда онъ выдалъ сестру свою замужъ за послѣдняго. Въ то же самое время рузы увѣровали во Христа».

Въ № 15 (1) издаваемого въ Вѣнѣ «Славянскаго Вѣка» помѣщена любопытная въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ статья К—сы, „Проф. Карѣвъ во Львовѣ“. Указавъ на то, что молодежь, собравшаяся въ „Академічній Громаді“ слушала лекцію на „общерусскомъ языкѣ“, и, значитъ, она понимаетъ этотъ языкъ, и онъ не такъ далекъ отъ малорусскаго—авторъ даетъ отъ себя въ высшей степени интересное объясненіе, которое считаемъ не лишнимъ заимствовать отсюда. „Знаніе русскаго языка молодежью русской Галиціи—результатъ дѣятельности проф. Грушевскаго, какъ это ни покажется, можетъ быть, страннымъ для нѣкоторыхъ. Воспитанникъ русской школы, человекъ русской культуры, онъ выгодно отличается отъ своеобразной человѣческой (!) породы рутенцевъ Галиціи, или отъ исключительныхъ этнографическихъ малоросовъ, и будучи малоросомъ, проф. Грушевскій не перестаетъ быть русскимъ вообще. Съ этой точки зрѣнія дѣятельность г. Грушевскаго и ея результаты возбужаютъ недовольство и разочарованіе гг. Бобжинскихъ и Барвинскихъ, которые ждали нѣчто другое (!) отъ «выписаннаго» профессора. *Что касается украинства въ дѣятельности г. Грушевскаго, то оно не оказываетъ вреднаго вліянія на Россію, и всей своей остротой направлено противъ полонизма, отъ котораго спасаетъ галицкое русское населеніе. Слѣдовало бы повяты это и многимъ другимъ людямъ въ Россіи: безъ галицкаго украинства русское населеніе, можетъ быть, совсѣмъ пропало бы, не находя никакой поддержки изъ Россіи.*

Въ томъ же номерѣ (стр. 25), говоря о юбилеѣ А. С. Петрушевича по случаю 80-лѣтія со дня его рожденія, редакція съ прискорбіемъ отмѣчаетъ „странную, чтобы не употребить болѣе рѣзкаго

выраженія, виходку предсѣдательниці Рус. Археолог. Общества, гр. Уваровой, вздумавшей привѣтствовать *рускиѣ* на *рускомъ* (курсивъ подлинника) торжествѣ не *по-руски*, какъ это дѣлали даже многіе славяне (проф. Кадлецъ изъ Праги), а *по-французски*“. „*Ужъ лучше было бы по-малорусски, чѣмъ по-французски*“—прибавляетъ отъ себя, должно быть имѣя въ виду остроу, редакціи, „Славянскаго вѣка“.

Въ вѣнскомъ еженедѣльномъ журналѣ „*Arbeiter-Zeitung*“ въ № 42 отъ 4 февраля (с. г.), начата печатаніемъ повѣсть Ивана Франка «*Von Constrictor*», въ переводѣ Карла Гельбиха.

Съ начала настоящаго года во Львовѣ начало выходить новое изданіе «*Газета господарска*», издаваемая Василемъ Королемъ. Выходитъ она дважды въ мѣсяць. (Дѣло, г. 27).

Малорусскія пьесы, дозволенныя къ представленію драматическою цензурою.

По 1 декабря 1900 г.

- 1) Гайдамака. Драма у 4 дѣйхъ. Сочиненіе А. В. Гродзенка.
- 2) За кровь (?), добро и кривду людську,—драма въ 5 актахъ С. Е. Зиневича.
- 3) Панъ Халаявскій. Комедія-фарсъ въ 4 дѣйствіяхъ А. Т. Грабны (по печатному изданію).
- 4) Шыто-крыто, або и козы сыти и сало циле,—комедія въ 5 дѣйств., 7 карт. Соч. А. А. Лемешко.

По 1 января 1901 г.

- 1) Бидолашна, або зруйноване щастя. Драма въ 3 дѣйствіяхъ П. В. Цыганенка.
- 2) Коханци-школьныи Комед. въ 2 дѣйств. Съ пѣніемъ (Сюжетъ заимствованъ). Сочиненіе С. Ф. Воронки.
- 3) Несподивана халепа. Драма въ 2 дѣйств. В. Руснова.

(Правит. Вѣств.).

СПИСОКЪ ВНОВЬ ВЫШЕДШИХЪ КНИГЪ.

Александръ Яковлевичъ Комисскій. Некрологъ. Отг. изъ журнала «Кіевская Старина». Кіевъ, 1901, 1—27.

Бочкаревъ, Е. П. Очерки Лубенской старины. Лубенскій музей Е. И. Скаржинской. Историческій отдѣлъ. Вып. I. Со стариннымъ планомъ и видами г. Лубенъ. Москва, 1901, in 4°, 39 стр.

Былое. 1) Дѣдъ Евмень. 2) Не молоть лѣнь учить, а голодъ. Переводъ съ малороссійскаго. Съ рис. П. Е. Литвинскаго. Ц. 30 коп.

Веретельникъ Андрей. Два брата. Оповідане. Коломия, 1900. Зъ печати А. І. Мизевича. Ст. 64 мал. 8°. Ціна 32 сот.— «Бібліотека для русскою молодежи», т. XLIV.

Гринченко Б. Д. Изъ устъ народа. Малорусскіе народныя разсказы, сказки и проч. («Приложеніе къ XII кв. «Земскаго Сборника Черниговской губерніи» за 1900 г.), Черниговъ, 1900, стр. I—VIII, 1—488.

Драгомановъ М. Микола Івановичъ Костомарів. (Біографическій очеркъ Костомарова, напечатанный въ 1—2 № «Світа» за 1881 г; письмо Костомарова къ Драгоманову, напечатанное въ январѣ 1877; двѣ шутки Костомарова). Видане «Літерат.-Науковою Бібліотекою», 7—9. У Львові, 1901. Ціна 16 сот.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Р. 1901, кн. 1. Т. XXXIX. Накладом Н. Т. ім. Шевченка. Львів, 1901. Ціна 3 кор
Зміст: 1) Памяти Олександра Кониського,—написав Михайло Грушевський, 2) Недруковані поезіи Т. Г. Шевченка, подав Олександр Кониський, 3) Варіанти на де-котрі Шевченкові твори, подав Олександр Кониський (кінець), 4) Поглядъ на сучасный стан історичныхъ розслідів українсько-руської літератури. Найдавнійший період. Кілька проблем і дезидератів, написав Др. Олександр Колесса, 5) Латинські інфінітиви на іег, написав Іван Копач, 6) Miscellanea: а) Вірша епископа И. Шумлянського про події 1683—6 рр., подав. Ів. Франко; б) Сотворене жінки (народня), з народнихъ уст, подав др. Олексій Маркевич. Наукова хроніка.

Збірникъ математично-лікарської секції Наукового Товариства імени Шевченка. Т. VІІ, вип. I. Часть математично-природописна під редакцією Івана Верхратского і Володимира Леницкого. У Львові 1900. Накладом Наук. Тов. ім. Шевченка. З друкарні Наук. Тов. ім.

Шевченка. Ціна 2 кор. Зміст: 1) Володимир Левицький. До теорії рядів степенних. 2) Софрон Матвіяс. Де-що про лучі Бакерея. 3) Володимир Левицький. Короткий начерк теорії функцій автоморфних. 4) Стефан Рудницький. Про плями сонічні (частия перша). 5) бібліографія і хроніка математично-фізична.

Каммереръ Вильгельмъ. Звѣнокъ. Переклавъ Якѡвъ Зробекъ. Коломыя, 1900. Зъ печатнѣ А. І. Мизевича. Ст. 44, мал. 8°. Ціна 20 сот.— «Бібліотека для руской молодежи», т. XLV.

Колесса Ол. Погляд на сучасний стан історичних розвідів українсько-руської літератури. Найдавнійший період. Кілька проблем і дезидератів. У Львові, 1901, Накладом Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 40, вел. 8°. (Відбитка із XXXIX т. Записок).

Марта Борецка. Історичне оповідане. Друге видане. Вид. «Руского Товариства Педагогічного» у Львові (ч. 82), 1901, стр. 72. Ціна 64 сот.

Мосора Михайль. Народні казки. Часть І. Коломыя, 1900. Зъ печатнѣ А. І. Мизевича, Ст. 32, мал. 8°. Ціна 20 сот.— «Бібліотека для руской молодежи», т. XLVI.

Народні оповіданя Марка Вовчка. І. Козачка. Чары. Видане «Руского Товар. Педагогічного» у Львові (ч. 81), 1901, стр. 32. Ціна 30 сот.

Пачовский М. Народні думи. Частина І. Видане «Руского Товариства педагогічного» (ч. 84). Львів, 1901. Зміст: «Думи про сестру та брата», «Про вдову і трьох синів», «Про невольницький плач», «Про Марусю Богуславку», «Про трьох братів Озовских», «Про Самійла Кішку».

Переселенія изъ Полтавской губерніи съ 1861 года по 1 іюня 1900 года. Выпускъ 1-й. Изданіе статистическаго бюро Полтавскаго губернскаго земства. Составлено по порученію Полтавской губернской земской Управы. Полтава, 1900, 1—402+119.

Пулюй Иван Др. Нові і перемінні звѣзди. Видане «Літерат.-Науково бібліотеки», ч. II. У Львові, 1901, Ціна 15 стр.

Пятка Стефан. На причвах. Видане «Руского Товариства Педагогічного» у Львові (ч. 80), 1901, стр. 34. Ціна 30 сот.

Раковський Иван. Вік нашої землі (Передрук з 1 кн. «Літ. Наук. Вістника за р. 1901). Видане «Літерат.-Наукової Бібліотеки», ч. 7. У Львові, 1901. Ц. 10 сот.

Руска читанка для першої класи шкіл середних. Уложив Сергій Шпойнаровський, ц. в. професор гімназійний. Чернівці, 1900. Накладом Енгля і Суханки. З друкарні товариства «Руської Ради». Ст. 248 in 8°.

Самостоятельная Украина. Рѣчь, провознесенная в 39-ую годовщину смерти Т. Г. Шевченка. Перевод с украинскаго. Изданіе А. Б. Ворога. № 1. 1900 год. Ст. XVIII—46, in 4°. Ціна 60 коп.

Теодоровичъ Н. И. Волынская духовная семинарія. Исторія первоначальнаго ея устройства и списки учащихя за столѣтній періодъ существованія семинаріи. Житомиръ, 1901. Ц. 3 р. 50 к.

Чехов А. Каштанка. Оповідане. Переклала М. Грушевська. Вид «Літерат.-Наукової Бібліотеки», ч. 8. У Львові, 1901. Ціна 15 сот.

Якъ оберегати себе видъ виспъ. Про скарлатину (краснуха). Про сифились (пранци). Про коросту (чухачка). Выдано Вс. И. Гуртомъ. № 7. Харьковъ, 1900, стр. 1—32 in 32°. Типо-литогр. „Печатное Дѣло“, вн. К. Н. Гагарина. Ц. 3 коп.



Археологическая летопись.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

15 января состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ.

Проф. Д. И. Багалъѣ доложилъ просьбу П. П. Короленко о сообщеніи ему черезъ посредство комитета изъ московскихъ архивовъ матеріала о вещахъ, неизвѣстно куда поступившихъ изъ церкви Чартомлынской сѣчи (послѣ разоренія ея въ 1709 г.) изъ церкви Подпольской сѣчи (послѣ разоренія въ 1755 г.), а равно описей войсковыхъ клейнодовъ, указанныхъ сѣчей. Въ виду того, что этотъ матеріалъ необходимъ г. Короленѣ для подготовляемой имъ къ харьковскому археологическому съѣзду статьи о церковныхъ древностяхъ кубанскихъ козаковъ, постановлено обратиться съ соотвѣтствующей просьбой къ московскому предварительному комитету.

Прочтено сообщеніе А. Яковлева о случайно произведенной имъ раскопкѣ могилъ доисторическаго вѣка въ холмахъ у рѣки Чирь, въ Донской области, о нахожденіи имъ въ одной могилѣ пяти скелетовъ, а въ другой—трехъ, причемъ кости всѣхъ скелетовъ были красноватаго цвѣта; при нихъ найдено нѣсколько штукъ кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ и кремневыхъ ножей.—Поставлено г. Яковлева благодарить за сообщеніе и просить о высылкѣ кремневыхъ предметовъ для выставки съѣзда.

Прочтено сообщеніе С. Л. Ивановича о произведенной имъ раскопкѣ кургана, находящагося въ Изюмскомъ уѣздѣ, Пет-

ровской волости, въ 3-хъ верстахъ отъ слободы Валвевкиной, на правой сторонѣ р. Донца. Въ могилѣ, на глубинѣ 1¼ аршина, найдены обожженные угли, горшокъ, деревянный ящикъ съ человѣческими костями, разбитыми, съ черепомъ, сверху приплюснутымъ, безъ челюсти; около черепа горшокъ; между костями—металлическія украшенія въ видѣ серегъ. Постановлено благодарить г. Иванова за сообщеніе и за доставленныя вещи.

Проф. Д. И. Багалъй доложилъ, что комитетомъ получены отъ секретаря харьковскаго губернскаго статистическаго комитета свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ, имѣющихся въ различныхъ мѣстахъ Харьковской губерніи. Постановлено: мѣсто находженій бабъ помѣстить на археологической картѣ Харьковской губерніи, составляемой проф. Д. И. Багалъемъ, сдѣлать фотографическія снимки съ каменныхъ бабъ и произвести раскопки тѣхъ кургановъ, на которыхъ эти бабы находятся.

Согласно предложенію московскаго предварительнаго комитета, рѣшено собрать свѣдѣнія о различнаго рода археологическихъ коллекціяхъ, собраніяхъ, имѣющихся у помѣщиковъ, купцовъ, и вообще, частныхъ лицъ Харьковской губерніи, путемъ обращенія въ газетахъ, и, кромѣ того, рѣшено просить о содѣйствіи и помощи въ этомъ отношеніи губернатора, земскую управу и земскихъ начальниковъ.

Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ: а) о поступленія свѣдѣній по программамъ комитета отъ народныхъ учителей Волчанскаго уѣзда, причѣмъ прочиталъ сообщенія учителя Верхне-Салтовскаго народнаго училища В. Бабенко, приславшаго цѣлую коллекцію предметовъ древности и этнографическихкихъ; б) о просьбѣ, обращенной отъ имени комитета къ духовной консисторіи и г. попечителю округа, указать священникамъ и народнымъ учителямъ, недоставившимъ свѣдѣній—срокомъ доставки таковыхъ—15-го марта сего года, по этому же поводу рѣшено: въ виду малоостающагося времени до съѣзда и необходимости произвести подготовительныя работы (составленіе каталоговъ, фотографированія и проч.)—просить всѣхъ, кто имѣетъ что доставить для выставокъ при съѣздѣ—присылать теперь же комитету.

Проф. М. Г. Халанскій познакомиль съ продолженіемъ описи коллекціи г-жи Томиной и нѣкоторыми рукописными книгами (соборное уложеніе Алексѣя Михайловича; сборникъ

XVIII в.: Александрія, Русская лѣтопись до 1706 г., Бесѣды о трехъ святителяхъ и др.) и старопечатными (Ифигенія въ Тавридѣ, драма на музыкѣ (1768) и драма „Сократъ“), полученными имъ изъ Бѣлгорода (отъ г. Мичурина); далѣе прочелъ сообщенію г. Лернеромъ народную свадебную пѣсню.

Постановлено выразить благодарность инспектору народныхъ училищъ Волчанскаго уѣзда; народнымъ учителямъ этого уѣзда, Н. С. Пономарову (приславшему рукопись XVIII в.—Акафистъ покрову Пресвятой Богородицѣ) и всѣмъ лицамъ, сообщившимъ свѣдѣнія и предметы; также напечатать приготовленные проф. Ю. И. Морозовымъ карты подземныхъ ходовъ въ г. Харьковѣ.

Е. Р.

Ученныя общества.

Въ помѣщеніи С.-Петербургскаго Археологическаго Института, 12-го января, въ 23-ю годовщину основанія Института, состоялось общее собраніе членовъ и слушателей, въ которомъ сдѣланы сообщенія: 1) гр. А. А. Бобринскимъ—„Археологическія изысканія въ Приднѣпровьи. Результаты, добытые раскопками послѣднихъ 20-ти лѣтъ. Задачи будущаго“ и 2) Н. В. Покровскимъ—„Отчетъ о состояніи губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій въ 1899 г.“

Въ началѣ своего реферата гр. Бобринскій указалъ на общее положеніе дѣла изслѣдованія древностей Приднѣпровья, 20 лѣтъ назадъ, когда серьезная научная работа едва лишь начиналась, и на современное состояніе, обладающее уже многочисленными, цѣнными трудами и открытіями, далеко подвинувшими впередъ разработку различныхъ вопросовъ, связанныхъ съ той или другой эпохой доисторическаго прошлаго Южной Россіи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи референтъ, опираясь на факты, представилъ классификацію и характеристику разныхъ памятниковъ старины, въ такомъ изобиліи встрѣчающихся на среднемъ Приднѣпровьи. Подраздѣленія эти слѣдующія: 1) древне-каменная эпоха (палеолитъ), 2) енеолитическая (неолитъ, до-миценская культура, бронза), 3) скифо-сарматская, 4) переселенія народовъ

б) славянская и 6) велико-княжеская. Давъ, затѣмъ, приближеную датировку каждой изъ эпохъ, гр. Бобринскій намѣтилъ въ концѣ, по отношенію къ каждому изъ періодовъ, тѣ вопросы, которые надлежитъ рѣшить дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Рефератъ гр. Бобринскаго составляетъ вступленіе къ III-му тому его капитального труда „Курганы и случайныя археологическія находки близъ м. Смѣлы“,—по выходѣ послѣдняго въ свѣтъ, мы остановимся на немъ подробнѣе.

Н. В. Покровский, очертивъ вкратцѣ положеніе архивныхъ комиссій, положеніе не всегда блестящее, главнымъ образомъ, въ матеріальномъ отношеніи, доложилъ отчеты нѣкоторыхъ комиссій.

Изслѣдованія и раскопки.

Раскопки Г. Л. Скадовскаго на о. Березани. Раскопки эти (лѣтомъ прошлаго года), давшія очень цѣнные результаты, продолжались полтора мѣсяца. Ихъ предполагалось закончить въ болѣе короткій срокъ, но осмотромъ на мѣстѣ констатировано варварское опустошеніе съ хищническими цѣлями громадной площади, заслуживающей точныхъ изслѣдованій, такъ, что раскопки пришлось расширить. Результатомъ изслѣдованій явился объемистый дневникъ, обработкой котораго занять теперь г. Скадовскій и болѣе 300-тъ всевозможныхъ предметовъ (глиняная и терракотовая посуда, м. п. и чернофигурная, бронзовыя стрѣлы, зеркала, кольца, браслеты; затѣмъ бусы, предметы изъ египетской пасты, 2 монеты—асъ и одна серебр., еще пока неопредѣленная), кромѣ того, 4 ящика черепковъ, собранныхъ въ кострищахъ, въ погребальныхъ сооруженіяхъ и въ кладонскательныхъ ямахъ. Черепки эти принадлежатъ посудѣ, которую можно раздѣлить слѣдующимъ образомъ: а) аттическая чернолаковая и чернофигурная, VI в. до Р. Х., б) микенскаго типа и островной культуры, VII и VI в. до Р. Х., в) древне-милетская, г) іоническая, V в. до Р. Х. и д) посуда съ бѣлой накладной краской и краснымъ орнаментомъ.

Раскопками прошлаго лѣта программа изслѣдованія острова далеко неисчерпана и г. Скадовскій намѣренъ продолжать раскопки и въ настоящемъ году.

Раскопки проф. Н. И. Веселовскаго въ Кубанской и Донской областяхъ. Прошлымъ лѣтомъ, проф. Веселовскимъ были произведены раскопки въ слѣдующихъ мѣстностяхъ.

Въ Кубанской области. Въ Майкопскомъ отдѣлѣ: 1) большой курганъ на землѣ генер. Дукмасова, курганъ высотой болѣе 3 саж., 2) въ Курджинской станицѣ 3 кургана, изъ которыхъ одинъ большой, сложенный изъ камней, 3) въ казенномъ лѣсу подь Майкопомъ 2 кургана и курганъ возлѣ сторожевой караулки тамъ же, 4) въ Тульской станицѣ 11 кургановъ, изъ которыхъ вещи оказались только въ 6-ти. Въ Кавказскомъ отдѣлѣ: 1) въ Zubовскомъ хуторѣ одинъ курганъ, высотой до 4-хъ саж., 2) въ участкѣ г. Зиссермана 4 кургана, изъ которыхъ одинъ высотой до 4 саж., 3) въ хуторѣ Ипмановскомъ 2 кургана, 4) въ поселкѣ Ванновскомъ 1 кург., высотой до 5 саж., 5) въ Александровскомъ поселкѣ 1 кург., 6) въ Казанской станицѣ 1 кург., высотой до 5 саж.

Въ Донской области. Произведены изысканія близъ Таганрога, на мѣстѣ Чуленскаго вклада, и раскопаны 3 кургана, изъ которыхъ одинъ высотой до 3 саж.

Раскопки городища Шаргородъ. Въ „Лѣтописи“ еще не было помѣщено свѣдѣнй объ этихъ раскопкахъ, произведенныхъ г. Хвойко въ послѣднйе годы,—настоящей замѣткой пополняемъ пробѣлъ. Городище находится въ 2-хъ верст. отъ с. Шарки, Васильковскаго у., Киевск. г., состоитъ изъ 3-хъ частей, раздѣленныхъ валами и занимаетъ площадь до 11 десятинъ. При раскопкахъ были найдены комки обожженной глины, потрескавшися отъ огня камни, желѣзные ножи, стрѣлы, серпъ, бронзовые пряжки и колечки, костяные наконечники стрѣлъ, стеклянные браслеты и бусы. Былъ изслѣдованъ также холмикъ, эллипсоидной формы, поднимавшійся между первой и второй частью городища и имѣвшй 50 метр. длины и 20 м. ширины. Здѣсь открыто до 50-ти погребенй, въ томъ числѣ около 20-ти сожженй. Покойники лежали или въ рядѣ, или рядами другъ надъ

другомъ, направленіемъ на югъ, юго-зап. и западъ. При нѣкоторыхъ покойникахъ найдены остатки обожженного дерева. На черепѣ одного скелета найдена парчевая повязка, шитая золотомъ и серебромъ, у реберъ—парчевый поясъ съ серебряными бляшками, на ногахъ—башмаки изъ краснаго сафьяна. На другомъ скелетѣ—то-же, кромѣ пояса. У нѣкоторыхъ скелетовъ встрѣчались также колечки изъ серебряной или бронзовой проволоки. При сожженіяхъ обнаружено большое количество угля и золы, перемѣшанныхъ съ костями, а также куски расплавленного стекла и поврежденные огнемъ бляшки, желѣзныя пряжки и половина серпа. Въ юго-западномъ концѣ третей части городища находится довольно много невысокихъ кургановъ, повидимому раскопанныхъ кладочислателями.

Случайныя находки.

Въ нижеслѣдующей замѣткѣ мы помѣщаемъ перечень находокъ послѣдняго времени, главнымъ образомъ прошлаго года, свѣдѣнія о которыхъ поступили въ Императ. Археологическую Комиссію.

Кіевская губ. 1. Въ Кіевѣ, въ усадьбѣ мѣщанина Романцова, найдено до 15-ти фунтовъ серебряныхъ западно-европейскихъ монетъ XVI—XVII ст.; переданы въ Одесск. Общ. Ист. и Древн.—2. Въ с. Великой-Спѣтинѣ, Васильк. у., крестьянинъ, при вкапываніи столба на огородѣ, нашелъ 4 цѣлыхъ шестиугольныхъ гривны, вѣсомъ 47 зол. 51 дол., 46 з. 24 д., 47 з. 10 д., 39 з. 80 д. и одну съ отрубленнымъ краемъ, вѣс. 29 з. 9 д.—3. Въ с. Степанцахъ, Каневск. у., на огородѣ найдено 12 зап.-евр. сереб. монетъ XVII ст.—4. Въ с. Великой-Березянкѣ, Таращ. у.,—также зап.-евр. монеты XVII ст.

Волинская губ. 1. У с. Жабче, Заслав. у., около 100 польскихъ и шведскихъ сереб. монетъ XVII ст.—2. Въ с. Башукахъ, Кремен. у.,—6 ф., 31 зол. польскихъ монетъ XVII ст.—3. У с. Поповцы, Кремен. у., 115 сереб. монетъ Сигизмунда III.

Подольская губ. 1. Въ м. Жванцѣ, Б.-Под. у.,—852 польскихъ и эльбингскихъ солида XVII ст.—2. У с. Ярова, Брацл.

у.,—146 сереб. пражскихъ грошей Карла I и Венцеслава III; переданы въ Музей унив. св. Владиміра.

Полтавская г. 1. У с. Керасирщины, Пеереясл. у., на берегу Альты, найдена 81 монета XVI ст., польскія и зап.-евр.; переданы въ Музей Полт. Губ. Земства.—2. Въ д. Софіевѣ, того-же у.,—407 польск. и зап.-евр. монеть XVII ст.—3. Въ с. Рудницкомъ, того-же у.,—29 такихъ-же монеть.—4. На дачѣ д. Клепачи, Лубенск. у.,—6 золот. и 1519 сереб. зап.-евр. монеть XVII ст.; часть поступила въ Эрмитажъ.

Екатериносл. губ. 1. Крестьянинъ д. Варваровки, Павлоградск. у., Д. Кришталь выоралъ очень интересный каменный топоръ—молотъ и представилъ *собственноручное* описаніе его въ Комиссію, снабдивъ даже рисункомъ.—2. Въ Бахмутскомъ у., въ курганѣ, на землѣ гг. Беклемішевыхъ, найдены 2 золотыя продолговатыя дутыя привѣски въ формѣ луницъ и 4 золот. цилиндрическія бусы; поступили въ Эрмитажъ.—3. Въ 2^{1/2} верет. отъ д. Ново-Ивановки, Екатериносл. у., подъ кучей камней, на глубинѣ 1 арш., найдено каменное надгробіе въ формѣ саркофага съ полукруглымъ верхомъ, на бокахъ высѣчены арабскія надписи (изреченіе изъ корана, стихъ 265), надгробіе относится къ XIV или началу XV в.—4. При ломкѣ камня у с. Бородаевки, Верхнеднѣпровск. у., найдены 22 сереб. зап.-евр. монеты XVII ст.; переданы въ Одесск. Общ. Ист. и Древн.

Харьковская губ. На выгонѣ с. Колонтаева, Богодуховск. у., найдены 152 сереб. польскія монеты XVII ст.; переданы въ Музей Харьковск. университета.

Кубанская область. 1. Въ Ахтанизовской станицѣ, Темрюкского отдѣла, на ровной мѣстности, на глубинѣ 2 арш., найдена гробница, составленная изъ 5-ти каменныхъ плитъ; въ гробницѣ не оказалось ничего, но за одной изъ плитъ гробницы находился кладъ, заключавшій слѣд. предметы: желѣзный шлемъ, 2 сереб. сломанныя тарелки, сереб. бляхи отъ конскаго убора, стекляную вазу съ ручками, металлич. зеркало, золотой вѣнецъ съ листьями, 2 золотыхъ обруча съ головками на концахъ, серебр. бляху съ штампованной головой, такую-же бляху поменьше, 2 золот. бляхи съ изображеніемъ птицъ, золот. бусинки, бляшки и пластинки, свернутыя въ трубочки.—2. На рѣкѣ Селенчугѣ, Тифлиск. почт

отд., въ курганѣ, найдены золотыя украшенія, горшки и желѣзные предметы.

Разныя извѣстія.

По слухамъ, Министерство Народнаго Просвѣщенія предполагаетъ объединить ученые общества, желая придать имъ какую-нибудь опредѣленную организацію. На первой очереди стоятъ историческія общества, во главѣ которыхъ предполагается поставить Археографическую Комиссію.

Въ теченіи января и февраля въ Киевскомъ Музеѣ Древностей и Искусствъ была открыта историко-археологическая выставка. Составъ ея приблизительно тотъ-же, что и въ 1899 году, когда такая-же выставка была устроена по поводу археологическаго сѣзда. Дополненіе представляетъ коллекція Зноско-Боровскаго. Главную массу выставленныхъ предметовъ составляютъ коллекціи Б. И. и В. Н. Ханенко и В. В. Хвойки, — здѣсь есть довольно много новинокъ — результатовъ раскопокъ и пріобрѣтеній послѣдняго времени.

Крестьяне с. Ильинскаго (Парутина), Одесск. у., въ теченіи 1900 года усиленно занимались хищническими раскопками на мѣстѣ древній Ольвіи; добытыя древности сбывались евреямъ; при этихъ раскопкахъ былъ найденъ м. п. склепъ, въ которомъ находились расписныя вазы; причина раскопокъ — неурожай 1899 г.

Въ ночь на 8 февраля музей І. А. Хойновскаго (въ Киевѣ) подвергся ограбленію; было украдено различныхъ цѣнныхъ предметовъ (табаверки, ордена и т. п.) на сумму до 30-ти тысячъ руб.; вещи разысканы.

Въ журналѣ „Отдыхъ“ за 1899—1900 г. находимъ одну замѣтку, касающуюся нашей области — „Старая Анастасіевская церковь въ г. Глуховѣ, Чернигов. г.“, П. Райяна (№ 5, мартъ).

Замѣтка, передающая исторію церкви, снабжена двумя рисунками, изображающими видъ церкви со времени перестройки 1816 г. и часть церкви, предназначенную къ реставраціи и составляющую первоначальную церковь, построенную гетманшей Скоропадской.

Въ журналѣ „Искусство и художественная промышленность“ за 1899—1900 г. южно-русской старины посвящены слѣд. двѣ статьи Е. М. Кузьмина: „XI Археологическій съѣздъ въ Кіевѣ“, съ 13 снимками (№ 14, ноябрь) и „Нѣсколько соображеній по поводу уничтоженныхъ и уцѣлѣвшихъ памятниковъ старины въ Кіево-Печерской лаврѣ“, съ 12 снимками (№ 17, февраль). Съ настоящаго года журналъ, бывший органомъ Спб. Общ. Поощренія Художествъ, перешелъ въ собственность редактора Н. П. Собко. Не смотря на нѣкоторые промахи, за журналомъ нужно признать большую заслугу—онъ являлся единственнымъ періодическимъ изданіемъ, отражавшимъ художественную жизнь не только столицъ, но и провинціи, что, въ свою очередь, отзывалось на послѣдней въ смыслѣ возбужденія интереса въ вопросамъ искусства какъ стараго такъ и новаго. Желаемъ журналу дальнѣйшаго успѣха.

вую полковую и городовую старшину, при чемъ каждому была отведена особая „дѣляница“. Былъ назначенъ участокъ и для Г—на, но не тотъ, который онъ занялъ на Гнилицѣ, а другой; устроенный имъ хуторъ на Гнилицѣ, по рѣшенію гетмана, долженъ былъ быть снесенъ, какъ записано Лизогубомъ въ его слѣдственномъ актѣ: „п. полковникъ, по именному рейментарскому указу, мѣеть хуторъ тамъ стоячій—перенести на Свидовець, на тое мѣстце, гдѣ былъ хуторъ п. Дм. Горленка, подъ виною тысячи таларей на особу рейментарскую належную.“ Но „именой указъ рейментарскій“ оказался безсильнымъ, такъ какъ Г—нъ своего Гнилицкаго хутора не снесъ. Изъ этого хутора къ концу XVIII в. образовалось с. Гнилица ¹⁾).

С. Рудовка, руда Росоша. О началѣ этого села мѣстные старожилы, при генер. слѣдствіи, показали: „когда орды по Украину выходили, того часу Рудовка тѣми ордами опустошена, а потомъ, когда поселилось тамъ малое число людей, то Д. Горленко отдалъ людей (Рудовскихъ) Демьяну Якубовичу, у котораго Рудовка была отобрана полковникомъ Носомъ и отдана сыну его пасынка Петру Носенку“. При этомъ Носъ выдалъ послѣднему слѣдующій любопытный „листъ“: „Респектуючи на давніе заслуги небожчика блаж. памяти Ивана Носенка ²⁾ въ Войску Запор. роненіе одъ килка лѣтъ, а теперь также взираючи на уставичные сына его п. Петра Носенка, значного полку нашго товариша, прислуги, и до далшихъ оного заохочючи, надаемъ ему, п. П. Н—ку, на wsparте господарства его, въ подданство селце Рудовку зо всѣми тамошними посполитими людьми. Прето, жебы оному п. П. Н—ку въ обладанку въ той помененной маетности его не смѣлъ нѣкто чинити перепоны,

¹⁾ Населеніе этого хутора по вѣдом. XVIII в. не показывается, если только одинъ изъ показанныхъ по вѣд. 1753 г. — Рудовскихъ хуторовъ, хуторъ «полковника Галагана» (6 д. 6 х.) не есть Гнилицкій. Въ 1861 г. въ с. Гнилицѣ было крестьянъ 786 м. п.; всѣ они принадлежали Галагану.

²⁾ Это былъ Сребрянскій сотникъ Иванъ Бѣлецкій, пасынокъ Носа. См. стр. 127.

пильно мѣти хотимъ. Войтъ зась Рудовскій, жебы зо всѣми тамошними посполитими людьми, такъ ильми господарями, яко тежъ и подсосѣдками, не чепаючи толко хуторовъ значныхъ пановъ особъ, вшеякое свое належитое послушенство безъ отмови до двора п. П. Н—ка отдавали, о тое пильно и сроего властію нашего полковникою приказуемъ“ (Прилука, 14 февр. 1709 г.) Этотъ „листъ“ только что поставленнаго полковника, и выданный при томъ близкому своему свойственнику, по своей категоричности¹⁾ и включенію въ подданство подсосѣдковъ, указываетъ, что Носъ, получивъ полковничество по указу царя, очень высоко мнилъ о своей власти... По смерти П. Н—ка, Р—ка была утверждена въ 1734 г. за его сыновьями, по универсалу кн. Шаховскаго. Кр. А. 16 д. В. 10 д. В. 19 д. и въ хуторахъ Мих. Огроновича и Фед. Марковича 22 д. Г. 14 д. 14 х. Пс. 2 бд. х. Д. 72 д. 77 х. Пс. 102 д. 113 х. 62 бд. х. Кз. В. нѣтъ Г. 5 д. 7 х. Пс. 4 бд. х. Д. 3 д. 15 х. Крестьяне по вѣд. 1780 г.—показаны во владѣніи: майоровъ Коцары и Ханенка и кол. ассес. Тарновскаго.

Рудовскіе хутора. Уже изъ Носоваго „листа“ 1709 г.—видно, что ок. Рудовки и тогда были хутора „значныхъ пановъ особъ“, возникновеніе которыхъ связывалось конечно съ обширностью Гнилицкой степи. Затѣмъ количество этихъ хуторовъ должно было увеличиться, когда Прилуцкая старшина въ 1719 г. получила назначенныя тамъ для нея „дѣляницы“ (с. 193). По ревизіи 1740 г. показано 11 такихъ хуторовъ, съ населеніемъ въ 93 хать. Хутора эти показаны въ числѣ козачьяго, а не посполитаго населенія, но значить ли это, что населеніе хуторовъ состояло изъ козаковъ, обратившихся въ подсосѣдковъ?—Едва ли, такъ какъ по вѣд. 1718 г. въ Рудовкѣ козаковъ вовсе не значится. Быть можетъ, впрочемъ, что Рудовскіе хутора заселены подсосѣдками изъ козаковъ сосѣднихъ сель... Въ вѣдом. 1740 года здѣсь показаны слѣдующ. хутора: 1) Полков. судьи М. Ягельницкаго—4 д. 4 х. 2) Капитана Параскевы (Нѣжинск.

¹⁾ Нѣтъ ссылки на «зверхнѣйшую» власть гетмана, который долженъ подтвердить «наданье» полковника.

грека)— 20 д. 20 х. 3) Зн. тов. Нестора Федорова—6 д. 6 х. 4) Полк. хор. Ив. Маценка—4 д. 4 х. 5) Якова (Михайловича) Огроновича—13 д. 13 х. 6) Полк. ес. Мих. Мовчана—2 д. 2 х. 7) Бунч. тов. Дм. Марковича—7 д. 7 х. 8) Марьи Носенковой (вдовы Петра Носенка?)— 1 д. 1 х. 10) Зн. тов. Ив. Сеня— 5 д. 5 х. 11) Капитана Тихонова ¹⁾—16 д. 16 х. По вѣдом. 1753 г. количество Рудовскихъ хуторовъ удваивается (23), причѣмъ значительнѣйшими хуторами указаны: Дм. Маркевича (3 д. 10 х. и 15 бд. х.), б. тов. Ник. Трощаго (10 д. 10 х.),

¹⁾ Тихоновъ былъ женатъ на вдовѣ Степ. Тарновскаго, владѣльца д. Манджосовки (с. 164) и с. Бѣлоцерковки. Отношеніе его къ мѣстнымъ людямъ видно изъ жалобы священника сосѣдняго с. Каплинецъ, который жаловался въ 1739 г. своему Пирятинскому протопопу, что въ 1721 г. онъ получилъ отъ одного изъ своихъ прихожанъ («на поминовеніе за преставліяся души») участокъ поля въ с. Бѣлоцерковцахъ, но такъ какъ этимъ полемъ завладѣлъ тамошній державца Тарновскій (Стенанъ), то не имѣя возможности получить поле, онъ подарилъ его полковнику Галагану. Это было уже по смерти Степ. Тарновскаго. Заслѣдствіемъ, поле нужно было указать повѣренному Галагану, для чего священникъ и поѣхалъ въ Бѣлоцерковку, но когда онъ, тамъ, пришелъ во дворъ Тарновской, то послѣдняя «стала заразъ безчестить мене словами», пишетъ жалобщикъ, «а потомъ мужъ ея, капитанъ Михайло Тихоновъ велѣлъ мене пердегати и бити плетми, а когда же обважили мене, то жена его упростила отъ плетей, и онъ вхопивши за волосы мене, билъ палкою нещадно, которому капитану сказовалъ я, что ручу тысячу рублей на ея и. величество, буди ти станешъ безъ права бити мене, и онъ не смотрячи тоей моею заруки, билъ и велѣлъ бити мене служителямъ своимъ, якіи служители били мене догоняючи, покудова збили зъ ногъ, а якъ збили зъ ногъ въ грязь, били чуть не до смерти, чтъ уже я и не помню того, якъ мене оставовили. И отдохнувши, я пошовъ и сховався въ гсрѣдахъ, ибо объявилъ нѣкійсь человекъ мнѣ, что берутъ конѣ—шукать и убить тебе, которіе и шукали въ разныхъ мѣстахъ, а имено: въ попадѣ, въ жида и въ царинного дѣда... А я сховавшись, лежалъ въ соломѣ, гдѣ уже шла кровь носомъ и ротомъ»... (Арх. Кіевск. дух. консист.) Поданная обвиннымъ жалоба могла только установить, что побившій его капитанъ Михайло Тихоновъ служилъ въ Смоленскомъ пѣх. полку...

б. тов. Як. Тарновскаго (2 д. 9 х., 10 бд. х. ¹), морского флота отст. капитана Параскевы (5 д. 12 х. и 17 бд. х.).

С. Заиздъ, Удай, по универсалу 1716 г., Скоропадскимъ отданъ зн. в. тов. Якиму Горленку (внуку Лазаря Г—ка), передавшему это село своимъ потомкамъ. Кр. П. 12 д. А. 38 д. В. 38 д. В. 78 д. Пс. 1 д. Г. 44 д. 48 х. Д. 33 д. 54 х. 6 бд. х. Пс. 8 д. 17 х. Кз. В. 6 д. Г. 6 д. 9 х. Пс. 7 бд. х. Д. 6 д. 14 х. Умаленіе населенія въ 3—дѣ за 10 лѣтъ (1729—740) почти вдвое—происходило, кажется, въ связи съ общимъ движеніемъ въ это время народа на правый берегъ Днѣпра. Въ 1780 г. З. принадлежалъ полковнику Петру Якимовичу Горленку, у котораго въ это время было около 500 д. крестьянъ м. п., въ томъ числѣ: въ Прилукѣ—44, Заиздѣ—212, Яблунковѣ—112, Толкачовкѣ—14, разн. хуторахъ—43, при греблѣ Переводской—36, слободкѣ Обичевской—5, д. Будахъ—4, Калишовкѣ—11, Дѣдовцахъ—6, Краслянахъ—5 и Подищахъ—3. Все это было нажито главнымъ образомъ Якимомъ Горленкомъ, который былъ сначала генер. хоружимъ (1736—741), а потомъ генер. судьей.

С. Толкачовка, слияніе Галки съ Удаемъ ²), поселена въ по пол. XVI в. однимъ изъ Остерскихъ „бояръ“, Романомъ Толкачомъ, какъ видно изъ слѣд.: при описаніи польскими люстраторами Остерскаго староства въ 1628 г., Остерскіе бояре показывали имъ листъ старосты Ратомскаго, писанный въ Острѣ 4 марта 1550 г., которымъ—одному изъ этихъ бояръ—Роману Толкачу, отдана Дѣвица („którym listem dawa Dziewiece Romanu Tołkaczowi“ ³). Здѣсь говорится о рѣчкѣ Дѣвицѣ, названіе которой осталось въ Нѣжинскомъ мѣстечкѣ Володьковой Дѣвицѣ и двухъ Прилудскихъ селахъ—В. и М. Дѣвицахъ. Въ настоящее время рѣчка, при которой расположена Вол. Дѣвица, вливается въ Остеръ и назыв. Нов. Цотокомъ (по картѣ Шуберта),

¹) Вѣроятно это бывший хуторъ Тихонова, такъ какъ Яковъ Тарновскій былъ его пасынкомъ.

²) По вѣд. 1740 г.—«воды чистой подъ тѣмъ селомъ не имѣется, а идетъ подъ тѣмъ селомъ рудка Дѣвица».

³) «Остерск. уѣздъ», Митр. Александровича (Кіевъ. 1881), 92.

а рѣчка (нынѣ—Галка), при которой расположены оба села Дѣвицы—вливается въ Удай; водораздѣль ихъ находится у м. Лосиновки, въ Нѣжинскомъ уѣздѣ. Очень вѣроятно, что въ XVI в. рѣчка Дѣвица текла непрерывно отъ Остра до Удая, при чемъ берега ея и представляли ту мѣстность, которая отдана была Толкачу. Конечно, этимъ Толкачемъ и поселена Толкачовка—на предѣльномъ пунктѣ его владѣній. О дальнѣйшей судьбѣ Т—ки свѣдѣній не имѣется до XVIII в., когда она принадлежала къ числу ратушныхъ селъ, при чемъ при Апостолѣ Т. была отдана на рангъ ген. хоружему Як. Горленку. Кр. П. 29 д. А. 102 д. В. 131 д. В. 213 д. Пс. 6 д. Г. 103 д. 112 х. Д. 98 д. 130 х. 3 бд. х. Пс. 13 д. 19 х. 2 бд. х. Кз. В. 16 д. Г. 28 д. 32 х. Пс. 10 бд. х. Д. 17 д. 36 х. Изъ ревизіи 1740 г. видно, что съ 1736 г. по 1740 г. изъ Т—ки ушло 16 крест. домохов.; вѣроятно, что до 1735 г.,—со времени отдачи Т—ки Горленку,—крестьянъ изъ Т. ушло еще больше, чѣмъ и слѣдуетъ объяснить столь значительно умаленіе населенія за время 1729—740 г.г. Въ 70-хъ г.г. Т. была пожалована Ш. В. Заводскому.

С. Мал. Дѣвица, Галка, по универсалу Скоропадскаго, въ 1709 г., отдана его тестю Марку Аврамову, а по смерти послѣдняго—отдана Гамалѣевскому м—рю въ составѣ Дубогаевского староства (с. 184). Кр. А. 45 д. В. ? В. 69 д. Пс. 16 д. Г. 46 д. 71 х. Д. 82 д. 133 х. 11 бд. х. Пс. 13 д. 16 х. 5 бд. х. Кз. В ? Г. 29 д. 37 х. Пс. 20 бд. х. Д. 22 д. 42 х. Рядомъ съ М. Д., въ пол. XVIII в. была поселена слободка **Малодѣвицкая**, принадлежавшая сначала О. Л. Закревскому, а потомъ Прилуцк. полковн. Якубовичу. Въ ней въ 1753 г. значилось Кр. 31 дв. и 23 бд. х. и Пс. 1 х., а въ 1780 г.—18 д. 23 х. и Кз. 3 д. 6 х.

С. Велик. Дѣвица, Галка, извѣстна съ пол. XVII в., когда она была центромъ особой сотни, („Реестра В. 3.“, 300)¹⁾; въ

¹⁾ Но уже въ 1654 г. этой сотни не было. Акты Ю. З. Р., X, 294.

1714 г. отдана (вѣроятно, изъ числа ратушныхъ сель) Гамалѣ-евскому м—рю, въ составѣ Дубогаевского староства. Кр. А. 61, д. В. ? В. 46 д. Г. 21 д. 25 х. Д. 46 д. 82 х. 18 бд. х. Пс. 4 бд. х. Кз. Г. 20 д. 24 х. Пс. 9 бд. х. Д. 22 д. 33 х. 5 бд. х.

С. Обичевъ, Удай, по универсалу 1691 г., отданъ Мазепою полк. есаулу Семену Федорову, на рангъ, а по смерти его, въ 1718 г., Скоропадскимъ оставленъ во владѣннн вдовы его и зятя Захара Прокоповича. Засимъ, въ 1721 г. половина Об—ва отдана полк. обозн. Мих. Огроновичу, а другая половина, вмѣстѣ со слободкою Обичевскою, которую поселилъ тутъ Сем. Федоровъ вмѣстѣ съ Прокоповичемъ, утверждена за послѣднимъ. Кр. П. 17 д. А. 95 д. В. 40 д. В. 55 д. Пс. 8 д. Г. 13 д. 13 х., изъ нихъ 8 д.—Як. Огроновича, а 5 д. Степана Прокоповича. Д. 7 д. 7 х. Пс. 1 х. (ранговыхъ Прилуцк. обознаго) Пс. 17 д. 22 х. 17 бд. х. Кз. В. 35 д. Г. 51 д. 58 х. Пс. 10 бд. х. Д. 71 д. 108 х. 5 бд. х. Изъ этихъ цифръ видно, что крестьянское населеніе въ О—вѣ почти уничтожилось, а козачье значительно возрасло. Часть крестьянъ вѣроятно переселилась въ слободку Обичевскую, которая значится уже по вѣд. 1718 г. („Слободка до Обичева прилегающая“), при чемъ въ ней значится Кр. 7 дв., а Кз. 3 дв.; но еще ббльшая часть, слѣдуетъ думать, перенесалась въ козаки, когда владѣльцами здѣсь были: Як. Огроновичъ (по рангу) и маловліятельный Степанъ Прокоповичъ. О послѣднемъ извѣстно, что въ 1775 г. онъ былъ „выбранъ обществомъ полку Прилуцкого въ почтмейстеры“, изъ чего видно, что эта должность тогда была выборною.

Кромѣ перечисленныхъ поселеній, входившихъ въ составъ полковой сотни, въ ней по вѣдом. 1753 г. показана—слободка Лукомка (3 д. 7 бд. х.), а по вѣд. 1780 г.—дер. Пелюховка (зн. тов. Кир. Тодорскаго, 4 д. 15 х.)¹⁾. Кромѣ того, по объѣмъ

1) У этого Тодорскаго по вѣдом. 1772 г. было 106 душъ вкрст. (въ Рудовкѣ, Обичевѣ, Грабовѣ), откуда видно, что самые незначительные люди, при умѣннн, могли тогда садить на своихъ земляхъ сотни подсосѣдковъ...

этимъ вѣдомостямъ, въ предѣлахъ полковой сотни, показано значительное количество *хуторовъ*, обозначенныхъ только именами ихъ владѣльцевъ ¹⁾).

Монастырищенская сотня существовала уже въ 1649 г., какъ видно изъ „Реестровъ В. З.“; она занимама оба бѣрега Удая (въ его верховьяхъ) и берега двухъ его притоковъ, Иченки и Галки (Дѣвицы). Характеръ этой мѣстности рѣзко дѣлился Удаемъ; лѣвый берегъ его представлялъ мѣстность низменную и лѣсную, а правый—чистую степь. Поселенія лѣваго берега явились только во втор. пол. XVII в., а правобережныя—въ перв. половинѣ.

Монастырищенскіе сотники. Левко Карасенко, 1672 ²⁾. Павелъ Соханскій, 1721—722. Иванъ Романовичъ, 1728—753. Петръ Ивановичъ Романовичъ, 1772. Михаилъ Петровичъ Романовичъ, 1772—781.

Соханскіе были старинные Монастырищенскіе священники, получившіе еще при Мазепѣ личныя льготы и, кромѣ того, выхлопотавшіе у него же для своихъ церквей право пользованія тѣми доходами, которые обыкновенно шли на ратушу. Изъ нихъ первыхъ мы знаемъ—Демьяна и Мойсея Соханскихъ ³⁾; по-

1) Подсчетъ хуторскаго населенія сдѣланъ ниже, при указаніи общаго количества населенія въ полку по сотнямъ.

2) См. Собр. госуд. грам. и договор., IV, 270; у Величка (П, 316) по ошибкѣ—Тарасенко.

3) Въ универсалѣ Скоропадскаго 1709 г. читаемъ: «велебный отецъ Демянъ Соханскій и отецъ Мойсей Соханскій, паракхалние священники Монастирские, презентовали намъ бившого гетмана писмо и подлугъ оного просили, абы по прежнему ваговое, скатное и вѣдерковое, въ мѣстечку Монастырищахъ, было отбирано ку употребленію церковному, и ихъ священническіе фолварки въ тихже Монастырищахъ булучие, волии зоставили отъ посполитой тяглости. Мы теди, стосуючися до листу антецессора нашего, яко фолварки честного отца Демяна Соханскаго и Мойсея Соханскаго, священниковъ Монастирскихъ, отъ посполитыхъ повинностей и всякихъ податей уволяемъ, такъ ствержаемъ, абы ваговое, скатное и вѣдерковое въ м. Монастырищахъ вибиралося и употреблено было на потребу церквей тамошнихъ Монастирскихъ; зособна зъ млина власного, на греблѣ Пчолковской стоячого, обѣднѣ части войсковіе честному отцу Соханскому во владѣніе подтвердилисмо». («Данъ» въ Прилукѣ, 3 марта).

видимому, это были отецъ и сынъ. Сыномъ Демьяна могъ быть и Павелъ Соханскій, такъ какъ въ гетманщвинѣ нерѣдко бывало, что сыновья вліятельныхъ священниковъ добивались сотничьихъ урядовъ. О дѣятельности Павла С—го свѣдѣній нѣтъ. Известно, что сынъ свящ. Мойсея—Максимъ Соханскій былъ въ послѣдствіи сотниковъ Шаповаловскимъ (Опис. Стар. Малор., II, 158). Вѣроятно это былъ племянникъ Павла, если послѣдній, вмѣстѣ съ Мойсеемъ—были сыновьями Демьяна.

На мѣсто Павла С—аго былъ поставленъ, почему то, только наказный сотникъ, Григорій Забарный, при чемъ, когда онъ началъ обижать сотняль, то, по ихъ жалобѣ, 3—ный, приказомъ гетмана, былъ отставленъ, ¹⁾ и тогда же сотнянами былъ выбранъ

1) Во время наказничества Забарнаго, въ М—щѣ произошелъ слѣд. любопытный случай. Во время проѣзда чрезъ это мѣстечко митрополита Ванатовича, ему подана была на город. атамана Донца—жалоба, вслѣдствіе которой Ванатовичъ присудилъ послѣдняго къ заключенію въ м—рѣ (Густынскомъ). Намъ неизвѣстно преступленіе, въ которомъ обвинялся Донецъ, но несомнѣнно, что тутъ имѣла мѣсто 7-я заповѣдь, судъ за преступленіе которой духовенство считало принадлежащимъ ему (с. 115). Донецъ пробылъ въ м—рѣ, по видимому, нѣсколько мѣсяцевъ. Объ освобожденіи его—Носенко писалъ Галагану, въ Москву, слѣд.— «Андрюша» («уличное» прозвище Донца) по прощенію и. и. старшины полк. и моемъ до преосв—го архіеп. Кіевскаго за нимъ внесенномъ, zostалъ разрѣшенъ и попрежнему зѣ монастыра въ домъ отлученъ, и поставленъ атаманомъ; толко скаржится, что одъ чести пекарней, же заставляють было его въ пекарни часто дѣжу мѣсити, невоцѣмъ гараздъ дочувае...» Какъ видно, монахи не потакали своимъ „эпитемщикамъ“... По освобожденіи Донца, для возвращенія его на прежній урядъ, потребовалось слѣд. распоряженіе наказн. полковника: «Вѣстно тое есть самому в—мти, яко и товариству сотнѣ М—ой, что въ Андрѣя Донца имѣется пов. ясн—го п. гетм. Скоропадскаго унѣверсалъ на урядъ атаманства М—го, ему Андрѣю данній, по которому онъ, Донецъ, до битности въ полку нашемъ сего 1728 г. преосв. архіеп. Кіевск. кврѣ Варлаама Ванатовича, билъ на томъ урядѣ атаманскомъ, а когда его пр—во на помянутого Андрѣя положилъ былъ неблагословеніе за его проступокъ, велѣлъ въ м—ру Густ—мъ жити, по якомъ архіер—мъ веленію (когда) сталъ онъ въ м—рѣ, то писалъ я до в—мти, aby по согласію товариства на мѣсце его Андрѣя много поставили атаманомъ, шо такъ

„цѣлый“ сотникъ, какъ это видно изъ слѣд. донесенія наказн. полковника Носенка гетману.— „Прошлого ноеврія 25, 1728 р., поданъ мнѣ высокопозажный яс—ти в. листъ съ тимъ предложениемъ, абымъ Григорія Забарного отъ правленія сотенного Монастириского отставилъ, а поручилъ бы оное въ вѣдомство справному и доброму якому человеку съ тамошнихъ же сотянъ, покаместъ волними, змижъ себе голосами, кого на тотъ М—го сотничествачинъ изберуть угодного. И я... помянутого Забарного отъ правленія сотенного М—го отставилъ, а по отставленію, предложилъ имъ, абы наказного себѣ обобрали, нѣмъ (пока) волними своими голосами до состоянія цѣлого сотника (sic); и они обобрали себѣ наказн. сотникомъ тамошняго М—го обывателя значк. тов. Павла Карасенка. А сего декаврія 9, такъ отъ духовенства, яко отъ атаманиъ и товариства, такожъ и войта съ посполствомъ, подали мнѣ суплѣку, что не имѣючи они въ сотнѣ своей М—ой такого человека, который до правленія сотенного былъ бы способенъ и за ними могъ обстоювати, а присланного отъ яс—ти в. въ полкъ П—кій, въ нѣкоторихъ дѣлахъ на розыскъ, войск. канцеляристу п. Ивана Романовича, усмотрѣвши добродѣтельного къ правленію сотенному способного и того уряду сотнического за свои услуги достойного, избрали его волними голосами въ сотню свою М—ую цѣлимъ сотникомъ, и за нимъ всѣ обще на оной суплѣцѣ подписались и обявили, что въ томъ своемъ общемъ и согласномъ намѣренію и до яс—ти в. написали суплѣку, просячи рейментарской милости, чтобъ ему, п. Р—чу, въ сотнѣ ихъ М—ой быть цѣлимъ сотникомъ, и отравили зъ межъ себе до яс—ти в. зъ оною суплѣкою товариство и посполство, доношу яс—ти в.“ (10 дек., 1728 г.)¹⁾

вы и учили; а понеже теперь его пр—во, по прошенію п. и. старшины и моему, мененного Андрѣя приказаль отпустить зъ м—ра въ домъ его и *позволилъ ему домъ свой правити благоочинно*, того рады предлагаю выти, абы вы., по тому нѣверсалу, вишписанному Андрѣю попрежнему атаманство М—ое велѣлъ содержати и онимъ якъ надлежитъ правити, а Петро Коваленко до того уряду атаманского интересоватись не повиненъ, приказую».

¹⁾ Книга распоряженій и приказовъ наказн. полковн. Носенка за 1728 г. (с. 132).

Изъ этого любопытнаго донесенія видно, что „цѣлымъ“ сотникомъ былъ избранъ чужой человекъ, потому будто бы, что М—іе сотняне у себя „способнаго“ не нашли. Вѣроятно же, что „способные“ были и изъ „своихъ“, но пока они между собою интриговали, ловкій Глуховской канцеляристъ сумѣлъ привлечь къ себѣ (разными обѣщаніями и угощеніями) большинство выборщиковъ и—былъ выбранъ.—Глуховскіе канцеляристы нерѣдко такъ попадали въ сотники.—Иванъ Романовичъ былъ гетманомъ утверждёнъ и затѣмъ, пробывъ на сотничествѣ не менѣе 25-ти лѣтъ, умѣлъ передать этотъ урядъ своему сыну Петру, а когда послѣдній въ 1772 г. былъ за старостью уволенъ, то на мѣсто его тогда же былъ назначенъ сынъ Петра—Михайло, оставшійся сотникомъ до 1781 г. Такимъ образомъ три Романовича—отецъ, сынъ и внукъ—занимали М-ій сотничій урядъ непрерывно болѣе пятидесяти лѣтъ... Слѣдовательно, Р—чи сумѣли въ нужныхъ случаяхъ ладить съ вліятельными людьми въ своей сотнѣ, причемъ, кромѣ того, у нихъ не было и серьезныхъ соперниковъ, такъ какъ единственными замѣтными людьми въ сотнѣ были Раковичи, но послѣдніе, повидимому, считали себя слишкомъ большими „панами“ для сотничьяго уряда въ такой незначительной сотнѣ.

Заправляя сотнею болѣе полулѣта, Романовичи, конечно, успѣли нажить себѣ значительное количество земель и посадить на нихъ возможное количество подсосѣдковъ, хотя и не успѣли захватить въ свое владѣніе Монастырищенскихъ крестьянъ, которые („сотничьи ранговые посполитые двory и другіе свободные, сколько осталось за роздачею грузинамъ“), по универсалу 1763 г. были отданы въ потомственное владѣніе б. тов. Максиму Соханскому, т. е. бывшему Шаповаловскому сотнику. Видимо, что у послѣдняго нашлась сильная протекція у Разумовскаго.

Села Монастырищенской сотни.

М. Монастырище „положеніе имѣетъ на возвышенномъ мѣстѣ, на прав. бер. р. Удая, которой подъ симъ мѣст., раздѣляясь на двѣ части, противъ онаго составилъ *островъ*, гдѣ въ прежнія времена находился замокъ, но нынѣ остатки только разваливашагося валу видны“. Изъ этого описанія, принадлежащаго Пащенко (1780 г.),

видно, что Удайскій островъ (называемый у того же Пащенко и *городкомъ*) представлялъ собою защитное мѣсто, которое должно было *издревле* привлечь къ себѣ населеніе. Нѣтъ сомнѣній по этому, что М—ще должно было возникнуть одновременно съ Прилукою и Переволочною. Никакихъ однако жъ упоминаній о немъ въ лѣтописи нѣтъ; лишь, по названію этого поселенія, можно заключить, что тутъ нѣкогда былъ монастырь и что послѣ запустѣнія поселенія, память о немъ сохранилась только по существовавшему тутъ монастырю. Отновлено было здѣшнее населеніе въ нач. XVII в.; въ 1628 г. мы видимъ здѣсь только 4 „дыма“ и 1 „млинь“ (*Žr. Dziej.*, XX, I, 85), а по документу Шпездѣцкаго, въ М—щѣ значится 939 господ. и 12 вод. мельницъ. По „реестрамъ“ 1649 г. М. показано сотеннымъ городкомъ. Изъ событий втор. полов. XVII в., извѣстно взятіе Монастырища поляками въ 1664 г.,¹⁾ при чемъ оно было разорено и многіе его жители были плѣнены татарами (*Самов.*, 42). **Кр. П.** 45 д. А. 80 д. и 15 д. „зимовчиковъ“. ²⁾ **В.** 69 д. свободныхъ 44 д. разн. владѣній ³⁾ и 14 „коломійцовъ“ ⁴⁾ **В.** 173 д. **Пе.** 130

1) Въ Опис. Черниг. епарх. (VII, 401) разсказано еще разореніе М—ща, поляками, въ 1653 г., но это событіе относится къ М—щу не Черниговскому, а Кіевскому, Липовецк. уѣзда.

2) Такіе же «зимовчики» показаны и въ м. Ичѣѣ, причѣмъ замѣчено, «якіе зимовчики тягlostей жаднихъ съ посполитыми людьми не отбувають, а мѣсячное вистачаютъ на компанѣйца.» Это замѣчаніе однако жъ не вполнѣ разъясняетъ значеніе „зимовчиковъ“.

3) Несвободные показаны слѣд.—3 дв. „чиншовыхъ п. полковника Прилуцкого“ (с. 46), 8 д. „людей о. Даміана“ и 8 д. „людей о. Мойсея“, т. е. Соханскихъ, 10 д. „сотника Монастырїйскаго“ (Павла Соханскаго?), 7 д. „Андруши, нового отамана“, (т. е. Донца, с. 200) и 8 д. „старой Карасихи“.

4) „Коломїйцамъ“ назывались, повидимому, возчики соли изъ Коломїи, изъ которой „ступочная“ соль вывозилась въ Малороссію издавна, какъ можно заключить изъ слѣд. мѣста *Журн. генер. к—ри* за 1727 г.—„Противъ Малорос. коллегїи запросу, посланъ отвѣтъ, что о продажи въ Малороссіи, кромѣ Бахмуцкой и Турской соли, посторовной Крымской и *Полской ступковой* соли, запретительныхъ указовъ въ Мал. Россїи не было; только въ 1719 г., когда на томъ боку Днѣпра морская язва была проявилася, въ тое время не только

д. 1) Въ 1731 г.—138 д. **Пе.** 26 д. **Г.** 39 д. 43 х. **Пе.** 3 х. **Д.** 138 д. 179 х. 4 бд. х. **Пе.** 71 д. 144 л. **Кв.** В. 60 д. **Г.** 52 д. 61 х. **Пе.** 78 бд. х. **Д.** 59 д. 123 х. 1 бд. х. Умаленіе крест.

населенія въ 30-хъ годахъ произошло главнымъ образомъ отъ ухода крестьянъ изъ мѣстечка; по ревизіи 1740 г. значителенъ, что съ 1736 по 1730 г. ихъ ушло 20 семей. Любопытно, что большинство при этомъ ушло за Днѣпръ, какъ это видно изъ свѣдѣній, собранныхъ генер. канцеляріей въ 1765 г. Такимъ образомъ лѣвобережные крестьяне въ это время уже мало находили у себя мѣсть для выгоднаго пріюта, и пытались найти лучшія условія жизни за Днѣпромъ.—Засимъ слѣдуетъ добавить, что въ 1745 г. въ М—щѣ, изъ числа ратушныхъ, крестьянъ отдано 30 дв. грузинскому князю Саакадзеу. Переселеніе въ Малороссію, по распоряженію правительства, нѣсколькихъ десятковъ семействъ грузинскихъ дворянъ (въ 40-хъ г. г.) и надблєніе ихъ здѣсь крестьянами представляетъ собою любопытный въ исторіи гетманщины фактъ, до сихъ поръ еще мало разработанный.³⁾ Несомнѣнно, что это распоряженіе тяжело отразилось въ жизни отданныхъ грузинамъ крестьянъ, такъ какъ новыми державцами въ этомъ случаѣ явились люди, которые у себя на родинѣ знали полное рабство крестьянъ... Грузинъ

зъ солью, но и никого ни зъ чимъ—учрежденіе на границы заставные пропускали; а 1720 году, гевв. отъ 19 д., гетманъ писалъ въ госуд. ин. д. коллегію о свободномъ, зъ заграницы, соли ступочной изъ *Коломи* пропуску—попрежнему“, что и было разрѣшено.

1) Подсосѣдки числились слѣд. лицъ: а) сотничіе, которыми владѣеть по универсалу гетманскому,—16 д., б) „хуторныхъ сотничихъ“—5 д., в) атаманскихъ—8 д., г) „хоружого сотенного“—8 д., д) б. т. Федора Мирковича—6 д., е) значк. воз. Павла Караса—13 д., ж) Суханской (вдовы Навла Соханскаго?)—6 д. з) „радовыхъ козакъ“—40 д. и) „посполтыхъ людей“—19 д., і) „поповъ Монастырскихъ“—27 д. и к) „майора Шнака“—4 д. (Сотнику Романовичу отдана была часть врест. на рангъ, въ 1728 г.).

3) См. „Поселеніе грузинъ въ Малороссію въ XVIII в.“ М. Плохинскаго, въ Сборн. Харьковск. Инстит. Фил. Общества, т. V.

получившій въ М—щѣ крестьянъ былъ кн. Алексѣй Саакадзеъ ; явился онъ сюда совсѣмъ молодымъ человѣкомъ (р. 1720 г.), женился тутъ, на дочери б. тов. Дм. Марковича, и старатель но повелъ хозяйство: въ 1780 г. у С—ва въ М—щѣ было 50 д. съ 70-ю х. крестьянъ ¹⁾).

По описанію Пащенка, въ 1780 г., въ М—щѣ было слѣдующее населеніе: „партикулярные“ дома: б. тов. Петра Романовича, о 8-ми пок., сек.-майора Саакадзева, о 8-ми пок., сек.-м. Степана Романовича, о 6-ти пок., прим.-майора Кобеляцкаго, о 5 пок., б. тов. Соханскаго, о 12-ти п., отст. полк. комп. ес. Ивана Карасевича, свящ.—2, причетн.—2, шляхетства—8, разноч.—12 дом.—Козаковъ—59 дв., 123 х., посполит.—владѣн. б. т. Петра и Федора и сек.-м. Степ. Романовичей—42 д. 52 х., отст. сек.-м. Саакадзева—50 д. 70 х., б. т. Соханскаго—20 д. 25 х., друг. влад.—21 д. 33 х., разноч. подсос.—56 д. 125 х. „Да въ *городкѣ*, составленномъ рѣкою Удаемъ“: церковь дерев.—1, свящ.—2, причетн.—2, разноч.—3, подпом.—1 бд. х., б. т. Петра и Федора Романовичей—2 д. 2 х., кн. Саакадзева—1 д. 1 х., подсосѣдк.—15 д. 19 х.—„Для строенія жители лѣсъ покупаютъ въ Грабовѣ и Хаенкахъ, а за плитовымъ (плотовымъ) отѣзжаютъ къ р. Деснѣ, въ с. Кладьковку, гдѣ изъ Брянска сплавливаемому р. Десною лѣсу—находится пристань. Жители болѣе упражняются въ хлѣбопашествѣ, на принадлежащей на прав. берегу, *въ великомъ пространствѣ*, пашенной землѣ. Нѣкоторые отѣзжаютъ въ Донскія станицы за рыбою и въ Крымъ за солью, и продаютъ какъ здѣсь, равно отвозятъ въ Прилуку и Ичню“.

С. Галица, Галка, поселена въ перв. пол. XVII в., когда южная часть рч. Дѣвицы (отъ Лосиновки до Удая) стала называться уже Галкою (см. с. *Толкачовка*), по имени которой, вѣроятно, и поселеніе названо Галицею. Въ полов. XVIII в. мѣстные старожилы рассказывали, что „Г—ца была давнихъ

¹⁾ Умеръ С—въ въ 1785 г. секунд-майоромъ, не оставивъ потомства. Опис. Черниг. епарх. VII, 402 и Спвски Прилуцк. старшины. (*Рксь*). Позже С—въ приобрѣлъ часть крестьянъ и въ Ичнѣ. См. и Ичню

временъ—сотеннымъ лядскимъ городкомъ и въ немъ было многолюдственно“. Лядскимъ городкомъ старожилы называли Галицу за время до 1648 г., когда и по „Реестрамъ“ 1649 г., въ составѣ Прилуцкаго полка, значится *Галицкая сотня* ¹⁾). Но въ 60-хъ годахъ XVII в. Г—ца, по разсказу тѣхъ же старожилооъ, была разорена и запустѣла: „а когда изъ Галицы орда людей въ полонъ забрала и около Галицы—степá и поля рабочія запустѣли“. Поблизу Г—цы находилось село Петровка, владѣя которымъ Лазарь Горленко вновь заселилъ Г—цу, и затѣмъ обѣ эти маестности—отдалъ Семену Раковичу, своему полк. писарю и зятю ²⁾). Послѣ смерти Р—ча, Петровка и Галица были подтверждены Мазепою его вдовѣ, „на вдовиное сиротство“. Владѣя этими маестностями, Раковичи захватили окружающыя земли и образовали громадное земельное богатство. По смерти Семена Р—ча, этимъ богатствомъ заправляли—его вдова съ единственнымъ своимъ Павломъ ³⁾). О послѣднемъ извѣстно, что онъ былъ женатъ на дочери охочекомоннаго полковника

1) Сохранилось завѣщаніе одного Галицкаго *мѣщанина*, написанное въ 1653 г., въ которомъ читаемъ: «я, рабъ Божій Леско Снитивскій, мещанинъ Галицкій... маестность мою убогую такъ спос. распоражаю: напродъ, на церковь св. прор. Илии Галицкую золотыхъ сто отдаю, я заразъ отдаю до рукъ ктиторовъ фулварокъ, въ которомъ мешкалемъ и т. д. Въ концѣ: «Дѣлося року 1653, мѣс. августа 5 дня. Матфей, дякъ Галицкій. Василій Дмитровичъ, священникъ Галицкій».

2) Въ полов. XVIII в. одинъ изъ старожиловъ Галицы показывалъ, что „памятенъ онъ того добре, же покойный полковникъ Прилуцкій Лазарь Горленко владѣлъ селами Петровкою и Галицею; *егда же зять ея Семень Раковичъ*, не вѣдаегъ зачимъ, *былъ посланъ въ Турецкую область* и оттудова повернувшись, принялъ во владѣніе свое помянутіе села Петровку и Галицу“...

3) Въ полов. XVIII в. записано слѣд. показаніе Петровскаго священника: „Антоній Сугаковскій, поць Петровскій, сказалъ, что за молодихъ своихъ лѣтъ былъ онъ, о Антоній, въ покойной старой Раковички Агафини и сына ея покойнаго Павла Р—ча—старостою, чему будетъ дѣяться годовъ съ 50, и подъ насъ того званія, по своей должности, въ лѣтномъ времени, объѣздить было поля пахатіе и сѣнокосіе къ селамъ Петровкѣ и Галицѣ“

Пашковскаго (Опис. Ст. Магор., I, 232) и служилъ бунчукъ товарищемъ. Въ этомъ чинѣ онъ ходилъ, въ 1725 г., въ Гиланскій походъ вмѣстѣ съ своими сыновьями Андреемъ и Федоромъ. (Зап. Марк., I, 193, 209 и 210). Послѣдній сынъ умеръ раньше отца и Раковичевское наслѣдство перешло къ одному Андрею, за исключеніемъ той части земель, которую Павелъ Р—чъ отдѣлилъ своей дочери, бывшей замужемъ за капитаномъ великорусскаго полка нѣмцемъ Шнакомъ. Кр. А. 101 д. В. 100 д. В. 45 д. Г. 58 д. 65 х. Пс. 3 бд. х. Д. 88 д. 144 х. 44 бд. х. Кз. В. 19 д. Г. 6 д. 6 х. Пс. 1 бд. х. Д. 1 д. 1 х.

Умаленіе населенія въ Г—цѣ уже послѣ 1718 г.—слѣдуетъ объяснить, кромѣ ухода крестьянъ въ другія мѣста, еще и выселеніемъ части ихъ въ двѣ слободы, которыя поселилъ Павелъ Р—чъ не далеко отъ Г—цы, въ урочищѣ Салная Дуброва (Обозр. Рум. Оп., 187). Въ послѣдствіи были поселены около Г—цы и другія слободы; ихъ селилъ уже сынъ Павла—Андрей. Послѣдній былъ женатъ на дочери Вас. Оболонскаго (Оп. Ст. Малор., I, 232) и оставилъ дочь Евдокію и шесть сыновей: Захара, Лаврентія, Степана, Ивана, Петра и Павла. Изъ нихъ первые два имѣли чины бунч. товарищей, Степанъ и Иванъ были, послѣдовательно, хоружими генер. артиллерін, а Петръ и Павелъ служили въ сербскомъ гусарск. полку. Между этими сыновьями было раздѣлено наслѣдство Андрея Р—ча, при чемъ Г—ца досталась Захару и Лаврентію, Петровка—Петру, Сальное—Павлу, Татаровка и Степановка—Степану и Шнаковка—Ивану ¹⁾).

¹⁾ Въ 1767 г. раздѣлъ этотъ былъ измѣненъ вслѣдствіе предъявленнаго къ сыновьямъ Андрея спора сестрою ихъ Евдокіей, по мужу Стаховичъ, съ требованіемъ выдѣла ей четвертой части отцовскаго наслѣдства, въ приданное. Требованіе это было удовлетворено, при чемъ Р—чи отдали сестрѣ Петровку. При этомъ, для опредѣленія четвертой части наслѣдства Андрея Р—ча, всѣ имѣнія послѣднато были подробно оцѣнены и такимъ образомъ явились любопытныя свѣдѣнія о тогдашнихъ цѣнахъ на земли. Нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній приводимъ здѣсь.

Въ дачѣ с. Сорочинецъ показаны между прочимъ слѣдующія цѣны на пахатныя земли: Поле дней на 4—4 р.—Нива дней на 3—

Лаврентій Р—чь поселился въ Галицѣ, на старой усадьбѣ, при чемъ послѣдняя въ 1767 г. описана такъ: „дворъ жилой б. т. Лаврентія Р., въ немъ будинокъ, о 9-ти покояхъ, нововыстроенный, зъ сосновой деревнѣ, внутри всѣ комнаты выбиты столярными панелями, безъ печей, подъ крышкою деревяною. Свѣтлицъ двѣ, безъ комватъ, полотняными шпалерами вибитіе, въ нихъ печи зеленіе, между ними (свѣтлицами) сѣни и комора рубленіе... Изба одна съ коморкою—рубленіе, въ коей и ледникъ имѣется, подъ дранію. Кухня плетеная, напротивъ хата рубленая; конюшня и амбаръ рубленіе, между ними возовня; два погреба рубленіе входніе; садъ изъ разнымъ родючіяч

3 р.—Нива на 8 дней—4 р.—Нива дней на 7—3 р. 50 к.—Нива дней на 4—2 р.—Ланъ дней на 10—5 р.

Въ Журавкѣ—мельница о двухъ волахъ, одномъ мучномъ, а другомъ ступномъ, валушномъ и просяномъ, на р. Удаи,—500 рублей.

Въ слоб. Обичевской, между прочимъ, показаны на усадьбы и полевья земли такія цѣны: «грунтъ, въ ономъ хатъ 3 и подсуздковъ три—15 р.—Грунтъ, въ ономъ хата мазка зъ подсуздкомъ—4 р. Плеть пустыи—3 р.—Нива дней на 3—1 р. 50 к.—Сѣножать на 10 косарей—10 р.—Нива на 2 упруга—30 к.

С. Петровка. Панскій дворъ со всѣми постройками—280 р. На рч. Галицѣ гребля и мельница о 2-хъ колахъ—200 р.—Ставъ рыболовній посредиѣ села—10 р.—Посполитскіе дворы съ ихъ хатами, конкхъ числомъ 136, съ грунтами, садами, пасѣвами, лѣсами, левадами, вѣтранными мельницами, пахотными и сѣнокосными землями—6288 рублей. Лѣса владѣльческіе—7000 р.

С. Галица. Панскій дворъ со всѣми строевьями и около двора 14 хатъ для подсосѣдковъ,—1700 р.—Дворы посполитыхъ (168) со всѣми угодьями—9815 р. Лѣса владѣльческіе—735 р.

С. Сальное. Панскій дворъ со всѣми постройками в 106 двор. посполитыхъ, со всѣми угодьями—7000 р. (Лѣсовъ нѣтъ).

Д. Татаровка. Господскій дворъ и 62 посп. дворовъ, со всѣми угодьями—4500 р. (Лѣсовъ нѣтъ).

Сл. Степановка. Поспол. дворы (35) со всѣми угодьями—2500 р. (Лѣсовъ нѣтъ).

Сл. Шнаковка. Панскій дворъ и 42 посп. дворовъ, со всѣми угодьями—1700 р. (Лѣсовъ нѣтъ).

Приведенная оцѣнка сдѣлана Прилуцкимъ подкоморіемъ Андр. Маркевичемъ и двумя значк. товарищами.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

(2-й годъ изданія)

на большую ежедневную политическую и литературную газету

безъ предварительной цензуры

СЪВЕРНЫЙ КУРЬЕРЪ.

Въ основу своего міросозерцанія «Съверный Курьеръ» полагаетъ идею единства европейской цивилизаціи, не исключаящей началъ національной самобытности и ставитъ своей цѣлью добросовѣстное изученіе русской жизни и освѣщеніе ея въ духъ справедливости и развитія гражданственностями. Въ этомъ смыслѣ «Съверный Курьеръ» направляетъ всѣ усилія, чтобы быть вѣрнымъ выразителемъ прогрессивныхъ стремленій наиболее отзывчивой части русскаго общества. Придавая огромное значеніе совершающейся въ Россіи экономической эволюціи въ области земледѣлія и промышленности, «Съверный Курьеръ» внимательно слѣдитъ какъ за самымъ процессомъ эволюціи, такъ и за всѣми происходящими на этой основѣ измѣненіями въ духовной жизни народа, всюду выдвигая надъ узко-эгоистическими личными и групповыми интересами благо и интересы трудящихся массъ безъ различія сферы приложенія ихъ труда. Серьезное вниманіе удѣляется выясненію и установленію правильныхъ отношеній между центромъ и окраинами на основѣ полного признанія и уваженія правъ личности, національности и началъ вѣротерпимости. «Съверный Курьеръ» вѣритъ въ необходимость органическаго роста областного начала, желательность дальнѣйшаго расширенія сферы общественной самодѣятельности и потому отводитъ подобающее мѣсто вопросамъ земскаго и городского самоуправленія, областнымъ интересамъ и нуждамъ. Не меньшее значеніе придаетъ газета успѣхамъ русской школы и просвѣщенія и въ этой области ставитъ своей задачей силовое

и объединеніе усилій разрозненных дѣятелей на просвѣтительномъ поприщѣ. Серьезное вниманіе удѣлено также интересамъ науки, искусства и литературы.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ. 10 руб., на 6 мѣс. 5 руб., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 руб. Заграницу: на годъ 16 руб., на 6 м. 8 руб., на 3 мѣс. 4 руб., на 1 мѣс. 2 руб.

РАЗСРОЧКА допускается по четвертямъ, а для служащихъ (черезъ казначеевъ) по 1 р. въ мѣсяць (при подпискѣ на годъ въ теченіе первыхъ десяти мѣсяцевъ). Подписка принимается только съ перваго числа каждаго мѣсяца.—Объявленія принимаются во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Бол. Морская ул., 5 (отъ 12 до 4 час. дня). Отдѣленіе Конторы въ Москвѣ у. И. К. Голубева, Покровка, д. церкви Іоанна Предтечи.

Издатель *Кн. В. В. Барятинскій*. Редакторы: *Кн. В. В. Барятинскій*. *К. И. Арабажинъ*.

2-3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ.

Двадцать первый годъ изданія.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Выходитъ ежедневно безъ предварительной цензуры.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, экономической и общественной жизни. III. Обзорніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“. V. Последнія извѣстія (сообщенія собственныхъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. Маленькій фельетонъ. X. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ.

XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XII. Извѣстія по горному дѣлу. XIII. Внѣшнія извѣстія: *письма заграничныхъ корреспондентовъ, послѣдняя почта*. XIV. Фельетонъ: научный, беллетристическій, критическій и общественной жизни. XV. Судебная хроника. XVI. Библиографія. XVII. Смѣсь. XVIII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XIX. Почтовый ящикъ. XX. Календарь. XXI. Справочныя свѣдѣнія: засѣданія учебныхъ обществъ, театръ и зрѣлища, дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, и резолюціи по нимъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. XXII. Стороннія сообщенія. XXIII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ очень многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Редакція ежедневно получаетъ извѣстія изъ Петербурга и Москвы отъ собствен. корреспондентовъ.

Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипани, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ

Подписная цѣна на 1901 годъ:

съ оставкою въ Харьковъ:

На 12 м. 10 р., 11 м. 9 р. 50 к., 10 м. 9 р., 9 м. 8 р. 25 к.,
8 м. 7 р. 50 к., 7 м. 6 р. 75 к., 6 м. 6 р., 5 м. 5 р. 25 к.,
4 м. 4 р. 50 к., 3 м. 3 р. 40 к., 2 м. 2 р. 40 к., 1 м. 1 р. 20 к.

Съ пересылкою иногороднимъ:

На 12 м. 11 р., 11 м. 10 р. 50 к., 10 м. 10 р., 9 м. 9 р. 20 к.,
8 м. 8 р. 50 к., 7 м. 7 р. 80 к., 6 м. 7 р., 5 м. 6 р., 4 м. 5 р.,
3 м. 4 р., 2 м. 3 р., 1 м. 1 р. 50 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ конторой.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Сумской улицѣ, въ домъ А. А. Іозефовича, № 13.

„Южный Край“ печатается НА РОТАЦИОННОЙ МАШИНѢ МАРИНОНИ, ПОЛУЧЕННОЙ ИЗЪ ПАРИЖА, которая даетъ до 20,000 оттисковъ въ часъ.

Редакторъ-издатель А. А. ІОЗЕФОВИЧЪ.

SLOVANSKÝ PŘEHLED

(Славянское Одозрѣніе),

ежемѣсячный всеславянской
журналь

въ III-мъ году изданія

будеть издаваться по прежней программѣ. Журналь выходитъ книжками въ 3 и больше листовъ, въ первую пятницу каждаго мѣсяца (исключая—августъ и сентябрь), заключаая въ себѣ статьи и корреспонденціи, касающіяся культурной жизни всѣхъ славянскихъ народовъ, сверхъ того будутъ печататься переводы стихотвореній славянскихъ поэтовъ на чешскомъ языкѣ, библиографическія извѣстія изъ всѣхъ славянскихъ литературъ, свѣдѣнія о славянскомъ искусствѣ и пр.

Подписная цѣна для Россіи 3 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкою.

Подписка принимается въ конторѣ журнала «Slovanský Přebled» въ Прагѣ Чешской (адресъ: Nakladatelstvo F. Šimáček, Praha, Jerusalemksù ul. 11).

Издатель Ф. Шимачекъ.

Редакторъ А. Черны.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЬ

1901 НОВЫЙ МІРЪ 1901

иллюстрированный двухнедельный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній, издаваемый ТОВАРИЩЕСТВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ, подъ редакціею П. О. Ольхина.

ЗА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ

безъ всякой доплаты за пересылку премій, подписчики „НОВАГО МІРА“ получаютъ въ теченіи 1901 года, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи, слѣдующія пять изданій:

- | | | |
|---|--|--|
| <p>1) ЖУРНАЛЬ
„НОВЫЙ МІРЪ“
съ
«Всемирной Лѣтописью»
24 выпуска въ форматѣ лучшихъ европейскихъ иллюстрацій.</p> | <p>2) Иллюстриров. журналъ
прикладныхъ знаній
„МОЗАИКА
НОВАГО МІРА“
(24 выпуска)
вмѣщающій въ себѣ 16
рубрикъ.</p> | <p>3) ЖУРНАЛЬ
Литературные
ВЕЧЕРА
новаго міра
12 ежемѣсячныхъ иллюстриров. книжекъ романовъ и повѣстей для семейнаго чтенія.</p> |
|---|--|--|

- 4) 12 изящно переплетенныхъ книгъ ежемѣсячнаго журнала „БИБЛИОТЕКА РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ“
въ составъ котораго войдетъ
- | | |
|--|---|
| <p>СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
М. Н. ЗАГОСКИНА
въ 12 изящно переплетенныхъ томахъ, съ біографіею и портретами писателя.</p> | <p>или
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ПРЕОСВ. ИННОКЕНТІЯ
въ 12 изящно переплетенныхъ томахъ, съ біографіею и портретами писателя.</p> |
|--|---|

Каждому подписчику предоставлено выбрать собраніе сочиненій того или другого писателя.

5) НОВЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„ЖИВОПИСНАЯ РОССИЯ“

иллюстрированный вѣстникъ отчизновѣдѣнія, исторіи, культуры, государственной и экономической жизни Россіи, издаваемый ТОВАРИЩЕСТВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ, подъ редакціею П. О. Ольхина.

Первый русский журнал, посвященный исключительно изучению России въ ея прошломъ и настоящемъ и выясненію и обсужденію ея нуждъ и потребностей, 52 №№ въ годъ

Въ составъ журнала будутъ входить—въ *первомъ его отдѣлѣ*: статьи и изслѣдованія по всѣмъ вопросамъ русской жизни, описанія выдающихся мѣстностей, путешествія по Россіи, историческія изслѣдованія, соединяющія, вмѣстѣ съ серьезностью научной обработки, общедоступность изложенія; во *второмъ-же отдѣлѣ*: полная лѣтопись всего, что творится изо-дня-въ-день на Руси во всѣхъ уголкахъ нашего отечества, корреспонденціи, сообщенія, замѣтки, обзоры разныхъ сторонъ русскаго быта и хроника русской жизни.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отдѣлѣ принимаютъ участіе лучшія научныя и литературныя силы, посвятившія себя изученію Россіи. Какъ тотъ, такъ и другой отдѣлы будутъ иллюстрированы преимущественно фотографическими автотипіями съ натуры—какъ наиболее точнымъ способомъ воспроизведенія дѣйствительности.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НОВОМУ МІРУ“ со всѣми преміями и приложениями, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи на годъ **14 р.**

Роскошное паданіе—18 руб. За границу —24 руб., роскошное изданіе —28 руб. Допускается разсрочка платежа, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 руб., остальные же деньги могутъ высылаться, по усмотрѣнію подписчика, ежемѣсячно, до уплаты всѣхъ 14 руб. При подпискѣ въ разсрочку первая безплатная премія (12 перепл. книгъ «Библіотека русск. и иностр. писателей» высылается только по уплатѣ всей подписной суммы.

Объявленія для помѣщенія въ журналахъ: „НОВЫЙ МІРЪ“ и «МОЗАЙКА НОВАГО МІРА»,—принимаются съ платою: съади текста по 40 коп. за строку ноншареля въ $\frac{1}{5}$ ширины страницы «Новаго Міра» или $\frac{1}{3}$ ширины «Мозаики Новаго Міра»; передъ текстомъ плата двойная.

Подписка на Новый Міръ и объявленія принимаются въ конторахъ журнала, при книжныхъ магазинахъ Т-на М. О. Вольфъ, въ С.-Петербургѣ, Гостинный Дворъ, № 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ № 12, а также въ редакціи «Новаго Міра», въ С.-Петербургѣ, Васильевскій Островъ, 16 линія, собст. домъ, №№ 5—7.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ V-ЫИ.

1901 г.

ОТВѢТЪ ПОДПИСКО

1901 г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

выходящую ВЪ ОДЕССѢ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ
съ иллюстраціями въ текстѣ:

Рисунки событій дня, портреты общественныхъ дѣятелей, художниковъ, виды мѣстностей и т. под., появляющіеся на отдѣльныхъ листахъ не менѣе двухъ разъ въ недѣлю.

Съ Января 1901 г. въ иллюстр. листахъ будетъ печататься полный переводъ послѣдняго романа Эмиля Золя

„ТРУДЪ“.

Подписная цѣна на газету „Южное Обозрѣніе“: Въ Одессѣ съ дост. на домъ на годъ 6 р., 6 мѣс. 3 р. 50 к., 3 мѣс. 1 р. 80 к., 1 мѣс. 60 к. На города (съ пересылкой) на годъ 8 р., 6 мѣс. 4 р., 3 мѣс. 2 р., 1 мѣс. 70 к. Допускается разсрочка платежа.

Подписка принимается въ Одессѣ въ главной конторѣ газеты „Южное Обозрѣніе“, при типографіи Исаковичъ и Вейленсонъ, Гаванная ул., соб. домъ.

Редакторы: *В. Н. Маракусъ. Н. П. Цакки.*

Издатель *Г. М. Вейленсонъ.*

Годовые подписчики „Южнаго Обозрѣнія“ имѣютъ право пріобрѣтать слѣдующія вновь выходящія въ 1901 году иллюстрированныя изданія по значительно уменьшеннымъ цѣнамъ:

„ЖЕНСКІЙ АЛЬМАНАХЪ“

подъ редакціей проф. А. Н. Деревницкаго и Н. Т. Герцо-Виноградскаго.

Въ „Женскомъ Альманахѣ“ принимаютъ участіе: А. Е. Богрова, З. А. Венгерова, П. И. Вейнбергъ, М. Л. Волкова, И. А. Гриневская, Л. Я. Гуревичъ, С. П. Даль, В. Каменская, проф. А. И. Кирпичниковъ, Е. О. Литвинова, М. П. Салтыкова, О. Н. Чюмина, О. А. Шаниръ и др.; составленіе отдѣла по женскому образованію любезно принялъ на себя проф. А. Н. Деревницкій.

Просятъ гг. годовыхъ подписчик. заявлять свои требованія на „Женскій Альманахъ“ не позже 15 февраля 1901 г.

ТЕХНИЧЕСКІЙ, городск. и сельскаго хозяйствъ СБОРНИКЪ
подъ редакціей инженеровъ *Г. М. Вольфензона и В. И. Зуева,*

Просятъ гг. подписчиковъ заявлять свои требованія на „Технический Сборникъ“ не позже 15 февраля 1901 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901-й ГОДЪ

НА ГАЗЕТУ

„ВОСХОДЪ“

выходящую два раза въ недѣлю

и ежемѣсячный журналъ „КНИЖКИ ВОСХОДА“

Восходъ посвященъ интересамъ еврейскаго народа. Онъ стремится къ укрѣпленію внутреннихъ силъ еврейства, подъему культурнаго уровня массы и объясненію силъ интеллигенціи на дружной работѣ на народной еврейской нивѣ; его задача—служить дѣлу національнаго возрожденія, гражданской и общественной эмансипаціи евреевъ среди другихъ народовъ.—Газета выходитъ два раза въ недѣлю, разм. въ 2 печ. листа, и имѣетъ слѣд. содержаніе: **руководящія статьи** по всемъ текущимъ вопросамъ еврейской жизни въ Россіи и за границей, **хроника** всѣхъ новѣйшихъ извѣстій, **корресп.** изъ провинціи и загран., **сенатская** и судебная **практика** по еврейскимъ дѣламъ (сен. указы), юридич. **бесплатная** консультація (отвѣты на юрид. вопросы подписчиковъ въ особомъ отдѣлѣ), **обзоры** евр., русской и польск. печати, **фельетонъ** (разск. и проч.), **обзоры общей политич. жизни** Россіи и иностр. государствъ, критика и библиографія.

ЦѢНА ГАЗЕТЫ—7 руб. въ годъ (допуск. разсрочка: при подпискѣ—3 р., къ 1 марта—2 р. и къ 1 іюля—2 р.).

КНИЖКИ ВОСХОДА—выходятъ ежемѣсячно въ разм. до 10 печ. лист. **Повѣсти** и **разсказы** изъ евр. жизни, стихотв. и популярн. научныя **статьи** по исторіи, литературѣ, религіи, философіи, критикѣ, **вопр обществ. жизни**. **Книжки восхода**—единственный журналъ, посвященный еврейской литературѣ и наукѣ, на русскомъ языкѣ. Желая способствовать его широкому, распространенію, новая редакція установила отдѣльную подписку за **крайне доступную цѣну**:

12 книгъ за 3 руб. (съ перес.).

Главная Контора «Восхода» помѣщается въ С.-Петербургѣ, Площадь Большого Театра, д. 2.

Подписчики на оба изданія, внесшіе до 1 января 1901 г. вступную плату за годъ, получаютъ газету въ этомъ году со дня подписки **бесплатно.**

Годовые подписчики на оба изданія получаютъ въ 1901 году **бесплатное приложение: Сборникъ повѣстей и рассказовъ одного изъ талантливейшихъ современныхъ беллетристовъ И. Зангвилля, въ изящно изданномъ томѣ, разм. до 20 печ. листовъ.**

2-3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ (12 годъ изданія)

На общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА“

Въ теченіе 1900 года въ «Русской Школѣ» напечатаны были между прочимъ, слѣд статьи: 1) Педагогическій сѣздъ въ Одессѣ въ 1881 году. Громака-Громаченка; 2) Въ былой духовной школѣ. М. Кукина; 3) Забѣтки и наблюденія (изъ записокъ бывшаго сельскаго учителя). Дидо; 4) вспомоgetельныя школы для отстающихъ и малоспособныхъ дѣтей на Западѣ Д-ра Щеглова; 5) Положеніе естественнѣвѣдѣнія въ заграничныхъ среднихъ школахъ. Н. Кричагина; 6) Школьный день. А. П. Нечаева; 7) Умственное утомленіе и переутомленіе. Проф. И. Оршанскаго; 8) О постановкѣ преподаванія и воспитанія сообразно естественному ходу умственнаго развитія, Проф. И. Сакорскаго; 9) Средняя школа въ Россіи тридцать лѣтъ тому назадъ. Проф. В. А. Бильбасова; 10) Соображенія школьнаго врача по поводу реформы средней школы. Д-ра А. С. Виреніуса; 11) Наши школьныя вопросы. (Изъ посмертныхъ бумагъ). В. Стоянина; 12) Школьныя противорѣчія. Старова; 13) Наши учителя, ученики и система. П. Головачева; 14) Пансіоны и общежитія А. Анастасіева; 15) Къ вопросу о матеріальномъ положеніи педагоговъ нашей средней школы. Юрій Андреева; 16) По вопросу о положеніи учителей городскихъ училищъ. И. У.; 17) По поводу толковъ о введеніи новаго устава для духовно-учебныхъ заведеній. П. Маркова; 18) Къ вопросу о пересмотрѣ

программъ классическихъ гимназій. М. Тростяникова; 19) Изъ исторіи народной школы. В. А. Бильбасова; 20) Вліяніе народнаго образованія на народныя богатство, здоровье и нравственность. П. Мижужева; 21) Насущный вопросъ въ области народнаго образованія. И. Бѣлоконскаго; 22) Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію за 1899 годъ. Его-же; 23) Организція книжной помощи народнымъ учителямъ. М. Новикова; 24) На пользу русской народной школъ. М. Страховой; 25) Вопросъ о всеобщемъ обученіи крестьянскаго населенія въ тверскомъ земствѣ. И. Красноперова; 26) Начальныя народныя училища въ Вятской губерніи. А. А. Красева; 27) Русское начальное народное образованіе на Парижской всемірной выставкѣ. И. Бѣлоконскаго; 28) О преподаваніи педагогики въ женскихъ гимназіяхъ. А. Анастасіева; 29) Критическій обзоръ способовъ обученія правописанію Ап. Соболева; 30) Объ ариметическихъ задачахъ алгебраическаго характера. С. Шохоръ-Троцкаго; 31) Объемъ задачи и пѣль пренедевическаго курса естествовѣдѣнія въ средней школъ. М. Ускова; 32) О желательной постановкѣ курса средневѣковой исторіи. Проф. Н. И. Карѣева; 33) Опытъ психологіи грамоты. Кл. Тихомырова и многія другія.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы“, кромѣ отдѣла критики и библиографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Зап. Ев. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библиотекъ Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессиональнаго образованія В. В. Бирюковича и пр.

«Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—семь руб., съ доставкой 7 руб. 50 коп.; для иногородныхъ съ пересылкой—восемь руб.; за границу девять руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за шесть руб. въ годъ съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Литовская ул., 1).

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА 72-го:

январь, февраль, мартъ, 1901 г.

Книга первая—январь.

- | | |
|---|---------|
| I. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. О. Л. | 3—36 |
| II. ДОЛЯ. (Рязвяне оповидання). Л. Яновской | 37—56 |
| III. ЕВРЕИ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ. (Историческая справка). Ир. Житоецкаго | 57—80 |
| IV. НАША ДОЛЯ—БОЖА ВОЛЯ. (Новість) Д. Яворницкаго | 81—114 |
| V. ДОГОВОРЫ ПРИХОЖАНЪ СЪ СВЯЩЕННИКАМИ ВЪ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ (По поводу договорнаго акта 1789 года). Съ пред. И. Л. Сообщ. Сергѣй Рѣлицкій | 115—124 |
| VI. А. Я. КОНИССКІЙ (Некрологъ). | 125—151 |
| I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Конотопская старина по устному преданію. Сообщ. А. Л.; б) Къ исторіи статутныхъ судовъ въ лѣвобережной Малороссіи. А. Л.; в) Пасѣка Богдана Хмельницкаго; г) Происхожденіе слова «Мацапура»; д) О посылкѣ межигорскихъ монаховъ въ Сѣчь, въ 1770 г.; е) О зачисленіи «черногорскаго шляхетства молодыхъ людей» въ студенты Киевской академіи въ 1770 г.; ж) Письмо въ редакцію (По вопросу объ открытіи въ Кіевѣ Южнаго Отдѣла Географическаго Общества). Личкова. | 1—14 |
| Генуція извѣстія | 15—22 |
| II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Materyaly antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, wydawane staraniem Komisji | |

Antropologicznej Akademii Umiejętności w Krakowie. Т. VI. Н. В.; б) Сборникъ Харьковскаго историко-филологическаго общества Т. 12. И. Каманина; в) Приходскія фундашевыя училища въ Юго-Западномъ краѣ: ихъ возникновеніе и средства содержанія В. Д.; г) А. П. Добрывъ. Біографіи русскихъ писателей средняго и новаго періодовъ. В. Д.; д) Викъ (1798—1898). В. Н.; е) Обзоръ журналовъ конца 1900 года; ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ	22—52
Археологическая лѣтопись	53—64
III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. Ал. Лазаревскаго. Листъ 11-й.	161—176

Книга вторая—февраль.

I. П. А. КУЛИШЪ. Біограф. очеркъ. Гл. I—V. В. Шенрока.	153—179
II. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. (Продолженіе). Ор. Левицкаго.	180—216
III. УКРАИНСКАЯ ВѢДЬМА. (Очеркъ). В. Милорадовича.	217—233
IV. НАША ДОЛЯ—БОЖА ВОЛЯ. Повесть. (Продолженіе). Д. Яворницкаго.	234—282
V. ПИСЬМА М. М. ЛАЗАРЕВСКАГО КЪ Т. Г. ШЕВЧЕНКУ (1857—1859 г.г.). В. Н.	283—300
VI. ПАМЯТИ В. С. ГНИЛОСЫРОВА. В. Науменка.	301—307
VII. М. Т. СИМОНОВЪ (НОМИСЬ). Некрологъ. В. Н.	308—311

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Нѣкоторыя данныя для біографіи Т. Г. Шевченка. В. Д.; б) Письмо А. Л. Метлинскаго къ Н. И. Костомарову о проектѣ общества для изданія малорусскихъ народныхъ книгъ; в) Письмо В. В. Тарновскаго къ Т. Г. Шевченку; г) Вѣнчаніе вокругъ «джи». Сообщ. В. Доманицкій; д) Къ бытовой исторіи малорусскихъ монастырей; е) Переселеніе малороссіянъ въ Тамбовскій край въ полов. XVIII в.; ж) Къ исторіи народнаго волненія, бывшаго въ гетманщинѣ вслѣдъ за поставленіемъ Мазепы гетманомъ; з) Походное вооруженіе гетманскаго козака; и) Литература народнаго самоврачеванія въ Малороссіи; і) Два универсала Спиридову Шираю, 1688 г.;

III

к) Опись домашних вещей бунч. тов. Григорія Фридрикевича;	
л) Могяла подъ Любаромъ; м) Справка В. Срезневскаго.	65—84
Тенуція извѣстія	84—91
II. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Записки Науковаго Товариства імени Шевченка, т. XXXVII и XXXVIII. В. Д.; б) А. Я. Ефименко. «На Украинѣ». Очерки и рассказы. В. Д.; в) Указатель къ матеріаламъ, собраннымъ г. Чубинскимъ въ «Трудахъ этнограф.-статистической экспедиціи Имп. Русск. Геогр. Общ. въ загадно-русскій край». Кіевнина; г) Свящ. о. Игнатій Лотоцкій. Виннице-Браиловскій женскій монастырь и его святыни. В. Д.; д) Обзоръ журналовъ текущаго года;	
е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.	92—120
Археологическая лѣтопись.	121—130
III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Прилудкій подѣл. Ал. Лазаревскаго. Листъ 12-ый.	
	177—192

Книга третья—мартъ.

ОТДѢЛЪ I.

I. КРЕСТЬЯНЕ И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА ВЪ ВОСТОЧНОЙ АВСТРИИ. И. Лучицкаго	313—351
II. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЧЕРНИГОВСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. (1861—1863 гг.). А. Л.	352—367
III. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. (Продолженіе). Ор. Левшицкаго	368—395
IV. ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ВВЕДЕНІЮ ПОЛОЖЕНІЙ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. ВЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБ. (Къ 40-лѣтію со дня освобожденія крестьянъ). Ник. Василенка	396—423
V. НАША ДОЛЯ—БОЖА ВОЛЯ. (Продолженіе). Д. Яворницкаго	424—460
VI. П. А. КУЛИШЪ. Біографическій очеркъ. (Продолженіе). В. Шенрока	461—492

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи освобожденія крестьянъ б) Два документа къ исторіи 19 февраля 1861 г.; в) Подольская пѣсня о панщинѣ; г) Озеро Святаязъ и народныя преданія о немъ. П. Т.; д) Къ исторіи	
--	--

женскаго образованія въ Кіевской губ. (Архивная справка);	
е) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ.	
А. Мёрдеръ ж) Поправка.	131—157 •
Тенуція извѣстія	158—165
II. БИБЛЮГРАФІЯ:	
а) Украинскія изданія 1900 года. В. Доманицкаго; б) Древности. Труды Имп. Моск. Археолог. Общ. изд. подъ ред. В. К. Трутовскаго, секретаря общества. Т. XVII. Б.; в) Karol Bołsunowski. Najdawniejsze pomniki chrześcianstwa na Rusi М. К.; г) Графиня Уварова. Матеріалы по археологіи Кавказа. Вып. VIII. Могильники сѣвернаго Кавказа. В.; д) Ksawery Chamiec. Wśród stepów i jarów. Kultura przeddziejowa. В.; е) Обзоръ журналовъ текущаго года; ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.	166—196
Археологическая лѣтопись.	197—205
III. ПРИЛОЖЕНІЕ:	
1) Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. Ал. Лазаревскаго. Листъ 13-й .	193—208
2) Портретъ М. Т. Симонова (Номиса).	



КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXIII.

1901 г.

АПРѢЛЬ.



КІЕВЪ.

Типо-литографія Императорскаго Университета Св. Владимира.

Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мериновская улица, № 6.

1901.

Дозволено цензурою. Київъ, 8 марта 1901 года.

Вышла мартовская (третья) книга

ежемѣсячнаго литературно-политическаго журнала

„Русская Мысль“.

Содержаніе: I) Жестокіе. Ром. въ двухъ частяхъ.—П. Д. Боборыкина. Продолженіе. II) Съ разныхъ дорогъ. Новелла. Элизы Ожешковой. Пер. съ польск.—В. М. Л. III) Башкирскіе сказки.—Н. Крашенинникова. IV) Изъ современной хроники. Ром. Густава Вида. (Пер. съ датск.)—А. и П. Гавзенъ. Продолженіе. V) Разказы о прошломъ. Изъ автобіографіи моего пріятели.—С. Я. Елпатьевского. Продолженіе. VI) Штернштейнгофъ. Деревенская повѣсть. Людвига Анценгрубера. Пер. съ нѣм.—А. И. К.—въ. Продолженіе. VII) А. Н. Островскій въ «кружѣ молодого москвитянина». — О. О. Нелидова. VIII) Возрастъ земли.—А. П. Соколова. IX) Рабочій вопросъ въ помещичьихъ вождѣльняхъ.—А. В. Еропкина. Окончаніе. X) Лѣто на Кавказѣ.—М. Б. XI) Успѣхи нервной терапіи въ концѣ XIX вѣка и ея ближайшія задачи.—Л. С. Мвнора. XII) Французскій критикъ о «Воскресеніи» Л. Н. Толстого.—Т. Г. XIII) Невзвѣстный пѣвецъ народнаго горя. (Поэтъ крестьянинъ Гервасій Псальмовъ † 2 октября 1900 г.)—А. И. Яцимирскаго XIV) Національный вопросъ въ XIX в. (Изъ политическаго наслѣдства прошлаго столѣтія).—В. А. Гольцева. XV) Александръ Яковлевичъ Конисскій. (Некрологъ).—Л. Ч. XVI) Внутреннее обозрѣніе. XVII). Иностр. обозрѣніе.—В. А. Г. XVIII). Письма о современномъ искусствѣ: «Михаилъ Крамеръ», драма Гергерта Гаутмана.—Я. А. Ф.—ина. XIV). Библиографическій отдѣлъ. XX). Объявленія.

Продолжается подписка на 1901 годъ.

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи:
12 мѣс. 12 руб. 9 м. 9 р. 6 м. 6 р. 3 м. 3 р. 1 м. 1 р. Заграницу
12 мѣс. 14 руб. 9 м. 10 руб. 50 коп. 6 м. 7 р. 3 м. 3 р. 50 к.
1 м. 1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1-го апр. 1-го іюля, 1-го окт. по 3 р. при непосредственномъ обращеніи въ контору или ея отдѣленія. Цѣна отдѣльнаго номера съ перес. 1 р. 30 к. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 к. съ полнаго годового экземпляра. Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается. Подписка принимается: въ Москвѣ, въ к-рѣ журнала. Шереметевскій пер., д. гр. Шереметова. кв. 30; въ СПБ. въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Кіевѣ, въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина; въ Варшавѣ, въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Вильнѣ, въ кн. маг. Н. П. Карбасникова.

При редакціи находится магазинъ русск. и иностр. книгъ. (Уг. Б. Никитской ул. и Леонтьевскаго пер., д. Халатова) съ приѣмомъ подписки на всѣ журналы, газеты и словари Брокгауза и Граната. Кн. магазинъ принимаетъ на комиссію постр. и высылаетъ по первому требованію всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты, принимаетъ на себя составленіе народныхъ дешевыхъ библіотекъ на какія угодно суммы, даетъ справки по открытію библіотекъ и складовъ для продажи книгъ.

Редакторъ-Издатель В. М. Лавровъ.



Изъ недавняго прошлаго.

Крайне рѣдко пока приходится изслѣдователю наталкиваться на бумаги и документы, которые давали бы возможность ознакомиться въ деталяхъ съ характерными чертами крѣпостного права, какъ оно проявлялось и существовало въ первую половину истекшаго столѣтія въ Черниговщинѣ и Полтавщинѣ. Большею частью они, эти документы, хранятся въ немногихъ уцѣлѣвшихъ еще частныхъ архивахъ, откуда лишь случайно появляются на свѣтъ Божій.

Совершенно случайно одинъ изъ такого рода документовъ удалось получить и пишущему эти строки,¹⁾ документъ, не лишенный интереса и значенія и вскрывающій многія стороны въ многострадальной жизни крестьянъ XIX в. Это—небольшая рукопись²⁾, заключающая въ себѣ рядъ приказовъ въ деревню Луговецъ, мглинского уѣзда черниговской губерніи, адресованныхъ помѣщику, извѣстнымъ въ исторіи украинской литературы, Павломъ Павловичемъ Бѣледкимъ-Носенко, изъ Прилукъ, гдѣ онъ жилъ и гдѣ велъ хозяйство въ сосѣднихъ селахъ, принадлежавшихъ ему наслѣдственно, къ его луговецкимъ прика-

1) Приносимъ искреннюю благодарность А. А. Савичу, любезно предоставившему рукопись въ наше распоряженіе.

2) Она озаглавлена: «Приказы въ деревню Луговецъ». Рукопись in fol., fols. 1—93.

щикамъ. Приказы эти обнимаютъ, къ сожалѣнію, далеко не весь періодъ, въ теченіе котораго онъ управлялъ деревней Луговцомъ: они ограничиваются лишь промежуткомъ времени съ 1822 по 1847 годъ. Но тѣмъ не менѣе ихъ болѣе чѣмъ достаточно для обрисовки какъ отношеній помѣщика—и притомъ помѣщика вполне по тому времени образованнаго,—къ подвластнымъ ему крестьянамъ, такъ и положенія самихъ крестьянъ. Мы въ настоящей замѣткѣ и воспользуемся ими.

Заброшенная въ глубь мглинского уѣзда деревня Луговецъ, послѣ длиннаго ряда перемѣщеній изъ рукъ однихъ владѣльцевъ въ руки другихъ, попала около начала XIX ст. во владѣніе новой семьи, нѣкогда козачьей, но волею судебъ достигшей высшаго ранга, пошедшей въ ряды старшины, а затѣмъ и въ родословныя книги. Къ концу XVIII в. новый владѣлецъ, Бѣлецкій-Носенко, уже являлся представителемъ „стариннаго“ дворянскаго рода, сославшагося при Екатеринѣ, когда отъ его отца потребовали доказательствъ дворянскаго происхожденія, на то, что его предкомъ былъ „Луцкій князь Александръ Носъ, потомокъ коего, князь Іоаннъ Носъ въ 1650 г. присягнулъ на вѣрность Малороссіи“, въ 1694 г. получилъ с. Голубовку, а въ 1708 г. назначенъ прилуцкимъ полковникомъ ¹⁾. Потомки нѣкогда бывшаго запорожскаго казака, извѣстнаго современника Мазепы, Ивана Носа, еще въ концѣ XVIII в. отбросили, поэтому, старыя свои козачьи титулы, и сынъ послѣдняго сотника, Георгія Бѣлецкаго-Носенка, Павелъ уже отбывалъ свою дворянскую повинность въ арміи, гдѣ достигъ въ 1784 чина капитана. То былъ зажиточный помѣщикъ, владѣвшій нѣсколькими деревнями въ прилуцкомъ повѣтѣ, не малымъ количествомъ крѣпостныхъ и стариннымъ наслѣдствен-

¹⁾ Подробности о родѣ Б.-Носенковъ, см. въ исторіи прилуцкаго полка А. Лазаревскаго, помѣщ. въ Кіевской Старинѣ 1900 г., июнь, іюль-августъ, 29 и сл., ноябрь и декабр., стр. 127 и сл.

нымъ домоу въ Прилукахъ, этомъ главномъ родовомъ гнѣздѣ. Но, повидимому, не все старое было имъ забыто, не всѣ старыя традиціи, нашедшія себѣ выраженіе въ наказахъ черниговской старшины, были имъ отброшены. Своему сыну, тоже Павлу, онъ далъ хорошее воспитаніе, открылъ ему возможность усвоить современныя знанія, сдѣлаться человѣкомъ замѣтнымъ въ тѣ времена, человѣкомъ съ энциклопедическими знаніями, литераторомъ. Молодой Носенко очень скоро промѣнялъ шпагу на перо и педагогическую указку. Онъ бросилъ около 1798 г. военную службу, вернулся въ родныя мѣста, съ 1800 года вступилъ въ управленіе своими маестностями и преданъ педагогическому и хозяйственному, наукѣ и литературѣ. Живя въ Прилукахъ, онъ основалъ тамъ двухклассное народное училище, преобразовалъ его въ трехклассное уѣздное въ 1812 году и затѣмъ сталъ выпускать одно произведеніе за другимъ. И чего только не касался онъ: и логики, и пчеловодства, и поэтики, и леченія холеры, и исторіи, и римскаго права, и филологіи, и народной поэзіи и т. д., и т. д. ¹⁾ Энциклопедистъ, воспитанный въ духѣ XVIII в., онъ выработалъ цѣлую схему представленій о справедливости, и эту свою, какъ увидимъ, своеобразную, но въ высокой степени любопытную для характеристики міровоззрѣній того времени, теорію справедливости всецѣло примѣнилъ и къ той подвластной ему массѣ, которая была подчинена ему, какъ „*ей господину*“ ²⁾. Педагогъ въ школѣ, онъ явился педагогомъ и въ крестьянской средѣ, и въ его лицѣ мы имѣемъ предъ собою типъ *suī generis* помѣщика первой половины XIX в., у котораго идеи XVIII в., взятые на прокатъ изъ Европы, сочетались самымъ тѣснымъ и нераздѣльнымъ образомъ съ условіями тогдашней жизни, всецѣло обоснованной на крѣпостномъ

¹⁾ О произведеніяхъ П. П. Бѣлецкаго-Носенко см. Петровъ, Очерки исторіи украинской литературы, стр. 36—56, и біографію его въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза, т. IX, 187.

²⁾ Большую часть призывовъ прикащикамъ онъ подписывалъ кратко, но вразумительно: „твой господинъ“.

правѣ, не противорѣча другъ другу, дружелюбно укладываясь въ немъ. Въ этомъ отношеніи приказы рисуютъ намъ его вполне. Рѣдкій изъ нихъ не заключалъ въ себѣ какой-либо сентенціи философически-моральнаго содержанія, опредѣляющей его воззрѣнія на то, что разумѣлъ онъ подъ справедливостью.

Помѣщикъ-педагогъ, знакомый въ добавокъ съ римскимъ правомъ, П. П. Бѣлецкій-Носенко былъ человѣкомъ грознымъ и требовательнымъ, вникавшимъ во всѣ самыя мелкія стороны хозяйства и поведенія крестьянъ-крѣпостныхъ, не пропускавшимъ безъ педагогическихъ внушеній самаго ничтожнаго проступка крѣпостного. Высокаго мнѣнія держался онъ относительно своей роли, какъ владѣльца крѣпостныхъ, владѣльца, которому, какъ онъ самъ выразился въ любопытномъ письмѣ къ мглинскому становому приставу, „высочайше ввѣрена власть надъ крестьянами“, т. е. дано „то священное право“, которое „всякій благородный человѣкъ и дворянинъ будетъ защищать до послѣдней минуты своей жизни“. Это, такъ сказать, „обязывало“ его, и онъ систематически старался не отступать ни въ какомъ случаѣ отъ наложенныхъ на него его званіемъ „священныхъ“ обязанностей.

„Вообще ты долженъ, пишетъ онъ то тому, то другому изъ своихъ прикащиковъ въ д. Луговецъ, принять за правило: чужого не тронь, а своего не попускай. Ибо кто чужое взялъ неправо, тотъ и отдай вдвое“. Или, какъ въ другихъ приказахъ, еще рельефнѣе: „чужого не займи на волосъ, но и своего отнюдь не попускай, а особливо такимъ, которые хотятъ отнять силу“ (f^o 35). Въ этихъ словахъ его—вся суть вироботаннаго имъ кодекса справедливости, который лежитъ въ основаніи всѣхъ его дѣйствій. Въ 1823 году нѣсколько человѣкъ его крѣпостныхъ д. Луговецъ не отдали кому-то изъ сосѣдей занятаго хлѣба. Ему донесли о томъ въ Прилуки, и тотчасъ же онъ шлетъ энергичный приказъ: „немедленно возвратить долгъ, а буде того не сдѣлають, продать ихъ лошадей или скотину, „а за ослушаніе всыпать „по пятидесяти розогъ“ (f^o 30). Позже, въ 1845 г., когда оказалось, что одинъ изъ его крѣ-

постныхъ, взявшій подъ залогъ пары коней и трехъ кобылицъ 250 р. у крестьянина сосѣдняго помѣщика съ обязательствомъ вернуть деньги полностью и оставить кредитору приплодъ, не выполнилъ условія, Бѣлецкій-Носенко спѣшитъ послать прикащику грозный приказъ. „Ты вѣдаешь, пишетъ онъ, что я не люблю неправды, а потому распроси свидѣтелей, и буде договоръ былъ точно таковъ и деньги не всѣ отданы, то заставь расплатиться по уговору, потому что уговоръ лучше грошей и заключаемый при свидѣтеляхъ долженъ быть святъ и между честными людьми не нарушимъ“ (f^o 87). Отсюда, и его стремленіе не доводить своихъ крѣпостныхъ до полного разоренія, не требовать съ нихъ чего либо лишняго, не попускать ихъ ни къ дѣйствіямъ, вреднымъ для нихъ самихъ, ни къ лѣности и уклоненію отъ ихъ обязанностей. Въ голодный 1822 годъ онъ, наир., отдаетъ половину денегъ, вырученныхъ за продажу срубленныхъ по его приказу громадой старыхъ деревьевъ въ его лѣсу, „на надобности громады при теперешнихъ скудныхъ обстоятельствахъ“, отказывается отъ всей суммы, слѣдуемой за его шинокъ, „ибо мнѣ не кстаети брать съ тѣмъ, чтобы допустить крестьянъ своихъ разореніе“ (f^o 8). Позже, въ повторившійся голодный 1833 годъ, онъ освобождаетъ бабъ отъ приготовленія мотковъ пряжи, „дабы бабы имѣли случай себѣ заработать на хлѣбъ“ (f^o 48). За все время съ 1822 по 1847 г. не подымаетъ онъ оброка съ крѣпостныхъ и всякій разъ пишетъ прикащику: „оброкъ и на сей годъ пока останется тотъ же“¹⁾. Какъ бы предчувствуя будущее, то и дѣло ему

1) Въ копіи письма Носенка къ какому то Ильѣ Петровичу онъ еще яснѣе проводитъ ту-же мысль (письмо отъ 8 аур. 1837 г., f^o 63): „пзвините, что не могу согласиться на предложеніе Ваше; хотя я получаю самый малый оброкъ съ крестьянъ моихъ и нѣкоторые другіе выгоды, также не важные, но въ замѣнъ я утѣшаю себя тѣмъ, что благосостояніе ихъ улучшается. Я, благодаря Бога моего, не имѣю нужды въ извлеченіи для себя новыхъ не важныхъ доходовъ съ крестьянъ моихъ, что могло бы иногда подвергнуть ихъ разстройству“.

кажется необходимымъ предписывать прикащикамъ, чтобы они воспрещали крестьянамъ уплачивать „лихоимцамъ-жидамъ и ростовщикамъ болѣе указного процента въ годъ“ и въ тоже время старались „не позволять никому грабить ихъ“ (f^o 3). Если до его свѣдѣнія доходило, что прикащикъ, или кто либо изъ крѣпостныхъ его, взываетъ „наспу“ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ нужно за ссуженный хлѣбъ,—опять приказъ и повелѣніе: „не смѣть брать жидовскаго процента“ (f^o 32). „Принесъ мнѣ жалобу, такъ пишетъ Б.-Носенко въ 1828 г. 20 апрѣля, одинъ изъ крѣпостныхъ, что ты, по какому то жидовскому ращету, за 8 четвертокъ гречки и только за 4 года нащиталъ наспы на наспу 60 четвертокъ и такимъ образомъ отпускаешь его совершенно раззорить. Между тѣмъ какъ, щитая за 4 года за 8 четвертокъ съ наспою и наспы на наспу, находится только 18 четвертокъ, 3 мѣрки и 5 гарцовъ, въ число коихъ уже уплачено, при твоихъ глазахъ, 7 четвертокъ гречки и одна четвертка конопель“. Отсюда и приказъ прекратить взысканіе, какъ несправедливое, и „немедленно возвратитъ забратые у крестьянина 5 копей“ (f^o 32). Съ неменьшимъ усердіемъ старался Носенко оградить крѣпостныхъ отъ злоупотребленій какъ прикащиковъ, такъ и болѣе зажиточныхъ изъ крѣпостныхъ во всемъ, что касалось либо пользованія землей, которую онъ почти всю отдавалъ громадѣ, такъ какъ самъ не вель хозяйства въ д. Луговцѣ, либо платежа чиншей и повинностей. „Изъ вѣдомости о людяхъ я увидѣлъ, пишетъ онъ 1825 г. 28 сентября, что бѣдныя, которые не имѣютъ скота ни шерстины, обложены на смѣхъ большимъ оброкомъ, а богатые, чтобъ меньше платить ченши и подати, господской земли взяли какъ можно менѣе. Ты прикащикъ! Чего ты смотрѣлъ за такимъ безпорядкомъ“. И вотъ приказъ: „съ полученіемъ сего, чтобы земли рѣзовыя были взяты отъ тѣхъ, кои не въ состояніи ихъ обработывать, и отданы богатымъ. У самыхъ бѣдныхъ оставить столько земли, сколько они сами въ состояніи обработывать“ (f^o 22). Въ другомъ случаѣ онъ пишетъ: „до моего свѣдѣнія дошло, что земли рѣзовыя пашутъ не тѣ, кому они даны, чтобъ было съ чего опла-

чивать подати и ченшь, а другіе тѣ земли захватываютъ, подати же взыскиваются съ тѣхъ, кто землю не корыстуется". И тотчасъ же повелѣніе, прекратить подобныя безпорядки (№ 16). Одинъ изъ его крѣпостныхъ завелъ шинюкъ, но уклоняется отъ платежа денегъ вмѣсто громады въ казну за винокурение. Въ глазахъ Носенка это—вредное злоупотребленіе: шинварь „шинкуетъ для своей одной пользы“ и что же еще выходитъ? Онъ на ряду съ самыми бѣдными даже чинша не уплачиваетъ (№ 11), а посему приказъ—обложить его непременно и неукоснительно. Не позволяя Носенку, равнымъ образомъ, взыскивать недоимки, если взысканіе такое, при отсутствіи какихъ либо зловредныхъ или злонамѣренныхъ со стороны крѣпостного стремленій не платить, могло грозить ему разореніемъ. Его собственный прикащикъ, вопреки приказу помѣщика, забралъ за недоимку у одного изъ крѣпостныхъ пеньку. „Такъ ты не далъ ему льготы, какъ тебѣ приказываемо было, и, мстя и не уважая моихъ приказовъ, наважилъ его разорять!“—пишетъ Носенко въ своемъ грозномъ посланіи. „Ты вѣдь, не далъ ему самому продать пеньки, за которую ему давали по 70 р. за берковецъ, а самъ продалъ по 60 р., слѣдственно сдѣлалъ ему убытку 57 р. И тоже за сѣно. Тебѣ не должно было хозяйничать въ чужомъ добрѣ, а повременить, пусть бы онъ его самъ продалъ за 20 р., а ты взялъ за него 10 р.“. И, разгнѣванный столь великою несправедливостью, Носенко приказываетъ: „и такъ, что ты осмѣлился не уважать моихъ приказаний дать ему льготу, отдай ему эти 67 р. непременно“ (№ 13). Всемѣрно, отсюда, заботился онъ объ устраненіи поводовъ со стороны крестьянъ, его крѣпостныхъ, подвергать себя и свои хозяйства разоренію. Пьянство преслѣдовалъ онъ всѣми силами. То и дѣло шлетъ онъ приказъ: „всякаго пьянаго и буйнаго наказывать розгами и ничемъ другимъ и болѣе 100 ударовъ не давать“ (№ 30). „Смотри, писалъ онъ раньше, въ 1822 г., чтобъ пьянства, дракъ, праздности не было; таковыхъ наказывать розгами предъ сельскимъ судомъ и давать, смотря по винѣ, отъ 10 до 100 ударовъ розгами“ (№ 6). И когда одинъ

изъ присланныхъ къ нему изъ Луговца въ Прилуку крѣпостныхъ плотниковъ оказался постоянно пьянствующимъ, Носенко отослалъ его обратно въ Луговецъ съ педагогическимъ внушеніемъ и приказомъ прикащику: „Глазъ съ него не спускать; всякой разъ, что напьется пьянъ, сбъчь розгами“ (f^o 42—43). А если и послѣ того не исправится, то добавочное повелѣніе: „отдать въ рекруты“. Отсюда и введенный имъ порядокъ въ его деревнѣ въ видѣ строгаго предписанія: крѣпостнымъ водки изъ шинковъ господскихъ въ долгъ ни подъ какимъ видомъ не давать подъ угрозой жестокаго наказанія 1). Порядокъ этотъ по отношенію къ своимъ крестьянамъ онъ пытался распространить и на чужихъ шинкарей. „Вообще, писалъ онъ прикащику (1822 г. 28 генваря), объяви чужимъ шинкарямъ, чтобы они моимъ крестьянамъ въ долгъ горѣлки ни кому не вѣрили, что я дамъ знать суду о томъ“ (f^o 4).

Строгий и неуступчивый во всемъ, касавшемся интересовъ крѣпостныхъ, онъ, съ истинно-педагогическою суровостью и настойчивостью относился и къ исполненію обязанностей крестьянъ, своихъ крѣпостныхъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ неумолимъ и дѣйствовалъ со всею прямолинейностью стариннаго педагога. И это не только потому одному, что въ данномъ случаѣ онъ осуществлялъ свое „священное право“, но и потому, что для него крѣпостной былъ тотъ же ученикъ, за поведеніемъ

1) „Пишуть мнѣ, что ты грабишь, читаемъ мы въ приказѣ отъ с февр. 1829 г., крестьянъ чрезъ шинкованье: забралъ у нихъ пеньку по низкимъ цѣнамъ и проч. Я запрецалъ неоднократно, чтобы въ долгъ горѣлки никому изъ крестьянъ не давать, а всякой цалъ бы только за наличные деньги; въ противномъ случаѣ, это явной поводъ къ разоренію, къ дракамъ и всякимъ безпорядкамъ отъ пьянства. Во вторыхъ, откуда крестьяне возмутъ заплатить подати и ченшъ, если ты будешь напередъ отбирать свои кабашные долги?—Ето послѣднее дѣло! Отъ нынѣ запрещается тебѣ, подъ строгимъ взыска-ніемъ, отнюдь не давать крестьянамъ нашимъ горѣлки въ долгъ болѣе одной кварты въ годъ, и объявить приказчикамъ сосѣдей, чтобы они также не пускали имъ въ долгъ, въ противномъ случаѣ имъ не заидатать“ (f^o 27).

и исполнителностью котораго онъ считалъ себя обязаннымъ неукоснительно слѣдить. А, вдобавокъ,—съ его точки зрѣнія,—крѣпостной былъ по натурѣ склоненъ ко злу и въ такомъ качествѣ требовалъ неусыпнаго надзора, который, наконецъ, являлся и прямо выгоднымъ для педагога-помѣщика, обеспечивалъ исправность въ поступленіи податковъ и т. п. „Мужикъ простъ, какъ ворона, писалъ онъ своему прикащику въ 1837 г. 15 августа, а хитрый какъ чортъ“, и въ этомъ—суть его воззрѣній на порядокъ поведенія крѣпостныхъ и отбыванія ими службъ.

При томъ высококомъ мнѣніи, которое онъ имѣлъ о своей власти, правахъ и обязанностяхъ, объ авторитетности и непрекаемости его мнѣній и приказовъ,—не даромъ изучалъ онъ римское право и даже сочинилъ о немъ книжку,—Носенко не могъ допустить и мысли о возможности не признавать его авторитета, нарушать его приказы. Всячески онъ старался оберегать его въ глазахъ подвластныхъ. „Приказъ мой долженъ быть немедленно исполненъ, безотговорочно; когда я приказываю, то сужденіе сторонняго не умѣстно“ (ф. 27),—вотъ тѣ стереотипныя формулы, съ которыми онъ постоянно обращался къ своимъ прикащикамъ и къ громадѣ. И съ особенной энергіей, постоянно требовалъ онъ, чтобы всѣ приказы его исполнялись „немедлѣнно“, „сейчасъ же“ и т. д. Горе было тому, кто хоть въ малой степени осмѣливался нарушить его авторитетъ и должное къ нему, какъ власти, уваженіе. Узнаетъ онъ, что приказъ его, отправленный въ Луговецъ чрезъ плотниковъ, „былъ распѣчатанъ кѣмъ то и приписано на немъ и потомъ опять припѣчатанъ“ (ф. 30). То была неслыханная дерзость, и Носенко издаетъ распоряженіе: „за такую дерзость всѣхъ кто участникъ былъ въ разламаніи *господской* печати высѣчь розгами, дать по 50 ударовъ каждому“ (Ib.). И хуже всего доставалось за неисполненіе барскихъ повелѣній прикащикамъ. На нихъ выливались цѣлыя ушаты энергическихъ кличекъ, имъ то и дѣло напоминалъ ихъ господинъ о своей власти. „Ты видно зажилъ за панибрата, да только гуртомъ запиваешь могоричи! Такъ плохо будетъ“, пи-

шесть онъ посланіе одному изъ своихъ прикащиковъ и твердить ему: „смотри, братъ, будь исправнѣе, чтобъ намъ съ тобою не поссориться“ (f^o 10—11). А то, вѣдь, продолжаетъ онъ, „я пріймусь за тебя, за перваго, какъ за негоднаго развратника и причину всѣхъ беспорядковъ“ (f^o 12). Преемникъ „развратника“—прикащика заслуживаетъ не менѣе лестные эпитеты за свою неслыханную смѣлость не исполнять приказовъ и дѣйствовать по личному усмотрѣнію. „Виноватъ (въ беспорядкахъ) ты одинъ, какъ нерадивый враль и злонамѣренный, глухой и безтолковый пустословъ, который менѣе всего думаетъ о своей обязанности, а только занимается мстить своимъ непріателямъ“ (f^o 21). И это—еще лучший исходъ: въ другихъ случаяхъ 50, 56 ударовъ ожидали „нерадиваго“ и „непослушнаго“. Съ другой стороны, во имя тѣхъ же принциповъ, Носенко жестоко преслѣдовалъ и наказывалъ и тѣхъ изъ крѣпостныхъ, которые обнаруживали дѣйствіями и словами недостаточное уваженіе къ представителямъ власти его, ихъ «господина», къ назначеннымъ имъ лично прикащикамъ. «Прикащикъ поставленъ отъ меня, пишетъ Носенко между прочимъ въ письмѣ своемъ прикащику отъ 2 февр. 1825 г., письмѣ, которое онъ приказываетъ „вычитать передъ всею громадою“ (f^o 16); „прикащикъ поставленъ отъ меня и потому всякъ ему обязанъ повиноваться, выполнять всѣ требованія его для пользы господской... подъ опасеніемъ строгаго взысканія. Никто да не дерзаетъ его ругать или бить“. И вотъ, чтобы „и другимъ было не повадно“, Носенко распоряжается одному изъ крѣпостныхъ, который „осмѣлился не только ругать, но и ударить прикащика“, дать 50 ударовъ розгами передъ громадою въ примѣръ прочимъ“ (Ib.) И если прикащикъ, какъ то было съ однимъ изъ нихъ, жалуется на непослушаніе крѣпостныхъ, то этимъ вызываетъ лишь удивленіе у своего господина. „Тебѣ стыдно писать, что тебя не слушаютъ, внушаетъ онъ прикащику: всякаго ослушника призвать къ судьямъ и его наказать по приговору судей и громады (т. е. высѣчь) и на пай виноватаго судей и громаду почастовать“ (f^o 19). И такой же авторитетъ старался придать Носенко и суду сельскому, пред-

писывая неоднократно безусловное послушаніе ему. „А за ослушаніе суду, приказываетъ Носенко, взъщи немедленно 1 рубль на церковь штрафу и дать 25 розокъ предъ судомъ, чтобы впредь неповадно было дѣлать ослушности и самоуправіе“ (f^o 27). За то, также какъ и относительно прикащиковъ, былъ онъ неумолимымъ педагогомъ-помѣщикомъ и для судей. „Антонъ Недбай, приказываетъ Носенко, будучи избранъ судьей, долженъ былъ хранить правосудіе, но онъ, забывши страхъ Господень, не только не защищалъ невиннаго, но, напротивъ, первый наложилъ на него руки, и для того, какъ негодной и недостойной, сейчасъ смѣняется и впредь его никогда судьей не избирать, недопускать ни на какой совѣтъ въ громаду, какъ буйнаго и безумнаго“ (f^o 19). И это повторялось нерѣдко за время съ 1822 по 1847 г.

Находясь постоянно въ Прилукахъ, почти не заглядывая въ отдаленное свое помѣстье, Носенко не могъ самъ лично преподавать подвластнымъ ему крѣпостнымъ нужные уроки. Съ сожалѣніемъ, которое проскальзываетъ не разъ въ его письмахъ—приказахъ, говорить онъ о томъ, что ему невозможно обучать лично, и что, поэтому, онъ вынужденъ передавать исполненіе и судъ въ чужіе руки. Уже съ самаго почти вступленія въ управленіе деревней Луговцемъ, онъ попытался организовать для крестьянъ крѣпостныхъ особый специальный судъ, какъ орудіе для выполненія его педагогическихъ мѣропріятій. Ежегодно сельская громада обязана была, по его приказу, избирать изъ своей среды двухъ судей, утверждаемыхъ имъ, судей, которые „совмѣстно съ громадою и должны въ свободное отъ работы время всѣ спорные дѣла и тебѣ (приващика) судить и считать за всѣ поборы и воровскіе дѣла изъ господскаго дѣса. Ты обязанъ имъ повиноваться и давать имъ отчеты“ (f^o 68). Безъ суда прикащикамъ воспрещено было наказывать: наказаніе, какъ средство исправленія и наставленія на путь истинный, дѣло однихъ судей. Но компетенція суда ограничена въ одномъ отношеніи: судьи вмѣстѣ съ громадой должны разслѣдовать дѣло, допросить свидѣтелей, представить все господину, который и назначалъ мѣру наказанія, если не

предоставлялъ сдѣлать это самому суду. Въ тѣхъ случаяхъ, когда слухи о какомъ либо проступкѣ доходили до Носенка, онъ, по своему усмотрѣнію, назначалъ мѣру наказанія, предоставляя примѣнить ее суду, если по разслѣдованію послѣдняго виновность даннаго или данныхъ крѣпостныхъ окажется подтвержденною. Но само собою разумѣется, что судъ не могъ ни въ какомъ отношеніи стѣснять и не стѣснялъ воли господина, который не разъ распоряжался и помимо суда. Крѣпостные, такимъ образомъ, поставлены были подъ двойную фѣрулу, и обученіе ихъ нравственности и выполненію нравственныхъ поступковъ и обязанностей совершалось постоянно и неукоснительно, обученіе, понятно, однообразное, но педагогическое, въ формѣ сѣченія. Съ точки зрѣнія Носенка, какъ педагога, это—наилучшая мѣра наказанія и вполне человѣчная. Да и какъ можетъ быть иначе! Вѣдь, писалъ онъ становому приставу, „56 розогъ не могутъ даже ребенка изувѣчить“ (f^o 77), а военное наказаніе, за первый побѣгъ, а именно: проведеніе виновнаго сквозь строй спицею—рутенами цѣлаго полка одинъ разъ, что составляетъ 4000 ударовъ, вѣдь «никто не осмѣлится назвать *безчеловѣчнымъ*» (Ib.). И розга царилъ въ деревнѣ во всю и за все. Баба напярала мотки «мошенически и не додала требуемаго ихъ количества», и ей приказано дать 30 лозановъ, если въ 2-недѣльный срокъ не напярдетъ недостающихъ мотковъ изъ своей уже пряжи (f^o 22). Одинъ крѣпостной нанесъ тяжкіе побои другому: виновный призванъ въ судъ и по приказанію владѣльца получилъ сто розогъ (f^o 13). Сынъ въ другой разъ побилъ престарѣлаго отца и выгналъ его изъ дому: дать при цѣлой громадѣ 200 розогъ и посадить на 12 часовъ въ колоду» (f^o 13). Крѣпостной нанесъ оскорбленіе прикащику,—50 розогъ (f^o 19). Крѣпостной оставилъ данную землю впустѣ, а снялъ и пахать землю на чужинѣ, не платя чинша: взыскать чиншъ втрое и „предъ громадой наказать его розгами“ (f^o 22). Крѣпостной вырубилъ въ господскомъ лѣсу больше лѣсу, чѣмъ сколько ему то было дозволено господиномъ: за ложь и порубь дать предъ громадой 50 розогъ“ (f^o 24). Одинъ изъ плотниковъ, присланныхъ къ панскому

двору въ Прилукахъ, „4 сутокъ курилъ и моталъ тутъ по шинкамъ въ городѣ съ своею любовницею, и, какъ слышно, промоталъ съ нею деньги, которые принесъ, и для того“,—издается панскій приказъ,—„по прибытіи его въ Луговець, собравши людей, дать ему 50 розокъ за мотовство и пьянство, а за прочее судить Богъ“ (f° 62--63). За кражу изъ господскаго лѣса сыновьями прикащика,—по 30 розокъ (f° 71). Бабу—мать „за побѣгъ и укрывательство своихъ сыновей отъ рекрутства“, предписано „высѣчь розгами при всей громадѣ, потому она уклоняла сыновей своихъ отъ государевой неизбѣжной повинности“ (f° 86).

И съ совершенно такою же аккуратностью, съ какой раздавались и мужчинамъ, и женщинамъ удары розокъ для исправленія, требовалось владѣльцемъ и неукоснительное отбываніе наложенныхъ имъ на нихъ повинностей и податей. Дѣлалось это и въ видахъ пріученія ихъ къ порядку, и съ цѣлью не давать оскудѣвать карману владѣльца.

Деревня Луговець находилась въ особыхъ отношеніяхъ къ владѣльцу. Какъ мы говорили уже, здѣсь у Бѣлецкаго-Носенка не было ни собственнаго двора, ни самостоятельной заапки. Управлялъ онъ ею издавѣка при помощи часто смѣняемыхъ прикащиковъ. Поэтому его крестьяне не несли на мѣстѣ барщины, а обязаны были только оброкомъ, который состоялъ изъ чинша (ченша), ягодъ, грибовъ, рыбы, дегтю, журавины, пряжи въ видѣ мотковъ, земляники и т. п. продуктовъ, составлявшихъ главный предметъ доходовъ дворянъ времени крѣпостнаго права. Вокругъ нихъ сосредоточивался главный интересъ, ихъ тщательно исчисляють, провѣряють, запирають въ амбары, продають, и на нихъ же изощряють сельско-хозяйственныя способности. Пошеховская дворянская старина была стариною дворянской и въ прилудкомъ, и въ мглинскомъ уѣздахъ, и нашъ герой,—литераторъ и ученый Бѣлецкій-Носенко,—являлъ собою всѣ черты исконнаго пошехонца. Заботы о доставленіи всего и всл полностью, безъ ущерба, не сходятъ съ строкъ его приказовъ. „Крестьяне должны исправно платить подати и оброки“—такова его теорія, и онъ предписывалъ прикащику, чтобы тотъ „не смѣлъ писать впередъ

такія глупости“, какія помѣнены имъ въ его донесеніи, гдѣ овъ проситъ о пониженіи и облегченіи платежей. Не любилъ Носенко неправды, но и не любилъ ущерба въ своихъ доходахъ, и это тѣмъ болѣе, что послѣдніе—живые символы обязанностей его крѣпостныхъ. Если всего, что слѣдуетъ, недоставлено, вина прикащика; это—слѣдствіе его „нерадѣнія“, его потворства пьянству, лѣни и ничего недѣланію „хитрыхъ чертей“ и, глупыхъ воронъ“. „Немедленно взыскать“, „безотговорочно доставить“, „беречься въ передѣ, чтобъ никакихъ недоимокъ не было“, охранять имущество, лѣса и т. п. „господина“ и т. д. (fol 13 и др.),—таковъ обычный припѣвъ къ его приказамъ. „Старайся доставлять деньги поскорѣе, потому что онѣ не собраны по твоему нерадѣнію“, пишетъ Носенко прикащику въ 1822 г. (f^o 1). Приказы не дѣйствуютъ. Поступленія идутъ вяло. И вотъ прикащикъ съ трепетомъ читаетъ новое полученное отъ „господина“ повелѣніе: „ты совершенно запустилъ людей, что никто не думаетъ о работѣ, а только пьянствуютъ, и черезъ это ты запустилъ чинши, что мужики у тебя безъ малѣйшаго страха и поэтому все запущено. Я непременно припру осмотрѣть, и если огороды и поля найдутся въ запустѣніи или безпорядкѣ, то я приймусь за тебя за перваго, какъ за негоднаго развратника и причину всѣхъ безпорядковъ“ (f^o 12). Грозное видѣніе въ видѣ розокъ и, особенно, систематическихъ вычетовъ съ прикащика и за недосланные продукты, и за непомѣрно, по мнѣнію Носенка, высокія цѣны, выставленныя прикащикомъ и за прядиво, и за бочку подъ олею, деготь и т. п., и за ваганы и т. п. произведенія, уменьшаютъ недоимки: прикащики изъ кожи вонъ лѣзутъ, чтобы выполнить волю „господина“, и отъ времени до времени получаютъ благодарность (крайне рѣдко), а иногда и деньги въ видѣ награды за хорошее поведеніе (еще рѣже)¹⁾ А

1) Въ 1832 г. прикащикъ получаетъ слѣд. посланіе: «деньги и все посланное тобою я получилъ исправно; также и мотки нарядены хорошо. За это тебѣ спасибо» (f^o 45). „Дая тебѣ 20 р. особо изъ рекрутскихъ денегъ, которые ты взыщешь» (f^o 46).

у Носенка оказывается хорошей хозяйственный глазъ. Всѣ поступающіе продукты одинаково интересуютъ его. Прикащикъ присылаетъ рыбу, которую ловятъ въ господскомъ ирудѣ. Ловля строго регламентирована помѣщикомъ, — она допущена лишь всей громадой. Последняя должна имѣть свой неводъ, громадскій (f^o 3, 18, 19, 26, 89), который обязательно хранится у прикащика, а уловъ долженъ дѣлиться пополамъ: половина пану, половина на необходимости громады, особенно въ неурожайные годы. Строго воспрещено имѣть невода и другія орудія отдѣльнымъ крестьянамъ. Носенко неукоснительно приказываетъ „неводъ у такого то отобрать, ибо какъ осмѣлился самоправно пользоваться господскими правами!“ (f^o 89). Онъ знаетъ, въ силу такихъ распоряженій, какъ великъ можетъ быть ежегодный уловъ, всему этому ведутся точныя записи, и потому настойчиво требуетъ исправной присылки всего положеннаго количества рыбы. „Рыбы мало, и та самая должна быть, и потому прислать непременно еще“, предписываетъ онъ прикащику (f^o 26). Въ 1839 году Носенко уже посылаетъ выговоръ за недосланную рыбу: „за рыбу присланную ты не стоишь и доброго слова“ (f^o 56). „Гдѣ тутъ совѣсть, бездѣльникъ, гдѣ тутъ рыба?—когда, внушаетъ онъ прикащику,—негодной щучины прислано было тобой по 15 ф., которая вся не стоила и 1 р. 5 к., а на соль для этого особо показано 1 р. 5 к.“ (f^o 72). Какъ истый хозяинъ, онъ не допускаетъ и мысли о возможности недополученія слѣдующаго ему и съ прикащика предписываетъ взыскать сумму недостающаго. Еще раньше за рыбу накопились недоимка и штрафныя деньги, не внесенныя прикащикомъ ни въ 1834, ни въ 1835 гг. Помѣщикъ издалъ въ 1836 г., въ февралѣ, приказъ: „ты не прислалъ всѣхъ штрафныхъ денегъ за рыбу! Люди, разживаясь, прибавляютъ оброкъ господину, за которымъ живутъ въ добрѣ, а ты гнешь, какъ бы убавить. Надо помнить, сентенціозно прибавляетъ онъ, что есть Богъ“, и предписываетъ немедля уплатить всю недоимку. „Ты не мысли, добавляетъ Носенко въ видѣ угрозы, чтобъ объ этомъ когда либо было забыто, и заплатишь съ процентами“ (f^o 61). И то не было лишь пустой фра-

зой съ его стороны. Носенко, вѣрный своимъ принципамъ, выработаннымъ имъ понятіямъ о справедливости, воспитанный на римскомъ правѣ, не останавливается предъ продажей всего имущества прикащика, разъ послѣдній „гнулъ“ слишкомъ сильно къ убавкѣ платежей въ пользу господина и, особенно, къ прибавкѣ ихъ въ свою пользу.

Вниманіе къ рыбѣ не было исключительнымъ. Въ совершенно равной мѣрѣ заботился Носенко и о томъ, чтобы грибы, да притомъ самыя хорошія, да рыжики, „да непременно бѣлые“¹⁾ да боровники по 1 ф. съ двора, доставлялись полностью подъ тѣми же угрозами; и о томъ, чтобы и мотки изъ конопли и пеньки присылались въ установленномъ имъ количествѣ, определенной величины и вѣса, указаннаго качества, безъ обмана и „не мошеннически“ натканные. „Мотки, чтобъ были, настаиваетъ онъ постоянно, нарядены хорошо и вѣрно по данному мотовилу изъ бѣлыхъ конопель и чтобъ были карточки при каждомъ моткѣ, а также смотрѣть, чтобъ счетъ пасомъ былъ вѣренъ“ (№ 61). И объ обманѣ его не могло быть и рѣчи. Онъ зналъ, и кто изъ бабъ, сколько мотковъ обязаны были доставить, и кто изъ нихъ не доставилъ всего, и за все это взыскивалъ онъ съ прикащика, а если оказывалась виновной баба, то приказывалъ, какъ мы знаемъ, сѣчь ее. „Мотки доставлены, пишетъ Носенко въ 1838 г. (ib.), неисправно. Пять бабъ, изъ которыхъ двѣ въ твоей семьѣ, не доставили по нѣсколько пасомъ, а именно: одна—3 пасмы, другая—2, третья—2, четвертая—5, шестая—11. Это—мошенничество, и съ твоей стороны недосмотри. А потому приказать имъ строжайше недостающее число пасомъ допрять и сказать, что впередъ они будутъ наказаны“. Въ 1830 г. прикащикъ доставилъ всего 91 мотокъ. „Слѣдственно, заявляетъ аккуратный Носенко, меньше противъ прошлагодняго

1) «Ты осмѣлился, пишетъ Носенко въ 1839 г., наругаться, бездѣльникъ, надъ своимъ господиномъ и вмѣсто дѣжанъ рыжиковъ прислалъ полъ-ведра гнилыхъ, черныхъ и зеленыхъ; грибы чтобъ были все бѣлые, а отнюдь не бабки и не менѣе пуда вѣсу» (№ 69).

14 мотковъ, да и напрядены и намотаны на такое короткое мотовило, что не прибрать витушки“. „А по сему,“—приказъ его: „за недостающіе 14 мотковъ мнѣ слѣдуетъ получить 14 рублей по ценѣ, какъ здѣсь (въ Прилукахъ) продаются на прямое шестипядное мотовило, а не плутовское“ (f^o 40). Затѣмъ онъ взыскиваетъ все-таки слѣдуемое полностью. Да и вообще для недоимокъ, для взысканія недосланнаго, все равно въ формѣ ли рыбы, ягодъ, журавины, мотковъ, грибовъ и проч., у него работалось и прямое средство. Разъ оказываются недоимки такого рода,—отвѣчаютъ деньгами прикащикъ и громада. „Тебѣ приказано было, повелѣваетъ въ 1835 г. Носенко, много разъ, когда не будетъ выслана рыба или грибы или другое что, то вмѣсто того должны вы все платитъ за недосланное по 25 р. за каждый предметъ; а безъ этого ты, пожалуй, и не подумаешь о томъ, чтобы отдать то, что слѣдуетъ. И такъ за недосланное собрать со всѣхъ людей 50 р. и деньги непремѣнно доставить“ (f^o 58). И о томъ, чтобы не уплачивать этихъ денегъ, нечего было надѣяться. На просьбу такого рода одной бабы, Носенко прислалъ въ отвѣтъ такую сентенцію: „нельзя прожить безъ уплаты податей“ (f^o 34). Единственная льгота, которую разрѣшалъ и допускалъ Носенко, заключалась лишь въ замѣнѣ платежа натурой платежемъ деньгами, или обратно. Такъ, вмѣсто денегъ дозволялось давать, напр., деготь, но при цѣнѣ за пудъ не дороже 80 к. (f^o 56), или „кто не хотѣлъ давать журавины, тому объявлялось, что онъ можетъ платитъ деньгами“ (f^o 3).

Въ дѣлѣ взысканій всѣхъ и всякаго рода платежей порядокъ былъ установленъ предусмотрительнымъ и расчетливымъ помѣщикомъ самый строгій. Во первыхъ, всѣ разнородные виды платежей обязаны были вносить помѣщику чрезъ прикащика всѣ крестьяне безъ исключенія, все равно, были ли они надѣлены землей или нѣтъ. Во вторыхъ, за поступленія отвѣчала вся громада, такъ какъ только съ нею въ полномъ составѣ имѣлъ дѣло помѣщикъ, а не съ отдѣльными лицами. Такой порядокъ заведенъ былъ Носенкомъ съ 1803 года, и онъ упорно придерживался его во все время правленія д. Луговцомъ. „Впередъ, такъ

писалъ онъ, напр., въ 1824 г. (№ 15), съ мелкими расчетами, что тотъ или другой не заплатилъ, ты мнѣ не смѣй входить и писать! Я положилъ оброкъ на цѣлую громаду, а не на души порознь, а потому цѣлая громада мнѣ должна отвѣчать за все сполна, какъ это прежде всегда бывало“. Кромѣ платъ натурой (съ правомъ замѣнять ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ деньгами), Носенко взыскивалъ со всѣхъ крѣпостныхъ и то, что онъ называлъ „ченшомъ“, т. е. платежъ преимущественно деньгами, опредѣленный имъ въ 300 р. Взыскивался онъ два раза въ годъ, и прикащикамъ было особенно строго предписано присылать его аккуратно, въ два срока, которые, впрочемъ, не были строго установлены. Носенко лишь въ нѣкоторые годы требовалъ доставлять ему чинши, первую часть до Пасхи, вторую—до Василія. Такъ какъ хозяйства своего Носенко въ Луговцѣ не велъ, то и барщины въ деревнѣ не существовало вовсе. Крестьяне лишь обязаны были платежомъ натурою и деньгами въ видѣ чинша. Избавить отъ уплаты чинша могъ лишь одинъ помѣщикъ. Исключительно отъ его воли зависѣло или потребовать чинша деньгами, или заставить отработать его. Къ послѣднему способу онъ прибѣгалъ нерѣдко, но и то лишь потому, что въ д. Луговцѣ крестьяне были хорошими плотниками. Почти ежегодно, въ томъ или иномъ количествѣ, призывалъ онъ ихъ въ Прилуки или въ села прилуцкія, принадлежавшія ему, для всякаго рода построекъ. Они должны были работать даромъ за освобожденіе отъ части чинша, по расчету же помѣщика. Но и здѣсь педагогическія требованія стояли не на послѣднемъ планѣ: дозволялось являться на плотничьи работы лишь трезвымъ, не лѣнивымъ и непрощтрафившимся крестьянамъ. Присылка гультая вызвала настоящую грозу. „Какъ ты осмѣлился перемѣнять то, что уже мною утверждено, съ раздраженіемъ пишетъ Носенко своему прикащику въ 1837 г. (№ 65). Если Степанъ (крестьянинъ) безъ вѣдома твоего осмѣлился самъ отъ себя послать сюда, на смѣну, то дать ему 50 розокъ среди громады, если я самъ съ нимъ не перевѣдаюсь. И кого дерзнулъ ты сюда прислать мнѣ на глаза? Вора, негодяя, пьяницу, который за безчисленные

проказы отосланъ былъ къ тебѣ. Приказы мои отмѣнять не смѣй подь опасеніемъ наказанія“.

Какъ основное правило, господствовала въ Луговцѣ система неукоснительнаго взысканія во что бы то ни стало и „сполна“ (f^o 15, 18, 55, 57 и др.). Малѣйшая отсрочка вызвала рядъ повторныхъ и настойчивыхъ требованій о немедленной присылкѣ всей суммы или недоплаченной части. Лишь для „гультаевъ“ и „лѣнивцевъ“, которые упорно отказывались отъ уплаты и съ которыми безсильны были справиться прикащики и громада, была придумана Носенкомъ специальная кара: прикащики должны были высылать такого рода лицъ на время косовицы, жатвы и другихъ сельско-хозяйственныхъ работъ ко двору помѣщика, гдѣ ихъ заставляли отбывать барщину (f^o 57). „Всѣ неисправные плательщики, издаеть въ 1835 г. свой приказъ Носенко, пьяницы, лѣнивцы будутъ работать здѣсь панщину, а земли ихъ и особливо пенечные огороды должны будутъ за нихъ же выплачивать всѣ подати и чинши“ (f^o 58). Это,—по мысли Носенка,—наказаніе крѣпостнымъ его за то, что, какъ онъ пишетъ въ томъ же приказѣ,—„вы только лукавствуете и хитрите“ (Ib.).

Заботы о поддержаніи доходности имѣнія, о правильномъ поступленіи платежей идутъ у Носенка еще далѣе. Не желая увеличивать оброки, онъ ищетъ другихъ источниковъ доходовъ, создаетъ новые поборы. Такъ, напр., слѣбныя бабы обязаны были наравнѣ съ другими доставлять ко двору помѣщика причитающаеся съ нихъ количество мотковъ. Въ 1824 г. онѣ уже уволены были помѣщикомъ отъ приготовленія мотковъ, и, по его приказу, приготовленіе ихъ въ томъ количествѣ, какое должны были выполнить слѣбныя, возложено на молодыхъ, недавно вышедшихъ замужъ (f^o 17). Но въ 1838 г. помѣщикъ постановляетъ, чтобы „съ ослѣвшихъ бабъ въ передъ взыскивать за мотки деньгами, по чемъ продается мотокъ,“ а прикащику поставлено въ непремѣнную обязанность „смотреть строго, чтобъ никакой недомки не было“ (f^o 65). Въ тѣхъ видахъ, чтобы ущерба чиншамъ не было, издаеть Носенко приказъ, безусловно воспреещающій

его крѣпостнымъ брать землю на сторонѣ. Имъ предписано обработывать лишь землю, принадлежащую помѣщику, дабы не причинить ему ущерба ¹⁾.

Съ другой стороны, съ неменьшимъ вниманіемъ относится Носенко и къ вопросу объ удержаніи на мѣстахъ своихъ крѣпостныхъ, этихъ главныхъ источниковъ дохода его въ д. Луговцѣ. Сохраненіе существующаго количества рабочихъ крѣпостныхъ, ихъ увеличеніе постоянно заботили его, и онъ строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы не потерпѣть и въ этомъ отношеніи какого-либо убытка. Съ ушедшихъ безъ разрѣшенія крестьянъ и отысканныхъ гдѣ-либо у сосѣдняго помѣщика разыскивалось пожитое (f^o 41). Относительно женщинъ онъ всячески старался о томъ, чтобы охранить свое право и не потерпѣть ущерба отъ выхода ихъ замужъ за чужого человѣка, въ чужую деревню. Такъ, въ 1822 г. Носенко предписываетъ своему крестьянину жениться на своей крестьянкѣ, но, буде онъ не захотѣлъ бы этого, то и на чужой, но подъ условіемъ замѣны (f^o 6). Позже настаиваетъ онъ на соблюденіи неукоснительномъ своего права, чтобы „безъ воли и вѣдома его никто не выдавалъ замужъ, и не выходилъ замужъ, или не женился (f^o 62). За неисполненіе указа Носенко подвергалъ виноватыхъ штрафу. Когда въ 1837 г. ему донесли, что одинъ мглинскій священникъ обвинчалъ безъ его вѣдома и позволенія женщину, его крѣпостную, онъ приказалъ или потребовать отъ священника куницу, или подать на него жалобу въ духовное правленіе (f^o 64). Какъ общее правило существовалъ обычай уплачивать „куницу“ въ размѣрѣ 13 р. за отдачу дочери въ замужество за посторонняго человѣка. „Дочь свою, пишетъ Носенко прикащику въ 1847 году, выдать за сто-

¹⁾ «Кто осмѣлится, гласить приказъ 1825 г. (f^o 22), взять землю и пахать на сторонѣ, когда своя въ пустѣ, и когда онъ имѣетъ земли столько, сколько всякій бѣднякъ (вслѣдствіе того, что уклоняется отъ чинша), то съ такого мошенника взыскать чиншу въ трое и ваказать его предъ громадой розгами, и сей приказъ тотчасъ привести въ исполненіе».

роннаго можно не иначе, какъ со взносомъ за нее куницы тринадцати рублей серебромъ“ (f^o 91—62, 65 и др.).

Строго охраняя свое „священное право“ распоряжаться по своей волѣ крестьянами, слѣдить за ихъ поведеніемъ, подвергать ихъ тѣлесному наказанію, Носенко, съ другой стороны, уже въ силу своего высокаго мнѣнія о роли дворянина, не допускалъ и мысли о возможности какого-либо посторонняго вторженія въ его отношенія къ крестьянамъ, отношенія, основанныя, по его убѣжденію, на присутствіи ему правъ, особенно вторженія полицейской власти. Въ такомъ вторженіи онъ усматривалъ явное нарушеніе своего „священнаго права“ и либо просто отмѣнялъ приказы и распоряженія какого-нибудь станового пристава, либо протестовалъ противъ дѣйствій его, противъ „незаконнаго“ его вмѣшательства. Въ 1842 г. онъ получилъ жалобу отъ своихъ крестьянъ на обремененіе ихъ подводами по распоряженію станового. Разузнавши, что съ крестьянъ другихъ владѣльцевъ въ Луговцѣ подводы не берутъ, а только съ его крѣпостныхъ, что вымогаютъ съ нихъ насильно подводы и задерживаютъ иногда по недѣлѣ у станового для собственной его ѣзды, Носенко пишетъ прикащику приказъ, прекратить все это. „Я не дѣлалъ, пишетъ онъ, никакого контракта содержать почту для возки станового пристава и содержать тройки коней и погонщиковъ въ его дворѣ для раззоренія моихъ крестьянъ, а потому приказываю тебѣ подать куда слѣдуетъ жалобу о прекращеніи такого самоуправнаго разоренія крестьянъ нашихъ, и притомъ объявить, что впредь безъ письменнаго отъ земскаго суда приказа, законнымъ порядкомъ подписаннаго, никакія подводы выдаваться не будутъ, а также по запискамъ на доскуткахъ бумаги, потому что такія вымогательства—противо законныя, а подводная повинность должна быть общественная цѣлаго уѣзда и слѣдовательно должна соблюдаться очередь по числу ревизскихъ душъ въ каждомъ владѣніи“ (f^o 83). Нѣсколько раньше, въ 1839 г., Носенко вступилъ въ еще болѣе рѣшительную борьбу съ становымъ приставомъ для защиты своего „священнаго права“. Назначенный имъ прикащикъ оказался виновнымъ въ похищеніи немалого количества дерева изъ помѣщичьяго

лѣса, въ недобросовѣстномъ веденіи дѣль, неправильной присылкѣ чиншей и т. п. Кое-кто изъ крестьянъ донесли о порубкахъ Носенку, и послѣдній, выразивши „великое спасибо“ симъ крестьянамъ и подаривши одному 25 р., а другимъ по 15 р., предписалъ суду произвести дозваніе. По дозванію прикащикъ съ сыновьями оказались виновными, и Носенко присудилъ ихъ къ взыскаіію около 4 тыс. рублей и постановилъ продать все ихъ имущество въ пополненіе долга, если они не уплатятъ слѣдующаго въ мѣсячный срокъ. А такъ какъ при составленіи описи имущества громадою, по порученію помѣщика, бывшій прикащикъ оказалъ сопротивленіе и дрался, да и красть лѣсъ, то Носенко въ дополненіе приказалъ высѣчь и его, и его сыновей, дать каждому по 56 розогъ (№ 66 по 74). Высѣченные крестьяне обратились съ жалобой къ становому за увѣчья, нанесенныя имъ, и становой отправилъ къ Носенку повѣстку и потребовалъ у него объясненій. Повѣстка привела въ страшное негодованіе помѣщика Носенка, и онъ разразился ядовитымъ и насмѣшливымъ протестомъ противъ „явно“, съ его точки зрѣнія, „незаконныхъ дѣйствій становаго, осмѣливавшаго затронуть и его „господина“ особу, и его „священныя права“.

Мы приводимъ *in extenso* это письмо Б.-Носенка къ становаму, какъ не требующее комментаріевъ и рисующее его во весь ростъ.

Письмо адресовано такъ: „отъ помѣщика коллежскаго ассесора, двухъ императорскихъ Россійскихъ ученыхъ обществъ члена и проч., и кавалера Павла Павлова сына Бѣлецкаго-Носенка, отвѣтъ на повѣстку его благородію г. приставу 3 стана Левницкому мглинскаго уѣзда“.

„Повѣстку вашу отъ 27 ноября за № я имѣлъ честь получить чрезъ почту; и спѣшу предостеречь васъ.—Вы, милостивый государь мой, совсѣмъ меня не знаете, я человѣкъ довольно грамотный, читаю толстыя книги, никогда не отговариваюсь не знаніемъ законовъ; очень знаю свои права помѣщика и крѣпостныхъ людей; живу по русской пословицѣ: „ѣду тихо не свищу, кто жъ наскочитъ не спущу“.—Въ теченіе почти

40-ка лѣтъ, крестьяне мои никогда... не впадали въ недоимку, потому что я непрестанно о томъ заботился, и даже въ дорогой годъ не заимствовались на продовольствіе отъ казны. Для разбора ихъ исковъ, споровъ, дракъ и прочего, за отдаленностью моего жительства, установленъ былъ отъ меня сельской судъ изъ двухъ избранныхъ ими судей и громады, они собирались всякой праздничной день послѣ обѣда и судили и рядили дѣла по святой правдѣ, какъ нельзя лучше, и за дерскія дѣла приказчиковъ судили и штрафовали съ 1803 года. Но Иванъ Сигуль съ сыновьями своими... осмѣлились самоправно эту спасительную мѣру уничтожить и присвоили себѣ, какъ это доказано, самовластіе надъ моими крестьянами, начали тирански ихъ наказывать, отнимали у нихъ поля, сѣнокосы, огороды и проч., безъ здирства съ крестьянина не выдавали ему свидѣтельства для полученія покормѣжной; потомъ стали вымогать и брать съ крестьянъ лишніе поборы будто бы въ казенные податки; эту лихву присвоили себѣ и никогда не отдавали громадѣ отчета, пока не дошли до меня общія жалобы о всѣхъ ихъ злоупотребленіяхъ. Вотъ какимъ образомъ Сигули разбогатѣли! Наконецъ, они, накупивши много лишнихъ лошадей и нанявши наймитовъ, не смотря на то, что своя семья многочисленна, зимнимъ путемъ иногда на 20 подводкахъ крали мой лѣсъ и возили продавать его въ г. Мглинъ; и сверхъ того самоправно крали себѣ на постройки, и въ послушаніе моего строгаго приказа Сигули не захотѣли идти съ громадою считать выкраденные ими деревья, за которыя я положилъ самую бѣдную плату, какая была установлена отъ меня назадъ тому около 40 лѣтъ, а не ту цѣну, которую предписано брать за покраденные сосновые деревья въ сводѣ законовъ.—Теперь позвольте вамъ, М. Г. мой, напомнить, что я рѣшилъ все это дѣло, какъ владѣлецъ *окончательно*, на основаніи т. IX, статьи 594-й..., слѣдовательно безъ всякой апелляціи къ кому либо.—Далѣе. Свода Законовъ въ томъ же томѣ статья 596: для удержанія крѣпостныхъ людей въ повиновеніи и добромъ порядкѣ, онъ (т. е. владѣлецъ или помѣщикъ) имѣетъ право употреблять до-

машнія средства исправленія и наказанія, по его усмотрѣнію, но безъ увѣчья и проч.⁴. Изъ этого вы усмотрѣть можете, что написанные вами 56 ударовъ розгою совсѣмъ не безчеловѣчно и не можетъ даже ребенка изувѣчить; вамъ угодно было назвать розгу по-нѣмецки *шпиль-рутеномъ*, что все таки значить хлысть; но всякій знаетъ, кто служилъ въ военной службѣ, что военный судъ присуждаетъ за первый побѣгъ дезертира пройти сквозь строй шпиль-рутенами цѣлаго полка одинъ разъ, что составляетъ по теперешнему счету 4000 ударовъ, и это никто не осмѣлится назвать *безчеловѣчнымъ*.—Что касается до 75 рублей за лишній ударъ, это праведная гроза для исполнителей судебныхъ приговоровъ при наказаніи уголовнымъ палачемъ.—Вы поступили, М. Г. мой, очень неосторожно, въ противность закона т. X ст. 1614, п. 2: „запрещается давать судъ крѣпостнымъ людямъ противъ своихъ помѣщиковъ, кромѣ дѣлъ объ отысканіи законной свободы отъ укрѣпленія“, и того же С. З. въ т. IX ст. 597 узаконяетъ: „запрещается принимать отъ крѣпостныхъ какіе либо на ихъ владѣльцевъ доносы и проч.“;—слѣдовательно, вы не имѣли никакого законнаго права принимать просьбъ отъ преступныхъ крестьянъ моихъ, Сигулей, чтобы тѣмъ возбудить въ нихъ дерзость законопреступную противъ высочайше ввѣренной мнѣ власти, когда я рѣшилъ дѣло *окончательно*, по силѣ закона.—Всякой благородный человѣкъ и дворянинъ вѣрно будетъ защищать это священное право до послѣдней минуты своей жизни.—Какъ законное повиновеніе отъ крестьянъ моихъ, Сигулей, нарушено, и какъ не мудро предвидѣть послѣдствій этого приключенія, то я одоляюсь покорно просить васъ обратить возмущившихся крестьянъ моихъ къ законному повиновенію и дать зависящую отъ васъ помощь крестьянамъ моимъ, Данилѣ Повтарю, Фодору Киреенку и прочимъ для исполненія моего приказа по окончательному моему присужденію.—Время не терпитъ; вы ободрили разорителей моихъ крестьянъ, которые осмѣлились писать въ послѣднемъ своемъ отчетѣ, будто они тратили громадскіе деньги на угощеніе членовъ земскаго суда, засѣдателей и всякихъ ревизо-

ровъ, и давали имъ деньги. Злодѣи, которые не умѣли цѣнить благодаренія своего помѣщика, подъ правленіемъ котораго обогатились и нажились благополучно около 40 лѣтъ, конечно не пощаждать сторонняго. Еще прошу васъ, поспѣшите привести ихъ въ повиновеніе. P. S. Мнѣ очень обидно, что вы, М. Г. мой, вздумали пугать меня принятіемъ отъ Сигулей на меня или на крестьянъ моихъ жалобы; если они не будутъ обращены къ законному повиновенію мнѣ и не исполнять моихъ приказовъ, я принужденъ буду жаловаться въ Губернское Правленіе, гдѣ, конечно, найду правосудіе.—Никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ мое имѣніе, нарушать незаконно мою власть, увѣряя непокорныхъ крестьянъ моихъ, будто они могутъ приносить жалобы на окончательные суды своего помѣщика къ кому бы то ни было“.

И. Лучицкій.

Кіевъ, 19 февраля 1901 г.



Сорокъ лѣтъ назадъ.

(Изъ воспоминаній Мироваго Посредника перваго призыва).

Въ послѣднее время „великій“ 1861 годъ вспоминается въ обществѣ очень рѣдко. Только иногда бывшій крѣпостной, опредѣляя время, говоритъ: „се було въ пятый годъ числа воли“, и вспоминаетъ тотъ день, когда впервые слово „воля“ смѣло и свободно раздалось по обширной землѣ; но чѣмъ дальше шли годы, оно все рѣже и рѣже вспоминалось, пока не замѣнилось другимъ словомъ, но уже не радостнымъ, а грустнымъ: „на переселеніе“. Но человѣку, бывшему очевидцемъ, а еще болѣе, принимавшему участіе въ работахъ по освобожденію крестьянъ, приходится часто воспоминаніями переживать эти дни, полные жизни, полные дѣйствительной, живой работы, а не бумажной, канцелярской,—такъ живо, какъ будто это было вчера.

Съ полною ясностью возникаютъ въ памяти лица, ихъ характеры, взгляды на дѣло освобожденія, борьба съ ними, радость побѣды, боязнь, чтобы не ввести темный людъ въ бѣду. Все это прошлое сразу ожило въ моей памяти при встрѣчѣ съ однимъ изъ крѣпостныхъ, пришедшихъ ко мнѣ за „порадою“.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ, Ярмакъ, бывшій въ обществѣ крестьянъ однимъ изъ видныхъ людей, которымъ и въ экономіи дорожили, какъ хоршимъ плотникомъ, былъ, помнится мнѣ,

однимъ изъ тѣхъ, дѣло котораго съ экономіей пришлось мнѣ впервые разсматривать и рѣшать послѣ воли.—Теперь это былъ сѣдой, сторбленный старикъ, думающій, какъ лучше устроить своихъ наслѣдниковъ послѣ своей смерти.

При встрѣчѣ съ этимъ-то Ярмакомъ припомнилось мнѣ время „великаго года“, припомнились многіе эпизоды изъ того времени, заставившіе Ярмака иногда повторять: „да и дурни-жьбулы мы тоди“.

Мало уже осталось насъ, принимавшихъ участіе въ освобожденіи. Вспоминая моихъ бывшихъ коллегъ, не могу не остановиться на тогдашнемъ предводителѣ дворянства, который игралъ большую роль въ уѣздной жизни. Съ особенною яркостью онъ припоминается мнѣ, добрый по натурѣ, но глубоко убѣжденный въ томъ, что и послѣ освобожденія онъ обязанъ поддерживать прежнія права помѣщиковъ, и мнѣ не разъ приходилось имѣть съ нимъ дѣло въ Сѣздѣ Мировыхъ Посредниковъ, въ которомъ предводитель дворянства былъ предсѣдателемъ. Въ то время Сѣздъ Мировыхъ посредниковъ былъ первымъ гласнымъ учрежденіемъ, и въ немъ разбирались дѣла и споры такъ еще недавно бывшихъ безправныхъ людей со своими полноправными господами. Это учрежденіе, на которое были обращены взоры всего уѣзда, у насъ, да вѣроятно и въ другихъ мѣстахъ, имѣло громадное значеніе для будущности, какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ, большинство которыхъ никакъ не хотѣло сразу стать къ крестьянамъ въ положеніе, требуемое закономъ, и желало при всякой возможности оттянуть въ свою пользу хоть кусочекъ того, на что они уже не имѣли права.

Сѣздъ Мировыхъ Посредниковъ, состоя изъ мѣстныхъ дворянъ съ предводителемъ во главѣ, не могъ внушать довѣрія только что освобожденнымъ крестьянамъ. Только членъ отъ правительства въ Сѣздѣ, на сторонѣ котораго было знаніе новыхъ законовъ да представительство взглядовъ губернскихъ присутствій, могъ сдѣлать Сѣздъ учрежденіемъ новымъ, способнымъ безпристрастно проводить новые законы. Поэтому, если-бы

голоса въ сѣздѣ не уравнивались голосомъ правительственнаго члена, если бы губернаторъ не былъ на сторонѣ новаго положенія вещей, а члены и секретарь Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія были старыми чиновниками, а не людьми, всецѣло стремящимися исполнить законъ, то дѣло освобожденія и въ нашемъ уѣздѣ пошло бы плохо. Съ особеннымъ чувствомъ симпатіи, я вспоминаю быв. членовъ отъ правительства П. Г. Борсука и А. М. Лазаревскаго. Уѣздъ нашъ не имѣлъ въ большомъ количествѣ крупныхъ имѣній. Помѣщичьи крестьяне составляли менѣе трети всего населенія; главный элементъ составляли козаки, имѣвшіе въ то время еще нѣкоторыя льготы. За исключеніемъ нѣсколькихъ сель и хуторовъ, остальные имѣли смѣшанное населеніе, состоящее изъ козаковъ и крестьянъ. По качеству почвы уѣздъ раздѣлялся на двѣ половины: въ 1-й мѣстности и надѣлъ требовался меньшій, и оброкъ большій; во 2-й мѣстности, гдѣ главнымъ образомъ преобладала песчаная почва, но яа то было много сѣнокосовъ болотныхъ и заливныхъ луговъ, много лѣсовъ и срубовъ, надѣлъ былъ больше и оброкъ меньше.

Первая мѣстность урожайная, вторая—болѣе пригодная для скотоводства. Но какъ въ первой могли быть имѣнія съ болѣе плохой почвой, такъ, наоборотъ, во второй—могли быть имѣнія съ хорошей почвой. Законъ позволялъ переносить оцѣнку съ одной мѣстности въ другую, почему, какъ надѣлы, такъ и оброки могли и уменьшаться, и увеличиваться. Это обстоятельство требовало отъ посредника тщательнаго изученія крестьянскихъ земель.

Почти въ одно время съ освобожденіемъ началось и размежеваніе земель, съ цѣлью уничтоженія чрезполосности, но оно не могло придти на помощь въ опредѣленіи качества и количества земли, такъ какъ шло черепашымъ шагомъ, хотя въ послѣдствіи имѣло серьезное вліяніе какъ на помѣщичьи хозяйства, такъ и на крестьянскія. Но въ то время это не было предвидимо, почему и послѣдствія его не принимались въ расчетъ. Но объ этомъ послѣ.

Очень много имѣній имѣли винокуренные заводы и нѣсколько сахарныхъ. Съ первыхъ же дней освобожденія, по крайней мѣрѣ пока на бумагѣ, приходилось обратить особое вниманіе на возможность оставленія рабочими работъ на заводахъ, и въ особенности сахарныхъ, гдѣ пріостановка на нѣсколько дней могла причинить большіе убытки, а затѣмъ вызвать и строгія мѣры: вѣдь въ то время слово „бунтъ“ было очень употребительно, и простой отказъ одного-двухъ рабочихъ идти на панщину возводился уже въ бунтъ и могъ окончиться вызовомъ солдатъ, что и было въ сосѣднихъ уѣздахъ.

Присутствуя въ церкви при чтеніи манифеста, я замѣтилъ не счастливыя лица крестьянъ, а суровыя, хотя они и крестились при словахъ: „осѣни себя крестнымъ знаменіемъ“.—Несомнѣнно, на всѣхъ повліяло то, что „воля“ дается не вдругъ, что они должны еще отбывать панщину, что относительно земли, которою они владѣли и считали своей, дѣлается что-то не такъ. Изъ крестьянъ въ то время мало было грамотныхъ. Случалось, что въ иномъ селѣ нельзя было найти ни одного чело-вѣка, который могъ бы расписаться за неграмотныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что грамотнаго крестьяне находили, но этотъ грамотный самъ запутывался въ толкованіи и вѣрномъ пониманіи многихъ статей Положенія. Были, разумѣется, и такіе, которые толковали эти статьи въ пользу крестьянъ, за что и выпивали больше и получали большее вознагражденіе. Все это, на первыхъ порахъ, дѣлало задачу Мирowychъ Посредниковъ очень тяжелой. И теперь я вспоминаю то беспокойное состояніе духа, которое овладѣло мною, когда пришлось составлять программу своихъ дѣйствій. Очевидно, нужно было пріобрѣсть возможное довѣріе отъ крестьянъ, чтобы не надѣлать бѣдъ. Задача эта была очень трудной, и впоследствии оказалось на дѣлѣ, что хотя крестьяне будто бы и вѣрятъ Посреднику, но держать ухо вострѣ и часто на самое простое предложеніе, выгодное для нихъ, не соглашаются.

Первымъ дѣломъ послѣ чтенія манифеста было образованіе сельскихъ и волостныхъ учреждений. Волостные Суды, правле-

нія, сельскіе старосты въ обществахъ козаковъ существовали давно, въ крестьянскихъ же были образованы отдѣльно; тѣмъ не менѣе, образцы для послѣднихъ уже были, и новые граждане, крестьяне, старались подражать козакамъ и въ манерахъ держать себя предъ начальствомъ, и съ подчиненными имъ крестьянами. Различіе было въ томъ, что козацкіе старшины, управляемые особыми чиновниками бывшей Палаты Государственныхъ Имуществъ, были грамотны, умѣли держаться, имѣли хорошо обученныхъ писарей. Наши же, крестьянскіе, въ большинствѣ неграмотные, съ первыхъ же дней могли попадать въ руки писарей, взятыхъ изъ бывшихъ козацкихъ писарей или пріучившихся около нихъ молодыхъ парней, набившихъ руку тутъ же въ Волостныхъ Правленіяхъ. Поэтому и тутъ Мировому Посреднику приходилось задумываться и быть на сторожѣ, чтобы незамѣтно на новыя учрежденія не повліяли привычки старыхъ уже козацкихъ учреждений, въ которыхъ волостные старшины часто наживали крупныя земельныя имущества.

Но съ первыхъ же шаговъ самостоятельныхъ дѣйствій крестьянскихъ должностныхъ лицъ легко было замѣтить, что они подчинены, въ сущности, громадѣ. Какъ будто по наружности старосты и казались исполнителями распоряженій Мировыхъ Посредниковъ, но въ случаяхъ особыхъ выходило, что они въ полнѣйшей власти громады. Въ этомъ я очень скоро убѣдился.

Первый объѣздъ своего участка, знакомство съ помѣщиками показали, что дѣло скоро не пойдетъ. Первые говорили, что въ свое время представить и уставныя грамоты или, по крайней мѣрѣ, всѣ матеріалы для составленія грамотъ, такъ какъ они имѣли еще льготное время. Впослѣдствіи оказалось, что все нужно было и собирать, и составлять самимъ Посредникамъ. Крестьяне обыкновенно выражали желаніе сначала „подывиться, якъ буде у другихъ“.

Въ моемъ участкѣ, кромѣ массы мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, имѣвшихъ въ большинствѣ такъ назыв. дворовыхъ, главныя имѣнія были гр. Кущелева Безбородка; они заключа-

лись во многихъ селахъ отъ одного конца уѣзда до другого. Въ срединѣ этихъ имѣній находился сахарный заводъ; рабочіе по недѣлямъ ходили туда на работы и работали на своихъ харчахъ, брали съ собой печеный хлѣбъ. Разстояніе отъ мѣста жительства рабочихъ до завода было отъ 10 до 25 верстъ. На заводѣ управляющій, конторщикъ были изъ крѣпостныхъ; главноуправляющій тоже, но жилъ въ другомъ концѣ уѣзда.

Крестьяне, живущіе въ различныхъ селахъ, кромѣ работы на заводѣ, обрабатывали экономическую землю. Тутъ были устроены приказчичества, и приказчики были тоже изъ крѣпостныхъ, а хаты, гдѣ они жили, и хозяйственныя постройки, крестьяне называли дворцами ¹⁾).

Понятно, какъ трудно было тѣмъ крестьянамъ, которые ходили на работы въ заводъ, гдѣ ни ночлега, ни харчей хорошихъ не было, послѣ объявленія воли продолжать эту ненавистную работу.

Въ этомъ имѣніи я чувствовалъ подъ собою колеблющуюся почву. На помощь старыхъ чиновниковъ, чуждыхъ не только мнѣ, но и новому порядку вещей, я не могъ рассчитывать. При случаѣ они стремились подставить мнѣ ногу. Все это я зналъ послѣ одного, въ сущности пустого, случая. Въ числѣ имѣній моего участка, находилось имѣніе А. В. Кочубел, Члена Государ. Совѣта, ежегодно пріѣзжавшаго на лѣтнія каникулы въ Малороссію. По существующему обычаю, всѣ уѣздныя власти должны были являться къ нему съ донесеніемъ о томъ, что дѣлается въ уѣздѣ. Я былъ у него тогда, когда власти, начиная съ исправника, явились къ этому сановнику, добрѣйшему человѣку. Я сидѣлъ возлѣ него, разсуждая о лучшемъ устройствѣ его имѣнія послѣ освобожденія. Обширная его усадьба съ большимъ садомъ, отдѣлявшимся отъ прекраснаго парка рѣчкой, черезъ которую былъ перекинута мостъ, составляла первую заботу владѣльца. Главнымъ образомъ онъ желалъ сохранить

¹⁾ Дворцомъ въ старой Малороссіи обыкновенно называлась усадьба помѣщика. *Пр. Ред.*

ее въ порядкѣ и окончить каменную ограду около своей усадьбы, начатую нѣсколько лѣтъ передъ освобожденіемъ. Въ это время началась явка мѣстныхъ властей, которыхъ хозяинъ принималъ стоя, не прося сѣсть. И вотъ это обстоятельство еще болѣе усилило чувствуемую ко мнѣ непріязнь. Вскорѣ эта непріязнь выразилась въ грубомъ отвѣтѣ казначея на мое требованіе выслать ревизскую сказку дворовыхъ. Нахлобучка, сдѣланная этому казначею его начальствомъ, заставила быть другихъ поосторожнѣе; тѣмъ не менѣе они радовались, если предчувствовали какую-либо непріятность для меня. Это, въ сущности, была борьба стараго режима съ новыми порядками, новою жизнью, которую уже предчувствовали. Старые порядки, съ безмятежною жизнью уѣздныхъ чиновъ, нарушаемою изрѣдка проѣздами губернскихъ чиновниковъ, подрывались.

Въ этой уѣздной семьѣ начали появляться новые люди, говорящіе что-то совсѣмъ уже новое, чего старые не допускали, съ чѣмъ имъ трудно было примириться. Напримѣръ, при имени Гоголя даже лучшіе изъ старыхъ, читающіе кое-что, приходили въ ярость, негодованіе, когда рѣчь заходила о новомъ направленіи въ литературѣ. Понятно, что случай, о которомъ я хочу рассказать, привелъ въ волненіе не только старыхъ помѣщиковъ, но и старыхъ чиновниковъ.

Вскорѣ послѣ объявленія воли я получилъ письмо отъ предводителя, этого еще такъ недавно могущественнаго въ уѣздѣ челоуѣка. Въ то время вѣдь большинство уѣздныхъ должностей замѣщались по выбору дворянства,—исправникъ, судья, засѣдатель, попечители хлѣбныхъ магазиновъ. Борзенскій прелводитель дворянства писалъ, что лакей укралъ серебряную ложку и нагрубилъ ему, за что просилъ наказать виновнаго розгами. Я назначилъ разборъ дѣла въ Волост. Прав. и послалъ повѣстку, какъ жалобщику, такъ и лакею. Предводитель, разумѣется не явился, никого за себя не прислалъ—и лакей былъ оправданъ. Жалобы на это рѣшеніе не послѣдовало, но, видимо, для поддержанія своего значенія, Предводитель назначилъ очередной Сѣздъ не въ городѣ, а въ домѣ одного помѣ-

щика, въ серединѣ уѣзда. На этомъ съѣздѣ, въ присутствіи массы дворянъ и нѣкоторыхъ чиновниковъ, послѣдовалъ вопль уходящаго въ вѣчность стараго порядка. Не заявляя жалобы на мое рѣшеніе, Предводитель поднялъ крикъ, что такъ нельзя, что это вызоветъ ужасныя послѣдствія, что жить будетъ нельзя, что онъ будетъ писать „въ Собственныя Его Величества руки“.— Всѣ слушали безмолвно и чего-то ожидали... Но столъ уже былъ накрытъ для обѣда, и хозяинъ поторопился попросить закусить. Лица прояснились, думаю, не только потому, что неловкая сцена прекратилась, что аппетитъ будетъ скоро удовлетворенъ, но и потому, что какъ будто повѣяло чѣмъ-то старымъ—и предводитель, сдѣлавъ свое дѣло, подошелъ ко мнѣ и тихо проговорилъ: „не сердись, братику, такъ нужно“!

Въ сущности, это были мелочи, но они въ то время имѣли громадное значеніе. Крестьяне чутко прислушивались. Кучера, лакеи, масса другой прислуги, незамѣтно дѣлая свое дѣло, слушали; они знали все, что дѣлалось, „между господами“, сообщали крестьянамъ и выводили свои заключенія.

Съ такою же отчетливостью возникаетъ предо мною сцена, чуть было не выросшая въ очень серьезное дѣло, такъ часто называемое бунтомъ. Выше я упомянулъ о тѣхъ порядкахъ, которые были на сахарномъ заводѣ, и какъ эти порядки нестерпимы показали крестьянамъ послѣ объявленія воли. Вскорѣ послѣ начатія работы на заводѣ и разыгралась бѣда. Крестьяне не вышли на работы, и управляющій заводомъ прислалъ мнѣ заявленіе, что очередныя рабочіе отказались, что работы остановились, а нѣкоторыя общества крестьянъ этого имѣнія прогнали назначенныхъ сельскихъ старостъ, назначили новыхъ, которымъ и отдали „медали“, т. е. знаки сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ. Управляющій въ своемъ заявленіи добавлялъ, что онъ „объ этомъ бунтѣ“ послалъ эстафету губернатору. Въ то время телеграфовъ не было, а эстафеты—это были верховые посланцы, мчавшіеся отъ станціи до станціи. Эстафеты доставлялись скоро, но стоили очень дорого. Это былъ первый серьезный случай. Приходилось или звать полицію, или попро-

бовать самому подѣйствовать на крестьянъ. Я избралъ послѣднее. Приѣхавъ въ бунтующее село, населеніе котораго на половину состояло изъ козаковъ, я просилъ перваго встрѣчнаго проводить меня къ сельскому старостѣ. — „Къ которому“? — „Къ настоящему, законному, отвѣтилъ я. — „Того уже нема, — громада прогнала и назначыла нового“ — получился отвѣтъ. — „Ну, веди къ новому“. Около хаты новаго старосты собралась кучка людей, человѣкъ въ сто, между ними были и бабы. Въ хатѣ былъ говоръ, а по временамъ и смѣхъ. Войдя въ хату, я увидѣлъ слѣдующую картину: за столомъ, съ пунцовымъ лицомъ, съ чаркой въ одной рукѣ и бутылкой въ другой, стоялъ новый староста съ знакомъ на груди. Возлѣ стола тѣснились люди съ раскраснѣвшимися уже лицами, — значить, выпили. Не сказавъ „здравствуйте“, я спросилъ: „гдѣ староста“? Молча мнѣ указали на новаго. Новый, поклонившись, протянулъ мнѣ рюмку со словами: „не побрезгуйте“. Оттолкнувъ протянутую рюмку, причемъ она выпала у старосты изъ руки, я, дѣйствительно разсердившись, началъ, возвысивъ голосъ, говорить о томъ, что они надѣлали, чѣмъ это можетъ кончиться, понимаютъ ли они, какое сдѣлали преступленіе. „Сними медаль“, потребовалъ я въ концѣ „и пошли за старостой“.

Настоящему старостѣ, котораго я разбранилъ, при чемъ онъ все ссылался на громаду, я привѣсилъ медаль и потребовалъ отъ него, чтобы завтра же онъ лично привелъ партію рабочихъ на заводъ, куда и я приѣду. Староста молчалъ на это требованіе, но изъ толпы раздались голоса, что харчи нужны. — Объ этомъ мы поговоримъ на заводѣ, а теперь я ничего знать не хочу, — сказала я, уѣзжая. На другой день рабочіе были на заводѣ, а управляющаго я уломалъ давать пищу по возможности хорошую.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ объявленія воли, и мнѣ уже казалось, что крестьяне настолько вѣрятъ, что можно начать и переговоры объ окончательномъ прекращеніи крѣпостной зависимости, которая оканчивалась послѣ соглашенія о земельномъ надѣлѣ. Это прекращеніе наступало, при обоюдномъ со-

глашеніи помѣщика съ крестьянами,—или выкупомъ земель, или подаркомъ уменьшеннаго надѣла. Въ первомъ случаѣ, крестьяне получали земли больше, но должны были платить и въ казну, и дополнительный платежъ помѣщику; во второмъ случаѣ, обязательныя отношенія прекращались со времени подписанія сдѣлки. Обѣ стороны находились въ нерѣшимости: отдать земли больше жалко, но за то получались деньги, на которыя многіе думали завести рациональное хозяйство. Крестьяне боялись обязать себя платежами, но отказаться отъ части земли, которою владѣли и они, и батьки ихъ, тоже казалось ужаснымъ. Но нужно было потребовать, и я избралъ для начала одно изъ имѣній гр. Кушелева-Безбородко, въ имѣніяхъ котораго вообще было больше порядка и были всѣ нужные матеріалы для сдѣлки тѣмъ или другимъ порядкомъ. Въ числѣ переданныхъ мнѣ бумагъ, одна заключала свѣдѣнія о деньгахъ, которыя экономія передавала обществамъ крестьянъ, съ условіемъ, чтобы общество составило приговоръ о томъ, какъ употребить эти деньги. Деньги же составились изъ особаго сбора, вносимаго ежегодно по распоряженію экономіи съ каждой ревизской души на случай какихъ-либо неблагоприятныхъ обстоятельствъ въ семьѣ крестьянина. Эти общества, кромѣ подушной подати, 3-хъ дневной въ недѣлю панщины, уплачивали еще и этотъ сборъ. Деньги хранились въ экономіи и составляли очень солидный капиталъ, котораго экономія могла и не возвратить.

Назначивъ сельскій сходъ, я съ удовольствіемъ думалъ, что это будетъ сюрпризъ для крестьянъ, что съ этого имѣнія пойдетъ начало поземельныхъ соглашеній. Велико же было мое разочарованіе, когда крестьяне, выслушавъ предложеніе экономіи мое увѣреніе, что деньги эти будутъ переданы обществу по составленіи ими приговора о храненіи этихъ денегъ и вообще о порядкѣ ихъ расходованія, крестьяне изъ толпы громко закричали: „не треба намъ сихъ грошей! приговора не дамо!“—Сдержавъ себя, я потребовалъ, чтобы вышли тѣ, которые кричали. Они вышли; я и теперь ихъ хорошо помню: молодые крестьяне Кривицкій и Ярмакъ. На мой вопросъ, почему они

не желаютъ принимать своихъ же денегъ, почему они говорятъ за всѣхъ, они отвѣчали: „не дамо прыговора, якъ вамъ угодно“. Я обратился въ громадѣ, думая насмѣшкой, къ которой такъ чувствителенъ нашъ малороссъ, выиграть дѣло, и хотѣлъ осмѣять Кривицкаго и Ярмака, взявшихся отвѣчать за всѣхъ такимъ глупымъ образомъ. Но тутъ поднялся уже настоящій гвалтъ. Въ толпѣ кричали: „не треба намъ ихъ грошей; мало насъ мучылы на заводи голодныхъ и холодныхъ!..“

Я закрылъ сходъ и началъ съ уполномоченными, которые требовались при подписаніи всякой сдѣлки, разговаривать и осуждать людей, которые отказывались отъ своихъ же денегъ, когда отъ нихъ не требовалось никакихъ обязательствъ. Уполномоченные молчали и только повторяли: „это ихъ дѣло.“¹⁾

Всѣ ожидали, чтобы кто-нибудь началъ, а нетерпѣніе все росло. Поступали жалобы отъ помѣщиковъ, что не исполняется трехдневная въ недѣлю панщина. Тотъ заболѣлъ, тотъ уже будто отработалъ.

Въ концѣ перваго года послѣ объявленія манифеста возвратился изъ-за границы молодой помѣщикъ, при первомъ же знакомствѣ со мною заявившій, что онъ желалъ бы такъ или иначе окончить обязательныя отношенія съ крестьянами. Съ него и пошло начало. Здѣсь я узналъ, что съ крестьянами уже разрѣшили вопросъ, на что имъ соглашаться. Когда я началъ имъ толковать, что имъ болѣе выгодно выкупить свой надѣлъ съ помощью отъ правительства, такъ какъ оцѣнка земли ниже дѣйствительной стоимости, что платежъ разсрочивается на долгое время, что со временемъ земля еще больше вздорожаетъ, мнѣ отвѣчали: „вово може и такъ, да лучше, щобъ намъ платылы за роботу, нижь мы повинни будемо платыть. Безъ нашихъ рукъ земля пану ничего не дасть, все одно вона нашихъ рукъ не втече“.

Сдѣлка окончилась подаркомъ одной десятины земли на каждую ревизскую душу. Хозяинъ, у котораго былъ умершій

¹⁾ Деньги потомъ были имъ выданы.

отецъ, не исключенный изъ ревизіи; малолѣтній, родившійся до 1859 г.,—всѣ получали надѣль... Получить бесплатно въ то время землю по такому расчету и сразу стать ввѣ всякихъ обязательствахъ къ помѣщику, казалось самымъ выгоднымъ, такъ какъ прежнія мечты о томъ, что вся земля, которая была во владѣніи крестьянъ, поступитъ имъ даромъ, разсѣялись.

Помѣщики же, рѣшаясь на такую сдѣлку, разсуждали: у крестьянъ земли будетъ мало, не будетъ пастбищъ, и они будутъ брать землю у насъ на условіямъ, какія будутъ намъ выгодны.

Такимъ же образомъ было уничтожено крѣпостное право и у болѣе крупнаго владѣльца Кочубея, и онъ имѣлъ возможность видѣть, что и каменная ограда окончена, и паркъ сохраненъ.

Почти всѣ болѣе крупныя имѣнія окончили такимъ же образомъ, хотя у нѣкоторыхъ не обошлось безъ попытки урвать кусочекъ того, что имъ не слѣдовало. Такія попытки обнаруживались въ желаніи доказать, что земли, отходящія крестьянамъ, по качеству принадлежатъ къ первой мѣстности, и поэтому надѣль долженъ быть рассчитанъ меньше, а также во включеніи крестьянъ въ число дворовыхъ, которымъ надѣла помѣщикъ могъ не давать.

Первымъ въ этомъ отношеніи оказался все тотъ же предводитель дворянства, подавшій мнѣ заявленіе, что крестьяне надѣлены прекрасной землей и заливными лугами, и поэтому имѣніе по надѣлу должно быть перенесено въ 1-ю мѣстность. На отказъ мой въ его домогательствахъ, онъ подалъ жалобу въ губернское присутствіе, которое для разслѣдованія назначило въ его имѣніе мировой сѣздъ изъ двухъ уѣздовъ. Большинство Посредниковъ были старые помѣщики, старые пріятели нашего предводителя по дворянскимъ собраніямъ. И всѣ они, несомнѣнно тяготѣли къ хозяину, въ домѣ котораго мы собрались, и затѣмъ отправились осматривать надѣлы. Со стороны крестьянъ провожатыми были приказчикъ, изъ крестьянъ же, садовникъ крестьянинъ и нѣсколько домохозяевъ. Пахатныя земли не возбуждали

спора, такъ какъ всѣ посредники были изъ черноземныхъ имѣній, а тутъ почва все была песчаная.— „Поѣдемъ еще осмотрѣть поемные луга“, сказалъ одинъ изъ посредниковъ.— „Ну, да чортъ съ ними“, не слушаясь, отвѣтилъ предводитель, — „я и самъ ихъ не знаю; поѣдемъ лучше обѣдать!“

За обѣдомъ и помину не было о дѣлѣ, а рассказывали болѣе всего анекдоты. Въ журналѣ сѣзда было кратко написано: осмотрѣнные надѣлы сѣзда не признавалъ возможнымъ отнести по качеству къ землямъ первой мѣстности.

Все это несомнѣнно доказывало, что помѣщики цѣплялись за каждую ниточку, чтобы стянуть въ свою пользу хотя тѣ кусочки, которые въ сущности не составляли ничего серьезнаго, и дѣлали это потому, что жила въ нихъ надежда на сочувствіе къ нимъ тѣхъ, въ рукахъ которыхъ было дѣло. И, быть можетъ, пытаюсь оттянуть эти кусочки, они надѣялись на случай, — „авось кривая вывезетъ!“

Послѣ этой исторіи другіе уже не пытались въ этомъ отношеніи пробовать счастья.—Почти всѣ владѣльцы спустя года полтора послѣ „воли“, пришли къ обоюдному соглашенію съ крестьянами, отдавъ имъ безвозмездно по десятинѣ на ревизскую душу. Ревизской же душой считался каждый мужчина, состоящій въ спискахъ населенія, составленныхъ въ 1858 г. Пробовали нѣкоторые владѣльцы, при расчетѣ количества земли, которую нужно дать крестьянамъ, считать дворовыми тѣхъ, которые были взяты изъ семейныхъ крестьянъ во дворъ въ разныя должности. Припоминается такой случай. Генералъ С., человекъ очень богатый, но скупой, который почти всѣ дни сидѣлъ на „тронѣ“ — (такъ называлось кресло позолоченное, стоящее въ домѣ на особенно устроенномъ возвышеніи), просилъ меня подготовить всѣ нужныя бумаги для окончательной сдѣлки съ крестьянами. Составивъ списокъ, я занесъ повара Харламція въ число крестьянъ, такъ какъ отецъ его не былъ дворовымъ и отбывалъ панщину. Генералъ началъ доказывать, что Харлампій — дворовый и не имѣетъ права на надѣлъ. Завязался споръ, и когда я рѣшительно отказался перечислить повара въ число дворовыхъ, прибавилъ, что

это было бы вѣчто похожее на то, какъ Собакевичъ записалъ Лизавету въ число мужичиъ,—генераль до того разсвирѣпѣлъ, что мы не кончили дѣла, и я уѣхалъ. Черезъ нѣкоторое время мы помирились: Харлампій получилъ надѣлъ, хотя генераль и увѣрялъ, что онъ дѣлаеть это не потому, что признаеть Харлампія крестьяниномъ, а просто по великодушю.

Нѣтъ сомнѣнйя, что всѣ эти маленькйя побѣды зависѣли отчасти отъ тѣхъ влйанйя, которыя шли свыше, но тѣмъ не менѣе онѣ указываютъ и на то, что все, главнымъ образомъ, зависѣло въ первое время отъ мировыхъ посредниковъ. Это подтверждается, между прочимъ, слѣдующимъ эпизодомъ.

Мѣсяцевъ черезъ восемь, губернаторъ началъ объѣздъ крестьянскихъ волостей. Къ одному изъ моихъ волостныхъ правлений начальникъ губернйи подѣхалъ уже вечеромъ. Его ожидали старшина, старосты ближайшихъ селъ и немало крестьянъ. Не выходя изъ коляски, онъ, поздоровавшись со мною, обратился къ старшинѣ: „ну, какъ у васъ?“ Получивъ по обыкновеню въ отвѣтъ, что все, слава Богу, благополучно, князь Голицынъ уже хотѣлъ уѣзжать, когда къ нему подошелъ одинъ крестьянинъ съ жалобой на меня.—„Ты пьянъ“, крикнулъ ему губернаторъ:—„старшина, посади его подъ арестъ на три дня!“ и уѣхалъ къ предводителю пить чай. Переконфуженный, я подозвалъ къ себѣ жалобщика и спросилъ, по какому дѣлу хотѣлъ онъ жаловаться. Оказалось, что онъ представилъ мнѣ купчую, такъ называемую *пантикулярную*, т. е. написанную однимъ крестьяниномъ другому о продажѣ упруга ($\frac{1}{4}$ десятины) земли, но той земли, которая принадлежала помѣщику. Такихъ купчихъ очень много имѣлось у крестьянъ и очень рѣдко попадались такйя, изъ которыхъ было видно, что земля куплена отъ другихъ сословйя: козаковъ, мѣщанъ и т. п. Всѣ такйя кунчйя я представлялъ въ Губернское Присутствйе, которое, въ качествѣ высшаго собственнаго суда, разрѣшало ихъ окончателью. Удостоверившись, что желавшй пожаловаться крестьянинъ не пьянъ, а только, по его словамъ, „выпилъ осьмушку для смѣлости“, я поѣхалъ къ губернатору выпрашивать амнистю. На мою просьбу князь Голицынъ смѣясь сказалъ: „да дѣлайте съ ними, что хотите“.

Крестьяне, представляя такія купчія, никакъ не могли или не хотѣли убѣдиться, что они не имѣли на нихъ права, такъ какъ и вся земля, которою они владѣли, признавалась помѣщичьей и могла перейти къ нимъ или по выкупу, или по непряужденному согласію бывшаго владѣльца. Это была, по мнѣнію крестьянъ, явная несправедливость, съ которой многіе не могли примириться, и въ одномъ имѣніи, не моего участка, пришлось принимать крупныя мѣры. Крестьяне говорили, что тѣ купчія, которыя они имѣли, доказывали, что земля ихъ дѣдами и пра-дѣдами была куплена у козаковъ. Вопросъ этотъ былъ очень запутанный, и рѣшеніе его все откладывалось въ губернскомъ присутствіи. Вообще, очень мало купчихъ было признано такими, по которымъ земля была отдана крестьянамъ и не включалась въ число надѣла.

Въ концѣ второго года, по распоряженію Мин. Внут. Дѣл., Мировые Посредники должны были привести въ извѣстность дѣло продовольственное. Во время крѣпостнаго состоянія на обязанности владѣльцевъ лежалъ правильный взносъ подушной подати и обезпеченіе продовольствія крестьянъ на случай неурожаевъ. Эту обязанность помѣщики должны были исполнять по своему усмотрѣнію, но въ каждомъ имѣніи должно было быть особое помѣщеніе (магазинъ), а въ немъ на каждую ревизскую душу по четверти ржи и по $\frac{1}{2}$ четверти ярового хлѣба. Для контроля избирались особые попечители хлѣбныхъ запасовъ, которые обязаны были ежегодно ревизовать и представлять свѣдѣнія предводителямъ дворянства. Книги хранились,—однѣ у помѣщиковъ, другія въ канцеляріи предводителя. Попечители эти выбирались дворянами; отъ нихъ получали и жалованье. Очевидно, контроль могъ быть только для формы. Никто серьезно ничего и никого не ревизовалъ. Пріѣзжалъ ежегодно „попечитель“, выбираемый обыкновенно изъ бѣдныхъ дворянъ; ему приносили книги, онъ въ нихъ дѣлалъ надпись, что въ наличности оказывалось все. При нашей ревизіи выходило уже другое. Въ большинствѣ имѣній не было ни помѣщеній особыхъ, ни хлѣба. Только въ тѣхъ крупныхъ имѣніяхъ, гдѣ распоряжались управляющіе, а

владѣльцы жили въ Петербургѣ, и помѣщенія, и хлѣбъ были и переданы были въ завѣдываніе крестьянскихъ обществъ. Но вездѣ, гдѣ жилъ самъ владѣлецъ и имѣлъ винокуренный заводъ, хлѣба не было. Были примѣры, но очень рѣдкіе, что владѣлецъ заявлялъ, будто хлѣбъ былъ, но онъ разобранъ крестьянами, и когда это было дѣйствительно такъ, крестьяне не отпирались и высчитывали количество взятаго ими хлѣба. Посредникамъ было предоставлено право рѣшать, кто долженъ возратить хлѣбъ и сколько, — помѣщикъ крестьянамъ, или крестьяне. Все это своевременно рѣшалось, и когда рѣшеніе входило въ законную силу, то передавалось полиціи для розысканія. Эта груда протоколовъ, пролежавъ много времени въ полицейскихъ управленіяхъ, была потомъ передана въ Земскія Управы. Отъ Земскихъ Управъ (нѣкоторыхъ) возбуждались ходатайства объ исполненіи постановленій; отвѣтовъ долго не получалось, — вѣяло уже другимъ духомъ. Дѣло это (тоже нѣкоторыми управами) переносилось въ губернскія земскія собранія, и наконецъ изъ Министерства былъ полученъ отвѣтъ: „такъ какъ крестьяне получили юридическое право наравнѣ съ другими сословіями, то и могутъ сами отъ себя заявлять искъ!..“ Такъ эти дѣла и канули въ вѣчность.

На этомъ я и оканчиваю свои воспоминанія. Главное дѣло было завершено, а потомъ пошли мелочи, а затѣмъ окончили свое существованіе посредники при всеобщихъ на нихъ нападкахъ. Миръ праху ихъ!

Я оставилъ эту службу ради другихъ учрежденій, вызванныхъ другими реформами, но первую мою службу, послѣ канцелярской и департаментской, я вспоминаю съ самымъ отраднымъ чувствомъ и какъ будто дѣлаюсь моложе, когда начинаю вспоминать о ней или встрѣчаюсь съ тѣми, которыхъ приходилось освободить.

Н. Волкъ-Карачевскій.

Нѣсколько данныхъ и соображеній по поводу писемъ Митрополита Арсенія къ протоіерею П. Г. Лебединцеву.

Въ октябрьской книжкѣ „Кіевская Старина“ за истекшій годъ помѣщены весьма любопытныя письма Митрополита Кіевского Арсенія къ протоіерею П. Г. Лебединцеву.

Въ замѣчаніяхъ редакціи, предпосланныхъ этимъ письмамъ, между прочимъ сказано: „оба названныя лица хорошо памятливы нашему Кіеву и кіевской епархіи по той роли, которую играли они въ дѣлѣ духовнаго и народнаго просвѣщенія, особенно въ 60-хъ годахъ, когда такъ осложнились отношенія между духовными и свѣтскими властями по вопросу о народныхъ школахъ. Будущій историкъ когда-нибудь найдетъ возможнымъ освѣтить эту страницу въ жизни нашего края и высказать свой безпристрастный судъ; мы же пока обязаны опубликовать тотъ матеріалъ, который поможетъ этому освѣщенію“ (стр. 123).

Располагая нѣкоторыми данными по вопросу о народныхъ школахъ въ 60-хъ годахъ въ кіевской губ., я хочу присоединить ихъ къ вышеуказаннымъ письмамъ, въ качествѣ матеріала для будущаго историка, и кстати представить нѣсколько и своихъ соображеній.

Какъ надо было ожидать, вопросъ о народномъ образованіи сталъ предметомъ особаго вниманія русскаго общества и правительства вслѣдъ затѣмъ, какъ реформой 19 февраля 1861 г. было юридически установлено, что крестьянство наше образуетъ

дѣйствительно народъ, а не предметъ только крѣпостного владѣнія помѣстнаго дворянства.

Въ числѣ другихъ мѣръ, которыя тогда были предприняты съ цѣлью способствовать насажденію образованія среди народа, было составленіе 20 іюля 1861 г. комитета для начертанія общаго плана устройства элементарныхъ школь. Въ этомъ комитетѣ возникли разногласія относительно того, въ какомъ вѣдомствѣ должны находиться народныя училища—духовномъ или свѣтскомъ. Св. Синодъ доказывалъ свое преимущественное право на завѣдываніе народнымъ образованіемъ, ссылаясь на то, что духовенство уже вполне успѣшно ведетъ это дѣло: церковныхъ школь числилось въ Имперіи въ 1860 г.—7907, а въ 1861—18,587. Министерство же Народнаго Просвѣщенія въ официальномъ отчетѣ о положеніи народнаго образованія заявляло, что многія изъ церковныхъ школь существуютъ только по имени. Этотъ споръ между двумя вѣдомствами былъ разрѣшенъ Высочайшимъ повелѣніемъ 18 января 1862 г., согласно которому въ вѣдѣніи Синода остались только училища, учрежденныя духовенствомъ, а на обязанности Министерства Народнаго Просвѣщенія возлагалось учрежденіе и завѣдываніе народными училищами во всей Имперіи.

Официальное разрѣшеніе спора, какъ оказалось впоследствии, не покончило его и не примирило враждовавшія вѣдомства. Борьба изъ-за народныхъ школь продолжалась, и въ этой борьбѣ дѣятельное участіе принималъ митрополитъ Кіевскій Арсеній. Переписка его съ протоіереемъ Лебединцевымъ показываетъ, что вопросъ этотъ его весьма занималъ, и выйти побѣдителемъ изъ борьбы ему хотѣлось всенепремѣнно. Въ письмѣ отъ 18 декабря 1862 г. онъ говоритъ: „прежде всего благодарю Васъ за благо-разумную распорядительность и бдительность Вашу по училищному дѣлу. Затѣмъ, статью о народныхъ училищахъ... пустите съ Богомъ въ путь“ (стр. 124). Далѣе, въ томъ же письмѣ сказано: „ожесточенная злость противъ насъ, „народныхъ образователей“, неудивительна: имъ изъ-за насъ, еще до прибытія моего въ Петербургъ, посланъ строгій отъ министерства выговоръ.

Это значить, что на огонь вылита смола... Надобно только пока и намъ не зѣвать и повсюду свои старанія усилить... За всѣмъ слѣдите, ворю и ничего не оставляйте безъ вниманія (стр. 126). Въ письмѣ отъ 27 марта 1863 г. читаемъ: „Забавно, что г. попечитель въ отнѣтїи у насъ церковно-приходскихъ школъ здѣсь же, въ Петербургѣ, заперся, увѣряя министра, а министръ меня, что такихъ случаевъ не бывало.. Извольте вести дѣло и переписку съ такими фальшивыми людьми. Придется доказывать эту ложь формальнымъ слѣдствїемъ, но для сего надобно въ каждой мѣстности имѣть въ виду надежныхъ депутатовъ съ нашей стороны. Хорошо было бы, если бы Вы это дѣло извѣстными Вамъ путями подготовили... Теперь успѣхъ или проигрышъ дѣла въ Вашихъ рукахъ. Если кїевское духовенство, предъ лицомъ цѣлаго свѣта столько возвысившееся, упадетъ снова въ грязь и свѣтскою гордынею будетъ пошатано, то оно должно жаловаться на своихъ собратїй, которые не имѣли или не хотѣли поддержать его и словомъ, и дѣломъ на должной высотѣ“ (стр. 129 и 130).

Такимъ образомъ, „вся претензія въ этомъ дѣлѣ“, какъ говоритъ м—тъ Арсеній въ одномъ изъ своихъ писемъ, заключалась въ томъ, „чтобы школы, отнятыя у духовенства министерскими чиновниками съ полиціею, ему были возвращены, а министерство потрудилося бы завести свои школы, куда онъ готовъ былъ назначить законоучителей, лишь бы только положить для нихъ достаточное жалованье, а именно 150—200 руб.“ (стр. 129).

„Думаю (говоритъ онъ въ письмѣ отъ 3 февраля 1863 г.) „что если крестьянскія общества покажутъ правду, какимъ образомъ происходило это превращеніе церковно-приходскихъ школъ въ народныя, по ихъ собственному желанію, или по волѣ гг. открывателей, ссылавшихся даже на волю царскую, непременно успѣю“ (стр. 128); открытіе же школъ, по свидѣтельству этихъ писемъ, происходило такимъ образомъ, „что такъ называемые общественные приговоры о народныхъ школахъ составлены были безъ согласія самихъ обществъ, по наговору, или даже прика-

занію, съ угрозами, или съ обманомъ относительно сліянія церковно-приходскихъ школъ, мировыхъ посредниковъ, генераль-губернаторскихъ чиновниковъ и проч. и волостныхъ старшинъ, равно какъ подробно было бы раскрыто, какія неопозволительныя средства для подговора старшинъ и крестьянъ были употреблены и проч. т. п. (стр. 130).

Мнѣ извѣстно, какъ состоялось открытіе трехъ народныхъ школъ въ Радомысльскомъ уѣздѣ: въ мѣстечкахъ Малинѣ, Хабномъ и селѣ Скуратахъ. Открытіе совершилось слѣдующимъ образомъ.

Окружной инспекторъ (Туловъ) и уѣздный протоіерей (Гороновскій—оба нынѣ покойные), пріѣхавъ на мѣсто открытія школы, приглашали къ себѣ сельскихъ властей, объявляя имъ о своемъ желаніи, при этомъ просили приходского священника оказать имъ свое содѣйствіе, повліявъ на прихожанъ въ благопріятномъ смыслѣ. Засимъ, послѣ выраженного обществомъ согласія, составлялся объ этомъ приговоръ, въ которомъ указывались и обязательства, принимаемыя на себя обществомъ: давать учителю добавочное содержаніе къ назначенному отъ казны, предоставить помѣщеніе для школы и учителя, нанять сторожа и т. п.—и такимъ образомъ, безъ обмана и угрозъ, улаживалось дѣло. Да и не было никакой надобности прибѣгать къ такимъ средствамъ. Въ существѣ для крестьянъ было совершенно безразлично, кто станетъ учить ихъ дѣтей—учитель ли казенный, т. е. присланный попечителемъ округа, или нанятый ими въ помощь „батюшкѣ“, или наконецъ самъ батюшка, лишь бы это имъ дешевле стоило. Не надо забывать, что и особеннаго рвенія тогда къ ученію не замѣчалось, а вопросъ о томъ, въ чемъ вѣдѣніи должна быть школа—Синода или министерства Народнаго Просвѣщенія, для крестьянъ былъ и мало понятенъ, и мало интересенъ. Быть можетъ, въ другихъ мѣстахъ (помимо вышеуказанныхъ) и принимались неблаговидныя мѣры, при открытіи народныхъ училищъ, но это, вѣроятно, уже было тогда, когда отношенія между епархіальнымъ и окружнымъ начальствомъ вполне обострились, когда агенты того и другого не въ мѣру усердствовали и тянули крестьянъ на свою сторону,

Митрополитъ Арсеній указываетъ рядъ неблаговидныхъ дѣйствій со стороны свѣтскихъ властей; но тогда же говорилось, что верѣдко были такіе случаи, когда сельскіе старосты, подъ вліяніемъ священниковъ, заставляли учениковъ переходить изъ народныхъ школъ въ церковно-приходскія. Не спроста также требовалъ митрополитъ Арсеній отъ министерства назначенія законоучителямъ народныхъ школъ жалованья 150—200 р., самъ же сознавая, что разумѣется такой суммы въ полной мѣрѣ не дадутъ“ (письмо отъ 27 марта 1863, стр. 129). Это требованіе равнялось отказу законоучителей, если принять во вниманіе, что министерство и учителямъ жалованья въ 200 р. не могло назначить.

Очевидно разсуждали такъ: воевать—такъ воевать. А на сколько эта война вредна была для пользы дѣла, показываетъ эпизодъ изъ жизни одной изъ трехъ вышеуказанныхъ школъ—Скуратовской. Въ с. Скуратахъ, благодаря заботамъ и стараніямъ мѣстнаго приходскаго священника (давно покойнаго), устроена была церковно-приходская школа, въ которой преподаваніе шло весьма успѣшно, такъ что епархіальная власть обратила вниманіе на эту школу, и священнику за хорошее состояніе ея объявлена была „архипастырская признательность“. Вотъ почему явилось желаніе и у „народныхъ просвѣтителей“ обратить эту школу въ народную. И здѣсь, какъ и въ другихъ вышеуказанныхъ мѣстахъ, открытіе школы состоялось при совмѣстномъ дѣйствіи окружного инспектора и уѣзднаго протоіерея и благодаря участію священника, къ которому прихожане обратились за совѣтомъ—соглашаться-ли имъ на открытіе въ ихъ селѣ народнаго училища, или нѣтъ. Священникъ совѣтовалъ дать согласіе, такъ какъ всѣ данныя, повидимому, были на лицо, что преподаваніе въ народной школѣ будетъ лучше обезпечено, чѣмъ въ церковно-приходской, и такъ какъ и въ матеріальномъ отношеніи для прихожанъ было выгоднѣе имѣть народную школу: отъ нихъ приплата требовалась всего 20 руб. вмѣсто 60, которые они платили доселѣ учителю, министерство обязывалось также снабжать школу учебными пособіями. Священнику не могло прійти въ голову, что его дѣйствія окажутся

впослѣдствіи непріятными его начальству по той простой причинѣ, что объ открытіи школы хлопоталъ и представитель отъ духовнаго вѣдомства—уѣздный протоіерей. А между тѣмъ ближайшее будущее показало, что въ этомъ случаѣ и протоіерей, и священникъ заблуждались: весьма скоро пришло распоряженіе отъ епархіальнаго начальства отобрать у народнаго учителя учениковъ бывшей церковно-приходской школы, а ему предоставить набирать новыхъ учениковъ. Это распоряженіе спустя немного было подтверждено и лично митрополитомъ Арсеніемъ, который, обозрѣвая лѣтомъ 1862 г. епархію, посѣтилъ и с. Скураты, гдѣ въ церкви ему были представлены ученики и учитель народной школы. Владыка пожелалъ узнать, какіе ученики этой школы взяты изъ церковно-приходской и какіе вновь поступили. Оказалось, что вновь поступилъ всего одинъ ученикъ. Тогда Владыка, указывая на этого ученика, обращается къ учителю и говоритъ: „вы себѣ своихъ заберите, а намъ нашихъ отдайте“.

Такимъ образомъ, пока фактически народная школа упраздняялась, а въ будущемъ, въ одномъ и томъ же селѣ, съ весьма немногочисленнымъ населеніемъ (Скураты были, такъ называемымъ, 7-ми класснымъ приходомъ) должны были бокъ-о-бокъ существовать двѣ школы—одного типа, но двухъ вѣдомствъ. Священнику же, еще недавно доказывавшему прихожанамъ полезность народной школы, теперь, во исполненіе воли начальства, пришлось доказывать полезность и необходимость церковно-приходской школы и, косвенно, бесполезность школы народной—положеніе довольно неудобное и весьма непріятное. Но скоро оно стало еще непріятнѣе. Назначенный попечителемъ Округа учитель оказался крайне неудачнымъ, неисправнымъ по должности и негрязваго поведенія: посѣщая родителей своихъ учениковъ, напивался пьянъ и велъ себя неприлично что, конечно, весьма неблагоприятно отражалось на моральномъ состояніи школы.

Священникъ, въ качествѣ законоучителя, сообщилъ объ этомъ благочинному, благочинный—епархіальному начальству,

а послѣднее—окружному. Учитель, провѣдавъ про это, сталъ искать защиты и поддержки у своихъ друзей по кутежамъ, и когда попечителемъ учебнаго округа назначено было черезъ посланное имъ лицо произвести разслѣдованіе, то, хотя вообще прихожане дали неодобрительный отзывъ объ учителѣ и подтвердили сообщенное священникомъ, но оказались и голоса, отстаивавшіе учителя.

Борьба между епархіальнымъ и окружнымъ начальствомъ перешла изъ Кіева въ сельское захолустье. Оба вѣдомства проявили въ этой борьбѣ достаточно энергіи, не всегда похвальной. Командированные „для разслѣдованія дѣла“ чиновники—во главѣ ихъ директоръ 2-й Кіевской гимназіи Вилуевъ и самъ попечитель Витте, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, старались заискать у скуратовской околичной шляхты (тогда еще не причисленной, какъ то скоро было сдѣлано, къ мѣщанамъ), стремились всячески склонить ее на свою сторону, пожимая этой шляхтѣ руки, величая ее г. г. дворянами. Епархіальное начальство, желавшее въ свою очередь показать, что „кіевское духовенство въ дѣлѣ народнаго образованія возвысилось предъ цѣлымъ свѣтомъ“ (по словамъ митрополита Арсенія), проявляло большую нервность въ этомъ дѣлѣ, и въ концѣ концовъ, какъ всегда бываетъ, пострадалъ младшій, т. е. священникъ: ему было вѣнено въ вину то, что у учителя нашлись сторонники среди его „конвивовъ“, обвѣявшіе его, и оно рѣшило, такъ сказать, выдать его головою: послѣ признанія его дѣятельности по веденію школы весьма полезной и послѣ свыше сорокалѣтней безпорочной службы, ему предложено было переимѣнить приходъ.—Въ концѣ концовъ, доказана была полная моральная непригодность учителя, и онъ былъ удаленъ своимъ начальствомъ; священникъ же остался на своемъ приходѣ, но вся эта борьба, всѣ эти неприятности такъ разстроили здоровье старика, что онъ послѣ этого сталъ болѣть и вскорѣ скончался.

Еще до его смерти былъ назначенъ другой учитель, болѣе удачный, и совмѣстными трудами этого послѣдняго и священника запущенная при прежнемъ учителѣ народная школа была

опять приведена въ хорошее состояніе, что и было засвидѣтельствовано ревизовавшимъ ее Попечителемъ Кіевскаго Учебнаго Округа Княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ. Но это уже было время мирное, когда епархіальное начальство рѣшило прекратить бесполезную борьбу изъ-за церковно-приходскихъ школъ. Будущее и ближайшее показало, что ему не подъ силу было вести своими только средствами народное образованіе. Вотъ весьма любопытныя слова, принадлежащія, по словамъ Н. Х. Весселя, бывшему Оберъ-Прокурору Св. Синода Графу Д. А. Толстому, которыя являются какъ бы судебнымъ признаніемъ „въ дѣлѣ“. „Знаете-ли“, говорилъ графъ, „что сдѣлала со мною екатеринославская епархія, съ своими 400 церковно-приходскими школами? Я просилъ губернское земство оказать пособіе этимъ школамъ, и оно изъявило полную готовность; но по справкамъ, на мѣстѣ, у благочинныхъ, оказалось, что всѣ эти 400 школъ существовали только въ отчетахъ, на бумагѣ“. (Русская Школа 1891 г. в. 9).

Это не значило, конечно, что и всѣ церковно-приходскія школы существовали только „на бумагѣ“: свою, и весьма существенную, пользу дѣлу народнаго образованія духовенство, въ особенности въ началѣ 60-хъ годовъ, принесло; это значило только, что взваливать вседѣло на его плечи обязанность, прямо на немъ не лежащую, было и несправедливо, и непрактично—замѣчаніе, относящееся не только къ тому времени.

Проф. А. Загоровскій.



НАША ДОЛЯ-БОЖА ВОЛЯ.¹⁾

(Окончаніе).

XIV.

Якъсь выпало такъ, шо панычъ Ивась не бачывъ Орыси ажъ цилыхъ тры дни и черезъ те упавъ у таку тугу, шо не знавъ, куды ёму и дитысь и за шо ёму взятысь: спыта винъ шо-небудъ батька, або матиръ, и самъ не зна, про шо вивъ пыта и шо ёму кажуть на ёго пытанья; визьметса за кныжку—покыне їв, стане на мисци и замыслытса; выйде на вгордъ—и самъ дывуется, чого и за-для чого винъ опынывся тамъ; пиде до якого-небудъ дида,—не чуе, шо ёму и говоре той дидъ. Тры дни пронудывся отакъ панычъ, неначе той злодїй, шо въ тюрязи сыдыть. Тилько тимъ винъ и втишавъ себе, шо ось, якъ скоро настане кинецъ тыждню, то тоди вже, де-бъ Витрякы не булы, чы въ поли, чы на лукахъ, а звернутса до-дому. Звернетса тоди и Орыся, и якъ звернетса, то вже заравъ прыбжыть у свїй садокъ, шо стоить обычъ зъ садкомъ паныча. Панычъ давно вже покынувъ душни кимнаты свого дому и перебравсь у садокъ, де, зробывшы соби изъ сви-жои травы та зъ пахучыхъ квитокъ лжеко, сыдивъ тамъ п въ день, спавъ и въ-ночи. Отъ и теперь, якъ тилько ничъ обгорнула своєю темною габою и вси горы, и все поле, и все село,

¹⁾ См. Кїевск. Стар. 1901 г. № 3.

панычъ давно вже сыдивъ у своѣму садку и давно думавъ свои думы...

А ничъ, Боже великый, яка то була чудова ничъ! Не ничъ, а справжня Божа краса! Въ повитри стоявъ такой спокой, така тыша, неначе хто увесь миръ божый чы замовывъ, чы зашептавъ, зачарувавъ... Тилько лыстячка стрункихъ та високихъ тополь, та й то ажъ на самыхъ на верхивьяхъ тонкихъ гилочкѣ, злегенька тремтили та таємно шепотили промижъ себе, боячысь зворушыты великый покой. На безмирному неби давно вже высипали та розсвитылись ясни зори и давно вже иднявсь высоко-высоко вгору блидолицый мисяць, шо кыдавъ одъ себе ясне прѣминня на зелени лыстя, на рѣсяни травы, на пахучи квити и заливавъ увесь садокъ чаривнымъ, мягкымъ та таємнымъ сйвомъ. А пышни квити, шо росли та жохалысь у садку, напоени ночью росою, выдыхали изъ себе таки чудови та пьянки пахощы, шо, здавалось, неначе бъ то зъ небесной высочины спустывсь якийсь-то чаривныкъ и, ставшы промижъ небомъ та землею, вытрусывъ изъ своей запашной рызы на совну землю сами чысти и сами найпахучи пахощи. Тутъ же изъ кущивъ рай-дерева, назустрічъ блескучымъ зорямъ та блидолицѣму мисяцю, неслысь чудови писни соловейка, шо, забувши увесь свить, забувши самого себе, забувши звычайни свои потреби, плынувъ въ чаривныхъ спивахъ своихъ и замовлявъ и заговорувавъ ными и пахучи квити, и зелени травы, и шепотыви лыстя на деревьяхъ... А дали, геть дали, за садкомъ, у густому та высокому жыти, тамъ хававкавъ та выбывавъ своимъ голосомъ невгаючный перепель, а ёму выдавало зтыха ёго ниже подружка, маневька перепелочка... Тамъ же десь за садкомъ, у густыхъ вербахъ, пониже левады, свыстила ночна птыця—зѣлекъ, такъ видрывчато, зъ перегадомъ, але жъ такъ голосно та такъ звонко та весело, неначе той срибряный та дзвинкый дзвончыокъ, шо дзеленчыть та розлывається скрызъ и по верхивьяхъ вербъ, и по шпылю горъ и по всій нызыни левады, и дали виддається десь, ажъ-ажъ геть въ кинци села... А ще дали, ажъ идъ самую горою, де вылыскувавсь на мисяци чыстый та довгый ставовъ, тамъ крукалы, кумкалы та брекекекалы жабы на всяки способы и на всяки ляды: „кка! кка! кка! ккѣ! ккѣ! ккѣ! ккѣ! ккы! ккы! ккы! ккы! ккы!“... Не вважачы на крыкы жабы,

особше видъ пыхъ, балакала своимъ языкомъ пташка-сплюшка: „сплю! сплю! сплю! сплю! сплю! сплю!“ А десь за сплюшкой гомонивъ пташокъ-пуцкыкъ: „поховать! поховать! поховать“!.. И все те жыло, и все те ворущылось, и все те, по своему, вело розмову та радило... Отъ тилько кого було мало й чуть, то це собакъ на сели... А про те тамъ десь, въ кинци села, гавкала одна собака, та тилько такъ нескоро зъ видючынкомъ: шо гавкне—та й перестане, шо гавкне—та й не догавка,—десь, мабудь, сердегу дримкы узялы; десь, мабудь, вона давно вже й заснула, и тилько самый языкъ и робывъ те, за-для чого ёго прычеплено... Не чуть було ни де и людей: ничъ давно вже попклала ихъ на лижку и давно вже обхопыла своимъ солодкымъ та мицнымъ сномъ... Не чуть никого, никто й не шевкне...

Не спить тилько одынъ панычъ, Ивась Краченко. Винъ спыть на нызенъкй скамныци, шо самъ соби зробывъ, пидъ кучерявою вышенькою, и весь потолка въ своихъ думкахъ та гадкахъ. А думкы ёго не далеко литалы: не дали, якъ въ садку Витряка и коло... Шо це таке? Ось ёму здалось, неначе шось хруснуло у тому садку... Панычъ здригнувъ и ставъ прислухатись... Ось воно хруснуло и въ другой разъ. Панычъ вскочывъ зъ скамныци и пидйшовъ до тыну, шо роздялявъ садокъ Крачка одъ садка Витряка. Перехыльшысь черезъ тынь, панычъ уздривъ у Витряковому садку Орысю, шо стояла коло дерева, неначе вся залыта яснымъ проминнямъ и неначе до чогось прислухалась.

— Орысю, це ты? стыха спытавъ панычъ.

— Я, панычу! ще тыхше видказала Орыся.

Не вспила Орыся вымовыть ци слова, якъ панычъ вмыть проскочывъ черезъ сучочки, шо byly мижъ обохъ садкывъ, и вмыть опынывъ коло Орыси. Орыся уся ажъ здригнула, якъ побачыла коло себе паныча...

— Орысю, де це ты була, шо я тебе ажъ тры дни не бачывъ?

— На лукахъ громадыла сино зъ таткомъ.

— Орысю!

— Шо, паньчу?

— Слухай, Орысю, я хочу тебе спытаты про шось.

— Пытайце, паньчу, шо таке?

— Орысю, сердвенько, скажы мени правду, щыру правду...

— Та шо таке? Кажить бо швыдче, а то мени якось боязно робыцца...

— Скажы мени, чы тоби хотилось ци тры дни бачыты мене?

— Охъ, паньченьку, якъ не бачыла васъ, то...

— Орысю, зиронько моя, чы нудно, чы тяжко тоби було?

— Такъ тяжко було, шо я й не знала, чы жыва, чы я мертва хожу по земли...

— Радистъ моя, втихо моя! скрыкнувъ паньчъ и, кынувшысь до Орыси, кринко стыснувъ ии руки, а самъ, якъ у пропасныци, такъ и затрусывсь, ажъ неначе духъ у него сперло у грудяхъ...

— Охт, паньченьку, голубчыку мій, шо це зъ вами зробылось?

— И самъ не знаю шо, а тилько и палко и холодно мени; такъ не мовъ пропасныця, такъ изъ плечей и бере...

— Може жъ, вы хвори чымъ?

— Хворый, голубко моя! Серце у мене хворе!.. Орысю, чы любышь ты мене? Скажы мени щыру справжню правду, якъ оце заразъ казала, будимъ-то дуже нудилась, довго не бачучы мене...

— Я не знаю, паньченьку, якъ то такъ—чы люблять, чы не люблять, а тилько... а тилько якъ я не бачыла оце васъ ажъ тры дни, такъ у мене сердце розрывалось на шматкы... Зъ роду, зъ родá-вику ничего такого не було зо мною, а це... Чы не проблено мени шо? Може, це якый грихъ?

— Грихъ? Чого грихъ? Нема, знать, за-що! Грихъ ображаты кого, грихъ узаты чуже, грихъ насміятись зъ кого, а любыты... любыты не грихъ; самъ Господь повеливъ любыть...

Голубко моя, ясочко, рыбко моя, виддай мени твое серденько, полюбы мене такъ, якъ я тебе полюбывъ!..

Не диджавшысь видеазу на свои благанья, панычъ прудко ухопывъ Орысю за руки, мицно прытысь іи до свого сердца и, неначе божевильный, почавъ цилуваты іи и въ губы, и въ очи, и въ щокы. А бидна Орыся одъ такового несподиваного нападу такъ злякалась, шо ажъ затрусилась уся...

— Ой, лышенько жъ мени! Шо жъ це воно таке? Та хиба жъ такъ можна? Та за це жъ великый грихъ!..

— Шо мени до того гриха? Я люблю тебе, я молось на тебе, я дыхаю тобою! Орысю, короливно моя, чые сердце мое, шо й ты щиро любышь мене, а тилько боишься якогось-то тамъ гриха. Прислухайсь до свого серденька, шо воно вищуете тоби, и скажи мени, ось тутъ, у цѣму зеленому садку, пидъ цымъ небомъ, пры цѣму мисацю и пры цыхъ зоряхъ... скажи, чы бьетса воно до мене такою жъ невгасимою любовію, якъ бьетса мое до тебе?

— Паныченьку, голубчыку, риднесеный, я рада за васъ душу свою виддаты, я рада за васъ зъ усихъ жыль моихъ кровь выточыты, а тилько чы це любовь, чы це шо друге, я цѣго й сама не знаю... Я чую тилько, шо безъ васъ мени смерть...

— Орысю, любко моя! На шо тоби та смерть? Я хочу, шобъ ты виць жыла, виць любила мене, безъ краю и безъ кинця, такъ, якъ я тебе люблю...

И зновъ панычъ прытягъ до себе Орысю. Взявшы іи за тонкый станъ, винъ почавъ іи и голубыты, и цилуваты, и мылуваты, и до серденька прыгортаты. Теперъ Орыся не суперечыла панычу: поборовшы у себе першый страхъ, вона обхонила паныча своимы рученятамы за шыю, прышала до ёго лица своимъ пальнымъ лицемъ та такычкы и впыалась ёму въ ёго глыбоки та таемни очи. Шепоче ёму на вухо, шо це грихъ, шо це соромъ, а сама цилуете ёго и въ вухо и въ щокы та ще дужче горнетса до нѣго... Каже, шо ій треба бигты та тивкаты геть одъ такового гриха, а сама ніякъ не може одирватись одъ

паньча та ще миднійшэ обійма ёго за шыю своїмы рученятамы... Хоче вона заплющытысь, шобъ не дывытысь на паньча, такъ сами жъ оченята іи зазырають у чаривни очи ёго. И чуе Орыся, якъ все тило іи займаеця жаромъ, а сердце наповняеця якоюсь отрутою, такою палкою-палкою та пекучою-пекучою, але жъ и такою солодкою-солодкою, шо солодче іи десь и въ свити нема, та й не було.

А паньчъ ще дужче обхопывъ Орысю, и ще палвійшэ прыпавъ до неи... А місяць высокый, а зори далеки, почувшы любовну розмову, ще дужче замыготили своїмъ чаривнымъ сэйвомъ и ще яснійше заблыскотили своїмъ блескучымъ проминямъ; а квіты пахучи, а травы цілющи ще бильше роспустылы свои солодки та пьянки пахоци и ще яснійше розмылысь по захыстному садку...

Уже геть-геть далеко за пивничъ паньчъ покынувъ садокъ Витряка и потыхеньку пролизъ черезъ суточкы у свій садокъ.

На другый день паньчъ Івась Краченко ходывъ по своёму садку такый веселенькый та щасливый, неначе винъ цисля тяжкой хворобы зновъ народывся на божый свить. И допрежъ того бувъ паньчеви любый ёго садокъ, а теперь ще любійше ставъ винъ ёму: кожный лысточокъ, кожна квіточка, кожна травьчка осмихалысь ёму и виталы ёго найщырымъ витаннямъ... Однимъ тилько й журывся паньчъ,—це тымъ, шо винъ упяты мигъ побачыты Орысю не ранійше, якъ тилько черезъ тыждень, бо у неділю, у-вечори, вона зновъ зъ батькомъ мала йихаты на луку. Ну, та тыждень—не цілый же рикъ: чы такъ, чы инакъ, а можна жъ перетерпыты черезъ той тыждень, а тамъ зновъ настане субота, а въ суботу, у-вечори, зновъ зъявтыся до-дому Орыся, а тутъ черезъ суточкы недалечко и въ садокъ...

Одначе, той тыждень здався паньчеви не за тыждень, а справди такы за цілый рикъ. Писля того, якъ пойхала Орыся зъ дому у поле, така взяла ёго нудота, шо винъ чысто такы не знавъ, за шо ёму и взятся и шо ёму зробыты, шобъ тилько себе розважыты. Стара пани Крачыха, дывлячысь на свого любого сыночка, якъ винъ то ухопе себе за голову, то прыложе до сердца руку, то зитхне тяжко та набы ажъ застогне, не

разъ пытала ёго, чы не болыть у нѣго шо-небудь, чы не скучае винъ за городомъ, чы не бажае чого звысты, чы не ремствуе на кого за яку образу,—такъ ни: Ивась заразъ же за-спокое свою матусю и завирить ии, шо ёму краще всихъ на свити жыты и шо винъ щаслывійшый надъ усихъ князивъ и короливъ. И стара Крачыха видступытса видъ своего сыночка и тутъ же сама соби подума: „молоде ще, зелене, черезъ те й скуча; треба бь ёго одружыты зь якою-небудь паняночкою,—або зь Дорею Овчаривною, або зь Лесею Селезливною, то тоди винъ и веселенькый стане“.

А панычеви и гадкы нема про якихъ-сь тамъ паняночкы: ёму якъ бы скорійшъ настала субота, а въ суботу звернулася до-дому Орыся... И бажання паныча збуваеця: настала субота, и Орыся справди звернулася до-дому, а якъ тилько ничъ на-крыла усе село своимъ темнымъ крыломъ, то Орыся сама вже пролизла черезъ суточкы и швыденько опынылася въ садку паныча.

— Голубко жь моя, ясочко, зиронько моя ясная, та чы це жь ты, чы це тилько тия твоя?

— Я, панычыку мій любый, я!

— Охъ, якъ же жь и гирко мени було цей тыждень безъ тебе! Такъ гирко, такъ нудно, шо якъ бы ты сёгодня не звернулася до-дому, то я и не знаю, шо заподиявъ 'бы соби! Иди до мене, моя куриточко! Дай я озму тебе на руки, дай я понесу тебе скривъ по всьму свиту! Я не дамъ тебе ни царе-вичу, ни королевичу! Я буду тебе любыты, буду тебе кохаты, буду безперечъ дывытсь у ясни очи твои, буду молытсь на тебе, якъ на саму найсвятійшу святыню. Я бачу, я чую, шо моя душа зрослася зь твоею душею, шо мое сердце, злучылось зь твоимъ сердцемъ... Орысю, чы любышь ты мене?

— Люблю!.. теперь знаю, шо люблю!.. Люблю бильшь усихъ на свити! Люблю такъ, шо и тило и душу и всю жысть мою рада виддаты вамъ, якъ вы захочете того.

— Орысю! Люба моя, мыла моя! Обними жь мене своими рученятамы, подывысь же мени въ очи, прямо въ мои очи, и

Скажи мени... скажи, голубонько, чи хочеш ты бути моею дружиною?

— Охъ, паныченьку, соколыку, лебедыку мій! Охъ, краще не пытайте мене про це!

— Кажы, кажы, голубко моя! Якъ передь самымъ Господомъ кажы!

— Паныченьку, люблю васъ, люблю більшь усього на свити, а тилько якъ же жъ мени бути вамъ дружиною? Хиба воно вамъ до речи одружитысь зъ простою дивчиною селянкою?

— Шо мени та простота? Любовь, щыра, некорыстлива, чыста, свята любовь усихъ ривня: вона ривня багатого зъ убогимъ, пана зъ мужыкомъ, городянына зъ селяныномъ. Кажы мени, кажы, чи хочешъ бути моею дружиною? Я все и всихъ за-для тебе занехаю...

— Паныченьку, любый мій, коханий, я буду вично, до самой домовины любыты васъ, я ни на одну хвылынку не перестану думаты про васъ, а тилько... чи можна жъ тому стати, щобъ вы были моимъ чоловикомъ, а я була вашою жинкою? Якъ вы мене повезете у городъ? Якъ вы мене покажете панамъ? Шо я буду имъ казаты? Якъ я тамъ сяду? Якъ я тамъ гляну? Якъ я тамъ пройдуся и якъ я тамъ пройдуся?

— Орысю, колы ты мене справди любишь, то ты выкинешъ це все изъ твоеи головы, а теперь, щобъ ты більшь не вражала мене, такъ ось тоби за це, ось тоби!

И панычъ, обхопывши Орысю, почавъ їи зъ великою жагою цилуваты и въ губы и въ щокы, абы бъ тилько вона замовкла.

— Панычу, паныченьку, постривайте, постривайте бо! Ось мени чуется, неначе шось ходе по той бикъ тыну, по нашому садку.

— Та шо тамъ ходе по вашому садку? Хто теперь, у таку пизню добу, ходытыме по садку? Не пустю я тебе! Ось тоби, ось тоби! Задушу тебе поцилункамы, ажъ покы ты не скажешъ, шо будешъ моею дружиною...

Паньчъ скочывъ на ноги и обхопывъ за ставъ Орысю та тутъ же и замеръ на мисти; по той бикъ Крачкового садка стоявъ билый, якъ стена, старый Максимъ Витрякъ и дывывся якось жалисно на свою дочку Орысю и на паньча Ивася... Въ садку уже давно перестали сливать вси пташки, перестали стрекотить и вси комахи. Тыша стояла невымовна. Тилько биле-биле, якъ снигъ, прѣминня одъ повного мисяця перельвалось скрызъ по всѣму садку, по всихъ листьахъ, по всихъ гилкахъ и по всихъ квиткахъ, и тутъ же падало на блиде и застыгле, якъ той мраморъ, лыце Максима Витряка. А винъ стоять спокійно и нерухѣмо, неначе скамыянилий... Простоявши такъ зъ хвылыну, чы зъ дви, Максимъ Витрякъ одступывъ одъ тыну, шо роздилавъ два садкы, и потимъ мовчкы, ве промовывшы ни жодного сливця, повернувъ й выйшовъ геть изъ своего садка тыхою и нескурою ходою...

 XV.

Чы казаты про те, якъ паньчъ провивъ ничъ писля того, якъ розставъ зъ Орысею? Не ничъ то була для нѣго, а справжня мѣла. Усю ниченьку просыдивъ винъ пидъ вышнею, на скамьници, и хочъ бы на хвылыночку звивъ однимъ окомъ. Якъ тилько стало благословлятьсѣ на свить, паньчъ уже й скочывъ на ноги. Першою ѣго думкою було, шо и якъ зъ Орысею. Заглянувъ винъ у садокъ Витряка—тамъ ни души; подывывсь черезъ плитъ у двиръ—и тамъ те жъ саме; глянувъ на тить—тамъ ни возивъ, ни коней, ни клепаль, на чимъ видбывеють косы передъ тымъ, якъ косыты хлѣбъ: видѣмо було, шо вси Витрякы ще зъ досвитка выйихалы зъ дому у поле. Тяжко-претяжко стало на души у паньча; коло сердца неначе чорна гадюка обвылась товстою обручкою. Паньчъ покынувъ свѣй садокъ и подавъ геть ажъ у Корнѣевскый лѣсъ до дида Якова Метелѣ, шо мавъ тамъ свою невеличку пасику. То бувъ ве тилько розумный, а премудрый дидъ, и паньчъ довго беседувавъ зъ нимъ

про всяку всячыну: и про небо, и про землю, и про ривни царствá та князівствá. Вже якъ сонечко повернуло зъ обидь на пивдень, паньчъ попросавсь зъ дидомъ Метелемъ и вернувсь до-дому. А дома давно вже ждали ёго батько та маты, та ще й ридна титка по матери, Катерына Михайловна Сынычка, шо прыйхала здалека до своей сестры Ганнуси зъ тымъ, шобъ погостюваты у неи та побачыты свого небожа, Ивася Краченка

Весело и радисно витала Катерына Михайловна Сынычка своего небожа, дуже дывувалась тому, який зъ нёго вышовъ бравый та красовытый студентъ, и тутъ же, недовго думаючи, почала выхваляты ёму одну панночку, якусь-то тамъ Марусю Лиснякивну, шо була и красыва, и вчена, и багата и чесного дворянського роду.

Паньчъ зразу зрозумивъ, куды закидыдала ключечку ёго титка, але мовчавъ, неначе не тямлючы того.

— Ну, такъ якъ же жъ, Ивась? Теперь такъ, шо пора уже тоби и свататься! Ось черезъ рикъ скинчышь курсъ своей науки, то треба тоби и кубельце свое заводыты,—адже-жъ пора?

— Такъ рикъ же, титусю, це не день?

— Та й не десять рокивъ!.. А панночка Маруса Лиснякивна, кажу тоби, прямо такы короливно! Я якъ побачыла ии на ярмарку у Старому-Салтови та якъ сказала, шо у мене есть небижъ студентъ, бравый та красовытый, то вона такъ уся и зашарылась. А якъ мы уже выйиздылы зъ ярмарку, то вона, прощаючиьсь зо мною, килька разъ усе обнимала та цилувала мене!.. А якъ одыхала уже геть далеченько, то обернулась до мене та ще й врыкнула, шобъ прыйиздыла до неи у гости... Ну, такъ якъ же, Ивасю, чы пойдимъ?

— Та чого жъ мы, титусю, пойдимъ?

— Якъ чого? Ты парубокъ, а вона дивчына,—отъ и пойдимъ, подывимось...

— Ни, титусю, мени теперь дуже заниколылось: треба онъ килька выжовъ перечытаты та треба ще...

— Э, шо тамъ ти книжки! Книжка не ведмиць, у лист не втече, а дивчына може и втекты. Тамъ же жъ и краля! И молоденька, и вчена,—тільки шо скинчыла науку, и прывитца, и ввичлива, а сама така чепурненька та бравенька, якъ кви-точка.

— Може воно, титусю, и такъ, а тилько якъ же жъ мени йхаты до неи, колы ни я їи не знаю, ни вона мене не зна.

— Отъ про шо журба! Та я васъ такъ звезду, шо вы й не счуетесь.

— Та, може жъ, вона мене не вподоба, або я їи!.. Я, титусю, оженюсь тилько на тій, яку полюблю. Мени, будь вона хочъ мужычка, хочъ селянка, абы тилько я їи полюбывъ, а вона мене.

— Э, це ты, любый мій небоже, выкынь геть изъ головы! На що жъ тобі було и вчыться, якъ на селянці женытись? Нехай на їй женытсь простый парубокъ, а тобі треба шукаты инчого сорту дружыну. Та ще й те: яке тобі та селянка прыдане прыдба?

— А на шо мени те прыдане?

— Якъ на шо? Чымъ же ты жытынешъ? Яки достаткы у твого батька та у матери? Вони увесь вкыть свій бидують та калатаются, та й ты жъ того бажаешъ? Краще тобі одружытсь зъ панночкою та взяты за нею земельку та самому зробытсь великымъ паномъ, шобъ не гнуты спыны передъ дру-гымы... А за тебе любá панночка пиде,—ты подывысь на себе, який изъ тебе красень!..

— Ни, титусю, ваша ричъ мени не до мысли. Я краще одружусь на бидній та на простій дивчынни, нижъ на багатій та вельможній панночци, абы тилько мижъ нами була щыра любовъ.

— Дурнѐ, не зна ще, почому Савка й дѐготъ продае, а Хведиръ зъ паровыци силь, а про щыру любовъ балака!.. Кая-тымешся, голубчыку мій, навпосля, та буде пизно! Буде у тебе каяття, та не буде вороття!.. Чую я, шо ты зачепышся десь на

гыляци... Дознаешъ тоди, по чимъ кившъ лыха... Зачучверіешъ такъ въ убожестви, шо ти любонци гирше гиркои редьки тоби стануть.

— Шо буде, титусю, те й буде, а я до вашои панночки Лиснякивны не пойиду.

— Пронащый хлонець! Згадаешъ ты мене колысь, та не разъ и не два... Ты хочъ подывысь на своего бидолашного батька, шо и день и ничъ працюе, изигнувшысь у тры погыбели, та на свою стару матирь, шо вже й чысынци на полотни не баче черезъ слёзы та горе...

— Шо жъ, титусю? якъ Богъ дасть, я скинчу курсу та поступлю на службу, то я жъ не забуду ни батька, ни матери, и буду ихъ шануваты, якъ тилько зможу и якъ зумію.

— Ну, щасты тоби Боже на все добре! А я зъ тымъ и прыйхала оце до васъ, шобъ стать тоби у прыгоди та зробить тебе щаслывымъ.

— Спасыби вамъ за це, ридна титусю, а тилько ваши речи мени не до мысли.

— Молодой ще, зеленый! Уматеріешъ, то янчу писню заспиваешъ, а теперь у тебе ще фантазія гра...

Прогостювавшы ще днівъ зо два чы зо тры, титеа зъ тымъ и одйхала.

Дуже вразыла стару Крачыху розмова іи сына зъ Катериною Михайловною Сывычюю. И вона тежъ, прожившы вкы въ убожестви и визнавшы, шо таке есть бидність, хотила бачыты своего сыночка и багатымъ и щаслывымъ, колы ось почула одъ нёго таке, якого и не сподивалась почуть. „Хто жъ це воно та селянка, шо прыпала ёму такъ до серця?.. Чы не Орыся Витрякивна?.. А хто жъ бильше, якъ не вона? дивка брала, хочъ куды! Та тилько хйба жъ вона до пары Ивасеви? Це все однаково, шо запрягты у одни голобли коня та рака... Та хйба жъ такы на це згодытся и старый Витрякъ? Вивъ же чоловікъ розсудлывый и повиненъ взять у тямы, шо такый шлюбъ бильшь ничого, якъ нещастя обомъ“...

Довго думала стара Крачыха після одйзвду своєї сестри и надумала погомонити зъ старымъ Витрякомъ на самоти. Про шо и якъ Крачыха балакала зъ Витрякомъ, то зосталось у неї въ глыбочини души и про те вона не сказала ни словечка Ивасєви.

А Ивась, видцуравшысь видъ панночки Лиснякивної, ще більшь ставъ думати про Орысю Витрякивну. Жде—не дождется винъ, колы настане субота, шобъ зновъ побачытысь зъ Орысею... Ось настала и субота. Ось уже и ничъ простяглась надъ усимъ селомъ. Паньчъ давно уже сыдыть у своємю садку и давно прьслухается, чы не хрусне де сучечокъ по той бикъ тыну, у садку Витряка. Одначе, скилько винъ не сыдивъ, а ничого не почувъ. Ничъ була темна-претемна, и по садкахъ скрызъ гулявъ вохкый витерь, такий, шо наганяє дощъ. Уже й пивничъ пройшла, уже й розвдвнятысь почало, а паньчъ усе сыдыть нидъ кучерявою вышенькою та все нетерпляче жде Орысю, а Орыси якъ не чуть, та й не чуть... Такъ и не лягавъ спаты паньчъ усю ничъ. А якъ бовкнулы на дзвиньци до церкви, то паньчъ ничого не здужавъ выгадаты, якъ тилько зибравъ та пишовъ до церкви побачыты Орысю. Одначе и въ церкви винъ не побачывъ Орыси. И уже идучы до-дому, після службы, нагнавъ паньчъ Павлуся Витряченка и тутъ одъ него дознавъ, шо Орыся будимъ-то ще въ суботу пойхала у Лыпци до своєї слабой титкы, шо слабувала прыпаднѣю болистю, и повинна зостатысь тамъ догилъ, покиль титка ии хочъ трохы выдужає одъ своєї хворобы... Краще було бъ паньчеви, якъ бы ёго хто шемєнувъ пожемъ у серце, пижъ сказавъ ёму таку новьну...

Пройшовъ ще тыждєнь, а Орыси усе такы нема та й нема. Скоро дизнавъ паньчъ одъ того жъ такы Павлуся, шо Орыся нибы-бъ то изъ Лыпцивъ повезла свою хвору титку ажъ у Кьивъ до печерь, а звидтила пойвде зъ нею ажъ у Почаивъ. Страшно защымило у серци паньча, якъ винъ почувъ таки слова про Орысю одъ Павлуся!.. Чы такъ воно було, чы не такъ, а тилько бачыты винъ, шо ёму не диждатысь на цей разъ

Орыси. До того ще прыйшовъ и кинецъ ёго вакаціямъ. „Чого жъ мени сумуваты? Чого мени вдаватысь у тугу? Пиду до старого Витрыка та скажу ёму те, шо маю на мысли. Хиба це стыдъ? Хиба це соромъ? Якъ не згожуется Орыся, то повиненъ згодытысь самъ Витрыкъ. Чому вона мени не ривня? Хиба я не такый чоловикъ, якъ и вони? Богъ усихъ людей изъ одного сотворывъ, а це вже сами люде такъ поробылы, шо одни посталы паны, а други мужыкы“...

И якъ надумавъ панычъ, такъ и зробывъ; але зъ ёго думкы ничого не выйшло: одно те, шо винъ дуже довго не мигъ побачыты Максыма Витрыка черезъ те, шо Витрыкъ бильшъ знаходывсь у поли, нижъ дома; а друге те, шо Витрыкъ бувъ такой жъ думкы про шлюбъ селянны зъ панычемъ, якъ и ёго дочка.

„Иване Рыгоровычу, люблю я васъ, якъ ридного сына; люблю и поважаю, черезъ що не хочу бачыты васъ нещаслывымъ чоловикомъ; ваше панське жыття и наше, мужыче, иде ризнымы шляхамы; вамъ треба дружыну панського коліна, а мой дочци—простого. Рубай дерево по соби—каже мудра людська прыговорка. Теперь вы ще молода людына, теперь у васъ ще кровь дуже гра; теперь вамъ усе здається не такъ, якъ воно буде здаватысь тоди, колы вы уматеріете та наберетесь свитового розуму. Иване Рыгоровычу, поважаю васъ, якъ чесну и святу людыну, а тилько скажу вамъ, шо якъ вы одружытесь зъ простою селянкою, то запобижыте соби велького горя; вамъ треба шукаты такой дружыны, шобъ вона була вамъ пидъ мысли та ще й до того могла запомогты вамъ своею порадою у вашій пради, яко вченого чоловика. А якъ же васъ зрозуміе и якъ вамъ запоможе проста та невчена дивчына? Їй треба дуже багато и розуму, и освиты, и хысту, шобъ поривватысь зъ вами! Иване Рыгоровычу, я уже старый чоловикъ, и кажу вамъ, якъ знавця чоловичого жыття, шо дуже мало буває щастя тамъ, де сходяться люде не одного стану, не одныхъ мыслей и не одныхъ думокъ. Вамъ треба, кажу, дружыну иного стану, нижъ моя дочка. Рубай дерево по соби—ще

разъ нагадаю вамъ, шо въ цихъ словахъ велика свитова правда“...

Отакъ одповивъ старый Витрякъ Иважеви Краченку. И якъ Ивась Краченко не упевнявъ Витряка, шо винъ навчыть Орысю пысьменства и поривня іи до себе, и не дасть іи нікому на посмихъ, Витрякъ не тилько не здавъ на така речи паньчя, а ще нагадавъ ёму про те, шо винъ повиненъ йхаты у городъ киччаты свое учення. „У васъ йе, Иване Рыгоровичу, великый таланъ до науки. Грехъ вамъ буде великый, якъ шо вы покынете науку; святе пысьмо каже: не загортай у землю свого талану, и якъ тоби дано одынъ таланъ, то ты зроби зъ нёго два; а якъ тоби дано два, то ты зроби зъ нёго тры“.—„Знаю, Максиме Мыкытовичу; знаю добре, шо мени треба йхаты до науки; знаю, шо щастя и мое и моёго батька та матери въ мойй науци, але жъ щастя мое и коло вашой дочкы. Максиме Мыкытовичу! молю васъ и благодаю, не слыуйте іи и не видавайте замижъ, покы я не звернусь пилса мого вчення. Може, у васъ тоди и инчий поглядъ буде и бильшь жалю знайдеться въ серци, яижъ теперь“...

Глядючи на те, зъ явымъ паломъ говоривъ паньчъ, якъ винъ страждавъ одъ свого горя, якъ прыльпавъ у нёго языкъ одъ мукъ до органи, якъ душылы ёго слезы, старый Витрякъ самъ ледве не зарыдавъ одъ слизъ и на розставанни, немовъ подаючи надію, сказавъ паньчеви: „молиться Богу, то все гараздъ буде“...

Зъ тымъ и розлучылысь паньчъ Иванъ Рыгоровичъ Краченко та Максимъ Мыкытовичъ Витрякъ...

Пидъ той день, якъ выйизжаты изъ Суныцивки, паньчъ усю ниченьку ни на одну часынку не задремнувъ и все ходивъ по садку та думавъ свои тяжки думы та дивывсь на ти мисця, де або сыдила, або стояла Орыся, та плакавъ, такъ плакавъ та рыдавъ, що ажъ неначе винъ розрывавсь на дрибни дрибкы... Чуть свитоель, якъ паньчъ уже й выйихавъ изъ свого села. За всю дорогу винъ не промовивъ ни жодного словечка своёму возчыу, и якъ сивъ у визокъ, то такъ и застыгъ, такъ и сы-

дивъ, неначе скамьянилий, ажъ помы не прыйхавъ до мисця... Черезъ два чы черезъ тры дни винъ бувъ уже у свого дядька, а тамъ черезъ тыждень повиненъ бувъ братысь и за науку.

XVI.

Важкый, дуже важкый бувъ для паныча останній рикъ учення, але все жъ такы винъ скинчывъ курса та ще й скинчывъ такъ, шо ёго обралы, якъ саму талановиту людину, за-для найвыщой науки, и послалы далеко-далеко, ажъ кудысь за кордонъ, чы загрыныцю, досягаты тамъ закордонного розуму та чужеземной освиты. Дуже не хотилось панычеви йхаты у ту далеку та чужу чужыну, але и дядько ёго, и вси поважни учытели умовылы ёго йхаты за кордонъ и побуты тамъ не бильшь, якъ пивроку. Хотивъ винъ, передъ тымъ якъ йхаты за кордонъ, зйиздыты до батька та до матери, у Суныцивку, и напысавъ имъ про те лыста. Такъ маты швыдео виднысала ёму, шо благословля ёго у далеку дорогу, и за батька видказала, шо й винъ дуже просе сына, не гаючы часу, йхаты за кордонъ, а тоди вже вертатысь до-дому. Мижь инчымы маты закнула ключку, шо буцимъ то ии сусида, Маруся Витрячыха, зъ дочкою недавно выйхала изъ села кудысь у далеку дорогу на прощу...

Довго мучывсь панычъ, довго нудывся винъ, а якъ не мавъ ничого робыты, то й пойхавъ за кордонъ. Пойхавъ зъ тїєю думкою, щобъ побуты тамъ багато—пивроку, а тамъ и до-дому, у свою Суныцивку. Одначе, не такъ воно склалось, якъ жадалось: якъ побачывъ винъ тамъ новыхъ людей, нове кыпуче жыття, нову прыроду, новыхъ учителей, то, заместъ пивроку, прожывъ за кордономъ цилый рикъ, а повернувшысь у свій городъ, пробувъ ще й тамъ мало чы не пивроку черезъ рижни sprawy, шо здававъ винъ своимъ старшымъ. Уже стали ёго имья друкуваты и въ часописяхъ, уже почалы про него пысаты „Нашъ молодой ученый Краченко“; уже стали покла-

даты на нѣго велики надїи, якъ на нову учену славетність, а у нѣго усе жъ такы одна думка: якъ бы скорїйше вернутысь у свою Сунуцывку та добратысь до свого любого садка... А тамъ... а тамъ, шо Богъ дасть, те й буде...

Ось панычъ Иванъ Грыгоровычъ Краченко, теперъ уже „ученый и славетный мужъ“, нарешти йде до-дому по давно знаѣмому шляху одъ Муравчыка на Метелькѣ. Тры рокы уже пройшло зъ того часу, якъ винъ покынуувъ Сунуцывку. Шо то теперъ тамъ за тры рокы сталось? Чы все гараздъ? Чы все добре?..

Бувъ на сходи вересень мисяць, якъ разъ передъ святомъ Ивана Богослова, колы сунучане справляють у себе храмъ и ярмаркують ажъ цилыхъ два дни. На те-то свято и поспивався панычъ Иванъ Грыгоровычъ Краченко, бо винъ дуже любывъ селянськи ярмаркы, куды зйизжалысь и сходылысь люде изъ усякихъ сель, у рижнїй одежи и зъ осбною вымовою. Зъ вельвою нетерплячкою сыдивъ панычъ у визку и все гукавъ на поштаря, шобъ дужче пидбадѣрювавъ та погаивавъ свои кони, хочъ ти кони и безъ того ледве не навзаводы неслысь по шырокому шляху, збываючи своїмы ногамы пылюгу.

Даремно буде розказуваты про те, якъ панычъ Иванъ Грыгоровычъ Краченко прыйихавъ до-дому, якъ ёго стрилы батько та маты, якъ стари зрадили, побачывшы свого сыночка, якъ сплакнули одинъ передъ однимъ... Дуже хотилось Ивану Грыгоровичу заразъ же роспытаты своихъ старыхъ про Максима Мыкытовича Витряка та про Орысю Витрякивну, але чы винъ не насмилывсь спытаты, чы боявся, шобъ не почуты чого лыхого про Орысю, а тилько зъ тымъ и лигъ спаты, залышывшы свое пытання до другого дня.

На другой день панычъ пиднявсь зъ лижка дуже рано и заразъ же выскочывъ изъ господы на кранокъ. Ранокъ бувъ чудовый: сонечко тилько-тилько шо выткнулось изъ-за горкы и засяяло такъ весело и такъ пышно, мовъ тая молода та чаривна красуня, шо вбырается до винця. На двори було дуже моровно и черезъ те и увесь двиръ, и увесь садокъ, и увесь дахъ господы,

и вси покривли повитожеъ булы вкрити билою та блескучою наморозью; а повитря було таке чысте та прозирне, якъ тилько воно бува саме по осени, уже тоди, колы настають перши приморозкы и колы ствердіе верхня шкаралупа земли. Середъ двору стояло чымало усякыхъ возивъ, де спочывалы, прыкрывшысь зверху свытками та кожухамы, возчыкы, шо прыйихалы за панамы у гости до старыхъ Крачкивъ. И вси ти возы, и вси ти возчыкы, и ихъ свыткы, и ихъ шанкы—усе те такожеъ прысыпано було билою наморозью и блескотило пидъ веселымъ проминнямъ ласкавого та веселого сонця.

Оглядившы природу окомеъ чутлывого худога, панычъ Иванъ Грыгоровычъ Краченко вернувь у кимнаты, прыбравсь, якъ треба було у таке свято, и потимъ зъ дому пишовъ прямо до церкви зъ тїею думкою, шобъ побачыты тамъ усихъ своихъ знаёмыхъ и мижъ нмы кого-небудъ изъ Витрякивъ,—якъ не саму Орысю, то Павлуся. Простоявъ винъ усю вутреню, простоявъ и всю службу, а никого изъ Витрякивъ не запримитивъ и зъ тымъ выйшовъ изъ церкви и пишовъ ходыты по ярмарку. Селяньскый ярмарокъ повсигда бувь любый серцю паныча, и винъ охочый и ладень бувь ходыты по нѣму хочъ увесь день, то прыслухоучысь до народнои мовы, то прыдывляючысь до облыччя людей и усякыхъ рѣчей, шо выставаются на ярмарку. Такъ и теперь панычъ скилько годынъ блукавъ по ярмарку, завертаючы у кожень куточокъ та заулочокъ, до всёго доглядаючысь и до всёго прыслухоучысь. А народу-народу на тому ярмарку, такъ неначе муравы, шо ни пробигты, ни пройхаты ни жадною мирою неможна. И все то рушається, и все то сунеться, неначе плавомъ плыве; тамъ сей, тамъ той, и все то крычыть, гомснить, божится, клянеться, заприсягається, торжытся та прыциняється... Тутъ же чымало и пидпылыхъ людцивъ, та другый спива, а де-яки обгорнулы старця зъ трындыбаломъ, та ото вже й вывертають закаблукы напередъ нискивъ...

Уже туды геть-геть, якъ наставъ справнїй ярмарковий розгардіашъ, панычъ, добре ватоцтавшысь по ярмарку, вый-

шовъ изъ нѣго геть и потягъ до-дому. Сумувавъ и шкодувавъ винъ тяжко черезъ те, шо не вбачывъ никого изъ Витрякивъ. „Шо це воно за знакъ, шо ни въ церкви, ни на ярмарку не-выдко никого изъ Витрякивъ? Вони жъ уси таки богомилни та богобоязки, а про те никого и въ церкви не було! Ну, нехай тамъ старый,—винъ теперь, може, вже дуже слабый ставъ, а шо жъ молоди“?.. Такъ самъ себе пытавъ панычъ, идучы зъ ярмарку до-дому глухою стежкою одъ церкви черезъ выгинъ. Винъ знарошне пишовъ черезъ выгинъ, шобъ пройтысь повзъ Витрякового садка. Ось помынувъ винъ панськи бурты; ось помынувъ паламаривъ, потимъ попивъ городъ и тилько шо выткнувъ изъ-за Полушного току, колы ось назустрічъ ёму никто, якъ сама Орыся Витрякивна. Панычъ якъ уздривъ Орысю, такъ и охолонувъ, такъ увесъ и заколотывсь...

— Орысю! Орысю! Та це ты?

А Орыся неначе й не баче, неначе й не чуе того, шо назустрічъ їй иде їи любый та коханий панычъ та ще про щось тамъ и пыта.

— Орысю! Орысю! Постій! Пидожды! Ты, мабуть, не признала мене? Я жъ Ивась Краченко! Я жъ твій... Орысю!!

А Орыся усе жъ такы йде своєю стежкою и не зупыняется передъ панычемъ, а тилько шось тамъ мурмотыть сама соби та все чогось осмихається та розводе руками.

— Орысю! голубко моя! Шо жъ це зъ тобою сталося? крыкнувъ несвоимъ голосомъ панычъ та й кынувъ раптомъ до своєї коханкы, якъ кыдається часомъ птыця до своихъ пташенятъ, колы баче ихъ у великій небезпечности...

Тутъ тилько Орыся зупынылась на хвылынку и неначе-бъ то стала прислухаться до голосу паныча. Панычъ глянувъ їй у сами очи—и вментъ, зъ великымъ жахомъ геть одхыль-нувсь одъ неи: передъ нымъ стояла божевильна людына зъ ка-ламутными, померклыми и безцвитными очыма и зъ страшнымъ поглядомъ... Тутъ панычъ не стерпивъ... не стерпивъ и зары-давъ... Зарыдавъ такымы горячымы, такымы гиркымы слизымы, якымы винъ зродá-вику и не плакавъ и не рыдавъ... А Орыси

и байдужисенько до паныча: стоить вона соби та тилько одмахуется одь когось рукамы та то осмихнется та прыщуются, то пидійме голось та гризно на когось посварытся.

— Орысю! Орысю! Глянь же ты на мене, прыдыввысь! Я жь твій панычъ! Я жь твій Ивась!

— Геть, одійды одь мене, сатано!.. Охъ, горе, горечко мени! Одлетила одь мене душа моя! Де моя душенька гуля? Га? А, онь-де вона, ондечкы вона лита! Пустить ии до мене! Я ии нагодую, я ии своимъ ротомъ накормлю! Пустить мене, не спыняйте! Я пиду до пань-отця,—нехай винь мене посповида! Нехай винь упусте мою душу у гряшне тило мое! Геть одійды одь мене, супостаты!..

Кынувши гризвый поглядъ на паныча, Орыся рангомъ вирвалась зъ мисця и прудко пишла дали, на ярмарокъ.

Прыгниченый такимъ страшнымъ и несказаннымъ горемъ, панычъ ледве-ледве поволикъ ноги до-дому. Якъ винь допливсь до-дому, шо винь казавъ и шо винь робывъ дома, того винь и самъ не тямывъ. Стара Крачыха ажъ уся затремтила, якъ побачыла, якый блидый та страшный вернувсь до-дому ии Ивась. Ий невдогадъ було, шо трапылось зъ ии сыномъ. Вона соби думала, шо винь стилько верстовъ пройхавъ изъ города до-дому, потимъ простбавъ усю службу въ церкви, а до того ще такъ довго вештався по ярмарку, и черезъ те такъ заслабъ. Вона заразъ же одвела ёго въ дальню кимнатку и, перехрестывшы грычи, велела гарненко видпочыть и ничымъ себе не трёмать. „Я казала тоби, сынашу, ось не йды ты зразу на той ярмарокъ, такъ не послухавъ; не набрыдло тоби дывытысь на нёго змальству“?

Уже на другой день ранкомъ выйшовъ панычъ изъ своей кимнаткы до батька та до матери, и якъ выйшовъ, то неначе винь тилько шо вернувсь изъ самой лютой баталіи: такый винь бувъ зъ выду замученый. Про свою стричу зъ Орысею Витрякивною винь ни словечка не сказавъ ни батькови, ни матери, хоть и дуже ёго мучыло распытаты, черезъ шо и якъ спиткало Орысю таке страшне лыхо. Уже навпосли панычъ то видъ су-

сидь, то видь своєю наймычки, Вивди Сокрычыкы, шо дивувала колысь умести зь Орысею, дизнавсь про все жыття та про ту лыху годьну, яка спиткала безталанну Орысю. На сели люде балакалы багато, а доводу, окримь Вивди Сокрычыкы, ниhto паньчеви не давь.

Черезь рикь писля того, якь паньчъ покынувь Суньцивку, по-осени, Орыся Витрякивна выйшла замижъ изь села Суньцивки у хутирь Коноваливку, шо за тры версты одь Суньцивки. Якь гралы весилля, то вона такь плакала, такь гирко та тяжко рыдала, шо чысто було на вдывовыжу всимь людянь. Ажъ трычи вона зрывала зь себе очипокъ, шо надивають молодий на голову замисть винка, и трычи кыдала ёго геть видь себе. И батько ии, старый Максимь Витрякь, такый уже бувь смутный та невеселый, шо ледве не зомливь, якь ставь благословляты свою дочку до шлюбу... Чоловика Богь давь Орыси гарного, Стецьба Журбу, тилько одно, шо винь дуже смиренный та плохий бувь,—такь неначе мала дыгына: и облычча у него дыгыче, и голосъ якыйсь-то тонкий та слабый. Базалы, шо то черезь те, шо винь ще молодой та нежонатый бувь, а якь оженился, то сильнейший и бравейший зробылся. Одначе, и писля оженинья винь такый же зоставсь, якь и ранийшь бувь... И не злюбыла жь ёго черезь те Орыся! Такь не злюбыла, шо почала щодня ходыть изь Коноваливки вь Суньцивку, до батька та до матери. И якь прыйде було до-дому, та якь увийде у свий садокъ та якь почне плакаты та рыдаты! Та такь плаче, шо й чужому чоловікови, та й то жалко було на неи дывыться. Жыве було у батька день, жыве два, тры дни и цилый тыждень жыве, а чоловікови ии до того и гадкы нема. И що дали—то гирше. Нарешти Орыси такь остогыдивь ии чоловікь, шо вона надумала и овси покынуты ёго. Якь батько та маты ни упевняли ии, щобъ не ходыла изь Коноваливки у Суньцивку, а жыла бь зь чоловікомь дома, прынатурылась до него та кукобыла-бь ёму у ёго хазайстви, такь де тамь! Терпила-терпила сердешна, а дали зибралась та й подалась геть

ажъ у городъ зъ тією думкою, шобъ забуты тамъ свое люте горе...

Довго Орыся блукала по городу, довго шукала тамъ забуття; ставала вона тамъ и до купцивъ, и до панивъ то за горнышну, то за куховарку; одначе худко выдала ихъ и зновъ шла та тынялася по городу; тутъ вона дизнала, шо таке есть и холодъ, и голодъ; тутъ вона не разъ латана, чы быта була, тутъ вона бачыла килька панычивъ, и бравыхъ и красовитыхъ, та вси вони не те, не те, шо любый та гарный ии Ивась..
„Пропаду отутечкы, середь базару, а въ село не пиду!.. Краще жъ я овси свою душу у мелясивци утоплю, нижъ отакъ страждать та мучытсь мени на божему свити“!. И почала Орыся топыты свою душу у мелясивци, се-бъ то хапаты горячого до слизъ та залываты имъ свое люте горе...

Безперестанне шукання, безперестанна остуда, гирке пияныцтво, незвычайне жыття зробылы те, шо Орыся не знесла и на-прыкоччыни стратыла свій розумъ.

Спочатку личылы Орысю десь у шпыталю, а потимъ якъ дизнали, шо вона запевне збожеволила и шо ий уже не малось буты повороту, перевезлы ии до „сумашедшого дому“. Тутъ продержалы ии килька мисяцивъ и, впевнывшысь, шо вона изъ смырныхъ, выпустилы на волю и одправылы у волость.

Уси тоди, уси и видцуралысь и видкаснулысь одъ безталанной молодыци, и тилько одынъ старый Максимъ Витрякъ не забувъ своей коханой дытны: пойихавъ винъ до волосты, знайшовъ тамъ свою дочку у холодній, на соломи, обирвану, обшарпану, обстрижену пры самій голови, узявъ ии, привизъ до-дому, одягъ, обхаючывъ и помистывъ у старій хати. Самъ у ту стару хату ходывъ, самъ и поивъ, и годувавъ, и прыбиравъ усе за дочкою, та все молывъ та благовъ Бога, шобъ Господь вернувъ бидоласи ии розумъ! Такъ де тамъ! Лежыть вона циленький день у старій хати и не йисть, и не пье, и не ворухытсь. Якъ батько дастъ йисты—йисть, якъ дастъ шо пыты--пье. Тилько якъ и выйде було, то выйде у свій садокъ, та й то бильшь надъ-вечорій. И якъ выйде оце у садокъ, то заразы же

стане пидь вышенькою та й дывытся на молодого дубка, шо стоить у садку Крачка, и тутъ же сама соби сміється и сама соби шепоче: „Паньчу, паньченку мій, любый мій, соколыку ясный мій! Чы й ты такый, якъ *той*? Га? Чы й ты такый? Кажы! Очи таки-жъ блескучи та таемни, якъ и у *того*!.. Чы й мова у тебе така? Га? Чы й мова така? Така, така сама, якъ и у *того*! А чы й ротокъ невеличкый такый? Га? Такый, якъ есть такый, якъ у Ивася! Визьмы жъ мене до себе! Пригорны мене! Приголубъ мене!.. Ни, це не *той*! Геть видъ мене—ты не *той*! Геть видъ мене, сатано! Ты тилько облыччамъ схожий зъ *тымъ*, а душа твоя и сердце не *ти*! Одійды одъ мене, супостать! На шо ты хресты зъ церковь здїймаешъ? На шо ты чоловічу кровь пьешъ? На шо ты чоловіче м'ясо йисъ? Чому ты душу мою въ церкву не пускаешъ? О—охъ! Душа моя, душа моя, куды-жъ ты одъ мене летишь? А! Онъ куды вона, онъ! Пустить мене! пустить на сповидъ до панъ-отця“!..

Такъ безшасна Орыся стоить було у своёму садку та, обхопывши рукамы вышеньку, плаче та прычтуе. Сусиды Максима Витрака и бачылы и чулы те не разъ та й не два, а тилько не розумилы того, до чого воно йшла та ричь бидолашнои молодыци. „Кровь збынчувалась,—казалы,—такъ вона ума тронулась и черезъ те ничего не тяме“... Розумила тилько трохы Вивдя Сокрычыха, а найбільшь розумивъ паньчъ Ивасъ Краченко.

Лыхо, шо спиткало Орысю, такъ вразыло паньча Ивася Краченка, шо винъ не выдержавъ... не выдержавъ и захворивъ.

Трохы не мясяць протраждавъ паньчъ видъ гарячкы и ледве-ледве не вмеръ... Якъ уставъ винъ зъ лижка писля хворобы, то бувъ такый немочій, шо насылу тягавъ ноги по земли.

Була уже пизня осиння доба. На двори стояла густа-прегуста мла и черезъ ту млу мрячивъ дрибненькый дощъ. Старый Крачокъ бувъ у садку и городывъ тамъ новый тынь. Паньчъ Ивасъ выйшовъ тежъ и соби у садокъ, щобъ подывытысь, якъ-

то тамъ ёго батько городе тынъ. Прысившы на нывенькому сучку старой вербы, панычъ завивъ балачку зъ батькомъ про те, якъ бы добре було пидсадыты у садокъ молодыхъ деревъ та провести въ нёму прямисеньки стежечкы та ще й на весну невелику пасику завести.

— Вамъ же жъ це ничего не коштуе, тату, бо у васъ на всяке дерево легка рука: вербу уткулы, такъ нарбокъ, абы-якъ, то й росте; яблуню, и та живе.

— Усе зроблю, сынку, усе буде такъ, якъ ты того бажаешъ, абы-бъ ты тилько скорійшь поправляясь одъ своєї хворобы та живый та здоровый бувъ.

Такъ сыдыть на сучку панычъ Краченко та й балака зъ своимъ батькомъ, колы це чуе, десь оддали, тамъ ажъ геть на выгони, спивають шось сумне.

— Шо це тамъ, тату, таке?

— Дякы спивають „Со святымы упокой“...

— Кого жъ це тамъ Господь прыбравъ? спытавъ панычъ та й пиднявся зъ сучка на ноги, шобъ подывыться на выгинъ.

Густа мла не давала ёму розглядиты, хто йшовъ за труною мерця. Винъ тилько бачывъ, шо труну несли зъ церкви прямо на кладовыще и шо за труною йшло чоловіка чотырипять и мижъ нмы неначе-бъ то дыбало шось дуже старе...

— Кого жъ це тамъ Господь прыбравъ? зновъ спытавъ панычъ свого батька.

— Та це... та це... и самъ такы не знаю, хто тамъ такий и есть! видказавъ якось такъ нехотя старый Крачокъ.

— Та й мла яка густа, шо й роздывыться не дае! А дай лышень я выйду по стежци на выгинъ та подывлюсь, шо воно тамъ таке есть...

— Краче-бъ тоби, сынашу, не ходыть, а то якъ бы ты не втомывся та зновъ не захворивъ...

— Ни, тату, я потыхеньку, та й дальше валу я не пиду.

Панычъ пиднявся зъ сучка и, пидшырачысь ципкомъ, подыбавъ черезъ коворотъ по стежци на выгинъ. Винъ запевне не дйшовъ до кладовыща, а выйшовъ тилько на выгинъ та й

присивъ тамъ на валу, шо выведенъ бувъ на прыконеччи выщого горба Крачка. Ось и зновъ гучно роздавсь въ ёго вухахъ сумный спивъ, а на закінчаннѣ голосно пронеслась скрызъ по выгону и „Вѣчная память“... Панычъ піднявсь зъ мисця, знявъ шапку и перехрестывсь: „Упокой, Боже, душу раба твоего“!.. Однече, хто жъ це такий умеръ?

Такъ стоить панычъ коло валу та самъ себе и пыта, колы ось прямо на нёго иде та сама невеличка купка людей, шо ховала мерца! Спершу вияввсь изъ млы одиный чоловікъ, потимъ другый, дали третій, дали... дали... ззаду всіхъ дыбавъ сывий, якъ молоко, згорбленный та тремтячий Максимъ Витрякъ и поручъ зъ нимъ шкандыбала стара Маруся Витрячиха...

— Максиме Мыкытовичу, та се жъ вы?! Кого жъ це вы?! скрыкнувъ панычъ Иванъ Грыгоровычъ та й поточывсь до валу, шобъ не впасть на землю...

Старый Витрякъ замість видмовы на таке питання, нешвыдко наблизывсь до паныча, нешвыдко простягъ до нёго руки, потимъ обхопывъ ёго за шыю та такъ и зарыдавъ, положывшы свою старечу та сыву голову на ёго плече... Гирко плаче старый Витрякъ, а ще гирше плаче панычъ.

Насылочку-насылочку одирвавъ своего сына одъ Витряка старый Крачокъ и ледве-ледве довивъ ёго зъ выгону до-дому...

Писля такой прыгоды панычъ прохворавъ ще килька день, але молода натура и щырый батькивський та материнський доглядъ одрятувалы ёго и на сей разъ, и черезъ килька тамъ день панычъ уже ходывъ по двору, и по току, и по садку вильно, хочъ на сердце ёго налягло вичне и страшенне горе... Теперь винъ давъ самъ собі зарикъ и самъ собі поклявсь— усю свою миць, усю свою кебету, усе свое жыття посвятыты ридному, украинсько-руському людови, ёго освити, ёго справи, ёго потребамъ... Ще черезъ килька день панычъ попрощавсь зъ батькомъ та зъ матерью, попрощавсь зъ своимъ засыротылымъ садкомъ, гирко оплакавъ могылу безщасной та безталанной Орыси и, взявшы грудку земли зъ ии могылы, подавсь у городъ до науки. .

XVII.

Одна теперь, одна-едина zostалась надія у старого Максима Мыкытовича Витряка,—на останнёго сына Павлуся. Це у него бувъ хоть и меньчий одъ усихъ, але найрозумвйшій изъ усихъ сынивъ сынъ. До того жъ винъ бувъ великый пысьмакъ и чытавъ та пысавъ такъ, якъ ниhto у всёму сели. Не вжывавъ винъ ни горилкы, ни тютюну; не блукавъ винъ зъ хлопцями ночной добы по завгороддяхъ, а на вулицю до дивчатъ такъ и не кажу, шобъ колы пишовъ; не любывъ винъ и гброда, бильшь любывъ село, а надъ усёго любывъ чытаты кнжкы, а зъ усихъ кнжжокъ найвышь поважавъ святе пысьмо.

— Бабо, бабо! Чы довго вы будете лежаты та набиратысь духу на печи? Теперь же, кажутъ люде, лито! Злизлы бъ зъ печи та пишы бъ до церкви.

— Пора, кажешъ, умерты? Эге, трясця твоёму батькови въ печинкы!

— Та ни, за шо вы лаетесь? Я кажу, пишы бъ до церкви! Тамечкы меньчий сынъ Витряка, Павлусъ, та онъ якъ чыта на крыласахъ! Вывчысь пысьменства, и такый зъ ёго грамотій, шо куды тамъ и нашому паламарю нечытайлу—Будяку.

Такъ крычавъ глухій та старенній баби Дудукальци, шо перейшла уже на девьяностый рикъ, ия правнукъ Демко Дудукальчёнко.

— Кажешъ, Павлусъ Витряченко вывчысь мошенства?

— Оце ще лыхо! Глуха, мовъ справи тоби та тетера! Вывчысь, кажу, пысьменства!

— Эге, пысьменства! А хйба те пысьменство та не доведе до мошенства? Кому и якъ воно пиде въ руку. Инчому на позытокъ, а инчому на загынокъ!... Нехай слуха ёго великорозумный Витрякъ, то, може, дизна, шо воно есть той справжній пысьмакъ...

Але самому Максиму Витряку байдуже було до того, шо плескала тамъ стара баба Дудукалка. Теперь давне та святе ба-

жання ёго збулось—бачыты хочъ одного изъ сынивъ своихъ пысьменнымъ. Теперъ уже старый Витрякъ не то що кожны свято, а и кожный вечирь будня, пился скінчання работы, мигъ слухать, якъ ёго Павлусь, росклавшы быблію, чыта то про праведного Іова, то про царя Давыда, то про пророка Исаію, то про побожного Лазаря. Старый такъ и выпваеця у свого сына та все слуха слова Божого, та все набыраеця розуму, неначе та дярчаста губка, укынута у воду. Чытають сынъ та батько святе пысьмо та тутъ же й пытають одынъ одного, тутъ же й подиляются своимы мыслямы. Инколы прысяде коло Павлуса и стара Маруся тежъ послухаты святе пысьмо; слуха вона та хыта головою та иводи и сплакне, якъ почуе шо-небудь дуже вразлыве.

Такъ-то доживавъ свои останни дни старый Максимъ Витрякъ зъ наименьчимъ сыномъ своимъ Павлусемъ. Часто згадувавъ винъ и про старшихъ своихъ сынивъ, и про бидолашну дочку Орысю; згадувавъ, молився за впокой ихъ душъ и тутъ же невпынно плакавъ старечымы слизымы. Зъ тымъ, може бъ, и скинчывъ Максимъ Витрякъ свое важке та гирке жыття, маючы утиху въ наименьчимъ сыни своимъ. Такъ ни жъ, провяте лыхо, неначе та вйидлыва миль, якъ уже уйистся въ що, то вже буде ёго точыты, буде ёго нивечыты, ажъ помы усёго не поточе и не понивече...

Зъ давныхъ давень село Суныцивка була дёржавою панивъ Голованивъ. Колысь ти паны булы и дуже багати, и дуже славетни, такъ шо ихъ знали не тилько на Слобожанщыни, але й далеко за Слобожанщыною, ажъ тамечкы десь у Рассѣи, пидъ самою Москвою. Жылы ти паны, якъ звычайно жыты панамъ, дуже гучно и бучно; тилько домы у ихъ булы крепаки, доты вони не знали ни биды, ни горя; а якъ те крепацтво було скасовано, то хутко прыйшовъ кинецъ и Голованямъ. Останній панъ крепацтва, Иванъ Мытровычъ Головань, маючы повсигда нужду въ грошахъ, швыдко пился воли почавъ продаваты свою земельку усякымъ охочымъ до неи людьмамъ. Спершу винъ ии збувавъ невельчымы клапты,—то тамъ Грыцькови Драпчаку, шо бувъ колысь у него за старосту, то тамъ батюшци Горобцю; а то вже,

якъ признавъ винъ, шо земля—це одна тилько рахуба для пана, надумавъ продаты їи усю цилкомъ, и продаты не мужыкамъ, а нимцямъ—коловыстамъ, черезъ те, шо нимци и дорожче платять, и грошыкы усю одразу виддають. А це саме найлюбійше дило: грошыкы черконувъ, та й'сюды, якъ той король, не думаячы ни про те, чы буде у тебе, чы не буде урожай, ни про те, чы стане на хлибъ цина, чы не стане.

Якъ надумавъ панъ Головань, такъ и зробивъ, и ось скоро—недовго, замість руського пана, оселився у Суньцивци якыйсь тамъ немецъ Нейхвельдъ, немецькой виры.

Гай, гай, шо то воно теперь у насъ на Украини й повстало? Де воно теперь у Бога те й панство наше подилось? Якъ було крѣпацтво, то було й панство, а якъ те крѣпацтво увирвалось, то все, шо у панивъ було, такъ заразъ и загуло. Та ще жъ такы, покиль стари жылы, дотиль хочъ земелька у панивъ була. А то вже, якъ старыхъ не стало, то... Э, шо й казаты! Шо батькы збиралы, то диты прогулялы... Хутко теперь піймають усю землю мужыкы та нимци!... Страшна, братця, сыла ти нимци! Багато и славно жыють вони у насъ, на Украини. Усе то народъ зрослый та здоровый, а на морди брытый та червоный, якъ мисяць на вистеръ. Живныкы у ихъ, хочъ и сухи якъ гылякы, а якъ понадивають на себе плативъ та кохѣтъ, та якъ понагукгошуются, такъ таки зъ ныхъ рахмани выйдуть, якъ не знать-шо,—дарма, шо инча якъ розберется, неначе чапля на болоти стане... Э, дуже замійжныи народъ ти нимци! Усѣго у ихъ и въ-достачъ, и вдосыть: худобы тїей, чы товару, чы коней, чы овечать,—такъ такого, якъ ракивъ вареныхъ у видри, та все те дуже, та высоке, та гладке, та здорове. У хозяйствѣ у ихъ скрызъ и доглядъ и порядокъ; хлиборобна справа у ихъ и прыдатна, и добренна, и згидна, та й наймытамъ у ныхъ не погане жыття: наймытъ у нимця хочъ и добре робе, такъ зате жъ ийистъ добре,—тежъ саме и за тымъ же столомъ, шо йидать та пьють и сами нимци—хазяинї. Та й обертається немецъ до наймыта не по-звирячому, а по-людському: усе такъ тыхо та смырно та

зрозуміло. Того-жъ то такъ охоче идé до тыхъ нимцівъ у наймыты нашъ братчыкъ, селянськый людъ. Уже у того нимця хочъ и наробышся добре, такъ за-тежъ и одйисся добре та й грошыкы визьмешъ добри, бо винъ повсигда куды бильшь плате, низъ нашъ панъ.

Тымъ-то такъ посунули и суннычане до тыхъ нимцівъ: хто у наймыты, а хто зъ тымъ, шобъ побачыты, яка у ихъ справа, яка худоба, яки порядкы, яка поведенція. Частенько заходывъ до ихъ и Павлусъ Витряченко: одно те, шо винъ цикавывся жыт-тямъ нимцівъ; друге те, шо винъ инколы корытувався де-якою справою ихъ: то бравъ тамъ віялку, або плуга, то позывавъ тамъ гармана, штандарынъ, або букаря; а третє те, шо нимци осилысь недалече одъ Витряківъ, тилько шо черезъ дорогу, по ныжчій переї села.

Частенько буваючы у нимцівъ, Павлусъ Витряченко ставъ прыдивляться до ихъ жыття и до всїей ихъ поведенціи. Дуже цикавило ёго дознаты, якъ вони жыють, чымъ вони дышуть, чымъ радіють, въ шо вони вирують и якъ саме вирують.

Дывно ёму було те, шо у ихъ ни попивъ, ни дяківъ, ни церковь не було, а одначе уси вони жылы и по правди, и по божому: ничого и ни въ кого не чипалы, ничымъ и николы одынъ одного не обижалы, ніякымы и николы не займалысь поганымъ диламъ.

Уже пройшло бильше року, якъ нимци Нейхвельды осилысь у Сушыцивци. Невельке те уремья—рикъ, а тилько велька змина почувалась у сели. Де-хто изъ простого люду ставъ выявляты таки мысли про ризни людськи справы та про суспилъне жыття, яки допрежъ того и въ голови не помищались ни въ кого...

Старому Максиму Витряку давно вже було не до вподобы те, шо ёго Павлусъ учае до нимцівъ. Давно уже не чує винъ свого чытача, шо було чытае и нидъ свято и въ саме свято божественну вныжку: теперь то ёму дуже заниколылось, то ёго нема дома, то винъ десь загубывъ вныжку свою та ніякъ не знайде ии...

— Слухай сюды, сынку, шо я тоби хочу сказаты! якось обернувсь старый Витрякъ до своего Павлуса.

— А шо, тату?

— А отъ шо: ты уже, хвалыты Бога, теперь хлопецъ на пори, такъ тоби часъ вже подуматы и про те, шобъ... Мы зъ твоею матирью не тилько шо стари, а вже ветхи люде, такъ часть тоби, сынашу, погадаты и про те, шобъ одружытысь... У тебе яка про це думка?

— Та шо жъ, тату? Воно шо такъ, то такъ, а тилько...

— А тилько шо?

— А тилько те, чы до мысли буде мени моя дружына?

— Треба браты таку, шобъ була до мысли...

— А де жъ таку взять?

— Отъ яка турбота? Якъ уже такъ казаты, то цёго цвиту по всёму свиту.

— А воно-жъ, тату, и такъ можна казаты: не женывся—веселывся, оженывся та й пропавь.

— Боронь, Боже! На що жъ тоди й женытысь, якъ пропадаты?

— А хйба зъ нашымы жинкамы та зъ нашымъ закономъ неможна пропасты? У насъ чоловікъ за поригъ, а жинка за пыригъ... У насъ, тату, не те, шо у нимцивъ; у ихъ и жинкы слухнянійшь, нижь у насъ, и законъ легше, нижь нашъ, якъ шо чоловікъ захотивъ бы зъ недоброю жинкою розійтысь; та й обряду того нема, якый у насъ на шлюби бува... А шо вже у насъ писля весилля робытся, якъ бабы почнуть усяку нисенгтыцю приспивувать, такъ одно стыдovsky та й годи... У нимцивъ ничего такого овси не поведытся.

— То нимци, сынашу! Нехай вони по своёму и шлюбъ свій справляють, а мы будемъ по своёму справлять. Не намы воно заведено, не намы й выведется. Мы зродя-вику православнои виры, и намъ нимци зъ ихъ вирую не вказъ.

— А хйба, тату, якъ немецка вира, такъ то уже й не вира?

— Ни, воно усяка вира есть вира, а тилько до чужои виры намъ дила ніякого нема... Я не про те кажу,—я тилько кажу про те, шо мы повинни своєї виры держатися, а нимци своєї,—отъ про шо!... Та й не съ цѣго у насъ балачка почалась.. Чому ось тобі не дивка Докійка Семененкова?

— Дивка, тату, якъ дивка, а тилько... Тату! Я буду вамъ вично служыты и за робитныка, и за куховарку, а тилько вы мене не невольте на таке дило!...

— Та Богъ зъ тобою, сыну! Я й не думаю тебе неволыты! Я тилько про те, шо й лита твои такі, и старистъ наша така, шо давно вже велеть тобі сповныты законъ... Шо жъ мы вазываемось и за родытели, шобъ не думаты про щастя своихъ дитей?...

— Въ закони, тату, сказано: „Могій вмѣстити да вмѣстити“.

— Въ закони, сынку, и такъ сказано, шо Богъ благословля чововика множытысь и володыты усією землею... Ну, та Господь зъ тобою! Неволыты чововика—велыкый грихъ... Охъ, Орысю, Орысю, донечко моя коханая! Нехай же надъ тобою земля перомъ лежыты!.. Якъ надумаешся, сынку, гарненько, то тоди и сповнышь законъ, а теперь бороны тебе Боже одъ усякого гриха!..

И зновъ Павлусъ Витряченко гуля вежоватымъ, и зновъ вынъ тилько шо не шо дня загляда до нимцивъ. Нимци повсигда ласкаво стричають ёго, повсигда ввичливо витають, а якъ лучыты иноди Павлусеви зайты до нихъ въ обедню пору, то вони и посадовлять ёго за стиль и назвуются ёму услкою стравою. Тутечка, за йижою,—а йисты нимци не овси спншаты,—тутечка вони ведуть розмову про божественни дила та про свитови справы, а пнсля йижи и не молются и не хрыстятся, та й хрыстытыся у ихъ нема на шо, бо й богивъ овси нема... Одначе, и якъ сыдыть вони за столомъ, и якъ устають, то все роблять и чынно, и порядливо, и звычайно. Чы прыйде Павлусъ до нимцивъ у будень, чы прыйде у недилю, а все у ихъ одынъ порядокъ, тилько шо у недилю вони не роблять ніякои работы, и чытають еван-

гелію и чытають кожны по порядку, и тутъ же кожны, хто чымъ цикавыцца, пыта про те другога, и якъ другый не зна того, пыта третёго... Та й не одно святе псымо цикавыць нимцивъ: вони чытають и рижни часопыси, черезъ шо знають не тилько те, шо робыцца у руському царстві, але й те, шо діеця у другыхъ царствахъ та князівствахъ. И въ свято нимци усе жъ такы жывутъ по-божому: ни сваркы, ни бійкы, ни блуда, ни шіачества.

Пильно доглядався до всёго того Павлусъ Витрыченко и, самъ не хочащы того, робывъ порывняння жыття нимцивъ до жыття своихъ селянъ: у цилому сели не знайдзеця ни жодного такого сямейства, и замизжывого, и поряджывого, и непытуцого та й такъ освиченога, якъ сямействó нимця Нейхвельда. А шо? Може, зъ Нейхвельдомъ порывняеця суныцивськый пипць, або суныцивськы дякы? Эге-жъ! Не про те вони й думаютъ, не про те вони й балакають, та не такъ вони й роблятъ...

— Знаете, тату, шо я надумавъ?

— Ни, сынашу, не знаю!

— Я хочу заняцца по столярськый часты! Вы, тату, того ч не подумаете, якый майстеровый чоловикъ меньчый сынъ старого Нейхвельда, Якубъ?

— Та й не подумавъ такы!

— Эге жъ, а винъ добре столяруетъ!.. Такъ я оце хочу дещо навчыцца у нёго...

— А шо жъ? Це добра ричъ! Рукомесло за плечыма не носыць...

— Такъ я хочу, тату, шобъ у себе и майстерню зробыць и шобъ не я до нёго, до Якуба, а винъ до мене инколы заходывъ.

— А де-жъ ты ту майстерню зробышь?

— У старій хати,—не де! Треба тилько іи прыбраты за ддя того, та, шо залышне, вынести геть.

Отъ и почавъ Павлусъ прыбираты стару хату. Спершу всёго выниси винъ зъ неі богы и почепывъ ихъ у новій хати.

А дали... а дали винъ и не знайшовъ, шо больше прыбирать. Постановывъ невелькый верстакъ та й край...

И почавъ ходыть до Павлуса, бильше всёго надъ вечоры, молодшый сынъ Нейхвельда, Якубъ. Працюють вони тамъ у двоохъ и балачку ведутъ промижъ собою та все бильше зъ пысьма. Спершу Павлусъ обертавсь до Якуба по-украинському, а дали навчывсь балакать и по-нимецькому; спершу, якъ кажутъ тамъ, черезъ п'яте—десяте, а потимъ уже такъ, шо й овси добре... Инколы зайде було у майстерню и старый Максимъ Витрякъ; зайде, подывиться на працю Якуба та Павлуса и похвале ихъ обохъ; а вони промижъ собою усе по-нимецькому, усе по-нимецькому цвенькають, та такъ, шо старый слуха-слуха, а дали пиднимется зъ мисця та й пиде соби геть, дывуючысь, якый-то у него цикавый сынъ, шо й ремество швидко перенявъ и мовы немецкои хутко навчывсь: „Гм., якъ бы я ёго бувъ у науку мигъ виддаты,—зъ него бувъ бы чоловікъ... Онъ якъ винъ по-нимецькому! Не то, шо я, гришний чоловікъ, шо ни бе, ни ме, ни кукурику, а винъ онъ якъ“!..

Навчавсь Павлусъ и рукомесла, и мовы, и де-чого инчого, а тилько вже одъ свого ридного русько-украинського, де дали, тымъ бильше видхылявсь; и одягатысь почавъ уже не такъ, якъ справжни селяне, и волосся почавъ инакше пидстригаты, та й ходыты неначе почавъ не такъ, якъ звычайно ходять украинськи парубкы...

Та й не одинъ Павлусъ Витряченко переймавъ де-що одъ нимця Якуба. Зразу якъ видкрывъ Павлусъ у себе майстерню, то прыйде було до него чы одинъ, чы другой парубокъ, подывятся та швидко й назадъ; а потимъ, де дали—все бильше та бильше, и швидко почалы ходыты парубкы разъ-по-разъ до майстерни Павлуса и почалы перейматы и соби усе немецке. Увиде оце парубокъ у хату, стане на пороzi, пиднине въ гору руку, шобъ перехрестытысь на образы, та заразы же, не бачучы въ хати ни жодного образа, и руку свою долу опусте. Спершу це дуже подывля новака, а потимъ, шо дали, то бильшь прывыкае винъ до того, и вже у него и бажанья того нема,

шобъ, увійшовшы въ хату, пидвесты въ гору руку та перекрестыты соби лоба, якъ воно поводится у православныхъ хрыстіянъ, и тоди вже витаты господаря на „добры-день“... И цв хлопци, яки цикавиши, тежъ швидко навчаються балакаты по-нимецькому и тежъ швидко переймають у нимця и одежу и усякы звичаи, а свое ридне хають и забувають.

Такъ усю зиму и протоварышувавъ Павлусъ Витраченко зъ Якубомъ Нейхвельдомъ, и уже якъ пройшла зима та наставъ вельмыи пистъ, то тугъ уже треба було Павлусеви подуматы про инше шо.

— А шо, сынашу, колы у тебе думка говить?

— Та я, тату, ще й не думавъ про те!

— Эге, ты не думавъ, а я вже давно думаю: я говитыму такъ шо на першимъ тыждни, а ты вже на другимъ.

— Та тамъ, тату, якъ выпадє: чы на першимъ тыждни, чы, може, на третимъ.. А колы, тату, будемъ быты симья на олію?

— А колы? Треба, мабуть, на другимъ тыждни, сынку.

— Такъ якъ же жъ це, тату? Зъ тымъ же сімьямъ треба буде йихаты ажъ у Лыпци, бо у насъ, у Суныцивци, и олійныци ни въ кого нема?

— Та такъ шо, мабуть, треба буде йихаты ажъ у Лыпци.

— И це жъ, тату, дило таке, шо ёго за день, або за два не вхопышь у руки.

— Шо такъ, то такъ!

— Такъ я, знаете, тату, шо зроблю?

— А шо ты зробишь, сынку?

— Пойиду у Лыпци, тамъ симья зибю, тамъ же, у базари, и залышокъ оліи продамъ, тамъ же, якъ нагодытся хто, и мавуку збуду, та тамъ же жъ такы и одговіюсь, бо въ тыхъ Лыпцяхъ, якъ самы, тату, знаете, ажъ тры церкви.

— Ну, шо жъ? говій и въ Лыпцяхъ! Тамъ хочъ у тій церкви, де батюшкою Илья Билякъ,— у него и одговієшя соби зъ Богомъ.

Ото пройшовъ першый тыждень, наступивъ и другий, и Павлусь Витряченко посунувъ у Лыпци зъ сямьямъ. Збувъ винъ тамечкы симня, продавъ олію, попродавъ макухы, узавъ за все те добри гроши та й зъ тымъ и до-дому, а про говиння неначе й забудь...

— Ну, шо? Якъ тамъ тоби, сынашу, трапилось у Лыпцяхъ?

— А, ничого, тату,—усе було добре!

— А говивъ ты?

— Гм!... А якъ же!

— Ну, поздоровляю тебе!

— Спасы... гм!.. спасыби вамъ, таточку!... А шо жъ це не выдко на двори нашого пивня?.. то пакъ: де жъ це наша маты, шо ихъ не выдко?

— Та пошь не здужае: якъ лягла на пичъ, та й доси и зъ хаты ніякъ не вышнябае.

— А я имъ ось платокъ чорный купивъ...

— Добре, сынашу, робышь, шо матери не забуваєшь— Господь и тебе не забуде.

— А вамъ, тату, шапку нову купивъ.

— Э, сынку, мени вже пора свичку про смерть носыть, а не то що шапку нову...

— Богъ зъ самы, тату, шо це вы говорыте?..

...И впять Павлусь засивъ у свой майстерни и впять до нѣго почавъ учащать Якубъ, а де-колы, то й Павлусь пиде до Якуба. И якъ прыйде Павлусь до Якуба, то вже вивъ тамъ неначе справи свій чоловікъ: и балака по-нимецькому, и чыта зъ нимцями нимецьку евангѣлію, и йисть зъ нимцями, те-жъ саме, шо й воны йидять, и такъ усє робыть, неначе винъ и родывсь, и хрестывсь, и зрись умести зъ нимцями, и неначе винъ овси и не знавъ ни своего уставу, ни своей дидивськой виры, ни своей украиньской справы...

XVIII.

Одначе и на сей разъ недовго товаришувалы Павлусь Витряченко та Якубъ Нейхвельдъ; ось незабаромъ прыйшла страстна неділя. Тутъ уже старій Витрякъ та стара Витрячиха шо-дня почалы ходыть до церкви, а Павлусеви усе якось выпадало або дома, по хазайству клопотаты, або до млына швыденько побигты, або до кузни пойихаты. Тилько инколы, у-ряды-годы, винъ зберется та заяве батьковн, шо нибы-бъ то тамъ идё до плащаныци, а самъ замість того опынётся у нимцивъ...

Ось наставъ и Велькдень. Павлусь и тутъ пидвиевъ такъ, шобъ ёму зоставатысь дома, а старымъ иты до церкви, бо боронь Боже якои прыгоды, або якои напасты злодівъ, шо пидъ такой день часто брадуть у добрыхъ людей кони, то де жъ тамъ старымъ справытьсязъ тымъ?... Стари, запевнени цымъ, такъ и ршылы—самымъ иты до церкви, а Павлусеви зоставатысь дома.

Боже, Боже, якъ-то радисно и якъ-то весело зробылось на души у Максима Витряка, якъ винъ увійшовъ у церкву та почувъ, шо и у вивтари и на крыласахъ заспывалы „*Христосъ воскресъ!*...“ И нибы-жъ такы, николы, скилько памытувавъ самъ себе Витрякъ, не почувавъ винъ въ соби такого духовного веселія, якъ у цей самый Велькдень!.. Стоить винъ у церкви и неваче бъ то винъ не въ церкви, а десь ажъ на самыхъ небесахъ и чье винъ спивы не людей, а самыхъ божыхъ янголівъ, шо витають увесь земный людъ велькымъ витаннямъ „*Христосъ воскресъ!*...“ Стоить винъ и не чье пидъ собою нигъ, не чье за плечыма своимы старосты, не чье у кисткахъ своихъ ниття ніякого, а чье тилько, шо у нёго течуть изъ очей скрызъ, и по щокахъ, и по бороде, радисни слёзы, а самы вуста ёго шепочуть радисни для всёго мыру слова „*Христосъ воскресъ!*...“

Ось божественна служба скинчылась, и тутъ усе люде почалы мижъ собою христосуватысь. У такой велький день у церкви було повнисенько народу. Кожный чоловікъ обходывъ

церкву и хрыстосувався зъ другымы. Обійшовъ усихъ и старый Витрякъ. Тамъ сей, тамъ той, та кожного витае Витрякъ, зъ кожнымъ трычи цилуется и миняется пысанкамы. Багато побачывъ винъ тутъ и старыхъ дидивъ, и старыхъ бабивъ, и середнихъ литъ дядкивъ; тилько молодыхъ хлопцивъ шось мало запрымитывъ у церкви Витрякъ,—отъ хочъ бы й тыхъ, шо ходылы усю заму до нѣго у майстерню... Мабуть, де-яки на цвнтари, а де-яки стережуть домивку, таеъ явъ и ёго сынъ Павлусь...

Радисно старый Максимъ Витрякъ и стара Маруся Витрячиха вернулись зъ церкви до-дому; радисно силы вони й за стиль. Уже тутъ, сыдючи за столомъ, якъ згадалы вони про трѣхъ старшихъ синивъ своихъ та про бидолашну дочку Орысю, зробылось имъ дуже тяжко на серци. Не сказали вони про це одынъ одному ни словечка, а тилько поглянулы одынъ на одного, и у обохъ нарынулы слѣзы на старечыхъ очахъ... За те жъ ще дорогше здавався имъ теперъ останній ихъ сынъ Павлусь... Писля розговиння стари звичайно видпочылы трохы, а потимъ стали прыбиратись, шобъ зустріты батюшку зъ дякамы, шо ходылы по хатахъ зъ хрестомъ.

Уже батюшкы обійшы усю ныччу перею села, уже завернулы вони одъ Жабокрюкивки и на выцу; ось уже наблыжылысь вони и до хаты Максима Витряка. Старый Максимъ Витрякъ уже давно выйшовъ за ворота и давно стоять безъ шапки, дожыдаючи батюшку зъ дякамы. И якъ тилько батюшка выйшовъ изъ двора сусида Витряка, Максимъ Мыкытовичъ уже й назустрічъ ёму: пидійшовъ до нѣго пидъ благословеніе и мерщій повивъ ёго до госпды. Въ хати батюшку стрила стара Маруся Витрячиха и за нею Павлусь. Стара тежъ пидійшла пидъ благословеніе до батюшкы и дала дорогу Павлусеви. А Павлусь стоять середъ хаты и не зъ мисця,—неначе укупаний у землю. Батюшка самъ пидійшовъ до Павлуса и поблагословывъ ёго, а Павлусь, одхыльнувшысь назадъ, зробивсь бидый-бидый, мовъ та крейда. Старый Витрякъ пыльно поглянувъ на своего сына, ніякъ не зрозуміючи, шо таке зробылось зъ нымъ.

— Мабуть, прытомывсь через службу на Велыкдень та й доси кўнае! заважаывъ батюшка, обертаючысь до старога Витрыка.

— Та то вже такъ,—выбачайте, батюшечка! Теперъ мо-
лбдзяжъ уся така хыра.

Батюшка не звернувь великой увагы на вчынокъ Павлуся, та й выколы такы ёму було звертать, бо тра було ще чымало дворивъ обійты, а тамъ ще й до вечери иты. Одначе, якъ тилько батюшка выйшовъ за ворота, то старый Витрыкъ, вернувшысь у хату, заразь же и прыступывсь до Павлуся.

— Що це зъ тобою сталось, Павлусь?

— А шо таке?

— А те, шо ты не хотивъ до батюшкы пидъ благосло-
вення пидійты?

— Не хочу я пидходить до нёго пидъ благословення!

— Якъ це такъ? Шо це ты? У своимъ ты розуми?

— У своимъ, тату!

— Такъ шо жъ це ты?

— А шо жъ винъ таке, шо до нёго треба прыкладатись?

— Якъ шо таке? Хиба ты не знаешъ? Винъ же духовный пастыръ нашъ!

— Духовни пастыри не повинни такъ робыты, якъ вони робляты!

— А якъ же винъ робе?

— Такъ робе, шо... Якъ винъ у насъ одивецъ, то и повиненъ жыты одивцемъ, а винъ... Ну та я не хочу ёго судыты, а тилько такъ не можна робыты. Та хиба вы цёго самы не знаете?

— Э, сынку, сынку, то вже ёго грихъ, и за те винъ самъ дасть видповидь Богови, а наше дило усе-жъ, такы чтыть ёго, яко намисныка Хрыстового на земли.

— Ни, тату, ни!.. Я на це незгоденъ, и моя душа не мырытса зъ нымъ!.. Якъ же винъ буде сповидать чоловика зъ такымъ же грихомъ, якый на нёму самому есть? И яке винъ дасть наставленіе чоловикови, колы самъ ще гришнійшъ одъ

ёго?.. Це у насъ не пипъ, а одынъ грихъ тай годи! Чого винъ тилко не выробля на сповиди? Який чоловікъ не дасть ёму копійкы за сповидъ, то винъ схопнеться зъ ослинца, пійма чоловіка за грудкы та на всю церкву и крычыть; „Давай копійку! Давай мени копійку за сповидъ“!.. И хочъ бы вже бувъ чытака, або сивака, якъ слидъ, а то якъ выйде на середъ церквы кныгу чытать, то мовъ каменюку грызе,—нихто ёго й не розбере: двадцять годъ служе, а й доси, якъ слидъ, не наломывсь. Вы ондечкы, тату, казали ще мени, шобъ я говивъ у Лыпцяхъ у Ильи Биляка, а чи вы жъ знаете, шо той Илья выробля? Э, та шо тамъ и казать.

— Не вси жъ, сынку, таки, якъ Илья Билякъ. А чомъ тоби не пастыръ ось хочъ пьсарянскый батюшка Колчановскый, або покровчанскый Ващынскый?

— Такъ на цихъ же двоухъ пастырихъ, шо вы кажете, тату, та двисти два инчыхъ, такыхъ шо про ихъ якъ розказаты тилько цоловину того, шо вони выробляють, то нихто й не повире...

— Охъ знаю, сынку, знаю! Знаю бильшь, нижъ ты знаешь, а все жъ такы нехай вони будуть ще въ десятеро гришнйшь, а не намъ ихъ судыть: вони мають власть одъ Бога надъ нашою совистю и надъ нашою душею.

— Хто, тату, мае власть? Та ни одынъ чоловікъ не мае власти надъ нашою совистю и надъ нашою душею, окримъ насъ самихъ!

— Шо це ты говорышь, сыну? Цёго я одъ тебе зъ родавику не чувъ! А то бъ то ты супроты духовництва, чы шо?

— А хочъ бы, тату, и такъ?

— А якъ же жъ то такъ? Уже жъ безъ духовництва неможна на свити жыть! Отъ хочъ, напрыкладъ, говить, то тутъ уже-жъ треба иты до духовныка? Ты жъ якъ бувъ у Лыпцяхъ, то ходывъ же говить?

— Тату, грихъ у мене вельмый передъ вами на души! Я... я, тату, я... не говивъ... Я обманювавъ васъ... и це страшенно

мучило мене... Тилько я ніякъ не мігъ насмилытись, шобъ сказаты вамъ про це... Це мій великый, страшный передь вами грихъ... Я зъ родà-вигу николаы и ни зъ чому не обманювавъ васъ, а тутечкы... тутъ я передь вами согришывъ...

Якъ бы передь старымъ Максимомъ Витрякомъ вментъ блеснула огняна блискавыця и вментъ гримнувъ зъ неба великый гримъ, або якъ бы передь нымъ одразу провадылась и загула земля, то винъ, здається, менче бъ здывувавсь и менче злякавсь, ніжъ теперь одъ такихъ словъ Павлуся... Витрякъ ажъ килька хвыльнъ простоявъ нерухомо, мовъ скамянпый... и все дывывсь на Павлуся, широко расплющывшы очи... Уже потимъ, черезъ килька хвыльнъ зъ-перегодомъ, Максимъ Витрякъ, на сылу та на превельку сылу поборовшы себе, гризно спытавъ свого сына:

— Такъ шо жъ ты таке есть? Чы ты злодій, чы ты катъ, шо видцуравсь видъ батька, видъ матери та видъ усіей ридни?

— За шо жъ вы мене, тату, такъ вражаєте? Злодіи, тату, не таки бувають! Хиба той, хто не виывається горилкою, не хапà поганого зилля та не паскуде имъ своєю души, хто не краде чужого добра, та не верзе скверныхъ словъ, хиба, тату, той, хто не гришыть проты сѣмой заповиди, и овси ще не зна цѣго гриха, хто любе и батька и матирь свою, хто не бажа зла другому чоловіку, хиба, тату, той злодій, або катъ?

— Такъ шо жъ ты таке есть?

— Я, тату, я... справжній хрыстіянынъ!

— Якый же ты хрыстіянынъ и яка у тебе вира? Чы не така, якъ у нимцивъ, шо оце коло насъ живутъ?

— А хочъ бы й така?

— А!.. Такъ отъ шо! Це бъ то ты приставъ до штунды-стивъ! Такъ отъ чого ты учащавъ до нимцивъ! Це нимци и призвели тутъ усю штунду!..

— Та вы шо-жъ думаете, тату, про штунду? Шо таке, по вашому, есть штундыста? Вы обдерить ёму шкуру, усе чисто, то винъ вамъ ничого не скаже, скаже тилькы: „Богъ зъ тобою“! Отъ то и есть штундыста! Вы думаете, якъ штундыста, то винъ

й уже ледащій чоловікъ? А ни въ кого нема такой силы празни́кнвѣ, якъ у церковныкнвѣ: вони и выгадують ихъ за-для того, абы бѣ тилькы поменьче робыть. Штундыста тилькы й празныкуе, шо на Риздво та на Великдень та въ неділю кожного тыждня. У церковныкнвѣ празныкы та посты—та и вся вира. А на вищо ти посты? Це даремна выгадка супроты слова Божого, шо каже: „не входящее въ уста свертнать чоловіка, а всходящее изъ усть“. У штундыствѣ и дѣго нема. Я жъ вамъ кажу, шо вира штундысты,—то и есть справжня вира.

— У шо жъ ты вируешъ, колы ты справжній хрыстіянынъ? Яка твоя вира? У Хрыста ты вируешъ, шо винъ есть сынъ Божый, шо винъ родивсь, страждавъ, умеръ и воскресъ на спасеніе людей? У церкву святу православну ты вируешъ?

— У Хрыста я вирую, шо винъ воскресъ божествомъ, а не тиломъ,—тило ёго таке-жъ тливне, якъ и тило другихъ людей. Я вирую, шо Хрыстось есть любовь, шо винъ заповидавъ намъ не грабувати, жыты прязно, поділятысь своимъ добромъ, не видомщаты зломъ за зло, прощаты ворогамъ, покирно переносыты услуку уразку, не важытысь на землю бильшь того, свилькы ии треба за-для насущного жыття, цурагысь роскошивъ та памятаты те, шо багацтво та сыла роблять зъ чоловіка раба страстей, а не справжнёго хрыстіянына. Отъ у якого Хрыста я вирую!.. У церкву рукотворну, зроблену руками чоловіка, я не вирую. Церква—два, тры чоловікы, и Хрыстось зъ нымы,—то й церква. „Аще гдѣ двое или трое глаголють во имя мое, Азъ тамъ пребываю!..“ Церква повинна быть у серци кожного чоловіка,—отъ де церква!

— Отъ така твоя вира! А то, шо въ церкви—образы, хорогвы и друге, ты признаешъ за святе?

— Тату! Признаваты образы за святе, це, по моёму, прямо супроты писанія и древнёго и нового завиту: „Не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія на земли!..“ Шо тымъ образамъ молытысь, якъ вони тижъ дошки и тыхъ же гришныхъ людей? Якъ вони и глухи и слипи очыма? Якъ вони и не бачуть, и не

чують, и не розуміють ничего? Такъ яку жъ вони можуть помичъ податы чоловікови?

— Такъ онъ яка твоя вира!.. Боже, Боже, шо це я чую! И це мій сынъ таке говоре?... А въ святе хрещеніе вируешъ?

— У хрещеніе, те, якимъ поны малу дытину хрестить, не вирую! Пипъ хрестить, абы тилько гроши братъ,—я й самъ охрестю и мення дамъ, якъ и винъ. То не есть хрещеніе. Хрещеніе есть то, колы чоловікъ на зрости, якъ и самъ Хрыстось, прывародно поминьтєся щырымъ словомъ жыты та робыты такъ, якъ повеливъ Хрыстось. А не хочешъ робыты пры людяхъ, не робы й того, бо то тилько одынъ обрядъ и не въ нѣму головна сыла: треба хрестытысь жывою, а не мертвою водою, про яку нагадувавъ Хрыстось коло колодезя самарянци. Ото то и есть справжне хрещеніе!

— А якъ же знамено Хрыстово? Жывы до зросту и не клады на себе знамено?

— А на шо жъ ёго, те знаменѠ, на себе класть? Воно есть спомынъ тыхъ мукъ та тієи шыбєнцы, на якій розипьялы Хрыста! Такимъ знаменомъ люде тилько вражають Хрыста у сердце, якъ кладуть ёго на себе.

— Господы праведный, шо це я чую?.. А якъ же спѠвидъ? а якъ же причасты?

— А шо спѠвидъ? У рукотворну церкву я спѠвидатысь не пиду! Я дамъ спсвидъ Богу духомъ, мыслямы та зариканнямъ. шо бильшь не буду творыты злыхъ диль, якъ ранійшь того творывъ. У насъ есть одынъ надъ усимы Отець на небесахъ,— Ёму и спѠвидай свои грихы, а не попови, бо пипъ такыи же гришний чоловікъ, якъ и вси. Тутъ ни церква, ни пипъ ничего не запоможуть, якъ я самъ не окаюсь въ грихахъ... Не запоможе церква и тоди, якъ я пиду причащатысь до неи. Причащатысь въ Хрыстомъ можна тилько духомъ, добрымы диламы та праведнымъ жыттямъ. А якъ схочешъ вєсты бесєлу про божи дила, прызвы до себе въ хату, а не въ церкву, двоухъ, чы трѣхъ чоловікъ, посадовы ихъ за стиль, розломы хлїбъ на шматкы и роздай братіи. Такъ робывъ Хрыстось. Робы и ты такъ. А не

хочешь—и цѣго не робы: переломляй духовный хлѣбъ та имъ и насыщайсь, шобъ у тебе слово не видризнялось видъ дилъ.

— Маты божа! И ты звешся справжнимъ хрестіяныномъ? И ты думаешь, шо зъ такимъ чоловікомъ, якъ ты, стане на шлюбѣ чыста та безвынна дивоча душа?

— А на шо мени той шлюбъ? Уподобавъ парубокъ дивку, а дивка парубка,—скажить про те батькови та матери, скажить громади та й жывить; тутъ не треба ни шлюбѣ, ни того поганства, яке робытся у насъ на весилли. А не схотять жыть—росходьтєсь, тилько впьять такы безъ того паскудства, яке поведытєся у такимъ дили у церковныкѣвъ. Головна ричь—жывы безъ хвалшу, безъ блуда, безъ бійкы та лайкы, та спынай свою злу волю.

— Шо ты говорышь? Чы подумавъ ты про свій страшный часъ смерти? Шо ты скажешь тоди своему духовныку?

— А на шо мени той духовныкъ? Хиба винъ справди чоловікови потрибенъ? Шо винъ, хиба уведе у рай? У рай насъ уведуть тилько наши добри дила, и ни одынъ чоловікъ, якъ бы винъ насъ шыро та вирно ни любывъ, не ляже зъ нами самохитъ у домовыну, окримъ нашихъ праведныхъ дилъ. Хиба ти духовныкы...

— Стій! Пидожды! Ты все уже сказавъ?

— Усе!

— Павлусю! Сыну мій любый! схаменись, шо це ты кажешь? Ты помыляешся!

— Тату, помыляется той, хто инакше дума.

— Слухай мене! Чы знаешь ты, шо предкы твои колысь воювались за святу православну, а не за яку другу, виру и за той самый хрестъ, на який ты не хочешь молытєся? Чы видаешь це ты?

— Й знаю и видаю.

— Невже жъ твои предкы, неже жъ твои прадиды, твій батько и маты твоя, уси-уси ходылы и ходять у мли и боролысь и борятся не за те, за шо треба боротєся?

— То бувъ другый часъ и друга година; теперъ не те: теперъ другый у людей шляхъ и другый поглядъ на жыття. Часть на часть не прыходытся, а то жъ викъ на викъ...

— Який бы той часъ, який бы той викъ не бувъ, а вира наша свята православна повсягда, во вики виковъ, зостанется нерухома. Изъ усихъ свитовыхъ виръ—вона тилько и есть певна и правдыва вира. Твоя вира—то не вира. Чымъ ты вируешъ? Розумомъ, а не сердцемъ. Горе тобі, пысьменный, але гордый и заблудный розумъ! Чы не ты жъ чытавъ изъ пысьма, шо „серцемъ бо вѣруете въ правду“? Де умишається у виру розумъ, тамъ уже виры не буде. И у тебе вира твоя выйшла изъ сердца и вступыла въ голову. Въ голови жъ теперъ у тебе и совисть и соромъ твій, а це все-однаково, шо у тебе ихъ и овси нема: розумъ на всякий вчычокъ знайде выкрутку. Тилько одно сердце и скаже тобі, шо оце такъ, а оце не такъ. Нема у тебе виры! Пропащый ты чоловікь! Тебе й на свити уже нема! Це не ты, а тилько твоя тинь!

— Тату, вы помыляетесь! вы жорстоко помыляетесь! До сіей поры я ходывъ у мли и тилько теперъ справди побачывъ свить. Я шукавъ виры, я мучывсь, я страждавъ, и теперъ можу сказаты, шо знайшовъ прежній законъ, якъ треба вируваты и якъ треба жыть. Не церковна вира справжня вира, а оца, яку вы звете голою, бо вона чыста, безъ едного сучка и безъ единой кривыны. У церковну виру вируе тилько простота, бо тамъ нетреба ни роздумы, ни розуму. У церковныкывъ овси и виры николи не було: яку имъ дали, така вона у ихъ и есть: якъ бы то була нимецька вира, вони бъ зъ нимецькою и жылы, якъ бы то була турецька вира, вони и зъ турецькою бъ выкувалы. Церковныкы чытають евангѣлію, а роблять не такъ, якъ у ній пышется; штундысты чытають евангелію, та й жыуть по ній. Мы знайшлы, чуєте, певно прежній законъ и ходымо въ свити, а вы блукаете у тьми. Вы нещасни люде, а ваша вира...

— Стій! Постривай! Не смій такъ казаты мени про мою святу виру! Слухай мене, шо я тобі скажу! Ты любишь мене?

— Люблю, тату, и сердцемъ, и душею, и мыслямы люблю!

— Якъ же ты мене будешъ ховаты? Зъ духовныкомъ, чы безъ духовныка?

— Тату!

— Стій, кажу тобі! постривай! Слухай мене: ты не одступышся одъ своеи виры? Кажы мени!

— Тату!

— Кажы мени, кажы! Не одступышся одъ своеи виры?

— Ни, тату! Ни... не одступлюсь! Це супроты моеи совисты и супроты моёго розуму!.. Не видступлюсь!.. Я не можу видступыть, я укрѣпленный у свой вири! Це не сыла моя. „Аще кто любить Мене, оставить отца и матерь свою и грядеть во слѣдъ Мене“...

— Ну, такъ ты жъ не будешъ мене и ховаты: ты повинень видъ усёго видступать...

— Тату! Таточку! Любый мій!..

— Видступай! видступай! видъ усёго и видъ усихъ видступай! Плюй на свого батька, плюй на свою матирь! Видступай, кажу тобі!.. А!.. Такъ отъ де моя остання погыбель! Такъ отъ де погыбель нашого краю!.. О, Боже мій, Боже, до чого я тилько доживсь? Шо чують мои вуха? Шо бачуть мои старечи очи? Мій сынъ, останній сынъ, моя пидпора и моя надія, порушивъ святу православну виру, одступывсь одъ усёго ридного, забудь усе мынуле своихъ предкивъ и проминявъ усе те на якесь-то безвирья! О Боже правый мій! На що жъ ты давъ мени очи? Чомъ не ослипывъ мене? На шо ты давъ мени вуха? Чомъ не породивъ мене овси глухымъ? О Боже всемылостывый, о Боже всевидющый! Серце мое, сердце бидне мое розрывается на шматкы видъ такого лютого и невымовного горя! Великый Боже, Спасытелю мій, просты жъ и помылуй мене за таке ремство мое! Але жъ Ты й самъ, своими праведными устами, возопывъ до Господа у своихъ тяжкыхъ мукахъ: „Боже, Боже, да преидеть чаша сія мимо Мене“!.. Просты жъ и помылуй мене и вивьмы въ праведне и вичне доно твое!..

XIX.

.....

Писля такой болисной та тяжкой розмовы и батько и сынъ, обыдва, урозумили, шо вони тилько тиломъ свои,—серцемъ же и мыслямы на вики-вични чужи чужаки... Старый Витрякъ не гнавъ свого сына зъ двору, бо самъ сынъ швыдко покинувъ батькивський двиръ и опынвсь десь ажъ на Жабокрюковци. Щобъ заминьты сына, Максимъ Витрякъ прынявъ у свій двиръ безхатнёго голоту, Давыдку—розгамузу, и доручывъ ёму усе свое хазайство. Але недовго писля того прыйшло страждаты Максиму Витряку: и похыли лита, и страшенна уразка скоро звалылы ёго зъ нигъ. Лежучы на смертному одри, Максимъ Мыкытовичъ Витрякъ не стогнавъ, не скаржывся на хворобу, не нарилавъ ни на кого, упевнявъ свою стару, щобъ вона не ремствовала на Бога за злу долю, не докоряла и не кляла своего сына, а молыла бъ Бога за ёго гринну душу...

Уже якъ прыйшли останни часы Максима Витряка, то винъ, чуючы свою смерть, пиднявсь зъ лижка, одягся и прыбравсь, якъ слидъ справжнёму хрыстіяныну у такой гризный та страшный часъ, потимъ зъ превелькою сылою та зъ пидмогою старои Маруси, зайшовъ за стиль и, сившы на покути, звеливъ засвѣтиты страсну свичку; дали, благословывъ стару Марусю, благословывъ свого наймыта Давыдку, попрощавсь зъ ными и... схыльшы голову на руки и не перестаючы чытаты святы молитвы, виддавъ Богови душу...

Ледве-ледве стара Маруся додыбала на кладовыще до свижои могылы... И якъ додыбала та язъ почала кыдаты рукою землю на труну свого Максима, то трохы не звалылась и сама у яму, якъ бы було не вспивъ пидхопыты ии самый близькый теперъ ий чоловікъ, голота-наймытъ.

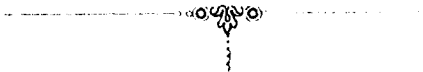
Ничъ, темна-претемна ничъ. Уже давно усе село спыть беспроспынымъ сномъ. Не спыть тилько у свой хати стара Маруся, гирко оплакуючы свою дружыну, Максима; та ще не спыть

однѣ чоловікѣ, десь геть далеко, ажъ тамъ пидъ горою, де окремно сидыть кущъ села... Ось чоловікѣ той крадькома выйшовъ изъ хаты; крадькома пройшовъ верхними городами на выгинѣ и скоро опынывся на кладовищи. Ось винъ иде по-мижъ хрестамы и зупыняеться надъ свижою могылю. Уявшы навколошки коло тѣи могылы, винъ обхопывъ їи рукамы и зарыдавъ... зарыдавъ гарячымы, невпынными и нескянченными слѣзами... „Тату! таточку! Простить мене! Простить и помылуйте! Я люблю васъ, люблю и не перестану любить! Але жъ, тату ридный мій, не могу инако, не сыла моя!...“

Довго обіймавъ Павлусъ могылу свого батька, довго винъ облывавъ їи гарячымы слизьмы, а дали, узавшы зъ неи у руку грудку земли, важко пиднявся на ноги, обернувся лыцемъ у ту сторону, де була батькова хата и де выливала свое горе стара Маруся, трычи уклонывсь въ думци матери и потимъ зъ тѣго кладовища подався геть вдовшъ по шляху...

Довго пился того про Павлуса не було ніякои ни звисткы, ни чуткы на сели. Уже навпосли пройшла чутка, шо Павлусъ Витраченко десь спынывся ажъ у Херсонщыви, де протикае ричка Бугъ, а повыще неи тече ричка Аджамка: тамъ винъ обійшовъ чымало сель и хуторивъ и швидко зробивсь за старшого межъ штундыстамы.

Д. Яворницкій. (Д. Эварницкій).



Первые шаги по введенію Положеній 19 февраля 1861 года въ Черниговской губернии.

(Къ 40-лѣтію со дня освобожденія крестьянъ).

(Продолженіе ¹).

VI.

Мы нѣсколько забѣжали впередъ, говоря о тѣхъ практическихъ затрудненіяхъ, которыя представляли Положенія 19 февраля для чиновниковъ, помѣщиковъ и крестьянъ. Нужно снова возвратиться къ первымъ засѣданіямъ Губернскаго Присутствія.

На организацію сельскихъ обществъ и открытіе волостей возлагалось много надеждъ. „Скорѣйшее открытіе этихъ обществъ, говорилъ предсѣдатель Присутствія въ засѣданіи 13 апрѣля—неминуемо должно повести къ успокоенію возбужденныхъ, во многихъ мѣстностяхъ губерніи, умовъ крестьянъ. Съ другой стороны, при настоящихъ обстоятельствахъ, для обезпеченія интересовъ самихъ г.г. владѣльцевъ, необходимо устройство сельскихъ обществъ и управленій, какъ правильныхъ хозяйственныхъ единицъ, во главѣ которыхъ будутъ поставлены лица, отвѣтственныя предъ правительствомъ и помѣщикомъ“. Открытіе сельскихъ обществъ не могло быть отлагаемо еще и потому, что оно предшествовало образованію волостей, а послѣд-

¹) См. Киев. Стар. 1901 г., № 3.
Томъ 73. — Апрель. 1901.

нее должно было послѣдовать не позже шести мѣсяцевъ со дня полученія въ губерніи Положеній о крестьянахъ, т. е. не позже 20 сентября ¹⁾).

Открытіе сельскихъ обществъ совершилось повсемѣстно, кажется, безъ всякихъ инцидентовъ. Городничій предводитель дворянства выразилъ, впрочемъ, опасеніе, что „при только что начинающемъ возстановляться въ помѣщичьихъ имѣніяхъ порядкѣ, образованіе сельскихъ обществъ и назначеніе старостъ легко можетъ повести непосредственно къ возобновенію беспорядковъ“. Онъ считалъ, поэтому, полезнымъ привлечь, въ помощь полиціи, „для лучшаго наблюденія за порядкомъ и сохраненіемъ тишины при крестьянскихъ выборахъ“ сельскихъ должностныхъ лицъ министерства государственныхъ имуществъ, но Губернское Присутствіе отвергло это предложеніе. „Такъ какъ въ другихъ уѣздахъ открытіе сельскихъ обществъ и избраніе должностныхъ лицъ совершенно безъ содѣйствія лицъ мин. госул. имущ., то въ отношеніи одного городничкаго уѣзда подобную мѣру нельзя признать необходимою“—говоритъ по этому поводу журналъ Присутствія ²⁾).

На сколько выборы первыхъ должностныхъ лицъ сельскаго управленія были независимы—трудно сказать. Губернское Присутствіе, по крайней мѣрѣ, настоятельно рекомендовало вниманію уѣздныхъ предводителей дворянства строго въ этомъ случаѣ, а равно и въ дѣлѣ образованія сельскихъ обществъ, сообразоваться съ закономъ и точно разъяснить крестьянамъ и выбраннымъ лицамъ всѣ ихъ права и обязанности, указывая имъ на соотвѣтствующіи статьи Положеній ³⁾.

Распредѣленіе селеній на волости вызывало немало практическихъ затрудненій. Въ основу дѣленія на волости было, какъ мы видѣли, положено количество населенія; но такъ какъ волости были поставлены въ связь съ сельскими обще-

¹⁾ Журн. № 7, 13 апрѣля.

²⁾ Журн. № 13, 22 мая.

³⁾ Журн. № 7, 13 апрѣля.

ствами ¹⁾, то отношеніе крестьянъ къ землѣ тоже не могло быть оставлено безъ вниманія. Сельское общество составлялось изъ крестьянъ, водворенныхъ *на землѣ* одного помѣщика ²⁾. Тѣмъ не менѣе Губернскому Присутствію пришлось разъяснить глуховскому уѣздному предводителю дворянства, что дворовыхъ людей нельзя принимать въ расчетъ при распредѣленіи селеній на волости; только тѣ изъ дворовыхъ людей, которые имѣли право на участіе въ пользованіи полевымъ надѣломъ, при составленіи и повѣркѣ уставныхъ грамотъ, могли быть включаемы въ составъ сельскихъ обществъ и то лишь тогда, когда они сами изъявляли на это согласіе. Объ этомъ ясно говорило Положеніе ³⁾.

11 мая не было еще возможности, даже приблизительно, опредѣлить число будущихъ волостныхъ управленій ⁴⁾. Но уже около этого времени стали поступать отъ особыхъ комиссій, образованныхъ по уѣздамъ, подъ предсѣдательствомъ предводителей дворянства ⁵⁾, проекты раздѣленія уѣздовъ на волости. Работали быстро.

Если не ошибаемся, первые такіе проекты поступили и были доложены въ засѣданіи 18 мая по уѣздамъ черниговскому и остерскому. По установившемуся въ Присутствіи обычаю, предварительное разсмотрѣніе черниговскаго проекта взялъ на себя одинъ изъ членовъ А. И. Лизогубъ, остерскаго—Г. П. Галаганъ ⁶⁾. Заключенія свои они представили уже въ слѣдующее засѣданіе 22 мая.

А. И. Лизогубъ „сообразивъ положеніе селеній черниговскаго уѣзда по картѣ и зная многія мѣстности этого уѣзда“, нашель проектъ, составленный черниговской комиссіей „вполнѣ

1) Общее Положеніе 19 февр. 1861 г., ст. 42.

2) Тамъ же, ст. 40.

3) Журналь № 8, 17 апрѣля.

4) Журналь № 9, 11 мая.

5) Тамъ же, № 1 16 марта.

6) Тамъ же № 12, 18 мая.

согласнымъ съ установленными правилами и удовлетворяющимъ потребностямъ и удобствамъ жителей“. Черниговскій уѣздъ предполагалось раздѣлить на 18 волостей, изъ которыхъ только двѣ были менѣе 400 душъ, одна въ 400, двѣ болѣе 1000, а остальные между 600 и 900 душъ населенія. А. И. Лизогубъ смотрѣлъ вообще очень оптимистически на проекты уѣздныхъ комиссій и въ первомъ своемъ заключеніи предрѣшалъ уже вопросъ. „Если, говорилъ онъ, встрѣчаются и по другимъ уѣздамъ встрѣтятся проектированныя волости, не слишкомъ многолюдныя, то нельзя не предположить достаточныхъ къ тому причинъ, которыми руководствовались комиссія“.

Дробленіе волостей и малолюдность ихъ А. И. Лизогубъ оправдывалъ слѣдующими соображеніями. „Въ Черниговской губерніи, даже въ мѣстностяхъ густо населенныхъ, почти постоянно встрѣчаются села разнопомѣстныхъ, гдѣ жители другихъ сословій равны и часто превышаютъ значительно численность крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ. Въ такихъ случаяхъ пространство между волостнымъ селеніемъ и причисленными къ нему вызываетъ установленіе волости менѣе многолюдной. Иногда, если селеніе, довольно значительное по населенію, принадлежитъ одному владѣльцу, естественно выявляется желаніе не только помѣщика, но и самыхъ крестьянъ имѣть свою отдѣльную волость. Это, добавлялъ А. И. Лизогубъ, мнѣ самому случилось испытать въ моемъ имѣніи сосницкаго уѣзда, гдѣ крестьянская громада пришла ко мнѣ съ просьбой ходатайствовать объ учрежденіи для этого селенія отдѣльной волости; а какъ то мое имѣніе причислено приходомъ къ другому селу, то крестьяне вызывались денежнымъ пожертвованіемъ для скорѣйшаго окончанія выстроенной тамъ мною каменной церкви, чтобы возобновить упраздненный приходъ. Такъ высоко цѣнить они— состоятъ въ отдѣльной самостоятельной волости...“

Иныя селенія, по разстоянію, можно бы соединить въ одну волость, но тамъ встрѣчаются естественныя къ тому препятствія, каковы рѣки, во время разлитія которыхъ многія села и выселки лишились бы возможности участвовать на волостныхъ

сходахъ, на которыхъ обсуждаются и рѣшаются важные вопросы для всѣхъ большихъ и малыхъ селъ и поселковъ.

Наконецъ, въ настоящее время, въ самомъ началѣ введенія новаго порядка, новаго управленія и новыхъ отношеній освобожденныхъ крестьянъ между собою и къ другимъ, волостнымъ старшинамъ и судамъ, предстоитъ много трудовъ, и выполненіе ихъ обязанностей можетъ быть осуществлено съ большимъ успѣхомъ и быстротою, если волостей будетъ больше; равно и для г.г. мировыхъ посредниковъ большее число волостныхъ старшинъ и судовъ послужитъ важнымъ облегченіемъ въ исполненіи ихъ многосложныхъ и трудныхъ обязанностей. При открытіи Палаты Государственныхъ Имуществъ въ нашей губерніи было учреждено много волостныхъ и еще больше сельскихъ управленій; но мѣръ же водворенія новаго порядка, разумѣнія жителями своихъ обязанностей, эти волости постепенно стягивались въ болѣе многочисленныя, и теперь въ нашей губерніи этихъ волостей очень мало, а сельскихъ управленій и вовсе нѣтъ. То-же можетъ произойти и съ волостями временно-обязанныхъ крестьянъ, но только по истеченіи нѣкотораго времени“.

Мнѣнія А. И. Ливогуба о большей дробности волостей осталось, кажется, одинокимъ въ Присутствіи. Противъ него высказался рѣшительно кн. С. П. Голицынъ, затѣмъ Г. П. Галаганъ. Дѣленіе на волости, по мнѣнію кн. Голицына, для помѣщиковъ имѣетъ второстепенное, для крестьянъ же существенное значеніе, такъ какъ оно тѣсно связано съ ихъ ближайшими интересами, съ содержаніемъ волостной администраціи и пр. Относительно большій составъ волостей, какъ административныхъ и отвѣтственныхъ единицъ, вполнѣ совпадаетъ и съ видами самого правительства, такъ какъ гарантируетъ болѣе правильное выполненіе крестьянами общественныхъ обязанностей“.

Утверждая, поэтому, проектъ раздѣленія на волости черниговскаго уѣзда, Присутствіе, согласно предложенію кн. С. П. Голицына, предоставило право крестьянамъ ходатайство-

вать о соединеніи нѣсколькихъ волостей въ одну, и это не по одному только черниговскому, а по всѣмъ уѣздамъ губерніи.

Г. П. Галаганъ въ своихъ заключеніяхъ относительно проекта раздѣленія на волости остерскаго уѣзда исходилъ изъ началъ, совершенно противоположныхъ тѣмъ, которыя высказывалъ А. И. Ливогубъ. „Дробныя волости, говорилъ онъ, сколько бы ни представляли удобствъ въ административномъ отношеніи, но эти удобства едва-ли во многихъ случаяхъ не парализуются тяжестью издержекъ, падающихъ, для содержанія должностныхъ лицъ по волости, на крестьянъ, столько уже терпящихъ отъ безденежья и обремененныхъ тяжелыми, въ сравненіи съ ихъ средствами, податями. Дробить волости нельзя иначе, какъ съ величайшею осмотрительностью и въ крайнихъ случаяхъ“. Поэтому Г. П. Галаганъ сократилъ число волостей въ остерскомъ уѣздѣ съ 7, проектированныхъ комиссіей, на 5, причемъ смолинская волость должна была заключать 484 души крестьянъ, оленинская—804, старгородская—1297, семиполковская—1417 душъ, гоголевская—784 души. Губернское Присутствіе согласилось съ докладомъ Г. П. Галагана 1).

Вслѣдъ за черниговскимъ и остерскимъ проектами стали поступать проекты раздѣленія на волости и изъ другихъ уѣздовъ. Въ томъ же засѣданіи 22 мая былъ утвержденъ проектъ суражскаго уѣзда, Г. П. Галаганъ взялъ разсмотрѣніе проекта по конотопскому, а П. А. Васильчиковъ по козелецкому уѣздамъ, причемъ для того, чтобы ускорить дѣло, оба они рѣшили отправиться въ соотвѣтствующіе уѣзды и на мѣстѣ убѣдиться въ цѣлесообразности представленныхъ уѣздными комиссіями проектов²⁾. Дальнѣйшее разсмотрѣніе проектовъ распредѣленія на волости шло приблизительно въ такомъ порядкѣ: 26 мая былъ утвержденъ нѣжинскій проектъ, 30 мая—кролевецкій³⁾;

1) Журн. № 13, 22 мая.

2) Журн. № 15, 26 мая.

3) Журн. № 16, 30 мая. По кролевецкому уѣзду было два проекта, одинъ съ раздѣленіемъ уѣзда на 20 волостей, другой—на 11; былъ утвержденъ послѣдній.

2 іюня—козелецкій, 5 іюня—борзенскій, городницкій, сосницкій, новозыбковскій, стародубскій, мглинской и конотопскій; 9 іюня были утверждены проекты распредѣленій волостей въ уѣздахъ глуховскомъ и новгородсѣверскомъ, и такимъ образомъ эта важная часть подготовительной работы въ введенію Положеній 19 февраля была закончена.

Къ распредѣленію селеній на волости Губернское Присутствіе отнеслось добросовѣстно, старалось, по возможности, охранять интересы крестьянъ. Проекты утверждались послѣ основательнаго и детальнаго разсмотрѣнія, а нѣкоторые изъ нихъ, напр., по сосницкому, стародубскому, новозыбковскому и др. уѣздамъ подвергались довольно существеннымъ измѣненіямъ. При утвержденіи каждаго проекта указывалось, что крестьяне имѣютъ право ходатайствовать объ измѣненіи волостей. Крестьяне воспользовались въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этимъ правомъ при самомъ же осуществленіи утвержденныхъ проектовъ и этимъ вызывали иногда затрудненія. Въ мглинскомъ уѣздѣ, напр., они ходатайствовали о соединеніи варминской волости съ романовской. Мировой посредникъ, по этому, не приводилъ и волостнаго старшину къ присягѣ. Губернское Присутствіе разъяснило, что мировой посредникъ долженъ сначала осуществить на практикѣ уже утвержденный проектъ, а потомъ только принимать ходатайства, причѣмъ Присутствію должны быть представлены подробныя свѣдѣнія о согласіи на это волостей, какъ той, которая должна упраздниться, такъ и той, къ которой упраздняемая волость присоединялась; вмѣстѣ съ этимъ необходимо было представить также свѣдѣнія о числѣ душъ преобразовываемыхъ волостей и о разстояніи отъ волостнаго правленія вновь проектированной волости всѣхъ поселеній, которыя должны войти въ составъ ея. Подобный же случай имѣлъ мѣсто и въ новозыбковскомъ уѣздѣ, гдѣ турстенская волость, при самомъ открытіи своемъ, хотѣла присоединиться къ киваевской или бѣлоколодезской ¹⁾.

1) Журн. № 26. 22 іюля.

Ходатайствовали о соединеніи волостей иногда и помѣщики; но Присутствіе всегда обусловливало такое соединеніе согласіемъ крестьянъ. Такъ было, напр., съ ходатайствомъ богатаго глуховскаго помѣщика Н. И. Неплюева, который просилъ присоединить с. Бѣлицы къ ямпольской, а с. Усокъ къ шостенской волости глуховскаго уѣзда ¹⁾.

VI.

Ко времени утвержденія всѣхъ проектовъ волостей были намѣчены уже и мировые участки, ихъ количество, а также лица, которыя соглашались принять на себя трудную и отвѣтственную роль мировыхъ посредниковъ. Предполагалось первоначально учредить 57 мировыхъ участковъ ²⁾, и лица, избранныя на должности мировыхъ посредниковъ 19 іюня были предсавлены губернаторомъ на утвержденіе Сената. 31 іюля послѣдовалъ указъ Сената объ ихъ утвержденіи, доложенный Губернскому Присутствію въ засѣданіи 17 августа. Къ концу года произошли уже нѣкоторыя измѣненія въ распредѣленіи мировыхъ участковъ, а также въ самомъ личномъ составѣ мировыхъ посредниковъ, такъ что контингентъ ихъ можно считать окончательно установленнымъ только лишь къ концу 1861 года. ³⁾

¹⁾ Журн. № 41, 8 сентября.

²⁾ Журналъ № 19, 6 іюня.

³⁾ Въ *черниговскомъ* уѣздѣ было 4 мировыхъ участка. Мировыми посредниками были утверждены: по бобровицкому участку Ник. Ив. Савинъ; черниговскому—первоначально Алекс. Красовскій, а къ концу года Ив. Ал. Кобеяцкій; жукотскому—Петръ Петр. Исаевичъ, 1-й; задесенскому—Ник. Як. Дуброво. Въ *борзенскомъ* уѣздѣ—3 участка: парафѣевскій—Вас. Петр. Ловцовъ; пльсковскій—Ник. Гр. Кандыба; комаровскій—Никод. Никод. Карачевскій-Волкъ. Въ *муховскомъ* уѣздѣ—3 участка: тулиголовскій—Мих. Алек. Фонъ-дербъ-Бриггенъ; ямпольскій—Мих. Ник. Кариѣка; есманскій—Дм. Гр. Лазаревичъ. Въ *юродницкомъ* уѣздѣ—4 участка: дроздовицкій—Алек. Влад. Лизогубъ;

Положеніе мировыхъ посредниковъ на первыхъ порахъ было довольно таки затруднительнымъ. Имъ приходилось не только примѣнять Положенія 19 февраля, но и разъяснить ихъ темныя

петровицкій—Петръ Лавр. Червинскій; алешиянскій—Фед. Фед. Линдфорсъ; любечскій—Ник. Ив. Миклашевскій. Въ *ковзельскомъ* уѣздѣ—4 участка: старобасанскій—Серг. Петр. Якубовичъ; мостищскій—Вас. Петр. Брюхачевъ; чемерскій—Алекс. Вас. Шрамченко; новобасанскій—Ник. Аркад. Кочубей. Въ *колотонскомъ* уѣздѣ—3 участка: григоровскій—Конст. Петр. Тарновскій; колотонскій—Леонидъ Ив. Астафьевъ; куріловскій—Алекс. Гр. Кандиба. Въ *кролевецкомъ* уѣздѣ—4 участка: кролевецкій, или быстрицкій Вас. Арк. Кочубей; краснопольскій—Трофимъ Ильичъ Соломаа; ченгѣвскій—Мих. Прокоф. Ворощенко; разлетовскій—Парменъ Андр. Марковичъ. Въ *млинскомъ* уѣздѣ—5 участковъ: мглинской—Матвѣй Анаст. Сваржянскій; романовскій—Конст. Мих. Верига; кульневскій—Ив. Вас. Губчицъ; почепскій—Алекс. Мих. Туманскій; ивойтенскій—Мих. Егор. Страшковъ. Въ *новгородсьверскомъ* уѣздѣ—4 участка: шестаковскій—Гавр. Вас. Короткевичъ; машевскій—кв. Алекс. Вас. Голицынъ; старогутнянскій—Степ. Степ. Псіоль; очкинскій—Ив. Фед. Маевскій. Въ *новозыбковскомъ* уѣздѣ—5 участковъ: щербиницкій—Пав. Надѣянтъ, къ концу года вакансія; радонежскій—Ив. Фед. Чарнолувскій, киваевскій—Прокоф. Вас. Немировичъ-Данченко, хоромевскій—Петръ Ив. Хомпнскій; тимоновскій Алексѣй Гр. Средбольскій. Въ *нѣжинскомъ* уѣздѣ—3 участка: носовскій—Ник. Ник. Волжинъ; талалаевскій—Як. Ник. Почека; веркѣвскій—Вас. Як. Макаровъ. Въ *остерскомъ* уѣздѣ—2 участка: старгородскій—Андр. Вас. Солонина и семиполковскій—Мих. Ник. Александровичъ. Въ *сосницкомъ* уѣздѣ—4 участка: александровскій—Ник. Ив. Товстолѣсъ; менскій—Мих. Мопс. Бобиръ; погорѣльскій—Николай Вас. Полторацкій; сосницкій—Ив. Матв. Марковичъ. Въ *стародубскомъ* уѣздѣ первоначально 3, къ концу года 4 участка: городищенскій—Сем. Ив. Навзоровъ; пантусовскій—Конст. Вл. Лайкевичъ, пануровскій, первоначально Фед. Хомянскій, а затѣмъ Дм. Андр. Марковичъ, юдиновскій—Иппол. Мих. Марковичъ. Въ *суражскомъ* уѣздѣ—4 участка: будянскій—Алекс. Евгр. Чернявскій; гордѣвскій—Вас. Вас. Перекрестовъ; ялицкій—Ник. Гр. Есимонтовскій; медвѣдовскій—первоначально Викторъ Раковичъ, но онъ не вступалъ въ должность, по болѣзни, вышелъ въ отставку и былъ замѣненъ Фоною Ив. Беневскимъ (Жури. Присут. № 38, 12 августа и Памятная книжка чернигов. губ. на 1862 г.).

и подѣ часть запуганный смѣсль крестьянамъ. На этотъ счетъ Губернское Присутствіе совѣтовало „избѣгать разъясненія отдѣльныхъ статей Положенія, такъ какъ, не говоря уже о возможности превратнаго пониманія такихъ разъясненій, въ общемъ отвлеченномъ, такъ сказать, разъясненіи невозможно предвидѣть всѣхъ могущихъ соединяться на практикѣ случайностей; изъясненіе же подлиннаго смысла, какъ отдѣльныхъ статей, такъ и всей ихъ совокупности, можетъ быть дѣлаемо съ большею пользою при примѣненіи законоположеній къ отдѣльнымъ случаямъ“.

Обращаясь затѣмъ къ выясненію вопроса о значеніи мировыхъ посредниковъ, Губернское Присутствіе подчеркивало, что „должность мирового посредника не составляетъ собою административно-начальствующей инстанціи“. Положеніе мирового посредника, по закону, самостоятелно, независимо отъ административныхъ учреждений. „Мировой посредникъ есть лицо, дѣйствующее только по призыву одной изъ сторонъ, между которыми возникаютъ недоразумѣнія или несогласія“. При своемъ вступленіи въ должность, мировой посредникъ долженъ былъ извѣстить объ этомъ всѣхъ жителей своего участка и затѣмъ избѣгать всякихъ общихъ распоряженій, не вызываемыхъ требованіемъ съ чьей-либо стороны. ¹⁾

Для рѣшенія разныхъ споровъ, недоразумѣній и жалобъ, возникавшихъ изъ обязательныхъ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами; для разбора жалобъ крестьянъ и обществъ на волостные суды и волостныхъ должностныхъ лицъ, а также для того, чтобы предпринимать разные распорядительныя дѣйствія по крестьянскимъ дѣламъ, которыя выходили изъ компетенціи мировыхъ посредниковъ—были учреждены мировые сѣзды. ²⁾ Они состояли, подѣ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ всѣхъ мировыхъ посредниковъ въ уѣздѣ,

¹⁾ Журналь № 13, 22 мая.

²⁾ Полож. о губ. и уѣзд. по крестьянскимъ дѣламъ учрежден. ст. 105—108.

а также, изъ особыхъ членовъ отъ правительства, которыхъ полагалось отъ 2 до 4-хъ на губернію, по усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ. Избраніе лицъ въ эти должности предоставлялось губернаторамъ. Мировые сѣзды должны были собираться въ назначенное время и въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ уѣздномъ городѣ или селѣ, смотря по роду дѣлъ, подлежащихъ ихъ разсмотрѣнію. Неприбытіе въ засѣданіе сѣзда члена отъ правительства не останавливало дѣйствій сѣзда, если присутствіе состояло не менѣе, какъ изъ 3 членовъ. 1)

Какое число мировыхъ сѣздовъ необходимо было для черниговской губерніи?

Сѣздъ, по закону, могъ быть учрежденъ въ каждомъ уѣздѣ. Губернатору предоставлялось при этомъ право, по совѣщанію съ дворянствомъ, открывать мировые сѣзды на два и болѣе смежныхъ уѣзда, если онъ находилъ это, по мѣстнымъ условіямъ, полезнымъ. 2)

Губернскій предводитель дворянства Н. П. Бороздна, который взялся въ Губернскомъ Присутствіи разработать этотъ вопросъ, 3) высказался за соединеніе нѣкоторыхъ уѣздовъ въ одну мировую сѣзды. 4) Онъ же предлагалъ назначить для cadaго сѣзда не болѣе семи засѣданій въ году, по пяти лѣтомъ и по два зимою и ограничить засѣданія cadaго сѣзда семью днями. Засѣданія должны были, по этому проекту, происходить въ дни мѣсяцевъ, напередъ назначенные. 5) Присутствіе препроводило докладъ Н. П. Бороздны уѣзднымъ предводителямъ дворянства и просило ихъ высказать свои замѣчанія.

Отвѣты предводителей были, получены приблизительно черезъ полтора мѣсяца и обсуждались Присутствіемъ вмѣстѣ съ докладомъ.

1) Полож. о губ. и уѣзд. по крестьянскимъ дѣламъ учрежд. ст. 97—104.

2) Тамъ же, примѣчаніе къ 97 ст.

3) Журналь № 3, 27 марта.

4) Журналь № 9, 11 мая.

5) Журналь № 28, 24 іюля.

домъ Бороздны 28 іюля. Сводятся они въ трѣхъ категоріяхъ. Шестъ предводителей, а именно: черниговскій, конотопскій, кролевецкій, новозыбковскій, нѣжинскій и стародубскій нашли проэктъ Н. П. Бороздны очень удобнымъ и не требующимъ измѣненій. Предводители пяти уѣздовъ: козелецкаго, мглинскаго, остерскаго, сосницкаго и суражскаго ограничились нѣсколькими несущественными замѣчаніями, въ родѣ распредѣленія засѣданій между лѣтомъ и зимой, мѣстопробыванія соединеннаго съѣзда, продолжительности засѣданій его и т. п. Зато уѣздные предводители борзенскій, глуховской, городницкій и новгородсѣверскій оспаривали проэктъ Н. П. Бороздны въ корнѣ. Наиболѣе полныя и существеннѣйшіе возраженія противъ него представлялъ городницкій предводитель дворянства А. П. Бакуринскій.¹⁾ Такъ какъ возраженія эти, въ значительной своей долѣ, объединяютъ замѣчанія и остальныхъ четырехъ предводителей дворянства, то на нихъ мы преимущественно и остановимся.

Принятыя въ проэктѣ Н. П. Бороздны основанія, по мнѣнію А. П. Бакурина, „не соотвѣтствуютъ сущности дѣла и разуму самого учрежденія“. Какъ бы ни были усердны мировые посредники, они не въ состояніи, особенно въ первое время, при новости дѣла, устранить возможность поступленія на ихъ рѣ-

1) Уѣзднымъ предводителямъ дворянства была предоставлена перво-степенная роль въ крест. реформѣ 19 февр. 1861 г. Сообщаемъ, поэтому, списокъ уѣздныхъ предводителей дворянства черниговской губерніи въ 1861 году: черниговскій—Ив. Ник. Дурново; борзенскій—Конст. Алексѣев. Гамалѣя; глуховской—Влад. Ив. Туманскій; городницкій—Алекс. Петр. Бакуринскій; козелецкій—Ник. Дм. Барановскій; конотопскій—Петръ Гр. Кандиба; кролевецкій—Ник. Мих. Дурново; мглинской—графъ Алекс. Мих. Гудовичъ; новгородсѣверскій—графъ Карлъ Людвиговичъ Шуленбургъ; новозыбковскій—Петръ Никол. Немировичъ-Данченко; нѣжинскій—Яковъ Матв. Почека; остерскій—Мих. Никол. Александровичъ; сосницкій въ 1861 г. Григ. Ильичъ Марковичъ, въ 1862 г. Мих. Иван. Сахновскій, стародубскій—Григ. Сем. Щегловитовъ; суражскій—кн. Алекс. Григорьевичъ Баратовъ.

шенія жалобъ въ мировыя сѣзды. Послѣдніе, „какъ коллегіальный гласный судъ, будутъ представлять для тяжущихся въ дѣлахъ судебно-полицейскаго разбирательства болѣе гарантіи, нежели единоличное мнѣніе мирового посредника“. Мировымъ сѣздамъ предстоитъ много вообще работы, если принять во вниманіе количество дѣлъ, которыя не могутъ быть рѣшены единоличною властью мировыхъ посредниковъ или вовсе не входить въ кругъ ихъ отдѣльной власти. Засѣданія каждаго сѣзда, безъ сомнѣнія, должны быть, срочныя; но продолжительность ихъ должна зависѣть отъ количества накопившихся дѣлъ, а мѣсто засѣданія должно избираться въ той мѣстности, гдѣ возникли дѣла наибольшей важности. „При томъ, прибавляетъ предводитель, опредѣленіе мѣста и времени собранія сѣздовъ самимъ закономъ ¹⁾ предоставлено взаимному соглашенію членовъ мирового сѣзда, и потому отнюдь не подлежитъ предположеннымъ стѣснительнымъ ограниченіямъ и предрѣшеніямъ Губернскаго Присутствія. Ни протяженіе нѣкоторыхъ уѣздовъ, при значительномъ числѣ нѣкоторыхъ имѣній и водворенныхъ въ нихъ крестьянъ, ни географическое ихъ положеніе не оправдываютъ соединенія двухъ уѣздовъ, въ цѣломъ ихъ составѣ, въ вѣдѣніе одного мирового сѣзда; тогда какъ живость мѣстнаго интереса дѣла для помѣщиковъ и крестьянъ и разнообразіе требуемыхъ для его устройства мѣстныхъ же занятій, и, наконецъ, сложившаяся въ теченіе долгаго времени отдѣльность мѣстнаго уѣзднаго управленія, съ его выборными должностными лицами, по преимуществу довѣрія своихъ избирателей, противорѣчатъ соединенію двухъ уѣздовъ въ вѣдѣніе одного мирового сѣзда“.

Н. П. Бороздна выставилъ въ своемъ проэктѣ то соображеніе, что при осуществленіи его, члены отъ правительства будутъ имѣть постоянныхъ занятій только по 147 дней въ годъ каждый. А. П. Бакуринскій рѣзко нападаетъ на это: „не полезнѣе ли будетъ, говоритъ онъ, чтобы члены отъ правительства были болѣе или менѣе заняты, положимъ и 200 дней въ годъ,

¹⁾ Полож. о губ. и уѣздн. учрежден. ст. 28, примѣчаніе.

но мировые сѣзды, оставаясь отдѣльнымъ для каждаго уѣзда учрежденіемъ, могли спѣшнѣе, тверже и разумнѣе вести важное дѣло общественнаго и поземельнаго устройства крестьянъ, тѣмъ болѣе, что самый законъ ¹⁾ предвидѣлъ и установилъ что неприбытіе въ мировой сѣздъ члена отъ правительства не останавливаетъ дѣйствій сѣзда?“

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній городничій предводитель дворянства полагалъ необходимымъ учредить мировые сѣзды въ каждомъ уѣздѣ. Въ дальнѣшемъ опытѣ уже покажетъ, возможно или нѣтъ соединеніе нѣсколькихъ уѣздовъ въ вѣдѣніе одного мирового сѣзда? Отъ правительства должны быть назначены три чиновника. На долю каждаго придется по шести уѣздовъ. На уѣздѣ, такимъ образомъ, они будутъ имѣть возможность посвящать по 2 мѣсяца въ году—„время, вполне достаточное для исполненія ихъ обязанностей правительственнаго надзора“. Ограниченія въ срокахъ сѣзданій и во времени собраній сѣздовъ не должно быть, такъ какъ это противорѣчитъ закону.

Таковы, въ общемъ, были замѣчанія и предложенія городничаго предводителя дворянства. Борзенскій предводитель дворянства, отстаивая необходимость учрежденія сѣзда въ каждомъ уѣздѣ, указывалъ на то, что, при соединеніи нѣсколькихъ уѣздовъ, дальность разстоянія будетъ препятствовать крестьянамъ обжаловать въ сѣздѣ рѣшенія мировыхъ посредниковъ; глуховской выставлялъ на видъ затрудненія для мировыхъ посредниковъ посѣщать соединенныя засѣданія сѣзда; новгородсѣверскій въ своихъ замѣчаніяхъ соединялъ возраженія борзенскаго и глуховскаго предводителей. ²⁾

1) Полож. о губ. и уѣздн. учрежд. ст. 100.

2) Въ журналѣ 28 іюля къ послѣдней категоріи отвѣтовъ уѣздныхъ предводителей отнесенъ и отвѣтъ суражскаго предводителя дворянства кн. Баратова. Мы считаемъ это ошибочнымъ. Кн. Баратовъ, по существу, ничего не возражалъ противъ проекта Н. П. Боровна. Онъ сдѣлалъ только замѣчанія о невозможности назначать за-

Предсѣдатель Присутствія кн. Голицынъ вполне присоединился къ замѣчаніямъ тѣхъ предводителей дворянства, которые отстаивали необходимость учрежденія мировыхъ сѣздовъ въ каждомъ уѣздѣ. Съ ними согласилось и Губернское Присутствіе. Одинъ остерскій уѣздъ былъ только соединенъ съ козлецкимъ; въ каждомъ же изъ остальныхъ уѣздовъ были учреждены свои особые мировые сѣзды. Сроки засѣданій сѣздовъ и ихъ продолжительность не опредѣлялись заранѣе на цѣлый годъ; устанавливалась только извѣстная очередь въ засѣданіяхъ сѣздовъ по уѣздамъ, въ виду предоставленія возможности принимать въ нихъ участіе членамъ отъ правительства. Для установленія очереди уѣздные предводители дворянства должны были, по совѣщанію съ мировыми посредниками, представить свои соображенія губернатору. Они же должны были входить къ нему съ представленіемъ и о назначеніи каждаго сѣзда¹⁾. Къ концу 1861 года пришли, впрочемъ, къ заключенію о необходимости установить постоянные сроки для засѣданій сѣздовъ. На 1862 годъ такіе сроки были утверждены въ засѣданіи Губернскаго Присутствія 30 декабря 1861 г.²⁾ Объ этихъ срокахъ было

сѣданія сѣзда въ Суражѣ весной; объ ограниченіи засѣданій сѣзда не 7, а 5 днями и о перечисленіи нѣкоторыхъ волостей изъ вѣдѣній новозыбковскаго въ вѣдѣніе мглинско-суражскаго сѣзда.

1) Журналъ № 28, 28 іюля.

2) Журналъ № 77, 30 декабря, стр. 6. Сроки засѣданій сѣздовъ, по отдѣльнымъ уѣздамъ, были установлены такимъ образомъ: по черниговскому—3 февраля, 3 апрѣля, 3 іюня, 3 августа, 3 октября и 3 декабря; по борзенскому—25 числа, чрезъ каждые два мѣсяца, начиная съ февраля; по глуховскому—2 числа каждаго мѣсяца; по козлецкому и остерскому—22 января, 22 февраля, 22 марта, 18 апрѣля, 22 мая, 8 іюня, 22 августа, 22 сентября, 22 октября, 22 ноября и 19 декабря; по конотопскому—чрезъ каждые 2 мѣсяца, начиная съ 10 февраля; по кролевецкому—17 числа каждаго мѣсяца, начиная съ февраля; по мглинскому—10 числа каждаго мѣсяца; по новгородсѣверскому—9 числа каждаго мѣсяца; по новозыбковскому—20 числа чрезъ каждые 2 мѣсяца, начиная съ февраля; по нѣжинскому—12 числа чрезъ каждые два мѣсяца, начиная съ февраля; по

затѣмъ сообщено помѣщикамъ и волостнымъ правленіямъ, для всеобщаго свѣдѣнія.

Что касается мѣста засѣданій сѣздовъ, то опредѣленіе его было предоставлено взаимному соглашенію самихъ членовъ. Большою частью сѣзды собирались въ уѣздныхъ городахъ.

Членовъ отъ правительства для участія въ засѣданіяхъ сѣздовъ было назначено не три, какъ предлагалъ А. П. Бакуринскій, а четыре. Кн. С. П. Голицынъ находилъ такое число необходимымъ, „принимая въ соображеніе число уѣздовъ и вообще мѣстныя условія черниговской губерніи“. Представленныхъ кн. Голицынымъ кандидатовъ въ члены отъ правительства министръ внутреннихъ дѣлъ утвердилъ 4 іюля. То были: Никифоръ Филимоновичъ Лузгановъ, Аѳанасій Васильевичъ Марковичъ, Петръ Григорьевичъ Борсукъ и Александръ Матвѣевичъ Лазаревскій. 15 іюля объ ихъ назначеніи было доложено Губернскому Присутствію. ¹⁾

Губернаторъ распредѣлялъ между ними уѣздные сѣзды такимъ образомъ: Н. Ф. Лузгановъ долженъ былъ присутствовать въ сѣздахъ—новозыбковскомъ, суражскомъ и мглинскомъ; А. В. Марковичъ—въ стародубскомъ, новгородсѣверскомъ и глуховскомъ; А. М. Лазаревскій—въ кролевецкомъ, конотопскомъ, сосницкомъ и борзненскомъ и П. Г. Борсукъ—въ городницкомъ, черниговскомъ, нѣжинскомъ и козелецко-остерскомъ. ²⁾

сосницкому—2 числа чрезъ каждые 2 мѣсяца, начиная съ февраля; по стародубскому—16 числа каждаго мѣсяца, съ тѣмъ, чтобы засѣданія происходили попеременно въ уѣздномъ городѣ Стародубѣ и въ заштатномъ городѣ Погарѣ. (Первое засѣданіе 16 января имѣло быть въ Стародубѣ); по суражскому—одинъ разъ чрезъ каждые два мѣсяца, начиная съ 15 февраля. По городницкому уѣзду сроки не были установлены, такъ какъ къ 30 декабря не были получены по этому поводу соображенія отъ уѣзднаго предводителя дворянства.

¹⁾ Журн. № 24, 15 іюля 1861 г. и № 28, 24 іюля.

²⁾ Журн. № 37, 21 августа.

VIII.

Наряду съ организаціей учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ въ губерніи, шла работа Губернскаго Присутствія по разрѣшенію дѣлага ряда вопросовъ, связанныхъ съ введеніемъ уставныхъ грамотъ. Среди нихъ введеніе въ предѣлахъ Малороссіи великороссійскаго положенія занимало первое мѣсто.

Великороссійское положеніе, по закону, разрѣшалось вводить въ тѣхъ имѣніяхъ новозыбковскаго, суражскаго, мглинскаго, стародубскаго, новгородсѣверскаго и глуховскаго уѣздовъ черниговской губерніи, въ которыхъ всѣ тягла получали одинаковый надѣлъ и отбывали одинаковую повинность. 1) Замѣна малороссійскаго положенія великороссійскимъ въ этихъ уѣздахъ могла послѣдовать не иначе, какъ „по обоюдному соглашенію между помѣщикомъ и крестьянскимъ обществомъ, засвидѣтельствуванному мировымъ посредникомъ“. 2) Къ сожалѣнію, Губернское Присутствіе отступило отъ этого принципа въ самомъ уже началѣ своей дѣятельности.

Въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая въ Присутствіе поступили представленія уѣздныхъ предводителей дворянства стародубскаго, новозыбковскаго и суражскаго о введеніи въ ихъ уѣздахъ повсемѣстно великороссійскаго положенія. 3)

Губернское Присутствіе вмѣсто того, чтобы осторожно и внимательно отнестись къ этимъ представленіямъ, обсудить ихъ должнымъ образомъ, сразу же рѣшило вопросъ принципиально. Дѣло въ томъ, что въ харьковской губерніи также разрѣшалось вводить въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ великороссійское положеніе; но тамъ это не было поставлено въ зависимость отъ обо-

1) Великороссійское Положеніе ст. 1-я, прим. 2-е. Малоросс. Полож. ст. 3.

2) Малоросс. Полож. ст. 2.

3) Отъ стародубскаго предводителя 16 апрѣля № 315, новозыбковскаго 18 апрѣля № 156, суражскаго 6 мая № 345 (Журналь № 9, 11 мая).

юднаго согласія помѣщиковъ и крестьянъ. Харьковскому Губернскому Присутствію было предоставлено право, по своему усмотрѣнію, объявлять въ той или другой мѣстности господствующимъ великороссійское или малороссійское положеніе, и всѣ должны были безпрекословно подчиняться этому. Согласія на это со стороны помѣщиковъ и крестьянъ, а также утвержденія мѣстныхъ мировыхъ посредниковъ не требовалось. 1) Черниговское Губернское Присутствіе не имѣло такой власти. Оно могло только частично вводить великороссійское положеніе въ шести поименованныхъ въ Положеніи сѣверо-восточныхъ уѣздахъ, да и то по обоюдному, какъ мы видѣли, соглашенію помѣщиковъ и крестьянъ. Помѣщики, между тѣмъ, просили сдѣлать великороссійское положеніе обязательнымъ, ввести его повсемѣстно. Ихъ претензіи готово было удовлетворить и Губернское Присутствіе. По точному смыслу закона, говорится по этому поводу въ журналѣ 11 мая 1861 года, „Черниговскому Губернскому Присутствію не присвоено права замѣнять принципъ обоюднаго соглашенія повсемѣстнымъ, обязательнымъ для крестьянъ введеніемъ великороссійскаго положенія. Но съ другой стороны, признавая вполне уважительными причины, приведенныя предводителями означенныхъ трехъ уѣздовъ, Губернское Присутствіе предоставило предсѣдателю войти по объясненному вопросу съ представленіемъ къ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ полученія подобнаго ходатайства отъ мглинскаго, новгородсѣверскаго и глуховскаго уѣздовъ, распространить эту мѣру на эти уѣзды“. 2) На этомъ Присутствіе, впрочемъ, не остановилось. Въ засѣданіи своемъ 17 мая оно постановило ходатайствовать о предоставленіи ему такого же права, какое было у Харьковскаго Присутствія, т. е., по своему усмотрѣнію, вводить повсемѣстно великороссійское или малороссійское положеніе. 3) По-

1) Малоросс. Полож. ст. 2-я.

2) Журн. Присутствія № 11, 17 мая.

3) Журналь № 13, 22 мая. «Присутствіе опредѣляло: предоставить предсѣдателю войти къ г. управляющему министерствомъ вну-

добный вопросъ могъ быть рѣшенъ, конечно, только въ законодательномъ порядкѣ; но управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ не увидѣлъ въ этомъ „настоятельной необходимости“. 1)

Неудача ходатайства Черниговскаго Губернскаго Присутствія въ министерствѣ внутр. дѣлъ мало измѣнила дѣло по существу. Великорусское положеніе было, все-таки, введено помимо соглашенія помѣщиковъ съ крестьянами повсемѣстно, въ уѣздахъ стародубскомъ, новозыбскомъ, мглинскомъ, и новгородсѣверскомъ. Современникъ говоритъ по этому поводу: „дѣло это (т. е. введеніе великороссійскаго положенія) велъ въ губерніи членъ отъ правительства И. Г. Есимонтовскій. Будущій историкъ крестьянской реформы въ черниговской губерніи расскажетъ эпизодъ объ обязательномъ введеніи въ ней великороссійскаго положенія, при чемъ, вѣроятно, окажется, что повсемѣстному (въ названныхъ пяти уѣздахъ) введенію его едва-ли было мѣсто.“ 2)

По оффиціальному источнику, которымъ располагаемъ мы, трудно судить о значеніи того или другого лица въ проведеніи крестьянской реформы на мѣстѣ. Но нѣсколько указаній на роль И. Г. Есимонтовскаго въ вопросѣ о примѣненіи великороссій-

тренихъ дѣлъ съ ходатайствомъ о предоставленіи Присутствію права, согласно п. 2, прим. 1 къ ст. 1 великороссійскаго положенія, признать въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи господствующимъ одно изъ двухъ мѣстныхъ положеній (великороссійское или малороссійское) и въ дальнѣйшемъ примѣненіи этого права руководствоваться п.п. 2, 3 и 4 ст. 2 мѣст. малоросс. полож.»

1) Журналъ № 23, 13 іюля 1861 г.

2) Кіев. Стар. 1901 г. т. LXXII, мартъ, стр. 262 *А. Л. Отрывки изъ черниговскихъ воспоминаній*. Эти полные живаго интереса воспоминанія современника и участника крестьянской реформы въ черниговской губерніи, такъ сказать одухотворяютъ сухой перечень оффиціальныхъ данныхъ, сообщаемыхъ нами, освѣщаютъ ихъ должнымъ образомъ, объясняютъ. Для историка крестьянской реформы въ черниговской губерніи воспоминанія г. А. Л. должны послужить путеводной нитью для выясненія цѣлага ряда интересныхъ вопросовъ, связанныхъ съ крестьянской реформой въ черниговской губ.

скаго положенія въ черниговской губерніи есть и въ журналахъ Губернскаго Присутствія. Онъ напр., взялъ на себя составленіе представленія министру внут. дѣлъ о повсемѣстномъ введеніи этого положенія. 1) Проектъ представленія былъ имъ прочитанъ въ засѣданіи 17 мая, но окончательная редакція его отложена была до полученія ходатайства отъ мглинскаго предводителя дворянства, такъ какъ И. Г. Есимонтовскій заявилъ, что мглинское дворянство, какъ и новозыбковское, стародубское и суражское, о которыхъ шла рѣчь въ этомъ засѣданіи, рѣшило ходатайствовать о повсемѣстномъ введеніи въ мглинскомъ уѣздѣ великороссійскаго положенія. 2) Въ засѣданіи 22 мая было прочитано и это ходатайство. Тогда же былъ окончательно принятъ и проектъ представленія управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. 3)

Въ засѣданіи Губернскаго Присутствія 26 мая участвовали стародубскій предводитель дворянства Г. С. Щегловиговъ и мировой посредникъ тимоновскаго участка новозыбковскаго уѣзда А. Г. Сребдольскій. Когда предсѣдатель обратилъ ихъ вниманіе на ходатайство Присутствія, согласно съ представленіемъ мглинскаго дворянства, о повсемѣстномъ введеніи великороссійскаго положенія въ сѣверныхъ уѣздахъ, они замѣтили, что „хотя между желаніемъ, выраженнымъ дворянствомъ ихъ уѣздовъ и между ходатайствомъ мглинскаго дворянства есть нѣкоторый оттѣнокъ, но они съ своей стороны полагаютъ, что разрѣшеніе вопроса о введеніи въ сѣверныхъ уѣздахъ того или другого положенія въ томъ смыслѣ, въ которомъ предположено Присутствіемъ сдѣлать представленіе высшему правительству, также въ нѣкоторой степени можетъ удовлетворять дѣйствительнымъ потребностямъ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній ихъ уѣздовъ.“ 4)

1) Журн. № 9, 11 мая.

2) Журналъ № 11, 17 мая.

3) Журналъ № 13, 22 мая.

4) Журналъ № 15, 26 мая.

Намъ неизвѣстны подлинныя представленія предводителей дворянства Губернскому Присутствію, и мы, поэтому, не можемъ воспроизвести здѣсь тѣ различныя оттѣнки въ ходатайствахъ, о которыхъ говорили и Г. С. Щегловитовъ и А. В. Средбольскій. Изъ журналовъ Присутствія мы только знаемъ, что основаніемъ для введенія великороссійскаго положенія въ четырехъ только что поименованныхъ уѣздовъ у дворянства служили слѣдующія соображенія, принятыя потомъ и Губернскимъ Присутствіемъ:

1) „Въ мглинскомъ, стародубскомъ, суражскомъ и нововыбовскомъ уѣздахъ вовсе не существуетъ раздѣленія рабочихъ на тяглыхъ и пѣшихъ, потому что обработка земли сохою и приобрѣтеніе крестьянами рабочаго скота (лошадей) не представляетъ особенныхъ затрудненій, такъ что пѣшій работникъ составляетъ случайное исключеніе.

2) Всѣ крестьяне, являясь на работу, пѣшіе или конные, по усмотрѣнію помѣщика, пользуются одинаковымъ поземельнымъ надѣломъ и отбываютъ одинаковыя повинности; подворное же или участковое пользованіе землею, составляющее одно изъ коренныхъ началъ малороссійскаго хозяйственнаго устройства, существуетъ, какъ рѣдкое исключеніе.

3) Поземельный надѣлъ крестьянъ нерѣдко подвергается передѣламъ, по желанію самыхъ крестьянъ, что также несомнѣнно съ хозяйственнымъ устройствомъ малороссійскимъ.

4) При введеніи въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи мѣстнаго малороссійскаго положенія, несоотвѣтствующаго условіямъ мѣстнаго хозяйства, должно будетъ послѣдовать коренное измѣненіе въ установившемся обычномъ пользованіи землею.

5) Безземельные крестьяне, если въ означенныхъ выше уѣздахъ будетъ примѣнено мѣстное малороссійское положеніе, будутъ имѣть надежду на одни добавочныя участки, состоящіе изъ неудобренной запольной пашни, безъ коноплянниковъ, между тѣмъ какъ, по характеру мѣстнаго крестьянскаго хозяйства, каждое тягло должно быть надѣлено коноплянникомъ, ближайшею полевою землею, получающею удобреніе, и землею дальнѣйшею.

Отсюда само собою обнаруживается то безвыходное состояніе безземельныхъ крестьянъ, въ которое они будутъ поставлены при полученіи добавочныхъ участковъ¹⁾

Кромѣ четырехъ уѣздовъ, о которыхъ шла рѣчь выше, допускалось введеніе великороссійскаго положенія еще въ уѣздахъ новгородсѣверскомъ и глуховскомъ.

Ходатайство объ этомъ новгородсѣверскаго дворянства разсматривалось въ засѣданіи Присутствія 9 іюня. Въ этомъ засѣданіи присутствовалъ и новгородсѣверскій предводитель дворянства графъ К. Л. Шуленбургъ. Сущность его представленія заключалась въ томъ, чтобы признать великороссійское положеніе господствующимъ въ новгородсѣверскомъ уѣздѣ, съ представленіемъ, впрочемъ, свободнаго выбора тѣмъ изъ владѣльцевъ, которые бы захотѣли устроить свои отношенія съ крестьянами по положенію малороссійскому.

Основанія, выставленныя гр. Шуленбургомъ, въ пользу своего ходатайства, были слѣдующія:

1) „Хотя равномерный, собственно тягловой надѣлъ угодій и отбываніе по нему одинаковой повинности въ пользу помѣщика введены въ немногихъ только имѣніяхъ, и то въ позднѣйшее время, гдѣ земли уже правильно разбиты на десятины, но во всѣхъ владѣніяхъ крестьяне, надѣленные покосами, издревле отбывали и отбываютъ издѣльную повинность, хотя и съ душъ, но съ одиночною запряжкою.

2) Въ новгородсѣверскомъ уѣздѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне пользуются не пѣшимъ только усадьбнымъ и полевымъ надѣломъ, но и покосами, который (?) и даетъ право на требованіе отъ нихъ подворной повинности.

3) Крестьяне въ случаѣ спѣшенія (т. е. если они дѣлаются пѣшими) какого-либо домохозяина, отбираютъ отъ него пахати, по случаю неспособности его нести конную или воловую повинность и возвращаютъ лишь по приобрѣтеніи имъ хорошаго скота.

1) Журналъ № 13, 22 мая.

4) Существующій въ новгородсѣверскомъ уѣздѣ хозяйствен- ный порядокъ совершенно похожъ на тотъ, какой существуетъ въ сосѣдней съ нимъ орловской губерніи“.

Губернское Присутствіе вполне согласилось съ доводами гр. Шуленбурга, и его ходатайство было удовлетворено. Новго- родсѣверскій уѣздъ былъ поставленъ въ ряду тѣхъ, гдѣ господ- ствующимъ признавалось великороссійское положеніе. ¹⁾

Что касается дворянства глуховского уѣзда, то оно не воз- буждало вопроса о введеніи повсемѣстно въ уѣздѣ великорос- сійскаго положенія. Господствующимъ въ немъ осталось, поэтому, положеніе малороссійское; великороссійское же вводилось въ видѣ исключенія.

8 августа мировой посредникъ есманскаго участка Д. Г. Лазаревичъ сдѣлалъ представленіе о томъ, что нѣкоторые изъ помѣщиковъ ходатайствуютъ о введеніи въ ихъ имѣніяхъ велико- россійскаго положенія. Мировой посредникъ находилъ эти хода- тайства основательными, а потому заслуживающими удовле- творенія. Въ отзывѣхъ своихъ владѣльцы заявили, что въ ихъ имѣніяхъ существуетъ тягловая система, всѣ тягла получаютъ одинаковый надѣлъ и отбываютъ одинаковую повинность: „Всѣ эти имѣнія составляютъ непрерывную смежность или съ погра- ничными великороссійскими уѣздами: рыльскимъ, путивльскимъ и сѣвскимъ, или между собой; обработка земли производится въ нихъ легко и повсемѣстно одноконною сохою; вся мѣстность или юго-восточная часть уѣзда, заключаая въ себѣ дачи всѣхъ этихъ селеній, составляетъ непрерывное черноземное пространство земли“.

На представленіе Д. Г. Лазаревича, Губернское Присут- ствіе указало, что введеніе великороссійскаго положенія можетъ послѣдовать только по обоюдному соглашенію крестьянъ и помѣщиковъ, а если согласія нѣтъ, то окончательно дѣло рѣ- шается мировымъ съѣздомъ. ²⁾ Д. Г. Лазаревичъ почему-то очень

¹⁾ Журналъ № 21, 9 іюня.

²⁾ Журн. № 34, 14 августа.

торопился съ разрѣшеніемъ вопроса о введеніи въ его участкѣ великороссійскаго положенія. 23 августа, чрезъ 15, значитъ, дней, не получая отвѣта отъ Губернскаго Присутствія, онъ снова повторилъ свое ходатайство, ¹⁾ хотя въ это время вопросъ, какъ мы знаемъ, былъ уже разрѣшенъ. Получивъ журналъ Присутствія, мировой посредникъ нашелъ въ немъ противорѣчіе съ циркуляромъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Дѣло въ томъ, что когда Губернское Присутствіе сдѣлало представленіе о повсемѣстномъ введеніи въ сѣверныхъ уѣздахъ великороссійскаго положенія, министерство не нашло возможнымъ разрѣшить этотъ вопросъ законодательнымъ путемъ, и управляющій министерствомъ напомнилъ при этомъ порядокъ введенія великороссійскаго положенія, какой былъ уже опредѣленъ закономъ 19 февраля. Въ циркулярѣ своемъ онъ только выразился, что въ случаѣ отсутствія согласія между помѣщиками и крестьянами, великороссійское положеніе вводится по окончательному рѣшенію мирового посредника. ²⁾ Здѣсь-то Д. Г. Лазаревичъ и увидѣлъ противорѣчіе съ журналомъ Присутствія. Последнее, очевидно, боясь рѣшеніе вопроса такой первостепенной важности предоставить усмотрѣнію единоличной власти посредника—говорило вмѣсто мирового посредника о мировомъ сѣздѣ.

По этому поводу Д. Г. Лазаревичъ возбудилъ вопросъ, долженъ ли посредникъ представлять мировому сѣзду всѣ данныя по ходатайствамъ о введеніи великороссійскаго положенія, не дѣлая никакого заключенія, или же постановивъ собственное рѣшеніе и объявивъ его помѣщику и крестьянамъ, предоставить недовольной сторонѣ жаловаться въ мировой сѣздъ въ опредѣленный срокъ?

Интересно опредѣленіе Губернскаго Присутствія въ отвѣтъ на это представленіе. Мы приводимъ его цѣликомъ. „Какъ предписаніе г. управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ отъ 27 іюня съ № 2243, такъ и опредѣленіе Губернскаго При-

¹⁾ Журн. № 40, 1 сентября.

²⁾ Журн. № 23, 13 іюля.

сутствія, изложенное въ журналѣ № 34, ссылаясь на однѣ и тѣ же статьи, не могутъ оставлять сомнѣнія относительно надлежащаго ихъ смысла. Что касается второго, предложеннаго г. посредникомъ вопроса, то, представляя въ мировой сѣздѣ частныя ходатайства о введеніи великороссійскаго положенія, мировой посредникъ, безъ сомнѣнія, долженъ представить всѣ тѣ данныя, которыя необходимы будутъ сѣзду для правильности рѣшенія дѣла; постановлять же по дѣламъ подобнаго рода свое рѣшеніе, а тѣмъ болѣе объявлять его владѣльцу и крестьянамъ съ предоставленіемъ только недовольной сторонѣ права жалобы въ опредѣленный срокъ мировому посреднику не слѣдуетъ.¹⁾ Губернское Присутствіе осталось, такимъ образомъ, вѣрно своему первоначальному постановленію, предоставивъ окончательное рѣшеніе этого важнаго вопроса коллективному учрежденію.

Кажется, впрочемъ, и это далеко не всегда гарантировало полную осторожность при введеніи великороссійскаго положенія въ Малороссіи.

Въ засѣданіи мирового сѣзда 2 сентября въ г. Глуховѣ мировой посредникъ ямпольскаго участка М. Н. Карпѣка представилъ на разрѣшеніе слѣдующій случай. Въ имѣніи одного помѣщика его участка крестьяне отбывали повинность по тягламъ; но были и такіе, которые имѣли по полтягла. Какое положеніе слѣдовало примѣнить въ такомъ имѣніи, великороссійское или малороссійское? Мировой посредникъ склонялся къ великороссійскому положенію. „Когда повинность отбывается крестьянами отъ тягла и полутягла одинаково (отдѣльно по каждому виду)—говорилъ онъ—и надѣль тягла и полутягла тоже одинаковъ, то такое хозяйство слѣдуетъ признавать великороссійскимъ, ибо, сколько ему извѣстно, по имѣніямъ великороссійскимъ тоже существуютъ хозяйства, гдѣ имѣются тягла и полутягла; послѣдніе отбываются пѣшими рабочими.“

Мировой сѣздъ согласился съ мнѣніемъ посредника, но, не имѣя яснаго указанія на подобные случаи въ законѣ, рѣ-

¹⁾ Журн. № 43, 19 сентября.

шилъ не приводить своего постановленія въ исполненіе, я представить его предварительно на разрѣшеніе Губернскаго Присутствія. Двое изъ членовъ мирового съѣзда, мировой посредникъ тулиловскаго участка М. А. Фонъ-дербриггенъ и членъ отъ правительства А. В. Марковичъ, высказали при этомъ такое соображеніе: „было бы, по ихъ мнѣнію, отступленіемъ отъ Положенія—расширять предѣлы права на введеніе въ нѣкоторыя имѣнія глуховскаго уѣзда великороссійскаго положенія, такъ какъ право это не распространяется на всѣ виды тягловаго хозяйства, а только на такой его видъ, въ которомъ всѣ тягла получаютъ одинаковый надѣлъ и отбываютъ одинаковую повинность, какъ это категорически выражено въ ст. 3-й малороссійскаго Положенія“.

Губернское Присутствіе нашло, что указанный ямпольскимъ посредникомъ характеръ хозяйственнаго устройства не могъ служить достаточнымъ основаніемъ къ обязательному для крестьянъ введенію мѣстнаго великороссійскаго положенія. Хотя, какъ говоритъ посредникъ, повинность съ полутягла въ названномъ имѣніи и была равна повинности съ тягла, но это, должно быть, было ничѣмъ инымъ, какъ трехдневной барщиной съ пѣшаго участка, которая отбывалась пѣшимъ работникомъ безъ рабочаго скота. Иначе было бы большою несообразностью, если бы одна и таже конная повинность отбывалась съ тягла и полутягла. Самый способъ отбыванія издѣльной повинности пѣшими рабочими, какъ изображалъ его мировой посредникъ, указываетъ скорѣй на „исключительную особенность мѣстнаго малороссійскаго хозяйства“.¹⁾

Къ сожалѣнію, Губернское Присутствіе не всегда и не вездѣ проявляло такую осторожность.

Въ числѣ уѣздовъ, которые хотя и не имѣли права, по малороссійскому положенію, вводить у себя положеніе великороссійское, тѣмъ не менѣе добивались его—былъ уѣздъ сосницкій. Дворянство этого уѣзда просило о введеніи великороссійскаго поло-

1) Журналъ № 49, 9 октября.

женія въ сѣверной части уѣзда, выставляя на видъ, что въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, большею частью отрубныхъ, „обработка земли производится сохою и заведено великороссійское хозяйственное устройство съ одинаковымъ надѣломъ и одинаковою за него повинностью. Ходатаемъ за сосницкое дворянство въ Губернскомъ Присутствіи явился А. И. Ливогубъ, самъ сосницкій помѣщикъ. Согласно съ заключеніемъ послѣдняго, и состоялось постановленіе о введеніи великороссійскаго положенія въ сѣверной части сосницкаго уѣзда.¹⁾

Министерство, впрочемъ, не сразу согласилось на это. Сначала были затребованы свѣдѣнія о томъ, „сколько въ означенномъ уѣздѣ находится имѣній, къ которымъ могло бы быть примѣнено великороссійское положеніе, по точному смыслу закона“. ²⁾ Свѣдѣнія эти были доставлены въ министерство, и высочайше утвержденнымъ журналомъ Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія отъ 21 сентября разрѣшено было вводить великороссійское положеніе въ тѣхъ имѣніяхъ сѣверной части сосницкаго уѣзда, гдѣ всѣ тягла получали одинаковый надѣлъ и отбывали одинаковую повинность.

Предписаніе объ этомъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ было доложено Губернскому Присутствію въ засѣданіи 18 октября. Тогда же было доложено и другое его предписаніе о признаніи господствующимъ въ уѣздахъ новозыбовскомъ, суражскомъ, мглинскомъ, стародубскомъ и новгородсѣверскомъ великороссійскаго положенія. Малороссійское положеніе разрѣшалось вводить здѣсь только въ отдѣльныхъ имѣніяхъ, въ видѣ исключенія. Журналь Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія по этому поводу былъ высочайше утвержденъ 26 сентября.³⁾

Великороссійское положеніе было выгодно для помѣщиковъ, потому что опредѣляло меньшій размѣръ душеваго надѣла, но

¹⁾ Журналь № 11, 17 мая.

²⁾ Журналь № 23, 13 іюля.

³⁾ Журналь № 52, 18 октября.

зато большій оброкъ, чѣмъ это установлено было для соотвѣтствующихъ уѣздовъ положеніемъ малороссійскимъ. ¹⁾ Это и побуждало какъ отдѣльныхъ дворянъ, такъ и дворянства цѣлыхъ уѣздовъ хлопотать о введеніи его у себя. Хлопоталъ, напр., о введеніи великороссійскаго положенія въ своемъ имѣніи въ борзенскомъ уѣздѣ гвардіи капитанъ Александръ Петровичъ Шечковъ. Губернское Присутствіе нашло, что „введеніе великороссійскаго положенія въ одномъ изъ имѣній борзенскаго уѣзда ни въ какомъ случаѣ допущено быть не можетъ“ ²⁾. Хлопотало и кролевецкое дворянство. Кролевецкій уѣздъ, говорило оно, граничитъ съ курскою губерніею и имѣетъ хозяйственное устройство, сходное съ хозяйственнымъ устройствомъ смежныхъ уѣздовъ этой губерніи. Въ кролевецкомъ уѣздѣ недостатокъ полевой земли. Тамашніе крестьяне обращаютъ главное вниманіе на разведеніе огородныхъ растений. Усадьбы ихъ, по этому, состоятъ преимущественно изъ огородовъ. Въ этомъ уѣздѣ помѣщики не содержали своего рабочаго скота, такъ какъ запашки ихъ, по свойству почвы, безъ затрудненія обрабатывались крестьянскими, одноупряжными сохами, взаимъ чего крестьяне преимущественно были надѣлены сѣнокосными угодьями. Губернское Присутствіе все-таки не удовлетворилось этимъ доводами и рѣшительно отклонило ходатайство кролевецкихъ дворянъ. ³⁾ Великороссійское положеніе не было, такимъ образомъ, введено въ кролевецкомъ уѣздѣ.

¹⁾ Для уѣздовъ мглинскаго, суражскаго и новозыбковскаго малорос. полож. высшій душевой надѣлъ полевой и усадебной земли былъ установленъ въ $4\frac{1}{2}$ дес.; высшій размѣръ пѣшаго участка полевой земли въ 7 дес.; рабочихъ дней за десятину полевой земли 12; оброкъ по 1 р. 40 коп. за десятину. Низшій надѣлъ исчислялся въ половину высшаго (Прилож. въ 9 ст. малорос. полож.) Въ сосѣднихъ же мѣстностяхъ смоленской и орловской губерній высшій душевой надѣлъ былъ 4 дес., за которые полагалось 40 мужскихъ барщинскихъ дней и 8 р. оброка. Низшій надѣлъ исчислялся въ $\frac{1}{3}$ высшаго (Велик. полож. ст. 190).

²⁾ Журналъ № 23, 13 іюня.

³⁾ Журналъ № 26, 22 іюня.

Такова официальная исторія введенія великороссійскаго положенія въ Малороссіи, на сколько можно прослѣдить ее по журналамъ Губернскаго Присутствія. Одному можно только удивляться—это тому довѣрью, съ которымъ Губернское Присутствіе относилось въ такомъ важномъ дѣлѣ къ доводамъ, которые приводились въ пользу господства великороссійскаго хозяйства въ той или другой мѣстности предводителями дворянства, т. е. стороной заинтересованной, потому уже не бывшей въ состояніи отнестись къ дѣлу безпристрастно. Изъ журналовъ Присутствія нигдѣ не видно, чтобы оно когда-нибудь примѣнило повѣрку дворянскихъ доводовъ, захотѣло бы убѣдиться, дѣйствительно ли въ той или другой мѣстности существуетъ тяглое великороссійское хозяйство, на сколько оно распространено, выгодно и соотвѣтствуетъ желанію крестьянъ? Вводя въ сѣверныхъ уѣздахъ великороссійское положеніе, Губернское Присутствіе какъ бы совершенно забыло про интересы послѣднихъ. Больше того, оно совершенно игнорировало ихъ. Потому то Губернское Присутствіе и шло такъ дѣятельно навстрѣчу отмѣнѣ закона, который былъ, правда, непріятенъ дворянству, но который хотя немного ограждалъ интересы крестьянъ, когда требовалъ и ихъ согласія на введеніе великороссійскаго положенія.

Для того, чтобы вполне повѣсть и оцѣнить значеніе этого факта, мы должны сравнить великороссійское положеніе съ малороссійскимъ и отмѣтить ихъ существенную разницу.

Ние Василенко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П. А. КУЛИШЪ.

(*Биографическій очеркъ*). ¹⁾

ХІІІ.

„Первые дни послѣ нашей свадьбы“ — писалъ Кулишъ въ своемъ дневникѣ — „наполнены были впечатлѣній высокихъ: то читали мы Пушкина, то восхищались пѣснями Шевченка, то радовались письмамъ безцѣннаго Петра Александровича и его домашнихъ. Къ увлеченію нашихъ духовныхъ наслажденій, Петръ Александровичъ прислалъ намъ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ пріятелями“ (sic) Гоголя, съ наказомъ запереться отъ всѣхъ съ Сашей и заранѣе прочесть внимательно всю книгу“. „Переписка съ друзьями“ была прислана авторомъ Плетневу для напечатанія въ одной изъ наименѣе посѣщаемыхъ типографій и съ просьбой о полнѣйшемъ секретѣ, который въ другихъ случаяхъ, дѣйствительно, свято сохранился Плетневымъ, но для Кулиша было сдѣлано исключеніе, какъ для особенно близкаго человека и притомъ горячо интересовавшагося всѣмъ, что касалось Гоголя: такимъ образомъ въ этомъ исключительномъ довѣрїи до нѣкоторой степени сказалась степень дружеской довѣрливости Плетнева къ Кулишу. Сохранились впрочемъ даже

¹⁾ См. Кіев. Ст. № 8.

извѣстія, что Плетневъ хотѣлъ передать Кулишу свой „Современникъ“, 1) а предъ выѣздомъ за границу рекомендовалъ Кулиша Жуковскому слѣдующимъ выраженіемъ: „посылаю тебѣ другого себя“.

Кулишъ поѣхалъ съ женою на Кіевъ и Варшаву. Въ Кіевѣ онъ видѣлся съ Юзефовичемъ, Юскевичемъ, библиографомъ Свидзинскимъ, съ княжной Вар. Ник. Репниной и познакомился съ Ригельманомъ, о которомъ даетъ самый лучшій отзывъ какъ въ письмѣ, такъ и въ дневникѣ. Въ Варшавѣ же онъ познакомился съ молодымъ ученымъ полякомъ Микуцкимъ, желавшимъ поступить въ московскій университетъ и уже представившимъ одно филологическое изслѣдованіе въ Академію наукъ, которое удостоилось тамъ одобренія, переданнаго ему черезъ Плетнева. Кулишъ рекомендуетъ его вниманію Бодянскаго. Въ дорогѣ онъ дышитъ полною грудью и наслаждается всѣми фибрами своего существа, раздѣляя восторги съ женою, о которой съ удовольствіемъ замѣчаетъ въ дневникѣ: „Спутница моя—великая охотница до развалинъ, и въ Корцѣ налюбовалась ими вдоволь“. Общее настроеніе самое счастливое: „Благодарю Провидѣніе и чувствую, какъ много долженъ я поработать, чтобъ оправдать его необыкновенную благость ко мнѣ“. 2)

1) См. Переписку Грота съ Плетневымъ т. II, стр. 613 и проч.

2) Болѣе подробный маршрутъ Кулиша можетъ быть замѣченъ на основаніи его дневника: изъ Кіева онъ поѣхалъ черезъ Волинскую губернію, миновалъ Радомысль и Житомиръ, Новоградъ-Волинскет, Корецъ, наконецъ прибылъ въ Варшаву. Вездѣ его вниманіе привлекали красоты мѣстностей, остатки древностей, развалины; онъ постоянно ихъ рисовалъ, интересъ археолога и живое чувство эстетика находили себѣ повсюду обильную пищу; на все Кулишъ смотрѣлъ глазами любознательнаго и мыслящаго человѣка, безъ всякаго искусственнаго напряженія и почти незамѣтно для самого себя схватывая въ каждомъ заслуживающемъ вниманія предметѣ черты, часто совершенно ускользающія отъ людей, усердно старающихся осматривать въ путешествіи достопримѣчательное, но не умѣющихъ найтѣ... Кулишъ же былъ и драгоцѣннымъ спутникомъ для менѣе наблюда-

Со временемъ Кулишъ въ весьма поэтическихъ краскахъ выражалъ свои чувства въ письмахъ къ женѣ, напр., говоря о хуторѣ Мотроновкѣ, онъ однажды писалъ: „Здѣсь все оживляетъ въ моей душѣ воспоминавія сладкихъ минутъ любви моей, и ты, будучи наконецъ старушкою, въ этихъ мѣстахъ вѣчно будешь одарена сіяніемъ молодости, которая даровала мнѣ столько счастливыхъ минутъ и поэтическихъ страданій“. Въ другомъ письмѣ и въ другое время онъ говорилъ: „Я нашелъ наши вѣнчальныя свѣчи и возьму ихъ съ собою. Священный памятникъ! я не желалъ бы оставить его въ чьихъ-бы то ни было рукахъ послѣ моей смерти; оскорбительна и самая мысль объ этомъ. О Сапа, да будетъ благословенъ день нашего знакомства! Много горя испыталъ я отъ своего собственного и твоего неблагоразумія, но душа моя удовлетворена сознаніемъ, что меня любила и любить такая благородная, прекрасная женщина“. Такія чувства онъ сохранилъ къ женѣ до золотой свадьбы, т. е. до послѣднихъ дней жизни.¹⁾

Веселые и счастливые ѣхали Кулишъ съ женой и В. М. Бѣлозерскій; въ самомъ радостномъ настроеніи были они въ Варшавѣ, гдѣ много бесѣдовали съ своимъ землякомъ, сенаторомъ Стороженкомъ, который привлекалъ къ себѣ Кулиша своими украинскими симпатіями и интересами и хранившимися у него рѣдкими національными документами высокой цѣнности. Стороженко рекомендовалъ Кулиша намѣстнику, извѣстному Паскевичу—также малороссу—какъ козака чистой крови.— „Приводи его ко мнѣ!“ съ живостью воскликнулъ Паскевичъ, но въ эту самую минуту получилъ изъ Петербурга приказъ объ

тельныхъ людей, невольно открывая имъ глаза на эти «ускользающія достопримѣчательности».

¹⁾ Въ одномъ письмѣ къ Чуйкевичу Кулишъ говоритъ: «Да, я счастливъ своею жинкою: такая украинка, что просто восхищеніе: Шевченка наявусть знаетъ, а въ исторіи заткнетъ за поясъ иного студента; женщина разумная, твердая въ намѣреніяхъ, чувствительная къ бѣдностямъ челоуѣчества—однимъ словомъ, достойная самой высокой степени въ обществѣ» («Кіевская Старина», 1893, IX, стр. 357).

арестъ Кулиша, и Кулишъ съ Бѣлозерскимъ немедленно были отправлены обратно.

XIV.

Трехлѣтнее пребываніе въ Тулѣ было самой безотраднѣйшей полосой въ многострадальной жизни Кулиша. ¹⁾ Испытаніе казалось тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ рѣзче и безпощаднѣе чувствовался переходъ отъ мелькнувшаго свѣтлымъ лучемъ счастья и радужныхъ блестящихъ надеждъ недавняго прошлаго къ мукамъ безпросвѣтнаго горя. Все порвалось сразу, но молодость и избытокъ душевныхъ силъ имѣли спасительное дѣйствіе на Кулиша, облегчая тяжесть наложенныхъ на него веригъ. Благодаря имъ, блѣднѣло сознаніе неожиданно рухнувшей карьеры и бодрѣ переносились тяжелыя матеріальныя невзгоды, хотя ничто не было въ силахъ заглушить въ таковой энергичной и дѣятельной натурѣ болѣзненнаго ощущенія невольнаго перерыва дѣятельности. Въ то время какъ другого прежде всего стала бы въ подобномъ положеніи угнетать мрачная неизвѣстность въ будущемъ и невыносимая окружающая обстановка, „горячій“ Кулишъ жестоко страдалъ всѣмъ своимъ существомъ, какъ человѣкъ, призванный къ дѣятельности и борьбѣ, полный силъ и по самому темпераменту рвущійся въ водоворотъ жизни, но въ это же время обреченный на несвойственное ему бездѣйствіе; его терзала насильная и бесплодная задержка на неопредѣленное время на только-что начатомъ пути, тогда какъ жизнь не ждала, и лучшіе годы уходили. Разлученный съ друзьями, оторванный отъ литературнаго міра, онъ былъ поставленъ въ необходимость,

¹⁾ Первоначально Императоромъ Николаемъ было назначено: «запретить писать и на службу въ Вологду». («Русскій Архивъ», 1892, XI, стр. 292).

отложивъ лучшія мечты и надежды молодости, сживаться съ несимпатичной и чуждой средой, съ которой мало имѣлъ общаго и въ особенности не былъ связанъ самыми интимными, задушевными стремленіями. Находясь на положеніи ссыльнаго, онъ былъ, наконецъ, обреченъ терпѣть всякія придирки и стѣсненія со всѣхъ сторонъ и считаться съ предубѣжденіями мѣстныхъ обывателей. Дневникъ былъ теперь надолго забытъ Кулишемъ, и только 6 октября 1848 г. онъ записалъ въ немъ слѣдующія строки: „Этотъ большой промежутокъ времени“ (съ начала ссылки) „исполненъ былъ разнаго рода горестями, которыхъ не имѣю духу писать, потому что до сихъ поръ не вышелъ изъ бѣдственнаго положенія, въ которое попалъ, какъ въ яму. Надѣюсь, что съ перемѣной обстоятельствъ я примусь за описаніе этой эпохи моей жизни съ удовольствіемъ пловца, разсказывающаго о минувшихъ опасностяхъ. Теперь, для ясности дневника, скажу только, что въ Варшавѣ я былъ арестованъ и отправленъ въ Петербургъ, а оттуда послали меня на службу въ Тулу. Здѣсь я нашелъ въ людяхъ, съ которыми я долженъ былъ имѣть сношенія, такую суровость нравовъ, какъ будто я опальный временъ Бориса Годунова. Должности по службѣ мнѣ до сихъ поръ не дали (т. е. не дали такой, которая была бы для меня сносною), и я живу съ женой въ тѣсной квартирѣ, посвящая все свое время литературнымъ занятіямъ“. ¹⁾ Въ исходѣ перваго года ссылки онъ въ такихъ выраженіяхъ жаловался на свое житье О. М. Бодянскому: „Я живу одинъ и, не замѣтивъ ни въ комъ изъ моихъ сослуживцевъ той человѣчности, которая понимаетъ состояніе души несчастнаго пришельца и сама подаетъ ему руку—не замѣтивъ до сихъ поръ ни въ комъ къ себѣ участія и желанія вступить со мною въ пріятельскія отношенія, а напротивъ, видя и чувствуя, какъ всѣ примѣтно устраняются отъ меня, я служу и едва знаю, какъ зовутъ по имени правителя канцеляріи“. Въ то же время онъ утѣшалъ Бодянского,

1) «Кіев. Ст.», 1897, X, 43 и „Рус. Арх.“ 1892, XI, 299—300

переведеннаго за напечатаніе извѣстнаго сочиненія Флетчера въ казанскій университетъ изъ московскаго. 24 ноября 1848 г. Кулишъ писалъ Бодянскому: „Полежимъ на прилавкѣ и посмотримъ на чужія пляски. Мы имѣемъ полное право безопасно веселиться зрѣлищемъ тревоженій свѣта. Мы трудились, работа вырвана у насъ изъ рукъ: отчего жъ бы намъ не быть веселыми во время отдыха, какъ и ходячи за плугомъ? Щобъ нашимъ ворогамъ было тяжко: пускай видитъ свѣтъ, что честный чело-вѣкъ можетъ быть веселъ на всякомъ мѣстѣ владычества его“. ¹⁾ „Къ счастью, тайный голосъ твердитъ мнѣ безпрестанно, что истинное и прекрасное на свѣтѣ живуще въ вывокой степени и невозможно ничѣмъ убить его“.

XV.

Внѣшняя обстановка Кулиша была, конечно, также самая печальная. Еще въ самое первое время было немного легче: молодому и полному энергіи идеалисту какъ-то не вѣрилось, чтобы судьба надолго захотѣла забросить его въ Тулу, и онъ, несмотря ни на что, вѣкоторое время не терялъ надежды на скорое избавленіе. Молодые супруги заняли недурную квартиру въ домѣ какого-то кузнеца, стоившую четыреста руб-

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1892, XI, 302, и «Кіевск. Стар.», 1897, XI, 242. Впослѣдствіи, когда, по минованіи кары, Бодянскій былъ снова возвращенъ на московскую кафедру, Кулишъ писалъ ему: «Нужно ли увѣрить васъ, что я отъ всей души раздѣляю вашу радость. Я впрочемъ долго досадовалъ на себя, отчего я не радуюсь возвращенію вашему на кафедру такъ, какъ радуюсь какому-нибудь событію въ собственномъ уголкѣ. Но теперь вижу, что радость эта растянута въ тонкую проволоку, которая тонкою, но непрерывною

лей въ годъ, что показываетъ въ нихъ недостаточное пока сознание всей трудности своего положенія; они старались, насколько возможно, украсить свое изгнанническое жилище согласно съ требованіями развитаго вкуса. Но мѣсяцы тянулись длинной вереницей и рѣшительно не приносили съ собой ничего похожего на смягченіе участи, а между тѣмъ понемногу проживалось все приданное, такъ что вскорѣ пришлось переселиться уже на маленькую дешевую квартирку, состоявшую всего изъ двухъ небольшихъ комнатъ съ мебелью. Здѣсь-то начинались всякія невзгоды и непріятности. Въ противоположность прежнему добродушному, хотя и совершенно простому хозяину-кузнецу, котораго Кулишъ въ своемъ идеалистическомъ увлеченіи безуспѣшно хотѣлъ сколько-нибудь образовать и съ этой цѣлью нерѣдко приглашалъ къ себѣ на чай или на вечеръ, новые хозяева стали обращаться съ своими жильцами, какъ съ людьми отверженными и беззащитными, которыхъ можно было тѣснить сколько душѣ угодно, потому что они, какъ люди опальные и безправные, не могли жаловаться. Рѣшивъ, что съ ссыльными церемониться нечего, эти люди начали мало-по-малу, основываясь на томъ, что для двоихъ не надо много мѣста, постепенно отнимать у жильцовъ то комнату, то сѣни, то сарай для дровъ, и даже начали застѣвывать сундуками выходъ изъ квартиры. „Дней десять или болѣе назадъ“, писалъ однажды Кулишъ одному изъ родственниковъ,—„мы испытали отъ своихъ хозяевъ такія непріятности, что должны были перемѣнить квартиру. Къ нимъ изъ Москвы возвратились ихъ прежніе жильцы, и этого было достаточно, чтобъ загородить сундукомъ дверь въ общую переднюю и заставить насъ принимать гостей черезъ кухню и спальню—другого средства выжить насъ въ ихъ головахъ не отыскалось. И послѣ этого еще приходится хозяевъ прощаться какъ ни въ

нитью будетъ тянуться черезъ множество лѣтъ». За все время отсутствія Бодянского изъ Москвы Кулишъ часто спрашивалъ его, не нуждается ли онъ, и предлагалъ ему деньги.

чемъ не бывало. Мы перенесли эту скверность съ образцовымъ терпѣніемъ“. Квартирной платы такіе люди, разумѣется, не хотѣли ждать ни одного лишняго дня, и каждый разъ передъ приближеніемъ срока хозяйка цѣлый день съ утра не уставала напоминать о ней. Но особенно возросла ихъ наглость, когда молодымъ изгнанникамъ пришлось столкнуться лицомъ къ лицу съ нищетою. Они могли бы, правда, написать о своемъ положеніи въ деревню, къ тещѣ Кулиша, но этому мѣшало то, что послѣдняя, слишкомъ живо принимая къ сердцу всѣ интересы молодой четы, была намѣренно и весьма заботливо оставляема въ невѣдѣніи о томъ, что происходило на самомъ дѣлѣ; если-бы она могла только представить себѣ, какую нужду, какую горькую участь терпѣла съ зятемъ на чужой сторонѣ ея любимая дочь, только что выпорхнувшая изъ теплаго родительскаго гнѣздышка и всегда балованная не только своей семьей, но даже всѣми сосѣдями! Трудно было-бы поручиться, какія послѣдствія могло имѣть не прикрашенное правдивое извѣстіе, способное, можетъ быть, ее, не привыкшую къ самой мысли о ссылке мужа своей дочери, убить въ буквальномъ смыслѣ слова. „Жена уѣхала въ Малороссію“—писалъ Кулишъ Бодянскому въ октябрѣ 1847 г., слѣдовательно уже по прошествіи полугода ихъ ссылки—„чтобы отдохнуть отъ своихъ горестей, которыя злая наша судьба слишкомъ щедрою рукою посѣяла при самомъ началѣ ея жизненнаго поприща“. ¹⁾ Но при свиданіи она не рѣшилась рассказать матери всю истину о ихъ житьѣ-бытьѣ, хотя послѣднее становилось совершенно невыносимымъ, когда даже ихъ собственная крѣпостная прислуга, видя беззащитность господъ, начала имъ заявлять съ презрѣніемъ, что она не привыкла къ ихъ порядкамъ, что у настоящихъ господъ долженъ быть собственный домъ, а не наемная квартира, что они должны держать цѣлый штатъ слугъ и занимать просторные покои. Эти мелочи, при всемъ своемъ ничтожествѣ, не давали забывать о горькой неправости,

¹⁾ «Кіевская Старина», 1897, X, 43.

въ особенноти когда надо было перебиваться, отказывая себя въ необходимомъ, спать на полу и скрывать отъ окружающихъ размѣры своей нужды, во избѣжаніе того смѣшаннаго съ ненавистью презрѣнія, съ какимъ относятся всякаго рода холопы къ обѣдѣвшимъ господамъ¹⁾. Жестокое однообразіе ворчанья хозяйки и горничной, не безъ ядовитости любившей напоминать женѣ Кулиша о прежней лучшей порѣ, о коляскахъ и другихъ принадлежностяхъ былого довольства, всякія дразги въ родѣ совершенно открытаго и наглаго грабежа дровъ въ сараѣ, и т. п.—до того разстраивали и выводили изъ себя, что Кулишъ далъ своимъ гонительницамъ разныя нелестныя для нихъ прозвища въ городѣ: проклятущая баба № 1, проклятущая баба № 2 и т. п. Въ то же время приходилось иногда подвергаться обидному обращенію и со стороны людей, принадлежавшихъ къ такъ называемому образованному классу. Такъ, однажды съ чувствомъ глубокаго возмущенія Кулишъ сообщилъ своей женѣ объ одномъ родственникѣ ихъ общихъ знакомыхъ: „Сегодня онъ присылаетъ мнѣ солдата сказать мнѣ, что у него есть какое-то письмо ко мнѣ изъ Петербурга и что не угодно ли мнѣ съ нимъ повидаться. Я спросилъ солдата обстоятельно, какъ именно онъ говорилъ, и убѣдился, что дѣйствительно, вмѣсто визита мнѣ, послалъ за мной, какъ за сапожникомъ. Хотѣ бы записку написалъ и, какъ водится между порядочными людьми, извинился чѣмъ-нибудь, что не можетъ самъ побывать у меня, а просить къ себѣ, а то отыскалъ какого-то десятскаго и, для перваго знакомства, прислалъ пригласить къ себѣ въ гостинницу“.

Тяжело было все это, но еще несравненно тяжелѣе было невольное отчужденіе отъ общества, происходившее отъ того, что «всѣ или недоступны, или слишкомъ ниже того образованія,

¹⁾ Злосчастная чета должна была даже прибѣгать къ хитростямъ, чтобы скрыть свое истинное положеніе; такъ, нѣсколько мѣсяцевъ сряду приказывали ставить самоваръ, не пользуясь имъ, частью для вида, частью только для прислуги..

при которомъ знакомство было бы пріятно», такъ что—писаль Кулишъ въ дневникѣ: «одинъ только художникъ А. да его сестра у насъ бывають». При такихъ условіяхъ осталось только совершенно утонуть въ литературныхъ занятіяхъ, ¹⁾ какъ и дѣлалъ Кулишъ, изучая лѣтописи и „Книгу Большого Чертежа ²⁾ и работая надъ собственными трудами; но натура подвижного сангвиника требовала болѣе разнообразной дѣятельности и больше непосредственнаго соприкосновенія съ жизнью. Тѣмъ не менѣе свойственная Кулишу бодрость духа и спокойная совѣсть значительно облегчали трудность его положенія. 27 іюня 1840 г. онъ писалъ Бодянскому: „Въ отношеніи здоровья и расположенія духа мы благоденствуемъ. Живемъ въ концѣ города и ходимъ гулять каждый вечеръ въ поле. Невдалекѣ отъ города на низменномъ холмѣ виднѣтся прекрасная церковь съ деревьями и хатками сбоку; подлѣ церкви кладбище съ сельскими непышными крестами; за нею и вокругъ—поля и лѣса.“ ³⁾ Любовь къ природѣ является прекраснымъ бальзамомъ для душевныхъ мукъ. Позднѣе, 10 мая 1850 года, Кулишъ также писалъ Бодянскому: „Я совершилъ новый переѣздъ на квартиру и теперь живу посреди сельской природы. Кругомъ сады и пруды, въ которыхъ безъ умолку расцѣваютъ воздушные и водяные жители, что мнѣ очень нравится. Подлѣ моей квартиры есть чей-то запущенный садъ. Туда я хожу гулять и дышать запахомъ черемухи“ ⁴⁾

¹⁾ Кулишъ написалъ въ Тулѣ «Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ и Димитріѣ Самозванцѣ», историческій романъ «Алексій Однорогъ», романъ «Искатели счастья» (потомъ сожженный, но изъ него напечатана часть подъ названіемъ «Потомки Гайдамаковъ».

²⁾ «Русскій Архивъ», 1892, XI, 299; «Кіевская Старина», 1897, XI, стр. 42.

³⁾ «Кіевская Старина», 1897, XI, стр. 253.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 258.

XVI.

Черезъ нѣкоторое время, однако, нашлись въ Тулѣ образованные люди, понимающіе значеніе идей и дѣятельности Кулиша и умѣвшіе цѣнить его какъ талантливаго представителя серьезнаго умственнаго труда. Между такими людьми онъ нашель потомъ даже друзей и почитателей, что, безъ сомнѣнія, не могло не ободрить его въ нравственномъ отношеніи, когда онъ уже совсѣмъ готовъ былъ „считать себя похожимъ на зачумленнаго, который не долженъ прикасаться къ тѣмъ, кого любить“. ¹⁾ Впрочемъ, самочувствіе его было все-таки, можетъ быть, лучше, нежели его товарищей по изгнанію; онъ все-таки „благоденствовалъ, поколику это возможно въ Тулѣ“, ²⁾ тогда какъ Н. И. Костомаровъ приблизительно около того же времени жаловался на то, что его въ Саратовѣ „томить такая убійственная грусть, которую описать невозможно. Заняться нечѣмъ, читать нечего“. ³⁾ „Горе мнѣ на чужинѣ и только“, писалъ онъ, а его мать значительно позднѣе сокрушалась о томъ, что „Николай безъ должности; мѣста не даютъ ни въ одномъ университетѣ; теперь безъ жалованія, больной, постарѣлъ, посѣдѣлъ“, ⁴⁾ А между тѣмъ Костомаровъ пользовался несравненно лучшимъ обществомъ, къ которому принадлежали между прочимъ люди, также интересовавшіеся исторіей, какъ напр. сдѣлавшійся впоследствии профессоромъ петербургскаго Александровскаго лица Е. А. Бѣловъ и другіе. Мы едва ли ошибемся, если эту разницу объяснимъ неодинаковымъ семейнымъ положеніемъ обоихъ друзей; жизнь Костомарова была некрасна, помимо неволи, отъ стеченія цѣлаго ряда неблагоприятныхъ обстоятельствъ, между которыми не послѣднее мѣсто занимала потеря имъ около того времени

1) «Кіевская Старина», 1897, X, стр. 43.

2) Тамъ же, стр. 44.

3) Тамъ же, стр. 133.

4) Тамъ же, стр. 139.

восьми слишкомъ тысячъ руб. денегъ и необезпеченная жизнь безъ жалованья, грозившая разореніемъ, и все-таки въ матеріальномъ отношеніи онъ, разумѣется, былъ въ гораздо лучшихъ условіяхъ въ сравненіи съ почти круглымъ бѣднякомъ Кулишомъ. Но недозволеніе ѣхать въ Кіевъ для женитьбы, безпокойство за жизнь матери, долго оставлявшей его безъ писемъ въ холерный 1848 годъ, хлопоты и заботы по поводу вѣденной ею тяжбы, а главное—отсутствіе живой нравственной поддержки въ средѣ домашней удручали его до того, что онъ однажды характеризовалъ свое нравственное состояніе въ слѣдующей фразѣ: „цѣль горестей вяжетъ всю жизнь мою“. ¹⁾ Кулишу, напротивъ, сильно облегчала бремя ссылки его жена, бывшая для него не только вѣрной спутницей, но и главной его нравственной опорой. Это было существо, преданное ему въ высшей степени, энтузіастка любви и преданности, готовая всюду идти за нимъ, подвергаться для него всякимъ испытаніямъ. „Видя передъ собой человѣка съ божественнымъ ореоломъ“,—говорила она,—я молилась его образу, дивилась ему, наглядѣться не могла“. Всѣ планы, большіе и малые, каждый жизненный шагъ обсуждались обоими супругами сообща, безъ разногласій и неудовольствій. Но особенно Кулишъ почерпалъ всегда энергію въ беззавѣтной преданности своей жены, встрѣчая въ тяжелыхъ минуты ея заботливый, любящій взоръ. По своей практичности имъ случалось иногда обоимъ ради насущнаго хлѣба придумать совершенно неподходящіе для нихъ предпріятія, напр. нанимать огородъ для обработыванія овощей, но, съ другой стороны, иногда удавалось въ самомъ дѣлѣ пріискать полезный и благодарный трудъ; такъ, по цѣлымъ часамъ работали Кулишъ за столярнымъ верстакомъ, трудясь надъ выдѣлкой подставокъ для иконъ, такъ называемыхъ „божниковъ“, чтобы продажей ихъ выручить хоть какія-нибудь деньги. Такая нравственная поддержка и энергія молодой четы, такое умѣнье обегчать другъ друга общее бѣдствіе были высоко оцѣнены тѣми людьми, кото-

¹⁾ Тамъ же, стр. 136.

рымъ случалось ближе узнать въ то время жизнь Кулишей и которые умѣли уважать нравственные достоинства, не смущаясь бѣдностью обстановки. И вотъ Тула, а отчасти Москва, даютъ Кулишу нѣсколько новыхъ драгоценныхъ друзей, сохранившихъ къ нему навсегда теплую привязанность. Въ то время прежде всего съ нимъ сблизился жившій въ Москвѣ директоръ Московско-Тулскаго банка Николай Яковлевичъ Макаровъ. Изъ признательности къ его теплой, безкорыстной дружбѣ и изъ уваженія къ его уму и рѣдкой добротѣ, Кулишъ, лишившійся по волѣ императора Николая I права писать и подъ своими произведеніями подписывать собственную фамилію, какъ бы слилъ на время свою литературную личность съ его именемъ, такъ что и до сихъ поръ нѣкоторые его труды не успѣли появиться въ новыхъ изданіяхъ подъ именемъ своего настоящаго автора. Главный же другъ Кулиша въ Тулѣ былъ жандармскій капитанъ Петръ Ивановичъ Гусевъ, служившій впоследствии комендантомъ динабургской крѣпости. Сближеніе съ нимъ Кулиша было настолько тѣсное, что они даже задумали написать вмѣстѣ романъ, не составивъ, однако, предварительно общаго плана, но поступая такъ: напишетъ одинъ изъ нихъ главу и, не сообщивъ даже товарищу по работѣ содержанія написаннаго, получить отъ него продолженіе—и такъ было написано нѣсколько главъ...¹⁾ Очень оригинальна была первая встрѣча и начало знакомства Кулиша съ Гусевымъ. Однажды въ концѣ іюля, наканунѣ именинъ Кулиша,²⁾ его жена, занимаясь убран-

1) Объ этомъ романѣ Кулишъ писалъ въ 1865 г. В. В. Тарновскому (см. «Кіевская Старина», 1898, IV, 111 стр.) Коція съ рукописи хранится у одного изъ родственниковъ Кулиша, И. И. Бѣлозерскаго.

2) Именины Кулиша всегда праздновались нашей изгнаннической четой по возможности весело, для чего обыкновенно они пользовались квартирой своего пріятеля Гусева. Однажды онъ такъ описывалъ это Бодянскому: „Играли на фортепіано, пѣли, танцевали, смотрѣли въ окно на прекрасный мѣсяцъ, который, поднявшись надъ темною глубиной полей, обнаружилъ въ ней своимъ отраженіемъ

ствомъ комнаты и устраивая гирлянду изъ полевыхъ цвѣтовъ для семейнаго праздника, стала на подоконникъ и вдругъ, къ величайшему ужасу своему, видитъ на улицѣ неизвѣстнаго человѣка въ синемъ мундирѣ, направляющагося самымъ несомиѣннымъ образомъ примехонько къ ихъ калиткѣ. Этого было достаточно, чтобы науганное воображеніе нервной женщины нарисовало страшную картину, и Александра Михайловна едва могла удержаться на ногахъ. Поспѣшно соскочивъ съ подоконника, она едва успѣла, показавъ въ окно, шепнуть мужу: „Кажется, насъ ждетъ новое несчастье!“ Но вотъ непрощенный гость уже входитъ въ калитку. Пантелеймонъ Александровичъ, только-что вернувшійся съ кладбища, на которое любилъ ходить, любуясь тамъ цвѣтами, выходитъ на встрѣчу посѣтителю, а жена его, оставшись въ комнатахъ, переживаетъ ужасныя минуты. Но что это? отчего они долго не идутъ? что тамъ еще между ними? Выглянувъ въ окно, Александра Михайловна видитъ нѣчто совершенно невѣроятное: мужъ ея спокойнымъ тономъ говоритъ съ человѣкомъ въ синемъ мундирѣ; еще минута—они дружески обнимаются, слышатся привѣтствія и радостныя восклицанія. Наконецъ дѣло разъясняется; незнакомецъ оказывается близкимъ родственникомъ одного изъ братьевъ Нордстремовъ, служившаго въ третьемъ отдѣленіи и просившаго его зайти навѣстить своихъ пріятелей-изгнанниковъ. Говорятъ, что Гусеву Нордстремы на прощанье совѣтовали понравиться Кулишу и заслужить его уваженіе, и вотъ на вопросъ его, чѣмъ онъ можетъ достигнуть этого, Кулишъ съ живостью отвѣчалъ: „только правдою. Судите по совѣсти, защищайте невинныхъ, будьте милостивы къ заключеннымъ, и вы будете имѣть во мнѣ друга, и синій мундиръ не помѣшаетъ моему уваженію къ вамъ“.

Вскорѣ послѣ этого Гусевъ сдѣлалъ второй визитъ своимъ новымъ знакомымъ—уже съ женой, и оба семейства быстро подружились. „Прелестные люди во всѣхъ отношеніяхъ!“ вспо-

струю воды и заставилъ наше воображеніе чертить въ этомъ мѣстѣ прелестный, полный таинственности, пейзажъ.

минаетъ о нихъ Александра Михайловна. „Мы у нихъ очень часто бывали. Онъ пріятно пѣлъ „Бородушку“ и другія народныя пѣсни. Онъ предлагалъ намъ выстроить флигель на своемъ дворѣ“. Потомъ эти близкія отношенія были на короткое время прерваны смертью молодой жены Гусева, что повергло его въ глубочайшее отчаяніе; она скончалась въ Торжкѣ, куда поѣхала погостить у матери. Оставшись вдовцомъ съ двумя дѣтьми, Гусевъ нанялъ для нихъ пѣмку бонну, но глубоко чувствовалъ свое сиротство. Кулиши тогда приняли его предложеніе и поселились въ его домѣ въ мезонинѣ, избавившись тѣмъ отъ своихъ прежнихъ хозяевъ. 1)

Въ числѣ лицъ, умѣвшихъ съ тактомъ и деликатностью относиться къ Кулишу, слѣдуетъ назвать преемника тульского губернатора Крузенштерна, Козодаева, человѣка умнаго и просвѣщеннаго, пріѣхавшаго первымъ къ Кулишу съ визитомъ. Наконецъ, къ тульскому времени жизни Кулиша относится также знакомство его съ будущимъ докторомъ И. П. Славницкимъ, любопытное потому, что здѣсь завязались добрыя отношенія между ученымъ и смѣло обратившимся къ нему за совѣтомъ подросткомъ—гимназистомъ, который оказался потомъ горячимъ его почитателемъ. Неожиданное обращеніе къ Кулишу юноши встрѣтило въ немъ, считавшемъ всегда умственный трудъ общимъ дѣломъ и общей задачей развитыхъ людей, теплый отголосокъ. „Милостивый государь“,—отвѣчалъ Кулишъ въ письмѣ: „мнѣ очень пріятно, что вы наугадъ или почему бы то ни было считаете меня человѣкомъ, готовымъ оказать ближнему услугу. Отчасти вы не ошибаетесь; но, какъ человѣкъ прямой, я дол-

1) Ко времени жизни въ домѣ Гусева относятся первые уроки рисованія, данныя Кулишомъ его женѣ.—Были также и другіе случайные знакомые у Кулиша въ Тулѣ, какъ напр. вѣкто Шиманскій, о которомъ онъ упоминаетъ въ одномъ изъ писемъ къ Бодянскому, Чарнецкій, получавшій отъ Кулиша польскія книги и въ благодарность доставлявшій ему книги изъ завѣдываемой имъ казенной библіотеки.

женъ васъ предупредить, что не на всякую услугу станеть у меня великодушiя. Я занятъ своими дѣлами очень сильно и при томъ съ такою (можетъ быть, и ошибочною) мыслью, что этимъ самымъ исполняю и обязанности любви къ ближнему. Вы почтили меня названiемъ „ученаго“, слѣдовательно должны предполагать въ моемъ умѣ цѣль, къ которой я стремлюсь, по возможности всѣми моими силами. И такъ вы можете и даже имѣете право ожидать совѣта и даже, можетъ быть, немного болѣе того, если вы нуждаетесь въ немъ для какого-нибудь сочиненiя, или для облегченiя вашихъ трудовъ въ изученiи какой-нибудь хорошо извѣстной мнѣ отрасли званiй. Вы видите, что я высказываюсь вамъ просто и откровенно, и если эта записка не перемѣнитъ вашего намѣренiя лично со мною побесѣдовать, то не угодно ли вамъ завтра пожаловать ко мнѣ въ 10 часовъ утра. Можетъ быть, я буду дома одинъ, а если и не одинъ, то васъ будутъ слушать лучшiя уши, какiя когда-либо природа помѣщала на женской головѣ: 1) это значить не что иное, какъ то, что ваши, положимъ, юношескiя идеи не покажутся имъ непонятными или смѣшными. Вашъ покорный слуга П. К. 2)

Письмо это кажется намъ любопытнымъ какъ потому, что оно дышитъ правдивостью и полной готовностью притти на помощь юношѣ—корреспонденту, такъ и по выраженнымъ въ немъ чувствамъ любви и уваженiя, которыми онъ былъ всегда связанъ съ женой. 3)

1) Т. е. его жены.

2) По поводу этого письма г. Славницкiй слѣлалъ на подлинномъ слѣдующую помѣтку: „первое письмо ко мнѣ, лично еще не знакомому. Я былъ тогда гимназистомъ въ предпоследнемъ классѣ, а Кулишъ жилъ въ ссылкѣ въ Тулѣ“.

3) О служебной дѣятельности Кулиша въ Тулѣ мы имѣемъ слѣдующiя официальные данныя: „опредѣленъ въ канцелярiю начальника Тульской губернии 17 сентября 1847 года; назначенъ исполняющимъ должность корректора губернской типографiи октября 24, 1848 года“. Болѣе подробныя данныя о службѣ и другихъ занятiяхъ Кулиша находимъ въ его перепискѣ.

XVII.

Въ исходѣ 1847 года Кулишу жилось уже значительно легче и представилось было, благодаря ходатайству тульскихъ знакомыхъ, правда, незначительное мѣсто при городской больницѣ. 16 декабря 1847 года онъ писалъ одному изъ братьевъ жены: „Быль я сегодня въ первый разъ у Крузенштерна. Онъ предложилъ мнѣ мѣсто смотрителя больницы; жалованья 400 р. (1500 р. асс.) и квартира. Я принялъ съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что предложеніе сдѣлано очень внимательно“. О томъ же онъ сообщалъ Бодянскому отъ 27 декабря: „новый губернаторъ, спасибо ему, обратилъ на меня свое милостивое око и хочетъ сдѣлать меня смотрителемъ какой-то больницы“¹⁾. Но отъ этого мѣста, однако же, Кулишъ потомъ отказался, отговоренный женой, которая страшилась за него возможности, къ довершенію всѣхъ бѣдъ и страданій, еще заразиться какой-нибудь инфекціонной болѣзью. О предложеніи губернаторомъ Кулишу должности помощника редактора губерскихъ вѣдомостей за 600 р. въ годъ, мы находимъ въ перепискѣ указаніе, что занятіе это было принято временно, за неимѣніемъ другихъ, по крайней нуждѣ, хотя Кулишъ, сберегая свое время для болѣе производительныхъ и пріятныхъ трудовъ, систематически отказывался отъ многихъ другихъ предложеній, напр. отъ уроковъ: „Недавно къ П. А. являлся какой-то чиновникъ съ предложеніемъ, не хочетъ ли онъ въ домахъ давать уроки, но П. А. отказался, потому что здѣсь самая хорошая цѣна 2 р. с. за урокъ, а тѣмъ болѣе онъ отказался, что ребенокъ десяти только лѣтъ: да за эти деньги, право, не стоитъ изъ нашей улицы выбираться“!

Таковы были условія жизни Кулишей въ Тулѣ. Отмѣтимъ въ заключеніе нашего обзора ихъ тульской жизни еще одно тяжелое приключеніе, хотя и не отразившееся ничѣмъ въ ихъ

1) «Кіевская Старина», 1897, X, 44.

дальнѣйшей жизни и даже не особенно замѣтно вырисовывающееся на общемъ мрачномъ фонѣ ихъ изгнанническаго существованія, но тѣмъ не менѣ заслуживающее упоминанія. Этимъ происшествіемъ было наводненіе, чрезвычайно рѣдко случающееся въ Тулѣ (послѣднее передъ тѣмъ наводненіе было 30 лѣтъ назадъ). „Однажды“—вспоминаетъ Александра Михайловна Кулишъ—„мы услышали какой-то необычайный гулъ; потомъ, смотримъ, понемногу появляется вода. Наконецъ, изъ находившихся напротивъ избъ, изъ оконъ плывутъ рѣшета, мычки, нитки и разныя хозяйственныя снадобья. На кровлѣ сидятъ женщины съ люльками, плачутъ дѣти, поютъ пѣтухи, воютъ собаки и иногда вода несетъ ихъ прикованными на цѣпи къ будкѣ, и будка кувыркается и толкаетъ ее во всѣ стороны; потомъ плывутъ люди на доскахъ, на челнокахъ, въ воздухѣ слышится какое-то гудѣнье, а вода все прибываетъ. Встревоженный мужъ мѣряетъ воду каждыя десять минутъ, посматривая на часы, а вода все прибываетъ“. Такъ рассказывала намъ объ этомъ происшествіи Ганна Барвинокъ. „Сердце у насъ замираетъ, дѣваться намъ некуда и нѣтъ знакомой души“! прибавляетъ она: „недостаетъ уже трехъ вершковъ, чтобы хлынуть черезъ порогъ въ нашу кухню; вотъ уже и два вершка только... Книжки и все погибаетъ, да и намъ то какъ выбраться. Не помню, сколько было часовъ ночи. Ждемъ дальше, чтѣ будетъ. Стоитъ вода полчаса, но уже не прибываетъ. Къ свѣту стала упадать, а потомъ все больше уменьшаться и наконецъ совсѣмъ исчезла“. Вскорѣ послѣ этого супруги наняли квартиру у бѣдныхъ дворянъ, перемѣнивъ свое жилище уже чуть не въ десятый разъ, но и тутъ повторилась прежняя исторія: то подъ благовиднымъ предлогомъ хозяева выпросятъ картину, на томъ основаніи, что братъ де рисуетъ, а назадъ не возвращаютъ, то зачитываютъ книгу...

XVIII.

Въ началѣ декабря 1848 года Александра Михайловна Кулишъ, движимая любовью къ мужу и желаніемъ улучшить ихъ общую участь, рѣшилась ѣхать хлопотать въ Петербургъ, гдѣ, кромѣ другихъ вліятельныхъ знакомыхъ, она могла разсчитывать особенно на содѣйствіе сенатора Кочубея, благодаря покровительству котораго воспитывались на казенный счетъ ея братья. Здѣсь она снова встрѣтилась и съ братьями, навѣстила по нѣскольку разъ всѣхъ друзей мужа и совершенно перенеслась въ иную, отрадную сферу. Обыкновенно по утрамъ она ѣздила (часто въ сопровожденіи брата Виктора Михайловича, не разъ хлопотавшаго также по дѣламъ Костомарова) хлопотать въ разныя учрежденія и къ разнымъ властямъ имѣющимъ лицамъ, а свободные часы и вечера проводила въ пріятномъ обществѣ Плетневыхъ и Ишимовыхъ. При наступленіи новаго года она писала мужу: „о Боже, если бы этотъ годъ былъ для насъ отрадой за всѣ наши многія, многія страданія! Неужели судьба наша не перемѣнится?.. Но я надѣюсь на что-то лучшее“. Первую встрѣчу съ П. А. Плетневымъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, она описываетъ такимъ образомъ: „Петръ Александровичъ заѣхалъ къ Ишимовой съ Оленькой (дочерью). Петръ Александровичъ входитъ въ гостинную, а я стояла у другихъ дверей, прямо противъ него; онъ улыбнулся, увидѣвши меня, и долго держалъ за руку. Потомъ мы удалились съ нимъ въ другую комнату, и онъ долго спрашивалъ о тебѣ. Еще до его пріѣзда Оленька очень просила меня пріѣхать къ ней въ среду, но я не могла дать ей слова; она пригласила меня въ воскресенье и потомъ вмѣстѣ въ концертъ, и я общалась. Потомъ Петръ Александровичъ ту же самую просьбу повторилъ“. И вотъ снова передъ Александрой Михайловной мелькаютъ симпатичныя лица Плетневыхъ, Нордштремовъ, братьевъ Гротъ и другихъ. Иногда она въ дружескомъ кругу проводитъ вечера, ей играютъ на фортепіано, поютъ, читаютъ, но она ни

на минуту не забываетъ своей заботы, соединенной впрочемъ съ отрадной надеждой на освобожденіе. Въ одной дружеской семьѣ ее просить подольше посидѣть, остаться ночевать; возвращается домой—тамъ снова ее ожидаетъ радушная встрѣча знакомыхъ. „Боже, опять ласки, вниманіе! да наградить ихъ всѣхъ Господь“! восклицаетъ Александра Михайловна. Но посреди хлонотъ, по разнымъ причинамъ сильно затянувшихся, внезапно начались новыя волненія: оставшіяся въ Тулѣ бобылемъ мужъ заждался и наконецъ, захворавъ, дошелъ въ своемъ нетерпѣннн до того, что совершенно въ разрѣзъ съ своими прежними инструкціями, ¹⁾ настойчиво потребовалъ скорѣйшаго возвращенія жены. Главное же было то, что его затворническая жизнь не оживлялась и не скрашивалась теперь постояннымъ присутствіемъ преданнаго существа. Извѣстія изъ Петербурга сильно взволновали его, живо перенося въ счастливое прошедшее ²⁾, и дразнили своимъ убійственнымъ контрастомъ съ переживаемыми впечатлѣніями, хотя, съ другой стороны, онъ получалъ возможность слѣдить за всѣмъ, касающимся друзей, причемъ иногда до него доходили интересныя и важныя извѣстія. Чтò было дѣлать? Александра Михайловна стала совѣтоваться съ Плетневымъ, который сказалъ ей: „онъ похожъ на ребенка; напишите ему нѣжное письмо, но вмѣстѣ съ тѣмъ строгое и убѣдительное“. Такое мнѣніе Плетнева было вызвано, можетъ быть, какимъ-нибудь неожиданнымъ рѣзкимъ отвѣтомъ ему Ку-

¹⁾ Прежде онъ писалъ ей такъ: «Если нужно оставаться въ Петербургѣ для успѣха въ нашемъ дѣлѣ, то оставайся, не портъ его выѣздомъ; но если отказъ или рѣшеніе, то не медли ни одного дня, потому что дни мнѣ кажутся годами».

²⁾ Съ другой стороны, вспоминались, конечно, и печальные эпизоды изъ прошлой жизни; напр., однажды Александра Михайловна писала мужу: «положеніе мое въ эту минуту похоже на давно прошедшее», (т. е. на то, что происходило съ ней во время его заключенія въ Третьемъ Отдѣленіи, когда она жила у брата Виктора): «лежу на томъ же диванѣ, гляжу на куполь Исааіевскаго собора, освѣщенный солнцемъ, испытываю тѣ же мученія, думаю о тебѣ».

лиша. Настроеніе послѣдняго въ его письмахъ къ Плетневу являлось иногда слишкомъ переменчивымъ, такъ что случалось, что похвалы Плетнева мужеству и терпѣнію, съ какими Кулишъ переносилъ свое несчастіе, вызывали неожиданно дѣлую бурю неудовольствія со стороны послѣдняго, заставъ его въ минуту отчаянія. Въ маѣ 1849 г. Плетневъ писалъ Кулишу: „Ни съ чѣмъ не сравню я утѣшенія, какое доставили мнѣ письмомъ своимъ отъ 14 мая. Въ немъ я встрѣтилъ все, чѣмъ такъ давно усиливался наполнить сердце ваше, потрясенное бурей и долго смущаемое волнами житейскаго моря. Теперь, сколько я долженъ судить по всему заключающемуся въ письмѣ вашемъ, вы достигнули благополучной пристани“ и проч... Въ другомъ письмѣ онъ писалъ: „Вы прекрасно сказали, что вышее награжденіе—въ самомъ трудѣ“ и проч. На это послѣдовалъ очень рѣзкій отвѣтъ: „Сытый голоднаго не разумѣетъ. Восхищались люди и умирающимъ гладіаторомъ“ и проч.

Въ концѣ 1849 года Кулишъ уже началъ отчаяваться и терять терпѣніе. Однажды онъ писалъ: „Если надо просить намъ графа Орлова, то увѣдомьте и дайте наставленіе, какъ. Я право, не знаю, о чемъ просить. Я уже перепробовалъ все, и ничего не хотятъ для меня сдѣлать—такъ не лучше ли дать покой себѣ и другимъ и довольствоваться тѣмъ, чего меня не лишили. Притомъ же не знаю, буду ли я счастливѣе съ переменною своего положенія. Я такъ вошелъ въ свою колею, что мнѣ тяжело и подумать о другой. Впрочемъ, какую бы мнѣ ни дали службу, если только она доставитъ мнѣ средства жить, я ее приму съ благодарностью. Но если и ничего не дадутъ, то не стану ни на кого жаловаться: мнѣ хорошо и такъ на свѣтѣ; жаль бѣдной Саши, но все-таки грѣхъ жаловаться на тоску, когда я очень рѣдко даже припоминаю, гдѣ я и въ какомъ положеніи. Съ утра до вечера я всегда занятъ самымъ пріятнымъ образомъ и желаю одного—чтобъ заниматься такъ вѣчно“.

Черезъ жену доходили до Кулиша извѣстія о другихъ дорогихъ ему людяхъ, хотя и не жившихъ въ Петербургѣ, но находившихся съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ.

Но всего передать въ письмахъ были невозможно, а часто и неудобно, и потому приходилось многое откладывать до личнаго свиданія: „Сердце мое! мнѣ будетъ нужно много о чемъ рассказать тебѣ при свиданіи“, писала однажды Александра Михайловна мужу. Такъ она рвалась всей душой къ мужу и, въ свою очередь, долго безуспѣшно ждала свиданія съ любимымъ братомъ Василиемъ, который отчасти взялъ на себя потомъ продолженіе хлопотъ и въ началѣ 1850 года такъ извѣщалъ о своихъ предполагаемыхъ дѣйствіяхъ: „въ Петербургѣ буду умолять достопочтеннѣйшаго генерала Дуббеля—оказать вамъ свою милость—перевести васъ въ Москву или дать лучшую должность“. Но долго не удавалось, однако, добиться исполненія не только этихъ просьбъ, но и простаго свиданія. Зная нетерпѣливое ожиданіе своей сестры, онъ же съ грустью писалъ ей: „и стукъ колесъ, и визжаніе саней—все обманываетъ твое ожиданіе. Я здѣсь и здѣсь, на дальнемъ сѣверѣ и ни на шагъ не подвигаюсь къ югу“. Наконецъ благодаря отчасти содѣйствію сенатора Кочубея, административная кара была снята съ Кулиша. Но больше здѣсь имѣло вліяніе представленіе Кулиша въ Тулѣ, по желанію губернатора, великимъ князьямъ во время ихъ проѣзда черезъ городъ. 6 сентября 1850 года Кулишъ писалъ Бодянскому: „Совершилъ путешествіе на Куликово поле, нарисовалъ памятникъ Димитрію Донскому для представленія великимъ князьямъ, во время ихъ проѣзда черезъ Тулу. Сегодня все это представлено, причемъ я удостоенъ губернаторомъ чести быть представленнымъ ихъ Высочествамъ“¹⁾. Когда онъ получилъ первое извѣстіе объ осво-

¹⁾ Есть въ одномъ заграничномъ изданіи, въ біографическомъ очеркѣ, составленномъ, повидимому, на основаніи сообщеній самого Кулиша, свѣдѣніе о томъ, что Кулишъ, описавъ мѣстную старину во время своего заточенія въ Тулѣ, снабдилъ свой трудъ въ видѣ иллюстраціи археологическими и другими акварелями, и когда императоръ Николай увидѣлъ ихъ, то заинтересовался узнать имя художника. Это обстоятельство будто бы имѣло немалое вліяніе на болѣе раннее прощеніе Кулиша сравнительно съ его товарищами по несчастью.

божденіи черезъ жандармскаго полковника Шварца, (это было 14 декабря 1850 года), радость совершенно лишила его употребленія слова и онъ едва былъ въ состояніи на клочкѣ бумаги написать своей женѣ священное слово: „свобода“; клочекъ этотъ навсегда получилъ съ тѣхъ поръ для супруговъ драгоцѣнное значеніе и сохраняется до настоящаго времени у его вдовы. Плетневъ и другіе друзья Кулиша сочувствовали его освобожденію отъ всей души ¹⁾. Костомаровъ, узнавъ о радостномъ событіи, писалъ Виктору Михайловичу Бѣловверскому: „Извѣстіе объ освобожденіи Пантелеймона Александровича доставило мнѣ истинное удовольствіе. Я желаю ему всякаго добра и благополучія, и надѣюсь, что Богъ дастъ ему счастье по кратковременномъ страданіи“ ²⁾.

В. Шенрокъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Кулишъ былъ также въ хорошихъ отношеніяхъ съ Погодинымъ и переписывался съ нимъ; см. — «Жизнь в труды Погодина», IX, 433—435; также VП, 141—145; VIII, 251—252; тамъ же о катастрофѣ 1847 г. XII, 147—150.

²⁾ «Кіевская Старина», 1897, X, 136.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Древнѣйшій списокъ (1820 г.) Наталки-Полтавки И. П. Котляревскаго. (*Описаніе*). Столѣтній юбилей Энеиды Котляревскаго, помимо нѣкотораго оживленія національнаго чувства, явился счастливымъ и въ другомъ отношеніи. Отерылся рядъ рукописныхъ произведеній К—скаго, хотя правда и не оригиналовъ, но являющихся древнѣйшими по сравненію съ печатными экземплярами и потому представляющихъ интересъ прототиповъ или во всякомъ случаѣ варьянтовъ. Таковы—изданный П. Житецкимъ списокъ «Энеиды» и другой, открытый недавно проф. Дашкевичемъ; затѣмъ, найденный, какъ мы слышали, списокъ «Москала Ч.» и предлагаемая нами рукопись «Наталки П.». О научномъ значеніи подобныхъ находокъ говорить не приходится: оно—внѣ сомнѣній, если рукописи представляютъ даже тождественность съ печатными экземплярами, а тѣмъ болѣе при несходствѣ съ ними. Подобныя рукописи утверждаютъ или дополняютъ все напечатанное поэтомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полнѣе освѣщаютъ самую личность автора. Къ такого рода спискамъ мы должны отнести и настоящій—«Наталки», представляющій для изслѣдователя, какъ мы постараемся показать, несомнѣнную важность. Рукопись «Наталки»—небольшая квивечка въ 8-ю листа, безъ пагинаціи и, къ сожалѣнію, безъ одного листка; написана она на пожелтѣвшей отъ времени бумагѣ, на оборотѣ послѣдняго листка вмѣстѣ зачеркнутую фамилію «Лукашевича» и, что самое главное, на 2-мъ листѣ носятъ ясно обозначенную дату «1820» года. Эта послѣдняя сразу дѣлаетъ списокъ «Наталки» заслуживающимъ хотя-бы формаль-

Томъ 73 — Апрель, 1901. П—1

наго вниманія: вѣдь онъ на 18 лѣтъ старше перваго, теперь антикварнаго, изданія нашей оперы и написанъ только на годъ позже появленія ея на сценѣ! Онъ, конечно, одинъ изъ массы подобныхъ же списковъ, ходившихъ въ то время по рукамъ въ Украинѣ, написанъ не авторомъ пьесы, но во всякомъ случаѣ довольно исправно. Исторія этого списка не сложна; по собраннымъ свѣдѣніямъ, онъ находился первоначально въ библиотекѣ извѣстнаго Лувашевича, затѣмъ достался историкъ Н. Маркевичу, отъ него полтавскому любителю старины Бучневичу, а отъ послѣдняго украинскому поэту г. Жарко, который и представилъ любезно рукопись въ наше распоряженіе. Книжечка переписана лицомъ несомнѣнно украинскаго происхожденія, мало образованнымъ и къ правописанію относившимся довольно вольнолюбиво. На каждомъ шагу у него встрѣчается «и» вмѣсто «ы», и наоборотъ, вногда «ѣ» вмѣсто «и», даже «ы» вмѣсто «и», изрѣдка твердое «р», отдѣленіе предлога отъ глаголовъ и т. п. Словомъ, внѣшность рукописи блескомъ не отличается; но за то внутренніи достоинства искупаютъ недочеты правописанія ея безусловно. Важность ея заключается въ многочисленныхъ вариантахъ, изъ которыхъ немалое число довольно оригинальныхъ.

Вотъ главнѣйшіе изъ такихъ вариантовъ по сравненію съ изданіемъ Срезневскаго.

У Срезневскаго:

Въ рукописи:

- | | |
|--|--|
| Стр. 11 — тилько тоди и полегча,
якъ вышкомъ поплачу. | — тилько тогди трошки легче,
якъ вышкомъ заплачу. |
| › 10. — но смерть не забуде; | — по виць не забуду. |
| › 12 — не вышеупомянутымъ
именемъ; | — не выше помьянутымъ имья
режъ; |
| › 14 — я рѣчи вашои въ
толкъ собѣ не возьму; | — я ричи вашои не розумію; |
| › 16 — якъ же можешъ ты
дружытьсѣ; | — якъ же тоби дружитисѣ... |
| › 18 — всему земству урвалася
теперъ... | — всему земскому суду увирва-
лася теперъ... |

- | | |
|--|-------------------------------|
| » 19 — золото—не дивка! | — то-то дивка! |
| » » — поважа матирь свою; | — поважа стару матирь. |
| » » — яка рукодильница! | — а рукодильница! |
| » 20 — молодець не убогий. | — чоловікъ не убогий. |
| » 23 — нарицаеть себе... про-
стою; | — нарицаеть себе... селянкою. |
| » 42 — Гоминь по диброви; | — гоминь на долини. |

Какъ можно видѣть, всѣ приведенные варианты не отличаются рѣзкими особенностями и, хотя для будущаго критическаго изданія «Наталки» должны имѣть несомнѣнное значеніе, но почти являются равнозначными. За то въ рукописи имѣется рядъ мѣстъ, проникнутыхъ полной оригинальностью, частью совершенно имѣющихъ смыслъ діалога, а частью придающаго ему извѣстный колоритъ.. Для нагляднаго представленія о такой важности рукописи, приведемъ сначала рядъ вариантовъ, измѣняющихъ кардинально текстъ, но пока не вліяющихъ на національную его окраску. Варианты эти слѣдующіе.

У Срезневскаго:

Въ рукописи:

- | | |
|--|---|
| Стр. 13 — и сердце все стонеть,
Какъ камень, духъ въ пучину
золь тонеть. | — и сердце все стонеть,
Какъ камень, бухъ!—въ пучину
золь тонеть. |
| » 15 — и душа моя ежечасно
волаеть тебе и послѣ ныш-
порвой даже годыны. | — и душа моя ежечасно же-
лаеть и послѣ неоспорно даже
тужыть. |
| » 21 — буде силы и живну—
тее-то якъ ёго—годовати и
зодягати | — и жинку буде чымъ—тее-то-
якъ его—и другого кого го-
дувать. |
| » 27 — и знанацька Ангель
зъ неба зъ огненною ризкою
злетивъ— | — и иззнанацька ангель зъ ог-
ненною ризою застыгъ |

- | | |
|--|---|
| <p>» 35 — и на ихъ никто не
 главе.</p> <p>—</p> <p>» 48 — и уже де и чортъ не
зможе, то пошли Макогонен-
ка—заразъ докаже</p> <p>—</p> <p>» 49 — Терпелыха Горышна</p> <p>—</p> <p>» 50 — Де-жь блукае мій Пе-
трусь,
Що я досы не вернувсь?</p> <p>—</p> <p>» 52 — А у мене не орано
И ничего не сіяно.</p> <p>—</p> <p>» 56 — Хиба есть яка земля,
праведными Іовами населена?</p> <p>—</p> <p>» 57 — О, злая доле, чомъ ты
не такая, якъ другихъ?</p> <p>—</p> <p>» 58 — не успивъ ничего и
 спытати.</p> <p>—</p> <p>» 67 — тудя запроторымъ, де
 козамъ роги правлять...</p> <p>—</p> | <p>— на неи никто и не глане,
якъ на старого гриба.</p> <p>—</p> <p>— и вже де й чортъ не озме,
то пошли Макогоненка, за-
разъ дистане.</p> <p>—</p> <p>— Терпелыха Катря.</p> <p>—</p> <p>— Де-жь блукае мій Петрусь,
Що за мене вже забувсь?</p> <p>—</p> <p>— А у мене не орано,
А ни жыто не сіяно.</p> <p>—</p> <p>— Хиба есть така земля, пра-
ведными вивцями населена?</p> <p>—</p> <p>— О, злая моя доля, не такая,
якъ другихъ!</p> <p>—</p> <p>— не успивъ ничего сказать.</p> <p>—</p> <p>— тудя тебе запроторимо, де ко-
замъ роги правлять!</p> <p>—</p> <p><i>Терпел.</i> Сь слызны маро!</p> <p>—</p> |
|--|---|

По приведеннымъ здѣсь образцамъ можно судить вполне опре-
дѣленно, насколько существенны измѣненія, которыя могутъ быть
сдѣланы въ текстѣ «Наталки» на основаніи «оригинальности» ва-
риантовъ; а что такія измѣненія должны быть сдѣланы, въ этомъ
не можетъ быть сомнѣнія. Еще болѣе убѣждаютъ насъ въ томъ-же
новые варианты нашего списка, однородные по существу съ выпи-
санными выше, но по формѣ выраженія и потому по значенію далеко
оставляющіе ихъ за собою. Это — варианты, которые мы назвали-бы
«путеводительными», и вотъ почему. Въ списокѣ «Наталки» Срезнев-

скаго встрѣчается рядъ мѣстъ, не имѣющихъ часто никакого смысла в обязаннѣхъ этимъ, вѣроятно, самому издателю. Напрасно мы считали-бы ихъ опечатками и, согласно указанію Срезневскаго, обратились-бы за разъясненіемъ къ приложенному имъ къ словесному Словарю: послѣдній не облегчаетъ дѣла нисколько. Вотъ въ такихъ случаяхъ данный списокъ является драгоценнымъ; онъ въ отношеніи печатнаго экземпляра играетъ роль исправителя и для установленія болѣе правильнаго текста становится положительно необходимымъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только посмотреть на нижеслѣдующую таблицу.

Срезн.

Рукоп.

Стр. 13 — Позвы и кони страхъ надоѣли...	— Позвы, кони страхъ надоили.
—	—
» 14 — Узавленное часто-рече- ною любовію сердце	— Узавленное чисто-сердечною любовію сердце
—	—
» 18 — Я иду зѣ дому. Выпро- важавъ гостя	— Я иду до дому. Выпроважавъ гостя...
—	—
» Ib. — не тилько засидате- лямъ, ни самому комисарови уже не те, якъ давно було...	— не тилько засидателямъ, даи самому комисарови не те уже, що було...
—	—
» 22 — Колы другіи облызвн піймають.	— колы другіи облызвн піймалы.
—	—
» Ib. — Наталка поднесла пе- ченого кабана	— Наталка подвесла печеного гарбуза
—	—
» 38 — колы бачыть ридну свою при старости... и ту-жъ уми- раючу одъ голоднои смерти	— Колы бачыть ридную свою матирь при старости и.... тужъ-тужъ умираючы одъ го- лоднои смерти.
—	—
и на вси стороны мотається:	
» 48 — Де не посіе, тамъ в уродыться	— де не посій, тамъ в въ ро- дыци
—	—

- | | |
|--|--|
| > 56 — Два плута въ сели, и
селу безчестья не роблють, а
не тильки. .
— | — два плутиги въ сели и селу
безчестя нароблять.
— |
| > 59 — Отъ-же и въ Ворсклу
не будешъ
— | — Отъ-же и въ Ворскли не бу-
дешъ.
— |

Такое «исправляющее» значеніе вашего списка не исключаетъ, конечно, возможности присутствія и въ немъ самомъ извѣстнаго количества бессмысленностей, что, на примѣръ, видно изъ нижеслѣдующей таблицы вариантовъ.

Срезн.

Рукоп.

- | | |
|---|--|
| > 17 — Ой по горя, по Па-
няницы
— | — Ой на гори на полянци (!).
— |
| > 26 — безъ данн, безъ по-
шлинны.
— | — безъ даже (!), безъ пошлинны..
— |
| > 28 — Тильки великымъ гри-
шныкамъ даромъ проходить.
— | — Тильки великымъ гришны-
камъ такого банкету (!). за-
даютъ...
— |
| > Ів. — Ой доля... що до ян-
шыхъ дуже гречна...
— | — Ів. — Ой доля... що до ян-
, чихъ прочна (!).
— |
| > 34 — чи не изъ города ты
таку прымху прынесла?
— | — чи не зъ города таку при-
манку прынесла?
— |
| > Ів. — той небогатый, той
неметкий.
— | — той небогатый, той меткий.
— |

Такимъ образомъ, найденная рукопись не можетъ быть названа совершенной; но несовершенство ея—вещь въ данномъ случаѣ и не существенная и исправимая, благодаря тому-же изданію Срезневскаго. Для насъ, наоборотъ, болѣе важно сравнительное совершенство рукописи относительно печатнаго списка, и тотъ фактъ, что послѣдній безъ нея обойтись не можетъ: эта рукопись, въ силу обилія вариантовъ указаннаго типа, должна стать исходной точкой для каждаго изслѣдующаго и устанавливающаго текстъ «Натали». Но иная катего-

- › 45 — но я, благодареніе Богу, — но я, дяковать Богу, до якого
до сего часу часу
- › 60 — до мене опять вернувсь — тай до мене навернувсь.
- › Ів. — объ любви поговорыте — объ любви поговорыте.

Таковы образцы особенностей найденнаго списка, сообщающіе тексту пьесы общій украинскій колоритъ; но есть возможныя въ данномъ направленіи и частности. И это именно въ обрисовкѣ типа Вознаго. У Срезневскаго послѣдвій до нѣкоторой степени обрушенъ; виновать-ли въ этомъ самъ авторъ или издатель пьесы, неизвѣстно,—но, во всякомъ случаѣ, неполныя украинскія очертанія названнаго типа даютъ себя чувствовать. Вотъ этотъ-то недостатокъ вновь восполняетъ до извѣстной степени найденная рукопись, что можно иллюстрировать такими образцами.

*Срезн.**Рукоп.*

- Стр. 13 — Насталь мой часъ — Наставъ мій часъ.
- › 12 — Но желаю изъ медо- — но бажаю изъ усть твоихъ
выхъ усть твоихъ медовыхъ.
- › 13 — Не ощущалъ возженіа — не ощущавъ возженія въ
въ крови крови.
- › Ів — Какъ райскій вринь. — якъ райський кринь.
- › Ів. — Когда-бы я имѣлъ— — когда-бы я имѣвъ тее-то
тее то якъ его—столько язы- якъ его... стилько языивъ,
ковъ, сколько артикуловъ, скилько артыкуливъ,
- › 15 — открой мнѣ хотя въ — открий мени хотя въ тер-
терминѣ минѣ.
- › 22 — Якъ совитуешъ въ та- — якъ ты совитуешъ въ такимъ
ковомъ моемъ припадци моимъ прыпадку.
- › 98 — розмышлялъ я предо- — розмышлявъ я предоволно,
волно,

Вотъ, такимъ образомъ, главнѣйшія особенности найденной рукописи по сравненію ея съ печатнымъ спискомъ. Если мы теперь скажемъ, что число отличительныхъ ея чертъ есть свыше 600, то станетъ яснымъ, насколько рукопись «Наталка» любопытна для изслѣдователя. Для будущаго установителя текста пьесы она должна стать незамѣнимымъ вспомогательнымъ средствомъ даже въ томъ случаѣ, если-бы отыскана была подлинная рукопись Котляревскаго. При данномъ-же условіи, найденный списокъ почти замѣняетъ утраченный оригиналъ, исправляя существующія печатныя редакціи и, вѣроятно, передавая болѣе или менѣе близко первоначальную редакцію пьесы. Такъ или иначе, но на открытую рукопись «Наталка» мы обращаемъ вниманіе лицъ, имѣющихъ возможность издать ее параллельно съ текстомъ изданія Срезневскаго.

Для изслѣдователей произведеній Котляревскаго она представляетъ безспорный интересъ научный.

И. Стешенко.

Булава гетмана Тетери. Вещественныхъ памятниковъ гетманщины сохранилось, какъ извѣстно, очень мало, да и то, что сохранилось—разбросано по разнымъ мѣстамъ, болѣею частію безъ печатныхъ свѣдѣній—гдѣ и что хранится. А если есть печатныя свѣдѣнія, то они часто находятся въ такихъ книгахъ и книжкахъ, гдѣ никакъ не подозреваешь встрѣтить описаніе этихъ памятниковъ. Вотъ напр., свѣдѣніе о булавѣ гетмана Тетери напечатано въ книжкѣ: *Marya Bogorodzica w Nazareti na Jasnej—Gorze Czestochowskiej* (2 томикъ, изд. въ 1845 г., въ Краковѣ). Здѣсь, (въ главѣ—Skarbiec, рачміатки uchowane и проч., II, 81—88) въ числѣ гетманскихъ булавъ, сохраняющихся въ ризницѣ монастыря, указана «*Булава pstro złосона, w jaszczur* ¹⁾ bez kamieni, Tetery, hetmana zaporożkiego». Извѣстно, что Тетери кончилъ жизнь іезуитомъ, чѣмъ и объясняется, что булава его попала въ католическій монастырь. ²⁾

¹⁾ Булава, древко которой обтянуто змѣиной кожей.

²⁾ Въ этой же книжкѣ перечислены (II, 149 и слѣд.) католическія чудотворныя иконы Богородицы, находящіяся въ костелахъ юго-западнаго края: въ Летячевѣ, Кодичѣ, Заславлѣ, Клевани, Луцкѣ и друг.

Два письма гетмана Мазепы къ гадяцкому полковнику, писанныя во время зимовки въ Дубно, въ декабрь 1705 года. Какъ извѣстно, лѣтомъ 1705 г., Мазепа, по приказу царя, выступалъ въ походъ, въ Польшу. Дѣло шло о поддержаніи короли Августа противъ его соперника Станислава Лещинскаго. Походъ затянулся, и гетману пришлось, съ своимъ войскомъ, зимовать на Волыни, въ Дубно. Въ этомъ походѣ не разъ случалось, что офицеры великорусскихъ войскъ позволяли себѣ оскорблять малороссійскихъ козаковъ; старшина послѣднихъ жаловалась гетману, но послѣдній рѣдко могъ помогать обиженнымъ.... По свидѣтельству Орлика, въ это время у Мазепы зародилась первая мысль объ измѣнѣ. Ничакихъ подробностей объ этомъ походѣ въ малороссійскихъ источникахъ, до сихъ поръ, мы не имѣемъ. Тѣмъ интереснѣе, слѣдовательно, печатаемыя здѣсь два письма Мазепы, писанныя въ декабрь 1705 г., изъ Дубно, къ наказному гадяцкому полковнику Велецкому ¹⁾, и говоряція именно объ этомъ походѣ. Между прочимъ, въ одномъ изъ нихъ Мазепа говоритъ о своихъ *«щоденныхъ турбаціяхъ»*, связанныхъ съ этимъ походомъ.

1. Мой ласкавый пане полковнику наказный гадяцкий. З листу в. м. вѣдомо намъ о распораженю полку вашего на зимовіи консистенціи товариства, за що, в. м., похваляемъ и щиро жадаемъ и приказуемъ, абысь в. м. всячески оное заохочувалъ, дабы не тискливе составляли (чтобы не скучали) на той монаршей его царского пресвѣтлого величества службы, до его жъ великого государя указу и нашої волѣ, поневажъ и мы, гетманъ, такъ же мусымъ тутъ въ воеводствѣ волынскомъ найдоватися. А що, в. м., въ томъ же листѣ и о щуплости товариству полку вашего станціи докладаешъ, tedy самъ уже, в. м., потрафляй въ тое, жебы, якъ належить, моглося товариство полку вашего довольно быти станціями, на которыхъ если на назначеныхъ вамъ въ воеводствахъ белзкомъ и волинскомъ мѣстцахъ же можется помѣстити, то хочай руского воеводства и земли львовской

¹⁾ Василий Велецкій, съ конца XVII в. по 1709 г., былъ гадяцкимъ полков. судьбою, а потомъ, по выходѣ въ отставку (1711—1721 г.), оставался значн. войск. товарищемъ. Отъ Мазепы Велецкій получалъ два села: Синювку, въ гадяцкомъ полку, и Ювковцы, въ Лубенскомъ; а отъ Скоропадскаго, въ 1716 г., получалъ гадяцкое село Броварки. Сынъ этого Велецкаго, Василій же, былъ гадяцкимъ полков. сотникомъ.

часть, въ воеводствамъ белзкому и волинскому прилеглу, займіте и остатокъ полку своего товариства распоряджайте на станціи, намъ болше о томъ не докучаяча, *кдыжъ и безъ того есть намъ зтолко щоденне турбацій*. О тое я повторе жадаючи и пригазуючи в. м. пилю, ему жъ засылаемъ упреймое наше поздоровлене. З Дубна. 1 декабря, 1705 року. В. м-ти зичливый пріятель Иванъ Мазепа, гетманъ рукою власною.

2. Мой ласкавий пане полковнику наказный гадацкий. Уже то повторный пресвѣтлѣйшого монархи, его царского пресвѣтлого величества зайшолю насъ указъ, абысмо войска рейменту нашего, на консистенціяхъ въ воеводствѣ белзкомъ и землѣ хелмской застаючіе, ординовали, подъ коммендою наказного нашего пана полковника чернѣговского, на службу его монаршую и на зимовіи консистенціи, ку Кракову и Сандомиру в злученяси з енераломъ его королевского величества Сазонскимъ; прето мы, по першомъ монаршомъ указу, засилалисмо в. м-ти таковой нашъ ординансъ, жебысь в., м., з товариствомъ полку гадацкого, въ борошенніе всякіе приспособлялся запасы и якъ належить до походу военного в поготовости знайдовался. Теперь засъ, по повторномъ монаршомъ указу, повторный в. м., черезъ сей листь нашъ, засылаемъ ординансъ и пилю приказуемъ, абысь, в. м., заразъ за одобранемъ оного, двигнувши зъ консистенцій все полку гадацкого товариство, не оставуючи ни единого въ добрахъ королевскихъ и духовныхъ человѣка, яко намскорей зо всеъмъ полкомъ слѣшнися въ злученяси зъ наказнымъ нашимъ паномъ полковникомъ чернѣговскимъ и енераломъ королевского величества саксонскимъ, трактомъ ку Кракову и Сандомиру лежачимъ, ку Вислѣ. Въ добрахъ засъ шляхецкихъ можешъ, в. м., по два, а в силу—по три человѣка товариства тихъ, котри не способни до служби войсковои суть, зостановити для того, жебы хто иншій не убѣгъ и не занялъ тихъ консистенцій. А когда военный трафится случай, повиненъ в. м. пану полковникови чернѣговскому належитое отданати послушенство в, за помощію Божією, для чести монаршей и славы войска Запорожского, щире и отважне противно непріятеля ставати. О тое в. м. и повторе пилю приказуемъ и его жъ Богу поручаемъ. Давъ в Дубну. Декабря 21, 1705 року. Вы-ти зичливый Иванъ Мазепа гетманъ, рукою власною. (*Оба письма съ подлинниковъ, полученныхъ отъ Н. И. Янжула*).

Свѣдѣніе объ остаткахъ семейнаго архива Полуботковъ.

Въ первомъ выпускѣ тома II-го „Трудовъ Археогр. Ком. Моск. Арх. Общ.“ (стр. 149—150) графиня П. С. Уварова напечатала списокъ царскихъ грамотъ, выданныхъ: а) Леонтію и сыну его Павлу Полуботкамъ на маестности въ Черниговскомъ полку и б) гадацкому полковнику Мих. Вас. Самойловичу на маестности въ Лебединскомъ у., Харьковской губерніи. Тутъ же упомянуто и о другихъ документахъ, принадлежавшихъ Полуботкамъ. Всѣ эти документы хранятся въ с. Михайловкѣ, Лебединскаго у., Харьк. г., у тамошнихъ помѣщиковъ гр. Капнистовъ. Какъ попали туда Полуботковскія бумаги, это объясняется генеалогическими свѣдѣніями. С. Михайловка была основана въ 1678 г. гадацкимъ полковникомъ, Михайломъ Васильевичемъ Самойловичемъ, на пожалованныхъ ему „помѣстныхъ земляхъ“, въ Лебединскомъ уѣздѣ, «за р. Пслемъ, въ урочищѣ Бѣсовщинѣ». Этотъ полковникъ былъ родной племянникъ гетмана Самойловича, который поставилъ его полковникомъ по родству.¹⁾ Это же родство дало возможность молодому полковнику жениться на дочери стараго переяславскаго полковника Леонтія Полуботка.—Послѣ низложенія гетмана Самойловича, Мазепа, преслѣдуи родню послѣдняго, напалъ и на гадацкаго полковника, за какую-то, разумѣется, измѣну. Мих. Самойловича сослали въ Сибирь, а Михайловку Мазепа отдалъ своему племяннику, Обидовскому; а когда измѣнилъ самъ Мазепа, то Михайловку, которою владѣла вдова Обидовскаго, выпросилъ у царя Павелъ Полуботокъ, опираясь на свое свойство съ основателемъ этого села. Отъ Полуботковъ Михайловка переходила, повидному, къ разнымъ лицамъ; теперь ею владѣютъ гр. Капнисты. Засимъ рождается любопытный вопросъ: какимъ образомъ такія важныя бумаги Полуботковъ, какъ царскія грамоты и другіе семейные документы—попали въ Михайловку въ то время, когда Павелъ Полуботокъ, его сыновья и слѣд. потомки—постоянно были въ Черниговщинѣ?—Изъ сообщенія Д. П. Маллера, недавно посѣтившаго ту же Михайловку,

¹⁾ Мих. Самойловичъ поставленъ былъ гадацкимъ полковникомъ послѣ смерти полковника Остренка, причѣмъ гетманъ, оправдываясь противъ нареканій, что онъ въ полковники ставитъ почти исключительно родню и друзей, относительно племянника оправдывался такъ: „а на Гадацкое полковничество тамошніе полчане, по убіеніи полковника своего, прошеніемъ крѣпкимъ племянника моего допомоглись“. Дополн. къ актамъ историч., т. XI, стр. 163.

съ археографическою цѣлью въ виду предстоящаго Харьковскаго археологическаго съѣзда, видно (Вѣстн. Всемирн. Истор., 1901 г., № 2, стр. 205), что въ семейномъ архивѣ гр. Капнистовъ хранятся не только официальные документы на маестности Полуботковъ, но и такія рѣдкости, какъ напр., «рукописный сборникъ, составленный Павломъ Полуботкомъ во время его ученія въ кіевской академіи», „постановленіе генеральной канцеляріи (?) объ избраніи П. Полуботка въ наказные гетманы“ и проч.—Почему же эти бумаги хранятся въ Михайловкѣ, а не у черниговскихъ наслѣдниковъ Полуботковъ—Милорадовичей, Лашкевичей и друг.? Не потому ли, что они могли быть пересланы изъ Черниговщины въ Михайловку тогда, когда семья Полуботка, узнавъ объ арестѣ послѣдняго въ Петербургѣ, сожгла и его письма въ Черниговскомъ домѣ Полуботка. (Истор. Р., Солов., кн. IV, стр. 836). Конечно, документовъ на маестности жечь не рѣшались, но боясь, что ихъ можетъ забрать царскій слѣдователь Румянцовъ (А. И.), семья Полуботка могла отправить оставшіяся бумаги на храненіе въ далекую маестность...

Будемъ ожидать, что Д. П. Миллеръ сообщитъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ остаткахъ Полуботковскаго семейнаго архива. Кстати, этихъ семейныхъ архивовъ въ Малороссіи теперь почти уже не существуетъ: погибли они отъ крайняго небреженія потомковъ тѣхъ лицъ, которыя съ к. XVII в., вмѣстѣ съ маестностями, накопили и разные „шиаргалы“. ¹⁾

✓ **Отдача гетманомъ Разумовскимъ мѣстечекъ Носовки и Нобыжчи своей матери Натальѣ Демьяновнѣ.** Во время назначенія Разумовскаго гетманомъ, у матери его имѣлось только небольшое село Адамовка, подаренное ей старшимъ сыномъ, Алексѣемъ. Въ хуторѣ около Адамовки, Разумовская устроила себѣ усадьбу, въ которой и жила. Но когда младшій сынъ поставленъ былъ гетманомъ, мать его въ томъ же году (1751 г.) обратилась къ ментору этого сына и про-

¹⁾ Недавно мы приобрѣли въ одной изъ подольскихъ книжныхъ лавочекъ (въ Кіевѣ) цѣлый фоліантъ семейныхъ бумагъ Корецкихъ и Кулябко-Корецкихъ. Приобрѣли мы этотъ сборникъ бумагъ за рубль или за два...

сила походатайствовать у носѣдника—нельзя ли ей дать, поблизу къ ея хутору, еще какую нибудь маетность, «для вспоможенія къ дому Адамовскому». Теплово успѣшилъ исполнить эту просьбу, результатомъ которой явилась отдача гетманомъ матери своей двухъ богатыхъ мѣстечекъ въ «вѣчное владѣніе», какъ это видно изъ слѣдующихъ двухъ писемъ¹⁾.

1) »Милостивая Государыня графиня Наталія Демьяновна! По повелѣнію вашему, чрезъ г. Пустоту, какъ о дворахъ, такъ и о Івасѣ(?) я его ясневельможности того жъ часа доложилъ, на что и резолюція воспослѣдовала вашему сіятельству угодная. Итакъ я ваше сіятельство всенижайше поздравляю владеніемъ новыхъ маетностей, которыя собственно персонѣ вашего сіятельства принадлежать, желая всеусердно и всегда пользоваться ясневельможнаго гетмана а вашего любезнѣйшаго сына почтеніемъ и ласкостію къ родительницѣ своей. При чемъ предаю себя въ неотмѣнную вашего сіятельства высочую милость, есмь со всегдашнимъ высокопочтавіемъ вашего сіятельства, милостивою государыни, *всенижайшій слуга Григорій Теплово*.

Глуховъ. Октября 18 дня, 1751 году».

Р. С. Дьяушку Надежду ея сіятельство приказалъ просить прислать, а для ваятія братъ ея родной посланецъ.

2) «Милостивая Государыня матушка! Увѣдомившись чрезъ посланнаго вашего, что вы имѣете нужду въ нѣкоторомъ вспоможеніи къ дому вашему Адамовскому, того ради, хоти вы на нѣкоторое только время просили, однакожъ я, изъ почтенія къ вамъ сыновняго, опредѣлилъ въ вѣчное и спокойное владѣніе, въ полку киевскомъ, мѣстечка Носовку и Кобызчу, со всѣми въ оныхъ жительствующими свободными и посполитыми людьми п съ надлежащими ко онымъ мѣстечкамъ грунтами, угольями и всѣми принадлежностями, на что вамъ, государыня матушка, и универсалъ при семъ посылаю, желая отъ всего сердца оными маетностями благополучно и долголѣтно владѣть. А себя препоручая вашимъ родительскимъ молитвамъ, пребываю вашъ *послушный синъ графъ К. Разумовскій*.

Глуховъ. Октября 18 дня. 1751 году».

¹⁾ Письма получены въ подлинникахъ отъ А. Ф. Бадрова.

¹⁾ Курсивомъ напечатанныя слова писаны собственноручно.—Выданный Разумовскимъ при томъ универсалъ см. Обзор. Рум. Опис., 142.

Къ этимъ письмамъ можно добавить, что Носовка и Кобыжча были *сотенными городками*, которые до того, всецѣло (разумѣется, безъ козаковъ) почти еще не отдавались въ частное владѣніе, да при томъ еще и въ вѣчное. Однако-жь Носовка и Кобыжча не остались у Разумовскихъ, такъ какъ, при упраздненіи гетманства, крестьяне этихъ мѣстечекъ обращены были въ «коронныхъ». Позже Носовка и Кобыжча были выпрошены себѣ Безбородкомъ, умѣвшимъ выбирать доходныя мѣстности.

✓ Къ исторіи Гадяцкаго полка. По свѣдѣніямъ Шафонскаго (Черниг. нам., 88 и 628), въ его время, въ гадяцкомъ архивѣ (ратушномъ?) хранились «замковыя дневныя записки, гдѣ замку гадяцкаго королевскаго управитель, иногда самъ, иногда обще съ гадяцкимъ войтомъ, всё дѣла жителей гадяцкихъ и до замку принадлежащихъ поселянъ разбирать. Сія судовая дневная записка, съ выгнаніемъ поляковъ 1654 г., на польскомъ языкѣ кончилась, а за оною, такимъ же образомъ, продолжалась на русскомъ, гдѣ тоже намѣстники замковыя, обще съ ратушею, всякую расправу дѣлали».... Отсюда видно, что еще въ 1786 г. въ Гадячѣ сохранялись *городскія книги*, начинавшіяся съ 1645 г.; въ этихъ книгахъ заключалось множество драгоценнаго матеріала для исторіи юридическаго быта данной мѣстности и полныя свѣдѣнія о персоналѣ тогдашней полковой старшины. Все это погребло, и въ настоящее время приходится дорожить каждымъ листомъ той или другой «выписей» изъ утраченныхъ городскихъ книгъ. Одна изъ такихъ «выписей» и печатается здѣсь, при чемъ въ ней указываются два лица: 1) вовсе неизвѣстный до сихъ поръ гадяцкій полковникъ *Яковъ Тищенко* и 2) *Павелъ Апостоль*, отецъ гетмана, тоже бывший въ 1659 г. гадяцкимъ полковникомъ, который продаетъ въ Гадячѣ свою усадьбу, и. ч. въ это время онъ усиленно скупалъ¹⁾ землю въ Миргородщинѣ, гдѣ, послѣ Гадяча, Апостоль съ своей семьей основался и гдѣ онъ вывелъ въ люди своего сына Данила, одного изъ лучшихъ людей въ старой Малороссіи, но до сихъ поръ еще мало вѣдомаго въ печатной литературѣ.

¹⁾ См. Русск. Арх. 1875 г., I, 92.

«Выписъ с книгъ полковихъ гадяцкихъ в року 1670, ноемря 3 дня.

Передо мною, Яковомъ Тишенъкомъ, полковникомъ войска его царского пресвѣтлого величества запорозкого гадяцкимъ, и при мнѣ будучи Хвеска Донъца, сотника гадяцкого, Кирила Мартиновича, есаула полкового, Стефана Моврѣевича и иныхъ людей зацныхъ і вѣри годънихъ при томъ было не мало, персоналитерь постановившихъ славетный товаришь войсковий Павелъ Апостоль призналъ явне, ясне и добровольне, иужь продалъ дворъ свой власный, не пеней і в жадномъ долгу не заведений, стоячий в мѣстѣ Гадячомъ, насупротивъ двора Есифа Давидовича, на рогу, пану Михайлу Княщце, полковнику мѣргородскому, за певную готовую суму коуз сто литовской лвчы, ему самому, малжонце и потомкомъ его, до вѣчного вживаня и спокойного держаня. Волножь ему продати, даровати і яко хотя, на свой пожитокъ, оборочати. А еслибы хто мѣлъ одозвати близкостю права дѣдизного, од того вышеписаный продавца всего уволняеть, если бы где панъ Михайло за мою продажу, а свою куплю, всякого суду и права мѣлъ приложитись осмакомъ (?).....¹⁾ коною, що обополне просили насъ, абысмо про память казали до книгъ полковнихъ гадяцкихъ записати, що і одержали. Съ которихъ то книгъ и тотъ виписъ потребоучой стороной казалисмо видати, при звпелой печати полку гадяцкого и съ подписомъ руки писарской. Писанъ въ Гадячомъ, року и дня звиписаного. Хведор Трушенъко, писаръ сего екстракту». М. П. (Съ подлинника).

Жалоба конотопскаго сотеннаго уряда на священника Якова Костецкаго, за отказъ хоронить умершаго сотеннаго атамана Данила Торянскаго. 1754 г. «Въ войсковую енералную канцелярію. Нижайшее доношеніе. Въ мѣстечку Конотойѣ житель конотопскій Данило Торянскій доволние года на сотенномъ уряду конотопскомъ билъ: первѣе, сотеннымъ писаремъ, а послѣ сотеннымъ атаманомъ и наказнымъ сотникомъ, по приключившейся ему водной болѣзни, въ которой онъ 16 недѣль болѣлъ, такъ що въ бѣдной болѣзни его, при

¹⁾ Не разобрано одно слово.

его всекрайнейшей скудости, отъ болю его, въ животѣ нему заплодились черви, а послѣ де, какъ по волѣ Божіей, съ настоящою христіанскою диспозиціею, принялъ отъ духовнаго отца не единыжды, чрезъ такъ долгую его болѣзнь, исповѣдъ христіанскую, а при окончаніи, божественныхъ и тайнъ удостоенъ съ покаяніемъ, сего ноября 13-го умре, то жена его зъ родственниками—приходскому попу пресвитеру церкви Рождеста Богоматере Иякову о его умертїи объявили, то онъ первѣе, сказалъ де, по обычаю христіанскому, позвонить и яму выкопать; и то чинилось на другій день смерти его. Того же другого дни, по прошенію, оной жъ его мертвеца жена и кривныхъ, и за обычай козацій, ординована была для опровожения, ко гробу тѣла, сотенная короговъ и вооруженные козаки,—но онъ, пощъ Яковъ Костенецкій, по прихотѣ своей, чтобъ за бѣднаго мертвеца, по коему ничего по его скудости не оставалось, удрать зъ имущества, хотя, совсѣмъ приборъ билъ, но тѣло не пошолъ, требуя денегъ на сорокоустъ, и по особливой его претенсіи. Что вила близкіе и козаки къ опровоженію тѣла его прибранные, неоднократно ходили и просили, чтобъ онъ помянутого мерца тѣло принялъ и погребъ, точію онъ по обиклой ненасытности и вимагательству своему, того отнюдь не учинилъ. Увидя же народъ, коихъ было болѣе тысящи, къ тому погребу пришедшихъ, оного попа безчеловѣчество и мерцоно странство, что въ очахъ грѣшное тѣло идить черви; и не могучи того терпѣть, а уже день к вечеру зближался, другой (разъ ?) отъ общества ходили до него попа и зъ вигворомъ, что если не пойдетъ онъ, пощъ, по оное тѣло, то и безъ него имѣютъ понести къ церквѣ, но онъ и потому не пошовъ, почему народъ и безъ приходского пона, взяли сами со обикновеннымъ погребовымъ порядкомъ, несли до помянутой церкви. Егда же принесли до близъ церкви, егда стали для зближающагося тѣла звонить, то предъявленнаго попа приходского сынъ, пощъ же Иванъ Костецкій, нападши на людей тихъ, что звонили, билъ и побилъ Савку Кондратенка и другихъ, і оного тѣла до церкви не допустилъ, и въ крайное смятеніе и невиокой весь народъ привелъ. И потомъ видя народъ принужденный въ другой приходъ до священниковъ пойти и упросить, чтобъ приваимнѣй оное тѣло наверсѣ, до погробу, въ церквѣ поставитъ, которое тѣло хотяи в церквѣ другого приходу, по всенародному уурощенію внесено, однакъ и поннѣ, чему уже пятій день, непогребенно и яма выкопанная, по приказу оного жъ пона і зарита, хотя отъ протопопи конотопскаго Мойсея Кривецкого

ордеромъ велено ему, попу, чтобъ онъ тое тѣло похоронилъ, точію и по нынѣ не хоронитъ. И яко о семъ весь народъ смущенъ и крайне стужаетъ о взнесеніи о томъ, куда надлежитъ, тогодла сотенный конотопскій урядъ въ генералную войсковую канцелярію, яко главную команду свою, ко учиненію надлежащаго по сему на всенародное всеусловное прошеніе, разсмотрѣнія взноситъ. Сотникъ конотопскій Федоръ Костенецкій. Атаманъ сотеній Максимъ Вербицкій. Писаръ сотенный Захарій Бибиковъ. Асаулъ сотенный Федоръ Парпура. 1754 году, ноября « » дня.» (Съ *подлинника*) Изъ приложеннаго въ жалобѣ черновика видно, что гетманомъ было сообщено кіевскому митрополиту подробное описаніе случая съ просьбою „наврѣнко запретить попу Костенецкому впрередъ чинить непотребныхъ здирствъ и таковыхъ народу смятеній и блязнительныхъ непорядковъ.“ Это было написано 23 ноября, т. е. чрезъ десять дней послѣ смерти Торянского, тѣло котораго, повидямому все еще ожидало погребенія...

✓ **Стоимость похоронъ прилуцкой обывательки въ 1726 г.**
«Реестръ мнѣ Маріи Стефановой, сколько на помяновеніе небожницы дщери своей Теодори витрателемъ». «Отцу протопопу прилуцкому чтири рубля.—Викарію протопопскому отцу Сосновскому пять золотыхъ.—Дяконову протопопскому жъ копу.—Дякови спаскому копу.—*На другую церковь.* Отцу Лѣсяновичу таларей десять.—Вѣкарію отцу Омйону (sic) золотыхъ пять.—Отцу дяконову копу.—Дякови чотири золотіи.—Паламареві два золотыхъ.—Подпаламарому гривня.—Иваницкому вѣкарію пять золотыхъ.—Дякови Иваницкому копу.—Паламареві полкови.—Варвинскому намѣсникови копь вусѣмъ зовсѣмъ.—До Перенслова два червоніи онъ, Жураковскій, (мужъ умершей) взявши в мене, не отдавъ.—Голубовскому попови вусѣмъ копь.—Перевелочанскому (священнику) шкапу (лошадь) добрую.—Завзду священнику) вола доброго.—Обѣдувъ было сѣмъ и на каждій обѣдъ, кромѣ харчи и напнтку, готовихъ грошей выходило по десять золотыхъ. На всѣхъ поповъ и с панахидамы, на дяковъ и паламарей сѣмъдесять золотыхъ.—На похороны цеховымъ за сѣмъ цеховъ, по гривнѣ.—На подзвонне, по всѣмъ церквамъ, когда небожка померла, на похоронъ попамъ и дякамъ заплатила копь шесть.» (Съ *подлинника*). Этотъ реестръ принадлежитъ вдовѣ Степана Ивановича

Носа (сына полковника) и составленъ ею при спорѣ съ зятемъ Мартыномъ Жураковскимъ, который, по смерти жены своей Федоры Степановны Носъ, спорилъ съ тещею за недополученное приданое.

На 19-е февраля 1861 г. 19-го февраля 1901 года ¹⁾.

Вже сорокъ годочкѣвъ сѣгодня мынуло,
 Якъ Мученыкъ—Батько намъ свить розвѣзавъ;
 Людей, що въ неволи послыплы—поснулы,
 На волю Винъ вывивъ и любо сказавъ:

„Замучени диткы! Хреститься й тикайте
 Изъ темного лѣху на волю, на свить:
 На воли—роздолли вы доли шукайте...

Це вамъ, мои любии, видъ Мене прывить.“

Неначе изъ неба труба затрубыла,
 Мовъ гримъ весняный той усихъ стрепенувъ,—
 Такъ „воля“ забытыхъ людей розбудыла,
 И тыхъ пидвела, хто й на вики заснувъ.

Великдень крестьянамъ, друге Воскресиння:
 Изъ пекла ихъ души попали у рай—
 Зъ неволи у волю; настало спасиння,—
 Радіе, ажъ плаче, замученый край.

Хиба ще не вѣлились прыгинчи на поли?
 Чы диткы маленьки въ стерни не пеклись?
 Чы маты голодна не жаждала воли?
 Чы слѣзы дивочи въ-ночи не лылись?

Усе те мынуло... Бодай не верталось,
 Бодай нашымъ диткамъ того не диждать,
 Що нашымъ сердешнымъ батькамъ доставалось:
 Щобъ лютей неволи сынамы не стать.

¹⁾ Мы получили это стихотвореніе, къ сожалѣнію, нѣсколько поздно и потому не могли его помѣстить въ мартовскую книжку, посвященную главнымъ образомъ 40-лѣтію со дня „воли“ для крестьянъ. Намъ особенно пріятно было получить это стихотвореніе потому, что оно явилось изъ-подъ пера чело-вѣка, принадлежащаго къ крестьянскому сословію и вдохновившагося тѣмъ моментомъ, который въ живни русскаго крестьянства можетъ быть названъ истиннѣ „великимъ днемъ“. *Ред.*

И намъ, сиромѣхамъ, не слидъ забуваты
 На вищо намъ воля святая далась,
 Для чога въ неволи не стали страждаты,
 За що неповынная кровь пролылась:

На те, щобъ мы, маючы волю шыроку,
 Не спали пидъ тыномъ, якъ часто бува,
 Щобъ мы, трудовыми, замисто оброку,
 На воли справдылы велыки слова:

„Одъ-ныни на трудъ твій—шырокая воля,
 Иды соби зъ Богомъ, бо ты чоловікъ,
 Нехай усмихнется щасливая доля,

Тоби й твоимъ диткамъ, на воли, по-викъ.“

Такъ вично-жъ въ день „воли“ передъ образами
 Молиться, крестяне, за душу Царя,—
 Щобъ лыкъ ёго ясный, умытый слёзѣми,
 Сіявъ-бы у хати, якъ въ неби зоря.

Крестьянинъ М. Н-п-в-да.

1901 года февраля 13 дня.
 г. Миргородъ.

Текущія извѣстія.

Чествованіе памяти Т. Г. Шевченка въ 40-ую годовщину его смерти.

Въ Р о с с і и:

Александровскъ (Екатеринославск. губ.). 26-го февраля с. г. Въ Александровскѣ, Екатериносл. губ., въ театрѣ Молчановскаго, былъ устроенъ кружкомъ почитателей украинскаго поэта Т. Г. Шевченка, въ память сорокалѣтней годовщины его смерти, литературно-вокальный вечеръ въ пользу бібліотеки и бѣдныхъ. На вечерѣ П. И. Чижевскимъ была прочитана біографія Т. Г., послѣ чего предъ туманной картиной (портретъ Шевченка) мѣстный поэтъ Т. А. Полищукъ прочелъ свое стихотвореніе, посвященное памяти Т. Г. Шевченка.

Дальнѣйшая программа вечера, состоявшаго изъ трехъ отдѣленій, была посвящена исключительно исполненію украинскихъ пѣсенъ хоромъ, подъ управленіемъ Н. С. Попова, и чтенію произведеній чествуемаго поэта.

Сборъ отъ вечера достигъ почти 400 рублей. (Южн. Кр. № 15).

26 февраля въ *Екатеринодарѣ*, въ Войсковомъ соборѣ соборнымъ протоіереемъ о. М. Воскресенскимъ въ сослуженіи двухъ священниковъ совершена была панихида по случаю исполнившагося сорокалѣтія со дня кончины великаго украинскаго поэта Тараса Григорьевича Шевченка. На панихидѣ присутствовало значительное стеченіе молящихся офицеровъ, гражданскихъ чиновниковъ и разныхъ вѣдомствъ частныхъ лицъ. (Куб. Обл. Вѣд., № 45).

Тамъ же 25 февраля, въ обществѣ любителей изящныхъ искусствъ, устроенъ былъ членомъ правленія названнаго общества, А. А. Левитскимъ, общедоступный вечеръ въ залѣ Александро-Невскаго религіозно-просвѣтительнаго братства, въ память 19 февраля 1861 года и украинскаго поэта Т. Г. Шевченка. Всѣ билеты были распроданы еще за долго до начала вечера, и многимъ, желавшимъ попасть на него, пришлось отказать за недостаткомъ мѣста. Вечеръ состоялъ изъ двухъ вокально-музыкальныхъ отдѣленій, изъ которыхъ первое было посвящено чествованію 19 февраля 1861 года, а второе—памяти Т. Г. Шевченка.

Первое отдѣленіе открылось чтеніемъ реферата Л. М. Мельникова: «Изъ исторіи крѣпостного права на Кубани», изъ котораго слушатели узнали, что хотя Кубанская область (бывшая Черноморія) заселена бывшими запорожцами—вольными козаками и ихъ потомками,—болѣе чиновные и богатые между ними имѣли крѣпостныхъ дворовыхъ и не разъ пытались добиться права имѣть крѣпостныхъ крестьянъ, но терпѣли неудачи. (Куб. Обл. Вѣд. № 46).

Тамъ же обществомъ любителей изящныхъ искусствъ 2 марта былъ устроенъ семейный вечеръ.

Мѣстное общество не осталось равнодушнымъ въ памяти великаго поэта, наполнивъ обширный залъ женской гимназіи.

Вечеръ открылся рефератомъ И. Т. Ротаря «Міросозерцаніе Тараса Григорьевича Шевченка».

Затѣмъ слѣдовали: «Сонъ пидъ нивчъ 26 лютого року 1901 г.» Н. К. Вороного,—полное глубокаго чувства стихотвореніе ad hoc,

прочитанное самимъ авторомъ, молодымъ поэтомъ, уже составившимъ себѣ имя въ малорусской литературѣ.

Послѣ Н. К. Вороного г. Добровольскій пропѣлъ соло: «Огни горятъ», а затѣмъ, по настоятельной просьбѣ публики,— «Ой, Днипрѣ мій, Днипрѣ!» Затѣмъ слѣдовало «Посланіе къ Шафарыку» и отрывки изъ поэмы „Иванъ Гусь“; какъ то, такъ и другіе мастерски прочитанные М. О. Поночовнымъ, произвели сильное впечатлѣніе на слушателей.

«Ой що жъ то за воронъ», народная вѣсня, традиціонно исполняемая хоромъ на Шевченковскихъ вечерахъ, закончила первое отдѣленіе вечера. Хоромъ, состоявшимъ изъ членовъ общества, управлялъ Я. П. Соколовскій.

Второе отдѣленіе вечера открылось знаменитымъ стихотвореніемъ «Думы моя, думы мои», которое съ глубокимъ чувствомъ продекламировалъ Н. К. Вороний, прочитавшій затѣмъ на bis еще одно стихотвореніе Шевченка.

Продолжительные и шумные аплодисменты вызвали также пѣніе г. Флоренскаго, прекрасно исполнившаго чудную, въ поэтическомъ и музыкальномъ отношеніяхъ, элегію «Гетьманы, гетьманы, якъ бы то вы встали», которую пришлось повторить по настоятельному требованію слушателей, и затѣмъ взявшаю піесу «На що мени кара очи».

Послѣ г-жи Пось, прекрасно прочитавшей „Наймычку“, А. А. Левитскій продекламировалъ: «Есть на свити доля» и «Мени однаково».

Въ заключеніе вечера хоръ любителей поць управленіемъ Я. П. Соколовскаго исполнилъ отрывокъ изъ Шевченковой «Хустины», переложенной на музыку М. Лысенкомъ.

Отчетъ объ этомъ вечерѣ былъ бы не полнымъ, еслибы не упомянуть объ одной особенноти, имѣвшей мѣсто на этомъ вечерѣ: мы имѣемъ въ виду скромную по размѣрамъ, но нелишенную интереса выставку портретовъ, рисунковъ и книгъ, имѣющихъ то или иное отношеніе къ чествованію поэта.

На двухъ классныхъ доскахъ кнопками и гвоздиками были укрѣплены портреты и рисунки, изображавшіе Т. Г. Шевченка въ разные періоды его жизни, его друзей, виды его могилы—первоначальный и послѣдующій, иллюстраціи къ «Кобзарю». Среди выставленныхъ портретовъ первое мѣсто по значенію своему занялъ небольшой, украшенный вѣвкомъ изъ свѣжаго барвинка, собственноручный портретъ Т. Г. Шевченко, сдѣланный имъ въ ссылке и присланный въ подарокъ Я. Г. Кухаренку, послѣднему наказному атаману войска Черно-

морскаго, бывшему искреннимъ, долготѣлнымъ другомъ великаго поэта. (Куб. Обл. Вѣд. № 52).

Въ *Екатеринославѣ* 10 марта литературно-музыкальная секція устроила вечеръ, посвященный памяти Т. Г. Шевченка, по случаю 40-лѣтія со дня его смерти. Кромѣ хора секціи и лучшихъ силъ изъ мѣстныхъ любителей, въ музыкальномъ отдѣленіи приняла участіе артистка Е. А. Муравьева; въ литературномъ отдѣленіи, кромѣ нѣсколькихъ декламаторовъ, А. Н. Лисовскій прочелъ сообщеніе о малороссійскихъ думахъ, которое было иллюстрировано исполненіемъ ихъ извѣстнымъ бандуристомъ Ходкевичемъ, пріѣхавшимъ специально для этой цѣли изъ Харькова, а г-жа Ефименко прочла свою статью, посвященную памяти Шевченка. Въ началѣ вечера хоромъ и оркестромъ секціи была исполнена кантата Лысенко «Бьютъ пороги», на слова Шевченка. Доходъ съ вечера предназначается въ пользу публичной бібліотеки Екатеринославской комиссіи народныхъ чтеній, на отдѣлѣ, посвященный произведеніямъ украинскихъ писателей. (Приднѣпр. Край, № 1120).

Въ *Кіевѣ* 21-го марта, въ залѣ купеческаго собранія состоялся вечеръ въ память Т. Г. Шевченка. Вечеръ этотъ привлекъ многочисленныхъ почитателей украинскаго поэта. Вокальная часть вечера не оставляла желать ничего лучшаго: огромный хоръ г. Лисенко пользовался обычнымъ успѣхомъ и вынужденъ былъ биссировать почти каждый номеръ своей разнообразной программы, составленной исключительно изъ пѣсенъ на слова Шевченка; съ такимъ же успѣхомъ выступали г-жи Зотова и Ермоленко, какъ каждая въ отдѣльности, такъ и вмѣстѣ, сѣвши по настоянію публики два раза дуэтъ «Плыве човенъ». Изъ остальныхъ вокальныхъ номеровъ наибольшее впечатлѣніе произвела чудная музыка извѣстнаго «Спива Яремы» («Гетьманы» ...) Въ литературной части вечера принимали участіе М. М. Старицкая и г. Багровъ. Первая прочитала съ большимъ чувствомъ стихотвореніе въ память Т. Г. Шевченка, оставившее сильное впечатлѣніе въ слушателяхъ. Почти такое же впечатлѣніе произвела одна изъ лирическихъ думокъ Шевченка, въ исполненіи г. Багрова.

Въ *Москвѣ* 25-го февраля, въ день рожденія Т. Г. Шевченка, по инициативѣ московскаго кружка малороссовъ въ церкви Большаго Вознесенія, что у Никитскихъ Воротъ, была отслужена мѣстнымъ духовенствомъ при пѣніи хора пѣвчихъ, послѣ литургіи панихида по

покойномъ поэтѣ. За панихидой присутствовали: писатель Н. Н. Златовратскій, украинскіе драматическіе писатели: гг. Кропивницкій и Карпенко-Карый, артисты и артистки находящейся въ Москвѣ малороссійской труппы М. Л. Кропивницкаго, проживающіе въ Москвѣ малороссы и почитатели покойнаго поэта. (Русск. Вѣд. № 56).

Тамъ-же 26-го февраля, въ 40-ю годовщину кончины Т. Г. Шевченка, въ гостиницѣ «Континенталь» состоялся обѣдъ въ память поэта, въ которомъ участвовали нѣкоторые изъ московскихъ литераторовъ, малороссійскіе драматическіе писатели М. Л. Кропивницкій и И. К. Карпенко Карый, артисты малороссійской труппы Н. К. Садовскій и А. К. Саксаганскій, Н. В. Левитскій и другіе почитатели поэта.

Произнесено было много рѣчей, характеризовавшихъ Шевченка какъ великаго поэта, человѣка и гражданина, и прочитано нѣсколько его произведеній. Особенно сильное впечатлѣніе произвела рѣчь Н. Н. Златовратскаго о значеніи Шевченка какъ поэта, олицетворяшаго въ своихъ произведеніяхъ не только душу малороссовъ, но идеалы и стремленія всего русскаго народа и общечеловѣческія чувства. По предложенію Н. Н. Златовратскаго сдѣланъ былъ сборъ въ пользу бѣдавшихъ родственниковъ Т. Г. Шевченка. (Рус. Вѣдом. № 57).

Въ Полтавѣ 11 марта, во второмъ общественномъ собраніи, въ память сорокалѣтія со дня смерти поэта Т. Г. Шевченка, устроенъ былъ литературно-музыкальный вечеръ, въ которомъ принимали участіе: г-жи Онацевичъ, Островская, гг. Рудченко, Курдиновскій и нѣкоторыя другія лица, а также малорусскій смѣшанный хоръ любителей подъ управленіемъ П. Н. Гордіевскаго и Маркевича и извѣстный украинскій бандуристъ Галайда. Всѣ исполнители довольно недурно справлялись со своими номерами. Хоромъ было исполнено нѣсколько пѣсенъ: «Заповить», «Туманъ хвлямы лягае» изъ оперы «Майська нічъ», «Маршъ на смерть Шевченка», кантата «Бьютъ пороги» и «Пісня про Софрона», слова Шевченка. Бандуристъ Галайда прекрасно исполнилъ нѣсколько вещицъ на своей бандурѣ. Залъ собранія былъ очень красиво убранъ, особенно эстрада, на которой помѣстились задекорированный портретъ Т. Г. Шевченка. Двери, ведущія на эстраду, и печи были украшены различными предметами ручного производства крестьянъ Полтавской губ., какъ-то: плахтами, скатертями, полотенцами. По стѣнамъ были развѣшаны соответственно задекорированные медальоны съ надписями на нихъ названій различ-

ныхъ произведеній Шевченка. Половина сбора съ вечера назначена въ пользу благотворительнаго Общества изданія общепольныхъ и дешевыхъ книгъ. (Полт. Губ. Вѣд. № 54 и 57).

Въ *С-Петербурѣ*, 26 февраля въ день сорокалѣтней годовщины со дня смерти украинскаго поэта Т. Г. Шевченка, въ Казанскомъ соборѣ протоіереемъ В. И. Мареевымъ отслужена была панихида по покойномъ поэтѣ. Соборъ наполненъ былъ многочисленными земляками и почитателями Тараса Григорьевича. На панихидѣ присутствовали также члены общества имени Т. Г. Шевченка, во главѣ съ предсѣдателемъ А. Н. Марковичемъ, И. С. Иващенко, Д. Л. Мордовцевъ, В. Л. Лесевичъ, профессоръ П. П. Пелехивъ и много представителей печати. 19 марта назначено торжественное собраніе общества имени Т. Г. Шевченко. (С.-Пет. Вѣд. № 56).

Въ *Симферополь*, 26 февраля въ кафедральномъ соборѣ была отслужена панихида; въ театрѣ состоялось чтеніе поэта; прочтена была его біографія, а затѣмъ данъ парадный спектакль съ апоѳеозомъ. (Полт. Губ. Вѣд. № 46).

Въ *Томскѣ* — 26 февр. въ театрѣ при бесплатной бібліотекѣ устроенъ былъ литературно-музыкальный вечеръ, состоявшій изъ трехъ отдѣленій.

Послѣ того какъ оркестръ исполнилъ увертюру соч. Франка, профессоръ томскаго университета М. А. Рейснеръ прочелъ біографію Т. Г. Шевченка. Рѣчь его была покрыта долго не смолкавшими аплодисментами. Затѣмъ были исполнены, въ музыкально-вокальномъ отдѣленіи — «Гетьманы», «Ой одна я, одна», «Утоптала стежечку», «Вьютъ пороги», «Ой Днипре мій, Днипре», «Коломыйка», «Колы ролучаются двое», «Закувала та сыза зозуля» и мн. друг. Въ заключеніе былъ поставленъ апоѳеозъ: картина къ «Думы мои, думы». Картина представляла собою поэта, окруженнаго типами его произведеній: „Кобзарь“, „Гайдамаки“, „Гетьманъ“, „Невольники“, „Катерина“. (Сибирская Жизнь, № 46).

Въ *Херсонѣ*, 26 фев. въ 12 ч. дня въ Успенскомъ соборѣ протоіереемъ о. В. Ефремовымъ отслужена панихида по случаю сороковой годовщины со дня кончины поэта Тараса Григорьевича Шевченка. Пѣлъ хоръ подвигающагося на сценѣ городского театра кievскаго товарищества малороссійскихъ артистовъ. Храмъ былъ полонъ молящимися, въ томъ числѣ дамами, представителями чиновнаго міра,

учащимися мѣстныхъ учебныхъ заведеній и труженниками печатнаго дѣла. (Югъ, № 856).

Въ Г а л и ц і и (вообще въ Австро-Венгріи).

Во *Львовѣ*.—28 февраля въ залѣ „Народнаго Дому“ устроила литературно-музыкальный вечеръ гимназическая молодежь. Программа составлена была преимущественно изъ произведеній Шевченка. Вечеръ открылся чтеніемъ реферата гимназиста Петраковца «Які вливи слідно в Шевченковій «Тополі».

Тамъ же, 1 марта, въ томъ же помѣщеніи—устроенъ былъ торжественный литературно-музыкально-вокальный вечеръ соединенными силами всѣхъ львовскихъ украинскихъ товариществъ (главн. образомъ «Просьвіта» и «Львівський Боян»). На вечеръ собралось почитатели Шевченка изъ Перемышля, Стрыя, Станиславова и мног. другихъ мѣстностей.

Въ *Перемышль*—8 марта устроенъ былъ вечеръ въ залѣ «Рускаго дівочаго Інституту».

Въ *Коломы*—11 марта, мѣстная гимназическая молодежь устроила литературно-музыкально-вокальный вечеръ.

Въ *Стрыль*—13 марта устроенъ былъ вечеръ гимназической молодежи.

Въ *Тернополѣ*—13 марта устроенъ былъ вечеръ стараніями «народно-русскихъ товариствъ» въ залѣ «Сокола».

Въ *Черновцахъ*—12 марта въ черновецкой 1-й гимназіи устроенъ былъ воспитанниками литературно-музыкально-вокальный вечеръ.

Въ *Бучачѣ*—устроенъ былъ 12-го марта вечеръ гимназической молодежи.

Въ *Бережаннахъ* (на Буковинѣ)—3 марта устроенъ былъ вечеръ гимназической молодежи.

Въ *Путиловѣ* (на Буковинѣ)—10 марта устроенъ былъ вечеръ путиловской филіей товар. «Руска Школа».

Въ *Новимъ-Сели* (въ Галичинѣ)—11 февраля состоялся вокально-декламаторскій вечеръ, въ простой крестьянской хатѣ. Устроителемъ явился нотаріусъ Герасимовичъ, пояснившій въ краткой, простой рѣчи цѣль даннаго вечера.

Въ *Яворовѣ*—устроенъ былъ 11-го марта вечеръ «Мищанською Читальнею».

Въ *Теребовль*—устроенъ былъ 11 марта вечеръ мѣстной «Мищанською Чтальнею».

Въ *Вильн*—26 февраля устроенъ былъ литературно-музыкально-вокальный вечеръ украинскимъ рабочимъ обществомъ «Поступ», въ Restaurant «zum Weingarten».

Тамъ же, 3 марта устроенъ былъ вечеръ обществомъ «Січ». («Руслан», «Буковина», «Дѣло»).

Отказъ въ постановкѣ памятника Т. Г. Шевченку. Министерство внутреннихъ дѣлъ отклонило ходатайство «Союза русскихъ писателей» о разрѣшеніи открыть подписку на устройство памятниковъ Шевченку и Бѣлинскому. (Кіев. Газ. № 63).

Неизвѣстный портретъ Т. Г. Шевченка. У присяжнаго повереннаго П. П. Коренева, въ Москвѣ, хранится портретъ, рисованный медовыми красками на картонѣ и изображающій молодого человека въ арестантскомъ халатѣ на фонѣ сѣрой каменной стѣны. Теперешній собственникъ этого портрета получилъ его отъ своего покойнаго дяди, академика петербургской академіи художествъ Николая Назаровича Коренева. Преданіе говоритъ, что портретъ этотъ, полученный покойнымъ Н. Н. Кореневымъ отъ профессора петерб. академіи художествъ Якобія, изображаетъ Т. Г. Шевченка въ заключеніи и писанъ самимъ художникомъ-поэтомъ. Было-бы желательно, чтобы это преданіе было провѣрено компетентными лицами, которыми могли бы опредѣлить значеніе этого интереснаго портрета. (Русск. Вѣдом. № 60).

Родственники Т. Г. Шевченка. По словамъ проф. Стороженка, племянники Т. Г. Шевченка—дѣти его брата Никиты и сестры Ирины, живущіе въ Кирилловкѣ, кіевской губ., теперь до извѣстной степени обезпечены: черезъ одну высокопоставленную даму профессору удалось обратить на нихъ милостивое вниманіе Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, и они теперь получаютъ изъ собственныхъ средствъ Ея Величества по 200 руб. ежегодно. (Кіевск. Газ. № 61).

Съ другой стороны, «Русскія Вѣдомости» (№ 50), просятъ обратить вниманіе благотворителей на бѣдственное положеніе семьи О. И. Войко, родственниковъ Т. Г. Шевченка. Благодаря помощи добрыхъ

людей О. И. удалось помѣстить дѣтей въ учебныя заведенія; въ настоящее время дочь ея находится уже въ старшемъ классѣ епархіальнаго училища, но невзносъ платы за ученіе за два послѣдніе года грозитъ ей увольненіемъ передъ самымъ окончаніемъ курса. Пожертвованія можно пересылать въ г. Кременецъ, Волинской губ., Завальная ул., домъ Шипановской, Ольгѣ Ивановнѣ Бойко.

Слѣдуетъ добавить, что сынъ О. И. Бойко, внукъ Т. Г. Шевченка, воспитывался въ той-же кременецкой духов. семинаріи. Онъ писалъ стихи и проводилъ ими въ восторгъ весь городъ. Каждое стихотвореніе онъ подписывалъ: «Л. Бойко, внукъ Тараса Шевченка». Въ своихъ стихахъ онъ, какъ и знаменитый дѣдъ, которому онъ, видимо, подражалъ, увлекается запорожскою Сѣчью, красотами украинской природы, ненавидитъ враговъ Украйны, недоволенъ настоящимъ и стремится къ чему-то болѣе высокому, лучшему, прекрасному. Многообщающій молодой человекъ, проявлявшій всегда странности, въ послѣднее время, какъ сообщаетъ «Русск. Сл.», сталъ заговариваться, и дѣло кончилось тѣмъ, что его пришлось отправить въ Кирилловскую больницу для умалишенныхъ въ Кіевѣ. У Бойко помѣшательство на религіозной почвѣ.

Благоустройство могилы И. П. Котляревскаго. По соглашенію управляющаго Полтавской школой садоводства и огородничества В. П. Альховскаго съ завѣдующимъ Полтавскимъ городскимъ садомъ г. Орловскимъ, нынѣшней весной будутъ произведены посадки декоративныхъ растений на могилѣ и около могилы творца «Энеиды» и «Наталки-Полтавки» И. П. Котляревскаго. (Полт. Губ. Вѣд. № 57).

Памяти П. И. Нищенскаго. 4 марта истекло ровно пять лѣтъ со дня смерти извѣстнаго талантливаго украинскаго писателя и композитора Петра Ивановича Нищенскаго.

Помѣщая нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни и литературно-композиторской дѣятельности его (въ газетѣ «Кіевская Газета»), г. Р. Л. заканчиваетъ свою обширную замѣтку слѣдующими словами: «Интеллигентные украинцы, гордящіеся заслугами покойнаго писателя и композитора, не только не нашли возможнымъ до сихъ поръ поставить надъ могилой Петра Ивановича хотя бы самаго скромнаго памятника, но даже до сихъ поръ не поинтересовались тѣмъ богатымъ

литературнымъ наслѣдствомъ, какое осталось послѣ Петра Ивановича. А осталось послѣ покойнаго писателя болѣе десяти пудовъ бумагъ, и въ томъ числѣ неоконченная «Иліада». Чтобы издать все то, что заслуживаетъ общественнаго интереса, нужны люди и средства; а родные П. И. выполнить сами эту трудную задачу не могутъ. Будемъ надѣяться, что хоть къ десятилѣтней годовщинѣ смерти П. И. Ныщенскаго украинскіе интеллигенты исполнятъ по отношевію къ выдающемуся работнику на украинской нивѣ то, что составляетъ не только ихъ нравственный долгъ, но и священную обязанность. Пока-же это, къ сожалѣнію, только *ria desideria*. (Кіевск. Газ. № 63).

Чествованіе памяти А. Я. Конисскаго. 10 декабря минувшаго года, по полученіи извѣстія о смерти А. Я. Конисскаго, въ Симферополѣ почитатели его таланта собрались на панихиду въ Александроневской церкви. Послѣ панихиды небольшой кружокъ знакомыхъ и почитателей покойнаго собрался въ Grand-отелѣ помянуть почившаго добрымъ словомъ. На обѣдѣ однимъ изъ присутствующихъ была произнесена краткая рѣчь. Присутствующіе условились послать женѣ А. Я. слѣдующаго содержанія телеграмму: «Гуртокъ Симферопольскихъ Украинцівъ, вболіваючи о понесеній Вами і всею Україною утраті, бажає, щоб сумний фактъ смерті Олександра Яковича викликав живійший рух в житті українства». Того же числа въ мѣстной газетѣ «Крымъ» напечатанъ былъ краткій некрологъ О. Я. Конисскаго. (Літературно-Науковий Вістникъ, кн. III).

Юбилей Ганны Барвинокъ (А. М. Кулишъ). (Корреспонденція). 3 марта 1901 г. праздновался сорокалѣтній юбилей литературной дѣятельности Александры Михайловны Кулишъ, извѣстной подъ псевдонимомъ Ганны Барвинокъ. На литературное поприще уважаемая писательница выступила въ 1860 г., когда мужъ ея, П. А. Кулишъ, напечаталъ въ альманахѣ «Хата» два ея разсказа: «Въ-осени листо» и «Лыхо не безъ добра». Разсказы эти отличались прекраснымъ образнымъ языкомъ и большимъ умѣньемъ писательницы изъ матеріала, доставляемаго разговорами ея сельскихъ знакомыхъ, творить художественныя картины народной жизни, простые, реальныя и поэтическия въ то-же время. Тѣ-же качества проявляются и во многихъ послѣдующихъ разсказахъ А. М. Кулишъ, которые она

печатала въ „Основѣ“ (подъ псевд. Г. Барвинокъ и А. Нечуй-Витеръ), „Правді“, „Кіевской Старинѣ“, „Литературно-Науковому Вѣстнику“ и др. изданіяхъ. Всего Ганна Барвинокъ написала болѣе тридцати рассказовъ. Наболѣе удачные изъ нихъ принадлежать къ лучшимъ образцамъ украинской литературы. Къ таковымъ, кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ, относятся: „Не було змалку, не буде й до'станку“, „Перемогла“, „Русалка“, „Пьяныця“, „Короливщина“.

Темами для своихъ рассказовъ Ганна Барвинокъ избираетъ преимущественно *женскую долю*, съ замѣчательной правдивостью изображая горести жизни нашей сельской женщины, и при крайней простотѣ пріемовъ и неизмѣнномъ уклоненіи отъ всякихъ бьющихъ на эффектъ выраженій производить иногда большое впечатлѣніе и достигаетъ созданія истинно поэтическихъ изображеній. Не смотря на преклонныя лѣта (А. М. Кулишъ, урожденная Бѣлозерская, родилась въ 1828 г.), она продолжаетъ работать и въ настоящее время, то создавая новые рассказы (см., напр., въ III-й книгѣ «Литературно-Наукового Вѣстника» за этотъ годъ ея рассказъ «Гречаники»), то съ замѣчательной энергіей ведя дѣло изданія произведеній своего покойнаго супруга. Ею самою или по ея порученію издано до сихъ поръ 10 его книгъ: «Воспоминанія дѣтства», «Оповідання», «Досвіткы», «Драмована Трылогія», «Чорна рада» и переводы драмъ Шекспира: «Гамлет», «Приборкана гоструха», «Макбет», «Коріолан», «Юлій Цезарь».

Собственно, отъ празднованія юбилея уважаемая писательница отказалась, но принимала поздравленія 3 марта у себя въ домѣ, въ своемъ хуторѣ „Мотроновка-Кулишівка“ (подъ Борзною), гдѣ она родилась и прожила большую часть своей жизни и гдѣ покоятся прахъ П. А. Кулиша и брата писательницы, В. М. Бѣлозерскаго, бывшаго редактора „Основы“. Кромѣ личныхъ поздравленій, принесенныхъ писательницѣ нарочно прибывшими для того гостями, ея получено было много адресовъ, писемъ и телеграммъ, со множествомъ подписей, изъ различныхъ мѣстностей Россіи и Австріи, а именно: изъ Кіева, Чернигова, Львова, Нѣжина, изъ одного села, Херсона, Одессы, Екатеринослава, Екатеринодара, Бахмута, Звягела, Умани, Полтавы, Минска, Петербурга и Москвы, при чемъ изъ многихъ городовъ получилось по нѣскольку поздравленій. Между другими поздравленіями изъ Кіева было также поздравленіе и отъ редакціи „Кіевской Старини“, на страницахъ которой Ганна Барвинокъ по-

мѣщала свои рассказы. Въ поздравленіяхъ подчеркивалась талантливая дѣятельность А. М. Кулишъ какъ писательницы и та энергія, съ которою она публикуетъ произведенія своего супруга, а также выражалась пожеланія болѣе свѣтлыхъ дней для украинскаго слова и болѣе широкаго развитія украинской литературы. Не смотря на то, что произведенія г-жи Кулишъ печатались большею частью или въ старыхъ, сдѣлавшихся уже библиографической рѣдкостью, изданіяхъ, или въ заграничныхъ малорусскихъ журналахъ, оказалось, что дружно привѣтствовавшая ее публика знакома съ ними. Это свидѣтельствуетъ какъ о талантѣ писательницы, такъ и о томъ интересѣ, который украинская литература начинаетъ возбуждать среди болѣе широкихъ круговъ публики (между привѣтствовавшими юбиляру находились даже простые крестьяне и козаки).

Важное ходатайство. Недавно закончившій свои работы первый всероссійскій агрономическій съѣздъ въ Москвѣ, между прочимъ постановилъ возбудить ходатайство и разрѣшеніе издавать въ Малороссіи на малороссійскомъ языкѣ брошюры и органы періодической печати по сельскому хозяйству. (Куб. Вѣд., № 47).

Изданіе украинскихъ пѣсенъ. Историко-филологическое общество (харьковское? Ред.) приступаетъ къ собранію украинскихъ пѣсенъ для изданія. (Приднѣпр. Край, № 1112).

Награда за солидный литературный трудъ. 14 февраля Коммиссія Харьковскаго университета назначила двѣ преміи за лучшій трудъ объ экономическомъ положеніи сельскаго населенія. На конкурсъ было прислано много работъ. Лучшей было признано изслѣдованіе А. А. Русова «Описаніе Черниговской губерніи». Автору выдана премія въ 500 рублей, а рецензенту, В. Левицкому—присуждена золотая медаль.

Цѣнный даръ. Извѣстнымъ изслѣдователемъ южно-русской старины А. А. Андріевскимъ принесены въ даръ херсонскому археологическому музею 19 документовъ XVIII столѣтія, заключающихъ въ себѣ переписку выдающихся дѣятелей той эпохи. На документахъ встрѣчаемъ подписи: Алексѣя и Кирилла Разумовскихъ, гетмана Данила Апостола, архієпископа кіевскаго Рафаила, князя Т. Трубецкого,

сербскаго митрополита Викентія, черногорскаго—Василія Цетровича и друг. лаць. („Югъ“, № 863).

„Аѳины Полтавской губерніи“. Лубнамъ, бывшимъ когда-то центромъ Украины и резиденціей гетмана Вишневецкаго, «грози́тъ», по словамъ „Южн. Края“, въ недалекомъ будущемъ сдѣлаться Аѳинами Полтавской губерніи—такъ много здѣсь имѣется работниковъ духа. «Здѣсь живеть изслѣдователь народнаго быта и народной медицины г-нъ Милорадовичъ, здѣсь живеть знатокъ украинской старины г-нъ Вочкаревъ, здѣсь обрѣтается начинающая малорусская писательница Л. А. Яновская; здѣсь же объявился недавно композиторъ г-нъ Подгорецкій, который поставилъ на дняхъ отрывки изъ своей оперы «Кунальна искра». Музыка этой оперы, несомнѣнно, красива, мелодична и полна народнаго духа. Только авторъ, видимо, по неопытности, недостаточно развилъ и использовалъ пришедшіе ему въ голову счастливыя и красивыя музыкальныя темы. Во всякомъ случаѣ, такое необычное для провинціи явленіе, какъ постановка на сценѣ оперы мѣстнаго композитора, при содѣйствіи мѣстныхъ же силъ, расшевелило обычную лѣнь, домосѣдство и винтофильство даже мѣстныхъ обывателей. Залъ театра, не смотря на очень дорогія цѣны, былъ почти полонъ. Публика единодушно и много аплодировала какъ автору, такъ и исполнителямъ. Любителямъ Украины слѣдовало бѣ обратить вниманіе на эту новую оперу“. (Южн. Край, № 6949).

Сѣдая старина. Регистраторъ статистическаго отряда, ѣздившій по Полтавской губерніи, нашель, какъ сообщаетъ «Хуторянинъ», слѣдующій назидательный образчикъ сѣдой старины.

«Около воротъ сборни (носящей въ Лубенск. уѣздѣ, за одно съ волостью, названіе «полиціи»), у перелаза висится шесть, на шесть привязаны «люлька» и пучокъ розогъ. Это символически изображенный, во всеобщее свѣдѣніе и назиданіе, текстъ мѣстнаго закона: «хто въ сели на вулицы курытyme, той буде бытый!» „Я слышалъ“, рассказываетъ авторъ замѣтки, „что эти символы вывѣшивались прежде у въѣзда въ село, въ воротахъ „царыны“; въ одномъ изъ уѣздовъ, кажется въ Зньковскомъ, въ нѣкоторыхъ селахъ они сохранились будто бы на этихъ мѣстахъ и донныѣ».



БИБЛОГРАФІЯ.

Украинскія изданія 1900 года.

II.

Украинская литература за предѣлами Россіи (Галичинѣ, Буковинѣ, Угорщинѣ, Американской Руси) развивала по прежнему довольно интенсивную дѣятельность, слѣдствіемъ чего и явилось огромное, сравнительно, количество цѣнныхъ научныхъ и художественныхъ крупныхъ и мелкихъ изданій, могущихъ слѣвать честь любой европейской литературѣ.

На первомъ мѣстѣ, несомнѣнно, слѣдуетъ поставить «Наукове Товариство ім. Шевченка» и его солидныя научныя и другія изданія. Изъ періодическихъ изданій, имѣющихъ огромную цѣнность, помимо журнала *«Літературно-Науковий Вістник»*, успѣвшаго за три года своего существованія снискать себѣ репутацію солиднаго органа, удовлетворяющаго духовнымъ потребностямъ значительной части культурнаго слоя общества, дорожающаго интересами родной земля въ ея прошломъ и настоящемъ, — въ минувшемъ году «Науковим Товариством» были изданы: XXXIII—XXXVIII т. т. *«Записок Наукового Товариства»* ¹⁾, „Этнографічний Збірник“ т. VIII и IX; т. т. II

¹⁾ Реценз. на нихъ см. «Кіевск. Старина», кн. X, XI и XII за 1900 г., кн. II за 1901 г., а также „Русская Мысль“, кн. I за 1901 г., Archiv für Slavische Philologie, т. XXII.

в III «*История Украины-Руси*. Проф. М. Грушевського, від XI—XIV (т. III «Збірника історико-філософичної секції»; «*Часопис Правнича*», р. X. Розвідки правничі секції історично-філософичної Н. Т. ім. Шевченка (2 книжки); «*Збірник математично-природописно-лікарської секції Наук. Тов. ім. Шевченка*. Т. IV, вип. II. (частина математична); т. V, вип. II. (Частина лікарська); ²⁾ т. VI вип. I (Частина математично-природописна); «*Розвідки Михайла Драгоманова про українську народню словесність і письменство*, т. II. (Збірник філологічної секції Наук. Тов. ім. Шевченка); т. III «*Жерела до історії України-Руси*. Видає Археографічна Комісія Н. Т. ім. Шевченка. Т. III. Люстрації королівщин в землях холмській, белзькій і львівській з 1564—1565 р. р. Вид. М. Грушевський».

Изъ отдѣльныхъ изданій Н. Товариства, преимущественно отисковъ изъ вышеупомянутыхъ періодическихъ изданій, можно отмѣтити слѣдующія: *Володимир Гнатюк*. Словацький опришок Яношик въ народній поезії; *В. Охримович*. Про останки первісного комунізму у Бойків-Верховинців у Скільськѣм і Долинськѣм судовім повіті; Словарь російско-український. Т. IV (С—V). Зібрали і впорядкували *М. Уманець і А. Стілка*; *Евген Косевич*. Людові університети; *Стефан Рудницький*. Українські козаки въ 1625—30 р.р.; *Грушевський М.* Розвідки і матеріали до історії України-Руси. III. Відбитки з «Записок Н. Т. ім. Шевченка» и «Жерел до історії України-Руси», т. II; *Левецький Володимир*. Причинки до теорії дробів тяглих і групи модулової і кліматичні відношення Тернополя; *Романчук Юліян*. Де-які причинки до поправнішого видання поезій Тараса Шевченка; *Верхратський Іван*. Про говор долівський; *Гнатюк Володимир*. Русини Пряшівської єпархії і їх говори; *Павлик М.* Якуб Гаватович (Гават), автор перших руських інтермедій з 1619 р.; *Студинський Кирило*. Хто був автором *Αυτῆρητικῶν* р 1599?; *Франко Ів.* Апокріфічне євангеліє псевдо Матвія і його сліди в укр.-руськѣм письменстві; *Франко Ів.* Слово о Лазаревѣ воскресеніи». Староруська поема на апокріфічні теми; Хроніка Наукового Товариства ім. Шевченка. Ч. I, II и III; *Коренець Денис*. Зносини гетьмана Івана Виговського з Польщею въ р. 1657—58; *Левецький Володимир*. Клясфікація наук математичних; *Левецький Кость*. Про неважність в новім процесі цивільнім; *Сидоряк Семен*.

²⁾ Оба эти тома помѣчены еще 1899 годомъ.

Студія анатомична над взаємними відношеннями снаряду слухового і міхура плавного у риб шаранових і вюноватих; *Франко Ів.* Карпато-руське письменство ХVІІ—ХVІІІ в.; *Осип Маковей.* П. О. Куліш, огляд його діяльності; *Франко Іван.* Перехресні стежки; *В. Б.* Житє на віру у сибірських селян; *Веретельник Андр.* Рубанє і вготованє дерева; *Вовк Хв.* Звістки й листи; *Вовк Хв.* Знахідки у могилах між Веремьєм і Стретівкою і біля Трипілля; *Гнатюк В.* Ткацтво у східній Галичині; *Гошовскій Андрій.* Про новий наурям в науці приватного права; *Дикарїв М.* Програма до збіраня відомостей про громада і збірки сільскої молоді; *Дністрянський С.* Бернєнська унія і наше відношенє до неї; *Зубрицький М.* Народній калєндар, звичаї і повірки привязані до днів тиждня; *Литвинова-Бартош.* Весільні обряди і звичаї у селі Землянці Глух. пов.; *Рудницький Стеф.* Про плями совічні; *Франко Іван.* Історично-економ. студія.

Уважємъ такжє на почитєнную дѣятєльность *«Українсько-Рускої Видавничої Спїлки»*, основавшеїся лишє въ концѣ 1898 г. и въ течєніє 1899 г. успѣвшей дати 12 изданій. ¹⁾ Въ минувшемъ году это общество дало такжє 12 изданій: *«Шекспїр Уїлліям.* Приборкана го-струха. Переклад П. А. Куліша. З передмовою др. Ів. Франка; *Гер-гарт Гауптман.* Візник Геншель, драма в 5 актах. Переклав Антїн Крушельницький (ч. 13); *Коцюбинський Михайло.* В путах Шайтана і інші оповіданя; *Гуцков Кароль.* Урнєль Акоста, трагедія в 5 актах. Переклав Лев Лопатниський; *Емєльс Фр.* Початок родины, приватної власности і держави на підставі Л. Моргана; *Шекспїр Уїлліям.* Коріолян. Переклад П. А. Куліша. З передмовою др. Ів. Франка; *Яцків Михайло.* В царстві Сатани. Іронично-сентиментальві картїви (ч. 21); *Коцюбинський М.* По людському. Оповіданя з бесарабського жьтя (ч. 24); *Мартович Лєсь.* Не-читальник (ч. 23); *Мирний Пана-с.* Морозенко (ч. 22); *Стефаник Василь.* Дорога. Збірка нарисів.

Давнее Общество «Просвіга», давнее за время своего существо-ванія до начала минувшаго года 235 номеровъ изданій, въ 1900 г. такжє довольно энергично проявляло свою дѣятєльность въ этомъ направленїи. Имъ были изданы слѣдующія брошюры: „Руський сви-ваник“. Зібрав *Кость Федьків* (другий наклад); «Староруські оповї-даня. Вибрав и переновїв *Іван Франко* (ч. 238); *Добровольский Ст.*

¹⁾ См. обзоръ литературы за 1899 г.—«Кієв. Стар.», кн. II, за 1900 г.

«Ярема». Оповідане з запорожського жита. З російського переновів *Алекс. Борковський* (ч. 241); «Кілько рад і пересторог для хліборобів, годуючих худобу» (ч. 242); *Новаковський Михайло*. «Спілки для ощадности і позичок системи Райфайзеня» (ч. 240); *Зальцман Хр.* «Книжка приказок про те, як не належить поводитися з дітьми». Переклав Т. Віленький. З переднім словом І. Франка (ч. 243—244); «Коляди і щедрівки». З додатком тронарів і антифонів на Різдво Христове і Богоявлене; *Левицький Кость*. «Проняс людности». В додатку „Староруські оповіданя“, ч. V и VI (д-ра І. Франка, ч. 245); *Федькович. І.* «Фармазони». Повість. II. «Поезиі» (ч. 245—247); *Люстрований календар «Просвіта»* на р. 1901 р.

Довольно енергично розвивало свою діяльність и львовское „Руске товариство Педагогічне“. Всего въ прошломъ году имъ было издано около 15 книжекъ: «*Казки Андерсена*». Пята часть (ч. 76); *Переклади А. Крижської* (ч. 77); «*Образки з історіі України-Руси*» (ч. 78); «*Оповіданя для дітей*» (ч. 75); *Мамін-Сибіряк Д. Н.* Дя-тичі оповіданя. Переклав з російського Андрей Вертельник (ч. 79); *Інформаційний календар «Руского педагогічного Товариства»* у Львові на звич. рік 1901 (ч. 85).

Начавшая было въ 1899 г. издаваться серія подъ назв. «*Живі струни*», давшая 4 изданія, въ минувшемъ году дала лишъ одно—*Владислав Оркан*. «Ніч». Драма в 1 актї. Переклав А. Крушельницький. Зато въ минувшемъ году появилось три новыхъ издательства—«Р. У. Р. II.», «*Руска Школа*», «*Народна Бібліотека*». Первое дало пока лишъ два изданія: «*Самостійна Україна*» и «*Дядько Дмитро*». Оповідане.

«*Руска Школа*» (въ Черновцяхъ) издала: *Іван Сижук*. «Образки з жита і природи» и «Десять казок для діточок». Збірка з уст народа на Буковині.

«*Народна Бібліотека*» издала: *Василь Стефаник*. „Камінний хрест. Студії і образки“ (ч. 1—2); ¹⁾ *Толстой Лев*. „Два старці“. З великоруського переновів М. Павлик (ч. 3); *Гоголь Микола*. Тарас Бульба (ч. 4—6). Переклав В. Щурат.

Въ *Перемышль* изданы двѣ брошюры серіи «*Артистично-Літературних новин*»: (ч. 3) *В. Щурат*. «Павло Ліндау. Мелійська Венера», поетична драма в 1 д. (ч. 4); *В. К.* «Образки з Крилиць».

¹⁾ Пом'ячено еще 1899 годомъ.

Тамъ же открыта нова серія изданій— «*Бібліотека музикальна*»: изданы—ч. 1. Пісні підчас служби Божої на 3-голосний хор жіночий або мужесьвий; ч. 2. *Копко М.* Пісні (часть церковна) и ч. 3. *Копко М.* На Різдво Христове (розні пісні).

Навонець, въ *Коломы*—давня серія «*Бібліотека для рускои молодежи*» дала: *Данило Ленкий.* «Селянська. Дитина. Изъ сельскихъ образківъ» (т.т. 39 и 40); *Мешко.* «Повѣрка». Оповѣданне и др. (т. 38); *Андрей Веретельникъ.* «Два брата». Оповѣдане (т. 42).

Кромѣ изданій различныхъ обществъ или отдѣльныхъ серій, въ минушемъ году было издано немалое количество книгъ и брошюръ отдѣльными лицами, большая часть которыхъ приходится, конечно, на Львовъ, затѣмъ—Черновцы, Коломыю, Черемышль и др. города.

Во *Львовѣ* были изданы: *Бачинський Юліян.* Україна—irredenta. Друге виданне, и (его же)—Моя переписка з Михайлом Драгомановым (додаток до „Україна-irredenta“); *Бартошевський Іоан.* Проновѣди недільни для селянского народа. Друге доповнене видане; *Буря.* Драма в 5 діях Островського. З російського переклав і видав М. Павлик; *Кузів Ілько.* Бороткий погляд на історію читальни руської дух. семинарні; *Левицький Іван.* Гетьман Іван Виговський. Історична повість (Бібліотека найзнаменитшихъ повістей подъ редакцією Івана Белея. Т. LXIV); *Лисенко Микола.* Хор мішаний до слівъ поезіи І. Франка: „Ой що в полі за дялове?»; *Шематизм* всечестного вліра гр.-кат. матроп. архидієцезіи львовскои на р. 1900; *Авдікович Орест.* Метельви; его же: Неглі; *Вернер Сомбарт.* Соціалізм і соціальний рух у XIX ст. Переклав Льонгвія Цегельський (Бібліотека молоді України); *Ібзен Генрих.* Як ми мертві воскреснемо. Перек. А. Крушельницький; *Мешко Франц.* Драма на селі. Повість. З словинського переклав Ілько Кузів; *Справоздане дірекции* Ц. К. академічної гимназії у Львові на р. шкільний 1899—1900; *Перебендя,* Острожниця. і *К. Зорян.* Хто винен; *Франко Іван.* Із днів журби. Поезії; *Р. Ганічак.* Коломийка; *Закшевський Вікентій.* Всесвітна історія для висшихъ класъ середніхъ шкіл. Т. I. Старинна історія; *Кобринська Наталія.* Про «Нору» Ібзена; *Оіоновський Іляріон.* Словар до Гомерової Одисеї і Іліади; *Торонський Ал.* Історія біблійна старого завіта для гр.-кат. молодіжі середнихъ шкіль.; *Ленкий Богдан.* Стрічки; *Мох Рудольф.* Справа въ селѣ Клекотинѣ. Драмат. сцени зъ панцизня-

ныхъ часовъ; *Підручник для спілок ощадности і позичок системи Ф. В. Райфайзена*. Зладив др. Ф. Стефчик; *Самостойна Украина*. Видиовѣдь Романа Сембратовича на статью п. з. «Українська держава»; *Як пильнувати виборів до Ради державної, аби добре для нас випали? Баженський Порф.* Руско-народна музикальна гармонія; *Гумористичний ілюстрований календар «Комара» на р. 1901; До виборців з четвертої курії округа: Тернопіль—Скалат—Збараж; Лаврівський Володимир.* Тілоуравні Гри. Кована: Lawn Tennis; *Мешко Франц.* Нагуль, сільський образок. Зі словінського переклав Ілько Кузів; *Рудович І.* Унія въ Львівской архидієцезіи; *Енцикліка Папи Льва XIII про робітничє питання; Олоновський П.* Учебник арифметики для нижших клас.

Въ Черновцахъ.—Псалтыр. Видає Іван Созанськвій; *Домашній писар.* Збірка примірів, як укладати ріжні письма; *Жарти для розривки руского селянина; Пігуляк Еротей.* Верхониньскі згалки. Повість; *Попович Омелян.* Із житя цїсаря Франца-Йосифа I въ 70 уродини цїсарьскі, для руської молодіжи; *Ілюстрований буковинський православний календар на рік 1901; Шпойнаровський Серій.* Руска читанка для першої класи середних шкїл.

Въ Перемишлѣ.—*Митюкъ Викторъ и Теофілъ Луцькѣ.* Зборникъ церковно-народныхъ пісень. Вып. I.; *Ночь Виолемска.* Орагорія сценїчна в 4 актах.; *Смѣхъ и правда.* Вып. I.

Въ Коломьѣ.—*Г. А. Ц(олянскій).* Где есть скарбъ закопаний? Наука о томъ, якъ его выдобути; *Мосора Михайл.* Народни казки. Часть I; *Каммереръ Вильгельмъ.* Звонок. Переклав Яковъ Зробекъ.

Въ Унгварѣ.—*Мѣсяцесловъ на 1901.* Составилъ отъ имени общества св. Василия Великого свящ. Юлій Чучка.

Въ Жовкѣ.—Християнскій календаръ Місновара на 1901 рік.

Въ Винтербертѣ.—*Ілюстрований Календар Пр. Дѣвы Марїи на р. 1901; Приятель жовніра.* Календаръ на р. 1901.

Остається уюмануть еще о нѣсколькихъ изданїяхъ, вышедшихъ въ Америкѣ, въ Пенсильванїи въ (Олпфантѣ), при редакціи газеты «Свобода», а именно: *Стефанъ Макарь.* Американскій шляхтичъ. Образъ изъ житя рускихъ робітниківъ въ 3-хъ актахъ (ч. 10); *ю-же*—Руско-англійскій провідникъ. (ч. 11); *А. Л.* Дорога до свѣдомости. I. Капиталь и праца (ч. 12); *Календаръ для американськихъ Русиновъ* на рікъ 1901; *Покрива Т.* Дорога до свѣдомости. II. Борьба класъ. III. Для чого робітники організуються?

Таковы результаты культурной, научно-просвѣтительной дѣятельности украинскаго общества въ минувшемъ году за границей,— дѣятельности, по меньшей мѣрѣ, почтенной, свидѣтельствующей о естественной потребности украинскаго народа, постепенно приближаясь, стать на одномъ уровнѣ съ обществами наиболѣ просвѣщенныхъ европейскыхъ земель. Пожелаемъ же ему дальнѣйшаго успѣха въ этомъ направленіи!

Прим. Давая обзоръ украинской литературы за границей за 1899 г. (Кіевск. Стар. 1900, февраль, стр. 104—108), мы, по неважущимъ отъ насъ обстоятельствамъ, не упомянули о слѣдующихъ изданіяхъ 1899 года: *Ор. Авдикович*. Поезнія і проза. Львів, 1899; *Лепкий Б.* З жвтя. Збірка оповідань. Наклад. Укр.-руської видавничої спілки“ (ч. 12); *Національна Библиотека ч. 2*. Фр. Енгельс. Людвіг Фаербах. Переклад Будового. Накладом «Укр.-руської видавничої Спілки»; *Библиотека з-^я крайцарова*. Вып. I. Коломыя (з разсказа); *Ворчин Ю.* Цвѣты и бодяки. Образки и оповѣданні. Т. П. (Библиотека для рускои молодежи подъ редакціею Юліяна Носальского. Вып. XXIV. Томъ XXXVIII). Коломыя, 1899; *Будилецъ Евграф*. Студіи богословські. Проповідник на чудодійну тайну каяня. Чернівці, 1899; *Зробек Яков, парох Вертежи*. Мала парохія. Наклад. автора на цѣль будовы церкви въ Вертецѣ. Жовква. 1899.

В. Д.

Воспоминанія и стихотворенія Н. А. Шрамченка. Съ портретомъ.
Кіевъ. 1900 г. 108 стр.

Авторъ воспоминаній, Николай Алексѣевичъ Шрамченко (род. 1813 г. ум. 1888 г.) былъ уроженцемъ мѣстечка Воронежя, Глуховскаго уѣзда; воспитывался сначала въ новгородсѣверскомъ повѣтовомъ училищѣ, потомъ въ новгородсѣверской гимназій и наконецъ въ Харьковскомъ университетѣ; служилъ непродолжительное время въ канцеляріи Черниговскаго губернатора, потомъ въ военной службѣ, но выхолѣ изъ которой поселился въ м. Воронежѣ, гдѣ провелъ весь остатокъ дней своихъ и гдѣ долго онъ дѣйствовалъ въ качествѣ мирового посредника, почти со времени учрежденія этой должности ¹⁾ и до ея упраздненія въ Черниговской губерніи.

¹⁾ Замѣнилъ недолго занимавшаго эту должность М. Н. Карпѣку.

Отпечатанныя въ количествѣ всего 50-ти экземпляровъ, воспоминанія его были писаны и изданы не для публики. Въ началѣ ихъ авторъ говоритъ, что берется за перо вслѣдствіе настойчивыхъ просьбъ своихъ дѣтей изложить для нихъ на бумагѣ событія его жизни и вообще все, что припомнитъ. Приступивъ къ этому на 68-мъ году своей жизни, когда свѣжесть многихъ воспоминаній утратилась, а желаніе окончить начатый трудъ могло побуждать торопиться, не вдаваясь въ такія подробности, изложеніе которыхъ требуетъ много мѣста и времени,—авторъ кратокъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Скромная жизнь его, бѣольшая половина которой прожита въ мѣст. Воронежѣ, и ограниченный кругъ людей, съ которыми онъ сталкивался въ жизни, и не давали ему обильнаго матеріала для такихъ воспоминаній, которыя могутъ представлять общій интересъ.

Притомъ, начало и конецъ труда не одинаковы: въ первой половинѣ воспоминаній авторъ сравнительно болѣе подробенъ; видно, что, когда онъ приступалъ къ своей работѣ, у него было желаніе рассказать въ надлежащемъ порядкѣ всѣ главнѣйшія событія своей жизни, и онъ связано и послѣдовательно ведетъ этотъ рассказъ. Но, можетъ быть, недуги и мысль о приближающейся смерти помѣшали ему окончить трудъ такъ, какъ онъ былъ задуманъ: вторая половина воспоминаній имѣетъ отрывочный характеръ и полна недомолвокъ. Такъ, не смотря на то, что самая продолжительная служба автора была въ должности мирового посредника, и притомъ обнимала то интересное время, когда вводилось въ дѣйствіе положеніе объ освобожденіи крестьянъ, онъ не только не излагаетъ никакихъ подробностей о своей дѣятельности въ этой должности и о всемъ томъ, что связано было съ этой дѣятельностью, но даже вовсе не упоминаетъ о томъ, что онъ когда—либо былъ мировымъ посредникомъ.

Хотя вслѣдствіе указанныхъ условій воспоминанія Шрамченка, написанныя для того, чтобъ удовлетворить желаніе и любопытство своихъ близкихъ родныхъ, представляютъ незначительный интересъ для читающей публики, но, такъ какъ почти вся жизнь автора прошла въ Малороссіи, есть въ нихъ нѣкоторыя черточки, и для насъ безъинтересныя.

Начавъ съ изложенія имѣющихъ легендарный характеръ свѣдѣній о происхожденіи фамиліи Шрамченковъ и рассказавъ затѣмъ о своихъ родственникахъ—воронежскомъ сотникѣ Андреѣ Ивановичѣ и его братѣ Моисѣѣ Холодовичахъ (на сестрѣ которыхъ былъ женатъ

прадѣдъ Н. А. Шрамченка), авторъ передаетъ сохранившіяся въ семьѣ свѣдѣнія объ извѣстномъ въ Малороссіи разбойникѣ Гаркушѣ и набѣгѣ его въ усадьбу Моисея Холодовича. Потомъ, рассказавъ о проживавшемъ въ Воронежѣ генераль—лейтенантѣ графѣ Н. В. Гудовичѣ, разжалованномъ въ солдаты, онъ прежде чѣмъ приступить къ изложенію свѣдѣній о своемъ воспитаніи, останавливается и говоритъ: «Вѣрно, мнѣ не доиѣтъ затянутой пѣсни, такъ какъ я сдѣлалъ перерывъ, болѣе года не заглядывалъ въ мои воспоминанія, а на семидесятомъ году моей жизни плохая надежда впереди»... И послѣ этого перерыва авторъ становится уже гораздо болѣе кратокъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Ученье его началось въ Воронежѣ у какого-то дядьки Некреси и мѣстнаго священника и продолжалось въ Новгородъ-Сѣверскѣ. Говоря объ этомъ городѣ, авторъ сообщаетъ о немъ одно свѣдѣніе, интересное для лицъ, знающихъ современное положеніе Новгородъ-Сѣверска. Именно, онъ рассказываетъ, что называемая въ настоящее время «*Кляшторомъ*» часть города, на которой расположены Соборная и Воскресенская церкви, была прежде съ трехъ сторонъ почти неприступна по крутизнѣ горъ, изъ которыхъ одна прилегаетъ къ Деснѣ, а съ четвертой стороны, противъ церкви Воскресенія, отдѣлялась отъ остальнаго города глубокимъ ровомъ, черезъ который, какъ помнитъ авторъ, въ 1823 году былъ устроенъ деревянный мостъ, представлявшій единственное средство сообщенія названной части города съ прочими частями. Мостъ этотъ былъ на столько великъ, что по обѣимъ сторонамъ его на сваяхъ были устроены лавки (кажется, по пяти лавокъ съ каждой стороны, говоритъ авторъ и вспоминаетъ, что первая лавка съ лѣвой стороны отъ города была кунца Ленковскаго). Впослѣдствіи этотъ мостъ былъ уничтоженъ, ровъ засыпанъ, и тамъ, гдѣ былъ онъ, отъ бывшаго моста влѣво и вправо, расположены улицы, вслѣдствіе чего мѣстность совершенно измѣнила свой видъ. А составляющія съ трехъ прочихъ сторонъ границу упомянутой части города горы, осмыавшись, сдѣлались менѣе неприступными; къ нимъ прилѣпались и по откосамъ ихъ устроились домики. И теперешніе обитатели, за исключеніемъ, быть можетъ, нѣсколькихъ глубокихъ стариковъ, не подозрѣваютъ того, что когда-то эта часть города, отдѣляясь отъ прочихъ частей глубокимъ ровомъ, была по своему положенію неприступной крѣпостью.

Затѣмъ авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о педагогахъ новгородсѣверскаго повѣтоваго училища И. А. Славатинскомъ и Я. Я. Игнатьевѣ и новгородсѣверской гимназіи И. И. Халанскомъ, И. О. Тимковскомъ, Г. И. Ивановскомъ, Г. П. Македонскомъ, П. С. Левицкомъ и другихъ, причѣмъ наиболѣе симпатичнымъ изъ нихъ изображаетъ И. О. Тимковского.

Помѣстивъ въ Кіевской Старинѣ¹⁾ свою статью объ этомъ педагогѣ, мы позволимъ себѣ, въ дополненіе къ сообщеннымъ въ ней свѣдѣніямъ, выписать подробности, сообщаемыя Н. А. Шрамченкомъ: «этотъ человѣкъ», говоритъ авторъ о Тимковскомъ, «я теперь былъ бы не послѣднимъ передовымъ. Отлично образованный умомъ и сердцемъ, онъ зналъ языки французскій, нѣмецкій и въ особенности латвійскій (любимый авторъ былъ у него Гораций), умѣлъ поставить себя такъ, что всѣ ученики и учителя уважали, любили и боялись его, хотя онъ всегда со всѣми обходился ласково. Учителя до того унижались предъ нимъ, что, когда онъ посѣщалъ классы, бросались снимать и подавать ему шинель и даже галоши, но, конечно, онъ не всегда допускалъ ихъ до этого. Бывало, если Тимковскій покажется на гимназическомъ дворѣ, то у учителей всегда было видно какое-то замѣшательство, они обращались къ ученикамъ: «господа, поправьтесь», а сами поправляли галстуки и застегивали сюртуки. Когда приходило время экзаменовъ, Тимковскій обыкновенно въ назначенный заранѣе день лично осматривалъ различныя ученическія принадлежности, свидѣтельствовавшія о годовыхъ занятіяхъ каждаго ученика: книги, тетради, разныя записки, переводы съ языковъ, рисунки и проч. и въ именномъ спискѣ учениковъ отмѣчалъ результаты своего осмотра. Затѣмъ назначались экзамены по росписанію, составленному Тимковскимъ. Ни одинъ экзаменъ не производился безъ его участія. Учителя на экзаменахъ были какъ бы второстепенныя лица. Бывало, Тимковскій, пріѣхавши на экзаменъ, привезетъ съ собою книгъ, подходящихъ къ предмету экзамена, попроситъ учениковъ и учителей садиться, самъ идетъ за столъ, разложитъ передъ собою списокъ учениковъ извѣстнаго класса и начинаетъ по списку вызывать учениковъ и лично экзаменовать, въ особенности по русскому языку. Учитель въ это время сидѣлъ въ отдаленіи отъ стола. При всемъ своемъ личномъ участіи на экзаменахъ Тимковскій

¹⁾ 1891 г. №№ 8—10.

нерѣдко заставляя и учителей экзаменовать. Отвѣты учениковъ Тимковскій самъ лично оцѣнивалъ въ своемъ спискѣ безъ участія учителей. Казалось бы страннымъ, какъ могъ Тимковскій такъ много брать на себя, но оно было такъ.»

Небезынтересенъ также для характеристики старинныхъ нравовъ слѣдующій рассказъ автора: «Директоръ Тимковскій, какъ человекъ либеральный и гуманный, пожелалъ, чтобы въ гимназiи, помимо прочаго, процвѣтали и искусства, именно—музыка и танцы. Для обученiя учениковъ музыкѣ онъ пригласилъ изъ Шостенскаго пороховаго завода капельмейстера П. В. Пишнека. Учителемъ танцевъ былъ Кригеръ, глубокой старикъ, преподававшій это искусство не долго. Когда онъ удалился, Тимковскій, вѣроятно по рекомендаціи Кригера, призвалъ меня къ себѣ, сказалъ что-то въ родѣ рѣчи о пользѣ пластическихъ искусствъ и поручилъ мнѣ продолжать обученіе танцамъ, что я и исполнялъ, разумѣется, безвозмездно. Ученики, въ благодарность, купили мнѣ всѣ (человѣкъ 25) по фунту конфетъ, которыми я съ ними же и подѣлился.»

Переходи къ Харьковскому университету, въ которомъ авторъ былъ съ 1834 по 1840 годъ¹⁾, онъ, хотя и называетъ время студенчества лучшимъ временемъ своей жизни, къ сожалѣнію, черезчуръ кратко въ своихъ воспоминанiяхъ, относящихся къ этому времени. Упомянулъ о П. П. Артемовскомъ—Гулакѣ (бывшемъ тогда деканомъ этико-филологическаго факультета), Н. И. Костомаровѣ (стоявшемъ на квартирѣ у Артемовскаго—Гулака) и А. Л. Метлинскомъ, онъ не сообщаетъ о нихъ никакихъ фактовъ, опубликованіе которыхъ могло бы представлять интересъ²⁾.

Затѣмъ, сообщая въ нѣсколькихъ строчкахъ о службѣ въ канцелярiи черниговскаго губернатора (которымъ былъ тогда В. А. Ше-

¹⁾ Сначала авторъ поступилъ на медицинскій факультетъ, а черезъ два года перешелъ на философскій, переименованный послѣ посѣщенiя университета Николаемъ I въ этико-филологическій.

²⁾ Только для біографіи Амвросія Л. Метлинскаго, котораго другія воспоминанiя (напримѣръ Де-Пуле) рисуютъ какъ симпатичнѣйшаго человека, можетъ быть, не безынтересенъ слѣдующій сообщаемый авторомъ анекдотъ: по поводу смерти извѣстнаго профессора и ректора И. Я. Кронберга Метлинскій говорилъ рѣчь въ стихахъ, начинавшуюся словами: «Пронесется вѣсточка по святой Руси.» Насмѣшливые и недобрые студенты подхватили эту „вѣсточку“ и затѣмъ превратили ее въ прозвище Метлинскаго.

реметевъ, въ послѣдствіи министръ государственныхъ Имуществъ), авторъ излагаетъ нѣкоторыя подробности своей военной службы, не имѣющія интереса для нашего журнала, за исключеніемъ одного случая, небезынтереснаго въ этнографическомъ отношеніи. По поступленіи въ военную службу, авторъ, зачислившись въ гусары и нарядившись въ гусарскую форму, которая состояла тогда изъ краснаго ментика съ опушкой изъ черныхъ барашковъ, красной фуражки съ бѣлымъ околышемъ и голубыхъ панталонъ,—ѣхалъ въ Глуховъ, при приближеніи къ которому есть на дорогѣ глубокой оврагъ. Въ то время пролегающую чрезъ этотъ оврагъ дорогу ровняли множество мужиковъ и бабъ, и здѣсь, по разсказу автора, произошло слѣдующее: „не доѣзжая оврага, я выѣхъ изъ экипажа и пошелъ горю, такъ что, опередивъ свой экипажъ, медленно спускавшійся по оврагу, вышелъ на противоположную сторону и началъ подниматься по дорогѣ. Бабы увидѣли меня, бросили свою работу и съ изумленіемъ смотрѣли на меня, пораженные, должно быть, диковинною для нихъ формою, и притомъ на челоуѣтѣ, неизвѣстно откуда взявшемся, такъ какъ экипажа моего онѣ еще не видѣли. Наконецъ, одна изъ нихъ закричала не-своимъ голосомъ: «Се скарбъ, бый ёго!» — „Бый ёго“, крикнули другія: „винъ заразъ розсыплется грошымъ!“ Нѣкоторыя ринулись на меня съ лопатами. Положеніе мое было и смѣшное и досадное. Въ рукахъ у меня ничего не было. Но на мое счастье показался мой экипажъ, я крикнулъ кучеру, чтобъ онъ подѣзжалъ скорѣе. Экипажъ подѣхалъ, я спокойно сѣлъ въ него, и такимъ образомъ приключеніе это кончилось ничѣмъ.“

Потомъ, проходя какъ сказано уже, совершеннымъ умолчаніемъ свою службу въ должности мирового посредника, авторъ на послѣднихъ страницахъ своихъ воспоминаній излагаетъ свѣдѣнія о мѣст. Воронежѣ и его обитателяхъ.

Къ воспоминаніямъ приложены стихотворенія Н. А. Шрамченка, числомъ 20, изъ которыхъ одно написано по-русски, а всѣ прочія—по-малорусски. Изъ имѣющихся надъ большею частью ихъ помѣтъ видно, что они были написаны въ 1839—1844 годахъ, а самое раннее изъ нихъ относится къ ноябрю 1839 года. Такимъ образомъ, первые опыты автора въ стихотворствѣ предшествовали первому изданію «Кобзаря» Т. Г. Шевченка (1840 г.) и послѣдовали за выходомъ въ свѣтъ въ Харьковѣ сборника стихотвореній извѣстнаго автору А. Л. Метлинскаго («Думки и писни та ще де-що»

1839 г.). Самъ авторъ говоритъ объ этихъ стихотвореніяхъ въ своихъ воспоминаваніяхъ слѣдующее: „Въ ту пору (т. е. въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ) я написалъ, не давая почти себѣ отчета, нѣсколько малороссійскихъ стихотвореній и, правду сказать, плоховатыхъ, потому что къ тому особеннаго таланта отъ Бога не имѣлъ, да къ тому же еще имѣлъ и плохое воспитаніе. Стихи эти впоследствии я забылъ, и впоследствии (sic), перечитывая ихъ, находилъ ихъ неудовлетворительными, а въ иныхъ даже едва сознавалъ, что они мною написаны. Но поэзія въ души моей осталась на всю жизнь. Любовь моя къ природѣ безгранична: радуюсь я травкѣ, пробивающейся изъ—подъ снѣга, готовъ и заплакать, когда вижу увядающимъ распутившійся цвѣтокъ».

Какъ бы подтвержденіемъ послѣднихъ словъ автора является одно изъ его стихотвореній, въ которомъ онъ изображаетъ печальную судьбу цвѣтка, выросшаго и увядшаго въ глуши, и которое мы приведемъ для образчика:

«К в и т к а».

Рожева квітка на степу
Зросла якъсь далеко
И красовалася собі,
А їй було не легко.

—
И бідному сѣму цвѣтку
Въ садахъ вже не буваты,
Бо воля зла въ глухомъ кутку
Сказала розцвітаты.

—
Біля неї уже спорншъ
Та ще репьяхъ прыввися,
И стала квітонька ще гиршъ,
Пахучый духъ извився.

—
Засохла квітонька зовсімъ,
И лыстонько онало,
И квітонькы на свити самъ
Якъ будто не бувало.

И въ мисти тимъ витрець блука,
 И плаче винъ дытыной,
 И жалбно гука,
 И стогне сыртыной.»

Какъ видить читатель, поэтическое по мысли стихотвореніе,—очень блѣдно по выраженію, не отличааясь изяществомъ формы. Вообще стихотворенія Н. А. Шрамченка, не обнаруживая таланта, свидѣтельствуютъ лишь о нѣкоторой долѣ поэтическаго чувства и симпатіяхъ въ малорусскому слову, проявленныхъ авторомъ въ раннюю пору развитія нашей украинской словесности.

Н. Ш—ровъ.

Сочиненія графа П. И. Капниста. Москва 1901. Т. I, ССLVP+231 стр.; Т. II, СXLVШ+578 стр.

Графъ Петръ Ивановичъ Капнисть—уроженецъ Полтавской губерніи, сынъ бывшаго Полтавскаго губернскаго предводителя дворянства, а потомъ Московскаго губернатора и сенатора Ивана Васильевича Капниста. Родъ Капнистовъ происходитъ съ острова Занте (Закинѳа), самаго южнаго изъ острововъ Ионическаго архипелага, и по-гречески фамилія ихъ звучала: Капниссисъ, въ Капнистовъ же переѣхавши въ Малороссію, куда переселился одинъ изъ Капниссисовъ, Петръ Христофоровичъ, съ сыномъ Василіемъ Петровичемъ въ 1711 г. Въ 1702 г. дѣдъ Петра Христофоровича Стамателло Капниссисъ былъ возведенъ Венеціанскою республикою въ графское достоинство, но осѣвшіеся въ Малороссію потомки Петра Христофоровича не пользовались графскимъ титуломъ до 1876 года, когда императоръ Александръ II опять утвердилъ за ними родовой титулъ. Василій Петровичъ Капнисть былъ полковникомъ Миргородскимъ, а потомъ бригадиромъ россійской арміи, и погибъ подъ ударами непріятельскихъ сабель 19 августа 1757 г. въ сраженіи съ пруссаками подъ Гроссъ-Эгерсдорфомъ. Младшій сынъ убитаго, Василій Васильевичъ извѣстенъ въ русской литературѣ, какъ авторъ комедіи «Ябеда», многихъ лирическихъ пьесъ (одъ, элегій и проч.) и одной сатиры. Петръ Ивановичъ (род. въ 1830 г., скончался въ 1898 г.), ввукъ Василія Васильевича, какъ-бы унаслѣдовалъ отъ дѣда литературное призваніе и всю жизнь писалъ, хотя почти никогда ничего не печаталъ. На-

стоящее посмертное изданіе его сочиненій является трогательнымъ памятникомъ горячей любви къ отцу со стороны дочери, графини Ины Петровны. Ему предшествуетъ обширная, составленная Иной Петровной, біографія покойнаго писателя. Живо написанная, проникнутая свѣтлымъ и глубокимъ чувствомъ, возстановляющая въ яркихъ очертаніяхъ личность писателя на фонѣ окружающаго его общества, біографія эта читается съ неослабвающимъ интересомъ. Воспитаникъ Московскаго университета временъ Грановскаго (окончилъ курсъ въ 1852 г.), П. И. Капнистъ на всю жизнь остался идеалистомъ:

Отзывчивой и пылкою душою
 На этотъ міръ печально онъ взиралъ,—
 Отъ юныхъ дней, какъ солнце залъ землею,
 Надъ нимъ царилъ высокій идеаль.

Служба его проходила въ Петербургѣ: въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, въ Цензурномъ Вѣдомствѣ, въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати; съ 1871 по 1874 годъ онъ былъ главнымъ редакторомъ Правительственнаго Вѣстника. Съ 1875 г. и до самой смерти П. И. Капнистъ не занималъ никакой должности и проживалъ по зимамъ—заграницею (въ первые четыре года—въ Монтрѣ, а потомъ преимущественно во Флоренціи и въ Римѣ), а лѣтомъ—въ Полтавскомъ имѣніи Кременчугскаго уѣзда. Литературное наслѣдіе, оставленное П. И. Капнистомъ, распадается на три отдѣла: первый отдѣлъ составляютъ лирическія произведенія, въ числѣ коихъ есть нѣсколько поэгическихъ перловъ; во второй отдѣлъ входятъ двѣ историческихкія трагедіи: одна—вполнѣ оконченная: «Сень-Марсъ» (дѣйствіе происходитъ во Франціи въ 1642 г. при Людовикѣ XIII), другая, изъ русской жизни, «Стенька Разинъ»,—осталась не дописанной, и законченный видъ имѣютъ только два первыхъ дѣйствія, которыя помещены въ Собраніи сочиненій; трагедіи «Сень-Марсъ» предшествуютъ обширныя примѣчанія, представляющія цѣлое историческое изслѣдованіе о Людовикѣ XIII и важнѣйшихъ дѣятеляхъ его государственіи;—наконецъ, содержаніемъ третьяго отдѣла служатъ статьи прозаическія—литературныя и публицистическія: 1) Очеркъ направленія русской лирической поэзіи съ 1854 по 1864 годъ включительно; 2) Краткое обзорнѣе журналистики за 1862 годъ; 3) По поводу нѣсколькихъ словъ г. Самарина объ историческихъ трудахъ Б. Н. Чячерина; 4) Къ эпизоду о высылкѣ Пушкина изъ Одессы; 5) О

женскомъ вопросѣ; 6) Записка о дворянствѣ; 7) Министерство земледѣлія.

Любители поэзіи и исторіи въ сочиненіяхъ графа П. И. Капниста и въ біографіи его, составленной графиней И. П. Капнистъ, найдутъ для себя занимательное и поучительное чтеніе.

А. С.

Труды Подольскаго Епархіальнаго Историко-Статистическаго Комитета. Выпускъ IX. Подъ редакціей свящ. Евфімія Сльцинскаго. Приходы и церкви Подольской епархіи. Каменецъ-Подольскъ, 1900, стр. I—XXIII, 1—1064, 1—175, in 4°.

Настоящій, солидныхъ размѣровъ, выпускъ «Трудовъ Подольскаго Епарх. Истор.-Статистич. Комитета», содержащій описанія приходовъ и церквей Каменецъ-Подольской епархіи составленъ трудами нѣкоторыхъ членовъ Комитета на основаніи выписокъ изъ современныхъ и старыхъ церковныхъ лѣтописей Подольской епархіи. Въ описанія приходовъ вошли лишь свѣдѣнія историческія, статистическія и археологическія; свѣдѣній же по этнографіи, подобно тому какъ, напримѣръ, въ описаніи Волинской епархіи, трудъ свящ. Теодоровича, здѣсь не имѣется. Впрочемъ, комитетъ и не имѣлъ въ виду затрачивать нѣкихъ сторонъ жизни прихода, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, описаніе епархіи, задуманное еще въ 60-хъ г. г., опять грозило бы затянуться на неопредѣленное время: онъ пришелъ къ тому заключенію, что крайне желательно поскорѣе имѣть хотя бы краткія историческія свѣдѣнія о приходахъ и церквяхъ всей епархіи (съ чѣмъ, конечно, нельзя не согласиться); но и эти краткія свѣдѣнія, тѣмъ не менѣе, «не уничтожаютъ потребности имѣть полныя историческія свѣдѣнія о каждомъ приходѣ, документально составленныя и критически провѣренныя, почему и послѣ изданія настоящаго выпуска «Трудовъ» работа Комитета все-таки должна быть направлена къ болѣе систематичному, обстоятельному и детальному описанію приходовъ; издаваемыя нынѣ описанія должны быть расширяемы, провѣряемы и издаваемы въ такомъ примѣрно видѣ, какъ это сдѣлано для Каменецкаго уѣзда въ VII выпускѣ „Трудовъ“ комитета» (Предисловіе, стр. XXIII).

Впрочемъ, и въ настоящемъ выпускѣ описанія въкоторыхъ пунктовъ (какъ наир. г. Каменецъ-Подольскъ, г. Винница, м. Меджибожь, Ладжинъ, Могилевъ, м. Шаргородъ, Баръ, м. Сатановъ, с. Бакота) имѣютъ сравнительно значительный объемъ и составлены довольно подробно, со ссылками на источники; но въ большинствѣ случаевъ, въ среднемъ каждому приходу посвящено около одной страницы.

Приходы въ изданномъ выпускѣ расположены по уѣздамъ и благочинническимъ округомъ. Уѣзды расположены въ алфавитномъ порядкѣ.

Къ книгѣ приложенъ указатель названій географическихъ и личныхъ, что весьма облегчаетъ пользованіе ею.

Несомѣнно, настоящее изданіе, первое цѣльное описаніе, хотя и въ общихъ чертахъ, Подольской епархіи, является цѣннымъ справочнымъ изданіемъ, подобно трудамъ Похилевича (для Кіевской губерніи) и Теодоровича (для Волынской).

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 3; 2) Русская Старина, № 3; 3) Историческій Вѣстникъ, № 3; 4) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 4; 5) Вѣстникъ Европы, № 3; 6) Русская Мысль, № 3; 7) Научное Обзорніе, № 3; 8) Книжки Восхода, № 2; 9) Литературно-Научный Вѣстникъ, № 3; 10) Ateneum, № 3; 11) Biblioteka Warszawska, № 3; 12) Przewodnik naukowy i literacki, № 3; 13) Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 2; 14) Варшавскія Университетскія Извѣстія, № 2; 15) Кіевскія Университетскія Извѣстія № 2; 16) Ученныя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, №№ 2 и 3; 17) Миръ Божій, № 3; 18) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 2; 19) Вѣстникъ Всемирной Исторіи, № 3; 20) Wisła, т. I; 21) Записки Имп. Харьковского Университета, кн. 1; 22) Литературный Вѣстникъ, №№ 1 и 2; 23) Извѣстія Общ. Археологіи, исторіи и этнографіи при Имп. Казанскомъ Университетѣ, вып. 1.

Русская Старина № 3

Къ характеристикѣ В. Н. Каразина. Письмо С.-Петербургскаго митрополита—кіевскому митрополиту (стр. 742).

Рекомендаціонное письмо, въ которомъ Каразинъ аттестуется, какъ человекъ „умный, любоученый и благочестивый, особенно пекущійся о пользахъ Харьковскаго университета“.

Историческій Вѣстникъ № 3.

В. О. Михневичъ. Исторія карточной игры на Руси (Окончаніе) (стр. 978—1012). Попутно отмѣчены игорныя прихоти и увлеченіе кн. Потемкина карточной игрой.

П. А. Тулубъ. Суевѣріе и преступленіе. (Изъ воспоминаній мирового судьи) (стр. 1083—1011). Авторъ, нѣсколько лѣтъ проведшій въ Брацлавскомъ у. Подольской губ., состоя мировымъ судьей, сообщаетъ нѣсколько (4) фактовъ, рѣзкихъ и типическихъ, свидѣтельствующихъ о томъ, насколько сильно коренятся еще въ народѣ суевѣрія,—вѣра въ вѣдьмъ, чары, наговоры и нашептыванья.

Въ отдѣлѣ „Смѣсь“ (стр. 1229—1245) упоминается о засѣданіяхъ Московскаго Археологическаго Общества, Археологическаго Института (докладъ А. А. Бобринскаго о древностяхъ Поддѣирирова), Географическаго Общества (докладъ Погодина—„О древности евреевъ въ южной Россіи“), С.-Петербургскаго славянскаго благотворит. общества (докладъ И. Драгомирецкаго „О современномъ положеніи Галицкой Руси“), предварительнаго Комитета по устройству XII археол. съѣзда въ Харьковѣ.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 3.

Ив. Тихомировъ О составѣ такъ называемыхъ литовскихъ лѣтописей (стр. 1—36) (Окончаніе слѣдуетъ). Въ настоящей, первой, части изслѣдованія авторъ дѣлаетъ обзоръ состава лѣтописей краткаго свода (лѣтоп. Аврамки, Суцрасльская рукопись, Уварова, Красинскаго и Познанская); указываетъ отличія другихъ списковъ того же свода—Даянловича, гр. Красинскаго и Познанской рукописи, и наконецъ даетъ обзоръ состава полнаго свода, дошедшаго до насъ въ изданіи Нарбута.

Русская Мысль № 3.

Некроль А. Я. Конисскаю, составл. *Л. Ч.* (стр. 154—160), сообщающій нѣкоторыя подробности изъ его жизни.

Книжня Восхода № 2.

М. Шоррь. Центральные съѣзды еврейскихъ общинъ въ Польшѣ (Окончаніе) (стр. 36—61). Разсматривается дѣятельность генеральныхъ еврейскихъ съѣздовъ въ XVI ст.—XVIII ст., дѣятельность сеймиковъ, начиная съ XVII вѣка, вліяніе ихъ на общественную жизнь.

Літературно-Науковий Вістник, № 3.

Маруся Боуславка, П. Куліша (конецъ.) (стр. 238—262).

Гречаники, оповідання Ганни Барвінок (стр. 263—283).

Из оповідань Олекси Кузьми: I. На посаді (стр. 284—304).

По закону, оповідане Ів. Федорченка (стр. 305—320).

I. *У море*, недрук. вірш Ю. Фельковича (стр. 321).

II. *До дядька Прохора Коваля*, недрук. вірш Ст. Руданського (стр. 321—323).

Маруся. Оповідане В. Г. Короленка (конецъ) (стр. 324—351).

Из дрібнихъ нарисів:

I. Пестрий птах, Еріха Гартлебена (стр. 352—354).

II. Палкий роман, Марсея Прево (стр. 354—359).

Из поезий Мікеля Анджелло (стр. 360).

Мик. Михайловский і його значіня в російській літературі, проф. Мик. Кареева (стр. 153—160). Публичная лекція, прочитанная во Львовѣ 8 января въ пользу бібліотеки „Науков. тов. ім. Шевченка“.

О. Антін Петрушевич. Ювілейна силветка, д-ра Івана Франка (стр. 171—192).

Видання коштом Івана Череватенка і премії його імени Б. Грінченка (стр. 193—200). Отчетъ о черниговскихъ изданіяхъ Б. Д. Грінченка на средства, завѣщанія Ів. Череватенкомъ. Въ настоящее время деньги эти переданы „товариству Просвіта“ во Львовѣ съ тѣмъ, чтобы взъ процентовъ выдавались преміи за научно-популярныя брошюры, написанныя на украинск. языкѣ.

Маруся Боуславка в українській літературі. Історично-літературний нарис, С. Томашівського (Дальше буде) (стр. 201—208).!

Хроніка і бібліографія (стр. 209—228). По обыкновенію, богатый матеріалъ для текущей культурной жизни Украины-Руси.

Ateneum, № 3.

Zigmunt Kramsztyk. Lirnik i Nebaba (стр. 619—626). Отмѣнены главныя дѣйствующія лица въ повѣсти Гощинскаго „Zamek Kapiowski“. Въ отдѣлѣ „Rozbiory i prawozdania“ (стр. 644—647)—рецензія на книгу „Józef Tretiak. Szkice literackie. Serya II. Kraków, 1901“, въ которой, между прочимъ, помѣщенъ разборъ „Dumu ukraińnej“ 17 вѣка, возникшей на Украинѣ при Сигизмундѣ III или вскорѣ послѣ его смерти.

Przewodnik naukowy i literacki, № 3.

Rawita Gawroński. Nieznane młodzińcze utwory poetyckie Seweryna Goszczyńskiego (Urywek z pamiętników Pokrzywnickiego) (стр. 266—274). Воспоминанія воспитанника Уманскаго Базилянскаго училища первой четверти XIX ст.—Каспера Покривницкаго о состояніи учебнаго дѣла въ этомъ училищѣ во время его обученія; въ воспоминаніяхъ приведены нѣкоторыя данныя для біографіи Северина Гощинскаго, не рѣдко не согласныя съ истинной. Въ концѣ авторъ воспоминаній сообщаетъ неизвѣстный стихотвор. Гощинскаго: «Konstytucya 3-go Maja».

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 2.

Въ «Приложеніяхъ» (1—XXX) оглавленіе и указатель въ книгѣ «Генеральное слѣдствіе о маестностяхъ Нѣжинскаго полка» Н. П. Василенка.

Варшавскія Университетскія Извѣстія кн. I.

Е. О. Карскій. Очеркъ славянской кирилловской палеографіи. (Продолженіе) (стр. 385—482). Снимки съ рукописей XI—XV вв.

Кіевскія Университетскія Извѣстія № 2.

Довнаръ-Запольскій Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонахъ (стр. 225—311) (Продолженіе). Обзоръ доходныхъ статей госнодарскаго скарба, шедшихъ съ дворовъ и волостей, и мѣропріятій, которыя скарбъ принималъ для увеличенія доходности своихъ имуществъ; обзоръ правительственныхъ мѣръ по управленію добрами до введенія волочной ustawy.

Ученія Записки Императорскаго Казанскаго Университета, № 2.

А. Архангельскій. Образованіе и литература въ Московскомъ государствѣ кон. XV—XVII в.в. (продолженіе) (стр. 81—126). Подробно отмѣчены произведенія западно-русской литературы конца XVI в.—перв. пол. XVII в.: богослужебныя книги, книги Св. Писанія, переводовъ твореній отцовъ церкви, сочиненія обще-моральнаго содержания: духовнаго и правоучительнаго; учебная литература.

Міръ Божій, № 3.

Въ отдѣлѣ «Критическія замѣтки» (стр. 9—13). г. *А. Б.* отмѣчаетъ «Сорокалѣтіе смерти Шевченка». Упомянувъ вкратцѣ о характернѣйшихъ чертахъ поэзіи Шевченка (гармонія, цѣльность и друг.), авторъ заканчиваетъ свою замѣтку слѣдующими словами. «Его «Кобзарь» — лучшій памятникъ народной славы малорусскаго народа, но самъ Шевченко до сихъ поръ не имѣетъ достойнаго себѣ памятника. Сорокъ лѣтъ прошло со дня его смерти, и цора-бы почтить достойно память величайшаго *народнаго пьвца* не только малорусскаго народа, а всего славянства, какъ одного изъ благороднѣйшихъ его представителей. Мы увѣрены, не только малороссы, но и все лучшее, что есть въ русскомъ обществѣ, живо откликнулось бы на призывъ. Въѣдъ и среди русскаго общества творенія Шевченка пользуются не меньшей любовью и распространеніемъ, чѣмъ и среди малороссовъ, такъ какъ мысли и чувства Шевченка равно близки всякому, кто любитъ народъ и человѣчество. Если у малороссовъ при одномъ имени «батька Тараса» живѣе бьется сердце и теплѣе становится на душѣ, то и для насъ, въ лицѣ Шевченка, встаетъ истинный «апостоль правды и свободы», какимъ въ правѣ гордиться человѣчество».

Труды Кіевской Духовной Академіи, № 2.

А. Бьмородскій. Кіевскій митрополитъ Герофей Малицкій (1796—1799 г.г.) (продолженіе) (стр. 212—255). Глава II. Виѣшнее и внутреннее благоустройство новоприсоединенныхъ церквей. Въ этой главѣ авторъ говоритъ о разрѣшеніи отдѣльнымъ приходамъ сборовъ «милостиваго подаванія» въ пользу церквей, о ревизіи митропол. Герофеемъ почти всей епархіи, о заботахъ по очищенію богослуженія новоприсоединенныхъ церквей отъ примѣси уніатскаго бого-

служенія, о мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ установленію въ ново-присоединенныхъ церквахъ стротой отчетности.

Н. Петровъ. О новомъ росписаніи стѣнъ великой церкви Кіево-Печерской лавры (стр. 277—296). Рефератъ, читанный въ засѣданіи Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской дух. Акад. 22 января 1901 г., въ которомъ излагается подлинный ходъ дѣла въ Комиссіи, образованной Духовнымъ Соборомъ Кіево-Печерской Лавры для оцѣнки и пріема партіи художественныхъ работъ въ великой лаврской церкви.

—

Вѣстникъ Всемирной Исторіи № 3.

Б. Б. Герценъ и Тургеневъ (продолженіе). На стр. 129 отмѣчены попутно отзывъ Герцена объ украинскихъ разсказахъ Марка Вовчка (Колоколь, № 71, отъ 15 мая 1860 г.) и симпатичное отношеніе Тургенева къ малорусской литературѣ (Историч. Вѣстникъ, 1899, кн. 3).

А. Мироновъ. Изъ области археологій (стр. 196—203). Отмѣченъ докладъ: А. Л. Бобринскаго въ засѣд. Археол. института о бытѣ, обстановкѣ и наружности древнихъ обитателей Малороссіи; проектъ устройства въ Каменцѣ-Подольскомъ музее древностей Подолія; коллекція В. В. Тарновскаго; послѣднее засѣданіе Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда.

—

Wiśła, № 1.

Przyczynek do historii rozwoju śpichlerza słowiańskiego (streszczenie pracy K. Rhamma) (стр. 60—74). Авторъ пересказываетъ содержаніе изслѣдованія Рамма о складахъ (амбарахъ), которые, по мнѣнію изслѣдователя, въ древнее время въ славянскомъ мірѣ были 3-хъ родовъ: для зерна, сукна и хлѣба (не вымолоченнаго). Зерновой амбаръ первоначально у всѣхъ славянъ назывался «житницей», хотя и не былъ одного типа.

На стр. 60 помѣщенъ фотографическій снимокъ 97-лѣтняго крестьянина с. Загороды, Ново-Александрійскаго у. Въ отдѣлѣ «Rozzukiwania» (стр. 84—88)—глава XXVI «Mazurzenie» — поставленъ цѣлый рядъ лингвистическихъ вопросовъ, на которые желательно получить отвѣтъ, съ цѣлью полученія достаточныхъ данныхъ о степени «мазуренія» (выговора sz, ż, cz, dż—какъ s, z, c, dz). Въ отдѣлѣ «Sprawozdania i Krytyka» (стр. 88—92) дана рецензія на

книгу «S. Dobrzycki. O tak zwanym mazuiowaniu w języku polskim. Krakow, 1900 (odbitka z t. XXXII Rozpraw wydz. filologicznego Akademji Kraków.).

Записки Императорскаго Харьковского Университета, № 1.

А. А. Пельтиеръ. Англійскія и Шотландскія баллады (стр. 1—85) (Продолженіе). Указаны, какъ и въ первой части, варианты въ нѣкоторымъ англійскимъ и шотландскимъ балладамъ въ этнографич. сборникахъ Драгманова, Головацкаго, въ „Этнографич. обзорѣни“ (стр. 69—73).

Н. К. Грунскій. Кіевскіе глаголическіе листки. 1. Палеографическія наблюденія (стр. 85—92). Авторъ останавливается на вопросахъ о почеркахъ рукописи и надстрочныхъ знакахъ въ этомъ древнѣйшемъ слав. памятникѣ.

Д. И. Балалѣй. Опытъ исторіи Харьковского Университета. (Продолженіе) (стр. 1—64). Внутренняя жизнь Харьковского университета при попечителяхъ Ю. А. Головкинѣ и А. А. Перовскомъ.

Литературный Вѣстникъ. (Изданіе Русскаго Библиографическаго Общества). Томъ I, кн. 1—II.

Книга I.

Въ отдѣлѣ «Изъ русской печати» (стр. 113) помѣщена замѣтка, заимствованная изъ газ. «Кіевское Слово» — «Псевдонимы А. Я. Конисскаго».

Въ отдѣлѣ «Хроника» (стр. 127—133) отмѣчены: «Общество изслѣдованія Волини», «Музей въ Каменцѣ-Подольскомъ».

Въ отдѣлѣ «Некрологи» (стр. 135) помѣщенъ краткій некрологъ А. Я. Конисскаго.

Книга II.

Въ отдѣлѣ «Новыя Книги» (стр. 199—201) данъ отзывъ о книгѣ: «П. Житецкій. «Энеида» Когларевскаго и древнѣйшій списокъ ея въ связи съ обзоромъ малорусской литературы XVIII в. Кіевъ, 1900» (оспариваются нѣкоторыя замѣчанія по поводу этой книги І. Франка въ 38 т. «Запис. Наук. тов. ім. Шевченка»).

Въ отдѣлѣ «Хроника» (стр. 249—256) отмѣчены: «Воронежскій историко-археологическій церковный комитетъ», «Екатеринославская археологическая коммиссія», «Кіевскій историческій музей».

Въ отдѣлѣ «Некрологи» (стр. 259) помѣщенъ краткій некрологъ М. Т. Симонова (Номиса).

Извѣстія Общества Археологій, исторіи и этнографіи при Имп. Казанскомъ Университетѣ вып. I.

Н. М. Петровскій. О старинномъ латинско-русскомъ словарѣ (стр. 42—50). Авторъ приводитъ отрывки изъ словаря «*Dictionary latino-ruthenicum*», хранящагося, въ рукописномъ видѣ, въ библиотекѣ французскаго монастыря въ Дубровникѣ (подъ № 187 въ каталогѣ). Приведенные отрывки словаря представляютъ немалый интересъ для лингвистовъ, свидѣтельствуя о словарномъ богатствѣ XVII—XVIII в., повидимому имѣющемъ отношеніе къ южной Руси.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Поминки Т. Г. Шевченка въ русскихъ газетахъ и журналахъ въ 40-ую годовщину со дня смерти.

Въ *Петербуржскихъ*: 1) Новости, 2) еженед. журналъ „Вѣстникъ Казачьихъ Войскъ“ (въ № 6) («Т. Г. Шевченко»). Авторъ статьи въ этомъ послѣднемъ, Вл. Кранихфельдъ между прочимъ пишетъ: заслуги Шевченко, — пишетъ онъ, — неизмѣримо громадны не только предъ Малороссіей, современную и историческую жизнь которой онъ воспѣлъ въ своихъ звучныхъ стихахъ, но и предъ всей Россіей вообще, съ самымъ темнымъ пятномъ въ государственномъ тѣлѣ которой онъ неустанно и страстно боролся, въ теченіе всей своей многострадальной жизни. Сравнивая эти неустанныя обличенія вѣрностнаго права съ тѣмъ, что мы находимъ за тѣ же самые годы (1845—1855) въ произведеніяхъ Некрасова, мы должны отдать преимущество украинскому поэту и по количеству и по качеству произведеній, затрагивающихъ крестьянскій вопросъ... Нельзя не пожалѣть, что ни одно изъ указанныхъ произведеній не было напечатано въ свое время, но, несомнѣнно, что, по крайней мѣрѣ тѣ, которыя были написаны до ссылки, тогда же расходились по Малороссіи во множествѣ списковъ.

Однако, не только тѣ произведенія Шевченка, гдѣ онъ затрагивалъ вѣрностное право, печатались несвоевременно: очень многія его произведенія вообще должны были годы ходить по рукамъ въ спис-

какъ, прежде чѣмъ принималъ ихъ печатный станокъ. И теперь, въ то время, какъ въ галицкой Украинѣ произведенія Шевченко старательно изучаются, начиная со скромной сельской школы и кончая университетскими каедами, многія произведенія поэта въ Россіи до сихъ поръ остаются неизвѣстными, а, между тѣмъ, въ числѣ этихъ не напечатанныхъ произведеній есть такія (укажемъ, напримѣръ, на «Марію», «Кавказъ» и др.), которыя въ неуядаемый вѣнецъ поэта вылетаютъ лучшіе цвѣты.

Не правда-ли, наконецъ, снять оналу съ твореній поэта, котормъ по справедливости могутъ гордиться славяне и подобнаго которму не знаетъ славянская литература? Сорокъ лѣтъ—это такая давность, въ теченіе которой сглаживается острота мысли, какъ бы отточена она ни была, и остается лишь одна прелесть ея выраженія,—опасность никому и ничему не угрожающая.

3) Русское Богатство, № 2, статья П. К. «*Новые матеріалы къ біографіи Т. Г. Шевченка*», въ которой авторъ сообщаетъ цѣнныя данныя для біографіи Т. Г. Шевченка, найденныя при разборкѣ архива бывшаго Александровскаго (въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи) батальона. Сообщаемый матеріалъ даетъ наглядную картину назначенія Шевченка на службу въ Оренбургскій край и послѣдующихъ событій его жизни въ этомъ краѣ. Матеріалъ почти весь, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелкихъ подробностей, какъ напр. представленіе Шевченка къ повышенію въ унтеръ-офицерскій чинъ, извѣстенъ уже изъ біографіи Т. Г. Шевченка, составленной покойнымъ А. Я. Конисскимъ.

4) Міръ Божій (№ 3) (см. обзоръ журн. въ этой книгѣ), 5) «Дѣтское Чтеніе», № 3 (И. Бѣлоусовъ „Тарасъ Григорьевичъ Шевченко“), 6) Юный Читатель, 7) еженед. журналъ „Сѣверъ“, № 9 (Н. Аншинъ. „Т. Г. Шевченко, какъ художникъ“, съ рисункомъ Н. Дмитріева «Т. Г. Шевченко въ гробу»), 8) Нива, № 9 (рисункъ художника Шарварока „Чумаки“), 9) Биржевыя Вѣдомости (приложенія) (нѣсколько рисунковъ Шевченка), 10) Дѣтскій Отдыхъ, № 2 (біографія и портретъ) 11) Журналъ для всѣхъ, № 2 (статья А. Ефименко—см. Киев. Стар. № 3).

Въ *Москвѣ*—1) Курьеръ (статья Л. Медвѣдева и стихотвор. В. Гиляровскаго „На могилѣ Шевченка“) 2) Русскія Вѣдомости, №№ 56 и 68 (Веденѣвъ „Т. Н. Шевченко“; приведено стихотвореніе Некрасова на смерть Шевченка), 3) Русскій Листокъ, № 55 („Литературная Бесѣда“).

Въ *Харьковѣ*—1) Харьковскіи Губернскіи Вѣдомости, № 54 («Памяти Т. Г. Шевченка»).

Въ *Полтавѣ*—„Хуторянинъ“, № 8 (статья С. Р.—„Сорокъ лѣтъ назадъ“).

Въ *Одессѣ*—1) Южное Обозрѣніе (передовая статья и статья А—ръ „Кобзарь Т. Г. Шевченка“), 2) Одесскій Листокъ № 52 («Перебендя и Т. Г. Шевченко») и передовая статья въ № 53, 3) Одесскія Новосты, № 5224 («Шевченко и Мицкевичъ») и № 5223 «Памяти Т. Г. Шевченка»). Авторъ послѣдней вполне сираведливо замѣчаетъ, что «пора уже русскому юношеству на школьной скамейкѣ знакомиться съ жизнью (Шевченка) и съ созданнымъ имъ «Кобзаремъ».... «Пора помянуть этого человѣка не въ тѣсныхъ кружкахъ «почитателей», пора чествовать великаго поэта не утаенно отъ зрѣнія людскаго... «Еще въ 1876 г. французскій критикъ Е. Дюравъ высказалъ, что «Шевченко заслуживаетъ цѣлаго ряда изслѣдованій для европейской публики». «А для русской»?—спрашиваетъ авторъ. «Что дали за истекшіе сорокъ лѣтъ наши присяжные ученые? что услышало русское учащееся юношество о Шевченкѣ съ каедръ славянской филологіи, что издано о немъ нашими историко-филологическими обществами?... Пусть же эта 40-ая годовщина смерти «батъка» Тараса внушитъ его «дѣтямъ» (а дѣтьми, въ концѣ концовъ, должна признать себя прежде всего вся интеллигенція) достойныя формы увѣковѣченія его памяти». Съ своей стороны авторъ предлагаетъ «хоть скромнымъ *дѣломъ* ознаменовать одесскіи поминки Шевченку въ настоящую сороковую годовщину: собрать небольшой капиталъ его имени для выдачи изъ процентовъ его премій за лучшія историко-литературныя изслѣдованія о поэзіи Шевченка или вообще о малорусской народности—въ ея языкѣ, исторіи, во всѣхъ особенностяхъ народной психологіи».

Въ *Орлѣ*—«Орловскій Вѣстникъ» (стихотвореніе Р. Чеботарева и статья М. Лемке).

Въ *Ярославлѣ*—«Сѣверный Курьеръ», (№ 12) Стихотв. «Гдѣ небо сходится съ землею?» и статья Вас. Смирнова.

Въ *Нижн.-Новгородѣ*: 1) Нижегородскій Листокъ, № 55 (статья Ч. Вѣтринскаго «Памяти Т. Г. Шевченка»; 2) Волгарь (фельетонъ г. Опикса).

Въ *Перми*—«Пермскіи губ. Вѣдомости».

Въ *Астрахани*—«Астраханскій Листокъ», № 3523.

Въ *Саратовъ* — 1) «Саратовскій дневникъ», № 44 (статья Ан. Герасимова «Многострадальный поэтъ»), 2) Саратовскій листокъ № 45 («Памяти пѣвца Украины»).

Въ *Ростовъ-на-Дону* — «Донская Рѣчь», № 53 (портретъ Т. Г. Шевченка и обширная статья Ф. Зѣвиченко).

Въ *Екатеринославъ* — «Приднѣпровскій Край», № 1117 (передовая статья).

Въ *Житомиръ* — «Волянь» № 45 (передовая статья, въ которой призываются читатели оказать посильное содѣйствіе «Обществу имени Т. Г. Шевченка для вспоможенств. нуждающимся уроженцамъ южной Россіи, учащимся въ высш. учебн. заведеніяхъ въ С.-Петербургѣ и «Благотворительному обществу общепользныхъ и дешевыхъ книгъ» и № 46 («Памяти Т. Г. Шевченка»).

Въ *Симферополь* — «Крымъ», № 45 (воспоминанія Н. И. Балабухи о встрѣчѣ и проводахъ праха поэта въ Кіевѣ), въ №№ 47 и 48 (статья С. В. Преображенскаго «Памяти Шевченка»).

Въ *Херсонъ* — «Югъ», № 855 (фельетонъ В. К.-ой «Пѣвецъ Украины Т. Г. Шевченко»).

Въ *Екатеринодаръ* — «Кубанскія Областныя Вѣдомости» №№ 44, 46 и 47 (статья редактора Лук. Мельникова «Гражданскіе мотивы поэзіи Шевченка»).

Въ *Ставрополь* — «Сѣверный Кавказъ» (статья).

Въ *Ватумъ* — «Черноморскій Вѣстникъ», № 46 (замѣтка).

Въ *Баку* — «Каспій», № 44 (статья Г. Д. «Памяти украинскаго поэта Т. Г. Шевченка»).

Въ *Иркутскъ* — «Восточное Обозрѣніе», № 42 (фельет. М. Невскаго «Къ сорокалѣтію кончины Т. Г. Шевченка»).

Въ *Томскъ* — «Сибирская жизнь», № 44 (біографич. очеркъ З. и замѣтка Ив. Иванова).

Въ № 42 и 43 «Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостей» помѣщена статья Лук. Мельникова «Малорусскія народныя пѣсни про «панщину» и «волю».

Отмѣтивъ тотъ странный фактъ, что величайшее событіе русской исторіи XIX ст. — освобожденіе крестьянъ — не отразилось сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ въ русской поэзіи, авторъ указываетъ, что въ Малороссіи, наоборотъ, поэтическое чувство простого, неграмотнаго народа создало довольно значительное количество пѣсенъ,

содержаніемъ которыхъ является тяжкая доля народа подъ гнетомъ крѣпостного права и затѣмъ то впечатлѣніе, какое произвело на народъ освобожденіе. Въ своей статьѣ авторъ на примѣрахъ показываетъ (главнымъ образомъ изъ «Этнографическихъ матеріаловъ» В. Д. Гринченка, собственныхъ записей въ Подольской губ. и изъ «Кіевск. Стар.»), что думалъ украинскій народъ о своемъ положеніи въ періодъ крѣпостничества, какъ онъ встрѣтилъ про желанную свободу дорогую вѣсть и какъ отнесся онъ къ этой вѣсти.

Въ заключеніи своей статьи авторъ приходитъ къ тому выводу, что «малорусскій народъ и до сихъ поръ еще сохранилъ, хотя, быть можетъ, и въ пониженной уже степени, давнюю способность сознавать ненормальность своего соціально-политическаго положенія, но и вмѣстѣ съ тѣмъ протестовать противъ этой ненормальности».

Въ № 50 и 51 газ. «Кубанскихъ областн. Вѣдомостей» г. П. П. Короленко помѣстилъ интересную статью «Козачій монастырь на Аѳонѣ».

Авторъ, на основаніи разсказа стараго черноморскаго войскового атамана Матвѣева, разсказа, занесеннаго въ протоколъ черноморской войсковой канцеляріи въ 1825 г. (подъ № 873), хранящейся въ настоящее время въ Кубанскомъ войсковомъ архивѣ, сообщаетъ любопытныя данныя о заботахъ запорожскихъ козаковъ объ основанномъ ими же Ильинскомъ скитѣ, за границей, на Аѳонѣ.

Въ № 1135 газ. «Приднѣпровскій Край» г. А. Ласовскій помѣстилъ статью „О малорусскихъ народныхъ думахъ“.

Авторъ задался цѣлью представить генезисъ и дальнѣйшее развитіе „думы“, этой замѣчательной формы народнаго творчества. Свѣдѣнія по поводу этого онъ черпаетъ главнымъ образомъ изъ своего же труда „Опытъ изученія малорусскихъ думъ“, изданнаго въ 1890 г. Полтавск. губернскимъ статистическимъ комитетомъ.

Въ журналѣ „Искусство и худож. промышленность“ № III, стр. 61—75 помѣщена статья *Е. М. Кузьмина* „Т. Г. Шевченко какъ художникъ и граверъ“ (со многими снимками).

Въ №№ 47—51 газ. „Руслан“ помѣщена статья Остапа Макарушки «Туземный рай в поэтическихъ творахъ Тараса Шевченка».

Авторъ, анализируя произведеніи Шевченка, указываетъ, въ чемъ Шевченко видѣлъ тотъ рай, къ достиженію котораго мы должны стремиться.

Въ № 63 газ. „Русскія Вѣдомости“, въ статьѣ В. Якушевна „Изъ исторіи проведенія крестьянской реформы на мѣстахъ“, цитируется, между прочимъ, отрывокъ изъ воспоминаній одного изъ ярыхъ дѣятелей шестидесятыхъ годовъ Н. А. Боровкова, который въ 1864 г. успѣлъ открыть, при содѣйствіи со стороны помѣщиковъ, по школѣ во всякой волости своего участка, а въ многочисленныхъ волостяхъ даже по нѣскольку школъ. «Результаты,—вспоминаетъ онъ,—могли быть еще лучше и процентъ грамотныхъ возвысился бы еще болѣе, еслибы мы не запретили снабжать школы книгами на малорусскомъ нарѣчій въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ большинство населенія составляютъ хохлы... А жаль! Надо было видѣть, съ какимъ увлеченіемъ, любовью и охотою подростки учили малорусскія пѣсни и стихотворенія... Въ этомъ административномъ запретѣ я и теперь вижу медальновидность слишкомъ ретивыхъ преслѣдователей сепаратизма (въ данномъ случаѣ—хохломаніи) того времени... Вѣдь цензура существовала, стало-быть дозволенные цензурою изданія не могли быть вредными для народныхъ школъ, тѣмъ болѣе постоянно находящихся подъ надзоромъ мирового посредника, проверяемаго въ этомъ отношеніи членами-ревизорами училищнаго совѣта».

Въ недавно вышедшей изъ печати брошюрѣ профессора И. А. Сикорскаго: „Нравственное значеніе личности Владиміра Соловьева“, между прочимъ проводится параллель между жизнью и философскимъ направленіемъ Соловьева, съ одной стороны, и трудами и дѣятельностью другого русскаго философа конца XVIII и начала XIX в., Г. С. Сковороды—съ другой.

«И у Соловьева, какъ и у Сковорды (кстати сказать, его предка) общія заботы—о познаніи себя. Оба стремятся возбудить въ людяхъ высшія чувства, возвышенныя нравственныя стремленія; оба борются съ матеріализмомъ и атеизмомъ. Но по духу вѣка, Сковорода болѣе останавливается на господствовавшемъ въ его время невѣрїи, Соловьевъ болѣе поражается нравственнымъ равнодушіемъ. Сковорода и Соловьевъ одинаково обладали высоко-художественнымъ сильнымъ,

глубокимъ, оригинальнымъ языкомъ. По силѣ, языкъ Сковороды напоминаетъ словесныя стрѣлы Эразма Роттердамскаго; языкъ Соловьева отличается поразительной тонкостью въ анализѣ нашихъ духовныхъ состояній. Сковорода говоритъ о людяхъ дѣтумныхъ, Соловьевъ — о тѣхъ, которые вводятъ истину, но ненавидятъ ее за то добро, которое въ ней есть. И Сковорода, и Соловьевъ во многомъ имѣли сходную судьбу. Наконецъ, оба философа отличались аскетическимъ образомъ жизни; но аскетизмъ не исключалъ у нихъ жизнерадостнаго настроенія духа, которое они признавали необходимымъ поддерживать въ себѣ и въ другихъ.

Въ № 53 газ. «Волны» дано сообщеніе о „Народной легендѣ“, приуроченной къ „Покровской“ горѣ м. Троинова, Житомирск. уѣзда. Согласно этой легендѣ, церковь, построенная „на оскверненномъ мѣстѣ“, въ наказаніе, на первый разъ, перешла на другой берегъ р. Гнидопяти, а когда жители сноза начали постройку на старомъ мѣстѣ, церковь «ввійшла въ землю», а на ея мѣстѣ выросла гора, которую и назвали „Покровой“. На этой горѣ было, очевидно, когда-то кладбище (несомнѣнно, христіанское).

Въ № 5 еженедѣльнаго польскаго журнала „Prawda“, издающагося въ Варшавѣ, помѣщена цѣнная критическая статья г. А. Р. „Antologia małoruska“ (Wik—1798—1798).

Признавая, что упомянутая антологія, при всѣхъ виѣшнихъ качествахъ, даетъ читателю общее, но согласное съ правдой представленіе о томъ, какими путями шла народная поэзія въ теченіи столѣтій, авторъ статьи останавливается, въ частности, на языкѣ антологіи, на отношеніяхъ, въ поэзи украинской, украинской націи къ польской и еврейской, на характерѣ новѣйшей поэзи, въ нѣкоторой части своей уже недоступной пониманію простаго народа.

Статья написана весьма обстоятельно и вполне безпристрастно.

Въ журналѣ „Педагогическій Сборникъ“, № 1, (прилож. V, стр. 175—180) помѣщены біографіи еписк. Гавріила Бужинскаго, Гавріила Розанова, еп. херсонскаго (1781—1854) и Георгія Конисскаго.

Въ журналѣ „Странникъ“, № 1, помѣщены статьи: А. Лопухинъ. Духовныя свѣтила XIX в. Иннокентій, арх. Херсонскій (стр. 1—15) и 100-лѣтній юбилей арх. Таврич. Иннокентія (стр. 195—197).

Въ журналѣ «Краї» данъ обстоятельный отзывъ объ изданіи „Списокъ населенныхъ мѣстъ Кіевской губерніи. Изд. Кіев. Губ. статистич. комитета. Кіевъ, 1900“ и краткій отзывъ о книгѣ „Приходскія фундушевыя училища въ Юго-Западн. Краѣ; ихъ возникновеніе и средства содержанія“. Кіевъ, 1900.

Малорусскія пьесы, дозволенныя къ представленію драматической цензурою.

По 1 февраля 1901 г.

Непечни висть. Драма въ 3 д. и 4 одм. Сочиненіе Микола Бошно-Бочного.

Сватови—якъ не перша чарка, то перша палка. Сельскія сцены въ 3 д. зъ музыкамы, танцями та спивама. С. Е. Зиневича. (Правит. Вѣстн. № 41).



Археологическая летопись.

Къ археологическому сѣзду въ Харьковѣ.

5 февраля состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго сѣзда въ г. Харьковѣ.

Проф. Д. И. Багалъ прочелъ отчетъ по дѣламъ комитета, уже совершеннымъ, и намѣтилъ рядъ дѣлъ, которыя предстоитъ совершить—въ отношеніи устройства специальныхъ командировокъ и собиранія свѣдѣній по различнымъ древностямъ. Такимъ образомъ, предстоящимъ лѣтомъ предполагаются экскурсіи по изученію архивовъ (Д. П. Миллера, Е. М. Иванова, М. М. Плохинскаго), церковныхъ древностей (проф. Е. К. Рѣдина); церковныхъ архивовъ—(проф. А. С. Лебедева), говоривъ населенія Курской губ. и древностей (проф. М. Г. Халанскаго), по собиранію предметовъ для этнографической выставки (проф. А. Н. Краснова, Н. О. Сумцова, А. М. Покровскаго и др.), по производству раскопокъ кургановъ (пр. А. М. Покровскаго, Е. П. Трифилева, Н. А. Федоровскаго, проф. Л. Ю. Шепелевича и др.).

Проф. Н. А. Красновъ предложилъ краткій проектъ экскурсій съ цѣлю составленія этнографическихъ коллекцій по Харьковской губ. для выставки при археологическомъ сѣздѣ. Этотъ проектъ будетъ предложенъ московскому предварительному комитету, въ распоряженіе котораго, какъ извѣстно, харьковское губернское земство, по просьбѣ его и харьковскаго комитета,

предоставило 2,000 руб. въ качествѣ субсидіи для составленія этнографическихъ коллекцій. Скромная сумма 2000 руб., какою можетъ располагать комитетъ, лишаетъ возможности поставить организацию собиравія матеріаловъ такъ широко, какъ того требуетъ дѣло; приходится ограничиваться тѣмъ, что позволяютъ средства. Систематическій обзоръ всей губерніи и ея уѣздовъ немыслимъ при этихъ условіяхъ. Въ виду этого, по проекту, нужно выбрать мѣста наиболѣе типичныя, взявъ по уѣзду на крайнемъ сѣверѣ, югѣ, востокѣ и западѣ губерніи. Наиболѣе удобными по различнымъ соображеніямъ будутъ для этой цѣли уѣзды: Старобѣльскій, Купянский, Изюмскій, Зміевскій, или Валковскій и Сумской, Ахтырскій или Лебединскій, Волчанскій Харьковскій. Такъ какъ практика показала, что однодневное пребываніе въ селеніи рѣдко когда позволяетъ добывать достаточное количество матеріаловъ, посвящать же по нѣсколько мѣсяцевъ на уѣздѣ не позволяютъ ни время, ни средства экскурсантовъ, то предполагается выбрать въ каждомъ уѣздѣ до пяти пунктовъ, осмотръ которыхъ—по предварительномъ ознакомленіи съ литературою о краѣ и по разспроснымъ свидѣніямъ—окажется особенно интереснымъ. Эти пять пунктовъ и должны быть изучены болѣе подробно, посвящая на нихъ 3—4 дня и въ общей сложности около мѣсяца, или 20 дней на уѣздѣ. Считая расходы по экскурсіи (разѣзды, фотографіи, коллекціи предметовъ и др.) на уѣздѣ въ 350—400 руб., возможно командированіе изслѣдователей въ 4—5 уѣздовъ. При составленіи коллекцій нужно руководствоваться программами. Жилище и его варьянты, хозяйственные постройки и проч. должны быть воспроизведены на фотографіяхъ систематически и примѣнительно къ тому, какъ это дѣлается въ научныхъ этнографическихъ изслѣдованіяхъ въ Австріи и въ Германіи. На фотографіяхъ же должны быть даны изображенія одеждъ, полевыхъ работъ, различныхъ видовъ употребленія самодѣльных орудій, внутренности хатъ, а если возможно, то и характерныхъ обрядовъ и празднествъ; примѣнительно къ программѣ надо фотографировать и образцы кустарныхъ производствъ.

Основными предметами для составленія коллекцій должны быть предметы кустарнаго производства, которыхъ желательно представить возможно полныя коллекціи, и древняя одежда. Что

же касается другихъ предметовъ быта, то чѣмъ ближе коллекція ихъ будетъ къ desiderатамъ программъ, тѣмъ лучше, но точнаго опредѣленія и перечня заранѣе дать затруднительно, такъ какъ сохраненіе ихъ въ быту—случайное и заранѣе указано быть не можетъ.

Предварительный комитетъ обращается ко всѣмъ лицамъ, сочувствующимъ дѣлу изученія народнаго быта, культуры, съ покорнѣйшей просьбой—прийти ему на помощь всѣмъ, чѣмъ только это возможно будетъ—для наивозможно лучшаго устройства этнографической выставки при сѣздѣ, которая послужитъ основаніемъ мѣстнаго этнографическаго музея.

Проф. А. С. Лебедевъ сообщил о своихъ занятіяхъ въ архивѣ курскаго Знаменскаго монастыря и отмѣтилъ, въ качествѣ интереснаго матеріала для иконографіи—опись имущества архіерейскаго дома, отъ 1770 года. Здѣсь, между прочимъ, описана одна интересная икона: „изображеніе на деревѣ Христа отрока, спящаго на крестѣ, вокругъ на марингахъ золотомъ писанный курпедиментъ, внизу слова: хочай тѣлю восхотѣло, и прочая, высота 7 вершковъ, ширина двѣ четверти и два вершка“. Проф. Лебедевъ находитъ сходство описываемой иконы съ той, что предоставлена въ распоряженіе предварительнаго комитета и музея изящныхъ искусствъ университета г-жей В. Н. Свѣтъ...

По мнѣнію проф. Е. К. Рѣдина,—эта икона представляетъ собою краткій переводъ извѣстнаго въ христіанской иконографіи изображенія „недреманнаго ока“, нерѣдко встрѣчающагося въ росписяхъ аеонскихъ церквей, а также русскихъ (напримѣръ, Іоанна Златоуста въ Ярославлѣ), равно на иконахъ, воздухахъ и въ иконописныхъ подлинникахъ. Судя по характеру работы—икона г-жи Свѣтъ юго-западнаго происхожденія, XVIII вѣка.

Заслушано отношеніе московскаго предварительнаго комитета, въ которомъ послѣдній обращаетъ вниманіе харьковскаго комитета на сохраняющіеся при этнографическомъ отдѣленіи Румянцевскаго музея рисунки съ малороссійскихъ костюмовъ, собранныхъ нѣкогда для политехнической выставки въ Москвѣ; кромѣ этого,—дѣлаетъ слѣдующее добавленіе къ изданнымъ харьковскимъ комитетомъ программамъ: „въ виду того, что историческая жизнь Малороссіи выработала самобытный типъ

народной пѣсни, которая, благодаря всеобщей нивеллировкѣ, исчезаетъ въ Малороссіи, какъ исчезаетъ народная пѣснь и въ остальной Россіи, обратитъ вниманіе мѣстныхъ ученыхъ Обществъ и земствъ на необходимость сдѣлать для малороссійской народной пѣсни то, что дѣлается Императорскимъ русскимъ географическомъ Обществомъ и этнографическимъ отдѣленіемъ московскаго Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи для собиранія великорусской пѣсни, возстановленія ихъ исполненія, гармонизаціи ихъ и пр., и на основаніи этого пожеланія, просить общества и земства не только принять мѣры къ собиранію народныхъ пѣсней и мотивовъ, но и объ изысканіи средствъ къ ихъ изданію и сохраненію среди народныхъ массъ". При этомъ же прибавляется, что въ этнографическомъ отдѣленіи московскаго Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, равно какъ и въ русскомъ географическомъ Обществѣ, лежатъ нѣсколько сборниковъ пѣсней, которые не изданы до сихъ поръ по недостатку средствъ.

Комитетъ постановилъ: 1) обратиться въ московскому комитету съ просьбой о предоставленіи вышеуказанныхъ рисунковъ для этнографической выставки, 2) обратиться къ харьковскому историко-филологическому Обществу съ просьбой—принять на себя трудъ собиранія и изданія малороссійскихъ пѣсней и ходатайствовать предъ харьковскимъ губернскимъ земствомъ объ оказаніи ему въ этомъ содѣйствія и денежной помощи, 3) просить этнографическое отдѣленіе московскаго Общества командировать для записи малороссійскихъ пѣсней специалистовъ-музыкантовъ въ Харьковскую губернію.

Проф. Д. И. Багалъй прочелъ очеркъ покойнаго Г. С. Чирикова „Каменные бабы въ Харьковской губер.“, написанный имъ еще въ 1879 году; въ виду интереса сообщенныхъ въ немъ свѣдѣній, рѣшено напечатать его въ трудахъ предварительнаго комитета.

Проф. Д. И. Багалъй ознакомилъ съ результатами изученія имъ свѣдѣній, полученныхъ харьковскимъ статистическимъ комитетомъ,—о каменныхъ бабахъ Харьковской губерніи. По этимъ свѣдѣніямъ оказывается, что количество каменныхъ бабъ, сравнительно съ данными 1880 года,—уменьшилось: ихъ теперь пока зарегистрировано 84; изъ нихъ на курганахъ стоятъ теперь

всего 13 (въ Зміевскомъ уѣздѣ—1, въ Купянскомъ—2, въ Старобѣльскомъ—1, въ Изюмскомъ—9, изъ общаго числа 44). Нѣкоторыя изъ каменныхъ бабъ, притомъ небольшой величины, грубой работы, служатъ межевыми знаками. Большая часть каменныхъ бабъ находится на мѣстахъ первоначальной ихъ установки, но часть—привезена изъ другихъ губерній: Херсонской, Воронежской, Екатеринославской, Новороссійскаго края. По отношенію къ нѣкоторымъ извѣстно, что онѣ выкопаны изъ мѣстныхъ кургановъ (Зміевского уѣзда). Преданій, связанныхъ съ каменными бабами, сообщено немного: о происхожденіи ихъ: 1) каменные боги, 2) люди, окаменѣвшіе, когда ругали сильно пригрѣвавшее солнце или плевали на него; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ каменнымъ бабамъ привязывали конокрадовъ, зимой поливали водой.

М. А. Поповъ и М. Д. Линда, въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о каменныхъ бабахъ въ г. Харьковѣ, сообщили, что таковыя имѣются; на Екатеринославской улицѣ, противъ церкви св. Димитрія, у дома бывшаго Ковальчукова—три; одна—въ оградѣ Каплуновской церкви; одна на Мѣщанской улицѣ, въ домѣ Солнцева.

Постановлено обратиться къ губернаторамъ: херсонскому, таврическому, полтавскому, курскому, воронежскому и предвѣрительнымъ комитетамъ: новочеркасскому, екатеринодарскому—съ просьбой о сообщеніи свѣдѣній о каменныхъ бабахъ чрезъ посредство г.г. исправниковъ и земскихъ начальниковъ, по программамъ харьковскаго губернскаго статистическаго комитета, и о доставленіи ихъ харьковскому комитету.

Заслушано предложеніе Ив. П. Поддубнаго, воспитанника харьковской гимназіи, нынѣ имѣющаго въ С.-Петербургѣ картографическое заведеніе,—издать на свои средства къ археологическому съѣзду археологическія карты. Постановлено благодарить г. Поддубнаго за это предложеніе и просить объ изданіи топографическаго описанія Харьковской губерніи съ планами всѣхъ уѣздныхъ городовъ намѣстничества, имѣющагося въ библіотекѣ харьковскаго университета, или рукописнаго атласа Харьковской губерніи 1802 г., хранящагося въ Императорской публичной библіотекѣ.

Постановлено—согласно предложенію проф. М. Г. Халанскаго: просить администрацію университета обратиться съ просьбой къ курской епархіальной власти о передачѣ Императорскому харьковскому университету старопечатныхъ книгъ, имѣющихся въ церкви села Болховца, Бѣлгородскаго уѣзда, и о предоставленіи университету старопечатныхъ книгъ XVI—XVII в. Маклаковской бібліотеки (въ Путивлѣ, Курской губ.)—для выставки старопечатныхъ изданій, имѣющей быть во время археологическаго съѣзда въ Харьковѣ.

Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ: 1) о высылкѣ воронежскому губернскому статистическому комитету 53 р. 40 к. на расходы по напечатанію программъ для собиранія свѣдѣній къ археологическому съѣзду; 2) о предложеніи г. Бабенко услугъ по пріобрѣтенію предметовъ для этнографической выставки въ сл. Верхнемъ Салтовѣ; 3) о пожертвованіи П. В. Ивановымъ (изъ Купянска) черезъ комитетъ музею изящныхъ искусствъ,—иконы св. Георгія; бібліотекъ историко-филологическаго Общества—двухъ старинныхъ печатныхъ книгъ и четырехъ листовъ рукописей. Постановлено г. Бабенко благодарить и предложить ему вознагражденіе, по соглашенію, за доставленные предметы древности; благодарить П. В. Иванова и г-жу В. Н. Свѣтъ.

Другое засѣданіе Комитета состоялось 5-го марта.

Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ, что въ комитетъ начали поступать уже въ большомъ количествѣ свѣдѣнія по программамъ о различныхъ древностяхъ Харьковской губ., какъ отъ священниковъ епархіи, народныхъ учителей, такъ и отъ частныхъ лицъ; равно—кромѣ свѣдѣній, и самые предметы древности. Такимъ образомъ, если присылка предметовъ древности будетъ и впередъ продолжаться, если покорнѣйшая просьба комитета объ этомъ найдетъ откликъ въ обществѣ, то успѣхъ археологической выставки, при первомъ въ нашемъ краѣ археологическомъ съѣздѣ, будетъ обезпеченъ.

Предметы древности присланы слѣдующими лицами: 1) о. благочиннымъ города Купянска—монеты XVIII—XIX вѣковъ; 2) священникомъ Грабовскимъ (с. Купьевахи, Богодуховскаго уѣзда)—крестъ XVIII вѣка съ рельефными изображеніями, Требникъ Петра Могилы; 3) священникомъ Кипріановымъ

(с. Русскіе Тишки)—Дѣянія Апостольскія, 1739 г. печати типографіи Спіоски; 4) священникомъ Юшковымъ (с. Селимовки, Ивюмскаго уѣзда)—Четвероевангеліе, кіевской печати, 1746 г., въ окладѣ; 5) священникомъ Лобковскимъ (с. Бабаи)—оловянные церковные предметы, икона на полотнѣ Пресвятой Богородицы, XVIII вѣка; 6) священникомъ Дикаревымъ (Острогожскъ)—древній вѣначальный вѣнецъ; 7) Н. Чуднымъ (Харьковъ)—икона Пресвятой Богородицы, XVIII вѣка; 8) г. Познанскимъ (Острогожскъ)—мѣдный крестъ съ изображеніемъ распятія Христа; 9) учителемъ степцовскаго земскаго училища г. Шкорбатовымъ—документы (г. Островерхова) и мѣдныя монеты (крестьянъ); 10) юрьевскимъ реальнымъ училищемъ—предметы, добытые при раскопкахъ г. Яковлевымъ; 11) учителемъ верхне-салтовскаго училища г. Бабенко—рядъ документовъ, иконъ, старопечатныхъ книгъ; 12) учителемъ Т. В. Проскурниковымъ—фотографіи съ различныхъ памятниковъ древности г. Корочи; 13) священникомъ Поповымъ (Сеньково, Купянскаго уѣзда)—фотографія церкви; 14) профессоромъ Н. О. Куплеваскимъ (Харьковъ)—четыре бронзовыхъ наконечника стрѣлъ и кость скелета (изъ находокъ въ деревнѣ Аксютовкѣ); 15) А. И. Конвисаромъ (Ахтырка)—абшидъ знаковаго товарища Марквы (1777 г.), 16) о. І. Филевскимъ—фотографіи церквей.

Проф. Д. И. Багалъй доложилъ: 1) сообщеніе А. М. Катрухина, о курганахъ возлѣ слободы Сватовой Лучки, у хутора Өомовки (Хомивки): группы кургановъ по двѣ, по три; два городища по берегамъ рѣки Красной, у Өомовки и на участкѣ земли крестьянъ Рыбальченко, и рядѣ „могилокъ“ у той-же Өомовки; 2) предложеніе И. С. Шаровкина—въ даръ глиняной копилки и для выставки коллекціи старинныхъ монетъ; 3) предложеніе И. В. Попова (изъ Екатеринослава)—выслать рукописи времени Императрицы Елисаветы Петровны и Екатерины Ц-й, относящіяся къ дѣламъ Новороссійскаго края; 4) сообщеніе г. Левандовскаго о курганахъ въ имѣніи М. А. Ефремова въ с. Александровскомъ, Таганрогскаго округа, въ количествѣ 6—8 штукъ, высотой до 2 $\frac{1}{2}$ аршинъ; 5) сообщеніе Б. С. Познанскаго о курганахъ Воронежской губерніи, уѣздовъ Коротоякскаго и Павловскаго; 6) сообщеніе Т. В. Проскурникова о древностяхъ г. Корочи: Думчевѣ курганѣ, Ханскомъ колодезѣ

и о валѣ на рѣкѣ Рати; 7) о дарѣ г-жи Г. П. Радаковой альбома таблицъ, копій въ краскахъ орнамента на различныхъ предметахъ, главнымъ образомъ, на тканяхъ крымскихъ татаръ.

Проф. *Е. К. Рьдинъ*, указавъ на то значеніе, какое имѣеть изученіе народнаго костюма въ исторіи культуры, и отмѣтивъ, что малороссійскій костюмъ еще мало изученъ, изслѣдовавъ, познакомилъ съ трудомъ *В. С. Познанскаго*, посвященнымъ малороссійскому костюму. Въ виду высшихъ достоинствъ труда г. Познанскаго, рѣшено напечатать его въ „Трудахъ предварительнаго комитета“.

Проф. *Е. К. Рьдинъ* прочелъ: 1) сообщеніе г. *Яковлева* о случайной раскопкѣ кургана у с. Скотоватого, Бахмутскаго уѣзда, Екатеринославской губ., при которой были найдены каменные плиты изъ краснаго песчаника, костяки, головой къ востоку, глиняная посуда различной формы и величины; 2) докладъ Яковлева о случайныхъ археологическихъ находкахъ при постройкахъ желѣзныхъ дорогъ. Докладчикъ обращаетъ вниманіе на весьма печальное явленіе—огибель массы кургановъ и всего, что въ нихъ заключается, при проведеніи желѣзныхъ дорогъ, благодаря невниманію гг. инженеровъ, завѣдующихъ работами: „Инженеры, дѣлая изысканія новоустраиваемой линіи, говоритъ г. Яковлевъ, измѣряютъ каждую пядь мѣстности, по которой пройдетъ дорога; они видятъ сотни разъ тѣ курганы, которые потомъ можно будетъ срѣзать и уничтожить, и имъ прежде всего слѣдовало бы исполнять тѣ правила, которыя они же вписываютъ въ контракты подрядчикамъ и этимъ снимаютъ съ себя всякую отвѣтственность; почему бы имъ не взять на себя труда по раскопкѣ встрѣтившихся кургановъ, могилъ и проч. и этимъ предупредить расхищеніе и уничтоженіе археологическихъ богатствъ данной мѣстности? За послѣдніе годы на югѣ Россіи проведена масса желѣзныхъ дорогъ, а много-ли предметовъ, найденныхъ при этомъ, пошло въ руки археолога и сдѣлалось достояніемъ науки?“

Проф. *Е. К. Рьдинъ* прочелъ сообщеніе учителя купянскаго духовнаго училища г. Попова о древностяхъ, найденныхъ въ окрестностяхъ г. Купянска и пожертвованныхъ имъ музею древностей харьковскаго университета.

Заслушаны предложенія П. В. Иванова: 1) объ извлеченіи изъ „Межевыхъ журналовъ“ генеральнаго межеванія Харьков-

ской губ. матеріаловъ по ея исторіи и географіи; 2) объ извлеченіи того же рода матеріала изъ „Дозорныхъ книгъ“; 3) объ описаніи шляховъ Муравскаго, Изюмскаго и Калміусскаго въ ихъ настоящемъ состояніи; 4) объ устройствѣ предварительной выставки по иконографіи.

А. Я. Ефименко сообщила о находкахъ различныхъ предметовъ древности въ Донецкомъ городищѣ.

По обсужденіи докладовъ и предложеній, рѣшено: докладъ г. Яковлева представить на заключеніе археологическаго съѣзда, г. Шаровкина—просить о высылкѣ его предметовъ для выставки; И. В. Попова просить о высылкѣ его рукописей; представить докладъ о „межевыхъ журналахъ“, на изданіе же матеріала изъ оныхъ необходимо изысканіе средствъ; для описанія шляховъ—просить московскій предварительный комитетъ назначить особую экскурсію; рѣшено также произвести предварительное обслѣдованіе Донецкаго городища.

Предварительный комитетъ выражаетъ глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, сдѣлавшимъ сообщенія, равно пожертвовавшимъ или представившимъ для выставки предметы древности. Въ члены комитета избранъ Б. С. Познанскій.

Е. Р.

деревомъ и въ немъ деревяна голдарея, бумажными шпалерами выбита. При дворѣ хата-мазка, въ коей живетъ дворникъ, винокурня нововистроена, плетевая, колодязь рубленый⁴.

Дворъ Захара Р—ча устроень былъ въ другомъ концѣ Галицы, и образоваль тамъ „слободку Горбанювку“; здѣсь былъ „будинокъ нововыстроенный о 9-ти покояхъ, свѣтлиця съ комнатою, напротивъ—другая хата, подъ кровлею соломяною... При томъ дворѣ—дворъ гуменній, ровомъ окопанный; въ ономъ клуна на 4-хъ сохахъ, при клувѣ хата рубленая, въ ней живетъ подсусѣдковъ два... Лѣсъ болшій, зовемій Лютовка, въ ономъ дерево на будовлю и на разное строеніе годное; другой лѣсъ тамъ же, на о—вѣ рѣчки Галицы, съ разнимъ родючимъ деревомъ... Неподаль двора, послѣ роздѣлки, вновь вистроено подсусѣдческихъ хатъ 14; мельница на рѣчки, поузь *городнице* текущей, другая—въ с. Галицѣ; поблизу оной мельницѣ вѣтряныхъ млиновъ два; за дворомъ—вновь вистроенный броваръ новой⁴.

С. Петровка, Галка, поселена не позже пол. XVII в.; при разореніи Галицы она удѣляла; при отдачѣ Раковичу, П—ка называлась селомъ, а Галица—слободою, какъ показывали мѣстные старожилы въ пол. XVIII в. Объ отдачѣ П—ки Раковичамъ см. Галицу. Кр. А. 53 д. В. ? В. 84 д. Пс. 14 д. Г. 32 д. 40 х. Д. 76 д. 131 х. 8 бд. х. (влад. Евдокіи Стаховичъ).
Бз. В. нѣтъ. Г. 7 д. 9 х. Пс. 6 бд. х. Д. 5 д. 5 х.

С. Сальное поселено „на удоли чистой ровной степи“, сказано въ описаніи Пашенка, но тутъ же, въ старину, значилось и уроч. *Дуброва Салная*, отмѣченное въ актѣ 1666 г. 1). Въ ревизск. книгахъ за 1731 и 1740 гг. показаны двѣ слободки: одна, **Старосалная**, а другая **Новосалная**. Обѣ они поселены Павломъ Раковичемъ, по впоследствии одна изъ нихъ перемѣнила свое названіе, и въ описаніи Пашенка описано только одно село *Салное*, вѣроятно то, которое въ 1740 г. значилось слоб. Старосалною. Слоб. Новосалная едвали не была переименована въ Степановку, по имени одного изъ сыновей Андрея Р—ча.

1) Обзор. Румянц. Описи, 187.

Въ слоб. Старосалной въ 1731 г. было—31 д., а въ 1740 г.—21 д. 25 х. При раздѣлѣ сыновей Андрея Р—ча, с. Сальное досталось Павлу, который тутъ и жилъ. Дворъ его въ 1767 г. описанъ такъ: „Въ немъ строеніе—свѣтлица съ комнатою и грубою зеленою; напротивъ пекарня рубленая, при ней сбоку коморка рубленая; другая свѣтлица съ комнатою, въ оной печь зеленая; потолоковъ ¹⁾ два: одинъ, подшалеваній панелями и канизами (карнизамы?) подтягненій, другій—обыкновенній, двери снѣсарской (столярной) работы; комната одна шпалерами бумажными выбита. При дверяхъ замки, въ двоихъ мѣдніе желтіе, а въ третьихъ—желѣзной, тульскіе; полы въ обоихъ комнатахъ деревянне; въ сѣняхъ кладовая, двѣ окошка зъ гратами (решетками) желѣзными... Людскихъ хатъ двѣ: одна—рубленая, другая—мазка; баня рубленая; стадня, воромъ окиданная; садъ разнаго родючего дерева; въ саду—насѣка; гребля и мельница, новоустроеніе, ставъ рыболовній болшой“. Кр. 1753 г.—14 д. 14 х. 52 бд. х. 1780 г.—78 д. 101 х. 21 бд. х.

Д. Степановка „поселеніе имѣеть на чистой удолистой степи“ (Ищенко), въ полуверствѣ отъ с. Ровчака. Выше приведена догадка, что это поселеніе первоначально называлось слоб. *Новосалною*, переименованною потомъ въ Степановку, по имени одного изъ сыновей Андрея Р—ча. При раздѣлѣ сыновей послѣдняго, Ст—ка досталась Ивану, отъ котораго перешла къ дочери его Марьѣ, б. замужемъ за майоромъ Бринкеномъ. Кр. 1753 г.—16 бд. х. 1780 г.—21 д. 22 х. 7 бд. х.

Д. Татаровка поселена Андреемъ Р—чемъ, и затѣмъ досталась внуку его Федору Степановичу Р—чу. Кр. 1753 г.—21 д. 21 х. 71 бд. х. 1780 г.—39 д. 57 х. 10 бд. х.

Д. Шнаковка поселена зятемъ Павла Р—ча, Ив. Ив. Шнакомъ, который завѣдывалъ сосѣднимъ владѣніемъ Вейсбаха. Шнакъ потомства, повидимому, не оставилъ и Шнаковка перешла къ брату его жены Андрею Р—чу, а отъ послѣдняго до-

¹⁾ Повидимому, идеть рѣчь о потолокахъ, изъ которыхъ одинъ былъ какой то особенный, какъ будто бы рѣзной...

сталась сыну его Ивану, а затѣмъ перешла къ зятѣмъ его—
Бринкену (см. Степановку) и об. провіантмейстеру Кобеляцкому,
женатому на Варварѣ Р—чѣ. Кр. 1753 г.—3 л. 3 х. 17 бд. х.
1780 г.—29 бд. х.

С. Кривеньки (Вейзбаховка) поселены на Галицкихъ земляхъ, „на степномъ мѣстѣ, при озерѣ безъ названія“. Въ 1727 г. извѣстный генераль гр. Вейзахъ купилъ у Галицкаго козака Тимофея Кривенка участокъ земли, около озера Мокреца, за 32 коп., и основалъ тутъ хуторъ. Къ этому хутору Вейзахъ присоединилъ, въ 1734 г., другой участокъ, вымѣненный у Павла Раковича за два „дворища“ въ с. Галицѣ, купленные у того же Кривенка. Такимъ образомъ возникъ хуторъ, названный **Кривеньками**. По смерти бездѣтнаго Вейзаха, имѣнія его перешли къ женѣ, которая умирая въ 1736 г., Кривеньки завѣщала майору Измайловскаго полка Осипу Гампфу. Послѣдній продолжалъ скупку сосѣднихъ съ Кривеньками земель—у козаковъ сосѣднихъ селъ: Галицы, Мал. Дѣвицы и Толкачовки, и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ садить въ Кривенькахъ слободу. Къ 1750 г. населеніе послѣдней настолько увеличились, что слобожане стали просить Гампфа о построеніи церкви. Устройство церкви должно было привлечь въ Кривеньки еще большее населеніе, и одинъ изъ сыновей Гампфа—Иванъ обратился къ Киевскому митрополиту съ просьбою о разрѣшеніи построить церковь, при чемъ далъ (въ 1750 г.) слѣд. обязательство, которое должно было обезпечить существованіе церкви: „Вѣдомо творю, что когда по желанію родителя моего, въ фюторѣ его Кривенковомъ, а по общему того жъ фютора обывателей прошенію, начнется строитись коштомъ его, родителя моего, церковь древяная, во имя свят. Христова Николая, и до совершеннаго окончанія прійдетъ, то ко всегдашнему въ ней священнослуженію потребная, яко то: свѣчи, ладанъ, просфоры—получатиметь оная церковь отъ дому родителя и отъ добротныхъ прихожанъ; такожь и кругъ книгъ церковныхъ, сосуды церковніе, священнослужительскія и олтарныя одѣянія, иконостасъ, колокольня и колоколы, имѣють бытъ за собственный коштъ его жъ, родителя моего, снаряжены. А кто къ оной церкви за парохі-

алного священника будетъ опредѣленъ, то за трудъ служенія его будетъ давано отъ прихожанъ, такъ какъ ихъ подписка явствуетъ, и отъ дому родителя моего, теперь и в предътекущія времена, все тое, какъ церкви Божьей потребное, такъ священнику, яко и причетникамъ церковнымъ даватимется всевременно. Годового жалованья повсягодно: священнику—денежнаго, 10 рубл., а хлѣбного: ржи 2 четверти, ячменю—четверть, проса—полчетверти, гречки—полчетверти, гороху—четверикъ, и какъ пахатной земли, такъ и сѣнокосу, сколько ему потреба будетъ, столько отводитимется зъ дому нашего, и домъ жилой устроенъ будетъ; дячку, денежнаго—4 рубля, пономарю—денежнаго, 3 рубля и поля пахатного, буде пожелають, отведется имъ на ихъ потребу, для приробренья хлѣба; а отъ прихожанъ дячку и пономарю будутъ даваніе прежніе датки. Для жилля же имъ будутъ устроени избы...“ По смерти Осипа Гампфа, въ 1760 г., сыновья его, подпоруч. Густавъ и капит. Иванъ, подѣлились полученными отъ Вейсбаха имѣніями, при чемъ Кривеньки достались Ивану Гампфу, а по смерти его, этимъ селомъ въ 1768 г. владѣла вдова его Анна съ дочерью Марьей ¹⁾. Въ 1783 г. Кривеньки принадлежали женѣ бригадира Ланге, вѣроятно женившася на Марьѣ Гампфѣ. Отъ Ланге Кр—ки перешли къ Корбе.

Кр. Г. 7 л. 7 х. Д. 53 д. 82 х. 84 бд. х. Къ. нѣтъ.

С. Заудайка, лѣв. бер. Удая, противъ Монастырища, —представляетъ собою выселокъ послѣдняго, разбросанный и теперь еще по лѣсамъ, которыми покрыты здѣсь берега Удая. По описи 1740 г., здѣсь показано: „посполит. обывателей двор. 4, козач. и ихъ подсосѣдк. и владѣльцами скупленныхъ двор. 26“. „Свободные посполитскіе дворы“ и „угодія“ с. 3—ки были отданы во владѣніе, вмѣстѣ въ Монастырищескими, въ 1763 г., б. тов. Максиму Саханскому (с. 202). „Ордеръ“ гетмана объ отдачѣ Саханскому М—ихъ и З—ихъ крестьянъ и „угодій“, для исполненія, былъ порученъ в. тов. Вас. Михайловскому, но послѣдній донесъ, что гетманскаго „ордера“ исполнить онъ не можетъ, такъ какъ ни въ М—щѣ, ни въ З—кѣ никакихъ „свободныхъ

¹⁾ Изъ Румянц. Описи.

посполитскихъ дворовъ“ — не оказалось, а не оказалось ихъ потому, что всѣ они уже раньше были „скуплены“ Романовичами. 1) Несомнѣнно, что объ этомъ обстоятельстве не могъ не знать самъ Соханскій, конечно предварительно уже забравшій всѣ нужныя справки о томъ, на чтѣ получалъ универсалъ; но тѣмъ не менѣе универсалъ на З—скихъ крестьянъ былъ выпрошенъ и „ордеръ“ объ исполненіи его былъ данъ, при чемъ С—ій, слѣдовательно, рассчитывалъ, что скупленные Романовичами дворы онъ отберетъ въ силу незаконности этой скупки. Но какъ видно надежда на на податливость Р—чей не оправдалась, и Михайловскій донесъ въ генер. к—рію, что въ З—кѣ никакихъ посполитскихъ дворовъ не оказалось. Генер. к—ріей тогда заправлялъ только что поставленный вмѣсто Безбородка—генер. писарь Туманскій, который, будучи хорошимъ знатокомъ общественнаго быта гетманщины, 2) нашелъ возможнымъ предоставить Михайловскому особья права для исполненія прежде даннаго „ордера“, вслѣдствіе чего гетманомъ былъ подписанъ слѣд. любопытный универсалъ.

„На посланній отъ насъ къ вамъ (в. т. В. Михайловскому) ордеръ объ отдачѣ наданныхъ б. тов. Соханскому въ м. Монастырищахъ и с. Заудайки свободныхъ посполитскихъ дворовъ и угодій, присланнымъ къ намъ, сего ноября 23 д., доношеніемъ представляете, что изъ сотенной Монастирской к—ріи вѣрной выписки изъ ревизіи 745 г., по которой грузинамъ тамо отдача была, не дано; а о похатныхъ и сѣнокосныхъ земляхъ объявлено, яко іиніе землѣ во владеніи церковномъ, іиніе на сотенную к—рію якобы принадлежатъ, степь же объявленъ возачымъ. Почему опредѣленный отъ полк. Прилуцк. к—ріи къ сей же отдачи значк. товарищъ (?), объявля, что отъ насъ повелѣнія нѣтъ слѣдовать (т. е. производить слѣдствіе) о завладѣнныхъ грунтахъ, въ далшую отдачу не вступилъ і отъехалъ

1) По вѣдом. 1753 г., въ Монастырищѣ свободн. посполитыхъ была только одна бездворн. хата, а въ Заудакѣ—3 дв. и 1 блв. х.

2) Относительно публичной его дѣятельности см. зивзодъ съ Клицинцами, описанный въ Чтен. въ Общ. Нестора-Лѣтон, XI, 161 и слѣд.

о чемъ и ви къ нашей резолюціи представили. А отъ б. тов. Соханскаго, особливимъ доношеніемъ, представленно, что при оной отдачи многіе недопушенія отъ сотника (Петра) и в. тов. (Федора) Романовичевъ происходятъ. Судія же абшит—ный Романовичъ (Иванъ) особо прислалъ къ намъ доношеніе, прося чтобъ купленніе нимъ въ ономъ мѣстечку и селѣ Заудайки грунта оставлены были за нимъ безъ отдачи Соханскому. Да особливо сотенная Монастирская старшина и козаки Монастирскіе и Заудайскіе прислали къ намъ доношеніе, объявляя, что ви требуете извѣстія и о козачихъ земляхъ, а при м. М—щѣ изъстари имѣется степь, которимъ они по роздѣлу между собою владѣють, и просили къ вамъ предложенія о неотдачѣ Соханскому ихъ козачихъ земель. И мы приказываемъ вамъ... въ м. М—щѣ и с. З—ки, наданное отъ насъ б. тов. Соханскому унѣверсаломъ, все отдать безъ упущенія. А сверхъ того, кто въ ономъ м. М—щѣ и З—ки, изъ свободныхъ дворовъ, грунтовъ и угодій, послъ состоявшася запретительнаго указу въ 742 г., испунилъ либо ненадежно завладѣлъ, тое по вѣрному слѣдствію отобрать. И сколько изъ за кого, какихъ дворовъ, грунтовъ и проч. угодій отобрано будетъ, прислать къ намъ именную вѣдомость къ разсмотрѣнію и опредѣленію. Да и о тѣхъ грунтахъ, которіе показаны церковными либо на сотенную в—рію надлежащими, изслѣдовать же; буди на то никакихъ правилнихъ крѣпостей и документовъ нѣтъ, а оніе должны битъ свободніе, объ ономъ изслѣдовать же коликимъ числомъ того степу козаки владѣють обще, а коликое число кѣмъ завладѣно. А что явится изъ того ненадежно кѣмъ завладѣнное, все отобрать и описать именно коликое число пахатного поля и сѣнокоснихъ полъ и степу—отобранно будетъ, репортовать же къ намъ для имѣющаго бытъ о томъ крайнего опредѣленія“... 1) Такимъ образомъ, въ силу этого универсала, незначительный Глуховской чиновникъ (в. тов. Михайловскій) получалъ право произвести слѣдствіе—сколько мѣстными сотниками „скуплено“ за 20 л. (1742—63) земли, отобрать

1) Универсалъ подписанъ Разумовскимъ 2 дек. 1763 г. Подлинникъ въ нашей б—кѣ.

у скупщиковъ все то, что ими „скуплено ненадежно“ (незаконно) и затѣмъ о результатѣ своихъ дѣйствій—донести въ Глуховъ „для крайняго опредѣленія“. Несомнѣнно, что всѣми дѣйствіями Михайловскаго руководилъ самъ Соханскій, потому что универсалъ былъ написанъ точно подѣ его диктовку... Романовичи должны были уступить, но не во многомъ: значительная часть „скупли“ осталась за ними, какъ въ М—щѣ (с. 205), такъ еще болѣе въ Заудайкѣ, въ которой Соханскій успѣлъ отбить отъ Романовичей только 4 дв. съ 5-ю хат., приче́мъ у трехъ братьевъ Романовичей (Петра, Федора и Степана Ивановичей) осталось „скупли“— 17 дв. съ 19-ю хат. ¹⁾ Кр. А. 19. д. В. 10. д. В. 38. д. Пс. 15. д. Г. 5. д. 5. х. Д. 25. д. 32. х. Пс. 6. д. 7. х. Кз. В. 31. д. Г. 27. д. 33. х. Пс. 13. бд. х. Д. 22. д. 52. х.

С. Андреевка, „ставокъ Лыска“, образовалась, можетъ быть, изъ Бакаевского выселка, ²⁾ расселившагося среди лѣсовъ, какъ и Заудайка. По описи 1740 г. здѣсь: „поспол. обыват. дворъ еденъ, а козачьихъ и ихъ подсосѣдк. и владѣльцами скупленыхъ двор. 15“. Скупля была произведена преимущественно Романовичами. Кр. А. 7. д. В. *итг*, В. 11. д. Г. 2. д. 2. х. Д. 1. д. 4. х. („коронныхъ“) и 8. д. 9. х. „владѣльческихъ“ Кз. В. 40. д. Г. 8. д. 8. х. Пс. 5. бд. х. О. 15. д. 31. х.

С. Хаенки, Иченка, по свѣдѣніямъ генер. слѣдствія, въ XVII в. принадлежали къ ратушнымъ селамъ, затѣмъ отданы Мазепою Дм. Горленку, а вѣрнѣе—самимъ имъ захвачены. Послѣ измѣны Мазены, Х., по универсалу 1710 г., отданы Скоропадскимъ Андрею Горленку (с. 23), у наслѣдниковъ котораго и остались. Кр. П. 7. д. А. 34. д. В. 16. д. В. 15. д. Г. 5. д. 5. х. Д. 26. д. 35. х. (полковника Горленка). Пс. 3. х. Кз. В. 13. д. Г. 13. д. 14. х. Пс. 5. д. 5. х. Д. 24. д. 32. х.

Д. Вороновка, Иченка, въ XVII в. принадлежала къ ратушнымъ селамъ; Скоропадскимъ отдана охочекомонному полковнику Федяю, а потомъ, въ 1717 г., Михайлу Ягельницкому, въ то время Журавскому сотнику, отъ котораго затѣмъ перешла

¹⁾ Такъ значитъ въ описаніи Пашенка.

²⁾ С. Бакаевка находится на противоположномъ берегу Удаи.

къ сыну его Ивану, который, въ чинѣ бунч. тов., владѣль В—кою въ 1779 г. Кр. А. 28 д. В. 10 д. В. 17 д. Г. 12 д. 12 х. Д. 11 д. 15 х. („разныхъ владѣній“) Кз. В. 3 д. Г. 2 д. 2 х. Пс. 4 бл. х. Д. 5 д. 8 х.

Д. Грабовъ, Иченка, по вѣд. 1718 г. означено такъ: „селце Грабовъ на купленномъ“, съ 8-ю дворами посполитыхъ. По ревизіи 1728 г.—подсосѣдковъ 12 х., Андрея Горленка, Павла Караса и „попадъ Суханской“. По ревиз. 1731 г. тѣ же подсосѣдки показаны въ количествѣ 10 х., изъ нихъ 4—„попа Пегра Суханского“ и 6—значкового“ Павла Караса, причемъ добавлено, что подсосѣдки „на купленихъ ихъ земляхъ поселены“. Наконецъ, по ревиз. 1740 г. Грабовскіе подсосѣдки (9 х.) показаны въ перечнѣ козаковъ, причемъ 6 х. принадлежали Соханскимъ. Тѣ же подсосѣдки значатся и по вѣд. 1780, въ количествѣ 15 д. 34 х. Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній видно, что Грабовъ былъ поселенъ не раньше нач. XVIII в., нѣсколькими сосѣдними владѣльцами.

Иченская сотня занимала мѣстность, ограниченную съ сѣвера—верховьями Удая, а съ юга—верховьями рѣчекъ Нежеревой и Смоши, при чемъ тутъ же находились незначительные притоки этихъ рѣкъ: Иченка, Гужовка, Ржавецъ и др. Мѣстность имѣла характеръ полулѣсной, съ сѣрой и песчанной землей, кромѣ Парафіевскихъ земель, представлявшихъ почти сплошную черноземную степь.

Иченскіе сотники. Семень Герасимовъ, 1653. Иванъ Вовченко, 1672. Иванъ Стороженко, 1687. Александра, 1691. ¹⁾ Андрей Ивановичъ Стороженко, 1703—715. Григорій Андреевичъ Стороженко, 1715—737. Андрей Григорьевичъ Стороженко, 1741—752. Иванъ Новицкій, 1753—767. Иванъ Романовичъ, 1772—778. Петръ Романовичъ, 1780.

Изъ настоящаго списка сотниковъ видно, что почти полвѣка этою сотнею заправляли Стороженки, документальнымъ ро-

1) «Передъ нами урядомъ мѣскимъ Ичанскимъ, войтомъ Стефаномъ Погребнимъ а бурмистрами Грицкомъ Семенченкомъ, Фескомъ Бѣлоцерковцемъ, *сотникомъ Александрю*, атаманомъ Лескомъ Дейнекою, ставши очевидце» ... (Изъ *рукописн. купчей, 1691 г., 5 мая*).

дона начальникомъ которыхъ былъ Прилуцкій полковникъ Иванъ С—ко (с. 17). Сынъ его Андрей, получившій сотничій урядъ еще при Дм. Горленкѣ, пережилъ на этомъ урядѣ трагическій 1708 г., и уже въ февр. слѣд. года получилъ отъ новаго гетмана и другое с. Томашовку, а передъ смертью, въ 1715 г., село—Ступаковку¹⁾ По смерти Андрея С., Иченскимъ сотникомъ сталъ сынъ его Григорій. Это былъ человекъ настолько замѣтный и образованный, что при выборѣ новой генер. старшины, послѣ поставленія Апостола гетманомъ, Григорій С. былъ назначенъ кандидатомъ въ генер. бунчучнаго и, кромѣ того, былъ посланъ, въ числѣ четырехъ, „ко двору монаршему съ тѣмъ, что избранъ гетманъ“. Въ генер. старшину С. однакожь не попалъ, такъ какъ ген. бунчучнымъ утвержденъ былъ другой; за то онъ былъ опредѣленъ въ 1734 г. въ число членовъ комиссіи „для перевода и свода правовыхъ книгъ“. 2) Женаъ Григорій С. былъ на дочери Черниг. полк. судьи Василя Томары, Ульянѣ, а послѣ ея смерти, на вдовѣ Якиме Кулябки, Евдокии Андреевнѣ Лизогубъ, которой доставалась четвертая часть отцовскихъ богатствъ. 3) Въ 1737 г. Григорій С. почему то былъ уволенъ отъ сотничества, съ чиномъ бунч. товарища. 4) Изъ сыновей Григорія, отъ 1-й ж., извѣстны три: Андрей, унаслѣдовавшій отцовскій урядъ, Степанъ и Петръ. Въ 1756 г. они дѣлились отцовскимъ наслѣдствомъ, при чемъ, судя по части, доставшейся младшему, 5) видно, что

1) Время «надачи» Томашовки указано въ имѣющ. у насъ рукописи—*Списокъ универсаловъ, выданныхъ на маестности* въ к. XVII и нач. XVIII в., а относительно Ступаковки—1715-й годъ указанъ въ ревизск. книгѣ 1740 г. Ср. Киевск. Стар. 1884 г., февр., 209.

2) Зап. Марк., I, 246, 247, 304, 343.

3) О перв. женѣ см. Киевск. Стар. 1885 г., май, 18, а о второй—Дневн. Ханенка, 227, 237, 238.

4) К. Старина. 1884 г., февр., 213. Портретъ Григорія С—ка издавъ при Киевск. Стар. 1890 г.

5) Доставшаяся Петру С. часть заключала въ себѣ: «Сотнѣ Ичанской хуторъ *Василювицина*, въ коемъ дворъ панской, имѣющій такожъ довольное хоромное и проч. строенія, при томъ подданіе и мельницъ двѣ съ винокурнямъ заводомъ.—Сотнѣ Иваницкой дер. *Ступоковка*, со всѣми подданными, сотнѣ Ичанской дер. *Луцковка*, со

наслѣдство было богатое.—Подѣлившись съ братьями отцовскимъ наслѣдствомъ, Петръ въ февралѣ 1748 г. женился на дочери Иванецкаго сотника Павла Миницкаго, которая принесла ему кромѣ 700 р. деньгами, еще очень богатое приданое въ движимости. Но въ октябрѣ того же 1748 г. Петръ умеръ, при чемъ желая обезпечить молодую вдову, завѣщалъ ей въ „вѣчное владѣніе“ все свое движимое имѣніе. ¹⁾ Это завѣщаніе однакожь не помѣшало старшимъ братьямъ захватить значительную часть движимости, находившейся въ усадьбѣ умершаго въ х. Василіювщинѣ. При этомъ особенно обижалъ молодую вдову Степанъ С., „приключая ругательства и употребляя такихъ словъ: мы де едни Стороженки шляхта и за мною жена—зъ дому гетманского имѣется...“ ²⁾ Жалуясь на насилія братьевъ мужа, вдова представила въ генерал-крѣпостную канцелярію списки своего приданого и завѣщанной мужемъ движимости, указывающіе на богатство домашней обстановки тогдашней, даже средней, козацкой старшины. ³⁾ Споръ вдовы Петра

всѣми подавными, дворцемъ, мельницею и половиною лѣсами, полемъ и сѣнокосами всѣми.—Подъ сел. Обѣчевомъ хуторъ.—Въ м—ку Монастырищахъ, на подваркахъ, хуторъ.—Подъ с. Обѣчевомъ, на р. Удаи, половина млиновъ прозванныхъ Рововъ,,—Х. Василіювщина находится въ 2-хъ верст. отъ Ични.

1) Вотъ начало этого любопытнаго по мотивамъ завѣщанія. «1748 году, сентября 30 д. Я нижеподписавшійся, чрезъ сей мой добровольній записъ.... чиню извѣстіе, что оставшомуся по умершему отцу моему сотнику Ичанскому Григорію Стороженку наслѣдственное мое движимое имѣніе, яко то: сребро, посуду всю, лошадей, такожъ рогатой и нерогатой скотъ, винокурніе казаны и прочее все движимое, которое, по умертвіи отца и по роздѣлкѣ зъ братами моими, мнѣ досталось и собственно въ моей власти состоятъ, такожъ и мною важитое—женѣ моей Меланіи Павловнѣ дочери Минѣцковиѣ, за честное ея въ супружествѣ полученное мною дѣвство, за добродѣтельное и любезное въ житіи моемъ съ нею обхожденіе и, при случаѣ тяжелой моей болѣзни, за все прилежное мене смотрѣніе и за прочіе добродѣтели ея подъятіе труда, дарую и во вѣчное владѣніе уступаю...»

2) Объ этомъ Степанѣ Стороженкѣ и его отношеніяхъ къ своей бабкѣ, по матери, см. Кіевск. Стар. 1885 г., май, 19.

3) Списокъ приданого напечатанъ въ апр. кн. Кіевск. Стар. за 1901 г.

С. съ деверями кончился нескоро, хотя Глуховскія власти, по-видимому, во многомъ защитили обиженную. Обстоятельства, при которыхъ Андрей С. пересталъ быть Иченскимъ сотникомъ, намъ неизвѣстны. Онъ оставилъ двухъ сыновей Григорія и Александра, которые оба еще были малы, чтобы замѣстять отца. 1) Преемникомъ Андрея С. былъ Иванъ Новицкій, вѣроятно, внукъ охочкомъ полковника Ильи Новицкаго. Новицкій пробылъ на сотничествѣ 14 лѣтъ, и въ 1767 г. самъ отказался отъ этого уряда, можетъ быть, желая посадить на свое мѣсто сына.—Памятникомъ своего сотничества Н—кій оставилъ х. *Жадювку*, которую онъ

1) Прилагаемъ здѣсь краткій родословникъ Стороженковъ, наглядно указывающій ихъ общественное положеніе.

№ отца.

1. *Иванъ Стороженко*, сотникъ Иченскій, 1687, полковн. Прилуцкій, 1688—692 ж. *Марья*.
2. *Андрей*, сотникъ Иченскій, 1703—715. 1
Ж. *Матрона Гнилозубъ*.
3. *Григорій*, сотн. Иванецкій, 1716. 1
4. *Григорій*, сотн. Иченскій, 1715—737 2
Ж. 1, *Ульяна Васильевна Томара*, 2, *Евдокія Андреевна Лизогубъ*, вдови *Якима Кулябки*.
5. *Иванъ*, сотн. Иванецкій—1726. (См. Зап. Марк., I, 157). 2
6. *Степанъ*, сотн. Яблуневскій, 1738—742 4
Ж. *Марфа Андреевна Горленко*.
7. *Андрей*, сотн. Иченскій, 1741—752. 4
Ж. *Настасья Ивановна Романовичъ*.
8. *Петръ*, в. тов. —1748. 4
Ж. *Меланія Павловна Миницкая*, 2-й м. отст. ес. *Григоровичъ*.
9. *Данило*, р. 1741 г., отъ 2-й ж., бунч. тов. Жилъ въ сл. Лисогорѣ. 4
Ж. *Катерина Федоровна Лысенко*.
10. *Михаиль*, р. 1741, майоръ 1772. 6
Ж. *Дочь ген. бунч. Николая Ханенка*.
11. *Григорій*, р. 1745, сотн. Иванецкій, 1770—780. 7
Катерина Николаевна Бороздна.
12. *Александръ*, войск. тов. 1765. 7
Ж. *Фекла Ивановна Себастьяновичъ*; ея втор. м. вл. *Владиміръ Орбелани*.

(Ср. Кіевск. Стар. 1884 г., февр., 220—221.

поселилъ въ это время. Добровольный уходъ Н—аго съ уряда виденъ изъ того, что послѣ его отставки, временное завѣдываніе сотнею поручено было изъ Глухова—его сыну. Этотъ же сынъ явился и главнымъ кандидатомъ для замѣщенія отца. Но явился и другой—въ лицѣ Григорія Стороженка, сына б. сотника Андрея. Каждый изъ кандидатовъ привлекъ на свою сторону по группѣ выборщиковъ и оба были этими группами выбраны; оба же они и пожаловались въ Глуховъ—на неправильность выбора противника. Стороженко писалъ: „сотника Новицкаго сынъ Иванъ Новицкій, еще ни въ коемъ званіи не состояшій, только означенною сотнею временно управлять опредѣленный, да атаманъ Иванъ Романовичъ и асаулъ Иванъ Булига—избирали сотника непорядочно, ибо онъ, Новицкаго сынъ, зъ сотенными старшинами согласясь, сами себе, именно: Новицкаго, Романовича да писара Носка—кандидатами поставили, и весьма малое число козаковъ зъ сель сотнѣ Ичанской собравши, велѣли на составленномъ выборѣ подписаться почти усиленно: яко жъ, когда которой атаманъ, съ козаками своими—повелѣннымъ числомъ, для означеннаго выбору явился, то другихъ ожидать имъ присутствующими не велѣно, но подписавъ, ихъ (козаковъ) заразъ отпущали; и такъ всѣхъ порознь переписали, не давъ имъ времени для общаго совѣту и согласія. А хочай, изъ того собраннаго числа козаковъ оспориванно, что не по приличію означенныхъ лицъ въ кандидаты поставлено, и на мене нижайшого былъ при томъ—о удостоеніи на сотничой чинѣ—голосъ, однакъ все тое присутствующими приглашенно (замолчано) ихъ проэктами и разными обманами, якожъ онъ, Н—кій, козакамъ, отъ коихъ обо мнѣ голосъ былъ, и сіе самъ выговаривалъ, что будто я въ сотничой чинѣ не желаю, и въ томъ, яко бы ему, Н—му, далъ подписку..... Мене же нижайшого сотнѣ Ичанской козаки, согласно и безъ всякаго ихъ отъ мене принужденія, въ сотничой чинѣ выбрали и какой въ томъ выборѣ мнѣ дали, оной представляю...“ При этомъ Стороженко приложилъ какъ „выборъ“, подписанный козаками, такъ и особое отъ послѣднихъ въ Глуховъ „доношеніе“, въ которомъ, его сторонники указываютъ на неправильность выборовъ Н—каго почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ писалъ и самъ С—ко. При этомъ сторонники С—ка приводятъ рядъ обидъ, причиненныхъ имъ

прежнимъ сотникомъ Новицкимъ, и добавляють, что они боятся такихъ же обидъ и отъ его сына, а между тѣмъ „за бывшего прежде онаго Новицкаго—умершаго сотника Андрея Стороженка, такожь и прежде онаго Андрея еще предковъ Стороженковыхъ, сотниками Ичанскими бывшихъ, имъ никакихъ обидъ въ управленіи сотнею не происходило...“ 1)

Новицкій, съ своей стороны, обвинялъ С—ка тоже въ „злоумышленіяхъ“: „по полученіи указа о выборѣ на мѣсто отца моего—двухъ или трехъ кандидатовъ, какъ въ сотенномъ Иченскомъ правленіи куренные атаманъ съ козаками, такъ и въ полковой Прилуцкой к—ри, полковіе старшины съ сотниками, бывъ въ собраніи, добровольно и безъ всякаго пристрастія избрали на сотничество Иченское, въ кандидаты, меня и сот. Ич—ихъ—атamana Ив. Романовича и писара Фед. Носкова, въ чемъ и надлежащія по указному наставленію, выборы подписавъ, при доношеніи въ Малор. коллегію отправлены.—А между тѣмъ в. тов. Григорій Андреевъ сынъ С—ко, не будучи поставленъ въ кандидаты, но легко и злоумышленно въ обиду мою, пришедъ

1) Жалуюсь на обиды сотника Новицкаго, сторонники С—ва указываютъ большею частью на даровыя сотнику работы, полевыя и домашнія. Напр., козакъ с. Парафіевки Ковбасенко—«въ сотника Новицкаго, чрезъ полторы недѣли, оралъ; въ хуторѣ его, Н., 3 дни въ дворѣ свинѣ напоевалъ. Онъ же К. посланъ былъ въ Елисаветъ зъ харчевымъ запасомъ, волами парюю и возомъ, а обратно оттодь ему сотнику въ Ичень, на своемъ возѣ и волами своими, привезлъ возъ соли безъ заплаты.»—«Козакъ того же села Омелченко въ сотника Н. работалъ чрезъ 2 недѣлѣ, въ винокурнѣ, а чрезъ 2 недѣлѣ—крупн ему дралъ зъ другимъ козакомъ; онъ же, О—ко, на сотничихъ возахъ, въ подрядомъ овсомъ, въ Елисаветъ, ѣздилъ и тамо промедлѣлъ чрезъ 6 недѣлѣ, безъ заплаты. Въ отamana Романовича, онъ, О—ко, чрезъ двѣ недѣлѣ скотъ насъ.» Несомнѣнно, что жалобщики говорили правду, но, по всеѣмъ вѣроятіямъ, умалчивали, что за эти сотнику ихъ работы, они были тѣмъ же сотникомъ увольняемы отъ походовъ и другихъ «общенародныхъ повинностей.»—Такъ велось въ гетманщинѣ... Судя по приведеннымъ фактамъ, Новицкій во всякомъ случаѣ не былъ тяжелымъ правителемъ.

въ сотенное правленіе, домогался поставить его въ кандидаты, и при томъ въ присутственномъ мѣстѣ, гдѣ высокомонаршихъ указовъ зеркало состоитъ, поступалъ крайне горячо, неучтиво и бранно—на меня, на старшинъ и на бывшихъ притомъ козаковъ; тайно сзывалъ до себя атамановъ и козаковъ, сповывая ихъ, ласкательствомъ и устрашеніемъ приводилъ, чтобы его поставили въ кандидаты.—Тѣмъ не будучи доволенъ, когда уже надлежащія выборы на меня и на предписанныхъ старшинъ подписанны, въ полк. Прил. в—рію отправлены и отъ оной же к—ріи полковіе жъ выборы учинены, тогда онъ, С—ко, взявъ зъ собою, на особенной возокъ, нѣсколько вѣдеръ горѣлки, ѣздилъ по всей сотнѣ селамъ, упоивая оною, перепрошивая и уговоривая на свою сторону курѣвныхъ атамановъ и козаковъ—на подложно составленномъ имъ нѣякомъ писмѣ въ томъ, что якобы его, С—ка, желаютъ въ сотню Ичанскую сотникомъ—подписать; на которомъ писмѣ не могли онъ, С—ко, на свою сторону прочихъ себѣ козаковъ склонить къ подпису, какъ только Гмиранскихъ и Парифѣевскихъ, да и то не всѣхъ... Сверхъ сего, онъ же, С., далъ разніе обманчивіе подписки, которыми онъ себя обовязалъ—облегченіе въ нарядахъ тѣмъ козакамъ дѣлать и тѣхъ никогда не наказывать, которіе бы не преступали усилваться, чтобъ ему, С., быть сотникомъ.—Когда тотъ же С. усилно старался на меня навести какое нибудь сомнѣніе, предъ козаками, и уговорить ихъ, чтобъ они меня отрелись и не желали болѣе сотникомъ, то начали козаки между собою поговаривать, что меня нѣсколько опасно избѣрать въ сотники, затѣмъ де, что соглашусь легко *на регулярство и ихъ де могу къ тому понудить;*¹⁾ а понеже етая поговорка произносилась только между козаками Гмиранскими, которыхъ С—ко напоемъ и ласкательствомъ на свою сторону склонилъ, то со всего видно, что онъ жъ, С., единственно причиною тѣхъ козаковъ возмущенія...

Изъ Глухова получено было распоряженіе—произвести слѣдствіе объ Иченскихъ выборахъ, причемъ открылось, между про-

1) Вотъ чего боялся народъ и чего боязливо ждалъ отъ Румянцова....

чимъ, что Иваницкій козакъ Давыденко, являвшійся въ Глуховъ съ уполномочіемъ отъ Иченскихъ козаковъ поддержать выборъ С—ва, представлялъ „вѣрющій листъ“—на ходатайство отъ Иченскихъ козаковъ—„подписанный безъ ихъ согласія..“ Въ Глуховѣ, по-видимому, ни тотъ, ни другой изъ претендентовъ утвержденъ не былъ. Слѣдующимъ, послѣ Ив. Новицкаго, сотникомъ въ Ичнѣ былъ Иванъ Романовичъ, поставленный въ 1771 г. изъ „значк. товарищей“, какъ сказано въ вѣдом. полковыхъ чиновниковъ за 1774 г.; слѣд., это не былъ Иченскій сот. атаманъ, поставленный при выборахъ Н—аго „вторымъ кандидатомъ“. Преемникомъ Ив. Р—ча былъ братъ его, которымъ и закончилось козачье управленіе въ Ичнѣ.

Села Иченской сотни.

М Ичня, рч. Иченка, въ полов. XVII в. была, по-видимому, самымъ населеннымъ пунктомъ въ Прилуцкомъ полку. Хотя по списку Пшездѣцкаго въ Ичнѣ было 1494 домохоз., а въ Варвѣ 2037, но по свѣдѣніямъ 1654 г. (о числѣ приведенныхъ къ присягѣ въ Прилуцкомъ полку) жителей въ Ичнѣ оказывается болѣе, чѣмъ въ другихъ сотенныхъ центрахъ: въ Ичнѣ—1798 „челов.“¹⁾, въ Прилуцѣ—1423, въ Срѣбномѣ—1228 и въ Варвѣ—983 чел. По „реестрамъ“ 1649 г., въ Ичнѣ, какъ и въ Варвѣ было по двѣ сотни. Къ этому слѣдуетъ добавить, что Ичня тогда была поселеніемъ настолько нестарымъ, что въ „тарифахъ“ 1628 г.²⁾ она вовсе не означена. Какими причинами былъ обусловленъ такой быстрый ростъ населенія въ Ичнѣ—сказать трудно. Ядромъ послѣдней были, видимо, водяныя мельницы, около которыхъ и возникло поселеніе³⁾; въ то же время, это поселеніе очутилось на перекресткѣ двухъ большихъ дорогъ: одной—изъ Кіева въ Роменъ, а другой—съ юга, чрезъ Прилуку, на сѣверъ, къ Стародубу (см. ниже). Такія

1) Полагаемъ, что и здѣсь обозначены тѣ-же домохозяева («господарв»).

2) См. у Яблоновскаго, Zródła Dz., XX, 1, 65.

3) По описн. кнѣгамъ 1666 г. въ Ичнѣ показано *девять водяныхъ мельницъ*, всѣ «на рѣкѣ Ичнѣ». Черезъ 114 лѣтъ, ихъ осталось еще шесть.

мѣстности обыкновенно представляютъ много выгодъ для населенія, которое поэтому и стремится въ нихъ.

При полякахъ, у Ични было одна особенность, которой не видимъ въ другихъ мѣстахъ „Заднѣпрія“: Ичня была центромъ особаго *Иченскаго козацьяго полка*, начальникъ котораго назывался „полковникомъ войска его корол. мил. Запорозкого Иченскимъ“. Въ январѣ 1648 г. такимъ полковникомъ былъ Петръ Гловацкій, какъ это видно изъ одного его продажнаго акта ¹⁾. По другимъ свѣдѣнїямъ, въ 1649 г. былъ и другой Иченскій полковникъ Степанъ Гловацкій, память о которомъ сохранилась въ книгахъ одной изъ Иченскихъ церквей ²⁾. Извѣстно, что въ числѣ полковниковъ Хмельницкаго, въ самомъ началѣ возстанїя, былъ и Гловацкій. Въ латинской хроникѣ Юзефовича онъ называется Петромъ Гловацкимъ (*Petrus Glowacki, tribunus*). По польскимъ свѣдѣнїямъ, Гловацкій (имя не указано) лѣтомъ въ 1649 г. осаждалъ Рѣчицу (Минск. губ.), но былъ самъ тамъ взятъ въ плѣнъ и посаженъ на колъ ³⁾.

¹⁾ Приводимъ здѣсь выданную имъ купчую запись Лохвицкому жителю Самохвалу, взятую нами изъ Румянцовск. описи. «Я Петръ Кгловацкій, пулковникъ войска его кор. мил. Запорозкого Иченскій, вѣдомо чиню и сознаваю тымъ моимъ листомъ доброволнимъ, записомъ вѣчиститъ продажи, каждому, кому о томъ вѣдати належитъ теперь и нанотомъ, завжди, ижъ я, маючи волность з права послолитога своимъ якъ хотѣти шафовати, млинъ при городѣ Лохвицкомъ, на рѣкѣ Сулѣ, мѣ Вожимъ правомъ и прирочонимъ, яко синовю власному и сукцессорови по родичахъ моихъ мильхъ припалїи и належачїи, учтнвому Васкови Самохвалови, ись подворкомъ до того жъ млина належачимъ, за сумму певную, тоестъ двѣстѣ зол. полскихъ, уступилъ и продалъ способомъ вѣчистой продажи», и т. д., «съ подписомъ руки моеи власной, при печати притисненой, даю въ Лохвици, 15 дня генваря, 1648 року. Петръ Кгловацкій, пулковникъ войска его кор. мил. Запорозкого Иченскій». (Подлинникъ б. мож. писанъ по-польски; о немъ на конїи сказано: «1769 году февраля, 18 д., такову подлинную крелость принялъ и росписался Роменскаго повету подкоморскаго суда возной Андрей Самохваль».)

²⁾ Опис. Черниг. Епарх., VI, 507.

³⁾ Сборн. Лѣтопис., изд. Кїевск. Ком. (1888), стр. 147 и Памятники, изд. 2-е, той же комиссїи, I, 358.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXIII

1901 г.

М А Й.



КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета св. Владимира
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.

1901.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. (<i>Продолженіе</i>). Ор. Левицкаго	149—182
II. П. А. КУЛИШЪ. Біографическій очеркъ. (<i>Продолженіе</i>). В. Шенрока	183—213
III. КРЕСТЬЯНЕ И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА ВЪ ВОСТОЧНОЙ АВСТРІИ. (<i>Продолженіе</i>). И. Лучицкаго	214—226
IV. СЕРЕДЪ ТЕМНОЙ НОЧИ. Част. I. Повесть. В. Гринченка.	227—281
V. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЧЕРНИГОВСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. (1861—1863 гг.). (<i>Окончаніе</i>). А. Л.	282—300
VI. ЛЫХО. (Картынка зъ жыття голодныхъ). М. Старицкаго	301—316

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Максимовичъ подъ фирмою Кулиша; б) Неудачное вѣнчаніе монаха. Сообщ. В. Доманицкій, в) Неизданныя стихотворенія П. П. Гулака-Артемовскаго; г) Народная пѣсня о Шевченкѣ; д) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. А. Мёрдеръ; е) Стоимость похоронъ барышевской обывательки, въ 1756 году; ж) Для исторіи торговли въ Старой Малороссіи; з) Годовой доходъ переяславской ратуши и урядниковъ, въ нач. XVIII в.; и) Нѣсколько словъ къ фотографамъ-любителямъ. Н. Вѣляшевскаго; і) Письмо въ редакцію. Г. А. Кузьмина	73—92 93—100
II. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Т. Г. Шевченко—пѣвецъ Украины и Запорожья. Очеркъ В. П. Кранихфельда. В. Д.; б) Свящ. Василій Романовъ. Объ изученіи нашей церковной старины. Н. В.; в) 1. Лыхо зъ горилкою! (Правдыве оповидання.—Пьяныця) и 2. М. О. Островскій. (Вирне средство одъ пьянства и запою). В. Д.; г) Галерея русскихъ писателей. Текстъ редактировалъ И. Игнатьевъ. В. Д.; д) Записки Кіевского Общества Естествоиспытателей. Т. XVI; е) Обзоръ журналовъ текушаго года; ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ	101—126 127—137
III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи	25—240

Въ книжномъ магазинѣ редакціи

журнала

„Кіевская Старина“

поступили для продажи слѣдующія книги.

Альбомъ 26 укр. писателей, ц. 50 к. и 1 р.

Андріевскій. Изслѣдованіе текста пѣсни Игорю Святославичу.
Ч. 1-я гл. I и III-я, ч. II гл. IV, ц. 1 р. за часть.

Ар—св. Катерына. Опера в 3-х дѣях, ц. 3 р. 50 к.

Аркасъ. Я не могу тоби розказать про любовь. Романсъ.
Ноты. Спб., ц. 50 к.

Антоновичъ Б. Въ вопросу о галицко-русской литературѣ (от-
тисекъ изъ журн. Кіевской Старины). Кіевъ, 1900 г., ц. 15 к.

Барвинокъ. Мололыча боротьба. С.-Пб. 1899 г., ц. 1 коп.

— Вирна пара С.-Пб. 1900 г., ц. 3 коп.

Бидай. Пѣсни Кубанскихъ козаковъ. Выпуски 1-й, 2-й, 3-й, 4-й,
9-й и 10-й Екатеринодаръ, 1898 г., ц. за вып. 1 р.

Бяляшевскій, Археологическая Лѣтовись Южн. Россіи, Т. 1-й
и II-й. Кіевъ, 1899 г., ц. 2 руб. за томъ.

Болсуновскій. Свинцовыя пластинки (Муз. Скарж.), ц. 1 р.

Верзиловъ. Очерка торговли Южной Русн. Черняговъ 1898 г.,
ц. 50 коп.

Воронка. Коханци шкодвыкы. Водев. 1900 г. ц. 20 к.

Вовчокъ. Выкупъ (на русскомъ азыкѣ). Кіевъ, 1899 г., ц. 5 к.

— Даныло Гурчъ. Кіевъ 1899 г., ц. 3 к. Изд. Ком. Грам.

— Максимъ Грымачъ. Выкупъ и др. оповидання. Кіевъ,
1900 г., ц. 4 коп. Изд. Ком. Грам.

— Свекруха, Отець Андрій. 1900 г., Кіевъ ц. 2 к.

Василевскій. Современная Галиція. Петерб., 1900 г., ц. 80 коп.

Гринченко. Ганна Барвинокъ. Віогр. очеркъ. Черн. 1901 г., ц. 15 к.

Гринченко. Народные спектакли. Черн., 1900 г., ц. 25 коп.

Грабына. Тывуртїевы выгадки. Жартъ. 1900 г., ц. 20 к.

— Дивоче сердце. Кіевъ, 1899 г., ц. 25 к.

— Панъ Халаявскій. Комедія фарсъ въ 4-хъ дѣяхъ. 1900 г.,
ц. 50 к.

- Далченко.* Образованіе и сочетаніе словесныхъ звуковъ. Кіевъ, 1900 г., ц. 25 коп.
- Дашкевичъ.* Описаніе Черноморья. Кіевъ, 1891 г., ц. 40 коп.
- Вопросъ о литературномъ источникѣ И. П. Котляревскаго. Кіевъ, 1893 г., ц. 40 коп.
- Новѣйшіе домыслы о Волоховѣ и Волоховцахъ. Кіевъ, 1884 г., ц. 40 коп.
- Еще разысканія и вопросы о Волоховѣ и Волоховцахъ. Кіевъ, 1899 г., ц. 60 к.
- 25-лѣтіе историческ. общества Нестора Лѣтописца. Кіевъ, 1899 г., ц. 60 коп.
- Средневѣковая греко-славянская литература (преимущественно поэтическая) и ея отношеніе къ западно-европейской поэзіи. Кіевъ, 1887 г., ц. 30 к.
- Міровая скорбь, мрачное міровоззрѣніе и пессимизмъ. Кіевъ, 1895 г., ц. 40 к.
- Придѣйровье и Кіевъ по нѣкоторымъ памятникамъ древне-сѣверной литературы. 1886 г., ц. 30 к.
- Зезенгеймская идиллія. Эпизодъ изъ исторіи юношескихъ стремленій, увлеченій и творчества Гёте. Кіевъ, 1897 г., ц. 50 коп.
- Литература св. Граселя за послѣдніе годы (1876—1888 г.). Кіевъ, 1888 г., ц. 50 к.
- Романтика круглаго стола въ литературахъ и жизни запада. Кіевъ, 1890 г., ц. 50 к.
- Дикаревъ.* Малорусское слово «Палыныца» и греческое «πάληνος». Ц. 10 к.
- Ефименко.* На Украинѣ, в. I-й ц. 30 к., в. II-й ц. 30 к. и в. III-й ц. 35 к.
- Житецкій.* Энеида Котляревскаго и древній списокъ ея. Кіевъ, 1900 г., ц. 2 р.
- Описаніе Пересопницкой рукописи. К.. 1876 г., ц. 1 р.
- Зиневичъ.* Панъ Штукаревичъ, або оказія якои не було. Каменецъ-Подол. 1900 г., ц. 50 к.
- Землякъ.* Отъ тоби й монополія! Сцена въ 1-мъ дѣйствіи. Одесса, 1899 г., ц. 15 к.
- И. Заирня и В. Гринченко.* П. И. Глѣбовъ. Біогр. очеркъ. Черн. 1901 г., ц. 25 к.
- Корифеи украинской сцены* (съ 8 портр.). Кіевъ, 1901 г., ц. 65 к.
- Кранихфельдъ.* Т. Г. Шевченко — пѣвецъ Украины и Запорожья. (1814—1861). Слб. 1891 г., ц. 30 к.

III

- Кулишъ.* Оповідання. Бахмутъ 1900 г. ц. 50 коп.
- Чорна рада. Выдання друге. Одесса, 1900 г., 50 коп.
 - Драмована трилогія. Харьковъ, 1900 г., ц. 2 руб.
 - Орыся (С.-Пб.) 1900 г., ц. 2 коп.
 - Воспоминанія дѣтства. Повѣсть. Бахмутъ, 1899 г., ц. 1 р. 25 коп.
 - Про злодія въ с. Гакивныци. Кіевъ, 1901, Ц. 3 к.
- Конопницкая.* Христа. Кіевъ, 1899 г., ц. 6 коп.
- Комаровъ.* Пова збїрка прыказокъ. Одесса, 1900 г., ц. 50 коп.
- Къ біографіи Стороженка. Кіевъ, 1890 г., ц. 15 коп.
- Комаръ.* Оповідання про Антона Головатого. Спб. 1901 г., ц. 5 и 10 к.
- Кропивницькій.* Передъ волею. Драма въ 5 дїяхъ. 1901 г., ц. 20 коп.
- По ревизіи. Харьк., ц. 5 к.
- Конисскій.* Млынъ. Оповід. 1901 г. ц. 3 к.
- Грошолюбеа. Черкасы, 1900 г., ц. 5 коп. и на лучшей бумагѣ ц. 10 к.
 - Творы, т. III-й. Ялта. 1900 г., ц. 1 руб. и на веленовой бумагѣ ц. 1 р. 50 коп.
- Канивецкій.* Изъ былого Черноморія. Еватеринодаръ, 1900 г., ц. 1 руб.
- Конощенко.* Украинскіи писни зъ нотами. Одесса, 1900 г., ц. 30 к.
- Кукулевскій.* Оповідання про жыття Кобзаря. Кіевъ, 1901 г., ц. 2 к.
- Левецкій.* Бабы. Кіевъ, 1901 г., ц. 4 к.
- Левецкій М.* Короста. 1901 г., ц. 1 к.
- Лыхо зъ горилкою. Москва, 1901 г., ц. 3 к.
- Мачетъ.* Смотрины. Кіевъ, 1899 г., ц. 3 к. Изд. Ком. грамотности:
- Два «мира». Кіевъ, 1899 г., ц. 10 к. Изд. Ком. грамотн.
 - Въ свѣтое утро. Кіевъ, 1899 г., ц. 3 к. Изд. Ком. грамотн.
 - Пять тысячъ. Кіевъ, 1899 г., ц. 5 к. Изд. Ком. грамотн.
- Макаровскій.* Наталя. Черн., 1899 г., ц. 5 коп.
- Музыка Янко. Перекладъ. Кіевъ, 1901 г., ц. 1¹/₂ к.
- Немоловскій.* Про бжильныцтво. С.-Пб. 1900 г., ц. 8 коп.
- Науменко.* Рѣшень-ли проф. Т. Д. Флоринскіймъ вопросъ о книжной малорусской рѣчи? Кіевъ, 1900 г., ц. 15 к.
- Николаевъ.* Гигіена зубовъ. 1900 г., ц. 20 к.
- Осадчій.* Козацкій батько Палій. Кіевъ, 1900 г., ц. 8 к.
- Пижно.* Бесѣда сельсого хозяина. Кіевъ, 1899 г., ц. 40 к.
- Полищукъ.* Прочанынъ. Москва, 1901 г., ц. 3 к.
- Р. С.* Братства въ юго-западной Руси. 1895 г., Харьков., ц. 4 к.
- Степовыкъ.* Про городыну. Спб. 1899 г., ц. 5 к.
- Станюковичъ.* Человѣкъ за бортомъ. Кіевъ, 1899 г., ц. 5 к. Издаііе Комитета грамотн.

- Савченко.* Порядокъ и ходъ сельско-хозяйст. работъ. 1900 г., ц. 30 к.
 — Сравнительный учетъ доходности въ имѣніяхъ Ю.-Зап. края. 1900 г., ц. 75 к.
- Тобилевичъ.* По-надъ Днѣпромъ. Черк., 1900 г., ц. 10 к.
 — Бурлака. Драма. 1901 г., ц. 7 к.
- Толстой.* Воскресеніе. Романъ, ч. I-я и II ч. С.-Пб. 1900 г., ц. 60 к.
 Ч. III 25 к.
- Угадько.* Харьк., 1900 г., ц. 5 к.
- Фотографическіе портреты Т. Г. Шевченка. С.-Пб. ц. 65 к. и 80 коп.
- Франко Иванъ.* Лесышына челядь. — Малай Мыринъ. — Грыдѣва шкильна наука. Кіевъ, 1901 г., ц. 4 к.
- Хвыля за хвyleю. Збирникъ. Черн., 1900 г., ц. 1 руб.
- Чикаленко.* Розмова про сельське хазяйство. Сіани травы, кукуруза та бурякы. Кн. III. Одесса, 1900 г., ц. 8 коп.
- Чалый.* Любка или сватанна въ с. Рихмахъ. 50 к.
- Чулай.* Оповідання. Москва, 1901 г., ц. 6 к.
- Шабленко.* Нова хатына. 1900 г. Кіевъ. 20 к.
- Щыри слѣзы надъ могылою П. О. Кулиша, 1900 г., Бахмутъ, ц. 15 к.
- Эварницкій.* Ив. Дм. Сирко, славный кош. атаманъ, ц. 1 р. 50 к.
- Яновская.* Смерть Макарыхи. Кіевъ, 1900 г., ц. 10 к. (Оттискъ «Кіевск. Стар.»).
 — На зеленый влынъ. Кіевъ, 1900 г., ц. 20 коп. (Оттискъ «Кіевск. Стар.»).
 — Идеальный батько. Кіевъ, 1900 г., ц. 15 коп. (Оттискъ «Кіевск. Стар.»).
- Ясинський.* Кара Божа. Луцкъ, 1899 г., ц. 6 к.
- Якъ оберэгаты себе видъ хоробъ. Харьк., 1901 г., ц. 3 коп.

Въ непродолжительномъ времени выйдутъ фотографическіе портреты (кабинетн. и визитн.) слѣдующихъ украинскихъ писателей и дѣятелей: М. Заньковецкой, Н. Садовскаго, Н. Лысенка, М. Кропивницкаго, А. Саксаганскаго, Затыркевичъ, И. Карпенка-Карого, М. Старицкаго, группа 9 укр. писателей, П. Кулиша, Т. Г. Шевченка, П. Сагайдачнаго, П. Дорошенка, И. Брюховецкаго, Д. Многогрѣшнаго, П. Тетери, Ханенка, И. Выговскаго, группа укр. гетмановъ, Гонты въ двухъ видахъ, Полуботка и Мазепы. Цѣны на кабин. карт. 40 коп., визитн. 25 коп. и группы по 60—80 коп.

Адресъ: Книжная торговля «Кіевской Старинны» (Безаковская улца, № 14).



Доволено цензурою. Кіевъ, 27 апрѣля 1901 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXIII.

1901 г.

М А Й.



КІЕВЪ.

Типо-литографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица, № 6.

1901.

Дозволено цензурою. Київ, 10 апрѣля 1901 года.

Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.

(Продолженіе) ¹⁾.

18. Нехворощанскій сотникъ Федоръ Сухомлинь.

Двѣсти лѣтъ назадъ въ Нехворощѣ сотниковалъ панъ Федоръ Сухомлинь, о которомъ мѣстные козаки и мѣщане единодушно отзывались, что такого „благого“ сотника у нихъ и не было еще на урядѣ. Бывало, прійдутъ къ нему люди судиться, а онъ и жалобы до конца не дослушаетъ—и уже постановляетъ декретъ: „кните къ нечистому свары и годьтесь, а то обохъ звелю забыты въ колоду“. Истецъ и отвѣтчикъ потолкуютъ между собою, и смотри—идутъ къ писарю записать условія состоявшейся между ними „згоды“, а сотникъ велитъ еще положить и денежную „заруку на взрушителя угоды и мирного постановевя“. Доброй души человекъ былъ панъ сотникъ и не любилъ ни ссоръ, ни позвовъ, а любилъ, чтобъ всѣ вокругъ него были довольны и веселы. Никто не могъ попрекнуть его, чтобы онъ несправедливо присвоилъ чей-либо „грунтикъ“, или лѣсокъ, или „худобу“, какъ поступали тогда сплошь и рядомъ другіе старшины. Правда, Сухомлинь былъ далеко не бѣднымъ человекомъ: ему принадлежали прекрасныя водяныя мельницы на Орели о шести „колахъ“—четырехъ мукомольныхъ и двухъ „ступныхъ зъ фалюшами“, винокурня съ тремя „казанами“, „броваръ“ (пивоваренный заводъ), „шанковный

¹⁾ См. Кіевск. Стар. 1901 г. № 3.

дворъ и комора (лавка) въ рынку“, а вокруг Нехворощи были разсѣяны его хутора, „левады“, лѣса, нивки и „сѣножати“; но всѣ эти „добра“ панъ сотникъ купилъ у бывшаго полтавскаго полковника Павла Гердика послѣ того, какъ въ январѣ 1696 года татары дотла опустошили предмѣстья Нехворощи и сожгли новопостроенный монастырь. Гердикъ въ то время сложилъ съ себя, по старости, полковничій урядъ и былъ радъ хоть за дешевую цѣну сбыть опустошенныя „добра“. Панъ сотникъ почти заново „рекуперовалъ зруйнованныя“ мельницы, и „винницу“, и „броваръ“ и завелъ на своихъ хуторахъ большое хозяйство, которымъ, однако, больше завѣдывала его „господыня“ (жена). Самъ же онъ мало занимался „господарствомъ“ и дня не могъ провести безъ общества добрыхъ людей: то самъ у кого-либо въ гостяхъ, то къ себѣ гостей наведетъ. А бывало, гдѣ свадьба или „хрестыны“—тамъ уже панъ сотникъ непремѣнный гость. Смолоду былъ онъ мастеръ выпить, но подъ старость сталъ очень воздерженъ, а тслько любилъ видѣть, какъ люди веселятся. Да еще любилъ онъ церковныя службы, хорошее „кѣвское“ пѣніе и бесѣды съ духовными людьми о богословскихъ предметахъ. Бывало, войдетъ въ церковь, станетъ на переднемъ мѣстѣ, передъ намѣстнымъ образомъ, и чуть только собьется дыкъ на клиросѣ—не тотъ прокимень споетъ или стихиру не на тотъ гласъ затянетъ,—ужъ панъ сотникъ непремѣнно его поправитъ и заставитъ „пекты раки“ передъ всей „парахвіей“. А священники какой почесть ему оказывали! При переносѣ св. даровъ или на ектеніи помянетъ или нѣтъ „панотець“ ясно-вельможнаго гетмана, а уже „благородного и боголюбивого пана сотника“ такъ отчеканить, чтобъ и въ „опасани“ каждое слово было слышно, и въ концѣ обѣдни непремѣнно самъ вынесетъ ему просфору.

Глядя на добродушное, всегда привѣтливое и довольное лицо пана сотника, чужой человѣкъ подумалъ бы, что онъ зналъ въ жизни однѣ лишь радости и удачи; а между тѣмъ вся Нехвороща помнила, какъ сотникъ убивался, когда хоронилъ одного за другимъ малыхъ дѣтей, а потомъ и единствен-

наго взрослого сына, браваго козака, убитаго подъ Казикерменомъ. Подъ старость изъ всей семьи, кромѣ жены, осталась ему въ утѣшеніе лишь дочка-подростокъ, въ которой онъ души не чаялъ. И какъ же нявчился старый сотникъ съ своею „одынычкою“! Чтобы не разставаться съ нею, онъ и отъ походовъ сталъ уклоняться подъ предлогомъ недуговъ, отъ которыхъ Богъ хранилъ его всю жизнь, и дѣла по уряду запустилъ, а наконецъ сталъ поговаривать и о томъ, чтобы вовсе отказаться отъ сотничества.

— На що мени тѣ турботы! твердилъ онъ всякому, кто его отговаривалъ отъ этого шага.—Пославъ бы Господь зятя, добраго чоловіка, то я и господарство покыну, усе видамъ дитимъ, та й буду на печи лежаты та унукивъ гойдаты.

И вотъ судьба, казалось, осуществила его пламенное желаніе. Въ Нехворощѣ проявился захожій козакъ, по имени Данило Дробязка. Кто онъ былъ, откуда и какъ зашелъ сюда—никто не зналъ; но когда въ ближайшій воскресный день онъ появился въ церкви, то своею статною фигурою, молодецкимъ видомъ и богатымъ нарядомъ привлекъ общее вниманіе. Замѣтилъ его и панъ сотникъ и завакъ къ себѣ, вмѣстѣ съ другимъ „значнымъ товариствомъ“, на „бѣсиду“. Гость держалъ себя весьма прилично и въ каждомъ словѣ и обращеніи обнаруживалъ черты хорошаго тона и воспитанія. Былъ онъ будто бы шляхтичемъ изъ-за Днѣпра, учился въ Кіевѣ, бывалъ и въ Батуриנѣ, при гетманскомъ дворѣ, и въ Сѣчи, а теперь направился въ Слободскую Украину, гдѣ у него была какая-то знатная родня. Многое онъ видѣлъ и испыталъ на своемъ вѣку, и его рассказы объ этомъ оказались столь увлекательными, что гости во время обѣда и ложки опустили, и чарки плохо опорожняли; когда же онъ, послѣ „варенухи“, снялъ со стѣны бандуру и выказалъ большое мастерство въ игрѣ и въ танцѣ, у молодой сотниковны глазки заискрились какъ звѣздочки и нѣжный румянецъ залилъ и щечки, и шейку. Словомъ сказать, къ концу „ўчты“ всѣ присутствовавшіе совершенно были очарованы интереснымъ пришельцемъ, а хлѣбосольный хозяинъ

прямо заявилъ, что не будетъ онъ сотникомъ, если не удержитъ у себя какъ можно дольше такого милого гостя.

— Отъ, якъ бы мени отавый зять! простодушно высказывался онъ, и подвыпившіе гости въ одинъ голосъ вторили, что „кращого зятя“ не надо и искать пану сотнику.

Съ каждымъ днемъ гость все больше овладѣвалъ довѣріемъ и расположеніемъ хозяевъ и сердцемъ ихъ дочери. Онъ оказался толковымъ и „на все здатнымъ“ человѣкомъ, часто замѣнялъ сотника по хозяйству и даже по должностнымъ его дѣламъ, а черезъ мѣсяць-другой вся Нехвороща пиновала на свадьбѣ панны сотниковны. Бенкетъ удался на славу и продолжался больше недѣли. Старый сотникъ былъ внѣ себя отъ радости и не могъ нахвалиться перель гостями своимъ „богоданнымъ“ зятемъ. Послѣ свадьбы онъ немедленно вышелъ въ „абшидъ“ (отставку) и передалъ сотничество выбранному на его мѣсто Василю Ганджѣ. Было рѣшено, что молодые будутъ жить вмѣстѣ съ стариками; имъ было выдѣлено небольшое собственное хозяйство съ тѣмъ, что по смерти тестя и тещи имъ достанется все ихъ состояніе.

Но Данилу Дробязкѣ показалось скучнымъ столь неопредѣленное время ожидать наслѣдства, и онъ сталъ распоряжаться тестевымъ добромъ, какъ личною собственностью. На первыхъ порахъ Сухомлинъ молча сносилъ это, но скоро убѣдился, что его благодушное отношеніе къ поступкамъ зятя лишь поощряетъ жадность и своевольство послѣдняго, и рѣшился дать ему отпоръ. Тутъ Дробязка сразу сбросилъ съ себя маску смиренія и покорности и явилъ себя въ истинномъ свѣтѣ: онъ оказался человѣкомъ грубаго, дерзкаго нрава, упрямымъ, злопамятнымъ и безмѣрно жаднымъ. Съ тѣхъ поръ мирный доселѣ домъ бывшаго сотника сдѣлался адомъ; не проходило дня безъ ссоръ, попрековъ и даже дракъ, и наконецъ дѣло дошло до того, что однажды зять и тестъ схватились за сабли, и послѣдній вышелъ изъ боевой схватки съ перерубленной рукой.

Въ половинѣ сентября 1701 года въ полтавскомъ полковомъ судѣ, въ присутствіи многочисленной мѣстной и пріѣзжей

(по случаю ярмарки) публики, бывшій нехворощанскій сотникъ такъ „плачливе ускаржался“ на своего зятя:

— Не видаю, панове, чога по мени Даныло, зять мій, хочеть. Я жъ усе тое, що ёму обидявъ, выдаючи дочку мою ёму въ малженство, пры шлюби давъ, именно: камень млыновий на рици Орели, чотыри волы, коровъ дви зъ телятамы, овецъ десятокъ матокъ, свыней частку и всёго сёголитнёго засивку (посёва) половыну и пидварокъ (подгородный хуторъ); але винъ, тымъ не будучы благодаренъ, ще въ мене условне (насильственно) двое коней взявшы, безпрестанне мя ганять и безчестыть, ста талярей вина доправляется и зо всеи осидлости мене гонять. А прошлой недили, прыйшовшы я зъ церкви, зъ службы Божои, и еще не заживъ (не скушалъ) просфоры, скоро прыйшовъ зять мій Даныло зъ миста (изъ города) и не видаю, для якыхъ прычинъ, безъ жадной увагы порвавъ мене за груди, турмосовавъ и якъ хотивъ вексовавъ (мучилъ) мя. Любо жъ (хотя) тамъ обидва-сьмо вадылы и я ёго подоливъ (одолёлъ), але винъ, якъ молодшій, выцручавшыся зъ-пидъ мене, скочывъ у хату и порвавшы шаблю, шырмовавъ (фехтовалъ) коло мене зъ шаблю. А же и я, тежъ добувшы въ прысинкахъ шабли, до него оказався, боронячы свого здоровья, тоди винъ, побигшы знову въ хату, выбигъ зъ ручныцею и, килька разивъ наводячы оную, хотивъ мене забыты. Я тоди, одважившы свое здорovia, кынувся до него и ручныцю въ ёго выкрутывъ. Винъ, знову порвавшы шаблю, натиравъ (наступалъ) на мене, а колы я ручныцею на голови закладався, порубавъ и ручныцю, и руку мени, якъ бачыте, обтявъ. Я вже ёму и тив сто таляри въ даты не стою (не отказываюсь), и двиръ бы ёму купыты не одмовывъ, волы бъ мени хочъ мало належытой почесты выражалося. Але мени тое барзо прыкро есть, що не тилко жадной почесты не маю, але и на здорovia моимъ одъ ёго, небачного чоловика, шванкую (терплю уронъ), и зъ свита мене похваляется зогнаты. Въ тимъ себе остерегаючи, о справедливость святую прошу“.

Выслушавъ эту жалобу, судьи спросили обвиняемого:

— Для якихъ ты причинъ такъ неслухныи надъ добродіємъ своимъ чынышь выкруты и безчестышь онога неналежне, и бьешъ, и раны задаешъ кривавии?

Но Дробязка „и передъ судомъ оказалъ себе не упокореннымъ“ и вмѣсто оправданій продолжалъ „неслушныи похвалки (угрозы) зъ запамяталосты своей строиты на тестя“. Судъ, въ виду небытности въ тотъ день ¹⁾ полковника и судьи, отложилъ окончаніе этой „справы до прыйдучого пятка“, а „запамяталого“ Дробязку велѣлъ дать „до вязени туремного“.

Когда въ назначенный день, 19 сентября, судъ приступилъ къ окончанію этого дѣла, п. Ѳеодоръ Сухомлинъ «жалосне повторную злость зятя своего Данила объявилъ тыми словами“:

— Прихавшы зъ Полтавы до дому, найшовъ саквы, повни натоптаного плаття билоголовского, у одрыни ²⁾ спрятаного, и плахоть у жупанъ уверченыхъ и увязаныхъ, а що есть тому причина—того не видаю, винъ самъ маеть видаты“.

Привели „зъ секвестру“ (изъ заключенія) Данила Дробязку и спросили:

— Для якихъ причинъ въ саквы плаття поховавъ и у жупанъ плахты?

— Для того я—отвѣчалъ Данило—тое окроме отъ тестевого державъ, що то мое власное есть, бо то мени на весиллю надаровано, а я тестевого ничого не хочу, и въ двиръ ёго не буватыму“.

Приступили къ составленію декрета. „Видячи такую Дробязчыну неправость и протывенство неупокоримое протывъ отца своего, который ёго, ни въ чимъ не выдаючи якого винъ роду, и видкиль, и що за чоловікъ, а ни тежъ жадныхъ маетностей

¹⁾ Дѣло происходило 14 сент., въ праздникъ Воздвиженія, случившійся тогда въ воскресенье. Это одинъ изъ многихъ случаевъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что козацкіе суды функціонировали въ дни воскресные и даже въ большіе праздники.

²⁾ *Одрына*—навѣсъ для сѣна. Слово это въ томъ же значеніи встрѣчается еще въ 2-мъ Лвт. Статутѣ (розд. 10, арт. 3).

въ ёго не видячы, за сына дому своему и въ доживотное прятство прынявъ, поручившы ёму власную свою дщерь милую въ малженство, а такіи одъ ёго укоризны и збытки утерпиваетъ, судъ, вглянувшы у право“, остановился на 16 арт. 11-го разд. Статута, гдѣ сказано: кто умышенно „зъ гнѣву и зъ запамталости сердца злого“ убьетъ шляхтича, тотъ подлежитъ четвертованію, а если не убьетъ, а только ранитъ, то „будетъ ли шляхтичъ а шляхтичеви тое учинитъ, за шляхтичево ображеня“ отсѣченіемъ руки долженъ быть каранъ. „А поневажъ (прибавили судьи) тая карность“ назначена за пораненіе „общого (посторонняго) чоловика, а не за кривного, то Дробязка Даныло маеть и найбарзѣй (тѣмъ болѣе) такъ скаранъ быти“.

Когда объявили этотъ суровый декретъ, тутъ только строптивый Дробязка, „змякчывшися“, попросилъ пощады, клятвенно увѣряя, что онъ „до живота своего згодне зъ паномъ тестемъ жыты и впелякую ему почтывость, яко добродіеви своему, выражаты маеть“. Всѣ ждали, что скажетъ п. Сухомлинь, стоявшій въ раздумѣ. Тутъ нѣкоторые изъ присутствовавшихъ начали уговаривать его оказать отеческое милосердіе надъ провинившимся зятемъ. Сухомлинь не долго колебался и въ свою очередь сталъ просить судъ о помилованіи его безпутнаго зятя. Судъ, „спустившися на его волю“, немедленно отмѣнилъ прежній декретъ и отпустилъ Дробязку „безъ карности“, но помиловалъ его, такъ сказать, условно, съ предупрежденіемъ, что если бы онъ, Дробязка, впредь „важывся до якои незгоды противъ тестя своего прійты, то не тилько подлугъ нынѣшняго декрету будетъ скаранъ, але и отъ права малженского, яко непрятель, будетъ отчужденъ“.

Для историка обычнаго права послѣднія слова декрета должны представлять большой интересъ. Если это не пустая угроза, въ родѣ тѣхъ, на какія обычно столь щедры родители, когда хотятъ вразумить или остеречь безпутныхъ дѣтей, то надо прійти къ интересному выводу, что свѣтскій судъ въ Малороссіи считалъ себя въ правѣ расторгать законные браки не только въ случаяхъ совершенія однимъ изъ супруговъ позорящаго про-

ступка (о чемъ выше было говорено), но даже и въ такомъ случаѣ, когда зять не хотѣлъ жить мирно съ родителями своей жены.

Какъ и слѣдовало ожидать, данныя Дробязкою на судѣ клятвенныя обѣщанія жить съ тестемъ въ доброй „згодѣ“ и оказывать ему должное почтеніе остались не исполненными. Не таковъ былъ этотъ упрямый характеръ, чтобы его могъ сломить страхъ судебной кары. Убѣдившись въ этомъ, Сухомлинъ рѣшилъ, по слову писанія, уклониться отъ зла и навсегда покинуть городъ и край, гдѣ онъ четверть вѣка прожилъ въ довольствѣ и почетѣ, но гдѣ теперь предстояли ему одни огорченія.

Надо помнить, что Нехвороща, какъ и всѣ остальные городки и села Орельскихъ сотенъ, была недавнимъ поселеніемъ въ тогдашней гетманщинѣ. Она возникла всего лишь въ 1674 году, когда населеніе правобережной Украины, разоряемое и истребляемое поляками, турками и татарами и силой сгоняемое полками гетмана Самойловича, принуждено было сняться съ своихъ мѣстъ и разомъ, громадными массами, перейти на лѣвый берегъ Днѣпра, гдѣ для него была отведена пустынная степная полоса между рр. Ворсклой и Орелью и гдѣ сразу же возникло пять новыхъ сотенъ: Нехворощанская, Маячская, Царичанская, Китайгородская и Орлицкая. Когда затѣмъ турки разорили въ 1678 году послѣдніе города въ западной Украинѣ: Чигиринъ, Черкассы, Каневъ, и когда вся страна между Днѣпромъ и Днѣстромъ была обращена въ пустыню, уцѣлѣвшее отъ погрома населеніе также двинулось на востокъ и осѣло въ разныхъ полкахъ гетманщины, а преимущественно въ полтавскомъ, въ Орельскихъ сотняхъ. Какъ бы удобно ни устроились здѣсь невольные переселенцы, не могли они забыть своихъ старыхъ мѣстъ, гдѣ природа была богаче, земля плодороднѣе, угодыя привольнѣе и гдѣ у нихъ остались прадѣдовскіе сады и пасѣки. Пока продолжалась военная гроза, многіе изъ нихъ лишь тайно, украдкой могли навѣдываться на родныя пепелища, но при первой возможности, при первой гарантіи спокойствія въ разо-

ренномъ краѣ, всѣ они готовы были вернуться на прежнюю родину.

Такой моментъ скоро наступилъ. Въ Польшѣ царствовалъ король-воинъ, знаменитый побѣдитель турокъ подъ стѣнами Вѣны, Янъ Собѣскій. Преданный одной идеѣ—борьбѣ съ мусульманами, этотъ воинственный король задумалъ во что бы то ни стало возстановить въ Украинѣ козацкое войско, боевыя качества котораго онъ хорошо зналъ и высоко цѣнилъ. Но для этого нужно было напередъ привлечь населеніе въ опустошенный край и гарантировать его права. Въ этихъ видахъ Собѣскій издалъ въ 1684 году особый манифестъ, по которому отдавалъ козакамъ для поселенія обширную территорію между Тясьминою, Тыкичемъ и границами кievскаго Полѣсья и при этомъ подтверждалъ всѣ права и вольности, дарованныя имъ его предшественниками. Много явилось и шляхтичей, и простыхъ козаковъ, предложившихъ королю свои услуги и получившихъ отъ него особыя полномочія для формированія козацкихъ полковъ, но скоро между ними выдѣлилась талантливая и обаятельная личность, быстро овладѣвшая народнымъ довѣріемъ и проявившая необыкновенныя колонизаторскія способности: то былъ знаменитый бѣлоцерковскій полковникъ Семень Палій, борзенскій выходець, а за нимъ стояли ближайшіе его сотрудники, полковники вновь организуемаго козацкаго войска: Искра, Самусь, Семашко и Абазинъ. Благодаря ихъ умѣнью и энергіи, въ самое короткое время было положено основаніе успѣшной колонизаціи края и организовано пять козацкихъ полковъ: чигиринскій, корсунскій, богуславскій, бѣлоцерковскій и брацлавскій. Подъ ихъ защитой точно по мановенію волшебнаго жезла поднимались изъ развалинъ старые города и села и вновь наполнялись жителями. Непрерывною волною тянулись сюда новые поселенцы со всѣхъ окрестныхъ сторонъ: изъ Волыни, кievскаго Полѣсья, даже изъ Молдавіи, но больше всего изъ лѣвобережной Малороссіи. Напрасно гетманъ Самойловичъ разсылалъ по всѣмъ полкамъ строгіе запретительныя универсалы, разставлялъ даже вдоль Днѣпровскаго берега кордонную стражу съ приказаніемъ не допускать пере-

правы черезъ рѣку: бѣглецы или тайно пробирались черезъ кордонъ, или направлялись въ запорожскія степи, переправлялись черезъ Днѣпръ гдѣ-нибудь южнѣе устья Орели и съ рискомъ попасть въ плѣнъ къ татарамъ тянулись въ обѣтованный край, къ берегамъ Тасьмина, Роси или Буга.

Какъ и слѣдовало ожидать, это эмиграціонное движеніе съ наибольшою силою сказалось среди жителей Орельскихъ сотенъ. Всего лишь десять лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ они были поселены здѣсь, на самой границѣ гетманщины, гдѣ лучшія угоды уже были заняты козаками Ворсклянскихъ сотенъ и гдѣ имъ ежегодно приходилось принимать у себя злыхъ гостей—татаръ. Безлѣсная при-орельская равнина не могла и сравниться съ роскошными уголками Уманщины и Брацлавщины—ихъ прежней родины, и невольные поселенцы все еще продолжали считать своею собственностью оставшіяся тамъ прадѣдовскія земли, сады и пасѣки и каждое лѣто навѣдывались туда, какъ въ свои хутора. И вотъ теперь они узнали, что польскій король снова вернулъ козакамъ Украину, что „козацкій батько“ Палій созываетъ ея прежнихъ поселенцевъ, что на его кличъ валомъ валитъ народъ изъ разныхъ мѣстъ, и легко можетъ статься, что чужіе люди займутъ ихъ предковскія займища. Подъ впечатлѣніемъ этихъ вѣстей многіе изъ козаковъ Орельскихъ сотенъ стали открыто эмигрировать на родину, забирая семьи и движимость, а мѣстные старшины, въ противность гетманскимъ приказамъ, и не думали удерживать ихъ и сквозь пальцы смотрѣли на то, какъ бѣглецы изъ разныхъ мѣстъ гетманщины, минуя кордонъ, толпами проходили черезъ Орельскіе городки, направляясь окольнымъ путемъ туда же, въ Украину. Когда узналъ объ этомъ Самойловичъ, то въ гнѣвъ за такое „своевольство“ приказалъ смѣнить всѣхъ Орельскихъ сотниковъ и на ихъ мѣста „зъ иныхъ городовъ добрыхъ и справныхъ молодцовъ понасылати“. Эта мѣра не только не успокоила, но еще болѣе раздражила мѣстное козачество: отъ Орельскихъ сотнянъ гетманъ получилъ „суплѣки“ съ предупрежденіемъ, что если присланные сотники не будутъ тотчасъ убраны, то всѣ они вознамѣрились сняться

разомъ и вернуться на прежнюю родину. Гетманъ видимо испугался этой угрозы и въ апрѣлѣ 1686 года приказалъ полтавскому полковнику новыхъ сотниковъ „познимати, а товариству сотень Орельскихъ“ позволить по давнимъ обычаямъ и „вольностямъ“ кого они хотятъ „зъ-межи себе сотниками починити“, только бы впредь они „неподвижно на мѣстахъ своихъ при вѣрности и статечности мешкали“. Эта уступка успокоила орельчанъ, и они отказались отъ своего намѣренія, хотя частичная эмиграція и послѣ того продолжалась. 1)

Федоръ Сухомлинъ былъ такимъ же невольнымъ выходцемъ изъ-за Днѣпра, какъ и остальное „товариство“ Нехвороцанской сотни. Кажется, онъ былъ родомъ изъ Жаботина, разореннаго турками одновременно съ Чигириномъ и другими приднѣпровскими городами. Онъ былъ въ числѣ тѣхъ сотниковъ, которые въ 1685 г. подверглись гетманской опалѣ, а потомъ снова выбраны на тѣ же уряды, и ему вполне было понятно чувство, побуждавшее его сотнанъ сниматься съ насиженнаго мѣста и съ рискомъ пробираться на Украину. Пока онъ былъ занятъ службой, хозяйственными и семейными интересами, ему и на мысль не приходило, что и онъ когда-нибудь станетъ томиться тою же тоской по родинѣ; но теперь, оставшись безъ дѣла и окончательно убѣдившись въ томъ, что совмѣстная жизнь съ зятемъ сулитъ ему одни огорченія, Сухомлинъ вдругъ почувствовалъ, что его ничто уже не связываетъ съ Нехворощей, что онъ здѣсь лишній и никому ненужный человѣкъ. И захотѣлось ему дожить вѣкъ на родинѣ, въ Жаботинѣ, гдѣ прошла его молодость и куда, слышаю, вернулись теперь изъ разсѣянія многіе изъ его родичей и старыхъ товарищей. Достаточно было незначительнаго повода въ видѣ обычной „суперечки“ съ зятемъ, чтобы это желаніе быстро приняло форму непреклоннаго рѣшенія,—и въ октябрѣ того же 1701 года п. Сухомлинъ продавалъ уже свои маетности.

1) Лѣтопись Величка, т. II, стр. 554—557.

За покупщиками дѣло не стало. Жила въ Полтавѣ богатая мѣщанка Павлыха Выдричка, занимавшаяся тѣмъ, что выкармливала большіе гурты рогатаго скота и затѣмъ сбывала ихъ за границу, въ Польшу и Шленскъ (Силезію). Случилось ей быть въ Нехворощѣ на ярмаркѣ какъ разъ въ ту пору, когда Сухомлинъ искалъ покупателя, и она съ двухъ словъ приторговала всю его „осѣлность“, именно: домъ, гдѣ онъ жилъ, дворы шинковые, броваръ, винокурню, солодовню, хутора, поля, лѣса, сѣножатни и „греблю“ на Орели съ мельницами—и все это за недорогую цѣну, 1200 золотыхъ. Вручивъ ему въ задатокъ десять копѣй, Выдричка немедленно согнала на его земли купленный ею на ярмаркѣ скотъ, а сама поѣхала въ Полтаву, чтобы запасть деньгами и тогда уже заключить съ Сухомлиномъ формальный актъ о продажѣ. Все это произошло въ отсутствіи п. Дробязки, куда-то уѣзжавшаго изъ Нехворощи. Когда онъ вернулся и узналъ, что тестъ запродавъ свою маетность, и притомъ всю безъ остатка, онъ пришелъ въ неистовство, поносилъ и уворалъ тестя, грозилъ, что не допустить этой продажи, наконецъ заявилъ, что онъ самъ желаетъ купить тестеву маетность за ту же цѣну, и предлагалъ въ видѣ задатка пятьсотъ золотыхъ. Сухомлинъ соглашался на послѣднюю сдѣлку, но „доправлялся разомъ“ уплаты всей суммы, а такихъ денегъ у Дробязки не было. Тогда Дробязка поѣхалъ въ Полтаву и предложилъ сыну бывшаго полковника Григорію Павловичу Герцику, не хочетъ ли онъ за недорогую цѣну откупить отцевскую маетность. Тотъ съ радостью принялъ это предложеніе и немедленно сдѣлалъ въ полковомъ урядѣ формальное заявленіе, что онъ намѣренъ воспользоваться принадлежащимъ ему по Статуту преимущественнымъ правомъ на выкупъ отцевскаго имѣнія, затѣмъ пріѣхалъ въ Нехворощу и положилъ передъ Сухомлиномъ наличными 1300 золотыхъ, заявивъ еще при этомъ, что онъ отказывается въ пользу п. Дробязки отъ усадьбы съ домомъ, въ которомъ жилъ Сухомлинъ. Послѣдній ничего не могъ возразить противъ этой сдѣлки, принялъ отъ Герцика деньги, возвратилъ ему подлинную продажную запись его отца и дозволилъ ему немедленно,

не ожидая заключенія формальнаго акта о продажѣ, вступить во владѣніе купленнымъ имѣніемъ.

Между тѣмъ прибыла съ деньгами Павлыха Выдричка и попала въ домъ Сухомлина какъ разъ въ ту пору, когда тамъ пили могорычъ по случаю окончанія дѣла съ Герцикомъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, она подняла неистовый крикъ, не хотѣла брать отъ Сухомлина своего задатка, грозила ему судомъ за нарушение договора, рѣзко упрекала и пана Гердика за то, что онъ тайно перекупилъ запроданное ей имѣніе, и надѣлавъ не мало „галасу“, ушла съ угрозами. Сухомлинъ и не радъ уже былъ, что впутался въ такое непріятное дѣло. Послѣ ухода крикливой гостии, онъ случайно замѣтилъ, что въ его „хоромахъ“ насыпаны въ разныхъ мѣстахъ „купки“ чистаго песку. Это удивило его. По розыску среди домашнихъ оказалось, что никто изъ нихъ этого песку не сыпалъ и его не было до прихода Выдрички. Тогда Сухомлину пришло на мысль, что этотъ песокъ посыпанъ съ какимъ-то злымъ умысломъ, и онъ, какъ то требовалось судебными обычаями, тотчасъ формально „обвивъ тое“ бывшими у него въ домѣ „добрыми людьми“, обративъ при этомъ ихъ вниманіе и на то, что не только въ его дворѣ „и въ иныхъ дворахъ, але и по всимъ гбороди—чорноземля“, а чистый песокъ развѣ „при рѣчномъ берегу могъ бы ся где оказати“.

— Це жъ вража Выдричка якісь волшбы мени почыныла! откровенно высказалъ онъ свое подозрѣніе.

Объ этомъ тотчасъ было донесено Выдричкѣ, и она немедленно отправилась въ мѣстный сотенный урядъ и занесла „протестацію“ о томъ, что п. Сухомлинъ „наволикаетъ“ на нее безчестье, ложно обвиняя ее въ „волшбѣ“, но что она, „хотячи зъ того мниманья (подозрѣнія) вывестися“, намѣрена позвать его въ судъ.

На другой день Выдричка, имѣвшая въ Нехворощѣ „госпѣду“ (квартиру) въ домѣ монастырскаго шинкаря Алексѣя, послала его въ домъ Сухомлина съ письмомъ къ п. Григорію Герцику, „просячи его, щобъ позволивъ тогару (скоту) ей до

якого часу на отавахъ здержатись“. Посланный вернулся и донесъ:

— Грыгорія вже не заставъ, бо одъихавъ до Полтавы, а Сухомлинъ не тилко и малого времени не велеть тамъ статку (скоту) буты, але ще й тебе лярвою и волшебницею называють, не знаты про що.

Этого не могла уже снести покорно не только богатая мѣщанка, но и послѣдняя „наймычка“, и потому Павлыха Выдричка, прибывъ въ Полтаву, повзала Сухомлина въ полковый судъ.

На судѣ единственнымъ свидѣтелемъ со стороны обвинительницы былъ упомянутый шинкаръ Алексѣй. Онъ упорно стоялъ на своемъ и „у очи“ уличалъ Сухомлина: „Звалесь Павлыху лярвою и волшебницею“,—но „болше на тое жадного другого на доводъ свидѣа не поставилъ“. А Сухомлинъ, въ виду бездоказательности обвиненія, потребовалъ, чтобы ему позволено было, согласно Статуту, „присягою одвестись“, и когда судъ это дозволилъ, онъ здѣсь же „сумленнемъ своимъ передъ животворящимъ крестомъ Христовымъ одвѣлся“, что не называлъ Выдричку никакими поносными словами; хотя же Алексѣй шинкаръ утверждаетъ противное, но онъ это дѣлаетъ по злобѣ, имѣя съ нимъ тяжбу, въ доказательство чего Сухомлинъ представилъ суду посвидѣтельствованную копию своей „протестаціи“, занесенной въ урядъ Нехворощанскомъ на Алексѣя, что онъ его поносилъ „передъ людьми злымъ и недобрымъ чоловікомъ“.

— Съ того своего ренкору на мене оный запамяталый чоловікъ ще й зъ задною невістою своимъ ябедничствомъ мене звивъ“,—заклучилъ отвѣтчикъ.

Судьи спросили Алексѣя: правда ли, что онъ поносилъ пана Сухомлина?

— А що жъ, панове—признался онъ—не могу того запритися (отречься): стоячы я у служби Божій недильного дня на крыласи, говорывъ тое и назвавъ Сухомлина недобримъ, бо винъ заднюю невісту звивъ своею продажею“.

При этихъ словахъ Сухомлянъ схватился съ мѣста и волнуясь сказалъ:

— Панове! Яко годный и никѣлы на чести свой ненарушонный чоловікъ, неотступне и жалосне прошу судовои въ тимъ увагы: нехай Олексій мени такой прымовкы доводити скутечне!

— Якъ же я маю тое доводити, що есть всимъ видно? отвѣтилъ равнодушно Алексій. Нехай уже я буду выннйй“.

Судьи признали, что дѣло достаточно выяснено, и приступили къ составленію приговора. Сухомлянъ былъ оправданъ, а шинкарь Алексій признанъ виновнымъ въ томъ, что ложно опорочилъ „зацную персону“, и согласно Статуту (разд. 3, арт. 28) долженъ былъ „во всемъ перепросити зелженого“ имъ п. Сухомлина, заплатить ему „правные наклады и навязку“ (плату за безчестье) въ суммѣ сорока копъ грошей, „а тую прымовку заразъ передъ судомъ отмовити тымы словами: „Що я на тебе говорывъ, якобы ты бувъ недобрый чоловікъ, то я на тебе брехавъ, якъ песъ“. Когда Алексій выполнилъ эту позорную церемонію, ему объявили, что онъ, сверхъ того, долженъ еще подвергнуться „туремному вязеню за тое, що такъ годныхъ людей звивъ“. А п. Сухомлину „на зацщитъ“ его неопороченной чести постановлено выдать посвидѣтельствованную копію настоящаго декрета.

Спустя мѣсяць Сухомлянъ совершилъ въ полтавскомъ полковомъ судѣ формальный актъ о продажѣ Гердику своего имѣнія и тотчасъ переселился съ женою за Днѣпръ. Осенью 1705 г. онъ прїѣзжалъ въ Нехворощу, чтобы собрать долги съ своихъ бывшихъ шинкарей, и на одномъ документѣ подписался такъ: „Хведоръ Сухомлинъ, бывший житель Нехворощанский, а теперешний Жаботинский“.

Неизвѣстно, дожилъ ли онъ до той злосчастной поры, когда, согласно условіямъ Прутскаго договора, козачество правобережной Украины было окончательно уничтожено, жители ея насильственно переселены за Днѣпръ, и этотъ роскошный, но многострадальный край былъ снова обреченъ запустѣнію.

19. Хозяинъ и работница.

Въ Новомъ-Савжаровѣ проживалъ „славетный“ мѣщанинъ Сенько (Семень) Шапочникъ. Онъ былъ женатъ на дочери богатаго полтавскаго „купца“ Куца, имѣлъ хорошій достатокъ, водилъ компанію съ мѣстною старшиною и духовенствомъ и считался въ своемъ городѣ „запною персоною“. Можетъ быть, поэтому онъ былъ гордъ, заносчивъ и самонадѣянъ, а такъ какъ въ рынкѣ у него была „комора“ съ продажей пива, меду и горѣлки, то трудно ему было остаться и трезвымъ человѣкомъ. А какъ напьется, бывало, Сенько Шапочникъ, то ему и гетмавъ не страшень, не то сотникъ, его кумъ и сотрапезникъ. И впалъ Сенько съ пьянства и съ озорства въ превеликій грѣхъ.

Дѣло происходило въ праздникъ, зимою 1687 года. Вернулся Сенько отъ обѣдни не домой, а въ „комору“, гдѣ его жена шинковала, и привелъ съ собой пріятелей изъ числа тѣхъ, которые, какъ и онъ, выстоявъ продолжительную праздничную службу, больше томилась жаждою, чѣмъ голодомъ. Утоливъ эту жажду медами да оковитою, пріятели разошлись по домамъ ѣсть пироги. Захотѣлъ ѣсть и Сенько и сталъ звать домой жену; но у той, по случаю праздника, такъ бойко шла торговля, что она не рѣшилась оставить „комору“ на „челядниковъ“ и посоветовала мужу одному отправиться домой, гдѣ наймишка Паська ¹⁾ должна его хорошевько накормить. Сенько не сталъ спорить. Добрель онъ не совсѣмъ твердыми ногами „до господы“ и засталъ на столѣ горячіе пироги и любимую „запиканку“. Кромѣ Паськи, въ домѣ никого не было, потому что вся „челядь“ осталась на рынкѣ для помощи „господыни“. Скучно показалось Сеньку одному сидѣть за столомъ, и онъ вздумалъ потчевать прислуживавшую ему Паську; но та стыдливо отказывалась пить. Онъ схватилъ ее за руку,—Паська вырвалась и

1) Паська или Пазька—Целагея.

убѣжала изъ „свѣтлицы“. „Роздратованный“ и охмелѣвшій хозяинъ погнался за нею въ „пекарню“, и дѣло окончилось грубымъ насиліемъ.

Пазька была простая дѣвушка, сирота, но и ей было вѣдомо требованіе „права посполитаго“, что въ такихъ случаяхъ потерпѣвшая была обязана немедленно „оповѣдать свой гвалтъ“ постороннимъ людямъ, которые на судѣ удостовѣрили бы справедливость ея жалобы. Но къ кому ей было обратиться, когда усадьба Сенька находилась вдали отъ сосѣдей и ей нельзя было никуда отлучиться? Лишь вечеромъ, когда проспавшійся хозяинъ послалъ ее за пивомъ, она забѣжала къ теткѣ и дѣду и съ плачемъ „оповѣстила“ имъ о постигшемъ ее несчастіи, „оказавши и знакъ на кошулѣ“ (рубашкѣ). Тѣ немедленно пригласили сосѣда, почтеннаго человѣка, Якима Бирлютенка, и онъ, по ихъ просьбѣ, въ тотъ же вечеръ отправился къ Сеньку и открыто уличилъ его въ гнусномъ преступленіи. Можно представить, что здѣсь произошло, когда жена Сенька узнала эту новость. Но Сенько нимало не смутился: онъ обозвалъ Бирлютенка „дурнемъ“, легковѣрно слушающимъ бабскія сплетни, а Пазькѣ пригрозилъ, что она не уйдетъ „катовскихъ“ рукъ за то, что осмѣлилась взвести столь позорное обвиненіе на такого „зацного“ человѣка, какъ онъ.

И точно, предупреждая жалобу со стороны Пазьки, Сенько на другой же день позвалъ къ себѣ на обѣдъ пана сотника и другую старшину, а равно отца протопопа и всѣхъ мѣстныхъ іереевъ, угостилъ ихъ на славу и тутъ же, съ видомъ угнетенной невинности, пожаловался гостямъ, какое онъ терпитъ безславіе и поношеніе отъ „нависной наймычки“, которую онъ, по долгу человѣколюбія, призрѣлъ, какъ сироту, въ своемъ домѣ, и которая теперь, не иначе какъ по подговору его „ворогивъ“, такъ дерзко и безстыдно позоритъ его доброе имя. Гости въ одинъ голосъ отозвались, что нужно быть совершеннымъ „дурнемъ“, чтобы дать вѣру оговорамъ глупой наймычки, а отецъ протопопъ, въ утѣшеніе хозяину, привелъ на память Іосифа Прекраснаго и другихъ благочестивыхъ мужей, невинно оклеве-

танныхъ. Въ концѣ концовъ собраніе согласилось, что нельзя же допустить, чтобы безумная Пазька безнаказанно порочила столь почтенную и добродѣтельную особу, иначе, глядя на нее, и другія наймишки вздумаютъ „ка-зна що“ взводить на своихъ хозяевъ. Было рѣшено подвергнуть ее сначала духовнымъ увѣщаніямъ, чтобы она „опамятовалась“, вспомнила Бога и созналась, что невинно оклеветала хозяина.

Но Пазька оказалась очень упорной: сколько ни мучились съ нею—сначала приходскій священникъ, а потомъ и самъ протопопъ,—она стояла на своемъ. Тогда она была передана въ распоряженіе сотеннаго уряда. Что ни день, то и собираются бывало сотникъ, старшина и духовные отцы, открываютъ что-то въ родѣ соединеннаго присутствія духовнаго и свѣтскаго суда и принимаются за Пазьку, а Сенько Шапочникъ беретъ на себя заботу о томъ, чтобы судьи были сыты и пьяны. Здѣсь были пущены въ дѣло не одни увѣщанія, но и угрозы, сажаніе въ холодную и даже побои. Но Пазька и здѣсь проявила удивительную для ея лѣтъ непреклонность: сколько ни истязали ее, она твердила неизмѣнно, что „панъ господарь“ точно „збавилъ ее панянства“ путемъ грубаго насилія.

Такъ продолжалось около двухъ недѣль. Наконецъ Пазька какъ-то убѣжала отъ своихъ мучителей въ Полтаву и занесла жалобу на хозяина въ полковый судъ. 7 декабря того же 1687 года назначенъ былъ разборъ ея дѣла и къ этому дню былъ вызванъ въ Полтаву обвиняемый и свидѣтели.

Представляло ли дѣло само по себѣ большой интересъ, или же здѣсь имѣло значеніе то обстоятельство, что обвиняемымъ являлся богатый мѣщанинъ, имѣвшій много родни среди знатнаго полтавскаго мѣщанства и купечества,—только къ разбору дѣла прибыло столько народа, что зданіе ратуши далеко не могло вмѣстить всѣхъ, желавшихъ присутствовать. Самый составъ судей былъ полнѣе обыкновеннаго. На предсѣдательскомъ мѣстѣ находился полковникъ Федоръ Жученко, рядомъ съ нимъ сидѣлъ присланный въ то время въ Полтаву гетманскій ревизоръ п. Захарій Шійкевичъ, далѣе—полковой судья

Петръ Буцкій и городской атаманъ Иванъ Красноперичъ; „въ уряду же мѣйскаго“ присутствовали: войтъ Максимъ Петровичъ Попенко и бурмистры Процькъ Дмитровичъ и Гаврило Прокоповичъ. Сверхъ того, въ ратушѣ находилось „много зацныхъ персонъ такъ значного товариства (козаковъ), яко тежъ и пановъ мищанъ полтавскихъ и посполитыхъ людей“.

Слѣдую общему процессуальному порядку, судьи прежде всего предложили потерпѣвшей изложить предъ всѣми свою жалобу. Смущаясь и заливаясь слезами, Пазька начала:

— „Панове! Господарь мій, міючы соби жону,—а я въ него служыла-мъ цюотльво,—Бога не боячысь, зегвалтывъ мя, паняства повбавывши, условне, по свой воли“.

— Якого жъ часу и на якимъ мистцю Сенько той грихъ пополнывъ?—спросили судьи.

— Теперешнёго фылыпового посту, на день празныка Воведенія, выйшовшы зъ церкви, зъ службы Божой, господарь подпывавъ на комори горилкою, бо и господыня моя на комори була, горилкою шыякуючы, а за тымъ самъ прыйшовъ до дому, а въ свитлицы никого не було. Виятъ, порвавшы мене пидъ пичью, условне грихъ той телесный пополнывъ. Трудно мени було заразы втываты або кымъ квалтъ мій оповидаты, бо домъ ёго оподаль отъ людей зостаесть; терпила-мъ черезъ вилька годныъ; ажъ колы у вечеръ послали мене по пыво, тоди заразы и оповистыла-мъ той мій квалтъ титци мойй Матвіиси Ткачыси и дидусеви моему и знакъ на кошулы имъ оказала“.

Затѣмъ выступили дѣдъ и тетка потерпѣвшей и предъявили суду „лице“, то есть вещественную улику преступленія, именно рубашку своей родственницы со знаками „позбулого паняства“, а сами сказали:

— Панове! Готови-сьмо сумленямъ нашимъ пидняты (т. е. присягнуть), що того жъ дня, у вечеръ, прыбигла до насъ Пазька, прыателька (родственница) наша, и квалтъ свій намъ ознаймыла. И заразы послали-сьмо до Сенька Шапочныка зацного чоловіка Якыма Бирлютенка, абы той грихъ и квалтъ въ позбыттю паняства передъ очи ёму предложыты. Виятъ, те легче

соби поважачучи надъ бидною сыротою, а хотячы грихъ свій покрыты, запобигъ собі духовенства, щобъ ёму помощными булы въ тій справѣ. А мы у милостей вашихъ просымо скученой справедливосты“.

Наконецъ судьи обратились къ обвиняемому:

— Якъ то ты, незбожнику, міючи собі жону, важывся, оставывши боязнь Божую, грихъ той вшетечный пополныты?

Но Семень Шапочникъ „того таився“, то есть не хотѣлъ сознаться.

Въ это время закончена была судебная экспертиза: „запчныя“ женщины, изъ числа, можегъ быть, присутствовавшихъ среди публики, или же нарочито приглашенныя, осмотрѣли внимательно „лице“, т. е. рубашку потерпѣвшей, и заявили суду, что имѣющіеся на ней знаки суть точно „знаки позбыта паняства“.

Этимъ закончено было судебное слѣдствіе. Судъ призналъ, что Семень Шапочникъ „жадного выводу о собі не давъ, а тилко таився“, и потому „ставъ переконанный правомъ“; а его бывшая „служебныця“ Пазька и „квалтъ“ своевременно „оповидала“, и „лице“ на судъ „презентовала“, и въ особенности тѣмъ еще доказала правоту своей жалобы, что ее, „бидную сыроту, въ Новому-Санджарови передъ духовенствомъ и передъ старшыною тамошною нещадно быто, а вона все волала, же (что) паненства позбула квалтовне отъ своего господара“. Справившись за тѣмъ съ Статутомъ (разд. 11, артыкулъ 12) и съ Правомъ Майдебурскимъ (книга „Порядокъ“, листъ 8) и „прихияючись до рады товариьской и до суду приналежныхъ персонъ“, судъ произнесъ приговоръ: Семень Шапочникъ за свой „незбожный“ проступокъ долженъ быть „скаранъ на горли“.

Но едва это рѣшеніе было объявлено, какъ отовсюду слышался плачь, стenanіе и мольбы. Прежде всѣхъ разрыдался осужденный и сталъ горячо просить „надъ собою змылованя, чы не могъ бы онъ буты волнымъ отъ смертельной карности“. За нимъ выступили съ тою же просьбою „многіе запчны персоны, мещане и кунцѣ полтавские“: Леонтій Григоріевичъ, кти-

торь Пречистскій, Ярема Краснокутскій, купецъ, Грыцько Кушъ, тесть осужденнаго, и многіе другіе. Наконецъ и жена Сеньва стала съ плачемъ просить о помилованіи ея безпутнаго мужа. Судъ не могъ остаться безучастнымъ ко всѣмъ этимъ слезнымъ мольбамъ и „уволилъ“ осужденнаго отъ „смертельной карности“, но приказалъ ему уплатить Пазыкѣ „навязку ведле еи стану“ въ суммѣ 20 копѣ грошей и вознаградигъ ее скотомъ, платьемъ и другими „рупесками“ (мелкими вещами).

Такой же точно грѣхъ случился въ іюнѣ 1684 года и съ другимъ новосанжаровскимъ обывателемъ, козакомъ Иваномъ Божкомъ, на котораго такъ жаловалась его „служебница“ Марья Луциковна полковому суду:

— Мои ласкавыи панове! Несподивано позбуламъ панянства отъ господаря мого Божка, который, міючы челядныка Яцка, и мени веливъ за собою иты задля ульевъ двоухъ въ пасику. По розказаню ёго, принесла-мъ тыи улы въ пасику, за Ворскло, и положывшы въ катрази, пошла-мъ була до дому. Господарь мій спытавъ: „куды ты йдешъ“? Я-мъ отповидала: „къ дому йду“. На то господарь сказавъ: „позгоды, обручивъ первій врубаю“. А Яцко, наймытъ, подали рувни рубавъ. Обручивъ же нарубавшы тилко, килко бь могла-мъ къ дому прынести, и лыкъ зодравшы и звязавшы тыи обручи, положывъ доли на землю. Заразъ же мени, бидній сыроти, усильне гвалтъ справывшы, панянства мене повбавывъ. Я тыи обручи, по розказаню его, понесла-мъ до дому и, не міючы, кымъ освидчыты, мусила-мъ терпнты, ажъ напотимъ сказала-мъ господыни мойй“.

Судъ немедленно приказалъ „содомчика оного Ивана Божка до вязеня дати“, а дѣло отложилъ до производства слѣдствія, порученнаго мѣстной сотенной старшинѣ. Черезъ мѣсяць съ лишнимъ новосанжаровскій сотникъ донесъ полковому уряду, что онъ посылалъ своего хорунжаго и двухъ челоувѣкъ изъ „товарыства“ за Ворскло, на Божкову пасѣку, гдѣ они, по указанію потерявшей Марьи, видѣли въ травѣ „пото-

локу“ и слѣды, гдѣ Божко обручи рубиль и липу драль, и пришли къ заключенію, что „самая истота въ нецнотливыхъ постуцахъ на Ивану Божку слушне ся показала“. Да и самъ обвиняемый не отрицалъ своей вины; онъ молилъ лишь о мило-сердіи:

— „Панове, змылуйтеса надо мною! Я уже и сповиды святой выслухалемъ. Грихъ то мене споткавъ, що я, міючы жону, того-мъ ся гриху смертельного допустивъ“.

Судъ, „вглянувши въ право Майдебурское“, именно въ книгу „Поридокъ“, призналъ, что „той збродень Иванъ Божко, по сповѣди, мѣетъ на горлѣ сваранъ быти зтятьемъ ши; а поневажъ (продолжаеть декретъ) условне просилъ насъ Божко надъ собою змилованья, даровавши его смертельною карностью, приказуемъ, абы Марья нагородилъ слушне за збавенье панянства еи, зъ нагороженемъ вины панской и намъ, врядови, належною“.

Къ декрету приложенъ точный реестръ „заплаты“, какую должна была получить „дивчина Марья“ отъ Ивана Божка: „корова една, якую сама сподобаетъ; овецъ пятеро; курта шиптуховая, барашками подшитая; ложникъ (перина) и подушка; плахта една, сорочокъ жовочихъ три, вамѣтокъ двѣ; чоботи чирвовы; поясъ штучковый; хлѣба на Божковыхъ нивахъ сама собѣ нажнетъ; а що рокъ служила, за тое особливо платити повиненъ“.

Такъ сравнительно недорого поплатился Божко за свой „смертельный“ грѣхъ.

—

Еще болѣе дешевою цѣною „вызволивъ“ изъ бѣды козакъ м. Соколки Процькъ Гончаренко своего сына, впавшаго въ тотъ же грѣхъ „вшетеченства“ съ его „служебкою“ Вовдотью Съдаковною. Эта бойкая и энергичная, но недостаточно строгихъ правилъ молодая вдовица, ставши въ 1683 г. предъ сотеннымъ Сокольскимъ судомъ, занесла такую „скаргу“:

— Мои ласкавіи панове! Мешкала-мъ въ Процька Гончаренка робою въ дому ёго,—жона ёго взяла мене прасты въ

домъ; мешкала-мъ часъ немалый и робыла-мъ, до чого ся умо-
вила. Аже чого ткнулось! Продыкъ Гончаренко зъ самую (т. е.
съ женою) къ Петру святому до Голтвы на ярмарокъ поихавъ,
а насъ зъ Семеномъ и зъ малымы дитьмы на господарствѣ по-
кынули. Теды Семень, сынъ Продыкивъ, ставъ зо мною гра-
тыся и жартоваты, а далій мене такъ идвивъ, що и грихъ изо
мною, якъ изъ жоною, до приызду старыхъ стройвъ. Уже й
стари приыхалы, а винъ того не переставъ: стари ся пощють
и не чуютъ, а винъ до мене въ ноци прыйдетъ и зо мною, такъ
якъ изъ жоною, блудъ чынячы, мешкаеть,—прави мене южь за
жону полецаетъ. Я ёму во всемъ до сыхъ часъ повольна була,
та уже стари постереглы и мене одъ себе отогвалы. А я уже
и непорожня зостаю: чую, що и дытына зачала, уже и ручкамы
и нижкамы ся въ жывоти шамотаетъ; а винъ мене, сыроту, зъ
ума звившы, ничымъ одбуваетъ. Я тилько Богу и вамъ опо-
вищаю, а якъ дытыну прыведу, Продыкови въ хату хочъ вик-
номъ выкну.“

Сотенный судъ м. Соколки на первый разъ ограниченъ
лишь тѣмъ, что велѣлъ записать жалобу потерпѣвшей „до
снаднѣйшой уваги, нѣмъ (пова) слушный доводъ станетъ.“ Въ
чемъ состоялъ этотъ доводъ—не извѣстно. Въ концѣ концовъ
дѣло поступило на рѣшеніе полковника Герцика, о приговорѣ
котораго узнаемъ изъ слѣдующей лаконической замѣтки въ
актовой книгѣ: „За тое чужеложство самъ Продыкъ Гончаренко,
вызволяючи сына своего Семена, привѣлъ коня и отдалъ до двору
полковничого.“ О вознагражденіи потерпѣвшей не говорится ни
слова. Весьма вѣроятно, что Вовдя и совсѣмъ не была признана
потерпѣвшей стороною; но въ такомъ случаѣ она, какъ соучастница
въ преступленіи, должна была подвергнуться наказанію наравнѣ
съ ея соблазнителемъ.

Вообще можно замѣтить, что случаи насильственного со-
жительства „господарей“ съ ихъ „челядницами“ были въ то
время такъ часты, что болѣе корыстолюбивые изъ полковниковъ
не находили даже нужнымъ подвергать ихъ формальному разбору

въ полковомъ судѣ, а прямо приказывали составлять опись имуществу виновныхъ и затѣмъ львиную часть изъ этого имущества брали себѣ въ видѣ судебной „вины“, а остальную часть распредѣляли между старшиной и дѣтьми виновнаго. Такъ поступалъ чаще другихъ полтавскій полковникъ Павелъ Герцикъ. Въ 1684 г. къ нему было прислано слѣдующее донесеніе изъ Кереберды, отъ тамошняго сотеннаго уряла:

„Мосци пане полковнику, нашъ милостывый пане и добродію! Прыточылась справа Богу мерзкая въ тій мири: жытель нашъ именемъ Дмитро, невесту (женщину) нанавшы на рикъ, яко свой челядницы изъ собою по пашню казавъ йихаты; въ которой дорози, запомнившы боязни Божои и встыду людского, міючы жону свою, зъ челядницею въ полю условне грихъ тиесный пополнывъ. Тоди тая невеста, ставшы передъ насъ, мовыла, що того жъ часу хотила свою зневагу оповисты, але Дмитро ій мовывъ: „якъ оповистышь, я худобою одбуду, а ты собою одбудешь“, и такъ не отпускаючы тіеи невесты, три мисяци зъ нею чужоложывъ и таковыми словами тую невесту потишавъ: „мила бь есы въ соби одъ мене зачаты, надарывшы тебе, въ ыншій городъ отвезу, або самъ зъ дому одъиду.“ За чымъ мы, чуючы ихъ Богу мерзкое дило, кавальсьмо ихъ до вязеня даты, и того чужоложынка перенывшы всю худобу, реестръ до вашои панской мылости посылаемъ и о науку вашности, нашого пана и добродія, просымъ: що міемъ зъ тымъ чужоложынкомъ поступиы?“

Герцикъ далъ такую „науку“: „за проступство помененого Дмитра, зъ реестру худобы оного, за выну, маеть буты прислано до двору полковничого: воловъ пять, лошакъ и ручныця зъ рогомъ (пороховницею); сотныкови Керебердянскому зо всимъ тамошнимъ врядомъ позволяемъ взяты: быковъ два, овецъ двадцять и дви и жупанъ сынній, а остатокъ худобы оного проступци составляемъ ёго дитямъ.“ О вознагражденіи потерпѣвшей челядницы въ этой резолюціи ничего не упоминается.

Изрѣдка случалось, что „наймычки“, изъ корыстныхъ или иныхъ побужденій, вводи́ли на своихъ хозяевъ и ложные извѣсты. Тогдашнее законодательство, карая смертью за изнасилованіе дѣвушки или женщины, вѣняло однако судьямъ въ обязанность точно удостовѣриться въ фактъ преступленія. По Лит. Статуту, подвергшаяся изнасилованію была обязана непременно „волатъ“, т. е. громко звать на помощь, и когда бы люди сбѣжались на ея крикъ, она должна была „оказати предъ ними знаки гвалту“ и затѣмъ, на судѣ, въ присутствіи этихъ свидѣтелей присягой удостовѣрить истинность своего обвиненія; если же потерпѣвшая не „водала“, между тѣмъ преступленіе происходило въ такомъ мѣстѣ, гдѣ люди могли бы слышать ея крики, то ея жалоба должна была почитаться голословной ¹⁾. Магдебургское право, повидимому, еще съ большимъ недоверіемъ относилось къ жалобамъ объ изнасилованіи. Оно также требовало „воланія“ и свидѣтелей преступленія; но хотя бы потерпѣвшая „съ распущенными волосами и въ разорванномъ платьѣ“ пришла на урядъ, жалуясь объ изнасилованіи и обязуясь доказать это показаніями свидѣтелей, слышавшихъ ея „воланіе“, а обвиняемый явился бы на урядъ раньше ея, и притомъ явился добровольно, не связанный и не пойманный, желая доказать свою невинность, то въ виду такого добровольнаго прихода ему предоставлялось преимущественное право „отвести“ присягою, при шести свидѣтеляхъ, отъ взводимаго на него обвиненія ²⁾. Козацкіе суды не были столь педантичны въ оцѣнкѣ доказательствъ въ такихъ дѣлахъ, но и они принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы убѣдиться, точно ли было совершено изнасилованіе, и въ случаѣ какаго-либо сомнѣнія признавали жалобу ложной, клеветнической и самихъ клеветницъ нерѣдко подвергали наказанію.

1) Лит. Статутъ 1588 г., разд. 11, арт. 12.

2) Jus Municipale, переводъ П. Щербача, арт. 38, глосса. Porząddek, изд. 1760 г., стр. 150.

Такой клеветѣ подвергся въ 1700 году нѣкій Кузьма, полтавскій житель, со стороны своей „служебки“ Орышки. Явилась она въ судъ въ сопровожденіи своей тетки, предъявила „знаки гвалту на кошулѣ“ и завесла жалобу, будто Кузьма ночью перенесъ ее сонную на свою постель и насильно „позбавилъ панянства“. На другой день вечеромъ она сообщила объ этомъ своей „господынѣ“, но Кузьмиха пообѣщала денежно вознаграждать ее, лишь бы она „того никѣму не ясыла“. Продавши нѣсколько дней обѣщанной „нагорѣды“ и убѣдившись, что хозяйка ее „ничымъ одбувають“, Орышка рѣшилась обратиться къ судебной защитѣ.

Противъ этой жалобы обвиняемый Кузьма такъ „вимѣрявся“ (оправдывался).

— Панове, невынны на мене ричи Орышка наносыть. А то такъ було. Прийшовшы я зъ поля пизно до господы, не заставъ господини (жены) въ дому, тылько дивеу та хлопцивъ два, и повечерявшы, веливъ Орышци постыль послаты на полу ¹⁾. Орышка зась, пославшы а ходячы по хати, говорыть: „Отъ беда, нигде мени лягты спаты“! Я жъ пишовъ у сини тютюну тягты, а хлопци въ хати, пидъ прывалкомъ къ печи, на земли полягали спаты. А я, потягшы тютюну, увійшовъ у хату, и лигши на свой постели на полу, мацнувъ къ стини, ажно дивка лежыть; и я, тилко за жывитъ ей пощупавшы, сказавъ: „Чого ты тутъ лягла? Коны бъ такъ кому молодому пидлизла пидъ бикъ, то не здорова бысь пишла“! и такъ ей зъ полу зигнавъ, и вона, вставшы, пишла и лягла на лави. А щобъ я ий що чынывъ, неправду вона говорыть. Богъ бы мене скаравъ! Невыннень я, панове, тому учынку, що вона на мене складаеть.

Для экспертизы были приглашены „стары невесты (женщины), добре на томъ значючися“, которыя, внимательно осмо-

¹⁾ Разумѣется извѣстная настьпка изъ досокъ въ малороссійской избѣ, которая и нынѣ называется «паломъ» и служить постелью для семьи.

грѣвъ предъявленную жалобщицею „кошулю“, единогласно заявили:

— Не есть то, панове, слушныи знакы гвалту, бо и не на тимъ мистци, де бѣ належало, и крови немає.

Послѣ этого судъ объявилъ декретъ: „поневажъ Орышка гвалту не вокала, и жадныхъ знаковъ певныхъ не показала, и свидѣивъ не поставыла, и передъ людмы таилась, и вже по трѣхъ дняхъ, колы їй нагороды не дано, тогди до суду зъ злосты объявила за побудкою титкы своеи“, то, руководствуясь 12 арт. 11 разд. Статута, судъ въ данномъ дѣлѣ не призналъ никакого „гвалту“ и за ложное обвиненіе „тую дивку Орышку скарати канчуками“ велѣлъ. „А помовленный (оговоренный) Кузьма отъ гвалту любо (хотя) и воленъ оставъ, однакъ не згола (не совсѣмъ), але маєт за тое, якъ самъ признався, що тую дивку за животъ пощупавъ, виною звыклою скаранъ буты“, т. е. уплатить обычный судейскій доходъ.

Бѣдному Кузьмѣ оставалось лишь пенять на себя за излишнюю откровенность.

20. Легкомысленная Любка.

Козакъ и житель сотеннаго города Кереберды Павло Набоченко отправился въ июнѣ 1698 г. въ Голтву на ярмарку, а дома осталась молодая его жена Любка съ его сестрой подросткомъ. Долго Павло ярмарковалъ, а когда возвратился домой, то сразу замѣтилъ, что съ Любкой случилось что-то неладное: не встрѣтила она его съ обычнымъ привѣтомъ, не смотритъ ему въ глаза, съ смущеніемъ принимаетъ его ласки и безпричинно плачетъ. Долго Павло безуспѣшно разспрашивалъ жену, не обидѣлъ ли кто ее, не случилось ли съ ней какой бѣды; она плакала и волновалась, но увѣряла, что ничего съ ней не случилось. Наконецъ Павло услышалъ отъ жены такое ужасное признаніе, что лучше бы и не слышать: оказалось, что въ его

отсутствие злой человѣкъ проникъ къ нему въ домъ и оповорилъ его на вѣки. По словамъ Любки, приходилъ къ ней Алексѣй Яковенко и, воспользовавшись тѣмъ, что она оставалась одна въ домѣ, насильно овладѣлъ ею.

Алексѣй Яковенко былъ извѣстный на всю Кереберду повѣса и «джигунъ», типъ того «вдовыченка», о которомъ и въ пѣснѣ поется:

Нема впыну вдовыному сыну,
Що звивъ зъ ума дивку сыротыну.

Онъ и въ дѣйствительности былъ сыномъ вдовы «значного» козака, имѣвшей значительный достатокъ и не чаявшей души въ своемъ «одынчикѣ». Ему уже перевалило за тридцать, а онъ все еще «паробкувавъ», не желая разставаться съ привольемъ и беззаботностью молодецкой жизни.

Пошелъ Павло Набоченко къ своему тестю Прокопу Дзыкгавому, рассказалъ о постигшемъ ихъ горѣ и сталъ «радытысь», какъ ему поступить съ обидчикомъ.

— А що жъ, сыну, будемъ позывати вражого сына до права: може жъ такы Богъ намъ поможе довесты, що сей шыбеныкъ побувае и въ кативскыхъ рукахъ.

Несмотря на то, что былъ праздникъ Петра и Павла, сотенный судъ открылъ присутствіе. Изъ урядниковъ въ немъ участвовали только сотникъ и городской атаманъ, и то оба наказные, за то много было «товарыства» и мѣщанъ, все людей «задныхъ и вѣры годныхъ». Между ними «згодѣвся» и мѣщанинъ кievскій Грыцько Гапоненко, пріѣхавшій за осетрами, которыми и въ то время славилась Кереберда, и приглашенный въ судебное засѣданіе, какъ членъ славнаго магистрата Киевскаго. Сюда же явился Прокопъ Дзыкгавый съ своимъ зятемъ и занесъ жалобу на Яковенка, «мовячы въ такіи слова»:

— Наши ласкавыи панове вряде! Трапылося буты зятеви моему зъ своею маткою на ярмарку въ Говтви, а Олексій Яковенко дочку мою згвалтывъ.

Какъ услышали «урядъ и товариство» такое «неужитое слово», то и въ ужасъ пришли. Кереберда былъ городокъ малый, и нравы въ немъ были патриархальныя. Случалось, что молодежь пошаливала съ «удовыцами» да съ «покрытвamy»; но чтобы кто изъ «молодыковъ» «зквалтывъ мужнюю жону» — о такомъ возмутительномъ проступкѣ еще не было слышно.

Немедленно приступили судьи къ производству «иневизиціи». Прежде всего позвали потерпѣвшую Любку Павлыху и спросили:

— Повидай намъ, небого, якъ тое Богу мерзкое дѣло учынилось?

Любка немного замаялась и стала рассказывать:

— А тое було такъ, панове. Трапылося буты мужови моему изъ маткою въ Говтви, на ярмарку, а дивчына, моя во-выця, одійшла по червецъ ¹⁾, ажъ тутъ Олексій Яковенко рано въ неділю, передъ Божою службою, прыйшовъ зъ Мыкытою Клыменкомъ и запытали мене, чы есть дома Павло. Я имъ отказала: «нема дома, на ярмарку». А вони, наклавши люльку, тягли (курили) обыдва. Клыменко жъ Мыкыта скоро пишовъ изъ хаты, а Яковенко заразъ взявъ мене пидъ плечи, понисъ у хыжу и на кровать кынувъ. Въ той же часъ я изійшла памяти (т. е. впала въ обморочное состояніе), а Олексій Яковенко вчынивъ мени квалтомъ грихъ телесный. Маячы такую жалость, пишла я до своего отца и плакала вельмы. Пытали мене панотець: «для чого ты плачешъ»? а я для такого встыду не признавалася до приызду мужевого. По обиди прыйшла я додому, тилко подала курятамъ йнсты и заразъ выйшла зъ хаты и на двори на колодкахъ лягла спаты, бо вже въ синяхъ боялася, щобъ мене ище тее не нагабало. И заразъ той же Яковенко зъ дякомъ одъ миста, черезъ тынь перелизшы, прыйшли

1) *Червецъ* — особаго рода насѣкомое (*coccus polonicus*), изъ котораго добывали кармазиновую краску для окрашиванія матерій. Въ старину сборъ и обработка червеца составляли широко распространенный въ Малороссіи промыселъ.

до хаты,—а я не спала,—и такъ говорыть дякъ: «Чы справды жь Павла нема»? а Яковенко каже: «нема, мы нацпышысь, мовыть, и пидемо заразы». И вйшли у хату. Клыкавъ Яковенко мене вилька разь по ймену, а я будто и не чую, а потимъ вйшовъ съ хаты, знайшовъ мене на колодкахъ и мовыть такъ: «иды въ сины». А я ёму одмовыла: «Якои ты чортовой матери сюда ходышь, або то до удовыци»? А винъ мени мовыть: «одже гирше тоби буде, колы я сылоу тебе визьму», и пишовъ у сины. Дяка вже справды не було. А я, що постылала мишокъ, покынула и лаючы зъ двору пишла; и винъ незабаромъ пишовъ. Третимъ разомъ того жь дня, у вечирь, доила я корову, а Мыкыта Клыменко прыйшовъ до ворить и пытается дивчыны; «чы ще нема Павла зъ ярмарку»? а вона одказала: «нема». И лєъ прысмеркло гараздъ, призвала я на ничь дивчыну, сестру Лукьянову, и обляглы спаты. И заразы почувла я, що коло хаты и коло синей и хыжи щось тучае, а далій прыйшовъ до синныхъ дверей, торгавъ вельмы, и що мы были пидперлы двери лопатую, то винъ поламавъ, и вшедшы въ хату, говорывъ зъ дивчатамы поночи, мовачы: «добрывечирь». Одказано ему: «здоровь». А винъ пытае: «Чы дома Павло»? Одказано: «Нема».— «Я жь, мовыть, возьму на люльку вогню и пйду». Ажъ дивчата кажуть: «Ни, не для вогню ты, але для Любки ходышь». А винъ: «Пйду жь я одъ вась». И якъ вйшовъ зъ хаты, то не йшовъ зъ двору, але ставъ пидъ синьмы, и пождавшы, нимъ (пока) поснутъ дивчата, продравъ стриху и друкомъ колотывъ у хыжу, а я ёму лаяла. Винъ похвалывся: «Ну постій же! тилько тоби на свити жыты!»—Поты мои мовы. Прочу вась, панове вряде, въ тимъ святомъ справедливосты».

Спросили и «дивчыну», Лукьянову сестру, ночевавшую у Павлыхи, при чемъ почему-то не позвали ее въ присутствіе, а посылали къ ней «зъ уряду людей зацныхъ»: Ивана Варенька и Ивана Зозулышыного брата, для допроса на дому. Свидѣтельница показала:

— Перше, завьдна, приходывъ на вывидкы Мыкыта Клыменко, пытався: чы дома Павло? А мы одказали: «нема». По-

тимъ прійшовъ Олексій Яковенко, одбивъ двери и поламавъ пидпоры; а мы, полаявши ёго, выгнали. Тоди винъ, выйшовшы съ хаты, пидъ хыжою прытаився, и скоро мы послулы, продравъ стриху и колотывъ въ хыжу друкомъ. И впятъ одогнали ёго зъ двора ласкою. Цоты мого признатя».

Тогда судьи обратились къ обвиняемому Яковенку и сказали ему:

— Скажи, чоловіче, по истынній самій правди: що тамъ було межъ вами?

Яковенко отвѣтилъ:

— Що жъ, панове уряде, якъ перше духовному отцеву росказавъ, такъ и вамъ мовлю. Рано, въ недилу, прійшовъ а зъ Клыменкомъ до Павловои хаты тютюну тягты, и потагнувши Клыменко выйшовъ съ хаты и стоявъ на воротахъ, а я Любку до того приводывъ, и вона мени повынылася, вчынывъ ій на постели грихъ телесный, тилько жъ не квалтомъ: сама вона пишла до хыжи. А Клыменко того не видае. По истынній самій правди мовлю. А що въ день и въ ночи приходывъ, и тому есть правда, бо сама мени приходытыказала».

Судьи въ недоумѣнні переглянулись и затѣмъ спросили вновь Павлыху:

— Чому жъ ты по тимъ квалти людимъ не оповидала?

— Що жъ, панове,—отвѣтила Любка: по истынній самій правди, въ той часъ не стямылася—одно изъ страху, вдруге—що береминна, а втретье за встыдъ; ажъ, за приздомъ, мужови своему сказала».

Этимъ и ограничилось предварительное слѣдствіе. Затѣмъ судьи постановили: «Не маючи мы способу такой судыты судъ, тилько испытаніе одъ обохъ сторонъ запысалысьмо и одсылаемъ справу до высокого панского (т. е. полковничьяго) суду».

А въ полковомъ судѣ это дѣло рѣшено было очень быстро. «По вычитаню всимъ въ слухъ инквизициі, на уряди Керебердянскомъ выведенои», и внимательномъ ея «вырозуминю», судъ не усмотрѣлъ въ дѣлѣ и признаковъ какого-либо «квалту», такъ какъ Любка «квалтомъ не водала, и сталося ей тое въ

день, а не въ ночи», и притомъ въ городѣ, «межи людьми», которые могли бы слышать ея «воланье»,—а призналъ лишь «самое ихъ обохъ порубство (прелюбодѣяніе) и самовольное призволенесе», а потому постановилъ: «абы оныя вшечечники Яковенко и Павлыха были выною пивяжною (денежною) скарани и вязенямъ долгимъ прынужени,—що ся и стало», прибавляетъ писарь, вписавшій декретъ въ актовую книгу.

Такъ была сравнительно мягко, вѣроятно изъ снисхожденія къ ея молодости, покарана «необачная» Любка, легкомысленно затѣявшая сыграть роль оскорбленной невинности.

21. „Нестатечная“ жена.

Полтавскій житель Яковъ Семененко женился на молодой вдовѣ съ дѣтьми Ганнѣ Горбанивнѣ, соблазнившись тѣмъ, что у нея было порядочное состояніе: и „грунты“, и скотина, и „господарство“ немалое. Бракъ оказался весьма неудачнымъ. Вѣроятно, часть вины за это лежала и на мужѣ; по крайней мѣрѣ Ганна имѣла какіе-то поводы неоднократно жаловаться на него полтавскому протопопу о. Лукѣ Симеоновичу, и тотъ дважды подвергалъ Якова карѣ—запиралъ его въ „коморку“ церковную, куда попадали большею частью чужеложники и прелюбодѣи, если на нихъ жаловались не свѣтскому, а духовному или братскому суду. Но затѣмъ и сама Ганна перестала „статковать“ (вести себя благоразумно), совсѣмъ отбилась отъ рукъ и стала открыто рвать супружескій союзъ съ мужемъ. Она неоднократно бросала семью, подолгу шаталась гдѣ-то „на Водолагахъ“, т. е. въ южной части Слободской Украины, и распродала свою „худобу.“ Яковъ Семененко, повидимому, примирился уже съ тою мыслью, что Ганна—не жена ему больше; но то обстоятельство, что она легкомысленно растрачивала оставшееся послѣ перваго мужа состояніе, сильно его озабочивало: выростутъ ея дѣти и отъ него же, какъ отъ мужа

ихъ матери и естественнаго ихъ опекуна, потребуютъ отчета, куда дѣвалась ихъ „батькивщина.“ Чтобы обезпечить себя отъ этой отвѣтственности, Семененко въ октябрѣ 1693 года позвалъ свою жену въ полковный судъ и такъ „скаржился“ на нее:

— Панове! Появѣ я соби въ станъ малженскій Ганну Горбанивну Процыху, невестку Сорокового, и що було ей внесеня (приданого), тое въ опатрности мил-емъ. Аже теперъ, зъ якогось наущенія бисовского, подвакrotnie оная жона моя, уступуючы закону, стану малженского, тулялася одъ мене по Водолагахъ и не вимъ де, а тѣи свои добра мѣючы за внесеня, рознымъ людемъ попродавала, и товару рогатого коровъ двѣ, и кгрунта розны, яко то и Пархоменкови Исаеви за пятьдесятъ золотыхъ продала, о чимъ я не видаю. А що билше, терпивъ я, за ей опачнымъ вданямъ (по ложному доносу) отъ ёго милосты отца протопопа полтавского, отъ отца Луки Семеновича вязеня подвакrotnie въ коморци, а то ей власне перядъ (ея распутство). Прошу въ тимъ, панове, рачте (благоволите) милость ваша, моихъ скаргъ выслухавшы, абы я не бувъ турбованый одъ потомкивъ жоны моеи Ганны.

Не извѣстно, что говорила въ оправданіе своей „нестатечности“ присутствовавшая здѣсь Ганна, но она „не тайлася“, что „добра свои сама на свѣй пожитокъ обернула“.

Хотя стороны не просили о расторженіи ихъ брачнаго союза, но судьямъ невольно пришло на мысль, что этой парѣ всего приличнѣе было бы разойтись подобру, поздорову. Но именно потому, что просьба о разводѣ ни одной изъ сторонъ не была заявлена, безъ чего свѣтскій судъ не могъ расторгать законныхъ браковъ, судьи постановили декретъ: „Не мѣючы власти на роспустъ свицкій (т. е. учинить разводъ помимо духовнаго суда), велильсьмо Якову и Ганни статечне въ стани малженскимъ похристіанску жыты; а выдачы, що Якивъ внесенямъ жоны своей абынамній (нимало) не завладивъ и не стерявъ ничего, тилко сама реченая Ганна Горбанивна на свѣй пожитокъ обернула и потомкамъ своимъ утратыла, оного Якова отъ внесеня Ганныного въ тимъ вольного чынымъ и въ потомные часы, ижъ (что) не мѣгъ

узматы отъ потомкѣвъ Ганцшыныхъ, Проценкѣвъ, жадныхъ турбаціѣвъ, подѣ уложенямя выны суду духовному таларивѣ сорокъ, на ана полковника полтавского таларивѣ сорокъ, а на врьдѣ миській полтавскій таларивѣ двадцать.“

Не совсѣмъ понятно, почему денежная „зарука“ за нарушеніе давнаго декрета была положена, между прочимъ, и въ пользу суда духовнаго. Обыкновенно такъ дѣлалось лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда лицо, котораго это могло касаться, или самое дѣло подлежало компетенціи духовнаго суда; но иски о наслѣдствѣ къ компетенціи этого суда не относились.

Ор. Левицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. А. КУЛИШЪ.

(*Біографическій очеркъ*). ¹⁾

XIX.

Получивъ снова полныя гражданскія права, Кулишъ немедленно посѣшилъ, конечно, оставить Тулу и перебраться въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ получилъ должность. При первомъ свиданіи съ родными послѣ Тулы, Кулишъ былъ встрѣченъ съ величайшимъ восторгомъ; старая бабушка жены Кулиша, нѣкогда при слухѣ объ арестѣ простоявшая весь молебенъ на колѣняхъ, горько рыдая, теперь при радостной встрѣчѣ бросилась цѣловать руки Александры Михайловны. Какъ выздоровленіе послѣ тяжкой болѣзни бываетъ источникомъ величайшихъ наслажденій, такъ точно необычайное счастье охватило Кулиша послѣ освобожденія отъ ссылки, что было вполне естественно при его энергіи, жадѣ дѣятельности и скромныхъ требованіяхъ отъ жизни. Въ Тулѣ онъ трудился по цѣлымъ днямъ, и если не предавался любимымъ литературнымъ трудамъ, то работалъ на верстакѣ, занимался рисованьемъ и гальванопластикой. И всѣмъ этимъ Кулишъ занимался съ увлеченіемъ, а жена его исполняла домашнія работы, помогала мужу, въ чемъ могла, и

¹⁾ См. Киев. Ст. № 4

переписывала его рукописи. При такомъ необычайномъ трудолюбіи и самоограниченіи, а особенно при сознаніи еще богатыхъ „свѣжихъ силъ“, оба супруга бодро смотрѣли въ будущее; къ тому же, самыя требованія ихъ отъ жизни были легко осуществимы, при условіи только устраненія внѣшнихъ стѣсненій.

Еще въ концѣ своей жизни въ Тулѣ, лишь-только на горизонтѣ загорѣлась заря близкаго освобожденія, Кулишъ уже рисовалъ въ своемъ воображеніи привлекательныя перспективы, хотя и старался принимать на себя видъ равнодушія: „я теперь сдѣлался великимъ философомъ, такъ что равнодушно ожидаю переменныя обстоятельства“, писалъ онъ женѣ: „Они не могутъ не перемениться, но когда—это меня мало занимаетъ. Мало-численность нашей семьи заставляетъ меня безопасно думать о будущемъ: много ли надобно двоимъ? Жизнь коротка; надобно въ ней какъ можно больше уловить счастливыхъ ощущеній. Кто умѣлъ наслаждаться въ душѣ чаще и больше другихъ, тотъ и мудрецъ, тотъ понялъ цѣну жизни. Всѣ другіе—жалкіе люди. Мнѣ теперь представляется чудная перспектива въ будущности, потому что я въ уединеніи и въ удаленіи отъ людей успѣлъ освободиться отъ нѣкоторыхъ предубѣжденій и желаній. Именно: если мнѣ дадутъ хорошее мѣсто по службѣ, буду служить, но не карьера къ возвышенію, почестямъ и богатству будетъ моею цѣлью. Оставляю всѣ лишніе труды, сброшу съ плечъ всѣ чиновническія обязанности въ отношеніи къ начальству, удалюсь отъ всѣхъ безполезныхъ знакомствъ и все свое время отдамъ однимъ искусствамъ; постараюсь въ живописи сдѣлать шагъ, котораго не достааетъ мнѣ, чтобы быть художникомъ, займусь скульптурою, займусь музыкою; стану читать только такія книги, которыя будутъ улаждать мою душу, не обременяя памяти и не томя разсудка; стану учиться кротости и умѣнью ни на кого ни за что не сердиться. Право, мнѣ кажется, что я буду съ такимъ порядкомъ жизни и образомъ мысли счастливѣйшимъ изъ смертныхъ“. Сколько въ этихъ словахъ юношеской бодрости! сколько волшебной заманчивости въ самой неопредѣленности

судьбы въ молодые годы, когда будущность представляется какой-то несмѣтной сокровищницей и грудь дышитъ вольно и радостно!

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Кулишъ какъ бы возродился къ новой жизни; все рисовалось жизнерадостному взору въ самомъ лучезарномъ свѣтѣ, и онъ не могъ нахвалиться ни самой столицей, ни даже нанятой квартирой и всей вновь заведенной обстановкой. Еще въ прежніе годы Пантелеймонъ Александровичъ сильно любилъ Петербургъ, но теперь къ этому присоединилось еще благодатное чувство нравственнаго удовлетворенія, которое окрашивая все въ розовый цвѣтъ, еще болѣе возвышало въ его глазахъ достоинства столицы. „Викторко расскажетъ вамъ“— писала Кулишъ тещѣ,—„какая теперь у насъ прекрасная квартира, хотя мы платимъ только 206 рублей серебромъ въ годъ (съ водою, но безъ дровъ); мебель у насъ, могу сказать, такая, что вы не найдете ни въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ домовъ въ борзенскомъ уѣздѣ; но все это куплено не вдругъ и не по самому старательному выбору. Многое нужно было привести въ надлежащій видъ послѣ покупки, и это мнѣ стоило не малыхъ хлопотъ, но зато мало-по-малу устраиваемъ себѣ комфортъ, какого только можетъ пожелать цивилизованный человѣкъ... Сторы вышли образцовыя. Комнаты хотя меблированы и снабжены всѣмъ необходимымъ, но далеко не доведены еще до того совершенства, въ какомъ они будутъ со временемъ. Такъ, напримѣръ, плющъ обвиваетъ у насъ только одно окно, а надобно, чтобы по всѣмъ стѣнамъ, гдѣ окна, была раскинута кудрявая зелень... Въ Петербургѣ можно достать богатѣйшія вещи, имѣя постоянно запасныя деньги и пользуясь разными представляющимися неожиданно случаями. Этой системы я рѣшился держаться, и увѣренъ, что у насъ со временемъ все, относящееся къ удобству и пріятностямъ жизни, будетъ въ самомъ лучшемъ видѣ.“ Въ эту минуту Кулишъ до такой степени былъ счастливо настроенъ, что душевное довольство его ярко отражается почти въ каждомъ письмѣ. Онъ готовъ прославлять не только удобства интеллектуальной жизни въ столицѣ, но

даже погоду и удачныя мелкія покупки. Однажды онъ съ восторгомъ писалъ В. М. Бѣлозерскому: „Мы благоденствуемъ! Какое солнце свѣтитъ въ наши окна и играетъ по полу, по книгамъ и по стѣнамъ тѣнью плущей! Эта осень будетъ достопамятна для Петербурга... Въ книжномъ царствѣ я нашель, и купилъ нѣсколько очень нужныхъ книгъ и притомъ очень дешево“. Заботы о внѣшнемъ комфортѣ были теперь пріятны уже потому, что дѣло касалось постоянного устройства на опредѣленномъ мѣстѣ. ¹⁾

Недостатокъ въ книгахъ и въ живой бесѣдѣ съ людьми, интересующимися наукой и особенно прошлымъ Украины, сильно чувствовался во время пребыванія въ Тулѣ, и это неудобство, разумѣется, также совершенно исчезло въ Петербургѣ, когда Кулишъ снова получилъ доступъ во все архивы и бібліотеки. Прежде ему приходилось съ трудомъ выписывать самыя необходимыя книги черезъ В. М. Бѣлозерскаго и Бодянскаго ²⁾. До какой степени Кулишъ могъ себя чувствовать и въ этомъ отношеніи удовлетвореннымъ по переѣздѣ въ Петербургъ и какъ онъ этимъ воспользовался, мы можемъ видѣть изъ слѣдующихъ словъ составленной для насъ записки о знакомствѣ съ нимъ одного изъ близкихъ пріятелей, художника Л. М. Жемчужникова. ³⁾ Вотъ что пишетъ г. Жемчужниковъ: „Познакомился я съ нимъ въ началѣ пятидесятихъ годовъ, какъ и черезъ кого—не помню. Въ то время онъ былъ въ загонѣ у правительства и не имѣлъ права писать статьи, и помѣщалъ свои замѣтки, статьи и повѣсти не подъ своимъ именемъ, но подъ именемъ Николай М.

¹⁾ Уже въ Тулѣ у Кулиша явилась мысль о пріобрѣтеніи домика и фортепіано.

²⁾ И даже журналы, издаваемые его друзьями, какъ напр. „Современникъ“ и „Чтенія въ Московскомъ Обществѣ исторіи и древностей“ доставлялись ему неаккуратно; по самому незначительному поводу надо было кого-нибудь просить, давать порученія.

³⁾ См. также въ письмахъ И. С. Аксакова. «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», т. III, стр. 40 42.

(Это былъ Николай Яковлевичъ Макаровъ, человекъ чрезвычайно хорошій, добрый и благородный, принимавшій въ Кулишъ горячее участіе, а такъ какъ онъ былъ близокъ къ старикамъ Кочубеямъ, Демьяну и Александру Васильевичамъ,¹⁾ то пользовался ихъ вліяніемъ, чтобы облегчить судьбу Кулиша.) Я познакомился съ Пантелеймономъ Александровичемъ въ Петербургѣ. Жилъ онъ скромно, и я нашель въ немъ то, чего искала моя душа, горячо полюбившая Малороссію со всею ея исторіей, пѣснями, обычаями, одеждой,—словомъ, полюбилъ въ ней все, все безъ исключенія. Кулишъ посѣщаль меня рѣдко въ моей уединенной, такъ сказать секретной, мастерской, въ саду на Васильевскомъ Острову. Тамъ онъ мнѣ читаль свои произведенія, думы народныя, и мы вдвоемъ засиживались нерѣдко за полночь. Въ это время онъ подарилъ мнѣ „Исторію Малороссіи“ (имѣ написанную маленькую книжку), и думы, собранныя имъ въ послѣдовательномъ порядкѣ. То и другое предназначалось пустить въ народъ и публику, но то и другое цензурой не было до этого допущено. Экземпляры же, къ сожалѣнію, у меня сгорѣли въ числѣ многихъ, составляющихъ теперь рѣдкость.

XX.

Изъ предыдущаго видно, насколько Кулишъ былъ удовлетворенъ новой обстановкой и измѣнившимися условіями жизни. Это внутреннее удовлетвореніе оказало самое благотворное вліяніе на его дѣятельность, и въ томъ числѣ служебную; по протекціи А. В. Кочубея и П. А. Плетнева, онъ получилъ вскорѣ должность редактора статистическаго отдѣленія²⁾, которой по

1) Черезъ мать своей жены.

2) По официалънымъ даннымъ, Кулишъ былъ перемѣщенъ въ департаментъ сельскаго хозяйства 24 іюня 1851 года, а должность редактора статистическаго отдѣленія занималь съ 1 іюля 1851 года по 22 октября 1852 года и уволенъ отъ службы по прошенію, вслѣдствіе болѣзни, 11 февраля 1854 года.

своей натурѣ отдавался съ увлеченіемъ. Служба казалась ему нетрудной, но въ Отдѣленіи, при его вступленіи, дѣла оказались сильно запущенными, такъ что явилась необходимость „привести дѣла его въ порядокъ и наблюдать за трудами подвѣдомственныхъ чиновниковъ“. Новость эта была не особенно пріятной для его жены, привывшей постоянно дѣлать съ нимъ все свое время, живя общими съ нимъ интересами. Но здѣсь на помощь явилось искусство: было куплено давно страстно желаемое фортепяно, и она могла вполнѣ предаваться своей любви къ музыкѣ. И долго не могъ Кулишъ привыкнуть къ выгодамъ своего новаго положенія, восхищаясь имъ. Жажда дѣятельности заговорила въ немъ съ необыкновенной силой: мало того, что онъ занимается службой, совмѣстнымъ съ женой чтеніемъ классическихъ произведеній всемірной литературы, гальванопластикой, живописью, — онъ постоянно находится въ движеніи и не забываетъ мелочей окружающей обстановки, посвящая крохи свободнаго времени улучшенію своего скромнаго домашняго комфорта, устраивая все вокругъ по своему вкусу. Въ каждой строкѣ писемъ чувствуется, что человекъ ожилъ и природная энергія вновь забила въ немъ ключемъ, сообщаясь невольно и окружающимъ. Подъ вліяніемъ Кулиша жена его много читаетъ, изучаетъ французскій языкъ, а самъ Кулишъ, уже въ Тулѣ энергично предавшійся изученію итальянскаго и нѣмецкаго языковъ, находитъ еще время изучать англійскій языкъ, слѣдуя въ этомъ случаѣ какъ собственному влеченію, такъ и доброжелательнымъ совѣтамъ Костомарова, который также склонялъ его къ изученію древнихъ языковъ. Въ одномъ письмѣ Костомарова къ Виктору Бѣлозерскому еще въ 1848 г. находимъ между прочимъ слѣдующія строки: „Если будете писать Кулишу и Василю Михайловичу, передайте обоимъ отъ меня искреннѣйшее желаніе всякаго земнаго счастья и нравственнаго совершенства, да сверхъ того Кулишу совѣтъ мой заняться древними языками, въ особенности греческимъ: Пантелеймонъ Александровичъ, безспорно, созданъ для изящной литературы, слѣдовательно лучше не можетъ онъ употребить вре-

мени своего изгнанія, какъ на образованіе вкуса, который ничѣмъ такъ не улучшается, какъ правильнымъ изученіемъ античнаго міра и чтеніемъ вѣковыхъ изящныхъ произведеній, заслуживающихъ справедливое удивленіе народовъ“¹⁾. Что Костомаровъ хорошо понималъ и цѣнилъ дарованія своего друга и умѣлъ правильно опредѣлить его призваніе, это несомнѣнно, но относительно греческаго языка совѣтъ Костомарова не былъ имъ выполненъ въ той степени, въ какой это представлялось необходимымъ послѣднему. Кулишъ, превосходно изучившій, кромѣ русскаго и малороссійскаго языка, также польскій, прѣмецкій, французскій и знавшій языки латинскій, итальянскій, англійскій, еврейскій и испанскій, значительно меньше былъ знакомъ съ греческимъ языкомъ.

Возвращаемся къ прерванному разсказу. Мы видѣли, что Кулишъ вновь нашелъ смыслъ и радость существованія и наслаждался дѣйтельной жизнью, какъ необыкновеннымъ райскимъ счастьемъ. Заботясь о покупкѣ фортеціано, выписывая интересующія его книги, штудиря англійскій языкъ, онъ убѣжденъ былъ, что все это дѣла, не терпяція отлагательства, и что „хорошо бы было выиграть даже недѣлю при наступившей чудной погодѣ и при такомъ расположеніи жены къ музыкѣ, а меня къ джонбулизму“. Весной слѣдующаго (1852) года, поздравляя тещу съ празникомъ Пасхи, Кулишъ пишетъ: „у насъ, слава Богу, всегда весело. Погода началась весенняя, и мы помышляемъ о дачѣ. Дача имѣетъ въ Петербургѣ особенную прелесть. Несмотря на сѣверный климатъ, нигдѣ вы въ Малороссіи не увидите, какъ здѣсь, столько цвѣтовъ на дачахъ. Люди здѣсь болѣе умѣютъ дорожить благотворною теплою солнца и самыми лучшими цвѣтами. Здѣсь стоитъ только заплатить деньги—такъ и принесутъ и приберутъ такъ, какъ самому не придеть и въ голову. Мы же, слава Богу, въ деньгахъ не нуждаемся и имѣемъ ихъ довольно не только на необходимое, но и на разныя удовольствія“. Вскорѣ, однако, Кулишъ долженъ былъ отка-

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1897, X, 133.

заться отъ такого безусловнаго прославленія Петербурга: „Благословенный Петербургъ, если-бъ только онъ не стоялъ въ болотѣ!“—говорить онъ: „но жалкое мѣсто здѣшнее просто мучительно: невозможно описать томленіе, которое овладѣваетъ моею душою, когда я вижу первые пожелтѣвшіе листья, тогда какъ лѣто только обѣщало наступить, но не наступило. Деревья остаются жидкими до самой осени, какъ у насъ бываетъ раннею весною. Вотъ что всего убійственнѣе для человѣка, который работалъ всю зиму и желаетъ лѣтомъ освѣжить силы въ прохладѣ садовъ и рощъ. Здѣсь есть только сырость, а прохлады нѣтъ“.

XXI.

Въ своемъ свѣтломъ, ликующемъ настроеніи Кулишъ съ особеннымъ участіемъ помнилъ о томившихся въ ссылкѣ друзьяхъ и съ обычной теплой отзывчивостью относился къ нуждамъ тѣхъ, кому случалось обратиться къ нему съ какой-нибудь просьбой, въ особенности если дѣло касалось историко-литературныхъ интересовъ или лицъ, имъ служившихъ.—Въ этомъ отношеніи у Кулиша рано выработался принципъ, постоянно высказываемый имъ, когда что-либо подавало къ тому поводъ,—что въ интеллектуальномъ трудѣ эгоистическіе интересы личной выгоды и репутаціи должны уступать мѣсто безкорыстному служенію общему дѣлу, служенію идеѣ.¹⁾ У него были любимыя изреченія, имѣвшія прямое или косвенное отношеніе къ этому принципу, какъ напр. „жатва многа, а дѣлателей мало“, „*magna est veritas et praevalebit*“²⁾ и проч. Въ силу этого принципа онъ употребилъ

1) Впрочемъ, случалось Кулишу волноваться по поводу недоразумѣнія съ Срезневскимъ, изъ-за украинскихъ иѣсенъ, записанныхъ первымъ и будто-бы присвоенныхъ послѣднимъ.

2) Однажды Кулишъ такъ высказался въ этомъ отношеніи: «будущее время постоитъ само за себя; не бойтесь: его не собьете разными воззрѣніями, ибо *magna est veritas et praevalebit*. См. Кіев. Стар. 1897 г., X, 396, а также XII, 437.

въ продолженіе своей жизни массу времени на труды безыменные, совершенно безкорыстные во всѣхъ отношеніяхъ. Каждый развитой и не чуждый высшихъ интересовъ начинающій писатель, ученый, интересующійся дѣломъ студентъ—свободно могли найти благосклоннаго и доброжелательнаго брата. Это часто чувствуется въ самомъ тонѣ упоминаній о Кулишѣ разныхъ лицъ. ¹⁾

XXII.

Лѣтомъ 1852 года удалось Кулишу осуществить свое давнее завѣтное желаніе погостить съ женой у тещи въ Малороссіи. Въ это время у него и у жены мелькала даже мысль совершенно оставить Петербургъ и переселиться навсегда въ Малороссію. Въ объясненіе этого обстоятельства слѣдуетъ замѣтить, что отношенія Кулиша къ Петербургу и Малороссіи всегда отличались замѣчательной переменчивостью. Такъ, 9 марта 1853 года онъ извѣщалъ Бодянского о своемъ намѣреніи переѣхать навсегда въ Малороссію, а 23 октября того же года *ему же* писалъ, что онъ никогда не будетъ въ состояніи оставить Петербургъ. Точно также и теперь (въ 1852 г.) онъ рѣшилъ покинуть Петербургъ, причемъ сборы его были такъ энергичны и успѣшны, что жена Кулиша писала: „Половина мебели уже уложена, ожидаемъ погоды. Плетневы завидуютъ намъ,

¹⁾ Такъ, въ письмѣ одного студента петербургскаго университета, Алексѣя Тихменева, напечатанномъ въ «Кіевской Старинѣ», читаемъ слѣдующія строки, мимоходомъ рисующія отношенія Кулиша къ этому юношѣ: «Пантелеймонъ Александровичъ, знакомствомъ котораго и имѣю честь пользоваться, и Василій Михайловичъ, котораго я на дняхъ имѣлъ удовольствіе видѣть у Пантелеймона Александровича, ободряли меня и заставили рѣшиться написать вамъ это письмо, увѣривъ меня, что вы благосклонно примете его и почтите меня вашимъ отвѣтомъ, оживленнымъ участіемъ къ Николаю Ивановичу и Татьянѣ Петровнѣ Костомаровой». (См. «Кіевскую Старину», 1897, X, 140).

что мы уѣзжаемъ, и удивляются искусству Пантелеймона Александровича укладывать мебель“ 1) и проч. Поѣздка въ Малороссію была для Кулиша источникомъ давно неиспытанныхъ любимыхъ наслажденій, которымъ онъ предавался теперь отъ всей души. Съ необыкновенной живостью и съ поэтическимъ воодушевленіемъ описываетъ онъ прелесть своей горячо любимой родины въ письмѣ къ Н. Д. Бѣлозерскому: „Что за чудный климатъ въ этой сторонѣ! Здѣшній воздухъ имѣетъ въ себѣ что-то подобное Пушкинскому „ключу забвенія“, который... „слаще всѣхъ жарь сердца утолить“. Ѣдешь степью, по дорогѣ, ровной какъ столъ, дышешь полной грудью, довѣрчиво дышишь... и ничего не желаешь. Вѣдь это чудное состояніе души—не желать ничего!... Ничего не помнишь, ни о чемъ не жалѣешь, чувствуешь только, что жизнь, т. е. простое ощущеніе бытія—драгоценнѣйшій даръ Провидѣнія, источникъ всѣхъ радостей, всѣхъ поэтическихъ движеній сердца. Это сознаешь постоянно, подъ вліяніемъ живительнаго движенія степного воздуха и полного произвола въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ городахъ, и особенно въ большихъ городахъ, гдѣ люди оспариваютъ другъ у друга каждый шагъ и на нѣсколькихъ квадратныхъ саженяхъ строятъ тысячи своихъ затѣй, отрекшись отъ простой природы, вытѣснивъ ее совершенно душною цивилизаціей,—человѣкъ никогда не добудетъ этого чувства изъ-подъ груды разныхъ ощущеній, бременящихъ его сердце.. Петербургъ опротивѣлъ мнѣ, наконецъ, смертельно. Не умѣю вамъ рассказать, какъ я тосковалъ по своимъ густымъ широкопуннымъ деревьямъ, глядя на жидкія березы и липы, на печальныя ели петербургской природы. Зато теперь я упоенъ до пресыщенія шумомъ украинскихъ дубровъ. И нигдѣ, кажется, онѣ такъ

1) Въ слѣдующемъ году были такіе же сборы. 13 апрѣля 1853 г. Кулишъ опять писалъ Бодянскому: «Мы собираемся въ путь-дорогу съ тѣмъ, чтобы прожить въ Малороссіи лѣто, зиму и лѣто. Сборы наши будутъ длинны, потому что мы отправляемъ въ Малороссію лучшую мебель, книги и разныя вещи.» («Кіевск. Стар.», 1897, XI, стр. 270).

не хороши, какъ въ Лубнахъ и ихъ окрестностяхъ. Собственно городъ, т. е. главная улица въ Лубнахъ, съ базаромъ, аптекою и проч. имѣеть пошлую наружность, но лишь своротите въ сторону, въ тѣ улицы или, лучше сказать, захоlustья, съ которыми *порядокъ* не въ силахъ справиться, вамъ представляется множество самыхъ романическихъ скатовъ, съ живописными мазанками, съ природными роцями и, кажется, также природными садами, съ разнообразными тропинками, плетнями, перелазами, и все это подѣлено на такіе картинные планы, которыхъ никогда не выдумать воображенію художника. Для меня всего утѣшительнѣе здѣсь этотъ дикій беспорядокъ линіи, эта безопасная неправильная жизнь на распахку, это странное смѣшеніе грязнаго и убогаго съ роскошнымъ и блистающимъ. Кажется, эти мягкіе клены не горѣли бы такъ ярко на солнцѣ вдоль стѣны богатаго дома, какъ надъ ветхимъ корытомъ, у котораго толются коровы и босые, въ лохмотьяхъ, пастухи“...

Такъ живо отражается художественная натура Кулиша въ его письмахъ. Читая ихъ, не только живо и ясно представляешь себѣ описываемое, но переживаешь и впечатлѣнія, и чувства автора-художника,—до такой степени прозрачно и отрадно свѣтится въ каждомъ словѣ чистое, счастливое настроеніе его души, такъ все это согрѣто любовью и свѣтлымъ, задушевнымъ сочувствіемъ. И ко многому, что, можетъ быть, не обратило бы на себя ни малѣйшаго вниманія зауряднаго и болѣе равнодушнаго наблюдателя, поэтически настроенный Кулишъ относится съ живымъ участіемъ, умѣя мыслящимъ взоромъ находить достопримѣчательное въ предметахъ, повидимому, самыхъ обыкновенныхъ. По поводу какой-нибудь незначительной встрѣчи съ слѣпцомъ-нищимъ онъ въ частномъ, случайно сохранившемся письмѣ, даетъ цѣлый художественно-этнографическій очеркъ, который мы позволимъ себѣ здѣсь привести. „Устроивъ кое-какія дѣла въ Лубнахъ, пустились мы далѣе въ степи. Первый предметъ, привлечшій къ себѣ мое вниманіе на пути нашемъ, былъ нищій—слѣпецъ, просившій милостыни, сидя надъ дорогой. Здѣсь нищіе поють, а не говорятъ свою просьбу, и Лубенскій уѣздъ славится

трогательностью этого рода напѣвовъ. Слѣпецъ сидѣлъ подъ горою, и я, поднимаясь медленно вверхъ, долго слушалъ его стихи, направленные на чувствительность прохожихъ. Будучи горожаниномъ и человѣкомъ, что называется, цивилизованнымъ, я не вдругъ поддался его просьбѣ. Мы, жители Петербурга, нищихъ не терпимъ, и не терпимъ подѣломъ, но напѣвъ лубенскаго старца до того проникнулъ въ мое сердце, что и остановилъ лошадей на горѣ и сбѣжалъ внизъ, чтобы подать ему милостыню. Случилось, что вслѣдъ за нами ѣхали съ ярмарки нѣсколько телегъ. Нищій, слыша стукъ колесъ, не переставала напѣвать свое воззваніе къ состраданію ближнихъ, и я записалъ его вопль въ своей книжкѣ. Меня плѣнила эта естественная поэзія чувства, не прибѣгающая ни къ какимъ украшеніямъ. 1) Нищій объясняется съ вами здѣсь благородно и убѣждаетъ васъ удѣлить ему отъ своего избытка съ такимъ достоинствомъ, какъ и тѣ люди, которые сдѣлались нищими для спасенія міра отъ пагубнаго эгоизма. По крайней мѣрѣ, я былъ пораженъ человѣчностью его плача“.

Наконецъ, Кулишъ съ любовью сына Украйны описываетъ приднѣпровскую равнину: „Кругомъ пустыня и безмолвіе. Здѣсь можно задуматься глубоко—ничто не помѣшаетъ. Ёдемъ десять, двадцать, пятьдесятъ верстъ—только небо да земля. Небольшія удоля, могилы, хутора и скирды сѣна въ степи исчезаютъ въ огромныхъ размѣрахъ площади, со всѣхъ сторонъ замкнутой небосклономъ. Наконецъ, на краю горизонта, вырѣзывается разорванная гряда синихъ холмовъ. Это заднѣпровскія горы—отдаленный предѣлъ нашей поѣздки. Онѣ кажутся берегами острова, омываемаго золотисто-зеленымъ океаномъ. Съ минуты ихъ появленія перестаешь вглядываться въ пастушьи хижины, съ двумя-

1) Ср. съ этимъ впечатлѣніемъ отъ малороссійскихъ нищихъ у И. С. Аксакова («И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», т. III стр. 80: «Очень жалѣю, что я не музыкантъ, а то бы непременно положилъ на музыку ихъ пѣніе, совершенно отличное отъ пѣнія нашихъ нищихъ и довольно пріятное»).

тремя деревьями вокругъ, въ стада овецъ, рогатаго скота и лошадей, которыя кажутся брызгами другихъ красокъ, случайно упавшими на широкіе мазки великанской кисти. Тутъ еще миниатюрнѣе дѣлаются слѣды человѣческой дѣятельности въ этомъ, можно сказать, необитаемомъ краю. Для путника, незнакомаго съ нимъ, синяя кайма горъ, выглядывающихъ изъ-за обрѣза степи, кажется великанскимъ лѣсомъ, поднявшимся внезапно на безлѣсной равнинѣ; а бывалому они напоминаютъ роскошную панораму низменной днѣпровской равнины, извивающейся вдоль огромнаго ряда горныхъ пейзажей, нежели какой существуетъ гдѣ-либо въ картинныхъ галлереяхъ. Днѣпръ для меня здѣсь кажется чѣмъ-то священнымъ и возбуждаетъ во мнѣ чувство, близкое къ фетишизму“.

XXIII.

Красота малороссійской природы снова пробудила въ Кулишѣ стремленіе пріобрѣсти себѣ уютный уголокъ на родинѣ. Въ бытность свою въ Тулѣ, не будучи въ состояніи слѣдить лично за ходомъ дѣлъ въ деревнѣ и опасаясь злоупотребленій, о которыхъ не разъ доносились до него слухи, Кулишъ задумалъ, такъ сказать фиктивно, продать свое имѣніе отцу своего школьнаго товарища Чуйкевича съ тѣмъ, чтобы онъ не отказался перепродать его, когда, наконецъ, будутъ возвращены изгнанникамъ ихъ гражданскія права. Подъ впечатлѣніемъ малороссійской поездки Кулишъ, какъ мы видѣли, уже не одобряетъ петербургской весны, похожей развѣ на малороссійскую осень; теперь онъ хвалитъ уже преимущественно тамошнюю зиму. Ему очень понравилось изящное помѣстье на Михайловой горѣ,¹⁾ но о покупке его нечего было и думать, и пришлось, спрятавъ въ карманъ свои эстетическія увлеченія, помириться на чемъ-нибудь болѣе

¹⁾ Хугоръ М. А. Максимовича на берегу Днѣпра, въ Полт. губ., Золотонош. у.

доступномъ и скромномъ. „Жаль мнѣ Михайловой горы!“ — писалъ онъ, — „но она только брала бы съ насъ деньги, а намъ ничего, кромѣ эстетическихъ впечатлѣній, не доставляла. Здѣсь же мы будемъ имѣть независимый кусокъ хлѣба. Такъ-то я, при всей привязанности ко всему изящному и поэтическому, долженъ иногда отдавать преимущество холодной разчетливости, и хороший черноземъ съ сѣнокосами и лѣсомъ предпочесть живописнымъ, но голоднымъ мѣстамъ. Будь у меня сто тысячъ въ карманѣ, я бы половину положилъ въ банкъ, а на другую построилъ бы себѣ на Михайловой горѣ итальянскую виллу; но, какъ такового количества денегъ, волею судьбы, въ моемъ карманѣ не обрѣтается, то я долженъ спуститься до смиреннаго пахарскаго хутора и радоваться, что могу ѣсть собственные вареники и пить собственныя наливки. Изящное же отъ насъ не уйдетъ: мы его отыщемъ и за тридевять земель и возьмемъ съ него свою взятку, какъ пчела съ цвѣтка“.

За покупкой земли послѣдовали заботы о покупке домика и о возможности зимою дѣлать наѣзды въ Мотроновку. Впрочемъ и Мотроновкой Кулишъ былъ уже доволенъ: „оставивъ Мотроновку, я какъ будто оставилъ какой-то рай. Она полна блаженствомъ беззаботности, и окрестности ея не имѣютъ ничего себѣ подобнаго“. Здѣсь съ тѣхъ поръ Кулишъ считалъ свою главную оубдлость, а пока оставались тамъ теща Кулиша и Викторъ Михайловичъ Бѣлозерскій, недавно переселившійся туда изъ Петербурга.

По возвращеніи въ Петербургъ, Кулишъ, «безъ всякихъ контраверсій раздѣлялся передъ начальствомъ за свою просрочку» и снова погрузился въ дѣятельную жизнь.

Изъ поѣздки на родину Кулишъ возвратился равьше жены, которая осталась у матери до зимы, и по обыкновенію скорѣ сильно соскучился по ней, а къ концу своей разлуки съ ней сталъ ждать ее съ такимъ нетерпѣніемъ, что рѣшилъ никогда съ ней больше не разставаться. «Но вотъ» — писалъ онъ тещѣ, „не сегодня — такъ завтра она засіаетъ въ моей квартирѣ, которая безъ нея кажется тюрьмою. А убралъ я наше новое жи-

лице очаровательно. Каждая вещь уже на своемъ мѣстѣ. Разные хозяйственные запасы, какъ-то: сахаръ, рисъ, пряные коренья, а также и дамскія бездѣлушки закуплены, такъ что кажется, будто хозяйка отлучалась только на одинъ часъ изъ дому и вотъ-вотъ позвонитъ на лѣстницѣ въ колокольчикъ. Но проходятъ часы за часами и дни за днями, она до сихъ поръ не звонитъ, моя милая барышня“ (такъ любилъ Кулишъ называть свою жену въ воспоминаніе перваго знакомства съ ней). „Я сижу безвыходно дома въ надеждѣ, что съ каждымъ поѣздомъ по желѣзной дорогѣ прилетитъ и она на огненной кобылицѣ, а ея нѣтъ и нѣтъ! Сколько экипажей, сколько санокъ проѣзжаетъ мимо моихъ оконъ по Большой Морской, и ни одни глаза не устремляются съ любящимъ вѣтерпѣніемъ въ домъ Елисеева! Кому какая надобность, что здѣсь человекъ по цѣлымъ часамъ смотритъ въ окна и подъ каждою шляпой старается еще узнать черты Мотроновской барышни“!

Кулишъ попрежнему продолжалъ свою службу въ комитетѣ и сверхъ того предпринялъ цѣлый рядъ новыхъ литературныхъ работъ, къ числу которыхъ принадлежали разныя компіляціи изъ книгъ нѣмецкихъ, англійскихъ, французскихъ и польскихъ, при чемъ самою замѣчательною нельзя не считать его „Исторію Испанской литературы“. Испанскимъ языкомъ онъ занимался особенно въ Петербургѣ уже въ 1851 г. и тогда же сталъ изучать испанскую литературу, начавъ съ „Донъ-Кихота“, и читать испанскія историческія сочиненія. „Но практическаго приложенія изъ своего язычества“,—писалъ онъ въ 1852 г. Бодянскому, „я еще не сдѣлалъ... При всѣхъ моихъ стараніяхъ, я все еще не приобрѣлъ права или возможности поставлять въ какой-нибудь журналъ переводы и живу однимъ жалованьемъ“. ¹⁾ Но не одно это практическое соображеніе руководило здѣсь Кулишемъ, какъ видно изъ того, что непосредственно послѣ этихъ строкъ Кулишъ просилъ Бодянского откомендовать его въ ученики.

¹⁾ «Кіевск. Стар.» 1897, XI, стр. 263.

по древнимъ языкамъ возвращавшемуся тогда въ Петербургъ изъ временной отлучки профессору Коссовичу и извѣщала уже о сдѣланныхъ имъ успѣхахъ въ изученіи классическаго міра.

Кромѣ того, онъ много переводилъ съ тѣхъ же названныхъ иностранныхъ языковъ. Будучи доволенъ своими дѣлами и пріисканіемъ новой удачной квартиры, Кулишъ сообщаетъ одному изъ родственниковъ: „Слава Богу, все идетъ покамѣсть успѣшно. Что касается до кабинетной части, то здѣсь я самъ и вѣдокъ, и станціонный смотритель; остановки у меня не бываетъ, и я пробѣгаю въ сутки такое пространство, какое самъ себѣ предначертаю. Дѣло идетъ у меня живо, и вы скоро будете имѣть вѣсти о моихъ новыхъ трудахъ“. Къ этимъ трудамъ, какъ потомъ оказалось, принадлежали дѣйствительно капитальныя работы Кулиша: „Записки о южной Руси“ и „Опытъ біографіи Гоголя“. „Очаровательный Петербургъ!“—продолжаетъ Кулишъ— „сколько здѣсь для всего находишь времени! какою чудною силою наэлектризованъ здѣсь человѣкъ! Какъ вѣрно исполняются расчеты на возможное въ нашихъ обстоятельствахъ! Если-бы мнѣ какъ-нибудь поладить съ его климатомъ, то я бы никогда не разстался съ нимъ навѣки. Даже мои сдѣлали слѣдующее весьма справедливое замѣчаніе,—что здѣсь трудишься изо всѣхъ силъ и чувствуешь себя совершенно спокойнымъ и довольнымъ; а въ Малороссіи сидишь сложа руки, лѣнишься, сколько душѣ угодно, не заботишься ни о чемъ, и часто мучишься или досадою, или скукою, или недовольствомъ и собой, и людьми. Мы рѣшились ограничить кругъ своихъ знакомыхъ, но бывать регулярно у нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобы не отставать отъ свѣта и его требованій“.

12 марта 1853 года Кулишъ писалъ тещѣ изъ Петербурга, что по пріѣздѣ въ Малороссію онъ непременно отправится на берегъ Днѣпра и устроить тамъ себѣ помѣщеніе, а потомъ заѣдетъ за женой и вмѣстѣ будутъ наблюдать за постройкой домика. Для этой цѣли онъ досталъ у знакомыхъ прекрасный планъ дома, но вмѣсто фантастическаго домика на Днѣпрѣ пришлось

строиться въ Баивщинѣ у М. Т. Симонова, гдѣ потомъ онъ нерѣдко проводилъ лѣто. ¹⁾

XXIV.

Въ это время Кулишъ усиленно трудился надъ разысканіемъ и собираніемъ писемъ Гоголя для составленія его біографіи. Ему нетрудно было получить ихъ отъ Плетнева, Н. Д. Бѣлозерскаго ²⁾ и въ некоторыхъ другихъ своихъ друзей, но затѣмъ предстояло завязывать новыя знакомства и отношенія, добиваться рекомендацій, вступать въ переписку со многими незнакомыми лицами. Здѣсь, разумѣется, его ожидало также немало трудностей и разочарованій: надо было преодолѣть недовѣрчивость или просто нежеланіе дѣлиться драгоценными матеріалами. Между прочимъ Кулишъ употреблялъ для достиженія своей цѣли слѣдующій пріемъ, имѣвшій обыкновенно большой успѣхъ. Заручившись коллекціею въ количествѣ трехъ или четырехъ десятковъ писемъ, онъ охотно сообщалъ ихъ въ копіяхъ друзьямъ и близкимъ знакомымъ Гоголя, а равно передавалъ и свои разнообразныя, заимствованныя изъ разныхъ источниковъ данныя и взаимно получалъ подлинники или копіи писемъ Гоголя къ этимъ именно лицамъ. „У меня собралось десятка три-четыре болѣе или менѣе важныхъ писемъ Гоголя,“ писалъ онъ Боянскому, — „которыя составляютъ интереснѣйшія страницы въ моемъ сочиненіи. Думаю, что если я сообщу копіи онаго господамъ Аксаковымъ, то Они добудутъ мнѣ еще кое-что или, по крайней мѣрѣ, что-нибудь въ моей рукописи дополнять и исправять“. ³⁾ Кулишъ ожидалъ при этомъ дружескаго содѣйствія въ сношеніяхъ съ Аксаковыми отъ Бодян-

¹⁾ По словамъ галицкаго журнала «Правда», на эту покунку Кулишу далъ денегъ П. А. Плетневъ (1868, стр. 311).

²⁾ Н. Д. Бѣлозерскій зналъ Гоголя, когда послѣдній еще учился въ Нѣжинѣ.

³⁾ „Кіевская Старина“, 1897, XII, 450.

скаго. Но Бодянский, почему-то съ нѣкотораго времени начавшій тяготиться порученіями и просьбами Кулиша, кажется, и на этотъ разъ пробоваль отговориться, ссылаясь на свое несогласіе съ проектомъ, выраженнымъ въ письмѣ Кулиша. Можетъ быть, онъ потому относился теперь холодно къ желаніямъ Кулиша, что послѣдній, строго сохраняя свое литературное инкогнито, хлопоталь не за себя лично, а за другое, неизвѣстное Бодянскому, лицо, именно за Николая Як. Макарова. ¹⁾ Кулишъ, однако, слишкомъ большую цѣну придаваль занимавшему его литературному дѣлу и рѣшился парировать возраженія: „Отелядывая въ сторону всѣ недоразумѣнія—и да погибнетъ память ихъ съ шумомъ!—буду бесѣдовать съ вами о томъ, что важнѣе временныхъ нашихъ нуждъ, удовольствій и неудовольствій. Я думаю, что худа оттого не будетъ, если я сообщу господамъ онымъ копію вышеупомянутаго сочиненія, а польза можетъ быть. До охоты и неохоты, съ которою они сдѣлаютъ въ немъ поправки и дополненія, мнѣ мало нужды, ибо я прошу у нихъ этого не во имя свое, а во имя того, которому недостойнъ есмь развязать ремень у обуви“. ²⁾ Въ концѣ концовъ, Кулишу удалось устроиться помимо Бодянскаго, и тогда онъ извѣщаль его объ успѣхѣ своего дѣла. ³⁾ Въ дѣйствительности, Аксаковы отнесли къ Кулишу съ самымъ теплымъ доброжелательствомъ и осыпали похвалами его трудъ. Мрачныя предсказанія Бодянскаго оказались не имѣющими ни малѣйшаго основанія. При личномъ свиданіи Кулишъ вынесъ такое отрадное впечатлѣніе отъ личности С. Т.

¹⁾ Именемъ послѣдняго Кулишъ пользовался для того, чтобы въ случаѣ какихъ-нибудь официальныхъ запросовъ, Макаровъ могъ принять на себя номинальное авторство.

²⁾ Тамъ же, стр. 450—451.

³⁾ Въ подобныхъ случаяхъ Кулишъ умѣль тонко дать почувствовать свое недовольство. Однажды онъ писалъ Бодянскому: „Ошибшись такъ неловко въ своей увѣренности, я отнынѣ буду разборчивѣе въ своихъ просьбахъ къ вамъ, и въ этомъ случаѣ буду уже соображаться не съ чувствомъ дружеской расположенности, которое—какъ вижу—улетучивается, подобно эфирному маслу, а съ вашими существенными выгодами“. („Кіевская Старина“, 1897, XII, 449).

Аксакова и его сыновей, что всегда потомъ вспоминаль съ удовольствіемъ о немъ и его семействѣ; о первомъ же, въ одномъ письмѣ къ кн. Н. В. Шаховскому онъ сказалъ впослѣдствіи, что онъ былъ „чудо изъ чудесъ, юноша въ сѣдинахъ, горячій ко всякой полезной предприимчивости“. 1) Кромѣ своей общей симпатичности, С. Т. Аксаковъ привлекъ къ себѣ сердце Кулиша еще особенно тѣмъ, что онъ былъ прекраснымъ знатокомъ украинскихъ пѣсенъ и часто просилъ мадамъ Кулишъ пѣть пѣсни „по дивочому“, а потомъ „по старушечьи.“ Въ большомъ восторгѣ былъ также Кулишъ и отъ сыновей Аксакова, особенно отъ „Консты“, т. е. Константина Сергѣевича.

Кулишъ горячо сочувствовалъ литературнымъ успѣхамъ всѣхъ Аксаковыхъ, но особенно наиболѣе любимаго имъ Сергѣя Тимофѣевича. „А вѣдь воспоминаія Аксакова—прелесть!“—писалъ Кулишъ о „Семейной Хроникѣ“ и „Дѣтскихъ годахъ Бягрова внука“: „Это вовсе не автобіографія, а исторія сердца матери, въ высокой степени благороднаго. Это также параллель домашняго и казеннаго воспитанія, которая говоритъ уму убѣдительно въ всякихъ диссертаціяхъ. На мой вкусъ, это одна изъ лучшихъ книгъ въ повѣствовательномъ родѣ, какія только я читалъ. Я могу быть пристрастнымъ къ Аксакову, котораго очень уважаю и люблю, но слезы, мѣшавшія мнѣ читать его воспоминаія, убѣждаютъ меня самого, что тутъ замѣшалось дѣло поглубже дружескаго пристрастія“. 2) Впрочемъ, Аксаковъ еще въ рукописи читалъ Кулишу отрывки изъ „Семейной Хроники“. Въ одномъ письмѣ Кулишъ такъ сообщалъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него этимъ чтеніемъ: „Чытавъ намъ винъ дальше свою хроніку. Славно, дуже гарно! Нарошне для мене чытавъ, и зибралось людей чымало: Хомяковъ и вся братія. Тамъ така дытына, що и видно вже, що буде Богомъ! 3) Гарно, дуже гарно“. Также Галагану Кулишъ писалъ: „Ста-

1) „Русское Обозрѣніе“, 1897, III, стр. 202.

2) Кіевская Старина, 1898, IV, стр. 112.

3) Въ письмахъ Кулишъ очень часто величаетъ С. Аксакова *богомъ*.

рибъ Аксаковъ читалъ намъ новую свою хронику, почаяшы одъ самого малечку. Дуже гарна и проч. ¹⁾

Въ большой дружбѣ былъ также Кулишъ въ началѣ и съ И. С. Аксаковымъ, который, впрочемъ, громилъ его впоследствии въ своей газетѣ не хуже Каткова. Напротивъ, въ болѣе ранніе годы, во времена ихъ взаимнаго расположенія и согласія, они во многомъ сходились и особенно въ общей имъ обоимъ симпатіи къ Малороссіи. „Прійшовъ Иванъ Аксаковъ“—разсказывалъ однажды Кулишъ—„и розмовлявъ зо мною разумно про Малороссію. Винъ же самъ іи изійиздывъ, то й дывується теперь, якъ тамъ, чы пановъ, чы мищанывъ, чы козакъ тамошній чые себе ривно чоловикомъ. Не выдно таеъ, якъ у Россіи, що се купецъ, а се мищанывъ. Comme il faut прыстало въ насъ до всякой шляхетноурожденной людныи; и купецькїи комедїи Островського трудно зрозумити украинцєви; бо нашъ купецъ не одособывсь такъ одъ нашихъ панивъ, якъ велькоруськый. И багато де-чого говорыды мы до своей любосты про Малороссію. Шкода, що тебе тутъ не було. Иванъ не завсигда розговорытсь“.

XXV.

„Опытъ біографїи Н. В. Гоголя“ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими работами, какъ напр., повѣстью „Лѣто въ Малороссіи“, Кулишъ передалъ въ „Современникъ“, ²⁾ можетъ быть, въ виду своихъ прежнихъ отношеній къ этой редакціи ³⁾, но потомъ онъ

¹⁾ Кіевск. Стар., 1899, IX, стр. 350.

²⁾ Въ пятидесятихъ годахъ Кулишъ пользовался большимъ успѣхомъ въ литературномъ мірѣ; его труды (подъ псевдонимомъ Н. М.) охотно печатались тогда въ журналахъ. О повѣсти «Лѣто въ Малороссіи» въ письмѣ къ Д. С. Каменецкому см. «Кіевская Старина», 1898, XII, 350.

³⁾ Рукопись труда Кулиша о Гоголѣ была потребована имъ для передачи въ «Сынъ Отечества», но его упростили оставить ее въ ре-

рѣзко разошелся съ „Современникомъ“ и питаль сильное предубѣжденіе къ журналу до самой смерти, какъ это видно изъ напечатанной незадолго до его кончины въ „Русскомъ Обозрѣніи“ повѣсти „Омутъ“, гдѣ въ самомъ вѣлестномъ свѣтѣ выставлены руководители „Современника“ въ 60-хъ годахъ, Панаевъ и Некрасовъ. Но досада на „Современникъ“ начивается уже съ первой половины пятидесятихъ годовъ, когда Кулишъ заправиль редакціей называль „повѣсами“—еще до того, какъ прерваль съ ними сношенія.

Продолжая свои хлопоты по собиравію писемъ Гоголя, Кулишъ нашель дорогу къ семейству великаго писателя, съ которымъ потомъ дружески сошелся. „Высоцкій сообщилъ живыя воспоминанія о временахъ дѣтства своего знаменитаго товарища“, читаемъ мы въ одномъ письмѣ Кулиша. „Мать Гоголя сообщила мнѣ свои замѣтки о сынѣ; нѣкоторые, звавшіе Гоголя за границей, вызвались описать свои съ нимъ встрѣчи“. 1) Въ опечатанномъ въ Москвѣ по смерти Гоголя шкапу нашлись клочки изорванной рукописи, оказавшіеся уничтоженнымъ отвѣтнымъ письмомъ Гоголя Бѣлинскому, выдержки аттестацій Гоголя въ школьное время, сдѣланныхъ въ классныхъ журналахъ его наставниками. Мать Гоголя прислала нѣкоторые рукописные отрывки изъ повѣстей Гоголя и познакомила съ комедіями отца писателя. Кромѣ того, имъ была получена масса писемъ разныхъ лицъ къ Гоголю и „26 большихъ писемъ въ видѣ дневника, къ Гоголю писанныхъ одною весьма близкою и любимою

дакціи «Современника», предложивъ ему 1000 руб. См. также враждебный отзывъ Кулиша о Некрасовѣ въ «Кіевск. Стар.» 1899, IX, стр. 342 и 1899, — стр. 97.

1) Въ одномъ письмѣ къ Н. Д. Бѣлозерскому Кулишъ говоритъ: «Я, кажется, просилъ васъ послать конію записокъ Гоголиха къ старику Аксакову». Когда онѣ были получены Аксаковымъ, онѣ привели его въ такой восторгъ, что онъ сказалъ по словамъ Кулиша: «Ни одинъ изъ великихъ писателей не производилъ на меня такого впечатлѣнія, какъ эти простые, безыскусственные, даже иногда неправильно написанныя задушевные записки».

имъ дамою, которой имени я не долженъ пускать въ оборотъ, изъ уваженія къ ея прекраснымъ способностямъ ума и сердца“. ¹⁾ Дама эта была А. О. Смирнова.

Послѣ каждаго успѣха значительно облегчались хлопоты по собиранію писемъ Гоголя. Такъ, однажды Кулишъ сообщалъ Н. Д. Бѣлозерскому: „Погодинъ сообщилъ мнѣ часть писемъ къ нему Гоголя, а остальные, по мѣрѣ переписки, обѣщаль прислать. Вызывается даже написать записки. Я особенно расположилъ его къ себѣ (но это послѣ сообщенія первыхъ писемъ, чего я не ожидалъ, несмотря на его обѣщанія), подаривъ ему памятникъ плутовства Панаева: „Дѣтство и первые годы юности Вальтеръ-Скота, представленныя по отношенію ихъ къ литературной его дѣятельности“.

Надо прибавить, что всѣ эти занятія не исключали также заботъ надъ лѣтописью Грабянки и вообще другими, всегда интересовавшими Кулиша предметами.

XXVI.

Лѣтомъ 1854 года Кулишъ ѣздилъ въ Малороссію, жилъ въ Зарогѣ, Мотроновкѣ, Баивщинѣ, при чемъ много времени провелъ съ своимъ другомъ Ник. Даниловичемъ Бѣлозерскимъ, которому онъ потомъ въ память совмѣстнаго пребыванія въ Малороссіи подарилъ экземпляръ „Опыта біографіи Н. В. Гоголя“, когда онъ вышелъ отдѣльной книгой по отпечатаніи въ „Современникѣ.“ ²⁾ Такимъ образомъ, мы имѣемъ ясное доказательство,

¹⁾ «Кіевск. Стар.», 1897, XII, 459.

²⁾ Въ этотъ экземпляръ во многихъ мѣстахъ были вклеены исписанныя краснымъ почеркомъ Кулиша листки почтовой бумаги, на которыхъ были новыя замѣтки и выписки изъ новыхъ добытыхъ писемъ. Такъ поступалъ обыкновенно Кулишъ при передѣлкахъ и расширеніи своихъ литературныхъ работъ, и одинъ совершенно сходный экземпляръ, какъ намъ извѣстно, сохраняется въ бібліотекѣ Духовной академіи въ Сергіевскомъ посадѣ.

что въ эту пору Кулишъ исправно продолжалъ, и притомъ съ большимъ успѣхомъ, собраніе документовъ, относящихся къ жизни Гоголя.

Лѣтомъ въ Малороссіи Кулишъ попробовалъ заняться хозяйствомъ и, несмотря на разносторонность своихъ дарованій, съ трудомъ справлялся съ непривычными заботами, хотя не только пріостановилъ для нихъ всякую литературную работу, но даже не находилъ времени приняться за корреспонденцію. „Хуторская жизнь“—жаловался онъ—„своею грубою простотою, своими нестройными явленіями, своими безконечными заботами располагаетъ къ письменному бездѣйствію. Иногда я отдыхаю лежа отъ ходьбы или физическихъ трудовъ и мечтаю, какъ я сяду за письма, какъ я разложу передъ собой бумагу, какъ открою чернильницу,—самое содержаніе писемъ снуется въ моемъ умѣ; а наступитъ время исполнить мечту на дѣлѣ, такъ и норовишь заняться чѣмъ-нибудь другимъ, лукавишь предъ самими собой и съ наслажденіемъ откладываешь письма на неопредѣленный срокъ. „Будетъ еще время! еще успѣю!—напишу послѣ“, это любимыя фразы въ головѣ хуторянина. Не знаю, такъ ли оно будетъ, когда дѣла мои придутъ въ порядокъ и когда у меня будетъ кабинетъ; но теперь я никуда не гожусь по литературной части. Зато какой изъ меня вышелъ хозяинъ—такъ мое почтеніе! Но какъ самому себя хвалить не прастало, то я скажу только одно: мнѣ казалось, что стоитъ только повелѣть—создастся; а на дѣлѣ я вижу, что создать хозяйство съ маленькими средствами есть дѣло однихъ хозяйственныхъ геніевъ. Тутъ, сударь мой, нужны всѣ способности человѣческія а выше всѣхъ ихъ поставлены терпѣніе и постоянство.“

Но въ то же самое лѣто Кулишъ прогостилъ нѣкоторое время у родныхъ Гоголя въ Яновцивѣ или Васильевкѣ.¹⁾ Здѣсь

1) «Стара Гоголиха»—говоритъ Кулишъ «п ії дочки—прелюбезни люде» („Кіевск. Стар.“, 1898, II, стр. 307). Въ Васильевкѣ Кулишъ бывалъ и позднѣе и жывалъ по нѣскольму мѣсяцевъ; такъ, онъ былъ тамъ въ 1860 г. (см. „Кіевск. Стар.“, 1898, II, 239).

онъ получилъ много новыхъ матеріаловъ, а равно и писемъ отъ разныхъ близкихъ къ Гоголю лицъ изъ обѣихъ столицъ, и въ силу сдѣланной жатвы, ему вновь предстояло много спѣшнаго и напряженнаго труда. 1) „Матеріалы, собранные мною въ Яновщинѣ“—писалъ онъ Л. М. Жемчужникову—„и полученные мною изъ Петербурга и Москвы здѣсь, такъ объемисты, что если я не посижу на мѣстѣ за работой цѣлаго мѣсяца, то у меня не будетъ въ эту зиму сдѣлано дѣло“. А между тѣмъ около того же самаго времени, какъ онъ писалъ Бодянскому, судьба послала ему Новгородсѣверскую лѣтопись, исторію о Варлаамѣ и Иосафѣ, „Мессію“ Галатовскаго, „Дѣянія и посланія Апостоловъ“ и 1600 пѣсенъ, записанныхъ Нѣговскимъ въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ. Кромѣ того, онъ извѣщалъ того же Бодянскаго, что „Николай М. приготовляетъ къ цензурѣ интересный сборникъ преданій, думъ, сказокъ, легендъ и критическихъ взглядовъ на многое въ малороссійской жизни по поводу объясненій нѣкоторыхъ изъ этихъ вещей. 2) Чтобы понять такую необыкновенно оживленную и плодотворную дѣятельность, слѣдуетъ имѣть въ виду относительную свободу Кулиша, не обремененнаго, подобно Бодянскому, университетской каѳедрой, по необходимости палагающей множество сложныхъ, многотрудныхъ и отвѣтственныхъ обязанностей. Между тѣмъ Кулишъ, довольный своимъ усиліемъ, подшучиваетъ надъ медлительностью Бодянскаго, 3) занятаго своей каѳедрой и редактированіемъ

1) Впослѣдствіи всѣ эти матеріалы и состоявшійся на основаніи ихъ біографическій трудъ были Кулишемъ прочитаны какъ Аксаковымъ, такъ и Плетневу.

2) „Кіевская Старина“, 1897, XII, стр. 462—463.

3) Тамъ же, 484. Надо замѣтить при этомъ, что Кулишъ, обремененный достигнутыми имъ въ короткое время усиліями результатами, возлагалъ, кромѣ того, вообще широкія надежды на будущее. Такъ, „Этнографическія Записки о южной Руси“, переименованныя потомъ просто въ „Записки о южной Руси“, онъ предполагалъ выпустить въ гораздо большемъ числѣ томовъ, при чемъ думалъ помѣстять здѣсь также матеріалы, собранные Костомаровымъ и В. В. Тарновскимъ. (См. Кіевская Стар. 1898, XII, 357).

„Чтеній“. Кулишъ писалъ ему по поводу Николая М, что давно бы слѣдовало ему заняться изданіемъ сборника, „чтобы оживить и расшевелить изслѣдователей Малороссіи; но лучше поздно, нежели никогда. Если Богъ поможетъ, то за этимъ томомъ послѣдуетъ еще одиннадцать. Вы спросите съ недовѣрчивымъ изумленіемъ: откуда у него возьмется столько матеріаловъ? Но дѣло, дѣйствительно, на такомъ ходу. Надобно поднять на ноги все, что было писано о Малороссіи, и пустить въ ходъ все, что о ней не напечатано,—разумѣется, если цензура не воспрепятствуетъ. Планъ у него обширенъ, и вы пожалуйста не покивайте головою, что человѣкъ, не подождавши васъ, затѣялъ великую затѣю, а радуйтесь, что хоть одинъ человѣкъ во всей Малороссіи чувствуетъ готовность трудиться съ энтузіазмомъ“. А въ другомъ мѣстѣ того же письма читаемъ: „Напишите, не думаете ли вы соперничать въ быстротѣ своихъ намѣреній съ Максимовичемъ, который стяжалъ себѣ безсмертіе мѣшкотностью. Однимъ словомъ, я хочу знать, что вы думаете объ изданіи своихъ писемъ, и есть ли надежда читать ихъ въ печати на этомъ свѣтѣ, или уже прочитаемъ на томъ“. 1)

Все это было очень неловко въ отношеніи къ Бодянскому и возбудило въ немъ чувство недовольства. Тонъ его писемъ рѣзко и внезапно перемѣнился. Бодянской не вытерпѣлъ, между прочимъ, чтобы не сказать Кулишу, что ему „везетъ“, на что Кулишъ, въ свою очередь, имѣлъ полное право отвѣтить ему такъ: „Я долженъ везти, а не мнѣ везетъ. Мнѣ ужъ никогда, можетъ быть, везти не будетъ, какъ человѣку, выскочившему изъ рельсовъ“; 2) и наконецъ Бодянской самымъ откровеннѣйшимъ образомъ заявилъ Кулишу, что онъ его „задираетъ“, и „осыпалъ его самыми грубыми насмѣшками“. 3) Кулишъ, въ свою очередь, отвѣтилъ ему: „Если бы безкорыстныя побужденія и показались вамъ смѣшными, то изъ уваженія къ моей довѣренности вы не

1) См. «Кіевск. Стар.», 1897, XII, стр. 462—463.

2) См. „Кіевская Старина“, 1897, XII, стр. 464.

3) Тамъ же, стр. 465.

должны были [такъ грубо надо мной смѣяться“, и далѣе: „вы для меня, во первыхъ, Осипъ Максимовичъ, а во вторыхъ—Бодянской: видя ваши чисто человѣческія достоинства (не слѣпой же я, слава Богу!) и ваши заслуги литературныя и ученныя, я никогда не примѣриваю ни тѣхъ, ни сихъ къ своимъ собственнымъ, даже и для того, чтобы опредѣлить васъ: я знаю вамъ цѣну, независимо отъ собственнаго существованія и отъ собственнаго участія въ дѣлахъ человѣческихъ. Откуда же у васъ явились такія фразы: „И мы когда-то ѣзжали не хуже другихъ! Плохо, Осипъ Максимовичъ, плохо!—сознайтесь хоть передъ самимъ собой“. 1)

Но хуже было то, что Бодянской, раздосадованный Кулишемъ, заслужилъ со стороны послѣдняго слѣдующій упрекъ: „Я подарилъ вамъ нѣсколько вещей, имѣющихъ въ вашихъ глазахъ болѣе или менѣе цѣну; одна изъ нихъ мнѣ понадобилась, и вы имѣете безстыдство отвѣчать мнѣ: „что съ возу упало, то пропало“. Покажите эти строки кому угодно изъ нашихъ общихъ пріятелей и попросите, чтобы они сказали, искренно: имѣю ли я право назвать вашъ отвѣтъ безстыднымъ?“ Кулишъ предложилъ Бодянскому даже уступить ему свое право на изданіе пѣсенъ, такъ, чтобы его собственное имя стояло только въ числѣ сотрудниковъ и собирателей, ничѣмъ не выдѣляясь, а заканчивался бы списокъ словами: „изданныя О. Бодянскимъ“, и даже хотѣлъ достать деньги для этого предпріятія, „но вы“—говорилъ онъ—„не дадите мнѣ и понюхать вашего сборника, а смыслъ моего изданія таковъ, что я, именно я, долженъ имѣть въ рукахъ сперва все, что напечатается, привести пѣсни въ извѣстный видъ, и потомъ печатай и пишишь издателемъ кто угодно. Деньги для изданія Кулишъ надѣялся получить отъ Галагана, но, на бѣду, Бодянскому сдѣлалось какъ-то извѣстно, что Галаганъ назвалъ его въ письмѣ къ Кулишу „крутенькимъ“, 2) и Кулишъ послѣ даже вынужденъ былъ

1) Тамъ же.

2) Съ самимъ Галаганомъ добрыя отношенія потомъ также потратились у Кулиша. (См. Кіевск. Стар. 1899, III, 319).

прислать касавшуюся его выдержку въ письмѣ Галагана, заключавшую въ себѣ буквально лишь слѣдующія слова: „Бодянскому я напишу, тильки винъ, знаете, трошки крутенький, то Богъ знае, чи погодится винъ на яке-небудь дило“. Результатъ былъ тотъ, что Бодянской отказался отъ участія въ изданіи сборника. Кулишъ возражалъ ему: „вы изъ-за своего неудовольствія отказываетесь издать книгу, нужную для многихъ! Вы имѣете полное право не искать денегъ, но когда для нашего изданія ищутъ другіе, то вы не въ правѣ не соглашаться на то ни на какихъ условіяхъ. Я не о васъ тутъ хлопочу, я хлопочу о дѣлѣ, интересующемъ многихъ, кому вовсе неизвѣстно, что дѣло отъ васъ зависитъ. Слѣдовательно, если я успѣю добыть денегъ (а добыть я могъ бы, можетъ быть, не отъ одного Галагана), то вы тутъ нисколько не будете мнѣ обязаны“. 1) Въ числѣ предлагавшихъ деньги на изданіе пѣсенъ былъ, кромѣ Галагана, В. В. Тарновскій (бывшій нѣкогда товарищемъ Гоголя и извѣстный своей почтенной дѣятельностью въ комитетѣ по освобожденію крестьянъ), и нѣкоторые другіе.

XXVII.

Между тѣмъ по дѣлу о сборникѣ украинскихъ пѣсенъ Кулишъ постоянно продолжалъ свои сношенія съ малорусскими эгнографами: братомъ своей жены Н. М. Бѣлозерскимъ и Метлинскимъ; съ послѣднимъ онъ даже дѣлилъ трудъ самаго собиранія и записыванія ихъ. Въ числѣ причинъ, побуждавшихъ Кулиша подталкивать и подогрѣвать энергію своихъ сотрудниковъ, было между прочимъ то обстоятельство, что ему хотѣлось выпустить свой сборникъ раньше сборника пѣсенъ давно уже нелюбимаго имъ Срезневскаго, хотя это личное предубѣжденіе вскорѣ уступило мѣсто желанію видѣть пѣсни, не попавшія въ

1) Тамъ же 1899, XII, стр. 467.

особый сборникъ, напечатанными подъ вѣдѣніемъ хотя бы Срезневскаго въ „Академическихъ извѣстіяхъ“, но въ исправномъ и вполне приличномъ видѣ. Впрочемъ, и самое мнѣніе Кулиша о Срезневскомъ, по извѣстнымъ намъ, но во всякомъ случаѣ, надо полагать, въ виду крупныхъ научныхъ заслугъ послѣдняго, не особенно уважительнымъ причинамъ, поколебалось, такъ что уже Кулишъ уговаривалъ Н. М. Бѣлозерскаго не быть опрометчивымъ въ сужденіяхъ: „Надобно узнать сперва всѣ обстоятельства, а потомъ уже судить, да и то оглядываясь. У меня много горестныхъ замѣтокъ въ душѣ по случаю скорого осужденія ближнаго. Я думаю, что онъ ¹⁾ не только правъ, но чуть не святъ. Соберите всѣ факты, и тогда увидите, кто изъ насъ ближе къ истинѣ“. Это было именно вѣтерпѣніе видѣть въ печати пѣсни никакъ не ради личнаго интереса, а ради науки, что доказывается между прочимъ сообщеніемъ Н. М. Бѣлозерскому въ томъ же письмѣ, что „думы, напечатанныя у Метлинскаго, были уже доставляемы ему Кулишемъ“. Послѣдній былъ нѣсколько недоволенъ передачей ихъ Метлинскому, „но я“—говорилъ онъ—„съ досады, что никто не издаетъ, готовъ былъ отдать ихъ для напечатанія чорту или, что все равно, Срезневскому“. Кулишъ лично трудился совместно съ Н. М. Бѣлозерскимъ, но относился къ нему, какъ руководитель, подобно тому, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Указывая на свою страсть къ чтенію и къ ручнымъ механическимъ работамъ, онъ рекомендовалъ тѣ или другія своему пріятелю: онъ совѣтовалъ ему ради его будущности заниматься изученіемъ иностранныхъ языковъ, чему, какъ извѣстно, самъ всегда придавалъ большое значеніе какъ въ теоріи, такъ и на дѣлѣ; ему же онъ хотѣлъ, хотя и безуспѣшно, передать оставленную еще въ 1858 г. должность редактора статистическаго комитета, наконецъ поощрять его къ составленію записокъ, даже совѣтовалъ для этого ему

¹⁾ Срезневскій. Объ отношеніяхъ Кулиша къ Срезневскому см. также «Кіевск. Стар.», 1899, II, 287, 281, 293; 1897, X, 45 и проч.

извѣстный планъ и приемы, стараясь вообще пробудить его литературныя наклонности, тогда какъ Н. М. Бѣлозерскій трагилъ свои умственные силы на неблагодарное дѣло редактированія губернскихъ вѣдомостей. Ему же онъ хвалилъ свои столарныя работы: „Сдѣлалъ я для Саши шкатулку изъ кусковъ краснаго дерева, которое оставалось еще отъ тульскихъ работъ. Жаль, что вы безъ руки: механическіе труды заостряютъ аппетитъ къ умственнымъ, и тотъ еще не вполнѣ человѣкъ, кто годится только для грамотнаго общества. Надобно умѣть что-нибудь такое, что было бы интересно и для самаго темнаго люда. Вообразите, напримѣръ, что вы очутились между такимъ народомъ, которому нѣтъ никакой надобности до вапихъ свѣдѣній. Чѣмъ вы купите у него независимость положенія? Вы поневолѣ будете тунеядцемъ, а я не буду“. Но выхлопотать для Ник. Мих. оставляемое мѣсто ему не удалось, и вотъ по какимъ причинамъ: „Знакомства мои вовсе не таковы, чтобъ могли доставить кому-нибудь мѣсто: со мной знаются люди ученые или артисты, которые на службѣ такъ-же мало значать, какъ я и самъ; если же я и примять гдѣ-нибудь въ высокопревосходительномъ или сіятельномъ домѣ, то это еще не значить, что я могу протезировать другихъ въ этихъ домахъ. Лучшимъ тому доказательствомъ служить то, что мнѣ самому не даютъ до сихъ поръ такое мѣсто, которое бы привязало меня къ Петербургу; ласковое слово и пожатіе руки не приносятъ намъ въ столицѣ никакой пользы и могутъ обманывать надеждою только самыхъ неопытныхъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, Кулишу давно пришлось убѣдиться, что и собственное его положеніе было крайне непрочно. Когда онъ былъ представленъ къ чину, то, по донесеніямъ Третьяго Отдѣленія, императоръ Николай собственноручно начерталъ: „Не производить“. При тогдашнемъ значеніи чиновъ, Кулишъ не хотѣлъ помириться съ отказомъ и рѣшилъ просить директора статистическаго отдѣленія заступиться за него. „Вамъ навредило Третье Отдѣленіе“—отвѣчалъ директоръ,—„его и просите поправить дѣло“.—Въ Третьемъ отдѣленіи затребовали одобрительнаго

отзыва о службѣ, который и былъ безпрепятственно данъ, но все-таки изъ этого дѣла, конечно, ничего не вышло, кромѣ того, что въ Третьемъ Отдѣленіи начальнику Кулиша сказали: „мы не знали, что онъ вашъ protégé“.

Эту независимость Кулиша, какъ человѣка свободной профессіи уже по самой натурѣ, необходимо имѣть въ виду, для того, чтобы понять и его быстрое охлажденіе къ Петербургу, гнѣзду чиновничества, и его практическую неспособность пристраиваться къ теплымъ мѣстечкамъ и административнымъ пирагамъ. Теперь, сдѣлавшись вольнымъ человѣкомъ, онъ стремится въ Кіевъ и снова погружается въ интересы украинскаго міра. До какой степени неудержимо влекло тогда Кулиша въ Малороссію, мы видимъ изъ одного письма его къ И. С. Аксакову, который вмѣстѣ съ остальными членами своей семьи настойчиво приглашалъ его въ свою подмосковную. Несмотря на сильную любовь къ Аксаковымъ, Кулишъ отговаривался самымъ энергичнымъ образомъ, ссылаясь на то, что „съ того времени, какъ его опредѣлили въ уѣздное училище для вытверживанія учебниковъ, изданныхъ по повелѣнію императрицы Екатерины II, „а было мнѣ тогда“—продолжаетъ Кулишъ—„лѣтъ яко же семь“—я не видѣлъ ни одинъ разъ малороссійской весны... О веснѣ съ ея чудесами я слыхалъ только въ сказкахъ, а собственные воспоминанія представлялись мнѣ въ видѣ сна. Давно уже мечтаю я о свободномъ распоряженіи своимъ временемъ, но всегда что-нибудь мѣшало. Наконецъ, я пренебрегъ всѣ такъ называемые расчеты и рѣшился провести хоть нѣсколько лѣтъ жизни по человѣчески. Я бы этого не сдѣлалъ, если-бы пользовался болѣе цвѣтущимъ здоровьемъ; а то меня преслѣдуетъ мысль о позднемъ сожалѣніи въ предсмертныхъ мукахъ среди болота, вдали отъ родины, отъ ея неба и земли“.

Одно время въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ Кулишъ говорилъ, что онъ предполагалъ чередовать хуторскую жизнь съ столичною. „Зачѣмъ это мнѣ нужно?“ спрашивалъ онъ самъ себя: „Мудрено объяснить. Можетъ быть потому, что хочется видѣть свѣтъ послѣ уединенныхъ трудовъ; можетъ быть потому,

что я не могу удовлетвориться скромною деревенскою жизнью и желаю хоть нѣсколько мѣсяцевъ въ году раздѣлять удовольствія, въ родѣ литературныхъ и ученыхъ новостей; а, можетъ быть, просто потому, что отъ поѣздокъ я ничего не теряю въ денежномъ отношеніи, а пожалуй, еще выигрываю“.

Отсутствіе опредѣленныхъ обязательныхъ и служебныхъ занятій даетъ ему эту возможность, а наступленіе новой политической эры съ воцареніемъ императора Александра II, открывъ широкій горизонтъ всѣмъ мыслящимъ людямъ, какъ бы сразу придала крылья тѣмъ, кому природа даровала силы для орлиаго полета.

В. Шенрокъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Крестьяне и крестьянская реформа въ восточной Австріи.

(Продолженіе ¹⁾).

I.

Крестьянская реформа въ Буковинѣ.

Мы рассмотрѣли только одну сторону отношеній крестьянъ къ владѣльцамъ, лишь одни личныя отношенія между ними, выражавшіяся въ платежахъ и повинностяхъ. Намъ остается ознакомиться еще и съ поземельными порядками, какъ они выработались въ Буковинѣ въ молдавскій періодъ, съ отношеніями крестьянъ къ землѣ.

Въ какихъ отношеніяхъ находились крестьяне Буковины къ той землѣ, на которой они сидѣли, существовала ли или нѣтъ какія либо права ихъ на владѣніе этой землей? Вопросы эти, какъ мы видѣли, рѣшались и авторомъ брошюры 1848 г., и затѣмъ Kaindl'емъ въ томъ смыслѣ, что буковинскіе крестьяне

¹⁾ См. Кіев. Стар. 1901 г., № 3.

не имѣли никакихъ правъ на свои надѣлы, что въ Буковинѣ вовсе и не существовало права крестьянскаго владѣнія, что крестьяне были не болѣе, какъ временными сьемщиками, простыми арендаторами владѣльческихъ земель. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что такая ихъ точка зрѣнія на земельные буковинскіе порядки вполне справедлива. Она подтверждается, повидимому, нѣкоторыми изъ австрійскихъ комиссаровъ, посланныхъ въ Буковину въ первое время ея присоединенія къ Австріи, такъ и извѣстнымъ намъ Бальшемъ. Буквально тѣже выраженія, какія приходится читать въ почти современныхъ буковинскимъ донесеніяхъ 1767—1768 г., представленныхъ генераль-губернатору Малороссіи, графу Румянцеву, по поводу землевладѣнія козаковъ цѣлаго ряда селеній Переяславскаго полка. повторяются и въ донесеніяхъ австрійскихъ комиссаровъ. „У козаковъ нѣякой собственной, имъ лично принадлежащей земли не имѣется“,—гласятъ рапорты Румянцеву. И тоже говоритъ и комиссаръ Сплени въ 1775 г.: „у крестьянина Буковины нѣтъ никакой собственности“. 1) „Во всей Буковинѣ нѣтъ ни одного крестьянина, который могъ бы считать пядь земли своей собственностью“, повторяетъ вслѣдъ за Сплени Енценбергъ въ 1779 г. 2) А Бальшь съ полнымъ апломбомъ завѣряетъ австрійское правительство, что все имущество крестьянина „заключается въ скотѣ и только въ одномъ скотѣ, я хочу сказать, въ одной движимости“.

Но все это и многое другое въ томъ же родѣ является аргументами для теоріи Кайндля только повидимому. Въ тѣхъ же донесеніяхъ, какъ, въ особенности, въ донесеніяхъ австрійскихъ комиссаровъ и конца XVIII, и начала XIX в., мы наталкиваемся на рядъ такихъ чертъ землевладѣнія буковинскихъ крестьянъ, которыя совершенно противорѣчатъ теоріи временно-аренднаго характера крестьянскихъ держаній въ Буковинѣ. Уже Сплени, напр., въ своемъ донесеніи 1775 года отмѣчаетъ такой

1) Донесеніе Splény, у Polek, 65.

2) Донесеніе Enzenberg'a, у Zieglauer'a, Bilder, 1. 17.

фактъ, какъ тотъ, что „владѣльцы обязаны отводить крестьянамъ столько земли, сколько то необходимо и для содержанія крестьянскаго скота, и для нуждъ ихъ земледѣлія“¹⁾. А Енценбергъ пишетъ, что въ молдавскій періодъ князя (господари), для поддержки земледѣлія, разрѣшали крестьянамъ владѣть вѣчно „разробленными“ ими участками земли.²⁾ Если мы прибавимъ то, что сообщаютъ намъ нѣкоторые изъ австрійскихъ комиссаровъ о порядкахъ крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія, то увидимъ и новыя еще черты. „Обыкновенно,—такъ пишутъ австрійскіе комиссары, посѣщавшіе Буковину въ періодъ времени съ 1787 и 1830 годъ, землевладѣлецъ отрѣзываетъ всей общинѣ *in concreto* кусокъ земли, и на немъ крестьяне вправѣ распорядиться на всей своей волѣ“.³⁾ Отсюда, и объясненіе той разбросанности полосокъ то пахати, то луга, которая не была свойственна одной Буковинѣ, но и въ древнія времена и Галичинѣ.⁴⁾ Во многихъ деревняхъ Буковины, той части ея, которая состояла изъ равнинъ и низменностей, „и помѣщикъ, и подданные пользуются угодьями сообща, а на поляхъ подлежащихъ обработкѣ, ежегодно мѣняются участки“.⁵⁾ И ко всему этому

1) «Der Herr denen Bauern so viel Gr zuund geben *schuldig* ist, als sie zur Unterhaltung ihres Viehes und etwann zum Ackerbau benötigen». Bericht Splény's 1775, цит. у Grünberg, стр. 268.

2) «Die Fürsten. um den Ackerbau aufleben zu machen. gestattet (haben) jene Gründe, die sie exterpiren und urbar machen, auf immer zu besitzen». Bericht Enzenberg'a 1783, цит. ib. 268—269.

3) «Gemeiniglich der Grundherr der ganzen Gemeinde in *concreto* ein Stück Feld ausschneidet, in welchem sie nach Belieben, schalten und walten». Отсюда: «aller-orten Acker und Wiesen kreuz und quer untereinander (man) findet». Bericht Splény's, ib., 269.

4) См. Acta grodzkie, Lwow, т. 3-й, 52—53, актъ 1378 г., глѣ указывается какъ на «*consuetudo ruthenorum*» на расположеніе полей и полосокъ земли «*sparsim et particulatim*». Ср. мою статью о формахъ заимочнаго владѣнія. Юридич. Вѣстникъ, Москва, 1891 г.

5) «Der Herr und Unterthan die Gründe gemeinschaftlich benutzen und mit dem Feldbau fast alljährlich gewechslet wird». Bericht Enzenberg's, Grünberg, 269.

коммиссары добавляють, что „полученную землю община распредѣляетъ между хозяевами путемъ періодическихъ передѣловъ“ и что, отсюда, „создается и постоянный переходъ участковъ изъ рукъ однихъ въ руки другихъ, и перемѣняемость полосъ“ или то, что коммиссары называютъ словомъ: Wechselwirtschaft.

Очевидно, отсюда, что порядки крестьянскаго землепользованія въ Буковинѣ далеко не исчерпывалась лишь фактами простаго аренднаго, временнаго держанія земли у помѣщика, что они были порядками иного рода, выросшими на почвѣ долговременной практики, выработавшихся обычаевъ. А обычаи эти держались до подчиненія Буковины Австріи, да и долгое время и позже, такъ какъ условія и социальныя, и экономическія оставались почти неизмѣнными. Мало того, что занятія скотоводствомъ преобладали въ Буковинѣ надъ занятіемъ земледѣліемъ, на что постоянно указывали не только первые посланные въ Буковину австрійскіе коммиссары, но и, напр., въ 1810 и послѣд. года окружной начальникъ Платцеръ (Platzer) и др. ¹⁾ и что являлось препятствіемъ для развитія болѣе или менѣе интенсивной земледѣльческой культуры. Въ средѣ владѣльцевъ, какъ мы видѣли, и до подчиненія Австріи, и долгое время потомъ, сельско-хозяйственная дѣятельность была крайне слабой. Она едва начала развиваться,—да и то въ ограниченныхъ размѣрахъ,—лишь со второй половины XVIII в. Главнымъ доходомъ помѣщика были оброки. Барщина для сельско-хозяйственныхъ нуждъ едва начала практиковаться, и спросъ на ея увеличеніе сколько-нибудь рѣшительно сталъ проявляться, какъ увидимъ, лишь съ конца XVIII в., уже при австрійскомъ владѣтельствѣ. Между тѣмъ, и цѣнность земли была сравнительно ничтожной въ Буковинѣ, и масса земель лежала впустѣ или служила пастбищемъ, и большого значенія землѣ владѣльцы не

¹⁾ Въ своемъ проектѣ реформы Платцеръ отзываясь о крестьянахъ Буковины, какъ все еще отчасти номадахъ, у которыхъ нѣтъ даже сараевъ, нбо скотъ цѣлый годъ, денно и ночью, находится на открытомъ воздухѣ. Докладъ Плацера, цит. у Kaindl'a, стр. 639.

придавали: попытки сноса дворовъ, захвата крестьянской земли почти не существовали въ молдавскій періодъ и развились лишь къ концу XVIII и XIX в. Естественнымъ являлся отсюда и обычай, подтверждаемый не разъ въ законодательныхъ актахъ тогдашнихъ господарей, обычай, по которому считалось обязательнымъ отдавать и отводить данной и цѣлой группѣ крестьянъ то или иное количество земли и для пахати, и для пастбища, количество, въ большей части случаевъ составлявшее около $\frac{3}{4}$ всей земли и болѣе земли, принадлежавшей помѣщику. Такой порядокъ только и могъ обезпечить доходность имѣнія. И это было до такой степени укоренившимся въ Буковинѣ порядкомъ крестьянскаго землепользованія, что въ урбаріяхъ конца XVIII ст. обязательность обычая было всецѣло признаваема. Въ урбаріѣ 1790 г., касающемся имѣній Морущи, то и дѣло рѣчь идетъ не о правѣ крестьянъ требовать отъ владѣльца землю, а исключительно о размѣрахъ этихъ требованій, размѣрахъ обязательно отдаваемой крестьянамъ земли. Владѣлецъ регулируетъ въ урбаріѣ главнымъ образомъ крестьянскія земля, отдаваемая общинѣ *in concreto*, резервируя уже для собственныхъ потребностей, собственнаго хозяйства лишь $\frac{1}{3}$ всей земли. И это въ то время, когда, какъ увидимъ, австрійское правительство стало усиленно работать надъ примѣненіемъ въ Буковинѣ порядокъ, существовавшихъ въ другихъ австрійскихъ областяхъ, надъ выдѣленіемъ и отграниченіемъ чисто-господскихъ (*dominical*) отъ крестьянскихъ земель и угодій (*rusticalgründe*). Не менѣе $\frac{2}{3}$ земли, не считая лѣса, должны были находиться въ рукахъ крестьянъ. Морущи настаивалъ и на принципѣ: не болѣе $\frac{2}{3}$, но раньше существовалъ, еще и въ 1790 г., и позже неисчезнувшій, обычай отдавать *in concreto* крестьянамъ около $\frac{3}{4}$ всей земли и болѣе, какъ на то указываютъ слова одной австрійской канцелярской бумаги 1812 г., что „въ Молдавіи, какъ обычный порядокъ, является отдача крестьянамъ $\frac{2}{3}$ земли, а во многихъ мѣстностяхъ даже и $\frac{3}{4}$ ея“. ¹⁾

¹⁾ Kanzleivortrag 9 apr. 1812 г., цит. у Grünberg'a, 271.

Такимъ образомъ и въ молдавскій періодъ, какъ даже и позже, снабженіе крестьянъ землею являлось дѣломъ и обязательнымъ, и обычнымъ, исполнѣе соотвѣтствовавшемъ господствовавшему типу сельскаго хозяйства.

Снабженіе землею было двоякаго рода. Преобладающей формой отдачи была отдача земли въ коллективное владѣніе, второстепенной, шедшей рядомъ съ коллективной отдачей земли, — отдача ея въ наслѣдственное владѣніе, и это, нерѣдко, въ одной и той же общинѣ. Въ большинствѣ случаевъ, отсюда, помѣщики имѣли дѣло не съ отдѣльнымъ крестьяниномъ, какъ владѣльцемъ его земли, въ теоріи считавшейся господской, а со всею группою, владѣвшею всею совокупностью отданныхъ земель. 1) Въ постоянномъ наслѣдственномъ владѣніи отдѣльныхъ крестьянскихъ семей находились лишь ихъ жилье и прилегающія къ нему левады. 2) Вся остальная земля находилась въ общемъ и совмѣстномъ пользованіи всѣхъ подданныхъ села и распределялась уже затѣмъ между отдѣльными хозяевами. 3) Передѣлъ земель и распределеніе ихъ между крестьянами производились, обыкновенно, либо сельскимъ судомъ (Gemeindegerecht), либо сельскимъ старостой съ соучастіемъ делегатовъ отъ всей общины. 4) Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, даже и въ началѣ XIX в., въ распределеніе земель помѣщики совершенно не вмѣшивались. 5) Болѣе того, они не касались совершенно вопроса о допу-

1) «Auf dem flachen Lande ist der rusticalgrund besitz nur für jede Gemeinde in concreto stabil, zwischen den einzelnen Gemeindeglieder aber wandelbar». Beratungspotokol der vereinigten Hofstellen 7 марта 1820 г., цит. у Grünberg'a, 271.

2) Bericht Stutterheim'a 7 дек. 1819 г., ib.

3) Общинное поле «gemeinschaftlich von allen Unterthanen des ortes benüzet oder unter die einzelnen Unterthanen vertheilt». Bericht Stutterheim'a, ib., 272.

4) Передѣлъ совершался и «durch den Gemeindevorstand, manchmal auch unter Zuziehung eines Ausschusses der Gemeinde». Ib.

5) Отсюда рядъ дѣлъ, возникшихъ при австрійскомъ владычествѣ, когда изъ политическихъ и фискальныхъ видовъ правительство привлекало въ Буковину нѣмцевъ-колонистовъ. Такъ, въ 1788 г. вы-

щеніи къ землепользованію общинной землей новыхъ пришельцевъ. Правами на надѣлы изъ общинной земли пользовался каждый взрослый крестьянинъ, обладавшій возможностью завести свое хозяйство. 1) Но надѣлы не были равными для всѣхъ хозяевъ: ихъ величина опредѣлялась душевымъ составомъ данной семьи „количествомъ имѣвшагося у данной семьи скота и т. п. 2) Надѣлы отъ надѣла отдѣлялся простой бороздной, почти исчезающей всякій разъ, когда данное пахатное поле отводилось подъ выпасъ. Повидимому, и теченіемъ времени, въ концѣ XVIII в., какъ то можно заключить изъ урбарія Морущи, создались уже градаціи между крестьянами и, въ соотвѣтствіи съ этимъ, градаціи въ размѣрѣ надѣловъ. Урбарій этотъ 1790 г. отмѣчаетъ 4 группы крестьянъ, группы, отличающіяся другъ отъ друга количествомъ скота у каждой семьи. Это fruntasi (фрунташи), mijlocasi (мийлокаши), sodasi (кодаши) и четвертый классъ. Первые—владѣльцы 8 воловъ, вторые—6, третьи—4, послѣдніе—2. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и надѣлы первыхъ равнялись 12 фальтшей, вторыхъ—9, третьихъ—7, послѣднихъ—3. Но пользование этими надѣлами не было постояннымъ, а временнымъ; участки (коны) „вѣчно“ переходили отъ одного хозяина къ другому. 3) „Выдѣленной, но не обведенной никакими границами, зем-

званы были колонисты нѣмцы изъ Баната. Хотя и на нихъ возложена была обязанность нести тѣже платежи, и тѣже повинности, которые несли и мѣстные крестьяне, они не могли добиться или съ трудомъ добивались полученія отъ мѣстныхъ общинъ надѣловъ. Отсюда безконечный рядъ жалобъ на общины за ихъ отказъ дать надѣлы, отвести землю новымъ пришельцамъ: передѣлы, очевидно, были дѣломъ исключительно одной общины. Какъ увидимъ, лишь гораздо позже, до 1835 г., порядки эти были разрушены отчасти австрійскимъ правительствомъ. См. Kaindl, стр. 605—6.

1) «Jede erwachsene Mannsperson, welche einer Wirtschaft vorzustehen vermag». Kanzleivortrag, 1822 г. Ib.

2) «Nach des Grösse der Familien oder nach dem Bedürfnisse ihres angewachsenen Viehstandes». Stutterheim, 1819. Ib.

3) «In dem einzelnen unterthänigen Besitz ein ewiger Wechsel statt (hat)». Stutterheim, ib. 273.

лей (кономъ) каждый изъ крестьянъ могъ пользоваться либо какъ пахатью, либо какъ лугомъ; въ ближайшіе годы или на второй годъ всѣ наръзанные участки превращались въ землю общаго пользованія, и для пахати отводилась новая земля, гдѣ вновь наръзывались участки для каждой семьи; ни одинъ изъ крестьянъ не получалъ, такимъ образомъ, вновь того участка, который онъ держалъ раньше, ни одинъ изъ участковъ не подвергался вновь той же культурѣ, какая на немъ велась въ предшествующіе годы“. 1) Даже тогда, когда данная земля находилась подъ обработкой могъ происходить и происходить „новый передѣлъ, напр., въ случаѣ смерти хозяина, его выселенія, даже и полного разоренія“. 2) Извѣстный кусокъ поля можно было „обрабатывать въ теченіе 3, 4, 5 лѣтъ и даже болѣе, и затѣмъ на столько же лѣтъ онъ отдавался подъ пастбище, и, наоборотъ, поле, находившееся подъ выпасомъ, подвергалось передѣлу, но безъ обязательнаго сѣвооборота, безъ обязанности непременно засѣвать его или озимымъ, или яровымъ хлѣбомъ. „Обязательнаго сѣвооборота, какъ и трехполя не существовало: земли было много; община могла выдѣлять каждый годъ или чрезъ данный промежутокъ времени всякій разъ новую землю, хотя бы и вдали отъ поселка, оставляя послѣдовательно уже эксплуатируемые участки полей подъ паромъ. Съ другой стороны, отведенное подъ пахать поле нерѣдко было бѣльшимъ, чѣмъ сколько требовалось подъ обработку, и тогда предоставлялось обрабатывать землю захватнымъ способомъ. Отсюда, и отсутствіе принудительности сѣвооборота, и та разбро-санность коновъ, о которой мы говорили выше. 3)

1) Ib.

2) Ib.

3) Приводимъ въ болѣе подробномъ видѣ отзывы австрійскихъ комиссаровъ о порядкахъ землепользованія: «Die Hutweiden sind in Bukowina nur an wenigen Orten, nämlich in waldigen, sumpfigen und solchen Orten perpetuirlich, wo der Boden auf keine andere Art benützt werden kann, sonst sind sie allgemein in ganzen Lande wandelbar, indem sowohl Obrigkeiten als Gemeinden einen Theil der Gründe gewöhnlich mehrere Jahre brach liegen lassen, sie durch diese

Мы имѣемъ, такимъ образомъ передъ собою въ Буковинѣ форму общиннаго землевладѣнія, землевладѣнія, при которомъ не могло и не можетъ возникнуть вопроса о правѣ собственности того или другого крестьянина. У послѣдняго о правѣ собственности на землю въ строгомъ смыслѣ слова не могло быть и рѣчи: онъ былъ съемщикомъ, но съемщикомъ не у помѣщика,

Zeit als Waide benützen und so reihenweise von Zeit zu Zeit abwechseln». Bericht des galizischen Landesgubernium 1817, ib. 274.— «Durch die Unbestimmtheit und Wandelbarkeit des Besitzstandes und bei der noch sehr niedrigen Stufe der Kultur, auf der die Feldwirtschaft in der B. steht, wird auch der Werth des Grundes von den einzeln precären Besitzern nicht geachtet, und der Ertrag desselben bei der dem Bukowiner Bauern angebohrnen Tragheit nur mit dem möglichst geringen Aufwand an Zeit und Kräften gewonnen. Hieraus entspringt nur ein neuer Anlass beständiger Veränderungen. Der Unterthan verlässt seinen durch einige Jahre benützten Grund und greift willkürlich in die zu nächst brach gelegenen Strecken ein, ohne sich mit dem Eigenthümer derselben abgefunden zu haben und ohne von diesem oder sonst jemand hieran gehindert zu werden». Stutterheim, цит. ib., 274. И еще одинъ отзывъ: «die Art und Weise, wie die Unterthanen die obrigkeitlichen Gründe benützet haben und heute noch benützen, hätte eine einzelne Beurbarungsweise eines Unterthanes nicht gestattet, weil wenn er hier und dort hätte ackern oder säen wollen, wo die übrigen Dörflinge ihr Vieh huten oder ihren Heuschlag unterhalten wollen seine Saaten und sein Grass von dem Viehe der übrigen Dörflinge wären abgeweidet worden *Es gab also und gibt heute noch keine andere Benützungsort der unterthänigen Gründe in der B. als diese, dass das Erdreich, welches zur Beackerung in einem Jahre bestimmt wird, von der ganzen Gemeinde umzäunet und von jedem Dörflinge soviel beackert wird, als auf ihm auställt oder er zu beackern im Stande ist*». Поле такое отдѣлялось отъ деревни и отъ скота загорожей. Отсюда, извѣстное южанамъ слово *царина*, которая переносилась съ одной стороны деревни на другую. При этомъ, если поле в лугъ находилось по одной сторонѣ деревни, то пастбище отводилось на другой противоположной. Kanzleivortrag. 1812, ib., 275. Всѣ эти отзывы ясно рисуютъ предъ нами страну, еще не вышедшую изъ стадіи первобытнаго переложнаго хозяйства.

а у общины, которая одна только, безъ участія помѣщика, распоряжалась отведенной ей землей. Какъ и какимъ образомъ создавался такой порядокъ вещей, подвергался ли онъ или нѣтъ въ теченіе молдавскаго періода какимъ либо измѣненіямъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно: изслѣдованіе этого вопроса до сихъ не было никѣмъ предпринято. Но фактъ существовавшихъ общинныхъ порядковъ землепользованія до присоединенія Буковины къ Австріи и долгое время послѣ того,—не подлежитъ малѣйшему сомнѣнію: съ нимъ, какъ увидимъ, не мало пришлось возиться имперскому австрійскому правительству.

Но рядомъ съ общиннымъ землепользованіемъ стояла и другая форма пользованія землей, обусловленная значительнымъ запасомъ въ Буковинѣ общинной земли, отдаваемой въ распоряженіе общины. „Кромѣ той земли, говоритъ Штуттергеймъ, тщательно изучившій порядки землепользованія въ Буковинѣ, какъ спеціальныи для этой цѣли посланный комиссаръ австрійскаго правительства, кромѣ той земли, которая подлежала періодическому передѣлу, существовали и другія земли, стоявшія внѣ этого порядка и попавшія въ руки тѣхъ или иныхъ семей, которыя владѣли ими вѣчно“. ¹⁾ Это—такъ наз. разробки, лазы, лазури (lazu, lazuri), о которыхъ другой комиссаръ рассказываетъ, что онъ находилъ „въ довольно значительномъ разстояніи отъ села, въ возвышенныхъ долинахъ, цѣлыя поля, которыя находились во владѣніи 10—12 семей. Изъ допроса ихъ я убѣдился, что поля эти не подвергались періодическимъ передѣламъ и составляли собственность этихъ семей“. ²⁾ И общины, и помѣщикъ допускали существованіе такихъ разробокъ, передаваемыхъ по наслѣдству. Разробки эти могли быть даже продаваемы и отчуждаемы, но съ однимъ условіемъ: предварительнаго согласія помѣщика и общины. Лишь въ случаѣ прекращенія семьи земля становилась выморочною и возвращалась владѣльцу ея.

¹⁾ Stutterheim, Bericht, цит. ib., 275.

²⁾ Rothkirch, Reiserelation (Роткирхъ былъ землефромъ), 1820 г., ibid.

Но всё указанные порядки землепользования являлись господствующими и преобладающими лишь в равнинах или в болѣе низменных мѣстностяхъ. Въ нагорныхъ мѣстностяхъ, въ деревняхъ и поселеніяхъ, какъ свободныхъ, такъ и несвободныхъ, расположенныхъ въ горахъ, въ сохранившихся всецѣло такъ наз. «республикахъ»¹⁾ Кантемира, порядки землевладѣнія носили противоположный характеръ, общій съ порядками остальной горной Европы и Австріи. Здѣсь преобладалъ типъ индивидуальнаго, точнѣе подворнаго землевладѣнія (Hofsystem). Крестьянинъ владѣлъ своимъ участкомъ на правахъ наследственныхъ, на правѣ передачи участка потомкамъ, его отчужденія и т. п.²⁾ или же являлся уже настоящимъ временнымъ сѣмщикомъ земли у помѣщика.³⁾

Но каковы бы ни были порядки землепользования и землевладѣнія въ той или иной мѣстности Буковины, во всей странѣ,

1) Вотъ какъ обрисовываетъ этотъ порядокъ вещей Шгуттергеймъ: «Rottgründe, die einzelne Unterthanen in verschiedenen Gegenden der herrschaftlichen Grundbesitzungen zerstreut als Acker oder Wiesen urbar gemacht haben, und die zwar die Eigenschaft eines Dominikalgrundes nicht verlieren, aber dem betreffenden Unterthanen von Erlöschung seiner Descendenz nicht abgenommen werden können. Sie gehören zu der bukowiner unterthänigem Besitz, der nebst den einzelnen Hausplätzen und den dabei befindlichen Gärten noch am meisten bestimmt und gesichert blieb, weil der Unterthan solchen, als selbst geschaffen und durch ehemalige Landesgesetze und Gewonheit und durch Verträge mit der betreffenden Grundobrigkeit für unentreisbar hält. Sie waren auch nicht in jenem Konkretal-Gemeindegründen begriffen, die durch die Ortsvorstände nach Willkur ertheilt werden dürfen». Bericht 1819 г., ib., 276.

2) Порядки этого землевладѣнія, къ сожалѣнію, описаны австрійскими комиссарами въ самыхъ общихъ чертахъ. Они не бросались въ глаза, не вызывали такого же вниманія къ нимъ, какое вызывали исчезнувшіе въ остальной Австріи и совершенно чуждые комиссарамъ порядки общиннаго землепользования. Объ нихъ говорятъ комиссары лишь мимоходомъ.

3) «Als bloss Pächter der herrschaftlichen Gründe (war)». См. Kaindl.

во всѣхъ существовавшихъ въ Буковинѣ деревняхъ, повидимому, съ незапамятныхъ временъ существовала еще одна, общая всѣмъ имъ форма пользованія землею. Я разумѣю пользованіе лѣсами, еще и въ концѣ XVIII в. покрывавшими не малую часть Буковины.

Пользованіе лѣсомъ и многими угодьями какъ для цѣлей пастьбы и разробокъ, такъ и для надобностей въ топливѣ и въ строевомъ лѣсѣ было вполнѣ свободнымъ и неограниченнымъ въ молдавскій періодъ. Крестьяне не только могли рубить лѣсъ для построекъ и топлива, но и для продажи его, и это послѣднее ихъ право не вызывало ни ограниченій со стороны владѣльца, ни даже и обложенія крестьянъ за такое пользованіе лѣсомъ.¹⁾

Такимъ образомъ основной чертой, характеризующей порядки землевладѣнія въ Буковинѣ въ XVIII в., была не временная аренда, не Pachtsystem, которая лишь случайно попадалась въ болѣе гористыхъ мѣстностяхъ, а обязательная отдача земли въ вѣчное и постоянное владѣніе общинъ, которыя уже отъ себя отдавали участки отдѣльнымъ крестьянамъ въ пользованіе, правда временное, но совершенно иного типа и характера, а не того, которые лежатъ въ основаніи аренды. Отношенія владѣльца и крестьянъ на почвѣ земельной и земельныхъ порядковъ были отношеніями одинаково обязательными, какъ для владѣльца, который обязанъ былъ въ силу обычая и закона отводить въ вѣчное владѣніе общины достаточное количество земли (большею частью либо всю землю, либо $\frac{3}{4}$ ея), такъ и для общины, которая, въ свою очередь, была обязана брать ее и обрабатывать. Отсюда, отсутствіе съ момента присоединенія къ Австріи того порядка, какой установился въ другихъ австрійскихъ областяхъ, отсутствіе какого бы то ни было разграниченія между тѣмъ, что въ Австріи носило названіе помѣщичьей земли, Dominikalgründe, и тѣмъ, что называли тамъ собственно крестьянской землей,

1) „Die freye Lignation sei denen Bauern so uneingeschränket, dass er das Holz ansser eigener Nothdurft auch znm Verkauf aus den Wald-er ohnengeltlich zu nehmen berechtiget wäre“. Bericht Splény's, ib., 278.

Rustikalgründe, а съ другой стороны, для громаднаго большинства крестьянъ и отсутствіе правъ наследственнаго владѣнія передѣляемыми участками, правъ передачи ихъ по наследству, отчужденію ихъ и т. д. Подобнаго рода права существовали болѣе какъ исключеніе (у отдѣльныхъ крестьянъ на ихъ разробки въ отдаленныхъ отъ селенія мѣстахъ или у жителей нагорныхъ мѣстностей).

Прибавимъ еще къ сказанному, и для болѣе полнаго освѣщенія отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ въ Буковинѣ въ моментъ присоединенія ея къ Австріи, и то обязательство, что при исполненіи барщины полнотяглыми крестьянами, послѣдніе не имѣли права требовать у помѣщика рабочаго скота: на барщину они должны были являться со своимъ скотомъ. Вся землевладѣльческая культура производилась исключительно съ помощью рогатаго скота.¹⁾ И тоже въ случаяхъ голода, неурожая, скотнаго падежа и т. п. Буковинскій помѣщикъ не былъ обязанъ приходить къ крестьянамъ на помощь. Это совершенно не входило въ кругъ его дѣятельности и обязанностей. Онъ имѣлъ отношенія не къ тому или другому крестьянину, а къ цѣлой общинѣ. Община устраивала, независимо отъ помѣщика, порядокъ землепользованія, она же въ Буковинѣ вѣдала и дѣло помощи крестьянамъ въ случаяхъ нужды.

Мы обрисовали въ общихъ чертахъ какъ личныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ въ Буковинѣ въ молдавскій періодъ, такъ и поземельные порядки, существовавшіе въ ней въ XVIII в. въ моментъ присоединенія къ Австріи. Посмотримъ теперь, какимъ измѣненіямъ подверглись и тѣ, и другія послѣ присоединенія, въ правленіе Іосифа II, такъ и въ послѣдующее время, вплоть до того момента, когда въ 1848 г. старый порядокъ и личныя, и поземельныя отношенія были окончательно потрясены, отмѣнены и уничтожены.

И. Лучицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ „Der Unterthan in der Bukowina hatte nie eine Verspannung von den Dominien, sondern hat seine Frohne mit seiner Bespannung verrichtet“. Kanzleivortrag, 1812, ib., 278.

СЕРЕДЬ ТЕМНОЙ НОЧЫ.

Повисть.

ЧАСТЫНА ПЕРША.

Чуженыця.

I.

У хати въ Пылып Сываша за столомъ сыдила беседа: братъ Охримъ изъ жинкою, свать Манойло зъ свахою Кылыною, кумъ Терешко Тонконоженко, сусида Струкъ изъ своею сердытою Стручыхою, дядько—старый Корній Грабенко та своя симья. Не того Пылыпъ бесиду завивъ до себе, що сёгодня неделя, а того, що вернувся додому зъ салдатовъ середульшый сынъ ёго Романъ. Дочбкъ у Сывашивъ не було, але трое сынивъ, якъ соколивъ: найстаршый Денысь, уже давно жонатый, добрый хазяинъ,—удався въ батька; середульшый—ото-жъ Романъ, а найменшый—Зинько. Романъ знавъ, що ёму йты въ салдаты, и не схотивъ женытсы, щобъ жинкы самой дома не кыдаты, сказавъ, що якъ вернется, то тоди; Зинькови-жъ давно треба було одружытсы, бо и въ салдаты ёму не прыпадало йты та й жеребокъ винъ уже бравъ, дакъ що жъ, колы не хоче? Нема,—говорытъ—ёму пары. Батько казавъ, що десь у своихъ кныжкахъ начытавъ мабутъ такого. Маты хочъ и гни-

влася, що нема їй помочы, та не дуже, бо працѣвыта та тыха Денысова Домаха—онъ та биява молодыця, що теперъ порается бия печи—годыла свекруси. А такъ докорыты Зинькови ничѣмъ не можно було: и тыхий, и працѣвытый парубокъ, и непытуций.. не такой запальный хазяинъ, якъ Денысъ, але жъ такы хазяйновытый. Та найдужче маты любыла оцѣго Романа: таке воно змалечку було моторне та цикаве и зъ себе гарне,—то вже було мазунчыкомъ у матери. А дали на службу пишовъ, на чужыни поневирався,—хыба жъ и не жалко? И стара Параска, забуваючы, що їй треба взяты зъ прыпичка и поставыты на стилъ мыску зъ вареныкамы, спынялася бия печи, дывылася захоханымы матернымы очыма на сына и думала:

— Боже, яке жъ гарне! Бровы якъ на шнурочку, вусъ чорненькый, ще й угору трохи закрученый. Панычъ та й годи!

И батько радивъ, що сынъ вернувся. Самъ винъ прожывъ уже пивсотни й шистъ литъ, але сывына ледви почынала проблскуваты въ ёго темному вдоси. Винъ бувъ ще пры здоровлю, здужавъ усе робыты, а оци тры сыны—таки косари, що й трава передъ нымы горыть. Хазяйство въ ёго добре було, а теперъ ще покращае. За такымы сынамы й забагатиты можно. Пылышъ уже трохи выпывъ и теперъ, частуючы гостей, радисный та добрый, росказувавъ:

— Выпыйте, люде добри, за здоровле моихъ сынивъ!.. Воны въ мене якъ золото!.. Хочъ старшыхъ Богъ забравъ, дакъ же сымы щедро надилывъ, спасыби имъ!..

— Що правда, то правда, сусиде,—дай, Боже, щобъ усе було гоже!—твой сыны такы, що въ кожного батька сердце росло бъ, на ихъ дывлючысь,—такъ проказувавъ довгый и сухой Струкъ, беручы въ Пылыша чарку.

Инши госты, потакуючы, кывалы головами, а сыны сыдыли горди тѣю хвалою. Старшый—уже поважный, зъ бородою, здоровый, якъ робочый виль; меншый—ще молодой парубокъ зъ невеличкымы чорнымы вусамы й задуманымы яснымы очыма; ти очи дуже нагадувалы батьковы, тилькы що въ батька

воны вже прыгаслы за довги лита клопоту й праці, а въ сына сялы цилымъ сневомъ молодого вогню. Але вайбільше дывы-лыся люде на Романа. Винъ сидивъ на покути пышний, у «спиджаку», обстриженный и росчисанный набикъ, по городянському; повне облычче було биле, а гарный вусъ ажъ бльщавъ на ёму. Теперь сей чепурный выдъ почервонивъ, бо парубокъ выпывъ не одну чарку горилкы; та винъ мигъ пыты по багато и ще не бувъ п'яный, а такъ—тільки почынавъ хмилъ голову розбираты, и Романъ де дали стававъ усе веселишый та хвалькишый на языкъ.

— Чого жъ се ты, небоже,—пытавъ ёго дядько Охримъ,—не заразь до дому вернувся, якъ службу видбувъ? Адже за малымъ не годъ ище прогаявся.

— Такое дѣло случылось,—одказувавъ Романъ.—Какъ его выйшоль я зъ службы,—заразь должность мынѣ предложылы, очынь даже хорошую: трыста рублей жалування.

— О, се добра служба,—трыста рубливъ! озвався свать Манойло.—А яка жъ то служба?

— А така—швейцаромъ пры палатѣ. Ну, я тамъ почаль служыть, а потомъ затосковался по своему роду. Нывжлы,—думаю,—я въ сваей родынѣ не могу прыличной для себе должности получыть? Бросывъ усе и прыйшовъ.

— И добре зробывъ, сынку,—казала маты,—бо й насъ извеселывъ.

— Теперь тилькы одружышь, свате, дитей та й забувай горе!—казавъ до Пылып Манойло.

— Та я зъ дорогою душею,—усмихався Пылыпъ,—абы сыны!

— Пождить, батюшка,—будемо й женыться,—вотъ тилькы должность получымъ,—одказавъ Романъ.

— Образованный чоловикъ може завсегда соби должность получыть,—озвався Денксивъ кумъ Терешко. Винъ колысь, ще за панського права, бувъ бля панывъ у двори, иноди й самъ любывъ заклады «по образованому». Ёму дуже подобалося якъ говорыть Романъ и самому схотилося докынуты сливце,

щобъ знати було, що и винъ не абы хто. Батько й инши гости думали: «Ичъ, якъ набрався Романъ науки! Такъ и рже по панському!» Имъ здавалось, що Романъ дуже добре потрапляе на панську мову. Тилькы сывому мовчазному Корнієви Грабенкови та Зинькови не подобалось, що салдаты ламае языка.

А Пылыпъ изъ Пылыпыхою все прыпрохувалы та частувалы. Облычча въ гостей почервонилы й спитнили, языкы почынали чеплятися за зубы, хочъ голосі де дали ставалы все гучниши та гучниши. Тилькы Зинько бувъ зовсимъ тверезый, бо винъ не вжывавъ горилкы, та Романъ бадёрывся. Але й ёму вже такъ ударыло въ голову, що ажъ млосно стало, и винъ пишовъ зъ хаты на прохолоду. Зинько й соби выйшовъ мовъ бы за имъ, а просто того, що не любывъ дывытыся на пьяныхъ. Обыдва выйшлы у двиръ.

Була неділя, и на вулицы вешталось чымало народу. Ишлы парубкы въ святковыхъ чумаркахъ и добрыхъ поясахъ, сміялыся й погукувалы на дивчатъ, а ти, хыхысаючы й щебечучы, проходилилы вулицею, маючы ясноколірнымы стричкамы, вышыванымы рукавами, червонымы й сынымы спидныцямы. По-пидъ хатамы, на прызьбахъ та на колодахъ, скрызъ сыдили бабы, лузаючы насинне, часомъ и чоловкы зъ люлькамы въ зубахъ, и розмовлялы про всяки новыны та про хазяйськы й хатны справы. И пидъ Сывашевымъ дворомъ лежалы колоды,—добрый хазяинъ Пылыпъ давно вже стягавъ деревню на нову хату сынови,—и чуты було звидтиля гоминъ. Черезъ вызенькый тынь цикаво зазырало на нового салдата килькы дытячыхъ и дивочыхъ, билыхъ и заквитчаныхъ по святному, голивъ. А въ двори въ сусида Струка стояло била тыну и дывылося двое дивчатъ: Струкова дочка зъ ёго наймычкою Левантыною.

— А, дивчата!—гукнувъ Романъ.—Нада й имъ празныкъ устроить. Братъ Зиновій! получай рубля и бигай у лавочку! На всёго рубля купи канхветовъ, пряныковъ, ореховъ,—для наслажденія дёвущкамъ. А ты, мальчыкъ,—кынувъ винъ на хлопця, що зазыравъ черезъ тынь,—получышъ пятакъ,—катай

до музыки Матвѣя,—пущай иде сюда. Пусть дивчата знаютъ, кагда вернуся са службы Романъ Пылыповычъ Сивашовъ!

Хлопецъ метнувся по музыку, а Зинько якось нехота пишовъ до крамныци.

— Дивчатка! Хадѣть сюда! веселытьса будемъ!—заклыкавъ Романъ.

Дивчата соромылыся ввыходыты, хоча Струкова дочка вже выбигла зъ свого двору на вулицю, вытягшы за собою й Левантыну. Романъ выйшовъ зъ двору. Мижъ дивчатымы було килькы й парубкывъ. Романъ поклыкавъ и ихъ:

— Хадѣть, шобъ дивчатамъ веселѣй було!

Парубкы не хотили йты безъ дивчатъ, а дивчата соромлялыся безъ парубкывъ. Врешти билава Хымка, жвава й моторна, вхопыла подругу за рукавъ и потягла до Сывашивъ у двирь.

— Колы йты, такъ уже ходимъ! Шо тамъ ище трыхымныхы мяты!

За нею посунулы й инши дивчата й парубкы. Незабаромъ прыйшла музыка—двѣ скрипки й бубонъ, Зинько прынісь ласощи. Романови хотилося сѣгодни показаты себе. Метнувся у хату, вынісь пляшку горилкы, почаствувавъ музыкѣ, хотивъ частуваты й дивчатъ. Вони пышались, одверталыся и казали:

— Оце жъ такы! Хыба жъ такы мы іи пѣмо? Таку гирку!..—И не схотили пыты.

На складкахъ деякы такы ласувалыся на чарку, але тутъ було соромъ.

— Не хочуть горкого,—дамо имъ сладкого!—гукнувъ Романъ, беручы цукеркы, пряныкы та горихы.—Получайте, дивчата!

Дивчата й доси соромылыся, и ни одна не хотила браты перша.

— Эхъ, вы! какіи несмѣли!—посміявсь Романъ. Побачывши била себе Левантыну, винъ сыломиць упхувъ ій у руки торбынку зъ ласощама й промовывъ:

— Роздавай подругамъ!

Деликатне довгеньке Левантынине очлычче видразу взялося полумьемъ. Вона держала въ рукахъ ласоци и не знала якъ бы ихъ збутися. А Романъ стоявъ передъ нею, сміючыся до неї зъ пидъ вусигъ, блискаючы на неї смилымы очыма. Левантына спустила свои темни очы, довги вінь wyraзно зачорнили на рожевому лычку. Романъ зареготався й одійшовъ, а Левантынї зробылося ще дужче нїяково. Дивчата почалы штовхаты и, шепочучы:

— Ну чого стоишь? Роздавай!

Та вона мовъ не чула того и все стояла нерухома, а дивчата сміялися.

— Одя ще!.. мѣняється!..—скрыкнула Хымка и вхопыла въ неї зъ рукъ ласоци.—Ось я, дивчата, роздамъ!

И почала роздаваты. Кожній хотилося взяти бильше, але вси бралы потроху, бо соромлялись. Тымъ часомъ озвалася скрышка, вдарывъ бубонъ. Танцюрыста Хымка вынула й ласоци.

— Отъ же не выдержу!.. Ой танцюваты хочу!

Парубкы вже тымъ часомъ выпылы зъ Романомъ по чарци. Зъ межы ихъ заразы изнайшовся одиный до пары Хымци.

— Эхъ, гулай душа!—скрыкнувъ винъ и вдарывъ ногамы объ землю. Хымка танцювала гарно й легенько, парубокъ сылкувався не податыся передъ нею. Молодижь оточыла ихъ коломъ. Де-дали пара танцювала все палкише й палкише, запалючы до танцю й иншихъ. Незабаромъ зъ натовпу вырвалася й друга пара. Першый парубокъ, натомлений, скоро кынувъ танецъ, але Хымка не вгавала. Вона крутнулася, ажъ стричкы высоко замаялы въ повитри, вхопыла Романа и потягла ёго въ швыдкому танци, сміючыся й моргаючы на ёго веселымы очыма. Але Романъ, проходячы прозь Левантыну, що стояла не танцюючы, вхопывъ ии та й закрутивъ у тому танцюрыстому крутени. Збентежена зъ такои несподиванкы, дивчына спершу нїякъ не могла потрапыты въ ладъ, але згодомъ якось утрапыла, и сами ноги, слушаючысь музыкы, робылы що треба. А ий чогось було такъ соромъ, и вона не глядила ни на кого и

все думала про те, що Романъ танцюе передъ нею и дивытся на неї своими смилымы, ажъ незвычайнымы, очыма, и не могла звесты на ёго погляду. Й ставало все бильше та бильше нѣково, здавалося, що вси ии саму тилькы й пыльнують, дывуючыся, що вона такъ довго танцюе зъ Романомъ. Вона выхопылася зъ танцю й покрылася въ гурти. Не зосталася й зъ дивчатъмы, а заразъ-же нышкомъ подалася черезъ перѣлазъ у двирь до свого хазяина.

А музыкы тялы тымъ часомъ зъ усїей сылы, парубкы й дивчата танцювали, ажъ подвирре гуло, довги ясноколирни стричкы маялы въ повітри, брязвало намысто на задыханыхъ грудяхъ, а зъ заквитчаныхъ голивъ падали на землю квітки, и дивчата й парубкы топталы ихъ ногамы.

Почувшы музыку й танци, вся бѣседа давно вже выйшла зъ хаты подывытыся на молодижъ. Старый Сывашъ забурчавъ спершу, що не слидъ було вулицы робыты въ двори, але маты оступылася за Романа:

— И—й, старый! мовчы вже! Тилькы сѣгодня дытына прыйшла, повеселытыся схотилося, а ты вже й гниваешся! Може винъ соби тутъ пару знаходе. Давай краще сядемо на прыспи та подывымось, якъ молоди веселятыся, то може й мы помолдшаемо.

Пылыпъ тилькы рукою махнувъ. Стари гости подывылыся на молодижъ и почалы прощатыся, бо вже вечорило. Молодижъ ище трохи потанцювала та й подалася зъ двору на выгинъ—кинчаты тамъ свято. Дома матиркы й батькы сварылыся, що вже вечерь, а дочкы й сыны не йдутъ коривъ доиты та товаръ напуваты. Але тимъ було не до того: Романъ пославъ ище по горилку, почаствувавъ сѣго разу вже й дивчатъ, и довго чужы було на выгони музыку й спивы, танци й голосный молодой смихъ.

Але Зинька тамъ не було. Побачывши, якъ Левантына втекла зъ танцивъ, и знаючы, що въ ии двори никого немає, винъ пишовъ до себе на тикъ, зъ току перескочывъ у свій садокъ, а зъ свого въ Струкивъ,—чы не побачыть тамъ дивчыну.

Маты нападається на ёго, що винъ доси не одружився. А колы жъ винъ и справи соби пары не може знайти? Е й гарни дивчата, и роботящи... навить е й багати... та все ёму не пидъ мысли. Ёму треба таку жинку, щобъ винъ про все зъ нею мигъ говорыты, щобъ усю свою душу мигъ ий одкрываты... А то винъ тутъ таеъ живе, що нй зъ кымъ и поговорыты по щыросты. Що правда, про хазайство и про все таке можно и зъ батькомъ, и зъ матирью, и зъ братомъ розмовляты... такъ сёго ёму мало. Ёму хочется все знаты, все розибраты: якъ воно и черезъ вицо и на що робытся. Колысь заманулося ёму вывчытыся чытаты. Таеъ схотилося, що не мавъ упокою ажъ погы вывчывся. Школы въ ихъ тоди ще не було, дакъ винъ отдавъ дякови рубливъ изъ десять мабутъ, ажъ погы той навчывъ ёго. Теперь Зинько чытае, да тилькы якось не дуже ще розбира ти книжки. А хотилосьь-бы ёму розбираты и знаты багато... про все... Отъ хочъ бы й про те—чого таеъ люде живутъ? Туръ тоби такый убогий, що ничого йсты, а тамъ такый багачъ, що грошы миркою мирле. Одынъ кривавымъ потомъ умывається та робыть та дбае, а другый ледащо, линується... або ще пзе... а то й красты пиде... Невже не можно кращого порядку завести? Мабудь про се въ книжкахъ пышуть, да тилькы винъ не знае тыхъ книжокъ. Де жъ такы, щобъ воны въ таке мале село та подоходылы? Тутъ про ихъ нихто й не чувъ. Хотивъ Зинько про се кого роспытатыся, дакъ кого-жъ? Дякъ самё божественне знае, пысарь—самй волосни дила, крамарь усе на щотахъ кыдае та запысуе грошы... до батюшкы Зинько не посміе пыты, а до вчытеля ходывъ, дакъ и вчытель же... хочъ по вныгахъ знае и всяку науку, а якъ Зинько попытався ёго про свое—яеъ бы кращый порядокъ завести,—то винъ тилькы рукою махнувъ: „Це,—каже,—не твоеи головы дило. За порядкомъ начальство доглядае. А ты, колы кочешъ добре жыты,—робы, не пйачъ,—отъ и все!“ Се Зинько й самъ знае, да тилькы, що сёго мало...

Де жъ се Левантына? Чы не въ хати заховалась? А винъ хотивъ-бы погомониты зъ вею. Тыха, роботяща, добра дивчына... И зъ себе гарна... Якъ бы ёму таку жинку, да тилькы щобъ не

таку вже... просту... Колысь винь заговоривъ зъ нею про дощъ, що винь буває зъ пары, а вона тильки засміялася та й утекла... Якъ же винь розмовлятиме зъ нею про те, що ёму душу займає? А въ тимъ... вона ще молода... сыроотою по наймахъ изросла, ніякои науки їй ніхто не дававъ... Ще й дивно, що вона такою доброю дивчиною зросла!.. А якъ бы Зинько зъ нею одружився, то може бъ їй й чытаты можно навчыты... и до своихъ думокъ прихылыты... Такъ думавъ Зинько про Левантыну и почавъ прыдвлятыся до неї, зачипавъ їй розмовами. Дивчына червонила, але говорила зъ имъ залюбки. Та Зинько бувъ дуже несмилыный зъ дивчатами и все боявся заняты Левантыну такъ, якъ парубки займають тыхъ дивчатъ, що люблють.

Теперь ёму дуже схотилося погомониты зъ нею... Отъ, щобъ хочъ забуты ту пьяну бѣседу!.. Не любить того Зинько... Але дивчыны нема ниде—ни въ садку, ни въ дворі. Може куды пишла... Зинько перескочывъ назадъ черезъ тынь у свій садокъ.

Незабаромъ маты загукала ёго. Упоравшись по хазяйству, Зинько пишовъ спаты въ садокъ,—беригъ садовыну. Да тильки заснуты не мигъ: все тіи думы ёго не покыдали. Може Романъ... винь чудный якыйсь... не подобалося Зинькови, що винь такъ вельчыается и языкъ ламає... А про те—мабутъ винь багато бачывъ, багато знає. Бо й справди—по велькыхъ городахъ бувавъ, шлсьма въ салдатахъ навчывся. Мабутъ винь зможе розказаты Зинькови про таке, чого Зинько самъ не здоліє розибраты. Треба зъ имъ поговорыты... Не сѣгодня, бо сѣгодня мабутъ винь ище не скоро зъ вулицы вернется, а колысь...

Небо давно вже сяло надъ землею своимы зорянымы шатами, а Зинько все не спавъ. Дума за думою снувалася въ голови, ишла одна по одній якъ хвыля за хвылею... По хатахъ давно вже сплять, затыхлы вже й дивчата й парубки на вулиці... и дерева дрималы, схылывшысь надъ имъ, и дримала зелена трава и въ висни лоскотала ёму облычче, якъ винь доторкався до неї, ворущучысь... А высюке й глыбоке-глыбоке небо жахтило й тремтило жывымъ свитомъ, и здри здавалыся велькымы й разумнымы очыма блискучымы... Вони дывлютыся такъ

ясно, мовъ хочуть зазырнуты Зинькови въ душу, подивытыся що тамъ е. Дивлются такымы велькымы, велькымы очыма... якъ у Левантыны... тоди, якъ вона спивае сумной писни... Вона дывытся й спивае... и гарно спивае... и любо, любо стае... и хылются виты... и всмихаються здри...

И Зинько заснувъ пидъ Левантынынь спивъ, не знаючы, що Левантына справи вийшла въ свій садокъ и спивала, прываблена слявомъ безкраёго неба, напоена солодымы пахощамы чаривной ночи—тыхой, якъ сонъ маленькой дытыны, ласкавой, якъ поглядъ матери...

II.

Другого дни Романъ уставъ изно. У ёго болила голова, бо вчора такы добре выпивъ. Винъ почавъ згадуваты минулый день, лежачы на соломи въ стодоли, и гнивався самъ на себе, що „завивъ кунпанію“ зъ парубкамы й зъ дивчатамы. Зъ дивчатамы воно ще ничего, до дивчатъ Романъ охочый, а отъ на вуплицю не треба було зъ ими ходыты. Ёму не годытся за панибрата зъ ими буты, а винъ учора, хыльнувши, се й забудъ. Ну, да се ще не беда, винъ заразъ покаже, що винъ не те, що вони, а беры выще.

Романъ уставъ и пишовъ у хату. Батько зъ Денисомъ та зъ Зинькомъ уже поснидали й поихалы на поле—останни копы забираты. Маты щось метушылась била печи.

— Выспався, сынку?—ласкаво озвалася вона.—Сидай-же та будешъ снитаты.

— А отъ умыюся.

Умывся, рочесався и сивъ за стилъ. Маты подала галушкы зъ саломъ. Романъ ще ничего не робывъ, то й не выголодався, а галушкы булы зъ простого гречаного борошна и здалысь ёму не смашни. Иззивъ галушку, дви та й положывъ ложку.

— А що жъ се ты, сынку, вже й не хочешъ?—здывувалася маты.

— Штось йисты не хочется,—одказавъ Романъ и вставъ изъ-за стѣлу.—Треба пойттыть провѣдать старыхъ знакомыхъ,—подавъ.

— Пиды, сыну, пиды, одвидай!

Романъ надивъ пиджака й картуза зъ билимъ верхомъ, тоди глянувъ на чоботы:

— Эхъ, ваесы просють! Ну, нехай другимъ разомъ!—и пишовъ зъ хаты.

Выйшовшы Романъ зъ двору, спынився, не знаючы, куды йты. У ёго булы комысь товариши-парубкы,—теперь уже вси жонати хазяины,—та ёму не хотилося до ихъ иты: що тамъ одъ ихъ винъ цікавого почуе? Хыба пиды, щобъ побачылы, якый винъ теперь ставъ? Дакъ же никѡго дома нема,—вси на работи. Ну, та вже выйшовъ зъ двору, то пройдется селомъ, а тамъ може й надумает куды пиды. И винъ подався вулицею. Ишовъ помалу, мовъ туды-сюды роззыраючысь на село, а справди дывввся, чы хто ёго бачыть, чы ни. Та вси люде пойхалы на поле, тилькы де-яки бабы поралыся по хатахъ. На вулицы бигалы сами диты. Одынъ маленький хлопецъ, побачывшы Романивъ пиджакъ и чоботы зъ блыскучымы ривнымы халявамы, гукнувъ черезъ вулицю до трохы старшенькой дивчынны:

— Дывысь! дывысь! панъ иде.

Романъ усмихнувся,—ёму це сподобалося. Але дивчынка глянула на ёго и видказала своему товаришови:

— Дурный! Со ты казесь? То не панъ, а салдаты Сывасенко,—мени маты казалы.

— Эчъ, чортова патайка!—подумавъ Романъ,—слова не вмиє сказаты, а ще й пащыкуе.—Винъ сердыто глянувъ на дивчынку, крыкнувъ: „Ну, ты тутъ“! и пишовъ дали, а та, перелявана, спершу мовчала, ажъ покы Романъ одійшовъ геть-геть, а тоди, пидбигшы до хлопця, сказала:

— Людоцкы, якый страшный!..

А „страшный“ ишовъ дали. Ёму по дорози була крамничка, а билиа неи стояло двое-трое чоловикивъ и жинка. Романъ знавъ, що треба поздоровкатыся, прозь ихъ проходючы, але подумавъ

соби: „Отъ ище чортъ-зна кому куражку скидаты!“ и помынувъ людей такъ, мовъ бы ихъ и не помитывъ.

— Шо це воно пишло?—спытався одынь дядько.

— Та це Сывашивъ салдаты.

— Чы ба, яке пышне: иде й не здоровкается!

И дядькы въ жинкою почалы промижь себе судыты Романа, що незвычайный, але винъ того не чувъ, а чымчыкувавъ дали и завернувъ на другу вулицю. Тамъ побачывъ середъ соломьяныхъ покривель залызныи дахъ на невеличкому будынкowi. Вгори надъ дверыма прыбыто було дошку въ напысомъ: „Народное училище“.

— А зайду до вчытеля!—подумавъ Романъ, хочъ зовсимъ учытеля не знавъ.

Выйшовъ у чымали сны въ кылочкы й гвиздкы по стынахъ за-для школярской одежи. Ставъ, не значы въ яки двери йты, бо передъ имъ було ихъ двое. Одни были трохы видхылены, и кризь ихъ чуты було розмову. Сердытыи голось, говорючы „по павському“, крычавъ:

— Чомъ ты мени чобить не почыстывъ?

— Двиръ чыстывъ,—одповидавъ другый, мужыцькый старечый голось.—Хыба я вамъ лакей? Я—сторожь.

— Нанявся сторожемъ,—повыненъ буты вчытелеви лакеемъ. Шо дня чоботы чысты!

— Та що це таке справди? Я громади пожалюся.

— Пловать мени на твою громаду! Иды заразь до Сучка и куны дви колоды картъ!

Зъ дверей выйшовъ, бурчачы соби щось, сывый сторожь.

— Чы дома вчытель?—спытавъ Романъ.

— А онъ!—показавъ сторожь на двери и пышовъ въ школы.

— Кто тамъ?—почувся въ-за дверей голось.—Мабуть зновъ хтось прытыривъ хлопця! Ну й идиоты! Хочъ не кажы имъ, шо це рано!

Двери видчыннылыся видь штурханця ногою, и на порози ставь молодой хлопец зь закрученнымы вгору вусыкамы, безь сурдута й жилета, вь самій сорочци, заложывшы руки вь кишени штанивь.

— Тоби чога?—спытався винь, але побачывшы на Романи не мужыцкку одежу, повернувь инакше:—Вамь чога треба?

— Мое поштеніе!—сказавь Романь, простягаючы руку.— Сивашовь.

Учитель давь ёму й свою руку и поклыкавь ч хату. Вь невеличкй свитлычци, зь лижкомъ, столomъ и килькома стильцамы, бувь неладъ, пороскыдувана одежа, недокуркы зь цыгарокъ, на стини гытара й рушныця, на столи стоявь недопытый чай и пляшечка зь напысомъ: „Ромъ“; пидь столomъ спала собака. Учитель попрохавь гостя сидаты и надивь пиджакъ.

Романь сивь, закынувь ногу за ногу, вытягь коробочку зь цыгаркамы, видчыннывь и простягь до вчытеля:

— Не вгодно-ли? Хорошее различеніе.

Учитель узавь цыгарку, и вены закурылы. Романь, ламаючы свою мову ще дужче передь „образованымъ чоловикомъ“, почавь выяснаты, чога винь прыйшовь. Вернувся зь города, ну, а на сели „скучно“, бо скрызь сама мужвѣ, и нема такого чоловика, щобь изь имь можно було про „образовани“ речы розмовытыся,— тилькы й е, що вчытель та врьдныкъ та ще пысарь... Дакъ оть винь и прыйшовь...

Учитель почавь уже розумиты, кого винь передь себе мае,—спершу винь подумагь, що це щось инше. Самь учитель бувь зь такыхъ, якъ и Романь: черезь двохкласову сільську школу потрапывь до вчытельськой семынаріи. Выйшовшы зь неи, мавь одержаты посаду вь своёмu ридному сели, але не схотивь, бо тамъ зь имь уси будуть за панибрата. Належавь до тыхъ учителей, що, вылизшы зь „мужыкывъ“ у „паны“, сылкуются яко мога дужче видривнытыся видь мужыка, сахаются, якъ нечистой сылы, знатыся зь имь и выглядаютъ соби якои багатой управытеливны, чы дочки грошовытого глытая зь мужыкывь, чы врьшти вдовы якого полупанка, щобь, оженившыся, покынуты

нелюбе й нудне вчытелюванне та й перейты зовсимъ „на панську лынiю“. Романъ бувъ передъ нимъ уже занадто нязький, бо вчытель нязьче пьсаря, врьдныка та крамаря Сучка и не дыдвся. Тилькы винъ ище непевный бувъ, чы справди Романъ мужыкъ. Отъ призывще ёго.. Сывашовъ... Сывашовъ.. Не чутъ у нашому сели Сывашова... Але вразъ изгадавъ:

— Та вы мабуть Пылыца Сываша сынъ?

Романъ навить трохы почервонивъ и почавъ выясняты, що хочъ сёму и правда, але вси ёго на служби звали „Сывашовъ“, бо якъ простой чоловикъ, то буде Сывашъ, а якъ „образований“, то—Сывашовъ.

Теперь учитель уже знавъ, що нема чого ёму знатыся зъ Романомъ,—се тилькы пошкодыть ёму, прынызыть ёго передъ ёго „панськымы“ знаёмымы. Надто винъ бувъ сёгодня сердытый: учора звечора винъ мало не до свиту гулявъ у карты у бачюшкы и програвъ симъ рубливъ. А въ ёго сáме не було теперь грошей, бо влитку на грошы скрутнище: взимку школяри (воны въ ёго муштровани!) разъ-у-разъ носятъ ёму всяки ковбасы, сало, а то такъ и сахаръ навить, то менше доводится вытрачаты. А теперь усе зъ готовенькыхъ грошей! Добре жъ, якъ винъ сёгодня (мае жъ поклькаты всю компанiю до себе) та одиграе, верне свое, а якъ-же ни? Все це гнивало вчытеля, и винъ сердыто сказавъ Романови:

— Ну, мени теперь нiколы... У мене дило е...

Романъ почервонивъ и вставъ ображеный.

— Якъ завгодно...

Винъ простягъ бувъ знову руку, але теперь уже вчытель не давъ ёму своєї. Зовсимъ збентеженный, Романъ швыдче пишовъ зъ хаты и чувъ, якъ слидкомъ за имъ учитель пробу-бонивъ:

— Усякий хамлюга прется знаёмытысь!

Поки выйшовъ Романъ на вулицю, ёго збентежинне мынулося, и винъ тилькы бувъ страшенно лютый на вчытеля за образу. До кого жъ бы мени ще питы?—думавъ винъ и побачывъ заразъ-же били школы волость. Повернувъ до неї.

Тутъ уже ёму пощастыло, бо выявылось, що писарь бувъ ёго колышній товарышъ. Батько ёго ще хлопцемъ отдавъ до школы ажъ у мистечко,—тамъ винъ и вывчывся на писари. Цей самъ добре вмивъ „по образованому“ и радый бувъ Романови.

— Сидай, брате, сидай! У насъ у волости никого нема: старшына, староста и всяке началство подалося снопы возыты,—дакъ я самъ тутъ и старшына, и староста, и все.

Романъ сивъ билия стблу, покритого зеленымъ, старымъ, скрызъ чорныломъ заляпанымъ, сукномъ. Писарь Грыгорій Павловичъ Копаниця бувъ такыхъ литъ, якъ и Романъ, але вже добре видпасся на волосовому хлиби, и ёго залозеный пиджачокъ бувъ вузькый на гладки плечи. Винъ крутывъ свою руденьку боридку и залюбки росказувавъ Романови, якый ёму велькый клопоть у волости, що старшына дурный, винъ самъ усе мусить робыты, и за себе, и за старшыну справлятыся, а плата мала, а „такъ соби посторонній доходъ тоже не значительно большой“. На думыкъ такъ-сякъ збывся, а бильше й ни зъ чого...

Тоди почавъ росказуваты Романъ, якъ винъ живъ у гб-роди—спершу въ салдатахъ, а тоди на служби въ палати; тилькы винъ уже не казавъ теперь, що бувъ швейцаромъ, а говорывъ, що бувъ „такымъ служащымъ, што, знаешъ, надзыраеть за йзданіемъ“.

Тоди збалакалысь за мужыкывъ, и писарь ихъ лаявъ, що народъ ставъ неслухняный и все хоче, щобъ на дурнычку ёму роблено, мовъ и не тямты, що хочъ таксы й нема, ну, а всякому звисно, що, опричь годовой платы, треба писареви и за кожну роботу—чы за нагпортъ, чы за роспыску, чы ще за що—окремо заплагыты... а мужыкъ, колы й скаже, що прынесе мирку картоли, то прышле тилькы пивъ миркы.. и отакъ усе...

Гомонилы довгенько, ажъ поки писарь сказавъ:

— Ну, знаешъ що, Романи Пылыповичу? Ходимъ до мене обидаты! Пошаную тебе для нового знакомства.

Романъ тому бувъ дуже радый. Уже выходючы, стрилы на порози враныка Ивана Иллича, трохи старшого за ихъ обохъ чоловіка, непоганого зъ себе, въ пидстрыженою гострымъ клынцемъ боридкою. Писарь зазнаёмывъ ёго зъ Романомъ та й

тежъ покыкавъ до себе обидаты. Сей хочъ и пообидавъ, та не мавъ заразы чого робыты, то пишовъ.

Пысаръ жывъ у гарненькому домыку, прыбраному по мищаньскому, зъ стильцями, зъ тапчаномъ, зъ комодою та старенькымъ „буфетомъ“, поставлянымъ у найпарадницю хату, зъ ясно-хварбованымы малюнкамы пидъ скломъ по стинахъ. Выдко було, що добродій Копаниця даремне звавъ „такъ соби посторонній дохоть“ „не значительно большимъ“. Гостей стрила пысарька — молода, одгодована и свижа молодыця-моргуха.

— Улясю,—сказавъ весело пысаръ,—давай намъ обидаты та ще й швыдко! Та ще й доброго!

— Буде й добре, буде й швыдко!—сміючыся прывитно, видказала молодыця и побигла въ пекарню.

Незабаромъ справди сѣдили за столомъ. Пысаръ вытягъ зъ кышени пляшку горилкы и поставывъ на стиль.

— Доброхотное даяніе?—спытавъ, пидморгнувши, вридныкъ.

— Зъ капосного Омелька,—видказавъ господарь,—треба було бъ бильше, та вже хай буде й стилькы.

— Всяко даяніе благо, а надолужыты можно не теперь, то въ четверь,—порадывъ уридныкъ.

Выпылы по чарци, и хазайка чарочку хыльнула, и тилькы взялысь до борцу, ажъ у синяхъ щось затупотило.

— А чы дома хазяинъ?—почувся звидты товстый голосъ.

— Ге, це Михайло Грыгоровычъ!—сказавъ пысаръ.—Идуть! идуть! дома!—и винъ одчынивъ двери.

У свитлыцю ввійшовъ невысокій, але товстый рудый чолсыкъ, убранный у гарну чумарку, зъ картузомъ у рукахъ. Сёго Романъ значъ, се бувъ крамарь Сучокъ. Хазяи почалы садовыты ёго за стиль. Вивъ повагомъ, зъ протягомъ вымовляючы кожде слово, упевнявъ спершу, що вже пообидавъ и зайшовъ за диломъ, але врешти сивъ. Выпылы знову й почалы йсты смашный борць. Покры пидйили, то мало розмовлялы, але потимъ уже, по четвертій выпывшы (и пысарька Уляся що-разу по пивъ чарочки), зробылысь вси весели й гомивки. Романъ

бачывъ, якъ Уляся все моргала на вядныка та прыпрохувала ёго. Сучка не прыпрохувала, але той и самъ добре йивъ, важко сонучы. Пообидавшы, позакурювалы и пишы въ садокъ—господарь изъ Сучкомъ попереду, за ими Романъ, а позады усихъ урядныкъ зъ пысарькою. Озырнувшысь выпадкомъ, Романъ побачывъ, якъ урядныкъ займае Улясю за станъ, а вона, сміючыся, сварытца на ёго пальцемъ, показуючы, що побачуть передни. И Романови одразу стало заздро й шкода, що не винъ займае червоноцоку веселооку пысарьку.

Въ садку полягалы й посидалы на трави и зновъ почалы розмовляты, коженъ здебильного про свои дила, и вси якось чеплялыся за мужыкывъ: одному мужыкы тымъ не догодылы, другому иншимъ. Сучокъ казавъ, що мужыкъ хытрищый за чорта, а вядныкъ доводывъ, що хочъ винъ и хытрый, але дурный, и росказавъ, щобъ пидперты свою думку, про дурного Хому, якъ винъ мыло пойивъ. Вси страшенно реготалыся, а заохочены оповидачы докыдавъ одну по одній ще й инши брехенькы про мужыкывъ: про те, якъ мужыкови переминылы ёго хахлацьку голову на чортову; про те, якъ салдаты и хахолы кыпылы въ пеклы въ казани: чортъ сказавъ: Салдаты!—А салдаты: Ась?—Ну, вылазь!—Тоди до хахла: Хахолы!—Шшчо-о?—Ну, сиди ищо! Вотъ тибѣ за хахлацкый языкъ у пеклы сыды!

Вси знову реготалыся, а пысарька навить крычала тоненько:
— Ахъ, прелисть! Ахъ, прелисть!

Вона служыла въ панивъ за покоивку и тамъ навчылася такъ крычаты.

Потимъ повернулыся въ хату и пылы чай и знову весело гомонилы...

Сучокъ пишовъ, бо ёму треба було въ крамныцю, але Романъ зъ урядныкомъ досидилы ажъ до вечора.

Въ хатахъ уже посвityлося, якъ Романъ вертався до-дому. Якъ увійшовъ у хату,—симъя саме вечеряла.

— Бачъ, отъ де й нашъ прыблуда!—озвався, ласкаво сміючыся, батько.—Де се весь день швендявъ?

Отъ, хыба въ ёго нема тутъ добрыхъ людей, знаёмыхъ!— и Романъ почавъ розказуваты, що винъ ходывъ до вчытеля и такъ гарно зъ имъ познаёмывся, а тоди бувъ у псыря, и якъ добре ёго тамъ прыймаю... Маты радила, слушаючы, якъ іи сына гарно витають, инши мовчали.

— Та сидай уже, сынку, блыжче до столу та вечерай!— прыпрохувала маты.

— Вотъ я такыхъ стравъ наѣвся у псыря, што вже мынѣ вашои вечери не хочеться.

Матери се трохы не сподобалося, що сынъ поныжае іи стравы, але винъ того не помитывъ и зновъ почавъ розказуваты про псыря: якъ винъ гарно жыве та якъ добре буты псыремъ.

— Та воно добре,—озвався Зинько,—та тилькы ще краще було бѣ, якъ бы псыри бильше по правди робылы, а то... онъ и сей такый, що прымивъ бы,—двѣ шкуры зъ тебе дравъ бы.

— Ну, се, братуха, пустякъ дѣло,—одказавъ Романъ,—на то шука въ мори, штобъ карась не дрималъ. Каженъ зъ свово ремесла можыть сыбѣ барышъ брать.

— Нехай и барышъ, та не здырство,—озвався батько,—а то сей бувъ такый харпакъ, що на хребти не держався сирякъ, а теперь уже бачъ у яки достаткы зъ тыхъ барышивъ убывся. Та ще й вельчыется: мужыкы—дуракы! Ты бѣ, Романе, краще не водывся зъ имъ: винъ тебе на добро не напутьгъ, а люде про тебе погане казатымутъ.

— А какое мынѣ вынманіе до людей?—одказавъ Романъ, здвигнувшы плечыма.—У насъ своя кунпанія. Ну, што тамъ розбалакувать,—время спаты!

Забравъ одежу и пишовъ спаты въ клуню. Умощуючысь на соломи, згадавъ, яки высоки й мякы подушкы, квичастою ковдрою застелени, винъ у псыря бачывъ. И ёму стало заздро и схотилося такой сáме гарной свитлыци, мякыхъ подушокъ, доброй стравы зъ горилкою и червонощокою жинкы... А хата батькова здалася ёму такою негарною й чужою... та й люде въ тій хати... Вельба штука, што воны ёму свои! Колы жъ воны

таки... мужыкы!.. И поправди вридыкы та пысарь изъ ихъ сміются, бо вони жывутъ такъ... зовсимъ „безъ понятія, якъ настоящая необразованая жывотная“. Хыба жъ винъ може такъ жыты? Коны жъ винъ теперь зовсимъ иншый чоловікы ставъ!

Винъ усе думає про це и не мигъ заснуты. Поручъ изъ тымъ, що винъ бачывъ сёгодня, згадуався ёму гѣродь, вулицы зъ лыхтарямы, свитлыцы въ палаты, де винъ бувъ за сторожа... циркъ—оттуды шо дня ходывъ бы! А тутъ ся тисна хата зъ лавамы, зъ рогачама... Сей батько або Денысь, шо якъ скаже слово, то такъ и верне языкомъ „на верлѣ“... Репана мужва—ажъ смердыты! А тамъ, у гѣроды, зовсимъ не такы люде... А дивчата!.. И винъ почавъ прыгадуваты городяньскыхъ покойвокъ та куховарѣкы, яки булы до ёго ласкавы... Ахъ, чортъ ёго знае! Машка мабутъ плаче теперь!.. (Гляды, шо ще дыгына буде!..) Та хыба сама Машка? Булы й попередъ неи...

Уставъ, не можучы лежаты, нахынувъ пиджака и выйшовъ зъ клуны. Въ кинци садка, шо бувъ заразъ же сумежно зъ токомъ, якыйсь чыстый молодой дывочый голось выводывъ писню.

— Шо воно спива въ нашому садку?—подумає Романъ, перескочывъ черезъ тынь, и пишовъ садкомъ. Спивало не въ ихъ, а въ садку въ сусиды въ Струка. Романъ перелизъ и черезъ Струкивъ тынь и потыху пишовъ помижъ деревамы унызъ до ричкы на той голось. Незабаромъ винъ побачывъ дывочу постать. Выдно, шо прайшла по воду, бо на земли стоялы видра, але вона забула про ихъ, прычарована сією тихою ничю и нижно зваблывымъ плюскотомъ темныхъ хвыль била своихъ нигъ... Стояла й спивала...

— Мабуть Струкова наймычка,—подумає Романъ, и ёму згадалось їи деликатне облычче зъ довгымы віямы на щокахъ и тоненькый станъ,—такъ винъ тоды въ танци обкрутнувъ їи, обхопывши за станъ рчкою... Вся зачервонилася, задыхани молоды груди высоко здіймаются... выхопылася и втекла...

Романъ тихо-тихо пидійшовъ до дивчины. За спивомъ вона почула ёго тилькы тоди, якъ уже била неи стоявъ. Жяхнулась:

-- Ой Боже! хто се?

Хотила вже тикаты, але винъ прыдержавъ ии за рукавъ.

— Се я... Романъ...

— Чого жъ се ты.. вы тутъ?

— Паслишалъ якъ поёшь та й прыйшовъ.

— Ото жъ! Чого бъ то вы до мене прыйшли!

— Того, што харошынъка!—и винъ хотивъ обняты ии за станъ, але вона выпручалася.—Какъ тыбъя звать?

— Левантыною.

— Харашо!—и винъ такы обнявъ ии й прытульвъ до себе. Але вона заразъ одипхнула ёго, вырвалася и, покынувши й видра, якъ коза дыка, втекла, покрывшыся за деревьямы.

— Эчь, яка прудка!—подумавъ Романъ.—Моторна! А ловка дивчинка,—треба бъ заходьтсья коло неи!

Постоявъ ще трохи, дожмдаючы, чы не вернется по видра. Не верталася. Пишовъ до-дому въ свою клуню.

Туды вже тымъ часомъ прыйшовъ спаты Зинько.

— Я думавъ, що ты вже спышь, Романе, а ты ще ходышь.

— Не спытсья какось.

— Отъ и мени часомъ не спытсья. Усе думкы обнимають, та й спаты не дають.

— Думкы?—сказавъ Романъ, и Зинькови на мыть вдалось, немовъ сказавъ трохи глузуючы.—Што за думкы?

— Та всяки... Отъ учора я все думавъ: якъ ёго такъ изробыты, щобъ усимъ людямъ добре на свити жылося? А то отъ хочъ бы сказаты про землю... Такого народу намножылося и де дали, то все бильше й бильше людей на свити стае... Людей бильшае, а земли не бильшае... Ну, теперь скрутно людямъ жыты, а де дали все скрутнише, все скрутнише буде... и такъ колысь изробытсья, що не ставатыме людямъ того, що земля

може зародыты... Що жъ тоди робить людямъ? Хоть зъ голоду гныя!

— Вотъ штука!—видказавъ Романъ.— Не стаять тутъ чого всты,—прыкажутъ переселяться на другое мѣсто та й шабашъ!

— Та я жъ кажу: а якъ на другому мисци такъ буде? По всій земли такъ. Що тоди буде? Може проѣде въ кныжкахъ, або що, пышется? Тебе добре навчено въ саддатахъ, Романе, то ты се повиненъ знаты.

— Въ какихъ тамъ кныжкахъ?—одказавъ Романъ.—Вотъ, будутъ ищо такіи кныгы печатать! Про ето начальство само знаетъ, какъ и што.

— Ни,—не згодывся Зинько,—отъ я чытавъ одну кыгу про чужи край, такъ у йй...

— А, пустякъ выманія!—перепынывъ ёго Романъ.—Лучче давай спать!

Винъ одвернувся, мовъ хоче спаты. Винъ бувъ мало пысьменный, кныжокъ не чытавъ, хыба часомъ анекдоты про Балакырева. Теперъ винъ бачывъ, що Зинько за ёго бильше пысьменный и щось знае таке, що Романъ ёго не знае, и ёму стало няково. А Зинькови здалося, що Романъ меньше знае, ніжъ спершу винъ, Зинько, думавъ про ёго.

Другого дни вранци батько зайшовъ у клуню, збудывъ Зинька й Романа и звеливъ обомъ иты на тикъ молотыты. Зинько заразъ уставъ и пишовъ, а Романъ довго иде огынався. Ёму зовсімъ не хотилося молотыты, трохы навить соромъ було до чорной роботы братыся. Що це батько соби дума? Що винъ буде ёму въ гною рыться, воламы хвосты крутыты? Не питы оце та й годи!

Одначе сѣго разу ще не зважывся сперечатыся зъ батькомъ и пишовъ на тикъ. Сонце ледве почынало вызыраты зъ-за обрѣю, було рдсяно й холодно, и Романъ ажъ тремтивъ. На току вже були батько й браты.

— А що, брате, холодно?—озвався Денсыъ.—У васъ тамъ по городахъ теперъ ище сплять. Та дарма! Ягъ ципомъ помахаешъ, то такъ угрѣешя, що й потомъ тебе вмые.

Романъ ничего не видказавъ, узявъ ципъ и ставъ ближе до Зинька. Ударыло чотыри ципы: тры смило й важко, одынь якось не до ладу. Романъ зовсимъ одвыкъ одъ ціей роботы. Винъ не потраплавъ у ладъ, замисто щобъ уцилыты бычемъ, бывъ у снпъ кинцемъ ципылна, а бычь завертався вгору и заскакувавъ назадъ. Винъ росердывся й гупнувъ зъ усіей силы. Бычь одирвався, видскочывъ и вдарывъ Романа по руци дуже боляче. Романъ кынувъ ципылно й лайнувся.

— Эге, сынку,—озвався батько,—та я бачу, що тобі треба довго привчатися, щобъ изнову добрымъ молотнымъ стати.

— На чорта я буду привчатися?—вызвирывся сердытый Романъ.—Разли вы думаете, што я буду гупать тутъ изъ вамы по остюкахъ цепомъ?

— А хыба жъ ты думаешъ, що хлибъ самъ буде робытця, самъ и въ ротъ кластыметься?

— И безъ етаго дурацкаго дѣла сытъ буду!

— А ну, якъ?

— Разли я сыбѣ службы не знайду? Вотъ пойду въ икономію и прыкащыкомъ поступлю.

— А шо жъ, добра штука,—видказавъ спокійно батько.—Абы прыйняли.

— Ищо-бы! Имъ образованыхъ людей нужно.

— Та... казала й Ганна, що вона рада за пана, дакъ панъ, клятый, не бере!—засміявся Денсыъ.

— Этъ, вы зъ вашымы мужыцькымы выгадкамы!—росердывся Романъ, кынувъ ципъ и пишовъ зъ току.

Батько зъ сынами зырунулыся, але нхто ничого не сказавъ, и ципы знову загупалы по повноколосыхъ снопахъ, далеко озываючыся у свижому жывущому повитри веселого, сонцемъ осяяного ранку.

Сердытый Романъ, не заходячы въ хату, подався просто на село и опынывся у врьдныка. Тамъ винъ потрапывъ на чай, напывся ёго добре, потимъ ще посыдили та побалакалы. Романови хотилося, щобъ ёго зоставлено й обидаты, дакъ господари

або не догадальсь, або не схотили того. Довелось йти обидаты до-дому. Прийшовъ, якъ уже вси пообидали, и обидавъ самъ. Маты, щобъ ёму догодыты, заризала й зварыла курку. Выголодавшысь Романъ, не оставивъ зъ нею ничего. Попойившы, заравъ подавсь изнову зъ дому.

Почувъ, що сёгодня тилькы прийшовъ до Грыценкивъ ихъ салдаты, дакъ и повіявся туды. Винъ зъ имъ не въ одному полку бувъ, да те дарма: салдаты, то вже однаково, що й товаришь.

Грыценкы были вбоги люде и не заклыкалы бёседы такъ, Сывашы, але и въ ихъ были гости: двое-трое родычивъ. Билывый поганенькый салдатыкъ сидивъ за столомъ радый такый, що ажъ сие, и роспытувавъ про хазайство, про родычивъ, про товаришывъ, бажаючы знаты все, що сталося на сели, видкблы ёго не було дома. Романа посадылы за стиль, шанувалы...

Вернувся Романъ до-дому ажъ у вечори и лигъ заравъ спаты. Другого дни пишовъ зранку, проблукавъ у гаяхъ до обидъ и прийшовъ до-дому такъ, щобъ изновъ обидаты самому. Уже кинчавъ обидаты,—ввійшовъ батько зъ току:

— А де, Романе, бувъ? Чы не въ окономіи?

— Де бувъ, тамъ бувъ! Посліемо ще зъ окономією!... Сзрёмённо все зробытсья.—И ввійшовъ зъ хаты.

— А що, стара, робытымемо зъ сынкомъ-салдатыкомъ?—запытався Пылыпъ у жинкы, якъ Романъ ввійшовъ.

— А що жъ тамъ робыты?—видказала Параска пытаннемъ, мовъ не розуміючы, бо се справа про іи мазунчыка була.

— Де та якъ будемо добуваты, щобъ ёму на пануванне настачыты?

— Оце ще що выгадай! Дытына тилькы прийыхала, нато-мылася,—и видпочыты не дасть. Оклыгае, то й до работы визьметсья.

— Ни, каже, що не хоче братыся, а буде въ окономію прыващыкомъ поступаты.

— А може жъ и поступыты! Винъ же въ насъ образованый.

— Треба тамъ тавыхъ!

— Ты вже нападешся! Перечасуй, то й побачышь, що все добре буде. А то ты якъ почнешь гриматы, то тилькы сварка буде.

— Добре, я перечасую, помовчу трохи,—побачымо, якъ зъ ёго люде будуть.

И батько справи замовкъ и не казавъ Романови ничего.

III.

Тры дни мывуло тыхо; на четвертый Романъ попрохавъ у батька карбованця.

— На що?—спытавъ батько.

— А што жъ, я безъ капйкы жыть буду? Пакуда дашовъ,—вытратилсь. И папырсь не за што купыть!

— Ге, хлопче! Якъ мы будемо на панськы цыгаркы грошы переводыты, то скоро зъ насъ и хазыйства не стане,—видказавъ батько.—Нема въ мене грошей.

Романъ ляснувъ дверыма та й подався на село. Винъ гнився на батька й на бративъ страшенно, лаявъ ихъ мужвою нетамущою, що не розуміють, якъ повинни поводитыся зъ образованымъ чоловикомъ. Але винъ те знавъ добре, що якъ батько затнется, то вже зъ имъ ничего не зробишь. Грошей винъ не дасть.

Треба справи питы въ окономію: а може пощастыть. Окономія була велика, и людей тамъ служыло багато. Романъ разъ же й пишовъ до вправытеля и знайшовъ ёго въ контори.

— А що скажешъ?—спытався той.

Романъ почавъ выяснаты, що служывъ на служби и хотивъ бы маты якусь прыстойнишу, нижъ проста хлиборобська, роботу.

— Яку жъ то роботу?—попытавъ управытель.

— Хотивъ бы прыкащыкомъ.

— Эге, не треба намъ прыкащывъ, бо вси е. Та й хыба жъ ты знаешъ хазайство? Бувъ у салдатахъ, служывъ десь швайцаромъ, а до хазайства пнешся!—и вправитель повернувся бувъ до свого дила, але заравъ же зновъ озвався:— А въ тимъ... мени треба одного чоловика въ контору... Тилькы щобъ добре пысьменного. Пысьменный?

— Такъ тошно.

— Сидай за стиль, пышы!

Романъ сивъ и взявъ перо у руки, а вправитель, не дывлючысь на ёго, а запысуючы щось у велику книгу, почавъ проказувати ёму що пысаты. Ни перо, ни пальци някъ не слухалыся Романа, и ледве встыгъ винъ вывести два перши слови, а вже той наговорывъ ёму ихъ зо два десяткы.

— Позвольте,—я не послышавъ, какъ вы сказаны...—прыпынывъ ёго Романъ.

— Не оставать позаду!—управитель проказавъ ёму знову все зъ початку.

Романъ зновъ ухопывъ килькы сливъ, а все инше загубывъ.

— Позвольте,—не вспишусь.

Той глянувъ на пысанне и побачывъ, що зъ усёго проказаного напысано килькы першыхъ сливъ великымы недотепнымы кривымы карлючкамы: Романъ ледви вмивъ пысаты.

— Пиды жъ спершу навчысь пысаты, а тоди прыходь. Въ контору не годышся. Колы хочешъ,—ставай до молотылкы.

— Ни, до молотылкы не хочу.

— И добре, бо ливныхъ мени не треба. Йды соби!

Романъ выйшовъ зажуреный и сердытый.

У ёго ще було въ кышени трохи грошей, винъ зайшовъ въ монополию, купывъ горилкы и выпывъ зъ горя заравъ же пидъ хатою на вулицы...

Другого дни вранци стара Сывашыха полизла въ скрыню довго тамъ щось перекидала ажъ на дни и врешти вытягла якыйсь вузлыкъ. Звидтила вывъязала карбованця и, якъ Романъ уійшовъ у хату, виддала ёму.

— На тоби, сыночку, карбованця, бо батько не дасть, а тоби треба.

— Отъ спасыби, мамо, хочъ вы по людському до мене,— не такъ, якъ батько.

— Да тилькы ты, сынку, шукай соби роботы, а то буде въ васъ гнивь та сварка зъ батькомъ та зъ Денысомъ.

— Ходывъ уже въ икономію.

— А що жъ?

— Взялы бъ зъ дорогою душею, дакъ усѣ прыкащыкы есть. Хочъ я й салдаты, ну—невозможно для мнѣя человѣка прогнать.

— Правда... Отъ лышенько... А може щѣ де пошукаты.

— Найдѣмъ! Не поспишайтесь! Усѣ будетъ у свою прыпорцію и на неболшомъ разстояніи.

А самъ соби Романъ думавъ: мабутъ у матери не одынь вузлыкъ зъ карбованцями. Треба такъ идерутыты, щобъ воны ёго рукъ не мынули.

Збигло ще тыжднивь зъ пивтора. За сей часъ Романъ дужче зазнаёмывся зъ крамаремъ Михайломъ Грыгоровычемъ Сучкомъ. Спершу винъ тилькы въ крамныцю до ёго заходывъ, а дали й до-дому,—разъ навить обидаты ёго зоставлено. Ылы добре,—черезъ те мабутъ таки й гладки булы и самъ Михайло Грыгоровычъ, и ёго жинка Агахвія, и дочка ихъ Горпуша, дивчына рокивь девъятнадцатѣхъ, або й двадцатѣхъ. Сучкови Романъ розказувавъ, що винъ покы такъ соби, ничего не робыть, розглядаеться до чого братыся: чы службу браты, чы комерцію заводыты, и натякывъ, що въ ёго е на ту комерцію грошы. Се винъ выгадувавъ на те, щобъ Сучокъ ёго мавъ не за абы-що. А той ёму такъ и вирывъ, и не вирывъ, а про те до себе пускавъ.

Зазнаёмывся ще Романъ и зъ дякомъ та зъ якымысь „служащымы“ на залызнычній станціи. Туды Романъ ходывъ розпытаться, чы не треба на залызнычній линіи жандарма,—хотывъ ще туды податыся, але на ти посады брано тилкы унтеръ-офицерывъ, а винъ бувъ простой салдаты. Романъ разъ-у-разъ ходывъ по своихъ знаёмыхъ и радый бувъ, якъ траплялося тамъ напытыся чаю а бо що смашне зйсты, бо дома того не було. Дома винъ такъ такы ничого й не робывъ; тилькы по-

справлявъ соби вудкы и ходывъ на ричку рыбу надыты. Що вловыть,—прыносятъ матери, а вона ёму варыла юшку,—„вухую“ винъ ии звавъ,—або пекла рыбу въ сметани. Винъ пидлещувався до матери, щобъ выдурюваты въ неи грошыкы, и маты справи ёму давала зъ своихъ схованокъ—покы було що даваты. Винъ ий розказувавъ, що ёго скрызъ такъ гарно прыймають, и ось-ось уже винъ матыме службу, а заразъ не можно, бо... щось тамъ выгадувавъ!..

Тымъ часомъ по селу пишла чутка про те, якъ Романъ ходывъ найматися въ прыкащкы, и якъ управытель дававъ ёму пысаты. Парубкы й дивчата на вулицы почалы глузуваты зъ Романа,—звисно не въ вичы, бо винъ на вулицю не ходывъ. Але одного разу се почувла й Левантына. Вона оступылася за ёго.

— И чого бъ я сміялася? Якъ не пощастыло чоловикови, то хыба вже винъ и поганый? Та може жъ те все ще й брехня!

— А ты се зъ якои речы такъ ёго борониты заходылася? крыкнулы дивчата й парубкы та й почалы сміятыся вже зъ Левантыны, прыкладаючы до неи Романа. Вона розсердылася:

— Тю на васъ! Чы вы не подурилы? Чого вы мени ёго на шыю чепляете? Подавиться вы своимъ Романомъ!

Бачучы, що вона сердытся, облышылы ии.

А Левантына якъ одсердылася та верталася до-дому, то зновъ ий стало жалко Романа. И черезъ що ёго такъ уси на глазы взяли? Такой гарный зъ себе! Чудный трохы зъ своею „образованую“ балачкою, та це вси салдаты таки, якъ прыйдуть, а якъ поживуть трохы дома, то ии знову по людському говорюють. Тилькы погано, що винъ рукамъ волю дае. Отъ уже вдруге винъ ии перестрива въ садку. Вперше вона ёго такы добре турнула, то вдруге винъ тихшый бувъ, хочъ и не зовсимъ. Вдруге вона вже видъ ёго такъ швыдко не втекла, и вони трохы постоялы, погомонилы...

Такъ думала Левантына про Романа и згадувала ёго гарни вусы и чорны бровы и станъ ривный...

А Романъ и соби вгадувавъ Левантыну. Вона ёму дуже до вподобы припала. Якъ бы їи вбаты въ панську одѣжу, то зовсімь-бы якъ панночка була. Куды! Не всяка й панночка зривнялась-бы зъ нею! Та їи й дражнють на сели панночкою. А се того, що мати породила їи, дивчиною бувши, якъ служыла въ панивъ за наймычку. Казали за якогось паныча... Мати вже вмерла, а дочка, якъ и матирь, ходыть теперъ по наймахъ.

Романъ бувъ не дурный и незабаромъ помитывъ, що дивчынни не подобається ёго занадто смиле поводинне и не-проста мова. У городи дивчата до сёго позвыкалы, а тутъ—ни. Романъ надумавъ поводитыся зъ нею такъ, якъ звычайно по-водються зъ своими дивчатамы сельськи парубкы. И говорыты зъ нею почавъ тилькы по простому.

Дивчына помитыла, що Романъ до неи вже не такой ставъ, и сама подобрицала трохи до ёго. А що про ёго погане казали,— вона те за водою пускала. Хыба люде не набрешуть? На неи саму таке разъ-у-разъ наплещуть. А винъ їй такъ усе гарно розказуе про себе. Хочъ винъ теперъ и безъ службы, дакъ що? Прийде та годына, що й служба въ ёго буде, и жытыме винъ паномъ дило. А що винъ дома ничего не робыть, дакъ разъ, що винъ одвыкъ одъ простои роботы, а вдруге, що винъ хоче краще навчытыся пысаты, дакъ не можно чорной роботы робыты бо видъ того пальци задубіють, зашкарубнуть, и ніякъ не выведешъ перомъ. Романъ не дурывъ сымъ Левантыны: винъ и справди разивъ килькы сидавъ учытыся пысаты, та довго не мигъ высидиты, бо се було такы нудно. Винъ и въ салдатахъ учывся бильше зъ примусу.

Роспытувався Романъ Левантыну й про їи жытте. Тяжке се було жытте. До семы рокывъ мати тягала їи зъ собою по наймахъ, а писля семы й саму виддала въ наймы. Покры жыва була мати, то тяжко було жыты: все по чужыхъ хатахъ та по чужыхъ людяхъ. Та скрызъ поштуркують та шматкомъ хлеба дорикають. А вона того шматка хлеба николи дурно не їила: тилькы на ноги зопъялася, то вже й велить хазяи менши диты хазяйськи глядиты або посылають гусы пасты, чы телята. Мати

за гроши живе, а вона за харчъ своїми малыми руками й ногами видбувала, хочъ матери за те плачено менше, що вона зъ дитиною була. Та якъ умерла мати, то тоди вже й свить бидній дивчини потьмарився. Мати хочъ и погримав, и попобъе було, та й пожалуе,—Левантыни й сонечко засміється. Тоди було Левантына гнивалася на матирь, якъ та часомъ ударить, а теперъ бы й руки тіи цілувала, якъ бы были. Та важка земля на грудяхъ. У наймахъ, кажуть, и батьва не вжалієшь. А вже сироту, то й не думавъ вихто жалити. Ходыла й по снигу боса, йила й такый хлибъ, що собаки треба размочыты въ помыйныци, та й тоди вона не схоче. Що вже на вулици хлопци та дивчата прыкладкы до неї прыкладають, загадки: Вгадайте—що на свити найшвидче бига? Левантына, якъ іи хазяйка потылышынкамы нагодуе. Панночкою та прыплентачкою дражнють...

Де що зъ усёго цёго Левантына розказувала й Романови. А винъ жаливъ іи, що вона така гарна та молода та поневирається въ наймахъ. Вона ёму така вдячна була за ёго ласку, бо мало іи бачыла, и казала про те, якъ ій и теперъ важко жыты въ Струкивъ, що дуже зъ неї знущається сердыта й лаюча Стручыка. А одного разу Романъ изнайшовъ іи на левади, якъ вона сыдила й тяжко плакала. Стручыка попобыла іи качалкою ни за що: хтось изъ хазяйськихъ дитей побывъ лампадку бия богивъ, а хазяйка звернула на неї. Левантына плакала й нарикала на свою долю, а Романъ розважавъ іи ласкавыми словами и прыгорнувъ до себе. Вона вже не пручалась и не счулася, якъ винъ ставъ іи цілуваты, и вона ёго цілувала... плакала й цілувала и звала братикомъ и мылымъ, и ридненькымъ... и ій такъ гарно, гарно стало... и вона забула Стручыку зъ качалкою и все забула... сыдила зъ имъ обнявшыся и розмовляла... и зыралася зъ имъ очыма при мисяшному сяєви...

Зъ того часу Левантына вже вважала Романа за свого парубка, за жениха и поводылася зъ имъ такъ, якъ зввычайно дивчата на сели зъ своїми женихамы поводотся. И якъ зввычайно на сели бувало, винъ ставъ ходыты до неї ночуваты въ

повитку, и вони такъ любо розмовляли довгими ночами. И їй здавалося, мовъ того Романа, що такъ негарно займавъ їн спершу, вже й не було. Винъ бувъ такій, якъ и вси сільські парубки, поводився зъ нею чесно, по правди. И де-дали, вона ёго все дужче та дужче кохала.

А Романъ, вертаючыся видъ Левантыны зъ повитки до дому, разъ-пд-разъ думавъ: Доки жъ воно такъ буде? Ёго розпоганеній городянськимъ жыттемъ удачи вже докучало чесне коханне, озывалася ёго звиряча природа...

А бідна дивчына того ничего не знала, не розумила, вид-дала ёму всю свою душу и не помичала, що вона вже надійшла ажъ на край страшной безодни: ще разъ ступны тією стежкою дали напередъ, и вразъ зникне земля підъ ногами, и, скривнувши страшно, якъ птиця підстрелена, внаде вона туды вглыбъ, ханаючыся руками за повітре, обрываючы тило объ гостре каминне... и падатыме довго—ажъ покы вдарыться головою объ останню въ їи жытти скелю и ляже на дно безодни вже бездушнымъ покалеченымъ трупомъ...

Увесь цей часъ батько не займавъ Романа: дожыдався. И сынамъ звеливъ не займаты. Зъ Зинькомъ се лехко було, бо той удався лагіднои вдачы та й самъ такъ думавъ, якъ и батько. Але Денысь лютувавъ страшенно: винъ такій невсипущый хазяинъ, працювавъ до кривавого поту, видпочыну ніколы не знавъ и не знае, а сей дармойидъ, се ледащо буде переводыти добро, надбане ёго, Денысовою, працею, дурно йистыме хлибъ, зароблений ёго руками! Та вже хочъ бы йивъ мовчки, а то ще й величається, ще й несется! Де жъ такы се выдано? Якъ се можна терпыты?!

Денысь сёго не розумивъ и сперечався зъ батькомъ та зъ матиррю. Винъ бувъ зъ тыхъ селянъ, що по-за господарствомъ ничего не бачуть, а всю свою сылу, вси свои думкы й почування виддають одному—абы придбаты бильше, абы статы заможнымъ хазяиномъ. Працюючы тяжко, не жаліючы ни себе, ни своихъ, вони не розуміють ни иныхъ думокъ, ни иныхъ

порываннѣвъ, опроче тыхъ, якымы самы живутъ. Черезъ те Денысови Зинько здавався трохи дурнымъ зъ ёго думкамы про книжки и про всяки инши, не хазийськи, справы. А вже тыхъ, що стають имъ на ихъ тяжкій дорози, перешкожають имъ своимъ недбалствомъ, ледарствомъ досягаты бильшого,—такихъ людей вони ненавидють якъ найгиршыхъ злочынцѣвъ и лыходѣивъ. Проты такихъ людей озывается крыкомъ кожна крапля ихъ трудовныцького поту, кожный рухъ ихъ натомленого важкою працею тѣла. И въ ихъ немає тоди жалю...

Але батько заборонѣвъ займаты Романа,—самъ хотѣвъ зъ имъ, якъ прѣйде той часъ, говорыты. Денысъ доси звыкъ слухаться батька, то скорывся й сёго разу, хочъ сердце въ ёго й выпило, и винъ такъ поглядавъ на Романа, що той и безъ сливъ добре розумѣвъ, якымъ духомъ на ёго Денысъ дыше. Браты мало розмовлялы, мало бачылысь, але промижъ ихъ уже зростала слипа зненѣвѣсть, покы ще нѣма, але дожидала тилькы часу, щобъ выявытыся, выбухнуты. И той часъ прыстыгъ.

Одного разу Романъ, проспавшы, пѣсля безсонной ночи зъ Левантыною, трохи не до обѣдъ, увѣйшовъ у хату и самѣ натрапывъ на батька зъ Денысомъ.

— А що, Романе, якъ же твоя служба?—попытавъ батько.

— Прѣйде колысь и служба!—видказавъ нехотя Романъ.

— Чы вона прѣйде, чы ни, то ще хто ёго зна,—не вдержавъ язика Денысъ,—а покы выходыть такъ, що ты соби паномъ дѣло живешъ, а мы на тебе робымо.

— А то жъ! На то я Богуч-государю служывъ, щобъ те перъ зъ выламы до гною йты!

— Не кажы дурныць, Романе!—озвався знову батько.—Адже инши салдаты роблють мужычу роботу—оля и Петро, и Карпенко, и Грыценко,—а тоби жъ чомъ не можно?

— Колы роблють, то й хай соби роблють, а я не можу.

— Эчь!—не втерпѣвъ знову Денысъ,—панъ! благородный! Вони не можуть мужыцькою работы роботы: биленьки ручкы покаляють! Дакъ не живы зъ мужыкамы, а йды соби до павѣвъ!

— Денысе, цыты!—сказавъ батько.—Я буду говорыты.
Але було вже пизно.

— Ты мени не указь!—вызвирывся Романъ на Деныса.—
Можешъ ты знать понятіе, необразована ты мужва!

Денысь зовсимъ скипивъ. Побиливъ, зарвавъся зъ лавы,
стыснувъ кулаки и сказавъ, задыхаючыся зо зла:

— Тату! выженить ёго зъ хаты, а то я ёго заразы
бытуму!

— Ты сміешъ мене быты?—скрыкнувъ Романъ и кынувся
до Деныса.

— Романи! Денысе! Покыньте! Що це вы робыте?—спы-
навъ ихъ батько. Маты скрыкнула, а билива Денысова Домаха
таць и занимала, стоячы билия полу.

Браты на все те вже не зважали. Воны стоялы одынъ пе-
редъ однимъ били, явъ крейда, постыскавшы кулаки, важко
дыхаючы.

— Ты сміешъ мене быты?—казавъ тремтучы Романъ. Ты,
негодяй! хамъ!

— Я—негодяй? Ахъ ты падло салдацьке!—скрыкнувъ Де-
нысь, але въ сю мыть Романивъ кулакъ ударывъ ёго по об-
лыччу и прыпынывъ ёму слова.

Денысь скрыкнувъ дыко, явъ пораненый звирь, и кынувся
на Романа. Але той здоровый, одгодований, не знесмыленный на
праци, въ одынъ ментъ збывъ ёго додолу пидъ себе и прыда-
вивъ ёму колиномъ груди.

Жинкы заголосылы, диты закрывчало и вчепылысь за ма-
тирь; батько кынувся видтягаты Романа, але ничого не мигъ
изробыты: розсатанившы, той ухопывъ брата за горло, а Де-
нысь сылкувавъся видирваты ёго руку видъ своей шии.

Въ цю мыть увійшовъ у хату Зинько. Побачывшы лыхо,
кынувся до Романа и штовхнувъ ёго зъ усеи силы. Зъ неспо-
диванымъ той упавъ набикъ, и Зинько видтягъ ёго дали.

— Романи! що ты робышь? Чы тоби й Бога не страшно?—
скрыкнувъ винъ.

Романъ вѣрвался на ноги и стоявъ усе ще зъ стисненными кулаками, ладѣнъ заразъ же знову кинутыся на Деныса.

— Нехай не вѣязне!..—хрыпко, кризь зубы сказавъ вѣнъ.

Денысъ стогнучы вставъ и сивъ на лави. Домаха прыпала до ёго, голосючы. Романъ плюнувъ и пишовъ зъ хаты.

Ишовъ вулицею и серлывся самъ на себе, що вернувся зъ города на село. Язъ ёму тамъ добре було на служби! Звисно, винъ службу не по воли кынувъ, хочъ и ховався зъ цымъ на сели. Винъ справди служывъ „пры палати“—хочъ не швайцаромъ, дакъ сторожемъ. Якъ бы швайцаромъ, то ничего бъ и не было. А то надало ёму разъ полаятыся зъ швайцаромъ такы (выпывшы бувъ), а той и пожалився на ёго, ще й выказавъ, якъ винъ одного разу піймавъ Романа, що той продававъ казенни дрова. Тоди ёму Романъ давъ карбованця, дакъ винъ мовчавъ, а теперь выказавъ. Велика сторія, якъ продавъ якый оберемокъ дровъ! А самъ швайцаръ хыба того не робывъ?— тилькы, що ховатыся добре вмивъ! Звисно, якъ прогналы Романа, то вже нисля цѣго важко було въ городи знайти службу, та все жъ лекше, нижъ тутъ. А теперь овъ якъ тутъ жыты!

Романъ побачывъ передъ себе монополію, зайшовъ туды и купывъ пляшку горилкы. Тоди пишовъ до жыдка. У „лавци“ горилкы не можна було пыты, дакъ заразъ била „лавкы“ жыдокъ мавъ хатку и пускавъ туды людей,—такъ, нобы своихъ гостей, а за те мавъ одъ кожной выпытой пляшкы плату. Навить самъ бигавъ по горилку. Романъ прыйшовъ туды и зострився зъ пьсаремъ. Сей хочъ уже й выпывъ попереду, а заразъ же прыставъ до Романа, язъ той почавъ ёго частуваты. Добулы закускы, вынылы плянку, а тоди пьсарь пославъ по другу. Романъ жалився на батька й на братывъ.

— Чудный ты, Романе Пылыповичу!—видказавъ ёму пьсарь.—Якъ отакъ тоби колотытыся зъ ими, то нехай тебе батько виддильты та й годи. Тоди язъ хотитымешъ, такъ и жытымешъ.

Романови ся думка сподобалася. Боявся тилькы, що батько не послухаеця. Але пьсарь упевнявъ ёго, що се дурныця, що мусыты послухатыся.

Романъ повернувся до дому вже пизно ввечери п'яный и зъ замиромъ заразъ-же вымагаты, щобъ батько ёго виддилывъ. Але, пидійшовшы до хаты, побачывъ, що тамъ уже погашено свитло. Поторгавъ за двери,—засунени. Вылаявся и пишовъ спаты въ повитку.

Другого дни въ-ранци ввійшовъ у хату, якъ тамъ була вся симъя. Ни на кого не глянувшы, сивъ на лави и сидывъ якый часъ мовчкы, торохтючы пальцями по столу. Все мовчало, а батько, трохи дывуючысь, поглядавъ на ёго, думаючы, що може покаявся та прыйшовъ помырытыся зъ братомъ. Не казавъ ничего,—ждавъ покы самъ озвется.

— Знаете шо, тату?—почавъ Романъ своєю звичайною ламаною мовою,—якъ такъ намъ жыть, дакъ вы лучше оддилить мене. Оддайте мою часть, то я самъ соби жытыму, а вы сами соби.

Це все винъ казавъ якось такъ, мовъ бы то батько бувъ выненъ за те все, що було вчора. Старый Сывашъ помовчавъ, а тоди спытався:

— А що жъ ты зъ своєю часткою робытымешъ?

— То вже мое дило,—що схочу, те й зроблю,—одказавъ саме такимъ робомъ, якъ и попереду, Романъ.

— Та ще жъ вона покы не твоя, то ты вже мени скажы, щобъ я знавъ, на що даваты.

— Тату!—озвався Денысъ.

— Мовчы!—перепынывъ батько, боячысь учорашняёго.—Я й безъ тебе знаю, що робыты, а колы не вдержышь азыка, то зъ хаты выйды!

— Може хазяйноватымешъ, Романе, на свой частци?—пытався знову батько.

— Не хочу я хазяйнуваты,—кумерцію заведу,—видказавъ Романъ.

— Кумерцію... Яку жъ то кумерцію?

— Яку схочу, таку й заведу, а вы повинни мени мою частку виддаты.

— Повыненъ, кажешъ?—спокійно говорывъ батько.— А якъ не виддамъ?

— То пиду въ волость, то васъ и прысылуютъ оддаты.

— Ну, покъ тамъ прысылуютъ, а теперь я тоби ось що скажу: пидожды ще трохы, навчыся поважаты батька й бравивъ та не кыдатыся зъ кулаками; навчыся спершу знову робыты, шануваты зароблене добро та не ходыты въ шынкъ до жыда, то тоди я тоби й дамъ частку, якъ побачу, що зъ тебе хазяинъ ставъ. А покъ сѣго не буде, то й зъ нашего добра ничего тоби не буде.

По тій мови батько повернувся й пишовъ зъ хаты.

Романъ остався ни въ сухъ, ни въ тыхъ. Винъ тилькы сказавъ: „Ни, я такъ не дозволю! Це грабижъ!“ уставъ и пишовъ, мовъ бы слидкомъ за батькомъ.

Трохы згодомъ батько вернувся.

— А що, вже пишовъ?

— Пишовъ!—одказавъ насмишкувато Денысъ, радіючи, що такъ обійшлося.

— А якъ на мою думку, тату,—сказавъ Зинько,—то вы краще бъ изробылы, якъ бы справи виддылы Romana.

— Чого жъ то такъ, що краще?—спытавъ знехотя батько.— Оддаты, щобъ винъ узявъ та розмантачывъ працею-кривавыцею зароблене добро?

— Та вже, тату, якъ винъ самъ себе не направыть, то вы ёго не направыте. Воно жъ и ёго частка тутъ е,—и винъ-же робывъ. А може винъ якъ стане самъ хазяиномъ, то визьметься й робыты, шануватымечся.

— А вже жъ! саме такый!—глузуючы промовывъ Денысъ.— Выдно й збоку.

— Та вже жъ и мы ёго луччымъ не зробымо, а тилькы буде сварка та лайка та бійка. А якъ визьме свою частку, то що тамъ уже зъ нею буде, те буде, а хочъ у насъ у симъи стане тихо, злагода знову буде,—доводывъ свого Зинько.

Маты встряла въ розмову, хотючы пособыты Зинькови.

— А Зинько правду каже, старый. Послухайся ёго! И намъ лучше буде, и Романови.

— Нехай же спершу покорытся та пошануется!—сказавъ батько.—А марнотратови ничого не дамъ, и говорыты бильше про це не хочю.

Зъ тымъ завернувся та й пишовъ зъ хаты до работы, а сыны слидкомъ за имъ.

Романъ тымъ часомъ сыдивъ уже зновъ у жьдка. И сёгодня знайшлысь товариши, и якъ Романъ выйшовъ на вулицю, то въ ёго въ голови вже здорово гуло. Ишовъ и думавъ соби.

— Катъ ёго знае, що ёго робыты! Батько впертый, якъ та скеля. И громада потягне руку за имъ, а не за мною. Эхъ, якъ бы давъ ёму добре такъ, якъ Денисови, то може тоди помякшавъ-бы!

Романъ бувъ такой лыхый на батька, що ладёнъ бувъ бы ёго попобыты. Якъ ёго теперъ жыты? Що ёго выгадаты?

Ёго думка навернулася знову на ту стежку, що на ий уже колысь попереду була. Боявся тилькы почынаты, бо мало було надїи, що пощастыть. Але боявся, якъ бувъ тверезый. Теперъ же ёму здавалося, що справа вже не така безнадїйна.

Хыба якъ винъ крамарь, то така вже велька цяця? А Романъ салдаты! Пышется: Сучковъ. Хе! Такой Сучковъ, якъ Романъ Сывашовъ! Та ще й Горпуша та ёго й прыстаркувата, и зъ себе погана. Ще нехай и дякуе, що посватае. Нехай оддае швидче, а то зостанется на насинне. А ёго, Романа, за товаришта соби прыйме. Романъ торгуватыме. Ого-го! Винъ тамъ такой порядокъ дастъ, що ну! А не схоче товаришемъ прыйматы,—хай грошей дастъ. Вже жъ дастъ! Одна дочка, та щобъ не давъ. Та ще й за-для такого зятя!

Романъ повернувъ праворучъ и пишовъ у двирь до Сучка.

Якъ винъ увйшовъ до ёго въ хату, то тамъ никого не було. Романъ голосно кахыкнувъ. Зъ другои свитлыци вызырнула Суччыха Агахыя.

— Мое ныжающее!—поздоровкався Романъ.—Якъ бы мени Михайла Грыгоровыча побачыць?

— Винъ у лавци,—идить туды.

— Невозможно въ лавци: дило секретне,—треба на самоти.

— Що жъ тамъ за дило?—зацикавылася Агахвія и выйшла до Романа.—Кажить и мени!

Романъ усмихнувся.

— Одлѣчное дило! Будете й вы, Агахвія Ивановна, знать современно, а теперъ позвить мени Михайла Грыгоровыча.

Агахвіи закоркотило довидаться швыдче, яке тамъ дило, и вона пишла въ крамныцю. Незабаромъ видтили прыйшовъ Сучокъ.

— А за якимъ-же се вы диломъ?—спытався винъ, якъ поздоровкальсь та посадалы.

— Пречудесне дило! Осъ слушайте, Михайло Грыгоровычъ, що я вамъ скажу!

— Кажить!

— Есть у васъ кумерція?

— А есть.

— А помошныкъ вамъ у кумерціи есть?

Сучокъ зитхнувъ:

— Нема!.. Не давъ Господь сына.

Винъ завсигды журывся, що въ ёго нема сына.

— А я вамъ найшовъ помошныка та ще й доброго.

— Хто жъ то?—спытавъ Сучокъ, чудуючыся зъ Романовыхъ сливъ.

— А хто жъ? Я!.. А що, хыба не ловкый кунпаніёнъ?

— Та воно, звисно...—яеось непевно видказавъ Михайло Грыгоровычъ.—Та... тилькы якъ-же це воно буде? Вы який копыталъ маеге, або-що, дакъ хочете, щобъ у кунпаніи?

— На шо тамъ копыталъ? Мы й безъ копыталу такъ ушкварымъ, шо первый сортъ! Оддайте за мене вашу Горпушу, а я буду вамъ помошныкомъ.

Сучокъ вырѣчывъ на Романа очы. А той, не помичаючы сього дывування, пытався:

— А шо, правда,—хороша выгадка?

— Та воно хороша... та тилькы, бачыте, мы ще не думаемо дочкы виддаваты.

— Огъ, выгадки! А докы жъ будете держать? Вона жъ и такъ прыстаркувата.

— Найдутся люде!—видказавъ, трохы вже образывшысь, Сучокъ и додавъ:—Знаете шо, Романи Пыльповичу? Кынъте вы се дило, бо се одынъ пустякъ!

— Пустякъ? Шо вы думаете, шо я не зумію торговать? Дакъ вы дайте мени за Горпушою грошей, то я самъ заведу торговлю таку, шо тилькы ну! Ого-го!

— Ну, се тоже пустякъ—дило!—зважлыво сказавъ Сучокъ и вставъ.—Прощайте,—треба въ лавку.

— Та постойте, Михайло Грыгоровичъ, чы вы не розбираете, чы шо, шо я вашу Горпушу сватаю?—спынявъ ёго Романъ.

— Чомъ не розбираю? Дайже очынь хорошо розбираю.

— Ну, дакъ чого жъ вы?

— Нема мого жоланія за васъ ии оддаты.

— А чому жъ бы то й ни?—спытався дратуючысь Романъ.—Чоловикъ я образованый, понимающий... А што родытели въ мене мужыкы, то ето ничого: я объ ныхъ тогда буду безъ уныманія.

Сучокъ починавъ уже лютуваты и де дали дужче сопты. Винъ уже чувъ, якъ поведытся й ледарюе Романъ, знавъ про бійку зъ братомъ, бачывъ, що въ Романа грошей нема, и розумивъ, куды винъ теперь цילה: перевесты, рострыпкаты вси ти грошыкы, що винъ, Сучокъ, надбавъ. Облычче въ крамаря зъ гнивâ почервонило, и винъ, самъ того не сподивавшыся, крыкнувъ на всю хату:

— Та що ты соби думаешь? Ахъ ты, голякъ! Ище й прымазуется до порадощныхъ людей! Ступай, ступай, видкиля прыйшовъ!

Такъ гримнувъ, що Романъ збентежився вразъ и, ни слова не кажучы, пишовъ зъ хаты. Тилькы вже била дверей схаменився.

— Ты тоже не очынь!—крыкнувъ винъ, повернувшись до Сучка.—Смієшь ты садата, который кровью своею васъ, хамовъ, защыщаль, такъ оскорблять? Наплювать мени на тебе й на твою дочку.

— Вонъ! Пошовъ во-онъ!—ажъ затупотивъ ногами крамарь, але Романъ уже бувъ у двори, а дали й на вулицы. Соромъ и злисть мордувалы ёго, соромъ, що такъ имъ погордовано, злисть за сю зневагу й за те, що ни звидкы винъ не бачывъ помочы. Уси вони однакови: и батько, и Денысь, и цей Сучокъ! Жыття за ими нема, способу ніякого нема! Такъ бы ихъ усихъ!.. Не знае й самъ, що винъ зробывъ-бы имъ, тилькы видячывъ бы такъ, щобъ ажъ запекло, щобъ ажъ заскавучалы вони!.. вони—все, уси ци прокляты мужлаи!.. Яки вони дурни й гыды теперь здавалыся Романови!

Винъ не пишовъ ни до-дому, ни до кого, бо на всихъ лютый бувъ. Зновъ довго блукавъ по за селомъ, ходывъ у байраци и вже надъ вечиръ вернувся додому.

Пишовъ просто у-садокъ и стрився тамъ изъ Зинькомъ.

— А я тебе дожыдався, брате,—сказавъ Зинько.

— А на що?—спытавъ нехотя Романъ.

— Хотивъ щось тоби сказаты.

— Кажы!—промовывъ Романъ байдужно, лягаючы на траву пидъ деревомъ.

— Бачъ, Романе, що я думаю,—заговорывъ Зинько й соби сившы била його.—Почалысь у насъ у симъи сваркы... А де дали, то ще й дужчи будуть. Тоби не добре, та й батькови не-весело такъ изъ тобою жыты. Винъ бы тебе й оддилывъ, якъ бы не боявся, що ты все переведешъ. Дакъ ты такъ изробы щобъ не боявся батько.

— А якъ же ёго зробыть? Зъ такимъ батькомъ хыба що зробышь?

— А неправда жъ, Романе,—нема чого нарикаты на батька, колы самъ погано робышь: своимы гордуешъ, кудысь у паны пнешся... Зъ того доброго ничого не буде.

— Понимаешъ ты тамъ!

— Та вже жъ, може, трохи й я тямлю. Отъ ты розберы самъ. Службы тоби ще ніякои нема, може й довго не буде; оддиляты тебе батько не хоче. Доводытсья тоби покы въ насъ жыты. А яке жъ воно жытте буде, колы разъ-у-разъ сварка?

— Нехай мене не зачипають!

— Та де жъ вони тебе зачипають? Воно жъ такы правда, що треба жъ щось робыты, не можно дурно хлибъ йисты. И Денысови кривдно: винъ же робыть. Уже отъ вы й былыся, а дали ще гирше буде. Що жъ воно зъ того доброго? Краще ты, Романе, помырся зъ батькомъ та зъ братомъ та пособляй хочъ трохи въ роботы... покы знайдешъ соби службу. А тамъ батько, бачышы, що ты шануешся, и оддилыть тебе... Хочъ крутысь тамъ на роботы,—я вже тоби пособлятыму такъ, що вони й не знатымуть,—абы щобъ сваркы не було.

Зинькова прыхыльнисть такы зачепыла за сердце Романа. Ходючы сёгодня по байраку, винъ уже багато думавъ про те—якъ винъ дали жытыме въ симъи. Ничого не мигъ выгадаты, хоча й бачывъ, що такъ дали жыты не можна. Винъ олкававъ Зинькови:

— Якъ-же я покорюсь? Зъ мене жъ люде сміятыся будутъ.

— Чудный ты! А теперь изъ тебе люде не сміютсья? Та все село вже тебе взяло на глузы. Чого жъ ты теперь не боишся того смиху, а тоди ёго тоби страшно? А я тоби такъ искажу: теперь зъ тебе сміютсья и дурні й розумни, а тоди колы й сміятымутсья, дакъ самі дурні.

Романъ подумавъ трохи й видказавъ:

— Ну, гараздъ... Може бъ я й зробывъ... Не за для ихъ, а за для тебе, що ты такый до мене добрый... Та якъ же ёго зробыть? Не пиду жъ я до ихъ кланятыся!

— Та й не ходы. А тилькы визмы та й выйды завтра на роботу та й робы. А тамъ воно вже якось самё станеться...

— Нехай-же подумаю,—може й выйду...

И справди, другого дни выйшовъ городыты тынъ изъ Зинькомъ. Денысь глянувъ на ёго зъ-пилъ лоба, батько вдывувавсь, але никто ничего не сказавъ. Тилькы Зинько дуже зрадивъ, клопотався зъ Романомъ, гомонивъ и все зводивъ, щобъ и зъ батькомъ та зъ Денысомъ у ихъ розмова була. Маты ёму пособляла. Одначе ти мовчались.

Романъ робивъ увесь день. Въ ёго заболела спына, руки, ноги. Другого дни винъ выйшовъ бувъ на тикъ, але робивъ тилькы до снидання. Поснидавши, винъ уже не пишовъ туды и бильшь уже не брався до роботы. Зинько и вмовлявъ ёго, и прохавъ, та ничего не пособылося. Романови здавалося дуже важко робыты, батько не зласкавивъ одразу, та й соромъ було передъ селянамы, що винъ високо литавъ, а теперь нызько сидае.

Тымъ часомъ чутка про ёго сватанне въ Сучка пишла по селу. Дочулась про се й Левантына. Вона одного разу почала плакаты й казаты Романови, що винъ ии покыдае, бо сватае Сучкивну.

— Тю на тебе!—видказавъ Романъ.—То все дурныця! То я бувъ выпывшы та для штуки й пишовъ, щобъ посміятися. А воны зъ великого розуму думалы, що я й справди на ихъ ступу-Горцушу окомъ накынувъ.

И винъ почавъ ии цилуваты и прыгортаты и казавъ, що винъ ии ни на кого не зминяе и свататыме скоро—отъ заразы, тилькы службу знайде... Все це вона вже чула, та й не разъ, але кого любышь, тому хочется вырыты. И вона вже вырыла ёму и казала:

— Гляды жъ, Романочку, не зрадь мене! Бо якъ ты не пожаліешъ, то хто жъ мене пожаліе? Находь службу швидче, бо...

Левантына замовкла, а Романъ зновъ почавъ ии улещаты, и вона забула свій сумъ.

Идучы Романъ одъ неи до-дому, самъ соби думавъ:

— Треба справди службу швидче знаходьты та тикаты звидсила. А то, гляды, ще Левантына дытynu знайде, то влопоту повна голова буде.

И другого жь дни пишовь у сусидню окономію. Сѣго разу ёму пощастыло. Въ окономіи бувь лись, а въ лиси два сторожи. Одынъ несподивано повынувь службу й пишовь до-дому самѣ въ той день, якъ Романъ туды прыйшовь. Зважывшы на ёго салдацькый билетъ, управытель узьявь ёго за пидстаршого сторожа до лису. Не вподобалась Романови ся служба, та иншой не було. Жыты доводылося въ лиси, въ одній хати зь старшымъ сторожемъ. Сей разъ-у-разъ посылавь Романа на ничь обходьты лись и вартуваты тамъ. Спершу Романъ ходывь, а дали ёму очортило, та й за Левантыною занудысь. Одніи ночы, замисто щобъ обходьты лись, майнувь до неи (верстовъ зь висимъ туды було) и зь того часу почавь навидуватися до неи ночами частенько. А тымъ часомъ люде зь того села, де була окономія, заходылись коло Романа. Воны были дуже вбоги на дерево, то часто крали ёго въ панському лиси,—часомъ нышкомъ отъ стороживь, а часомъ, якъ сторожь бувь не лыхый, то купувалы въ ёго дерево за дешеву цину: дадутъ ёму якого рубля, чы цивъ рубля, та й нарубають чого треба. Лись великый, то не скоро помитышь кожне зрубане дерево. А сторожь нибы того й не знае. Романа воны не довго вмовлялы, и винъ почавь добуваты соби такимъ робомъ грошы. Винъ зовсімъ не беригся и попускавь рубаты стилькы, що вже й выдко стало. А тутъ ище одынъ чоловікъ, не поєднавшыся зь Романомъ за цину, та й выказавь на ёго. Все выявылось, и Романа прогнано зо службы, ще й грошей не виддано... хочъ винъ не багато й заробывь, бо не прожывь тамъ и мисяця. Довелось знову до батька взртатися.

IV.

А на сели страшенно сміялыся й глузувалы зь Романа, лаялы за лежни та за те, що високо нисся. Ёго прыятелы—пы-

сарь, урядникъ, дякъ та инши—булы до ёго прыхильни, помы въ ёго бряжчало въ кышени, и винъ частувавъ ихъ горилкою. Та винъ давно вже повытрусювавъ свои кышени, вытрусывъ и матерыну скрыню. На сели скрызъ почалы зваты Романа голодрабомъ, ледащомъ. Приятели почалы одвертатися, стриваючысь на вулицы. Про те, щобъ хто ёго въ гостыню до себе закылавъ, Романъ забувъ уже колы се й було.

Дуже се ёму було прыкро. И не черезъ те, що зъ тыхъ приятельвъ якесь ёму добро було, а такъ, соромъ, що отъ зъ усима въ товаристви бувъ, а теперь занехаяно ёго. Винъ не знать що давъ бы, абы хочъ трохы де добуты грошей та знову прывернуты до себе своихъ приятельвъ зрадлывыхъ... прывернуты, повелычатися трохы, щобъ усимъ зацпыло, та тоди хочъ и зъ села.

Надто, що й обирвався вже. У ёго тилькы й було одежы, що на ёму. А одного разу вночы, черезъ тынъ перелазючы, розидравъ свого „пиджака“. Хочъ и полатала маты, та вже не вдержышь ёго цылымъ, якъ почало дратыся... уже онъ и ликти выдко... Грошей, хочъ крычы, треба, а де ихъ визьмешъ?

Се було черезъ скыльки день псыля того, якъ вернувся Романъ до-дому зъ лису. Одного разу, мисяшнои ночы, идучы видъ Левантыны черезъ тикъ до повиткы спаты, винъ побачывъ на току ворохъ пшеницы. У ёго промайнула въ голови думка:

— Якъ бы набраты цiei пшеницы та виднести до Рябченка!

Чого ёму спавъ на думку сей Рябченко? Отъ, и самъ винъ не знае... Такъ, чогось изгадався...

Рябченко бувъ такый соби чоловикъ у ихъ на сели. Винъ мало хазайнувавъ, трохы шывъ чоботы, а бильше—подейкувалы люде—накладавъ изъ злодіямы. Певне довесты того нихто не мигъ, але на сели кожне звидкись знало, що хочъ винъ самъ и не краде, дакъ злодійське передержуе. У ёго кыльки разывъ и трусъ бувъ, та не могли ничого знайти.

Ото жъ винъ и згадався Романови. Сей купивъ бы пшевыці, якъ бы однести. Звисно, воно такъ неначе крадижка... а въ тимъ... яка тамъ и крадижка? Адже тутъ и ёго, Романове, добро. Адже й винъ одынь зъ трѣхъ бративъ, то й ёму жъ належить частка. Хыба жъ винъ выненъ, що батько та Де-нысь не дають ёму тѣи часткы? Коны не дають, то винъ може й самъ узяты.

Таке думавъ Романъ, лежачы въ повитци, а дали вставъ та й пишовъ у клуню шукаты миска. Знайшовъ, прыйшовъ до вороха та й зупынывся. Чы браты, чы не браты? Этъ, що буде!..

Винъ набравъ зъ вороха мисокъ пшевыці и хотивъ несты до Рябченка. Та ни,—треба спершу попытаты ёго.

Нышкомъ, обережно перелазючы черезъ тыны, пройшовъ гордамы до Рябченковой хаты. Тамъ уже було погашено. У Романа забылося турботно серце, якъ винъ злегенька постукавъ у викно. Нихто не озвався. Винъ заторохтивъ дужче.

— Хто тамъ?—почувся голосъ изъ хаты.

— А выйды, дядьку, сюды!

Трохы згодомъ двери на двиръ одчынылыся, и кризь ихъ просунулася кудлата голова.

— Хто се? Се ты, Романе?

— Я.

— А чого?

— Пусты въ сины,—не хочу стояты на выдноди.

Роскудлана голова сховалася, и Романъ увійшовъ у темни сины.

— Кажы, що треба.

— Хочешъ пшевыці?

Рябченко не видразу видказавъ. Винъ зрозумивъ, яка то мае буты пшевыця, але вагався, не знаючы, чы Романъ ёго не пидводить. Може вмысне, щобъ потимъ урядныка навесты. Темна постать Романова ничего не могла ёму про се сказаты: облычча не выдко було.

— Якои пшевыці?—запытався врешти.

— Зь дому.

— Не брешешъ?

— Чого бь я ставь брехаты?

Рябченко ще подумавъ и згодывся:

— Добре!

— По чому дасы?

Рябченко сказавъ пивъ-цины.

— Дешево.

— Знайды дорожче!

Романъ знавъ, що дорожче не знайдешъ, и сказавъ:

— Добре, заразъ прынесу.

— Трохы згодомъ,—якъ мисяць зовсимъ зайде.

— Та винъ уже заходе.

Покры Романъ вернувся до-дому, то мисяць и справи зайшовъ,

Сіей ночы Романъ однисъ до Рябченка тры мишки пше-ныци, и въ ёго въ кышени забряжчалы грошы. Тоди зь упо-коемъ заснувъ.

Другого дни Денысови здалося, що пшеныци въ вороси наче поменчало; але потимъ винъ подумавъ, що мабуть помылывся, и никому ничего не сказавъ.

Романъ справивъ соби нову черкасынову жакетку, и въ ёго ничего не зосталося зь тыхъ грошей, що взявъ за пше-ныцю. Мусивъ знову ходыты до Рябченка. Сёго разу на току вже не було ничего, то винъ набравъ зь комори, зь засикивъ, добравшы до замка старого ключа. Зь цымъ ключемъ винъ и потдму зазыравъ ще до комори, але робивъ це обережно, щобъ ниhto не помичавъ.

Одного разу старый Сывашъ уранци лагодывъ двери въ повитци. Було до схидъ сонця холодно, то вдягъ вожуха. Якъ сонце зійшло, потеплило,—скынувъ ёго та й забувъ у повитци. Тамъ винъ и лежавъ увесь день.

Другого дни Романъ лагодывсь иты ще въ якусь оконо-мію шукаты службы. Уставъ рано,—ще вси спалы. Було хо-лодно, а ёго драненьке пальтечко высило въ хати. Спавъ винъ

у повитци и побачывъ доли била дверей батькового кожуха..
Удягъ ёго.

Въ окономіи ничого не добувся: тамъ уже звалы про те,
якъ винъ бувъ сторожемъ у лиси.

— Эхъ, жысть могузяная!—нарикавъ, вертаючыся до-дому,
Сонце вже прыпикало,—мусивъ скинуты кожуха й весты.—И
якого я чорта ногы бувъ? Ще кожухъ тягны! Пиду въ гбродъ
та хочъ продамъ ёго, щобъ дурно не ходыты! Нихто жъ не
бачывъ, якъ я вдягавъ ёго.

Завернувъ и пишовъ у городъ. Видъ окономіи туды було
верстовъ чотыри. Швыдко ихъ перейшовъ и подавъ у гбродъ
просто на базаръ. Тамъ жыды торгувалы ношеною одежою,
сыдючи кожень надъ купою свытовъ, кожухивъ, чумарокъ,
жакетокъ, штанивъ та иншого старого дрантя, кынутого доли
або на брудному рундуци. Покупцивъ не було, сами жыды й
жыдивкы завзято шваркотиды промижъ себе. Романъ пидійшовъ
до одного.

— Жыде, купы кожухъ!

Жыдъ подывывся на кожуха.

— Скилькы хочешъ?

— Десять рубливъ.

— Виддай ёго своему тателе,—може на онучы здастся,—
и винъ кынувъ одъ себе кожухъ.

— А ты жъ скилькы даешъ?

— Два рубли.

— Нехай-же твій тателе имы подавытса!

Романъ пишовъ дали, до другого жыда. Але першый
жыдъ щось зацвенькавъ до сёго.

— Ны, се такій козухъ, со одна смусына одъ другой
смусыны—якъ насъ городъ одъ Одесь.

— Шо ты брешешъ, жыде? Винъ ище зовсимъ новый,
мало й ношений.

— Якъ бы винъ бувъ новый, то я бъ тоби за ёго давъ
десять рубливъ, а якъ винъ такій старый, якъ беззубый собака,
то я тоби дамъ за ёго десять золотыхъ.

Ледви продавъ добрячый кожухъ за три рубли. Гараздъ пообидавъ, выпывъ пыва и пишовъ до-дому.

А дома батько вранци кынувся кожуха и згадавъ, що забувъ ёго въ повитци. Пишовъ туды—нема.

— Мабуть те ледащо вдягло,—подумавъ Сывашъ и не ставъ бильше шукаты.

Але Романъ прйшовъ увечери безъ кожуха.

— Ты хйба не вдягавъ кожуха?—запытавъ ёго батько.

— Стану я вдягать ваши кожухы! На-чорта винъ мени здався?

Кынулыся тоди вси шукаты, тилькы Романъ—ни. Не знайшовшы старый Сывашъ ничего, почавъ лязты Романа:

— Коны вже ничего не робыть ледащо, то хочъ бы вже, йдучы, двери въ повитци зачыныло. Мабуть собаки затыглы, а хтось потимъ узывъ.

Романъ ажъ росердывся:

— Шо я, буду за всякымъ доглядать та прыбирать? Самы роскыдають, а я одвичай!

Уси дывувалыся: хто бъ мигъ украсты? Нема, здається, й злодйивъ поблызу, а вкрадено.

Трохы згодомъ Романъ устругнувъ нову штуку. У ихъ у синяхъ высило вельке сало—пудивъ вд два. Двери зъ синей у двирь запиралыся засувомъ. Винъ уночы нышкомъ одсунувъ ключемъ засувъ, влизъ по драбыни на горище й знявъ сало. Не гаючысь потягъ ёго до Рябченка. Але той не схотивъ прыняты:

— Буде трусъ, може й мене трусытумуть, то знайдуть. Сёго не хочу, се не пшевыця. Захой денёбудъ, нехай перележыть,—тоди визьму.

Романъ пишовъ одъ ёго лыхый. Визьме, якъ перележыть! Байлуже ёму тоди! Тоди Романъ и самъ одтаска ёго въ городъ та й продасть дорожче, ніжъ тоби. Романъ уже сердытый бувъ на Рябченка, що той дешево платывъ.

Одначе, не несты жъ сало назадъ. Треба десь ёго заховаты. Де бъ же? Хйба въ тому байрачку, що праворучъ одъ дороги,

якъ иты въ городъ? Тамъ е одна поря... Недавно Романъ ии бачывъ, якъ ходывъ тамъ. И добре буде потимъ узаты, щобъ несты на базарь.

Романъ пишовъ не вулицею, а горбодамы и выбрався за село. Пивъ версты видъ села до байрачка перейшовъ швиденько. Знайшовъ знаёму печерьку, захавъ тулы сало, закъдавъ хмызомъ, лыстемъ сухымъ. Тоди мерщій вернувся до-дому.

Другого дни Сывани сполошылыся: сало вкрадено! Маты ажъ заголосыла,—такъ йі жалко було: таке сало товсте та гарне! Батько тежъ бидкався и ніякъ не мигъ зрозумиты: де ти злодіи беруться. Тилькы Денысь не бидкався, але страшенно лютувавъ, не казавъ ни слова и щось соби думавъ. Романъ покы ще любисинько славъ.

Послалы Зинька покликаты старосту. Прыйшовъ староста зъ людмы. Подывылыся на сины, подывылыся, що въ ихъ нема сала...

— Отутъ и высило?—роспытувавъ староста.

— Отутъ и высило.

— И забрано.

— А забрано-жъ, забрано, бодай ёму руки покорчыло!—кляла стара Сывашыха.

— Мабуть же ёго таке забрало, шо вже й заховало добре!—сказавъ староста.

— А мабуть!—додавъ хтось изъ людей.

— Шкодá жъ, колы такъ и шукаты!—и староста повернувъ, щобъ уже до-дому йты.

Але Денысь завмагався: Якъ же се такъ? Таку шводу зроблено та й покынуты, та й не шукаты?

— Та де жъ ёго шукаты?—дывувався староста, бо ёму не хотилося клопотатыся.

Денысь намыгся, щобъ потрушено Рябченка. Поклыкалы врьдныка, пишлы до Рябченка. Той страшенно росердывся, крычавъ, що вони не сміють ёго „порочыты“, не дозволявъ трусаты и вымагавъ, щобъ Денысь заложывъ десять варбованцивъ, а тоди вже й трусывъ. Денысь такий бувъ певный

знайти в його сало, що заложив гроши: десятків не було, дак хоч три. Хитрий Рябченко радий був і тому.

Почали трусити. Обышпорили хату, хливи, горбідь—скризь. Ничого не було. Денись сам по кильки разив перекопав уси закапелки и все ж не знайшов сала.

Рябченко радив: три карбованци зоставались йому—несподиваний барыш. А Денись пишов до-дому розлючений, бо пропало сало, пропали й три карбованци. Дома вин мокрим рядном напався на батька:

— Як собі хочете тату, а я так дали жыты не буду! На що вы потураете Романови? Розледацив, ничого не робить, та ще й краде!

— Як то—краде?—спытався понуро батько, начуваючыся нового лыха.

— А так, що се Романове дило з саломъ... та мабут и з кожухомъ.

— Як то—Романове? Хыба в Романа що знайдено?—спытав батько ще похмурише, хоч у самого вже тремтив голосъ.

— Хоч ничого не знайдено, та я знаю, що воно его рукъ не мынуло.

— Та як же ты сміешъ це казаты?—grimнувъ батько, зирвавшися з лавы.

Денись глянув на его и аж перелякався: батько стояв передь имъ блідный, очы палалы якымсь непевным огнемъ, увесь аж трусывся, стыснувшы кулакы.

— Як ты сміешъ це казаты на свого брата, ничого не знаючы? У нашій симѣ никола не було злодівъ и нема,—чуешъ ты! А ты сам на свою симю будешъ неславу пускаты?!

Денись схаменувся, побачывши, якъ роздратувавъ батька.

— Та нехай и по вашому, але за що ж мы з жинкою будемо робыты на ледацюгу? Або проженить его, або нехай робить, або мене виддильте! Шо це таке справди?! Ледашу тавый потуръ даваты! Се треба розуму ршытыся.

— Мовчи ты, блазню!—знову розсердився батько.—А то я тобі такого дамъ, що въ тебе останній твій дурный розумъ зъ головы выскочыть! Эчъ, розумнишый уже за батька зробывся! И самъ безъ тебе знаю, що треба робыты, и зробию.

Саме на цю розмову наскочывъ Романъ.

— Слухай, Романи, що я тобі казатиму!—озвався до ёго батько гнивно.—Годи вже пануваты! Або берысь до роботы, або йды соби куды знаешь!

— То що? И пиду!—видказавъ Романъ такъ спокійно, мовъ се ёму байдуже було.—Пиду въ городъ,—тамъ соби швыдче службу знайду. Якъ розвеличалысь! Обійдемось и безъ васъ!

Повернувся та й зъ хаты.

Винъ сёго сподивався, що такы Денысъ колысь пидъюдить батька выгнаты ёго,—винъ певный бувъ, що батько се говорывъ зъ направы. Ну, та не таке вже воно й лыхо. Пиде въ городъ, продасть тамъ сало... Пожыве трохи, покы службу знайде... А колы й не знайде... ну, тамъ выдно буде, що робыты!..

Але Денысъ на тому не переставъ. Мавъ на Романа велике пересерде и за сало, и за пропащи тры карбованци. Пишовъ до Струка та до кума Терешка Тонконоженка и розказавъ имъ усе, що думавъ про Романа. Тоди втрёхъ заходылыся ёго сочыты: куды той ни пиде, то все якыйсь зъ ихъ на ёго окомъ накыдае, пасе. Батько жъ изъ Зинькомъ ничого про це не звалы, бо звеливъ Денысъ не казаты имъ про се.

Днивь черезъ два Романъ пишовъ у городъ. Такъ зибрався й пишовъ, що симтя й не знала про це, ни зъ кымъ и не попрощався, навить зъ матиррю. У репевныхъ Денысовымъ поглядахъ винъ бачывъ, що Денысъ думает за сало на ёго,—боявся, щобъ не прысочывъ. А теперь, пишовшы вышкомъ, думавъ, що вже буде и въ городи, покы дома побачуть, що ёго нема.

Але тры ёго ворогы за-малымъ не нязырци ходылы за имъ си дни. И Струкъ такы прысочывъ ёго, якъ винъ подався зъ дому. Заразъ кынувся до Деныса.

Ще Романъ выходывъ изъ села, а вже вони втрѣхъ, про-
бигшы манивцями, сидили биля дороги въ кущахъ у байрачку.

Не довго й дожидалися: иде Романъ та просто въ байра-
чокъ. Двое zostалося тамъ, де сидило, а Струкъ поплазувавъ
обережно поміжъ кущами слідкомъ за Романомъ. Винъ бувъ
стрилець, то звывъ по лисахъ до звіра підкрадатися.

Романъ ишовъ сміло, не боячыся нічого, Струкъ рачку-
вавъ за имъ здалека. Ось Романъ спынився, озырнувся,—нікого
не побачывъ. Положивъ доли свою торбу и почавъ одкыдаты
хмызь одъ печерькы. Поодкыдавъ и вытягъ щось велике. Струкъ
догадався, що се сало, и мерщій метнувся до своихъ.

Вони заховалыся на доброму місци: Романови немынуче
треба було прозь ихъ иты, бо вони сидили ажъ на тому краю
байрачка, що до гброда.

Романъ выйшовъ зъ байраку на шляхъ, зновъ озырнувся
туды й сюды,—нікогисинько нема. Тоди швидко пишовъ у го-
родъ.

Трое товаришивъ незабаромъ почулы ёго ходу... отъ уже
й выдко ёго: иде й щось мугыче соби пидъ нисъ. Сало на
плечахъ.

Однымъ скокомъ вони стали кругъ ёго.

Романъ спынився вражений и одну мыть, зъ несподиванкы,
не знавъ що робыты.

— А куды се ты, Романе, сало несешъ?—спытався глу-
зуючы Денысь.—Може тоби пособыты?

Здоровенный Романивъ кулакъ ударывъ Деныса по уху, що
ажъ катанци тому засвтылыся. Денысь поточывся, трохы не
впавъ, а Романъ тымъ часомъ, кынувши й сало, побигъ шля-
хомъ.

Очманившы видъ кулака, Денысь на мыть спынився, не
розуміючы, що сталося. Але заразъ же побачывъ.

Попереду бигъ Романъ, а за имъ, дуже близько, Струкъ,
а трохы виддаликъ Терешко. Денысь кынувся за ими.

Але Романъ добре бигавъ и незабаромъ далеко покынувъ
позадъ себе и Терешка й Деныса. Тилькы Струкъ гнався за

имъ близько, зигнувшись напередъ усимъ своимъ довгимъ тиломъ, закидаючи назадъ швидко цыбати ноги.

Ёго опанувавъ мыслывський палъ. Такъ винъ колысь бигъ за вовкомъ идстреленымъ: ніколы було вдруге рушницю набыты, щобъ стрелнуты, и винъ напружувавъ усю силу, щобъ наздогнаты закривавленого звира и добыты зъ рукъ, розтрощившы ёму голову. Такъ винъ бигъ и теперь, самъ не розуміючи, не думаячи про те—на що ёму ловыты Романа и що ёму той Романъ зробывъ. Бигъ и кричавъ инколы:

— Не втечешь!.. Задавлю!..

Передъ ёго очыма, не перестаючи, швидко-швидко мелькалы пъяты, конвульсійно прытыскалыся до бокивъ высунени назадъ ликти. Си ликти все близьчи, близьчи стають... Струкъ выразно чуе, якъ важко дыхае втикачь... почувае се дыханне.. Напружуется зъ усіей силы—отъ-отъ досягне, але й Романъ напружуется... Та не надѣвго. Однимъ останнимъ стрѣбомъ падае Струкъ на спину Романови, валяе ёго додолу. Але ту-жъ мыть Романъ вывернувся й зирвався на ноги. Струкъ, лежучы на шляху, вхопывъ ёго за ноги обома руками. Збувшись ривновагы, Романъ зновъ упавъ и вони сцепылыся промижь собою, качаючысь у пылу на шляху.

— Не втечешь! Не втечешь!—хрыпывъ Струкъ.— Не попушу!

— Чого тобі видъ мене треба? Що я тобі зробывъ?—Такъ сѣме хрыпывъ Романъ, пручаючысь.—Пусты!

И вразъ ище двое впало на ёго, вхопыло ёго прытысло.

— А, дакъ ты такъ!—ревивъ розлютованный Денысь.—Красты!.. бытыся!.. тикаты!.. Злѣдій!.. Душогубъ!.. Отъ я жъ тобі покажу!..

Романъ вызволивъ праву руку и почавъ быты кого й по чому идпада. Ёго прыгнитылы такъ, що винъ застогнавъ, и скрутылы ёму назадъ руки поясомъ.

— Теперь тикай!—знущався Денысь,—да тилькы не въ городъ, а до волосты!

Пидвели ёго и стоялы, видпочываючы, вси четверо—задыхани, знеможени, въ подраній одежи, зъ умазанымы облыччамы у кровъ, змишану зъ шляховымъ пыломъ. У бійци Денысови розбыто носа, и винъ поплямывъ своею кровью й ившыхъ.

— Ходимъ!—смыкнувъ Денысь Романа.

— Не пиду!

— Ходимъ, бо потягнемо, якъ падло!

— То й тягнить!—Романъ упавъ на шляхъ.

Але Денысь ухопывъ ёго за верёвку й потягъ по шляху, що ажъ руки тому выверталыся. Романъ ойкнувъ.

— Уставай же, бо ще гарше буде!

Романъ уставъ. Пишлы до села. На дорози забралы покынуте сало. Терешко йшовъ зъ имъ попереду, а дали Романъ, а за имъ Струкъ изъ Денысомъ, держучы ёго за кивецъ пояса, що звязувавъ руки. Мовчале вси. Такъ увійшлы въ село.

— Куды жъ ты?—спытавъ Струкъ.

— У волость,—одказавъ Денысь.

— А може бъ до батька ёго? Нехай повчыть!—порадывъ Терешко.

— Такый, що повчыть!—одповивъ Денысь.—У волость!

Повернулы до волосты. Здывовани люде спынялыся, поглядаючы на сю чудну, незвычайну процессію, и не могли ничего зрозумиты. Дехто пидходывъ и пытався, але, и ти, поспяшаючыся, йшлы дали.

Увесь часъ Романъ мовчавъ. Але якъ уже пидійшлы до волосного рундучка и винъ ступывъ на ёго ногою,—тоди повернувся до Деныса:

— У, Иродъ!—и плюнувъ ёму межы очы.

— Денысь рванувся бувъ до ёго, але заразъ же спынывся.

— Пострывай,—побачымо, що въ холодній заспиваешъ!—утерся, и вси вкупи вступылы до волосты.

Тамъ булы писарь, старшына, врядныкъ. Вони ажъ не стямылыся зъ того дыва, що побачылы. А Денысь, не зважаючы на те, почавъ оповидаты, що ось вони піймалы злодія зъ

саломъ, и вымагавъ, щобъ напысано протокола и посажено злодія въ холодну. Говорывъ такъ, мовъ бы се не про брата, а про когось зовсимъ ёму невидомого й чужого.

— Що ты, Денысе? Бога ты не боишся, людей не страмышся? Брата?!—дорикавъ ёму старшына.

— А хочъ и братъ, да колы таке ледащо...

Тоди озвався Романъ: вони на ёго напали, каличылы, нивечылы ёго!.. Денысь завсигды пекломъ на ёго дыхавъ... И теперь хоче занастыты... Звуть ёго злодіємъ! А почѣму вони знають, якъ у Романа те сало опынылося? Може ёму батько самъ ёго давъ.

Волосни зъ урядныкомъ не знали, що имъ робыты. Имъ було жалко Романа и гыдео Деныса слухаты, а про те все жъ це було злодійство. Врешти пособывъ пысарь:

— По закону такъ: колы бъ сынъ у батька що и взявъ, а якъ батько простыть, то й суда нема ніякого.

— Се правда, такъ!—додавъ урядныкъ.

— А колы такъ, дакъ що тутъ казаты?—озвався старшына. Це не наше дило, а батькове. Сторожъ! розвъяжы ёго!

Сторожъ у-купи зъ Струкомъ розвъязала бидолаху. Струкъ теперь уже зовсимъ прохоловъ и самъ на себе гнивный бувъ, що въ таке встрявъ. И Терешкови було ніяково.

— Мы вси тутъ дило бачылы й чулы: колы що треба буде, то вси будемо свидкамы, а протоколу нема на що спысуваты!—ришывъ старшына.—Идитъ соби зъ Богомъ!

— Спасыби вамъ, господынъ старшына!—подякувавъ Романъ и заразы вйшовъ зъ волосты.

Понурывшысь, вйшлы за имъ Струкъ и Терешко, а позадь усихъ Денысь.

Денысь гнивавсь на волосныхъ. Голова въ ёго болила, закривавлене облычче роспухло и що-хвылыны нагадувало про Романа.

Якъ вийвъ увйшовъ у свою хату, то тамъ булы вси дома. Зивько ажъ изъ мисця зиррався, побачывшы Деныса.

— Денысе! що се тобі?

Не видмовляючы ёму, Денысь промовывъ просто до батька:

— Ото жъ вашъ сыночокъ наробывъ.

— Хто? Романъ?—спытавъ батько.—Знову былыся? Зъ чого жъ це?

— А зъ того, що мы—кумъ Терешко, Струеъ та я—пій-малы ёго зъ саломъ у байраци.

У старого Сываша затремтили руки.

— И были ёго?

— Або винъ насъ бывъ, помы ёму руки назадъ скрутылы.

— На що жъ вы ёму руки крутылы?

— Щобъ у волость одвесты. Шкода тилькы, що старшына не схотивъ у холодну посадыты.

— И ты вивъ ёго звязаного.. черезъ село въ волость?

— А то жъ бы нисъ, чы визъ на соби?

И видразу вси очы повернулыся до старого батька. Винъ уставъ билый, увесь тремтючы, якъ лысть пидъ витромъ, и звивъ у-гору проты Деныса руку.

Въ хати зробылось такъ тихо, мовъ уси пересталы й дыхаты.

— Бодай же ты до вику бувъ...

Але слово проклёну спынылося на устахъ у безщасного батька, и винъ якъ стоявъ, упавъ на стилъ головою и заплакавъ старымы, тяжкымы якъ каминь, якъ огонь пекучымы слёзамы.

— Такъ мене зганьбывъ!.. Увесь ридъ нашъ чесный такъ зганьбывъ!.. Брата не пожаливъ!.. Хочъ бы мене, старого, пожаливъ!.. Мою стару голову такымъ соромомъ, такую ганьбою покрывъ!..

И ни слова билше. Тилькы чуты було, якъ маты хлыпала, стоючы въ кутку била дверей. По Зиньковому облычю котылыся слёзы...

В. Гринченко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЧЕРНИГОВСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. ¹⁾

(1861—1863 гг.).

(Окончаніе).

IV.

Начну съ Г. П. Галагана. Послѣдній давно уже слылъ между малороссійскими помѣщиками за „либерала“. Либерализмъ этотъ, съ ихъ точки зрѣнія, окончательно утвердился за Галаганомъ послѣ его участія въ черниговскомъ „губернскомъ комитетѣ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ“. Въ этомъ комитетѣ Галаганъ стоялъ почти особнякомъ, и почти всѣ его подписи—въ журналахъ засѣданій этого комитета—являлись съ прибавкою—„при особомъ мнѣніи“. Галаганъ былъ воспитанникомъ очень умнаго—сначала профессора, а потомъ желѣзнодорожнаго дѣльца—Чижова, который развилъ въ своемъ ученикѣ начала критическаго отношенія къ общественной жизни его деревенскихъ сосѣдей, особенно по вопросу о *младшей братіи*... Изъ этихъ сѣмянъ выросли у Галагана его симпатіи къ

¹⁾ Начало см. февраль.

давно ожидавшейся крестьянской реформѣ. При этомъ Галаганъ былъ отчасти славянофилъ, отчасти украинофилъ, каковыми *фильствами* также выдѣлялся изъ круга своихъ сосѣдей, которые и по этому косо смотрѣли на него.—Попавъ въ число членовъ редакціонной комиссіи, Галаганъ вмѣстѣ съ В. В. Тарновскимъ († 1866 г.)—были составителями того „малороссійскаго положенія“ 19 февраля 1861 г., которое опредѣляло нормы „обезпеченія“ освобожденныхъ крестьянъ въ черниговской и полтавской губерніяхъ. Послѣ обнародованія освободительнаго акта, и Галаганъ и Тарновскій назначены были правительственными членами губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій: Галаганъ—черниговскаго, а Тарновскій—полтавскаго. Назначеніе Галагана встрѣчено было на мѣстѣ очень непріязненно; въ немъ видѣли чуть не демагога... Галаганъ любилъ, когда ему говорили объ этомъ къ нему антагонизмъ, хотя послѣдній очень преувеличивался... Какъ членъ крестьянскаго присутствія, Галаганъ былъ очень полезнымъ дѣятелемъ, потому что систематически и безъ уступокъ проводилъ въ жизнь начала, положенныя въ законъ 19 февраля. Противъ его антагонистовъ—Галагана защищала, отчасти, его видная въ Малороссіи родня: Кочубей, Гудовичи... Кн. Голицынъ съ Галаганомъ—въ своей дѣятельности по крестьянскому вопросу—были солидарны вполне.

Я жилъ (въ Черниговѣ) съ Галаганомъ въ одномъ дворѣ, и это сосѣдство было поводомъ, что онъ звалъ иногда меня къ себѣ обѣдать. За этими обѣдами, на которыхъ, кромѣ малой его семьи (жены и сына „Павлуся“ ¹⁾) съ его гувернеромъ), почти никого я не встрѣчалъ,—Галаганъ любилъ говорить о своей дѣятельности, какъ члена присутствія, при чемъ нерѣдко рассказывалъ, какъ онъ удачно отклонялъ поползновенія тѣхъ

¹⁾ «Павлусъ», какъ звали Галаганы своего единственнаго сына, въ это время былъ мальчикомъ лѣтъ семи-восьми. Хорошо помню его, когда бывало, послѣ обѣда, онъ, по просьбѣ отца, илѣлъ какую-нибудь малороссійскую бравурную пѣсню, (напр., «ой Морозе, Морозену...») и энергически при этомъ притоптывалъ ногою...

или другихъ лицъ—обойти законъ. Отклоненія эти являлись въ формѣ „докладовъ“ губернскому присутствію по вопросамъ—какъ слѣдуетъ понимать то или другое неясное мѣсто изъ закона 19 февраля. Здѣсь могу замѣтить, что жена Галагана, (недавно умершая Катерина Васильевна) всегда молчаливая, всегда сдержанная, своими рѣдкими, бывало, улыбками—какъ бы одобряла и ободряла мужа за этотъ характеръ его дѣятельности.

Другимъ членомъ отъ правительства крестьянскаго присутствія былъ Ив. Гр. Есимонтовскій, помѣщикъ мглинскаго уѣзда. Это былъ очень умный и сдержанный человѣкъ и потому всегда очень осторожно высказывавшійся по тому или другому вопросу. Въ очень многомъ онъ не сходился съ Галаганомъ, но ихъ пререканія носили всегда форму пріятельскихъ споровъ, въ которыхъ однако-жь уступокъ, помнится, не бывало...

Изъ членовъ отъ дворянъ губернскаго присутствія ярко выдѣлялся П. А. Васильчиковъ. Попалъ онъ въ губернское присутствіе послѣ того, какъ выбранный передъ тѣмъ на эту должность В. О. Подвысоцкій—выбранъ былъ и предсѣдателемъ черниговской межевой палаты (только что тогда открытой). Васильчиковъ въ это время былъ совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ, но по своему образованію и богатству (П. А. В.—въ былъ женатъ на гр. Орловой-Давыдовой) онъ уже и тогда былъ очень замѣтенъ среди черниговскихъ помѣщиковъ. Трудно объяснить выборъ Васильчикова взамѣнъ было намѣченнаго его предшественника: такъ они были не схожи между собою... Васильчиковъ не былъ сторонникомъ сословныхъ исключительностей. Въ то-же время это былъ мягкій, деликатный, такъ сказать, человѣкъ и джентльменъ въ полномъ и хорошемъ смыслѣ этого слова. Мнѣ, напр., казалось (да, вѣроятно, оно такъ и было), что Васильчиковъ, по своей природѣ, *никогда* не могъ бы покривить противъ *правды*, какъ онъ ее понималъ 1)...

1) Послѣ черниговскаго знакомства съ Васильчиковымъ (значитъ въ 1861—1863 г.г.), мнѣ нерѣдко случалось встрѣчаться съ нимъ лѣтъ черезъ тридцать послѣ этого—въ вагонахъ курско-киев-

При этомъ Васильчиковъ отличался замѣчательнымъ трудолюбіемъ и поручаемые ему „доклады“ по губернскому присутствію разрабатывалъ тщательно и добросовѣстно. Недостатокъ Васильчикова заключался въ рѣшительномъ его неумѣніи защищать свое мнѣніе при словесныхъ преніяхъ, такъ какъ говорилъ онъ безъ надлежащей ясности. Въ числѣ дѣятелей по освободительной реформѣ имя П. А. Васильчикова не должно быть забыто за его честную, нелицепріятную службу этому дѣлу.

Лизогубъ былъ типичнымъ помѣщикомъ половины XIX в., представляя въ себѣ и украиннофила и помѣщика—совсѣмъ не сочувствовавшего освободительной реформѣ. Лизогубъ, повидимому, не имѣлъ высшаго образованія, но былъ большимъ поклонникомъ искусства. Онъ самъ рисовалъ немного и любилъ общество людей интересовавшихся искусствомъ. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ мы прочли (Вѣстн. Евр. 1900 г., № 12) живой рассказъ Л. М. Жемчужникова о посѣщеніи имъ; седневской усадьбы А. И. Лизогуба. Личность послѣдняго здѣсь обрисована въ симпатичномъ свѣтѣ. Такою она отчасти и была, особенно если вспомнить дружескія отношенія Лизогуба къ Т. Г. Шевченку, которыя не прекращались и послѣ ссылки послѣдняго. Но Лизогубъ какъ-бы старался закрывать эту сторону своей личности. Помню очень хорошо, что при частыхъ моихъ встрѣчахъ съ Лизогубомъ въ засѣданіяхъ губернскаго присутствія (раньше я сказалъ, что кн. Голицынъ постоянно приглашалъ насъ—членовъ мир. съѣздовъ—въ эти засѣданія, такъ сказать, для науки), онъ никогда и словомъ не обмолвился со мною о Шевченкѣ, гробъ котораго я передъ тѣмъ сопровождалъ

своей ж. дороги, между Конотономъ и Бобровицею (В. былъ помѣщикомъ козелецкаго уѣзда),—и я видѣлъ въ Васильчиковѣ, уже старикѣ, того же искренняго и правдиваго человѣка, который въ своихъ отзывахъ о людяхъ и ихъ дѣлахъ—не стѣснялся по прежнему говорить правду, и правду иногда жестокую... Умеръ Васильчиковъ въ 1899 г., въ знаменательный день 19-го февраля.

въ Кіевъ, о чемъ Лизогубъ хорошо зналъ. Зналъ онъ также и о близости Шевченка къ нашей семьѣ. Казалось, что Лизогубъ не находилъ удобнымъ заводить рѣчь о Шевченкѣ съ молодымъ челоуѣкомъ, который въ своихъ служебныхъ дѣйствіяхъ больше склонялся къ воззрѣніямъ Галагана, чѣмъ къ воззрѣніямъ его, Лизогуба. Во всякомъ случаѣ, Лизогубъ выдѣлялся изъ своей среды—любовью къ родинѣ. Онъ охотно приводилъ въ своихъ разговорахъ слова и фразы родного языка, которымъ, повидимому, вполне владѣлъ. Покойный А. И. Ханенко рассказывалъ мнѣ, что въ седневскомъ домѣ Лизогуба, по стѣнамъ, были развѣшены портреты его дѣтей въ малорусской старинной одеждѣ, рисованные самимъ отцомъ. Было въ этомъ домѣ немало, говорилъ тотъ же А. И. Х—ко, и другихъ интересныхъ вещей, показывавшихъ, что хозяинъ его помнилъ и любилъ родную старину ¹⁾. Какъ членъ губернскаго присутствія Лизогубъ былъ всегдашнимъ антагонистомъ Галагана, но будучи пріятелями съ юности, и Лизогубъ и Галаганъ пререканія свои пересыпали малороссійскимъ юморомъ, указывая оба другъ на друга, что вотъ, молъ, каковъ онъ, этотъ Галаганъ или—этотъ Лизогубъ...

Вообще слѣдуетъ сказать, что не смотря на различіе воззрѣній членовъ губернскаго присутствія въ общественныхъ вопросахъ—пренія и споры между ними велись, если не всегда спокойно, то всегда вполне благоприлично; видно было, что эти люди не старались убѣждать другъ друга въ правильности своего мнѣнія, потому что хорошо знали одинъ другого и вполне вѣрили въ непреклонность своихъ убѣжденій. Тотъ или другой вопросъ рѣшался большинствомъ голосовъ, при чемъ предсѣдатель, г. е. кн. Голицынъ, какой-нибудь ловко сказанной фразой, сглаживалъ непріятное впечатлѣніе меньшинства, какъ будто говори, что ничего, молъ, не подѣлаешь съ этимъ упрямымъ большинствомъ...

¹⁾ Къ сожалѣнію, все это погубило при пожарѣ седневскаго дома, происшедшаго, какъ гласила молва, неслучайно, во время несчастнаго эпизода съ однимъ изъ сыновей А. И. Л—ба...

Присоединивъ къ этимъ четыремъ членамъ губернатора и губернскаго предводителя дворянства, получится тотъ персоналъ, которому по закону поручено было руководство и наблюдение—за правильностью осуществленія на дѣлѣ того, что было написано въ законѣ.

V.

Непосредственными осуществителями этого закона были мировые посредники. Я уже сказалъ раньше, какъ трудно было кн. Голицыну произвести выборъ этихъ лицъ... Лица эти однако-жъ были выбраны, при чемъ персоналъ ихъ оказался очень разнообразнымъ какъ по возрасту, такъ и по образованію и по степени состоятельности... Тутъ были и старики, и люди только что оставившіе школьныя скамейки, были университетскіе, были и гимназій неокончившіе, были такіе богачи, какъ напр. Вас. Арк. Кочубей, и были такіе бѣдняки (послѣдніе впрочемъ—въ единицахъ), у которыхъ только что хватало земли на цензъ (150 дес. для лицъ, получившихъ высшее образованіе). Различны были и возрѣнія этого разнообразнаго персонала на значеніе освободительной реформы... Я хорошо зналъ посредниковъ четырехъ уѣздовъ: сосницкаго, борзенскаго, конотопскаго и кролевецкаго. Этихъ посредниковъ, за два года моей службы въ мировыхъ сѣздахъ, я узналъ настолько, что каждаго изъ нихъ, какъ дѣятеля крестьянской реформы, могу нарисовать довольно вѣрный портретъ. Портреты эти,—можетъ быть, иногда недорисованные,—привожу здѣсь, чтобы дать понятіе о разнообразіи этихъ дѣятелей. Вмѣстѣ съ ними скажу и о предсѣдателяхъ сѣздовъ, которыми были мѣстные предводители дворянства и которые, несомнѣнно, могли оказывать вліяніе на ходъ крестьянскаго дѣла въ уѣздѣ. Начну съ сосницкаго уѣзда. Предсѣдателемъ сѣзда здѣсь былъ Гр. Ил. Марковичъ. Это былъ совсѣмъ бѣдный человѣкъ, устроившій свое благосостояніе женитьбою на воспитанницѣ богача Воейкова,

отъ котораго получилъ въ сосницкомъ уѣздѣ д. Турецъ. Марковичъ былъ человѣкъ безъ всякаго вліянія въ уѣздѣ; мало зналъ онъ законъ 19 фѣвраля и какъ-то равнодушно относился къ реформѣ. Посредники не обращали на него никакого вниманія. Въ 1862 г. Марковичъ умеръ, и мѣсто его занялъ Мих. Ив. Сахновскій, бывшій секретарь одного изъ петербургскихъ митрополитовъ, человѣкъ искусный въ канцелярскихъ дѣлахъ, но, какъ предводитель, значившій еще менѣе, чѣмъ Марковичъ. Никакого голоса на съѣздѣ онъ не имѣлъ, будучи предводителемъ случайнымъ.

Посредниковъ въ сосницкомъ уѣздѣ было четыре: Мих. Мойс. Бобырь (изъ Даниловки), Ник. Ив. Товстолѣсъ (изъ Шишки), Н. В. Полторацкій (изъ самой Сосницы) и Ив. М. Марковичъ (изъ Шабалинова).—Бобырь, капитанъ артиллеріи и старый холостякъ, былъ вообще человѣкъ честный, неспособный на сдѣлки съ совѣстью. Уставныя грамоты въ его участкѣ были введены тѣмъ съ большею справедливостью, что почва земли тутъ была довольно однообразна, а помѣщики—почти исключительно мелкопомѣстные—были люди тихіе... Трудно было сказать, насколько Бобырь лично сочувствовалъ крестьянской реформѣ, но служилъ онъ этому дѣлу правдиво, и быть можетъ, былъ грѣшенъ лишь въ томъ, что по непривычкѣ къ бумажной работѣ, давалъ своему письмоводителю много воли...

Товстолѣсъ былъ старикъ лѣтъ подь 60-тъ, едва-ли когда-либо выѣзжавшій изъ своего полѣскаго хутора. Это былъ типъ помѣщика глухихъ мѣстъ (медвѣжьихъ угловъ), съ средними достатками, при чемъ образованіе его ограничивалось, вѣроятно, лишь нѣсколькими классами гимназіи. Посредническіе обязанности Товстолѣсу были тяжелы по его малоподвижности и неохотѣ къ бумажной работѣ. Какъ посредникъ, Товстолѣсъ велъ дѣло довольно безобидно для обѣихъ сторонъ, п. ч. былъ человѣкъ аккуратный и кромѣ того побаивавшійся начальства. Пробылъ Товстолѣсъ посредникомъ около года и утомившись непривычною для него дѣятельностью, вышелъ въ

отставку, а участокъ его былъ раздѣленъ между остальными тремя посредниками.

Полторацкій представлялъ собою довольно цѣльный типъ помѣщика средней руки съ нѣжинскимъ образованіемъ, т. е. помѣщика, получившаго высшее образованіе въ нѣжинскомъ лицей. Не смотря на это высшее образованіе, люди этого типа мало чѣмъ интересовались... Какъ посредникъ, Полторацкій дѣйствовалъ не одинаково. Участокъ его состоялъ изъ имѣній большихъ баръ (кн. Урусова, Закревскаго, гр. Толстого, Капниста, Скоропадскаго, Максимовой и друг.). Большинство изъ этихъ помѣщиковъ въ своихъ имѣніяхъ не жило, и посреднику совсѣмъ было неизвѣстно—какъ они смотрѣли на освобожденіе своихъ крестьянъ. Находившіеся въ имѣніяхъ управляющіе нерѣдко предъявляли требованія незаконныя. Отсюда возникали затрудненія. Были въ участкѣ Полторацкаго громадныя имѣнія гр. А. К. Толстого (поэта), въ которыхъ владѣлецъ, по своему характеру, никакихъ затрудненій посреднику представить не могъ, но зато были въ этомъ участкѣ и иные владѣльцы. Изъ нихъ рѣзко выдѣлялась знаменитая Максимова (по мужу, а по рожденію—Ярошевицкая), владѣлица м. Холмовъ, напряженныя отношенія которой къ своимъ крестьянамъ, до изданія закона 19 февраля, имѣли результатомъ своимъ крайне обостренныя отношенія и послѣ изданія этого закона. Въ этомъ имѣніи нѣсколько разъ возникали „бунты“, изъ-за которыхъ въ м. Холмы два раза выѣзжалъ мировой съѣздъ для повѣрки жалобъ Максимовой на посредника за его-де послабленія относительно крестьянскихъ претензій. А между тѣмъ въ отношеніяхъ Максимой къ ея крестьянамъ Полторацкій пасовалъ и терялся.—Правда, типы такихъ владѣльцевъ, какъ Максимова, были единичны, такъ какъ постоянныя ея претензіи и мелкія придирки къ крестьянамъ, задавали посреднику много хлопотъ, но Полторацкій, имѣя въ своихъ рукахъ власть достаточную для противодѣйствія этимъ претензіямъ, властью этою не осмѣливался пользоваться и старался заслоняться съѣздомъ. Какъ я уже сказалъ, съѣздъ два раза выѣзжалъ въ Холмы для улаженія

взаимныхъ—Максимовой и ея крестьянъ—претензій. Помню хорошо эти выѣзды и знакомство съ „обстоятельствами дѣла“ на мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что владѣлица Холмовъ сама по себѣ была дама жестокая, безъ стѣсненія, напр., присутствовавшая при наказаніи ея крестьянъ (еще до освобожденія) за „бунтъ“, когда это наказаніе производилось полиціей въ присутствіи солдатъ. А затѣмъ, къ этому личному характеру владѣлицы, прибавился такой же немягкій характеръ какого-то грека Теотоки, котораго Максимова содержала у себя въ Холмахъ ¹⁾. Вотъ эта пара и насѣдала на Холменскихъ крестьянъ до того, что послѣднимъ становилось невмоготу. Отсюда и возникали „бунты“.

Разумѣется, не Полторацкому было управляться съ Холменскими конфликтами, но странно было и смотрѣть, какъ онъ боялся ихъ... Въ мелкихъ имѣніяхъ Полторацкій былъ смѣлѣе. Неровность въ дѣйствіяхъ этого посредника возбуждала критику и у его товарищей и, кригикъ эгой повидимому, было мѣсто...

Четвертымъ посредникомъ былъ И. М. Марковичъ. Это былъ совсѣмъ еще молодой одесскій лицеистъ, сочувственно относившійся къ освобожденію крестьянъ. При составленіи грамотъ онъ нерѣдко выпрашивалъ у помѣщиковъ и то, на что по закону у крестьянъ не было права. Будучи роднымъ племянникомъ М. М. Бобыря, Марковичъ соперничалъ съ дядею—въ безобидномъ составленіи грамотъ и притомъ безъ всякой помощи съѣзда.

Борзенскими посредниками перваго призыва были В. П. Ловцовъ, Н. Н. Волкъ-Карачевскій и Н. Г. Кандыба. Всѣ они ничѣмъ другъ на друга не походили.

¹⁾ Позже говорили, что ту жестокость, которая практиковалась у Максимовой въ отношеніяхъ къ ея крестьянамъ (до освобожденія), Теотоки примѣнялъ впоследствии къ самой Максимовой... Скоро затѣмъ Холмы перешли въ собственность къ Теотоки, а потомъ—его наслѣдниками были проданы евреямъ.

Семья Ловцовыхъ состояла изъ трехъ братьевъ-стариковъ; ¹⁾ изъ нихъ былъ женатъ только одинъ, а остальные были старыми холостяками, жившими вмѣстѣ, въ нераздѣленномъ имѣніи (с. Крупицполь), которымъ управляли тихо и согласно, безъ какихъ либо недоразумѣній между собою. Всѣ Ловцовы были хорошо воспитаны и отличались въ сношеніяхъ съ сосѣдами—вѣжливостью и мягкостью... За это Ловцовыхъ, въ борзенскомъ уѣздѣ, называли—французскими маркизами, и нужно согласиться, что прозвище это къ нимъ шло. Всѣ Ловцовы, кромѣ того, были добрые и честные люди. Они мало интересовались житейскими „злобами“, поэтому, напр. крупичпольскій ихъ старшій, престарелый домъ былъ довольно неопрятенъ, но за то видно было, что прислугѣ, на обязанности которой лежала эта опрятность дома, жилось привольно и сыто. Посредникъ изъ Ловцова вышелъ плохой, не потому чтобы онъ не желалъ вести дѣло не „по закону“, а потому, что у него не было никакого характера, и въ дѣлѣ составленія и введенія уставныхъ грамотъ онъ очень много давалъ власти своему письмоводителю. Къ чести Ловцова нужно сказать, что не смотря на то, что посредникомъ онъ сталъ по рекомендаціи Галагана, въ громадномъ Иченскомъ имѣніи послѣдняго—Ловцовъ составлялъ уставную грамоту очень осторожно. Дѣло въ томъ, что въ дачѣ м. Ични почва земли самая разнообразная, причемъ не мало тутъ есть и сыпучихъ песковъ. Главными управляющими галагановскихъ имѣній были люди не мѣстные, которые съ одной стороны очень угодили (на словахъ) передъ своимъ патрономъ, а съ другой—тѣснили крестьянъ. Одинъ изъ такихъ, составляя уставную грамоту для иченскихъ крестьянъ, составилъ ее такъ, что на долю крестьянъ отдѣлилъ песковъ гораздо больше, чѣмъ это можно было. Ловцовъ представилъ объ этомъ сѣзду, а сѣздъ постановилъ—осмотрѣть проектируемыя крестьянскіе надѣлы—на мѣстѣ, что и было исполнено. Увидѣвъ, что расчетъ на до-

1) Былъ еще и четвертый, генералъ, но онъ въ Крупицпольѣ не жилъ, и я его не зналъ...

бродушіе Ловцова не удался, управляющій Галагана согласился на всѣ уступки, предложенныя съѣздомъ, и Иченская грамота была исправлена къ полному удовлетворенію крестьянъ. Любопытно, что когда я, послѣ этого съѣзда, вернулся въ Черниговъ и разсказалъ Галагану о нашей экскурсіи въ Ичню, то онъ остался недоволенъ нашимъ туда выѣздомъ, за то, что мы, такъ сказать, повѣряли дѣйствія его, Галагана, а слѣдовательно, какъ будто заподозрили его въ желаніи обдѣлить крестьянъ. Въ этомъ недовольствѣ обнаруживался тотъ довѣрчивый Галаганъ, котораго, какъ говорили близкіе къ нему люди, очень много обманывали нѣкоторые его повѣренныя. ¹⁾

Посредникъ Волкъ-Карачевскій былъ товарищъ по университету Заики, которымъ и указанъ Голицыну. Какъ посредникъ, В.-Карачевскій, при мягкости и спокойствіи своего характера, былъ однимъ изъ справедливейшихъ въ губерніи; онъ успѣлъ заслужить довѣріе даже у крестьянъ, пользуясь которымъ легко улаживалъ отношенія къ помѣщикамъ. Помню, что при одной какой-то сдѣлкѣ крестьянъ съ Кочубеемъ, по Конашевскому имѣнію, крестьяне не рѣшались „дать руки“, т. е. подписать сдѣлку. А когда посредникъ спросилъ ихъ—почему же они не рѣшаются подписать сдѣлку, если находятъ ее для себя выгодною, то крестьяне просили посредника—сказать имъ по правдѣ—не попадутъ ли они за это въ бѣду, такъ какъ въ народѣ держится слухъ, что у тѣхъ крестьянъ „которые будутъ заключать съ панами какія нибудь сдѣлки, поны не будутъ ни дѣтей крестить, ни мертвыхъ погребать“...

Н. Н. В.-Карачевскій пробылъ посредникомъ около году и ушелъ въ реформированный въ то время акцизъ, который „своими содержаніями увлекъ тогда и привлекъ къ себѣ—много хорошихъ людей.

¹⁾ Доходило до того, какъ говорили, что одианъ изъ нихъ на требованіе Галагана изъ Сиб. прислать деньги за проданный табакъ, попробовалъ было увѣрить патрона, что эти деньги онъ отдалъ ему лично, будучи въ Сибургѣ...

Третьимъ посредникомъ былъ Кандиба, который, будучи собственно конотопскимъ помѣщикомъ, сталъ борзенскимъ посредникомъ, будучи женатъ на дочери тамошняго помѣщика. Грамоты Кандыба составлялъ очень осмотрительно и аккуратно, но пробылъ онъ посредникомъ очень недолго, такъ какъ скоро переѣхалъ изъ борзенскаго уѣзда въ свое конотопское имѣніе.

Очень типичнымъ являлся предсѣдатель борзенскаго мирового сѣзда, К. А. Гамалѣя. Это былъ уже старый человекъ, занимавшій предводительскую должность съ 1837 г., послѣ своей военной службы. Военная его служба была примѣчательна тѣмъ, что поступивъ юнкеромъ въ гусарскій полкъ, стоявшій въ борзенскомъ уѣздѣ, Гамалѣя дослужился до штабъ-ротмистра, не покидая своего уѣзда. Послѣ отставки, Гамалѣя сейчасъ же былъ выбранъ предводителемъ; его цѣнили за безконечное добродушіе, которое давало возможность борзенскимъ дворянамъ распоряжаться своими дѣлами, (напр., на дворянскихъ выборахъ) кто какъ хотѣлъ и кто какъ умѣлъ. Никому и никакого противодѣйствія Гамалѣя не оказывалъ, потому что ко всему былъ безразличенъ. Ни друзей, ни враговъ онъ не имѣлъ; по малочисленности дворянъ въ борзенскомъ уѣздѣ—никакихъ партій тутъ не было. Вотъ поэтому Гамалѣя и выбирали предводителемъ до тѣхъ поръ, пока старость не сдѣлала его инвалидомъ. Какъ предсѣдатель сѣзда, Гамалѣя вполне подчинялся большинству и даже охотно присоединялся къ рѣшеніямъ сѣзда въ щекотливыхъ вопросахъ объ обязательномъ перенесеніи крестьянскихъ усадьбъ, когда приходилось въ такихъ требованіяхъ помѣщикамъ отказывать (по этимъ вопросамъ на сѣздѣ по закону требовалось единогласіе).

Свое усердіе—относительно помощи сѣзду въ веденіи дѣлъ—Гамалѣя простиралъ до того, что разъ, при допросѣ свидѣтеля, вида, что послѣдній явно говоритъ неправду, Гамалѣя подошелъ къ нему и сдѣлалъ такое внушительное движеніе рукою, что свидѣтель покачнулся.. Засѣданіе было закрыто и Гамалѣя тутъ же было внушено, что если когда-нибудь такой жестъ повторится, то объ этомъ будетъ составленъ „протоколъ“...

Можно впрочемъ сказать, что Гамалѣя, совершая этотъ „криминалъ“, мало вѣдалъ, что творилъ..

Въ Конотопскомъ уѣздѣ было три посредника: К. П. Тарповскій, Л. А. Астафьевъ и Ал. Г. Кандыба,—послѣдніе оба съ университетскимъ образованіемъ.

Тарновскій былъ сынъ небогатаго прилуцкаго помѣщика, по воспитанію инженеръ. Въ конотопскій уѣздъ онъ переселился, получивъ при дѣлѣ богатаго наслѣдства Г. С. Тарновскаго, въ этомъ уѣздѣ д. Юрьевку. Посредникъ изъ Тарновскаго вышелъ полезный потому главнымъ образомъ, что онъ былъ въ уѣздѣ человѣкомъ чужимъ, не имѣвшимъ, слѣдовательно, тутъ ни друзей, ни враговъ... Бѣда была только въ томъ, что Тарновскій по природѣ былъ очень медлителенъ. Долго иногда приходилось крестьянамъ ожидать у этого посредника рѣшенія своего дѣла, но рѣшалъ онъ эти дѣла не въ обиду крестьянъ.. Желая показать себя независимымъ человѣкомъ отъ тѣхъ или другихъ вліяній, Тарновскій требовалъ отъ помѣщиковъ точнаго исполненія закону и порождалъ межъ ними много недовольныхъ.

Такимъ же медлителемъ, если только не большимъ еще, былъ и посредникъ Астафьевъ, тоже человѣкъ въ уѣздѣ чужой. Отецъ его купилъ здѣсь часть разумовщины (извѣстный мазепинскій хуторъ Поросючку, передѣланную потомъ въ Богодаровку) и сталъ конотопскимъ помѣщикомъ. Какъ посредникъ, Астафьевъ велъ дѣла „по закону“, но медлителъ онъ былъ чрезвычайный, къ чему присоединялось еще другое качество: неуступчивость въ томъ или другомъ своемъ мнѣніи... Неохотно обращались къ этому посреднику крестьяне, зная, что прійдется потерять много времени, пока посредникомъ данъ будетъ судъ, хотя послѣдній несправедливымъ бывалъ, можетъ быть, и не часто. Насколько Тарновскій и Астафьевъ—были медлителны, настолько быстро работалъ Ал. Г. Кандыба, но за то въ веденіи крестьянскаго дѣла онъ былъ неровенъ и очень субъективенъ... Дѣятельностью его губернское присутствіе, повидимому, не было довольно, такъ такъ „куруловскій мировой участокъ“, въ кото-

ромъ Ал. Г. Кандиба былъ посредникомъ, скоро былъ упраздненъ и раздѣленъ—между Тарновскимъ и Астафьевымъ.

Въ сѣздѣ конотопскомъ дѣла шли плохо, вслѣдствіе постоянныхъ пререканій членовъ его между собою. Тарновскій и Ал. Г. Кандиба *никогда* въ мнѣніяхъ не сходились. Предсѣдатель сѣзда П. Г. Кандиба съ Тарновскимъ тоже не соглашался, а Астафьевъ—при этихъ спорахъ—былъ нѣсколько формаленъ... Главная бѣда конотопскаго сѣзда заключалась въ томъ, что въ немъ невозможно было спокойное обсужденіе дѣла, потому что большею частью бывало такъ, что если одинъ говоритъ *да*, то другой говоритъ *нѣтъ*. Обыкновенно споръ кончался тѣмъ, что Тарновскій вмѣстѣ съ членомъ отъ правительства—оставались въ меньшинствѣ.

Перехожу къ кролевецкому уѣзду. Здѣсь было четыре посредника. Первымъ изъ нихъ слѣдуетъ назвать В. А. Кочубея,¹⁾ который выдѣлялся между посредниками едва ли не всей губерніи, своимъ богатствомъ. Жилъ онъ прежде большею частью зиграницей, жизнь народа зналъ мало, и почему онъ согласился взять на себя посредническія обязанности—хорошо не знаю. Вѣроятно, что тутъ дѣйствовалъ Галаганъ, который по женѣ былъ въ близкомъ родствѣ съ Кочубеями. Галагану пріятно было видѣть въ средѣ посредниковъ—родовитаго „пана“ и при томъ близкаго своего родича. Какъ посредникъ, Кочубей былъ дѣятелемъ малоучастливымъ, но по добротѣ своего характера—былъ полезенъ.

Посредническое дѣло въ его участкѣ лежало почти исключительно на рукахъ его письмоводителя Войцеховича, который и замѣнилъ Кочубея, когда послѣдній въ 1862 г. оставилъ посредничество.

Замѣтнѣйшимъ посредникомъ въ кролевецкомъ уѣздѣ былъ Т. И. Соломка, дѣлецъ изъ маленькыхъ коронскихъ „панковъ“, почти поголовно занимавшихся мелкимъ винокурениемъ и ви-

¹⁾ Братъ его Н. А. Кочубей тоже былъ посредникомъ въ кролевецкомъ уѣздѣ.

новодствомъ. ¹⁾ Этою промышленностью тамошніе владѣльцы наживали хорошія средства. Такимъ хозяиномъ былъ и Соломка. Это былъ хорошей знакомый Заики, которымъ и былъ рекомендованъ Голицыну. Соломка обладалъ незауряднымъ умомъ, но въ его дѣятельности слишкомъ проглядывалъ оппортунизмъ... При реформѣ уѣздной полиціи въ 1862 г., Соломка сдѣланъ былъ крелевецкимъ исправникомъ, а кончилъ жизнь онъ членомъ харьковской судебной палаты.

Затѣмъ остальными двумя посредниками были П. А. Марковичъ (тогда жилъ въ с. Крискахъ) и М. П. Ворожченко; первый принадлежалъ къ стариннымъ черниговскимъ панамъ и былъ правнукомъ извѣстнаго автора „Дневныхъ записокъ“ Якова Марковича, а второй—изъ военныхъ (бывшій полковой командиръ) былъ зять тоже стариннаго черниговскаго пана—П. И. Забѣлы (изъ Лушниковъ). Несмотря на полное различіе въ характерахъ, и Марковичъ и Ворожченко дѣйствовали одинаково, не „наровя“ ни въѣту, ни въ другую сторону. Марковичъ, по природѣ своей, очень добрый человекъ, конечно, жалѣлъ тѣхъ, которые лишались даровой рабочей силы, но по своему характеру, активно выражать этого сожалѣнія не могъ. Дѣло развода крестьянъ съ помѣщиками въ участкѣ Марковича шло правильно. Не желая наживать себѣ недруговъ, Марковичъ въ затруднительныхъ случаяхъ обращался къ сѣзду, предоставляя эти случаи окончательному разрѣшенію послѣдняго. Ворожченко былъ человекъ совсѣмъ чужой въ уѣздѣ; это обстоятельство нисколько не связывало его общественной дѣятельности, которую онъ и велъ неуклонно „по закону“; при томъ же, будучи по характеру человекъ очень осторожнымъ, Ворожченко старался—не расходиться съ направлениемъ губернскаго присутствія и—попадать ему въ тонъ... Характеръ всѣхъ четырехъ крелевецкихъ посредниковъ давалъ

¹⁾ Это были панки, число крестьянъ у которыхъ простиралось отъ одной до пятнадцати «душъ»... У самого Соломки было только шесть душъ крестьянъ, какъ значится въ тогдашнихъ вѣдомостяхъ.

возможность рѣшать безобидно для крестьянъ и тѣ дѣла, которыя подлежали разрѣшенію съѣзда, причемъ голосъ председателя съѣзда всегда присоединялся къ большинству. Председателемъ, т. е. предводителемъ дворянства, былъ тогда Н. М. Дурновъ, ставшій кралевецкимъ помѣщикомъ по женитбѣ его на дочери владѣлицы с. Обтова, Х. А. Иваненковой, пользовавшейся громкою извѣстностью въ околотеѣ за свою энергію. По своему характеру Дурново относился къ дѣлу безразлично...

Вотъ явесь персоналъ дѣателей, по освободительной реформѣ, въ тѣхъ четырехъ уѣздахъ губерніи, въ которыхъ и я близко стоялъ ко этой реформѣ.

VI.

Оглядываясь теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, назадъ, я вижу, что изъ четырнадцати посредниковъ, мною названныхъ, лишь объ одномъ изъ нихъ я могу сказать, что онъ исполнилъ сочувствовалъ освобожденію крестьянъ и радовался этой реформѣ. Изъ остальныхъ, значительное большинство, конечно, сожалѣло объ утраченномъ крѣпостномъ правѣ уже по одному тому, что воочію видѣло всѣ грядущія для нихъ экономическія затрудненія... И тѣмъ не менѣе—разводъ крестьянъ съ помѣщиками—въ четырехъ моихъ уѣздахъ сдѣланъ былъ болѣе или менѣе правомѣрно, и крестьяне при составленіи уставныхъ грамотъ—обижены, намѣренно, не были.—

Главная заслуга такого безобиднаго развода принадлежала губернскому присутствію, а послѣднему тонъ давалъ кн. Голицынъ. Съ самаго открытія губернскаго присутствія, Голицынъ очень удачно установилъ порядокъ его дѣтельности. Всѣ поступавшія въ присутствіе бумаги разрѣшались двоякимъ способомъ: всѣ сложныя и требовавшія кабинетнаго изученія—поручались (по назначенію губернатора) членамъ присут-

ствія, которые затѣмъ представляли письменные „доклады“. Последніе читались въ присутствіи и послѣ преній, принимались или исправлялись, а иногда и отвергались. Менѣ сложныя бумаги читались, обсуждались и рѣшались тутъ же, въ присутствіи, а затѣмъ мотивированную по нимъ резолюцію писалъ секретарь. Всѣ опредѣленія губернскаго присутствія, въ томъ числѣ и пространные доклады членовъ присутствія, печатались полностью въ *журналахъ* присутствія, которые и рассылались всѣмъ посредникамъ губерніи. Такимъ образомъ *все посредники* вполнѣ были знакомы съ характеромъ и направлениемъ дѣятельности губернскаго присутствія, и волей-неволей подчинялись этому направленію, видя, что присутствіе неуклонно преслѣдуетъ правомѣрное разрѣшеніе крестьянскаго дѣла.—Кромѣ того, кн. Голицынъ постоянно приглашалъ въ засѣданія присутствія пріѣзжавшихъ въ Черниговъ какъ посредниковъ, такъ и помѣщиковъ, болѣе или менѣе значительныхъ, несмотря на тотъ или другой цвѣтъ послѣднихъ. Приглашенія эти были полезны въ томъ отношеніи, что побывавшіе въ засѣданіяхъ присутствія помѣщики видѣли бесполезность протестовъ... Наболѣе частымъ гостемъ въ засѣданіяхъ губернскаго присутствія, сколько помню, былъ родной братъ члена присутствія, В. И. Лизогубъ, отставной уланъ, приходившій всегда съ своей трубкой на длинномъ чубукѣ. (Въ засѣданіяхъ присутствія, происходившихъ вечеромъ, куреніе было свободно, при чемъ къ нему добавлялось непрерывное чаепитіе). Этотъ гость, не будучи сторонникомъ освобожденія крестьянъ, сначала очень будировалъ противъ „либеральныхъ“ наклонностей губернатора, но потомъ настолько примирился съ характеромъ веденія дѣлъ въ присутствіи, что посѣщая его засѣданія, свое несочувствіе тому или другому рѣшенію вопроса выражалъ лишь добродушно-ироническими улыбками, какъ бы говорившими: ну, что съ вами дѣлать, продолжайте!.. Ревностнымъ помощникомъ Голицына въ веденіи дѣла былъ Заика, который предварительно просматривалъ всѣ поступающія въ присутствіе бумаги

и сортировалъ ихъ для дальнѣйшаго направленія, такимъ образомъ, чтобы какой-нибудь важный вопросъ, требовавшій принципиальнаго разрѣшенія, попадалъ въ докладъ правительственнаго члена.. На обязанности Заики лежалъ просмотръ журналовъ мировыхъ сѣздовъ (по распоряженію присутствія, присылались копии сѣздовыхъ журналовъ послѣ каждаго засѣданія). При этомъ если встрѣчалось неправильное разрѣшеніе того или другого вопроса, то рѣшеніе сѣзда подвергалось пересмотру присутствія (безъ всякой жалобы) и перерѣшенію. Помню, что разъ въ Сосницкомъ сѣздѣ состоялось постановленіе о лишеніи крестьянина права на надѣлъ на томъ основаніи, что онъ пользовался пахатною землею только въ качествѣ живущаго въ лѣсу сторожа. А между тѣмъ видно было, что крестьянинъ жилъ въ лѣсу помѣщика не сторожемъ, а самостоятельнымъ хозяиномъ, который своимъ скотомъ и своимъ „желѣзомъ“ обрабатывалъ отведенное помѣщикомъ ему поле. Я написалъ отдѣльное мнѣніе, въ которомъ подробно изложилъ экономическое положеніе крестьянина, дававшее ему несомнѣнное право на полученіе надѣла. Это было въ первый годъ дѣятельности сѣздовъ, когда порядокъ обжалованія его рѣшеній былъ почти невѣдомъ тѣмъ, кому можно было жаловаться.—Заика, перечитывая журналы сосницкаго сѣзда, замѣтилъ это рѣшеніе и доложилъ о немъ присутствію, а послѣднее рѣшеніе сѣзда отмѣнило, признавъ за крестьяниномъ право на пользованіе на надѣлъ.

Въ заключеніе скажу, что Голицыну несомнѣнно принадлежитъ великая заслуга безобиднаго, болѣе или менѣе, разрѣшенія въ черниговской губерніи крестьянскаго дѣла. Онъ далъ въ губерніи тотъ тонъ, котораго слушали и которому вторили посредники, видя, что тонъ дается настойчивый. Тонъ этотъ, производилъ то, что даже тѣ лица, отъ которыхъ, повидимому, нельзя было ожидать „плодотворной“ дѣятельности, по ихъ прошлему,—сдѣлавшись посредниками, исполняли свои обязанности такъ закономѣрно, что результаты получались наилучшіе.

На этомъ оканчиваю. Быть можетъ, позже когда-нибудь, пополю и продолжу свой рассказъ, если только Богъ продлитъ вѣку. ¹⁾

А. Л.



¹⁾ *Добавленіе.* Раньше я сказала (февр., 361), что отдѣльные факты, указывавшіе (въ 1861 г.) «на такое возбужденіе умовъ», едва ли записаны, разумѣя запись мемуаристовъ. Въ официальныхъ бумагахъ факты эти, конечно, записаны и «дѣла» о нихъ вѣроятно еще существуютъ въ черниговскихъ архивахъ. Указаніе на эти «дѣла» заключаетъ въ себѣ напечатанная въ 1864 г. официальная записка подъ заглавіемъ «Обзоръ дѣйствій м—ва внутр. дѣлъ по крестьянскому дѣлу съ января 1861 по 19 февр. 1864 г.» (Спб., въ л., 199 стр.). При перечисленіи «безпорядковъ», возникшихъ по имперіи, среди крестьянъ, въ первой половинѣ 1861 г., относительно Черниговской губерніи въ «Обзорѣ» говорится: «Главнымъ пунктомъ бозпорядковъ (въ Ч—ой губ.) долгое время были: въ Нѣжинск. у. селеніе *Безуловка* и въ н.-сѣверск. у. слобода *Каменская*. Въ Безуловку, какъ центръ волненія, введено было 3 батальона войскъ. Въ то же время возникали безпорядки въ разныхъ имѣніяхъ уѣздовъ: н. сѣверскаго, городницкаго, конотопскаго, кролевецкаго, новозыбковскаго и мглинскаго. Въ н.-сѣверск. у. крестьяне слоб. Каменской не только сами отказывались отъ исполненія барщины, но препятствовали силою производству работъ въ усадьбѣ помѣщика вольнонаемными людьми. Примѣръ каменскихъ крестьянъ увлекъ въ безпорядкамъ 25 селеній съ населеніемъ до 9000 душъ. Безпорядокъ въ слоб. Каменской подавленъ при содѣйствіи военной силы, послѣ наказанія и заключенія въ оковы главныхъ зачинщиковъ».

ЛЫХО.

(Картынка з жытця голодных).

Въ мистечку Б., на прыкинци, де стоялы задумани, зъ сывымы пасмамы вербы, а за ными тяглысь по дорози струнки осокоры зъ срибнымъ, тремтячымъ лыстомъ, тамъ, геть на одшыби, ховалась мижъ корявыхъ яблонь и поломаныхъ слывъ горбата хатынка. Кругомъ неи не выдко було ни тыну, ни загороды; хозяйськи забудованна стоялы рушною, порозваляни, порозламани, та и сама хата була мало не зовсимъ безъ покривли, и кризь диркы на ій свитлы ребрамы кроввы.

У тій хатци жыла соби удова Марта Супоныха зъ своею едыною донькою Присею, дивчыною лить девъяты-десяты. За покійного чоловика, якого брусомъ пры будованни церкви убыто, симъя Супони вважалась за заможню и жыла, по теперешнихъ часахъ, навить зъ достаткомъ. Чоловикъ Марты, кримъ свого надила, державъ у посесіи ще два, мавъ пару воливъ, корову и килько овецать, та теслярствомъ ще зароблявъ копійчыну. У ти благословенни часы оця хатка вызырала бильмъ грыбкомъ середъ кучерявыхъ деревъ; вся садыба була огороджена на дыво плетенымъ тыномъ зъ воротамы, вси хозяйськи забудованна byly опоряджени, добре укрити; середъныхъ здіймалась до горы высокою пырамыдою клуни, а округъ

неи у осені одбывали золотомъ стижки жыта, пшеници, червонила гречка, зеленило въ добу упоране сино,—и скривъ тутъ грало веселе жыття: метушни куры нышпорылы повсюды, поважни качкы ныкалы перевагы-вагы то туды, то сюды, мекалы овечата, ревла, вертаючысь зъ пашы, корова и выщала, пlyingаючы то до хозяйкы, то до іи маненькой донечкы, кудлата Найда.

И отъ, минуло чотыри роки по смерти Супони—и зъ цѣго видрадисного куточка сталось ниме кладовыще.

Хозяи, заразы, за плечемъ старшыны, видибралы у вдови свои надилы; а на власный надиль іи чоловіка знайшовсь опекунь, якыйсь родычъ, та й загарбавъ ёго за небезпечностью нибы оплать. На вси Мъртыны сваргы, старшына тлумачывъ одно: „выходъ замизъ, або выдавай свою дочку,—тоди й пошукуй надила“. Марта любыла своего небижчыка, а ще бильше дочку, то й не захотила побратысь у-друге, а видъ того й лышлася безъ земелькы.

Ото-жъ худобу содѣржуваты вдови було уже годи, то й почала вона іи по-троху збуваты: отымъ, мовлявъ, и жылы, та ще поденщынсю, де траплялась. Хутко повіялось за витромъ пбтомъ надбане добро: запанувавъ недородъ, свотынѣа пишла за бѣзцинь, а про руки ниhto й не пытався... Довелось продаты на знось и комору, и клуню... Повиткы та тыны розваляли негоды та бури, а рѣшту рознесли добри люде...

Все спродала уже Марта, навить одежу; одніеи тилько коровы не мала вона смль збуты: Бура нибы стала крвною у симѣи и прыросла до сѣрця матери й дони... Останнимъ шматкомъ хлеба дилылась зъ нею симѣа, и корова въ подяку надилала іи молокомъ та прыплодомъ... Але надійшовъ скрутъ, и ни за що було уже бидній вдови рукъ зачепыты... Недородъ въ останній рикъ зминывсь справжнимъ голодомъ—и теперь выпадало очевыдчыкы имъ усимъ трѣмъ загыбаты...

Уже два мисяци зъ голоду пухнуть и симѣа, и корова; уже Прися була занепала смертельне, та Господь покы пиднявъ іи, тилько чы на-довго, бо ледве-ледве хату перейде, ажъ свитытсья, мовъ зъ хреста знята...

Думала Марта, думала, чымъ розважыты свое горе велике, та й думокъ не зибрала: втыся въ иі хату убогу зеленый, зъ запалены очыма, голодъ и застукотивъ своими кисткамы по лавахъ; за нымъ розляглась на доливци зубата, ненатла нужда, а темна, якъ пивничъ, нудьга сила на покути.

Нарешти наважылась Марта свой доньци сказаты, що нема бильше силы, що треба Буру за що не за що, а продать.

Прися заломыла руки въ слѣзахъ и стала свою матирь богаты, щобъ заждала хочъ тыждень, хочъ трохы,—поки ось-ось уже буде травычка...

— Поки здохне корова?—усмихнулась гирко маты и выйшла на подвирья. Прися кынулась до виена и прыпала лычкомъ до шыбы; на иі рясныхъ віяхъ ще бренилы перлыны и роскою спадали на зеленкувате, мутнѣ шкло. Дивчынка пыльно зорыла, чы не пожене куды мама иі Буркы?

А Марта, насмыкавшы мокрои, трюхлой соломы зъ покривли, понесла иі до коровы; але та лызнула у господини руку, а трюхы не взяла й въ губу; хозяйка набрала ще видро воды и хотила иі напоиты, але Бура й голову одвернула... Ударылась рукамы объ полы вдова, обдывылась кругомъ свою добродійку, погладыла иі по шы, та й вернулась змертвилоу въ хату.

— Не выпадє, дытыно моя, продавать намъ корову,—промовыла вона, видчыняючы двери,—прыбере иі, певно, Господь!

— Мамо!—зплеснула лоненькымы, якъ прутыки, рукамы Прися, вырочывшы зъ жахомъ чорни, якъ терень той, оченята.

— Охъ, прогнивалы мы, лыбонь, Бога, и нема видъ Ёго ни ласкы намъ, а ни мылосердя! Хвора наша Бурка зовсимъ слаба: не йистъ и не пье, а якось жалибно стогне... Може, видъ голоду... бо чымъ и кормылы?—Всю хату обдерла... та хйба жъ то наша? Ну, й подалась... Марта утерла квартушыною нисъ и заплакани очы.—Уже, якъ я выглядала тїєи весны, сонця красного, якъ сподивалась на зеленый морижокъ,—та не диждались мы зъ Бурою ласкы Божои... Отъ ты прохала мене,

щобъ не продавала коровы,—та хиба мени самій не шкода їи, не жаль? Все йидно, що серце вурвать зъ грудей: одже-жъ у тій коривци зныкли вси мои радости, все мое щастя мынуле! То-жъ покойный мій батько, а твій дидь, подарувавъ мени на весилли тельчку, а зъ тельчки выросла онъ-то яка корова... Якъ-же вона тишыла мене й твого татка, якъ мы упадали за нею,—и тебе, мою зирочьку, вона выгодувала.. а колы, зъ воли Божои, я овдовила, то Бура ще въ більшій прыгоди намъ стала. Якъ-же мени не вболиваты за нею? Остатня-жъ худобына, та ще ридна, та кривна!.. А отъ, не здолала договуваты їи... сами пухнемо зъ голоду,—и пропаде, згыне...—докинчыла маты, хлыпаючи, свою казань и осила пидъ тяжаромъ безпораднёго горя на лаву.

А дивчына все стояла, устроившы кудысь свои очи, стояла верухомо, безмовно, тилько немовъ пропасныця трусыла їи все дужче, та дужче.. а це раптомъ якъ заголосыть: „ой, нечечко, ой, лышенько!“ та такъ и залылась буйнымъ плачёмъ, такъ и захлынулась, та й упала на стиль.

Довго розлягалось по хати дытяче рыдавня, и маты спыныть ёго не здолала,—бо й у самой гирки спадали дрибнымъ дощемъ на полы протертой кохты. Нарешти Марта встала и пидійшла рিশуче до Приси.

— Не плачъ, дытино,—поцилувала вона їи въ голову,—я ось пиду до дядька Охрима: винъ знахарь, винъ порадыть... и вивсянои соломы выпрошу у старшыны... або краще—на одробитокъ у жыда,—той швыдче зглянется... А ты пожды, помольсь Богу, та гляды, не выходи зъ хаты: на двори холодно, а ты ледве на ногахъ стоишь,—и Марта, хапльво накынувши на плечи дыраву свытыну, выйшла зъ хаты.

Прися, утершы кулаками заплакани очи, сила соби пидъ образомъ въ кутку и замыслылась. Невесели, не дытячи думкы окрылы хмарою їй голивку: ясни дни недавнёго дытынства мрялись їй зъ-по-за хмары якымсь непевнымъ проминнямъ... яснище выризувавсь вже на очи пожовелый трупъ їи батька, зъ проламаною, кривавою головою... дали—ницъ, дячокъ и тыскъ

люду... А потімъ уже нишлы нудни, самотлывіи дни... нужда та слёзы... а радощивъ та смиху—а ни прѣслидеу... отъ тилько пестоци матери; але й ти були якись порѣвчасти, болисни, и видбывалась безкрая нудьга. Дытячыхъ забавокъ Прися майже не знала: селянськи диты цуралысь іи, та й вона ихъ боялась; отъ тилько й тишыла іи Бура: йила зъ рукъ іи капустяне лыстя, моркву, гарбузови скыбки, а то й хлибъ... И знала-жь якъ, мовъ свое телятко: ледве, бувало, Присю забачыть,—заразъ замука радисно и протягне до дивчыны свои мяяки губы; а то й языкомъ лызне по щоци,—такъ уже ото одна одну любылы! И отъ,—колы не дай Боже...,—у дивчатка заворушылысь справжњи бажанья умерты, а не зостатысь на цимъ нуднимъ, та труднимъ свити безъ останнѣи втихы...

— Господы!.. Маты Божа!.. Свята Варваро... Богородыце,—схопылась вона на ноги и стала молытысь збурено, палко, притыскуючы рученята до своего лона.—Рятуйте коривку,—Бога рады, рятуйте!.. Отче нашъ, иже есы... Рятуйте, згляньтесы! А не то, пріймить краще мене!—И вона упала на-вколишки и стала ревно быты поклони.

А тымъ часомъ мама іи зъ дялкомъ Охримомъ наблыжалысь до хаты, и маты, кланяючысь знахареву у полясь, все прохала ёго:

— Дядечку, голубчыку! Пошануйте, й пожалуйте, та дайте пораду: послідня-жь худобынка, якъ сорочка на ныщому...

— Що-жь, це мы можемо, здолаемо,—глыбокодумно видповивъ знахарь, чухаючы нотылицю:—небизчыкъ-то, земля надъ нымъ перомъ,—гордувавъ намы, все було до хвершала въ хутирь... Гмъ! А ось и прыйшлось! Проте—байдуже: окомъ на-кыну и сразу все, якъ на долони—чы зъ витру, чы зъ на-шепту, чы видъ порухы... А то, часомъ, скотына зъистъ що уредне—наука, або-що... Ну, дакъ іи шыломъ въ бокъ шпор-тонешъ,—и тилько засвыще: значыть, у дирку тоби хвороба и вылетѣть... Такъ-то воно—эге! Все у нашихъ рукахъ... и колы зввычайно за трудъ...

— Подякую, заплачу, якъ зароблю чы продамъ коривку, щобъ я п'ятівки святою не диждала!.. А теперъ,—отъ Богомъ влянусь,—копійки нема за душею!—ударыла себе Марта кулакомъ у груди.

— Гмъ!—замугыкавъ знахарь, та й додавъ:—Ну, що-жъ—обидянки—цяцянки, а дурневи радисть!

Бильше не зронивъ и слова, а мовчки, понуро підійшовъ до коровы, що середь двору лежала.

Марта стала пыльнувать за выразомъ ёго облычча; не вищувало воно добра: зелене, опухле, воно здавалося ище бильшь негарнымъ одъ неголенои щытыны; ключковати, обидени вусы пидъ забандюбленимъ носомъ робылы ёго ще гиршымъ; найбильшь неприемне вражиння чынылы мовъ особою проризани, ольвяного колёру очи,—зпидъ навислыхъ рудыхъ бривъ вони свитылысь якымъ лыховистнымъ вогнемъ.

— Ге, ге, ге!—протягъ знахарь нарешти, ударывшы двичы кійкомъ корову, щобъ звелася на ноги.—Онъ воно що!—бурчавъ винъ, заглядаючи пыльно ий въ очи.—Хтобъ и подумавъ!—Знахарь ухопивъ корову рукою за ригъ, а кійкомъ слыувався роззявить ий рота и тыкавъ у зубы. Корова крутыла головою и видъ кійка ухмылялася.

— Не видкрутышся!—бачу! накынувъ окомъ—и якъ на долони,—доводывъ знахарь корови зъ докоромъ,—а ты не махай пыскомъ!—Ачъ, каторжна, сибирна!

Ни жыва, ни мертва стояла Марта и нарешти наважылася спытаты:—Що зъ нею, дядечку, що зъ моею коривкою скоилось?

— Та що,—сказылася,—та й годи! сказылася—и квита!

— Якъ сказылася? Зъ яею прычыны? Ии нихто не вкусывъ, хочъ огляньте!

— Та що тамъ глядять,—накынувъ окомъ—и квита... якъ на долони! Эгъ, лягнула,—не вкусывъ?.. Та скажена собака колы трычи духомъ дыхне—чы на людynu, чы на скотynu, чы на звиря,—дакъ уже те и сказытся небезирёминно: колы

двичи—то ще дарма, а колы трычи,—заплющуй вичи! Та що тамъ базикаты? Сказылась твоя корова, та й край!

— Не може буты, брехня!—обурылась Марта.—На нашимъ кутку и скаженом собаки не було!

— Ты мени, бабо, брехни не завдавай! То може твоя маты брехала, якъ на лави лежала, онъ що! А мени зъ тобою не куматыся: мени треба довести начальству, що корова, не доведы Господы...

— Та Бога бійтесь, хйба скажене такъ тыхо та покирно лежыть?

— А отъ ты побачышь, якъ вона за яку тамъ голыну тыхо лежатыме? Вона уже проковтнула щеняць, що пидъ языкомъ ій сыдили... Ну, такъ отъ незабаромъ и задере хвисть...

Марта стала була знахаря слизно богатый, щобъ винъ передъ старшыною и урядныкомъ хочъ до завтрёго покрывъ ии горе; але знахаръ бувъ невпросымый и видкупне правывъ... Нарешти Марта, розпалывшысь, стала похвалятысь, що побижыть заразы у хутирь до хвершала, и той ии захыстыть видъ на-пасти.

Це ажъ розсатаныло знахаря.

— Иды соби хочъ до чорта пухлого!—сплюнувъ винъ люто.—А я ииду те-жь, куды треба,—и винъ справди попрямувавъ хапльво до мистечка. А прыбыта горемъ вдова, не завернувши й у хату, кынулася у другый бикъ—до хутора, що бувъ верстоць за дви-за тры видъ ии садыбы.

Прися, почувшы сварлымый гоминъ коло хаты, кынулася перелякана до викна; глянула, ажъ ии маты зъ якимсь дядькомъ кудысь-то пишлы, а коривка лежыть соби безпешно на дворыщи,—глянула й заспокоилась. Теперь, писля турботъ, ии опанувала тыха знемога, що ни руки, ни ноги не звесты, и Прися ледве-ледве допленталась до полу, де лежало рядно й подушка, на превельку сылу зипъялась на ёго, упала и сразу-жь такы заснула.

А за яку голыну у вдовыну пустошь ввиходыла юрба селянь: передъ вивъ знахаръ, за нымъ пышно выступавъ стар-

шына зъ „мегдалію“ на шыи, за старшыною пливсь зъ урядныкомъ пысарь, подали плуталысь двое соцькыхъ, та двое хозьяивъ-понятыхъ, зъ заступамы на плечахъ, а на хвосты процесіи замиталы слидь чотыри бабы.

— Добра садыба була,—завважывъ рѣздумно старшына, якъ наблизывсь до хаты,—а теперь пустка та пустошь... Ачъ, на що перевела ледача баба таке добро!

— Рукъ дастъ-би,—обизвавсь урядныкъ.

— Головы чортма,—додавъ знахарь.

— Н-да, мозоку бракъ,—завершывъ пысарь.

— Мене за покойного Сулоню ажъ ваздроци хапалы, якъ гляну було на ёго прыдобы, а теперь ажъ сумъ огортае,—зитхнувъ старшына.

— У вашихъ рукахъ, Ныкихворъ Ивановичъ, и нынky може оця руина перевернутысь чаривнымъ робомъ, якъ у казци, въ роскѣши,—усмихнувсь пысарь вызначно.

— Та даймо,—мотнувъ головою старшына и обернувся до знахари:—а де-жь та корова?

— Генъ,—показавъ знахарь и застеригъ:—близько, глядять, не пидходьте, бо вона вже щенять зъ-пидъ языка проковтнула.

Обережно, виддала обступылы прысутни корову и спершысь на высоки ципкы, глыбокодумно замыслылысь; цикави бабы зупынылысь поштыво по-за коломъ старшыхъ.

Корова глянула на гостей нудлывымъ байдужымъ поглядомъ и не звелась навить передъ начальствомъ на ноги...

— Що-жь... тее... убыть, та й уже!—сказавъ старшына. Поняты повелы плечыма и кывнули шапкамы, знаты—на певну, безперечну згоду.

— И заразь-же мени законать, щобъ часомъ не зидралы ще шкуры,—додавъ старшына, а потимъ—до пысаря:—вы тамъ досвидчыте, що тее... и проче...

— Само собою,—бурьнувъ той и поправывъ на голови „картуза“.

— А чы захопывъ хто совыру?—гукнувъ старшына соцькымъ.

— Эге, есть,—одмовывъ одинъ чоловикъ зъ бляхою, знявшы шапку, и пидійшовъ до коровы.

— Трывай, стій!—зупынывъ знахарь.—Хиба скажену скотыну можна вбываты? Аджэ-жъ вона, конаючы, скаженный духъ вытхне, а вже колы трычи отымъ скаженнымъ духомъ на вого дыхне, то той немунуче сказытся... себт-то мы перпи.. та и прычъ того, скаженный духъ може и на мистечко повіятсы...

— Охъ, моя матинко! Не доведы, Господы!—почулысь мижъ бабамы сполохани выгукы.

Чоловики переглянулысь.

— Що-жъ ёго тее... чыныты?—запытавъ зтурбованный старшына.

— Що чыныты?—ажъ здывовавсь знахарь,—закопаты жывою, та й край!

— Жывою??

— Жывисенькою! Такъ и слидъ въ такій прыгоди... такъ скрызъ и водытся... бо земля зразу прыкрые скаженный той духъ—и шабашъ!.. А инакъ немунуче лыхо.

— Такъ, такъ,—пидтрымала несмыливо одна баба:—чула и я, що скажене заколуютъ живымъ.

— Ой, Боженку!—промовыла друга, жалислывиша, стара Сохровыха,—та може коривка ще й не скажена, щось не скыдае...

— Товчы!—зневажно кынувъ ія знахарь.

— А цикаво, якъ вона, ота корова, чы буде ревты пидъ землею?—заохотывся пысарь.

— Та воно якось нибы не тее... жыву, и въ яму... якось моторошно,—розвивъ старшына рукамы,—адже и скотына чуствуе, а на велыкдень дакъ и говорытъ у святу ничъ... а тутъ раптомъ на зрячи очи земля... та чы то-жъ и порядокъ? Щобъ бува не тее... и проче,—не зважувавсь винь, обводючы гуртъ очыма, мовъ шукаючы рады...

— Що-жъ тутъ такого, пане старшыно?—подалась смыливище впередь ота баба, що згодылась зъ знахаремъ; выйшла,

утерла пальцемъ заиды и вклонылась началству.—Ось у сусиднимъ сели, въ Корбачахъ, та не зъ скотыною, а зъ людыною трапылась прыгода... Отъ, щобъ я луснула, колы не правда, хочъ довидайтесь сами, здорови! Одна молодыця—Ивга Скулыха, колы чувалы, та привела... уже Господь ёго Святый зна, зъ якои прычыны, а тилько привела песьголовця... усе въ шерсті, а пісокъ—точчисенько, якъ у собаки, такъ вамъ и скавчыть, якъ щеня... Ну, що ёго було въ свити Божимъ чыныты? Порадылась бабка зъ родомъ, пишла до батушки, по благословылася, та й закопала того песьголовця жывымъ.

— Закопала?—ажъ скрыннувъ староста.

— Закопала, хрестъ мене вбый—закопала; такъ жывымъ и засыпалы... ще й пидъ землею скавчало. Та инакъ нечыстой сылы и збутысь неможна,—запевныла вона.

Дви молодыци зашепотили про щось нышкомъ и захихикалы.

— Такъ копай генъ-тамъ яму, блыжче до ричкы,—загадавъ старшына и, геть заспокоювшысь, сивъ соби на прызби и ставъ цыгарку палыты.

Кынулысь поняті зъ соцькымы справлять наказъ старшыны; цикави бабы подалысь те жь до ричкы, а писарь зъ урядныкомъ стали на горбочку пылынувать за робочымы. Робота йшла споро. Килька день уже стояла одлыга и земля одтала й розмъякла. Почорнилий снигъ хочъ и лежавъ ще де-не-де лышаймы, а проте паводь леляла затокою и зъ веселымъ шумомъ спадала бурчакамы до ричкы; провызоватый ватеръ розгонивъ туманъ, що зрывавсь изъ таловыны хвильямы. Въ повітри пахло уже весною, хоча й стоявъ ище мокрый холодъ.

За яку тамъ годыву була выкопана край ричкы глыбока яма, и соцьки довелы про те старшыни.

— Визьмитъ на налыгачъ корову и влочатъ туды!—заверховодивъ той, пидводючысь зъ прызбы.

Соцьки кынулысь до коровы, залыгали їй рогы налыгачемъ и стали тягты, щобъ звесты на ноги; а корова проте и не важылась уставаты, а уперто лежала. До соцькыхъ пры-

стали и поняти, та мерщій за кін, щобъ підбадѣрять корову; надійшли и бабы допомогты своимъ верескомъ... Чоловики заходьмысь зъ западомъ молотыты Буру по ребрахъ и нарешти такы гуртомъ примусылы бидну підвестыся на ноги: спочатку вона за надмирною натугою зипьялась на передни, а дали, смыкнувшысь кильеа разивъ, згарячу звелась и на задни; про те, ставшы на вси чотыри, уперлась и стала опынатысь назадъ... Молотьба и гвалть подвоиысь, бабы стали корову ззаду штовхаты...

— Уперта,—зауважывъ старшына,—насылу зрушылы.

— Охъ, выдыма смерть усякому, пане, страшна,—зитхнула Сохроныха, що не брала участи въ гвалти.

Видъ галасу, крыку прокынулась нарешти и Прися; обвела вона кругъ себе зляканымы очыма и не постерегла зъ просоння въ чимъ ричъ, а потимъ уже, розмиркувавшысь, заразы кынулась до викна и уздрила, що юрба людей кудысь тягне ии корову.

Стерялась вона зъ жаху и якъ стояла у одній сорочци, та спиднычци, босонижъ, такъ и кынулась прождгомъ у двери, такъ и майнула на леваду, розбываючы въ брызкы босымы нижками крыжняну воду и безъ памьаты лементуючы:—Ой проби! Хто въ Бога вируе... Корову грабують!

Озырнувся на той дытячий крыкъ старшына и гукнувъ до бабивъ:

— Умкны котора дурну дытну!

Добра Сохроныха переняла дивчыну и обвела ии тоненькый ставыкъ рукамы:—Куды ты, безталанна сыритко? Ничого-жь не вдіешъ!

— Скажы ий, що за корову казна заплаатыть,—пояснывъ старшына,—хай и матери перекаже!

— Отъ, бачъ, яки добри та мылостыви панъ старшына, поклопочуть и вернуть за корову гроши... А ты бижы соби до хаты: ачъ, ажъ посныла... дрижкакывъ найылась! И якъ такы у такий холодъ, та на снигъ выходыты босою й голою?—Ходимъ ~~лише~~ у хату!

— Не пиду, бабуся! Ой, не пиду!.. Я до коривки, до Бурки! Рятуйте!—кинулась була вона упередь, такъ баба-жъ не выпустила її зъ рукъ, а мицно трымала.

А корову прытали ажъ до ямы и сылкувались теперь туды її вкнуты; але бидна скотына, забачившы смертельне провалля, стала жахатися и видкыдатися навижено назады; выдыма смерть пидживыла въ її знеможени сылы, и чымъ бильшь гвалтували озвирени люде, тымъ дужче вона упыралася. Видь боротьбы и шаленосты у коровы занялысь вогнемъ очи и выступыла пина изъ рта.

— Гей, вирвется! налыгачъ увирве!—крычали соцьки, хапаючысь обиручъ за виревку.

— Не подужаете, чы що?—затривожився старшына.—Ще вирвется и насадить кого на рогы!

— Ого, ще й якъ насадить,—пидхопывъ знахарь,—всихъ переколе: а чы жъ я не казавъ, що щенять проковтнула, ну й занялысь...

— Та що-жъ вы, ёлопы?—перелякався ще гирпъ старшына.—Пять чоловика и тры бабы на одну корову! Страмовище!

— А ось що!—видизвавсь знахарь, ухопывшы у руки добрый уломокъ голобли, що валявся бия ямы,—и її улагоджу, уконтентую!—И зъ усіей сылы, на-одмашъ ударывъ голоблею корову по заднихъ ногахъ.

Почувся ризкий, урзлывый хряскъ... Бабы ойкнулы... Одна нога у коровы вынылася рогомъ, тяжкый тулубъ, ривышысь пидпоры, згубывъ ривновагу и схыльвышысь надъ ямою, всею тяжою урвався на дно.. Корова забылася передними ногами у ями, а на задни уже звестись не могла,—певне и друга нога була перебыта.

— Закыдай, засыпай її швыдче землею!—верховодывъ знахарь.

Пысарь зъ цыравистью ставъ доглядаты, якъ чотыри лопаты проворно кыдали ввызъ вохку землю, якъ грудкы розбывалысь на голови и на спыни у коровы и скочувалысь дрибнымъ грядомъ пидъ ноги; по малу-малу земля покрывала корову,

вростала у-гору: уже й червона скривавлена киства, и вси чотыри ноги сховались пидъ нею, уже грузъ лежавъ зверхъ спины, а спереду сягавъ ажъ до шы... Бура перестала уже борикатись и борсатись; конвульсійни идрухы стыхали, и тилько дрижаки пробигали часамы по ии верухомимъ погрудди; навить головок вона перестала ухылятьс одъ грудокъ земли и тилько—помымоволи шулыла ви, колы попадала въ око гостра скалка. Чуючы тяжку хвыльну сконання, корова жалибно, зъ протягомъ заревла, застогнала, немовъ бы хотила отымъ бблиснымъ стогономъ выблагать у байдужыхъ людей мылосердя...

Сохроныха цупко трымала Присю, що былась и рвалася зъ ии рукъ, и старалась прыкрыты полоку ий голову, абы не бачыла и не чула, якъ катували ии корову. Але ледве розлитс Бурою стогинь, якъ Прися зъ несамовитою сылю выпрыснула изъ бабыныхъ рукъ и стримголовъ кинулась на жалибный идклькъ своей коханои. Нихто и не постеригъ дивчынкы, якъ вона бурею прорвалася до ямы и, забачывшы свою Бурку уже по шыю въ земли, порвалася до неи зъ страшнымъ крикомъ „ратуйте“! Зъ ровгону ударылась вона грудыною объ ригъ коровы и непрытомною звалылась пидъ ии голову; але гублячы й стямокъ, вона встыгла ще охопыть рученятамы шыю своей пытымой Бурочки... Корова, пизнавшы свою любу годованку, промукала жалибненько до неи, стала лызать ии побиле, якъ полотно, лыченько.

— Убылась дивчына!—скрыкнулы каты-копачи.

— Отъ тоби й халена! Новый протыколь!—почухався пысарь.

— И якъ не догледили, идолы!—гримнувъ стривоженный старшына.—Чорты бъ убылы вашого батька! Та дурна выпустыла зъ рукъ, а ци—проявы прогавылы!.. Гей, жзавишь мени!—репетувавъ винь, мовъ одъ завійны.—Въ яму скакай! Вирёвокъ суды! Добувай дивча проворнишь, а не то я васъ! Попущеніе Боже та й годи!

Кынулись соцьки й поняти, навить урядныкъ вскочывъ у яму, и выхопылы на свить нечувствёанне, похолоде тильце див-

чатка. Баба Сохроньха й знахарь прыпалы мерщій їй до лона и объявылы, що сердце ще стука и що дивча тилько зомлило.

— Може що й переламане, чы понивечене, а проте покы-що жытыме,—поришывъ знахарь.

— Хочь-бы покы що,—побажавъ старшына.

— Видтерты-бъ їи снигомъ, та горилкы всыпаты въ ротъ,—дорадыла Сохроньха.

Понесли дивчинку въ хату и завзялысь видтыраты їи, забувшы навить про корову.

Гуртомъ такы якосъ видхаялы їи по-малу; але хочь дыханья їй и стало буйницымъ, а проте вона не видкрывала очей и тилько часомъ верзла щось непутяще. Гарячка розпаляла їи тильце щедушне и займала полумьямъ мозокъ.

— Ну, годи!—поришывъ накинєць старшына,—що здолалы—зробылы, а тамъ уже не наше дило, а Боже. Вси ми пидъ Богомъ,—завершывъ винъ поважно.

Вси понурылысь, зитхнули й занышкылы. Але знахарь видразу порвавъ сумный настрій:

— А що-жь корова? такъ-же не можна їи лышыты!

— Ге, и забулы!—похопывся пысарь.—Ходимъ,—цикаво!

Зъ галасомъ, зъ ожвавленымъ почуттямъ рушыла въ хаты юрба. При слабій лышылась-но жалислїва бабуся, жїй и старшына наказавъ не кыдаты дивчаткы, покы не поверне до-дому хазяйка.

Сила Сохроньха и зажурылася, не зводячы погляду въ труднди, нещасной Приси. А та лежала розметано зъ тмянымы очыма; груди їй здїймалысь порывчато, важко; скривъ пазуху розирванои сорочки вбачалась враза, навкругы якои ажъ чорнивъ страшенный сынякъ.

— Не жыть тоби, сыритко, не жыты,—думала, хытаючы головою, стара,—уже и въ горли клекоче, и видъ тила ажъ пашыть, мовъ изъ печи... Де-жь такы такому худесенькому та слабесенькому подолать таке лыхо?—Видъ голоду ажъ пидвело, высмоктало останни сылы... а тутъ ще снигъ та вода, та ви-

теръ... Выскочило и босе, й голе, та ще ударылось тяжко,— може й печинкы видбыло.

Туть почувлася видь левады якась тупотня, немовъ тамъ выбывалы пары тры, або й чотыри доброго гопака, навить долитавъ мижъ тупання й смихъ; бракувало тилько музыкы. Баба догадалась, що то утоптувалы свижу могылу коровы...

— Зобидылы беспорядну вдову, — промовыла въ голосъ Сохроныха: — корова скаженою й не була, а просто охляла видь голоду... Наносилы на беззастунну, щобъ поживытысь останнимъ прытулкомъ... Эхъ, жыройды, багатыри! — зитхнула вона важко. — Все вы однимъ мыромъ мазани!

Чась збигавъ; панувала тыша, яку зридка будывъ ледве чутный стогинъ слабои...

Смеркомъ уже рыцнулы двери, и въ выхъ тыхо, крадькома ввійшла Марта.

— Бабусю! Це вы, Сохроныхо? — прыдывлялася вона пыльно, зъ поддывомъ, до старои.

— Я, безталанна, я...

— Отъ, спасыби, що навидалы... А хвершалъ — добра душа, — поквапылася вона подилытысь радистью, — забижыть сюды и сповыстыть заразъ земського ликаря...

— Эхъ, не помогутъ уже земськи, — перебыла ии стара и переказала хутко про корову и про Присю, якои й не запримытыла за бабою у померкахъ маты.

Спочатку слухала вона бабу зъ якимсь запеклымъ спокоемъ, и тилько тремтила, але якъ дійшла ричъ до Приси, якъ глянула вона на свою почорнилу дыгыну, то несамовыто, не людськимъ голосомъ скрыкнула: „вбылы“! и вытыглась правцемъ, занямила, каминемъ стала...

Кынулася бабуса ии рятуваты; але ни рукъ, ни нигъ не можна було у Марты згнуты: тило ий взялось деревомъ, очи нерухомо, непрытомно стоялы, а выразъ облычча зробывсь страшнымъ, холоднымъ, байдужымъ...

Цилу ничъ упадала Сохроныха; хочъ вона и домоглась такы одигриты и виджыты по-малу тило Марты, та не домоглась повернуты и до розуму, воскресыты и душу...

Передь свитомъ виддала духъ Богови Прися. На сконанни вона страшенно металась и крычала въ гарячци: „рятуйте, рятуйте корову!.. Ой, ии мордуютъ, катуютъ... Ой, стогне вона! Закопайте и мене зъ нею краще“!

Марта байдуже слухала лементъ своеи единой втихы, единой дони; тилько останній выкрыкъ немовъ запавъ ий въ душу, и вона шепотомъ переказала: „закопайте,—такъ краще“!

Поховалы Присю на громадськый кошть. Хату й садыбу за недоимкы продали зъ молотка... Купывъ усе старшына...

А Марта?—Одйшла трохы... ходыть зъ довгою рувою по мистечку: хто хлиба дасть—зъисть, хто що заставыть—зробыть... але все мовчки и до людны не промовыть и слова... Тилько часамы, на самоти, въ глузу ничъ, прошепоче соби, устромывши у темряву очи: „закопайте,—такъ краще“!..

М. Старыцькый.



ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Максимовичъ подъ фирмою Кулиша. Открывшаяся въ февралѣ, въ помѣщеніи Кіевскаго музея, и продолжавшаяся до Ооминной недѣи выставка старыхъ и новыхъ картинъ изъ частныхъ собраній представила три картины, имѣющія мѣстный интересъ: недурной этюдъ Вл. Г. Мавовскаго «Нарубокъ», превосходный портретъ Н. И. Костомарова работы И. Н. Крамского и еще одинъ портретъ его же работы, который въ каталогѣ выставки (подъ № 32) былъ названъ: «Портретъ Кулиша» и который, въ дѣйствительности, не имѣя ничего общаго съ Кулишемъ, изображаетъ хорошо извѣстнаго Жіеву Мих. Алекс. Максимовича, какъ это могли замѣтить всѣ тѣ посѣтители выставки, которые или лично знали покойнаго М. А. Максимовича, или когда-нибудь видѣли его портреты. Это допущенное устройшимъ выставку Кіевскимъ Обществомъ Древностей смѣшеніе двухъ писателей наводитъ на грустные размышленія, такъ какъ оно могло дать посѣтителямъ ея поводъ думать, что не только теперешнему собственнику портрета неизвѣстно, кого въ дѣйствительности онъ изображаетъ, но и Обществу древностей, которое, допустивъ это смѣшеніе, не исправило ошибки въ теченіе всего времени существованія выставки, ввода такимъ образомъ несвѣдущихъ посѣтителей въ заблужденіе. А казалось бы, память обоихъ ихъ слишкомъ свѣжа, чтобъ можно было ихъ забыть, и были они слишкомъ непохожи другъ на друга, чтобъ можно было ихъ смѣшивать, а въ особенности — въ Кіевѣ, въ которомъ оба они жили когда-то и который былъ такъ близокъ имъ по ихъ интересамъ и литературнымъ трудамъ. Sic transit gloria mundi...

Неудачное вѣнчаніе монаха. Въ концѣ девяностыхъ годовъ XVIII ст. въ Уманскомъ уѣздѣ, Киевской губерніи, случилось изъ ряда вонъ выходящее происшествіе: одинъ изъ безмѣстныхъ священниковъ—«въ чужой церкви воспытанницу свою скоропостижно, безъ собранія народа и всякихъ предрасужденій», обвинчалъ съ бродячимъ монахомъ, да еще къ тому, «что всего непростительнѣе—въ 18 день ноября, т. е. въ Филипповъ постъ». Учиня сіе незаконное дѣяніе, упомянутый безмѣстный священникъ резонно счелъ за наиболѣе благоразумное поскорѣе оставить предѣлы Уманщины и перенести сферу своей дѣятельности въ другую епархію. Но недремлющее око блюстителя общественныхъ нравовъ не дало ему возможности избѣжать правосудія: священникъ былъ гдѣ-то арестованъ и «къ крайнему для всего священства предосужденію» за карауломъ, какъ арестантъ, доставленъ въ Кіевъ». Здѣсь тогда-то и открылись подробности злополучнаго вѣнчанія, такъ дорого обошедшагося безмѣстному священнику. Оказалось, что въ томъ незаконномъ браковѣнчаніи дѣйствовали два дьячка, изъ коихъ «одинъ тому монаху, хотя въ свѣцкомъ одѣяніи обращающемуся, но имѣющему отращенную бороду, и коего всѣ называли отцемъ Тарасіемъ, держалъ вѣнца, а другой исправлялъ должность старосты и дружка; третій же, священническій сынт, нынѣшній (въ началѣ 1799 года) уже священникъ, пѣлъ тогда на крыласѣ. Первѣйшій же (виновникъ) такому странному происшествію оказался нѣкоторый благочинный», который, «вѣданъ, что тотъ бродяга написанъ нѣ представленномъ имъ билетѣ бродячимъ монахомъ, не только не представилъ о немъ по командѣ, но принялъ его къ себѣ за письмоводителя», и при отпускѣ отъ сей должности «снабдѣвалъ его въ чужую епархію билетомъ», означивъ въ немъ монахомъ того бродягу, который, «пользуясь занятіемъ себе при томъ благочинномъ писменными дѣлами, имѣли случай извѣстными ему дѣлами, судбами достигнуть, за подписомъ руки того жъ благочинного, свидѣтельство, дозволявшее, подъ именемъ Тимофея Федорова, обвинчать его безъ сомнѣнія». На допросѣ однако благочинный всячески отговаривался отъ взводимого на него обвиненія въ соучастіи въ преступленіи,—онъ увѣрялъ, что «показанный бродяга» уворовалъ у него, благочиннаго, бумагу за его подписью для свидѣтельства и самъ уже сочинилъ подложный документъ. Киевская дикастерія, разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, вынесла соучастникамъ незаконнаго вѣнчанія слѣдующій вердиктъ: 1) Сви-

щенникъ, дезнувшій совершить «вовся неправеднаго браковѣнчанія», и который уже раньше, вмѣсто заслуженнаго имъ „изверженія изъ священства, по единому лишь снисхожденію на немолодые его лѣта, которыхъ ему 55“, въ семъ санѣ былъ оставленъ,—теперь лишенъ навсегда надежды къ полученію гдѣ-либо настоятельскаго мѣста, оставленъ до смерти въ запрещеніи священнослуженія и исправленія всѣхъ требъ, и кромѣ того лишенъ права облачиться въ ризы и епитрахиль и долженъ оставаться въ дьячковскомъ званіи, съ дозволеніемъ впрочемъ приобщаться Св. Таинъ отъ рукъ служащаго священника; 2) «Бывшіе при бракѣ три церковники» наказаны ссылкой на годъ на «труды монастырскіе»; 3) Благочинный лишается своей должности, обязанъ вернуть инструкцію, и «хотя онъ и протоіерей», долженъ стать въ подчиненіе Духовному Прѣвленію, «наравнѣ съ прочимъ священствомъ»... А бродяга съ своею женою „удержанъ въ другой епархіи отъ сожитія“.

„Для предосторожности“ же священно и церковно-служителямъ „отъ таковыхъ и сему подобныхъ случаевъ“, дабы послѣдніе знали, чему, виновные въ томъ, они себя подвергаютъ, и чтобы всѣ благочинные и священство не дерзали подписывать чистыхъ бумагъ бланкетами называемыхъ, въ явномъ къ должности своей, требующей осмотрительныхъ оборотовъ, пренебреженіи, и встыду—велѣно «распубликовать» объ этомъ по всему Уманскому уѣзду.

Одинъ изъ экземпляровъ этой „публикаціи“, присланный благочиннымъ уманскаго уѣзда іереемъ Александромъ Кошутскимъ (въ с. Вышнопольѣ) въ с. Глубочекъ, хранится въ церковномъ архивѣ этого села.

Сообщ. В. Доманицкій.

Неизданныя стихотворенія П. П. Гулака-Артемовскаго.

Намъ доставлена небольшая тетрадка, содержащая нѣсколько произведеній П. П. Гулака-Артемовскаго. Эта тетрадка, переданная наследниками бывш. сначала харьковскаго, а затѣмъ казанскаго проф. А. Ставиславскаго (ум. въ 1883 году), была прислана ему изъ Харькова, какъ видно изъ помѣтки на рукописи, 2 января 1856 г. Къ тетрадкѣ приложенъ на отдѣльномъ листкѣ, очевидно позже присланный, списокъ стихотворенія „До Любы“, помѣченный 16 марта 1856 г. Въ

тетрадѣ заключаются слѣдующія стихотворенія,—всѣ писанныя собственноручно Гулакомъ-Артемовскимъ: 1) Овлѣвшей матери семейства, В. И. Кичня-ой (Купчиновой), 1¹)—2) 4 стихотворенія „Въ Полтаву, моей милой Полинашкѣ“, въ томъ числѣ одно на французскомъ языкѣ „A ma bien-aimée Apollinaire, sur l'oubbi de son beau manchoi“ — всѣ ненапечатанныя 2²)—3) переводъ трехъ одъ Горація: XXXIV, кн. I „Отъ и допывсь! и дохмелывсь“ 3³)—съ неизвѣстнымъ донинѣ польскимъ эпиграфомъ:

Ja uwielbiam dziewczęta własne, a Pan cudze:
Ma więc kaźden z nas ȳyskać coś na téy posłudze.
Gdy ma być zysk tak wielki, z tak słodkiej posługi,
Radbym na tej posłudzie wiek przepędzić długi“;

XIV ода, взъ кн. II: «Ой часъ бы, Грыцьку, намъ, ой часъ пошановаться!» 4⁴) и 9 ода II кн. „Невже жъ, якъ зъ лотокивъ, взъ хмаръ, Терешку, лье“. 5⁵) Во всѣхъ одахъ замѣчаются значительныя разночтенія.—Стихотвореніе „До Любки“ (XXIII ода Горація, кн. I), напечатанное въ „Очеркахъ ист. украинск. литерат. XIX ст.“, Н. Петрова, стр. 70—71, носитъ на себѣ слѣды значительныхъ передѣлокъ и исправленій.

Приводимъ четыре стихотворенія „Въ Полтаву, моей милой Полинашкѣ“, не бывшія еще въ печати.

I.

Колы бъ тебе, Полинашко,
Якъ я, знали люды,
За тобою, моя пташко,
Литалы бъ усюды.

¹) Напечатано М. Комаромъ въ „Зорі“, 1896, стр. 336, подъ загл. „Матері удові, на смерть Н. А. Купчинова“. Въ напечатанномъ вариантѣ встрѣчаются мелкія разночтенія.

²) Исключеніе составляетъ второе, первые два куплета котораго приведены г. Н. Петровымъ въ его „Очерки исторіи украинск. литературы XIX ст.“ стр. 71.

³) Напеч. впервые А. Потебней въ Кіев. Стар. 1888 г., кн. V ст. „Сочиненія П. П. Гулака-Артемовскаго“

⁴) Напеч. въ „Зорі“, 1896 г., стр. 415—416 и Кіев. Стар. 1897 г., мартъ, стр. 488—489.

⁵) Напеч. въ Кіевск. Стар. 1877 г., мартъ, стр. 490.

Колы бѣ тебе, якъ я, знали
 Багатіи й бидни,
 Вонны бѣ тебе покохалы—
 Якъ бративы ридни.

Колы бѣ знали хыстѣ и сылы
 Розуму й серденька,
 На рукахъ тебе бѣ носылы—
 Якъ тато та ненька.

До серденька прыгорталы—
 Якъ я прыгортаю,
 За тобою бѣ пропадалы—
 Якъ я пропадаю.

Соловейко въ клитци тисній
 Писни выпивуе...
 А хто жѣ тїи дывни писни
 На улыци чуе!

23 декабря 1855. Харьковъ.

П. А. Г.

II.

Текла ричка
 Невелычка,
 Та й понялась моремъ:
 Була радисть—
 Хочъ на старисть,—
 Та й залылась горемъ!

Нема пташкы—
 Полинашкы,
 Нема й справди ридныхъ!
 Полетела,
 Не схотила
 Тишыты насъ бидныхъ!

Ой, мы, доню,
 Твою долю
 Не ганьбымъ, не гудымъ:
 Будь щаслива,—
 Добротлива,—
 То й мы въ добри будемъ.

—
 Твои смыхы—
 Намъ утихы,
 Поки тебе стане;
 Твое сонце—
 У виговце
 И до насъ загляне.

—
 Смійся жъ, сердце,
 На що-сердце,
 Смійся и по стравы:
 Нехай пташку
 Полинашку
 Полюблять въ Полтави.

—
 27 декабря 1855 года Харьковъ.

П. А. Г.

III.

A ma bien-aimée Apollinaire, sur l'oubli de son beau manchon ¹⁾.

Tu as bien fait, ma chère fille,
 D'avoir oublié ton manchon:
 Le feu de ton esprit pétille
 Sans la chaleur d'un vil torchon.

¹⁾ Мать, осмотрѣвшись въ Полтавѣ, что дочь не взяла съ собой своей нарядной муфты, была въ отчаяніи, и давай писать и умолять, чтобъ я поскорѣе выслать завѣтную муфту. Муфта не послана,—и дѣло обошлось какъ нельзя лучше.

Les étoffes les plus coûteuses
D'un sot sont un triste ornement;
L'or et les pierreries précieuses
Pâlissent auprès d'un talent.

—
Lorsque d'un clavier mort tu tires
Des sons vivants et mélodieux,
J'oublie la terre, et tu inspires,
Dans tes brûlants transports, aux Cieux.

—
Ou, lorsque ta main filiale
Veut caresser mes cheveux gris,
Mon cœur bondit, mon cœur tressaille,
Et jusqu'aux pleurs tu m'attendsis.

—
Voilà tes joyaux, ta parure,
Ma chère enfant! soigne les bien,
Et que ta vertu nous assure
Et notre bonheur et le tien.

—
Et quand, par un sort immuable
Mon heure sonnera d'adieux,
Ange de paix! fille adorable
Ta main me fermera les yeux.

Le 30 Décembre 1855, à Harkoff.

P. A. G.

IV.

Сыдыть батько на лави,
Насупывсь... сумуе;
Дочка жъ ёго въ Пилтави
Зъ хлопцями гарцюе.

—
Вылизъ батько въ хатыны—
Дочку выгядаты...
И не чувать дытыны!
Що за вража маты!

Вертайсь, дочко, до дому,
 Годи гопцюваты,
 Годи жь сѣго содому
 Въ людяхъ выробляты!

Чы се жь такы не дыво,
 Та й не дывовѣна
 Що бь по тыжню медь, пиво,
 Смоктала дивчѣна!

Ой я бь, тату, вернулась,—
 Не пускае маты:
 Въ шить узлыкивъ стягнулась,—¹⁾
 Хоче танцѣваты.

Ой я бь, тату, не дуже
 Тыхъ медѣвъ бажала,
 Колы жь маты... байдуже!
 „Пый, дочко!“, сказала.

„Та пый“ каже—„покы пьется!
 Нехай легко тамъ икнется
 И батькови, и дыгыни,
 И въ госпѣди всій родыни!
 Хай цыбулю батько лупыть,
 А намъ кашпукъ зь скрыни цупыть,
 Та въ Пилтаву надсылае,
 Покы маты тутъ гуляе!
 Скачы жь, дочко!... маты скаче:
 Нехай дома батько плаче!“

31 декабря 1855 года. Харьковъ.

П. А. Г.

¹⁾ Un corsage à six noeuds. Прим. Г. Арг.

Народная пѣсня о Шевченкѣ. Въ № 9 «Кіевской Старины» за 1885 г., (отд. II, стр. 187) помѣщена была М. Васильевымъ народная пѣсня о Шевченкѣ, записанная имъ отъ бывшего кантониста въ с. Лебединѣ, кіевской губ., чигиринскаго уѣзда. Въ настоящее время намъ доставленъ еще варіантъ народной пѣсни о Шевченкѣ, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ сходный съ упомянутымъ варіантомъ с. Васильева, сохранившійся въ болѣе чистомъ видѣ. Этотъ варіантъ, записанный проф. А. Станиславскимъ въ Казани въ 1879 г. отъ старухи Домахи, родомъ изъ с. Товстого, звенигородскаго уѣзда, лично знавшей Шевченка, — по легендарному, несообразному съ дѣйствительностью, разсказу, приписывался самому Шевченку, который будто бы, послѣ назначенія его въ солдаты, *пріѣзжалъ* къ своимъ родственникамъ и между прочимъ посѣтилъ нѣкоего Каракоца, садовника въ м. Ольшаной (имѣн. гр. Владисл. Браницкаго старш.). На ивирушкѣ у этого послѣдняго, накануне отъѣзда, Шевченко, немного подвыпившій, въ присутствіи всего собранія, въ томъ числѣ и Домахи (?), пѣлъ, будто бы, сочиненную о самомъ себѣ слѣдующую пѣсню:

Уродывся Шевченко,
 Уродывся, вдався,
 Тилько ёго дурный розумь,
 Що въ салдаты дався.
 Ой, повезлы Шевченка
 Та й бытымы доризжками,—
 За нымъ, за нымъ стороженькы
 Зъ голымы шаблямы.
 А де на ничъ прыставалы,
 Тамъ виконця забывалы,
 А до мене, молодого,
 Отця й ненькы не пускалы.
 Ой повезлы Шевченка
 Рано до приѣму,
 Та й крыкнулы на Шевченка:
 Голите добъ ёму!“
 На стильчыку посадылы,
 Чорни кудри обголылы,
 Чорни кудри обголылы
 Та й до полку прыдилилы...

— Ой лягай же, Шевченку,
Лягай, просыплайся,
А завтра день ранесенько
Та й на муштръ збирайся.

Положився Шевченко,
Положивсь, проспався,
А по-утру вже ранёнько
Та й на муштръ зибрався.

«Есть еще строфы, — сообщила Домаха, — но она ихъ не помнить, да и за достовѣрность тѣхъ, что сообщила, не можетъ ручаться». Не говоря о томъ, что пѣсня эта ничего общаго не можетъ имѣть съ творчествомъ Шевченка, нужно имѣть въ виду, что это есть только приуроченная къ Шевченку общенаявѣстнаго типа рекрутская пѣсня.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. а) *Изъ эпохи юженія на усы и бороды.* Кіевскій генераль-губернаторъ гр. А. Д. Гурьевъ получилъ отъ статсъ-секретаря А. Танѣева приводимое нами письмо: «Милостивый Государь, Графъ Александръ Дмитріевичъ! Государь Императоръ, сверхъ доходящихъ до Его Величества изъ разныхъ мѣстъ свѣдѣній, Самъ изволилъ замѣтить, что многіе гражданскіе чиновники, въ особености въ столицѣ, дозволяютъ себѣ носить усы и не брить бороды по образцу жидовъ, или подражая французскимъ людямъ.

Его Императорское Величество изволилъ находить сіе совершенно неприличнымъ и, вслѣдствіе сего, Высочайше повелѣваетъ всѣмъ начальникамъ гражданскаго вѣдомства строго смотрѣть, чтобы ихъ подчиненные ни бороды, ни усовъ не носили, ибо сіи послѣдніе принадлежатъ одному военному мундиру.

Сообщая Вашему Сіятельству о таковой Монаршей волѣ, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга А. Танѣевъ.

17 марта 1837 г.

б) *Заботы Кіевскаго Генераль-Губернатора гр. А. Д. Гурьева о помѣщичьихъ крестьянахъ.* 2 іюля 1840 г. Генераль-Губернаторъ

разослалъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства Ю.-Зап. края секретный циркуляръ, въ коемъ ставилъ на видъ, что помѣщичьи крестьяне слишкомъ стѣснены своими владѣльцами, которые силою да рядомъ заботятся лишь о томъ, какъ бы извлечь изъ крѣпостныхъ наибольшую для себя выгоду. Замѣчено, что наказанія, примѣняемая въ экономіяхъ, нерѣдко слишкомъ жестоки; для истязаній крестьянъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ заведены были деревянные колодки и кандалы; въ наказаніе крестьянамъ перебрасывались головы...

«Съ крайнимъ сожалѣніемъ и побуждаюсь довести до свѣдѣнія господъ предводителей, что въ теченіе управленія моего въѣзденными мнѣ губерніями, въ 2 года и пять мѣсяцевъ, было болѣе 500 крестьянъ, посягнувшихъ на жизнь свою ¹⁾».

Предводителямъ предложено не уклоняться отъ исполненія возложенныхъ на нихъ Высочайшимъ рескриптомъ 6 сентября 1826 г. обязанностей по наблюденію за отношеніемъ помѣщиковъ къ крестьянамъ; они предупреждаются, что въ упущеніяхъ будетъ усмотрѣно явное уклоненіе отъ исполненія Высочайшаго повелѣнія и невниманіе, сколько къ долгу, возложенному сословіемъ, ихъ избравшимъ въ настоящее званіе, столько же и къ данному Генераль-Губернаторомъ порученію.

в) *О командированіи по Высочайшему повелѣнію художника Шурупова въ Кіевъ.* На имя Генераль-Губернатора Генерала Бибикова, весною 1838 г., получено слѣдующее письмо: Милостивый Государь Дмитрій Гавриловичъ! Вручитель сего, бывшій питомецъ Императорской Академіи художествъ, нынѣ художникъ XIV класса, Шуруповъ отравленъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Кіевъ для снятія плановъ и разрѣзовъ тамошнихъ древнѣйшихъ церквей и для срисованія любопытнѣйшихъ памятниковъ старинной въ нихъ живописи и мозаики. Такъ какъ Государь Императоръ изволить съ особеннымъ благоволеніемъ заниматься собраніемъ рисунковъ, изображающихъ въ точности старинное наше зодчество, и всѣмъ, что можетъ напомнить степенъ прежнихъ нашихъ усилъховъ въ художествахъ, то я, какъ президентъ Императорской Академіи Художествъ,

¹⁾ Предполагается, что причиною, въ большинствѣ случаевъ—тягость положенія крѣпостныхъ.

которому сіе дѣло поручено въ особенный надзоръ и руководство, долгомъ почитаю просить Ваше Превосходительство о принятіи въ милостивое Ваше покровительство сказаннаго Шурунова и дать ему, какъ человѣку, на котораго возложено Высочайшее порученіе,—небольшую казенную квартиру, гдѣ онъ могъ бы удобно заниматься окончательно своею работою. За тѣмъ имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью, Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою. Алексѣй Оленвнъ.

9 мая 1838 г.

31 мая Шуруновъ прибылъ въ Кіевъ. Къ ноябрю работы его были закончены, а въ декабрѣ онъ выѣхалъ въ С.-Петербургъ.

г) «Города Кіева Общей Думы» орудія, хранившіяся въ Кіевскомъ Арсеналѣ. 12 Іюля 1838 года командиръ Кіевскаго Арсенала представилъ Инспектору мѣстныхъ арсеналовъ опись хранящимся съ 1831 года орудіямъ: семи пушкамъ, четыремъ единорогамъ мѣднымъ и одной гаубицѣ чугуной, принадлежащихъ Кіевскому городскому Магистрату 1), «изъ коихъ два раза въ годъ Кіевское купечество и мѣщанство, составляя вооруженный строй, 6 Января слѣ-

1) Полковникомъ Меньшовымъ любезно сообщены слѣдующія свѣдѣнія о сихъ орудіяхъ: Чугунная гаубица—домъ; пушки мѣдныя: 1) вѣсъ 10 п. 9 ф. отливки 1768 г. 2)—9 п. 38 ф., лита въ 1768; 3, 4, 5 и 6) годъ изготовленія неизвѣстенъ; вѣсъ 8 п. 16 ф., 13 п. 16 ф., 5 п. 6 ф. и 5 п. 3 ф. и 7) 1757 года—вѣсомъ 4 п. 30 ф. Единороги мѣдныя, съ надписью на нихъ «города Кіева Общей Думы», годъ отливки 1790; вѣсъ: 11 п. 8 ф., 10 п. 32 ф., 11 п. 14 ф. и 11 п. 3 ф.

Въ 1836 г. Артиллерійскій Департаментъ разрѣшилъ, для украшенія валь Склада, выписать въ расходъ два мѣдныя единорога «Города Кіева Общей Думы», вѣсомъ 11 п. 8 ф. и 11 п. 14 ф., которые записаны затѣмъ на приходъ, какъ арматура къ Орлу.

Остальныя орудія, можно думать, въ разное время отправлены въ СПБ. въ Кронверкскій Музей.

Въ семь музей мною разыскана одна изъ двухъ чугуныхъ пушечекъ, поднесенныхъ Императору Николаю I кіевскимъ купцемъ Тереховымъ, якобы отлитая въ 1371 году; лѣвый дельфинъ у нея отбитъ; въ украшающей ее цифрѣ 1371, или ILEI, Управленіе Музея усматриваетъ № или клеймо. Дѣйствительное время отливки—начало XVІІІ вѣка. Ея пара находится и по сей день въ кіевскомъ артиллерійскомъ складѣ: думная часть, винградъ и дельфины отбиты.

См. Мартъ 1901, Кіев. Ст.

довало за духовною процессією ко Иордани, а 1 Августа, на церковномъ парадѣ, производило холостую пальбу».

«Нынѣ», писалъ командиръ арсенала, «согласно Высочайшей волѣ, объявленной Господиномъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, таковое шествіе отмѣнено, и уповательно оныя (орудія) въ Магістратъ обращены не будутъ, то имѣю честь покорнѣйше просить записать мѣдныя орудія въ ломъ мѣди, а гаубицу передать въ гарнизонъ—въ ломъ чугуна».

18 Октября того же года Инспекторъ Арсеналовъ предписалъ: орудія хранить, выдавая таковыя Магістрату для всѣхъ церемоній, при коихъ употребленіе орудій было въ обычай.

Сообщилъ **Алексѣй Мёрдеръ**.

Стоимость похоронъ барышевской обывателки, въ 1756 г.
„Реестръ что імяно денег і протчело здержано на помяновение умершой Костомашихи значитъ подѣ симъ 1756 году, марта 3 д. учинень“. За служение і за понахиду Отцу Михайлу Крестовому, протопоиѣ барышовскому, дано 50 коп.—отцу Захару пречискому—50 к. отцу Иосифу сулимивскому (с. Сулимовки)—50 к. Дьяконамъ двоимъ барышовскимъ—40 к. Отцу Ручцѣ Петру—30 к. Дьякамъ і паламарамъ разныхъ школь—18 к. Дано за работу и за готованя обѣда і що нищихъ кормилн—20 к. Меду сиченого полдванадцята гарца, всякой гарнецъ по 4 коп.,—46 к. Рыби свѣжой разной, великой і малой, куплено за 40 к. Вина до церкви кварту дано 12 к. Ганусовой оковитой горѣлки сѣмъ квартъ, всяка кварта по 12 коп.,—83 к. Сливянки пять квартъ, всяка кварта по 8 к.,—40 к. Перепустъ сивухи простой—1 р. Пива на обѣдъ за 1 р. Рыби сотце, за 50 к. Рижу (рису) полфунта, за 4 к. Розняковъ четвертка, за 3 к. Гороху полчетвертки, за 5 к. Просоной рыби, щупк, куплено за 30 к. Осатрини полдесята фунта, всякой фунтъ по 3 коп. з денежкой,—35 к. Булокъ сорокъ, денежныхъ, куплено за 20 к. Сытницъ пять, всяка ситница по одной коп.,—5 к. Олѣи пять квартъ—30 к. Цыбулѣ два вѣнки, за 8 к. Оселедцовъ 15, всякой оселедецъ по денежки,—7 к. 3 д. Икры осятровой черной 4 фунта, всякой фунтъ по 5 коп.,—20 к. Свѣчокъ восковыхъ денежныхъ 36, куплено за 18 к. Свѣчка една восковая велика, за 5 к. Оливи четвертка, за 3 к. Соли цурки, за 3 к. Соли гусокъ за 2 к. *(Съ подлинника)*

Рѣчь идетъ о цѣнахъ на рынкѣ м. Варышевки, переяславскаго уѣзда.

Для исторіи торговли въ старой Малороссіи. «Виденіе почему, по прежнему обыкновенію и по данной графу Гаврилу Владиславицу (Рагузинскому), въ 1725 году, въдомости, съ товаровъ великороссійскихъ, малороссійскихъ и змраничныхъ индукту собирать.» ¹⁾ Съ товару великороссійскою. Отъ тысячи бѣлки—60 коп., отъ бунта лисиць—50 к., отъ сорока горностаевъ—10 к., отъ бунта корсаковъ—14 к., отъ сорока норокъ—16 к., отъ пари вушекъ лисѣхъ—2 к., отъ косяка лудану—16 к., отъ тюма китайки—16 к., отъ 1000 арш. крашанини—80 к., отъ конца московскаго полотна—20 к.

Противъ дробязки раховать и отъ ста—два (2⁰/₀) индукти принимать.

Съ товару малороссійскою. Отъ воза тютюну—50 к., отъ воза ганусу—60 к., отъ вола, что до Шленска ходять—10 к., отъ вола, что на Москву ходять—4 к., отъ куфи горѣлки—20 к., отъ воза невки—20 к.

Съ товару грецкою. Отъ кумача краснаго—2 к., отъ одного киндика—1 к., отъ киши красной бумаги—1 р. 60 к., отъ киши поясовъ румелецкихъ—1 р. 60 к., отъ десятка поясовъ верблюжихъ—6 к., отъ бунта сафяна—10 к., отъ матерій шелковыхъ и зотоглавникъ раховать почему продается, то съ того брать индукти отъ ста—два и отъ прочихъ товаровъ также, которіи на рахубу приходять по тому же брать.

Съ товару полскою. Отъ четвертки тонкаго сукна—80 к., отъ штуки каруну—30 к., отъ штуки локтеваго сукна—12 к., отъ штуки штамету—30 к., отъ камня мѣди—14 к., отъ одного рубка—2 к., отъ мажи соли—20 к., отъ прочихъ дробязговъ также раховать и отъ ста—два индукти брать.

¹⁾ Взято изъ сборника (*Silva rerum*), принадлежавшаго Якову Марковичу.

На оному подпись: секретарь Иванъ Аврамовъ. Подканцелярнсть
Василь Леонтіевъ.

Іюня 6 дня 1729 году.

Годовой доходъ переяславской ратуши и урядниковъ въ нач. XVIII в. *«Реестръ зборамъ, которые в прошломъ 1722 году присланние в малороссійскую Коллеію изъ войсковой генералной канцеляріи зборщики въ вѣдомостяхъ своихъ показали, что оные збори при прежнихъ гетманахъ збиривани которые и нынѣ по силѣ присланного изъ високого сенату указъ в казну ево императорского величества надлежитъ. 1727 года.»* Городъ Переяславль. Въ томъ городѣ имѣеть быть 3 ярмарка: 1) о десятой пятницѣ; 2) сентября 1 числа и 3) генваря 6 дня. И во время тѣхъ ярмарковъ имѣють быть сбори: *На полковника.* С прииждихъ людей ярмаркового, од воза по 10 коп. Съ продажи, кто продасть лошадь и вола—поводного по 2 коп. 3 овецъ по 1 коп. *На ратушу.* 3 привозныхъ и мѣстовныхъ продажныхъ куфъ вина, которые в тѣхъ ярмаркахъ продають гуртомъ, з такихъ продавцовъ скатного одъ куфи по 20 коп. 3 шинкарей, которые в тѣхъ ярмаркахъ шинкуютъ на мѣсте, по 2 р. Скатного с куфи по 30 коп. А с переяславскихъ жителей одъ куфи по 20 коп. 3 дехтю з вишинового, какъ во время ярманку, такъ и безъ ярманку, с куфи по 1 р. А хто продасть гуртомъ, скатного одъ куфи по 10 коп. 3 воскобойнѣ от закладу по 4 коп. 3 важни вагового одъ нуда с продавца по конейки; з купца по томужъ. 3 семи будовъ ратушнихъ, которые при ярманкахъ в годъ отдаются крамарамъ, по 60 и по 40 коп. Одъ коморъ шинковихъ и одъ резницкихъ в годъ по 20 коп. 3 нянихъ брагъ, кто шинкуеть по 20 коп., а кто меньше шинкуеть по 10 коп. 3 приезджихъ людей, которые приездятъ в торговие дни для повунки хлѣбу и протчего, мѣстового од воза по 2 коп. Одъ гончаровъ мѣстового в годъ по 10 коп. Одъ колачницъ в годъ по 5 коп. Около города пашенная десятина и с той нашнѣ, кто сѣеть хлѣбъ, берется десятый снопъ. 3 мельницъ на реке Трубежѣ, в которой 2 кола мучныхъ, третее ступное, емлется доходу десятая мѣрка, а та мельница построена в 720 году. 3 подданныхъ той ратушѣ сель а именно: Привстрони, Каратуль, Великая, Леляки, Денись, Полѣжан, Плужники, Коморевка, Столпаги—емлется годо-

вого оладу с тихъ сель, с лошади по 10 коп., з вола по 10 коп. да по полосинѣ овса. Перевозъ на рекѣ Дибирѣ, противъ Переяслава подь селомъ Андрушами, переясловского Вознесенского монастыря, с которого емлется с провжихъ изъ переясловскихъ всякихъ чиновъ людей з воза по 8 коп. на оный монастырь. *На старшинъ ратушнихъ*. З приезжихъ людей ярмарково с воза мостового по 2 коп., за квитъ по 2 коп. *Сторожажъ*, которые служатъ при тихъ ярмаркахъ. С возовъ по 1 коп. Да особъ обще на полковника и на ратушу з бариль двойного и простого вина, которые в ярмаркахъ в ташихъ шинкують, а имѣють тѣ барили бытъ мерою в пари ведерка, по 30 коп. А ежелижъ будеть болший или менший противъ того— по росчету. На ратушъ и на полковника и до шкатули гетманской шинварь одъ куфи вина 2 р., а буде вино подлое и с такихъ куфъ по 1 р. по 50 коп. и 1 р. *На войта*. Померного отъ продажной нашнѣ четверника— по ковшу. С продажного меду отъ ведерка с кунци по 1 коп., с продавца по 1 коп. В ономъ же городѣ и в уѣздѣ з посполитихъ людей и со владѣльценихъ подданныхъ збирается на дачу компанѣйцомъ, двомъ человекомъ месячной дачи по 80 коп. на мѣсяцъ человеку.

Збиралась на гетмана со пчель десятина. (*Арх. генер. канцеляри, № 3817*).

Нѣскольно словъ къ фотографамъ-любителямъ. Около пяти лѣтъ тому назадъ мы помѣстили на страницахъ „Кіевской Стараны“ нѣчто въ родѣ обращенія къ фотографамъ-любителямъ.¹⁾ Тамъ было указано на ту помощь, какую могутъ оказать фотографы-любители дѣлу описанія памятниковъ старины и виѣшной стороны народной жизни; была также вкратцѣ намѣчена и программа, слѣдуя которой можно бытъ полезнымъ вышеупомянутымъ областямъ знанія.

Въ настоящей замѣткѣ мы снова повторяемъ раньше высказанную просьбу и дѣлаемъ это въ виду слѣдующихъ соображеній.

Въ послѣднее время, благодаря иниціативѣ Московскаго Археологическаго Общества, выступилъ на очередь вопросъ объ описаніи и изданіи памятниковъ украинской старины. Съ этой цѣлью при

¹⁾ Вниманію фотографовъ-любителей, июнь, 1896 г.

Обществѣ Нестора Лѣтописца образована особая Коммиссія, совершенно прошлымъ лѣтомъ рядъ экскурсій, и намѣчены новыя. Главную роль въ этомъ дѣлѣ играетъ фотографія—безъ нея, какъ говорится, нельзя ступить шагу. Но имѣя въ виду небольшой составъ членовъ Коммиссіи, совершающихъ экскурсіи, и обширность района (юго-западный край и лѣвобережная Малороссія), трудно надѣяться, чтобы памятники старины были описаны и сняты въ достаточной полнотѣ. Большую услугу могутъ оказать фотографы-любители. Фотографія теперь—очень распространенное занятіе, на каждомъ шагу можно встрѣтить фотографа-любителя, сотни пластиночекъ изводятся зачастую совершенно бесполезно, превращая это интересное занятіе въ простую забаву, въ скоро прѣдающійся спортъ. Въ каждомъ селѣ, въ каждомъ городѣ всегда найдутся какіе-нибудь памятники старины: старинная церковь или другая постройка, въ церкви—иконостасы, иконы, утварь, въ нѣкоторыхъ старинныхъ домахъ—обстановка, предметы домашняго обихода. Если фотограф-любитель обратитъ на нихъ свое вниманіе, сфотографируетъ, снабдитъ хотя самымъ краткимъ описаніемъ (время, матеріалъ, размѣры), то этимъ самымъ принесетъ несомнѣнную пользу серьезному дѣлу. ¹⁾

Еще больше матеріала для фотографа-любителя, живущаго въ деревнѣ, дастъ народная жизнь, ея внѣшняя сторона. Сколько разнообразныхъ типовъ, костюмовъ, особенностей въ устройствѣ жилища можно встрѣтить въ каждомъ уголѣ! Если прибавить къ этому характерныя виды мѣстности, групповыя снимки, напр. во время крестныхъ ходовъ, праздничныхъ игръ деревенской молодежи, то, результатомъ даже одного мѣсяца, проведеннаго въ деревнѣ, можетъ быть очень интересный альбомъ фотографій. Эта область ближе, доступнѣе для фотографа-любителя; намъ не разъ приходилось встрѣчать гдѣ-нибудь въ деревнѣ или въ уѣздномъ городкѣ любителей, имѣвшихъ цѣлыя коллекціи такихъ фотографій. Но бѣда въ томъ, что почти всегда дѣло и оканчивается сниманіемъ, проявленіемъ и печатаніемъ,—съ теченіемъ времени негативы, да и отпечатки, портятся, расходятся по рукавамъ, затериваются. Между тѣмъ, такого рода снимки представляютъ цѣнный матеріалъ для этнографіи,—на матеріальную сторону народной жизни все больше и больше начинаютъ обращать

¹⁾ Фотографіи и описанія адресовать въ г. Киевъ, въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца.

вниманія, она становится предметомъ серьезнаго изученія. Въ будущемъ году въ Харьковѣ устривается археологическій съѣздъ, при немъ организуется первая малорусская этнографическая выставка, и снимки вышеупомянутаго характера будутъ цѣннымъ вкладомъ какъ для выставки, такъ и для предполагаемаго къ устройству въ Харьковѣ этнографическаго малорусскаго музея. ¹⁾

Въ заключеніе, не лишнимъ будетъ коснуться еще одного вопроса, связаннаго съ фотографіей, но болѣе общаго характера. Въ крупныхъ центрахъ Россіи существуютъ фотографическія общества, въ кругъ дѣятельности которыхъ входятъ между прочимъ и вышеуказанныя цѣли. Такъ напр., члены Московскаго Русскаго Фотографическаго Общества устриваютъ ежегодно экскурсіи, дающія въ результатъ очень интересный матеріалъ. Помимо того что экскурсантами снимаются виды мѣстностей и другіе памятники, имъ иногда открываются новые памятники старины. Въ прошломъ году, въ одномъ изъ засѣданій этого Общества, было, напр., доложено, что въ с. Коломенскомъ, подъ церковью Вознесенія, въ подвалѣ, фотографы нашли среди мусора старинныя царскія врата красивой рѣзной работы и старинную икону Божіей Матери, — съ этихъ предметовъ сняты, конечно, фотографіи и о находкѣ сообщено Московскому Археологическому Обществу. Въ томъ-же засѣданіи былъ возбужденъ вопросъ объ образованіи комиссіи по собранію фотографій съ памятниковъ древности. Несомнѣнно, такая дѣятельность вышеназваннаго общества заслуживаетъ подражанія. Имѣемъ въ виду нашъ Кіевъ — центръ области, полной остатковъ прошлаго. Пора и Кіеву начать работать въ этомъ направленіи. Здѣсь существуетъ фотографическій отдѣлъ Кіевскаго отдѣленія Русскаго Техническаго общества, но о работахъ его по фотографированію памятниковъ мѣстностей старины что-то не слышно, а вѣдь одинъ Кіевъ можетъ дать массу матеріала!

Въ 1896 г. возникъ было проектъ образованія общества фотографовъ любителей, подъ названіемъ «Кіевскій Фотоклубъ», съ цѣлью, по примѣру парижскаго «Photocloub», теоретической и практической разработки дѣла свѣтотисны по всѣмъ отраслямъ, поощренія возможно большаго и разнообразнаго примѣненія фотографіи въ научныхъ

¹⁾ Адресъ для посылокъ: Харьковъ, Университетъ, въ Предварительный Комитетъ по устройству XII-го Археологическаго Съѣзда. Тамъ-же можно получить и подробныя программы по описанію древностей и по этнографіи.

трудахъ и изслѣдованіяхъ и поддержки и содѣйствія экскурсіямъ фотографовъ-любителей, предпринимаемымъ съ научной и художественной цѣлью для собиранія матеріаловъ по изученію родины. Кроме того, новое Общество предполагало заняться систематическимъ фотографированіемъ памятниковъ мѣстной старины, выдающихся архитектурныхъ сооружений, живописныхъ мѣстностей, видовъ городовъ и вообще всего, имѣющаго значеніе для исторіи мѣстнаго края и характеризующаго его съ художественной, живописной стороны.

Очень жаль, что этотъ симпатичный проектъ до сихъ поръ не получилъ осуществленія,—такое Общество сдѣлало бы многое для той цѣли, для которой и написана настоящая замѣтка. Хорошо было бы снова подумать объ устройствѣ „Кіевского Фотоклуба“.

Н. Вяльшевскій.

Письмо въ редакцію. Въ послѣднее время обращено самое серьезное вниманіе на пчеловодство, какъ подспорное занятіе сельскаго хозяйства: цѣлый рядъ инструкторовъ пчеловодства, правительственныхъ и земскихъ, работаетъ надъ распространеніемъ этого полезнаго промысла. Техника пчеловожденія оказала огромные успѣхи и съ каждымъ годомъ замѣтно двигается впередъ. Но есть отрасль пчеловѣдѣнія, которая мало изслѣдована, а именно—значеніе пчеловодства въ духовной жизни народа, взгляды народа на пчелу и пчеловодство. Между тѣмъ, у старыхъ пчелинцевъ сохранилось не мало различныхъ предрасудковъ, заговоровъ, повѣрій, прямѣтъ и проч. Хотя разумное пчеловодство въ нихъ мало пуждается, но тѣмъ не менѣе, въ виду значительнаго спеціально-историческаго и научно-этнографическаго интереса этихъ остатковъ древне-русской словесности и культуры, желательно собрать ихъ воедино.

Руководясь этою мыслью, я рѣшился составить и издать книгу, посвященную всестороннему разсмотрѣнію пчеловодныхъ предрасудковъ.

Въ настоящее время у меня собрано болѣе 1000 №№ разныхъ повѣрій и заклинаній по части пчеловодства, но я все еще нахожу это число слишкомъ недостаточнымъ, а поэтому обращаюсь черезъ посредство вашего уважаемаго изданія ко всѣмъ сочувствующимъ работѣ разныхъ научныхъ вопросовъ съ покорнѣйшей просьбой ока-

затѣ мнѣ свое содѣйствіе въ нелегкомъ, задуманномъ мною трудѣ. Содѣйствіе можетъ быть оказано присылкою какъ цѣлыхъ рукописей (въ оригиналѣ или въ копіяхъ), такъ и отдѣльныхъ №№ заговоровъ, предразсудковъ, примѣтъ, поговорокъ и загадокъ о пчелахъ, свѣдѣній о суевѣрныхъ обрядахъ и т. п.

Корреспонденцію прошу адресовать: г. Кострома, губернскому пчеловоду Г. А. Кузьмину.

Заранѣе приношу искреннюю благодарность откликнувшимся на мою просьбу и сообщаю, что всѣмъ, приславшимъ мнѣ еще неапечатанныя выдѣлы свѣдѣнія, составляемая мною книга будетъ выслана бесплатно тотчасъ послѣ появленія въ свѣтъ. Фамліи *всѣхъ* корреспондентовъ будутъ помѣщены въ текстѣ книги.

Во избѣжаніе расходовъ по пересылкѣ крупныхъ рукописей, прошу увѣдомлять меня открытымъ письмомъ: я вышлю конверты для бесплатной пересылки по почтѣ.

Губернскій пчеловодъ Г. А. Кузьминъ

Текущія извѣстія.

Объ ознаменованіи въ г. Екатеринодарѣ 40-лѣтія со дня смерти поэта Т. Г. Шевченка. Въ виду истекавшаго 40-лѣтія со дня смерти Т. Г. Шевченка, 26 февраля этого года, почитатели таланта малорусскаго поэта подали въ городскую управу слѣдующее заявленіе.

„Городская Дума, въ засѣданіи своемъ 14-сего февраля, поста новила ознаменовать сорокалѣтній юбилей великаго дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости наименованіемъ одного изъ новыхъ училищъ «открытымъ въ память 19 февраля 1861 г.». 26-го февраля настоящаго же года истекаетъ 40 лѣтъ со дня смерти величайшаго украинскаго поэта Тараса Григорьевича Шевченка, лично испытавшаго ужасы крѣпостного вѣка и съ такой силой изливаемаго въ гениальныхъ стихахъ всю скорбь неголующей и возмущенной нехристіанскими отношеніями своей правдивой души“.

„Геній великаго иѣвца и печальника народнаго гори признавъ повсемѣстно: произведенія Т. Г. Шевченка выдержали много изданій и переводились на языки: французскій, нѣмецкій, чешскій, польскій,

русскій, итальянскій, сербскій и другіе; два общества: научное въ австрійскомъ университетскомъ городѣ Львовѣ (Лембергъ) и благотворительное въ С.-Петербургѣ названы обществами имени Т. Г. Шевченка; ежегодно 26 февраля повсюду въ Малороссіи, Галиціи и въ крупныхъ центрахъ Россіи устраиваются вечера, посвященные памяти покойнаго Т. Г.—ча; могила поэта на вершинѣ горы у з. Канева посѣщается массой почитателей и туристовъ; въ Австріи одна изъ улицъ г. Львова называется «улицей Шевченка». Общество литераторовъ въ С.-Петербургѣ возбудило ходатайство передъ правительствомъ о разрѣшеніи открыть всероссійскую подписку для сооруженія памятника Т. Г. Шевченку въ Кіевѣ на высокомъ берегу Днѣпра и проч. и проч.

Полагая, что чествованіе великихъ людей имѣетъ воспитательное значеніе; полагая, что Екатеринодаръ, находящійся въ центрѣ малорусскаго населенія, можетъ и долженъ приобщиться къ выраженію знаковъ уваженія къ величайшему изъ поэтовъ Украйны, мы нижеподписавшіеся граждане г. Екатеринодара, предлагаемъ и покорнѣйше просимъ Городскую Думу почтить память Т. Г. Шевченка въ сороковую годовщину смерти его: во 1-хъ, наименовавъ одно изъ городскихъ училищъ «училищемъ имени Т. Г. Шевченка», во 2-хъ, назвавъ именемъ поэта одну изъ улицъ Екатеринодара или бульваръ у Маринскаго училища, на каковомъ средствамъ, собранными по подпискѣ, можно затѣмъ поставить бюстъ поэта».

Заявленіе подписано 45-ю лицами.

Дума единогласно постановила назвать одно училище «Училищемъ имени Т. Г. Шевченка»; но, вмѣсто бульвара противъ Маринскаго училища, рѣшила переименовать Ростовскій бульваръ въ Шевченковскій. Такимъ образомъ память поэта будетъ надолго уявленъ чена въ г. Екатеринодарѣ.

Сообщ. Г. Малышенко.

Вечеръ въ память Т. Г. Шевченка. Въ дополненіе къ извѣстіямъ о чествованіи памяти Т. Г. Шевченка въ различныхъ пунктахъ Россіи и Галицкой Русі, сообщаемъ свѣдѣніе о чествованіи, происшедшемъ 17 марта въ Екатеринославѣ въ аудиторіи народныхъ чтеній.

Самыми интересными частями программы, по словам газеты «Приднѣпровскій край», были чтеніе А. Я. Ефименко «Памяти Т. Г. Шевченка» и исполненіе народныхъ думъ бандуристомъ Гнатомъ Галайдою. А. Я. Ефименко прочла свой очеркъ удивительно хорошо и задумчиво. Нарисованная ею картина прошлой жизни Украины, поскольку она отразилась въ поэзіи Шевченка, прямо захватила слушателей. «Поэзія Шевченка есть пробужденіе народнаго самосознанія, а разъ народъ созналъ себя,—онъ уже выступилъ на путь къ своему возрожденію»,—вогъ выводъ, къ которому пришелъ авторъ.

Гораздо менѣе удовлетворилъ автора замѣтки о вечерѣ бандуриствъ. «Онъ,—говоритъ послѣдній—нарядился для чего-то въ театральннй козацкій костюмъ, совершенно не шедшій ни къ его фигурѣ, ни къ его лицу, да и поетъ онъ немного театрально, что, при исполненіи народныхъ думъ, неумѣстно».

Изъ остальныхъ исполнителей можно было отмѣтить одушевленную декламацию г. Круцицкаго и прекрасное пѣніе г-жи Муравьевой. Особенно хорошо вышла у нея прелестная идиллія на слова Шевченка „Садокъ вышневыи коло хаты“.

Хоръ очень дружно исполнилъ всѣ свои номера, и руководитель его С. О. Михмель вполне заслужилъ за свой усердный и безкорыстный трудъ ту благодарность, которая была ему выражена тутъ же отъ имени хора въ адресѣ, поднесенномъ ему съ подаркомъ отъ секціи литературно-музыкальныхъ вечеровъ.

Судьба родственниковъ Т. Г. Шевченка. Тяжелая участь выпала на долю нѣкоторыхъ изъ ближайшихъ родственниковъ Тараса Григорьевича Шевченка. Его внучка грозилъ исключеніе изъ школы за невзносъ платы. Мать исключаемой, Ольга Бойко, пишетъ объ этомъ слѣдующее въ письмѣ въ редакцію „Кіевской Газеты“:

„Внезапно постигшее меня горе заставляетъ обратиться къ вамъ о содѣйствіи. Всѣмъ извѣстно, что дѣти мои—внуки родной сестры украинскаго поэта Тараса Григорьевича Шевченка, Ирины Григорьевны Бойко. Извѣстно также и то, что я воспитывала своихъ дѣтей на средства, жертвуемые почтателями покойнаго поэта. Какъ ни тяжело мнѣ было воспитывать моихъ дѣтей, но я утѣшала себя надеждой, что сынъ мой скоро окончитъ курсъ семинаріи и будетъ под-

держкой мой старости, такъ какъ онъ всегда утѣшалъ меня, въ чемъ я ничуть не сомнѣвалась, потому что учился онъ очень хорошо и притомъ унаслѣдовалъ талантъ своего дѣдушки Т. Г. Шевченка. Но Господь Всемогущій иначе распорядился, давъ мнѣ крестъ нести новый. И вотъ единственный мой сынъ, единственная моя надежда въ будущемъ и отрада, теперь находится въ кievскомъ Кирилловскомъ богоугодномъ заведеніи душевно-больныхъ. Старшая моя дочь тоже лечится въ клиникѣ, а младшая воспитывается въ кременецкомъ епархіальномъ училищѣ, за право ученія которой я должна 90 рублей. Если я не уплачу слѣдующій долгъ до Пасхи, то дочь моя будетъ уволена изъ училища. Я слышала, — не знаю, насколько это вѣрно, — что въ Кіевѣ будетъ вечеръ, посвященный памяти Шевченка: я прошу васъ, г. редакторъ, не отказать въ моей просьбѣ — объявить въ редактируемой вами газетѣ о нашемъ положеніи. Можетъ быть, присутствующіе на вечерѣ почитатели памяти покойнаго Шевченка и вообще добрые люди великодушно отнесутся къ положенію ввукъ его родной сестры, а моихъ дѣтей, и окажутъ посильную помощь, хотя-бы на уплату за право ученія моей дочери 90 рублей“.

Насколько намъ извѣстно, нѣкоторые изъ почитателей таланта Т. Г. Шевченка — въ Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ и друг. мѣстахъ откликнулись на этотъ призывъ. Желательно было бы, чтобы извѣстіе о бѣдственномъ положеніи родственниковъ поэта дошло до свѣдѣнія какъ можно большаго числа почитателей кобзаря.

Отчетъ о вечерѣ въ Петербургѣ въ память 40-лѣтней годовщины со дня смерти Т. Г. Шевченка. По сообщенію Правленія общества имени Т. Г. Шевченка, 16 марта съ вечера въ память 40-лѣтней годовщины со дня смерти Тараса Григорьевича Шевченка за проданные билеты поступило 1405 руб. 20 коп., за афиши — 20 руб., кромѣ того отъ г-жи Е. А. Муркенъ, бесплатно украсившей бюстъ Т. Г. Шевченка, поступило вырученныхъ ею отъ продажи цвѣтвъ 43 руб., а всего 1468 р. 20 к. Расходовъ по устройству вечера было 485 р. Такимъ образомъ чистаго остатка поступило въ кассу общества 983 руб. 20 коп. (С.-Петербург. Вѣдом. № 80).

Животрепещущій вопросъ. Газета «Волынь», говоря о положеніи языковъ внородческихъ въ Россіи, совершенно основательно и резонно указываетъ на ненормальное положеніе цѣлой вѣтви русскаго языка, языка малорусскаго.

«Не смотря на то, что этотъ языкъ отчасти приближается къ русскому, но ребенокъ до поступленія въ школу ни слова не знаетъ по-русски, и учителю, если онъ не малороссъ, приходится чрезвычайно туго при исполненіи своихъ обязанностей. Какъ ни старайся учитель, какой-бы педагогической опытностью онъ ни обладалъ, но совершенно обойтись при обученіи безъ помощи родного дѣтямъ малорусскаго языка ему невозможно. Недопущеніе-же учебниковъ на этомъ языкѣ, хотя бы для низшихъ группъ учащихся, въ концѣ-концовъ, неблагоприятно отражается на знаніяхъ дѣтей. Но вотъ ребенокъ прошелъ уже положенный курсъ въ школѣ грамоты или даже министерской, а все-таки знаніе русскаго языка у него далеко еще недостаточно для того, чтобы продолжать свое умственное развитіе исключительно по русскимъ книгамъ. И здѣсь неограниченное допущеніе переводовъ русскихъ авторовъ на малорусскій языкъ сыграло-бы огромную роль. Вѣдь, если имѣть въ виду одну только конечную и единственно важную цѣль виѣшкольнаго образованія—поднятіе культурнаго и умственнаго уровня населенія, то съ этой точки зрѣнія представляется почти безразличнымъ, на какомъ языкѣ оно совершится. И ужъ, во всякомъ случаѣ, это произойдетъ скорѣе, если народный языкъ того или иного окраиннаго населенія будетъ уравненъ въ гражданскихъ правахъ съ общегосударственнымъ».

„Уѣздная консерваторія“. Намъ сообщаютъ о симпатичномъ предпріятіи, начатомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ и обязанномъ своимъ существованіемъ исключительно усиліямъ и энергіи одного почтеннаго дѣятеля. Собиратель малорусскихъ пѣсенъ и бывший профессоръ петербургской консерваторіи, Александръ Ивановичъ Рубецъ, потерявъ зрѣніе, поселился въ Стародубѣ и открылъ въ этомъ городѣ курсы, которые онъ въ шутку называетъ «консерваторіей» и которые, дѣйствительно, представляютъ собою нѣчто въ родѣ уѣздной консерваторіи. Здѣсь бесплатно для всѣхъ желающихъ преподается пѣніе, хоровое и сольное, и игра на

разныхъ инструментахъ. Занимаясь съ своими учениками ежедневно отъ восьми часовъ утра до восьми часовъ вечера, энергичный труженникъ не оставляетъ ихъ своимъ попеченіями и по прохожденіи ими у него курса, если они отличаются хорошими музыкальными способностями: пользуясь своими связями съ музыкальнымъ міромъ Петербурга, онъ уже помѣстилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ учениковъ въ хоръ Петербургской оперы, а другихъ, для довершенія музыкальнаго образованія, устроилъ въ Петербургской консерваторіи на благотворительныя суммы. Обращаемъ на эти курсы вниманіе всѣхъ, для кого безвозмездные уроки А. И. Рубца могли бы быть полезны.

Національно-политическая дѣятельность галицкихъ русиновъ. 25 марта н. с. въ помѣщеніи «Русской Весіли», во Львовѣ, открылись засѣданія областного съѣзда галицко-русскихъ націоналъ-демократовъ. Делегатовъ съѣзда явилось свыше 100 человекъ, большинство которыхъ—крестьяне. Главнымъ образомъ съѣздъ занимался вопросомъ о предстоящихъ сеймовыхъ выборахъ. Принято рѣшеніе—выступить на выборахъ по возможности общими силами, совмѣстно съ русскими (русинскими) оппозиционными и польскими партіями. Веденіе переговоровъ съ упомянутыми партіями рѣшено поручить независимымъ русскимъ депутатамъ вѣнскаго рейхсрата. Продолжительные дебаты вызвали вопросъ о поведеніи русскихъ депутатовъ въ общеперскомъ парламентѣ. Докладывалъ депутатъ Романчукъ. Принято съ удовольствіемъ къ свѣдѣнію, что независимые русскіе депутаты образовали русскій клубъ, и что къ этому клубу присоединились также русско-буковинскій депутатъ Василько и, въ качествѣ «гостя», оппозиціонный, а отчасти русскимъ народомъ избранный польскій депутатъ Брайтеръ, и что этотъ клубъ имѣетъ своихъ представителей во всѣхъ парламентскихъ коммиссіяхъ.

Затѣмъ д-ръ Левицкій докладывалъ предложеніе центрального бюро объ основаніи русской популярной газеты. Эта газета должна имѣть своимъ назначеніемъ воспитаніе и политическое образованіе народа, вслѣдствіе чего она должна затрогивать всѣ жизненные вопросы (въ особенности политическіе и экономическіе) и писать при этомъ горячо и остро.

Въ заключеніе засѣданія, съѣздъ выбралъ новый комитетъ народной демократической партіи, въ составъ которой вошла Романчукъ—предсѣдателемъ комитета и Борковский—товарищемъ предсѣдателя. (С.-Петербург. Вѣд., № 77).

Дѣятельность Наукового Товариства ім. Шевченка“ въ 1900 году. Львовское общество имени Шевченка обнародовало интересный отчетъ о дѣятельности своей въ 1900 году, изъ котораго извлекаемъ слѣвующія данныя:

Дѣйствительныхъ членовъ въ отчетномъ году общество насчитывало 34, которые распредѣлялись на три отдѣла—историко-философскій, филологическій, математическо-естественный, а также по комиссіямъ: юридической, археологической и этнографической. Состоялось въ общемъ 45 научныхъ засѣданій, въ которыхъ было прочтано и обсуждено 30 болѣе крупныхъ трудовъ, появившихся за тѣмъ въ „Запискахъ Товариства“ или же въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Если принять во вниманіе, что весь капиталъ общества чрезвычайно малъ и что главнымъ источникомъ его доходовъ являются типографія, членскіе взносы и добровольныя пожертвованія и 14000 кронъ правительственной субсидіи, то изъ приведенныхъ ниже цифръ можно вывести весьма лестныя заключенія о распорядительности лицъ, стоящихъ во главѣ этого учрежденія. Такъ, изданіе «Записокъ Товариства» стоило 9,000 кронъ, изданіе вышеупомянутыхъ отдѣловъ 5,200 кронъ, изданія этнографической комиссіи 6,000 кронъ, археологической 3,200 кронъ, юридической 2,400 кр., исторической библіотеки 1,250 кр., наконецъ изданіе «хроники» общества 1,600. Такимъ образомъ, научныя изданія стоили въ общемъ 28,650 кронъ, т. е. слишкомъ вдвое больше того, что составляетъ субсидіи. На эти деньги издано 38 томовъ большихъ сочиненій въ количествѣ 25,300 экземпляровъ и множество мелкихъ книжекъ и брошюръ. Въ научномъ отношеніи изъ этихъ изданій выдѣляются три тома «Исторіи Украины - Руси», написанной профессоромъ Грушевскимъ, далѣе VIII и IX томы «Этнографичного збірника» и III томъ «Матеріалів для українсько-руської етнології», редактируемые гг. д-ромъ Иваномъ Франкомъ, д-ромъ Федоромъ Вовкомъ и В. Гнатюкомъ. Кромѣ расходовъ на эти изданія, общество израсходовало на стипендіи и вспомо-

ществованія 2,700 кронъ, на этнографическія экскурсіи 1,000 кронъ и на администрацію 5,300 кронъ. При обществѣ существуютъ богатая бібліотека, увеличивающаяся съ каждымъ годомъ, интересный національный музей, а также издается единственный русинскій научно-литературный журналъ «Літературно-Науковий Вістникъ».

Коммиссія по описанію древностей Ужранны. Коммиссія по описанію древностей Украины образовалась послѣ XI археологическаго съѣзда въ Кіевѣ при историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца. Предсѣдатель предварительнаго комитета предстоящаго въ Харьковѣ XII археологическаго съѣзда, графиня Уварова, возбудила ходатайство о разрѣшеніи этой коммиссіи разослать, черезъ посредство инспекторовъ народныхъ училищъ кіевскаго учебнаго округа, учителямъ и учительницамъ народныхъ училищъ запросы о нахожденіи въ ближайшихъ къ нимъ мѣстахъ городищъ, кургановъ, древнихъ сооружений, построекъ или развалинъ, съ тѣмъ, чтобы учителя дали на эти запросы соотвѣтствующіе отвѣты. Въ настоящее время въ округѣ уже получено разрѣшеніе министерства народнаго просвѣщенія удовлетворить ходатайство графини Уваровой, и запросы разосланы. (Бирж. Вѣд., № 82).

Такіе же запросы разосланы, съ разрѣшенія духовныхъ властей, при посредствѣ кіевской Духовной Консисторіи, и всѣмъ священникамъ Кіевской епархіи. Въ настоящее время въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца начинаютъ уже поступать отвѣты на запросы.

Этнографическая командировка въ Харьковскую губернію. Петербургское этнографическое общество командируетъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ Харьковскую губернію нѣсколько пѣвцовъ и музыкантовъ, для записыванія малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ. (Придн. Край, № 1160).

Проектъ выкупа о-ва Хортицы. Письмомъ въ редакцію «Вѣстника Козачьихъ Войскъ» г. Коноваловъ поднимаетъ вопросъ о вы-

купѣ острова Хортицы, — гвѣзда Запорожья, — нынѣ заселеннаго колоніями нѣмцевъ-колонистовъ. По мнѣнію автора, починѣ въ этомъ дѣлѣ должны взять на себя кубанды, какъ прямые потомки запорожцевъ, тѣмъ болѣе, что основаніе богатства войскового капитала кубанскаго войска положено, какъ говоритъ, вывезенными изъ Сѣчи денежными суммами, а потому справедливо было бы нынѣ употребить нѣкоторую долю ихъ на это святое дѣло. Главнымъ же образомъ, конечно, надо разсчитывать на средства, которыя соберутся путемъ добровольныхъ пожертвованій какъ во всѣхъ козачьихъ войскахъ, такъ и, быть можетъ, среди бывшихъ малороссійскихъ козаковъ (губерній: Полтавской, Черниговской, Харьковской, Екатеринославской и Херсонской). Что же касается назначенія, которое должно быть дано выкупленному у колонистовъ острову, то отчего-бы, — спрашиваетъ г. Коноваловъ, — въ память заслугъ Запорожской Сѣчи, сослужившей свою историческую службу для всей Россіи, не устроить на о. Хортицѣ какое-нибудь русское общеполезное образовательное учрежденіе, какъ напримѣръ, высшее сельско-хозяйственное училище, благо по географическому своему положенію и климату, островъ Хортица соотвѣтствуетъ большинству районовъ земель козачьихъ войскъ, съ стипендіями для дѣтей козаковъ и потомковъ запорожцевъ, или другое какое-либо подходящее учрежденіе, а тутъ же одновременно позаботиться о собраніи и охраненіи остатковъ запорожской старины — въ бывшей колыбели Запорожья...



БИБЛІОГРАФІЯ.

Т. Г. Шевченко, пѣвецъ Украины и Запорожья. [1814—1861].
Очеркъ В. П. Кранихфельда. Съ портретомъ и 8 иллюстраціями
въ текстѣ. С.-Петербургъ, стр. 1—64, in 8°. Изданіе «Вѣстника
Казачьихъ войскъ».

До сихъ поръ мы имѣли нѣсколько популярныхъ брошюръ о Шевченкѣ, какъ то: изданіе Павленкова, Вѣтринскаго, Яковенка, А—ра, Кулябки—на русскомъ языкѣ; на дняхъ вышло еще двѣ брошюры—на украинскомъ языкѣ—одна въ Петербургѣ, другая въ Кіевѣ. Наконецъ, передъ нами лежитъ еще одна брошюра, изданная въ качествѣ приложенія къ новой еженедѣльной общественной, политической и литературной газетѣ «Вѣстникъ Казачьихъ войскъ», выходящей въ Петербургѣ.

Первое преимущество данной брошюры передъ другими заключается въ томъ, что при составленіи ея авторъ принялъ въ расчетъ, помимо многихъ другихъ источниковъ, и наиболѣе полную біографію Шевченка, составленную покойнымъ А. Я. Конисевимъ. Затѣмъ, послѣ довольно обстоятельной передачи фактовъ тяжелой жизни поэта, начиная съ дѣтскихъ лѣтъ и до послѣдней минуты, авторъ удѣляетъ немало мѣста разбору произведеній поэта, что дѣлають далеко не всѣ біографы Шевченка; этому разбору имъ посвящено двѣ самостоятельныхъ главы. Въ первой изъ нихъ, послѣ краткаго отзыва объ общемъ содержаніи произведеній поэта, разсматривается, насколько, и въ какомъ видѣ отразилась украинская исторія въ этихъ

произведеніяхъ:—герои XVI и XVII в.в., состояніе Малороссіи въ срединѣ XVIII в., гайдамаки, итоги гайдамаччины; далѣе, насколько Шевченко сознавалъ практическую потребность въ твердомъ знавіи вообще исторической жизни родины, а героическихъ ея моментовъ въ особенности; какія противорѣчія, замѣчаемыя Шевченко въ современномъ ему общественномъ строѣ, становятся его постоянной темой.

Во второй главѣ авторъ касается вопросовъ о простотѣ и силѣ стиховъ Шевченка, о такъ называемыхъ «декоративныхъ украшеніяхъ» (сыне море, широкий Днепръ, степь, могилы, калына, тополя, явір, верба, барвинокъ), объ основныхъ мотивахъ у Шевченка (грусть и гнѣвъ, любовь къ родинѣ), о лирическихъ отступленіяхъ въ его крупныхъ произведеніяхъ, наконецъ о томъ, что содержаніе и форма стиховъ Шевченка «слиты такой прочной снайкой, разрушить которую невозможно».

Въ послѣдней (3-ей второго отдѣла) главѣ, авторъ подводитъ общіе итоги значенія Шевченка для великороссовъ, а въ особенности для культурной жизни Малороссіи.—«Тамъ» (на родинѣ) онъ разрушилъ перегородки, отдѣляющія челоѣка образованнаго, культурнаго, отъ массы населенія, и создалъ поэзію, одинаково дорогую, одинаково доступную для всей Украины, какъ бы высоко ни поднимался онъ сферу общечеловѣческихъ идеаловъ».

Брошюра, написанная, несомнѣнно, челоѣкомъ дорожащимъ именемъ поэта и интересами роднаго поэту народа, даетъ яркое представленіе о жизни и великомъ значеніи поэта для этого послѣдняго; при характеристикѣ произведеній, по возможности, приводятся подлинныя выраженія изъ нихъ. Замѣтимъ только, что, говоря объ основныхъ настроеніяхъ музы Шевченка (стр. 57), авторъ напрасно ссылается на стихотвореніе «До сестры» и беретъ оттуда выдержку: это стихотвореніе, ложно приписываемое Шевченку, въ послѣднемъ изданіи „Кобзаря“—«Кіевск. Старины» (1899)—исключено, какъ не принадлежащее ему.

Къ брошюрѣ приложенъ недурной портретъ Шевченка въ шапкѣ, съ литографіи А. Э. Мюнстера, а въ текстѣ и на нижней половинѣ обложки неизвѣстное донинѣ изображеніе Шевченка въ военномъ костюмѣ, марширующаго, со штыкомъ въ лѣвой(!) рукѣ. Происхожденіе этого портрета приписывается, какъ намъ пришлось слышать, нѣкому ротному командиру въ Новопетровскомъ укрѣпленіи В. П.

Воронцову, бывшему, будто бы, съ Шевченкомъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Но, кажется, не только ротнаго командира, но и вообще никого изъ знакомыхъ Шевченка по Новопетровскому укрѣпленію — съ такимъ именемъ мы нигдѣ не встрѣчали. По крайней мѣрѣ, въ наиболѣе полной біографіи Шевченка, А. Конисскаго — такой фамиліи нѣтъ.

Кромѣ того, въ текстѣ помѣщены рисунокъ хаты, гдѣ провелъ дѣтство Шевченко (изъ книги А. Конисскаго), Новопетровское укрѣпленіе (изъ «Кіевск. Старинны»), Шевченко по возвращеніи изъ ссылки (изъ книги А. Конисскаго), а также 4 своеобразныхъ, чтобы не сказать больше, рисунка покойнаго Микѣшина къ «Наймычкѣ», «Причинной», «Катеринѣ» и «Думы мои, думы».

Изданіе брошюры В. П. Кранихфельда можно привѣтствовать, какъ весьма желательное и полезное въ ряду популярнахъ книгъ о Шевченкѣ.

В. Д.

Свящ. Василій Романовъ. Объ изученіи нашей церковной старины. Полтава, 1900, 8^о, 35 стр.

Вышеназванная брошюра является очень своевременной. Гибель намятниковъ церковной старины, небрежное отношеніе къ нимъ — стали избыткъ мѣстомъ. Въ печати очень часто можно встрѣтить факты огульнаго истребленія старины, но большинство ихъ совершается въ тиши нашихъ захолустьевъ — свѣдѣнія о нихъ не доходятъ. Устройство церковно-археологическихъ музеевъ немного продвинуло впередъ дѣло охраны и сохраненія: музеи (оговариваемся — не всѣ) въ большинствѣ случаевъ играютъ лишь пассивную роль: принимаютъ то, что дарить, — такимъ путемъ многого не соберешь.

О. Василій Романовъ прекрасно ознакомленъ съ положеніемъ дѣла. — Его брошюра — воззваніе, проникнутое сорезымъ желаніемъ помочь дѣлу. Повидному, мало надѣясь на то, что задачи в цѣли науки тронуть наше приходское духовенство (последнее авторъ и пмѣеть въ виду), авторъ ставитъ вопросъ на утилитарную почву: путемъ знакомства съ прошлымъ данной мѣстности, храма, съ духовной стороною паствы, хранящей много пережитковъ, облегчается служеніе священника.

Брошюра даетъ рядъ указаній, послѣдовательно намѣчаетъ тѣ стороны, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе. Изложеніе ведется просто, безъ излишняго нафоса, снабжено примѣрами; чувствуется любовь къ дѣлу.

Памятники церковной старины авторъ разбиваетъ на четыре группы: 1) вещественные—храмы, сооруженія при нихъ и церковная утварь; 2) письменные—книги, бумаги, надписи; 3) устные—преданія и рассказы о предметахъ церковнаго вѣдѣнія, передаваемые изъ глубокой старины и 4) живые—религіозные обряды, обычаи, отношенія къ религіи и ея предметамъ. Для изученія всего этого, для того, чтобы дать возможность желающему приступить къ дѣлу, намѣчены четыре «ступени». Первая—собственно изученіе. По этому поводу авторъ замѣчаетъ: «приходскимъ пастырямъ, которые въ приходѣ большею частію бывають не мѣстными уроженцами, а пришельцами со стороны, было бы очень полезно предварительно знать хоть главнѣйшія черты и особенности своего прихода, чтобы съ перваго вступленія на приходъ цѣлесообразно направлять свою дѣятельность и не впадать въ горькія ошибки, которыя иногда бывають неоправданными и приносятъ весьма плачевные результаты. Отсюда и вытекаетъ прямая необходимость изучить въ каждомъ приходѣ церковную старину по матеріаламъ, имѣющимся, какъ въ мѣстной церкви, такъ и въ ея, т. е. изучить исторію и черты мѣстной, какъ собственно церковной, такъ и вообще религіозной и духовно-нравственной сферы». Вторая ступень—запись матеріаловъ, третья—взаимный обменъ путемъ печати добытыми матеріалами; послѣдняя стадія—обработка и сводка матеріала въ видѣ приходской лѣтописи. Въ дальнѣйшемъ, авторъ останавливается на каждомъ изъ видовъ намѣченныхъ имъ памятниковъ, классифицируетъ ихъ и даетъ указанія для описанія, не сходя все время съ точки зрѣнія полезности такой работы.

Заканчивается брошюра указаніемъ на нѣкоторыя правительственныя распоряженія, касающіяся охраны старины; такъ напр., приводится указъ Синода еще николаевскихъ временъ: «Подтвердить всѣмъ преосвященнымъ Архіереямъ печатными указами: дабы нигдѣ ни подъ какии предлогомъ, въ древнихъ церквахъ не дозволить ни малѣйшаго исправленія, возобновленія и измѣненія живописи и другихъ предметовъ давняго времени, а всегда испрашивалось на то разрѣшеніе отъ Святѣйшаго Синода»,—кто слѣдитъ за тѣмъ, какъ у

нась «реставрируюцца» церковныя памятнікі дажэ ў большых цэнтрахъ, тотъ, сопоставивъ съ фактамі этотъ указъ, можетъ только развестъ руками... Указываеъ о. Романовъ такъжэ и на одно изъ позднѣйшихъ распоряженій (1890 г.)—о составленіи описей старинныхъ предметовъ,—какъ намъ извѣстно по опыту, почти ни въ одной изъ приходскихъ церквей такихъ описей не ведется...

Если бы настоящій призывъ о. Романова возымѣлъ хотя какое нибудь дѣйствіе, если бы на него отозвались хотя немногіе, то и тогда было бы сохранено для науки много новыхъ фактовъ. Говоримъ «для науки», такъ какъ, помимо практическихъ цѣлей, программа о. Романова имѣетъ прямое отношеніе и къ церковной археологіи и къ этнографіи. Но что-то плохо вѣрится въ эту отзывчивость...

Н. В.

-
- 1) **Лыхо зъ горилкою!** (*Шравдыве оповидання.—Пьяныця*). Москва, 1901, стр. 1—31. Изд. Т—ва И. Д. Сытина. Ц. 3 коп.
- 2) **М. О. Островскій.** *Вурне средство отъ пьянства и запоя. Разсказъ Малоросса.* Житомиръ, 1901, стр. 1—32, in 8°. Ц. 20 коп.

Въ украинской популярной литературѣ, по одному изъ наиболѣе серьезныхъ и тяжелыхъ вопросовъ въ народномъ быту, по вопросу о пьянствѣ и способахъ избавленія отъ него, появилось въ послѣднее время нѣсколько брошюръ. Еще въ 1898 г. въ Бердичевѣ была издана г. Острожинскимъ популярная брошюра «Пый, та дило розумій!», съ указаніемъ, между прочимъ, на всѣ тѣ ужасы, которые предстоить испытать «въ пекли» любителямъ «монополюкки»; затѣмъ въ Черниговѣ въ 1899 г. вышло въ свѣтъ очень полезное изданіе: «Лыхий ворогъ», гдѣ воплиѣ научно и въ то же время воплиѣ просто и удобовонятно приводятся данныя, иллюстрирующія несомнѣнный вредъ для организма отъ излишняго употребленія алкоголя. Теперь передъ нами лежатъ двѣ брошюры подъ приведенными въ началѣ заголовками. Первая изъ нихъ—«Лыхо зъ горилкою»—заключаетъ въ себѣ два разсказа, оба на тему о томъ, до чего можетъ довести человѣка водка. Первый—«Шравдыве оповидання», герой котораго Млыкыта Бурлій, пьянствовавшій смолоду, сначала никакъ не могъ

найти себѣ подруги жизни, а затѣмъ, когда ему удалось жениться, по прежнему продолжалъ пьянствовать, пока на него однажды, въ первый день Рождества, нашло внезапное просвѣтлѣніе: онъ устыдился самого себя и повялся никогда больше не пить, что и исполнилъ неукоснительно до самой своей смерти. Разсказъ не производитъ впечатлѣній художественности, но и не заслуживаетъ ни въ чемъ упрековъ, являясь простой записью правдиваго, надо думать, разсказа, не представляющаго однако ничего типичнаго.

Второй разсказъ «Пьяныця», принадлежащій перу извѣстной писательницы Ганны Баринюкъ (Кулишъ), носитъ на себѣ печать художественности, раскрывая передъ читателями тяжелую семейную драму, созданную мужемъ-пьяницею. Въ довершеніе всего, исходъ драмы не столь благопріятенъ, какъ въ первомъ разсказѣ: виновникъ семейнаго горя, Панасъ, возвращаясь въ пьяномъ видѣ изъ шинка, внезапно умираетъ «спидъ тыномъ». Этотъ разсказъ, несомнѣнно, оставляетъ въ душѣ читателя нѣкоторый осадокъ не своей, будущей по нервамъ, формой, а очевиднымъ тяжелымъ безысходнымъ положеніемъ вещей, обязаннымъ одному лишь злоупотребленію водкой.

Жаль только, что брошюра набрана мелкимъ шрифтомъ, совершенно не пригоднымъ для народнаго чтенія.

Другая брошюра „*Вирне средство отъ пьянства и запоя*“ М. О. Островскаго, — содержаніемъ которой служитъ разсказъ испытавшаго на себѣ всѣ бѣдствія отъ запоя, представляетъ довольно оригинальное явленіе. Начинается оно тѣмъ, что авторъ его, нѣкій Иванъ Пьянчевскій, ополчается противъ больницъ для алкоголиковъ въ городахъ на томъ основаніи, что «якъ то може буты, щобъ запій и пьянство—булы слабисть, тѣ ще и наслидованная отъ батькивъ. Не вѣрю я цѣму и нивгды на повірю... Не вирте и вы, хлопци, а отъ лучче послушайте, якъ я самъ себе выкуровавъ отъ пьянства и запою», и затѣмъ разсказываетъ, докольно остроумно и живо, какъ вся жизнь крестьянина, при желаніи, можетъ быть обращена въ сплошное выпиваніе; какъ онъ распился и, женившись, продолжалъ пьянствовать; какъ возила его жена къ знахарѣ, которан, обазалось, и сама не промахъ выпить, какъ онъ дошелъ, наконецъ, до того, что укралъ у сосѣда възъ клуни мѣшокъ ишеницы и сосѣдъ его поймалъ на мѣстѣ преступленія, но по добротѣ сердечной повернулъ это дѣло такъ, будто Иванъ одолжилъ у него эту ишеницу, и какъ Иванъ, съ этого момента, начинаеть отвыкать отъ водки, пока совершенно не отвыкъ

и не сталъ честнымъ и трудолюбивымъ хозяиномъ. «Вирне» же средство, къ которому онъ прибѣгалъ для этой цѣли и которое совѣтуетъ всѣмъ, оказывается довольно простымъ: перестать пить.... Разсказъ, какъ уже было упомянуто выше, написанъ очень живо и остроумно, но не безъ утрировки въ самомъ изложеніи и не безъ нѣкоторыхъ неправдоподобностей. Такъ, напиримѣръ, по словамъ разсказчика, когда онъ пересталъ пить и уничтожилъ священный, въ нѣкоторомъ родѣ, обычай выпивки при всевозможныхъ «оказіяхъ», люди его села «дивлячсь на мене, та й соби перестали справлять оказіи; перше по-троху ныли горляку, а дали й зовсімъ перестали пить». Намъ думается, что это—несомнѣнное увлеченіе автора, желавшаго какъ можно рельефнѣе представить благотворные результаты вліянія своей личности на окружающую среду. Затѣмъ, въ самомъ изложеніи, носящемъ на себѣ слѣды особенностей волинскаго говора, нерѣдко попадаются излишніи *bons mots*, какъ: „легкоголыки“ (алкоголики), «легкоголына больница», употребленіе «ианськыхъ» словъ—«компузія», „слинатычне средство“. Неизвѣстно также, почему авторъ считаетъ нужнымъ дѣлать примѣчанія по-русски, равнымъ образомъ и застаиваетъ священника говорить на этомъ языкѣ съ крестьянами.

Вообще же брошюра оставляетъ по прочтеніи довольно пріятное впечатлѣніе. Жаль только, что самое «средство» отъ заѣда, какъ называется—столь незамысловатое, стоитъ такъ дорого—цѣныхъ 20 коп.!

В. Д.

Галлерей русскихъ писателей. Текстъ редактировалъ И. Игнатовъ. Изданіе С. Смирмунта. Москва, 1901, стр. I—VІІ, 1—589

Цѣна 3 р. 50 коп.

Въ Москвѣ вышло цѣнное изданіе подъ вышеупомянутымъ заглавіемъ, содержащее 253 краткихъ біографіи и столько же портретовъ русскихъ писателей, отъ Кантемира и до нашихъ дней. Біографіи, содержащія краткія свѣдѣнія о жизни и литературной дѣятельности писателей, снабжены, по возможности, характеристикой, въ которой указывается лишь на то, въ чемъ проявлялась дѣятельность писателей, и какое мѣсто занимаетъ каждый писатель въ рус-

ской литературѣ. Встрѣчаемъ здѣсь и нѣсколько украинскихъ писателей—повидимому тѣхъ, которые писали также и по-русски. Такимъ образомъ, въ данную галерею вошли Шевченко, Квитка-Основьяненко, Гребенка, Марко-Вовчокъ (Марковичъ), Костомаровъ, Мордовцевъ... да и только. Невольно напрашивается вопросъ: гдѣ же Котляревскій и Кулишъ, если ужъ не упоминать о другихъ? Увы, ихъ нѣтъ, не смотря на то, что, напримѣръ, Кулишъ несомнѣнно больше писалъ по-русски, чѣмъ по-малорусски, а Котляревскій является родоначальникомъ художественной украинской литературы. Правда, редакція сборника въ предисловіи оговариваетъ, что причинъ непомѣщенія нѣкоторыхъ писателей въ „Галерею“ четыре: невозможность достать нѣкоторые портреты; поздняя доставка ихъ редакціи; желаніе дать возможно большее количество изображеній современныхъ авторовъ и, наконецъ—необходимость ограничиться опредѣленнымъ числомъ портретовъ. Тѣмъ не менѣе, кажется, что ни одна изъ вышеупомянутыхъ причинъ неумѣстна по отношенію къ Котляревскому и Кулишу, сыгравшимъ слишкомъ значительную роль въ исторіи литературы.

Обратимся теперь къ портретамъ и біографіямъ тѣхъ шести малорусскихъ писателей, которые внесены редакціей „Галереи“ въ сборникъ. *Шевченко* снабженъ сравнительно большой (болѣе 1 страницы) біографіей и прекраснымъ портретомъ (найденнымъ въ минувшемъ году въ С.-Петербургѣ); портреты *Основьяненка* и *Гребенки*—извѣстны,—первый напр., былъ помѣщенъ въ 1893 году въ «Кіевской Старинѣ», а второй заимствованъ изъ сборника „Ластивка“). Біографія *Марка-Вочки* (Маріи Александровны Марковичъ)—не представляетъ ничего новаго, т. е. въ ней нѣтъ почти ничего біографическаго, за то портретъ, изображающій ее еще въ молодости, является совершенной новинкой. *Костомаровъ* изображенъ старикомъ съ сѣдой бородой,—съ портрета, помѣщеннаго въ «Кіев. Стар.» въ 1895 году. Наконецъ, *Мордовцевъ* представленъ сидящимъ въ креслѣ,—очевидно, съ позднѣйшаго снимка.

Вотъ и все, что попало изъ нашей украинской литературы въ «Галерею русскихъ писателей». Конечно, немного всего этого, но будемъ благодарны и за то, что есть. Даже сравнительно значительная цѣна (3 р. 50 к.), если принять во вниманіе огромныя затраты на воспроизведеніе 2¹/₂ сотенъ клише, не должна показаться чрезмерной.

Записки Кіевского Общества Естествоиспытателей. Томъ XVI.
 Вып. 2-й. Киевъ, 1900 г., 8°, ССХII + съ 211 по 496 стр.

Отмѣтимъ нѣкоторыя сообщенія и статьи этого тома: 1) *Ш. Я. Армашевскаю.*—О геологическомъ строеніи окрестностей м. Корсуня; 2) *Ею же.*—О Трощинской буровой скважинѣ; 3) *Ею же.*—Къ геологін Кіева; 4) *К. Жука.*—О градѣ, выпавшемъ $10/22$ сентабря 1897 г. въ с. Сальковѣ, Полтавской губ., Переяславскаго уѣзда; 5) *Г. А. Радкевича.*—О фаунѣ мѣловыхъ песковъ и песчаниковъ Подольской губ.; 6) *А. Г. Ракочи.*—О растительности нѣкоторыхъ болотъ Черниговской губ.; 7) *В. Е. Тарасенко.*—Объ эффузивной горной породѣ изъ Липовецкаго уѣзда, Кіевской губ.; 8) *П. А. Тутковскаю.*—О лессѣ Луцкаго уѣзда; 9) *Ею же.*—Микрофауна сповдлувой глины изъ Черниговской губ. (буровая скважина на станціи Бобровицѣ); 10) *Ею же.*—О нѣкоторыхъ новыхъ колодцахъ въ Кіевѣ; 11) *Ею же.*—Фораминиферы изъ буровой скважины въ с. Денисовкѣ, Лубенскаго уѣзда, Полт. губ.; 12) *Ею же.*—Новое глубокое буреніе въ Кіевской губ.; 13) *Ею же.*—Нѣсколько словъ о кіевской сповдлувой глинѣ и омагитовыхъ пескахъ; 14) *Н. В. Цитера.*—Весенняя флора южной части Полтавской губ.; 15) *Г. А. Радкевича.*—О нижнетретичныхъ отложеніяхъ окрестностей Канева; 16) *П. А. Тутковскаю.*—Библиографическій указатель литературы по ископаемымъ и нынѣ живущимъ фораминиферамъ (1888—1898).

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера рассмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 4; 2) Русская Старина, № 4; 3) Историческій Вѣстникъ, № 4; 4) Вѣстникъ Всемирной Исторіи, № 4; 5) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 4; 6) Вѣстникъ Европы, № 4; 7) Русская Мысль, № 4; 8) Научное Обзорніе, № 4; 9) Книжки Восхода, № 4; 10) Літературно-Науковий Вістникъ, № 4; 11) Ateneum, № 4; 12) Biblioteka Warszawska, № 3; 13) Przewodnik naukowy i literacki, № 4; 14) Варшавскія Университетскія Извѣстія, № 2; 15) Кіевскія Университетскія Извѣстія № 3; 16) Міръ Божій, № 4; 17) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 3; 18) Slovansky přehled, № 7; 19) Kwartalnik Historyczny № 1.

Русскій Архивъ, № 4.

А. П. К. Императоръ Николай Первый въ Южной Бессарабіи (стр. 638—645). Упомянуется о томъ, что въ маѣ мѣсяцѣ 1828 г., во время войны съ Турціей, Императоръ Николай прибылъ въ Измаиль, „гдѣ находилась главная квартира государя, и разные запасы для арміи, и часть флотилій: русской и Запорожскихъ козаковъ, покинувшихъ незадолго передъ симъ Турецкія владѣнія (правый берегъ устьевъ Дуная), чтобы возвратиться въ нѣдра своего отечества“. По прибытіи въ Измаиль, императоръ, 19 мая осмотрѣвъ въ карантинѣ Запорожцевъ, простилъ имъ все прошедшее и пожаловалъ кошевому Осипу Гладкому золотую медаль съ своимъ изображеніемъ. «Богъ васъ проститъ, отчизна прощаетъ, и я прощаю. Я знаю, что вы за люди», сказалъ государь кошевому, и затѣмъ повторилъ всему составу Сѣчи.

Въ примѣчаніи (стр. 644—645) упоминается о храмѣ (къ сожалѣнію, не указанъ ясно пунктъ), сооруженномъ Запорожцами въ память выхода ихъ изъ Турецкихъ владѣній. Въ этомъ храмѣ сохранилась и донынѣ надпись: «Въ царствованіе благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго великаго государя императора Николая Павловича всея Россіи, сооруженъ храмъ сей иждивеніемъ всѣхъ обществъ Задунайскихъ переселенцевъ, въ память выхода ихъ изъ Турецкаго владѣнія подъ Россійскую державу, и освященъ преосвященнымъ Димитріемъ, архіепископомъ Кншиневскимъ и Хотинскимъ и кавалеромъ, въ теченіе 15, 16 и 17-го чиселъ мѣсяца Октября 1838».

Русская Старина, № 4

П. П. Россія и папскій престолъ (перев. съ французскаго). Глава I—II (стр. 83—118). Это интересное изслѣдованіе о Дмитріи Самозванцѣ въ главѣ 2-й очень живо рассказываетъ о времени появленія Дмитрія на Волынѣ у Вишневецкаго и о докладѣ послѣдняго королю о судьбѣ спасеннаго царевича, а также о появленіи его еще раньше въ Кіевѣ и въ Гощѣ.

Бердичевъ въ сороковыхъ годахъ; сообщ. А. Мёрдеръ. (стр. 119—121). Въ 1843 году нѣкоторые изъ жителей Бердичева возбудили ходатайство объ обращеніи сего мѣстечка въ городъ. Генераль-губернаторъ Бибиковъ по этому поводу вошелъ съ представленіемъ не о переименованіи Бердичева изъ мѣстечка въ городъ, а о перечисленіи

его въ Махновскій уѣздъ, кіевской губерніи, при чемъ имъ сдѣлана была характеристика прежняго и современнаго ему Бердичева. Эта характеристика и составляетъ главное въ замѣткѣ г. Мёрдера.

Изъясня Мазены; сообщ. М. К. Марченко (стр. 151—152). Сообщается: 1) письмо князя Матвѣя Гагарина къ кн. А. Д. Меншикову (23 февр. 1708 г.); 2) отрывокъ изъ письма Петра Салтыкова къ кн. А. Д. Меншикову.

Историческій Вѣстникъ, № 4.

Въ Таврію за волей (вспоминанія очевидца) А. А. Романова (стр. 264—273). Разказанъ одинъ эпизодъ изъ движенія крестьянъ екатеринославской и херсонской губ. въ 1856 году, когда крестьяне, возбужденные какими-то темными слухами, толпами двинулись въ Крымъ получать волю отъ царя. Разказанный г. Романовымъ эпизодъ передаетъ случай, какъ кулачное воздѣйствіе нѣкоего Фрола Ивановича Демьяновскаго, писмоподателя становаго пристава, приостановило во многихъ мѣстахъ это движеніе.

Некроль извѣстнаго галицко-русскаго писателя и общественнаго дѣятеля А. И. Добрянскаго, скончавшагося 9 марта 1901 года на 98-мъ году жизни (стр. 416).

Вѣстникъ Всемирной Исторіи, № 4.

Лже-Павелъ Петровичъ и наша самозванщина. Е. Д. Витте (стр. 105—116). Этотъ небезынтересный эпизодъ, относящійся къ 1783 году, разказанъ авторомъ на основаніи документовъ, хранящихся въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ и раскрывающихъ одну страничку яко-бы самозванства нѣкоего Григоріа Зайцева, который въ теченіе не полныхъ сутокъ разыгрывалъ роль царевича Павла Петровича въ Коропскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, но затѣмъ, будучи арестованъ, признанъ былъ въ концѣ концовъ виновнымъ только лишь *во враньѣ*, какъ это и выражено въ предложеніи новгородъ-сѣверской палатѣ уголовного суда генераль-прокурора кн. А. А. Вяземскаго.

Первый проектъ освобожденія. Всеподданнѣйшая записка Великой Княгини Елены Павловны объ устройствѣ отношеній между помѣщиками и ихъ крестьянами. Сообщ. П. А. Шафрановъ (стр. 164—201). Записка Вел. Кн. Елены Павловны, приведенная въ этой

статьѣ, представляетъ тотъ интересъ, что многія мысли, высказанныя въ ней въ октябрѣ 1856 года, въ очень скоромъ времени были осуществлены правительственными распоряженіями, какъ напр.: мысль объ учрежденіи по губерніямъ дворянскихъ комитетовъ для обсужденія вопросовъ объ условіяхъ освобожденія крестьянъ. Интересна эта записка для насъ еще и потому, что Вел. кн. Елена Павловна имѣла въ виду примѣнить эти мѣры, въ случаѣ согласія Императора, въ своихъ имѣніяхъ въ Полтавской губерніи и пригласить къ тому-же нѣкоторыхъ полтавскихъ помѣщиковъ.

Литературная лѣтопись въ этомъ номерѣ открывается нѣсколько неповытными лично для насъ строчками о томъ, что объявленный редакціей журнала „Кіевская Старина“ конкурсъ на премію за лучшую популярную Исторію Малороссіи никогда не можетъ состояться, потому-что исторія Малороссіи есть такая исторія, „которую нельзя написать ни на какую премію“. Мотивировано это мнѣніе составителя Литературной Лѣтописи тѣмъ, что будто бы „украинская жизнь не оставила почти никакихъ письменныхъ матеріаловъ: прессы не существовало (какъ будто она была въ Россіи?), мемуаровъ вести было некому(?), лѣтописи, дипломатическія ноты, законодательные памятники оказываются до-нельзя скудными количественно“ и пр. Мнѣнія, конечно, свободны, а потому мы не будемъ здѣсь дѣлать возраженій. Однако не можемъ отказаться отъ одного объясненія. Составитель „Лѣтописи“ утверждаетъ, будто и редакція „Кіевской Старины“ признала эту невозможность написанія курса Исторіи Малороссіи и потому рѣшила печатать отдѣльные очерки по исторіи Малороссіи, для начала которыхъ помѣщаетъ съ этого года очерки Ор. Левицкаго (Очерки народной жизни въ Малороссіи во 2-й половинѣ 17-го стол.). Мы печатно (см. № 1-й) заявили, что закрываемъ конкурсъ и надѣемся достигнуть составленія курса исторіи Малороссіи путемъ заказа; помѣщая-же „Очерки“ О. И. Левицкаго, мы совершенно не думали ими замѣнить предложенный редакціей къ изданію курсъ исторіи Малороссіи, т. к. между этими „очерками“ и „курсомъ исторіи“ видимъ очень мало общаго.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 4.

Въ отдѣлѣ *«Критика и библіографія»* помѣщена маленькая рецензія на книгу *Виталія Эйнгорна* «Очерки изъ исторіи Мало-

россія въ 17 вѣкѣ. I. Сношенія малоросійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. М. 1899 г., стр. XIV+1104.

Літературно-Науковий Вістник, № 4.

Наш альбом: 1) Мерці. 2) Патріотам, Мик. Вороного. 3) Зернятка, XI—XX, Бориса Гринченка. 4) Мрія, Осипа Маковея. 5) Притомленному братови, В. Л. 6) Разочарованя, Х. С. 7) І знов зима, Осипа Шнитка. 8) Памятай дивчино, Ол. Коваленка. 9) Галицьке село, Евг. Маднчевського. 10) В місячну ніч, Одарки Романової. 11) Сильські мотивы, М. И. Вдовиченка. 12) Хмари, Жарка (стр. 1—8).

Генеральна репетиція, етюд у двох діях Наталки-Полтавки (стр. 2—24).

Добре заробив, оповідане Стефана Пятки (стр. 25—35).

Нариси В. Кравченка. II. Діти (стр. 36—42).

Из поетичної спадщини: III. Пісні Анатолія Свидницького (I—IV); IV. Из недрукованих поезій О. Я. Кониського (стр. 43—45).

Мінятюри: X. Перед від'їздом, Ант. Крушельницького... (стр. 46—50). XI. Знайшли. Надії Кибальчич (стр. 51—54). XII. Легка смерть, Василя Загаєвича (стр. 54—58). XIII. Сікуція, Гр. Коваленка-Коломацького (стр. 58—60). XIV. Осінні хвилі, Леся Гр. (стр. 60—61). XV. Шпак, Дніпрової Чайки (стр. 61—63).

Из Естонських поетів (Янсена-Михельсона, Івана Якса, Гренцштайна, Михайла Веске, Густава Луйги, Івана Кунцера, Фрідріха Крайцвальда, Якова Томма). Переспіви II. Грабовського (64—68).

Из оповідань Владислава Оркана: I. Підвечірок. II. Недовірок. III. Ясна Поляна. IV. З країни горців (стр. 69—103).

Из оповідань Анатолія Френса: П. Кимейський співак (стр. 104—113).

Из слова о полку Игоревім: Плач Ярославни, М. Вербицького (стр. 116).

Молоді сили: II. Йоанна Амброзіус, Е. Дегена. 1—17.

Біографіческій очеркъ и оцѣнка степени поѣтическаго настроєнія нѣмецкаго народнаго поѣта—Іоганна Амброзіусъ.

Маруся Богуславка в українській літературі, Ст. Томашівського (стр. 18—37).

Авторъ устанавливаетъ, въ какой мѣрѣ отразилась дума «Маруса Богуславка» въ произведеніяхъ подъ тѣмъ же заглавіемъ П. Кулиша, Евгенія Згарскаго (Львовъ, 1861), Ивана Нечуя—Левитскаго.

Жертвы нашего лихоліття: М. Т. Симоновъ і С. Д. Ніс. Сергія Ефремова (стр. 38—55).

Обстоятельные некрологи и критическая оцѣнка дѣятельности двухъ украинскыхъ писателей, недавно сошедшихъ въ могилу, съ указаніемъ на нѣкоторыя обстоятельства, не будь которыхъ, украинская литература могла бы ожидать большей продуктивности отъ обоихъ этихъ писателей.

Діяльність Наук. Тов. ім. Шевченка за 1900 рік. (56—60).

Хроніка і бібліографія (стр. 1—20).

По обыкновенію, обстоятельныя и интересныя данныя по исторіи текущей культурной жизни всей Украины.

Варшавскія Университетскія Извѣстія, кн. II.

Е. О. Карскій. Очеркъ славянской кирилловской палеографіи (стр. 433—484) (продолженіе).

Снимки съ рѣдкихъ и замѣчательныхъ изданій и рукописей XV—XVIII вв., между прочимъ Западно-русской грамоты 1516 г., Пересопницкаго евангелія 1561 г., Западно-русской псалтыри XVI в., Рукописи западно-русскаго письма 1562 г., Западно-русской грамоты 1613 г., Документъ юго-западно-русскаго письма 1630 г., западно-русской псалтыри XVII в.

Дополненія и поправки къ тексту, помѣщенному въ предыдущихъ №№ «Извѣстій».

Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 3.

М. В. Довнаръ Запольскій. Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонахъ (продолженіе; стр. 313—366). Заканчивается обзоръ господарскихъ повинностей и податей сельскаго населенія, при чемъ, главнымъ образомъ, рассматривается *лѣсное хозяйство*. Затѣмъ авторъ переходитъ въ обзоръ такихъ же платежей городского класса населенія. Последняя глава въ этой книгѣ раз-

сматриваетъ статистическія данныя о государскихъ дѣлахъ и о доходахъ ихъ.

Міръ Божій, № 4.

Въ отдѣлѣ *«На родинѣ»* помѣщено краткое извѣстіе о народномъ университетѣ въ Одессѣ, на основаніи данныхъ, приведенныхъ въ *«Южномъ Обзорѣніи»* (стр. 12—14). Встрѣчаемъ здѣсь также и коротенькую замѣтку *«Къ біографіи Шевченка»*, написанную по поводу помѣщенныхъ въ *«Русскомъ Богатствѣ»* матеріаловъ для біографіи поэта (стр. 38—39).

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 1136 газ. „Приднѣпровскій Край“ Г. О. Чеботаревъ помѣстилъ весьма интересную статью подъ заглавіемъ „Перелицованный „Кобзарь“, по поводу двухъ изданій: *„Думы мои, думы... Стихотворенія русскихъ поэтовъ.* Спб. 1900“ и въ особенности: *„Т. Г. Шевченко“. Кобзарь—въ переводѣ русскихъ писателей подъ редакціей П. Блюсова, Москва 1900“.*

Сличивъ различныя мѣста произведеній и отдѣльныя выраженія переводовъ съ оригиналомъ, авторъ приходитъ въ ужасъ. „Оптимистически настроеннымъ она (книга эта) принесетъ не мало смѣхотворнаго удовольствія“,—говоритъ авторъ: оцѣнивая же это явленіе съ болѣе серьезной точки зрѣнія, приходится глубоко возмутиться. 26 февраля сего года минуло сорокъ лѣтъ со дня смерти Т. Г. Шевченка, этого великаго борца, великаго страдальца за любовь къ людямъ, за правду и свѣтъ, вся поэзія котораго, по справедливому замѣчанію одного изъ виднѣйшихъ біографовъ покойнаго, „естъ и стоны и слезы за людей“! Мы слишкомъ еще въ большомъ, неоплатномъ долгу передъ этимъ великимъ пѣвцомъ неволи, всю убійственную, растлѣвающую тяжесть которой онъ испыталъ на себѣ самомъ, чтобъ къ тому-жъ еще такъ варварски издѣваться надъ тѣмъ, что онъ выплакалъ слезами и кровью своего великаго сердца“!.

Дѣйствительно, достаточно уже огмѣченныхъ Чеботаревымъ въ его небольшой статьѣ перловъ, чтобы возмутиться до глубины души. Напр. „мене бѣ не пытали“—передается въ смыслѣ „пытать“ (мучить). „Ты

уже выросла, двуешь, съ хлопцями гуляешъ — „Не уснѣла подрости, съ парнями уже блудить пошла“ и т. д.

Въ № 33 газ. „Буковина“ помѣщена статья С. Леоніда „Шевченко в робітничій і в академічній хаті (святковане 40-вих роковин смерти Тараса товариствами „Поступ“ і „Січ“ у Відні“.

Авторъ подробно сообщаетъ о празднованія 40-тней годовщины со дня смерти Шевченка въ Вѣнѣ, — украинскимъ рабочимъ обществомъ „Поступ“ и студеяческимъ „Січ“.

Въ № 46 газ. „Сибирская Жизнь“, „Сибирскаго Листка“, и „Сибирск. Вѣстника“ помѣщены отчеты о вечерѣ 26 февраля въ память Т. Г. Шевченка, въ бесплатной библіотекѣ въ Томскѣ.

Въ № 14 еженед. журнала „Недѣля“ г. И. А. помѣстилъ небольшую статью, въ видѣ письма съ Волыни, подъ заглавіемъ „Древнія училища“, подъ которыми надо разумѣть „фундушвеня“, существующія и нынѣ въ различныхъ цунктахъ нашего Ю.-Западнаго края.

Авторъ приводитъ интересный документъ, сохранившійся въ Клеванскомъ приходскомъ училищѣ, свидѣтельствующій о томъ, какъ велика была нужда въ началѣ 40-хъ г.г. прошл. столѣтія среди учителей фундушвеныхъ училищъ.

Въ № 16 начавшей снова выходить газеты-журнала „Днѣпровская Молва“ помѣщены, въ переводѣ А. Егорова, переводы „Изъ скорбныхъ пѣсенъ Перебенди“ (Александра Яковл. Конисскаго).

Всѣхъ переводовъ, довольно удачныхъ, представлено девять.

Тамъ же помѣщенъ обстоятельный разборъ изданія „Екатеринославская губернія. Выпускъ П. Памятная книжка и адресъ-календарь на 1901 годъ. Изд. Ек. губ. Статист. Комитета, подъ редакціей Секрет. Комитета Я. Г. Гололобова“.

Въ №№ 1155, 1156 и 1157 газ. „Приднѣпровскій Край“ проф. Д. Эварницкій помѣстилъ статью „Какъ побѣждали Занорожцы мусульманъ“.

Авторъ избралъ темой моментъ, относящійся къ 70-мъ г.г. XVII ст., когда при кошевомъ Иваѣ Сиркѣ (1674), турецкій султанъ задумалъ истребить все запорожское войско и уничтожить самый Кошъ, что, какъ извѣстно, окончилось большой неудачей для султана и отвѣтнымъ походомъ Сирка въ Крымъ. Въ заключеніе приведенъ извѣстный отвѣтъ запорожцевъ Султану (въ 1680 г.), художественно замечательный картиной Рѣвина подъ тѣмъ же названіемъ. Письмо это автору доставлено священникомъ с. Выше-Тарасовки, екатеринославск. у., о. Іоанномъ Курилинимъ, добытое имъ 40 лѣтъ тому назадъ въ архивѣ екатеринославской духовн. Семинаріи.

Въ № 63 газ. «Кубанскія Областныя Вѣдомости» помѣщена небольшая статейка «Екатеринодаръ въ началѣ 20-хъ г.г. прошлаго столѣтія», составленная на основаніи нынѣ рѣдкаго уже сочиненія І. Дебу «О Кавказской линіи. СПБ. 1829».

Въ № 6968 газ. «Южный Край» помѣщена Н. Н. Балабухой старо-козацкая пасхальная легенда «Козакъ оборотень»,—о томъ, какъ нечистая сила, подъ видомъ козака, долгое время находилась въ рядахъ запорожцевъ, была выдающимся среди нихъ товарищемъ, но въ день Пасхи исчезнувшая,—вспыхнула, какъ огонекъ, и пропала. Сообщаются и другія козацкія повѣрья, связанныя съ праздникомъ Пасхи.

Въ ежедн. газетѣ «Хуторянинъ» (№ 15) помѣщенъ сочувственный отзывъ о книжкѣ Ф. И Немоловскаго. *Бэжильництво*. Изданіе Благотворительнаго общества распространеніи дешевыхъ и полезныхъ книгъ.

Въ № 97 газ. «Одесскій Листокъ» помѣщенъ сочувственный стзвъ о книжкѣ М. Комаря «*Оповідання про Антона Голозатого та про початокъ чорноморською козацькою війська*. Зъ малюнками А. Ждахы». Изд. Благотворит. Общества распространенія дешевыхъ и полезныхъ книгъ.

Въ № 8 нѣмецкаго журнала (въ Лейпцигѣ) «Aus fremden Zungen» помѣщены—переводъ одного изъ лучшихъ произведеній Василя Стефаника «Каменный крестъ» (Das steinerne Kreuz) и статья д-ра

Франка «Короткий погляд на українсько-руську літературу» (Die ukrainische [ruthenische] Litteratur).

Новое изданіе. Молодой галичкій писатель Романъ Сембратовичъ съ нынѣшняго года началъ изданіе журнала на вѣмедкомъ языкѣ (въ Вѣнѣ) «X—Strahlen» (X—лучи), въ значительной мѣрѣ посвященнаго освѣщенію интересовъ родной ему націи. Въ каждомъ № встрѣчаются статьи Ив. Франка, самого издателя и друг. украинскихъ писателей.

Виды Каменца - Подольскаго. Во Львовѣ Михаиломъ Греймомъ изданъ альбомъ, состоящій изъ двадцати съ лишнимъ снимковъ замѣчательныхъ историко-археологическихъ видовъ г. Каменца-Подольскаго. Цѣна альбома 2 короны (около 1 р. 60 к.) Складъ въ книжномъ магазинѣ С. В. Немоевскаго во Львовѣ. Тамъ же появились изящные бланки для открытыхъ писемъ съ видами польскихъ замковъ. (Gazeta Lwowska, № 86).

Украинскія пьесы, дозволенныя драматическою цензурою къ представленію.

По 1 марта 1901 года.

- 1) *Дзвинь до церкви склыкае, та самъ у ній не буває, або «Лисова квітка».* Комедія у 4-хъ дѣяхъ Л. Яновской.
- 2) *Купальна Искра.* Опера у 2-хъ дѣяхъ Л. Яновской. (Прав. Вѣстн., № 61).

По 1 апрѣля 1901 года.

- 1) *Злыодни.* Драматични справы давнѣ Украины зъ 3-ои четвертины XVII вѣку (року Божого 1866), въ 5 одминахъ. Налагожено за початкомъ (?) П. Кулиша «Чорна Рада».
- 2) *Козак Байдя.* Драматични справы давнѣ Украины 3-ои четвертины XVI в. Року 1562—1566, въ 4-хъ одминахъ. О. Ц.
батька.
- 3) *Прыхожа.* Сцена въ 1 діі. Переведено и перероблено зъ сочиненія Н. В. Гоголя „Лакейская“. В. Русинова.
- 4) *Супротыяни течіи.* Комедія въ 5 дѣяхъ и 4 одминахъ. М. Л. Кропивницького.

5) *Тарисъ Бульба*. Драматични справи въ 5 одинахъ. Налагожено по Гоголю я другимъ. Приурочено (I) до другои четвертины XVII в. (Ровлявъ прынаймни 1638—1639).

6) *Чорный шляхъ*. Драматични справи давенъ Украины кенця XV вику. Въ 5 одинахъ. О. Ц. батька.

СПИСОКЪ ВНОВЬ ВЫШЕДШИХЪ КНИГЪ.

Авдикович О. Демон руїни. Львів, 1901. Накладом автора. З друкарні В. А. Шийковского. Стр. 59, 8°. Ц. 90 сот. Зміст: Метаморфози.—Добрий день!—Елегія зневіри.—Муха.—Чорна рожа.—Гієни.—Сѣма пісня руїни.—Чари уяви.—Відголоски.—Цсалом від-рождєня.

Бончевскій Ан. Якъ повставъ свѣтъ. Пѣсля В. Туша. З друкарнѣ «Свободы». Oluphant Pa, 1901. Мал. 8°. Ціна 15 цн.

Будзиновскій Вячеслав. Хлопска посілість. Друге сиравлене виданє. Львів, 1901. З друкарні народовой Ст. Манецкого і Сп. Ст. 194, 8°. Ціна 2 кор. Виданє «Наукової Бібліотеки Видавничої Спідки».

Будилецъ Евграф. Студіи богословскі. Провідник на чудодійну тайну Каяня. Чернівці, 1899. З друкарні Тов. „Рускої Ради“. Ст. 524, 16°. Ціна 4. 40 кор.

В. Б. Жите на віру у сибірських селян. Львів, 1900. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 10, 8°. (Відб. з Мат. до укр.-р. этнол.)

Веретельник А. Рубанє і виготовлюване дерева. Львів, 1900. З друк. Н. Т. ім. Шевченка. Ст. 6, 8° (Відб. з Мат. до укр.-р. этнол.).

Веретельникъ Андрей. Для своихъ рѣднихъ. Оповѣданє зъ жити славного чоловѣка. (Бібліотека для рускои молодежи. Т. XLVIII. В XXIX). Коломыя, 1901. Зъ печатнѣ А. І. Мізєвича Ст. 96, 16. Ціна 50 сот.

Вовк. Хв. Звістки й листи. Львів, 1900. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 10, 8°. (Відб. з Мат. до укр.-р. этнол.)

Вовк. Хв. Знахідки у могилах між Веремєм і Стретівкою і біля Трипіля. Львів, 1900. Ст. 12, 8°. З друк. Наук. Тов. ім. Шевч. (Відб. з Мат. до укр.-р. этнол.)

Гавлічек Боровскій Кароль. Вибір поезий. Переклад Ів. Франка. З портретом і житєписом Гавлічка. У Львові, 1901. З друк. Н. Тов. ім. Шевч. Ст. XXVI 404, 8°. Ціна 1. 60 кор. Видання «Бєлетри-стичнои библіотеки Видавничои Спідки».

Гнатюк В. Ткацтво у східній Галичині. Львів, 1900. З друк. Наук. Тов. ім. Шевч. Ст. 14, 8°. (Відб. з. Мат. до у.-рук. етнол.)

Гоголь Микола. Ревізор, комедія в пяти діях. Переклав Василь Сімович. Видданне «Молодої України», ч. 1. Чернівці, 1901.

Гошовський Андрій. Про новий ґнаурям в науці приватного права. Львів, 1900. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевч. Ст. 12, 8°. (Відб. з Часоп. Правничої і Економичої).

Гримченко Б. Кулишъ (Ганна Барвинокъ). По поводу сорокалѣтїя ея литературной дѣятельности. Черниговъ, 1901. Земская типографія. Ст. 207, in 8°. Ціна 15 коп.

Грушевський Михайло. Хронологія подій Галицько-Волинської літписи. У Львові, 1901, стр. 72. 8°. (Одбитк. з ХLI т. Записок).

Дикарїв М. Програма до збираня відомостей про громади і збірки сільської молоді (вулиця, вечерниці, досвітки і свадки). З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 28, 8°. (Відб. з Мат. до укр.-р. етнол.)

Дністрянський Станіслав. Берненьська унія и наше відношене до неї. Львів, 1900. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 56, 8°. (Відб. з Часописи Правнич. і Економічної).

Доманицький Василь. Причинок до історії повстання Наливайка. У Львові, 1901. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка, стр. 6, 9°. (Відбитка із ХI т. Записок).

Драгоманов М. Переписка. Зібрав і владив М. Павлик. Т. I. (Наукова Вібліотека, ч. 7). У Львові, 1901. Накладом Укр.-Русько-Видавничої Свілки. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 184+4, 8°. Ціна 1. 80 кор.

Журнали Полтавской губернской оцѣночной Коммисіи. 32 дек. 1900 и 5 февр. 1901 г. съ прилож. Полт. 1901, 1—50.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Т. ХI. Кн. II за 1901 р. Львів, 1901. Накладом Н. Т. ім. Шевченка. З друкарні Н. Тов. ім. Шевченка. Ціна 3 кор. Зміст: 1) Причинок до історії повстання Наливайка, подав Василь Доманицький, 2) 1848 рік і Львівська руська духовна семінарія, подав Юрій Кміт. 3) Знадоба до пізнання угро-руських говорів. Говори з наголосом недвижимим, — подав Іван Верхратський (далі буде). 4) Miscellanea. Матвій Симонів (Номіс), — некрологічна згадка М. Грушевського и др.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Р. 1901. вв. III. Т. ХLI. Накладом Наук. Тов. ім. Шевченка. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Львів, 1901. Ціна 3 кор. Зміст. 1) Хронологія подій

Галицько-волинської літописи, розвідка Михайла Грушевського, стр. 1—72; 2) Студії на полі Карпаторуського письменства XVII—XVIII в. 1. Під Іван, Половець Іван Смера і відкритте Тибету, написав др. Іван Франко; стр. 1—50. 3) *Miscellanea*: а) Нові причинки до історії вірші на Україні, I—III, подав Ів. Франко, а) Сербський опис Єрусалима з XVШ в., подав др. М. Пачовський в) Питомець—агітатор, подав Ю. Квіт; 4) Наукова хроніка: огляд часописей за 1900 р. 5) Бібліографія.

Збірник математично-природописно-лікарської секції Наукового Товариства ім Шевченка. Т. VI, виш. II. Часть лікарська під редакцією д-ра Евгена Озаркевича. У Львові, 1900. Накладом Наук. Тов. ім. Шевченка. Вел. 9°. Ціна 2 кор. Зміст: 1) Др. Евген Озаркевич. Про уробілінну жовтячку; 2) Др. Вячеслав Морачевський. Нові способи досліджу білковини. 3) Др. Осип Дакура. Зі шпитальної казуістики за р. 1899.

Золі Еміль. Напад на млин. (Оповідане з війни 1870 року). Переклад Івана Франка. Видане «Укр. Руської Видавничої Спільн.» ч. 10. Львів, 1901, стр. 59, 8°. Ціна 20 сот.

Зубрицький Мих. Народній календар, народні звичаї і повірки, привязані до днів вь тиждни і до рокових свят. Львів, 1900. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 28, 8°. (Відб. з *Мат. до укр.-р. етнол.*)

Івакинъ И. М. Князь Владиміръ Мономахъ и его поученіе. Ч. I. Поученіе къ дѣтямъ, Письмо къ Олегу и отрывки. Москва, 1901, 1—324. Ц. 2 р. 50 к.

Історична мапа Галичини й Волині XI—XIII віку. Уложив М. Грушевський (Відбитка з III т. «Історії України-Руси»). Ціна 40 сот.

Календаръ для Американскихъ Русинѣвъ на 1901 р. Уложивъ Антинъ Левкивъ. З друкарнѣ «Свободы». Olyphant, 1901. Ст. 60. Ціна 50 сот. I. Часть календарска. II. Часть інформаційна. III. Часть научно-белетристична. Зміст: 1) Прощай вітер,—поезия С. Чарнецького, 2) Як повстав світ—Ант. Бончевського, 3) Аж за море чути—поезия Чалого, 4) Борба за волю—А. Л.,—5) Присвята Стасюкова—поезия Ю. Свиротюка, 6) Чоловік и мула—І. В—о, 7) One dollar and cost—Ярослав А. 8) Положене Русинів за морем—Ан. Бончевського. 9) Козак пана не зна з віка—а. б. 10) Пяній країні—поезия С. Чарнецького, 11) По христинах в кума Грндя—Чалого, 12) Сьмішне.

Квітка Основьяненко Григорий. Маруся. Повість. Видання «Укр.-Руської Видавничої Спілки», ч. 12. Львів, 1901, стр. 160, 8°. Ціна 50 сот.

Кміт Юрий. 1848 рік і Львівська руська духовна семінарія. У Львові, 1901. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка, ст. 10 8°. (Відбита із XL т. Записок).

Комарь М. Оповідання про Антона Головатого або про початокъ Чорноморського війська. Изд. Спб. Благот. Общества изд. общеплезн. и дешевыхъ книгъ. № 7. Ц. 5 и 10 коп.

Кониський Олександр. Варіанти на декотрі Шевченкові твори. З друк. Науков. Тов. ім. Шевченка, 1901, стр. 38, 8°. (Відбитка з Записок).

Кониський Олександр. Не друковані поезії Т. Г. Шевченка. У Львові, 1901. З друкарні Наук. Товар. ім. Шевченка, in 8°. (Відбитка з Записок). Ціна 10 кр.

Кониський О. Я. Млянь. Оповідання (съ портретомъ автора на обложкѣ). № 18. Кієвъ, 1901, 1—24. Ц. 3 коп.

Кос Андрій. Бесіда про пошистъ з Пів-Азій. Відбитка «Дѣла». Накладом В. Будзиновського. Львів, 1901, 18, 8°. Ц. 20 сот.

Корифеи украинской сцены. (Очеркъ исторіи украинскаго театра и біографіи 8 дѣятелей ея съ портретами). Кієвъ, 1901 г., стр. 192. Цѣна 65 коп.

Кранихфельдъ Вл. П. Т. Г. Шевченко, пѣвецъ Украины и Запорожья. Съ портретомъ и 8 иллюстрац. въ текстѣ. С.-Пет. 1901, 1—64 (из. 16°). Изд. «Вѣстника Казачьихъ Войскъ». Ц. 3 коп.

Кукулевський Ол. Оповідання про життя Кобзаря (съ 3 портретами и вѣдомъ могилы). № 22. Кієвъ, 1901 стр. 1—18. Ц. 2 к.

Кулиш П. Орися. Ідилія. Видання „Укр.-Руської Видавничої Спілки“. Ч. 14. Львів, 1901, стр. 17, 8°. Ціна 6 сот.

Кулиш П. О. Про злодія въ селі Гаввишци. (Съ портретомъ автора на обложкѣ). № 19. Кієвъ, 1901, стр. 1—24.

Кулиш П. О. Чорна Рада. Хроника 1663 року. Одесса, 1901 р. (съ рисунками художника Ждахи). Ц. 1 р. 20 к. и 2 руб.

Левитський Микола. Спількова умова для хліборобскихъ свілок. Видання «Укр.-Руської Видавничої Спілки», ч. 13. У Львові, 1901, стр. 47, in 8°. Ціна 20 сот.

Левицький Іванъ. Баба Параска та баба Цалажка. Выдане пiate. № 17 (съ портретомъ автора на обложкѣ) Кієвъ, 1901, стр. 41. Ц. 4 коп.

Лисенко С. И. Очерки домашнихъ промысловъ и ремесль Полтавской губ. Вып. 2. Роменскій, Лохвицкій и Прилуцкій у. Ч. I. Роменскій у. Изд. Полт. Губ. Зем. Одесса 1900 г., 8 л. 1+224.

Литвинова-Бартош. Весільні обряди і звичаї у селі Землянці Глухівського повіту у Черниговщині. Львів 1900. 3 друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 104 8 д. (Відб. з. Мат. до укр.-рус. етнол.).

Лотоцкій Левъ. Сила молитвы. Образокъ изъ сельскаго жытя.

Михаилъ Мусора. Сало. Народна казка. (Бібліот. для рускои молодежи. Т. XLIX. В. XXIX). Коломыя, 1901. Зъ печатни А. I. Мизевича Ст. 48, 16°. Ціна 30 сот.

Максимовичъ. Двѣрѣ и его бассейпъ. 2 кн. съ прилож. 9 карт. и 36 издавн. Кіевъ, 1901 г., ц. 6 руб.

Маковей Осип. Наши знакомі (начерки). Заходом Б. Студинського. Львів, 1901 3 друк. В. Шийковського. Ст. 139+2, 8 д.

Мандичевскій Евген. Новел. 3 живого і мертвого. Львів, 1901 Накладом власним. 3 печатні В. А. Шийковського. Ст. 94, 16°. Ціна 1 крона. Зміст. 1) Сиритскій сон, 2) Мужичьке жите, 3) Харитина (образецъ з грецкої давнини), 4) Білили полотна, 5) Тайна поэта, 6) Марійка, 8) Вечер.

Марко-Вовчок. Народні оповіданя. Виданя Руского Тов. педагогичного. У Львові 1901. 3 друк. Н. Тов. ім. Шевченка. Ст. 32, 8 л. Ціна 30 сот. Зміст: 1) Козачка, 2) Чарі.

Матвіяє Софрон. Дещо про лучі Бекереля. Ст. 8, 8 д. У Львові, 1900 (Відб. изъ VП т. вын. 1. Збирника секції мат.-природ. лікарскої). Ціна 10 сот.

Матеріали до українско-руської етнолоогії. Выдане Етнографічної Комисні, за ред. Хв. Вовка. Т. III. Львів, 1900. 3 друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка, ст. 182+27+6 вел. 8 д. Ціна 4 кор. Зміст: 1) Знахідки у могилах миж Веремем і Стретівкою і біля Трипіля, Хв. Вовка; 2) Ткацтво у східній Галичині, В. Гнатюка; 3) Рубане і виготовлюване дерева, В. Веретельника; 4) Народній календар (Звичай і повірки), М. Зубряцького; 5) Жите на віру у сибірських селян, В. См.; 6) Весільні обряди и звичаї у С. Землянці, в Чернигівщині, П. Литвинові—Бартош. Додатки: 1) Програма до збіраня відомостей про громади і збірки сільскої молоді. Посмертний твір М. Дикарева 2) Показчик.

Мѣсяцесловъ на 1901 годъ, имѣющій дней 365. Составилъ отъ имени Общества св. Василія Великаго, священникъ Епарх. Мукачев-

скої Юлії Чучка, проф. церк.-слав. яз. въ духовномъ сѣменищи и редакторъ «Науки». Годъ изд. 33-ій. Въ Унгвари, 1900. Изданіе книгопечатни «Общества св. Василія Великаго». Ц. 80 сот.

Народні думи. Частина I (Виданє Руского Товариства педагогичного, 34). Впорядкував та пояснив др. М. Пачовский, ц. к. профессор акад. гімназіи. У Львові, 1901. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 68, in 8 д. Ціна 40 сот.

Отчетъ Благотворительнаго Общества изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ за 1900 г. С.-Петербург., 1—36.

Падалка Л. В. Організація економічної дѣятельности въ Галиціи и ея поучительность для Полтавской губерніи. Полтава, 1901. Изд. Полтавскаго Общ. Сельскаго Хозяйства, стр. 1—24.

Подкарпатскій календарь съ типкомъ на 1901 простой годъ, вмѣщающій 365 дней. Въ пользу и употребленіе подкарпатскаго греко-кат. народа. Въ Унгварѣ, 1901. Печаталь и издалъ Варооломей Іегеръ. Цѣна 70 сот.

Руданський Стефан. Твори. Том V. Впорядкував А. Кримський. Ціна 1 кор. У Львові, 1901. Коштом і з друкарні Наук. Товариства ім Шевченка. Стр. VІІІ+208, in 16°. Зміст: Цар-Соловей (поема), Старочеські співи з Кральовірівського рукопису і другихъ.

Рудницький Стефан. Про плями совічні. Ст. 28, 8°. У Львові, 1900. (Відб. із „Збірн. секц. мат.-природ.-лікарської, т. VІІ, вип. I).

Рускі пісні в образах. I Серія. Накладом свящ. Н. Джулинського. В Перемишлі, 1901 (почтовые бланки съ иллюстраціями къ пѣснямъ: «Надъ Прутомъ, у лузи», «Сонце низенько», «Многая лпта», «Ой послала мене маты», «Ой мисяцю, мисяченьку», «Родимый краю», «Ой сна, дятн»). Десять бланковъ ц. 1 корона.

Сводный Сборникъ по статистическому описанію Полтавской губерніи въ 1882—1889 г. Выпускъ I. Полтава, 1901, 1—278. Ц. 2 р.

Сичъ Г. Музыка Янко (перекладъ). № 21. Кіевъ, 1901. стр. 1—16 in 32°. Ц. 1½ к.

Сеньобо Ш. Австрія в XIX ст. З французького переклав і пояснив С. Томашівський (Наукова Вібліотека ч. 4). У Львові, 1901. Коштом С. Бриттана. Накладом «Укр.-руської Видавн. Спілки». З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 106, 8°. Ціна 80 сот.

Стороженко Олекса. Оповідання І. Не в добрий час. П. Вуси. Вид. «Укр.-Руської Видавничої Спілки», ч. 16. Львів, 1901, стр. 43. 8°. Ціна 20 сот.

Студинський Кирило. Літературні замітки. Львів, 1901. Накладом А. Хойвацького. З друкарні В. А. Шийковського. Ст. 136, 8°. Ціна 1 кор. Зміст: 1) Козацтво і Гайдамаччина в «Енеїді» Котляревського, 2) Характеристика поезій Петра Гулака-Артемовського.

Studzinski Cyryl. Z-za kulis schyzmatyckiej prorokandy. Kraków. Nakład Spółki wydawnyczej polskiej 1901.

Толстой Лев Н. Відроджене. Роман у трьох частих. Переклад Василь Сімович. У Львові, 1901. З друкарні Наук. Товариства ім. Шевченка. Т. I—ст. 316, II—272, III—144+18, in 8°. Ціна за 3 тома 3. 60 кор. Виданне «Белетристичної Бібліотеки Видавничої Спілки».

Філіппов М. Іван Гус, переповіла М. Квастковська. Вид. «Українсько-Руської Видавничої Спілки», ч. 15. Львів, 1901, стр. 51, 8°. Ціна 20 сот.

Франко Іван. Історично-економічна студія. Львів, 1900. З друк. Наук. Тов. ім. Шевч. Ст. 52, 8°. (Відб. Часоп. Правничої і Економічної).

Франко Іван. Студії на полі Карпато—руського письменства XVII—XVIII в. І. Ніл Іван, Половець Іван Смера і відкрите Тибету. У Львові, 1901. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка, стр. 50, 8°. (Відбитка із XLI Записок).

Франко Іван. Лесышына челядь. Малаый Мыринь. Грыцева шкяльна наука. (Съ портрет. автора). № 20. Кієвъ, 1901, стр. 1—42, in 16°. Ц. 4 к.

Хроніка укр.-руського Наукового Товариства ім. Шевченка. 1900. ч. 4. За вересень-грудень. 1900 р. У Львові, 1901. З друкар. Наук. Товариства ім. Шевченка. Ст. 32, 8°. Ціна 30 сот. Зміст: Засідання Виділу, секцій, комісій; справоздання.

То же, ч. 5 (виш. I за 1901 г.) Львів, 1901. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка, стр. 68, 8°.

Chronik der ukrainischen Ševčenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg. 1900. September-December. 1900. № 4. У Львові, Наклад. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 36, 8°. Ціна 30 сот.

Часопись Правнича і Економічна. Правничі і економічні розвіди історично-філософичної секції Наукового Товариства ім. Шевченка. Рік I. Том I. Редактор др. Станіслав Дністрянський. У Львові,

1900. Накладом Наукового Товариства ім. Шевченка. З друкарні Наукового Товариства ім. Шевченка. Ціна 3 корони. Зміст: 1) Передмова 2) Андрій Гоговський. Про новий напрям в науці приватного права. 3) Др. Станіслав Дністрянський. Бернська унія і наше відношене до неї. 4) Др. Іван Франко. Грималівський ключ в р. 1800. 5) Оцінки і реферати.

Шептицький Андрей, єпископ станиславський. Лист пастирський до вѣрнихъ Косивського Деканата. Жовква, 1901. Печатня о.о. Василянъ. стр. 48, 8°. Ціна 15 сот.

Ею-же—Христїянська робота. З 1 пастирського листа. Жовква, 1900. Накладомъ Видавництва Ч. С. В. В. Зъ печатни оо. Василянъ Ст. 38, 8°. Ціна 15 сот.

Ею-же—Христїянська родина. Зъ II пастирського листа. Жовква, 1900. Накладомъ Видавництва Ч. С. В. В. Зъ печатни оо. Василянъ, ст. 32, 8°. Ціна 15 сот.

Ею-же—О вѣрѣ. III листъ пастирскій. Жовква, 1901. Накладомъ Видавництва Чина Св. Вас. Великаго. Печатня оо. Василянъ. Ст. 48, 8°. Ціна 15 сот.

Экономическая и сельско-хозяйственная деятельность Полтавскаго Земства. Изданіе Экономич. Бюро Полт. Губ. Земства. Приложевіе къ журналу «Хуторянинъ» № 1. Полтава, 1901, стр. 1—62.

То-же, № 2. Полтава, 1901, стр. 1—64.



Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

26-го марта состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ.

Проф. Д. И. Багалѣй доложилъ о сообщеніи комитету секретаремъ статистическаго комитета В. В. Ивановымъ—дополнительныхъ свѣдѣній о каменныхъ бабахъ Харьковской губ. и его предложеніе—обратиться ко всѣмъ губернаторамъ въ раіонѣ, подлежащемъ изученію предстоящаго съѣзда, съ просьбой о запросѣ земскихъ начальниковъ ихъ губерній по поводу древностей, коллекцій и т. п. Предложеніе это принято и рѣшено при обращеніи послать въ качествѣ образца тотъ циркуляръ, съ которымъ обратился харьковскій губернаторъ къ земскимъ начальникамъ.

Проф. Д. И. Багалѣй прочелъ докладъ предсѣдателя историко-филологическаго Общества при институтѣ князя Безбородко проф. А. Добіаша о результатахъ дѣятельности состоящей при Обществѣ особой комиссіи по собиранію археологическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, а также предметовъ древности, въ предѣлахъ Черниговской губерніи къ XII археологическому съѣзду. Изъ этого доклада видно, что работы комиссіи со времени перваго отчета еще болѣе расширились, нашли сочувствіе и поддержку и среди общества, администраціи, духовенства и народныхъ учителей и учительницъ.

Благодаря помощи черниговскаго губернатора, комиссія получаетъ свѣдѣнія о древностяхъ и самыя памятники даже изъ захолустныхъ мѣстъ Черниговской губерніи: пакеты доставляются и черезъ волостныя правленія и черезъ исправниковъ. Рѣшено докладъ напечатать въ „Трудахъ предварительнаго комитета“, исходатайствовать комиссії 200 руб. на различные расходы у московскаго археологическаго Общества, находящійся въ распоряженіи комиссії атласъ малороссійскихъ картъ и плановъ малороссійскихъ городовъ—просить для археологической выставки; равно просить: 1) доставить комитету брошюру П. Н. Тихонова „Черниговскіе старцы“ и Б. Д. Гринченки „Каталогъ музея Тарновскаго“; 2) доставить предметы, представленные комиссії М. И. Лилеевымъ: образъ Николая Чудотворца, два старинныхъ козацкихъ пояса изъ шелка-сырца, двѣ старинныхъ женскихъ рубашки съ расшитыми шелками по подолу узорами; отрывокъ изъ лѣчебника XVIII вѣка.

Д. П. Миллеръ познакомилъ съ содержаніемъ поступившаго отъ И. В. Попова въ распоряженіе комитета рукописнаго сборника подъ заглавіемъ: „Планъ Новороссійской губерніи“. Сборникъ заключаетъ въ себѣ рядъ печатныхъ указовъ Екатерины II; рукописныя документы—копіи съ разныхъ распоряженій, касающихся устройства Новороссійской губерніи въ 1764 г.

Проф. Д. И. Багалъйй сообщилъ о согласіи г. Поддубнаго издать карты Харьковской губерніи, а также карты г. Харькова.

Проф. А. М. Покровскій сообщилъ свои наблюденія надъ Донецкимъ городищемъ, а г-жа А. Я. Ефименко обратила вниманіе на подвѣску, найденную въ числѣ прочихъ вещей въ городищѣ: ея звѣздистая кайма, по мнѣнію г-жи Ефименко, представляетъ полную аналогію съ каймой серегъ такъ назыв. „черниговскаго“ типа.

Проф. Е. К. Рѣдинъ сообщилъ о пожертвованіи предварительному комитету его членомъ А. Θ. Бятышемъ ста рублей и познакомилъ съ памятниками, поступившими въ полное распоряженіе комитета для археологической выставки.

Въ Комитетъ присланы: Темнымъ (Казачья Лопань)—мѣдныя монеты XVIII в.; свщ. Антоновымъ (Казачья Лопань)—дарохранительница, служебникъ 1754 г., грамота епископа Θεоктиста Бѣлгородскаго; свщ. Д. Иваницкимъ (Русская Лозовая)—

Четвероевангеліе 1657 г. и 1717 г., желѣзные вѣнцы, иконы— Вознесеніе Іліи и Явленіе трехъ ангеловъ Аврааму (XVII в.), земельные документы XVIII в.; свящ. Хижняковымъ (сл. Терешновка)—ассигнація десятирублеваго достоинства 1812 г.; учительницей Кобзаревой (Васильевка)—мѣдныя монеты XVIII—XIX вв.; свящ. Краснокутскимъ—книга „Описаніе св. мѣстъ“ Іерусалима; г. Шестеренко (Кущеваха)—мѣдныя монеты XVIII в., свящ. Грековымъ (Вабычина)—образъ св. Митрофанія, писанки; свящ. Рождественскимъ (с. Краснянское)—служебникъ 1754 г., вокошникъ, свѣчи, медаль за взятіе Очакова, мѣдныя монеты 1758 и 1759 г., щипцы, памятная тетрадь 1849 г.; г-жей М. Д. Квитковской—картина XVIII в. „Дѣвушка съ голубкою“, мѣдныя монеты XVIII—XIX вв.; Фридкинъ—монета 1770 г.; Шкорбатовымъ—восточная монета; И. В. Поповымъ—документы по устройству Новороссійскаго края; свящ. Бородаевскимъ—брачный вѣнецъ, окладъ евангелія (XVIII в.), учительницей с. Брусовки—образцы вышивокъ и мережекъ, модель гончарнаго круга; свящ. Антоновымъ—Библия Каstellіона, лѣтопись Дмитрія Ростовскаго; свящ. Давыдовымъ (Котельва)—кипарисовый крестъ 1774 года; свящ. Самойловымъ—оловянная чаша, крестъ, перламутровая икона (XVIII в.); свящ. Ковтуномъ (Угроѣдь)—актъ 1800 г.; Захарьевымъ (Алексѣевка)—каменная лампада, иконы—Митрофанія, Богоматери, Знаменія Божіей Матери, св. Николая, Распятія, вмч. Варвары (всѣ XVIII в.); ахтырскимъ полицейскимъ управленіемъ—кипарисовый крестъ XVIII в., евангеліе 1654 г.; О. Прусовой—серебрян. монета 1757 г.; И. Л. Шимановымъ—мѣдная стрѣлка; г-жей Орловской—фотографіи съ различныхъ мѣстъ и предметовъ Кобелякскаго уѣзда, Полтавской губ.; Рудаковымъ (Харьковъ)—двѣ большихъ картины, писанныхъ акварелью и представляющихъ Михайловскую площадь и видъ съ горы Благотворительнаго Общества въ 40-хъ годахъ XIX-го столѣтія; А. Ѳ. Лукьяновой—фотографія съ картины жанроваго характера (поймка контрабандной водки объѣздчиками); В. В. Гюльцгофъ—снимки съ видовъ гор. Харькова семидесятихъ годовъ.

Комитетъ выражаетъ глубокую благодарность А. Ѳ. Бантышу, всѣмъ вышеуказаннымъ лицамъ и, вообще, всѣмъ, до-

ставившимъ ему различныя свѣдѣнія о древностяхъ Харьковской губ.

Е. Р.

Засѣданія обществъ.

15 февраля, подъ предсѣдательствомъ проф. Н. В. Покровскаго, состоялось общее собраніе членовъ и слушателей *Археологическаго института*. Г. М. Болсуновъ выступилъ вновь съ своими критическими замѣчаніями на существующія классификаціи доисторической культуры. На этотъ разъ онъ коснулся классификацій, основанныхъ на признакахъ антропологическихъ. Доисторическая антропология, часто смѣшиваемая многими учеными съ доисторическою археологію, немного проливаетъ свѣта въ таинственную область жизни первобытнаго человѣка. Слишкомъ мало, и то въ фрагментахъ, сохранилось череповъ и костей, несомнѣнно принадлежащихъ доисторическому времени. Многие изъ нихъ и даже знаменитый неандертальскій черепъ референтъ подвергаетъ сомнѣнію въ принадлежности первобытному обитателю земли. Существующія антропологическія классификаціи, касающіяся вопроса о хронологической послѣдовательности расъ, населявшихъ въ доисторическое время Европу, остроумны, но мало доказательны. Большинство ученыхъ признаютъ за древнѣйшимъ населеніемъ Европы одинъ общій признакъ— длинноголовость расы. Длинноголовое населеніе было отодвинуто въ послѣдствіи на югъ и сѣверъ материка появившимся изъ Азіи короткоголовымъ племенемъ. Населеніе Россіи принадлежало также къ длинноголовымъ. Референтъ демонстрировалъ во время доклада интересную коллекцію череповъ. Докладъ вызвалъ возраженія князя П. А. Путятина, поддерживавшаго научный выводъ антропологовъ о существованіи неандертальской расы. В. Грюнейзенъ, въ рефератѣ „Стиль, художественная характеристика и оцѣнка произведеній живописи въ исторической ея динамикѣ“, прослѣдилъ постепенное развитіе искусства, выразившагося въ созданіи фресокъ и мозаикъ. Эти формы искусства существовали еще въ отдаленныя вѣка въ Египтѣ, Персіи, Греціи и Римѣ. Въ Россіи фрески появляются въ X—XI вѣкахъ.

Вопросъ о византійскомъ искусствѣ вызвалъ разъясненіи и возраженія со стороны проф. Н. В. Покровскаго. „Спб. Вѣд.“.

28-го февраля состоялось 5-ое годовичное общее собраніе членовъ *Кіевского Общества Древностей и Искусствъ* подъ предсѣдательствомъ вице-предсѣдателя Общества Б. И. Ханенко. Вице-предсѣдателемъ былъ доложенъ докладъ правленія, въ которомъ представленъ отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ за прошлый 1900 г., и смѣта на 1901 г.; кромѣ того, въ докладѣ изложенъ ходъ работъ по постройкѣ Музея. Зданіе Музея сооружено по проекту архитектора Бойцева, передѣланному затѣмъ академикомъ В. Н. Николаевымъ и окончательно разработанному архит. Городецкимъ. Закладка зданія состоялась 21 сент. 1897 г., къ работамъ приступлено осенью 1898 г. и принято зданіе отъ строителя въ ноябрѣ 1900 г. Общая стоимость зданія—226247 р. 68 к., но предстоятъ еще работы по окончательному устройству мѣстности вокругъ Музея на сумму 8320 руб. Изъ другихъ вопросовъ, касающихся постройки Музея и представленныхъ на утвержденіе общаго собранія, отмѣтимъ проектъ парадной лѣстницы, отсутствовавшей до сихъ поръ въ Музеѣ. Необходимыя на это средства, въ размѣрѣ 20-ти тысячъ руб., пожертвованы Н. А. Терещенко и къ устройству лѣстницы будетъ приступлено настоящимъ лѣтомъ. Въ теченіи прошлаго года правленіемъ были принимаемы мѣры къ образованію въ Музеѣ художественно-промышленнаго отдѣла, необходимаго для Кіева, гдѣ уже существуютъ школы рисованія и гдѣ предполагается устройство художественно-промышленнаго училища на средства пожертвованныя въ недавнее время И. Н. Терещенко. Общее собраніе уполномочило, затѣмъ, правленіе ходатайствовать предъ правительствомъ о дарованіи средствъ на содержаніе Музея и на пріобрѣтеніе коллекцій по художественному и художественно-промышленному отдѣламъ, а также на принятіе Музея въ вѣдомство Мин. Финансовъ или Императ. Двора. Закончилось собраніе выборомъ новыхъ членовъ правленія (проф. Г. Г. Павлуцкій, С. С. Могилевцевъ, М. В. Суричь и В. Н. Бутовичъ), почетныхъ, дѣйствительныхъ и членовъ-корреспондентовъ Общества (на 1-ое января 1901 г. числилось въ Обществѣ 116 членовъ).

Въ засѣданіи исторической секціи *Общества Исслѣдователей Волины*, 1-го марта, Я. В. Яроцкимъ была произнесена рѣчь — „Доисторическая Волинь“, въ которой сдѣланъ обзоръ имѣющихся памятниковъ и исслѣдованій ихъ, а также, въ связи съ этимъ, намѣчена программа дѣятельности Общества, направленная къ разрѣшенію различныхъ вопросовъ доисторическаго прошлаго Волины.

По ходатайству *Коммисіи по описанію и изданію памятниковъ украинской старины*, состоящей при Обществѣ Нестора Лѣтописца, въ настоящее время разосланы при посредствѣ инспекторовъ народныхъ училищъ и консисторій краткія программы для внесенія учителями народныхъ училищъ и приходскими священниками свѣдѣній объ имѣющихся памятникахъ старины. Такія свѣдѣнія необходимы для предполагаемыхъ настоящимъ лѣтомъ экскурсій членовъ Коммисіи.

Исслѣдованія и раскопки.

Раскопки на мѣстѣ неолитическаго поселенія съ керамикой до-микенскаго типа у с. Колодистаго, Звенигородск. у. Кіевск. г. Прошлымъ лѣтомъ, В. Н. Доманицкимъ былъ произведенъ рядъ раскопокъ у с. Колодистаго. Мѣсто раскопокъ расположено у каменоломень, на краю села. Здѣсь уже были раньше раскопки, веденныя какъ В. Н. Доманицкимъ (въ 1899 г.),¹⁾ такъ и А. А. Спицинымъ (въ прошломъ году). Поверхность имѣетъ уклонъ къ протекающему здѣсь ручью Колодистому и частью занята крестьянскими усадьбами. На основаніи предварительныхъ развѣдокъ, можно было установить, что остатки жилищъ съ расписными сосудами расположены въ 7 рядовъ, идущихъ параллельно ручью. Раскопки производились въ 1-мъ, 5-мъ, 6-мъ и 7-мъ рядахъ—промежуточные ряды очень испорчены каменоломней и отчасти скрыты подъ землей, вынутаю изъ каменоломни.

¹⁾ См. «Лѣтопись», 1899 г. ноябрь.

Методъ раскопокъ состоялъ въ томъ, что очищенное отъ верхняго слоя земли мѣсто жилища разбивалось на квадратные сажени и затѣмъ обслѣдовался каждый квадратъ. На этотъ разъ мы помѣщаемъ краткія свѣдѣнія о раскопкѣ 4-хъ площадокъ.

№ 1. Площадка расположена въ 1-мъ ряду, у дороги, ведущей изъ с. Колодистаго въ с. Гуляйполе. Правильности въ очертаніи формъ не установлено, площадь, занятая остатками жилища, занимаетъ около 15-ти кв. саж. Поверхность площадки не равномерна: въ одномъ мѣстѣ находился мусоръ, происходящій повидимому отъ обмазки стѣнъ или потолка, обвалившейся на полъ, состоитъ онъ изъ необожженной глины съ отпечатками дерева; въ другихъ мѣстахъ была обнажена лишь нижняя обмазка пола, также съ отпечатками жердей, а то и широкихъ плахъ; отпечатки шли въ направленіи, поперечномъ къ длинѣ площадки. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ полъ сохранился лучше, имѣлась на лицо верхняя обмазка пола, въ формѣ хорошо обожженныхъ плитокъ, расположенныхъ въ 2 ряда. Въ одномъ случаѣ было обнаружено также и два слоя нижней обмазки, и здѣсь толщина пола доходила до 12-ти см. Обжигъ пола иногда значительной интенсивности, такъ что глина превратилась въ кирпичный шлакъ. Среди деталей устройства пола нужно отмѣтить остатки двухъ глиняныхъ выступовъ (карнизовъ), шедшихъ поперекъ площадки на разстояніи $4\frac{1}{2}$ арш. другъ отъ друга (площадка имѣла приблизительно 3 саж. ширины и 6 длины); затѣмъ, воронкообразную яму, обложенную по краю кусками глины и открытую подъ верхнимъ поломъ (по мнѣнію г. Доманицкаго яма эта представляетъ изъ себя печь), и наконецъ, кругъ, діам. 1 метръ, состоявшій изъ пяти слоевъ пережженной глины и земли. Среди находокъ отдѣльныхъ предметовъ, встрѣченныхъ какъ на поверхности пола, такъ и подъ обмазкой, было много черепковъ посуды, нѣсколькихъ типовъ: 1) архаическаго, украшеннаго вдавленными орнаментами, 2) изъ сѣрой, хорошо обожженной глины и 3) расписной; найдены также части двойнаго сосуда. На площадкѣ и за краями ея найдено затѣмъ нѣсколько крупныхъ камней (гранитъ и песчаникъ) съ одной или двумя сглаженными сторонами. Изъ болѣе мелкихъ предметовъ можно отмѣтить нѣсколько отбивныхъ кремневыхъ ножиговъ и каменное шлифованное орудіе въ формѣ клина, 15

стм. длиной. Въ разныхъ мѣстахъ встрѣчались кости животныхъ, крупныхъ (лошади) и мелкихъ, и раковины *Unio pictorum*, въ одной изъ послѣднихъ замѣтны слѣды краски—охры.

№ 2. Раскопки площадки дали довольно интересные результаты. Расположена площадка въ 5-мъ ряду, занимаетъ приблизительно 6 кв. саж. Кострукція пола обычная—плитки и обмазка. Въ южной части (площадка направлениемъ съ сѣвера на югъ) обнаружена довольно глубокая воронкообразная яма, діам. отверстія въ 4 арш., и діаметромъ дна 1 ар. 6 вершк. Бока и дно состоятъ изъ нѣсколькихъ слоевъ пережженной глины и земли, толщиной до 40 стм. По краю дна шла обмазка въ видѣ карниза и желобка. Въ днѣ ямы, подъ слоями глины, находился слой золы, толщ. въ 45 стм., въ которомъ найденъ большихъ размѣровъ сосудъ, наполненный пережженными костями, въ томъ числѣ и человѣческими, отчасти окрашенными желтой охрой—окраска получилась быть можетъ оттого, что на днѣ сосуда находилась эта краска. Возлѣ большого сосуда найденъ еще небольшой расписной сосудикъ, также со слѣдами краски. Кромѣ этого, въ ямѣ найдено нѣсколько фрагментовъ глиняныхъ статуэтокъ. Статуэтки (почти всегда лишь части ихъ) встрѣчались и на поверхности площадки. И здѣсь найдены,—повидимому общія принадлежности площадокъ,—камни со сглаженными поверхностями, затѣмъ, сосуды и черепки, кости животныхъ (вола) и человѣка и части кремневыхъ отбивныхъ орудій.

№ 3. Площадка расположена въ 20—30 саж. отъ ручья Колодисгаго. Сверху слой наносной земли достигалъ 1 $\frac{1}{2}$ арш., на $\frac{1}{2}$ арш. подъ сооружениемъ показалась вода. Ислѣдована только часть площадки, т. к. остальная занята садомъ. Сверху лежалъ мусоръ изъ скипѣвшагося шлага, подъ нимъ полъ и обмазка; характерную особенность послѣдней въ данномъ случаѣ представляетъ то обстоятельство, что съ внутренней стороны обмазка имѣла отпечатки тростника. Отмѣтимъ особенность устройства этой площадки: въ одномъ мѣстѣ, на полу, кромѣ части карниза, обнаруженъ кругъ въ 1 $\frac{1}{2}$ арш. діаметромъ, такого же состава, какъ и полъ, но съ правильно закругленными боками. Находки отдѣльныхъ предметовъ были тѣ же, что и на двухъ предыдущихъ площадкахъ: черепки и сосуды, части статуэтокъ, камни, кости; найденъ также небольшой камень съ отшлифован-

нымъ концомъ, служившій, быть можетъ, для растиранія зеренъ, и куча грузиль въ формѣ плоскихъ кружковъ съ отверстіями посрединѣ.

№ 4. Поверхность площадки имѣла разнообразный характеръ: въ одномъ мѣстѣ на лицо была лишь нижняя обмазка пола, въ другихъ—плиточный полъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ обнаружены части карнизовъ, иногда закругленныхъ, затѣмъ два глиняныхъ круга и наконецъ яма, съ обмазкой на бокахъ и на днѣ, окружностью 4 саж. и окружностью дна въ 2 сажня. Глубина ямы въ среднемъ 1 арш. Въ ямѣ находился сосудецъ, грузила и части статуэтокъ. Сосуды, черепки, камни и статуэтки встрѣчались и въ другихъ частяхъ площадки.

Какъ на новые факты, добытые раскопками этихъ площадокъ и касающіеся конструкции послѣднихъ, можно указать на круги, устроенные на полахъ, и на ямы, признаваемые В. Н. Доманицкимъ за печи. Однако, окончательное установленіе этихъ фактовъ требуетъ еще новыхъ раскопокъ.

Директоромъ Артиллерійскаго Музея *Н. Е. Брандербуромъ* въ настоящее время производятся раскопки кургановъ на мѣстѣ обширнаго скифскаго могильника въ Роменскомъ у. Полтавской губ. въ имѣніи кн. Щербатова.

Музеи и собранія древностей.

Работы Полтавскаго земства по переоцѣнкѣ имуществъ представили случай земскому статистику *Н. К. Галимскому* доставить въ мѣстный *естественно-историческій музей* очень цѣнные предметы чумацкаго и козачьяго обиходовъ. Къ предметамъ чумацкаго обихода относятся: обширнѣйшій чумацкій возъ, который поражаетъ своей массивностью и указываетъ, что для передвиженія его нуженъ былъ болѣе рослый и здоровый скотъ, чѣмъ въ настоящее время; рубаха съ оригинальными узорами; бабка для отбиванія косъ; деревянная ножка съ кольцомъ, которая прикрѣплялась, вѣроятно, къ очкуру посредствомъ ремешка и пряталась за голенищу; люлька съ жигаломъ; деревянная чашка

съ салотовкой, выдѣланная въ тѣхъ видахъ, чтобы, не двигаясь съ мѣста, можно было, „мять кашу“ и, одновременно, „товкты“ сало; нагайка для „жартивъ“, которая вручается жениху при свадебныхъ обрядностяхъ; сиракъ съ „видлогою“; женская узорчатая рубаха; коллекція плахтъ, совершенно не такихъ яркихъ цвѣтовъ, какъ объ этомъ привыкли думать; передникъ для плахты; серги (гадючки) оригинальной формы, дубачи; коллекція очипковъ, — болѣе старая форма, остроконечная, замѣнена овальной подь вліяніемъ городской моды; пара запасокъ, намитка, головная стричка; красные сафьяновые черевички.

Изъ предметовъ козачьяго обихода: козацкій жупанъ съ галлыками; козачье сѣдло; козачья сабля съ обыкновенной, не защищающей кисть рукоятью; кожаный козацкій поясъ съ серебряными украшеніями и патронгашемъ; гигантскій козацкій поясъ въ нѣсколько сажень длины, многократно обворачивавшійся вокругъ талии.

Вещи интересны также и какъ показатель, насколько развитъ художественный вкусъ населенія. Между прочимъ имѣется кофта съ пелериной, какія прежде носили старухи-козачки, ничѣмъ не отличающаяся отъ модной современной кофты губернской барыни. Вещи еще не систематизированы, но и въ такомъ видѣ заставляютъ зрителя перенестись мысленно во времена сравнительно давнія.

Экспедиціи земскихъ статистиковъ въ уѣзды дали возможность возбудить интересъ у деревенскихъ обывателей къ дѣяніямъ и задачамъ естественно-историческаго музея, и, нужно надѣяться, дѣло собранія археологическаго и этнографическаго матеріала можетъ стать на болѣе прочную почву. „Полт. Губ. Вѣд.“

Въ г. Николаевѣ, у А. Ф. Фогеля, имѣется прекрасная коллекція предметовъ, происходящихъ изъ древне-греческихъ черноморскихъ колоній (главн. обр. изъ Ольвіи) и собираемыхъ владѣльцемъ уже около 10-ти лѣтъ. Особенно замѣчательнъ отдѣлъ вазъ: здѣсь имѣется великолѣпная панафинейская чернофигурная амфора, чернофигурные и краснофигурные аттическіе сосуды, „мегарскіе кубки“, сосуды римскаго періода, сосуды въ формѣ людей и звѣрей, терракотовыя фігурки и т. п. Богатъ также

отдѣль стекла—есть стеклянные сосуды, замѣчательные по красотѣ и изяществу. Кромѣ этого, коллекція заключаетъ въ себѣ также издѣлія изъ бронзы и слоновой кости.

Въ г. Очаковѣ, протоіереемъ Н. Левицкимъ собрана небольшая коллекція классическихъ древностей изъ покупокъ въ с. Парутинѣ (Ольвія) и изъ раскопокъ на о. Березани. Интересны въ коллекціи сосуды, между которыми есть и милетскіе.

По ходатайству Херсонской Ученой Архивной Комиссіи, Имп. Археологическая Комиссія разрѣшила передавать въ *Херсонскій Археологическій Музей* дублеты предметовъ изъ Керченскаго Музея и изъ раскопокъ въ Херсонесѣ.



Можетъ быть, что было два полковника Гловацкихъ, Петръ и Степанъ, при чемъ послѣдній долженъ былъ быть полковникомъ уже не *королевскаго*, а того Иченскаго полка, который по извѣстію Самовидца, (изд. 1847 г., 14), въ числѣ прочихъ полковъ, въ 1649 г. „притягнулъ до Хмелницкаго“.

Засимъ, объ Ичнѣ имѣемъ лишь свѣдѣніе, что въ 1656 г. здѣсь уже былъ „мѣскій урядъ“, состоявшій изъ представителей какъ „товариства“, такъ и „поспольштва“. Составъ его виденъ изъ одной купчей, которая начинается такъ: „Р. 1656, мѣс. августа 7 дня. Передъ нами, Иваномъ Третьякомъ, атаманомъ городовимъ, и Василемъ Герасимовичемъ, войтомъ, Остапомъ Карасѣемъ, Якимомъ Шептухою, бурмистрами Ичанскими. На врьдѣ ставши, передъ нами, Климъ Грищенко, созналъ намъ, ижъ продалъ п. Семену Ярмаченку, крамару, сѣножать“ и т. д.

Кр. II. 244 д. А. 255 д. (12 „зимовчик.“) В. 215 д. В. 391 д. Пс. 51 д. Г. 168 д. 182 х. Пс. 11 д. 12 х. и 24 бд. х. Д. 332 д. 445 х. Пс. 132 д. 239 х. Кз. В. 111 д. Г. 218 д. 231 х. Пс. 128 д. 138 х. Д. 275 д. 412 х. Пс. 11 д. 15 х.

Между прочимъ, изъ ревизіи 1740 г. видно, что за 4 года (1736—740) изъ Ични ушло крестьянъ—97 хоз. Затѣмъ, въ судьбѣ Иченскихъ крестьянъ произошли такія событія: часть ихъ (20 дворовъ) въ 1748 г. отдана была кн. Николаю Саакадзеву и двумъ *малолѣтнимъ* его сыновьямъ, Егору и Ивану ¹⁾. Но еще болѣе важнымъ событіемъ была отдача Разумовскимъ, въ 1752 г., всего Иченскаго посполитаго населенія, въ „вѣчное владѣніе“, Прилуцкому полковнику Григ. Галагану, взаменъ Веремѣвки (с. 51).

При отдачѣ крестьянъ Галагану, имъ произведена была опись, при чемъ крестьянъ „безцеховыхъ“—оказалось 132 дв.,

¹⁾ Кн. Николай Саакадзе въ былъ отцомъ Алексѣя, получившаго крестьянъ въ Монастырищѣ. Отецъ, съ малолѣтними братьями Алексѣя, прибылъ изъ Грузіи позже старшаго сына. Впослѣдствіи, крестьяне отца и братьевъ перешли къ Алексѣю, какъ видно изъ вѣдом. 1780 г.

155 х. и 27 бд. хать, а цеховыхъ, особо, 73 дв. 74 х. и 3 бд. х., всего, значить, 205 дв. 229 х. и 30 бд. х. Изъ свѣдѣній объ имущественномъ состояніи крестьянъ первой категоріи, видно, что у 61-го изъ нихъ не было ни скота, ни земли, а у остальныхъ было: скота—по одному и по два вола, а земли большею частью, по 3 „дня“, при чемъ у очень многихъ были и „лѣски“, указывающіе, что еще и въ пол. XVIII в. Ичня окружена была лѣсами. Домохозяевъ, у которыхъ были винокурни и торговныя лавки („на ринку“), было не болѣе трехъ ¹⁾.

Изъ числа „цеховыхъ“, т. е. ремесленниковъ, нѣкоторые имѣли по нѣскольکو „дней“, земли, но у большинства—ни земли, ни скота не было; и такихъ, которые ничего не имѣли, а „бавились зъ ремества“ только, было—болѣе половины (43 изъ 76). Ремесла были: шевское, кравецкое, плотницкое (теслы), гончарское, ткацкое, ковальское. Больше всего было сапожниковъ. Въ той же вѣдомости описаны и „пустыя плецы“ (усадыбы), которыхъ оказалось 137, при чемъ землю, принадлежавшую къ этимъ запустѣвшимъ „плецамъ“, иногда продолжали пользоваться прежніе хозяева ²⁾; впрочемъ, ихъ было немного, такъ какъ такихъ пустыхъ плецовъ, хозяева которыхъ ихъ бросили совсѣмъ, было—110.

Приведенныя свѣдѣнія указываютъ, что и такіе выгодные въ промышленномъ отношеніи центры, какимъ несомнѣнно была Ичня, не давали возможности населенію богатѣть...

¹⁾ Но были и такіе дворы, какъ, напр., Ступы—симѣть пашенной земли дній 4, да на томъ же дворѣ винница козака Скибы, въ которой и робятся (вино), якобы по куплѣ того двора (Скибою у Ступы, значить...)

²⁾ „Пустой плецъ Уласа Дорошенка. Плецемъ, подъ огородомъ, и пашеною землею, двома днями, сынъ его Василь, жіючи въ подсосѣдкахъ у зн. тов. Рудавского, владѣть“.—„Пуст. плецъ Гавриля Божка. Плецемъ пустымъ и къ оному принадлежащимъ полемъ, 4-мя днями, живучи онъ, Божко, въ подсосѣдкахъ, у б. тов. Григ. Стороженька, владѣть“.—„Андрей Мисикъ. Плецемъ своимъ дворовимъ, подъ огородомъ, лѣсомъ частью, живучи изъ козака Писаренка въ подсосѣдкахъ, владѣть“. Видно, что хозяева иногда бросали свои дворы изъ за того, чтобы „уклониться отъ общенародныхъ повинностей“.

По описанію Пашенка, Ичня въ 1780 г. представляется въ слѣд. видѣ. „Положеніе имѣеть на ровномъ мѣстѣ, по обѣимъ сторонамъ рч. Ични, на которой плотинъ 5, мельничныхъ амбаровъ 6, о 6-ти колахъ, при столбовыхъ дорогахъ: изъ Стародуба въ Прилуку и изъ Ромна въ Кіевъ.—Церквей деревянныхъ—6, сотенное правленіе, лавокъ торговыхъ—73, въ которомъ числѣ рыбныя, соляныя, мясныя, гончарскія и съ краснымъ товаромъ. Затѣмъ, перечислены дома старшины и чиновниковъ, въ числѣ которыхъ названы: кол. ас. Галаганъ, подполк. Ив. Новицкій, сек.-майоръ Дан. Ключаревскій, сек. майоръ Вас. Рудавскій, в. тов. Ефимъ Ярошевскій, возный Кир. Довбня, отст. вахмистръ Данило Буличъ, сотникъ Демянъ Лисянскій и т. д. Козаковъ: выборныхъ—55 д. 123 х. и подпом.—220 д. 289 х. Посполитыхъ: к. ас. Ив. Галагана—332 д. 445 х., полковн. Андр. Закревскаго—4 д. 8 х., сек.-м. кн. Алексѣя Саакадзева—7 д. 13 х., разн. чиновъ, церковн. и священ. подсосѣдк.—121 д. 218 х., козач. подсос.—11 д. 15 х. Въ тамошнихъ чиновниковъ, разночинц., священниковъ, козаковъ и посполитыхъ—винокур. котловъ 123.—Въ числѣ козак. и поспол., ремеслен. людей до 78, которые раздѣлены по цехамъ; съ нихъ—портные, кузнецы, ткачи, бондари и гончары работы свои производятъ на обывателей только тамошнихъ, а сапожники выработываемый товаръ отвозятъ на ярмонки въ Кременчугъ, Прилуку, Пирятинъ и м—ръ Густинскій. Викуриваемое здѣшними жителями вино, кромѣ продажи въ семь м—кѣ, отвозятъ въ Прилуку, м—ръ Густинскій и с. Деймановку. Большая часть обывателей упражняются въ хлѣбопашествѣ; нѣкоторые ходятъ въ Еримъ по соль и въ Черкаскъ по рыбу. Торги бывають по два раза въ недѣлю, а ярмонки въ годъ по 3 раза; прѣзжають купцы зъ Нѣжина, Прилуки, Борзны и Ковотопа, зъ шолковыми и суконными товарами и друг. разн. вещми. Въ здѣшнихъ лавкахъ продается: сахаръ, платки шолковые и бумажныя, холстъ, крашанина, штаметъ, полуритинъ, крымская выбойка и др.“

Х. Романовщина—тѣмъ же Пащ—мъ—описанъ такъ: „сотника Ичанскаго Ивана и войск. тов. Петра Романовичовъ, отъ м. Ични въ 2-хъ верст., при рч. Ичнѣ, на котор. мельница о

2-хъ кол. Въ немъ сотника Романовича домъ жил., дерев., о 4—хъ пов., а другой Петра Р—ча, о 3-хъ пов. Подсосѣдк. Ив. Р—ча—10 дв. 10 х. и П. Р—ча—5 д. 9 х.

Въ числѣ многихъ хуторовъ, окружавшихъ Ичню, показанъ и „х—ръ въ лѣсѣ Нежеровѣ, козаковъ Ичанскихъ Дзюбѣ, отъ Ичнѣ въ 7-ми верст., при рч. Нежеровѣ, на котор. мельница вешная. Въ х—рѣ 1 дв. 5 х.“ (См. с. 164, прим. 4).

С. Вуромка, рч. Буромка.¹⁾ Въ 1659 г., Прилуцк. полковн. Терещенко просилъ царя Алексѣя Михайловича отдать Буромку съ Шиловичами—извѣстному Иченскому протопопу Адамовичу, при чемъ добавлялъ, что села эти „нынечи разорены и огнемъ сожжены отъ безбожныхъ агарянъ.“²⁾ Просьба эта не была уважена. Б., вмѣстѣ съ Ш—ми, отдачи были генер. судьѣ Мих. Вуяхевичу, Мазепою, вслѣдъ за его поставленіемъ въ гетманы, такъ какъ подтвердительная царская грамота на эти села выдана была В—чу, въ 1689 г., въ Москвѣ, во время первой поѣздки туда Мазепы.³⁾ Вуяхевичъ, какъ извѣстно, избранъ былъ затѣмъ (1690 г.) архимандритомъ Печерской лавры, съ именемъ Милетія, при чемъ Б—ка и Ш—чи у него отобраны не были, а В—чъ ихъ, тогда же, отдалъ лаврѣ.⁴⁾

¹⁾ Такъ, этотъ незначительный притокъ верхняго Удая, названъ у Пащенко.

²⁾ Памятники, изд. Кіевск. Ком., изд. 2-е, III, 393.

³⁾ См. у Костомарова, «Мазепа», стр. 41. Собственные имена здѣсь переименованы и искажены (какъ это часто видимъ у Костомарова) до неузнаваемости; такъ и относительно В—ча сказано, что за нимъ утверждены два села въ «Полтавскомъ повѣтѣ», но слѣдуетъ читать — въ Прилуцкомъ, какъ и въ слѣд. строкѣ вм. Любецкомъ, слѣдуетъ читать—Лохвицкомъ...

⁴⁾ Опис. К. Лавры, м. Евгенія, изд. 1831 г., стр. 148. У Костомарова („Мазепа“) мотивъ Вуяхевичеваго постриженія указалъ тотъ, что „безсемеинный и безродный онъ, В—чъ, чувствуя уже подходящую старость, счелъ за лучшее искать пристанища въ стѣнахъ св. обители...“ Едва ли это было такъ. Вѣрнѣе, что В—ча манила не сама обитель, а заранѣе условленное въ ней первенствующее положеніе; для лавры же Б.—былъ желателенъ, повидимому, какъ владѣлецъ *четырехъ селъ*, которыя онъ отдавалъ ей при этомъ. Митр. Евгеній говоритъ, впрочемъ, что В—чъ въ это время былъ очень старъ, но лаврою

Кр. А. 100 д. В. 70 д. В. 84 д. Г. 34 д. 40 х. Пс. 1 х.
Д. 52 д. 79 х. Пс. 4 д. 10 х. Кз. В. 25. д. Г. 22 д. 24 х.
Пс. 2 д. 2 х. Д. 31 д. 81 х. Церк. св. Параскевіи. Свящ.

Семень Зборовскій. Какъ видно, крест. населеніе уменьшилось за 77 л. на половину. Изъ ревизіи 1740 г. видно, что за четыре года (736—740) изъ Б. ушло 21 хоз. Не дали возможности монахи появиться здѣсь и подсосѣдамъ, кромѣ 2-хъ дв. „вдовы Милорадовичевой“, какъ означено въ опис. Пащенка.

С. Шиловичи, таже рч., что и въ Буромкѣ и та же исторія села, что у Буромки. Кр. А. 26 д. В 14 д. В. 14 д. Г. 6. д.
6 х. Д. 9 д. 11 х. Пс. 4 д. 5 х. Кз. 24 д. Г. 14 д. 20 х. Пс.

онъ правилъ болѣе шести лѣтъ († 1697). В—чъ былъ, повидимому, правобережный шляхтичъ, судя по его женѣ, о которой имѣется слѣдствіе въ актѣ 1686 г.—„Я, Жданъ Талрина.. вѣдомо чиню, ижъ што в небытности его мл. п. Мих. Вуяхевича, судиѣ Войска ихъ ц. пр. велич. Зап. енер., за приѣздомъ въ Кіевъ, зъ лядской стороны, нѣякогось Страшкевича, съ женою его Мариею Скоковщанкою, первого малженства Жукинского, набылъ былъ, къ своему двору, на килка сажней, чрезъ увесь садъ, плецъ Жукинскій; теды, за прибытемъ его ина Вуяхевича з малженкою его, Екатериною Жукинщанкою, дѣдичкою того пляцу... На замѣну того Жукинского его пляцу, купилемъ церковный пляцъ Тетерковскій на церковь свтого пррка Іии, за отпущеніе грѣховъ...» 1686 г., іюля 27. (*Сз подлинника, въ наш. б—кѣ*). Отсюда видно, что женою В—ча была Жукинщанка, а у жены Страшкевича первымъ мужемъ былъ Жукинскій; обѣ онѣ простирали свои права на этотъ пляцъ, причеиъ «дѣдичкою» его называла себя жена В—ча, будучи, значитъ, дочерью одного изъ Жукинскихъ. А Остерское село Жукинъ принадлежало В—чу, такъ какъ онъ его отдалъ лаврѣ вмѣстѣ съ Буромкою (Оп. К. Л., 148). Слѣдуетъ заключить, поэтому, что В—чъ былъ женатъ на дочери одного изъ Жукинскихъ, которымъ принадлежало село Жукинъ. (Жг. Dziejowe, XX, II, 192, 354, и «Остерск. уѣздъ», 93). Затѣмъ, относительно *безсемеиности* В—ча можно замѣтить, что изъ дѣла о дворянствѣ священниковъ с. Кривоносовки (Н.-Сѣверск. у.) Вуяхевичей (арх. Черниг. двор. собр.), видно, что они свой родъ ведутъ по прямой линіи отъ Мих. В—ча. О послѣднемъ можно еще сказать, что въ молодости онъ былъ писаремъ у Самка, когда послѣдній въ 1662 г. назывался наказн. гетманомъ. (Акты Ю.-З.-Россіи, VП, 354 и друг.).

3 д. 3 х. Д. 22 д. 48 х. И здѣсь видимъ тоже уменьшеніе крест. населенія. Подсосѣдки принадлежатъ „подкоморію“ Григорію Закревскому, значитъ, тоже человѣку важному. Церк. св. Параскевіи. Свщ. Захарій Лѣсницкій.

С. Томашевка, лѣв. б. Удая, — противъ Дорогинки, — вѣроятно, выселокъ изъ послѣдней. По универсалу Скоропадскаго 1709 г., Т. отдана Андрею Стороженку, въ то время Иченскому сотнику; затѣмъ перешла къ сыновьямъ его, Григорію и Ивану, а въ 1780 г. принадлежала сыновьямъ послѣдняго, майору Михайлу и б. тов. Данилу Стороженкамъ Кр. А. 18 д. В. 12 д. В. 30 д. Г. 9 д. 10 х. Пс. (Миниха) 7 д. 7 х. Д. 27 д. 29 х., „разныхъ владѣній“. Кз. нѣтъ. Црк. Вознесенія Христова.

С. Лучковка, Иченка, поселена Андреемъ Стороженкомъ, который купивъ здѣсь, въ 1706 г., у козака Лучка, участокъ земли, за 200 золот., сталъ селить на немъ слободу.¹⁾ Кр. В. 18 д. Г. 10 д. 10 х. Д. Пс. 10 д. 10 х. Кз. Д. 3 д. 5 х. Црк. св. Михаила. Свщ. Петръ Лемницкій.

С. Гмирянка, рч. Городянка, по универсалу Скоропадскаго, въ 1712 г., отдана гр. Борису Шереметеву, который получивъ отъ гетмана два села, просилъ дать ему еще и богатое мѣстечко Баклань... Скоропадскій рѣзко отвергнулъ эту просьбу, вѣроятно, объяснивъ, что Баклань составляетъ цѣлый ключъ, съ нѣсколькими селами и деревнями. Но, тѣмъ не менѣе, не желая раздражать сильнаго „птенца“, прибавилъ ему, къ двумъ селамъ, еще и третье—Гмирянку. Послѣ этого Шереметевъ писалъ Скоропадскому: „вашей ясн—ти писаніе, отнущенное изъ Глухова отъ 14 с. мѣс. (ноября 1712 г.), съ должнымъ респектомъ воспріялъ, изъ котораго выразумѣвъ, что в. ясн—ть моею добукою не токмо скучилъ, во и *до инѣу* привелъ, и въ томъ вышнимъ Богомъ себя свидѣтельствую, что я великую отъ того в. письма скорбь получилъ и не токмо-бъ Баклани, но изъ трехъ такихъ мѣстечекъ в. ясн. не хотѣлъ на гнѣвъ подвигнуть... Что жъ по своей милости, изъ любви, жалуешь село

¹⁾ Изъ Румянц. описи.

Гмирянку... еще-жь буде возможно (и не въ малую противность) который къ тому былъ хуторъ, дабы не раздѣлять. А ежели, хотя мало противно будетъ, и о томъ не скучаю, довольствуясь тѣмъ третьимъ селомъ Гмирянскимъ, на которое изволите в. ясн. приказать дать свой полномочный универсалъ " 1)... О какомъ хуторѣ говорить здѣсь Шереметевъ—не извѣстно. Бр. А. 141 д. В. ? В. 169 д. Пс. 5 д. Г. 110 д. 122 х. Пс. 1 д. 1 х. Д. 152 д. 185 х. Пс. 3 д. 8 х. Кз. В. 46 д. Г. 48 д. 58 х. Пс. 2 д. 2 х. Д. 116 д. 20 х. Црк. Покрова Б—цы. Свящ. Андрей Куросскій. Въ 40-хъ годахъ, Г—ка, отъ Шереметевыхъ, перешла къ Сгрѣшенцамъ, Кириллу и Макару.

С. Гужовка, рч. Гужовка 2), въ полов. XVII в. была на столько многолюдна, что, въ 1649 г., значилась центромъ особой сотни 3). Значится Г—ка и въ переписныхъ книгахъ 1666 г., такъ какъ указываемое здѣсь (стр. 33), вслѣдъ за с. Ржавцемъ, с. **Жюковка**—никакимъ другимъ селомъ, какъ только Гужовкою, быть не можетъ, и названа Жужовкою, великорусскими писцами ошибочно, по сходству звуковъ 4)... Г—ка принадлежала къ числу ратушныхъ сель и оставалась свободною до 1732 г., когда была отдана на рангъ ген. ес. Мануйловичу. Приэтомъ, въ вѣд. 1740 г., замѣчено: „въ Г—кѣ посполитыхъ и ихъ подусѣдк. живущихъ двор. было, когда во владѣніе надано—57, а нынѣ, на лицѣ состоитъ, живущ. двор. 24. Зъ оногo, съ самихъ посполит., окладу собирается въ годъ денегъ 12 рубл.“. Затѣмъ Г. находилась въ такомъ же ранговомъ владѣніи г. ес. Жоравки. Бр. А. 73 д. В. 23 д. В. 40 д. Пс. 21 д. Г. 29 д. 29 х. Д. 34 д. 47 х. Пс. 18 д. 31 х. Кз. В. 40 д. Г. 46 д. 47 х. Пс. 14 д. 17 х. Д. 93 д. 167 х. Црк. Преображенія Г—ня. Свщ.

1) Матер. для Отеч. Истор., II, 365.

2) Такъ названа эта рѣчка у Пашенка; повидимому, это былъ незначительный притокъ Удая.

3) Въ «Реестрахъ» 1649 г., на стр. 319, она по ошибкѣ названа Гуровскою вм. Гужовскою.

4) Случая прозвища жителей «Жюковки» 1666 г. съ прозвищами жителей Гужовки 1713—729 гг., мы встрѣчаемъ въ первой—*Новаковъ*, а въ послѣдней *Новаченка*, въ «Жюковѣ» — «Шутои», а въ Гужовкѣ Шута...

Иванъ Стефановъ. Показанные по ревизіи 1740 г. (Г.) под-
сосѣдки всѣ состояли изъ „стельмаховъ“ (плотниковъ), изъ
которыхъ 7 д. было полковничьихъ (Галагана), 2 д.—сотника
Иченскаго и 12 д.—возацевихъ.

С. Ржавецъ, рч. Ржавецъ, отданъ Мазепою, въ 1690 г.,
Ив. Стороженку, который уже прежде скупалъ тутъ „грунта“,
будучи еще сотникомъ (с. 17). Въ 1693 г., по смерти Ив.
С—ка, Р. Мазепою былъ утвержденъ за его вдовою Марьей и
сыномъ Андреемъ; а по универсалу 1712 г., Р. былъ подтвер-
жденъ Андрею С—ку и сыну его Григорію. Кр. П. 18 д. А.
105 д. В. 73 д. В. 124 д. Г. 87 д. 95 х. Пс. 12 д. 2 х. Д.
137 д. 163 х. Пс. 16 д. 33 х. Ъз. В. 18 д. Г. 21 д. 21 х. Д.
31 д. 60 х. Црк. св. Троицы.¹⁾ Свщц. Левъ Полянскій и Иванъ
Кушакевичъ. Населеніе Ржавца, по описанію Пащенка: козак.—
31 д. 60 х. Крест.: б. тов. Мих. Стороженка—58 д. 70 х.,
сотника Григорія С—ка—40 д. 45 х. вдовы б. т. Данила
С—ка, Катерины—39 д. 48 х., всего крест. 137 д. 163 х.
Разночинческихъ подсос.—16 д. 33 х.

С. Парафіївка, верховье рч. Смоши, значитъ въ пе-
реписи 1666 г., съ 24-мя двор. „мѣщанъ“, т. е. крестьянъ; до
1700 г. принадлежала къ числу ратушныхъ сель, а 1 іюля
этого года, отдана, Мазепою, генер. есаулу Ломиковскому, у ко-
торого оставалась до его измѣны. Въ числѣ „измѣнническихъ“
сель, П. отдана Петромъ В., 27 февраля 1710 г., извѣстному
Саввѣ Рагузинскому, при чемъ она тогда же была описана такъ:
„Подданныхъ пашенныхъ—75 двор., лѣзныхъ—29 дв., а всего
104 дв.; а въ тѣхъ дворахъ поддан. муж. п.—293 чел., а женска
и дѣвичья полу—269, а всего 562 душъ. У нихъ коней—76,
воловъ 70, коровъ—96, овецъ—305, свиней—129. Съ нихъ
платы, съ 131 рабоч. съ коня и вола, по 3 алт. и по 2 денги,
въ годъ, итого 13 р. 3 а. 2 д. *Козаковъ* нашенныхъ—42 дв.,
бобылей козач. и ихъ сосѣд.—20 дв., а всего 62 дв.; изъ нихъ
въ войско ходитъ толко 8 челов., у нихъ статку: коней 93, во-

¹⁾ Объ иконѣ Ржавской Божьей Матери, очень чтимой въ южной
Малороссіи, см. Кіевск. Стар. 1900 г., іюль—авг., отд. 2, стр. 11.

ловъ 67, мѣлкаго скота 450¹⁾). Эти любопытныя свѣдѣнія относительно экономическаго быта селянъ нач. XVIII в.—указываютъ на нѣкоторое ихъ благосостояніе, которое затѣмъ подверглось такому упадку, какъ мы видѣли, напр., относительно Иченскихъ крестьянъ пол. XVIII в. (с. 225). Послѣ смерти Саввы Рагуз—го, имѣнія его, по завѣщанію, достались его племяннику, гр. Гаврилу Владиславичу, а послѣдній, умирая въ 1739 г., завѣщаль ихъ брату своему Мойсею Владиславичу. По спору—съ послѣднимъ—старшаго брата Ефима Владиславича, половина имѣній Рагузинскаго отсуждена была, въ 1742 г., ему²⁾; такимъ образомъ и Парафіевкою, въ пол. XVIII в., владѣли, пополамъ, Ефимъ и Моисей Владиславичи. Отъ нихъ П—ка перешла въ 1778 г. къ гр. П. А. Румянцову, вмѣстѣ съ другими имѣніями Рагузинскихъ³⁾. Кв. П. 24 д. А. ? В. ? В. 151 д. Г. 55 д. 69 х. 4)
Д. 148 д. 193 х. Кв. В. 17 д. Г. 22 д. 33 к. Д. 44 д. 102 х.
пс. 5 к. Церк. св. Николая. Свщц. Осипъ Григорьевъ и Александръ
Иванишъ. Значительное умаленіе крест. за 11 л. (1729—740),
произошло между прочимъ, и отъ ухода ихъ, за четыре года (1736—740), въ количествѣ 40 домов., изъ которыхъ ушло 4—„за Днѣпръ,“ 2—въ „Черкаске“ (на Донѣ), 2—въ с. Гмирянку, а остальные 32—„безвѣстно“.

Къ Парафіевкѣ, въ полов. XVIII в., принадлежали слѣдующіе хутора.

1. Западня, названный лишь по одному имени въ ревизіи 1740 г., принадлежалъ Владиславичамъ, въ 1780 г.—3 х.

2. Жабокрикровка, Владиславичей, по вѣд. 1753 г., 4 д. 5 х. 7 бд. х., а въ 1780 г.—24 д. 35 х.

¹⁾ Изъ переписныхъ книгъ—пожалованныхъ Рагузинскому имѣній, нынѣ хранящихся въ м. Топалѣ, Новозыбк. у., у кн. М. П. Долгоруковой.

²⁾ Записки Черниг. стат. ком., II, 84 и слѣд.

³⁾ Опис. Стар. Малороссіи, I, 404.

⁴⁾ По ревизіи 1740 г., указаны въ Парафіевкѣ два «владѣльческіе шанка», въ которыхъ тогда сидѣли: въ одномъ—«жидъ Аврамъ», въ другомъ—«жидъ Лейба».

3. Турженовка, Смошъ, Владиславичей, по вѣд. 1753 г.—17 д. 12 х. 2 бд. х., а въ 1780 г.—35 д. 35 х.

4. Петрушовка, Смошъ, Степана Стороженка, Яблун. сотника, по вѣд. 1753 г.—11 бд. х., а въ 1780 г.,—10 д. 10 х.

5. Каченовщина, Смошъ, майора Михайла Коченовскаго, по вѣд. 1753 г.,—1 д. 1 х. 4 бд. х. О поселеніи этого хутора въ Румянц. описи находились слѣд. свѣдѣнія. „Въ 7-ми верст. отъ Парафѣвки, при рч. Смошѣ, находился водяной „мельница, принадлежавшій одному изъ приказчиковъ Владиславичей Родіонову и Иваницкому козаку Прочаю, которые, затѣмъ, его продали, жившему въ м. Иваницѣ, Нѣжинскому греку Федору Болгарину. Послѣдній сталъ тутъ скупать поля и лѣса и основалъ хуторъ, который въ 1742 г. продалъ „двору ея и величества пѣвчому Федору Ивановичу“, за 890 рубл. Недалеко отъ мельницы Болгарина, на той же рч. Смошѣ, находился другой хуторъ, принадлежавшій также Нѣжинскому греку Фомѣ Мачемачу; по смерти М—ча, хуторъ перешелъ къ пяти его дочерямъ, которыя въ 1744 г. этотъ хуторъ продали тоже „Федору Ивановичу Коченовскому, дворянину и шляхтичу“, за 1690 р. Этотъ Коченовскій и былъ устройтеlemъ хутора, получившаго названіе поѣтому Качановки. Когда же Коченовскій былъ пожалованъ болѣе богатыми маестностями (см. с. 138), то Качановку онъ продалъ, въ 1749 г., брату своему секундъ-майору Михайлу Коченовскому, обязавъ его при этомъ—десятую часть помолы съ водяныхъ мельницъ отдавать: половину на Парафѣвскую церковь св. Николая, а другую—на „шпиталь нищимъ“. Отъ Коченовскаго Качановка перешла къ Румянцову¹⁾.

6. Власовщина, „при впаденіи рч. Парафѣвка въ рч. Смошъ, на оной рѣчкѣ плотина объ 1-мъ амбарѣ, 16 дв. 17 х.“ (Пашенко).

1) При Румянцовѣ, въ Качановѣ построенъ былъ большой каменный домъ и заведенъ садъ, положившій начало тому великолѣпному парку, которымъ славилась Качановка при Тарновскихъ, во владѣніи которыхъ она, послѣ Румянцова, находилась до 1897 г.

Красноколядинская сотня, въ к. XVII и нач. XVIII в., занимала оба берега верхняго Ромна и его притоковъ. На этомъ пространствѣ, въ 1649 г., мѣстилось четыре сотни: Краснянская, Крапивянская, Голенская и Корибутовская. („Реестра“, 316—320). Въ 1654 г. Крапивянской сотни уже не существовало; но три остальные значились, какъ это видно изъ списка мѣстечекъ Прилуцкаго полка, население которыхъ было приведено къ присягѣ, при подданствѣ Малороссіи. (Акты Ю. З. Р., X, 295). Къ 1672 г. перестала существовать сотня Голенская, а къ к. XVII в.—поселенія всѣхъ названныхъ четырехъ сотенъ—соединены были въ одну, Красноколядинскую. Въ такомъ составѣ послѣдняя существовала до 1738 г., когда изъ нея была выдѣлена восточная половина территоріи въ особую сотню, *Корибутовскую* или, вѣрнѣе, *Голенскую*. Обѣ сотни—Красноколядинская и Корибутовская—описываются раздѣльно, такъ какъ, по характеру административной дѣятельности ихъ сотниковъ, население этихъ сотенъ жило при условіяхъ неодинаковыхъ.

Красноколядинскіе сотники. Тишко Гавриленко, 1654. (Акты Ю. З. Р., X, 97). Иванъ Самойловичъ, 1665. Данило Печоній, 1672. Павелъ Загурскій, 1672. Тимофей Андреевко, 1681 ¹⁾. Тимофей Юрьевичъ, 1687. Корній Салогубъ, 1701—708. Леонтій Лащинскій, 1710—717. Маркъ Ангелиовскій, 1717—733. Петръ Семеновичъ Максимовичъ, 1738—761. Иванъ Павловичъ Минацкій, 1764—780.

Самойловичъ, будущій гетманъ, былъ уроженецъ Сквирскаго м. Ходоркова, сынъ тамошняго священника, переселившася въ Колядинъ. Тутъ будущій гетманъ получилъ мѣсто сотеннаго писаря: „а ижъ былъ (С—чъ) въ писмѣ козакорусскомъ доволенъ, разуменъ, уроди красной, добръ и ко всѣмъ людемъ склоненъ и прихиленъ, того ради вскорѣ, въ томъ же Кр. Колядинѣ, поставленъ писаромъ сотеннымъ, за Бруховецкаго гетманства, занеже и писивалъ красно“. Такъ рассказываетъ Величко (II, 305) о первоначальной карьерѣ будущаго гетмана.

¹⁾ Сынъ его, *Иванъ Тимошевскій* «постригся въ попы въ 1712 г.» и въ 1734 г. былъ протопопомъ Ичевскимъ.

По его же свѣдѣніямъ, живя въ Колядинѣ, С—чъ чѣмъ то заслужилъ покровительство генер. писаря (при Брюховецкомъ) Степана Гречанаго, „за причину“ котораго, сначала, поставленъ былъ сотникомъ въ Вепригѣ (Гадяцк. п.), а потомъ—переведенъ на тотъ же сотничій урядъ, въ Колядинѣ. Отсюда, по свидѣтельству Величка же, С—чъ, „за причину тогоже Гречанаго, поставленъ отъ Брюховецкаго наказнымъ полковникомъ Черниговскимъ“. Но прежде, чѣмъ С—чъ получилъ Черниговское полковничество, онъ былъ сначала полковникомъ охочекомоннымъ. Случилось это такъ. Во время еще его сотничества, С—чъ, „по указу государеву“, былъ наряженъ, съ отрядомъ козаковъ, въ какой то походъ къ Смоленску. Объ этомъ писалъ Брюховецкій царю, въ нач. 1665 г.—„а что, в. царское величество, указали было къ Смоленску, еще лѣтомъ, часть войска Запорожскаго послати и я сотника *Краснянскаго Ивана Самойленка* послалъ есмь, которой стоитъ въ Стародубщинѣ, указу ожидаючи, о которомъ и я покорно бью челомъ: куды имѣю того сотника, съ тою частью, войска обратити, къ себѣ ль или куды“? ¹⁾ А чрезъ нѣсколько дней послѣ этого, Брюховецкій доносить царю, что „снесеніе надъ непріателемъ подъ Кричевомъ и Гомелемъ, стало“ отъ полковниковъ Стародубскаго—*Остренина* и „*Запорожскаго коннаго—Ивана Самойловича*“. Отсюда слѣдуетъ заключить, что за эту самую побѣду, надъ поляками, С—чъ и поставленъ былъ охочекомоннымъ полковникомъ. Во всякомъ случаѣ, карьера С—ча была очень быстрая, благодаря, конечно, тому же Гречаному. Къ этимъ свѣдѣніямъ о С—чѣ, какъ сотникѣ, можно добавить, что живя въ Колядинѣ, онъ тамъ и женился, на дочери „Краснянскаго арендара“ *Ивана Богатаго*, Марьѣ, братья которой, *Захаръ* и *Константинъ*, впоследствии звались *Голубами* ²⁾.

¹⁾ Акты Ю. З. Россіи, V, 239, 244, 248.

²⁾ См. Киевск. Стар. 1885 г., май. Прозвище отца Голубовъ—Богатымъ видно изъ слѣд. акта.—Яско Воронченко, полковникъ Войска его царскаго величества Запорожскаго Прилуцкій. Ппане сотнику Краснянскій ис товариствомъ сотнѣ твоей и войте з месчанама. Пишу к вамъ о тое, же мнѣ жаловался славетный п. Иванъ Богатый, арендаръ

Загурскій, послѣ сотничества, въ 1687 г. былъ Колядинскимъ сотеннымъ атаманомъ.

Андреевко, послѣ сотничества, въ 1687 г. значился „сотеннымъ товарищемъ“.

Салогубъ лишился сотничества, повидимому, въ 1708 г., вслѣдствіе обвиненія въ томъ, что, когда козаки его сотни представили ему, въ декабрѣ 1708 г., двухъ пойманныхъ Кіевскихъ рейтаръ, то сотникъ ихъ „билъ и отослалъ къ измѣннику Мазепѣ“ 1)...

Лацинскій получилъ сотничій урядъ не позже 1710 г., отъ новопоставленнаго тогда полковника Носа, котораго онъ внуку „держалъ“, какъ говорили мѣстные старожилы 2). Лацинскій по происхожденію былъ, повидимому, Подлипенскій козакъ (первоначальное прозвище—Лаць), который, обучившись грамотѣ и пользуясь извѣстною ловкостью, женился на одной изъ пяти дочерей Гирявскаго державцы Радича (см. с. Гирявка), б. м.,

на тотъ часъ Краснянскій, же своевуле его лѣсъ пустошатъ такъ. Дештовъчане, яко и инѣшніе, который то лѣсъ его власний, куплений давно. Прето розказую вамъ, жебы ему жадноѣ врывди не було у томъ его лѣсѣ, а кого застане в дачы (sic), заплатитъ купъ пять на насъ, полковника, и Войско Запорозякое, и караня не уйдетъ, такъ козакъ, яко и мешчанинъ. Чого ти, сотнику, да й отамане и войте, перестерегать маєте, жебы насъ сварга не доходила в томъ, для чого ему даю сее мое писане, жебы и потомкумъ его служило. Писанъ в Прѣлуцѣ, дня 28 июня, 1656 року. Яско Воронченко, полковникъ Войска Запор. Прилуцкий рукою.» (Съ подлинника). Въ другомъ актѣ 1654 г., (см. ниже, ж. *Кр—К-нъ*, примѣч.), Иванъ Богатый называется просто Иваномъ Григорьевичемъ.

1) Матер. военно-учев. арх. главн. штаба, I, 637 и 651.

2) «Историческіе очерки селъ Конотопск. уѣзда», напечатанные въ Черниг. губ. вѣд. за 1886 и 1887 г.г. Эти *Очерки* представляютъ рядъ, большею частію, сырыхъ матеріаловъ для исторіи южно-конотопскихъ селъ. При дальнѣйшихъ ссылкахъ на эти матеріалы, мы будемъ указывать ихъ сокращенно—«Очерки», съ добавленіемъ названія села, подъ титуломъ котораго напечатано то или другое свѣдѣніе. Мы не имѣемъ у себя тѣхъ №№ Черниг. губ. вѣд., гдѣ были напечатаны „Очерки“, и пользуемся отдѣльнымъ оттискомъ. Въ настоящей ссылкѣ указывается—м. *Кр.-Колядинъ*.

потому, что мать этихъ дочерей была дочерью полковника Носа. Вѣроятно, по представствѣ того же Носа, Л—ій получилъ въ 1714 г. с. Поноры, „на урядъ“. Л—ій правилъ сотнею пока живъ былъ Носъ, а по смерти Носа, сотняне стали жаловаться на Л—аго, и гетманъ его смѣстилъ, какъ видно изъ слѣд. универсала 1717 г.: „вычитавши мы выведенную, (по занесенной отъ сотнянъ Кр.-колядинскихъ на сотника жалобѣ) инвизицію чрезъ п. Якова Лизогуба, бунч. наш. войск. генер., и хотячи, жеби далшій межи ими не чинился заводъ (споръ) и не уростала ненависть, повелѣваемъ ему, нынѣшнему Кр.-к-му сотниковѣ, урядъ тотъ зложити, а на мѣстце его ординуемъ отъ боку нашего, сотникомъ п. Марка Ангеліовского, которій у двору монаршого, при блаж. памяти царевнѣ Наталіи Алексеевнѣ, знайдовался, и разныхъ высокихъ особъ до насъ были инстанціи (ходатайства), жебисмо показали ему мѣстце и кондицію. Затимъ пишемъ, до его жъ п. бунч. енер., жеби одобравши короговъ отъ помянутого нынѣшн. сотника Кр.-коляд-го Леонтія Л—ого, вручилъ оную п. Ангеліовскому“. Изъ этого универсала ясно видно, что для Ангеліовскаго, (вѣроятно, бывшаго придворнаго пѣвчаго), нужно было очистить Кр.-к-ій сотничій урядъ, а потому Л—ій и былъ отставленъ. Отсутствие какой либо особой вины у Л—го видно изъ того, что, въ томъ же 1717 г., гетманъ утвердилъ за нимъ (и при томъ—несправедливо) „тестевское“ с. Гирявку. (См. это село).

Ангеліовскій правилъ сотнею болѣе 15-ти лѣтъ и нажилъ за это время значительное земельное богатство. Изъ оставленнаго имъ списка нажитыхъ разнаго рода грунтовъ, видно, что немало при этомъ сотникъ получилъ земель и въ видѣ подарковъ. Напр., Иванъ Зубъ, житель Кр.-к-ій, „ниву якъ бы на тыждень (т. е. 7 дней или $1\frac{3}{4}$ десят.), подъ Дмитровкою лежащую, зъ доброй своей волѣ (сотнику) подаровалъ“. Подарки эти сотникъ получалъ болѣею частью „по любви“ дарителей¹⁾... Дарилъ Ангеліовскіи даже игумень Круницкаго (Батуриискаго) м—ря, владѣнія котораго находились, между прочимъ,

¹⁾ „Очерки“, м. Кр.-Колядинъ.

и въ предѣлахъ Колядинской сотни ¹⁾. Всѣ пріобрѣтенныя Анг—мъ земли были утверждены за нимъ по универсалу Апостола, въ январѣ 1733 г. ²⁾. Послѣ Ангеліовскаго остались двѣ дочери, Наталья, жена в. тов. Вас. Купчинскаго, и Катерина, жена „штабъ-лѣкаря“ Саваст. Семенова; къ этимъ дочерямъ и перешли имѣнія Ангеліовскаго.

Максимовичъ былъ назначенъ сотникомъ въ 1738 г., а кто былъ до него, послѣ Ангеліовскаго,—неизвѣстно. М—чъ былъ сынъ Лубенскаго полк. судьи Семена М—ча, началъ службу въ генер. к—риі, при чемъ „канцелярійскія дѣла“ от—

1) Геромон. Феодосій Хомѣнскій, игум. Батур. м-ря Крупицк., зъ любви своей, подаровалъ имъ всю осѣдлость дворовую изъ ліохомъ (погребомъ) и пѣчь зеленую въ хатѣ стоячую, а всю околичную огорожу того двора, кромѣ самихъ толко хатъ и комори, изъ двору томъ стоячей, въ мѣстѣ на равку“... „Очеркъ“, м. Кр.—Колядинъ.

2) По универсалу Апостола 27 янв. 1733 г., были подтверждены Попоры, „до ласк. войсковой“, и затѣмъ: „разграничене б. бунч. евер. Як. Ливогубомъ съ присутствующ., 1719 г. юля 20 дня, между Рябускими и Грицьковскими селанами чиненное, на долину сѣнокосную, за дорожкой з села Рябухъ до Талалаевки идучю, недалеко противъ Близняцъ могилъ, въ вершину Лисогора, а Лисогоромъ до Княжого колодезя, найдуючюся, которую долину для вспоможенія тамошней ратуши и его п. Ангеловскаго нового господарства, оіе ровящники опредѣлили во владѣніе, да на яръ сѣнокосній, якій *во время роздѣлу степу, опредѣленъ людми(?)* умершему Кр.—К. сот. писару Корсуну, кимъ яромъ, по умертвіи оногo писара, владѣлъ б. Кр.—К. сотникъ Лацинскій, а по немъ уже и онъ, п. Анг., болше 10 л. владѣеть. Особенно же кучие объявлялъ на грунта: первую, на греблю въ яру Коренецкомъ, отъ С. Яценка уступленную, гдѣ теперъ онъ, п. Анг., котомъ своимъ устроилъ два млина вешники, з гаями и полемъ, з которыхъ при низшомъ млину, одъ села Коренецкаго, в хатокъ нѣсколко для досмотру гребелюкъ, на оной же своей землѣ, поселилъ“... Засимъ слѣдуетъ перечень разныхъ грунтовъ, большею частью, *уступленныхъ* Анг—му, которые были утверждены за нимъ по этому универсалу. Объ упомянутомъ здѣсь раздѣлѣ степи, виходившейся къ югу отъ Рябухъ, слѣдуетъ замѣтить, что раздѣлъ этотъ долженъ былъ происходить не позже 70-хъ годовъ ХVII в., такъ какъ „Иванъ Кравченко, Корсунецъ“, значится Краснѣвскимъ писаремъ на актѣ 1687 г.

правлялъ при А. И. Румянцовѣ, по „усмотрѣнію“ котораго и былъ назначенъ въ К—динь сотникомъ, имѣя отъ роду всего 21 годъ. 1) Будучи человѣкомъ пришлымъ, М—чу нужно было въ Колядинѣ наживаться, какъ наживался и Ангеліовскій. А какъ наживался М—чъ, видно хотя бы изъ слѣд. жалобы Кол—го козака Приходька, поданной Румянцову въ 1767 г.—„б. сотникъ Петро М—чъ построилъ около двора отца моего—свой домъ и потомъ, по сосѣдству, сталъ тѣснить насъ, по власти своей, будучи сотникомъ; первое, чинилъ намъ равныя вытиски и немилостивые бои и увѣчья, а потомъ, какъ той жилой нашъ дворъ, такъ и чрезъ улицу огородъ съ садомъ, лѣсъ и поля пахатного дней на сорокъ (10 дес.)—самоправно завладѣлъ и нынѣ владѣеть. И хотя умершій отецъ мой, а послѣ его, я съ братьями, имѣли съ М—чемъ искъ въ полк. судъ, но судъ, чиня ему, М—чу, поворовку, не закончилъ того дѣла и по нынѣшнее время“... 2) А зять Ангеліовскаго, Семеновъ, жаловался въ 1740 г., что М—чъ, зававъ его жену къ себѣ въ гости, хотѣлъ тутъ же, передъ своими окнами, наказывать арестованныхъ передъ тѣмъ ея „подданныхъ“,—въ поруганіе жены,—чтобы она на то смотрѣла; и жена моя видя то, съ великимъ ругательствомъ отъ него едва ушла“... За 20-тилѣтнее управленіе сотнею, М—чъ нажилъ болѣе 30-ти дворовъ, въ томъ числѣ въ одномъ Колядинѣ—26 дв.

Миницкій былъ сынъ Иваницкаго сотника Павла М—го, началъ службу въ ген. к—ріи, откуда и назначенъ сотникомъ въ 1764 г., имѣя отъ роду 29 лѣтъ. По вѣд. 1776 г., у него было семь сыновей, изъ которыхъ три, находились по малолѣтству, дома, а четыре—въ регулярной службѣ, два—въ компанейскомъ полку—корнетами, а два—въ молдавскомъ гусарскомъ—вахмистрами. Передъ реформой 1781 г., М-ій былъ переименованъ въ чинъ бунч. товарища, но оставался „при мѣстѣ“ сотника до упраздненія сотни. Изъ описанія Пашенка видно, что у Миницкаго было въ Рябухахъ—17 х. и въ Дмитровкѣ—5 х.

1) „Очерки“, м. Кр. Колядинъ.

2) Тамъ же.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ИЮНЬ

1901 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО. (1829—39 гг.)	317—343
II. П. А. КУЛИШЪ. Біографическій очеркъ. (<i>Продолженіе</i>). В. Шенрока.	344—382
III. СЕРЕДЪ ТЕМНОЙ НОЧЫ. Повість. (<i>Частина друга</i>). В. Гринченка.	383—449
IV. КЪ ИСТОРИИ ЧАСТНЫХЪ ПАНСІОНОВЪ ВЪ КІЕВ- СКОЙ ГУБ. ВЪ НАЧ. XIX СТ. В. Домавицькаго.	
V. ЗА КОЛІВЩИНЫ. В. Левицькаго.	460—492

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. Ал. Мёрдеръ; б) Приготовленія къ встрѣчѣ имп. Александра I въ Умані. Сообщ. В. Доманицкій; в) Записка Андрея Павловича Полетики объ его издержкахъ при веденіи тяжбаго дѣла о селѣ Аксютинцахъ, въ Глуховѣ и въ сенатѣ 1748—1767 гг.; г) Списокъ приданнаго, полученнаго дочерью Иванецкаго сотника Павла Миницкаго, Мелавьей, при выходѣ въ 1748 г. замужъ за вел. канц. Петра Стороженка; д) Французское письмо протоіерея Богаевского къ гр. П. А. Румянцову, 1765 г.; е) Матеріалы къ исторіи польскаго возстанія 1831 года. Сообщ. В. Доманицкій.	139—157
Текуція извѣстія	157—165
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Н. И. Теодоровичъ. Волинская духовная семинарія. В. Храевича; б) Собраніе Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднѣпровья, Вып. IV. В.; в) Я. В. Яроцкій. Изъ прошлаго Волини. Н. В.; г) Swiatowit. Rocznik poświęcony archeologii przedziejowej i badaniom pierwotnoj kultury polskiej i sławiańskiej. В.; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.	166—192
Археологическая лѣтопись.	193—209
III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. Ал. Лазаревскаго. Листы 16-й и 17-й	241—272

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXIII.

1901 г.

І Ю Н Ъ.



К І Е В Ъ.

Тино-литографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица, № 6.

1901.

Дозволено цензурою. Київ, 11 мая 1901 года.

При настоящемъ номерѣ разсылается подписчикамъ объявленіе Книгоиздательскаго Т—ва „Просвѣщеніе“, при чемъ редація „Кіевской Старины“ заявляетъ, что въ ней принимается подписка и заказы, на изложенныхъ въ объявленіи условіяхъ, на всѣ изданія Т—ва „Просвѣщеніе“.



СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 73-го:

апрѣль, май, іюнь, 1901 г.

Книга первая—апрѣль.

ОТДѢЛЪ I-я.

I. ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО. И. Лучицкаго.	1—25
II. СОРОКЪ ЛѢТЪ НАЗАДЪ. (Изъ воспоминаній мирового посредника перваго призыва). Н. Карачевскаго-Волка.	26—41
III. НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ И СООБРАЖЕНІЙ ПО ПОВОДУ ПИСЕМЪ МИТР. АРСЕНІЯ КЪ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВУ. Проф. А. Загоровскаго.	42—49
IV. НАША ДОЛЯ—БОЖА ВОЛЯ. (Окончаніе). Д. Яворницкаго	50—96
V. ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ВВЕДЕНІЮ ПОЛОЖЕНІЙ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. ВЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБ. (Къ 40-лѣтію со дня освобожденія крестьянъ). Ник. Василенка.	97—125
VI. П. А. КУЛИШЪ. Біографическій очеркъ. (Продолженіе). В. Шенрока.	126—152

ОТДѢЛЪ II-я.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Древнѣйшій списокъ (1820 г.) Наталки-Полтавки И. П. Котляревскаго. (Описаніе) И. Степенка. б) Булава гетмана Тетери; в) Два письма гетмана Мазены къ гадяцкому полковнику, писанныя во время зимовки въ Дубно, въ декабрѣ 1705 г.; г) Свѣдѣ-

II

віе объ остаткахъ семейнаго архива Полуботковъ; д) Отдача гетманомъ Разумовскимъ мѣстечекъ Носовки и Кобычжи своей матери Наталѣ Демьяновнѣ; е) Къ исторіи Гадяцкаго полка; ж) Жалоба конотопскаго сотеннаго уряда на священника Якова Костецкаго, за отказъ хоронити умершаго сотеннаго атамана Данила Торянскаго, 1754 г.; з) Стоимость похоронъ Прилуцкой обывательки въ 1726	1—20
Текуція извѣстія	20—32
П. БИБЛЮГРАФІЯ: а) Украинскія изданія 1900 года. В. Д.; б) Воспоминанія и стихотворенія Н. А. Шрамченка. Н. Ш—рова; в) Сочиненія графа П. И. Капниста. А. С.; г) Труды Подольскаго Епархіальнаго Историко-Статистическаго Комитета. Выпускъ IX. Приходы и церкви Подольской епархіи. В. Д.; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.	33—63
Археологическая лѣтопись	64—72
III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. Ал. Лазаревскаго. Листъ 14-й	209—224

Книга вторая—май.

ОТДѢЛЪ I.

I. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ ХУІІ СТ. (<i>Продолженіе</i>). Ор. Левицкаго	149—182
II. П. А. КУЛИШЪ, Біографическій очеркъ. (<i>Продолженіе</i>). В. Шенрока	183—213
III. КРЕСТЬЯНЕ И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА ВЪ ВОСТОЧНОЙ АВСТРИИ. (<i>Продолженіе</i>). И. Лучицкаго	214—226
IV. СЕРЕДЪ ТЕМНОЙ НОЧИ. Част. I. Повесть. В. Гринченка. 227—281	227—281
V. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЧЕРНИГОВСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. (1861—1863 гг.). (<i>Окончаніе</i>). А. Д.	282—300
VI. ЛЫХО. (Картынка зъ жыття голодныхъ). М. Старицкаго	301—316

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Максимовичъ подъ фирмою Кулиша; б) Неудачное вѣнчаніе монаха. Сообщ. В. До-	
--	--

III

<p>маницкій; в) Неизданныя стихотворенія П. П. Гулака-Артемовскаго; г) Народная пѣсня о Шевченкѣ; д) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. А. Мёрдеръ; е) Стоимость похоронъ барышевской обывательки въ 1756 году; ж) Для исторіи торговли въ Старой Малороссіи; з) Годовой доходъ переяславской ратуши и урядниковъ, въ нач. XVIII в.; и) Нѣсколько словъ къ фотографамъ-любителямъ. Н. Вѣляшевскаго; і) Письмо въ редакцію. Г. А. Кузьмина .</p>	<p>73—92 93—100</p>
<p>II. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Т. Г. Шевченко—пѣвецъ Украины въ Запорожья. Очеркъ В. П. Кранихфельда. В. Д.; б) Свящ. Василій Романовъ. Объ изученіи нашей церковной старины. Н. В.; в) 1. Лыхо зъ горилкою! (Правдыве оповидання.—Пьяныця) и 2. М. О. Островскій. (Вирне средство одъ пьянства и запоя). В. Д.; г) Галерея русскихъ писателей Текстъ редактировалъ И. Игнатьевъ. В. Д.; д) Записки Кіевскаго Общества Естествоиспытателей. Т. XVI; е) Обзоръ журналовъ текущаго года; ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ</p>	<p>101—126 127—137</p>
<p>III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Прилуцкіи полкъ. Ал. Лазаревскаго. Листъ 15-ый.</p>	<p>225—240</p>

Книга третья—іюнь.

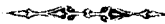
ОТДѢЛЪ I.

<p>I. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО. (1829—39 гг.)</p>	<p>317—343</p>
<p>II. П. А. КУЛИШЪ. Біографическій очеркъ. (<i>Продолженіе</i>). В. Шенрова.</p>	<p>344—382</p>
<p>III. СЕРЕДЪ ТЕМНОЙ НОЧЫ. Повесть. (<i>Чистына друга</i>). В. Гринченка.</p>	<p>383—449</p>
<p>IV. КЪ ИСТОРИИ ЧАСТНЫХЪ ПАНСІОНОВЪ ВЪ КІЕВСКОЙ ГУБ. ВЪ НАЧ. XIX СТ. В. Доманицкаго.</p>	<p>450—459</p>
<p>V. ЗА КОЛІВЩИНЫ. В. Левицькаго.</p>	<p>460—492</p>

ОТДѢЛЪ II.

<p>I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. Ал. Мёрдеръ; б) При-</p>
--

- готовленія къ встрѣчѣ имп. Александра I въ Умані. Сообщ. В. Доманицкій; в) Записка Андрея Павловича Полевика объ его издержкахъ при веденіи тяжёбнаго дѣла о селѣ Аксютинцахъ, въ Глуховѣ и въ сенатѣ 1748—1767 гг.; г) Списокъ приданнаго, полученнаго дочерью Иванецкаго сотника Павла Миницкаго, Меланьей, при выходѣ въ 1748 г. замужъ за вел. канц. Петра Стороженка; д) Французское письмо протоіерея Богаевского къ гр. П. А. Румянцову, 1765 г.; е) Матеріалы къ исторіи польскаго возстанія 1831 года. Сообщ. В. Доманицкій. 139—157
 Текущія извѣстія 157—165
- II. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Н. И. Теодоровичъ. Волынская духовная семинарія. В. Храчевича; б) Собраніе Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Придѣпровья, Вып. IV. В.; в) Я. В. Яроцкій. Изъ прошлаго Воляни. Н. В.; г) Swiatowit. Rocznik poświęcony archeologii przedziejowej i badaniom pierwotnoj kultury polskiej i sławiańskiej. В.; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. 166—192
 Археологическая лѣтопись. 193—209
- III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. Ал. Лазаревского. Листы 16-й и 17-й 241—272



ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

1829—1839 г.г.

Сборникъ извлеченій изъ переписки И. И. Срезневскаго, нынѣ появляющійся на страницахъ Кіевской Старины, долженъ обнять собою 1829—1839 годы. Въ эти годы дѣятельность И. И. Срезневскаго принадлежала почти исключительно Малороссіи и предметомъ своимъ по преимуществу имѣла наблюденія надъ жизнью народа, собраніе памятниковъ народной поэзіи. Интересъ къ такимъ наблюденіямъ видѣнъ въ самомъ старшемъ изъ сохранившихся писемъ И. И. Срезневскаго: „Напиши, какъ провелъ праздники, какъ встрѣтилъ новый годъ, какъ встрѣтили его ваши деревенскіе жители“, писалъ онъ въ 1827 году своему другу, имени котораго письмо не сообщаетъ; „я очень люблю слушать и читать что либо народное о простодушныхъ мужакахъ, о застѣнчивыхъ дивчинахъ, о старушкахъ рассказчицахъ, люблю слушать ихъ рассказы; въ ихъ быту ясно можно видѣть прежнее состояніе, духъ, нравы милыхъ сердцу моему Россіянь“. Въ этихъ словахъ пятнадцатилѣтняго студента уже сквозитъ обликъ будущаго этнографа; въ дальнѣйшихъ письмахъ какъ самого Измаила Ивановича, такъ и его корреспондентовъ всего періода 1829—1839 годовъ намеки перваго письма получаютъ все большее и большее развитіе: жи-

вая старина Украины, какъ обломокъ старой русской жизни, ея народная поэзія, ея природа, ея жители—воť тѣ предметы, вокругъ которыхъ вращаются интересы молодого харьковскаго ученаго. Путешествіе 1839—1842 г.г. по землямъ зарубежныхъ славянъ и близкое ознакомленіе съ славянскимъ міромъ во всей его совокупности расширили прежнія научныя увлеченія Срезневскаго: основой его занятій, и по любви, и по убѣжденію, вмѣсто одной Малороссіи, какъ части Россіи, съ тѣхъ поръ на долгое время стало все славянство, какъ одно цѣлое.

Считаю полезнымъ представить здѣсь краткій очеркъ жизни И. И. Срезневскаго за періодъ, обнимаемый настоящимъ сборникомъ: онъ даетъ возможность читателю легче оріентироваться въ рядѣ отдѣльныхъ переписокъ.

Измаиль Ивановичъ Срезневскій родился въ Ярославлѣ 1 іюня 1812 года. Отецъ его, профессоръ Ярославскаго Демидовскаго высшихъ наукъ училища, Иванъ Евсѣевичъ Срезневскій не задолго до рожденія дитяти долженъ былъ уѣхать изъ Ярославля въ Харьковъ, куда былъ назначенъ на мѣсто умершаго въ 1811 г. профессора російскаго краснорѣчія, Рижскаго. Двухмѣсячнымъ ребенкомъ былъ перевезенъ въ Харьковъ и Измаиль Ивановичъ. Съ 1819 года, когда умеръ Иванъ Евсѣевичъ, мальчикъ остался подъ исключительнымъ надзоромъ своей матери Елены Ивановны Срезневской. Въ университетъ Измаиль Ивановичъ вступилъ въ 1826 году; Е. И. Срезневская предполагала направить его по медицинскому факультету, но онъ не могъ одолѣть своего отвращенія къ трупному запаху и поступилъ на ѳизико-политическое отдѣленіе философскаго факультета. Нельзя, впрочемъ, признать этотъ шагъ вполне сознательнымъ; онъ вѣроятно былъ сдѣланъ по увлеченію и не безъ вліянія товарищей. Какъ человѣкъ даровитый и энергичный, Срезневскій сразу отдался университетскимъ занятіямъ и въ 1828 году уже мечталъ о каѳедрѣ, говорилъ, что служить по ученой части его давнее желаніе; онъ включилъ себя въ число тридцати кандидатовъ на посылку за границу для усовершенствованія и былъ утвержденъ попечителемъ съ пятыю дру-

гими товарищами. Въ то же время съ гораздо бѣльшимъ увлеченіемъ онъ предавался работамъ по народной поэзіи, начавъ съ четырнадцати лѣтъ собирать этнографическіе матеріалы.

Въ 1829 году, по представленіи диссертациі „Объ обидѣ“, онъ блистательно кончилъ курсъ университета и поступилъ на службу въ Дворянское депутатское собраніе, гдѣ оставался до 1832 года. Къ этому времени относится начало его литературной дѣятельности: онъ выступилъ передъ публикой въ товарищескомъ изданіи „Украинскій альманахъ“; здѣсь были напечатаны его стихотворенія, „Мысли и замѣчанія“ и первыя записки малорусскихъ думъ. Этнографическое направленіе занятій И. И. Срезневскаго, сказавшееся въ первомъ его изданіи, подтвердилось новой его работой, — „Словацкими пѣснями“ (1832), записанными со словъ заходившихъ въ Харьковъ Словаковъ-ходебщиковъ. Но особенное развитіе его труды по народной словесности получили въ 1832—1833 годахъ, когда онъ жилъ въ качествѣ домашняго учителя въ имѣніи Подольскихъ близъ Днѣпровскихъ нороговъ; здѣсь онъ предавался своимъ работамъ со всею страстностью, записывалъ пѣсни, преданья, знакомился съ бытомъ Запорожья по „живымъ памятникамъ минувшаго“ — старымъ козакамъ-бандуристамъ, которые тогда попадались еще кое-гдѣ въ Украинѣ. Результатомъ наблюденій и записей И. И. Срезневскаго, сообщеній его друзей и пособниковъ явилась въ 1833 году первая книга его „Запорожской Старины“.

Въ 1833 году И. И. Срезневскій вновь зачислился на службу сначала въ Харьковскій Совѣстный судъ, затѣмъ, въ 1834 г. въ Депутатское дворянское собраніе, гдѣ онъ занялъ мѣсто бібліотекаря харьковской публичной бібліотеки. Плодомъ бібліотечныхъ занятій И. И. Срезневскаго былъ изданный имъ „Систематическій указатель книгъ и рукописей, находящихся въ харьковской публичной бібліотекѣ, № 1“ (1834, безъ фамиліи составителя). Во все время службы въ Депутатскомъ собраніи и въ Совѣстномъ судѣ Измаиль Ивановичъ занимался преподаваніемъ русскаго языка и словесности, исторіи и географіи въ частныхъ училищахъ и семействахъ. Не прерывая и юриди-

ческихъ занятій, онъ приготовлялся мало-по-малу къ магистерству и въ сентябрѣ 1835 года сдалъ экзаменъ на степень магистра по политической исторіи, статистикѣ и политической экономіи. Диссертация на назначенную факультетомъ тему „О сущности и содержаніи теоріи въ политическихъ наукахъ“ была представлена въ факультетъ въ началѣ 1836 года и въ апрѣлѣ 1837 г. одобрена къ защитѣ. Защита состоялась 16-го іюля 1837 г.; утвержденіе въ званіи магистра со стороны министра послѣдовало 27-го августа того-же года, и 9-го сентября И. И. Срезневскій былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ харьковскаго университета по кафедрѣ политической экономіи и статистики. Печатные труды И. И. Срезневскаго за 1834—1837 годы касались главнымъ образомъ исторіи Малороссіи и народной малорусской словесности. Это были, во первыхъ, книжки „Запорожской Старины“, далѣе „Отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріи Сковородѣ“ (1834), „Взглядъ на памятники украинской народной словесности“ (1834), „Иванъ Барабашъ“ (1835), „Общія основанія Зендавесты“ (1835), „Маргынецъ“ (1835), „Барсерки“ (1836), рассказы „Маіоръ, маіоръ!“ (1836), и „Rapsodia sonatina“ (1837), рядъ измѣненныхъ извлеченій изъ „Запорожской Старины“, напечатанныхъ въ Петербургскихъ и Московскихъ періодическихъ изданіяхъ, наконецъ „Опытъ о сущности и содержаніи теоріи въ наукахъ политическихъ“ (1837). Рядъ этихъ изданій, съ „Запорожской Стариной“ во главѣ, выдвинулъ Измаила Ивановича, какъ изслѣдователя весьма даровитаго, какъ выдающагося историка Украины, какъ наблюдателя народной жизни, какъ энергичнаго труженика, обратилъ въ то-же время на него вниманіе со стороны людей, отъ которыхъ, какъ оказалось впоследствии, стала въ зависимость его дальнѣйшая судьба. Когда въ октябрѣ 1837 года въ Харьковскій университетъ пришло первое предложеніе объ избраніи изъ среды профессоровъ лицъ для посылки за границу съ цѣлью подготовленія къ занятію кафедръ славяновѣдѣнія, Гулакъ Артемовскій, деканъ философскаго факультета, предложилъ кандидатомъ Харьковскаго университета Рославскаго-Петровскаго.

Рославскій мало былъ склоненъ къ занятію кафедръ славяновѣдѣнія, занимаясь исключительно науками историческими, и поэтому на предложеніе Гулака представилъ такія условія, которыя едва ли можно было бы принять въ другое время, тѣмъ не менѣе Артемовскому они не показались странными, и по его представленію совѣтъ университета ихъ одобрилъ. Попечитель харьковскаго учебнаго округа, графъ Юрій Александровичъ Головкинъ, не далъ утвержденія проекту Гулака-Артемовскаго и предложилъ съ своей стороны послать за границу Срезневскаго, который, какъ онъ писалъ, „постоянно и съ успѣхомъ занимался уже изслѣдованіемъ и изученіемъ нѣкоторыхъ языковъ, составляющихъ отрасли славянскаго“. Предложеніе попечителя было принято совѣтомъ университета, и такимъ образомъ начался поворотъ въ дѣятельности Срезневскаго, какъ профессора; на помощь личнымъ симпатіямъ, связывавшимъ его съ его любимымъ предметомъ, выступило оффиціальное положеніе избранника университета для изученія исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій.

Въ 1838 году, пока длилась переписка о новомъ назначеніи, И. И. Срезневскій продолжалъ читать лекціи по статистикѣ въ качествѣ адъюнкта. Въ это же время въ стѣнахъ университета рѣшалось близко затрогивавшее Измаила Ивановича дѣло о его докторской диссертациі. Написанная на тему „Должна ли политическая экономія зависѣть отъ статистики“, она между прочимъ проводила мысль о подчиненномъ положеніи политической экономіи по отношенію къ статистикѣ. Новизна и смѣлость воззрѣній автора возбудили противъ него большинство профессоровъ; окончательный приговоръ надъ диссертацией былъ произнесенъ въ засѣданіи 16-го декабря 1837 г.: работа была отвергнута. Это рѣшеніе нанесло тяжелый ударъ самолюбію молодого профессора; но теперь жребій былъ брошенъ, и изъ двухъ дорогъ можно было уже съ увѣренностью выбрать ту, которая раньше страшила своею неизвѣстностью. 7-го января 1839 года Измаиль Ивановичъ сообщилъ въ совѣтъ университета о полномъ своемъ согласіи отправиться за границу для

изученія славянскихъ нарѣчій на тѣхъ условіяхъ, которыя были поставлены въ предложеніи совѣта и на которыя онъ съ ноября мѣсяца не давалъ отвѣта. Длинный рядъ необходимыхъ формальностей отсрочилъ отправленіе Измаила Ивановича въ путешествіе еще на девять мѣсяцевъ. Между тѣмъ Измаиль Ивановичъ безостановочно продолжалъ учено-литературныя работы. Онъ напечаталъ первую книжку „Украинскаго сборника“ (1838), въ которой появилась впервые „Наталка Полтавка“ И. П. Котляревскаго, „Мартына Пушкаря“ (1838), „Сеймы“ (1838), „Изборники“ (1838), „Сближеніе религіи Персидской съ Египетскою“ (1839), „Историческое обозрѣніе гражданскаго устройства Слободской Украины“ (1839), „Аевинскій языкъ въ Россіи“ (1839), свою диссертацию „Опытъ о предметѣ и элементахъ статистики и политической экономіи сравнительно“ (1839), новый выпускъ „Запорожской Старины“, рядъ статей въ энциклопедическомъ словарѣ Плюшара, касающихся исторіи, географіи и этнографіи Малороссіи. Въ то же время онъ готовился къ путешествію, сдѣлалъ небольшую поѣзду по Украинѣ, чтобы, какъ онъ писалъ Снегиреву, въ этомъ маленькомъ путешествіи дать себѣ образчикъ того, что нужно будетъ сдѣлать впоследствии въ большемъ размѣрѣ. Въ іюль мѣсяцѣ наконецъ состоялось Высочайшее повелѣніе о командированіи его за границу на два года „для усовершенствованія въ исторіи и литературѣ славянскихъ народовъ“; обычная канцелярская волокита задержала путника на два мѣсяца, и только 17-го сентября Измаилу Ивановичу удалось выѣхать изъ Харькова. Такъ окончился первый періодъ его литературно-научной дѣтельности.

—

Участниками переписки И. И. Срезневскаго за первые годы его дѣтельности сначала были его близкіе родные—Осипъ Евсѣевичъ Срезневскій, К. А. Кускова, Е. И. Срезневская, затѣмъ университетскіе товарищи—братья Евецкіе, Росковшенко и Шпигоцкій. Среди этого пріятельскаго кружка явились на свѣтъ первые литературные опыты И. И. Срезневскаго—стихотворенія, небольшія статейки; среди того же кружка начались и этногра-

фическія его занятія; потому переписка пріятелей носила частью этнографическій, частью литературный характеръ. Затѣмъ, когда начальные шаги дѣятельности И. И. Срезневскаго показали въ печати его украинскія симпатіи, а „Запорожская старина“ завоевала вниманіе всей Малороссіи, къ числу этихъ корреспондентовъ прибавились лица, подобно ему интересовавшіяся украинской стариной—этнографы-любители, украинцы-патріоты; таковы были: Лисавицкій, Боровиковскій, Дмитрюковъ, Залѣсскій, Міоновичъ, Гоголь а потомъ И. Мазановъ, Костомаровъ, Метлинскій и др. „Запорожская Старина“, а за нею рядъ статей Срезневскаго въ „Сынъ Отечества“, въ „Утренней Звѣздѣ“, въ „Ученыхъ запискахъ Московскаго университета“, въ „Московскомъ Наблюдателѣ“, „Телескопѣ“, „Сѣверной Пчелѣ“—скоро раздвинули кругъ его знакомствъ и завязали сношенія съ столычными учеными и литераторами; таковы были Снегиревъ, Анастасевичъ, Пассекъ...

Сборникъ писемъ за первый періодъ дѣятельности И. И. Срезневскаго начинается его письмами къ матери, изъ которыхъ первое писано въ 1829 году, во время поѣздки въ Москву, послѣ сдачи кандидатскаго экзамена. Писемъ, относящихся къ болѣе раннему времени, въ бумагахъ И. И. Срезневскаго сохранилось всего три: это—письмо къ И. И. Срезневскому Осипа Евсеѣвича Срезневскаго (1825 г.), бывшаго профессора Казанскаго университета, уволеннаго изъ университета при ревизіи Магницкаго, интересное по преимуществу, какъ матеріалъ для біографіи его автора; второе письмо (1827 г.) адресовано И. И. Срезневскимъ къ неизвѣстному лицу,—оно приведено въ отрывкѣ выше; этотъ отрывокъ и составляетъ все его значеніе; наконецъ третье письмо (1828 г.) писано И. И. Срезневскимъ къ его бабушкѣ Е. А. Кусковой,—въ немъ говорится о предположеніи И. И. Срезневскаго посвятить себя профессорѣ. Писемъ къ Е. И. Срезневской сохранилось чрезвычайно много; обильныя мелочами, подробностями жизни, они являются какъ бы отрывками, потому что мать съ сыномъ жили по большей части вмѣстѣ. Первый рядъ писемъ относится къ 1829-му году—

поѣздкѣ И. И. Срезневскаго въ Москву, второй рядъ (1832—1833) описываетъ жизнь И. И. Срезневскаго въ имѣнныя Подольскихъ Варваровкѣ на Днѣпрѣ, гдѣ онъ занималъ должность учителя; третій рядъ (1839) писанъ изъ его путешествія по Малороссіи. О Е. И. Срезневской и объ отношеніяхъ къ ней Измаила Ивановича Срезневскаго мнѣ уже случилось говорить въ предисловіи къ Письмамъ И. И. Срезневскаго изъ заграницы 1839—1842. Е. И. Срезневская (рожд. Кускова † 1856 г.) была съ юныхъ лѣтъ И. И. Срезневскаго его единственнымъ наставникомъ и другомъ; И. И. былъ ею подготовленъ къ пансіону, ею воспитывался до самаго университета и послѣ университета продолжалъ находиться подъ сильнымъ ея вліяніемъ, въ большой съ нею дружбѣ. „Передъ нею“, писалъ Измаиль Ивановичъ въ 1870-хъ г.г., „не было у меня ничего затаеннаго“,—она „объятіями и слезами награждала меня за всякое откровенное слово, жила со мною одними радостями, одними горестями, тѣми же впечатлѣніями, сама отъ меня ничего не скрывая.. Мы были только двое и жили другъ для друга. Не то чтобъ между нами не было невзгодъ; но вечеромъ при прощаньи слезами все омывалось; раньше или позже, иногда и очень поздно, мы все-таки оканчивали нашу бесѣду глубоко мирно,—и на утро для каждаго изъ насъ вставало свѣтлое солнце“. Эти слова ясно обрисовываютъ отношенія между матерью и сыномъ и даютъ понятіе о томъ, какой характеръ должна имѣть ихъ переписка.

Письма И. И. Срезневскаго къ Е. И. Срезневской.

1.

Дражайшая маменька! И такъ пролетѣлъ третій день, какъ я не вижу васъ болѣе; третій день уже тому, какъ нашею должностію сдѣлалась безпрестанная кибиточная тряска.—Уже пространство 250 верстъ разлучаетъ насъ.—Добрая маменька, вы повѣрите тому, что не смотря на всѣ удовольствія путеше-

ствіа, воспоминаніе о спокойной жизни харьковской, объ удовольствіяхъ домашнихъ, о тѣхъ заботахъ, кои вы на насъ обращали и кои теперь я живо могу представить, наводятъ на меня уныніе; оно конечно улетаетъ, но не совсѣмъ: оно останется во мнѣ до тѣхъ поръ, пока снова верхи зданій харьковскихъ не представятся моимъ взорамъ. Великую благодарность я долженъ имѣть къ Ивану Николаевичу ¹⁾ за то, что онъ мнѣ доставилъ удовольствіе увидѣть большое количество родныхъ мнѣ по сердцу, по духу, по желаніямъ. Вы знаете, маменька, какъ я любилъ слушать рассказы ваши и Ивана Николаевича о милой моей родинѣ и о русскихъ; я желалъ, подобно птичкѣ полуденной, вскормленной на чуждой сторонѣ, полетѣть на свою невиданную родину; и полетѣлъ и чѣмъ далѣе ѣду, тѣмъ болѣе знакомлюсь съ нею.—Представьте, маменька, какъ должно биться мое ретивое. Мы уже въ Курскѣ. Вокругъ меня все русское, все меня занимаетъ; при томъ теперь воскресенье; все такъ разнаряжено: богатые кокошники и другіе головные уборы, бѣлыя тонкія рубахи и разноцвѣтныя понявы, юпки и сарафаны безпрестанно попадаютъ на глаза. Я не въ силахъ выразить вамъ на словахъ всѣхъ чувствъ моихъ. Позвольте мнѣ это оставить до слѣдующихъ писемъ и до пріѣзда...

1829, іюля 7. Курскѣ.

2.

Тула. Воскресенье 14 іюля.

„Не угодно ли купить какихъ-нибудь стальныхъ вещей? Есть прекрасные ножи перочинные, игольники, перстни, пе-

¹⁾ Иванъ Николаевичъ Соколовъ былъ близкимъ въ семьѣ И. Е. и Е. И. Срезневской и домашнимъ наставникомъ ихъ дѣтей. По словамъ И. И. Срезневскаго, это былъ человѣкъ сердечный, добрый, нѣсколько робкій. Сильно привязанный къ Измаилу Ивановичу, онъ всегда относился къ нему какъ къ равному, несмотря на значительное превосходство лѣтъ в, благодаря этому, былъ къ нему чрезвычайно близокъ; въ трудныя минуты жизни онъ являлся лучшимъ

чатки, подушечки дамскія, цѣпочки и много, много другихъ прекрасныхъ штукъ; не угодно ли: и мило и дешево; право слово—останетесь довольны“. Вотъ первыя слова, которыми мы были засыпаны со всѣхъ сторонъ, едва только успѣли раздѣлаться съ хозяйкой о цѣнѣ комнаты. *Послѣ, послѣ*—былъ нашъ общій отвѣтъ: ибо мы спѣшили тогда въ церковь къ обѣднѣ; и такъ мы отъ нихъ отвязались, хотя не надолго. Мнѣ очень хотѣлось видѣть служеніе Архіерейское въ Тулѣ, но къ несчастію моему, Архіерей сегодня не служитъ. О соборныхъ пѣвчихъ скажу, что они далеко отстали отъ нашихъ харьковскихъ не только Архіерейскихъ, но и простыхъ соборныхъ.

Сегодня я проводилъ Ивана Николаевича до самой заставы и, протрившись, хотя не надолго, съ нимъ, возвратился въ уединенную свою комнату. Давно не видался, скука явилась передо мною и надоѣдала мнѣ до тѣхъ поръ, пока я не принялся за диссертацию. Такимъ образомъ провелъ я часа два. Пришедшій ко мнѣ хозяинъ прервалъ мои занятія—„Эхъ, баринъ, баринъ, пріѣхалъ въ Тулу, а и поглядѣть на нее не хотите. Она очень даже красива, а ее проѣзжіе называютъ меньшею сестрою Москвы: Ну вотъ, напр., подите въ Англійскій садъ, тамъ на полугорѣ по кievской дорогѣ справа. Это чудо диковинное, а не садъ,—то то налюбуетесь“. И такъ я, какъ бы принужденный, надѣлъ мундиръ и пошелъ. Въ самомъ дѣлѣ, я нашелъ садикъ ихъ, лучше сказать, бульваръ—очень милой, хотя маленькій. Кого же (спросите вы, можетъ быть) встрѣтилъ ты тамъ?—Нѣсколько вучъ разбѣленныхъ купчихъ въ старопокройныхъ салопахъ и въ новомодныхъ манто, распомаженныхъ купчиковъ и сидѣльцевъ, десятка два долговязыхъ здѣшнихъ философовъ, столько же коротенькихъ и толстенькихъ гарнизонныхъ офицеровъ и двѣ или три дамы. Я скоро вышелъ изъ сада, почиталъ лучшимъ побродить по городу и позѣвать на прекрасныя дома, нежели на несносныя лица. Иванъ Николаевичъ говоритъ, что Тула есть

утѣшителемъ Измаила Ивановича и Елены Ивановны и былъ необходимымъ для нихъ человѣкомъ.

уголокъ Москвы; а я, не видавъ Москвы, скажу, что Харьковъ есть только уголокъ Тулы. Улицы почти совершенно каменные, рѣдко встрѣчаются на иныхъ дома деревянные, а если и есть, то по большей части двухъ-этажныя. Вотъ кажется все, что могу я написать Вамъ, милая маменька, теперь изъ Тулы.

3.

Дражайшая маменька! И такъ послѣ долгаго странствованія мы прибыли въ субботу, въ праздникъ св. Ильи, въ огромную древнюю столицу нашу. Вы можете, милая маменька, представить мое восхищеніе, когда въ первый разъ я увидѣлъ вдали златыя главы безчисленныхъ церквей московскихъ. Тридцать верстъ, еще остававшіяся до нея, показались мнѣ трехстами. Три раза манила сія величественная башня насъ къ себѣ, и три раза опять скрывалась или за рощами и садами, или за подмосковными дачами; наконецъ, показалась опять и до сихъ поръ еще не скрылась отъ взоровъ моихъ. Третьяго дни мы были на Иванѣ Великомъ. Оттуда я видѣлъ Москву во всемъ ея величіи. Не берусь ее вамъ описывать: это превосходить мои силы.

Утромъ въ воскресенье я поѣхалъ къ почтеннѣйшему Льву Алексѣевичу ¹⁾ Онъ меня принялъ очень ласково, разспрашивалъ о васъ, о мнѣ, о сестрѣ и братѣ, удивлялся тому, что я такъ скоро получилъ степень кандидата, между тѣмъ какъ сыновья его не кончили еще курса; наконецъ приказалъ переходить жить къ себѣ. Такъ я провелъ съ нимъ и его сыновьями нѣсколько часовъ. Скоро послѣ того мы поѣхали съ нимъ и

¹⁾ Левъ Алексѣевичъ Цвѣтаевъ—профессоръ правъ знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ († 1835 г.). Онъ былъ знакомъ съ И. Е. Срезневскимъ по университету, гдѣ учились одновременно (первый кончилъ курсъ въ 1798 г., второй въ 1796 г.), затѣмъ въ 1797 г. Срезневскій былъ принятъ въ университетскій институтъ бакалавромъ; ту же степень Цвѣтаевъ получилъ въ 1798; такимъ образомъ, послѣ гола жизни внѣ Москвы они могли возобновить свои сношенія, что и продолжалось до 1801 г., когда Цвѣтаевъ уѣхалъ за-границу.

сыновьями обѣдать къ профессору г-ну Ивашковскому,¹⁾ который знавалъ очень коротко моего папеньку. Въ пять часовъ того же дня я уже совершенно перешелъ жить къ милымъ товарищамъ моимъ и до сихъ поръ провожу время очень весело. Каждый день хожу къ Ивану Николаевичу и почтеннѣйшей те-тушѣ его, а вечеромъ возвращаюсь въ милый кругъ семейства Льва Николаевича, гдѣ я принятъ совершенно какъ родной...

Москва, 1829, июль 27.

Р. С. Сегодня утромъ иду разсматривать кабинеты. Послѣ обѣда поѣду въ земледѣльческій хуторъ къ профессору Павлову,²⁾ который звалъ меня къ себѣ въ гости.

4.

Старья Водолаи. 45 верстъ отъ Харькова.

Здравствуйте, маменька! здравствуй, братъ! Не знаю, что будетъ далѣе, а до сихъ и скучно и грустно,—больно грустно. Такъ и полетѣлъ бы назадъ въ мой родимый Харьковъ. Жестокость уединенія—вы знаете, что я никогда еще не испытывалъ оной, живучи около васъ, въ кругу добрыхъ пріятелей—и вдругъ тяжкая разлука, тяжелое одиночество! Теперь нѣтъ уже у меня ни маменьки, ни брата, ни Іосифа Афанасьевича. Я одинъ, какъ былина въ полѣ: некому сказать добраго слова, некому излить своихъ чувствъ, а ихъ у меня, безчувственнаго, набралось теперь много, и все такія ядовитыя.

У моего теперешняго хозяина—сынъ миленькій, восьми-лѣтнее дитя. Я радъ встрѣчѣ съ этимъ ангеломъ: онъ утѣшаетъ

¹⁾ Семень Мартыновичъ Ивашковскій, профессоръ греческаго языка и древностей († 1850 г.); онъ былъ сослуживцемъ И. Е. Срезневскаго по Академической гимназій (съ 1801 по 1804 г.).

²⁾ Знаменитый агрономъ и профессоръ физики и сельскаго хозяйства въ Московскомъ университетѣ Михаилъ Григорьевичъ Павловъ († 1840 г.).

меня не пошлыми фразами: чего грустить! перестань". Нѣтъ, его угѣшеніе совсѣмъ другого рода: дѣдовская бандура въ его рукахъ, бѣгле палычки его быстро перебираютъ струны, а онъ самъ невинною улыбкою поетъ мнѣ:

Вѣютъ вѣтры, вѣютъ буйны и пр.

„Играй, душенька, а я напишу нѣсколько словъ“, — и слеза неволью каннула на этотъ листокъ. Прочтите, непременно прочтите, маменька-голубушка, эту пѣсню: братъ или Іосифъ Афанасьевичъ¹⁾ укажетъ ее. Что за пѣсня! Молодой козакъ простился уже съ своей матерью, съ сестрою, своей милою, — и вотъ онъ мчится, одинокій, по пространной степи — и долгогривый конь его, чуя близость земли вражеской, взрываетъ копытами землю и пылью закрываетъ отъ молодого воина даль родимую, — но пыль не занесетъ звуковъ: козакъ слышитъ прощанье матери, тоску сестры, слезы милой — и мчится быстрѣе къ землѣ враговъ своихъ... Дочтете сами...

Константинополь, въ 50 верстахъ отъ Водолазъ.

Я никакъ не ожидалъ отъ хохликовъ того, что вижу, т. е. видѣлъ.

Другой примѣръ: одинъ въ Мерсѣ, другой въ Водолагахъ, хуторѣ. Я говорю о любви къ музыкѣ. Тамъ меня забавлялъ Митя, восьмилѣтній мальчикъ — здѣсь восхитилъ гуслими самъ хозяинъ хутора. Вообразите себѣ рослаго мужчину, лѣтъ подь сорокъ, съ подрѣзанною бородкой, небольшими карими глазами, которые сверкаютъ, какъ могильные огни, какъ *милушки*, съ римскимъ носомъ и густыми темнорусыми усами, ловкаго, виднаго — вотъ игрокъ; а игра — не могу судить, ибо не знатокъ въ музыкѣ; скажу только, что я не слышалъ подобной игры. — Въ благодарность я вапоилъ его пуншемъ.

1) І. А. Джунковскій — константинопольскій товарищъ И. И. Срезневскаго; см. о немъ въ моей замѣткѣ «Изъ первыхъ лѣтъ научно-литературной дѣятельности И. И. Срезнево», с. 6—7.

Теперь я въ Константиноградѣ. Комната прелестна, и болѣе всего потому, что за тоненькой дверью, въ другой комнатѣ—другая прїѣзжая въ каретѣ—изъ Руси,—красавица. И что у нея за голоса! Пишу, и не могу не слушать, какъ она разговариваетъ съ дѣвкой. Нѣжность, прїятность, и пр. и пр. и пр., какъ написано въ подорожной.

Дорога изъ хутора въ Константиноградъ мнѣ показалась слишкомъ длинна, и потому я заблагоразсудилъ дремать; я бы и заснулъ, если бы не боялся потерять что-нибудь. Однако и дремля, я видѣлъ сонъ: видѣлъ васъ, брата, Жозефа и нѣсколько разъ все то же и одно; наконецъ, до того, что, очнувшись и поговоря слова два три съ Романомъ, я какъ будто ждалъ кого, какъ будто мы всѣ вмѣстѣ и только на время, до того времени, пока я переговорю съ человѣкомъ, что нужно, вы скрываетесь отъ меня. Еще одна странность: и въ Мерефѣ и въ Вололагахъ мнѣ слышится голосъ Ивана Петровича: и я два раза принужденъ былъ выбѣгать опрометью изъ кибитки, дабы удостовѣриться, что это не онъ—хотя бы я желалъ, чтобъ это была неправда. Однако моя незнакомка опять заговорила. Послушайте, Іосифъ Афанасьевичъ—вотъ настоящее московское нарѣчіе.

—

5.

11 часовъ утра. Пятница.

Станція Вшивая, въ 22 верст. отъ Константинограда.

Всю дорогу отъ Константинограда до Вшивыхъ—дождь мочилъ насъ порядкомъ, впрочемъ не всѣмъ досталось; болѣе всего Роману, котораго хотъ выжми. Ну, Вшивая! Название совершенно сходно съ качествомъ деревни. Такихъ жилищъ я еще не виывалъ, и въ нихъ живутъ малороссіяне! Впрочемъ такому житью виноваты они сами. Дорога столбовая, проѣзжающихъ чрезвычайно много—выгоды можно получать большія, но эта проклятая лѣнь, или, какъ говоритъ Іосифъ Афанасьевичъ, гордость примѣшалась и тутъ,—и людей превратила въ свиней:

инныя свиньи лучше живутъ. Однако, вы не подумайте, маменька, что-бъ я остановился въ землянкѣ. Никакъ нѣтъ-съ. У меня прекрасная комната, изукрашенная картинками, образомъ, съ преизрядною мебелью. Какъ же это такъ? Откуда такая роскошь среди омерзительной бѣдности? Постоялый дворъ, въ коемъ я остановился, содержится русскимъ, и слѣдовательно смышленнымъ человѣкомъ. Онъ говорилъ мнѣ, что не проходитъ дня, чтобы онъ не видалъ у себя десятка новыхъ гостей; а иногда и зачастую набирается полный дворъ и полный домъ. Правда, у него гостей было бы меньше, если бы мужики завели постоянные дворы; пока онъ одинъ содержитъ.

12 часовъ.

Ко мнѣ въ гости, т. е. въ мою комнату, вошли гости... два купца, и попиваютъ водку. „Кушайте, братцы, а я закурю трубку“. Наскучило читать Гердера. Пора отдохнуть.

Голубовки, въ 36 верстахъ отъ Вишлой.

Дождь гудеть, словно старая вѣдьма; но я спокоенъ: мы уже у мѣста ночлега. Не знаю, хороша ли, худа деревня, въ которой привелось мнѣ ночевать,—то же скажу и о хозяевахъ, которыхъ еще не видалъ; но не то должно сказать о хатѣ: огромная, чистая; стѣны, потолокъ, полъ, окна—разрисованы желтою глиной, благоуханіе васильковъ, мяты и пр.—словомъ прелесть хата; Полтавскую губернію нельзя сравнивать съ Харьковскою: дичь, глушь, невѣжество, бесконечныя стени, по которымъ вмѣсто хуторовъ разставлены стоги сѣна, печальные кустарники, дубовые и лозовые, вѣчные несносные бугры, вѣчные мостики и плотинки—строенные вѣрно для чертиковъ и то бутылочныхъ, согнившіе дорожные столбы, землянки, стада свиной, болота, наконецъ эта несносная грязь—и я не знаю, что можетъ быть незанимательнѣе!.. То ли дѣло наша Харьковская: рай противъ ада.—Въ Перещепинѣ, казенномъ селеніи, я переѣзжаю рѣчку Орель. Окрестности ея почти живописны; но занимательны болѣе всего по историческимъ происшествіямъ, до

сихъ поръ еще памятнымъ народу и самой землѣ, носящей на себѣ свидѣтельство былого—курганы. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ, подѣ которыми, по преданію народному, татарскій воевода находится, находится на самой долинѣ, и лѣтъ за десять былъ чрезвычайно высокъ; но съ того времени сталъ примѣтно уменьшаться, ибо землю его употребляютъ на засыпку болотъ по дорогамъ. Можно бы вмѣсто этого употребить и навозъ, но навозъ здѣсь дорогъ. Верстахъ въ 4-хъ отъ Перещепина есть батарея изъ числа бѣлгородскихъ, выстроенныхъ при Федорѣ Алексѣевичѣ отъ набѣговъ татаръ.

Малороссіяне чрезвычайно похожи на нѣмцевъ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ четверо чумаковъ изволили пить пиво. Купили только полъ кварты и пили по крайней мѣрѣ $\frac{1}{2}$ часа, съ такимъ вкусомъ, съ такимъ чванствомъ, какъ будто нектаръ. Приобрѣтенія мои объ Украинѣ слишкомъ скудны: въ Водолажскомъ хуторѣ списалъ три пѣсни и одну думу; во Вшивой пять пѣсенъ—и только. Правда, что пѣсни всѣ историческія, но все слишкомъ мало; я ожидалъ болѣе. Романъ меня увѣряетъ, что я наберу много въ Варваровкѣ. Онъ самъ беретъ мнѣ служить въ семь случаевъ. Если-бъ да когда бы!—Слышалъ сказку о Серпягѣ, пояснившую мнѣ какъ нельзя лучше одну думу; слышалъ нѣсколько мифологическихъ преданій, записалъ двѣ страницы поговорокъ, вписалъ нѣсколько словъ въ лексиконъ—вотъ и все.—Однако прощайте, маменька. Пора спать. Завтра рано надобно вставать; при томъ же и ночникъ догораетъ. Прощайте.—Что то подѣлываетъ теперь Іос. Афанасьевичъ! Ужели вы въ Деркачахъ? И ужели и васъ тоже мочилъ дождь, какъ меня грѣшнаго?

—

Новомосковскъ. Суббота, 12-й часъ утра.

Остается только 60 верстъ; однако едва ли можно будетъ поспѣть туда, куда должно, т. е. въ Варваровку. Слава Богу, дождь пересталъ; а помочилъ бѣдныхъ насъ не на шутку.—Новомосковскъ—преизрядненькій городокъ. Комнатка, въ которой

я остановился—чудо, штукатурная, вся въ картинахъ—можете представить, какого рода—прекрасная мебель—именно, чудо.

Какая жалость,—почта въ Харьковъ отошла изъ Новомосковска вчера, и потому вы получите это письмо черезъ недѣлю.

Екатеринославская губернія совсѣмъ не то, что Полтавская. Тѣ же степи, но не то. Жители всѣ почти богатые; табуны лошадей, гурты рогатаго скота, овецъ—встрѣчаются безпрестанно. Сѣнокосы превосходны. Природныя поля усѣяны курганами, особливо долина Самарская, на которой теперь пасутся татарскіе кони, пригнанные на продажу. На Спаса въ Новомосковскѣ ярмарка.

Только что у меня былъ мой хозяинъ. Молодчина.—Лѣтъ 60-ти, статный, величественный, такъ бы гетманскую булаву, да на коня; этакого украинца я еще не видалъ. Но болѣе всего понравился онъ мнѣ своею готовностью служить мнѣ, какъ собирателю всего украинскаго. Во-первыхъ, онъ мнѣ наговорилъ пропасть преданій о Самарѣ. У меня сердце билось крѣпко, когда онъ мнѣ ихъ рассказывалъ; потомъ продиктовалъ пѣсню про рѣку Самару, наконецъ думу. Обѣщаетъ еще. Я напою его кофіемъ—и, вѣрно, получу, что хочу.

Пишите, сдѣлайте одолженіе, пишите мнѣ по слѣдующей почтѣ. Хоть вѣсточку отъ васъ получить, если приходится не видѣться. Да пишите побольше! Вотъ увидите, какія письма буду писать я къ вамъ, лишь бы распорядиться порядкомъ на мѣстѣ. Теперь простите, что пишу не много: теперь и времени нѣтъ, и мѣста нѣтъ иногда, а всего болѣе не о чемъ. Іосифу Афанасьевичу напишу изъ Варваровки варварское письмо. Пусть только читаетъ да по субботамъ разбираетъ. И теперь бы написалъ, да, право, не хочется. Къ тому же, пообедавши, мы поѣдемъ въ путь дороженьку, а потому если-бъ и захотѣлъ, то немного бы успѣлъ. Ожидаю отъ Іосифа Афанасьевича философико-политическаго письма, которое конечно будетъ написано чисто, аккуратно, безъ мараксъ и канцелярскихъ украшеній. Прошу его не мудрить, а просто писать, что на умъ взошло, точно въ такомъ видѣ, въ такихъ выраженіяхъ, какъ взошло на умъ, иначе вся-

кое письмо Іосифа Афанасьевича стоитъ будетъ по крайней мѣрѣ четверти дести почтовой бумаги; а вѣдь это не выгодно. Объявляю также Іос. А—у, что его Гердеръ немного подмогъ, хоть и не замарался, и прошу въ этомъ великодушнаго извиненія.

6.

Варваровка. Понедѣльникъ. 7 часовъ утра.

Третій разъ здравствуйте, милая маменька! Я уже на мѣстѣ. Комната моя почти прибрана. Книги, тетради, платье—все въ порядкѣ. Остается принять на себя учительскія обязанности—и дѣло будетъ кончено. Пока еще я какъ гость въ домѣ Подольскихъ, хоть и гость коротко знакомый, а слѣдовательно о своихъ хозяевахъ не могу иначе судить, какъ о помѣщикахъ, меня принявшихъ подъ свой кровъ для того, чтобъ вмѣстѣ проводить веселѣе время. Въ семь отношеніи и онъ и она—люди предобрые, простые, веселые, люди—какихъ не надобно лучше. Что касается до другихъ отношеній, то я не скажу ничего, ибо ничего не знаю: увижу, посмотрю, напишу.

Вчера послѣ обѣда (я пріѣхалъ утромъ, часовъ въ 11-ть) мы съ дѣтьми ѣздили верхомъ по берегу Днѣпра. Мѣста прелестныя, очаровательныя. Днѣпръ разлился на двѣ версты въ этомъ мѣстѣ. Можете себѣ представить, какая бездна воды. Но эти широкія волны не льются, а кипятъ. Ревъ пороговъ подобень—право не придумаю, съ чѣмъ сравнить его.—Представьте себѣ отрядъ всадниковъ, пробирающихся сквозь чащу: шестель листовъ, цокъ копытъ конскихъ, храпѣнье коней, говоръ всадниковъ, крикъ повелительный начальника—все это вмѣстѣ—и вы будете имѣть небольшое понятіе о порогахъ. Впрочемъ къ нимъ должно присмотрѣться, прислушаться: съ перваго раза они незамѣтны, непоразительны.

Если кто знаетъ Екатеринославскую губернію только по берегамъ Днѣпра, тогъ можетъ подумать, что населеніе оной чрезвычайно. Съ моего балкона видно четыре деревни и два села, одно подлѣ другого. Селеніе Синельниково на другой сторонѣ—лучше другихъ—однихъ господскихъ строеній 17.

Я уже говорилъ Катеринѣ Романовнѣ¹⁾ о поѣздкѣ, предполагаемой мною, въ Александровскъ. Она согласна, даже болѣе нежели сколько я желалъ. За Александровскомъ есть мысъ Кичкасъ,—очаровательное мѣсто! Днѣпръ течетъ между двумя скалами, одно отъ другой не болѣе какъ на 60 сажень. Этотъ мысъ находится отъ Варваровки въ 40 верстахъ.

—

5 августа. Четвергъ.

Уже два дни я учу—и не могу сказать, чтобы это было обременительно. Все дѣло состоитъ въ задаваніи и спрашиваніи уроковъ. Дѣти понятливы, хотъ и лѣнивы, но я задаю крошечные уроки, и они очень довольны, и я также доволенъ. Мнѣ остается заниматься болѣе 6 часовъ. Предовольно! Вотъ какъ истекаетъ день буднишний: встаю съ восходомъ солнца, выхожу на балконъ, читаю Гердера. Умываюсь, одѣваюсь—иду пить кофе (для меня варится маленькій кофейникъ и особая кострюлька сливокъ превосходнѣйшихъ), ухожу къ себѣ, опять читаю Гердера. Занимаюсь съ дѣтьми и въ то же время пишу къ вамъ письмо. Отпускаю дѣтей гулять и занимаюсь. Обѣдаю въ 1-мъ часу. Пообѣдавши, иду въ гостинную и болтаю съ Иваномъ Тимофеевичемъ и Катериною Романовной; потомъ отправляюсь на верхъ за ученье на полтора часа. Всякое послѣобѣда ученье состоитъ въ упражненіи въ языкахъ и въ чтеніи. Во время ученья пишу къ вамъ письмо. Отпустивъ дѣтей, занимаюсь. Потомъ верхомъ прогулка верстъ 6, 7 или болѣе. Потомъ чай, болтанье,—наконецъ, иду домой и еще часа два занимаюсь. Наконецъ—bonne nuit.

Я очень радъ, что поѣхалъ въ Варваровку. Не знаю, каково мнѣ будетъ жить; но что я накоплю пропасть, цѣлую пропасть для своей украинской скрини, то это также вѣрно, какъ $2 \times 2 = 4$. Даже самыя дѣти мнѣ радушно помогаютъ. Я скажу болѣе: Украины нельзя узнать порядочно, не бывши въ этихъ

¹⁾ Е. Р. Подольская.

мѣстахъ; нельзя узнать порядочно запорожцевъ, не бывши на порогахъ.

—

7.

Четвергъ. 5 число августа, 1832. Варваровка.

Только что отдалъ письмо подъ № 3. Еще оно не отѣхало изъ Варваровки,—можетъ быть даже сегодня и не уѣдетъ, а я уже принимаюся за новое письмо. Видите, милая маменька, что я не совсѣмъ неаккуратенъ. Я за непремѣнное правило почелъ себѣ каждый день писать къ вамъ хоть по нѣскольку строчекъ. До сего времени все еще исполняю свое правило. Долго ли то это будетъ продолжаться!—Сегодня передъ обѣдомъ въ Варваровку пріѣхалъ офицеръ Путей Сообщенія. Онъ ѣдетъ по Днѣпру для обзрѣнія пороговъ. Правительство предполагаетъ прорыть оныя. О баркахъ нечего и говорить: за все время моего здѣсь пребыванія я видѣлъ только одну, и то всѣ удивились и разсматривали оную, какъ чудище морское.

Вечеръ.

Пусть Іосифъ Афанасьевичъ судить о воспитаніи,—я хотѣлъ сказать, образованіи офицеровъ Путей Сообщенія. Они проходятъ полный курсъ математики, въ томъ числѣ и астрономію,—я же, грѣшный, въ астрономіи знаю столько же, сколько и днѣпровскіе раки;—и я грѣшный побѣдиль новоприбывшаго офицера въ астрономическомъ преніи о системѣ міра. Не хватъ ли я? По крайней мѣрѣ, я удивляюсь своей смѣлости. И что же я доказывалъ ему? Какъ ты думаешь, братъ? А вотъ что: послушай. Я доказывалъ, что земля, и всѣ планеты, и всѣ спутники имѣютъ форму не круглую, а подобную воздушнымъ шарамъ т. е. ∇a ; и что a есть сѣверный полюсъ, въ которомъ находится огромный гранитъ, заключающій въ себѣ весь магнитъ земного шара. Одно изъ доказательствъ: обращеніе магнитнаго полож. конца стрѣлки къ сѣверу; другое: неправильность фигуры луны въ началѣ видимости оной, равно, если не болѣе, при ущербѣ; и онъ наконецъ согласился, оставивъ за собою только слово *тяготніе*, которое я назвалъ неправильнымъ тер-

миномъ, а вмѣсто онаго въ общемъ смыслѣ представилъ *равно-
всїе*, а въ частномъ—силою самостоятельной подвижности. При-
шедши въ свой кабинетъ, я не могъ не расхохотаться и запѣлъ,
неволью запѣлъ.

„Ой ревнули коровы, край порога стоя“.—Пѣсня моя уже
кончена. Строка въ письмо ваше вписана. Остается взглянуть
на пороги, освѣщенные теперь луною, послушать ихъ грохотъ,—
и лечь въ постель за Сѣвер. Пчелу, пожелавши вамъ спокойной
ночи и радостныхъ сновидѣній.

Пятница.

Послѣ обѣда уѣхалъ офицеръ, и мы остались одни. Сегодня
я занимался съ дѣтьми не болѣе трехъ часовъ въ день; впрочемъ
они весь день со мною, хоть и не мѣшаютъ. Одинъ рисуетъ,
другой читаетъ. Всякій занятъ своимъ дѣломъ, и я своимъ, другъ
другу не мѣшаемъ, и все идетъ ладно. Если такъ будетъ про-
должаться, то мнѣ хорошо. Ахъ, только васъ, одной васъ не
достааетъ, маменька. Были бы вы, и я бы совѣмъ былъ чело-
вѣкъ какъ надобно, а теперь, или отъ непривычки, или отъ на-
стоящаго чувства любви къ вамъ, не могу не грустить, особенно
когда одинъ. Повѣрите ли, я въ забывчивости нѣсколько разъ
выходилъ изъ своей комнаты, думая, что иду въ вашу поло-
вину,—но разочарованіе какъ тутъ, и я повѣся голову продол-
жаю ходить по своей комнатѣ одинъ одиноконекъ.—Гулять се-
годня не ѣздилъ, а ходилъ къ Ив. Тим. и Кат. Романовиѣ смот-
рѣть постройки. Для вновь купленныхъ русопетовъ (?) строятся
двѣ деревни на берегу Днѣпра.

Воскресенье.

Я забылъ вчера сказать вамъ, что я былъ вчера на *Тя-
шимъкъ*, т. е. въ лѣсу, который принадлежалъ запорожцамъ, что
доказываютъ остатки землянокъ, а теперь Синельникову. Видъ
съ горы прелестный.—Скоро, скоро на Кичкасъ. Тамъ ли виды!
Мы поѣдемъ съ старшимъ сыномъ въ бричѣѣ, возьмемъ съ со-
бою три сѣдла. Приѣхавши въ Александровскъ, лошадей осѣд-
лаемъ и съ Мих. Иванов. (Криницкимъ) отправимся стран-
ствовать.

8.

Барваровка. 14 сентября.

Сегодня Воздвиженье, большой праздник. Каково-то вы проводите его? Скучно ли, весело-ли? Я провела довольно скучно, исключая вечера. Собравшись в семейный кружок, мы прочли письмо Бестужева „Сибирь и Кавказ“, говорили, смѣялись.—Надобно знать: Иванъ Тимоѣевичъ большой балагуръ, и умѣть прекрасно рассказывать. Между тѣмъ дѣвки на одной, лакеи на другой галереѣ составили хоры—и поютъ и пляшутъ. Въ деревнѣ хоры раздаются также. Неяснытецъ поетъ также свой неумолкаемый хоръ,—и весело и скучно, или лучше сказать грустно: если-бы вы были тутъ же. Это бы и возможно, и очень возможно, но я боюсь, чтобы всѣмъ здѣсь не наскучило, а болѣе не понравилось. Кромѣ того зима и домъ холодный—хозяйева мои переберутся во флигель, а я съ лѣтними въ двѣ небольшихъ комнатки внизъ—эти комнатки немного теплѣе другихъ. И такъ, маменька,—я боюсь за ваше здоровье въ этомъ климатѣ, здоровомъ для здоровыхъ, вредномъ для слабыхъ. Иногда бываетъ такой туманъ, что не разберешь ничего въ двухъ шагахъ отъ себя. По Днѣпру каждое утро ходятъ цѣлыя горы тумана, и роса падаетъ съ крышъ, какъ отъ порядочнаго дождя.

16 сент. Четвергъ.

Простите меня, добрая маменька, что я часто пишу неразборчиво. Постараюсь избавиться отъ сего порока; а причину сему, право, не недостаткомъ уваженія къ вамъ, а глупая вѣтренность, отъ которой я влкакъ не отважусь. Что пишетъ Иванъ Николаевичъ? Почему такъ рѣдко удостоиваетъ меня своихъ вѣсточекъ Иосифъ Аф.? Просилъ бы и брата—о томъ же; но боюсь его. Можетъ быть, онъ сердитъ на меня, что я не пишу къ нему отдѣльных писемъ. Хорошо, буду писать къ нему отдѣльно, только пусть онъ не забываетъ брата отшельника. Нѣтъ, когда переѣдемъ весною въ городъ, я буду жить дома. И куда какъ веселѣе! Тутъ, какъ ни просто, а все требуется осторожность; даже самая ласка и готовность сдѣлать все для меня, и

она мнѣ кажутся приторною: она чужая—и корыстная. Вы знаете мою любовь спорить—а теперь не съ кѣмъ. То-ли бывало какъ съ Іос. Аф. заведемся!—Отнюдь нѣтъ-съ, я никогда не спорилъ съ Из. Иванъ!“—Іос. Аф. вѣрно сказалъ это, если онъ слушаетъ это мараніе.

Занимайся, братъ, хорошенько, плотно, какъ говорится. Можетъ быть, случится нѣкоторая перемѣна въ нашемъ состояніи, поважнѣе той, которая случилась со мною по случаю отъѣзда въ Варваровку. Можетъ быть мы переѣдемъ въ Москву. Маменька, вѣрно, не откажется оставить душный Харьковъ. Я увѣдомлю обо всемъ подробно, тогда когда узнаю самъ хорошенько. Занимайся потому хорошо, что надобно перейти въ Москов. университетъ съ хорошимъ свидѣтельствомъ изъ здѣшняго: иначе не переведутъ въ третій курсъ. Относительно твоего подвига съ Венедиктовымъ—не скажу ничего, ибо не понимаю этого человѣка. Впрочемъ, говорятъ, онъ добрый человѣкъ. Будь остороженъ. Что касается до твоего отвѣта педелю,—то я очень обрадованъ,—и желаю, чтобъ ты былъ всегда таковъ.

—

9.

Варваровка. 1832. Сент. 27.

Здравствуйте, почтеннѣйшая маменька! Мнѣ сегодня скучно,—и я принялся за лучшее свое удовольствіе—писать къ вамъ. Ахъ, маменька вы не повѣрите, какъ мнѣ грустно! И самъ не знаю: чего! Нѣтъ, знаю: я далеко отъ васъ. Такъ и желалъ бы скорѣе къ вамъ.

Настоящая жизнь моя течетъ тремя колеями: учу—занимаюсь—живу, т. е. *сплю*. Именно во снѣ, т. е. въ мечтахъ, и живу я, какъ-бы желалъ жить, среди родныхъ, безъ горестей, безъ заботъ, безъ этой проклятой скуки, которая наполняетъ табачнымъ чадомъ и комнату, и голову, и кромѣ чаду ничего въ ней не поселяетъ. Чѣмъ болѣе живу здѣсь, тѣмъ несноснѣе,—не потому, что мнѣ худо. Нѣтъ: хозяйева мои люди прекрасные, сердятся, когда я церемонюсь, ловятъ мои желанія—однако все чужіе: некому повѣрить мнѣ ни своихъ чувствъ, ни своихъ мы-

слей; и мысли и чувства чахнуть; и между тѣмъ какъ бы мнѣ ни было скучно, я долженъ казаться веселымъ, ибо Иванъ Тимофеевичъ скучаетъ безъ меня, и слѣдовательно должность моя, веселить его,—должность иногда очень непріятная; особливо теперь: читать ему нечего; а рассказы наши обыкновенно касаются до 2-хъ предметовъ: христіанской религіи и вѣрности супружеской. Разговоръ о первой всегда одинъ и тотъ же, тотъ же и одинъ, только въ разныхъ формахъ; а о послѣдней любопытно, и то можетъ быть не всегда, рассказывать тѣмъ, кои знаютъ счастье и несчастье оной. Иногда я стараюсь разнообразить разговоръ, говорю о сложеніи горъ, а нареченной невѣстѣ моей, княгинѣ Бѣлосельской, и нареченномъ супругѣ оной князѣ Срезневскомъ - Бѣлосельскомъ, о падающихъ звѣздахъ, о подвигахъ запорожцевъ,—и все это такъ скучно и такъ неизбѣжно, какъ и прогулка въ новопостроенную деревню, прогулка, во время которой, завернувшись въ плащъ, повторю: да, точно, прекрасно, считаю камни по дорогѣ и глазами мѣряю оставшееся разстояніе.

На прошлой недѣлѣ я послалъ въ „Телескопъ“ статью свою подъ названіемъ: *Первоначальное образованіе Слободско-Украинскихъ полковъ во время царя Алексѣя Михайловича*, съ подписью: *И. С. Варваровка.*¹⁾ Если будетъ напечатана, то сдѣлай одолженіе, увѣдомь, братъ, меня, и сколько она заняла мѣста.

Бывши съ Михайломъ Ивановичемъ на Кичкасѣ, мы подходили къ знаменитой пещерѣ, называемой „школой“. Видъ ея удивителенъ. Названа потому, что въ ней когда-то нашли книгу. Если вамъ будетъ угодно послушать сказокъ про нее и про другія вещи,—то извольте: въ каждомъ письмѣ найдете по кусочку, и тѣмъ болѣе будетъ кусочекъ, чѣмъ менѣе будетъ предметовъ для письма. Вотъ напр. теперь думаю, думаю, что бы написать: конечно, рѣшительно нечего.

¹⁾ Напечатано не было. Того же вопроса И. И. С—ій касается въ статьѣ «Историческое обозрѣніе гражданскаго устройства Слободской Украины» со времени ея заселенія до преобразования въ харьковскую губернію (Харьк. губ. вѣд. 1839).

10.

Октября 19, 1832. Варваровка.

Боже мой, что за сосѣди здѣсь! Неизъяснимые люди! Непостижимые люди! Вотъ одинъ—багровое лицо, сизый носъ, опухшіе глаза, засмаленный фракъ, сшитый по модѣ 1820 года, и лжетъ на каждомъ словѣ; выдаетъ себя за знатнаго барина, за богача—и весь въ долгахъ; выдаетъ за умника, за каламбуриста, и городить такую чепуху, что уши вьнутъ. Имѣетъ много дѣтей,—два въ корпусѣ, дочь окончила воспитаніе въ Екатер. пансіонѣ, говоритъ по гасконски, играетъ на фортепіано, перелистываетъ французскія книжки, съ отцемъ обращается какъ съ управителемъ,—и уродъ лицомъ. Она ѣздила съ отцемъ въ Екатеринославъ на выборы—сама въ каретѣ, отецъ сзади на дрожкахъ; караванъ довершается волами, кои тянутъ пустую карету для грядущаго жениха. Вотъ другой—статскій служака—получилъ имѣніе за женою. Жена полуумная, бѣсится каждое новолуніе; но онъ равнодушенъ—онъ радъ жениному имѣнью, хотя оно и все въ долгахъ. Онъ думаетъ объ однихъ барышахъ—14-лѣтнюю дочь свою отдалъ за 50-лѣтняго, брюзгу, только потому, что у этого брюзги 40 душъ. Вотъ третій—баба торговка въ три обхвата, пузо не умѣщается на колѣняхъ,—у нея дочь въ два обхвата—по словамъ маменьки—18-ти лѣтъ, но отъ роду не менѣе 25-ти, объявляетъ, что у нея книжка есть: сказка о 7 братьяхъ; шеголяетъ на таратайкѣ въ 150 рублей, солом. шляпѣ, а всего владѣвій 2¹/₂ души. Вотъ 4-й—старикъ лѣтъ шестидесяти, забылъ жену, забылъ дѣтей, завелъ гаремъ,—и съ прелестницами играетъ въ горѣлки—владѣетъ 3000 душъ.—Но къ чему распространять описанія?—По крайней мѣрѣ, вы можете судить о сосѣдствѣ нашемъ и объ удовольствіи, какое можно находить въ подобномъ кругу. Ахъ, еслибъ только скорѣе въ вамъ.—Вотъ ужъ два мѣсяца только осталось! Пройдутъ и они!..

А между тѣмъ уже три недѣли,—и нѣтъ отъ васъ вѣсти! Что бы это значило? Знаете что, маменька,—адресуйте иногда

письма на имя Федора Степановича Евецкого, Екатеринославъ, съ передачей мнѣ. Это будетъ вѣрнѣе и скорѣе. Посылки въ Екатеринославъ у насъ часты. Иногда раза два въ недѣлю: а въ Новомосковскъ иногда и въ три недѣли разъ только посылаютъ. Вѣдь это скучно и горько: и есть письмо, да не получаешь.

Спасибо Евецкому, онъ меня снабжаетъ книгами,—и мы теперь съ нимъ ведемъ преаккуратную переписку. Я очень этому радъ.

11.

15 ноября. Варваровка.

Я провожу время уже не такъ скучно, какъ прежде. Ближе и ближе я осваиваюсь съ милымъ семействомъ моихъ хозяевъ,—и дѣйствительно,—принять какъ родной. Это правда, и я долженъ признаться, что это отнимаетъ у меня время, но вы подумайте, маменька, сидѣть вѣчно одному въ своей конурѣ—учить и учиться—мучить и мучиться—ни съ кѣмъ ни одного пріятнаго слова: это горько. Вы знали, какъ я не любилъ романовъ—теперь именно отъ этого одиночества, отъ этой скуки рѣшился читать ихъ—читаю всегда въ слухъ—это бываетъ обыкновенно вечеромъ послѣ чаю. Теперь мы читаемъ Редгонтлета. Сегодня кончили другую часть. Признаюсь, мнѣ очень оно не нравится. Принуждаю себя находить въ немъ хорошее, принуждаю себя смотрѣть сквозь пальцы на его болтовство—и все нѣтъ мочи: порезъ дичь—не болѣе. Недавно читали романъ: *Сенъ-Меранъ*—французское сочиненіе, но прекрасное. Совѣтую брату достать и прочесть вамъ вслухъ. Мы его прочли съ большимъ удовольствіемъ.

Если библіотека покойнаго Гулака ¹⁾ продается, то нельзя ли купить для меня изъ оной сочиненія Нѣмцевича подъ име-

¹⁾ Ошибочный слухъ о смерти П. П. Гулака-Артемовскаго.

немъ Dzieje państwa Zygmunta III, на польскомъ языкѣ. Пожалуйста постарайся черезъ кого-бы то ни было. Три тома рублей 40.

Сейчасъ только ходилъ по льду Днѣпровскому. Прозрачный, какъ стекло, и толстъ четверти на три уже. Видъ съ рѣки на домъ и деревню прекрасный. Относительно пѣсень Максимо-вича,—не пересылайте ихъ до времени, милая маменька: ибо уже не долго остается.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. А. КУЛИШЪ.

(*Биографическій очеркъ*). ¹⁾

XXVIII.

Наступила эпоха великая и знаменательная, эпоха благородныхъ стремленій и кипучей дѣятельности, лучшая пора жизни Россіи за цѣлое столѣтіе. Эта перемѣна не могла не найти радостнаго отголоска въ такой живой и впечатлительной душѣ, какъ Кулишъ. Съ восхищеніемъ привѣтствуетъ онъ въ письмахъ къ близкимъ людямъ благородныя начинанія новаго императора, который вступилъ именно на тотъ самый путь, который тогда всего желательнѣе былъ для Россіи.

Кулишъ встрѣтилъ особенно въ Н. Д. Бѣлозерскомъ и въ К. С. Аксаковѣ горячее сочувствіе своимъ восторгамъ по поводу словъ и поступковъ новаго государя. „Радуйтесь, Николай Даниловичъ“,—писалъ онъ Н. Д. Бѣлозерскому: „о новомъ государѣ рассказываютъ чудеса. Петербургъ и Москва отъ него въ восторгѣ. Австрійскаго посланника государь принялъ очень сурово, прусскаго очень ласково. Говорятъ, Бибикувъ отставленъ и на его мѣсто Игнатъевъ. Клейнмихель на третій день пришелъ съ прошеніемъ и получилъ въ отвѣтъ: „Съ удовольствіемъ, графъ, съ удовольствіемъ, но намъ надобно свести съ вами счеты“. Бибикову сказано: „Васъ не за что благодарить: вы

¹⁾ См. Киев. Стар. 1901 г., № 5.

вооружили моего отца противъ дворянства, которое теперь стоитъ во главѣ всего добраго“. Говорять, позволено печатать „Мертвыя Души“...¹⁾ Два квартальные у входа къ тѣлу покойнаго государя обошлись грубо съ молодымъ чиновникомъ, который вышелъ изъ себя и далъ одному пощечину. Его судили, но начальство его довело до свѣдѣнія государя о причинѣ вспыльчивости молодого человѣка, который пришелъ не одинъ, а привелъ двухъ дамъ, и государь написалъ: „за грубое обхожденіе полиціи отставить обоихъ квартальныхъ надзирателей отъ службы, съ тѣмъ, чтобы никуда впредь не принимать“. Словомъ, расскажамъ конца нѣтъ! Никогда еще ни одинъ государь не производилъ такого восторга въ обществѣ... Прибавлю еще, что когда государь въ первый разъ явился передъ дворянами, то осанка его и манеры были такъ величественны, что всѣ были поражены какъ бы сверхъестественнымъ видѣніемъ. Онъ явился въ полномъ благороднѣйшемъ смыслѣ слова русскимъ царемъ передъ подданными“.

17 Марта 1855 г. Москва. „Часовъ въ 12 утра пріѣхалъ въ Москву Конста для окончательныхъ распоряженій о книгѣ своего отца: „Разказы и воспоминанія охотника“. Онъ такъ здоровъ и силенъ, что чуть не искалѣчилъ меня пожатіемъ руки. Отъ него такъ и вышетъ теплотою души. Чудесный Конста!..

„По случаю юбилея²⁾ налитографировали нѣсколько профессорскихъ портретовъ. Въ томъ числѣ и Шевырева. По выраженію Консты, Шевыревъ такъ похожъ, что хочется плюнуть. Эта фраза равняется прекрасному изреченію Хомякова: „Если Погодинъ сдѣлаетъ что-нибудь гадкое, то всегда обтирается Шевыревымъ“.

„Конста цѣлый день прошатался по Москвѣ и, воротившись въ 11 часовъ ночи, привезъ, во-первыхъ, темный слухъ

1) Напомнимъ здѣсь, что Кулишъ тогда еще не былъ издателемъ сочиненій Гоголя, а занимался лишь его біографіей, и разрѣшеніе было дано Трушковскому.

2) Московскаго университета (въ 1855 г.)

о какой-то великой побѣдѣ русскихъ, во-вторыхъ, о трехъ комитетахъ: для передѣлки устава о цензурѣ, для смягченія мѣръ относительно раскольниковъ и для пошлннѣ. О прекращеніи преслѣдованія раскольниковъ извѣстно положительно. Онъ же слышалъ, что когда Эстергази сказалъ государю, что отецъ его намѣренъ былъ поступать иначе въ отношеніи къ Европѣ, т. е. склонялся къ уступкамъ, государь отвѣчалъ: „Отецъ мой, послѣ тридцатилѣтняго царствованія, могъ поступать какъ ему угодно, но я, вступивъ на престолъ недавно, долженъ дѣйствовать иначе“.—„Ваше Величество будете спасителемъ Европы“, сказалъ Эстергази.—„Всѣ мои интересы“, отвѣчалъ государь, „заключены въ Россіи“.—„Ваша доброта“—продолжалъ тотъ, „извѣстна всей Европѣ“... Потомъ, спохватившись, прибавилъ: „также, какъ и ваша твердость“. Но государь сказалъ: „Моя доброта будетъ вся принадлежать Россіи, а твердость мою узнаетъ Европа“.

„Конста отъ всего этого въ восторгѣ; особенно ему нравится, какъ государь, по его выраженію, „выгораживаетъ покойнаго отца своего, сохраняя ему все его царственное достоинство, а себя между тѣмъ не лишаетъ возможности поступать по усмотрѣнію“.

„Есть слухъ, что Норовъ не удержится на мѣстѣ, Биби-ковъ тоже, но онъ ничѣмъ еще не подтвердился, кромѣ сухого обращенія съ ними государя. Ермоловъ принятъ великолѣпно. Говорятъ, ужъ о немъ получена бумага, что онъ оставляется для высшаго поста. Государь обыкновенно бесѣдуетъ съ нимъ за утреннимъ чаемъ. Конста и отъ этого въ восхищеніи. Онъ послалъ ему по городской почтѣ слѣдующій привѣтъ, безъ подписи именъ: „Долго бездѣйствовалъ ты, нашъ старый богатырь; но Европа потряслась въ своихъ основаніяхъ, но имя Напарты вновь раздается въ мірѣ, но гремитъ громъ и блещетъ молнія грозы военной,—и при грохотѣ грома и блескѣ молніи, народный гласъ вызываетъ тебя, солдатъ Суворова, тебя, генераль двѣнадцатаго года, тебя, наша народная слава, тебя, Ермоловъ!“.

„Жаль, что я не имѣю времени описать выборъ Ермолова въ начальники ополченія. Конста говоритъ, что масса народа всегда движется разумѣе и вѣрнѣе отдѣльныхъ лицъ. Были люди, желавшіе воспрепятствовать этому выбору, было сдѣлано нѣсколько гадостей, такъ что самъ Ермоловъ письмомъ къ губернскому предводителю дворянства просилъ не посылать къ нему депутацію, а результатъ вышелъ все-таки прекрасный: Ермоловъ выбранъ.

„Ту же мысль Конста примѣняетъ и къ юбилею ¹⁾. Шевыревъ сдѣлалъ пошлымъ это торжество, но съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ Россіи воспитанники Московскаго университета придали ему торжественность и закрыли всѣ шевыревскія пошлости.

„Въ заключеніе сегодняшняго вечера Конста прочелъ воспоминанія о томъ, какъ онъ былъ студентомъ. Нѣсколько человекъ въ честь юбилея написали такія воспоминанія, чтобы прочесть ихъ у Самарина на частномъ торжествѣ того же 12 февраля. Записки Консты въ высшей степени интересны“.

Въ одномъ изъ писемъ къ В. В. Тарновскому Кулишъ писалъ также: Прочитайте во 2 № „Современника“ пять стихотвореній графа А. Толстого: какія вещи позволяютъ печатать. А между тѣмъ положительнаго облегченія нѣтъ, только цензура какъ-то ободрилась, да и всѣ шумятъ, точно не русскіе. На юбилей Щепкина Константинъ Аксаковъ предложилъ тостъ за общественное мнѣніе, и общество отъ восторга переломало нѣсколько стульевъ“ ²⁾.

Объ Ив. С. Аксаковѣ въ письмѣ къ Н. Д. Бѣлозерскому Кулишъ писалъ 1 мая 1855 года: „Подъ Москвой встрѣтилъ я Ивана Аксакова, штабсъ-капитана. Онъ молодецъ въ національной одеждѣ и радуется, что, выйдя въ отставку, получитъ

1) Разумѣется столѣтній юбилей московскаго университета.

2) „Кіевская Старина“, 1898, IV, стр. 114.

право носить ее ¹⁾). Служить ему трудно, но онъ доволенъ успокоеніемъ совѣсти, которая могла бы сказать ему: „А ты гдѣ былъ, когда рѣшалась судьба отечества? Хорошо ли, дурно ли распоряжаются сверху,—но, по его словамъ, каждый долженъ, сколько можетъ, понести общей тяжести, и для совершенства души необходимо иногда дѣлать дѣло не по своему вкусу“.

Когда, въ началѣ царствованія, послѣдовало сильное оживленіе литературы и стали возникать одно за другимъ новыя періодическія изданія ²⁾, И. С. Аксаковъ задумалъ изданіе „Русской Бесѣды“ и предлагалъ сотрудничество Кулишу. Занятый печатаніемъ южнорусскихъ лѣтописей и приготовленіями къ изданію „Записокъ о южной Руси“ ³⁾, Кулишъ отклонилъ было предложеніе, но затѣмъ послалъ туда, во вторую книгу журнала, свою повѣсть „Феклуша“ ⁴⁾.

XXIX.

У Кулиша продолжались заботы и хлопоты по напечатанію „Черной Рады“. Съ цѣлью облегчить этому сочиненію цен-

¹⁾ Послѣ, когда Кулишъ въ письмѣ къ С. Т—чу осуждалъ выборъ знакомствъ, сдѣланныхъ И. С. во время его пребыванія въ Малороссіи въ 1855 г., недовольный этимъ И. С. нелестно отозвался о Кулишѣ («И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», III, 217—218).

²⁾ Однажды Кулишъ сообщалъ также: «Я читалъ объявленіе о Русскомъ Вѣстникѣ», который будетъ издавать въ Москвѣ Катковъ. Хомяковъ съ братіей тоже намѣренъ издавать журналъ. Императрица, во время пребыванія въ Москвѣ, призвала его къ себѣ и долго съ нимъ бесѣдовала. Между прочимъ ему обѣщано, что съ него снимется запрещеніе писать.

³⁾ Къ числу этихъ предпріятій относилось также задуманное Меемъ изданіе журнала «Россія», по поводу котораго Кулишъ писалъ: «Кажется, что Мей и журналъ его—явленія вздорныя, а журналъ притомъ еще и не утвержденъ».

⁴⁾ И. С. Аксакову эта повѣсть не особенно понравилась, во «Записки о южной Руси» онъ считалъ весьма интересными («И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», III, 287).

зурное разрѣшеніе, авторъ перевелъ его на русскій языкъ, чтобы легче было потомъ провести книгу и на малороссійскомъ языкѣ. „Если мнѣ дадутъ право общей цензуры“—писалъ онъ В. В. Тарновскому,—„то не уѣду изъ Петербурга, не напечатавши „Черной Рады“ по малороссійски¹⁾. Тому же лицу Кулишъ писалъ: „Я думаю, что надо издать эту книгу съ рисунками пѣвцовъ и баевъ и четырьмя хромолитографированными типами паробка и дивчины, дѣда и бабы съ акварелей Жемчужникова, а въ концѣ приложить десятка три голосовъ пѣсень. Это проведетъ книгу къ панамъ, которые не вупятъ ее для одного чтенія и откроетъ имъ глаза на этнографію, какъ на нѣчто живое, существующее въ природѣ, а не въ головахъ литераторовъ, а текстъ утвердить ихъ въ этомъ мнѣніи“²⁾. Редакція „Русской Бесѣды“ съ своей стороны предлагала провести въ печать „Черную Радѣ“ въ своемъ журналѣ (конечно, въ русскомъ переводѣ). Большую денежную помощь въ этихъ дѣлахъ оказывалъ В. В. Тарновскій, издававшій на свой счетъ всѣ сочиненія Кулиша, которыя не печатались въ журналахъ.

Лучше всего можно понять, до какой степени Кулишу все-таки приходилось круто съ изданіемъ своихъ сочиненій,

1) „Кіевск. Стар.“ 1898, IV, стр. 116. Но много хлопотъ и гора по обыкновенію доставляла Кулишу цензура, хотя въ началѣ новаго царствованія онъ смотрѣлъ на все оптимистически: «Чтобы дать работу вашему воображенію»,—писалъ онъ Н. Д. Бѣлозерскому—„скажу, что Черная Рада скоро выйдетъ изъ портфеля своего автора и пойдетъ странствовать по палатамъ и дворцамъ, пока не отвергнутъ ее, какъ злоторное произведеніе (вѣдь на свѣтѣ бездна самыхъ дикихъ заблужденій!) или скажутъ: «подно автору слоняться по свѣту перебендею, принять его хоть въ дворники. Съ представленіемъ «Записокъ» въ цензуру совѣтую обождать, потому что есть надежда на смягченіе устава. Теперь я брею и стригу своего «Романа», чтобъ можно было проскользнуть мимо швейцара, а тамъ, внутри палаты, люди поматче. Сказано: «не такъ панъ, якъ панчата».

2) «Кіевская Старина», 1898, IV, стр. 118 и друг.

изъ того, что ему пришлось таки въ почти безнадежныхъ обстоятельствахъ прибѣгнуть вновь къ Юзефовичу и просить его не только объ устраненіи цензурныхъ затрудненій, но и о денежной помощи. Юзефовичъ былъ все-таки свой человекъ, въ принципѣ тайно сочувствовавшій дѣятельности и симпатіямъ Кулиша, но на первомъ планѣ ставившій личное благоденствіе и способный на предательство „страха ради іудейска“. Юзефовичу можно было и теперь, даже въ письмѣ, сказать, что „нигдѣ не родиться духовного жныва бильшь, якъ на Украини“, что было, конечно, отчаяннымъ патріотическимъ самообольщеніемъ, а также противопоставляя Украину Москвѣ, высказывать надежду, что „кроткіе“, т. е. малороссы, „наслѣдуютъ землю“, и что „сонмы люду украинського сіяють душевнымъ богатствомъ по-надъ уси народы и збагащають Московську Русь“¹⁾.

Но все искупалось для Кулиша мечтами о будущемъ благотворномъ вліяніи своихъ сочиненій, мечтами, доходившими до едва вѣроятныхъ размѣровъ. Онъ, на примѣръ, писалъ С. Т. Аксакову: „Записки о южной Руси“ печатаю съ наслажденіемъ не потому, что въ нихъ есть мое, а потому, что передаю свѣту памятники духа народнаго, которымъ въ моихъ глазахъ нѣтъ цѣны. Корректуру держу съ такою тщательностью, какъ будто это Священное Писаніе, и надѣюсь, что по внѣшнему исполненію „Записки“ будутъ образцомъ совершенства. На это стоитъ тратить время, потому что общество наше привыкло соединять съ понятіемъ о малороссійской словесности понятіе о какой-то безграмотности и растрепанности, что совершенно справедливо. Надобно дать ему въ руки книгу, которая бы ни въ чемъ не уступала нѣмецкимъ и англійскимъ изданіямъ, въ которой видно было бы серьезное изученіе предмета“²⁾. Въ другой разъ онъ

1) »Кіевская Старина», 1898, III, 314—315, также вообще 311—316.

2) Этотъ трудъ А. Н. Пыпинъ признаетъ самымъ крупнымъ трудомъ Кулиша въ области этнографіи; разбору его онъ посвящаетъ много интересныхъ и цѣнныхъ страницъ въ «Исторіи Русской этнографіи» (т. III стр. 194—201). Объ этомъ же трудѣ см. въ «Исторіи украинской литературы» Петрова, (стр. 280—285).

писаль о „Черной Радѣ“ Аксакову же: „Я знаю, что отдѣльное изданіе „Черной Радѣ“ на русскомъ языкѣ, черезъ годъ по напечатаніи малороссійскаго изданія, разойдется въ большомъ количествѣ экземпляровъ, потому что малороссіяне станутъ распространять преувеличенные слухи о достоинствахъ моего сочиненія, въ силу пословицы: „Кто новаго не видалъ, тотъ и встоши радѣ“, или: „На безрыбѣ и ракъ рыба“ и „На безлюдѣ и Тома дворянинъ“. Земляки будутъ носиться съ „Черною Радой“, какъ чортъ съ писанною торбой, и величаться ею, какъ поросенокъ на пристяжкѣ“. О „Запискахъ южной Руси“ Кулишъ писалъ В. В. Тарновскому, что если-бы у него были деньги, то онъ могъ бы издавать даже по шести книгъ въ годъ, занимаясь только редактированіемъ ихъ, возлагая подготовительную работу на надежныхъ людей.

Такую же увѣренность въ будущемъ успѣхѣ своихъ сочиненій мы часто встрѣчаемъ и послѣ у Кулиша. Въ одномъ письмѣ къ Д. С. Каменецкому онъ прямо говорилъ: „статьи мои въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ должны сдѣлать эффектъ“, и еще: „тупо ли, не тупо пойдутъ книги, имъ слѣдуетъ быть изданными, и онѣ окупятся“¹⁾.

Но настоящей оцѣнки своихъ трудовъ Кулишъ ожидалъ отъ такихъ людей, какъ Шевченко, о которомъ онъ говорилъ: „Тарасъ получилъ первый томъ „Записокъ о южной Руси“ и пришелъ въ неописанный восторгъ. Именно такіе люди, какъ онъ, знаютъ цѣну записаннымъ мною преданіямъ“. Къ числу этихъ цѣнителей относилъ онъ, кажется, и другихъ украинофиловъ, напр. Л. М. Жемчужникова, о которомъ онъ писалъ Бодянскому: „Одинъ изъ воспитанниковъ Академіи художествъ, Левъ Михайловичъ Жемчужниковъ, очень полюбилъ нашу Малороссію, ѣздилъ по ней все лѣто, нарисовалъ много малороссійскихъ типовъ и опять помышляетъ о новомъ путешествіи весной. Онъ посвящаетъ свой талантъ исключительно Малороссіи и теперь занятъ изученіемъ ея исторіи, этнографіи и сло-

1) «Кіевская Старина», 1898, іюль—августъ, стр. 132.

весности. Когда я прочелъ ему нѣсколько украинскихъ преданій, онъ воспламенился такимъ восторгомъ, который тотчасъ же показалъ мнѣ въ немъ истиннаго художника. Независимое состояніе, молодость, энергія и природный умъ, жаждущій знанія, ручаются въ томъ, что изъ него выйдетъ истинный историческій живописецъ“¹⁾.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что, хотя всякое литературное дѣло такъ и кипѣло въ рукахъ Кулиша, но почти на каждомъ шагу надо было пробивать стѣну всевозможныхъ препятствій, что отчасти не могло не охлаждать временно его энергіи, или скорѣе у него мы замѣчаемъ повтому неравномѣрность въ развитіи энергіи какъ въ литературныхъ, такъ и въ другихъ занятіяхъ, и тотъ же самый „горячій“ Кулишъ, по его выраженію: „и вчера Кулишъ, и сѣгодня Кулишъ“, у котораго временами дѣло горѣло такъ, что это возбуждало во многихъ зависть, вдругъ чувствовалъ себя вынужденнымъ бросать его или откладывать и мѣнять на другія занятія, и иногда на такія, къ которымъ онъ былъ менѣе склоненъ.

По прежнему Кулишъ продолжалъ также принимать горячее участіе въ судьбѣ своихъ товарищей и, смотря по ходу обстоятельствъ, радоваться или скорбѣть за нихъ. Онъ сильно ликовалъ по поводу освобожденія Костомарова и Гулака-Артемовскаго и уже въ 1856 г. питалъ надежду на освобожденіе Шевченка²⁾. Въ его письмахъ мы нерѣдко находимъ разныя сообщенія, преимущественно о Костомаровѣ, напр., что Костомаровъ хочетъ печатать въ „Отечественныхъ Запискахъ“ „Богдана Хмельницкаго“ и собирается писать полную исторію южной Руси.

Самъ Кулишъ, ободренный прекрасными вѣяніями новаго царствованія, почувствовалъ, наконецъ, возможность дышать пол-

¹⁾ Тамъ же, 1897, XII, стр. 453.

²⁾ Онъ радовался, напр., что „Тарасъ дождался миру на прожитіе“ („К. Ст.“ 1899, 1, 81).

ной грудью, и въ числѣ другихъ проектовъ увлекается мечтой о заграничномъ путешествіи.

XXX.

Продолжая свою работу надъ „Записками о Южной Руси“, Кулишъ гостилъ у Репнивыхъ въ Яготинѣ, у Галагана, у Грабовскаго, у Закревскихъ (но тамъ ему не понравилось, и хотя по его описанію, „у нихъ садъ гарный, будинки хороши строятца, хутко будутъ окончени, хоть бы и царю въ нихъ жить; а жить у нихъ буде скучно“), у де-Бальмена; въ этихъ своихъ поѣздкахъ онъ часто пользовался товариществомъ Л. М. Жемчужникова. Цѣлью этихъ поѣздокъ было изученіе края; между тѣмъ Кулишъ имѣлъ тогда въ виду, при содѣйствіи близкихъ ему и сочувствовавшихъ изученію Украины лицъ, учредить собственную типографію, но мысль эта была осуществлена нѣсколько позднѣе.

Во всѣхъ названныхъ домахъ Кулишъ встрѣчалъ искреннюю симпатію и почти родственныи пріемъ. Плѣняла его и роскошная украинская природа, но сердце его сжималось при видѣ бѣдности крестьянскаго малороссійскаго населенія. „Сонце“—восторгался онъ—, сідало въ Линовиці, мовъ у раю; у воді дерево играло наче шовей да саети; гуси кричать и плещуть середь ставу; тихо, якъ у Бога на неби; а сонце все позолотило, и кожне зъ насъ здалось середь зеленоі садовини, мовъ на картині. Коли бъ тілько не було на серці туги, то хваливъ би Господа милосердного, дивлячысь на его дива, да й годі“. Но въ то же время его удручало печальное зрѣлище бѣдствующаго народа: „Ранкомъ ходили съ панночкою до церкви, щобъ подивиться на ліновицький народъ. Мизерный народъ. А бувъ бы народъ гарный, коли бъ доля ёму лучче“. Поэтому, тотчасъ послѣ восторженнаго описанія красотъ природы, у Кулиша вырывается грустная нота: „то горе, що душа—наче птиця, безъ крыль: хоче піднятыця надъ землею, а туга до земли її при-

гвітає“. И все-таки, размышляя о поѣздкѣ въ Качановку и дальше, Кулишъ съ грустью думаетъ о разлукѣ съ Линовицей и семействомъ графа Де-Бальмена: „Добрі люди оці Де-бальменці! може й нема вже кращихъ по моему смаку: душа знай чогось бажає и знай кудись жадає, а куди не обернетця—усуди буде гірше, ніжъ у Линовиці. Тимъ то я дожидаюсь, поки приплють за мною коні зъ Качанівки, ¹⁾ а самъ собі думаю: „лучче не буде миня нігде, бо другої Ліновиці мабуть и на світі не має“. Но пылкое воображеніе, душа чуткая къ красотамъ природы; легко находитъ новый источникъ наслажденія, и въ помѣсть Галагана, Сокирянцахъ, съ его великолѣпнымъ паркомъ, благодаря прекрасной природѣ, Кулишъ пришелъ въ еще большее восхищеніе и тогда уже онъ говорилъ, что въ сравненіи съ нимъ „Качановка и Линовица должны спрятаться въ кутокъ“. Но „все-таки“—продолжаетъ онъ—„не будь здѣсь Жемчужникова, я бы поровиль поскорѣ уѣхать. Изъ трехъ резиденцій не знаю однако-жъ, которую выбрать: въ Линовицѣ жить не хочется, здѣсь тяготно и скучно, а въ Качановкѣ тоже пустота жизни и скука“. ²⁾ Не нравились Кулишу во всѣхъ этихъ, впрочемъ хорошо устроенныхъ, имѣніяхъ устройство панскихъ усадебъ на аристократическую ногу. Поѣхали однажды Галаганъ, Жемчужниковъ и Вас. Вас. Тарновскій-сынъ въ Лебединецъ, въ 20 верстахъ отъ Сокиринецъ, гдѣ Галаганомъ былъ построенъ будинокъ малороссійскій. „Подѣхавъ къ нему“—говоритъ Кулишъ—„чувствуешь въ душѣ легкость, какъ будто сбросилъ иго навязанной намъ насильно цивилизаціи. Простота

1) Имѣніе Тарновскихъ.

2) Въ одномъ изъ этихъ помѣстій, именно у Галагана, Кулишъ встрѣтилъ дѣвницъ Милорадовичъ, изъ которыхъ старшая расположила его къ себѣ званіемъ малороссійскихъ пѣсень и языка, особенно же украинскихъ думъ. Объ этихъ сестрахъ Кулишъ писалъ: «знають рідну мову и співають ріднихъ пѣсень». Одной изъ нихъ онъ писалъ: «за ваши пѣсни иной чоловікъ отдасть бы, можетъ быть, и душу».

и богатство давно уже перестали у насъ сочетаться одна съ другимъ. Вкусъ къ иноземному подавилъ все, что свойственно нашей сельской жизни, и панскіе дома между мужичьими хатами—такіе же иностранцы, какъ и сами паны между народомъ“. Изъ всѣхъ окружающихъ людей больше всѣхъ ему нравились «Тарновскіе, у которыхъ больше простоты и задушевности“, и Жемчужниковъ, о которомъ Кулишъ говорилъ: „онъ съ простой своей расположенностью больше всѣхъ меня удовлетворяетъ“.

Во время своихъ поѣздокъ въ Малороссію Кулишъ, по обыкновенію, часто съ большимъ увлеченіемъ пѣлъ украинскія думы въ кругу знакомыхъ или читалъ что-нибудь, напр. „Марусю“. При этомъ многіе изъ присутствующихъ плакали. Въ свою очередь, его приводила въ восторгъ и отзывчивая графиня Марія Де-Бальмень, которая просила его пѣть „невольницынкіи вирши“ Тараса Шевченка. Доброжелательство его къ этой обаятельной дѣвушкѣ выразилось въ словахъ: „О Господи! пошли сѣму ангелу счастье“!

Жемчужниковъ съ своей стороны такъ вспоминалъ объ этихъ совмѣстныхъ поѣздкахъ: „Судьба Кулиша мало-по-малу облегчалась, и ему дозволено было выѣзжать изъ Петербурга. Вотъ въ это-то время я посѣщалъ Пантелеймона Александровича въ хуторъ Мотроновкѣ и въ хуторъ Зарогѣ; ѣздилъ съ нимъ въ Черкасы, проживалъ у него на квартирѣ въ Кіевѣ. Кулишъ всегда мнѣ былъ очень пріятель. Сидя съ нимъ въ экипажѣ, я пѣлъ ему пѣсни и изучалъ новые мотивы отъ него и отъ жены его, милой Александры Михайловны, отъ дѣвушекъ, бабъ, стариковъ, парней и бандуристовъ. Ѣздили съ нимъ къ М. Грабовскому, въ его имѣніе кіевской губерніи. Ѣздили мы какъ придется: въ жидовскомъ фургонѣ, въ „нетычанкѣ“ и на перекладной. Дорогой мы много говорили и соболѣзновали о сосланномъ Шевченкѣ, котораго онъ лично зналъ и въ одно время съ нимъ пострадалъ, а я зналъ только его произведенія, которыми упивался. Въ Полтавской губерніи я

познакомил Кулиша съ семействомъ Г. П. Галагана, гдѣ въ первый разъ свелъ его съ моимъ пріятелемъ-бандуристомъ Остапомъ Вересаемъ. Кулишъ потомъ былъ съ Остапомъ въ перепискѣ ¹⁾.

Прибавимъ въ дополненіе къ нашей рѣчи о пребываніи Кулиша въ половинѣ пятидесятихъ годовъ въ Малороссіи, что въ это время онъ написалъ „Орысю“, которая выходитъ на Божій свѣтъ „що дальше, то все краще“, и задумывалъ, при содѣйствіи графини Де-Бальмень, иллюстрировать „Чорну Раду“. Кромѣ того, приведемъ небольшую выдержку изъ сообщенія Кулиша женѣ о его знакомствѣ съ Вересаемъ: „Забылъ я рассказать тебѣ“—писалъ онъ женѣ—„объ Остапѣ, сокиринскомъ бандуристѣ, который играетъ роль въ первой части второго тома „Записокъ о южной Руси“. Пошли мы къ нему въ хату и долго съ нимъ бесѣдовали. Онъ очень уменъ и благороденъ чувствами. Напр., онъ ходилъ къ Галагану жаловаться на сосѣдей, которые его обижаютъ: „Якъ тилько почувъ я ёго слово ласкаве да гарне, то наче на свить народывся. Стою, и духъ мини заперло. Пытае: „чого ты, Остапе“? а я тилько плачу: що такой та й гарный, а я ему въ вичи буду лизты“.—Я прочиталъ ему двѣ малороссійскія проповѣди, и восторгъ его превзошелъ мои ожиданія. „Колы-бъ у мене була така кныжка, то я бъ заплатывъ бы пысьменному грошы да поты слухавъ бы, покы всю вытвердывъ... А, Господы, яка-жъ кныжка! що наче въ мене волосся зъ головы ливе, и все плававъ бы, и наче зъ мене тило опадае, що, Господы, якъ то мы живемо грипно“. Я обѣщаль ему прислать экземпляръ проповѣдей и очень его обрадовалъ ²⁾. На другой день по возвращеніи нашемъ изъ бу-

¹⁾ См. также воспоминанія Л. М. Жемчужникова въ «Вѣстникѣ Европы», 1899, XI.

²⁾ Кулишъ не только самъ много трудился надъ собираніемъ малороссійскихъ пѣсенъ и этнографическихъ матеріаловъ, но также руководилъ на этомъ пути и другихъ.

динка Остапъ пришелъ къ намъ, и Жемчужниковъ нарисовалъ его для второго тома съ натуры“¹⁾).

XXXI.

На изданіе сочиненій Гоголя Кулиша натолкнуло случайное стеченіе обстоятельствъ. Въ то время, когда онъ былъ безусловно поглощенъ заботами о „Черной Радѣ“²⁾ и объ „Этнографическихъ Запискахъ“ и совершенно не думалъ о другихъ литературныхъ трудахъ, ему сначала неожиданно пришлось взять на себя этотъ издательскій трудъ. Первое извѣстіе о томъ, какъ это произошло, мы находимъ въ одномъ изъ писемъ Кулиша къ женѣ. Тамъ онъ говоритъ между прочимъ: „Я бувъ у княжны Репниной. Зрадила дуже, мене побачивши. Завтра їй прочитаю предисловіе до „Черной Радѣ“, бо людина розумна й щыра“³⁾. Потимъ бувъ у Трушковського, которому пораявъ передати изданіе Гоголя Бодянскому, а самому втигати за гряницю“⁴⁾. Но дѣло не состоялось, благодаря медлительности Бодянского и нетерпѣливости Трушковскаго: „Похопивсь винъ до сѣго“, продолжаетъ Кулишъ,—„и пойхали мы до Бодянского; тилько щось винъ не розпочынае речы про изданіе. Я сявъ-такъ поводывъ—ни, не бере! Я й самъ бы розпочавъ, да боюсь розсердыть паныча, бо сей панычъ теперъ на всихъ дывнеться такъ, якъ на якихсь опекунивъ, котори ёго мають за

1) Остапа Вересая въ 1854 г. посѣтилъ въ Сокиринцахъ И. С. Аксаковъ (См. «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», III, 43—44.)

2) О печатаніи «Черной Радѣ» см. въ письмѣ къ Галагану («Кіевск. Стар.», 1899, IX, 342—344.)

3) Въ другомъ письмѣ Кулишъ такъ передаетъ впечатлѣніе, произведенное на княжну Репнину предисловіемъ къ «Черной Радѣ»: «Плакала слушаючи, а потімъ поклонилась мнѣ такъ, якъ мужики кланяются пану—низенько; здивовавсь я, а далі що робить? и я їй поклонивсь, да „попрощались“.

4) Ср. объ этомъ въ «Русскомъ Обзорѣніи», 1897, III, стр. 195.

божевильного". Эта подозрительность челоѣка больного, уже терявшаго обладаніе умственными способностями, но отъ природы умнаго и еще достаточно наблюдательнаго и смѣтливаго, чтобы уловить каждую неосторожную ноту въ бесѣдахъ съ нимъ людей, недостаточно искусно умѣвшихъ маскировать настоящій характеръ своихъ отношеній къ нему, становилась съ каждымъ днемъ все болѣе затруднительнымъ и щекотливымъ пунктомъ для людей, имѣвшихъ съ нимъ соприкосновеніе. Можетъ быть, Бодянскому не совсѣмъ удалось скрыть свое мнѣніе объ истинномъ положеніи Трушковскаго; какъ бы то ни было, мы узнаемъ изъ сохранившихся документовъ, что онъ страшно возстановилъ противъ себя послѣдняго. Трушковскій еще разъ былъ у Бодянскаго для переговоровъ, уже безъ Кулиша, и на вопросъ о причинѣ своего скорого возвращенія, съ неудовольствіемъ отвѣчалъ: „А що? каже—я занятъ". Видно не такъ-то мудро сказана ричъ: про изданіе почалы говорить, говорить и договорылись до того, що я берусь издать, а паныча выправлю зъ Жемчужниковымъ за границу. Труда доволя, да въ чотырехъ типографіяхъ живо напечатаю. За се мини десята часть выручки. Зароблю бильшь 1000 рубливъ, а може й дви. А кончу до мая. Отъ и будутъ гроши на немецкій хлибъ" (т. е. для поѣздки за границу). Кажуть Аксаковы, що добре,— що спасу я чоловика одъ погыбели" ¹⁾).

¹⁾ Мы уже говорили, что этому труду много благопріятствовало сближеніе Кулиша съ Аксаковыми, рассказы которыхъ (а также Бодянскаго и Плегнева) чуть ли не натолкнули его раньше на мысль написать біографію Гоголя. По крайней мѣрѣ Кульшъ однажды писалъ И. С. Аксакову, еще говоря о себѣ, какъ о третьемъ лицѣ, въ виду нежеланія пока открытъ свой псевдонимъ: «Письмо наше, почтеннѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, такъ наказало моего пріятеля, автора статьи о Гоголѣ, за его грубую опрометчивость, какъ только кто бы то ни было могъ этого желать. *Проводя въ вашемъ домѣ незабвенный для него вечеръ, онъ не думалъ о матеріалахъ для біографіи Гоголя. Это было слѣдствіемъ послѣдней вечерней бесѣды съ О. М. Бодянскимъ.* Требованіе ваше вполне законно, и если автору статейки, о

Поводомъ къ передачѣ дѣла отъ Болянскаго Кулишу, несомнѣнно, служило и то обстоятельство, что онъ только-что много работалъ надъ своимъ трудомъ „Записки о жизни Гоголя“. Но, приступая къ работѣ, онъ встрѣтилъ довольно серьезное практическое затрудненіе: надо было до напечатанія писемъ Гоголя, долженствовавшихъ войти въ послѣдніе томы изданія, позаботиться о распродажѣ „Записокъ“, такъ какъ послѣднія должны были съ появленіемъ его отчасти потерять въ своей цѣнности; впрочемъ относительно послѣднихъ онъ уже имѣлъ тогда въ виду покупателя въ лицѣ книгопродавца Базунова. Взявъ на себя изданіе сочиненій Гоголя, Кулишъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ принять и хлопоты по отправкѣ Трушковскаго за гравлицу; принимая въ немъ участіе, онъ принужденъ былъ ѣздить въ банкъ, чтобы взять оттуда деньги, предназначенныя для печатанія, входить въ сношенія съ цензоромъ, извѣстнымъ писателемъ Лажечниковымъ, дѣйствовать на цензурный комитетъ ¹⁾. Но здѣсь ему была большая удача, благодаря самоотверженію цензора. „Добродѣтельный Гиляровъ ночи не доспавъ, а подписавъ всякій листочокъ восьмы томивъ. А письма Гоголя треба прывести въ порядокъ и прysłать ёму на прочеть. Обищавъ продержатъ пивтора дня“. Было условлено, что Кулишъ получитъ десятую долю выручки съ изданія, вслѣдствіе чего, надѣясь продать его сполна Базунову за 25000, онъ рассчитывалъ получить на свою долю двѣ съ половиною тысячи рублей ²⁾.

которой вы упоминаете, удастся написать порядочную біографію Гоголя, то онъ почтетъ приятнымъ долгомъ сообщить вамъ ее въ рукописи и просить вашего позволенія упомянуть въ ней о томъ, что сколько-нибудь касается васъ и вашего семейства».

¹⁾ Однажды Кулишъ сообщалъ: «сочиненія Гоголя позволены безъ всякихъ сокращеній, но официальной процедуры еще не сдѣлано». — «Князь Вяземскій» — писалъ отъ въ другомъ письмѣ — «дѣйствуетъ сильно противъ цензурныхъ неправдъ».

²⁾ Въ лвовскомъ журналѣ «Правда» сказано, однако, что Кулишу было предложено за трудъ три тысячи рублей (1868, стр. 312).

Повидимому, Кулишъ постепенно входилъ въ интересъ новаго взятаго на себя труда; сначала же, когда ему приходилось заниматься черновой работой, т. е. добываніемъ, переписываніемъ, а главное—сортировкой писемъ и вообще установленіемъ по возможности строгаго хронологическаго порядка среди хаотическихъ грудъ подлинныхъ писемъ и сниманіемъ съ нихъ копій, когда приходилось тонуть въ груды бумагъ, то и онъ испыталъ на себѣ тяжесть неблагоприятной, но совершенно необходимой подготовительной работы ¹⁾. Слѣды этого видны въ нѣкоторыхъ письмахъ. „У меня голова идетъ кругомъ“, жаловался онъ, „отъ цензурныхъ смятеній и отъ устройства въ порядокъ беспорядочныхъ писемъ Гоголя, которыхъ болѣе тысячи, и многіе безъ годовъ и чиселъ,—все это надобно опредѣлить, размѣстить, кое-что выключить и проч. и проч.“. Особенно же допекла цензура: „цензурныя остановки не мало томятъ меня. Одно чувство у меня есть—бѣжать, но куда—не знаю. Я убѣждалъ бы отъ самого себя, потому что душа моя состоитъ изъ дисгармоніи, которая меня же самого терзаетъ“. Но и кромѣ этого у Кулиша стеклоь одновременно такое множество самыхъ разнородныхъ цѣнныхъ матеріаловъ, относившихся къ его литературнымъ трудамъ, что онъ, мучительно торопясь и утопая въ трудахъ, тѣмъ не менѣе со многими не успѣвалъ справляться. Такъ онъ писалъ Н. Д. Бѣлозерскому: „О литургіи Гоголя распоряженіе учинено, и вы будете имѣть списокъ. О пропускахъ же отложилъ попеченіе. Писемъ Гоголя гора у Трушковскаго, и нѣтъ силъ сдѣлать всѣ выписки. Онъ напечатаетъ ихъ со временемъ, а при теперешней цензурѣ весьма немногое

¹⁾ Въ одномъ письмѣ Кулишъ особенно жалуется на траты на переписку, пересылку и переѣзды по изданію сочиненій Гоголя («Кіевская Старина», 1898, II, стр. 309). Конечно, онъ заботился также о продажѣ изданныхъ книгъ. Такъ онъ благодарить однажды Галагана за то, что онъ внушилъ своему свояку, попечителю кіевскаго округа, Ребиндеру, купить восемьдесятъ экземпляровъ «Записокъ о жизни Гоголя» для гимназій («Кіевск. Стар.», 1899 г., IX, 341).

будеть зачеркнуто, развѣ то, что шокируетъ живущихъ, а такого слишкомъ много. У Трушковскаго я видѣлъ еще пачку писемъ Смирновой, но уже не дерзнулъ и помыслить списывать: боюсь погрязнуть въ копировкѣ. Мнѣ надобно дѣлать иное дѣло. У Трушковскаго цѣлый чемоданъ наполненъ бумагами Гоголя, хранившимися доселѣ у Шевырева. Такому человѣку, какъ я, слѣдовало бы имѣть при себѣ неотлучную пишущую машину, усердную и довольно грамотную. Мнѣ все и вездѣ открыто, но нѣтъ средствъ черпать“. Также В. В. Тарновскому Кулишъ вскорѣ писалъ, что хотя онъ напечаталъ два тома писемъ Гоголя и разныхъ свѣдѣній о немъ (здѣсь разумѣлись „Записки о жизни Гоголя“), но что это лишь небольшая часть всѣхъ матеріаловъ, которые напечатаетъ Трушковскій и другіе ¹⁾. Г-жѣ Милорадовичъ онъ писалъ „Облегли меня труды и хлопоты кругомъ, и не знаю, какъ изъ нихъ выбраться“.

Сверхъ того, самое содержаніе большинства писемъ въ ихъ разбросанномъ видѣ и безъ предварительнаго всесторонняго ихъ изученія, въ свою очередь немыслимаго до приведенія ихъ въ строгую систему, которая могла явиться уже конечнымъ результатомъ предпринятой работы, было неясно и работа надъ ними казалась нерѣдко утомительною: „Письма Гоголя первыхъ годовъ“—писалъ Кулишъ женѣ—„очень утомляли меня ребяческой болтовнею, но чѣмъ далѣе, тѣмъ они интереснѣе, и часто изъ редактора я дѣлаюсь читателемъ. Написалъ я тебѣ, какъ утомляетъ меня работа, и раскаиваюсь! ты преувеличиваешь въ воображеніи. То былъ такой часъ унынія, въ который хотѣлось тебѣ пожаловаться“ ²⁾.

Эта торопливость Кулиша, обусловливаемая самой пылкостью его натуры и множествомъ, нетерпящихъ отлагатель-

¹⁾ См. также «Русское Обозрѣніе», 1893, III, 195—200.

²⁾ Но это случалось не разъ, и жалобы на избытокъ слѣшнихъ дѣлъ повторялись и въ письмахъ къ постороннимъ, напр. «Силько въ мене работы, що й въ голови не вмщається». («Кіевск. Стар.», 1898, II, стр. 231).

ства, литературныхъ задачъ и патріотическихъ замысловъ встрѣтило нѣкоторое осужденіе со стороны цензировавшаго сочиненія Гоголя извѣстнаго Н. П. Гилярова-Платонова. Причина несогласій послѣдняго съ Кулишемъ заключалась въ томъ, что Гиляровъ требовалъ отъ перваго исключительнаго посвященія на нѣкоторое время всѣхъ своихъ силъ такому дѣлу, какъ изданіе сочиненій Гоголя, тогда какъ Кулишъ возражалъ ему: „Въ эту пору моей жизни за такое время“ (около года, какъ можно понять изъ содержанія всего письма) „купить меня невозможно ничѣмъ. Это говорю относительно нѣкоторыхъ предпріятій, которыя для меня дороже самой жизни“¹⁾. Но и помимо этого, Кулишу не могло понравиться осужденіе его труда, когда и безъ того онъ успѣлъ уже такъ много сдѣлать, какъ едва ли это удалось бы въ такой промежутокъ времени кому-нибудь другому. Вѣдь въ то же самое время были уже выпущены имъ въ двухъ томахъ „Записки о жизни Гоголя“, представлявшія собою, какъ на это смотрѣлъ и самъ авторъ, какъ бы второе, исправленное и дополненное изданіе „Опыта біографіи“. Отношеніе „Записокъ“ къ „Опыту“ справедливо было указано Кулишомъ въ письмѣ къ Н. М. Бѣлозерскому въ выраженіи: „оно будетъ аки генераль передъ прапорщикомъ, въ разсужденіи богатства и драгоцѣнныхъ матеріаловъ“.

XXXII.

Изъ любопытнѣйшаго письма Кулиша къ Гилярову-Платонову, напечатанному недавно въ „Русскомъ Обзорѣніи“²⁾, мы узнаемъ отчасти, хотя и въ очень общихъ чертахъ, нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся исторіи изданія, и съ другой стороны предъ нами раскрывается отношеніе Гилярова-Платонова къ цензируемому изданію.

¹⁾ «Русское Обзорѣніе», 1897, III, 194.

²⁾ «Русское Обзорѣніе», 1897, III, стр. 195—200.

Мы говорили, что племянникъ Гоголя, Трушковскій, приступивъ къ изданію, встрѣтилъ такія трудности во многихъ отношеніяхъ, что долженъ былъ отказаться отъ непривычнаго дѣла, тѣмъ болѣе что здоровье его уже находилось въ разстроенномъ состояніи. Приведеніе въ порядокъ рукописей и писемъ, возня съ цензурой и другія издательскія хлопоты, очевидно, оказались ему не подъ силу, и онъ самъ сталъ искать редактора для предпринимаемыхъ изданій. Аксаковы указали ему на Кулиша, который, въ свою очередь, рекомендовалъ Бодянского, какъ издателя, „не имѣющаго соперниковъ“, разумѣя, вѣроятно, подъ этими словами всеѣмъ извѣстную необычайную добросовѣстность и аккуратность Бодянского. Но, Бодянскій, повидимому, оттолкнулъ отъ себя Трушковскаго своей медленностью, назначивъ недѣлю срока только на то, чтобы подумать, можетъ ли онъ объ этомъ начать переговоры и притомъ, кажется, не сумѣлъ обойтись съ большимъ. Хотя вопросъ былъ настолько серьезенъ, что подобная просьба была вполне естественна, но впечатлѣніе, произведенное просьбой Бодянскаго на болѣзненно-раздражительнаго Трушковскаго, было непріятное, и послѣдній выразилъ желаніе, чтобы за дѣло изданія взялся Кулишъ, и вскорѣ пришелъ къ убѣжденію, что ему одному онъ могъ бы вѣрить изданіе. Вѣроятно, впрочемъ, прошелъ нѣкоторый промежутокъ времени раньше этого рѣшенія, когда Бодянскій даже приступилъ было уже къ работѣ, такъ какъ въ бумагахъ его оказались нѣкоторыя копія и писемъ Гоголя, и въ томъ числѣ съ писемъ, относящихся совершенно къ различнымъ періодамъ, большей частью вошедшихъ въ изданіе Кулиша, но два-три письма по разнымъ соображеніямъ остались невключенными въ него, и они уже значительно позднѣе (въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ) были напечатаны въ „Русской Старинѣ“ А. А. Гатцукомъ ¹⁾. Какъ я слышалъ отъ покойнаго Гатцука, все эти копія были сдѣланы съ замѣчательной тщательностью и въ величайшемъ порядкѣ, но, вѣроятно, Трушковскому эта-то щене-

¹⁾ См. «Русскую Старину», 1888, III.

тильная аккуратность именно и не понравилась, потому что грозила затяжкой дѣла, которое ему желательно было скорѣе окончить. Когда изаніе принялъ на себя Кулишъ, не отвлекаемый официальными служебными занятіями, онъ повелъ дѣло чрезвычайно скоро и энергично, но предварительная черновая работа съ внѣшней стороны все же неизбежно должна была отзывать нѣкоторой спѣшностью ¹⁾). Прекрасное исполненіе изданія, давно получившаго справедливо заслуженную высокую оцѣнку, ясно показываетъ, что нѣкоторыя бросившіяся въ глаза цензору Гилярову-Платонову мелочныя неисправности въ этой черновой работѣ, какъ напр.—что попадаются дублеты, что иной разъ нарушена хронологія (въ самомъ изданіи нѣтъ слѣдовъ этой неисправности), были почти неизбежнымъ слѣдствіемъ сложной работы, и мы должны вѣрить словамъ Кулиша о томъ, что даже для того, чтобы сообщить рукописямъ тотъ ужасающій (съ строгой точки зрѣнія Гилярова-Платонова) видъ, въ какомъ онѣ предъ нимъ предстали, Кулишъ работалъ нѣсколько недѣль сряду такъ, какъ никто изъ извѣстныхъ ему людей работать не въ состояніи. „Вы смотрите на мои рукописи“—продолжаетъ Кулишъ—„какъ на крайнюю небрежность и даже неуваженіе къ публикѣ, а я смотрю на нихъ, какъ на грубо обтесанный мраморъ, въ котораго безобразной грудѣ только глазъ мастера видитъ стройную фигуру“ ²⁾). Нѣкоторыя уцѣлѣвшія до сихъ поръ копіи Кулиша совершенно подтверждаютъ справедливость его словъ: дѣло было ведено вполне аккуратно и тщательно, за исключеніемъ того, что, быть можетъ, послѣ издателю приходилось нѣсколько измѣнять порядокъ нѣкоторыхъ заготовленныхъ къ печати пачекъ и т. п.

Между тѣмъ Гиляровъ предлагалъ и собственное содѣйствіе въ редактированіи писемъ, на что, повидимому, Кулишъ былъ согласенъ; но Гиляровъ болѣе чѣмъ странно, вѣроятно

¹⁾ Объ этой торопливости см. въ Львовской біографіи Кулиша («Правда», 1868, стр. 312).

²⁾ «Русское Обозрѣніе», 1897, III, стр. 196.

подъ вліяніемъ страха отвѣтственности, отнесся къ своему собственному дѣлу, отказавшись подписать безусловно все вышедшее изъ-подъ пера такого писателя, какъ Гоголь. Трудно повѣрить, что Гиляровъ упрекалъ Кулиша въ томъ, что имъ не все (!) вымарано изъ писемъ, что, по его мнѣнію, слѣдовало бы исключить, а равно чрезвычайно странно тонъ его наставлений, когда онъ позволилъ себѣ сказать, что „слѣдуетъ, по правиламъ чести, продавать письма особо, а сочиненія особо“: не считаться съ условіями русской книжной торговли имѣлъ бы право только человѣкъ, дѣйствующій безусловно на свой страхъ и взявшій на себя заранѣе всѣ послѣдствія такой постановки дѣла, и странно было ставить въ упрекъ Кулишу, что онъ въ интересахъ русской литературы и наслѣдниковъ Гоголя, исполнилъ, какъ могъ, изданіе писемъ, тогда какъ при другихъ условіяхъ оно было бы долго несуществимо.

Помимо Гилярова, Кулишу пришлось обратиться и въ Петербургъ въ главное правленіе цензуры, подавъ чрезъ посредство извѣстнаго друга Гоголя, А. П. Толстого, докладную записку Вяземскому о разрѣшеніи дать всѣмъ шести томамъ одно общее заглавіе. Весьма вѣроятно, что это ходатайство было вызвано именно несочувствіемъ Гилярова мысли соединить изданіе писемъ съ изданіемъ самыхъ сочиненій, и не менѣе вѣроятно, что это обстоятельство было причиной его рѣзкостей въ отношеніи Кулиша, хотя въ то же время любопытно, что Кулишъ признавалъ большія достоинства за тѣмъ планомъ, который рекомендовалъ ему Гиляровъ, и нельзя не пожалѣть, что письма Гилярова къ Кулишу погибли въ 1885 г. во время пожара на хуторѣ послѣдняго. „Въ вашемъ умѣ, какъ вижу изъ вашихъ писемъ“, — писалъ Кулишъ — „строится нѣчто гармоническое, исполненное глубокаго смысла; по вашему плану вы можете сдѣлать величайшую вещь“ ¹⁾. Но въ чемъ именно заключался этотъ планъ, не могъ впоследствии припомнить и самъ Кулишъ, называвшій потомъ Гилярова, можетъ быть, съ чрез-

1) Русское Обозрѣніе, 1897, III, 200.

мѣрнымъ энтузіазмомъ „Илей Муромцемъ духовной дѣятельности“¹⁾).

XXXIII.

Въ то время, когда печаталось изданіе, Трушковскій окончательно заболѣлъ и „весь аксаковскій кружокъ заговорилъ, что и безъ болѣзни Трушковскій не обладаетъ энергіей труда, необходимой для такого предпріятія“, какъ взятое имъ на себя изданіе. Тогда Кулишъ „перенесъ изданіе въ Петербургъ, гдѣ заставилъ работать нѣсколько типографій“. При этомъ Аксаковъ и Плетневъ настаивали на строжайшемъ маскированіи въ перепискѣ именъ корреспондентовъ Гоголя, изъ которыхъ большинство тогда было въ живыхъ, но Кулишъ составилъ ключъ къ раскрытію этихъ именъ, со временемъ, въ сожалѣнію, утраченный.²⁾ Изданіе сочиненій и писемъ Гоголя, какъ извѣстно, вышло въ свѣтъ въ 1857 г.³⁾, а въ предшествующемъ 1856 г. наконецъ свята была предварительная цензура III отдѣленія съ сочиненій Кулиша (извѣщеніе объ этомъ Дуббельтомъ было позднѣе напечатано кн. Шаховскимъ въ „Русскомъ Обзорѣніи“⁴⁾), и почти тотчасъ вслѣдъ за этимъ Кулишъ представилъ въ цензуру статью „О причинахъ взаимнаго ожесточенія поляковъ и малороссовъ въ XVII в.“, причемъ цензоромъ ея на этотъ разъ былъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія кн. Вяземскій. Можно представить себѣ, сколько нравственныхъ мученій приходилось переживать Кулишу за все это время, когда онъ былъ со всѣхъ сторонъ опутанъ формальностями, недоразумѣніями и претензіями и долженъ былъ тратить на сгла-

1) Тамъ же, стр. 203.

2) Эти письма, потому были раскрыты въ нашемъ «Указателѣ къ письмамъ Гоголя» (1-ое изд. вышло въ 1886, 2-е—въ 1888).

3) См. о немъ также въ сборникѣ «Памяти Тихонравова», стр. 95—96.

4) «Русское Обзорѣніе» 1897, III, стр. 207.

живаніе и устраненіе массу времени и душевныхъ силъ. Эта сторона дѣла всего легче можетъ ускользнуть при оцѣнкѣ его дѣятельности, а между тѣмъ вину подобныхъ передрагъ отнюдь нельзя возлагать на человѣка желѣзной энергіи и упорнаго труда, сгравдавшего отъ всякихъ случайныхъ неурядицъ. Можно было бы даже съ полнымъ, повидимому, основаніемъ дѣлать Кулишу упрёки, какъ дѣлалъ ихъ Гиляровъ, строго судившій нѣкоторыя вѣшнія неисправности въ представленныхъ ему рукописяхъ, но если эти неисправности были только формальныя, какъ было въ данномъ случаѣ, то справедливо было бы, съ другой стороны, привѣять во вниманіе и самыя условія работы и весь затраченный на дѣло колоссальный трудъ. А черновая работа по изданіямъ и разнымъ сопряженнымъ съ нимъ хлопоты и волненія, особенно по милости цензуры, чего-нибудь да стоили! Особенно не слѣдуетъ забывать, что Кулишъ долженъ былъ при тогдашнихъ условіяхъ пуститься въ искусное плаваніе между окружавшими его со всѣхъ сторонъ трудностями и препятствіями, когда, съ одной стороны приходилось соображаться съ разнообразными претензіями лицъ, ввѣрившихъ ему документы, касающіеся Гоголя, и ладить съ большимъ и капризнымъ Трушковскимъ, а съ другой стороны—прибѣгать къ вынужденнымъ умолчаніямъ, маскированію именъ, приспособляться къ требованіямъ цензуры.

Мы не имѣемъ данныхъ для точнаго воспроизведенія цензурныхъ мытарствъ, чрезъ которыя пришлось пробиваться Кулишу, но до нѣкоторой степени можемъ судить объ этомъ по письмамъ. Такъ, по одному отвѣтному письму Кулиша мы видимъ, что С. Т. Аксаковъ совѣтовалъ ему, и можетъ быть не разъ, вооружиться терпѣніемъ. „Вы напрасно напоминаете мнѣ о твердости“—отвѣчала Кулишъ: „если бы она не опиралась на матеріальныя выгоды, то я довелъ бы свое дѣло до конца по одному тому уже, что вы на меня смотрите“. Дѣло доходило до доклада Государю, какъ видно изъ одного письма Кулиша Трушковскому. ¹⁾

¹⁾ Тамъ же, стр. 207. См. также «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ» т. III, стр. 113. Объ отношеніяхъ Аксаковыхъ къ этому труду

Любопытны слѣдующія строки въ письмѣ Кулиша къ женѣ: „Быль я у графа Толстого (оберъ-прокурора). Онъ съ сокрушеніемъ сердца узналъ о колебаніи князя Вяземскаго и обѣщаль употребить вновѣ свое вліяніе. Довѣренность его мнѣ или, лучше сказать, увѣренность во мнѣ необыкновенная. Онъ не жа- луетъ современной литературы и называетъ себя „гасильникомъ“, но говоритъ: „Ужъ если я, гасильникъ между ними (верховными цензорами), желаю видѣть ваше предисловіе (къ „Черной Радѣ“) въ печати, то что же имъ думать“. Все, однакоже, онъ призавдумался надъ замѣчаніями Вяземскаго и сказалъ, что видно нельзя его поколебать, если онъ противится. По крайней мѣрѣ, онъ обѣщался привести дѣло въ ясность, т. е. чтобы сказали „нельзя“, и тогда я выпущу „Черную Радѣ“ безъ предисловія“. Понятно, что Кулиша постоянно преслѣдовало множество заботъ, отъ которыхъ онъ настолько похудѣлъ въ 1856 г., что совершенно измѣнился и даже не могъ нѣкоторое время исполнять данное женѣ обѣщаніе снять съ себя фотографію и оправдывалъ это такъ: „если по возвращеніи отъ Аксаковыхъ увижу, что я не похожъ на привидѣніе, то закажу свой портретъ“, а нѣсколькими строками раньше говоритъ и о причинѣ этого: „Чувствую, что мнѣ оправиться не изъ чего, ибо я долженъ быть въ вѣчномъ движеніи и заботахъ, а мысли мои летаютъ по всему свѣту“. И только въ благородномъ обществѣ Аксаковыхъ онъ могъ надѣяться настолько отдохнуть душой, чтобы не походить на привидѣніе. „Слава Богу“—говорилъ въ томъ же письмѣ Кулишъ,—„я чувствую себя здоровымъ, и въ этомъ вижу доказательство, что мнѣ еще надобно для чего-то жить. Когда бы только какъ-нибудь добыть спокойствія душевнаго, котораго бы ничто не въ силахъ было поколебать“... „Какъ немного нужно человѣку для спокойствія, но и этого не дается! Потому-то гораздо лучше броситься въ какую-нибудь пучину жизни, въ вѣч-

Кулиша см. И. С. Аксаковъ т. III, 65, 71, 36 и проч., къ его другимъ произведеніямъ—тамъ же, стр. 79.

ное движеніе, въ вѣчное кипѣніе страстей, обезумѣть и вѣчно волноваться“.

О цензурныхъ разрѣшеніяхъ Кулишъ всегда съ радостью извѣщалъ жену хотя нѣсколькими строками, и въ этихъ строкахъ чувствовалось получаемое имъ облегченіе. 1) Во всякомъ случаѣ онъ чувствовалъ себя не разъ обязаннымъ этими облегченіями духу новаго царствованія и съ большой симпатіей говорилъ о дѣйствіяхъ новаго государя, прибавляя: „Государемъ недоволены только закоснѣлые въ старыхъ формахъ правленія придворные, которые говорятъ: „нѣтъ прежняго величія!“ Измѣнившееся положеніе дѣлъ не могло не быть особенно пріятно человѣку, который говорилъ: „Немного лѣтъ просилъ бы я у Господа, только бы эти годы исполнены были чувства, мысли и дѣла“ 2).

Кромѣ указанной причины, Кулишъ находилъ для своей души источникъ нравственнаго освѣженія, какъ мы знаемъ, въ восторженныхъ надеждахъ по поводу старыхъ и новыхъ украинскихъ литературныхъ силъ, напр. Квитки 3), Марка Вовчка и

1) Иногда, напротивъ, ему случалось горько шутить по поводу цензурныхъ мытарствъ, напр. «Квыжки мои попонапечатувани, да одна безъ хвоста, а друга безъ головы, то й жду: не хочу такъ выпускаты. Хвистъ главное правленіе пропустило, да щось цензоръ загаавсь у Москви зъ виднысомъ, а голову ище оглядуютъ, чы не кусаты-мется. Голова же сія есть предисловіе къ «Черной Радѣ» (См. также «Кіевская Старина», 1898, XII, 365—375).

2) Къ сожалѣнію, Кулишъ ко всѣмъ этимъ, не зависѣвшимъ отъ него, волненіямъ присоединилъ еще волненія, порожденныя нападеніями его на «Тараса Бульбу» Гоголя въ его эпилогѣ къ «Черной Радѣ». (Объ этомъ мы говорили въ «Матеріалахъ для біографіи Гоголя», т. 1, стр. 12—13, примѣч. См. также его письмо къ В. В. Тарновскому въ «Кіевской Старинѣ» 1898, XII, 356—360. Наиболѣе подробное изложеніе возникшей полемики см. въ «Исторія русской этнографіи» Пыпина, т. III стр. 203—210).

3) Кулишъ очень любилъ Основьяненка и его сочиненія. Онъ писалъ къ г-жѣ Милорадовичъ: «Я до тѣхъ поръ читаю народныя пѣсни, пока онѣ не останутся у меня въ память, и Основьяненка

проч. и въ обществѣ такихъ людей, какъ Плетневъ или Аксаковы, а также въ своихъ поѣздкахъ въ Малороссію. Объ Аксаковыхъ онъ говоритъ. „Лѣтомъ у Аксаковыхъ еще пріятнѣе. Но я провелъ у нихъ однѣ только сутки, спѣша воспользоваться малороссійскимъ климатомъ. Старикъ Аксаковъ пишетъ исторію своихъ литературныхъ знакомствъ, не пропуская ни одной сколько-нибудь замѣчательной личности. Мы говорили безъ умолку, какъ юноши, вступающіе въ жизнь. Осуждали между прочимъ „Собесѣдниковъ“ и привели бѣднаго Консту въ уныніе“. О Малороссіи же Кулишъ писалъ: „При вѣздѣ въ Малороссію чувствую какой-то восторгъ, котораго давно не испытывалъ, и люблю ее, несмотря на все дурное, чтѣ она въ себѣ заключаетъ“. Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: „Теперь я привязанъ матеріально и нравственно къ Петербургу, а душа моя стремится въ нѣсколько пунктовъ Малороссіи за поэтической наживою; мнѣ предстоятъ долгія странствованія по свѣту. Но это не мѣшаетъ мнѣ чувствовать себя въ будущемъ, и я знаю, что придетъ время, когда никакая мѣстность и никакіе комфорты и связи не замѣнятъ мнѣ жизни въ мѣстахъ, памятныхъ мнѣ по событіямъ дѣтства и юности. Во чтѣ бы ни превратился Борзенскій уѣздъ черезъ 10, черезъ 15 лѣтъ, онъ останется для меня вѣчно чѣмъ-то роднымъ“. Слова эти потомъ были подтверждены самымъ дѣломъ.

XXXIV.

Промежутокъ отъ второй половины пятидесятихъ до начала семидесятихъ годовъ былъ для Кулиша временемъ, чрезвычайно богатымъ разнообразіемъ внѣшнихъ событій и внутреннихъ настроеній, временемъ, когда надежды еще не угасли и старость еще не настала, но когда вмѣстѣ съ тѣмъ человекъ

читаю до тѣхъ поръ, пока не останется слова, котораго я бы не зналъ, какъ оно у него сказано».

уже приобрѣлъ опытность и небезотчетно расходуетъ свои силы. Но мы очень часто видимъ въ Кулишѣ смѣну восторженныхъ надеждъ и временныхъ разочарованій; время для устройства своей будущей судьбы еще не ушло, опредѣленной же колеи не было, и постоянно приходилось отыскивать и пролагать новую дорогу. Такъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ, какъ извѣстно, онъ обратилъ вниманіе на много обѣщавшее дарованіе г-жи Марковичъ, извѣстной въ литературѣ подъ псевдонимомъ Марка Вовчка. ¹⁾ Съ свойственнымъ ему энтузіазмомъ Кулишъ пишетъ своему другу-поэту: „Посылаю тобі, брате Тарасе, „Оповідання“ Вовчка. ²⁾ Бачъ, яки дыва творяться:—уже и каминня почынае вопіяти. Де-жь, пакъ, не дыво, що, московка преобразылась въ украинку, да таки повисти вдрала, що хочъ бы й тобі, мій друже, то прыйшло бы въ миру. Якъ-то ихъ ты уподобаешъ? Пышы щиро, якъ думаешъ, бо ты въ насъ голова на всю Украину“. ³⁾ Самого Шевченка онъ старался ободрить слѣдую-

1) Тѣмъ болѣе Кулишъ отъ всей души радовался каждому усиію его старыхъ друзей, напр. Костомарова, о которомъ онъ съ большой радостью сообщалъ Вас. Вас. Тарновскому (25 окт. 1857): «Костомаровъ въ Саратовѣ. Надѣмся увидѣть его на нетербургской (устряловской) каедрѣ» («Кіевская Старина», 1898, XII, 365). О Шевченкѣ онъ писалъ В. В. Тарновскому—сыну, что ему хорошо жилось въ Нижнемъ Новгородѣ и что онъ прислалъ семнадцать акварелей, изображающихъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ онъ жилъ въ изгнаніи. Кулишъ выражалъ сожалѣніе, что эти акварели предположено было разыграть въ лотерею, тогда какъ украинскимъ патріотамъ слѣдовало бы въ своихъ рукахъ сохранить эти сокровища.

2) Кулишъ писалъ г-жѣ Милорадовичъ про «Народни Оповідання» Марка Вовчка: «Побачыте, що за диво, що за краса нашої мови! що за слава нашому сильському люду! Все новости напысани такъ, якъ народъ розказує. Выдумки немає. Но Кулишъ находилъ и недостатки въ М. Вовчкѣ. Впоследствии, поощряя свою жену къ занятіямъ литературой, онъ, какъ видно изъ одного письма къ Огоновскому, невольно сравнилъ ее съ Марко Вовчокъ, но видѣлъ въ ней женщину писательницу,—въ противоположность односторонности Марко Вовчокъ,—призванную изображать разные слои общества.

3) «Кіевская Старина», 1898, II, 231.

щими словами: „Пышуть до мене зъ Москвы, щобъ у московському журналі що небуль твое напечатать, не квапся на се, мій голубе, до якого часу. Одно, що тобі треба спростувать дорогу до столиці, а друге—зъ великою увагою треба теперъ роздвлятысь, що печатать, а що й придержать. Слава твоя пысательна теперъ у зенити, то вже треба оглашаты себе голоснымъ диломъ, а не абы-якымъ. Посли 1847 року ждуть одъ тебе землябы ричей великихъ, а послі вже й малымы до ихъ обизвесся“. Кулишъ высказывалъ Шевченку свои мнѣнія о его поэтическихъ трудахъ, а послѣдній чрезвычайно дорожилъ этимъ, говоря: „Михайль Семеновичъ Щепкинъ въ этомъ дѣлѣ не судья мнѣ, онъ слишкомъ увлекается. Максимовичъ—тотъ просто благоговѣть передъ моимъ стихомъ, Бодянский—тоже. Нужно будетъ подождать Кулиша. Онъ хотя и жестоко, но иногда скажетъ правду. Зато ему не говори правды“—прибавлялъ онъ, если хочешь сохранить съ нимъ добрыя отношенія“¹⁾.

Позднѣе Кулишъ сообщалъ нерѣдко въ своихъ письмахъ къ роднымъ разныя извѣстія о Шевченкѣ: „Кажуть, що вже Тараса зроблять хутко старшымъ. Цензура иводи крутыся, не одвыкшы басуваты по-старому. Хто жъ ии дражныть, а моя „Чорна Рада“ на соби те переносыть“²⁾.

XXXV.

Въ началѣ 1857 г. Кулишъ продалъ „Чорную Раду“ (на русскомъ языкѣ) въ „Русску Бесѣду“—по сто рублей за листъ и кромѣ того выговорилъ себѣ 500 оттисковъ, куда онъ предпо-

1) „Всемирная Иллюстрація“, 1897, № 19, стр. 438.

2) О себѣ же онъ писалъ въ шутку г-жѣ Милорадовичъ: «Много найдется родителей, которые скажутъ своимъ дѣтямъ: «Не идите по стонамъ Кулиша, а то его бѣда постигла, что не въ свое дѣло мѣшался. Ужь умиѣе предсѣдатели палаты да министры, да сенаторы какого-нибудь губернскаго секретаря!»

лагалъ включить иллюстрированныя изображенія и надѣялся, что эти экземпляры должны были разойтись скорѣе, нежели на малороссійскомъ языкѣ, бо землякы—ледачій народъ“, и вотъ на этихъ чистыхъ листахъ онъ просилъ Н. М. Бѣлозерскаго дѣлать замѣтки о томъ, какъ жили люди въ старину, какіе были тогда суды и проч., и эти матеріалы предполагалъ потомъ напечатать въ третьемъ томѣ „Записокъ о Южной Руси“. Въ то же время онъ занимался печатаніемъ „Исторіи Бориса Годунова“. Отъ Н. М. Бѣлозерскаго онъ ожидалъ только выписокъ изъ его бумагъ о хищничествѣ козацкихъ старшинъ и пановъ въ XVIII столѣтіи.

Въ одномъ письмѣ Кулишъ просить передать Костомарову дружеское порицаніе за то, что онъ къ нему не пишетъ: «Костомара сыдыть у Саратови та й мовчать, хырный. Не знаю цо зъ имъ и діється». Черезъ нѣкоторое время Кулишъ имѣлъ случай оказать Костомарову немалую услугу, о чемъ онъ сообщаетъ впоследствии въ „Воспоминаніяхъ о Костомаровѣ“: «Окончивъ «Богдана Хмельницкаго», благодаря содѣйствію благороднаго ляха ¹⁾, Костомаровъ прислалъ мнѣ изъ Саратова свою рукопись, прося напечатать ее отдѣльною книгою, но дня черезъ два онъ увѣдомилъ меня о своемъ желаніи помѣстить „Богдана Хмельницкаго“ въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ,—и первый гонораръ знаменитаго впоследствии историка былъ 45 рублей съ печатнаго листа въ «Отечественныхъ Запискахъ» ²⁾.

• Еще до окончанія изданія сочиненій Гоголя, Кулишъ уже имѣлъ удовольствіе видѣть осуществленіе своей мечты послѣднихъ лѣтъ, именно основаніе собственной типографіи, ³⁾ и въ его ру-

1) Свидавинскаго.

2) Гораздо позднѣе, въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ, Кулишъ однажды писалъ: «Журнальныя дѣла такъ упали, что Краевскій предлагаетъ Костомарову 40 р. съ печатнаго листа».

3) Любопытно, что Кулишемъ при учрежденіи типографіи руководили также заботы объ участіи двухъ его пріятелей, которыхъ онъ хотѣлъ имѣть компаньонами. „Съ изданіемъ сочиненій Гоголя“—ни-

какъ было исполненіе другого завѣтнаго плана—заграничной поѣздки. „Я могу продать изданіе Гоголя въ нѣсколько рукъ очень выгодно, съ уступкой только 10 процентовъ, а остальное по силамъ будетъ кому-нибудь съ уступкой 20 %. Итакъ сумма моя значительно подрастаетъ и мнѣ будетъ съ чѣмъ бродить по Европѣ“.

Цѣлью путешествія было самообразование: усиленные спеціальныя занятія нѣсколькихъ лѣтъ, поглощавшія все время Кулиша до послѣдней минуты до такой степени, что у этого человека, котораго смѣло, безъ малѣйшаго преувеличенія, можно называть образцомъ трудолюбія, иногда вырывались стоны сожалѣнія о неимѣннй возможности хоть сколько-нибудь принадлежать себѣ,—эти одностороннія занятія отвлекали его отъ многихъ другихъ, не менѣе важныхъ. Такимъ образомъ чувствовалась потребность какъ въ отдыхѣ, въ обновленіи силъ, такъ и въ расширеніи круга впечатлѣній.¹⁾ Вотъ какъ онъ передаетъ женѣ объ этой своей душевной потребности: „Типографіи работаютъ, корректуры читаются, приготовленія къ путешествію дѣлаются, а они состоятъ въ многоразличныхъ чтеніяхъ и выпискахъ. Я прихожу въ ужасъ отъ бесплодности послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ. Въ умѣ моемъ водворяется мерзость заустѣнія на мѣстѣ святѣ. Душа моя смята и измучена. Читая теперь исто-

салъ онъ С. Т. Аксакову—„связана еще судьба двухъ человекъ, для которыхъ я завожу типографію. Это люди высокой душевной чистоты, и жалъ было бы потерять изъ виду въ мутномъ водоворотѣ жизни. Поэтому я рѣшился привязать къ себѣ житейскими интересами и такимъ образомъ упрочить для себя и для общества ихъ непоколебимую честность“.

¹⁾ Одной изъ причинъ стремленія за границу было для Кулиша разочарованіе въ сочувствіи къ себѣ земляковъ. Онъ писалъ Милорадовичу, что ему „тяжело ѣхать, зная, что никто тебя не ожидаетъ“. Здѣсь (въ Швейцаріи) по крайней мѣрѣ разнообразіе человеческой жизни и природы можетъ сколько-нибудь занять тоскующаго человека.

рическія сочиненія и великихъ поэтовъ, я кое-какъ себя возста-
пвляю, пополняю и привожу въ порядокъ. Если бы дѣла шли
такъ, какъ до сихъ поръ, я бы съ отчаянія сдѣлался пьяницей
или застрѣлился. А теперь я бы желалъ отдать себя въ руки
какому-нибудь мудрому человѣку, который бы все во мнѣ пере-
смотрѣлъ и дополнилъ. Еще чувствую возможность быть чело-
вѣкомъ; еще остался во мнѣ юношескій жаръ къ ученію, но
знаю, что это послѣдній порывъ; если имъ не воспользуюсь, то
лучше мнѣ не существовать, чтобъ не презирать самого себя за
пустую, мелкую, вздорную, ни къ чему святому не направленную
жизнь. Всѣ мои сочиненія—сущій вздоръ. Они получаютъ значе-
ніе только въ такомъ случаѣ, когда я выскажу какую-нибудь
великую идею въ болѣе совершенныхъ созданіяхъ. Тогда они
окажутся необходимыми ступенями къ какой-то высотѣ, а когда
высоты нѣтъ, то къ чему ступени? И такъ, я еще не совсѣмъ
падшій человѣкъ. Я еще могу встать, еще могу торжествовать
надъ жизнью, которая разбила меня въ прахъ. Одинъ годъ та-
кого торжества—и душа моя совершенно и навѣки исцѣлится,
и кромѣ благодати ничего изъ нея не изыдетъ, и уже тогда
ничто ея не возмутитъ; безсиленъ будетъ весь міръ возму-
тить ее“.

Но это были пока мечты, а дѣйствительность продолжала
предъявлять свои требованія и приковывать къ прозаическимъ
заботамъ. Для сотрудничества въ типографскомъ дѣлѣ пришлось
пригласить двухъ лицъ: Каменецкаго ¹⁾ и Панина, изъ которыхъ
послѣдній вскорѣ же не оправдалъ возложенныхъ на него Ку-
лишомъ ожиданій. Хлопоты продолжались: „Цензурныхъ экземп-

¹⁾ Съ нимъ Кулишъ велъ въ концѣ 50-хъ годовъ дѣловую пе-
реписку, которая напечатана въ «Кіевской Старинѣ» 1898 г., № VП,
VIII и XII; тамъ же см. свѣдѣнія о личности Каменецкаго и объ
отношеніяхъ къ нему Кулиша. П. А. Кулишъ мечталъ о блестя-
щемъ будущемъ своей типографіи и въ своихъ письмахъ охотно свя-
зывалъ съ успѣхами типографіи судьбу ея управляющаго; но точный
и здоровый умъ Каменецкаго не могъ раздѣлять увлеченій своего
натрона. („Кіевская Старина“, 1898, XII, 351).

ляровъ съ билетомъ до сихъ поръ нѣтъ. Наборъ все еще идетъ, потому что „Мертвыя души“ съ примѣчаніями и перебивкою текста—очень затруднительная работа. Моя типографія уже набираетъ „Бориса Годунова“, а графъ Толстой ¹⁾ общалъ черезъ недѣлю возвратить мнѣ „Литургію“, и это будетъ первая книга, которая выйдетъ изъ моей типографіи“. Въ томъ же письмѣ находимъ любопытныя строки и о Шевченкѣ: „Тарасъ намѣренъ возвратиться въ Петербургъ, но неизвѣстно, когда онъ сюда будетъ. Онъ получилъ первый томъ „Записокъ о Южной Руси“ и пришелъ въ неописанный восторгъ. Именно только такіе люди, какъ онъ, знаютъ цѣну записаннымъ мною преданіямъ. Онъ говоритъ, „що такой книжки ще въ роду не читавъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кулишъ уже принимался за работу надъ изданіемъ сочиненій Квитки-Основьяненка, а съ другой стороны репутація его, какъ хорошаго, исправнаго издателя, грозила его надолго затянуть въ спеціально-издательскую дѣятельность. „За границу потому неудобно покажѣсть ѣхать, что сочиненія Гоголя только что окупятся; а можетъ быть, придется быть издателемъ и Пушкина, ибо Анненкову срокъ до 1 января, и книги вышли почти всѣ у него. Теперь сынъ Пушкина помышляетъ объ изданіи и хочетъ обратиться ко мнѣ“. Отсюда онъ приходилъ къ такому неутѣшительному заключенію, несмотря на перспективу пріятной самой по себѣ работы: „я, бывши недавно вольнымъ козакомъ, очутился опять на привязи. Впрочемъ, здѣсь больше были въ виду собственно хлопоты по продажѣ сочиненій Гоголя, по окончаніи которыхъ—мечталъ опять Кулишъ—„легкая кибитка помчитъ насъ въ тѣ страны, по которымъ ѣздить безъ лошадей: поѣдемъ прямо въ Римъ, до весны обнюхаемся съ иностранцами, и будемъ знать, куда и для чего ѣхать весной“.

¹⁾ Александръ Петровичъ, другъ Гоголя.

XXXVI.

Приведемъ теперь небольшой отрывокъ изъ воспоминаній Кулиша о Костомаровѣ, относящійся къ жизни ихъ обоихъ въ Петербургѣ 1859—1861 г.: „Начались мои совмѣстныя работы съ Костомаровымъ по изданію Актовъ Южной Россіи чрезъ посредство Археографической Коммиссіи. По его слѣдамъ я изучалъ историческія рукописи Императорской Публичной библіотеки, гдѣ мы видѣлись ежедневно, работая въ уединенномъ кабинетѣ и перемежая работу веселыми шутками. Костомаровъ, несмотря на свои болѣзненные припадки, любилъ смѣяться, и смѣхъ его былъ возбуждѣтеленъ для собесѣдника. Мы воображали себя въ Императорской Публичной Библиотекѣ подвижниками; Публичную Библиотеку называли Храминою Спасенія; весьма часто находила на насъ блажь вести бесѣду на древнеславянскомъ языкѣ и даже сочинять стихи въ старинномъ вкусѣ. Другъ друга мы звали не иначе, какъ „отче Николае, отче Пантелеймоне“. Но бесѣда наша пришла бы по вкусу и пушкинскому отцу Мисаилу съ его товарищемъ, отцомъ Варлаамомъ. Было что-то дѣтское въ веселости Костомарова, когда онъ чувствовалъ себя здоровымъ. Никто бы не повѣрилъ, что наша Храмينا Спасенія оглашается такими ребяческими разговорами. Однажды сказалъ онъ мнѣ, подражая въ совершенствѣ монашеской интонаціи, „честнѣйшій отче Пантелеймоне! хочу всѣмъ сердцемъ моимъ и всею душою моею и всѣми помышленіями моими пояти себѣ жену красну, аки кринь сельный“. Я отвѣчалъ ему: „честнѣйшій отче Николае! добре сотвориши, обаче прикуй къ ложу своему цербера трезвѣна“. И мой подвижникъ такъ расхохотался, что библіотекаръ прибѣжалъ изъ сосѣдняго кабинета. Часто вспоминалъ Костомаровъ совѣтъ мой и всегда съ хохотомъ. Многіе изъ властительныхъ тирановъ позавидовали бы веселости книжныхъ иноковъ, которыхъ жизнь была такъ безпощадно исковеркана“. ¹⁾ Позволимъ себѣ при-

¹⁾ «Новь», 1885, № 13 стр. 69.

вести въ примѣръ ихъ оригинальной переписки на церковнославянскомъ языкѣ начало письма Костомарова къ Кулишу: „Отче, радуйся и наки реку радуйся! Вселюбезное писаніе твое пріяхъ и прочтохъ и радостью возрадовахся. Аще бо возможно сему быти: есть желаніе сердца моего и многихъ лѣтъ, во еже написать дѣяніе народа житія его“... Оканчивается письмо такъ: „Женамъ сущимъ окрестъ о Христвѣ благумудрымъ сущимъ земно кланяюсь. Такожде возлюбленнаго брата Василія цѣлую любезнѣ. Смиранный инокъ, иже на Невѣ рѣцѣ, худый старецъ, паче всѣхъ челоуѣкъ грѣшнѣйшій, на благость же неизрѣченную Божіей десницы уповай во вѣки, аминь“.¹⁾

Въ 1860 и 1861 г. Костомаровъ жилъ съ Кулишомъ общими интересами душа въ душу. Вмѣстѣ проводя утро въ Публичной Библіотекѣ, они любили также сходиться по вечерамъ и составляли небольшое, но весьма интимное общество изъ четырехъ-пяти членовъ, т. е. Костомарова, г. Мордовцева, супружеской четы Кулишей и В. М. Бѣлозерскаго. Слѣды этого постояннаго близкаго общенія ихъ сохранились, между прочимъ, въ письмахъ Кулиша къ Юзефовичу, изъ которыхъ можно видѣть, до какой степени ихъ связывали тогда общіе интересы. 7 ноября 1860 г. Кулишъ писалъ: „Почтеннѣйшій Михайло Владиміровичъ! Петербургскій кружокъ земляковъ вашихъ, къ которому принадлежу и я, постоянно занимается исторіею Украины во время своихъ вечернихъ сходокъ, и вотъ уже нѣсколько разъ встрѣтилась намъ настоятельная надобность въ 4-мъ томѣ лѣтописи Велички, которая Богъ знаетъ почему не появляется въ продажѣ. „Вашимъ Лукомскимъ (лѣтописная компиляція по исторіи Малороссіи) „мы съ Костомаровымъ заинтересовались очень“. Часто также мы находимъ въ этихъ письмахъ сообщеніе о статьяхъ и публичныхъ лекціяхъ Костомарова и объ ихъ общихъ предположеніяхъ. Между прочимъ Кулишъ однажды сообщаетъ, что „Костомаровъ порывается

¹⁾ Нельзя поручиться за безусловную точность приведенныхъ строкъ вслѣдствіе феноменальной неразборчивости почерка Костомарова.

даже оставить кафедру, чтобы всего себя отдать литературѣ и исторіи“. Изданіе Актовъ Южной и Западной Россіи такъ воодушевляло обоихъ друзей, что они были совершенно околдованы надеждами. „Исторіи до сихъ поръ не было“—пишетъ Кулишъ—„и Костомаровъ отрекается отъ своего „Богдана Хмельницкаго“. Собственные замыслы Кулиша были тогда чрезвычайно широки и самоувѣрены, и Костомаровъ одобрялъ ихъ. „Мнѣ хотѣлось—писалъ Кулишъ о своей повѣсти „Тайна“—„написать такую вещь, которая бы ничего не потеряла, будучи переведенною и на языкъ Боккачіо, Сервантеса, Гете или Маколея, и, кажется, успѣлъ въ этомъ. Костомаровъ очень доволенъ“. 1)

XXXVІІ.

Покончивъ наконецъ съ своими срочными типографскими заботами и имѣя въ своемъ распоряженіи довольно денегъ для задуманнаго путешествія, Кулишъ долженъ былъ передъ отъѣздомъ позаботиться объ устройствѣ дѣлъ по имѣнію. Право на владѣніе хуторомъ Мотроновкой еще не было выяснено, что повело къ недоразумѣніямъ и пререканіямъ. Занятый постоянно литературой и разносторонними книжными интересами, Кулишъ постоянно стоялъ въ сторонѣ отъ этихъ пререканій, но ему надо было все-таки выяснить свое положеніе въ отношеніи къ имѣнію и стать въ опредѣленные отношенія, въ качествѣ владѣльца, къ другимъ лицамъ, имѣвшимъ также свои права и виды на Мотроновку. И вотъ, онъ проситъ одного изъ братьевъ жены: „Сдѣлайте милость, устройте между собой какой-нибудь раздѣлъ и объявите намъ, на какихъ условіяхъ Мотроновка могла бы перейти во владѣніе Саши. До сихъ поръ мы даже не знаемъ, какую сумму денегъ должны припасать для того, чтобы получить право быть уже не гостями въ этомъ убѣ-

1) «Кіевская Старина», 1899, III, 317—322.

жищѣ. Еслибы вы написали намъ, что и какъ, то мы бы въ февралѣ могли и двинуться для слушанія въ Мотроновкѣ вѣсенняго цвириканья воробьевъ. Вхатъ же наобумъ не рѣшимся. Здѣсь же мы все-таки чувствуемъ себя дома, а тамъ не знаешь, котораго брата величать хозяиномъ. ¹⁾

Наконецъ Кулишъ пустился въ давно желанный путь съ женой. Онъ объѣхалъ большую часть Европы, всюду восхищался плодами западной цивилизаци, которую онъ всегда цѣнилъ высоко, и вмѣстѣ съ тѣмъ грустилъ о томъ, что далеко до той степени благосостоянія и культуры его бѣдной, но горячо любимой Украинѣ; еще грустиѣе было ему отъ сознанія, что погруженная въ сонъ невѣжества родная страна такъ мало имѣетъ заступниковъ и покровителей, друзей мирнаго прогресса, и такъ много на ней тяготѣетъ всевозможныхъ условій, стѣсняющихъ даже ея естественное, столь запоздалое развитіе.

По возвращеніи Кулиша изъ заграницы В. М. Бѣлозерскій предпринялъ изданіе Малороссійскаго альманаха „Хата“ ²⁾ и затѣмъ журнала „Основа“. Это былъ первый опытъ въ своемъ родѣ, чтò уже само по себѣ показываетъ предприимчивость издателей. Осенью 1858 года, ободренный большимъ успѣхомъ „Записокъ о Южной Руси“ и другихъ своихъ трудовъ, Кулишъ рѣшился обратиться къ министру народнаго просвѣщенія Ковалевскому съ просьбою о разрѣшеніи издавать журналъ, посвященный южно-русской жизни, подъ названіемъ „Хата“, съ отдѣлами мѣстной словесности, исторіи, этнографіи и сельскаго хозяйства, причемъ обѣщалъ, что органъ этотъ „будетъ чуждъ политики“. Министръ свесся по этому вопросу съ начальникомъ 3-го отдѣленія, княземъ Долгоруковымъ. Ходатайство было отклонено вслѣдствіе того, что передъ тѣмъ „Грамматка“ Кулиша была призвана, по направленію, неодобренною. Между тѣмъ

1) Объ этомъ дѣлѣ см. подробнѣе въ «Кіев. Стар.», 1898, I, въ письмахъ къ Хильчевскому.

2) См. о ней замѣтку въ «Кіевской Старинѣ» 1898, іюль-августъ, отдѣлъ второй, стр. 5—6.

Кулишомъ подготовлялись къ обработкѣ девять томовъ Исторіи „Возсоединенія Руси“¹⁾.

Получивъ отказъ, Кулишъ одно время остававливался на мысли предпринять съ 1860 года изданіе цѣлаго ряда украинскихъ сборниковъ, причемъ, въ объявленіи объ этомъ изданіи, такъ объяснял основанія задуманнаго имъ дѣла: „Въ настоящее время, когда всякое гражданское общество ищетъ прочности своего существованія въ самопознаніи, какъ въ необходимомъ средствѣ къ исправленію старыхъ ошибокъ своихъ и предотвращенію новыхъ, Южная Русь, простирающаяся отъ предѣловъ царства Польскаго до Кавказа, отличающаяся отъ прочихъ племенъ славянскихъ своеобразнымъ языкомъ, такъ называемымъ украинскимъ, не осталась равнодушною къ великому и спасительному дѣлу самопознанія. Она выразила отличительныя черты своего прошедшаго и настоящаго многими томами чисто ученыхъ и беллетристическихъ произведеній на сѣверно-русскомъ и на своемъ родномъ, украинскомъ, языкахъ... По этимъ первымъ опытамъ разныхъ писателей, занимавшихся изслѣдованіемъ Южной Руси или ея изображеніемъ, чувствуется, что рудники, на которые набрело наше пытливое поколѣніе, доставятъ, послѣ насъ, работу милліонамъ другихъ, безъ сомнѣнія болѣе могущественныхъ и счастливыхъ дѣятелей. При такомъ сознаніи естественно приходитъ въ голову мысль о работахъ систематическихъ, производимыхъ не разъединенными личностями, а цѣлымъ обществомъ ученыхъ и литераторовъ, и эта мысль тревожитъ умы не однихъ литературныхъ дѣятелей по предмету изслѣдованія и изображенія русскаго юга, говорящаго украинскимъ языкомъ,—она слышится безпрестанно въ читающемъ обществѣ“.

1) Эти свѣдѣнія заимствованы изъ составленной для насъ рукописной замѣтки доктора Славницкаго.

Наконецъ наступило время торжества; разрѣшено было изданіе „Хаты“ въ 1860 году (выпущенъ былъ впрочемъ только альманахъ подъ этимъ названіемъ, но не журналъ, какъ добивался Кулишъ); въ 1861 году разрѣшено издавать „Основу“.

В. Шенроуъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СЕРЕДЪ ТЕМНОЙ НОЧЫ.¹⁾

Повѣсть.

ЧАСТЫНА ДРУГА.

Середь новаго товариства.

I.

Выйшовшы Романъ зъ волосты, повернувъ зновъ у гóродъ.

Ще николы винъ не бувъ такой лютой на брата й на селянъ, якъ теперь.

Ёму, бувшы вже не простымъ мужыкомъ, зазнаты такой ганьбы, такого сорома передъ цѣлымъ селомъ!

И все черезъ ёго, черезъ цѣго клятого Деныса! Якъ бы винъ ёго заразъ отутъ, середъ шляху, стривъ,—задавывъ бы ёго, ростоптавъ бы, якъ гадыну!

Та гарни й батько зъ Зинькомъ, потураючы такому хамлетови, якъ Денысь. Вони могли бъ оддилыты ёго, Романа, даты ёму що треба,—винъ бы пишовъ одъ ихъ, и ничого бъ тоди не було.

А теперь!..

Та вси вони, вси ёму за шкуру сала залылы!.. Вси ци мужлаи кляти!..

¹⁾ См. Кіев. Ст. № 5.

Винъ повернувся до села, що вже порыпало въ долини, вызираючи зъ-за горба солом'яними покривельками зъ билыми дымарями, роскыдаными середь ясно-зеленыхъ купъ густыхъ вербъ и темного листу садкивъ. Знявъ кулакъ угору, и кризь затыснени зубы вылетивъ якыйсь пивзвирячий згукъ лютосты й зненависты. Повернувся и ишовъ швидко, швидко.

Довго йшовъ, поки хочъ трохи втыхомырылося серце и мигъ думаты и про щось инше.

Що саме винъ заразь робытyme въ городи?

Въ кышени въ ёго бряжчало трохи грошей,—решта видь попереднихъ крадижокъ,—але ихъ не могло стати вѣ довго.

Этѣ! тамъ видно буде! Стукатыме скризь,—десь да видчыныться.

Але якъ винъ увійшовъ у городъ и проходывъ вузькою вулицею, поглядаючи на невелички одноповерхови будыночки, пооббывани дошкамы и помазани сирю хварбою, то не знавъ—у яки саме двери мае початы стукаты. Все булы однаково nepřывитни, однаково замкнени видь кожного чужого.

И такъ ишовъ усе дали та дали, ажъ поки дѣйшовъ до невеликого базарю, засмиченого, захаращеного шопамы й рундучкамы, обставляного великыми й малымы бакаліями та крамныцями.

Си бакаліи й крамныци надыхнули ёму думку: а що, якъ бы туди въ прыкащыкы?

Не довго думавъ и зайшовъ заразь же у велику бакалію. Тамъ було килькы покунцивъ, и крамарчуку метушылысь, поспышаючи все податы, не барывшы покунца. Одынъ пидбигъ и дуже ввичлыво озвався до Романа:

— А вамъ що завгодно?

— Та мени хазяина.

Облыче въ крамарчука заразь одминылося, скоро выявылось, що се не покунець. Винъ недбало кывнувъ рукою на високого худого чоловика, що стоявъ за кассою:

— Онъ!

Романъ пидѣйшовъ до хазяина, поздоровкався.

— А що скажете?

Романъ почавъ бувъ казати, але ще й не доказавъ усього, а вже хазяинъ замажавъ руками:

— Не треба! не треба! У насъ уси прыкащыкы йе.

Романъ вийшовъ зъ ціи крамныци и подався у другу. Въ другій хазяинъ спытавъ:

— А рекомендаціи есть?

Сёго въ Романа не було.

— А по якій части вы служылы?

Романъ одказавъ, що швайцаромъ.

— Та ни, по торговій части... Якъ вы служылы: чы въ бакаліи, чы въ мануфактури?

— Та я по торговій зовсімъ не служывъ.

— Э, дакъ вы намъ не пидходите,—видказавъ хазяинъ и одвернувся у другій бикъ.

Романъ вийшовъ знову безъ ничего. Але винъ уже наважывся походыты сёгодня по крамныцяхъ и почавъ заходыты въ кожну пидхожу по черзи. Здебильшого ниде не треба було прыкащыка, а якъ часомъ и не видсылано ёго видразу, то заразы же выявлялося, що винъ торгивли не знае, и писля цёго вже годи й говорыты. Обійшовшы такъ десяткывъ трохи не зб два крамныць, Романъ побачывъ, що тутъ ёму нема чого сподиватыся. Треба було се облышыты.

Почувався на втому й голоды. Купывъ на базари хлиба, тутъ же сивъ на рундучку йисты. Базаръ бувъ порожній, бо було вже пизно и день не базарный. Колы-не-колы тилькы перейде засмитченымъ майданомъ якый чоловікъ, але ниhto не займавъ Романа. Мигъ йисты якъ хотивъ помалу и думаты скилькы хотивъ.

Думававъ усе про одно. Завтра пиде по палатахъ, то що: чы не треба тамъ сторожа. Не дуже до вподобы Романови було те сторожуванне, та вже лише це, нижь ничего. Пишовъ бы й сёгодня, та пизно: зъ усихъ палатъ члены вже поросходылыся. Щобъ такъ-сякъ добуты день до вечора, Романъ походывъ по миськыхъ бульварахъ, почытавъ на стовпахъ афши

та инши оповисткы та роспытався, де тутъ йе „ночлижный домъ“. Скоро почало вечориты, пишовъ у той „домъ“ ночуваты за тры копійкы.

Не сподобалось ёму тамъ. Велька свитлыця була така нечыста й темна, що лишпе було бъ ии темныцею зваты. На стинахъ колысь были шпалеры, але се було дуже давно, бо теперь одъ ихъ позоставалыся тилькы де-не-де велькы й мали клапти. Обдерты стины были таки занехаяни, облѣвани, помазаны роздавленными блощыцями, що Романови гыдко було на ихъ дывытыся. Чорни, зотоптани грязею помосты, попрогнывали. У викнахъ найныжчыхъ шыбокъ зовсымъ не було: ихъ такъ часто быто, що хазяинъ позатулювавъ тамъ дощечкы. По всій хаты стоялы шыроки ослоны зъ деревьяными прыголовачамы—и середъ хаты й попидъ стинамы. Котри были порожни, а на котрыхъ, на якомусь дранти, сьдылы або лежалы люде. Пидъ чорною видъ сажы стелею высила погавенька лампа и ледви освичувала тьянымъ свитомъ цей прытулокъ людського вбозтва.

Романъ обибравъ соби порожній ослинъ пидъ стиною въ кутку. Скънувъ пальто, пославсь и мовкы лигъ. Ще було рано спаты, и винъ, лежачы, почавъ роздывлятыся на товарыство, середъ яке потрапывъ. Булы стари, зовсымъ сыви диды, булы здорови дужи люде и хлопци рокивъ шиснадцяты-симнадцяты. Простои сільської одежы було мало,—бильше всяке городянське вбранне. Яки сьдылы або лежалы самы соби, а яки купкамы, розмовляючы—певне знаѣми. Онъ недалечко трое лагодытыся вечеряты: пороскладалы попередъ себе на якійсь ганчирци поризаный хлибъ и ковбасу, а одынъ зручно выбывае зъ пляшечкы затычку, вдарывшы дномъ пляшкы объ долоню. Прытулае пляшку до губивъ, и Романови чуть, якъ булькае горилка. Надивышы трохы, передае другому... Романови почынае страшно хотитыся выпыты чарку горилкы и закусыты отіею ковбасою...

— Ты чого тутъ?—зненацька гримнувъ надъ имъ страшный басюра.

Романъ глянувъ и побачывъ, що била ёго стоить здоровенный чоловьяга, убранный у шыроке й довге литне пальто, руде, заялозене й обдерте. На голови помъятый чорный брыль. Здорова пыка въ бородою.

— Ты чога тутъ лигъ?—зйову зыкнувъ новый гистъ.

— Того, що тутъ мисто було,—видказавъ Романъ.

— Ахъ ты болванъ неученый, стультусяка халдейський! Хыба ты не знаешь, що се мое мисто, га?

— А почдму жъ бы я знавъ?—сказавъ Романъ, нехотя встаючы.—Я сёгодня тутъ уперше.

— Уперше?—не вгававъ здоровыло.—Тебе нечыста маты прынесе мабуть сюде ще милйонъ разивъ, то знай, що на се мисто въ мене давность земська, понимаешь? Я тутъ ночую, я, Патроклъ Хвыгуровський!

— Чога се тамъ уже бурса розвоювалася?—озвався хтось изъ другого кутка хаты.

— Сердыться!—додавъ другой.

— Цытьте вы, сусы тупорыли! Доси не можете розшелепаты того, де бурса, а де семинарія. Бурса!..

— Ну, ты вже Хвыгура!—одказавъ першый голось.

— Да, Хвыгура. А знаешь ты, азинусъ клапоухый, що значить хвыгура? Выдъ, образъ, все одно, що образецъ! Понимаешь ты: образецъ, прымиръ для васъ усяхъ, сёрвусы вы червьяковски!

Регить покрывъ слова Патрокла Хвыгуровського. А винъ, не зважаючы на те, почавъ мостытыся на своему ослони, бо Романъ перейшовъ на инный. Теперь уже Романъ роздывывая на ёго дужче. Здоровенна голова зъ русявымъ кудлатымъ волосемъ, зъ роскуйовдженою бородою. Облычче зъ товстымъ носомъ, одутле и червоче видъ выпытой горилкы, але зовсимъ не лыхе. Романъ ище й дали роздывывая бъ на ёго, але новый гистъ хотивъ спаты, бо въ ёго добре гуло въ голови: уместывшыся, лигъ, повернувся до стины и незабаромъ захрипъ такъ, що одынъ сонный ажъ жакнувся.

А Романъ довго не мигъ заснуты,—то видъ думокъ, то видъ усякою погани, що за ничъ скусала ёму геть чысто все тило. Заснувши, спавъ погано и заразъ же прокынувся, скоро ночлижане заворушылыся въ хати. Поспишывся вмытыся и выйты на вулицю.

Було ще рано куды-нёбудь иты за диломъ. Романъ пишовъ на базарь изнову, вушывъ соби снидання й попойивъ. Пробывшысь годынъ до десятёхъ, пишовъ „по палатахъ“.

Тутъ уже рекомендацій не треба було: досыть, що винъ салдаты, бо стороживъ же й берутъ наибильше зъ колышнихъ салдативъ. Та на льхо, въ маленькому губерньскому гроди не багато було тыхъ „палатъ“, а яки й byly, то скрызъ уже народу повно й безъ Романа.

Винъ вѣходивъ увесь день и вернувся ввечери до ночлижного безъ ніякои покы надіи на службу.

Въ ночлижному byly й нови гости, и ти, що ихъ Романъ бачывъ учора; тилькы не було Патрокла Хвыгуровського. Романъ подався на свое вчорашне місце и заразъ же лигъ, утомлений.

До ёго пидійшовъ парубокъ—высокий, безвусый, у старенькому пиджачку та въ полатаныхъ на колинахъ штаняхъ. Облыче зовсимъ молоде, але якесь невыспане, брезкле, зъ великымъ сынцемъ пидъ окомъ. ’

— А що, земляче, не тутешній?—запытавъ.

— Ни.

— А видкиля?

— Зъ Дыбливъ.

— А! Чы не службы шукаешъ?

— Та службы...

— Н-ну!.. сёго ще попошукаешъ!

— Хыба трудно?

— А то ни? Я самъ уже зъ мисяць шукаю. Вытратывся, обидрався увесь,—отъ якъ бачышъ.

Воны розбалакалыся. Романъ розказавъ парубкови про свои городянськи прыгоды, а той и соби оповидавъ, що винъ

тамъ та тамъ бувавъ, прохавъ, да виде роботы нема,—хочъ пропадай зъ голоду! Отъ сёгодня винъ ище й не йивъ ничего.

— Чы нема въ тебе, земляче, хотъ гривенька? Позычь, спасыби тоби! Зароблю на поденній,—оддамъ. А то якъ же ёго—не йившы?

Романъ и самъ бувъ голодный.

— А де бъ тутъ можна вунты чога попоисты?—спытавъ.

— О, можно! И попоисты й выпыты!—видказавъ парубокъ.—Давай, я збигаю!

Романъ выйнявъ четвертака, щобъ той купывъ на двадцять кошѣкъ йижы, а пятака здачы прынись. Парубокъ метнувся швыдко, але довгенько проходывъ. Прынись оселедець и булку, але безъ здачы.

— А пятака,—просты, земляче!—и самъ не знаю якъ—выпустывъ зъ рукъ отуть у двори. Шукавъ, шукавъ—темно, ничего не вайдешъ. Нехай уже завтра пошукаю.

— Та вже нехай,—сказавъ Романъ, але ёму чогось здалося, що видъ парубка не пахло попереду горилкою и що ёго пятакъ лежить теперь не на двори, а въ шухляди въ монополіи.

Поризалы на шматкы оселедець, роздлылы на двое булку й почалы йисты.

— О, дыки неукы!—озвався бия ихъ, цидйшовшы несподивано, Патрокль Хвыгуровський.—Йидять оселедець, не пывшы попереду! Ще въ древнихъ хвылозопивъ сказано, що рыба любить воду. И колы не можешъ дати йй воды, то дай йй хочъ водкы.

Ёго здорова лапыце простяглася мижъ два йидци, ухапыла шматокъ оселедця и выгнула ёго въ вельчезный ритъ. Простяглася знову, вломыла половину парубковой булки и послала ии слидкомъ за оселедцемъ.

— А самы жъ на що йисте, колы водкы не пылы?—запротестувавъ недоволенный зъ такихъ заходивъ парубокъ.

— Дурень еси!—одказавъ Патроклъ, чвякаючи на всю хату.—Водка вже тамъ есть, и черезъ те нехай ся тварь иде въ мою горлянку.

И знову шматокъ оселедця зныкъ за густою щетыною ёго рудыхъ вусивъ.

— Не гнивайся, земляче,—озвався до Романа,—що такъ, не пытаючыся, беру: довліеть бо пыща алчущому онои. И колы ты сёго сервуса червтяковського и неключымого годуешь таковы смашвымы оселедцями, то вже мени й Богъ веливъ.

— Сядайте!—сказавъ Романъ.

Патроклъ сивъ на ослинь и моргнувъ на парубка:

— Моторный хлопецъ! Уже й напавъ на парубка!

— Якъ тамъ напавъ?—одказавъ сердыто парубокъ.—Се я позычывъ у ёго грошей, пишовъ та й купывъ.

— Ну, ну, знаемъ!—прыпынывъ ёго Патроклъ.—Позычывъ, бо роботы нема, вытратывся... А скільки загубывъ? Винъ завсигды роботы шукае и губыть чужи грошы—до себе въ кышени,—сказавъ винъ уже до Романа.—Багато твоихъ загубывъ?

— Пятака,—видказавъ Романъ.

— Пятака? Дуракъ, що губывъ такой пустякъ! Тд—такъ винъ и по карбованцю губывъ. Одначе треба поспешатися, а то сей кáнисъ ненажерлывый самъ усе похапа.—И винъ зновъ укынувъ соби въ ротъ шматокъ оселедця й булкъ.—Эхъ, чортъ ёго зна! Все такы треба рыби воды! Лукашъ!—маешъ два злоты: пляшечка й закусочка! Загубышь хочъ одну копійку,—не дамъ ни крыхоткы, ще й шыю набью!

Лукашъ зныкъ, але вернувся теперь дуже швыдко, несучы шматокъ ковбасы, хлибъ и горилку. Почалы выпываты й йисты. Розбалакалысь изъ Патроклемъ, и Романъ мусывъ и ёму розказаты про свои ходянки й шуканыну.

— Жалію, амикусь, тебе. Но не рюмсай и возвеселься: терплять и кращи за тебе. Глянь на мене! Кончывъ два класы семинаріи, грекы й латыны чытавъ и думавъ ученостю превыше всихъ превознестиы и—пропавъ!

— Чого жъ вы пропалы?—спытавъ Романъ.

— Чого? Того, що въ мене имъя геройське.

— Якъ то—имъя геройське?

— Ты сѣго понять не можешъ. Герой бувъ такой Патрокль и Трою воювавъ и багато совершывъ дилъ славныхъ. Такъ и я, именемъ ёго названий, повсегда бувъ прыхыльный до геройськыхъ дилъ.

— И совершалы?

— Стултусь!.. Зъ Вакхомъ у компаніи побывъ морду езуитови инспекторови и за те поневираюся й доси. И ушелепкався въ сю бездну гнусности, де кышать твари, подобни сій, богамъ зневѣвсьній, мармызи!—И винъ штрыкнувъ пальцемъ просто въ пыку Лукашеви.—Но не росквасой губы, бо то подла манера. Якъ зазнаешъ усѣго и не знайдешъ ничего и схочешъ уже наплювать на сей городъ,—приходь до мене, и Патрокль Хвыгуровськый дастъ тобі достойную тебе роботу.

Романъ глянувъ неймовирно на обидрану постать Патрокла Хвыгуровського и подумавъ соби, що ледви чы можно чого, видъ ёго сподиватыся. Той зрозумивъ ёго поглядъ.

— О, азинусь клапоухый и Хома невірный! Не вытрищай своихъ слипакивъ на мою костюмировку, а дывысь на мои дила, и будешъ подобень мени и не пропадешъ зъ голоду!

Покы, одначе, дила героя зъ поганою костюмировкой обмежылысь на тому, що винъ найбільше за всехъ порався коло чаркы й закускы, прѣбравъ геть чысто все, що магъ прѣбраты, а потимъ захрищъ по вчорашиёму на своему ослони зъ „земською давностю“.

Тры дни ще ходывъ Романъ та шукавъ соби службы, а на четвертый zostався зъ пятакомъ у кышени. Ще одно можно було ёму зробыты: стати на базари.

Що-дня на одному звычайному мисци на базари стояла купка людей. Все выглядалы заробитку. Сильськи парубкы й дивчата, поприходывшы въ гѣродь шукаты наймивъ, стоялы поручъ зъ городянськымы куховарькамы й покойивкамы, що, покѣдавши старыхъ хазяинивъ, дожыдалыся новыхъ. Килькы

старишыхъ людей зъ сокрыамы за поясамы—се булы дроворубы. Тутъ же стоялы й миськи обидранци зъ такихъ ночлижныхъ домивъ, якъ отой, що въ ёму Романъ ночувавъ. Си такожъ вы-глядялы, але вже не наймивъ,—хто жъ бы ихъ найнявъ?—тильки поденного або хочъ на одынъ разъ якого заробитку. Сильськи дивочи вбрання зъ яснымы зеленымы, сынымы, червонымы колирамы, парубочи свытки, чумаркы, шапкы й брыли мишялыся зъ обдертымы лахманами нечепурной загыдженой городянськой одежы. Вся ця купка товклась середъ базаровыхъ ятокъ на засмитченому, закидыаному недоидкамы и всякымы покыдькамы майданчыку,—люде стоялы, сыдылы, часомъ лежалы на порожнихъ рундукахъ. Дивчата цокотылы промижъ себе завзято, парубкы поштурхувалы дивчатъ, а ти верещалы голосно й весело. Городянськи куховаркы та покоивкы у „кохтахъ“ та въ „палитыхъ“ трымалысь трохы ёсторонъ и промижъ себе судылы й лаялы на вси заставкы хазяёкъ та навчалы одна ёдну (а часомъ и сильськыхъ дивчатъ), якъ треба поводитыся зъ хазяйкамы, щобъ не даваты имъ воли, якъ прыкыдаты бильшу цину до того, що купуешъ на базари... Було голосно й весело: кому й не щастыло, то соромывся передъ людьмы сумъ выявляты. Але все жъ часомъ було чуты смутне нариканне на нещаслыву долю, що й роботы нема й йсты ничого, и нездужае... Блуди й змарнили обычча траплялыся середъ цёго натовпу часто. Обидранци часомъ и соби встрявалы до гуртовой розмовы, але бильше стоялы самы соби; часомъ вони прыносялы пляшечку „монополькы“ и заразъ же, на якому рундучку, а то й навстоячки вышывалы ии, закусюючы гнылою ковбасою або смердючымы оселедцемъ. Иноди пидходила до дивчатъ и куховарьокъ яка панія, або й панъ,—выбиралы соби пидхожу и почыналы зъ нею вмовлятыся; якъ що едналы, то вельы зъ собою. Тоди ти, що позоставалыся, лаялы панію, чы пана, казалы, що вони й слипи й дурни, бо взяли найпоганишу, а не взяли ни ёднои зъ ихъ. Часомъ хто прыходывъ найматы дроворуба—пыляты й колоты дрова, а то клыкавъ и обидранцивъ—наибильшь переносыты щось важке. Дроворубы стоялы тутъ що-дня. Обидранци—такожъ що-

дня, хыба що ходылы часомъ по базарю, доглядаючы, щобъ пані та куховарькы добре ховалы грошы: котора не робыла сёго, тую каралы, бо заразы ты грошы потрацялы до рукъ обидранцеви, и вже тоди килькы день не выдко було ёго на точку. Все иныи стоялы—покы хто найме, а зъ сільськымы бувало й такъ, що якъ докучыть стояты ненавнятному, то й пиде воно соби знову додому.

Середь цієї кучкы мусывъ стати й Романъ. Теперь уже винъ думавъ про те, щобъ покы знайти соби хочъ поденный заробитокъ, бо ёму не було чого йсты. Але доля была до ёго неласкава: винъ простоявъ увесь першый день до вечора и не выстоявъ ничего.

Пятака проивъ,—не було зъ чымъ иты й до ночлижного. Романъ думавъ, думавъ и пишовъ у великый миськый садъ:

— Засну десь у кущахъ!—гадавъ соби.—Покы ще не холодно.

Вышукуючы въ саду лишого, затышншого мисця, натрапывъ на чымалу будивлю, що стояла тамъ середь прочыщенного майданчыка. Зроблена зъ шылёвокъ, въ одному мисци зовсимъ не було стины—сами поручата. Романъ перескочывъ черезъ ихъ и пишовъ у середини по дощаному помосту. Сылкувався йты тыхо, щобъ не почувъ сторожъ садовый. Ишовъ у темряви и видразу почувъ, що падае внизъ.

Унавъ, але бильше злякався зъ несподиванкы, нижъ забывся. Вставъ, почавъ мацаты рукамы. Бувъ у якомусь дощаному корытари неглыбокому. Вылизъ изъ ёго лежко и пишовъ обережно дали. Дійшовъ до якихсь дверей и видчынывъ ихъ. Засвityвъ сирныка: невеличка дощана комирчына, мовъ хыжка, попидъ стинамы лавы.

Зважывся тутъ заночуваты. Лигъ на лаву, положывшы шапку въ головы.

Уночы килькы разивъ прокыдався, не розуміючы, де винъ. Тилькы вставшы вранци, побачывъ по выдному, що се бувъ литній театръ, покынутый уже теперь, порожній, старый и об-

дертый. Мусывь буты ёму прытулкомъ и на дали на той часъ, колы не буде грошей, щобъ ночуваты де-инде.

Сёгодня винъ продавъ за тры рубли свое пальто. Осинь тилькы почалась и була суха й тепла,—можно покы було й безъ ёго прожыты, а дали... що буде! За карбованця купывъ сокыру и выйшовъ на базарь. Ёго заразы же взято колоты дрова. Романъ дуже зрадивъ сій роботы. Але покы винъ наколовъ купу дровъ та заробывъ пивкарбованця, то въ ёго такъ заболы крыжы й руки, що винъ клявъ свою роботу всякымы словамы. Ввечери пишовъ у ночлижний, стрывъ тамъ Лукаша и зъ горя проивъ и пропывъ зъ имъ увесь свій заробитокъ.

Що-дня Романъ стоявъ на точку, та не що-дня ёго брано. Въ якый день не було заробитку,—Романъ жывъ зъ тыхъ грошей, що zostалыся ёму видъ пальта. Се діялося тыжнивъ зб два,—ажъ покы знову такъ сталося, що въ Романа не було й трёхъ копійкь заплатыты за ничъ у ночлижному.

— Доробывся,—гирко варикавъ на свою долю Романъ, идучы ночуваты зновъ у той садовый театр. Теперь се було не такъ добре, якъ попереду, бо вже пышы дощи, и зробылося вразъ дуже холодно. Романъ страшно намерзся, стоучы на базари, и бувъ голодный. Винъ увесь трусывся.

Дотягся до театру, перелизъ черезъ поручата и пышовъ у свій закамарокъ. Идучы темвою сценою, винъ спытывъся на щось и трохы не внавъ.

— Якый тутъ стультусяка собачый ходыть та людей волошкае?—несподывано гримнуло зъ темравы.

Романъ пизнавъ голосъ Патрокла Хвыгуровського: се винъ на ёго спытывъся.

— Се я, Романъ,—одповивъ.

— Якый Романъ, азинушь?

— Та той, що зъ вамы въ ночлежному бувъ.

Увесь цей часъ имъ не доводылося стрыватися.

— А!... чого жъ ты тутъ?

— Та мабутъ того, що нема на ночлижний грошей.

— Резонъ, хочъ ты й болванъ!

— А чога жъ я болванъ?

— А того, що повыненъ тутъ ночуваты.

— Та й вы жъ тутъ ночуете.

— Я—инша ричь. Я, братику, такъ соби... ще вдень сюды зайшовѣ... а бувъ трешкы вышывшы... та якъ лигъ—та й доси!.. Ну, а все такы я се мисто, правда, знаю добре... Дакъ се вже ничь?

— Ничь.

— А чога жъ ты зубамы ухналі куешъ?

— Бо холодно.

— Холодно? Ну, сидай били мене та погрійся! Чога стоишъ?

Сидай! За се платыты не доведеться.

И винъ у темряви ціймавъ ёго за руку и потягъ унызъ.

Романъ сивъ били ёго.

— Эге, да ты, парубче, безъ пальта.

— А то жъ...

— А де жъ воно?

— Загуло.

— Ну, й ты жъ скоро загудешъ.

— Куды жъ я буду густы?

— Къ чортовому батькови въ зубы! Пропадешъ безъ одежы.

— Продавъ, бо треба було купыты сокрыу. Шо жъ мени було робыты?

— Клапоухый азинусъ! Попытайся мене, то я скажу, що тоби треба робыты.

— Кажить!

— Я тебе поведу до добрыхъ людей.

— Ведыть!

— Тамъ покы що матынешъ кватыру и харчъ. Заплатышъ потимъ, якъ будутъ грошы.

— Добра штука, спасыби вамъ!

— Не важы—добра, покы не зживъ! Якъ будешъ розумный, то матынешъ и роботу.

— Яку?

— Крацу за ту, яку робышъ. Тоди знатымешъ.

— Гараздъ!

— Тилькы одно.

— А що?

— Чы зостанешся тамъ, чы ни; чы возьмешъ роботу, чы ни, а що побачышъ—про те мовчы!

— Мовчатыму.

— Заприсягнысь!

— Нехай мене хрестъ побѣе и сыра земля не прийме, колы кому сважу.

— Добре! А колы зламаешъ присягу, то я тебе и пидъ землею знайду. Цила голова не буде. Це памѣятай!

— Памѣятатыму.

— Гайда!

II.

Довго йшли черезъ увесь городъ, ажъ поки прийшли до якоись темной и грязькой вулицы. Перейшли ии всю. На прикинци вулиця видразу падала внизъ и завертала въ якийсь яръ. По обыдва бока яру, по-пидъ глиняными кручами, блымамы маленькымы викнамы невелички хаткы. Лыхтаривъ не було,—тилькы й свиту на вулицы, що зъ тыхъ виконечокъ. Ногы грузлы въ глини, розмоченій дощамы. Разъ-у-разъ доводилось потрапляты въ калюжи. Романъ уже набравъ у свои драни чоботы стилькы воды, що вси ногы булы мокри.

— Иды сюды по-пидъ тыномъ,—сказавъ Патрокль,—бо тутъ така халдейська калюжа.

И справди, всю вулицю замыла велычезна калюжа. Се було найныжче мисце въ яру, и вода стикала сюды зъ усихъ высокостивъ.

Зъ бидою, чепляючыся за хворостявий тынь, просунулысь повзъ калюжу.

— Ну й грязюка!—жалився Романъ.

— Ще й лучше: якъ упадешъ, то не забъешся.

— Та куды се мы зайшлы?

— У Ривчаки.

— У яки ривчаки?

— Такъ зветься. Иды за мною!

Вишь завернувъ до двору. Одчынявъ хвиртку, впусывъ Романа и по хазяйському зачынявъ за имъ. Въ двори хата, здається, гонтомъ крыта, праворучъ—якись шопы, чы шо.

Загарчавъ у темряви собака.

— Цыть, Хамло, цыть! Се я.

Здоровенный песъ, пизнавшы Патрокла, почавъ лапытыся до ёго.

— Шо? Хыба давно не бачывъ мене? Нâ вже! нâ!

Вытягъ щось изъ кышени й давъ Хамлови.

— Добрый канись! гарный собацюра!.. Ну, тебе къ чорту! Хвостомъ усю пыку заляпавъ.

Пидійшлы до хаты, и Патрокль загрыювавъ у засунени двери.

Чуты було, якъ хтось выйшовъ зъ хаты, и чоловічий голось озвавсь у синяхъ:

— Хто тамъ?

— Одчыняй, то й побачышь!

— Патрокль Степановичъ?—запытавъ стыха голось.

— А то жъ!

Хазяянъ упустывъ гостей и заразъ же знову засунувъ двери. Ввійшлы въ хату. Се була звычайна мищанська свитлыця: вельке лишко праворучъ пидъ стиною, ливоручъ стилъ, а кругъ ёго прости деревляни, помазани рудою хварбою, стильци; блыжче до дверей—праворучъ пичъ, ливоручъ шахва. Стини облищено поганенькымы, нечыстымъ вже, шпалерамы; на стинахъ тры малюнки безъ рямцивъ, прыбыти просто гвоздочкамы: копіяшны базарови ляпанци, вси помазани мушынымъ слидамы. Якась жинка, мабутъ хазяйка, блида й худа, влала спаты дытну въ колыску, а за столомъ сыдивъ Лукашь.

Поздоровкалысь и посадалы.

Тымъ часомъ увійшовъ зъ синей хазяинъ. Не такій здоровый, якъ Патроклъ, але кремезный и дужый, зъ велькою блысучою чорною бородою, зъ дужымъ закандзюбленнымъ носомъ. Блыснувъ на Романа гострымы холоднымы очыма.

— Чого ты такъ на ёго дывышся?—спытавъ Патроклъ.— Оце тоби прывивъ чоловика. Ходыть безъ роботы. Колы заразы нема въ насъ дила,—треба дати ёму кватырю й харчъ.

— А талалай зъ бильхъ березъ не выпускаемы?

— Каже, що прыпне.

— Добре, хай ночуе.

— Отъ и гараздъ! А теперъ знаешь що, Яроше? И винъ голодный, та й я, якъ вечиръ побачывъ, то розласувався на вечерю.

— А ну, Варко, давай тамъ, колы що е!—звеливъ Ярошь господыни.—Мы ще й самы не вечераы.

Жинка, мовчазна и якась дывна, почала готуваты вечерю. Хазяинъ выйшовъ у сины, а за имъ следкомъ Патроклъ и довго про щось тамъ балакалы, тоди вернулись вдвохъ.

— А ну, сидаймо,—поклыкавъ хазяинъ. Гости посидалы за стилъ, а винъ тымъ часомъ вытягъ зъ шахвы пляшку зъ горилкою.

— Отъ чудесна штука, що й оквавыта е!—зрадивъ Патроклъ.—Мабуть ты знавъ, що я змерзъ.

— А мабуть ты й не пывъ бы, якъ бы не змерзъ?—шуткувавъ Ярошь.

— Та... мене покойный батько завсигды навчавъ: чарка—ворогъ твій! А я ворога де не побачу, тамъ и стреляю: не люблю ворогивъ.

— Варко! а ты жъ чого не сидаешь?—озвався Ярошь до жинкы.

— Не хочу.

— Зновъ завередувала? Иды й сидай!

Жинка мовккы сила за стилъ и почала нехотя йсты, ни на кого не дывлячысь. Чоловикъ позыравъ килькы разивъ на неи зъ-пидъ лоба, але ничого не казавъ.

Романъ мало говоривъ, больше слухавъ, сылкуючыся зрозумити, до якихъ людей винъ потрапивъ. Але ни обстановка въ свитлицы, ни звичайна мищанська одежа хазяивъ, ни розмовы—все про щось невидоме Романови—не казали ёму ничего.

Повечерявшы, заразъ полягали спаты: хазяи на лижкови, а трёмъ гостямъ послали доли рядно, а пидъ головы подушкы.

Другого дни, якъ Романъ прокынувся, то въ хати никого не було: тилькы винъ та Патрокль спавъ. Але въ синяхъ чуты було розмову. Жиночий голосъ казавъ:

— Зновъ удовылы гришну душу, якъ нечисти въ пекло!

— Мовчы! не твое дило!—видказавъ чоловічий голосъ.

— Бодай бы вамъ стилькы каръ було на тому свити, скилькы вы людей занастылы!

— Варко, вазу тобі—мовчы! Давно въ тебе ребра трищали?

— Покаравъ мене Богъ такимъ чоловікомъ!

— Ты такы добалакаешся!

Погроза злякала жинку, и вона змовкла. Въ хату ввійшовъ хазяинъ.

Романъ заплющывъ очы, мовъ спыть.

— Ге! часъ уставаты!—прокынувся Патрокль.—А ну лышь, братику, вставай!—штохнувъ винъ Романа въ бивъ.

Повставалы. Жинка внесла зъ синей самоварь. Посидалы пыты чай.

— Ну, дакъ хочешъ до насъ у кунпацію прыстаты?—спытавъ Романа Патрокль.

— Чому ни,—абы добра кунпанія.

— Добра! Комерческа, —сказавъ Ярошь.

— А яка комерція?

— Кинська.

— Якъ то?

— Та такъ,—выяснивъ Ярошь,—кони дешево купуемъ, а дорого продаемъ.

— И добре заробляете?

— Чому ни? Якъ пощастить, то й добре.

— А де жъ вы купуете?

— Хыба на селахъ мало коней?

Романъ не розумивъ.

— Ты, Яроше, погано ёму розказуешь,—перепынивъ Патрокль,—бо въ тебе чортма элоквенци. Слухай, парубче! Знаешь, якъ кони найдешевше купуваты?

— А якъ?

— Такъ, щобъ за ихъ зовсимъ не платыты.

— Та якъ же то?

— А такъ: якъ стемніе, то зайты въ гости до якого багатого стультуса-мужыка. По твоему—треба поторгуватыся зъ мужыкомъ, а по моему, зовсимъ того не треба, бо винъ дуже дорого буде правыты. А я ныщечкомъ повитку видчынывъ та на кони сивъ та й гайда въ степъ, то такъ найдешевше обійдеться.

Теперь уже Романъ зрозумивъ.

— А чого, парубоче, замовк? Може вовы та хохы боишся?

— Ни, я вовы не боюся, а такъ...

— Дакъ вавы?

— И вавы не боюсь...

— Дакъ гришкы, чы що?

Романъ мовчавъ.

— Болванъ, белбасъ и стультусъ!—grimнувъ Патрокль.—Що то грихъ? Якъ хто заповидь ламае Божу. Що заповидь велыть? Подилысь изъ блыжнимъ твоимъ! Дилютъся багачи? Одвичай! Дилютъся багачи зъ вамы?

— Ни.

— Ото жъ воны роблять грихъ, бо ламають заповидь. А мы, якъ возьмемо въ багача кони, то що зробымо?

— Та шо жъ? Украдемо!

— Азынусъ клапоухый! Мы подылымо зъ блыжними багачевымы добро ёго,—а сёго хоче заповидь. Значыть, винъ ии ламае, а мы направляемо. Розибравъ?

— Та се я розибравъ, та...

— Ну, що „та“? Ты не такай, а слухай розумныхъ людей! Жывъ ты на сели? Жывъ. Що зъ тобою батько й браты зробылы? Цилувалы-мылувалы тебе? Ни, побылы мордяку та й выихалы безъ ничего. А де жъ твое добро, що ты въ гурти зъ имы заробывъ? Братикъ риднесеный укравъ. Що тутъ треба зробыты? Взять ихъ добро та й подилыть такъ, щобъ и тоби зосталося.

— А чого жъ у заповидяхъ напысано: „не укради“?

— Що ты мени заповидямы очы выбываешъ? Игворантусъ мизеръ, або неукъ малоумный! Я ихъ лучше за тебе знаю. А якъ вовкъ у тебе теля вкраде, то ты не прыйдешъ та не вбъешъ вовка, не виднимешъ у ёго теля? Не украды у чесного, а въ злодія свое одберы! А ты глянъ: старшыня и староста гарбають обчеськи грошы—злодіи! Мужыкы цуплять панський лясъ—злодіи! Паны хапають казённы грошы—злодіи! Шынкарь обдурюе тебе въ шынку—злодій! Браты замоталы братову частку—злодій! Уси промышляють, якъ хто втне. Ты онъ теперъ зъ голоду пухнешъ, а вони тамъ соби горилочку попывають, ажъ облызуються, да пундыкы-мундыкы трискають, та зъ Романа сміються,—ажъ черево до горы дмется,—що такого дурня халдейського, таку лемишку гречеську знайшлы, що не вміе свого добра въ ихъ вырваты. Пиды лыпъ, позывайся зъ имы! Выпозываешъ?

— Та де тамъ!

— Дакъ не будь же роззявлякою, а пиды та й визьмы самъ.

— Та звисно, то моя частка, ту можно взыты... А такъ хто й зна въ кого, то се вже...—вагався Романъ.

— О, сервусъ малоголовый! Ты хыба жъ не бачышъ, що вси такъ роблють, якъ твои браты, то вси й крадуны. А въ крадуна не грихъ и забраты. Нема правды въ свити, а есть сама хананына: хто швыдче, хто билше вхопыты! И хто вхопыты—той багачъ, хто не вхопыты,—той харпакъ! Въ старовыну лучше було: прыйшовъ грекъ, розбывъ Трою та й каже: я герой, бо Трою спалывъ, троянцывъ побывъ, а добро ихъ пограбувавъ. А

теперь коженъ слезбзуге: я по правди, я по закону! А одынъ зъ одного по тры шкуры деруть!.. Йивъ ты людей?

— Ни...

— Брешешъ! У старовину вси люде людей йили, а теперь уси брешуть, що ни. Неправда: трискають такъ одынъ одного, що ажъ за ушыма лящыть! Бо homo homini lupus est!

И Патрокль грюкнувъ зъ усией сылы по столу, ажъ дытына жакнулася й заплакала въ колысци, и все на столи задзвенило, а ёго очы спалахнули злымъ огнемъ.

Помовчавъ трохы, похыльвшыся, заспокоився, а тоди зновъ озвався до Романа:

— Ну, та нехай! мы вже тебе на чужыхъ не займаты-мемъ, а отъ давай подилымо тебе зъ братамы та зъ батькомъ.

— Якъ то?

— Та такъ! Адже самъ казавъ, що въ твого батька трое добрыхъ коней. Дакъ мы подилымо тїи кони такъ, що твою частку зъ ихъ тоби видамо. Якъ що добри кони, то можно й добри грошы взаты.

Романъ мовчавъ. У ёго въ голови куёвдылися всяки думкы, але винъ ще й самъ соби боявся ихъ выявляты. Винъ ничего не видказавъ Патроклови и пишовъ зъ хаты. Ёму не сыдилось: треба було кудысь иты, самому лышнытыся, по думаты.

Зоставшыся Патрокль зъ Ярошемъ самы въ хати, спершу дожыдали Романа, що винъ зновъ увїйде, але згодомъ побачылы, що винъ кудысь подався зъ двору.

— Ой,—казавъ Ярошь,—чы не наробыть намъ якого лыха цей кавалеръ?

— Нїякогисинького!—видказавъ Патрокль.—Яке жъ бы?

— Ийде та въ полицію...

— Ну, то й що винъ скаже? Що мы пидмовлялы ёго кони красты? А свидкы де?

— Та такъ.

— Хыба полиція не знае, що ты вмієш верхы йиздыты? Добре вже це розшелепала, хочь тебе тоди за Стеценковы кони й не осуджено.

— Та се такь... Да тилькы не буде мабуць зь ёго людей.

— Оть побачышь, що буде! Погулае, погулае та вернеться, бо ёму иншого ходу нема.

— Винь бы намь такь стежку показавь, що ой—ой! Нема краще, якь изь такымь робыты, що добре село знае—промовывь Ярошь.

-- Ще бь пакь!. Ты, отамане, звели хлопцямь,—нехай хлопци на поготови будуть: днивь зо тры помыне, то винь явуться.

А Романь тымь часомь ишовь куды очы, и голова вь ёго роспадалася видь думокь. Все минуле, все, що винь прожывь, одбувь уже,—такь мовь насунуло на ёго, зновь ожыло.

До садативь винь жывь дома такь, якь и вси парубкы, и робывь щиро. Тамь у хазайстви и ёго пради багато лежыть. Чы винь же вынень, що теперь не може по такому жыты? Кожень чоловикь шукае кращого, а жывшы вь городи, винь добре побачывь, де те краще. Мужыча работа важка, нечыста, часомь голодна й холодна. Та кожень чорть зь тебе знуцається, та нема такого начальныка, щобь тоби до пыкы зь кулакомь не лизь! А городянське жытте не таке: и работа лекша и менше зь тебе воду варять, и заробитокь бильший. Оть и винь шукавь цёго заробитку, шукавь того кращого жыття. Коны жь не щастыть! А ни батько, ни браты не хочуть ёго розумиты, не хочуть пособыты ёму. Якь бы воны ёму виддали ёго частку, то може бь винь уже давно чоловикомь бувь. А то призвели до того, що хочь зь голоду пропадай. Та ще якь зганьбылы! Якь бы не втикь,—ризкамы выбылы бь! Ёго—ризкамы!

Романь зовсимь не думавь про те, що й винь погано зробывь, а згадувавь тилькы кривду видь брата. Гарный брать! Ну, сказавь бы батькови,—нехай бы батько, якь тамь схотивь покаравь, а то заразь у волость, зязаного, якь рештанта.

Романъ згадувавъ, якъ ёго ведено селомъ зъ скрученими назадъ рукамы, якъ люде показували на ёго пальцями!.. И велика злисть, лютисть знову ёго обвиняла такъ, якъ и тоди, якъ винъ поведе своє село. Тамъ то мабуть було про ёго балачка, уси мабуть казали: эчь, думавъ пануваты, а ставъ злодіюваты! Знае винъ цихъ мужыкивъ! Ради въ ложци воды однь одного втопыты! Правду казавъ Хвыгуровський, що самы вони гирше за всякихъ злодіивъ. Такъ и браты: не виддали ёго часты,—однаково, що вкралы ии. А якъ злодій украде, дакъ хыба казаявъ не може справди у ёго свого добра узаты? Оттакъ и винъ у бративъ може...

Романъ, не помичаючи того, самъ соби переказувавъ, що ёму казавъ Патрокль.

Такъ... Але черезъ що жъ ёму чогось ніяково те зробыты, до чого ёго прыхыляють?

Грихъ воно, звисно, хочъ и свое, але такимъ робомъ браты.

Грихъ... се такъ... А то ще й такъ: вони соби тамъ ласо йдять, тепло вдягаються, на печи зиму лежатымуть, а винъ, Романъ, мерзне, голодуе, поневириється тутъ. Якъ бы не оци... злодія, то може бъ и зъ голоду пропавъ. Хыба жъ се по правди? И хыба нема въ ёго такого права, щобъ сыломиць свое взаты? Тилькы свое, тилькы въ батька та въ бративъ,—ни въ кого иншого винъ не хоче, а въ ихъ самихъ...

Отъ ище тилькы одно страшно. Добре жъ, якъ усе гараздъ обійдеться, а якъ піймають? Острогъ, рештанськи роты!..

Романови сыпнуло по-за шеурою свигомъ.

И хто ёго ще знае, що воно за люде оцей Патрокль та Ярошъ. Може вони ще въ таку справу ёго вплутають... Певне за ими й полиція доглядається, бо вже мабуть знае ихъ... Що якъ бы питы та выказаты на ихъ? Звисно, винъ запырсягся Патроклови ничого нікому не казаты, та хыба жъ винъ тоди знавъ, що се коноводы? Одначе... хочъ бы й нишовъ у полицію, але свидкивъ у ёго нема, то ничого зъ того й не було бъ.

А якъ винъ прыстане до ихъ, то тоди й ёму суда не мынуты... А въ тимъ... не вси жъ и попадаються... Мужыкы въ

такихъ выпадкахъ страшниши за судъ. Бо якъ піймають коновода, то вже такъ ёго катують, що—буває—туть ёму й каюкъ.

Ни, нехай ёму всячына! Краще винъ перетерпыть якусь цей часъ, хочъ на поденну походить, а тамъ може яка служба такы знайдеться, то буде винъ чоловікомъ жыты. А то...

Романъ пишовъ на базарь и ставъ знову на точку. Тилькы не багато выстоявъ: узялы попереносаты шахвы зъ одніей кватыри въ другу та й годи,—бильше й не було роботы. Одбравъ золотого та ото й усёго заробитку. Винъ ёго проивъ, а спаты пишовъ въ садъ, у театръ. Уночи бильше мерзъ, ніжъ спавъ.

Другого дни було ще гирше: нихто за весь день не пытавъ ёго. На сели вже обробылыся, насунуло въ городъ парубкивъ: робитныкывъ було бильше, ніжъ роботы,—не дотовпышыся. Романъ бувъ не йвшы до вечора. Не йвшы пишовъ и ночуваты туды, куды и вчора. Але якъ винъ пидійшовъ до театровои шоны и побачывъ темну сцену—мовъ велику роззявлену пащу,—ёго обняло холодомъ. Згадавъ, якъ винъ мерзъ туть мынулои ночы. Тоди жъ хочъ не голодный бувъ, а теперь... Обняла ёго безнадія.

Оттакъ поневирытыся мучытыся! И черезъ що? Тилькы черезъ те, що браты не схотылы ёму виддаты ёго жъ добро!..

Ну, дакъ винъ самъ ёго визьме! Годи вже!..

Винъ уже и не думавъ бильше ни про грихъ, ни про страхъ. Винъ бувъ голодный.

Повернувся и пишовъ швидко-швидко на другый кинецъ города—туды, въ Ривчакы.

Ш.

Другого дни вранци Романъ ище спавъ у Ярошевій хати, якъ рыпнули двери, и въ хату всунувся Патрокль Хвыгуровськый. Цоважный тевкъ грецького героя мавъ сёгодня облычче колоритнише, ніжъ звычайно, бо пидъ ливымъ окомъ процвитавъ у ёго велычезный сынякъ.

— А де це?—кывнувъ на сывягъ Ярошъ.

— Ать!—нехотя видказавъ и махнувъ рукою.

— Мабуть у Левона?

Левонъ—то бувъ таемный шынкяръ и помишныкъ усякымъ злодіямъ, що въ ёго збиралися пыты.

— А то жъ де хыба йе таки скажени?—одповивъ пытаннемъ Патроклъ.

— Мабуть зновъ зъ Левдыкомъ?

— Не зъ якимъ же дьяволомъ!—одказавъ Хвыгуровськый, ходячы по хати туды й сюды.—Сточортове опудало сміе сикатися. Ну, я жъ ёму й давъ!

Проходячы прозь Романа спячого, моргнувъ на ёго:

— А що, не казавъ я? Тутъ уже! Ходимъ лышь у сини!

Выйшли.

— Самъ прыбигъ?

— Самъ учора ввечери.

— Що жъ винъ каже?

— Що надъ братамы хоче помстытыся. Тилькы надъ ими, а бильше ничего не робытыме.

— Та се вже звисно. Коженъ авинусъ думае, що тилькы оцей разъ, а бильше вже й не буде. Ты ёму вчора пиднись?

— А вже жъ; сёгодня дамъ похмельтыся.

— Тилькы добре дай!

— Знаю, скилькы. Не гараздъ переборщаты, бо треба, щобъ на вечирь бувъ готовый. Пры ёму хлопцивъ я не хочу збираты. Поки хай новакомъ буде и не знае всихъ.

— А вже жъ.

— Переказы Лукашемъ, щобъ надъ вечирь зибралися въ шоу. Хай пройдутъ провулкомъ та по пидъ кручею,—тоди ёму зъ викна не выдео буде. Я загадаю—кому на яку роботу.

— Гараздъ, отамане.

Поки вони розмовлялы, Романъ усе славъ, дарма, що Ярошева жинка ходыла прозь ёго по хати, пораячысь. Знеможенный утомою, голодуваннемъ та горилкою, винъ спавъ ще довго, ажъ

поки вставъ, щобъ знову залаты горилкою останни искоркы су-
млиня.

Надъ вечеръ того жъ дня у Яроша въ старій шоци, що
була колысь возивнею, зійшлося п'ятеро людей. Дожидаючысь
Яроша, посилы на старыхъ недоламаныхъ саняхъ, дижкахъ, дро-
вахъ та иншому мотлоси, що имъ захаращено було возивню.
Тутъ були Патрокль, Лукашъ и ще трое обидранныхъ добро-
дівъ. Прыйшовъ Ярошъ.

— А чого це нема Левдыка?

— Хто ёго знае... кудысь завівся... Мабуть п'є,—ска-
завъ высокый похмурый чоловікъ.

— Бисова тинь!—вылаявся Ярошъ.—Теперь ёго саме
треба бъ. Ну, слушайте хлопци, якый загадъ буде!

Вси змовкы.

— Кучма, Лукашъ, Семень та Кулачъ—на сю ничъ у
Рижкивчу. Ты, Кучмо,—вдався винъ до того похмурого,—зна-
ешь Рижкивку, дакъ ты будешъ на сю ничъ имъ за отамана...
Слушайте ёго замість мене!.. У Охрима Пивня—багатый чортъ!—
пары зо дви добрыхъ коней. Коней узявши не ведишь до Га-
пона, а заразъ на полтавський шляхъ... на Полтавщину... якъ
тоди,—знаешь? (Кучма кивнувъ головою). Та глядишь, щобъ
більше двоухъ чарокъ на дорогу нихто не пывъ!.. Щобъ не було
якъ тоди зъ Лукашемъ... (Лукашъ похнюпывся). Розходьтесь,
хлопци, да тилькы тыхо, по одному.

Ярошъ зъ Патрокломъ пішли въ хату.

— Ну, Романе, треба намъ у дорогу,—щобъ не спизвытыся.

— Чы въ дорогу, то й у дорогу,—сказавъ зважливо Ро-
манъ.—А хто жъ иде?

— Да отъ мы трое.

— А Лукашъ?

— Обійдеться й безъ Лукаша! На що намъ більше, якъ
трёохъ?

Ярошъ вынісь изъ хыжки свытку й чумарку.

— А вуте, вдягайтесь, щобъ теплише було! Та щобъ и
городомъ одъ насъ не такъ пахло.

Вси трое повдягались въ сельську одержу.

— А чы у васъ тамъ коней замыкають?—спытавъ Романа Ярошъ.

— Замыкають.

— Ну, треба взяти й такого, щобъ одимкнуты.

И винъ прынись изъ синей велькый залізный шеворинь.

— А то жъ на що?—спытавъ Романъ.

— А оце жъ прыбом вырваты, якъ що заменено буде,—выяснявъ Патрокль.

Незабаромъ усе вже було готове.

— Мы вдвохъ зъ Романомъ пидемо,—сказавъ Хвыгуровськый,—а ты, Яроше, згодомъ самъ выйдешъ—щобъ не такъ помитно.

— Гарядь. Зійдемося за городомъ бия цегельни.

— Иды жъ ты, Романа попереду,—звелівъ Патрокль,—та помалу, а я тебе нажену бия церкви. Все люде менше вкупи бачытумуть. Бо воны, яко Аргусы стооки, або Церберы пекельни,—такъ пащу й роззявляють, щобъ неповынну душу вхопыты.

Якъ Романъ зъ Хвыгуровськымъ пидійшли до цегельни, то Ярошъ бувъ уже тамъ, пройшовшы бляжчымы вулицыма. На двори зовсимъ смеркалося.

— Ну, гайда,—скомандувавъ отаманъ.

Вси трое пишли шляхомъ. Ниде никого не выдко було. Разивъ зо два имъ зустрилыся селяне возама и байдуже помынули ихъ: зъ погляду трое злодівъ здавались звычайнымы селянама-хлиборобама, що булы въ городи и теперь вертались до-дому. Патрокль пидморгнувъ на ихъ:

— Чы се не ти кони, по яки мы йдемо?

— Ни, не ти,—видказавъ Романъ.

— Та я такыхъ и не хочу. Се дуже погани.

Увійшовшы верстовъ зъ висимъ, силы видпочыты пидъ гаемъ.

— А що, половыну ввійшли?—спытавъ Ярошъ у Романа, якъ посыдили трохы.

— А буде.

— Ну, гайда знову, щобъ на пивничъ вспити. Тоди найкраще мужыкови спытсья.

Рушылы знову. Була пивничъ, якъ передь Романомъ зачорнили хаты ёго ридного села. Щось немовъ торкнуло ёго, немовъ шепнуло ёму стыха-стыха: чы не облышты це, чы не вернутсья? Але було вже пизно, вороття не було.

Ничъ спріяла имъ. Мисяць давно зайшовъ, по осинньому небу пересувалысь разъ-у-разъ хмары, тьмарючы и той невеличкый свить, якымъ блищали зъ неба на землю зирьы.

— Я йтиму попереду, а вы за мною,—сказавъ Романъ товаришамъ.

Сылкувавсья говорыты спокійно, а самого трусылъ пропасныця, якъ пидходывъ до крайнёи хаты.

Абы перейты першу довгу вулицю, щобъ хто не стривсья, а дали—тамъ уже скривъ можно горбдамы.

Швидко й обережно перейшли вулицю. Стрилы такы й стукача, але винъ любисинько задримавъ на одному пиддашши.

— Черезъ тынъ!—скомандувавъ тыхо Романъ.

Перескочылы такъ, що й не триснуло. Романъ ишовъ попереду знаемымы стежкамы, обмынаючы всяки небезпешни мисця. Ще разъ перелизлы черезъ тынъ и опынылысь на луци.

— Теперь мы дома,—сказавъ Романъ.—Просто лукою дійдемо до того провулка, що прозь батькивъ двирь... У провулокъ—ворота зъ току.

— А на току, въ клуни, ништо въ васъ не спыть?—слытавъ Ярошъ.

— Побачымо.

Дійшли до Сывашевого току. Романъ одчынивъ ворота и впустивъ товаришывъ.

— Прыхылитсья отутъ пидъ тыномъ, а я пиду подывлюсь, чы не спыть справди хто въ клуни.

— Я пиду зъ тобою,—сказавъ Ярошъ. Винъ ще не певный бувъ, що Романъ не зрадыть и боявсь пустыты ёго самого.

— Не можна,—видказавъ парубокъ,—мене собаки знати, а якъ зъ вами, то гавкатымутъ. Я самъ кони выведу на тикъ.

Доводылося корытися.

— Визьмы шкворинь,—може прыбой вырваты доведеться.

— Давайте!

Ярошъ зъ Патрокломъ прыхлылыся билия плоту въ затинку. Романъ зъ шкворинемъ у рукахъ тыхо, обережно пидйшовъ до елуни. На йй высивъ замокъ. Се добре. Романъ пидйшовъ до другихъ ворить, одчынвъ и ввійшовъ у двирь. Тамъ було темно й тыхо. Собаки загарчаты булы, але Романъ обивзався до ихъ стыха, кынувъ имъ хлиба. Пизнавшы ёго, вони замовкылы и початы йисты хлибъ. Романъ тымъ часомъ пидйшовъ до киннѣци. Замкнено. Заложывъ шкворинь однимъ кинцемъ и здорово смыкнувъ до себе другий. Поганеньки прыбой давно вже поиржавили и одинъ заразы одскачывъ. Одчынвъ двери и ввійшовъ. Винъ знавъ, що кони звычайно прывязувалысь до ясель, бо одинъ бувъ такый, що зъ тымъ двома не мыривъ. Романъ налапавъ ихъ морды руками,—вси трое дома. На двоохъ булы вуздечкы, на третьому обротъ. На звыклому мисци на килку знайшовъ вуздечку и надивъ на коня. Обережно вывивъ двоохъ коней и передавъ ихъ товаришамъ. По третього, баского жеребця, вернувся знову. Вывившы ёго, зачынвъ киннѣцю и прытулывъ прыбой,—мовъ ничего не займано. Тымъ часомъ товариши вже булы верхы въ провулку. Романъ по хазайському позачынявъ за собою ворота, думуючы:

— А то якъ одчынени будуть, то ще стукачъ побачыть.

Скочывъ на коня, и вси трое тыхо посунули провулкомъ. Теперь уже городамы не проскочышь,—треба було йихаты вулицею. То було найгирше. Але сонъ прыгорнувъ усе село. Ни де ни лялечкы, ни що не шелесне. Тилько чутъ було, якъ по хливахъ чмыхае товариша. Стукачъ десь стукавъ, та далеко. Гавкнула була разъ-два чмысь собака. Серце въ Романа стыслося, мовъ перестало озыватыся въ грудяхъ. Духъ забыло.

Але собака мала поганый нисъ и не дочулася чужого. Загарчала й замовкла. А вулиця була все довга, безъ мира довга. Такою довгою вона николи Романови не здавалася. Дви перій покривель тяглыся скільки видно и зныкали въ темряви. Здавалося, що имъ и тамъ нема краю. Ось Мыколына хата... Семенова повитка... Якъ далеко ще... Романъ ударывъ бы коня, полетивъ бы зъ усеи силы, але не мигъ сѣго зробыты, мусивъ йхаты тыхо слидкою за отаманомъ... Замаячыла Костенкова клуныя... За нею ще три дворы... Ось уже й останню хату выдео...

— А хто се? стій!

Высока постать уразь выявылася середъ темрявы передъ Ярошевымъ конемъ и вхопыла ёго за вуздечку. Романъ побачывъ, якъ Ярошь, не спыняючыся, знявъ угору руку зъ шкворинемъ и вдарывъ унызъ. Чоловикъ застогнавъ и впавъ била коня. Знову звелася рука, шкворинь упавъ коневи на бикъ. Кинь рванувся и полетивъ напередъ, за имъ два инши. Романъ прыпавъ до гривы, бьючы ногами коня въ бокы. Въ одинъ ментъ опынылыся за селомъ и якъ выхоръ полынулы ривнымъ пляхомъ. Ажъ витерь у вухахъ свыстивъ.

Добре вгодовани кони гналы зъ усѣи силы и биглы довго. Перескочылы верстовъ зъ п'ять. Ярошь прышпынвъ своего коня и пустывъ ёго ходюю, щобъ дати хвылыну видпочынку. Романъ та Патрокль пидйихалы до ёго.

— Чортъ ёго знае, — погана штука! — сказавъ Хвыгуровськый.

— Шо? — спытавъ Ярошь.

— Та оцей стукачъ. По чому ты ёго вдарывъ?

— По чому!... Чортъ!.. Потѣму, почѣму прыйшлося, — по голови!

И знову погнавъ коня.

Романови стало моторошно. Невже се чоловика вбыто? Тоди ёму здалося, що Ярошь ударывъ стукача по рукахъ, щобъ вырватыся видъ ёго. Але якъ по голови, и той унавъ...

Звернули зъ шляху и погналы у ливоручъ. Дорога зби-гала въ яръ. Куды се вонь? Романъ сылкувався вгадаты, пизнаты, що се, и якось не мигъ. Замаячыла купа деревъ, дали хата велька... Пизнавъ такы: Гапонивъ хутиръ.

Якыйсь Гапонъ тутъ живъ. Якъ ёго звалы справди,— Романъ не знавъ, а вси называлы Гапономъ. Таке соби: ни панъ, ни мужыкъ. Мавъ свій хutoreць, трошкы хазайнувавъ... Щось про ёго люде гомонилы, та Романъ теперь не мигъ изгадаты. Чого жъ вонь туды йидуть?

Пидъихалы до двору. Ярошъ скочывъ зъ коня, самъ одчынивъ ворота и впуствывъ товаришивъ у двиръ. Пидійшовъ до хаты и почавъ стукаты въ вѣкно:

— Одчыны!

Мабуть хазяинъ пизнавъ, чый голось, бо заразъ вкйшовъ, накынувшы на опашку свѣту.

— Ты, Яроше?

— А то жъ.

— А хто жъ зъ тобою?

— Патрокль Степановычъ та ще одынъ хлопецъ, новачокъ.

— А що?

— Трое добрыхъ,—одказавъ Ярошъ.

— Звидкы?

— Зъ Дыбливъ одъ Сываша Пылына.

— Можно до завтрыого?

— Ни, катый заразъ. Твои хлопци дома?

— Дома. А хыба що?

— Нещаслыво трапылось: довелоса одбыватися.

— Погано,—цмокнувъ Гапонъ.—Треба, колы такъ, посшишатися. Зайдете въ хату?

— Ни, видказавъ Ярошъ,—не рука: намъ треба теперь дали видсиль буты.

Тымъ часомъ Хынгуровскый зъ Романомъ завелы кони у хливъ.

— На що се?—пытавъ Романъ у ёго.

— А шо жъ, мы самы ихъ будемо весты? Мы гайда до-
дому. А тутъ товариство и одведе, и продасть, а мы грошныы
получымо. Заразь якъ чкурнуть, то до свиту верстовъ за шість-
десять будуть.

Пидождали трохи Яроша, покъ винъ нышкомъ розмовлявъ
изъ Гапономъ, и пишли швидко назадъ. Незабаромъ выйшли
на шляхъ до города.

— Чуешъ, наши кони пойихалы,—тыхо промовывъ Па-
троклъ до Романа.

Романъ прислухався и почувъ справди тупоть винськый
внызу, въ яру.

— Добре, шо не барятся,—сказавъ Ярошъ.

Уси змовкы, бо всихъ обняла думка про стукача. Най-
быльше ся думка турбовала Романа. Винъ самъ на себе лыхый
бувъ. Зважывся на се дило, и заразь-же й выдко, яке воно по-
гане. А шо, якъ Ярошъ убывъ чоловіка? Уже жъ шукатымуть,
а якъ найдуть... Не мывешъ каторгы, Сибиру...

А въ тимъ... Не такый страшный чортъ, якъ ёго малюють.
Не кожного жъ и ловлять. Може ще й такъ мыветься.

Тилькы вже не треба товаришуваты зъ Ярошемъ та зъ
Патроклемъ. Хай имъ бисъ! Видбере свою частку зъ батьковыхъ
коней, та заразь же й пиде соби геть одъ ихъ...

Шляхомъ прозь ихъ пройихалы якись селяне, торохтючи
возамы,—мабутъ у городъ на базарь.

— Отъ, якъ-бы ци клапоухи стультусы знали, звиды мы
йдемо!—сказавъ Патроклъ.—Ого бъ тоди було! Постраждали бъ
мы за правду!

— За яку правду?—спытавъ Романъ.

— А якъ же—за яку? Якъ бы вони знали, звиды мы
йдемо, то знали бъ, шо мы забрала коней, и се була бъ правда,
и за сю правду вони бъ намъ бебехы повидбывали. Отъ и
стражданне за правду!

Романъ та Ярошъ зареготались. Все трое почалы весело
базикаты. Романъ зовсимъ забувъ за свои страхы, мовъ ничего
й не сталося.

Уже зовсімъ розвиднылося, якъ вони ввиходили въ городъ. Щобъ ихъ не помічено вкупи, коженъ пишовъ самъ соби иншою вулицею. Але Романъ прыйшовъ такы до Яроша и вдвохъ изъ имъ спали довго—ажъ до пивдня.

Уставшы Романъ, пишовъ на точокъ,—не такъ, щобъ заробыты, а бильше, щобъ не дуже бачено ёго въ Яроша. Винъ почувався якось чудно. Оце й ничего неначе, а тилькы все мовъ щось муляе ёго и таке негарне якесь, велюбе... И самъ не знае що, ажъ покы згадае: се жъ тая крадижка... Такъ, мовъ вона на ёму высне. Не сказаты, щобъ ёму було соромъ, чы щобъ винъ на грихъ почувався, а тилькы погано, що мовъ довбню надъ собою чуешъ: отъ-отъ выявitysя... отъ-отъ щось погане, важке станеться...

Минувъ день, и вже про ихъ справу пишла поголоска, и на базари росказувано, що коноводы вбылы чоловика. Романъ сказавъ про це Ярошеви.

— Дурныця!—видказавъ той.—Заразъ изъ тыхъ краивъ бувъ знаёмый чоловикъ. Казавъ, що стукачъ живый. Тилькы паморкы забыло, якъ я вдарывъ. Кажуть, якъ упавъ, то лежавъ довго, бо такы трохы й голову тее... Та вычухается!..

Романови полекшало: хочъ чоловикъ живый. А все страшно. И винъ спытавъ Яроша:

— А що, дуже шукають?

— Пиды та спытай у тыхъ, хто шукае. Ты вже й боишся? Ого-го! Теперь хай шукають. Коны первой ночи не піймалы, то вже чортового батька знайдуть,—пропало на-вики! Теперь уже кони трычи продано. Незабаромъ и грошыкы получымо.

Писля ціен розмовы Романивъ страхъ десь подився, и вже нищо ёму не муляло. Стукачъ живый, ихъ не найдуть,—чого жъ ище? Незабаромъ Ярошъ оддавъ ёму двадцять карбованцивъ. Продано коней рубливъ за висимдесять, бо кони были добри, але частка зъ ихъ прыпадала Гапонови, а Ярошъ одбравъ тилькы пѣтдесять пять рубливъ. Си грошы треба було подилыты на все товариство, та Ярошъ давъ самому Ро-

манови двадцять карбованцивъ, щобъ заохотыты ёго до сёго дила.

— Бачышь, за одну ничь двадцять карбованцивъ заробывъ! Будешь розумный, то ще й побільше зароблятынешь.

Романъ и самъ уже бачывъ, що це и добрый, и легенький заробитокъ. Такъ ловко багато грошей маты! Романъ купывъ соби пиджакъ, пальто,—прычепурывся трохи. Ну, а теперь що?

Винъ спершу такъ думавъ, що якъ вызме грошы, то буде зъ чого жыты,—тоди покыне Яроша и знову службы шукатыме. Коны такъ думавъ, то такъ изробыты треба, хоча теперь уже винъ чогось трохи байдужый до цёго ставъ. Ну, а въ тимъ,— треба жь!..

Пишовъ знову туды-сюды... походывъ, попытавъ... Ниде ничего нема й теперь... Се дратувало Романа. Все ёго мри про те, щобъ зробытыся наномъ, выбывшыся зъ мужыцтва, бляды й зныкалы... Ни зъ чымъ не щастыло! Оце ёго й дошкуляло. А щобъ не такъ було дошкуляне чуты, брався Романъ до чаркы, и скоро брався, то незабаромъ було все добре...

А грошы не довго держалыся въ рукахъ. За малый часъ у Романа стало ихъ саме стилькы, скилькы було тией ночы, якъ ишовъ по кони до батькового двору. Заробитку не було, та Романъ уже й не шукавъ ёго. Винъ просто ишовъ до Яроша и тией жь ночы, вкупи зъ имъ, знову подався на здобыткы...

Не минуло й мисяця, а вже коноводы прыняли Романа до своего зюдійського товариства.

Товариство се теперь складалося зъ восьмохъ чоловика, рахуючы й Романа. За отамана бувъ Ярошъ—зручный, смилый и хытрый коноводъ. Винъ умивъ завсигды выкручуваться зъ усякыхъ, навить найважчыхъ, справъ и хоча за свій выкъ чымало переводывъ коней, але до рукъ судови потрапывъ тилькы разъ, да й то такъ замотавъ, заплутавъ справу, що выйшовъ зъ суду неосуженый. Самы коноводы дуже ёго берегли. Не одного разу такъ було, що за Ярошеву справу видсыжувавъ хтось инший и видавъ вынного, але мовчкы прыймавъ и видбувавъ кару, знаючы, що выказуваты ни на кого не треба, а надто

на отамана. Не сказаты, щобъ воны ёго любылы, але поважали й боялися дуже. Поважали за злодійське завзяте й смилисть— такъ сáме, якъ поважають промижъ себе люде палкого робитнякы, чы смилого вояку. Слухалысь ёго невидмноно, и винъ умивъ порядкувати надъ людьмы, умивъ нагнаты страху и накараты—колы треба. Не вмивъ жалиты, але сёго видъ ёго ни хто й не сподивавсь, а навпакы: всякій, знаючы, що винъ ёго не пожаліе, слухався дужче. Черезъ се ни въ одному товаристві злодійському на всю округу не було такого ладу й послуху, якъ у Яроша.

Товариство здебільшого не вкупи ходыло на здобыткы, а такъ, що одна частка йшла зъ Ярошемъ, а друга зъ Патрокломъ або зъ Левдыкомъ. Хвыгуровський, дякивъ сынъ, справди комысь учывся у семинаріи, але бувшы вже въ пидстаршому класи, напывся якось укупи зъ товаришами горилкы и, п'яный, вылаявъ ректора, а инспектора штовхнувъ. Ёго выгнали зъ семинаріи, та ще й зъ „вовчымъ билетомъ“, що бильше вже нивуды й не мавъ права питы вчытыся. Та винъ и не мигъ-бы сёго зробиты, бо въ семинаріи вчывся коштомъ духовенства, а въ батька грошей на науку не було. Вернувся винъ додому,— батько такъ на ёго напався, що хлопець утигъ зъ дому въ городъ шукаты якогось заробитку. Але выгнаному семинарови не такъ лехко було ёго знайти, а, надто, ще винъ звыкъ пыты. Черезъ те винъ якъ и знайшовъ роботу (въ якійсь контори пысарчукомъ), то не довго на ій удержався. Почавъ тоди миваты одну службу на другу: бувъ и прыкащыкомъ, и лыстоношою, и кондукторомъ на залызныци, почынавъ бувъ торгуваты дрибною вопіашною бакалією, але скрызъ ёму не щастыло: або погрызется зъ хазяиномъ п'яный, або въ рахункахъ наплутае (соби на корысть), або ще щось... а бакалію свою, дакъ винъ здебільшого пропывъ. Нарешти зробывся вже винъ пысаремъ шынкывымъ: за килькы десяткывъ копійкы, чы за пивкварти пысавъ непысьменнымъ селянамъ усякы „жалобы“ та „прошенія“. Въ одному зъ цихъ шынкывъ доля й звела ёго зъ Ярошемъ.... У товаристві ёго поважали, що „вчений“ та що здоровый: винъ мавъ

вельку силу и своєю дужистю не разъ стававъ товариству въ прыгоди. А що бувъ и смилый, то Ярошъ часто прыручавъ ёму замісто себе отамануваты въ тому гурти товариства, який ишовъ на здобыткы окремо.

За се зъ Патрокломъ ворогувавъ Левдыкъ—добрый и хитрый коноводъ, але ще гиршый пьяныця, нижъ Хвыгуровський. Якъ винъ бувъ тверезый, то Ярошъ завсигды ладенъ бувъ прыручыты отамануванне ёму, але якъ напивався, то вже не кому, якъ Патроклови. Це дуже брало за сердце Левдыка, и винъ, упившысь, часто заходывъ у сварку та въ бійку зъ Патрокломъ, а надто, що той ище й дражнивъ ёго разъ-у-разъ та лаявъ не зрозумимы латынськымы словами.

Але и Патроклъ, и Левдыкъ были равными зъ иными товаришами, якъ доводилося дилыты здобути видъ крадижки грошы. Тилькы отаманъ мавъ бильшу частку.

Опроче товаришывъ, были ще й такъ соби помешныкы: цихъ не прийmano до товариства, вони навить не знали, що йе силка, але кыкано ихъ, колы треба було на помичъ у який справи, и за те имъ плачено. Зъ-межы цихъ людей часомъ выбиралы соби годящого и до товариства прийняты. Такъ було й зъ Романомъ.

Такыхъ товариствъ на широкому простори нашої земли було не одно: вони мовъ ситкою покрылы весь край. Кожене мало свого отамана, було самостайне, и кожене мало свою округу, свою частку земли, територію, и тилькы на сій частци товариство й мало право робыты свое діло. Скоро воно перестунало межу, захоплювало щось зъ територію сусіднього товариства, то съ цёго заразы повставала промижъ двома товариствами сварка, а часомъ и бійка: колы одно товариство ловыло людей зъ ишого на вчынку на своїй земли, то безъ жалю было ихъ и прогонуло. Подилъ сей краю на часткы бувъ давній, и те чы ише товариство, обороняючы свои межы, покыкалося на те, що се ихъ частка „зъ давнихъ давень“...

Але було де-що, що й зъязувало промижъ себе товариства: вони одне одному пособлялы переводыты яко мога дали видъ

крадижки кони и продаваты ихъ. Крадучы Ярошеве городянське товариство кони, не вело ихъ продаваты въ свій городъ, а передавало иншому товариству, а те часомъ зновъ иншому, и бывалы таки випадкы, що за одни суткы вкрадена коняка опытыся за якыхъ двести верстовъ, у третій уже губерніи. Въ цій справѣ дуже пособлявъ Гапонъ. Самъ винъ коней не бравъ, але мавъ двоухъ дорослыхъ сынивъ и въ-купи зъ ими передержувавъ краденыхъ и одводывъ ихъ до иншого товариства, або й просто на продажъ. И Гапонъ, и кожне инше товариство, продавшы кони, составлялы соби звычаймъ установлену частку грошей за „комиссію“, а все инше передавалы тому, видъ кого малы кони. И такъ грошы передавалыся ажъ доты, погы доходылы до того товариства, яке вкрато кони. Контролю тутъ, звисно, не могло быты, але всимъ коноводамъ дуже залежало на тому, щобъ по змови все було безъ одурювання, и черезъ те ци справы роблено бильшь-меншь чесно. Врешти коноводы завсигды зналы, скилькы за яку коняку можна бъ узаты, то вже колы грошей прыходыло меньше, часомъ сварылыся, и це прымушувало иншихъ быты обачнипымы й чеснипымы.

Такымъ ладомъ складена спилка злодійськихъ товариствъ була страшнымъ ворогомъ мужыкови. Кинь та виль—то буды, пилы земли, дви найголовниши пидвалыны въ хыствій, непевній будивлы вбогого мужыцького добробуту. Нема ихъ у хазяина,—пропащій чоловікъ, бо въ боротьби за змогу жыты вже ничымъ ёму подужуваты ти перешкоды, яке винъ завсигды мигъ подужаты тилькы зъ своимы стародавнимы помилыкыма—конемъ та воломъ. Тоди вже винъ не хазяинъ, а за малымъ не старецъ, що ходыть по заможниыхъ людыхъ та выпрохуе тией скотынячы на день-два... Тяжко прохаты, а ще тяжче люде дають, та й дають не тоди, якъ треба... И хазяйство руйнуется...

А колы й пощастыть, пилы того лыха, загорюваты працею-кривавыцею на яку худобыну,—глады, тилькы почавъ чоловікъ трохы выбыватыся нагору зъ грузького болота вбозтва, а вже набиглы ззову лыхи люде, забралы й те, и зновъ неща-

слыный господарь пирне въ тее болото ажъ на дно, та такъ пирне, що иноди тамъ и зостанется на-вѣки...

Отъ черезъ те коноводы, поручъ зъ паліями, були завсигды нашому селянови найлютишимъ ворогомъ. Якъ вовкъ набігае на село, хапае що зможе и зновъ утикае, такъ и тіи коноводы. Якъ до вовка не малы селяне ніякого змылування, ніякого жалю, такъ не малы вони ёго й до коноведа. Абы попали, то вже такъ ёго не пускалы. Що тамъ судъ! Судъ ёго хочъ и засудыть на рикъ, чы тамъ скыльки, въ острогъ, дакъ що зъ того? Выйде злодіяка на волю да й почне мстыгыся на людяхъ, то ще гирше имъ буде, нижъ якъ ёго судъ и не каравъ. Хиба жъ мало такого бувало, що коноводъ, одсыдившы въ острози, приходывъ у те село, де ёго піймано, та й палывъ ёго такъ, що й зовсимъ усёго ршалыся люде? Черезъ те селяне каралы такого злодія самы.

Середь коноводывъ разъ-у-разъ оповидано страшны й правдывы прыгоды зъ тымы злодіями, яки потраплялы до рукъ селянамъ. Піймано одного середь степу, якъ у-ночы хотывъ забраты кони, та заразы же кыйкамы ёго и вбыто. И такъ люто быто, що всёго на гамузъ потрощено, зъ людського тила зроблено страшну купу кистокъ, мваса й кровы. Найдено сю купу на поли, довго полиція шукала, хто се зробывъ и кого се вбыто, але ничего не могла знайты. Знало хто й кого багато людей: зналы про се коноводы, але мовчалы, щобъ самыхъ себе не выявыты; знало чымало селянъ, та хто жъ бы зъ-промижъ ихъ ставъ выказуваты?

Але все жъ убываты було небезпешно: могла выявытыся справа, и тоди вынны йшли на Сибирь. Черезъ те коноведа карано здебильшого инакше: быто й мордовано такъ, щобъ уже здравле не могло до ёго вернутыся, и винъ або въ тюрми, або незабаромъ песли неи попроцався зъ цимъ свитомъ и не мигъ уже бильше никому шкодыты. И якъ тилькы не мордовано безщасныхъ! Одному повыкручувано руки й ноги, другого пеклы сирныкамы, третьому стяглы и зъязалы до-купы голову зъ ногамы и такъ покынули лежаты всю ничь... Выга-

дали ще такъ быты, що признакивъ на тили не було, що быто,—нихто тоди й не причепытся. Визьмутъ, привьязуть чоловіка спыною до дошки, а тоди пиднимуть дошку зъ имъ та й выдають на землю. Пиднимають та й быдкють,—ажъ покы вдовольнятся. На тили нема ніякои признаки, що вбыто, а въ катованого коновода все въ середыни повидрывается. Мало такыхъ, що выжывалы писля того довго.

Громадянство выкидало, вырыгало зъ-промижь себе людей, що не змогли зъ имъ поладнаты, не змогли знайти соби „чесного“ шматка хлиба—чы то черезъ нещасливы обставыны особыты, чы черезъ вызыскуванне иншыхъ, чы черезъ нещастематы спадщыною видъ батькивъ и дидивъ нахыльнисть ламаты загально додержуваны законы власности. А си выкынути зъ звичайного ладу люде мстылсы тоди на громадянствы, ставалы ёму ворогомъ и завзято боролсы зъ имъ—чымы могли. Такъ саме боролсы за право жыты, истнуваты, якъ и громадянство.

Такымы людмы булы й коноводы. Вони нападалы на мужыка, а мужыкъ оборонявся. Щобъ маты зъ чого жыты, вони виднималы въ мужыка способы до ёго жыття, а мужыкъ одивмавъ у ихъ жытте, чы прынаймни здоровле, волю. Се була повсякчасна боротьба, вйна, часто кривава, а гирша за звичайну вйну тымъ, що вона николы не кинчалася згодою...

Романъ такожь прыставъ до цiei вйны и незабаромъ зробывся завзятымъ у ий возкою. Дужый, зручный, смилый и нахабный,—винъ подужувавъ скрызъ и щаслыво выскакувавъ зъ небезпекы. Въ своему товариствы винъ бувъ дуже корыстный чоловікъ ще й тымъ, що винъ бувъ зъ Дыблывъ. Ярошеве товариство такъ добре вычыстыло свою частку повиту, такъ обурывло проты себе мужыкивъ и примусыло ихъ день и ничъ берегты свои кони, що вже треба було трохы перечасуваты, покы все це затыхне та покы мужыкы розжывутся на нови кони. Сами Дыблы якось зоставалсы доси незайманы. Романъ знавъ тамъ коженъ двиръ, кожного хазяина и черезъ те бувъ чудовымъ проводыремъ товариству. Незабаромъ писля першой крадижки воно дуже щаслыво вывело ще четверо коней,

а толи зновъ трое... Романъ мавъ добрый заробитокъ, живъ на окремий квартири,—у тыхъ же такы Ривчакахъ,—передъ людмы удававъ, мовъ ходывъ на якусь тамъ роботу, а справди мавъ тилькы одно дило...

Жывъ добре, не сподиваючыся биды, чы то не думаячы, забуваючы за неи.

Але вона за ёго не хотила забуваты.

IV.

А што жъ тымъ часомъ робыла Левантына?

Левантына заразы же почувала про те, що сталося зъ Романомъ: якъ ёго шйmano зъ саломъ, якъ изъ ёго знуцалыся. Теперь уся ти, що имы винъ гордувавъ, булы ради виддичты ему за те гордуванне лайкою чы глузуваннемъ. А найбильше нападався на ёго ридный братъ Денысь. Той бувъ такый люткой на Романа, що николы про ёго доброго слова не мавъ, а ганьбывъ, ажъ люде дывувалысь, що братъ на брата такъ устает. Звисно,—казалы,—Романъ ледащо, нероба та ще й злодйкуватый, але жъ и Денысови не годылось бы вже такъ на ёго нападатся. А инши обставалы за Деныса, кажучы, що такога, якъ Романъ, и мыдуваты не можна,—де жъ такы!

Усе те мусыла слухаты й Левантына, слухаты й мовчаты. Озватыхъ/словомъ за Романа вона не смала. Уже й такъ про неи та про ёго слава пышла, а то ще гирше буде. Треба мовчаты, ныбы згожуется.

А сердце не згожувалось, не могло згодыться зъ тымъ. Ёму Романъ здавався иншымъ.

Се погано винъ зробывъ, що сало узавъ у батька, та ще жъ се дило не таке вже й страшне. Та'дже разъ-у-разъ и дочкы й сыны берутъ зъ дому нышкомъ на складкы и яйця, и борошно, и сало, и курей—усячыну. Якъ довидається батько,—погримае трохы—та й усе. И вси про це знаютъ, и дарма. А тутъ яку бучу збылы: злодйя зъ парубка вчынылы, хотылы въ

холодну посадиты, ризкѣмы быты! Чы то жъ по правди? Звисно, Романъ не на складку бравъ, а такъ... Але жъ... то жъ изъ дому, тамъ же й ёго, Романова, частка була. Хочъ и погано, та якъ же жъ було ёму не взяты, колы ёму въ дому ничего не давали? Прохавъ же, щобъ оддилыты, дакъ ни! А якъ бы се гарно було! Романъ казавъ їй, що тоди бь заразы почавъ торгувати бакалією... и вони побралися бь... А теперь—що сталося? Хто вынень? Денысь та батько й выни... Зинько—ни, бо винь добрый: тилькы винь самъ и оборонявъ Романа, Деныса спынявъ...

Такымы думкамы сылжувалася выправдаты вкохану людыну бидолашна дивчына. Вона сама почувала, що трохы воно не такъ, що и Романъ гришний у всій цій справѣ съ симъею... Та на ёго и такъ уси наладаются,—невже жъ и вона ще нападатымется? Вона, що такъ ёго любить?!

А любила вона ёго дуже. Такъ ёго любила, що все видала!...

И що жъ теперь буде? Невже Романъ таъ и й покынувъ и не вернется бильше? Ни, ни, сього не може буты, вона тому певна. Звисно, не може жъ винь теперь знову вернутыся сюды: такъ ёго зганьблено! Винь пшовъ у городъ, шукае тамъ соби службы. И певне найде: городъ—не село. Хочъ, може, й не видразу, бо кажуть, и тамъ попошукаты ще треба. А якъ найде та влаштуется, то й прыйде по неи... або просто покличе и до себе... Тамъ вони звинчаються та й жытымуть соби любо, забувшы про це село и про недобрыхъ у ёму людей.

Тилькы, колы бь швидче винь се зробивъ, щобъ не спызнывся. Бо якъ спызнытся—ой соромѣ великого, соромѣ зазнае вона тутъ на сели! Де жъ такы: покытка! Яка маты, скажуть, така й дочка. Уже жъ якъ їй выбывалы очы тїею безщасною матиррю, то мабутъ и души й на тимъ свити нема впокою! А тоди вже й поготивъ. И погане цуденя гавкатыме.

— Ой, Романа, Романочку! якый ты гарный, що я й душу тоби видала, а якый ты недобрый, що не пожаливъ и выночка дивочого! Якъ бы не се,—дожыдала бь тебе, выглядала бь

тебе спиваючы, сміло бѣ у вичи всимъ дывылася, не боялась бы за тебе словомъ озватися, видѣ лыхыхъ ворогивъ тебе оборониты! А теперь... Та вже не вернешъ!.. Тилькы жѣ пожалій мене, пошануй мене теперь, бо ты жѣ мени теперь и батько и матинка, и дружына вирная. А я жѣ тоби вирую, а я жѣ тебе дождаюся!

Вирыла й дождалася...

А про Романа не було й чуткы. Дыбляне йндылы на базаръ не до миста, а до близького великого мистечка, то мало що й зналы про той городъ—якъ тамъ и що тамъ. То й про Романа ничого не зналы: якъ пишовъ, то якъ вода вмыла. Левантына вже й прыслухалася й прычувалася, вже й роспытувалася де кого обережно,—ни, ничого не чутъ.

Мабуць ёму, бидному, не щастыть тамъ, мабуць винъ шукае, та ничого знайти нѣ може. Се бувае. Онъ Стецько Гаврыленко розказувавъ, що одного разу два мисяци тилькы й жывъ зъ того, що на поденній колы-не колы зароблявъ... такъ ничого й не добувсь у городи та й вернувся до-дому. Колы бѣ сього й Романови не було! Поможы ёму, Маты Божа!

А мисяци мыналы.

Отъ и Риздвяни свята. Яка рада звычайно Левантына Риздвянымъ святамъ бувала! Якъ весело, выпросившыся, вымолвившыся въ хазайкы, бигаты зъ дивчатамы по селу, колядуваты, сміятися, гуляты на воли!.. А сього року й колядуваты не пишла: сказала дивчатамъ, що хазайка не пустыть. Може бѣ и пуста, та Левантына й не пыталася.

Вона все дождала: може Риздвянымъ святамъ Романъ прыйде. Може доси вже службу добру мае, то й прыйде зъ родычатамы помырытыся. Вона pozyрала черезъ тынъ до Сывашивъ у двирь и вбиралася въ святный день, думаючы: прычепурюся, щобъ кращою буты, а може...

Та ни, нема... Мынувъ новый рикъ, мынуло Водохрыще... Уже й не буде...

Пишовъ не попрощавшыся... Невже жѣ и побачытыся не доведется? А що жѣ изъ нею буде?

Сумна та нерадісна збігла зима, не було радісніше й по весни. Сонце зъ неба сміється, а въ Левантыны ряснымъ дощемъ слёзы капають; квіткы радісно витають жытте молоде, а бидолашна свое жытте проклинає... Дивчата надъ ричкою веснянокъ выгукують, и далеко-далеко несуть ихъ голосъ лепетливы хввли, а безпачасній Левантыни не до спиву, въ неи одна думка—тяжка, пекуча...

Такъ, вона повинна стати матиррю...

Матиррю! Не матиррю, щасливою своими дитымы, не дружыною, радісною зъ свого чоловіка, хазийкою у власній хати!.. Охъ, яке се вельке, вельке щасте!.. Але не такою вона буде.

Не пышатыся вона буде своею дытною передъ людымы, а ховатыся зъ нею, очей не сміючи звесты на людей!

Соромъ!.. Ганьба!..

А за вищо? Невже се такій великый, непощенный грихъ? Хиба то не Богъ изробивъ такъ, що дивчына стає жинкою, матиррю? Якъ бы Богъ хотивъ, щобъ у самыхъ тилькы винчанныхъ булы диты, то Винъ бы такъ и зробивъ. А то жъ не зробивъ! За що жъ люде карають, глузують, знущуются?

Левантына не могла зрозумиты, не могла пайты видповиди на ти пытаня, тилькы мучылась ими тяжко, мучылась уже самымы думкамы про те лыхо, що мало ще прыйты, впасты на веп.

А лыхо йшло по малу, не поспипаючысь, але не перестаючи наблыжатыся, немывуче, невблагане. Бидолашна що-дня оглядала, навить миряла поясомъ свій станъ и плакала, плакала... Скоро вси побачуты!..

Вона того не знала, що цикави давно вже побачылы, давно вже плелы про неи всячыну. Не знала, ажъ поки сама почула одного разу. Розмовляло двое дивчатъ на вулыци и не помитылы, яке вона наблыжылась, бо темно було. Вона почула, яке Хымка казала:

— Гляды, щобъ и зъ нею не було такъ, яке зъ Левантыною?

— А що?—пынтала Вустя.

— Ого, дурка! Хиба ты не помитыла?

— Або жъ ни!

— Такъ змарнила зъ облыччя, а стань якій повный— скоро ходытыме, якъ та копыця.

Тикала видъ ихъ, земли пидъ собою не чуючы, и рыдала тяжко, страшно, забывшыся головою въ солому въ тій самій повитци...

Господы! Невже винъ покынуувъ иі? На поталу ворогамъ, на глумъ, на ганьбу! Хоть бы распытаты въ кого про ёго, хоть бы довидатися—де винъ, що винъ!

Незабаромъ на сели почалы розказуваты, що Романа въ городи нема, що винъ покынуувъ свій край зовсимъ, а пойихавъ на службу въ той городъ, де бувъ салдатомъ. Спливъ хтось, якъ звычайно плетутся середъ людей усяки неправдыи звисткы. А Левантына поняла тому виры.

Отъ теперь вона знае, що покынуувъ, забуувъ. Коы такъ далеко пишовъ, то не вернется.

А може... Може такъ трапылось, що тутъ ниде не мигъ роботы знайти, мусывъ податися ажъ туды, де ёго знають и дадутъ роботу. Тоди вернется и визьме Левантыну.

Хоть бы якъ безнадійно все стояло, а людына завсигды сылкуется вдержаты въ себе хоть крыхтыну маленьку надіи, тыхъ солодыхъ пахоцивъ зрадлывыхъ, що завертають намъ голову, абы мы не такъ гостро почувалы мордування неблаганого, немылосердного жыття.

А часъ мынавъ. Бачылы вже вси Левантынене лыхо. Дивчына ховалася видъ людей, але видъ хазайкы не могла сховатися. Уже ій та що-дня вычытувала.

Наблыжалысь жытва. Левантына повинна була вьязаты.

Одного разу ввечери вона пишла въ хыжку щось узяты. Вразъ почула гострый страшный биль, що пронызувавъ уресь жывить и крыжы. Такъ заболело, що ледве встояла. Але тилькы на мыть, бо заразы же й перестало.

Левантына зрозумила, що починается те страшне. Хоть вона попередю знала, що се неминуче, що воно вже наблызылося, але думка, що се буде ось заразы, сёго вечора, що воно вже почалося, обняла іи мовъ огнемъ. Не думуючы, не розбираючы

що робить, Левантына кинулася зъ хыжки, выскочыла зъ двору и побигла ажъ на другый кинецъ села.

Бигла, ничого не тямлючы, не бачучы, середь темрявы. И вразъ почувла знову той биль, ще страшнишый, захыталася и впала, не вдержавшыся видь швыдкого бигу. Упала просто жы-вотомъ на якусь колоду велыку, що лежала пидъ хатою и мало не зомлила зъ болю.

На щасте ни хто и тамъ не побачывъ. Очүтившысь, пид-велася и попленталася уже помалу. Сама не думаючы про те, якось забигла вона ажъ на той кутокъ, де жыла стара баба Олійничка, и хрещена маты. Пизнавшы и хату, ввійшла въ сини и не зважувалася йты дали.

— Хто тамъ?—запытала баба зъ хаты и заразъ же вид-хыдела двери.—Левантыно!.. Чого се ты ховаешся?

Левантына вступыла въ хату и впала баби до нигъ.

— Матиночко-голубочко!..

Новый биль перепынывъ ий слова...

Вночы Левантына породыла кволу дочку...

Стручыха довго дожыдалася зъ хыжы Левантыны и не могла диждатися.

— А вже мени ся проклятуца дивка! Пиде та й сыдыть,—бодай ты тамъ каменемъ сила! Ой пиду зажену такъ, що ажъ спотыватимется!

Пишла, але хыжка стояла видчынена, а Левантыны не було. Стручыха почала гукаты,—не озывається.

— Мабуть побигла на вулицю! Тилькы й справляе побигуци! Бодай тоби ноги поплутало!

Лягла спаты лютуючы и прысягаючысь одлататы завтра Левантыну такъ, щобъ довго згадувала. Але и вранци Левантыны не було. Сыпала тоди проклонами, мовъ горохомъ зъ решета.

— А, идолова байстриюча порода! Саме передь жывами кинула, сучого выводу дивка! Бодай ты скрутылася и кругъ свиту пишла, якъ ты видь мене пишла! Щобъ тоби руки поборчыло та посудомыло, якъ ты мени роботу кинула!

— Кого се такъ вы кленете, кумо?—озвалася зъ вулицы до Стручыхы ии кума Вивдя.

— А кого жъ, якъ не ту свитопоганку Левантыну, бодай бы ии всю болячкамы взяло! Покинула мене сáме въ жыва.

— Эге, вже й не вернется, кумо!—одказала Вивдя.—Кажуть, у бабы Олійнычкы зъ дочкою лежить.

— Та невже? Огъ я жъ ий дамъ!..

И хочъ робота ажъ крычала, а Стручыха такъ и метнулась изъ двору.

— Куды ты, дурна? Куды?—крычавъ Струкъ, але не пособляло: распалывшыся баба, бигла вулицею якъ скажена. Струкъ подывывся ий у слидъ, плюнувъ:—Ну й бисового заводу!... Зъ гадючыхъ спындкъ изшыта!..

А Стручыха тымъ часомъ уже була далеко. Вбигла до Олійнычкы въ хату така люта, що забула й поздоровкатыся зъ господынею. Левантына лежала на полу, била неи дытына. Старенька сухорлява бабуся поралась по хати.

— А, ты тутъ, голубочко!—зашыпила Стручыха до Левантыны.—Бачъ, якъ по-пансьокому вылежуются! Людямъ жыва, а вони видпочывають, нажырувавшыся зъ панычемъ, та зъ лялькамы панькаются! Шо жъ, паныча, чы панночку—яку цяцю вабигалы? Бодай бы воно тоби попухло!

— Ось слушайте, Секлето!—озвалася до неи поважно бабуся.—Вы не крычить такъ! Се вамъ не своя хата, а чужа. Та й дытыны не займайте, бо воно вамъ ничымъ не выinne. Воно якъ янголятко, а вы до ёго зъ нечыстымъ словомъ. Ось якъ выдужае Левантына, тоди вже зъ нею будете говорыты. А теперь або сидайте та гомонить по-людсьокому, або йдите соби зъ Богомъ!

— А бодай бы васъ усихъ лыха година забрала!—крыкнулы Стручыха и прожогомъ кынулася зъ хаты, грукнувши дверыма такъ, що й шпаруны посыпалысь.

Уже жъ и лаяла вона Левантыну кожному, зъ кымъ стривалася цымы днямы! Бабы похытувалы головами й казалы:

— Боже мій, якый свить наставъ! Таке молоде, а таке непоштыве! Якъ мы были молоди...

И вони почынали хвалытыся, яки то вони гарни та звычайни булы за молоду, и якъ тоди все добре було, а не такъ, якъ теперь, що парубокъ изъ дивчыною тилькы моргнулы одне на одного,—уже й дытыну нарядылы.

Судылы Левантыну, глузували зъ неи, а такыхъ, що жалылы, було мало. Жалывъ и парубокъ одынъ.

Сей одынъ бувъ Зинько.

Несмыльвыи зъ дывчатамы, такъ винъ и не зважывся тоди заняты Левантыну. А тамъ занявъ иі Романъ... Почуючы часомъ изъ имъ удвохъ, винъ пометывъ, що той кудысь уночи ходыть, а одного разу побачывъ ёго зъ Левантыною и зрозумывъ що до неи саме протоптавъ Романъ стежку.

И ёму зробылося жалко й сумно...

А дали почалы про Левантыну та про Романа говорыты всячыну, надто, якъ той пишовъ зъ села. Зинько почувавъ, що сёму може буты й правда, и зновъ ёму стало сумно й жалко дывчыны. Стрившы иі одного разу саму, хотывъ поговорыты зъ нею. Та вона засоромылася, щось на-швыдку видказала и втекла. Зъ того часу обмынала ёго.

А теперь винъ дочувся, що сталося. И самъ не знавъ черезъ вищо, а обявъ ёго такый жалъ, мовъ за сестрою ридною. Пропала дывчына! Загрызуть иі, заклюють. И якъ же не грихъ Романови, що занастывъ иі? Занастывъ и кынувъ, бо се уже выдко, що винъ до неи не вернется. За що жъ загине молоде, ничымъ не вынне жытте дывоче? Ёму бъ красуватыся та пышатыся, якъ квітци пидъ теплымъ сонечкомъ, а отъ-же мусыть гныты.

И де дали Зинькови все жалчыше та жалчыше Левантыны було. И немовъ усе кращою та дорожчою вона ёму ставала. Винъ и самъ не знавъ, чого се ёму такъ, що винъ не спыть ночамы и все думаетъ про Левантыну. Думае, якъ бы лыхови запобигты, якъ бы иі пособыты. Але якъ бы жъ? Колы бъ винъ знавъ!

Питы въ городъ, знайты Романа, розказаты ёму про все, посоромыты, щобъ винъ вернувся та взявъ иі? Такый Романъ,

що послухається! Ничого зъ того не буде! та кажуть же, що ёго й немає въ цѣму городи, що вже подався кудись.

А безъ ёго—хто теперь ии визьме? Ще добре, колы знайдеться якый старый удивець зъ купою дитей, то хочъ за имъ поневирятиметься. А то й того не буде. Бо хто жъ тавыхъ бере?

Але жъ хьба то по правди? Хьба вона така негарна дивчына? Хьба сѣго не може бути зъ кожною? А вона жъ ще й сырота: никому було ии доглянуты, налутыты, остерегты. Може вона багато липша, нижъ яки дивчата, що чеснымы замикъ пишы, тилькы що поняла виры такому... Дакъ чому жъ бы не знайшовся такый чоловікъ, що взявъ бы ии?

Тому, що не вси такъ думаютъ, якъ винь.

Ну, а винь думає такъ, якъ треба, то... Чому бъ винь не мигъ ии взьаты?

Винь почавъ думаты про се, и чого не могло зробыты молоде парубоцьке почувалне, те робывъ теперь глыбокый людяный жалъ...

Але жъ вона любить Романа! Чы любить-же? Теперь, якъ уже побачыла якый винь есть?

Зинько мигъ-бы бути щаслывый зъ нею, та й ий було бъ добре.

А сміятимутся зъ ёго?

Отгакъ! А хьба не сміются зъ того, що винь горилкы не пьє?

И де-дали винь думавъ, то все бильше й бильше ёму здавалося, що такъ и треба зробыты.

Довидавшыся, що Левантына вже встала зъ положивъ, винь перечакувавъ ще вилькы день, а тоди пишовъ до неи.

Бабы Олійнычкы въ хати не було, якъ Зинько туды прыйшовъ, а Левантына сѣме сповывала дытыву. Побачившы парубка, страшенно збентежылася, почервонила и не знала, що ий робыты й казаты.

— Здорова була, Левантыно!—промовивъ до неї Зинько, але въ неї тилькы губы заворушылись, щобъ одпогисты на привітанне, а вымовыты ничого не могла.

— А що, бабы нема дома?— пытавъ дали парубокъ.

— Нема...—ледви вымовыла дивчына.

— То й добре, мени їй не треба, бо я прыйшовъ не до неї, а до тебе, Левантыно.

Левантына почервонила ще дужче, їй чогось стало такъ ніяково після цыхъ слівъ, що вона ладна була бь кризь землю пити.

— Сидайте!..—прошопотила, не дывлючысь на ёго, и не видходила видъ полу, нахыльшысь надъ дытыною, мовъ усе їй сповывала. А Зинько й соби не знавъ, якъ ёму початы и сыдивъ мовчкы; почувавъ, що такъ же неможна, що мусытьже озваться, а не знавъ якъ. И врешти несподивано соби самому, вставъ и пидійшовъ до Левантыны.

Вона стояла спыною до ёго и не обернулася, тилькы голова їй схыллася ще выще.

Зинько ставъ била неї, и вони вдвохъ нахылылись надъ малесенькымъ зморщенимъ лычкомъ нової на свити людны. Вона спала, якось жалибно, болисно скривывшыся.

— Левантыно, хочешъ, щобъ я бувъ ёму батькомъ?

Вона почувала сей трохи тремтячый голосъ, си дывни за для неї слова, але не могла ще ихъ зрозумити. А винь казавъ дали:

— Я буду ёму такимъ батькомъ, мовъ бы се моя ридна дытына була. Я николи тоби не згадаю... Я тебе любытому й шануватыму... Пидешъ за мене?

Вона вже глядила на ёго, все ще не разуміючи того дывовыжного, нечуванного, несподиваного, що винь казавъ. И вид-разу зрозумила.

— Ни, ви!—скривнула, оступаючысь вазадъ,—я не хочу! не хочу!

И простягла попередъ себе руку, мовъ обороняючысь одъ ёго. А винь, здывованый, уражений цимъ гострымъ и несподи-

ванымъ „ни“, не знавъ що казаты, мовчавъ килькы мыть, ажъ помы знайшовъ слова:

— Левантыно, хыба я тоби такый нелюбый? Хыба я тебе колы покрывдывъ чымъ? Не покрывджу й годи, якъ будешъ мени дружною. Подумай, Левантыно, яке тоби жытте буде—покынутій дивчыни зъ дытною! А пидешъ за мене, будешъ мени жинкою,—я слова не дамъ про тебе казаты. Будешъ господынею, якъ и вси.

Голосный плачь, рыданне овалося на ти слова. Вона плакала, прыпавшы ёму до плеча, обнявшы ёго, мипшаючы слова зъ слизымы. А винъ прыгорнувъ ии и слухавъ ти безнадійни слова, бильшь угадуючы, нижь чуючы ихъ середъ плачу:

— Зинечку, братику риднесенькый! Не могу я тоби буты дружною!.. То въ тебе сердце золоте, душа твоя свята.. захыстыты мене хочешъ... любымъ своимъ захыстомъ... А де жъ мени тоби дружною буты? Та зъ тебе люде сміятымутъся, просвитку тоби не буде... братову покрывку взявъ...

— Шо мени до людей?.. Хай люде що хочуть говорить, абы мени ты любя була. А кривдыты тебе я не дозволю никому.

— Та людямъ рота не замажешъ... казатымутъ, що схочуть, бо на мене теперь вильно казаты... Не хочу я, щобъ черезъ мене свить соби завязавъ... Визымы соби дивчыну гарну, чесну,—вона тоби буде дружною...

— Ты мени мылиша за всихъ.

Перестала плакаты, выпручалася зъ рукъ.

— Сядь, Зиньку, сядь тамъ! Не займай мене!

Сивъ на лави.

— То твое сердце добре озывается, такъ каже. Хай тебе Богъ благословить!.. Щастя зъ любою дружною дасть!.. А мене, братику, не займай! Мое вже пропало... Дружною тоби не буду... никола... Тилькы рано й вечиръ мольтымуь за тебе...

Стояла якъ биль била, тилькы очы великы й глыбоки сялы явнымъ дивнымъ сиевомъ на скудлому, амарнилому облыччу...

А винь умовлявъ иі, сылкуючыся добраты сливъ такыхъ, щобъ зайняты ій серце зглыбока. И займавъ, займавъ такъ глыбоко, що може й самъ того не знавъ якъ, але не мигъ іі слова побороты.

Зъ тымъ пишовъ зъ хаты.

А вона, сама zostавшыся, похыллася на пиль, прынала до дытныи та й занимала... тильки здригалося тило, знеможене хворобою й некучымъ горемъ, тильки болила душа такъ, якъ ще никола не болила, мовъ прощалася зъ усимъ, що е красного та ясного въ жытти, зъ усима пахоцамы, тепломъ и свитомъ ёго...

Зинько йшовъ и думавъ про те—що ёму робыты. Не любивъ покидаты того, що почиывавъ. Постановывъ перечасуваты, поки Левантына заспокоится та роздумаеця, побачыть що такъ липше, якъ винь каже. А тымъ часомъ мавъ порадытыся, поговорыты про це зъ батькомъ.

И незабаромъ, бувшы зъ имъ на самоти, заговорывъ, що хоче свататы Левантыну.

— Якъ то?—спытавъ старый Сывашъ, дывуючыся.

Зинько почавъ розказуваты, якъ и що винь про це думае. Старый ажъ росердывся:

— Що цеты, сыну, выгадавъ? Хыба жъ такъ годытся? Чы тоби нема отецкой дочкы, що ты якусь хвойду зъ дытною берешъ?

— То ваша онука, тая дытныя, тату.

— Що ты мени выбываешъ очы тією онучою? Хыба я ій велывъ Романа до себе пускаты? А тоби грихъ великый, що ты надумавъ братову покрытку браты.

Увійшла маты, довидалася, про що мова, и ще гирше напалася на Зинька:

— И не выгадуй мени! И слухаты того не хочу! И очы мои на неи не дывлются! Поки я въ хаты,—вона въ хаты не буде.

Зинько почиывавъ сердытыся.

— Вамъ хочется багатой соби невесты, а про те не думаеце, що намъ усимъ треба дбаты, щобъ Романыъ грихъ спокутуваты, зананащену дивчану обрятуваты.

— Никто и не завапащавъ!—оскупалася за Романа маты,—сама до ёго бигала. Коли набигала, то нехай зъ тымъ и панькается, а въ мой хати не буде ии!

— Якъ бы и Романъ бравъ,—озвався батько,—я не то не боронивъ бы ёму, а ще й звеливъ-бы. Може вона мени й не пидъ мысли, та вже коли такъ сталося, то мусывъ бы. А тоби не годытся, грихъ!

— Грихъ?—сказавъ Зинько.—Ніякого, тату, гриха тутъ нема. Грихъ—покинуты покрывджену дивчыну на поталу людымъ; а зробыты ий добро, покриты тую кривду,—се не грихъ.

— Авже жь!—розсердився Сывашъ.—Ты знаешь! Мудри таки поробылыся, що за батькивъ розумниши. Споконвику грихомъ було, а теперь уже въ васъ добромъ стало!

— Не все, тату, те правда, що споконвику правдою середь людей славлено.

— Цыть уже краще! Не дратуй мене! Не за насъ воно сталося такъ, не за насъ и перестане. А ты мени те й зъ думкы выкынь, бо я того николи не попущу.

Зинько побачывъ, що батько вже ватнувся, то теперь не переважышь ёго. Надумавъ покы мовчаты, а самому своей думкы не кыдаты.

А тымъ часомъ у Левантыны новый бувъ клопоть: дытына нездужала. Баба Олійнычка казала, що се мабуть того, що Левантына тоди впала. Воно до того й пидхоже було, бо дытына кволылася й кволылася та, выжившы тилькы два тыждни, й умерла.

Левантына йшла за маленькою труною и плакала гирко. Бо се вже не дивчына була, що ий дытына свить завъязала, а була се въ ту мьть уже маты, що втратыла частку самой себе...

Другого дни ввечери Левантына пишла до Струкивъ. Увійшла въ хату и несмыльво стала бия порогу. Симья сáме вечеряла, и за столомъ сыдила нова наймычка. Та Левантына й сама не хотила жыты въ Струкивъ, а за иншымъ прыйшла.

— А, здорова! Чого тобі?—видказала Стручыха перрхыльно на іі здоровканне.

— Прыйшла вамъ подякувати за службу, титко, та щобъ вы мени грошы мои выдалы.

— Яки грошы?

— А за вамы жъ моихъ заробленыхъ шість рубливъ.

— Ба, яка швыдка! Покинула сѣме въ жныва, я повинна була за дорогу цину дивку найматы, а теперь ще й грошы правыть! Нема въ мене твоихъ грошей! Яки булы, то вси пишы на дорогѹ цину оцїй дивци.

Се була правда, що Стручыха поєдналася зъ новою наймычкою дорожче, нижъ изъ Левантыною, але жъ вона не хотила пам'ятаты, що на всѣму сели ниhto такъ дешево не жывъ, якъ у неи Левантына.

— Титко,—озвалася дивчына,—а Богъ-же бачыть!

— Що ты мени тымъ очы выбываешь? Ичь, яка язвката зробылася, якъ зъ панычамы зазналася! Иды соби, йды видкиля прыйшла!

Струкъ росердывся:

— Що ты справди, стара, вередуешь? Коли дивчына заробыла, то видай! Ну, видверны тамъ, що переплатыла Гапци, а то видай!

Стручыха почала знову верещаты, але Струкъ самъ выйнявъ тры карбованци и видавъ Левантыни. Тымъ и здобрїла дивчына замисто шистѣхъ.

— Пиду я зъ цѣго села!—думала Левантына, вертаючыся до бабы.—Пиду свить за очы! Тилькы тутъ и йе добрыхъ людей, що маты хрещена та Зинько, а то хочъ бы воно все й завалылося, оприче церкви божои! Пиду,—де знайду роботу, то тамъ и стану.

Выпрохала соби въ волости билета, заплатившы за ёго два карбованци зъ своихъ трѣхъ, поклонилася въ ноги матери хрещенїй, за ласку й помичъ дякуючы, та й пишла.

Выйшла зъ села, стала, озырнулася. А на неби сѣме сонце сходило та й сыпало золотымъ своимъ проминнемъ и на

хатки биленьки, и на вербы кучеряви, и на далекий темный гай, и на широке поле... И все що спало або ще сонне було, нерозбуркапе, набиралося слы, жвавосты и озывалося до могоучого, безъ краю высокого й безъ краю животворчого свитыла тысячмъ рухивъ, голосивъ, пахощивъ, колиривъ... Мовъ земля здригнулася и заблыщала и заплескала хвыли свитового жыття...

Тилькы въ души въ Левантыны нищо не озвалося радиснымъ голосомъ, нищо не прокынулося, опричь ще бильшого облю.

Поглянула на село.

— Не зазнала я въ тоби щастя-доли, тилькы слизонькымы стежечкы свои зросыла. Нехай ти стежечкы зелена рута покрые, а оця дорога до тебе терномъ заросте, щобъ и нога моя сюды не ступыла бильше!

Пишла не озыраючысь.

V.

А тымъ часомъ, помы Левантына боролася зъ своимъ лыхомъ, у Дыбляхъ бувъ розрухъ великый и заколотъ. Зроду-звизку не чуты, щобъ такъ коней крадено! Бувало, звисно, що колы-не-колы и вкрадутъ... та й то бувало на степену: хлопцы поспнуть, не доглянуть, а воно й поведе. А теперь се лыха годына та нещаслыва настала. Де жъ такы! Просто въ двиръ идуть, берутъ кони—за малымъ не зъ передъ очей та й ведуть. И не можна спыныты, страшно: усяке згаде, що сталося зъ дидомъ-стукачемъ: провалылы голову та й уже. Воно дидъ не вмеръ, та добре жъ, що незручно вдарено. А то й ваюкъ дидови бувъ бы. И то зъ мисаць у ликарни пролежавъ та й теперь кволытся. А боронгытыя якось треба. Бо де жъ такы! Тилькы чоловикъ зибъється, стягнется на ту конячку горюшну, а вже ии й нема й нема. Не можна бидолашному въ пера вбытыся. Оня уже въ скильвдхъ забрано кони:

у Сывашивъ трое, у Хоменка двое, у Грыцька, у Оксена... Руїнують та й годи прокляти коноводы! Уже й засидали на ихъ, и стереглы,—не пособляется. И не знаты хто,—хочъ бы видавъ чоловікъ, де шукаты. А то якъ укралы, то вже й пышы пропало.

Найбільше за всіхъ клопотався Денысь. Та й було чого! Скільки працювавъ, дбавъ, щобъ збытхся на добри кони, збывся, придбавъ и—отъ тоби, маешы! Въ одну ничъ—якъ вода вымла. Писля краджкы винъ ажъ плакавъ зъ жалю й зо злосты. И доси якъ згадае, то такъ сердце вогнемъ и візьметхся. А надто ще... одно... Та сѣго винъ нікому не казавъ, не прызнавався... самъ соби думавъ до слупного часу.

У голову заходывъ, миркуючы, щд-бъ ёго тутъ изробыты. Врешти ёму такы пощастыло.

Писля того, якъ украдено коня въ Оксена, то на якый часъ затыхло було,—ажъ покы люде забулься трохы та не такъ уже коней берегты стали. А вже такъ писля жывъ украдено знову пару добрыхъ коней у Денысового кума Терешка Тонконоженка. Скоро Денысь про халену дочувся,—заразъ пишовъ до ёго. Кумъ такый, якъ хмара. Почавъ ёго Денысь ровважаты, а дали й каже:

— Отъ що, куме! Скільки люде не шукалы коней,—нихто доси не знаходывъ. А мы давай таке зробымо. Ёе въ Чорвбуси знахарь Гостроглядъ. Кажуть, що до ёго багато людей ходыть ворожыты, якъ кони або волы пропадутъ, то якъ скаже де, то тамъ и найде чоловікъ.

— Та невже?—зрадивъ Тонконоженко.

— Йй-бо, правда! Угадае, мовъ тамъ бувъ. Ходимъ до ёго!

— А шо жъ ёму треба несты?

— Грошей. Кажуть, що треба положыты скількисъ тамъ рубливъ.

Кумъ Терешко швиденько вбрався, взявъ грошей та й у дсрогу вдвохъ изъ Денысомъ. Покы йшлы до Чорноуса, то Деныса брала страшенна ветерплячка, ще бильша нижъ Тонконоженка: що то скаже знахарь?

Увійшовши въ Черноусь,—заразъ чоловикъ воли жене,—вони ёго й пытають за Гостроглядя.

— А на що вамъ? Чы не кони шукаете?

— Авже жъ не що!—и вони почали ёму розказувати про свое лихо и пытати, чы може тутъ Гостроглядя пособити.

— Такой не пособити! Якъ скаже, то якъ увъ око влипыти! Такой знахарь, що на всю округу. Спершу винъ такъ пособлявъ людямъ—одъ хворобы, то що, а оце взявся и на злодіявъ ворожыты. Народъ до ёго такъ плавомъ и плыве, бо якъ сказавъ, що ни, то вже ни, а якъ сказавъ, що буде, то то вже въ тебе кони дома.

Балакучый дядько залюбки розказувавъ, якый гарный знахарь Гостроглядя. Ёму до вподобы було, що въ ихъ у селита живе такой великый чоловикъ,—сть цилкомъ такъ, якъ городъ тамъ якийсь хвалытся иноди своимъ славетнымъ ученымъ, чы що. А наши подорожане залюбки ёго слухали и зъ великымы надіямы пидійшли до знахаревой хаты. У хату вступыли не то зъ повагою до неї, а зъ де-якымъ навить страхомъ.

Хазяинъ бувъ дома. Сидивъ за столомъ и раскладавъ якесь сушене зилле. И по стинахъ, на килочкахъ, скрызъ высило тее зилле.

Увійшовши въ хату,—знахарь мовъ и не чуе ихъ и не гляне. Несмильво поставали бия порогу й промовылы:

— Здорови булы, дядьку!

Знахарь ни пары зъ устъ, мовъ никого и въ хаты нема. Обомъ гостямъ стало якось моторошно. Стоялы и несмильво поглядали на дивного хазяина. Чоловикъ ище не старый, зъ невеликою бородою руденькою, въ чумарчыни. Бере зилле и зъязуе пучечкамы. Позъязувавъ усе, що було на столи, зложывъ до-купы. Тоди глянувъ на ихъ.

Глянувъ,—и Денысь одразу зрозумивъ, за що Гостроглядомъ ёго прозвано: такой у ёго поглядъ, що якъ зыркне, то такъ тебе й пройме всёго.

— А, здорови, дядьвы! Що скажете?

— До вашой мылосты!—Госты вклонылыся.

— Сидайте та важить!.. Хоть я.. — прышнывся и такъ пыльно на обохъ поглянувъ,—и знаю, чого вы прийшли, та все жъ кажить.

Посидамы. Тонконоженко почавъ розказуваты. Гостроглядь слухавъ мовчки, иноди тилькы покывуючы головою, мовъ потакуючы.

Выслухавъ, подумавъ...

— Посыдыте тутъ, а я пиду подывлюсь.

Пишовъ зъ хаты. Дождываются кумы, и кожна хвылына того дожыданья за годыну имъ мабутъ здається. А знахарь усе не йде та й не йде. Довго щось дывытся. Мабуть нелегенька штука. Гляды, що скаже—пропало.

Рыпнули двери,—Денысь изъ кумомъ здригнулыся. Увійшовъ знахарь, сивъ мовчки за стиль, подумавъ...

— Такъ-такъ-такъ... Одна конява була гнида, съ лысною на лоби?

— Вона!—скрыкнувъ Тонконоженко.

— На переднихъ ногахъ мычы били?

— Йй-бо вона!—Терешко ажъ зирвався на ноги, не мигъ высидиты.

А знахарь спокійно та байдужно казавъ дали:

— А другой кинь вороний,—добрый кинь.

— Ой, добрый!—выгукнувъ бидолашний хазяинъ доброго коня.

— Такъ... Знаю, де твои кони. Можно знайти.

— Дядьку! будьте мылосердни! Скажите—де! Я вже вамъ не пожалю!..—прохавъ Тонконоженко, стурбованный надією побачыты знову свои кони.

— Та шо жъ...—байдужно, не поспышаючыся одназавъ знахарь,—можна й сказаты,—абы було за що.

— Та я хочъ и заразъ ладень... Кажить—скыльки!—поспышавъ Тонконоженко.

— Двадцять п'ять карбованцивъ положи,—матымешъ кони.

— Ой, це жъ наче бъ то й дорого буде!—зажурывся Тонконоженко.

— А кони ще дорожчи. Мабуть за кожного рубльєвъ по сорокъ давъ.

— За одного сорокъ, а за другого сорокъ и тры.

— Ото жъ бачышь. А теперь ще подорожчалы кони, то вже за ихъ не висимдесять тры взявъ-бы, а може й сотню. И я жъ не могу дурно робыты: воно й мени стдыть. Та про мене—якъ знаєшь.

Уставъ и почавъ зыматы зъ кылочкывъ зилля та роскладаты на столы, мовъ ёму вже й байдуже про Тонконоженковы кони.

Жалко було Терешкови такую сылу грошей даваты. Та бачывъ, що инакъ не пособытсы. Сиробувавъ ще поторгуватсы зъ Гостроглядомъ, дакъ той и не озывся. Довелосы вытраты грошы. Не було зъ собою всыхъ, дакъ позмычывъ ще ръ Деныса. Такъ-сякъ удвохъ наскладады, положывъ ихъ Тонконоженко на стылъ. Знахаръ мовъ и не глянувъ на ихъ.

— Сёгодня въ насъ пятныця...—почавъ казаты,—такъ... Дакъ отъ-же въ понедилокъ, якъ сонце зйде, пидешъ у Чорный яръ... Знаєшь?—Тамъ будутъ твои кони стояты, привязаны до великого дуба, що росте посередъ яру, ажъ на дни.

— А якъ не будутъ?—несмыливо спытавъ Тонконоженко, бо ёму стало страшно: а що, якъ грошы пропадутъ.

— Кажу, що будутъ, то будутъ!—сердыто выказавъ знахаръ.—А колы не ймешъ выры, то хочъ и назадъ грошы заберы,—мени однаково. Тылкы вже тоды й коней тамъ не побачышь.

Тонконоженко злякывся й змовкъ.

— Та никому й словечкомъ не пробовкныся, ажъ покы до-дому кони приведешъ. Тоды кому хочъ кажы. А скажешъ раньше, то й коней не побачышь, и самъ биды не мынешъ. Чуєшь?

И такъ подывывся своими гострымы пронозуватымы очыма, що Тонконоженкови мовъ по-за спыною сныгомъ сыпнуло.

Денысь спытався:

— А чы не можна бы, лядьку, такъ, щобъ и про злодія довідатися—хто винъ такой йе?

— Ге! Чого схотивъ! Буде й того, що кони знайдутся!—одказавъ знахарь.—Того не можна. Воно, сказаты, можна й те, да тилькы тоди вже по-викъ вичный коней не побачышь, бо воно такъ, що або про те, або про те можна ворожыты,—тилькы про одно.

— Та Богъ зъ имъ! Мени вже хочъ бы кони!—махнувъ рукою Тонконоженко.

Попрощалыся й пішлы. Жалко було грошей Терешкови, та веселью хочъ те, що кони знайдуться.

Пішлы наши до-дому, а згодомъ, слідкомъ за ими, подався й Гостроглядъ. Узявши палець, та й пішовъ полями та гаями зилля збираты. Збираючы зилля, дійшовъ до Гапонового хутора: винъ же бувъ біля дороги въ Чорндуса въ Дыбли.

— А що, клюе?—спытавъ Гапонъ, увившы гостя въ хату.

— Тонконоженковы кони... Ось двадцять и п'ять...—Винъ розказавъ про те, якъ приходыли Терешко зъ Денысомъ.—Двадцятка вамъ, а п'ять рубливъ мои. Нехай ваши хлопцы выведуть кони у Чорный Яръ,—такъ, щобъ на поведилокъ на схидъ сонця булы тамъ прив'язани до того великого дуба.

— Ого жъ то й беда мени, що кони вже не въ мене. Бо я знавъ, що до мене становый мавъ прийихаты за диломъ, дакъ я, щобъ тыхше було, видиславъ ихъ до Лабзы. Та й зъ хлопцями клонить: одынь хворый лежить, а другого далеко пославъ за диломъ.

— Шкода... Якъ бы жъ я знавъ, то я бь инакъ якось...

— Ну, та дарма! Мени треба пойихаты въ городъ. То перекажу Ярошеви, щобъ хто зъ ёго хлопцивъ вывиевъ кони.

— Ого й добре!..

Прыятели розійшлысь.

А тымъ часомъ Денысъ усе думавъ про знахаря. Винъ не дывувався, що знахарь и кони яки вгадавъ, и все знае, бо черезъ те жъ винъ и знахарь, що може вгадаты,—а дывувався,

якъ це кони у Чорный яръ потрапляють. Де вони тамъ визьмутся? Хто ихъ туды приведе? Може злодіи тамъ кони ховають? Дакъ ни,—не зручно... Хиба сами прыбижать? Ни, не впада, бо казавъ знахарь, що кони будуть привязани,—уже жъ вони самі не привязжуться. А хто жъ ихъ привязже?

Си думкы не давали Денысови спокою. А що, якъ бы?... А що якъ бы питы та заховатися тамъ помижъ кущами та й допыльнуваты—де кони визьмутся? Може такимъ робомъ выкрывъ-бы винъ и коновода. Ого було-бъ добре!

Тилькы страшно! А що, якъ то нечыста сыла туды кони приведе? Денысъ боявся нечыстого, хочъ и згавъ, що видъ ёго легко оборонитися хрестомъ, а хочъ бы й не нечыстый, а самы коноводы, то хиба тыхъ не страшно?

Та хиба вже такъ винъ и попадется? У тому яру можна такъ заховатися, що й не побачыть никто. А то можно вдвохъ изъ кумомъ Терешкомъ питы—охитнише буде. Денысъ пишовъ зъ цымъ до кума, але кумъ ніякъ не хотивъ прыстаты до ёго.

— Ни вже,—каже,—якъ знахарь сказавъ, то такъ и зроблю. А то якъ не послухаюсь, то й гроши пропадуть, и кони не вернутя. И ты, куме, не ходы, прошу тебе!

Денысъ сказавъ, що не піде, а самъ свое думае. Такъ-сякъ суботу перебувъ, а якъ прийшла неділя, то нема ёму спокою: муляе та й муляе ёго той Чорный яръ. Чы йты, чы не йты?

Чы вже жъ такы винъ маленький, що боится питы? Що буде, а вже піде!

Уже колы хто кони прыбодытyme, то сіен ночью,—падъ поведилокъ. Винъ піде звечора.

Бильше никому вже винъ не признавався. Дома сказавъ, що піде на ничъ у Чорнобузь за диломъ,—выгадавъ уже тамъ дило. Узявъ зъ собою добру кыюру и завядна ще подався зъ дому. Поки дійшовъ до Чорного яру, почало вже трохи смеркатыся. Озырнувся, глянувъ геть навкругы полемъ,—ниде ни лялечкы. Тоди тихо пишовъ у яръ.

Зъ поля Чорный яръ здавався просто лисомъ, а якъ уйдешъ у сей лисъ, то се байракъ глыбокий. Дубы, клены, осыкы,

бересткы та всякій чагарныкъ густо порослы й посчиплювались гиллемь. На поли ще було трохи выдко, але тутъ була вже ничь. Денысь ишовъ пбмацькы, находючы ногамы знаёму вузеньку стежку, росхыляючы гилле рукамы, заплющывшыся, щобъ хочъ по очахъ не хвыськало витамы.

Винь знавъ того дуба, де малы кони стояты и простувавъ до ёго. Але покы дйшовъ, то добре увесь выдъ подряпало. Нарешти выйшовъ ажъ на дно яру,—тутъ була невеличка прогайлёвынка, а посередъ неи той дубъ.

Вельке старезне дерево, чорніючы своимъ могучымъ стовбуромъ, роскынувшы чѣпурно проты стемнилого неба нерухоме шатро сонного лыстя, стояло якъ и попереду, одыноке, и ніякихъ коней била ёго не було.

Де жъ бы ёго заховатыся такъ, щобъ усе побачыты, а самого щобъ не выдко було? Треба недалечко. Почавъ роздывлятыся и незабаромъ изнайшовъ соби добру мисцыну поблызу била дуба, въ куцахъ. Звидты выдко и дубъ, и всю маленьку прогайлёвынку. Видкиля-бъ що не прыйшо до дуба,—воно Денысовыхъ очей не мыне.

Положывъ била себе кієкъ и лягъ. Хотивъ закурыты, та побоявся: табакъ далеко чутъ, то щобъ не сполохаты злодія. Терпитеме вже.

Ну, а що винъ робытыме, якъ побачыты злодія? Беда, що темна ничь. Якъ бы по-выдному, то пизнавъ бы хто, чы хочъ бы добре роздывывся, колы невидомый. А то якъ на лыхо, и мисяца нема, и зиркы за хмарама не дуже свитють. Уже жъ не слынышь злодія та не спытаешся—хто. Погаво зробивъ Денысь, що послухався кума и никому не сказавъ. Треба було зібраты чоловика пятаеро людей та тутъ и заховатыся,—отоди-бъ вони вже піймалы злодія. А такъ не буде дила.

Чы не вернутыся до-дому?

Подумавъ трохи Денысь. Ни, вже буде тутъ! Хочъ побачыты, що буде, а тамъ уже знатыме, що робыты.

Холодне вночিশне повітре було въ яру зовсімъ вохке, и Денысь ажъ измерзъ одъ ёго. На сѣли теплише вночы, дакъ

винь и вдягъ чумарчыну, а треба було добру свыту взяты. Уставъ зъ земли, позастибався гарненько и сивъ, зипершыся спыною на якыйсь пенъ. Разъ-у-разъ дывывся на прогайлёвыну й на дубъ, але ничого не бачывъ. Почыналы втомлятыся очы.

По тому клаптыку неба, якый выдко було Денысови, снувалыся хмары; зиркы то потопалы въ ихъ, то знову вырыналы, ледви блимаючы.

— Ще дощъ буде,—подумаъ Денысъ.—Ще кецько: змерзнешъ такъ, що й не высыдышь.

Вельки дерева понависалы надъ имъ своимъ кудлатымъ чорнымъ гиллемъ. Товсти стовобуры мрилы въ темряви. Здавалося, що якисъ здоровенни люде, якисъ велетни похмури й страшни, поставалы навкругы мовчкы и попростягалы надъ Денысомъ свои велычезни лапы, щобъ ёго вхопыты. Отъ сâме надъ головою нависла така лапа, широко широко розипъявши товстючи мохнати пальци-кихти. Тилькы трохы выжче—и вхопыла бъ ёго. И вразъ ти пальци почалы ворущытыся, вся лапа схытнулася, мовъ выдаючыся ввызь ёму на голову. Денысъ хотивъ выскочыты зъ пидъ неи, але ту жъ мыть побачывъ, що вси вони, вси ти страшни чорни лапы ожылы, заколыхалыся и простяглыся до ёго, ворущачы своими довгыми пальцями-кихтями... Холодный важный страхъ прытысь до земли Деныса, не дававъ ему поворухнутыся... Зашелестило, зашумило, озбалася навкругы вся темрява... Ще мыть!..

Денысъ зирвався на ривни ноги, и вразъ розвивався ввесь той страхъ. Тилько витерь тыхо шелестивъ лыстомъ, колышучы виты. Денысъ зитхнувъ глыбоко, мовъ що важке зъ себе скинуть, плюнувъ, думкою самъ себе вылаявъ, що такъ перелякався зъ дурного розуму, и знову сивъ, перехрестывшыся.

Не дурно сей ярь Чорнымъ звать: у ёму й дерева страшни.

А давно ще прозвано ёго Чорнымъ. Батько розказувавъ, що колысь, у стародавню давныну ще, тутъ розбійныкы жылы, кышло ихъ у цёму яру було. Бо тоди тутъ не такий лисъ бувъ,—це вже ёго вырубано теперь. Бувъ такий лисъ, що й не долизе ништо сюды було. А воцы мабутъ отутъ, саме

близ цѣго дуба, й жылы, ти розбійныкы. То вдень у яру сы дять, а вночы на здобыткы йдуть, людей розбивають. Переймутъ-хто йиде, та й пограбують, а то такъ и вбьють. А одного разу, кажутъ, дакъ йихавъ панъ багатый, молодой та й зъ молодую панією... вночы... И сѣме прозь цей яръ пройиздылы. А розбійныкы й выскочылы на ихъ. Пана жъ убылы, а пани отаманъ розбишацькый, Чорный на призвыще, соби взявъ. Уже вона ёго прохала-благала, щобъ винъ ии не бравъ, казала, що й выкупъ за себе прышле... Дакъ дуже гарна була, закохався въ неи отаманъ пры мисяшному сяви та й повивъ ии зъ собою въ оцей яръ. Вона спершу пручалася, крычала, а дали й затыхла. Якъ прыведено ии въ яръ, то була ще ничъ, и отаманъ узявъ ии до себе въ шатро. А розбійныкы спаты полягалы, сміючыся та задрючы отаманови. Поснулы. Попрокыдалыся вдень—не чутъ отамана. Зазырнулы въ шатро, ажъ отаманъ лежить и кыжалъ, стремить ёму въ грудяхъ, а въ другому кутку пани вродлыва мертва: сама себе заризала, отамана заколовшы. Поховалы розбійныкы обохъ тутъ у яру, а соби выбрали нового отамана. Дакъ що жъ? Не могли выжыты. Якъ ничъ, такъ и ходыть мертва пани, ходыть й плаче и прокынае за свою недолу розбійныкывъ. И такый страхъ ихъ узявъ, що вони покынулы сей яръ та й подалыся кудысь далеко. А пани, кажутъ, що-року тїей саме ноцы, якъ заризалася, выходе зъ ямы та й иде байракомъ. Тыхо, тыхо йде, вся въ чорному, ледви чуты ии...

И йшло тыхо, ледви чуты. Але Денысь се почувъ. Духъ ёму забыло, полизло догоры волоссе... Тупотыть... Здалека ще чутъ, якъ щось тупотыть... Ось блыжче... Ось уже й на прогайлёвыни...

Якась купа велька чорна наблыжається. Денысь сылкується зрозумыты, що се, але темрява не дае ёму роздывытыся. А купа все насувае, все насувае... Ось одно, двое.. Та се чоловікъ зъ двома кынымы!...

Денысови знову забыло духъ, але вже не зъ страху, а зъ думкы: що то заразы буде, що те винъ доvidaється?

Підвивъ чоловікъ до дуба кони и почавъ мацаты—до якої бѣ гилкы враще привязаты. Привязавъ одного, тоди другого. Постоявъ хвилыну, мовъ подумавъ, що ёму дали робыты, и пшовъ стежкою въ той бикъ, де бувъ Денысь, трохи навкось видъ ёго.

Втече! Отъ заразы пиде, покритися, и Денысь ничогъ не знатыме, даремни будуть уси заходы, знову ничого винъ не довидається про те, хто ёго ворогъ. И вразъ мовъ импетомъ що кынуло Деныса назустрічь невидомому чоловікови. Выскочывъ и ставъ передъ имъ, ливою рукою вхопывъ ёго за горло, а правою, держучы кієкъ посередыни, розмахнувъ и вдаривъ зъ усеи сылы въ груды. Чоловикъ упавъ, и Денысь опынывся на ёму.

Але даремне на свою сылу важывъ. Далеко дужчий за ёго бувъ чоловікъ. Видразу вывернувся зъ-пидъ ёго, збывъ ёго пидъ себе и прыгнитывъ колиномъ.

— А! ты мене будешъ быты!—захрыпывъ знаёмый Денысови голосъ.

— Романъ!—скрыкнувъ Денысь.

И змовкы, вдывляючысь одынъ одному въ облычче: той на земли, пидъ колиномъ, а той нахылывшыся надъ имъ, зъ рукою на горли. Дывылыся середъ темрявы хмарной ночи, сыдкуючыся пизнаты знаёми рысы.

И вразъ пизналы...

Денысь почувъ, якъ Романова рука ще дужче стыснула ёму горло, але тилькы на мыть. Якъ звиръ дыкый, однимъ скокомъ, Ромаць зныкъ у темряви.

Денысь пидвився, хытаючысь. Груды въ ёго болилы видъ Романового коліна. А, проклятый! Якъ прыгнитывъ! Здоровый, якъ бугай!..

Денысь увесь трусывся—зъ напруження, зо злосты. Теперъ винъ знае, хто кони бере. То догадувався, а теперъ и побачывъ. А, злодію, коповоде, харцьIZE проклятый! Не мынешъ ты теперъ Денысовыхъ рукъ!..

Денысь повидязувавъ кони и повивъ ихъ зъ яру...

Була ще ніч, якъ винъ уйхавъ у двірѣ до кума Терешка и постукавъ до ёго въ темне виконце.

— А выйды лышь, куме, сюды!

Пизнавшы Тонконоженко голосъ, заравъ выйшовъ. Передь дверыма стоявъ Денысь и державъ пару коней.

— А що се?

— Твои кони.

— Ой! Та ну?

— Дывысь!

Тонконоженко кынувся до коней и хазяйсьбымъ окомъ заравъ же пизнавъ ихъ, хочъ и въ темряви.

— Та якъ же се? Ничого не розберу.

— Замкны кони въ повитку та ходимъ у хату, то роскажу

Дочувшыся Тонконоженко якъ усе сталося, и радивъ поверненымъ конямъ, и трохи боявся: а що, якъ се знахаря розгнивае? А якъ Денысь сказаръ, що винъ хоче направыты вранья на Романа, то винъ и зовсимъ перелякався.

— Ой, куме, не робы сёго! Хиба жъ ты не знаешъ того Гострогляда? Та'дже вси люде кажутъ, що ёго не можна займаты, бо якъ схоче, то таке поробыть чоловикови, що й жыты не дасть. Кажуть, хворобу васылае и на товаръ моровыцю.

Денысь почавъ сперечатыся. Адже тутъ нема ніякои нечистой силы. Певне знахаръ у спилци зъ коноводами. Дило звичайне, людське.

Та кумъ ніякъ того не слухавъ. Нехай тамъ и людське дило, та знахаръ мае нелюдську силу.

Щобъ не сперечатыся бильше, Денысь замовкъ. Винъ заночувавъ у кума, а вранци вернувся додому.

Було свято, и Домаха пишла до церкви. Маты поралась біля печы, батько й Зинько були въ хати.

— Отъ, тату, выкохалы сыночка-коновода! — озвався Денысь до батька.

Старый мовъ здригнувся.

— Що ты кажешъ, Денысе? Про кого це ты кажешъ?

— Про кого жъ я казавъ, якъ не про того ледащо, злодюгу клятого?—злсно видповивъ Денесь, роздягаючысь и сердито кыдаючы чумарку на пиль.

— Не люгуй, а краще доладу роскажы!—звеливъ батько. Денесь почавъ росказуваты. Винъ и попередь сѣго ще думавъ на Романа. Та що-жт? Не можна було довидатись. А отъ теперь уже довидався... И винъ по-ряду оповидавъ усю подію.

А старый Сывашъ слухавъ, похылившысь винець столу, про свою ганьбу видъ ридного сына, та й не помичавъ за великымъ смуткомъ, що пекучи слѣзы котылися ёму по облыччу, по бородини и падали великымы яснымы краплямы на спрацѣвани почорнили рувы. Дожывся! Хиба винъ того сподивався, того дожыдавъ? На старисть ёму сыву голову такимъ соромомъ сынъ покрывъ, передь усима людьмы й ёго, и весь ридъ изганьбывъ. Николи сѣго не було, щобъ изъ-помижъ Сывашивъ злодїи були. А отъ-же!...

Маты стояла била печи, прихылившыся въ кутку до рогачивъ, та й соби втырала слѣзы. Зинько сидивъ такый, якъ передь смертю. Тяжка хмара налягла на всю симью.

А Денесь усе оповидавъ, не помичаючы того ничего, роспаленый своимъ оповиданнемъ, згадкою про видбуту боротьбу. Винъ доказавъ и змовкъ, и вси мовчали. Тилькы матерыне хлыпанне чуты було середь тышы. А Денесь, не зважаючы на те, правивъ свое:

— Сѣго не можна такъ попустыты. Се винъ и дали буде все село грабуваты та й насъ. Я пиду заразы у волость. Хай йидуть у городъ та щобъ тамъ забрали ёго до тюрмы.

— Денесе, чы ты розуму не згубивъ?—понуру спытався батько.

— Чого бъ я розумъ изгубивъ?—А шо жъ я—подарую ёму трое коней, чы якъ?

— Эхъ ты безсоромный, безсоромный!—гирко й докирлыво промовивъ батько тыхымъ голосомъ, шо ще тремтивъ одъ недавнихъ слизъ.—Дакъ ты пидешъ ото самого себе поганыты, ..юдямъ росказуваты, шо Сываши злодїи?

— Та се вы, тату, черезъ те такъ кажете, що вы вже стари, вамъ байдуже про хазайство, а намъ изъ Зинькомъ треба свое добро берегты.

— А ты, Денысе, на мене не злавайся!—озвався поважно, зъ прытскомъ Зинько.—Мени честь млиша за добро. Хочъ бы й трыдцятеро коней пропало, а я на брата не пиду выказуваты, самого себе ганьбыты.

— Хи! Яка жъ то й ганьба! Адже не мы кралы, а винь. Ну, якъ соби знаете, колы таки добри та багати! А я того не подарую, бо мени ни зъ чого даруваты. Я заразъ до врьдныка!— и винь почавъ удягатися.

Мати заголосыла на всю хату, кынулась до Деныса и вчепылася за ёго:

— Денысе! Шо ты робышь? Не пушу я тебе! Не ходы!

— Одчепитися, мамо!—сердыто гарыкнувъ Денысь и врывавъ у матери свою руку.

— Облышь ёго, стара!—озвався батько.—Слухай—ты!—загомонивъ винь до Деныса, и голосъ ёго задзвенивъ такъ гостро, що той у-разъ спынывся.—Я тоби того не дозволяю и велю не робыты того. Поки я живый, то я тутъ хазяинъ у своему добри, а не ты! Пидешъ казаты,—проклену и сёгодня жъ выкыдаю тебе зъ усима твоими манатками зъ хаты, щобъ ты мени ии не ганьбывъ! И ничего не дамъ.

Денысь знавъ батька. Винь бувъ звычайно тихый, але якъ отакымъ голосомъ заговорыть, то вже що скаже, те зробыть. Денысь сердыто швыргонувъ чумарку знову на пиль и пишовъ зъ хаты мовчки, тильки дверыма грюкнувъ такъ, що ажъ шпаруны посыпалысь.

Винь справди облышывъ иты до врьдныка, але не мигъ утерпеты и розказавъ де-кому про випадокъ у Чорному яру, даючы Романа. Незабаромъ поголоска про се пышла по всёму селу. Довидався й урядныкъ и пишовъ спершу до Тонконоженка. Але той, боячыся знахаря, сказавъ, що ничего винь не знае, а кони самы знайшылся въ яру. Поклыкавъ урядныкъ Деныса, але й той не сказавъ ёму ничего, бо знавъ, що не млыне

батьковои кары, скоро скаже. Такъ урядникъ ничего не мигъ и зробыты. Звисно, можна потруситы и знахаря, и Романа, та хиба въ ихъ що знайдешъ? Все село говорило про ихъ, але зайняты не можна було, бо ни до чого причепытыся.

А люде, довидавшыся, що се свій злодій краде, ше больше почалы турбуватыся. Сей знае вси закуточкы й суточки, то видъ ёго ни де не заховаешся. Треба добре берегтыся. Стукачивъ ще больше найнялы. Ночувалы завсигды биля коней, кладучы коло себе коляку або кюру добру, а якъ хто мавъ, то й рушницю. Все булы на Романа дуже лыха; хто й оборонявъ ёго попереду, то той теперь лаявъ. А вже що ти хазяи, якыхъ винъ коней позбавлявъ, то ти клялы такъ, що й кисточки въ ёго неклятои не лышылы. Двое черезъ це зовсимъ зубожило, а всимъ иншымъ довелось позычаты грошей на кони. Теперь Романови страшно було й поблызу Дыблывъ проходыты, колы не хотивъ головою наложыты.

Але нисля подіи въ Чорному яру краджкы прытыхлы: чы то коноводы полякалыся, що ихъ выкрыто, чы то имъ не було ходу за пыльною вартою.

Такъ думалы люде, а Романъ думавъ соби инше.

В. Гринченко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ исторіи частныхъ пансіоновъ въ Кіевской губ. въ нач. XIX ст. ¹⁾

Среди другихъ немногочисленныхъ воспитательныхъ и образовательныхъ институцій начала истекшаго столѣтія не послѣднее мѣсто слѣдуетъ отнести частнымъ пансіонамъ, содержимымъ иностранцами (преимущественно французами). Мы не имѣемъ данныхъ для точнаго опредѣленія времени ихъ появленія на Украинѣ, но во всякомъ случаѣ, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, со времени основанія Коммиссіи Просвѣщенія (Edukacyjej) они уже существовали. Łukaszewicz въ своей «*Historya szkół*», t. II, стр. 436—37 говоритъ, что въ „эту эпоху (послѣ 1773 года) слишкомъ размножилось свѣтскихъ пансіоновъ, не только въ самой Варшавѣ, но даже и въ малыхъ городкахъ“. Огносительно лѣвобережной Украины мы имѣемъ указаніе на существованіе французскаго пансіона для дѣтей въ Ромнахъ и Глуховѣ въ 1781 году ²⁾.

Въ первой четверти XIX столѣтія иностранные пансіоны получили значительное распространеніе въ лѣвобережной и право-

¹⁾ Считаю своимъ пріятнымъ долгомъ привести искреннюю благодарность Н. В. Стороженку, любезно предоставившему въ наше распоряженіе «Дѣла уманскаго повѣтоваго училища» за нѣсколько лѣтъ первой четверти истекшаго столѣтія, на основаніи которыхъ и составлена наша замѣтка.

В. Д.

²⁾ «Кіевская Старина», 1890, сентябрь, отд. II, стр. 495—496.

бережной Украинѣ,—особенно въ послѣдней. Уже въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія мы знаемъ о существованіи въ Кіевѣ трехъ пансіоновъ, открытыхъ съ разрѣшенія Обществ. Призрѣн.: 1) „Иностранцемъ“ Иванемъ Борецкимъ 4 сент. 1801 г., 2) отставн. франц. капитаномъ Карломъ Компаньономъ—въ декабрь 1802 г. и 3) вдовой секретаря (?) Каролиной Шгущъ—20 марта 1803 г. ¹⁾

Затѣмъ извѣстно существованіе женскаго пансіона въ Нѣжинѣ не позже 20-хъ г.г. нѣкоей французской дѣвицы Елисаветы Руссетъ ²⁾; въ 30-мъ году въ м. Златополь (Чигиринскаго уѣзда) извѣстенъ мужскій трехклассный пансіонъ Л. Вильетти, подготовлявшій воспитанниковъ не только въ гимназій, но и въ высшія учебныя заведенія. ³⁾ Насколько велика была степень распространенности упомянутыхъ пансіоновъ, содержимыхъ иностранцами, лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что Министерство Народнаго Просвѣщенія сочло своимъ долгомъ обратить на нихъ особое вниманіе. Въ маѣ 1811 года Министръ Просвѣщенія Г. Алексѣй Разумовскій издаетъ Высочайше одобренную „записку о предположеніяхъ касательно частныхъ пансіоновъ“, въ которой выражаетъ скорбь свою по

¹⁾ Собрн. Матер. для истор. просв. въ Россіи, Сибр. 1893, т. I, стр. 453, II, 570.

²⁾ Кіевск. Старина, 1884, январь, отд. II, стр. 173—174. Любопытна программа преподаванія въ этомъ пансіонѣ: 1) Законъ Божій, русскій языкъ по правиламъ грамматики 3) *мифтологія*, 4) нѣмецкій языкъ по правиламъ гимназій, 5) *Музыка*, танцы и рисованіе, 7) руководствіе 8) чистописаніе. Плата въ годъ 800 руб. (при чемъ $\frac{1}{2}$ вперед). Каждая дѣвица, при вступленіи въ пансіонъ, обязана принести съ собой, кромѣ постели,—1 скатерть, 6 салфетокъ, 1 ложку столовую, чайную чашку, 2 столовыхъ ножа, 1 стаканъ. За исключеніемъ братьевъ, не допускается посѣщеніе молодыхъ не женатыхъ господъ.

³⁾ Историческая записка о златопольской гимназій, составленная ко дню 50-лѣтія юбилея въ авг. 1887 г. А. Андріевскимъ. Кіевъ, 1887 г. Интересныя подробности также см. Кіевск. Старина, 1901, мартъ, отд. II, стр. 151—152.

поводу того, что „въ Отечествѣ нашемъ далеко простерло корни свои воспитаніе, иноземцами сообщаемое. Дворянство, подпора Государства, возрастаетъ нерѣдко подъ надзоромъ людей, одною своею корыстію занятыхъ, презирующихъ все иностранное, не имѣющихъ ни чистыхъ правилъ нравственности, ни познаній. Слѣдую дворянству, и другія состоянія готовятъ медленную пагубу обществу воспитаніемъ дѣтей своихъ въ рукахъ иностранцевъ“. Далѣе Министръ выражаетъ еще большее недовольство по адресу иностранцевъ-воспитателей. „Всѣ почти пансіоны въ Имперіи содержатся иностранцами, которые весьма рѣдко бывають съ качествами, для званія сего потребными. Не зная нашего языка и *ищуаясь* онымъ, не имѣя привязанности къ странѣ для нихъ чуждой, они юнымъ Россіянамъ внушаютъ презрѣніе къ языку нашему и охлаждають сердца ихъ ко всему домашнему, и въ нѣдрахъ Россіи изъ россиянина образуютъ иностранца“. Но оказывается, что и это еще не все „И для преподаванія наукъ они избирають иностранцевъ же, что усугубляетъ вредъ, воспитаніемъ ихъ разливаемый, и скорыми шагами приближаются къ истребленію духа народнаго. Воспитанники ихъ и мыслятъ и говорятъ по-иноземному; между тѣмъ не могутъ нѣсколько словъ правильно сказать на языкѣ отечественномъ“. ¹⁾ Указавъ такимъ образомъ на пагубныя послѣдствія иноземнаго воспитанія, Министръ объявилъ слѣдующія мѣры къ прекращенію зла:

1. Дабы училищное начальство въ дозволеніи на открытіе новаго пансіона основывалось не только на степени учености содержателя, но еще болѣе на удостовѣреніи о доброй его нравственности.

2. Дабы въ числѣ познаній содержателя пансіона не упускать изъ виду знаніе Русскаго языка.

¹⁾ Любопытно, что польское общество, въ лицѣ нѣкоторыхъ передовыхъ своихъ представителей, неоднократно высказывало недовольство воспитаніемъ въ пансіонахъ иностранцевъ въ томъ же духѣ, что и русскій министръ.

3. За правило поставить, чтобы во всѣхъ пансіонахъ науки преподаваемы были на русскомъ языкѣ. Начальство училищное должно имѣть неослабное за симъ наблюденіе.

4. Вновь принимать въ пансіоны учителей для наукъ не иначе, какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы преподавали оныя на русскомъ языкѣ.

5. Впрочемъ, во всемъ слѣдовать правиламъ, для пансіонеровъ существующимъ, о строгомъ наблюденіи коихъ подтвердить мѣстнымъ училищнымъ начальствамъ.

6. Поелику содержатели не платили никакой повинности, пользуясь впрочемъ важными выгодами отъ содержанія пансіоновъ, то съ 1 мая сего 1811 года каждый содержатель частнаго пансіона обязывается вносить въ Министерство Просвѣщенія ежегодно по 5% съ платы, получаемой на содержаніе пансіонеровъ. Сумма сія, по накопленіи ея, обращена будетъ на учрежденіе особыхъ училищъ, въ коихъ, безъ отягощенія Государственной казны, будутъ воспитываться дѣти родителей, оказавшихъ отечеству важныя заслуги, но лишенныхъ средствъ къ ихъ воспитанію, равно и дѣти венмущихъ дворянъ“.

Вскорѣ послѣ перваго распоряженія относительно пансіоновъ, Разумовскій издаетъ отъ 6 іюня того же года второе, съ болѣе подробными поясненіями по нѣкоторымъ пунктамъ:

1) Изложенныя въ первомъ распоряженіи требованія, кромѣ 3 и 5 (относительно обязательности преподаванія на русскомъ языкѣ), исполнять неукоснительно и безъ измѣненій; пункты же 3 и 4 въ цѣломъ относятся къ пансіонамъ Русскихъ губерній, но въ губерніяхъ Остзейскихъ и присоединенныхъ отъ Польши вводить ихъ постепенно, по мѣрѣ возможности, такъ чтобы, кромѣ изученія русскаго языка, преподавался въ пансіонахъ и общежитіяхъ (konwiktach) по крайней мѣрѣ одинъ предметъ на русскомъ языкѣ.

2) Постановленіе это объявить содержателямъ пансіоновъ подъ расписку.

3) Чтобы всегда можно было видѣть, въ какой суммѣ должны поступать процентныя деньги отъ содержателей пансіо-

новъ въ Департаментъ Министерства Просвѣщенія, приказать имъ завести особую книгу, куда каждую треть должны вносить имена пансіонеровъ и пансіонерокъ, получаемую пансіономъ плату за каждаго изъ нихъ, время ухода кого-нибудь изъ нихъ въ теченіе трети, сумму процентныхъ денегъ, слѣдуемыхъ въ Департаментъ Просвѣщенія за треть, и время, когда и черезъ кого онѣ выданы. Книгу эту обязаны вести съ должной обстоятельностью, начиная съ 1 мая настоящаго 1811 года. Во время ревизіи пансіона Визитаторомъ, Директоромъ и Смотрителемъ (Dozorgsom) школъ повѣтовыхъ, послѣдніе обязаны просматривать книги и подписывать, чтобы убѣдиться, что книги находятся въ должномъ порядкѣ. Содержатели пансіоновъ обоего пола, по истеченіи каждой трети, сдѣлавши выпись изъ книги за треть и подписавши, обязаны немедленно прислать таковую съ процентными деньгами Директору гимназіи (давъ о томъ знать префекту повѣтовой школы), а Директоръ означенную сумму отправлять непосредственно въ Департаментъ Министерства Просвѣщенія при своемъ донесеніи, оплачивая почтовые расходы изъ этихъ же суммъ.

4) Такъ какъ обязательство о взносѣ процентовъ можетъ дать поводъ къ чрезмѣрному повышенію платы за пансіонеровъ, приказать содержателямъ пансіоновъ, чтобы ни въ коемъ случаѣ не производили надбавки безъ разрѣшенія университета, къ которому должны обращаться съ просьбой черезъ Директора, а университетъ, съ своей стороны, долженъ съ величайшей осмотрительностью давать разрѣшенія на повышение платы, какъ и на установленіе ея за пансіонеровъ во вновь открываемыхъ пансіонахъ. Наконецъ,

б) если кто будетъ просить разрѣшенія на открытіе новаго пансіона, объявлять таковымъ эти распоряженія подъ расписку, для надлежащаго сообразованія съ ними.

Какъ первое, такъ и второе распоряженія Министра были немедленно разосланы префектамъ повѣтовыхъ училищъ, а эти послѣдніе не замедлили приведеніемъ въ исполненіе новыхъ правилъ по отношенію къ пансіонамъ. Такихъ пансіоновъ въ Кіевской губерніи, насколько намъ извѣстно, въ то время было четыре: въ г. Кіевѣ — отставнаго французскаго капитана Карла

Compagnon'a, ¹⁾ въ м. Смѣлѣ ²⁾—неизвѣстно чей, въ г. Звенигородѣ ³⁾—женскій—француза Louis de Petit и въ м. Христиновкѣ—француза Germain.

Въ томъ же году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, послѣдовало новое Министерское распоряженіе, имѣющее непосредственное отношеніе къ частнымъ пансіонамъ, а именно—чтобы „во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Гражданскаго вѣдомства, не изъявляя изъ сего и состояща подъ управленіемъ иностраннаго духовенства, какъ обучать юношество Закону Божию, такъ и при ежегодныхъ испытаніяхъ всегда начинать экзамень съ сего предмета, яко заключающаго въ себѣ главную и существенную цѣль образованія. При томъ поставить въ непремѣнную обязанность начальникамъ училищъ приглашать на сей экзамень, въ особо назначаемый для того день, почетное духовенство, а въ городахъ, гдѣ существуетъ Архіерейская каеэдра, то и самыхъ епархіальныхъ Архіереевъ“.

Трудно сказать, насколько точно исполнялось послѣднее и всѣ вышеупомянутыя распоряженія Министра, за исключеніемъ одного, котораго нельзя было не исполнить,—правильнаго (по третямъ) взноса процентныхъ денегъ съ получаемой за пансіонеровъ суммы. И дѣйствительно, мы видимъ, что къ началу сентября 1811 года всѣ пансіоны, за исключеніемъ Звенигородскаго, аккуратно внесли слѣдующія съ нихъ деньги, а monsieur Louis de Petit, послѣ неоднократныхъ напоминаній, лишь 20 ноября отослалъ Директору Кіевской Гимназіи Мышковскому 15 рублей, слѣдующихъ съ него за 3 ученицы. Изъ отношенія его Мышковскому явствуетъ, почему онъ медлил съ уплатой денегъ. Дѣло въ томъ, что въ полугодовой вѣдомости, которыя должны были представлять непосредственному начальству своему (первоначально Директору школы), а потомъ префекту повѣтов. училищъ, всѣ парафіальныя школы и пансіоны

¹⁾ Для дѣтей обоего пола, —плата 300 р. въ годъ.

²⁾ Подчиненъ былъ Каневскому повѣтовому училищу.

³⁾ Подчиненъ Уманскому повѣтовому училищу.

два раза въ годъ (въ юнѣ и декабрѣ), для свидѣнія послѣднихъ о состояніи училищъ, — въ Звенигородскомъ пансіонѣ показано было гораздо большее число ученицъ и, слѣдовательно, надлежало внести значительно большую сумму за нихъ. Но практической Louis de Petit выждалъ нѣкоторое время, пока однѣ изъ ученицъ окончили курсъ ученія и уѣхали, другихъ же, послѣ долгаго ожиданія, забрали родители домой, вознаградивъ М. de Petit за труды. „Въ настоящее время, — пишетъ М. de Petit Мышковскому, — у меня въ пансіонѣ только 3 панны платныхъ, за которыхъ мнѣ слѣдуетъ въ годъ 450 руб. ассигнаціями; такимъ образомъ процентныхъ денегъ слѣдуетъ въ годъ 22 1/2, а за треть 7 1/2. Такъ какъ 7 1/2 за майскую треть *трудно было переслать почтой* (?), я присоединилъ ихъ къ 7 1/2 за другую треть, и теперь посылаю 15 рублей, сумму болѣе удобную при посылкѣ“. Подлинное подписалъ Louis de Petit, *Тымолеуизъ и Сумицкій* — вѣроятно, преподаватели въ пансіонѣ.

Изъ полугодичнаго рапорта того же Louis de Petit Уманской повѣтовой школѣ за второе полугодіе 1711 года мы даже имѣемъ возможность узнать фамиліи его пансіонерокъ; по его сообщенію: Ванонь, Орловская и Деческулъ уже окончили курсъ въ этомъ году, а остались только Канецкая и Пдутовецкая.

Съ цѣлью еще болѣе упорядочить дѣло частнаго воспитанія дѣтей, въ январѣ мѣсяцѣ 1712 г. послѣдовало „предложеніе“ Министра Народнаго Просвѣщенія Имп. Виленскому Университету о возобновленіи дѣйствія указа 1757 г. апрѣля 29 о лицахъ, обучающихъ въ домахъ своихъ дѣтей, но не имѣющихъ о способностяхъ и знаніяхъ своихъ отъ учебныхъ заведеній свидѣтельствъ. Таковымъ лицамъ вѣнялось въ обязанность въ теченіе шести мѣсяцевъ явиться въ ближайшее учебное заведеніе, чтобы подвергнуться испытанію на право преподаванія извѣстныхъ предметовъ. Въ случаѣ же неявки таковыхъ, а наипаче иностранцевъ, не состоящихъ въ російскомъ подданствѣ, вѣдомлять о нихъ мѣстное начальство: въ городѣ — Городничаго, въ Повѣтѣ — Земскаго Исправника. По истеченіи указаннаго въ „предложеніи“ срока, въ концѣ іюня того же 1812 года помощ-

никъ уманскаго префекта о. Граціанъ Микулинскій, въ отношеніи своемъ Директору Кіевской Гимназіи, извѣщаетъ, что одни изъ занимающихся частнымъ преподаваніемъ дѣйствительно явились въ училище, а другіе не захотѣли, и потому просить инструкцій, какъ поступить съ тѣми и другими. Между прочимъ, въ числѣ неявившихся, упомянуты: еврей Кунъ, обучающій по французски въ Умани, и въ Кристиновкѣ—Germain, не хотѣвшій сдать экзамена.

Кромѣ упомянутыхъ раньше четырехъ пансіоновъ, существуетъ указаніе на попытку открыть въ 1811 году еще одинъ женскій пансіонъ въ Умани; но былъ ли онъ открытъ,—намъ неизвѣстно; по всей вѣроятности—да. Желаніе заявлено было жительствующей въ г. Умани вдовой Іоанной Thatz, обратившейся по этому поводу къ директору Кіевской гимназіи. Директоръ отнесся вполне благосклонно къ просьбѣ г-жи Thatz, прекрасно понимая, что „въ такомъ заведеніи въ той мѣстности является необходимость“. Въ дальнѣйшемъ, онъ предоставляетъ устроить это дѣло префекту уманскаго училища. Главное, по его мнѣнію—чтобы подобныя заведенія отвѣчали желаніямъ родителей и волѣ правительства. Въ виду этого, онъ предписываетъ префекту: 1) снабдить г-жу Thatz книжкой „Общаго школьнаго устава“, Высочайше утвержденнаго 5 ноября 1804 года, для ознакомленія съ предписаніями, съ которыми она должна сообразовать свои намѣренія, 2) взять у нея планъ пансіона, 3) составить, подъ предсѣдательствомъ префекта, комиссію изъ учителей, предметы которыхъ будутъ преподаваться въ пансіонѣ, для производства испытанія лицамъ, намѣревающимся преподавать въ пансіонѣ, и если послѣдніе не окажутъ успѣховъ,—отказать; въ случаѣ же будутъ обладать надлежащими познаніями,—выдать аттестаты за подписью всѣхъ экзаменаторовъ и за приложеніемъ казенной печати, 4) собственное заключеніе префекта объ ожидаемой отъ пансіона пользѣ и пригодности г-жи Thatz къ содержанію его,—сообщить директору гимназіи для испрошенія разрѣшенія Правленія Императорскаго (Виленскаго) университета.

Если и удалось г-жѣ Thatz открыть женскій пансіонъ въ Умани, то онъ въ ея завѣдываніи существовалъ, вѣроятно, очень не долго, такъ какъ намъ извѣстно, что въ промежутокъ между 1812 и 1821 г., послѣ существованія предполагаемаго пансіона г-жи Thatz. въ Умани былъ уже женскій пансіонъ нѣкоего Дудевича, переданный затѣмъ въ январѣ 1822 года французскому уроженцу, бывшему воспитаннику Уманскаго повѣтового училища, Линсу, преподававшему въ то время французскій языкъ въ повѣтовомъ уманскомъ училищѣ. Въ скоромъ времени, вѣроятно въ 1824 году, въ Умани открылся еще одинъ женскій пансіонъ—нѣкоего Темерѣ, съ двумя другими иностранцами (вѣроятно преподавателями въ его пансіонѣ)—Иваномъ Дута и Александромъ Арнодомъ. Что послѣднее предположеніе справедливо, можетъ быть могло бы послужить подтвержденіемъ распоряженіе Училищнаго Комитета Императ. Харьков. Университета, которому Кіевскій учебный округъ подчиненъ былъ съ 1818 года, объ отобраніи у этихъ двухъ иностранцевъ подписки въ томъ, что они не принадлежатъ, не принадлежали и обязываются не принадлежать къ ложѣ братьевъ Масоновъ или какому другому тайному обществу и никакихъ сношеній съ ними не будутъ имѣть.

Около этого времени, въ концѣ 1824 года, послѣдовало симпатичное нововведеніе въ программѣ образовательныхъ предметовъ частныхъ пансіоновъ, а именно—по предложенію попечителя Харьковскаго Учебнаго Округа (Е. В. Карнѣева), училищный Комитетъ Харьковскаго Университета предписалъ содержателямъ и содержительницамъ „благородныхъ дѣвичьихъ пансіоновъ“, чтобы они старались „вводить по возможности обученіе воспитанницъ сельскому и домашнему хозяйству, какъ предмету *наибольше приличному ихъ полу*, соединенное съ обученіемъ естественной исторіи“.

Но вотъ циркулярное предписаніе Министра Нар. Просвѣщенія г. Исправляющему должность Харьковскаго Учебнаго Округа отъ 3 марта 1826 года подорвало въ корнѣ значеніе частныхъ пансіоновъ въ томъ видѣ, какъ они доннѣ существовали, и по всей вѣроятности, послужило началомъ ихъ посте-

пеннаго исчезновенія. Суть въ томъ, что въ 45 статьѣ Высочайше утвержденныхъ правилъ Народнаго Просвѣщенія сказано, что „мѣстные начальства всѣми образами должны ободрять заведеніе такихъ пансіоновъ, которыхъ бы хозяева имѣли предметомъ *только содержаніе и надзоръ* за поведеніемъ юношества, получающаго учебныя наставленія *въ училищахъ*“,—притомъ тѣ же начальства обязаны поощрять родителей къ отдачѣ дѣтей въ ихъ руки, въ распоряженіе ихъ же (начальства) или кого-либо изъ учащаго персонала, а затѣмъ уже постороннихъ лицъ, „известныхъ познаніями въ наукахъ и честнымъ поведеніемъ“. „Почитая мѣру сію *единственнымъ* способомъ въ распространеніи систематическаго образованія въ наукахъ и полезнаго обученія юношества, тѣмъ болѣе, что содержатели частныхъ учебныхъ заведеній, по большей части, не имѣютъ къ тому достаточныхъ способовъ и вообще отступаютъ отъ *единообразія, желательнаго въ преподаваніи наукъ* по всему вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія“, Министръ обращается съ просьбой въ главному начальнику Харьковскаго округа обратить „надлежащее на означенную выше статью вниманіе“ и желающемъ завести на изложенномъ выше основаніи пансіоны оказывать всевозможное содѣйствіе и покровительство.

Надо полагать, что это послѣднее предписаніе сильно отразилось на возможности дальнѣйшаго существованія частныхъ пансіоновъ съ курсомъ преподаванія въ нихъ,—но, къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія о пансіонахъ прекращаются 1826 годомъ.

В. Доманицкій.



ЗА КОЛІВЩИНЫ.

I.

По-надъ Тясминомъ, недалеко видъ Головатына, лежать невеличке село Гуляй-городъ. Розкынулось воно на зеленомъ горби, середъ садкивъ та левадъ. Низький берегъ Тясмына ясно зарисъ верболозомъ та очеретами, а дали за ричкою зеленіе лись по ярахъ та горахъ. Невеличка церковка биліе підъ горою, а кругъ неи мостятся били селянські хатки зъ садками та городами. Въ Гуляй-городи, тому вже буде литъ бильше ста, живъ шляхтычъ Янъ Могыльський. Бувъ винъ землепръ, оселився на Украини коло 1750 року, але звидкиль винъ взявся—того никто не знавъ. Знавъ де-кто, що винъ прыйхавъ у Смилу плохенькимъ визкомъ та парою шкапъ, и проживавъ якый часъ у Смили безъ работы. Смилянщина тоди належала до князя Любомырського, багатого польського магната, а управытелемъ у Смили бувъ Добрыньський. Навидуючы свои маестности, князь прыйхавъ у Смилу; по прозьби управытеля винъ прыйнявъ Могыльського на свою службу, давъ ёму дворыкъ, пенсію, видсыніе и прыставывъ обмирювати свои безмежни маестности, що одъ вьку не булы ще миряни. Сею роботою Могыльський займався вилькы литъ и увесь той часъ проживавъ у Смили.

Циле лито винь блукавъ по степахъ та лисахъ, миряючы княжи земли, а зимою складавъ пляны. Жывъ самитно; людей наче-бъ цурався, та й люде ёго; тому жъ то ништо и не цивавься, хто винь, та звидкиль. На ту пору въ Украини не мало селылося захидцивъ зъ рижныхъ мисць Польщы, часто безъ роду и прызвыска, и не лышь винь одынь бувъ тутъ таемною особою. Люде, що бувалы на Волыни, розказувалы, що чувалы про ридь Могыльскаго пидь Любаромъ, що винь десь бувъ жонатый, мавъ дитей, але чы вмерла ёго дружына, чы покынула ёго, або може винь самъ помандрувавъ свить за очи—про те ништо не знавъ ничого певного.

Черезъ скылька литъ князь Любомырскый вдруге прыйхавъ до своихъ маективъ. Могыльскый подавъ ёму свою працю, и князь, задоволеный нею, ввольтъ на проханья Могыльскаго и видавъ ёму на чыншь Гуляй-городъ на неомежный часъ. Сельце се тоди було не бильшь пъятнадцаты дворивъ, лежало воно середь гирь, пбля ораного було мало, а шляхы byly погани. Тому-то аренду взявъ Могыльскый за дуже невеликый чыншь, навить на тодишню пору: за шить сотъ злотыхъ у рикъ. Сей чыншь, одначе, винь мигъ vybrаты вже зъ садкивъ, що росли у таемныхъ нетряхъ надтясмыньскыхъ лисивъ та зъ млына на тясмыньскый гребли. Млынъ винь видававъ въ аренду вже видь себе Смилянському пысареву Редчынському, и греблю съ тои поры селяне прозвалы Пысарською; а самъ, поставывшы соби дворыкъ на тимъ самымъ мисци, де и теперь стоить панскый домъ, перебрался у Гуляй-городъ и вже видтоди дуже зридка бачылы ёго у Смили.

Того-жъ року Могыльському, якъ розказувалы люде, подано звистку про смерть ёго жинкы, и винь пойхавъ на Волынь, та черезъ скылька тыжнивъ вернувся зъ дивчыною рокивъ десяти, чорнявенькою, гарною, веселою, котра называла ёго таткомъ. Звалася вона Юзя.

Вона бильше боялася, ніжъ любыла батька. Та й не диво: Могыльскаго не могли любыты й люде, а тымъ бильше диты. Бувъ винь чоловяга вже литъ пидь сорокъ, высокый, худый

жылавый, чорноволосый и черноокий. Суворе та понуре ёго облычча николю не прояснявъ щырый усмихъ, але гнивь розпалывъ ёго вмыть. Мабуть, лыха доля выгрызла, вывыщыла зъ ёго сердца вси люби почування и затемрыла ёго душу смуткомъ та гиркымъ недовирствомъ. Завжды винъ бувъ сумный, мовчазный та неймовирный, а въ гниви лютый и запеклый. Одягався убого: литомъ въ полотнянимъ жупани, зимою въ кожуси, крытимъ сирачыною.

Господѣ ёго була тыха и пуста, жыття въ иѣ нудне, а свѣта, що у людей звычайно проходятъ у забавахъ та веселоцахъ, у ёго навить середъ челяди мыналы мовчки, въ спочынку.

До такои то осели, въ найпустельнѣйшій сторони Украины, зъ одного боку обмеженій темнымъ лисомъ, а зъ другого водою, перевизъ Могыльскый веселу, жваву дытыну.

Юзя спершу вдалася въ тугу за гоминомъ та людьмы, але, звычайно, якъ дытына звывла згодомъ до сеи могыльної тышы и годынамы просыжувала задумана, гонячы очыма за водою або за хмарами. Батько навчывъ иѣ чытаты и пысаты, селянскы дивтата навчылы спиваты чудовыхъ, смутныхъ думокъ та писень Украинскыхъ, бабы оповидали иѣ казкы, прядучы зъ нею довгымы зимовымы вечорами—отсе була вся розвага та забава, що заповнялы иѣ дытячи лета.

За чотыри рокы передъ прыйиздомъ Юзи Могыльскый прыйнявъ, бувъ господыню для дому. Се була молодыця зо Смилы, на имѣя Марьяна, литъ била трыдцаты, правдыва украинка, черноока, чернобрыва, зъ прынаднымъ гнучкымъ станомъ, ковнымъ жыття и сылы.

Видъ самыхъ молодыхъ дивочыхъ литъ лыха була иѣ доля. Батько иѣ служывъ за побережныка въ лисахъ того-жъ самого князя Любомырського; маты померла, якъ Марьяни йшовъ десятый рякъ. Никъ и николю було батькови доглядаты свою дочку-одыныцю; тому-жъ видавъ винъ иѣ до двору княжого управытеля, де за клюшвыкомъ була Марьянына тятка. Марьяну прыставылы до панскыхъ покоивъ. Молоде дивча, що зросло у виковій пущи, середъ таемного шелесту старыхъ дубивъ та осокоривъ, що

звѣло лишъ до пташынхъ голосивъ у темній диброви, нудило свитомъ у панськыхъ будищахъ, въ неволи, якъ вильна пташка у клитци. Чы разъ було стара клюшниця, що заправляла всею панською челяддю, бралася докоряты, вчыты розуму Марьянку, зачыняла її у темну комору за кару, або становила на вклошкы на гречку,—дивча, выплакавшысь, втикало у самый край старого панського саду, або на ставъ, у верболозы та й просыжувало тамъ до пизнёго вечора.

Але минуло рокивъ тры, чотыри—и трудно було признаты колышню дыку, лисову Марьянку въ гошій чорнобровій дивчыни, за котрою пропадалы теперъ вси двирьски парубкы. Якось зимою найхало до Смилянського управителя багато панивъ на полювання. Цилый тыждень двирь гомонивъ рогами, трубами звягою та гавканнямъ псарни, и що-вечора, нисля полювання, бенъкетамы та музыкамы, якыхъ привезлы ажъ зъ Червасъ.

Всій дворни настала тяжка робота; треба було догодиты всимъ гостямъ, на кухню прыставылы ще скилька кухаривъ, а до покоивъ набралы найкращыхъ дивчатъ зъ пидданоць князя. Але середъ ныхъ всихъ Марьяна видзначалась своею красою и вродою и звертала на себе загальну увагу всихъ прыйздныхъ панивъ та панычивъ. Особливо одынъ молодой хорунжий, панъ Яцимырський, дуже соби вподобавъ ии и не дававъ ій просвитку своимъ запыцаннямъ. Марьяна була неприступна на вси пидхѣдци паныча, а ии байдужистъ ще гирше розпаляла ёго. Молодому хорунжому вперше доводилося, щобъ „хлопка“ видверталась видъ ёго жениханья та ласкы.

Невидомо якимъ способомъ винъ добувся, що одного разу нисля пизнёи вечери, якъ вже вси гости розійшылы по покояхъ на спочынокъ, клюшниця послала Марьяну завести пляшку меду до тыхъ покоивъ, де стоялы панычи.

Панъ Яцимырський прыставъ до дивчыны, щобъ вона выпыла до нёго чарку; дали нахваляючысь, що не выпустытъ ии, примусивъ выпыты й другу, третю... Марьяни свить закрутывся, вона хтила выхопытыся сыломиць, але двери byly зачынены на ключъ... Розпачливый крыкъ дивчыны хорунжий затлумивъ въ

своихъ сыльныхъ обіймахъ... Марьяна темною зимовою ничью, по сніговихъ заметахъ, безъ шляху, добигла ледве жыва до батьковой хатыны у пуци, и заходячысь слизьмы, розказала батькови про свою кривду. Старый кынувся до управителя шукаты права за зневагу и безчестя своеи одыныци, хтивъ вбыты Яцимирського... але опынывся звязаный у темнымъ стебныку.

На ту пору не можна було хлопovi знайти право на пана

Не довго прожила Марьяна въ батьковій хати. Старого хочъ и выпустилы скоро зъ двора и полышылы на давній служби, але винъ зъ жалю та кривды почавъ де-колы дуже запываты.

Лышь мисяць мынувъ писля прыгоды зъ хорунжымъ. Марьяна довго, до пизнёи ночи дожыдалася батька зъ миста, куды винъ пишовъ, щобъ купыты де-чого на пуцання; такъ и не дождалася та й сама лягла спаты. Не прыйшовъ батько и вранци; ажъ бия полудня прыскочывъ двирський козакъ зъ звисткою, що старый сеи ночи замерзъ у стену, збудывшы пьяный зъ шляху.

Никуды було дитыся бидній сыротыни зъ своимъ соромомъ: заздри мійськи та двирськи дивчата не давалы їй просвитку своимы докорами, глузуваннямъ, а парубкы, до залыцання котрыхъ вона була байдужа, теперь нахвалялыся утаты їй косу за те, що хочъ и неволею, стратыла винокъ свій дивочый.

Пшла Марьяна свить-за-очи шукаты прытулку у чужыхъ людей. Опытнышысь у Черкасахъ вона стала за няньку въ якогось доброго заможнёго мищаньна. Писля Спаса вона породыла хлопця. Такъ, трохи не зъ пъятнадцять литъ вона тынялася зъ дытною въ паймахъ, чы разъ гирко проклинаючы свое нужденне жыття. Натерицалась голоду, холоду, кривды та зневагы, ажъ забравъ їи Могыльський за господыню до себе, у Гуляй-городъ.

Тутъ їй здалося, що лыха доля стала до неи наче ласкава. Могыльський, до усихъ прыкрый и суровый, до Марьяны бувъ прыхыльный: винъ выдавъ їй вси ключи видъ господоы, де-колы пытався їи рады въ домовыхъ справахъ и видъизжаючы на свои

землемирськи роботы, де-колы на скілька тыжнивъ, лышавъ іи за старшу надъ усимъ своимъ хазайствомъ и повирявъ іи доглядаты свою Юзю. Смутку задавало Марьяни лышъ те, що Могыльській видразу не злюбивъ іи сына Нестора. Вона всіяляко старалася, щобъ хлопецъ ни въ чимъ не ставъ проты воли пана, щобъ навить не часто попадався ёму передъ очи, але все-жь такы панъ ненавидывъ Нестора безъ прычыны, ни про що, хочъ старався не показуваты того передъ людмы та Марьяною, бачывшы, що се іи дуже грызе. Юзя, зъ доброго свого серця, завжды обставалася передъ батькомъ за Несторомъ и тымъ дуже прывязала до себе серце матери и сына. Вона була добрымъ янголомъ и заступницею для всихъ бидныхъ и покрывжеденыхъ. Въ сумній, понурій господи гуляйгородській Юзя була зиркою для всихъ, розганяючы хочъ трохи загальний сумъ и хмуристь своимъ щебетомъ та ласкою.

Мынуло п'ять литъ такого жыття въ Гуляй-городи.

Несторъ ставъ гарный парубокъ. Облыччямъ винъ вдавси у матирь: такый самый гожий, чорнобровый, але ёго вроду ще побильшувавъ высокый, гнучкый станъ та незвычайна сыла. На вдачу бувъ добрый, прыхильный и працёвытый. Бачывшы, що Могыльськый по давнѣму не любить ёго, и що ніякымъ стараннямъ, ни угидливистью не можна перемогты той ненависти, Несторъ давно вже хтивъ подякуваты ёму за хлибъ, за силь та й пійты у свить шуваты доли. Але була прычына, що мицнымы кайданамы прыкувала ёго до Гуляй-города. Винъ щыро покохавъ Юзю, и вона взаємно кохала Нестора усією сылою свого молодого серця.

Зналы обое, що се кохання не дасть имъ щастя, бо батько, хочъ-бы навить и любивъ Нестора, николы бъ не допустывъ и думкы, щобъ ёго дочка выйшла за „хлопа“; винъ раднищій побачывъ-бы свою Юзю у труни, нижь за Несторомъ. Зналы се добре обое, але ся безнадійнисть не зменшала сылы ихъ кохання, а може ще й побильшувала ёго.

Бачыла й Марьяна, що зколюся зъ дитымы—вона любыла Юзю якъ ридну дытину; прочувала іи душа нещастя; вона пробувала неразъ намовыты дитей выкнуты се кохання зъ серця, а Нестора сама выправляла зъ дому, знаючы, що Могыльський охоче выпросыть службу у Смилянського управытеля для Нестора, абы лышь збуты ёго зъ своиъ очей.

Дывнымъ робомъ, Могыльський, завжды провідливый, на кохання Юзи зъ Несторомъ бувъ слыпый,—може тому, що винъ и думкы не прыпустывъ, щобъ такыи бурлака, безбатченко осмалывся надіятись на шляхтянку.

Однои неділи у Петривку, колы Могыльський цылый тыждень вже не бувъ вдома, вся челядь у Гуляй-городи розійшлася хто-куды: парубкы купатысь у ричку, дывчата по ягоды, а старійши поляглы спаты писля обиду. Юзя, своимъ звычайемъ, выйшла на край саду, надъ ричку, де починалысь берегови верболозы, сила на травыцю въ холодокъ пидъ кущемъ калыны та й загадалась, наче зачарована тыхымъ шелестомъ лыстя та теплымъ, ласкавымъ подыхомъ нызового пивденного втру.

Згадала вона свою дытячу пору, колы не зазнавала ни журбы, ни смутку; матуся добра, лагідна, цестыла свою одыныцю, догожала на вси іи' бажання, на выгадки. Добра пора була, щаслыва, незабутва!.. Якъ бы жыва була маты, розказала бъ іи Юзя, якъ іи душу теперъ заповняють чудни, невидоми почування—и радости, и смутокъ, и щастя, и невымовна журба. Вона любить Нестора—гарного, доброго, хршого,—Боже, якъ любить! Наче сонечко яснійше свитыть, колы винъ зъ нею, наче увесь свитъ кращый, веселійший... А батько?

И смутокъ обгортавъ молоде дывоче серце, колы вона згадувала суворый, холодный поглядъ батька, ёго ненавысть до іи любого.

Закрывшы лыце долонямы, думала Юзя: чому я не проста селяньска дывка, отъ якъ Меланка Демыдова Рыбалчына. Демыдъ охоче выдавъ бы дочку за Нестора, бо такыи гарныи, дужыи та роботящыи парубкыи не багато. Або чому Нестиръ не панычъ, шляхтычъ? Якый гарный бувъ

бы зъ ёго вояка! Вона згадала молодого хорунжого, котрого бачыла разъ у Смилянському костёли, на видпусти. Зъ Нестора бувъ бы ще кращый хорунжый.

— Чого зажурьлася панночка хороша?

Юзя стрепенулася, видкрыла лычко. Биля неи стоявъ Несторъ.

— Злякавъ ты мене.

Несторъ сивъ обичъ дивчыны. Смильвий зъ другымы, зъ Юзюю винъ завжды бувъ боязькый, найбильше зъ той поры, колы вона прызналася ёму одного вечора, що любыть ёго такъ само, якъ винъ ии.

Несторъ добувъ зъ кышени жменю насиння и почавъ лузаты ёго. Юзя простягла руку, винъ всыпавъ ий насиння. Винъ дывывся на неи, якъ на образъ. Юзя була чудово гарна. У выштый квиткамы билй сорочци, у намысти зъ кораливъ, зъ образкомъ и хрестыкомъ, у рижнобарвыхъ стричечкахъ, вплетеныхъ въ ии довги косы, вона здавалася гарною украинською дивчыною. Ии чаривни кари очи такъ любо та сумно дывылися на Нестора, що здалося ёму, наче увесь свить затумавився, лышь ти очи, якъ зиркы, свитылися ёму.

— Панночко, любко хороша! Що зъ намы буде?

Юзя зрозумила ёго думку, бо се була ии журба, ии безнадійный смутокъ.

— Не маю я тутъ доли, не буде тутъ и щастя,—казавъ дали Несторъ.—Треба йты кудысь шукаты доли. А мое щастя тутъ, зъ тобою, покыну, моя зирко ясная...

— Несторе, голубчыку, не кыдай мене! Не хочу я жыты безъ тебе. Може, Богъ змылуется надъ намы, може якъсь...

— Богъ змылувався бъ може, та твй батько не змылуется,—дарма.

Зитхнулы обое, задумалысь.

— На Нызъ, у Сичъ. Туды шляхъ такымъ сиромамъ, якъ я.

— Добре, йды. А я пиду у Тясмынь; туды шляхъ для мене,—казала Юзя.

— Ты панночка, ты знайдешь соби гарну пару, паныча якого шляхтыча. Забудешь швидко бурлаву безридного.

— За що такъ прыкро говоришь, Несторе? Хиба я тебе на часъ покохала? Хиба, думаешь, мою душу не роздырае смутокъ, жаль? Ты не добрый, не такъ любишь мене, якъ я думала.

— Ой, я жъ тебе не люблю?!—простогнавъ Несторъ.

— То не мучь, не дорикай, колы любишь,—сказала Юзя.

— А все жъ иты треба,—сказавъ Несторъ.—Батько довидається про наше кохання,—гирше буде.

— Не йды, Несторе. Я безъ тебе одного дня не проживу.

— Голубко ясна, що жъ мени робить? Маты выправляє, щобъ лыха не було; та й моя думка така сама.

— Колы такъ,—озвалася Юзя,—беры и мене зъ собою. Краще буду зъ тобою нужду терпѣти, ниякъ тутъ одна...

— Не можна тобі у Сичь, ясочко, ниякъ.

— Не йды у Сичь, тикаймо куды инде.

— На слобидську, на той бикъ можна,—сказавъ Несторъ.

А ты не передумаешь?

— Ни.

— Колы бь батько не видшукавъ?

— Поберемось, повинчаемся, то може простыть, перепросымъ,—сказала Юзя.

Несторъ обнявъ ия, прыгорнувъ до себе, цилувавъ въ уста, въ очи; вона горнулася до ёго, якъ голубка...

Вмыть скочывъ Несторъ, прыслухався: за кущемъ бузку ёму почувся наче шелестъ. Прожогомъ, якъ хыжый зверь, вивъ кынувся за той кущь.

Прытаившысь сядивъ тамъ стаенный парубокъ Могыльського, Макаръ. Про ёго знала вся челядь, що винъ разъ-у-разъ доказуе свому панови про все, що діється та говорытся у двори.

Несторови наче захолонуло серце видъ гниву. Винъ кынувся на Макара, якъ вовкъ на ягня, звалывъ ёго на землю.

Потимъ, ставшы ёму колиномъ на груди, сильною рукою своею стиснувъ ёму горло и сказавъ:

- Слухай, ты песькый сыну, я тебе задушу!
- За що? За що? скаменись!—прохарчавъ Макаръ.
- Ты докажешъ на панночку...

Але Макаръ почавъ просытыся, присягатыся, що не скаже а-ни слова; грызъ землю, плакавъ... Несторъ пустывъ ёго, сказавшы: „памъятай, Макаре: зъ пидъ земли тебе добуду, колы докажешъ, и вбюю, якъ гадыну“. Юзи вже не було пидъ калыною.

Мынуло тыжнивъ два писля Петра. Могыльський зновъ поыхавъ на свою роботу, сказавшы, що забарытся днивъ зъ десять.

Несторъ задалегидь обдумавъ все, якъ слидъ. Колы втикаты зъ Юзею, треба було взяты и матирь, бо Могыльський на ній окошывъ-бы увесь свій гнивъ та помсту.

Теперь найкращый часъ наставъ. За десять день, покиль вернувся-бъ Могыльський, воны булы бь далеченько, по той бикъ Днипра. Марына дуже боялася сёго замиру, але Несторъ переконавъ ии. Юзю переконуваты не треба було: вона сердцемъ бильшь була до Марьяны и Нестора, котри щиро любылы ии, низъ до батька, котрого вона не такъ любыла, якъ боялася.

На другый день писля выйизду Могыльського, Несторъ налагодывъ визокъ, добре нагодувавъ пару кращыхъ коней, а Марьяна зъ Юзею зибралы де-яку одежу та шмаття. Челяди сказалы, що збираются у Смилу до пысаря у гостыну. Де-колы йздылы воны до ёго, бувавъ тамъ и Могыльський, та й пысарь чы-разъ зайиздывъ у Гулий-городъ; тому-то никого не здывувавъ той замиръ.

Несторъ не хотивъ выйиздыты за-дня, щобъ, випадкомъ, хто не прызнавъ ихъ на иному шляхови, на Черкасы.

Звечорило. Несторъ, запрягшы кони, зайшовъ у хату сказаты матери, щобъ прыпасла харчивъ на дорогу.

Пбкваномъ заходылася Марьяна накладаты у торбу запасъ. Несторъ, сившы обичъ Юзи на лавци, почавъ ий казавы, якъ

незабаромъ воны подружатся, якъ заведуть свое хазайство тамъ десь, у слободахъ...

Юзя сыдила сумна, задумана.

— Чого невесела, моя голубко?—спытавъ Несторъ.—Може каешся, що втикаешъ зо мною? Може жалко покидаты батьвову хату?

Ни, Несторе; не каюся я и не жаль мени, а такъ чогось невесело; щось недобре вище мое сердце, страхъ якийсь мене бере...

— Не бійся, зирко, не журыся!—сказавъ Несторъ.—Бильшь копы лыха не буде.

— Та ось вже й готово,—сказала Марьяна, завъязуючы мишокъ.

— Готово?—почувся голосъ позаду Марьяны.

У дверяхъ стоявъ Могыльський.

Гримъ, колы бѣ вдарывъ у хату, не злякавъ бы такъ. Марьяна пополотвила, та й наче застыгла вся, нагнувшысь надъ недовъязанымъ мишкомъ. Юзя неначе зкаменѣла, широко розкрывшы свои кари очи. Несторъ стыснувъ кулакъ; духъ ёму заперся у грудяхъ.

Винъ вызырнувъ у сини.

— Гей, хлопця! Сюды!

На голосъ Могыльського у хату увійшло скилько дужыхъ людей. Несторъ, бачывшы, що не ёго сыла, вымъть, кынувся у вивно, высадивъ ёго и скочывъ у садъ. Забигшы у глыбъ саду, винъ спынывся, прислухався: здогони не було. Видъ дому долынувъ до ёго розпачливый крыкъ матери.

Несторъ охоловъ: той крыкъ лизъ ёму гадюкою въ уха. Почало ёго трусаты, мовъ у пропасныци, видъ гниву та лютоости. Подумавшы одну мыть, винъ крадькома подався назадъ до двору. Вернувшыся нышкомъ пидъ викно, винъ всунувся у куть бужку и зазырнувъ у хату.

Крыку вже не було чуть. Могыльський, страшный, блыдый, ходывъ по хати и клявъ всихъ страшеными словами. Юзя сы-

дила у кутку на доливци, затулювши лице руками и гиро плакала. Марьяны не було у хати.

— Макаре!—гукнув Могыльський.

Увійшов Макаръ и ставъ била порога.

— Те стерво,—сказавъ Могыльський,—выведи заразъ на ричку и кынь у плавни.

— Вона, прошу пана, ще жыва,—видказавъ Макаръ.

— Робы, якъ кажу!—гукнувъ Могыльський, топнувши ногою.

Юзя кинулась у ноги батькови.

— Татку!—скрыкнула вона,—змылуйтесь! Що вы робыте!?

— Геть, проклята!—крыкнувъ винъ на неи.—Ты мени не дочка!

Юзя хапала ёго за ноги, плакала, просыла... Але Могыльський штовхнувъ ии зневажливо ногою и вийшовъ зъ хаты.

Юзя кинулась за нимъ, благаючи: татку, татку!...

Не разъ хотивъ Несторъ скочыты у вишко и задушыты Могыльського, але, згадавши, що не ёго тутъ сыла, винъ застыгъ.

На столи за вишномъ, пидъ котрымъ прытаився Несторъ, стояла свичка.

Якась невидома сыла потягнула ёго руку до свичкы: винъ взявъ ии зъ стола, пиднись пидъ стриху и зъ найхолоднишымъ сердцемъ пройшовъ зъ нею видъ кута до кута. Потимъ, закынувши свичку у куци, винъ перескочывъ садомъ до ричкы, до прыстани, де стоялы човны. Два човны винъ видпихнувъ геть видъ берега на воду, третій лышывъ. Дали, vyrавшы киль, до котрого прывязувалы човны, винъ засивъ въ очереть.

Трискання пожежи, шарварокъ людей неначе втихою наповняли ёго сердце. Чорный лисъ по горахъ та ярахъ чудно якось видлыскувавъ полумьямъ, а Тясмынь свитывъ неначе розсыпанымъ червонымъ золотомъ. Чы довго просыдивъ Несторъ въ очеретахъ—винъ самъ того не памьятавъ. Колы наразъ почувъ винъ ходу двоухъ людей, що наблыжалыся до прыстани. Воны неслы у рядни щось дуже важке, поклады це у

човенъ и мабуть лагодылысь рупшаты човномъ. Въ одну мыть Несторъ выскочывъ зъ своего захысту. Въ одномъ зъ людей винъ признавъ Макара. Коломъ, що мавъ Несторъ у руди, винъ такъ вдарывъ Макара по голови, що той, мовъ зкошенный будякъ, не подавши и голосу, звалывся зъ човна у воду. Другый утикъ, подумавшы мабуть, що се нечыстый. Несторъ скочывъ у човенъ, видопхнувся видъ берега и, якъ лыска, помижь очереты, подався у плавни.

У рядни лежала Марьяна,—безъ памъяты, побыта кыямы видъ шыи до самыхъ пъять. Кровъ ии наскрызъ промочыла все рядно.

Йе на Тясмыни остривъ середъ непрыступныхъ очеретивъ. Колысь купывъ ёго Могыльскый у Вергунивскыхъ селянь, посадивъ тамъ садокъ, поставывъ хатку, выкохавъ пасику. Стежку до неи мало хто й знавъ. Тамъ, бувало, любила сыдти Юзя, а Марьяна мала тамъ трохи закопанныхъ грошей та де-яку одежу. Несторъ завернувъ на той остривъ и розказавъ пасичныкови всю свою прыгоду. Старый пожалывъ ихъ, помигъ Несторови обмыты та позавязуваты раны побытой матери. Вона не вернула до памъяты. Пасичныкъ боявся пана, боявся даты захыстъ втикачамъ у свой хати. Винъ помигъ Несторови поставыты куринь зъ очерету у другимъ глухимъ краю острова. Туды й перенесли Марьяну. Старый прынисъ имъ де-якой стравы.

Цилый день просыдивъ Несторъ надъ матирью, обганяючы гылькою видъ неи комаривъ та мухъ. Марьяни не легчало. О-пивночи вона умерла. Несторъ выкопавъ глечыкъ срибныхъ грошей, перенись тило на човенъ и поплывъ до Вергунивъ—осели, що лежыть навпроты Гуляй-города, по той бичъ ричкы.

Вытягнувши човенъ на беригъ, винъ взявъ тило на плечи и понисъ до панъ-отця. Складшы свою ношу на прызби лидъ хатю, винъ накрывъ ии рядномъ, а самъ, пиднявши виконце, гукнувъ у хату: „панъ-отче! аговъ, панъ-отче!“

— А хто тамъ?—озвалывся зъ хаты.

— Поховайте се тило, що лежыть у васъ на прызьби, и видправте службу за душу небижкы, а оце вамъ заплата.

Винъ высыпавъ на лутку жменю грошей, а самъ утикъ до Тямына. Допавшы човна, винъ выплывъ на [середыну ричкы та й задумався: куды теперь подитыся?

Дывнымъ робомъ діется на свити, що не разъ вся наша доля залежыть видъ якоисъ мляенькой прыгоды.

Несторъ надыбавъ у плавняхъ на чаплю и де-якый часъ, блукаючы думкамы далеко, дывввся на неи.

Потимъ винъ зпавъ на чудну думку—завернуты човенъ на чаплю: куды вона полетыть, подумавъ винъ, у ту сторону и я помандрую.

Чапля зпалася, покружляла надъ ричкою и потягла за пысарську греблю.

Свитало вже, и на яснимъ небозводи довго, довго ще бачывъ Несторъ, якъ чапля летила надъ ричкою, ажъ помалу розтанула въ очахъ...

Перехрестывшысь, винъ погнавъ свій човенъ на греблю.

Покынувшы човенъ, винъ озырнувся на Гулай-городъ, важко зитхнувъ за Юзею, за матирью, а потимъ берегомъ Тямына майнувъ пышки до Медведивки, а звидтылъ до Чыгырна.

Тамъ трапывъ винъ на ярмарокъ, и люде, що прыйихалы зъ Орловои балкы, оповидалы, що тамъ збираются бурлакы и хтятъ иты на Польщу.

Несторъ кыпывъ соби на торговыську рушныцю и вприсвся до одного чоловика, почастувавшы ёго горилкою, щобъ пидвизъ ёго у ту сторону. Цилый день воны йихалы лисамы та байракамы, ажъ до другого дня выбрамысь на шырокый степъ, якъ окомъ глянуты.

У-перше Несторъ бачывъ степъ. Зпочатку ёго наче зачарувавъ безмирный простиръ, а дали нагнавъ ёму тугу.

Спека була нестерпуча, волы на превельку сылу ступалы по дорози, а Несторъ сыдивъ змореный, думка думку гнала, а сердце чогось такъ болило, наче бъ ёго хто бравъ рукою и стыскавъ що-мыть. Одынъ однисенькый, безридный на симъ шыро-

кимъ свити! Нема щирои души, до котрой винъ прыгорнувся бѣ душею, розказавъ бы свою тугу...

Несторъ заснувъ, и дивный, вищій сонъ прыснывся ёму.

Наче бѣ зъ незличенымъ вѣйськомъ переходывъ винъ черезъ якесь багнысько, грузнучы по поясъ у болоти, а те вѣйско, мовъ тѣма гайворонивъ, що вѣ-осены покрывають поля, йшло, йшло... ажъ дѣйшли вони до велького миста, наче Смилы, але бильше. А на майдани росло жыто, буйне та высоке, и косывъ ёго Несторъ зъ вѣйськомъ, и накосылы багато...

Колы винъ прокынувся, холодный питъ покрывъ ёго чоло, а сердце стукотило такъ, наче бѣ винъ безъ спыну перебигъ цилый лань.

О-полудни вони стали на попасъ била степового куриня.

У-перше, зроду Несторови непереможно забажалося горилкы. Увѣйшовшы вѣ куринь, винъ зоставъ тамъ чотырѣхъ чоловиковъ, засмаленыхъ, кудлатыхъ, бородатыхъ, у дрянныхъ сорочкахъ и штаняхъ. Вони пылы горилку.

Почалы розвытуваты Нестора, звидкиль та куды винъ иде.

Пидхмелывшысь горилкою, Несторъ розказавъ имъ всю свою прыгоду.

— Поставъ же намъ горилкы,—сказалы люде, а мы тоби заспиваемъ гарну пѣсню.

Несторъ поставывъ. Вони пидсунулы пляшку до себе и почалы частуваты одынъ одного, не вважаючы зовсимъ на Нестора, а спорожывшы пляшку, одынъ спытавъ.

— Що жъ теперъ думаешь робыты зъ собою?

— Шукаю людей, що идуть на Польшу,—видповивъ Несторъ.

Одынъ зъ людей зареготався.

— Ну, а якъ прыйдешъ у Польшу, запевне заскочышь до лашкы, що бидна тужыть десь за тобою?

— Пиду вбыты ии батька,—видказавъ Несторъ.

— Э, покынь!—сказавъ другый. Невира ляхъ десь за-пеклый та ще мабутъ дужый, бо паны слять на перынахъ, а годуются кнышамы. То жъ винъ тебе зареже, якъ теля.

— Брешешъ, бисивъ сыну!—скрыкнувъ Несторъ гнивно.

— Гай-гай! И гарячый ты, якъ я бачу, козаче.

— Годи бо!—озвався третій: не драгуйте. Выдко, що парубокъ зазнавъ горя, бидолаха.

Облычче цѣго чоловіка було худе, засмалене, та дуже сумне. Сорочка груба, вся свитыла дирками; руки зирацѣвани, жылави та гудзовати, а спына скрызъ дирки показувалась вся у пругахъ та шрамахъ видъ батогивь.

А Несторъ бувъ бильй, гладкый, сорочка тонка и руки мянги, тендытти.

— У насъ братику, жыття! озвався четвертый. А що на Запорожжи—справжний рай! Але, щобъ тебе прыняли до куреня, потрібни дви речи: треба вмиты гуляты у реминь, а друге—треба маты вусы.

Зъ цимъ словомъ винъ добувъ зъ кышени реминець, склавъ ёго у двое, потимъ звернувъ у кильце и поклавшы на столи, сказавъ Несторови влучаты шломъ у саму середыну.

— Гляды жъ, хлопче, не граемъ на витерь, Добувай, лышень, гроши, та ставъ ще пляшку горилкы. Почалы граты, а вражы сыны разъ-у-разъ доливали Несторову чарку. Несторъ програвъ вси свои гроши. Толи одынъ зъ гайдамакъ добувъ зъ комина сажы и намастывъ Несторови вусы. Выплы ще...

Коли Несторъ прокынувся на другый день вранци, ёго товаришыивъ вже не було. Винъ лышывся безъ грошей и безъ шматка хлиба.

Тоди ёго взяла така туга та злисть, що вянъ заставывъ шынкареви останню свытynu та почавъ пыты зновъ.

Ще винъ сыдивъ надъ пляшкою, коли зъ надвирря почувся гоминь, и чоловіка зъ двадцять, верхамы, зъ нагаймы, та спысамы, а де-котри зъ рушныцями опынылся передъ корчмою.

Першый увійшовъ козакъ середнёго зросту, у сынѣму жупани, жылавый, дужый, зъ рудымы вусамы; невелички очи ёго были гостри, проныкльвы; зброи винъ не мавъ ніякои, кримъ короткои татарської нагайкы. Узрившы Нестора, винъ спытавъ:

— А звидкиля ця пысанка?

Несторъ розказавъ ёму все чысто. Козакъ увесь часть проныкливо дывывся ёму въ вичи, а дали звернувся до своихъ:

— Гей, а чы не ляхскый це шпыгунъ, лидглядныкъ! Кажы мени правду, вражый сыну, бо повишу тебе, якъ пса!

За цымъ словомъ винъ вытягъ Нестора нагаемъ по спыни, ажъ той прысивъ.

— А погрусить ёго, хлопци, трохы!

Въ одну мыть Несторови поныввертали вси кешени, шапку, обмацалы пазуху, розулы.—Не знайшлы ничего.

— А ну, перехрестысь?—сказавъ отаманъ.

Несторъ перехрестывся трычи.

— Скажы отченашъ.

Несторъ выказавъ.

— Добре. Хочешъ, писанко, зъ нами?—спытавъ отаманъ

— Хочу, батьку!—видповивъ Несторъ.

— Гараздъ! Посады ёго, Паньку, зъ собою, сказавъ отаманъ одному зъ козакывъ. Козаки выпылы по чарци, поснидали сухарямы, напоили коней тай рушылы дали у степъ.

Несторъ сивъ на коня по-заду Панька. Дорогою козакъ розказавъ ёму, що ихъ ватага стоить пидъ Орловою балкою, а отаманъ звется Максимъ Зализнякъ.

II.

Мынуло тры roky писля Гуляйгородської прыгоды.

На Украини настала лыха пора,—зовуть ту пору колишчына.

Року 1768 народъ Украинскый повставъ на своихъ панывъ за зневагу своихъ людскыхъ правъ та виры. Почалось гайдамацке повстання, а головою ёго бувъ Максимъ Зализнякъ

По всій правобережній Украини народъ стогнавъ у крипацтви: польскы паны, магнаты почиталы мужыка за скотыну, „быдло“, а ксиондзы заводылы скрызъ унию. Подекуды, невелич-

кымы громадамы люде бунтували, нападали на поодыноки шляхетські двори, палыли ихъ, побывали панивъ та ксіондзивъ, але польське вѣйсько розправлялося зъ такымы дрибными гайдамацькымы загонами, розбывало ихъ, а захопленныхъ гайдамакивъ вишало, четвертувало або сажало на палю на торговыцяхъ та розстайныхъ шляхахъ, на страхъ другимъ.

Зѣ початку повстання у Зализняка було тры гайдамацькыхъ загоны: одынъ стоявъ надъ Лебедынськымъ монастыремъ, другий у Мотронинськыхъ лисахъ, третій у Чутивськыхъ, пидъ Сербамы.

Дійшла звистка до Зализняка, що Уманській губернаторъ Младановычъ зъ козацькимъ сотнымъ Гонтою, що служивъ у надворній козацькій милиціи пана Потоцького въ Умани, побыли де-килько загонивъ, а гайдамакивъ перевишали та посадыли на пали, а трохи згодомъ побыли увесь чутивській загинъ; зъ того загону добигло до Зализняка тилькы тры чоловика.

Несторъ Пысанка (такъ прозвали ёго козакы) бувъ у Мотроновському загоны.

Другого тыждня велького посту сказавъ ёму Зализнякъ йихаты у Смилу, стати тамъ, наче за наймыта у попа, та нышкомъ бунтуваты людеи щобъ прыставалы до гайдамакивъ, якъ рушаты вонны на Смилу.

На другій день Несторъ ставъ вже у Смили, у панъ-отця Андрия.

У-вечери Несторъ пійшовъ у мисто, зазырнувъ у корчму. Тамъ заставъ винъ двирськыхъ козакивъ зъ мылиціи, розбалакався зъ нымы, почаствувавъ горилкою та й прогулявъ тамъ ажъ до пивночы.

На другій день тытарь повивъ ёго до своихъ прыятеливъ, заможныхъ мищанъ; ти зновъ у вечери одвидалы Нестора. Не минуло ще и тыждня, якъ вже знали ёго вси Смиляне та й полюбыли ёго, бо бувъ добрый, веселый, зъ молодшыми й погуляты гараздъ, а дивчата пропадалы за нымъ, бо спивавъ гарно, гравъ на бандуру, а гошака садывъ такъ добре, ажъ дывувалысь вси.

Одного дня надъ вечеръ Несторъ зайшовъ до двирьскыхъ козакивъ. Посидавшы на прызьбы управительської пекарни, балакала про се, про те, покуруючи люльки. Коли це зъ двору пидйихавъ крытый рыдванъ, у четверо добрыхъ коней; зъ него выйшовъ панокъ, литъ пидъ сорокъ, вусатый, у кожушыны, крытій сывою кытайкою, а за нимъ дви паніи: одна пидстаркувата, друга молоденька, чорнява гарна, та гожа.

Несторъ, глянувши на неи зблidy, замовкъ, але въ мыть перемигся, та й повивъ дали перебыту розмову.

Видразу винъ пизнавъ Юзю. Вона ще покрацала за той часъ, якъ винъ іи бачывъ. Ии чудови кари очи зырнули на Нестра, але вона не пизнала ёго. Тай не диво: гайдамацкѣ жыття дуже переминыло колышнёго гарного хлонця, якого вона полюбыла у Гуляй-городи; степовой витеръ осмалывъ ёго облыччя, а чорни вусы зробылы ёго далеко старшымъ. А до того, чы могла Юзя сподиватысь побачыты Нестора тутъ, у Смили, середь двирьскыхъ козакивъ панської мылиціи?

Трохы згодомъ, якъ рыдванъ вже видъйизжавъ зъ-пидъ двору, Несторъ спытавъ одного козака:

— Хто се прыйихавъ?

— А ты хйба не знаешъ?—видповивъ козакъ.—Полковныкъ Квасныцькый зъ Мельныкивки.

— А ти паніи?

— Одна—полковныкова жинка, а друга—ляшка зъ Гуляй-городу, Могыльського дочка.

— А чого жъ вона сюды прыйихала?—спытавъ Несторъ.

— До батька. Полковнычка дуже іи любить, та й часто возытъ до себе, у Мельныкивку. А теперъ оце прывезла іи назадъ.

— А батько іи що робытъ?

— Та ничого. Сыдытъ въ управителя та й годи.. Зъ той поры, якъ згоривъ ёго двирокъ у Гуляй-городи, винъ вже быльше прожывае у Смили, нижъ тамъ. Да хочъ и поставывъ винъ соби новый двиръ у Гуляй-городи, та щось ёму тамъ жыты не дае.

Кажуть люде—товчется по ночахъ, ходыть, стогне... Хто ёго зна... Святылы хату чы-разъ—не помагае.

— Чому жъ дочка доси замижъ не выйшла?—спытавъ Несторъ.—Адже жъ гарна?

— Та врагъ їи зна,—видповивъ козакъ.—Дивка гожа, ляхивъ у Смили чы-мало, до всихъ вона зубы щырыть, а замижъ не йде.

Несторъ задумався. И радости, и смутокъ, и якась непевна надія заповнылы ёго душу. Яка гарна, чудово хороша! Невжежъ вона замижъ не пійшла тому, що доси ёго не забула, що любить по давнѣму?...

Парубкы дуже поважалы и слухалы Нестора, а дивчата юрбою биглы на вечорныци, колы зналы, що тамъ буде винъ. Але зо всихъ дивчатъ Несторъ, здавалося, найбільше вподобавъ бувъ одну Оксану зъ Гулий-города. Вона служыла у двори, при панни Могыльській. До Оксаны винъ ходывъ вечорами на розмову, носывъ їй разъ-у разъ гостынци.

Вси дивчата заздрлы Оксаны; кожна рада й щаслыва була-бъ, колы-бъ до себе могла прывабыты гарного козака.

Несторъ выпытавъ Оксану про їи панну и довидався, що до Юзи зальщяется багато панкывъ та панчывъ, але вона найбільше мабуть вподобала молодого брата полковнычки Квасныцькой, багатого панка зъ Лысянки, що разъ-у-разъ дойизжае у Смилу, або до сестры у Мельныкывку: тоди саме и забирае полковнычка панну до себе и Юзя дуже радіе, якъ побачыть ёго.

— Тай моторный ляхъ,—казала Оксана; гарный, веселый. до панны саме до пары.

— А чы справди любить ёго панна? пытавъ Несторъ.

— Да вже жъ. Полковныци разъ признавалась, що любить ёго, та й мени якось сказала: визму вже й тебе, Оксано, зъ собою, якъ выйду за пана Яна. У ёго богатый двиръ у Лысянцы. Бо панна мене дуже любить.

Вже було зовсимъ смерклося на двори, и не бачыла Оксана, якъ зъ сердешного болю зтыснувъ зубы Несторъ и якимъ вогнемъ запалалы ёго чорны очи.

Наставъ Великдень. Пора була тепла, погожа, садкы зазеленилы, весняне запашне повитря лунало дзвономъ, веселымы голосамы людей, спивамы та смихомъ молодежи, щебетомъ пташній. Высоко, нидь чыстымъ блакитнымъ небомъ цвиркотили жайворонкы.

Все було чысте, чепурне, веселе: и побилени, ягъ снигъ хаткы, зъ жовтымы прызбама та сынымы мережкамы кругъ вконецъ, и дивчата у билыхъ вышитыхъ сорочкахъ, у квитчастыхъ стричкахъ та намыстахъ, и прычепурени парубкы у новыхъ свыткахъ та яскравыхъ поясахъ, и дитвора, шо гралась у кыткы пысанкыма та крапанкыма,—все те сміялося, все радило. Все браталоса, цилувалосъ: Хрыстосъ воскресъ!

А старійши, посадавши на прызбахъ, покурюючы люльки, тыхо балакалы про волю, про гайдамакивъ, Зализняка... Дай-то, Боже! зитхавъ де-хто. Балакалы и про золоту грамоту видъ царыци, шо виддавала всю землю людямъ и всихъ повертала на вильныхъ козакивъ, и про благословення, шо дававъ Мотропынськый игумень на вйну зъ ляхамы...

Несторъ, побалакавши доволи зъ старымы, погулявши зъ парубкыма и дивчатамы, пишовъ навидаты й своихъ прыятеливъ, двирськыхъ козакивъ. Зустрившы на двори Оксану, винъ вирохавъ ии, щобъ пустыла ёго у вечори у свою комирку, била покоивъ ии панны. Оксана спершу боялася пускаты ёго, але винъ намовывъ ии, шо теперь, за святковымы гулянкамы, ниhto не побачывъ бы цёго, а хочъ бы навить и побачылы паны, то сказала бъ Оксана, мовъ бы братъ прыйшовъ ии видвидаты у свято. Адже де не грихъ. Пóгай Несторъ мавъ надю, шо побачытъ Юзю, и може й побалакае зъ нею.

Комирка Оксаны була поручъ зъ кимнатою Юзи.

Оксана провела козака до себе, наказала ёму сыдиты тыхенько, а сама побигла до панськыхъ покоивъ. Несторъ прытаився за грубкою; сердце ёго колотылось такъ, наче бъ хтило высочыты зъ грудей.

Недовго потимъ винъ почувъ, шо у сумежню кимнату увйшло двое; по голосахъ винъ прызнавъ жинокъ, а одна зъ

ныхъ була Юзя: ии голосъ винъ признавъ бы и середъ гомину сотни голосивъ.

Несторъ затаивъ духъ.

— Чы довго ты, Юзю, будешъ мени мучыты брата? почувъ винъ. Адже жъ бачышъ, якъ винъ пропадае за тобою?

— Титочко кохана, озвалась Юзя, тожъ винъ мене мучыть, не я ёго. Колы бъ винъ мене любывъ такъ, якъ каже, то не пропадавъ бы цылымы тыжнямы у свой Лысянци. Кто ёго зна, може винъ иншу любыть.

— Чудна ты, якъ я бачу,—озвалась зновъ та друга. Якъ бы ты ёму подала надію, що выйдешъ за ёго, то винъ бы вже й не повернувся у Лысянку, хйба зъ тобою. Чы ты ёго справди любышъ, скажы мени?

— Люблю, титочко, всимъ сердцемъ. Колы бъ винъ мене такъ любывъ, то я бъ була щаслива, якъ ништо...

— А ты жъ николы доси не любыла?

— Никогисенько, титочко,—видповила Юзя.

— Ну, то признайся мени, Юзю, якъ матири, ось про що: чула я де-що про якусь тамъ твою прыгоду зъ простымъ парубкомъ, тамъ у Гулай-городи, якъ ото згоривъ вашъ двиръ. Чы сёму правда?

— По-девуды правда,—сказала Юзи.—Адже жъ вы знаете, мабуть, якъ мене батько выховувавъ змалку? Я жъ росла середъ челяди, мужыкивъ, одагала ихъ селянську, одежу, ходыла боса, спивала ихъ писни, якъ оце моя Оксана. Чы жъ дыво, що мени, дурному, пятнадцатылитнёму дивчати, збаламутывъ голову парубокъ? Де бъ я теперь була, та яка була бъ, колы бъ воно й справди такъ сталося? Мене ажъ страхъ бере, якъ подумаю.

— Справди,—видповила титка.—Та й чудный же бувъ твій батько! Выховуваты едыну, гарну дочку, якъ просту наймычку!

— Отъ бачыте, титочко. А я жъ хйба тямыла тоди, що воно й передъ Богомъ грихъ тяжый покохаты схызматыба, та й передъ людмы соромъ звязуватыся зъ простымъ мужыкомъ.

— Ну, годи про се,—сказала титка,—пора вже тоби спочыты, бо не рано. Такъ не пиднесешъ гарбуза Янови?

— Ни.

— Ну, добраничъ, моя дытны,—сказала та, цилуючы Юзю.—Сны спокійно, хай тоби золоти сны выжאותся.

Всю ту розмову Несторъ чувъ видъ слова до слова. Зтыснувшы розпачливо свою голову руками, винъ вгадувавъ соби колышню Юзю, добру, веселу, просту... Нема іи теперь! Ту Юзю винъ покохавъ, якъ покохавъ и свою маты.

„Передъ Богомъ грихъ, передъ людмы соромъ!“

Мовъ у сны винъ чувъ, якъ Юзя влыкнула Оксану, щобъ ишла іи роздягаты до сну. Воны щось балакалы промижъ себе, але це вже ёму було байдуже.

Добре вже згодомъ увійшла Оксана у свою комирку, зачынвшы за собою двери.

— Цыть!—сказала вона нышкомъ—ще не заснула панна. Посыдили який часъ мовчкы.

— Слухай, Оксано,—пошенкы спытавъ Несторъ.—Дуже твоя панна любить ляха?

— Мабуть дуже,—видповила дивчына,—а що вже винъ за нею пропадае!

— А гарна жъ твоя панна?

— Ой гарна! Хиба ты іи не бачывъ?

— Ни. Осъ ты мени покажи іи, якъ засне.

— Чы ты здуривъ, божевильный?—трохы не скрыкнула Оксана.

— Та ну бо, справди,—прохавъ Несторъ.

— Одчепысь, нависный! Та жъ вона прокынется, паробить репегу зъ переляку,—тоди старый чортъ засиче мене на смерть.

— Не бійся,—сказавъ Несторъ.—Я знаю замовляты сонъ, не прокынется.

Довго сперечалась Оксана, але такы іи Несторъ намовывъ.

Крадькома, на-впшыньбахъ пройшовъ винъ у сумежню кимнату.

Юзя спала спокійно, пидмостывшы свою билу руку пидъ голову; чорни, розплетени косы майже зовсимъ закрывалы іи

шью и плечи. При слабому свитли лампадки, що блымала у кути передь образкомъ, Юзя вбачалася Несторови ще кращою, ніжъ у-день. Винъ наблизывся до лижка и втопывъ въ неи свои очи.—Невже жъ це та сама Юзя, що колысь такъ щиро любыла ёго, що присягалась втопытыся у Тясмыни, колы винъ її покыне! Чы справди, чы у снѣ винъ чувъ оце, якъ вона видрикалась, стыдалася того кохання? Чы може тамъ, у Гуляй-городѣ бувъ лишъ сонъ?...

Юзя, мовъ-бы чуючы на собѣ палаючий поглядъ Нестора, ворухнулася.

Оксана схопыла Нестора за руку и сыломицъ потягла ёго назадъ.

— Иды, иды,—просыла вона.—Що ты робышь? Не губы мене!

Несторъ выйшовъ мовъ несамовытѣй, похылывши голову.

Паны й шляхта, гуляючы та бенкетуючы святамы, и думкы не малы, що искра невдоволення въ Украинському народѣ жевріе чымъ разъ бильше и ось-ось готова знятыся у полумъя повстання. Безпечно гулялы вони, покладаючы надію, що двирськихъ козаківъ та скільки сотень польськихъ жовниривъ стане для страху и покору народу.

Мынули свята.

Одного вечора юрба парубкивъ похожала, гуляючы, по майдани, та й натрапыла на прыгоду.

Зъ поля, зъ сѣйбы повертався воламы старый селянынъ; на борони, що лежала на драбынахъ поперекъ воза, сидивъ ёго хлопець. Вйизжаючы на майданъ, винъ зачепывъ возомъ управительського сына, що йхавъ до двора натычанкою. Хочъ двирскій фурманъ и крычавъ здалеку: звертай! але воламы не такъ-то хутко й звернешь. Фурманъ вытягъ хлоця батогомъ, а старого облаявъ.

— Тоби жъ легче було звернуть,—видповивъ старый.

— А ты, старый чорте, не мигъ зарани звернуть?—гукнувъ панычъ.

— Воламы не звернешъ швидко, паньчу,—озвався старый.

— Я тебе навчу звертаты й воламы!—врыкнувъ паньчъ та, выхопившы батигъ у фурмана, замахнувся на старого. Але ёго руку мовъ залізными клищами вхопивъ хтось сильною рукою та зтыснувъ такъ, що й батигъ выпавъ зъ руки. Осатанивши зъ болю та гниву, паньчъ повернувся: ёго руку державъ Несторъ.

— Зась тобі здймати руку на старого!—спокійно сказавъ Несторъ.

— Ты... ты... якъ смієшь? Хто ты?—белькотавъ паньчъ, выпручаючи свою руку.

— Хто-бъ не бувъ—видповивъ Несторъ, а кривдыты безвынного не дамъ. Гей, ты!—гукнувъ винъ дали на фурмана; зтягны назадъ кони!

Фурманъ безперечно послухавъ. Парубкы наддали воза старого.

— А теперъ рушай,—сказавъ Несторъ, пускаючи руку паньча, та у друге не будь такый гарячий.

— Я тобі покажу, сучый сьну,—крычавъ здалеку паньчъ на Нестора,—стривай!

Парубкы гучнымъ реготомъ видповили на цю похвалку.

Ця прыгода дуже налякала панивъ. Управытель заразъ пославъ сотника зъ двадцятьма двирськими козаками, звеливши привести того, хто покрывдывъ паньча. Сотникъ заставъ парубкивъ на майдани и звеливъ козакамъ взаты Нестора. Але козаки стоялы, мовъ нежыви, а парубкы въ очи насміялись зъ сотника. Колы винъ самъ кынувся до Нестора, парубкы напались, свалылы сотника та такъ помялы, що выхопився винъ зъ ихъ рукъ ледве жывый. Тымъ часомъ хтось давъ звистку до двору. Пивъ-сотни польськыхъ жовниривъ кынулось на майданъ, въ мытъ розигналы юрбу, піймалы Нестора та зъ нымъ ще чоловіка трое парубкивъ, повязалы ихъ и повелы до двору.

Выйшовъ управытель, а за нымъ вси паны та шляхта, яки булы у двори. Челядь свитыла каганцями та лыхтарями.

Панычъ, въ котрымъ була прыгода на майдани, глянувшы на Нестора, скрывувъ:

— Оце той самый розбишака!

— Кто ты?—спытавъ управытель.

— Несторъ Пысанка, запорожець.

— Несторъ?—спытавъ одынь въ панивъ, та взявши въ одного въ челяди лыхтарню, наблизывся до Нестора, пиднисть у-гору и освитывъ лице козака.

Се бувъ Могыльськый.

— Звидкиль ты, харцызе?—спытавъ винъ.

— Зъ Гуляй-городу.—Спокійно видповивъ Несторъ.

Могыльськый трохи не выпустывъ зъ рукъ лыхтарню, але перемигся и, звернувшысь до панивъ, сказавъ:

— Бреше винъ, панове! Бувъ тамъ, справи, одынь поганецъ Несторъ, але той давно вже втикъ звидтилъ и певне теперь десь высыть на шыбеныци. А цей, мабуть, взявъ соби чуже имя, думаячы, що я боронитыму його. Не диждешъ, волоцюго!

— Ты брешешъ, ляше!—смыльво видповивъ Несторъ.— Знаешъ ты мене добре, а я тебе ще краще. Ты забывъ на смерть мою матирь, а я спалывъ твій двирь. Прыгадавъ теперь? Стривайте жъ, паны, настане нашъ часъ, не такъ будете вы прызнаватись до насъ!

Могыльськый, блыдый, озвиреный, скочывъ до Нестора и на розмашъ вдарывъ його по выду.

Затрицалы шнуры, котрымы бувъ звязаныи Несторъ, але не порвалысь. Несторъ пронявъ Могыльського поглядомъ, повнымъ ненавысты и помсты, але не сказавъ ничего.

— Покынь,—сказавъ управытель Могыльскому;—завтра допытаешъ розбишаку краще.

Нестора и парубкивъ зачынылы на вежи и прыставылы до нихъ сторожу.

Паны дуже потрывожылысь, бо це вже бувъ випадокъ незвычайный. Радылысь, що робыть, щобъ не допустыты до справжнього бунту. Управытель заспокоювавъ ихъ.

— На мою думку, панове,—казавъ винъ,—треба добре провчыты тыхъ поганцивъ, що піймалы, такъ провчыты, щобъ всимъ другимъ пропала охота бунтувати!

На цю пораду прыстали вси.

Юзя, прочувшы про Нестора, дуже збентежылась. Йй и жалко було його, бо чуло їй серце, що вона та їй батько знівечылы жыття парубка, и соромъ було признатися до Нестора. Щось боляче ворухылося въ їй серци, и не могла вона гараздъ знаты, що воно таке: чы забуткы, залышокъ колышнѣго коханья, чы простый жаль, чы докоры сумлиння. Вона рада-бъ просыты батька, управытеля, щобъ помылувалы Нестора, пустылы ёго, але жахалась думкы, що вси довидаются, якъ вона колысь кохалась зъ цымъ гайдамакою. Такъ до пизнѣи ночи боролась вона зъ своими думками, та ничего не надумала.

Идучы у свою кимнату на спочынокъ, Юзя побачыла, що їй Оксана плаче.

— Чого ты?—спытала панна.

Оксана зайшлась слызми ще гирше.

Юзя поволи, ласкавымъ словомъ почала розважаты дивчыну та допытуватись.

Трохы угамувавшысь, Оксана розказала своїй панни, якъ вона любить Нестора и якъ їй жалко, що ёго піймалы, будуть мучыты, а то може й зовсимъ зо свиту згублять.

— А винъ-же тебе любить?—спытала панна.

— Любить, панночко, голубко!—видказала Оксана.

Юзи теперъ неначе полегчало на серци. Вона заспокоила дивчыну, обидявши, що за-для неи зробыть все, що можна; завтра просытyme управытеля, щобъ помылувавъ їй любого, а воли Несторъ покается та покыне гайдамацьке жыття, то може и одружытся зъ нымъ.

Оксана трохы не здурила зъ радощивъ: плакала, сміялась, цилувала свою добру панну у руки, не знаючы, якъ вже дякуваты за таку їй ласку.

До пизнѣи ночи забалакалась Юзя зъ Оксаною, ажъ нарешти поляглы спаты. Але не спалось имъ, бо обыдвѣ булы ради, щаслыви.

Въ тимъ почула Юзя мовъ бы якыйсь шелестъ пидъ виномъ.

-- Оксано!—влыкнула Юзя.—Чы защепнула ты вишко? Встань, подывыся.

Оксана пидійшла до вишна. На неи потягнуло холодомъ зъ надвору: вишко було зовсѣмъ розкрыте, а за нимъ стояла высока темна постать. Не встыгла Оксана крѣкнуты, якъ стрибнувъ виномъ у кимнату Несторъ, сыльно стыснувъ їи за руку и промовывъ: „цыть, бо вбью!“

Оксана зъ ляку занимала. Тымъ часомъ Несторъ скочывъ до лѣжка, вхопывъ на руки зомлилу панну и якъ кышка выскочывъ зъ нею виномъ.

Опамъятавшысь, Оксана заголосыла, зарепетувала и зняла на ноги увесь двирь. Кынулысь скрызъ по будывкахъ, по двори—не зловылы никого.

Нестора и засаженныхъ парубкывъ не було, а зъ ными згынулы й вси козаки двирьскои мылиціи. Биля дверей вежи, де сыдили вѣзны, знайдено лышь трое вбытыхъ жовнира. Могыльський ходывъ мовъ несамовытый: винъ одынъ тамызъ всю справу, якъ слидъ, и знавъ, що це почынається Несторова помста за всю кривду и зневагу, якои винъ зазнавъ.

Молодой нареченый Юзи, панъ Янъ, бѣгавъ, мовъ божевильный. Винъ падавъ на вколишкы передъ управытелемъ, прохаючы даты ёму жовниривъ для здогони, але той боявся лышытысь безъ охороны. Нарешти, на превельку сылу, винъ давъ двадцать чоловика, и панъ Янъ, обѣцывшы жовнирамъ по сто червинцивъ, колы знайдуть Юзю, самъ пустывся зъ ными на пошуканна.

Другого дня надъ вечерь зъ Бузукивы прыскочывъ охляпъ жыдокъ, ледве живой, и зповистывъ, що весь той гуртокъ жовниривъ зъ паномъ Яномъ побытый на голову гайдамакамы, а Зализнякъ зъ пятьтысячнымъ вѣйськомъ иде на Смилу.

Страшна пожежа Колившыны палала по правобережній України.

Палалы мистечка, замкы, панськи дворы и шляхецьки осели. Паны, шляхта, всендзы й жыды втывалы видь помсты народнѣи, ховаючысь зъ жинкамы, дитьмы и усимъ добромъ у миста та замчыська, де стояло польське вѣйсько. Але й тамъ добувалы ихъ гайдамакы и побывалы де-щенту. Жаботынь, Смилла, Лысянка, а дали й Умань не встоялы проты Зализняка. Народъ скрызъ радо прѣймавъ ёго, заступыва за покрывждени права, и помогавъ, прылучаючысь до гайдамацького вѣйска.

Зализнякъ выйшовъ зъ Лебедынськыхъ лисивъ зъ килькома сотнямы гайдамакивъ, вже пидъ Жаботыномъ ихъ булы тысячи, а пидъ Уманемъ десятки тысячъ.

Такъ, бува, на провесни маленьки ривчачкы злываются у стругы, стругы у бурчаки, а ти дали у ричечкы, ажъ ричы зильютя у гризну, вельку риду, що бучно бижыть, ламае та нивечыть все, що пидъ неи попаде.

Несторъ, выхопившысь зъ Смиллы зъ сотнею козакивъ та миськихъ парубкивъ, прямувавъ на Лебедынь.

Юзю, обгорнуту у свытку, винъ державъ поперекъ сидла передъ собою.

Опамъятавшысь черезъ якый часъ видь ничного холоду та шаленого чвалу на кони, вона почала пручатысь зъ дужыхъ рукъ Нестора.

— Цыть, проклята!—крыкнувъ винъ на неи:—бо задушу тебе, якъ бурча, та выкыну геть.

— И на що тобі будо брагы цю погань?—спытавъ одынъ зъ козакивъ.

— Для помсты,—видповивъ Несторъ.—Колы-бъ ты знавъ, пане-брате, щбъ я выненъ ще ии батькови, не пытавъ-бы, на що я ии взявъ. Той вродъ забывъ на смерть мою матирь, а я ёго дочку звивечу на мужычку, гайдамачку. Та мы зъ нымъ, мабутъ, побачымось ще!

Била Райгороду у лисовій пасици жывъ старезный дидь, колышвай запорожець Корнѣй Грабъ зъ внукою своею, нимою

дивчиною Меланкою. Туды завернувъ Несторъ, поги козаки стали, щобъ дати спочынокъ конямъ, та й лышывъ дидови свою бранку, прохаючи переховаты ии якый часъ.

— Не гараздъ, сыну, робышь,—сказавъ суворо дидъ.—Козаки идутъ проливаты кровъ за батькившину, за волю та за виру, а ты зъ дивкою возышся! Народъ губыть ляхивъ, ворогивъ своихъ та гнобытеливъ, а ты братаешься зъ ными, зъ ляхскою хочешь жыты? А що скаже панъ отаманъ, що скаже товарыство?

Несторъ слухавъ понуро, зхлывши голову.

— Просты, батьку,—сказавъ винъ.—Правду кажешь! Грихъ мій, грихъ тяжкый...

— Грихъ, сыну!

— Заведу ии у лисъ та й вбю! сказавъ Несторъ.

— Ни, сыну, не годытся!—озвався старый.—Не по-козацькому такъ буде. Хай буде вона у мене, колы вже привизъ. А ты выкынь ии зъ думкы та йды до своего, козацького дила. Колы, Богъ дастъ, зныщыте ворогивъ, дасте волю народови, тоди прыйды до мене, подумаемо, що робыть. А покы хочъ одынъ ворогъ буде на нашій земли—не годытся тоби й думаты про дивку. Йидь, не гайся.

У полудни того жъ дня Несторъ зо своимы товаришамы встрылы гайдамацьке вйсько Зализняка.

Отаманъ, доvidaвшысь, що у Смили вйська мало, виддыливъ пятьсотъ чоловикъ кинныхъ, наставывъ за отамана запорожця Нагны-биду и пославъ ихъ на Смилу, звеливши Несторови весты ихъ найкоротшымъ шляхомъ. А самъ повернувъ на Вильшану та Лысянку, бо тамъ бильше польського вйська. Не довго й бороньласъ Смила. Ще загинъ гайдамацькый не дійшовъ до неи гонывъ на трыдцять, а вже двиръ панськый палавъ зъ двоохъ кинцивъ. Такъ челядь двирьска виддячыла панамъ за ихъ ласку та опиду.

Покы гайдамакы розбывалы та рабувалы панськы маеты, розпывалы на майдани стари вына та меды зъ двирьськихъ лѣхивъ, Несторъ кынувся шукаты Могыльского, але нигде ёго

не знайшовъ. Винь переглянувъ всихъ побытыхъ ляхивъ, шукавъ по всихъ кутвахъ—Могыльського не було.

У двирській пекарни винь знайшовъ Оксану.

— Де твій ляхъ?—спытавъ винь перелякану дивчыну. Кажы, бо жыва не будешь!

— Не знаю. Мабуть у стани, на синныщи,—видповила Оксана.

Несторъ скочывъ туды. И справди, Могыльський прытаився тамъ у кути, на сини, на горыщи.

— А ну, ляше, ходы побалакаемъ теперь!—гукнувъ Несторъ.—Злизай лышень сюды, колы не хочешь, щобъ я тебе зпикъ тамъ живцемъ!

Могыльський злизъ,—винь бувъ страшный, якъ мара.

— Стрывай!—сказавъ винь Несторови—скажы мени: Юзя жыва?

— Жыва,—видповивъ Несторъ.

Могыльський вправъ передъ нымъ на-вколишкы и заломавъ руки.

— Слухай!—сказавъ винь Несторови тремтячымъ голосомъ. Не вбывай мене, виддай мени Юзю, а я тоби виддамъ вси мои багацтва, и гроши, и землю...

— Виддасы?—спытавъ Несторъ, усмихнувшысь.

— Виддамъ.

Могыльський селявъ навхрестъ два пальци и поцилувавъ ихъ, на прысягу.

— Добре!—сказавъ Несторъ.

— На Тясьмыни, на острови, де пасиеа,—казавъ Могыльський, прошываючы Нестора благоячымъ поглядомъ,—па сорокъ ступнивъ видъ хаты на схидъ сонця, пидъ яблунею я закопавъ глекъ червянцивъ и казанокъ срибла.

— Добре,—сказавъ Несторъ.—Телерь послухай мене. За твои гроши я добре погуляю зъ твоею дочкою, а колы вона мени надокучыть, я гроши соби заберу, а ии выжену геть, якъ останню паплюгу. Оце тоби буде подяка за мою матирь. А за себе...

Несторъ не договорывъ: Могыльскый, якъ хыжый звирь, скочывъ на ёго, вхопывшы за горло.

Почалась страшенна боротьба. Обое булы дужи, великон силы: обое булы люти, запекли и однаково ненавидили одынь одного.

Довго качалысь воны по земли, зрываючы іи своимы ногамы. Ажъ Несторъ такы встыгъ згорнуты Могыльскаго пидъ себе, пидвися однимъ бокомъ, ставъ ёму колиномъ на груды. Мовъ блискавка мыгнувъ у Несторовій руди довгый вижъ-колий и затопывся у грудяхъ ёго ворога.

Могыльскый вхопывъ Нестора зубамы за плече и прокусывшы ажъ до кости, такъ и застыгъ, зъ кривавою пиною...

Огненною и кривавою хмарою пройшли гайдамакы надъ Украиною, ажъ впала та хмара кривавою зливою на Умань. Туды збиглысь булы вси, хто боявся помсты народнѣи, бо въ Умани стояло чымале польське вѣйсько, та й козацкою мылиціи у пана Потоцького було багато. Понадіялысь паны на ту мылицію, неначе бъ забувшы, що вона набрана зъ того самого прыгнобленого украинського народу. Сотныкомъ тіеи мылиціи бувъ Иванъ Гонтя. Уманскый губернаторъ Младановычъ дуже покладавъ надію на Гонту и козакывъ мылиціи.

Прочувшы, що Зализнякъ наблизывся до Умани, губернаторъ выславъ на гайдамакывъ Гонту зъ козакамы.

Але, колы встрилысь цыхъ два вѣйська у Грековому лиси, Зализнякъ, вѣйихавшы напередъ, клыкнувъ до себе Гонту на розмову.

— А що, пане брате,—сказавъ Зализнякъ:—невже-жъ ты здѣймешъ руку на своихъ бративъ, боронитынешъ ляхивъ, ворогивъ нашего народу, нашои виру? Мы жъ идемо за батькывщину, за виру та за волю! Прыставай до насъ, пане-брате!

— Не ваша сила побороты ляхивъ,—понуро видповивъ Гонта.

— Колы прыстанешъ до насъ зъ козакамы, наша буде сила,—видказавъ Зализнякъ.—Не встоять ворогы.

Задумався Гонта, покручуючы довгого вуса, а потимъ, повернувши коня, нидйихавъ до своихъ козакивъ.

— Панове—товарыство!—гукнувъ винъ.—Панъ Зализнякъ зъ товарыствомъ иде на ляхивъ за нашу батькивщину, що вони їи забрала, за нашу виру, що вони хочуть повернуты на унію, та за волю поспильства, що хочуть паны повернуты на своихъ пидданныхъ. А чы згода ваша буде злучытысь зъ нашыми бра-тамы та йты на ляхивъ?

— Згода! Згода!—гукнули козаки та й рушылы до гайдамакивъ, якъ браты, а не ворогы.

Правду казавъ Зализнякъ,—не встояла Умань проты гайдамакивъ. Одынъ тилько день боронилась вона; другого дня вдерлысь гайдамаки до миста и выризала всихъ ляхивъ, ксеидзивъ та жыдивъ до щенту, не мылуючы навить жинокъ та дитей. Зибравшысь потимъ на раду, вйсько выбрало Зализняка гетьманомъ Украины, а Гонту Уманськымъ полковныкомъ.

Але се, мабуть, була остання подія гайдамакивъ.

Польскый король, бачывшы, що не сыла ёго побороты гайдамацьке повстання, попрывивъ видмогы у царицы Катерины. Московське вйсько рушыло на Зализняка, але взяло ёго не сылою, а хытрощами. Полковныкъ Гурьевъ, удавши, будимъ-то винъ хоче помогты гайдамакамъ проты Польцы, запросывъ до себе на бенкетъ Зализняка и Гонту, але замисць хлиба-соли ихъ ждала тамъ зрада: Гурьевъ повязавъ ихъ и всю гайдамацьку старшыну та й выдавъ Гонту полякамъ, а Зализняка, що винъ бувъ зъ ливобережної Украины, забравъ въязнемъ у Кывъ. Тяжко катувала ляхы Гонту: здерлы зъ ёго дванадцать пасивъ шкуры, потимъ почвертувала ёго на шматкы и порозвозылы ти шматкы по рижныхъ мисцяхъ. А Зализняка зъ Кыва заслано у Сибиръ.

Такъ скинчылася Коливщина.

Гайдамацьке вйсько розпорошылося по всій Украины.

Несторъ зъ иншымы гайдамакамы попавъ у полонъ до ляхивъ; ихъ загнала у Камянець. Але черезъ який часъ винъ зъ трома товаришами выхопывся зъ тюрмы, та й майнувъ на

Запорижжа. Незабаромъ наставъ кинецъ и славному Запорожжю: царыца Катерына звелила зруйнувати Сичъ и скасувати вѣйсько. Частына Запорожцивъ, а зъ нымы и Несторъ, утекли у Турещыну, на Добруджу, и тамъ зновъ заклалы козацькый вишь.

Ще тикаючи на Запорижжа, Несторъ завернувъ на Райгородъ до дида Граба, навидаты ляшку. Але тамъ їи не було: днивъ черезъ скільки писля того, якъ Несторъ покинувъ їи у дида, вона у-ночи нышкомъ передаглася въ одежу нимои Меланкы та й майнула кудысь.

Дидъ не дуже й квапывся доганяты їи або шукаты.

Чулы потимъ де-яки Смиляне, що Юзя Могыльська опынлася десь на Польщи и пострыглася у черныци.

Ш.

Багато литъ мынуло писля Колівищныи.

Колы не колы де-якый старый дидъ прыгадувавъ та розказувавъ про ти давни страшни подїи.

На Молдавіи, по-надъ Днистромъ мижъ скелямы, середъ лису стоить невеличкый манастыръ Каларашъ. У-литку, на Ивана, буває тамъ храмъ и зъ усихъ околицъ люде ходять туды на видпустъ, на прощу.

Давно вже оселився въ тому манастыри якыйсь захожый, чужый дидъ. Нихто не знавъ—звидкиль винъ, а колы пытали ёго, винъ неохоче видповидавъ: безъ роду я, безъ плоду, перребендя; вештався по святыхъ мисцяхъ, покы ноги носылы, теперь вже не здужаю ходыты, а Господь смерти не дае за грихы мои.....

Прышовши у манастыръ, винъ видавъ игуменови тры десятки турецькыхъ червинцивъ, прохаючи прыняты ёго у манастыръ, покы Богъ ёго не прыїме, та сказавъ, що зовуть ёго Несторъ.

Игумень прыставывъ ёго до манастырской пасыкы.

Старый бувъ высокій, сыльной будовы, якыхъ теперъ мало людей, биле волосся та била довга борода, а очи блискучи, мовъ у молодого. Все лыце було покварбоване, мовъ пооране шрамамы та пругамы, ажъ страшно глянуты.

Одного разу, передь Ивановъ, почалы потроху зходитысь прочане у Каларашъ.

Кругъ манастыра, на зеленій галявныи середь лису, поставалы пидводы, а люде малёвнычмы купкамы посидалы соби на трави та гомонилы про свои справы.

Писля вечирнёи службы старенькый безногий москаль на деревьянй дыбци, що прыплентався на прощу зъ по-за Днистра, прохажаячы лисомъ, забывся до пасыкы.

Передь куринемъ сыдивъ пасичныкъ Несторъ, плетючы зъ луба козубокъ.

— Добры-вечирь!—сказавъ москаль.

— Здоровъ бувъ!—видповивъ Несторъ.

— Помогай-Бигъ!

Спасыби.

Несторъ озырнувъ ёго зъ пидъ лоба, а дали й промовывъ:

— Сидайте. Натрудывся, мабудь, старый, шкандыбаючы на дыбци.

Посидалы.

— А звидкиль Богъ прынисъ? пытавъ Несторъ.

— Зъ Томашполя, зъ того боку,—видповивъ той.

Побалакалы про те, про се, а дали москаль каже.

— А що, диду, мабудь и тебе латалы ти сами майстри, що мени ногу направылы?

— Латалы мене добре, пане брате,—зитхнувъ Несторъ.— Гай—гай!

— Та й старый же ты, диду, добре!

— Старый та давній. И ты, брате, вже пидтопався, я бачу, а до мене тоби далеченько! Ты колы вродывся?

— Кто ёго зна,—видповивъ москаль.—Двадцять и два roky прослужывъ на служби, а оце вже каликою ходю трохы не зъ

двадцять. Казала маты небижка, що вродився я за великої зими.

— А я за великої зими, ¹⁾—озвався Несторъ,—бувъ вже козаць добрый, мавъ вусы та вже бувъ трохи полатаний.

— Ой, старый же ты, диду!—здывувався москаль.—Буде тобі литъ зъ сотню?

— Перейде ще по той бикъ.

— Ще бильше?

— Сто, ще й два.

— Важки лита!—сказавъ москаль, хытаючи головою.

— Ой, важки, важки!—зитхнувъ Несторъ. Потимъ винъ вставъ, пійшовъ у куринь, вынисъ звидтиль паляницю та козубовъ черешень и поставывши передъ москалемъ, попросывъ:

— Годуйся, брате, чымъ хата багата!—Сивъ Несторъ та й прийнялысь обое за цю убогу вечерю.

Вечиръ бувъ теплый, тихый. Зъ-за лису пиднявся повный мисяць. Зъ долины доносывся шумъ Днистра по скеляхъ та каминняхъ.

— Гарно, тихо тутъ у васъ, благодать Божа!—сказавъ москаль, вставшы та перехрестывшысь пнсля вечери.—А въ-тимъ, треба йты кудысь голову прыхылыты на ничъ. Спасыби за хлибъ та за добре слово!

— Та колы никуды,—сказавъ Несторъ,—то ночуй у мене, небоже; знайдеться кутокъ для тебе у курини.

— Спасыби й за це,—сказавъ москаль, сидаючи зновъ.

Посыдили якый часъ мовчки, кожый думаючи свою думу. Ажъ озвався москаль.

— Памъятаешъ мабудъ гайдамаччynu?

— Гай—гай! памъятаю я ии добре!

Та й зновъ задумався старый Несторъ, похылывшы голову на груди. Потимъ винъ ставъ поволи говорыты, наче самъ до себе.

— Зализнякъ бувъ козаць! Гонта бувъ козаць! залылы вонны кривью Украину, облылы и себе, и насъ!... А що зъ того?....

1) «Великою зимою» называли на Уврании 1789 рікъ.

Винь разпачливо махнувъ рукою та похытавъ сывою головою.

.... Де теперь ихъ души? Пропалы козаки, якъ те бадилля у степу.... Знущались ляхи надъ народомъ, знущались и надъ гайдамаками, ой! тяжко знущались, бисови диты!.. Я бувъ дужый, я бувъ такой здоровенный, що земли не чувъ пидъ собою!.. Та й теперь ще, дарма що старый, я бь десять такихъ, якъ ты, подужавъ.—И винь простягъ свои здоровенни жылавы та гудзовати руки, мовъ бы те кориння столитнѣго дуба.—А на що здалася та моя сила? Тьху!...

Винь розстибнувъ комиръ своеи сорочки и скинувъ ии зъ себе.

Ажъ здригнувся москаль, подывывшысь на ёго: вся спына и груди были рясно поризани синими та червоными пругами, шрамамы—мовлявъ бы й пальцемъ не ткнуть бы въ здорове мисце. А кисть была здоровенна, широка и показувала незвычайну силу.

— Що, бачывъ колы такую цяцю?—глумливо спытавъ Несторъ.—А зъ лыца хйба я не гарный?—усмихнувся винь.—Не дурно прозвали мене: Пысанка. И шабли, и спысы, и кули ворожи, и батоги, и кии, и розпечене зализо ката малювали цю пысанку....

Ось оце—винь показавъ на чоло та на груди—порубалы татары поганци, порубалы та й кынулы, бо думалы, що нежывый я. А ось тутъ, на плечи—се ляхъ впывся мени зубамы, до самой кости. Здоровый бувъ, невира, дужый, не теперешний... Але вже нежывому я рознявъ заклыкли щелены. А оце—Несторъ повернувся спыною—катувалы насъ, гайдамакывъ, ляхи у Камянци: дерлы пасамы шкуру та шварылы розпеченымъ залюзомъ... А глянъ сюды—и Несторъ закачавъ штаны: на обохъ ногахъ были глыбоки шрамы—тутъ кайданы врослы мени въ тило, тутъ гныло тило, мовъ стерво и якъ онучи видпадало шпаткамы, ажъ гробаки завелысь....

Винь зитхнувъ важко и помовчавъ.

— А бувъ я колысь и гарный, и гожій, — казавъ винъ згодомъ. — Не було у Смили кращого парубка.... Пропадали за мною дивчата... Пропадала и панна шляхтянка.... Та годи згадувати! Минулося все, земля покрыла.... Одынь я зажывся на свити, мабуть забудь про мене Господь Милосердний!..

И старый, понурывшы голову, затулывъ лице долонямы.

Мовчавъ и москаль, задумався. Зъ-пидъ рукъ Нестора, по довгій, свійй бороде покотылася слёза.....

М. Левицькый.



ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Шевченко и Буяльскій домогаются вакансіи учителя рисованія въ Киевскомъ Университетѣ. Публичная живописная школа Буяльскаго.* Въ 1846 году была свободно открытая Павловымъ вакансіа учителя рисованія при Университетѣ Св. Владиміра. Должности этой добивались двое: Художникъ Петербургской Академіи Художествъ, воспитанникъ профессора Брюллова—Тарасъ *Шевченко* и помѣщикъ подольской губерніи, обучавшійся въ Дюссельдорфѣ и Берлинѣ—Наполеонъ *Буяльскій*. Послѣдній намѣревался открыть въ Киевѣ, на Калетской улицѣ, въ собственномъ домѣ живописную, художественную и мануфактурную рисовальную школу. Не имѣя въ распоряженіи своемъ достаточныхъ пособій, Буяльскій особенно стремился занять должность при Университетѣ, рассчитывая на его собранія и средства.

15 Марта 1847 года Министръ Народнаго Просвѣщенія уведомилъ Генераль-Губернатора (Бибикова), что *Буяльскій* назначенъ быть не можетъ, а назначаются *Шевченко* и кандидатами—художникъ Шлейферъ (учитель рисованія въ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ) и художникъ Габерцеттель изъ Лондона. Некласснаго художника Шевченка предполагалось предварительно допустить къ занятіямъ въ видѣ опыта, на годъ, но такового произвести не удалось, за арестованіемъ Шевченка.

Между тѣмъ Академія, рассмотрѣвъ представленный въ 1846 г. Буяльскимъ проектъ «Публичной живописной Школы», и найдя въ томъ проектѣ много основательнаго, заслуживающаго вниманія, обѣ-

шала предоставить школъ пособіа и, по сходнымъ цѣнамъ, какъ образцы для рисованія, такъ равно и гипсовые слѣпки головъ и статуй.

Въ 1849 году Буяльскій ходатайствуетъ о напечатаніи особыхъ о школъ его объявленій.

Изъ донесенія Губернатора Фундуклея Генераль-Губернатору узнаемъ, что цѣль содержанія школы *«въ то, чтобы прославить себя въ своемъ искусствѣ и быть полезнымъ юношесству»*, ибо за преподаваніе особой платы ни отъ кого не получается и даже деньги, вырученныя отъ продажи произведеній учениковъ, остаются въ ихъ же пользу. Воспитанниковъ было въ то время 8; изъ нихъ 3 отданы на 5 лѣтъ.

28 Іюня 1852 г. Академія Художествъ одобрила уснѣхп, достигнутые школою, и возбудила предъ Генераль-Губернаторомъ ходатайство о разрѣшеніи Буяльскому открыть заведеніе для печатанія рисунковъ, гравированныхъ на мѣди и деревѣ, а равно литографію.

Въ Августѣ указаннаго года въ школъ обучалось 22 ученика, изъ нихъ 6 платныхъ, и 13 ученицъ—всѣ платныя. Подъ заведеніе былъ отведенъ варочито для того выстроенный въ Старокіевской части домъ о пяти комнатахъ. Интервата не существовало: дѣти жили при родителяхъ или при учебныхъ заведеніяхъ. Имущество школы состояло изъ 260 оригиналовъ (литографій и гравюръ); 244 медаліоновъ и барельефовъ; 68 гипсовыхъ моделей; 52 картинъ, писанныхъ масляными красками. Затѣмъ имѣлись спеціальныя книги в пособія.

Кіевскій губернаторъ, вполнѣ одобряя личность Буяльскаго и предположенное имъ печатаніе гравюръ собственными средствами, у себя въ мастерской, находилъ однако же, что предоставленіе права имѣть особую литографію не вызывается необходимостью, такъ какъ подобныхъ заведеній въ Кіевѣ и безъ того достаточно. Литографировать можно бъ было и въ губернской типографіи. Но вскорѣ Губернаторъ отказался отъ послѣдняго предложенія, вслѣдствіе чего Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ 3 Іюня 1853 года разрѣшено Буяльскому самостоятельное печатаніе гравюръ и литографированіе.

2) *Утопающій на Крещатикѣ*. Въ Іюль 1848 года, во время «наводненія, происшедшаго отъ проливныхъ дождей», какъ доносили Кіевскій Губернаторъ Фундуклей Генераль-Губернатору Бибикову,

мѣщанинъ Егоръ Гейдъ, «увидя утопавшаго Кіевскаго мѣщанина Завадовскаго, близъ провода, чрезъ который истекаетъ вода въ канаву, бросился спасать его и вдругъ былъ сваленъ водою, но, схватившись оиять на ноги, не смотря на угрожавшую опасность, потому что накопившаяся на Крещатицкой улицѣ въ большомъ количествѣ вода свалила З. въ такомъ мѣстѣ, которое было не въ далекомъ разстояніи отъ провода, и въ коего надетъ вода въ канаву, проведенную подъ землею,—подаль З. найденный въ ближайшемъ домѣ шесть и тѣмъ спасъ его».

Гейду за таковыя дѣйствія объявлена благодарность начальства.

Сообщилъ Алексѣй Мёрдеръ.

Приготовленія къ встрѣчѣ имп. Александра I въ Умани.

Какъ извѣстно, императоръ Александръ I предпринималъ неоднократно путешествія на югъ Россіи. Въ 1816 и 1817, два года подрядъ, торжественно его встрѣчали Кіевъ, откуда онъ обыкновенно направлялся въ Бѣлую-Церковь, къ Браицкимъ. Три года спустя, въ 1820 году, прошелъ слухъ, что государь снова намѣренъ посѣтить Кіевъ и Кіевскую губернію, и что въ августѣ мѣсяцѣ «соблаговолятъ шествовать черезъ Умань и его повѣтъ». Въ духовномъ вѣдомствѣ по этому поводу начался безпокойства, волненія; измышлялись мѣры къ наипристойнѣйшему способу встрѣчи... Въ концѣ концовъ, высшими духовными властями учинено было «предписаніе» Уманскому Духовному Правленію слѣдующаго содержанія: «Духовенство, сколько онаго при всякой церкви (г. Уманя) находится, всеподданѣйшимъ долгомъ обовязано у самыхъ воротъ, ведущихъ въ церкви, самымъ благопристойнѣйшимъ образомъ встрѣтить Его Императорское Величество въ самыхъ свѣтлыхъ облаченіяхъ: въ ризахъ, епитрахляхъ и поручахъ, а діаконы—въ стихаряхъ, ораяхъ и поручахъ, со сватымъ крестомъ, держимымъ священникомъ въ рукахъ, со святою, съ приличнымъ кропиломъ, водою; діаконы же—съ кадилницами, продолжая при такихъ воздалнѣйшахъ посѣщеніяхъ какъ въ проѣздѣ куда-либо и шествіи во храмы Божіи, такъ и обратно изъ оныхъ, колокольный звонъ,—поступая при сихъ торжественныхъ случаяхъ сколько можно *благопристойнѣйше* и *скромнѣе*, съ достодолжнымъ благоговѣніемъ, *имѣя на себѣ и собственное свое*

одъяніе чистое и самое лучшее, и страмась безпорядочно присту-
пать къ лобзанію руки Его Императорскаго Величества,—развѣ бы
особое на то послѣловало Высочайшее благоволеніе. Нанпаче же
никому и ни въ чемъ не утруждать Его Величества никакими прозь-
бами...

По вшествіи въ церкви, пѣтъ «Достойно есть», потомъ отпра-
влять ектенію о многолѣтвомъ Его Императорскаго Величества со
всею Высочайшею фамиліею здравіи, какъ въ формахъ изображено,
а по возгласѣ и многолѣтствіи—со всякою исправностію, по отше-
ствіи Его Императорскаго Величества изъ церквей, возвращась въ
оную—отправить благодарственный Господу Богу молебень, съ коло-
кольнымъ послѣ онаго звономъ, исполняя всю сію церемонію началь-
нѣйшимъ духовенства соборнѣ.

Если же гдѣ Его Императорское Величество соблаговолять
слушать литургію или другое какое церковное молитвословіе, оное
совершать тоже соборнѣ, соотвѣтственно церковному благочинію и
порядку, въ наилучшихъ церковныхъ облаченіяхъ, имѣя предвари-
тельно зааженыя во всѣхъ предъ святыми иконами лампы и во
всѣхъ паникадилахъ, для изъявнѣйшаго благолѣвія, всѣ свѣчи. И
хотя бы Его Императорское Величество монастырскіе, соборніе и
протчіе церкви не соблаговолялъ посѣтить всѣхъ, однако же (въ)
весь проѣздъ или шествіе черезъ мѣста мимо церквей—продолжать
колокольный звонъ и быть, на всякой случай, въ готовности при
церквахъ и отъ нихъ не отлучаться духовенству. Да и по городу
(духовенству) безъ нужды не ходить и не ѣздить; буди же бы встрѣ-
тилась въ томъ кому необходимая надобность, то обращаться и въ
сихъ случаяхъ со всевозможнѣйшею чинностію, *дабы никакого ни
въ одъяніи, ни въ чемъ безобразія не было*.

Это предписаніе разослано было для руководства всѣмъ благо-
чиннымъ Уманскаго уѣзда, съ тѣмъ, чтобы, «по полученіи сего,
тотчасъ подвѣдомственнымъ священникамъ сей указъ, для точнаго
по нему исполненія, внушили вразумительно, снабдивъ всякаго изъ
оныхъ, дабы не могъ уиомнить, какъ въ такомъ разѣ поступаться,
точною копіею». По исполненіи сего благочинные должны были ра-
портовать объ этомъ Правленію, при томъ не упустили бы стро-
жайше подтвердить, «дабы церкви отъ паутины, пыли, а погосты
отъ всякихъ соровъ были очищены и были бы починены по надле-
жащему».

Но всѣ хлопоты Уманскаго духовенства, кажется, остались втуне: ожидаемый прїѣздъ государя въ Умань и вообще въ Малороссію въ этомъ году, на сколько намъ извѣстно, не состоялся. Умань имп. Александръ I посѣтилъ въ 1822 г., и въ чудной уманской «Софіевкѣ» владѣлица ея Софія Потоцкая въ одномъ изъ гротовъ—въ «Гротъ Ѳетиды»—угощала Августѣйшаго гостя чаемъ ¹⁾.

(Изъ церковнаго архива с. Глубочка, Уманск. у.).

Сообщ. В. Доманицкій.

Записка Андрея Павловича Полетики объ его издержкахъ при веденіи тяжевнаго дѣла о селѣ Аксютинцахъ, въ Глуховѣ и въ сенатѣ 1748—1767 г.г. Печатаемая здѣсь записка А. П. Полетики (отца Григорія Полетики) заключаетъ въ себѣ интересныя свѣдѣнія для характеристики той «судебной волокиты», которою славились старыя суды.—*«Реестръ сколько именно вытратилъ денегъ и на что в Глуховѣ нижеей сею явствуетъ, 1748 году, ноября 20 д., добываячися села Аксютинець. Кунилъ сахару шесть головъ, за которіе дано 5 рублей. Такожъ на всякіе харчи вытратилъ денегъ два рубля разными часи. Еще пошло на харчъ рубль. Еще кунилъ пять головъ сахару, за которіе далъ 5 рублей. Еще пошло на харчъ рубль; еще два рубли; на сахаръ рубль. Руновскому ²⁾ два рубли. На харчъ рубль; еще кунилъ сахару голову, далъ рубль. Еще вышло на харчъ рубль. Далъ Константиновичу ³⁾ пятнадцать рублей. Еще на харчъ рубль пошло. Подполковнику Семенову ⁴⁾ пятьдесятъ рублей. Пану бунчучному далъ тридцать рублей. Далъ протоколѣсту пять рублей. Далъ Петру Прокоповичу (?) два рубли. За квартиру пять рублей. Еще на харчъ вышло чтири рубли. Далъ Стефану на прогони два рубли. Протоколѣстѣ полтнну. Канцеляристѣ Базилевичу полтнну. Еще на харчъ рублей два. Войсковому канцеляристѣ Васлю Высоцкому далъ готовихъ денегъ сорокъ рублей, а*

¹⁾ В. Иващенко. Историческій очеркъ къ столѣтію Царицына сада (Софіевка), стр 56.

²⁾ Руновскій, бывший полковой полгавскій писарь, въ 1742 г. назначенъ генер. писаремъ, вмѣсто отстраненнаго Безбородка. Зап. Яв. Марк., II, 183.

³⁾ Константиновичъ—Канцеляристъ генер. суда.

⁴⁾ Семеновъ—великорусскій членъ генер. суда.

панциръ въ тридцать рублей, кромѣ домашнихъ харчей: водки, вина и вишневки, и протчихъ харчей чрезъ всю пилювку.—1749 году. Реестръ что вытратилъ в Глуховѣ за другою, февраля 15 д., поиздкою, о селѣ Аксютянцахъ. — Первымъ разомъ, вытратилъ на разніе потреби и на харчи, на себе и на конѣ, чтири рубли съ полтиною. Еще вытратилъ два рубли с полтиною; вытратилъ два рубли, что дѣло перенесенно з суда генерального в верхнюю апцеляцію. Еще на харчъ рубль далъ. За ископиеванне челобитной рубль. Еще стратилъ на харчи, на конѣ и на себе, два рубли. Далъ канцеляристамъ судовнымъ два рубли. Еще вийшло на харчъ три рубли. Молодикамъ, за двома поиздками, далъ три рубли, кромѣ домашнихъ харчей, водки, вышневки и протчего, чрезъ целой постъ великій.

1749 году, априля 10 д. Реестръ что витратилъ за третюю поиздкою въ Глуховѣ. Первымъ разомъ, на дорозѣ, на конѣ и на себе и в Глуховѣ на всякіе росходи, и на поклонъ господамъ и канцеляристамъ, за челобитніе и за ископиеванне свѣдѣтельныхъ документовъ, шесть рублей, кромѣ домашнихъ харчей, водки, вышневки и протъчего. Еще на харчъ витратилъ рубль; еще витратилъ на харчъ два рублѣ, еще на харчъ вийшло два рубли. Вербовскому (?) три рубли. За квартиру далъ рубль, на харчи вийшло разніе рубль.

1750 году, марта 1 д., вытратилъ в Глуховѣ по дѣлу Аксютинскому, якъ представленіе выправилъ в иностранную колегію, сто двадцать и семь рублей, безъ домашнихъ харчей.

1749 году, февраля 21 д. Послалъ въ Москву до сына Григорія Полѣтики, чрезъ пана Якова Искру, канцеляриста войскового, червонихъ нѣмецкихъ сто ровно.

1750 году, за двома поездками, въ Глуховѣ вытратилъ денегъ сорокъ рублей.

1751 году, ноября 30 д., будучи въ Глуховѣ по дѣлу Аксютинскому, стратилъ шестнадцать рублей.

В 1757 году, у трохъ поездахъ до Глухова, въ маи, чрезъ три неделѣ, в іюнѣ и іюлѣ, чрезъ три жъ неделѣ, да в ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ, чрезъ три жъ неделѣ, издержалъ денегъ 32 рубли, кромѣ домашнихъ разнихъ харчей.

В 1758 году, февраля мѣс., чрезъ двѣ неделѣ, ожидаючи вислушанія дѣла, издержалъ 25 рубл.

1767 года, марта д. За получениемъ указа з Сената, отослалъ Григорію (сыну), что онъ своихъ здержалъ на Аксютинцѣ, 279 рубл.

Далѣ возному повѣтовому Зубковскому 10 рубл. Въ судѣ земскомъ канцеляристу Гергелю далѣ рубль. (Съ подлинника).

Списокъ приданого, полученнаго дочерью Иваницнаго сотника Павла Миницнаго, Меланьей, при выходѣ въ 1748 г. замужъ за в. канц. Петра Стороженна. ¹⁾ «*Реестръ сколько якого имѣнія въ дому родителей моихъ, при виданю мене в замужество Стороженку, мнѣ дано и нынѣ по смерти оного мужа моею братами его сотникомъ вакансовимъ Стефаномъ да Ичанскимъ Андрѣемъ Стороженками забрано. 1748 года.* Лошадей ежжалихъ 10, цѣна всякой по 20 р., ц. 200 р.—Полукаретокъ на станку савному, а послѣ до оного полукаретка и станокъ лѣтній данъ, ц. 30 р.—Шоръ бляшникъ цугъ, куленъ у Глуховѣ за 44 р.—Палубъ дощатій маліованній, ц. 4 р.—Тарадайка пароконная, ц. 8 р.—Хомутовъ добрихъ ремѣнныхъ 3, всякій по 1 р.—Уздъ 4, ц. 48 коп.—Савей 2, на которыхъ скринѣ (съ приданнымъ) были проважены, ц. 40 коп.—Кунтушъ суконній, шафѣровій, съ золот. пузаментомъ, на лисичому завойковому хутрѣ, 43 р. 50 к.—Кунтушъ суконній, оливковій, легкій, з золот. пузаментомъ, ц. 18 р. 50 к.—Гусарка на сѣбѣркахъ, полутабинкова желтая, съ маленькою срѣбною сѣткою, ц. 16 р.—Кунтушъ штофовій, блакитній, разноцвѣтній, з золотою широкою варункою, ц. 43 р.—Кунтушъ красній штофній, разноцвѣтній, з золот. сѣткою, ц. 39 р. 80 к.—Кунтушъ едамашковій, сломастій (цалевый) на чорныхъ сѣбѣркахъ, з широкимъ сребранимъ пузаментомъ, ц. 58 р. 70 к.—Кунтушъ блакитній, едамашковій, на шлямахъ, з широк. золот. пузаментомъ, ц. 70 р.—Кунтушъ златоглавній, красній, з золотою сѣткою, ц. 71 р.—Кунтушъ срѣблоглавній, на чорныхъ сѣбѣркахъ, з срѣбною сѣткою, ц. 84 р. 80 к.—Сподница красная дуклеван, ц. 5 р. 40 к.—Сподница красная, грезетовая, з зеленимъ вѣтломъ, ц. 15 р. 30 к.—Сподница штофная разноцвѣтная, бѣлая, з золотою сѣткою, ц. 15 р. 30 к.—Сподница голевая, блакитная, ц. 9 р.—Сподница полутабинковая, красная, з золот. широк. сѣтк.—15 р.—Шнуровка красная, аксамитная, [з широк. срѣбнимъ шлякомъ, ц. 5 р.—Шнуровка аксамитная, черная, з срѣбною сѣткою, ц. 1 р. 90 к.—Шнуровка акса-

¹⁾ См. Опис. Стар. Малор., III, 218.

мцтная, з золот. карункою, ц. 2 руб.—запаска штофная, блакитная, разноцвѣтная, ц. 6 р. 60 к. Запаска штофная, разноцвѣтная, жолтая—8 р.—Запаска разноцвѣтная штофная, бѣлая, ц. 5 р. 60 к.—Запаска табиновая, алая, ц. 2 р. 60 к.—Запаска полутабиновая, блакитная, ц. 2 р. 20 к.—Запаска разноцвѣтная полосастая, штофная, ц. 6 р. 60 к.—Запаска златоглавная, бѣлая, ц. 2 р. 40 к.—Запаска красная, златоглавная, ц. 9 р. 60 к. Запаска сутопарчевая золотая, ц. 25 р. 50 к.—Ковдеръ матеріалнихъ дуклевихъ 2, ц. всякой по 7 р. 30 к.—14 р. 60 к. Постѣль швабская, шитая золотомъ, в котор. наволочокъ 3, простира и запона голева красная, ц. 20 р. Постѣль дуклева красная, в якої наволочокъ 3, простира з широкими срѣбными сѣтками и до оной постѣли запона полутабинова, ц. 44 р.—Сорочокъ швабскихъ і самодѣльныхъ—Мужескихъ сорочекъ швабскихъ 5, а ляннихъ сорочокъ съ убраннями 10.—Скатертей 33.—Серветъ тонкихъ ляннихъ по 20 пасомъ, три штуки, во всякой штукѣ по 30 локоть.—Ручниковъ, тканихъ заполочнимъ квѣтомъ, 3 штуки.—Ручниковъ на расходъ 6.—Серветъ на расходъ 30.—Пять штукъ полотна лянного, в каждой штукѣ по 30 локоть.—Наволочокъ швабскихъ 3 и простира швабская.—Наволочокъ кушѣльныхъ три, до завязокъ.—Простиръ ш.... сѣтковихъ 2.—Наволочокъ... сѣтковихъ 6.—Коверецъ еденъ пристриганій; коверецъ другій гладкій.—Мотковъ волняныхъ, крашеннихъ, на килими, 23.—Основа нитчаная коноплиная на килимы, у 8 пасомъ вдолжъ, локоть 40.—Стакановъ серебряныхъ 6.—Чарокъ сребр. 12.—Ложокъ сребр. 12, въ томъ числѣ позолоченныхъ 4.—Ложокъ сребр. чайнихъ 2.—Денегъ 700 руб.—Цѣвъ камень (50 фунт.), да послѣ дано два полумиски.—Чайниковъ 2, еденъ цѣвовій, а другій файфурній.—Шанокъ 3, една соболевая, зъ золот. верхкомъ, другая златоглавная бѣлая, третья, шитая золотомъ.—Скринь 3 и бавуль.—Столикъ.—Ложко.—Мѣдьянъ (?) новій, ц. 2 р. Коракъ болшій, мѣдній, побѣлованній, ц. 1 р. 50 к.—Фляшь хрустальныхъ двѣ, всякая по рублю.—Подушокъ болшихъ три.—Церина една.—Подушечокъ малихъ три, двѣ з наволочками блакитными дуклевыми, а третая зъ наволочкою венецкаго аксамита, з золотими сѣтками.—Пчоль десять.—Чепцовъ золотомъ гафтованныхъ два; чепцовъ штофныхъ разноцвѣтныхъ два. Коць еденъ.—Овецъ 50.—Пашаѣ ризной 100 четвертей.—Тютюну 3000 (папушь?), согня по полтнѣ.—Возовъ дорожныхъ два.—Куховъ горѣлчанихъ новихъ 6.—Черевика суковніе, красніе, гафтованніе.—Черевика зеленіе штоф-

ніе, блакитніе, гафтованніе.—Сверхъ вышесказанныхъ пожитковъ, можемъ своимъ покойнымъ дарованіе вещи: записка зеленая, златоглавная, на винцѣ данная.—На портище сръблоглаву блакитного, дарованного мнѣ на весѣлѣ.—Черевниковъ пара гафтованныхъ, дарованныхъ же на весѣлѣ.—Акаеясть влмуч. Варварѣ, мною въ Кіевѣ купленній. — Полууоставъ, мною жъ въ Кіевѣ купленній. — Катихизисъ, дарованный мнѣ отъ эконома катедры Черниговской.—Зеркаль двѣ. — Къ сему реестру вмѣсто Меланія, удовлетворяющей Стороженковой, яко неграмотной, брать ея в. канц. Андрей Милицкій руку приложилъ.

Французское письмо протоіерія Богаевского къ гр. П. А. Руминцову, 1765 года. «Mon seigneur! Je viens avec un troublement respect de feliciter, vôte excellence, de l'heureuse arrivée en charge du gubernement de la Petite-Russie. Je suis malheureux n'ayant pas la liberté à present pour servir a vôte excellence, c'est à dire que je suis en arest dans une petite ville nommé Bohazka (Борачка)¹⁾ à cause des dettes pretendées à mr colonele de Krezanowsky et madame Bazylewska, cousine du mr Koczubey. L'arest m'a faite mr colonele d'Ostrogradsky du regiment de Myrgorod par son propre avis m'ayant importuné (?) san bon reson, plus que trois mois.

Monsieur! Je supplie tres humblement, votre excellence d'etre persuadé de m'en donner la liberté par ordonnance de votre excellence, afin que j'eusse l'honneur chez votre excellence d'exprimer les veritables objects de ma cause pleine des injurries faites par mr colonell d'Ostrogradsky sans permission monseigneur du archeveque metropolitа de Kiev. Par Dieu, par Jésus Christ, faites moi vôte grâce, afin que je ne mourie, avec ma famille, sans reson de la verite. Je suis avec parfaite devotion, Monseigneur! de vôte excellence le tres humble et le tres obeissant serviteur. Jean de Bohajewsky, archiprêtre étant été dans les armées russiennes.

Le 14 jan. 1765. Bohazka.

¹⁾ Сотенное мѣстечко Миргородскаго полка.

Je viens très humblement de recommander, à votre excellence, mon cousin colonelle de Stefanowicz, qui a la charge dans general chancellerie. 1) (Съ подлинника). 2)

Приведенное здѣсь письмо прежде всего обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что писано оно *протопопомъ по-французски*. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о личности автора этого письма; видимо, онъ не имѣетъ ничего общаго съ глуховскими Богаевскими, изъ числа которыхъ Моисей Богаевскій былъ «войсковымъ капелланомъ» при Скоропадскомъ и позже. 3) Интересенъ арестъ этого протопопа за долги миргородскимъ полковникомъ. Кредиторами Богаевского были: гадицкій полковникъ Крыжановскій (выкременный еврей) и миргородская богачка Базилевская—люди очень извѣстные въ Старой Малороссіи во втор. полов. XVIII в. Можно думать, что Остроградскій, не имѣвшій вообще юридическаго права на арестъ долж-

1) Ореографія подлинника сохранена.

2) М. Г.! Спѣшу принести Вашему Превосходительству свое искреннее поздравленіе по случаю благополучнаго прибытія въ Малороссію на постъ управляющаго краемъ.

Къ несчастію, будучи въ настоящее время лишень свободы, я не могу служить Вашему Превосходительству, т. е. нахожусь подъ арестомъ въ маленькомъ городѣ Богачка за долги, предъявленные полковникомъ Крыжановскимъ и г-жею Базилевской, двоюродной сестрой г-на Кочубея. Арестовалъ меня полковникъ Миргородскаго полка Остроградскій, по своему собственному почину, осажда я допросами безъ всякаго основанія въ теченіе трехъ мѣсяцевъ.

Обращаюсь къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшею просьбою—приказать вернуть мнѣ свободу, дабы я могъ представить Вашему Превосходительству въ настоящемъ свѣтѣ свое дѣло, а также довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства о всѣхъ несправедливостяхъ, учиненныхъ надо мною полковникомъ Остроградскимъ, безъ разрѣшенія митрополита и архіерея кіевского.

Именемъ Бога, именемъ Иисуса Христа, сжаьтесь надо мною и не допустите меня безвинно погибнуть со всей моею семьей.

Съ истинною преданностію и съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Превосход. покорнѣйшій слуга Иванъ Богаевскій, бывшій протоіерей русской арміи.

Позвольте мнѣ, Ваше Превосходительство, рекомендовать Вамъ моего двоюроднаго брата полковника Стефановича, который занимаетъ должность въ генеральной канцеляріи.

3) Записки Черниг. Стат. Комит., II.

ника (въ это время дѣйствовали уже земскіе суды), превысилъ свою власть, желая угодить вліятельнымъ кредиторамъ.

Написаніе письма на французскомъ языкѣ можно объяснить желаніемъ арестованнаго скрыть содержаніе своего протеста отъ ближайшихъ охранителей его, а знаніе священникомъ этого языка, въ той далеко не сильной степени, какая обнаружена имъ, дѣло не необычное въ то время, когда въ Кіевской Академіи этотъ языкъ былъ предметомъ преподаванія.

Матеріалы къ исторіи польскаго возстанія 1831 года.

1. *Указъ Правительствующему Сенату 12 марта 1831 г. о мѣрѣ наказанія по отношенію къ участникамъ мятежа.*

При самомъ началѣ мятежа, возмущившаго Царство Польское, предвидя вліяніе онаго на умы слабые, готовые увлечься мечтами законопротивными къ нарушенію спокойствія въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши къ Имперіи Россійской, Мы въ постоянномъ попеченіи о благѣ вѣрноподанныхъ Нашихъ, жителей тѣхъ губерній, обратились къ дворянскому въ оныхъ сословію, какъ знаменитѣйшему классу обывателей, и изъявили оному ожиданія Наши, что оно употребитъ въ сихъ обстоятельствахъ всѣ усилія свои, дабы доказать Намъ и Отечеству непоколебимую вѣрность свою и постоянное ко благу общему усердіе.—Таковыя ожиданія Наши совершились почти вездѣ и повсемѣстно.—Дворянство губерній: Виленской, Гродненской и Волинской чрезъ временныхъ Военныхъ Губернаторовъ поснѣжило излить предъ Нами неизмѣнныя чувства вѣрноподданнической преданности своей, а въ слѣдъ за тѣмъ на самомъ опытѣ доказало, сколь охотно жертвуетъ оно достоинствомъ своимъ и трудами къ удовлетворенію многообразныхъ и значительныхъ военныхъ требованій по снабженію дѣйствующей Арміи продовольствіемъ и иными потребностями.—Тѣмъ съ большимъ прискорбіемъ получили Мы нынѣ свѣдѣніе, что горсть людей неблагородныхъ, не достойныхъ имени дворянскаго, забывъ долгъ присяги и недавній еще новый обѣтъ вѣрности, дерзнули нарушить спокойствіе Виленской губерніи въ уѣздахъ: Тельшевскомъ, Шавельскомъ и Россіенскомъ,—но съ твердостію рѣшились Мы исполнить надъ ними при-

мѣръ заслуженнаго наказанія, который остановить, Мы уповаемъ, колеблющихся и возвратить заблудшихъ къ обязанностямъ долга и присяги.

Мы повелѣваемъ.

1) Всѣхъ Дворянъ, или Шляхту, принявшихъ участіе въ сѣмъ бунтѣ и которые вооруженною рукою противустанутъ законной власти, судить военнымъ судомъ по Полевому Уголовному Уложению в приговоры Суда исполнять надъ ними на мѣстѣ съ утвержденія Отдѣльнаго отряднаго Начальника.

2) Недвижимыя имѣнія сихъ преступниковъ брать въ казну, обращая доходы съ оныхъ на приращеніе Инвалиднаго капитала.

3) О всѣхъ мужеска пола дѣтяхъ Дворянъ или Шляхтичей, за преступленіе, въ первомъ пунктѣ означенное, наказанныхъ, входить къ Намъ съ особымъ представленіемъ; дѣтей же, именующихся Шляхтичами, но никакихъ доказательствъ на сіе званіе не имѣющихъ, брать въ военные кантонисты.

4) Людей низшаго званія, кои, участвуя въ сихъ безпокойствахъ, будутъ взаты съ оружіемъ въ рукахъ, къ какой бы кто ни принадлежалъ губерніи, отдавать въ рекруты и отсылать на службу въ Сибирскіе Линейные баталіоны.

5) Дѣтей мужеска пола сихъ же людей отдавать въ военные кантонисты.

6) Всѣхъ тѣхъ, кои изобличены будутъ въ убійствахъ, въ продолженіе бунта учиненныхъ, судить военнымъ же судомъ по Полевому Уголовному Уложенію.

7) Кто изъ простолудиновъ, завлеченныхъ въ толпу бунтовщиковъ волею помѣщика, или угрозами, броситъ оружіе и возвратится въ домъ свой, того прощать.

О всемъ вышеизложенномъ Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить немедленно надлежащее исполненіе.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою:

„НИКОЛАЙ“.

С.-Петербургъ. 22-го Марта 1831 года.

2. *О дѣйствіяхъ противу мятежниковъ въ губерніяхъ Волынской, Подольской и Кіевской.*

Мятежникъ Дверницкій съ десятью-тысячнымъ корпусомъ, въ концѣ марта мѣсяца, вторгнулся въ границы Волынской губерніи со стороны Замостья, въ надеждѣ распространить духъ мятежа и пріобрѣсти въ большомъ числѣ сообщниковъ возмутительными воззваніями, тайно разосланными. Онъ старался приклонить къ сообществу своему дворянъ и шляхту, но сіе не имѣло ожидаемаго имъ успѣха, въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ поколебалъ онъ вѣрность къ престолу, и по его вліянію составились партіи бунтовщиковъ и соединились съ главными зачинщиками. Въ Подольской губерніи собрали таковыя партіи Вацлавъ Ржевускій, Изидоръ и Александръ Собанскіе, Себастьянъ и другіе, къ которымъ присоединились нѣкоторые помѣщики и Шляхта изъ губерній Кіевской и Волынской, а въ сей послѣдней партіи мятежниковъ—управляли Нарцисъ, Олизаръ, Ворцель и нѣкоторые другіе, которые собрались около мѣстечка Рафаловки въ Ковельскомъ повѣтѣ. Помѣщикъ же мѣстечка Боромля, Чацкій, съ нѣкоторыми сообщниками, присоединились къ Дверницкому. Корпусъ Дверницкаго, встрѣченный войсками Нашими, подъ начальствомъ генераль-адъютанта Ридигера, претерпѣлъ пораженіе 6-го и 7-го апрѣля, при мѣстечкѣ Боромлѣ на рѣкѣ Стырѣ, потомъ будучи преслѣдованъ, отрѣзанъ отъ Замостья, искалъ спасенія въ Галиціи, гдѣ австрійскимъ правительствомъ окруженъ, обезоруженъ, въ числѣ около пяти тысячъ человекъ, и отправленъ внутрь Имперіи въ качествѣ нашихъ плѣнныхъ, причемъ взято нами 17-ть пушекъ, все оружіе, военные припасы, и болѣе двухъ тысячъ лошадей.

Мятежники, скрывшіеся около Рафаловки въ лѣсахъ, наступаютъ отрядомъ генераль-маіора Гельвиха, разбиты и разбѣяны.

Главные партіи мятежниковъ, до пяти тысячъ человекъ, нахъ Подольской, Волынской и Кіевской губерній, собравшіеся въ Ольгопольскомъ повѣтѣ и перешедшія потомъ въ Гайсинскій, подъ распоряженіемъ главныхъ зачинщиковъ Ржевускаго и Собанскихъ поступили подъ начальство бывшаго польскаго генерала Колыска. Генераль отъ инфантеріи Ротъ, настигнувъ ихъ 2-го мая близъ мѣстечка Дашева на границѣ Гайсинскаго и Липовецкаго повѣтовъ, нанесъ имъ жестокое пораженіе и принудилъ исхать спасенія въ лѣсахъ, причемъ они потеряли бывшіе у нихъ 6 пушекъ и

болѣе тысячи человекъ убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ. Часть сихъ мятежниковъ бросилась къ Липовцу, но была встрѣчена и разсѣяна отрядомъ полковника Гулевича, причѣмъ потеряли они много убитыми, ранеными и плѣнными, а также отбито у нихъ серебромъ до 10000 рублей. Послѣ сего пораженія, мятежники, уходя съ быстротою, скрывались въ лѣсахъ и старались собрать разсѣянныхъ и присоединить новыя партіи, но 11 мая наступившею авангардомъ генерала Рота, подъ командою генералъ-маіора Шереметьева, въ окрестностяхъ Литина при селеніи Майданъ Закревскаго, претерпѣли самое жестокое пораженіе, потеряли весь обозъ, казну до 40 тысячъ рублей серебромъ, до 300 убитыми, ранеными и болѣе ста плѣнными. И хотя остатки, скрывшіеся въ лѣса, усилились до двухъ тысячъ человекъ новыми партіями, собравшимися около Бара, подъ командою Нагоричевского, маіора Хлоицкаго, Степиковскаго, Черкаса, и Добко, но генералъ Ротъ не переставалъ быстро тѣснить и преслѣдовать, принудилъ искать единственнаго спасенія въ австрійскихъ владѣніяхъ, куда бѣжали они при Сатановѣ, съ остатками до тысячи человекъ, и въ то же время окружены и обезоружены австрійскими войсками, какъ бѣглецы и бунтовщики. Столь удачно совершившееся пораженіе мятежниковъ, возставшихъ противъ законной власти, нарушившихъ присягу и дерзнувшихъ проливать кровь соотечественниковъ своихъ, доказало, что гнѣвъ Божій караетъ ихъ. Жители, сохранившіе вѣрность къ престолу! Объявляется вамъ, что возмутители обманываютъ васъ и обѣщаютъ то, чего никогда не могутъ исполнить, что только сдѣлаютъ васъ участниками ихъ преступленій и обогащаются вашимъ разоревіемъ! Не вѣрьте имъ, и тѣхъ, которые будутъ уговаривать и принуждать васъ къ бунту, старайтесь задерживать и представлять Начальству. Вы никогда уже не будете принадлежать тѣмъ чомѣщикамъ, которые возстанутъ противъ законной власти. Сіе предостереженіе вызвано единственно человеколюбіемъ, ибо правительство имѣетъ силу и довольно способовъ, чтобы прекратить мятежничество (что ежедневно доказывается). Но всѣ тѣ, которые соединятся съ мятежниками, будутъ наказаны по всей строгости законовъ.

Подлинное подписалъ Главнокомандующій Генералъ-фельдмаршалъ Графъ Сакенъ.

Мая 19 дня 1831 года въ главной квартирѣ 1-й арміи. Г. Кіевъ.

3. О дѣйствіяхъ противъ мятежниковъ въ Волинской губерніи.

(23 мая 1831 года).

Объявленіе.

Командиръ пензенскаго пѣхотнаго полка полковникъ Севастьяновъ, командированный изъ Житомира съ батальономъ пѣхоты, 120 козаками и 2 легкими орудіями, по прибытіи въ городъ Овручу 22 числа сего мѣсяца, встрѣченъ былъ 400-ми конными мятежниками, но мгновенно опрокинулъ ихъ въ городѣ, откуда мятежники вновь встрѣтили отрядъ ружейными изъ шести небольшихъ пушекъ выстрѣламъ. Полковникъ Севастьяновъ, сдѣлавши четыре выстрѣла изъ орудій, атаковалъ мятежниковъ, разбилъ ихъ совершенно штыками и разсѣялъ полки, собравшіеся при семъ изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ Овручскаго маршала Головинскаго, при чемъ взято въ плѣнъ четыре помѣщика, въ числѣ коихъ—второй начальникъ послѣ Головинскаго, Байковскій,—пятьдесятъ шляхтичей, девять ксендзовъ съ оружіемъ въ рукахъ и участвовавшихъ въ бунтѣ, и до четырехъ сотъ человѣкъ разнаго званія и лѣтъ, шесть малыхъ пушекъ, шесть значковъ, 90 повозокъ съ провіантомъ и фуражемъ, 180 воловъ, нѣсколько лошадей и рекрутская партія болѣе 300 человѣкъ, захваченная мятежниками. Съ нашей стороны убитъ одинъ козакъ, ранены: два офицера и одинъ козакъ.

Вмѣстѣ съ симъ получено донесеніе, что полковникъ Петеръ, командированный съ дивизіономъ Деритскаго конно-егерскаго полка для преслѣдованія мятежниковъ въ Новгородъ-Волинскомъ повѣтѣ, настигъ многочисленную ихъ партію въ 5 верстахъ за мѣстечкомъ Бердною, стремительно атаковалъ и, не взирая на самое отчаянное сопротивленіе, разбилъ и разсѣялъ оную, причемъ мятежники потеряли убитыми на мѣстѣ болѣе 100 человѣкъ, въ плѣнъ взято 40 человѣкъ, отбито захваченныхъ ими 30 фуръ съ провіантомъ и лошадьми, 36 погонщиковъ и 95 ружей.

Объявляя о сихъ дѣйствіяхъ, доказывающихъ, что злые замыслы мятежниковъ принимаемыми мѣрами уничтожаются съ совершеннымъ успѣхомъ, я надѣюсь, что сіе послужитъ убѣжденіемъ къ приведенію ихъ въ раскаяніе и возвратитъ къ законнымъ обязанностямъ тѣхъ, которые еще не заколебали въ вѣроломныхъ поступкахъ.

Подлинное подписалъ Главнокомандующій генераль-фельдмаршалъ графъ Сакенъ.

Мая 23 дня, 1831 г. въ главной квартирѣ 1-й арміи въ Кіевѣ.

4. Указъ Правительствующему Сенату.

Изъ донесеній мѣстныхъ начальствъ Западныхъ Губерній усмотрѣли мы, что вслѣдствіе указа Нашего отъ 6 мая сего года, нѣкоторые помѣщики, удаляясь отъ сообщничества съ мятежниками, явились добровольно къ военнымъ начальникамъ и, объясняя, что они только силою и страхомъ вовлечены были въ преступныя дѣйствія возмутителей, просили помилованія.

Даровавъ имъ оное и повелѣвъ возвратить имъ имѣніе, Мы не могли не обратить особаго на таковыя примѣры вниманія и потому, желая въ тѣхъ мѣстахъ сихъ губерній, кои терпятъ отъ зломыслия нѣкоторыхъ и отъ заблужденія другихъ, возстановить спокойствіе и благосостояніе, не одною силою оружія, но и снисхожденіемъ къ самимъ виновнымъ, повелѣваемъ:

1) Главнокомандующіе, командиры отдѣльныхъ корпусовъ и отрядовъ, а равно военные и гражданскіе Губернаторы, коменданты и военные уѣздные начальники, когда явятся къ нимъ добровольно и съ изъясненіемъ раскаянія помѣщики, участвовавшіе въ мятежѣ даже съ поднятіемъ оружія, уполномочиваются давать имъ о явѣ ихъ свидѣтельство и, отбирая отъ нихъ подписку въ непоколебимой вѣрности, отпускать въ ихъ имѣнія, а съ тѣмъ вмѣстѣ относиться непосредственно къ гражданскимъ губернаторамъ о дозволеніи имъ свободнаго пользованія ихъ имѣніями; Губернаторы же, по учиненіи о томъ распоряженія, обязываются доносить для свѣдѣнія Главнокомандующимъ и мѣстнымъ военнымъ Губернаторамъ. Изъ прощенія сего изъемяются извѣстные главные зачинщики и предводители мятежа, о коихъ впрочемъ имѣетъ быть представляемо Намъ для оказанія и имъ въ подобныхъ случаяхъ возможнаго, по благоусмотрѣнію Нашему, помилованія.

2) Получившіе свидѣтельство, если бы вновь отважились участвовать въ какихъ-либо преступныхъ замыслахъ, или дѣйствіяхъ, наказаны будутъ по всей строгости изданныхъ предъ симъ постановленій, наравнѣ съ зачинщиками.

3) Лицамъ духовнаго званія, которыя на семъ же основаніи получаютъ прощеніе, не препятствовать оставаться при своихъ приходахъ и исполнять духовныя, по званію ихъ, требы, съ оставленіемъ за ними и всѣхъ сопряженныхъ съ саномъ ихъ доходовъ, но сообщая о дарованіи имъ прощенія Епархіальнымъ ихъ начальствамъ, дабы по сношеніи съ ними, начальствами окончательно утверждать ихъ въ прежнихъ правахъ.

4) Какъ извѣстно, что нѣкоторые люди другихъ званій, какъ то: околичная и чиншевая шляхта, городскіе обыватели, дворовые люди и крестьяне, въ мятежѣ участвовавшіе, а послѣ желающіе возвратиться въ свои жилища, изъ страха наказанія скитаются въ лѣсахъ и составляютъ мятежныя скопища; то и таковымъ, когда возвратятся въ свой домъ, сдадутъ оружіе и останутся спокойными, даровать прощеніе, если они не принадлежать къ числу зачинщиковъ и предводителей мятежа.

5) Съ тѣми, кои, не взирая на сіи новые знаки Монаршаго Нашею милосердія, останутся въ числѣ мятежныхъ шаекъ, или отважатся грабить почты, курьеровъ, либо проѣзжающихъ, или посягнуть на другія безчинства, поступать по всей строгости военнаго уголовнаго уложенія.

6) Само собою разумѣется, что если кто изъ числа лицъ, въ предшествовавшихъ Статьяхъ упомянутыхъ, кромѣ участія въ мятежѣ вообще, учинилъ еще особенное уголовное преступленіе, то даруемое прощеніе къ такому преступленію относимо быть не можетъ.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить надлежащее распоряженіе къ немедленному распубликованію Сего указа Нашею во всѣхъ губерніяхъ, отъ Польши присоединенныхъ.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою:

НИКОЛАЙ.

4-го Іюня 1831-го въ С.-Петербургѣ.

5. Приказъ. Іюня 22 дня 1831-го года. Главная квартира въ гор. Кіевъ.

Генералъ отъ артиллеріи Баронъ Левенштернъ донесъ мнѣ, что Брадлавскій дворянскій предводитель Жабоклицкій самовольно

Томъ 73.—Іюнь, 1901.

оставилъ въ Брацлавѣ участвовавшихъ въ мятежѣ: помѣщика Алексаидра Городецкаго и другихъ тогда, когда надлежало бы ихъ отправить въ ближайшую слѣдственную Комиссію для доказательства своей невинности, и что онъ, Жабоклицкій, по видамъ дѣйствій его, подозрѣвается также въ участіи въ мятежѣ, или въ знаніи о намѣреніяхъ мятежниковъ; ибо, не желая открывать виновныхъ, наказывалъ крестьянъ, кои способствовали священнику Песецкому взять подозрительныхъ людей, и допустилъ въ присутствіи своемъ, офиціалистовъ и ихъ женъ бранить онаго священника и дѣлать неприличныя и обидныя его саму наглости.

Таковыя самоуправныя поступки Жабоклицкаго признавая стремившимися къ явному разрушенію законнаго порядка и къ мстительности крестьянамъ и священнику за преданность ихъ правительству, я предписалъ Подольскому и Волынскому военному Губернатору удалить его, Жабоклицкаго, отъ должности и предать военному суду арестованнымъ, со вмѣненіемъ въ обязанность судной комиссіи изыскать въ подробности всѣ означенныя дѣйствія его, и затѣмъ учинить объ немъ приговоръ на законномъ основаніи. О чемъ объявляю по арміи и гражданскому вѣдомству подчиненныхъ мнѣ губерній.

Подлинный подписалъ Главнокомандующій, генераль-фельдмаршалъ графъ Сакенъ.

6. *Извѣщеніе жителей г. Кіева о взятіи русскими войсками
Варшавы.*

Главнокомандующій 1-ою арміею г-нъ генераль-фельдмаршалъ графъ Сакенъ отъ 30 числа минувшаго августа за № 180-мъ увѣдомляетъ меня о покореніи города Варшавы, которая 26 числа августа могущественнымъ руссійскимъ воинствомъ взята штурмомъ.

Послѣ сей важной побѣды до 30-ти тысячъ непріятельскихъ войскъ положили оружіе, и въ то же время занята Прага. Поспѣшая извѣстить кіевскихъ жителей о семъ радостномъ событіи, я приглашаю ихъ завтрашній день, то-есть 2-го числа сего сентября, въ 10-ть часовъ утра, собраться въ Кіево-Печерскую Лавру для принесенія благодаренія Всевышнему Творцу, увѣчивавшему новую славою руссійское воинство.

Подлинное подписалъ Кіевскій военный губернаторъ генералъ-лейтенантъ и сенаторъ Княжанинъ.

Кіевъ, 1 число Сентября 1831 года.

(Изъ церковнаго архива с. Глубочка, Уманскаго уѣзда).

Сообщилъ В. Доманицкій.

Текущія извѣстія.

Автографы Т. Г. Шевченка. У мирового судьи Николая Ивановича Мокрицкаго (м. Кагулъ, Измаильск. у.) есть «Кобзарь», подаренный его матери Т. Г. Шевченкомъ съ собственноручной надписью автора: «Маріи Львовнѣ Мокрицкой на память Т. Шевченко. 4 февраля 1860 года». У того же Мокрицкаго есть письмо Шевченка къ отцу Мокрицкаго, писанное за 2 дня до смерти поэта и полученное уже послѣ его смерти. Содержаніе письма слѣдующее:

«Многоуважаемый Иванъ Николаевичъ! Поздравляю Васъ съ вождѣльнымъ днемъ Вашего святаго ангела. Извините, что не могу лично принести моего искренняго поздравленія. Я боленъ другой мѣсяцъ. Не только на улицу, меня и въ коридоръ не пускаютъ, и не знаю, чѣмъ кончится мое затворничество. Глубоко кланяюсь Маріи Львовнѣ и лобызая Вашихъ дѣточекъ. Отъ души желаю Вамъ повеселиться по-прошлогоднему. До свиданія. Искренній Вашъ Т. Шевченко. 24 февраля 1861 г.»

Мокрицкіе жили въ Полтавской губерніи. Марія Львовна Мокрицкая была близкой родственницей матери Т. Г. Шевченка.

(«Литературно-Науковий Вістникъ», кн. V).

Что читаетъ деревня? Въ «Литературно-Науковомъ Вістникѣ», (кн. V) въ отдѣлѣ хроникки и библіографіи встрѣчается интересная замѣтка «Книжка на селѣ», дающая наглядное представленіе о томъ, какова можетъ быть духовная пища въ нашихъ селахъ. Авторъ, при посредствѣ учениковъ сельской школы, собралъ свѣдѣнія о 143 семьяхъ и получилъ слѣдующіе результаты.

Всего книгъ въ 143 семействахъ оказалось 866, которыя по содержанію распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: библій 3, евангелій 59, молитвенниковъ 74, часослововъ 14, псалтырей 17, различ-

ных богослужебныхъ книгъ 5—итого 173 на церковно-славянскомъ языкѣ. Далѣ идутъ житія святыхъ и религиозныя листки и брошюры—всего 177; сюда же слѣдуетъ добавить 54 экз. краткаго школьнаго учебника по Закону Божьему.

Далѣ идетъ литература. На первомъ мѣстѣ стоитъ рядъ книжекъ, изданныхъ Сытиннымъ et tutti quanti. Здѣсь же наберется около десятка сказокъ Пушкина, но въ большинствѣ случаевъ—«народная литература»—безъ имени автора и издателя. Далѣ слѣдуетъ 125 перловъ лубочныхъ изданій. Чего только здѣсь нѣтъ! «Бова Королевичъ» и «Сонъ Богородицы», «Волкъ на скамьѣ подсудимыхъ» и «Правдивое сказаніе о томъ, какъ львица царскаго сына выкормила», здѣсь же и «Тарасъ Бульба», вѣдущій по степи и поющій высокими баритономъ «Гой ты Днѣпръ, ты мой шпрокій»!

Затѣмъ школьныя учебники различныхъ названій—всего 54 (много задачникъ). Календарей—почти нѣтъ. Встрѣтилось еще 18 книж. различнаго хлама: «Каталогъ музыкальнаго магазина», «Уставъ общества велосипедистовъ» и пр.

Украинскихъ книжекъ встрѣтилось 72 экземпляра. Болѣе всего посчастливилось «Наймичкѣ» и «Кайдашевой семьѣ», благодаря ихъ удобной цѣнѣ (1 к. и 9 коп.). Украинскія книжки проникали только благодаря книжной торговлѣ земства. По сельскому хозяйству встрѣтилось всего лишь 5 книжекъ, изъ нихъ одна Е. Чикаленка (Черный царь), а прочія—неподходящія, и попали въ руки крестьянъ случайно.

Вотъ и весь литературный багажъ одного изъ нашихъ сель. Если принять во вниманіе, что въ упомянутомъ селѣ школа существуетъ болѣе 40 лѣтъ и что въ немъ происходитъ продажа книгъ изъ земскаго склада, то можно прійти къ довольно грустнымъ размышленіямъ относительно множества тѣхъ закоулковъ, куда не достигаютъ лучи просвѣщенія ни отъ школы, ни отъ культурныхъ центровъ.

Интересъ къ артельному дѣлу за границей. Артельное дѣло у насъ вызываетъ живой интересъ за границей. Н. В. Левитскій получаетъ привѣтствія и выраженія сочувствія изъ различныхъ иностранныхъ городовъ: такъ напр., изъ Фрейбурга (Саксонія) студенты мѣстной горной академіи прислали ему коллективное привѣтственное письмо, такія же письма получены отъ студентовъ берлинскаго

брюссельскаго и др. университетовъ. Недавно въ Австріи (въ Галиціи), переведенъ на малорусскій языкъ «Артельный договоръ» Н. В. Левитскаго. Такимъ образомъ, теперь «Артельный договоръ» имѣется въ переводахъ на языкахъ: нѣмецкомъ, англійскомъ, французскомъ, сербскомъ и малорусскомъ. «Югъ», № 910.

Добрый починъ. Въ одномъ изъ селъ Херсонской губерніи попечительница школы роздала ученикамъ книги, въ роскошныхъ переплетахъ, съ золотыми надписями: «На память о школѣ» 1901 г. Выборъ книгъ въ этомъ году оказался очень удачнымъ. Въ числѣ другихъ книгъ было роздано немалое количество «Кобзаря» Шевченка—«наилучшей книги для малоросса, какъ написанной на народномъ языкѣ и затрагивающей очень близкіе и вполне понятные вопросы въ его жизни». Надо замѣтить, что такая раздача книгъ «на память о школѣ» происходила и въ прошломъ году, и попечительница намѣрена и впредь дарить дѣтямъ на память книги. «Югъ», № 908.

Съѣздъ дѣятелей по кустарнымъ промысламъ въ г. Полтавѣ. Предполагавшійся еще въ прошломъ году областной съѣздъ дѣятелей по кустарной промышленности будетъ происходить въ текущемъ году съ 27 сентября по 7 октября. Съѣздъ устривается Полтавскимъ обществомъ сельскаго хозяйства въ г. Полтавѣ для обсужденія вопросовъ, указанныхъ въ программѣ его занятій.

Въ съѣздѣ могутъ принимать участіе лица, занимающіеся кустарными промыслами, попечители, устроители и руководители учебныхъ мастерскихъ по кустарнымъ производствамъ въ губерніяхъ: Полтавской, Черниговской, Харьковской, Курской, Кіевской, делегаты мѣстныхъ кустарныхъ комитетовъ и лица, служащіе въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, на обязанности коихъ лежитъ забота о развитіи кустарной промышленности.

Заявленія о желаніи принять участіе въ съѣздѣ подаются въ Комитетъ не позже перваго дня съѣзда.

Лица, изъявившія желаніе участвовать въ съѣздѣ, уплачиваютъ членскій взносъ въ размѣрѣ 1 руб.

Программа вопросов, подлежащихъ обсужденію областного съезда дѣятелей по кустарнымъ промысламъ.

- 1) Значеніе кустарныхъ промысловъ въ народномъ хозяйствѣ.
- 2) Мѣропріятія правительства и земства по развитію кустарныхъ промысловъ.
- 3) Организація кредита для кустарей. Скупщики и другіе торговые посредники.
- 4) Отношеніе кустарныхъ промысловъ къ земледѣлію и отхожимъ заработкамъ.
- 5) Мѣры, могущія способствовать развитію кустарныхъ промысловъ. Организація труда въ кустарномъ производствѣ. Технические улучшенія. Санитарно-гигіеническая обстановка въ кустарныхъ промыслахъ.
- 6) Виды кустарныхъ промысловъ, развитіе которыхъ возможно въ данномъ районѣ.
- 7) Спросъ на издѣлія кустарныхъ производствъ и значеніе ихъ для удовлетворенія потребностей мѣстнаго населенія.
- 8) Рынки сбыта для кустарныхъ издѣлій даннаго района.
- 9) Снабженіе кустарей сырьемъ, орудіями производства и организація сбыта.
- 10) Значеніе и возможность примѣненія коопераціи въ области кустарныхъ производствъ.

Ходатайство по вопросу о положеніи малорусской печати въ Россіи. Въ засѣданіи Харьковскаго Общества распространенія съ народъ грамотности, состоявшемся 29-го апрѣля, было постановлено возбудить ходатайства: а) о томъ, чтобы руководства по сельскому хозяйству, медицинѣ, ветеринаріи и проч. были допущены для печатанія на малорусскомъ языкѣ при обращеніи вниманія на содержаніе книги, а не на языкъ, б) чтобы брошюры эти допускались въ народные читальни и бібліотеки и в) чтобы книги, одобренныя Министерствомъ Земледѣлія, были допущены въ школьныя бібліотеки и безплатныя народныя бібліотеки и читальни.

Докладъ дѣлалъ предсѣдатель Общества проф. Д. И. Багалій. Упомянувъ о томъ, что комитетомъ за 10 лѣтъ его существованія издано 58 названій (въ томъ числѣ 2 малорусскихъ) въ количествѣ 10565591 экз., что, однако, составляло лишь 34,5% всего разсмо-

грѣбнаго литературнаго матеріала, докладчикъ указалъ на то обстоятельство, что главной причиной такого явленія служили цензурныя препятствія.

Еще, пожалуй, относительно брошюръ на «русскомъ языкѣ», цензура была благосклонная». Иначе обстояло дѣло съ рукописями на малорусскомъ языкѣ. Относительно ихъ приходится руководиться особыми правилами, мало извѣстными и авторамъ, и читателямъ, и издателямъ.

Главная ихъ сущность состоитъ въ томъ, что они касаются не *содержанія* сочиненія, а языка, на которомъ оно написано; такъ напримѣръ, или разрѣшаются оригинальныя художественныя произведенія, но запрещаются переводы съ русскаго языка; допускается изданіе памятниконъ историческихъ, литературныхъ и этнографическихъ, — и въ то же время не разрѣшается выходъ въ свѣтъ столь необходимыхъ и полезныхъ для народа научно-популярныхъ брошюръ по медицинѣ, сельскому хозяйству и т. п. Комитету въ послѣднее время не была разрѣшена прекрасно написанная и редактированная профессоромъ агрономіи рукопись о болѣзненномъ грибокѣ на картофелѣ, причиняющемъ огромный вредъ сельскому хозяйству. Нѣсколько времени спустя не было разрѣшено 2-ое изданіе одной брошюры о сельскомъ хозяйствѣ, хотя она уже передъ тѣмъ заслужила одобреніе Министерства Земледѣлія и была допущена въ его школы. Въ то самое время новое изданіе этой-же брошюры было разрѣшено одной коммерческой фирмѣ, когда существуетъ правило, что рукопись, разрѣшенная одному лицу, можетъ быть издана другимъ. Въ то время какъ Ананьевск. Земство Херс. губ. издаетъ бесѣды о болѣзняхъ, составленныя съѣздомъ врачей въ память Н. И. Прогова, въ переводѣ на малорусскій языкъ, частный издатель перепечатываетъ ихъ въ Харьковѣ, земства распространяютъ ихъ среди крестьянскаго населенія, а комитетъ не можетъ, по смыслу существующихъ правилъ, перепечатать ихъ, не можетъ дать крестьянскому населенію, говорящему по малорусски, вполне доступной ему по изложенію книги. Это аномалія, но она, однако, является значительнымъ тормазомъ для культурнаго развитія нашего народа. Родной языкъ—это орудіе для распространенія образованія, проводникъ знаній, средство для возбужденія къ нему интереса; наконецъ, въ дачномъ случаѣ онъ является разумнымъ педагогическимъ средствомъ для перехода отъ своего роднаго къ близко родному, но не тождественному, менѣе извѣстному.

Борьба съ трудностями усвоенія русскаго языка дѣлается для простолюдина малоросса особенно чувствительной въ научно-популярныхъ брошюрахъ по сельскому хозяйству, медицинѣ, ветеринаріи и т. п., потому что при стремленіи къ простотѣ изложенія, въ нихъ нельзя избѣгать новыхъ научныхъ понятій, а, слѣдовательно, и терминовъ. Но въ то время, какъ для простолюдина великоросса представляютъ затрудненія только эти новыя понятія, читатель малороссъ долженъ еще усваивать рядъ обыкновенныхъ литературныхъ русскихъ словъ, или вовсе отсутствующихъ въ его разговорной рѣчи, или же выраженныхъ иными звуками. И вотъ, если крестьянинъ великороссъ не охотно читаетъ книжки по сельскому хозяйству и медицинѣ, то поселанинъ малороссъ почти совсѣмъ отказывается отъ нихъ и, слѣдовательно, лишается могучаго средства науки для поднятія уровня своей сельско-хозяйственной культуры, для огражденія своего здоровья отъ бича болѣзней. Между тѣмъ, теперь, когда Россія вступила въ такое тѣсное общеніе со всѣмъ міромъ, когда въ этой экономической борьбѣ всякое государство напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы лучше вооружить общество пріобрѣтеніями цивилизаціи, ставятся препятствія для распространенія научныхъ знаній среди многомилліоннаго народа, застыившаго въ давно обветшалыхъ хозяйственныхъ формахъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ безпристрастные наблюдатели констатируютъ фактъ слабого культурнаго роста малоросса, сравнительно съ другими народностями, живущими въ Россіи. Пространно развивъ эту мысль, Д. И. Багалъй сказалъ, что онъ считаетъ разумнымъ, законнымъ и справедливымъ, чтобы къ сочиненіямъ, написаннымъ по малорусски, были примѣняемы тѣ же требованія цензурнаго устава, которымъ подчиняются произведенія, написанныя по русски, т. е. чтобы при разрѣшеніи ихъ для печати принималось во вниманіе только ихъ содержаніе, а не языкъ.

(Южн. Край, №№ 7001 и 7004 в Харьк. Губ. Вѣдом., № 117).

Популяризація медицинскихъ свѣдѣній. Для популяризаціи среди народа полезныхъ знаній по гигиенѣ, Полтавскимъ уѣзднымъ земствомъ скорѣе будетъ приступлено къ безлатному расиространенію брошюръ на народномъ малорусскомъ языкѣ. Въ этихъ цѣляхъ уѣздная земская управа пріобрѣтаетъ въ настоящее время массу брошюръ, переведенныхъ на малорусскій языкъ, съ изданія «О — ва русскихъ врачей въ память Н. И. Широкова», среди которыхъ находятся

«Якъ оберегты себе видѣ васны», „Про скарлатину“ (краснуха), «Про сифылись» (пранци) и нѣкоторыя другія. Всѣ эти брошюры составлены до того популярно, что понятны безъ труда даже для самыхъ малоразвитныхъ крестьянъ. Въ техническомъ отношеніи изданія также вполне удовлетворительны. (Полт. Губ. Вѣд., № 70).

Новая украинская опера. До сихъ поръ оперъ, написанныхъ на малорусскомъ языкѣ, было всего три: «Рздвяна нічъ», «Майска нічъ або утоплена» извѣстнаго украинскаго композитора Лисенка и «Китерина» муз. Аркаса. „Оперетты“ съ пѣніемъ, разговорами и танцами (въ родѣ «Запорожца за Дунаемъ», «Наталки-Полтавки» и друг.), конечно, въ счетъ не идутъ,—это произведенія совсѣмъ особаго рода. Въ самое послѣднее время число украинскихъ оперъ увеличилось еще одной, принадлежащей перу молодого лубенскаго композитора В. Подгорецкаго, кончившаго курсъ варшавской консерваторіи, бывшаго въ числѣ учениковъ московскаго композитора и профессора г. Ильинскаго. Его опера называется «Купальна искра» и состоитъ изъ двухъ актовъ. Либретто заимствовано изъ народнаго украинскаго сказанія. («Югъ», № 905).

Какъ мы слышали, новая опера въ непродолжительномъ времени будетъ поставлена въ Кіевѣ «Товариществомъ Русскихъ и Малорусскихъ артистовъ подъ управл. Е. П. Ратмаровой».

Чествованіе памяти Т. Г. Шевченка. Въ Милитинѣ Старимъ, въ Каменецкомъ округѣ въ Галиціи состоялось 3 мая чествованіе памяти М. Пашкевича и Т. Г. Шевченка въ «клубѣ» (стодоли) Ивана Війтовича, прекрасно убранной. На чествованіе прибыло болѣе 1000 душъ изъ всевозможныхъ окрестныхъ пунктовъ. Въ вечерѣ принялъ участіе сельскій хоръ изъ 96 душъ. Рѣчь о М. Пашкевичѣ произнесъ 58-лѣтній крестьянинъ изъ Кунча Даныло Павлюкъ. Также и остальные номера—декламаци, пѣніе—исполнены были однимъ лишь крестьянами.

Вечеръ произвелъ на слушателей неизгладимое впечатлѣніе. („Дѣло“, ч. 105).

Подобныя же чествованія происходили: въ *Миклашевѣ*, возлѣ Львова, 14 мая; въ *Стрипанцяхъ*—въ сельской школѣ—13 мая; въ *Коломыѣ*, 17 мая, содвинутыми усиліями „всѣхъ русскихъ товариствъ“, въ Новосилці Костковой, коло Залищикъ, въ „стодоли“ священ-

ника, 6 мая. Вечеръ устроенъ былъ священникомъ Боврскимъ для мѣстныхъ крестьянъ («Дѣло, ч.ч. 102, 104, 107).

Въ *Америкѣ*, въ Шамонинѣ (въ Пенсильваніи) 30 мая состоялось чествованіе памяти Шевченка, гдѣ между прочимъ исполнены слѣдующіе номера:

Вступное слово выголосилъ голова товар. М. Колодѣй.

«Завищане», слова Т. Шевченка, музыка Е. Вербицкого на 8 голоси въ супроводи фортеяну, видспивавъ мишаный хоръ.

Видчить о Тарася—о. А. Бончевскій.

„У Петрівку“, слова Д. Млаки, музыка Из. Воробиевича, видспивавъ хоръ.

Декламація «У недиленьку святую» Т. Шевченка, выдекламувавъ Марія Мурдза.

Декламація «Швачка» Т. Шевченка, выдекл. Антоній Лучковецъ.

Того жъ самого дня видбуло ся въ церкви Богослужене на интенцію тов. им. Шевченка и паннида за душу Тараса о гол. $\frac{1}{2}$ 9 рано. («Свобода» (Американская), № 20).

Еще о родственникѣ Т. Г. Шевченка. Читателямъ извѣстна уже сущность судебного дѣла по иску кр. Кіевск. губ. Андрея Шевченка (племянникъ извѣстнаго украинскаго поэта) къ С. Б. Фальць-Фейну въ сумѣ 4800 р. за увѣче. Дѣло въ томъ, что сыну Андрея, Митрофану, въ слесарной мастерской Фальць-Фейна оторвало руку и онъ теперь къ труду неспособенъ. По расчетамъ отца, самымъ минимальнымъ, его сыну нужно имѣть 4800 р., для того чтобы не жить въ тягость другимъ. Процессъ тянется давно. Въ послѣднее время г-жа Фальць-Фейнъ чрезъ посредство своего повѣреннаго желаетъ мириться съ Шевченкомъ, и дѣло затагивается только потому, что повѣренный отвѣтчицы никакъ настоящей цѣны человеческой рукѣ не подбереть. Было время, онъ ее уже въ 2 т. оцѣнилъ, теперь-же цѣна на руки, видно, упала, т. е. повѣренный предлагаетъ Шевченку только 1000 р. Вѣрнѣе всего, что немаловажную роль въ этомъ пониженіи уже разъ предложенной цѣны играетъ и то обстоятельство, что г. Шевченко въ настоящее время въ крайне тяжеломъ матеріальномъ положеніи, и поэтому долго тянуть судебную волокиту не можетъ. На сколько такого рода торгъ приличенъ—судить предоставляемъ читателямъ. («Югъ», № 920).

Магистерскій диспутъ Д. И. Эварницкаго. 29 апрѣля настоящаго года Д. И. Эварницкій защищалъ диссертацию «Исторія запорожскихъ козаковъ» (т. I, 2-е изданіе) на степень магистра Русской исторіи въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Совѣтъ историко-филологическаго факультета призналъ г. Эварницкаго достойнымъ искомой степени, а присутствовавшая публика встрѣтила это извѣстіе горячими и очень продолжительными рукоплесканіями.

Почетный выборъ. Императорское Одесское «Общество исторіи и древностей» выбрало проф. М. Грушевскаго своимъ дѣйствительнымъ членомъ, а Волынское церковно-археологическое Общество въ Житомирѣ—почетнымъ членомъ. («Літер.-Наук. Вѣстникъ», кн. V).

Своеобразная оцѣнка „Энеиды“ Котляревскаго. «Хуторянинъ» (№ 18) въ передовой статьѣ по вопросу о нѣкоторыхъ непорядкахъ положенія сельскихъ учителей, приводитъ нѣсколько характерныхъ фактовъ отношенія къ послѣднимъ непосредственнаго ихъ начальства. Между прочимъ авторъ статьи сообщаетъ и слѣдующее: «Намъ извѣстенъ случай призванія инспекторомъ народныхъ училищъ сочиненія Котляревскаго—«Энеиды»—за *циничное и оскорбляющее нравственность*, хотя это сочиненіе и разсылалось Полтавскимъ земствомъ въ ученическія бібліотеки», какъ допущенное Мин. Нар. Просв.

Марко Мурава (Сильвестръ Ленкій). *Некрологъ.* 22 мая въ Бережанахъ въ Галичинѣ скончался священникъ Сильвестръ Ленкій, украинскій писатель, горячій патріотъ-народникъ. Покойный началъ писать въ 1871 г. въ «Правдѣ», подъ псевдонимомъ *Марко Мурава*, но затѣмъ долгое время не выступалъ въ литературѣ.

Въ послѣднее время, когда на литературное поприще выступилъ талантливый его сынъ Богданъ Ленкій, покойный снова сталъ помѣщать свои произведенія, подъ прежнимъ псевдонимомъ, въ «Дѣлѣ» и др. періодическихъ изданіяхъ.

Кромѣ произведеній беллетристическихъ и стихотворныхъ, покойный писалъ статьи по экономическимъ вопросамъ, написалъ популярную брошюру (изданную «Просвітою») объ огородничествѣ и садоводствѣ. («Дѣло», ч. 113).



БИБЛОГРАФІЯ.

**Н. И. Теодоровичъ. Волынская Духовная Семинарія. Почаевъ
1901 года. Ц. съ перес. 4 руб.**

Настоящая книга составлена и издана приобрѣвшимъ большую извѣстность въ средѣ волынскаго духовенства неутомимымъ труженникомъ по изданію многотомнаго историко-статистическаго описанія церквей и приходовъ Волынской епархіи, бывшимъ преподавателемъ семинаріи, а нынѣ инспекторомъ народныхъ училищъ Сѣдлецкой губерніи Н. И. Теодоровичемъ. Книга имѣетъ нѣсколько заглавій. Первое и основное ея заглавіе, напечатанное самымъ крупнымъ шрифтомъ, такое: «Волынская Духовная Семинарія». Но такъ какъ это заглавіе слишкомъ общее и неопредѣленное, то авторъ, чувствуя необходимость пояснить его, прибавляетъ къ нему второе заглавіе, а именно: «Исторія первоначальнаго устройства ея и подвѣдомственныхъ ей духовныхъ училищъ». Далѣе слѣдуетъ третье заглавіе: «Списки воспитанниковъ, окончившихъ въ ней курсъ ученія, а также начальниковъ и наставниковъ ея въ періодъ времени съ 1796 по 1900 г.» Наконецъ, есть еще одно пояснительное замѣчаніе на заглавной страницѣ, именно: «Съ приложеніемъ портрета митрополита Автонія Рафальскаго и его писемъ». Въ сущности, объемистая (болѣе 1000 стр.) книга г. Теодоровича состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой части содержатся нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся первоначальнаго устройства Волынской семинаріи и духовныхъ училищъ, а во второй—списки воспитанниковъ. Этимъ и объясняется, почему, кромѣ основнаго об-

щого заглавія, понадобилось еще два подзаглавія, въ которыхъ почтенный составитель и пытался указать на два главные предмета, составляющіе содержаніе его книги.

Поводомъ къ изданію г. Теодоровичемъ настоящаго труда послужилъ праздновавшійся въ 1896 году столѣтній юбилей Волынской Духовной Семинаріи и вслѣдствіе, этого на второй страницѣ книги напечатано: «Вѣнокъ на Волынскую Духовную Семинарію», причѣмъ дѣйствительно изображенъ вѣнокъ, въ срединѣ котораго стоитъ цифра 100. Недовольствуясь этимъ посвященіемъ, авторъ на 3-ей стран. печатаетъ еще одно посвященіе: «Моиѣ дорогимъ ученикамъ посвящаю этотъ мой трудъ». Въ предисловіи къ книгѣ почтенный послѣдователь заявляетъ, что этотъ трудъ былъ имъ задуманъ задолго до юбилея. Еще въ 1884 году, т. е. за 12 лѣтъ до этого времени, онъ уже сталъ работать въ семинарскомъ архивѣ и тогда же напечаталъ въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ статью по вопросу о перестройкѣ зданій семинаріи. Если принять во вниманіе, что настоящая книга издана въ 1901 году, т. е. почти 5 лѣтъ спустя послѣ юбилея, то выйдетъ, что авторъ работалъ надъ своимъ трудомъ около 17 лѣтъ. Но на самомъ дѣлѣ онъ, очевидно, не менѣе того былъ занятъ и другими работами, главнымъ образомъ по изданію вышеупомянутаго историко-статистическаго описанія; изученію же тѣхъ историческихъ превратностей, которыя пережила въ теченіе ста лѣтъ Волынская семинарія, онъ отдавалъ, вѣроятно, лишь свои досуги. По крайней мѣрѣ ничѣмъ инымъ, какъ только этимъ можно объяснить то, что, не смотря на столь продолжительныя занятія исторіей Семинаріи, г. Теодоровичъ даетъ въ своей книгѣ лишь сырой, совершенно необработанный матеріалъ по тѣмъ вопросамъ, которыхъ онъ касается. Этимъ же, по всей вѣроятности, объясняется небрежность въ выработкѣ плана, которымъ руководствовался авторъ при приведеніи въ порядокъ имѣвшася у него подъ руками богатаго матеріала. Иначе сказать, въ книгѣ вовсе нѣтъ плана; если же и можно назвать планомъ тотъ порядокъ, въ которомъ расположенъ историческій матеріалъ, то это планъ весьма своеобразный и довольно искусственный.

Послѣ двухъ посвященій и краткаго предисловія пачинается изложеніе предмета, которому предшествуетъ заглавіе, но не тождественное съ тѣмъ, которое стоитъ на обложкѣ книги, а нѣсколько видоизмѣненное. Оно представляетъ собою соединеніе нѣсколькихъ прежнихъ

заглавіи въ одно, но съ довольно важнымъ пропускомъ. Заглавіе это слѣдующее: «Исторія первоначальнаго устройства Волинской Духовнои Семинаріи и списки воспитанниковъ, окончившихъ курсъ ученія въ ней въ теченіе столѣтія ея существованія»; затѣмъ въ скобкахъ стоятъ годы «1796—1896» г. и потомъ курсивомъ добавлено: „Въ память столѣтія Волинской Духовнои Семинаріи (14 мая 1896 г.)». Какъ видимъ, въ настоящемъ заглавіи объ устройствѣ духовныхъ училищъ уже не упоминается, но это не значитъ, чтобы авторъ оставилъ намѣреніе вести рѣчь объ училищахъ; это указываетъ лишь на нѣкоторую неточность этого, четвертаго по счету, заглавія.

Указавъ годъ и день открытія Волинской семинаріи и мѣсто ея первоначальнаго нахожденія, г. Теодоровичъ кратко говоритъ о первыхъ ея учителяхъ, о количествѣ классовъ и учениковъ въ первые годы ея существованія, о предметахъ преподаванія въ первый періодъ ея жизни, т. е. до 1871 года, о такъ называемой русской школѣ, объ устройствѣ при семинаріи бursы и о продолжительности учебнаго года. Далѣе, подъ особыми заглавіями, описаны «порядокъ учебнаго дня», причеиъ приведено составленное еп. Варлаамомъ (Шпациемъ) росписаніе уроковъ, «одежда учениковъ», и «испытаніе»; здѣсь на 6 страницахъ перепечатаны: 1) „планъ для произведенія въ іюль 1815 года публичнаго испытанія“, 2) «показаніе предметовъ для открытаго испытанія 1818 г. м. іюля» и 3) печатный „планъ публичнаго испытанія 14 іюля 1859 года“. Затѣмъ подъ особымъ заголовкомъ— „Экономическое состояніе Семинаріи“—указаны жалованье служащимъ и расходы на содержаніе учениковъ. Наконецъ, послѣдній заголовокъ, касающійся семинаріи, гласитъ: «Помѣщеніе семинаріи». Здѣсь рѣчь идетъ о пожарахъ зданій Острожскаго и Преображенскаго монастыря, въ которыхъ помѣщалась Семинарія, о семинарской библиотекѣ, о переводѣ монастыря въ 1825 году въ м. Аннополь; здѣсь же на 12 страницахъ перепечатано составленное б. экономомъ Семинаріи, прот. Г. Рафальскимъ (впоследствии митрополитъ С. Петербургскій Антоій) описаніе семинарскихъ зданій. Исторія Семинаріи заканчивается указаніемъ на переводъ ея въ 1836 году въ г. Кременецъ и сообщеніемъ краткихъ свѣдѣній о кременецкихъ поіезуитскихъ зданіяхъ. Въ заключеніе авторъ упоминаетъ о состоявшемся 29 января 1886 года указѣ Свят. Синода относительно перевода Семинаріи изъ Кременца въ Житомиръ.

Все приведенное изложение занимает у автора 44 страницы. При этомъ нужно имѣть въ виду, что на многихъ страницахъ даны буквальные выписки изъ подлинныхъ бумагъ, хранящихся въ семинарскомъ архивѣ. Не стѣсняясь никакимъ опредѣленнымъ планомъ, авторъ свободно переходитъ отъ одного предмета къ другому. Можно ли, однако, назвать такое изложение исторіей? Конечно, нѣтъ, и авторъ поступилъ бы правильнѣе, если бы назвалъ свои замѣтки, основанныя на приводимыхъ въ подлинникѣ документахъ, просто матеріалами для Исторіи Волынской Духовной Семинаріи. И въ самомъ дѣлѣ: опись семинарскихъ зданій—что такое, какъ не матеріаль? Вотъ, напр., описаніе одной изъ классныхъ комнатъ: въ комнатѣ имѣется дверь и косяки сосновые, фасованной работы, о двухъ желѣзныхъ завѣсахъ, на крючкахъ, съ рукояткою, въ срединѣ комнаты полъ изъ сосновыхъ досокъ новый, сводъ каменный, скамей для сидѣнія учениковъ на подставкахъ изъ сосновыхъ досокъ 10, кафедра тоже изъ сосновыхъ досокъ,—печки вѣтъ, окошекъ растнорчатыхъ въ дубовыхъ рамахъ 2, при нихъ завѣсокъ на желѣзныхъ крючкахъ 16, нарожниковъ 8, 4 завертки, оба окошка прибиты 8 шпиралями, стекла въ обоихъ окошкахъ 40 тафель, при сихъ окошкахъ имѣется еще 12 протовъ желѣзныхъ, служащихъ рѣшетками симъ окошкамъ. Такія описанія, съ подробнымъ перечисленіемъ нарожниковъ, крючковъ, тафель и пр. занимаютъ 12 битыхъ страницъ. При чтеніи отъ множества шпиралей и нарожниковъ пестритъ въ глазахъ и начинаетъ вращаться голова. Всякій скажетъ, что, конечно, это не исторія, но какъ матеріаль можетъ пригодиться. Такъ напр., отцы и дѣды рассказываютъ, что въ старину въ Семинаріи въ классахъ не топили; изъ приводимаго же г. Теодоровичемъ описанія мы узнаемъ, что въ Острожскій періодъ и невозможно было топить, ибо въ классныхъ комнатахъ вовсе не было печей.

Покончивъ съ исторіей первоначальнаго учрежденія Семинаріи, хотя въ дѣйствительности здѣсь говорится не только объ учрежденіи, но и о нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ перемѣнахъ, случившихся съ Семинаріей, авторъ крупнымъ шрифтомъ ставитъ заголовокъ: «Гдѣ обучалось Волынское духовенство до открытія Волынской Семинаріи?» Читатель ждетъ встрѣтить длинный рассказъ объ учебныхъ заведеніяхъ, существовавшихъ на Волыни во времена уни, но вмѣсто того въ отвѣтъ на поставленный вопросъ находитъ на 2-хъ страницахъ имена священниковъ, учившихся въ духовныхъ и свѣтскихъ учили-

цахъ, разбросанныхъ по разнымъ городамъ и мѣстечкамъ юго-и сѣверо-западнаго края. Помѣщаемыя свѣдѣнія взяты авторомъ изъ послужныхъ списковъ, хранящихся какими-то судьбами въ архивѣ Волынской Семинаріи. Далѣе идетъ новый заголовокъ, напечатанный такимъ же крупнымъ шрифтомъ, именно: «Учрежденіе духовныхъ училищъ». Изложеніе этого предмета занимаетъ 145 стран. (47—192), т. е. большую часть текста первой части книги. Здѣсь подробно говорится объ устройствѣ духовныхъ училищъ: острожскаго, кремнецкаго, загаецкаго, ковельскаго, клинцкаго, бердичевского, дерманскаго, мѣлецкаго, бѣлостокскаго, житомирскаго. Особенно долго авторъ останавливается на несуществующихъ нынѣ училищахъ дерманскомъ, мѣлецкомъ и бѣлостокскомъ. Съ такою же подробностью онъ говоритъ затѣмъ о послѣдовательномъ закрытіи сперва бѣлостокскаго потомъ ковельскаго, бердичевского и др. училищъ. Отдѣлъ объ училищахъ заканчивается спискомъ смотрителей, съ краткими свѣдѣніями о каждомъ изъ нихъ.

Много интересныхъ свѣдѣній сообщаетъ почтенный изслѣдователь въ этомъ второмъ отдѣлѣ. Еще болѣе, чѣмъ въ первомъ, онъ говоритъ здѣсь подлинными словами первоисточниковъ. Онъ приводитъ подлинныя рапорты смотрителей съ описаніемъ торжествъ, при которыхъ состоялось открытіе училищъ. Онъ перечисляетъ даже имена лицъ, сдѣлавшихъ небольшія пожертвованія въ пользу училищъ въ день ихъ открытія. Онъ цѣликомъ печатаетъ рѣчь, сказанную прот. Княжинскимъ при учрежденіи житомирскаго училища. Онъ подробно излагаетъ длинную, утомительную переписку по поводу перестройки зданій бѣлостокскаго училища въ сороковыхъ годахъ. Повторяемъ, все это, какъ матеріалъ, представляетъ несомнѣнный интересъ. Но, позвольте, спроситъ читатель, какое же это имѣетъ отношеніе къ Волынской Семинаріи и ея юбилею? Развѣ празднуется также и столѣтній юбилей духовныхъ училищъ Волынской епархіи? Нѣтъ, училища пока еще не дожили до юбилея, и все это имѣетъ, по правдѣ сказать, косвенное и довольно отдаленное отношеніе къ Семинаріи. Все дѣло лишь въ томъ, что въ старину духовныя училища были подчинены Семинаріи, и потому Семинарія вела переписку по поводу ихъ открытія. Авторъ познакомился съ этой перепиской въ семинарскомъ архивѣ и напечаталъ ее. Конечно, было бы умѣстнѣе издать всю эту переписку въ книжкѣ, посвященной столѣтнему юбилею каждаго изъ духовныхъ училищъ. Тогда не вышло бы такой

странности, кавая теперь случилась съ г. Теодоровичемъ, именно: въ первой части книги, посвященной юбилею Семинаріи, исторія Семинаріи излагается на 44 страницахъ, а на остальныхъ 145 стр. напечатаны матеріалы, касающіеся учрежденія духовныхъ училищъ. Не лучше ли было употребить эти 145 стран. для напечатанія на нихъ неизданныхъ матеріаловъ, касающихся Семинаріи же, а не училищъ? Такихъ матеріаловъ, по всей вѣроятности, не мало хранится въ семинарскомъ архивѣ. Напрасно также искалъ бы здѣсь читатель какихъ-либо свѣдѣній о ходѣ учебно-воспитательнаго дѣла; ни въ отношеніи семинаріи, ни въ отношеніи духовныхъ училищъ авторъ не касается этого предмета. Онъ проходитъ также молчаніемъ и многія другія интересныя стороны семинарской жизни. Онъ самъ заявляетъ въ предисловіи: «Бытовой стороны въ своемъ трудѣ я вовсе не касаюсь. Это и не входитъ въ мою задачу». За то на стр. 192—217 подъ особымъ заглавіемъ «Земельныя угодія Волынской Семинаріи» авторъ печатаетъ подробную опись этихъ угодій, извѣстныхъ подъ названіемъ «Кременецкой поезуитской Юридвкы». Здѣсь описаны не только всѣ земельные участки, принадлежащіе Семинаріи, но и исторія каждаго участка съ подробнымъ переименованіемъ всѣхъ арендаторовъ, которые послѣдовательно въ теченіе вѣка владѣли ими. Печатаемая въ такой подробности опись никакого значенія для читателя не имѣетъ и представляетъ собою балластъ, безъ котораго книга съ полнымъ удобствомъ могла бы обойтись.

Вторая, самая обширная часть, книги, заключающая въ себѣ почти 700 страницъ (съ 217 по 906), содержитъ списки окончившихъ курсъ ученія въ Волынской Семинаріи, а также краткія біографіи ректоровъ ея, инспекторовъ и преподавателей за все истекшее столѣтіе. Перелистывая эти списки, мы находимъ въ промежуткахъ между ними статьи разнаго объема и разнаго содержанія, съ заглавіями и безъ заглавій. Такъ, на стр. 256—258 имѣется замѣтка о томъ, сколько стоило въ 1804—1806 гг. содержаніе казеннокоштнаго ученика Семинаріи; на стр. 312—315 объ отправкѣ лучшихъ воспитанниковъ въ Медико-Хирургическую Академію и объ устроенномъ для развлеченія семинаристовъ театральномъ представленіи въ 1815 г.; на стр. 321—329 фундушова записъ оффиціала Примовича на польскомъ языкѣ; на стр. 346—347 замѣтка касательно учебно-воспитательнаго дѣла; на стр. 355—о принятіи лицъ свѣтскаго званія въ духовныя училища; на стр. 375—381—опись семинарскихъ номѣ-

Томъ 73.—Іюнь, 1901.

II—3

щеній въ м. Аннополѣ; на стр. 400—401 приведено распоряженіе о высылкѣ воспитанниковъ изъ 3-хъ западныхъ Семинарій въ великороссійскія Семинаріи; на стр. 421—477 длинная статья подъ заглавіемъ: «Переводъ Семинаріи изъ м. Аннополя въ г. Кременецъ». Изъ всѣхъ отрывочныхъ замѣтокъ, которыя помѣщены во второй части книги, статья о переводѣ Семинаріи въ Кременецъ можетъ быть признана самою интересною. Здѣсь приведена подлинная переписка разныхъ лицъ и учреждений по вопросу о приѣмѣ въ духовно-учебное вѣдомство кременецкихъ полицеальныхъ зданій. Переписка эта съ особенною ясностью свидѣтельствуетъ о тѣхъ затрудненіяхъ и препятствіяхъ, какія встрѣчены были духовнымъ вѣдомствомъ на этомъ пути. Она даетъ также прекрасный матеріалъ для характеристики многихъ темныхъ сторонъ тогдашней волынской администраціи. Далѣе, на стр. 498—501 идетъ замѣтка о переустройствѣ бывшаго въ зданіяхъ Семинаріи костела въ церковь; на стр. 526—527 объ устройствѣ теплой церкви и объ отправкѣ нѣсколькихъ воспитанниковъ въ С.-Петербургскую Семинарію; на стр. 555—562 программы преподаванія сельскаго хозяйства и естественной исторіи; на стр. 583—585 объ устройствѣ иконы и портрета для актовaго зала, о стипендіи свящ. Тучапскаго и о ревизіи Волынской Семинаріи въ 1852 г.; на стр. 597—599 о хожденіи на преждеосвященныя литургіи; на стр. 611 объ открытіи въ 1855 году миссіонерскаго отдѣленія, которое существовало 10 лѣтъ; на стр. 624 о ревизіи Семинаріи въ 1857 году архіеп. Арсеніемъ; на стр. 663 о разрѣшеніи воспитанникамъ Семинарій поступать въ университеты. Вотъ и всѣ замѣтки, помѣщенные въ промежуткахъ между списками.

Изъ обзорѣнія ихъ содержанія яснѣе всего обнаруживается то обстоятельство, что авторъ при составленіи своей книги не имѣлъ надлежаще выработаннаго плана. Потому-то на ряду съ матеріалами, имѣющими важное значеніе какъ для исторіи Семинаріи, такъ и вообще для исторіи духовнаго образованія, въ книгу попали замѣтки или малозначительныя, имѣющія второстепенное значеніе, или совершенно ненужныя, какъ напр. описъ аннопольскихъ зданій. Съ другой стороны, для читателя, знакомящагося съ книгой, замѣтки эти оказываются полнѣйшимъ сюрпризомъ. До тѣхъ поръ, пока онѣ не будутъ обнаружены при чтеніи списковъ, читатель и не подозреваетъ объ ихъ существованіи. Не можетъ онъ узнать о нихъ ни изъ оглавленія, ибо такового въ книгѣ нѣтъ, ни изъ предисловія, по-

тому что авторъ въ предисловіи ничего о нихъ не говоритъ. Все это можетъ повести къ разнаго рода недоразумѣніямъ, для устраненія которыхъ, а равно для удобства пользованія изложенными въ приведенныхъ замѣткахъ свѣдѣніями, гораздо лучше было бы, еслибы авторъ помѣстилъ ихъ въ первой части, т. е. тамъ, гдѣ излагаются историческія данныя о Семинаріи.—Списки окончившихъ курсъ ученія въ Волынской Семинаріи представляютъ собою, такъ сказать, исторію Семинаріи въ лицахъ. Авторъ не просто печатаетъ имена и фамиліи, но сообщаетъ и нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о каждомъ окончивающемъ. Правда, въ большинствѣ свѣдѣнія эти скудны и довольно однообразны: они заключаютъ въ себѣ возрастъ окончившаго, годъ поступления въ Семинарію, происхожденіе и учительскую аттестацію; между прочимъ, до 1817 года аттестаціи писались на латинскомъ яз., съ 1817—1872 гг. на русскомъ, съ этого же времени усиѣхи начинаютъ отмѣчаться баллами, а потому аттестацій въ спискахъ и нѣтъ. Но въ отношеніи многихъ лицъ, выдвинувшихся ва томъ или другомъ поприщѣ, даются болѣе подробныя свѣдѣнія. Такъ, при именахъ лицъ, избравшихъ ученую карьеру, указываются ихъ ученые труды; въ отношеніи лицъ, ставшихъ извѣстными на духовномъ поприщѣ, перечисляются ихъ заслуги въ этомъ направленіи и т. д. Безъ сомнѣнія, автору пришла весьма счастливая мысль дать наглядное доказательство того, что сдѣлала семинарія за 100 лѣтъ своего существованія, кого воспитала и какихъ людей подготовила для служенія отечеству. Поэтому списки окончившихъ Волынскую Семинарію имѣютъ нѣкоторое общее значеніе; для бывшихъ же питомцевъ Семинаріи они представляютъ особенный интересъ. Просматривая эти списки, бывшіе цитомцы вновь переживаютъ незабвенные годы ученія; изъ этихъ списковъ многіе впервые узнаютъ о судьбѣ своихъ товарищей или близкихъ по курсу лицъ.

Къ сожалѣнію, въ спискахъ допущено не мало ошибокъ, неточностей или неумѣстныхъ вставокъ, которыя портятъ общее хорошее впечатлѣвіе. Невольныя ошибки возможны и извинительны во всякомъ трудѣ, а тѣмъ болѣе въ такомъ, какъ настоящій. Сообщая біографическія свѣдѣнія о бывшихъ питомцахъ Семинаріи, г. Теодоровичъ лишь отчасти могъ основываться на печатныхъ или вообще письменныхъ данныхъ; въ большинствѣ же случаевъ ему приходилось руководствоваться словеснымъ преданіемъ и слухами. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ спискахъ сообщаются невѣрныя

свѣдѣнія. Такъ, на стр. 748 о Н. Новосадскомъ сказано, что онъ поступилъ въ Варшавскій университетъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ поступилъ въ историко-филологическій институтъ въ С.-Петербургѣ, который и окончилъ, а нынѣ состоитъ профессоромъ Варшавскаго университета. Однако не будемъ слѣдить за этими мелкими, хотя иногда и весьма досадными неточностями. Укажемъ на нѣкоторыя странности другого рода. Такъ, на стр. 606 подъ № 13 объ одномъ священникѣ выпуска 1855 г. говорится слѣдующее: въ 1870 году награжденъ набедренникомъ, въ 1876 году—бархатною фіолетовою скуфьею и т. д. Неужели для священника, прослужившаго около 20 лѣтъ въ священническомъ санѣ, награжденіе набедренникомъ и скуфьею является такою рѣдкостью, что объ этомъ слѣдовало сообщать въ назиданіе потомству? Вѣдь почти всякій священникъ, рукоположенный въ 1856 году и дожившій до 1900 года, имѣетъ тѣ награды, которыя перечислены на стр. 606. Между тѣмъ ни о комъ другомъ подобныхъ сообщеній не дѣлается и, конечно, совершенно правильно. Далѣе, при именахъ нѣкоторыхъ окончившихъ попадаются замѣтки такого рода: «примѣрный пастырь, ревностно заботящійся о просвѣщеніи прихожанъ», или на стр. 607: «примѣрнѣйшій пастырь». Едва ли однако такія голословныя характеристики уместны въ трудѣ, подобномъ настоящему. Разбираемая часть книги имѣетъ скорѣе справочный, чѣмъ научно-историческій характеръ, и потому здѣсь интересны главнымъ образомъ факты. Одобрительныя же аттестаціи, подобныя вышеприведеннымъ, какъ не подтвержденныя никакими доказательствами, могутъ быть невѣрны. Съ другой стороны, несомнѣнно, что въ спискахъ окончившихъ есть много и другихъ лицъ, заслуживающихъ пятерокъ по поведенію, но такъ какъ авторъ писалъ эту часть книги главнымъ образомъ на основаніи «устныхъ разсказовъ современниковъ», то весьма возможно, что ему не приходилось встрѣчаться съ современниками, знающими этихъ лицъ, не случалось ничего слышать о нихъ, а потому онъ и обошелъ ихъ молчаніемъ. Наконецъ, ко всему вышесказанному слѣдуетъ добавить, что лучше было бы опустить находящуюся на стр. 718 приписку: «исключенъ изъ семинаріи за неблагоповеденіе при окончаніи курса».

Списки начальниковъ и наставниковъ Семинаріи помѣщены на стр. 827—906. Здѣсь же имѣются списки помощниковъ инспектора, врачей и экономовъ Семинаріи. Этими собственно и оканчивается справочная часть книги. Далѣе, въ особомъ приложеніи, на стр.

907—962, напечатаны 47 писемъ извѣстнаго волынскаго дѣятели, протоіерея Григорія (въ монашествѣ—Антонія) Рафальскаго. Жизнь его была весьма богата событіями. По окончаніи Духовной Семинаріи въ 1809 году, онъ остался въ ней учителемъ, потомъ принялъ священство, и вотъ этотъ человѣкъ—безъ академическаго образованія—достигъ высшихъ ступеней духовной іерархіи. Поступивъ въ монашество, онъ былъ первымъ настоятелемъ Почаевской лавры по возвращеніи ея изъ уніи въ православіе, первымъ епископомъ, а затѣмъ архіепископомъ Варшавскимъ и наконецъ митрополитомъ С.-Петербургскимъ. Естественно ожидать, что письма такого лица должны имѣть выдающійся общественный интересъ. Къ сожалѣнію, ближайшее знакомство съ помѣщенными въ книгѣ письмами не оправдываетъ этихъ ожиданій. Какъ въ періодъ своей дѣятельности на Волыни, такъ и во время епископскаго служенія, Антоній Рафальскій слишкомъ скупъ на сообщенія о совершавшихся вокругъ него, а иногда и при его участіи, событіяхъ общественнаго характера. Въ своихъ письмахъ онъ занятъ болѣе дѣлами семейнаго характера; онъ заботится о томъ, чтобы, пользуясь своимъ вліяніемъ на мѣстнаго архіерея, на сестрѣ котораго онъ былъ женатъ, выгодно пристроить своихъ родственниковъ; во время же пребыванія въ Варшавѣ онъ даетъ своимъ роднымъ разнаго рода порученія по сооруженію на могилѣ своихъ родителей церкви, которая строилась на его средства. Что касается его служенія въ Петербургѣ, то изъ этого періода имѣется только одно письмо также семейнаго характера.

Если къ вышензложенному добавить, что въ концѣ разбираемой книги помѣщены алфавитные указатели именъ, находящихся какъ въ спискѣ воспитанниковъ, такъ и въ спискѣ наставниковъ и другихъ служившихъ въ семинаріи лицъ, то содержаніе ея будетъ исчерпано.

Подводя итогъ нашимъ замѣчаніямъ, мы приходимъ къ тому выводу, что почтенный трудъ г. Теодоровича былъ бы еще почтеннѣе, если бы онъ носилъ болѣе скромное названіе Матеріаловъ для исторіи Волынской Духовной Семинаріи, еслибы, далѣе, авторъ позаботился лучше разработать планъ своей книги, еслибы наконецъ онъ не испортилъ біографическихъ замѣтокъ нѣкоторыми неумѣстными характеристиками, на которыя указано выше. Тогда его трудъ получилъ бы, быть можетъ, общее значеніе; въ настоящемъ же своемъ видѣ онъ имѣетъ почти исключительно мѣстный интересъ.

В. Храчевичъ.

Обраніе В. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднѣпровья. Выпускъ IV. Эпоха великаго переселенія народовъ. Кіевъ, 1901 г., 4^о, 30 стр. + 20 таблицъ.

Древности эпохи переселенія народовъ въ области Приднѣпровья представляютъ изъ себя матеріаль, еще почти совсѣмъ незатронутый научными изслѣдованіями. Находки предметовъ этой эпохи до послѣдняго времени встрѣчались здѣсь лишь спорадически, случайно. Въ коллекціи Ханенко ихъ собралось однако достаточно, чтобы наполнить настоящій, 4-й выпускъ, этого роскошнаго изданія. Правда, въ изданіе включены нѣкоторые предметы, выходящіе за предѣлы собственно эпохи переселенія и относящіеся къ періодамъ до его и послѣ его, но это можетъ служить лишь для пользы дѣла, такъ какъ даетъ возможность связать, хотя бы и предположительно, тѣ разнообразныя культурныя вліянія, черезъ которыя прошло наше Приднѣпровье. Арена, по которой двигались изъ Средней Азіи различныя народности, лежала немного южнѣе того пространства, которому, главнымъ образомъ, посвящено собраніе Ханенко, но несомнѣнно вліянія, путемъ ли захода, или благодаря торговымъ сношеніямъ, простирались и далѣе на сѣверъ, такъ что, какъ объ этомъ мы уже упомянули, владѣльцу собранія при посредствѣ раскопокъ и покупокъ, удалось собрать довольно цѣнную и разнообразную коллекцію предметовъ эпохи, ограниченной II—IX в. по Р. Х. Большія трудности представляетъ классификація предметовъ; въ западно-европейской литературѣ уже сдѣлано достаточно въ этомъ отношеніи, но подраздѣленія западно-европейскихъ древностей, хотя бы и сходныхъ отчасти по типамъ съ нашими, къ этимъ послѣднимъ не вполне приложимы: тамъ различныя культуры свивали относительно прочныя гнѣзда, типы предметовъ совершенствовались, развивались, устанавливались, у насъ же культуры эти могутъ быть констатированы лишь въ видѣ валета.

Предметы, описанные въ данномъ выпускѣ, систематизированы издателемъ слѣдующимъ образомъ: 1) предметы римскаго типа—преимущественно фибулы и пряжки; 2) предметы полей погребенія (изъ раскопокъ Хвойко 1900 г.)—украшенія, пряжки, гребни и очень разнообразная посуда, какъ глиняная, такъ и стеклянная, датруемая II—VI вв, хотя намъ кажется такое опредѣленіе немного растяну-

тымъ,—его, основываясь на фактахъ, до сихъ поръ добытыхъ, придется сократить на одинъ—два вѣка; 3) предметы готскаго типа—главнымъ образомъ фибулы разныхъ видовъ; 4) предметы сассинидскаго стиля—чаши и блюда, иногда представляющія большой художественный интересъ, затѣмъ зеркала съ рельефными изображеніями и вѣкот. другія издѣлія; 5) предметы средне-азиатскаго типа и дальняго востока—копья, стрѣлы, булавы. Относительно изданнаго оружія (табл. I и II) мы должны замѣтить, что хотя родину большинства его и нужно искать на востокѣ, но обнаруженныя на Приднѣпровьѣ относятся къ гораздо болѣе позднему времени, захватывая уже и эпоху великокняжескую. Къ болѣе позднему періоду, именно къ VII—X вв., относятся также и предметы изъ тагъ наз. погребеній кочевниковъ; типъ этихъ погребеній можно считать уже твердо установленнымъ,—предметы, находямые въ могилахъ, имѣютъ прямое отношеніе къ древностямъ, трактуемымъ въ настоящемъ выпускѣ, и можно только пожалѣть, что изданъ всего лишь одинъ образчикъ, правда замѣчательный, вооруженія кочевника (изъ собранія Зноско-Боровскаго).

Изданіе древностей Приднѣпровья эпохи переселенія народовъ эпохи, представляющей такія трудности для изученія, должно лечь въ основу дальнѣйшихъ изслѣдованій. Теперь есть уже возможность хотя немного ориентироваться въ сыромъ матеріалѣ, и нужно сказать спасибо издателю за этотъ цѣнный починъ.

В.

Я. В. Яроцкій. Изъ прошлаго Волины. Сборникъ небольшихъ историческихъ очерковъ. Выпускъ 1-й. 1900 г.

Книжечка въ 50 страницъ составлена изъ статей, напечатанныхъ раньше въ газетѣ «Волинь». Авторъ, въ небольшомъ вступленіи даетъ такую характеристику этихъ статей, онъ говоритъ: «Я не придаю сколько-нибудь серьезнаго значенія въ научномъ или какомъ бы то ни было иномъ смыслѣ, своимъ очеркамъ по исторіи Волины. Очерки эти отрывочнаго характера, ни одинъ изъ нихъ не только не охватываетъ цѣликомъ какой-либо исторической эпохи, но даже не обрисовываетъ сколько-нибудь всесторонне того явленія, которое послужило ~~темой~~ темой для автора, да и возникающіе при изслѣдованіи

вопросы скорѣе только ставятся, чѣмъ разрѣшаются», — отъ газетныхъ статей большаго и нельзя требовать. Но отдавая должное скромности автора, нужно сказать, что большинство очерковъ имѣютъ и *научное значеніе*. Это всецѣло относится къ помѣщеннымъ въ сборникѣ замѣткамъ историко-археологическаго характера. Статьи, хотя бы и небольшія, въ которыхъ научно-подготовленный авторъ дѣлится своими наблюденіями и впечатлѣніями во время посѣщенія той или другой мѣстности, описываетъ встрѣченные остатки старины, народные обычай — составляютъ въ нашей литературѣ большую рѣдкость. Достоинства ихъ заключаются въ томъ, что онѣ вполне доступны для «большой» публики, могутъ заинтересовать послѣднюю, съ другой же стороны сохраняютъ для науки немало дѣнныхъ фактовъ.

Первый очеркъ — «Шереметевы валы на Волини и ихъ историческое значеніе». Очеркъ является отвѣтомъ на запросъ, предложенный проф. В. Б. Антоновичемъ прошлому кievскому археологическому съѣзду; время — неудачный походъ въ 1660 г. боярина Василія Борисовича Шереметева, мѣсто — м. Котельня, куда прежде всего направился Шереметевъ изъ Кіева, затѣмъ с. Кутыщи и м. Чудновъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ сохранились окопы, осмотрѣнные авторомъ; описанію ихъ, въ связи съ историческими справками, и посвященъ очеркъ. Болѣе всего констатировано «шереметовыхъ валовъ» у Чуднова; здѣсь даже вся мѣстность между Чудновымъ и деревней Дубищемъ носитъ названіе «Шереметихи», — авторъ подробно ихъ перечисляетъ, хотя мы замѣтили одинъ пропускъ, на который и смѣшимъ указать: кромѣ перечисленныхъ, система шанцевъ находится еще въ паркѣ помѣщичьей усадьбы, на правомъ берегу Тетерева; она состоитъ изъ ряда поднимающихся одинъ надъ другимъ удлинненныхъ окоповъ. ¹⁾

Въ слѣдующихъ затѣмъ двухъ очеркахъ — «Парафіальныя школы на Волини; ихъ возникновеніе и задачи, согласно уставу 1807 года» и «Парафіальныя школы Владиміръ-Волинскаго уѣзда и ихъ закрытіе въ 1832 году», — на основаніи печатныхъ и архивныхъ матеріаловъ прослѣжена исторія возникновенія на Волини приходскихъ училищъ, обязанныхъ своимъ существованіемъ Тадеушу Чацкому, до закрытія ихъ вслѣдствіе событій 1831-го года.

¹⁾ Снятая нами въ 1898 г. фотографія одного изъ такихъ окоповъ хранится въ Городецкомъ музеѣ, Волинской губерніи, барона Ф. Р. Штейнгель.

Въ очеркѣ «Изъ исторіи одного владѣльческаго города» разсказанъ эпизодъ, относящійся къ началу XIX в., когда новый владѣлецъ г. Острога, кн. Кароль Яблоновскій, возымѣлъ намѣреніе обратиться въ своихъ крѣпостныхъ мѣщанъ и евреевъ, заселявшихъ участки, принадлежавшіе приходскому католическому костелу.

Заканчивается сборникъ путевыми замѣтками—«Искорость» и «Изъ Искорости въ Народичи», явившимися результатомъ экскурсіи Городецкаго музея барона Э. Р. Штейнгель, въ которой авторъ принималъ участіе. Кромѣ Искорости, здѣсь описаны различные памятники старины, какъ доисторической, такъ и исторической, въ сс. Ходакахъ, Татарновичахъ и Каменкѣ.

Написаны очерки живо, хорошимъ языкомъ.

Н. В.

Światowit. Rocznik poświęcony archeologii przedziejowej i badaniom pierwotnej kultury polskiej i sławiańskiej. *Wydawany staraniem Erasma Majewskiego. Tom III. Warszawa, 1901.*

Съ каждымъ томомъ вышеназванное изданіе Э. Маевского приобрѣтаетъ все новыя и новыя достоинства. Благодаря привлеченію новыхъ сотрудниковъ, расширяется содержаніе, улучшается и внѣшняя сторона—говоримъ о рисункахъ и картахъ, составляющихъ существенную принадлежность cadaго археологическаго изданія; въ настоящемъ томѣ послѣдніе доведены до высшей степени совершенства. Нельзя не отдать должной дани уваженія редактору этого ежегодника Э. Маевскому, такъ горячо проагандирующему дѣло изученія доисторическаго прошлаго его родины.

Что касается состава статей и замѣтокъ, вошедшихъ въ данный томъ, то онѣ почти исключительно трактуютъ древности Царства Польскаго и Сѣверо-Западнаго края; изъ нихъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить начатую печатаніемъ образцовую монографію редактора—«Powiat Stopnicki pod względem przedhistorycznym».

На этотъ разъ матеріалъ, помѣщенный въ «Światowit'ѣ» и касающійся украинскихъ древностей, очень невеликъ. А. Дуржицкій помѣстилъ замѣтку (стр. 162), гдѣ описываетъ городище, расположенное вблизи с. Дубовца, Брацлавск. у., Подольской губ. Городище овальной формы,

съ ровной поверхностью и крутыми откосами, достигающими 4-х саженой высоты. Съ одной стороны городище окружено низиной—остаткомъ става, съ другой—рвомъ, такъ что въ ирежнее время городище было со всѣхъ сторонъ окружено водою. По поверхности городища въ одномъ мѣстѣ видѣтся углубленіе, вырытое, по всей вѣроятности, владонскателями, гдѣ встрѣчаются куски камней и старыхъ кирпичей. Никакихъ преданій о городищѣ среди окрестнаго населенія не сохранилось. Повутно г. Дуржицкій сообщаетъ о находкѣ на поляхъ Дубонца двухъ кремневыхъ топориковъ и одного бронзоваго (при замѣткѣ помѣщены планъ городища и рисунки топориковъ). Затѣмъ въ данномъ томѣ мы находимъ переводъ части статьи О. Волкова— «По поводу нашихъ неолитическихъ находокъ съ керамикой до-микенскаго типа (стр. 233), напечатанной въ „Кіев. Стар.“ и замѣтку о музеѣ г-жи Сваржинской.

В.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера рассмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 5; 2) Русская Старина, № 5; 3) Вѣстникъ Всемирной Исторіи, № 5; 4) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 5; 5) Вѣстникъ Европы, № 5; 6) Русская Мысль, № 5; 7) Научное Обзорѣніе, № 5; 8) Литературно-Науковий Вістникъ, № 5; 9) Ateneum, № 5; 10) Biblioteka Warszawska, № 4 и 5; 11) Przewodnik naukowy i literacki, № 5; 12) Кіевскія Университетскія Извѣстія № 4; 13) Wisła, № 2; 14) Міръ Божій, № 5; 15) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 4; 16) Этнографическое Обзорѣніе № 4 за 1900 г. и № 1-й за 1901-й годъ; 17) Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 4; 18) Историческій Вѣстникъ, № 5.

Русскій Архивъ, № 5.

Въ «Приложеніи».

Дневникъ А. В. Храповицкаго съ 18 янв. 1782 по 17 севт. 1793 г. (стр. I—XII+1—58). (Продолженіе слѣдуетъ)

Перепечатка дневника Храповицкаго съ изданія 1874 года Н. П. Барсукова, съ прибавленіемъ примѣчаній и переводовъ.

Подъ 1786 г. іюль, 12. „При чтеніи Моск. газетъ объявленіе объ оперѣ „Черевки“; вопросъ о томъ словѣ“.

1787 г. Янв. 27. „Въ Черниговѣ говорено о глупости Теофила, тамошн. еписк., и о древности соборн. церкви Преобр. Господня, которая начата въ 1002 г. Мстиславомъ, сыномъ Владимира I“.

Янв. 20. Приѣхали ночевать въ Кіевъ.

Февр. 7. Отзывъ объ игуменѣ Дѣвичьего Монастыря.

Марта 16. О намѣреніяхъ Потемкина создать независимое государство.

Апрѣль 22. Отъѣздъ изъ Кіева на галерахъ.

— 25. Приятное свиданіе съ королемъ польскимъ на галерахъ, предъ Каневомъ.

— 30. Въ Кременчугѣ.

Май 3—по 12 іюня. Посѣщенія различныхъ городовъ южн. Россіи, впечатлѣнія и распоряженія Екатерины.

1788 г. апр. 4. Рескрипты обоимъ фельдмаршаламъ, предписано Украинской арміи прикрывать Польшу и дѣйствовать между Днѣстра и Буга, привлекая на себя непріятельскія, а Екатеринославской— оборонять Крымъ и брать Очаковъ.

Русская Старина, № 5.

В. Бильбасовъ. Который Капнистъ? (стр. 276). Авторъ, разсматривая „Сочиненія графа П. И. Капниста“, недавно изданныя въ Москвѣ, подвергаетъ сомнѣнію сообщеніе, будто бы Екатерина, переѣзжая въ 1795(?) году черезъ Кіевъ, крестила у Кіевскаго губернскаго предводителя дворянства Капниста (сына автора „Ябеды“) новорожденнаго, второго сына (Ивана Васильевича“).

А. Мёрдеръ. Еврейскій самосудъ (стр. 348). Циркуляръ кіевск. генер.-губернатора отъ 1838 г. губернаторомъ по поводу смертоубійствъ въ еврейскихъ школахъ и пришколахъ, совершаемыхъ самими же евреями.

А. Мёрдеръ. Послѣдствія невмученнаго урока музыки (стр. 414). Краткія свѣдѣнія о нѣкоемъ Евстафій Войцеховскомъ, который, въ 40-хъ годахъ прошл. столѣтія, не выучивъ урока музыки, боясь своего отца, изъ Ломжи ушелъ въ Волинск. губ. и затѣмъ, какъ бродяга, высланъ въ Восточную Сибирь.

Вѣстникъ Всемирной Исторіи, № 5.

Въ отдѣлѣ „Изъ области археологіи“ (стр. 235—236). Отчетъ о засѣданіи предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго сѣзда въ Харьковѣ.

Въ отдѣлѣ „Новыя книги“ (стр. 250—252) данъ отзывъ о „Запискахъ Науковаго Товариства імени Шевченка, т. XXXI и XXXII“. Авторъ рецензіи говоритъ, что эти томы „Записокъ“ представляютъ особенный интересъ потому, что въ нихъ напечатаны тѣ рефераты, которые должны были быть прочитаны на Кіевскомъ археологическомъ сѣздѣ, но въ виду оппозиціи проф. Флоринскаго, „увидавшаго въ чтеніи рефератовъ на малорусскомъ языкѣ „потрясеніе основъ“, рефераты эти прочитаны не были, и теперь желающіе могутъ познакомиться съ ними въ изданіи Общества“. „Нечего и говорить,—продолжаетъ рецензентъ,—что въ рефератахъ этихъ самое изощренное око не отыщетъ ни малѣйшихъ слѣдовъ „сенничкина яда“ и лишь полицейское рвеніе можетъ видѣть „сепаратизмъ“ въ стремленіи галицко-украинскихъ ученыхъ читать эти рефераты на своемъ родномъ языкѣ, а не на русскомъ, которымъ многіе изъ нихъ не владѣютъ настолько хорошо, чтобы изъясняться на немъ совершенно свободно“... „Не будь нелѣпой оппозиціи со стороны людей, привыкшихъ смѣшивать „два ремесла“, науку и сыскъ, рефераты эти были бы прочитаны, вызвали бы соотвѣтственные дебаты, и дѣло кончилось бы, какъ выражается одинъ изъ героевъ Гл. Успенскаго, „тихо, мирно и благородно“. Теперь же, люди слѣдящіе за научными славянскими изданіями, могутъ верѣдко наткнуться на „размышленія“ братьевъ славянъ по поводу Кіевскаго сѣзда столь нелестнаго свойства, что невольно начинаютъ слетать „крылатыя слова“ по адресу г. Флоринскаго. Хуже всего, что поведеніе одного человѣка окрашиваетъ вообще русскую науку въ совершенно несвойственный ей цвѣтъ“.

Далѣе рецензентъ указываетъ, какія чувства долженъ испытывать галичанинъ, прошедшій галицкую гимназію и университетъ, гдѣ преподаваніе происходитъ на родномъ малорусскомъ языкѣ, и вдругъ на археологическомъ сѣздѣ узнающій, что его языкъ представляетъ „сепаратистское измышленіе“. „Какія чувства онъ унесетъ съ этого сѣзда? наконецъ, что подумаютъ другіе „братья славяне“? Но г.г. Флоринскимъ, очевидно, мало дѣла до того, что они таскаютъ русскую науку въ грязь“.

Наконецъ авторъ приводитъ прелестные образцы того, въ какое безпомощное и комическое положеніе впадаетъ, галичанинъ, когда онъ хочетъ писать не на родномъ, а на „общерусскомъ“ языкѣ. Примѣры заимствованы изъ недавно вышедшей книги: „Сборникъ декламацин, составленный изъ стиховъ первостепенныхъ нашихъ писателей. Собралъ М. Бѣлоусъ, 1900.

Читателей, желающихъ получить истинное наслажденіе отъ чтенія отрывковъ изъ произведеній „первостепенныхъ писателей“, отсылаемъ къ самой рецензій.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 5.

И. Тихомировъ. О составѣ западно-русскихъ, такъ называемыхъ Литовскихъ лѣтописей. (Продолженіе) (стр. 70—119). Авторъ, сдѣлавши подробное обзорѣніе содержанія полнаго свода Литовской лѣтописи, перечисляетъ тѣ элементы, тѣ составныя части, которыя вошли въ нее (народныя сказанія и преданія, заимствованія изъ южно-русскаго свода, отдѣльныя сказанія и записи, погодныя записи), а затѣмъ останавливается на томъ, насколько польскіе хронисты заимствовали извѣстія изъ литовскихъ лѣтописей, какъ то: Длугошъ, Бѣльскій, а болѣе всего—Стрыйковскій. Относительно этого послѣдняго авторъ приходитъ къ тому выводу, что послѣ провѣрки его пятать и сличенія съ Литовскими лѣтописями „трудно уже говорить о недобросовѣстности почтеннаго каноника, называть сочиненіе его полубаснословнымъ и недостойнымъ вѣры, какъ это дѣлали до сихъ поръ: онъ пользовался своими источниками по большей части добросовѣстно, насколько позволяли ему его научныя силы, и потому онъ достовѣренъ настолько, насколько достовѣрны его источники“.

Въ отдѣлѣ „Книжныя Новости“ (стр. 269—270) отмѣченъ „Кубанскій Сборникъ. Труды Кубан. Обл. Комит., издаваемые подъ редакц. С. В. Руденко. Т. VI и VII. Екатеринодаръ, 1900“, куда, между прочимъ, вошли статьи: П. Короленко. „Предки Кубанскихъ козаковъ на Днѣпрѣ“, его же „Двѣ странички изъ исторіи Запорожцевъ“, П. Флицына. „Матеріалы для біографіи кошевого атамана черноморскаго войска Захарія Алексѣев. Ченѣги“ и др.

Літературно-Науковий Вістник, № 5.

Наш альбом: Из поезий Миколи Чернявського I—XI (стр. 117—121). Из поезий Уляни Кравченко I—II (стр. 122). Из поезий Івана Степенка I—V (стр. 122—124).

Из недрукованих оповідань О. Я. Кониського: I. Бугай (стр. 125—135). Юмористический рассказ о томъ, какъ сельскій сходъ, получивши приказъ отъ начальства „выбрать“ сельскаго бугая, понял этотъ приказъ въ томъ смыслѣ, что надо выбрать кого-ниб. изъ громады на эту „должность“, и дѣйствительно выбрали одного парубка.

Из оповідань Александра Катренка: 1. Из записок украинського народолюбца (стр. 136—165).

Останній бій, оповідань М. Дерлиці (стр. 166—174) Мінячуря: XVII Москаль, Я. Жарва (стр. 175—178). XVIII. Яблуко, Ів. Франчука (стр. 178—183).

З помертвих оповідань Мопанаса: I. Перший сніг (стр. 184—191). II. Мораль XVIII віка (стр. 191—195). III. Фермер (стр. 195—201).

Из оповідань Петки Тодорова: I. Батьківщина (стр. 202—209). II. На зарінку (стр. 209—212). Запропущений надзвичайний поїзд, оовідає А. Конен-Дойля (стр. 213—227). Из драми „Торквемада“ Віктора Гюго (стр. 228—236).

Нові матеріали до біографіи Т. Г. Шевченка. Л. Яковлева (стр. 61—65). Пересказъ статьи І. А. въ «Русскомъ Богатствѣ» за февр. 1901 г. «Матеріали къ біографіи Т. Г. Шевченка».

Маруся Болуславка в українській літературі. Исторично-літературний нарис С. Томашівського. (Конецъ буде) (стр. 66—98). Критическій разборъ поэмы Кулиша подъ даннымъ заглавіемъ.

Чому Олекса Стороженко покинув писати по українськи. А. Кримського (стр. 99—102). Авторъ, на основаніи недавно опублікованихъ М. Комаремъ писемъ Стороженка (въ Кіевск. Старинѣ, 1899 года), указываетъ на нѣкоторыя субъективныя черты характера Стороженка, которыя побудили его перестать писать по-украински.

Українські оповідання Ол. Стороженка (стр. 103—112). Переводъ рецензій на „оповідання“ Стороженка въ „Современникѣ“ 1863 года.

Іван Бойко, племянник Т. Шевченка, Сергія Шелухина (стр. 113—116). Воспоминанія автора о племянникѣ Шевченка, бывшемъ его учителѣ въ дѣтствѣ.

Хроніка і бібліографія (стр. 21—36). По обыкновенію, богатый матеріалъ для текущей культурной жизни Украины Руса.

Ateneum, № 5.

St. Piotrowsky. Wspólna własność ziemska (стр. 310—342). Попутно приведены статистическія данныя о процентномъ отношеніи крестьянъ-землевладѣльцевъ къ неземлевладѣльцамъ, обладающихъ инвентаремъ—къ неимѣющимъ такового въ губерніяхъ Черниговской, Саратовской, Воронежской, Полтавской, Курской (стр. 315); о средней продуктивности крестьянской земли сравнительно съ помѣщичьей—въ губ. Кіевской, Самарской (стр. 318); наконецъ, о земледѣльческихъ артеляхъ Н. Левитскаго (стр. 329—331).

Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 4.

Въ № 4, въ отдѣлѣ «Критики и бібліографіи» помѣщенъ «критико-бібліографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію» проф. *Т. Флоринскаго* (стр. 1—45). Въ этомъ обзорѣ г. Флоринскій, говоря объ изданіи акад. *Ямча* «Archiv für slavische philologie». Bd. XXII (Н. 1—4), останавливается на изданіяхъ «товариства имени Шевченка», которымъ въ «Архивѣ» посвящена статья А. Брикнера, съ большимъ сочувствіемъ отозвавшася о широкомъ развитіи дѣятельности этого «Товариства». Какъ и слѣдовало ожидать, г. Флоринскій и тутъ остался вѣренъ тому своему далеко не академическому тону, которымъ онъ не разъ уже говорилъ по этому вопросу.

Wiśta, № 2.

Sikorsky Narcyz. O nazwach rodowych ludu Tarnowskiego z Tarnowa (стр. 243—247). Родовыя прозвища въ Тарновскомъ уѣздѣ, ихъ распределеніе (гвѣзда), топографія названій этимологически родственныхъ, древность родовыхъ названій, лингвистичныя формы родовыхъ названій.

Въ отдѣлѣ «*Drobiazgi*» (стр. 251)—«Dla czego deszcz pada?—Легенда, записанная въ Заславскомъ уѣздѣ, Волинск. губ.

На стр. 241 фотографическій снимокъ «Пищіе въ Габровѣ въ день заговѣнъ» въ Ново-Александрійскомъ у., Херс. губ.

Мірѣ Божій, № 5.

Въ библиографическомъ отдѣлѣ помѣщена маленькая рецензія о книгѣ В. П. Кранихфельда «Г. Г. Шевченко, пѣвецъ Украины и Запорожья» (стр. 88).

Труды Кіевской Духовной Академіи, № 4.

А. Бѣлгородскій. Кіевскій митрополитъ Герошей Малицкій (1796—1799) (Продолженіе) (стр. 491—530). Глава II. Опредѣленіе на священно- и церковно-служительскія мѣста.—Герошей Малицкій окончательно царализовалъ возможность въ будущемъ времени какихъ-либо проявленій народнаго вмѣшательства въ дѣла епархіальнаго управления, а также уничтожилъ наследственность священно-церковно-служительскихъ мѣстъ.

Къ статьѣ авторъ приложилъ цѣнную статистическую таблицу—числа прихожанъ, церквей и церковно-служителей въ Кіевской епархіи въ 1797—1799 годы.

Этнографическое Обзорѣніе, № 4 (за 1900) и № 1 (1901).

№ 4.

Потанинъ Г. Н. Отголоски сказки объ Ерусланѣ (окончаніе) (стр. 1—34). Попутныя ссылки на различныя малорусскіе этнографич. сборники, гдѣ встрѣчается мотивъ объ Ерусланѣ.

Александръ Шарко. Малороссійское жилище (съ 8 табл. рисунковъ) (стр. 119—131). Авторъ въ первой главѣ своей статьи занялся описаніемъ современнаго малороссійскаго жилища—перечисляетъ жилища помѣщенія и всѣ хозяйственныя постройки, рассказываетъ объ ихъ устройствѣ и назначеніи. Во второй—останавливается спеціально на описаніи внутренняго устройства хатъ, давая подробный и точный планъ хаты и отдѣльных частей ея.

Въ отдѣлѣ «Вопросы и Отвѣты» (стр. 145—146) помѣщены два народные разсказа изъ сл. Преображенской и Тарасовки, Купянскаго у. о выбрасываніи стариковъ и старухъ.

Въ отдѣлѣ «Крѣпка и библиографія» (стр. 147—151) даны отзывы о книгахъ: В. Н. Церетцъ. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Т. I. Изъ исторіи русской пѣсни. Ч. 1 и 2.

№ 1.

В. А. Мошковъ. Гагаузы Бендерскаго уѣзда. V. Свадьба. (Окончаніе) (стр. 98—160). Особенно цѣнны примѣчанія (стр. 131—160), гдѣ приводится много интересныхъ этнографич. данныхъ, приуроченныхъ къ обряду «весилля». Значительная доля примѣчаній посвящена особенностямъ малороссійскаго «весилля».

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Какъ сообщаетъ «Литерат.-Науковий Вістникъ» (кн. V), въ настоящее время дозволены цензурою: «Повисти Шевченка» (на укр. языкѣ), „Люборадськи“ Свидвицкаго одинъ томъ «Твора Руданського», какъ первые томы предполагаемой „Украинской бібліотеки“. Самое названіе «Украинская бібліотека» запрещено. Приготовляются къ печати произведенія Мирнаго, Марка Вовчка, Бордулява, Коцюбинскаго, Чайченка, Днипровои Чайки, Левенка, 4-й и 5 томы сочиненій Кописскаго, 4-ый томъ «Повистей и Оповидань» И. С. Левицкаго ¹⁾ и второе изданіе перваго тома «Викъ» совершенно вышедшаго уже изъ продажн.

Петербургское „Общество изданія общепольныхъ и дешевыхъ книгъ“ предполагаетъ въ непродолжительномъ времени издать брошюру доктора Ваганова: „Про сухоты на худоби“, Выноградъ Е. Чкаленка, «Оповидання про Богдана Хмельницького» Комаря и «Выговщина» Кулиша.

Недозволены цензурой: Бондаренко «Підземни сылы» (про вулканы), «Оповидання про малыхъ звиривъ» Билоусенка, „Прыгода трѣхъ свынокъ“, Рыльскый «Розмова про сільськи выгасы» и два сборника народныхъ сказокъ „Зъ народного поля“.

«Ученымъ Комитетомъ Мѣншт. Нар. Просв.» рекомендована для фундаментальныхъ бібліотекъ всѣхъ вообще среднихъ учебныхъ заведеній Мѣн. Нар. Просв. и для ученическихъ, старшаго возраста, бібліотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній книга *Виталія Эй-*

¹⁾ 3-й томъ («Прычепя» и „Навижена“) въ настоящее время печатается въ Кіевѣ и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ.

юрна. «Очерки изъ Исторіи Малороссіи въ XVII в. I. Сношенія малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. М. 1899. Сиб. XIV+1104. Цѣна 5 р.». Допущена въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки—книга «Пѣсни и думы Кобзаря». Т. Г. Шевченка.. Въ пер. И. А. Бѣлоусова. М. 1900. Стр. 43. Цѣна 20 к. («Журн. М. Нар. Просв.. кн. V).

Въ № 914 газ. «Югъ» г. Г. Коваленко-Коломацкій помѣстилъ отвѣтъ («Справедливо ли?») на статью нѣкоего В. Б. въ «Воляни» подъ заглавіемъ «Общество изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ для народа». Въ своемъ отвѣтѣ авторъ справедливо защищаетъ Петербургское Общество отъ нападокъ В. Б., упрекающаго послѣднее въ томъ, что оно пнертно проявляетъ свою дѣятельность, что постановка издательскаго дѣла тамъ плоха; въ частности же, Обществу поставленъ упрекъ (по поводу брошюры «Оповидання про Антона «Головатого», и за то, что оно «не стремится издать полную исторію малорускаго народа въ послѣдовательномъ порядкѣ, а ограничивается выхватываніемъ отдѣльныхъ эпизодовъ изъ нея, обрисовывая мало замѣченныхъ въ исторіи лицъ», и рекомендуетъ между прочимъ, поучиться издательскому дѣлу у нѣмцевъ?

Авторъ отвѣта приходитъ въ недоумѣніе: что собственно руководило авторомъ статьи въ «Воляни»: незнаніе-ли условій, при которыхъ приходится работать петербургскому просвѣтительному обществу, незнаніе-ли условій, при которыхъ находится до сихъ поръ вообще малорусское слово, или же просто что-нибудь иное?

В. Б. рекомендуетъ петербургскому Обществу издать полную исторію малорускаго народа въ послѣдовательномъ ея развитіи и читаетъ почтенному обществу патацію за то, что оно не сдѣлало этого за 2 года и 4 мѣсяца своего существованія.. Удивительно! Если бы такое предложеніе было сдѣлано человѣкомъ, совершенно незнакомымъ съ даннымъ вопросомъ, то еще куда-бы ни шло, но если это дѣлаетъ человѣкъ, который въ то-же время ведетъ рѣчь и о томъ, что ни одна изъ изданныхъ петербургскимъ просвѣтительнымъ обществомъ брошюръ не имѣетъ доступа въ народныя читальни и школьныя бібліотеки, слѣдовательно, человѣкъ, знакомый съ «независящими обстоятельствами», то это болѣе чѣмъ странно... Намъ кажется, что лицу,

знакомому съ даннымъ вопросомъ, слѣдовалс-бы не вводить напраслины на людей служащихъ безкорыстно общественному дѣлу первой важности, а указать пути, слѣдующимъ которымъ можно было-бы устранить тѣ преграды, что встрѣчаются петербургскому просвѣтительному Обществу въ изданіи не только полной исторіи народа на доступномъ для него языкѣ, — что за смѣлая мысль! — а даже Евангелія и прочихъ священныхъ книгъ, имѣющихся въ переводѣ на языкахъ самыхъ некультурныхъ народовъ. Если общество лишено возможности издать популярную брошюру самаго невиннаго содержанія, какъ напр., о значеніи маяковъ и ихъ постройкѣ, но независящимъ отъ Общества обстоятельствамъ, то что говорить ужъ объ исторіи! И такъ, мы позволяемъ себѣ спросить уважаемаго читателя, справедливо-ли обвиненіе г. В. Б. на «украинофильствующихъ старцевъ и юнцевъ», какъ онъ позволяетъ себѣ крайне не деликатно выражаться въ своей статьѣ за то, что эти «старцы» и «юнцы» вынуждены независящими отъ нихъ обстоятельствами вести дѣло такъ, а не иначе? «Справедливо-ли?»

—

Въ № 5 журн. „Журнала для всѣхъ“ помѣщена весьма обстоятельная рецензія на сборникъ лучшихъ образцовъ украинской поэзіи „Викъ (1798—1898)“.

—

Въ № 903 газ. „Югъ“ помѣщенъ сочувственный отзывъ о книжкѣ «Оповідання про Антона Головатого» М. Комара. Изд. С.-Петербург. О — ва изданія общепользыхъ и дешевыхъ книгъ (№ 7).

—

Въ № 102 газ. „Волянь“ помѣщена обширная статья В. Кравченка „Трофимъ Зиньковскій“ — по поводу исполняющагося десятилѣтія (10 іюня с. г.) со дня смерти этого талантливаго украинскаго писателя. Въ статьѣ приведена обстоятельная біографія, дана характеристика личности писателя и помѣщенъ списокъ произведеній его.

—

Въ № 4 в 5 журнала «X—Strahlen», издаваемаго Романомъ Сембратовичемъ въ Вѣнѣ, помѣщены слѣдующія статьи, касающіяся Галиціи и ея культурной жизни. «Eine proletarier—Nation» Ивана Франка, Deutsche Vermittlungssprache—von R. S. (между прочимъ и о государственномъ языкѣ въ Галиціи), Ivan Franko, ein literarisches Charakterbild—von Roman Sembratovicz, и друг.

Въ Прагѣ (чешской) вышла книга: „Taras H. Ševčenko. Výbor básni. Přeložila Růžena Jesenská (Sbornik Akademie pro vědy, slovesnost a umění. Svazek 69). Nakladatelství... Alois Wiesner knižti-skarna, стр. 186, in 8°. Цѣна 2 корони.

Книга содержитъ 28 переводовъ, между прочимъ: Тополя, До Основьяненка, Перебендя, Иванъ Пидкова, Тарасова ничъ, Катерина, Утоплена, Розрыта могила и др. Какъ видно изъ предисловія, это лишь первый выпускъ; второй также въ непродолжительномъ времени появится въ свѣтъ. Что касается перевода, то несомнѣнно, переводчикъ хорошо знаетъ украинскій языкъ, благодаря чему всѣ его переводы не только хорошо исполнены, но и очень близки къ оригиналу. Для образца приведемъ отрывокъ одного изъ переводовъ:

* «K čemu jsou mé brvy černé?
 K čemu tmavě zraky?
 K čemu mladá divčí léta
 Veselá jsou taky?
 Moje divčí mladá léta
 Marně zapadají,
 Oči pláčou, černé brvy
 Větrém oprachají.
 Jako ptáček bez svobody
 Srdce samo vadná,
 K čemu je mi krásà moje?
 Štěstí nemám žádné!
 Težko je mi sirotkovi
 Na tom světě žiti:
 Lide moji jsou ják ciži,
 S kým mám hovořiti?...

Украинскія пьесы, дозволенныя драматическою цензурою къ представленію.

По 1 мая.

- 1) *Двиста тысячъ.* Комедія въ 4 дѣяхъ. С. М. Стеймацкого.
- 2) *Заглоба-старостю.* Жартъ въ 1 дѣя Сенкевича. Перекальвъ Е. М. Бабецкій.
- 3) *Марни надіи.* Комедія на 5 дѣй. А. Ф. Володского.

(«Привит. Вѣстн.», № 100).

СПИСОКЪ ВНОВЬ ВЫШЕДШИХЪ КНИГЪ.

Бажанський П. Руско-народна музыкальна опера. Львівъ, 1900, 100+83, in 8°. Ціна 3 корони.

Богородицкій В. Діалектологіческія замѣтки. III. Говоръ села «Сушки» Золотоношск. у., Полтавск. губ. Стр. 1—11. (Оттискъ изъ «Учен. Зап. Имп. Каз. Университ.»).

Драгоманов Михайло. Оповіданя про заздрих богів. Друге видане. Заходом і з переднім слівцем М. Павлика. У Львові, 1901. З друкарні Н. Тов. ім. Шевченка. Ст. 54, 16°. Ціна 25 сот.

Заревич Федір. Твори. Т. I. Хлопська дитина. Повість. Виданне «Укр.-Руської Видавнич. Спільки», ч. 30. Львів, 1901, стр. 150. Ц. 1.80 сот.

Карачевскій-Волкъ Н. Сорокъ лѣтъ назадъ, Изъ воспоминаній Мирowego Посредника перваго призыва. (Отт. изъ журнала «Кіевская Старина»). Кіевъ, 1901, стр. 1—16.

Кониський Олександр. Вибір з поем. З портретом. Видане «Руского Педагогічн. Товариства», ч. 87. Львів, 1901. Ціна 30 сот., стр. VIII+33. (По життєпису Ол. Кониського, написаній М. Пачовським; подано 26 поезій).

Кулишъ П. О. Хмельныщына. Историчне оповданія (з 6 малюнкы). № 23. Кіевъ, 1901, стр. 1—116. Ц. 15 коп.

Кучальска Олена. Поварана лож. Комедийка въ 1 акті. Переклав О. Маварушка. Видане «Руского Педагогічного Товариства», Ч. 88. Львів, 1901, стр. 20. Ц. 20 сот.

Луцицкій Н. Изъ недавняго прошлаго. (Отт. изъ журн. «Кіевская Старина»). Кіевъ, 1901, стр. 1—25. Цѣна 20 коп.

Недостойный Иванъ, сынъ Николая. Пѣсни рекрутскя, любовни и жартовлыви. Собраны въ гусятинскомъ повѣтѣ изъ усть народа. Коломыя, 1900. Накладомъ М. Бѣлоуса, стр. 96, in 16, Ціна 20 сот.

Памятная книжка Кіевского учебнаго округа на 1901 г. Часть I. Кіевская Губернія, Ч. II. Подольская губ., Ч. III. Волинская губ., Ч. IV. Черниговская губ., Ч. V. Полтавская губ. (ХП+241+71, ХП—140, ХП+197, ХП+253, ХП+328). Изданіе управленія учебнаго округа. Кіевъ, 1901.

Педагогіка. Чернівці, 1901, стр. 98+6, in 8°. Видавнє «Рускої Школи», ч. 7. Ц. 1 корона.

Святий рік. Жовква, 1901. Зладив еромонах Арсеній Ч. св. В. В. Ціна 25 сот. Содержить объясненія юбілея братства и соотвѣтствующ. молитвы. (Составлена на чисто народ. язъкѣ и, съ разрѣшеніемъ митрополита, напечатана фонетическимъ правописаніемъ).

Толстой Л. Казки. Виданє «Руского Педагогічн. Товариства», ч. 86. Львів, 1901, стр. 43. Ц. 40 сот. Зміст: 1) Божа сила, 2) Казка про Івана-дурака, Семєна-лицаря, Тараса Череваня і німу сестру Малавию, про старого чортяку та трѣх чортенят, 3) Богъ правду видать—та не скоро скаже.

Уро-Руски Народны Спѣванки. Томъ I. Budapest, 1901, стр. 230. Ц. 2 рубля. Содержить около 900 пѣсенъ, записанныхъ въ усть мараморошскихъ Русиновъ.

Франко Иван. Коваль Бассім. Арабська казка. Виданє «Укр.-Руської видавничої Спілки», ч. 31. Львів, 1901, стр. 137. Ц. 1. 60 сот.

Шекспір Уїллім. Антоній і Клеопатра. Переклад П. А. Куліша. З передмовою і поясненіями Ів. Франка. Вид. «Укр.-Руської видавничої Спілки», ч. 32. Львів, 1901, стр. XIV+180. Ц. р. 80 сот.

Экономическая и сельско-хозяйственная дѣятельность Полтавскаго Земства. Доклады экономическому совѣту. № 3. Изд. эконом. бюро Полт. Губ. Земства. Полт. 1901, стр. 1—62 (прилож. къ журн. «Хуторянинъ»).

Яблочков Г. Сільска учителька. Переклав (з великоруської мови) Автін Крушельницький. Виданє «Молодої України», ч. 2. Чернівці, 1901, стр. 77. Ціна 50 сот.

Яворницькій (Эварницькій). Наша доля—Божа воля. Повість. (Отт. изъ журн. «Кіевская Старина»). Кієвъ, 1901, стр. 1—164.

Яновська Л. На синожати. Жартъ въ 1 дїи (зъ спивамы, танкамы). № 24. Кієвъ, 1901. Тил. П. Барскаго, стр. 1—32. ц. 3 к.

Яновська Л. Повернувся изъ Сибіру. Драма на 5 дїй. Кієвъ, 1901, стр. 1—92. Ціна 10 коп.



Археологическая лѣтопись.

къ археологическому сѣзду въ Харьковѣ.

Засѣданія предварительнаго комитета. 1-го мая. Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ, что, согласно постановленію комитета, 1) посланы обращенія ко всѣмъ предварительнымъ комитетамъ и комиссіямъ по подготовкѣ XII археологическаго сѣзда—съ просьбой собирать для выставокъ предметы, вести имъ списокъ, каковой сообщить въ свое время комитету для должнаго выбора предметовъ и приготовленія соотвѣствующихъ для нихъ помѣщеній, 2) послано обращеніе въ Императорскую археологическую комиссію съ ходатайствомъ о предоставленіи комитету для археологической выставки при сѣздѣ вещественныхъ намятниковъ, добытыхъ въ губерніяхъ Харьковской, Курской, Полтавской, Воронежской, Черниговской, Екатеринославской, Таврической, области войска Донскаго и Кубанскаго края; 3) напечатано въ газетахъ обращеніе къ о.о. священникамъ и г.г. учителямъ Харьковской губ. о присылкѣ отвѣтовъ на программы комитета къ началу каникулъ, или же послѣ, но не позже 15 сентября 1901 года, равно увѣдомленіе о приѣмѣ комитетомъ уже въ настоящее время предметовъ для выставокъ; 4) послано обращеніе въ Императорское московское археологическое Общество съ просьбою о предоставленіи комитету денежныхъ средствъ для различныхъ экскурсій предстоящимъ лѣтомъ; 5) послано обращеніе къ г. харьковскому губернатору съ просьбой о соотвѣствующемъ распоряженіи всѣмъ г.г. увѣд-

нымъ исправникамъ, земскимъ начальникамъ, волостнымъ правленіямъ, о принятіи ими пакетовъ и посылокъ отъ о.о. священниковъ и г.г. учителей и другихъ лицъ для бесплатной пересылки комитету.

Далѣе доложено, что комитетомъ уже полученъ отвѣтъ на его обращенія: 1) Императорская археологическая коммиссія, при присылкѣ открытыхъ листовъ на право производства раскопокъ членами комитета, сообщаетъ, что „сочтеть своимъ долгомъ, по мѣрѣ возможности, доставить въ комитетъ древніе предметы, найденные въ губерніяхъ, входящихъ въ районъ дѣятельности предстоящаго XII археологическаго съѣзда“; 2) харьковская губернская земская управа прислала открытые листы на право свободного пользованія г.г. экскурсантами почтовыми земскими лошадьми; 3) Общество любителей изученія Кубанской области сообщило отчетъ о произведенныхъ имъ въ 1900 г. и предполагаемыхъ въ 1901 г. работахъ; имъ, кромѣ изученія архивовъ, церковныхъ запорожскихъ древностей и др., предполагено производство раскопокъ кургановъ близъ станицъ Нефтяной, Апшеронской, Таманской, если только Императорскимъ московскимъ археологическимъ Обществомъ будутъ отпущены на это необходимыя денежныя средства; 4) таврической губернаторъ сообщилъ, что г.г. земскіе начальники губерніи будутъ присылать комитету непосредственно свѣдѣнія и предметы въ виду археологическаго съѣзда и выставокъ при немъ; 5) проф. Всев. Миллеръ предложилъ комитету приобрести графофонъ для записи малороссійскихъ пѣсенъ и отпустить средства для спеціальной съ этой цѣлью экскурсіи.

Постановлено указанныя учрежденія благодарить, —отъ спеціальной-же экскурсіи для записи малороссійскихъ пѣсенъ—отказаться—въ виду недостатка средствъ, и просить членовъ комитета сдѣлать по личному почину въ указанномъ отношеніи—то, что имъ будетъ возможно.

Проф. Д. И. Багалъй доложилъ, что предварительный комитетъ при Императорскомъ московскомъ археологическомъ Обществѣ одобрилъ проектъ харьковскаго комитета по устройству этнографическихъ экскурсій, и, кромѣ того, ассигновалъ средства на раскопки, изученіе архивовъ и церковныхъ древностей,

равно историко-филологическому Обществу при институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

Проф. Д. И. Багал'ѣй сообщилъ проектъ организациі выставокъ при археологическомъ сѣздѣ; предполагаются къ устройству слѣдующія выставки: по древностямъ первобытнымъ, историческимъ, церковнымъ, картографическая, этнографическая, старопечатныхъ книгъ, рукописей.

П. Ефименко сообщилъ о могильникѣ возлѣ Салтовскаго городища, на разстояніи 1½—2 версты: погребенія обнаруживаются на обрывахъ овраговъ; вмѣстѣ со скелетами людей, крестьяне находятъ здѣсь скелеты лошадей, принадлежности конской сбруи и украшенія, арабскія монеты и др.

Доложено сообщеніе П. В. Иванова о нѣкоторыхъ картинахъ малорусскихъ живописцевъ, первой половины XIX вѣка съ изображеніемъ казака (Горд'ѣй Велегура) и подробными малороссійскими стихотворными надписями.

Доложено о представленіи комитету В. В. Милорадовичемъ трехъ его статей: Лѣсная Лубенщина, къ вопросу о колонизациі Посулья въ XVI и XVII вѣкахъ, Сибѣинская старина, и о просьбѣ его ходатайствовать предъ медицинскимъ департаментомъ о разсмотрѣніи его труда „Народная медицина въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губ.“

Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ о присылкѣ народными учителями Купянскаго и Изюмскаго уѣздовъ отвѣтовъ на программы комитета; нѣкоторые изъ нихъ сообщаютъ богатый матеріалъ по этнографіи; учителя Д. Каливинъ (Радьковка) и Стежкинъ (Гусаровское училище, Изюмскаго уѣзда) представили множество рисунковъ съ бытовыхъ предметовъ.

Проф. М. Г. Халанскій прочелъ свой докладъ „Краснополянскій „голубецъ“, какъ памятникъ побѣды, одержанной курянами надъ татарами въ 1628 году“, и познакомилъ со своими наблюденіями надъ рукописями и книгами, поступившими въ распоряженіе комитета. Онъ же познакомилъ съ описью коллекціи А. Томилиной (Курской губ.): медали, монеты, кресты, топоры, документы и др., и съ записаннымъ стихотвореніемъ и народной пѣснью.

Проф. Д. И. Багал'ѣй познакомилъ съ изслѣдованіями архивныхъ матеріаловъ—г.г. Катаева и Татищева.

Постановлено—просить историко-филологическое Общество о напечатаніи этихъ изслѣдованій въ выпускаемомъ имъ къ археологическому съѣзду спеціальному томѣ своего „Сборника“.

Профессоръ Е. К. Рѣдипъ доложилъ о предметахъ, поступившихъ въ распоряженіе комитета для археологической выставки и для музея древностей университета. Поступили: отъ свящ. сл. Новоселки—„агнецъ“—деревянная статуя, отъ г. Борисова (Богодуховск. уѣзда)—писанки; отъ свящ. Шостенко—писанки; отъ проф. Н. О. Сумцова—рисунокъ сволока въ его домѣ въ слоб. Боромлѣ, 1776 г.; отъ г-жи Орловской и проф. Л. В. Рейнгарда—фотографіи; отъ г.г. А. П. Коваленскаго и Е. К. и П. А. Зарвовскихъ, и В. И. Турбиной—различныя памятники изъ семейнаго архива; отъ свящ. Грекова—евангеліе 1677 года, серебряный крестъ 1788 года; отъ свящ. Петровскаго—фотографіи съ памятниковъ церкви слоб. Юнаковки; отъ свящ. Будянскаго—требникъ Петра Могилы, кипарисный крестъ XVIII в.; отъ свящ. П. Шишлова—церковныя пѣсни—рукопись XVIII в.; евангеліе 1791 г.; отъ учительницы Софійевской (Борки): писанки, кафли, монеты, и др.; отъ свящ. В. Покровскаго—требникъ П. Могилы; отъ г. Чешко—картина „Марія Магдалина“; отъ свящ. слоб. Хатней, Волчанск. уѣзда, икона на холстѣ съ изображеніемъ Знаменія Богородицы на орлѣ; Новый Завѣтъ—XVIII вѣка, требникъ; отъ проф. В. П. Бузескула икона „Благое молчаніе“; отъ кондрашовскаго и курешовскаго училищъ Кулянскаго уѣзда: кресты, монеты; отъ гусаровскаго и селиновскаго училищъ Изюмскаго уѣзда—очипокъ, медали, кресты, иконы, монеты; отъ учит. Будянской (Староб. уѣзда): монеты, два книжала, кремь; отъ свящ. Чебанова—Библия 1751 г., картина—дѣвушка съ голубкомъ, XVIII в., серебряныя и мѣдныя монеты; отъ учит. Горбачевскаго (Богодух. уѣзда)—различныя этнографическіе предметы; отъ свящ. Ведринскаго (Волчанскаго уѣзда)—чаша, дарохранильница, дискосъ, четвероев. 1711 г., четыре желѣзныхъ брачныхъ вѣнца; отъ свящ. Хорошкова: желѣзные вѣнцы, оловяныя чаша и дарохранильница XVIII вѣка; отъ священника Венгеровскаго: тридіонъ Лазаря Барановича, литургиконъ 1653 г.; отъ г-жи Лосевой и Н. А. Кирьяковой—фамильные документы; отъ свящ. с. Бѣловцы, Сумскаго уѣзда—псалтирь 1732 г., Новый Завѣтъ;

отъ свящ. Лисенко—оловяная чаша и блюда; отъ свящ. Антонова—кипарисный крестъ XVIII в. и двѣ иконы; отъ свящ. Василевскаго—картина „Харько—основатель Харькова“; отъ г. Бреславца—мѣдный кинжалъ; отъ г. Милорадовича—тѣневныя фигуры на картонѣ; отъ г-жи Павловой—урна; отъ Власова (Печащанское, Леб. уѣз.)—копья, планъ городищъ, фотографіи; отъ свящ. Зубарева—крестъ съ финифтью XVIII в., новая скрижаль 1803 г., монеты; отъ свящ. Грекова—окладъ Б. М. Руденской; отъ священ. П. Яновскаго: картонныя вѣнцы, четыре кипарисныхъ креста, воздухи, четвероевангеліе 1685 г.; отъ г-жи Томилиной—писанки, одѣяло крестьянской работы, лѣсенка для сушки писанокъ; отъ свящ. Т. Павлова: клыкъ мамонта, желѣзный треножникъ, стремяна, удила; отъ свящ. Москалева—Минея 1711 г.; отъ г. Шашко—фотографія; отъ В. О. Щербининой—вещи изъ Донецкаго городища: точило, пряслицы, монеты; отъ В. И. Срезневскаго—множество предметовъ священническаго облаченія, церковной оловяной утвари (изъ собранія покойнаго академика И. И. Срезневскаго).

Предварительный комитетъ выражаетъ глубокую благодарность всѣмъ вышеуказаннымъ лицамъ и доставившимъ различныя свѣдѣнія.

15 мая. Проф. Е. К. Рѣдинъ ознакомилъ съ общимъ количествомъ отвѣтовъ, полученныхъ комитетомъ на его программы отъ о.о. священниковъ Харьковской епархіи и народныхъ учителей Харьковской г. Отвѣты эти получены еще далеко не изъ всѣхъ мѣстъ уѣздовъ губерніи; но комитетъ надѣется, что къ 15 сентября ему будетъ доставленъ уже весь матеріалъ. Полученный матеріалъ разбить по отдѣламъ и его (равно и тогъ, что еще поступитъ) рѣшено разработать и издать къ археологическому съѣзду.

Далѣе доложено о поступившихъ свѣдѣніяхъ о курганахъ и городищахъ Харьковской губ., г.г. дворянахъ и землевладѣльцахъ, имѣющихъ фамиліные документы, портреты и коллекціи древностей, памятниковъ искусства. Рѣшено обратиться ко всѣмъ имъ съ покорнѣйшей просьбой о доставленіи предметовъ ихъ коллекцій для выставокъ при съѣздѣ. Комитетъ пользуется

случаемъ покорнѣйше просить всѣхъ лицъ, у кого имѣются какіе-либо памятники старины, искусства,—доставить ихъ ему для выставокъ.

Проф. Д. И. Багалъй доложилъ, что, согласно принятому комитетомъ проекту организаціи выставокъ,—въ видахъ обезпеченія послѣднихъ соотвѣтствующимъ матеріаломъ—уже посланы обращенія къ столичнымъ и провинціальнымъ древнехранилищамъ, ученымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ—съ покорнѣйшей просьбой о предоставленіи комитету для выставокъ имѣющагося у нихъ матеріала, какъ весьма важнаго и полезнаго для изученія въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ района, подлежащаго изученію XII археологическаго съѣзда: церковно-археологическому музею при кievской духовной академіи, музею Б. И. Ханенко, кievскому музею древностей при университетѣ св. Владиміра, музею Г. А. Хайновскаго, новочеркасскому музею древностей, кубанскому статистическому комитету, музею г-жи Польш, музею г-жи Е. Н. Скаржинской, одесскому Обществу исторіи и древностей, музею В. В. Тарновскаго (черниговская земская управа), музею полтавскаго земства, московскому главному архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Румянцевскому музею, московскому Обществу любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, московскому архиву Министерства Юстиціи, московскому отдѣленію архива главнаго штаба, историческому музею, музею П. В. Щукина, музею П. Л. Шабельской, Императорской публичной бібліотекѣ, военно-учебному архиву главнаго штаба, Императорской академіи художествъ, архиву Святѣйшаго Правительствующаго Синода, с.-петербургскому артиллерійскому музею, Императорской академіи наукъ.

Кромѣ того, рѣшено обратиться съ просьбой къ архіереямъ всѣхъ епархій, входящихъ въ районъ дѣятельности съѣзда, чтобы ими было дано благословеніе и указъ на присылку о.о. священниками памятниковъ церковной старины для церковно-археологической выставки при съѣздѣ.

Рѣшено также обратиться къ Императорскому московскому археологическому Обществу съ просьбой оказать помощь и содѣйствіе по устройству выставокъ при съѣздѣ.

Прочитано письмо Н. А. Федоровскаго по поводу изслѣдованія стоянокъ каменнаго періода въ Изюмскомъ уѣздѣ (с. Райгородокъ). Рѣшено просить мѣстныхъ изслѣдователей принять участіе въ изученіи этихъ стоянокъ.

Д. П. Миллеръ ознакомилъ съ содержаніемъ и значеніемъ документовъ, поступившихъ въ распоряженіе комитета.

Прочитано письмо, въ которомъ сообщается, что въ Старомъ Салтовѣ, Волчанскаго уѣзда, производятся хищническія раскопки, причѣмъ старинныя серебряныя монеты и другіе цѣнные предметы перепродаются золотарямъ, а малоцѣнные—уничтожаются.

Рѣшено просить администрацію—запретить хищническія раскопки.

Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ о предметахъ, поступившихъ въ распоряженіе комитета для выставокъ и музея древностей: отъ проф. М. М. Ковалевскаго (Двурѣчный Куть)—коллекція древнихъ памятниковъ изъ Сванетіи, оружія, металлическихъ сосудовъ и друг.; изъ ц. Воскресенія, сл. Ольшавъ—требникъ П. Могилы, Дѣянія свв. апостолъ 1709 г., деревянный крестъ XVIII в.; отъ свящ. Шебатинскаго (Бильбасовка)—иконы Христа Спаса и св. Николая XVIII в. и мѣдный подсвѣчникъ съ армянскою надписью; отъ свящ. Линицкаго (сл. Боровая)—Евангеліе 1760 года и Типиконъ 1766 г.

Предварительный комитетъ выражаетъ глубокую благодарность всѣмъ вышеупомянутымъ лицамъ и г-жѣ Риттеръ за ея содѣйствіе въ полученіи древностей изъ Двурѣчнаго Кута.

Въ члены комитета избраны г.г. Татищевъ и Катаевъ.

Е. Р.

Дѣятельность Комиссіи Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ по собиранію археологическихъ и этнографическихъ свѣдѣній и предметовъ въ предѣлахъ Черниговской губ. къ XII-му археолог. съезду (за время съ 12 октября 1900 по 1 марта 1901 г.). Въ №№ 2484—2489 „Черниговскихъ Губернск. Вѣдомостей“ напечатанъ докладъ предсѣдателя Комиссіи проф. А. Добіаша по данному вопросу. Дѣятельность Комиссіи выразилась въ разсылкѣ программъ, въ рассмотрѣніи печатныхъ изданій и ру-

кописей, присылаемыхъ въ Комиссію (изъ послѣднихъ отмѣтимъ сборникъ южно-русской скорописи XVII в. со статьями духовнаго содержанія) и въ докладахъ членовъ Комиссіи и лицъ, къ которымъ она обращалась, по различнымъ предметамъ. Изъ послѣднихъ отмѣтимъ докладъ проф. Бережкова объ атласѣ малороссійскихъ картъ и плановъ, XVIII в., хранящемся въ Черниговской гимназіи и сообщенія Н. Д. Кармазина о преданіяхъ, связанныхъ съ урочищемъ „Кручей“ въ Миргородѣ и народнаго учителя С. А. Гатцука, собравшаго интересныя данныя о древностяхъ и бытѣ нѣкоторыхъ мѣстностей Мглинскаго у. С. А. Гатцукомъ присланы также и предметы старины, вообще послѣднимъ выказано много энергіи въ дѣлѣ собранія свѣдѣній. Въ заключеніе въ докладѣ приводятся нѣкоторыя предложенія членовъ Комиссіи: М. И. Лилеевъ предлагаетъ устроить при Обществѣ самостоятельную выставку изъ присылаемыхъ предметовъ съ тѣмъ, чтобы уже изъ нея выдѣлать для Харькова то, что найдетъ нужнымъ Харьковскій предварительный комитетъ; В. К. Пискорскій предлагаетъ собирать, кромѣ рукописнаго и старопечатнаго, также и новопечатный матеріалъ, относящійся къ Черниговщинѣ въ предѣлахъ программы съѣзда; А. Н. Малинка внесъ предложеніе о составленіи для Черниговской губ. фотографическаго альбома по этнографіи; за составленіе альбома и пояснительнаго къ нему текста берется самъ А. Н. Малинка.

Ученыя общества.

Церковно-Археологическое Общество при Кіевской Духовной Академіи въ 1900 году. Къ концу отчетнаго года, судя по „Отчету“, въ Обществѣ состояло 20 почетныхъ членовъ, 119 дѣйствительныхъ и 38 членовъ-корреспондентовъ, всего 178 лицъ. Въ теченіе года было 9 засѣданій Общества, на которыхъ доложено 9 рефератовъ, но изъ послѣднихъ лишь 3 касались церковно-археологическихъ вопросовъ, а изъ этихъ трехъ къ южно-русской старинѣ имѣлъ отношеніе только одинъ—А. П. Булгакова-- О серебряномъ чеканномъ блюдѣ Аугсбургскаго ма-

стера Грилля, половины XVII в., изъ Каменецъ-Подольскаго кафедральнаго собора. Преобладали-же рефераты на темы философско-историческія и церковно-историческія. Это послѣднее обстоятельство вызвало предложеніе предсѣдателя Общества о расширеніи въ уставѣ научныхъ задачъ Общества. Другія занятія членовъ Общества состояли въ образованіи нѣсколькихъ комиссій: для провѣрки наличности музея, для описанія архива Кіевской духовной консисторіи, для осмотровъ церквей.

Въ 1900 г. въ Церковно-Археологическій Музей Общества поступило: памятниковъ церковной архитектуры, живописи, скульптуры, утвари и т. п.—51, медалей, жетоновъ, монетъ—63, религіозныхъ памятниковъ разныхъ народовъ и древнихъ памятниковъ военнаго и домашняго быта—23, актовъ, грамотъ, писемъ—4, рукописей—6, старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ—1, гравюръ, чертежей, фотографій—8, періодическихъ изданій, книгъ и брошюръ—91, всего—247. Если изъ этого, въ общемъ небольшого, числа отбросить много предметовъ, имѣющихъ очень и очень незначительный научный интересъ, то поступленія предметовъ старины сведутся всего къ нѣсколькимъ десяткамъ. Изъ нихъ можно отмѣтить слѣдующіе: архитектурные остатки изъ урочища „Церковщина“, бронзовый складной аколпюнъ, найденный въ усадьбѣ Кіевского Реального Училища, свинцовую вислюю печать съ именемъ Андрея, найденную въ одной изъ усадьбъ по Софійской ул. въ Кіевѣ,—все это предметы княжеской эпохи. Изъ позднѣйшей южно-русской старины поступили: рѣзные фигуры архангела Михаила изъ г. Ольвіополя, Херсонск. г. и изъ с. Мироновки, Каневского у., рѣзной ставникъ изъ м. Триполья, Кіевск. у., иконы Спасителя и Богородицы изъ иконостаса, устроеннаго митр. Тимофемъ Щербацкимъ въ с. Веремѣ, Кіевск. у., шитые шелками подризники и поручи изъ той-же церкви, бархатная фелонь и епитрахиль XVII в. съ шитыми золотомъ и серебромъ священными изображениями изъ Кіевской Срѣтенской церкви, гравировальная мѣдная доска кіевского гравера Иларіона Мигуры, начала XVIII в. Какъ и въ прежніе годы, поступленія изъ провинціи, изъ уѣздныхъ и сельскихъ церквей, единичны; между тѣмъ тамъ идетъ своей дорогой уничтоженіе предметовъ церковной старины. Неужели такъ трудно Церковно-Археологическому Обществу организовать по-

ѣздки по провинціи съ цѣлью регистраціи и доставленія въ Музей предметовъ? Хорошо было-бы Обществу взять примѣръ хотя-бы съ подобнаго-же Волинскаго Общества, поставленнаго въ менѣе благопріятныя условія, чѣмъ Киевское. Поѣздки тамъ совершаются ежегодно и, благодаря имъ, пополняется древлехранилище и сохраняются отъ гибели цѣнныя образчики иконописи, утвари и т. п.

10-го мая въ засѣданіи *Комиссіи по описанію памятниковъ украинской старины*, состоящей при Обществѣ Нестора Лѣтописца, былъ доложенъ запросъ предсѣдателя Имп. Московскаго Археологическаго Общества о предполагаемыхъ на текущее лѣто экскурсіяхъ. Изъявили согласіе совершить экскурсіи: *И. М. Каманинъ*—въ Киевскій, Радомысльскій, Чигиринскій и Таращанскій уу., *В. И. Щербина*—въ Киевскую губ., *Н. Ф. Бяляшевскій*—въ Киевскую и отчасти Черниговскую губ., *А. М. Лазаревскій*—въ г. Прилуки, *В. Г. Ляскоронскій*—въ Пирятинскій, Лубенскій, Роменскій и Лохвицкій уу., причемъ В. Г. Ляскоронскимъ свѣдѣнія о памятникахъ украинской старины будутъ собираться лишь понутно, при случаѣ, такъ какъ главная цѣль экскурсіи чисто археологическая; наконецъ, о. *Е. Стцинскій*—въ тѣ мѣста Подольской губ., которыя не были еще охвачены экскурсіей прошлаго года. Къ сожалѣнію, Волинская губ., гдѣ въ прошломъ году производились съ такимъ успѣхомъ обследованія, останется безъ экскурсіи, т. к. знатокъ волинской церковной старины, О. А. Фотинскій, совершавшій поѣздки по Волини въ прошлое лѣто, на этотъ разъ не можетъ продолжать изслѣдованій.

Въ этомъ-же засѣданіи доложено отношеніе Полтавской Консисторіи по поводу ремонта церкви Спаса Нерукотворнаго Образа въ Полтавѣ, построенной въ 1705 г., и покрытой, въ видахъ сохраненія, наружнымъ чехломъ въ 1845 г. Церковь дала трещины и осадку, потускнѣлъ иконостасъ и образа; и вслѣдствіе этого ремонтъ ея необходимъ. Комиссія постановила, давъ письменно указанія относительно реставраціи иконостаса и иконъ, просить члена Комиссіи О. И. Левицкаго отправиться въ Полтаву для осмотра церкви на мѣстѣ.

Изслѣдованія и раскопки.

Осмотръ церкви въ с. Глубочкѣ, Уманскаго у., Кіевск. губ.
Къ предстоящимъ экскурсіямъ членовъ Комиссіи по описанію памятниковъ украинской старины отъ учителей и священниковъ поступаютъ разосланные Комиссіей вопросы листы съ отвѣтами. Поступаютъ они довольно вяло и отвѣты на вопросы очень лаконичны. Но нѣкоторыя указанія они все-таки даютъ—и за это спасибо. Нѣсколько разъ мы уже поднимали вопросъ о регистраціи всѣхъ вообще памятниковъ старины, въ данномъ случаѣ, главнымъ образомъ, церковной. На практикѣ, конечно, трудно скоро ожидать выполненія такой работы, такъ какъ повсюду приходится наткаться на поразительную косность въ этомъ отношеніи какъ со стороны духовенства, такъ, къ большому сожалѣнію, даже и со стороны *ученыхъ* учреждений, въ задачи которыхъ входитъ изученіе церковной старины. Между тѣмъ, хотя въ видѣ остатковъ, но все-таки церковная старина кое-гдѣ еще сохранилась. Примѣромъ можетъ служить перечень различныхъ предметовъ церкви захолустнаго села Глубочка, обнаруженныхъ В. Н. Доманицкимъ при осмотрѣ церкви въ апрѣлѣ настоящаго года. Церковь деревянная, построенная Нарышкинымъ въ 1764, сохранилась еще въ неприкосновенномъ видѣ. Сохранился и иконостасъ съ выдающимися рѣзными колонками. Возлѣ церкви стоитъ очень любопытная колокольня—каплица, оригинальной, рѣдкой теперь уже формы, въ видѣ усѣченной пирамиды, внутри которой подвѣшены колокола. Въ церкви нѣкоторыя иконы, между прочимъ и стѣнные, относятся ко времени построенія; изъ болѣе позднихъ (1832 г.) здѣсь имѣется бывшая въ большемъ распрограненіи на Украинѣ икона, изображающая отрѣка Христа, лежащимъ на „перыиѣ“, съ крестомъ между тѣломъ и собственно „перыиѣ“; надпись на иконѣ слѣдующая: „Смутный одръ, дивна перина, на которой спить сія Богъ-Дытина. Но что реку? Буде спати, за насъ издѣтка учытса страдати“. Въ алтарѣ, на престолѣ—прекрасной работы старинная дарохранительница и два евангелія, 1774 и 1785 г. (московской печати), въ настоящее время не употребляемыя, съ записями жертвователей. Ризница въ нѣкоторой части также

восходить къ концу XVIII и началу XIX ст.; здѣсь есть старинныя парчевыя ризы, шелковые платы, съ шитыми шелками чудными узорами, шитые поручи и т. д. Каждую из принадлежностей церковнаго облаченія легко хронологически установить и провѣрить по хранящейся въ церкви описи церковныхъ вещей 1802 г.; очень многія изъ облаченій помѣчены въ этой описи, какъ уже вышедшія изъ употребленія. Въ церковномъ архивѣ, ведущемъ свое начало съ послѣдней четверти XVIII ст., хранится, между прочимъ, небольшая рукописная тетрадка, сильно попорченная, озаглавленная такъ: „Субботныкъ или помяновеніе душъ отъ вѣка усопшихъ и здѣ уписанныхъ. Списанный до храму Воздвиженія честнаго креста веси Глубочка священноіерею Іліи Пльніецкому пресвытеру тоей-же церкви. Року Божіа 1781 мѣа августа дня ѿг.“ Какъ заголовокъ, такъ и весь „Субботныкъ“ писаны четкимъ полууставомъ; заглавныя буквы и отдѣльныя слова, имѣющія болѣе важное значеніе, расписаны кивоварью, кромѣ того, заголовокъ окруженъ красивой рамкой, въ видѣ арки, украшенной растительнымъ орнаментомъ. Упомянутый „пресвытеръ“ Пльнецкій рукоположенъ во священники въ 1781 г. и тогда-же соорудилъ этотъ „Субботныкъ“, куда вписалъ всѣхъ своихъ сродниковъ. Послѣдующіе священники Глубочка дѣлали также записи, какъ родныхъ, такъ и другихъ прихожанъ, „помощи требующихъ“. На оборотѣ заглавнаго листа той-же рукой помѣщено слѣдующее интересное шестистишіе:

„Поцитать паперу нового,
 Чи здобный будетъ до дѣла такого:
 Щось маемъ за умершихъ писать,
 Бо треба ся и собѣ тамъ сподѣвать,
 Же смерть ни ввоци ни въ день не замедлитъ
 Якъ о старомъ, такъ о молодомъ мыслить“.

Намъ кажется, что такихъ церквей, какъ въ с. Глубочкѣ, найдется еще у насъ не мало, слѣдуетъ только обратить на нихъ вниманіе.

Случайныя находки.

Находки съ г. Києвъ. Въ началѣ и весной текущаго года на территоріи Києва сдѣланы слѣдующія находки:

1. На Нижней Юрковицѣ, въ усадьбѣ Петровой, при копаніи горы, открыта пещера, осмотръ которой не обнаружилъ никакихъ предметовъ древности. Пещеры въ лёсѣ не представляютъ особой рѣдкости въ районѣ Кирилловской улицы или, правильнѣе, нагорной ея стороны,—ихъ имѣется здѣсь значительное количество. Начало пещеръ, какъ впервые показали изслѣдованія проф. В. Б. Антоновича, относится къ каменному вѣку, и, несомнѣнно, продолженіе изслѣдованій этихъ пещеръ дало бы цѣнные результаты; но бѣда въ томъ, что лѣтъ сорокъ тому назадъ нѣкій генералъ Баггоутъ производилъ здѣсь обширныя раскопки съ цѣлью найти будто-бы схороненный тутъ Мазепой громадный кладъ. Баггоутомъ, а послѣ его смерти и его женой, была испорчена масса пещеръ, такъ какъ на встрѣчавшіеся при кладовискательскихъ раскопкахъ различные остатки древней культуры не обращалось никакого вниманія. Очень возможно, что и пещера въ усадьбѣ Петровой была уже раньше раскопана кѣмъ-ниб. изъ Баггоутовъ.

2. Въ Александровскомъ паркѣ, благодаря провалу въ одномъ мѣстѣ земли, открытъ подземный ходъ, также не давшій никакихъ находокъ. Такого рода ходы, служившіе скорѣе всего для военныхъ цѣлей и относящіеся къ неособенно давнему времени, были открываемы уже и раньше на Печерскѣ и вблизи его.

3. На Трехсвятительской улицѣ, при выемкѣ земли подъ фундаменты строящихся противъ Трехсвятительской церкви домовъ, можно было наблюдать цѣлый рядъ послѣдовательныхъ слоевъ, показывающихъ, что мѣстность эта была населена съ глубокой древности,—это и не удивительно, такъ какъ этотъ пунктъ входилъ въ черту древнѣйшаго кіевского „дѣтинца“. Не смотря однако на обиліе „культурныхъ“ слоевъ, находокъ, на этотъ разъ, встрѣтилось немного. Почти всѣ онѣ относятся къ княжескому періоду, именно: сосудикъ изъ листовой мѣди, въ формѣ вотелка, части изломаннаго мѣднаго подсвѣчника, часть

глиняного свѣтильника. Былъ найденъ также желѣзный предметъ, напоминающій мечъ, но рабочіе сбыли его какому-то офицеру, и точно сказать, что это было, теперь нельзя.

На „Княжесей Горѣ“ всю весну продолжались раскопки крестьянъ с. Пекарей. Но, повидимому, почва городища начинаетъ уже истощаться—до послѣдняго времени цѣнныхъ находокъ не встрѣчалось. Лишь на дняхъ, у подошвы горы, на самомъ берегу Днѣпра, крестьянамъ снова удалось добыть интересные предметы, свалившіеся по всей вѣроятности вмѣстѣ съ землей съ вершины горы, гдѣ расположено городище. Вообще нужно замѣтить, что несомнѣнно Днѣпръ поглотилъ въ свои нѣдра не малое число древностей, такъ какъ городище вотъ уже въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ постепенно обрушивается и сползаетъ въ рѣку. На этотъ разъ, въ прибрежномъ пескѣ, кромѣ нѣсколькихъ крестовъ, серебряныхъ сережекъ и др. предметовъ, найденъ золотой витой перстень, золотое височное кольцо и въ высшей степени интересная *серебряная* вислая печать, представляющая единственную до сихъ поръ извѣстную находку этого рода. Печать имѣетъ видъ неправильнаго кружка (22 мм. высоты и 25 мм. ширины), составленнаго изъ двухъ, плотно сбитыхъ, серебряныхъ пластинокъ, между которыми проходилъ шнурокъ. Какъ на одной, такъ и на другой сторонѣ, въ кружкахъ, помѣщены изображенія святыхъ (на головахъ нимбы), во весь ростъ; у одного съ правой стороны копье. По бокамъ, сверху внизъ, надписи: на одной сторонѣ (тамъ, гдѣ святой съ копьемъ)—аго | дмт, причемъ буквы д и т едва примѣтны, на другой—аг | всілі, причемъ буквы выбиты въ обратную сторону. Изображенія и надписи выбиты рельефомъ и выбиты очень грубо. Основываясь на этомъ несовершенствѣ работы и отчасти на мѣстѣ находки, можно предположить, что настоящая печать—русской работы и происхожденія; находженіе-же изображеній св. Димитрія и Василія можетъ дать нѣкоторыя указанія и на то лицо, отъ котораго шла грамота съ данной печатью.

Въ *г. Каневъ, Киевск. губ.*, возлѣ Успенской церкви, заложеной въ 1144 году вел. кн. Всеволодомъ Ольговичемъ, найденъ небольшой каменный крестикъ-гѣльникъ, относящійся ко времени основанія церкви.

Въ *с. Пархомовкѣ, Сквирск. у. Киевск. г.*, при рытвѣ канавы въ полѣ черезъ курганъ, на глубинѣ нѣсколькихъ аршинъ, найденъ хорошо сохранившійся человѣческій костякъ, окрашенный въ красный цвѣтъ. По распоряженію управляющаго имѣніемъ, съ цѣлью сохраненія находки, костякъ снова засыпанъ землей. Въ окрестностяхъ с. Пархомовки есть еще нѣсколько кургановъ, изъ которыхъ одинъ обращаетъ на себя вниманіе своей величиной. „Кіевл.“

Въ *с. Гуляевкѣ, Конотопск. у. Черниг. губ.*, при паханіи поля, найденъ кладъ монетъ. Судя по нѣсколькимъ экземплярамъ, поступившимъ къ А. М. Лазаревскому, кладъ составляли мелкія польскія серебряныя монеты начала XVII вѣка.

Въ *Керчи*, на участкѣ земли Ф. В. Фельдштейна, при земляныхъ работахъ, рабочіе наткнулись на длинный подземный корридоръ, въ концѣ котораго оказалась довольно просторная 4-хъ угольная комната, украшенная различными рисунками. Полъ также испещренъ различными рисунками и сценами изъ мифическаго міра. На одномъ рисункѣ виднѣтся полуистертая надпись, которую, къ сожалѣнію, нельзя разобрать. Есть данныя, указывающія, что постройка возведена лѣтъ 200 до Р. Х. Въ одномъ изъ угловъ комнаты найдена разбитая ваза, необыкновенно искусной лѣпной работы; въ верхней части ваза украшена замѣчательно художественно выполненной виньеткой, сдѣланной изъ золота. Помимо этого, найдено еще нѣсколько дорогихъ колець, бусъ и нѣкот. друг. мелкія вещи. Раскопки продолжаются и, по всей вѣроятности, не скоро закончатся. Владѣлецъ сфотографировалъ всѣ найденные предметы, а также и участокъ земли, на которомъ производится раскопки. „Крым. Вѣстн.“

Находки въ г. Глуховѣ, Черниговск. г., на мѣстѣ древняго Михайловскаго кладбища. Въ „Черниг. Губ. Вѣд.“,—1852 г. № 32, 34,—помѣщена замѣтка неизвѣстнаго автора о глуховскихъ древностяхъ. Въ числѣ разныхъ достопамятныхъ предметовъ указывается, между прочимъ, на хранившееся въ Анастасіевской церкви (теперь неизвѣстное) евангеліе съ надписью, что оно пожертвовано полковникомъ Стародубскимъ Михаиломъ Миклашевскимъ въ 1681 г. въ Глуховскую Михайловскую церковь (надпись эта приводится и у Филарета въ его „Описаніи Черн. нам.“). Изъ этой даты видно, что Михайловская церковь въ 1681 г. уже существовала въ Глуховѣ.—Въ той же статьѣ „Черн. Губ. Вѣд.“ есть указаніе на мѣдную доску (теперь также не существующую), на которой вырѣзанъ годъ основанія Михайловской церкви—~~1693~~—1693 г. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, эта церковь была каменная. Между тѣмъ, одинъ изъ глуховскихъ старожиловъ, нѣкто г. Петровскій, составлявшій записки о глуховскихъ достопримѣчательностяхъ (послѣ смерти автора, его записки перешли къ П. Як. Дорошенку), называетъ Михайл. церковь деревянною.—Объясненіе всѣмъ этимъ противорѣчіямъ находимъ въ „Описаніи Ст. Малор.“ Лазаревскаго, гдѣ авторъ говоритъ о существованіи въ Глуховѣ въ 1654 г. деревянной церкви во имя св. архистратига Михаила, передѣланной въ 1693 г. въ каменную.—Во время страшнаго пожара 7 авг. 1784 г. (объ этомъ пожарѣ всеподданнѣйше доносилъ Румянцевъ) погибла въ числѣ другихъ 5 церквей и Михайловская (кстати, не слѣдуетъ смѣшивать этой церкви съ Михайловскимъ женскимъ монастыремъ, также сгорѣвшимъ въ это время). Мѣсто, гдѣ она стояла, занато теперь усадьбой, принадлежащей причту Св.-Троицкой церкви. Все это мѣсто, на небольшомъ разстояніи отъ поверхности земли, покрыто человѣческими костями, что указываетъ на существованіе здѣсь когда-то кладбища. И, дѣйствительно, упоминаніе объ этомъ кладбищѣ попадаетъ неоднократно въ разныхъ старинныхъ документахъ; г-ну Дорошенку удалось даже собрать (изъ дневника Маркевича и др. источник.) имена нѣкоторыхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ личностей, погребенныхъ на этомъ мѣстѣ; вотъ эти лица: 1) Васил. Як. Жураховскій, генеральный есаулъ, † 1730 г.; 2) жена его—Марія Гри-

горьевна Жураховская, рожд. Максимовичъ, † 1729 г.; 3) жена генеральнаго писаря Семена Савича; 4) дѣвица Уляна Андр. Полуботокъ († 1723), внучка полковника Черниговскаго и на-казнаго гетмана Павла Леонтьев. Полуботка; 5) бригадиръ Иванъ Кондр. Ильинъ, † 1747 г. (членъ генеральной канцеляріи).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при рытвѣ фундамента для дома, въ этомъ мѣстѣ въ землѣ была найдена золотая серьга. Къ сѣверу это кладбище оканчивается теперь крутымъ скатомъ, внизу котораго находится наполовину вросшій въ землю кусокъ дикаго камня, напоминающій собою какъ бы обломокъ могильной плиты. На самомъ скатѣ года три тому назадъ найденъ былъ золотой перстень съ бирюзой (серьга и перстень не сохранились). На этомъ же мѣстѣ въ концѣ марта нынѣшняго года найдены и доставлены мнѣ слѣд. вещи: 1) 2 черепа: одинъ, пробитый въ верхней части, другой—типичный образецъ вырожденія—почти съ полнымъ отсутствіемъ лба; 2) кусокъ чугунной доски и нѣсколько гвоздей отъ гробовъ; 3) мѣдная польская монета 1664 г.; 4) шелковый коричневый поясъ со слѣдами зеленыхъ узоровъ; этотъ поясъ лежалъ въ землѣ дважды обернутымъ (какъ бы вокругъ тали); въ срединѣ лежала берцовая кость. Поясъ замѣчательно сохранился; съ одной стороны уцѣлѣла даже бахрома.—Всѣ эти предметы, а также серебряная польская монета 16 в., найденная на мѣстѣ построенной Ив. Мазепой церкви во имя ап. Петра и Павла, вблизи м. Янполя, будутъ доставлены въ Нѣжинскую комиссію по собиранію матеріаловъ въ Черниг. губ. для предстоящаго археолог. сѣзда.

А. Малинка.



М. Красный Колядинъ, Ромень, уже по одному своему мѣстоположенію, указываетъ, что тутъ должно было быть поселеніе и въ великокняжескій періодъ. Полагаютъ (Филар. Черниг.), что здѣсь находился лѣтописный Глѣбъ. Въ позднѣйшее время, Кр.—К. въ первый разъ упоминается въ документѣ Пшездѣцкаго (996 госп.). Извѣстно, что при полякахъ, предъ ихъ изгнаніемъ, „державцею ключа Краснянского“ былъ „панъ Кондрать Грекъ“ (см. с. Дмитровка). Въ 1649 г. уже существовала Краснянская сотня („Реестра“), а въ 1654 г. здѣсь уже имѣлся „мѣскій урядъ“, вѣдавшій общественныя дѣла¹⁾. Въ

1) Вотъ наиболѣе ранній актъ, изъ извѣстныхъ намъ, записанный на этомъ урядѣ: «Предо мною, Лазаремъ Волошиненкомъ, атаманомъ городовымъ, при бытности Федора (пропускъ въ подлинникѣ для прозвища), Матвѣя Филоненка, Мартына Коробочки, Миколая Цилюрки, козаковъ, обывателей Краснянскихъ, Фводора Волошина, на тотъ часъ отамана, и Микити Ломачи, обывателей Рабушинскихъ, ставши очевисто Юско Ивановичъ изъ жонюю своею, призналъ на уряди для записана до книгъ, словы: продали есмо ставокъ на рудцѣ Березовица, под селомъ Рабухами лежачий, притоманную працу нашу с худаменту, за позволенемъ старшихъ заложенную, коштомъ и накладомъ нашимъ зоруженную... зъ берегами и вершиною синожатни, ажъ до старой дорожки, якъ мнѣ на тотъ часъ урядъ бывший завель и показалъ, которая дорожка на Моклякову синожать идетъ... славетному урожонму Оввану (sic) Грвгоровичу, обывателю Жраснянскому, и Вовдотчи Еремѣвиѣ, малжонцѣ его, за золотихъ сѣмъдесять... шо ми, урядъ выслухавши, сторонѣ потребующей на писмѣ казалисмо, подъ печатни нашими и подписомъ руки писарской, подати для певнѣйшой речп. Писанъ у Красномъ, 23 дня сентеврія, року 1654. Есифъ Андриевичъ, писарь городовый Краснянский рукою своею». (*Съ подлинника*). Отсюда видно, что въ 1654 г. прибавка «Колядинъ» еще не существовала; эта прибавка явилась въ третьей четверти XVII в., для отличія «городка» Краснаго отъ села Краснаго, наход. между Конотомъ и Батуриномъ. Колядинымъ Красный сталъ прозываться и. ч. здѣсь, при полякахъ, сидѣлъ управитель (вѣроятно Вишневецкаго) по прозвищу *Коляда*. См. „Очерки“, *ж. Кр. Колядинъ* См. также Чтен. въ Истор. Общ. Нестора, XIV, отд. 3, стр. 153. Позднѣйшее преданіе о «ляхъ» Колядѣ и его замкѣ—см. сборникъ «Изъ устъ народа», Б. Д. Гринченка, (Черниговъ, 1900), стр. 317.

томъ же году, переѣзжалъ черезъ Кр.-К. Иерусалимскій патриархъ Макарій, племянникъ котораго, описывая путешествіе дяди, объ этомъ „городѣ“ говоритъ слѣдующее: „Насъ привезли въ городъ, называемый Красный, съ большимъ укрѣпленіемъ и цитаделю, *висящей на краю горы* (больше той, на которой расположенъ городъ). По обычаю, насъ вышли встрѣчать священники, клиръ и прочій народъ, и ввели въ церковь св. Рождества. Здѣсь есть еще двѣ церкви: во имя св. Троицы и новая—св. Николая. Вблизи этого города есть *другой базаръ* (другое поселеніе) съ церковью въ честь Воскресенія“. (Перев. Муркоса, II, 93). Нѣкоторымъ поясненіемъ *висящей на краю горы цитадели*—можетъ быть современное описаніе Колядинскаго „замка“, указывающее, что защитность послѣдняго опиралась на природномъ расположеніи высокаго берега.¹⁾ По перениси 1666 г., въ К—нѣ показано 59 домохов., изъ числа которыхъ мѣщанами перв. статьи показано 42, 12—меньш. и 5—„сапожниковъ“. ²⁾ Засимъ, интересныя свѣдѣнія о движеніи населенія въ Кр. К., за втор. пол. XVII в. приведены въ одной изъ работъ Д. И.

1) „Замкомъ въ м. Кр. К-нѣ называется выдающаяся мысомъ — въ р. Ромень — часть горы, которая имѣетъ довольно узкое сообщеніе съ Кр.-К.; за нѣсколько десятковъ лѣтъ, при обиліи воды въ р. Ромнѣ, замокъ былъ окруженъ съ трехъ сторонъ водою, кромѣ узкаго перешейка; въ замкѣ находится болѣе 90 насыпей, круглой и продолговатой формы“. Описаніе это принадлежитъ мѣстному жителю С. Д. Носу (+ 1900 г.). См. Черниг. губ. вѣд. 1859 г., № 19. Тутъ же находится любопытное описаніе „городка“, насыпаннаго на руслѣ рѣки Ромна, противъ Кр. К—аго „замка“. — „На болотѣ р. Ромна, ближе къ селу Грицовкѣ и ближе къ прав. бер. рѣки, чѣмъ къ лѣвому, находится *городокъ*, т. е. пространство земли длиною въ 150, а шириною въ 90 арш., обнесенное валомъ, который имѣетъ круглую форму; высота вала 20 арш. Городокъ устроенъ противъ замка Кр.-Колядинскаго“. Этотъ *городокъ* представляетъ собою сооруженіе конечно вел.-княжескаго періода. Ср. Опис. Стар. Малороссіи, II, 239.

2) Въ переис. „мѣщанъ“ показаны „войтъ“ и „бурмастръ“. Войтомъ назывался представитель посольства, а кого обозначили великорусскіе писцы бурмастромъ,— не знаемъ.

Багалѣи, указывающей, что отсюда—въ одну только Терновую слободу (Пут. у) —съ 1643 по 1674 г., переселилось 54 семьи. 1)

Кр. П. 59 д. А. 88 д. В. 86 д. В. 113 д. Пс. 11 д. (въ 1731 г.—99 д.) Г. 11 д. 11 х. Д. 80 д. 106 х. 5 бд. х. Пс. 39 д. 62 х. 15 бд. х. Кз. В. 73 д. Г. 64 д. 76 х. Пс. 42 бд. х. Д. 82 д. 153 х. Переходъ съ 113 дв. крестьянъ въ 1729 г. на 11-ть въ 1740 г.,—объясняется появленіемъ въ томъ же году, 42-хъ бд. хатъ подсосѣдковъ и уходомъ 29 хов. изъ мѣстечка, за четыре года (1736—740), какъ это обозначено въ рев. книгѣ 1740 г. Въ этой же ревизіи подсосѣдки показаны слѣдующіе: коз.—6, сотника Максимовича—13, нак. сотника Купчинскаго—5, лѣкаря Сев. Семенова—6, „попа“ Тиховіа Иванова—7, „попа“ Петра Салогуба—1, писара сотеннаго Д. Стуначевскаго—2 и город. атамана—1, а всего 42 бд. хаты. Еще лучше эти циффы объясняются повѣркою крестьянскаго населенія, которая была произведена въ 1744 г., по распоряженію *комиссіи экономіи*, капитаномъ Василиемъ Поляковымъ. 2) При этой повѣркѣ, берется за основаніе цифра крестьянъ по ревизіи 1729 г. и, затѣмъ, приводится въ извѣстность—убыль и прибыль этого населенія по 1744 г. Для Колядина эти циффы явились въ такомъ видѣ: по ревизіи 1729 г. означено 113 дв., а въ 1744 г. ихъ оказалось только 26 дв., а остальные выбыли: 1) „во владѣніи разныхъ владѣльцевъ и у посполитыхъ („а почему—крѣпостей не прислано“)—16 дв.; 2) вписалось въ козаки—4 дв.; 3) въ ревизіи написаны, а своихъ дворовъ не имѣли—12 дв.; 4) живутъ разнo, а своими пледами владѣютъ—2 дв. и 5) сойшло и померло, а пляцы впустѣ—53, а всего не оказалось 87 дв., которые, вмѣстѣ съ оказавшимися въ наличности 56-ю дв., и составляютъ показанное въ ревизіи 1729 г.

1) Матеріалы для истор. колониз. и быта степной окр. Моск. гoсуд., I, 18.

2) Мы не знаемъ, когда была учреждена эта комиссія, цѣль которой, повиднoму, заключалась въ приведеніи въ извѣстность звободныхъ посполитыхъ (а съ тѣмъ вмѣстѣ, вѣроятно, и «скули»), но сохранившіеся остатки произведенныхъ ею описей—представляютъ интересный матеріалъ для ознакомленія съ движеніемъ населенія въ Малороссіи за 1729—744 г.г.

число—113 дв. Кроме того, Поляковъ отмѣтилъ, что въ К—нѣ оказалось вновь прибывшихъ—посл. дв. 6. Къ означеннымъ цифрамъ присоединено слѣд. примѣчаніе Полякова: „Въ томъ мѣстечку Кр.-К—нѣ, по удостоенію в. генер. к—ріи и по указу министерской к—ріи, въ тридцатное число дворовъ отдано Глинскому сотнику Крыжановскому—21 дв., съ обязательствомъ до резолюціи правит. сената, и потомъ, пока онъ, Кр—ій, по контракту предбудучого 1748 г., генваря до 1 числа, будетъ на откупъ содержать касающіеся въ скарбъ войсковій збори, и затѣмъ, *оставшіе состоятъ въ свободныхъ*“. Это примѣчаніе имѣеть въ виду отдачу Кол—хъ крестьянъ во владѣніе Крыжановскому. Извѣстно, что это былъ выкрещенный еврей, по имени Мопка, который разбогатѣлъ на откупѣ продажи вина, табаку и дегтю, (эта продажа составляла монополію гетманскаго уряда). Откуповъ Кр—ій добился, какъ говорили, подкупомъ тогдашняго генер. писаря Безбородка.¹⁾ Съ помощью послѣдняго же, Кр—ій получилъ и сотничій урядъ въ Глинскѣ, послѣ чего пожелалось ему имѣть и подданныхъ. Выпросилъ Кр—ій и „подданныхъ“, какъ это видно изъ слѣд. универсала генер. к—ріи, 10 дек. 1743 г.—„сотникъ Глинскій Антонъ Кр—ій, первое, чрезъ содержаніе на откупѣ доходовъ, надлежащихъ въ скарбъ войсковой... знатную показалъ казніъ прибыль до 28 т. р., за которую знатную его прислугу... просилъ къ полученію *въ вѣчность* въ М. Россіи, изъ свободныхъ войск., до 30 дворовъ, объявляя, что если для пропитанія его означеннымъ числомъ дворовъ награжденъ не будетъ, то яко онъ при помянутыхъ сборахъ пришелъ къ крайнему разоренію, болѣе у смотрѣнія оныхъ быти не желаетъ. Того ради, по опредѣленію ген.-лейт. И. И. Бибикова, съ присутствующими въ в. ген. к—ріи члены, яко предбудущого 1744 г., съ 1-го ч. генваря, впредь на четыре года, къ надзиранію и собиранію на вѣрѣ Луб—го и Мирг—го полковъ сборы ему, Кр—му, поручены и о томъ заключены контракты съ нимъ, а ассигновано ему, Кр—му, и поручены

¹⁾ См. Кіевск. Стар. 1885 г., май. У Крыжановскаго былъ братъ, который тоже выкрестился и въ 1776 г. былъ въ Ромнѣ *протопопомъ*, именуясь Константиномъ Крыжановскимъ.

до указу во владѣніе: м. Кр.—Колядинъ и с. В. Бубны, въ которыхъ: въ К—нѣ, по ревизіи сего 1743 г., посполитыхъ 24 дв.“ Въ этомъ универсалѣ условія отдачи Крж-му Колд—хъ крестьянъ указаны не такъ опредѣленно, какъ у Полякова, по свѣдѣнію котораго крестьяне отданы „до резолюціи“ сената и только на четыре года...

Свѣдѣніи Полякова собраны, повидимому, въ нач. 1744 г., такъ какъ у насъ имѣется документъ, по которому произведена была Крж-му отдача Колд-хъ крестьянъ, и по этому документу ему отдано 26 дворовъ,¹⁾ при чемъ добавлено, что остались не отданными 6 дворовъ, домохозяева которыхъ исполняютъ разныя общественныя обязанности.

Временное владѣніе Крж—го Колд—ми крестьянами превратилось въ „вѣчное“, при Разумовскомъ. Въ декабрѣ 1751 г., Крж—ій обратился къ новому гетману съ просьбою—„опредѣленные ему отъ генер. к—ри въ м. Кр.—Колядинъ и с. В. Бубнахъ дворы—къ вѣчному спокойному владѣнію—утвердить поважнымъ унѣверсаломъ, и, кромѣ того, прибавить ему, въ Луб—мѣ полку, с. Мойсеевку. Просьба Крж—го, въ томъ же декабрѣ, была исполнена, при чемъ въ гетманскомъ универсалѣ, послѣ повторенія заслугъ Крж—го по откупнымъ дѣламъ, говорилось: „того ради, мы, гетманъ, респектуя на тѣ реченного сотника Глинского и экзактора войскового нелѣнностіе труда. . . . м. Кр.—Колядинъ и с. Бубны симъ нашимъ унѣверсаломъ, къ вѣчному, и спокойному владѣнію, утверждаемъ...“²⁾ Были ли отданы при этомъ Кр—му и тѣ свободные дворы,³⁾ о которыхъ говорить По-

¹⁾ Списокъ отданныхъ дворовъ съ указаніемъ имущественнаго положенія домохозяевъ напечатанъ нами въ „Очеркахъ“.

²⁾ При этомъ прибавлена была и Мойсеевка. Вообще можно замѣтить, что Крыжановскій пользовался у Разумовскаго большимъ фаворомъ, который во многомъ могъ зависѣть отъ благоволенія Безбородка, передъ тѣмъ возвращеннаго на урядъ ген. инсарства. Впрочемъ, Крыжановскій оказывалъ и личныя услуги гетману, покупая «разныя вина» и «пуги лошадей» для гетманскаго «дома». См. Чт. въ общ. Нестора, XI, отл. 2, стр. 124.

³⁾ Сохранился слѣд. документъ, указывающій на эти свободные дворы: „Ведомость о отбиваемыхъ м. Кр.—Колядина посполитыми

лаковъ, универсалъ объ этомъ не упоминаетъ, но свободные дворы и въ 1751 г., въ Колядинѣ, должны были еще быть.

Захвативъ почти все Колядинское посольство въ свое *отъчное* владѣніе, Крж-ій однако жъ ничѣмъ не могъ предупредить ухода этихъ „подданныхъ“ изъ подъ его „державы“. Въ этомъ отношеніи очень любопытны тѣ жалобы Крж—го, которыя онъ подавалъ въ Глух. коллегію по поводу ухода его кр—въ.

Въ 1766 г. Крж—ій жаловался: „представляя я въ коллегію о изшедшихъ и друг. способами убылыхъ—подданныхъ моихъ,

людми сотнику Глинскому Антону Кр—му работахъ, хто зъ похъ и коликое число въ оной былъ и за тую работу противъ обывательскихъ работъ,—а именно: косцу, за мѣсяцъ, по 1 р. 96 коп. и за день по 7 коп., за работу зъ скотомъ, за мѣс., по 1 р. 68 к., а пѣшымъ за мѣс. же—по 84, а за день по 3 (коп.), тако жъ за пахане землѣ, парюю волами, отъ дня по 8, за пряжу мотковъ 50 десятныхъ по 5 коп.,—сколко всѣхъ денегъ съ него Крж—го доправить надлежитъ слѣдуетъ подъ снмъ. 1748 г. іюня дня“. Заснмъ слѣдуетъ перечень 36-ти домохозяевъ, которые отбывали въ пользу Крж—го работы въ 1745—1747 г.г., съ оцѣнкою этихъ работъ въ 409 руб. 32 к. Затѣмъ, подъ вѣдомостью значится: «не были въ работницахъ: писарь Степанъ Збаразской, коего нынѣ жена шинкаря, Карнъ тертячникъ. А всѣхъ зъ прежними отобранными 43. Капитанъ Стенавъ Немчиновъ Совершенно затрудняемся объяснить эту вѣдомость. По-видимому, рѣчь идетъ о крестьянахъ, захваченныхъ Крж—мъ въ его владѣніе безиравно.. Между прочимъ, въ вѣдомости 1748 г. показано нѣсколько домохозяевъ, которые по вѣд. 1744 г. значатся только въ числѣ *сыноей* тогдашнихъ домохозяевъ. Мож. быть къ Крж—му заявлена была претензія тѣми домохозяевами, которые образовали *новые дворы*, представившіе взлпшекъ противъ опредѣленнаго генер. к—ріей числа дворовъ въ Колядинѣ (24-хъ). Кроме того, тутъ интересенъ еще вопросъ: какимъ судомъ удовлетворены были повесенные крестьянами—отъ привлеченія ихъ Крж—мъ въ работу—убытки? Такое рѣшеніе едва ли могло исходить отъ тогдашняго подлогового суда... Не было ли это дѣло поручено тому самому Нѣмчинову, который подписалъ вѣдомость 1748 г.?—Во всякомъ случаѣ, эта послѣдняя вѣдомость явилась при какихъ то *чрезвычайныхъ обстоятельствахъ*, при чемъ она заключаетъ въ себѣ интересныя свѣдѣнія о тогдашнихъ цѣнахъ на сельскія работы.

послѣ ревизіи 1764 г., и что за тѣхъ изшедшихъ земскіе комисары, въ число рублеваго оклада, деньги взыскиють сполна. Прому, чрезъ кого постоянно, приказать тѣхъ изшедшихъ подданныхъ моихъ отыскать на прежнее ихъ жилище, а гдѣ они, въ противность указа 1763 г., дек. 10, ¹⁾ передерживаются, тѣхъ безъ штрафа не оставить“. Черезъ три года, Крж—ій снова жаловался, что комисары, „не взыскивая съ тѣхъ изшедшихъ людей, гдѣ они неправильно владѣльцами передерживаются, а всю доимку считают на наличныхъ подданныхъ, къ конечному ихъ разоренію. А какъ коллегія о взысканіи доимокъ полагаетъ основаніемъ указъ 1765 г., дек. 21, который хотя состоялся для такихъ помѣстьевъ, гдѣ крестьянамъ переходъ строжайше запрещень. . . . а въ здѣшнихъ малороссійскихъ мѣстахъ, гдѣ владѣльцы принимаютъ безъ свидѣтельствъ приходящихъ, безъ всякаго опасенія какого либо не только штрафа, но и отвѣта, какая вина можетъ спадывать на тѣхъ, отъ кого люди происходили? Въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя вышеупомянутый указъ о взысканіи доимокъ состоялся, за пріемъ крестьянъ и за пожилое—взыскиваются немалые денежные штрафы и сами изшедшіе крестьяне отъ нихъ отбираются строго. А здѣсь, напротивъ того, владѣльцы пріемомъ чужихъ подданныхъ, хорошіе имѣютъ выгоды, не только отъ штрафа или отвѣта свободны, но и надлежащаго съ нихъ оклада не платятъ, и изшедшихъ подданныхъ не возвращаютъ, а заселяютъ ими, въ свою пользу, великія новыя слободы“... Изъ вѣдом., представленной Крж—мъ въ 1769 г. о числѣ „изшедшихъ“ его крестьянъ, во всѣмъ его маетностямъ, видно, что изъ Колядина, за 1764—769 г.г., ушло 24 семьи... Перечисляя „изшедшихъ“, Кр—ій тутъ же указываетъ и мѣстожительство большинства изъ нихъ, при чемъ оказывается, что изъ 24 семей, только 4 ушло „безвѣстно“, а изъ остальныхъ—14-ть жили въ томъ же Колядинѣ, пріютившись у разныхъ владѣльцевъ: у б. сотника Максимовича, у Салогубовъ, у свящ. Тихоновича и, наконецъ, у равныхъ Колядинскихъ козаковъ—подсофдками. Очень можетъ быть, что многія мелкія въ Колядинѣ

¹⁾ Полн. Собр. Зак., т. XVI, № 11987.

владѣнія, перечисленные у Пащенка, образовались именно изъ б. „подданныхъ“ Крж—го. У Пащенка Колядинъ описалъ такъ: „Лежить на лѣв. берегу р. Ромны, на скосогорахъ; крѣпость оного м-ка вовсе обветшала, равно какъ и все мѣстечко очень въ худомъ состояннн, съ двумя предмѣстіями: Чечеловкою и Грицовкою; послѣднее имѣеть особое положеніе, разстояніемъ отъ Кр. К—на въ 2 верст., на прав. бер. р. Ромна, полуостровомъ. На оной рѣчки имѣются мельницы о 4-хъ амбарахъ; въ томъ м-кѣ церквей деревянныхъ—3. Изъ „партикул. домовъ“, указаны: полковника Лубенскаго Максимовича, о 9-ти пок., а затѣмъ—священниковъ Салогубовъ и Тихоновичей. Козаковъ: 71 д. 96 х., 5 бд. х. и ков. поде. 3 ад. х.; крестьянъ, полковника Максимовича 26 д. 37 х. 1 бд. х., майора Крыжановскаго (сына) 45 д. 59 х. 4 бд. х.; Круницъ. м—ря, 1 д. 2 х. Подсосѣдковъ: полковн. Ильи Лизогуба—1 бд. х., умерш. в. т. Осина Купчинскаго—7 д. 8 х., зн. тов. Зуба—1 д. 1 х., возного Мих. Карповскаго—4 д. 4 х., лѣкаря Григорія Ступачевскаго—2 д. 5 х., в. тов. Евст. Косяровскаго—1 д. 1 х., свящ-ковъ Салогубовъ—7 д. 23 х., и Тихоновичей—5 д. 6 х., церковныхъ—3 бд. х. Церкви: 1) св. Николая; свщц. Петръ и Діонисій Салогубы. 2) Рождества Б—цы; свщц. Максимъ и Матвѣй Тихоновичи. 1)

Д. Грицовка находилась черезъ рѣчку отъ Колядина, и, повидимому, составляла его выселокъ, образовавшійся въ полов. XVII в., такъ какъ по переписи 1666 г. уже значится дер. Грицовка, съ 7-ю двор. По ревизіи 1713 г. Грицовка не значится, но вслѣдъ за Колядиномъ указано село „Слобудка“, которое однакожъ трудно принять за Грицовку, такъ какъ сравнивая прозвища крестьянъ „Слобудки“ съ прозвищами крестьянъ Грицовки, указанныхъ въ ревизіи 1729 г. („фолварки Грицовка“) тождественныхъ прозвищъ нѣтъ, а между тѣмъ, за 16 лѣтъ—не могли же всѣ, показанные въ „Сло-

1) Родоначальникомъ Тихоновичей былъ писарь сотенный Кр.-Колд—ій Тихонъ Ивановичъ, который, «женвшись, постригся именемъ до храму Рождества Богородицы, въ 1709 г.»

бодкѣ домохозяева—изчезнуть. ¹⁾ Кр. В. 25 д. Пс. 9 д. Вь 1731 г. —22 д. Вь 1780 г. Кр. 9 д. 10 х. (Максимовича и Крыжановскаго), Пс. 7 д. 9 х. 4 б. д. Кз. 29 д. 49 х. Пс. 2 д. 2 х. 2 бд. х.

С. Липовое, прав. бер. Ромна, въ 1643 г. называлось *слободою* принадлежащею къ „городищу Грайворону“, владѣнія Вишневецкаго, ²⁾ а по „реестрамъ“ 1649 г.—составляло особую часть Прилц—аго полка, подъ названіемъ „липовчанъ“, въ составѣ 60 домохоз., конечно, *козаковъ*, такъ какъ въ „реестрахъ“, посполитое населеніе, повидимому, вовсе не показывается...³⁾ Л. находилось въ числѣ ратушныхъ сель до 1714 г., когда было отдано на рангъ Носу, при назначеніи его ген. судьей (с. 33), а по смерти Носа, отдано тогдашнему ген. бунчучному Як. Лизогубу. Послѣдній тогда же началъ скупать здѣсь грунты, при чемъ, напр. въ 1717 г. совершенно было 12 купчихъ жителями Коренецкой и Липоваго—на продажу „гаевъ въ сѣножатъми“ въ „островѣ Ручинцяхъ“. Скуплю „грунтовъ“ Як. Л—бъ, въ Липовомъ и въ сосѣднихъ селахъ, продолжалъ до смерти. Послѣ Як. Л—ба, Л. перешло къ сыну его Ильѣ, который былъ женатъ на одной изъ дочерей Якова Якубовича, Катеринѣ; ей Л—бъ и завѣщалъ Л., съ хуторами Березовицкимъ, Бобровицкимъ и Олавскимъ, (на основаніи розд. 3-го, артик. 41 и розд. 7-го, арт. 1). Л—бъ умеръ въ 1781 г. и Л. тогда же перешло къ его вдовѣ, которая въ свою очередь завѣщала Л., въ 1791 г., внуку Ильи Л—ба, кол. ассес. Ивану Яковлевичу Лизогубу; но вслѣдствіе причиненныхъ имъ какихъ-то „огорченій“ вдовѣ Лизогуба, послѣдняя завѣщаніе свое, послѣ

1) Такимъ образомъ показанное въ 1713 г. «село Слободка» остается поселеніемъ, мѣстонахожденія котораго мы не можемъ опредѣлить, будучи хорошо знакомы и лично съ описываемою мѣстностью.

2) Чтен. въ общ. Нестора, XIV, отд. 3, стр. 162.

3) Сравнивая прозвища Липовскаго населенія, перечисленнаго въ «Реестрахъ» — съ переписью 1666 г. — мы находимъ тождество прозвищъ только въ одномъ случаѣ: въ «Реестрахъ» — *Гришка Злобенко*, а въ переписи 1666 г. — *Цашко Злоба*. Всѣ остальные прозвища — различны. Въ 1649 г. — 60 х., а въ 1666 г. — 20 хоз. Это тоже должно значить, что въ «Реестрахъ» посполитое населеніе — не показывалось...

долгих хлопотъ по судамъ, уничтожила, и въ 1801 г. Л. завѣщала уже своему племяннику, ротмистру Ивану Александровичу Якубовичу, сыну полковника. Кр. П. 24 д. А. 58 д. В. 46 д. В. 40 л. Пс. 9 д. Г. 32 д. 35 х. 1) Д. 21 д. 27 х. 8 бд. х. Пс. 11 д. 19 х., 23 бд. к. Кз. В. 46 д. Г. 52 д. 57 х. Д. 88 д. 212 х. Церк. Преображенія, свщ. Леонтій Еремѣевъ. Въ числѣ подсосѣдковъ, у Пащ—ка показано 8 бд. хатъ— „служительскихъ и конюшенныхъ при дворѣ полковника Лизогуба“. Были ли это подсѣдки Л—ба или—его служителей, неизвѣстно.

С Галка, „отъ р. Ромна въ 1-й верстѣ“ (Пащ.), принадлежала къ числу ратушныхъ селъ до 1732 г., когда была отдана на рангъ генер. обознаго. Кр. П. 18 д. А. 12 д. В. 21 д. В. 38 д. Г. 17 д. 17 х. Д. 19 д. 27 х. Пс. 1 д. 4 х. 7 бд. х. Кз. В. 62 д. Г. 63 д. 84 х. Пс. 6 бд. х. Д. 77 д. 184 х. Церк. вмч. Георгія, свщ. Павелъ Кривошій.—По вѣдом. Полякова, „изъ показ. въ 1729 г. 38 д. крест.,—22 домохоз. сошло и померло; 3—записаны по ошибкѣ, 1—запис. въ козаки, да явилось новыхъ—4 дв.“ Въ 1780 г. Галка принадлежала на рангъ генер. бунчучнаго и поэтому владѣльцемъ ея показывался Як. Тарновскій. По описан. Пащенка, подсосѣдковъ, въ 1780 г., значится 4 хаты въ одномъ дворѣ, принадлежащихъ „вакансовому сотнику Ивану и квартирмистру Тимофею Загурскимъ“, вѣроятно потомкамъ сотника Павла Загурскаго.

С. Коренецкая, мѣв. бер. Ромна, образовалась изъ поселенія около водяной мельницы, принадлежавшей въ полов. XVII в. одному изъ жителей с. Липоваго и завѣщанной послѣднимъ Круницкому монастырю, какъ это видно изъ слѣд. универсала Хмельницкаго, 1656 г.—„стосуючися до остатной волѣ Тимоша Василевича, мелника Липовскаго, который мелникъ зъ волѣ своей, бывши при болѣзни, отдалъ зъ душею и тѣломъ и убожествомъ своимъ Богу и м—ру Батуринскому—млинокъ вешнякъ

1) Въ ревизск. книгѣ 1740 г., при Липовомъ, указана принадлежащая Лизогубу *слоб. Ясеновка*, съ 10-ю двор., но въ завѣщаніи Кат. Як. Лизогубъ она уже не значится и затѣмъ болѣе не встрѣчается.

на р. Ромнѣ, подѣ Липовымъ, островъ противъ *Коренецкой*, вѣчными часы приворочаемъ и стверждаемъ“...¹⁾ Упомянутая здѣсь Коренецкая составляла—или „урочище“ или—вѣриѣ—небольшой притокъ р. Ромна, но не село Коренецкую, которое въ это время, повидимому, еще не существовало, такъ какъ въ противномъ случаѣ, село это было бы въ универсалѣ названо, какъ названо село Липовое.—Село Коренецкая образовалось позже и получило свое названіе, повидимому, по *рѣчкѣ* Коренецкой, которая упоминается еще и въ актахъ перв. полов. XVIII в.²⁾ К—ая оставалась свободной, т. е. принадлежала къ числу ратушныхъ сель, чѣмъ воспользовавшись Ангеліевскій и Крупицкій м—рь, скупили здѣсь почти все посполитое населеніе. Остатки его Вейсбахъ присоединилъ было къ Самборскому староству, но и остатки эти не избѣжали общей участи остальныхъ селявъ и были тоже скуплены. Кр. П. 21 д. А. 8 д. В. 13 д. В. 14 д. Пс. 15 д.

Г. „описныхъ на ея величество“ 5 д. 5 х. и подсосѣдковъ: Крупицк. м—ря 5 д. 5 х., Куцчинскаго 7 бд. х. и „поповскихъ“ (Кольчевскаго) 3 бд. х. Д. 17 д. 26 х. Пс. 3 д. 7 х. 4 бд. х. Кз. В. 46 д. Г. 42 д. 45 х. Д., 21 д. 60 х. Црк. Покрова Богородицы, свщ. Григ. Кольчевскій. Посполитое населеніе въ 1780 г., у Пащ., показано такъ: „подданныхъ Крупицк. м-ря 3 д. 5 х. Подсосѣдки: вдовы в. т. Осипа Купчинскаго—9 д. 15 х. и в. т. Евстафія Косяровскаго—5 д. 6 х., свящ. Григорій Кольчевскаго—3 д. 7 х.“

Къ с. Коренецкой принадлежали два хутора, описанные у Пащеника: **Романовщина** (Кз. 6 д. 25 х. и „поддан.“ Крупицк. м-ря—8 д. 11 х.) и **Саливоновщина** (Кз. 5 д. 11 х. и „поддан.“ Круп. м-ря—3 д. 6 х.).

С. Поноры, „лѣв. бер. Ромна, между косогорами, въ боеракѣ, раздѣляемомъ небольшимъ протокомъ“. (Пащ.)³⁾ Въ полов.

1) Опис. Черниг. енарх. Ш, 302.

2) Въ актѣ 1727 г., два брата въ первыхъ, Хвед. Вязовецъ и Павло Приходько объявили, нжъ власного своего млина, зъ однимъ коломъ коречнымъ, на *рѣчкѣ* Коренецкой, за селомъ Коренецкою стоячого, двѣ части продали честн. отцу Іоану (Кольчевскому) презвит. Коренецкому...>

3) Подробное, до мелочей, топографическое описаніе Поноръ слѣдано въ 1859 г. уроженцемъ этого села, С. Д. Носомъ, и напечат.

XVII в. П. уже существовали и принадлежали затѣмъ къ числу ратушныхъ селъ до 1705 г., когда Мазепою отданы были Дм. Горленку (с. 18), при чемъ однакоже село это возвращено Андрею Г—ку въ 1709 г. не было (с. 24). Затѣмъ, П—ры въ 1714 г. Носомъ были отданы тогдашнему сотнику Лащинскому (с. 238), который выпросилъ у гетмана и подтвердительный универсалъ: „презентовалъ намъ п. Леонтій Лащинскій, сотн. Кр.-Кол., унѣверсалъ отъ бывш. полк. Прилуцкого, а вышш-него суди нашего енер., п. Ив. Яр. Носа, на селце Поноры и просилъ, абысмо оный унѣверсаломъ нашимъ ствердили“... Гетманъ позволилъ Л—му владѣть П—рами „до ласки войсковой и належитое отъ жителей того села послушенство имѣти“... Послѣ отставки Лащ—го, П. у него были отобраны и отданы его преемнику, также „до ласки войсковой“. Послѣ смерти Анг—го, во владѣнне П—рами вступилъ его зять Семеновъ, но Максимовичъ пожаловался въ Глуховъ, указывая, что село это— у его предмѣстниковъ—было ранговымъ; тогдашній правитель А. И. Румянцовъ поддержалъ М—ча и П. въ 1740 г. отъ Семенова были отобраны и отданы М—чу „на рангъ“. Вислѣдствіи П. были подѣлены между сотниками Кр.-Колядинскимъ и Корибутовскимъ. Кр. П. 9 д. А. 67 д. В. 18 д. В. 46 д. Ис. 4 д. Г. 25 д. 26 х. Ис. 4 бд. х. Д. 35 д. 45 х. 8 бд. х. Кз. В. 15 д. Г. ? (въ 1731 г.—10 д.) Д. 15 д. 27 х. Церк. св. ап. и ев. Марка, свц. Мойсей Стасевичъ.—Замѣтную и непослѣдовательную разницу въ крестьянск. населеніи 1713, 1718 и 1729 г.г (скачокъ съ 67 на 18 и затѣмъ съ 18, черезъ 10 л., опять на 46) объяснить затрудняемся...

С. Талалаевка, „на косогорахъ, между двухъ рѣчекъ Руды и Березовицы“. (Щац.) По свѣдѣніямъ генер. слѣдствія, Т. Мазепою была отдана сотнику Кр.-К—му Тимофею Андрееву, который и владѣлъ ею до смерти; затѣмъ, Т. оставалась свобод

въ Черниг. губ. вѣдом. 1859 г., № 19. Тутъ же помѣщены и отрывки изъ народныхъ преданій о началѣ села, свѣдѣнія о мѣстной церковной старинѣ, объ окрестныхъ хуторахъ и урочищахъ. Статья Носа очень любопытна теперь, какъ историческій уже документъ.

пою до 1711 г., когда отдана была Молчану; отъ послѣдняго Т. перешла къ дѣтямъ его дочери, бывшей замужемъ за Мазараккою. (с. 67). Кр. П. 3 д. А. 72 д. В. 56 д. В. 161 д. Пс. 6 д. Г. 20 д. 21 х. Пс. 26 бд. х. Д. 29 д. 36 х. 35 бд. х. Пс. 7 д. 10 х. 21 бд. х. Кз. В. 10 д. Г. 16 д. 20 д. Пс. 1 бд. х. Д. 21 д. 55 х. Церк. Успенія Б—цы, свщц. Василій Андріевскій и Кирилль Александровичъ. Въ цифрахъ населенія мы опять встрѣчаемъ неясности, относительно крестьянъ: въ 1729 г., ихъ значится 161 д., а черезъ 12 лѣтъ—20 д., при чемъ въ ревизіи 1740 г.—ушедшихъ съ 1736 г.—показывается всего 17 домохов.; значить, болѣе 100 домох. ушло за семь лѣтъ (729—35). Владѣльцемъ за всѣ эти годы былъ одинъ и тотъ же Мих. Молчанъ, чело-вѣкъ, повидимому, безобидный; быть можетъ, происходили—массовыя выселенія... Въ 1780 г. крестьяне значились слѣд. владѣній: б. тов. Андрея Мазараки—13 д. 17 х. 13 бд. х., б. тов. Ивана Мазараки 16 д. 19 х. 22 бд. х., умерш. полк. ес. Григорія Мазараки—5 д. 6 х. 1 бд. х. и Луб. полк. Максимовича—1 д. 2 х. 4 бд. х.

О. Ярошовка, „по об. берег. рч. Лисогора“, по свѣдѣн. генер. слѣдствія, „здавна находилось подъ вѣдѣніемъ сотни Сребрянской, до которой, по прежнимъ обыкновеніямъ, всякую служителямъ войсковымъ належную отдавало повинность, а за гетманства Мазепинога отдано было тое село въ подданство дворянину гетманскому Роману Высоцкому, который когда въ попы освятился и пошоль въ Рому(?) на мешкане, въ 1701 г., Мазепа отдалъ Я—ку б. тов. Андрея Горленку“. Отобранная, въ 1708 г., Ярошовка снова отдана была тому же Андрею Г—ку, при возвращенія ему отцовскихъ маетностей (с. 24). У Горленковъ Я. затѣмъ и осталась. Кр. П. 23 д. А. 110 д. В. 71 д. В. 55 д. Г. 102 д. 135 х. Пс. 8 бд. х. Д. 156 д. 246 х. 4 бд. х. Кз. В. 12 д. Г. 11 д. 15 х. Пс. 2 бд. х. Д. 15 д. 37 х. Къ этимъ цифрамъ слѣд. добавить, что по ревизіи 1740 г., вообще тщательно перечислявшей число „шедшихъ посполитыхъ“, за время съ 1736 г. по 1740 г., при переписи Ярошовки—„шедшихъ“ *вовсе не значитъ*... Примѣръ—единственный къ этой ревизіи, при чемъ такой фактъ быть мо

жетъ слѣдуетъ объяснить болѣе или менѣе мягкими отноше-
ніями державцы къ своимъ подданнымъ. Владѣльцемъ Ярошовки
въ это время былъ Андрей Дмитриевичъ Горленко, сынъ кото-
раго Андрей, будущій полтавскій полковникъ, слылъ, въ своемъ
кругу, большимъ добрякомъ; ¹⁾ мож. быть, такимъ добрякомъ былъ
и его отецъ... По вѣд. 1780 г., владѣльцами здѣшн. кр.—нъ пока-
заны сыновья б. т. Андрея Горленка: полковникъ Андрей—51 д.
91 х., подкоморій Иваницкій Григорій—59 д. 89 х. и наслѣд-
ники умерш. ротмистра Павла—46 д. 66 х.

С. Крапивная, рч. Крапивная, ²⁾ судя по глубокимъ овра-
гамъ, среди которыхъ расположено село, слѣдуетъ думать, что
поселеніе тутъ существовало издревле. Въ документѣ Шездѣц-
каго К. обозначена съ 184 „господ.“, а въ „Реестрахъ“ 1649
года значится особая сотня *Кропивенская*. Черезъ пять лѣтъ
послѣ этого, Павломъ діакономъ записано слѣд. извѣстіе: „вы-
ѣхавъ изъ Иваницы и проѣхавъ 2½ мили, проѣхали чрезъ
большое благоустроенное селеніе съ садами, по имени Крапивна;
въ немъ церковь въ честь Успенія Богородицы“ (II, 43). По
перен. 1666 г. въ К. показано 24 дв. Въ это время особой
Кропивянской сотни уже не существовало, изъ чего видно, что
населеніе здѣсь сильно уменьшилось; уменьшилось оно въ нач.
втор. пол. XVII в., послѣ смерти Б. Хмельницкаго, когда
вслѣдствіе гетманскихъ междоусобій, въ Малороссію очень часто
призывались татары, при чемъ они не мало разорили тутъ сель,
послѣ чего населеніе послѣднихъ, болшею частью, двигалось на
востокъ, въ Слободскую Украину, гдѣ и осѣдало новыми слобо-
дами. ³⁾ Въ это самое время сильно умалилась въ своемъ населе-
ніи и К. Первое свѣдѣніе о ней, послѣ 1666 г., относится къ
1688 г., когда К. отдана была Мазею генер. хоружему Ефиму

¹⁾ См. Русск. Арх. 1875 г., № 7, стр. 257.

²⁾ Такъ она называется въ актѣ 1681 г. См. с. *Дмитровка*.
На картѣ Шуберта рѣчка эта называется Дегтаркою.

³⁾ Какое количество народа шло изъ лѣвобережья въ Слоб.
Украину, во втор. полов. XVII в., см. *Очерки изъ исторіи колони-
заціи и быта степн. окраины Моск. госуд., Д. И. Баилля*, 411 и
слѣд.

Лизогубу, единственному сыну Черниговскаго полковника Якова Лизогуба, который несомнѣнно помогаль Мазепѣ, за годъ передъ тѣмъ, въ Коломацкой его авантюрѣ. Послѣ смерти Ефима Л—ба, ок. 1705 г., К. досталась старшему его сыну Андрею. Подтвердительный универсаль, на К. и другія села, Л—бъ выпросилъ у Скоропадскаго уже 21 ноября 1708 г., а царская грамота на эти маестности подписана 16 декабря того же года, въ *Лебедичь*.¹⁾ Эти факты указываютъ, что Л—бъ былъ человекъ предусмотрительный и умѣлъ пользоваться обстоятельствами: несомнѣнно, что въ этотъ моментъ онъ доказаль чѣмъ нибудь свою „вѣрность“... Заботясь такъ ревниво о сохраненіи отцовскаго наслѣдства, Л—бъ еще ревностнѣе заботился объ ихъ увеличеніи и о полученіи съ нихъ наибольшихъ выгодъ. (Оп. Ст. Малор., II, 444). Въ К. Л—бъ началъ хозяйничать не позже 1706 г. и очень измѣнилъ отношенія своего отца къ здѣшнимъ „подданнымъ“. Евфимъ Л—бъ послѣднихъ не тѣснилъ, такъ какъ сынъ его засталъ въ К. крестьянъ, повидимому, зажиточныхъ; такъ, напр., крест. Скорикъ имѣлъ собственную „греблю“, т. е. мѣсто, на которомъ могъ устроить водяной „млинъ“, „жилъ на чиншу“, т. е. платилъ державцѣ оброкъ, и затѣмъ былъ уже свободенъ отъ панщины. Новый державца сталъ понемногу отбирать у кр—нъ то, чтѣ находилъ у нихъ лишняго. Такъ, у того же Скорика онъ отобраль его греблю съ лознякомъ около, но такъ какъ эта гребля самому Л—бу была не нужна, то онъ ее продалъ своему старостѣ, Быховцу. Интересно отношеніе С—ва къ такимъ дѣйствіямъ державцы: спорить противъ насилія С—къ не могъ, но когда Быховецъ сталъ рубить лозу въ купленномъ имъ лознякѣ, то С—къ забраль находившуюся тутъ Быховцову лошадь... Быховецъ немедленно же пошелъ къ Л—бу и положивъ ему 9 зол. „выеладу“ (по-руки въ справедливости жалобы), пожаловался на самоволіе С—ка; Л—бъ, подтвердивъ, что лознякъ принадлежитъ Быховцу и что С—ку касаться его болѣе нечего, тутъ же прика-

¹⁾ См. Генер. слѣдствіе о маестн. Нѣжинск. полка (Черниговъ,

заль С-ку возвратить Быховцу его „выкладъ“. Затѣмъ, другой староста Л—ба „позычилъ“ у С—ка 2 осмачки жита для „пана“, но возвращать не хотѣлъ. Въ другой разъ, такой же староста взялъ у С—ка, для „пана“ же, возовъ 20 сѣна (потому что зима была бѣдная на кормъ), да еще и пять штукъ панскаго скота пригналъ къ С—ку на „зимнюю годовлю“, по недостатку кормовъ у пана. С—ку, стало жаль своего добра и онъ громко протестовалъ противъ насилій державцы, за что Л—бъ пожаловался въ судъ и С—къ былъ наказанъ. Но умеръ Скоропадскій, а вслѣдъ затѣмъ явилась въ Глуховѣ Вельяминовская коллегія, объявившая, что она учреждена царемъ для защиты народа отъ насилій старшины. Слухъ объ этомъ прошелъ по всей гетманщинѣ и многіе изъ обиженныхъ въ прежнее время—стали обращаться въ коллегію съ жалобами. Жалобы отсылались къ Полуботку, въ генер. к—рію, гдѣ онѣ разсматривались—въ эти моменты—очень внимательно. Еще внимательнѣе стали разсматриваться такія жалобы послѣ того, какъ Румянцовъ (А. И.) объѣхалъ въ нач. 1724 г. всю Малороссію ¹⁾ и когда, вмѣсто генер. старшины, были устроены въ Глуховѣ „правители“ генер. к—ріи, а вмѣсто генер. судьи, стали вѣдать генер. судомъ „ассесоры судовъ войск. енеральныхъ“. Вотъ въ это самое время задумалъ пожаловаться и С—къ—на старья насилія своего державцы; жалобу свою онъ подалъ вмѣстѣ съ другими Крапивянами. Не смотря, что жалобы эти приносились на насилія старья, „правители“ тѣмъ не менѣе послали на мѣсто, въ Крапивную, двухъ в. товарищей для производства разслѣдованія. Удивившійся жалобѣ С—ка, Л—бъ писалъ въ генер. к—рію: „Навелъ С—къ, подданный мой, порочить на мене, что якобы я насилне отпьялъ въ него греблю, якая гребля его zostавала и теперь при немъ есть. Въ томъ мене невинне порочилъ и не доказалъ. А до того еще привсенародно, вышедши зъ церкви, матерно мене ганилъ и говорилъ тѣе слова, держачи кій въ рукахъ: „еще не зарекаюсь я своего пана отимъ кіемъ оборочати!“—за якое дерзновение

1) См. въ Русск. Арх. 1880 г., статью—«Навелъ».

онъ, С., билъ обвиненъ и до туремного вязеня, по суду в. енер. взять, и по туремномъ вязеню, наказаль билъ судъ енер—ній его жъ, С—ка, кіями бити, и чтобъ онъ мене перепросиль, а же С. кіевого бою не терпѣвши и за безчестя мене не просячи, еще всѣхъ убитковъ своихъ на мнѣ доправляетъ. Теды я прошу, жеби С. мнѣ протори, убитки и безчестя нагородивъ, потому, что за греблю не довѣвъ и брідкими словами мене и матку безчестивъ“. На это объясненіе Л—ба не было обращено никакого вниманія, какъ это видно изъ рѣшенія, состоявшагося 24 іюля (1724 г.), по жалобамъ Скорика, при чемъ Л—бъ, находившійся на судѣ „персоналитеръ“, ни однимъ словомъ не возражалъ, а только признавалъ заявленія своего противника, кромѣ заявленія о греблѣ, которую, повидимому, вернули Скорика еще раньше.... Тутъ же Л—бъ обѣщаль всѣ претензіи Ск. удовлетворить. Поэтому, судомъ было постановлено, чтобъ Л—бъ далъ С—ку, „на особливомъ паперѣ, мирную“, которая должна была служить обиженному ручательствомъ, что онъ дѣйствительно будетъ удовлетворенъ. Рѣшеніе было написано тогда же, 24 іюля, но судьями осталось неподписано. ¹⁾ Почему?—Рѣшить

¹⁾ Приводимъ здѣсь въ сокращеніи несостоявшееся рѣшеніе генер. суда, какъ заключающее въ себѣ интересныя черты отношеній «державцы» къ своимъ «поданнымъ», удостовѣренныя самимъ державцей.—Року 1724, м. іюля дня 12. По злѣденю почтенихъ ихъ милостей пановъ правителей в. енер. к—ріи, на войск. судѣ енер., слухана справа Павла Скорика, жителя Кропивянского з державцею того села паномъ Андрѣемъ Лизогубомъ, б. тов., в томъ, что, якобы в его, Скорика, обжалованный, отнявши греблю з лозю его власною, в Кропивной положене имѣющую, старостѣ своему бывшему, Івану Биховцю, продалъ. В якой лозѣ, когда Биховцового коня за зрубъ (лозы) чолобитчикъ заграбилъ, взял мененный п. Л—бъ и Ігнать, его староста, 9 золот. вkladу, отъ Биховця положенныхъ, и отказаль, абы уже Скорикъ не владѣль оною лозю, а возвратиль бы оной вkladъ Биховцевѣ.—Куть лѣса, в кгрунтѣ Щуцкого прозяваемомъ, якобы отняль п. Л—бъ в жалобливого и владѣть лѣтъ 16. Жита 2 осмачки, мѣри Конотонской, на его п. Л—бову потребу староста Конченко в р. 1710-мъ повничиль в чолобитчика, въ тотъ часъ на Прилуцкій полкъ.

этотъ вопросъ очень трудно. Можетъ быть, Л—бъ отказался отъ выдачи С—ву „мирной“ по совѣту какого-нибудь дѣльца, указавшаго другой для него исходъ... Во всякомъ случаѣ, дѣло Л—ба со С—комъ указываетъ, что Кропивянскіе „подданные“ протестовали противъ насилій Андрея Л—ба и протестовали иногда въ рѣзкой формѣ... Кромѣ заботы о подчиненіи „подданныхъ“, Л—бъ въ Крапивной долго еще судился съ сосѣдями за степь, которая тянулась къ Парафіевкѣ, Рожновкѣ, Мартыновкѣ и Гайворону и которой границы—между этими селами—не были точно опредѣлены. Особенно настойчиво спорили съ А. Л—бомъ Мартыновцы, доказывая, что послѣдній захватилъ большую полосу принадлежащей имъ степи. Споръ трудно было рѣшить, потому что на этой степи Крапивяне, по множеству другихъ у нихъ земель, сами даже и травы не косили, а лишь нанимали эту степь подъ выпасъ воловъ, разнымъ лицамъ, гонявшимъ гурты для продажи въ „Гданскъ“ и „Кро-

чиншу сидѣвшаго, якого по нынѣшное число не отдаетъ и отдавати не хочеть.—Тотъ же староста сѣна стирту, воз. в 20, для товару п. Л—бового насилно забралъ и давалъ, тоен жъ зими, на сѣно оскудной, пятеро панского товару на зимнюю годовлю Скорикю, на чиншу в тотъ часъ жившому.—Зверхъ вишеписанного, жалобливый в чолобитной выразилъ, что старости его п. Л., въ Кроп. жившіе, первый, Иванъ Быховець, гай нимъ вв. Ант. Мещенка кушлений, отсудилъ ему, Мещенку, знову, неправедно, что купчой не показаль, любо самъ продавца при розиску явилъ свою добров. продажу, толко что купчой не далъ Скориву Мещенку, того ради гроши повелѣлъ приняти, а гаю уступити... Ставши въ отвѣтъ персонале противъ суплѣкуючого, на судѣ евер., п. А. Л—бъ, по розиску п. п. Захаріемъ Калиновскимъ и Павломъ Романовичемъ, в товв., справленномъ и по свѣдителяхъ, въ ономъ виписанныхъ, Феска Чорного, Матвѣя Сѣрого и Ант. Мещенка, Кропивянскихъ, доброволне кутка гаю, межи вгрунтомъ Щуцого прозаваемомъ, уступилъ, якъ помѣжчики тамошніе отведуть, и не мѣветъ нѣкогда о онихъ упоминаитися, а ежели тотъ куть рубанемъ дерева спустошенъ, то нагородитъ, по шацунку людскому, деклароваль Скорикю безъ всякого суду и позвовъ, на що саморучное далъ писмо поступное.—Лозу близъ гребелки чолобитчиковой стоячую, якою сталъ былъ Быховець, бывшій староста, по продажн п. Л—бовой владѣти, ему, Скориву, безпрепятно привернулъ, з приговоромъ таковымъ, же ежели дове-

левецъ великій“. Пасли тутъ свои гурты, по показанію старожилевъ, разные купцы: Николай Ляхъ (изъ Польши), Семенъ Воротилякъ (изъ Ромна), Томашъ Манджось, Савка Нечай, Григорій Волюватый (т. е. Костенецкій, изъ Конотопа) и друг., при чемъ, какъ показали старожилы, „плата за пашу воловъ, съ початку, на церковь Кропивянскую вся шла, а потомъ—половина толко, а другая половина на полковника Прилуцкого, бывшего Лазара взымалась; а якъ за п. п. Лизогубами тое село К. стало, оная дача за воли шла на ихъ, п. п. Лизогубовъ“. Плата установлена была по 2 коп. отъ вола, при чемъ пастьба продолжалась до Ильина дня.—Только въ 1727 г. кончилъ А. Л—бъ споръ съ сосѣдами за Крапивянскую степь, на которой онъ—и раньше и позже—поселилъ нѣсколько хуторовъ. Послѣ смерти Л—ба, въ 1737 г., имѣніями его подѣлились, послѣ долгихъ споровъ, четыре его дочери. Раздѣлъ замедлялъ главнымъ

дется, что Быховецъ в оную будетъ утручатися, то самъ п. Л—бъ Быховцю воспятити такового владѣнія обвязался, хочай бы и в кучой Быховцевѣ даной, тоей лози продажа показала, и в правѣ з нимъ стоять не отмагался на судѣ, вимовляючи себе, же не давалъ купчи на лозу. Сѣна взовъ 15, за старосту Конченка для п. Л—бового статку дармо взятихъ, позволяетъ онъ безпрелятно тое сѣно на своей сѣножати одобрати.—Жита двѣ осмачки, хочай взялъ п. Л—бъ въ Скорика, своего подданного, на чиншу в тотъ часъ жившого, якъ в ивнихъ подданихъ, панщину отбуваючихъ, однакъ ему толко самому возвращати, заразы за приездомъ в домъ, не отмовляетъ, даючи причину, что зо всѣхъ подданихъ его панскую работизну отбуваючихъ, жито збиралъ, уневыяючи уменьшеномъ панщини, а онъ в ту пору без панщини, на чиншу жилъ.

Теди судъ в. енер., по мирителномъ его п. Л—ба согласію и добровольной зъ Скорикомъ згодѣ, приговорилъ и децидовалъ, аби помененный п. Л—бъ подданному своему Скорикю, за своею рукою, на особливомъ напери, мирную, о уступу кутка лѣса в кгрунтѣ Щуцкого прозываемомъ и проч. вручилъ... Старостамъ зась Ивану Быховцю и друг. особый указъ видатися мѣеть (о вознагражденіи Ск—ка). Судъ енер. повелѣваетъ и выдаетъ сіе писаніе за руками и печатью судовой потребующой сторонѣ. Року и дня випелисанныхъ.

Ассессори судовъ войсковихъ епералнихъ бунчуковое товариство. (Подписей нѣтъ). (Съ подлинника).

образомъ зять Л—ба Валькевичъ, пользуясь своимъ вліяніемъ въ Глуховскихъ канцеляріяхъ. На эти замедленія—другіе наслѣдники пожаловались въ сенать, откуда, въ к. 1740 г., полученъ былъ указъ „о высылкѣ, въ самой скорости, въ Спб., Валькевича—по дѣлу съ Журавкою о духовной Андрея Лизогуба и посылкѣ туда всего дѣла въ генер. и судовой к—ріяхъ находящагося“. (Марк., II, 239). Сенать назначилъ особую комиссію для раздѣла Л—бовскаго наслѣдства, которою и было кончено это дѣло въ 1748 г. При этомъ К. съ хуторами досталась дочерямъ Л—ба: Марьѣ (женѣ Валькевича) и Евдокіи (ж. Яв. Кулябки). Послѣ Марьи, ея часть унаслѣдовала дочь ея Софья, бывшая замужемъ за племянникомъ гетмана Разумовскаго, Мих. Будлянскимъ. Евдокія—Крапивянское свое имѣніе завѣщала сыну Андрею (1729 † 776)¹⁾ и двумъ дочерямъ, Иринѣ (ж. Вас. Кулаковскаго) и Ульянѣ (ж. Алексѣи Покорскаго). Сыну отъ втор. мужа, малолѣтнему Давилу Стороженку, мать завѣщала деньги. Впослѣдствіи, часть Марьи Андреевны перешла къ ея внуку камергеру Алексѣю Будлянскому,²⁾ а часть Евдокіи—къ ея внукамъ: корнету Федору Кулябкѣ (1751 † 1824) и дѣтямъ Ирины: (Кулаковскимъ) Степану, Марфѣ (м. Іоасафъ Костенецкій) и Евдокіи (м. Пироцкій).

Кр. П. 24 д. А. 46 д. В. 44 д. В. 60 д. нс. 11 д. Г. 42 д. 45 х. нс. 9 бд. х. Д. 50 д. 77 х. 13 бд. х. нс. 19 д. 24 х. 9 бд. х. Кв. В. 28 д. Г. 20 д. 23 х. нс. 5 бд. х. Д. 20 д. 45 х. Црк. Успенія Богородицы; свщ. Емельянъ Давыдовскій.— По опис. Пашенка, въ К. значатся домъ: пріѣзжій Мих. Вл. Будлянскаго, о 3-хъ пок., „жилой“ б. тов. Павла Конисскаго,

1) Первою женою его была Елена Степановна Тарновская, а второю—Матрена Васильевна Чеснокъ, вдова Василія Кулаковскаго, первую женою котораго была родная сестра Андрея Кулябки.

2) Отсюда—и *хуторъ Камергерскій*, около Крапивной. По смерти А. М. Будлянскаго, часть Крапивянскаго имѣнія перешла въ его наслѣдникамъ въ боковыхъ имѣніяхъ, а часть, отъ которой по случаю ея задолженности, отказались наслѣдники, была продана и куплена К. П. Острявскою (479 д. крест. и 1163 дес. земли, за 51 тыс. р.).

о 5-ти п., „жилой“ отставн. прапорщикова Василия и Федора Кулябова, о 3-хъ пок. Кз. 20 д. 45 х. 9 бд. х. Кз. пс. 9 бд. х. Кр. Будлянского, 37 д. 61 х., „пастушьихъ“ 13 бд. х., б. т. Конисскаго, 6 д. 7 х., ум. судьи Нѣж. Кулаковскаго, 12 д. 15 х., прапорщикова Кулябова 13 д. 16 х., ст. сов. Жоравки, 1 д. 3 х.

Х. Щучья Гребля поселена, повидимому, Лизогубами и значится уже въ универсалѣ, выданномъ А. Л—бу, въ 1708 г. („гребля въ млиномъ Щуцкимъ, о дву камняхъ“). Отъ Андрея Л—ба Щ. перешла къ дочерямъ его, а затѣмъ,—къ Кулаковскимъ и Будлянскому. Въ 1780 г., Щ., по опис. Пащ.—„тайн. сов. Будлянскаго, отъ с. Кропивной въ 4-хъ верст., надъ болотомъ Рудюю, при коемъ имѣется плотина съ мельницею объ 1-мъ колѣ, въ немъ подсосѣдч. 16 хатъ“.

Слоб. Лисогоръ „лежитъ по об. стор. рч. Лисогора, на скогородахъ, въ чистыхъ поляхъ“. (Пащ.). Л—ръ поселенъ, повидимому, Григоріемъ Стороженкомъ, вторымъ мужемъ Евдокіи Андреевны Лизогубъ; отъ этой жены у него остался сынъ Данило, которому и достался Л—ръ. Кромѣ того, по завѣщанію матери († 1745), Данилу были назначены деньги, по стоимости четвертой части ея имѣнія, при чемъ эта сумма опредѣлена была въ 16 т. р. Достигши совершеннолѣтія, Д. С—ко началъ съ братомъ Андр. Кулябокомъ и наслѣдниками сестры Кулаковской—споръ, доказывая, что назначеніе ему матерью денегъ, вмѣсто земель, было слѣдствіемъ проискомъ ея зятя Вас. Кулаковскаго, подъ вліяніемъ котораго мать его писала свое завѣщаніе. Споръ этотъ былъ выигранъ уже дѣтьми С—ка.

Въ Л—рѣ Данило С. и жилъ. Женатъ онъ былъ на дочери генер. судьи Федора Лысенка, Катеринѣ, объ ужасной жестокости обращенія съ которою мужа сохранилось любопытное письмо сосѣда. 1) Несмотря однакожь на такія супружескія

1) Письмо писано тогдашн. Иваняцк. земск. комиссаромъ П. Конисскимъ (роднымъ братомъ Георгія Конисскаго), къ брату жены Стороженка. — «Високомилостивый государь мой Іосифъ Федоровичъ. На полученное мною отъ васъ, високомилостивого государя моего, письмо, въ отвѣтъ, съ моимъ вѣрнымъ усердіемъ и почтеніемъ, служу: какъ

отношенія, у Д. С—ка было четверо дѣтей, Петръ и Павелъ, Анна и Катерина. Оба сына въ 1797 г. были поручиками. По вѣд. 1753 г., въ Л—рѣ показано Кр. 17 л. 17 х. и 9 бд. х., а въ 1780 г.—51 д. 72 х. и 13 бд. х., принадлежавшихъ наслѣдникамъ, въ то время уже умершаго, Д. С—ка. Жена его пережила, такъ какъ за нею въ то время числились крестьяне въ Ржавцѣ (с 232).

у насъ отъ людей простихъ Лисогоровскихъ слышно, то такъ подлѣнно, что Катерина Федоровна, яко би з самого прїѣзду своего, содержитсяъ въ заключеніи такъ, что никто ея не видѣтъ; первѣе, якоби была въ спальнѣ заперта и окована, окошко забито было такъ, что и малѣйшей свѣтлости ей не было; а послѣ, якоби была в погребѣ, отколь якоби почти совсѣмъ мертвую внесено и напѣ в ту жъ темницу положено, дней тому назадъ с пять, и якоби уже в оной темницы окошко отперто, и какъ сказуютъ, будто уже одного и ова нетъ, оглухла и умомъ помешалась. Хотя же кто к нему и прїедетъ нарочито, чтобъ можно было Катерину Федоровну повидѣть, никто не могъ видѣть; иногда скажетъ, что и его в домѣ нетъ, и не допустить в избѣ. Я просилъ пана сотника Красноколядинскаго Минѣцкаго, чтобъ, едучи в Иваницу, нарочно побывалъ и покуріозовалъ, однакъ, его не допущено, а объявлено, будто онъ отекалъ в Иваницы, а Катерина Федоровна в Иржавецъ. Послѣ, с панею сотковою жена моя нарочито недавно ездила, тотъ же отвѣтъ получили, И вовсе подлѣнно, что с нею нынѣ дѣтса, знать не можно; однакъ подлѣнно то, что она и повывѣ в заключеніи. И я сіе по усердію моему объявляю, и прежде сисковалъ способу, какъ бы объявить, толко подлѣнно ни отъ кого узнать было неможно что с нею дѣтса. Однакъ нижайше васъ, высокопоступиваго государя моего, прошу сіе при себѣ содержать, ибо, яко сосѣдъ мой, Давило можетъ великіе мнѣ бѣды дѣлать и пакостить. И ничемъ не можно ея—свободить, какъ виемкою отъ главной команды. Она можетъ все о себѣ показать. И затѣмъ предаю себе вашего высокоблагородія милости, с моимъ добросерднемъ и преданностию, ко услугамъ остаюсь таковъ высокоблагородія вашего всемл. госуд. моего, всегдашний вѣрній слуга Павелъ Конискій. 1775 г. марта 29. Кропивная. Покорно прошу писмо спалить». (Съ подлинника). Получивъ это извѣстіе, мать заключенной дочери—просила Малорос. коллегію «послать нарочную команду и силою

С. Рябухи, прав. бер. Ромна и рч. Березовица ¹⁾, принадлежала къ числу ратушныхъ сель до 1740 г., когда управляющимъ Батуринской волости, генер. Вейсбахомъ, была присоединена къ Самборскому староству. Кр. П. 8 д. А. 14 д. В. 11 д. В. 28 д. пс. 23 д. Г. 7 д. 7 х. Д. 15 д. 23 х. пс. 21 д. 38 х. 18 бд. х. Кв. В. 61 д. Г. 45 д. 52 х. пс. 7 д. 7 х. Д. 45 д. 98 х. Церк. ап. Петра и Павла. Свщ. Семень Григоровичъ. Приведенныя цифры населенія поясняются свѣдѣніями Полякова, изъ которыхъ видно, что въ 1729 г. въ Р. было крест.—28 д. и подсосѣдк.—23 д., а въ 1744 г. оказалось крест. 5 д. и подсос.—4 д.; изъ числа кр—нѣь выбыли: 1) во владѣніе старшины и посполитыхъ—7 д., 2) вписался въ козаки—1 д.; 3) въ ревизіи написанъ, а своего двора не имѣлъ—1 д.; 4) въ той же ревизіи дважды написанъ—1 д. и 5) сошло и померло, а пляцы ихъ впустилъ—13 д. Изъ подсосѣдковъ ушло и умерло—19 д. Дальнѣйшее движеніе населенія въ Р. видно изъ описанія Пащенка. Коз.—45 д. 98 х. Подданныхъ: гр. К. Г. Разумовскаго—4 д. 6 х. и сотника Кр.-Кол. Минацкаго—11 д. 17 х. Подсос. плквнка Луб. Максимовича—3 д. 4 х., атам. сот. Кр.-Кол-го Григорія Бѣлецкаго—1 д. 1 х., в. тов. Ант. Федоровича—6 д. 11 х., зн. тов. Дан. Салогуба—1 д. 2 х., хоруж сот. Матвѣя Полторацкаго—1 д. 1 х., бывш. войска Запорожск. полк.

оной, отъ него Стороженка освободить ее въ домъ мой». Изъ коллегіи было написано тогдашнему Прилуцк. полк—ву Якубовичу, который, 7 апр., т. г., доносилъ въ коллегію: «я, съ г. в. тов. и комиссаромъ Ковницкимъ, с. г., апр. 7 числа, самоперсонально въ домъ онаго Стороженка обретался и ко благопосредственности восписаннаго дѣла—болѣе увѣщаніями, нежели строгостію моего уряду и г. г. майора Милорадовича и ротм. Скоропадскаго приглашали, с коими засилу онаго Малор. коллегіи указа, Данила Стороженка жену его Катерину Федоровну истребуя, в домъ к оной матери ея к отправленію, г. б. тов. Осипу Лисенку, брату ея, действительно препоручили»... Къ сожалѣнію, другихъ свѣдѣній объ этомъ тиранствѣ мужа надъ женою в о причинахъ его—нѣтъ.

¹⁾ Въ актѣ 1654 г., «подъ сел. Рябухами» указывается *рудка Березовица* (с. 241).

старшины Онуфрія Латы—2 д. 5 х., попа Рябух. Семена Григоровича—3 д. 6 х., попа с. Дмитровки Ладинскаго—1 д. 1 х., ков. подсосѣдк.—2 д. 4 х. 14 бд. х.

С. Дмитровка, рч. Крапивная, притокъ Ромна, по свѣдѣніямъ Литовск. метрики, въ 1643 г. значится *слободою*, принадлежащею къ „городищу Грайворону“, владѣнія Вишневецкаго. Въ актѣ 1681 года упоминается Романъ Дмитренко, „сынъ осадцы с. Дмитровки“, откуда видно, что поселеніе это названо по имени своего основателя. Изъ того-же акта 1681 г., видно, что при полякахъ Дмитровка и Рябухи принадлежали къ „ключу Краснянскому“, въ которомъ распоряжался „державца п. Кондрать Грекъ“. Въ этомъ же актѣ сохранилось извѣстіе, что Грекъ „своими власными подданными разказаль (въ Дмитровкѣ) гребелку на рѣчцѣ Кропивномъ, Дмитровцямъ и Рябушанамъ, уфундовати, которые тую гребелку своему державному п. К. Греку займали и панщинною, яко подданные, засипали и фундовали“. ¹⁾

При козацкомъ урядѣ Д. оставалась ратушнымъ селомъ до 1740 г., когда Вейсбахомъ (см. ниже, Самборы) было присоединено къ Самборскому староству. Кр. П. 18 д. А. 11 д. В. 13 д. В. 41 д. Пс. 14 д. Р. 16 д. 18 х. Д. 5 д. 12 х. пс. 11 д.

¹⁾ Три акта о Дмитровскомъ «млинѣ» Грека—получили мы когда то, въ копіяхъ, отъ С. Д. Носа, имѣвшаго хорошую привычку, при посѣщеніи разныхъ пановъ и пазковъ,—разыскивать у нихъ разные старинные «шнаргалы», съ которыхъ тутъ же списывалъ коніи, и—возвращая подлинники—убѣждалъ владѣльцевъ—беречь ихъ... Дмитровскіе акты онъ добылъ, повидимому, въ Дмитровкѣ, у одного изъ потомковъ в. т. Павла Долгаго, которому эта мельница досталась въ 1681 г., по «листу» Л. Горленка («позволилисмо Павлу Довгому, тов. в., греблю панскую (т. е. принадлежавшую польскимъ панамъ) въ с. Дмитровцѣ лежачую, фундовати»). Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого, сыновья мельника, сидѣвшаго въ мельницѣ при Грекѣ, стали присвоивать эту мельницу, вслѣдствіе чего въ 1681 г. было произведено на сельскомъ урядѣ слѣдствіе, по которому и разъяснилось—какъ происхожденіе мельницы, такъ и то, что отецъ претендентовъ, «Гарасимъ мелникъ, зъ Гайворона, толко мелникомъ былъ, а не самъ былъ фундаторомъ»...

38 х. 25 бд. х. **Бз. В. 42 д. Г. 32 д. 37 х. пс. 13 бд. х. Д. 40 д. 117 х.** Црк. пресв. Троицы; свящ. Иванъ Свѣтильскій. По свѣдѣн. Полякова, изъ показанныхъ въ 1729 г.—къ 1744 г. оставалось: крест.—6 дв. и подсос. 3 дв., а изъ остальныхъ „сошло и померло“,—крест. 25 дв. и подсос. 10 дв. По описанію Пащенка, подсосѣдки были слѣд. владѣній: четырехъ Бѣлецкихъ—7 дв. 26 х. 12 бд. х., Долгихъ—2 д. 5 х. 3 бд. х., священ. Ивана Свѣтильскаго и Фед. Золотаренка—3 бд. х., сотника Миницкаго—1 д. 5 х., хоруж. сот. Кричка—7 бд. х.

„Слободка“ Рубанка „лежитъ на пространной, чистой степи, по обѣимъ сторонамъ протока Рубанки“. (Пащ.). Рубанская дача составляетъ часть степи, нѣкогда принадлежавшей двумъ селамъ, Гайворону и Крапивной. Исторія поселенія Р. рассказана въ жалобѣ Гайворонскихъ козаковъ, поданной на имя императрицы, въ 1747 г.,—„въ прошлыхъ, давнихъ годахъ, имѣющимся при с. Гайворонѣ собственнымъ нашимъ сѣнокоснымъ степомъ и пахотнымъ полемъ, въ смежности съ степомъ умерш. б. т. Андрея Лизогуба, называемымъ Кропивянскимъ, владѣли предки наши и мы... Въ недавнихъ же годахъ, бывший въ М. Россіи, въ надсмотрѣннн описныхъ изъ-за гетмана (т. е. послѣ гетмана) маетностей ген.-м. Девесенбахъ (Вейсбахъ), объѣздя тѣ описныя маетности и разсмотрѣвая онихъ владѣніе, заѣхаль, невѣдомо почему, къ вышепоказаннымъ, т. е. гетманскимъ, маетностямъ, издревле владѣемый нами степъ и велѣлъ на ономъ сѣно косить, на конскій заводъ, въ с. В. Самборѣ имѣющійся... Нынѣ же, за отбытіемъ изъ М. Россіи помянутого Девесенбаха, обрѣтающійся въ надсмотрѣннн означенныхъ конскихъ заводовъ, конной гв. поручикъ фонъ-Лоссовъ, на Кропивянской Лизогубовской, такожъ Девес-мъ напрасно завладѣнной землѣ, *поселилъ собою вновь слободу*, и тотъ нашъ степъ, называя оной Гайворонскимъ, напрасно ко владѣнію той же новопоселенной имъ слободки привернулъ...¹⁾ Поселенная Лоссовымъ слободка и была

1) «Очерки», с. Рубанка. Тутъ же помѣщенъ списокъ 45-ти домохозяевъ, составлявшихъ населеніе Рубанки въ 1767 г., съ показаніемъ—когда и откуда пришелъ каждый изъ нихъ „на слободу“. Изъ этого списка видно, что первымъ поселенцемъ тутъ былъ козакъ изъ

Рубанка. По указу 5 іюня 1750 г., Батуринская волость, вмѣстѣ съ другими „описными“ маестностями, отдана были новому гетману Разумовскому, при чемъ частицею этой волости была и Р—ка. По Румянц. описи, въ Р.—45 дв., а въ 1780 г.—54 д. 74 х.

Иванцы, Дмитренко, явившійся сюда въ 1740 г.; въ 1742 г. явился еще одинъ, въ 1743 г.—два, въ 1744 г.—еще два и т. д.—При распродажѣ имѣній Разумовскаго, въ Конот. у., Р—ка, въ 1811 г., была продана кол. ас. Георгію Степановичу Кромидѣ (за 13 т. р.). Это былъ «дворянинъ г. Іоаннинъ», выѣхавшій отсюда въ 70-хъ гг. XVIII в., въ г. Нѣжинъ, гдѣ «будучи восхищенъ благополучнѣйшимъ состояніемъ Россійскихъ вѣрноподанныхъ и премудрымъ правительствомъ, оставя отечество, сродниковъ, великолѣпный домъ, недвижимое имѣніе и проч., остался навсегда въ Нѣжинѣ, и женился въ М. Россіи»... (Свидѣтельство «Іоаннинскаго» архіеп. Макарія и друг. 1784 г., съ подлинника, наход. у А. К. Рачинскаго, въ с. Рубанкѣ). Изъ свѣдѣній о службѣ Ю. С. Кромиды, видно, что въ 1784—98 гг. онъ былъ ассесоромъ казенной палаты Таврич. области, а затѣмъ наход. въ отставкѣ. Женился К—да въ 1781 г., тамъ же, въ Нѣжинѣ, на дочери Григорія Паскевича, Аннѣ, принесшей мужу оч. богатое приданое. Тесть К—ды былъ, повидимому, тотъ самый «бунч. товар. и бурмистръ Нѣжинскій Паскевичъ», который обозначенъ, въ 1780 г., въ числѣ домовладѣльцевъ г. Нѣжина. (Опис. Ст. Малорос., II, 66). Прилагаемъ здѣсь списокъ приданого, полученнаго К—дою отъ Паскевича, за женою. Составъ его совершенно уже отлпчается отъ той подвижности, въ одеждѣ и вещахъ, которую—еще недавно передъ тѣмъ—давала, въ Малороссіи, богатая старшина въ «сѣно» за своими дочерьми. Тутъ мы видимъ уже *брушлеты*, *реброны*, *мантели* и даже *шляпки парижкія*. Совершенная замѣна *старою новымъ*, въ домашней обстановкѣ, у богатыхъ Нѣжинцевъ,—зависѣла, какъ отъ большаго ихъ общенія съ великорусскимъ обществомъ, такъ и отъ постоянныхъ торговыхъ сношеній Нѣжинскихъ грековъ съ европейскими центрами, при чемъ не трудно было получать отсюда всякія *мантели* и *шляпки*.

«Господи благослови. 1781 г., ноября 1 дня. За дочерью моею Анною, далъ я въ приданое Юрію Степановичу Кромидѣ подвижнаго имѣнія, а сколько чего значить ниже сего. Три иконы на благословеніе, серебра вышло на оніе съ позолоткою, на 80 р.—*До мантими*

С. Григоровка, „надъ небольшоу въ протокомъ, на коешъ двѣ плотины, о 2-хъ колахъ“ (Пащ.), поселена на земляхъ с. Гайворона, ок. 1700 г., Гайворонскимъ козакомъ Корнѣемъ Салогубомъ, какъ это видно изъ свѣдѣній генер. слѣдствія: „с. Гайворона атаманъ Корнѣй Салогубъ купилъ у Гайвор. жъ козака Германа Чорныша пустую хатку къ своему грунту, а купивши, загативъ греблю и устроилъ млинь и футорокъ, который со всѣми угодіями, за Мазены, гетмана, продалъ Григорію канцеляриствѣ, и якъ достался тотъ футорець по куплѣ Григорію, то нѣсколько хатокъ около хуторца поселилось.“

рей принадлежитъ: перстень и серги бриліантовы—810 р.; другой перстень и серги бриліантовы снопками—200 р. Сердечко бриліантовое, на шею, 251 р.—Брушлеты золотые съ красн. каменьяма 50 р.—Часы золотые, карманные 115 р.—500 зернатъ жемчугу урианского, по 1 р. 35 к., всего 675 р. *Серебро*. Пламенажъ, вѣсу бреславского 16 марковъ 12¹/₂ лот., по тамошней цѣнѣ, по 22 чешскихъ, 184 р. 20 к.—Пули (?) до туалета—20 р. Всего серебра на 1113 р. 40 к.—Сервизъ чайной фарфоровой, красный, съ цвѣтами, 75 р.—*Шатье дамское и приборы къ юловъ*. Ребронъ бѣлой, вѣнчальной, 130 р.—Ребронъ съ золотыми зеркальными полосами и накладкою лонскою, 172 р.—Подвнзъ лилевой, 130 р.—Шатье: куртка съ суконною палевою юпкою, 30 р.—Ковта съ юпкою, кауциновые, 20 р.—Бевеша съ бѣлого атласу и фракомъ (?) соболнымъ и опушкою фостами соболювыми, 158 р.—Мантелія зъ золотой богатой парчи, обложена собоными фостами и тавтою подшита, 125 р.—Шуба штофная французская, разноцвѣтная, голубая, подшита съ чернубурой лисичы шлям, 100 р.—Тулубъ голубой, съ гамбурзугазы, подшита белымъ мехомъ, 55 р.—Галстукъ соболей на шею, 95 р.—Три шляпки паризкихъ, съ разными перьями, 75 р. *До постели*. Павливонъ едомашки малиновой, зъ золотою тясмою и золотыми мохрами, 335 р.—Карета 280. Четыре лошади, 350.—Двѣ дѣвки крѣпостныхъ Арина и Евдоія, 200 р.—А всего 8500 р. Григорій Паскевичъ. (Съ подлинника, любезно сообщеннаго намъ А. К. Рачинскимъ).

Къ этому можно добавить, что Нѣживскій Паскевичъ былъ едва ли не дядя фельдмаршала кн. Паскевича, считавшаго себя близкою роднею недавно умершей Рубанской владѣлицы, А. Е. Дараганъ втор. мужу Фроловой), внуки Ю. С. Кромиды.

Хуторъ этотъ получилъ названіе *Григоровки*. Но канцеляристъ „Григорій Григорьевъ“, заучастіе въ Мазепиномъ дѣлѣ, былъ сосланъ ¹⁾ и оставшійся безъ хозяина хуторъ выпросилъ у Скоропадскаго—Петръ Корецкій, зять полковника Мих. Миклашевскаго; отъ Корецкаго Григоровка перешла къ Ивану Чарнышу; но у послѣдняго отобралъ Г. самъ гетманъ и отдалъ ее, въ 1718 г., своему брату Василю, который, будучи Черниг. обознымъ, жилъ далеко отъ Григоровки, почему, вѣроятно, и передалъ ее въ полное распоряженіе сыну Михайлу. Послѣдній значительно увеличилъ Григоровскія земли, главнымъ образомъ захватывая земли у Гайворонскихъ козаковъ. ²⁾ Въ 30-хъ г. г., въ Г—кѣ построена была церковь во имя архистр. Михаила, и къ пол. XVIII в. Г. стала настоящимъ селомъ. За цѣлость его Ск—ій впрочемъ очень всполошился, когда,—при производствѣ ревизіи въ 1753 г.,—ревизоры совсѣмъ пропустили, сосѣднюю съ Г—кою, слободку Бѣл. Вежи, недавно передъ тѣмъ поселенную Кочубеемъ. По этому поводу Ск—ій писалъ Прилуцкому полковнику слѣд. интересное письмо: „Сердечный мой добродію. Ревизори сотнѣ Кр.-Кол—ой, въ томъ числѣ и селца моего Григоровки, сотникъ Ічанскій и атаманъ Кр.-К—ій, столько по той своей должности—въ сочиненіи полѣщенной (порученной) имъ ревизіи—не тщательни, что цѣлую слободу Василя Кочубея, бунч. тов., позадѣ моего селца Г—ки въ 30-ти дв. состоящую и по обрядамъ церковнымъ, до паравіи Григоровской принадлежащую, поленившись въ оную слободу, (которая отъ Г—ки въ полтори толко верст. положеніе свое имѣеть), сами поѣхать, въ нынѣшнюю о дворовомъ числѣ всякаго званія людей сочиняемую ревизію написать попустили... И если и теперь тая слободка отъ ревизіи минована будетъ, несомнѣнно—околичныхъ сель обивателѣ, смотря на тамошное отъ всѣхъ тяжестей уволненіе, старіе свои мѣста оставивши, перейдутъ въ оную слободу жить, а осталніе люди въ тихъ селахъ въ ревизію написанніе, отъ того разоратимутся“... Бр. А. 32 д. В. 50 д. Г. 34 д. 86 х. Д. 102 д. 130 х. 13 бд. х. Кз. нѣтъ. Црк. архстр. Михаила. Свящ. Иванъ

А.

имѣ 1) Ист. М. Россіи, Б.-Каменск., III, 118.

веніе, 2) Діаріушъ Ханенка, 47.

Яновскій. По
между двумя
Пащенко, „подда
скаго—36 дв. 43 х.
„при дворѣ его (Якова,
хать. По этому же описанію
покояхъ.

Ивана Свѣ
го, 66 дв. 87
жителскихъ—
Ск. показанъ—о

Корибутовская сотня, занимавшая оба берега Ромна, у его верховьевъ, существовала съ 1649 г., на ряду съ Голенскою, но затѣмъ, соединившись съ послѣднею, продолжала свое существованіе до 70-хъ г.г. XVII в., когда, вслѣдствіе уменьшенія народонаселенія, присоединена была къ Кр.-Колядинской. Затѣмъ Крб—ая сотня вновь была открыта въ 1738 г. когда, по мысли Безбородка и по распоряженію А. И. Румянцова, учреждено было нѣсколько новыхъ сотенъ, для того, какъ говорили, чтобы ген. к—рии имѣть возможность распоряжаться большимъ количествомъ вакансій на сотничьи уряды... Однакожь эти новыя сотни, по сенатскому распоряженію, скоро были и упразднены (1742 г.). Послѣ этого, Крб—ая сотня снова оставалась въ составѣ Колядинской сотни до 1751 г., когда, по ордеру Разумовскаго, „велѣно было сотню Крб—ую отъ сотнѣ Клд—ой паки раздѣлить попрежнему.“ Очень можетъ быть, что это новое отдѣленіе Крб—ой сотни было сдѣлано по представленію того же Безбородка, которому какъ разъ въ это время возвращень былъ прежній урядъ ген. писарства (Русск. Арх., 1875 г., кн. I, стр. 314). Послѣ этого Крб—ая сотня существовала до уничтоженія козачьяго управленія. Въ этотъ второй періодъ существованія сотни—центромъ ея была уже Голенка, а не Корибутовъ, который, съ присоединеніемъ его къ Самборскому староству, обратился въ незначительное село. Поэтому, во втор. пол. XVII в., Крб—ая сотня часто называется и Голенскою.

Корибутовскіе сотники. Степанъ Семеновъ, 1654. Яцко Драпика, 1672. Павелъ Ясликовскій, 1739. Самойло Левандовскій, 1740—750. Павелъ Дембовскій, 1752—759. Василій Рудковскій, 1760—767. Власъ Жураковскій, 1767—777. Степанъ Воротилякъ, 1777—781.

генер. отую Крб—ую
 к—рія пору ію, канцеляри-
 произведены в де за выборами
 доносили гетману, Свирскому. Выборы
 вленіи Корибутов. 31 г., о чемъ сотняне
а отъ в. ясн—ти ордеръ о
отъ Кр.-Кол—ой, по показан-
 нымъ въ томъ ордерѣ о. стоятельствамъ, по прежнему, съ рав-
 номѣрствомъ въ числѣ козаковъ, по способности, и о виборѣ
 ко опредѣленію въ ту Крб—ую сотню настоящимъ сотникомъ—
 изъ заслуженихъ и того чина достойныхъ людей—человѣка, двоихъ
 или троихъ, на оную сотню кандидатовъ. Ми, оной сотнѣ Крб—ой
 атамани и товариство, вашей ясн—ти високое о битіи, по преж-
 нему, Крб—ой сотнѣ и настоящому сотнику, повелѣніе, зъ при-
 сланного отъ поля. Прил. к—рії къ намъ, чрезъ сотника Ива-
 ницкого Свѣрского, объявленнаго ордера, и по трократномъ насъ
 спрашиванію, по объѣму нашему согласію, желаемъ себѣ имѣть
 сотникомъ настоящимъ в. канцеляристу Павла Дембовского, а
 къ нему у кандидаты—ныи. Голюнского атамана Сем. Проко-
 пенка. Такъ учинивъ сей виборъ волными голосами на оного
 канц—сту Дембовского, ко опредѣленію его въ сотничній чинъ,
 при семъ нашемъ виборѣ представляемъ“... Прошеніе это под-
 писано 39-ю козаками с.с. Голенки, Дештовки, Гиравки и Ли-
 пового ¹⁾). Но рядомъ съ этимъ „доношеніемъ“, послано было
 гетману и другое, отъ другой группы виборщиковъ, причемъ
 послѣдніе писали: „канцеляристь енер. суда Дембовскій, при-
 бивши въ сотню Кр.-Кол—ую съ ордеромъ в. ясн—ти о ви-
 борѣ намъ нижайшимъ, кого обще всѣ бывшей Крб—ой сотнѣ

1) Здѣсь нѣтъ козаковъ с. Гайворона, вѣроятно потому, что во
 время виборовъ это село не предполагалось влючать въ Крб—ую
 сотню. Оффиціальное указаніе сель, изъ которыхъ составила Крб.
 сотня, сдѣлано было послѣ утвержденія Д—аго сотникомъ. Слѣдоват.
 и козаки с. Липоваго участвовали въ виборахъ потому, что это село
 предполагалось влючить въ новую сотню. Въ виборахъ не участ-
 вали козаки с. Фесевки, коихъ было всего 4 двора. Въ остальныхъ
 въ новой сотни козаковъ не было.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXIV.

1901 г.

ІЮЛЬ-АВГУСТЪ.



К І Е В Ъ

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Алч. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.

1901.

Дозволено цензурою. Київ, 20 іюля 1901 года.

ЕВРЕИ ВЪ ЮЖНОЙ РОССИИ.

Формы труда у евреевъ въ южной Россіи.¹⁾

(Историко-этнографическія замѣтки).

Въ статьѣ „Евреи въ южной Россіи“ („Кіевск. Стар.

1) Настоящая статья составляетъ продолженіе статьи «Евреи въ Южной Россіи» («Кіевск. Стар. 1901 г. № 1) и непосредственно примыкаетъ къ статьѣ «Смѣна народностей въ Южной Россіи» («Кіевск. Стар. 1883 г. № 5 и 7 и 1884 г. № 9 и 11), а потому въ ней преслѣдуются исключительно этнографическія цѣли. Въ послѣдніи два десятилѣтія XIX в. въ Южной Россіи произошли общественно-экономическія явленія громаднago значенія, какъ напр.—энергическій ростъ заводской (сахарной, каменноугольной, желѣзодѣлательной и пр.) жизни, пересѣченіе края желѣзнодорожною сѣтью, развитіе хлѣбнаго экспорта, введеніе монополій, переселенческое движеніе и т. п. Несомнѣнно, такіа явленія отразились и на занятіяхъ евреевъ, но происшедшія при этомъ измѣненія не успѣли еще вылиться въ устойчивыя формы, которыя только и могутъ служить матеріаломъ для этнографическихкихъ выводовъ. Вслѣдствіе этого, матеріаломъ для опредѣленія формъ труда евреевъ послужило время, предшествующее отмѣченному періоду, именно время, заканчивающееся семиле-

1901 г. № 1) было выяснено, что въ предѣлахъ южной Россіи

сѣтими годами XIX ст., когда виды занятій южно-русскихъ евреевъ можно наблюдать, какъ явленія устойчивыя и потому служащія къ выясненію этнологическихъ особенностей народа.

Источниками служили, кромѣ указанныхъ въ первой статьѣ:

- 1) Экономическое состояніе городскихъ поселеній Европ. Россіи. 1861—62 г. Волинская, Гродненская, Черниговская, Екатеринославская губ.
- 2) *Столянский*. «Девять губерній западно-русскаго края». 1866 г.
- 3) *Леонтовичъ*. «Историческій обзоръ постановленій о евреяхъ въ Россіи» 1861.
- 4) *Елисейевъ*. «Производительныя силы Россіи» («Отеч. Зап.» 1868 г. № 12).
- 5) *Оршанскій*. «Изъ новѣйшей исторіи евреевъ въ Россіи» («Еврейская бібліотека» т. 2, 1872 г.) и «Евреи въ Россіи» 1872 г.
- 6) «Устройство и состояніе еврейскихъ обществъ въ Россіи».
- 7) „Архивъ историческихъ и практич. свѣдѣній о Россіи“ Калачова. 1860, кн. 4.
- 8) *Ив. Шмаковъ*. «О еврейскихъ колоніяхъ» («День» 1869 г. №№ 9—11).
- 9) *Демидовъ Санъ-Дonato*. «Еврейскій вопросъ».
- 10) *Червинскій*. «Экономическія свѣтанія» («Отеч. Зап.» 1880, №№ 6, 7).
- 11) *Кельсиевъ*. «Галичина и Молдавія» СПб. 1818 (203—224).
- 12) *Варзеръ*. «Еврей-арендаторы въ Черниг. губ.» («Отеч. Зап.» 175—197).
- 13) *Овсянниковъ*. «Географическіе очерки и картины» т. П. «Очерки и картины Малороссіи» 1880 г.
- 14) *Дептинъ*. «Быть и нравы евреевъ въ средніе вѣка» («Разсвѣтъ»).
- 15) *Берлинъ*. «Очеркъ этногр. еврейск. народонаселенія въ Россіи». Этногр. сборникъ. 1862 г. вып. V.
- 16) *Борковъ*. «Жить или не жить евреямъ повсемѣстно въ Россіи». «Слово». 1878 г. № 2 (11—20).
- 17) *Чаславскій*. «Вопросы русскаго аграрнаго устройства. Ст. 2, «Отеч. Зап.» 1879 г. № 1 (229—230).

живутъ, главнымъ образомъ, такъ называемые польскіе евреи.¹⁾ Польскіе евреи—талмудисты, и это обстоятельство имѣло и имѣетъ до послѣдняго времени существенное вліяніе на социально-бытовья воззрѣнія евреевъ и ихъ экономическую оригинальность, а въ связи съ этимъ и на занятія ихъ.

Съ паденіемъ государственной самостоятельности евреевъ и съ расселеніемъ ихъ среди племенъ разныхъ религіозныхъ исповѣданій и разнообразныхъ этнографическихъ особенностей, прежній кодексъ религіозныхъ и социально-бытовыхъ установлений, какой евреи имѣли въ видѣ библейскихъ книгъ, оказалса невыполнимымъ при ихъ новыхъ условіяхъ жизни. Между тѣмъ

18) *Драгомановъ*. «Евреи и поляки въ юго-зап. краѣ». „Вѣст. Евр.“ 1875, № 7 (134—143).

19) *Костомаровъ* «Объ отношеніяхъ галицкихъ русскихъ къ сосѣдамъ» «Основа» 1862 г. № 5.

20) *Костомаровъ*. „Иудеямъ“ „Основа“ 1862 г. Январь (42—48).

21) *Шлейснеръ* «Какъ отдаются въ аренду казенныя оброчныя статьи». «Отеч. Зап. 1881 г. № 1 (32—49).

22) Еврейскія колоніи Новороссійскаго края» («Журналъ Мин. Госуд. Имущ.» 1883, № 3).

23) *Волковъ*. «О сельскихъ ярмаркахъ по значенію ихъ для изученія ремесленной и кустарной промышленности» (Зап. Юго-Зап. Отдѣла Географ. Общ. т. I).

24) Журналы и газеты за 1881 г., когда по поводу еврейскихъ беспорядковъ повременная литература заполнена была матерьялами о евреяхъ.

1) Встрѣчаются еще: *турецкіе* евреи въ южныхъ коммерческихъ портахъ: въ Одессѣ, Николаевѣ, Херсонѣ и особенно въ крымскихъ городахъ; *курляндскіе* евреи въ новороссійскихъ колоніяхъ; *казнаскіе* евреи—въ Кубанской области и нѣсколько въ большемъ количествѣ евреи-караимы по всему краю, а особенно въ Крыму и въ Волынской губерніи. Но четыре послѣднія группы евреевъ уже по одной своей малочисленности не оказываютъ сколько-нибудь замѣтнаго вліянія въ краѣ, особенно сравнительно съ польскими евреями.

сохранение иудейской традиции требовало теперь, больше чѣмъ когда-либо, напряженія силъ и средствъ, иначе націи предстояло затеряться среди другого господствующаго населенія, ассимилироваться съ нимъ, и, такимъ образомъ, утратить свою миссію въ мірѣ. Всякій народъ безъ борьбы пассивной или активной никогда не отказывается отъ самого себя, отъ своего этнологическаго богатства, а тѣмъ болѣе съ подобнымъ положеніемъ невозможно примириться для иудаизма. У народовъ на извѣстной ступени культуры встрѣчается одна общая черта—это строгое разграниченіе между членами одной и той же общины, одной и той же племенной группы—съ одной стороны, и остальнымъ населеніемъ—съ другой. Но между тѣмъ какъ у большинства народовъ съ теченіемъ времени, при возвышеніи культурнаго уровня, указанныя антисоціальныя черты ступеваются, нѣкоторыя націи какъ бы окаменѣваютъ на этой ступени пониманія интернаціональныхъ взаимодействій, развиваютъ ихъ въ подробностяхъ и кодифицируютъ обычно религіознымъ освѣщеніемъ. Послѣднимъ путемъ шло именно развитіе еврейскаго народа. Съ момента появленія иудаизма въ исторической жизни, характеристическую черту ихъ національнаго воззрѣнія представляетъ понятіе о себѣ, какъ о народѣ привилегированномъ, единственно излюбленномъ Иеговой, народѣ, носящемъ въ себѣ самую будущую славу человѣчества, а вмѣстѣ и власть надъ міромъ, а рядомъ другое понятіе объ остальномъ человѣчествѣ, какъ о нечестивомъ, неугодномъ Иеговѣ язычествѣ и рабѣ въ будущемъ властныхъ потомковъ Израиля. Такое міровоззрѣніе евреевъ олицетворилось въ ихъ представленіи о Мессіи и его царствѣ, достиженіе котораго связано съ сохраненіемъ національнаго типа. Понятно, какая трудность представляла для евреевъ въ выполненіи послѣдняго требованія при условіяхъ новой, оазисной жизни среди народностей, отверженныхъ Иеговой, когда отъ смѣшенія съ послѣдними не ограждала ихъ раньше и замкнутая государственная жизнь въ землѣ обѣтованной. Ближайшимъ послѣдствіемъ новыхъ условій жизни было постепенное измѣненіе прежняго соціально-религіознаго

кодекса Библии съ цѣлью приспособленія его требованій въ новой обстановкѣ. Такое постепенное измѣненіе Библии къ концу III-го вѣка по Рожд. Хр. выросло въ 18 томовъ талмудическихъ книгъ („Мишне“—6 томовъ и „Гемаре“—12 том.). Въ талмудѣ формулирована еврейскими мудрецами и богословами вся жизнь народа и отдѣльнаго члена его не только въ принципахъ, но и въ самыхъ подробностяхъ жизни; въ немъ предусмотрѣны: пища, одежда, взаимныя отношенія членовъ іудейскихъ общинъ и таковыя же къ иностранцамъ. Но патриархальная точка воззрѣнія на человѣческій міръ осталась неприкосновенною: подобно библейскому іудею, талмудическій еврей дѣлитъ человѣчество на двѣ неравныя половины: съ одной стороны евреи, потомки богоизбраннаго Израиля, а съ другой—остальное человѣчество—„гой“. Религіозная нетерпимость и отсюда національная обособленность, при теологической основѣ міровоззрѣнія, характеризующія вообще семитическіе народы, рѣзко выразились въ талмудическихъ установленіяхъ. Послѣдующая исторія евреевъ въ Западной Европѣ способствовала не ослабленію, а усиленію антисоціальныхъ особенностей талмудистовъ. Еврейское племя, какъ извѣстно ¹⁾, въ Европѣ до XVII в. почти не введено было въ общую жизнь, а представляло собой какъ бы своеобразный наростъ въ жизни чуждыхъ ему народностей и государствъ, которыя постоянно старались, нерѣдко жестокими средствами, освободиться отъ него. При такомъ положеніи новая жизнь не вливалась въ общественный организмъ евреевъ, и послѣдній не преобразовывался подъ разными смѣнявшимися требованіями исторической жизни Европы, а неизбѣжныя и почти всегда печальныя перипетіи въ положеніи евреевъ только отражались поверхностными измѣненіями на структурѣ еврейскаго народа въ смыслѣ разнообразныхъ, нерѣдко уродливыхъ приспособленій къ практическимъ условіямъ. Отсюда произошло то оригинальное явленіе

¹⁾ «Евреи въ южной Россіи» (историч. справка) Кіевск. Ст. № 1.

въ развитіи евреевъ, что этотъ народъ остался въ существѣ своемъ недвижимъ въ своихъ грядущихъ поколѣніяхъ. „Предъ нимъ исчезаютъ племена, говоритъ Костомаровъ, возникаютъ новыя народности, совершаютъ теченіе своей жизни и перерождаются, а этотъ народъ все тотъ же, непоколебимъ и крѣпокъ, живетъ прошедшимъ. Ни костры инквизиціи, ни мечи бароновъ, ни сабли козачества не измѣнили ихъ (евреевъ) ни на одну юту“¹⁾. Еврейское населеніе XIX в. ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ того же племени перваго вѣка: „оно, по словамъ д-ра Теллинека, упорно сохраняетъ всѣ принципы, однажды имъ принятыя, формы, имъ самимъ выработанныя, духовныя вспомогательныя средства, которыми оно пользуется, нравы, въ которыхъ оно ужилось, и міровоззрѣніе, которое оно себѣ составило“²⁾. Стволъ, основа талмудическаго іудаизма, остались непоколебимыми, неприкосновенными, а кипѣвшая и бушевавшая бокомъ о бокъ, но внѣ еврейства, европейская жизнь, отразилась лишь своего рода поверхностными напластованіями. Между вліяніями и силами, управлявшими наслоеніемъ на поверхности еврейскаго общественнаго организма, доминировала всегда гнетъ, подъ которымъ евреи неоднократно стонали въ различныхъ полосахъ Западной Европы. Подъ вліяніемъ такой мрачной силы, внутри еврейства, съ одной стороны, развились превосходныя качества: гнетъ, заставляя евреевъ напрягать свои физическія и духовныя силы, чтобы поддержать свое бытіе и отстоять національную и религіозную самобытность среди враждебно настроенныхъ противъ него народностей, развилъ острый пронизательный умъ евреевъ, стойкость, энергію ихъ; гнетъ воспиталъ въ нихъ умѣренность и бережливость, гнетъ укрѣпилъ у евреевъ семейныя добродѣтели; но, съ другой стороны, гнетъ же развилъ и несимпатичныя нравственныя свойства евреевъ: обманъ, лесть, угодничество,

1) Костомаровъ. «Основа», 1862, № 1.

2) Д-ръ Адольфъ Теллинекъ. «Еврейское племя». Этнограф. этюды. СПб. стр. 23.

приучилъ ихъ къ хитрости, изворотливости, способствовалъ еще большей изолированности еврейства отъ остального человѣчества, поддержалъ у нихъ антисоціальныя воззрѣнія талмудическихъ учителей на взаимныя отношенія между еврействомъ и остальнымъ человѣчествомъ, а главное—односторонне направилъ дѣятельныя силы евреевъ въ сферы непроизводительнаго труда. Еврейство, при своихъ племенныхъ семитическихъ задаткахъ, при своихъ одностороннихъ религіозныхъ требованіяхъ, подъ вліяніемъ гнета, отлилось въ своеобразный замкнутый организмъ со свойствами по меньшей мѣрѣ бесполезными для тѣхъ народностей, среди которыхъ оно поселилось.

Южная Россія, принявшая евреевъ на свою территорію окончательно въ XV—XVI в., получила ихъ, такъ сказать, изъ третьихъ рукъ (талмудическое ученіе, школа Зап. Европы и жизнь въ Литовско-Польскомъ королевствѣ), въ готовой формѣ, и при этомъ самой печальной и непривлекательной окраски еврейства—это германскихъ евреевъ, которые, по сознанию непредубѣжденныхъ противъ еврейства наблюдателей, производятъ „весьма тяжелое и грустное впечатлѣніе“. Четырехвѣковая жизнь евреевъ въ южной Россіи не поворотила развитія ихъ на иной путь, а скорѣе помогла дальнѣйшей формировкѣ еврейства по старому плану. Систематическаго гнета, правда, евреи въ южной Россіи уже не испытывали, но спорадическіе взрывы противъ еврейства (козачество, гайдамачество), практическія условія соціальной жизни страны, а отчасти и законодательныя мѣропріятія помогали евреямъ пребывать въ своей національной обособленности и содѣйствовали развитію особенностей, заложенныхъ западно-европейскою жизнью, особенностей вредныхъ для интересовъ пріютившаго ихъ края.

Внутри себя южно-русское еврейство не исполнило одноформенно ни въ соціальномъ, ни въ практическомъ отношеніи. 1)

1) По соціальному положенію еврейскіе дѣлятся: 1) на богачей («Гвирь», «Ногиць»), 2) велико-ученыхъ («Гуонъ», «Годоль»), 3) торговыхъ евреевъ, 4) ремесленниковъ, 5) бѣдняковъ,

Въ его замкнутомъ мірѣ есть и богачи и бѣдняки, и помѣщики и служащіе, и кулаки и эксплуатируемые, и духовенство обирающее и паства стригомая, и антагонизмъ и вражда, и неравенство, и ненависть, и все это, можетъ быть, даже въ болѣе несимпатичной формѣ, чѣмъ какъ оно встрѣчается въ обществахъ другихъ народностей. Но внутреннее разьединеніе не мѣшаетъ южно-русскому еврейству, въ противоположность дѣйствующему въ раздробъ малорусскому населенію, представлять достаточно компактное цѣлое, связанное племенной солидарностью. Солидарность еврейства проявляется повсюду—и въ самыхъ малыхъ повседневныхъ фактахъ, и въ прочныхъ установленіяхъ. „Вездѣ, пишетъ Кельсіевъ о галицкихъ евреяхъ, евреи селятся отдѣльными кварталами, вездѣ занимаютъ отдѣльные рынки и вездѣ крѣпко и ожесточенно стоятъ другъ за друга.

живущихъ личнымъ трудомъ и б) пролетаріевъ, существующихъ благотворительностью еврейскаго общества. Даже въ религиозномъ отношеніи между евреями можно различить: 1) фанатиковъ ортодоксальныхъ или «хасидовъ», 2) умѣренно-ортодоксальныхъ или «миснагдовъ» и 3) евреевъ прогрессистовъ или религиозныхъ индифферентистовъ. Указанныя группы въ еврейскомъ обществѣ достаточно рѣзко очерчены и держатся своихъ особенныхъ семейныхъ и классовыхъ правилъ, Господствующее вліяніе распределено между великоучеными и богатыми: первые пользуются вліяніемъ у евреевъ, какъ хранители и истолкователи истинъ іудейства; сила же вторыхъ, какъ капиталистовъ, сама по себѣ понятна, особенно при исключительно-коммерческой дѣятельности евреевъ. Классъ богачей сравнительно не великъ, и богатство въ рукахъ этихъ немногихъ растетъ, оставляя массу въ бѣдности, въ нищенствѣ, предоставляя ей добывать жизненные средства любыми способами. Бѣдствующая еврейская масса представляетъ собой одно изъ орудій для обогащенія «еврейскихъ тузовъ»; бѣднякъ еврей, обирающій позорно крестьянина, нуженъ въ этомъ несчастномъ видѣ для того, чтобы богатый еврей подрядчикъ нанялъ полешевле рабочихъ, а арендаторъ-еврей имѣлъ бы полузакрѣпощенныхъ земледѣльцевъ и т. д.

...Между собой они постоянно въ ссорѣ и презираютъ и ненавидятъ другъ друга до невозможности; но чуть дѣло касается ихъ національности и ихъ исповѣданія, чуть вопросъ зайдетъ о правахъ евреевъ, они всѣ встаютъ, какъ одинъ человекъ¹⁾. Съ тѣми же чертами исключительно національной взаимопомощи являются и учрежденія еврейскаго общества, какъ благотворительнаго, такъ и общественно-экономическаго типа. Бережливые, и даже скупые, лично для себя въ пищѣ, квартирѣ, одеждѣ и пр., евреи жертвуютъ значительными суммами въ помощь единовѣрцамъ въ бѣдѣ: на добровольныя даянія существуетъ громаднй классъ евреевъ нищихъ-профессіоналовъ и „развѣ только бѣднй еврей, по словамъ Чубинскаго, когда-нибудь откажетъ такому нищему въ подаяніи; богатые же и зажиточные никогда не откажутъ въ подаяніи даже самому здоровому батраку или молодой женщинѣ въ лохмотьяхъ при самомъ ихъ появленіи на порогѣ дома²⁾. Кромѣ личной благотворительности, существуетъ у евреевъ и безчисленное множество учреждений, содержимыхъ на благотворительныя средства—это разныя еврейскія братства³⁾.

Такимъ же нагляднымъ выразителемъ еврейской общественной солидарности, цѣлей и стремленій еврейства, какъ и братства, служить и специально еврейская организація административнаго типа—„кагаль“. Кагальныя учрежденія появляются въ южной Россіи сравнительно рано, и въ XVI—XVII в. они до-

1) Кельсіевъ «Галичина и Молдавія». Путевыя письма. СПб. 1868.

2) Чубинскій «Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русс. край» т. 7 (стр. 75).

3) Братство погребателей («ховра-кедима»), братство «хлѣбъ-бѣдныхъ» («лекомъ-эвговимъ»), братство «посѣщенія больныхъ» («бируръ-холимъ»), братство «талмудъ-тора»—воспитанія сиротъ, для выдачи безпроцентныхъ ссудъ подъ залогъ или поручительство небогатымъ евреямъ, нуждающимся въ кредитѣ; вспомошествованіи невѣстамъ, «честныхъ дѣателей» для разбора маловажныхъ споровъ между евреями работниками и евреями мастерами и пр.

стигаютъ уже могущественной силы ¹⁾. Въ наше время кагалы упразднены еще въ 1844 г. и вмѣсто нихъ оставлены только должности сборщиковъ податей и слатчиковъ по воинской повинности, а въ духовномъ отношеніи евреи подчинены правительственнымъ раввинамъ, но въ дѣйствительности, по замѣчанію Чубинскаго, „общественная и частная жизнь руководствуется указаніями и управленіемъ доннынѣ существующаго, хотя официально и упраздненнаго правительствомъ,—кагала“. „Еврейскій кагалъ, по словамъ Брафмена, „отправляетъ обязанность опекуна надъ всѣми поступками и дѣйствіями каждаго еврея, и, заботясь о матерьяльномъ благосостояніи какъ общества, такъ и каждаго отдѣльнаго члена его, кагалъ изыскиваетъ всевозможныя мѣры, не пренебрегая никакими средствами ²⁾).

1) Вотъ что говоритъ о кагальной организаціи этого времени проф. Антоновичъ: «городъ, заключавшій въ себѣ болѣе значительное еврейское народонаселеніе, составлялъ отдѣльный кагалъ; онъ подлежалъ суду и управленію коллегіи, состоявшей изъ выборныхъ лицъ, называемыхъ «старшіе жидовскіе кагалные судьи, школьники», подъ предсѣдательствомъ раббина; послѣдняго утверждалъ въ должности замковый урядъ или владѣлецъ города, получая, конечно, за утвержденіе извѣстную сумму денегъ; всѣ евреи, населявшіе болѣе мелкіе города, составляли «прикагалки», завистлившіе отъ главнаго кагала, наконецъ евреи, разбѣянные по селамъ, были также припаяны въ число членовъ ближайшихъ кагаловъ. Кагалные судьи и управляли по талмуду и по обычаямъ и преданіямъ еврейскимъ, и потому пользовались неограниченнымъ довѣріемъ со стороны еврейскаго народонаселенія. Для принятія общахъ мѣръ, для раскладки податей и т. п., депутаты отъ кагаловъ съѣзжались ежегодно въ каждомъ воеводствѣ, поочередно въ кагалные города, составляли такъ называемые «жидовскіе сеймики», издавали на нихъ постановленія, обязательныя для всѣхъ евреевъ воеводства, и избирали особенное должностное лицо—генеральнаго жидовскаго писаря воеводства, который завѣдывалъ сборомъ податей и сносился съ коронными подскарбіями».

2) Силу кагала, по мнѣнію Чубинскаго, относительно единоверхцевъ составляютъ: а) страшный для каждаго еврея «*шеримъ*», ко-

Съ намѣченными особенностями евреевъ необходимо собразоваться прежде всего при изученіи формъ труда, усвоенныхъ южно-русскими евреями: иначе многое останется неяснымъ и непонятнымъ.

Западно-европейскій періодъ въ исторіи еврейства—это періодъ ихъ городской жизни; по крайней мѣрѣ, это можно сказать о среднихъ вѣкахъ, когда евреи жили въ Европѣ отдѣльными общинами и занимали улицы или кварталы, отдаленные отъ христіанскаго населенія, и еврейскія общины въ средніе вѣка походили на колоніи, совершенно замкнутыя для внѣшней жизни. Такія колоніи, болѣе или менѣе типичныя, можно было встрѣтить въ Испаніи, Франціи, Итали, Австріи; слѣды замкнутыхъ еврейскихъ поселеній сохранились во многихъ большихъ городахъ и до нашего времени въ названіяхъ отдѣльных частей города, кварталовъ и улицъ (напр. въ Вѣнѣ и понынѣ одинъ кварталъ называется „Жидовскою Площадью“, тоже и въ Варшавѣ). Но исторической извѣстностью, по своей типичности, пользовались „Гето“ (Ghetto) въ Римѣ и Еврейскій кварталъ въ Прагѣ. Причины изолированности поселенія и сосредоточенія еврейскаго населенія въ городахъ въ средніе вѣка можно формулировать, кажется, въ три положенія: 1) Нерѣдко евреямъ, какъ напр. въ Южной Франціи, дозволялось жить исключительно въ городахъ, мѣстечкахъ и укрѣпленныхъ замкахъ. 2) Города болѣе ограждали ихъ отъ вражды земледѣльческой, сельской массы, всегда болѣе фанатичной, а также и отъ насильствъ бароновъ, графовъ и пр., не говоря уже о томъ, что городская жизнь давала имъ болѣе средствъ къ отстанванію своихъ

торгь, гарантируя исполненіе постановленій кагала, придаетъ послѣднимъ силу и непривосновенность закона, б) право требовать подъ присягой отъ всѣхъ евреевъ показаній о состояніи и усильяхъ торговли, промышленности и пр.; в) право вмѣшательства въ домашнюю жизнь и даже кухню каждаго еврея.

религиозныхъ и племенныхъ особенностей, и, наконецъ, 3) города по своему характеру представляли болѣе выгодныя условія, чѣмъ села для тѣхъ занятій, какія дозволялись имъ до времени ихъ полной эмансипаціи: раньше всего ростовщичество, позже торговля, и еще позже ремесла. Въ Польскихъ и Литовскихъ земляхъ, во время поселенія евреевъ, да собственно говоря и въ продолженіи всей исторіи Польско-Литовскаго государства, а затѣмъ и Русскаго, не было ни тѣхъ характерныхъ кровавыхъ преслѣдованій, ни тѣхъ налоговъ, которымъ подвергались евреи во всѣхъ другихъ государствахъ Зап. Европы. Однако и здѣсь евреи оказались горожанами. Явившись съ привычками и наклонностями къ такимъ занятіямъ, какъ ростовщичество, торговля и ремесла, они естественно стремились въ города, да кромѣ того къ нимъ прикрѣпляли ихъ постоянно льготы и юридическія установленія: въ Литовско-Польскій періодъ евреи прежде всего допущены были только въ города, какъ классъ промышленно-торговый; потомъ, хотя постепенно и проникали въ села, но или нелегальнымъ, такъ сказать, путемъ, подъ видомъ панскихъ арендаторовъ, агентовъ и пр., или же съ разными ограниченіями; между тѣмъ въ XV в., по крайней мѣрѣ, евреи горожане, пользовались особымъ покровительствомъ законовъ и снабжены были всѣми правами торговли и промышленности, и даже имъ предоставлена была въ польско-литовскихъ городахъ своеобразная національная организація самоуправления въ формѣ „кагаловъ“ съ „подкагалками“ и сеймиками. Въ російскій періодъ малорусской исторіи также издаются постановленія, задерживающія евреевъ въ городахъ. Такъ 5-го мая 1795 года повелѣно евреямъ, кои не только по городамъ, но и по селеніямъ разсѣяны пребываютъ, *„внести въ городовыя окружныхъ городовъ книги, на основаніи городского положенія, подчиняя магистратамъ, и стараться переселять ихъ въ уездныя города“*. Такое значеніе имѣютъ и распоряженія 1804 г., котор. постановлялось, чтобы съ 1-го января 1807 г. въ губерніяхъ малороссійскихъ и новороссійскихъ, а съ 1-го января 1808 г. и въ другихъ, евреи ни въ какой деревнѣ и ни въ

какомъ случаѣ не содержали бы никакихъ арендъ, кабаковъ, шинковъ и постоялыхъ дворовъ, ни подъ своимъ, ни подъ чужимъ именемъ, и даже не жили бы въ нихъ ни подъ какимъ видомъ, развѣ только проѣздомъ. И въ то же время имъ дозволялось заниматься этими промыслами въ городахъ. Но самыя коренныя условія, задерживавшія малорусскихъ евреевъ въ городахъ и мѣстечкахъ, это, конечно, условія соціально-экономическія, а именно: низкій уровень массы, ея разрозненность и крѣпостная безправность, воспрепятствовавшія основному населенію путемъ конкуренціи вытѣснить евреевъ изъ торгово-промышленной жизни городовъ въ жизнь болѣе тяжелую, жизнь земледѣльца—въ села. Условія послѣдняго типа, кромѣ юридической крѣпостной безправности, въ такой же силѣ сохраняются и въ наше время до конца разсматриваемаго періода, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что евреи остались горожанами, какъ по мѣсту своего жительства, такъ и по занятіямъ. Въ какомъ отношеніи находятся евреи городскіе къ евреямъ сельскимъ, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы, въ которую вошли губ. изъ всѣхъ почти типическихъ частей Малороссіи: сѣв.-зап. кр., юго-зап. кр., „Малороссіи и Новороссіи“:

		Общее число Евре- евъ.	Городск. Евреевъ.	Сельск. Евреевъ.	% Городск.	% Селск
1	Малор. часть Гродн. губ. (у у Кобр., Пруж., Вѣл. и Брестск).	44149	22518	21631	51,1	48,9
2	Кіевская губ.	247479	91346	156133	36,9	63,1
3	Черниговская	36539	27971	8568	76,6	23,4
4	Херсонская	131000	90000	41000	68,7	31,3
		459167	231835	227332	51,1	48,9

Изъ 48,9% сельскихъ евреевъ едва $\frac{1}{3}$ живетъ собственно въ селѣ, $\frac{2}{3}$ населяютъ мѣстечки. Между тѣмъ мѣстечки, осо-

бенно по правую сторону Днѣпра, въ большинствѣ разнятся отъ городовъ только въ административномъ смыслѣ, но не въ социальномъ-экономическомъ, и евреевъ мѣстечекъ правильнѣе всего отнести къ городскимъ. Съ прибавленіемъ же евреевъ мѣстечекъ къ городскимъ жителямъ коэффициентъ евреевъ падаетъ до поразительной цифры. По Чубинскому евреи населены:

	Въ городахъ.	Въ мѣст.	Въ селахъ.	Итого.
Кіевская губ. . .	98032	123909	41518	263459
Подольская . . .	70072	151124	25539	246735
Волынская . . .	69171	105228	36747	211146
	237275	380261	103804	721340

т. е. на село приходится едва 14,5%. Въ сѣв.-зап. краѣ, и въ частности въ Гродненской губ., по мнѣнію Бобровскаго, если къ городамъ прибавить еврейское населеніе мѣстечекъ, „въ коихъ еврейское населеніе является рѣшительно преобладающимъ, тогда на сельское населеніе не получится даже и одного %¹⁾. Въ Буковинѣ, а равно въ Галиціи и Привисл. краѣ, евреи живутъ преимущественно въ городахъ, а въ деревняхъ находятся, главнымъ образомъ, тѣ, которые занимаются продажей воды. Но если даже евреевъ, живущихъ въ мѣстечкахъ, отнести къ числу сельскихъ жителей, то и въ такомъ случаѣ еврейское населеніе, какъ мы видѣли изъ 1-ой таблицы, въ большей своей половинѣ будетъ принадлежать городамъ, именно 81,1%. Высокій процентъ городскихъ евреевъ отражается и на возвышеніи процента городскихъ жителей въ мѣстахъ еврейской осѣдлости. Подтвержденіе можно видѣть изъ

1) Бобровскій, стр. 690.

такой таблицы, составленной на основаніи матерьяловъ „Стат. Врем.“ за 1865 г.:

1. Въ Евр. Россіи (безъ Польши) жит. город. сост. 9% или 1 город. на 9 сел.
2. Въ губ. Россіи, не имѣющ. еврейск. осѣдл. „ 9.1% „ 1 „ „ 9 „
3. Въ губ. Россіи съ еврейск. насел. „ 11.9% „ 1 „ „ 7 „
4. Въ губ. Малор. съ еврейск. насел. „ 12.3% „ 1 „ „ 7 „

Къ тѣмъ же результатамъ приводить и распредѣленіе евреевъ по сословіямъ. Положеніемъ 1804 года евреи раздѣлены на четыре сословія: а) *земледѣльцевъ*, б) *фабрикантовъ*, в) *купечество* и г) *мѣщанство*, и эти сословія существуютъ между ними и до конца разсматриваемаго періода. Кромѣ нѣсколькихъ тысячъ евреевъ колонистовъ, которые составляютъ еврейскій земледѣльческій классъ, да незначительнаго процента еврейскаго духовенства и военно-служащихъ, остальные евреи распредѣляются, главнымъ образомъ, между сословіями купцовъ и мѣщанъ.

Не придавая особенной важности такому или иному распредѣленію евреевъ по сословіямъ, мы ограничиваемся сословной группировкой евреевъ въ 4-хъ губерніяхъ:

Губерніи.		Всѣхъ	Купцовъ.	Мѣщанъ.	Землед.	Ремесл.	Внѣ ука- зан. клас.
1	Кіевская въ 1845 (по Фудуклею)	158283	6383	132718	776	—	18406
2	Херсонская по 9 ревизіи (Шмидтъ)	42563	6152	21667	14616	126	—
3	Черниговская . . . по 10 ревизіи (Дом)	33214	2692	27584	2584	—	354
4	Гродненская (уѣзды: Бѣльскій, Бѣлост., Кобринск, Пруж.) по 10 ревизіи (Бобров.)	39880	400	33407	638	—	5425

Распредѣленіе массы евреевъ исключительно между городскими сословіями отражается и на общемъ процентѣ городскихъ сословій въ мѣстахъ, занятыхъ еврейскимъ населеніемъ. Тогда какъ по вычисленіямъ Военно-Стат. Сборника за

1871 г. 1) въ Россіи на кажд. 1000 жителей приходится 80 человекъ городского сословія, въ мѣстахъ съ еврейскимъ населеніемъ отношеніе это рѣзко измѣняется:

1. Въ западныхъ губ. (или сѣв.) на 1000 жит. 140—170 городек, сосл.
2. Въ Польшѣ 215
3. Въ Бессар. и Херс. губ. 235—325

Еще болѣе рельефно выступаетъ сравнительно огромный % городскихъ сословій въ мѣстахъ поселенія евреевъ, когда мы сопоставимъ городское сословіе не съ общимъ населеніемъ, а лишь съ сельскимъ сословіемъ. По даннымъ Стат. Врем. за 1866 г. (ч. I) оказывается слѣдующее отношеніе городского сосл. съ сельскимъ:

1. Въ Евр. Россіи (безъ Польши) город. сосл. 6% сел. или 1 гор. на 17 ч. сел.
1. Въ губ. Россіи не имѣющ. евр. нас. 5% " " 1 " 20 "
3. Въ 16-ти губ. съ евр. насел. *) 18% " " 1 " 5 „ почти
4. Для 6-ти Малор. губ. съ евр. насел. 17% " " 1 " 6 "
5. „ 1-й Малор. г. (Харьковск.) безъ евр. нас. 4% " " 1 " 25 "

Въ естественной связи съ мѣстами жительства, а отчасти и съ сословными правами, находятся какъ образъ жизни еврейскаго населенія, такъ и направленіе труда его.

Въ послѣднемъ отношеніи еврейство представляетъ феноменальное однообразіе, внѣ условій мѣста и времени: во Франціи или Пруссіи, въ Баваріи или Малороссіи, въ XIX в. или вѣкъ назадъ—всюду евреи въ подавляющемъ большинствѣ являются для окружающаго ихъ общества населеніемъ непроизводительнымъ, спекулирующимъ посредничествомъ (торговлей, маклерствомъ, арендами и проч.). Вотъ, напримѣръ, какъ группировались евреи по занятію во Франціи, Баваріи, Баденѣ, и Пруссіи въ разные періоды:

1) Вып. I, стр. 13.

2) *Одна*—съ кореннымъ насел. нѣмецк.—Курляндская; 6 губ. бѣлорусскихъ (Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенск., Минск., Могилевская) и 8 малорусск. съ Бессар.: Волинская, Екатеринос., Кіевская, Подольская, Полтавская, Таврическая, Херсонская, Черниговская.

Г о д а			Обще ко- личество.	Живущ. за- мѣляемъ	%	Жив. рем., поленщ и вывозомъ	%	Живущ. отъ профессіон. ванатій.	%	Спекулян- посредни- чествомъ.	%
Во Фран- ции	1809	Моро де Ша- монъ	80000	—	—	5368	2,9	797	0,8	76585	95,9
„ Баваріи	1819		25000	1260	5	1009	3,9	—	—	22732	90,2
„ Баденъ	1833	Каимъ	12000	206	1,7	1045	8,7	—	—	10749	89,5
„ Пруссіи	1862		253457	—	—	55000	21,7	16660	6,6	181797	71,5

Цифровыя данныя взяты изъ періода эмансипаціи евреевъ въ Западной Европѣ и при томъ такого характера, на который защитники іудаизма указывали, какъ на „блистательный нравственный и промышленный успѣхъ, совершившійся въ еврейской средѣ за послѣднее время“ ¹⁾ и который, во всякомъ случаѣ, нельзя заподозрить въ уменьшеніи количества производительно затрачиваемаго евреями труда. 70—90% евреевъ безъ продуктивныхъ занятій—явленіе такое обыкновенное и общепризнанное въ Западной Европѣ, что, напр. въ 1836 г., въ засѣданіи палаты въ Вюртембергѣ, указывалось, какъ „на гражданскій прогрессъ“, что между 11000 іудейскаго населенія оказалось 900 ремесленниковъ, фабрикантовъ и ученыхъ, а съ семьями приблизительно 3600, или 32,7%. Въ южной Россіи наблюдаются по данному вопросу тѣ же факты. Въ 1872 г., г. Чубинскій дѣлаетъ такое „приблизительное распредѣленіе“ 750000 евреевъ по занятіямъ въ 3-хъ губ. юго-зап. края. ²⁾

¹⁾ Каимъ, 63 стр.

²⁾ Мы измѣняемъ нѣсколько таблицу г. Чубинскаго, какъ въ интересахъ болѣе удобнаго сравненія съ предыдущей таблицей, а также потому, что въ самую таблицу Чубинскаго вкралась, очевидно, ошибка, почему она и представляетъ арифметическую неточность. (210 стр. «Труды». т. 7).

1. Евреевъ-колонистовъ.	20000= 2,6%
2. Ремеслен., извозч., водовоз.	160000=21,3%
3. Раввин., меламед. и шк. уч.	60000= 8%
4. Спекулирующихъ классовъ.	510000=68%

Изъ общей цифры евр. населеніе въ Черниг. губ., по свѣдѣніямъ Губ. Стат. Ком. за 1881 г. занято было:

1. Земледѣіемъ и землевлад.	1%
2. Ремеслами	13%
3. Щанкован. и торговлею по докум.	43%
4. Остальныя	40% „за-

няты такимъ дѣломъ, которое не легко поддается контролю и наблюденію: здѣсь имѣеть мѣсто торговля безъ документовъ, факторство, комиссіонерство всякаго рода и другіе совершенно неуловимые и трудно опредѣляемые виды дѣятельности“.¹⁾ Слѣдовательно, и въ Черниговской губ % евреевъ, не производящихъ продуктовъ, приблизительно тотъ же, какъ и въ юго-зап. краѣ, т. е. около 83%. Въ Полтавской губ. „земледѣльцевъ-евреевъ, въ губерніи исключительно земледѣльческой, нѣтъ ни одного“. ²⁾ Приблизительно подобное же распредѣленіе евреевъ въ направленіи труда и въ другихъ провинціяхъ съ малорусскимъ населеніемъ, какъ въ предѣлахъ Австріи, такъ и Россійской имперіи.

Виды дѣятельности и практическія особенности въ приложеніи ихъ, безъ сомнѣнія, основныя и характерныя условія, *опредѣляющія положеніе евреевъ въ краѣ*. Сообразно съ вышеуказанными цифрами и соображеніями, занятія евреевъ распадаются на три категоріи: 1) занятія съ характеромъ спекуляціи: торговля и смежныя съ нею занятія—ростовщичество, факторство, маклерство, крупная промышленность и еврейское землевладѣніе. 2) ремесла, извозъ и поденщина и 3) земледѣліе.

1) «Трудъ» 1881 г.

2) Ibid.

Прежде всего остановимся на первой категоріи занятій, которая занимаетъ большинство еврейскаго населенія, и особенно на торговлѣ.

Торговля—главное занятіе евреевъ; съ нею связана вся историческая жизнь евреевъ въ Западн. Европѣ и въ Малороссіи, начиная съ XI в., продолжая чрезъ весь Литовско-Польскій періодъ и до нашего времени. Торговля высоко стоитъ въ религіозномъ возрѣвнн евреевъ и въ ихъ общественномъ мнѣнн, составляя „съ дѣтства и до гробовой доски обожаемое занятіе“ каждаго іудейскаго индивидуума. Въ разсматриваемый періодъ вся торговля малорусскихъ областей, кромѣ Харьковской губ., части Курской, Воронежской и земли В. Донск., а также Кубанской области, за небольшими исключеніями, находится во власти евреевъ, при чемъ усиленіе еврейской торговли идетъ пропорціоноально густотѣ еврейскаго населенія, стародавности ихъ пребыванія на извѣстныхъ пунктахъ и центральности самыхъ пунктовъ: въ лѣвобережной Украинѣ и Новороссіи часть торговли принадлежитъ великоруссамъ, грекамъ и даже туземцамъ, въ Буковинѣ—нѣмцамъ и молдаванамъ, въ Венгріи—нѣмцамъ и венграмъ, въ Галиціи—нѣмцамъ; но въ центрѣ еврейскаго населенія—юго-зап. краѣ и въ малорусскихъ частяхъ сѣверо-зап. края и Привислянскаго—торговля безраздѣльно почти зависитъ отъ евреевъ. Убѣдительнымъ въ этомъ отношеніи доказательствомъ служитъ одно количество еврейскаго торговаго класса. Въ четырехъ малорусскихъ уѣздахъ Гродненской губ. по 10-ой ревизіи купцовъ-евреевъ 400, а купцовъ-христіанъ 11 д.; еврейск. городск. сословія 22518, а христіанъ городск. сосл. 12279. Въ юго-зап. краѣ, рассчитывая по даннымъ Чубинскаго, еврейскій торговый классъ достигаетъ до 230,000, что составляетъ около 30% всего еврейскаго населенія. Въ Буковинѣ, Галиціи, Угорской Руси, Привисл. и сѣверо-западн. краѣ, процентъ торговаго класса ниже, чѣмъ въ юго-западн. краѣ, такъ какъ при густотѣ еврейскаго населенія экономическая необходимость заставила часть евреевъ смѣнить торговлю на другія занятія; въ лѣвобережной же Украинѣ, Новороссіи, Харьковск. губ. и другихъ частяхъ,

гдѣ, при отсутствіи сильной конкуренціи со стороны другихъ обитателей, сравнительная рѣдкость еврейства представляетъ просторъ для купли-продажи, этотъ процентъ гораздо выше 30%. Въ 1880 г. въ Черниговской губ. изъ общей суммы еврейскаго населенія 22% занято шинкованьемъ, 23% торговлею по документамъ. Если мы игнорируемъ ту часть евреевъ, которая торгуетъ безъ документовъ, то все-таки это составляетъ уже 45% еврейскаго населенія губерніи. Въ виду этихъ соображеній 30% торговаго еврейства можно признать, не рискуя особенно ошибиться, за средній для еврейскаго населенія всѣхъ малорусскихъ областей, и въ такомъ случаѣ торговый еврейскій классъ въ указанномъ районѣ достигаетъ цифры 500,000, т. е. болѣе 2% всего населенія страны, или 1 еврей торговецъ приходится менѣе чѣмъ на 50 душъ населенія.

Евреямъ принадлежать всѣ виды торговли: розничная, оптовая торговля лавочными товарами, вывозная торговля, хлѣбная, лѣсная, мясная и питейная. Въ одномъ юго-зап. краѣ въ 70-хъ годахъ XIX ст. евреямъ принадлежало 15156 лавокъ: 6366 съ мануфактурными и колониальными товарами и 8690 съ товарами необходимыми для крестьянъ.¹⁾ Но и въ лѣвобережной Украинѣ особенно мелкою розничной торговлей ворочаютъ евреи; они же самые дѣятельные торговцы мануфактурными русскими издѣліями; кромѣ того, почти вся торговля иностранными товарами, привозимыми черезъ сухопутную границу, не исключая и оптовой, ведется евреями, и въ этомъ отношеніи торговыми центрами служатъ Бердичевъ, Каменецъ-Подольскъ, Броды и Дубно, откуда заграничные товары съ евреями расходятся по всей російской Малороссіи. Вывозъ скота, шерсти, сала, кожи, тмина, лѣса и пр. черезъ таможи—Волочисскую, Радзивилловскую,

¹⁾ Въ Херсонской губ. въ 1880 г. евреямъ принадлежало: 1) 90% всѣхъ трактирныхъ и питейныхъ заведеній; 2) 96% оптовыхъ спиртовыхъ складовъ; 3) 82% всего числа лѣсныхъ складовъ; 4) 78% хлѣбныхъ магазиновъ; 5) 71% торговыхъ лавокъ («Южный Край», 1881 № 311).

Дружнопольскую, Исаковецкую и пр., и вывозъ хлѣба черезъ Одессу производится почти нераздѣльно евреями. Но болѣе всего монополизирована была на всемъ пространствѣ еврейской оспѣдности питейная торговля: въ юго-зап. краѣ число еврейскихъ питейныхъ заведеній близко было къ 20,000; въ Черниговск. губ. изъ винныхъ складовъ евреямъ принадлежало 83 или 87%; изъ 3071 въ рукахъ евреевъ находилось 2386 (568 въ городахъ и 1818 въ селахъ) да еще безпатентныхъ еврейскихъ шинковъ до 1389.

Въ Полтавской губ. по даннымъ „Записки по еврейскому вопросу“ изъ 78 дѣйствовавшихъ въ 1881 г. винокуренныхъ заводовъ находилось въ рукахъ евреевъ 48; изъ 146 оптовыхъ складовъ вина 120, или 83%, въ рукахъ евреевъ, которые владѣли и 50% изъ 4870 питейныхъ завед. Въ Херсонской губ., какъ мы видѣли, евреи владѣютъ 96% оптовыхъ спиртовыхъ складовъ и 90% всѣхъ трактирныхъ и питейныхъ заведеній.

Проживши торговою жизнью нѣсколько столѣтій, еврейство выработало и особенный типъ торговли, характерный какъ по своимъ внутреннимъ отличіямъ, такъ и по внѣшнимъ приѣмамъ. Кромѣ оптовыхъ торговцевъ, купецъ еврей рѣдко занимается какою-нибудь спеціальною торговлей; напротивъ, онъ охотно беретъ за всякаго рода торговья дѣла; нѣтъ товара, котораго онъ бы не покупалъ, нѣтъ сдѣлки, сколько-нибудь общающей выгоды, за которую бы онъ не взялся. Еврей, начавши дѣло, отдается весь ему: онъ не пожалѣетъ ни времени, ни труда, проникнетъ всюду, найдетъ подходящихъ пособниковъ, откроетъ болѣе выгодныя склонности и слабости людей и непремѣнно все и всѣхъ попытается обратить въ свою пользу. Смѣлость и рискованность въ предпріятіяхъ и неутомимое попеченіе объ ихъ успѣшности—черты присущія еврейской торговлѣ. Не спать нѣсколько ночей сряду, довольствоваться скудною пищею въ теченіе нѣсколькихъ дней, лишь бы достигнуть желаемого результата и довести до конца начатое дѣло, никто не способенъ такъ выполнить, какъ еврей. Въ своихъ торговыхъ операціяхъ евреи не мало рассчитываютъ на быстроту оборота рубля и на оплош-

ность покупателя или торговца,—отсюда навязчивость при еврейской купль-продажѣ, запросъ въ три-дорога, обмѣриваніе, обвѣшиваніе, недоброкачественность товаровъ и всякаго рода обманъ—качества почти нераздѣльныя съ еврейской торговлей, и въ этомъ отношеніи евреи свою торговую дѣятельность доводятъ до уродливаго торгашества; большая часть торговыхъ операцій евреевъ совершается при помощи незаконныхъ средствъ; достаточно указать на одну контрабанду, которая почти исключительно идетъ черезъ руки евреевъ, и на тѣ фальсификаціи товаровъ, какія происходили въ подвалахъ Бердичева, какъ описываетъ ихъ Мещерскій. Но силу еврейской торговли составляетъ сплоченность и единство въ дѣйствиіи торговаго еврейскаго міра и обширность и организованность кредита. Еврейскіе торговцы имѣютъ доступъ во всѣ общія коммерческія учрежденія страны, но, кромѣ того, они имѣютъ свои особенныя еврейскія кассы, своихъ банкировъ, также, какъ и своихъ подрядчиковъ, комиссіонеровъ, извозчиковъ и пр. Еврейскіе оптовые торговцы связаны кредитомъ съ евреями торговцами въ раздробь; около каждаго оптоваго купца толпится сотня мелкихъ, болѣе бѣдныхъ евреевъ, которые берутъ товаръ изъ оптовой лавки и продаютъ его въ раздробь. Это оживленіе розничной торговли, по замѣчанію Аксакова, усиливаетъ массу наличныхъ денегъ на армаркахъ. Еврейскіе ростовщики доступнѣе для евреевъ-торговцевъ, если не величиною процентовъ, то тѣмъ, что даютъ въ займы безъ залоговъ, а это, при неимовѣрной быстротѣ еврейскихъ оборотовъ, играетъ громадное значеніе въ торговлѣ.

Торговая дѣятельность южно-русскихъ евреевъ не ограничивается русской государственной территоріей, но, напротивъ, она переходитъ за пограничную черту, въ Австрію и Пруссію, такъ что евреи лѣваго берега Днѣпра, Новороссіи, зап. края, Польши и упомянутыхъ государствъ составляютъ какъ бы одно огромное общество, скрѣпленное, кромѣ единства вѣры и языка, еще и единствомъ торговыхъ предпріятій; такая же связь существуетъ между оптовыми торговцами, положимъ, хлѣбомъ и скупщиками по мелочамъ того же предмета—въ деревняхъ шивкарами, ла-

вочниками, арендаторами и пр.; живою связью между ними служатъ всякіе комиссіонеры, факторы и маклера, такъ что, въ концѣ концовъ, страна, какъ сѣтью, охвачена еврейскою торговою спекуляціей.¹⁾ Нельзя при характеристикѣ еврейской торговли упустить изъ виду еще одно обстоятельство, которое придаетъ большую важность вопросу о еврейской торговлѣ—это сознательное стремленіе евреевъ стать по своимъ операціямъ ближе всего къ темной массѣ народа: изъ 15156 лавокъ 8690 производили торгъ товарами, необходимыми для крестьянъ; по словамъ Волкова, „всѣ предметы первой настоятельной необходимости крестьянскаго быта, за самыми ничтожными исключеніями, на наблюдаемыхъ имъ ярмаркахъ въ юго-западномъ краѣ продавались евреями: деревянные издѣлія, коженныя, чугуны, желѣзо, кожухи, шапки, веревки, рюхля, полотна, горшечный товаръ, соль, деготь, наконецъ галантерейные и красные товары; но особенную убѣдительность имѣла въ данномъ случаѣ еврейская питейная торговля: еврей не заводятъ роскошныхъ гостиницъ, ресторановъ, богатыхъ винныхъ погребовъ, но за то они стремятся монополизировать трактиры, корчмы и шинки въ глухихъ загородныхъ улицахъ, въ пригородахъ, мѣстечкахъ и селахъ, и дѣйствительно, этими заведеніями, главнымъ образомъ, владѣли еврей на всемъ пространствѣ Малороссіи. Въ характерѣ еврейскихъ

¹⁾ Кроме того, между еврейскими торговцами существуетъ нерѣдко еще болѣе тѣсная связь, съ характеромъ стачки, предварительнаго сговора. Вотъ что читаемъ мы на этотъ счетъ у Мещерскаго: «еврей передъ Харьковскою и Полтавскою ярмаркою отправляется въ Бердичевъ (въ этотъ городъ биржи для ассоціаціи еврейскихъ торговцевъ), и тамъ, въ сообществѣ другихъ торговцевъ и банкировъ, составляетъ и принимаетъ къ руководству извѣстную торговую инструкцію. Здѣсь же онъ заручается крѣпитомъ, заисается факторами и входитъ душой въ то торговое товарищество, которое на каждой ярмаркѣ должно связывать неразрывной солидарностью еврейскихъ торговцевъ; здѣсь же послѣ ярмарки бердичевская торговая ассоціація выслушиваетъ отчеты произведеннымъ оборотамъ и на нихъ основаніи выработываетъ дальнѣйшія правила дѣйствій».

питейныхъ заведеній лежитъ и объясненіе притягательности ихъ для евреевъ. Еврейскій кабакъ, корчма—это негласная банкирская контора и мѣсто всяческихъ сдѣлокъ еврея съ крестьянами и другимъ простымъ людомъ; она услужливо растворяла свои двери для всякаго нуждающагося въ деньгахъ, выдавала послѣднимъ денежныя ссуды подъ залогъ личнаго труда, съ обязательствомъ выплачивать проценты личнымъ же трудомъ или продуктами труда. Нерѣдко еврейскій кабакъ служилъ въ деревнѣ пристанодержательствомъ коноврадовъ, воровъ, притономъ разврата и имущественнаго разоренія бѣдняковъ и всегда—коммисіонерствомъ по скупкѣ у окольныхъ крестьянъ, чаще по случаю и въ нуждѣ, произведеній: хлѣба, пеньки, куръ, гусей и т. д. ¹⁾.

Указанныя условія, организація и способы еврейской торговли дѣлаютъ изъ евреевъ такую огромную силу, что конкурен-

1) Вотъ какъ въ этомъ отношеніи обрисовываетъ шинкари Янсонъ: „Нищій, оборванный жидъ-шинкарь имѣетъ, однако, огромное значеніе въ торговлѣ, особенно хлѣбной. Гдѣ поселился онъ, тамъ начинается ростовщичество и скупка хлѣба, за деньги, а чаще за водку. Всѣ углы еврейскаго жилья наполняются разнымъ крестьянскимъ добромъ, и „клуна“ или амбаръ еврея засыпаются по мелочамъ собраннымъ зерномъ. Мало по малу оборванный жидокъ превращается въ обладателя всѣхъ мужицкихъ скирдъ, и начинается спекуляція, которая многихъ изъ нищихъ превращаетъ въ банкировъ“. Этотъ же жидокъ имѣетъ и другое значеніе въ торговлѣ: ему поручается наблюденіе надъ мѣстными помѣщиками. Зоркій глазъ его видитъ все, что дѣлается въ панскихъ покояхъ. „Къ нему заѣдетъ каждый наелеръ или коммисіонеръ, чтобы узнать объ обстоятельствахъ продавца помѣщика, заѣдетъ и уѣзжая отъ помѣщика, чтобы поручить „блестя его интересы“ относительно помѣщика или объявить о наложеніи „херима“ на товаръ. „Помѣщикъ, попавшій подъ такую надзоръ, можетъ быть утѣренъ“, говоритъ тотъ же авторъ, „что каждый приходящій къ нему покущикъ, только подославъ первымъ и станетъ давать ему дешевле, чѣмъ сулили ему прежде“. Не продастъ такой помѣщикъ своего хлѣба и въ близкомъ городѣ, потому что и тамъ всѣ еврейскіе скушники извѣщены уже объ обстоятельствахъ продавца.

ція съ ними мѣстнымъ туземнымъ торговцамъ рѣшительно невозможна. Эта сила тѣмъ больше и неотразимѣе, чѣмъ гуще еврейское населеніе, причемъ въ такихъ мѣстахъ замѣчается явленіе, противное закону конкуренціи, чѣмъ гдѣ больше еврейскихъ торговцевъ при отсутствіи торговцевъ изъ нееврейской среды, тѣмъ дороже обходится та услуга, которую они производятъ, какъ купцы и посредники. На фастовской ярмаркѣ, по словамъ Волкова, всѣ предметы первой необходимости крестьянскаго быта, за самыми ничтожными исключеніями, продавались евреями и весь внѣшній видъ ярмарки представлялъ собою возмутительную въ экономическомъ отношеніи картину: крестьяне продавали свой трудовой хлѣбъ евреямъ и за вырученныя деньги покупали у евреевъ же ихъ же мужицкими руками добытые и обработанные изъ сырья предметы первой необходимости. На ярмаркахъ же Борисполя и Нѣжина, въ мѣстахъ менѣе густого еврейскаго населенія, почти безъ исключенія всѣ сырые продукты продавались самими производителями, людьми мѣстнаго происхожденія, козаками и мѣщанами, такъ что больше 25% общей суммы оборота переходило непосредственно изъ рукъ производителей въ руки потребителей. Результаты совершеннаго подавленія туземнаго элемента въ торговлѣ и черезъ это отсутствіе конкуренціи съ евреями на правомъ берегу и существованія послѣдней въ лѣвобережной Украинѣ отразилось до очевидности на цѣнахъ продуктовъ, какъ это можно видѣть изъ такой таблицы Волкова:

Т о в а р ы .	Борисполь.	Фастовъ.	Разница.
Глиняный кувшинъ . .	8 к.	15 к.	7 к.
Сапоги мужскіе	4—5 р.	5—6 р.	1 р.
» женскіе	3 р. 50—4.	4—5.	50 к.—1 р.
«Кожи»	12—15 р.	16—20 р.	4—5 р.
«Лемешы»	1.30—1.50 к	1 р. 75—2.	45—50 к.

Рушники	1 р. 50—3 р.	75—1 р.	»
Топоры.	75 к.	80—90 к.	5—15 к.
Колесъ станъ	3 р. 25—4	4—5 р.	75—1 р.
Соли пудъ.	90—1 р.	1 р. 10.	20—10
Дегтя ведро.	80—1 р.	1 р. 20	40—20
Тарани десятокъ.	20 к.	30 к.	10 к.

Нельзя при этомъ упустить изъ виду двухъ еще обстоятельствъ, именно, что дорогіе предметы въ Фастовѣ, по замѣчанію Волкова, кромѣ колесъ, ниже по достоинству бориспольскихъ, и потомъ еще, что такая разниа въ цѣнахъ стоитъ въ двухъ мѣстахъ, сосѣднихъ по уѣздамъ и находящихся на разстояніи 100 верст.; но чѣмъ дальше вглубь еврейскихъ поселеній, тѣмъ печальнѣе результатъ монополіи евреевъ въ торговлѣ края.

Къ торговлѣ примыкають и держатся ею ростовщичество, коммисіонерство, маклерство и факторство.

Исключительно занимающихся ростовщичествомъ среди евреевъ немного,—въ каждомъ городѣ или мѣстечкѣ съ болѣе или менѣе густымъ населеніемъ имѣется спеціалистовъ ростовщиковъ нѣсколько; но за то рѣдкій не только торговый еврей, но и ремесленникъ и земледѣлецъ рядомъ со своимъ спеціальнымъ занятіемъ не приобрѣтаетъ средствъ и ростовщичествомъ. Силошъ да рядомъ можно встрѣтить сапожника, портного, книгопродавца, даже ходатая по дѣламъ, которые въ тоже время и ростовщики, понятно, неофициально, а частнымъ образомъ, ссужающіе деньги подъ варварскіе проценты¹⁾ По богатству еврейскіе ростовщики дѣлятся на нѣсколько градацій, отъ дающихъ тысячи до дающихъ единицы рублей; но общее между ними—это высокіе проценты и различіе, которое ставятъ ростовщики между

¹⁾ Рус. Кур. № 198, 1881 г.

заемщиками евреями и не евреями: отъ послѣднихъ обязательно требуется или залогъ, или прочный письменный документъ, съ евреями же сдѣлки проще, да и проценты не достигаютъ такихъ громадныхъ размѣровъ, какъ 200—300% въ годъ. Особенно процентщики обираютъ крестьянъ, берущихъ на подати и въ „случные часы“ подъ залогъ будущаго урожая или труда, или же съ уплатою процентовъ капитала урожаемъ и трудомъ. Чубинскій приводитъ примѣръ еврейскихъ процентовъ съ крестьянъ по 30% въ недѣлю, т. е. болѣе 150% въ годъ, но бываютъ проценты и выше. Въ Звенигородскомъ у. Киевск. губ., по словамъ корреспондента „Труда“, еврей Л—нъ бралъ 400% въ годъ будущимъ урожаемъ. 1) По словамъ корреспондента „Русскаго Курьера“ въ юго-зап. краѣ „еврей, давая крестьянамъ займы съ платою урожаемъ и трудомъ, вмѣсто процентовъ берутъ въ пользованіе крестьянскіе надѣлы и получаютъ 400—500%“. 2) Евреями же созданъ еще особенный открытый видъ ростовщичества—размѣнъ денегъ на мѣняльныхъ столикахъ, гдѣ еврей отсчитываетъ въ свою пользу съ каждаго размѣннаго рубля отъ 2—6 коп., что составляетъ не сотни, а тысячи процентовъ. Еврейское ростовщичество очень развито въ странѣ: оно оказываетъ кредитъ и помѣщикамъ, и заводчикамъ, и горожанамъ, и крестьянамъ. Определить сумму, какая находится у еврейскихъ ростовщиковъ въ оборотѣ, и прибыль, нельзя и приблизительно по негласности и неопредѣленности самого дѣла. Чубинскій, предполагая, что у помѣщиковъ и заводчиковъ еврейскихъ денегъ только до 5000000, а у крестьянъ только до 2000000, получаетъ прибыль 1000000; 3) но такой выводъ противорѣчитъ прежде всего его собственнымъ словамъ, что въ деревнѣ процентъ евреевъ доходитъ до 156 р. (въ годъ), да и самъ онъ указываетъ, что въ одномъ селѣ N онъ знаетъ трехъ лицъ, которые даютъ деньги на проценты и зарабатываютъ до 1500 руб. въ

1) «Трудъ» № 45.

2) „Русск. Курьеръ“ № 150.

3) Чубинскій 206 стр.

годъ. На это же указываетъ и корреспондентъ Звенигородскаго уѣзда, говоря, что въ селѣ К—ѣ еврей А—нъ въ 1881 г. роздалъ „голытьбѣ“ на счетъ будущаго урожая около 1500 р. по 400%¹⁾. Можно съ увѣренностью сказать, что мы далеко не приблизимся до величины оборотовъ еврейскихъ ростовщиковъ, если удвоимъ цифру Чубинскаго и разсчитаемъ прибыль не по 13%, такъ какъ такіе проценты совершенно не существуютъ въ практикѣ еврейскихъ ростовщиковъ, а хотя только по 25%, то при такомъ разчетѣ прибыль евреевъ отъ ростовщичества въ предѣлахъ Малороссіи доходитъ до 8000000 р. Но, конечно, нашъ разчетъ гадательный, и едва ли когда нибудь придется отмѣтить цифрами эту чрезвычайно темную сторону еврейской торговли деньгами. Такъ же темна и факторская профессія евреевъ. Послѣдній видъ труда, кажется, больше, чѣмъ какой-нибудь другой, созданъ у насъ евреями и теперь исключительно ими монополизированъ. Въ районѣ обитанія евреевъ, особенно густого, между потребителями и производителями, между производителями и посредниками-торговцами, между послѣдними и потребителями товара стоитъ цѣлый многочисленный классъ евреевъ, который участвуетъ во всѣхъ могущихъ возникнуть между указанными экономическими группами операціяхъ, осложняетъ до невозможности процессъ всякаго обмѣна цѣнностей, возвышаетъ ихъ стоимость и живетъ на счетъ этого искусственно созданнаго процесса. Этотъ классъ составляетъ факторы, коммиссіонеры и маклера. Еврейскіе факторы предлагаютъ свои услуги при самыхъ разнообразныхъ сдѣлкахъ; существуютъ факторы при крупныхъ операціяхъ и въ оптовой торговлѣ,—безъ нихъ не обходится ни одинъ торговый домъ; существуютъ факторы и при розничной торговлѣ „въ незначительныхъ торговыхъ операціяхъ и даже внѣ предѣловъ торговли въ собственномъ смыслѣ: есть факторы, чтобы сводить двухъ лицъ для сдѣлки по торговлѣ любымъ предметомъ, есть факторы по найму рабочихъ, подводъ, факторы для доставки товаровъ на домъ; фак-

¹⁾ „Трудъ“ № 45.

торы для пассажировъ и пр.; но самый низшій видъ ихъ—это факторы при гостинницахъ, постоялыхъ дворахъ и трактирахъ, или „мишурасы“. Послѣдніе не даютъ покоя проѣзжему предложениемъ всякихъ низостей, и главная ихъ доходная статья—сводничество, причемъ происходитъ самая безсовѣстная эксплуатация низменныхъ страстей прѣвзжихъ и безвыходности проститутокъ. Въ самой еврейской средѣ факторы пользуются презрѣніемъ, и факторствомъ занимаются люди, не привыкшіе къ труду, сомнительной честности, берущіе на себя всевозможныя порученія, какъ бы цѣль ихъ гнусна ни была, ради денегъ готовые на всякую низость и подлость“. 1) Такой взглядъ не распространяется, впрочемъ, на привилегированный сортъ факторовъ, носящихъ названіе *коммиссіонеровъ*. Еврейскіе коммиссіонеры—это факторы для крупныхъ сдѣлокъ, особенно хлѣбныхъ; такими коммиссіонерами переполнена Одесса, Екатеринославъ, Пинскъ и проч.: одни изъ нихъ живутъ тамъ постоянно, другіе наѣзжаютъ туда только по временамъ, всѣ они люди зажиточные, а есть между ними даже и богатые. Безчисленное множество разсыпано по всему краю и разныхъ агентовъ—коммиссіонеровъ богатыхъ оптовыхъ купцовъ. Они являются связующимъ элементомъ между отдаленными рынками и торговыми центрами. Кромѣ коммиссіонеровъ, въ еврейской торговлѣ является лицомъ неизбѣжнымъ еще *маклеръ*, этогъ ходячій преисъ-курантъ, въ памятно-записной книжкѣ котораго означены цѣны, количество товара, предлагаемаго къ продажѣ, мѣстонахожденіе его, степень нужды продавца въ деньгахъ, однимъ словомъ все, что можетъ интересовать покупателя. Маклеруетъ множество евреевъ, и весь край, гдѣ живетъ и дѣйствуетъ еврейство, опутанъ сѣтью маклеровъ, проникающихъ во всѣ самыя затаенныя экономическія стороны.

Всѣ эти виды факторовъ получаютъ на свою долю не мало отъ торговыхъ операцій въ краѣ, такъ какъ безъ нихъ рѣдко совершается какая-нибудь сдѣлка: получаютъ они условленный

1) Чуб. 95.

процентъ съ обѣихъ сторонъ, вступившихъ въ соглашеніе по какому-нибудь торговому дѣлу; въ значительной части случаевъ факторъ получаетъ вознагражденіе и за то, что „не портитъ дѣла“; но опредѣлить стоимость странъ еврейскихъ факторовъ едва ли возможно и приблизительно даже. Всѣ указанные выше разновидности факторовъ имѣютъ дѣло при своихъ операціяхъ съ помѣщиками, купцами и разными городскими обывателями, болѣе или менѣе людьми развитыми, и послѣднимъ обстоятельствомъ вредное значеніе факторовъ въ экономической жизни края ослабляется; но есть еще одинъ видъ факторовъ, на который нельзя не обратить особеннаго вниманія—это *агенты по найму рабочихъ*. При всѣхъ свеклосахарныхъ и рафинадныхъ заводахъ и при другихъ заведеніяхъ, какъ еврейскихъ, такъ и не еврейскихъ, а также при сплавлѣ лѣса и пр., существуютъ спеціалисты-евреи, обязанность которыхъ—поставлять нужный контингентъ рабочихъ. Прибыль отъ операцій связана съ выгодностью для патрона найма рабочихъ, отсюда понятна энергія этихъ новѣйшихъ торговцевъ свободными невольниками. Съ рѣдкимъ чутьемъ они узнаютъ, въ какой мѣстности или недородъ хлѣба, или иныя крестьянскія невзгоды поставили населеніе въ безвыходное положеніе въ вопросѣ о податяхъ и хлѣбѣ; „съ инстинктомъ хищной птицы, по выраженію Червинскаго, они летятъ на несчастіе, на голодъ и нужду“ и не ошибаются, конечно: при помощи ублаженныхъ волостныхъ заправиль, закабальютъ они крестьянъ въ работу на заводы, фабрики или плоты на самыхъ безжалостныхъ условіяхъ для рабочихъ. Заподриживаніемъ занимаются спеціалисты своего дѣла, и потому кабала накладывается полная, по всѣмъ правиламъ юридическаго искусства, съ оформленными контрактами и неустойками, съ круговою порукою, самыми мелочными предвидѣніями интересовъ хозяина, и одного только нѣтъ въ нихъ—какой-нибудь гарантіи интересовъ рабочихъ.

Занятія спеціально торговлею и смежными съ ней—ростовщичествомъ, факторствомъ и маклерствомъ, какъ мы уже говорили, привлекаютъ самый видный процентъ еврейскаго населенія;

сравнительно меньшій процентъ евреевъ отдается крупной фабрично-заводской промышленности.

Въ крупной фабрично-заводской промышленности евреи являются или хозяевами заводовъ и фабрикъ, или же арендаторами. Въ послѣднія два десятилѣтія разсматриваемаго періода съ паденіемъ помѣщичьяго элемента въ странѣ, еврей-заводчики усиливаются все болѣе и болѣе. Въ юго-зап. районѣ евреи участвуютъ почти во всѣхъ видахъ промышленности: имъ принадлежитъ въ собственность 649 промышленныхъ заведеній, которыя представляютъ собой цѣнность въ 1,730,000 р., арендованныхъ—6216, а всего 6865 заведеній. Отъ этихъ заведеній евреи получали чистой пользы:

1. Отъ свеклосахарн. и рафинадн. заводовъ болѣе	1,220,000
2. Винокуренныхъ	700,000
3. Пиво- и медоваренныхъ.	30,000
4. Прочихъ заводовъ	250,000
5. Мельницъ	2,300,000

Итого 4,500,000 1)

За выключеніемъ развѣ 10%, по мнѣнію Чубинскаго, всѣ мельницы находятся въ рукахъ евреевъ. „Изъ 5730 мельницъ юго-зап. края, находящихся въ рукахъ евреевъ, только 186 составляютъ ихъ собственность, остальные находятся у нихъ на арендномъ правѣ; при чемъ мельницы болѣею частью или арендованы вмѣстѣ съ питейными заведеніями и другими арендными статьями, ставящими евреевъ-арендаторовъ въ непосредственное сношеніе съ крестьянствомъ. Явленіе аналогичное съ тѣмъ, которое указано выше. Изъ остальныхъ 2618 заводовъ и фабрикъ въ рукахъ евреевъ находится 1095, т. е. около 41%, въ частности:

1. Сахарныхъ . . . изъ 117—27 . . .	около 24%
2. Винокур. 539—500	92%
3. Пиво- и медовар. . . . 148—119	80%
4. Изъ остальныхъ . . . 1375—493	32%

1) Чуб. 196.

и всё почти заведеніа въ арендѣ.¹⁾ Приведенныя цифры указываютъ, что еврейская промышленность спеціализировалась въ это время на производствѣ спиртныхъ напитковъ: водочные, пиво- и медовар. заводы захвачены евреями; этимъ же объясняется и монополія мельницъ, какъ необходимыхъ принадлежностей спиртныхъ напитковъ. Въ свою очередь вся эта отрасль еврейской промышленности есть только продолженіе и дальнѣйшее развитіе торговыхъ операцій спиртными напитками во всякаго рода питейныхъ заведеніахъ, которыми они опутали, какъ сѣтью, городскую и сельскую Малороссію.

Опредѣлить, какое число евреевъ участвуетъ и кормится отъ крупной промышленности, чрезвычайно трудно, не по недостатку только матерьяловъ, но и по своеобразію самаго еврейскаго производства. Въ каждомъ промышленномъ заведеніи, кромѣ оффиціального хозяина заведенія или арендатора съ семьей, участвуетъ еще вереница разныхъ коммиссіонеровъ, прикащиковъ, поставщиковъ, агентовъ, факторовъ и всегда изъ евреевъ же. Во всякомъ случаѣ, при всѣхъ еврейскихъ промышленныхъ заведеніахъ евреи занимаютъ всѣ роли, кромѣ ролей съ производительно-мускульнымъ трудомъ—это удѣлъ крестьянъ; евреи, кромѣ хозяина или арендатора—управители и прикащики, поставщики матерьяловъ и топлива, пріемщики продуктовъ, агенты по закупкѣ матерьяловъ и сбыту заводскихъ продуктовъ и, наконецъ, факторы по найму рабочихъ; рабочіе же—исключительно крестьяне. Къ крупной промышленности примыкаетъ и еврейское землевладѣніе: разница въ предметахъ эксплуатаціи;

1) Въ Черниг. губ. въ 1881 г. изъ 79 винокур. заводовъ 13 принадлежало евреямъ въ собственность, а 23 арендуются ими; но эти числа, замѣчаетъ корреспондентъ «Труда», по всей вѣроятности, ниже дѣйствительности, такъ какъ многіе заводы евреи арендуютъ по частнымъ условіямъ, о чемъ акцизное вѣдомство не имѣетъ свѣдѣній («Трудъ» 1-е декабря).

Въ Полтавск. губ. въ 1881 г. изъ 78 дѣйствующихъ винокуренныхъ заводовъ находилось въ рукахъ евреевъ 48 («Земство»).

но не въ характерѣ и способахъ. Еврейское землевладѣніе на территоріи малорусскаго племени явленіе сравнительно новое: если въ малорусскихъ частяхъ Австріи начало его нужно искать въ послѣдней четверти XVIII ст., то въ остальной половинѣ оно, собственно говоря, совпадаетъ съ паденіемъ крѣпостного права. „Съ освобожденіемъ крестьянъ, какъ объясняетъ г. Чубинскій, слѣдовательно, съ необходимостью вести хозяйство на деньги, евреи, какъ капиталисты края, естественно оказались въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ нѣкоторые землевладѣльцы“, и потому въ прогрессивной пропорціи помѣщичьи имѣнія стали переходить въ руки землевладѣльцевъ-евреевъ, какъ на правахъ собственниковъ, такъ еще болѣе на арендныхъ основаніяхъ. Польское возстаніе 1863 г. тоже не мало передало земли въ руки евреевъ, благодаря сокращенію польскаго землевладѣнія въ краѣ. Въ 1871 г. въ юго-зап. краѣ евреями прибрѣтено въ собственность 12 имѣній или 17,903 десятины стоимостью въ 700,000 руб. и до 1000 имѣній арендовано у помѣщиковъ или болѣе 150,000 дес. съ платою одной аренды болѣе 1,500,000 р. Такъ что на 1872 г. въ руки евреевъ фактически перешло уже до $\frac{1}{3}$ части всей помѣщичьей земли въ краѣ. Аналогичный ходъ еврейское землевладѣніе имѣло и въ лѣво-бережной Украинѣ. Въ Червиг. губ. въ серединѣ 70-хъ годовъ около 200,000 десятинъ (изъ общаго количества 1,193,000 владѣльческой земли ¹⁾) находится въ рукахъ евреевъ, т. е. около 16%. Въ полтавской губ. „изъ двухъ милліоновъ десятинъ земли, не составляющей крестьянской собственности, около 36,000, или до 2% принадлежитъ евреямъ, арендующимъ еще до 172,000 дес. земли, иначе до 9% частной поземельной собственности. Изъ 78,121 дес. земли, потерянныхъ путемъ продажи крупными собственниками-дворянами за восьмилѣтіе 1869—1876 г., на долю евреевъ досталось 25,713 дес. или болѣе 32%, тогда какъ на долю крестьянъ меньше 20,000 ²⁾, и вообще евреи сдѣлались преимущественно арендаторами и по-

1) Чуб. 183—184.

2) „Земство“ 1881 г. № 4—5.

Томъ 74.—Іюль-августъ, 1901.

купщиками земель крупныхъ собственниковъ. Авторъ „писемъ изъ деревни“ (малороссійской несомнѣнно) говоритъ, что въ одномъ только уѣздѣ изъ 43 имѣній 25 находятся въ арендѣ, или изъ 36122 дес. въ арендѣ болѣе половины... „хотя не болѣе 15-ти лѣтъ, прибавляетъ онъ, какъ евреи допущены въ села“¹⁾. Какъ быстро въ Малороссіи замлевлдѣніе дѣлается еврейскимъ, можно видѣть изъ такого сообщенія корреспондента „Голоса“: на всѣхъ публичныхъ торгахъ земли покупаютъ евреи. Такъ въ Нѣжинскомъ уѣздѣ, въ с. Талалаевкѣ, большое имѣніе купилъ еврей; имѣніе Тарновскаго—Комары купилъ еврей; имѣніе Поповку—купилъ еврей. На такое явленіе указываетъ и корреспондентъ „Русск. Курьера“ (№ 121) изъ Полтавы, когда говорить объ обезземеленіи крестьянскаго хозяйства.

Еврейское землевладѣніе на всѣхъ концахъ Малороссіи составляетъ видный процентъ и все болѣе и болѣе усиливается, но, благодаря нѣкоторымъ ограниченіямъ, поставленнымъ ему закономъ въ юго- и сѣверо-зап. краяхъ, оно свободнѣе и интенсивнѣе развивается въ лѣвобережной Украинѣ и Новороссіи. Какъ евреи собственники, такъ и евреи арендаторы одинаково смотрятъ на свое предпріятіе и одинаково ведутъ хозяйство: воздѣлываніе земли у нихъ является не хозяйственнымъ предпріятіемъ, а торговою спекуляціей, и потому здѣсь одна задача—выжать изъ земли и изъ окружающихъ соціально-экономическихъ обстоятельствъ какъ можно больше прибыли. И дѣйствительно, евреи не обманываются въ своихъ расчетахъ: они кладутъ въ свой карманъ двойныя и тройныя суммы сравнительно съ затраченнымъ капиталомъ. Объясненіе этому находимъ въ специфическомъ веденіи землевладѣльческихъ дѣлъ, въ которомъ получаютъ примѣненіе всѣ таланты, приемы и махинаціи евреевъ-торговцовъ. Много писалось и въ корреспонденціяхъ, и въ спеціальныхъ трактатахъ, и въ правительственныхъ и земскихъ органахъ о еврейскомъ землевладѣніи, и намъ придется только ограничиться выводами о немъ. Еврей арендуетъ

¹⁾ „Трудъ“ 1881 г. № 32.

у владѣльцевъ или задолжавшихъ, или подъ деньги впередъ, при этомъ въ мѣстахъ, гдѣ знаетъ все насквозь: каждаго мужика, его семью, его нужду, его слабости, или гдѣ есть родственники, или вѣрный товарищъ, или наконецъ входитъ въ сѣть еврейской аренды, охватывающей извѣстную мѣстность. Окруженный цѣлымъ скопищемъ евреевъ (полу-прикащиковъ, полу-компаніоновъ, иногда родственниковъ, иногда наемныхъ лицъ), связанныхъ общей цѣлью наживы на счетъ невѣжественнаго мужика, раскидываетъ онъ вездѣ свою паутину и подстерегаетъ добычу не только изъ арендной усадьбы, но и изъ излюбленныхъ наблюдательныхъ пунктовъ—кабака и деревенской лавочки, гдѣ пріютились его вѣрные союзники. Шинокъ и лавочка, скупка сельскихъ продуктовъ и сельское ростовничество и всякія другія средства для эксплуатаціи челоуѣка и челоуѣческихъ отношеній пускаются въ помощь къ землевладѣнію и составляютъ иногда основной доходъ еврея-арендатора, для котораго самая аренда является лишь предлогомъ, обстановкой. Такой же побочный, но прибыльный доходъ даютъ евреямъ-арендаторамъ имѣній „потравы“. Чаще всего еврейскія земли примыкаютъ къ землямъ крестьянъ, отчего для послѣднихъ почти невозможно уберечь скотъ, чтобы онъ не зашелъ на еврейскія земли, и этимъ евреи пользуются самымъ безжалостнымъ образомъ.

Первый результатъ, который получается отъ хозяйствованія по указанному плану—уничтоженіе всякой конкуренціи со стороны арендаторовъ не евреевъ, а второй—закабаливаніе окружающаго крестьянства и почти даровая обработка земли: вѣчно нуждающійся малорусскій земледѣлецъ въ землѣ и деньгахъ для подати и для домашнихъ крайнихъ потребъ, въ концѣ концовъ неизбѣжно окажется и должникомъ, и скопщикомъ арендаторомъ у сосѣдняго еврея. Еврей никогда почти не ведетъ хозяйства собственными средствами: онъ не заводитъ ни своего скота, ни своихъ земледѣльческихъ орудій, не дѣлаетъ хозяйственныхъ построекъ, а предпочитаетъ или нанимать крестьянъ съ ихъ рабочимъ скотомъ и орудіями, платя имъ отъ морга или деся-

тины, какъ это можно встрѣтить чаще всего у евреевъ землевладѣльцевъ въ Юго-Зап. краѣ, или обрабатывать земли „скопщиной“. При скопщинѣ евреи получаютъ въ свою пользу иногда $\frac{1}{2}$, но чаще $\frac{2}{3}$ и $\frac{3}{4}$ урожая отъ жатвы, да съ сѣнокоса до $\frac{3}{4}$ всего количества сѣна, помимо всякихъ доплатъ и отработокъ. Такая система ховяйничанья даетъ еврею всѣ выгоды, безъ всякаго ховяйственнаго труда, безъ всякихъ агрономическихкихъ улучшеній, съ его стороны, за однѣ хлопоты и коммисіонерство, какъ и въ торговыхъ операціяхъ, а крестьянина съемщика и работника заставляетъ работать нерѣдко не только безъ выгоды, но просто въ убытокъ себѣ. Вотъ примѣрный счетъ г. Варзера о результатахъ скопщины для крестьянина въ Черниг. губ. Доходъ съемщика 30 пуд. ржи; расходъ же, по условію съ евреемъ:

$\frac{1}{2}$ арендатору	15 пуд.
обсѣменение	7 „
Станъ ($\frac{1}{3}$ урож).	6 „
Обработка (запашка и пр.)	4 „
Доплаты (40 к.)	1 „

Итого 33 пуда.

Слѣдовательно, крестьянинъ работаетъ съ убыткомъ для себя въ 3 пуда, но бываютъ доплаты въ 1 р. и даже больше.

Неизбѣжные и непремѣнные спутники еврейскаго землевладѣнія: разрушенныя помѣщичьи усадьбы, вырубленный лѣсъ, проданный скотъ и покрытая сорными травами земля, а вокругъ—обѣднѣніе крестьянства.

Къ послѣдному типу дѣятельности евреевъ относится аренда казенныхъ оброчныхъ статей: пахати, луговъ, лѣсу, казенныхъ построекъ и пр. Евреи въ этой области между другими кулаками занимаютъ самое видное мѣсто, благодаря своему искусству обходить всякія препятствія. Искусство евреевъ въ этомъ отношеніи неуловимо по своему разнообразію: прежде всего стачка, и въ этомъ „евреи, по выраженію Шлейснера, мастера болѣе другихъ, такъ какъ они кагально солидарны“, потомъ

всякіе обходы, въ родѣ слѣдующаго случая, рассказаннаго корреспондентомъ „Южнаго Края“: евреи на торгахъ въ Херсонск. губ. возвысили цѣну до такой цифры (4 р. 50 к.), что нѣмцы-поселяне, конкурировавшіе съ ними, отступились. „Еврей беретъ, уплачиваетъ за землю за полгода впередъ и сейчасъ же сдаетъ ее по участкамъ по цѣнѣ низшей, но уже не на полгода, а на годъ, причемъ беретъ съ крестьянъ всѣ деньги впередъ, самъ же черезъ полгода объявляетъ себя несостоятельнымъ и отступается отъ аренды. Назначаются новые торги, и оброчная статья сдается по низкой цѣнѣ тому же еврею черезъ посредство подставнаго лица“, такъ какъ никакихъ конкурентовъ на этотъ разъ не явилось ¹⁾.

Оттиснувши тѣмъ или другимъ способомъ конкурентовъ и забравши доходныя статьи въ свои руки, евреи безъ всякаго труда получаютъ одинъ барышъ изъ окружающихъ крестьянъ, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: „Дача Херс. у. Дубовая изъ 2060 дес. арендована евреемъ при оцѣнкѣ въ 2 р. 60 к. за десятину: онъ отдаетъ часть земли на выпасъ скота по 2 р. 50 к. за крупную скотину „или съ обязательствомъ убрать у него 2 дес. посѣва, что составляетъ 7 р.“ Сергѣевская дача 2284 дес. находится въ арендѣ у евреевъ съ платою 2184 р., т. е. менѣе 1 р. за десятину“, а аренда въ тѣхъ мѣстахъ не менѣе 2 р. 50 к. „Дача Терновская 1136 дес. арендаторъ купецъ еврей платитъ далеко ниже оцѣнки—2 р. 85 к. за десятину, а отдаетъ подъ посѣвъ по 3 р. 50 к. и за сѣнокосъ отъ 4 до 5 р. за дес. ²⁾.

Сравнительно съ торговлей и отмѣченными выше занятіями, производство мелкое—кустарное и ремесленное—мало занимаетъ еврейскихъ силъ. Евреи воспитали въ періодъ своей европейской исторіи отвращеніе ко всякому физическому труду, благодаря, можетъ быть, долгому запрещенію этихъ занятій, а также и малой обезпеченности ремесленниковъ въ тотъ крова-

¹⁾ «Южный Край», № 128.

²⁾ «Отеч. Зап.» 1881 г. № III, Шлейснеръ, стр. 44—45.

вый періодъ еврейской исторіи, когда только деньги давали имъ сколько-нибудь сносное существованіе. Привычка сдѣлала свое дѣло, и вотъ мы видимъ, что у евреевъ, начиная со среднихъ вѣковъ, ремесленники въ социальномъ отношеніи считаются самымъ низшимъ классомъ. Делѣя постоянно мечту о приобрѣтеніи капитала, еврей, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, хотя бы ему трудно было даже содержать свою семью, попытается пристроить своихъ дѣтей прежде всего къ торговлѣ, хотя бы въ качествѣ мальчиковъ при лавкахъ („клеить-мишуресь“), и только „весьма рѣдкій еврей отецъ, говоритъ г. Чубинскій, рѣшается отдать сына къ портному или сапожнику, или шапочнику“ ¹⁾. Отъ этого еврейскій ремесленный классъ пополняется круглыми сиротами да дѣтьми нищенствующаго класса евреевъ. Галиція, Привисляскій край, сѣверо-западный и зап. край считаютъ въ рядахъ ремесленниковъ больше евреевъ, чѣмъ Буковина, лѣвобережная Украина, Новороссія и др. Такое явленіе объясняется тѣмъ, что въ первыхъ областяхъ Малороссіи, гдѣ торговый еврейскій классъ до того переизобилуетъ дѣйствительную потребность страны, что многимъ изъ евреевъ рѣшительно не остается мѣста на торговомъ пиру, они то и берутся за ремесло до перваго, впрочемъ, случая, когда имъ удастся смѣнить ремесло на торговлю. Изъ ремесленниковъ, главнымъ образомъ, состоитъ низшій классъ еврейскихъ эмигрантовъ, который, какъ авангардъ еврейства, передвигается больше всего на лѣвый берегъ Днѣпра, гдѣ значительная часть изъ нихъ очень скоро обращается въ торговцевъ того или другого вида. Изъ ремеселъ евреи избираютъ болѣе легкія по мускульному напряженію и болѣе близкія къ торговлѣ по своему характеру. Первое мѣсто занимаютъ ремесла—золотыхъ дѣлъ, часовое, граверное и позументное. Эти занятія пользуются большимъ противъ всѣхъ другихъ ремеселъ почетомъ и не считаются унижительными. Потомъ слѣдуютъ мѣдники, портные, шапочники, сапожники, маляры и

1) Чуб. 90.

музыканты. Общественное мнѣніе евреевъ не расположено къ этимъ видамъ, считая занимающихся ими членовъ общества людьми религіозно-индифферентными и вообще низшей нравственности противъ другихъ. Такія же ремесла, какъ кузнечное, столярное, плотничье, шорное, ткацкое, ремесла каменщиковъ и вообще ремесла самыя тяжелыя по затратамъ мускульныхъ силъ—находятъ для себя работниковъ среди евреевъ рѣже всего, особенно ничтожно между ними количество каменщиковъ и печниковъ. Ремесленниковъ послѣдняго типа можно найти только по правую сторону Днѣпра, и ихъ совершенно нѣтъ, кромѣ развѣ кузнецовъ, въ лѣвобережной Украинѣ, Новороссіи, Харьковск. и др. губ. Среди ремесленниковъ евреевъ замѣчается то же самое явленіе, что и между торговцами—отсутствіе спеціальности, и особенно наслѣдственной. Трудно отыскать еврея ремесленника, особенно въ Галиціи, сѣверо- и юго зап. краѣ, который не зналъ бы еще какого-ниб. ремесла сверхъ того, какимъ онъ занимается въ данную минуту. Еврей столяръ въ то же время и слесарь, и сапожникъ, и парикмахеръ, и сверхъ всего этого корчмарь, не говоря уже, что онъ неизбѣжнымъ образомъ факторъ, ростовщикъ и т. д. Понятно, что въ ремеслѣ евреевъ не бываетъ усовершенствованій ни въ прочности работы, ни въ кройкѣ, потому что нельзя же грубое слѣдованіе евреевъ ремесленниковъ за модой относить на ихъ счетъ, но за то никто, какъ еврей, не способенъ такъ экономично обходиться съ матерьяломъ, идущимъ на работы; у евреевъ ремесленниковъ всегда идетъ меньше матерьяла на предметъ, чѣмъ у ремесленниковъ другихъ націй; кромѣ того, чаще всего работы евреевъ отличаются непрочностью, недоброкачествомъ въ матерьялахъ. Между ремесленниками евреями не мало встрѣчается и такихъ, которые являются только хозяевами мастерскихъ; рабочіе же у нихъ всѣ, или въ преобладающемъ количествѣ,—мѣстные жители; особенно такого вида ремесленниковъ много въ мѣстахъ съ рѣдкимъ еврейскимъ населеніемъ. Еще меньше въ средѣ евреевъ чернорабочихъ, поденщиковъ, и самый низшій и бѣдный классъ евреевъ предпочи-

таетъ нищенство черной работѣ, между прочимъ и потому, что они находятъ такой видъ работы, какъ чаще всего совмѣстной съ рабочими другихъ вѣроисповѣданій, несогласнымъ съ религиозными воззрѣніями. Чернорабочіе евреи работаютъ только на еврейскихъ фабрикахъ для производства „талісъ“ (шерстяныхъ покрывалъ, носимыхъ евреями во время молитвы); изъ другихъ чернорабочихъ можно встрѣтить сравнительно въ небольшомъ количествѣ водовозовъ, сторожей, „лопатниковъ“, занимающихся въ большихъ складахъ перекидываніемъ хлѣбнаго зерна, и носильщиковъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Къ чернорабочимъ можно отнести еврейскихъ извозчиковъ. Извозчики евреи существуютъ только въ мѣстахъ съ густымъ еврейскимъ населеніемъ и временно появляются въ мѣстахъ скопленія еврейской массы, напр.—на Ильинской ярмаркѣ. Съ извозомъ у евреевъ связываются еще и другіе роды дѣятельности—факторство и нѣчто въ родѣ специальныхъ между-еврейскихъ почтовыхъ сношеній. Городскіе евреи извозчики встрѣчаются во всѣхъ городахъ Малороссіи и, кромѣ изнуренности ихъ лошадей, нечистоплотности экипажа и „жидовскаго запроса“ за услугу, ничѣмъ другимъ не разнятся отъ всякихъ извозчиковъ; но еврейскую оригинальность представляютъ „балагульщики“. Этотъ родъ извоза господствовалъ только по правую сторону Днѣпра и служилъ какъ для перевозки пассажировъ, такъ и тяжестей, въ громадныхъ размѣрахъ, неуклюжихъ крытыхъ повозкахъ („баалъ-аголахъ“), своего рода дилижансахъ. Характерность балагульства—различіе въ пассажирахъ евреяхъ и неевреяхъ, пренебреженіе интересами послѣднихъ пассажировъ, эксплуатація ихъ кармановъ и страшно-нехозяйственное обращеніе съ лошадьми. Во всякомъ случаѣ, извозчики евреи принадлежатъ къ самому бѣдному классу—люди труда полезнаго, и, за исключеніемъ указанныхъ недостатковъ да нерѣдкой ихъ связи съ вонокрадами, представляютъ среди еврейства одинъ изъ наиболѣе терпимыхъ элементовъ.

Еще ниже промышленной дѣятельности стоитъ у евреевъ земледѣльческій трудъ, который вмѣстѣ съ мойкою бѣлья, поше-

ніемъ воды, смазываніемъ хаты и огородничествомъ считается исключительно удѣломъ мужика-крестьянина. Такое явленіе въ современномъ еврейѣ находится въ противорѣчьи не только съ Библіей, но и съ талмудомъ, который ставитъ земледѣліе выше всѣхъ другихъ занятій, и объясняется исключительно исторіей европейскаго еврейства. Во всѣхъ углахъ Европы, гдѣ евреи селились, вся земля находилась въ рукахъ правящаго класса и обрабатывалась подневольными крѣпостными, руками. Евреи, понятно, не могли заняться земледѣліемъ, которое приводило бы ихъ въ крѣпостную зависимость отъ землевладѣльцевъ, а это, кромѣ очевидныхъ невыгодъ соціально-экономическихъ, противорѣчило бы съ кореннымъ міровоззрѣніемъ евреевъ на себя, какъ на народъ избранный, поставленный выше всѣхъ народовъ. Кромѣ того, евреи въ Европѣ жили жизнью полукочевого населенія: сегодня ихъ гнали изъ одной страны—и они переходили въ другую, не будучи увѣрены, что завтра ихъ не погонять и изъ этой. Такое положеніе не могло сдѣлать изъ нихъ земледѣльцевъ, занятіе которыхъ по своей природѣ требуетъ осѣдлости, твердой увѣренности въ завтрашнемъ днѣ своего пребыванія на засѣянномъ полѣ. То же самое застало евреевъ и въ пріютившей ихъ Польшѣ и въ Малороссіи; и здѣсь поселянинъ-земледѣлецъ былъ рабомъ того, чью землю воздѣлывалъ. Исторически атрофировались въ современныхъ евреяхъ инстинкты и привычки древняго азіатскаго земледѣльческаго іудейства, и евреи стали смотрѣть на земледѣліе, какъ на занятіе исключительно принадлежащее крѣпостному населенію.

Чтобы побороть предубѣжденіе евреевъ противъ земледѣлія, русское правительство сдѣлало много усилій для устройства еврейскихъ земледѣльческихъ колоній, но, какъ увидимъ, безрезультатно.

Еврейскія колоніи въ Малороссіи—явленіе сравнительно новое; онѣ впервые появились въ концѣ XVIII в. (около 1799 г.), по почину и при содѣйствіи правительства; особенно энергично дѣйствовало правительство для образованія земледѣльцевъ изъ евреевъ въ періоды 1804—1810 и потомъ съ 1835 г. съ пе-

перывама по 1856 г. Колоніи заводились на льготныхъ основаніяхъ: онѣ освобождались отъ рекрутской повинности на разные сроки и на 5 лѣтъ отъ всѣхъ казенныхъ податей, а въ Новорос. колоніяхъ на 10 лѣтъ; имъ выдавалась ссуда на обзаведеніе, земли отводилось отъ 20 до 40 десятинъ на семейство, выстроены были дома и хозяйственныя постройки, нерѣдко снабжали ихъ рабочимъ скотомъ и орудіями и даже позаботились о руководителяхъ ихъ при приученіи ихъ къ земледѣльческому труду, каковыми были поселены между ними нѣмцы-колонисты. На такія льготныя условія, и то съ неохотою, шли обнищавшіе евреи изъ западныхъ губ. и Курляндіи. Въ настоящее время извѣстны еврейскія колоніи въ Новороссіи, въ юго-зап. краѣ и въ малор. частяхъ Гродн. и въ Черниг. губ. Статистическія данныя о населеніи еврейскихъ колоній являются съ 1860 г. въ такомъ видѣ:

	МУЖ.	ЖЕНСК.	ИТОГО.	С В Е Р Х Ъ Т О Г О :
Кіевск. губ.	4019	3961	7980	Въ Гродн. губ. (Бр., Бѣл., Пр. и Кобр. у.у.) 751 д.
Подольск. .	4825	4586	9411	— Хот. у. Бессар. губ. 395 „
Волынск. .	1632	1642	3274	— Черн. г. (безъ Сур. у.) . . 11699 „
Екатериин. .	6465	5723	12188	
Херсонск. .	11279	10565	21244	
Всего. . .	28220	26477	54697	

У насъ нѣтъ статист. данныхъ, на которыхъ можно было обосновать точный выводъ о ростѣ или убыли еврейскаго населенія въ колоніяхъ; но люди, занимавшіеся изученіемъ ихъ, утверждаютъ, что еврейское населеніе изъ колоній разбѣгается по сосѣднимъ городамъ, мѣстечкамъ и селамъ или временно по паспортамъ, или же и совершенно, приписываясь въ купеческое или мѣщанское званіе, что имъ разрѣшено въ 1868 г. „Въ настоящее время, писалъ Шмаковъ, во всѣхъ городахъ Новорос-

сїйскаго края встрѣчаются ремесленники изъ евреевъ-колонистовъ. Тѣ изъ нихъ, которые были побогаче, занялись извозомъ. Въ Херсонѣ и Одессѣ еврей-колонисты, за неимѣніемъ другихъ болѣе выгодныхъ занятій, сдѣлались поневолѣ носильщиками тяжестей, подсѣвальщиками пшеницы, дроворубами и пр. „Изъ евреевъ-колонистовъ, по замѣчанію того же автора, вышли факторы, ростовщики, кабатчики, которые, какъ паразиты, легли на туземное населеніе и дѣйствительно тяжелы для него“.¹⁾ Но и оставшіеся въ колоніяхъ не отдались земледѣльческому труду. По свѣдѣніямъ Шмакова, въ еврейскихъ колоніяхъ „фабрикъ и заводовъ нѣтъ, но ремесленниковъ разнаго рода очень много, и это даетъ имъ возможность поддерживать свои хозяйства... Удовлетворяя потребностямъ колоній, эти мастера зарабатываютъ весьма порядочныя деньги и въ сосѣднихъ малороссійскихъ селеніяхъ“.²⁾ Другія средства заработка—ростовщичество для сосѣдей крестьянъ и шинкарство: такъ, въ 1868 г. въ колоніяхъ Херсонской губ. находилось кабаковъ 65, а въ Екатер. 19 и продано изъ нихъ водки въ первыхъна 12484 р., а во вторыхъ на 3973 р. Сами евреи мало употребляютъ водки, а главными участниками были сосѣдніе поселяне и проѣзжающіе черезъ колоніи чумаки“. Всѣ же земледѣльческія занятія, особенно въ юго-зап. колоніяхъ, гдѣ предложеніе крестьянами рабочихъ рукъ велико, лежатъ на крестьянахъ, которыхъ евреи считаютъ, кажется, созданными для этого. Стоя относительно грамотности и умственнаго развитія выше русскихъ поселянъ (въ Новороссіи 1 учащійся еврей приходится на 8 ревизскихъ еврейскихъ душъ и всѣ грамотны), не говоря уже о религіозномъ предубѣжденіи, еврей-колонисты, какъ и вообще евреи, считаютъ мужика ниже себя и мужикъ имъ представляется „невѣжественною рабочею силою“, и потому въ физическому труду они въ теченіе полу столѣтій не только не приучились, но и не потеряли даже къ нему отвращенія. Не повліяло земледѣліе

¹⁾ Шмаковъ, 163.

²⁾ Ib. 165.

на евреевъ и въ другихъ отношеніяхъ, не говоря уже о поднятіи нравственнаго уровня, но и бытовыхъ привычекъ—нечистоплотности и неаккуратности, о чемъ свидѣтельствуесть одинъ ви́шній видъ колоній, которыя, по выраженію Чубинскаго, представляютъ собою мерзость запустѣнія: „двѣ трети домовъ съ ободранными крышами, причемъ многіе дома совершенно пусты; почти всѣ дома невыбѣлены, глина съ наружныхъ стѣнъ обвалилась. Около многихъ домовъ, какъ говорится, ни кола, ни двора“.¹⁾ Тоже самое и въ колоніяхъ Новороссіи, гдѣ, по словамъ Шмакова, „мало зелени и дома рѣдко содержатся въ порядкѣ. Между жилыми строеніями встрѣчается довольно много домовъ разоренныхъ и заброшенныхъ, также много домовъ съ поврежденными крышами... Поселенцы обѣднѣли и нужда заставила ихъ свучиваться по двѣ-три семьи въ одинъ домъ“.²⁾ Вообще поселенія евреевъ-коловистовъ въ рассматриваемый періодъ представляютъ видъ, печальнѣе котораго трудно представить... „Эти люди оказались въ высшей степени лѣнливыми и впали въ глубокую нищету. Поражающіе своимъ извурненнымъ видомъ, покрытые рубищами, ютась въ полуразвалившихся грязныхъ хижинахъ, они не приобрѣли ни малѣйшихъ знаній въ земледѣліи и отдають свои поля исполу поселенцамъ другихъ племенъ изъ части урожая“.³⁾

Остальное еврейское населеніе, которое по своимъ занятіямъ не подходитъ къ описаннымъ выше категоріямъ, принадлежитъ или къ еврейскому духовенству (цадики, раввины и меламеды), или же образуетъ классъ нищихъ, которыхъ между евреями чрезвычайно много: только въ юго-зап. краѣ Чубинскій полагаетъ ихъ до 20000.

Такимъ образомъ, въ распредѣленіи евреевъ по дѣятельности первое мѣсто занимають евреи, торгующіе или приписавшіеся къ торговлѣ, какъ ростовщики, факторы, комиссіонеры

1) Чуб. 189.

2) Шмаковъ, 137.

3) „Южный Край“, 112.

и маклера; потомъ слѣдуютъ евреи, имѣющіе дѣло съ крупною промышленностью и земледѣіемъ, далѣе ремесленники и всякаго рода чернорабочіе; за ними можно поставить по количеству еврейское духовенство и нищихъ; наконецъ, послѣднее мѣсто занимаютъ евреи-земледѣльцы. Недостатокъ матеріаловъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи, лишаетъ насъ возможности выразить отношеніе указанныхъ группъ на территоріи малорусскаго племени. Если мы воспользуемся наличными данными по Россіи, аналогіей съ западной Европой и, наконецъ, примемъ въ соображеніе однородность и односторонность еврейства на всѣхъ пунктахъ Малороссіи, то приблизительно полуторамилліонное еврейское населеніе распадется по своей дѣятельности на такія неравномѣрныя группы:

1) Земледѣльцы	60000
2) Ремесленники, извозчики, поден- щики и др. чернорабочіе . . .	<u>330000</u>
Вмѣстѣ	390000
3) Лица прочихъ занятій	<u>1184000</u>
Всего	1574000

Ир. Жытецкій.



П. А. КУЛИШЪ.

(Биографическій очеркъ). ¹⁾

XXXVIII.

Редакторы „Основы“ горячо принялись за дѣло, но, очевидно, не такъ легко было поставить журналъ на ноги. „У насъ въ Петербургѣ хорошаго ничего не слышно,“ писалъ Кулишъ Бодянскому въ концѣ 1860 г.,—„а дурнымъ неприятно съ вѣмъ бы то ни было дѣлиться, тѣмъ паче съ вами. Подписка на журналъ идетъ тихо, въ томъ числѣ и на „Основу“, которой первая книжка уже набирается“ ²⁾.

Но не такъ былъ Кулишъ, чтобы опускать руки отъ первой неудачи и тутъ же онъ сообщалъ Бодянскому, что принимаетъ написать малороссійскую исторію на украинскомъ языкѣ: „Очень мудреное дѣло, но мнѣ хочется сдѣлать все для меня возможное, чтобы хоть попытка къ этому была заявлена судьямъ нашей народности. Для народа я уже написалъ книжку о временахъ Хмельницкаго и хлопочу только о цензурѣ; но заговорить по украински съ людьми учеными дѣло совсѣмъ иное“ ³⁾. Оглядываясь въ послѣдніе годы на пройденное поприще жизни, Кулишъ обыкновенно съ грустью вспоминалъ о удачно начатомъ,

¹⁾ См. Киев. Стар. 1901 г., № 6.

²⁾ «Киевск. Стар.» 1897, XII, стр. 469.

³⁾ Тамъ же.

но вскорѣ испорченномъ и загубленномъ своемъ журнальномъ дѣтищѣ, печальную судьбу котораго онъ объяснялъ неумѣлымъ веденіемъ дѣла своимъ сотрудникомъ. Быть можетъ, въ этомъ обвиненіи была доля правды; но несомнѣнно, что главной причиною неудачи было все же позорное равнодушіе публики, о которомъ мы говорили и при существованіи котораго необходимы были и особенное искусство, и особенное счастье въ веденіи дѣла. Каждый ошибочный шагъ могъ повлечь за собой для журнала самыя серьезныя послѣдствія. Въ одномъ письмѣ къ львовскому писателю Павлику, уже въ девяностыхъ годахъ, Кулишъ говорилъ: „Завязавшись выробити мову добру, не відкидав я геть нічого, що попадало під мое перо ще й до „Хати“ и „Основи“. Саме имья сему місячникові нарек аз; программу до него скомпанував аз, и скільки було моєї власти над его редактором, те все переходило через мою критициню реторту: и проза, й віршуванье. От вам відповідь и на питанье про Вовчиови „Оповідання“. Далѣ слѣдуетъ любопытное указаніе на то, что Кулишъ, въ качествѣ редактора, прилагалъ до нѣкоторой степени руку къ трудамъ Марка Вовча: „Видділяти піл и жужелицю від срібла въ горнилі, очищаючи его седмерицею, а се ще трудніца річ, ніж самому авторувати“. Разочарованіе въ ихъ общемъ дѣлѣ съ редакторомъ „Основы“ наступило у Кулиша поразительно скоро. Мы можемъ это видѣть уже по его письмамъ къ Бодянскому. Такъ, въ декабрьскихъ письмахъ 1860 г. Кулишъ говорилъ о журналѣ еще съ полной надеждой, безъ которой впрочемъ едва ли могло бы и состояться это предпріятіе, а въ апрѣлѣ онъ уже откровенно жалуется: „Основа“ снується Богъ знаеть какъ, чему я не причастень, удалихся бо и умышъ рудѣ мои отъ всѣхъ распоряженій и даже совѣтовъ, зане редакторъ возмнилъ себе быти мудрѣйша паче всѣхъ земнородныхъ“ ¹⁾. А одно письмо къ Марко-Вовчокъ отъ

¹⁾ «Кіевск. Стар.» 1897, XII, 470; также см. о пререканіяхъ Кулиша съ Бѣлозерскимъ по поводу «Основы» въ «Кіевск. Стар.», 1899. IX, 358.

15 марта 1862 г. заставляет думать, что несогласія начались еще задолго до возникновенія журнала. Уже въ этомъ письмѣ Кулишъ сѣтуетъ: „Журналъ Василю Михайловичу разрѣшенъ; но Василій Михайловичъ хочетъ издавать его въ духѣ примиренія съ панами и объявилъ, что хотя цензура и пропустила въ «Хатѣ» начало моей драмы «Коліі», но онъ ее въ журналѣ не напечаталъ бы, и проч. въ этомъ родѣ. Онъ присваиваетъ себѣ право второй цензуры, хочетъ улажить пановъ и полюбить ихъ своимъ журналомъ, тогда какъ панское негодованіе я считаю заслугою украинской литературы, по преимуществу демократической... Я даю себѣ слово стоять на стражѣ простонародной прямоты и выразительности слова».

Столь же неудачными оказались и дѣла Кулиша по типографіи, но уже по винѣ не неумѣнія вести дѣла, а по совершенной недобросовѣстности сотрудниковъ. Хотя Кулишъ положилъ въ учрежденную имъ типографію почти всѣ свои деньги, которыхъ, какъ мы видѣли, онъ много успѣлъ заработать удачнымъ и полнымъ энергіи трудомъ предыдущихъ лѣтъ, но не въ его характерѣ было контролировать малѣйшіе расходы, безъ чего, однако, едва ли можетъ вестись такое сложное и трудное дѣло, какъ типографское, въ которомъ, въ большинствѣ случаевъ, основано все дѣло на довѣріи къ помощникамъ, что, къ сожалѣнію, пока у насъ еще слишкомъ рискованно. Такъ случилось и съ Кулишомъ: выбранный имъ помощникъ вполнѣ оправдывалъ надежды своего довѣрителя въ смыслѣ искуснаго веденія дѣла, но съ нимъ слѣдовало наблюдать осторожность, чтобы вся его дѣятельность не направилась исключительно на собственное обогащеніе. Всѣмъ этотъ человекъ былъ обязанъ Кулишу, но, быстро разбогатѣвъ, онъ не задумался съ цинической откровенностью заявить ему въ глаза: „Теперь я вамъ не нуженъ; дѣло и безъ меня пойдетъ, а мнѣ въ другомъ мѣстѣ предлагаютъ вдвое больше денегъ“. Кулишъ не упрекнулъ его ни полсловомъ и отпустилъ отъ себя, но типографія, оставшись безъ опытнаго заправителя дѣлъ, скоро пришла въ полный упадокъ. Но и въ эту тяжелую пору Кулишъ не палъ духомъ и нашелъ утѣшеніе

въ литературномъ трудѣ, взявшись за переводъ „Исторіи Англіи“, „Маколея“¹⁾ съ тѣмъ, чтобы издатель печаталъ переводъ въ его типографіи, платя за бумагу и наборъ, а все, что Кулишу приходилось получить за его труды, онъ раздавалъ рабочимъ. Затративъ на основаніе типографіи до трехъ тысячъ рублей, Кулишъ мечталъ «только, чтобы получить обратно хоть двѣ», но и этого ему не удалось.

XXXIX.

Въ 1861 году, послѣ всѣхъ названныхъ неудачъ, Кулишъ снова искалъ нравственнаго отдыха и облегченія тамъ, гдѣ привыкъ находить его въ прежніе годы; онъ снова поѣхалъ за границу, для купанья въ морѣ, причемъ на этотъ разъ его спутникомъ былъ Костомаровъ, бывший тогда уже профессоромъ петербургскаго университета. Это было счастливое время ихъ тѣсной, душевной дружбы. Кулишъ, В. М. Бѣлозерскій и Костомаровъ часто сходились передъ тѣмъ по вечерамъ въ Петербургъ и подолгу засиживались другъ у друга, проводя время въ одушевленной бесѣдѣ. Въ письмахъ и небольшихъ отрывочныхъ запискахъ Кулиша и Бѣлозерскаго мы нерѣдко встречаемъ за это время слѣды ихъ близкихъ отношеній; «корректуру возвращу сегодня у Костомарова», «рукописи принесу съ собой къ Костомарову». Наши путешественники прожили вмѣстѣ около мѣсяца въ Ниццѣ и Монако, побывали въ Генуѣ, но потомъ пути ихъ раздѣлились;²⁾ Костомаровъ вернулся въ Петербургъ къ началу лекцій въ университетъ, которыя, однако,

1) Надъ этимъ переводомъ, какъ прежде надъ переводомъ «Исторіи испанской литературы Тикнора, по словамъ Ганны Барвинокъ, мужъ ея трудился до обмороковъ.—О журналѣ «Основа» см. въ «Исторіи русской этнографіи» А. Н. Цыпина, т. III, стр. 214—222.

2) См. объ этомъ подробнѣе въ «Воспоминаніяхъ о Н. И. Костомаровѣ» въ «Нови», 1895, № 13, стр. 71.

вскорѣ же прекратились вслѣдствіе извѣстной студенческой исторіи, а Кулишъ еще долго странствовалъ по Италіи, проѣхалъ въ Вѣну, оттуда пароходомъ по Дунаю направился въ Турцію; по возвращеніи въ Россію, основался на нѣкоторое время въ Васильевкѣ, у М. И. Гоголь, гдѣ чрезвычайно пріятно провелъ время, и въ серединѣ осени вернулся въ Петербургъ. Въ этотъ промежутокъ времени Кулишъ, много думавшій за границей о своей «Украинѣ», началъ писать свои «Досвітки» и принялся усердно читать біографію и произведенія Данта. Иногда ему встрѣчались затрудненія въ изученіи нѣкоторыхъ тонкостей «Божественной Комедіи» или сонетовъ Данта и тогда онъ упорно размышлялъ и добивался разъясненія. Потомъ онъ написалъ «Великі Проводи» (произведеніе, сильно искаженное ножицами цензуры), и поэмѣ «Настусю».

Очень много грустнаго чувствуется въ этихъ стихахъ Кулиша! И въ самомъ дѣлѣ, весь 1861 годъ былъ для него тяжелъ: кромѣ всего сказаннаго, достаточно только вспомнить, что это былъ годъ смерти Шевченка (26 февраля), надъ гробомъ котораго Кулишъ сказалъ слѣдующія прочувствованныя слова: «ты намъ оставивъ одинъ завить, Тарасе, ты говоривъ свой непорочній музи:

«Мы не лукавили зъ тобою,
Мы просто йшли—у насъ нема
Зерна неправды за собою»...

«Велький и святой завить! Будь же, Тарасе, певень, що мы его соблюдемо и николи не звернемо зъ дороги. Коли жъ не стане въ насъ снаги твоимъ слідомъ простуваты, коли не можна буде намъ такъ, якъ ты, безтрепетно правду глаголаты, то лучше мы мовчатимемо». Когда же «гробъ поэта, поставленный на траурныя дроги, готовъ былъ двинуться къ своему новому погребенію на далекой родинѣ»,—разсказываетъ г. Мордовцевъ,—«тогда всѣ провожавшіе останки пѣвца Украины стояли подъ гнетомъ сосредоточенной печали, одинъ Кулишъ возвысилъ го-

лось: „Що жъ се ты, батьку Тарасе, одъѣзжаешь на Вкраину безъ червонои китайкы, заслуги козацькои? Чымъ же нызшый ты одъ козацькыхъ лицаривъ? Ны одинъ вильный козацьк не сходявъ зъ сѣго свиту безъ сѣей остатней чести“. И гробъ покрылы червоною китайкою¹⁾. Зашла рѣчь о памятникѣ Шевченку; Кулишъ сказалъ: „Шкода того кошту и заходу, Шевченкови треба спорудиты пам'ятныкъ нерукотворный“. Въ самомъ дѣлѣ, по иниціативѣ Кулиша вскорѣ была сдѣлана подписка на школу имени Шевченка, но проектъ не былъ разрѣшенъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ²⁾.

Намъ нечего говорить, что, съ потерей Шевченка, для Кулиша тѣмъ дороже стали отношенія его къ Костомарову, за котораго онъ готовъ былъ горой стоять при каждомъ малѣйшемъ выраженіи съ чьей-нибудь стороны хотя бы незначительнаго неудовольствія: за своихъ друзей „горячій Кулишъ“ всегда ратовалъ съ жаромъ. Такъ однажды у него чуть не произошла размолвка съ однимъ изъ стариннѣйшихъ и ближайшихъ друзей, уже упомянутымъ выше Чуйкевичемъ: „Костомарова не обвиняй за молчаніе, а взгляни на все имъ напечатанное и сказанное на лекціяхъ, да и сообрази, сколькихъ тысячъ часовъ самаго энергическаго, а иногда и томительнаго труда все это стоило. Еслибы ты полюбилъ какой-нибудь предметъ такъ сильно, какъ Костомаровъ свое дѣло, тогда бы ты узналъ, что honores играли самую послѣднюю роль“. Эга отвѣдь была вызвана упрекомъ Чуйкевича за любовь Кулиша и Костомарова къ оваціямъ: „Въ Черниговѣ и Полтавѣ не потому я гостилъ, что тамъ, какъ ты

1) «Всемирная Иллюстрація» 1897, № 19, стр. 440.

2) Въ томъ же году скончался и сильно любимый Кулишемъ, хотя, разумѣется, не такъ, какъ Шевченко, К. С. Аксаковъ. Когда Кулишъ узналъ о смерти его, онъ писалъ Бодянскому: «Жаль бѣднаго Консты. Онъ былъ одинъ изъ благородныхъ людей, какихъ только мнѣ случалось встрѣчать, но въ немъ многое было неестественно, и самая привязанность къ отцу, которая свела его въ могилу». («Кіевск. Стар.», 1897, Ш., стр. 469.

говоришь, воздавали мнѣ почести, а потому, что нашель хорошихъ людей, а „съ хорошимъ человѣкомъ“, говорить Селифанъ, „поговорить можно“.

XL.

Приведемъ теперь относящіяся къ началу шестидесятыхъ годовъ воспоминанія о Кулишѣ А. Я. Конисскаго:

„Лично съ Кулишомъ я познакомился 4 мая 1860 г. у Дмитрія Павловича Пильчикова, знавшаго его хорошо еще въ Кіевѣ въ 1844—1845 г.

„Когда Кулишъ 3 мая пріѣхаль въ Полтаву, Пильчиковъ пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ и въ то же время меня и другихъ молодыхъ своихъ товарищей.

„Первое наше впечатлѣніе было не въ пользу Кулиша; намъ казалось, что мы видѣли совсѣмъ не того Кулиша, о которомъ слышали отъ Пильчикова и котораго знали по „Черной Радѣ“, „Запискамъ о Южной Руси“ и въ особенности по журналу „Хата“. Передъ нами былъ человѣкъ типично красивый, умный, хорошо образованный; но всѣ эти качества передъ молодыми энтузіастами-демократами затмѣвала какая-то надменность Кулиша, холодная сдержанность и большое самолюбіе, не допускавшее въ спорѣ даже съ Пильчиковымъ противорѣчій. Но болѣе всего намъ не понравилось то, что Кулишъ бесѣдовалъ съ нами по-русски, несмотря на то, что я и Пильчиковъ нѣсколько разъ начинали разговоръ по-украински. Но, поддаваясь первому впечатлѣнію, мы, видя въ особѣ Кулиша, во-первыхъ, друга и союзника Шевченка, а во-вторыхъ—представителя нашей литературы, рѣшили въ тотъ же вечеръ устроить въ честь его публичный обѣдъ въ вокзалѣ городского сада. Подписная цѣна для того времени была довольно высокая, не ниже 3 р. съ особы. Подписка продолжалась три дня, и седьмого числа была закрыта, такъ какъ подписалось болѣе двухсотъ человѣкъ, а болѣе этого въ залѣ помѣститься не могло. Конечно,

обѣдъ былъ безусловный (это для того времени имѣло большое значеніе). На обѣдѣ были представители всѣхъ славянскихъ національностей, но преобладали, весьма натурально, украинцы. По содержанію и характеру застольныхъ рѣчей случилось какъ-то само собою такъ, что чествованіе принадлежало больше отсутствующему Шевченку, чѣмъ присутствующему Кулишу, и послѣдній былъ совершенно правъ, когда на другой день послѣ обѣда писалъ Шевченку (10 мая): „Сколько ни было на этомъ обѣдѣ рѣчей, во всѣхъ ихъ вспоминалось твое славное и высоко уважаемое имя; говорили о тебѣ, какъ въ родной семьѣ, какъ объ отцѣ, который гдѣ-то далеко на чужбинѣ. Увѣряю тебя, что нигдѣ не найдешь такихъ искреннихъ и преданныхъ тебѣ дѣтей, какъ въ Полтавѣ. Здѣсь каждый грамотный носитя съ твоимъ „Кобзаремъ“, какъ съ драгоценнѣйшимъ сокровищемъ. Скоро имъ и книги не надо будетъ, потому что всѣ твои произведенія они выучатъ на память; да, кажется, они по „Кобзарю“ и Богу молятся“.

Обѣдъ окончился очень поздно и большинство публики проводило Кулиша въ его квартиру пѣшкомъ съ музыкой. Квартировалъ онъ въ домѣ Гр. Ив. Гавриленка, простого, но довольно развитого мѣщанина, столара по ремеслу и друга покойнаго Котляревскаго. Вечеръ прошелъ въ оживленной бесѣдѣ исключительно объ украинской литературѣ—о предстоящемъ изданіи „Кобзаря“ и „Основы“. Мы, полтавцы, какъ люди молодые, энтузіасты, настаивали на томъ, чтобы „Основа“ издавалась исключительно на украинскомъ языкѣ; Кулишъ доказывалъ намъ невозможность такого изданія, и что языкъ нашъ еще не достаточно выработанъ. Когда же я, не соглашаясь съ Кулишомъ, выразилъ желаніе, чтобы кто-нибудь занялся переводомъ Шекспира на украинскій языкъ, Кулишъ—какъ теперь вижу—засмѣялся, говоря, что Шекспира на нашемъ языкѣ увидятъ развѣ правнуки. Но не прошло съ тѣхъ поръ двадцати лѣтъ, какъ онъ самъ же подарилъ Украинѣ изданный въ Львовѣ первый томъ его переводовъ на нашъ языкъ произведеній Шекспира,

а послѣ смерти Кулиша остались приготовленными къ печати переводы всѣхъ большихъ и лучшихъ произведеній великаго драматурга“.

„Утромъ 10 мая мы проводили Кулиша до первой станціи по дорогѣ къ матери Гоголя“.

„Съ тѣхъ поръ между мною и Кулишомъ началась оживленная переписка, которая, впрочемъ, нѣсколько разъ въ продолженіе болѣе тридцати лѣтъ то прерывалась, то возобновлялась. Къ сожалѣнію, уцѣлѣло изъ нея очень и очень немного: можно сказать, что $\frac{9}{10}$ писемъ ко мнѣ Кулиша съѣли если не крысы, то еще хуже крысъ, такъ называемыя „независящія обстоятельства“.

„Въ другой разъ Кулишъ посѣтилъ Полтаву въ концѣ августа 1861 года, возвращаясь изъ-за границы. Онъ останавливался тогда въ квартирѣ мирового посредника, общаго нашего знакомаго, И. Д. Стефановича. Придя ко мнѣ утромъ, онъ пригласилъ къ себѣ меня, Пильчикова и начинающаго поэта В. С. Кулика послушать произведенія открытаго имъ гдѣ-то въ Добруджѣ новаго украинскаго поэта (потомка запорожца), который, по его словамъ, талантомъ не уступитъ Шевченку. Конечно, мы полетѣли. Кулишъ прочиталъ намъ сперва нѣсколько мелкихъ стихотвореній, потомъ „Дунайську думу“ и большую поэму „Велики Проводы“. Читалъ онъ просто, хорошо; но читанное не производило никакого впечатлѣнія на слушателей и никто изъ насъ по окончаніи чтенія не выразилъ ни одобренія, ни порицанія новому поэту. Когда же Кулишъ спросилъ мое мнѣніе, я сказалъ откровенно, что въ прочитанныхъ стихотвореніяхъ никакой поэзіи нѣтъ—проза, да и проза не всегда хорошо приемованная. Кулишъ посмотрѣлъ на меня свысока и, ничего не отвѣчая мнѣ, положилъ рукопись въ чемоданъ“.

„По отъѣздѣ онъ долгое время ничего ко мнѣ не писалъ. Причина молчанія разъяснилась только къ концу года, когда въ „Основѣ“ появились читанныя намъ произведенія „новаго поэта“ за подписью Кулиша. Тогда я понялъ, что самолюбіе автора

было задѣто высказаннымъ мною мнѣніемъ о его поэтическихъ произведеніяхъ“ .¹⁾

„Въ третій разъ Кулишъ прїѣзжалъ въ Полтаву, если не ошибаюсь, въ іюнѣ 1862 г., но оставался здѣсь недолго, а прожилъ недѣли двѣ-три въ мѣстечкѣ Старыхъ-Санжарахъ (версть 25 отъ Полтавы), гдѣ я и другіе его знакомые часто навѣщали его. Разъ насъ отпавилось въ Санжары нѣсколько человекъ (помню Цильчикова, Кулика, Майкову и Саханскую). Мѣстечко Старыя Санжары, довольно старое, было когда-то сотеннымъ городкомъ, имѣло свое „укрѣпленіе“ и представляло для насъ нѣкоторый интересъ въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи. Всѣ мы, вмѣстѣ съ Г. И. Оболенскимъ и Кулишомъ, долго ходили по мѣстечку, осматривали старыя церкви и остатки „крѣпости“. Дней черезъ пять къ губернатору Волкову поступилъ отъ помѣщика Д. доносъ о томъ, что Кулишъ съ „злонамѣренною цѣлью“ поселился въ Старыхъ-Санжарахъ, собираетъ возлѣ себя неблагонамѣренныхъ людей; возбуждаетъ въ козацкѣмъ населеніи прежнія козацкія традиціи и, „сбѣтъ сбмена независимости Украйны“. Полтавская администрація была напугана тогда петербургскими пожарами, возникавшими кое-гдѣ недоразумѣніями въ крестьянскомъ дѣлѣ, событіями въ Варшавѣ и т. д. и вездѣ видѣла „бунты и революцію“. Волковъ же, къ сожалѣнію, былъ человекъ легковѣрный и вѣрилъ всякой сплетнѣ съ политическимъ оттѣнкомъ. Неудивительно, что онъ послѣшилъ назначить „строгое секретное дознаніе“. Производилъ его тогдашній исправникъ и, конечно, „узналъ“ только то, что и безъ секретнаго дознанія всѣмъ было извѣстно, именно что, „губернскій секретарь Пантелеймонъ, Александровъ сынъ, Кулишъ, проживая въ мѣстечкѣ Старыхъ Санжарахъ, произво-

¹⁾ Между тѣмъ Кулишъ сообщалъ Д. С. Каменецкому объ успѣхѣхъ этого чтенія: «Прочелъ я въ Полтавѣ кой-кому сочиненія Дунайскаго поэта, и всѣ пришли въ восторгъ. Я радуюсь своей находкѣ». (Кіевская Старина, іюль-августъ, 1898, ст. 134, вторая паниація. Ср. Кіевск. Стар., 1899, IV, примѣч.).

диль ежедневно двукратное купаніе въ рѣкѣ Ворсклѣ, но чтобы распространялъ революціонныя украинскія идеи, того никто изъ опрошенныхъ людей не показалъ“.

„Тѣмъ не менѣе Кулишъ долженъ былъ ускорить свой отъѣздъ“.

„Въ этотъ же пріѣздъ случился и другой забавный эпизодъ. Въ день своего пріѣзда въ Полтаву Кулишъ, придя ко мнѣ вечеромъ, сообщилъ мнѣ и бывшимъ у меня Д. П. Пильчикову и В. Л. Трунову, что въ послѣдніе дни предъ выѣздомъ въ Полтаву онъ случайно встрѣтился въ Кіевѣ съ замѣчательною личностью: это была, по его словамъ, дочь средняго помѣщика П—аго уѣзда, молоденькая пепиньерка К—аго института, дѣвушка замѣчательной красоты, ума и патріотизма, но, вслѣдствіе молодости и воспитанія, почти не имѣвшая характера; пользуясь слабостью ея воли, родители принуждали ее выйти замужъ за человѣка не любимаго, необразованнаго и деспота. Нужно было, слѣдовательно, „спасти ее“, т. е. выкрасть изъ родительскаго дома и привезти въ Полтаву, а тутъ ужъ пристроить ее сперва гдѣ-нибудь въ образованномъ семействѣ, а потомъ классной дамой въ гимназію.“

„На разсвѣтъ другого дня Труновъ уже уѣхалъ на почтовыхъ въ коляскѣ Кулиша въ П—ій уѣздъ. По данной Кулишомъ инструкціи Труновъ пріѣхалъ въ деревню поздно вечеромъ; разыскалъ указанную ему няню и узналъ, что „барышня уже повѣнчана“.

XLI.

Въ 1862 г. Кулишъ уѣхалъ опять въ Украину, гдѣ могъ пока спокойно проживать на деньги, вырученныя за переводъ Маколея ¹⁾ Но не желая остаться безъ дѣла, онъ воспользовался избраніемъ его въ дѣйствительные члены Географическаго Обще-

¹⁾ „Всемирная Иллюстрація“, 1897 г. 3 мая, № 19.

ства по отдѣлу этнографіи и просилъ оффиціального разрѣшенія совершить на собственный счетъ съ научной цѣлью поѣздки по Малороссіи. Разрѣшеніе ему дано не было. Оставшись такимъ образомъ безъ опредѣленныхъ занятій, онъ поселился въ Пиддубнѣ и занимался тамъ хозяйствомъ, не только наблюдая за разными постройками, но исполняя самъ черныя работы. Денежныя средства его, всегда ограниченныя, скоро совсѣмъ истощились, когда онъ лишился правильнаго заработка, тѣмъ болѣе что запуганныя дѣла помѣшали его другу и сотруднику, бывшему редактору „Основы“, вознаградить его за понесенныя труды. Видя его въ затруднительномъ положеніи, Кулишъ самъ отрекся отъ долга въ размѣрѣ 700 рублей: „по нѣкоторымъ соображеніямъ“—писалъ онъ Виктору Мих. Бѣлозерскому:—„я отказался отъ долга, лежавшаго на Василиѣ Михайловичѣ за мои статьи въ „Основѣ“ и вознамѣрился заплатить за пиддубенскую землю наличными деньгами“.

Между тѣмъ Кулиша, при всемъ стѣснительномъ его положеніи, очень часто считали человѣкомъ обезпеченнымъ, даже въ то самое время, когда онъ самъ топилъ печки, а жена его готовила обѣдъ. Происходило такое недоразумѣніе частью потому, что онъ бодро переносилъ нужду и никогда никому на нее не жаловался, частью-же вслѣдствіе его щедрости и готовности помогать другимъ, ¹⁾ а также благодаря временнымъ приливамъ денегъ въ его карманъ по напечатаніи и продажѣ какого-нибудь литературнаго труда.

Живя въ крайней нуждѣ на хуторѣ, Кулишъ работалъ надъ „Исторіей борьбы козаковъ съ поляками при Павлюкѣ и Острицѣ“ и напечаталъ этотъ трудъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и въ „Библіотекѣ для чтенія“ П. Д. Боборыкина. Сношенія Кулиша съ послѣднимъ, къ сожалѣнію, относились уже къ порѣ, предшествовавшей полному упадку и ликвидаціи дѣлъ журнала, такъ что и съ этой стороны Кулишу не повезло. Весной 1864 г.,

¹⁾ Примѣры указаны въ „Правдѣ“ (См. 1868, стр. 324).

пріѣхавъ по своимъ литературнымъ дѣламъ въ Петербургъ, Кулишъ старался выхлопотать принадлежація ему деньги ¹⁾ отъ нѣкоего Максимова, а также отъ одного изъ довѣренныхъ лицъ Боборыкина, Акимова.

Какіе же замыслы волновали въ это время Кулиша? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы, кажется, можемъ высказать весьма вѣроятное предположеніе, что дѣль поѣздки заключалась въ новыхъ хлопотахъ объ основаніи украинскаго журнала, хотя вскорѣ же ему пришлось убѣдиться, что нѣтъ никакой надежды на разрѣшеніе. Въ письмѣ къ Л. М. Жемчужникову Кулишъ говорилъ: „Кого тормошила жизнь больше нашего? И кто выигралъ въ жизни меньше? Крупные удары судьбы падаютъ на насъ, какъ и на прочихъ людей, но мелкія ежедневныя огорченія отъ многихъ и отъ многого едва ли не мучительнѣе. Но мы держимся выжиданіемъ лучшаго времени. Всего убійственнѣе дѣйствовало на меня въ эти годы ничтожество нашихъ земляковъ. Оно поразительно въ своихъ фактахъ, которыхъ я не стану сообщать вамъ, какъ человѣку, отчасти съ ними знакомому. Но мысль украинскаго журнала возродилась на пепелищѣ, которое казалось давнымъ давно потухшимъ въ Червоной Руси. Тамъ издается „Мета“ (цѣль), какъ продолженіе того, что начато украинскою литературою. Изданіе „Меты“ оживляетъ меня, а то на душѣ было очень скверно. Въ самомъ дѣлѣ, подѣ австрійскою конституціей, которую напрасно такъ унижаютъ наши газетчики, украинскій вопросъ можетъ сдѣлать въ литературѣ великіе успѣхи, которые въ свое время будутъ одѣнены и нашею ничтожною публикою“. И вотъ уже съ этихъ поръ взоръ и мысль Кулиша начинаютъ постепенно устремляться въ Галицію, на которую въ значительной степени переносится его симпатія.

1) О денежныхъ и вообще дѣловыхъ сношеніяхъ Кулиша съ «Библиотекой для чтенія» см. также Кіевскую Старину, 1898, іюль-августъ, стр. 136, вторая страница.

Денежныя заботы были въ то время для Кулиша также на видномъ планѣ, благодаря извѣстному намъ разстройству его дѣлъ, но, какъ всегда, самое большое значеніе имѣли для него литературныя планы. 1) Прося у Жемчужникова денегъ, онъ собирался „махнуть въ Питеръ и спасти честь родной земли; дѣло вѣдь дошло до потери самой чести“.

XLII.

Наконецъ Кулишъ рѣшился поѣхать въ Петербургъ, чтобы поискать себѣ мѣсто. Вызванный друзьями и ободренный надеждами, онъ переживалъ тамъ однако тяжелые дни, исполненный тревоженій. Однажды онъ писалъ женѣ: „Отъ людей, близкихъ Милютину, извѣстно, что онъ желаетъ принять меня на службу, но теперь онъ очень занятъ и еще не придумалъ для меня должности, т. е. рода занятій. На службу въ Варшаву поѣду охотно. Теперь всѣ мои литературныя занятія таковы, что мнѣ надобно пользоваться архивомъ варшавскимъ и публичною библіотекою“. Но въ то же время въ университетскомъ кругу вновь возникло предположеніе воспользоваться обширными познаніями и дарованіями Кулиша и пригласить его на кафедру, 2) что казалось тѣмъ умѣстнѣе, что онъ уже прежде отчасти принадлежалъ нѣкоторое время къ профессорскому сословію въ

1) Между прочимъ Кулишъ собиралъ матеріалы для «Магдоросійскаго Словаря».

2) Въ письмахъ Кулиша находимъ иногда разныя, касающіяся этого замѣтки, а равно и его собственныхъ предположеній и предположеній Костомарова о кафедрѣ: «Вчера я съ Костомаровымъ провелъ вечеръ у Воронова и тамъ обсуждали, какъ поступить съ магистерствомъ... Костомаровъ выразилъ Иванишеву готовность переехать въ Кіевъ, а потомъ началъ ужасаться и тужить. Въ петербургскомъ же университетѣ Срезневскій повелъ противъ него интригу. внушая недовѣріе къ его ученымъ заслугамъ и опасеніе прогнѣвать правительство выборомъ его на кафедру».

качествѣ лектора. Затрудненіе было въ томъ, что предварительно надо было сдать кандидатскій экзамень. Было, правда, предположеніе освободить Кулиша отъ формальностей, въ виду извѣстныхъ учено-литературныхъ заслугъ его, а также давали понять Кулишу о возможности сдѣлать ему снисхожденіе, но онъ не пожелалъ пользоваться милостью¹⁾ и рѣшилъ, что честиѣ взять скромную должность инспектора или директора какой-нибудь гимназіи,²⁾ какъ вдругъ дѣла его приняли новый и совершенно неожиданный оборотъ³⁾. Н. А. Милютинъ также предлагалъ Кулишу занятія по учебной службѣ, но такъ какъ предполагалось дать ему мѣсто младшаго, а не старшаго директора школь, то гордый Кулишъ отклонилъ сдѣланное ему предложеніе.

Съ другой стороны, Кулишъ хлопоталъ о полученіи службы въ Варшавѣ черезъ Жемчужникова, состоявшаго въ близкомъ родствѣ съ вліятельнымъ лицомъ, именно съ извѣстнымъ сенаторомъ Викторомъ Антоновичемъ Арцимовичемъ. Трудно было Кулишу остановиться на одномъ опредѣленномъ планѣ, такъ какъ ему сразу представлялось нѣсколько разныхъ и въ то же время невѣрныхъ перспективъ,⁴⁾ но всѣ передраги въ значи-

1) Кулишъ не захотѣлъ воспользоваться обѣщанными ему льготами на экзаменѣ: «На предложеніе сохранить только видъ экзамена кандидатскаго, такъ какъ профессорамъ совѣстно было бы экзаменовать человѣка съ литературною репутаціей, я сперва согласился, но потомъ отказался, потому что все-таки это была-бы со стороны профессоровъ милость, а не уваженіе».

2) Впрочемъ на эту дѣтельность у него былъ странный взглядъ: „еслибы“ — говорилъ онъ — «профессорство оказалось для меня тягостнымъ, то, послуживъ немного, мнѣ легко будетъ сдѣлаться директоромъ гимназіи, что будетъ равняться архіерейству на покой.»

3) Въ то же время въ разныхъ университетахъ предлагали каѳедру и Костомарову: «Костомаровъ получилъ отъ Казанскаго университета приглашеніе на каѳедру, но ужасается ѣхать туда въ качествѣ архіерея, отправляющагося на покой. Послалъ телеграмму въ Кіевъ, чтобы отвѣчали ему на предложенныя имъ условія». Но и Кіевъ его пугаетъ.

4) Кромѣ указанныхъ, Кулишъ имѣлъ еще иныя. Такъ въ его пользу дѣйствовалъ въ Петербургѣ Н. Я. Макаровъ. Въ одномъ изъ

тельной мѣрѣ искупались возможностью подвигать литературныя работы занятіями въ Публичной библіотекѣ: „Я не падаю духомъ нисколько и работаю для будущаго въ публичной библіотекѣ. Рано или поздно мнѣ придется быть редакторомъ журнала и тогда мои выписки будутъ мнѣ очень полезны. 1) Не вѣчно будетъ неистовствовать цензура! Жизнь не останавливается и промываетъ всѣ подобныя засоренія. Передъ выѣздомъ въ Петербургъ я готовъ былъ воротиться въ Пиддубень, если соберу рублей 600. Теперь я на жизнь смотрю иначе. Во первыхъ, я шести сотъ рублей не соберу вдругъ, да еслибъ и собралъ, то хуторской быть въ такой скудной формѣ представляется мнѣ добровольнымъ самоубійствомъ. Конечно, назначеніе мое въ Варшаву или что-нибудь подобное могло бы дать нашимъ обстоятельствамъ другой видъ, но ни за что нельзя поручиться; сидя здѣсь безъ денегъ, можно хоть надѣяться чего-нибудь дожидаться, а сидя въ хуторѣ, только вычеркнешь себя изъ памяти живыхъ людей. Однимъ словомъ, такъ худо, какъ только могли бы желать мои многочисленные враги“.

Въ Петербургѣ Кулишу пришлось перенести много матеріальныхъ затрудненій, но онъ рѣшился выдержать все и даже, въ случаѣ крайности, принять на время какую-нибудь незначительную должность: „Политика заставляетъ меня являть видъ

своихъ писемъ онъ сообщалъ: «Относительно опредѣленія васъ ревизоромъ Гротъ (Константины Карловичъ) отказалъ мнѣ, потому что ваканцій нѣтъ, потому что онъ рѣдко открываются и потому что у него есть въ виду два или три кандидата, которыхъ считаетъ себя обязаннымъ опредѣлять на первыя имѣющія открыться ваканціи. вмѣстѣ съ тѣмъ Гротъ взялся самъ переговорить съ Н. А. Милютнымъ объ опредѣленія васъ на службу въ Варшаву; а третьяго дня Гротъ сказалъ мнѣ, что Милютны охотно принимаетъ васъ и проситъ васъ немедленно пріѣхать въ Петербургъ». При этомъ разговорѣ, какъ видно изъ письма Макарова, Гротъ охотно вспоминалъ о встрѣчахъ съ Кулишомъ у Плетнева.

1) О мечтахъ Кулиша издавать малороссійскій журналъ см. также «Кіевск. Стар.», 1899, IX, 352.

человѣка, знающаго себѣ цѣну; но когда выскажется посторонняя оцѣнка или возможность сдѣлать для меня что-нибудь при моемъ ничтожномъ чинѣ и испорченномъ гражданскомъ положеніи, тогда я начну конкурировать съ малыми зѣмли и стану крохоборствовать; отложу въ сторону всякую гордость“. Въ Петербургѣ Кулишъ надѣялся также найти защиту отъ полицейскихъ стѣсненій въ болѣе культурной средѣ, тогда какъ въ Малороссіи въ то время тайнымъ способомъ было разрѣшено полиціи разыскиваніе лицъ, присутствіе которыхъ было опасно для общественнаго спокойствія, чѣмъ въ любое время могъ воспользоваться какой угодно врагъ Кулиша.

Желаніе жить въ Варшавѣ, по словамъ Кулиша, явилось у него нѣсколько времени назадъ, еще до возстанія, когда его звали туда Грабовскій, и тогда еще—говорить Кулишъ—„я началъ тосковать по Варшавѣ и ея главному архивѣ царства польскаго“. Несмотря на подозрительность отношенія къ Кулишу со стороны высшихъ правительственныхъ сферъ, надежды его держались на довольно прочныхъ основаніяхъ, какъ по его отношеніямъ къ Милютину и Арцимовичу, такъ еще болѣе по его превосходному знанію польскаго языка, тогда какъ въ такихъ людяхъ русскаго происхожденія чувствовалась въ это время самая настоятельная нужда. Въ мартѣ 1864 г. Кулишъ писалъ Жемчужникову: „Видѣлся я съ вашимъ зятемъ Арцимовичемъ и просилъ его доставить мнѣ возможность пожить въ Варшавѣ. Онъ, кажется, благосклонно взглянулъ на мое желаніе, но, какъ видно, еще не можетъ приступить къ составленію своего будущаго штата. Все дѣло покаместъ находится въ рукахъ Милютина. Между тѣмъ я хотѣлъ бы служить преимущественно подъ начальствомъ Арцимовича. Кромѣ ближайшихъ моихъ интересовъ—интересовъ науки—мнѣ хочется кой-чему научиться у такихъ людей, какъ вашъ зять, котораго общественная репутація стоитъ такъ высоко“. Но вопросъ касался также политическихъ взглядовъ Кулиша, и на этотъ счетъ онъ старался успокоить своего будущаго начальника посредствомъ откровеннаго объясненія съ Жемчужниковымъ: „Что касается до политическихъ убѣжденій,

то каковы бы они ни были (а они, можетъ быть, совпадаютъ съ его убѣждениями),—при моей молчаливости и изолированной дѣятельности, онъ не можетъ быть мною компрометированъ. Ни въ общественной жизни, ни въ литературѣ я не сдѣлалъ шагу, который бы противорѣчилъ характеру его службы. Это для меня тѣмъ возможнѣе, что въ настоящее время я посвящаю себя надолго собиранію и изученію матеріаловъ для обширнаго сочиненія о Польшѣ и юго-западной Руси.¹⁾ Пока я не сознаю себя способнымъ сказать прочное слово объ этомъ запутанномъ и многосложномъ предметѣ, я ничего печатать не стану. По всей вѣроятности, онъ будетъ играть важную и самостоятельную роль въ Царствѣ Польскомъ. Ему нужны будутъ такіе люди, какъ я, и вы, послуживъ моимъ интересамъ въ качествѣ друга, окажете и ему услугу въ качествѣ родственника“. Дѣйствительно, дружеская просьба была исполнена, но мѣсто уже было получено Кулишомъ въ учредительномъ комитетѣ; ²⁾ во всякомъ

¹⁾ Это было одно изъ важнѣйшихъ побужденій для Кулиша принять службу въ Вршавѣ. Д. С. Каменецкому онъ писалъ: „Жизнь въ Варшавѣ для меня такъ-же пріятна, какъ за границею. Мѣсяцъ пробѣжалъ чрезвычайно быстро. Каждый день исполненъ новаго интереса. То читаешь подлинныя письма какогонибудь козака XVII вѣка, о которомъ до сихъ поръ кое-что зналъ только по книгамъ, то слушаешь рассказы о тысячѣ занимательнѣйшихъ вещей, то работаешь что-нибудь стоящее вниманія по дѣламъ реорганизаціи мѣстнаго устройства, то сидишь въ театрѣ“. *Кіевская Старина*, 1898. іюль-августъ, стр. 139, вторая пагинація: тамъ же: «здѣсь ученые люди оказываютъ мнѣ разныя услуги по предмету моихъ историческихъ изслѣдованій, закидываютъ меня драгоценными рукописями» (и проч.).

²⁾ Противъ назначенія Кулиша, какъ видно изъ писемъ его къ Каменецкому, сдѣлано было нѣкоторымъ чиновомъ возраженіе, потому что сей чинъ рекомендовалъ двоихъ въ директоры, и они не приняты на томъ основаніи, что ихъ не знаютъ лично. Такъ какъ меня—продолжаетъ онъ—лично тоже не знаютъ, то великій чинъ и поразилъ малого чина его же оружіемъ, отказавшись утвердить мое назначеніе», (*Кіевская Старина*, 1898, іюль-августъ, 138, вторая пагинація), но послѣ дѣло все-таки уладилось.

случаѣ ходатайство Жемчужникова оказалось чрезвычайно полезнымъ для Кулиша, такъ какъ, предложивъ Кулишу жалованье въ три тысячи рублей, Арцимовичъ тѣмъ самымъ невольно косвеннымъ образомъ способствовалъ назначенію въ такихъ же размѣрахъ жалованья Кулишу въ учредительномъ комитетѣ.

XLIII.

Такимъ образомъ, Кулишъ перешелъ Рубиконъ, сдѣлавъ шагъ, имѣвшій огромное значеніе для него и повліявшій на всю его дальнѣйшую судьбу; поступленіе его на службу въ Варшаву повлекло за собой разочарованіе и отчужденіе отъ него прежнихъ единомышленниковъ, что не могло не произвести на него тяжелого впечатлѣнія а, съ другой стороны, правительство и оффиціальныя сфѣры попрежнему продолжали относиться къ нему въ высшей степени подозрительно. По прежней дѣятельности Кулиша ему уже невозможно были занять нейтральное положеніе, котораго онъ теперь жаждалъ отъ всей души, разочаровавшись въ прежнихъ надеждахъ. Колебанія Кулиша начались постепенно и, кажется, незамѣтно для него самого. Прежде всего они обнаружались въ возобновеніи сношеній съ Юзефовичемъ въ 1855 г., когда Кулишъ, встрѣчая со всѣхъ сторонъ препятствія, вновь обратился къ послѣднему съ просьбой помочь ему въ цензурныхъ затрудненіяхъ, называя его „почтеннѣйшимъ другомъ юности“ и объясняя ужаснымъ заблужденіемъ временное прекращеніе съ нимъ всякихъ отношеній. ¹⁾ Какъ будто совершенно забывъ неблаговидный поступокъ Юзефовича съ нимъ и съ его единомышленниками, Кулишъ снова пріятельски переписывается съ нимъ, даже обмѣнивается мыслями о самыхъ важныхъ для себя предметахъ, приносить ему сѣтованіе на ложные шаги В. М. Бѣлозерскаго въ редактированіи „Основы“, наконецъ выслушиваетъ мнѣнія и совѣты Юзефовича. Послѣдній

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1899, III, 311—312

однажды писалъ ему: „Ваше дружеское вниманіе къ моимъ совѣтамъ меня искренно тронуло и вмѣстѣ порадовало: значитъ, мы не такъ чужды другъ другу на почвѣ нашего національнаго вопроса“ и далѣе говорилъ объ успокоеніи „горячечныхъ увлеченій“. 1) Юзефовичъ принимаетъ на себя далѣе какъ бы роль друга-руководителя и авторитетнаго совѣтника, высказывая мнѣнія относительно повѣсти, помѣщенной Кулишемъ въ „Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи“ Говорскаго. 2) Юзефовичъ явно старается дѣйствовать на чувствительную струнку самолюбія, рекомендуя Кулишу выполнение важной исторической задачи—установленія надлежащей связи между „обѣими племенными личностями“. „Въ области слова“—говоритъ Юзефовичъ—„эта задача принадлежитъ теперь вамъ, и чуть ли не вамъ одному“. 3)

Другимъ неосторожнымъ и уже, несомнѣнно, ложнымъ шагомъ Кулиша было сближеніе его съ такими органами печати какъ „Русскій Вѣстникъ“ Каткова, въ которомъ онъ еще въ 1859 г. помѣстилъ повѣсть „Майоръ“, и особенно „Вѣстникъ юго-западной Россіи“. Причиной сношенія съ этими изданіями для Кулиша, кажется, былъ его разрывъ съ „Современникомъ“ и недовольство „Основой“. Настоящей ареной своей журнальной дѣятельности Кулишъ хотѣлъ считать собственный малороссійскій журналъ 4) за неимѣніемъ котораго безъ строгаго разбора обращался въ самыя разнообразныя редакціи, не взвѣсивъ достаточно ихъ роли въ литературѣ и даже возможности самаго продолженія начатыхъ отношеній. До нѣкоторой степени это происходило также отъ слишкомъ высокоумнаго и презрительнаго взгляда его на „литературную биржу“, какъ Кулишъ прямо выражается въ одномъ письмѣ къ Д. С. Каменецкому, которому онъ объяснял, что „такъ какъ въ книжной торговлѣ

1) Тамъ же, стр. 323.

2) Тамъ же.

3) Тамъ же.

4) См. о предложеніяхъ Кулиша относительно этого журнала въ «Кіевской Старинѣ». іюль-августъ, 136—137, вторая пагинація.

важную роль играют журналы, то я рѣшился повернуть нѣкоторые изъ нихъ въ свою пользу“. „Для этого—продолжаетъ онъ—, послана Маркову статья для помѣщенія въ любомъ (!) журналѣ и еще кое-что помѣщу этимъ способомъ. Пускай каждый смотритъ на меня какъ на могущаго быть его сотрудникомъ“. ¹⁾ За такой взглядъ Кулишу скоро пришлось жестоко поплатиться нравственно и матеріально.

До какой степени пришлось ему горько разочароваться въ редакторѣ „юго-западной Россіи“, показываютъ слѣдующія строки одного изъ интереснѣйшихъ писемъ къ женѣ въ 1865 году: „Я слышалъ, что кіевскому генераль-губернатору разрѣшено разыскивать по всей Малороссіи тайнымъ способомъ, нѣтъ ли гдѣ лицъ, которыхъ присутствіе опасно для общественнаго спокойствія. Если эта молва не выдумка, то стоитъ какому-нибудь Говорскому шепнуть одному-другому чиновнику, чтобъ ему вздумается, и меня не призадумаются отправить на край свѣта. А надобно тебѣ знать, что я получилъ, въ отвѣтъ на мое требованіе долга, отъ Говорскаго безстыднѣйшее письмо: теперь ужъ не только онъ не долженъ мнѣ ничего за мои статьи, но еще въ претензіи на меня, что я будто бы уронилъ его журналъ въ глазахъ начальства, а ты знаешь, какъ онъ меня благодарилъ за репомшѣе, которое я доставилъ „Вѣстнику юго-западной Россіи“, и какія сулилъ онъ мнѣ благодарности сверхъ условленной платы. ²⁾ Я не долженъ пренебречь никакимъ кускомъ хлѣба, если мнѣ еще дадутъ его, но до сихъ поръ всѣ мои старанія остаются безуспѣшны. Я согласенъ, что служба въ Варшавѣ имѣетъ важныя для меня неудобства, а пожалуй и опасности со стороны польскихъ фанатиковъ. Но что лучше: подвергаться ли опасности отъ убійць, или, сидя въ хуторѣ, каждый день думать, что завтра тебя могутъ взять, какъ безсловесную овцу, по наговору какого-

¹⁾ «Кіевская Старина», 1898 г. іюль-августъ стр. 132.

²⁾ Впослѣдствіи Кулишъ не иначе называлъ этотъ журналъ, какъ «пакостнымъ» и «паскуднымъ» и говорилъ, что онъ хорошъ только тѣмъ, что его никто не читаетъ.

нибудь Говорскаго. Нѣтъ, по моему, ужъ лучше служить въ дѣйствующей арміи и каждый день слышать надъ ухомъ свистъ пули, чѣмъ воображать безпрестанно, что ты обреченъ на жертву самому безмысленному клеветнику“.

Въ другомъ, не менѣе откровенномъ письмѣ (къ Н. Д. Бѣлозерскому) Кулишъ такъ объясняетъ поступленіе на службу въ Варшаву: „Я объявилъ, что въ Варшавѣ мнѣ нужно быть для продолженія моихъ историческихъ изслѣдованій о русскомъ переводѣ польской исторіи, что я, желая поставить себя подъ охрану правительства, предлагая ему свои услуги, какъ знающій польскій языкъ, за свою службу желаю получать приличное вознагражденіе. Земляки либералы смущены моею готовностью ѣхать въ Польшу, но что на нихъ смотрѣть! Политика—не наше дѣло: для этого надо быть богатымъ и сильнымъ; а терпѣть нужду и гоненія изъ-за неопредѣленныхъ надеждъ на перемѣну обстоятельствъ глупо. Двадцать лѣтъ я дѣйствовалъ въ такъ называемыхъ національныхъ интересахъ—и какихъ же результатовъ достигнулъ! Теперь ограничиваюсь просто наукою, простымъ изученіемъ того, что было въ старину, а какое примѣненіе сдѣлаетъ новое поколѣніе изъ моихъ литературныхъ трудовъ—это его дѣло. Между тѣмъ, примирясь съ правительствомъ, я, можетъ быть, получу разрѣшеніе издавать журналъ въ широкихъ размѣрахъ—и спасу себя для литературы, тогда какъ, идя прежнимъ путемъ, погибну подъ гнетомъ одной матеріальной нужды“.

Между тѣмъ шурья Кулиша, Василій и Олимпій Бѣлозерскій, хотѣли во что бы то ни стало отстоять свои любимыя идеи и кромѣ того выразили Милютину „свое разномысліе съ видами правительства относительно Польши“. Осуждая ихъ „браваду“, Кулишъ пишетъ Н. Д. Бѣлозерскому: „Говорятъ, что общественное мнѣніе строго осуждаетъ людей либеральныхъ, заявляющихъ службою въ Польшѣ свое единомысліе съ правительствомъ. Гдѣ органы этого общественнаго мнѣнія? кто представитель этого общественнаго мнѣнія? Эта боязнь относится къ нѣсколькимъ говорунамъ, созидающимъ въ своемъ воображеніи

украинскую націю, которой я нигдѣ не нахожу отъ Петербурга до Одессы. Мы составляемъ націю въ смыслѣ этнографическомъ, но вовсе не въ политическомъ. Толки о будущей отдѣльности Украйны исходили всегда отъ людей наименѣе работоравшихъ надъ языкомъ и исторіею этой проблематической страны. Неизвѣстно, приведутъ ли они общество къ сознанию своей политической задачи, но покамѣстъ несомнѣнно то, что литературно-общественный вопросъ украинскій страдаетъ всего больше отъ этихъ праздныхъ толковъ. Они пугаютъ воображеніе вліятельныхъ людей, не знающихъ Украйны, и вслѣдствіе того вызываютъ противъ насъ силу, противъ которой мы не имѣемъ никакихъ средствъ бороться. Теперь шумятъ въ англійскомъ клубѣ и вездѣ въ аристократическихъ кругахъ о завзятости украинцевъ по поводу бравады Василя и Олимпія“. Нѣсколько дальше Кулишъ продолжаетъ: „Что касается до Украйны, то, допуская даже распаденіе Россіи (sic!), я не вижу для нея другой участи, какъ сдѣлаться игрищемъ сосѣднихъ націй. Совсѣмъ другое было бы дѣло, когда бы мы едиными устами и единымъ сердцемъ работали надъ пробужденіемъ общественно-національнаго сознанія въ Украйнѣ и уступали бы другъ другу въ томъ, что дорого для нашего самолюбія, но вредно для успѣха дѣла. Даже самые пламенные украинцы обвиняютъ Васю въ удержаніи за собою „Основы“. Послушать его—такъ онъ чуть не святъ въ этомъ дѣлѣ; но никто его не оправдываетъ. И при такомъ патріотизмѣ мы еще хотимъ достигать какихъ-то великихъ политическихъ цѣлей. Нѣтъ, я радъ уѣхать въ Варшаву отъ нашихъ Катонувъ. Одно изданіе журнала остановило бы меня; но пока я не увижу собранныхъ денегъ, я не вѣрю въ исполненіе великолѣпныхъ обѣщаній“.

Такимъ образомъ въ украинофильской партіи произошелъ расколъ и обнаружилось взаимное недовольство. Кулишъ недоволенъ былъ уже не только Бѣлозерскимъ, но и Костомаровымъ, и ихъ будущее охлажденіе уже начинается теперь постепенно обозначаться. „Костомаровъ ветшаетъ“, писалъ Кулишъ въ мартѣ 1866 г. Н. Д. Бѣлозерскому: „я про-

вель съ нимъ наединѣ цѣлый день и не слышалъ отъ него ничего животворнаго. Онъ дѣлается чѣмъ-то безразличнымъ, и ко всему относится, точно свѣтскій человѣкъ, а не ученый. Въ учебникахъ онъ сбился съ дороги и не знаетъ, что ему дѣлать. Въ ожиданіи чего-то непредѣленнаго онъ не дѣлаетъ ничего. Земляки на него ропшутъ и нѣкоторые совсѣмъ его оставили. Но земляки, въ свою очередь, до того ничтожны въ своихъ дѣлахъ (на словахъ это великіе люди!), что и у меня нѣтъ ни малѣйшей охоты собирать ихъ въ кружокъ и тратить время на направленіе ихъ къ чему-нибудь путному“.

Въ такомъ неутѣшительномъ настроеніи находился Кулишъ наканунѣ перехода своего на службу въ Варшаву. Это была пора временнаго ослабленія его надеждъ, что выразилось также въ одномъ изъ писемъ къ Н. Д. Бѣлозерскому въ осмѣяніи не только попытки нѣкоего Климовича перевести на малороссійскій языкъ стихами „Иліаду“, но и самой „мысли, носящейся въ галицкорусскомъ воздухѣ, объ усвоеніи украинской словесности великихъ произведеній древнегреческой литературы“.

XLIV.

Между тѣмъ происшедшая въ Кулишѣ перемѣна сильно огорчила и разочаровала многихъ его почитателей. „У насъ“— писалъ мнѣ А. Я. Конисскій—„произошла съ Кулишомъ довольно крупная размолвка, когда онъ началъ печататься въ „Вѣстникѣ Западной и Юго-Западной Россіи“, который издавалъ въ Кіевѣ Ксенофонтъ Говорскій, учитель семинаріи, человѣкъ невѣжественный, обскурантъ въ полномъ смыслѣ слова и врагъ тѣхъ украинскихъ національныхъ идей, которымъ служилъ тогда Кулишъ. Журналъ получалъ тогда субсидію отъ мѣстной администрации. Участіе Кулиша въ этомъ изданіи вызвало среди полтавцевъ изумленіе и негодованіе. Мнѣ поручено было объясниться по этому случаю съ Кулишомъ, и я спросилъ его, правда ли и то, что онъ возобновилъ дружбу съ Юзефовичемъ, который

въ 1847 г. въ дѣлѣ Костомарова, Шевченка и его же Кулиша такъ позорно злоупотребилъ довѣріемъ? Кулишъ отвѣчалъ мнѣ коротко, весьма раздражительнымъ тономъ, что, участвуя въ журналѣ Говорскаго, онъ не зналъ, что такое самъ Говорскій и его изданіе. Когда же я указалъ ему на факты, которыхъ онъ не могъ не знать, онъ написалъ ко мнѣ въ еще болѣе раздражительномъ тонѣ; о Юзефовичѣ и на этотъ разъ промолчалъ. По порученію товарищей, я передалъ ему наше неодобреніе сотрудничества его въ „Вѣстникъ“ Говорскаго и вновь спросилъ его о Юзефовичѣ. На этотъ разъ отвѣта не послѣдовало, да и что было отвѣчать, когда отъ родственника Юзефовича, покойнаго В. В. Тарновскаго (отца), мы навѣрное знали, что Кулишъ, бывши въ Кіевѣ, посѣтилъ Юзефовича и давно возобновилъ съ нимъ пріятельскія отношенія и переписку¹⁾.

„Въ 1864 г. я узналъ поразившую меня новость—что Кулишъ и Бѣлозерскій... на службѣ въ Варшавѣ“...

„Въ сентябрѣ 1865 г. мнѣ было дано разрѣшеніе на поѣздку за границу; по пути я остановился въ Петербургѣ и при свиданіи съ Н. И. Костомаровымъ узналъ, что Кулишъ занимаетъ видное мѣсто директора департамента народнаго просвѣщенія и настаиваетъ на томъ, чтобы въ народныхъ школахъ тѣхъ деревень, которыя имѣютъ украинское населеніе, преподаваніе шло на русскомъ языкѣ. Рассказывая объ этомъ, Костомаровъ не скрывалъ своего негодованія противъ Кулиша и просилъ меня повидаться съ послѣднимъ въ Варшавѣ и повліять на него въ смыслѣ перемѣны его мнѣнія по школьному вопросу. Конечно, не мнѣ было вліять на Кулиша и я категорически не принялъ такого порученія, обѣщавъ лишь повидаться съ нимъ и побесѣдовать“.

„Въ Варшавѣ мы встрѣтились съ Кулишомъ по пріятельски и на другой день вечеромъ собрались у Бѣлозерскаго. Когда Кулишъ узналъ мое мнѣніе о переходѣ его на службу въ Вар-

¹⁾ Теперь она напечатана въ мартовской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1899 г.

шаву, онъ началъ говорить, что молодое поколѣнїе совсѣмъ не понимаетъ того направленія, по которому онъ идетъ, и потому удивляется его службѣ въ Варшавѣ. Приведа массу историческихъ фактовъ, онъ доказывалъ мнѣ почти совершенно противоположное тому, что я и другіе слышали отъ него въ 1860 г. Болѣе всего меня удивила перемѣна взглядовъ его на значеніе козачества; но она тогда не была такъ рѣзка, какъ высказалась позднѣе въ произведеніяхъ Кулиша, а объ украинской демократіи онъ отозвался, что она „не была насадительницею культуры“..

„Переходъ свой на службу въ Варшаву онъ болѣе всего оправдывалъ стремленіемъ революціонной польской партіи возстановить шляхетскую Польшу въ границахъ 1774 г. „Такая Польша погубила бы навѣки Украину“ ¹⁾.

„Наконецъ, когда рѣчь зашла о народныхъ школахъ въ малорусскихъ населеніяхъ, Кулишъ съ большимъ апломбомъ замѣтилъ, что вопросъ о школьномъ языкѣ князь Черкасскій отдалъ всецѣло на его рѣшеніе и онъ рѣшилъ учить на русскомъ языкѣ съ перваго дня поступленія дѣтей въ школу.

— „Педагогично ли это?“ спросилъ я.

— „Если и не педагогично, зато политично“, отвѣчалъ Кулишъ: *„мы должны провести сколь можно болѣе глубокую межу между украинцами и поляками; такою межою и будетъ русскій языкъ“* ²⁾.

Однако Кулишу недоставало твердой увѣренности въ томъ, что новый избранный имъ путь приведетъ къ благимъ результатамъ для Украины, и онъ отчасти искалъ усыпленія своихъ жгучихъ сомнѣній и сердечныхъ тревогъ въ усиленной дѣятель-

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ взглядѣ Кулиша см. въ письмѣ къ Д. С. Каменецкому въ «Кіевской Старинѣ», іюль—августъ, 138 (вторая пагинація).

²⁾ Между тѣмъ въ 1861 г. Кулишъ интересовался судьбой какой-то бесплатной школы, несомнѣнно малороссійской, которой былъ заинтересованъ также родственникъ Шевченка. (См. «Кіевскую Старину», 1898, іюль—августъ, стр. 134, (вторая пагинація).

ности. Такъ онъ однажды писалъ Хильчевскому: „Такая неправильная душа, какъ у меня, не можетъ быть спокойна. Я надѣлалъ много промаховъ въ жизни, много глупостей, много пошлостей. Все это меня мучить... Одно для меня спасеніе— сильная дѣятельность. Безъ службы такая дѣятельность въ Россіи—по крайней мѣрѣ для меня—невозможна. Вотъ почему служу я, да еще потому, что хочу расплатиться съ долгами¹⁾. Достигнувъ этой послѣдней цѣли, я, можетъ быть, выбьюсь изъ силъ и заберусь въ хуторскую свою конуру, чтобы умереть по запорожски, т. е. вдали отъ шума“²⁾.

Въ самый разгаръ увлеченія служебной дѣятельностью въ Варшавѣ Кулишъ мечталъ о тихой жизни въ Кіевѣ, вдали отъ служебныхъ и политическихъ волненій, и упрашивалъ Хильчевскаго поискать ему такое желанное убѣжище для своей приближающейся старости...

Вся разгадка секрета—въ томъ, что, при крайнемъ недовольствѣ настоящимъ, впереди Кулишу рисовалась въ самыхъ отрадныхъ краскахъ перспектива изданія журнала, при помощи котораго онъ надѣялся выступить на путь активной дѣятельности; его манила мечта, не осуществившаяся и во многомъ ему повредившая, потому что ради нея онъ пренебрегалъ настоящимъ и шелъ на разные компромиссы. Еще до Варшавы онъ писалъ женѣ: „Украинскій вопросъ въ загонѣ, и потому мнѣ съ Костомаровымъ хотимъ основать журналъ *всероссійскій*, въ который войдетъ и вопросъ *украинскій*³⁾. Но по правдѣ скажу,

1) О долгахъ и вообще денежныхъ дѣлахъ Кулиша въ это время см. въ письмахъ къ Хильчевскому «Кіевская Старина», 1898, 1, 88, 89, также 1898, VП—VIII, 143—144, (вторая пагинація).

2) «Кіевская Старина», 1898, I, стр. 87.

3) (Въ другомъ мѣстѣ: «Литература теперь крайне стѣснена, особенно по украинскому вопросу: поневолѣ надо бездѣйствовать. По крайней мѣрѣ хотъ заработаю кусокъ хлѣба на старость». «Теперь все оказалось мечтами, которыя только тѣмъ и хороши, что наполняютъ счастливое время».

Костомаровъ плохой помощникъ въ этомъ дѣлѣ, и я долженъ весьма искусно отдѣлываться отъ его помощи, и соединяюсь съ нимъ единственно ради того, чтобы онъ нигдѣ больше не печаталъ своихъ сочиненій, чего иначе нельзя достигнуть, какъ посредствомъ одного общаго обоемъ намъ журнала“. Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: „я не падаю духомъ нисколько и работаю для будущаго въ публичной библиотекѣ. Рано или поздно мнѣ придется быть редакторомъ журнала, и тогда мои выписки будутъ очень полезны. Не вѣчно же будетъ неистовствовать цензура!“... „Я каждый день въ публичной библиотекѣ... Здѣсь такъ всѣ рады, кого ни встрѣтишь, точно здѣсь моя родина, а не на Украинѣ! И дѣйствительно, здѣсь у насъ общія понятія и интересы; здѣсь я членъ умственно работающей семьи, а тамъ кому и на что я нуженъ? Всего два-три челоѣка найдется, съ которыми можно говорить полудски! Нескоро, нескоро ворочусь въ Украину!“... «Сидя здѣсь безъ денегъ и безъ мѣста, при самыхъ скверныхъ политическихъ обстоятельствахъ, я чувствую, что живу, а тамъ я погибалъ съ каждымъ безнужнымъ днемъ!»

Получивъ мѣсто въ Варшавѣ, Кулишъ опять былъ занятъ все той же мечтой: „Литературное мое дѣло“—писалъ онъ женѣ—„нимало не потерпѣть отъ службы въ Варшавѣ, а напротивъ сдѣлается прочнѣе отъ примиренія съ правительствомъ, которое имѣетъ противъ меня неосновательныя предубѣжденія“. Въ другомъ письмѣ онъ такъ жалуется на эти предубѣжденія: „Обо мнѣ говорятъ, какъ о какомъ-то Ринальдо-Ринальдини, тогда какъ нѣтъ челоѣка спокойнѣе меня“¹⁾.

1) Приведемъ еще нѣсколько выдержекъ, касающихся Костомарова. «Съ Костомаровымъ живемъ въ большомъ ладу; видаемъ каждый день. Часто зоветъ онъ меня къ себѣ обѣдать. Онъ одинокъ посреди людей и радъ, что есть съ кѣмъ поговорить объ исторіи. Мечтаетъ о снаряженіи экспедиціи ученой въ Галицію и просто-душно воображаетъ, что могутъ послать насъ обонхъ на казенный счетъ. Это несбыточно, хотя никто изъ живущихъ въ Россіи не со-

XLV.

Впечатлѣніе отъ своей новой дѣятельности въ Варшавѣ Кулишъ вынесъ тѣмъ не менѣе самое благопріятное, и вообще можно сказать, что для него наступила чуть ли не лучшая пора его жизни, оставившая въ немъ навсегда пріятныя воспоминанія. Живое дѣло подъ начальствомъ просвѣщеннаго сановника и въ сотрудничествѣ людей съ свѣтлымъ взглядомъ на вещи въ высшей степени вдохновляло Кулиша. „Работы много“—писалъ онъ,— „тружусь безпрестанно въ полномъ смыслѣ слова; но дѣлу я сочувствую, и потому работа для меня пріятна. Притомъ же я освобожденъ отъ хожденія въ канцелярію и имѣю съ нею сношенія только посредствомъ курьеровъ. Больше всего меня радуетъ то, что мой начальникъ, строгій блюститель бюрократическихъ формъ, часто назначаетъ мои бумаги въ перепискѣ набѣло, не измѣнивши ни одного слова, что рѣдко у него случается и заматорѣлымъ въ службѣ чиновникамъ. Но торжество это достается мнѣ недешево: оно требуетъ величайшаго вниманія къ разнообразнымъ условіямъ дѣлопроизводства“.

Другу своему Чуйкевичу онъ сообщалъ о своей службѣ: „Тяжело очень, но зато я имѣю дѣло съ умнѣйшимъ человекомъ, какового до сихъ поръ встрѣчалъ въ жизни,—кн. Черкасскимъ. Наслажденіе его умомъ заставляеть меня забывать о вознѣ съ утра до вечера и о докладахъ въ часъ ночи. Все это переносится безъ малѣйшаго ропота въ душѣ; только бы хватило физическихъ силъ, а поработаемъ отъ всего сердца во славу русскаго имени! „Хильчевскому онъ пишетъ: „Время мое при-

вершилъ бы такого полезнаго путешествія по Червонной Руси, какъ мы вдвоемъ... «Костомаровъ читалъ мнѣ начало своей исторіи Смутаго времени и прочтеть всю рукопись. Очень интересная будетъ книга для многихъ, но крайне досадная для москвофиловъ, потому что правда къ нимъ беспощаднѣе, и чѣмъ вѣрнѣе будутъ изучены источники, тѣмъ для нихъ будетъ досаднѣе».

надлежить кн. Черкасскому, а кн. Черкасскій есть не что иное, какъ буря дѣятельности, которая и меня увлекла въ свой кругъ. Съ восторгомъ повинуюсь этому необыкновенному человѣку. Очень трудно, тяжело, мучительно, но это моя сфера“. Ему же Кулишъ прямо говорилъ: „кн. Черкасскій сдѣлалъ премудрое дѣло, пригласивъ меня въ сотрудники“¹⁾. Впослѣдствіи, на склонѣ лѣтъ, вспоминая объ этой живой и радостной порѣ своей служебной дѣятельности, Кулишъ писалъ д-ру Цавлику: „Самихъ „Административныхъ Постановленій Царства Польскаго“ выдаю під своею редакцію (у російскому перекладі) білше 60 томив за недовгий часъ побуту мого в Варшаві“²⁾. Кулишъ признавалъ это время своей дѣятельности не только плодотворнымъ, но и наиболѣе производительнымъ въ смыслѣ необычайнаго напряженія энергіи. Но дѣйствуя столь энергично въ учредительномъ комитетѣ, Кулишъ работалъ и для В. А. Арцимовича, издававшего тогда матеріалы для устройства мѣстной администраціи и пожелавшаго воспользоваться для этой цѣли литературнымъ талантомъ Кулиша и его основательнымъ знаніемъ польскаго языка. Эта послѣдняя работа, будучи хорошо оплачиваема, снова внушила Кулишу желаніе и надежду совершить путешествіе по Западной Европѣ, возобновлявшуюся при каждомъ удобномъ случаѣ.

XLVI.

Разсказъ о послѣдующихъ затѣмъ фактахъ заимствуемъ изъ слѣдующей собственноручной замѣтки Кулиша: „Отдыхая въ Парижѣ отъ служебныхъ трудовъ и противорѣчій, узналъ я

1) «Кіевская Старина», 1898, I, 86.

2) См. также «Кіевск. Стар.», 1898, I, 86; также «Кіевскую Стар.», 1898, VII—VIII, стр. 141, 143 (вторая пагинація).

изъ газетъ о смерти Н. М. Милютина и вернулся въ Варшаву до срока. Тамъ не засталъ я уже князя Черкаскаго. Зная, что безъ поддержки Милютина не устоять ему въ борьбѣ съ намѣстникомъ, графомъ Бергомъ, онъ уѣхалъ въ Петербургъ и вышелъ въ отставку“.

Затѣмъ рассказываетъ Кулишъ въ письмѣ къ Л. М. Жемчужникову: „Первымъ моимъ дѣломъ было заявить, что служить больше не желаю и прошу дать мнѣ содержаніе, обѣщанное Его Величествомъ чиновникамъ, которые останутся за штатомъ. вмѣсто исполненія моей просьбы, меня прикомандировали къ Учредительному Комитету съ уменьшеннымъ окладомъ жалованья. Это устроено Соловьевымъ, который давно купилъ Берга самыми подлыми подачками его жадности по увеличенію его майоратныхъ владѣній, а устроено потому, что въ бумагахъ Милютина найдены мои письма, въ которыхъ я, по словесному съ нимъ условію, представлялъ, какъ Соловьевъ мѣшалъ мнѣ дѣлать дѣло по должности чиновника особыхъ порученій, и вслѣдствіе которыхъ Милютинымъ не разъ были исправляемы высочайшія повелѣнія для направленія порученнаго мнѣ дѣла въ указанную мною сторону. Соловьевъ, увидѣвши, что игралъ между мной и Милютинымъ роль пошлаго бюрократа, рѣшился мстить мнѣ, сколько это возможно для чиновника, и вотъ почему насильно привлекъ меня подъ свое начальство“.

„Въ это самое время галицкіе семинаристы прислали мнѣ патріотическій адресъ на украинскомъ языкѣ. Онъ былъ перехваченъ нѣкимъ—Витте, малымъ крайне ничтожнымъ, и сообщенъ Соловьеву. По докладѣ намѣстнику, Соловьевъ предложилъ мнѣ: или отречься печатно отъ всѣхъ моихъ украинскихъ убѣжденій, какія когда-либо были выражены мною въ литературѣ, или оставить службу. Я отвѣчалъ: что, несмотря на мое бывшее украинфильство, правительство удостоило меня своего довѣрія и довольствуется тѣмъ, что я все свое время отдаю службѣ, соблюдая всѣ его интересы, а требованіе отреченія сочинено имъ самимъ отъ лица правительства. Я прибавилъ, что

даже графъ Бергъ не способенъ предложить мнѣ подобный поступокъ, который опозорилъ бы мое имя, не принеся пользы правительству, и что тогда только повѣрю ему, Соловьеву, что требованіе исходитъ отъ намѣстника, когда намѣстникъ пришлетъ мнѣ его за своею подписью.

Результатомъ этой контраверсіи было увольненіе меня отъ службы безъ прошенія, якобы по болѣзни“.

Въ раньше цитированной собственноручной замѣткѣ Кулиша въ болѣе сокращенномъ видѣ изложено то же самое и затѣмъ слѣдуетъ: „Я уѣхалъ за границу. Тамъ напечаталъ я во Львовѣ переводъ на украинскій языкъ Моисеева Пятикнижія, стихотворный переводъ Псалтири, такой же переводъ Пѣснопѣсней, а въ Вѣнѣ, вмѣстѣ съ галичаниномъ, докторомъ Пулюемъ, перевелъ и напечаталъ по-украински Новый Заветъ.

Возвратясь въ Россію, занялся я изученіемъ польско-русской старины и издалъ три тома „Исторіи возсоединенія Руси“ да одинъ томъ „Матеріаловъ“ къ нимъ“.

Такимъ образомъ въ половинѣ 1867 года снова появились тучи на горизонтѣ служебной дѣятельности Кулиша и столь счастливо, повидимому, устроившаяся карьера порвалась, благодаря интригамъ Соловьева. Въ одномъ изъ писемъ Кулиша къ Чуйкевичу находимъ нѣкоторыя любопытныя подробности, относящіяся къ исторіи препирательства его съ Соловьевымъ: „Я еще разъ былъ у намѣстника по дѣлу съ Соловьевымъ—для врученія ему письма, которое онъ поручилъ мнѣ написать. Письмомъ онъ остался доволенъ, а когда я поблагодарилъ его за защиту, то онъ сказалъ мнѣ слѣдующее: „Вѣдь я желалъ, чтобы вы продолжали службу. Вы очень трудолюбивы и способны. Я вѣдь умѣю это цѣнить. Не знаю, какъ устроятся дѣла, но вы понимаете, что мнѣ такіе люди нужны“. Всего важнѣе въ этой аудіенціи было то, что о Соловьевѣ не было сказано ни единого слова, а вѣдь онъ игралъ роль моего начальника. Такимъ образомъ я получилъ полное удовлетвореніе за грубую выходку этого обскуранта... Дѣла служебныя находятся здѣсь въ переходномъ со-

стоянии. Я кое-что работаю, сидя дома, по редакціонной части. Соловьевъ бѣится присылать ко мнѣ бумаги или пригласить меня къ себѣ домой по дѣламъ, потому что видѣ мой для него по истинѣ ужасенъ, какъ для оставшагося въ дурняхъ, и при томъ онъ теперь знаетъ, какимъ тономъ я бы сталъ говорить съ нимъ“.

Но Соловьевъ, какъ мы знаемъ, не задумался поразить Кулиша извѣстнымъ намъ безошаднымъ орудіемъ. Ни мало не колеблясь, Кулишъ рѣшилъ предложенный ему выборъ и, подобно Тургеневскому Рудину¹⁾, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ сравнительнаго матеріальнаго благосостоянія, предпочелъ котомку нравственному униженію, и снова сдѣлался безпріютнымъ скитальцемъ, частью же скромнымъ обитателемъ глухого малороссійскаго хутора. 30 октября 1867 года онъ получилъ официальное увольненіе по болѣзни отъ занимаемыхъ имъ должностей.

Приведемъ здѣсь разсказъ объ этой порѣ жизни Кулиша одного изъ его друзей: „Узнавъ, что Кулишъ и Бѣлозерскій состоятъ на службѣ въ Варшавѣ, я отправился въ Варшаву и представилъ Кулишу одно изъ первыхъ моихъ произведеній для просмотра и для передачи въ Галицію, въ редакцію малорусскаго журнала „Правда“. Кулишъ въ это время потерялъ мѣсто директора духовныхъ дѣлъ и состоялъ членомъ комиссіи по переводу польскихъ законовъ. Онъ получалъ жалованье въ 1500 р. Я нашелъ его въ небольшой, но очень опрятной квартирѣ. Ему въ то время было не болѣе 45 лѣтъ. Съ виду онъ былъ еще молодъ, съ блестящими острыми глазами, но страдалъ кашлемъ и жаловался на болѣзнь груди. Года черезъ два доктора

1) Сравненіе это, быть можетъ, было бы оскорбительно для памяти Кулиша, человека не только идеи, но и энергичной и живой дѣятельности, но мы здѣсь имѣемъ въ виду преимущественно слова Тургенева: «Хорошо тому, у кого есть теплый уголь... И да поможетъ Господь всѣмъ безпріютнымъ скитальцамъ!», — и еще, что Рудинъ при своихъ блестящихъ дарованіяхъ умѣлъ остаться нищимъ.

послали его на зимній сезонъ въ Венецію. Двѣ зимы сряду онъ проживалъ въ Венеціи, а лѣто проводилъ въ Вѣнѣ, занимался переводомъ Новаго Завѣта съ еврейскаго языка на украинскій. На столѣ лежала стопа исписанныхъ листовъ перевода, которыми онъ, по словамъ его жены, добрѣйшей Александры Михайловны, занимался аккуратно каждый день. Зашла рѣчь о пророчествахъ, о лицѣ Иисуса Христа. Я полюбопытствовала прочесть эти мѣста, чтобы убѣдиться, не сдѣлано-ли какого-нибудь искаженія въ пророчествахъ Давиила о седминахъ, въ пророчествахъ Исаи, Захаріи и проч., тѣмъ болѣе что Кулишъ перевелъ эти мѣста стихами, какъ они написаны стихами въ еврейскомъ оригиналѣ. Я началъ перелистывать рукопись, отыскивая эти мѣста.

— „Навищо вы шукаете? Я вам і так їхъ прочитаю“, сказавъ Кулишъ и прочиталъ мнѣ на память всѣ пророчества въ стихахъ. Я спросилъ его, какъ онъ перевелъ болѣе важные псалмы. Онъ опять началъ читать мнѣ наизусть эти псалмы одинъ за другимъ, переведенные стихами, какъ будто онъ выучилъ ихъ предварительно на память отъ слова до слова. Онъ ихъ не училъ; только перевелъ—и затвердилъ до буквы. Память Кулиша поразила меня. Дѣйствительно, память у него была феноменальная, какъ у индусовъ браминовъ, о которыхъ пишутъ, что еслибы по какому-нибудь случаю пропала вся санскритская литература, то ученые индусы возстановили бы ее всю по памяти. Въ Краковѣ на вокзалѣ, по дорогѣ въ Вѣну, у Кулиша украли савояжъ, въ которомъ находилась рукопись псалтыри, переведенной стихами. Приѣхавъ въ Вѣну, Кулишъ возстановилъ утраченный переводъ почти по памяти. „Це для ёго було нетрудно“, говорилъ мнѣ потомъ Бѣлозерскій: „въ ёго така память, що було въ школи він вчать стихи, заданні на урокъ, передъ приходомъ учителя въ классъ: разъ прочитав, тай налить на память. Въ Відні Кулишъ загаив явійсь там час тільки на писання псалтирі, та й годи“.

О службѣ Кулиша въ Царствѣ Польскомъ находимъ слѣдующія офіціальныя свѣдѣнія въ выданномъ ему въ 1875 г.

аттестатъ изъ Департамента общихъ дѣлъ Министерства путей сообщенія: „Опредѣленъ въ учредительный Комитетъ въ Царствѣ Польскомъ съ назначеніемъ состоящимъ при комитетѣ 1864 г. декабря 23; получилъ темно-бронзовую медаль въ память польскаго мятежа 1863-4 г. и въ 1865 г. по всеподаннѣйшему докладу министра статсъ-секретаря Царства Польскаго объ отличной и полезной службѣ, засвидѣтельствованной министромъ Государственныхъ имуществъ и намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ 10-го іюня 1865 г. Высочайше повелѣно: виновность Кулиша по дѣлу объ Украинно-Славянскомъ Обществѣ, за которую онъ былъ выдержанъ въ крѣпости и потомъ высланъ на службу въ Тулу, съ учрежденіемъ надъ нимъ строжайшаго полицейскаго надзора, не считать препятствіемъ къ производству его въ слѣдующіе чины, равно къ представленію ему всѣхъ прочихъ правъ и преимуществъ по службѣ, кромѣ ордена Св. Владиміра 4 степени за выслугу лѣтъ и знака отличія за безпорочную службу“. Едва прошелъ годъ съ начала службы Кулиша въ Варшавѣ, какъ онъ получилъ серебряную медаль за труды по устройству крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, а вскорѣ ему была выдана награда 1200 р., отъ князя Черкасскаго, человека также высокочтимаго имъ до послѣднихъ дней (Черкасскаго, благородной памяти котораго, какъ намъ извѣстно, онъ предполагалъ посвятить свой послѣдній крупный историческій трудъ: „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“), приглашеніе занять должность директора отдѣленія духовныхъ дѣлъ, гдѣ впрочемъ оставался недолго, продолжая въ это же время свою службу при учредительномъ комитетѣ.

XLVII.

Въ 1868 году Кулишъ совершилъ заграничное путешествіе; зиму онъ провелъ въ Италіи, а съ наступленіемъ тепла переселился въ Германію, гдѣ особенное для него значеніе имѣлъ осмотръ Дрезденской галлерей¹⁾. Онъ продолжалъ въ заграничныхъ архивахъ свои работы по собиранію матеріаловъ для составленія „Малороссійскаго словаря“ (въ Прагѣ, Вѣнѣ, Венеціи); занимался псалтирюю. Любопытно, что Кулишъ предавался притомъ тщательному изученію комментаріевъ, полагая, что „для читателей нашей Библии необходимо имѣть особое изданіе „Пѣсни Пѣсней“ съ комментаріями, чтобы не впадать вмѣсто обыкновеннаго мистицизма въ соблазнъ на счетъ этого драгоценнаго произведенія древней еврейской словесности. Замѣчательны слова Нибура, которыя онъ сказалъ молодому пастору, сожалѣвшему, что въ библейскій канонъ приходится включать любовныя пѣсни: „Что касается до меня, то я бы считалъ Библию неполною, еслибы изъ нея исключить выраженіе самыхъ глубокихъ и сильныхъ чувствъ въ человѣчествѣ“.

1) Любопытенъ взглядъ Кулиша на Сикстинскую Мадонну, въ которомъ живо отразилось его тогдашнее настроеніе. «Такія лица есть у насъ на Украинѣ. Этотъ типъ очень распространенъ между сельскими маленькими дѣвчатами. Удивительное выраженіе лица. Ни одна гравюра его не передаетъ, и живописныя копіи также слабы. По крайней мѣрѣ я ни одною не былъ доволенъ. Вмѣстѣ полудѣтское спокойствіе и грусть о много-испытанномъ, какая бываетъ только у человѣка, который много видѣлъ всякаго зла на землѣ. Или это мнѣ такъ кажется. Теперь я особенно полонъ чувствомъ зла, которое мнѣ приходилось видѣть въ разнообразныхъ его проявленіяхъ: «*Questa vita noiosa. Non e degna de si gentil cosa!*» Въ лицѣ Мадонны нѣтъ увѣренности, что міръ пойдетъ за нею слѣдомъ; она какъ будто оставила міръ въ увѣренности, что для него ничего не сдѣлала. Въ самомъ дѣлѣ, кто сдѣлалъ что-нибудь для міра вообще? *Можно сдѣлать что-нибудь для немногихъ, но не для міра.*»

„Мнѣ надобно жить долго“, говорилъ Кулишъ,—„не для одного только того, чтобы выполнить программу моихъ литературныхъ занятій, но гораздо болѣе для того, чтобы подготовить продолжателей моихъ работъ“. А „жизненное дѣло“ Кулиша принимало все болѣе широкіе размѣры, осложняясь его новыми отношеніями къ русинамъ: „Львовскіе русины, отстаивающіе русскую народность противъ посягательства полонизма, не ожидаютъ прибытія въ Львовъ генеральнаго агента Лондонскаго библейскаго общества по дѣлу о разсмотрѣніи экспертами перевода Моисеева Пятикнижія“. Все это было связано съ тогдашнею дѣятельностію Кулиша и показываетъ его возростающій интересъ къ русинамъ подъ влияніемъ невозможности посвящать свои силы и свои пламенные идеальныя стремленія горячо любимой Украинѣ и разочарованія въ друзьяхъ украинофилахъ.

Въ дорогѣ Кулишъ серьезно заболѣлъ отъ переутомленія вслѣдствіе многолѣтнихъ усиленныхъ трудовъ и ежедневныхъ тревогъ и слегъ въ Прагѣ, гдѣ, находясь подъ страшной угрозой приближающейся смерти, онъ отдалъ въ Пражскій національный Музей многія бывшія съ нимъ цѣнныя бумаги и въ томъ числѣ письма къ Гоголю А. С. Смирновой, за что въ восьмидесятыхъ годахъ онъ заднимъ числомъ не разъ подвергался въ печати суровымъ упрекамъ со стороны дочери послѣдней ¹⁾).

Въ Прагѣ Кулишъ былъ принятъ съ большимъ почетомъ: „Чехи“—писалъ онъ Н. Д. Бѣлозерскому—„такъ любезны, что ставятъ иногда въ затрудненіе. Напримѣръ, я выѣзжаю въ Дрезденъ въ 8 часовъ утра и уже меня провожаютъ на желѣзную дорогу, чтобы облегчить мнѣ весьма обыкновенныя хлопоты. Противъ обыкновенія мнѣ предлагаютъ брать сколько угодно книгъ не только на городскую квартиру, но даже и на дачу, еслибы я рѣшился жить за городомъ. Квартиры ищутъ мнѣ гуртомъ и проч. Въ Прагѣ Кулишъ посѣтилъ Палацкаго и многихъ другихъ замѣчательныхъ людей.

¹⁾ См. «Сѣверный Вѣстникъ», 1893, II, 243 стр., 2 примѣч.

По возвращеніи изъ за-границы Кулишъ былъ въ томъ же 1869 г. избранъ почетнымъ мировымъ судьей города Борзны, но оставался на этой службѣ самое непродолжительное время: 1) ни его историческія занятія, ни условія матеріальныя не позволяли ему остановиться надолго на такого рода служебномъ поприщѣ. Мы знаемъ, что его всегда страшила перспектива хуторскаго прозябанія, но теперь еще больше, чѣмъ прежде, потому что розовыя мечты молодости остались уже далеко позади; уже нѣсколько лѣтъ раньше Кулишъ добродушно и горько шутилъ надъ своимъ былымъ оптимизмомъ, хотя онъ оставался оптимистомъ, лишь *отъ меньшей тѣри*, до конца жизни. Въ числѣ другихъ надеждъ не осуществились (или осуществились, но не надолго) и упованія на лучшія матеріальныя условія, и Кулишъ, задолжавъ еще съ начала 60-хъ годовъ, не могъ расплатиться съ своими долгами. Что касается ученыхъ трудовъ Кулиша, то они мало-по-малу принимаютъ иное направленіе. Въ бытность свою въ Варшавѣ, работая въ архивахъ, Кулишъ мало-по-малу выработалъ себѣ новыя воззрѣнія относительно роли козачества въ малороссійской исторіи. Быть можетъ, онъ слишкомъ увлекся встрѣтившимися ему при изученіи такихъ историческихъ документовъ неблагопріятными для козаковъ данными, но въ душѣ его началась тяжелая борьба между прежними вѣрованіями и позднѣйшими убѣжденіями. Изъ-за измѣнившихся убѣжденій ему предстояло порвать отношенія и съ прежними друзьями. Работая надъ „Исторіей Возсоединенія Руси“, Кулишъ все больше отдалялся отъ своихъ прежнихъ взглядовъ. Сначала Кулишъ стремился и своихъ друзей склонить къ принятію новыхъ своихъ воззрѣній, но ему не удалось передать имъ свои убѣжденія, слѣдствіемъ чего постепенно явилось охлажденіе къ нему Костомарова, Мордовцева, Жемчужникова, Гатцука и другихъ 2). Трудно указать въ точности на

1) См. между прочими письма къ Хильчевскому, напр. „Кіевская Старина“, 1898, I, стр. 103.

2) Впрочемъ эта рознь не отражалась на личныхъ отношеніяхъ и напр. въ 1876 г. Кулишъ часто бывалъ у Костомарова въ Лоскут-

основаніи писемъ, когда началось охлажденіе Кулиша къ Костомарову. Въ серединѣ 60-хъ годовъ мы еще видимъ ихъ самыми задушевными друзьями. Однажды, напр., Кулишъ писалъ: „Я былъ такъ утомленъ, что былъ въ силахъ только съѣздить утромъ къ Костомарову. Проговорили все утро; потомъ онъ просилъ меня въ четыре часа обѣдать. Мнѣ хотѣлось на покой, но онъ такъ усердно просилъ, что я пошелъ еще разъ къ нему“.

Къ этому времени у Кулиша сложилось убѣжденіе въ превосходствѣ великорусскаго элемента надъ малороссійскимъ и началось отрицаніе его прежней идеализаціи козачества. Разойдясь во взглядахъ съ Л. М. Жемчужниковымъ и замѣтивъ съ его стороны охлажденіе послѣ одного своего рѣзкаго отзыва о Шевченкѣ, Кулишъ почувствовалъ потребность въ чистосердечной исповѣди передъ своимъ прежнимъ другомъ и въ этой исповѣди такъ объяснилъ происшедшую въ его взглядахъ перемѣну: „Во времена оны я самъ указалъ вамъ на книгу Костомарова о Богданѣ Хмельницкомъ, какъ на послѣднее слово русско-украинской историографіи,—въ Варшавѣ открылась вся ея несостоятельность. Когда пріѣхалъ туда Костомаровъ, я не скрывалъ отъ него своего мнѣнія, только выразилъ его въ формѣ указаній на слабыя мѣста, требующія обработки по неизвѣстнымъ ему источникамъ. Источники эти были ему частію вручены, частію указаны какъ нельзя обстоятельнѣе. Онъ былъ очень обрадованъ, и я увѣренъ, что не притворно. Онъ обѣщалъ въ третьемъ изданіи своего „Богдана Хмельницкаго“ воспользоваться и печатными книгами, и рукописями, которыя, по моему мнѣнію, должны были привести его къ иному воззрѣнію на козачество. Но онъ не воспользовался ничѣмъ, а выпустилъ 3-е изданіе „Богдана Хмельницкаго“ съ прибавкой новыхъ недѣлностей въ родѣ того, что, „козаки были

ной гостинницѣ въ Москвѣ и они встрѣчались также у Жемчужникова. Съ Гатцукомъ же у Кулиша была ссора вслѣдствіе неисполненія первымъ условій при печатаніи «Исторія Возсоединенія», о чемъ ниже.

единственными борцами за вѣру православную и народность русскую. Это подлинныя слова, служащія основаніемъ его книги“... Въ Варшавѣ же, по признанію Кулиша, усилились его сношенія съ русинами, на поддержку изданій которыхъ онъ тратилъ тогда большія суммы, пока ему позволяли это дѣлать занимаемая имъ должности и получаемое большое жалованье. Кулишъ вспомнилъ далѣе въ томъ же письмѣ къ Жемчужникову о поданной имъ запискѣ Милютину и кн. Черкасскому относительно необходимости перехода Галиціи подъ власть русскаго императора. Когда же все порвалось вслѣдствіе интригъ Соловьева, Кулишъ принялся за переводъ для русиновъ Библии Ветхаго и Новаго Завѣта и напечаталъ Моисеево Пятикнижіе и четырехъ евангелистовъ и усиленно поддерживалъ журналъ „Правда“.

Итакъ, одной изъ главныхъ причинъ, подававшихъ поводъ Соловьеву къ нападеніямъ на Кулиша, были завязавшіяся тогда отношенія его съ галицкими русинами. Разочаровавшись въ своихъ землякахъ малороссахъ, онъ постепенно перенесъ симпатіи на Галичину и забель сношенія съ журналомъ „Правда“.

„Уже въ 1865 г.“, говоритъ г. Конисскій, „прощаясь, Кулишъ совѣтовалъ мнѣ познакомиться въ Львовѣ съ его „другомъ“, профессоромъ Головацкимъ, къ которому и далъ мнѣ рекомендательное письмо. Когда, по пріѣздѣ въ Львовъ, я познакомился съ Головацкимъ и съ людьми противоположныхъ ему взглядовъ, которые также считали Кулиша своимъ другомъ, я понялъ опасность положенія его. Такъ и случилось: Головацкій—не знаю какимъ образомъ,—досталъ одно изъ писемъ Кулиша въ Львовѣ къ человѣку изъ лагеря, противнаго Головацкому, куда-то представилъ это письмо... и Кулишъ въ 1867 г. былъ уволенъ“.

Между тѣмъ въ своихъ письмахъ къ Хильчевскому Кулишъ рассказываетъ объ усиленныхъ занятіяхъ еврейскимъ языкомъ и о томъ, что онъ печатаетъ въ „Правдѣ“ псалмы и пѣсни Моисеевы и занимается переводомъ Библии. „Очень ошибаешься, друже Иване“,—говорилъ онъ,—„воображая, что, живи

я на родинѣ, я могъ бы имѣть благотворное вліяніе на моихъ земляковъ; перебравши въ жизни много людей, я пришелъ къ заключенію, что моихъ земляковъ, т. е. представителей интеллигенціи, надобно предоставить ихъ ничтожной судьбѣ“¹⁾. „У васъ въ Кіевѣ не понимаютъ“,—говорилъ Кулишъ въ томъ же письмѣ, „что теперь тамъ (т. е. въ Галиціи) вся суть русскаго вопроса, т. е. коренного русскаго“²⁾.

О потерѣ Кулишомъ мѣста въ Варшавѣ и его сношеніяхъ съ галичанами г. Левицкій сообщаетъ слѣдующее: „Въ то время національное возрожденіе въ Галиціи входило въ силу: въ Львовѣ издавалась довольно большая газета „Слово“ на довольно чистомъ малорусскомъ языкѣ, а не на томъ старомъ галицкомъ языкѣ, на которомъ прежніе пѣнты брядали свои напыщенные оды. Противъ этого національнаго литературнаго движенія въ Галиціи началась агитація изъ Россіи въ пользу русскаго языка. Многіе галичане говорили мнѣ въ Львовѣ, что вся редакція „Слова“ была куплена за 15000 р. вмѣстѣ съ профессоромъ Яковомъ Головацкимъ... Въ то же время „Слово“ неожиданно измѣнило фронтъ: вмѣсто малорусскаго языка стало выходить на старомъ галицкомъ, такъ называемое теперь „язычіе“—этотъ послѣдній отголосокъ стараго малорусскаго языка кіевскихъ ученыхъ XVII в., выработаннаго изъ церковно-славянскаго съ нижнимъ этажемъ малорусскимъ. Такъ какъ Кантемиръ и Ломоносовъ заимствовали этотъ кіевскій книжный языкъ, „вычистивъ“ его, по словамъ Тредьяковскаго, т. е. выбросивъ изъ него малорусскій элементъ и полонизмы,—то естественно, что это „язычіе“ все-таки было ближе къ нынѣшнему русскому языку, чѣмъ чистый народный языкъ „Слова“, и порядочно таки смахивало на русскій языкъ. Молодые галичане

¹⁾ «Кіевская Старина», 1898, I, 90—91.

²⁾ Изъ писемъ Кулиша къ С. Д. Каменецкому мы видимъ, что еще въ 1864 г. у него были сношенія со Львовомъ («Кіевская Старина», 1898, VII—VIII, 135); подробности см. «Кіевская Старина», 1898, X, стр. 83—117; тамъ же его соборное посланіе галичанамъ.

заявили протестъ противъ „Слова“ и начали сперва издавать журналъ „Мету“, а потомъ „Правду“—опять на чистомъ народномъ языкѣ. Они послали въ Варшаву сочувственный адресъ Кулишу. Адресъ попалъ въ руки не къ Кулишу, а къ графу Бергу. Между ними вышло недоразумѣнiе, и Кулишъ оставилъ службу“.

„Бергъ предложилъ Кулишу печатно отказаться отъ украинофильскихъ симпатiй, угрожая въ противномъ случаѣ „котомкой“, т. е. отрѣшенiемъ отъ должности. Кулишъ выбралъ „котомку“¹⁾.

„Изъ Варшавы“—продолжаетъ г. Левицкiй—„Кулишъ выѣхалъ на зиму въ Венецію по совѣту докторовъ. Двѣ зимы онъ провелъ въ Венеци, а лѣтомъ проживалъ въ Вѣнѣ, гдѣ я его встрѣтилъ черезъ два года. Онъ жилъ на предмѣстьи Вѣны, занималъ одну маленькую чистенькую комнатку съ постелью и молокомъ на завтракъ, съ платою по восьми гульденовъ въ мѣсяцъ. Въ это-то время Кулишъ съ Пулюемъ занимались переводомъ Новаго Заветъа съ еврейскаго на украинскiй языкъ“.

XLVIII.

Все это происходило въ концѣ 60-хъ годовъ и въ самомъ началѣ семидесятыхъ, когда, во время своихъ странствованiй, Кулишъ уже оставлялъ Чуйкевичу и другимъ друзьямъ свой львовскiй адресъ. Чуйкевичъ не могъ скоро стать на новую точку зрѣнiя Кулиша и, не понимая теперь его взглядовъ и цѣлей, довольно безцеремонно, по старой дружбѣ, называлъ его поѣздки „праздношатательствомъ“²⁾, но Кулишъ, напро-

¹⁾ Ср. разсказъ о томъ же Кулиша въ статьѣ г. Лоболовскаго въ «Кiевской Старинѣ», 1897, IV. 172.

²⁾ Это выраженiе совсѣмъ не идетъ къ Кулишу, даже въ шутку, такъ какъ онъ былъ человекъ необычайнаго трудолюбiя, никогда не терпящiй времени даромъ. Въ одномъ письмѣ къ Хиль-

тивъ, хотѣлъ и его втянуть въ это „праздношатательство“, зова его купаться въ морѣ, совѣтоваться съ знаменитыми заграничными докторами. Соблазнительно рисуя ему дешевизну и удобства заграничной жизни, Кулишъ совѣтовалъ ему направиться первоначально въ Львовъ, притомъ непремѣнно говорить на языкѣ предковъ и вмѣстѣ предостерегалъ, что по системѣ Каткова тамъ развелся „страшный іезуитизмъ“; далѣе онъ звалъ его съ собой въ Прагу и наконецъ въ Венецію.

Отъ послѣдней Кулишъ былъ особенно въ восторгѣ¹⁾: его поэтическая, чуткая ко всему изящному, душа не могла не оцѣнить обаянія этого единственнаго въ своемъ родѣ и въ цѣломъ мірѣ города; но его описанія Венеціи въ дружескихъ письмахъ такъ увлекательны и полны красокъ, что мы позволимъ себѣ привести изъ нихъ небольшой отрывокъ: „В вас вода замерзаетъ, а ми тут мов въ раю. Солнце сятъ, вода коло мрамуровихъ берегівъ не ліетца, вітерець ледве-ледве подихаетъ; у ночі місяць купаецца въ морі середъ огниківъ, що поринають або з лихтарівъ изъ беріжнихъ, або з гондолъ, що тудатъ и сюдатъ плавають. Ще ж до того з усіхъ кутківъ вечорами грають та співають; то на світі жити дуже любо—не такъ, якъ у нашій сумній та запакощеній Україні“. „Тамъ ганяють кіньми мов скажені, а тут ходишъ собі скривъ якъ по світлиці, ни кивьяка не поба-

чевскому онъ говоритъ: «Докторъ, осмотрѣвъ меня весьма тщательно объявилъ, что мнѣ можно работать еще 25 лѣтъ. Работаю я постоянно—это нормальное мое состояніе. Иначе я бы пропалъ отъ скуки. Нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, а Магометъ пророкъ его. Нѣтъ жизни внѣ труда, а я—черезъ часъ послѣ праздной бесѣды уже случай». («Кіевск. Старъ», 1898, I, стр. 96).

¹⁾ Но карнавалъ произвелъ на него самое непріятное впечатлѣніе; онъ называетъ его въ письмѣ къ Н. Д. Бѣлозерскому „гнуснымъ“, пошлымъ, „богопротивнымъ“, а также замѣчаетъ, „что російскія балаганныя забавы—родня чуда итальянскимъ карнаваламъ, и удивительно, какая толпа дураковъ на свѣтѣ!“ (Ср. отзывъ о карнавалѣ въ письмѣ къ Хильчевскому („Кіевск. Стар.“, 1898, I, 93).

чиш, ні гикання не почувеш. Тут живеш як дома и вже через те одно що ти forestiere, усі тебе раді на рукахъ носити. Так провів би день за днем днів тисяч з десять, чи скільки доля мині судила“. „Тамъ далеко въ само́мъ разгарѣ идетъ франко-прусская война, тамъ неистовствуютъ темныя силы милитаризма, а здѣсь душа наслаждается тишиной и райскими красотоми природы“.

Но не смотря на все это, сердце патріота обращалось на сѣверъ, какъ къ магниту, и жаль ему становилось среди блеска Венеціи „бѣдолашнѣго люду“ украинскаго, такъ что въ концѣ письма онъ говоритъ уже: „Оттак то в сій Венеціи жити та по Україні тужити! Сонечко любе та море синеньке, тількі од вас і пільга серцю сумному. Дивисся на ваше игранне вкупі, та й не надивисся, та й хочецця ростопитись таким золотим туманомъ, як ви собі из ранку висновуєте. Колиб же то так можно“!

XLIX.

Но всему бываетъ ко́нець, и отъ волшебнаго обаянія чудесами итальянскаго неба пришлось вернуться къ петербургскимъ туманамъ и прозѣ монотоннаго будничнаго существованія. Кулишу была обѣщана служба по министерству путей сообщенія, но товарищъ министра долженъ былъ дожидаться возвращенія министра, графа Бобринскаго, и Кулишъ счелъ за лучшее вновь обратиться къ протекціи своего друга Л. М. Жемчужникова, который могъ дѣйствовать въ его пользу черезъ своего старшаго брата Владиміра; при томъ онъ просилъ рекомендаціи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Скажите ему, что этотъ человекъ“ (т. е. самъ Кулишъ) „работаетъ прилежно, прями́тъ (sic) интересамъ службы, какъ слѣдуетъ, и что, молъ, такихъ людей слѣдуетъ привлекать къ дѣлу на пользу общества и государства. Виктора Антоновича нѣтъ въ Петербургѣ, а то бы и онъ могъ свидѣтельствовать, что онъ вовсе не ищетъ тот-

часть жалованья, „имѣя собственные ресурсы для существованія въ Петербургѣ“, — „покажѣсть“ — говорилъ онъ — „меня узнають на дѣлѣ, стою ли я куска хлѣба“. Просьба Кулиша была исполнена, и братъ Л. М. Жемчужникова выхлопоталъ ему у Бобринскаго 3000 годового содержанія.

Но, устроившись въ матеріальномъ отношеніи, Кулишъ страшно страдалъ въ нравственномъ, вслѣдствіе разлада съ Костомаровымъ, о которомъ онъ такъ писалъ тому же Л. М. Жемчужникову: „Я подвергся наибольшему оскорбленію, какое когда-либо испытывалъ. Костомаровъ, котораго я съ такимъ усердіемъ направлялъ на документальную дорогу исторіографіи, сталъ меня третировать съ величайшимъ благоволеніемъ ¹⁾. Не могу иначе выразиться. Когда я посѣщалъ его, онъ обходился со мною благосклонно, отнюдь не вдаваясь въ бесѣду о предметѣ, составляющемъ предметъ обоюдной нашей спеціальности; во все время новаго моего пребыванія въ Петербургѣ онъ ни разу у меня не былъ, ни одинаго разу, бывая черезъ день у Кожанчикова (sic) и весьма часто у жившаго напротивъ меня Мордовцева. Я съ своей стороны сталъ бывать у него рѣдко, наконецъ, и совсѣмъ его оставилъ... Отрѣзанный отъ міра и терпя нелѣпѣйшія притѣсненія по службѣ, я зналъ только Императорскую Публичную бібліотеку да свою квартиру“. Такимъ образомъ, Кулишъ снова съ разбитымъ сердцемъ — былъ ли онъ правъ или виноватъ — замкнулся и зажилъ анахоретомъ ²⁾.

¹⁾ Н. И. Костомаровъ въ своей статьѣ о „Крашанкѣ“ Кулиша говоритъ: „Въ 1874 году г. Кулишъ *нежданно* для всѣхъ измѣнился. Не показывавшійся до того уже нѣсколько лѣтъ съ своимъ племенемъ, онъ явился съ сочиненіемъ, носившимъ названіе: „Исторія возсоединенія Руси“ („Вѣстн. Евр.“, 1882, VIII, стр. 129), но лично для него перемѣна во взглядахъ Кулиша не была неожиданной.

²⁾ О тогдашнемъ состояніи официальной науки въ Россіи Кулишъ былъ невысокаго мнѣнія: „Россійское Общество“ — говорилъ онъ — „не скоро станетъ на ноги послѣ пониженія всѣхъ учебныхъ заведеній въ Россіи сообразно господствующему нынѣ въ правительственныхъ сферахъ іезуитству. Лучшіе умы нынѣ въ Россіи ро за обгубетъ науки и литературы“.

Желая забыться въ работѣ, онъ предпринялъ было трудъ о церковной уніи, „на которую“—говорилъ онъ—„я имѣю взглядъ не костомаровскій“, но, такъ какъ та же мысль приходила ему уже раньше, то онъ имѣлъ неосторожность увести тогда съ собой относящіяся къ этому вопросу свои книги за границу, гдѣ, однако, по собственному сознанию, и не развернулъ ихъ. Поэтому онъ рѣшилъ выписать вновь эти книги и погрузиться въ работу, стараясь отгонять отсюда беллетристическія искушенія на томъ основаніи, что „это сдѣлають многіе, а Несторомъ нашимъ украинскаго вопроса могу быть одинъ я“. Въ то же время въ „Вѣстникѣ Европы“ печатался его обширный трудъ о колонизаціи, который долженъ былъ служить и началомъ большого историческаго труда, въ который войдетъ и церковная унія“. Но, кромѣ того, какъ видно изъ одного письма къ В. В. Тарновскому-сыну, Кулишъ въ началѣ 70-хъ годовъ издалъ въ Львовѣ малороссійскій переводъ книги Іова, а въ Вѣнѣ—четвероевангеліе и былъ занятъ переводомъ Псалтыри и вообще Священнаго Писанія.

L.

Съ 1870 г. Кулишъ постоянно стремился поселиться въ Мотроновѣ. Онъ писалъ И. Ф. Хильчевскому: „Ограничиваюсъ однимъ хуторомъ и въ немъ сосредоточиваю всю свою дѣятельность, да и то все хозяйство предоставилъ я Александрѣ Михайловнѣ, а самъ знаю однѣ книги“. ¹⁾ Но въ 1871 г., какъ мы знаемъ, онъ опять былъ за границей, а по возвращеніи снова началъ думать о жизни на хуторѣ, для чего предпринялъ планъ покупки Мотроновки, а чтобы имѣть возможность исполнить его, снова сталъ думать о службѣ. „Мотроновка“—писалъ онъ Хильчевскому въ 1872 г.—„будетъ куплена: для этого я

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1898, 1—100.

готовъ, на худой конецъ, запрягать себя въ одну изъ петербургскихъ канцелярій, гдѣ, при всей враждебности къ моему геношѣе, дадутъ мнѣ хорошее жалованье. Къ этому жалованью я въ тотъ же годъ прибавлю другое такое же своимъ перомъ, попившись въ переводчики, компиляторы, публицисты и т. п., на что теперь, изъ-за своей Библии, смотрю съ пренебреженіемъ, равно какъ и на канцелярскую работу. Но это будетъ, повторяю, на худой конецъ. Покамѣсть я имѣю свои ресурсы въ виду".¹⁾ Хильчевскій старался охладить пылъ Кулиша, доказывая, что для покупки хутора понадобится столько денегъ, что Кулишъ едва могъ бы покрыть расходы не ранѣе двадцати лѣтъ, на что послѣдній отвѣчалъ: „если бы я долженъ былъ уплатить и 20 тысячъ государственными ассигнаціями, то и тогда для этого нужно было бы не двадцать, а только пять лѣтъ. Мнѣ на первый разъ могутъ дать жалованья minimum 1500 р. въ годъ“. Но раньше надо было предпринять новую поѣздку за границу для печатанія Библии, рѣшивши, однако, пріостановить дѣло, „еслибы понадобилось вернуться на время домой, для веденія земельныхъ дѣлъ“... „Засяду да примусь работать и надъ Библией и—если будутъ промежутки—надъ историческими этюдами“.²⁾ Дѣйствительно, скоро пришлось ѣхать обратно вслѣдствіе ссоръ между братьями Бѣлозерскими, которые раздумали продать Мотроновку.

Въ 1873 г. Кулишъ отправился въ Петербургъ и безъ всякой протекціи явился къ товарищу министра путей сообщенія, „котораго не зналъ и имени не слышалъ“. „Онъ же“,—говоритъ Кулишъ—„меня по слуху или по печати зналъ, а потому принялъ меня дружески и выразилъ всяческую готовность мнѣ содѣйствовать“.³⁾ Товарищъ министра (г. Селифонтовъ) познакомилъ Кулиша съ начальникомъ статистическаго отдѣла Головачевымъ, извѣстнымъ авторомъ книги „Десять лѣтъ реформъ“,

1) Тамъ же, стр. 110.

2) Тамъ же, стр. 113.

3) Тамъ же, стр. 117.

„которому графъ Бобринскій поручилъ сформировать личный составъ отдѣла“. Головачевъ прекрасно обошелся съ Кулишомъ и своимъ умомъ и характеромъ произвелъ на него самое благоприятное впечатлѣнiе, такъ что Кулишъ потомъ сравнивалъ его во многихъ отношенiяхъ съ Плетневымъ,¹⁾ но могъ ему предложить только 1500 р. жалованья до утвержденiя новыхъ штатовъ, которое должно было послѣдовать съ начала слѣдующаго, 1874, года. Условiе это съ радостью было принято Кулишемъ, которому при томъ было тѣмъ болѣе приятно, что „графъ благодарилъ Головачева, что вслѣдъ за нимъ въ министерство *идутъ простыщенныя люди, какъ Кулишъ*“, и еще въ виду того, что, „независимо отъ этой службы, Костомаровъ старался сдѣлать Кулиша членомъ археографической комисси, съ полученiемъ въ годъ 1500 р. въ видѣ награды за редакцiонныя труды.²⁾ Кулишу скоро весьма пригодилось его знанiе иностранныхъ языковъ и ему было поручено изданiе журнала Министерства Путей Сообщенiя. Графъ Бобринскій и Головачевъ высоко цѣнили въ немъ человѣка съ головою и ревностнаго и толковаго сотрудника. Казалось бы, для Кулиша должна была наступить снова счастливая эра, но этого не случилось, прежде всего потому, что было отложено учрежденiе новыхъ штатовъ, а главное— вслѣдствiе перемѣны части высшаго служебнаго персонала министерства. Сначала, склонный всегда къ оптимизму, Кулишъ не могъ себѣ представить никакихъ досадныхъ помѣхъ на новомъ, столь счастливо начатомъ поприщѣ, и нѣкоторое время у

1) Кулишъ о немъ отзывался такъ: «Онъ любезнѣйшiй по природѣ господинъ, и семья у него самая симпатичная, такъ что между ними чувствуешь себя какъ дома. Это напоминаетъ мнѣ времена «Плетневскiя» (тамъ же, стр. 121). О Плетневѣ же Кулишъ отзывался попрежнему восторженно и въ сочувственномъ отношенiи къ нему выѣствъ съ Н. И. Костомаровымъ, который въ своей статьѣ «П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность» почти во всемъ расходится съ Кулишемъ, но его отзывъ о Плетневѣ находитъ прекраснымъ и вѣрнымъ (См. „Кiевск. Старъ“. 1883, I, стр. 225).

2) Тамъ же, стр. 118.

него продолжалось шутливое препирательство съ Хильчевскимъ, которому, въ отвѣтъ на его сомнѣнія, Кулишъ отвѣчалъ заявленіемъ самыхъ широкихъ надеждъ, обѣщая выхлопотать и ему черезъ Головачева прекрасное мѣсто на Курско-Кіевской или Кіево-Брестской желѣзной дорогѣ, а относительно собственныхъ дѣлъ Кулишъ держался полной увѣренности, что все будетъ хорошо и удачно. Но въ іюнѣ 1874 г. въ его перепискѣ слегка промелькнула первая тѣнь опасенія за будущее. „Въ послѣднее время“—писалъ Кулишъ—„вѣсы начали склоняться въ нашу сторону, а то ходили по городу слухи, приводившіе насъ въ уныніе. Если бы министръ, недовольный торжествомъ неправды, не захотѣлъ служить больше, то и намъ сдѣлалось бы жутко. Перевѣсь покамѣстъ на нашей сторонѣ, и выразился по-радовавшею насъ замѣткою въ газетахъ, что нѣкій изъ сильныхъ земли „оставляетъ Петербургъ и ѣдетъ лѣчиться“. Да процвѣтаетъ его чрево, лишь бы не мѣшалъ намъ дѣлать дѣло и хотя сколько-нибудь защитить казну отъ расхищенія не тысячами, а цѣлыми милліонами“. 1) Еще годъ впрочемъ Кулишъ пробылъ въ Петербургѣ, работая надъ „Исторіей воссоединенія Руси“, трудомъ, который, по его словамъ, „былъ проникнутъ идеей сліянія русскаго народа“. 2) Трудъ этотъ былъ задуманъ въ весьма обширныхъ размѣрахъ (предполагалось девять томовъ). Изданіе его взяло на себя Товарищество Общественной пользы. 3) Но Кулиша уже вновь тянетъ въ Могроновку. „Добьюсь ли я чего въ Петербургѣ“—говорилъ онъ—“и какой цѣной—неизвѣстно, а тутъ зимою вдоволь начитаешься, а лѣтомъ налю-

1) Тамъ-же, стр. 131.

2) Тамъ-же, стр. 136.

3) Сначала Кулишъ сталъ печатать въ типографіи Гатцука, съ которымъ очень сошелся (было даже предположено, что Кулишъ будетъ редактировать «большой календарь» Гатцука), но у послѣдняго произошелъ пожаръ въ типографіи, послѣ котораго онъ сталъ сильно урѣзывать плату своихъ сотрудниковъ.

буешься зеленымъ, цвѣтами и животными“. 1) Теперь онъ уже окончательно вступилъ на тотъ путь въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ, на которомъ оставался до конца жизни, совершенно разошедшись съ Костомаровымъ; его онъ называлъ уже „иноплеменникомъ“ (въ смыслѣ: великороссъ) и которому вслѣдствіе того приписывалъ непониманіе исторіи. „Почему истинѣ не быть на моей сторонѣ?“—писалъ онъ. „Не потому-ли, что я одинъ противъ многихъ? Когда же это бывало, чтобъ истина въ своемъ откровеніи избирала большинство? Общественное мнѣніе устанавливается въ средѣ умовъ пассивныхъ“. „Вы хотите“, продолжалъ онъ, обращаясь въ лицѣ Хильчевскаго къ сторонникамъ взглядовъ Костомарова,—„чтобы было двѣ истины, а она только на одной сторонѣ. Если моя книга неправда, зачѣмъ ее читаютъ? Если же я не ошибся въ изображеніи моего народа, то зачѣмъ читать его карикатурную исторію? Ты хочешь совмѣстить несовмѣстимое—иноплеменника съ туземцемъ“ и наконецъ, „лучше думать правду въ одиночку, чѣмъ ораторствовать передъ публикой, потерявшей чутье къ своему настоящему и прошедшему“. Отсюда у Кулиша является желаніе уединиться отъ житейской сутолоки и всецѣло посвятить себя чтенію и историческимъ трудамъ: „Слава Богу, что я могу, ничѣмъ не занимаясь обязательно, читать и читать; этого удовольствія я не испытывалъ давно, находясь постоянно въ борьбѣ съ житейскими мелочами“. 2) Въ то же самое время Кулишъ на вопросъ И. И. Бѣлозерскаго по поводу слуховъ о томъ, что онъ „намѣренъ издавать журналъ съ цѣлью противодействовать украинофильству“, отвѣчалъ, объясняя недоразумѣніе: „насколько въ украинофильство вошло ложныхъ фактовъ и понятій, настолько я долженъ ему противодействовать. А то какъ же? Люди создали себѣ въ умѣ небывальщину, да такъ ее и проповѣдывать изъ рода въ родъ!“... „Умственная лѣнь малорусской и червонорус-

1) «Кіевск. Стар.», 1898, I, стр. 140.

2) „Кіевская Старина, 1898, I, стр. 141—142.

ской молодости рукоплещеть идеаламъ дикой фантазіи и не хочетъ видѣть иныхъ путей къ возведенію русской народности къ благотворному значенію“.

Подъ вліяніемъ такого настроенія Кулишъ и удалился въ свой хуторъ и началъ вести замкнутый образъ жизни: „нечитанныхъ книгъ“—говорилъ онъ—„у меня горы, и мнѣ гораздо пріятнѣе быть читателемъ умныхъ книгъ, нежели писателемъ для недоумковъ“. Свой новый образъ жизни онъ описывалъ такъ: „Я, въ качествѣ туриста, лѣнясь, читаю что-нибудь въ постели, доколѣ не сдѣлается совѣстно, что кофе меня ждетъ, послѣ кофе запираюсь въ своей комнатѣ и нѣсколько часовъ изумляю міръ своимъ глубокомысліемъ, которое, однакожъ, прерываю по временамъ, или для того, чтобы освободиться отъ кошачьихъ просьбъ, или вспомню вдругъ, что цуцкы Бовкунъ еще не позавтракалъ, а иной разъ, видя, что Александра Михайловна хлопочетъ въ саду, соблазняюсь сіяніемъ солнца и соловьиными пѣснями, которыя лучше всяческаго глубокомыслія“¹⁾.

Это отшельническое пустынножителство и отрѣшенность отъ міра печали и слезъ помогло ему съ стоическимъ хладнокровіемъ перенести неистовыя нападенія Каткова и Аксакова, которыя могутъ быть оставлены нами въ сторонѣ.

ЛІ.

Въ концѣ семидесятихъ годовъ Кулишъ оставилъ Петербургъ, приготовивъ къ печати третью часть „Исторіи воссоединенія“. Онъ окончательно разошелся съ Костомаровымъ, съ которымъ провелъ въ послѣдній разъ время въ Лоскутной гостиницѣ въ Москвѣ въ 1877 г. Въ это время онъ переселился было въ древнюю столицу, приглашенный А. А. Гатцукомъ, которому онъ помогалъ въ изданіи его „Газеты Гатцука“ и долженъ былъ, какъ предполагалось, сдѣлаться его сотрудникомъ или даже со-

1) Тамъ-же, стр. 143.

редакторомъ по изданію „большого“ календаря (въ отличіе отъ общераспространеннаго и дешеваго, такъ называемаго „Крестнаго календаря). 1) Гатцукъ, вызвавъ къ себѣ Кулиша, принялъ его съ распростертыми объятіями и мечталъ заключить съ новымъ своимъ компаньономъ самый тѣсный литературный союзъ. Ихъ дѣйствительно связывала общая обоимъ любовь къ Малороссіи, но затѣмъ это были двѣ совершенно несходныя натуры: Кулишъ былъ идеалистъ и—если угодно—мечтатель, конечно, въ благородномъ смыслѣ этого слова; Гатцукъ—практикъ до мозга костей, умный и весьма образованный, но прежде всего дѣлецъ и предприниматель. Гатцукъ видѣлъ или желалъ видѣть въ Кулишѣ талантливаго журнальнаго работника, способнаго придать блескъ его изданію, Кулишъ возлагалъ на Гатцука надежды въ смыслѣ товарищества въ пропагандѣ излюбленныхъ имъ идей. Скоро выяснилось, что они совсѣмъ не подходили другъ къ другу. Понятно, что они скоро разочаровались одинъ въ другомъ и, какъ бываетъ въ такихъ случаяхъ, страшно поссорились. Кулишъ горько жаловался въ письмахъ на Гатцука, что „при его неправильности онъ истреблялъ мое время безсознательно такъ, что работа, требовавшая двухъ часовъ въ сутки, нерѣдко поглощала цѣлые дни совершенно попусту: то опоздаетъ прислать газеты, то неизвѣстно куда самъ дѣнется, то спитъ, когда надо дѣлать дѣло“. Ко всему этому присоединились и денежные недоразумѣнія.

И въ эту-то тяжелую для Кулиша пору, когда два историка, онъ и Костомаровъ, снова много и часто бесѣдовали другъ съ другомъ, но когда отношенія ихъ едва удерживала только тѣнь былого единодушія и разногласіе въ историческихъ вопросахъ все сильнѣе давало себя знать, 2)—чувствуя потребность въ

1) Въ письмѣ отъ 5 іюля 1874 г. къ Хильчевскому Кулишъ сообщаетъ: «Печатаю Гатцуковъ рублевый календарь на 1875 годъ въ Петербургѣ. Его кошты, мои труды» („Кіевская Старина“, 1898. I, стр. 131).

2) Съ „осени“—сообщалъ Кулишъ въ 1877 г. Вестужеву-Рюмину—„мы работали въ архивѣ вмѣстѣ съ Костомаровымъ, но я отъ

научныхъ симпатіяхъ и отзывѣ о своемъ новомъ трудѣ авторитетнаго и безпристрастнаго историка, Кулишъ обратился къ высокопознатливому профессору петербургскаго университета К. Н. Бестужеву-Рюмину, пошлавъ ему свое изслѣдованіе въ рукописи, и прося его, въ случаѣ согласія во взглядахъ и одобренія, принять на себя нѣкоторыя хлопоты по устройству дѣлъ съ типографіей и по заключенію съ ней условій. Профессоръ Бестужевъ-Рюминъ, по своему обыкновенію, отнесся къ собрату съ самымъ живымъ и сердечнымъ участіемъ, высоко при томъ цѣня и его дарованія и любовь къ наукѣ, къ труду и къ истинѣ. Въ почти восторженныхъ выраженіяхъ отозвался онъ о сочиненіи Кулиша и съ свойственными добротой и обязательностью взялъ на себя даже практическія хлопоты по этому дѣлу, но энергично отговаривалъ его отъ полемики съ людьми разномыслящими, т. е. главнымъ образомъ съ Костомаровымъ.

Первыя сношенія Кулиша съ Бестужевымъ начались еще раньше, вѣроятно когда послѣдній еще жилъ въ Петербургѣ, такъ какъ въ первомъ же извѣстномъ намъ письмѣ къ Бестужеву Кулишъ ссылается уже на выраженную имъ готовность помогать въ предпринятомъ трудѣ; въ этомъ же письмѣ Кулишъ просилъ его снестись съ типографіей Товарищества „Обществен-

времени до времени сообщалъ ему о своихъ изысканіяхъ и всегда находилъ его въ оборонительной позиціи. Когда онъ пріѣхалъ въ Москву вторично, я во время нашего свиданія не сказалъ ему о своихъ умо-заключеніяхъ ни слова, точно какъ будто и не занимался исторіей русскаго юга—и онъ ни разу не заговорилъ о предметѣ моихъ занятій“. Въ это время Костомаровъ уже готовилъ полемическую статью противъ Кулиша «О козакахъ», напечатанную въ мартовской книгѣ Русской Старины за 1878 годъ. П. И. Костомаровъ расходился съ Кулишемъ также по вопросу о переводѣ произведеній Шекспира на украинскій языкъ, находя этотъ трудъ ненужнымъ для образованныхъ малороссовъ, которые всѣ достаточно владѣютъ русскимъ языкомъ—но, конечно, допускалъ значеніе этихъ переводовъ для галичанъ; дѣятельности же Кулиша, посвященной галичанамъ, онъ также не сочувствовалъ. (См. «Кіевск. Стар.», 1888, I, статья «Ш. А. Кулишъ и его послѣднія литературная дѣятельность стр. 222 и пр.).

ная Польза“ и предложить въ какой-нибудь журналъ одну главу изъ его монографіи подъ заглавіемъ „Западная наука и православіе въ эпоху Іова Борецкаго“, прибавляя при этомъ: „впрочемъ я покорнѣйше прошу васъ объ этомъ только въ такомъ случаѣ, когда бы вы признали полезнымъ такъ распорядиться въ интересахъ идеи, а не въ интересахъ автора. При томъ, если для журнала понадобилось бы сократить ее больше, чѣмъ для отдѣльнаго изданія, то я совершенно отказываюсь отъ выраженного мною желанія“. Бестужевъ же отвѣчалъ ему: „Прочелъ все вами присланное. Въ цѣломъ картина выходитъ очень рельефная, и неожиданно выходитъ на первый планъ много такого, чтò затушевалось историками: такъ совершенно иными являются русскіе въ польскихъ кафтанахъ въ родѣ Жолкѣвскаго. Блестящая глава о плѣнныхъ въ Турціи, вѣроятно, обратитъ на себя общее вниманіе историковъ. Вообще, благодаря тому, что всѣ интересы исторіи не сосредоточиваются на однихъ козакахъ, а обращено вниманіе и на другія стороны, исторія Руси Западной выясняется значительноѣ“.

Теплый отзывъ Бестужева-Рюмина побудилъ Кулиша вступить съ нимъ въ болѣе интимныя отношенія, поощряемый благородной готовностью профессора относиться съ полнымъ участіемъ къ дѣламъ и интересамъ собрата по наукѣ. Бестужевъ-Рюминъ старался между прочимъ удержать Кулиша отъ излишней полемики, совѣтуя ему возражать фактами въ самой книгѣ, но не вступать въ пререканія: „Прочитавъ ваши часто вдохновенныя страницы, я думалъ, что здѣсь нерѣдко зерна полнаго пониманія, а потому слѣды полемики очень грустны, тѣмъ болѣе что, при неразвитости нашего общества, на нихъ накинута прежде, чѣмъ на что-нибудь другое“. Въ виду такого расположенія къ нему Бестужева, Кулишъ даже надѣялся при его содѣйствіи вновь устроиться на нѣкоторое время въ Петербургѣ для того, чтобы расплатиться съ главнымъ тогдашнимъ своимъ кредиторомъ А. А. Гатцукомъ, одно время, какъ сказано, чрезвычайно сблизившимся было съ Кулишомъ и перезвавшимъ его въ Москву для совмѣстной дѣятельности въ основанной имъ газетѣ, но по-

томъ скоро разсорившимся съ нимъ и даже подавшимъ на него жалобу въ нѣжинскій окружной судъ. Въ эту пору Кулишъ называлъ Бестужева своимъ „единственнымъ цѣлителемъ“; онъ даже просилъ его прискаты ему какую-нибудь должность, говоря: „Я полагаю, что найти мнѣ должность легче для васъ, чѣмъ увѣрить нашу интеллигенцію, что козаки были добычники“. Черезъ Бестужева-Рюмина Кулишъ вступилъ въ сношенія съ знаменитымъ французскимъ ученымъ Рамбо, который, подъ впечатлѣніемъ лестной рекомендаціи петербургскаго профессора, захотѣлъ было ознакомиться съ историческими трудами Кулиша, что было вполнѣ возможно благодаря его знанію русскаго языка. Рамбо вынесъ съ своей стороны самое выгодное мнѣніе о дарованіяхъ Кулиша и достоинствахъ его ученыхъ трудовъ; въ своей перепискѣ съ нимъ, онъ высказываетъ готовность всесторонне помогать ему въ его начинаніяхъ, но это благое желаніе ему не удалось осуществить, такъ какъ Кулишъ поставилъ его въ нѣкоторое затрудненіе, выразивъ желаніе видѣть, благодаря его содѣйствію въ сношеніяхъ съ переводчиками и типографіями, нѣкоторыя изъ своихъ главныхъ работъ на французскомъ языкѣ. Желаніе это было, конечно, очень непрактично и далеко не согласовалось съ дѣйствительными условіями: въ самомъ дѣлѣ, Рамбо въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ, отдавая полную дань уваженія Кулишу, какъ талантливому историку, въ то же время долженъ былъ указать ему на совершенную невѣроятность успѣха среди французскаго общества многотомныхъ и серьезныхъ трудовъ по исторіи Малороссіи, когда такіе труды не пользуются популярностью даже и въ русской читающей публикѣ, слѣдовательно тѣмъ болѣе совершенно не могутъ быть доступны для французовъ, мало знакомыхъ съ исторіей Украины въ самыхъ общихъ чертахъ. Притомъ для французовъ, страдающихъ недостаткомъ элементарныхъ знаній о Россіи и Малороссіи, естественно должны быть вполнѣ непонятными различія между московской или украинской точкой зрѣнія на данные вопросы, тогда какъ ясное пониманіе этого различія уже предполагается въ самомъ изложеніи въ книгахъ Кулиша. Понятно, что Рамбо былъ

безусловно правъ, съ чѣмъ и долженъ былъ Кулишъ согласиться. Факты и соображенія, имъ приводимые, были слишкомъ убѣдительно; такъ онъ ссылаясь, на примѣръ, на то, что даже для „Войны и мира“ Толстого, романа въ значительной степени касающагося событій французской исторіи и въ которомъ есть между дѣйствующими лицами французы, хотя нашелся переводчикъ (до того времени), но не нашлось ни одного издателя.

Любопытно при этомъ, что Кулишъ, вооружаясь противъ иллюзій, распространяемыхъ по его мнѣнію, сочиненіями украинофиловъ относительно значенія и исторической роли козачества, больше всего былъ склоненъ обвинять Шевченка, который, по его словамъ, „долго, долже самого Костомарова, загораживалъ дорогу къ уразумѣнію международныхъ отношеній Польши, Малороссіи и Россіи“¹⁾. Планъ собственнаго труда обозначался тогда въ умѣ Кулиша въ слѣдующихъ чертахъ: „Хмельницкій“—говорилъ онъ—является у меня уже въ третьемъ томѣ; въ четвертомъ опредѣляется въ изображеніи его среды, какъ характеръ, а съ пятаго тома начинается уже Хмельница, которою воссоединеніе окончится“. Любопытно также соображенія, по которымъ Кулишъ избѣгалъ печатать свой трудъ въ Кіевѣ: „тамошній цензоръ могъ бы уничтожить все тѣни, брошенныя мною на духовенство для возвышенія блеска святыхъ его сторонъ, и живопись превратилась бы въ иконопись“. Но, въ свою очередь, и самъ Кулишъ опасался, отдалившись отъ центровъ культуры, впасть въ какую-либо односторонность, о чемъ весьма довѣрчиво и откровенно говорилъ Бестужеву-Рюмину, выразившему свое задушевное сочувствіе по поводу положенія, въ которомъ онъ находился: „Ваше „грустно!“ я вполне понимаю. Поймите же и вы невозможность въ изолированномъ и отверженномъ положеніи

1) Съ Костомаровымъ Кулишъ разошелся тогда до такой степени, что Костомаровъ написалъ противъ него полемическую статью въ „Русской Старинѣ“ подъ заглавіемъ: «О капалахъ» (1878, III, стр. 385—402). См. также статью Костомарова въ „Кіевской Старинѣ“, 1883, т. I, стр. 221—234.

сохранить свое достоинство человѣческой мысли и ея выраженія. Вы знаете, чѣмъ кончаютъ самые талантливые живописцы, подвергнутые долготѣнному заключенію“. Кулишъ горько жаловался на невыгоды своего положенія хуторянина, благодаря которому для него были недоступны бібліотеки и бесѣды съ спеціалистами. О своемъ разладѣ съ представителями администраціи Кулишъ говорилъ такъ: „Мнѣ запрещено издавать въ Кіевѣ журналъ, тогда какъ главному управленію по дѣламъ печати слѣдовало бы умолять меня объ этомъ, чтобы излѣчить мѣстную интеллигенцію отъ такого недуга, въ какой впалъ, наконецъ, и Драгомановъ“. То же онъ высказывалъ по другому поводу, говоря мимоходомъ, что „за невозможностью пребывать въ центрѣ просвѣщенія, согласенъ жить на окраинѣ, но не въ глуши, гдѣ никому нѣтъ дѣла ни до воссоединенія, ни до сепаратизма“.

В. Шенрокъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СЕРЕДЪ ТЕМНОЙ НОЧЫ.¹⁾

Повѣсть.

ЧАСТЫНА ТРЕТЯ.

Левантына.

I.

Левантына не знала, куды саме йти. Ишла зъ сусидне село,—може знайде тамъ роботу. Теперь жыва, то скривъ рукъ треба. До села було тилькы пѣнадцать верстовъ, и вона вступыла въ ёго ще до снѣдання. Промынула килькы першыхъ дворивъ и спынылася передъ велькою, на дви половыни, новою хатою, зъ дворомъ, забудованымъ по хозяйському зробленымы повиткою, возивнею й хливами. Середъ двору стоявъ запряженный бичь.

— Мабуть заможный господарь жыве,—подумала дивчына.—Зайду до ёго.

Несмыльво вступыла у двирь, и саме въ ту мыть зъ хаты выйшовъ господарь, крѣмезный, прѣсывый чоловикъ зъ коротко пидстриженою шпычакуватою бородою, зъ кудлатымы бровамы. Лагодывся сидаты й хаты на поле и вздривъ Левантыну.

— А чого тобі, дивчыно?

¹⁾ См. Кіев. Ст. № 6.

Вона низенько вклонылася, здоровкаючыся, и тремтячымъ голосомъ сказала:

— Роботы шукаю... Чы не треба вамъ наймычкы?

— Роботы? А звидкыли жъ ты?—спытавъ господарь, позыраючы на неи веймовирными очыма зъ пидь кудлатыхъ бривь.

— Зъ Дыбливь.

— А чыя жъ ты?—и такъ вняъ выпытувавъ про все въ Левантыны, роспытався й про те—черезъ що кынула хазяивь. Вона сказала, що занедужала, а тымъ часомъ хазяи взяли иншу наймычку. Хазяинь ще подывывся на ии билетъ,—выдѣмо пысьменный бувъ,—вернувъ ёго, а тоди сказавъ:

— То що, заставайсь хочъ и въ насъ... Роботы теперь багато... Дамъ тоби тры карбованци на мисяць.

— Дядьку, а теперь же дорожче роблють,—насмилылася озватыся дивчына.

— Може де й роблють, дакъ пиды ще, пошукай—поки ёго знайдешъ тѣи дорожчои цины! А тутъ работа готова.

Подумала Левантына: и справди,—поки ще ёго знайдешъ! Може довго ще попоходышь. Згодылася.

— Иды жъ у хату та снидай та пойидемо заразъ на поле!

Пишла Левантына въ хату. Немолода жинка поралась тамъ.

— Оце, стара, несподивано Богъ пославъ наймычку,—озався до неи хазяинь.—Давай ий снитаты та визьму ии на поле.

Хазяйка прывнтала ии ласкаво, посадовыла снитаты.

Потимъ пойихалы на поле...

И не счулася Левантына, якъ промынувъ мисяць на роботы въ Бовкунивъ (такъ звалыся си люде). Праця була тяжка, якъ звычайно по селахъ у жныва, та Левантына хочъ и була соби утла й тендитна, але не боялася нѣкои працы. Хазяи и хазяйськи сыны й дочка, бачучы, що вона добра робитныця, а дивчына звычайна й соромляжа, булы до неи добри. А що за

працею не геть було колы й думаты про щось инше, оприче роботы, то Левантына такы трохи заспокоилася й на серци,— не такъ неначе стали їй дошкулкаты оти кляти думкы про минулы лыха та зла. Про подію у Чорному Яру и про все, що потимъ у Дыбляхъ сталося, вона ничого не знала—се зробылося вже нисля неї. Тутъ сѣго ничого не було чуты. Левантына думала, що й довго жытыме въ Бовкунивѣ, але помылылася.

Одного разу, якъ уси сыдили за сніданнемъ, рыкнулы двери, и въ хату ввійшла явась дивчына:

— Здорови булы! Ось и я вернулася.

— Гей Параска!—зрадили хазяи.

Вывылося, що тая Параска, се—Бовкунова наймычка. Занедужала въ неї маты, дакъ вона й пишла на який часъ до-дому, а теперъ маты подужчала, то вона й назадъ.

Левантына зоставалася ни въ сяхъ, ни въ тыхъ, бо господари знову бралы Параску. Вона не вдержалася:

— Чомъ же вы, дядьку, не сказалы, що у васъ наймычка е? Може бъ я тоди у васъ и не стала, а де-инде шукала службы.

— Эге, дивчыно! Того жъ я й не казавъ, що ты тоди не стала бъ, а мени,—сама бачышъ,—рукъ було треба, ажъ крычало,—по щыроты визказавъ Бовкунъ.--Та не журысь! Я оце завтра йиду въ городъ, а въ мене тамъ е родычъ, братъ у першыхъ, бакалією торгуюе... Я оце якъ бувъ у ёго, дакъ винъ мени казавъ, що ёму треба наймычкы. Йидьмо завтра въ городъ, то я тебе одвезу до ёго: може винъ не знайшовъ ище дивкы, то тебе визьме. А не визьме винъ, то визьме хто иншый: у городи людей багато.

Чы въ городъ, то й у городъ!—подумала соби Левантына. Вона тамъ зроду не була, дакъ їй трохи страшно було туды йихаты, але жъ тамъ бувъ заробитокъ, а тутъ уже видбулы жныва, то не дуже треба найманыхъ рукъ. Вранци пойихала зъ Бовкуномъ у городъ.

Чомусь той городъ здався їй не такимъ пышнымъ, якъ вона думала. Таки будынкы вона бачыла и въ панивѣ у своему

сели, тилькы што тутъ ихъ було дуже багато: деревьяныхъ, камьяныхъ, сирыхъ, билыхъ, жовтыхъ... такъ и мыгають увъ очу... Та все одынь до одного попрытулювани—ни городывъ, ни садкывъ. По вулицяхъ сновыгають салдаты та паны, лаються акись москали; визъ торохтыть по каминню та пидкыдае по ямкахъ—ажъ не всыдышь. Не подобалося те все Левантыни.

— Тиру!—прыпынывъ Бовкунъ кони.

Сталы билия невеличкои крамныци.

— А ну злазь, Левантыно, бо оце вже мы й прыйихалы.

Бовкунъ прывязавъ кони до лыхтарного стовпа и вдвохъ увійшли въ крамныцю.

Крамныця була пидхожа до тіей, што Левантына бачыла и въ себе на сели, тилькы бильша. По ій крутывся хазяинъ, Степанъ Ивановычъ Квасюкъ, чы то пакъ—Квасюковъ,—се вже такъ винъ себе теперь звавъ. Чорнявый, зъ банькатымы очыма, зъ пидстрыженою по городянському боридкою, не дуже гарный зъ себе, та й не поганый.

— Здравовъ бувъ, Степане Ивановычу!—прывитався гистъ.

— А, здрастуйте, здрастуйте, Платоне Грыгоровычу! Зайздить же въ двирь,—чого вы на вулицы сталы?—запрохувавъ хазяинъ.

— Нема колы, треба на базарь поспишатыся, видказавъ Бовкунъ.—А ось я, колы хочете, дивчыну вамъ привизъ. Чы може вже нанялы соби?

— Ни, ни, ще.

— Дакъ оця хоче у васъ статы. Служыла въ мене мисяць,—добра робитвыця. Я й дали бъ zostавывъ, та не можна,—и винъ почавъ розказуваты, черезъ вицо мусывъ Левантыну видислаты. А Квасюкъ тымъ часомъ поглядавъ на неи своими банькатымы очыма, и Левантыни чомусь не подобався той поглядъ.

— А яку цину визьмешъ, дивчыно?—спытавъ винъ.

— Тры съ половыною на мисяць,—несмыливо сказала Левантына.

Въ городи жылы по чотыри та по п'ять карбованцивъ, але Квасюкъ побачывъ, що Левантына того не знае, и сказавъ, що бильшь якъ тры карбованци не дасть, та ще щобъ вона й на свойй одежи була. Левантына не довго думала й поєдналась. Квасюкъ забравъ у неи пашпортъ и одвивъ ии въ кухню до своєї жинкы.

Квасючка, висока й худа жинка, дуже стариша за свого чоловіка, глянула такымы сердытымы очыма на Левантыну, такъ до неи озвалась, що въ тѣи ажъ у души похололо.

— Боже мій!—думала вона.—Яки жъ тутъ непрывитни люде! Якъ я тутъ жытуму?

Хазяйка заразъ же поставыла ии за роботу до печи. Килькы разивъ налаяла, що селючка и ничого не тямить, хочъ Левантына робыла все якъ треба. Левантына ий неподобалася, бо була молода й гарна. Квасюкъ бувъ на десять рокивъ молодшый за жинку и оженився зъ нею черезъ грошы. Ти грошы винъ давно забравъ соби до рукъ, завивъ на ихъ сю крамницю, а жинкою почавъ поптуркуваты. Вона ёму вже напрыкрылася, бо була стара й негарна. Якъ винъ наймавъ молоду наймычку, то Квасючка лютувала и сыльувалася вытрыпкаты ии геть усякымы прычепкамы та знуцаннемъ. Волила бь старыхъ наймычокъ, бо до тыхъ цей клятый бабій не в'язъ бы. Але Квасюкъ проганявъ старыхъ такъ саме, якъ вона молодыхъ. И черезъ те въ ихъ у хати завсигда кыпило, якъ у казани.

Того жъ вечора вона сказала чоловікови, що Левантына селючка, ничого не тямить, то вона ии видишле. Але Квасюкъ знавъ уже черезъ що се.

— Не вередуй!—крыкнуувъ.—Черезъ тебе наймычкы не вдержышь. Що мисяця нова. Одишлешъ цю,—зостанешся зовсимъ безъ наймычы, бо ніякои тоди не найму.

— Про мене краще безъ наймычки, нижь изъ такою, якъ ся!—крычала розлютована Квасючка, бо въ ихъ ще ни одной наймычы не було такои чепурной, якъ ся.

— Та мени байдуже до тебе,—чортъ тебе беры, хочъ бы й сама все робыла—якъ кобыла здорова! Дакъ же не поро-бышь усѣго сама, то мени черезъ твои вереды кумерціи *вредъ* буде.

— Кумерціи *вредъ*! Якъ разъ тоби кумерція въ голови! Знаю чого треба! Дакъ я за тобою и въ нocy сликкомъ ходы-тиму.

Двое дитей—хлопецъ шесты рокивъ и дивчына семы—по-прокыдалыся и слухалы сварку, слухалы не вперше. Не зва-жаючи на ихъ, Квасючка крычала:

— Я тебе въ нocy въ постели не пуцу! Не думай, що тоби пособытсья, колы ты ии зоставышь.

— Тю на тебе, скажену! Я тоби кажу: одпрашышь цю дивчыну,—я ии знову,—тоби на злысть—изнайду, а тебе зъ хаты выжену,—иды геть икъ твоему дурному батькови, що лустывъ на свить таку прышелепувату дочку!

Квасючка замовыла, памъятаючи, що вже одного разу чо-ловикъ ии выгнавъ бувъ, а батько не дуже прывитавъ, то ий довелося вертатыся до-дому й корытсья чоловікови. Вона знышкла, але наважылась такъ дошкуляты Левантыну, щобъ та, не вытерпившы, сама втекла.

И справди дошкуляла. Левантыни просвітку не було за роботою, за лайкою, та за штурханцямы. Сердыта Стручыха была така добра проты цией худои якъ (суха тараня, носатой, рудой крамаркы, распаленои заздристою й невирою до чоловіка. Левантына мусыла вставаты вдосвита, якъ ще темно було, а лягала о пивночы,—и увесь день на работи. И що ни зробыть, якъ ни ступыть,—усе було не такъ, усе не до ладу, за все гриманне, а то й штурханецъ межы плечы. Квасюкъ же бувъ до неи добрый и, якъ не було жинкы, то все такъ поглядавъ на неи, якъ китъ на сало. Левантыни видъ того погляду ста-вало такъ моторошно, що вона тоди бажала, щобъ швыдче по-вернулося Квасючка зъ своею лайкою. Вона сылкувалося не стрыватыся зъ нымъ на самоти, а винъ робывся до неи ласка-вйшыи та ласкавйшыи и нышкомъ сыломиць пхавъ ий у руки

кількы разивъ цукеркы зъ крамныци. Левантына любыла ласощи, але си цукеркы було їй чогось гыдко йсты, и вона вид-давала ихъ дитямъ, або выкыдала. А одного разу хотивъ подаруваты їй гарну червону стричку. Вона не взяла и втекла видъ ёго.

Промынувъ мисяць. Левантына стомылася такъ, що наважылася кынуты службу и сказала про се хазяинови. Той здывувався:

— Чого? черезъ що?

Вона почала казаты, що дуже важко жыты, що николы спочынку нема, сама лайка, а то й бійка. Але Квасюкъ ніякъ не хотивъ їи пускаты.

— И не выгадуй! и не выдумлюй! Що се ты? Яке жъ ты маешъ право кынуты мене безъ наймычмы? Мусышь буты, ажъ покы я нову знайду. А що тобі важко, дакъ сёго бильше не буде.

Мусыла Левантына зостатыся, и справди їй покрацало: хазяйка вже не годувала їи потылышныкамы и менше лаяла, хочъ позырала на неи ще лютишымы очыма, бо якъ засварывся зъ нею чоловікъ за Левантыну, то ажъ поповывъ їи.

Але самъ Квасюкъ почавъ чеплатыся дужче. Скоро Квасючка одвыхнеться зъ дому,—винъ заразы посадыть дитей у крамныци, а самъ до неи та й почынае пидлабузнюватыся. Одного разу хотивъ обняты, дакъ вона ёму такого стусана дала, що ажъ поточывся.

— Оце, яка сердыта!—каже, немовъ ласкавёнько, а въ самого банькаты очы такъ и зайнялыся.

— Не вьязнить, дядьку,—закрычала Левантына,—бо їй бо втечу!

— Дурна ты!—видкававъ Квасюкъ, знову пидходячы до неи та заступаючы їй дорогу такъ, що вона опынылася ажь у кутку била пемы.—Чого тобі тикаты? Не будь така сердыта до мене, то я тебе якъ лялечку водытиму, а жинка не посміе надъ тобою верховодыты. Любытиму тебе такъ, що ажь!..—И ёго нахабни очы зажевыры, выываючыся въ неи.

— Не займайте мене, бо крычатому!

— Ого жь такы! Чы я звирь якый, чы що, щобь одь мене крычаты! Та я й не займаыму тебе, колы ты не схоцешь. Я до тебе добрый, то й ты будь до мене добра.

Левантына почала соваты рогачемь у печы, а винь тымь часомь ущипнувъ ии за руку.

— Отъ одійдоть, дядьку, бо ий бо оцымь рогачемь такь и дамь!—скрыкнула вже зовсимь сердыто Левантына.

— А я рогачь у тебе видниму, а тоди тебе поцилую.

— У вась е жинка,—и и цилуйте, а не мене!

— Стану я таку погану цилуваты!

— А на що жь бралы?

— Бо дурный тоди бувь.

— Ну то будьте жь теперь розумни та не вьязнить до мене.

Вь другий хати почувлася Квасючына хода, и Квасюкь зныкь зь кухни вь дварь.

Прыйде Левантына вь крамныцю чогось узаты вь хазайство,—винь ий зновь те спивае. Вона вже була рада, що Квасючка не допускала ии до крамныци, а сама туды ходыла. Да те мало пособляло, бо винь завсигды такь прырозумие, щобь де саму ий застукаты.

— Дядьку,—казала Левантына,—колы вы до мене чепляе-тесь, то давайте мени роцоть!

— Не дамь!

— То я втечу,—хай вамь и грошы зостаються.

— Не втечешь, бо вь мене твий пашпортъ, а безь пашпорту тебе заразы у полицию визьмутъ.

Левантына бачыла, що вона вь неволи, и все думала, якь бы зь тией неволи вызволытыся, и не могла ничего выгадаты.

II.

Якь хазяинь выходывь чого зь крамныци, то заместо ёго сыдила хазайка, а якь и хазайкы не було, або було ий николы,

то на другый місяць службы Левантыной, Квасюкъ ставъ посылаты туды Левантыну. Замкне шухляду зъ гришмы та й посадыть дивчыну, покы самъ увійде. Згодомъ, привчывшыся, вона було часомъ де що й продасть иноди—таке, що ёму цину знае.

Одного разу вона сыдила отакъ у крамныци, колы ввійшло щось. Бувъ осинній хмарный вечеръ, а скупи Квасюкы шкодувалы рано свитыты,—у крамныци було по-ночы,—и Левантына тилькы й побачыла високу постать якогось чоловіка въ пальти.

— А дайте мени чвертку табаку!—попрохавъ покупець.

Левантына здригнулася вся, всією своєю истотою.

Передъ нею стоявъ Романъ.

И винъ цизнавъ іи и спынывся здывованый, навить уражений, не знаючы що казаты. Та швыдко скаменувся.

— Левантына! чы ты ба! Якимъ се ты робомъ тутъ опынылася?

Вона стояла передъ нымъ нерухома и щось не давало їй дыхаты, не давало говорыты.

— Служышь тутъ, чы що?

— Служу...—ледви вымовыла вона и въ сю мыть увійшовъ Квасюкъ.

Романъ заразы же кынувъ розмовляты зъ Левантыною, и вона пишла зъ крамныци. Але Квасюкъ, увиходючы, дочувся, якъ вони розмовлялы, покыкавъ згодомъ Левантыну и почавъ іи допытуватыся—хто сей парубокъ и черезъ що вона ёго знае. Вона сказала, що зъ одного зъ нымъ села.

Здавалася зовсिमъ спокійною, хочъ уся холодила. Дожидала нocy якъ Бога, щобъ зостатыся самій. Зосталася, та не полекшало. Не могла заснуты. Все минуле, все тяжке й болоче встало, ожыло новымъ жыттемъ и пекло іи, мордувало.

Присягання, божиння и тоди зрада и ганьба, неслава, соромъ!.. А винъ живе тутъ, никуды не пойхавъ, гарно вбраний... живе добре мабутъ... и покынувъ іи, забувъ, мовъ то не винъ присягався, не винъ занапастывъ їй жытте!..

На що доля знову имъ зустрітися судыла? Краше бь вона ёго не бачыла, не чула про ёго ничего,—тоди бь вона думала; що може винъ умеръ, або живе десь далеко, у злыдняхъ, у гори, и ничымъ не може ий пособыты. Тоди бь ий було лекше. А теперь!..

Печучый жалъ обвинавъ ии за молодымъ занашащеннымъ жыттемъ... жалъ на себе й на ёго.. зрадныка!..

Самый жалъ на ёго. Якъ бы вона могла ёго клясты,—може бь ий було лекше. Але вона не могла.

Вона казала соби, що не любыть ёго бильше пися того, якъ винъ такъ зь нею зробывъ, але зла, зненавысты не було въ неи до ёго.

А си згадки, си прокляти згадки мынулого, недовгого и такъ страшно розбытого щастя!.. Це жь усе мынуло, ёго немае й не буде вже николи... На вищо жь ий згадується, якъ ёго очы зазырала ий у вичы пры мисяшному сяви?.. бачыть сей поглядъ... чые ёго палки уста на своихъ устахъ... и якъ ёго дужи руки, обнявшы ии, забравшы ии всю, цилкомъ, прыгортають такъ могуче и такъ болюче-солодко!..

Безшасна кыдалася по лижку, сонъ утикъ одь неи далеко, вляганыи палкымы неспокойнымы образами... образы мынулого щастя мишалыся зь образами перебутои ганьбы й соромъ... ишли одынъ за однимъ, якъ хвыли въ ричци, и не було въ неи сылы прыпыныты ихъ, прогнаты видь себе и хочъ на мыть угамуватч сю муку.

И довго се діялось...

Кризь маленьке виконце вже почынало сириты першымъ уранишнимъ свитомъ. Чуты було, якъ хтось уже пройхавъ улыцею, а Левантына ще не спала, знеможена безъ краю своимы думкамы. Лежала, заплющывшы очы, а ёго очы стоялы передь нею и дывылысь, дывылысь на неи... пыльно нерухомо... таки велыки... ажъ горять на чорному Романовому облыччи... Яке воно страшне стало!.. А очы все бильшають и все наблыжаються и печуть ии, печуть!.. Хочё скрыкнуты,—не може, хоче ворухнутыся,—не здужае. А воны вже печуть ажъ у

саме сердце, ажъ у саму середину сердца, и ёго страшна рука, чорна така, якъ и облычче, бере ии бидне сердце и стыскае дуже, дуже и хоче вырваты зъ груди..

Крыкнувшы, зирвалася на ровни ноги и стала середь хаты, вся тремтючы.

То бувъ сонъ, що на мыть одну до неи злетивъ, але якый же страшный сонъ!..

Стояла и тремтила.

— Левантыно! чого высыпляешся? На базарь треба!— озвалася зъ другои хаты Квасючка.

Левантына скаменулася. Провела тремтячою рукою по чолу и стала вбираться.

Убралася, взяла кошкыкъ и выйшла. На двори вже було возсимъ выдко, скрызъ ишли на базарь люде.

Ледви завернула за ригъ свои вулицы на другу,—передь нею ставъ Романъ.

Зъ несподиванкы злякалася такъ, що ажъ спынылася, и на мыть чорне облычче зъ минулого сна промайнуло передь нею, та заразъ же й зныкло, бо живой Романъ ни трохи не нагадувавъ тѣи страшнои прымары. Винъ стоявъ передь нею зъ бильмъ выкоханымъ облыччемъ, ще чепурвишымъ, нижъ воно було на сели, и всмихався:

— Здорова була, Левантыно!

Винъ выдымо дождывався на неи, стоявъ тутъ поки вона выйде.

— Здоровъ...—одказала вона, не дывлючысь на ёго.

— А що, не сподивалась мене заразъ бачыты?

— Ни..

— Дакъ ты служышь у городи... Та чого жъ мы стали? Иды, куды йдешъ, а я трохи пройду зъ тобою... Дакъ давно служышь?

— Третій мисяць...

Вона видказувала тыхо, спустывшы очы до-дому, йдучы зъ имъ поручь.

— Сторіа! Отъ не сподивався!.. Якимъ-же се ты робомъ потрапила сюды?

Винъ ще пытається!..

Але перемогла себе и видповидала, сылкуючыся говорыты спокійно:

— Якъ умерла... наша дочка... то я й не схотила вже zostаватыся въ своему сели... и пишла по наймахъ...

— Дакъ дочка була... вмерла!..—сказавъ Романъ, трохи помовчавшы.—Ну, царство їй небесне!.. Се вона й добре зробыла.

— На що ты такъ кажешъ, Романе?

— А хыба бъ краще було, якъ бы вона завъязала тоби свить?

— Не вона мени завъязала свить, а... мій дурный розумъ та... ты, Романе...

— Отъ же й не нападайся на мене! Хыба я про тебе не думавъ? Може бъ я бигцемъ до тебе бигъ, дакъ чоґо жъ бы я побигъ? Бывся якъ рыба обь лядъ, бувало таке, що й голодный по вилькы день сыдивъ... Чы я бъ тебе на голодуванне мавъ клыкаты? У мене хата була така—садъ на ничъ, а на день—базаръ та вулиця. Куды бъ же я тебе взявъ? Оде не давненько тилькы пощастыло службу таку-сяку знайти, думавъ: розжывусь трохи, а тоди вже й до тебе звистку подамъ, щобъ приходила.

— Невже ты думавъ мене клыкаты?—спыталася Левантына и радіючы, и виры не ймучы.

— Ну, оттакои! А то жъ якъ? Хыба ты думаешъ—я явйй?

И винъ почавъ їй розказуваты, що винъ за нею журывся, та якъ винъ шукавъ роботы та бидувавъ, и скрызъ прыбилшувавъ свое лыхо та ростягавъ ёго на довший часъ.

— А я Боже жъ тебе дожыдала на Риздво!

— Ну й чудна ты! Якъ же бъ я до тебе прыйшовъ, колы мене дома злодіємъ изроблено?

— Дакъ хочь бы звисточку подавь—де й що ты, щобь я хочь знала.

— Ну й чудна ты! Ну й ягу бь я подавь тоби звисточку? Що голодный, та холодный? Не стоить того дила! А то ще й такь сказати: не хотивь озыватися, щобь на сели Деньсь та волосни не довидалися де я,—вонь бь же мене тоди заразь у холодну запакувалы, а то й у тюрягу. Хьба жь я дурный, щобь льхови въ цельку лизты?

Левантynie все, що винь казавь, здавалося правдою. Да тилькы гирко, що воно такь усе збылося.

— А щожь ты теперь робышь, Романе?—спыталася вона.

Романь загомонивь швидко, мовь нспышаючыся мерщій промынуты се пытанне:

— Та бачышь, я туть на служби служу... Туть, знаешь есть такый лисный складь, дакъ я тамь... за прыкащыка... Не дуже гарно жыты, ну, та ничего соби.

Сю казку винь усимь розказувавь, хто не знавь ёго.

— Огуть недалечко й жыву,—у Ривчакахь... Прыходь колы вёбудь!..

Левантына махнула рукою. Мынулося! Буде вже й того, що зазнала.

Винь почавь упевняты, що зовсимь льха ий не хотивь, що робывь зь нею по щыросты. Говорывь ласкаво, прыхыльно, и Левантynie здавалося, що передь нею оживавь той давний Романь, якого вона такь кохала...

А винь усе прохавь прыйты до ёго.

Що винь выгадуе? Хьба вона яка, щобь до парубка въ хату йты? Да й колы бь вона йшла? Ий просвитлой годыны нема за работою.

Але винь не покидавь своего. Колы до ёго прыйты не хоче, то нехай выпросытсья въ хазяйки въ недилю. Вонь цышлы бь удвохь на прохидку,—оть хочь бы въ городський садь... Винь ий такь багато мае розказати. Вона ёго робить вынымь, а винь невынень,—треба жь ёму выправдатся... бо винь ии любыть и не хоче, щобь вона такь про ёго думала.

Вона мовъ того не чула.

— Куды се мы зайшли? Отъ, я за балачками замісто базарю Бо'зна куды пішла.

— Поспіешъ ище на базары!

— Не можна,—хазяйка лаятыме.

Воны повернули до базарю, и винъ ще трохи іи провивъ, усе просючы вийты. На пфы кинци сказавъ, що въ неділю ввечери, годинъ у п'ять, дождатиметься іи коло ворить миського саду, и зъ тымъ пішовъ.

Вона не видказала ёму ничего. Але ввесь тыждень думала про се. Питы, чы не питы? Після того всёго, що винъ ій за-подіавъ? И чого? Винъ кыбавъ іи, але ни словомъ не оз-вався—що теперь думаеть робыты! И чого жъ вона піде?

Чудна вона. Стрилася зъ имъ разъ на вулицы на якусь тамъ часынку и хоче, щобъ уже все зробылося. Може жъ винъ на те й кыче іи, щобъ це все розказаты да порадытыся, якъ зробыты.

Думкы хылялыся туды й сюды. Не знала на чому стати и рада була, думаючы, що однакъ хазяйка іи не пустыть. Та зовсимъ несподивано сталося инакше. Въ субботу прыйихавъ зъ свого хутора хазяйчынь батько и забравъ дочку до себе та й надовго: іи маты занедужала.

Въ неділю Левантына не мала за думкы спокою зъ самисинького ранку. Просытыся, чы не просытыся въ хазяина? Сей певне пустыть. Ни, мабутъ не треба. Коны Романъ не зводыть, а справди по щыроты хоче що зробыты, то зробыть, а ій нема чого назустрічъ ёму быты.

Може й такъ, а може й не такъ. Якъ теперь вона не выйде, винъ подумаеть, що вона й зовсимъ одкынулася видъ ёго, та й облышыть усе. И впусыть вона зъ рукъ те, що могла бъ маты.

Врешти надумала: выйду, чы не выйду до ёго, а попро-сюся въ хазяина. И справди попросылася погуляты, подавшы ввечери самуваръ. Квасюкъ, бажаючы прыдобрытыся до неи, заравъ же пусытъ, тилькы наказавъ не довго ходыты.

Принявши самуваръ, Левантына вбралася въ що було краще и пишла зъ дому.

Выйшла на вулицю, а все зъ тією думкою, що може вийде до ёго въ миськый садъ, а може й ни.

Помалу йшла вулицямы, не дуже й дивлючысь куды йде, и опынылася передь мережчатою брамою великого саду.

Видчынула браму и ввійшла.

Въ саду никого не було. Почалася вже росинь, накрапали часомъ дощи, и городяне кынули ходыты въ цей садъ, що роврися ажъ на краю города, а товелься по посыпаныхъ писккомъ стежкахъ бульвару въ середини миста. Не було никого й сёгодня, хочъ на двори була й година.

Передь Левантыною лежала стежка, що вганялася въ глыбъ гаю гарныхъ великыхъ деревъ. Постояла трохи и пишла нею.

И видразу голосъ знаёмый промовывъ надъ ухомъ:

— Спасыби, серденько, що прийшла!

Винь уже йшовъ билия неи, вийшовшы зъ маленькои стежечкы збоку. Обвывъ ии станъ рукою, але вона тихо вызволилася зъ тыхъ обіймивъ, и вони пишли поручъ пидъ рясымъ верховиттемъ старыхъ высокыхъ деревъ. На двори вже смеркалося, и на стежци було темно.

Дійшли до якоисъ будивли.

— Отутъ я ночувавъ, якъ не було грошей на ночлижний,—показавъ на будивлю Романъ.

— Виднёнькый!—промовыла Левантына и схотила подивытыся въ середину.

Романъ одигнувъ гвиздокъ той, що имъ забыто було дверци, и вони ввійшли въ порожній партеръ. Передь Левантыною ледви мрилы въ темряви стины, а тамъ, у тій чорній пащи, де була сцена, якисъ стовпы... Вони пидійшли блыжче до мисця, де бувъ оркестръ, хода ихъ гучно озывалася по дощаному помосту, котылася луною туды, въ темряву, и щось тамъ затрищало,—мабутъ двери зарыпили...

— Ухъ, якъ страшно!—скрыкнула Левантына и несамохитъ прытулылася до Романа.

Винь знову хотивъ ии обняты, але вона заразъ же повернулася й выбигла зъ театру.

— Боже!.. И якъ тоби не страшно було тутъ почуваты!— промовыла вона, идучы зъ имъ дали стежкой.—Я бь зроду не нишла сюды,—краще бь на вулици!

— На вулици полиція не дозволить, то доводиться ховатися туды, куды вона не зазирае.

И винь знову почавъ розказуваты про свое минуле жытте въ гброди, багато прыбрихуючы, и казавъ, що винь ии любить и николи не покидавъ любыты. Вона слухала те, и ий згадувалося, якъ винь покынувъ ии на поталу, на глумъ людимъ, але вона заразъ-же проганяла видь себе ци згадки, и вони знывали, а вона впывалася ёго солодымы словамы... Винь мало-вавъ ий краще жытте. Казавъ, що незабаромъ хазяинъ дастъ ёму липшу посаду, винь одбиратыме ажъ трыста рубливъ на рикъ, и тоди вони могтымутъ жыты вкупи.

Левантыни здавалося, що вони могли бь жыты вкупи й теперь, прынайми теперь-же звинчатися, але вона се тилькы подумала, а чомусь не сказала...

Въ саду було таемнычо и тыхо, высоке склепинне зъ вить схылялося надъ ими такъ захыстно-прыхыльно, и вони були тилькы вдвохъ, и вона такъ хотила ёму вирыты. И сама не помытла, якъ ёго рука обняла ии за стань, и дивчына вже не пручалася. Вони йшли, близько-близько прытульвшысь одне до одного. Якась солодка знемога почынала опановуваты ии всю видь цёго доторкання, видь ёго ласкавого голосу... И ёго губы нахмылысь до ии усть, и, заплющывшы очы, вона видповидала ёму на поцелуножь.

И видразу розгорнулысь вгори вить, и темне, поважне, высоке небо глянуло на ихъ своимы очыма-зорямы. И сей поглядъ мовъ одразу розигравъ Левантынны мары. Вона вырвалася видь Романа, видскочыла и, простягшы попередъ себе руки, мовъ хотила видь ёго оборонитися, скрыкнула:

— Ни, Романи! ни! Не займай мене!.. Не хочу!.. Зроду не хочу!..

Вона вся тремтила. Ще разъ сказала „Не хочу“! и пишла швидко, мало не побигла, назадъ, мовъ боячысь ёго, мовъ ути-каючы видъ ёго. Винъ поспішався слидкомъ за нею, кажучы, що вона дурна, що нема чого боятыся. Але вона йшла хутко, ничего не кажучы, не дивлючысь на ёго.

Незабаромъ выйшли зъ саду. Левантына мовъ заспокои-лася, пишла тыхше. Романъ почавъ говориты про инше, роз-сказувавъ дивчыни, що винъ бувъ у театри, и якъ тамъ гарно, и що то театръ. Вона спершу тилькы слухала ёго, потимъ по-чала й роспытуватыся, задикавывшыся. Про те, що було въ саду, вже бильше не згадували.

Винъ повивъ ии до-дому иншымы вулицямы, не тудю, ку-дою вона йшла. Якъ проходили прозь одынъ двиръ, винъ по-казавъ на невеличку хатку:

— Огуть я живу.

Левантына ничего не сказала, тилькы швидко пишла дали, мовъ боялася, щобъ винъ не повивъ ии до себе. Якъ выйшла на свою вулицю, попрохала ёго не йты вже за нею и швидко дійшла до-дому.

Вертаючыся Романъ одъ нез, сердывся, що ёму такъ не ща-стыло. Але це ще бильше распаловало ёго. Винъ зовсимъ не сподивався, що Левантына буде така вперта. Думавъ, що якъ у городи, сама соби, то ще краще... Беры, каже, та винчайсь... Туды къ чортамъ! Сâме теперь ёму женытысь та дитей за-водыты!

Але нехай не брышкае! Ёго рукъ не мыне.

И винъ почавъ учащаты въ крамныцю—чы не побачыть Левантыны. Але Квасюкъ помитывъ, що сей парубокъ не дурно зробывся охочый у ёго купуваты, и не ставъ зовсимъ покыдаты въ крамныци Левантыны. Романъ почавъ тоди стерегты дивчыну на вулици въ той часъ, якъ вона мала йты на базаръ. Вона знала це и боялася тыхъ зустрічывъ, разомъ и бажала ихъ. Першь, нижъ выйты зъ хвиртки, страхаючысь, позырала, чы нема де Романа, обходила иншымы вулицямы, а не стрившы

ёго, почувалась такъ, мовъ ии надія одурыла... и сама гнивалася на себе за те почуванне...

Але иноди ёму щастыло переняты ии. Тоди винъ проводиць ии до базарю, сылкуючыся спершу завести дивчыну на яки иншы вулицы, щобъ довше ходыты. И все такъ гарно до неи говориць и прохавъ выйты...

Якъ бы вона не бачыла ёго, то ий бы лекше было, вона бь ёго потроху забувала. Але оци зустрічы, оци втикання видь зустрічыць и жаль за имы, оци розмовы й думкы, думкы, думкы про ёго та про ёго слова—не давали ий спокою.

Лыхо було Левантыны зь Романомъ, а ще гирше зь Квасюкомъ. За имъ не было ий просвіткы. Видколы Квасючка пойихала,—в'язъ до неи якъ шевська смола, лизъ обниматы й цилуваты ии. Вона звычайно штовхала ёго, втикала зь хаты й сидала на двори, ажъ покы винъ ийшовъ знову до своєї бакаліи. Добре хочъ те, що не мигъ довго сыдыты въ свой хати.

Вночы вона защипала на защипку двери зь кухни въ свитлицы. Але одного разу прокынулася, почувшы бия себе когось. Зхопылася зь просоння якъ божевильна.

— Не лякайсь! не лякайсь! се я...—озвався знаёмый гдыкый ий голось, и вона почувла на соби ёго руку. Зирвалася зь лавы та зь хаты. Перебигла двиръ и заховалася ажъ у другому кинци ёго за сажнями дровъ.

Була боса, въ самій сорочци та въ лыхенькій спиднычціи.

Вона сыдила тамъ довго, тремтючы зь страху й холоду, цокотючы зубамы. Сыдила, ажъ покы подубили зь холоду ногы, и всю ии мовъ трясаця трусыла. Тоди догадалася злизты на горыще надъ киявицею и закопатся въ сино. Тамъ зогрилася и, дримаючы та прокыдаючысь, пролежала до ранку.

Вранци, тилькы рыпнула дверыма въ кухню, Квасюкъ заразъ же й выйшовъ зь другої хаты.

— Де се ты валасаешся по ночахъ? Давно треба по хазяйсту поратыся, а вона бигае!

Такъ говориць, мовъ бы самъ ничего й не зробіць, а вона була вынна. Не стала зь имъ сперечатыся, тилькы сказала:

— Оддайте мени пашпортъ та зароблени грошы, то я пиду видъ васъ.

Винъ зареготовався.

— Чы ты ба, яка розумна!.. Хазяйка пойихала зъ дому, а вона буде роцытуваться, безъ робитницы хазяйство покыдаты! Давъ бы я ий грошы й пашпортъ! Ничого не дамъ! Колы хочешъ иты—иды соби така, яка есть, то посыдышь у полиціа, та по етапу до-дому пошлють.

Левантына боялась полиціа та етапу. Вона згадувала, якъ одну зъ ихъ села дивчыну прыведено до-дому по етапу. Боже, якого сорома було! А скільки назнуцалысь зъ бидолашнои въ полиціа!

— Чого ты, дурна такъ злякалася?—казавъ дали Квасюкъ.—Ну, колы ты така вижна, то я тебе бильше й не займатиму. Жывы соби,—я до тебе й не доторкнуся.

И почавъ божытыся й прысягатыся, що не займатиме. Вона не знала, чы вириты ёму, чы ни. Якъ бы не той пашпортъ та грошы, то заразы бы втекла. А такъ—щбъ вона robberyме?

Зважылася зостатыся, але того жъ дня купыла за свои грошы кильца до дверей и замокъ, бо защипку можна було видкнуты зъ Квасюковой хаты въ щилыну. Прыкрытыла кильца и замыкала на ничъ двери, але не могла спокойно спаты. Разъ-у-разъ прокыдалася, бо ий усе марылося, що хтось увидоудыть до неи.

Стрившыся Левантына зъ Романомъ, похвалялася, що ий погано жыты, що хазяинъ до неи вьязне.

— Дакъ що? Кыдай тутъ та ставай на иншу службу!—порадывъ той.

— Якъ же я кыну, колы винъ ни пашпорта, ни грошей не виддае?

— Погана сторія: безъ пашпорта ништо не прыйме!.. Ну, а ты такы кыдай та й переходъ до мене жыты. А тымъ часомъ по-жаліємося въ полиціа, що винъ пашпорта не виддае. Покы пашпорта видберешъ та службу знайдешъ, то жытынешъ у мене.

Левантына не приставаля на це и все думала що ёго робыты. Правда, ось уже килькы день хазяинъ ии не займае, але хто ёго знае, лкъ воно дали буде.

И справди, дали не було ничого гарного. Квасюкъ нышкомъ высмыкнувъ зъ дверей кильце и знову ёго застромывъ,— абы держалося. Левантына не помитыла дёго.

Вночы винъ попхнувъ дверы, кильце выскочыло, и винъ уыйшовъ у кухню. Левантына почула це вже тоди, якъ винъ обхопывъ ии рукамы. Вона скрыкнула, прокынувшысь, и схопылася, але винъ заразы же знову звалывъ ии на лижко. Вона иочала видбыватыся зъ усией сылы, але тией сылы було мало, щобъ подужкаты здороваго чоловика. Вона вже знемогала въ останній боротьби. Ёго гыдка пыка лежала на ии облыччи. Сама не знаючы якъ, вхопыла ёго зубамы за щоку и стыснула зубы такъ дуже, що винъ скрыкнувъ зъ болю и рознявъ руки. Вона видопхнула ёго и чула, якъ винъ упавъ до-долу, загрыкотившы. За мыть вона вже була на двори. Страхъ такъ опанувавъ ии, що вона выбигла зъ двору на вулицю и тилькы тамъ пишла тыхше.

Ишла вулицею и вся трусилася зъ страху, зъ турботы, зъ холоду. Писли першого выпадку зъ Квасюкомъ вона спала завсигды вбрана, але була боса, и холодъ дошкулявъ ий у ногы. Пишла швыдче вулицямы безъ ниякои меты, не знаючы що робыты. Було вже не рано. На порожнихъ пивтемныхъ вулицяхъ догорялы лыхтари, ледви блымаючы. Де-не-де блукалы стукачы, розганялы свій сонъ, калатаючы въ калаташку; а де-яки вже спалы, прыхыльшыся до дверей на якому рундучку.

Левантына йшла, все йшла вулиця за вулицею, безъ ниякои меты, абы не стояты, абы йты. Ходыла такъ довго, ажъ покы втомылася и сила на ослинчыку пидъ чыимысь воритьмы, пидобгавшы пидъ себе задубили зъ холоду ногы. Не довго посидила, бо заразы же стукачы прогнавъ ии звидты.

— Иды, йды! Багато васъ тутъ такихъ валасаеться! Не огынайсь, бо свмысу, то прыбизыть городовый,—забере въ полыцию.

Левантына пішла дали. Перейшла килькы кварталівъ и знову прытулылася уже на рундучку. Тутъ посыдила трохы довше, бо стукачь зъ цѣго кварталу десь заснувъ. Але врешти такы прогнавъ, ще й вылаявъ погано. Ходыла тоди знову зъ вулыци въ вулицю, абы якось долукаты до свиту. Хочъ не знала що вона мусыть робыты й свитомъ.

Вернутыся до Квасюка? Але тилькы подумала про це, то всю ии почало трусыты. Краще зъ голоду вмърты, замерзнуты, нижь одъ ёго пропасть!.. Шты зранку жъ найматыся, статьи на точку? Хто жъ ии тамъ вызме босу й простоволосу, ще й безпашпортну? Вернутыся до-дому въ свое село? Але туды ии такъ само не наvertsало, якъ и до Квасюка. Та покы вона дйде, то й задубіе на дорози.

Думкы мучылы ии такъ саме, якъ холодъ та втома. Вона вже килькы ничъ спала дуже потроху и теперъ почувала, що сонъ такъ и хыляе ии—отъ-отъ упаде й засне на вулыци. Зъ усіеи сылы бадёрыла сама себе и все йшла, йшла...

Все вулыци, вулыци, вулыци... Мертви вулыци... Таки чужи, якъ и люде... Ни душечки ридной...

Яка одынока, яка покынута!.. На всёмъ свити!..

Безъ помочы, безъ надіи... Хочъ бы де куточокъ теплый!.. Хочъ бы людына добра!.. Тилькы вулыци темни, холодни и щось торохтыть-торохтыть-торохтыть...

Спиткнулася и трохы не впала. Вона спала, йдучы. Не спала, а такъ—голова туманіе... Люде йдутъ на базаръ—торохтять. Уже починое свитаты.

Хочъ бы прыхылытыся! Куды вона йде?.. Охъ, якъ тяжко,—все тило болыты!.. И душа... Хочъ бы и вмърты... Хочъ зъ мосту та въ воду—онъ зъ того мосту.

Зійшла на ёго, перехылылася черезъ поручата. Дывылася ввызь.

Сира нечыста вода плыве ливыво, заспано пидъ уранишнимъ туманомъ... Така холодна, негарна... Дали, дали!..

Зовсимъ уже выдко, по гѣроду метушаться люде. Де се вона? Неначе вона тутъ була, а не пизнаё... Стала й дывылася.

Хаткы й поганеньки обшарпани будыночкы тыслыся въ яру по-пидь глынястою кручею. Згадала: се Ривчакы... Ти, де Романь... Чы не ёго це й хата?..

Тепло у ёго въ хати... Питы бѣ туды, бо тамъ тепло... И заснуты можна...

Хытаючыся перейшла двирь и пишла въ хату.

III.

Романови зъ товариствомъ останними часами не щастыло. Нишлы вони въ Дыбли и зовсимъ уже налагодылися вывесты шару добрыхъ коней. Колы тутъ нечыста нагнала гурть пьяныхъ перезвянь, и вся справа ляснула. Ажъ до свиту куёвдылася перезва на тій вулицы, де булы кони, и на блыжчыхъ, а товаришы мусылы сыдиты, прытаившыся въ суточкѣхъ. Добре попотрусылися, боячыся, що ихъ тамъ побачуть, а вже якъ бы побачылы пьяни чоловикы, то певне, що жывымы не пустылы бѣ. Ледви пощастыло по-малу-малу vybrатыся звидты та вынести цилу душу.

Писля цѣго, трохи згодомъ, Левдыкъ зъ двома хлопцами подався въ Ринакы, и имъ дуже добре пощастыло вывесты трое коней. Але заразы же за селомъ норовыста коняка скынула Лукаша и втекла въ поле. Мусывъ винъ плуганытыся въ городъ пишкы, а ти двое пойихалы, щобъ одвесты коней до Гапона. Та имъ на лыхо на двори бувъ туманъ такый густый, що вони зблукатыся, проблужалы всю ничь, не потрапылы до Гапона, а зайихалы въ Черноусь и ажъ тоди схаменулыся, якъ побачылы передь собою хаты. По вулицы вже вешталысь люде и заразы же ихъ прыпынылы. Спершу черноусци подумалы, що се просто соби зъ якои слободы люде зблукалыся, почалы ихъ роспытуваты видкыля, та куды, та чого йдутъ. Ти щось не такъ одказалы, щось наплуталы,—вони ихъ у волость, почалы допытуватыся, а ти ще бильше плуталы, и выявылося, що се коноводы. Быто ихъ дуже, а потимъ одвезено до тюрьмы.

Товариство не боялося, що вони выкажутъ на суди ин-
шыхъ: то добри хлопци и цѣго не зроблють. Але жъ ихъ замк-
нуть найменше на ригъ до тюрмы, а то такъ и зашлють, бо
вони вже не вперше въ суди, а товариство тоди втрачае двоухъ
добрячыхъ робитныкивъ. А друге—здобычъ выскочыла зъ рукъ
ще разъ.

Писля цѣго отаманъ зъ Романомъ та зъ Лукашемъ знову
подалися въ Дыбли, але й сѣго разу нещасливо: перешкодылы
стукачы, бо всю ничъ ходылы по вулицяхъ, не даючы пидсту-
пытыся ни до одного двору. Бо хочъ пъяни перезвяне и не до-
гледылысь тоди коноводивъ, але потимъ у-день люде побачылы,
що по гордахъ походжено, и ходыло щось чуже. Догадалысь,
яки то гости булы, и додали варты.

И се вже такъ два мисяци товариство сыдило безъ заробитку.
Пообйидалыся й пообносювалыся такъ, що вже дали ни-
куды. Тилькы Ярошъ живъ, якъ попереду, бо винъ завсигды
пывъ по троху и не дуже пынкувавъ гришмы, якъ вони ёму
потрацялы до рукъ. Черезъ те вси теперь до ёго прыходылы
позычаты грошей, и винъ пособлявъ товаришамъ по-троху.
Саме за такою позычкою зайшлы до ёго ввечери Патрокль Хвы-
гуровський та похмурый Кучма. Сыдили, нарикаючы на лыхи
часы, колы почулы, що хтось ище йде, и незабаромъ у хату
вскочывъ новый гистъ—Лукашъ.

Вивъ бувъ ще обидранійшый, нижъ попереду, а на довгихъ
ногахъ не було чобитъ: винъ уже давно ихъ пропывъ „зъ гора“
и теперь ходывъ такъ, що одна нога була въ резиновій ка-
лоши, а друга обгорнена онучкою та увъязана мотузкомъ. Дарма,
що такъ, а бувъ веселый, ускочывшы, махавъ руками й вы-
гукувавъ:

— Здрастуйте вамъ! Чого пожурылысь? Дилъ—первый
сортъ—крычавъ винъ пъянымъ голосомъ и брызнувъ на стиль
кылькомъ срибнымы грошыннами, що вони ажъ роскотылыся по-
столу и дви впало додолу. Перелякана дытына заплакала въ
колысци, и блида й мовчазна Ярошыха нахылылася надъ нею,
щось дытыни шепочучы, голублючы ии. А Лукашъ ставъ посе-

редь хаты зь шапкою на потылицы, руки въ боки, и всмихався безгрудымъ пьянымъ усмихомъ.

Ярошъ изъ Кучмою главулы, дывуючысь на ёго, а Патрокль Хвыгуровскый пиднявъ ти монеты, що попадады додолу.

— Чы ты ба!—скрыкнувъ,—гляньте лышь: карбованецъ и тры четвертакы! Де це ты добувъ, хлопче? Може въ кого „загубывъ“?

— Овва! Якъ уже я, то и не можу добуты! Пальто було первый сортъ, а дверы лакей не замкнувъ, а я пальто надивъ та й пишовъ на базарь, якъ пань.

— Еге! Лукашъ старовынку згадавъ, свое давне ремество.

— А чымъ старе мое ремество погане?—пытавъ задержкувато Лукашъ.—Отъ вы зь своимъ новымъ безъ ничего сыдыте, а я зь заробиткомъ.

— Вельчается!—гарыкнувъ похмурый Кучма.—Поцупывъ якесь дранте та й радый. Чортъ вить що!

— Чого жь воно—чортъ вить що?—пытавъ ображенный Лукашъ.

— А того, що чортъ вить що та й годи! Наше дило старовицьке, вильне... Вывавъ коня, сивъ на ёго—якъ майнувъ полемъ-степомъ... гей!.. А то лазь по викнахъ, та вытгай манаткы! Пху!..

Кучма плюнувъ и сердыто одвернувся. Винъ бувъ старый боноводъ и не любывъ лыгатыся зь звычайнымы миськымы злодіячкамы, що жылы зь дрибною крадижкы.

— Та годя вамъ сперечатыся!—перечынивъ Ярошъ.—Жоы Лукашеви пощастыло, то й гараздъ.

— Нехай лышь становыте могорыча!—озвався Патрокль.

— За первый сортъ!—крыкнувъ Лукашъ. Ухсывъ грошы й метнувся зь хаты.—Въ одынъ ментъ буде!

— Чуешъ, Лукашу!—гукнувъ ёму навздогивъ Ярошъ.—Поклычъ тамъ по дорови Романа!.. Чуешъ? Отъ же мабутъ не почувъ бисивъ хлопецъ,—побигъ якъ скаженный!.. Ну, покы нема Лукаша, то розкажы, Патрокле Степановичу про Левдыка!—звельивъ Ярошъ.—Бачывъ ты Лазькь?

Лазько—то бувъ респтантъ, що ходывъ зъ тюрмы на роботу въ гѣродь, черезъ ёго Левдыкъ подававъ про себе товаришамъ звисткы.

— Бачывъ... Я й забувъ пакъ розказаты.. На бульвари винъ робывъ... Пишовъ и я на бульваръ: ципочокъ у руки та й иду собі—отъ, кавалеръ на прогулянку,—туды-сюды паличкою крутю... А вони ямки копають, щобъ дерево садыты. Ну, я сивъ на ослони заразъ била Лазька—одпочываю бѣло. И винъ мене бачыты, и я ёго бачу, та проклятый салдатъ стырчыты... А, ванисъ пекельный! Хочъ бы тебе трычы Тартаръ поглотывъ!.. Одначе дывлюсь—одходыты, одходыты салдатъ геть дали... Тоди вже Лазько й сказавъ..! Чепляютьса до Левдыка не за сами Рипаки, а ще й за Рижкивку,—пам'ятаете,—винъ тоди ходывъ? Дакъ каже,—треба, щобъ хто посвидчывъ, що ту ничъ винъ дома бувъ.

— Онъ якъ! Треба свідка... Кого жъ бы то?..—замыслывъ Ярошъ.

— А кого жъ? Хведорченка!—порадывъ Кучма.

— А й справди! Дакъ я завтра зайду до Хведорченка,—звелю ёму, щобъ готовый бувъ до слідствувателя йты, а Патрокль Степановычъ пиде знову на бульваръ та перекаже Левдыкови.

— Гараздъ!—одказавъ Хвыгуровський.

Се була звычайна справа: коноводамъ, якъ вони потраплялы до тюрмы, треба було такыхъ свідкивъ, щобъ выправлялы ихъ. Здебилшого имъ щастыло переказуваты товаришамъ, чого самѣ имъ треба, а ти постачалы свідкивъ зъ своихъ же людей.

Тымъ часомъ прыйшовъ Лукашъ зъ двома пляшкамы й зъ закускою, а за имъ и Романъ. Стыль заставлялы пляшкамы, чаркамы, тарилкамы, заложылы всякою йжею. Патрокль, не гаучысь, одиткнувъ поломаною двоухзубою выделкою пляшку й нальывъ. Почалы пыты й йисты.

Побачышы, скыльки прывнесено горилкы, Ярошева жинка подала мерщій на стиль усе, що треба, а сама, повы ти пылы

й закусювали, нышкомъ узяла дытну, выскочыла зъ хаты та й подалась до сусиды. Вона звычайно такъ робыла, якъ Ярошъ гулявъ. Винъ пывъ не часто, але пидъ часъ великой гулянки бывало, що й добре выпывавъ, и тоди бывъ ии й нивечывъ тяжко за те, що вона завсигды гребувала ёго диломъ и товариствомъ.

— А чулы, що вже Мыкыта вийшовъ зъ острогу?—попытавъ Романъ.

— Хыба? Ни, не чувъ,—одмовывъ Патроклъ.

— Вийшовъ?—спытавъ злистно Кучма.—Шо жъ, оце ёму й мынется?

— Ни,—видказавъ Ярошъ,—такъ не мынется. Треба накараты. Отъ зберемось гуртомъ та порадымось, що зъ имъ робыты.

Мыкыта—се бувъ такожъ коноводъ зъ ихъ товариства. Ёго піймано, суджено, и винъ выказавъ ще на килькохъ душъ—ти й доси видбували кару въ острози. Звычайно коноводы не прощали такой зрады.

— Треба такъ накараты,—говорывъ Кучма,—щобъ уже бильше не мигъ такого робыты. А то теперь страху нїякого нема. Въ старовыну не такъ було,—въ старовыну строго було.

— Ну, а якъ же въ старовыну каралы?—спытавъ Лукашъ.

— А такъ!.. Одного разу... давно було... годъ десять... Тоди въ насъ бувъ отаманомъ Хоменко—отъ запальнїй бувъ!.. А рнздо въ насъ було пидъ Борзною. Дакъ одынъ на суди и прошкодывся такъ, що черезъ ёго двоухъ у Сибирь заслалы. Ну мы пидождалы, покы винъ вийшовъ зъ острогу. Вийшовъ винъ и не подае знаку, а самъ на Черниговъ побрався. А отаманъ каже: Невже жъ оце винъ и втече нашихъ рукъ? Не попустимо, хлопци! Ну заразы двое й обизвалось: одынъ та ще другий, молодой бувъ хлопецъ Грыцько... а здоровый бувъ, якъ туръ!..—Мы ёго, кажутъ, приставымо. И приставылы!

— Та якъ же вони ёго приставылы?

— А такъ, що на дорози перенялы. Перенялы та назадъ руки скрутылы та рота ганчюю затянулы, та й ведуть... До-

вели до нашего ярка... бувъ тамъ у насъ такой яркъ, що мы въ ёму збиралися... Одынъ же побигъ товариство влыкаты, а Грыцько берэгты zostався.

— На що товариство?

— Щобъ судъ бувъ... Не хотили сами порядкуваты... Ну, збигавъ... Мало не все товариство збралося. Стало кружвѣ, а ёго посередыни... Одитвнули ёму рота,—кажы, колы хочешъ!.. А винъ стоить проты мисаця—билый, билый та трусыться...

— Ну?

— Ну й присудылы!..—и Кучма выхыльв чарку.

— Що жъ ёму зробылы?

— Що зробылы, те зробылы, а тилькы вже бильше никого не паскудывъ!... Якъ закопалы на тому жъ мисти, то такъ и зогнывъ,—нихто й не шукавъ... А хочъ бы й знайшлы, то нихто бъ не выказавъ, бо вси булы хлопци добри та й былы вси... по черви коженъ бравъ кйёкъ та й бувъ... щобъ усимъ выннимъ быты...

— И вы тамъ булы?—спытавъ Лукашъ.

— Може и бувъ, а може й ни,—одказавъ Кучма, наливаючи нову чарку.—Такъ устаровыну було! А теперъ распуста пишла, нихто не шануеться, нихто честы не знае: выказавъ на товариша та й правъ и ходыть соби по воли, мовъ и ничего не зробывъ. Хиба що поцобьють иноди, та й то не дуже...

— Ну, не дуже то й теперъ простымо!...—стыха, але гостро промовывъ Ярошъ, и ёго холодни зли очы блыснулы.

— Ни, що не кажы, а въ старовыну не такъ було!—зновъ правывъ свое Кучма.—Тоди ты знавъ, що ты въ товаристви воинъ и що вси за тебе якъ одынъ стоять! По правди робылы! А теперъ такого вже нема... И того не було, щобъ коноводъ поганывъ руки палитомъ якымъ, або що. Тсди коженъ знавъ—наше дило стень! Тамъ ты соби вильный,—шукай витра въ поли! Та й коноводы жъ яки булы! Хоменко, отаманъ, дакъ той разъ за одну ничъ самъ вывивъ пъятеро коней!.. Ото люде!.. А теперъ що? Пху!.. Дрибнодухы вси!..

Кучма вже здорово выпивъ, а выпившы, винъ завсигды выхвалявъ старовину, що якъ то добре тоди було, и лаявъ молодыхъ...

— Брехня!—grimнувъ кулакомъ по столу Патрокль, ажъ пляшки й чаркы задзвенилы.—Брехня! Е й теперъ таки коноводы—орлы!

— А де жъ ты ихъ бачывъ?—спытавъ, глузуючы, Кучма.

— Де? На Кубани!

— А хыба ты тамъ бувъ?

— О, стультусъ малоумный! Да ты спытайся—де я не бувъ!

— А ну жъ, ну, розкажить про Кубань!—попрохавъ Романъ.

— Слушайте! Почну ab ovo, зъ початку. Отъ якъ турнули мене зъ кондукторивъ, заходывся я торгуваты. Голкы-шпылькы, пундыкы-мундыкы, табачоць-сирнычоць—ать, чортъ зна що! Бачу, що воно не пидходить ни до мого имени, ни до моеи хвампліи, ни до мене самого. Бо им'я въ мене геройське, хвамплія—образецъ, та й самъ я такый, що хочъ заразы иды троянцивъ воюваты! А тутъ голкы-шпылькы!.. Чортъ зна що! Лыквыдація и аквавита.

— Що, що?—пыталы Романъ та Лукашъ.

— Азинусы й стультусы! Те, що продавъ свою бакалію, а грошы, зъ горя, прогулявъ. Ну, zostавсь у мене въ кышени, якось завалывся, карбованецъ. Подывывсь я на ёго: Ге-ге, братику, зъ тобою довго не прожывешъ!.. Ни, тисно тутъ жыты!.. Махну на Кубанськи степы! Хочъ изъ черкесомъ буду бытсья, —усе лучше, нижъ изъ п'яныцями въ трахтыри. Ну, иду до знакомого кондуктора: пусты на Кубань! Посадыввъ у кондукторську, а на другый пойиздъ другому кондукторови здавъ... Отъ я вже й на Кубани...—Добра штука Кубань, да тилькы беда, що й останнёго карбованця въ дорози пройивъ. Найнявся до одного багатого пана, а въ ёго табунцыкъ Артемъ Гайда. А вы знаете що воно тамъ табунцыкъ? Чортъ, а не чоловікъ! Якъ вырветься у широкий степъ зъ орканомъ у рукахъ, дакъ винъ тамъ оредь! Скаженого коня-неука піймавъ, сивъ на ёго,

стыснувъ колынымы—эхъ! ажъ степь гуде! Кинь бѣе и передомъ и задомъ, та де ёму скинуты Артема! Зъ скаженого—овечкою стане! А вже ничыя чужа коняка не стривайся зъ Артемомъ у степу—ёго буде. И було въ насъ товариство добре: шестеро насъ, та таки!.. Одного разу трынадцятеро коней вывели, за одну ничь за двисти верстовъ перекинули, продали и въ обидь другого дни дома булы.

— Ну, та невже?—почулыся здывовани голоса.—Та якъ же се вы зробылы?

— Уже зналы якъ!.. Эхъ, отамъ справа! тамъ коноводъ не злодіячка—такый, що передь польцією трусыться, якъ отъ мы, клапоухи азинусы. Тамъ винъ никого не боиться, а ёго вси боиться. Выйдемо на ярмарокъ—гуляй душа безъ кунтуша!.. Моремъ кодо насъ горилка, танци, музыкы бия яткы на майдани, а люде збираються, а дивчата задывляються!.. Ахъ, сто чортивъ!.. А мы гуляемо, гопака вытынаемо, до дивчатъ залыцаемось, та вельчаемось, та хвалымось—якъ коней перемкнулы та яки булы кони...

— Ну, це вже брехня!—перепынывъ Кучма.—То бъ то стали розказуваты де кони бралы? Та заравъ бы й васъ самыхъ забралы.

— Суса тупорылого у хвисть поцилувалы бъ, а насъ не забралы бъ! Тамъ не на насъ, а видь насъ страхъ бувъ. Тамъ на всю округу звисно—хто такой Артемъ Гайда, а ёго зроду ништо не займе, люде шапки ёму скидають, бо бояться. А панъ ажъ просыть: оставайся въ мене, Артеме, жыты! Бо панъ знае, що якъ у ёго свій коноводъ жытыме, дакъ цили будутъ кони свои, а до чужыхъ ёму байдуже.

— Оттамъ жытте!—скрыкнувъ Романъ.

— Вильне, веселе жытте!.. Колы, бувало, й нападуть на насъ, дакъ мы зналы, якъ оборонятыся... Разъ якъ застувалы насъ въ очеретахъ!.. Два дни оборонялыся... рушныця добра въ Артема була и пыстоли въ мене... Вони до насъ посунуться, а мы—бахъ! Вони й заховаються, бо кулька не дулька,—якъ уразытъ, то заболытъ. А на третій день уменулы видь ихъ, ще

й зъ киньмы... Го-го-го! Ажъ степь застогнавъ, якъ у копыта вдарылы!.. Гей, роскипъ-воля!.. Сто чортивъ!..

И винъ знову гримнувъ кулакомъ по столу. Станъ ёму выпростався, вся ёго кудлата велыка постать дивно видминьлася пидъ уплывомъ згадокъ про минуле, дыкою степовою сылою справди повіяло видъ неи. И облычче сёго пъяныци й злодія мовъ осяявъ якыйсь свѣтъ, очы ёму заблыщали дивнымъ блыскомъ...

Вси глядили на ёго зчудовани. Романъ увесь часъ слухавъ, втупывши въ ёго свои палки очы, боячыся словечко згубыты. И якъ ударывъ постолу здоровенный Патрокливъ кулакъ, парубокъ уразъ такъ и кынувся й скрыкнувъ:

— А що жъ справди? Хыба жъ и мы не люде? Хыба жъ уже якъ мы, дакъ и не зуміемо ничего зробыть? Да я вамъ таку штуку вшкварю, що на всю губерню бахну, а въ кышеняхъ грошы забряжчатъ! Хотите? Завтра въ Дыбли и пъятеро коней визьмемо.

— Ну, ну, ты не дуже зарывайся!—промовивъ Ярошъ непрыхыльно.—Бачылы вже якъ тамъ браты!..

— А я вамъ кажу, що вовьмемо! Слушайте! Биля мого батька живе сусида Струкъ. А въ ёго на шылы клуня. И такъ вона стоитъ, що зъ усёго села ии выдко. Ну, я запалю вамъ клуню, народъ побижыть на пожежу, а вы тымъ часомъ выведете кони.

На хвылыну вси стыхлы, а тоди вразъ—Ура!—зарепетувалы Патроклъ, Кучма й Лукашъ.

— Тыхше! Цытьте! Зъ вулицы почують!—прыпынавъ Ярошъ.

— Дарма! чортъ ихъ беры! Нехай чують!—не вгававъ Патроклъ.—Романе! братику! амикусь любезный! дай я тебе поцилую!

И ёго велычезни лапы обхопылы Романа, а щетыняста пыка прытыслася до парубкового облычча.

— Выпыймо жъ!.. Выпыймо жъ ище!..—

И винъ пывъ самъ, налывавъ Романови.

— Отъ такъ молодець!.. Це понимаю!..—Щобъ наша слава не пропадала!.. А, прокляти деріи!—репетувавъ уже зовсимъ п'яный Патрокль.—Вы ради бь насъ у ложки воды втопыты, бо мы злѣди, а вы чесни! Брешете! Самы вы злѣди, усе по закону крадете. А мы не злѣди!.. Треба йисты,—приходимо й беремо!.. Такъ, беремо!.. И воюемось зъ вами!.. Вы насъ убываете, а мы зъ вами воюемось!.. Хто подужае!.. Я, Патрокль Хвыгуровськый, кажу вамъ: хто подужае, той и правъ. Номо homini lupus est. А хто воюе, той—герой!.. А вы чортъ зна що, мужлаи!.. А я—Патрокль Хвыгуровськый... Патрокль—герой, Хвыгура—образець..

И ёго п'яна голова вже схылялася на стиль.

IV.

Романъ хочъ и лигъ звечора п'яный, але хазяи, клопочучьсь пидъ викномъ, збудылы ёго дуже рано. Ледви прокынувся, згадавъ про вчорашній свій замиръ, и думка про се нове дило вже не дала ёму спаты. Ёму не лежалося. Винъ схопывся, одягся.. Въ цю мыгъ почувъ, що хтось береться за двери и хоче до ёго ввійты. Двери видчынылыся.

— Левантына!..

— Романочку! братику! Не займай мене!.. Дай мени видпочыты!.. Я видь хазяина втекла. Всю ничъ блукала... Не займай мене!.. Забожмьсь, що не займешь!..

— Отъ їй бо й не торкнусь! Та нехай мене хрестъ побье, колы займу!..—забожывся швыдче Романъ, израдившы.—Иды, та лягай спаты! Отъ бидолошна!..

Ёго маленька свитлычка перебыта була въ кинци, и за тїєю перѣсичкою шылѣвошною винъ спавъ. Туды винъ и повивъ Левантыну. Вона виала на лижко и заразь-же заснула. Винъ постоявъ, подывывся на неи, усмихнувся, тоди зачынывъ за нею двери въ свитлыцю и пишовъ зъ дому, замкнувши квартиру.

Ишовъ вулицею такый задовольненный та радый. Сама прыбигла! Ну, нехай выспытсья,—одвакъ вона ёго рукъ не мыне.

Та теперъ ёму й не до неи. А дже винъ учора забожывся, що сёгодні пидуть у Дыбли. Треба вмовытись, щобъ хлопци були готови.

Винъ пишовъ до Яроша, але того не було дома. Не знала й жинка куды пишовъ. Романъ зазырнувъ до „чайной“,—и тамъ ёго не знайшовъ. И де винъ у чорта подився?

Романъ пишовъ блукаты по городу по всякихъ закуткахъ, де мигъ зустріти Яроша. Нихто ниде ёго не бачывъ...

А Левантына тымъ часомъ спала. Спала довго, до пизнёго обиду. Щось їи врешти збудыло. Росплющыла очы, глянула на хату и спершу не могла врозумити де вона. Чы се не ничъ? У маленькій комирчынн темно. Ни, онъ кризь не зовсимъ прыхлени двери выдко щилыну свиту. Чы се їй снытсья? Ба ни, за дверьма щось гомоньт... Романивъ голось... Видразу згадала все.

— Я въ тебе двичы бувъ и скризь тебе шукавъ,—казавъ комусь Романъ.

— Ходывъ до Хведорченка, щобъ за свидка бувъ,—одповидавъ хтось невидомый.

— А я пакъ и забудь за се... Ну, а въ Дыбли хлопци готови?

Дыбли? Левантыныне село?

— А хыба тагы ты думаешь?—пытався незнаёмый голось.—

А якъ не пощастыть?

— Ще й якъ пощастыть!—одказавъ Романъ и почавъ упевняты свого гостя: розказувавъ усе, якъ треба зробыты, доводявъ...

Спершу Левантына мало що розумила. Але де дали все выразнише й врозумилише выявлялося їй те дило, яке мало статыся...

— Я васъ покыну въ ярку,—сказавъ нарешти Романъ.— Якъ запалю, то вы трохи перечасуйте покы народъ згвалтуецься та побяжыть на пожежу. Тоди вже й вы... Найкраще берить у третій хати зкраю по ливій перій—се Панась Гаманъ,—у ёго дуже добри кони—трое. Оде трёмъ и буде робота. А скильвы всихъ насъ буде?

— Опроче тебе,—п'ятеро.

— Отъ и добре. Дакъ тымъ двоимъ накажы, щобъ силы ажъ били млына. Знаешъ? Тамъ сѣме коло млына у Середенка кони—велька хата, а били неи тополя... Уси люде й сторожи будутъ на пожежи, то вильно вамъ буде.

— Гляды, самъ не попадысь!—перестерегавъ гисть.—Бо теперь вони знаютъ хто въ ихъ кони бравъ, то пыльнуватимуть тебе.

— Чортового батька попадуть мене!—видказавъ Романъ.—Я знаю куды тикаты... Ать, чортъ!—схаменувся винъ.

— Чого ты?

— Та я й забувъ, що мы не сами въ хати.

Винъ пидійшовъ до дверей и зазырнувъ у щилну.

— Ни, спыть.

— А хто тамъ у тебе?

— Дивка одна.

— Чортова тичь оцей Ромавъ! Чомъ же ты не сказавъ? Отъ роззява! Усимъ бы ты мастакъ бувъ, якъ бы тилькы не такъ панькався зъ бабами. Ну що, якъ чула?

— Ни вона такъ спыть, що не почуе.

— Ходимъ у сини, або що!

Вони вийшли и розмовляли довгенько ще въ синяхъ. Тоди Романъ вернувся въ хату, мабуть по шапку, и вудысь у двоохъ пишли.

А Левантына чула вже досыть, щобъ зрозумити все.. Теперь вона знала чымъ зробився Романъ и хто бравъ у ихъ на сели кони... Коноводъ!.. Злодій!..

Боже едныи! За що Ты такъ карашъ ий? Покаравъ коханнемъ, покаравъ и коханымъ!..

Злодія покохала!..

Тяжкымъ бодемъ проймало ий душу, розривало серце. Мало вона зазнала, дакъ ще сел!..

Зирвалася зъ лижка: тикаты! Тикаты звидсы!

Побигла до дверей, торкнулася до ихъ,—дверы были замкнени. Кынулася до викна,—воно не видчынялося.

Вона сыдила яєъ у тюрми.

Вона жъ мусыть тикаты видсиля швыдче, швыдче! Мусыть бигты въ свое село, перестерегты Струка, перестерегты людей, щобъ береглыся, щобъ запобиглы лыхови. Вона повинна сказаты...

Що сказаты?

Що Романъ злодй, палй? И ёго визьмутъ до тюрмы, судытумуть, може й на Сибыръ зашлють... И вона пошле ёго на Сибыръ?

Ця думка видибрала въ неи вразъ усю ту сылу, що була прокынулась. Звеможена видразу, сила и схылылась на стиль.

Не вважачы на все, що було, у неи въ серци завсигды жеврила искра кохання до Романа и останними днями ся искра розгорялася все бильше й бильше. Эге, вона теперь такъ добре, такъ выразно почувала, що вона ёго кохае, що вона николы не покидала ёго кохаты.

И вона пошле на Сибыръ того, кого кохае!

Того, кого кохае? Ни! Вона кохала Романа, хочъ и гришного проты неи, але чесного парубка, а не кововода, не злодйя, не палйя! А теперь вона вже ёго не...

Але жъ ни! Вона ёго любить, любить такого, якъ винъ есть, и не може вырваты, выкнуты зъ себе того!

Любить! А на що жъ вона ёго любить, щд зъ тией любви буде? Хыба винъ буде ий дружыною? Хыба вона пиде за злодйя, за палйя?

Що жъ ий робыты? Що?!..

Ухопылася за голову рукамы. Голова палала, розскакувалась одъ думокъ, але не давала порады.

А може... Булы всяки гришныкы та й калялись... Чому жъ бы Романъ не мигъ покаятсы и знову чеснымъ зробытсы?

Вона ёго прохатыме, благатыме, вона ёму руки цилуватыме, абы тильки винъ не робывъ того, не йшовъ туды, покинувъ своихъ товарышавъ!.. Вона благатыме ёго доты, ажъ покы винъ послухається ии, покине все, и тоди вони будуть знову щаслыви...

А якъ же не послухається?

И щось починало їй казати, що даремна їи надія, що не має вона такої сили, щобъ вырвати Романа зъ того багна, въ якому винъ опынвся. Вона сылзувалася задавыты сей го-лось, та не могла...

Чы послухається, чы ни, а вона ёго богатыеме. Ко-лы не пособыть, то тоди—дїйся воля Божа! Вона вже ничего не здо-ліе тутъ зробыты.

Якъ то? То винъ тоди иде, пидпалыть село, обкрадаты-мутъ людей? И вона те знатыме и ничымъ не перешкодыть то-му, не обороныть людей? Та хыба жъ тоди не впаде й на неи той грихъ? Люде кыдаються въ полумъе, рятуючы людей, а во-на не обрятье ихъ, хочъ їй и въ полумъе не треба кыдатися, а тильки побигты въ Дыбли й сказаты...

Грихъ, страшенный, непощеный грихъ—за для свого ко-ханья попустыты зананащаты людей. И вона хоче зробыты сей грихъ?

Але жъ Боже мій!.. Вона жъ ёго любыты!

Былась головою объ стиль, не знаючы якъ поеднаты ко-ханне зъ повиннистю, зъ тымъ, чо-го вымагало сумлинне.

Врешти наважылась. Вона богатыеме ёго, а ко-лы винъ не послухається, побижыть у Дыбли.

Сымъ трохы заспокоилася. Та не надовго. Бо нова думка знову ровбыла весь той спокій?

Ко-лы вона скаже ёму, що все знае, то винъ же не пу-стыть їи зъ хаты, зъяже їи, замене... Якъ же вона тоди побижыть у Дыбли?

И мучылась цією новою думкою довго...

Врешти зачула, якъ брязкае на дверяхъ замокъ. Утекла въ темну хатчыну и сила на лижко.

Увійшовъ у хату, видхыльвъ до неи двери.

— Устала вже?

Сивъ на лижкови биял неи.

— Отъ уже не сподивався, щобъ ты до мене прыйшла сёгодня! И въ голову соби того не клавъ. Якъ же се сталося? Що тамъ зъ хазяиномъ?

Вона почала розказуваты—все, якъ було...

— О, дурненьке, дурненьке! Чого жъ ты просто до мене не прыйшла?

— Та... адже прыйшла...

Винъ обнявъ її й поцілувавъ. Першый рухъ її бувъ—выпручатися. Але заразъ же вона прыпынула сама себе и ско-рылась ёго поцілункови одному, другому. Винъ радивъ въ цієї несподиванои ласки, вона це бачыла, и нова надія прокынулася у неї: вона *цмз* не пустыть ёго видъ себе.

— А я тоби йсты прынісь. Хочешъ? Ходимъ!

Выйшли вдвохъ. Настоли лежалы пырогы, ковбаса, хлїбъ, яблука. Надіючысь Романъ на здобычъ, позычывъ грошей у Яроша.

— Я тутъ въ одного чоловіка харчуюсь, да сёгодня хочу ~~зь тобою~~ обидаты, дакъ оце й прынісь того-сёго.

— Спасыби, мое серденько,

Посидалы за стіль. Винъ йивъ добре. Йї шматокъ не йшовъ у горло, та слыувала себе йсты.

Вона тудылася до ёго, запырала ёму въ вичы, всмихалася, хочъ у неї холодила й тремтыла рука. Вона заживала всїхъ хытрощивъ, на яки була здатна, бо се бувъ останній спосибъ затрыматы, вдержаты ёго, зберегты ёго за для себе. Й зважылася иты до краю... Сёгодня не пустыть ёго, а тамъ... побачыть що робытыме.

Короткый осинній день уже наблыжався до вечора, якъ вони пообидалы.

— Якъ мени гарно, Романочку, що мы вдвохъ и будемо вдвохъ увесь день сёгодня... Адже не проженешъ мене, колы я зостануся въ тебе ночуваты?

— Чого бъ то я тебе проганявъ? Та я такой радый!.. Шкода тилькы, що мени не доведеться сёгодня дома ночуваты. Оце скоро треба вже йты.

— Чого? Куды?

— Хазяинъ посылае... На машину треба...

— На довго?

— Завтра в день вернуся.

— Ой, Романочку! Якъ же я сама буду? Не йизды!

— Не можна, Левантыно: хазяинъ велыть.

— Отъ, вельке лыхо, що хазяинъ велыть! А ты занеду-
жавъ та й не можешъ йихаты.

— Ни, някъ не можно.

— Романочку! голубчыку! братику! Не йиды! Зостанься зо
мною! Будь зо мною увесь день сёгодня, всю ничъ!

— Завтра буду ввесь день и всю ничъ и завсегда потимъ.

— Що завтра! Сёгодня я хочу!

Вона обвылась кругъ ёго якъ хмельночка, зазырала ёму
въ вичы, цилувала ёго, обсыпала ёго ласкавымы закоханными
словами чаривными, обхоплена непереможнымъ, мало не боже-
вильнымъ бажаннемъ затрыматы ёго, не пустыты... И распла-
леній, знеможеній думкымы голови здавалося чомусь, що въ сій
ночи вся сыла, абы тилькы винъ сёгодня зоставсь, абы сёгодня,
а тоди вже все, все добре буде!

Никола ще вона зъ имъ не була така,—навить тамъ, на
сели. У ёго тумаяла голова.

— Не можна, сердце!.. Прымивъ бы,—все зробывъ, але
сёго не могу.

— Якый недобрый!.. Зостанься, Романочку, серденько до-
роге! Що хочъ зо мною робы, цилуватыму тебе, мылуватому
тебе, тилькы не ходы сю ничъ!

— Та що се тоби ся ничъ така дорога? Чого се такъ?

— Такъ хочу! Хочу, щобъ ты ни зъ кымъ сёгодня не
бувъ, тилькы зо мною! Мы таки щаслыви, таки щаслыви будемо,
якъ що ты зостанешся зо мною сю ничъ. И теперь, и потимъ
щаслыви будемо!

Винъ прыгортавъ ии, цилувавъ, але вырвався врешти.

— Годи! Треба йты!

Вона такъ и прыпала до ёго.

— Не ходы! Не пуцу! Зоставайся зо мною!

И цилувала ёго безъ инку, сылкуючыся тымы поцилунками
спъянаты ёго, прымуслыты забыты про все, зостатыся зъ нею.

— Коли зостаєшся сю ничь зо мною,—буду твоею, не пиду видь тебе. А пидешь,—утечу заразы. Сю ничь! Тилькы сю ничь!

Въ цихь, стилькы разивъ уже сказаныхъ, словахъ „сю ничь“ чуты було стилькы благання й натыску, що Романъ почавъ прыслухатыся до ихъ пыльнише. Винъ ще державъ ии въ себе, якъ малу дытну, на колинахъ, цилувавъ ий очы, губы, шыю, голова ще туманила, а вже якась непевна думка ворушылась тамъ. И видразу винъ повернувъ ии облыче до себе.

— А ну, глянь мени въ вичь!

Вона глянула.

— Левантыно, ты не спала тоди, якъ я приходывъ уперше!

Вона почервонила вразъ, піймана на гарячому вчянку.

— Дакъ онъ воно що!—Винъ ссадывъ ии зъ колинъ.—

Що жь ты чула?

Все загнуло, все!.. Тилькы одно зостається...

Вона кынулася передъ нимъ навколишки, обхопыла ёго кона руками.

— Романи! братику! риднёнькый! не робы сёго!.. Не ходы зъ имы!.. Не занпащай людей!.. Не занпащай своєї души!.. Покынь ихъ!.. тыхъ, недобрыхъ!.. Забудь усе те!.. Будемъ чесно жыты!.. По вивъ вичный не розлучуся зъ тобою!.. Тилькы не ходы!.. Втечемо видь ихъ!.. Утечемо заразы!..

Романъ устави, одирвавъ ии руки видь своихъ колинъ и видійшовъ.

— Годи чортъ батька зна що потякаты!

— Ни, Романочку, не кажы такъ!—Вона лизла за нимъ навколишкахъ, чепляючыся за ёго.—То жь грихъ!.. Пидпалыты!.. Красты!.. Боже мій!.. Чы я жь думала?.. Не пущу тебе!.. Покайся!.. Треба, Романочку, покаятися, спокутуваты свій грихъ!..

— Геть!

— Не видныхай мене!.. Мій братику! Мій риднёнькый!.. Ты жь мени мылымъ бувъ!.. Я жь тебе якъ душу любила!.. Я жь тебе благаю!.. Та помылуй же ты себе!.. Та помылуй же ты й мене!.. И людей же! Вони жь не вынни!.. Хыба жь не

можно зъ иншого жыты?.. Мы будемъ працуваты, заробляты... Я робытму... нбчы не спатыму... Романочку!.. Романочку!..

И не пускала ёго колинъ зъ рукъ, дывылася на ёго зныву, благаючы словамы, очыма, слёзамаы...

— Левантыно! Не дурій! Устань заразъ! Слухай, що я тоби казатыму!

Вона пидвелася.

— Що ты чула, що бачыла,—щобъ тилькы ты сама ёго чула й бачыла. Щобъ ниhto бильше! Коны жъ ты хочь однимъ словомъ кому пробовкнешся, хочь натякнешь, то задавлю, оцмы своими рукамы тебе задавлю и крыкнуты не дамъ!

Стыснувшы кулакы, увесь трусячыся зъ гнивá, винъ стоявъ передь нею такыи страшныи, нелюдскыи... А ии мовъ гримъ побывалы ти ёго слова, однималы въ ней мову, рухы...

— Чула?

— Чула...

— Гляды жъ! Або мовчы, або на свити не жытымешъ! Памъятай: се не жарты! Я не вмю жартуваты. Зоставайся тутъ и сыды до завтрёго. Тикаты не думай! Я тебе замкну и накажу хазяинову, щобъ доглядавъ... Коны бъ тилькы здумала втекты, то винъ тебе зъяже: у ёго ключъ одъ хаты буде. Розуміешъ?

— Розумію...

— Ото жъ коны хочешъ на свити жыты, то сыды нышкомъ. Не сыдитынешъ,—задавлю и въ ричку вкыну. Ну, маршъ туды въ закамарокъ и не смій видтиля выходыты!

Слухняно пишла. Винъ зачынивъ за нею двери и замкнувъ ихъ на замокъ. Самъ ище щось узявъ и пишовъ зъ хаты. Левантына чула, якъ винъ замкнувъ и други двери.

Прыслухалася до того, якъ пишовъ. Сыдила на лижкови прыгничена, зламана усимъ тымъ, що сталося. Чы могла жъ вона сёго сподиватыся! Винъ, Романъ, похваляется задавыты ии! Винъ—пропацый злодій.

Все, що було въ ней въ души гарного, ясного, кўпчылося въ ии згадкахъ про того давнёго Романа зъ першыхъ днивъ

коханья. И винъ ростоптавъ те все немилосердною и нечистою ногою!..

Думка знову верталася до подій сієї ночы. И що жъ се воно буде? Винъ запалыть село, погоряты люде, пограбують ихъ. И вона ничымъ не може запобигты лыхови!..

Вона схопылася зъ мисця. Та не можна жъ такъ!.. Вона буде крычаты, стуваты, покы ии выпустють,—тоди побизыть!..

Але жъ винъ оддавъ хазяинову ключъ. Хыба жъ ии хазяинъ выпустыть? Ни, не такъ, а треба нышкомъ утекты.

Але жъ ии двичы замьнено!

Вона пидійшла до тоненькыхъ шылевошняхъ дверей и поторсала ихъ. Зъ того боку била ныхъ булы кильця, замьнены невеличкымъ замкомъ,—се було выдко, бо двери трохы видхылялися,—вона могла прьсунути въ щилыну палець.

Левантына зъ усіей сылы натыснула на двери плечемъ разъ, удруге, втрете, сылкуючыся, чы не вырве такымъ робомъ кильця. Двери трищалы, але кильця не вырывалися. Вона спытувала ще килькы разывъ, напружуючыся що-сылы, але ничего не пособылося. Задыхана, сила знову на лижко.

Якъ бы въ неи тутъ було щось—сокыра, молотокъ,—вона бъ тоди знала що зробыты. Почала нышпорыты по закамарку, мацаючы въ темряви рукамы, але не знаходыла ничего. Врешти писля довгои шуканыны, ажъ у далекому кутку, пидъ лижкомъ, налапала якусь зализну ричъ. Вытягла ии на свить до дверей: се булы стари обценькы.

Левантына спробувала прьсунути ихъ крызъ двери, але вони не пролазылы. Повернула тонькымы кинцямы и змогла заложыты ихъ у кильце. Тоди почала росхытуваты ёго. Робыты було дуже незручно, кильце хыталось вельмы мало, але такы хыталось. Ще трохы такои роботы, и кильце выскочыло зъ дверей. Двери видчынылыся, Левантына була въ другій хати.

Кынулася до другыхъ дверей. Але си вже не на кильцяхъ замыкалыся. Важкы, дебелы двери зачыннены булы щильно и замьнены мабутъ на засувъ, або що. Левантына поторсала, але ничего не зрушыла ихъ.

— Буду штовхаты плечемъ,—подумала соби,—а може видхылються хочь трохы, щобъ просунуты обценькы.

Почала штовхаты, сылкуючысь яко мога тыхше робыты. Спершу натыскала не посвишаючысь, але въ усіей сылы. Двери стоялы верухомо. Почала тоди штовхаты палкише, б'ючы объ двери своимы пличмы, оббываючы ихъ до сынякивъ, до кровы пидъ рукавомъ сорочки. Забула, що їи можуть почуты, и была на одчай плечыма, лиятыма, мало почуваючы въ запади биль, сама розуміючы, що се не пособляе, але не можучы покынуты, бо хочучы вырватися зъ ціей тюрмы. Былася объ мицни двери, якъ пташка-невильныця б'ється объ невблагани крраты клиткы-тюрмы.

Врешти, знеможена, знесылена, спынылася, похылывшысь на ти двери, важко дыхаючы. Побыти плечы й ликти дуже болилы. Видпочывала такъ килькы часу:

Крызъ невелычке викно бачыла, що на двори вже смеркалося. Пидійшла до викна и стала ёго оглядаты.

Шыбки булы таки маленькы, що якъ бы выдавыты одну, то не можна булобъ пролизты, а зроблено викно було такъ, що не видчынялося. Поламаты ёго?

Чы вона подужае те? А колы бъ и здолила, то почують же хазяй, якъ трищатыме викно, бряжчатымуть побыти шыбки. Почала роздывлятыся въ викно на двиръ и побачыла передь собою якусь замквену шопу, чы возивню. Людей не бачыла, щобъ ходылы. Але можуть поблызу ходыты, отутъ заразы твкы, то й почують їи.

А якъ бы все викно выпхаты,—може бъ се тыхше було?

Воно було прыбыте знадвору гвиздкамы. Але гвиздки ти давно вже поиржавылы, и якъ Левантына натыснула на викно зъ одного боку, то воны поламалыся, и викно заразы-же почало выпиратыся зъ лутокъ.

— И якого тоби чорта треба?—grimнувъ пидъ викномъ просто Левантыны сердытый товстый голось.

Дивчына вмыть захылылася за стину и стояла вся похоловши, тремтючы. Се жъ побачылы вже їи, се жъ хазяинь!

— Ходы поночы, вышукуй! Чортъ батька зна що!—казавъ той голосъ знову, и Левантына почувла, якъ забрязкавъ замокъ биля возивни.

— Та вона тутъ скраю заразь и лежыть,—одповидавъ жиночый голосъ.

Левантыни полекшало: се не до неи, се мабуть хазяинъ зъ хазяйкою шось изъ возивни берутъ. Прислухалася, якъ вони видимкнулы, ввійшлы въ возивню, спереचाючыся знайшлы якусь ричь, заменулы и пишлы геть. Все знову затыхло.

Перечасувавшы Левантына трохы, знову заходылася биля викна. Обережно, помалу натыскаючы, вона выхытала викно зъ дутокъ такъ, що могла въ щилыну просунуты руку спершу зъ одного боку, тоди зъ другого. Выняты викно и поставыты ёго на землю на двори було вже тоди лехко.

Тымъ часомъ на двори вже зовсимъ стемнило. Прислухалась одну мыть, чы не чуты кого, и лехко й обережно вылизла зъ хаты въ двирь.

Тремтючи зъ страху, що зустрине заразь когось, ввійшла зъ хаты. Въ двори никого не було и ниhto не беригъ ии, бо то Романъ збрехавъ, що виддасть ключъ хазяинову. Перейшла двирь хутко й опынылась на вулицы.

Вона биглабъ, та боялась, що ии прыпынють, догадаюцься, що тикае. Але пишла такъ швыдко, якъ могла, сылкуючысь иты въ темряви вулиць, и незабаромъ була за мистомъ.

Спынылась на хвылыну передыхнуты и побигла по дорози до Дыбливъ. Пробигла верстовъ зѡ дви.

И вразъ думка одна прыпыныла ии: та й вони жъ цимъ шляхомъ итымуть. Що, якъ важенуть ии? А що якъ вони вже попередъ неи? Що, якъ вона спизнылася?

Вона знала иншу дорогу: черезъ лисъ, тоди черезъ байракъ. Ся дорога була корочча дуже, але туды ниhto не йздывъ, бо не було шляху, тилькы ходылы люде вузенькою стежкою. Левантына тежъ нею ходыла, але вдень, зъ людмы, а теперь... Иты вночы лисомъ—се було занадто страшно.

А йты тутъ, то зновъ: або вона спизныться, або ии наженуть, Романъ піймае ии,—и що тоди буде?

Глянула ливоручъ,—тамъ лисъ чорнивъ темною похмурою хмарою на кинци неба. Збочыла зъ шляху и побигла туды.

Поки бигла подемъ,—було ничого. Але якъ пидійшла до сѣго, вночы такого понурого, лису, обнявъ ии страхъ. Вона знала вуды йты, вона стояла на початку стежки, але ця стежка втопала въ таку чорну й страшну темряву, що въ бидной Левантыны стыскалося передъ нею сердце.

Але вагалася не довго. Перехрестылася и вступыла въ лисъ.

Тутъ уже не бигла, бо разъ, що втомылася, а вдруге, що боялася збигты зъ тропы й зблукатыся. Але йшла швидко помижъ вельчезнымы стовбурамы старого лису. Зридка тилькы розрывалося вгори послутуване гилле, и тоди выдко було ий влаптыкъ неба зъ двома-трѣма зиркамы. Зважылась не дывытыся набыкъ, не прыслухатыся, а все йты, йты...

Але очы несамохитъ зазырала иноди вбикъ, уха ловылы таемнычый голосъ велького лису. А винъ озывався тыхымы шептамы, шелестамы й зитханямы, и кожень такый згукъ одбывався голосно, гостро въ напруженому вуси бидолашной дивчыны.

Вона все йшла. Осинь уже струсыла зъ деревъ частыну ихъ литнёго вбрання и насыпала на землю мякый кылымъ мертвого лыстя. Левантыны добре було ступаты по стежци, хочъ вона часто боляче была свои боси ногы объ невыдне ий коринне. Та вона на те не зважала и все йшла.

Часомъ передъ очыма мрялялыся якисъ чорни вельчезны постати, часомъ ий здавалося, що отъ-отъ засвѣтятся передъ нею дви свичкы вовчыхъ очей... Вона тоди заплющувала свои очы...

Вона часто ходыла въ цей лисъ зъ дивчатамы по ягоды, якъ жыла въ наймахъ у близькому видъ лису сели, и добре ёго звала. Колы бъ не се, то зблукалась бы давно.

Врешти їй здалося, що вже підходить до краю. Тоди, сама не знаючы через що, вразь кинулася бигты, розбиваючы до кровы ногы, обдряпуючы соби гилкамы руки, облычче. Бигла, бо гнавъ їи великый страхъ,—ажь помы высочыла на поле. Втомлена впала на землю и трохи полежала, видпочываючы. Але не довго. Зирвалась и пишла знову. Та не пишла вже через байракъ, а збочыла праворучъ и выйшла знову на шляхъ. Се було трохи дази, але жъ байракъ бувъ їй ще страшнѣйшый за лись.

Ноги почыналы дуже болиты, але вона не смѣла спынытыся. Кожна хвылына вгайки могла завапастыты всю справу. Треба йты й хочъ трохи, тыхше. Скильки ще їй зосталося? Верстовъ чотыри?

Ишла... Щось замрило ливоручъ. Оце-жъ и байракъ пидъ Дыблямы. Ще верства, и вона въ сели.

Що се?

Темне осинне небо зажеврило зкраю, тамъ, надъ селомъ. Се мисяць виходить? Эге, мабуть мисяць... Такъ ни жъ бо, мисяць не звидѣля сходить... Усе бильше й бильше... Вогняни пасма выбываються вгору, стріляють по небу. Пожежа!..

Левантына скрыкнула якъ несамовѣта и побигла назустрічь страшному червоному проміттю...

V.

Ярошъ такы трохи боявся тіей штуцы, що выгадавъ Романъ. Дыбляне стали вже такы зли на коноводивъ и такъ ихъ пыльнувалы, що було небезпешно такъ скоро туды потыкатыся. Але Патроклови Хвыгуровському та й усѣму товариству до вподобы прыпала тая выгадка. Патрокль, трохи выпывшы зъ вечора, всю дорогу, помы йшлы до Дыблівъ, бувъ страшенно веселый, смѣшивъ товаришивъ своимы жартамы й лайкамы и все зачипавъ похмурого чогось отамана. Але той мовчавъ на вси ёго выгадки. Подилилыся вони такъ: Ярошъ зъ Патрок-

домъ та зъ Лукашемъ въ одному гурти силы въ ярку, чыгаючи на трое коней Павасовыхъ Гамановыхъ, а Кучма зъ однимъ хлопцемъ заховався била млына, взявши на свій пай пару Середенковыхъ. Романъ, нидпалывшы, повиненъ бувъ заразы-же тивкаты въ гѳродь.

Трёмъ у яру було дуже добре сидиты, бо не выдко було ихъ никѳому, але вони бачылы той шпыль, де мала буты Струкова клуня и звидкы Романъ повиненъ податы имъ свое вогневе гасло. Хоть отаманъ и не дозволявъ розмовляты, але въ голови въ Патрокла ще гуло видъ горилухы, то й азыкъ у ёго ниякъ не хотивъ одпочываты, а все шепотивъ щось до Лукаша. Той нырхавъ зо смиху, а розлютованый Ярошъ нарешти не вытрымавъ:

— Отъ якъ дамъ тоби шкворинемъ пѳ-голови, то ты швидко змовкнешъ!—прошепотивъ винъ, штовхнувши тымъ шкворинемъ парубка въ бияъ.

Тоди обидва замовкы, знаючи добре, що зъ отаманомъ не завсигды можна жартуваты, бо часомъ заробышь за жарты такого, що й до вику згадуватимешъ.

Вси сидылы мовчы, втупывши очы въ той бияъ, звидкыла дожыдалысь ознакы.

Сыдючы такъ довгенько, помититы врешти, що имъ стало выдко далеки вербы на почервонилому неби. И незабаромъ жаркѳ полумье вдарыло вгору, осяваючы купы сонныхъ хать и деревъ. Скризь по селу загаласувалы, забигалы люде, загавкалы собаки. Спершу крыкы й тупотняву чуты було й поблызу, але згодомъ усе вшухло тутъ, и тилькы тамъ, де ясно шугало вгору полумье, чуты було невгавный поплутаный галась людського стовпыща. Коноводы зрозумылы, що люде зъ близькыхъ до краю вулицъ уже побиглы на пожежу.

— А ну лышь!—промовывъ тыхо Ярошъ.—Та швидко!..

Мало не бижучы, перейшы неведычкый клапотъ выгону видъ яру до першыхъ хать. По ливий перий третя хата скраю—Панась Гаманъ.

Швидко й мовчки ввійшли въ покинуті видчывеними ворота, вступили въ двірѣ. Велика повитка зъ киньми була передъ ними. Въ двори никѣго не було, тилькы собака выскочыла зъ пидъ хаты и кынулася, загарчавшы, просто на Яроша. Винъ убывъ ии за однимъ махомъ, розбывшы ий голову шкворинемъ. За одну хвилыну винъ своєю дужою рукою, заложывшы за прыбои шкворинь, одирвавъ ихъ и киньця видчывылася. Лукашъ изъ Патрокломъ убігли въ середыну и не довго барылыся, вывившы трое коней. Скочылы на ихъ и булы вси вже за воритьмы.

— А ну прыпусты!—сказавъ отаманъ.

Але въ сю мыть сталося несподиване.

Четверо людей вйиздыло верхы зъ поля въ вулицю. Се ночлижане, побачывшы зъ дуку пожежу, кынулысь у село.

— Хто йиде?—гукнувъ передній.

Ярошъ ударывъ свого коня, и тры злодіи мовчки проскочылы прозь ночлижанъ. Ти не видразу розибралы що це, а зровумившы, погналы за ими слідкомъ, гукаючы:

— Ловы!.. злодіи!.. коноводы!..

Ярошъ бывъ коня безъ жалю шкворинемъ, а Лукашъ та Патрокль шмагалы своихъ нагаямы. Кони біглы зъ усіев сылы. Але выдко було, що въ ночлижанъ кони кращи, чы не таки потомлени. Вони насидалы на шыю коноводамъ, ось-ось наздоганялы ихъ. Ярошъ озырнувся й побачывъ, що даремна ричъ утукаты. Треба було иншымъ робомъ ратуватися.

— Пускай кони!.. самы—въ яръ!—крыкнувъ до товаришивъ

Саме добигалы до яру. Стрыбнулы на одчай души до-долу. Кони порснулы въ поле, а за ними й ночлижане.

Трое коноводивъ попадалы на землю трохы не пидъ копыта конямъ, та, на ихъ щасте, тилькы Лукаша зачепывъ кинь заднимъ копытомъ. Попадалы саме надъ краемъ и, не встаючы, не можучы вдержатысь, покотылыся ввызь у яръ. Та имъ сѣго й треба було. Спынылыся ажъ на дни и заразъ же поскоплювалысь на ноги. Не чулы, що й забылыся, хочъ гуп-

нудся кожень здорово. Але булы цили, ничего не поламалы соби.

— Яромъ дали!—звеливъ Ярошь.

Побиглы яромъ и думалы бижучы, що кудысь же той яръ выходыть, то туды й воны выйдуть. Пробигшы чымало, почувлы, що въ ихъ пидъ ногамы вже не земля, а каминне. Яръ ныжчавъ, глыбшавъ и вразъ воны опынылыся въ явійсь камъяній ями, а передъ нымы стримко й/высоко, якъ кручы, стоялы камъяни стины глыбокого яру, и ниде не було выходу.

Задыхани втикачы спынылыся.

Воны піймалыся въ пастку, не знаючы сёго проклятого зрадного яру.

— Назадъ! Може ще встыгнемо выхопытыся!—крыкнувъ Ярошь.

И вси трое повернулы назадъ и побиглы скилькы сылы. Не перебиглы й половины яру, ажъ передъ нымы зачорнило килькы верхвникъ и людськыхъ постативъ пишо. Се двое ночлижанъ, побачывшы, що коноводы вскочылы въ яръ, покынулы гнатыся за киньмы, лышаючы ихъ двомъ своимъ товарышамъ, и вернулыся до яру. До ихъ тымъ часомъ набигло килькы чоловика зъ села, почувшы ихъ гуканне, бо увесь часъ воны ве покыдалы лементуваты, склыкаючы людей.

Не сподиваючыся того, коноводы такъ и наскочылы на ихъ у темряви.

— Бый! бый! воны!..—загукано вразъ, и килькы кійкивъ гупнуло по плечахъ и по рукахъ коноводамъ. Воны видскочылы назадъ, повернулысь и, якъ захоплени въ суточкахъ звіры, не знаючы вже зъ одчаю що робыты, побиглы видъ ворогивъ зновъ туды, въ камъяный кутокъ яру.

Теперь селяне булы певни, що воны видъ ихъ не втечуть. Въ цёму яру панъ бывъ колысь каминь на свою камъяныцю та й выбывъ оту глыбоку яму зъ кручуватымы стинамы. Звидты вже не выскочышь.

Галасуючы, побиглы вси следкомъ за коноводамы.

А ти вскочили зновъ у ту яму и постали нерухомо, щобъ хочъ передыхнути.

— Отъ колы такъ пропали!—промовивъ Лукашъ.

— Ну, ты! патякай!..—вызвиривсь на ёго Ярошъ.

Хмары розійшлися и зъ-за нихъ вызирнувъ місяць, осяваючы все навкругы. Втикачы були середъ набытого дрибногo й великого каминня. Деяке було поскладане сажнямы, деяке згорнене просто купамы. Въ одному місци, мало не біля самой стины, каминне було наложене стовпомъ сажнивъ на пивтора. Патроклъ глянувъ на ёго.

— Берить каминне, накыдайте, щобъ можна було злизты на це!—скомандувавъ винъ.

— На що?—спытавъ Лукашъ.

— Стультусяка чортивъ! Беры швидче!—и винъ загрибъ своими лапыщами цилу купу каминня и потягъ до стовпа, муруючы тамъ немовъ схидци. Лукашъ пособлявъ ёму.

Та тилькы почалы робыты, а вже дыбляне набиглы, махаючы кійкамы й ломакамы та гукаючы:

— А, бисовы шкурудеры, попалиса!..

Биглы просто на коноводивъ. Имъ не выдко було за стовпомъ що робылы Патроклъ та Лукашъ, але вони бачылы Яроша. Вытягшы зъ халявы великого ножа, винъ державъ ёго въ ливій руци, а въ правій бувъ на поготови зализный шкворинъ. И якъ селяне, зъ розгону набигшы, были видъ ёго за тры-чотыри ступни, винъ скрыкнувъ, стрибнувъ напередъ и вдарывъ переднёго своею простою, але въ ёго рукахъ страшною зброєю. Чоловикъ ойкнувъ, захытався... Ярошъ одскачывъ. Селяне тежъ на мыть подалысь назадъ, одбиглы, але заразы же схаменились.

— Дакъ вы такъ!—загукалы розлютовани.—Бый ихъ! Бый на смерть!..

И вони кынулысь зновъ съ пиднятими вгору кійкамы.

— А, падлюкы, псы!—ревнувъ страшный Патрокливъ бась, в ту-жъ мыть здоровезна постать вскочыла попередъ Яроша, шыроко розмахнулася рукою и пошпурыла важку каминюку.

Одинъ зъ селянъ скрыкнувъ, ухопившыся руками за живить, та такъ и сивъ на землю.

— Разъ!—ревнувъ Патрокль.—А оце вамъ два!—Нова каминюка примусыла селянъ одбигты ще дали.

— Назадъ, канысы кудохвосты, бо и ребра й зубы вамъ сокрушу!—гукавъ Патрокль.—Беры й ты, отамане! Чого стоишь дурно?

Ярошъ и соби жбурнувъ каминюку, але заразъ-же скрыкнувъ:

— Бережысь!

Ледви встыгли заховатыся за каминне, бо селяне кынули на ихъ кійкамы й ломакамы. Луснули й затрищали объ камъяни купы кійкы, роскыдаючи дрибне каминне, але шкоды коноводамъ не зробылы ніякои.

— Кыдайте! чортъ васъ беры! Вашымъ ломачемъ вамъ же й гѣловы порозбываемо,—гукавъ на своихъ ворогивъ Патрокль.

Хмара знову набигла на мисяць. Потемнило вразъ. Селянамъ стало зовсимъ не выдко коноводивъ. Певни булы, що ти не втечуть зъ глыбокою ямы, але не могли добраты розуму якъ ихъ узяты. Знали й бачылы, що коноводы, не сподиваючысь мылосердя, боронитымутся до загыну, и двоухъ селянъ добре вже було вдарено каминнемъ, а третій бувъ увесь у кровы писля Ярошевого шкворива. Кынутыся на ихъ у темряви, дакъ ще й гиршого добудешъ.

— Побигты въ село по рушныцю та й постріляты ихъ!—радывъ хтось.

— Уцилышь у темряви!

— А хочъ и вцилышь, дакъ на Сибирь пидешъ. Треба живцемъ узяты та даты такого гарту, щобъ острогъ ихъ жывымы ввявъ, та жывымы не выпустывъ.

— Дакъ пидождемо до свиту.

— А тамъ село горыть!

— То не зъ нашего краю.

— А тамъ и до насъ дйде, якъ не погасють.

— Витру нема.

Врешти наважылысь послаты парубка верхы на село, щобъ подывывсь якъ тамъ пожежа, а колы можна, то ще й людей на помичь поклыкавъ. Певни булы, що пожежа до ихъ хать не дійде, и малы вартуваты до ранку: по видному зручнише буде браты.

Ледви парубокъ побигъ, колы вразъ одна каминюка, друга, третя гупнула поблызу селянъ.

— Чы ты ба! знову кыдають чорты!

— Хай кыдають,—сюды не сягнуть.

А каминне все гупало. Никого, що правда, не зачинало, але все падало...

А це коивъ Патрокль.

Поки ото мужыкы радылыся, и коноводы не гаялы по дурному часу и наскладалы цили схидци вгору на кам'яный стовпъ.

— А ну скоць, хлопче, на каминне,—звелить Лукашеви Патрокль,—чы сягнешь рукою ажъ на гору, до берега!

Лукашъ скòчывъ.

— Зъ аршынъ не стае.

— Дурныця! На каминня, беры, муруй тамъ!.. Ни, не такъ! Ты, Яроше, подавай ёму каминне, а я шпурлятому на той плесць свынячий, щобъ не помитывъ нашої роботы.

И ото почалася кыданыва. Патрокль зовсимъ не сылкувався влучаючы, та й не мигъ бы сёго зробыты, бо селяне стоялы досыть далеко и було темно. Ёму не того й треба було: винъ кыдавъ, абы ти зналы, що вони въ ями, и думалы, що вони тильки те й роблють, що каминне кыдають. Швыргавъ и до кожного разу додававъ словами:

— Оце тоби галушка у твій свынячий ротъ! Що? подавсья?—А оце тоби крапанка межы очи въ лобъ,—бодай тоби зъ ёго твои чортови слипаки повывлазылы!—Маєте ще, ази-нусы,—ось!..

— Готово!—озвавсь Лукашъ стыха.

— На гору, братця!.. Та ждить мене тамъ,—я заразы.

И вхопивши двi здоровенни каминюкы, Патроклъ выско-
чывъ зъ ямы, надбигъ у темряви блыжче до своихъ ворогивъ
и кынувъ одну каминюку за другою. И мабутъ когось улучывъ,
бо середь селянъ крыкнуто. Патроклъ засмiявся, мурчачы соби
стыха:

— Що? до смаку прыпала? Ну, грызить соби на здоровле,
цуцкы слыняви! Не выскалюйте зубивъ, люпусы задрипани, бо
не вкусыте!

Мурмотавъ и вылазвъ на гору.

— Огамане?

— Тутъ.

— Гайда!

Але въ сю мыть хмары знову розирвалыся, и зралдыый
мисяць сайнувъ на втикачивъ. Крыкъ счынывся середь селянъ:

— Тикаютъ! тикаютъ! Ловы!..

Полемя затупотило тры пары моторныхъ нигъ, а следкомъ
за втикачамы, выдыраючыся зъ яру на гору, кынувся гуртъ
селянъ....

VI.

Стручыси не спалося. То думкы всякы розганялы сонъ, то
блохы напосидалися. Вона крутылася по полу, штовхала чоло-
вика, сердючыся, що винъ такъ спить, ажъ хропе. Уже вона пе-
редумала й те, скилькы въ ихъ хлиба на сей ривъ буде, и
скилькы полотна вытчется зъ того прядыва, що натипала, и
догадувалася, яке теля приведе ии влюбленныця Лыска. Уже ии
почынала знову дратуваты вчорашня сварка зъ зызоокою Юхы-
мышою и вона жалила, що не встыгла усёго ий выказаты...
Сiаме на цёму на двори загавкала собака.

— Чого се Шарка гавкае?—подумала Стручыха.—Вона по
дурному николы не гавкае.

Хочъ Шарка гавкала звычайно по багато разивъ на
ничъ, абы зачула, що десь озвалыся собаки, та Стручыси

кортило збудити чоловіка, и вона почала штовхати його въ бийъ.

— Мусію! Мусію! Чы ты чуешъ?

Мусій ничого не чувъ и черезъ те не озывався. Се вже зовсимъ росердыло Стручыху. Вона торсонула его такъ, що мусивъ почуты.

— Одчепысь, Охрима, не замай мене!—пробубнивъ зъ соння Струкъ.

— Який я тобі Охримъ? Уставай, бисова сонюго! Чы не чуешъ хыба, якъ Шарка гавкае?—и вона такъ его стусонула въ ребра, що винъ ажъ схопився.

— Га? Що? що тамъ таке?

— Шарка гавкае.

— Що?

— Шарка гавкае, я тобі кажу.

— Гавкае, кажешъ?

— Ажъ залывається.

— Добра собака!.. Нехай же гавкае, спасыби їй!..

И вправъ сонный.

— Це мені лыхо, а не чоловікъ! Тилькы бъ спавъ, а нема того, щобъ свого добра доглянуты! Це не хазяинъ, а якась колода, якась сплюга онивнична!.. Та его й ломакою не зведешъ, якъ розиспытися!..

А Шарка тымъ часомъ гавкала дужче, и Стручыха вже й справи почынала цыкаватыся нею. Не дждавшыся Мусія, вона, якъ була боса й роздягнена, такъ и высочыла зъ хаты.

Въ двори не було никого. Побачывши хазайку, Шарка загавкала ще дужче и побигла до перелазу на тикъ. Стручыха й соби за нею. Шарка зипъялася на перелазъ и гавкала туды. Стручыха зазырнула на тикъ. И тамъ никого. Скрыты хлиба чорнили середъ току яєъ и попереду, за ими клуня вытыкалася своимъ верхомъ. И видразу Стручыси здалося, що тамъ зъ-за скрытивъ, коло клуни, чы що, блыснуть якийсь дгныкъ... Сирныкъ може хто засвтитывъ, або що...

— Злодіи хлібъ крадуть!—подумала жінка и прожогомъ усвочыла въ хату.

— Вставай, проклятый лежню! Злодіи!..

Вона вхопыла чоловіка за ноги и въ одынь менть истягла ёго мало не зовсимъ зъ полу. Винъ уразъ прокынувся зъ такои нисподивавкы.

— Тю, дурна! Чого ты?

— Злодіи хлібъ крадуть.

— Ну?!—винъ такъ и похоловъ.

— Чого ставъ? Бижи швыдче!

Воны выскочылы вдвохъ зъ хаты и кынулыся до перелазу.

Замисто злодіивъ вони побачылы на току вогонь. Теперь уже выдео було, якъ винъ выбывався зъ пидъ стрихы и червонымы пасмамы бигъ по соломьяній клуни.

— Ратуйте, люде добри!.. Пожежа!..—кыкнувъ Струкъ и кынувся на тикъ. Але заразы же заплутався у якойсь хмызъ и впавъ. Устаючы, винъ чувъ, якъ ёго жінка гукала вже въ Сывашевому двори: „Ратуйте!“ и грюкала въ вично, ажъ шыбкы бряжчало. Потимъ побигла по вулицы, стукаючы въ вична й крычучы:

— Ратуйте!.. Горымо!.. Ратуйте!..

Струкъ тымъ часомъ пидбигъ до клуни. Увесь задній ригъ ии вже горивъ, полахкаючы полумьемъ та дымомъ. Уже ажъ пидбигшы до полумья, Струкъ зрозумивъ, що не може ничего зробиты, бо прыбигъ зъ порожними руками. Метнувся назадъ по воду. Вхопывъ у хаты видра, збудывъ дочку й наймычку, що спалы въ синахъ.

Тымъ часомъ Деньсь та Зинько, прокынувшыся видъ Стручышыного грюкоту й крыку, повыскакували зъ хаты. Зырнувшы на тикъ, вони побачылы на свой клуни одсвить одъ Струковой пожежы и подумалы спершу, що горыть ихъ власна клуня. Але надбигшы до половины току, побачылы, що помылылыся: садкы Сывашивъ та Струкивъ, що булы мижъ двома клунымы, выдео було наскрызъ отъ пожежы на току въ сусиды. Похапавшы видра зъ водою, браты кынулыся до Струка-

Прибиглы на пожежу разомъ зъ нымъ и выхлюпнули на вогонь вси трое по видру воды. Бухнуло вгору дымомъ, але за мыть вогонь заgravъ ще дужче, ясно осяваючи тикъ, двory, вулицю. Провулкомъ, вулицею й городамы вже скрызъ збигався народъ, збудывшыся видъ Стручышыного лементу. Бильша частына бигла зъ видрамы, хто зъ сокырою, а хто й зъ порожнымы рукамы. Почався крыкъ, плачь, метушня. Де хто метуцвса по пожарку. Стручыха бигала й голосыла. Струкъ ходывъ одъ чоловика до чоловика й благовъ:

— Люде добри, поратуйте! Тамъ же мій хлѣбъ!.. И на току хлѣбъ!.. Мы жъ у старци лидемо!..

Але що могли зробыты си люде? Бигалы, носылы видрамы воду, хлюпалы на вогонь, а винъ горывъ усе дужче. Суха солома, якъ порохъ, бралася вразъ огнемъ, скоро винъ до неи доторкавса. Пожаркы все не було.

Тымъ часомъ Денысь кынувъ гасыты, бо вже й безъ ёго народу тѣшылось багато, та й сипнувъ свата Манойла за рукавъ:

— Треба паливъ шукаты. Це немывнуче пидпаль.

Горило такъ ясно, що скрызъ було выдко якъ у-день. Воны почалы дывытыся, чы не выдко де слидивъ. Биля самой клуни вже ничого не можна було розибраты, бо скрызъ позатоптувалы люде. Воны видійшылы трохы дали—Денысь до горбдивъ на нызь, а свать Манойло до садка—и почалы прыдывлятыся.

— Ось! ось!—крыкнувъ уразъ Манойло.

Денысь пидбигъ до ёго. На сырій видъ осиньои вахкосты земли выразно вытыскалыся слиды пары городянськыхъ чобить на кривый копыль, зъ высокымы коркамы.

У Деныса й очы засвityлыся, якъ винъ побачывъ ихъ. Винъ побигъ до-дому и прынысь лыхтарь. Пыльнующы слиду, пышы за имъ ажъ до перелазу въ Струкывъ садокъ. Зазырнули черезъ перелазъ—слидъ и тамъ. Денысь, поспышающысь, перескочывъ черезъ перелазъ, воны перешлы увесь Струкывъ садокъ, тоди Сывашывъ и врешты перелизлы на Сывашывъ тикъ. Слидъ йшовъ черезъ тикъ наче до ворить, що булы зъ току

въ провулокъ, але тоди выразно завертавъ до Сывашевои клуни, обходявъ їи кругомъ и зныкавъ передъ воритьмы въ неи. Въ клуни хлеба вже не було, вона була незамкнена, але Денысь добре пам'ятавъ, що винъ замісто замка заложывъ килокъ. Теперъ килочокъ було вытягнуено, выдко було що ворота видчынювано.

— Бачыте?—пошыпы казавъ Денысь.—Винъ тутъ. Хотивъ утекты воритьмы въ провулокъ, та мабуть або насъ изъ Зинькомъ на току побачывъ, або вже люде провулкомъ биглы, дакъ винъ завернувся та сюды й сховався. Я постою тутъ, а вы бижить людей клычте.

Манойло побигъ, а Денысь накынувъ знову ворота и заложывъ килкомъ. Винъ бувъ цилкомъ певный, що піймавъ злодія, и боявся, щобъ той, одразу выхопывшыся, не втикъ у ёго зъ руки.

Манойло повернувся незабаромъ, ведучи за собою чоловіка п'ять людей.

— А що? де? якъ?—пыталыся вси.

— Тутъ вовчыкъ! Піймався!—казавъ Денысь.—Увиходьте обережно, щобъ не выскочывъ.

Не дуже видчыняючы ворота, вси поввиходылы и знову ихъ зачынылы. Тоди почалы обдылятыся скрызъ у клуни. Никого не було выдко.

— Шукайте въ соломи!—казавъ Денысь.—Свитить лышь!

Почалы роскыдаты солому, топтатыся по їй,—никого не було.

— Що за знавъ? здыувалыся люде.—Отъ же чы не помылывся ты, Денысе?

Але Денысь певный бувъ, що не помылывся.

— А отъ ходить туды!—казавъ винъ и повивъ людей у найдалышый кутокъ, де такожь лежала купа соломы. Манойло прысвитывъ, а Денысь одкынувъ верхній шаръ соломы. Передъ шукачамы зачорнила людська спына й голова. Чоловикъ лежавъ ныць, урывшыся въ солому, сховавши облычче въ руки.

— А ну лышь уставай!—крыгнувъ Денысь и вдарывъ невидомого чоботомъ у бикъ.

Той здригнувся, але не вставъ.

— Треба ёго звесты,—сказавъ Тонконоженко и вдвохъ изъ Денысомъ ухопывъ чоловика пидъ груди, зводючи ёго на ногы. Невидомый не пручався, але й не встававъ, а бувъ здоровый, и воны вдвохъ ледви здужалы поставыты ёго. Винъ стоявъ, але не видтулявъ видъ облычча рукъ.

— Чы ба! неначе дивка на сватанни,—засоромывся!—сказавъ Денысь.—А ну бо покажиться панычу, яки вы есть!

И винъ вразъ ирвонувъ ёму руки видъ облычча.

Тоди видстуцывъ ураженный: передъ имъ стоявъ Романъ.

— Э-ге-ге! та се Романъ!—скрыкнувъ Манойло, а за имъ и инши люде.—Дакъ онъ хто! Ну, вовчыку-братыку, теперь попався!

— Чого вы до мене прычепылысь?—озвався Романъ хрыпкымъ голосомъ, дывлячыся несамовытымъ поглядомъ.—Що я вамъ изробывъ? Я ничего не знаю... Я прыйшовъ у село и тутъ хотивъ завочуваты...

— Добре! добре! Коны ты не знаешъ, то мы тоби покажемо, що ты зробывъ. Ходимъ лышь!

Килькы рукъ ухопыло ёго мицно и потягло зъ клуни до пожежы.

Винъ не пручався, йшовъ, перелазывъ черезъ перелазы, але часомъ казавъ:

— Пустить мене до батька... Я прыйшовъ до батька и заночувавъ у клуни...

— Эге!—глузували зъ ёго,—бувъ бы жъ у хату йшовъ, а не въ клуню!.. Коны за батька озвався!.. А то такъ не знавъ, чы е въ ёго батько.

Якъ воны пидводылы Романа до пожежы, то вже всю клуню обнимавъ огонь и вона палахкотила до темного неба велычезнымъ огнянымъ стовпомъ. Маленька пожарка брызкала на неи тоненькою течыйкою воды, и та вода, ничего не погасывшы, заразы же бралася парюу и зныкала, вкупи зъ дымомъ у по-

вистри. Кильки душъ чеплялы двома гакамы за клуню, сылку-ючыся іі ростягты, але ничого не пособлялося, бо сухе пересыпане соломою дерево горило, упавшы купою на землю.

— Бережысь! Бережысь!..—роскотылыся середь стовпыща перелякани голасы.

Пидгорили кроквы затрищала зъ одного боку, вся покривля вразъ скрывылася на бикъ, посунулась однимъ прычылкомъ унызъ, спынылася на хвылыну, потимъ страшенно затрищала зъ другихъ бокивъ и провалылася на нызъ, у середыну, розвалышы стины стодоли. Бухнувъ дымъ чорною хмарою, покрываючы собою й полумъя; на вси боки повіяло рясынымъ дощемъ велычезныхъ искоръ, шматкывъ горячой соломы, розкыдаючы ихъ на людей и по за людей. Стовпыще ошынылося середь завирюхы дыму й искоръ, залемнтувало, закрывало й шарахнуло видъ клуни геть. Але полумъе вже знову звылося високо, жарко лыжучы чорни челюсты вночышнёго темного неба. Дымъ розвіявся, и люде знову насунулы блыжче, галасуючы, клопочучыся и ничого путнёго не роблючы, безсыли щось изробыты. Въ цю мыть по-задъ ихъ загукано:

— Пустить! Пустить!.. Палія ведемо.

И прыскаючыся по мижъ натовпомъ, кучка лыдей вытягила Романа ажъ до самого вогню.

— Кто се?.. Кто?.. Романъ!.. Сывашенко Романъ!—почувся крыкъ, и люде, зацикавлени й розлютовани, насувалы блыжче, щобъ полывытыся на злочывця. Тонконоженко зъ Манойломъ поставылы Романа саме передъ огнемъ. Старый, увесь сымый, дидъ Карпо стоявъ передъ Романомъ.

— Романа!—сказавъ винъ, показуючы на пожежу,—чы твій то грихъ?

— Ни.

— А хто жъ бы то зробывъ, колы бъ не ты? Признайся, твій то грихъ?

— Ни.

Вразъ, зовсимъ зъ другого боку, почувыся якысь крыкы и скудовченый, задыханный чоловикъ выбигъ на передъ, репетуючы:

— Кони поведено!.. Кони!..

— Кони?.. Яки кони? Шо ты кажешъ?—озвалося навкругы.

— Трое коней... У Панаса... Бывелы та й подалысь...

Наши побиглы верхы навздогняъ.

Люде на мыть затыхлы. Тоди мовъ буря вдарыла своимъ дужымъ крыломъ по хвляхъ, и заревлы воны, зашумилы,— такъ у-разъ озвалося, загаласувало, зелементувало, лютуючы, стовпыще:

— Дакъ онъ воно шо!.. Одинъ палыть, а други тымъ часомъ кони ведуть!.. Убыть ёго!.. Якъ собаку!..

Розлютована юрма насугала на Романа, а двое здоровенныхъ чоловикивъ мицно держало ёго. Червони видъ полумъя облычча, повырячувани страшни очы, стыснены въ кулакъ руки... ще мыть—и кынулысь бы вси, щобъ розирваты того, хто теперь не мавъ уже сылы ни шкодыты, ни боронитыся.

Але дидъ Карпо, махнувъ рукою:

— Стрывайте, стрывайте!—гукнувъ на людей.

На мыть уси спынылыся, а винъ знову почавъ пытаты Романа.

— Романа! Признайся хочъ теперь! Твое се дило?

Романъ одну мыть мовчавъ... Якъ блискавка швыдка, промайнула въ ёго въ голови думка: Выявылось!.. Коны признається,— може не катуватымутъ. И винъ промовывъ хрыпкымъ здавленнымъ голосомъ:

— Мое... Выненъ...

И вразъ учымылося щось незрозумиле й несподиване, щось безъ миры не людське.

Натовпъ знову сколыхнувся, залементувавъ, завывъ... Десяты рукъ простяглыся до Романа, вырвалы ёго въ тыхъ, хто державъ, и штовхнули, мало не кынули ёго туды, престо въ полумъе.

Чоловикъ пирнувъ въ огонь, щезъ у ёму, и тилькы страшный крыкъ озвався звидтиля.

Але за мыть винъ уже выскочывъ назадъ, дымлючы, тліючы одежею, волоссемъ.

Але стривъ передъ собою несамовити по-звирячому люти облычча, и дужи немнучи руки знову кышулы ёго въ пекло.

Винъ такъ саме выскочивъ удруге. Винъ уже горивъ.

— Скажени! Що вы робите?—скрыкнувъ Карпо и, вхопившы видро воды, выливъ на Романа. Одежа погасла, тилькы дымила.

Безцасный стоявъ и трусився зъ болю, зъ нелюдського страху.

— И правда,—озвався хось,—на що ёго палыть? Тилькы одвичать будемо.

— А що жъ, помылуваты ёго, чы якъ?—крычали инши.

— Намъ треба, щобъ винъ свое товариство выказавъ, щобъ гниздо вовче выдушыты.

— Правда! Правда!

— Ну дакъ чого жъ вы дывытысь? Розуйте паньча гарненько та погрійте ёму пансьби нижкы—покы признається.

Ще порадыкъ не доказавъ до краю, а вже зъ Романа стягнуено обгорили чоботы, хтось розгрибъ купу жару. Четверо людей ухопыло недогорилого чоловика и поставыло босымы ногами на жаръ. Мордованный пручався, одбывався, зывався якъ вузь у рукахъ у своихъ ворогивъ, але въ натовпу була бильша сыла, нижъ у ёго самого. И въ той часъ, якъ ноги ёму горилы, ёго страшны зъ муки очы бачылы передъ себе спокійну Денысову постать...

— Признавайсь! Ты попереду кравъ кони?

— Я.

— Кто въ тебе товариши булы?

— Я самъ! Все, що у васъ було попереду крадене, все то я самъ!.. Все!.. Никого товаришивъ не було!.. Пустить мене!.. Пустить!..

Те страшне „Пустить!“ покотылося далеко, и ёго почувъ Зивько. Такъ трапылось, що винъ саме въ цей часъ бувъ далеко,—то коло хаты, то бияя стогивъ, укрываючы ихъ мокрымы ряднамы, и ничего не знавъ про Романа. Почувшы теперь те

нелюдське „Пустить!“; винъ кынувся кривъ натовпъ, роскыдаючи, валяючи людей.

Романъ, босыми ногами на жару бився въ рукахъ у своихъ кативъ, а Денъсь стоявъ проты ёго и мовчки дывывся.

Однимъ скокомъ Зинько штовхновъ двоихъ одъ Романа, а двое другихъ, зъ несподиванкы, пустылы мордованого зъ рукъ. Винъ выскочывъ зъ жару.

— Каине проклятый!—крыкнувъ Зинько на Денъса,—брата вбиваешъ! А вы, дошогубы!—повернувся до людей,—катыгы! Що вы робыте? Чы вы забулы Бога й совисть? Геть, зверы люты, бо першого, хто ёго займе, я самого кыну въ полумъе!

Вражене стовпыще на мыть прытыхло. Але тилькы на мыть.

— Що вы ёго слухаете? Такого вовцюгу жалиты? Печить, покы выкаже всихъ!

И зновъ штовхнули Романа, и винъ упавъ руками просто на жаръ...

И вразъ стовпыще мовъ розбылось на двое, пропускаючи когось, хто бигъ сюды, мовъ ёго гнала якась надмирна сыла. Дивчына задыхана, зъ розмаянимъ одъ довгого й швыдкого бигу волоссемъ, выскочыла передъ пожежу... Романъ пидводывся зъ огню... Дыки очы, зминене тяжкымъ бодемъ облычче, почорнила голова й руки, си страшны попечени, пошмугляни въ боротьби кривави руки, а зъ ихъ высила обгорила шеура...

Голосъ вырвався зъ грудей зъ надлюдською сылою, покрываючи и гоминъ стовпыща, и гуготъ пожежы однимъ несамоытымъ, божевильнымъ крывкомъ, и дивчына впала якъ мертва до-долу, пидъ ноги стовпыщевы.

ЭПИЛОГЪ.

Трое суддивъ, прокуроръ судовый и секретаръ посадыли за довгий стиль, покрытый червонымъ сукномъ. Ливоручъ одъ ихъ, на двоихъ мянкихъ банапахъ, сидылы присяжни. Просто суддивъ, за ба-

ріеромъ, послала публіка, килькы панночокъ и павій, що, не вдовольняючыся зъ эротычно-патологичныхъ друкованыхъ повистей, прийшли, чы не пощастыт послухаты ще кращыхъ зъ жывыхъ усть на суди; двое-трое панычывъ, якыйсь репортеръ, килькы мищанъ... Праворучъ стояло зроблене зъ дерева щось пидхоже до клитки зъ двома загородкамы; въ одній було ще порожнё, а въ другій, зипершысь на пультъ, сядывъ оборонецъ одъ суду.

Звелено ввесты обвыноваченныхъ.

Первый увійшовъ высокій кремезный чоловикъ у сирій респтанській кудыни, зъ чорною, въ тюрми зрослою, бородою. Увійшовъ и ставъ ривно, выпроставшысь якъ салдаты на муштри. Сылкувався трыматися нещорупно, але ёго очы турботно перебигалы видъ суддивъ до присяжныхъ и знову до суддивъ.

За имъ увійшла дивчына. Насунута напередъ была хустка ледви давала бачыты худе змучене облычье; іи очы дывылыся до-долу, и довгы вїи выразно лягалы на бильхъ якъ биль щокахъ. Нервово закрывала свои схудлы груди гыдкою сирою респтанською свытою.

Пытають ихъ про имья. Ёго звать Романъ Сывашъ, ии— вона каже: Левантына, суддя выправляе—Валентына Тополивна.

Выбрано присяжныхъ: двое мужыкывъ, чотыри миськи крамари, а то якысь панкы-урядовци. Секретаръ чытае про обвыноваченныхъ—чымъ вони вынни.

Розказуецься усе порядку, якъ Романа Сываша пїймано на пидпали, якъ самъ винъ признався въ влочынствї та ще й у тому, що кравъ кони. Мають судыты ёго за пидпалъ и за кони.

Валентына Тополивна пособляла ёму. Се було выдко осьъ изъ чого. Вона мусыла буты въ гóроди, у хазяина въ наймахъ, а опынылася въ Дыбляхъ, на пожежи. Тамъ ии такъ уразыло мордування надъ Романомъ Сывашемъ, що впала непрытомна и зъ мисаць була пїсля того хвора. Досліджуючы справы Сывашевой, слідчыи натрапывъ на сю подїю и выяснывъ, що Тополивна була коханкою Сывашеви, що ии бачено разъ-у разъ

ивъ имъ, що вона жыла въ Струкивъ, була зла на ихъ, бо вони не виддали їй усихъ заробленныхъ грошей; знаючи все въ двори у ихъ, могла провести туды Сываша на підпаль. Дійшовшы до цѣго высновку, слідчий звеливъ забраты Топольвну до тюрмы, скоро вона одужала, и оце теперъ мають ии судыты.

Романъ Сывашъ каже, що винъ выненъ, але самъ винъ, бильше никого зъ имъ не було. Хочъ ёго тоди мордовано такъ, що потимъ два мисяци въ ликарни гбено, але й тоди, и теперъ винъ каже одно: тилькы винъ самъ и выненъ, бильше никто.

Левантына Топольвна каже ледви чутнымъ голосомъ, що вона не вынна.

Прыводють свидкивъ. Середь ихъ нема ни одного, хто мигъ бы сказаты щось доброго про Романа або про Левантыну. Слідчий дбае про те, щобъ обыновачено, а не про те, щобъ выявлено неввинистъ тыхъ, кого винъ посилае въ судъ.

Першый свідокъ—Денысь Сывашъ. Судъ каже, що винъ може не свидчыты, бо винъ братъ обыноваченому, але Денысь самъ того хоче. Винъ почынае розказуваты про брата, якъ той ничего не робывъ, обкрадавъ усихъ и врешти підпальвъ. Оповидае всю подію зъ пожежею, але каже, що Романа никто пры ёму не мордувавъ, що самъ винъ прызнався въ своихъ злочынствахъ. За имъ идуть инши свидкы, селяне зъ Дыбливъ, и вси вони кажуть те, що й Денысь. Про Левантыну вси говорюють, що вона справди була коханкою Романови, мала видъ ёго дытвну, пишла слідкомъ за имъ у гбродъ и вернулася на село тѣи жъ нocy, що й Романъ.

Писля селянь — городяне. Се найсампередъ Квасюкъ. Винъ каже, що не одынъ разъ бачывъ, якъ Романъ прыводывъ до Левантыны, бачывъ, якъ вони вдвохъ по гброду ходылы, а за ничъ передъ пожежею Левантына втекла видъ ёго не знаты зъ чого. Квасючка свидчыты, що Левантына була дивчына негарна, гуляца, ливыва; що якъ вона покынула ихъ, то чымало де-чого въ хазайстви не стало.

— Бога бійтесь, хазяйко...—почынае щось Левантына, але найстаршій суддя спыняе іі, кажучы, що вона може пытаты свідкывъ тилькы черезъ ёго. Левантына не розуміе, змовкае и вже бильше не пытае ничого, а тымъ часомъ свідчыть той хазяинъ, де Романъ на кватери бувъ, що бачывъ Левантыну въ Романа вранци—лыбонъ вона въ ёго й ночувала.

Якыйсь прысяжний пытаеця въ Левантыны—чого вона опынылася тіей ночы въ Дыбляхъ? Вона кажэ, що хотила перестерегты про пожежу.—По чому же вона про це знала?—До-видалася видъ Романа.—А чого вона була въ Романа?—Вона червоніе й мовчыть. Прысяжни й судди певни, що вона все бреше.

Почынае говорыты прокуроръ. Ёму лехко обыновачуваты Романа Сываша, бо выдко ёго провыны. Але якъ на ёго думку, то й Левантына не може быты невынною. Зопсована лыва дывчына покыдае однихъ хазяивъ, покыдае другихъ, охоча до того, щобъ и чуже заняты, вона знаходыть соби такога жъ коханця, якъ и сама, иде за имъ слідкомъ у гбродъ и хочъ жыве окремо, але разъ-у-разъ изъ имъ бачыцца, а врешти й пособляе ёму въ страшній злочынскій подіи—запалыты село, щобъ покрасты кони. Що жъ до іі певнення, мовъ бы то вона прыбигла на село перестерегты про пожежу, то, знаючы все инше, мы можемо тилькы дывуватыся тій безсоромности, яка дозволяе ій такъ нахабно перекручуваты правду. Выдко цилковыто зопсовану душу, и не можна таку небезпечну громадянству людыну лышаты на воли, щобъ вона могла й дали шкодыты людямъ. Не можна выдаваты нашъ беспорядный убогый народъ на хыжацтво цимъ ворогамъ людського добробуту. Паліи й коноводы, се—найбильши ворогы нашому мужыкови, и кому дороге ёго щасте, кому дорогá мужыцька кривава праця, той мусыть обыновачуваты не самого Романа, а й Левантыну, бо скількы зъ погляду вона невынна й гарна, стількы вона злочынница въ души. Черезъ те винъ сподываеця, що прысяжни не дадутъ ніякои пильгы имъ обомъ. Винъ говорыть гарно, малёвнычо, зъ зачаломъ и сяде вдоволеный зъ себе, рахуючы самъ соби, що колы пры-

сяжни послухаються ёго, то Сывашъ иде на каторгу, а Левантына на засланне въ Сибирь.

Встае оборонецъ. Винъ самъ (думкою) за малымъ не цилкомъ згожувався зъ прокуроромъ що до провннъ обохъ обвиноваченыхъ, але мае обороняты ихъ и говорыты проты прокурора, то й говорыть, сылкуючыся зкорыстуватыся зъ усёго, зъ чого можна, щобъ якось выправыты тыхъ, кого боронить.

Пытають обвиноваченыхъ, чы не скажуть ще чого. Романъ мовчыть, Левантына говорыть тилькы:

— Я ничого не знаю... Я ничого не робыла... и змовкае, плачучы.

Говорыть довго найстаршый суддя. Каже, що хоча Романа й помордовано, але за се вынни видбудуть належну кару, а прысяжныхъ се мордуванне не повинно спыняты, колы бъ вони схотили обвиноватыты Романа: се мордуванне не есть обвиновачоному кара, бо воно беззаконне, черезъ те ёго не можна рэхуваты, ёго передъ закономъ нема, а треба Сывашеви накынуты кару законну...

Выходють прысяжни, судъ, зъ половины й публыка. Романъ та Левантына встаются тамъ, де й булы, и коло ихъ два салдаты зъ шаблями.

Левантына сидае знеможена. Вона ничого не зрозумила зъ усіен ціей судовои справы. Розумила тилькы, що їи хочуть покараты. Але вона сыдила у тюрми, и тамъ ужъ їй розказано що значыть, колы прысяжни визьмутъ паперъ и пидуть у свою хату.

Вона мае ждаты прысуду.

Вона ёго дожыдала вже пъять мисяцивъ у тюрми. Пъять довгихъ страшныхъ мисяцивъ.

Тяжко видбуваты кару навить за зроблену проввну. Ще тяжче видбуваты їи невынному. А надто тяжко, а страшно якъ загыпъ души—видбуваты їи видъ людей за те, що схотивъ пособыты людямъ.

Левантына видбувала їи за це.

Вона все жытте видбувала кару.

Малою—якъ була попыхачемъ-байстрючкою, образуваною й кривдженою.

Дорослою сыротою,—тыняючыся по наймахъ, зазнаючы тяжкон роботы, бійкы, лайкы и того, що гирше за все це.

Коханкою,—видавши все тому, хто занапастывъ ии.

А врешти теперь, — схотивши обороныты людей видъ ворожого заходу.

Це бувъ кинецъ и винецъ ии земныхъ прыгодъ, найвыща болюча нота въ тужливій писни ии змученного жыття.

Найвыща и остання.

Гостро вдарывъ дзвоникъ.

Сповнымась свитлыця людьмы.

Ввйшли прысяжни.

Воны обвыноватылы Романа, а Левантыну... Воны были добри: вси, оприче одного, были певни, що вона вынна, не може не быты вынна, але пожалылы ии, помылувалы...

Але що ий зъ того?

Вона вернулася до тюрмы, щобъ скинуты респтаньську одезу, и скоро дійшла до своего мисця, що на ёму промучылася убываючы свое тило й душу, п'ять мисяцивъ, упала и не могла встаты. Занедужала тяжко и вже не звелась на погы николы. Зинько, прыйхавшы по неи зъ села, нэ побачывъ навить ии могылы.

Умерла середъ похмурыхъ огыдныхъ стинъ зъ вратамы.

Ни одмы соняшний проминь не осяявъ ий облычча въ часъ смертний.

Ни одна ридна щыра рука не стыснула ий руки.

Надъ нею схыллылысь тилькы поцсовани неволею й грихомъ облычча.

Се были облычча такихъ безщастныхъ, якъ и вона... хочъ и не такихъ прекрасныхъ и чыстыхъ душею.

Тыхо и тяжко и сумно безъ миры затыхала й затыхла писня покывдженого людського жыття.

Безъ сонця затыхла, и те, що творыло ту писню, сховалося въ земли пидъ невеличкою могылкою на острожному кладывщю.

Безъ сонця вмерла дивчина, и тильки їи могылку цилуе сонце. Воно свитыть ясно и добрымъ, и злымъ; свитыть и на їи могылку, и Романови въ далекому Сибиру, и тымъ, що видбувають кару за ёго мордуванне, и тымъ, кого судють, и тымъ, хто судить. Сяе однаково и надъ хатами, и надъ городянськими будынками—скризь, де люде зробыли соби зъ широкого й ясного свиту тисный свить неволи й темрявы, звираючи боротьбы за шматокъ хлеба, за право жыты—тамъ, де щедра рука могучои прыроды розлыла багатство жыття и способивъ до жыття, и де люде сылкуются всима можливими заходами завдаты одынъ одному яко мога бильше мукъ, неволи й крывды.

Думкы про се не покидають и Зинька.

Сумно теперь у Сывашевій симъи.

Деныса вже тамъ давно нема: не могли простыты ёму, що не оборонивъ Романа, самъ отдавъ на мордуванне. Жыве Денысь окремо, багатіе. Старый батько згорбився, бильшый якъ молоко зробився, за малый часъ зовсимъ постарився. Осумнивъ и Зинько и, купи зъ батькомъ та зъ матиррю, часто згадуе и Левантыну бидолашну, и безщасного Романа, що блукае въ холодному Сибиру, нудьгуючы за риднымъ краемъ. И думаетъ Зинько про те, чы то Божа воля, чы то люде самы такой ладъ про миждь себе завелы, що якъ кому такъ и гарно середъ ёго жыты, а якъ кому, дакъ ніякъ не можна. И треба бъ, щобъ краще зробыты, та якъ?

Думаетъ по простому, по мужыцькому, але ёго думкы займають вглыбока те, що не дае спокою всимъ чеснымъ душамъ, всимъ благороднымъ сердцямъ, намученымъ загадкою людського жыття, натомленнымъ працею за для здійствення людського щастя...

В. Гринченко.

У Чернигови, 1900.



Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.

(Продолженіе) ¹⁾.

22. Позорное клеймленіе прелюбодѣвъ.

Просматривая протоколы козацкихъ судовъ, легко прійти къ мысли, что изъ всѣхъ заповѣдей Моисеева десятословія въ старой Малороссіи чаще другихъ нарушалась седьмая. Среди тогдашнихъ уголовныхъ дѣлъ едва-ли не самый значительный процентъ составляютъ дѣла о прелюбодѣвннн. Между тѣмъ самая многочисленность такихъ дѣлъ ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что этотъ порокъ отнюдь не пользовался привилегіей безнаказанности; напротивъ, и тогдашніе суды, и общественное мнѣніе съ патріархальною строгостью относились ко всякимъ проявленіямъ разврата и распущенности. Строже всего каралось чужеложство: мужчина за это присуждался къ смертной казни, а женщина — къ сѣченію у позорнаго столба на базарной площади и къ расторженію ея брака, если только ничего не имѣть противъ этого ея невинный мужъ ²⁾. Простое прелюбодѣваніе, т. е. связь между свободными отъ брачнаго союза лицами, также иногда каралось смертью, но чаще — сѣченіемъ на площади, выставленіемъ у позорнаго столба, изгнаніемъ изъ

¹⁾ См. Кіевск. Стар. 1901 г. № 5.

²⁾ Подробнѣе объ этомъ — см. выше, очерки 12 и 13.

города, и въ рѣдкихъ случаяхъ—денежнымъ штрафомъ. Въ интересныхъ запискахъ извѣстнаго путешественника Павла Алеппскаго, дважды посѣтившаго Малороссію при Богданѣ Хмельницкомъ, упоминается еще объ одномъ родѣ наказанія за прелюбодѣяніе. „Намъ говорили,—пишетъ онъ,—что всякій разъ, какъ поймаютъ въ этой козацкой странѣ въ прелюбодѣяніи мужчину и женщину, тотчасъ собираются около нихъ, обнажаютъ ихъ и садятъ какъ цѣль для пушекъ; это у нихъ неизмѣнный законъ, и никогда никто не увернется отъ этого наказанія“. Но такого наказанія, т. е. разстрѣлянія изъ пушки, не существовало, и въ данномъ случаѣ Алеппскій впасть въ невольную ошибку. Очевидно, ему говорили о привязываніи виновныхъ къ поворному столбу или, то же, о приковываніи къ пушкѣ, а онъ могъ переиначить слышанное. Достоинно вниманія, что въ концѣ XVII ст. въ Малороссіи жива была еще въ народѣ память о необыкновенно суровой карѣ за чужеложство, очевидно практиковавшейся въ болѣе раннее время, когда населеніе не знало еще другого суда и „права“, кромѣ своего, „громадскаго“,—именно о закапываніи виновныхъ въ землю живо. Въ одномъ процессѣ 1693 г. есть упоминаніе о томъ, какъ мать предостерегала любовника своей замужней дочери, чтобы онъ никому не проговорился объ этой связи: „бо якъ дознается про те старшына, то певно черезъ те, що у тебе своя жона, а у дочки моеи мужъ есть, будете обое на ростани (т. е. на перекрестной дорогѣ) укупани“. Въ этихъ словахъ звучитъ не только память о быломъ, но и увѣренность, что этотъ стародавній обычай еще можетъ имѣть примѣненіе.

Но судебныя кары, какъ бы ни были суровы, могутъ обуздывать развратъ въ его наружномъ проявленіи, но не въ силахъ преслѣдовать его, когда онъ скрывается подъ покровомъ тайны и потому легко ускользаетъ отъ самаго бдительнаго полицейскаго надзора. Но, какъ мы уже упоминали ¹⁾, въ то патріархальное время правосудіе въ борьбѣ съ преступленіями имѣло дѣятель-

¹⁾ См. выше, очеркъ 2.

наго союзника въ лицѣ самого общества, вѣрнѣе—всея народной массы, неуспынный контроль которой надъ каждымъ изъ своихъ членовъ служилъ могучимъ средствомъ противъ размноженія всякаго рода преступленій. Для этого всевидящаго и всепроникающаго контроля нѣтъ и не можетъ быть ничего тайнаго, сокровеннаго. Извѣстно, какъ трудно и теперь еще въ условіяхъ сельской жизни укрыться отъ постороннихъ глазъ малѣйшей любовной пашнѣ, самому осторожному роману. Но современная народная масса, долгимъ опытомъ отъученная отъ вмѣшательства въ чужія дѣла, поневолѣ пассивно относится къ творящимся на ея глазахъ безобразіямъ и ограничивается лишь пересудами по поводу ихъ, а въ иныхъ случаяхъ и это дѣлать опасается. Не то было въ XVII ст., когда народныя понятія о дозволенномъ и недозволенномъ въ сущности и были правовымъ кодексомъ, обязательнымъ и для суда. А прелюбодѣянiе въ глазахъ народа искони почиталось тяжкимъ грѣхомъ, оскорбляющимъ Бога, навлекающимъ гнѣвъ Его и потому подлежащимъ строгому преслѣдованію. Поэтому всякій, кому было вѣдомо о чьихъ-либо безнравственныхъ поступкахъ, имѣлъ право прійти въ судъ и открыто выступить съ обвиненіемъ, памятуя лишь объ одномъ, что отъ него потребуютъ представленія неопровержимыхъ уликъ, въ противномъ случаѣ онъ будетъ признанъ „потварцею“, клеветникомъ, и долженъ подвергнуться такому наказанію, какое по закону угрожало оговореннымъ имъ лицамъ. Чтобы зацѣпиться такими уликами, обычай дозволялъ обвинителю подстеречь подозрѣваемыхъ въ преступной связи и, пригласивъ свидѣтелей (а еще лучше—предупредивъ мѣстный урядъ), накрыть на мѣстѣ преступленія („застаты на злomu учинку“) и при этомъ обрѣзать обоимъ полы бѣлья или платья. Пойманные немедленно препровождались на урядъ для заключенія подъ стражу, а отрѣзанные куски платья представлялись въ судъ въ качествѣ „лица“, или „признаки“, считавшейся непререкаемой уликой въ дѣлахъ этого рода. Кто возбуждалъ обвиненіе, не зацѣпился такой уликой, тотъ, въ случаѣ заперательства обвиняемыхъ, всегда проигрывалъ дѣло;

наоборотъ,—кому обрѣзали полы, тѣ вичѣмъ уже не могли „отвестись“ отъ обвиненія, ибо въ крайнемъ случаѣ обвинитель совмѣстно съ свидѣтелями, „якіе булы при застаты“, могли „присягою довести“ справедливость обвиненія и этимъ окончательно „поконати“ виновныхъ; но до присяги дѣло рѣдко доходило.

Ни въ Литовскомъ Статутѣ, ни въ Магдебургскомъ правѣ нѣтъ и помину о такомъ способѣ клеймленія лицъ, уличенныхъ въ прелюбодѣянніи. Несомнѣнно, это чисто мѣстный, народный обычай, каковыхъ много было выработано вѣковой практикой народнаго суда, но далеко не всѣ они впоследствии были санкціонированы Статутомъ. Въ этомъ обычаѣ нужно различать двѣ существенныя черты: добываніе „лица“ и клеймленіе захваченныхъ на преступленіи. „Лице“, т. е. поличное, играетъ весьма важную роль въ южнорусскомъ обычномъ правѣ. Лит. Статутъ трактуетъ о важности „лица“ лишь въ дѣлахъ о кражѣ и разбоѣ ¹⁾, но въ практикѣ обычнаго права его примѣненіе можно указать почти во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ; такъ, напримѣръ, убійцу привязывали къ трупу убитаго и оставляли въ такомъ положеніи до суда, что имѣло значеніе „лица“. Въ тѣсной связи съ „лицемъ“ находился обычай „личкованья“; о немъ нѣтъ и упоминанія въ Статутѣ, между тѣмъ мы встрѣчаемъ его именно въ практикѣ статутowychъ судовъ въ правобережной Малороссіи. Если владѣлецъ отыскивалъ украденныхъ у него или сбѣжавшихъ домашнихъ животныхъ, а тотъ, у кого они оказались, не хотѣлъ выдать ихъ безъ суда, то въ такихъ случаяхъ приглашался возный, и въ присутствіи свидѣтелей животныя подвергались „личкованію“, т. е. имъ надрѣзывали уши (лошадямъ) или лапки (птицамъ) и это „личко“ (отрѣзанные части) вручалось возному для храненія „до права“, что, очевидно, дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы животныя, о которыхъ

¹⁾ Статутъ 1588 г., разд. XIV, арт. 3, 5, 7 и др. и разд. XI, арт. 31 и 32.

шелъ споръ, не были подмѣнены другими 1). Подвергали „личкованію“ и преступниковъ, т. е. отрѣзывали имъ одно или оба уха, но это уже было однимъ изъ видовъ позорнаго наказанія за воровство. Малорусскій народный обычай отрѣзыванія полъ у лицъ, захваченныхъ на прелюбодѣянїи, одновременно совмѣщаль въ себѣ и признаки „лица“, т. е. преступленія, и „личкованія“, т. е. клеймленія съ цѣлью лишить преступниковъ возможности замѣнить себя на судѣ другими лицами 2), и наконецъ—позорнаго наказанія. Послѣдній характеръ этотъ обычай удержалъ до конца своего существованія, т. е. почти до нашихъ дней. Еще лѣтъ тридцать-сорокъ назадъ въ глухихъ углахъ Малороссіи нерѣдко водили по селу въ позорной процессіи лицъ, захваченныхъ на прелюбодѣянїи, предварительно обрѣзавъ имъ „челену“, т. е. передній подолъ сорочки.

—

Весною 1694 года въ с. Ивончинцахъ, что близъ Полтавы, распространился слухъ, что къ мѣстной козачкѣ-вдовѣ Педорѣ Филипихѣ „що-вечора“ ходитъ козакъ Васылъ Кибаленко. Дошелъ этотъ слухъ и до Ивончинецкаго атамана Руденка, и вотъ онъ заходитъ поздно вечеромъ къ мѣстнымъ жителямъ Юрку Коломійченку и Ѳедору Уласенку и говоритъ имъ:

— Пидите и піймайте Пылыпыху зъ Кыбаленкомъ, бо те перь, якъ люде повидаютъ, певне застанете обохъ на сквернимъ учынку. Я вамъ и третѣго осавульця до того придамъ.

Пошли они втроемъ на дворъ къ Филипихѣ, посмотрѣли въ хату—тамъ никого не оказалось. Подошли затѣмъ къ „комбрѣ“—слышно, внутри кто-то шепчется.

— Такъ и есть! рѣшили соглядатаи: Це жъ Педора зъ Васылемъ. А ну, Юрку, свиты лыхтарь (фонарь), та будемо ви-сажуваты двери.

1) Актовая книга Луцкаго градскаго суда 1573 г., № 2047, л. 378.

2) Весьма возможно, что захваченные прелюбодѣи и на судѣ представляли съ отрѣзанными полами, хотя прямого указанія на это въ актахъ мы еще не встрѣтали.

Подошли съ фонаремъ—и что же? Дверь оказалась запертой снаружи висячимъ замкомъ. Оторопѣли на минуту согляда-таи. Какъ же такъ? Въ коморѣ какъ-будто есть кто-то, а на дверяхъ висить замокъ! Ужь не почудилось ли имъ, будто тамъ кто-то шептался? И хотѣли было уходить ни съ чѣмъ, но Педора сама себя выдала. Узнавъ по голосамъ пришедшихъ и догадываясь, зачѣмъ они пришли, она начала бранить ихъ:

— Або я якая неднота, що до дому мого ходыте мене перестеригаты?

Теперь посланцы уже не сомнѣвались ни въ чемъ: если Педора какимъ-то чудомъ оказалась въ запертой снаружи коморѣ, то навѣрное она тамъ не одна.

— А ну, Юреку, бижы за сокырою та будемо выстановляты двери.

Видя, что дальнѣйшее запирательство приведетъ лишь къ тому, что ей напрасно сломають дверь, Филипиха перемѣнила тонъ и стала просить:

— Люде добри! Не псуйте дверей, а визьмите въ хати за мысныкомъ ключъ.

Достали ключъ и вошли въ комору. Тамъ оказалась не одна хозяйка, но и Васылъ Кибаленко. Имъ обоимъ тотчасъ обрѣзали полы платья.

— Люде добри, змылуйтес! Нате вамъ пивчварта золотого, тилко не ведите насъ до старшыны.

Тѣ обѣщали отнустить ихъ съ миромъ и никому не говорить о случившемся, но, получивъ деньги, обманули и отвели „до сельского ратушу“. А на другой день Филипиха съ Кибаленкомъ подъ стражей были доставлены въ Полтаву и предстали предъ полковымъ судомъ.

Судьи допросили свидѣтелей „поединцемъ“ (отдѣльно каждого) о томъ, какъ именно были „взимани“ подсудимые, и тѣ согласно рассказали обстоятельства дѣла и при этомъ „презентовали“ суду „лице“, т. е. отрѣзанныя полы. Были спрошены и подсудимые:

— Для чего бы такъ, на Пана Бога и на карность посполитую не уважаючи, допустылись злого порубства?

Педора Пилипиха отвѣтила:

— А що-жь, панове, грихъ мене спиткавъ: хотила-мъ оного Васыля за мужа поняты и для того ёму прыпустилася на грихъ, за которымъ власне зъ тыждень жыла. Вильно вамъ, панове, що хотиты зъ нами чыныты: проступылысьмо Богу и карности годни есьмо.

Васыль Кибаленко ничего не сказалъ въ свое оправданіе.

Судъ постановилъ декреть: „запобигаючи, абы впередь Кибаленко и Пилипыха булы одъ злого повстягнени (удержаны) и до сиросностей злыхъ не удавались, наказуемъ оныхъ значною публикою, то есть столповымъ вязенямъ, обохъ скараты, пры заплачено вины валежытой панскои и вядовой“.

Итакъ, не смотря на суровыя кары закона и всеобщій надзоръ, презирая страхъ ежеминутно грозившаго позора, находились все-таки женщины (о мужчинахъ скажемъ послѣ), отваживавшіяся на крайне опасный въ то время путь любовныхъ увлеченій. Но это не были жрицы свободной любви. Не склонность къ разврату или половая распущенность, а несовершенства тогдашняго семейнаго и общественнаго строя чаще всего толкали ихъ на эту опасную дорогу. Это были на первомъ планѣ—вдовы. Извѣстно, каково безпомощное положеніе вдовы въ теперешнемъ крестьянскомъ быту; не лучше была ея участь и въ старое время. Эта горькая безпомощность и понуждала вдову всѣми мѣрами найти себѣ мужа, и ее не трудно было обольстить, посуливъ ей законный бракъ. Не знаемъ, какихъ именно лѣтъ была Педора Пилипиха, когда затѣяла романъ съ Кибаленкомъ; но вотъ предъ нами вдова—пожилая женщина, однако и она прибѣгла къ тому же опасному средству, чтобъ только залучить себѣ мужа, хотя бы и невѣнчаннаго.

23. Вдова, не получившая дозволенія вступитъ въ четвертый бракъ.

Въ январѣ 1694 г. пришелъ въ ратушу полтавскій житель, козакъ Дорошъ Андрущенко и говоритъ бурмистру:

— Коли бь послаты до удовы Мартыныхы Криворотой миськыхъ слугъ, могли бь вони зыматы еи на чужолозтви, бо видаю певно, що у неи Иванъ Трохыменко, сердювъ пихотного полку пана Кожуховського, ночуе.

Бурмистръ доложилъ объ этомъ войту, и тотъ далъ дозволеніе послать: Семена, сторожа арматного, Гнылку, „воротного“ замкового, и Леська „асаульца“; это и были „слуги мѣскіе“, состоявшіе въ распоряженіи магистратскаго уряда и нерѣдко исполнявшіе полицейскія обязанности.

Въ полночь эти слуги, вмѣстѣ съ Андрущенко, отправились въ домъ Мартыныхы, отбили дверь и нашли сердюка Трохыменка на чердакѣ, босого и „въ едній кошули“, а его жупанъ и „чоботы“ оказались „на лижку“ (кровать) Мартынышиномъ. Ему дали одѣться, затѣмъ обрѣзали обимъ полы платья и отвезли въ ратушу.

На другой день интересная пара предстала на судъ. Мартыныху Криворотую спросили:

— Чому бь ты такъ, не памятаючи на боязнь Божую и на карность посполытую, важылася пры старости литъ своихъ до такой спросности удатыся? И одь которого часу зь тымъ Сердюкомъ, пополняючи таковой грихъ, ты жыла?

Мартыныха „безъ усякого заприняся“ (запирательства) призналась:

— А що жь, панове, грихъ мене спитывавъ тяжкый. Прочыла я пречестного отца протопопу полтавского, щобъ мене зь запорожцемъ четвертымъ бракомъ звичавъ, але ёго мылость отецъ протопопъ въ тымъ мени пречывъ (отказалъ). Одъ того часу я, не памятаючи на Пана Бога и встыду людского не дбаючи, прыпустылася сѣму Иванови, пихотынцеву, до пополненя чужолозтва, и вже тому недиль, зь чотыри есть, якъ

стала жыты зъ нымъ въ спросности, такъ безпечне, якъ бы зъ своимъ мужемъ, чого Господь Богъ мени, неужытій, не терпячы и моимъ злымъ диламъ, рачывъ мене выдаты на тяжкую публіку (позоръ). Вольно вамъ, панове, худобою мене карайте, тилько такій публіци не давайте, якои я годна.

Но судъ не уважилъ этой просьбы и, слѣдуя „выразному самого добродія его милости нана полковныка (Герцыка) росказавю“, постановилъ декретъ: „Мартыныху Крыворотую и Ивана Сердюка публице въ поведилковый торгъ до стовна даты (т. е. въ базарный день вѣстать у позорнаго столба), якою карностью обохъ наказавшы, одпустыты“, взявъ съ нихъ „вину панскую и вядовую“.

Слѣдуетъ отмѣтить любопытную подробность. Домогааясь вступить въ четвертый бракъ, вопреки церковнымъ правиламъ, Мартыныха имѣла опору своему домогательству въ дѣйствовавшемъ законѣ и обычаѣ. Въ Магдебургскомъ правѣ объ этомъ прямо сказано: „Вольно каждому жениться столько разъ, сколько пожелаетъ, пока безъ жены оставаться не можетъ или не хочетъ, хотя бы ихъ умерло у него три или четыре; такъ точно и женщинѣ, по смерти мужей своихъ, вольно пойти замужъ за иного“¹⁾. Въ правобережной Малороссіи (именно на Волыни) въ XVI—XVII вв. можно указать нѣсколько примѣровъ четверобрачія и даже пятибрачія, не вызывавшихъ никакого протеста со стороны духовенства. Но въ лѣвобережной Малороссіи духовенство, какъ видно, старалось противодѣйствовать этому обычаю, что и порождало грѣховные эксцессы вродѣ того, за какой Мартыныха понесла наказаніе.

24. Вдова и компанѣць.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ войско являлось элементомъ болѣе или менѣе разрушительнымъ по отношенію къ

¹⁾ Speculum Saxon. albo Prawo Saskie y Magdeburaskie, Павла Щербича, подъ словомъ: Mażenstwo.

чистотѣ семейныхъ нравовъ, спокойствію домашняго очага, женскому цѣломудрію. Собственно малороссійское войско, то есть городовое козачество, меньше другихъ виновно въ этомъ, такъ какъ оно состояло изъ людей осѣдлыхъ, семейныхъ, оставлявшихъ свой домашній очагъ лишь изрѣдка, во время походовъ. Но и въ Малороссіи существовали полки, не распускаяшіеся и въ мирное время и рекрутировавшіеся преимущественно изъ бездомной и безсемейной голытьбы; это были такъ называемые „охотницкіе“ или „компанѣйскіе“ полки, конные и пѣшіе, располагавшіеся постоемъ по селамъ и городамъ гетманщины. Эти „компанѣйцы“ и являлись по большей части героями сельскихъ романовъ. Оставляя обыкновенно въ покоѣ замужнихъ женщинъ, такъ какъ за нихъ было кому вступить, они направляли атаку преимущественно на вдовъ, горѣвшихъ желаніемъ выйти замужъ и имѣвшихъ какія-либо матеріальныя средства. Какъ ни престарѣла была Мартыныха Криворотая, но и она, какъ мы видѣли, нашла себѣ обожателя въ лицѣ компанѣйца,—такъ мало разборчивъ, очевидно, былъ этотъ бездомный народъ.

Весною 1697 года одинъ изъ компанѣйскихъ полковъ расположился постоемъ въ полтавскомъ полку. Нѣсколько козаковъ изъ хоругви п. Ростовскаго ¹⁾ было поставлено въ с. Мильцахъ, близъ Полтавы. Одинъ изъ нихъ, Кирикъ Леценко немедленно свелъ близкое знакомство съ бездѣтной вдовой Параскою „Тубулцевою невесткою“. По цѣлымъ днямъ они вмѣстѣ пьянствовали то у нея въ домѣ, то по корчмамъ, благо у Параски были достаточныя средства для пьянственной жизни и не было близкихъ родичей, которые удержали бы ее отъ такого легкомысленнаго поведенія. Но въ домѣ у нея жилъ нѣкто Марко, въ званіи „господаря“, завѣдывавшій ея хозяйствомъ и, кажется, имѣвшій виды сдѣлаться со временемъ полнымъ „господаремъ“ и мужемъ легкомысленной вдовы. Сближеніе ея съ компанѣйцемъ было ему не по душѣ, и онъ сначала донесъ „о Парас-

¹⁾ Ив. Ростовскій былъ хорунжимъ въ конномъ охотницкомъ полку Ильи Новицкаго.

чиномъ нестатку и зломъ мешканю“ ея деверю, Микитѣ Кривому, чтобы тотъ ее „въ томъ построфоваль“ (сдѣлалъ выговоръ, обличилъ), но Микита отказался это сдѣлать въ томъ убѣжденіи, что она его не послушается. Тогда Марко сталъ рассказывать стороннимъ людямъ о связи Параски съ Киркомъ компанѣйцемъ, наконецъ отправился въ мѣстному священнику о. Зѣновію и сказалъ:

— Панотче! Подобно, у васъ никого живого въ сели немашь, що такимъ нечотамъ допускается въ спросности (въ непотребствѣ) бродыты. Учора Параска презъ цилый день первій у корчми пыла зъ Кырыкомъ, де оную Кырыкъ нещадно и побывъ, якого бою терпыве зносыла, нибы отъ мужа свого, потимъ прыйшли до дому и пьючи долягѣма, тамъ и заночававъ Кырыкъ. И теперь обое пьютъ, певно и ночуватымутъ вкупи. Колы бѣ вы, панотче, дозвоылы ихъ зловыты на такому учынеу, я бѣ и часъ показавъ, колы ихъ застаты.

На это о. Зѣновій отвѣтилъ:

— Не моя то ричъ, сыну, до того интересоватыся; тое можуть учыныты ти, кому прылычно.

Но бывшій при этомъ пономарь Михайло былъ другого мнѣнія объ этомъ предметѣ. Онъ позвалъ мѣстнаго осавульца, пригласилъ еще двухъ свидѣтелей и убѣдилъ ихъ отправиться „ловыты Параску на злomu учынеу“. Марко ввелъ ихъ тихонько въ домъ, зажегъ свѣчу—и они точно застали хозяйку съ компанѣйцемъ въ одной комнатѣ, но спящими на разныхъ мѣстахъ. Въ виду этого они не рѣшились рѣзать имъ полы, а только связали и привели ихъ въ сельскую ратушу. А на другой день ихъ представили въ полтавскій полковый судъ.

Здѣсь свидѣтелей подвергли „каждого зъособно“ допросу: „якъ тую пару піймалы и якъмъ способомъ: на учынеу, чы на розныхъ мистяхъ побралы“? и они согласно показали слѣдующее:

— Одъ того часу, панове, якъ компанія въ полку нашому стала и козакывъ чотырѣхъ и въ наше село на станцію дано, Кырыкъ Лещенко зъ Параскою, Тубулцевою невесткою, зчаста

пидпываючы по корчмахъ, взявъ такее зъ нею обознана, що не пыльнуучы своей господы, завше ночуетъ у Параскы; о которыхъ повисты носилыся такія, якобы той Кырыкъ зъ Параскою въ спросности гриховній жыветъ. Теперъ зась, коды Марко до нисъ о такомъ ихъ мешканю видаты ризнымъ людямъ и священкови отцю Зиновію, абы ихъ велено було зловыты, за повторнымъ ёго, Марковымъ, даньемъ знаты, прыйшлы-сьмо у ночи до двору Парасчыного, и учувшы Марко нашъ прыходъ, одчынывъ двери синныи и сказавъ, що вкупы ночуютъ обое. Увойшедшы у хату, велилы-сьмо свичку засвтиты, и скоро свичка була засвичена, взялисьмо Кырыка въ едній кошули и босого на земли сыдячого, а вона була на постели. Не встыгнувшы и кибалокъ ¹⁾ ухватаыты, лежачыхъ на лави, ведле Кырыка, вупно зъ плахтою и запаскою, Параска умкнулася зъ хаты простоволосая; еднакъ оную тамъ же взявшы, далы-сьмо йій такъ кибалкѣ, яко и плахту зъ запаскою, щобъ убралася, и повязавшы обохъ, прывели тамъ же, у Мыльцяхъ, до ратуша, а теперъ ихъ и сюды прыпровадылы-сьмо.

Спросили и Марка, „за чимъ извищеннямъ тое поимання сталося“, но онъ почему то сталъ вылять и далъ такой уклончивый отвѣтъ:

— Я про те, панове, досконале не видаю, чы есть межънымы який учынокъ злый, або нить. Тилко правда, що той Кырыкъ що дня зъ нею такъ у корчмахъ пываетъ, якъ и въ дому гуляючы зчаста ночуетъ, якобы маючы межы собою намирение въ станъ малженскій сочетатыся. А щобъ ихъ теперъ побрано на еднимъ мистци и будто за моимъ извищеннямъ,— то неправда: бо винъ, Кырыкъ, въ пекарни зо мною ночувавъ, а Параска въ другій хати була такъ зъ запаскою и плахтою, якъ и зъ кибалкою; также и постели пидъ Кырыкомъ жадной не було, кримъ курты штаметовой Парасчыной, якую винъ самъ, пьяный, взявшы на столи, постлавъ собі доли. И знаты

¹⁾ *Кибалкѣ*, чаще въ единств. ч. *кибалка* — головной уборъ замужныхъ женщинъ.

я о Парасчинимъ мешканю отцю Зиновію а ни Микыти Криво-
вому не дававъ.

Но тутъ выступилъ Иванъ Мостовый, въ домѣ котораго
проживалъ о. Зиновій, и энергично сталъ уличать Марка, что
онъ самъ приходилъ къ священнику и домогался, чтобы велѣно
было „зловыты Параску и компанійця на учынку“, но о. Зиновій
уклонился отъ этого.

Спрошены были наконецъ и сами обвиняемые: грѣшили ли
они противъ седьмой заповѣди? Параска съ Кирикомъ „въ томъ
прѣлися“ (отрицали это), утверждая, что „межа ними жадного
не було учынку“, но не скрывали того, что имѣли намѣреніе
вступить въ законный бракъ; „та и теперь (прибавили они), по-
неважъ такъ сталося, що такій попалъсьмося публіци, едно
другого опустыты не хочемо, але циле соедынытыся малжен-
ствомъ готови-сьмо“.

Судъ, „познавши вину оскаржонныхъ—едно зъ повистій
людськихъ, другое—ижъ и самы пойманни, хотячы той свій
злый учынокъ покриты, за малженство теперь вже сягають“,
тѣмъ не менше воздержался пока отъ окончательнаго приговора—
вѣроятно, въ виду отсутствія „лица“ (поличнаго) и заиратель-
ства подсудимыхъ,—и „поступуючы подлугъ права посполитого“,
велѣлъ четыремъ свидѣтелямъ, схватившимъ обвиняемыхъ, учи-
нить формальную присягу въ томъ, что они „не зъ злости
якои, або не зъ ненависти“ возбудили это дѣло, и что „на
учынку ихъ застали“. Присяга была отсрочена на четвертый
день.

Въ назначенный срокъ всѣ свидѣтели, согласно обычаю,
„положивъ каждый два пальца великихъ на св. крестѣ“, не ко-
леблясь выполнили присягу,—и судъ немедленно постановилъ
декретъ: „абы Параска зъ Кырыкомъ, яко вшетечники (прелю-
бодѣи), за такый свій злый учынокъ“, были выставлены на
рынкѣ у позорнаго столба и затѣмъ съ позоромъ прогнаны изъ
города, „а Марко, за фалшивое свое свидоцтво, абы отнись
кіевую карность“.

Можетъ быть, насъ спросятъ: почему же судъ такъ упорно игнорировалъ заявленіе подсудимыхъ объ ихъ намѣреніи сочетаться законнымъ бракомъ, тогда какъ современный народный судъ (волюстной) въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно самъ понуждаетъ провинившихся покрыть честнымъ вѣнцомъ свой гдѣхъ? Отвѣчаемъ: потому что Магдебургское право принципиально не одобряло браковъ между лицами, впавшими въ грѣхъ прелюбодѣянiя. Въ *Speculum Saxonum* прямо говорится: „если бы кто взялъ въ замужество женщину, съ которою раньше явно чужеложилъ или ее изнасиловалъ, тотъ никогда не можетъ имѣть отъ нея дѣтей честнаго ложа“, т. е. дѣти, родившіяся отъ такого брака, должны считаться незаконнорожденными ¹⁾. Конечно, это предписаніе не могло имѣть обязательной силы для южнорусскаго населенiя, руководившагося въ брачныхъ дѣлахъ церковными правилами и своими обычаями, и судъ не имѣлъ власти воспретить прелюбодѣямъ сочетаться бракомъ, но онъ никогда не покровительствовалъ и не поощрялъ подобные браки. Въ этомъ можно видѣть одинъ изъ фактовъ влiянiя чужеземнаго кодекса на правовыя понятiя малорусской старшины.

25. Обезчещенная вдова.

Обрѣзать кому-либо помы—значило заклеить это лицо такимъ несмываемымъ позоромъ, что право и обычай дозволяли прибѣгать къ этому средству лишь съ крайнею осмотрительностью, по отношенію къ несомнѣннымъ прелюбодѣямъ, виновность которыхъ должна быть затѣмъ доказана передъ судомъ. Но находились легкомысленные люди, полагавшіе, что разъ женщина ведетъ себя „нестатечно“, напимѣръ—напивается до безчувствiя, пьяная шатается ночью по корчмамъ, пристаётъ къ мужчинамъ и т. под., то ее уже за одно это можно было клей-

¹⁾ *Speculum Saxon. lib. 1, artic. XXXVII.*

мить такъ, какъ обыкновенно клеймили уличенныхъ прелюбодѣевъ. Такъ думали и поступали обыкновенно легкомысленные „молодыки“ (парни), подобно тому, какъ и нынѣшніе сельскіе „парубки“ иногда необдуманно позорятъ ославленную „нечестною“ дѣвушку или вдову, смазывая дегтемъ ворота ея двора, за что и платятся передъ судомъ. Не проходили даромъ такіе проказы и „молодыкамъ“ въ стародавніе годы.

Въ 1689 г. въ сотенномъ городѣ Кобелякѣ, во время ярмарки, одна вдова Марья Климыха такъ много пьянствовала, день и ночь волочась по шинкамъ, что когда утромъ сынъ ея отправился розыскивать пропавшую мать, то нашелъ ее гдѣ-то за городомъ валявшеюся въ безчувственномъ состояніи и съ обрѣзанными полами. Очнувшись, она съ трудомъ могла припомнить, что наканунѣ, ночью, какіе-то „молодыки“ вызвались проводить ее, пьяную, домой, и вѣрно это они такъ грубо и жестоко посмѣялись надъ ней. Тяжело было бѣдному сыну перенести материнскій позоръ, и онъ, разузнавъ, кто именно были эти „молодыки“, и заявивъ о томъ мѣстному уряду, повезъ мать въ Полтаву и заставилъ пожаловаться полковому суду.

При разборѣ дѣла Марья Климыха такъ повѣдала о постигшемъ ее несчастьи:

— Панове! Въ теперешнімъ року, на день св. Парасковей (14 окт.), о ярмарку Кобеляцкимъ, смеркомъ, пиднылая будучы, ишла я къ дому моему, ажъ тутъ зустрілися зо мною Грыцько Бурмистренко зъ Сыроватченкомъ и зъ иншымъ товариствомъ. Я, повирывшы имъ, яко знаемымъ, пишла зъ ними. Вони жъ взяли мене, повелы за мисто (за городъ), за пидваркы къ Билыкамъ, и затулывшы ротъ, що хотилы справовалы шпетечный смертелный грихъ, и семрягъ на мени дви пидризалы и вынули за мертву. Було жъ ихъ тамъ много, але я тилко отыхъ реченыхъ двоохъ памятаю.

Тутъ изъ толпы обвиняемыхъ „молодыковъ“ выступилъ Степанъ Сыроватченко и такъ сказала:

— Чому жъ то, Клымыхо, обмыльне говорышь? Аже жъ ты, барзо пизно пьючи за мистомъ, молодыкивъ цювала; мо-

лодыкы жъ на улыци зосталы, а ты мене сама у яръ повела. Тоди я, варуй (храни) Боже, жадного гриху не строячы,—бодай мене жывого червы извилы и нехай я гиршои напасты не уйду!—и крови тоби не розливавъ,—нехай мене Богъ на души и на тили убьетъ! А тилко то моя нестатечность, що я тоби своеволие семрягъ дви пидризавъ, видячы твою нестатечность, що пидъ часъ ярмарковий у ноци по корчмахъ волочышся и молодыкивъ цилуешъ, и тое учынивъ я тоби безъ пополненя вшетечного гриха. А молодыкы, на которыхъ ты безчестя наволикаешъ, яко то на Грыцька Бурмистренка и на иныхъ, вони зо мною не были: я самъ обривавъ тоби полы обохъ семрягъ, моя въ тимъ вина, а не чія иншая.

Судъ даль полную вѣру этому чистосердечному признанію и, устранивъ вовсе обвиненіе въ изнасилованіи, призналъ виновнымъ одного лишь Сыроватченка въ томъ, что онъ „важывся своевольне постуныты, вризуючы полы ночнымъ способомъ“, и за это велѣлъ ему „погодыты Клымыху, навязкы йій давшы висимъ копъ“, и сверхъ того вернуть ей „правныи наклады“ и заплатитъ судебный доходъ въ пользу полковника.

26. Обманутая шинкарка.

Гораздо чаще, нежели вдовы, въ дѣлахъ о прелюбодѣянніи фигурировали шинкарки. Съ одной изъ представительницъ этой профессіи мы уже встрѣчались въ лицѣ полтавской шинкарки Гапки, кружившей голову женатому челоуѣку и безпутно погибшей отъ его рукъ ¹⁾. Не мѣшаетъ ближе познакомиться съ этимъ интереснымъ типомъ, воспѣтымъ и въ козацкомъ эпосѣ въ лицѣ извѣстной „Насти Горовои, шинкарки молодой“.

Въ старой Малороссіи, при изобиліи и дешевизнѣ хлѣба и полной свободѣ винокуренія, выкуривалось очень много спирта, а для его распродажи существовало безчисленное количество шин-

¹⁾ См. очеркъ № 7.

ковъ. Старшины и простые „заможные“ козаки, мѣщане и духовенство, цехи и братства, а паче всѣхъ монастыри—другъ передъ другомъ старались заводить какъ можно больше корчемъ и „шинковыхъ дворовъ“ въ городахъ и селахъ, на большихъ дорогахъ и перевозахъ. Попытки гетманскаго правительства ограничить этотъ промыселъ введеніемъ арендъ вызывали общее озлобленіе и при Мазепѣ были оставлены. Благодаря конкуренціи, водка, медъ и пиво продавались по баснословно дешевымъ цѣнамъ; но такъ какъ каждый предприниматель продавалъ въ своихъ шинкахъ лишь напитки собственнаго производства, то и при дешевыхъ продажныхъ цѣнахъ промыселъ этотъ оказывался все-таки очень прибыльнымъ. Та же конкуренція понуждала предпринимателей проявлять особенную заботливость относительно выбора лицъ, которымъ поручалась продажа напитковъ, такъ какъ отъ ихъ ловкости, умѣнья обойтись съ потребителями и даже привлечь ихъ въ большей или меньшей степени зависѣла прибыльность предпріятія. При тогдашней многочисленности шинковъ, на службѣ у питейнаго дѣла состоялъ не менѣе многочисленный классъ людей, спеціально посвящавшихъ себя этой профессіи; но въ то время, какъ въ Великороссіи этотъ промыселъ создалъ характерный типъ „сидѣльца“, въ Малороссіи женщина оттерла на этомъ поприщѣ мужчину, и „шинокъ“ сдѣлался областью почти исключительнаго господства „шинкарки“. Помимо того, что украинская женщина вообще болѣе способна къ торговому дѣлу, нежели мужчина, это предпочтеніе женскаго труда отчасти обуславливалось еще и специфическими свойствами данной профессіи. Малорусскій шинокъ того времени не былъ лишь винной лавкой, но исполнялъ немало и другихъ функций. Въ воскресные или праздничные дни сюда, какъ въ народный клубъ, сходились не одни пьяницы, но и степенные люди, мужчины и женщины, повидаться съ пріятелями, узвать новости, поглядѣть на людей; даже духовныя лица, какъ мы видѣли, ¹⁾ не считали зазорнымъ заходить въ шинокъ для пріа-

1) См. очеркъ 6-й.

тельской бесѣды. Проѣзжіе или прохожіе, нуждавшіеся въ полегѣ или въ отдыхѣ, то и другое находили въ шинкѣ, ибо онъ служилъ обыкновенно и постояннымъ дворомъ. У кого не было своего семейнаго угла, кто тяготился одиночествомъ, кого грызла „журьба-печаль“, тотъ также шелъ въ шинокъ, чтобы размыкать на людяхъ тоску, затуманить голову хмѣлемъ или же утѣшиться ласковымъ взглядомъ чернобровой шинкарки, какъ поется въ одной чумацкой пѣснѣ:

Журба мене зъ нигъ валае,
 А я зъ тугы та зъ печали
 Пиду въ корчму загуляю,
 Шинкарочку одвидаю.
 —Шинкарочко молода,
 Усыпъ меду ще й вына,
 Усыпъ меду ще й горилки—
 Теперь въ мене нема жинкы!

Наконецъ, прохожіе козаки, проѣзжіе чумаки, „мандрованные дѣяки“, „волочащіеся чернецы“—весь этотъ народъ одинаково умѣлъ цѣнить какъ доброкачественность напитковъ, такъ и ласковость шинкарки. Чтобы угодить столь разнообразнымъ гостямъ и посѣтителемъ, требовалось немало ума, женской изворотливости и извѣстная доля беззащитности. О правилахъ строгой нравственности, обязательныхъ для всякой другой женщины, не могло быть и рѣчи по отношенію къ шинкаркѣ: всѣ считали ее „нецнотю“, способною на дурныя дѣла. И точно, судебные акты даютъ немало указаній на то, что шинкарки нерѣдко находились въ связи съ „нетягами“, „прибышами“ и другимъ темнымъ людомъ, припрятавали у себя „злодійскую“ добычу и помогали сбывать краденое; а по свидѣтельству современника, извѣстнаго стихотворца Климентія, многіе корчемные дома „въ градѣхъ, а наипаче где въ поляхъ“, вдали отъ урядоваго надзора, представляли настоящіе блудные притоны ¹⁾.

¹⁾ Основа, 1861 г., январь, стр. 193.

Понятно, что за такую профессію, пользовавшуюся въ обществѣ самою дурною репутаціею, не могли браться женщины, сколько-нибудь дорожившія добрымъ именемъ; сюда шли лишь тѣ, кому въ этомъ отношеніи нечего уже было терять: покинутыя мужьями жены, опороченныя вдовы и „покрытки“, т. е. незамужнія женщины, прижившія дѣтей. Изъ нихъ лишь самыя легкомысленныя могли болѣе или менѣе продолжительное время находить прелесть въ безшабашной корчемной жизни, съ ея вѣчною сутолокою, пьянымъ весельемъ и грязными амурными приключеніями; большинство же, предаваясь даже всѣмъ излишествамъ и порокамъ, стремилось вырваться изъ этой нездоровой атмосферы и вернуться на путь честнаго, хотя-бы и тяжелаго труда. Лучшимъ и едвали не единственнымъ средствомъ въ этому считалось замужество; только подъ защитою мужа, въ званіи „мужней жоны“, бывшая шинкарка могла вернуть утраченныя ею права честной женщины.

Искала для себя мужа и полтавская шинкарка Хвенна и думала, что наконецъ нашла его въ лицѣ нѣкоего Грыцька Бондаренка, безпутнаго забулдыги, котораго Хвенна поила и кормила, жупаны ему, справляла, вѣря его обѣщаніямъ взять ее въ замужество. Это легкомысленное довѣріе давно уже перешло должныя границы, а Грыць все откладывалъ „веселья“. Убѣдившись наконецъ, что она сдѣлалась жертвою обмана со стороны безсовѣстнаго пройдохи, Хвенна не побоялась сраму и прибѣжала въ полковый судъ (въ февралѣ 1691 года).

— Панове!—жаловалась ова,—любо (хотя) той Грыцько мени кгвалту жадного до чужоловства не чынывъ, однакъ уже зайшовъ третій мисяць, якъ зійшлисьмося на той грихъ, бо винъ пиднявся бувъ взяти мене за жону. Которымы словами его я упевнывшыся, була ёму поволна, и черезъ немалый часъ мешкавъ винъ, Грыцько, зо мною, не безъ того, щобъ и дытны мени не прыплодывъ. А теперь, якъ бачу, смихъ той зъ мене учынывши, ни на що мене зводитьъ. Прошу зъ оного Грыцька, якъ милость ваша уважыте, святой справедливосты“.

Скоро на судъ былъ „припроваженный“ и Грыцько Бондаренко. Сначала онъ „тыхъ нестатечныхъ своихъ поступкивъ таився“, но когда судьи приказали было его „подъ кіевое каравня дати“, Грыцько сталъ вчиниться:

— Правда то есть, панове, гришывъ я зъ тою Хвенною молодыцею одъ того часу, якъ и вона говоритъ,—тыхъ своихъ нестатечныхъ поступкивъ не могу ся затаиты. Есть и тое, що я оную Хвенну піднимався за жону взяты; а колы такъ сталося, що слово свое одминывъ, воля есть ваша що хотиты чыныты.

Грыцько, повидимому, полагалъ, что судъ обяжетъ его жениться на шинкаркѣ, и съ фаталистическимъ равнодушіемъ рѣшилъ уже подчиниться этой неприятности. Но каковъ былъ его ужасъ, когда объявленъ былъ слѣдующій декретъ: „повскромляючи тое, абы ся люды спроснымы и такъ нестатечнымы поступкамы обходыты не смилы, прыказуемъ декретомъ нашымъ, абы оный Грыцько Бондаренко посередъ миста смертне кіямы бувъ бытый за такее свое значное проступство“.

Протоколь умалчиваетъ о томъ, какъ сама Хвенна отвелась къ этому суровому вердикту, но безъ сомнѣнія онъ не удовлетворилъ ее. Не гибели своему безпутному Грыцю она пришла сюда добиваться, а лишь того, чтобы его понудили исполнить обѣщаніе. Но мы уже знаемъ, какъ малорусскіе суды, подъ вліяніемъ идей Магдебургскаго права, несочувственно относились къ браку, которому предшествовало прелюбодѣяніе.

Все жъ таки данный приговоръ былъ безмѣрно суровымъ. Такимъ онъ показался и многимъ изъ присутствовавшихъ, и они стали просить, „абы Бондаренко посередъ миста не бувъ каранный“. Судъ немедленно измѣнилъ приговоръ: „давши мистце прозби людей зацныхъ, даровалысьмо оного Грыцька тымъ годнымъ (заслуженнымъ) караннямъ, однакъ панская и наша врядовая вына плачена маеть быти конечне“.

Удивительно, что Хвенна оставлена безъ всякаго наказанія. Это едвали не единственный случай, что истица въ подобной „справѣ“ ушла изъ суда не наказанной.

27. Мельникъ и шинкарка.

Село Брусія, близъ Полтавы, славилось водяными мельницами на р. Ворсклѣ. Если гдѣ-либо въ предѣлахъ полтавскаго полка возникалъ споръ по поводу неправильнаго устройства водяныхъ мельницъ, задержанія воды и т. под., то судъ чаще всего посылалъ туда, въ качествѣ экспертовъ, Брусійскихъ мельниковъ, какъ специалистовъ, „добре на водномъ строеніи знающихся“. Но за мельниками, или „мырошныками“, вообще въ Малороссіи издавна установилась репутація людей „добре знающихся“ и въ другомъ искусствѣ—въ ловеласничествѣ, въ умѣннн сводить съ ума молодыхъ вдовъ и легкомысленныхъ „мужнихъ жонъ“. Брусійскій мельникъ Кондратъ своимъ поведеніемъ достаточно оправдывалъ эту репутацію. Все село говорило о его черезчуръ близкихъ отношеніяхъ съ мѣстной шинкаркой Гапкой, молодой—не то вдовой, не то „безмужней женой“, такъ какъ въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ ни она сама, ни кто другой не могли съ точностью сказать, гдѣ именно „валасается“ (патается) ея законный мужъ и существуетъ ли онъ еще на свѣтѣ. Были у Кондрата озлобленные соперники, засаживавшіеся на него по ночамъ и горѣвшіе желаніемъ обрѣзать ему полы и надѣлать сраму; но хитрый мельникъ былъ остороженъ и не давался легко въ руки. Вырвался было сторяча козакъ Иванъ Забила и сталъ передъ судомъ обвинять Кондрата, что онъ съ Гапкою „вшетеченство попожнялъ“, но судъ потребовалъ отъ обвинителя „слушныхъ доводовъ“, именно—„поль вризаня показаты“, и такъ какъ Забила не представилъ такихъ „доводовъ“, то его присудили за клевету „еднаты“ Кондрата, и это ему не дешево стоило. Съ тѣхъ поръ Забила поклялся—не давать своимъ очамъ сна, ни вѣждамъ дреманія, пока не урѣжетъ полы Кондрату и не вернетъ съ лихвой понесенные изъ-за него убытки.

Какъ ни береглись Кондратъ съ Гапкою, имъ не удалось таки укрыться отъ мстительнаго ока ихъ преслѣдователя. Какъ-то, въ декабрѣ 1688 года, сошлись они для свиданія въ чу-

жомъ погребѣ и подперли дверь надежнымъ коломъ,—а черезъ нѣсколько минутъ Забила привезъ сюда толпу людей, во главѣ съ мѣстнымъ атаманомъ. Кондрату и Гапкѣ обрѣзали полы и связанными отравили къ сотнику.

На судѣ Забила торжественно „презентовалъ лице“: кусокъ Кондратового „кожуха“ и полу изъ Гапчиной сорочки, и домогался, чтобы ему были возвращены убытки, „що передъ тымъ утративъ, еднакучы Кондрата“.

Спросили Гапку: „Чи ты мила той грихъ зъ Киндратомъ пополняты?“

— А що жъ, панове—винилась она—любо жъ то и теперь мію мужа и не видаю, де винъ по разныхъ мисцяхъ туляется; а що грихъ вшетечный зъ Киндратомъ пополняла, такъ есть и було, бо винъ мивъ мене за жону взяты. Билшь мене ни о чимъ не пытайте.

Кондратъ также не отрицалъ связи съ Гапкою, но утверждалъ, что въ погребѣ, гдѣ ихъ схвачено, ничего предосудительнаго не происходило. Въ виду этого, судъ велѣлъ на мѣстѣ, въ Брусіи, произвести дознаніе, „кто бъ досковале выдавъ о зловеню Кондрата на чужолозстви зъ Гапкою“. Тамъ были допрошены свидѣтели, изъ коихъ Лесько мельникъ, пріятель Кондратовъ, показавъ:

— Киндратовыхъ дій не бачывъ, але квалтъ чувъ и шынкарку простоволосую бачывъ.

Другой свидѣтель „вызналъ“:

— Киндратъ, пры пойманю въ погреби, въ убраню якъ въ кайданахъ ходывъ по погребу.

Остальные свидѣтели прибавили ко всему этому, что Кондратъ, „пры пойманю, еднавъ Забилу: дававъ ёму десять таларивъ, не допускаячы до уряду“.

Судъ справился съ закономъ и въ книгѣ „Порядокъ“ (часть IV, листъ 139) нашель предписаніе, что уличенные въ данномъ проступкѣ—„которые убогшіи суть, выгнанемъ зъ посполства какарани мають быти, а богатшіи—виною пѣняжною“, и на этомъ основаніи постановили декреть: „поневажъ Кондратъ мелныкъ

каранемъ смертельнымъ дарованъ, міеть Ивану Забили утрату его нагородыты, на чимъ бы той шкодовавъ, а особливе выну панскую міеть платыты, а вшетечныцю Гапку велиды-сьмо зъ миста вынудыты“, т. е. подвергнуть позорному изгнанію изъ города.

28. Грѣхъ съ кумою.

Въ маѣ 1688 года прибыли изъ села Ивашекъ, близъ Полтавы, мѣстный атаманъ Иванъ Пушкаренко съ „товарыствомъ“, жителями Ивашковскими, и подали полковнику Ѳедору Жученку слѣдующую „атестацію“:

„Мылостывой добродію нашъ, пане полковныку полтавскій! Подъ сумленемъ душъ нашихъ повидаемо, що Петро, зять Дмытровъ, содомскій и Богу мерзкій учынокъ черезъ многіе часы зъ Тетяною Павловною, кумою его, пополняючы, строили, о чимъ давно видно намъ було; а теперь Богъ объявивъ ёго, Петра, съ кумою ёго Тетяною грѣхъ, которыхъ піймано на горіщу, и взяли мы признакъ зъ Петра кожухъ, а зъ Тетяны плахту, обохъ давши до вязеня сельского. А теперь того вшетечныка и вшетечныцю передъ вами становимо“.

Полковникъ передалъ эту „атестацію“ въ судъ, гдѣ она при разборѣ дѣла и была въ слухъ всѣмъ прочитана, послѣ чего атаманъ предъявилъ суду „признакъ“, или „лице“, т. е. кожухъ и плахту. Судьи поинтересовались узнать: какимъ же именно способомъ „Богъ объявивъ“ столь тяжкій грѣхъ кума съ кумою? Тутъ выступилъ почтеннаго вида старикъ Мартынъ Кушниръ и сказалъ:

— Панове! Якъ мене бачыте подейшого въ литахъ моихъ, и готуюся я въ дорогу поклонитыся мисцямъ святымъ Кіевонечерскимъ, то Боже дай, щобъ я съ той дороги не вернувся, колы бъ то на Петра и на куму ёго несправедливо мавъ повидаты, але самую истыну. Ишовъ я зъ жоною моею, и Кулычыха стара зъ нами йшла, и колы прыходылы мы до тіей пусткы,

ажъ бачымо—Тетяна, кума Петрова, съ горища скочыла. Тоди моя Кулына мовыла мени: „Стань, Мартыне, на прысьпу и глянь, чы нема тамъ на горищи нашой курьы“. Я глянувъ, ажъ тамъ лежить Петро на постели и прикрывся кожухомъ. Тоди Петро почавъ насъ слезне просыты: „Сусиды мои мылы, покрыйте по мени той грихъ сей разъ“. Мы бъ и покрылы, такъ уже на тое позорыще зибралось багато людей, що трудно було того покриты“.

Обстоятельства дѣла были ясны, обвиняемые не отрицали своей вины и лишь молили о милосердіи, поэтому судьи приступили къ составленію декрета. Всѣ они согласны были въ томъ, что къ данному проступку слѣдуетъ отнести съ особенною строгостью, „не допускаючи плюгавого того вшетеченства въ сродстви плодыты и поскромляючи той содомскій грихъ“, поэтому рѣшили примѣнить 73-й артыкуль Права Цисарскаго и артыкуль изъ книги „Порядокъ“ (часть 4-я, листъ 131), гласящій: „чужоложникъ мечемъ абы былъ каранъ, а чужоложница у пронкга (позорнаго столба) абы быта була и одъ права малженскаго одсужена“. Но тутъ подняли громкій плачь дѣти Петровы, которыхъ было у него много, и между ними находились и совсѣмъ „недорослы“, лѣтъ пяти-шести. Приздумались судьи, услышавъ этотъ горькій плачь: съ кѣмъ же останутся эти жалкіе сироты, у которыхъ не было матери, а теперъ хотять отнять у нихъ и отца? И „зглянувшись на плачливіи прозьбы дитей Петровыхъ“, судъ „учинилъ его вольнымъ одъ смертнои карности“ и „вынайшовъ другой артыкуль изъ того же права, гласящій: „убогшіе выгнанемъ зъ посполства, а богатшіе виною цѣнажною карани быти мѣють“. Къ послѣдному взысканію и были приговорены „Петро вшетечникъ зъ кумою ёго, вшетечицею“.

Любопытно, что съ той поры эта Тетяна Павловна,—очевидно „покрытка“, не имѣвшая иного прозвища, кромѣ отчества,—навсегда получила насмѣшливое прозвище Кумы, сдѣлавшееся для нея фамильнымъ. Два года спустя въ актахъ полтавскаго полкового суда записано, что приходила „Тетяна,

по прозвищу Кума“ жаловаться на нѣкоего Василя Бута, который обманвымъ увѣреніемъ, будто женится на ней, склонилъ ее къ блудному сожителству, „приплодил“ ей дитя, а теперь отказывается исполнить обѣщаніе. Слѣдствіемъ былъ удостовѣренъ фактъ сожителства Бута съ жалобщицею, но такъ какъ онъ заявилъ, что не хочетъ „твоей вшетечниці за жону собѣ мѣти“, то судъ приговорилъ „оного Бута виною панскою и вradoвою скарати, такъ тежъ и тую вшетечницу Татьяну Куму, поневажъ первѣй зъ кумомъ грихъ смертельный плодила и поймана була на вшетеченстви, а теперъ зъ Василемъ Бутомъ“. Очевидно, у этой Кумы имѣлись достаточныя матеріальныя средства для двукратной уплаты судебныхъ „винъ“, иначе ее, какъ несправивую грѣшницу, подвергли бы позорному наказанію и „выгнаню зъ посполства“.

29. Кишиньскій Донжуанъ.

Въ соенномъ городѣ Кишинькѣ должность городского атамана занималъ долгое время „значный“ козакъ Степанъ Москаль. Имѣлъ онъ и другую, болѣе шляхетскую фамилію—Раецкій, но въ Кишинькѣ всѣ его именовали „Москаль“ или даже „Москалецъ“, да и самъ онъ обыкновенно подписывался этою фамилію, вѣроятно указывающею на великорусское происхождение его рода. А нужно знать, что Степанъ Москаль, или Раецкій, былъ не только грамотнымъ (иначе не быть бы ему атаманомъ), но и порядочно таки вышколеннымъ и хорошо начитаннымъ грамотѣмъ, какъ можно судить по его письму. Былъ онъ уже не молодымъ человѣкомъ, имѣлъ взрослыхъ сыновей, нажилъ кое-какое добро и приобрѣлъ такое неограниченное вліяніе на слабаго сотника, что фактически самъ правилъ сотнею, при чемъ позволялъ себѣ разныя злоупотребленія, за которыя въ началѣ 1693 г. попалъ подъ судъ, сидѣлъ въ Полтавѣ въ тюрьмѣ и избѣжалъ наказанія лишь тѣмъ, что далъ полковому суду торжественное обѣщаніе пойти въ монастырь. Получивъ свободу,

Москаль не спѣшилъ исполненіемъ невольнаго обѣта, а занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ „господарскихъ“ дѣлъ, изрядно разстроенныхъ послѣднимъ процессомъ. Онъ занялся ба-рышничествомъ, сталъ ѣздить по ярмаркамъ и надѣялся, что, при своемъ умѣ и ловкости, онъ скоро поправитъ свое состояніе. Но недогадливый Москаль позабылъ о томъ, что въ его прошлой жизни накопилось слишкомъ много темныхъ дѣлишекъ, которыя оставались скрытыми лишь до тѣхъ поръ, пока онъ былъ въ силѣ, пользовался значеніемъ и всѣ его боялись, но теперь ничто не мѣшало имъ всплыть наружу. Такъ и случилось.

Въ началѣ іюля того же 1693 года въ Кишиньскій сотенный судъ пришелъ мѣстный козакъ Василь Шабалда, „зять Петрацишинъ“, и сталъ жаловаться:

— Панове вряде и вы, пановое товариство! Сталася въ дому моемъ, безъ бытности моеи, шкода въ нистъ святого апостола Фылыпъ, о святителю чудотворци Ныколаю, що нема висты де ся подило намысто зъ кимнаты, каралеевое, червоное, зъ трѣма червоными золотыми полталярковыми, за якое намысто жона моя матку свою рожовую не разъ и не два укаряла, думаячы, що вона взяла и дитямъ дядьвовымъ дала, и дивеу Василюшыну крамарчину хотила до права позываты. Я тежъ и самъ, вельмы по тій шкоди жалкуючы, одъ того часу и по сее время терпивъ и державъ на пыльномъ баченю, чы не мигъ бы я де тое намысто пзанаты. А теперъ я перечувъ, якъ пидъ часъ ярмарку, бувшою въ насъ, въ Кишиньци, Грыцько Гречыненко, пьючи съ товариствомъ, зъ якоисъ причыны проговорывся, що „бачывъ я, важе, тое намысто у Степана Москаля, якъ винъ пывъ у братерскимъ дому, на кануни“. Чувшы тую мову одъ Гречыненка, Савка Гороховский прыйшовъ до моего дому и сказавъ мени. Я, тое одъ Савкы почувшы и вельмы съ того обрадовавшися, освидчаю тую мою крадижъ, теперъ прослынувшуюся, мылостямъ вашымъ и прошу святой справедливосты“.

Судъ приступилъ къ слѣдствію. Былъ призванъ Грыцько Гречыненко и спрошенъ: видѣлъ ли онъ пропавшее монисто у

Степана Москаля и когда именно? Грыцько, „Божий на себе зываючи срокгий декретъ“, если скажетъ неправду, показаль:

— Выдилемъ, панове, тое намысто такимъ способомъ. Бувъ я въ той часъ канунныкомъ¹⁾ и колы выйшовъ съ погребя, тогди и Степанъ Москаль ишовъ зъ надвѣрья, а кынувшыся до своен кишени, вынявъ зъ онои намысто Васылевои господини (жены жалобщика). Еднакъ, не смивъ я ёму, Москалцеви, говорыты ничего, а давши товаришови своему медъ зъ конвою, нишовъ до господы. Незабаромъ знову повернулемся въ домъ братерский, а мешкаючая въ томъ же двори старушка сказала мени: „тутъ, прави, показувавъ Москалець намысто Васылышыне; чы ты, прави, не бачывъ?“ Я хочъ и бачывъ, а сказавъ їй: „Ни, не бачывъ“. Потимъ тая старушка сказала: „Москалець, носячы тое намысто, говорыть: „Оттакъ козакъ добувся у Шабалдыхы! Тилько дайте мени ножа: пійду и другїи еще зъ шыи одрижу“. Я, почувшы тыи слова одъ бабы, не отказуючы їй ничего а ни пытаючись ей объ тое, свое орудовавъ, на що бувъ отъ братства прыставленъ“.

Призвана была „старушка“ Евдокія и спрошена: видѣла ли она монисто Василишино у Москаля? Она такъ „посвѣдчила“:

— Панове! Часу того, якъ бувъ канунъ братерский, одного разу и Москаль пывъ на ономъ кануни дней зъ пять и ягось, прыйшовшы у хату, показуетъ намысто и говорыть: „Добувъ я тое намысто у Шабалдыхы“, и просыть у Даця Сыдоренка ножа, щобъ пійты до Васылыхы и другее одризаты. Я тежъ, мало не що-дня буваючы у Васыля, познала, що то есть истынное Васылышыне намысто, и говорыла Греченкови Грыцькови, чы не бачывъ и вишь того намыста. На завтришний день, почувшы, що Васылыха матирь свою за тое намысто ганыть, а дивку Крамарчыну хочеть до права прытягнуты, упоминала-мъ (уговаривала) ей, Васылыху, такъ мовячы: „Васылыхо, не гришы на матку и дивку не турбуй.“ А хочай и знала-мъ про те намысто, що зостаеть у Степана Москаля, тилько жъ, боячысь ёго, бо

1) Т. е. распорядителемъ по продажѣ канунныхъ ванитковъ.

бувъ винъ въ той часъ атаманомъ городовымъ, выдаючи о своимъ убожестви, не сказала про тое.

Тѣмъ и ограничилась первая „инквѣзиція“, такъ какъ Степана Москаля не было на ту пору въ Кишиньѣ.

Когда онъ „прибувъ зъ дороги“, его жена Килияна, съ которой у него были вѣчные нелады, съ нескрываемымъ злорадствомъ оповѣстила его о томъ, что происходило въ судѣ. Степана какъ громомъ поразило это извѣстіе. Вѣдь Шабалда, его жена Вуцька (Евдокія) и жившая съ ними теща Гавна Петрашиха ¹⁾—это были первѣйшіе его пріятели. Правда, съ самимъ Шабалдой у него нерѣдко происходили пререканія: какъ напьется онъ до невмѣняемости, такъ и начнетъ, бывало, приставать къ Степану: „мовятъ люде, що ты зъ моею жоною чужоложышь“, и при этомъ лѣзетъ въ драку; но протрезвившись, первымъ приходитъ мириться. Впрочемъ, Василь Шабалда рѣдко и дома бывалъ: онъ занимался прасольствомъ и почти всегда находился въ отлучкѣ. Но съ Вуцькой Шабалдыхой и ея матерью Степанъ былъ въ тѣснѣйшей дружбѣ. Обѣ онѣ были веселаго, беззаботнаго нрава, охотницы пображничать, „зъ ничевя“ устроить бенкетъ, созвать „бѣсиду“,—такъ для Степана во всей Кишинькѣ не было лучшаго пріюта, какъ въ ихъ домѣ: тамъ онъ, по ядовитому выраженію Килияны, „и напывся, и наився, и спаты уклався“. И вотъ теперъ эти милые пріятели хотятъ устроить ему скандалъ, опозорить предъ всей Кишинькой, публично обвинить его—въ чемъ же? въ кражѣ какого-то „намыста“! Вѣдь онъ же знаютъ, какимъ путемъ оно ему досталось. Глупый Шабалда, точно, невѣдаетъ ничего и, пожалуй, радъ теперъ свести съ нимъ счѣты по старымъ подозрѣніямъ; но какъ же Вуцька и ея мать допускаютъ его до этого? Неужели онъ рассчитываютъ на то, что онъ, Степанъ, не осмѣлится на судѣ рассказать по правдѣ, какъ ему это наместо досталось? Или это старая Петрашиха мститъ ему за то, что, поссорившись какъ-то съ нею въ пьяномъ видѣ, онъ при

¹⁾ Та самая, о которой идетъ рѣчь въ очеркѣ № 5.

всей честной компаніи сбиль съ ея головы очипокъ? Старая вѣдьма ужасно тогда разъярилась и поклялась передъ образомъ, что вовѣкъ ему этого не проститъ. Степанъ рѣшилъ, что завтра же отнесетъ ей купленный въ Миргородѣ гостиниць и напрямикъ объяснится съ нею и съ Вудькою, чего ояѣ хотятъ отъ него; да надо будетъ возвратитъ Вудькѣ и это глупое намисто.

Но на утро, не успѣвъ еще Степанъ хорошенько „поснидать“, какъ за нимъ пришли „асаульци“ и стали торопить его:

— Иды, мосьпане, до ратуша: тамъ уже урядъ засивъ для доконченя твоеи справы съ Петращышынымъ зятемъ.

Пришелъ Степанъ въ ратушу, а туда набилось уже столько народа, что и онъ съ грудомъ протиснулся. Видно было, что затѣянный Шабалдою процессъ заинтересовалъ весь городъ. Тутъ было наперечетъ все „значное товариство“ Кишиньское, „славетное мѣщанство и всечестное духовенство“; каждому хотѣлось послушать, какъ будутъ судить вчерашняго атамана за кражу намиста у своей же пріятельницы. Сколько здѣсь было недавнихъ друзей и „щирыхъ“ пріятелей павшаго атамана, которые, бывало, заискивающими глазами ловили его взглядъ, наперерывъ сиѣшили сказать ему „добрыдень“! Теперь же съ нимъ здоровались нехотя, точно стыдились его знакомства.

Началось слѣдствіе. Призваны были прежніе свидѣтели и вторично допрошены въ присутствіи обвиняемаго. Грыцько Гречиненко показалъ:

— Мои ласкавыи панове! Якъ первой говорилемъ, такъ и теперь, при самомъ Степану, правдыве повидяю, що выдилемъ у Москальца намисто червоное, тилько жъ ёму, Степанови, ничего не говорылемъ. Поты мого свидѣтельства.

— Другой „свидокъ“, Евдокія старушка „такъ ему, Москалеви, у вичи говорыла“:

— Степане! Богъ мене скараеть, колы я на тебе вламлыве говорыла; але правдыве повидяю, що выдила-мъ тое въ тебе намисто тогди власне, якъ прійшовъ ты зъ дому Васылевого. Того часу и господыня твоя стояла пидъ викномъ Васылевымъ зъ Игнаткомъ (сыномъ), зазыраючи въ хату.

Теперь судьи обратились и къ Степану:

— А що, мосьпане, на такіи слушне на тебе показуючися доводи що ты маешь одвитувати и чымъ одводитыся?

Степанъ видимо растерялся; не успѣвъ предварительно переговорить съ женою и тещою истца, онъ совсѣмъ не зналъ, какъ ему оправдываться. Сначала онъ „присягався“, что молъ „я того не видаю“, но когда свидѣтели стали уличать его, онъ не выдержалъ роли и вдругъ „передъ всимъ товариствомъ“ началъ просить Шабалду прекратить дѣло, „обовязуячъсь тое намысто заплатиты“. Это было равносильно открытому сознанию въ кражѣ. Такъ это и поняли судьи и присутствовавшая публика. Шабалда ловко воспользовался промахомъ противника и, отказавшись мириться съ нимъ, попросилъ судей занести въ протоколъ выраженное Москалемъ обязательство уплатить ему стоимость пропавшаго мониста. Судьи исполнили его желаніе и, признавая данное дѣло себѣ неподсуднымъ, составили протоколъ, ствердили его „звыклою мѣскою“ печатью и вручили „поводовой сторонѣ“ (истцу) для представленія „до зверхнѣйшого суду“, полкового полтавскаго.

Получивъ эту „атестацію“, или „инквѣзицію“, Василь Шабалда тотчасъ же отправился въ Полтаву, а черезъ нѣсколько дней оттуда на имя Кишиньскаго сотника полученъ былъ полковничій приказъ арестовать Степана Москаля и препроводить его въ Полтаву „до туремнаго вазеня“.

Это означало, что въ Полтавѣ не забыли его прежнихъ „злыхъ учинковъ“, и не предвѣщало ему ничего добраго. Предварительный арестъ обвиняемаго практиковался обыкновенно въ „горловыхъ справахъ“, то есть въ такихъ уголовныхъ дѣлахъ, когда подсудимому могъ угрожать смертный декретъ; но по тогдашнимъ законамъ можно было казнить преступника и за простую кражу. А на милосердіе судей Степанъ не могъ рассчитывать: онъ хорошо помнилъ, какихъ усилій стоило его пріятелямъ—сотникамъ, съѣхавшимся въ Полтаву для обычнаго поздравленія пана полковника съ „великодными святками“, выпросить ему прощеніе, и какъ послѣдній неохотно уважилъ ихъ

ходатайство. Теперь и обѣтъ иночества не спасетъ его. Но если ужъ суждено ему не сносить головы, то лучше и достойнѣе испить смертную чашу въ искупленіе дѣйствительныхъ грѣховъ своихъ, которыхъ такъ много на его совѣсти, а не болтаться на „шибеницѣ“ въ качествѣ презрѣннаго „злодія“, польстившагося на какую-то глупую «цяцьку». Много тяжкихъ грѣховъ совершилъ онъ на вѣку, но отъ воровства все-таки Богъ миловалъ его. И Вуцька Шабалдыха, и ея мать хорошо это знаютъ, и если теперь безсовѣстно взводятъ на него „злодійство“, желая погубить его, то дѣйствуютъ такъ лишь въ томъ расчетѣ, что у него не хватитъ смѣлости откровенно рассказать на судѣ, какъ ему досталось это злополучное „намысто“. Правда, ему придется при этомъ повиниться въ другомъ, болѣе тяжкомъ и позорномъ грѣхѣ, о которомъ никто не знаетъ и за который тоже ожидаетъ его смерть, но зато онъ очиститъ свою совѣсть, чистосердечно покается предъ Богомъ и предъ людьми въ дѣйствительномъ прегрѣшеніи и оправдается въ томъ позорномъ поступкѣ, который ему безсовѣстно приписываютъ. А можетъ быть панъ полковникъ и остальные судьи, видя его чистосердечное раскаяніе, смилуются надъ нимъ. А ужъ Вуцька и старая Петрашиха навѣрное „скажутся“ отъ злости и срама, когда онъ расскажетъ всю правду.

Съ такими мыслями Степанъ легче переносилъ и тяжкое «вязаніе», а отправляясь въ Подтаву наказалъ женѣ не возвращать Шабалдыхѣ „намыста“, а оставить его у себя, какъ свою собственность.

— Хай уже воно тоби на подзвиння! не приминула и въ эту минуту уколоть мужа безсердечная Килилна.

Она не высказывала нисколько участія къ его злосчастному положенію и хотя разливалась въ слезахъ и громко причитывала, провожая Степана, но при этомъ глядя его всѣми „проклѣнами“ за то, что своими „злыми учинками“ онъ довелъ семью до позора и разоренія. Сыновья тоже угрюмо простились съ отцемъ.

Сидя въ полтавской „визныци“, Степанъ Москаль задумалъ изложить письменно свою исповѣдь, въ формѣ „супплѣки“ на имя полковника Павла Семеновича Герцка. Приводимъ этотъ документъ въ подлинникѣ, лишь съ незначительными текстуальными измѣненіями, именно съ устраненіемъ немногихъ слишкомъ книжныхъ словъ и выраженій и съ замѣной тогдашняго безсистемнаго правописанія фонетическимъ.

„Мосци пане полковнику полтавскій, мой велде ласкавый пане и найласкавшій добродію!

„Хочай вже явне гришныкомъ черезъ искони вселукавого и во миру дѣйствующого врага дьявола, якъ выдыте, ставъ я, однакъ, на Бога маючы надію, и вашой мылосты, пана и добродія мого, не отчаиваюся ласкы, а паче Божои, который прійшовъ въ миръ не призваты праведныхъ, а гришныхъ на покаянiе. Такъ и я, мiючы уфность (увѣренность) въ Бози, велде покорно кланяючысь, прошу слезно вашои, добродія, мылосты, абы и мене, недостойного и паче всехъ окаянного гришныка (выслушавшы мого доводу, якимъ початкомъ стався скутокъ гриха) помыловано. А то, мій мылостывый пане, було такъ. Сѣго року прошлой зимы, на день святителя Христова Ныколая, бувъ я въ дому братерскимъ на меду, видкиль пишовъ до Жадана, кума свого, просыты на медъ. Ажъ тутъ Вудька Шабалдыха Васылыха невидомо куда иде и просыть мене, абы ій давъ таляра грошей: „куплю, мовытъ, соби волотна на кошулю“. Я ій ничого иншого не одказавъ, тилько веливъ себе на тимъ мистцу, де и просыла, пождаты. Прійшовшы зась до Литовкы шинкаркы, которая въ мене брала медъ, заставъ тамъ и жону мою Кыліану и пысаря городского, що пылы горилку. Казавъ я Литовци, щобъ одличыла таляра. Пытае мене жона моя: „на що ты стилькы грошей берешъ?“ Я ій одказавъ: „Що тоби до того? Тоби того не потреба пытаты“. Однись я таляра Васылыси, а вона, взявшы того таляра зъ руеъ моихъ, казала мени изъ собою до своєї хаты пійты, и тамъ заразъ зъ нею, Вудькою, запамятавшы страхъ Божій, вчынылы спросный (мерзкій) грихъ. Тоди жъ, въ своій господи, Вудька знала зъ рукы моеи

сегнить (перстень съ именной печатью) щырозлотный, а я зъ ней знявъ намысто, яке того жъ часу и показувавъ Грыцькови Гречыненкови въ братерскимъ кануни и баби тій, яка въ тимъ двори мешкаеть. Прыйшовшы жъ додому, похвалывся свой жони, мовячы: „Отсе жъ, Киліяно, я и князь, да вже перстня нема—отдавъ Шабалдыси“. На другой день Кыліяна посылала Лытовку до Шабалдыхи, абы вернула перстень, а потимъ, не вдержавшысь, и сама пишла; ажъ ии стрытыца Лытовка и показала перстень и два золотыхъ грошій, що Вудька Шабалдыха дала. Довго жъ вона, Вудька, терпила, не правлячы въ мене того намыста. Ажъ сымы вже часамы первой Вудька упомыналася оного намыста у мене,—отказавъ ий, що нема; а вдруге сама Петращыха пидъ своею вже хатою пытала про те намысто; я тежъ отказавъ и старій, що того намыста немає въ мене. Тоди просылы мене обыдви, абы того никому не открывавъ. Видала про те и жона моя; только жъ для того те намысто тайлы-сьмо, що то есть ричъ не меньшая (т. е. цѣнная), и до того господарства своего щадячы. А оце вже недавнёго часу Грыцько Гречыненко и баба тая, которымъ я на кануни намысто показувавъ, пидпывши, вызнали Гориховському, а Савка Гориховскій отказавъ тое слово Гречыненково Васылеви Шабалди, Васылъ же Шабалда, чувшы тое одъ Савкы, бигавъ ажъ до Зинькова за Гречыненкомъ пытаты, а прибувши зъ Зинькова, презентовавъ тее признаты на уряди. У якимъ признатю чувъ я, що просывъ яко бы то я у Дацька Сыдоренка ножа и ходывъ зъ ножемъ до Вудька за другимъ намыстомъ. А я не чуюся въ тимъ, щобъ мавъ въ кого ножа прохаты и ходыты зъ ножемъ вдруге, и черезъ те повонпывъ я признаты Гречыненкове и прытаився того першого разу, що намыста не бравъ. А ранише я зъ нымъ не таився; и господиня моя, мючы жалъ, що я зъ нею не бытковавъ, сказала мени: „що то есть за намысто?“ и я передъ нею не таився.

„Въ якій мири маючы вышепысанныхъ злостей, вже не чыню себе свободнымъ. А що неправедно на мене клепють и злодійство вернутъ, въ тимъ полецаю (поручаю) себе вашій пан-

скій милости на выводъ и въ тимъ слезно прошу: якъ маєте^в высокій розумъ и милость, помылуйте мя по велькій своїй милости. Бью чоломъ. Слуга и подножокъ Стефанъ Москаль“.

Эта „супплика“ не произвела на полковую старшину того впечатлѣнія, на какое авторъ рассчитывалъ. Тамъ, видно, давно составили о немъ опредѣленное представленіе, какъ о лживомъ и порочномъ чловѣкѣ, и не повѣрили искренности его раскаянія, а признаніе въ новомъ преступленіи еще болѣе повредило его репутаціи. Впрочемъ, самъ полковникъ, на милосердіе котораго почему-то рассчитывалъ Степанъ, былъ занятъ въ это время другими дѣлами и не могъ принять личного участія въ судѣ надъ нимъ; свои предсѣдательскія полномочія онъ передалъ полковому обозному Адаму Ненаденку.

Судъ происходилъ 24 и 26 іюля того же 1693 года. Къ этому времени были вызваны изъ Кишиньки истецъ Василь Шабалда съ женою и тещею и свидѣтели. Оттуда же прибыла жена Степана Москаля съ сыновьями и нѣкоторые кишиньскіе обыватели—одни изъ любопытства, другіе же съ особыми цѣлями. Приступивъ къ разсмотрѣнію дѣла, судьи прежде всего отмѣтили „вельживость“ обвиняемаго, усмотрѣвную ими въ томъ, что на предварительномъ слѣдствіи онъ обязался уплатить Шабалдѣ стоимость украденнаго у его жены или инымъ способомъ ему доставшагося мониста, а между тѣмъ доселѣ этого не исполнилъ. Затѣмъ послѣдовала интересная сцена очной ставки Степана съ Вуцькою Шабалдыхою. Первому было предложено, „абы онъ Евдокии Патрашковни у вичи тое говорывъ, якъ и въ супплици подавъ“—какимъ способомъ добылъ онъ ея монисто. Степанъ смѣло началъ:

— Мои милостивыи панове! Вольно вамъ за такой мій тяжкый грихъ, що я не еднократне чужоложывъ, и смертелне мене удекретоваты, чога я уже и годень, бо обитвыцю тую, яку передь страшнымъ маестатомъ Божымъ духовному моему обещавъ, пріймуючы въ жоною мою тайну святого малженства, шлюбывавъ пры ній заховаты вшелякую святоблывость, теперь черезъ чужоложство зламавъ, и мешкаючи въ спросности зъ чу-

жымы вшечечнымы (распутнымы) жонамы, ложе жоны моеи осквернывъ. А теперь, передь мылостымы вашымы стоячы, такъ говорю: намыста того я не кравъ, але для порубства (прелюбодѣяны) и спросности гриха, пополнывшася зъ Петрашкивною, зъ шыи еи знявъ, якъ и вона зъ руки моеи перстень зняла, доброволне, бо тоди булы-сьмо едно другому, для злои сполычности (общенія), повольни. А на завтрешній день просыла мене старая Петращыха зъ дочкою своею, щобъ я того намыста никому не объявлявъ, „бо (мовыть) то меншая ричъ есть намысто, а якъ довидається про те старшына, то певне черезъ те, що у тебе свои жона, а у дочки моеи мужъ есть, будете обоє на ростани укупани, ¹⁾ та и худоба въ обохъ пропаде“. Я такъ и учынывъ на ихъ прозбу, никому про те намысто не объявлявъ. А колы теперь воны на мене злодїйство звернули, то, хочъ моя жона, може, й вернула вже черезъ урядъ те намысто, однакъ я до злодїйства не знаюся. Богъ мене нехай скараеть и на души, колы говорю неправду!“

Туть не сдержалась старая Петращыха. Она схватила зятя за руку, стремительно ринулась къ судейскому столу и заголосила.

— Наши мылостывыи панове! Невравду той смердачый песь Степанъ Москалецъ на мою дочку а на жону Васыля, зятя моего, говорить. Власный винъ есть тому нашему намысту шкодца, бо те намысто зъ кимнаты въ насъ вкрадено. А щобъ Евдокія такъ зъ нымъ чыныла, тому трычи брехня! Це винъ зъ своей запамталосты та зъ гниву на насъ говорить, щобъ того злодїйства позабуты.

То же самое, хотя и безъ материнской запальчивости, подтвердила и Вудька. Но Степанъ съ бѣшенствомъ перебилъ ее:

— Собако нечыстая! Сама жъ мене пидвела есы на те, що я таився. Мужъ твій Васыль, правда, про те не видае, бо на

¹⁾ Т. е. заживо закопаны на перекрестной дорогѣ. Любопытное указаніе на существовавшій нѣкогда въ Малороссіи родъ казни для прелюбодѣвъ.

той часъ и дома не буйъ. А я съ тобою мавъ сполкованя першый разъ, якъ жупанъ до васъ прынисть, а вдруге пополнывъ съ тобою, враже, нечыстый грихъ, колы вже завела есы мене до своеи господы; тоди жъ я и намысто съ твоеи шыи знявъ. Нехай за тобою, поганко, matka твоя прысягнетъ, еслы я не мавъ съ тобою сполкованя. А мужъ твѣй ничего не видае, бо по до-рогахъ завше волочытся.

— А що жъ, и прысягну, колы урядъ звелытъ,—неувѣ-ренно отозвалась Петращица.

Такъ какъ Литовскій Статутъ допускалъ такой способъ доказательства, при отсутствіи другихъ, болѣе убѣдительныхъ, то судьи объявили Петращицѣ, что она можетъ, если желаетъ, „сумнениамъ своимъ за дочку поправыты“. Но она видимо сму-тилась и объявила:

— Я маю прысягнуты въ тымъ, що сама не видаю, чы чыныла що моя дочка. Нехай лише зять мѣй прысягае за жону свою.

Но Василь Шабалда замаялся еще больше и сказалъ:

— А що жъ, панове, чуючы одногласную ричъ Москалеву, не могу и я прысягнуты за жону свою, бо никто ничіёго поступку не видаеть, а злцаца я маю и дома буваю. Нехай вона псу жона, а не мени: я тецерь ей цураюсь!“—и съ этими сло-вами онъ въ гнѣвѣ выбѣжалъ изъ ратуши, а за нимъ побѣжала Петращица. Этотъ комическій эпизодъ вызвалъ неудержимый смѣхъ среди присутствовавшихъ. Степанъ Москаль злобно тор-жествовалъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Шабалда, видимо успокоенный, возвратился въ залу и заявилъ, что хочетъ прысягнуть за жену; но судьи отказали ему въ этомъ, мотивируя отказъ тѣмъ, вопер-выхъ, что онъ „зъ ратуша побигъ съ права, а друге—що мужови непрылычно въ такій справи прысягнуты“.

Судъ успѣшилъ положить этой скандальной „справѣ на-лежытый конецъ“ и объявилъ декретъ: „абы за тое намысто и правные наклады було нагорожено Васылеви Шабалди осмъ копъ грошей зъ Москалцевои худобы, котырый чы тое намысто

украшшы, чи тежъ черезъ сполечность зъ Петрашковаго грихамивъ у себе и не вернувъ“. Собственно говоря, судъ какъ-бы уклонился отъ рѣшенія дѣла по существу, считая его маловажнымъ или недостаточно выясненнымъ, и перешелъ къ разбору дѣла, героемъ котораго являлся тотъ же Степанъ Москалецъ.

Изъ среды публики вышла немолодая женщина, невзрачнаго вида, бѣдно одѣтая. Она оказалась Вивдѣй (Евдокіей) Дудкивной, „удовыцею зъ Кишинькы“, и поклонившись судьямъ, стала излагать свою „скаргу“:

— Панове судьи! Нехай я не видаю, чы правду, або ни, говорыть той Москаль на Петрашкивну, а надо мною, певне мовлю, шыдерства (глумленіе) чынывъ. А то такимъ способомъ. Мешкала я у Кишинци, у Грыцька Бутка у сусидахъ, зъ мужомъ ище Гордіемъ, есть тому рокивъ зъ пять. Еднаго жъ часу Степанъ Москаль, прыйшовшы до мене, казавъ такъ: „Вивде, ходы до насъ, на щось тебе моя Кыліяна зоветъ“. Я, розуміючы, що тому була правда, пишла зъ нымъ до ихъ двору и скоро увійшла у двирь, винъ, Степанъ, не видаю для чого у стайню мене повивъ и тамъ, не говорячы мени ничего, ставъ усылствоваты до гриху спросного. Хочь я и одмовлялася не чыныты того, мовячы, що у ёго своя господыня, а у мене мужъ есть, однакъ винъ мене на то зневоливъ. Нарикала жъ я на ёго, плачучы, що мене, сыроту, на тее пидвивъ; а Степанъ мени и каже: „Однакъ, твій мужъ выненъ мени за сино, то менше ёму жъ буде одробляты; а я могу за те па васъ оглянутысь“. Я одъ ёго стайни пишла и була и въ хати ихъ, и лєвъ прыйшла видъ ихъ до-дому, гирко плакала-мъ передъ мужомъ моимъ, нарикаючы на ёго жъ, Степана, и на мужа свого, на що винъ мене зъ нымъ до двору ихъ пустывъ. Тоди мужъ мій сказавъ мени: „Не журыся, небого, однакъ вже въ мене мало сылы; що жъ маешъ чыныты!“ Було жъ тое, панове, межи нами посередъ дня, зимою, а хочай на той часъ и людей много плуталось мимо двирь ихъ, тилко жъ для страху не чыныла-мъ кгвалту и кримъ мужа билшъ никому не оповидала. И одъ того

жъ разу не мала я зъ нымъ, Степаномъ, сполкована. А колы вже мужъ мій померъ, мешкала-мъ удовою два роки; а на третій, пройшлою осены, передъ Покровою, якъ около города нашего двory скыдано, ¹⁾ тоди и Степанъ Москаль, свій двиръ изъ-за миста перенисны, въ самомъ городи побудовавъ, до якого двору позвавъ мене стайни мазаты и поступывъ мени тры возы дровъ привезты за мою працю. Мазала жъ я увесь день, ажъ до засвичена свичкы, и за свичкою вже домазувала. Тутъ Степанъ, прыйшовшы до мене у стайню, почавъ мене условне ваяты и прыводыты до гриха. Я ёму говорила: „Степане, змылуйся, теперь мене не займай, бо видаешъ, що теперь я зостаю удовою, и въ глыну вся умазалася, та й Кыліяна дома знайдуется“. А Степанъ, не дачы мени говорыты, зневоливъ до гриху. Одъ того разу я и на сюю дытыну зайшла. А колы теперь для той дытыны, якій вже часъ прыходыть и родытыся, просыла-мъ у ёго безъ суду, щобъ давъ що-небудъ, винъ не схотивъ даты и ще й зъ погрозкамы мене отпраывъ. Черезъ те, панове, прошу зъ ёго, Степана, справедливосты; бо винъ въ Кишиньци не тилко зо мною мешкавъ въ прелюбодіяніи, але и зъ тою Лытовкою, що ёго медъ продавала, чужоложывъ“.

Судьи спросили подсудимаго: „чы була бъ тому истына, щобъ винъ съ тою Гордійкою або и съ Лытовкою спросне мешкавъ? Москаль взволнованнымъ голосомъ отвѣтилъ:

— А що жъ, панове, я въ вашихъ рукахъ зостаю: вильно вамъ якъ хочете мене скараты. Тому есть истына, що я по килььокротне зъ тою Лытовкою чынивъ злую сполечность, та и зъ другок, Петрашкывною Вуцькою; а щобъ я мавъ на сюю плигавую Дудывну и помыслыты, не тилько що чыныты зъ нею, або усилствовати, Богъ мя на души нехай скараетъ. Тилько мого отъ такой напрасныци выводу“.

¹⁾ Эта была обычная мѣра военной предосторожности въ виду татаръ, приходившихъ въ августѣ 1692 года, вмѣстѣ съ Петрикомъ, къ южнымъ границамъ Полтавскаго полка.

Но впечатлѣніе этой рѣчи было совершенно испорчено, когда неожиданно выступила жена Степана Килияна съ сыновьями Семеномъ и Яковомъ и, сильно волнуясь, сказала:

— Не ймите ёму гиры, панове, бо винь есть власный распутныкъ отъ давныхъ часивъ и прыставъ винь до мене распустне и жадной учтывосты въ малженствіи святому не заховаючы мешкавъ. Уже колы винь самъ на себе признавъ, що зъ Петрашкивною и зъ Лытовкою злую сполечность мивъ, то певне, що и зъ Дудкивною, и зъ вышнымы шпетечнымы жонамы спросность богомерзкую чынивъ. Колы вже Богъ мене вызволить одъ такого збрудня! Вельмы рада-мъ я, колы мужъ мій, за свои злыи и недобрыи учынкы найдуючысь у вязеню, просывъ панивъ сотныкивъ всихъ о прычину (о ходатайствѣ) до пана полковныка и давъ Богови обить у монастырь поиты, колы ёго учынять свободнымъ. Отже злый и незбожый чоловикъ и Бога оманувъ, не ставшы черпцемъ, певне для шпетеченства. Теперь, мылостывыи панове, и я, и сыны мои слезне просымо, абы одъ такого збрудня зостала-мъ свободна; бо вси его злыи дила отдавна выдаючы, не оголошала. А повеважъ мене, пры мойй старости, до вичной ганьбы и неславы прывивъ, та и худобы мене позбавивъ, не хотячы ему далій того терпеты, прошу, абы винь, яко не заховаючій прыказаня Божого, не бувъ мени одъ сѣго часу въ малженствіи участникомъ и мужомъ моимъ, бо не мужомъ моимъ винь бувъ, але тыраномъ. Прошу васъ, панове, надъ собою змылована“.

Эта страстная обвинительная рѣчь жены противъ мужа, сказанная въ судѣ въ такую минуту, когда рѣшался, можетъ быть, вопросъ о его жизни, произвела на всѣхъ гнегущее впечатлѣніе. Но Килияна, безъ сомнѣнія, не была столь жестокосердой, чтобы сознательно и намѣренно отягощать участь мужа. Какъ женщина строгихъ правилъ, она не чувствовала ни жалости, ни состраданія къ безпутному супругу; но отсюда еще далеко до того, чтобы она способна была откровенно помогать его казни. Ея достоинство добродѣтельной жены было глубоко оскорблено развернувшейся на судѣ яркой картиной безпут-

ства мужа; но еще болѣе, можетъ быть, возмущала ее перспектива тѣхъ матеріальныхъ жертвъ, какими приходилось эти безпутства окупать, и при томъ изъ состоянія, которое, кажется, принадлежало ей одной. Вотъ и сейчасъ присудили уплатить восемь копѣ Шабалдѣ, могутъ присудить вознагражденіе и Дудкивнѣ, а за ней появятся съ претензіями, пожалуй, десятки ей подобныхъ. Какъ бережливая хозяйка и заботливая мать, она не могла перенести, чтобы изъ-за распутства мужа гнбло благосостояніе семьи. Дѣтямъ не нуженъ такой негодный отецъ, а ей и подавно онъ не пужень, какъ мужъ. Но какъ отъ него избавиться? Киліянѣ не приходило на мысль опасеніе, что мужъ по данному процессу можетъ поплатиться головой: выкрутился же онъ еще недавно изъ большей, какъ ей казалось, бѣды, и теперь она увѣрена была, что дѣло кончится крупнымъ штрафомъ въ пользу полковника и судей, какъ чаще всего такія дѣла оканчивались. А вотъ, если бы судъ подвергъ Степана иному наказанію—расторгъ его бракъ съ нею! Въ тѣ времена расторженіе браковъ, какъ мы знаемъ, входило въ компетенцію и судовъ свѣтскихъ, именно полковыхъ и примѣнялось обычно въ дѣлахъ подобныхъ настоящему, при томъ непремѣнномъ условіи, если невинный супругъ добивался этого.¹⁾ О такомъ именно декретѣ и молила слезно Киліяна.

Между тѣмъ ея страстная обвинительная рѣчь противъ мужа, ея негодованіе и живыя улики въ его распутствѣ, помимо ея воли упали тяжелымъ бременемъ на вѣсы правосудія и рѣшительно склонили ихъ въ сторону, роковую для обвиняемаго. Судъ призналъ доказанными слѣдующія „слушные доводы“ виновности Степана Москаля: а) онъ „самъ на себе супплѣковалъ, чинячися явнымъ чужоложникомъ“; б) „Вивди Гордійци дытану прыжывѣ и хочай крився того, отводлячись, будто не чынывъ зъ нею гриха, еднакъ судъ ему не понявъ виры“; в) „обить давши Господу Богу пойти въ монастырь, а не пойшовъ“, г) „самая жона его одстущуетъ и не хочеть за мужа миты“. Справившись

¹⁾ См. объ этомъ очерки ММ 12, 13 и 14.

съ законами, судьи примѣнили къ данному дѣлу артикулъ изъ книги „Порядокъ“, четвертой части, на листѣ 128, гдѣ сказано: „чужоложникъ мѣетъ быти стятый“, т. е. усѣченъ мечемъ, и постановили декретъ: „той же карности и Степанъ Москаль зосталъ подлежнымъ“. Прегензію Вивди Дудкивны (она же Гордѣйка) оставили безъ удовлетворенія, а ее самое велѣли „даты до вязеня, нимъ (пока) дытя зродыть“,—съ тѣмъ, конечно, чтобы потомъ особо подвергнуть ее суду и наказанію за прелюбодѣянiе. Относительно Вуцьки Шабалдыхи не было сдѣлано подобное постановленіе очевидно потому, что оговоръ ея Степаномъ въ преступномъ сожительствѣ съ нимъ судъ не призналъ доказаннымъ.

Ор. Левицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.¹⁾

1829—1839 г.г.

12.

26 октября ²⁾ 1832. *Екатеринославль.*

Почтеннѣйшая маменька! Случай — и вотъ, какъ видите по надписи, я въ Екатеринославль. Отчасти желаніе увидѣть Федора, ³⁾ отчасти другое желаніе или правильнѣе любопытство узнать амперію нашу въ ея центрѣ;—дрожки запряжены, сѣль и поѣхалъ. Вчера въ 1 часъ послѣ обѣда я увидѣлъ Федора; въ три часа поѣхали по Екатеринославлю, выѣздили весь; вечеръ провели такъ весело, что и до сего времени вслѣдствіе хохота головная боль отзывается довольно чувствительно.

Теперь что вамъ сказать о центрѣ амперіи, въ которой имѣю теперь свое жительство? Довольно того, что я не ожидалъ отъ Екатеринославля того, что увидѣлъ. Прекрасная улица, вдвое шире нашей Сумской, составляетъ основу города. Прекрасные дома лентою тянутся по обѣимъ сторонамъ улицы. Передъ каждымъ домомъ палисадникъ. Домъ Щекутина прелестный. Я не могу сравнить его ни съ однимъ изъ харьковскихъ, ибо такого дома нѣтъ въ Харьковѣ; въ петербургскомъ вкусъ въ два этажа съ половиною—великолѣпное зданіице. Фабричныя зда-

1) См. Кіев. Стар. 1901 г., № 6.

2) Слѣдуетъ читать: 26 ноября.

3) О. С. Евецкаго.

ня, оканчивающія городъ, огромны и также очень хороши. Улица тянется около полуторы версты, угломъ по изгибу Днѣпра. Церквей только три. Новый соборъ строится на горѣ подлѣ развалинъ потемкинскаго дома; храмъ будетъ превосходный. Мы заходили и въ развалины Потемкинскаго дома. Какое грустное чувство невольно вселяется при взглядѣ на это разрушеніе.— Въ немъ когда-то Екатерина, Іосифъ,—Потемкинъ угощаль ихъ столомъ и своимъ прожектomъ объ изгнаніи турковъ изъ Европы. Крыши уже разрушены; полы также; но штукатурка еще сохранилась и превосходная лѣсная работа также. Сегодня только что я имѣлъ удовольствіе свидѣтельствовать свое почтеніе добрымъ старикамъ, родителямъ Евецкаго. Прекрасные люди—они приняли меня очень ласково. Послѣ обѣда ѣду обратно. Извините, что письмо будетъ слишкомъ коротко. Фантазировать не хочется, а дѣла писать право нечего; и потому если я скажу вамъ, что я здоровъ, чего и вамъ желаю, то запасъ мой истощенъ, и я долженъ по необходимости окончить письмо...

—
13.

Барваровка. Декабря 1-го 1832 г.

Уже декабрь! Я теперь считаю каждый день, и съ каждымъ днемъ подходитъ ближе радостная минута. Вся цѣль моя теперь—увидѣть васъ, поговорить съ вами. Скоро, скоро! Одно только теперь меня беспокоитъ—Михаилъ Ивановичъ. ¹⁾ Ахъ, еслибъ не было никакого препятствія относительно его отъпуска!—Съ этою же почтою вы получите и другое письмо мое: изъ Екатеринославля. Вы вѣрно, милая маменька, не осердитесь на меня за то, что на поѣздку къ Евецкому издержалъ 480 копѣекъ. За то я видѣлъ Евецкаго, провелъ съ нимъ счастливый день, увидѣлъ и обозрѣлъ Екатеринославль, проѣздили, былъ на той сторонѣ Днѣпра, видѣлъ развалины потемкинскаго дома. Въ понедѣльникъ я обѣдалъ у Евецкихъ. Добрые, умные старики. Они приняли меня очень ласково. За обѣдомъ я познакомился со старикомъ Цыхомъ. Предобрый старикъ—нѣмчикъ, забавникъ. Я забылъ

¹⁾ М. И. Кусковъ, дядя И. И. Срезневскаго.

вамъ сказать о пожарахъ Екатеринославскихъ. Уже впродолженіе цѣлой недѣли они продолжаются непрерывно, каждую ночь. Въ числѣ сгорѣвшихъ строеній и синагога жидовская, большое зданіе. Остались только фундаменты, и на бѣду случилось это въ пятницу ночью, наканунѣ шабаша. Законъ запрещаетъ въ это время жидамъ трудиться. Съ воемъ и визгомъ они кружились около пламени, воздѣвая омытыя руки свои къ небу; рускіе не принимались тушить отъ суевѣрія.—Такая непрерывная цѣпь пожаровъ, само собою разумѣется, предполагаетъ *поджогу*. Подозрѣваютъ въ этомъ плѣнныхъ поляковъ, живущихъ теперъ въ Екатеринославѣ. Рассказываютъ многіе анекдоты: какъ одному мѣщанину грозилъ полякъ поджечь его домъ, если не дастъ ему денегъ; какъ польскій мальчишка бросилъ въ бочку съ дегтемъ начиненную порохомъ и подожженную сумку, и пр. и пр. Весь Екатеринославъ въ страхѣ. Жители учредили изъ себя квартальный обходъ, но ничто не помогаетъ. Пожары бывають по большей части рано вечеромъ или часовъ въ 6-ть утромъ. Предъ симъ несчастнымъ временемъ Екатеринославъ пировалъ: безпрестанные балы, конская скачка, поднятіе колокола на колокольню вновь строящагося собора, и пр. О семъ послѣднемъ скажу подробнѣе: когда привезенъ былъ колоколъ на баркѣ, искали подрядчика, который бы перевезъ его на гору къ собору. Никто не согласился менѣе пятисотъ рублей взять за такой подрядъ: такова гора! Тогда народъ, поставивши колоколъ на полозья, торжественнымъ шествіемъ повезъ самъ своими руками этотъ колоколъ, духовенство и чиновники сопровождали пяти-тысячную процессію. Даже дѣти и старухи хватались за сто-саженную веревку, будто помогая своимъ отцамъ и сыновьямъ. Въ полчаса колоколъ былъ уже на горѣ. Въ двѣ минуты его встали на верхъ колокольни.—Братъ писалъ мнѣ когда то, что Гулакъ умеръ. Правда ли это? Я въ Екатеринославѣ слышалъ противное. Вѣрно братъ повѣрилъ ложному слуху, а потомъ забылъ исправить свою ошибку.—Старикъ Цыхъ рассказывалъ, что сынъ его получилъ адъюнкта и магистра, и радовался. Я не хотѣлъ уничтожать его радости ни даже сомнѣніемъ. Но скажи пожа-

луйста, братъ, ужели Гордѣнко ¹⁾ и Криворотовъ ²⁾ добились магистерства? Если Цыха сбили, то ихъ обоихъ стоило бы сдѣлать истопниками въ университетѣ: а сдѣлать ихъ магистрами, удаливши Цыха,—срамъ университету. Если сложить цѣлый легіонъ Криворотовыхъ, то и тогда не составится ни одного Цыха, ни по уму, ни по знаніямъ. Я возвращался изъ Екатеринославля вечеромъ. Мятель вграла въ воздухъ. Я закутался—и заснулъ. Кучеръ—чудо, лошади—тоже. Летимъ. Я проснулся, когда съѣзжали съ горы къ Днѣпру. Тпру! Кучеръ соскочилъ искать дороги черезъ Днѣпръ, наконецъ помощью мужика отыскали—и поѣхали по льду. Вода подо льдомъ гудеть. Ледъ трещитъ, но это вовсе не страшно, провалиться нельзя. Ледъ уже въ аршинъ толщины; а скучно то, что ѣдешь по льду. По Днѣпру ледъ обыкновенно становился *шеремомъ*. Какъ бы это вамъ рассказать? Легкій ледъ въ началѣ зимы ломается волною,—становится другъ къ другу бокомъ и замерзаетъ постепенно, начиная отъ нижняго порога къ верхнему. И такъ ледъ вдругъ становится толстымъ, но чрезвычайно неровнымъ: одинъ кусокъ льдины выдался, другой впалъ. Когда Днѣпръ станеть, прокладываютъ дорогу, то-есть чистятъ, чтобы удобнѣе было ѣздить; но это не помогаетъ. Ѣдешь, и безпрестанно гнешься то на одну сторону, то на другую. Подъ колею вѣчно попадаетъ льдина,—и такъ тряско надобно ѣхать около двухъ верстъ. Вы не можете себѣ представить, какъ у меня болѣли ноги послѣ такого странствія. Точно будто кто ихъ перешупалъ кіемъ...

—
14.

7 декабря 1832 г. Варваровка.

Лети, лети время, скорѣй, скорѣй! А вы, душенька маменька, ждите колокольчика. Скоро, скоро...

¹⁾ Григорій Степановичъ Гордѣнко, впо лѣдствіи проф. законовъ полицейскихъ и уголовныхъ Харьковскаго университета († 1849 г.).

²⁾ Александръ Григорьевичъ Криворотовъ, проф. римскаго права въ Харьковскомъ унив. († 1850 г.).

Уже я начинаю приготовляться къ пути. Вчера вечеромъ перебираль и приводилъ въ порядокъ тетради. Пересматривая такимъ образомъ свои кипы, я увидѣлъ, что время не совсѣмъ потеряно. Украинская скриня моя выросла или, лучше сказать, подросла очень примѣтно. Собраніе словацкихъ пѣсень тоже увеличилось, ибо и къ намъ въ деревню два раза заходили словаки: разумѣется я не пропускалъ случая. Собственно мои труды также шли не даромъ. Приѣхавши въ Харьковъ, я буду просить у васъ кое въ чемъ совѣтовъ, милая маменька. На совѣты чужіе и не могу, и боюсь положиться...

—

15.

16-е дек. Варваровка.

Послѣднее. Слава Богу, слава намъ!

...Какъ увидимся, то я думаю и въ двѣ недѣли я не успѣю пересказать всего, — а какъ писать въ письмѣ, то того не хочется, того не можно, того не ловко, и такимъ образомъ предметы письма уменьшаются въ количествѣ и сходятся къ очень небольшому числу самыхъ глупыхъ мелочей. На прошлой недѣлѣ былъ у насъ засѣдатель. Это лицо довольно аккуратно выражаетъ мѣсто, имъ занимаемое.

Приѣхавши въ Харьковъ, я когда-нибудь опишу вамъ формально всѣ лица, коихъ лицезрѣніемъ я наслаждался въ здѣшнихъ мѣстахъ, опишу всю этнографію украинскихъ степей самымъ вѣрнымъ образомъ съ прибавленіемъ безчисленныхъ анекдотовъ. Юмористическій цѣлый романъ въ рукахъ, — стоитъ приняться написать, — только не хочется.

Послѣднее время я занимаюсь собираніемъ преданій о запорожцахъ. Въ воскресенье ожидаю къ себѣ старика — болтуна, который долженъ рассказать многое. Знаете ли, какъ добръ Иванъ Тимоѣевичъ: слѣдующею весною я поѣду по Днѣпру, то водою, то сухимъ путемъ, и обозрю всѣ пороги и острова самымъ вѣрнымъ образомъ, а если вы позволите мнѣ издержать 30 рублей, то буду въ состояніи доплыть до самаго Херсона и до Чернаго моря и вернуться назадъ въ Варваровку на почтовыхъ. Туда на баркѣ

почти даромъ. Путешествіе самое веселое. А лѣтомъ непременно поѣдемъ съ вами въ Изюмскій уѣздъ. Я столько слышалъ о красотѣ онаго, что грѣхъ не увидѣть его. Но это все зависѣтъ будетъ отъ вашего позволенія.

А затѣмъ прощайте, милая маменька, до свиданія.

Из. Ср. ¹⁾

—
16.

Варваровка. Генв. 17, 1833.

Желаю здравствовать, маменька! Здравствуй, братъ! Уже 4-й день, или 3-и сутки, какъ я въ Варваровѣ. Михаилъ Ивановичъ уѣхалъ вчера. Все пошло по прежнему, тихо, медленно. Катерина Романовна и Иванъ Тимоѣевичъ еще лучше со мною. Дѣти любезны. Всѣ обрадовались мнѣ, какъ родному. Я сказалъ Катеринѣ Романовнѣ, что вы позволили ей не только ставить меня въ уголь, но и совершенно передали ей право маменьки; а вслѣдствіе сего, я, благодаря, говорю ей: merci, maman! Дней черезъ 10-ть они будутъ въ Харьковѣ проѣздомъ въ Воронежъ. Вотъ нашъ путь:

— Первая станція была пребезпкойная. Я болѣе шель пѣшкомъ. Потомъ лошадь пала. Потомъ въ Мерефѣ съ кибиткой. Я осматрѣлъ ее: починять было долго. Мы оставили ее и поѣхали далѣе въ Водолаги... Въ Водолагахъ мы отдохнули. Часу въ 8-мъ утра пріѣхали въ Старовѣровку... Въ Константиноградѣ я пролежалъ больной; выпилъ полбутылки краснаго вина и лучше стало. Утромъ пріѣхали въ Новомосковскъ на другой день, а вечеромъ въ Варваровку. Въ Новомосковскѣ я купилъ экипажъ—да съ—экипажъ, простите, извините—заплатилъ дорого,—да я купилъ въ надеждѣ, что онъ пригодится,—розвальни за 8 рублей...

—
17.

Варваровка. Генв. 22, 1833.

...Я не отложилъ намѣренія издавать Альманахъ подъ именемъ „Отрывки“. Содержаніе: повѣсти, путешествія и исто-

¹⁾ На послѣднемъ листѣ письма нарисованъ «Планъ нынѣшняго Варваровскаго помѣстья въ XVI вѣкѣ».

рические отрывки. Если увидите съ Петровымъ ¹⁾, то именемъ своимъ попросите для меня у него статьи о Сибири; а я ему пришлю общаиное по слѣдующей почтѣ ²⁾. Теперь некогда писать, а то и теперь бы прислалъ.

Извѣстите, маменька, объ этомъ и Ивана Николаевича; да еще вотъ въ чемъ дѣло. Я хочу напечатать въ альманахѣ своемъ его отрывки изъ писемъ безъ подписи имени, а звѣздочками. Согласится ли? не сердится ли? Еще маленькая просьба, почтеннѣйшая маменька: сдѣлайте милость, попросите Юсифа Афанасьевича, чтобы онъ сократилъ для меня статью изъ *Annales des Voyages* Мальтебруна о Сѣверныхъ земляхъ, которая посвящаетъ карту Зено. Онъ знаетъ. Я думаю, что онъ по добротѣ своей не откажется это сдѣлать, тѣмъ болѣе потому, что эта статья мнѣ очень нужна. Пусть извинитъ, что не пишу къ нему: ей-ей, некогда.

Когда Иванъ Тимофеевичъ будетъ въ Харьковѣ, то сдѣлай милость, братъ, вручи ему мой Телескопъ (2 тома), достань остальное у Рейпольскаго, пожалуйста доставь. Вчера мы читали Саламанхскаго студента и хохотали.

У насъ весна. Снѣгу нѣтъ, Днѣпръ таетъ. Я ѣздилъ верхомъ въ одномъ архалукѣ. Стадо въ полѣ. Кое-гдѣ пробивается молоденькая травка...

—
18.

Варваровка. 27 янв. 1833.

...Хотѣлъ бы вамъ написать какую-нибудь новость, та що робыты?—Немае ніякои.—По вечерамъ занимаюсь перепиской

¹⁾ Иванъ Матвѣевичъ Петровъ — харьковскій литераторъ.

²⁾ Это общаиное были «Отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріи Сковородѣ», напечат. Петровымъ въ его альманахѣ «Утренняя звѣзда» (Москва, 1836) въ подписью И. С. р. з. в. Варваровка на Днѣпрѣ. 1833, февр. 11. О статьѣ этой есть упоминаніе въ одномъ изъ писемъ Е. И. Срезневской И. И. С.—ому; изъ него видно, между прочимъ, что Петровъ просилъ И. И. С.—го нарисовать портретъ Сковороды въ свитѣ; вѣроятно, этотъ портретъ и есть тотъ, который былъ напечатанъ въ «Утренней звѣздѣ» и перепечатанъ въ «Библиографѣ» 1894 г. при замѣткѣ моей о письмахъ Сковороды въ Правдиному.

статей альманачныхъ. Недѣли черезъ двѣ пошлю въ Москву рукопись уже переписанную. Вы, можетъ быть, удивляетесь простотѣ названія моего альманаха: чѣмъ проще, тѣмъ лучше. Статьи любопытныя. Не угодно ли прочесть заглавіе приготовленныхъ уже? Вотъ оно:

Поэсты: Вукъ Абрамъ (Евецкаго), Туфли (арабская пов.), Мой дядя (моя), Фермата (Гофмана, пересказанная мною), Вевелянка (преданіе), Блуждающій жидъ (Шуберта).

Путешествія: Чатырдагъ (Филомафитскаго), Черниговъ (Кулжинскаго), Жители западныхъ Пиринеевъ (Фишера изъ Москвы), Разсказъ бывшаго въ плѣну у дикарей Сѣверной Америки, о Сербіи; Оссетины (Яновскаго), о Грузіи (Евецкаго).

Смѣсь: О молдавской народной поэзіи, Мысли и замѣчанія; Письма о санскритской литературѣ и языкѣ; о магометанахъ (Ив. Ник. Соколова).

Это еще не все. Если Петрову захочется знать содержаніе, то пусть полюбопытствуетъ. Если можно будетъ, то я постараюсь еще достать повѣстей, дабы сдѣлать альманахъ любопытнѣе... ¹⁾

—
19.

Варваровка. 1833. Середа, 21 февр.

...Вы пишете мнѣ, маменька, относительно Полторацкаго ²⁾ Братъ сказалъ, что я не соглашусь,—а я напротивъ радъ случаю, разумѣется, лишь бы на такихъ условіяхъ, кои могли бы мнѣ доставить такое покойное житье, какъ теперь, хоть и хуже немножко, то ничего. Мнѣ теперь—чудо; одно то, что я не таскаюсь по пансіонамъ; лишь-бы вы, маменька, согласились. По немногу, нѣтъ по многу, я занимаюсь—и наконецъ выслужу свое. Служба не уйдетъ; а деньги нужны. Одно, что я не подлѣ васъ. Охъ, тяжело мнѣ иногда отъ этого, да что дѣлать! Я увѣренъ, что вы теперь не грустите о недостаткѣ: съ меня и этого достаточно. Я покоенъ, я счастливъ. Это правда, я не

¹⁾ Альманахъ этотъ напечатанъ не былъ.

²⁾ Полторацкій приглашалъ И. И. С.—го на мѣсто домашняго учителя (изъ письма Е. И. Срезневской 10 февр.).

забываю о магистерствѣ, но едва ли въ Харьковѣ. Мнѣ бы хотѣлось такъ распорядиться: поучить нѣсколько лѣтъ, потомъ сыскать компанію за границу, дать въ доктора, да и свиснуть опять въ Русь. Мнѣ еще 20 лѣтъ 8 мѣсяцевъ. Если и еще 4 года погуляю, то много. А между тѣмъ есть много времени для занятій, и больше охоты заниматься по волѣ. Впрочемъ все будетъ, какъ Богу угодно. Будетъ то, что будетъ, а будетъ что Богу угодно, какъ сказалъ Хмѣльницкій. Я положилъ себѣ за правило каждую недѣлю написать какую-нибудь статью,—двѣ недѣли ее поправлять, а на третью отсылать въ журналъ. И это скрѣпляетъ мои занятія, а между тѣмъ главное мое занятіе, любимое—исторія Украины идетъ само собою не въ счетъ. Пршлую недѣлю послалъ въ Телескопъ: О Зендавестѣ. ¹⁾ Нынѣшнюю, если успѣю переписать, перепишу о Вико ²⁾. Будутъ ли напечатаны, объ этомъ братъ меня увѣдомить...

—

20.

Варваровка. 1833, февр. 24.

Не знаю, что и подумать, милая моя маменька, о вашемъ молчаніи на прошлой почтѣ. Такое критическое время какъ теперь невольно наводитъ подозрѣніе. Здоровы ли вы? Не больны ли? Не больны ли отчаянно? Или, можетъ быть, васъ мучить боль глазная? Никогда я столько не беспокоился, столько не грустилъ, не призадумывался, не мѣшался въ разговорахъ, не наводилъ скуку на другихъ, какъ теперь, начиная съ прошедшей субботы. Не знаю, что и подумать, какъ и разгадать! Въ другое время я только жалѣю, что отъ васъ ни строчки, но теперь, теперь, когда вы сами увѣдомляете меня о повѣтріяхъ! Маменька, добрая маменька, ради Бога не пропускайте не одной почты, пока въ Харьковѣ не будетъ все спокойно. Хоть по нѣсколькx строчекъ руки вашей,—и съ меня довольно.

¹⁾ «Общія основанія Зендавесты» были напечатаны въ Телескопѣ 1835 г. (т. 28, с. 519—526) съ подвизью И. С. Варваровка на Днѣпрѣ. 1833 г. февр. 16.

²⁾ Напечатано не было.

Пусть братъ дописываетъ остальное. Ахъ, если бъ вы знали, маменька, какъ теперь тяжело мнѣ; грущу, и какъ будто по какому-то предчувствію. Конечно у васъ есть медики, близка помощь,—но, пожалуйста, душенька маменька, не болѣйте, будьте здоровы, да не забывайте вашего степняка. Для него лучшее удовольствіе, единственная отрада—вѣсть отъ васъ. Теперь только я почувствовалъ, какъ тяжело разставаться съ родными, какъ тяжело сносить горе отдаленія отъ родной. Нѣтъ, мое опредѣленіе жить подлѣ васъ, неразлучно. Тогда только я спокоенъ, счастливъ. Если огорчу васъ невольно,—вы простите меня; а теперь некому огорчить, некому и приласкать. Просто былинка степная. Однако я расквасился. Можетъ быть вы здоровы. Ахъ, если бы!—Вы получили мое послѣднее письмо и въ немъ видѣ Днѣпровскій. Теперь каждое утро я брожу по берегамъ Днѣпра и снимаю виды. Есть видѣ Ненасытянца; видѣ пороховъ Звонецкаго и Волошкаго и пр. Понемногу составляю порядочный портфель. Память со степей. Хочу нарисовать видѣ Днѣпра, ночь, горять стени, Днѣпръ пылаетъ. Если бъ удалось. Жаль, бумаги нѣтъ хорошей. Завтра воскресенье: ѣду съ Алексѣемъ Ивановичемъ¹⁾ на Вороную. Тамъ живетъ 97-лѣтній старикъ Гречка. Онъ былъ запорожцемъ, знаетъ много важныхъ неизвѣстныхъ исторій, происшествій. Буду спрашивать; Катерина Романовна общала завзять волошку и списать у нея Молдавскія пѣсни съ переводомъ. Это вмѣсто сюрприза...

—
21.

Варваровка. 1833, февр. 27.

Нѣсколько уже дней я зритель пожара степей. Зрѣлище для меня совершенно новое и поразительное. Я бы желалъ познакомить васъ, милая маменька, съ этимъ пожаромъ; но что дѣлать,—вы не родили меня ни поэтомъ, ни живописцемъ. Если бы я рѣшился описать вамъ этотъ пожаръ въ красивыхъ періодахъ, то только бы насмѣшилъ васъ своимъ кислорѣчіемъ;

1) Сынъ Подольскихъ.

если бы нарисоваль, то вы бы не поняли. Придется ограничиться однимъ сказаніемъ о томъ, какъ и для чего производятся подобные пожары.

По степямъ днѣпровскимъ растетъ высокая трава, подобная хлѣбу, густая, высокая. Здѣсь называютъ ее *комышемъ*, *ковылою*, *тирсою*, какъ угодно. Когда то, въ прежнее бывалое, старинное время этотъ комышъ бывалъ такъ высокъ, что за нимъ не видно было рогатаго скота,—настоящій лѣсъ. Теперь, когда степи населяются все болѣе и болѣе, комышъ унивился; но и теперь въ иныхъ мѣстахъ онъ выше 1½ арш. Въ продолженіе дѣлаго лѣта онъ растетъ, зеленѣетъ; осенью сохнетъ, и во всю зиму стоитъ крѣпко на стебляхъ своихъ. Вѣтеръ только играетъ имъ. Весною, когда снѣгъ спадетъ и солнце пригрѣетъ землю, степняки начинаютъ жечь этотъ высохшій лѣсъ комышу, дабы скорѣе росла молодая трава; берутъ пукъ самага тонкаго комышу, сгинаютъ въ ложку, кладутъ огню въ оную,—и, когда пукъ запылаетъ, они начинаютъ поджигать степь, приложивши пукъ къ землѣ и бѣжа такимъ образомъ перпендикулярно къ вѣтру, по прямой линіи. Полоса запылала, вѣтеръ погналъ пламя, и вотъ степь покрылась вся огнемъ. Она горитъ до тѣхъ поръ, пока сыщеть себѣ какую-нибудь препону, хотя небольшую дорожку. Если желаютъ, чтобы пожаръ пошелъ далѣе черезъ дорогу, перекидываютъ огонь, и пламя бѣжитъ далѣе до новой препоны. На эти пожары любо смотрѣть ночью. Небо играетъ зарекомъ, пламя и дымъ выются клубами, Днѣпръ будто горитъ, и волны, переливающіяся черезъ пороги, сіяютъ мрачною радугою.—И все тихо и все глухо, какъ въ могилѣ, только изрѣдка вой волка пробудитъ спящихъ собакъ или порывъ вѣтра прерветъ тихій ропотъ пороговъ, и пороги взбурлятъ, и вспѣнятся волны...

Что то дѣется съ Іосифомъ Афанасьевичемъ? Что подѣлываетъ его око всевидящее? Или оно еще ничего доселѣ не видитъ? Жаль! Я представляю себѣ его отчаяніе. Онъ такъ любитъ читать и заниматься, а при глазной боли долженъ ограничиваться одними своими мыслями.—Я хотѣлъ къ нему писать письмо, но поду-

маль, что равно онъ отложить чтеніе его, а потому и рѣшилъ подождать его собственной писульки. Тогда напишу зѣло много.—Я теперь, маменька, знаю старину запорожскую какъ свою собственную жизнь. Мало-по-малу и собралъ свѣдѣній очень много. Особенно мнѣ помогъ *Гречка*, о которомъ я писалъ къ Вамъ въ прошломъ письмѣ. Часовъ пять я провелъ прошлое воскресенье на Вороной, все разговаривалъ съ стариною, и слышалъ и узналъ очень многое. Гречка былъ самъ запорожцемъ и всему очнымъ свидѣтелемъ,—жаль, что ему измѣняетъ иногда память, но въ такомъ случаѣ я его недоумливаю, онъ припоминаетъ, поправляетъ мои ошибки, и дѣло ладно. Гречкѣ 97 лѣтъ. Ему было уже 15, когда онъ присягалъ Петру III-му. Происшествія за его память онъ рассказываетъ чрезвычайно подробно, и что всего любопытнѣе, *по своему*, какъ запорожецъ, съ его вѣрованіями, съ его политическими мнѣніями. Живой памятникъ мивущаго! Скажите, добрая маменька, что пишетъ Иванъ Николаевичъ? Упоминаетъ ли онъ когда-нибудь обо мнѣ? какъ упоминаетъ? Вотъ ужѣ два письма я написалъ къ нему: одно до Рождества, другое тотчасъ по пріѣздѣ. И ни слова. Ужели онъ сердится на меня? Ужели я виноватъ предъ нимъ? Я по крайней мѣрѣ желалъ бы знать вину свою. Но такъ темно быть виноватымъ, осужденнымъ,—Богъ съ нимъ, съ добрымъ Иваномъ Николаевичемъ! Я вовсе не заслуживаю, кажется, презрѣнія отъ него; но и навязываться, подбѣгать, льстить—не намѣренъ ни предъ кѣмъ, тѣмъ болѣе предъ Иваномъ Николаевичемъ, котораго я душевно почитаю, люблю и обязанъ многимъ: тогда бы только я былъ тѣмъ, чѣмъ угодно, какъ видно, считать меня теперь Ивану Николаевичу. Я уже не смѣю теперь относиться къ Ив. Ник. ни съ просьбою, ни съ совѣтомъ, ни съ чувствами, словомъ: слова мои только увеличиваютъ въ немъ худое обо мнѣ мнѣніе, и наскучаютъ ему. Для чего же терять ихъ? Я знаю, что если Иванъ Николаевичъ любилъ меня, то для меня же, изъ желанія мнѣ добра, пользы, счастья; а я могу любить его только для себя. Разница большая.

Прощайте, добрая маменька!—Не забывайте вашего сына.

22.

Барваровка. 1833, мар. 15.

...Въ нынѣшнюю недѣлю у насъ пропѣлось нѣсколько самыхъ жестокихъ бравурныхъ арій. Отчасти у меня голова ходенемъ ходила.

Алексѣю Ивановичу разрѣшили не быть студентомъ. То была первая бравада. Ему наскучило учить большіе уроки; онъ объявилъ нѣсколько разъ досаду свою маменькѣ и папенькѣ. Папенька обрадовался, что сынокъ хочетъ идти по батьку. Маменька вѣроятно сжалилась надъ любимымъ болваномъ, и Алеша вступить прямс въ военную службу. То то будетъ настоящій Кабудъ, путешествовавшій въ Мекку! Мнѣ было досадно такое рѣшеніе. Всѣ труды мои пропали. Я представлялъ и то и другое, но, разумѣется, выслушали, да не послушали. Это обыкновенно бываетъ, и я только расхохотался. Пусть что хотятъ, то дѣлаютъ, мое дѣло было сказать; а по расположенію ко мнѣ и Катерины Романовны и Ивана Тимофеевича, вѣчно допрашивающихъ и меня, что касается до мыслей,—я не могъ сдѣлать иначе: переказалъ все откровенно. Теперь Алеша развязанъ и пошелъ ослить, учится прегадко, думаетъ объ одномъ ружьѣ, а объ урокахъ вовсе нѣтъ думки. Я предупредилъ родителей о слѣдствіяхъ позволенія. Мое предсказаніе сбывается.

Цѣлое семейство мужиковъ, т. е. отецъ и два сына изъ новокупленныхъ русскихъ, бѣжало изъ деревни, Богъ вѣсть, куда. То была вторая бравурная арія, которая не кончилась и доселѣ. Ив. Тим. посылалъ погоню по всѣмъ дорогамъ, но не отыскали. И причину побѣга трудно отгадать. Снялись да и пошли, оставя женъ и дѣтей, вѣроятно, съ намѣреніемъ при случаѣ взять и ихъ къ себѣ. Были допросы, были арапники,—все тщетно. Удивляюсь стойкости русскаго народа. Хохоль никогда не будетъ такъ стоекъ. Розыски продолжаются. Угадываютъ мѣсто, куда бѣжали. Надобно знать, что въ здѣшнихъ мѣстахъ есть много панковъ, которые безтрепетно принимаютъ къ себѣ бѣглыхъ, обременяютъ ихъ работами, и ничего не платятъ, угрожая судомъ. Но таковъ предрасудокъ: мужику лучше жить

подъ паномъ, нежели у пана по крѣпости. Думаютъ, что бѣглецы отправились къ одному изъ такихъ панковъ, который имѣеть хуторъ около Елисаветграда.

Дѣвѣпръ ломаеть. То третья бравурная арія. Но какова смѣлость народа здѣшняго! Вчера начало ломать ледъ, а третьяго дня и вчера даже утромъ ходили и ѣздили! Впрочемъ эта смѣлость искусственная. Ходить въ такое время по льду и ѣздить только одни Синельниковцы. Баринъ приказываетъ, стращаетъ арапниками, — бѣдняжки ходятъ. Каждую весну потопаеть синельниковцевъ до 18 душъ. А какъ бы вы думали, кто причиною такого погона бѣдныхъ? *Belles maitresses* Синельникова, который живетъ съ ними не какъ султанъ или папа, а какъ низайшій рабъ, не смѣющій послушаться приказаній своихъ повелительницъ. Синельниковъ покровительствуетъ разврату въ своихъ имѣніяхъ лучше, нежели нашъ государь просвѣщенію.

На этихъ дняхъ у меня была развалина запорожская, старикъ лѣтъ 80, бандуристъ. Много я разспрашивалъ его, многое узналъ. Списалъ нѣсколько думъ и пѣсней старинныхъ. Теперь, маменька, я знаю Запорожье не хуже азбуки. Мало по-малу, тихо-по-тиху, да и доползъ. Однако не перестану заниматься. Трудъ мой, почти семилѣтній, не долженъ остаться безъ окончанія или безъ пользы. Начну съ того, что перепису набѣло аккуратно все свое собраніе. Куча будетъ порядочная!

Прощайте, маменька, прощай, братъ! Да, ради Бога, не забываете вашего степняка...

—
23.

Варваровка, 17 марта 1833 г.

Еще почта, и опять отъ васъ нѣтъ письма. Господи Боже мой! Я настоящій сирота. Неоткуда мнѣ получить вѣсти, нечѣмъ порадоваться... Милая маменька, теперь я знаю, что значить любить и какъ я люблю васъ! Можетъ быть я желалъ бы даже быть равнодушнѣе, желалъ бы забыть свое горе, — но нѣтъ, оно слишкомъ близко въ сердцу, имъ все оно занято. Я плакалъ, читая

слова Вернера: „Богъ и мать, вотъ что должно ванивать меня“ и пр. Нѣтъ, Вернеръ не обманывалъ, говоря это. Я это чувствую по себѣ. Письмо, привезенное мужикомъ русскимъ съ посылкою—было послѣднее. Пять недѣль прошло,—и хотя бы кто строчку. Ни вы, ни братъ, ни Джунковский. Ужели я недостойнъ строчки? Одна только строчка вашей руки, маменька,—съ меня бы и ее довольно. Наконецъ, я прошу васъ на будущее время,—не пропускайте ни одной почты, хоть по нѣскольку строчекъ, пишите ко мнѣ, но пишите. Это не составитъ большого счета. Мнѣ не нужно харьковскихъ новостей и пр. мнѣ нужна вѣсть отъ васъ, о вашемъ здоровьи,—увѣреніе, что вы не забыли, не сердитесь на меня.

На прошлой почтѣ я писалъ письмо къ Еведкому, чтобы онъ увѣдомилъ меня. Можетъ быть у него лежатъ письма ко мнѣ. Но отвѣта черезъ почту ждать долго. Иванъ Тимоѣевичъ былъ такъ одобръ, что приказалъ снарядить дубъ, и завтра Романъ переправится на ту сторону, и поѣдетъ въ Екатеринославль. Послѣзавтра поутру я получу отвѣтъ. Ахъ, если бы онъ былъ съ письмами вашими! Нѣтъ, худо, худо на чужой сторонѣ, вдали отъ родныхъ, отъ родной матери, матери, которой обязанъ я всѣмъ, всѣмъ, даже чувствомъ любви къ ней! Это чувство невольное... нѣтъ, не доскажу.

Авось либо я буду счастливъ послѣ завтра. Авось, но если нѣтъ... что я долженъ подумать. Лечу въ Харьковъ. Сейчасъ только былъ у меня Иванъ Тимоѣевичъ Я ему сказалъ эту мысль свою, онъ согласенъ. Дѣло кончено. Еще почта—и я у васъ.

Прощайте, маменька, не забывайте вашего сына. И. С.

—

24.

Барваровка, 20 марта 1833 г.

Наконецъ, добрая маменька, наконецъ я успокоился. Третьяго дня я получилъ ваше письмо № 5 отъ 28-го февраля. Съ этою почтою надѣюсь получить и еще одно, а можетъ быть и два. Но, ради Бога, не оставляйте меня, маменька, безъ пи-

семъ вашихъ. Катерина Романовна говоритъ, что я былъ похожъ на больного во все время ожиданія,—и былъ какъ сумасшедшій, когда дождался. Я не помню, чтобы когда-нибудь былъ такъ восхищенъ, какъ получивши это письмо. Но я долженъ признаться, не получая такъ долго письма отъ васъ, я думалъ, былъ почти увѣренъ, что уже не увижусь съ вами никогда, что я уже сирота, жалкій, беззащитный сирота безъ родныхъ, безъ покрова, одинъ, какъ степная былинка.

Относительно статьи о Сквородѣ, сдѣлайте одолженіе прочтите ее внимательно, пораскритикуйте,—и только тогда отдайте Петрову, когда найдете ее достойною печати. Вѣдь она написана слишкомъ наскоро, не болѣе какъ въ два вечера.—Хоть и не будетъ извѣстно, кто сочинилъ, ее, но все лучше, если она не хороша, не печатать ее.

Знаете ли что, милая маменька? Мнѣ кажется—Петровъ не будетъ издавать Альманаха. Пусть братъ провѣдаетъ объ этомъ,—и если нѣтъ,—то лучше моей статьи и не отдавать ему, а то у меня черновой рукописи не осталось, а у него запропадетъ. Ее можно будетъ со временемъ исправить, и она будетъ похожа на что-нибудь дѣльное. Это самое меня заставляетъ не готовить и другихъ статей, которыя обѣщаны Петрову.....

—
25.

Варваровка. 29 мар. 1833 г.

.....Я еще кажется вамъ написалъ, что уже лакомился осетриной. Чудо рыба, если она свѣжая! Мѣсо бѣлое, жирное, питательное, хрящи какъ желе. Пробовалъ и икру—не понравилась, какъ и харьковская, я не нашелъ даже разницы; та же гадость. Но осетрина—чудо. До сихъ поръ поймано только 3 осетра, изъ коихъ одинъ—*кашница*, т. е. съ икрою. Кашница вѣсомъ 4½ пуда, въ томъ числѣ икры неочищенной 1 пудъ и 6 фун., а когда очистили вышло около 30 фун. Два осетра уже съѣдено (въ пять дней), а третій посоленъ, но и тотъ уже начать, ибо теперь по причинѣ холода ловли нѣтъ.

По Днѣпру только 6 помѣщиковъ имѣютъ осетриную ловлю... Когда кашницу рѣзали, Кат. Ром. призвала меня, при мнѣ вынимали икру, при мнѣ икру чистили, при мнѣ разрѣзывали осетра на куски и солили. Я теперь знаю это ремесло; если случится, то и на дѣлѣ покажу свое знаніе...

Такъ вамъ понравилась моя Скворода, или блинъ, что я спелъ на Сквородѣ! О коллегіумскихъ безпокоиться нечего, ибо моя фамилія не будетъ подписана; а притомъ на все есть цензура. Позволить—и дѣло, не позволить—и то дѣло. О Вернетѣ и о дамскомъ башмакѣ тоже думать нечего. Вернетъ самъ это рассказываетъ при всякомъ удобномъ случаѣ, то-есть рассказываетъ, ибо теперь онъ безъ просыпу пьетъ въ Водолагахъ у Дуниныхъ.

Петровъ говоритъ, что у него мало стиховъ. Дѣльно. Если успѣю, то перепису ему, что у меня есть, и по слѣдующей почтѣ пришлю къ вамъ, а вы передадите пану Петрову; потрудитесь, добрая моя мама!—Я что-то теперь веселъ—и самъ не знаю чего. Такъ или потому что съ завтраго гуляю—ажъ-ажъ-ажъ до проводного понедѣлка. Еге!..

—
26.

Варваровка. 1833, апрѣля 10-е.

Отправивши къ вамъ, милая маменька, прошлое письмо, я поѣхалъ гулять по Днѣпру на дубѣ, и доѣзжалъ до половины, т. е. до острова Голодайки, около версты отъ берега. Что за удовольствіе! Три рыбалки поютъ свои заунывные пѣсни, весла шеморятъ водою, мы летимъ. Я вспомнилъ, какъ мы прошлымъ лѣтомъ ѣздили по Лопани съ Іосифомъ Афанасьевичемъ и братомъ. Что если бы намъ поплавать вмѣстѣ по Днѣпру; мы бы заѣхали на Куной островъ, взошли бы на скалу и полюбовались бы видомъ Ненасытянца: этотъ островъ лежитъ у самаго порога, и съ него порогъ кажется настоящею горою. Увидѣли бы, какъ вода, облеченная мутной пѣной, вьется и переливается по двѣнадцати лавамъ или уступамъ скалъ Ненасытянскихъ... Чудесно!

Но вы вѣрно не поѣхали бы, маменька, вы бы побоялись великаго Днѣпра. Нѣтъ, онъ ничуть не страшенъ. Ѣдешь, какъ по маслу, легче нежели по Лопани. Разумѣется въ тихую погоду.—А въ бурю—это другое дѣло.

Какъ жить, а, если жить умѣючи, то въ здѣшнихъ мѣстахъ превесело. Напр. положимъ, что мы имѣемъ хуторокъ у самаго берега Днѣпровскаго; нашъ маленький, уютненькій, веселенькій, чистенькій домикъ стоитъ на склонѣ горы, подѣ сѣвнью гранитной скалы, окруженный дубовою,—здѣсь вблизи нѣсколько хатъ крестьянскихъ, тутъ мельница, здѣсь токъ, здѣсь садъ,—а тамъ пахатныя поля. Все такъ уютно, мирно. Братъ женатъ—на доброй женѣ,—у него дѣтки, подобныя милой моей *матине* ¹⁾; я ихъ учу,—вы съ невѣсткой занимаетесь хозяйствомъ. Братъ философствуетъ на поляхъ. Подлѣ насъ Иванъ Николаевичъ. Онъ тоже иногда учитъ своихъ племянниковъ и племянницъ. Тысячъ пятокъ доходу въ годъ,—и все хорошо. Иногда выѣзжаемъ въ Харьковъ, иногда въ Кіевъ,—и пр. и пр. Мы выписываемъ журналы, газеты; вечерами читаемъ; иногда пріѣзжаютъ сосѣди: тѣ для удовольствія, а тѣ для разнообразія. Я занимаюсь садомъ... Право не дурно... Но,—мечта,—и очень дурно.

Впрочемъ мнѣ жить изрядно и такъ. Только нѣтъ васъ, а это хуже всего. На другой годъ ни за что не соглашусь остаться: лучше меньше получать, да жить подлѣ васъ, вмѣстѣ съ вами,—вмѣстѣ и горе и радость. Надобно только добиться въ институтъ, если останемся въ Харьковѣ, ибо брату должно окончить курсъ, а тамъ поглядимъ. Можетъ быть, въ Москву, или куды ише.

До того времени мнѣ хочется приготовить себя какъ слѣдуетъ въ томъ и другомъ: во-первыхъ относительно познаній, а во-вторыхъ относительно литературной извѣстности. Иванъ Васильевичъ ²⁾ именно пишетъ, что дабы получить хорошее мѣсто въ Питерѣ, необходимо нужна эта извѣстность. Чѣмъ

¹⁾ Маленькая дочь Подольскихъ.

²⁾ Росковщенко—университетскій товарищъ И. И. Срезневскаго († 1889).

кто извѣстнѣе, тѣмъ тотъ принимается почетнѣе. Это меня заставляеть часть трудовъ своихъ удѣлять и на сочиненія и переводы, кои могли бы быть въ печати. Очень немудрено, что и въ Москвѣ такъ точно дѣется.

У насъ рыбная ловля, т. е. осетриная, что-то плоха, до сего времени поймано только 11 осетровъ. Едва ли этимъ и не кончится. Но вы еще не знаете, какъ ловятся осетры здѣсь, и потому я скажу объ этомъ нѣсколько словъ... Все орудіе называется *переметомъ* ¹⁾. Этими переметами застнавливается, какъ стѣнами, весь Днѣпръ. Когда осетры начинаютъ путь свой, то по необходимости должны встрѣтить сіи преграды на ономъ, и, испуганные, мгновенно поворачиваются назадъ, ляскають хвостомъ въ переметь и попадаютъ на крючья. Тогда начинаютъ они ёрзать туда и сюда, сомнуть весь переметь, т. е. каждый изъ нихъ по одиночкѣ сведеть *куи* ²⁾ одну къ другой. Рыбалки, это примѣтивши, бросаются къ тому мѣсту, встаскивають переметь на дубъ, а вмѣстѣ съ переметомъ и осетра, и т. д...

27.

Варваровка. 1833, апр. 17.

При семъ письмѣ прилагается послѣдній отрывокъ второй статьи для Украинскаго альманаха г. Петрова. Думаю, что мои статьи будутъ въ семъ альманахѣ не изъ послѣднихъ, по крайней мѣрѣ, по мѣстности. При случаѣ, если вы, малая маменька, увидите съ Петровымъ, скажите ему, что если ему угодно попросить у меня, то я могу дать ему нѣсколько отрывковъ стихотворныхъ переводовъ изъ трагедій Кальдерона. Я переводилъ для себя, и только ради скуки вмѣсто прозы стихами. Если онъ меня попроситъ, то могу поправить стихи и прислать къ нему ³⁾.

1) Здѣсь представленъ рисунокъ перемета.

2) При объясненіи рисунка перемета сказано, что кугами наз. большія палки, плавающія на водѣ, прикрѣпленныя къ концамъ перемета.

3) Напечатаны не были.

Мы получили наконецъ Телескопъ и Молву, которую выписали вмѣсто Сѣверной пчелы. Викторъ Гюго—извѣстiе для Юсифа Афанасьевича—издалъ новую трагедiю Лукреціа Борджіа. Не хвалать; хотя страшныхъ сценъ много. Въ Телескопѣ помѣщена прекрасная повѣсть Балзака, въ родѣ Женевры—*Дѣвѣ встричи*. Вы помните Женевру, маменька, бѣдную Женевру!—Елена, героиня сей новой повѣсти, не хуже Женевры. Достаньте Телескопъ и вѣрно прочтете со слезами. Только Еленѣ достанется навѣрно отъ васъ. Какъ смѣла, какъ рѣшилась? И что за великодушiе? и пр..

—
28.

Варваровка. 1833, апр. 27.

Вчерашній день полонъ происшествiями, та chère maman; но вы знаете, что значитъ день степной, исполненный происшествiями! Не много болѣе ничего. Вихрь, прiѣздъ засѣдателя и наконецъ разношiива, знаменитаго въ здѣшнемъ краю Куприановича. Такой день долженъ конечно почестъся эпохою въ здѣшнихъ мѣстахъ.

Но какой вихрь! Часа въ два пополудни показалось на противоположномъ берегу Днѣпра сизовато-пыльное облако. Пороги примолкли. Вѣтеръ завылъ,—и облако понеслось съ быстротою молніи поперекъ Днѣпра, будто великанъ Юптагеймскiй; идетъ по вздымающимся волнамъ, и давить волны могучей пятой своей, и вотъ ближе, ближе, и рассыпалось въ дребезги, ступивши на нашъ берегъ,—взрываетъ крыши съ хатъ, хлещетъ снопами соломы, свиститъ песчанымъ дождемъ, и рвется, и крутится. Невозможно было выйти надворъ, не жалѣя потерять глазъ. Стулья, стоявшіе на балконѣ моемъ, извоили въ это время танцовать мазурку и потомъ окончили променадомъ вдоль всего балкона. Я хотѣлъ было сначала восхищаться свирѣпой картиной природы, но, когда увидѣлъ пляску стульевъ, столь чудную, столь сходную съ адской пляской духовъ, то не могъ не расхохотаться,—высочилъ на балконъ, привязалъ паруса къ плясовщикамъ и, вбѣжавши опять въ комнату, долго любовался этимъ неви(да)ннымъ хороводомъ.

Пріѣздъ засѣдателя былъ еще многообразнѣе. День, день, динь! И вотъ показалось два передовыхъ казака,—ждемъ.—Катерина Романовна сидѣла въ это время у меня на балконѣ. Появляется бричка съ колокольчикомъ, запряженная тремя вляченками,—и въ бричкѣ, жидовскаго покроя двѣ жидовскихъ фізіономіи, со впалыми, непрерывно кружащимися глазами, съ усами, съ горбатыми носами, въ халатахъ.

Они пріѣхали производить слѣдствіе по дѣлу арестанта, котораго тому назадъ недѣли двѣ Иванъ Тимоѣевичъ отправилъ въ судъ, поймавши въ своей деревнѣ. Катерина Романовна приняла засѣдателя; и онъ тотчасъ послалъ *своего писаря* производить слѣдствіе на деревню, и первое дѣло къ отцу этого арестанта, который принадлежитъ Ив. Тим. Послѣ обѣда Ив. Тим. замѣтилъ это засѣдателю. Тотъ убѣждалъ скорѣе къ своему писарю. Надобно знать, что засѣдатель обличенъ уже во взяткахъ: на него поданы жалобы. Передъ вечеромъ я съ Митей пошелъ въ деревню, гдѣ производилось слѣдствіе. Засталъ конецъ присяги, послѣ которой попъ подошелъ ко мнѣ... Между тѣмъ писарь началъ разспросы. Я замѣтилъ, что это не его дѣло, а засѣдателя. Онъ продолжаетъ. Это меня взбѣсило; особенно, когда начались разспросы о доказательствахъ. Я опять замѣтилъ, что у мужиковъ по разспросу доказательствъ не требуютъ, какъ слѣдуетъ по законамъ Николая. При томъ же разспросы не у мѣста. Они должны предшествовать присягѣ. Замѣтилъ ему и довольно дерзко, что все ихъ слѣдствіе не по закону, что, если они желаютъ, докажу въ судѣ. Видно, что оба они получили уже порядочную хабару отъ отца арестанта. Они передрогли, перекраснѣлись и переблѣднѣлись, когда сказалъ имъ, что не хотятъ ли они новаго доноса на себя, давая знать, что, по закону Николая, долгъ cadaго гражданина давать правительству знать о безчинствахъ, столь обыкновенныхъ при слѣдствіяхъ. Засѣдатель замѣтилъ мнѣ, что при разспросахъ никто не имѣетъ права вмѣшиваться. Я отвѣчаю, что разспросы писаря не суть разспросы, etc. Этимъ кончилась наша перепалка, которая произвела порядочную тревогу въ сердцахъ грѣшниковъ. Но что

болѣе всего ихъ изумило, то это то, что я сказалъ имъ, что они противно законамъ производятъ слѣдствіе, не давши знать помѣщику, не получивши отъ него отзыва. Отзывъ былъ между тѣмъ мною приготовленъ и такой отзывъ... Но что распространяться вдаль? Окончилось тѣмъ, что они передо мной распаркались при прощаньи, а я *du haute de ma grandeur* кивнулъ имъ головою. Катерина Романовна—моя защитница: она говоритъ, что и сама тоже самое сдѣлала бы на моемъ мѣстѣ, Ив. Тим. также. Итакъ, засѣдателю носъ. Хорошо еще, что этимъ кончилось; а если бы меня не уговорилъ Ив. Тим. кончить ничѣмъ, то непременно съ сею же почтою полетѣла бы бумажка къ губернатору на имя Евецкаго. Я бы сдѣлалъ маленькое благодаріе всему дворянству Павлоградскаго уѣзда.

Я увѣренъ, что вы не похвалите меня за горячность. Но я защитилъ бѣдныхъ мужиковъ. Ив. Тим. не имѣетъ въ семъ случаѣ права защищать ихъ. И деньги, которыми бы они навѣрно приплатились порядочно за свое незнаніе законовъ, остались въ ихъ карманахъ. Во время нашей перепалки мужики стояли за меня и говорили мнѣ, когда я защищалъ ихъ, какъ адвокатъ съ боку припеку:—„Да, да, батюшка, правда твоя, чѣмъ мы докажемъ? Мы люди неграмотные“...

—
29.

Варваровка. 3 мая 1833.

Новая боязнь, новое безпокойство, новая мука, добрая моя маменька! Представьте себя на моемъ мѣстѣ, и тогда сознаетесь, что какъ ни хорошо мнѣ жить здѣсь, а все худо. О, если бы я могъ, но не дай, Боже, мнѣ испытывать это, если бъ я могъ жить самъ собою безъ всякой привязанности, безъ всякаго чувства въ сердцѣ, кромѣ чувства гнуснаго себялюбія, безъ всякихъ привязанностей, кромѣ одной презрѣнной привязанности къ суетѣ своихъ личныхъ выгодъ,—тогда бы, можетъ быть, я жилъ бы счастливо въ степи Варваровской. Принять, какъ родной, какъ семьянинъ, имѣю все нужное, могу удовлетворять даже нѣкото-

рымъ прихотямъ своимъ, не нуждаюсь ни мало во времени для занятій науками. Чего бы болѣе? Но я былъ въ тысячу кратъ счастливѣе, не получавши 3000 руб., живши подъ однимъ кровомъ съ вами. И радость, и горе, все было для меня тогда радѣлимо, все общее. Не за кого было опасаться, не за кого грустить, не по комъ жалѣть. А деньги, могутъ ли онѣ удовлетворить всѣмъ потребностямъ нашимъ? Лишь бы довольство: избытокъ портить людей. Не такъ ли? Если бы я могъ остаться здѣсь и на другой годъ, то не увѣренъ, такъ ли же остался бы привязанъ къ вамъ, не охладѣлъ ли бы я къ родственному счастью. Нѣтъ, маменька! Выгода остаться, несравненно менѣе выгоды не оставаться. Думаю, что переѣздъ мой въ Харьковъ рѣшителенъ. Хотя пожаръ и не совсѣмъ большое горе, по крайней мѣрѣ не несчастіе, однако за нимъ можетъ послѣдовать ваша болѣзнь. Это уже для меня настоящее горе... Ахъ, дай Богъ, чтобы слѣдующее письмо ваше меня разувѣрило въ моей боязни! Жду, не дождусь послѣзавтрашняго дня. Въ Троицу поговоримъ, какъ расположиться, и увидимъ.—Здѣсь я окончилъ свои работы. Для самого себя относительно Запорожья узналъ и досталъ все, что можно было. Катерина Романовна вѣрно будетъ довольна мною, ибо дѣти прошли столько, сколько и въ три года въ пансіонѣ не выучили. 1500 руб. останется въ карманѣ у насъ. Я выѣду изъ Варваровки съ познаніемъ порядочнымъ двухъ языковъ: испанскаго и англійскаго, которыми теперь занимаюсь каждодневно, и по немногу успѣваю. Время не потеряно, смѣло скажу. Теперь и въ Харьковъ. Если бы въ Грузію или Москву и съ вами, о, это другое дѣло! Но здѣсь мнѣ незачѣмъ оставаться... Итакъ, у васъ Петровъ бываетъ частенько. Вѣрно, простой человѣкъ. Кстати, надобно въ Троицу познакомиться мнѣ съ Гр. Оед. Квиткой. Такъ? Рылся, рылся въ бумагахъ,—такъ нѣтъ. Представьте себѣ, маменька, почти окончилъ снимокъ портрета Сквороды и чрезвычайно удачно, куда то положилъ вмѣстѣ съ подлинникомъ, недѣли двѣ тому принялся искать и все ищу, и Богъ знаетъ, гдѣ. Такъ совѣстно противу Петрова. Хотѣлось бы услужить доброму человѣку, хотъ подлинникъ прислать,—ну на

бѣду рѣшительно не приберу памяти. Цѣлый вечеръ сегодня про-
рылся, перерылъ и книги, и тетради и нигдѣ нѣтъ. Однако буду
рыться. Желалъ бы, чтобы Петровъ не отсылалъ Альманаха въ
цензуру до Троицы. Хочется поправить свои статьи хоть въ
слогѣ. Писаны слишкомъ наскоро. Для альманаха, конечно,
годятся, но, если Петровъ приложитъ портретъ Сквороды, то
вѣдь статья моя будетъ на виду, — и потому обратитъ поне-
воль на себя вниманіе. Относительно портрета — можно взять
его у Ирины Григорьевны. Она вѣрно не откажетъ. — Къ прїѣзду
въ Харьковъ отлагаю исполненіе обѣщанія дать Петрову стиховъ.
Онъ вѣрно не поспѣшитъ съ альманахомъ, прочетши въ Сѣверной
Пчелѣ, Молвѣ и Телескопѣ критики на Альціону и Комету Белы.

Брату поклонъ. Іосифу Смирянину ¹⁾ — тоже.

Прощайте, милая маменька!

—
30.

Варваровка. іюня 14. 1833.

Боже мой, какія у насъ жары — рѣшительно нестерпимыя!
Въ продолженіи цѣлаго дня такъ и вянешь, — радуешься, когда
приближается вечеръ, надѣнешься на одинъ вечеръ. Въ комнатѣ
спать ночью душно. Но если бы вся бѣда была только въ
этомъ; въ Таганрогѣ платять за пудъ муки 4 рубля, — за пудъ
сѣна 2 р. 50 к. Какъ покажется это вамъ?... Ив. Тим. получилъ
въ Новомосковскѣ рукопись мою изъ цензуры и распечаталъ; и ра-
спустилъ слухъ по Новомосковску, что я печатаю Запорожскую ста-
рину. Это обрадовало одного протопопа, который рванулся писать къ
архіерею, охотнику до этой старины самому страстному. ²⁾ Мы съ
Иваномъ Тимоѣевичемъ поѣдемъ въ Екатеринославъ и познако-
мимся съ нимъ. Ив. Тим. доставитъ мнѣ болѣе 20 подписчиковъ, Кат.
Ром. также нѣсколько. Иваненко³⁾ обѣщаетъ около 50-ти. Я думаю,
сыщу помощію архіерея въ Екатеринославлѣ. Все дѣло въ биле-

¹⁾ І. А. Джунковскій.

²⁾ Гавріиль Розановъ (съ 1828 по 1837 г.), архіепископъ екате-
ринославскій.

тахъ; вотъ почему и прошу васъ, маменька, попросить Петрова похлопотать о напечатаніи оныхъ по приложенной здѣсь формѣ. Братъ потрудится, переписать эту форму на особомъ полулистикѣ почтовой бумаги, какъ это письмо. На первый разъ достаточно напечатать 100 билетовъ, а для сего нужно купить десть почтовой бумаги Полторацкаго, маленькаго формата въ полулистикъ. Тамъ 96 полулистковъ, слѣдовательно не достаётъ 4-хъ пол. Это хоть и на другой бумагѣ, или привузить. Десть 2 руб. печат.—рублей 8. Да похлопочетъ Иванъ Матвѣевичъ испросить у полицей-мейстера или губернатора позволеніе на напечатаніе и въ типографіи заставить напечатать почище и покрасивѣе. На вкусъ его можно положиться. Это все сдѣлаете дня въ три. И потому я васъ прошу, маменька, по слѣдующей почтѣ и прислать мнѣ 50 экзempl. билета въ посылкѣ. А 50 останется у васъ. Имя мое подписать подъ мою руку и печать приложить на нихъ можетъ братъ. Можетъ быть, Петровъ и здѣсь что-нибудь сдѣлаетъ, или Григорій Ѳедоровичъ, къ которому прилагаю письмо здѣсь; Иванъ Матвѣевичъ постарается доставить ему. По отпечатаніи билетовъ прошу брата отнести рукопись къ ректору, а потомъ въ типографію—и печатать. А между тѣмъ я буду собирать подписчиковъ. 20 есть вѣрныхъ, слѣдовательно платежъ въ типографію вѣренъ. Если и потребуютъ впередъ рублей до 100, то, маменька, не откажите дать. Каждый корректурный листъ 1-й будетъ, надѣюсь, разсматривать братъ, 2-й—Джунковскій, Петровъ, и если, захочетъ, Ъвитка, а 3-й прошу васъ, добрая маменька, присылать ко мнѣ по почтѣ... Хочется, чтобы правильно было напечатано. Печатать 300 экзempl. новымъ цицero, т. е. такими буквами, какъ Цыхова диссертация, въ малую 8-у. Петровъ похлопочетъ сдѣлать изданіе красивѣе. На веленовой печатать 20 экзemplаровъ. Сдѣлай одолженіе, братъ, сдѣлай тетрадку, и веди счетъ издержкамъ всѣмъ до мелочи самый аккуратный. Это изданіе мнѣ, вѣрно, не принесетъ убытку. Прощайте, милая маменька! Поклонъ Іосифу Афанасьевичу.

Не забудь, братъ, что надобно попросить отлить отдѣльную букву ѣ, а то смотри вмѣсто ѣ употреблять франц. é; а другую букву і: такая, кажется, есть. Гдѣ у меня удареніе, смотри, приказывай ставить и въ печати вездѣ. Если хорошо попросишь, то хорошо и сдѣлаютъ.

—
31.

21 іюня 1833 года. Варваровка.

...Ночи у насъ очень прохладны, такъ что я вчера и не рѣшился лечь на дворѣ, а спать въ комнатѣ у раствореннаго окна; и тутъ было холодно. А дни, особенно отъ 11 до 6,—ужасно жарки. И между тѣмъ вѣтеръ почти не перестаетъ,—и какой вѣтеръ! Нашъ степной, крикливый... Дни за три былъ такой ураганъ, какого до сихъ поръ не видѣлъ: людей, шедшихъ по улицамъ въ деревнѣ, чуть-чуть не валяло съ ногъ. Днябрь почти весь вспѣнился. Не только противнаго берега, но половины рѣки не было вовсе видно, а другая половина изъ-подъ красноватаго дыма урагана едва была замѣтна...

Васъ, маменька, я буду просить, чтобы вы, если будетъ у васъ Петровъ, попросили бы его похлопотать относительно Запорожской старины. Мнѣ бы хотѣлось первую книжку отпечатать къ приѣзду Уварова. Петровъ сдѣлалъ бы мнѣ великую милость, если бы потрудился объявить, сообразно билету, о семъ изданіи въ Молвѣ и Сѣверной пчелѣ, и написалъ бы, что желающіе выписать могутъ адресовать съ приложеніемъ денегъ на мое имя въ Харьковъ. Самому этого не хочется дѣлать. Можетъ быть также онъ можетъ что-нибудь сдѣлать относительно подписчиковъ въ Харьковѣ. Гр. Фед. Кв. буду просить лично по приѣздѣ.—Если Богъ поможетъ, то это изданіе можетъ принести мнѣ рублей до 1000. Кажется, что оно будетъ принято благосклонно. Теперь занимаюсь приготовленіемъ 2-й книжки. На этой недѣлѣ кончу—и тамъ займусь переписью лѣтописи, которую досталъ въ Новомосковскѣ. Напишу къ оной примѣчанія

и если успѣю, то вручу ее Уварову. По вечерамъ работаю для журнала. ¹⁾

Покорный сынъ и братъ Из. Ср.

—

32.

Варваровка. 29 іюня.

...Вчера я докончилъ перепись второй книжки Запорожской старины, пересмотрю, поправлю, что слѣдуетъ, прибавлю, и по слѣд. почтѣ отправлю въ цензуру. Эта книжка будетъ, кажется, довольно любопытна для многихъ. Всѣ три книжки будутъ стоить мнѣ, по большей мѣрѣ, 600 рублей: за напечатаніе, пересылку и пр. Билеты, кои останутся у васъ, означьте отъ № 51 до 100. Можетъ быть, братъ продастъ нѣсколько билетовъ студентамъ,— Іосифъ Афанасьевичъ раздастъ билета 3, а если постарается то, можетъ быть, и болѣе. Петровъ также. Приѣхавши въ Харьковъ, буду стараться самъ у Робуша, Рейпольскаго, Борзенка. Если разойдутся всѣ 100 б., то я въ барышахъ 400 руб. ас., а потомъ по подпискѣ и еще можно набрать. Я отправлю 5 билет. къ Росковшенкѣ, 5 къ Венелину, 5 къ Шпигоцкому. Лишь бы положить хорошее начало, а то пойдетъ дѣло на ладъ. Авось либо Богъ поможетъ! Лишь бы вы, маменька, были здоровы, а то все пойдетъ на ладъ. Еще мѣсяць, и я къ вамъ въ Харьковъ...

Изм. Ср.

—

33.

Варваровка. 29 іюня.

...Вчера былъ такой жаркій день, что я не зналъ куда дѣваться—я думаю, что градусовъ до 25 доходило, если не болѣе. Ночи, напротивъ, здѣсь холодны. Можетъ быть вы не посовѣтывали бы мнѣ спать на балконѣ, но въ комнатѣ право невозможно:

¹⁾ Затѣяннаго И. М. Петровымъ.

духота нестерпимая. Я сплю на своемъ балконѣ; подо мной снятъ Катерина Романовна и Иванъ Тимошеевичъ. Съ вечера мы обыкновенно разговариваемъ то про звѣзды,—и я изъясняю Лапласа, какво?—то про Огненную землю, Америку и пр. до безконечности. Наконецъ мнѣ наскучаетъ болтать, я смолкаю, начинаю дремать,—и сквозь дремоту слышу: послушайте, Исмаиль Ив...—вишь, ужъ спать!—И я засыпаю такъ сладко, такъ пріятно, что и вставать бы не хотѣлось.

Сегодня просыпаюсь—день сѣрый, тучи ходятъ по небу, солнце будто пузырь, наполненный газомъ, и вѣтрикъ (это слово у насъ сдѣлалось техническимъ). Къ полудню дождь, проливной—и шуметь и гуде. Продолжался часовъ 5. Громовой ударъ былъ такъ силенъ, что у меня въ ухѣ зазвенѣло и голова покачнулась на бокъ... Мы въ это время сидѣли за столомъ. Къ вечеру все стихло, погода прояснилась, и я съ дѣтьми ходилъ купаться... По берегамъ Днѣпра превращеніе: тамъ появились овраги, тамъ нанесло кучи камней, здѣсь отмели... Рѣка—какъ стекло, и солнце переложило пурпуро-огненную дорогу поперекъ Днѣпра. Вы не видали, маменька, этой картины,—вы бы залюбовались!

Днѣпръ ужасно упалъ, по крайней мѣрѣ аршина на 2, и весь усѣялся камнями, высунувшимися изъ-подъ воды. Это тоже картина оригинальная...

Юля 5-е. Варваровка.

...Мѣсяца два или три Ив. Тим. нанялъ жида лекаря для своей деревни. Вчера пріѣхалъ онъ изъ Чаплей, села гр. Воронцова, и между прочими новостями привезъ слѣдующія.

1. Есть въ Екатеринославѣ жидовка Мовка, столѣшница, богатая, злая жидовка. Былъ базаръ. 9 часовъ утра. Мовка захворала, Мовка не пошла на базаръ со своими кошельками. По базару долго ходилъ какой-то лакей какого-то помѣщика, спрашивалъ про Мовку, говоря, что баринъ послалъ его раз-

мѣнять деньги; и Мовки не сыскалъ, и пошелъ къ Мовкѣ въ домъ. „Я теперича хора и не пиду,—отвѣчала жидовка.—Завтричка по ютру выбизу на базарь и винису деньги. Сколько? 500 руб. треба твоему барину? Добре, вивису.—Лакей ушелъ, и на слѣдующее утро вышелъ на базарь,—явилась и Мовка, и съ Мовкой они пошли къ барину. Къ полудню Мовку нашли подлѣ пристани въ грязи съ перерѣзаннымъ горломъ. Каково? Смертубійство днемъ.

2. Жила была въ Полтавской губерніи гдѣ-то въ хуторѣ, вѣдьма Тройчиха. Страшная вѣдьма. Всѣ окрестные жители боялись ее болѣе, нежели гнѣва небеснаго. Наконецъ, она умираетъ—мѣсяца четыре тому назадъ. Много народу собралось на ея похороны,—и вотъ было ея завѣщаніе: нинѣшнее лѣто не будетъ дождей. Я подрѣзала по нѣскольку перьевъ у всѣхъ пѣтуховъ Бѣлаго царства.—И умерла страшная Тройчиха. Сыскалась другая вѣдьма Горчиха, вѣроятно изъ добрыхъ: она посовѣтывала народу вырывать у пѣтуховъ обрѣзанные перья и спокойно ожидать дождя.—Глаголютъ, что предсказанія обѣихъ вѣдьмъ исполняются: у всѣхъ пѣтуховъ подрѣзаны въ крыльяхъ перья—и нѣтъ дождя. Помѣщики раздають приказы вырывать эти перья—и начинаются ливные дожди. Тоже и въ Варваровкѣ, вѣроятно, будетъ!!!

Къ сей двойцѣ еще одна. Около острова Токмаковки, на Днѣпрѣ, есть вазенное село Токмаковка. Недавно, съ мѣсяцъ, тамъ жило одно бѣдное семейство, въ бѣдной хатѣ,—и въ одну ночь все перемерло. Народъ испугался, подумалъ, что чума, и далъ знать суду. Судъ явился и заложилъ хату. Прошло нѣсколько времени,—начали замѣчать, что по ночамъ въ той хатѣ свѣтится огонь. Странно! И между тѣмъ каждую ночь и всю ночь тоже и одно! Народъ собрался въ громаду и началъ разсуждать. Наконецъ явился нищій, ко-ему сдѣлали предложеніе провести ночь въ той хатѣ. За кусокъ хлѣба нищій согласился и пошелъ въ хату, и легъ подъ лавку, и самымъ спокойнымъ сномъ сытаго человѣка заснулъ подъ лавкой. Ночью крикнулъ, лупнулъ глазами,—глядь:—на столѣ свѣча, за столомъ три старика съ длинными сѣдыми бо-

родами, со страшными взглядами, облокотившись разговариваютъ такъ между собою:—одинъ говоритъ: Грѣшати нечестивцы! Пора кару послати!—Другой говоритъ: Грѣшати нечестивцы! И халандра не усмирила. Надобно морь, чуму!—Третій говоритъ: Грѣшати нечестивцы! Надобно голодь, язву. Пусть пропадетъ весь ихъ скоть и отары; пусть согниеть и сгоритъ все ихъ имущество! И потомъ гибель и смерть, ужасная голодная смерть.

— А ты, чего здѣсь?—обратились они къ нищему, лежавшему подъ лавкой.—Ты слушалъ? Хорошо. Ты выслушалъ, иди и повѣдай нечестивцамъ, да смирятся, иначе—кара небесъ, гибель.

— Но мнѣ не повѣрятъ, панове. Меня посадятъ въ тюрьму, все тѣло мое избороздятъ вѣнцомъ, и безъ голода изморятъ голодомъ, и безъ мора предадутъ поносной смерти.

— Тебѣ не повѣрятъ! Пусть такъ! Надобно сжалиться надъ нечестивцами. Сложи наврестъ руки. Вотъ знакъ нашъ—тебѣ повѣрятъ.

Нищій скрестилъ свои костлявыя руки—и руки приросли къ плечамъ, и онъ вышелъ, самъ не зная какъ, изъ хижины, и ходить, и поучаетъ. Къ хатѣ никто не смѣетъ прикоснуться...

—
35.

Среда 11 числа іюля 1833.

...Вотъ и еще одно сказаніе подъ стать къ прежнимъ: Три бабы, три старыхъ дряхлыхъ бабы шли изъ Воронежа, гдѣ поклонялись св. Митрофану, и завернули въ Кіевъ. Св. Митрофанъ не сподобилъ ихъ причаститься св. Таинъ въ храмѣ своемъ, и потому они отправились на поклоненіе старымъ угодникамъ. И вотъ они уже перешли черезъ Днѣпръ, и вотъ приготовляются идти на гору Кіевскую, какъ вдругъ у одной изъ поклонницъ подкосились ноги, и она по колѣна загрузла въ землю. „Часъ смерти моей приближается. Идите, бабушки, къ отцу Иллариону и скажите ему, чтобы меня пришелъ исповѣдать. Я кающаяся грѣшница“.—Отецъ Илларионъ поспѣшно взялъ св. врестъ и от

правился подъ гору, прочель молитву надъ умирающей и началъ исповѣдывать. „Каюсь“, говорила старуха, „три грѣха, три тяжкихъ грѣха лежитъ на сердцѣ моемъ. Помолись обо мнѣ св. угодникамъ Христовымъ. Я убила своего свекра, заморила голодомъ свекровь, отравила ядомъ мужа. Господи помилуй!“— И, сказавши это, погрузилась въ землю по грудь. „Охъ, отецъ Илларионъ! Есть еще на душѣ моей и еще одинъ грѣхъ.—Говори какой!—Есть еще грѣхъ.—Что же, кайся!—Есть еще грѣхъ, но я не признаюсь въ немъ ни самому Спасителю“. Страшно захотала, ее обхватили корчи—и она вся исчезла подъ землей...

—

36.

Барваровка. 17 іюля.

Не знаю, послѣднее ли или предпослѣднее письмо пишу въ вамъ, милая маменька, но, кажется, черезъ двѣ недѣли и много черезъ три, буду у васъ. Дай Богъ скорѣе. Съ нетерпѣніемъ жду счастливой минуты, когда васъ увижу. Право, мнѣ ужъ наскучило жить въ степи, и очень радъ, что не останусь на слѣдующій годъ, который, какъ можно заключить по неурожаямъ, будетъ здѣсь ужасенъ. Мѣсяць пройдетъ, и у мужиковъ уже ничего не останется хлѣба: весь будетъ стѣденъ; одна надежда остается на гречу и просо. Пока онѣ обѣщаютъ изрядный урожай,—но Богъ вѣсть.

Говорятъ, что гдѣ-то около Кіева или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ явился какой-то пророкъ, который предсказываетъ голодъ и моръ. Конечно, это побасенка; но безъ несчастій не обойдется, особливо здѣсь въ Новороссіи, гдѣ народъ такъ лѣнивъ, безпеченъ.

Сегодня пріѣзжалъ чиновникъ изъ суда съ запросомъ, можетъ ли Ив. Тим. прокормить своихъ крестьянъ,—и съ приглашеніемъ пожаловать на сеймъ уѣздный, на которомъ будутъ совѣтоваться, какія предпринять мѣры для предупрежденія готовящагося бѣдствія. Наши благочестивые помѣщики умѣютъ пользоваться

случаемъ: Синельниковъ продаетъ своимъ мужикамъ хлѣбъ по 25 руб. за четверть; какая милосердная цѣна. Бразель—по 700 руб. стога сѣна, а иногда и по 1000...

Ожидая скорого прїѣзда въ Харьковъ, я что-то плохо работаю. Только что читаю. Займусь ужъ въ Харьковѣ.

Если братъ рукописи не относилъ къ ректору, то и не нужно. Я самъ, прїѣхавъ, отнесу. Думаю бывать у Кроненберга почаще на всякій случай. Впрочемъ черезъ годъ, если Богъ дастъ, въ Питеръ. Пора служить,—и, кажется, по статской службѣ. Лишь бы получить мѣстечко съ хорошимъ жалованьемъ; съ меня и довольно. Я чиновъ не ищу,—ибо не смогу съ ними управиться. А получивши мѣстечко,—я дойду до чего хочется дойти: вѣрю, что все къ лучшему, вѣрю, что и мое отъ меня не ускользнетъ. Безъ сомнѣнія, не безъ трудовъ,—и не скоро,—да все, Богъ дастъ, дойду—и еще прежде доѣду до Харькова, съ мечтой о чемъ ложусь сію минуту въ постель, желая и вамъ покойной ночи и прїятнаго сна. Недавно я во снѣ былъ въ Парижѣ; какъ тамъ гадво!

Adieu, маменька! Изъ Срезневскій.

—

37.

30 іюня 1839. Второго 35 минутъ. Солуницовка.

Вамъ, милая маменька, конечно памятно это имя: не разъ случалось покупать вамъ ягоды у дивчатъ изъ Солуницовки. Въ ней то мы остановились теперь, отѣхавши уже 12 верстъ отъ Харькова. Что заставило, спросите вы? Погода, маменька, т. е. непогода. Дорога идетъ все песками, ѣхали шагомъ, а между тѣмъ сначала ревъль вѣтеръ, потомъ свиснулъ и дождь; извозчикъ же нашъ, Петро, что-то въ родѣ Байрона; все это вмѣстѣ могло наконецъ заставить насъ обрадоваться возможности остановиться хоть немного отдохнуть. И вотъ мы отдыхаемъ въ домикѣ добраго и ласковаго Кирилла Михайловича Шевченка, который пообѣщалъ мнѣ передать вамъ эту записку. Онъ ѣдетъ

въ Харьковѣ. Примите его, маменька, ласково, поблагодарите за гостепрѣимство... Мнѣ очень радостно, что могу увѣдомить о себѣ черезъ нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда изъ Харькова, тѣмъ болѣе, что этотъ отъѣздъ былъ такъ поспѣшенъ, что я и до сихъ поръ не могу опомниться, не могу вполнѣ вѣрить, во свѣ или наяву пишу я эту записку...

—
38.

Суббота 1-го іюля. Ахтырка.

...Опять здравствуйте, маменька, и простите, что только теперь, въ 11-мъ часу утра принимаюсь за перо. Вы согласитесь, что прежде нельзя было, когда прочтете, какъ прошло наше время послѣ выѣзда изъ Богодухова. Вотъ какъ прошло оно.— Въ половинѣ 4-го часа вчера мы пріехали въ Купѣваху, и только успѣли отдать прогоны, какъ и опять на телѣгу. Въ половинѣ 6-го мы были уже въ Ахтыркѣ. Въ два часа мы промчались 28 верстъ: нельзя было не устать. Къ счастью, въ Ахтыркѣ насъ ждали и сдѣлали все, чтобы дать намъ покой. Впрочемъ, мы могли имъ воспользоваться уже довольно поздно. Сначала напились чаю, одѣлись и пошли гулять по городу; потомъ, воротившись домой, отправились къ старику Чудновскому, о. Іоанну, знакомиться, говорили, ужинали. О. Іоаннъ и его дочь дѣвица приняли насъ такъ же, какъ и сынъ, радушно, ласково. Въ одиннадцать легли на мягкія постели и заснули богатырскимъ сномъ. Въ 8 встали, пошли приложиться къ иконѣ Божіей Матери, воротились пить чай,—и за всѣмъ этимъ прошло два часа. Теперь я остался одинъ и принялся писать.

Что же вамъ сказать объ Ахтыркѣ?—Миленькій городъ, украшенный во всю свою длину (семи верстъ) двѣнадцатью церквами, весь въ садахъ. Есть хорошенькіе домики, есть прекрасная площадь, довольно порядочный гостинный дворъ и т. д. Всего прекраснѣе соборъ Покрова, въ которомъ и икона. Соборъ въ самомъ дѣлѣ прекрасный, величественный: та-

кого храма въ Харьковѣ нѣтъ. Снаружи нельзя не любоваться его куполомъ съ главою въ 14 аршинъ вышины, спереди и сзади котораго два фонаря съ такими же главами (такъ что весь онъ похожъ на трехмачтовый корабль). Нельзя не любоваться его колокольнею легкой, изящной архитектуры. Въ одномъ дворѣ съ соборомъ и колокольней и Чернышевская церковь, маленькая, но прекраснаго фасада. Самый дворъ прекрасенъ, очень великъ, поросъ травою и деревьями и обнесенъ огромною рѣшеткой.

Все это вновь выбѣлено, выкрашено. Внутри соборъ также великолѣпенъ и есть роскошныя вещи. Иконостасъ бѣлый съ серебромъ и золотомъ. Престолъ въ главномъ алтарѣ литой, серебряный, огромный. Видѣли и евангеліе въ богатой серебряной оправѣ, длиной съ аршинъ, и столъ тяжелое, что любому силачу трудно поднять его, а я могу только приподнять со стороны. Образъ Божіей Матери Ахтырской невеликъ (длиною вершковъ 7, шириною около 6), но чего на немъ нѣтъ! Между сотнями брилліантовъ, есть и такой, который самъ по себѣ стоитъ 10.000 рублей. Я надѣюсь все это видѣть опять и подробно описать вамъ. Видъ съ колокольни изумителенъ по прелести...

—
39.

2-го іюля 1839. Ахтырка.

...Уже двѣнадцать часовъ ночи. Еще день прошелъ въ Ахтыркѣ,—и этотъ день прошелъ такъ, какъ рѣдко, рѣдко проходить онъ у меня въ Харьковѣ¹⁾. Досталось и ѣсть и пить черезъ мѣру. Впрочемъ, надобно вамъ рассказать прежде, какъ провелъ я и вчерашнее послѣ обѣда, а потомъ уже перейти къ нынѣшнему дню. Вчерашнее послѣобѣда прошло то въ ожиданіи, то въ слушаніи всенощной. Въ 5-мъ часу пріѣхалъ Преосвященный Мелетій; въ 8 часовъ началось служеніе и продол-

1) 2 іюля исполнилось 100 лѣтъ со времени явленія чудотворной Ахтырской иконы Божіей Матери.

жалось до половины одиннадцатаго. Соборъ великолѣпно былъ освѣщенъ, и весь полонъ народомъ, полонъ былъ даже дворъ церковный, даже и за оградой толпами разсѣянъ былъ народъ. Вечеромъ была иллюминація и вокругъ собора. Стеченіе народа удивительное для меня и для Ахтырки, и между тѣмъ до поздней ночи съѣзжались и сходились кучи отовсюду.—Квартиру было такъ трудно достать, что въ лучшихъ мѣстахъ города платили въ сутки по 25 и даже до 100 рублей. Сегодня церемонія началась разомъ въ двухъ церквахъ: въ Покровскомъ соборѣ архіерей облачился и вышелъ на встрѣчу крестнаго хода, между тѣмъ какъ архимандритъ повелъ этотъ крестный ходъ изъ Успенской церкви. На площади неподалеку отъ собора процессіи соединились, и подъ зеленью срубленныхъ деревьевъ происходило водоосвященіе. Потомъ началась обѣдн. — Тѣснота и давка въ соборѣ была страшная. Не только прочему духовенству, но даже и архіерею трудно было найти мѣсто для прохода. Шляпокъ, чепчиковъ разнаго покроя и цвѣта и старинныхъ и модныхъ была цѣлая безконечность. Простого народа и вовсе не пускали въ церковь. Изъ знати надобно вспомнить губернатора и предводителя. Изъ знакомыхъ харьковскихъ я видѣлъ Громова, Филомофицкую, Ромашевыхъ, Абазину и т. д. Обѣдня началась въ 11-ть и кончилась въ три часа—молебномъ и крестнымъ ходомъ вокругъ церкви. Еще прежде обѣдни получилъ билетъ на обѣдъ, который ахтырское дворянство вздумало дать по этому случаю, и ѣздилъ благодарить предводителя Ахтырскаго. Въ обѣдню я получилъ приглашеніе на закуску послѣ обѣдни, даваемую отъ собранія ахтырскаго духовенства и тамъ познакомился съ нѣкоторыми изъ дворянъ, а также и съ архіереемъ. Въ 6 часовъ начался обѣдъ и продолжался до 8-ми. Угощеніе было превосходное. Шампанское лилось... и сынокъ вашъ воротился съ обѣда чуть не пьяный. Кстати скажу, что дворяне ждуть отъ меня описанія этого праздника и обходились со мною очень хорошо. Завтра надобно съѣздить къ нѣкоторымъ... Теперь сонъ клонитъ. Изъ Ахтырки между тѣмъ уже разъѣзжаются и вѣрно завтра она опустѣетъ.

Прощайте, маменька! Цѣлую ручку вашу. И. Срезневскій.

40.

7-го іюля 1839. Ахтырка.

Ахтырка? Измайлуша все еще въ Ахтыркѣ? спрашиваете вы, милая маменька, самихъ себя и удивляетесь. Да, маменька, я все еще въ Ахтыркѣ. Сегодня уже недѣля минуетъ, какъ я пріѣхалъ въ Ахтырку, и до сихъ поръ еще не все кончилъ, что нужно было сдѣлать. И вы согласитесь маменька, это время не было мною потеряно, если узнаете, какъ я провелъ его. Въ пятницу подъ вечеръ пріѣхалъ я въ Ахтырку и познакомился съ внѣшностью Ахтырки, въ субботу былъ въ соборѣ утромъ, и былъ тамъ же на всенощной архіерейской вечеромъ; въ воскресенье весь день прошелъ за обѣдней, завтракомъ въ домѣ архіерейскомъ, обѣдомъ; въ понедѣльникъ архіерей обѣдалъ у моего гостепріимнаго хозяина, а позднимъ вечеромъ я былъ на дворянскомъ балѣ, во вторникъ послѣ обѣда тотчасъ поѣхалъ въ Каплуновку поклониться тамошней чудотворной иконѣ Божіей Матери и возвратился уже на другой день къ обѣду, вечеромъ въ тотъ же день ѣздилъ въ близъ лежащій монастырь и воротился къ ночи; въ четвергъ занимался списываніемъ нужныхъ бумагъ; сегодня утромъ ѣздилъ въ храмъ Успенія и взялъ по дорожную для дальнѣйшаго пути. Свѣдѣній собрано много. Даже и бандуристъ былъ уже у насъ, и мы успѣли воспользоваться его памятью, сколько могли. Что же касается до чудотворныхъ иконъ Ахтырской и Каплуновской, то я имѣю о нихъ такія свѣдѣнія, какія едва ли кому удастся собрать. И всѣмъ этимъ обязанъ я гостепріимному, доброму, умному, ласковому, незабвенному хозяину нашему о. Іоанну Чудновскому. Онъ принялъ насъ, какъ родныхъ, обходится, какъ съ родными. Мало того что у насъ особый флигель и у меня особенная комнатка—даже въ домѣ мы полные хозяева и цѣлый день проводимъ тутъ. Я пишу это письмо въ кабинетѣ о. Іоанна, между тѣмъ какъ Степанъ Семеновичъ ¹⁾ срисовываетъ фасадъ собора въ гостинной залѣ, гдѣ

¹⁾ С. С. Третьякъ—сиутникъ И. И. Срезневскаго.

дочь о. Іоанна, милая молоденькая дѣвушка разыгрываетъ увертюру изъ Фра-Діаволо, а старикъ въ смежной комнатѣ, своей спальнѣ, тоже что-то пишетъ. Мой портфейль близъ меня, а съ нимъ и весь мой письменный приборъ. Что касается до свидѣній, собираемыхъ мною объ Ахтырѣ и ея окрестностяхъ, то безъ о. Іоанна я не могъ бы и половины ихъ имѣть. Завтра полагаю все кончить, и послѣзавтра ѣхать изъ Ахтырки. Путь нашъ въ Лубны черезъ Гадячъ и Роменъ. Надѣюсь, маменька, что вы напишете въ Лубны ко мнѣ хотя маленькое письмецо: оно будетъ единственное, какое только могу я получить отъ васъ по почтѣ. Изъ Лубенъ я поверну на Полтаву и домой. Болѣе не успѣемъ сдѣлать...

—
41.

8-го іюля 1839. Ахтырка.

Опять здравствуйте, милая маменька, и опять все-таки изъ Ахтырки! Но, наконецъ, завтра, кажется, уже непременно въ путь—въ Зеньковъ, Гадячъ, Роменъ, Лохвицу и Лубны; въ Лубнахъ возьмемъ опять подорожную, и въ Харьковъ черезъ Хороль и Полтаву. Хотѣлось бы окончить весь этотъ путь въ 12 дней, но не знаю. На всякій случай просилъ Ивана Львовича Дзюбина, который взялся доставить вамъ это письмо, выхлопотать мнѣ отпускъ еще дней на пять. Попросите и вы его отъ себя.—Дзюбинъ родомъ изъ Ахтырки. Давно собирался я быть у нихъ въ домѣ; сегодня, наконецъ, встрѣтился съ ними на ярмаркѣ (теперь въ Ахтырѣ ярмарка—нѣчто въ родѣ нашего базара), и оттуда пошелъ къ нимъ. Мать ихъ прекрасная женщина. Весь вечеръ я провелъ у нихъ, до ужина. Воротившись, говорилъ до сихъ поръ съ о. Іоанномъ.

Ахъ, маменька! Какъ прекрасно жить въ Ахтырѣ! Превосходный соборъ для молитвы, прекрасный климатъ! Тысячи за три можно купить домикъ довольно хорошенкѣй съ большимъ мѣстомъ. Припасы всѣ дешевы. Знакомства, правда, нельзя имѣть

со многими—не стоить, но семейства два можно найти. И какъ все тихо, городъ и деревня! Непремѣнно надобно намъ ѣхать въ Ахтырку вмѣстѣ съ вами. О. Іоаннъ все еще жалѣеть, зачѣмъ я не привезъ васъ—и я увѣренъ, что вы были бы приняты истинно родственно. Сегодня за столомъ мы пили ваше здорье. Завтра всѣ собираются провожать насъ до монастыря, версты за три, и тамъ пить чай. Какое прекрасное мѣсто это, такъ называемый, монастырь! Большая гора, съ трехъ сторонъ Ворскла въ лѣсахъ и за нею горы, покрытыя лѣсами, а съ четвертой стороны растягивается огромная равнина; на самой горѣ церковь со старинною колокольнею, и всѣ эти горы поросли деревьями. Виды во всѣ стороны растягиваются далеко и восхитительно хороши. Намъ приняли родственно, хотя и родственно и проводить...

—

42.

11-го іюля 1839. Село Сары, близъ Гадача.

Впрочемъ, Амвросій Лукьяновичъ,¹⁾ какъ податель этого письма, объяснить лучше всякой подписи, что мы съ нимъ видались и видались у него же въ домѣ. Я перескажу только, какъ это случилось, или лучше перескажу, какъ прошли всѣ вчерашнія сутки: то были прекрасныя сутки.

Я уже, кажется, писалъ вамъ, маменька, что мы намѣрены были выѣхать изъ Ахтырки 9-го, въ воскресенье, послѣ обѣда и что насъ собираются провожать. Такъ и было; хотя самъ о. Іоаннъ нечаянно заболѣлъ и остался дома, но это не помѣшало другимъ членамъ добраго семейства его исполнить свое обѣщаніе... Дорогу прохотали, встрѣтили по дорогѣ бандуриста и велѣли ему идти въ монастырь, а между тѣмъ монастырскій священникъ о. Григорій поѣхалъ впередъ съ частію багажа, не помѣстившагося въ коляскѣ, и съ тѣмъ, чтобы приготовить для насъ приемную подъ колокольней. Когда мы пріѣхали, самоваръ почти уже поспѣлъ, и мы расположились въ первомъ этажѣ старинной колокольни и около ее такъ: дѣвцы стали готовить чай и все, что къ

¹⁾ А. Л. Метлинскій.

чаю, Федоръ Ивановичъ сѣлъ на землѣ, опершись о стѣну колокольни и сталъ на моемъ портфейлѣ снимать видъ церкви; я пошелъ въ церковь посмотрѣть еще разъ на портретъ отца Товіи Надаржанскаго, бывшаго духовника Петра I, а Степанъ Семеновичъ усѣлся въ колокольнѣ за столомъ писать, что будетъ ему говорить бандуристъ, занявшій мѣсто подлѣ стола на землѣ по-татарски. Это положеніе измѣнилось уже послѣ чаю, когда пошли гулять и любоваться видами. Виды чудесные съ горы, на которой лежитъ монастырь: на востокъ изъ-за роцъ виднѣется Ворскла, пестрѣющая островами, за нею пески, за ними Ахтырка; на югъ та же Ворскла скрывается на равнинѣ, оканчивающейся отдаленными горами; а западъ и сѣверъ—горы, покрытыя лѣсами и садами, и между ними опять Ворскла, то скроется за зеленъ, то выгянетъ прозрачною полоской. Послѣ гулянья мы воротились къ колокольнѣ, пили тосты за здравіе живыхъ и за покой умершихъ; сошедши съ горы къ дорогѣ, гдѣ ждали экипажи, опять пили; потомъ простились со слезами,—и наши гостепріимные хозяева повернули налѣво, а мы направо. То было въ 9 часовъ вечера. Въ 2 часа ночи мы были уже въ городѣ Зиньковѣ за 46 верстъ. Тутъ мы провели ночь. Утромъ я ходилъ на базаръ, нашелъ бандуриста, зазвалъ, списалъ нѣсколько пѣсень и думъ. Напившись кофе, мы отправились въ Гадячъ. Онъ въ 36 верстахъ отъ Зинькова; въ семи верстахъ отъ него село Сары, гдѣ живутъ родители Амвросія Лукіановича. Коекакъ уговорилъ ямщика повернуть прямо на Сары, предположивъ уже изъ Сары ѣхать въ Гадячъ. Въ 12 часовъ мы въѣхали на дворъ къ Амвросію Лукіановичу. Спрашиваемъ о немъ; получаемъ въ отвѣтъ—въ Гадячѣ.—Спрашиваю о маменькѣ его; говорятъ—дома. Я рѣшаюсь остановиться и ждать Амвросія Лукіановича. Добрая Софія Назарьевна приняла насъ ласково, какъ давно знакомыхъ... Въ 5 часовъ воротился и Амвросій Лукіановичъ; мы гуляли, болтали,—ѣли, пили. Теперь собираемся въ дорогу: Амвросій Лукіановичъ ѣдетъ въ Харьковъ,—мы въ Гадячъ и оттуда въ Роменъ и пр. У монастыря Гадыцкаго мы простимся. Прощайте и вы, маменька! Будьте здоровы, спокойны. Прощайте. Уже скоро, скоро ворочусь къ вамъ...



ГОРОДЯНКА.

(Повість.)

I.

Били низеньков, похылой хатыны Мотри Гусаковой зупы-
нлася повозка. Высока, статурна, чорнява дивка стрыбнула зъ
повозкы й ваче скам'янила.

— Господы! та невже це наша хата?—запытала вона че-
резъ хвылыну визницю, свого ридного дядька по батькови.

— А то жъ чія?—запытавъ и соби, замисть видповиди,
дядько.

Дивка повела повагомъ очыма видъ сохы до сохы, видъ
земли до остришка, по хати, й тяжко зитхнула.

— А чого тамъ зитхаешъ?—запытавъ дядько, силыгуючы
й соби зъ воза.—Звычайно, проста хата—не генеральськи
горныци.

Дивка надійшла блыжче до хаты, синнула зачывени двери
й мовчкы повернула до повозкы. На облыччи ии видбылася до-
сада. Вона высмыкнула зъ серцемъ зъ повозкы соломынку и
почала ии кусаты.

— А що? Дверей не видчынышъ? Оце лыхо!—засміявсь
дядько... Побижы лышень онъ у ту хату та гукны свого хре-
щеного батьва, бо самъ я скрыни не зтягну...

— Не пиду я нікуды,—видповила дівчина й видкынувшы геть соломынку, почала выбываты зъ платка куряву. Дядько добре спостеригъ те вражиння, що зробыла на небогу батьківська хата, добре зрозумивъ, що діялося въ неї на души, але нарощне не подававъ выду.

— Отъ и гараздъ,—промовивъ винъ весело,—хай скрыня ноче посередъ двору.

— Ни, наче не знали, що прыйиду, наче не сподивалыся: пишли вси геть и хату замкнулы,—протягла на-пивъ зъ плачемъ дівка.

— Про хату намъ байдуже—якось видчынымо, а ось зъ скрынею що намъ робыты? Ты не хочешъ иты, а мени тежъ не можно покынуты кобылы, бо ты їй рады не дасы безъ мене..... Диты!—звернувся винъ до табунця босої простоголової дитворы, що вже встыгла окдыты й дівку, й повозку,—погукайте-но дядька Сыдора—хай сразу йдуть до мене.

Але ніхто зъ дитей не ворохнувся: Приська,—такъ прозывалы дівчыну,—стягала саме рядно зъ великої блысучої скрыни, и диты стежылы, не змыгнувши, за кожнымъ рухомъ цієї дівкы у такому гарному убранні, у такыхъ дивныхъ черевичкахъ на гудзыкахъ.

— Оглухлы, чы що? Гей ты, вытрышкуватый Дворниченко, або ты, пузатый, бижить мерщій по дядька Сыдора,—гримнувъ Максимъ на двоихъ найбильшенькыхъ хлопчыківъ.

„Вытрышкуватый“ одвивъ на хвылыну свої велыки сирі очы видъ скрыни, глянувъ на дядька й знову вытрищывся на скрыню; „пузатый“ переступивъ зъ ноги на ногу, засопивъ ще дужче, зитхнувъ нарешти, але тежъ не поступывся й на крокъ.

Максимъ плюнувъ на дитей, глянувъ на сонце, що вже високо пидбылося, кынувъ коняци оберемочокъ сива, оправивъ мотузяни поводкы й, загадавши Присьци позыраты на кобылу, що напевне не стоятыме спокійно на такій специ, попростувавъ черезъ городъ до Сыдора.

А тымъ часомъ Приська управылася біля скрыни, повытрушувала куряву зъ одежи, зъ червоного лижыка, зъ трехъ

‘подушокъ у рижнобарвыхъ вапирныхъ, зъ усихъ маленькихъ и великихъ паукнхъ, та подалася до хаты. Вона сипнула знову разъ, вдруге двери, обійшла навколо хаты й зазырнула у виконце.

Въ хати не було никого:—сама квочка похожала по хати та водыла за собою десяткхъ зо два манесенькихъ жовтыхъ курчатъ. Приська одійшла геть и зъ серцемъ опустылася на колодку, що лежала посередъ двору. Дитвора мыттю оточыла їи; найсмилывиши выступылы напередъ и почалы пошенкы робыть де-яки заувагы, показуваты пальцями то на кытыци платка Присьчыного, то на їи перстни.—Диты! А хто зъ васъ знае, де баба Горпына, або Мелашка?—звернулася до нихъ Приська.

Диты переглянулыся...

— Пидить которе, погукайте хочъ бабу Горпыну, хочъ Мелашку; скажить, що Приська прыйихала!—обернулася до дитей дивка.

— Мои баба Горпына!—обизвалася дивчынка ровивъ пъяты.—Воны мени бублыкхъ куплять и макивныкхъ... и се-режки, якъ пойидуть до торгу.

— Де-жь твоя баба? Чїя ты?—запытала Приська.

— Мои баба Горпына. Воны мени бублыкхъ и макивныкхъ привезуть... защебетала вдруге дытына, хытаючы разъ-по-разъ русявою голивкою...

— Докы товетынешъ ты мени про макивныкы? Я пытаю тебе: чїя ты? де твоя баба Горпына?—запытала трохи зъ серцемъ Приська.

— Мои баба... почала було у третте свою писню дытына, але наче засоромышысь, опустыла оченята додолу й замовкла.

— Хто твоя баба?

— Що отутъ жывуть,—одказавъ замисть дивчыны якыйсь хлопчыкъ зъ гургу.

— Пиды-жь ты до тїей бабы та покличъ ихъ сюды,—звернулася Приська до хлопчыка...—Дамъ пряныка,—додала вона, завважывши, що хлопецъ и въ думци не мае бигты по бабу...

Бытому, якъ не пидешъ,—гримнула вона и нахлылася за лозыною, щобъ посварытысь нею на дитей...

Але не встыгла вона й росправытысь, якъ диты вже зныкли вси до единого, зальшышы за собою тилькы кураву та слидъ босыхъ ноженятъ...

Такой несподиваный випадокъ роздратувавъ вкрай Приську. Купальне сонце пекло, варыло горячымъ проминнямъ стомлене тило дивкы; їи нудыло, бо видъ самого города вона не йила ничего; досада на себе, на дядька, на матирь, сестру, на тыхъ нимыхъ свидкивъ їи горя, що повтикалы и зальшылы їи саму, бильшала зъ хвылыны на хвылыну. Якъ на те, Максымъ не вертався, а конячка не хотила стояты, заплутувалася у вижкы—треба було нахмылятысь, розплутуваты їи, спыняты...

— Ось и прыйихала! Прытаскалася! Чого мене прынесло сюды? Чого я тутъ не бачыла?—докоряла себе дивка, сядячы изнову на колоду.

Висимъ рокивъ не була вона у ридному сели, не бачыла батькивської осели. Висимъ рокивъ пролынуло зъ того часу, якъ батько якось посадывъ їи въ савкы, утушкавъ ридномъ та повязъ у городъ до генеральши. Тоди саме бувъ великый недоридъ, симъи ничего було йсты, братъ, сестры понаймалысь по икономіяхъ, за манесеньку плату, батько ходывъ на поденщыну мало не за сами харчи, а їй не було пидхожои праці на сели, и батько одвизъ їи у горныци. Найнявъ винъ їи тилькы на одынъ рикъ: абы перебуты якъ зиму та заробыты хочъ гуртомъ на корову та коня, що винъ повинень бувъ продаты пидъ цей рикъ недороду; але скинчывся той рикъ—дивчына зохотылася зыстатысь на другый, потимъ на третій, четвертый и нарешти выбула висимъ рокивъ.

Чымало воды утекло за висимъ рокивъ, чымало змынылося пидъ дахомъ ридной хатыны: батько померъ, старша сестра пишла замижъ, братъ оженився, до меньшей сестры, Мелашкы, тежъ починали вже навидуватысь старосты, але найбильшь за всихъ змынылася за ци часы сама Приська. Село, досвиткы, грыща, вошышня праці давно зныкли зъ памъяты; сонце, воля,

степы, широки обгорнулись туманомъ. Вона выкреслыла зъ своего жыття дванадцять рокивъ свого дытынства, порвала всякый звязокъ зъ ными, давно захопылася свитоглядомъ тыхъ веселыхъ, чепурныхъ гладыхъ лакеивъ та поваривъ, що оточали їи висимъ останнихъ рокивъ, и давно спостерегла рижныцю мижь безпечнымъ жыттямъ „горнышнихъ“ и неустанными турботами своихъ кривныхъ.

Тильки перши часы своего жыття у городи дывовалася вона тымъ байдужымъ до усёго и до усихъ наймытамъ, що зъ легкымъ сердцемъ вытрачали запрацёвани гроши на рижни прымхы, ласощи та зайви речи. Вона памъятала ще тоди родичивъ, судивъ, що збирали довги роки шагъ до шага, якый десятокъ-два карбованця, що видрывали видъ симы шматокъ хлеба, абы якъ вызволты зъ рукъ глытая клапотъ застановленои земли, або спромогтыся хочъ на поганеньке тягло; прыгадувала звычайни турботы своего батька про оплаткы, й тоди пытала веселый гуртъ служокъ:

— Що вы робытемете, якъ прогуляете гроши та не буде на хлибъ?

— Якъ-то не буде на хлибъ?—пиднималы дивчыну на смихъ служкы.—Якои мороки й по наймахъ поневирытысь, якъ ще й про хлибъ турбуватысь? За халявою грошей не носыте-мемъ, выбойчаныхъ шараваривъ не справлятымемъ, якъ твои дядькы. Несы лышень и ты своего карбованця, то приймемо до гурту: найисыся й канхветивъ й горихивъ до схочу.

Хочъ и заздристо було дивчыни дывытыся, якъ ласують генеральшыны служкы, хочъ и теклы не разъ гирки, колы їи выгонылы геть зъ гурту, але Приська першій рикъ не зважылася одирваты и шага видъ тыхъ грошей, що батько прызначывъ на господарство, и генеральша доручыла їи матери пры кинци року копійка у копійку десять карбованцивъ. Але на другой рикъ вона вже рострынькала де-килько карбованцивъ, на третій батько не доличывъ бильшь, а на четвертый виддала Приська вже тилько половины заробленыхъ грошей й до того завважыла батькови, щобъ

не сподивалися бильшъ на іи допомогу, бо „коженъ службыть и заробляе на себе“.

Батько розсердився, ставъ ій доводиыты, що вона повинна пособляты симби, бо та симья годувала іи манесенькою, коли вона неспособна була робыты, що вона повинна пыльнуваты про господарство, про свою оселку, бо ще невидомо, де й ій доведеться прыхылыты на старисть, або пидъ яку нещаслыву прыгоду, голову. Приська заголосыла, побигла до генеральши; генеральша ввійшла, умовыла батька залышыты въ неи дивку ще на рикъ; а черезъ рикъ померъ батько, и Приська выкынула навить думку повернутысь колы-небудъ на село.

Чого ій справди бракувало у теплій, просторній господи прыхыльнои до неи пани? Сонечко грило—не палыло, якъ дома на гордіи або на степу, холодъ не заходывъ зашпорамы, не доходывъ до тила черезъ теплу одягу, витерець робывъ тилькы холодокъ, и дивка росла, здоровишала, красывишала на велыку втиху генеральши, що почынала вже натякаты ій на шлюбъ зъ лыкымъ вродлывымъ лакеемъ.

Приська стала надъ усе пыльнуваты про одягу та шануваты свою вроду. На іи щастя, кривни залышылы іи, не зверталысь за допомогою и не часто нагадувалы про свое истнування: маты та незамижня сестра забывалыся у городъ тилькы двичи на рикъ—передъ Риздвомъ та Великоднемъ, а дядько Максимъ хочъ и одвидувавъ іи частыше, хочъ и сварывся, и радывъ неразь покынуты горныци та вчытысь хлибъ пекты, тежъ николы не чипавъ пытанья про гроши, и колы Приська иводи передавала до-дому видъ ласкы троячку, не дякувавъ, а ховавъ мовчы у свій гаманецъ, мовъ та троячка й не цикава никому. Все йшло, якъ хотилося Присьци; все складалося на те, щобъ не вертатыся вже ій на село, та гримнула беда несподивана: померла генеральша. Надйхалы родычи, подилылы худобу, розигналы „дармойидивъ“, и Приська опынылася безъ прыстановыща зъ десяткомъ карбованцивъ у кышени, зъ велыкымы потребами, прымхамы та ще славою „генеральськой покоивкы“, то-бъ то давкы не зученои ни до якои праці. Приська оселы-

лась на кватыри, пройдала прыпасени гроши, а пидхожого мисця не траплялося. Тымъ часомъ чутка про цю новыну дійшла до села. Маты не знала, що їй початы: їй и хотилося, щобъ дочка повернулася, и боялася вона нажыты зъ цією городянкою клопотивъ; вона думала, передумувала, радылася, але нарешти цилкомъ поклалася на Максима.

Максымъ запригъ, не гаявши часу, кобылу та побигъ у городъ. Винъ зумивъ скорыстуватыся скрутнымъ становыщемъ дивчыны, зумивъ уцєвныты їи, що на сели не сами „репаны“ хлиборобы, що тамъ поводятся и „благородни“ люде, що таку дивку, якъ вона, радо посватає самъ пысаръ, и Приська послу-халася ёго—прыйхала.

— Ось тобі й прыйхала! Що я робытому тутъ, у цій пустци? Остання хата въ городи краща за цей куринь!—Або родына?... Чы вже жъ такы не можно було хочъ Меланци залышытыся дома на сёгодня? Висимъ рокивъ не була у ихъ, а прыйхала—и сыжу, немовъ та собака, на сонци, на куряви,—бубовила сама соби дивка, захыщаючысь и маленькымъ и великымъ платкамы видъ палкого проминня петривчаного сонечка.

Але ось нарешти повернувся Максимъ зъ двома чоло-викамы.

Чоловики прывitalыся до Приськи.

— Ова! а ты й доси хаты не видчыныла?—засміявся Максимъ.

— Якъ я не вмю!—прызналася дивка.

— О! у твоеи матери хата хытро замыкается: не такъ, якъ у генеральши,—пожартувавъ молодшый зъ двохъ чоло-вивъ, и повернувъ килочокъ заверткы. Двери видчынылыся, и якымъ-сь холодкомъ, якымъ-сь свижымъ пахучымъ повітрямъ повіяло зъ хаты. Доливка манесенькой хатыны зъ пидваженимъ посередыни сволюкомъ, зъ розложыстою, трохы похыленною на бикъ пичью, була застеляна свижою осовою, потрушена чер-вовымы васылъеама та чєпчыємъ; по-надъ вєкнама, на сво-лоци высилы велычезни бадилля холодку, де поховалыся вси до однієи мухы. Вси мыскы, горшкы, глєчыкы стоялы поперевер-

тани, попрыкрывани; кочергы, хваткы, лопаты—займали ни на ступинь бильше прызначеного задля ихъ мисця: рука щырои, порядной господаркы видзначалася на кожній найдрибнишій речи ціей похылой хатыны. У Приськы одлягло трохы видъ сердца... Сталы вносыты скрыню. Скрыня була важка, неповоротна, и чоловикы добре нагрлы чубы, покы установылы ии на мисце.

— Та й надбала жъ добра! Чы то може у скрыни й не одежа, а каминци на огиркы та капусту?—пожартувавъ изнову молодшій зъ чоловикивъ.

— Я Приську хвалю: згадала бачъ, що ненька вже старенька, та й посишылася на жныва,—мовывъ старишій.

— Хиба справди на жныва посишалася, Присько? Чы ты жъ бачыла колы жныва? Мени хвалылася одна городянка, що галушкы на вербахъ ростуть, а пшоно на верболови; може и ты такъ гадаешъ?—не стыхавъ жартуваты молодшій.

— Этъ, годи вже базикаты!—спынывъ ёго Максимъ, завважывшы, що Присьци ти жарты не довподобы.—Ходимъ! А ты, Присько, понышпоры трохы по польци, зазырны у пичъ—може знайдешъ що пойисты, а ни, то хочъ хлибомъ пообидай. Я бъ тобі прыславъ чого-небудъ, такъ и мои бабы на поли,—а самъ не знайду ничего,—мовывъ винъ до дивкы.

Ще бильшій смутокъ обгорнувъ дивчыну, якъ пышлы геть дядькы й залышылы ии саму въ хати. Перше гарне вражиння зныкло: вона прыдывылася краще до хатыны; вона завважыла те, що не кынулося ий у вичи въ першу хвылыну, и биднисть та недостатки сталы вызначатыся ще дужче, нижъ охайнисть та щыристь господаркы.

На покути, пидъ товстымъ настильнымкомъ, лежавъ окраецъ чорствой остюковатой паляныци, на польци—вчорашній пистный борщъ, на жердочци—старенька, колатана одяга. Дидивськы иконы, обквитчани жовтымы гвоздыкамы та васылькамы, потемнили, злыняли и смутылы головній кутокъ хаты. Клапотъ дзеркала, вмазаный въ стинку, обвшипаный навколо картынкамы зъ канвертивъ та календаривъ, перекошувавъ видъ й наче дратувавъ того,

кто зважылся бѣ подывытыся на свою вроду. Квочка товклася пидь ногамы и не давала вильно ступыты й кроку...

Приська прысила на лаву, озырнула разѣ, вдруге хату, тяжко зятхнула, а потимъ простлала на полу лижныкѣ, пидо. стлала пидь голову подушцу и лягла спочываты.

Важки вѣи почалы вже заплющуватысь, стомлене тило за-спокоюватысь, геть полынулы гирки думкы останнихъ хвылынѣ, солодка дримота почала опановуваты дивкою, колы рыпнулы двери, и на порози зъявылася та сама дивчынка, що хвастала сережками та макивныками... Дытына видчыныла двери, стала на порози и де-килька хвылынѣ, наче засоромлена, хытала своею русявою головкою й не поступавшы напередѣ. Приська хотила запытаты, чого йѣ треба, але дивчынка вже подроботила до по-куття, зопъялася на лаву, простягла руку пидь настильныкѣ й вытягла зѣ пидь ѣго окраецѣ паляныци. Здобувшы паляныцю, дытына поклала иѣ наверхѣ настильныка и почала крехтаты.

— Чого ты крехчешь?.. запытала иѣ Приська.

— Папкы хочу,—видповила стыха дытына.

— То й визьмы.

— Папкы хочу,—промовыла вдруге дытына.

— Я-жѣ тоби кажу: беры,—не комезуй,—буркнула Приська трохи зѣ сердцемѣ.

— Урижете,—попрохала дивчынка.

— Ламай, або й увесь беры та йды, Бога рады, зѣ хаты, не влопочы моеи головы,—одризала Приська, заплющуючы знову вѣи.

Дытына якось досадливо скривылася, засопла, закрехтила зѣ вѣи скотылося де-килька велькыхъ крапель...

— Чого ты кыснешь?—схопылася Приська.

— Папкы хочу,—кризь слѣзы протягла дытына...

— На, беры, подавысь нымъ!—скыпила Приська и тыгнула весь окраецѣ дытыни у руки.

— Урижете: гришка папку ламаты,—видповила дивчына.

„Гришка?“ Оцей чорствый, якѣ каминь, чорный, якѣ земля, хлибѣ гришка ламаты? За кожную крыхту цѣго буханця людына

повынна дати видповідь передь Богомъ! Манисенька дытына боится кары Господнѣи за кожну крыхту, що вона неварокомъ упустить до-дому. Куды вона прыйхала? Куды ии прытаскало?—ромайнуло у Приськы въ голови.

— Беры, кажу!—крыкнула Приська на дытыну.

Дивчына глянула зъ невымовнымъ жахомъ на скипившу дивку, кинула на стиль паляныцю и майнула на двирь, залышывшы синешни двери навстижъ.

Приська подывылася ий у-слидъ, зитхнула й простаглася знову на лави.

II.

Сонечко звернуло вже на полудень, якъ Мелашка та Горпына попрывъязувавши шапки на копахъ, стали убиратысь до-дому.

Горпына зисталася ще на який часъ на левади збираты блекоту у аптеку, жалку кропиву, та що захыщае хату видъ русалокъ та видѣмъ, дуже шкодлывыхъ у вечирь пидъ Ивана Купала, а Мелашка майнула навпростець до-дому, бо тамъ, на сели, ий було ще чымало дила: треба було склыкаты товарокъ, нарваты квитокъ, бурьяну, повиаты винкы, уготуваты очерету, соломы за-для Купального вогныща. Вона поспшалася, и петривчана писня ии вже лунала по селу; але ось та писня раптомъ увирвалася: дивка завважыла росчынени двери у свойй хати, а незабаромъ и замурвану, мокру морду сусидського Рябка била порога.

Мелашка кинулася въ хату: доли валялося черепъя зъ червонои мыскы, зъ перевернутои макитры текла по всій хати ричка сыривцю, настильныкъ звисывся зъ столу, а по хати бигала сполохана квочка. Серце щырои господаркы забылося, невымовна досада охопыла ии всю, але вона глянула на пиль, зрозумила, хто выненъ у цій нещаслывій прыгоди, й забула про новеньку мыску, сыривець, про шкодлывого Рябка.

— Приню, голубонько!.. вынулася вона цилуваты сестру.— Яка жь я рада, що ты прыйхала!

— Хиба не сподивалася?—запыталася Приська, зазираючи на здорову, наче збыту дивку, на їй розпалене облыччя, шыроки плечи, дужи руки.

— И сподивалыся, и не сподивалыся: разь думалы—що прыйдешь, вдруге—що не схочешь... Маты такы певни вже булы, що не прыйдешь, а я сподивалася тебе, ажь до обидь вызырала, чы не бижыть хто зь села сповищаты насъ? А пнсля обидь облышыла: „не схоче Приська кыдаты города, не схоче йхаты до насъ“—журылася я соби нышкомъ...—А ты ось и прыйхала... Выбачь, сестрыце, що у насъ таке багно въ хати—це той проклятый Рябко попорався,—цокотила Мелашка, проворно скидаючи у прышилъ запаскы черепья та збираючи ганчиркою сыривець зь доливыкы.

— Я такъ мицно заснула, що й не чула ничего,—сказала Приська, складаючи свою постиль на скрыню та солодко позихаючи.

— Ничого, ничего, не клопочыся: у насъ йе ще дви мысочки,—поснишылася Мелашка заспокоиты сестру.—Ото хиба сыривцю шкода—недавнечко цилисенькый хлибъ запакувалы... Винь и паляныцю вхопывь! А, щобъ тоби! Доведется завтра рано джу вчыняты, у насъ ще й борошно у млыни...

— Де-жь маты?—перебыла Приська вкрай заклопочену молоду господарку.

— Маты сразу прыйдутъ—на левади блекоту збирають,—видповила Мелашка.

Щось добре знаёме раптомъ прыгадалося Присьци. Це жь їй маненькою посылалы колысь по ту блекоту на панську леваду, це жь вона збирала колысь рижне зилля, копала ножемъ якесь кориння, ризала руки періемъ та радила раденька, що за вторговани въ аптеци гроши маты куплять їй копійчани сережечкы, або поганенькый кисныкъ!

— Невже маты и доси за тымъ зиллямъ побываються?—здывовалася Приська.

— А якъ же! За зилля можна иноди добре вторгуваты: на тому тыжни, напрыкладъ, я семьгрывенька прынесла зъ аптэки.

— Семьгрывенька прынесла! Добре вторгувала!—засміялася сама соби нышкомъ Приська.

— Чы довго жъ воны будутъ того семьгрывенька по бурьянахъ та колючкахъ збираты?—запытала вона згодомъ.

— Ни, не довго: воны сёгодня поспішатумутся до-дому, бо мени незабаромъ на Купала треба йты. Ты жъ пидешъ тежъ, сестрычко, зъ нами? У Макарыхы йе гарни гвоздыкы та чорнобрывци—я тоби такыи винокъ выплету, що ты всихъ дивокъ нашыхъ закрасышь, а хлопци, якъ диваються про тебе, вси до одного позбигаются на нашъ кутокъ.. Охъ, Господы, яка жъ я рада, що ты прыйхала! Отакъ пакъ,—перехопыла Мелашка сама себе,—ты мабудь, сестрыце, голодна?

— Видь самого города ничего не йила. Шукала, шукала у васъ на польци та не поживылася ничымъ.

— Горенько тяжке! Чымъ-же тебе й прышануваты? Хиба яечню спекты? Десятокъ крашанокъ уготовала до торгу, бо вже другый день немае свитла, а тройко йе зайвыхъ—спечу зразу. Ни, не такъ: побижу на село, здобуду тоби мякеньку палянычку та молока, а тоди вже й яечню спечу,—сказала Мелашка и, ухопывши манесенькый глечычокъ, побигла на село.

— Сестрычкы мои и голубонькы!—хвалылася Мелашка по хатахъ: прыйхала Приська, та така хороша, що й очей някъ не одведу: била та повновыда, та така статурна. Не гайтеса, збійрайтеся швыдче до нашої хаты, а звидтилъ пидемо вже й до ставка“.

А покы Мелашка бигала по селу та выхвалялася сестрою, повернулася й Горпына до-дому. За нею вслidy прыбигла и маненька Санька. Дивчынка почувала себе теперь смильво: не боялася била бабы никого, цвиркотила безъ перестанку, и наче не прымичала суворои городянкы, що нагримала на неи не-давнечко.

— Чія це дытына?—запытала Приська, повітавшись зь матурью.—Непосыдача дивчына: то вь хату, то зь хаты,—увирлася мени.

— Ой, ни, вона у насъ, спасыби їй, слухняна, тыхенька, хазийновыта дытына,—заступылася за внуку Горпына.—Це жь дочка нашой покойной Ганны.

— Хиба Ганна вмерла?

— Вже висьмый мисяць, якъ поховалы мы їи. Хотила була сповистыть й тебе, та вже николы було... Померла, двоухъ сыритокъ залышыла. Чоловикъ їи оженився й бильшенького хлопчыка пры соби зоставывъ, а Саньку мени покынувъ,—зитхнула Горпына.

— Така молода, пры здоровьи, чога жь вона померла?—здывовалася Приська.

— Господь їи знае: чы вона застудылася, чы вискъ їи вже такый короткый! Я такъ ремствую трохы на неї, що вона не побереглася: на пьятый день писля того, якъ знайшла дытыну, конопля зь холодной воды пишла браты, а протее... Господь Мылосердныи знае, чога саме вона померла? Казала їй: звернысь до ликаря, або хочъ до фельшара—не схотила: „сміятымутся“, каже, „люды, що така молода, а по ликаряхъ йиздыть“,—оповидала Горпына, ривняючы шкарублюю рукою заплутане волосся внучкы, що покляла свою голову їй на волина та пыльно дывылася у вичи любой бабуси.

— И прырозумиты жь отакъ: зь-за жмени конопель померты!—видмовыла на матерыне оповидання Приська.

— Де тамъ тоби жменя? Кипь чы не зь чотыри самой матиркы було,—та ще жь и конопля яки добрячи... Шкода, такъ шкода тїей сердешной Ганны, ажъ сердце щемыть, якъ згадаю, та що робыть? Мертвыхъ не вернешь зь домовыны, плачь—не плачь, не пособытса, треба краще думаты та пыльнуваты про цю сыритку... Ходимъ, дытыно моя, я тебе хочъ причепурую трохы: бачь, яка засушена та чорна,—звернула ся Горпына до Санькы и повагомъ пидвелася зь лавы.

Санька надбигла до помыйницы и нахлыла надъ нею свѣй замурзанный, полупаный выдокъ. Баба хлюпнула зъ кухля соби у прыгоршню воды та заходылася видшаровуваты й выдъ, й вуха и руки дивчыны. Потимъ вытягла зъ-за комина здоровый гребинець, розмочыла сплутане волосся, розчесала ёго и заплела у дви манисеньки киски.

— Кисныка треба бъ дивци, та немає,—пожартувала Горпына.

— На ось тоби кисныкъ,—мовыла Приська, здѣймаючи зъ своеи головы чудову, шыроку блакитну стѣжку...

— Не треба, не треба—то я пожартувала. Не давай—загубыть, а такой стѣжки й по шість копѣекъ не визьмешъ,—заключоталася Горпына.

Але Санька вже пидхvatыла стѣжку и завъязувала на мокре волосся.

— Понивечышъ!—схопылася Горпына.—Давай сюды—я заховаю, хай буде про свято, у церкву...

Санька слухняно скынула стѣжку й подала баби. Горпына пидѣйшла блыжче до викна та почала ривенькьо згортаты и.

Приська мовчы дывылася на свою стару неньку та ии глыбоки зморшкы на выду, на коряви, наче суковати руки, на ии латану варсетыну, руду запаску, на ту стѣжку, що тремтила у ии рукахъ и такъ не йшла ни до убрання неньчыного, ни до всѣи цѣи хаты, и думала... Невесели были ии думкы...

А дивчата, за прыводомъ Мелашкы, вже набыжжалыся до Горпыныной хаты. Купальни писни стали все выразнише та выразнише доносатыся, и незабаромъ Мелашка та восьмеро дивокъ, у винкахъ, у святошнимъ убранни увѣйшли въ хату.

Поки Горпына лагодыла дочци вечерк, а Мелашка доплитала ий винокъ, дивчата обступылы Приську та бильше дывылыся на „городянку“, нижъ балакалы, бо не знали навить, якъ до неи и звертатыся.

— Ось тоби винокъ,—бачъ яый ловкисенькый; одягайся швыдче, та ходимъ!—звернулася Мелашка до сестры, колы та скинчыла вечерю.

— Видчепыся видь моеи души зъ своимъ винкомъ. Чы я тоби коза, щобъ заходылася стрибаты оце зъ доброго дыва?— засміялася Приська, доручаючи сестры назадъ винокъ.

— Чого жъ тамъ, хай Богъ мылуе, „коза“?—вдывувалася Горпына...—Нихто „зъ доброго дыва“ й не плягае:—на те й Купальный вечерь. Не знаю, якъ челядь у городи бавытсся, а по селахъ тилькы й веселощивъ, що зибратысь у гуртъ та одсвяткуваты кожде свято по звычайю.

— Пострыбаты, напрыкладъ,—завважыла зъ ухмилкою Приська...

— Стрыбаты разъ на рикъ: пострыбають сёгодня, та вже ажъ черезъ рикъ, хто жывый дижде, стрыбатыме. На все йе свій часъ, все по черзи: веснянка, петривка, купальни писни, колядки, щедривкы...—доводыла Горпына.

Приська засміялася.

— А що, колы бъ оце я замисть петривкы та защедрувала? Посадылы бъ мене у холодну, чы ни?

— Чого тамъ, хай Богъ мылуе, у холодну? Тоби бъ самій щедривкы у литку на умъ не прыйшлы: ты бъ ии й на голосъ не звела,—видповила Горпына зъ незвычайною певнистю въ голоси.

— Чого жъ ты доси не вбираепися?—напалыся дивчата на Мелашку, що наче задубила на мисци зъ винкомъ у руди, та не змыгнувши, дывылася на чудну городянку, що сміетсся зъ Купала. Мелашка кынулася у кыжу, убралася и зайшла въ хату запрохаты ще разъ сестру до гурту.

Приська ледве признала сестру. Чорна карсетына, облямована червонымъ шнуркомъ, немовъ облыпла коло молодого стану ии; кубова сына спидныця, трычи пидперезана очковыми крайкамы клалася ривными расными фалдамы; жовто-гарячый попередныкъ зъ зелеными квичочкамы по полю, намысто, кысныкы, расный винокъ,—все незвычайно лычыло простій, молодій вроди дивчыны.

— Пидемо-бо, Присю!—попрохала Мелашка сестру...—Хай на тебе хочъ челядь подывытсся...

— И не прохай, и не умовай, бо не пиду ни за що,—видповила уперто Приська.

Мелашка пишла, а Горпына покликкала Саньку спати, прыбрала трохи въ хати, розиклала по всіхъ вигнахъ жалыву и сида знову на лави.

Розмова съ Приською довго не складалася: маты не знала, що казаты доньци-красуни, а донька литала далеко думкаты та прыгадувала щось.

— Скильки, мамо, у вась коровь теперь?—запытала, на-решти прыгадавши щось, Приська.

— Нема, донечко, и поганенькой,—видповила Горпына журливо.

— А де жь та корова, що у насъ була? Я думала, що вы за ци висимь рокивь череду розвели, а вы й останнѣи позбу-лыся,—здывовалася дивка...

— Моя дытныно, що бо ты кажешь?—ажь сплеснула ру-каты Горпына.—Де бь та череда набралася? Мало хйба мени втрать було? Ганну виддавала—телычу дала; Евтухь женився—пару бычкывь взявь; батько померь—тежь телычу продала, останню тильну телычку продала та сховала Мелашци на ко-ривку, якъ замижь, дасть Богъ, йтыме. Ось тоби и череда наша.

— Хйба-жь вы ничего за цей часъ и не зароблялы?—зды-вувалася Приська.

— Де бь мы зароблялы? По чужыхъ людяхъ не ходылы, ниде не наймалыся, бо й бйла свого хавяйствечка було дило, а колы Ганна може яку десятку у строку й заробыла, то й те на господарство пишло,—видповила Горпына...

— Яка жь вамъ була корысть и господарюваты, якъ ось висимь рокивь гуртомъ працювалы та ничего й не прыдбалы?—запытала Приська.

— Чуешь-же: виддала дочку замижь, оженила сына, батька поховала—та ниде й шага не позычала.—За Ганною ажь 15 со-рочокъ дала, дви кожушакы, дви ватынкы, тры литнячкы—карсетокъ чотыри, пьять спидныць, запасокъ тры пари, полотна

два сувой,—почала Горпына личыты та прыгадуваты, що поста-чыла вона дитямъ.

— И що вы мени по пальцяхъ личыте ти сорочки та лит-нячки? Наче я не знаю, скількы воны коштують? Подывиться воны такъ, скількы я сама душею прыдбала за ци висимъ рокивъ; прыривняйте мою одягу до вашой, та тоди прызнайтеся краще, що перевелы гуртомъ дурнисенько вси ци висимъ рокивъ,—мовыла ажъ наче зъ серцемъ Приська, видчыняючы скрыню й выкыдаючы звидить свое збижжя.

Рижнобарви платкы, платочки, спидныци, сукни, попе-редныкы, тонисенькы, якъ павутынка, хусткы, били, якъ снигъ настильныкы, повышывани, повымережувани рушныкы верылы стиль, пиль, лаву. А Приська ще выкыдала зъ скрыни свое збижжя; де-що падало до-долу, и тоди стара Горпына нахыла-лася, идіймала упавшу ричъ, вытрушувала и, обережно скла-дала и подавала доньци.

Пидслицувати очи ии багацько де-чого не добачалы, але вона спостерегла, що Присьчыне збижжя коштуе чымало, й вы-шкомъ витхала, шкодукы даремно, на ии думку, запакованыхъ грошей на цей тонисенькый та немидный крамъ.

Поки Приська спорожняла глыбоку, якъ колодязь, скрыню, повернулася й Мелашка, весела, щаслива, цилкомъ задово-лена сёгодняшнимъ Купаломъ и Мареною. Вона бигла до-дому немовъ за нею хто гнався, и вже роззявила рота, щобъ пере-казаты сестри, якъ тамъ хороше було били ставка, але на по-рози зупынылася—и ни пары зъ усть. Ни, николы не доводи-лося ий бачыты такого чудового краму, такыхъ чаривныхъ, рижно-барвыхъ убранныхъ! Щось неначе обирвалося, перевернулося у сердца; воно защемило, забылося, замерло... О, Господы! чы то жъ можна и прыривняты ии найкраще, велькодне убрання до найостаннишой сукни цієї городянки? Ця сама карсетка, той самыи жовтога-рячий попередныкъ, та сама спидныца, що звернулы сёгодня увагу товарокъ, наче злынялы, загубылы у одну мыть красу. Вперше за ии вкы почувтты якоись неправды, образы, чы свого безта-ланняя опановало дивчыну. Хиба вона меньшь за Приську пра-

цювала? Але жъ чы можна було ще бильше за неи, Мелашку, працювати? Хиба вона меньше за сестру не досыщляла? Чы вона ласише за сестру йила? Може гроши даремно переводыла? Ой, ни! не можна було ранише, нижъ вона, Мелашка, вставаты, не можна було пизнише лягаты. Не ласувала вона изроду; за вси часы шага на витерь не кынула,—безталанна вона, онъ що!

— Теперь ты покажи мени, що у тебе въ скрыни,—звернулася Приська до засмученой сестры.

— Ничымъ добрымъ Мелашци й похвалытсы,—видповила за Мелашку Горпына,—та й нема чому дывуватыся: ты, бачъ, дбала весь часъ про себе, а Мелашка, спасыби ей, працювала на гуртъ, на господарство.

— Ого жъ було бъ такъ и вамъ дбаты кожному про себе,—зауважыла Приська, замыкаючы скрыню.

— Хай Богъ мылуе! Якъ-то можна «кожному про себе»? Попереду мы на старшенькыхъ гуртомъ робылы, покы повиддавалы ихъ людямъ, а теперь, якъ Господь прыбавытъ мени вику, то й Мелашци уготуемо, що слидъ: мы не ледачылы, не пропывалы, не пройидалы, не роскыдалы ни грошей, ни пради своеи даремпо...—мовыла Горпына...

— И все жъ такы не зрозумію, що вы зберегли, що вы прыдбалы цією працею?—запытала зъ легенькою ухмилкою Приська у матери.

— Чы я тоби можу по пальцахъ переличыты, що мы прыдбалы, що загубылы?.. Прожылы, прохарчувалыся всею симькою, у холоди не сыдили, голи не ходылы, кутокъ свій не роспустылы, земельку дитямъ и внукамъ прыбереглы,—жылы, одно слово, якъ люде жывутъ, й помремо, то буде чымъ заховаты,—видмовыла трохи ображена Присьчыною ухмилкою Горпына.

— Ось,—додала вона згодомъ,—вже й до Мелашкы, хвалючы Бога, старосты кланяютсы, та я жъ не видмагаюся тымъ, що ни зъ чымъ дивци йты: въ мене й рушныкы, й сорочки, й рядна и все чысто вже уготовлено... Чы такъ, Мелашко?

Але Мелашка не чула материнного питанья: вона въ думкахъ ривнула свои порепави ноги до Присьчыныхъ вижокъ, обутихъ у блескучи черевычки, свои чорни руки до билихъ рукъ городянки; вона прыгадувала всю ту важку працю, що завнала мало не зъ пелюшокъ, и починала зневирятися у порядкахъ и обставинахъ сільського жыття. Кто зъ селянъ прыдбавъ стилькы, якъ ця городянка? хто зберигъ свое такъ тило, свою вроду? Орышка — перша дивка на сели: чудова жныця, перша швачка, найкраща пряха, цей молотвыкъ и плугатырь пидъ часть прыгоды, та сама Орышка, що не покладае ни въ день, ни въ ночи своихъ рукъ, — що вона прыдбала, поривняючы зъ Приською, чымъ заповнила свою скрыню?

— Ну, диты,—зирвала маты невесели думкы Мелашкы,— лягайте спати! Тоби, Мелашко, завтра хлибъ учыняты, и ты, Присько, высыплайся завтра до схочу—однаково день не робочый.

III.

Приська не встала рано на другий день, не вставала рано й дали. Де-килька день Горпына не тилькы не докоряла дочки за її довгий сонъ, а навпаки, певна, що дочка вси висимъ рокивъ не досыпляла, умовляла Приську выпатися до схочу й берегла її спокій, якъ умила. Мелашка не меньше за матиръ пыльнувала про гостю й не разъ урывала яку годинку видъ коротенькой петривчаной ничкы та вставала ранишъ, щобъ спекты сестри пырижкивъ, перепычку зъ саломъ, або спарыты глечычокъ здобутого на сели молока. Сусиды тежъ ще до которого часу не судылы городянки, бо „висимъ рокивъ“, мовлявъ,—„не висимъ денькывъ—натомышся у наймахъ“.

Але ось прыпала неделя. У тому сели, де жыла Горпына, перероблялы саме иконостась, и въ церкви не правылось. Мелашка умовыла Приську питы зъ нею у сусидне село до службы и збудыла її зъ пивными. Выйшли вони, тилько на свить по-

благословылося. Ранокъ бувъ чудовый, свижий, тихый; сонечко схопылося рано, кинуло своимъ проминнямъ навколо, и раптомъ засяялы золотомъ важки колоскы жыта, заблестила самоцвитнымъ каминнямъ кожна росынка, всмихнулася, выправылася кожна стеблынка зеленого проса, побадёрнишала та повеселишала видъ того теплого проминня и недоспавша, а черезъ те спочатку по-хмура, Приська. Вузенька стежка, що вела до сусиднёго села, пролягала мижъ высокымъ жытомъ, вылася по-надъ обмижками и, здавалося, кинця-краю не мала. Напевне, инымъ часомъ Приська, зауважывшы, якъ далеко простягся той степъ, що їй повинно перейти, якъ неясно мріє той осыковий гаёкъ, що вырись на пивъ-дорозы, повернула бъ, слова не мовывшы, назадъ й зареклася бъ ходыты и вдруге, але у цей чудовый ранокъ у неи такъ гарно, такъ лагідно було на души, стилькы сылы почувала вже у тили, що колы вызырнула зъ-за зеленои гуцавыны цвынтаря биленька невеличка церква, Приська не хотила йняты виры, що перебигла більшь якъ шість гонивъ. Коротенька видправа панъ-отця Ардаліона, подорожъ назадъ тежъ не вatomyлы Приську и вона не тилькы не лягла спочываты писля обидъ, а навить гуляла и зъ вечора довше, нижъ завжды.

Така незвычайна бадёристъ Приськы вневныла Мелашку, що сестра вже добре видпочыла писля наймивъ и здатня до працы на поли. А якъ їй хотилося вытягты городянку у поле! Работа тамъ була не погана: добра половына жыта стояла у копахъ, пшениця тежъ ще не нагоныла, и Мелашка управылася бъ любисенько зъ ненькою безъ допомоги третёго женця, але жъ, не зарады своеи корысти й клопоталася дивчына, умоवляючы сестру выйты у понедилокъ до жыта. Мелашка зауважыла те вражывня, що зробыла сестра у церкви на челядь, вона постерегла цикави погляды парубкивъ, заздристни зитхання дивчатъ, що наче ажъ йлы очыма красуню-городянку у зеленій сукни та билому шовковому платочку, але-жъ чула вона, якъ одынь дядько мовывъ у голосъ: „за такою жинкою хлиба не йисты“, а другый додавъ на увесь цвынтарь: „крупчаткою подавышься“; бачыла вона тежъ, якъ поважный дидъ Якивъ огля-

дивъ поважно Приську, зитхнувъ важеко й перехрестывся, до-
видавшысь, що ця городянка—Горпынына дочка, и ій невымовно
шкода стало сестры.

Довго умовляла Мелашка Приську выйти на поле. Приська
сміялася, жартувала, видмагалася, упевняла, що й серпа не вдер-
жыть у руци, що не вміе и не хоче жаты; Мелашка доты не
одійшла видь сестры, покы та нарешти не згодылася выйти
„хочь подывытысь“, якъ люде жнуть.

Приська захопыла заполочъ, шыткы, запъялася тонисень-
кою намиткою й певна, що йде тилькы „дывытысь“ на чужу
працю, послидкувала за матирью та сестрою до жыта. Не такъ
миркувала Мелашка: вона прыгадала, якъ крала вона ще мани-
сенькою серпъ, якъ хапалася потай видь матери та старшой
сестры зризаты тымъ серпомъ хочь де-скількы бурьявыновъ;
якый це бувъ щасливый день у іи жытти, колы нарешти ій до-
ручылы окреміи серпъ, повелы у поле, колы вона зайняла по-
стать и нажала мало не пивъ-копы, и думала теперь, доруча-
ючы сестри блискучый гострый серпъ: „хай тилькы вона выйде
на поле, хай тилькы побачыть, якъ люде жнуть, то не втер-
пыть — зохотытыся жаты“. Приська прыняла зъ веселымъ
усмихомъ той серпъ, перехрестылася на схийдъ сонця, якъ ве-
лила Горпына, зризала де-кількы жмень жыта, перевязала це-
ревесломъ, обвйтчала свій снипъ полёвымъ горошкомъ та ва-
сылкамы, увиткнула ёго зъ реготомъ та жартамы у шапку
найвыщого полукипка, та й обмотала серпъ ганчиркою.

— Оце й годи?—запытала наче ажъ зъ жахомъ Мелашка.

— Хяба мало нажала?—засміялась Приська, вытягаючы
зъ пидъ кипъ свои шыткы.

— Невже навспрявжкы бильшь не жатымешъ?—запытала
Мелашка.

— Невже-жъ ты справди думала, що я жатыму?—пере-
пытала ій Приська...

— Заревлася не жаты, чы що?—запытала зъ докоромъ
Мелашка.

— Эге-жъ, зареклася...—видмовыла Приська, складаючы у купку снопы, щобъ було де сисы.

— Чому жъ то такъ?—обизвалася Горшына.

— Тому, що не дурна...—белькнула Приська.

— Якъ не дурна, то й не толочъ; якъ той дурень, святого хліба,—скыпила Мелашка и синнула купку снопивъ зъ-падъ Приськы... Приська схопылася, плюнула на Мелашку й кынула ій де-кількы образливыхъ сливъ.

Мелашка мала тежъ неледачый языкъ до послугъ—завелася суперечка; слово за словомъ, докиръ за докиромъ—и сестры нарешти зрозумілы, яка безодня прырва розризвяе ихъ, якъ далеко розійшлысь воны за висимъ рокивъ, и якъ мало надіи на те, що воны, диты одніеи ненькы, порозуміюцца колы-небудъ.

Горшына цилкомъ спочувала Мелашци, котра, на іи поглядъ, казала городянци дійсну правду; але ій шкода було й Приськы. Ій прыкро було слухаты суперечку дитей, и вона зважылася перекынуты хочъ легенькый мисточокъ черезъ ту прырву, що розризныла сестеръ.

— Цытьте! Не гукайте на все поле, щобъ бува люде не позбигалыся. Чого вы сперечааетеся? Ты, Мелашко, не служыла въ города, не знаешъ, якъ тамъ жывется,—Приська тежъ не знае сільскаго жыття—нема обь чимъ вамъ и змагатыся,—спыныла дитей Горшына.

Мелашка видраву стыхла, а Приська не замовкла: вона вже прыдывылася за цей тыждень до селянъ, вона впевнылася, що воны марно переводять и літа и здорovia свое, вона знае, що найзаможнишому, найроскишншому зъ селянъ и у сні не увыжаюцца ти чудови обставыны, ти умовы, котрымы корыстувалася вона, Приська—звычайна наймычка, въ гброди.

— Де це поведыцца, якый катъ-господаръ прыневольывъ бы васъ старистью пектыся на сонци та трудыты поперець? Невже вамъ легше выстояты рачкы на отакій специ, ніжъ слугуваты панамъ у города?—скынчыла Приська свою довгу, палку промову.

— Може и йе дуже гарни паны, гарни господари, а намъ, селянамъ, немає кращою господаркы за свату землю, нема кращого господаря—за Господа Бога,—видповила спокійно Горпына.—Пошле Господь литечко, вродыть свята земля—выйдемо мы у поле, знаемо безъ загаду, що намъ робыты, якъ и йй, святій земли, и соби догодыты. Попотрудымо попереки тыж-нивъ зъ висимъ, попоганяемо скотынку, позбираемо те, що давъ Господь намъ за нашу працю, позвозымо до хатъ, та й сыдымо соби нышкомъ по своихъ куткахъ, ажъ покы знову сонечко не поверне на лито.

— А що вы бачыте, що вы чуете, сыдючи по своихъ куткахъ? Чы вы на свить билый надывытеся, чы вы людей на-слушаетесь за свій викъ?—засміялася Приська.

— Охъ, дытыно моя! Свить велькый—не зйиздыты, не сходыты ёго—та не нашъ. Нашого тилькы и йе, що хатына про жыття, та домовына про смерть—про те тилькы й треба дбаты. Людей есть сыла сылою, та то все люде не наши: намъ байдуже про ихъ, и мы имъ непотрибны, а тилькы й нашихъ людей—що своя родына та свои селяне,—завважыла Горпына.

Приська засміялася.

— Що вамъ зъ тыхъ селянъ? Що воны вамъ дадуть, на вищо воны вамъ, а вы имъ здалися?

— Те й дадуть, що мы сами даемо имъ: треба порады—порадыть, допомогты—допоможуть, розважыты—розважаты, у кумы запрохаемо—пидуть, одно слово—не попустыть загынуты; не почуватымешъ себе у своему сели тиею былыною пры до-рови,—видмовыла Горпына.

— Отакъ само радытымуть, пособлятымуть, розважаты-муть васъ и городяне, а кумивъ вже й напевне здобудете кращыхъ у городи, нижъ тутъ...—не спынялася жартуваты Приська.

— Радытымуть, дытыно моя, и въ городи,—мовыла Горпына,—та не въ одно: наймычка дасть тоби одну пораду, пере-купка—другу, пани—третю...

— Ось порадыте мени теперь, якъ мени до-дому добы-тсся, бо прямо не всыжу тутъ: душно, пече... Хотила бъ я

знаты, скільки копійекъ заробите вы за день такой пекельной праці,—мовыла Приська, пидводячысь зъ земли и утыраючы намиткою вранли поту на выду.

— Хоба мы личымо колы зароблени копійкы? Мы не гроши, а хлибъ заробляемо,—видповыла Горпына.

— Та все жъ цикаво перевесты отой хлибъ, що заробляете такъ гирко, на гроши,—завважила Приська.

— Ого-жъ иды на село та й переводь свои гроши на хлибъ, бо я тоби теперь й шматка хлиба не дамъ.—Кунуй, багатырко, ласуй на чужу працю, а мы, хвалыты Богови, хлиба не купували, чужою працею не жывылыся,—скыпила доси мовчазна Мелашка.

Приська спалахнула—почалася изнову суперечка, якъ на те набызылыся пастухы, поривнялыся зъ Горпыною де-яки женци, що верталыся на обидь до-дому, и кожне слово цией суперечкы облетило незабаромъ все село.

Мелашка дорого дала бъ, щобъ завернуты свои слова назадъ, щобъ впеvныты селянь, що то вона зъ дурного розуму, зъ сердца, плескала про сестру нисенитницю, але Приська наче навмысне добывалася худой славы, и зъ кожнымъ днемъ до одного прыкрого прызвыща добавлялы ий друге.

Мелашка пъялася зъ усией сылы, нервово хапалася за всяку працю, не дойдала, не досыпляла, зъ ранку до вечора не прысидала, та все терпяче сподивалася, що сестра захопытся такы нарешти жыттемъ ихъ маленькои симби, що вона зацикавтыся ихъ побутомъ, що принаймни хочъ, шкодукучы сестру та стару веньку, додасть своеи допомоги. Горпына тежъ все чогось сподивалася, и колы яка кума почынала допытуваты: „докы Приська святкуватыме“, впеvняла ии, що тому святови прыйде незабаромъ кинець, що дочка незабаромъ опамъятаеця та почне робыты, „якъ и люде“. Тилькы сама Приська розумила добре свое становыще, напевне знала, що не згодытыся „марно потрачаты своего здорыва“, „не захопытся тией працею“, до котрой зохочувалы ии сестра та маты, „не занастыты своего выку за хлиборобомъ“ и здобуде соби неод-

минно такой шматокъ хлиба, якый-бы мигъ задовольныты їи. Вона не тилькы розумила все це, але й не крылася ни видъ кого зъ своєю метою, дарма що слова їи не знаходылы навколо спочуття, а розмова зъ родыною кинчалась суперечкою.

Якось разъ пцсля такои суперечкы зъ Мелашкою Приська сьдила на лави та вызала намысто. Горпына прысила до неи.

— Ты, дочко, не враждуй на Мелашку,—мовыла вона стыха.—Мелашка—дивва молода, нерозсудлива; иноди може й зайве що бельене, а ты такы старшенька.

— То що якъ старшенька?—перепынула Приська матерыну ричь.—Звельте може зменьшатся, передкы їй цилуваты? Вы вси за неи заступааетесь, вси проты мене, вси на мене наладомъ.

— Хай Богъ мылуе! Хто-бъ на тебе дурно нападася? Судять тебе люде, нарикаю и я иноди на тебе, такъ то жъ, дочко, не по дурному: Мелашка робыть, якъ не перервется, а ты хиба въ хати прыберешъ, та й годи.

— Не ривняйте мене до Мелашкы!—спалахнула Приська.— Не накыдайте мени тїей роботы, що а й до самои домовыны не згожуся робыты! Чомъ вы не дывылыся, якъ я робыла у генеральшы, чому вы не пыталы людей, чы дурно а тамъ хлибъ йила? За мною булы й горныци, за мною й генеральшыны сукни, за мною и сорочки, за мною всячына, та то жъ и догожала висимъ рокивъ,—годувалы, по чотыри карбованци на мисяць платылы, ще й подарункы робылы...

— Царство Небесне тїй генеральшы, що выгодувала тебе, а все-жъ, дочко, не вיקъ чужымъ людямъ годыты—треба колысь и самїй господарюваты...

— Хай и моимъ ворогамъ таке господарство, якъ оце, не снытсся... Давытсся чорнымъ хлибомъ, тягаты на плечахъ теткы, докы на шматкы не розпадутся, ни веселоцивъ, ни ласоцивъ не зазнаты—ото все ваше й господарювання. Колы хочете знаты, то а дывлюся на васъ або на Мелашку, ривняю до тыхъ наймытивъ, що зазнала, та тилькы дывуюся мовчкы:

де ваши очи, що вы не бачыте, на вищо вы перевелыся, аже ваше жыття?

— То бѣ, на твою думку, и мени слидѣ було бѣ найнятысь?—здывувалася Горпына.

— А вже жѣ, найнятысь,—мовыла Приська.

Горпына образылася.

— Э, то вже дочко, дурныця, сямъ разъ дурныця! То вже, дочко, брешешъ! За таки речи я тоби вже не подякую. Не була твоя маты чужымъ попыхачемъ, та й не буде. Якъ гирко не доводилося, та все не куштувала недоидкывъ видѣ панського столу; хочъ и черствый хлѣбъ—та свѣй; хочъ и похыла хатына, та свѣй кутокъ; хочъ и поганенька господарька, та не налаяна, не осужена!—завважыла Горпына.

— Ну й сыдять „господарьы“ та „господарьски дочки“ надъ кандѣромъ, а я не хочу звыкаты до такого жыття, и не прысылуετε, не прыневольте вы мене до вику,—мовыла Приська.

— Кого тамъ сылуваты? До чого прыневолюваты?—запытавсь дядько Максимъ, що саме нагодывся на останни Присьчыны слова.

— Не прыневольте, не прысылуετε до чорной роботы,—зѣ серцемъ видказала Приська.

— А я гадавъ, що тѣи твоєи дурной писни вже й край забулы, що опамъяталася та дякуешъ мени за те, що я вытягъ тебе зъ того болота та показавъ, якъ люде повинни жыты та господарюваты, ажъ ты, бачу, не дуже-то!—мовывъ зъ докоромъ дядько Максимъ.

— „Нате й моихъ пъять, щобъ було десять“. Чого ще вамъ видѣ моєи души треба? Посміялыся зъ дуркы, обиданокъ надавали, сямъ мишкивѣ гречаной вовны набалакалы, а теперъ ще й докоряете, що не корюся вамъ? Де ти писари, де ти благородни люде, що вы мени задалегидъ высатуувалы? На вищо вы мене зъ города взяли? Погыбели моєи захотилы?—заплакала Приська.

— Чудна ты, дивко! Подумай сама: за кого бъ я тебе и высватавъ? Чы тебе хто на поли бачывъ, чы твою роботу хто колы похвалывъ? Мелашку я высватаю хочъ и сёгодня, дарма що вона женьша, а тебе... Кому ты потрибна? Кому й на вищо здалыся твоя врода, твои били руки, колы ты не здатня до пращи?—Була въ мене думка высвататы тебе за Бондаренка,—несхотивъ тебе.

— Ось якихъ молодыхъ тулыте вы мени! Чы я вамъ не казала, що не пиду до вику за простого мужыка-хлибороба? Хиба я не знаю, якъ воны знуццаються зъ жинокъ своихъ?

— А подывысь, якъ Бондаренко панькається теперь зъ своею молодою жинкою. Наче ти голубкы жыуть. Зазнають и щастя на своему вику, й роскоши—якъ одынъ день викъ прожыуть!—мовывъ Максимъ.

— Прямо—„зазна роскоши“! Не бачыла я, мабуть, яку спидныцю ваша Санька телипае, не куштувала, мабуть, пыргивъ ия!—засміялася Приська.

— Бачу, до чого ведешъ ричъ, та тилькы помыляешся ты, небого. Не у тимъ роскишь, що сёгодня шорстяне, а завтра рядняне, а у тимъ, що завжды йе те, чого треба; не у тимъ роскишь, що сёгодня вязка бублыкывъ, а въ тимъ, що не голодвый... Ты сёгодня, бачъ, прычепурылася, напыяла шорстяну суеню, поснидала бублыкамы, напылася чаю, спала до обидъ, а я не знаю, у чому ты сидитемешъ черезъ рикъ, якъ жыви диждемъ, що йистымешъ та чы переспышь, чы може за голодомъ та досадою й про сонъ забудешъ?.. Никому, причъ Господа Мылосердного, невыдъмо, що тебе сподивається, що тоби трапытся та у чихъ рукахъ опынытся и скрыня твоя важка, й те добре намысто, що теперь ныжешъ; а за Саньку такъ и объ закладъ можно побытыся, що й черезъ ривъ и черезъ десять будуть и пырогы на столи, и таки сами спидныци, якъ теперь, колы не кращи. И я тоби поражу...

— Хай воно сказытся таке жыття, якъ Саньчыне! Я-бъ швыдче соби смерть заподіяла, ніжъ згодылася отакъ свитомъ нудыты,—не стерпила Приська и перебыла дядькову ричъ.

— Оце лихо! А якого жъ,—не у гнівъ вамъ буде, що запытаю,—жыття вамъ забажалося?—засміявся дядько.—Хиба ты не така сама мужычка, якъ Санька? Покинь краще вси свои выгадки та примхы! Не морочъ людямъ головы, покинь шукаты того незвычайного жыття, визьмыся гарненько до пради, то я тобі высватаю чудового парубка,—хазяйського сына, одынця у батька...

— И не нагадуйте мени про тыхъ хазяйськихъ сыннивъ—не пиду я за ныхъ замижъ. Не мужыкнивъ я цураюся, а хлиборобивъ. Не вси мужыкы господарюють—йе таки, що й на готови гроши жывуть; отакого мени знайдить, а ни, то одвезить мене краще у городъ—тамъ я сама соби раду дамъ, якъ мени жыты.

— За городъ, дочко, вже не нагадуй: до вику-вичнёго не буде тобі на те мого благословенія,—обизвалася безъ краю сумна Горнына.

— Въ городъ тебе вже нихто не пустыть: и такъ великого ума набралася—поставыть на увесь твій вижъ,—додавъ Максимъ...

— Та вже жъ и тутъ нема мени жыття. Кожене пече мене, дорикае, коженъ очи выйидае,—заплакала Приська.

— Присько!—звернувся до неї трохи згодомъ Максимъ.— Не вже ты такы навспрявжы поклада соби не выходыты замижъ за хлибороба? Може ты такы одумаешся колы-небудь?

— Доки вы мене допытуватимете, доки дратуватимете?—Сказала, що не пиду за хлибороба, то хочъ зависьте, не зминю на цѣму слови!—заголосыла ще дужче дивка и выбигла геть зъ хаты.

Л. Яновская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Практика смертной казни въ старой Малороссіи. «1734 году, апрѣля 6 дня. Миѣніе войскового генералнаго суда по дѣламъ криминальнымъ о колодникахъ батуринскому жителю Матвѣю Сергіенку да жителю переяславскому Федору Иванову учинено въ нижеслѣдующемъ. 1. Помянутой Сергіенко в распросѣ показалъ, что онъ хозяина своего, батуринскаго жителя Мартина Кащенко, в дороге, под городомъ Лохвицею, самъ собою оссю спящаго убилъ, ради имѣвшихся у него Кащенко денегъ, которіе числомъ 8 р. и лошади оного убитого взявъ онъ, Сергіенко, намѣривалъ ехать в Полтаву, чтобъ пристать къ кому в службу; и закопалъ былъ оніе денги под Лохвицею, в урочищи подле Креста. А потомъ, когда его Сергіенка лохвицкіе люде в дороги запыннвъ, привели в Лохвицу, то онъ, Сергіенко, за приближеніемъ жены Кащенко, с посланными отъ старшины лохвицкой людьми, означенніе денги подле Креста на нивѣ закопанніе сискавъ, отдалъ оной женѣ убитого Кащенко. А о томъ смертномъ убійствѣ онъ, Сергіенко, в суде генералномъ ис нитви винился и сказалъ, что онъ того хозяина своего Кащенко подлинно убилъ з своего умыслу для того, чтобъ его хозяйскіе пожитки забрать и покористоваться оними; а на то убійство его никто не подговаривалъ и в томъ помощникомъ никто ему не былъ, а прежде того убійствъ другихъ никому не чинилъ. А сего 1734 году, марта 12 д., глуховскаго Петропавловскаго монастыря намѣстникъ іеромонахъ Варлаамъ и новгородскаго сѣверскаго Спасскаго монастыря іеромонахъ Петръ Берггель с іеромонахи катедры Черняговской Зосимомъ и Тихономъ да глуховскій протопоицъ Алексѣй Галаховскій, с протчіями священ-

Томъ 74.—Іюль-августъ, 1901.

и вѣн, числомъ восемьъ человекъ, в поданномъ в судъ енералній чело-
 добити просили, чтобъ одного колодника Сергіенка, которій де еще
 будучи младолѣтенъ в тотъ убійства грѣхъ впаде, отъ смертной
 казни свободить на покаяніе. А в правахъ матороссійскихъ напечатано,
 а именно: в книге Статутѣ, в раздѣлѣ 11, артикулѣ 9, ежели бы
 которій слуга взявши предъ себе злій умыслъ, господина своего за-
 билъ или ранилъ, таковій имѣеть жестоко горломъ каранъ быти,
 яко зрадца четвертованъ; да в томъ же раздѣлѣ, артикулѣ 56—
 когда бы кто о воровство или о какое злочинство к смерти отъ су-
 дей приговоренъ былъ и в томъ отъ смерти откупилъ себе денгами
 или чрезъ свойственниковъ своихъ или гостей, пословъ, господъ зна-
 менитыхъ випрошеній былъ, а за таковій свой злій учинокъ у ката
 в рукахъ былъ, такий каждій между добрими людьми рыцерскими не
 имѣеть болше того привилею шляхетского уживати, а дѣтемъ его то
 вредить не имѣеть. 2. Прошлого 1733 г., ноября 16 д., дѣло по при-
 сланному экстракту отъ наказного полковника переясловского Томары з
 старшиною, о Ѳедору Иванову, которій Леску Косому и женѣ его
 Еленѣ приказоваль жену свою Евгенію перво отруить, а послѣ уда-
 вить и оной Леску удавилъ, а жена его давала мышаку пить, о чомъ
 изъ розыску показали, в судъ енералномъ рѣшено и велено по силѣ
 правъ малороссійскихъ в книге Статутѣ в раздѣлѣ 11, артикулахъ
 6 и 17, да в книгѣ Порядку, артикулахъ 66 и 87, чинить смертную
 казнь и о томъ того жъ ноября 16, в оной старшинѣ полковой для
 исполненія посланъ указъ. И того жъ году декабря 21, отъ той стар-
 шины в судъ енералній репортовано, что ониъ Леску Косому и
 женѣ его Еленѣ учинена смертная казнь. А сего 1734 году, генваря
 11, преосвященній епископъ переясловскій и бориспольскій Арсеній
 Берло и г. генераль-майоръ Кейтъ в судъ енералній писали с про-
 шеніемъ, чтобъ ради торжественного дня тезоименитства ея высоч.
 государыни принцессы Анны (аще возможно будетъ) помиловать его,
 Ѳедора, отъ смертной казни освободить. А по справке в генерал-
 номъ войсковомъ суде з дѣлами в прошломъ 1733 году, содержались
 колодника в ономъ судѣ, а именно смоленской губерніи, города Дра-
 гобужія, деревни Тужимовой, помѣщика Гаврила Заблоцкого, Яковъ
 Савеліевъ сынъ Зайцовъ—в пятократномъ в разнихъ обивателей, в
 томъ числѣ и церковномъ, воровствахъ, да Ѳилипъ Фоминъ сынъ,
 житель Короповскій, за растлѣніе дѣвицы Агафїи Ивановой дочери,
 чтъ чего она и умерла, которимъ надлежало было по силѣ правъ

учинить смертную казнь, ибо уже и приговорены были, а по прошенію духовныхъ особъ и по силѣ вышеписанного права в раздѣлѣ 11 артикулѣ 16 напечатанного, смертію не казнены и отданы онымъ просителемъ с роспискою, что оны впредѣ такихъ злодѣяній чинить не будутъ. А нынѣ, по мнѣнію суда еeneralного, показанного Сергіенка за убійство хозяина его Кашенка по силѣ артикуловъ 6 и 17, того жъ раздѣлу, учинить смертную казнь, а показанный артикулъ 56 одного жъ раздѣлу, весьма не пристойный к такимъ дѣламъ отставить, понеже, ежели смертныхъ убійцовъ по оному артикулу и по прошенію духовныхъ особъ отъ смертной казни свобожать, то многіе на то смотря, возмѣвши безстрашіе, стануть чинить смертніе убійства въ той надеждѣ, что ихъ духовніе отъ смертной казни отпросятъ. Аванасій Радищевъ. Иванъ Сенявинъ. Судія еeneralный Михайло Забѣла.

Къ исторіи „войсковаго скарба“. «Исторіи войсков. скарба», еще ненаписанная, представляетъ немалый интересъ для исторіи экономической жизни старой Малороссіи, указывая какъ гетманщина устраивала свои финансы. Главнымъ источникомъ послѣднихъ, до измѣны Мазепы, служила аренда—на «горѣлчаніе, тютюнные и дегтевіе шинки». Два приводимые адѣсы универсала Мазепы поясняютъ—какъ практиковалась эта аренда въ монастырскихъ селахъ. 1) «Ихъ царского пресвѣтлаго величества войска запорозкаго гетманъ Іоанъ Мазепа. Ознаймуетъ сымъ нашимъ писанемъ каждому кому о томъ вѣдати належитъ, пжѣ що колвекъ належитъ до скарбу нашего войсковаго суммы арендовнои до маетности архимандріи Новгородской, въ полку Нѣжинскомъ и Чернѣговскомъ будучи, за рокъ 1695 належнои, то мы тую всю сумму—двѣстѣ сѣмидесятъ золотихъ грошей—даруемъ висоце в Богу преевелебному его милости господину отцу Михайлу Лежайскому, архимандритѣ Новгородскому, в чомъ даючи его милости сію нашу охорону, варуемъ, абы никто з старшини и чернѣ не важился правити тыхъ грошей за тіе маетности предреченои архимандріи Новгородской. Данъ в Ватуриинѣ, октовріи 26 д. 1695 року. Звишѣ менованный гетманъ рукою власною».

2. «Его царского величества войска запорожского гетманъ Іоанъ Мазепа. Озвнаймуемъ симъ листомъ нашимъ кождому кому о томъ вѣдати належить, ижъ пустилисмо висоце в Богу превелебному его милости господину отцу Никону архимандриту Новгородскому, арендовіе, горѣлчаніе, тютюнніе и легтевіе шинки в завѣдоване в селѣ Спаскомъ в сотнѣ сосницкой будучимъ, на наступующий рокъ 1704-й отъ дня—починаючися, а о томъ же часѣ прийдучого году кончатися 1705-го мѣючися, за которіе то шинки висоце в Богу превелебный отецъ архимандритъ яко належитую до скарбу войскового сумму устилъ, такъ позволяемъ оними велдугъ давнего порадку владѣти и якъ хотя оними диспоновати ку лучшему своему пожиткови; въ якихъ шинкахъ не повиненъ никто з жителей поменного села Спаского войсковихъ и посполитихъ людей и з постороннихъ переждающихъ жадной найменшой перешкоди чинити потаежнымъ горѣлки шинкованемъ и явнимъ; медомъ засъ, пивомъ и брагою волно всякому з козаковъ и посполитихъ людей безъ жадныхъ дачей шинковати, що все такъ, а не иначе абы было, симъ листомъ нашимъ варуемъ. Данъ в таборѣ іюня 4, року 1704, подъ Хвастовомъ. Звишьменованный гетманъ рукою властною» ¹⁾.

Остатки преданія о Гонтѣ. ²⁾ «Недавно мнѣ случилось быть въ селѣ Сербяхъ (могилевскаго уѣзда, подольской губ.). Селеніе это извѣстно тѣмъ, что оно было мѣстомъ казни извѣстнаго предводителя народнаго движенія и дѣятеля такъ называемой «Уманской рѣзни» — Гонты. Казнь Гонты дала с. Сербамъ право на упоминаніе въ южно-русской исторіи. Зачѣмъ именно Гонта былъ завезенъ для казни въ с. Сербы, такъ далеко отъ главнаго мѣста своихъ подвиговъ—окрестностей Умани, и отъ мѣста своего илѣненія—отгадать трудно; но это

¹⁾ Оба документа изъ монастырскихъ актовъ, нынѣ хранящихся въ кievскомъ централн. арх.

²⁾ Перепечатываемъ эту интересную статью г. О. О. (?) изъ стараго „Кіевлянина“ (1871 г. № 45), гдѣ она, какъ и многія подобныя другія, теряется чуть не навсегда. Большую пользу принесли бы редакция „Кіевлянина“ наукѣ, если бы издавала выборки подобныхъ статей изъ своего изданія за прежніе годы, въ видѣ отдѣльныхъ *Сборниковъ*. Матеріалъ въ этой газетѣ для такихъ *сборниковъ* имѣется обильный и интересный.

обстоятельство повліяло на то, что количество устныхъ народныхъ преданій о его смерти уменьшилось. Жители окрестностей мѣста его казни не такъ были заинтересованы личностью Гонты, меньше занимали ихъ воспоминанія о ней, чѣмъ жителей той страны, которая полна преданій о событіяхъ, связанныхъ съ именами Гонты и Желѣзняка. Сербы видѣли только казнь,—но не видѣли дѣлъ Гонты.

Разспросы у жителей с. Сербовъ дали немного; сто лѣтъ времени сильно сгладили народное преданіе, и отъ него уцѣлѣли только небольшіе остатки, слабо свидѣтельствующіе о томъ, какъ относилось населеніе къ дѣятелю уманской рѣвани: съ симпатією или съ отвращеніемъ; что больше запечатлѣлось и уцѣлѣло въ народной памяти: его-ли жестокости, или то, что Гонта все-таки былъ выразителемъ народнаго движенія, народнаго чувства. Правда, почти всѣ жители с. Сербовъ твердо запомнили, что здѣсь именно былъ казненъ Гонта, но личность его представляется имъ недостаточно опредѣленною. Въ отрывочныхъ разсказахъ, Гонта является то предводителемъ народнаго движенія, симпатичнымъ населенію, то простымъ разбойникомъ. Новѣйшее поколѣніе уже смѣшиваетъ его иногда даже съ разбойникомъ Кармелюкомъ, дѣйствовавшимъ въ подольской губерніи въ позднѣйшее время. Подвиги Кармелюка иногда приписываютъ Гонтѣ, хотя крестьяне постарше тутъ же и протестуютъ противъ такого мнѣнія и отдѣляютъ личность Гонты. «Нема теперь уже такихъ» — говорятъ они — «щобъ бачылы, якъ Гонту тутъ *стратылы*. Це вже дуже давно діалось: и ти вже стари люде, котри чулы видъ батькѣвъ и видъ дидивъ». Только старая, разрушающаяся деревянная церковь села Сербовъ, которой повидимому далеко больше ста лѣтъ,—остається безмолвнымъ свидѣтелемъ страшной казни, устроенной польскою лютостью, надъ лютымъ карателемъ поляковъ и жидовъ. Въ селѣ осталась еще также поговорка: «Гонта свить пройшовъ, та Сербивъ не перейшовъ»: тутъ его и «стратылы».

Мѣсто казни указываютъ различно: одни говорятъ, что Гонта казненъ у самыхъ воротъ селенія, возлѣ вновь выстроенной церкви, гдѣ будто-бы стоялъ прежде и крестъ, на который встарину указывали, какъ на мѣсто могилы; другіе положительно утверждаютъ, что казнь произведена была возлѣ «мурованной криницы», немного подалее. Какъ признакъ могилы называютъ желѣзный коль, который будто-бы вбили въ могилу мучителя Гонты. Гдѣ этотъ коль — отысцать едвали удалось бы. Но о существованіи кола повторяютъ всѣ.

Гонту долго мучили—говорять старики; его не за одинъ разъ убили: сняли съ него кожу съ головы, потомъ отрубили одну руку, дальше другую, а тамъ и ноги, а послѣ всего голову. И это дѣлалось нѣсколько дней, чтобы дольше мучить; «отрубить Гонтѣ одну руку, а онъ акафистъ Іисусу читаетъ; отрубили другую руку,—а онъ все-таки акафистъ читаетъ»—такъ говорилъ одинъ старикъ, рассказъ котораго былъ очень толковъ и согласовался съ извѣстными подробностями событій.

Другіе говорили, что Гонту убили иначе, вытягиваніемъ изъ него кишекъ: вытянули кишки, привязали къ столбу и вертѣли его вокругъ столба, пока не вытянули всѣхъ кишекъ до конца; тогда Гонта засмѣялся и умеръ; а когда его мучили, онъ все молился и акафистъ читалъ. Послѣдній рассказъ очевидно ошибоченъ и расходится съ письменными свидѣтельствами, по которымъ дѣйствительно съ Гонты сняли кожу съ головы, голову посолнили, вырѣзали полосы кожи съ другихъ мѣстъ тѣла и четвертовали съ большими промежутками времени. Первое преданіе вѣрнѣе. Но оба разнорѣчащія преданія говорятъ одинаково, что во время казни Гонта громко читалъ акафистъ. Если и теперь еще уцѣлѣло подобное преданіе, то ясно, что въ народной памяти Гонта остался не въ видѣ разбойника, а въ совершенно другой обстановкѣ: представленіе человѣка, умирающаго съ твердостью и читающаго акафистъ во время мучительнѣйшихъ смертныхъ истязаній,—вызываетъ въ народѣ совсѣмъ не то чувство, какое имѣютъ къ разбойнику.

«То правда, що Гонта багато збытківъ (т. е. вреда, пакостей) наробивъ по свиту», говорятъ сербянскіе и окрестные крестьяне, но иные прибавляютъ, что не для всѣхъ онъ былъ такой лютый человѣкъ; одни говорятъ, что онъ былъ лютъ только до «ляхивъ и жыдивъ»; а другіе,—что онъ былъ такой человѣкъ, что богатаго «обибравъ, а бідному надавъ». Въ этомъ послѣднемъ преданіи выступаетъ опять не разбойничій атрибутъ, а что-то другое, хотя мало определенное. Очевидно, что въ населеніи осталось симпатичное чувство къ Гонтѣ: его не считали дурнымъ человѣкомъ.

Одинъ изъ стариковъ, больше всѣхъ знавшій о Гонтѣ, рассказывалъ такъ: Гонта былъ родомъ изъ Росошегъ подь Уманью; его жь село было и Кодыма (Подольск. губ.); тутъ (въ Сербяхъ) про него никто хорошо не знаетъ; а я помню, что по дорогѣ въ Одессу, какъ бывало идешь, то про него тамъ больше говорятъ.—«Я добре знаю,

что якъ пидешь въ ту сторону, то тамъ було и на-ничъ тебе не примуть: прїидешь въ село просытсья на ничъ, спытають: а звидкиля, чоловиче?—Зъ Сербивъ.—Зъ которыхъ Сербивъ? Бо есть еще и другіе Сербы (дѣйствительно, въ подольской губ. есть и другое село Сербы). Якъ тилько скажешь, що въ тыхъ Сербивъ, що пидъ Могылемомъ, то уже ни за що не пустать на-ничъ: то вы зъ тыхъ Сербивъ, кажуть, де нашего батька (або дядька) *стратылы*. Идить соби! Такъ и не пустать. А мы хйба вынни (виноваты), що въ Сербяхъ Гонту стратылы?»

По сербянскимъ разсказамъ выходитъ, что и населеніе изъ окрестностей Умани также относилось сочувственно къ Гонтѣ; видѣвшіе людей изъ-подъ Умани, говорятъ, что и послѣдніе называли Гонту батькомъ или дядькомъ и говорили, что это «добрый былъ панъ» хотя и багато збыткивъ робивъ по свиту жыдамъ и ляхамъ».

Не лишено интереса то обстоятельство, что въ народѣ осталась память, будто и русское правительство, престаиватели котораго выдали Гонту полякамъ, противилось его казни: „какъ тилько стратылы Гонту въ Сербяхъ», говоритъ одно изъ преданій, «скоро зъ Петербургу прышло таке письмо, щобъ его не убывать, а повезты въ Петербургъ, якій то слыцаръ». То вже письмо то не поспило, не було вже кого везты въ Петербургъ». Не просвѣчиваетъ ли тутъ старое народное мнѣніе, что русское правительство не могло, за одно съ поляками—преслѣдовать народное движеніе русскаго населенія.

Мѣсто подвиговъ Гонты многіе въ окрестностяхъ Сербовъ совершенно спутывають; такъ напр. нѣкоторые говорятъ объ убиеніи католическаго духовенства и учащихся «студентивъ», и о томъ, что убитые были брошены въ колодезь,—но вмѣсто Умани называють мѣстомъ дѣйствія городъ Баръ. До того стерлось тутъ преданіе, до того забыли его въ сто лѣтъ!

По народному преданію, въ Сербы привезенъ былъ не одинъ только Гонта, но и множество гайдамаковъ; ихъ всѣхъ, кромѣ Гонты, содержавшагося особо, разсадили въ двѣ огромныя и глубокія ямы, не покрытыя отъ непогоды, и держали тамъ довольно долго. Сидѣли тамъ эти «невольники» и кормились тѣмъ, что принесутъ имъ окрестные жители. Ямы, гдѣ мучились «невольники», были такъ глубоки, что ничего туда подать руками было нельзя; есть крестьяне, которые говорятъ, что дѣдъ или бабка такого то изъ нихъ или даже отецъ, будучи въ дѣтскомъ возрастѣ, сами носыли пищу гайдамакамъ въ

ямы; возмутъ «близнята» (т. е. горшки, соединенные между собою по два), привяжутъ къ нимъ веревку и опустятъ тѣхъ на дно ямы. Поѣдутъ «невольники» и отдадутъ назадъ «близнята», но всегда не стѣвши всей пищи; на днѣ этихъ горшковъ приносившіе пищу, находили подъ борщемъ и кашею червонцы и кораллы, которыми «невольники благодарили тѣхъ, кто кормилъ ихъ. Долго стража, охранявшая гайдамаковъ, не знала о томъ, но наконецъ какъ-то обнаружилось, что они передавали деньги жителямъ; тогда ихъ обыскали, и больше денежныхъ гайдамацкихъ даровъ не было. Но какимъ же образомъ плѣнники могли сохранять у себя деньги? Это преданіе объясняется тѣмъ, что ихъ привезли въ Сербы не «оборанными», и что гайдамаки умѣли прятать у себя деньги. Преданіе о томъ, что жители Сербовъ носили имъ пищу, опуская ее на веревкахъ, и часто получали за то щедрые дары въ борщѣ и кашѣ—принадлежать къ числу наиболѣе свѣжихъ и опредѣленныхъ преданій; о томъ говорятъ многіе, совершенно согласно и ссылаясь на слова собственныхъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, видѣвшихъ все это своими глазами.

Этого мало: указываютъ самыя мѣста тѣхъ глубокихъ ямъ, гдѣ содержались «невольники». Такихъ ямъ было двѣ, и отъ обѣихъ остались слѣды, которые я видѣлъ. Одна изъ такихъ ямъ была возлѣ нынѣшняго кладбища, вблизи почтовой дороги; тамъ осталась большая впадина, искусственность происхожденія которой слишкомъ замѣтна; теперь это мѣсто уже вспахано, но если и въ настоящее время впадина еще очень широка и значительна, то какова же она была столѣтъ тому назадъ? Сто лѣтъ ямы эти осыпались, запахивались, и все таки слѣды ихъ не могли изгладиться! Преданіе же, передаваемое мѣстными жителями, утверждаетъ, что въ ямахъ содержались сотни гайдамаковъ—«невольниковъ». Признаки ямъ подтверждаютъ наглядно то, что передается жителями—устно, и своимъ видомъ поддерживаютъ самое преданіе.

Вотъ почти все, что мнѣ пришлось собрать изъ устныхъ преданій о Гонтѣ, на томъ мѣстѣ, которое видѣло его казнь. Слабость преданій объясняется тѣмъ отчасти, что Сербы слишкомъ удалены отъ окрестностей, уманской рѣзни, а до привоза туда Гонты, о немъ едва только слухи туда доходили. Одинъ только старикъ еще имѣетъ нѣсколько опредѣленное понятіе о Гонтѣ, называетъ также по имени сподвижника его—Шилу, о которомъ говорить, что онъ былъ посаженъ

на колъ, „на палъ“,—но еще въ товарищи обонимъ прибавляетъ какого-то «Мотовилу».

Счетъ судебныхъ издержекъ по дѣлу крестьянки съ сосѣдомъ, за порубъ лѣса. 1723 г. «*Реестръ мнѣ Евпросимии Бабичистъ, жительцѣ конопотской, сколько стратила денегъ, правуючися из Левкомъ Гавриленкомъ, семяновскимъ жителемъ.* Напервей, якъ быдемъ, у Глуховѣ, дали жовнѣру шагъ. Сторожовѣ алтинѣ. Панамъ судіямъ полталара. За алтинѣ калачовѣ, за перевозъ 5 коп. Для написання реестру дали алтинѣ, полкопи скарчили. Шостагъ в канцеляріи дали молодикамъ. Въ Конопотѣ, пред пана сотник калачовѣ за шагъ, а шостагъ положила. Свѣдкамъ... на себе скарчила шаговъ три. На конѣ скарчили шостагъ. П. Костенецкому ¹⁾ шостагъ; за написанне двохъ суплѣкъ сѣмъ шаговъ. П. Романовичу 7 шаговъ, на папѣрь, а теперъ на себе искарчили полкопи. На калачи три алтини стратили, предъ пановъ носячи. За подводу таларъ, а на харчъ 7 шаговъ. За перевозъ заплатили полчварта шага, до Глухова едучи. ²⁾ У турму. якъ посадили, дали копейку. На подводницкого коня стратили на кормъ полчварта шага. За написання двохъ реестровъ, три алтини. Когда ми были предъ судомъ войсковымъ енералнимъ и его наказано Левка Гавриленка, чтобъ намъ платилъ девять копъ и ми на томъ згодю (стали?) чтобъ болшей не турбуючи суду войскового енералного. Писанъ сей реестръ року 1721, марта 19^а. (*Съ подминика*). Перечисленныя издержки понесены женою крестьянина с. Гуть Бабича съ сосѣдомъ Гавриленкомъ за порубъ послѣднимъ ея лѣса. Какъ видно, дѣло было начато въ Конопотѣ, у сотника; затѣмъ перенесено въ Глуховъ, въ генеральный судъ, которымъ и разрѣшено. Въ полковомъ судѣ, слѣдовательно, дѣло вовсе не было.

¹⁾ Григорій Костенецкій—тогдашній Конопотскій сотникъ.

²⁾ Слѣдовательно за перевозъ чрезъ р. Сеймъ, у с. Мутина, кролевецъ. у.

Намъ обѣднѣли Оболонскіе. Исторія обѣднѣнія многихъ потомковъ бывшей козачьей старшины въ гетманщинѣ—также интересна, какъ и исторія обогащенія этой старшины. «Набрались деды биды поки набулы, а внуки—муки поки збулы». Такую поговорку привела намъ когда то старосвѣтская «пани», рассказывая нѣкоторые эпизоды изъ имущественныхъ крушеній «пановъ». — Вступивъ въ составъ русскаго дворянства въ в. XVIII в., козацкая старшина очень скоро усвоила себѣ внѣшнюю обстановку великорусскихъ помѣщиковъ, обращая особое вниманіе на тѣ ея особенности, которыя во-очію должны были свидѣтельствовать о дѣйствительной ея принадлежности къ высшему сословію. И, разумѣется, чѣмъ *мноо-душнѣе* были народившіеся на Украинѣ помѣщики, тѣмъ—внѣшнюю свою обстановку—они старались устроить показнѣе. Отсюда началось соревнованіе въ обузаведеніи панскихъ домовъ разными принадлежностями роскоши. Уже въ самомъ началѣ XIX в. новозыбковскій помѣщикъ Ширай (изъ с. Спиридоновой Буды) имѣлъ у себя театръ и оркестръ, въ которыхъ актеры и музыканты были набраны изъ своихъ бывшихъ «подданныхъ», переименованныхъ затѣмъ въ крестьянъ¹⁾. Ширавскій театръ былъ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что его актрисы должны были служить двумъ богинямъ разомъ, Мельпоменѣ и Венерѣ. Служба ихъ Мельпоменѣ доставляла удовольствіе и развлеченіе гостямъ, а служба Венерѣ, кромѣ того, и доходы хозяину. Такимъ образомъ, мы видимъ, что Ширай умѣлъ сочетать пріятное съ полезнымъ и что его роскошная обстановка подчинена была извѣстному расчету. Такіе примѣры были исключеніемъ. Общее правило заключалось въ томъ, что роскошь вела за собою разореніе. Внуку генер. обознаго Семена Васильевича Кочубея, полтавскій помѣщикъ Семенъ Михайловичъ Кочубей «промоталъ семь тысячъ душъ крестьянъ и умеръ въ бѣдности», какъ свидѣтельствуемъ одинъ изъ его родственниковъ (Записки Арх. Вас. Кочубея. Сиб. 1890). Къ сожалѣнію, послѣдній не распространяется о подробностяхъ этого мотовства, а мы только знаемъ, что С. М. Кочубей, занимая должность полтавскаго губернскаго предводителя дворянства, могъ, при извѣстной та-

¹⁾ До 1782 г. крестьяне жившіе въ маетности того или другого державцы назывались и писались его «подданными», а послѣ изданія закона 3 мая 1782 г. эти подданные стали называться крестьянами, какъ и въ Велико-росси.

роватости, сильно тратиться на пріемъ дворянъ, но все же «промотать» 7000 душъ крестьянъ, жившихъ на земляхъ благодатной Полтавщины, нужно было умудриться...

А вотъ и другой примѣръ такого мотовства. Во второй полов. XVIII в. однимъ изъ большихъ богачей южной Полтавщины былъ, между прочимъ, генеральный бунчужный Демьянъ Оболонскій. Сынъ сосницкаго сотника, Д. Оболонскій началъ службу въ генер. канцеляріи и добившись вліятельной должности писаря (секретаря) генер. суда, нажилъ на этомъ мѣстѣ порядочную земельную худобу. Но затѣмъ Оболонскій разбогатѣлъ вдругъ: императрица Елисавета, на пути, въ 1744 г., въ Кіевъ останавливалась въ Глуховѣ и здѣсь, встрѣтивъ жену Оболонскаго, нашла въ ней сходство съ своей матерью, и по этому случаю излила свои милости на Оболонскихъ. Главная милость заключалась въ пожалованіи имъ сотеннаго «городка» Горошина съ громаднымъ количествомъ окружающихъ земель. — Пользуясь своимъ значеніемъ и благопріятными условіями мѣстности, Оболонскій основалъ здѣсь нѣсколько *слободъ*, населеніе которыхъ къ к. XVIII в. достигло цифры нѣсколькихъ тысячъ душъ ¹⁾. Резиденцію свою Оболонскій устроилъ въ одной изъ этихъ слободъ, въ селѣ *Оболони*, гдѣ онъ выстроилъ себѣ въ три этажа каменный домъ, въ которомъ зала для баловъ занимала высоту двухъ верхнихъ этажей. Устроившись такъ широко, старый Оболонскій дожилъ здѣсь свой вѣкъ, собирая съ земель капиталы. Преданіе говоритъ, что будто только мѣдными пятаками Оболонскій собралъ 200 тыс. рублей. Всѣ эти богатства, по смерти Д. В. Оболонскаго, унаслѣдовалъ сынъ его Демьянъ же (род. 1743 г.), который всѣ эти богатства затѣмъ промоталъ. Женою былъ этотъ Оболонскій на дочери прилуцкаго полковника Александра Ягубовича, Надеждѣ, гдѣ то служилъ и дослужился до большого тогда чина — д. ст. совѣтника. Къ мотовству склонны были и мужъ и жена. Преданіе говоритъ, что мотовство ихъ выражалось, напр., въ частыхъ посылкахъ *нарочныхъ* за границу: въ Голландію, гдѣ обыкновенно мылось бѣлье Оболонскихъ, въ Парижъ, откуда жена Обо-

¹⁾ Въ к. XVIII в. у Оболонскихъ здѣсь были слѣд. имѣнія: Горошинъ (1509), Оболонь (1395), Демьянки и Погребняковщина (952), Липняги (645), Степановка (517) и Новоселица (453), т. е. 5471 об. п. крест. Кроме того, были имѣнія у Оболонскихъ и въ другихъ мѣстахъ Малороссіи, особенно ок. Глухова. Всего у Оболонскихъ въ 1798 г. было 7330 об. п. крестьянъ.

ловскаго выписывала модные костюмы... Скакали посланцы Оболенскихъ и по Россіи, напр., въ Одессу—за винами и закускамъ. Проживая временами въ Оболеніи, въ тамошнихъ своихъ палатахъ, Оболенскіе задавали въ нихъ пиры, на которыхъ гремѣлъ *свой* оркестръ. По большимъ праздникамъ и въ именинные дни—въ Оболенскомъ дворѣ угощали и крестьянъ, которымъ при этомъ бросали изъ оконъ собранные старымъ Оболенскимъ *пятаки*. О женѣ Оболенскаго рассказывали, что она какъ то купила въ С.П. персидскую шаль за 30 тыс. рубл., шаль отъ покупки которой будто бы отказалась даже и императрица, за ея дороговизну... Въ короткое время Оболенскіе прожились и дѣло кончилось тѣмъ, что имѣнія ихъ взяты были въ опеку, въ конецъ разорены опекунами, и затѣмъ за долги распроданы въ разные руки. Оболенъ досталась Позенамъ, Горошинъ—Гудимамъ и т. д. Оболенскій домъ, по разсказу стариковъ, стоялъ еще и въ 1840 г., зияя множествомъ своихъ разбитыхъ оконъ... Окна эти такъ густо были насажены въ домъ, что у мѣстныхъ крестьянъ сложилась—о кокетливыхъ «мережкахъ» женскихъ сорочекъ—поговорка: «оце, у сіен дивекъ дирочокъ въ ляхивци!—мовъ у Оболенскаго будынку виконъ!».. 1).

Для исторіи „Основы“. (Отрывокъ изъ письма М. М. Лавровскаго, 9 января 1863 г.). «Основа заснетъ, потому что нѣтъ денегъ. Теперь и я убѣдился, что Бѣлоз. (В. М. Бѣлозерскій) не можетъ вести коммерческаго дѣла. Онъ, кромѣ подписки, убилъ на «Основу» 18 тыс. руб.—Кулишъ, весной еще (1862-го года), предлагалъ Бѣлоз. передать «Основу» ему съ 1863 г., но Б. не согласился. Послѣ—Костомаровъ просилъ передать (ему), желая составить компанію, но Б. все еще надѣялся. Онъ подаль Головину программу новую для «Основы», чтобы издавать ее еженедѣльною газетою, съ политич. отдѣломъ и, сверхъ того, въ годъ книги 3 и 4. Головинъ передалъ это Валуеву, а тотъ въ комитетъ министровъ, гдѣ оно и засѣло. Бѣл. говорилъ мнѣ, что если не будетъ «Основы», то въ

1) Приведенныя свѣдѣнія о мотовствѣ Оболенскихъ сообщены намъ старожиломъ Лубенщины, недавно умершимъ Матвѣемъ Терентьевичемъ Симоновымъ (Номисомъ).

этомъ году онъ издаетъ нѣсколько сборниковъ (въ родѣ «Хаты»), чтобы не прерывать, такъ какъ въ 1864 г. онъ надѣется опять издавать. Но тогда можетъ быть и безъ него найдутся.

Программа для собиранія коллекцій дѣтскихъ игрушекъ и матеріаловъ по дѣтскимъ играмъ и забавамъ. Предлагая ниже слѣдующую программу для собиранія игрушекъ и свѣдѣній о дѣтскихъ играхъ, Полтавская подготовительная комиссія по устройству этнографической малорусской выставки при Археологическомъ съѣздѣ въ г. Харьковѣ имѣетъ въ виду обратить вниманіе на предстоящіе съѣздъ и выставку лицъ, желающихъ освѣтить новыми данными существенно важную сторону жизни украинскаго народа. Дѣтскія забавы и занятія отражаютъ въ себѣ недостаточно извѣстную намъ дѣтскую душу; они, представляя вышнее проявленіе самодѣтельности ума ребенка, даютъ прекрасный матеріалъ для полнаго представленія тѣхъ впечатлѣній и ощущеній, изъ которыхъ складывается въ будущемъ нашъ народъ. Такимъ образомъ, эти изслѣдованія, будучи одинаково интересны и для ученаго этнографа и для воспитателя—учителя, покажутъ намъ, какъ вліяетъ на ребенка окружающая природа, условія быта и обстановки и измѣняющіяся условія общественной жизни. Находя этотъ вопросъ крайне интереснымъ, комиссія предлагаетъ всѣмъ близко стоящимъ къ жизни украинскіхъ дѣтей и желающимъ помочь наукѣ своимъ трудомъ заполнить отвѣтами эту программу, надѣясь, что на ея призывъ откликнутся всѣ, для кого это интересное и нехлопотное дѣло имѣетъ вышеуказанное значеніе. Поступая такъ, Полтавская комиссія мимоходомъ исполняетъ просьбу почтеннаго А. М. Лазаревскаго, извѣстнаго знатока малорусской старины, который въ письмѣ къ одному изъ членовъ комиссіи указалъ на постепенное исчезновеніе старинныхъ игрушекъ (глиняныхъ) и на то, что интересно было бы для науки сохранить эту старину, собравши коллекціи для выставки. Кромѣ этого надо замѣтить, что въ то время, какъ заграничными учеными давно уже обращалось вниманіе на жизнь дѣтей и существуетъ многочисленная литература и богатая коллекціи, въ нашей этнографической литературѣ мы не имѣемъ ни одного труда, всецѣло разбирающаго жизнь нашихъ украинскіхъ дѣтей. Собранный матеріалъ, даже если онъ будетъ относиться къ одной

Полтавской губернии, дасть возможность хоть въ общихъ чертахъ представить публикѣ описаніе тѣхъ игръ, забавъ и занятій, которыми наполняютъ свои недолгіе досуги дѣвочки и мальчики нашего села.

Что же касается до самого собиранія коллекцій игрушекъ и дѣтскихъ снарядовъ, то, при его сравнительной легкости, а также дешевизнѣ игрушекъ и доступности опросовъ и наблюденій надъ дѣтми собираніе это не представляетъ никакихъ затрудненій, и даже наша учащаяся молодежь, проводя каникулы въ селахъ, могла бы съ успѣхомъ помочь комиссіи къ осени представить въ ея руки богатый матеріалъ; не говоримъ уже объ учителяхъ, учительницахъ и завѣдующихъ яслями, которые много времени удѣляютъ дѣтямъ разнаго возраста. Каждую игрушку надо снабдить билетикомъ, на которомъ должно быть выставлено ея названіе на малорусскомъ языкѣ, а также краткое объясненіе ея употребленія. Если эта игрушка употребляется при общихъ играхъ и забавахъ съ нѣсколькими участвующими, то въ такомъ случаѣ описаніе ея употребленія можно отнести къ описанію самой игры. Игры и забавы тоже заслуживаютъ большого вниманія: въ этихъ играхъ воспитывается будущее поколѣніе, тутъ вырабатываются нѣкоторыя права и обязанности и проявляется товарищескій духъ. Кромѣ того, въ этихъ играхъ отражается часто сѣдая старина, а отъ нѣкоторыхъ дѣтскихъ приказовъ и пословицъ вѣетъ глубокой древностью. Поэтому комиссія надѣется, что всѣ заинтересованные лучшимъ изученіемъ родного края отнесутся къ собиранію этихъ драгоценныхъ матеріаловъ, какъ они того заслуживаютъ. Необходима точность въ записываніи игръ и порядковъ ихъ и вопросы программы даются для того, чтобы записывающій не упустилъ главныхъ вопросовъ. Порядокъ же отвѣтовъ не столько важенъ. Всѣ расходы по пошлнкѣ игрушекъ и ихъ пересылкѣ комиссія беретъ на себя и проситъ пересылать наложеннымъ платежомъ по слѣдующему адресу: Полтава, естественно-историческій музей губернскаго земства. Кромѣ того, пріѣзжающихъ въ Полтаву и интересующихся этимъ дѣломъ проситъ обращаться въ тотъ же музей.

Программа для собиранія коллекцій дѣтскихъ игрушекъ и матеріаловъ по дѣтскимъ играмъ, забавамъ и занятіямъ.

А. Игрушки.

1) Игрушки, служащія для забавы маленькимъ дѣтямъ (груднымъ); 2) предметы, служащіе для забавы дѣтей (палочки, камни,

глина, песокъ, трава и т. д.); 3) игрушки, приготовляемыя самими дѣтьми (морозка, змѣи, мячики, куклы). Собрать коллекцію съ объясненіями. II. Собрать различные музыкальные инструменты, на которыхъ играютъ дѣти (сопилки, пищики, трещотки, скрипочки). III. Собрать все снаряды, употребляемыя дѣтьми при ловлѣ разныхъ животныхъ (силки, канканы, приманки, удочки); какъ ловятъ змѣй, ежей, тарантуловъ? Описать, какъ они дѣлаются и какъ употребляются. IV. 1) Собрать всякія самодѣльные дѣтскія сооруженія и постройки (мельницы, вѣтряки, колеса, домики и т. д.); 2) собрать дѣтскія звѣзды для колядокъ, а если нельзя, то описать, чѣмъ онѣ отличаются отъ звѣздъ, носимыхъ взрослыми. V. Собрать всякое дѣтское оружіе: сабли, пиквы, луки, самострѣлы, пращи, рогатки, духовныя ружья, пугари и дать ихъ названія. VI. Какіе сохранились игрушки и снаряды отъ прежнихъ временъ и какія игрушки вводятся новыя. VII. Какія игрушки чаще всего покупаютъ дѣтямъ и у кого?

В. Забавы и игры.

VIII. Описать распространенныя игры и забавы лѣтомъ и зимою. IX. Въ какія игры играютъ вмѣстѣ дѣвочки и мальчики, а въ какія порознь? X. 1) Какіе снаряды употребляются при общихъ играхъ. Описаніе игры въ мячъ, лапту, стракли и т. д. Описать зимнія игры въ снѣжки, устройство снѣговыхъ бабъ, горъ, сквозанокъ и катковъ; 2) собрать дѣтскіе коньки, мячики, бабки, городки и т. под.; 3) какъ катаютъ крашенки на Пасху? Если можно дать рисунки и фотографіи игръ и забавъ. XI. Дѣтскіе колядки, пѣсни; записать дѣтскія пословицы, прибаутки, поговорки, счетъ при играхъ общихъ (этотъ отвѣтъ можно дать въ вопросѣ IX и VIII). XII. Сколько надо участниковъ для описываемой игры? XIII. Существуютъ ли дѣтскія товарищества? Каковыя существуютъ въ нихъ правила? Какъ дѣти разбираютъ ссоры и свѣрные поступки товарищей? XIV. Какъ отражаются на дѣтскихъ играхъ занятіи и ремесла родныхъ и окружающихъ ихъ взрослыхъ? (Полт. Губ. Вѣд., № 124).

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Отмѣна маиштратскаго мундира въ Кіевѣ.* 1830 года, іюни 1-го, въ г. Кіевѣ,

Государю Императору Николаю Павловичу, кіевскимъ военнымъ губернаторомъ Княжинымъ были представлены члены кіевского магистрата.

По этому случаю Его Величество высочайше повелѣтъ соизволилъ: *«костюмъ или мундиръ, издревле членами магистрата сею употребляемый, стараго польскаго покроя, отменить, а употреблять онымъ членамъ мундиръ російскій»*. О такой Его Величества волѣ войтъ предложилъ магистрату для должнаго исполненія и распоряженія, а магистратъ «почтеннѣйше» о томъ донесъ военному губернатору, подписывая бумагу: «Его Императорскаго Величества прародительской Отчины Богомъ хранима града Кіева Бургомистры: Павелъ Рожнятовскій, Антонъ Лакерда; Ратсгеры: Романъ Барскій и Коробкинъ.

2) *Противохолерныя медали 1830 года*. Въ 1837 году въ мѣстечкѣ Клевани (Вол. губ.) задержаны полицією два луцкіе еврея, именующіе себя «злотниками» и продающіе серебряные, безъ клейма и пробы, на манеръ медалей, образки съ изображеніемъ на нихъ Богоматери и креста, съ датой — 1830.

При продажѣ простолудинамъ внушалось, что тѣ образки исцѣляютъ отъ холеры. Спрошенныя властями продавцы показали, будто образки изготовлены по формѣ, полученной отъ нѣкоего ксендза — кармелита, которому она и возвращена.

Взялись эти евреи за промыселъ безъ злого умысла, лишь вслѣдствіе носящагося слуха, будто господа охотно покушаютъ подобныя медали, о коихъ пропечатано даже въ какихъ-то книгахъ, видѣнныхъ тѣми евреями у одной монахини-шаритки.

На шести отобранныхъ медаляхъ оказались польскія, а на трехъ — французскія надписи (какія именно — полиція въ рапортѣ не объяснила).

3) *Вывозъ пива въ заграницу и заботы о сохраненіи тишины въ Кіевской губерніи*. Въ іюнь 1836 г. гражданскій генералъ-штабъ-докторъ обратился къ губернаторамъ съ запросомъ: полагаютъ ли они возможнымъ дальнѣйшій безпрепятственный и безошпинный вывозъ пива въ заграницу (производящійся якобы въ большихъ размѣрахъ), или, быть можетъ, находятъ нужнымъ вовсе оный воспретить, если чрезъ таковой вывозъ у жителей отнимается способъ къ

удобному приобрѣтенію сего довольно важнаго во врачебномъ отношеніи средства.

Не успѣлъ кievскій губернаторъ высказаться по сему вопросу, какъ патью гамбургскими купцами, 4 мая 1837 года, возбуждается предъ генералъ-губернаторомъ ходатайство о разрѣшеніи имъ повсемѣстно скупать пивки и вывозить въ Кіевъ на имѣющихся у нихъ повозкахъ.

Запрошенный главнымъ начальникомъ края, губернаторъ высказалъ въ своемъ донесеніи, что въ Кіевской губерніи много болотистыхъ мѣстъ, въ коихъ водятся пивяцы, а потому уловъ ихъ, для вывоза за границу, отнюдь не долженъ быть воспрещаемъ, ибо недостатка мѣстныхъ врачей въ нихъ ощутить не могутъ.

«Напротивъ, помѣщики или крестьяне, узнавъ о возможности извлекать изъ сего нѣкоторую пользу, нарочито будутъ предохранять *министыя мѣста отъ осушки*, и займутся ловомъ пивокъ, черезъ что масса заготовленія ихъ, умножаясь, будетъ служить къ пониженію цѣны на оныя»...

Главный начальникъ края распорядился не препятствовать иностранцамъ въ скупкѣ пивокъ.

4) *Самоубійство изъ жести*. 18 января 1845 года, въ с. Барсукахъ, Балтскаго уѣзда, въ саду крестьянина Боровскаго, утромъ найдены повѣсившимися Килианна Черная 48 и дочь ея Агафія, дѣвица, 17-ти лѣтъ.

Путемъ дознанія установлено, что Килианна, до выхода замужъ, вела жизнь развратную. Будучи отъ природы вспыльчива, она какъ съ первымъ, такъ и со вторымъ мужемъ своимъ постоянно ссорилась. Последній мужъ ея «по глухотѣ, трудолюбію и тихому нраву, не удовлетворялъ плотскихъ ея страстей». ¹⁾ Она вымещала на немъ свое неудовольствіе, не обращаясь къ нему съ рѣчью по нѣсколько дней; заставляла искать у сосѣдей пропитанія и нерѣдко грозила: «постой, а тебѣ удружить постараюсь!».

Съ исключительною будто-бы цѣлью вовлеченія мужа въ уголовное дѣло, она, наконецъ, рѣшилась на самоубійство, склонивъ къ тому и дочь свою, «дабы не оставалась послѣ нея».

¹⁾ Подлинныя слова донесенія генералъ-губернатору.
Томъ 74 — Іюль-августъ, 1901.

5) *Женщина съ твердымъ характеромъ.* Въ 1850 году въ с. Яхновцахъ, Старокопстантиновскаго уѣзда, одна крестьянка подговорила сына своего обокрасть сосѣда, пообѣщавъ на тѣ деньги купить кафтанъ и сапоги. Когда воръ былъ схваченъ, мать, съ ножомъ въ рукахъ бросилась къ нему, пытаясь убить его, а себя зарѣзать. Ее къ тому не допустили и заперли въ рекрутскую, гдѣ она вновь покушалась на самоубійство. Подослѣвшіе караульные вырвали у нея оружіе, которымъ рѣшительная женщина успѣла, однако, нанести себѣ рану къ груди.

Приворотныя средства. Въ 1844 году мѣстною полиціею дознано, что жена фвартировавшаго въ Литвиѣ корпуса топографовъ подпоручика В. просила служанку свою отыскать ей такую женщину, которая знала бы *зелье*, отъ коего мужъ «или жилъ бы съ нею въ согласіи, или умеръ». За услугу обѣщана награда деньгами и вещами.

Равнѣ того, служившая у той же подпоручицы В. показала, что въ Каменцѣ Подольскомъ барыня послала ее къ старухѣ нищей, жившей гдѣ то за кладбищемъ, съ которою она прежде совѣтовалась. Послѣ свиданія со старухою, барыня разводила прѣсный медъ, умывала этою сотою свое лицо, лила ее въ людское кушанье, разливала ее изъ бутылочки по дорогѣ и передъ распятіемъ, возлѣ каменецкаго каедральнаго р. к. Собора и, наконецъ, послала ее, служанку, въ нѣкоторые дома поливать пороги... Старуха нищая на допросѣ призналась, что, услыжавъ жалобы госпожи В. на нелюбовь мужа, посоветовала умываться „сотою“, кропить ею полъ, отчего «по преданьямъ старыхъ людей возвращается къ супругамъ утраченная любовь и привязанность».

Дѣло В. подвергнуто судебному разбирательству.

Въ 1850 году, помѣщика кн. Волконскаго деревни Облятокъ, Радомысльскаго уѣзда, крестьянская жена, Марина Г., негодуя на мужа за жестокое съ нею обращеніе и приискывая средство склонить мужа къ любви, изъ разговоровъ съ односельцемъ—печникомъ, человѣкомъ бывалымъ, узнала, что онъ беретъ ей помочь. Печникъ свелъ ее въ лѣсъ и изъ стараго пня досталъ двухъ убитыхъ змѣй, посоветовавъ сварить ихъ въ водѣ и затѣмъ запечь въ ишенномъ или гречневомъ тѣстѣ, которое дать мужу съѣсть. Однако Марина не рѣшилась приступить къ омыту тотчасъ, а припрятала змѣй въ хатѣ въ запасномъ платѣѣ.

Между тѣмъ, мужъ, заподозривъ жену въ нахѣреніи отлучиться, по примѣру прошлаго года, изъ дома къ роднымъ въ рабочую пору, сталъ пересматривать ея добро и на тѣхъ змѣй наткнулся.

По доведеніи о семъ до свѣдѣнія начальства, змѣи изслѣдованы врачомъ, который призналъ ихъ по природѣ не ядовитыми, слѣдовательно жизни крестьянина Г. не угрожавшими, а вынѣ совершенно согнившими.

Дѣло, за недоказанностію злого, со стороны Марины и ея свѣтчика, умысла, дальнѣйшимъ производствомъ прекращено.

Сообщ. А. Мёрдеръ.

„Парубоцки громады“ въ г. Маянахъ, Херсон. губ. Маяки представляютъ изъ себя небольшой городокъ, находящійся на берегу Днѣстра недалеко отъ Днѣстровскаго лимана. Прежде Маяки были селомъ, но нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ ихъ переименовали въ городъ. Съ переименованіемъ въ городъ Маяки мало чѣмъ измѣнились: и по своей внѣшности, и по занятіямъ жителей—это то же село, что и прежде было. Населеніе города складывается изъ трехъ главныхъ элементовъ: малорусскаго, великорусскаго (старообрядцы-поповцы) и еврейскаго. Кромѣ того, живетъ немного здѣсь цыганъ, молдаванъ и нѣмцевъ. Преобладающій элементъ—малорусскій.

Весь городъ дѣлится на нѣсколько «кутківъ». Парубки каждаго кутка составляютъ одну организацію—«атаманство», такъ что сколько «кутківъ», столько и атаманствъ. Парубки каждаго кутка, а въ то же время и каждаго атаманства, имѣютъ свои особыя прозвища: донськи, куркули, сирнычкы, волови, підклучныкы... Для того, чтобы быть членомъ атаманства, надо имѣть не меньше 17 лѣтъ. Каждый членъ атаманства облагается обязательнымъ денежнымъ сборомъ—въ нѣкоторыхъ атаманствахъ въ размѣрѣ одного рубля. Деньги эти хранятся у представителя атаманства—атамана, котораго избираютъ изъ своей среды всѣ члены атаманства по большинству голосовъ. Кромѣ атамана, выбираются еще «пидатаманъ и писарь». «Пидатаманъ» замѣняетъ атамана во время его отлучекъ изъ города, а если послѣдняго возьмутъ въ солдаты, то онъ занимаетъ его мѣсто—становится атаманомъ.

„Писарь“ завѣдываетъ денежною частью атаманства: онъ ведетъ счетъ деньгамъ, записываетъ, кто и сколько внесъ денегъ и т. п.

Деньги атаманства расходуются частью на украшеніе церкви—покупаютъ кресты, хоругви, а частью идутъ на развлечения: по праздникамъ на эти деньги нанимаютъ музыку и танцуютъ. Бываетъ это большею частью весною и лѣтомъ и устраивается прямо на улицѣ, преимущественно при перекресткѣ улицъ, на углахъ. Кромѣ этого, бываютъ еще «складки» разъ 5 въ году.

Раньше были здѣсь и «дивочи громады», но въ настоящее время у дѣвушекъ нѣтъ никакихъ организацій, подобныхъ парубочимъ.

II. II.

Поправка. Въ № 5-мъ текущаго года, въ отдѣлѣ документовъ, извѣстій и замѣтокъ, вкралась на стр. 82 опечатка, которую считаемъ нужнымъ исправить, а именно: въ предписаніи о запрещеніи гражданскимъ чинамъ носить усы и бороды слѣдуетъ читать «подражаніе *французскимъ модамъ*», а не «*французскимъ людямъ*», какъ напечатано у насъ.

Текуція извѣстія.

Выходъ русскихъ депутатовъ изъ галицкаго сейма. Въ послѣдней сессіи галицкаго сейма произошелъ крупный скандалъ огромнаго политическаго значенія. По словамъ „Narod. Listy“, этотъ скандалъ—неожиданность какъ для австрійскаго правительства, такъ и для намѣстника Галиціи гр. Пининскаго и польскаго кола. Всѣ русскіе депутаты въ числѣ 17 человекъ внесли крайне любопытное заявленіе, которое своимъ неожиданнымъ появленіемъ поразило весь сеймъ, всѣ польскія партіи. Никто не ожидалъ этого „сюрприза“. Сообщаемъ текстъ заявленія, напечатанный въ «Галичанинѣ» и прочитанный въ сеймѣ русскимъ депутатомъ Барвинскимъ.

«Съ 1883 года выступаютъ русскіе депутаты съ требованіемъ относительно удовлетворенія нуждъ русскаго народа, какъ культурно-

національнаго, такъ и экономическаго и политическаго характера. Требования ихъ всегда были ничтожны и ограничивались только наиболѣе необходимыми и существенными нуждами. И въ нынѣшнемъ сеймѣ требованія русскихъ депутатовъ не перешли такихъ-же границъ. Мы, между прочимъ, просили объ удовлетвореніи самой существенной потребности русскаго народа въ Галиціи, объ открытіи русской гимназіи въ Стапиславовѣ, руководствуясь тѣмъ, что 1790 учениковъ руссиновъ не имѣютъ возможности обучаться на родномъ языкѣ. Это ничтожное, но совершенно законное требованіе русскихъ депутатовъ также не было удовлетворено. Кромѣ того, русскіе депутаты внесли цѣлый рядъ вопросовъ по адресу правительства, касающихся самыхъ важныхъ и самыхъ жизненныхъ дѣлъ и неправдъ, причиняемыхъ русскому народу. Всѣ эти запросы остались безъ отвѣта. Въ виду того, что также и законъ о рентѣ принятъ сеймомъ, а оцъ противенъ интересамъ русскаго народа, заявляемъ, что мы, русскіе депутаты, послѣ всего этого не можемъ больше принимать участія въ засѣданіяхъ сейма».

Заявленіе это, по словамъ «Галичанина», было выслушано большинствомъ шпакты съ гробовымъ молчаніемъ. Вслѣдъ за этимъ всѣ русскіе депутаты вышли изъ залы засѣданія. «Nar. Listy» въ телеграммѣ изъ Львова сообщаютъ, что этотъ поступокъ русскихъ депутатовъ слѣдуетъ считать катастрофой не только для гр. Цицианскаго, но также и для министра-президента Кербера. Газета утверждаетъ, что теперь придется пріостановить засѣданія сейма и назначить выборы для избранія новыхъ лицъ на мѣсто выбывшихъ депутатовъ. Это повлечетъ за собой цѣлый рѣдъ крупныхъ политическихъ послѣдствій.

Предполагавшееся изданіе малорусскаго журнала. Въ главномъ управленіи по дѣламъ печати недавно возбуждено было ходатайство о разрѣшеніи издавать въ Херсонѣ *периодическое изданіе на малорусскомъ языкѣ подъ названіемъ «Степь»*. Инициаторы новаго журнала, земскіе агрономы Н. С. Гавриленко и В. А. Яблоновскій, предполагали выпускать его каждыя двѣ недѣли по слѣдующей программѣ: беллетристика, публицистика, корреспонденція, статьи научныя и по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ. Предварительная цензура изданія предположена въ Одессѣ. Подписная плата съ до-
ставкою въ Херсонѣ 6 руб. въ годъ, для иногородныхъ 7 руб. Какъ

извѣщаютъ газеты, ходатайство объ изданіи журнала «Стенъ» отклонено въ Мин. Внутр. Дѣлъ.

Выставка картинъ художника Труша во Львовѣ. 5-го іюня открылась во Львовѣ выставка картинъ художника Труша, который въ прошломъ году довольно долго прожилъ въ Кіевѣ, выѣзжая и въ окрестности его, и нарисовалъ здѣсь нѣсколько картинъ видовъ Украины, а также и нѣсколько портретовъ мѣстныхъ кіевскихъ дѣятелей: проф. В. В. Антоновича, П. И. Житецкаго, И. С. Нечуй-Левицкаго, Н. В. Лисенка и Леси-Украинки. Многіе изъ картинъ куплены уже отдѣльными лицами, а «Видъ Шевченковой могилы» приобрѣло Науковое Товар. имени Шевченка. Портретъ писательницы Леси-Украинки (копію, т. е. оригиналъ составл. собств. Науков. Товариства) приобрѣлъ намѣстникъ гр. Пининскій, который считается знаткомъ и любителемъ искусства. (Дѣло, № 123 и 128).

Музыкальная поѣздка хора г. Лисенка. Въ концѣ текущаго года извѣстный украинскій композиторъ Н. В. Лисенко предпринимаетъ со своимъ хоромъ поѣздки по Россіи. Начавъ съ Варшавы, Н. В. Лисенко посѣтитъ Петербургъ, Москву, Полтаву, Харьковъ и промежуточные болѣе крупныя центры. Хоръ, состоящій изъ 50 членовъ, въ томъ числѣ нѣсколькихъ солистовъ, намѣренъ разучить не менѣе 100 хоровыхъ номеровъ.

Ученая экскурсія Д. И. Эварницкаго. Профессоръ московскаго университета, Д. И. Эварницкій предпринялъ поѣздки по мѣстамъ бывшихъ владѣній запорожскихъ козаковъ съ научною цѣлью, въ виду будущаго съѣзда археологовъ въ г. Харьковѣ. Г. Эварницкаго сопровождаютъ: его слушатель, студентъ московскаго университета, Морозовскій, художникъ Строменко, воспитанникъ московской гимназіи Ваганенко и землевладѣлецъ Полтавской губерніи П. А. Маливка (изъ Бодаковки). Цѣль поѣздки—осмотръ наиболѣе замѣчательныхъ въ археологическомъ и историческомъ отношеніяхъ мѣстъ—днѣпровскихъ пороговъ, береговыхъ пещеръ, запорожскихъ сѣчей, частныхъ коллекцій козацкихъ древностей и снимки съ наиболѣе замѣчательныхъ изъ нихъ. (Приднѣпр. Кр. № 1218).

Библия въ переводѣ П. А. Кулиша. Покойнымъ П. Кулишомъ былъ сдѣланъ *переводъ библии на украинскій языкъ*. Послѣ его смерти эту выдающуюся работу закончилъ и дополнилъ И. Левинцкій. Интересно, что переводчики переводили библию съ древне-еврейскаго языка, причемъ тѣ отдѣлы, которые изложены въ оригиналѣ въ стихотворной формѣ, сохранены въ томъ же видѣ и въ переводѣ (книга Іова, пѣснь пѣсней, псалмы и др.). Вдовой переводчика работа ея мужа была представлена въ цензуру, но духовная цензура не нашла возможнымъ разрѣшить выпустить въ свѣтъ въ настоящее время библии на украинскомъ языкѣ и въ ходатайствѣ вдовѣ отказала. Тогда г-жа Кулишъ обратилась съ запросомъ въ англійское библейское общество, не найдетъ-ли оно возможнымъ купить у нея переводъ мужа и выпустить его въ свѣтъ. Общество немедленно отвѣтило согласіемъ, и въ настоящее время рукописи уже отправлены библейскому обществу. Такимъ образомъ, украинская литература обогатится роскошнымъ изданіемъ библии. Редактированіе изданія принялъ на себя другъ и сотрудникъ Кулиша профес. Пулюй.

Стипендіи для крестьянскихъ дѣтей въ память 19 февр- 1861 г. Только что закончившееся константиновградское уѣздное земское собраніе 37 очереднаго созыва, по предложенію гласнаго изъ крестьянъ М. К. Бобрицкаго, внесенному имъ отъ имени всѣхъ гласныхъ отъ крестьянъ, постановило учредить въ память 40-лѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости двѣ постоянныя стипендіи, въ 300 руб. каждая, для предоставленія возможности одному мальчику и одной дѣвочкѣ изъ крестьянскаго сословія получать на эти стипендіи среднее, а затѣмъ и высшее образованіе. Другое предложеніе гласныхъ отъ крестьянъ—о томъ, чтобы въ день 19 февраля ежегодно во всѣхъ народныхъ школахъ не производились занятія, а вмѣсто нихъ устраивались народные чтенія,—передано на усмотрѣніе константиновградскаго уѣзднаго училищнаго совѣта. («Южн. Кр.»).

Харьковскія изданія нач. XIX ст. Въ послѣднемъ томѣ (3) Записокъ Харьк. Императорск. Университета, въ статьѣ проф. Багалъя «Опытъ исторіи Харьковскаго университета» (стр. 43 и слѣд.) приведенъ перечень сочиненій, отпечатанныхъ въ университетской

типографіи съ 1815—1835 гг. Выбираемъ отсюда относящяся къ области нашего изслѣдованія.

Въ 1816 1) *Письма изъ Малороссіи, писанныя Алексѣемъ Левшиннымъ*. Х., 1816, 206 стр. 2) *Украинскій Вѣстникъ*.

Въ 1821. *Ручная книжка или украинскія записки, изд. на 1821 г. А. В—мъ (Вербицкимъ)*. Х., 1821.

Въ 1824. *Украинскій журналъ*.

Въ 1827 1) *Рѣчи, произнесенныя въ торж. собр. Имп. Харьк. Univ. 30 августа 1827 г. Х., 1827* (рѣчи Книгина и Артемовскаго-Гулака); 2) *Рѣчи, произнесенныя въ залъ торж. собр. Имп. Харьк. Univ. въ 1 день сентября 1828 г., при началіи новаго курса ученія*. Х., 1828 (рѣчь Артемовскаго-Гулака и т. д.).

Въ 1831 1) *Украинскій Альманахъ, Х. 1831, 136 стр.* 2) *Шельменко. Ком. въ 3 д. Х. 1831.*

Въ 1733. *Срезневскій Иам. Запорожская Старина. Ч. I. Х. 1833, въ унив. тип.*

Въ 1834 1) *Малороссійскія повѣсти и поговорки. Сѣбр. В. И. Н. С. Х., 1834, 34 стр.* 2) *Срезневскій И. Украинская летопись 1640—1657. Х., 1835, 183 стр.*

Какъ былъ основанъ городъ Сумы. На праздникъ по случаю своего 250-лѣтія, какъ сообщаютъ «Нов. Дн.», Сумскій полкъ получилъ цѣнный подарокъ, подобный которому едва-ли найдется въ нашей арміи. Приглашенный участвовать въ празднествѣ Е. Д. Кондратьевъ, прямой потомокъ основателя полка, вспомнивъ въ прекрасной рѣчи заслуги своего предка, полковника Кондратьева передъ отечествомъ и сохранившееся въ полку обаяніе его имени, просилъ принять въ даръ святыню, хранившуюся 250 лѣтъ въ его семьѣ—булаву, саблю и золотую сумку Герасима Кондратьева. Съ послѣдней связано преданіе, которое гласитъ, что, потерявъ однажды эту сумку въ лѣсу, Кондратьевъ далъ обѣтъ выстроить церковь на томъ мѣстѣ, гдѣ найдетъ сумку. Эта церковь и положила основаніе возникшему вокругъ нея городу—Сумы. Рѣчь Е. Д. Кондратьева и его даръ были встрѣчены съ неподдѣльнымъ восторгомъ. (Южн. Кр. № 7063).

Историческія названія улицъ въ Полтавѣ. Въ іюнѣ опубликованъ въ Полтавѣ списокъ новыхъ улицъ въ новой чертѣ города, прилегающей къ мѣстности, гдѣ расположенъ вокзалъ ст. «Полтава»

городъ» Кіево-Полтавской линіи. Въ списокѣ новыхъ улицъ, выработанномъ специально избранной комиссіей, мы встрѣчаемъ, между прочимъ, такія названія: Запорожская, Кочубеевская, Шевченковская, улица Искры, Кулиша, Квитки, Костомарова, Петра Могилы, Скороды, Кобзаревская, Гайдамацкая, Гетманская, Хмѣльницкаго, улица 19 февраля 1861 г., и многихъ русскихъ писателей („Кіевлянинъ“, № 168).

Прекращеніе изданія журнала «Ateneum». № 6-ой польскаго журнала «Ateneum», издающагося въ Варшавѣ 26-ой годъ, извѣщаетъ читателей, что съ перваго іюля текущаго года изданіе этого журнала прекращается, и что подписчики могутъ получить обратно подписныя деньги за полъ года. Съ сожалѣніемъ приходится встрѣтить это извѣщеніе, такъ какъ почтенный журналъ пользовался широкой извѣстностью и большимъ уваженіемъ среди публики. Будемъ надѣяться, что на смѣну прекратившемуся изданію почтеннаго издателя В. Спасовича явится въ польской журналистикѣ какой-нибудь новый журналъ, по достоинству своему не слабѣе «Ateneum'a».

Любопытный документъ. Организаторъ артелей Н. В. Левитскій, 10 мая, с. г., получилъ съ далекаго Кавказа интересное письмо. Оно затрагиваетъ самый больной вопросъ современной народной жизни, а именно—переселенческой. Мы читаемъ про нужду и холодъ сибирскаго переселенца, про его тяжелую, часто непосильную, борьбу съ суровою природою Сибири... Но это письмо раскрываетъ иную сторону тяжелой, на первыхъ порахъ, жизни, нашего переселенца.

Вотъ это письмо въ переводѣ съ малорусскаго языка, на которомъ оно довольно безграмотно написано въ подлинникѣ:

Его Высокоблагородію, господину казенному довѣренному Николаю Васильевичу Левитскому, отъ крестьянъ Ганжумова товарищества Нифодія Дубины, Максима Шамрай и прочихъ въ числѣ 110 домохозяевъ.

П р о ш е н і е.

Мы, крестьяне Кіевской губ., Чигиринскаго уѣзда, Оситняжской волости, селенія Рейментаровки и прочихъ селеній, въ числѣ 110 домохозяевъ, собрались въ одно товарищество, купили землю при

содѣйствіи крестьянскаго земельнаго банка въ Терской области, въ первомъ участкѣ, въ Суржинскомъ отдѣлѣ, въ городѣ Моздокѣ, у купца Павла Исаевича Ганжумова, въ числѣ тысячи десятинъ земли, на сказанной землѣ и поселились, а только проживать нельзя ни въ какомъ средствѣ:—нападаютъ мошенники азіаты-внуши среди бѣлаго дня, забираютъ у насъ, крестьянъ, худобу; какъ мы защищать станемъ, чтобы не дать, то они, вооруженные револьверами, кинжалами, берданками, не допускаютъ до себя,—худобу такъ и отнимутъ. Мы люди новоприбывшіе изъ бѣднаго состоянія не имѣемъ средствъ на что купить себѣ берданокъ. Въ прошломъ году, 20 августа, набѣжали ночью на хуторъ и отняли насильно, чуть-ли не изъ рукъ у насъ, пятеро лошадей: попробовали и въ этомъ году, 17 марта; набѣжали въ четвертомъ часу дни четыре человекъ, взяли съ пастбища 20 штукъ лошадей... Выбѣгалъ весь хуторъ, чтобъ не дать—нельзя приступить: у насъ берданки! Начали кричать мы, сбѣжались мѣстные жители—ковачи и нѣмцы, тоже съ берданками, загнали ихъ въ лѣсъ и всю ночь бились, покуда отбили, наконецъ, лошадей, а двѣ лошади въ дракѣ застрѣлили. Всепокорно просимъ Ваше высокоблагородіе, Николай Васильевичъ, пособите въ нашемъ разорительномъ житѣ. Мы въ Россіи имущество движимое и недвижимое распродали, въ Россію возвращаться нечего. Жаловались становому приставу, онъ говоритъ, поймай, или убей, а какъ намъ приступить къ нимъ, когда они вооружены, а у насъ не на что купить оружія.

Затѣмъ товарищество хутора Ганжумова подписалось: грамотные (11 человекъ) сами за себя, а за всѣхъ остальныхъ неграмотныхъ росписался Мокій Ткачъ. Комментаріи, говорить «Югъ», кажется, здѣсь излишни.

Проекты новаго украинскаго университета и гимназій въ Галиціи. Одинъ изъ выдающихся представителей украинской партіи въ Галиціи Олесницкій внесъ въ галиційскій сеймъ предложеніе объ открытіи во Львовѣ отдѣльнаго украинскаго университета. (Kurjier warszawski).

Барвинскій внесъ въ галиційскій сеймъ предложеніе объ открытіи въ Станиславовѣ украинской гимназій. (Kurjier warszawski).

Оба эти предложенія остались безъ послѣдствій, благодаря чему отчасти и произошелъ выходъ русскихъ депутатовъ изъ сейма.

М. П. Боровскій. (*Некроль*) 24 іюня въ Николаевской, что въ Ботаническомъ саду, церкви, послѣ литургіи состоялась панихида по умершемъ въ г. Ирбитѣ Михаилѣ Петровичѣ Боровскомъ, бывшемъ въ 1885—1890 гг. директоромъ городского сиротскаго дома.

Уроженецъ Черниговской губерніи, воспитанникъ Полтавской гимназіи, покойный П. М. Боровскій окончилъ курсъ естественнаго отд. физико-математ. фалькутета въ Новороссійскомъ университетѣ и назначенъ былъ учителемъ географіи въ одесскую 2-ю гимназію. Избранный херсонскимъ губернскимъ земствомъ въ директоры открывавшагося сельско-хозійств. училища, Боровскій былъ командированъ земствомъ за границу для ознакомленія съ такого рода училищами. Пробывъ больше года за границей, онъ отъ службы въ земствѣ отказался и поступилъ секретаремъ одесскаго сельско-хоз. Общества и редакторомъ издаваемыхъ Обществомъ «Записокъ». Въ 1885 г. назначенъ былъ директоромъ городского сиротскаго дома, въ каковой должности и состоялъ до 1890 г., усердно подготавливая учрежденіе при сиротскомъ домѣ ремесленнаго училища, для котораго выработалъ особый планъ и программы учебнаго курса.

Оставивъ должность директора, г. Боровскій состоялъ нѣкоторое время при канцеляріи попечителя одесск. уч. округа, преподавалъ географію въ женскихъ гимназіяхъ, а въ 1897 г. былъ назначенъ учителемъ физики и математики въ Болградскую гимназію, но черезъ годъ получилъ, наконецъ, мѣсто, которое такъ давно желалъ имѣть на родинѣ, котораго добивался въ од. уч. окр., но получилъ—въ Оренбургскомъ краѣ,—мѣсто инспектора народныхъ училищъ. Оторванный отъ друзей и знакомыхъ, Боровскій ревностно отдался службѣ на далекой окраинѣ. Тамъ у него умерла жена; тамъ онъ перенесъ нервный ударъ. Человѣкъ 54-хъ лѣтъ, Боровскій годъ тому назадъ пріѣхалъ въ Одессу старикомъ. Мечта перебраться на родину не осуществилась. 17 іюня онъ умеръ въ г. Ирбитѣ на рукахъ своей сестры. Дѣтей у него не было. Искренній и послѣдовательный народникъ, покойный М. П. былъ всегда въ жизни простымъ и добрымъ человѣкомъ, и въ сферѣ официальной не отказывался отъ своихъ украинскихъ симпатій,—съ любовью слѣдилъ за научнымъ изученіемъ родины, природы и людей ея, за литературнымъ развитіемъ ея языка.

Въ практической жизни это былъ одинъ изъ благородныхъ неудачниковъ, идеальныя стремленія которыхъ часто перетолковываются, извращаются. Крайне простой въ своей домашней жизни, Боровскій довольствовался всегда скромнымъ содержаніемъ и умеръ, не оставивъ послѣ себя никакого имущества.

Покойный былъ прекрасный товарищъ и всѣ знавшіе его, какъ сослуживца и сотрудника, добромъ помянуть его память. (Од. Л., 161).



БИБЛОГРАФІЯ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.
Томъ сто восьмой. Юрьевъ. 1900 г. LVI+512+VI. Ц. 3 руб.

Настоящій 108 т. представляетъ собою III-й томъ «Бумагъ кабинета министровъ Императрицы Анны Иоанновны (1731—1740 г.г.)», собранныхъ и изданныхъ подъ редакціею проф. Юрьевскаго университета А. Н. Филиппова. Онъ содержитъ въ себѣ, какъ видно изъ предисловія редактора копіи документовъ, извлеченныхъ изъ Государственнаго и Сенатскаго Архивовъ въ Петербургѣ, Архива министерства юстиціи и Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ и Общаго Архива министерства императорскаго Двора въ Петербургѣ всего лишь только за одинъ—1734 г.; бумаги кабинета за 1731—33 г. составили содержаніе 104 и 106 т. т., изданныхъ подъ редакціею проф. Филиппова.

Въ предисловіи авторъ сборника указываетъ на внесеніе имъ въ настоящее изданіе въ интересахъ дѣла нѣкоторыхъ измѣненій сравнительно съ предыдущими двумя томами. Сущность измѣненій состоитъ въ томъ, что въ журналамъ Кабинета прибавлены реестры входящихъ въ Кабинетъ бумагъ, и прибавлены по слѣдующимъ соображеніямъ. «Журналы Кабинета за 1731—1733 г.г. на ряду съ указаніемъ на лицъ, присутствовавшихъ въ Кабинетѣ, и на «приказы», отдаваемые министрами изъ Кабинета, содержали также перечисленіе входившихъ и исходившихъ изъ Кабинета бумагъ, не говоря уже о дѣломъ рядѣ другихъ свѣдѣній, касавшихся Кабинета и его отношенія къ Императрицѣ, различнымъ учрежденіямъ и лицамъ, съ

коими ему приходилось сноситься и т. д. Съ 1734 г. характеръ журналовъ Кабинета рѣзко измѣняется: вмѣсто этихъ, столь разнообразныхъ по содержанію, журналовъ, ведутся, главнымъ образомъ, лишь журналы приказовъ, отдаваемыхъ изъ Кабинета, а изъ прежнихъ журналовъ-протоколовъ выдѣляются въ особыя книги списки или реестры входящихъ и исходящихъ изъ Кабинета бумагъ, а равно и составляются особыя «протокольныя записки» и «протоколы на указы». При помѣщеніи въ Сборникѣ только журналовъ, «будущіе историки Кабинета, говоритъ редакторъ, лишатся возможности опредѣлить, пользуясь только матеріалами этого изданія, предѣлы компетенціи учрежденія, слагавшейся постепенно и не столько *de jure*, сколько *de facto*. Воспроизведеніе же самихъ бумагъ является практически невозможнымъ, такъ какъ „съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развивавшаяся дѣятельность Кабинета уже съ 1734 г. начинаетъ принимать такіе размѣры, что въ приложеніяхъ къ журналамъ могутъ быть напечатаны лишь исходящія изъ Кабинета акты, именно: именныя указы, высочайшія повелѣнія и резолюціи, указы и письма кабинетъ-министровъ и т. п.» Такимъ образомъ, въ составъ настоящаго тома вошло 173 № журналовъ и списковъ входящихъ Кабинета и около 400 приложеній, представляющихъ собою копіи указовъ, повелѣній и т. п.

Сборникъ снабженъ оглавленіемъ, въ которомъ можно найти краткое содержаніе каждаго документа, вошедшаго въ составъ Сборника подъ названіемъ «приложеній» и алфавитнымъ указателемъ собственныхъ именъ.

Обращаясь къ содержанію Сборника, нужно сказать, что оно въ высшей степени разнообразно; систематизировать находящійся въ немъ матеріалъ очень трудно. Кругъ вѣдомства и границы компетенціи возникшаго въ октябрѣ 1831 г. Кабинета министровъ, какъ и многихъ другихъ русскихъ государственныхъ учреждений, возникшихъ и слагавшихся фактически, а не юридически, были совершенно не установлены. Вотъ почему предметомъ обсужденія Кабинета министровъ были самыя разнообразныя дѣла: политика внѣшняя и внутренняя, административныя распоряженія, мѣропріятія фискальнаго свойства, финансовыя, наконецъ даже иногда частная переписка, — все это проходило чрезъ Кабинетъ министровъ.

Размѣры настоящей замѣтки не позволяютъ намъ останавливаться на подробной передачѣ содержанія многихъ копій бумагъ, имѣю-

щихъ большій или меньшій историческій интересъ, а потому мы, ограничившись самымъ краткимъ перечнемъ важнѣйшихъ документовъ общаго характера, остановимся только лишь на нѣкоторыхъ документахъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ исторіи нашего края.

Засѣданія Кабинета министровъ въ 1734 г., какъ это видно изъ журналовъ, перечня входящихъ и приложений, были больше всего посвящены «польскимъ, малороссійскимъ, шведскимъ и финляндскимъ обращеніемъ». Главное вниманіе Кабинета министровъ сосредоточивается на дѣлахъ Польши, на борьбѣ партій польскаго шляхетства, разбившагося на два враждебныхъ лагеря; одинъ изъ нихъ стоялъ на сторонѣ короля Станислава Лещинскаго, другой на сторонѣ Августа III, котораго поддерживало русское правительство. Въ Польшѣ и Литвѣ собирались безпрерывно сеймы и сеймики безпрерывно появлялись организованные отряды противной Россіи польской партіи, дѣйствовавшей при дѣятельной поддержкѣ Швеціи и Финляндіи. Русское правительство должно было безпрестанно мобилизовать свои войска на западныя и сѣверныя границы, зорко слѣдя за дѣйствіями Польши и Швеціи; оно арестовывало и содержало подъ усиленной стражей вожаковъ польской партіи (какъ напр. гр. Сауѣгу), давая въ тоже время гарантію личной имущественной охраны сторонникамъ своей партіи (какъ напр. гр. Завишѣ) и прилагая всѣ старанія къ тому, чтобы скорѣе взять Данцигъ и вигнать оттуда Лещинскаго и склонить затѣмъ вожаковъ противной партіи къ дачѣ присяги на вѣрность королю Августу. Данцигъ, какъ извѣстно, былъ взятъ; Станиславъ Лещинскій бѣжалъ; на польскій престолъ вступилъ Августъ III, но Польша не была умиротворена...

Едва ли не большее безпокойствіе русскаго правительства вызывало положеніе дѣлъ на югѣ и на юго-западѣ Россіи. Не смотря на то, что со времени присоединенія Украины къ Россіи прошло уже около 70 лѣтъ, Украина все же являлась безпрестанно дымящимся вулканомъ, готовымъ каждую минуту вспыхнуть и причинить не мало хлопотъ Россіи, такъ какъ со сцены еще не сошли единомышленники Мазепы, и дѣятельнѣйшій и энергичнѣйшій изъ нихъ--Орликъ, находившійся въ то время въ Турціи, продолжалъ вести агитацію противъ русскаго правительства вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, воспитаннымъ имъ въ чувствахъ непримиримой вражды къ «москалямъ» и московскимъ порядкамъ на Украинѣ. Центромъ протеста, несмотря на всевозможнаго рода мѣропріятія правительства, продолжало быть Запорожье и запорожцы.

1734 г. былъ, какъ извѣстно, годомъ смерти гетмана Данила Апостола. Воспользовавшись смертію Апостола, русское правительство задумало нанести окончательный ударъ самоуправленію Украины, вопреки основнымъ пунктамъ договора Великой Руси съ Малой, посредствомъ уничтоженія гетманства и замѣны гетманскаго управленія Малороссіей «управленіемъ изъ 6-ти персонъ». Планъ замѣны гетманскаго управленія инымъ управленіемъ былъ готовъ еще до смерти Данила Апостола, такъ какъ лишь только правительство узнало, что „гетманъ Апостолъ состоитъ въ ирещней своей болѣзни и нынѣ весьма слабъ, а опредѣленный къ нему министръ, генералъ Нарышевнъ, обрѣтается въ Петербургѣ, оно указомъ отъ 17 января 1734 г. предписало кн. А. И. Шаховскому, находившемуся въ то время въ предѣлахъ Польши, подъ начальствомъ графа Вейсбаха, свой «корпусъ поручить изъ генералитета, кому опредѣлено будетъ отъ графа фонъ-Вейсбаха», а самому немедленно отправляться въ Глуховъ, съ тою цѣлю, „если онъ, гетманъ, въ глубочайшую болѣзнь придетъ или умретъ, чтобы въ правленіи войскъ не воспослѣдствовало остановки; того ради Мы запотребно росудили немедленно ѣхать въ Малороссію и для управленія министерскихъ дѣлъ быть при немъ до Нашега указа вамъ... и если онъ, гетманъ въ глубочайшую болѣзнь придетъ или умретъ, то повелѣваемъ вамъ при ономъ случаѣ пристойныя мѣры взять и во всемъ такимъ образомъ поступать, какъ о томъ извѣстно вамъ Наше всемилостивѣйшее намѣреніе состоитъ и Мы на васъ въ томъ надежду имѣемъ, безъ всякаго упущенія и при томъ на обращенія ихъ малороссійскія, а особливо при нынѣшнихъ конъюнктурахъ, наврѣико и недреманнымъ окомъ смотрѣть и о томъ Намъ обстоятельно репортовать, съ представленіемъ о учрежденіи мнѣнія своего“.

26 января послѣдовалъ новый именной указъ кн. Шаховскому, вызванный извѣстіемъ о смерти Апостола, послѣдовавшей 17 января. Повторяя буквально содержаніе предыдущаго указа, новый указъ „наискрѣпчайше подтверждаетъ, что по полученіи сего Нашега указа имѣете вы со всякимъ всевозможнымъ поспѣшеніемъ ѣхать въ Глуховъ наскоро и, пріѣхавъ въ управленіе дѣлъ, до дальнѣйшаго Нашега указа, поступать по извѣстному вамъ Нашему намѣренію и по предпосланному указу со всякимъ прилежнымъ ведѣніемъ (sic) и осторожностію, безъ упущенія, присматривая при томъ на поступки тамошняго малороссійскаго народа наврѣико, и что отъ нихъ проис-

ходить будетъ, о томъ надлежащія и пристойныя мѣры взить» ... 29 января въ Кабинетѣ министровъ выработано было всеподданнѣйшее мнѣніе, подписанное Минихомъ, Остерманомъ, кн. Черкасскимъ, Ушаковымъ и Шафировымъ, послужившее затѣмъ содержаніемъ «грамоты малорусскому народу» отъ 31 янв. 1734 г., въ которомъ говорится: «Гетману впредь быть не разсуждается, а быть правленію вмѣсто чина гетманскаго во шти (sic) персонахъ состоящему, а именно: изъ 3-хъ великороссійскихъ, изъ 3-хъ малороссійскихъ и къ тому представляется нынѣ, хотя на время, пока дѣло въ надлежащей порядокъ приведено будетъ, кн. А. Шаховской, а кому при немъ изъ великороссійскихъ и изъ малороссійскихъ быть, тому ниже сего представляются въ кандидаты, которымъ быть въ засѣданіи въ равенствѣ, а сидѣть на правой сторонѣ русскимъ, а лѣвой малороссійскимъ и править дѣла по прежнимъ инструкціямъ и рѣшительнымъ пунктамъ, а генеральному воеводскому суду быть по прежнему; тому правленію быть подъ вѣдѣніемъ Сената, во особливо конторѣ. И сіе содержать секретно, а въ указахъ и въ прочихъ письмахъ не показывать, что намѣреніе имѣется гетмана не выбрать... Въ кандидаты представляются: изъ великороссійскихъ—Иванъ Вельяминовъ, Степанъ Колычевъ, Андрей Чернышовъ, Дмитрій Порецкой. Изъ малороссійскихъ: обозный Лизогубъ, изъ подскирбіевъ Марковичъ, изъ генеральныхъ есауловъ Мануйловъ».

На мнѣніе положена резолюція: «Опробуэца».

Сознавая всю важность и небезопасность предпринятаго политическаго шага, дѣлая многократно строгіе наказы о содержаніи въ полномъ секретѣ своихъ настоящихъ намѣреній, правительство, въ тоже самое время, не упускаетъ изъ виду даже такихъ мелочей относительно всего, что касается хотя бы даже престижа его власти, что не забываетъ дать надлежащихъ указаній, кому гдѣ сидѣть, хотя раньше и упоминаетъ о томъ, что „въ засѣданіи (членамъ) быть въ равенствѣ“.

31 января послѣдовалъ на имя кн. Шаховскаго именной указъ объ учрежденіи въ Малороссіи гетманскаго управленія изъ 6-ти лицъ, объ объявленіи посылаемой при семъ грамоты старшинѣ и малороссійскому народу, о выборѣ лицъ для означеннаго правленія, и великороссійскихъ судьяхъ и о назначеніи содержанія вдовѣ Апостола.

Кромѣ «грамоты малороссійскому народу», присланной кн. Шаховскому, было прислано еще десять грамотъ для послыки въ
Томъ 74 — Июль-августъ, 1901.

каждый полкъ, а „для раздачи въ народъ“ были присланы «друкованные листы». Какъ въ „объявленной грамотѣ, друкованныхъ листахъ, такъ даже и въ присланной при нихъ „инструкціи“, изъ опасенія возбудить безпорядки, правительство увѣрало украинскій народъ, что правленіе новое вводится временно, «до впредь будущаго избранія гетмана»; настоящія же намѣренія открывало только въ именномъ указѣ кн. Шаховскому: «А что въ объявленной Нашей грамотѣ и въ инструкціи писано, что правленіе гетманскаго уряда опредѣлено до впредь будущаго избранія гетмана, и сіе написано для того, чтобы нынѣ, въ началѣ сего объявленія, народъ не имѣлъ въ томъ сумнѣнія и не чинилъ противныхъ толкованій... Вамъ же, по имѣющей прежней секретной инструкціи... предостерегать того, чтобы какой шатости въ малороссійскомъ народѣ подъ нынѣшней частью не произошло и смотрѣть того прилежно, и ежели бѣ, паче чаянія, что могло противное случиться, то въ томъ поступать по силѣ той инструкціи и отправленныхъ недавно Нашихъ указовъ»... Далѣе, требуя «донести, какъ опредѣленные въ войсковомъ судѣ великороссійскіе судьи поступаютъ», и давая право Шаховскому замѣнить ихъ новыми по своему усмотрѣнію, «кого онъ за достойныхъ въ тому знаетъ, указъ напоминаетъ, что «надобно въ судѣ такихъ людей имѣть, которые были бѣ правдивы и ко взяткамъ не лакомы, и не было бѣ отъ нихъ народу озлобленія и обидъ и дабы оный малороссійскій народъ правосудіемъ тѣхъ великороссійскихъ судей былъ доволенъ и пріобывалъ къ великороссійскому правленію». И какъ рѣшительную мѣру рекомендуетъ «смоленскаго шляхтича, ротмистра Пассека, отрѣшить, понеже ему въ судѣ войсковомъ быть весьма, разсуждаемъ, не запотребно. Умершаго гетмана Апостола женѣ Ульянѣ за вѣрную службу мужа ея, повелѣваемъ на содержаніе дома ея давать, по смерти ея, на годъ по 3000 р., которые выдавать ей изъ сборныхъ денегъ съ бывшихъ гетманскихъ маєтностей. И все вышеписанное содержать въ вышшемъ секретѣ».

Обстоятельства дѣла требовали быстроты дѣйствій. И мы видимъ, что сношенія, дѣйствительно, велись съ достаточной для того времени быстротой. Именно, въ числѣ входящихъ бумагъ Кабинета за 6-е февраля значится «доложеніе генерала Нарышкина о погребеніи гетмана», а за 9-е февраля — «репорты генерала, графа Вейсбаха о бытіи генераль-лейтенанту князю Шаховскому въ Глуховѣ и о порученіи, вмѣсто него, команды другому» (вслѣдствіе перваго указа

отъ 17 января), и за 16 февраля— «репортъ того-же Вейсбаха о полученіи указа и отправленія къ кн. Шаховскому о немедленномъ его прибытіи въ Глуховъ и о шпіонахъ»; въ числѣ входящихъ за мартъ подъ 2 марта значится «доношеніе кн. Шаховского отъ Вѣдой-Церкви о слѣдствіи (sic) его въ Глуховъ, съ представленіемъ какимъ образомъ правленіе послѣ гетмана зачать; его жъ два письма о томъ же.

Въ отвѣтъ на это доношеніе послѣдовалъ именной указъ кн. Шаховскому отъ 4 марта 1734 г., въ которомъ послѣдному выяснилось, «что какимъ образомъ по прибытіи вашемъ въ Глуховъ малороссійское правленіе начинать и какъ поступать, и чего вамъ предостерегать надлежитъ, о томъ уже полная инструкція и особый къ вамъ съ надлежащимъ наставленіемъ указъ и для публикованія печатныя грамоты, состоявшіяся января 31 дня, отправлены къ вамъ до Глухова съ нарочнымъ курьеромъ» ..

Но очевидно, что кн. Шаховской получилъ «инструкцію и особый съ наставленіемъ указъ» по дорогѣ въ Глуховъ, такъ какъ въ числѣ входящихъ за 5-е марта значится: 1) «доношеніе кн. Шаховского изъ Кіева о полученіи инструкціи и указовъ и на представленіе на то, какимъ образомъ въ Глуховѣ поступать ему надлежитъ; 2) репортъ его-жъ—о полученіи указа перваго отъ 17-го января и 3) письмо его жъ о томъ, что въ доношеніи написано.

Кн. Шаховской до прибытія своего въ Глуховъ, значить еще до ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ и настроеніемъ малорусскаго народа на мѣстѣ, былъ противъ мнѣнія Кабинета министровъ, получившаго уже высочайшую «аппробацію» о замѣнѣ гетманскаго управленія управленіемъ «изъ шти персонъ». Хотя въ «Сборникѣ» нѣтъ копій съ доношеній и писемъ кн. Шаховского, а потому нельзя съ точностью воспроизвести того, что писалъ кн. Шаховской, но въ видѣ приложенія отъ 7-го марта въ «Сборникѣ» напечатаны: 1) «Высочайше утвержденное мнѣніе особаго совѣщанія въ Кабинетѣ относительно оставленія въ силѣ, вопреки доношеніямъ кн. А. И. Шаховского, указа 31 янв. 1734 г. о бытіи въ Малороссіи, вмѣсто гетмана, управленію изъ 6-ти лицъ и пр., по соображеніямъ, изложеннымъ въ семъ мнѣніи» и 2) «Именной указъ кн. А. И. Шаховскому, въ отвѣтъ на доношеніе его относительно неудобствъ представленія правленія Малороссіею 6-ти персонамъ, согласно указу 31 янв. 1734 г., съ подтвержденіемъ дѣйствія впредь этого указа».

Изъ этихъ двухъ документовъ видно, что кн. Шаховской, не раздѣляя мнѣнія Кабинета о перемѣнѣ управленія Малороссіей, послалъ въ Петербургъ 17 и 22 февраля свои «доношенія», въ которыхъ онъ «представлялъ чтобъ правленію въ Малой Россіи не быть во шти персонахъ и на такомъ основаніи, какъ въ состоявшемся Ея И. В.—ва всемилостивѣйшемъ, января 31 дня, къ нему присланномъ указѣ изображено». Высто же проекта «правленія изъ шти персонъ» кн. Шаховской представилъ свой проектъ правленія Малороссіей «на такомъ основаніи, какъ онъ о томъ образцовый указъ, которому въ народъ малороссійскій публиковану быть, для всемилостивѣйшей апробаціи, при своемъ доношеніи прислалъ».

Каково было содержаніе присланнаго кн. Шаховскимъ для «апробаціи образцоваго указа, которому въ народъ малороссійскій публиковану быть» — неизвѣстно, такъ какъ въ «Сборникѣ» онъ не помѣщенъ, но мотивы, по которымъ кн. Шаховской былъ противъ правленія «изъ шти персонъ», могутъ быть отчасти воспроизведены на основаніи приведенныхъ нами двухъ документовъ: 1) что прежде всего гетманы генеральную войсковую канцелярію содержали и резолюціи давали одни, а ежели нынѣ всякимъ дѣламъ, до уряду гетманскаго касающимся, рѣшеннымъ быть въ учрежденномъ собраніи, то отъ того въ той канцеляріи можетъ произойти великая многотрудность и по отправленію дѣлъ остановка; 2) что старшина уже давно желаніе имѣетъ къ полученію правленія войсковою генеральной канцеляріи, а когда нынѣ уже въ оной присутствіе получать, то впредь оныхъ, по его мнѣнію, отрѣшить уже не такъ удобно будетъ, какъ бы они къ тому дѣлу допущены не были... Вотъ тѣ мотивы, какіе были выставлены кн. Шаховскимъ въ противовѣсъ мнѣнію Кабинета министровъ относительно перемѣны управленія въ Малороссіи. Онъ былъ противникомъ коллегіальнаго управленія Малороссіей, но не изъ боязни «могущей произойти отъ того шатости въ малороссійскомъ народѣ», а совершенно по другимъ соображеніямъ, не только не совпадавшимъ съ намѣреніемъ правительства вести политику «шелковыхъ возжей» съ цѣлью постепеннаго прирученія народа къ тому, чтобы «онъ пріобыкалъ къ великороссійскому правленію», а совершенно противоположнымъ: онъ былъ сторонникомъ политики «жевыхъ рукавиць» и желалъ совершенно не допустить участія старшины въ управленіи Малороссіей. Образъ мыслей кн. Шаховскаго, несомнѣнно, вполне совпадалъ съ дѣйствительными (тайными)

намѣреніями правительства относительно Малороссіи, но взгляды ихъ на средства осуществленія этихъ намѣреній были не одинаковы.

Для обсужденія «образцоваго указа» кн. Шаховского, немедленно, 7 марта, состоялось «особое совѣщаніе въ Кабинетѣ», высказавшее мнѣніе «объ оставленіи въ силѣ, вопреки доношеніямъ кн. Шаховского, указа 31 янв. 1734 г. о бытіи въ Малороссіи, вмѣсто гетмана, управленію изъ шести лицъ», утвержденное въ тотъ же день Анной Іоанновной. Въ «мнѣніи» говорится, что по довольному разсмотрѣнію о резонахъ отъ него (кн. Шаховского) представленныхъ, всеподданнѣйшее свое мнѣніе приносятъ, что при нынѣшнихъ случаяхъ, къ интересамъ Ея И. В.—ва заприличіе и полезіе разсуждаютъ быть тому правленію до времени на такомъ основаніи, какъ... въ указѣ января 31 дня опредѣлено, и поступать ему, генерал-лейтенанту (кн. Шаховскому) въ томъ по посланнымъ къ нему указамъ и инструкціи и сочиненный манифестъ о томъ правленіи потому жъ указу въ народъ публиковать... Что же касается мотивовъ особаго мнѣнія кн. Шаховского, то особое совѣщаніе нашло оба его «резона» несостоятельными: относительно перваго оно высказалось, что «сіе весьма не признается, понеже канцеляріи отъ того выщѣго труда быть не можетъ, какъ прежде бывало, но паче, когда съ общаго совѣту того учрежденнаго собранія дѣла рѣшены и отправлены будутъ, то еще лучшаго и основательнѣйшаго порядку и меньшей остановки въ дѣлахъ отъ того уповать надлежитъ»; на счетъ втораго мотива особое совѣщаніе сказало: «что нѣкоторые изъ малороссійскихъ въ томъ собраніи присутствовать стануть, никого (никакого?) предосужденія интересомъ Ея И. В.—ва не признается, но паче еще польза, понеже не вся старшина присутствовать станеть, но только три персоны, и тѣ три персоны однѣ никакой власти имѣть не будутъ, но должны съ велико-россійскими вмѣстѣ засѣдать и дѣла отправлять... Кн. Шаховской стоялъ за сохраненіе гетманскаго управленія Малороссіей, но съ тѣмъ, чтобы гетманомъ былъ великороссъ, разсчитывая, по всей вѣроятности, въ случаѣ принятія его проекта, самому стать гетманомъ Малороссіи, такъ какъ «особое совѣщаніе» Кабинета, не согласившись съ доводами кн. Шаховского, добавляетъ слѣдующее: «Сверхъ того, ежели съ самаго начала всѣхъ малороссійскихъ отъ правленія вовсе и генерально отрѣшить и одному велико-россійскому все правленіе вручать, то-бъ оный малороссійскій народъ отъ того въ какое сумнѣніе приведенъ не былъ, и иногда-бъ

вациа какія затрудненія отъ того не произошли. И для того, нижеподписавшіеся, при презнемъ своемъ всеподданнѣйшемъ мнѣніи... пребываютъ», хотя, въ зависимости отъ того, какъ «дѣла тамо пойдуть, всегда въ Ея И. В.—ва всемилостивѣйшемъ соизволеніи будетъ состоять—сіе на время учиненное правленіе отмѣнить и другія такія учрежденія учинить, какія по обстоятельствамъ для интересовъ Ея И. В.—ва всемилостивѣйше за благо разсуждены будутъ; а пока мѣсть сіе правленіе совсѣмъ основано и въ надлежащій порядокъ приведено не будетъ, то его, генераль-лейтенанта, оттуда отлучать, видится, невозможно».

Мнѣніе «особаго совѣщанія въ Кабинетѣ», утвержденіе его и изданіе соотвѣтствующаго именованнаго указа, подтверждающаго указъ 31 января, состоялось 7 марта. Между тѣмъ, кн. Шаховской, прибывъ въ Глуховъ, не зналъ, какую форму правленія примѣнять ему на Украинѣ: распорядиться ли ему на правахъ гетмана Малороссіи, или же управлять согласно съ указомъ отъ 31 января. Потребовавъ отъ старшины отдачи ему гетманскихъ войсковыхъ клейнодовъ, кн. Шаховской 5 марта доноситъ объ этомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ «требуетъ указу», какъ ему рѣшить дѣла, «по инструкціи-ль сего 1734 году, или какъ бывало при гетманѣ», а затѣмъ проситъ «о взятіи у генерала Нарышкина прежде данной ему, кн. Шаховскому, въ бытность его при гетманѣ, секретной инструкціи и о присылкѣ къ нему». Кабинетъ министровъ письмомъ отъ 16 марта увѣдомилъ кн. Шаховского, что «оная инструкція, и секретные пункты, и указъ, и цифирная азбука, отправлены... при семъ».

Черезъ два с лишкомъ мѣсяца, 27 мая, послѣдовалъ именной указъ кн. Шаховскому «о прибытіи ему на нѣкоторое время изъ Малороссіи въ С.-Петербургъ, и о порученіи, въ отсутствіи его, управленія дѣлами временно майору Хрущову и другимъ, по усмотрѣнію его, Шаховского, лицамъ». Вызовъ кн. Шаховского въ Петербургъ очевидно состоялся «по украинскимъ дѣламъ, такъ какъ 18 іюля посланъ былъ изъ Петергофа Кабинетъ-министрамъ рескриптъ слѣдующаго содержанія: «Господа Кабинетъ-министры! Разсудили мы за благо послать къ вамъ кн. Шаховского для представленія нужныхъ его украинскихъ дѣлъ; того ради, по полученіи сего, собравъ всѣ его старыя и новыя доклады и доношенія, разсмотрите и, обще совѣтовавъ, положите обо всемъ надлежащую резолюцію, съ которою для ачробаціи быть къ намъ немедленно. Анна».

Какъ ни скрывало правительство настоящихъ своихъ намѣреній относительно Украины, все же и старшина, и народъ, наученные прежнимъ горькимъ опытомъ, ясно видѣли, къ чему клонится политика правительства. Да и не пужно было обладать большою дальновидностью, чтобы не понимать, какія намѣренія скрываются мѣропріятіями правительства, несмотря на то, что оно выставяло ихъ передъ народомъ, какъ временныя. Изъ Украины начали идти челобитныя объ избраніи гетмана. Для осуществленія своихъ плановъ насчетъ Украины правительству нужно было выполнить двѣ задачи: заручиться поддержкой народа и окончательно ослабить и безъ того уже обезсиленную и деморализованную козацкую старшину. Перваго оно старалось достигъ путемъ облегченія простого народа отъ бремени всевозможныхъ налоговъ въ пользу старшины, судебной защитой и предоставленіемъ широкыхъ правъ челобитья на своихъ обидчиковъ; второго—дарованіемъ высочайшихъ милостей тѣмъ изъ старшинъ, «которые были доброжелательны», въ видѣ производствъ въ чины, записи кандидатами въ Сенатъ и т. п., а во-вторыхъ—путемъ секретныхъ мѣропріятій съ цѣлью внести разлагающее начало въ самую сердцевину національной жизни—семью. Къ числу такихъ мѣропріятій относятся, извѣстный, кажется, уже въ печати, секретный указъ тому-же кн. Шаховскому отъ 31 янв. 1734 г. «о принятіи секретно искусныхъ мѣръ къ побужденію малороссійскаго народа вступать въ свойство съ великороссійскимъ народомъ, а не съ смольянами, поляками и другими зарубежными жителями, что, кажется—говорится въ указѣ—противно нашему интересу». Выполненіе этого секретнаго предписанія оказалось на практикѣ трудно примѣнимымъ; поэтому въ цѣляхъ выполненія указа кн. Шаховской дѣлаетъ представленіе «о недозволеніи выѣзжать изъ Малороссіи въ другіе города безъ паспортовъ, выданныхъ имъ, Шаховскимъ». «...Не соизволите ли, Ваше В—ство всемилостивѣйше указать въ малороссійскіе полки дать Вашего И. В—ва указы, чтобъ какъ старшина сама, такъ и дѣти ихъ, или кто-нибудь ежели бы кто пожелалъ ѣхать изъ Малороссіи въ другіе города, то бы безъ паспорта моего не ѣздили, при чемъ видно будетъ, кто для какого дѣла ѣдетъ и ежели кто поѣдетъ для женитьбы, то таковыхъ удобно при томъ отъ онаго отвратить. И на оное ождать буду Вашего И. В—ва всемилостивѣйшаго указа».

Но самую яркую картину всей системы отношеній великорусскаго правительства на Украинѣ даетъ «Высочайше утвержденная секретная инструкція, данная ген.-лейтенанту кн. Шаховскому, по управленію Малой Россіею, по которой, будучи въ Малой Россіи, поступать надлежитъ». Инструкція состоитъ изъ 11 пунктовъ. Наказывая «смотреть накрѣпко, чтобъ какъ въ главныхъ (дѣлахъ), такъ и въ прочихъ какой противности не было, и народъ къ тому побуждаемъ отъ кого не былъ, и развѣдывать того накрѣпко всякими способами», инструкція требуетъ «немедленно о томъ доносить», а въ крайнихъ случаяхъ, «буде для описыванія времени не будетъ, чинить, что надлежитъ по своему разсмотрѣнію; и ежели въ такомъ случаѣ явится кто изъ старшины и изъ полковниковъ, и ихъ брать подъ караулъ, и не допускать того зла до расширенія». Съ другой стороны инструкція велитъ «усматривать во всякихъ обхожденіяхъ, кто изъ старшинъ и изъ козаковъ къ Намъ и къ сторонѣ Нашей доброжелательны, и какого уряда достойны, и въ такой случай, когда придетъ гдѣ полковникамъ и старшинѣ перемѣна, усматривать вамъ, что бы въ тѣ чины вѣрныя и доброжелательныя намъ люди произведены были, и таковыхъ, обще съ генеральною старшиною, въ кандидаты писать въ Севать, въ канцелярію малороссійскихъ дѣлъ, а въ кабинетъ Нашъ, кому изъ тѣхъ кандидатовъ пристойнѣе быть надлежитъ, доносить секретно... Что же касается простого народа, то инструкція научаетъ «пристойнымъ образомъ внушать малороссійскому народу, а паче козакамъ, что Наше И. В.—во содержимъ ихъ въ милости своей при данныхъ имъ отъ Насъ милостивыхъ привилегіяхъ, а ежели имъ отъ генеральной старшины и отъ полковниковъ, такожъ отъ полковой старшины и отъ сотниковъ будутъ тягости, какъ въ накладѣ вина и въ прочихъ питьяхъ, и въ съѣстныхъ припасахъ, и въ сборѣ денегъ, въ работѣ, и въ привращеніи козаковъ въ подданство, то бѣ они били челомъ на нихъ въ томъ, какъ о семъ выданными въ 1728 г. указы публиковано». Инструкція предписываетъ «оборонять отъ тягостей и обидъ козаковъ и прочихъ жителей малороссійскаго народа» «хотя отъ козаковъ и челобатя не будетъ».

Въ случаѣ народнаго неудовольствія и ропота по поводу новыхъ налоговъ, инструкція рекомендуетъ объяснять, «для чего тотъ сборъ въ войсковой скарбъ собирать», а «другимъ наединѣ говорить, ...что какъ тѣ всѣ сборы были въ вѣдомствѣ гетмановъ», то... «со-

бранными деньгами сборщики корыстовались и расходъ всѣмъ тѣмъ съ народа собираемымъ деньгамъ былъ непорядочный, по одной только гетманской волѣ, а въ войсковомъ сварбѣ ничего не оставалось; и однимъ словомъ сказать, что все непорядочно было, а народу малороссійскому не только въ томъ полегченія не было, но и еще несносная и немалая обида; ...и объявлять, что многіе съ нихъ поборы, которые собираны при гетманахъ, къ полегченію всемилостивѣйше сложить... соизволили».

Чтобы больше дискредитировать въ глазахъ народа гетманское правленіе, правительство въ § 7 инструкціи предписываетъ: «надлежитъ всякими удобо-возможными способами внушить малороссійскому народу, что какія въ бытность гетмановъ чинились партикулярнымъ домамъ обиды и разореніе, какъ въ отнятіи маестностей, такъ и въ награжденіи ихъ непорядочно, а вынѣ Мы всемилоставѣйшее свое намѣреніе имѣемъ всѣхъ вѣрныхъ нашихъ малороссійскаго народа, за службы и вѣрность ихъ, милостію своею и награжденіемъ деревень не оставить». Въ § 10 говорится: «Ежели тамошняя старшина будутъ намѣренія свои показывать, или просить о выборѣ гетмана, то надлежитъ пристойнымъ образомъ совѣтомъ своимъ ...отъ того отвращать и при томъ провѣдывать и смотрѣть недреманнымъ окомъ, кто изъ старшины въ тѣ гетманы будутъ желательны и не будутъ ли собирать челобитенъ, ...то въ Кабинетъ Нашъ о томъ немедленно доносить».

Производя реформу управленія въ Малороссіи, правительство, несомнѣнно, дѣлало рискованные политическіе шаги, осложняя и безъ того крайне запутанныя политическія отношенія съ Польшей и Швеціей—съ одной стороны, а съ другой—съ Турціей и Крымомъ, бывшихъ на сторонѣ короля Станислава Лещинскаго и поддерживавшихъ его въ борьбѣ съ Августомъ III. И правительство Анны Ивановны это прекрасно понимало, но расчетъ его былъ безошибоченъ: перемѣна управленія въ Малороссіи не могла грозить серьезными внутренними безпорядками, потому что народъ, истомленный въ тяжелой предшествовавшей борьбѣ за свою политическую и религіозную независимость, не въ состояніи былъ активно реагировать на новыя посягательства со стороны своего сильнаго союзника, направленныя къ уничтоженію послѣднихъ остатковъ своей независимости, а представителей его, въ лицѣ старшинъ, легко было купить.

Запорожская Сѣчь, служившая раньше очагомъ, гдѣ главнымъ образомъ броженія народной политической мысли получали конкретныя формы, также не представляло особенной опасности. Правда, былъ еще живъ «измѣнникъ» Орликъ, сиодвжникъ Мазепы, продолжавшій, несмотря на свой преклонный возрастъ, вести агитацію противъ русскаго правительства вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. Съ агитаціонной дѣятельностью этого послѣдняго изъ могиканъ правительство, какъ видно изъ документовъ Кабинета, должно было считаться. Такъ, въ именномъ отъ 25 апрѣля 1734 г. указѣ къ кн. Шаховскому «объ отиравленіи въ корпусъ гр. Вейсбаха въ Польшу козаковъ, украинскихъ и слободскихъ, о наблюденіи за дѣйствіями крымскаго хана и за измѣнникомъ Орликомъ и проч.», говорится: «О ханѣ крымскомъ имѣемъ мы извѣстіе, что онъ съ татарскимъ войскомъ на самыхъ турецкихъ границахъ, близъ Польши стоитъ, такожь и измѣнникъ Орликъ получили извѣстіе жъ, что онъ къ нему жъ, хану, прислалъ, почему признавается,—не отважатся ли оныя татары, по призыву станиславцовъ (сторонниковъ короля Станислава Лещинскаго) въ Польшу вступить, и не будетъ ли отъ помянутого Орлика на Украину, для возмущенія къ злему намѣренію, какихъ присылокъ къ кому изъ малороссійскихъ жителей, или письменной съ кѣмъ корреспонденціи, чего вы имѣете накрѣпко и со всякою прилежностью пристойнымъ образомъ и подъ рукою смотрѣть, и въ томъ крѣпкую предосторожность имѣть; и ежели бъ, иаче чаянія, такія присылки явились, и въ комъ такая невѣрность и подозрѣніе усмотрѣны будутъ, таковыхъ безъ потерянія времени ловить и поступать съ ними искуснымъ образомъ, по нашимъ указамъ и намъ немедленно доносить, въ чемъ Мы полагаемся на вашу, извѣстную намъ, вѣрность и рѣшительную осторожность».

Въ доношеніяхъ гр. Вейсбаха, какъ видно изъ «входящихъ» (напр. отъ 7 мая, 5-го іюня и т. д.), имя Орлика поминается часто, что подтверждаетъ съ одной стороны «радѣтельность» генерала, а съ другой—также замѣтную дѣятельность. Наблюденія за дѣятельностію Орлика вызвали указъ отъ 31 августа 1734 г. на имя барона Кейзерлинга, полномочнаго министра при польскомъ дворѣ, въ которомъ говорится слѣдующее:... «Перенятое жъ письмо отъ крымскаго хана Мы уже отъ Нашего оберъ-шталмейстера получили и надлежащую потребность онымъ у Порты чинить будемъ. Старый Орликъ не тово тогъ, который съ измѣнникомъ Мазепою прежде сего къ шведамъ и

туркамъ перешелъ и противу Россіи взбунтовалъ, но и понинѣ у крымскаго хана дѣйствительно обрѣтается, запорожскихъ козаковъ противу Насъ возмутить ищетъ, и того ради многія поносительныя письма въ народъ издаетъ, изъ которыхъ къ Намъ многія оригинальныя отъ запорожскихъ козаковъ присланы. И ежели оный Орликъ, чрезъ котораго сіе крымскаго хана письмо получено, помянутаго, у хана пребывающаго, стараго Орлика, подлинный сынъ есть, то предусмотрѣть невозможно, что благо черезъ него у крымскаго хана причинить невозможно (sic), ибо отецъ его предѣльный бунтовщикъ и по нынѣшнее время ядъ свой и злое намѣреніе по крайнѣйшей возможности повсюду въ дѣйство проивести старается; сверхъ же того у Порты, а особливо у крымскаго хана, въ великомъ кредитѣ имѣется, и слѣдовательно отъ его сына немного добра ожидать надлежатъ, наименьше жъ того онъ въ состояніи быть можетъ отца своего преодолѣть. Въ вашей реляціи не упомянуто, сей Орликъ дѣйствительно ли назадъ возвратился или гдѣ дѣвался, и какія о немъ резолюціи могутъ быть учинены, о чемъ мы вашего доношенія въ немедленномъ времени дожидаемъ, а между тѣмъ имѣете вы вышеуказанное въ потребныхъ мѣстахъ надлежаще представить, что, понеже и безъ того, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, у крымскаго хана онъ съ трудностію полезень быть можетъ, то бъ его изъ рукъ не упустили, но долѣ у себя подъ добрымъ присмотромъ держали, пока онъ надѣяннымъ и приличнымъ образомъ Намъ отданъ быти можетъ, и хотя Нашего намѣренія не имѣется съ нимъ, яко съ сыномъ отъ Насъ отпавшаго подданнаго и бунтовщика жестоко поступить, а особливо въ разсужденіи того, что онъ нынѣ учинилъ, однако же, отецъ его можетъ быть тѣмъ побужденъ будетъ злобамъ своимъ нѣкоторыя мѣры постановить, когда онъ узнаетъ, что сынъ его въ нашихъ рукахъ имѣется».

Указъ этотъ, представляя собою выдающійся интересъ для характеристики политики Кабинета и агитаціонной дѣятельности Орлика, интересенъ и съ той стороны, что даетъ нѣсколько довольно опредѣленныхъ намековъ на причины, въ значительной степени ослабляшіе успѣхъ агитаціонной дѣятельности принципіальнаго, непримиримаго противника русскаго правительства, старика Орлика. Агитація Орлика-отца не только не встрѣчала сочувствія въ Запорожьѣ, а напротивъ—активное противодѣйствіе. Запорожцы, какъ это видно изъ приведеннаго указа, присылали русскому правительству «поноси-

тельные письма Орлика въ народъ прямо въ оригиналѣ, очевидно, съ цѣлью противодѣйствовать ихъ распространенію въ народѣ. Наконецъ, даже и сынъ самого «презельнаго бунтовщика», молодой Орликъ, также былъ не на сторонѣ отца, а правительства, хотя послѣднее, очевидно, относилось къ нему съ крайнимъ недоверіемъ, будучи убѣждено, что отъ него «немного добра ожидать надлежить», и особенно не вѣря въ то, что онъ «въ состояніи быть можетъ отца своего преодолѣть». Это крайне недоверчивое и подозрительное отношеніе къ молодому Орлику, дѣйствовавшаго въ интересахъ самого же правительства, побуждаетъ правительство къ коварному, а не политичному, основанному на ложномъ пониманіи психологіи человѣческой души, приему задержанія Орлика, «пока онъ надежнымъ и примѣтнымъ образомъ Намъ отданъ быть можетъ», съ тою цѣлью, что «отецъ его можетъ быть тѣмъ побужденъ будетъ злобамъ своимъ нѣкоторыя мѣры поставить, когда онъ узнаетъ, что сынъ его въ Нашихъ рукахъ имѣется». Если въ этомъ и можно видѣть фактъ заложничества, то... далеко неправомѣрнаго.

Но несмотря на агитаціонную дѣятельность старика-Орлика, успѣхъ дипломатическихъ сношеній Запорожья съ русскимъ правительствомъ относительно переселенія козаковъ въ предѣлы Россіи былъ обезпеченъ совпаденіемъ интересовъ съ обѣихъ сторонъ. Запорожцы, покинувшіе предѣлы Россіи послѣ разоренія Сѣчи по приказу Петра I Скоропадскимъ и основавшіе въ 1711 г. свою Сѣчь, съ дозволенія хана Капланъ-Гирея, въ Алешкахъ, не переставали во все это время усиленно хлопотать о дозволеніи имъ возвратиться на старыя мѣста; къ этому ихъ побуждала съ одной стороны—потеря принадлежавшихъ имъ прежде земель, а съ другой—притѣсненія со стороны иновѣрнаго и чуждаго по національности народа. Что же касается другой стороны, т. е. русскаго правительства, то оно едва ли не больше было заинтересовано въ возвращеніи запорожцевъ на старыя мѣста, чѣмъ сами запорожцы. Какъ извѣстно, пользу возвращенія запорожцевъ болѣе другихъ понималъ кievскій генераль-губернаторъ фонъ-Вейсбахъ. Онъ-то собственно и убѣдилъ правительство Анны Ивановны удовлетворить просьбу запорожцевъ, и самъ вошелъ въ сношенія съ кошевымъ атаманомъ Милашевичемъ.

Этимъ совпаденіемъ интересовъ съ обѣихъ сторонъ и объясняется та, удивительная для нашего времени, быстрота переговоровъ, сношеній, сообщеній и реляцій относительно переселенія запорожцевъ: изъ

журналовъ «входящихъ» видно, что съ февраля по ноябрь въ Кабинетъ почти еженедѣльно поступали доношенія относительно запорожцевъ. Вопросъ о переходѣ запорожцевъ былъ рѣшенъ, но осуществленію его препятствовали отношенія къ Турціи. Опасенія правительства, какъ бы не испортиать окончательно отношеній къ Портѣ, со всею яркостію обнаруживаются въ очень пространномъ указѣ фонъ-Вейсбаху отъ 4 августа. Порта, узнавъ о намѣреніи запорожцевъ перейти въ границы Россіи и прослышавъ о возведеніи на турецкихъ границахъ, около Базавлука, крѣпости, послала своего чиновника къ бендерскому пашѣ и къ крымскому хану Сатиръ-Али-агѣ для наведенія справокъ о достовѣрности слуха черезъ осмотръ посланцемъ мѣстности у Базавлука. Бендерскій паша черезъ своего посланца обратился къ гр. Вейсбаху съ просьбой командировать представителя и со стороны русскаго правительства къ Базавлуку для совмѣстнаго осмотра съ чиновникомъ Порты мѣстности у Базавлука. Правительство было поставлено въ крайне затруднительное положеніе, не зная, какъ изъ него выйти... И нынѣ, говорится въ указѣ Портѣ никакого подлиннаго и прямаго отвѣту дать невозможно, ибо, ежели Портѣ объявить, что мы вовсе въ тѣ дѣла не вступаемся, то тѣ запорожцы, отчаясь, легко къ другой сторонѣ паки преклонятся и всѣ потеряны быть могутъ; а ежели явно въ оныя дѣла вступать, и тѣ мѣста своими называть, то явная къ разрыву миру туркамъ причинамъ подается; и для того потребно въ томъ такое средство изыскать, черезъ которое, какъ отъ одной, такъ и отъ другой, вышеупомянутыхъ, опасностей убѣжать возможно».

Дальнѣйшее содержаніе указа и сводится именно къ «изысканію средствъ» пройти между Сциллою и Харибдой. Гр. Вейсбаху предписывается: 1) «по полученіи сего указа послать тотчасъ къ атаману Милашевичу съ требованіемъ, чтобъ онъ безъ всякаго замедленія одного изъ лучшихъ и вѣрныхъ своихъ старшинъ наскоро прислалъ для словеснаго ему объявленія о нѣкоторыхъ нужнѣйшихъ, до ихъ интересовъ касающихся дѣлахъ; по пріѣздѣ того (старшины) объявить о пріѣздѣ отъ Порты варочнаго аги для свидѣтельствованія мѣстности... И понежѣ оному турецкому агѣ отказать и запретить въ томъ неприлично, того ради мы за потребно разсудили напередъ ихъ, запорожцевъ, наставлять, какимъ образомъ, имъ съ тѣмъ турецкимъ присланнымъ поступать, и что оному объявить, а именно: чтобы его приняли, по обычаю, со всякою ласкою и оному объявили: 1) что

будучи издревле рожденные российскіе подданные, по закону своему, и по совѣсти своей, у Ея И. Величества о прежнихъ своихъ противныхъ поступкахъ о всемилостивѣйшемъ прощеніи просили и въ вѣрное Ея В-ва подданство, по прежнему, возвратились; 2) что оныя въ вѣрности Ея И. В-ву непоколебимо пребывать и въ томъ послѣдней капли крови своей не пощадить твердо намѣрены; 3) что они Портѣ Оттоманской, или хану крымскому, ... никакой противности не покажутъ, вѣдая, что между обѣими имперіями состоятъ вѣчный миръ, и что Ея И. В-ва всеконечне намѣреніе есть оный миръ съ своей высочайшей стороны ненарушимо содержать; 4) но что до того мѣста надлежитъ, гдѣ они селятся, и по своему обыкновенію кошь свой строить, то всѣ тѣ мѣста ихъ собственныя, которыми они черезъ нѣсколько сотъ — безпрекословно отъ всѣхъ сторонъ владѣютъ, и что во оныя мѣста, яко имъ, запорожцамъ, прямо принадлежація, ни Россія, ни Порты, ни ханъ крымскій и никто вступаться не имѣютъ; 5) что съ российской стороны крѣпости у нихъ не строятся и изъ российскаго войска при нихъ не обрѣтается, и что они и сами никакой крѣпости не строятъ, а строятъ кошь свой по своему древнему обыкновенію и то на собственныхъ своихъ земляхъ, а ни на какихъ чужихъ...

... И наставлятъ вамъ того отъ Милашевича присланнаго повѣреннаго, чтобъ съ нимъ вышеписаннымъ отвѣтомъ того турецкаго агу отправили и ни во что далѣе съ нимъ не вступали и на его иногда чинимыя лстивыя обѣщанія или угрозы не смотрѣли и отнюдь бы не слушали» ... А чтобы не навлечь на себя никакихъ подозрѣній Порты, правительство рекомендуетъ гр. Вейсбаху, въ случаѣ непрібытія отъ Милашевича посланнаго, своего офицера не посылать къ запорожцамъ, „дабы оная присылка въ другой и въ противной образъ истолкована быть не могла“.

По принятіи всѣхъ вышеизложенныхъ предосторожностей и по осмотрѣ агою мѣстности, гр. Вейсбаху предписывается послать отвѣтъ пашѣ бендерскому съ увѣреніями въ намѣреніи правительства сохранять вѣчный миръ и т. д., въ какъ на особенное доказательство искренности и несомнѣнности этихъ увѣреній сослаться на то, что «вы для лучшаго увѣренія Портѣ (въ томъ, что никакой крѣпости не строятся) не благоразсуждаете отъ себя туда человека послать, дабы Портѣ толь вѣрнѣе быть могло, когда ихъ посланный одинъ и самъ о томъ засвидѣтельствовать имѣетъ. Все вышеписанное — говорится въ

указѣ—разумѣтся въ томъ случаѣ, когда оныя запорожцы ни черезъ какіе способы къ переходу въ нашу границу преклонны быть не могутъ».

Правительство надѣялось на успѣхъ своего «генеральнаго отвѣта». Вышеписанный генеральный отвѣтъ можетъ Портѣ въ удовольствіе служить, понеже Мы объявляемъ, что Мы ни въ какія мѣста вступаться не намѣрены, которыя Портѣ принадлежать, въ чемъ и тѣ мѣста, гдѣ нынѣ запорожцы селятся, разумѣтся могутъ; а между тѣмъ получаемъ время, чтобы ихъ, запорожцевъ къ добровольному переходу въ наши границы какимъ ни на есть образомъ склонить, или такія иныя мѣры въ томъ предвоспріять, какъ по конъюнктурамъ и поступкамъ турецкимъ наисходнѣйше будетъ».

Предусматривая тотъ случай, когда бы «оныя запорожцы тому отъ Порты присланному что лишнее и ненадобное объявлять стали», правительство, руководясь цѣликомъ принципами макиавелліевской политики, даетъ такую ноту гр. Вейсбаху: «повеже то (лишнее и ненадобное) не въ присутствіи Вашего посланнаго чинится, того ради Мы съ нашей стороны, смотря какъ нужда того востребуетъ, всегда отъ того отговориться въ состояніи будемъ».

Въ доношеніи отъ 13 сентября гр. Вейсбахъ увѣдомлялъ правительство о томъ, что «прибывшій къ нему атаманъ Милашевича съ старшиною, по его, Вейсбаха, совѣту, склонились и письменное обнадеживаніе дали, что ежели необходимая нужда отъ турковъ и къ нарушенію мирнаго трактата позоветъ, то въ такомъ случаѣ они перейти готовы, да и сверхъ того въ вѣрной службѣ и въ бытіи вѣчно въ подданствѣ присягою себя утвердили; за что онъ «и произвелъ имъ дачу денежную». Вполнѣ одобряя дѣйствія гр. Вейсбаха и соглашаясь съ проектомъ переѣзда запорожцевъ на новыя мѣста съ наступленіемъ весны въ видахъ удобства переѣзда при полой водѣ, а также и въ видахъ политическихъ, такъ какъ до весны «дѣла съ Портою откроятся, и уже извѣстно будетъ, что отъ турковъ ожидать имѣемъ, а потому тогда и поступать возможно, правительство, въ своемъ указѣ отъ 12 октября, рекомендуетъ «во всемъ запорожцамъ подлежащее вспоможеніе учинить, яко-же и нынѣ; для утвержденія жъ ихъ въ вѣрности, сверхъ того, что уже отъ васъ (гр. Вейсбаха) дано, еще, по своему разсмотрѣнію, и другія дачи имъ производить можете, особливо Милашевичу и прочимъ старшинамъ, въ которыхъ навящая сила состоятъ».

В. А. Богородицкій. Діалектологіческія замѣтки. III. Говоръ села „Сушкій“, Золотоношскаго уѣзда, Полтавской губерніи. (Казань, 1901 г.) Стр. 11. in 8°.

Авторъ названной брошюры, профессоръ Казанскаго университета, принадлежитъ къ школѣ ученыхъ лингвистовъ, требующихъ чрезвычайно точнаго, тонкаго и всесторонняго наблюденія надъ антропофоническимъ (физиологическо-акустическимъ) характеромъ звуковаго состава и строя изучаемой рѣчи, и набросанная имъ вкратцѣ характеристика одного изъ говоромъ, принадлежащихъ «къ украинскому нарѣчію малорусскаго языка», представляетъ тотъ особый интересъ, что она, по словамъ автора, показываетъ, «какъ украинско-малорусская звуковая система была воспринята ухомъ великоросса въ данномъ говорѣ». Затѣмъ, какъ это, повидимому, не странно, но намъ приходится также отмѣтить, что наблюденія проф. В. А. Богородицкаго надъ малорусскою рѣчью имѣютъ еще и ту цѣну, что онѣ преслѣдуютъ исключительно научныя цѣли и совершенно чужды тѣхъ узко-тенденціозныхъ воззрѣній на все малорусское, которыя, къ сожалѣнію, нынѣ такъ часто встрѣчаются уже въ средѣ не однихъ только польскихъ да мадьярскихъ ученыхъ.¹⁾ Изъ наблюденныхъ нашимъ почтеннымъ авторомъ звуковыхъ особенностей говора с. Сушковъ, болѣе или менѣе общихъ всѣмъ восточнымъ говорамъ серединно-украинской рѣчи, обращаютъ на себя вниманіе, главнымъ образомъ, слѣдующія. Въ области ударяемыхъ гласныхъ отмѣчены явленія слѣдующаго рода. Въ гласномъ *ы* (*и*), соответствующемъ великорусскимъ

¹⁾ Подобными воззрѣніями отличаются у насъ, кромѣ филологовъ, также и специалисты по другимъ отраслямъ знанія. Недавно, напр., въ одной изъ большихъ Петербургскихъ газетъ напечатана характерная корреспонденція изъ Чернигова, въ которой авторъ, официально занимающійся статистикой по Черниговской губерніи, снѣло заявляетъ, что онъ-де удивился, какъ черниговскіе хохлы будто-бы уже „прекрасно говорятъ по русски“, и не нарадуется тому, что одинъ изъ такихъ хохловъ прерительно отовался о своей родной рѣчи, сказавъ будто-бы, что „то наши дѣды говорили на порченномъ языкѣ (sic), мы же научились хорошо говорить“. Здѣсь, кажется, достаточно ясенъ характеръ тѣхъ научныхъ и этическихъ критеріевъ, съ какими упомянутой корреспонденцѣ принялся опредѣлять явленія мѣстной народной жизни, и легко себѣ представить, какую научную цѣну могутъ имѣть его статистическія работы, касающіяся въ особенности данныхъ языковыхъ и этнографическихъ.

ореографическимъ *и* и *ы*, автору «слышалось узкое и тонкое *ы* съ легкимъ отгнѣнкомъ *э*»: тѣ^н, смѣ^{ть} и т. п.¹⁾ Затѣмъ, малорусскій гласный, соответствующій великорусскому ореографическому *е* и относящійся, въ отличіе отъ великорусскаго, не къ ряду *і*, но къ ряду *ы*, по замѣчанію автора, «производитъ впечатлѣніе нѣсколько болѣе задняго сравнительно съ великорусскимъ *э*, представляя какъ бы параллель къ *ы*». Это *э* (*е*) у автора выражено буквой *ѣ*: илѣ (=идѣ), савѣй (=савѣй) и т. п. Наконецъ, съ гласнымъ *ы*^о, по наблюденію автора, также «гармонизируетъ гласный *а*, который по мѣсту артикуляціи является менѣе заднимъ по сравненію съ великорусскимъ, какъ бы относясь къ ряду *ы*^о». Сверхъ этого, авторъ замѣтилъ, что ударяемый гласный *о* въ говорѣ Сушковъ «имѣетъ открытое произношеніе, т. е. подобно другому среднему гласному *ѣ* (=э). Въ заключеніе такого рода характеристики ударяемыхъ гласныхъ изслѣдованнаго авторомъ малорусскаго говора, онъ замѣчаетъ, что все это «достаточно обрисовываетъ отличіе вокальной системы великорусской отъ малорусской, а также показываетъ физиологическую цѣльность и такъ сказать внутреннюю связность и гармоничность послѣдней. Очевидно,—говоритъ далѣе авторъ,—что великоруссу, который бы пожелалъ въ точности усвоить малорусское произношеніе, необходимы болѣе или менѣе продолжительныя упражненія, чтобы привыкнуть къ нѣсколько другой системѣ артикуляціонныхъ укладовъ». Затѣмъ авторъ прибавляетъ еще, что на него «иногда ударяемые гласные изучаемаго говора производили впечатлѣніе большей длительности сравнительно съ общерусскимъ произношеніемъ, напр. чужы^й».

Неударяемый вокализмъ Сушковскаго говора, въ свою очередь по словамъ автора, «не представляетъ столь рѣзкихъ качественныхъ различій, какія наблюдаются въ южно-великорусскихъ говорахъ: въ изслѣдуемомъ говорѣ встрѣчаемъ лишь рядъ легкихъ различій по степени открытости, въ соединеніи съ нѣкоторыми различіями высоты и силы. Распределеніе такихъ различій по слогамъ или, иначе говоря, антропофоническое строеніе словъ въ малорусскомъ въ отношеніи неударяемыхъ слоговъ отличается отъ общерусской рѣчи». По наблюденію автора, формула антропофоническаго строенія словъ въ изу-

¹⁾ Такое *ы* обозначено у автора сложнымъ знакомъ, котораго не приводимъ за неимѣніемъ въ типографіи подходящей буквы, а передаемъ его буквами *ы^о*.

чаемомъ имъ говорѣ можетъ быть представлена слѣдующимъ образомъ, напр. для пятисложнаго слова *пожэнїлїся*: ¹⁾

$$\begin{array}{cccccc} \overset{\cdot}{\underset{\cdot}{V}} & | & \overset{\cdot}{\underset{\cdot}{V}} & | & \overset{\cdot}{\underset{\cdot}{V}} & | & \overset{\cdot}{\underset{\cdot}{V}} & | & \overset{\cdot}{\underset{\cdot}{V}} \\ 1 & & \frac{3}{4} & & 2 & & \frac{3}{4} & & 1\frac{1}{2} \end{array} -$$

Между тѣмъ какъ относительная сила слоговъ «общерусской» рѣчи вообще можетъ быть передана для пятисложнаго слова съ ударенїемъ на среднемъ слогѣ рядомъ

$$1-2-3-1-1$$

Что касается качественныхъ нюансовъ неударяемыхъ гласныхъ, то они выступаютъ всего болѣе при гласныхъ *о* и *е* (*э*) и, по замѣчанію автора, оттѣнки этихъ гласныхъ «модифицируются еще вліяніемъ гармонической ассимиляціи, играющей существенную роль въ малорусскомъ неударяемомъ вокализмѣ». Такъ, авторъ находитъ, что, напр., въ словѣ *болото* наиболѣе широкимъ или открытымъ является *о* ударенный слога *ло*, затѣмъ слѣдуетъ послѣударенный конечный *о* въ слогѣ *то*, между тѣмъ какъ *о* предударнаго слога *бо* производитъ впечатлѣніе узкаго или закрытаго. Замѣтимъ при этомъ, что узкое предударное *о*, а также *ьо* (*ё*) изъ *е* во многихъ украинскихъ говорахъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (особенно передъ небными слогами и слогами съ узкимъ гласнымъ) переходятъ даже въ *у* (и *ю*): *пужар*, *будяк*, *мугыла*, *мурлуваты*, *нучуваты*, *гулѣбка*, *зузѣлька*, *кумѣ*, *чухраты*, *чумѣ*, *шудѣвый*, *юмѣ*, *юлумок*, Ювхымъ (Евфимій) и т. п. (см. *пожар*, *бодяк*, *могѣла*, *мордуваты*—изъ *мордоваты*, *ночуваты*—изъ *ночоваты*, *голѣбка*, *зозѣлька*, *комѣ*, *чомѣ*, *чохраты*, *шолудѣвый*, *ѣмѣ*, *ѣломок* [Ювхымъ]), въ чемъ нельзя не видѣть въ большинствѣ случаевъ дѣйствія регрессивной гармонической ассимиляціи. ²⁾ Но съ другой

¹⁾ Въ приводимой формулѣ *V* обозначаетъ гласный слогъ, [·] передаетъ главное удареніе, [·]—побочное удареніе, *o* — краткость, — — длительность гласнаго, *!* — дѣленіе слова на слоги, *цифры*—относительную силу слоговъ.

²⁾ Впрочемъ *у* изъ *о* возможно также и въ послѣударенныхъ слогахъ, при томъ не только при наличности узкаго ассимилирующаго гласнаго въ сосѣднихъ слогахъ: при *білѣумѣ*, *у нашѣумѣ*, на сынѣумѣ и т. п. (см. при *білоумѣ*, *у нашѣумѣ*, на сынѣумѣ), но и при совершенномъ отсутствіи таковаго: *зѣлѣуб*, *пѣрубок*, *мѣчуха*, *кѣчур* и т. п. (см. *зѣлоб*, *пѣробок*, *мѣчоха*, *кѣчор*).

стороны, по наблюденію автора, подь вліяніемъ того же фактора (гармоническаго уподобленія) предударное *о* часто представляетъ также меньшую закрытость, напр. въ случаѣ *лошд*.¹⁾ Къ этому можно прибавить случаи, когда въ украинскихъ говорахъ предударное *о* подь дѣйствиємъ соотвѣтствующей ассимиляціи до такой степени расширяется, что переходитъ даже въ *а*: *багáтый, гарáзд, кажán или хажán, карáлі, гавчáр, халýва, паламáр, помагáты* и т. п. (см. *богáтый, горáзд, кожán, корáлі, горничáр, холю́ва, пономáр, помогáты*).

Что касается характера украинскаго неудареннаго *э* (*e*), то и въ немъ отмѣчены авторомъ отгѣнки открытости и закрытости, аналогичныя съ отгѣнками *о*. Самый широкій или открытый *э* (*e*), изображаемый буквою *я́*, по справедливому замѣчанію автора, встрѣчается въ случаѣ ударенности его, особенно въ конечномъ открытомъ слогѣ *саня́й, идя́* и т. п. Неударенный же *э* (*e*) представляетъ слѣдующую за удареннымъ ступень открытости *послѣ ударенія* въ конечномъ открытомъ слогѣ: *ка́жя́* (важэ), а засимъ—въ закрытомъ слогѣ: *будэш*. Хотя, на нашъ взглядъ, въ послѣднемъ случаѣ *э* (*e*) настолько уже узко или закрыто въ украинскихъ говорахъ, что часто имѣеть отгѣнокъ *ы* (*u*) или *і* и даже переходить въ произношеніи въ эти звуки: *бúдыш, кáжыш*, а также *бигайіш, чыгáйіш* и т. п. «Далѣе,—по словамъ автора,—идуть слоги *передъ удареніемъ*, гдѣ гласный принимаетъ уже нѣсколько узкій характеръ, напр. *ведя́*. Но—добавляетъ онъ—въ этомъ случаѣ нужно обратить вниманіе на сильное вліяніе гармонической ассимиляціи къ слѣдующему слогу», въ силу которой, по наблюденію автора, въ говорѣ с. Сушковъ предударное *э* (*e*) бываетъ шире въ словахъ въ родѣ *пачэ́, прожэ́нэ́=пáчя́, прожáня́*, но уже въ *лэжы́ть, нэсúть*, при чемъ могутъ даже смѣшиваться впечатлѣнія отъ *э* (*e*) и *ы* (*u*), какъ напр. *сыдылы* и *сэдылы*. Засимъ, по замѣчанію автора, ббльшей узкости гласнаго *э* (*e*) передъ удареніемъ благоприятствуетъ закрытость слога, при чемъ однако дѣйствіе этого фактора соединено съ вліяніемъ гармонической ассимиляціи, отсюда, напр., *варэствú, но дáржэ́в*. Намъ не приходилось наблюдать говора села Сушковъ и потому мы ничего не можемъ сказать о замѣченныхъ въ немъ авторомъ нюансахъ неудареннаго *э*

¹⁾ Приведенный у автора примѣръ *вошá* (вошь), съ удареніемъ на *а* представляетъ слишкомъ рѣдкую форму: обыкновенно въ этомъ словѣ удареніе бываетъ на *о*: *воша*.

(е). Но въ другихъ ближайшихъ къ нему украинскихъ говорахъ мы не замѣчали особенно сильнаго вліянія на то или иное произношеніе предударнаго э (е) какъ закрытости или открытости слога, такъ и гармонической ассимиляціи къ слѣдующимъ широкимъ или узкимъ слогамъ, а вообще предударное э (е) въ этихъ говорахъ при всякихъ условіяхъ имѣетъ болѣе или менѣе узкій характеръ, склоняющій его не къ а, а къ ы (и) въ разныхъ степеняхъ, такъ что можно даже часто слышать, напр.: пычэ, прожывэ, вырству и т. п., вм. пэчэ, прожэвэ, вэрству, наравнѣ съ лыжыть, нысуть, дэржав и т. п., вм. лэжыть, нэсуть, дэржав. Что касается произношенія сьдылы и сэдлы, то надо замѣтить, что въ украинскихъ говорахъ вообще предударное ы (и), а также и послѣударенное, въ свою очередь, довольно часто склоняется въ произношеніи къ э (е): бэлына, бэндюг, кэрныця и крэнцыя, лэлія, лэбонь, мэзынэць, мэныты, пэлынка, пэрыг, Пэлыш, рэжыі, рэныты, сэрывэць, сэротына, Тэмко и Тэмшы, тэрлыч, цэбуля, чэрык, шышына, а также вѣлыныты, вѣпытаты и т. п., вм. ы рядомъ съ былына, бындюг, кырыныця и крывыныця, лылія, лыбонь, мэзынэць, мыныты, пылына, пырыг, Пылыш, рыжыі, рыныты, сывывэць, сыротына, Тымко и Тымшы, тырлыч, цыбуля, чырык, шышына, вѣлыныты, вѣпытаты. Вообще можно сказать, что украинскіе (и вообще южнорусскіе) неударенные гласные э (е) и ы (и) въ нѣкоторыхъ случаяхъ произносятся почти одинаково, представляя звукъ средній между тѣмъ и другимъ гласнымъ. — «Въ тѣсной физиологической связи съ характеромъ вокальной системы въ малорусскомъ — по утвержденію автора — находится характеръ системы согласныхъ, а именно: каково различіе малорусскаго гласнаго ы^в отъ великорусскаго ы, таково же различіе и твердаго произношенія согласныхъ въ этихъ двухъ языкахъ». Если, напр., великорусское твердое т является съ вокальнымъ призвукомъ ы (т^ы), то соответствующее ему малорусское т будетъ съ призвукомъ ы^(в) (т^{ы(в)}), то есть съ вокальнымъ элементомъ болѣе узкимъ и тонкимъ, чѣмъ великорусское ы. Поэтому

влр. т : мвр. т = влр. ы : мвр. ы^в.

„Такимъ образомъ — говоритъ далѣе авторъ — система твердыхъ малорусскихъ согласныхъ нѣсколько отлична отъ соответствующихъ великорусскихъ, являясь нѣсколько болѣе средне-язычною». Изъ част-

ностей авторъ отмѣтилъ существованіе въ малорусскомъ яз. твердыхъ и мягкихъ *ж*, *ш* и *ц* ¹⁾, въ отличіе должно быть отъ великорусскихъ *ж* *ш* и *ц*, въ подавляющемъ большинствѣ говоровъ имѣющихъ только болѣе или менѣе твердое произношеніе.— При этомъ нашъ почтенный изслѣдователь замѣчаетъ, что и «твердые *ш* и *ж* не совпадаютъ съ соотвѣтствующими твердыми великорусскими согласными, отличаясь отъ послѣднихъ» болѣе небнымъ характеромъ своего вокальнаго аккомпанимента, т. е. „они не столь тверды; напр. *шанка*, *мѣжу*“. Къ сожалѣнію, однако, мы не знаемъ, какое отличіе нашелъ бы авторъ между великорусскими и малорусскимъ *ш* и *ж* въ случаяхъ сочетанія ихъ съ *и* а также съ *е*, когда и въ великорусскомъ языкѣ, какъ и въ малорусскомъ, эти согласные признаются въ произношеніи не мягкими, а твердыми ²⁾, напр. говорится какъ бы *пишѣ* (вм. *пиши*), *ножѣ* (вм. *ножи*), *жыла* (вм. *жила*), а также *шэптѣть* (вм. *шептѣть*), *мѣжэть* (вм. *можетъ*) и т. п. Намъ кажется, что въ соотвѣтственныхъ случаяхъ малорусскіе *ш* и *ж* гораздо тверже великорусскихъ; ср., напр., малорусскіе *пишѣ*, *жыла*, *шэптѣты*, *мѣжэ* и т. п. Кромѣ сказаннаго, почтеннымъ ученымъ нашимъ отмѣчена также общезвѣстная характерная черта малорусскаго консонантизма, что звонкіе согласные сохраняютъ свою звонкость въ концѣ словъ и передъ глухими согласными: *рад*, *мэрѣжка* и т. п. Изъ особенностей охарактеризованъ между прочимъ малорусскій губной *е*, не переходящій въ *ф*, но въ *ш* (ѣ). Въ случаяхъ, однако, какъ *прошѣс*, *жѣстѣй*, *Савка*—*иэ*, *ов*, *ав* авторъ не считаетъ двѣтongами (т. е. *ыѣ*, *оѣ*, *аѣ*), по Вос.†Сопс. По нашимъ наблюденіямъ, въ подобныхъ случаяхъ возможно двойное произношеніе: и *ыэ*, *ов*, *ав* и *ыѣ*, *оѣ*, *аѣ*.—

Въ заключеніе намъ остается пожелать, чтобы нашъ почтенный ученый не ограничился разсматриваемымъ этюдомъ, а продолжалъ и далѣе свои интересныя наблюденія и изслѣдованія въ области малорусской фонетики въ данномъ направленіи. Намъ кажется, что надлежащее изученіе антропофонии современной вѣннорусской рѣчи въ значительной степени послужило бы уясненію многихъ доселѣ

¹⁾ Напр., въ случаяхъ, каковы *жыты* и *жѣнка*, *шыты* и *шыть*, *цыбуля* и *цѣлыѣ* и т. п.

²⁾ См., напр., объ этомъ въ книгѣ нашего автора „Очерки по языку дѣвнѣ и русскому языку“. Казань 1901 г. стр. 87, 88.

менорѣшенныхъ вопросовъ ея исторической фонетики, въ родѣ, напр., вопроса о переходѣ, очевидно, издревле открытаго неудареннаго *e* въ *a* (*я*) въ началѣ словъ послѣ *j*, а также въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ срединѣ словъ въ слогахъ предъ удареніемъ и послѣ ударенія, напр.: *я́лына* (ель), *Явдо́ха* (Евдокія), *Яре́ма* (Еремія) и т. п., а также *чабо́р* (вм. *чѣбо́р*), *часни́к* (вм. *чѣснѣ́к* или *чоснѣ́к*), *щабо́ль* (вм. *щѣбо́ль*) и т. п. и *хва́льный* (вм. *хвѣ́ленный*), *вѣдя́ный* (вм. *вѣдо́нный*), *вѣсла́ный* (вм. *вѣсо́нный*).¹⁾ и т. п.; затѣмъ вопроса о первоначальныхъ переходахъ во вторичныхъ закрытыхъ слогахъ удлинившихся и очевидно сузившихся при этомъ гласныхъ: долгаго *o* или *oo* въ дифтонги *yo*, *уѡ*, *уѡ* и т. д.: *Боог*, *Буог*, *Буѡг*, *Бумг*—*Богу* (рѣка *Бугъ*); долгаго *e*—*ѡ* въ дифтонги *іѡ*—*іѡ*, *ѡо*, *ѡо*, *ѡѡ*, *ѡѡ* и т. д.: *віѡс*, *ніѡс*, *нѡос*, *нѡос*, *нѡѡс*, *нѡѡс*—*вѣсти*; долгаго *e*—*ѡ*²⁾ въ дифтонги *ѡѡ*, *іѡ* и т. д. *шесть*, *шість*—*шѣсть*; а также и многихъ другихъ подобнаго рода вопросовъ.

К. Михальчукъ.

3 Мая 1901 г.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Т.т. XXXIX, XL и XLI. Львів, 1901, (I—III томи за 1901 рік).

Первый изъ упомянутыхъ томовъ посвященъ памяти А. Конисскаго, послѣдняго изъ основателей Товариства ім. Шевченка, его почетнаго и дѣйствительнаго члена. Открывается онъ статьей М. Грушевскаго „Памяти Олександра Конисскою“, авторъ которой ярко характеризуетъ значеніе покойнаго въ исторіи украинской культурной жизни, въ особенности—Галиціи, и въ то же время даетъ оцѣнку личныхъ качествъ его. Далѣе слѣдуютъ двѣ статьи покойнаго А. Конисскаго. Первая— „Недруковані поезіи Т. Г. Шевченко“: Подражаніе Іезекіілю (глава 19), „Возстанъ пророче, сыне Божий!“ (номѣч. 6 дек. 1859), N.N. „О думы мои, о слава зла“ и часть поема „Юродивий“,— послѣдняя написана собственноручно Шевченко, — по пред-

¹⁾ Впрочемъ на появленіе въ послѣднихъ случаяхъ *я* вм. *e* вліяла несомнѣнно также и аналогія однородныхъ формъ, въ родѣ *складаний*, *писаний*, *чытаный* и т. п.

положенію Конисскаго, въ Пижемѣ Новгородѣ. Что касается стихотворенія NN „О думы мои, о слава злая!“, то относительно принадлежности его Шевченку можно сомнѣваться,—хотя оно и стоитъ въ тетради между несомнѣнными произведеніями Шевченка...

Вторая статья—*„Варіянти на декотрі Шевченкові твори“*,—окончаніе статьи, подъ тѣмъ же заглавіемъ начатой въ XXXIII томѣ. Въ данномъ случаѣ сообщены разночтенія для 60-ти большихъ и меньшихъ произведеній Шевченка, представляющія цѣнный матеріалъ для будущаго критическаго изданія „Кобзаря“.

Въ томъ же томѣ помѣщена еще обширная статья Ол. Колесы *„Погляд на сучасний стан історичних розслідій українсько-руської літератури. Найдавніший період. Кілька проблем і деідеватів“*, рефератъ, читанный въ литературной секціи сѣзда историковъ въ Краковѣ въ 1900 году.

Коснувшись по порядку всѣхъ произведеній древнерусской письменности съ XI—XIV ст., авторъ приходитъ къ тому выводу, что „литература оригинальна, изъ проблысками высокой поэтычной творчости, изъ закраскою беллетрыстычною—була въ давнымъ перыоди выключнымъ вытворомъ пивденноруськихъ племень“,—другой литературы въ то время на Русь не было. Потому-то и „общность“ этой литературы на Руси заключалась въ томъ, что сѣверная Русь, не имѣя въ то время собственной литературы, переписывала и передѣлывала произведенія южно-русскія и вообще использовала ихъ настолько, насколько позволяли состояніе ея образованности и духовныя нужды отдѣльныхъ областей.

Въ томѣ XL помѣщены три статьи: небольшая статейка Доманицького *„Причинок до історіи повстання Наливайка“*, содержащая вновь открытый документъ, свидѣтельствующій о близкихъ сношеніяхъ Наливайка съ Галицкимъ подчашимъ Тарановскимъ и отчасти объ отношеніяхъ къ Каленовскому; статейка Юрія Кміты *„1848 рік і Львівська руська духовна семінарія“*, составленная на основаніи корреспонденціи ректора и митрополичей консисторіи по дѣлу о событіяхъ 1848 года и участіи въ нихъ, теоретически и практически, питомцевъ семинаріи,—между прочимъ и извѣстнаго Наумовича, и наконецъ обширное изслѣдованіе Ивана Верхратскаго, *„Знадоби для пізнання угорскорускихъ іоворів: Говори з наголосомъ сталим (говоръ западноугорскихъ Лемакивъ)“*. Матеріалъ собранъ авторомъ въ 1897 и 1899 году въ 36 пунктахъ западной Угорщины и расположенъ имъ

въ статьѣ такъ, что даетъ возможность прослѣдить всѣ грамматическія особенности (въ данной части статьи). Статьи г. Верхратскаго, какъ и предыдущія его статьи (въ Запискахъ же), представляютъ въ высшей степени цѣнный и интересный для лингвистовъ матеріалъ.

Въ послѣднемъ (XLI) томѣ помѣщено два солидныхъ изслѣдованія. Первое принадлежитъ М. Грушевскому и носитъ заглавіе „*Хронологія подій Галицко-волинської літописи.*“ Авторъ задался благодарной цѣлью составить, на основаніи матеріала, собраннаго при изученіи Галицко-волинской лѣтописи, пособие, облегчающее пользованіе упомянутой лѣтописью. Это пособие онъ составилъ въ формѣ таблицъ съ комментаріями, въ которыхъ каждая дата обстоятельно обоснована. Собственно, въ началѣ приводятся выводы датъ, а затѣмъ таблица, какъ ихъ результатъ. Въ концѣ статьи приведена хронологическая таблица событій, отмѣчаемыхъ галицко-волинской лѣтописью. Конечно, при выводѣ датъ не всегда можно было прійти къ окончательному рѣшенію, поэтому авторъ ограничивается приблизительнымъ выводомъ, съ сомнѣніемъ до одного года. Различныя степени достовѣрности и несомнѣнности датъ обозначены на таблицѣ различнымъ шрифтомъ и знаками.

Несомнѣнно, данный трудъ почтеннаго автора станетъ незамѣнимымъ пособіемъ для всякаго, кто только будетъ обращаться къ пользованію Галицко-Волинской лѣтописью.

Второе изслѣдованіе, выдающееся въ научномъ отношеніи и принадлежащее д-ру Ивану Франку, — носитъ заглавіе: *«Студіі на полі Карпато-руського письменства XVII—XVIII в. I. Цін Іван, Половець Іван Смера і відкриття Тибету.* Авторъ, углубившись въ далекое прошлое, въ міръ классической, и затѣмъ постепенно приближаясь къ нашему времени, массою указаній и ссылокъ на произведенія древнихъ, среднихъ и новыхъ временъ, ссылокъ, свидѣтельствующихъ о глубокихъ познаніяхъ почтеннаго автора въ этой области, довелъ преемственную нить литературныхъ наслѣдованій до XVIII в. — именно къ произведенію, открытому въ сѣверной Угорщинѣ въ 1899 г. подъ заглавіемъ: *«(D) Тибетъ нлі ѿ нокознайденомъ свѣтъ въ Азій, задній часті свѣта*“.

Такъ какъ въ этомъ произведеніи, составленномъ туземцемъ — русиномъ, замѣтны книжныя вліянія, благодаря чему въ немъ фигурируетъ Цоцъ Иванъ (средневѣковый царь Индійскій), авторъ въ особенности подробно останавливается на тѣхъ

літературнихъ произведеніяхъ, гдѣ упоминается объ этомъ Пошѣ, и слѣдитъ за путями распространенія въ Европѣ этого мотива.

Изслѣдованія уважаемаго автора, по поводу малозначительнаго, повидимому, литературнаго памятника, открывающее читателю необычайно широкіе горизонты, заслуживаетъ особаго вниманія не только спеціалистовъ-историковъ литературы, но и всякаго, желающаго почерпнуть новыя интересныя свѣдѣнія въ области исторіи литературы.

Въ отдѣлѣ «Miscellanea» помѣщены 1) «Вірша еп. Й. Шумлянського про надіі 1683—1686 pp.»—по поволу побѣды Яна Собѣскаго подъ Вѣной. Часть этой вирши помѣщена въ II. т. Величка (стр. 536); въ полномъ же видѣ она оказывается у Żegota Pauli, т. I, стр. 148—154. 2) «Сотворенне жінки» (народія)—о созданіи «жінки» изъ собачьяго хвоста. 3) „З минушини м. Мостиска“—документъ короля Яна III—фундушъ на церковь въ Мостискахъ 4) „Нові причинки до історіі вірші на Україні—дві пѣсни XVIII ст.: Розмова Мазура зъ Русиномъ и Пѣснь о св. Михаїлѣ“; 5) «Вірша про Каньовскаго», записанная въ Радзивилловѣ Ольгой Франко, приближается по темѣ въ разсказу А. Стороженка «Голка». 6) „Питомецъ-агітаторъ“—протоколъ, составленный въ 1849 г. по поводу обвиненія воспитанника Семинаріи Івана Липоваго въ томъ, что онъ агитировалъ среди крестьянъ за то, чтобы послѣдніе не отбывали барщины, т. к. она уже уничтожена. Судъ, въ виду недостаточности уликъ, оправдалъ Липоваго. Въ отдѣлѣ „Наукова Хроніка“ по обыкновенію въ высшей степени богатый матеріалъ: обзоръ журналовъ, газетъ,—обзоръ западно-европейской литературы по культурной и политической исторіи, исторіи литературы и науки за 1899 г. (средніе и новыя вѣка).

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 6 и 7; 2) Русская Старина, № 6 и 7; 3) Историческій Вѣстникъ, № 6 и 7; 4) Вѣстникъ Всемирной Исторіи, № 6 и 7; 5) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 6; Вѣстникъ Европы, № 6; 7) Русская Мысль, № 6; 8) Научное Обзоріе, № 6; 9) Міръ Божій, № 6 и 7; 10) Кіевскія Университетскія Извѣстія,

№ 5; 11) Варшавскія Университетскія Извѣстія, № 3 и 4; 12) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 5 и 6; 13) Этнографическое Обзорѣніе, № 2; 14) Книжки Восхода, № 5; 15) Ateneum, № 6; 16) Slovansky Přehled, № 9 и 10; 17) Przewodnik naukowy i literacki, № 6;

Русскій Архивъ, № 6 и 7.

Къ исторіи театра въ Юго-Зап. краѣ.

1) *Черниговскія афиши* 1828 г. (перепечатка изъ «Сѣверной Пчелы» 1828 г. афиши любительской русской труппы Влокоцкаго) № 6, стр. 244—245).

2) *Харьковскій театръ 20-хъ годовъ XIX ст.* (выписка изъ «Данскаго журнала»). Описаніе тамошняго театра въ то время (№ 6, стр. 244—245).

С. Кедровъ. Древне-русскія братства. Литература предмета.—Идея братства.—Славяно-германская братчина.—Вліяніе христіанства.—Западно-европейскія гильдіи.—Отличіе отъ нихъ русскихъ братствъ.—Древне-русскій приходъ.—Его вліяніе на воспитаніе личности.—Развитіе западно-русскихъ братствъ.—Ихъ устройство.—Средства религіозно-нравственнаго воспитанія.—Юношескія братства.—Живые примѣры вліянія братскихъ союзовъ.—(№ 7, стр. 305—336).

Русская Старина, № 6 и 7.

Въ № 6-мъ *А. Мёрдеръ* помѣстилъ двѣ маленькія замѣтки. Одна изъ нихъ сообщаетъ фактъ о томъ, какъ въ 1864 году генераль-губернаторъ юго-западнаго края сдѣлалъ распоряженіе, чтобы мировые посредники, подъ опасеніемъ удаленія со службы, не являлись къ исполненію обязанностей въ неприсвоенной званію одеждѣ, которая, какъ стало ему извѣстно, состояла изъ красной рубахи, широкихъ шароваръ, длинныхъ саногъ, а сверхъ рубахи что-то въ родѣ армяка или малороссійской свитки. Объ образѣ мыслей и направленіи подобныхъ чиновниковъ приказано было собирать негласно свѣдѣнія. Другая замѣтка относится въ 1843 году, когда въ Чигиринскомъ уѣздѣ благочинный доносилъ митрополиту о томъ, что въ м. Медвѣдовкѣ, вопреки распоряженію начальства, продолжаетъ существовать «жидовское кладбище между домами жителей христіанъ», и что «тамошніе евреи продолжаютъ на означенномъ кладбищѣ возобновлять гробы, ставить новые кумиры и стравлять предъ ними свои молитвы» (стр. 496).

Въ этой же книжкѣ напечатано высочайшее повелѣніе 1817 года о томъ, что въ виду тягостнаго положенія малороссійскихъ козаковъ, поселенныхъ на гравидѣ Донского войска съ Кавказской губерніей, позволяется изъ всѣхъ станицъ войска донского отдѣлить 300 семействъ и приселить ихъ къ малороссійскимъ козакамъ, чтобы они могли совместно отправлять повинности (стр. 641).

А. Мердериъ. Къ заботамъ администраціи Юго-Западнаго края о помѣщичьихъ крестьянахъ. (№ 7, стр. 110).

О взысканіи съ помѣщиковъ за наказаніи крестьянъ—приказъ генер.-губернатора губернатарамъ 16 ноября 1846 г.

Изъ архива И. Е. Великопольскаго. Письмо 19. *К. Л. Лохвицкій—А. Х. Чеботареву* (19 янв. 1830 г. Кіевъ).

Биографическія данныя о диллетантѣ—археологѣ Лохвицкомъ, открывшемъ въ 1824 г. въ Кіевѣ Золотыя ворота, остатки Десятинной церкви и проч. (№ 7, стр. 175—178).

Историческій Вѣстникъ, № 6 и 7.

Въ отдѣлѣ «Смѣсь» дается коротенькое сообщеніе о диспутѣ Д. И. Эварницкаго въ Казанскомъ университетѣ, въ который имъ была представлена диссертация на степень магистра русской исторіи подъ заглавіемъ „Исторія запорожскихъ козаковъ. Т. 1-й, 2-е изд. М. 1900“. Въ сообщеніи этомъ указана кратко сущность возраженій, слѣданныхъ оппонентами (№ 6, стр. 1212).

К. Кодинецъ. Одна изъ кавказскихъ драмъ (№ 7 стр. 76—103).

Разсказывается о драмѣ въ семьѣ бывшаго запорожца Хоменка, павшаго въ первой половинѣ XIX ст. въ борьбѣ съ черкесами.

И. Павловскій. Историческая могила (№ 7 стр. 267—269). Описание могилы—кургана, съ крестомъ на ней, близъ с. Пришиба, Полтавской губ., въ которой, будто бы, похоронены воины, павшіе 30 іюня 1709 г. Крестъ сооруженъ крестьянами с. Келеберды.

Въ отдѣлѣ «Критика и библиографія» (стр. 314—316) данъ отзывъ о книгѣ проф. П. Жуковича «Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной унией (до 1609 года) Сиб. 1901».

Въ отдѣлѣ «Некрологи» (№ 7, стр. 377) помѣщенъ некрологъ Л. Н. Омелянскаго, педагога и писателя, уроженца Волынской и воспитанника Кіевской губерніи.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 6.

Въ отдѣлѣ «Критика и Библиографія» помѣщенъ отзывъ *А. Соболевскаго* о книгѣ *В. Перетца* «Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Т. I ѳ въ 2-хъ частяхъ». Спб. 1900 г., въ которой очень много мѣста уцѣлено малорусской виршевой и народной поэзи (стр. 517—524).

Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 5.

М. В. Довнаръ-Запольскій. Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонахъ (продолженіе: стр. 367—411). Въ настоящей, 4-ой, главѣ разсматривается рядъ явленій фѳансовой исторіи Литовско-Русскаго государства, при чемъ на первой очереди ставятъ вопросъ о *косвенныхъ налогахъ*, которые къ половинѣ 16 вѣка стали усиленно повышаться. Опредѣлявъ вначалѣ общую тенденцію въ этомъ отношеніи, авторъ затѣмъ разсматриваетъ данныя о внутреннихъ таможенныхъ и торговыхъ пошлинахъ.

Труды Кіевской Духовной Академіи, № 5 и 6

А. Бѣлгородскій. Кіевскій митрополитъ Героеей Малицкій (1796—1799). (Продолженіе) (№ 6, стр. 211—243). Въ настоящей 4-ой, главѣ идетъ рѣчь о томъ, какъ съ попареніемъ Павла Петровича усилилась пропаганда уніатскаго и католическаго вѣроученія, а въ связи съ этимъ начались притѣсненія православнаго духовенства со стороны польскихъ помѣщиковъ въ южной и западной Руси. Указано также, какія мѣры принималъ митр. Героеей противъ этихъ притѣсненій.

Этнографическое Обзоріе, № 2.

Русскіе буры (стр. 165). Перепечатка изъ «L'indépendance belge» за 1901 г. о русскихъ буряхъ въ Ковельскомъ уѣздѣ, Волинск. губ. и пограничномъ съ нимъ Брестъ-Литовскомъ, Гродненской губ.

Нижнія Восхода № 5 и 6.

И. Бродовскій «Еврейская нищета въ Одессѣ». (№ 5-й, стр. 42—70; № 6-й, стр. 73—94). Въ этой интересной статьѣ авторъ знакомитъ насъ съ бѣдственнымъ положеніемъ неимущаго еврейскаго

населенія въ Одессѣ, котораго насчитывается до 50 тысячъ (изъ 150 тысячъ всѣхъ евреевъ, живущихъ въ этомъ городѣ). Матеріалы для статьи заимствованы изъ данныхъ, имѣющихся въ комиссіи по раздачѣ пособій бѣднымъ евреямъ въ Одессѣ. Комиссія эта состоитъ изъ нѣсколькихъ почетныхъ еврейскихъ гражданъ, избираемыхъ городскимъ общественнымъ управленіемъ, и 20 лицъ привлекаемыхъ комиссіей въ качествѣ сборщиковъ пожертвованій, а также изъ нѣсколькихъ десятковъ еврейской учащейся молодежи, являющихся сотрудниками по сбору пожертвованій и раздачѣ пособій бѣднякамъ. Осмотръ помѣщеній и регистраціонное нищеты этой комиссіей и составили матеріалъ для даної статьи г. Бродовскаго.

Ateneum, № 6.

Въ этой, не въ примѣръ прочимъ, очень объемистой книжкѣ Ateneum'a, заканчивающаго свое служеніе литературѣ, помѣщена статья А. Брикнера «Z dziejów literatury i oświaty w Rosyji» (стр. 911—951). Статья написана по поводу извѣстнаго труда А. Пышина «Исторія Русской литературы, въ 4-хъ томахъ». Давши въ началѣ хвалебную характеристику всѣхъ трудовъ и личности нашего почтеннаго ученаго, авторъ статьи дѣлаетъ послѣдовательный обзоръ всего характернаго въ жизни и литературѣ русскаго народа, начиная отъ древнѣйшихъ временъ, при чемъ останавливается, конечно, и на фактахъ культурной жизни Южной Руси.

Slovanský Přehled, № 9 и 10.

Сообщеніе о юбилеѣ А. М. Кулишъ (№ 9, стр. 442).

Въ отдѣлѣ «Umění věda» (№ 10) (стр. 503) данъ отзывъ объ изданіи «Гуцульщина. Написав проф. Володимир Шукевич. Першій том, Львів, 1900».

Przewodnik naukowy i literacki, № 6.

Dionisy Zalesky. Korespondencya Bohdana Zaleskiego (стр. 466—467). Въ письмѣ отъ 19 февр. 1859 г. Францишку Духинскому упоминается о встрѣчѣ 25 лѣтъ тому назадъ, Залескаго, Мицкевича и Гоголя. Разсуждали о финскомъ элементѣ въ этнографическомъ типѣ великоросса. Гоголь по этому поводу написалъ и прочелъ имъ статью, въ которой, путемъ сопоставленія пѣсенъ чешскихъ, серб-

славянскихъ, украинскихъ съ великорусскими, доказывалъ бьющую въ глаза разницу духа, обычаевъ и характера великороссовъ и другихъ вѣтвей славянскаго племени.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ „Русскомъ Богатствѣ“ помѣщена статья г-жи Русовой по вопросу о народномъ языкѣ въ школахъ.

Занмствуемъ эту статью въ извлеченіи изъ „С.-Пет. Вѣд.“: Многія земскія работы, монографіи и доклады давно указывали на печальныя недоразумѣнія, возникающія постоянно въ народныхъ школахъ Малороссіи отъ непониманія первыхъ словъ въ первой книжкѣ для чтенія. Такъ, учителя Полтавской губерніи прямо заявляютъ о трудности усвоенія для учащихся малороссовъ литературнаго русскаго языка; даже для окончившихъ совершенно недоступно чтеніе великорусскихъ писателей. Тоже самое говорятъ учителя Черниговской губерніи. Въ разное время южно-русскія земства возбуждали ходатайства о допущеніи въ мѣстную народную школу мѣстнаго народнаго языка и учебниковъ, лучше приваровленныхъ къ мѣстной жизни и обстановкѣ. Объ этомъ послѣднемъ (т. е. объ учебникахъ) постановило ходатайствовать полтавское губернское земское собраніе послѣдней сессіи, въ декабрѣ 1900 г. Тогда же выступило и черниговское губернское земское собраніе съ докладомъ гл. Шрага о народномъ языкѣ для первоначальнаго преподаванія; докладъ этотъ выражаетъ не единоличное мнѣніе одного гласнаго; онъ повторяетъ заключенія школьной комиссіи, работавшей надъ этимъ же вопросомъ при черниговскомъ губернскомъ земствѣ еще въ 1881 г.; эти заключенія, указывая многія слабыя стороны тогдашней школы, развиваютъ именно ту совершенно правильную мысль, что для пользы народнаго просвѣщенія необходимо, чтобы „при организаціи школъ были приняты во вниманіе какъ этнографическія особенности населенія, при рѣшеніи вопроса, на какомъ языкѣ должно вестись преподаваніе, такъ и особенности мѣстнаго быта и природы, при составленіи матеріала для учебныхъ книгъ“; при этомъ комиссіи высказалась, что обученіе на такомъ языкѣ, „который не

употребляється въ семьї учащихся и не всегда въ подробностяхъ имъ понятенъ, приводить къ затрудненіямъ чисто учебнаго свойства, устанавлюєть пзвѣстный разладъ между семьей и школой и увеличиваетъ въ мѣстности тотъ вредъ полуобразования, который отражается на всякомъ, кто, принявъ чуждыя семьї и обыкновенной обстановкѣ формы, не наполнить ихъ новымъ содержаніемъ. Устранить этотъ недостатокъ можно только тѣмъ, по мнѣнію комиссія, чтобы поставить литературный языкъ не какъ средство, а какъ цѣль элементарнаго образованія, такимъ образомъ, чтобы ученики, начиная обученіе на понятномъ во всѣхъ отгнѣвахъ языкѣ, постепенно и сознательно доводились до разумнаго знанія языка литературы и государства". Гл. Шрагъ сводить свои пожеланія къ тремъ пунктамъ: 1) ходатайствовать о допущеніи мѣстнаго народнаго языка въ школьное преподаваніе Черниговской губ.; 2) о разрѣшеніи изданія учебниковъ и книгъ на народномъ языкѣ и 3) о допущеніи такихъ книгъ въ школьныя бібліотеки. Собраніе большинствомъ голосовъ постановило представить такое ходатайство въ установленномъ порядкѣ.

Цитируя эту статью „С.-Пет. Вѣд.“ говорятъ: Дѣйствительно, глубоко страннымъ представляется положеніе дѣла, при которомъ къ малороссамъ не допускается даже Евангеліе на ихъ родномъ языкѣ, не допускаются популярныя брошюры по сельскому хозяйству, медицинѣ, ветеринаріи, чѣмъ населеніе лишается могучаго средства — науки для поднятія своего съ каждымъ годомъ палающаго благосостоянія. По этой же причинѣ изданія харьковскаго издательскаго комитета почти не распространяются въ сосѣднихъ малорусскихъ губерніяхъ, а идутъ въ Москву, Петербургъ, Саратовъ и другія отдаленныя мѣстности.

Въ № 157 „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ помѣщена обширная статья г. Воскресенскаго, посвященная разбору пьесы И. К. Карпенка-Карого „Сава Чалый“. По мнѣнію автора, трагедія эта „отличается такимъ богатствомъ содержанія, глубиною и общечеловѣчностью его, что становится общимъ достояніемъ всеевропейской литературы, можетъ быть съ успѣхомъ переводима на всѣ языки, равно понятна для всѣхъ національностей, а потому и подлежатъ сужденію съ обще-литературной точки зрѣнія“.

Въ № 10 журнала для дѣтей «Юный читатель» помѣщена статья Э. Пименовой «Малороссія и Малороссы» (Очерки рѣднаго края), въ которой сообщаются юнымъ читателямъ самыя общія, и нерѣдко наивныя, свѣдѣнія о Малороссіи и ея представителяхъ въ настоящемъ и прошедшемъ. Здѣсь встрѣчаются строки, изображающія малоросса поэтическимъ народомъ, который «любитъ полежать на зеленой травѣ, подъ вишневымъ или грушевымъ деревомъ, и слѣдить задумчивыми взорами за тѣмъ, какъ вздымается тоненькая струйка дыма изъ трубы его хатки и теряется въ прозрачномъ воздухѣ, или какъ плывутъ бѣлыя облачка по синему небу». Можно узнать, что малороссъ лѣнивъ, да и не удивительно: «ибо все ему достается безъ особаго труда» (!); «опъ живетъ и теперь большею частію такъ, какъ жили его прадѣды; потребности его не велики и хозяйство свое онъ ведетъ такимъ же *первобытнымъ* путемъ, какъ вели его праотцы»... Самое населеніе Украйны въ прошлыя времена, «состояло большею частью изъ безпокойныхъ бѣглыхъ людей, спасавшихся въ степяхъ Украйны отъ гнета и преслѣдованія» (откуда?). Затѣмъ говорится о Сѣчи, гдѣ также собирались бѣглецы и недовольные люди... «Огромные огороды, которые въ Малороссіи называются «баштанамы», засаживаются превосходными дынями и арбузами»... Къ статьѣ приложено нѣсколько портретовъ: „Малороссіянка“ (дѣвчина), „Малороссъ“ (фигура Московскаго купца въ кафтанѣ, съ длинной волнистой бородой и трубкой съ невѣроятно длиннымъ чубукомъ), «Слѣпой Кобзарь» (съ картины Андриолли), Кобзарь передъ малороссійской хатой, — и наконецъ «Чумаць на привалѣ» — что-то слишкомъ сентиментально-идиллическое, но никакъ не рисунокъ, похожій на дѣйствительность; вмѣсто чумацкаго воза, крыто на четырехъ колесахъ.

Въ № 9093 газ. «Новое Время» помѣщена корреспонденція нѣкоего А. Алексѣева „Варшава—Кіевъ“. Изобличивъ какъ въ томъ, такъ и другомъ городахъ еврейско-польскую интригу, актеръ переходитъ затѣмъ и къ «украинофильству»: «успѣшности иноплеменнаго натиска на Юго-Западный край, эту колыбель русской земли, и въ частности на Кіевъ съ его лаврой, Аскольдовой могилой, гробницами древне-русскихъ князей, много помогаетъ расколъ среди русскихъ, вызываемый увлеченіемъ многихъ кіевлянъ украинофильскими мечтаніями. «Батько Шевченко» не долюбливалъ «жида» и „даха“, но ны-

нѣшніе українофілы, главнымъ центромъ которыхъ является львовское „товарищество“ имени Шевченка, выставивъ его имя на своемъ знамени, соединились съ «жидомъ» и съ «ляхомъ» противъ «москаля». Во многихъ кіевскихъ интеллигентныхъ семействахъ теперь вошло въ моду говорить по-малорусски. А народъ? Я прислушивался къ народной рѣчи въ Кіевѣ. Бабы изъ деревень, правда, говорятъ преимущественно по-малорусски, но мужчины почти исключительно на общерусскомъ языкѣ, часто совсѣмъ безъ примѣся малорусскихъ словъ.

Всякія бывають корреспонденці!

Въ №№ 159—162 „Gazeta Lwowska“ помѣщена статья Мих. Ролле „Roźmiertne peregrynasycie pani Wojewodziny Kijowskiej“. На основаніи монастырскихъ документовъ Кристинопола, Тульчина и др. монастырей авторъ сообщаетъ интересный разсказъ о явленіяхъ души Анны Потоцкой, второй жены Францишка Салезія Потоцкаго, воеводы Кіевского (матери Станислава Щенснаго—Потоцкаго).

Въ № 196 газ. „Kurjer Lwowska“ помѣщена статья подъ заглавіемъ „Русинскій университетъ во Львовѣ“, авторъ которой вполне сочувствуетъ идеѣ основанія во Львовѣ отдѣльнаго университета для русиновъ. „Русинскій университетъ во Львовѣ не грозитъ нашему (польскому) національному развитію, польской культурѣ... Въ интересахъ культурнаго развитія не только русиновъ, но и поляковъ, мы желаемъ русинскихъ культурныхъ институцій рядомъ съ таковыми же польскими“.

Въ № 170 и 172 «Харьковск. Губернскихъ Вѣдомостей» помѣщенъ разборъ пьесъ П. К. Тобиловича (Карпенка-Караго): «Хазяинъ» и «Мартынь Боруля».

Въ газ. «Югъ» (№ 955) помѣщенъ коротенькій отзывъ о двухъ брошюркахъ, изданныхъ „Петербургск. благотворит. обществ. изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ для народа“ — О. Коныський «Оповидання про Тараса Шевченка» и Сергій Вагановъ «Розмова про сухоты на рогатій худоби». Похваливъ обѣ эти брошюры, рецензентъ останавливается далѣе на характеристикѣ дѣятельности названнаго общества.

Въ галицк. газетѣ «Дѣло» (№ 128 и 129) помѣщена маленькая статейка съ историческими справками о селѣ Наквашѣ, находящемся вблизи русско-австрійской границы. Преданія объ этомъ селѣ восходятъ чуть-ли не ко времени Владиміра Святого.

Въ «Полтав. Губерн. Вѣдом.» (№ 141) помѣщена большая замѣтка Л. Падалки подъ заглавіемъ «Древній городокъ близъ м. Старыхъ-Сенжаръ, Полтав. уѣзда». Подробно описана авторомъ вся эта мѣстность, называемая народомъ „Левадки“, и самый «городокъ».



Археологическая летопись.

Нъ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

Отъ предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ. Успѣхъ предстоящаго археологическаго съѣзда въ Харьковѣ въ значительной степени обусловливается живымъ и дѣятельнымъ сочувствіемъ къ нему населенія Харьковской губерніи, ибо нѣтъ такого уголка въ нашемъ краѣ, гдѣ бы не оказалось предметовъ, входящихъ въ обширную программу съѣзда. Въ самомъ дѣлѣ: нѣтъ такого селенія, гдѣ бы не нашлось кургановъ, или памятниковъ церковной старины, или, наконецъ, предметовъ этнографическихъ, т. е. современнаго народнаго быта; разсѣяны также во многихъ мѣстахъ городища и городки, земляные валы и укрѣпленія; попадаются монетные клады и стоянки каменнаго вѣка—последнія на сыпучихъ пескахъ или по мѣстному вучугурахъ, откуда вѣтеръ выдуваетъ кремневныя стрѣлки, черепки глиняной посуды и т. п.; у многихъ хранятся случайно добытые предметы старины—древнія орудія, портреты, письменные документы, старопечатныя книги, списки литературныхъ произведеній, монеты, костюмы, утварь, украшенія. Предварительный комитетъ разослалъ свои вопросныя пункты всѣмъ сельскимъ священникамъ, народнымъ учителямъ, отчасти волостнымъ правленіямъ, но получилъ отвѣты далеко не отъ всѣхъ. Желательно, чтобы присылка этихъ отвѣтовъ была по возможности ускорена. Но, кромѣ сельскихъ священниковъ и народныхъ учителей, остается

еще масса лицъ, которыя могутъ принести пользу будущему съѣзду своимъ содѣйствіемъ предварительному комитету. Соудѣйствіе это можетъ быть самое разнообразное, и о немъ легко составить себѣ надлежащее понятіе, познакомившись съ программами комитета. Программы эти будутъ бесплатно высланы всѣмъ, изъявившимъ желаніе ихъ получить и приславшимъ свои адреса. Приведемъ для примѣра нѣсколько такихъ пожеланій.

1) Настоящимъ лѣтомъ комитетъ организовалъ нѣсколько экскурсій для раскопокъ: Д. И. Багалій, А. М. Покровскій и Е. П. Трефилевъ производили раскопку могильныхъ камеръ у сел. Верхняго Салтова, Волчанскаго уѣзда, Харьковской губерніи и открыли любопытный погребальный ритуалъ въ пещерахъ безъ кургановъ и много бронзовыхъ и желѣзныхъ предметовъ при похороненныхъ тамъ костякахъ; раскопки будутъ продолжаться А. М. Покровскій при содѣйствіи и на средства одной мѣстной землевладѣлицы. В. А. Городцовъ командированъ въ Изюмскій уѣздъ и изслѣдуетъ все теченіе Донца въ предѣлахъ этого уѣзда. Онъ уже раскопалъ нѣсколько кургановъ подлѣ Славянска, открылъ курганы погребенія кочевниковъ и отправилъ въ Харьковъ цѣлый ладьеобразный гробъ съ погребеннымъ въ немъ воиномъ; онъ будетъ въ теченіе всего лѣта раскапывать группы кургановъ, курганы съ каменными бабами, отдѣльныя могилы, также изслѣдовать стоянки каменнаго вѣка. А. М. Покровскій, по окончаніи Верхне-Салтовскихъ раскопокъ, будетъ производить раскопки далѣе на сѣверъ по Донцу въ Зміевскомъ уѣздѣ (въ томъ числѣ и кургановъ съ каменными бабами), а Е. П. Трефилевъ будетъ дѣлать тоже самое въ предѣлахъ Купянскаго уѣзда. Такъ какъ настоящее лѣто имѣетъ рѣшающее значеніе для раскопокъ (въ слѣдующее уже состоится съѣздъ), то желательно было бы, чтобы теперь же комитету сдѣланы были указанія о мѣстахъ, гдѣ интересно произвести раскопки, въ особенности по отношенію къ тѣмъ районамъ, куда направляются экскурсанты по указанію комитета; послѣдній, съ своей стороны, можетъ также командировать своихъ членовъ для производства раскопокъ на счетъ тѣхъ лицъ, которыя этого пожелаютъ. (Комитетъ получилъ отъ Император-

ской археологической комиссiи право производить раскопки на землях казенныхъ и общественныхъ).

2) Такъ какъ съ осени придется уже приступить къ организаціи выставокъ при съѣздѣ по древностямъ первобытнымъ, историческимъ, церковнымъ, этнографическимъ, памятникамъ письменности и старопечатнымъ книгамъ, то комитетъ покорнѣйше просить всѣхъ лицъ, имѣющихъ подобныя предметы, высылать ихъ теперь же казенными посылками черезъ волостныя и полицейскія управленія и земскихъ начальниковъ и исправниковъ въ Харьковъ, въ университетъ, въ предварительный комитетъ по устройству XII археологическаго съѣзда. Просить не стѣсняться присылкой и единичныхъ экземпляровъ, но только сопровождать ихъ объясненіями о мѣстѣ и обстоятельствахъ находки. Комитету могутъ быть дѣлаемы и предложенія о покупкѣ отдѣльныхъ предметовъ и цѣлыхъ коллекцій. Всякая пожертвованная вещь будетъ принята съ благодарностью и поступитъ на вѣчныя времена, смотря по ея характеру, или въ университетскій музей, или въ нумизматическій кабинетъ, или въ историческій архивъ, или въ мѣстный этнографическій музей (при университетѣ).

3) Въ Харьковской губерніи имѣется теперь еще нѣсколько десятковъ каменныхъ бабъ. Между тѣмъ, прежде было ихъ значительно больше. Изъ этого видно, что эти важные памятники старины погибаютъ. Въ виду этого, необходимо было бы свезти ихъ въ центральный пунктъ губерніи—г. Харьковъ и тамъ сохранить на вѣчныя времена. Поэтому комитетъ покорнѣйше просить частныхъ лицъ, владѣющихъ этими памятниками, пожертвовать ихъ предварительному комитету, который расходы по доставкѣ ихъ въ Харьковъ, послѣ предварительныхъ сношеній, возьметъ на себя.

4) Особое мѣсто на выставкѣ займутъ предметы этнографическіе. Здѣсь содѣйствіе общества еще болѣе необходимо. Средства, которыми располагаетъ комитетъ на приобрѣтеніе этнографическихъ коллекцій, весьма скудны, и ограничиться предметами, которые могутъ быть приобрѣтены на нихъ, невозможно. Да и самый розыскъ болѣе интересныхъ предметовъ безъ указаній мѣстныхъ жителей затруднителенъ. Поэтому комитетъ, во 1-хъ, проситъ оказать всяческое содѣйствіе отпра-

леннымъ имъ экскурсантамъ: проф. А. Н. Краснову (въ Харьковскій уѣздъ), проф. Н. Ѳ. Сумцову (въ Ахтырскій уѣздъ), пр.-доц. А. М. Покровскому (въ Волчанскій и Зміевскій уѣзды) и Б. С. Познанскому (въ Старобѣльскій уѣздъ). Во 2-хъ, прислать всѣ предметы современнаго крестьянскаго быта и обстановки, въ особенности вышедшіе или выходящіе нынѣ изъ моды и употребленія, на выставку при сѣздѣ. Въ 3-хъ, наконецъ, помочь комитету присылкою рисунковъ и фотографій—видовъ селъ, деревень, поселковъ, хуторовъ, слободъ, церквей, отдѣльныхъ хатъ, куреней, кузницъ, землянокъ, частей дома, дворовъ, рѣзбы на деревѣ, садковъ, пастѣкъ, ярмарокъ, свадебъ, мельницъ водяныхъ и вѣтряныхъ, костюмовъ, мужского и женскаго, головныхъ уборовъ, вышивокъ, писанокъ, караваяевъ, украшений, земледѣльческихъ орудій, земледѣльческихъ работъ въ ихъ послѣдовательномъ ходѣ, сельскихъ ремеслъ; наконецъ, всевозможныхъ типовъ мѣстныхъ жителей, словомъ, всего того, что характеризуетъ народный бытъ.

Предсѣдатель предварительнаго комитета профессоръ *Дм. Багалъй*.

Ученыя общества.

Послѣднее засѣданіе *Общества любителей изученія Кубанской области*, состоявшееся въ присутствіи Почетнаго Президента общества Начальника Кубанской области и Наказнаго Атамана генераль-лейтенанта Я. Д. Маламы, внѣ всякаго сомнѣнія принадлежитъ къ числу наиболѣе замѣчательныхъ по тому живому интересу, который возбудилъ докладъ предсѣдателя общества В. М. Сысоева, подъ заглавіемъ: „Рѣка Кубань“. Докладъ и послѣдовавшій за нимъ обмѣнъ мыслей, по его поводу, имѣли своимъ послѣдствіемъ сдѣланное, по предложенію В. В. Скидана, постановленіе—образовать при обществѣ изъ числа желающихъ членовъ особую секцію, которая занялась бы спеціальнымъ изученіемъ рѣки Кубани во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, начиная отъ физико-географическихъ и кончая соціально-экономическими.

Послѣ перерыва предсѣдатель общества В. М. Сысоевъ доложилъ собранію отчетъ о дѣятельности Кубанскаго отдѣленія предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ. Изъ этого отчета, между прочимъ, видно, что въ теченіе минувшаго 1900 года членами общества частью исполнено, частью начато 9 работъ, а именно:

1) *Е. Д. Фелицынъ* закончилъ археологическую карту Кубанской области.

2) *П. П. Короленко* закончилъ историческій очеркъ происхожденія церковныхъ запорожскихъ древностей, находящихся въ предѣлахъ Кубанской области.

3) *П. П. Короленко* и *В. М. Сысоевъ* готовятъ подробную опись церковнымъ запорожскимъ древностямъ, находящимся въ екатеринодарскомъ войсковомъ соборѣ и Екатерино-Лебяжской пустыни, а *С. И. Борчевскій* будетъ снимать фотографіи съ наиболѣе замѣчательныхъ изъ этихъ древностей.

4) *В. М. Сысоевъ* изготвилъ первую часть подробнаго описанія „Археологическія достопримѣчательности Кубанской области и Черноморской губерніи“ (о дольменахъ).

5) *В. М. Сысоевъ* изготвилъ первую часть своей работы „Сводъ историческихъ данныхъ о Тмутараканскомъ княжествѣ“.

6) *П. П. Короленко* обрабатываетъ данныя объ архивахъ Кубанской области.

7) Программы Харьковскаго подготовительнаго комитета были отпечатаны въ „Куб. Обл. Вѣд.“

8) *Н. М. Мошлевцевъ* обрабатываетъ свой трудъ „Описаніе войсковыхъ регалій Кубанскаго казачьяго войска“.

9) *А. И. Дьячковъ-Тарасовъ* — Сентинскій храмъ и его фрески.

Въ текущемъ году членами общества В. М. Сысоевымъ, С. И. Борчевскимъ, Е. Д. Фелицынымъ, В. М. Шамраемъ, М. О. Пончевымъ, С. Ѳ. Мельниковымъ-Разведенковымъ и др. предполагено выполнить еще 14 работъ какъ кабинетнаго, такъ и практическаго характера; къ числу послѣднихъ относятся:

1) Составленіе альбома козачьихъ типовъ, построекъ и т. п.

2) Обслѣдованіе наиболѣе замѣчательныхъ церквей области, въ которыхъ могутъ еще быть запорожскія древности.

3) Собрание старинныхъ картъ Кубанской области.

4) Устройство подготовительной археолого-этнографической выставки.

5) Пространство раскопокъ кургановъ и изслѣдованіе дольменовъ въ разныхъ мѣстностяхъ области и др.

Въ закрытомъ засѣданіи послѣ выборовъ новыхъ членовъ (проф. Д. И. Эварницкаго, И. З. Садило, Н. М. Могилевцева, М. Я. Скворцова, М. Г. Косовича) предсѣдатель общества В. М. Сысоевъ доложилъ о состоявшемся ассигнованіи областнымъ правленіемъ субсидіи обществу въ количествѣ 500 р. на предметъ организаціи участія общества въ археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ. Собраніе, по предложенію предсѣдателя, постановило изъ этихъ денегъ 400 р. ассигновать на расходы по изслѣдованію области въ такихъ отношеніяхъ, какія предположено представить на съѣздѣ (изготовление фотографій, поѣздки и т. п.) „Куб. Вѣд.“.

Изслѣдованія и раскопки.

Пещерный могильникъ у слободы Верхній Салтовъ, Волчанскаго у. Харьковск. губ. Открытіемъ своимъ могильникъ обязанъ народному учителю сл. Верхній Салтовъ В. А. Бабенко. Интересуясь вообще мѣстными древностями, В. А. Бабенко обратилъ вниманіе на находимые крестьянами въ оврагахъ различные предметы; ограничиваясь сначала скупкой ихъ, В. А. Бабенко впослѣдствіи прослѣдилъ и источникъ откуда они происходятъ. Это оказались очень интересныя пещерныя могилы, если не ошибаемся впервые обнаруженныя въ Слободской Украинѣ и даже вообще на югѣ Россіи. В. А. Бабенко помѣстилъ въ „Харьковск. Вѣдомостяхъ“ (№ 128) небольшую замѣтку объ этомъ могильникѣ, кромѣ того, на мѣстѣ могильника текущимъ лѣтомъ были произведены пробныя раскопки А. М. Покровскимъ, Д. И. Багалѣмъ и Е. П. Трефилевымъ. На основаніи замѣтки В. А. Бабенко и свѣдѣній о раскопкахъ, любезно присланныхъ А. М. Покровскимъ, мы ниже и сообщаемъ то, что до сихъ поръ извѣстно о могильникѣ. Онъ расположенъ въ

гористыхъ урочищахъ „Нетечій“ и „Замуловка“; благодаря оврагамъ, ежегодно прорѣзываемымъ водой, можно было констатировать ходы, ведущіе къ могиламъ, на поверхности-же, надъ могилами, никакихъ внѣшнихъ признаковъ, указывающихъ на присутствіе послѣднихъ, не находится. Ходы эти отличались отъ материка тѣмъ, что земля въ нихъ была рушеная и рыхлая, съ примѣсю чернозема, расположеннаго въ глинѣ гнѣздами; тутъ-же иногда встрѣчался уголь и даже древнія вещицы. По очисткѣ этой наносной земли, отрывались узкія трапезы, 50—60 см. шириной, шедшія вглубь иногда на 5—6 метровъ и затѣмъ упиравшіяся въ нетронутую землю. Здѣсь, на глубинѣ 4—5 метр. отъ поверхности, находились отверстія въ погребальныя камеры; отверстія въ общемъ небольшія, такъ что въ нихъ иногда приходится проползать; нерѣдко отверстіе бываетъ закрыто большимъ камнемъ. Камеры первоначально не засыпались землей; еще и теперь есть такія, гдѣ слой земли, покрывающей ихъ дно, равенъ всего 10—20 см.; но по большей части вся внутренность камеры наполнена землей,—обрушившейся съ потолка или нанесенной водой. Камеры—почти квадратной формы, въ среднемъ около двухъ метровъ длины и ширины, высотой также до двухъ метр., но чаще 1 м. 50 см.; потолокъ образованъ или однимъ полуцилиндрическимъ сводомъ, или четырьмя, сходящимися посрединѣ. Выкапывались камеры, какъ объ этомъ можно судить по слѣдамъ, оставшимся на стѣнкахъ, небольшими орудіями—или топорами, или чѣмъ-то вроде совочковъ. Стѣны и потолокъ камеръ выбѣливались. Ориентированы камеры на востокъ, съ отклоненіями къ сѣверу и югу. Посрединѣ камеры, прямо на полу, влялись трупы перпендикулярно ко входу; обычное число скелетовъ—три. Средній, обыкновенно мужской,—на спинѣ, съ распростертыми руками и вытянутыми ногами, два боковые—или женскіе, или женскій и дѣтскій, лежатъ въ равныхъ положеніяхъ; кромѣ того, можно наблюдать также очень интересное положеніе скелетовъ: два, а то и всѣ три, лежатъ, взявшись за руки. Скелеты бываютъ окружены углемъ; въ головахъ средняго изъ нихъ стоитъ сосудъ съ узкимъ горлышкомъ и широкимъ дномъ, покрытый примитивнымъ орнаментомъ; въ сосудахъ зачастую встрѣчаются мѣдныя бляхи, монисто и др. украшенія; возлѣ

сосудовъ обыкновенно находится бедро быка, теленка или барана. Мужской скелетъ сопровождають—сабля, боевой топоръ, булава и т. д., возлѣ праваго бока—желѣзный ножъ, у ногъ—серебряныя пряжки отъ ременной обуви. Погребенія отличаются замѣчательнымъ обиліемъ украшеній, главн. обр. бронзовыхъ, которыя особенно многочисленны у женскихъ скелетовъ. Это различнаго вида привѣски, бляшки, бубенчики, кольца, серьги, браслеты, всевозможнаго рода бусы и, наконецъ, бронзовыя зеркала. Въ качествѣ привѣсокъ встрѣчаются также персидскія и арабскія монеты. Въ одномъ случаѣ, при пробныхъ раскопкахъ, найдено погребеніе лошади съ очень богатой уздечкой, украшенной 14-ью бронзовыми бляхами.

По всѣмъ, добытымъ раскопками, даннымъ, могильникъ можно приурочить какому-ниб. изъ кочевыхъ народовъ.

Какъ можно судить изъ вышеприведенныхъ краткихъ свѣдѣній, могильникъ представляетъ большой интересъ; поэтому, выразивъ благодарность В. А. Бабенко за его открытіе, слѣдуетъ пожелать, что бы онъ былъ возможно подробнѣе обследованъ.

Разныя извѣстія.

Выставка барона де Бая въ Musée Guimet въ Парижѣ. Воспользовавшись любезнымъ приглашеніемъ очень извѣстнаго у насъ французскаго путешественника б. де Бая, я имѣлъ случай посѣтить его чуть-ли не шестую уже выставку предметовъ, вывезенныхъ изъ Россіи. На этотъ разъ южно-русская археологія и этнографія были представлены нѣсколько шире, чѣмъ прежде, хотя, разумѣется, въ зависимости отъ способа собиранія, выставленные предметы носили по прежнему въ значительной степени случайный характеръ. Въ области неолитическихъ древностей извѣстныя открытія Ч. В. Хвойки доставили б. де Баю довольно большую и хорошо подобранную коллекцію черепковъ домивенской керамики, которые, вмѣстѣ съ нѣсколькими таблицами изъ альбома Б. И. Ханенка, даютъ довольно полное представленіе о ней и разумѣется будутъ очень полезны для котораго нибудь

изъ здѣшнихъ музеевъ. Затѣмъ, изъ курганныхъ древностей было выставлено нѣсколько кремневыхъ осколковъ изъ Смѣлы, остатки посуды и окрашенный охрой черепъ (который затѣмъ-то покрыли лакомъ, измѣнившимъ первоначальный красный цвѣтъ окраски) изъ „Stawiszè prèès de Bialacerkiew“ и, наконецъ, нѣсколько сосудовъ и цѣлая коллекція костей изъ кургана въ Красногоровкѣ, Екатеринославской губ., раскопаннаго б. де Баемъ въ имѣннн мѣстнаго предводителя дворянства де-Каменскаго, большая фотографія котораго вмѣстѣ съ г. де Баемъ, обвитая широкон красной лентой съ золотой подписью, красовалась тутъ-же на почетномъ столѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими портретами кавказскихъ генераловъ и духовныхъ особъ. Въ качествѣ любителя старины и француза, б. де-Бай знаетъ, конечно, какъ надо относиться къ находимымъ въ курганахъ костямъ, а потому постарался собрать и привезти съ собой всѣ найденныя при раскопкѣ кургановъ кости, за спасеніе которыхъ, разумѣется, нельзя не принести ему самой живѣйшей благодарности. Нѣсколько стеклянныхъ колецъ заканчиваютъ эту археологическую серію прошлогодней поѣздки б. де-Бая въ Украину. Изъ этнографическихъ предметовъ обращаютъ на себя вниманіе нѣсколько „дукачей“ изъ той же Красногоровки съ фальшивыми, впрочемъ, гл. обр., австрійскими талерами, двѣ украинскія женскія рубахи—одна настоящая и очень интересная, а другая очевидно вышитая, какой-нибудь барышней,—висяція между татарскимъ и черемисскимъ полотенцами и превосходная старинная вышивка крупными цвѣтами, составляющая теперь уже очень большую рѣдкость, очень-бы пригодную и для Кіевскаго Музея и подаренная б. де-Баю г-жей Шереметьевой въ Кіевѣ. Въ качествѣ, вѣроятно, „разныхъ предметовъ“ былъ выставленъ кусокъ лаврскаго ладана, штемпеля для вытискиванія изображеній на просфорахъ, двѣ или три просфоры, павловскій рубль и копія съ известной своей сомнительностью и будто-бы найденной въ Кіевѣ медали съ изображеніемъ Христа и еврейской надписью. Этимъ и исчерпывается весь матеріалъ выставки б. де-Бая, касающійся Украины. Изъ великорусскихъ предметовъ мы замѣтили очень интересныя вышивки (птица Сиринъ) изъ Владимірской губ. нѣсколько вышивокъ изъ Тамбовской, бронзовыя фигурки съ береговъ Двины, древне-мордовскія подвѣски изъ окрестностей

Москвы, двѣ очень интересныя раскольничьи рукописи съ очень оригинальными миниатюрами и всячїе замочки въ видѣ птицъ. Наибольше интересные и цѣнные предметы были вывезены б. де-Баемъ съ Кавказа. Пять превосходныхъ бронзовыхъ топоровъ, два кинжала и прекрасно сохранившійся бронзовый же мечъ могли-бы быть украшеніемъ любого изъ нашихъ русскихъ музеевъ. Очень интересны также гигантскія булавки, оканчивающіяся головкой изъ согнутой спиралью и потомъ расплющенной бронзовой проволоки и серьги съ длинными подвѣсками изъ гробницъ въ Комбултѣ, Дигорѣ и Терской области. Этнографическіе кавказскіе предметы соотвѣтствуютъ какъ по цѣнности, такъ и по красотѣ археологическимъ: это массивные серебряные озарпеши, серьги и подвѣски къ серьгамъ съ удивительно тонкой и художественной эмалью, не говоря уже о нѣсколькихъ кинжалахъ, рогахъ, пороховницахъ, ожерельяхъ, амулетахъ и прочихъ предметахъ съ очень богатой серебряной отдѣлкой.

Всѣ эти предметы будутъ распределены, по словамъ б. де-Бая, по соотвѣственнымъ музеямъ, большая же часть ихъ, главн. обр. бытовые предметы, составятъ, вмѣстѣ съ прежде привезенными, фондъ новаго специально *русскаго* отдѣла въ Musée Galliera, назначеннаго для ознакомленія французовъ съ „дружественной имъ націей“. Пожелаемъ успѣха этому полезному предпріятію, а также и того, чтобы безкорыстныя усилія б. де-Бая получили, наконецъ, достойную оцѣнку. Къ сожалѣнію, не смотря на настойчивыя напоминанія многочисленныхъ замѣтокъ о своевременности награжденія б. де-Бая красной ленточкой, это отличіе заставляетъ еще себя ждать... Будемъ надѣяться, что „эксплораціонная“ поѣздка б. де-Бая въ Россію и въ настоящемъ году доставитъ ему, наконецъ, и это вполне достойное его утѣшеніе.

Ө. В.



асауль Гр. Федоренко, хоружій Д. Гирманъ, на вѣрность къ присягѣ приведены...“

Дембовскій представлялъ собою типическое лицо изъ тогдашнихъ малаго ранга Глуховскихъ чиновниковъ, которые, просидѣвъ лѣтъ десять въ той или другой канцеляріи, старались добыть себѣ доходный урядъ сотника. Въ спискѣ канцеляристовъ ген. к—ріи за 1739 г., указано, что Д—ій поступилъ въ в—рію въ 1737 г., изъ *мѣщанскихъ дѣтей* ¹⁾, а въ своей сказкѣ о службѣ, самъ Д. говорить, что на службу онъ поступилъ въ 1733 г., въ Стародубскую полк. к—рію, а затѣмъ перешелъ въ ген. к—рію, гдѣ исполнялъ разныя комиссіи, напр., „о продолжавшейся тогда опасной болѣзни“ и проч. Начиная съ писцовъ, к—ристы эти повышались въ „протоколисты“, „повытчики“ и друг. канцелярскіе чины, зарабатывали себѣ хлѣбъ разными услугами „просителямъ“, какъ это видно изъ домашнихъ замѣтокъ послѣднихъ, записывавшихъ, послѣ Глуховскихъ „хожденій“, въ расходъ: „на поклонъ г.г. канцеляристамъ, за челобитніе и за ископиеванне свидѣтелскихъ документовъ—6 рубл.“; „далъ канцеляристамъ судовимъ—2 рубля“; „далъ протоколѣсту 5 рубл.“ ²⁾ и проч. Это были мелкіе доходы канцеляристовъ, но случались и крупныя. Одинъ „проситель“, ходившій по Глуховскимъ к—ріямъ въ 1748 г., по своему дѣлу, записалъ, напр., что „далъ войск. канцеляристѣ Василю Высоцкому готовихъ денегъ 40 рублей“ да еще „панцирь“ въ 30 рубл., „кромѣ домашнихъ харчей, водки, вина и выпивки“. Нажившись такими доходами, наиболѣе расторопныя канцеляристы добивались и сотничьихъ урядовъ, при помощи задобренныхъ патроновъ. Этого типа сотники были самыми тяжелыми для сотнянъ: усвоивъ себѣ приемы канцелярской ябеды, они переносили эти приемы и въ свою сотничью

1) Начало пополненія Глуховскихъ к—рій мѣщанскими дѣтьми, а не козачьими, Кулячнскій приписывалъ Безбородку, указывая, что до него въ генер. к—рію люди «посполитой породы» не попадали. Зап. Черниг. Ст. Комит., II, 227.

2) Изъ рукописн. замѣтокъ Андрея Полевика, отца Григорія.

дѣятельность, главною цѣлью которой ставили вымогательства, съ помощью насилій, у своихъ сотнянъ-простецовъ. Такіе сотники мало боялись жалобъ, потому что имъ хорошо были знакомы тѣ секреты, съ помощью которыхъ власти—Глуховскія и мѣстныя—закрывали глаза на ихъ злоупотребленія. Къ такого рода сотникамъ принадлежалъ и Д—ій, добывшій себѣ сотничій урядъ, видимо, посредствомъ подкуповъ и явившійся засимъ въ сотню съ цѣлью наживы среди тѣхъ „свинарей“ и „бражниковъ“, протеста которыхъ не боялся. Не прошло и году, какъ два Голенскихъ козака, Гирманъ и Пащенко, жаловались, что сотникъ ихъ, „козаковъ въ приватныя свои услуги употребляетъ, которые по приказу его, сотника, ночью, при дворѣ его, несходимо караулятъ, а днемъ—хлѣбъ ему пашутъ, въ косовичное время—сѣно въ скирды выдаютъ, скоть пасутъ; а въ зимнее время и на загородахъ (скоть) кормятъ, при винокурѣ—свиной поютъ и прочія черныя работы, безъ заплаты и на своихъ харчахъ, ему отбываютъ; на которой работывѣ онъ, сотникъ, принуждаючи многихъ козаковъ боями, знатно на здоровьи увѣчиль“... По этой жалобѣ произведено было слѣдствіе, кончившееся ничѣмъ, конечно потому, что Д. умѣлъ находить себѣ защитниковъ. Другая жалоба, козака Марка Коваля, показываетъ, что Д. нѣкоторыхъ изъ сотнянъ обращалъ въ постоянныхъ своихъ прислужниковъ, конечно выбирая при этомъ людей покладистыхъ и смиренныхъ ¹⁾. Пользуясь своими сотнянами, какъ рабочею силою, не стѣснялся насиліями и другого рода. У козака Максименка онъ, напр., растлилъ дочь, дѣвочку 12-ти лѣтъ, послѣ чего заковалъ отца въ желѣза и заперъ въ своей банѣ, чтобы лишить такимъ образомъ обиженнаго—возможности жаловаться. Максименку однакожъ удалось бѣжать, и онъ направился въ Глуховъ, гдѣ и пріютился у какого то обывателя. Д—ій поспѣшилъ самъ въ Глуховъ и узнавъ здѣсь, гдѣ живетъ М—ко, подослалъ къ нему своего „кухара“, чтобы вызвать его на улицу, обманомъ, какъ будто зовутъ его у „дво-

1) Характерную жалобу козака Марва Коваля, котораго Д. обратилъ въ своего работника-мастерового (Коваль по ремеслу былъ кузнецъ), см. Зап. Черниг. Ст. Комит. П. 232.

рець его ясневельможности“. А какъ вышелъ Максименко на улицу, то Д—ій схватилъ его, съ помощью двухъ возаковъ, и неизвѣстно гдѣ дѣвалъ“... Эготъ разсказъ записанъ въ прошеніи того обывателя, у котораго пріютился было Максименко, и которое онъ подалъ въ генер. к—рію, изъ осторожности, чтобы потомъ не отвѣчать, если съ Максименкомъ что случится... По этому прошенію произведено было (в. к—стомъ Кисловичемъ) слѣдствіе, при чемъ оказалось, что Максименко съ семьею жилъ у Д—аго, въ подсосѣдкахъ; что въ Голенкѣ дѣйствительно носились слухи о растлѣніи сотникомъ малолѣтней дочери Максименка и что Д—ій ѣздилъ въ Глуховъ, вслѣдъ за этимъ Максименкомъ, котораго и привезъ оттуда назадъ. А когда слѣдователь сталъ допрашивать Д—аго, то послѣдній ему представилъ „мировую“, въ которой М—ко писалъ, что онъ никакихъ претензій къ Д—ому не имѣеть, а напротивъ благодарить сотника, что онъ простилъ ему, М—ку, какой то долгъ и отпустилъ его съ женою и дочерью, которая у него, Д—аго, служила, и съ малыи дѣтьми, изъ подсосѣдковъ, свободно, для жительства, гдѣ М—ко пожелаетъ... Какъ видно, не трудно было удовлетворять такихъ обиженныхъ, какимъ былъ Максименко, считавшій благодареніемъ позволеніе сотника—уйти изъ его двора.

Д—ій пробылъ сотникомъ до своей смерти въ 1759 г., какъ видно изъ универсала, которымъ былъ назначенъ ему преміи: „извѣстно намъ, что сотнѣ Крб—ой сотникъ П. Д—ій, будучи отправленъ съ командою прошлаго 759 г., къ заграничной арміи, при избранныхъ изъ М. Россіи бикахъ, въ томъ комендированіи умре, и оная сотня Крб—ая осталась нынѣ на вакансѣ. Усмотрѣно-жь нами, что Василій Рудковскій, будучи употребляемъ къ разнымъ службамъ, исправлялъ оніе добропорядочно, того ради мы опредѣлили его въ оную Крб—ую сотню настоящимъ сотникомъ, для чего ему, сотнику Р—му, команду надъ тою Крб—ою сотнею и корогву сотенную велѣли поручить отъ подк. к—ріи“. Рудковскій правилъ сотнею около семи лѣтъ и затѣмъ, въ 1767 г., почемуто отказался отъ своего уряда. Мѣсто его занялъ Власъ Жураковскій, причемъ тѣ обстоятельства при которыхъ Ж. получилъ сотничій урядъ по-

вели за собою коренное измѣненіе въ порядкѣ замѣщенія этихъ урядовъ. На мѣсто Р—аго были выбраны кандидатами: возный Антонъ Федорѣвичъ и писарь Прокопъ Гирманъ, объ утвержденіи одного изъ которыхъ полковая к—рія и представила въ Глуховъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ три куреня—Дептовскій, Гирявскій и Фесевскій—послали Румянцову подробное описаніе выборовъ, причемъ рассказывали, что они, составляя большинство, выбрали въ кандидаты Дептовскаго жителя, в. канц. Романа Соколовскаго, но сотенная старшина, распорядясь двумя куренями—Голенскимъ и Гайворонскимъ—о Соколовскомъ вовсе не упомянула, а написала первымъ кандидатомъ вознаго Федорѣвича. Рассказывая далѣе, какъ выборщики на квартирѣ Федорѣвича „могричь пили“, жалобщики говорятъ: „выборъ въ сотники вознаго Федорѣвича, находящагося въ штацкой должности, послѣдовалъ въ наущенія сотенныхъ старшинъ для того, чтобъ имъ, сотеннымъ старшинамъ, по сотенному управленію всякіе случающіеся суды и расправы чинить, ибо возный, жительствующій болше нежели въ 15 ти верст. отъ Голюнки, а въ Голюнкѣ и малѣйшей осѣлости не имѣющій, по сотенному правленію присутствія имѣть ежедневно отнюдь не можетъ; да къ тому же и къ канцелярскимъ дѣламъ не заобыкль и по его единственной грубости корпуса, къ повесенею таковой войсковой службы отнюдь не надеженъ. За бывшего жъ Корибутовскаго сотника Рудковскаго, какія было мы не представляемъ жалобы о отягощеніи насъ сотенными старшинами, разными комендириціями, противъ куреней Гайворонскаго и Голенскаго, гдѣ жителство имѣютъ старшинскіе братья и другіе родственники, то оный сотникъ по нашимъ жалобамъ, никому, никогда и малѣйшей справедливости не учинилъ, но все полагалъ на сотенные старшины, почему всегда въ нашу обиду всякіе дѣла дѣлались, чего и нынѣ оныя старшины хотячи, показавнаго вознаго и выбрали съ тѣми куренями, зная по его натурѣ плохой, чтобъ родственниковъ своихъ и его вознаго такожъ и прочихъ друзей отъ службы защищать“... Засимъ жалобщики просили Румянцова, чтобы „возному отказать, а пожаловать намъ въ сотню Крб—ую сотникомъ в. канц. Романа Соколовскаго... отъ Голюнки въ четыре версты жительствующаго и *довольною своимъ*

осыдлость имѣющаго, которой всегда въ присутствіи быть въ сотенномъ правленіи и всякихъ дѣлъ до мала смотрѣть, не полагаясь на старшину, дѣйствительно можетъ". Послѣдствіемъ этой жалобы было слѣдующее замѣчательное распоряженіе Румянцова, сдѣланное въ видѣ „предложенія“ Глуховской коллегии.— „Познавши изъ многихъ примѣровъ предосудительный обычай, который въ нынѣшнее время ведется при выборѣ въ сотенныхъ старшинъ, что ищущіе быть оными, стараются преклонять голоса козаковъ, употребляя къ тому средство угожденія—излишество вина, которымъ напоеваютъ даже до потери всякаго чувства, собирающихся при томъ козаковъ. Злоупотребленіе сіе столь уже общимъ здѣсь пріемлется, что во время моихъ проѣздовъ въ Малороссіи, не устыдились и ко мнѣ самому, на разныхъ мѣстахъ, являться толпы пьяныхъ козаковъ съ просьбами, чтобы я имъ опредѣлилъ сотника, въ такомъ состояніи ими одобряемаго. Съ крайнимъ негодованіемъ, смотря я на сіи неблагопристойности, снисходилъ однакожъ до сего времени полуневѣжеству; но въ послѣднюю бытность мою на Бѣловежской степи, поданы мнѣ уже и формальные о томъ просьбы, что при настоящей въ сотнѣ Корибутовской сотничей вакансіи, возный Федоровскій, ища быть на тотъ чинъ кандидатомъ, прельстилъ по обыкновенію также козаковъ однимъ пьянствомъ, отвлекая отъ стороны в. к. Соколовскаго, согласовавшихъ на его избраніе; и словомъ, они одинъ другого, какъ я сверхъ того слыхалъ, старались превзойтись присовокупленіемъ за себя одобрителей, покупая ихъ усердіе достаткомъ вина. Въ такомъ состояніи дѣлъ, гдѣ столь подлая страсть превозмогаетъ надъ всѣмъ, не видно ли каждому, коль терпится правда, честность и заслуги лутчихъ людей, которыхъ достоинства всегда останутся безъ награжденія, если оставить власть произвожденія на произволеніе невѣжеству, которые рады всегда командара имѣть себѣ подобнаго.—Неустройство сіе потребно удержать съ сего жъ времени и отмѣнить обычай, поводомъ до сего бывшій къ возвышенію худыхъ и ко унослѣжденію достойныхъ людей, когда степени здѣшнихъ чиновъ, кои принадлежатъ однимъ только достойнымъ, можно иному получить за цѣну пьянства. Предлагаю потому изъ полученія сего не до-

зволѣть нигдѣ сотенныхъ старшинъ выбирать самимъ сельскимъ козакамъ, какъ до сего чинилось,—понеже они дѣлають изъ сего обычая столь вредное злоупотребленіе,—но при случающихся вакансіяхъ, полковникамъ, съ полковими старшинами и сотниками, удостоивать въ чины изъ людей доброй славы, съ общаго согласія, на основаніи указа 1715 году, и отъ нихъ представить ко мнѣ, напомянувъ при томъ сотенныхъ командировъ, дабы они, всякъ въ своей сотнѣ, взяли первое попеченіе при случающихся собраніяхъ, изстреблять въ козакахъ привычку пьянствовать, и штрафовать, невоздержанныхъ въ томъ 1)“. Такимъ образомъ выборы сотниковъ—самими сотнянами—были уничтожены и назначеніе ихъ предоставлено канцеляріямъ. Трудно рѣшить, какой порядокъ былъ лучше при томъ состояніи общестственности, которое установилось въ гетманщинѣ послѣ смерти Апостола и укрѣнилось при Разумовскомъ, когда народъ былъ обезличенъ силою полковыхъ и Глуховскихъ канцелярій...

Преемникомъ Рудковскаго явился бывшій голштинецъ Власть Жураковскій, который послѣ рядовой службы въ лейбъ-гусарскомъ голштинскомъ полку, получилъ урядъ атаманства въ Роменской сотнѣ, а отсюда назначенъ сотникомъ Крб—имъ. Такимъ образомъ и Жрк—ій опять былъ человѣкомъ чужимъ. О дѣятельности этого сотника намъ ничего неизвѣстно, хотя сотничій урядъ онъ занималъ десять лѣтъ. Послѣднимъ Крб—имъ сотникомъ былъ Воротилякъ, родомъ Роменецъ, а слѣдовательно тоже человѣкъ не мѣстный...

Села Корибутовской сотни.

С. Голенка, рч. Голенка, 2) поселена въ нач. XVII в., какъ это видно изъ слѣдствія, производившагося въ 1727 г. объ одной

1) Зап. Черниг. Стат. Комит., П, 246.

2) Такъ эта рѣчка называется въ актѣ 1780 г. («воды чистой, текущей вблизи, кромѣ рѣчки *Голюнки*, въ томъ мѣстечкѣ Голюнкѣ нѣтъ»); это былъ притокъ Ромна; теперь онъ называется и Зарукавною, и Голубовкою.—*Голюнка*—старое малорос. слово, обозначающее голенъ. Мож. быть, что рѣчка получивла свое названіе по сходству ея фигуры съ голенью, а по рѣчкѣ названо уже было и поселеніе.

Голенской „греблѣ“, при чемъ старинный Голенскій козакъ Остапъ Луценко показывалъ, что эту „греблю“ „еще за пановъ (т. е. за поляковъ), якъ только поселилось село Голюнка, занималъ (устроивалъ) Василий Лысый и слилась гать (слыла гатью) Лысого“. ¹⁾ Другой Голенскій старожилъ показалъ при этомъ, что онъ, прійдя въ Голенку изъ Станислава, жилъ въ сосѣдяхъ у Вас. Лысого. ²⁾ Голенка принадлежала къ числу имѣній Вишневецкаго, какъ на это указываетъ документъ Пшездѣдкаго, обозначающій здѣсь 334 „господаря“; въ 1666 г., въ Г—кѣ было „посполитыхъ“ только 34 домохозяина, и если столько же было и козаконъ то, значить, за нѣсколько лѣтъ, населеніе Г—ки чрезвычайно умалилось, вѣроятно отъ того же движенія на востокъ, о которомъ сказано раньше (с. 254). Крестьянское населеніе Г—ки оставалось свободнымъ до 1740 г., когда оно было присоединено Вейсбахомъ къ Самборскому староству, съ которымъ вмѣстѣ поступило, въ 1750 г., во владѣніе гетмана Разумовскаго. Кр. П. 34 хоз. А. 62 д. В. ? В. 38 д. пс. 8 д. Г. 20 д. 29 х. пс. 6 бд. х. Д. 34 д. 78 х. пс. 38 д. 50 х. 2 бд. х. Кв. В. 121 д. Г. 101 д. 153 х. пс. 23 бд. х. Д. 113 д. 290 х. „почталіоновъ“ 8 бд. х. и пс. 29 бд. х. Изъ этихъ цифръ видно, что и послѣ присоединенія Г—скихъ крестьянъ къ Самбору, экономическое ихъ положеніе не ухудшилось, на что указываетъ, кромѣ того и достаточное количество крестьянскихъ подсосѣдковъ. По описанію Пащенко, „с. Г—ка лежитъ на ровномъ мѣстѣ, при столбовой изъ кр. Колядина въ Батуринъ дорогѣ, по об. стор. рч. Зарукаввой, отъ пр. бер. р. Ромна въ верстѣ. Церкв. дер.—2, сотенное правленіе. Ков. тоже колич., что и выше Д. Кр. гр. К. Разумовскаго, 23 д. 34 х., ум. полк. Ив. Скоропадскаго 2 д. 2 х., маіора Яв. Скоропадскаго, 11 д. 44 х. Подсос. ум. сотника Журавскаго, 8 д. 9 х., ум. сотн. Руд-

1) Народное преданіе о поселеніи Голенки см. въ описаніи этого села въ Черниг. губ. вѣдом. 1860 г. (№№ 43, 44 и 46), Мих. Исаенка.

2) Значить, при колонизаціи лѣвобережной Украины, въ первой пол. XVII в., сюда приходили поселенцы и изъ Галиціи...

ковского 1 д. 2 х., возного Гирмана, 1 д. 4 х., атам. сот. Чернишева, 6 д. 8 х., атам. сот. Проконенка 1 д. 2 х., зн. тов. Недбайла, 1 бд. х., значк. тов. Федоренка, 1 д. 2 х., хоруж. сот. Ковалева, 1 д. 3 х., пона Боровского, 17 д. 19 х. и пона Ярославскаго, 1 бд. х.“ Цркк.—архистр. Михаила и Преображенія Г—на. Свящц. Александръ Боровскій и Онисифоръ Ярославскій.

С. Гайворонъ, рч. Гайворонка (позже Басавова), извѣстенъ былъ въ перв. полов. XVII в. подъ именемъ „городища Грайворона“ пожалованнаго Сигизмундомъ III Городельскому старостѣ Криштофу Харлезскому. У послѣдняго Г—нъ былъ отнять Вишневецкимъ (ок. 1640 г.), вмѣстѣ съ прилегавшими къ нему слободами Дмитровкою, Липовымъ и Почепковымъ (?).¹⁾ Обновилъ поселеніемъ Г. конечно Вишневецкій. По переписи 1666 г. въ Г. значится 12 хоз. Здѣсь въ 1668 году происходила стычка отряда кн. Ромодановскаго съ татарами, при описаніи которой около Г—на, указывается большое топкое болото; ²⁾ подъ защитою его, вѣроятно, и возникло то первоначальное поселеніе, которое потомъ обратилось въ *городище*. Въ нач. XVIII в. Г. былъ селомъ еще не большимъ (71 дв.), но къ нему прилежала значительная степь и „весь тотъ степь былъ Гайворонскій“. ³⁾ Вѣроятно, что это богатство земель и обратило на Г. вниманіе ген. судьи Чарныша, который будучи близкимъ свойственникомъ Скоропадскаго и пользуясь своимъ вліяніемъ, обнаружилъ стремленіе завладѣть этимъ селомъ. Для этого нужно было сначала завести тутъ хозяйство, хотя въ видѣ небольшого хутора, чтобы потомъ, указывая на послѣдній, просить у гетмана и крестьянъ. Первое приобрѣтеніе Чарныша здѣсь (въ 1718 г.) заключалось въ „гаѣ“, между с. Г—номъ и рч. Зарукавною, „въ островѣ“, при чемъ „гай“ этотъ былъ данъ Чарнышу въ видѣ взятки, однимъ мѣстнымъ козакомъ (Вас. Салогубомъ), котораго Чарнышъ судилъ „за нечаянное убійство челоуѣка“. Черезъ годъ послѣ этого приобрѣтенія, въ 1719 г., четыре Гайворонца, Бор-

1) Чтенія въ общ. Нестора, XIV, отд. III, стр. 162.

2) Акты Ю. З. Р., VII, 94.

3) „Очерки“, с. Гайворонъ.

доносъ, Матвѣенко, Пащенко и Ляшенко, продали ему же, Чарнышу, „дѣдизныя сѣножати“, находившіяся на Бѣловѣжской степи, у вершины р. Остра, за 40 талеровъ.—На этихъ земляхъ Чарнышъ поселилъ, какъ видно будетъ ниже, хуторокъ и началъ было расширять его границы, посредствомъ самовольныхъ захватовъ. Насилія, которыя позволялъ себѣ при этомъ Чарнышъ, были такъ значительны, что уже въ 1720 г. Скоропадскій по жалобамъ Гайворонцевъ, выдалъ въ защиту послѣднихъ—слѣд. универсалъ: „По занесенной отъ Гайворонскихъ войскового и посполитаго стану жителей жалобъ, о почивенихъ имъ, черезъ построеніе тамъ футора п. судіи нашего в. енер., утискахъ, послалисмо двукратне туда на розискъ, где поневажъ, обома розами, показалося, же п. судія ен—ій мало щось тамъ купивши грунту, *болѣз насиліемъ людскіе поля, сѣнокосы и степь*, здавна до Гайворона належній, самъ велѣлъ, а старости его позаѣздили, чрезъ что немалое тамошнимъ Гайворонскимъ людямъ, сталося утѣсненіе. Теди мы, по тихъ розискахъ, приказавши п. судіи ен—му, оттоль зъ Гайворона, новоустроенній свой знести футоръ и пасѣку, и що колвекъ у Гайворонцовъ насилно отвято, все бы тое непременно каждому воспать возвратилъ, впредь не имѣючи туда жадного вступу. Для крѣпчайшого Гайворонцамъ приверненними ихъ грунтами и степу по прежнему владѣнія, велѣли зъ к—ріи войсковой сей нашъ выдать унѣверсалъ, которымъ всѣмъ обще Гайворонскимъ жителямъ, пахатніе и сѣнокосніе ихъ грунта власніе, издавна ими заживаеміи степь и лѣсъ также давній, мірскій, въ безперепонное онимъ ствержаемъ користованне, такъ, аби впредь нѣхто зъ околичнихъ, особливе п. судія нашъ в. ен—ій, знесшися одтоль, якъ и више намѣнилисмо, зъ пасѣкою, зъ футоромъ, самъ и старости его, не важилися уже Гайворонцамъ жадного въ тихъ ихъ грунтахъ и степу—чинити утиску, препятія, озлобленія и найменшой трудности, пилно рейментарско впоминаемъ и приказуемъ“.. (Изъ Глухова, 1 окт. 1720 г.).

Выраженное въ этомъ универсалѣ строгое безпристрастіе Скоропадскаго къ мужу своей падчерицы было явленіемъ совершенно случайнымъ, причины котораго объяснены въ жалобѣ одного Гайворонца Юченка полянной въ 1731 г. гетману

Апостолу: „Въ прошломъ 1720 року, покойній судія ен—й Чарнышъ, къ хутору своему, тогда вновь [на Бѣлыхъ Вѣжахъ занятому, къ селу нашему Г—ну грунта належніе,—позанималъ былъ самоволно, и о томъ я, въ то время атаманомъ Г—скимъ будучи, суплѣковалъ покойному гетману п. Скоропадскому, которая суплѣка, когда послана къ менненному судіи, въ то время онъ (т. е. Чарнышъ) билъ мене за тое кіями нещадно, о чомъ я билъ чоломъ бывшему князю Меншикову¹⁾ и по тому (челобитью) выданъ былъ мнѣ, да Кондрату Пархоменку, за рукою княжою, приказъ, абы намъ разореній и обидъ ни хто не чинивъ, по которымъ (приказамъ) черезъ нѣсколько лѣтъ (насъ) не займано. Да за тѣжь грунта, Чарнышомъ отнятые, билъ я челомъ отъ всѣхъ козаковъ и отъ громады Гайворонской, въ Москвѣ, по которомъ моемъ челобитю и стараню, грунта, помянутымъ судією занятые, всѣ къ селу тогда привернено“...

Изъ этого прошенія Юрченка и видно, что распоряженіе Скоропадскаго о выселеніи Чарныша изъ Гайворона, сдѣлано было по настоянію изъ Москвы, вѣроятно самого Меншикова, хорошо знавшаго о насиліяхъ Чарныша. Но, кажется, что послѣдній окончательно разстался съ Гайворonomъ только послѣ смерти Скоропадскаго, когда въ гетманщинѣ стала распоряжаться Вельяминовская коллегія. Такъ можно думать на основаніи документа, выданнаго Чарнышу тѣмъ самымъ Салогубомъ, который уступилъ ему въ 1718 г., свой „гай“, въ Гайворонѣ, за освобожденіе отъ суда (с. 280).²⁾

¹⁾ Меншиковъ, будучи въ это время въ Малороссіи, проѣзжалъ изъ Нѣжина въ Гадячъ, и такимъ образомъ былъ гдѣ нибудь около Гайворона, при чемъ на дорогѣ, вѣроятно, Гайворонцы и успѣли подать ему жалобу на Чарныша. См. Записки Як. Марковича, 1, 5.

²⁾ Вотъ этотъ любопытный документъ. «Року 1722, мѣс. сентеврія дня 4. Я, Василь Салогубъ, житель Краснокол—ій, чиню вѣдомо симъ моемъ добровольнымъ писаніемъ, и жъ я, будучи виступнимъ за свое печаяное убійство челоувѣка, яко и декретъ опѣваецъ и свѣдчить, которій я выпѣ въ рукахъ своихъ имѣю, получилъ теперь, по своему прошенію негодному, милость, у его мил. велможнаго пана судіи енералнаго, пана Іоанна Чарныша, таковую, и жъ

Послѣ попытокъ Чарныша оселиться въ Гайворонѣ, крестьяне этого села оставались свободными до 1735 г., когда отдавы были кн. Шаховскимъ во временное „послушаніе“, одному изъ членовъ генер. к—ріи, полковнику Гурьеву. Послѣдній владѣль Г—номъ лѣтъ шесть, пока оставался въ Глуховѣ. Засимъ, Г—нъ оставался свободнымъ, пока не выпросилъ его у Разумовскаго владѣлецъ сосѣдней Григоровки, генер. подскарбій Скоропадскій, которому въ декабрѣ 1751 г., былъ выданъ слѣд. универсалъ. „Войск. ген. подскарбій Мих. Скоропадскій доношеніемъ намъ представилъ: въ прошломъ де 1715 г., началъ онъ служить при войскѣ Малороссійскомъ бунч. товарищемъ...

которой я былъ гай ему, за свой поступокъ, подъ Гайворономъ лежацій, далъ изъ записомъ ратушнимъ, нынѣ мнѣ знову приверненъ есть паномъ судією, и который хуторецъ въ самомъ Гайворонѣ стояцій, братъ мой двоюродный Иванъ Салогубъ заставлялъ былъ его жъ велможности панской во вѣчность, за сто золотыхъ, аще бы не уступился до назначенного термѣну, и тотъ мнѣ хуторецъ за всѣмъ полемъ, *по великой своей милости панской, даровалъ*, да еще 50 золотыхъ далъ, чому я нынѣ будучи велце благодаренъ, не повиненъ ни я самъ, ни жена моя, ни дѣти, вѣчными часы, у жадного права и суду ни его велможности панской, нѣ велможной панѣ его, а нѣ благодарныхъ чадъ его панскихъ, турбовати и права изчинати, а се предъ годными и честными людьми—*добримъ словомъ всегда споминати и за ею велм. панскую и весь домъ его панскій—непрестанно Бога прохати*, что для лѣншой вѣри и певности, даю его велм. панской, сіе мое добровольное писаніе при людехъ зацнихъ и вѣри годныхъ, которыхъ я самъ устне просилемъ покорне, на сей же картѣ моей о подпись рукъ ихъ власнихъ. Я Василь Салогубъ сей карти добровольной датель, яко неумѣтний будучи писанія святого, рукою своею власною крестъ святой пишу†». Происхожденіе этого документа можно такъ объяснить: универсалъ Скоропадскаго 1720 г. вѣроятно не былъ Чарнышомъ вточности исполненъ, почему должно быть Василій Салогубъ, по смерти Скоропадскаго, и погрозилъ Чарнышу, что пожалуется Вельямвинову, если имъ не будутъ возвращены всѣ земли, которыя такъ или иначе ген. судья позанималъ въ Гайворонѣ. Бояться такой жалобы Чарнышъ долженъ былъ тѣмъ болѣе, что «гай» отъ этого Салогуба имъ былъ полученъ въ видѣ взятки...

слѣдуетъ перечевъ службъ), а къ препитанію дому своего имѣть въ деревняхъ скудость, для чего просилъ онъ, Ск—ій, о награжденіи его за 37-лѣтнюю службу, во вѣчное владѣніе, для препитанія дому его, въ п. Прилуцкомъ, деревнями свободными, Гайворономъ и Блотницею, нашего рассмотрѣнія.... Того, ради села Гайворонъ и Блотница, въ которыхъ по послѣдней 1751 г. ревизіи, до 50—ти посполитскихъ свободныхъ дворовъ показано, съ принадлежащими къ тѣмъ селамъ грунтами и угодіями, ему, подск. ген. Ск—му опредѣляемъ и во вѣчное и ненарушимое ему владѣніе утверждая, повелѣваемъ^а и проч.

Черезъ 25 лѣтъ, послѣ отдачи Г—на Ск—му, тамошніе козаки, Пархоменко, Горлачь и другіе, въ жалобѣ своей Румянцову, писали слѣд.— съ прошлаго 1751 г., бывшимъ гетманомъ Разумовскимъ умершему Михайлу Ск—му жаловано вѣчно, одному ему, безъ потомства (въ универсалѣ о потомствѣ не было упомянуто...) село Гайворонъ, оставляя козаковъ при своихъ козачихъ волностахъ ненарушимо... Оной же Ск—ій за вступленіемъ во владѣніе, по власти своей, началъ намъ разныя утѣсенія дѣлать и недовольствуясь отданными ему по универсалу, свободными посполитскими грунтами и землями, гдѣ бы помежество имѣлъ коей посполитой зѣмли или злбясь на козака, объявилъ, что за кимъ съ насъ состоитъ яко бы посполитская земля, то безъ всякаго иску и слѣдованія по законамъ, самоправно поотбиралъ, чѣмъ привелъ до того, что съ насъ многіе увѣдавъ, что токмо ему пожелается какаѧ земля и начнетъ наводъ чинить посполитскою, договариваясь чрезъ своихъ приказчиковъ, что ежели не продасть, то безденежно отберуть, многіе съ насъ подъ видомъ доброй волѣ, въ продажу, а нѣкоторыя въ заставу, позавадили, что дѣлалось зъ уступленія оного Ск—го (во владѣніе) мало не по вѣкъ его. А напоследокъ, теперь сынъ оного Ск—го, пр.-маіоръ Яковъ Ск—ій, примѣромъ отца, тоже поотнималъ во многихъ съ насъ самоправно земли; а какъ узналъ, что мы намѣреваемся жаловаться за самоуправство въ судъ, то оной Ск—ій на многихъ съ насъ порознь за разніе земли, а за состояцій подъ владѣніемъ нинѣ е. с—ва гр. Разумовского, состоящей прежде во владѣніи Гайворонскаго общества волній степь, вообще на всѣхъ насъ и разночинцовъ въ с. Г-нѣ жи-

тельствующихъ, прошлаго 1771 г., въ судъ земскій повѣту Ива-
ницкаго, взнесъ иски, уже въ 24-й годъ съ пожалованя, для
одной несвободы. И хотя мы прошлаго мая 25 дня, являсь въ
оной судъ земскій, извиняя себе о волномъ степу прописанными
обстоятельства, а при томъ, что съ написанныхъ по повзу—мно-
гіе козаки и разночинцы состоятъ въ заграничной службѣ, безъ
коихъ въ судъ и по другимъ законнымъ обстоятельствамъ намъ
вступать не слѣдовало, просили увольненія; однакъ оной судъ
земскій, не принявъ отъ насъ никакихъ розововъ, опредѣленіе
учинилъ судъ производить... Имѣя на судъ зазрѣніе, что
по всѣмъ оного Ск—го на насъ искамъ, неотмѣнныя приго-
вори слѣдовать могутъ къ явной нашей волокитѣ и о из-
неможеніи во всемъ, в. в. графск. с—ва низайше просимъ,
чтобы внесеніе на насъ, въ земскій судъ повѣта Иваницкаго,
отъ стороны Ск—го иска въ томъ судѣ напорядочнѣйше были
произведени и рѣшенни, в. милостивое повелѣніе учинить объ
опредѣленіи за насъ депутата зъ прокураторомъ или о перене-
сеніи зъ земскаго Иваницкаго суда, по зазрѣніи нами на при-
судствующихъ, какія ни имѣются на насъ и на всѣхъ Гайво-
ронскихъ разночинцовъ отъ прописаннаго Ск—го, теперь и
впредь могли бѣ имѣтсѣ иски, въ судъ земскій повѣта Ромен-
скаго“ (1775—г., іюня 6) ¹⁾. Мы не знаемъ результатовъ этого
прошенія, но оно хорошо показываетъ—какою тяжелою рукою
ложилось даже и на свободное козацье сословіе, „владѣніе“
такихъ вліятельныхъ державцевъ, какими были ген. подск. Ско-
ропадскій и его сынъ Яковъ... Кр. II. 12 х. А. 13 д. В. 22 д.
В. 69 д. пс. 10 д. Г. ?²⁾ Д. 51 д. 63 х. 8 бл. х. пс. 25 д.
68 х. 28 бл. х. Бз. В. 49 д. Г. ? Д. 53 д. 100 х. пс. 15 д. 30 х.
Црк. Покровъ Б—цы; свщц. Максимъ Левитскій и Несторъ
Яновскій.

¹⁾ «Очерки», с. Гайворонъ.

²⁾ По вѣд. 1753 г. вкрст. въ Г—нѣ показано: 23 д. 23 х. 18 бл. х.
(Скоропадскаго) и мель. влад. (подсосѣдковъ?) 2 д. 22 бл. х. (Изъ нихъ
1 х. «шинкара» Гайворонскаго Ильи Коломійца, и 11 х. у шести
Скоропадскихъ) Кр. въ Г—нѣ въ 1753 г. было—20 д. 38 х.

С. с. Великій и Малый Самборы, рч. Самборъ. Мы не умѣемъ опредѣлить значеніе слова *Самборъ*, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые ученые—на нашъ вопросъ о происхожденіи этого слова,—говорятъ о его быть можетъ румынскомъ происхожденіи... Какъ извѣстно, слово *Самборъ* встрѣчается въ названіи одного изъ старинныхъ городовъ Галиціи, который въ XIII в. былъ разоренъ татарами и взаменъ его, тогда же, возникъ Самборъ „новый“. Устроителемъ этого новаго Самбора былъ воевода Краковскій Шпитко изъ Мельштина, получившій отъ Владислава Ягеллы въ свое владѣніе весь Самборскій „обводъ“. Присоединивъ къ Самборщинѣ часть сосѣдняго Подолья, Шпитко сталъ значительнымъ владѣльцемъ, при чемъ располагая значительною военною силою, былъ однимъ изъ замѣтныхъ участниковъ въ извѣстномъ походѣ Витовта противъ татаръ, въ 1399 г. Извѣстно, что многочисленное войско Литовскаго князя было татарами разбито на берегахъ Ворсклы и почти уничтожено. Тутъ же погибли и Шпитко. 1) Изъ этого свѣдѣнія видно, что жители Галицкой Самборщины несомнѣнно приходили на лѣвый берегъ Днѣпра, участвовали въ битвѣ на Ворсклѣ и были здѣсь частью уничтожены, а частью разсѣяны. Изъ числа этихъ разсѣянныхъ воиновъ Галицкой Самборщины, часть могла остаться на лѣвомъ берегу, найдя здѣсь лучшія условія для жизни, чѣмъ у себя на родинѣ. Такимъ образомъ, лѣвобережный Самборъ, быть можетъ, есть остатокъ кучки случайно попавшихъ сюда Галицкихъ Самборцевъ, перенесшихъ сюда и названіе родного своего города. По времени возникновенія лѣвобережнаго Самбора, основаніе ему могло быть положено Шпитковыми воинами: нашъ Самборъ извѣстенъ уже съ самаго нач. XVI в., если не съ конца XV в. При спорѣ русскихъ съ поляками „за Путивлскій рубежъ“, въ 1638 г., „украинные державцы показывали грамоты короля Александра († 1506 г.) на волость Торговицу и на рыку Самборъ“. 2) Если здѣсь не называется Самборъ, какъ поселеніе,

1) См. монографію о Шпиткѣ (Spytko z Melstyna i ród jego) въ книгѣ *Studia Historyczne*, М. Balińskiego (Wilno, 1856), стр. 189—229

2) Дворцов. Разряды, II, 899.

а только, какъ рѣка, то это потому лишь, полагаемъ, что поселеніе Самборъ составляло часть той Торговицкой волости, которая указываетъ въ собирательномъ видѣ, а *рѣка* Самборъ — потому, что она вѣроятно составляла границу этой волости. ¹⁾

Вотъ наша догадка о происхожденіи лѣвобережнаго Самбора, названіе котораго несомнѣнно сюда занесено и занесено издалека... ²⁾ Послѣ упоминанія лѣвобережнаго Самбора въ грамотѣ короля Александра, объ этомъ поселеніи не встрѣчается затѣмъ извѣстій до полов. XVII в. Можно думать, что Самборъ былъ разоренъ Менгли-Гиреемъ въ к. XV в. и оставался „впустѣ“ пока не былъ обновленъ Вишневецкимъ, въ к. перв. полов. XVII в. По документу Пшездѣцкаго, въ Самборѣ показано 198 господ. ³⁾ По описи 1654 г. значится с. *Самбурцovo* и с. *Самбова*; конечно, это одинъ и тотъ же Самборъ, при чемъ во второмъ названіи видна лишь описка или опечатка. Опись 1654 г. даетъ о Самборѣ такое поясненіе: „село Самборъ на рѣкѣ Борзнѣ, въ верховьѣ; въ томъ селѣ поставлена церковь древняя во имя влмуч. Григорія (т. е. Георгія.“) ⁴⁾ Это былъ теперешній „Малый“ Самборъ, какъ слѣдуетъ полагать изъ нижеслѣдующаго. Въ переписныхъ книгахъ 1666 года показаны два Самбора, Большой и Малый, а затѣмъ преданіе мѣстныхъ жителей, записанное въ 1721 году, говоритъ, что „еще за поляковъ, въ Маломъ Самборѣ жилъ державца панъ Смиличъ (вѣроятно одинъ изъ управляющихъ Вишневецкаго) и

¹⁾ О Торговицкой волости, находившейся въ нѣсколькихъ верстахъ (6—7) отъ теперешнихъ Конотонскихъ селъ Самборовъ, см. Опис. Ст. Малор., II, 238.

²⁾ Существовалъ еще какой то Самборъ въ Кіевщинѣ. Въ книгѣ Похилевича — *Сказ. о насел. мѣстн. Кіевск. губ.* — записано преданіе, что с. Лѣсовичи, Таращ. у., поселено «на мѣстѣ древняго города Самбора, разореннаго неприятелемъ». Если лѣвобережный Самборъ поселенъ задержавшеюся здѣсь кучкою Галицкихъ Самборцевъ, изъ остатка Шпиткового войска, то такимъ же образомъ могъ возникнуть и Кіевскій Самборъ, будучи поселенъ другою кучкою тѣхъ же Галицкыхъ Самборцевъ...

³⁾ Акты Ю. З. Р., X, 811—812.

⁴⁾ Ни въ Б., ни въ М. Самборахъ этого «храма» теперь нѣтъ
См. ниже

тогда уже Самборецъ имѣлъ свои особыя земли“. Послѣ войнѣ Хмельницкаго, Самборцы продолжали владѣть тѣми же землями, при чемъ это село тогда было настолько многолюдно, что „и тое доводится, же сотня Самборская прежде въ Маломъ Самборцѣ бывала; а якъ настали Чигиринскія войны, то одно, за переходами военными великороссійскихъ людей, подѣ Чигиринъ, а другое, за оскудѣніемъ дровъ,—(много жителей) зъ того села, на трактѣ великомъ лежачого,¹⁾ розишлося и только семнадцать хатъ осталось“. ²⁾ Отсюда можно заключать, что теперешній Мал. Самборъ сталъ называться *малымъ*, послѣ того, какъ онъ запустѣлъ послѣ гетманскихъ междоусобицъ, послѣдовавшихъ послѣ смерти Б. Хмельницкаго, (преданіе указываетъ на Чигиринскіе походы, которые свѣжѣе были въ народной памяти въ 1721 г., чѣмъ блужданіе татаръ по Украинѣ въ 1658—663 гг.) причемъ покинувшее Мал. Самборъ (вѣрнѣе—старый Самборъ) населеніе тутъ-же, невдалекѣ отъ „великаго тракта“, въ глухомъ мѣстѣ, основало другой Самборъ, который, имѣя въ 1666 г. 32 двора (крестьянъ), назывался уже *великимъ*, въ отличіе отъ стараго, въ то же время имѣвшаго только 13 двор. (крестьянъ) и потому названнаго *малымъ*.

Самойловичемъ Мал. С—ръ былъ отданъ Мазепѣ, бывшему тогда гетманскимъ „дворяниномъ“, а когда Мазепа самъ сталъ гетманомъ, то присоединивъ къ М. С—ру два села,—Вел. Самборъ и Корибутовъ, онъ образовалъ особое Самборское староство, вошедшее въ составъ Батуринской волости. Главною статьею дохода съ этого староства, повидимому, было сѣно, которое накашивалось на Самборскихъ степяхъ для гетманской конюшни. Послѣ смерти Скоропадскаго, Самборское староство поступило въ распоряженіе Вельяминовской коллегіи, пока въ 1726 г. Батуринская волость не была выпрошена Меншико-

1) Этотъ «великій трактъ» соединялъ тогда сѣверную Малороссію съ южною и—въ XVIII в. былъ обращенъ въ почтовую дорогу, по которой ѣздили изъ Стародуба и Глухова въ Переяславъ (См. Кратк. Геогр.), полн. и историч. изв. о М. Россіи, В. Рубана (Спб., 1773) стр. 45.

2) «Очерки», Села Вел. и Мал. Самборы.

вымъ у Екатерины I. Новый владѣлецъ нашель хозяйство въ этой волости, повидимому, сильно запущеннымъ, потому что немедленно назначилъ сюда управляющимъ самаго расторопнаго изъ своихъ прислужниковъ, Андрея Гудовича. 1) Новый управляющій прежде всего поперемянялъ во всей волости старость, при чемъ въ Самборѣ поставилъ старостою Кальницкаго. Заводевъ новые порядки, Гудовичъ первый наложилъ руку и на Самборскихъ козаковъ, которыхъ до того гетманскіе приказчики не трогали. Но Гудовичъ не долго распорядился новымъ владѣніемъ своего патрона; въ 1727 г. Меншиковъ палъ и Батур. вол. взята была въ казну. Въ слѣд. 1728-мъ году Самборскіе козаки, „до дворца Самборскаго належныя“, жаловались Апостолу: „въ прошломъ 1726 г., когда отписано село наше Самборъ на кн. Меншикова, въ то время п. А. Гудовичъ поставилъ въ ономъ селѣ старостою Сем. Калницкаго, который намъ превеликія обиды и нещадные побои чинить“... Засимъ самборцы перечисляли рядъ обидъ, заключавшихся въ отнятіи „грунтовъ“ и разнаго рода насиліяхъ надъ козаками, при ихъ работахъ около „дворца“. 2) Называя себя „козаками належными до дворца“ (Самборскаго), жалобщики тѣмъ же самымъ указывали, что они уже въ то время находились въ положеніи близкомъ къ крестьянству. Окончательное превращеніе козаковъ Самборскаго староства въ крестьянъ совершилось мало-по-малу, подъ давленіемъ самовластия тамошнихъ старость, изъ которыхъ Кальницкій и его преемники, Илейко и Пучковскій, пользовались почти безграничною властью, заручившись благорасположеніемъ членовъ „министерскаго правленія малороссійскихъ дѣлъ“, для которыхъ изъ Самборовъ удѣлялась немалая часть разнаго рода сельскихъ продуктовъ.

Экономическій упадокъ Батуринской волости достигъ наконецъ такой степени, что Глуховское „министерское правленіе“ вынуждено было представить объ этомъ въ Петербургъ. Оттуда былъ присланъ новый управляющій въ лицѣ ген.-майора Юрія Вейсбаха,

1) См. о немъ Опис. Стар. Малор., I, 279 и слѣд.

2) „Очерки“, с.с. В. в М. Самборы.

который энергически принялся за Батуриное хозяйство, причемъ въ Самборскомъ ст—вѣ открылъ большія злоупотребленія старосты. 1) Изъ произведенной по распоряженію Вейсбаха описи этого ст—ва видно, что въ 1740 г. въ В. Самборѣ было крестьянъ—57 дв. и „придворныхъ описныхъ подданныхъ козачьихъ“—59 д., а въ М. Самборѣ: крест.—20 дв. и „поддан. козачьихъ“—39 дв. Крестьяне платили денежный налогъ отъ головы рабоч. скота, по 20 к. и, кромѣ того, по 1½ четверти овса (при чемъ за этотъ овесъ можно было платить деньгами по 21 к.); да кромѣ того, каждый дворъ долженъ былъ поставлять разную птицу, которая тоже могла быть замѣняема деньгами: гусь и каплуны по 6 к., а утка по 3½ к. „Пѣшіе“ платили отъ двора по 10 к. и за овесъ по 15²/₃ к. Всѣ эти платежи полагались сверхъ личныхъ работъ. „Козачьи подданные“ несли повинности особаго рода: „всякія услуги исполняли до дворца В. Самборскаго,“ а въ Батуриной к—ри „употреблялись для разсылки писемъ“.

Ознакомившись съ Самборскимъ ст—вомъ, Вейсбахъ устроилъ здѣсь конный заводъ, назначенный для ремонта конной гвардіи, причемъ управляющимъ завода былъ назначенъ поручикъ этой гвардіи ф. Лоссовъ. Для расширенія завода, къ Самборскому староству присоединены были свободныя земли сосѣднихъ сель, а съ ними вмѣстѣ и крестьяне этихъ сель, оставшіеся еще свободными отъ частнаго владѣнія. Такимъ обра-

1) Свои злоупотребленія старосты прерывали разными „обсылками“ Глуховскихъ властей. Самборской войтъ наур. рассказывалъ Вейсбаху, что староста Пучковскій раза по-два и по-три въ годъ собиралъ у Самборскихъ „подданныхъ“ молодыхъ „баранцовъ“, которыхъ затѣмъ и отсылалъ въ Глуховъ, а кому—онъ не знаетъ. Пучковскій пояснѣлъ, что овецъ онъ посылалъ въ Глуховъ—тамошнимъ „министрамъ“, по ихъ требованію: кн. А. И. Шаховскому и князю Н. Ф. Барятинскому, да отсылалъ еще ягнятъ въ Кіевъ къ „генеральшѣ“ А. И. Румянцова. Овчары казенныхъ овецъ показали, что изъ тѣхъ овецъ они отогнали въ маѣтностъ Мишыха—200, да генерала А. И. Румянцова присланному изъ с. Кучеровки (ок. Глухова), отдали 170 овецъ... Оказалось также, что на Самборскихъ степяхъ вынашивались лошади и скотъ кн. Барятинскаго и А. И. Румянцова...

зомъ къ Смб—му ст—ву были присоединены: с.с. Дептовка, Голенка, Дмитровка, Рябухи и друг. Послѣ отдачи Батуринской волости во владѣніе пов. гетмана Разумовскаго, Смб—іе козаки пробовали было возвратиться въ прежнее состояніе, но безуспѣшно ¹⁾.

В. Самборъ. Кр. П. 32 х. А. 106 д. В. ? В. 67 д. Пс. 4 д. Г. 50 д. 62 х. Пс. 5 бд. х. Д. вмѣстѣ съ бывш. козак., 158 д. 266 х. 2 бд. х. Кз. по вѣд. 1740 г. не показаны, а по вѣд. 1753 г. („придворныхъ козаковъ, т. е. бояръ, которіе къ дворцу В. Самборскому служатъ и повинности отбываютъ“) ихъ было 49 д. 49 х. 46 бд. х. Цркв. свят. Николая. Свщц. Федоръ Тимошевскій и Антонъ Андріевскій.

М. Самборъ. Кр. П. 13 х. А. 42 д. В. ? В. 49 д. пс. 4 д. Г. 23 д. 34 х. Д. вмѣстѣ съ бывш. козак. 104 д. 178 х. Кз. по вѣд. 1740 г., также вѣтъ, а по вѣд. 1753 г. (подъ тѣмъ-же названіемъ „придворныхъ)—8 д. 8 х. 51 бд. х. Цркв. Покрова Б—цы. Свщц. „настоятель“ Михаилъ Фотинскій и „викарвій“ Иванъ Андріевскій.

1) Изъ предложенія гр. Румянцева Млрск. коллегіи, 1779 г., видно, что „по искательству“ этихъ козаковъ „изъ подъ владѣнія гр. К. Г. Разумовскаго, производимы были слѣдствія въ судѣ генер. и въ 1765 г. рѣшено о бытіи имъ и инымъ попрежнему козаками и о выключеніи изъ подданства, и что на оное рѣшеніе отъ стороны економіи его с—ва (т. е. Разумовскаго) апелляціи не подано; а (но) они (б. козаки) употребляютъ ею (экономіей) въ подданническіе повинности и разнообразно угнетаются, о чемъ хотя и подано отъ нихъ въ Млрск. коллегію доношеніе, но г.г. члены отказываются отъ присутствія по сему дѣлу, то свойствомъ, то иными предлогами“. Указывая эти обстоятельства, Румянцева „рекомендовалъ коллегіи—доношеніе бывш. козаковъ рассмотреть и учинить опредѣленіе согласное съ законами“, добавляя, что члены могутъ отводить себя только по законнымъ причинамъ, а не по своему желанію. Знаемъ, что исканія бывш. козаковъ кончились ничѣмъ, хотя намъ и не извѣстно рѣшеніе коллегіи по предложенію Румянцева. См. „Очерки“, Самборы.

С. Коробутовъ, „между двухъ рѣкъ, Торговицы и Ромна“, поселенъ, какъ видно и изъ названія, однимъ изъ Вишневецкихъ, вѣроятно Константиномъ, который во время своего опекуинства надъ Іереміей В—имъ, заселялъ и укрѣплялъ восточную границу имѣній послѣдняго отъ Московскаго государства. По документу Пшездѣцкаго въ К. было 600 „господ.“, а по „Рестрамъ“ 1649 г. К. показанъ центромъ особой сотни. При перѣздѣ чрезъ К. патр. Макарія, племянникъ его отмѣтилъ, что „маленькій базаръ (поселеніе) Карабута окруженъ двумя большими болотистыми озерами“; въ видѣ послѣднихъ представлялись путешественнику конечно рѣчки Торговица и Ромень, какъ видно заболоченные уже и тогда. Упоминаетъ Павелъ Алеппскій и о Крб—ой церкви: „насъ ввели въ благолѣпную, большую, высокую церковь, вновь построенную, еще не освященную“, причемъ церковь была, по просьбѣ жителей, освящена Макаріемъ, въ честь св. Николая. (Прв. Муркоса, П, 93). Любопытно указаніе Павла Ал—аго, что К. составлялъ послѣдній предѣлъ земли козаковъ, а за нимъ—уже не было (до Путивля) поселеній: «однѣ покинутыя земли, развалины и необработанныя земли».

Переписывая въ 1666 г. населеніе К. и двухъ сосѣднихъ сель, Фесевки и Гирявки, московскіе переписчики добавляють: а „угодей въ мѣстѣчкѣ въ К—вѣ и въ селахъ—рѣкъ и озеръ, и мелницъ и руда (?), и пасекъ и иныхъ никакихъ угодій и заводовъ, ничего нѣтъ, потому что разорено отъ воинскихъ людей“. Упоминаемое разореніе происходило конечно при Выговскомъ и Ю. Хмельницкомъ.—Послѣдующая судьба К. была во всеиъ одинакова съ исторію обоихъ Самборовъ, т. е. К. вошелъ въ составъ Самборскаго староства, при чемъ Корб—скіе козаки обращены были въ крестьянъ и поступили во владѣніе К. Разумовскаго, въ составѣ Батуринской волости. Кр. П. 18 х. А. 36 д. В. ? . В. 38 д. пс. 1 д. Г. 29 д. 33 х. пс. 2 д. 2 х. Д. 59 д. 89 х. пс. 2 бд. х. (вмѣстѣ съ б. козаками). Кз. В. ? . Г. 23 д. 30 х. Црк. свят. Николая. Свящ. Захарій Стефановъ.

С. Гирявка, „руда“ Торговица, ¹⁾ поселена, повидимому, въ пол. XVII в., такъ какъ раньше этого времени она не упоминается.²⁾ Поселена Г. На земляхъ Корибутовскихъ и, какъ кажется,—Корибутовцами *Гиренками*, которые еще и въ 1691 г. продавали находившіяся тутъ свои земли заднѣпровцу Юрію Харевичу, оселившемуся около Г—ки хуторомъ.³⁾ Г. оставалась свободнымъ селомъ до 1689 г., когда была отдана Мазепою какому то Радичу: „респектомъ чирствыхъ и рейментови нашему зичливыхъ у Войску услугъ и. Тимофѣя Радича, тов. войск., надалисмо ему и тимъ унѣверсаломъ нашимъ надаемо, до ласки наше войсковое, селце Гирявку, въ ключу Краснянскомъ лежачое. А такъ пилно мѣти хочемъ и рейментарско приказуемъ, жебы ему Радичу въ владѣнью селца оного Г., ништо зъ старшини и чернѣ не чинилъ перешкоды, а войтъ зъ посполитими людьми, абы ему въ кошениу сѣна и во всякихъ ко вспартю его господарскому потребныхъ дѣлехъ належитое отдавалъ послушенство и повинность обиклюю; козаки однако въ томъ селцѣ мешкаючіе и услуги войсковіе отправуючіе, мають быти заховани при належныхъ своихъ войсковыхъ волностехъ, тое варуемъ пилно...“

Радичъ по происхожденію былъ, кажется, сербъ, судя по фамиліи. Прибывъ въ гетманщину, онъ оселился въ с. Старой (Котопск. сотни) и сталъ тутъ скупать земли.⁴⁾ Въ актѣ 1681 г. онъ называется „славетнымъ паномъ“, слѣд. человекѣмъ, имѣвшимъ уже извѣстное положеніе; не занимая никакого уряда, онъ писался войск. товарищемъ и состоялъ „при боку“ гетмана, для исполненія разныхъ порученій.⁵⁾ Какъ видно, Р—чъ умѣлъ угодить Мазепѣ и не смотря на свою незначительную роль, успѣлъ получить населенную маетность. Передъ переселеніемъ въ Г—ку, Р. женился на дочери будущаго Прилуцк. полковника Носа, Ме-

¹⁾ Въ Румянц. оп.—«с. Г. при рудѣ, называемой Торговицѣ, на мѣстѣ низкомъ, при небольшой отъ полуденной стороны горѣ».

²⁾ См. упоминаніе о Гирявкѣ Опис. Стар. Малор., II, 392.

³⁾ Записки Черниг. Ст. Комит., II, 296.

⁴⁾ См. Обзор. Румянц. Описи, стр. 230 и 257.

⁵⁾ Записки Черниг. Стат. Комит., II, 297.

ланьѣ, которая въ это время была вдовою послѣ смерти перваго своего мужа, какого-то панка Быстрановскаго, оставившаго послѣ себя въ Старой значительное количество грунтовъ, которые вѣроятно и привлекли вниманіе Р. къ его вдовѣ.—Ставъ Гиравскимъ державцею, Р. прежде всего началъ скупать здѣсь разнаго рода земли („сѣножати, перелѣски, поля робочіе“), которыхъ, какъ видно, въ его маестности на долю державцы приходилось мало. При разслѣдованіи, послѣ смерти Радича, количества купленной имъ земли, оказалось, что послѣдней „вынашлось волокъ сто“²⁾ Интересно, что Р. покупалъ земли не только у козаковъ, но и у крестьянъ, т. е. у своихъ „подданныхъ“, изъ чего хорошо видны тогдашнія отношенія къ послѣднимъ ихъ державцевъ.³⁾ Послѣ измѣны Мазепы, Р., какъ и всѣ тогдашніе державцы, оставшіеся „вѣрными, въ тотъ же годъ (1708 г.) выхлопоталъ себѣ у новаго гетмана подтвердительный универсалъ на Г—ку; кромѣ того Р. умѣлъ выпросить у него же,

1) Тамъ же, стр. 298.

2) Въ «уволокъ» обыкновенно считалось 12 десятинъ.

3) Приводимъ здѣсь одну изъ купчихъ на лѣсъ въ с. Г—кѣ, купленный Р—чемъ несомнѣнно у одного изъ своихъ «подданныхъ», такъ какъ продажа была заявлена не *атаману*, а *войту*, т. е. представителю крестьянъ. «Року 1694, мѣя апрѣля дня 22. Передо мною Хвескомъ Петренкомъ, на тотъ часъ бывшимъ войтомъ Гиравскимъ, и при мнѣ сидящихъ людей заднихъ и вѣри годнихъ, жителей Гиравскихъ на имя: Грицка Цѣпка, Сидора Саенка, Матвѣя Логвиненка, Ивана Вилдѣя, Гаврила Ничипоренка, Левка Шила и иныхъ было не мало и того прислухающихся, ижъ ставши очевисте пзрава трѣзвий, не подпилий, на имя Назарь, сестренець небожчика Микити Палчика, омовидался намъ, ижъ продалъ хату с плецемъ и с полемъ небожчика Микити Палчика, ему присуженую предъ судомъ войск. евералнимъ, за суму певную копъ 10, а особливе лѣсъ и сѣножать Палчиковскую за 40 золотихъ и за клячь з лошамъ, славетне урожоному его млти пну Тymoфѣю Радичу, державцы Гиравскому, на вѣчыы часы... Дѣялося в селѣ Гиравци, року и дня вишей писанного». «Писарь того декрета Антонъ Косинскій, дякъ Гировскій». (Съ *подлинника*). Лѣсъ называемый Пальчиковскій—находится и нынѣ во владѣніи наслѣдниковъ Радича.

въ добавокъ еще и „селце Старое, где и хуторъ его найдется“. Въ слѣд. году (1709 г.) Р—чь умеръ, оставивъ пять дочерей и внуку, отъ шестой дочери, умершей. Всѣ дочери выданы были замужъ еще при жизни отца: Марья—за Кр.-Колд. сотника Лащинскаго (с. 237), Ульяна—за б. тов. Максима Антоновича, Анна—за Кр.-Колд. козака Зуба, Настасья—за Ковтопск. мѣщанина Тищенка и Марина—за Гиравскаго дьяка Фому. Персональ этихъ зятей показываетъ, что „державный панъ Гиравки“, какъ подписывался Р—чь, долженъ былъ породниться съ людьми, ниже его стоявшими, вслѣдствіе своей малоимущественности, которая, конечно, не привлекала жениховъ болѣе видныхъ.—По смерти Р—ча всѣмъ имѣніемъ стала распоряжаться его вдова, при помощи зятя Лащинскаго. Послѣдній въ 1717 г. лишился сотничества (с. 238), а вмѣстѣ съ нимъ и урядоваго села Попарь. Послѣ этого Л—ій обратился къ гетману съ просьбою—утвердить за нимъ Г—ку, какъ „тестевское село“ и получилъ тогда же (1717 г.) универсалъ, по которому Скоропадскій отдалъ это село Л—му „въ зуполное владѣніе“, „респектуючи на войсковое услуги“ его. Не смотря на наличность другого у Радича зятя, также несшаго войсковую службу, Антоновича, Г. оставалась въ исключительномъ владѣніи Лащинскаго до его смерти, а послѣ смерти Л—аго въ 1719 г., вдова его выпросила у гетмана слѣд. универсалъ: „мы, гетманъ, прошенію еи, п. Маріи Леонтьвой Л—ой, давши у себе мѣстце, а мѣючи въ свѣжой памяти войсковые покойного п. Л—ого услуги... велѣли сеи нашъ унѣверсалъ выдати, позволяючи еи, п. Л—ой, помянutoю Г—кою владѣти“. Но послѣ выдачи этого универсала, заявили свои претензіи на „тестевское“ село и другіе зятя Р—ча. Въ 1721 г., между наслѣдниками послѣдняго состоялось слѣдующее соглашеніе: Лащинской уступлена была вся жалованная Г. рявка, въ виду издержекъ понесенныхъ ея мужемъ при судебныхъ процессахъ съ пасынкомъ Р—ча Быстрановскимъ, за Радичевскія имѣнія, а всѣ земли, купленныя Р—чемъ—раздѣлены были на шесть частей, для пяти дочерей и шестой внучки Р—ча. Противъ этого раздѣла наслѣдники Р—ча не спорили пока живъ былъ Скоропадскій, который видимо покровительствовалъ Лащинскимъ, но затѣмъ зять Антоновичъ первый началъ въ

судѣ споръ, доказывая, что Г., какъ утвержденная за Р—чемъ царскою грамотою, должна быть раздѣлена между всѣми его наслѣдниками поровну. Хотя генер. судъ и отказалъ Антоновичу въ его домогательствѣ, но въ 1740 г. это рѣшеніе было генер. к—ріей отмѣнено и велѣно было ~~с.~~ Г—ку „съ полями пахатными, раздѣлить на пять персонъ, дочерамъ Т. Р—ча“. Но такъ какъ двѣ изъ этихъ дочерей, Настасья и Марина, выйдя замужъ за „простыхъ людей“, не имѣли права владѣть „шляхетскими добрами“, то ихъ части были раздѣлены между остальными тремя сестрами, а Марина и Настасья получили деньги. 1) Но и послѣ этого Антоновичъ долго еще спорилъ съ Лашинскими (вдовою Леонтія и ея сыномъ Петромъ), а когда умерли старики, то споръ продолжался между Петромъ Л—мъ и сыномъ Антоновича, Павломъ. Споръ усложнился тѣмъ, что мачеха послѣдняго (вышедшая замужъ за Григорія Костенецкаго) уговорила пасынка выдать ей какую-то „бумажку“ на принадлежавшую ему часть Гиравки. Не давая никакого значенія этой „бумажкѣ“, Лашинскіе по смерти Павла Ант—ча, завладѣли его частью Г—ки, изъ-за чего возникъ многолѣтній процессъ между Лашинскими и Костенецкими, кончившійся чуть не полнымъ разореніемъ первыхъ. Между прочимъ, Лашинскіе, желая спасти отъ Костенецкихъ свое Гиравское имѣніе, „умышленно“ распродали его разнымъ своимъ сосѣдямъ-пріятелямъ, чѣмъ и объясняется появленіе въ к. XVIII в. въ Гиравкѣ новыхъ владѣльцевъ. Кр. П. 17 д. А. 27 д. В. 26 д. В. 48 л. пс. 2 д. Г. 40 д. 47 х. пс. 5 бд. х. Д. 70 д. 96 х. пс. 1 бд. х. Кз. В. 17 д. Г. 18 д. 23 х. Црв. Покрова Б—цы. Свящ. Никита Чернышевъ. Въ опис. Г—ки 1780 г. значитъ: „лежитъ при болотѣ“; коз. 18 д. 56 х.; кр., ст. сов. Жоравки, 3 д. 4 х.; б. тов. Петра Лашинскаго, 14 д. 21 х., судьи Петра Базиловича, 2) 25 д. 37 х.; в. тов. Якова Соколовскаго, 18 д. 21 х.; козака

1) Подробности см. въ Записк. Черниг. Стат. Комит., II, 309.

2) Подробности процесса Лашинскихъ съ Костенецкими, см. тамъ же.

3) Вислѣдствіи Конотопскій городничій.

Шкитка Радича, ¹⁾ 10 д. 13 х.; свящ. сына Ант. Голубицкаго, 1 х. подс.

С. Куриловка, рч. Торговица, въ перв. пол. XVII в. не упоминается; слѣдуетъ поэтому думать, что К. возникла только во втор. пол. этого вѣка,—вѣроятно же всего—во время правобережной „руины“, такъ какъ и по описи 1666 г. она еще не значится. Очень мож. б., что К. поселена выходцами изъ правобережной Куриловки (Каневск. у.), перенесшими сюда названіе прежняго своего поселенія. Въ 1688 г. К. была отдана Мазепю правобережному выходцу, бывшему Корсунскому полковнику Федору Кандибѣ, за которымъ утверждена была и царскою грамотою, въ 1690 г. ²⁾ Бр. А. 37 д. В. 23 д. В. 47 д. Г. 45 д. 52 х. Д. 64 д. 82 х. Пс. 5 бл. х. Кз. В. 4 д., а затѣмъ ихъ вѣтъ, потому, конечно, что земли ихъ были Кандибами „скуплены“. Црк. Рождества Б—цы. Свящ. Лука Рудаковъ. По опис. Пащенка, въ К. показано „подданныхъ“ б. т. Данила Кандибы, 64 д. 84 х. и Курил. свящ. подсос.—5 х.

Д. Шпотовка, болото р. Ромна, образовалась изъ Куриловскаго выселка и получило названіе по прозвищу крестьянъ Шпотъ, первыхъ ея насельниковъ.

Д. Капитановка, бол. р. Ромна, поселена однимъ изъ Кандибъ (Василіемъ) во втор. пол. XVIII в. и названа такъ по капитанскому чину ея основателя.

С. Пекари, р. Ромень, въ перв. полов. XVII в. не упоминаются; вѣроятно, что П. поселены вмѣстѣ съ Куриловкою, — того же времени же выходцами изъ *сосѣдняго съ правобережною Куриловкою села Пекарей* ³⁾. Первымъ державцею Пекарей былъ таковой же правобережный выходецъ какъ и Кандиба—Ива Ли

1) Что это былъ за Шкитко Радичъ, видимо связывавшій себя съ первымъ Гирявскимъ державцею, мы не нашли объясненій.

2) О Кандибахъ и ихъ переселеніи съ прав. берега на лѣвый см. Опис. Ст. Малорос., II, 184 и слѣд. О вѣроятности основанія Куриловки выходцамъ изъ Каневской Куриловки см. ниже, с. Пекари.

3) Село это находится верстахъ въ 10-ти отъ Канева, но принадлежитъ къ уѣзду Черкасскому.

сица, бывшій передъ тѣмъ Брацлавскимъ полковникомъ. На лѣв. берегу Лисица получилъ отъ Самойловича охочепѣхотное полковничество и с. Пекари. Въ 1685 г. Лисица былъ посылаемъ гетманомъ въ Константинополь для переговоровъ съ тамошнимъ патриархомъ о подчиненіи Киевск. митрополіи Московскому патриарху. (Солов., кн. Ш, 1000). При Мазепѣ Лисица также пользовался значеніемъ. Онъ оставилъ двѣ дочери, изъ которыхъ одна, Марья, была замужемъ за Городницкимъ сотникомъ Андреемъ Стаховичемъ, а друга—за бунч. тов. Вас. Дорошенкомъ. Между этими двумя дочерьми и были раздѣлены П. Часть П., доставшаяся Стаховичамъ, была раздѣлена вдовою Андрея Стаховича, въ 1731 г., между двумя ея сыновьями, Андреемъ и Григоріемъ, по духовному завѣщанію, такъ: „Половину грамотного ¹⁾ села Пекаровъ з дворцемъ моимъ владѣльческимъ, мнѣ по родителяхъ моихъ в наслѣдіе доставшуюся, всю сполна въ мужикахъ, въ степу и во всѣхъ угодіяхъ, безъ остатка, старшому синовѣ моему Андрею легую по смерти, а по жизнь мою она половина П—въ при мнѣ, зъ синомъ меншимъ Григоріемъ, быть повинна въ владѣніи. Также въ с. П—хъ млинокъ вешнякъ, коштомъ его Андрея устроенный, отъ нынѣшняго времени на вѣчное ему поручаю владѣніе“. ²⁾ Другая половина П—рей принадлежала Василию Андреевичу Дорошенку. Кр. А. 20 д. В. 42 д. В. 22 д. Г. 27 л. 27 х. (Андр. и Григ. Стаховичей и Вас. Дорошенка). Д. 84 д. 105 х., б. тов. Ивана и Петра Стаховичей и пс. 3 бд. х. Пекар. свящ. Степана Рублевскаго.

Въ опис. 1780 г. „с. П. Лежитъ на лѣв. бер. рч. Ромна и особо сего имѣется тамъ притокъ, на коемъ плотинъ 3 и на нихъ амбара“. Црк. Покрова Б—цы. Свящ. Степанъ Никитинъ (Рублевскій?),

„Слободка“ Савинцы, рч. Ромень, поселена ок. 1730 г. Марьей Стаховичъ, какъ объ этомъ значится въ ея завѣщаніи;

¹⁾ Т. е. укрѣпленнаго царскою грамотою. Такия маестности назывались иначе—«грамотальными».

²⁾ Духовное завѣщаніе Маріи Стаховичъ, въ подлинникѣ, въ наш. б—бѣ.

сказавъ о П—ряхъ, она говоритъ, что тамъ же „на грамотномъ степѣ Пекаровскомъ, надъ рудкою Ромномъ, осаженная мною слободка, прозваніемъ Савинки“, послѣ ея смерти должна перейти къ сыну ея Григорію. Къ к. XVIII в. С—цы перешли къ Дорошенкамъ, вѣроятно взамѣнъ принадлежавшей имъ части въ Пекаряхъ, которые въ то время уже всецѣло принадлежали Стаховичамъ. Въ 1780 г. въ С. показано крест. б. т. Дорошенка 12 д. 17 х. 3 бд. х.

„Слободка“ **Базилровка**, рч. Ромень, поселена одновременно съ Савинцами, на другомъ берегу, Вас. Дорошенкомъ, по имени котораго и названа. О поселеніи Б. тамошній крестьянинъ въ 1731 г. такъ рассказывалъ: „жилъ я прежде въ Смѣломъ (Ром. у.), а потомъ слышачи, что п. Вас. Дорошенко заываетъ на слободу, на три года, въ слободку свою Базилровку, и я перешелъ туда въ готовый домъ, понеже тамъ много было дворовъ пустыхъ.“¹⁾ Поселяя Б., Дорошенко прихватилъ къ ней немало земли, которую Кандибы считали Куриловскою. Споръ за эту землю между Кандибами и Дорошенками длился чуть не до конца XVIII в. Кандибы жаловались на угрозы Дорошенка, что „пока де ояъ у К—бъ степу не отниметь, до тѣхъ поръ „валчиты“ (спорить, тягаться) съ ними не перестанеть;“ а Д—ко, въ свою очередь, жаловался, что Вас. К—ба деревню его Базилровку въ конецъ разорилъ тѣмъ, что многихъ мужиковъ изъ той д. Б—ки въ Куриловку „свободно жить перезываетъ.“²⁾ Въ 1780 г. въ Б—кѣ показано 19 д. 21 х. 1 бд. х.

„Слободка“ **Вороновка**. По вѣд. 1753 г. въ ней показано: 8 д. 8 х. 16 бд. х., а по вѣд. 1780 г.—16 д. 18 х. 2 бд. х., при чемъ владѣльцемъ показанъ б. тов. Стороженко.³⁾

1) «Очерки», д.д. *Савинцы и Базилровка*.—При поселеніи слободъ, «державцы» почти всегда предварительно заготовляли для пришельцевъ хаты.

2) См. тамъ же.

3) Другихъ свѣдѣній объ этой слоб—кѣ мы не нашли и потому не можемъ объяснить какъ попало сюда владѣніе Стороженка и котораго изъ нихъ.

„Слободка“ Юровка, „притокъ безыменный“, поселена въ перв. полов. XVIII в., какъ видно изъ слѣд. жалобы Роменск. протопопа Евстафія Стефановича, 1748 г.,—„имѣется у меня въ полку Прилудкомъ, въ сотнѣ Кр.—Коляд., въ поляхъ с. Корибутова, на яру зовомомъ Глубокомъ, отческій мой футоръ, съ полемъ, прудомъ, млиномъ и двома въ немъ колесями; онимъ футоромъ владѣль отецъ мой пресвитеръ Крб—ій Стефанъ Ивановичъ, а по смерти его, братъ мой, попъ же Крб—ій Іоаннъ Стефановъ, спокойно по 1740 г. владѣль; а въ 1740 г., по смерти Іоанна Стефанова, который бездѣтенъ умре, когда бывшій г.-м. Юрій Вейсбахъ имѣлъ въ дирекци—волости описныя, то оный футоръ мой по единой тому причинѣ, что онъ смеженъ съ описными волостми, насилно и нападочно отнялъ отъ меня, и нѣсколько дворовъ вблизиности того моего футора, на свое имя назвавъ Юревою, слободою населилъ“. ¹⁾ Присоединенная къ Самборскому староству, Юровка затѣмъ поступила во владѣніе Разумовскаго. Въ 1780 г. въ ней показано крест. 47 д. 71 х.

С. Фесевка, „на лѣв. стор. рч. Ромна, въ чистыхъ поляхъ“, возникла не позже полов. XVII в., вѣроятно изъ какого-нибудь Корибутовскаго выселка. Ф. была свободна до 1713 г., когда отдана была Скоропадскимъ „на вспарте гѣсподарства“, Конотопскому стн—ку Костенецкому, въ родѣ котораго затѣмъ и остались. ²⁾ Кр. П. 5 д. А. 26 д. В. 51 д. В. 69 д. Г. 26 д. 60 х. Д. 45 д. 58 х. пс. 3 д. 5 х. 1 бд. х. Кз. В. 13 д. Г. 10 д. 14 х. пс. 3 бд. х. Д. 5 д. 9 х. По опис. 1780 г. показаны слѣд. владѣльцы крестьянъ: б. т. Григорій Костенецкій, 12 д. 15 х.; в. тов. Алексѣй Кст—ій, 13 д. 16 х.; в. тов. Іоасафъ Кст—ій, 4 д. 5 х.; дѣти умерш. Конотопск. сотн. Федора Кст—аго, 11 д. 16 х.; дѣти ум. в. тов. Мойсея Кст—аго, 5 д. 6 х. Пс. свящ. Фесевк. Федора Андреева 2 д. 4 х. Црк. пресв. Троицы. Свящ. Федоръ и Петръ Андриевскіе.

Слоб. Кошары, „въ прав. стор. отъ рч. Ромна, у протока, неимѣющаго названія“ (1780 г.), возникли около овечьихъ сара-

1) Тамъ же, д. Юровка.

2) Тамъ же, д. Фесевка.

евъ, наз. по-малорос. *кошарами*. Овечьи стада были здѣсь завезены при Меншиковѣ, для чего и была отдѣлена значительная часть степи, принадлежавшей въ с. Дептовкѣ. При Вейсбахѣ овцеводство было замѣнено коневодствомъ, причемъ для выпаса табуновъ захватъ Дептовской степи былъ увеличенъ; въ 1740 г. вся захваченная степь простиралась въ длину до 14-ти верстъ, а въ ширину—до 3-хъ. Послѣ уничтоженія конскаго завода (с. 290), около хутора остался обширный пустырь, привлечшій въ себѣ населеніе, при чемъ и образовалась слобода, получившая названіе *Кошарь*. Во время Румянцовской описи, здѣсь было 41 хата, изъ которыхъ только у половины были дворы, а остальные хаты были—бездворныя, слѣд. заняты бѣдняками, не имѣвшими никакого скота. Изъ переписи 1780 г. видно, что первымъ поселенцемъ въ К. былъ Дептовскій козакъ Василій Сайно, пришедшій сюда въ 1730 г. ¹⁾ По опис. 1780 г.—„подданныхъ“ гр. Разумовскаго, 61 д. 84 х., 3 „конюшенныхъ хатъ“, 17 „конюховъ изъ подданныхъ—хатъ“.

С. *Дептовка*, лѣв. бер. рч. Ромна, возникла ок. половины XVII в., вѣроятно изъ выселка В. Самбора. находящагося напротивъ, чрезъ рѣку. Д. оставалась свободною до 1708 г., когда выпрошена была, вслѣдъ за измѣною Мазепы, тогдашнимъ Конотопскимъ сотникомъ Костенецкимъ, который при этомъ получилъ слѣд. любопытный универсалъ Скоропадскаго: „Супплѣковалъ до насъ п. Григорій *Воловатый*, сотникъ Конотопскій, просячи, обысемо надали ему село въ сотнѣ Краснянской Дептовку.. Респектуючы, якъ на его мененного сотника Кятпск—го зруйноване добрь чрезъ проходъ неприятельскій войскъ шведскихъ, такъ и на заслуги.. надаемъ ему с. Д. Дань въ *Лебединѣ, дек. 11 дня, року 1708.*“ Затѣмъ слѣдуетъ подпись: „въ Подлипномъ. Звышменованный гетманъ рукою власною“. Такимъ образомъ изъ этого универсала видно, что онъ „данъ“ въ Лебединѣ, Харьк. губ., а подписанъ около Конотопа, въ с. Подлипномъ. Какъ извѣстно, въ декабрѣ, 1708 г., Петръ В. I, при участіи Меншикова, чинилъ въ Лебединѣ судъ надъ

1) «Очерки», д. *Кошары*.

согласниками Мазепы. Но тутъ же многіе изъ гетманцевъ, пользуясь случаемъ, сумѣли выпросить себѣ разныя милости въ видѣ урядовъ и маетностей, за показанную де ими въ Мазепиномъ дѣлѣ „вѣрность“. Распоряжался этими милостями, главнымъ образомъ, Меншиковъ, повидимому, даже безъ участія гетмана. Кажется, что этимъ случаемъ воспользовался и Григорій Костенецкій и выпросилъ себѣ у Меншикова Дептовку, помимо Скоропадскаго. Такъ можно думать какъ потому, что универсалъ „данъ“ въ Лебединѣ, а подписанъ въ с. Подлипномъ, около Ковотопа, такъ и потому, что Костенецкій въ этомъ универсалѣ названъ не родовымъ своимъ прозвищемъ, а „уличнымъ“—Волѣватымъ; ¹⁾ названъ онъ такъ, слѣдуетъ думать, потому, что универсалъ писался не въ гетманской канцеляріи, въ которой не допустили бы такой невѣжливой ошибки относительно сотника оч. близкой къ Батурину сотни, а какимъ нибудь Меншиковскимъ писаремъ-гетманцемъ, который зналъ Костенецкаго только подъ его „уличнымъ“ прозвищемъ. Поэтому вѣроятно, что универсалъ К—му на Дептовку далъ Меншиковъ въ Лебединѣ, а подписалъ универсалъ Скоропадскій тамъ, гдѣ его настигъ К—ій, съ этимъ универсаломъ въ рукахъ. Впрочемъ, Д. не осталась у Костенецкаго, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ она является попрежнему свободнымъ селомъ; можетъ быть это произошло оттого, что гетману неудобно было отдавать Д. по ея нахожденію среди Самборскаго староства. Другая попытка на захватъ Д—ки сдѣлана была „господаремъ“ Скоропадскаго, Иваномъ Даровскимъ, который сталъ было усиленно здѣсь скупать земли и садить, на общественномъ выгонѣ, своихъ подсосѣдковъ. Смерть помѣшала Даровскому закрѣпить за собою намѣченную маетность. А когда по смерти его, Дептовцы пожаловались Полуботку (слѣд. во время Вельяминовской коллегіи) на захватъ Даровскимъ ихъ общественнаго выгона, то изъ Глухова было приказано послѣдній очистить отъ построенныхъ на немъ хатъ. Но рѣшеніе Полуботка не было приведено въ исполненіе, такъ какъ вдова Да-

¹⁾ Объ этомъ прозвищѣ Костенецкаго см. «Очерки», с. *Дептовка*, стр. 13, и Опис. Стар. Малорос., II, 200.

ровскаго (дочь полк. сотника Петра Носенка) почти въ то же время вышла замужъ за сына Андрея Гудовича, бывшаго однимъ изъ ближайшихъ прислужниковъ Меншикова. Вотъ этотъ второй мужъ Даровской, Василій Гудовичъ, обратился въ генер. к—рію съ просьбою—отмѣнить распоряженіе о сносѣ хатъ его жены. Ходатайство такого лица „правители“ не посмѣли не уважить и „скупля“ Даровскаго была возвращена его вдовѣ и дѣтямъ. Но такъ какъ Дентовское хозяйство было не съ руки Гудовичу, имѣнія котораго находились въ Стародубщинѣ, то онъ Дентовскую „скуплю“ тогда же продалъ Хмеловскому сотнику Шкляревичу. Коренные крестьяне Д—ки и при Гудовичѣ оставались впрочемъ свободными, пока Вейсбахъ не присоединилъ ихъ въ 1740 г. къ Самборскому староству. Впрочемъ, свободныхъ крестьянъ въ это время въ Д. оставалось всего 13 двор.. такъ какъ въ „рагуш-ныхъ“ селахъ крестьяне незамѣтно переписывались въ козачество, которое поѣтому въ такихъ селахъ и преобладало. Но и у Шел—ча Д—ая скупля оставалась недолго; онъ ее продалъ ген. подск. Скоропадскому, въ купчей котораго (1744 г.) значилось, что онъ купилъ у Шкл—ча „хуторъ при с. Дентовкѣ, дворъ надъ р. Ромномъ, при которомъ (находится) левада съ поселившимися на ней пососѣдками, пять лѣсовъ, пдля въ трехъ рукахъ 84 дня, ставокъ въ степу, близъ Кошаръ“ и проч., за 161 р. ¹⁾ Кр. II. 24 х. А. 62 д. В. ? В. 26 д. пс. 9 д. Г. 25 д. 35 х. ¹⁾ Д. 26 д. 41 х. (гр. Разумовскаго). Кз. В. 84 д. Г. 90 д. 119 х. Д. 144 д. 367 х. По опис. 1780 года, козаковъ показано тоже количество, а крест.: а) Батур. волости, 26 д. 41 х., майора Як. Скоропадскаго, 10 д. 12 х., войск. кнцста Романа Соколовскаго, подсосѣдк. 10 х., Голенск. сот. писаря Павленка, 2 д. 6 х. и друг. подс. 4 д. 5 х. Црк. Рождества Б—цы. Свщ. Иванъ Стефановичъ.

¹⁾ «Очерки», с. Дентовка.

¹⁾ Всѣ эти крестьяне по ревизіи 1740 г. названы «онисными», т. е. присоединенными къ Самборскому староству, но это невѣрно, такъ какъ въ это количество видимо вошли и крестьяне Шкляревича, что видно изъ вѣд. 1753 г., въ которой Дентовскіе кр—не

Иваницкая сотня, включая въ себѣ всего шесть сель, занимала незначительное пространство береговъ Смоши и двухъ ея притоковъ (с. 75). Иваницкая сотня существовала съ 1649 г.

Иваницкіе сотники. Степанъ Степаненко, 1653 (Акты Ю. З. Р., X. 196). Савва Мищенко, 1672. Григорій Ивановичъ Волошинъ (Григорашъ), 1710—1721. Иванъ Андреевичъ Стороженко, 1721—1727. Павелъ Миницкій, 1727—1737. Федоръ Свирскій, 1738—1764. Григорій Андреевичъ Стороженко, 1770—1781.

Волошинъ, суди по прозвищу, былъ по происхожденію *волохъ*, т. е. одинъ изъ тѣхъ молдаванъ, которыхъ, съ легкой руки Апостоловъ, немало пробралось въ гетманщину, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ успѣли получить болѣе или менѣе значительныя уряды.¹⁾ На ряду съ ними и Волошинъ получилъ сотничій урядъ въ Иваницѣ. Можетъ быть, что В. былъ сыномъ, или какимъ-нибудь родичемъ, Брацлавскаго полковника Ивана Григораша, (который въ Мазепину измѣну чѣмъ-то заслужилъ особое вниманіе царя²⁾ и въ такомъ случаѣ В. могъ получить сотничій урядъ по предстательству этого полковника. Впрочемъ, В. находился въ какомъ то свойствѣ и съ Скоропадскимъ (см. с. Бережовка). Въѣстѣ съ урядомъ В. получилъ и урядовую сотничью маетность с. Бережовку. Просотниковавъ ок. 10-ти лѣтъ, В. по какимъ-то обвиненіямъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ его судили и осудили, чтобы ему „впредь никогда ни въ какихъ чинахъ не быть“.³⁾ Судили В., по всѣмъ вѣроятіямъ, за насилія надъ сотнями, судя по сохранившемуся указанію на от-

показаны такъ: а) принадлежащихъ къ В. Самборскому дворцу—5 д. 5 х. 12 бд. х. и б) ген. подск. Скоропадскаго—2 д. 2 х. 16 бд. х. Пс. 3 д. 3 х. 3 бд. х.

¹⁾ Эти выходцы очень часто усваивали себѣ фамилію Волошиныхъ, показывая себя, въ в. XVIII в., выходцами «изъ Молдавіи, изъ тамошняго шляхетства». См. въ арх. Полтавск. двор. собранія, дѣла №№ 166, 167, 146, 41, 110 и друг.

²⁾ См. Матеріалы военно-учен. арх. главн. штаба (Сиб. 1871), т. I, стр. 658, 732, 844.

³⁾ Слѣдствіе о маетности Прилуцк. полка, с. *Бережовка*.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

- I. ЕЩЕ СТРАНИЧКА ИЗЪ ПРОШЛАГО Г. ПЕРЕЯСЛАВА.
А. А. 277—303
- II. П. А. КУЛИШЪ. Биографическій очеркъ. (*Продолженіе*).
В. Шенрока. 304—330
- III. ГОРОДЯНКА. Новисть. (*Продолженіе*). Л. Яновской. 331—362
- IV. ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ УКРАИНСКАГО
ЭТНОГРАФА И НАРОДНАГО ВРАЧА С. Д. НОСА.
(1829—1900). Гр. Коваленка. 363—400
- V. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО
ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. (*Продолженіе*). Ор.
Левицкаго 401—430

ОТДѢЛЪ II.

- I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Денежное жа-
лованье полковымъ и сотеннымъ урядникамъ и служи-
телямъ (1732 года); б) Гетманская надворная корогва;
в) Для исторіи церковнаго прихода; г) Памяти М. О. Судь-
енка; д) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ.
Ал. Мёрдеръ; е) Матеріалы для исторіи польскаго воз-
станія 1831 года. Сообщ. В. Доманицкій; ж) Открытое
письмо К. В. Болсуновскому. И. Каманина. 77—95
- Текуція извѣстія 96—104
- II. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Литература украинскаго фольклора.
1777—1900. Н. Шугурова; б) В. Радичъ. Запорожская
старина. В. Д.; в) «Матеріалы до українсько-руської етнольо-
гії». А. Малинка; г) Волжскій странникъ. (Псевдонимъ).
Волжская бібліотека. В. Д.; д) Обзоръ журналовъ текущаго
года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. 105—138
- Археологическая лѣтопись. 139—149
- III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Прилуцкій
полкъ. Ал. Лазаревскаго. Листы 20 и 21. 305—336

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXIV.

1901 г.

СЕНТЯБРЬ.



К І Е В Ъ

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Авд. О-ва Н. Т. Корчагъ-Новицкаго, Меринговская улица.

1901.

Дозволено цензурою. Київ, 30 іюля 1901 года.

Изданіе Л. ИДЗИКОВСКАГО въ Кіевѣ

12

УКРАИНСЬКЫХЪ ПИСЕНЬ

для мишаного хору

(Сопрано, Альтъ, Теноръ, Васъ)

зъ проводомъ фортепяна

уложывъ

ЯНЪ ГАЛЛЪ

Директоръ спивачого Товариства „Эхо“ у Львови.

1) Ой на гори та женци жнуть. 2) Оддала мене моя матинка. 3) А я люблю Петруся. 4) Часъ до дому часъ. 5) Та не люблю я ни Стецька ни Грыцька. 6) Чайка. 7) Йихавъ козакъ за Дунай. 8) Чья прычына ростання моего. 9) Дивка въ синяхъ стояла. 10) Не ходы Грыцю на вечерныци 11) У сусида хата была. 12) Ой Морозе Морозеньку, ты славный козаче. Дума.

Цѣна 60 коп., съ пересылкой 75 коп.

Адресъ: Леону Идзиковскому въ г. Кіевѣ.



СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 74-го:

ІЮЛЬ-АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ, 1901 г.

Книга первая и вторая—іюль-августъ.

ОТДѢЛЪ I.

- I. ЕВРЕИ ВЪ ЮЖНОЙ РОССИИ. Формы труда у евреевъ въ южной Россіи. (Историко-этнографическія замѣтки). Ир. **Житѣцкаго**. 1—45
- II. П. А. КУЛИШЪ. Біографическій очеркъ. (*Продолженіе*). **В. Шенрока**. 46—102
- III. СЕРЕДЪ ТЕМНОЙ НОЧЫ. Повесть. (*Окончаніе*). **В. Гринченка**. 103—168
- IV. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ ХУП СТ. (*Продолженіе*). Ор. **Левицкаго** 159—209
- V. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО. (1829—39 гг.) (*Продолженіе*). 210—248
- VI. ГОРОДЯНКА. Повесть. **Л. Яновской**. 249—276

ОТДѢЛЪ II.

- I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Практика смертной казни въ Старой Малороссіи; б) Къ исторіи „войсковаго скарба“; в) Остатки преданія о Гонтѣ. **Ө. Ө.**; г) Счетъ судебныхъ издержекъ по дѣлу крестьянки съ сосѣдомъ за порубъ лѣса. 1723 г.; д) Какъ обѣдѣли Оболонскіе; е) Для

исторіи «Основы»; ж) Программа для собиранія коллекцій дѣтскихъ игрушекъ и матеріаловъ по дѣтскимъ играмъ и забавамъ; з) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. Ал. Мёрдеръ; и) «Парубоцьки громады» въ г. Маянахъ, Херсонск. губ. П. П.; i) Поправка.	1—20
Текуція извѣстія	20—28

I. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 108-й. Ф. Матушевскій б) В. В. Богородицкій. Діалектологическія замѣтки. Ш. Говоръ села Сушки, Золотоношскаго у., Полт. губ. К. М.; в) Записки Науковаго Товариства ім. Шевченка. Т. Т. XXXIX, XL и XLI. В. Д.; г) Обзоръ журналовъ текущаго года; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ	29—66
Археологическая лѣтопись	67—76

III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. Ал. Лазаревскаго. Листы 18-й и 19-й	273—304
--	---------

Книга третья—сентябрь.

ОТДѢЛЪ I.

I. ЕЩЕ СТРАНИЧКА ИЗЪ ПРОШЛАГО Г. ПЕРЕЯСЛАВА. А. А.	277—303
II. П. А. КУЛИШЪ. Біографическій очеркъ. (Продолженіе). В. Шенрока.	304—330
III. ГОРОДЯНКА. Новість. (Продолженіе). Л. Яновской.	331—362
IV. ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ УКРАИНСКАГО ЭТНОГРАФА И НАРОДНАГО ВРАЧА С. Д. НОСА. (1829—1900). Гр. Коваленка.	363—400
V. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. (Продолженіе). Ор. Левицкаго	401—430

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Денежное жалованье полковымъ и сотеннымъ урядникамъ и служителямъ (1732 года); б) Гетманская надворная корогва; в) Для исторіи церковнаго прихода; г) Памяти М. О. Судь-	
---	--

енка; д) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. Ал. Мёрдеръ; е) Матеріалы для исторіи польскаго возстанія 1831 года. Сообщ. В. Доманицкій; ж) Открытое письмо К. В. Болеуновскому. И. Каманина.	77—95
Текуція извѣстія	96—104
II. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Литература украинскаго фольклора. 1777—1900. Н. Шугурова; б) В. Радичъ. Запорожская старина. В. Д.; в) «Матеріалы до українсько-руської етнольо-гії». А. Малинка; г) Волжскій странникъ. (Псевдонимъ). Волжская бібліотека. В. Д.; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.	
Археологическая лѣтопись.	105—138
Археологическая лѣтопись.	139—149
III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Прилуцкій полкъ. Ал. Лазаревскаго. Листы 20 и 21.	
	305—336



Еще страничка изъ прошлаго г. Переяслава.¹⁾

Положеніе представителей мѣщанскаго сословія въ полковыхъ городахъ Малороссіи, городскихъ войтовъ, въ прошломъ вѣкѣ было весьма жалкое. Въ то время, какъ полковая козацкая старшина, старательно обособляясь въ привилегированное сословіе, усиленно и слѣпно захватывала разнаго рода ранговыя угодья въ личную собственность, стараясь всѣми правдами и неправдами закрѣпить ихъ за собой и за своимъ потомствомъ, урядники городскіе, войты и бурмистры, безсильные передъ „командой“ полковою, подбирали крохи общественнаго пирога, пользуясь немногими прерогативами своей власти ради личныхъ

1) Въ 8-ой кн. «Кіев. Стар.» за 1889 г. напечатана была мною „Страничка изъ прошлаго г. Переяслава“, составленная на основаніи имѣвшихся тогда у меня подъ руками архивныхъ «дѣлъ». Въ IV-й гл. этой статейки представлены уже нѣкоторыя свѣдѣнія объ отношеніяхъ полкового начальства къ городскому магистрату. Миѣ тогда же хотѣлось собрать возможно болѣе полныя свѣдѣнія хотя бы объ одномъ изъ войтовъ, упоминаемыхъ въ названныхъ «дѣлахъ», чтобы въ біографическомъ очеркѣ возможно живѣе представлялось положеніе представителя мѣщанства; но, къ сожалѣнію, давно разставшись съ архивомъ и потерявъ надежду вернуться къ нему, я не могу уже исполнить своего желанія; настоящую же статейку рѣшаюсь напечатать просто затѣмъ, чтобы не пропали сохранившіяся у меня замѣтки, которыя, быть можетъ, пригодятся болѣе счастливому и умѣлому изслѣдователю Переяславской старины.

своихъ интересовъ. Мелкою борьбой изъ-за этихъ крохъ наполнена дѣятельность и Переяславскихъ войтовъ, фигурирующихъ въ томъ множествѣ „дѣлъ“ Переяславской Полковой Канцеляріи, какія довелось мнѣ въ свое время пересмотрѣть. Оставшіяся у меня отъ этого пересмотра замѣтки и выписки и послужили матеріаломъ для настоящаго сообщенія о двухъ Переяславскихъ войтахъ.

I.

Кирилло Савоновъ, избранный переяславскимъ войтомъ въ 1740 г., занимался купеческимъ чумацкимъ промысломъ, а потому часто отлучался по торговымъ дѣламъ изъ города, ѣздилъ за границу, т. е. въ Запѣпровскую Украину и въ Волиныщину возилъ туда деготь, рыбу, привозилъ оттуда волоскіе орѣхи, вино. Человѣкъ малограмотный, Савоновъ однакоже крѣпко держалъ въ своихъ рукахъ власть, писаря магистратскаго держалъ въ строгомъ подчиненіи, всячески сокращая письменное „дѣлопроизводство“, и другихъ городскихъ урядниковъ подбиралъ по своему вкусу, по отношенію къ полковымъ властямъ старался держаться по возможности самостоятельно.

Тотчасъ по вступленіи своемъ въ должность, Савоновъ возбудилъ вопросъ о незаконномъ завладѣніи полковникомъ Сулимою городскимъ предмѣстьемъ Подварками, чѣмъ сразу и вооружилъ противъ себя и полковника, и всю полковую старшину. Дѣло это тянулось около 12 лѣтъ и окончилось въ пользу города: въ 1762 г. послѣдовалъ гетманскій ордеръ, утвердившій права магистрата на владѣніе Подварками. 1) Съ этого то вре-

* 1) Хотя это дѣло и было окончено, такъ сказать, въ существенной своей части въ 1752 г., но ни полковникъ Семень Судима, ни его наслѣдники не хотѣли примириться съ состоявшимся рѣшеніемъ, какъ это видно, между прочимъ, изъ любопытной «жалобы ротмистра Евстафія Семеновича Сулимы въ Малорос. Коллегію на рѣшеніе слѣдственной комиссіи о магистратскихъ въ г. Переяславѣ имѣніяхъ»

мени особенно энергично начинают донимать Савонова „дѣлами“, привлекая его къ отвѣту то въ Полковую Переяславскую, то въ Войсковую Генеральную Канцелярію.

Въ 1750 г. канцеляристь Переяславской Полковой Канцеляріи Никифоръ Зубковскій донесъ, будто войтъ Савоновъ присвоилъ себѣ около 250 р. магистратскихъ денегъ, оставшихся послѣ бывшаго въ г. Переяславѣ въ 1748 г. большого пожара, когда сгорѣла и магистратская изба. Назначено было слѣдствіе, но дѣла оно надлежащимъ образомъ не выяснило, войту же Савонову причинило хлопотъ не мало: пришлось и въ Глуховѣ самому не разъ съѣздить, и въ Переяславскую Полковую Канцелярію явиться въ качествѣ обвиняемаго.

Самъ Савоновъ во время пожара въ городѣ не былъ, а магистратскія деньги спасали бурмистръ Романенко и райца Юсифовъ, при чемъ у этого послѣдняго деньги серебряныя, разсыпавшіяся было изъ боченка, побывали „за пазухой“ и, собранныя въ особый мѣшечекъ, были нѣсколько дней спустя, вмѣстѣ съ мѣдными деньгами въ боченкѣ, доставлены въ домъ войта и, запечатанныя тремя печатями, поставлены въ погребъ. По приѣздѣ войта деньги были сосчитаны и ихъ оказалось всего 86 р. 39 к., а было ихъ до пожара 322 р. 97 к. Объ этомъ своевременно магистратъ донесъ въ В. Г. К., ходатайствуя о разрѣшеніи употребить оставшіяся деньги на постройку магистрата. Но

1770 г., помѣщенной въ «Мотыжинскомъ Архивѣ» изд. Савицкихъ по № 90 на стр. 190. Этотъ Архивъ, рядомъ съ «Сулимовскимъ Архивомъ», заключаетъ вообще богатый матеріалъ для иллюстраціи того процесса, какимъ нарастали земельныя богатства не одного полковника Сулимы, но и всей полковой старшины. Но пріобрѣтательскіе таланты Семена Сулимы особенно ярко живописуются этими документами. Полная безпомощность массы предъ такими пріобрѣтателями особенно наглядно представляется въ любопытнѣйшихъ документахъ, помѣщенныхъ въ „Мотыжинскомъ Архивѣ“ подъ № 41, «Бумаги по доносу Переяславской полковой старшины на своего полковника Семена Сулиму за злоупотребленія въ полковыхъ дѣлахъ 1746 — 1752 г.».

райца Іосифовъ, враждовавшій съ Савоновымъ, при счетѣ денегъ въ домѣ войта обратилъ вниманіе на то, что одна изъ печатей была испорчена и что деньги были не всѣ. Объ этомъ онъ просилъ писаря Кондратова написать доносъ, когда они втроемъ (т. е. Іосифовъ, войтъ и писарь) были по магистратскимъ дѣламъ въ Москвѣ, но Кондратовъ будто-бы отъ этого уклонился. Доносъ этотъ, на основаніи словъ того-же Іосифова, и написалъ канцеляристъ Зубковскій отъ себя, надѣясь за это получить извѣстное вознагражденіе.

Слѣдственная Коммиссія, собравши массу показаній, въ значительной части совершенно не относящихся къ дѣлу, пришла къ совсѣмъ таки необоснованному заключенію въ виновности Савонова, съ котораго де и слѣдуетъ „похищенную имъ сумму 236 р. 58 к. удвое доправить“, а его самого, „лишивъ чина, наказать вязеньемъ“.

Недовольный тѣмъ, что въ заключеніи Коммиссіи не упомянуто о награжденіи доносителя, Зубковскій подалъ въ В. Г. К. новый доносъ на войта, якобы употреблявшаго „подданныхъ магистрата въ партикулярныя свои работизны“, отчего де эти подданные и уходятъ къ частнымъ владѣльцамъ, а въ заключеніе просилъ о „надлежащемъ его, доносителя, награжденіи за вѣрный доносъ“. Въ свою очередь и Савоновъ подалъ въ В. Г. К. челобитную на Высоч. имл, жалуясь на пристрастіе слѣдователей и на интриги Зубковскаго, который является орудіемъ полковой старшины, издавна не благоволящей къ магистрату. ¹⁾

Для далекихъ отлучекъ своихъ изъ города, Савонову приходилось брать паспортъ изъ Полковой Канцеляріи, которая при

¹⁾ Никифоръ Зубковскій скоро изъ полковыхъ канцеляристовъ попалъ въ городовые атаманы; но, видно, не козацкая служба его привлекала: въ качествѣ мѣстнаго обывателя, хорошо знакомаго съ существовавшими канцелярскими порядками, онъ стремился прибрать въ свои руки дѣла магистратскія и энергически добивался должности войта, какъ это видно изъ любопытнаго доношенія магистрата отъ 15 іюля 1765 г. (см. Приложение № 1).

этомъ не упускала, конечно, случая представлять „вышней командѣ“ о малѣйшей неисправности войта въ соблюденіи сроковъ. Такъ, въ ноябрѣ 1753 г. полковникъ Сулима донесъ В. Г. К., что войтъ Савоновъ поѣхавши за границу, для взысканія долговъ, на срокъ не явился, что уже и двойной срокъ прошелъ, а его все нѣтъ, и гдѣ онъ находится, неизвѣстно. Прибывъ только въ январѣ 1754 г., Савоновъ объяснилъ, что ему долго пришлось разыскивать должника своего, немировскаго жителя, Григорія Перехриста, ѣздить за нимъ и въ Волощину въ г. Гуши, больше мѣсяца проболѣть въ дорогѣ, а потому онъ, Савоновъ, и явиться въ срокъ не могъ. Во время отлучекъ войта, дѣлами магистратскими управляли очередные бурмистры. Дѣла эти, конечно, были несложны, но все же требовали хозяйскаго глаза. Глазъ этотъ устремлялся главнымъ образомъ на исправное собраніе разныхъ въ пользу города поступленій. Собраніе это, очевидно, представляло трудъ немалый, въ виду общаго уклоненія отъ магистратскихъ сборовъ. Уклоненію этому не мало содѣйствовала Полтавская Канцелярія, потворствуя переходу обывателей подъ ея „команду“ изъ подъ вѣдомства магистрата. На этой почвѣ то и дѣло происходили пререканія между магистратомъ и Полковой Канцеляріей. Въ ноябрѣ 1752 г. войтъ Савоновъ вынужденъ былъ по поводу одного частнаго случая жаловаться гетману на такія отношенія полковой „команды“ къ магистрату. Мѣщанинъ Сизонъ Давидовъ, выстроившій на принадлежащемъ городу мѣстѣ „шивковую избу и избу въ людвонку“, съ 1745 г. пересталъ платить годовой окладъ, опредѣленный въ доходъ магистрата за эти строенія, ссылаясь на то, что сынъ его, Сергій Сизоновичъ, поступилъ на службу въ Полковую Канцелярію канцеляристомъ, а потому де и „тое мѣсто магистратовое уже заслужилъ и позволеніе имѣеть отъ Полковой Канцеляріи“. Возобновивши послѣ пожара 1748 г. свои постройки въ болѣе обширномъ видѣ, Сизоновичъ заявилъ магистрату, что онъ будетъ платить за нихъ по одному рублю въ годъ, а между тѣмъ по магистратскому окладу онъ долженъ былъ платить по десяти рублей. Жалуясь на происходящую отъ столь продолжительнаго неплатежа оклад-

ныхъ денегъ „знатную обиду“, войтъ жаловался главнымъ образомъ на потворство такому „самовольству и протчимъ наставленію и образцу“ со стороны Полковой Канцеляріи. Принимая подъ свою защиту обывателей, уклонявшихся отъ магистратскихъ сборовъ, Полковая Канцелярія была строга въ своихъ требованіяхъ относительно исполненія магистратомъ обязательныхъ для него повинностей (почтовая, квартирная, дорожная и др.). Одно содержаніе въ исправности городской „гати“ то и дѣло вызывало строгія внушенія со стороны Полковой Канцеляріи. На этой греблѣ находилось нѣсколько мельницъ, принадлежавшихъ Переяславскому монастырю и частнымъ владѣльцамъ козацкаго званія. Было одно „мельничное мѣсто“ и во владѣніи магистрата, но оно ежегодно во время половодья „прорвами“ сносило, а за „тщетнымъ избѣгомъ воды“ причинялся вредъ и другимъ мельницамъ. Все это приписывалось „крайнему нерадѣнію о добромъ угаченіи“ войта Савонова, которому и не переставала строго выговаривать Полковая Канцелярія, но никакого дѣйствія выговоры эти не имѣли. Весною 1754 г. Полковая канцелярія вынуждена была, помимо магистрата, своими усиліями ту „прорву загатить“, такъ какъ по упомянутой гати, представлявшей главную дорогу въ городъ, не только проѣздъ, но и проходъ былъ невозможень. ¹⁾

1) Этой плотинѣ долго пришлось, представляя изъ себя крупнѣйшее изъ городскихъ неблагоустройствъ, фигурировать въ официальной перепискѣ, вызывать нескончаемый рядъ предписаній, внушеній, «подтвержденій» со стороны разныхъ властей. Такъ, въ дѣлахъ Кіев. Намѣстническаго Правленія я встрѣтилъ слѣдующее предложеніе гр. Румянцева-Задунайскаго отъ 30-го іюня 1785 г.:

«Отправляющій въ Переяславѣ должность городничаго капитанъ Черванскій рапортуетъ меня, что плотина, около Переяслава и на главномъ тракту лежащая, владѣльцами, по многимъ его притвержденіямъ, не почивается и проѣзду черезъ ее нѣтъ; да и въ самомъ городѣ Переяславѣ улицы также не отдѣланы, и чего сдѣлать, помѣщиковъ по упрямости, а обывателей того города по свудости, не можно.

О неисправномъ содержаніи этой гати жаловался непосредственно въ В. Г. К. и намѣстникъ катедры Переяславской іером. Сильвестръ, прося „найкрѣпчайше притвердить“ и т. д. Что приходилось терпѣть низшимъ магистратскимъ урядникамъ при исполненіи, напр., почтовой повинности, это можно видѣть хотя бы изъ одного „доношенія бурмистра Широга, который писалъ, что отецъ его, служившій бурмистромъ 30 лѣтъ, „въ оной службѣ будучи во время военное, проѣзжающими курьерами и ѣздоками съ указными пакеты прибить, отчего и умре“.

При маломъ числѣ подвѣдомыхъ магистрату, исполненіе общественныхъ повинностей представляло, конечно, не малое бремя; но отягчалось оно еще болѣе тѣми „партикулярными работами“, къ которымъ привлекалъ войтъ подвѣдомыхъ магистрату людей. Были поѣтому жалобы и со стороны людей, ѣздившихъ съ войтомъ по его торговымъ дѣламъ. Такъ, въ 1753 г. мѣщанинъ Романъ Терещенко, проѣздившій съ войтомъ 28 недѣль, жаловался, что тотъ не удовлетворилъ его по уговору. Договорилъ его Савоновъ отвезти только въ м. Лысянку рыбу на парѣ лошадей съ платою по 60 к. отъ тысячи. Но рыба не была продана въ Лысянкѣ и пришлось возить ее въ Бѣлую Церковь и Володарку. Затѣмъ уже, вопреки желанію Терещенка, Савоновъ заставилъ его ѣхать съ нимъ въ Бендеры, везти туда бочку дегтю. Здѣсь Терещенко лишился лошадей и вынужденъ былъ идти при воловыхъ возахъ до Дуная въ г. Стойловъ, оттуда въ г. Килию, а тамъ за Прутъ въ г. Уши, гдѣ накупили „орѣховъ, саквъ, резинковъ и вина“. Купилъ Терещенко и на свою долю орѣховъ, но, по пріѣздѣ въ Переяславъ, войтъ отнялъ ихъ у него, а за всю дорогу и за взятую имъ себѣ

Я препоручаю Намѣстническому Правленію принять надлежащія мѣры, чтобы, не упуская теперь способствующаго еще къ тому времени, мосты и дороги наилучше обдѣланы были, владѣльцамъ, а также и гражданамъ предложить, что сіе дѣло сопряжено съ добромъ ихъ и есть общественное въ разсужденіи ожидаемаго сюда Е. И. В. шествія».

одну лошадь заплатилъ всего 7 р., тогда какъ одна лошадь съ возомъ и упряжью стоили по крайней мѣрѣ 10 р.

Съ появленіемъ въ магистратѣ въ должности писаря Григорія Гуртовича, посыпались на войта жалобы за употребленіе имъ въ партикулярныя работы подчиненныхъ магистрату людей.

Уже въ январѣ 1754 г., по наущенію Гуртовича, въ отсутствіе войта, магистратъ послалъ въ Ген. Войск. Канц. жалобу на то, что „городовыхъ мѣщанъ и разныхъ цеховыхъ людей“ войтъ Савоновъ „время отъ времени началъ несносными тягостми по своимъ собственнымъ нуждамъ отягощать и въ работу разную и дороги чумацкія съ промыслами своими употреблять“.

Предвидя какъ бы естественный со стороны „вышней команды“ вопросъ,—почему до сихъ поръ ничего подобнаго ей не сообщалось о войтѣ Савоновѣ, занимавшемъ свою должность уже 14-й годъ, магистратъ писалъ, что онъ умалчивалъ объ этомъ до сихъ поръ потому, что жалобъ въ магистратъ отъ отдѣльныхъ лицъ не поступало, а теперь де стали таковыя поступать. Такъ, сего-де 20-го Января „подданный магистратовый“ Иванъ Дудченко подалъ жалобу на войта, заявивъ, что тотъ его избилъ по щекамъ за то, что онъ не захотѣлъ поѣхать на ту сторону Днѣпра по дѣламъ войта, а потомъ де „положа велѣлъ плетью бить, да послѣ самъ палицею билъ немилостиво“. Описавъ знаки побоевъ у Дудченка, магистратъ просилъ В. Г. К. обязать Савонова подпискою, *помимо Полк. Переясл. Канц.*, чтобы онъ впредь не употреблялъ подвѣдомыхъ магистрату людей въ свои партикулярныя работы.

Отвѣтъ по этой жалобѣ пришлось Савонову давать, передъ „Полковой переяславской счетной комиссіей“. Конечно, онъ отрицалъ всякое злоупотребленіе своею властью, но заявилъ, что когда нужно ему куда ѣхать, то „человѣка одного или двоихъ по командѣ своей, для чести и обереженія здоровья своего, взималъ“; Дудченка же наказалъ плетью потому, что тотъ „ослушенъ учинился магистратовому приказу и не схотѣлъ поѣхать по магистратскому дѣлу съ писаремъ въ г. Глуховъ и

посланныхъ слугъ съ бранью изъ дому своего выгонишь, ослушавъ команды“.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого объясненія войтъ поѣхалъ въ Глуховъ, а вслѣдъ за нимъ писарь Гуртовичъ послалъ на него доносъ въ В. Г. К., заявляя, что-де войтъ, взявши съ собою нѣсколько мужиковъ съ подводами, отправилъ сына своего „съ купеческими промысла на ярмарки“ съ тремя магистратскими мужиками, которые „принуждены хотя тайно урядникамъ магистратскимъ о той своей обидѣ и нуждѣ жаловаться, объявляя, что они отъ такихъ нуждъ разойдутся съ подѣ магистрата прочь въ другія мѣста“. Когда Савонову, по прїѣздѣ его въ Глуховъ въ В. Г. К., предъявленъ былъ этотъ доносъ, то онъ объяснилъ, что съ сыномъ его поѣхали мужики по добровольному найму „по полтинѣ за сѣздь“, для себя же онъ взялъ двоихъ съ ихъ лошадьми „по примѣру прежде бывшихъ въ магистратѣ Переясловскомъ войтовъ, которіе, егда было куда по майстратскимъ дѣламъ ѣдутъ, то имъ майстратовихъ подданныхъ не токмо по два, по пяти и по шести человѣкъ для послуги взять невозбранно было“.

Тѣмъ не менѣе въ В. Г. К. взята была съ Савонова подписка въ томъ, что для личныхъ своихъ частныхъ надобностей онъ подданныхъ магистратскихъ употреблять не будетъ.

Что Савоновъ пользовался своимъ положеніемъ войта и для личныхъ своихъ выгодъ, это, конечно, несомнѣнно, но жалобы на это появляются лишь тогда, когда, по неосторожности самого же Савонова, на должность магистратскаго писаря опредѣленъ былъ въ Январѣ 1754 г. войсковой канцеляристъ Григорій Гуртовичъ, большой, какъ видно, любитель „писательства“, изучившій канцелярское производство въ самомъ Глуховѣ. Объ этомъ писарѣ имѣлись у меня два любопытныя „дополненія“ войта Савонова въ В. Г. К.

Въ первомъ, отъ 15-го Января 1754 г., войтъ писалъ, что де въ г. Переяславѣ изъ мѣстныхъ людей, не воинскаго званія, рѣшительно некого избрать въ должность писаря; изъ постороннихъ же людей, въ виду „гонительства Пер. Полк. Канце-

ляріи, на магистратъ чинимаго, никто не отваживается", а потому всѣ бурмистры и райцы, въ отсутствіи его, войта, пригласили къ исправленію должности магистратскаго писаря проживающаго въ г. Переяславѣ войсковаго канцеляриста Гуртовича, объ утвержденіи котораго въ должности теперь онъ, войтъ, и просить В. Г. К.—ію. Но уже черезъ два мѣсяца Савоновъ просилъ объ удаленіи Гуртовича, заявляя, что прежнее свое представленіе онъ сдѣлалъ необдуманно, по настоянію другихъ магистратскихъ урядниковъ, которые, въ его отсутствіе, устранили прежняго писаря Симона Кондратова и представили ему, войту, Гуртовича, какъ человѣка, который можетъ добывать для магистрата „полезнѣйшіе резолюціи“. Но Гуртовичъ, еще и не принявши дѣлъ, началъ строить противъ войта разные „бедническіе проэктъы къ развращенію чести моей, яко бы въ употребленіи мною магистратскихъ людей въ партикулярную работу, и, забирая надо мною первенство, запретилъ никому никакихъ моихъ приказовъ мене не слушаться“. Кромѣ того, Гуртовичъ потребовалъ себѣ въ жалованье 50 р. въ годъ деньгами, да 20 четвертей борошна и протчаго, „чего при магистратѣ и издревле никогда не водилось“, и всегда писаря служили за 10 р. въ годъ.

Удалить однако Гуртовича Савонову не удалось. Искусившійся въ производствѣ бумажныхъ дѣлъ писарь успѣлъ въ нѣ сколькихъ „доношеніяхъ“ въ В. Г. К. изобразить „дѣла“ Переяславскаго магистрата въ самомъ мрачномъ свѣтѣ, хотя и жаловался при этомъ, что войтъ не передаетъ ему никакихъ „дѣлъ“, хранящихся въ собственной его „коморѣ“. Все „письмоводство“ Переяславскаго магистрата представляется войсковому канцеляристу „одному смѣху подобное“: „и протоколы, и приходо-расходныя книги на тетрадкахъ вчернѣ безъ всякихъ обстоятельствъ пишутся весьма гнусно“. Всѣ заведенные войтомъ порядки, по словамъ Гуртовича, таковы, что „и въ самого послѣдняго войта сельского могутъ сыскаяться лучшіе, чѣмъ въ здѣшнемъ магистратѣ“, гдѣ царить войтово „простолюдственное похотѣніе“.

Въ отвѣтъ на эти заявленія Гуртовича послѣдовалъ весьма нелюбезный ордеръ В. Г. К. войту Савонову: „предлагается *тебѣ* всё, какія только касаются магистратскому правленію, дѣла отдать въ магистратъ“. Но и этого ордера Савоновъ сразу не послушался, а лично отправился въ Глуховъ и тамъ заявилъ, что такъ какъ никакихъ дѣлъ, производившихся уже при Гуртовичѣ, онъ домой къ себѣ не бралъ, то и передавать ему нечего; старыя же дѣла онъ держитъ въ своемъ „каменномъ ліоу для безопасности отъ пожарнаго случая“. Тѣмъ не менѣе его заставили дать подписку, что онъ „конечно всё магистрата Переяславскаго дѣла, какія въ дому его ни содержатся, отдастъ въ магистратъ по реестру“ писарю Гуртовичу. Но и подписка эта не помогла: войтъ не передавалъ хранившихся въ его „ліоу“ дѣлъ, пока не былъ, наконецъ, отрѣшенъ отъ должности. Но и послѣ отрѣшенія, Савоновъ не пожелалъ сдать дѣлъ Гуртовичу, а препроводилъ ихъ въ Полтавскую Канцелярію. Когда урядники магистратскіе послѣ продолжительныхъ пререканій, явились въ Полтавскую Канцелярію за полученіемъ дѣлъ, то усмотрѣли, что въ представленныхъ Савоновымъ книгахъ „не малая порчь состоитъ и ни единой книги нѣтъ цѣлой, но съ оныхъ многочисленно листовъ съ переплеты вырвано, а иніе вырѣзано“, а потому и книгъ этихъ не приняли. Полковая Канцелярія приняла теперь Савонова подъ свое покровительство и, недовольная интригами Гуртовича, объяснила, что Савоновъ „какія послѣ пожара книги спасъ, такія и сдалъ“.

Со вступленіемъ въ магистратъ Гуртовича начались вообще нелады и между магистратскими урядниками, до сихъ поръ жившими согласно и подчинявшимися войту Савонову. Первымъ сталъ „тягаться“ съ войтомъ бурмистръ Данило Щирый, избранный въ эту должность въ 1751 г. на мѣсто умершаго отца его Евстафія Щирого, прослужившаго въ этой должности болѣе 30-ти лѣтъ.

Въ Мартѣ 1754 г. онъ подалъ въ В. Г. К. на Савонова жалобу, въ которой заявилъ, что уже по своемъ вступленіи въ

должность онъ замѣтилъ, что войтъ Савоновъ „обижаетъ магистратскихъ подданныхъ своими партикулярными работами и беретъ съ собою въ чумацтво“, а когда онъ, Щирый, посовѣтовалъ имъ сбѣжать, то войтъ „возымѣлъ гонительство и злобу, отъ бурмистерства отдалилъ и многожды безчестилъ“, а на его мѣсто опредѣлилъ своего племянника. Въ заключеніе Щирый просилъ выдать ему на бурмистерство указъ. По жалобѣ того же Щираго и Полковая Канцелярія доносила въ В. Г. К., что де войтъ Савоновъ, „презирая главную свою команду, по прихоти своей продерзости и издѣвку надъ урядовыми магистрата оказываетъ“.

Бурмистръ Тимофѣевъ объяснилъ, что Савоновъ дѣйстви-тельно устранилъ Щираго за то, что тотъ, собравши во время ярмарки за „магистратовыя коморы“ деньги съ торговцевъ не вручилъ ихъ войту, какъ это обыкновенно дѣлалось раньше, а хотѣлъ, ради увеличенія магистратскихъ доходовъ, устроить „комору при колодезѣ и въ ней поставить магистратовую баню“, какая имѣется лично у войта, „для двоенія разнымъ обывателямъ простого хлѣбнаго вина“. Очевидно, Савоновъ не желалъ допустить такой конкуренціи, а потому, разсердившись на Щираго, „первѣе штрафовалъ его держаніемъ подъ карауломъ, а потомъ лишилъ и бурмистрскаго званія“.

Когда Щирый принесъ въ магистратъ добытый имъ изъ В. Г. К. ордеръ, Савоновъ вырвалъ его изъ рукъ и „заховалъ въ пазуху, а Щирого зъ магистрату выслалъ вонъ“. На мѣсто Щирого съ 1754 г. былъ избранъ уже Романенко, но и его войтъ Савоновъ черезъ полгода удалилъ, самовольно опредѣливши на его мѣсто бывшаго бурмистра Павла Кунишевскаго—Шкурку, который затѣмъ и избранъ былъ законнымъ образомъ. Такимъ образомъ, Савоновъ неугоднаго себѣ бурмистра не потерпѣлъ. Не безъ его настойчивости, уже послѣ отрѣшенія его отъ должности, осенью 1754 г., произошло и удаленіе отъ должности писаря Гуртовича, на котораго жаловались всѣ

магистратскіе урядники: 28-го Ноября 1755 г. послѣдовалъ ордеръ В. Г. К. объ его отрѣшеніи ¹⁾).

Оставивши войтовство, Савоновъ продолжалъ свой купеческій промыселъ, требовавшій, какъ видно, постоянныхъ сношеній съ правобережною Украиной, продолжительныхъ отлучекъ изъ города. Въ одну изъ такихъ отлучекъ въ 1757 г. пришлось ему испытать и продолжительное тюремное заключеніе въ г. Каневѣ, причемъ пришлось искать защиты и отъ Переяславской Полковой Канцеляріи.

Дѣло было такъ. Купилъ Савоновъ у какого то еврея „арендаря“ въ Каневѣ „20 садовъ камѣня по 6 руб. всякой садъ“, но слѣдующихъ денегъ 120 р. своевременно не уплатилъ. Староста Каневскій Потоцкій, по жалобѣ еврея, написалъ въ Пер. Полк. Канц. о взысканіи съ Савонова этихъ денегъ или о высылкѣ его самого въ Каневъ. Савоновъ поѣхалъ въ Каневъ и 11-го Февраля написалъ оттуда, что упомянутый еврей, подстергши его, напалъ на него съ шестью мужиками, ограбилъ имущество и бросилъ его „въ буздыгарню за вспомоствованіемъ уряду Каневскаго, паче же каневскаго писаря Николая Дѣдушицкаго“. Утверждая, что по суду онъ оправдался, что долгъ, котораго еврей не искалъ въ теченіе 20 лѣтъ, судомъ не признанъ, Савоновъ просилъ Полк. Пер.

¹⁾ Должно быть въ качествѣ знатока городскихъ дѣлъ, Гуртовичъ вполнѣдствіи попалъ въ учрежденную въ г. Переяславѣ, по указу Малорос. Коллегіи, «комиссію о магистратскихъ земляхъ, разными чинами завладѣнныхъ», и, въ этой роли своей, явился противникомъ полковой старшины, на которую и подавалъ въ Мал. Кол. жалобу 9-го Марта 1766 г., заявляя, что эта старшина, «имѣя къ нему, Гуртовичу, недоброхотство и крайнее посягательство», пристрастно отводитъ квартиры въ его домѣ. Малорос. Коллегія уважила его жалобу и предписала Полковой Канцеляріи—его дома, «въ разсужденіи продолжаемой имъ службы, пока онъ въ учрежденной по магистратскимъ жалобамъ комиссіи будетъ находиться, въ постоянику не занимать и не отводить».

Канцелярію избавить его „отъ жидовской напасти и нестерпимой неволи“. Пер. Полк. Канцелярія написала Потоцкому, что-де Савоновъ отпущенъ на „пароль“ его, Потоцкаго, а потому и отвѣчать долженъ предъ нимъ самимъ, а не предъ писаремъ, и просила объ освобожденіи Савонова. Потоцкій отвѣчалъ на это, что на урядѣ Каневскомъ, по претензіи еврея, приговорено, чтобы этотъ еврей принесъ присягу и буде присягнетъ, взыскать съ Савонова 127 р. Но прошелъ послѣ этого цѣлый мѣсяць, а Савоновъ изъ „взянья“ освобожденъ не былъ и вновь взывалъ въ Пер. Полк. Канц. о заступничествѣ, при чемъ прислалъ и реестръ ограбленнаго у него имущества на 199 р., что „тое грабительство жидовскую претенсію уже превосходить“.

II.

Послѣ отрѣшенія Кирилла Савонова, въ исправленіе должности войта Войсковая Генеральная Канцелярія предписала вступить значковому товарищу Переяславскаго полка Стефану Драгоманову, а 3-го Января 1756 г. состоялся и формальный его выборъ „всѣмъ обществомъ магистрата Переяславскаго“, послѣ чего и отправлена была просьба магистрата объ его утвержденіи въ должности войта ¹⁾).

Стефанъ Драгомановъ былъ родомъ грекъ и служилъ въ 40-выхъ годахъ управителемъ владѣній генерала Вишневскаго ²⁾),

¹⁾ «Доношеніе» это см. въ Приложеніи № 2.

²⁾ О родѣ Вишневскихъ см. „Кіев. Стар.“ 1887 г. т. XVШ. Въ „Мотыжинскомъ Архивѣ“ подъ № 46 на стр. 84, напечатано любопытное письмо 1755 г. Григорія Теплова къ Переясл. полк. Семену Сулимѣ съ просьбой оказать вниманіе вдовѣ полковника Вишневскаго. Письмо отчасти характеризуетъ не только самого Сулиму, но глав. обр. отношенія полковой старшины къ нему и къ своей дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и на царившую

в злѣмъ въ 50-тыхъ годахъ состоялъ откупщикомъ „статейныхъ сборовъ“ въ Переяславскомъ полку. Женившись, какъ видно, въ г. Переяславѣ, проживалъ въ полученномъ въ приданное домѣ, но матеріальнымъ достаткомъ не пользовался. По какому случаю былъ назначенъ В. Г. К—ией на должность войта—неизвѣстно. Судя по его подписи латинскими печатными буквами, русскую грамотою не владѣлъ. Ставши войтомъ, устроилъ собственную небольшую „винничку“, а одинъ домъ свой продалъ находившемуся при Пограничной Переяславской таможенѣ лѣбарю Товію Товичу Гундесбургу. Этотъ фактъ продажи своего дома иноземцу былъ поставленъ въ вину Драгоманову полковникомъ Сулимою, который въ Октябрѣ 1756 г. жаловался въ Войск. Ген. Канц. на незаконную покупку грунтовъ разными „великороссійскими персонами“ и иноземцами, каковая покупка, какъ заявлялъ полковникъ, противна была „пунетамъ гетмана Богдана Хмельницкаго“, Высоч. указами подтвержденными при гетманѣ Скоропадскомъ ¹⁾).

Какъ видно, въ этомъ вопросѣ магистратъ мало былъ заинтересованъ, и скорѣе надо думать, что покупка въ городѣ усадебныхъ мѣстъ разночинцами интересовъ городского мѣщанства не нарушала. Старшина же полковая, конечно, не желала имѣть при своихъ покупкахъ лишнихъ конкурентовъ. Но странно же, что одновременно съ этимъ та же Полковая Канцелярія

въ полку безурядицу. Дѣло идетъ, конечно, о грунтахъ, захватомъ которыхъ гл. обр. и занималась полковая старшина. „Да и казаки Капустянскіе собою ничего бы не дерзнули учинить, тѣмъ меньше грабить съ поля, ежели бы не видѣли къ тому повода отъ полковой канцеляріи; ибо сіе уже здѣсь *по многимъ дѣламъ* извѣстно, что полковая ваша старшина, *паче прочихъ*, многимъ обиды дѣлають; да и сіе здѣсь извѣстно, что ваше высокоблагородіе, ихъ полковникъ, не въ великомъ у ихъ почтеніи“... „вѣдая довольно сколь и вамъ самимъ трудно иногда отъ своихъ безпутныхъ, а особливо высоко-мѣрныхъ подчиненныхъ бываетъ, не хочю“... и т. д.

¹⁾ См. Приложение № 3.

возбуждает и тотъ вопросъ, который возбуждался, между прочимъ, и Кіевскимъ магистратомъ и который, повидимому, долженъ бы больше заботить и въ Переяславѣ городской магистратъ, а не Полковую Канцелярію: это вопросъ о правѣ „великороссійскихъ“ людей жить въ нижнемъ городѣ и производить „купеческій промыселъ“. Въ февралѣ 1757 г. полковая канцелярія доносила, что де, вопреки грамотѣ Императора Петра I, „разные гарнизона Переяславскаго великороссійскіе командиры и ихъ подчиненные въ обывателей нижняго города Переяслава сами собою занимаютъ кварталы и многіе дѣлаютъ купечества, чѣмъ онимъ нижняго города обывателямъ въ промыслѣ ихъ воспященіе и въ прожитіе утѣсненіе явновидно приключаютъ“. Такое нарушеніе упомянутой грамоты, опредѣлявшей для жительства великороссіянъ исключительно „вышній городъ“ производило, по заявленію Полковой Канцеляріи, къ тому, что „ежечасіе ссоры и драки между здѣшними обывателями происходятъ“.

Но и въ данномъ случаѣ Полковая Канцелярія хлопотала не о городскихъ интересахъ вообще, а о своихъ сословныхъ, главнымъ образомъ объ интересахъ полковой старшины, которая занималась скуплею грунтовъ и „купеческимъ промысломъ“ т. е. главнымъ образомъ шинкарствомъ. Всѣ эти „бунчуковые, значковые товарищи“ и вообще войтовыя чины, становясь обывателями города, желали стать въ привилегированное положеніе относительно отбыванія городскихъ повинностей. Покупая мѣщанскія усадьбы, они привлекали мѣщанъ въ званіе козачее, а нерѣдко обращали ихъ въ „подданныхъ“.

Уже въ первый годъ своего войтовства Драгомановъ вынужденъ былъ жаловаться въ В. Г. К. на полковника Сулиму и на полковую старшину, заявляя, что „за отнятіемъ ими всѣхъ цеховъ мѣщанъ и посполитыхъ людей и магистратскихъ многихъ грунтовъ и земель, магистратъ Переясловскій во всекрайнѣйшомъ разореніи состоитъ и подлежащихъ городовыхъ магистратскихъ нуждъ исправлять вовсе з чего не имѣеть“.

Послѣ бышаго въ 1748 г. пожара, уничтожившаго всѣ магистратскія строенія, магистратъ помѣщался въ принадлежавшей войту Савонову избѣ, а по отрѣшеніи Савонова отъ должности перенесенъ былъ въ построенный магистратомъ шинокъ. Съ вступленіемъ въ должность Драгоманова выстроена была на одномъ съ этимъ шинкомъ дворѣ особая изба, въ которую и былъ переведенъ магистратъ, а шинокъ отданъ въ наймы, „дабы хотя й мало что могло въ приходѣ магистратскомъ быть“. Но полковникъ Сулима потребовалъ, чтобы въ этотъ шинокъ была переведена пограничная таможня. Не смотря на протесты магистрата, это было исполнено ¹⁾ и послужило первымъ поводомъ къ жалобѣ Драгоманова на полковую старшину, которая вообще не церемонилась съ магистратскими урядниками

1) Существовавшая въ Переяславѣ таможня, какъ видно, представляла изъ себя тоже начальственную встанцію, съ которой Полковой Канцеляріи невыгодно было ссориться, хотя ссоры эти, какъ ни избѣгали ихъ, бывали перѣдки. Обращеніе этой таможни съ понадавшими въ ея руки людьми было крайне безцеремонно. Одно, напр., дѣло 1759 г. достаточно характеризуетъ и это обращеніе, и ту «волокиту», какая возникала, когда «дѣло» не могло окончиться взятками.

Въ февралѣ м—цѣ 1759 г. два козака, проѣзжавшіе изъ за границы съ «барильцемъ» хлѣбнаго вина «мимо указную дорогу», пойманы были ландмилицкихъ полковъ солдатами и представлены въ пограничную Переяславскую таможню. Такъ какъ козаки не могли дать потребованной отъ нихъ взятки въ 20 руб., то ихъ заключили подъ крѣпкій караулъ и «боемъ батожнимъ мучили». Козаки послали въ Полковую Канцелярію жалобу, что они тѣмъ «мученіемъ такъ изнеможены, что и въ жизни своей сумлительны, и къ службѣ крайне уже не годятся», и просили защиты. Полковая Канцелярія послала въ таможню нарочныхъ спросить, за что козаки арестованы, и освидѣтельствовать «имѣющіесь на нихъ боевіе знаки». Но таможенный канцеляристъ Теооктастъ Чапливъ и къ освидѣтельствуванію не допустилъ, и о причинѣ ареста ничего не отвѣтилъ. Объ этомъ самоуправствѣ таможни, не имѣвшей права у себя арестовывать, а обя-

и допускала при всякомъ удобномъ случаѣ грубое насиліе и издѣвательство. Такіе случаи представлялъ, между прочимъ, отводъ квартиръ російскимъ воинскимъ командамъ и прїѣзжавшимъ въ городъ по разнымъ дѣламъ офицерамъ. При Савоновѣ магистратъ то и дѣло жаловался на произволъ Полковой Канцеляріи въ дѣлѣ отвода квартиръ и на насилія служащихъ въ ней и добивался по крайней мѣрѣ письменныхъ выговоровъ со стороны Войск. Ген. Канц. полковымъ старшинамъ, которымъ неоднократно „притверждалось“, чтобы помимо магистрата квартиры не отводили; но при Драгомановѣ это „самовольство“ полковой канцеляріи, какъ видно, ничѣмъ уже не сдерживалось. Вопреки всякому закону, полковой писарь Каневскій и городской атаманъ Зубковскій отводили квартиры офицерамъ не только въ домахъ магистратскихъ урядниковъ, но и въ домѣ самого войта, выгоняя, въ его отсутствіе, изъ дому его жену и дѣтей. Драгомановъ со всѣмъ магистратомъ жаловался на это въ іюнѣ 1757 г. гетману Разумовскому, а въ октябрѣ того же года тотъ же Зубковскій, „по приказу Полковой Канцеляріи“, вновь учинилъ „гвалтовное нападеніе на послѣднюю комору войта,

занной представить пойманныхъ «по ихъ командѣ», Полковая Канцелярія сообщила въ Ген. Войск. Канцелярію, заявляя, что «нынѣшніе Переяславской таможи правители, не отсылая козаковъ по ихъ командѣ, держать ихъ подъ карауломъ и розискуя витягають деньги подъ указы Е. И. В.». Но, вмѣсто того, чтобы «истребовать сатисфакціи» отъ пограничной таможи, Войск. Ген. Канц. ограничилась такою «повелительною резолюціей» полковнику: «еще до кого надлежитъ писать съ Полковой канцеляріи» объ освобожденіи арестованныхъ козаковъ. Такимъ образомъ высшая малороссійская «команда» уклонилась отъ сношеній съ «командой» пограничной таможи, т. е. Кіево-Губернской Канцеляріей, предоставляя эту безнадежную переписку самой Полковой Канцеляріи. Въ виду то такой беззащитности, Полковая Канцелярія и избѣгала столкновеній съ пограничною таможеню: указанія на «таможенный уставъ» и на какія бы то ни было «права» были, какъ видно, бесполезны.

гдѣ замкнени были его всѣ господарскіе потребности, отбивъ замокъ, съ оной повыкидали“.

Принялся было Драгомановъ за отыскиваніе отъ полковой старшины захваченныхъ ими „равныхъ магистратскихъ и цеховыхъ людей и земель“, но этимъ сейчасъ же возбудилъ противъ себя неудовольствіе со стороны старшины, съ которою „тягаться“ было вообще трудно, особенно же человѣку маломочному, который при томъ самъ хотѣлъ „кормиться“ отъ своей должности.

Достаточно было самага ничтожнаго повода, чтобы привлечь войта къ отвѣтственности и „тягать“ его въ Полковую Канцелярію. Такой поводъ скоро и представился.

Въ 1762 г. бунч. тов. Денисъ Стременцовъ и вдова брата его предъявила въ В. Г. К. къ Драгоманову искъ въ суммѣ 148 р., которые онъ задолжалъ имъ по „обликамъ“ въ 1760 г. Полковая Канцелярія получила предписаніе провѣрить имѣющіеся у истцовъ документы и, „призвавъ войта Драгоманова, не смотря ни на какія отговорки, взыскавъ съ него или зъ имѣнія его таковы деньги зъ подлежащимъ процентомъ, отдать просителямъ зъ роспискою“. Войтъ призналъ этотъ долгъ, но заявилъ, что на уплату его у него въ данное время нѣтъ наличныхъ денегъ, а есть недвижимое имущество, доставшееся ему, какъ приданное за женой: жилой дворъ въ городѣ, земля на базарѣ, пустое млиновое мѣсто на р. Трубежѣ, да пахатнаго поля во 2-й сотнѣ дней до ста. Прося объ отсрочкѣ ему платежа, Драгомановъ находилъ самое направленіе этого дѣла по взысканію съ него чрезъ Полковую Канцелярію неправильнымъ. По донесенію полк. Сулимы, войтъ, во время объясненій своихъ въ Полковой Канцеляріи, „кричалъ предъ присутствующими старшинами: Войсковая-де Генер. Канцелярія въ томъ погрѣшила, что таковой ордеръ не по силу Правъ наслала, за что-де онъ въ Гарнизонную Переяславскую и Кіево-Губернскую Канцелярію протестовать имѣеть,—каковы его рѣчи и въ протоколъ записано“. А рѣчи эти были, очевидно, особенно непріятны мѣстному полковому начальству, которое всячески избѣгало сношеній съ Гарнизонною Канцеляріей, мнившею себя высшимъ

начальствомъ. Подъ защиту этой Гарнизонной Канцеляріи, т. е. коменданта крѣпости, російскаго офицера, прибѣгали мѣстные обыватели въ исключительныхъ случаяхъ, когда хотѣли насолить мѣстному полковому начальству.

Скоро послѣ перваго денежнаго иска предъявленъ былъ въ Драгоманову и другой: генеральный войсковой асаулъ Журавка взыскивалъ съ него чрезъ Пер. Полк. Канц. 66 р. А вслѣдъ затѣмъ и магистратскіе урядники подали на него жалобу, будто „оной войтъ по вступленіи своемъ въ званіе войтовства разными часы приходныхъ магистратскихъ 133 р. 70 к. захватилъ“.

Полковая Канцелярія, признавъ Драгоманова несостоятельнымъ должникомъ, арестовала его, и, продержавши нѣкоторое время, выпустила на поруки жены. Между тѣмъ послѣдовалъ ордеръ изъ В. Г. К. о немедленной присылкѣ Драгоманова въ Глуховъ. Въ это время онъ отлучился по своимъ дѣламъ изъ города, и Полковая Канцелярія, въ явное посрамленіе войта, разслала во всѣ сотни предписаніе „оного войта сыскивать и за сыскомъ въ П. К. подъ карауломъ прислать“. И по прибытіи въ городъ войтъ былъ немедленно взятъ въ Полк. Канц. и препровожденъ въ Глуховъ „за надлежащимъ конвоемъ“.

Въ Глуховѣ его продержали болѣе трехъ мѣсяцевъ безъ всякой надобности, такъ какъ дѣло о взысканіи съ него частныхъ долговъ вновь было поручено той же Полк. Канц. „какъ надлежитъ дослѣдовать при бытности его войта“. Согласно просьбѣ магистратскихъ урядниковъ, предписано было также не продавать его имущества для удовлетворенія частныхъ долговъ впредь до окончанія слѣдствія. А слѣдствіе, по обыкновенію, затянулось, да поступили и новыя претензіи, такъ что въ 1763 г. Драгомановъ уже былъ отрѣшенъ отъ должности, исправлять которую назначенъ былъ, по ордеру В. Г. К., Петръ Стрѣшенцовъ.

Самая давняя претензія, по которой до самой смерти таскали Драгоманова по разнымъ инстанціямъ, предъявлена была особою „полковою счетною комиссіей“, которая требовала съ него 64 р. комиссарскаго сбора еще въ 1748 г., въ бытность

его управителемъ у генерала Вишневскаго. Требованіе это предъ-
явлено было къ нему уже послѣ отрѣшенія его отъ должности
въ 1765 г. по адресу Генеральной Малороссійской Счетной Ком-
миссіи. Но магистратъ нѣсколько раньше добылъ указъ мало-
россійской Коллегіи о продажѣ съ публичнаго торга двора Дра-
гоманова по претензіямъ магистрата въ суммѣ двухсотъ рублей,
да кромѣ того магистратъ предъявилъ искъ и въ особой учре-
жденной тогда въ Переяславѣ „комиссіи о обидахъ“ въ суммѣ
ста рублей за долги нѣкоторымъ урядникамъ и мѣщанамъ. Опѣ-
ненный въ 200 р. дворъ Драгоманова, отлучившагося въ это
время въ г. Кременчугъ, проданъ былъ съ публичнаго торга за
211 руб. жителю Переяславскому Прохору Амвроскову. Больше
никакого имущества у Драгоманова не было, а потому всѣ другія
предъявленныя къ нему претензіи, сверхъ магистратской, оста-
лись неудовлетворенными.

Но Генеральная Малороссійская Счетная Комиссіа не
могла сложить числившейся на Драгомановѣ казенной недоимки
и, года полтора спустя, вновь предписала мѣстнымъ властямъ
взыскать съ него эту недоимку. Въ это время, въ маѣ 1767 г.,
онъ проживалъ во владѣніи полковника Николая Ивановича
Меера, который, получивши требованіе выслать Драгоманова къ
отвѣту въ Счетную Комиссію, отвѣчалъ, что де „оной грекъ
отъ меня со всею фамиліею поѣхалъ въ м. Гелмязовъ“. Сотникъ
же Гелмязовскій на такое требованіе отвѣчалъ, что Драгомановъ
въ немалой болѣзни находится и ѣхать въ оную комиссію
крайне не можетъ“. Но въ концѣ концовъ онъ явился въ Ком-
миссію въ августѣ мѣсяцѣ и здѣсь объяснилъ, что онъ рѣши-
тельно никакихъ средствъ не имѣетъ, чтобъ уплатить требуемую
съ него сумму: „и по старости и крайней дряхлости своей
не точію заработать, либо выслужить то число денегъ, но снаб-
дить и препитать себе чимъ не могу, а получаю то все отъ
доброхотныхъ дателей съ милости“.

Не смотря на засвидѣтельствованную всѣми „урядами“ не-
состоятельность старика Драгоманова, Переяславск. Счетн. Ком-
миссіа продолжала писать указы о взысканіи съ него недоимокъ.

На „третичный“ указъ ея отъ 8-го января 1772 г. Гелмязовское управленіе увѣдомило ея, что Драгомановъ, жительствовавшій у сотеннаго писаря Панкевича, умеръ еще въ 1768 г., а вдова его тогда же отправилась къ дочери въ Полтаву. Сынъ же его Григорій въ 1772 г. служилъ въ Глуховѣ въ земскомъ судѣ.

Въ этой неупорядоченной кучѣ „дѣлъ“ Полковой Переясл. Канцеляріи, которую пришлось мнѣ въ свое время пересмотрѣть, около 60-ти номеровъ отдѣльныхъ „дѣлъ“ касалось Переяславскаго магистрата за время войтовства Драгоманова, и большая часть этихъ „дѣлъ“ представляетъ изъ себя безсодержательную переписку по чисто личнымъ дѣламъ самого войта, касаясь главнымъ образомъ взысканій съ него разнаго рода долговъ. Меньшая же часть этихъ „дѣлъ“, касаясь весьма мелкихъ международныхъ интересовъ, рѣшительно ничего не даетъ для характеристики общественной дѣятельности войта. Надо думать, что, подавленный своими личными дѣлами, онъ мало принималъ участія даже въ бумажномъ дѣлопроизводствѣ, такъ какъ большинство бумагъ, встрѣчающихся въ упомянутыхъ „дѣлахъ“, подписываются лишь рочными бурмистрами и писаремъ. Почтовая гоньба и отводъ квартиръ—вотъ главные интересы болѣе или менѣе общественнаго характера, возбуждавшіе эти „дѣла“. Единственное дѣло, возникшее въ первые годы войтовства Драгоманова, о перенесеніи ярмарокъ съ одного мѣста на другое, дѣло, какъ видно, живо интересовавшее значительную часть населенія, велось безъ всякаго участія войта, такъ какъ во всемъ обширномъ дѣлопроизводствѣ не имѣется ни одной бумаги за его подписью.

За Илтицкою брамою на Подваркахъ, надъ рѣчкою Илтицкою, близъ р. Трубежа, споконъ вѣка собирались два раза въ годъ ярмарки: одна въ Петровъ постъ, а другая 1-го сентября (Симеоновская). Обыватели той мѣстности устраивали на ярмарочное время заѣзжіе дома и „лѣдовни“, „содерживая разной напитокъ, по малороссійской вольности, продавали свободно“. Но въ 1756 г. полковая канцелярія всѣхъ събѣжавшихся на ярмарку „нагло и усиленно“ перевела за Гайтинскую браму на

„пустое близъ болота состоящее и тѣмъ опасное, точію для еди-наго устроенія ковальскихъ и котлярскихъ кузень способное, а для ярманковъ неприличное мѣсто“. Сдѣлано это по настоянію полкового судьи переяславского Лисаневича и асаула полкового Михаила Лукашевича, которые „по ихъ могуществу старшинскому“, занявшись „ярманковскимъ промысломъ“, присвоивъ себѣ „пустые плечи“, построили на нихъ „шинковіе и уѣздніе дома“, рассчитывая на денежные съ прїѣзжающихъ на ярмарку сборы. Жительствовавшіе же на Подваркахъ мѣщане и разночинцы, не надѣясь на защиту своихъ интересовъ со стороны магистрата, обратились съ жалобою на упомянутыхъ старшинъ прямо въ Ген. Войск. Канцелярію. Челобитную по этому дѣлу для шести козаковъ писалъ священникъ Борисоглѣбской церкви Кирилло Савичъ. По этому дѣлу магистратъ свидѣтельствовалъ лишь то, что ярмарки дѣйствительно раньше собирались на указанномъ просителями мѣстѣ. Изъ „дѣла“ не видно, чѣмъ этотъ вопросъ разрѣшился, но видно, что магистратъ отнесся къ нему совершенно равнодушно, хотя онъ и не переставалъ жаловаться по другимъ поводамъ на захватъ магистратскихъ „плечевъ“ полковою старшиною.

Очевидно, магистратское правленіе было совершенно безсильно для защиты интересовъ мѣщанства и принадлежащаго городу имущества. Послѣ войта Савонова должности войта ищутъ все лица не мѣщанскаго званія и, очевидно, исключительно ради личныхъ матеріальныхъ выгодъ. Послѣ отрѣшенія Драгоманова мѣщанству не дали избрать войта, по обыкновенію, „вольными голосами“: магистратъ выбралъ было Зубковскаго, прежняго доносителя на войта Савонова, выбралъ, какъ самъ же впоследствии заявилъ: „по незнанію сего, что онъ согласникъ старшинамъ полковымъ и что оныя старшины вомѣщали его войтомъ, чтобъ можно было имѣть латвѣйшій способъ ко утѣсненію насъ“; но, не ожидая этого выбора, Войсковая Генер. Канцелярія сама опредѣлила на должность войта въ Переяславскій магистратъ Петра Стрѣшенцова, челоуѣка чуждаго мѣстному мѣщанству. Но не прошло и года, какъ онъ попалъ подъ

судъ, и въ іюлѣ 1765 г., по произведенному особою комиссіей слѣдствію, признанъ виновнымъ по всѣмъ поступившимъ на него жалобамъ и устранивъ отъ должности. Магистратъ просилъ уже Малороссійскую Коллегію разрѣшить ему произвести выборы войта, но болѣе трехъ мѣсяцевъ никакой резолюціи не было, и въ октябрѣ прибылъ въ Переяславъ „для сочиненія въ полку Переяславскомъ генеральной ревизіи“ майоръ Александръ Якубовичъ и, призвавъ къ себѣ магистратскихъ урядниковъ, „приказалъ выбрать кого ни есть войтомъ“, заявивъ, что ему поручено отъ Малороссійской Коллегіи такого избраннаго съ одобреніемъ отправить въ Коллегію. Очевидно, для урядниковъ такой пріемъ показался сомнительнымъ, и они, уклонившись отъ производства такихъ выборовъ, послали въ Малорос. Кол. просьбу о письменномъ разрѣшеніи вопроса, какъ имъ быть: „такова выбору на войтовство сами собою учинить не дерзостны“. Какой послѣдовалъ на это отвѣтъ—неизвѣстно. Возможно, что и этотъ запросъ такъ же оставленъ „безъ резолюціи“, какъ просьба о назначеніи на должность войта „согласника старшинамъ полковымъ“ Никифора Зубковскаго. Вышнее Малороссійское Начальство, какъ видно, никакого значенія „уряду“ войсковому не придавало и, готовое предоставить его любому случайно подвернувшему искателю, совсѣмъ не торопилось съ этимъ дѣломъ.

А. А.

Приложеніе № 1.

Доношеніе Переяславскаго магистрата отъ 15 іюля 1775 г. въ Малорос. Коллегію.

„Извѣстились мы, что атаманъ городской Переясловскій—Никифоръ Зубковскій отъѣхалъ въ Глуховъ въ Малорос. Коллегію съ точного поводу и проэку полк. переясл. старшинъ, вѣстимихъ уже довольно оной М. К. обидчиковъ и нападчиковъ на магистратъ и на насъ, для испрошенія Переяславскаго войтовства, на мѣсто нахо-

дѣлающаго нынѣ подѣ судомъ безъ выборовъ нашихъ опредѣленного въ маг—ть войтомъ Петра Стрѣшенцева. А понеже оной атаманъ Зубковскій помянутымъ старшинамъ полк. согласникъ и таковъ же какъ и старшина полковая обидчикъ, ибо, многократно уже набѣгая въ магистратъ, не одному, но многимъ зъ бурмистровъ и другихъ урядниковъ побоями, такожъ нахальными и гвалтовными на дома наши насилками козаковъ немалые причинилъ и причивляетъ озлобленія и въ единственное поруганіе и крайное посмѣяніе насылаетъ въ магистратъ, какъ въ какое партикулярное мѣсто и ему подчиненное, весьма укорительныя и досадительныя по наставленіямъ своихъ командировъ, непринадлежащія до магистрата требованія, и однимъ словомъ сказать приказы; яко же онъ Зубковскій самовольно, смотря на оныхъ своихъ командировъ, и грунтами магистратовыми знатными завладѣлъ, за что мы въ учрежденной въ г. Переясловѣ комиссіи состоимъ на него челобитчиками, и такъ по всѣмъ вышечисленнымъ обстоятельствамъ его Зубковского войтомъ въ маг—ть Цер. вовсе не желаемъ. Хотя же въ прошломъ 1763 г., по отрѣшеніи бывшаго войта С. Драгоманова, на прошеніе его 3—го мы выбрали были войтомъ, но то учинено отъ насъ по незнанію его, что онъ согласникъ старшинамъ полковымъ и что оныя старшины прикровенно вомѣщали его войтомъ, чтобъ можно было имѣть латвѣйшій способъ ко утѣсненію насъ и оставшихся бѣдныхъ мѣщанъ и посполитыхъ, что все нынѣ наружно оказалось. Въ заключеніе просятъ, чтобъ 3—го ни въ какомъ случаѣ М. К. войтомъ не утверждали.

На доношеніи этомъ канцелярская помѣтка такая: „докладывано Августа 12, оставить велѣно безъ резолюціи“.

Приложеніе № 2.

Доношеніе магистрата Переяславскаго въ Войск. Генер. Канцелярію отъ 8-го января 1756 г. объ опредѣленіи войтомъ избраннаго уже въ эту должность Стефана Драгоманова.

«Будучи при магистратѣ Переяславскомъ за войта Кирило Савоновъ такъ магистрату удержаніемъ воровски казенныхъ денегъ, употребленіемъ партикулярно на привати свои магистратовыхъ доходовъ, яко и насъ всѣхъ нпжайшихъ, магистратовыхъ чиновниковъ и

поспільство, избивая чрезъ многіе годы насильствомъ и боями привелъ ко всекрайніѣшему разоренію, о которыхъ не порядкахъ его Савонова, а особливе за похищеніе казенныхъ денегъ и писменніе дѣла по суду Генеральному и В. Ген. Кан. довольно явствуютъ, по которымъ дѣламъ, рѣшеніемъ Суда Ген., а именно за утайку казенныхъ денегъ, и чина былъ лишень, точію за силу вис. всемылост. указовъ въ той его винѣ прощено; которыхъ претерпѣнныхъ отъ его Савонова не порядковъ и обидъ всѣ обще магистрата Переяславскаго урядники и мѣщане предубѣгад, дабы въ случаѣ помилованія по высоч. указамъ въ слѣдующихъ ему винахъ и препорученіи ему Савонову чина правленіемъ войтовства Переяславскаго въ конецъ магистрату Переяславскаго и насъ нижайшихъ по злобѣ своей онъ Савоновъ разорить не могъ, ибо отъ него Савонова не чего иного чаять можно, какъ точію, когда при прежнемъ своемъ званіи и правленіи въ магистратѣ будетъ, всекрайніѣшого магистрату разоренія и намъ нижайшимъ послѣдней гибели, все общество магистрата Переяславскаго его Савонова за войта болѣе нынѣ и впредь не желаемъ, а желаемъ и избираемъ на мѣсто его Савонова въ тотъ войтовства чинъ достойнаго человѣка значковаго полку Переяславскаго товарища Стефана Драгоманова, опредѣленнаго по ордеру Ген. Войск. Канц. въ магистратѣ за войта къ правленію дѣлъ магистратскихъ, которого добропорядочными нынѣ при правленіи въ магистратѣ Переясловскомъ поступками всѣ обще состоимъ доволни, и что когда онъ Драгомановъ настоящее того войтовства Переясловскаго чинъ получить, то въ магистратѣ дѣйствительно порядки и принадлежности магистратскіе держать и не запускать долженъ будетъ; того ради В. Г. К. въ глубочайшей покорности нашей просимъ о удостоеніи оного Стефана Драгоманова въ чинъ настоящего магистрата Переясловскаго войтовства учиненній нами выборъ милостиво разсмотри въ томъ подъ високою конфѣрмацію Его Ясневельможности (полный титулъ) поднести не оставитъ.

Подписали собственноручно: бурмистры Михайло Тимофѣевъ, Алексѣй Романовъ, Павелъ Куношевскій, Данило Щарій, писарь Симонъ Ловецкій и райцы Алексѣй Марковъ, Дмитро Гребенникъ, Яковъ Оробіовскій и Гаврило Забора.

При этомъ доношеніи приложенъ и самый выборъ, провзведенный 3-го генваря 1756 г. и подписанный тѣми же лицами.

Приложение № 3.

*Полковника Семена Сулимы доношеніе въ Генер. Войск. Канц. отъ
17 октября 1756 г.*

Отъ свато усопшихъ блаженія вѣчно достойнія памяти Ея И. В. высоч. предковъ всемилостивѣйше жаловано: малороссійскому народу при своихъ волностяхъ и правахъ быть, что къ неотмѣнному содержанию и отъ Е. И. В. всемилост. Нашей Государини всевысочайше подтверждено и при пожалованіи высокимъ достоинствомъ Е. Я. высокопovelительного Г. Малыя Россіи обоихъ сторонъ Днѣпра и Войскъ Запорожскихъ Гетмана (полный титулъ) К. Г. Разумовскаго повелѣно быть тому высокому достоинству по пунктамъ Г. Гетмана Богдана Хмелницкого, на основаніи г. Гетмана Скоропадскаго, по пунктамъ же гетмана Хмелницкого, и въ гетманство Скоропадскаго, чтобъ великороссійскимъ персонамъ, паче жъ иноземцамъ, въ Малой Россіи купля козачинхъ и протчихъ грунтовъ свободни ни были, того не показано, а сего году въ недавномъ времени кирасирскаго полку ротмистръ Аврамъ Полянскій у бунч. тов. Тарасевича полку Переясл. въ сотнѣ Золотоноска хуторъ, да при пограничной Переясл. таможенѣ обрѣтающійся лѣварь иноземець Товій Товичъ Гундесбургъ въ городѣ Переясловлѣ дворъ жилой у войта Степана Драгоманова купили и впредь къ большой куплѣ грунтовъ, какъ оніе ротмистръ Полянскій и лѣварь разніе средства сискують и наихъ смотря и другіе къ поупки здѣсь грунтовъ причину свободную имѣтамутъ. Того ради о томъ въ Г. В. К. подъ разсмотреніе нижайше представляю, и какъ о семъ повелѣно будетъ, должность имѣю дожидаться въ резолюцію з Г. В. К. ордера, а до полученія оногo на ту куплю и продажу грунтовъ выдачи кучихъ крѣпостей — имѣть быть пріостановится“.



П. А. КУЛИШЪ.

(*Биографическій очеркъ*). ¹⁾

ЛП.

Сношенія Кулиша съ русинами въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ ждуть своего историка. Мы съ своей стороны, за недостаткомъ данныхъ, ограничимся передачей свѣдѣній, сообщенныхъ намъ А. Я. Конисскимъ, и выскажемъ наше собственное мнѣніе объ этомъ дѣлѣ. Въ 1876 году—говорить г. Конисскій—Кулишъ задумалъ издавать „Журналъ П. А. Кулиша“. Получить разрѣшеніе онъ надѣялся при содѣйствіи Юзефовича²⁾, а привлечь сотрудниковъ и подписчиковъ думалъ печатаніемъ статей на малорусскомъ нарѣчій; съ этой цѣлью онъ рассчитывалъ объявить въ программѣ журнала, что „какъ беллетристика, такъ и статьи по всѣмъ прочимъ отдѣламъ будутъ печататься на томъ языкѣ, на которомъ будутъ написаны авторами“.

¹⁾ См. Кіев. Ст. № 7—8.

²⁾ За Юзефовича Кулишъ всегда хватался, какъ за послѣднюю надежду, какъ утопающій за соломинку.

„Прочитавши программу предположеннаго изданія, онъ спросилъ меня, какъ, по моему мнѣнію, отнесутся къ этому дѣлу мои кіевскіе знакомые. Я отклонился отъ отвѣта за другихъ; отъ себя же сказалъ, что если бы онъ и достигъ разрѣшенія на изданіе, въ чемъ я сомнѣваюсь, то я не принялъ бы никакого участія.

„Кулишъ не усидѣлъ на мѣстѣ и, схватившись руками за голову, началъ увѣрять меня въ невозможности имѣть съ Галичанами какое бы то ни было дѣло. Онъ вспомнилъ о Головацкомъ, Дѣдицкомъ и о какомъ-то предателѣ Коснѣрскомъ. Потомъ рассказалъ мнѣ, что въ 1870 г. онъ былъ за границей, старался основать тамъ, во Львовѣ, періодическое изданіе, но ничего не могъ достигнуть; попалъ съ русинами (нѣкоторыхъ онъ назвалъ по имени) въ такое болото, что едва высочилъ. Вообще онъ высказывалъ тогда о галицкихъ русинахъ крайне невыгодное для нихъ мнѣніе. Искренности ихъ по отношенію къ Украинѣ и украинцамъ онъ совсѣмъ не довѣрялъ; по отношенію къ Украинѣ онъ видѣлъ въ нихъ сепаратистовъ, желавшихъ эксплуатировать украинцевъ; по его мнѣнію, русины-галичане глубоко ополячены и восприняли весьма многія отрицательныя стороны польской шляхты. Въ произведеніяхъ ихъ онъ справедливо не видѣлъ не только *поэзіи*, но и простого поэтического чутья... Вообще онъ старался отклонить меня какъ можно дальше отъ галицкихъ русиновъ. Журналъ его не осуществился. Юзефовичъ принялъ его крайне холодно и отказалъ въ какомъ бы то ни было содѣйствіи“.

„Въ 1881 году я получилъ изъ за-границы неизвѣстно кѣмъ высланные въ закрытыхъ конвертахъ листы изданной Кулишемъ въ Львовѣ „Хуторной поэзіи“. Я пришелъ въ изумленіе, прочитавши въ ней „историчне оповіданне“ ¹⁾ и „зазивний листъ до украинской интеллигенціи“.

¹⁾ Въ этомъ трудѣ своемъ Кулишъ въ сущности опровергаетъ сказанное имъ въ «Повѣсти объ украинскомъ народѣ» (Ср. «Исторія украинской литературы», Петрова, стр. 270—271).

Далѣ г. Конисскій сообщаетъ слѣдующее: „До 1884 года я не зналъ, что было причиною возвращенія Кулиша ко взглядамъ начала шестидесятихъ годовъ. Въ Кіевѣ на этотъ счетъ ходили слухи, русская же пресса, не только та, которая называется „Московскими Вѣдомостями“, но даже кіевская „Заря“ начала клеймить Кулиша эпитетами вродѣ: „измѣнникъ“, „отступникъ“ и т. п. Въ дѣйствительности же Кулишемъ руководило не отступничество, а болѣзненно развитое самолюбіе и желаніе первенствовать. Когда онъ увидѣлъ, что „Исторія возрожденія“ не привела къ желанной цѣли, то отправился въ Галичину и задумалъ издавать здѣсь газету въ духѣ примиренія поляковъ и украинцевъ. Но для этого нужны были средства и австрійское подданство. Мѣстное правительство не прочь было субсидировать изданіе, а Кулишъ готовъ былъ перейти въ австрійское подданство, конечно испросивъ согласіе русскаго правительства (кажется, Кулишъ подалъ объ этомъ просьбу къ министру Внутреннихъ Дѣлъ гр. Игнатьеву и получилъ разрѣшеніе). Но изданіе не осуществилось... Достоверно то, что онъ выѣхалъ изъ Австріи въ 1882 г., раздраженный и противъ правительства, и противъ поляковъ, и русиновъ. Последнихъ въ своей „Крапанкѣ“ онъ просто называетъ „телятами“.

Ходили слухи, что, когда Кулишъ возвратился въ Россію, возникла переписка въ административныхъ сферахъ о ссылкѣ его; но восторжествовало мнѣніе кіевского генералъ-губернатора, чтобы ему было предоставлено спокойно и свободно жить, гдѣ онъ захочетъ“.

Самъ Кулишъ передавалъ дѣло г. Лободовскому иначе: „Въ послѣднюю мою поѣздку во Львовъ я много занимался въ архивахъ польскихъ книгохранилищъ; поляки не щадятъ средствъ для культуры; въ библіотекѣ Осолинскихъ находятся драгоцѣннѣйшіе матеріалы для нашей исторіи“. Дальше, рассказавъ о замѣченной имъ взаимной адской злобѣ поляковъ и галичанъ и о своемъ обращеніи къ знаменитому Крашевскому съ просьбой помочь его желанію дѣйствовать на поляковъ въ

примирительномъ духѣ и полученіи отъ него отказа подъ предлогомъ старости, Кулишъ сообщалъ объ интригѣ поляковъ противъ него. „Одинъ полякъ“—говорилъ онъ—„отъ группы какихъ-то богатыхъ польскихъ пановъ сдѣлалъ такое предложеніе: „нѣсколько польскихъ богатыхъ пановъ желаютъ помочь вамъ, панъ Кулишъ, въ осуществленіи вашихъ культурныхъ стремленій; они знаютъ, что вы человѣкъ не богатый, поэтому предлагаютъ вамъ самому назначить сумму денегъ, которая потребна будетъ для осуществленія вашихъ завѣтныхъ желаній, т. е. изданія газеты, журнала, книгъ, на малорусскомъ, конечно, языкѣ и во Львовѣ, но съ условіемъ, что примете австрійское подданство. Зная васъ, они къ вамъ относятся съ полнымъ довѣріемъ“. „Зная любовь поляковъ къ культурѣ и щедря ихъ пожертвованія для культурныхъ цѣлей“,—продолжаетъ Кулишъ—„зная рыцарскія качества характера нѣкоторыхъ поляковъ, я отнесся съ довѣріемъ къ предложенію“. Кулишъ согласился на предложеніе, предполагая издавать малороссійскій журналъ и газету, вести ихъ въ томъ духѣ, въ какомъ онъ желалъ, и основать съ патріотическими цѣлями женскую гимназію во Львовѣ „съ интернатомъ для галичанокъ—матерей будущихъ патріотовъ“¹⁾. Дальнѣйшая исторія понятна: когда Кулишъ увидалъ, что у его новыхъ друзей и покровителей былъ свой особый умыселъ и что они хотѣли только воспользо-

1) Также Кулишъ старался убѣждать своихъ знакомыхъ дѣвушекъ-малороссіянокъ серьезно заниматься исторіей Малороссіи, выписывая имена и года, «какъ студенты передъ экзаменомъ», чтобы хорошо знать исторію родного края, «какъ всякая образованная полька знаетъ свою исторію». «Не было бы для меня большей радости на Украинѣ—говорилъ онъ—«какъ видѣть горячихъ сердцемъ людей, которые жили бы не одними земными интересами, какъ мотылекъ, который сегодня красуется на солнцѣ, а завтра умеръ, не заботясь, что было до него и будетъ послѣ. Глаголы Божіи мы читаемъ въ жизни царства и народовъ, всякій народъ горемъ и счастьемъ готовится на свое дѣло въ общемъ дѣлѣ человѣчества» и проч.

ваться его дарованіями и энергіей для собственныхъ цѣлей, употребивъ его за деньги (какъ имъ хотѣлось) въ качествѣ орудія, уже тогда, когда для него возвращеніе въ Россію будетъ отрѣзано,—онъ, разумѣется уклонился отъ ихъ предложенія, но прошеніе о разрѣшеніи принять австрійское подданство уже было подано ¹⁾).

Итакъ Кулишъ оставался все время вѣренъ своей завѣтной мечтѣ—дѣйствовать для національнаго возрожденія Украйны посредствомъ періодическаго изданія, но осуществить ее ему не удавалось, а между тѣмъ на этой струнѣ и на склонности его увлекаться излюбленной идеей до забвенія осторожности задумали играть по-своему представители иной народности и иныхъ интересовъ, лукаво поставивъ ему такую сѣть, изъ которой онъ могъ выйти лишь сильно (хотя и несправедливо) скомпрометгированнымъ одновременно и передъ правительствомъ, и передъ украйнофилами галицкими и русскими. Между тѣмъ перенести свою дѣятельность въ Галицію Кулишъ хотѣлъ вѣдь потому, что она была рѣшительно невозможна въ Россіи. Да и средства для созданія новаго, и притомъ малороссійскаго, органа, еслибы предположить даже, что послѣдній былъ бы разрѣшенъ, ему никто и никогда не предлагалъ. „Малороссійскій органъ“—писалъ Кулишъ И. И. Бѣлозерскому — „покамість невозможенъ по недостатку фонда. Поэтому не лучше ли избрать почву нейтральную? Австрія, правда, паршивое государство, но тамъ нѣмцы, ляхи и жидаи заѣдаютъ русиновъ, однакожъ, русины имѣютъ множество періодическихъ изданій и книгъ“. Всѣ его неудачи и недоразумѣнія, по нашему мнѣнію, объясняются въ значительной

¹⁾ См. «Кіевскую Стар.», 1897, IV, 166—170. Кажется, Кулишъ былъ постепенно вовлеченъ въ сѣть, такъ какъ изъ одного письма его къ И. И. Бѣлозерскому видно, что онъ былъ сначала увѣренъ въ возможности основать собственную типографію и получить «концессію», не принимая австрійскаго подданства.

степени тѣмъ, что онъ видѣлъ себя вынужденнымъ дѣйствовать на чужой почвѣ, за полной невозможностью дѣйствовать на своей, а среди чужихъ онъ естественно встрѣчалъ не совсѣмъ тѣ или даже совсѣмъ не тѣ стремленія, какія были у него; компромиссы, конечно, только портили дѣло и создавали недоразумѣнія. Что же касается польской партіи, то она, очевидно, привлекая Кулиша для своихъ интересовъ, дорожила авторитетомъ его имени среди украинцевъ и вмѣстѣ благопріятнымъ для поляковъ отрицательнымъ отношеніемъ его къ козачеству. Отсюда вполне естественно возникала надежда воспользоваться его идеей воссоединенія совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималъ его Кулишъ ¹⁾, высказавшій свой взглядъ на польско-украинскія отношенія въ „Крапанкѣ“ (какъ бы онъ ни увлекался въ остальномъ) такимъ образомъ: „Съ обѣихъ сторонъ (съ украинской и съ польской) столько было кроваваго зла, что нѣтъ суда на землѣ, который могъ бы насъ расудить, а мы вмѣсто того, чтобы все предать забвенію, хотимъ по прежнему, по варварски, по звѣриному враждовать между собой“. Но этой прекрасной и истинно-гуманной идеѣ ему не удавалось служить безъ компромиссовъ то въ одну, то въ другую сторону, въ значительной степени объясняемыхъ трудностью балансировать среди историческихъ, вѣковыхъ народныхъ несогласій, и это—несомнѣнный источникъ почти не-

¹⁾ По словамъ «Галицкой Руси», указывающей на планъ поляковъ найти редактора русинскаго журнала съ громкимъ именемъ и притомъ украинца, «найденъ былъ украинецъ и не какой-нибудь, а самъ авторъ «Черной Рады», поэтъ и историкъ, изобрѣтатель фонетическаго правописанія, названнаго въ Галичинѣ въ его честь «кулишевкой», «идеаль галицкихъ украинофиловъ». (1892 г., № 226 фельетонъ). «Галицкая Русь» взводитъ на Кулиша тяжелое и позорное обвиненіе въ продажности, но весьма наивно объясняетъ быстрый, для всѣхъ неожиданный отъѣздъ Кулиша изъ Львова тѣмъ, что у него не достало терпѣнія ждать (sic) осуществленія задуманнаго журнала.

избѣжныхъ промаховъ и ошибокъ Кулиша. Да и трудно было иначе, потому что и самъ Кулишъ, въ свою очередь, желая быть миротворцемъ, имѣлъ всегда въ виду то такъ, то иначе понимаемая выгоды своей родной и дорогой *Украины*: отсюда, мнѣ кажется, можно понять и его быстрое увлеченіе поляками въ Львовѣ, и быстрое же въ нихъ разочарованіе. Еслибы Кулишъ могъ дѣйствовать на этой вулканической почвѣ прямо и подъ опредѣленнымъ знаменемъ, не примыкая къ постороннимъ партіямъ, то, безъ сомнѣнія, несмотря на то, что послѣ въ своемъ разочарованіи онъ обманывалъ себя, говоря, что онъ не политикъ, а историкъ ¹⁾, онъ могъ бы быть крупной силою, чтó отлично понимали какъ искавшіе его союза, такъ и тѣ, кто, видя въ немъ противника, опытали его страстными проклятіями ²⁾.

ЛІІІ.

Послѣднее десятилѣтіе было опять тяжелой порой въ жизни Кулиша. Продолжая на склонѣ лѣтъ съ неутомимой энергіей и горячимъ, почти юношескимъ увлеченіемъ служить избранному „дѣлу жизни“, какъ бы не чувствуя тяжести вереницы пережитыхъ, нелегкихъ во всѣхъ отношеніяхъ, годовъ, онъ былъ теперь со всѣхъ сторонъ тѣснимъ неблагоприятными условіями, почти нигде не встрѣчая поддержки и нравственнаго одобренія. Уединившись въ своемъ хуторѣ, отрѣзанный

1) «Кіевская Старина», 1897, IV, 170.

2) Н. И. Костомаровъ упрекалъ Кулиша за «Жрашанку», въ которой авторъ изложилъ взгляды, противные обѣимъ прежнимъ направленіямъ—и тому, съ которымъ онъ трудился цѣлыхъ тридцать прежнихъ лѣтъ, и тому, съ которымъ въ 70-хъ годахъ явился въ Петербургъ и Москвѣ. («Вѣстн. Евр.», 1882, VIII, стр. 731).

силой неумолимыхъ обстоятельствъ отъ центровъ, Кулишъ былъ тогда богатъ развѣ литературнымъ прошлымъ и широкими планами, но не тѣмъ могущественнымъ металломъ, который открываетъ двери къ благополучному процвѣтанію въ житейскомъ смыслѣ. Въ это время его измѣнившіеся взгляды на роль, которую играли козаки въ исторіи Украины XV—XVII вѣковъ, навлекли на него сильнѣйшее нерасположеніе украинской партіи, да и въ Галиціи было не мало недовольныхъ имъ, хотя по другимъ причинамъ. Цензура съ своей стороны продолжала относиться къ нему съ явнымъ недовѣріемъ. Тяжело было переносить это общее равнодушіе, а иногда и ожесточеніе.

Кулишъ уже отрекся отъ всякихъ надеждъ на славу даже въ потомствѣ, говоря (въ письмѣ къ Волкъ-Карачевской), что онъ будетъ только неустанно дѣло дѣлать, а дѣла столько, что некогда и съ добрыми людьми поговорить; воспользуется ли кто этимъ трудомъ, этого никто не знаетъ, но такъ или иначе правда восторжествуетъ, а пока надо подождать лѣтъ сто, когда „жизнь вызоветъ на Божій свѣтъ правду слова и дѣла“. Также В. Н. Волкъ-Карачевскому онъ писалъ: „За мою правду Богъ далъ мнѣ такое здоровье, какое никому изъ моихъ знакомыхъ“. „Если бы я зналъ, что я не правъ, я бы тотчасъ сжегъ свои бумаги и сломалъ перо, а такъ какъ правыхъ людей не вижу, то лучше одинъ останусь съ своей правдой, нежели примкну къ „стоустому недоразумѣнію“.

И вотъ въ это-то и безъ того нерадостное время судьба послала ему одинъ за другимъ рядъ жестокихъ невзгодъ чисто житейскаго характера: то пожаръ наноситъ беспощадный ударъ его крайне скуднымъ матеріальнымъ средствамъ и лишаетъ его самага дорогого сокровища и самой высокой отрады—многолѣтними жертвами собранной бібліотеки, то недобросовѣстный арендаторъ - полякъ всевозможными злоупотребленіями вовлекаетъ въ мелкія дразги повседневной жизни всѣми забытаго труженика мысли и пера и вынуждаетъ его наконецъ начать съ собой тяжбу. По разнымъ мелочнымъ причинамъ человѣку

живого, общительнаго темперамента, дѣятелю, рожденному для широкой арены и съ призваніемъ къ трибунѣ, приходилось все тѣснѣе замыкаться съ горькимъ чувствомъ въ своемъ хуторскомъ уединеніи, и такое отчужденное положеніе, хотя и въ годы приближающейся старости, но когда, не смотря на то, въ жилахъ все еще кипѣла кровь, было тяжелымъ и незаслуженнымъ испытаніемъ. Но все это не сломило Кулиша и не лишило его бодрости ¹⁾: онъ продолжалъ заниматься домашними работами, причемъ даже самъ пахалъ землю по принципу, хотя и не былъ послѣдователемъ Л. Н. Толстого, и въ это же время его литературная дѣятельность нисколько не ослабѣвала, не смотря на то, что его труды оставались подолгу въ рукописяхъ и не находили живого отголоска.

Отрицая эпоху козачества, какъ вредное исчадіе польской культуры и ложный историческій наростъ, Кулишъ хотѣлъ теперь видѣть возрожденіе Украины на почвѣ до-монгольской „старорусчины“. Въ письмахъ къ Волкѣ-Карачевской въ 90-хъ годахъ онъ подробно развиваетъ этотъ взглядъ; сходясь съ нею въ украинскомъ патріотизмѣ, онъ указываетъ и существенное разногласіе: „в тебе козащина—корінь и цвіт нашої національності, а мене вона допомогла нашому культурному ходу ще менше, ніж у середніх віках нашим західнім сусідам допомогли рицарі“. Единственной заслугой козачества Кулишъ признавалъ то, что оно привело къ соединенію Малороссіи съ Москвой. Онъ сильно вооружается противъ республики шляхетской и козацкой, но начатки украинской культуры, по его мнѣнію, не заглушили ни кіевскій апостоль Петръ Могила, ни Лазарь Барановичъ. Козачество онъ прямо называетъ „ляхотарскимъ выродкомъ“. Пушкинская „Новорусчина“ воскресла

¹⁾ Еще въ 1857 г. Кулишъ замѣчательно мѣтко охарактеризовалъ свою натуру: «Природа создала меня удивительно: какъ бы ни разстроили меня внѣшнія вліянія, изъ души моей поднимается сила, которая опять все приводитъ въ гармонію».

старый баяновскій духъ и потому не враждебна по своей русской природѣ Украинѣ, которая, однако, должна сохранить и развить свою культуру, на два вѣка задержанную казачествомъ. Этой-то культуры, въ противоположность „Костомаро-Тарасовщинѣ“, Кулишъ называетъ себя „босоногимъ апостоломъ“.

Въ концѣ 1884 г. вышелъ въ свѣтъ „Байда“ и былъ быстро раскупленъ любителями малороссійской литературы, но это была сравнительно скудная дань таланту Кулиша, и въ то же самое время другія его произведенія и статьи, печатаемыя въ „Южномъ Краѣ“ и другихъ мало распространенныхъ изданіяхъ, иногда оставались неизвѣстными даже знатокамъ и любителямъ прошлаго Малороссіи. Болѣе крупной работой Кулиша въ это время была его статья „Предшественникъ козакаго батька“, и, кромѣ того, тогда онъ съ удвоенной энергіей занимался послѣднимъ своимъ обширнымъ историческимъ трудомъ „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“,—съ удвоенной между прочимъ потому, что по нынѣшнимъ взглядамъ Кулиша, дѣятельность Хмельницкаго заслуживала совершенно не той оцѣнки, какая установилась въ нашей исторической литературѣ и рисовалась автору изслѣдованія въ крайне несимпатичномъ свѣтѣ; необходимо было, съ его точки зрѣнія, поспѣшить съ окончаніемъ и обнародованіемъ его труда, чтобы предупредить уже предполагавшееся тогда открытіе памятника Богдану Хмельницкому въ Кіевѣ. Выступая на эту дорогу, Кулишъ окончательно расходился во взглядахъ съ прежнимъ задушевымъ другомъ Костомаровымъ, отъ котораго его уже давно отдалило несходство въ убѣжденіяхъ.

Но вдругъ Кулишъ получилъ телеграмму отъ г. Мордовцева о смерти незабвеннаго историка, товарища его лучшихъ юношескихъ трудовъ, надеждъ и увлеченій. Прошлое живо воскресло въ его памяти, и явилась потребность отложить на нѣкоторое время начатыя труды и взяться за перо, чтобы въ воспоминаніяхъ изобразить привлекательную личность усопшаго

прежняго друга. Эти воспоминанія были потомъ напечатаны въ Вольфовской „Нови“.

LIV.

Между тѣмъ Кулиша ожидали новыя теплыя дружескія отношенія съ людьми, уважавшими его дѣятельность и умѣвными оцѣнить его личныя достоинства. Въ числѣ такихъ людей назовемъ юнаго любителя украинской словесности Н. В. Стороженка и уже много потрудившагося на скромномъ поприщѣ провинціальной прессы П. И. Зуйченка. Первый вступилъ въ сношенія съ Кулишомъ по поводу нѣкоторыхъ интересовавшихъ его свѣдѣній относительно „Основы“ и дѣятельности въ ней его дяди А. П. Стороженка, и, въ свою очередь, былъ отчасти посредникомъ въ сношеніяхъ Кулиша съ редакторомъ „Кіевской Старины“ Лебединцевымъ. Однажды до Кулиша дошли какія-то сплетни, въ которыхъ былъ представленъ отзывъ о немъ въ одной изъ статей „Кіевской Старины“, но это оказалось несправедливымъ. „Пересмотрѣвши нарочно повнимательнѣе „Кіевскую Старину“—писалъ Н. В. Стороженко—„я не нашелъ ни въ одной статьѣ, посвященной разбору вашей дѣятельности, ни въ одной рецензій вашихъ трудовъ, ни въ одномъ изъ многократныхъ упоминаній вашего имени, не нашелъ ничего подобнаго тому, что вамъ передали. Лебединцевъ, если и имѣетъ какія-нибудь несимпатичныя черты въ своемъ характерѣ, никогда бы не допустилъ, чтобы его изданіе было замазано гнусными измышленіями“ и проч. Стороженко сообщалъ въ своихъ письмахъ къ Кулишу о разныхъ литературныхъ новостяхъ, спеціально касающихся Украины, указывалъ на труды молодого харьковскаго профессора Сумцова и первый указалъ ему на сочиненія о Малороссіи доктора Ролле, которыя вскорѣ обратили на себя сочувственное вниманіе Кулиша, на труды г. Горленка и проч. Въ

перепискѣ съ Стороженкомъ Кулишъ затрагивалъ вопросы, касающіеся назначенія и отличительныхъ свойствъ малорусской народности, и рекомендовалъ своему молодому корреспонденту тотъ энтузіазмъ къ родной старинѣ, какимъ отличаются особенно поляки. Въ своемъ другомъ новомъ корреспондентѣ, Зуйченкѣ, Кулишъ былъ пріятно удивленъ соединеніемъ искренности, прямодушія съ теплотой сердечной и большимъ доброжелательствомъ,—качествами, которыя онъ всегда цѣнилъ особенно высоко.

Зуйченко, уже давно слѣдившій за дѣятельностью Кулиша и возмущавшійся отношеніями къ нему галицкихъ русиновъ, еще до личнаго знакомства съ нимъ чуть не вмѣшался въ эти отношенія, возмущенный вчужѣ тѣмъ, какъ его „обирали во Львовѣ“. Теперь, вступивъ съ нимъ въ переписку, онъ не вытерпѣлъ, чтобы на первыхъ же порахъ не выразить ему чистосердечно своего негодованія по этому поводу, при чемъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, прямо сказалъ: „Такого чоловіка, якъ ви, мій друже, я вперше зроду бачу: сами жъ ви жалуетесь на те, які вамъ капости робили львовскіе братчики, а тутъ же заразъ за їхъ руку тягнете“. Кулишъ былъ очень заинтересованъ этимъ откровеннымъ мнѣніемъ Зуйченка и потребовалъ объясненія причины высказаннаго взгляда, на что получилъ слѣдующій не менѣе откровенный отвѣтъ: „Якъ колись довелось мені прожити у Відні, то за ваше львовске життя чувъ я не відъ єднаго покойника Раевского, а ще казали мені де які Русини про вашу прихильность, та про те, якъ їхъ братчики вивертали вашу вишеню на свою потребу“. Несмотря на черезчуръ свободную искренность этихъ строкъ, въ нихъ дышала преданность, объясняемая тѣмъ, что еще въ раннемъ дѣтствѣ автору ихъ приходилось часто слышать о Кулишѣ отъ знакомыхъ отца, и уже тогда въ его душу запало глубокое почтеніе къ нему, какъ къ надеждѣ и гордости всей Украйны. Изъ этихъ знакомыхъ особенно поразилъ его, еще ребенка, своимъ восторженнымъ отзывомъ родственникъ Пушкина, Николай Ивановичъ Павли-

щевъ, глубокой знатокъ и любитель малороссійскихъ пѣсенъ и азыка. ¹⁾

Зуйченко былъ очень радъ случаю завязать съ Кулишомъ переписку и жаждалъ личнаго знакомства съ нимъ, для чего настойчиво и съ какой-то задушевной сердечностью звалъ его къ себѣ, стыдя его между прочимъ за то, что онъ, горячій украинскій патриотъ, не видалъ никогда днѣпровскихъ пороговъ и мѣста пребыванія прежней запорожской сѣчи; въ ожиданіи личнаго знакомства онъ просилъ Кулиша прислать его портретъ.

LV.

Вскорѣ вѣрный и преданный Зуйченко становится однимъ изъ повѣренныхъ думъ Кулиша и начинаетъ даже входить въ его домашніе интересы, отговаривая его затягивать пререканія

¹⁾ Зуйченко сохранилъ въ своей памяти нѣкоторыя чрезвычайно любопытныя подробности о томъ, какъ на *partie de plaisir* къ отстоявшей на нѣсколько верстъ отъ Екатеринослава разрушенной польской крѣпости, Павлищевъ—любившій съ артистическимъ увлеченіемъ декламировать: «Бьютъ пороги, місяць сходять», и отличаясь необыкновенной памятью,—на разпросы Зуйченка, гдѣ можно найти данныя для описанія процедуры вступленія обветшалого запорожца въ «ченця», которое было нужно ему для описанія запорожскаго сарматскаго монастыря, отвѣтилъ:—«Конечно, у Кулиша въ «Черной Радѣ!» и немедленно проговорилъ на память слово въ слово описанія козацкаго вступленія въ монахи.

Такъ, многими несправедливо забываемый Кулишъ совершенно случайно узнавалъ иногда о своихъ искреннихъ и горячихъ почитателяхъ, симпатіи которыхъ къ нему подготовлялись еще съ раннихъ лѣтъ и которые слишкомъ поздно встрѣчались иногда съ нимъ на живенномъ пути.

съ арендаторомъ, отъ которыхъ не ждалъ ничего добраго. Кулишъ, въ свою очередь, осыпаетъ его дружескими порученіями; въ нему онъ обращается въ числѣ другихъ и съ просьбой о портретѣ украинскаго философа Сковороды, свято чтимаго именно той фракціей украинофиловъ, къ которой принадлежалъ и его корреспондентъ. (Любопытно, что для этого потребовалось Зуйченку вступить въ сношеніе съ сыномъ одного молочана, который долженъ былъ снять копію съ портрета тайно отъ отца, потому что у этой секты Сковорода почитается святымъ и копія съ его портрета снимаются и отдаются весьма неохотно). Кромѣ того, они дѣлились другъ съ другомъ неизвѣстными прежде украинскими думами и, наконецъ, по желанію Зуйченка, Кулишъ прислалъ ему однажды автографы Гоголя и Шевченка.

Главной связью между обоими корреспондентами служили ихъ общіе историко-литературные украинскіе интересы и литературные замыслы каждаго изъ нихъ. Кулишъ, окончивъ „Байду“ и ободренный успѣхомъ этой пьесы, задумывалъ новую драму „Царь Наливай“, при чемъ въ отысканіи данныхъ помогалъ ему и Зуйченко, находившій избираемые сюжеты весьма драматическими: „За „Байду“ я вамъ скажу, що се дуже важна тема для драматичности: „Байда“ зложивъ свою голову не за лицарську, або за народну користь, а за честолюбивий помисель молдавського господарства. „Царь же Наливай“—друге діло—тутъ висота драматизма безъ винця, якъ у шекспировскаго Ю. Цезаря або Лира“. И вотъ онъ съ живымъ участіемъ начинаетъ разыскивать для Кулиша въ разныхъ концахъ Южной Руси, какія только можно раздобыть, думы о Наливайкѣ, а потомъ тревожится за участь уже написаннаго произведенія со стороны цензурныхъ мытарствъ и урѣзокъ. Отыскиваніе рукописей Сковороды и стараніе отдѣлить его подлинныя труды отъ подложныхъ, отыскиваніе его портрета и другія дѣла вовлекли обоихъ корреспондентовъ съ сношенія съ редакторомъ „Кіевской Старины“ Лебединцевымъ, посредникомъ въ которыхъ явился для нихъ Н. В. Стороженко. Лебединцеву было предложено напечатать пьесу

„Царь Наливай“, и онъ съ радостью ухватился за эту мысль, но переданныя ему Стороженкомъ условія Кулиша оказались непосильными для спеціального журнала съ ограниченнымъ числомъ подписчиковъ, и дѣло разстроилось. Этотъ эпизодъ произвелъ непріятное впечатлѣніе на Кулиша. Одинъ изъ его корреспондентовъ справедливо возражалъ на его сѣтованіе: „Мнѣ кажется, что вы чрезчуръ пессимистически смотрите на современность; издателей найти трудно, съ цензорами имѣть дѣло еще труднѣе, но читатели нашлись бы: за прошлое царствованіе народъ нашъ подвинулся значительно впередъ въ умственномъ развитіи и чувствуетъ потребность въ духовной пищѣ; только давайте хорошіе, написанные въ національномъ духѣ труды, — такъ и проглатываетъ“. Но, во всякомъ случаѣ, обойти издательскія и цензурныя передрыги было невозможно, и то и дѣло встрѣчались недоразумѣнія изъ-за правописанія и разныхъ перерковъ. „Вы пишете такъ легко и хорошо, что все ваши произведенія читаются съ величайшимъ удовольствіемъ“, говорили съ разныхъ сторонъ Кулишу, но дѣла не подвигались отъ этого скорѣе и затрудненія продолжали его волновать все сильнѣе и мучительнѣе. Въ одномъ письмѣ къ Огоновскому Кулишъ горько жаловался на то, что его одинаково стѣсняютъ русская и заграничная польская цензура, русскіе попы и польскіе ксендзы, русскіе и галицкіе козакоманы и пр. Въ то же время къ Кулишу нерѣдко обращались съ предложеніемъ сотрудничества. Черезъ г. Стороженка ему было предложено г-мъ Горленкомъ принять участіе въ какомъ то предполагаемомъ сборникѣ чисто этнографически-беллетристическаго характера, который бы являлся продолженіемъ „Записокъ о Южной Руси“ и „Хаты“, причемъ „было желательно, чтобы имя виновника появленія на свѣтъ этихъ двухъ трудовъ украсило страницы изданія“, и съ такими же предложеніями охотно обращались къ Гаянѣ Барвинонѣ, но цензурныя стѣсненія и здѣсь постоянно стояли на дорогѣ; такъ напр., „Кіевская Старина“ должна была просить по настояніямъ цензуры передѣлать одинъ рассказъ, написанный

на малороссійскомъ языкѣ, потому что можно было допустить только смѣшанную рѣчь—разговоры по-малорусски, а описаніе и все остальное на литературномъ языкѣ. 1) Въ числѣ лицъ, обращававшихся къ Кулишу съ литературными предложеніями въ серединѣ 80 годовъ, слѣдуетъ назвать, между прочимъ, его стараго знакомаго Сердюкова, 2) задумавшаго составить „Словарь“, который заключалъ бы въ себѣ „сводъ всей малороссійской литературы“. Кулишъ, съ своей стороны, указалъ ему въ качествѣ образца для такого труда словарь Желиховскаго (которымъ, однако, Сердюковъ остался не вполне доволенъ), и, въ свою очередь, получилъ приглашеніе участвовать въ предполагаемомъ предпріятіи и даже переѣхать для этой цѣли въ одну изъ сто-

1) Въ письмахъ Н. В. Стороженка къ Кулишу мы встрѣчаемъ между прочимъ слѣдующіе два курьеза: во-первыхъ, рассказъ о томъ, какъ уже выжившій изъ ума старикъ Платонъ Лукашевичъ, всегда впрочемъ отличавшійся странностями, предложилъ В. Б. Антоновичу и другимъ лицамъ въ завѣщаніи свою бібліотеку и архивъ, но съ тѣмъ условіемъ, что душеприкащики обязуются перевести на французскій языкъ (sic) всѣ шестнадцать томовъ его «Чаромутія»; во-вторыхъ, любопытное сообщеніе о заявленіи въ Общество исторіи и древностей казначея Карпова, послѣ смерти Н. И. Костомарова, что, отдавая должное трудолюбію и таланту покойнаго, не должно забывать, что онъ всюду старался унизить все русское, развѣнчивая народныхъ героев. Послѣ окончанія его рѣчи, профессоръ Тихонравовъ замѣтилъ, что все это такъ любопытно, что заявленіе Карпова слѣдуетъ напечатать съ рѣчью его предшественника по слову, Забѣлина. Карповъ понялъ, что его поймали, и началъ увертываться, говоря, что онъ собственно ничего не имѣетъ противъ Костомарова, но что онъ какъ русскій и т. д.; затѣмъ онъ сконфузился, покраснѣлъ и сѣлъ. Общество постановило напечатать только рѣчь Забѣлина въ «Чтеніяхъ».

2) См. о немъ «Кіевск. Стар.», 1897, X, 32—37, XI, 243—244 и XII, 468.

лицъ или въ Кіевъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принять на себя совмѣстное съ Сердюковымъ изданіе сочиненій Костомарова. ¹⁾)

Наконецъ и Зуйченко задумалъ цѣлый рядъ собственныхъ изданій, изъ числа которыхъ вскорѣ былъ осуществленъ на дѣлѣ „Екатеринославскій листокъ объявленій“; онъ часто совѣтовался съ Кулишомъ и желалъ его сотрудничества. Онъ предполагалъ также выпускать «Календарь-Рекламу», который по его мысли долженъ былъ заключать въ себѣ не только русскія, но также общеевропейскія объявленія. Замышлялъ онъ наконецъ издавать газету «Основа», самое названіе которой должно было служить напоминаніемъ о прежнемъ журналѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, образцомъ для нея, по собственному признанію Зуйченка, былъ одинъ издававшійся въ Львовѣ журналъ. Когда же изъ всѣхъ этихъ изданій былъ разрѣшенъ только «Листокъ Объявленій», то Зуйченко просилъ Кулиша заготовить публикаціи на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ. Между пріятелями было условлено свиданіе для личнаго знакомства и дѣловыхъ объясненій, но вскорѣ Зуйченко въ одномъ изъ писемъ упомянулъ о начавшемся недоумганіи, которому онъ не придавалъ сначала особаго значенія, но которое окончилось вскорѣ его смертию.

LVI.

Въ 1886 году началось мое также заочное знакомство съ П. А. Кулишомъ, поводомъ въ которому послужило мое обра-

1) Сердюковъ даже писалъ Кулишу: „бросьте всѣ ваши историческія занятія а займитесь редакціей словаря, который по мѣрѣ небѣльванія, буду вамъ присылать“, и вслѣдъ затѣмъ предлагалъ Кулишу весьма выгодныя въ матеріальномъ отношеніи условія, имѣя въ виду критическое положеніе Кулиша и завлекая его, между прочимъ, возможностью пріобрѣтенія на льготныхъ условіяхъ помѣстья въ западномъ краѣ. Кулишъ не пошелъ на это.

щеніе къ нему по составленію «Указателя къ письмамъ Гоголя» съ просьбой указать могуція быть неточности и ошибки. Занимаясь изученіемъ жизни великаго писателя, я встрѣчалъ вначалѣ значительныя затрудненія на каждомъ шагѣ вслѣдствіе тщательнаго маскированія собственныхъ именъ, сдѣланнаго П. А. Кулишомъ въ его изданіи въ пятидесятыхъ годахъ по требованію С. И. Аксакова и П. А. Плетнева. Долго меня затрудняли самыя справки о мѣстѣ жительства Кулиша, о чемъ никто не могъ доставить вѣрныхъ свѣдѣній, пока, по совѣту А. Н. Пыпина, я не рѣшился обратиться въ редакцію «Кіевской Старины» съ просьбою переслать мое письмо Кулишу. Вскорѣ же былъ полученъ самый дружелюбный и любезный отвѣтъ съ пожеланіемъ, чтобы наше новое знакомство сдѣлалось со временемъ старымъ и многолѣтнимъ (здѣсь былъ намекъ на извиненіе, что я сразу позволилъ себѣ обратиться къ Кулишу, «какъ къ старому знакомому»), но въ слѣдующемъ же письмѣ онъ невольно разочаровалъ меня относительно моихъ надеждъ на исправленіе вкрапившихся ошибокъ: «Очень хотѣлось бы вамъ услужить, но на свою память касательно собственныхъ именъ, обозначенныхъ иностранными буквами, не полагаюсь»—отвѣчалъ онъ мнѣ... «Послѣ столькихъ лѣтъ иного рода работъ я сталъ чужимъ въ области вашего изученія». Въ то же время П. А. Кулишъ, желая помочь Н. А. Бѣлззерской въ ея трудѣ при составленіи для «Русской Старины» біографіи М. И. Гоголь, просилъ меня разыскать автобіографію «этой прекрасной женщины» въ бібліотекѣ наслѣдниковъ графа Александра Петровича Толстого и спрашивалъ у меня нѣкоторыя подробности, касающіяся М. И. Гоголь, которыя мнѣ легко было узнать по моимъ отношеніямъ къ покойной сестрѣ нашего знаменитаго писателя, Аннѣ Васильевнѣ. Эту просьбу исполнить ничего не стоило, но проникнуть къ 90-лѣтней графинѣ Толстой, жившей уединенно и замкнуто въ Москвѣ въ собственномъ домѣ на Садовой улицѣ, оказалось совершенно невозможнымъ, и Кулишъ напрасно совѣтовалъ мнѣ «сыскать въ Москвѣ посвященнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстнаго въ аристократической средѣ архимандрита или архіерея». «Изъ

любви къ литературѣ» — прибавлялъ онъ — «подобный авторитетъ могъ бы обрѣсти въ домѣ графини ключъ отъ грѣшнаго въ ея глазахъ книгохранилища. Никакими другими средствами съ нею не совладаете». По этому поводу Кулишъ выразилъ свой душевный, часто имъ высказываемый взглядъ на то, что жизнь отъ насъ требуетъ безотлагательнаго дѣла жизни. «Послѣ насъ и послѣ всего, что мы съ вами и подобными вамъ трудолюбцами сдѣлаемъ, жатва по старому будетъ многа, дѣлателей же будетъ мало».

Вскорѣ П. А. Кулишъ просилъ меня похлопотать объ изданіи его послѣдняго крупнаго труда «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши». «Въ Москвѣ» — говорилъ онъ — «эта книга должна больше нравиться, нежели гдѣ-либо, такъ какъ изъ трехъ элементовъ: польскаго, малороссійскаго и московскаго, сей послѣдній, на основаніи моихъ изученій, представленъ въ своемъ оправданномъ исторіей превосходствѣ». При этомъ онъ совѣтовалъ мнѣ обратиться съ просьбой объ изданіи книги къ г. Солдатенкову, а судьбою своего труда для рекомендаціи послѣдняго желалъ имѣть Д. Θ. Самарина.¹⁾ Но дѣло оказалось далеко не такимъ легкимъ, какъ оно представлялось Кулишу. Достоинства живого, изящнаго литературнаго изложенія и яркихъ историческихъ характеристикъ, заключающихся въ этомъ трудѣ, мало могли помочь уже потому, что тѣ лица, къ которымъ Кулишъ думалъ обратиться черезъ меня, не поинтересовались даже ознакомиться съ книгой. Тогда явился новый планъ — представить рукопись всего этого обширнаго трехтомнаго сочиненія въ Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ для напечатанія въ «Чтеніяхъ». Но тутъ начался рядъ новыхъ мытарствъ.

Главные члены Общества Исторіи и Древностей, тогдашній предсѣдатель И. Е. Забѣлинъ и профессоръ В. О. Ключевскій, —

¹⁾ «Я думалъ» — писалъ намъ Кулишъ, «что Самаринъ и Солдатенковъ обрадуются случаю заявить публикѣ о такихъ хулахъ на «духа премудрости, духа разума, духа страха Божія», какія указаны мною въ воспоминаніяхъ о Гермогенѣ, Филаретѣ Никитичѣ и проч.»

высшій предсѣдатель Общества, въ то же время лишь болѣе вліятельный членъ,—въ общихъ чертахъ ознакомившись съ трудомъ Кулиша, отнеслись къ нему сочувственно и рѣшили внести въ Общество предложеніе о напечатаніи книги, причемъ Кулишъ настаивалъ на томъ, чтобы всѣ три тома были отпечатаны въ продолженіе года, на что и послѣдовало согласіе Общества. Но книги „Чтеній“ въ то время отчаянно запаздывали выходомъ, такъ что Общество, не отступая отъ своего обѣщанія и дѣйствительно помѣстивъ трудъ Кулиша въ трехъ послѣднихъ книгахъ «Чтеній» за 1888 г., однако растянуло печатаніе приблизительно на полтора года.¹⁾ Но медленность была въ данномъ случаѣ еще наименьшимъ зломъ, тогда какъ автору пришлось вынести много мелочныхъ непріятностей, начиная съ заявленія казначея Общества Карпова о томъ, что, сходясь съ нимъ во многихъ взглядахъ и якобы даже заимствовавъ оныя изъ книги послѣдняго о «Богданѣ Хмельницкомъ», Кулишъ счелъ нужнымъ скрыть о своемъ знакомствѣ съ его трудомъ и нигдѣ не обмолвился о немъ ни единымъ словомъ. Претензія эта была очень забавна въ виду того, что о существованіи сочиненія Карпова Кулишъ даже не зналъ, да и о самомъ Карповѣ впервые также узналъ однажды случайно отъ Костомарова, смѣявшагося надъ его обвиненіемъ Кулиша и Костомарова въ подборъ актовъ Южной и Юго-Западной Руси въ третьемъ томѣ соотвѣтственно украинскимъ видамъ. Съ другой стороны оказалось, что Карповъ, который привялъ за присвоеніе у него Кулишомъ высказываемые послѣднимъ взгляды на темныя стороны козачества, радикально расходился съ Кулишомъ въ оцѣнкѣ значенія самого Хмельницкаго и находилъ необходимымъ протестовать противъ нѣкоторыхъ основныхъ положеній его труда. Уже по отпечатаніи перваго тома, которое тянулось необыкновенно долго, до того, что однажды разсерженный авторъ иронически писалъ намъ по адресу Общества: «Я думаю, что вы ошиблись въ надписи и, вмѣсто

¹⁾ Кулишъ тужилъ по этому поводу: „Моя рукопись всѣхъ, какъ пишутъ, обрадовавшая, дремлетъ подъ шумъ общей радости“.

Общества исторіи, попали въ какое-нибудь чиновное вѣдомство съ прочными и покойными мѣстами»,—вдругъ посыпались одно за другимъ энергическія заявленія и протесты Карпова, который извѣщаетъ самого Кулиша «о своемъ намѣреніи напечатать при второмъ томѣ его труда возраженіе противъ перваго», когда уже нельзя было прекратить начатое дѣло, да и второй томъ былъ уже давно въ наборѣ. Кулишъ такъ отвѣчалъ ему: «Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ не могло издать моего радикально противоположнаго принятому воззрѣнію труда безъ такой оговорки, какая набросана въ вашемъ письмѣ. Но и для Общества и для меня будетъ лучше, когда оно выпуститъ разомъ всѣ три тома, составляющіе нераздѣлимое цѣлое. Позвольте надѣяться, что вы это сдѣлаете для товарища по профессіи». Карповъ исполнилъ свое намѣреніе и прислалъ Кулишу оттискъ, не смотря на ироническій отвѣтъ послѣдняго на предложеніе прислать ему на просмотръ его примѣчанія: «Хоть бы вы и прислали, я не выразилъ бы желанія, чтобы въ этомъ примѣчаніи кое-что было сказано иначе, а не такъ, какъ оно сложилось въ вашемъ умѣ». ¹⁾

Наконецъ, книга была напечатана и, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, продана владѣльцу одного изъ московскихъ книжныхъ магазиновъ.

Но несомнѣнно, что медленность печатанія при такихъ условіяхъ была для Кулиша тяжелой нравственной пыткой, а между тѣмъ у него груды въ рукописяхъ лежали и другіе крупныя труды, какъ напр. «Украинскіе козаки и паны», и проч. и, кромѣ того, въ его портфель хранилось нѣсколько беллетристическихъ произведеній: послѣ „Дѣдушкина Завѣта“, «Байды» и проч., онъ написалъ также «Владимірію» или «Искру Любви»,

¹⁾ Начавъ съ утвержденія, что Кулишъ заимствовалъ у него свои основныя выводы, Карповъ пришелъ потомъ къ заключенію, что онъ совсѣмъ не читалъ его книги и проч. См. объ этой полемикѣ въ «Исторіи Русской Этнографіи» А. Н. Пыпина, т. III, стр. 212—214.

предложенную редакціи Вольфа, но не напечатанную тамъ въслѣдствіе цензурнаго запрещенія, хотя за рукопись уже былъ выданъ автору авансомъ гонораръ. Также продолжали лежать въ рукописи «Взаимныя Ошибки», напечатанныя въслѣдствіи въ «Русскомъ Обозрѣніи» подъ названіемъ «Омутъ». (1897, III). Здѣсь были уже затрудненія другого рода. Кулишъ изобразилъ по личнымъ воспоминаніямъ, но въ весьма невыгодномъ освѣщеніи, дѣятели редакціи „Современникъ“ 60-хъ годовъ, въслѣдствіе чего многіе журналы не безъ основанія затруднились печатать эту повѣсть.

LVII.

Среди постоянныхъ передрагъ и волненій, подобныхъ вышеописаннымъ, Кулишъ попрежнему находилъ великую нравственную поддержку въ неизмѣнной преданности и горячемъ сочувствіи Ганны Барвинокъ, литературными успѣхами которой, въ свою очередь, онъ отъ души гордился.¹⁾ „Мы хлопочемъ о такихъ пустякахъ, какъ четверка лошадей и карета, а Сашуня—черкъ, черкъ и описала «Молотниковъ».²⁾ «Прибѣжить изъ клуни, черкъ-черкъ Александра Михайловна»—сообщалъ намъ однажды Кулишъ,—„получила гонораръ за второй этнографическій этюдъ свой, который появится въ декабрьской книжкѣ „Кіевской Старины“, подъ заглавіемъ „Половинчикъ“ (такъ называются у насъ пахари, обрабатывающіе поля исполу). Здѣсь она коснулась брачнаго вопроса въ нашемъ простонародьѣ. Третій этюдъ будетъ напечатанъ только въ апрѣльской книжкѣ, подъ

1) Онъ даже говорилъ: «Одна Ганна открыла неистощимый родникъ поэзіи».

2) Напротивъ, А. М. Кулишъ писала своей родственницѣ: «Какъ погорѣли, лишились хозяйства,—дѣлать нечего: я была свободна отъ всѣхъ дѣлъ и въ это время нѣсколько вещей написала».

заглавіемъ „Русалка“. 1) Героиня повѣсти (въ которой нѣтъ ничего вымышленнаго, какъ и въ первыхъ двухъ) относится такъ запросто къ Господу Богу, что редакторъ опасается, какъ бы цензура не вмѣшалась въ библейскій характеръ отношеній.

Редакторъ „Кіевской Старины“ просилъ продолженія сотрудничества. Но вмѣстѣ съ лаврами неравнучны и шипы, и въ другой разъ Кулишъ сообщалъ мнѣ: „Александра Михайловна любитъ бесѣдовать съ простолюдинами и записывать ихъ рассказы. Нѣсколько такихъ этнографическихъ этюдовъ напечатано по-малорусски, но „Кіевская Старина“ просила ее заворачивать малорусщину въ великорусскую обертку, ради цензуры, которая, по программѣ, не дозволяетъ чисто малороссійскихъ пьесъ“. Объ отношеніяхъ же своей жены къ его собственнымъ трудамъ онъ категорически заявлялъ, „что безъ Александры Михайловны книга моя не была бы написана. Всѣ житейскія попеченія брала она на себя, охраняя мое спокойствіе, время и здоровье всачески. Ни одна женщина не могла бы сдѣлать больше для писателя; и она еще находить время писать малорусскіи оповідання съ народнихъ устѣ“. Въ другой разъ, въ письмѣ къ одной особенно любимой родственницѣ, Кулишъ, упрекая ее за то, что она привыкла не щадить себя и, сравнивая ее въ этомъ отношеніи съ своей женой, примѣнилъ къ нимъ любимое итальянское двустипіе: „questa vita pouosa non e degna di si gentil cosa“.

Между тѣмъ, на короткое время возобновились дружескія отношенія Кулиша къ Аннѣ Васильевнѣ Гоголь. Навѣстивъ послѣднюю въ Полтавѣ лѣтомъ и осенью 1877 года, мы имѣли случай многое рассказать ей о старинномъ пріятелѣ ея семьи, и этотъ разговоръ возбудилъ въ Аннѣ Васильевнѣ живѣйшее

1) За «Русалкой» послѣдовала «Правнучка бабы Борца», о которой Кулишъ говорилъ: «или привезутъ повѣстку о деньгахъ за «Русалку»,—въ такомъ случаѣ Ганна ѣдетъ въ Борзну для полученія и отравленія; въ противномъ случаѣ хранить новую рукопись у себя».

желаніе хотя бы вступить съ нимъ вновь въ переписку; узнавъ отъ меня объ этомъ ея желаніи, Кулишъ поспѣшилъ предупредить ее письмомъ, и переписка завязалась. Анна Васильевна всегда съ удовольствіемъ припоминала о добромъ старомъ времени, когда Кулиши жили въ ихъ имѣніи, и не разъ высказывала желаніе вновь увидѣться съ ними, хотя въ то-же время сомнѣвалась въ возможности осуществить свою мечту, жалуясь на свою лѣнь и немолодые лѣта. Получивъ письмо отъ Кулиша, она тотчасъ же охотно отозвалась и начала такъ: „Мнѣ очень было пріятно получить ваше письмо. Вы отгадали мое желаніе. Я только что говорила В. И. Ш—ку, что недавно перечитывала ваши письма къ одной моей знакомой, и она совѣтовала мнѣ написать вамъ, чтобы имѣть удовольствіе получить такія прекрасныя письма, которыя можно отдать въ печать. Никто не пишетъ такихъ интересныхъ писемъ. У меня, напр., все дѣловыя письма отъ многихъ писателей“. Нельзя не согласиться, что дѣйствительно Кулишъ въ высокой степени обладалъ даромъ изящнаго литературнаго изложенія, которое у него невольно обнаруживалось въ каждомъ дѣловомъ, спѣшномъ и незначительномъ письмѣ. Также восхищалась А. В. Гоголь энергіи Кулиша и, узнавъ о томъ, что онъ самъ пахнетъ землею, но не зная объ его отрицательномъ отношеніи къ гр. Толстому, писала ему: „Вы теперь увлекаетесь работой, какъ гр. Толстой: воображаю, съ какой горячностью вы работаете! вы все дѣлаете съ увлеченіемъ!“ Наконецъ, она говорила: „Я всегда съ удовольствіемъ вспоминаю васъ и Александру Михайловну, и мнѣ пріятно смотрѣть на ваши портреты“. Съ Кулишомъ Анна Васильевна совѣтовалась о раздражавшей ее статьѣ Н. А. Бѣлозерской о ея матери; ¹⁾ сильно возмущаясь общимъ освѣщеніемъ въ ней фактовъ, крайне невыгоднымъ образомъ истолкованныхъ для нашего великаго писателя, Анна Васильевна очень волновалась, защищала брата и даже осуждала мать, которая, при всей безграничной добротѣ, причиняла своимъ—сыну, дочерямъ и окру-

¹⁾ Въ Русской Старинѣ (1887, Ш.).

жающимъ много непріятностей своей подозрительностью и невозможными фантазіями, часто приходившими ей въ голову, и говорила: „Она была очень добра, много помогала бѣднымъ, была привѣтлива въ гостямъ, всѣмъ очень нравилась, но живущимъ съ нею было тяжело. Мы всѣ три очень страдали и не такъ терпѣливо выносили, какъ братъ“. Она просила Кулиша, хорошо знавшаго характеръ ея матери, разъяснить недоразумѣніе и написать возраженіе на статью г-жи Бѣлозерской, но потомъ оставила эту просьбу, когда узнала, что г. Трохимовскій въ своей статьѣ объ М. И. Гоголь разъяснилъ именно все то, что она считала необходимымъ. Переписка Кулиша съ А. В. Гоголь, однако, скоро прекратилась вслѣдствіе какого-то незначительнаго недоразумѣнія. Вообще въ это время Кулишу какъ-то все больше приходилось отдаляться отъ прежнихъ друзей, причемъ онъ особенно сожалѣлъ о прекращеніи переписки съ Л. М. Жемчужниковымъ. Безъ ссоръ и безъ серьезнаго охлажденія часто порывались у него старыя дружескія связи въ силу того обычнаго явленія, что теченіе жизни съ обѣихъ сторонъ постоянно уносило, хотя и небезслѣдно, много общихъ интересовъ; такъ, онъ писалъ одной изъ родственницъ, что „Жемчужниковъ не отвѣчалъ на письмо о нашихъ портретахъ, и съ того времени переписка наша прервалась. Года два тому назадъ Надежда Александровна (Бѣлозерская) писала, что денежныя дѣла его не въ завидномъ положеніи. Теперь и съ Надеждой Александровной мы не имѣемъ повода переписываться“. Неудивительно поэтому, что одинъ изъ давнихъ знакомыхъ Кулиша, докторъ Славницкій, замѣтилъ въ Кулишѣ сравнительно съ былымъ временемъ, нѣкоторый упадокъ духа: „Въ 1870 и позднѣе“, пишетъ онъ, „проживая въ Глуховѣ, я посѣщалъ его въ хуторѣ и замѣтилъ въ немъ раздраженіе и признаки мизантропическаго настроенія. Скорбью вѣяло во время нашей бесѣды о пережитомъ“. Но въ тѣхъ же воспоминаніяхъ, непосредственно предъ приведенными строками читаемъ: „Увлекался онъ и талантомъ Марка Вовчка, а досужая сплетня воспользовалась перенести его увлеченіе и на обладательницу таланта, но вѣдь одновременно ею увлекался и

И. С. Тургеневъ“. Жить въ глухомъ хуторѣ, быть предметомъ недовѣрія для однихъ и нелѣпыхъ сплетенъ для другихъ, чувствовать себя отдѣленнымъ потокомъ жизни отъ лучшихъ друзей и выносить матеріальныя и всякія другія невзгоды и при всемъ томъ не носить ни малѣйшаго отпечатка, никакихъ слѣдовъ неудачно сложившейся жизни—едва-ли могло бы быть по силамъ кому бы то ни было; скорѣе слѣдуетъ удивляться необычайной бодрости и энергіи духа Кулиша, не ослабѣвавшей даже тогда, когда рѣшительно все складывалось неблагопріятнымъ для него образомъ, когда любящей женѣ его приходилось съ горькой ироніей сообщать одной близкой особѣ, что они къ празднику пасхи „уже получили и подарокъ, да и не малый, но съ тобой дѣлиться не хочу: окладной листъ и числится за нами 40 р...¹⁾ Словомъ, также и тутъ со всѣхъ сторонъ не даютъ намъ опривиться“.

Въ сущности же Кулишъ не только не падалъ духомъ, но умѣлъ вдохнуть бодрость и въ другихъ нуждающихся и воодушевить людей, утомленныхъ борьбой съ неприглядными сторонами жизни. Онъ не переставалъ исповѣдывать необходимость и важность безропотнаго перенесенія несчастій и умѣнья смотрѣть въ глаза всякимъ испытаніямъ и невздамъ, и это убѣжденіе высказывалось имъ въ самыя тяжелыя минуты: „За доброту жестоко люди платятся. Теперь о чемъ же мечтать? О тихой жизни среди жестокихъ безобразій! „Царствіе Божіе внутрь васъ есть“. Кто не запасся убѣжденіемъ, что внѣ человѣка нѣтъ счастья, тому напрасно искать его. Нравственное и умственное самоудовлетвореніе—вотъ счастье! Никакого другого нѣтъ, а есть мечтаніе о славѣ“. Такова была нравственная филозофія человѣка, много перенесшаго въ жизни, во многомъ разочаровавшагося, но сохранившаго въ груди искру Божію и еще способнаго зажигать ее и въ другихъ. Объ энергіи Кулиша въ качествѣ переводчика можно судить по слѣдующимъ строкамъ: „Оце заходивсь я пере-

¹⁾ Эти окладные листы были присланы Кулишу, какъ наслѣднику прежнихъ владѣльцевъ имѣнія.

кладуваты по нашому виршамы Байроноваго „Чайльдъ Гарольда“, и такъ мени ся робота вподобалась, що цилыхъ два мисяци не одирвався видъ неи. Теперь маемо по нашому вси чотыри писни“. В. М. Бѣлозерскому онъ писалъ въ 1893 г., что онъ занятъ переводомъ Іова, псалтыри и пророковъ въ стихотворной формѣ и для этихъ трудовъ старался отыскать Оксфордскую Библию. Возвращаясь къ нравственному вліянію Кулиша на близкихъ ему людей, мы, впрочемъ, должны сказать, что встрѣчаемъ иногда въ отвѣтныхъ письмахъ ему, при всемъ высокомъ уваженіи къ его личности, ропоть недовольства на проповѣдуемую имъ мораль, на самое доброе намѣреніе его поддержать въ корресподентѣ его несомнѣнно лучшія стремленія. „Я вполне понимаю и согласенъ со всѣмъ тѣмъ, что вы говорили относительно высшихъ благъ жизни и стремленія къ нимъ“, писалъ ему одинъ изъ любимыхъ родственниковъ: „но то, что голодный будетъ думать и стараться прежде всего объ утоленіи голода, есть, полагаю, неоспоримая, безусловная аксіома“...

В. Шенрокъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ГОРОДЯНКА.¹⁾

(Повість.)

IV.

Дядько Максимъ належавъ до тыхъ людей, що хочъ и поважають чужый розумъ, але не забувають, що й своя голова йе на в'язахъ; хочъ и кермуються у житти загальными поглядами свого села, та мають иноди де-що зауважыты и видъ себе громади. Тымъ то недобра слава про „ледачу нетямуху“ небогу не дуже турбувала спершу Максима, и колы якось жинка ёго, дуже проворна та гостра на языкъ молодыця, стала навить присягатись, що зъ городянки „не буде вже толку й до вику“, що вона „пропаца людина“, Максимъ покынувъ гострыты косу и замовывъ йй зъ докоромъ:

— Добрый кравецъ симъ разъ одмиряе—разъ одриже, а дурна баба не мирявшы риже. Дивка ще й поригъ не переступыла, а ты вже й судышь ии.

— Адже жъ вси люде въ одно кажуть!—зауважыла жинка.

¹⁾ См. «Кіевск. Стар.» № 7—8.

— „Людей слухай, а свій розумъ май!“ Люде на неи кажутъ: „ледача“, а я кажу: не держала бѣ и генеральша пры соби висимъ рокивъ, колы бѣ вона справди була ледача,—видказавъ **Максымъ**.

— А чого жѣ вона не хоче дома робыты?—запытала жинка.

— Тымъ, що норовыста,—видповивъ **Максымъ**.

Теперь, писля останнѣи розмовы зъ Приською, **Максымъ** ще дужче впевнився, що нехай бы мавъ винъ десять голивъ на плечихъ, то не прырозумивъ бы кращого проввыща небози, якъ «норовыста». «Норовыста», думавъ самъ соби **Максымъ**, вертаючыся до-дому, у сусидне село,—„точнисенько, якъ ось буває кобыла норовыста: ты и тягны на шляхъ, а вона тоби у калюжу верне... Набралася норовивъ у городянокъ, а тутъ хочъ тюкай на неи... Але жѣ тому лыхови ще можно запобигты. Хай жинка не бреше: не пропаде вона. Не калика, не знеслена людына,—молода дивка почынае жыты; хай ворогы на свои головы гавкають, що вона вже пропаща людына! Добрый господаръ зуміе выстѣбаты норовы зъ коня: не басуватыме у повозци,—буде й Приська шовкова, якъ попаде ии жыття у свои пазури. Тутъ абы справыты ии на шляхъ, абы штовхнуты разочокъ та гараздъ, а тамъ покотытся вона по прызначеній ии коли, забуде й думаты про той нависный городъ... Колы-бѣ тилькы трапывся намъ де смилывый парубокъ, колы бѣ тилькы полюбывсь городянци—мы бѣ зналы, що робыты. Колы-бѣ, мовлявъ, знайты! А де ёго знайты у лыхои годыны такого, щобъ Приська за нымъ не полола, не жала, не топыла, не прала. Де воно того дурныка шукаты, щобъ згодывся готови грошы поставчати? **Максымъ** перебравъ у памяты всихъ парубкивъ, всихъ вдовцивъ, що знавъ по околышнихъ селахъ, и нарешти плюнувъ: „ни, немає такихъ дурнивъ—хочъ плачъ!“

А тымъ часомъ, покы **Максымъ**, замысленный та роздосадованный небогою, плентавъ до-дому, до хаты ёго надйихавъ цикавый та бажанный гистъ—кумъ Трохымъ. Винъ живъ верстивъ за двадцять видъ **Максыма** и одвидувавъ ёго дуже ридко, проте

кумы не забувалы парубоцького товаришування и поважали одынь одного, якъ гарни побратымы.

— Бачь, хто мене одвидавъ! А я увійшовъ у двиръ, побачывъ коня, та й думаю: кого це Господь принисъ до моеи господы? Це вы на нового коня забагатили?—мовывъ зрадилый Максимъ, почоломбавшысь зъ кумомъ.

— Э-жъ, новый кинь: вже й паску йивъ зъ тѣи пшеници, що винъ мени наоравъ,—засміявся Трохымъ.

— Тобъ то мы такой довгий часъ зъ вами не бачылись, куме?—здывувався Максимъ...

— Може бъ и теперъ ще не забывся до васъ, якъ бы не клопить той собачый. Нѣколы, такъ нѣколы, що прямо и дыхаты не мае часу, а довелось запрягаты шкапыну та йхаты сюды...—мовывъ Трохымъ.

— Що жъ тамъ таке?—запытавъ Максимъ, запрохуючы гостя до столу, де вже господарька понастановлювала и мысокъ, и тарилочокъ зъ усякою стравою.

— А таке, що прямо хочъ до-дому не вертайся,—видповивъ Трохымъ.

— Чому?

— А тому, що за неоплаткы грабують.

— Овва! Уплатить, та й кинецъ клопоту.

— Хыба то мои неоплаткы? Я все до останнёго шага виддавъ. Це мени за мого найменьшого братуху люде очи выйидають. Отъ горе зъ нымъ! Ажъ голова обертомъ иде, та нѣкъ самъ соби рады не дамъ, що зъ нымъ робыты. Тры десятиныкы земли, хата черезъ сины зъ моею, огороду добрый упругъ—можна бъ, здається, оплатытыся, такъ ни, не подума й не згада про ти оплаткы. Виддавъ землю людямъ задурно, взявъ вси грошы впередъ, розтрынькавъ половыну на канхветы та горихы дивчатамъ, половыну позычывъ якомусь пройдысвиту тутъ у вашому сели, до ёго оце я и забывся, а я платы за ёго!—скаржывся Трохымъ.

— Де жъ винъ, вашъ братуха, теперъ?

— У нашому жь сели. Прывело мене виддаты ёго до церковной школы: попоходывъ чотыры зимы, навчывсь чы ни чому путнѣму, а у грамотіи пошывся: у помишныкы до пысаря поступывъ. Пысарь и день и ничь пѣе, а той за ёго артыкулы выводе...

— Мытець пысаты?

— Мытець такый, що инколы якъ наплута, то й самъ не розбере, де кинець, де початокъ,—зъ серцемъ видмовывъ Трохымъ.

— И що ёму полагається за ти артыкулы?—запытавъ Максимъ.

— Пысарь ёму тры карбованци на мисяць дае, а то ще перепадае ёму яка копійка и такъ видъ людей—карбованцивъ зъ пять не бильше всѣго одержуе; а самыхъ локтивъ на десять прорве... Умовляю бисового хлопця, прозьбою прохаю покынуты оти паперы—не вдію ничего: прыйде, каже, мій часъ, то й я ныву оратыму, а до того часу гулятыму на воли.

— Та й гуляе?—запытавъ Максимъ.

— Та й гуляе жь. Винъ, сказать, не язь и гуляе: горилы не пѣе, хвалыты Бога, ни до якого роспутства себе не допускае, а такъ, прыберется мовъ на Вельедень, накладе прыныкывъ, горихивъ, ажъ вышени трицать, та й мандруе колы не на ти, то на иншы досвиткы.

— Тры десятины, кажете, земли?—запытавъ трохы згодомъ Максимъ.

— Тры десятины 273 сажень та ще скількысь аршынъ,—видповивъ Трохымъ.

— А якый винъ зъ себе?—запытавъ тежъ перегодя, наче миркующы про вищось, Максимъ:—я ёго вже рокивъ зъ пять, якъ бачывъ.

— Про вроду й не пытай: выбехкався зъ ёго такый парубокъ, що куды тоби! И ривни ёму навколо немає... Бувъ бы такый москаль, що онъ-куды, та взявъ далекій жеребокъ—не дійшла черга до ёго. Всимъ парубокъ, якъ парубокъ, та вдачы ледачой—хочъ ты ёго у ступи товчы, не хоче роботы.

— Вы бѣ ёго оженылы,—порадывъ Максимъ.

— Чому жѣ не оженыты, якъ бы хто пиповъ за ёго? Це мы добре знаемо, що шлюбъ та симья—найкращый порадныкъ у такому дили, та горе наше—дивчата, а не такъ дивчата, якъ ихъ батьки, не охочы виддаты свою дочку за ёго, колы винъ теперъ ни косарь, ни плугатырь, ни швецъ, ни кравецъ, ни якый майстеръ! А до того й винъ самъ не дурный: на погану дивку не схоче й дывытысь.

— Сватайте небогу мою,—поразявъ Максимъ.

— Оту городянку?—запытавъ здывовано Трохымъ.

— Ии жѣ, ии.

— Смиетеса, чы що? вона не схоче и дывытысь на ёго. Тамъ же, каже дочка,—така панна, що ажъ курава встае, якъ поволоче своєю спидницею.

— Дочка ваша разъ ии бачыла, а я ии знаю, якъ облуплену. Навсправжкы кажу вамъ: сватайте нашу Приську. Вамъ, бачыте, клопоть зъ Даныломъ, що не хоче господаруваты, а намъ турботы зъ Приською, що не хоче за господаря замижъ йты; злыгаймо ихъ до купы, чы не дойдуть вони тоди до розуму и безъ нашої допомоги?..—доводывъ Максимъ.

— Не пиде вона за Даныла,—зитхнувъ Трохымъ.

— Авже жѣ не пиде, якъ у насъ зъ вами не постачыть толку та охоты справыты це дило на ладъ; а якъ що дійсно схоchemo та визьмемося гарненько, то й погуляемо на весилли. Ии абы на готови грошы жыты, а ёму—абы дивка до вподобы—отъ тоби якъ разъ и до пары.

— А маты?—нагадавъ Трохымъ.

— Це вы, куме, до дила сказалы: про неи намъ найбильше й треба пыльнуваты; але жѣ и тутъ намъ легко лыхови запобиты. Тры десятины земли, прыкладный огородъ, хата—добра ричъ, а колы до того ще й на загороди телятко-друге обизвется, колы у хати буде на чому систы, а на жердочци яка путяща одежына телипатыметса, то маты въ дорогомю душею згодытса.

— А де жѣ тыхъ телятъ та всякой всячыны взяты, якъ винъ же все чысто, що прыпало ёму писля батька перевивъ?—запытавъ Трохымъ.

— Овва, куме! Люде добри за одынъ часъ наставлять господаремъ—абы охота,—засміявся Максимъ. Де-що можна на той часъ переволокты черезъ сины и зъ вашои господы, де-що й черезъ ривецъ видъ сусида: той тее, той инше,—й заповняты куткы порожнѣи хаты... Адаже пам'ятаете, якъ мы Спырыдона женилы? Сорочки путящои не було, а взявъ такы дивку до любви, та ще й багатырку.

— Тобъ-то це вы на розглядны патябаєте?—догадався Трохымъ.

— Эге-жъ, про розглядны тилькы й хлопчуса.

— Розглядны—то дурныця: можна легко улаштуваты,—видмовывъ, значно повеселившый видъ зайвои чаркы та видъ доброй порады кума, Трохымъ.

— Тобъ-то зъ Солохою теперъ вся наша справа?—запытавъ Максимъ.

— Звычайно: безъ Солохы розглядныъ до дила не видбудемо.

— А вона теперъ саме у нашому сели: до сына прыйихала—обиввалася Максимова жинка.

— Та невже?—зрадивъ Трохымъ.

— Оце вже й знакъ, що пиде наше дило на ладъ. Кыдай все та влчыч ии зразу сюды. Скажы, що добрячый могорычъ чекае ии у нашій господы. На ось грошей и забижы у монопольку,—мыттю давъ порадокъ Максимъ.

V.

Пособляють люде дружка дружци чымъ снага, рятують одно одне чымъ хто може: чы порадою, чы грошыма, чы шматкомъ хлеба; Солоха жъ знала тилькы одынъ засобъ пособляты рятувала тилькы зъ одніей прыгоды, за те радо, охоче и добре. Безъ любытку, заговоривъ—сылою тилькы власного языка вона не разъ и не два зводила до купы разъеднани серденька, становыла на рушныку навить дитей кривныхъ ворогивъ и за свою пылну працю не вымагала великои нагороды. Ий було байдуже до

того, хто звертається до неї за допомогою та порадою: негожыхъ та нездатныхъ до шлюбу людей, на ії поглядъ, не було и на свити. Чы паганый на вроду, чы красунь, чы бидный, чы багатый—коженъ мавъ для себе уготовлену та прызначену ёму Господомъ пару, бо и найменьша комашечка, найпоганиша тварына мае соби дружину.

Парубкови, або дивци—абы выбраны соби поміжъ людей ту пару, абы зупынытыся на кому-небудь, а дали, якъ Господь допоможе, то справа цѣлкомъ залежыть видъ тыхъ тенеть, що роскыне сваха, бо немае на свити такой косы, щобъ не можно було сховаты пидъ очипокъ, немае такой кропывы, що не боится морозу, немае и такихъ людей, щобъ не можно було злыгаты до пары. Якъ вже той очипокъ сыдытyme на голови: чы мицно прылыпне, чы спадатyme; якъ жытyme та пара: чы вкуси, чы наризно—то вже у воли Божій. Бувае, що густы косы вылизуть и очипокъ, спочатку малый, на брови насунется; трапляется, що и парку закоханныхъ голубкывъ розлучае шулика, або лыхая прыгодонька—всякого бувае на билому свити, и дурна та сваха, що миркуе про весильный понедилокъ! „Моеи допомоги—поки рушныкъ пидъ ноги“, „Мого клубочка—до понедилочка“, „Прохай у доли дѣли, а у свахы молодой“—казала було часто Солоха.

Максымъ та Трохымъ тежъ не прогаялы зъ Солохою даремно часу. Вона зрозумила зъ першого-жъ слова, на вищо ії поклькано, якои допомоги вымагають видъ неї кумы, наскилькы цей разъ справа ії, якъ свахы, буде важча, ніжъ завжди, и нарешти згодылася пособляты. Правда, ничого певного не сказала вона, ні у чимъ не забезпечала, ни за вищо не ручылася, памьятаючы та разъ-у-разъ нагадуючы, що все у воли Господа Мылосердного та Ёго святыхъ угодныкывъ. Вона обцялася тилькы „спробуваты“ та „поклопотатыся“... Але чоловики добре знали, що у добрый часъ сказать, а у лыхый промѣвчать. Солошыны клопоты доси, спасыби Богови, николы не пропадалы, и воны, певни, що й на цей разъ не увирвется ії вытка, запылы могорыча.

Добре пересвідчена у справи свахы, Солоха завжды знала, зъ чого треба почынать, кого покликать у пособныкы, видъ явхъ ворогивъ захищатыся та кому годыты. Звычайно, вона почынала здалека: зъ двоухъ-трехъ балакучыхъ жиночокъ, що, здавалося, не малы ніякихъ видносинъ до молодого та молодон и меньше за другихъ селянъ ихъ знали.

Черезъ де-кілько день добра слава про молодыхъ, немовъ та на дрижжахъ та циду опара, піднімалась все выще та выще и незабаромъ доходыла до кого слидъ. Тоди Солоха прыступала до батькивъ та матерей, а звидтиль простувала утоптаню та гладкою стежкою до самои дивчыны, до іи серденька. Найчастійшъ те серденько не зазнавало ще кохання, але бажало ёго, бажало щастя, було слухняне, и Солоси легко було кермувати имъ.

Одже на цей разъ Солоха бачыла, що треба було почынати дило зъ протылежного кинця: видъ самои молодон. Зъ Приською Солоха ни разочку не балакала, николи не чула іи голосу, разъ-разочкомъ тилькы бачыла, тай то назыркокъ, у церкви; проте вона іи знала, а зъ тіеи чуткы, що ровнеслася про неи по околышнымъ селамъ, та зъ речей Максимовыхъ добре зрозумила, що „городянка“—сама соби господиня, що хай не то маты, дядько, а все село визьмется биля неи, вона не поступытся й на крокъ видъ своихъ замиривъ, и що Максимъ дуже помыляется, гадаючи, що небожчыны норовы можно сыломиць повибываты. «Годыты ій треба, якъ якій болячци: щобъ и не прыпекты й не захолодыты»—поклала сама соби Солоха и зъ такимъ намиромъ пишла до Приськи. Приська, похнюплена та роздосадована недавнею суперечкою зъ Мелашкою, сама сыдила у садочку. Солоха надійшла до неи, любенько прывиталася, прысила поручъ на травыци й защебетала соловейкомъ. Чы вона, Солоха, та свиту не бачыла, чы вона людей не знае, чы то-жъ вона не розуміе, яке жыття Присьци помижъ такихъ темныхъ людей, якъ оти селяне, або й, хай Богъ простыть, и іи родына? Хочъ и далеко вона живе, хочъ и гора, и ричка й великы гоны видривняють іи видъ Присьчиной

хаты, та доходить чутка й до неї, та болить серце и въ неї за той молодой виць дивоцькый, що хотять свои кривни тай занастыты. Чы то-жь прыйдеться людина до людны, чы то-жь вси люде у Бога пидъ одынъ шнуръ пидведени, чы то-жь одынъ шляхъ, одна стежечка про всихъ? Охъ! оце подывлася вона на Приську, побачыла, яка то вона смутна та невесела, тай прыгадала одного парубійка... Дала бь вона имъ обомъ пораду и на добре напутыла, видъ щырого серця та зъ доброго помыслу на шляхъ справыла, та боится... Не такъ боится самой Приськи та ії родыны, якъ недобрыхъ людей та ихъ лыхыхъ речей... Людямъ не вгодышь, на людей не потрапышь. Осъ хочъ и той парубокъ... Що на вроду и на здоровья и на розумъ и кращого, здається, навкруги немає, а проте осудылы ёго люде не згирше, нижъ оце и ії, Приську: ледацкою зробылы, на смихъ та на глумъ пиднялы, а ёго тилькы й провыны, за нымъ тилькы й опороку, що не схотивъ господарюваты та жыве на готови грошы. Гине бидный хлопцяга, свитомъ нудыть, мисця соби не знайде, а все черезъ те, що хочъ и помижь людей вештається, та все самотный та одынокый; немовъ та сыротины. «Йе» — оце хвалывся винъ мени — «въ мене и достатекы и хата, йе у чимъ походыты, йе шматовъ ласый, и праця по силы — жыты-бь жыты та Бога хвалыты, такъ не дае Господь мени пары, не знайду соби дивчыны по души, не спиткаю ни де дружны до любви. «Загледивъ», каже, „разь-разочкомъ одну гарну дивку якосъ у церкви, накынувъ бувъ окомъ та не знаю, чья вона, де ії шукаты?“

— А колы це винъ ії бачывъ? — запытала Приська.

— Не знаю, не допытувалася, серденько. Чула що то дивчына не тутешня: прыйихала звидкылась на одынъ день тай пойихала изнову. Городянка якась чы що, бо у шовкому, кажуть, платочку була та шорстаній сувни.

Приська почервонила...

— Якъ-же того парубка прозываютъ? — запытала вона трохы згодомъ.

— Не скажу, голубонько, не хочу, — видмовыла Солоха.

— Чому?

— Я тобі, бачь, скажу, хто винь и якъ ёго прозываютъ, ты похвалышся кому небудь, а люды и почнуть мене гудыты, що я старистью та такого „нехозяйнувытого“ парубка ухвалыла та за таке „ледащо“ заступылася! Богъ зъ ными! Краще буде, якъ не признаюся.“

И Солоха такъ и не сказала, якъ того парубка звать. За те на вси инши пытанья дивкы: що робыть винь, якъ одягається, що думае, яки мае достаткы,—видповидала такъ радо та докладно, що Приська немовъ на долони побачыла того невидомого їй парубка, ёго безпешне та роскышне жыття и мывоволи зитхнула: за такого-бъ и вона пышла!

Зъ цёго часу Солоха стала частенькымъ гостемъ у Горпынній хаты. Стара догадувалася, що сваха не сплоха оселылася у ихнёму сели ажъ на два тыжни, що не сплоха учащася до їи господы; вона догадувалася, що десъ, у якомусь куточку їи хаты закынути й тенета, але надогадь якихъ бурякывъ каже Солоха про капусту, у чый огородь—чы старшой, чы меньшой дочкы—закыдае, колы почне балакаты про дивоцькїй выкъ, що, якъ той макывъ цвять, у ранци росцвитае, а до вечора онадае, про тыхъ людей, що й ридного брата осудять, про те господарствечко, що на готови грошы, немовъ зъ земли йде, а безъ грошей за водою плыве,—Горпына довгый часъ не могла зрозумыты.

Нарешти разъ якось, никого врымъ Приськи не було у хаты, Солоха прывела Даныла. Посыдившы де-кылько хвылынь та погомонившы про се та те, Солоха выльыкала Приську у сины и призналася, що це той самый парубокъ, Даныло, про котрого вона їй не разъ казала.

Присьци винь уподобався, прынаймни винь їй здався далеко кращымъ за всихъ тыхъ парубкывъ, що довелося їй цымъ литомъ бачыты. Другого дни Даныло „ненарокомъ“, „выпадково“, йдучи зъ дорученнямъ выдъ пысаря до волосты, забыгъ до Приськи, черезъ де-кылькось день изнову зайшовъ; згодомъ навидалыся и старосты.

Теперь не то Горпына, а вси сусиды спостерегли Солошныи тенета, та спизнылись: Приська не хотила слухаты никого, не давалась навить на мову. Вона не кохала Даныла, але цей парубокъ такъ значно видризнявся видъ усихъ селянъ, бувъ такый веселый, а Солоха стилькы наказала про ёго грошы, про ёго жыття, про напевне уготовлену ёму десь посаду „найстаршого“ пысаря, що мало дотепна у дійсному жыттю дивка стала уявляты ёго соби такымъ-же городяныномъ, якъ вона сама, и примусыла матиръ пойхаты на розглядыны.

VI.

Розглядыны прызначылы на недилу, а Солоха вже видъ самого четверга нигъ пидъ собою не чула. Данылова хата—черезъ сины видъ Трохымовой—пустувала весь часъ писля смерти батька, не мазалась, не прыбиралася бильше року, а тутъ-же Домаха, жинка Трохымова, якъ уперлася: „не хочу пособляты у такыхъ розглядынахъ,—не хочу гриха на душу браты“,—та хочъ ты и зализомъ печы, не хоче ничого робыты. Пывынна була Солоха сама и шаруваты, и билыты хату. Глына на стивкахъ нетопленой хаты не держалася, осувалася пидъ щиткою, сыпалася, немовъ порохнына зъ трухлявого дерева; по-пидъ лавамы та поломъ свитылыся крысячи ходы ажъ наскрызъ; пичку треба було наново набываты... Солоха сердылася, лаялася, божылася, що покыне, але такы не покынула и за три дни все упорядкувала, всёму дала ладъ, а у недилу ще до схидъ сонця почала готытыся до розглядынъ. Вси Трохымовы кутяне, якъ одынъ чоловікъ, давно вже пообицялы ий свою допомогу: Трохыма поважало, Даныло тежъ никому ничого лыхого не заподіявъ, до того за циле лито на сели не було ни одного весилля, не довелося ниде погуляты..

Бабы ще спозаранку почалы зносыты рядна, мишкы та одягу. Чоловикы тежъ прыгнали хто овечокъ, хто выпусткивъ, а хто и коривку. Вельчезни кругли ясла, позычени за-для розглядынъ

у дукаря сусида, стоялы на початкови—повни свиного, пахущого сина ще видь суботы, и сусиды, певни, що скотына поживытца добре, охоче прывязалы до ныхъ корову та пару сирыхъ бычкывъ. Трохы осторивъ стоялы други меньшеньки ясельця, а била ныхъ Трохымова корова та конячка; хтось прывязавъ туды ще й стрыгуна. У кругленькой повиточци стернувалося бильше десятка овечокъ, а кривый Опанасъ, племинныкъ Солопынъ, приволикъ на урывку ажъ зъ другого кинця села чорного пидсвинка та прыпьявъ его поручъ зъ Трохымовымъ поросямъ. Солося треба було-бъ выйти до людей, подякуваты, погомониты трохы, бо Трохымъ пойхавъ по горилку, а Даныло, чы то зъ сорому, чы зъ жаху, весь часъ ховався поза ожередомъ, але й не було часу и вызырнуты зъ хаты. Зъ усихъ бокивъ обступылы ии жиночки, вси тыкалы й до рукъ то се, то те, всѣму треба було знайти мисце, все прыстасуваты. Вона скинула давно вже юпку, карсетку, и тонкый станъ ии, мицно обтягнутый запаскамы, то зныбавъ пидъ поломъ або пичкою, де треба було выместы ще яву смитыну, то вытягався мало не до стели, колы треба було змахнуты зъ сволоку онадавшу глыну. „Положить, голубонько, ряденце на пиль та прыбыйте, серденько, шпалеры“; „прыбыйте того Бога у куточку, а Угодныка на стинку“, „повисыте того кытаянця у тому мисци, де ось глына порепалася“—порядкувала вона, а тымъ часомъ ии довги, кистляви руки жваво хапалы то мыскы, то ложки, чарочки, та розставлялы по полицы та судныку.

Тилькы тоди, якъ люде вже пересталы зносыты, а хата доведена була до найкращого стану, Солоха утерла пиль, оправила на голови очипокъ и присила на лави.

— Управылася: прычепурыла, прыбрала—хай теперь иде Горпына та дывытца,—мовыла вона, озыраючи наслідкы своеи пради.

— Наздывется стара, якъ прыйде. Де-жь! зъ одніей коровкы та конячкы стилькы худобы за одинъ день розвели!—засміялася Катря.

— А може мы й ще не вгодномо?—запытала Мотря.

— Якои морокы їй ще треба? И Богы, й картины, и дзеркальце, и ось два стульци, чыстенько скрызъ—господарська хата, одно слово; ничымъ їй й вередуваты,—видповила Катерына, але зъ такою ехидною ухмилкою, що Хрыстю немовъ ажъ у серце шпыгнуло.

— Одже, жиночки, якъ соби знаете, а мени ажъ наче страшно, що мы оце таке зробылы; враждуватыме Горпына на насъ, побачыте!—мовыла вона сумно.

— И чого-бъ вона враждувала и що мы таке, хай Богъ мылуе, зробылы? Хыба це вперше таки розглядныи видбуваемо? Забулася хыба про Опанаса? Точнисинько отакъ все зволикалы, а протѣ якый теперъ зъ ёго господары! А Горпына ще й подякуе, що пособылы дочки здохатыся. Мало клопоту прыйняла вона, сердешна, за нею, мало поплакала?—видмовыла Солоха.

— А я вамъ такъ скажу,—звернулася Лепестына до Хрысти:—колы-бъ вы тилькы хочъ разочокъ побачылы оту Приську, то не побоялыся-бъ гриха хочъ и у саме пекло їи запровадыты. Що пышава, що протывна, такъ и кинця краю нема. Я-жъ їй поганенькою родычкою довожусь, и вона-жъ мене двичи бачыла, а позавчора зустрѣла мене та й не уклонылася. Йиде на повозци зъ Максимомъ, напыяла такый платокъ, що ажъ у вичи мыгыты, якъ глянешъ, задрала свою кырпу и не поворухнется... Йй-же Богу, трохы межи очи не плюнула, та тилькы соромыты Максима не схотила.

Мени никого, якъ того Даныла, шкода: занапастыть ота городянка ёму вѣкъ—помьянете мое слово—обизвалася поважна и литня вже жинка, Явдоха. Вже вы їи не переробыте, не прымусыте жыты на свѣй зразокъ, а Даныло, дарма що гультай, парубокъ плохий, слухняный и напевне взявся-бъ за разумъ, колы-бъ ёму трапылася пидхожа дружина та напутыла якъ слидъ.

Явдоху пидтрымала Хрыстя: вона хочъ и не знае и не бачыла зроду тѣи Приськи, але ось и їй чогось стало шкода Даныла. Мотря тежъ зитхнула. Солоха скипила.

— Чы вамъ яке навожденіе, чы потуманилы? Кымъ роны клопочутся, та за кымъ побываються? Наче ниhto Даныла не знае, наче вперше побачылы. Бога рады! Гарна Приська, не кращый и вашъ Даныло! Ниhto никому свита не завьяже, ниhto ничіёго вику не заналастыть.—Жытымуть любисенько у пари, господаруватымуть, робытымуть, якъ и мы вси...

— Робытымуть, якъ прокляти, яеъ покуштують лыха,— додала Катерына:—роскошни та ледачи, що йе кому робыты, йе кому клопотатыся, а якъ оселятся у свой хати та не буде кымъ замышляты, то вси прымхы та выгадки де й подинутся... Бачылы мы такыхъ: ось, недалеко ходыть, прыгадаймо хочъ Оныську Коржеву; чы то не роскишна була, чы то не вередлыва? А подывитыся, якый теперь зъ неи и жнецъ и молотныкъ, яка зъ неи и швачка, и пряха!

Ричь Катерыны поклала видразу кинецъ всимъ змаганнямъ: що тутъ думаты, гадаты та задалегидь клопотатыся, колы, мовлявъ, Оныська Коржева вже довела, яки зъ посмиху люде бувають, яки зъ вередлывыхъ дивчатъ господаркы вдаются. Незабаромъ повернувся Трохымъ и запрохавъ живокъ до своеи господы: тамъ имъ уготовлене було снідання. За чаркою та ще у веселій розмови годына за хвылыну лыне, живочки не стямылыся, якъ вже череду прыгнали на обидь. Тилькы Домаси годына тяглася за голодне лито та кожне веселе слово сусидокъ немовъ ажъ у саме сердце шыгало: жыття черезъ сины зъ пышавою ятровкаю-городянкаю, а до того и оци розглядныны „мошеньски“, якъ вона казала, прямо лякалы іи.

А тымъ часомъ наблыжалыся уже до села и Максимъ та Горпына. Стара сыдила на повозци замысляна, та мовчазна: невесели думкы обгорталы іи, вищувалы щось недобре. Вона довго змагалася та не хотила йихаты, довго умовляла дочку не слухатыся Солохы та роспытатыся людей про Даныла, адже не по іи сталося: Максимъ ставъ сердытыся, Приська—плакаты, и вона повинна була пойихаты.

Що до Максима, то вінъ бувъ спокійный: за розглядны не турбувався, бо знавъ напевне, що Солоха упорядкує ихъ до дила, а про те, що-то буде після шлюбу: чы згодиться Приська жыты у тыхъ умовахъ, яки вінъ та Трохымъ уготовлять їй, ще меньше клопотався, бо здатенъ бувъ и пидъ присягу пійты, що кращыхъ засобивъ видъ норовивъ їи, якъ шлюбъ зъ закоханимъ у неи Даныломъ, не прырозумиты й Соломону.

Нихто не прымитивъ, якъ сваты пидйихалы до хаты та злизлы зъ повозкы, и Трохымъ прывитавъ вже ихъ на пороzi.

Вси жыякы, причъ Солохы, розійшыся зразу, простяглася була и Домаха тикаты „одъ гриха подали“, та Солоха не попустила до того. Сваты увійшы у хату. Горпына трычи перехрестылася и сила на покути. Солоха зиркнула у вивна и мыттю выбигла зъ хаты: Даныло простувавъ саме до порогу, а ёго-жь то та ёго занадто „правдывхъ та нерозумныхъ“ речей найдужче всёго и боялася сваха.

— Нейды, нейды, Данылыку, не наближайся й до хаты, покы розглядны обдумаемо, бо ты нещастливои вдачы,—налякала вона ёго и тоди вже, цилкомъ заспокоена, повернулася у хату. Розмова вже завелась и йшла про се, та те, про сёго-ришній доридъ, про оплаткы, ярмарокъ та торгы—нихто не зважувався завести ричъ про головну справу.

Нарешти Горпына запытала: де Даныло?

Домаха вже хотила бигты за нимъ, але Солоха попередыла їи.

— У волости, матинко, Даныло:—саме судъ иде, а вінъ вже всёму голова, безъ ёго не можна и обійтыся,—збрехала Солоха.

Горпына завдовольнылася такою звисткою про майбутнёго зятя и звела ричъ на хазайство: чы йе конопля? чы гарна картопля родытъ, чы прыкладни грядкы на капусту? чы йе уготовлене млыво? чы добре браты жывуть, та скилькы чого кому упаде, якъ вони зовсимъ подиляться? Солоха все знала, за всихъ видповидала. Вона личыла по пальцахъ сорочки, рядна, дижкы, овецъ; вона знала, скилькы кипъ конопель становиться на лану, скилькы десятинь земли, скилькы упругивъ огороду. Капуста—

за Иванову голову родыть; гарбузы—за пидрешитокъ; картопли—хочь греблю гаты. Трохымъ—хай ось сусиды скажуть—никому напыво не скаже. Домаха—не то у вичи, а й за очы скажу—така подилчыва жинка, що й останнёго рубця не пошкодіе виддаты. Про Даныла ничого вже и згадувати, бо нема мабуть й на всёму свити плохшого та розумнишого парубка, хай Господь тилькы ошастыть ёго гарною дружиною та укрепыть ёго на довгий вить, на здоровья.

Довго слухала Горцына сваху-щебетуху, довго не перебарончала и нарешти тяжко зитхнула: щось невесело слухалыся й ти речи солодки.

Максымъ спостеригъ це.

— А хата Данылова просторна?—запытавъ винъ, неначе зроду не бачывъ.

— Подывиться сами,—видомывъ Трохымъ, радый що йе нагода хочь на хвылыну перепеныты Солошыны брѣхны.

Чепурненько прыбрана, повна всякого добра, Данылова хата зробыла гарне вражиння на Горцыну. Вона, правда, спостерегла де-килькы роцелынь у бутку, свиже замазаны диркы пидъ лавами, зауважыла, що въ хати душыть пустою, але звычайно, хату можна по весни перемазаты, або и наново перекрыдаты, а на таке хазяйствечко, якъ оце, спасыби Богови, у Даныла, не спроможешся силоха, безъ велькой втраты.

— Все, слава Богу йе, всёго, хвалыть Бога, досыть: и въ хати йе, що слидь, и биля хаты не пусто—скотынка, овечкы, конячка, стригунча—може подывытеся?—запытала Солоха.

Сваты выйшлы на двирь.

Оглядили коривокъ, конячку, переличылы овечокъ, поверталыся, силы обидаты.

Страву подалы добру, ложки, мыскы чыстенько пытырани, диткы пымывани, ровчисаны, тыхенькы, Домаха уважылта прымна—Горцына значно повеселила, розбалалакалася и стала вже оповидаты, що у Приськы у скрыни йе... Колы ось вона раптомъ замовела.

— Опеклыся, чы прыгадалы що цикаве?—запыталася любенько Солоха.

— Оце мени спалосся на думку: куды вы кизячкы диваете? Отгилькы худобы, слава Богу, а на загороди чысто?—звернулася Горпына, мынуючы Солоху, прямо до Трохыма.

Трохымъ оторопивъ.

Максымъ глянувъ на ёго скоса та й почухавъ потылицю: пытання Горпыны доторкалося до найголовнишой справы; видъ видповиди Трохыма залежало все сватання, а винъ, замість видповиди, закашлявся, немовъ подавився та побигъ до дыжки пыть воду. Глянувъ Максымъ на Домаху—вона видъ сорому та жаху сховалася ажъ зъ головою пидъ прыпичокъ та товкла рогачемъ якыйсь чавунъ въ печи. Солоси тежъ стало николы: сполохала кота, що кунавъ соби пидъ столомъ та почала зъ доброго дыва ганяты ёго по хати...

Пробигла хвыльва—друга. Трохымъ вже выпывъ кухоль до дна. Домаху управылася забраты всю сажу зъ прыпичка соби на очипокъ. Солоха утомылася, бигаючы за котомъ, а Горпына все сподивалася видповиди. Все розумилы, що видъ тїен видповиди, видъ одного може слова залежыть вся справа, а лукаве слово не йшло, якъ на те, никому на думку.

— Дви коровкы, двое бычкивъ, двое телятокъ, конячка, лошятко, а на загороди чысто?—почала була Горпына изнову своеи.

— А тоби ото и не до-вдодобы, що на завгороди чысто? Тоби—щобъ товарюка по колино грузла?—напавсь на неи Максымъ зъ досады. Горпына мовчыкы головою похытала та ще разъ вызырнула у викно: чы не нагледыть де тыхъ кизячкивъ? Трохымови стало няково. Винъ здатенъ бувъ вже видсахнутыся и видъ того сватання, и видъ тыхъ розглядынъ, що загналы ёго на слызьке—але, на превельке щастя всихъ, Солоха саме піймала кота.

— Кизячкы де диваете? Про кизячкы, свашечко, пытаете? Я за цымъ проклятымъ котомъ й не вчула гараздъ... Управитель

на тютюнъ купуе. Невже не чулы? Прямо и не надасы— хочъ нарочыто заводъ худобу за для цѣго. Добри грошы платыть: у мене самой оце недавнечко ажъ на тры карбованци купывъ. Вычыстывъ загороду до самой святой земли, забравъ усе до соломынky, та ще й замивъ, ій-же Богу! Домашко! — на скількы це вы карбованцивъ продалы? Щось здається на п'ятнадцять въ одынъ разъ вывезлы. Винъ же зъ нимцивъ—той управытель, а у тыхъ нимцивъ, сказано, все до дила та до ладу—запекотила вона.

— Хйба що такъ,—повирыла и заспокоилася изнову Горпына. Неначе вельчезный каминь спавъ зъ плечей—вси загомонили, забалакали вразъ.

— Чы звелышъ засылать хлїбъ сватамъ, чы запыняешъ?—нарешти запытавъ Максимъ сестру.

— Ще треба бъ зъ дивкою погомониты,—мовыла обережно Горпына, и изнову чогось засмутылася.

— Колы вамъ, спасибѣ Богови, мы не осоружни, то й дивоньци вашій догодымо,—мовыла Солоха.

— Мени однаково: абы за годыны, бо далеко...—зитхнула Горпына.

— Колы якъ що воно наше дило на стежку зійшло та до краю докотылося, то я здатенъ и у суботу хлїбъ заміниты,—мовывъ Трохымъ.

— Про мене,—видмовыла Горпына и стала прощатыся зъ усима.

VII.

Горпына такъ и умылася гаркымы, якъ прыйихала у вельчезный понедилокъ до дочкы, та дизналася правды про розглядныны. Але даремно побывалася вона такъ, даремно нарикала на Солоху та недобрыхъ людей, що запакували вѣкъ дочкы. Присъвка сміялася зъ матерыныхъ слізъ за отыма „копійчанымы“ горщечкамы та мысочкамы, що порозбыралы люде

назадъ, и їй жылося зъ мисяць, якъ у Бога за пазухою. Передъ весиллямъ Даныло застановывъ Махтейчукови десятину земли за пъятьдесять карбованцивъ, одержавъ видъ брата девять карбованцивъ платы за коня покойного батька, продавъ за тры карбованци останню овечку и, видбувши за 30 карбованцивъ бучне весилля, доручывъ жинци решту. Винъ не сказавъ їй, яки-то грошы, якъ вони ёму дійшыся, а вона тежъ не спыталася, навищо вони прызначаються, и проживала зъ легкымъ сердцемъ „готову копійку“, певна, що чоловікъ постачатыме їй тыхъ „копійекъ“ и дали. Нихто не вымагавъ видъ неи ничего, нихто не пытався ніякои праци. Обихидыва та щыра Домаха не перечыла Присци прыставыты горщечокъ борщу зъ курятыною, спрягты молока або спекты яечню у своій печи. Попратыхъ ще у матеры сорочокъ було тежъ досыть.—Присци не треба було й пидпалюваты своей печи, праты тежъ ще не було чого. Даныло бильшу частыну дня сядывъ у волости, щобъ задовольныты жинку, а повернувшымъ не зважувався їи тежъ ничымъ турбоваты, и колы бъ не шырока мережка на тонкому полотни, то молодыця занудылася-бъ безъ дила. Сусидкы помы що тилькы прыдивлялыся до новой селянкы, вывирялы їи та нышкомъ дывувалыся їй: нихто не сподивався, нихто не думавъ, що пыпава „городянка“ завдовольныты цїею пусткою, Даныловымы злыднямы, и не нарикатыме на вухъ та на Солоху, але сусидкы не зналы тыхъ мрїй та надїй, що пестыла у соби молодыця, не чулы и тыхъ ричей, що наслухалася вона колысь видъ Солохы та переказувала теперъ нышкомъ Данылови:

— Якъ дистанешъ ты посаду „найстаршого пысаря“, то мы не вытрачатымемъ спершъ всёго твого „жалування“, а збиратымемъ та докладатымемъ до твоихъ грошей, а потимъ купымо десь гарненькый грунтыкъ та й збудуемо соби хату у двикимнаты,—казала вона иноди.

— А може и Трохымъ згодыты продаты частыну грунту, то можна на цёму самому мисци и выстроитысь. Огородъ увесь пиде пидъ садокъ, а на дворѣ можно поставыты коморю та повитку за-для коня, бо, якъ соби хочъ, а я безъ коня не обїй-

дуса: хочь разъ у тыждень треба побиггы у городъ,—казала вона другимъ разомъ.

Даныло тилькы очыма лупавъ, слухаючы таки смилыви та несуразви речи, дывувався, якимъ витромъ нанесло ихъ у ёго хату, та зитхавъ ныщечкомъ.

— Плеще, плеще щось недоладне, а тилькы почны суперечыть, зразу скипыть,—дывувався самъ соби чоловикъ и радый, що жинка хочь не допытуется видъ ёго ничого та миркуе сама й за себе й за ёго, не перечывъ „плескаты“ що на думку збреле.

День лынувъ за днемъ спокійно, безпешно та весело у надіяхъ, мріяхъ та сподиванкахъ на майбутни достаткы, и жылося бь молодыци такъ и весь викъ ии, якъ бы сонечко однаково грило, якъ бы людына йисты не хотила, або якъ бы у Даныла було тыхъ десятиновъ безъ лику, безъ чысла, щобъ кожного мисяця було що застановляты... Жылося бь молодыци безпешно та весело, выпивувала бь вона „канарейкы“ ще може якыхъ мисяцивъ п'ять-шість, пороскошувала бь вона хочь до лита—повы Даныло управывся бь виддаты останній упругъ земли пидъ застанову, та не поустывъ до того Трохымъ.

Разъ ягось гулялы молоди на воротахъ, и Приська почала плескаты Данылови про хату на помости, а Трохымъ и пидслуhavъ ненарокомъ. Засміявся винъ соби, почухавъ потылицю, та й пишовъ рятуваты брата. Сивъ винъ биля ихъ на колоди, побалакавъ трохы про се та про те, а дали и завивъ ричь про господарство.

— Скинчывъ я, спасыби Богови, сёгодня оранку,—мовывъ винъ,—а на завтра ты, Даныло, выходи: я дамъ тоби свою коривку та коня, а Якивъ обичавъ спрягтыся зъ тобою. Може тоби завтра не буде часу? Може яке нагайвише дило маешь?

Данылови вже й самому спадало на думку, що часъ бы уготовыть риллю на ярыну, але теперь винъ спостеригъ по ухмильци брата, по останнёму пытанню ёго, куды винъ закыдае, и злякався.

— Не знаю, яки у тебе думкы та яки замиры,—мовывъ дали Трохымъ, не диждавшысь видъ Даныла видповиди,—а по мени—часъ бы тоби вже оти артыкулы покынуты, та сядиты дома.

— Що жъ винъ робытыме дома?—запыталася Приська.

— Ого! дома, голубонько, всёго дила и не переробышь сплоха. Оце жъ зима йде, а хата не обставлена: треба десь бурьяну шукаты, бо конопелёкъ вы ще не прысіялы. Я пиду оце днивъ на тры заробляты бурьяну,—хай и Даныло попомахае денькивъ зо тры косою.

— А купыть?—нагадала Приська.

— Якъ що у кышени густо, то й купыты можна, а якъ що пусто... Даныло!—свилыны у тебе грошей? Чы постачыть на бурьянъ, чы ни?—запытався зъ жартомъ Трохымъ.

— Хиба я личывъ?—муркнувъ Даныло.

— А хиба ты вже грошей и не личышь? Хочешъ я тоби мыттю ихъ перекыдаю?—засміявся Трохымъ.

— Я твоихъ грошей не личу—не личытынешъ и ты моихъ,—видризавъ Даныло.

— Охъ! и ты бь, брате, мой цоличывъ, и я бь не забарывся твои перекыдаты, якъ бы то тилькы воны у насъ поводылыся, а то..., горе наше..., не люблять воны насъ: цураются. Якъ продамо що-небудъ, або застановымо, то й забраццыть трохы, а тамъ згодомъ, дывысь, изнову хочъ вывертай калытку,—мовывъ Трохымъ.

— Яке вамъ дило до Даныловыхъ грошей? Чого вы напалися на ёго?—заступылася за Даныла жинка.

— А таке дило, галочко, що я ёму братъ старшый и бачу, до якого кинця оти яешни, та курчата ёго прызведуть. Ты чы личыла Данылови грошы, чы ни, а я самъ на весилля ёму по людяхъ позмчавъ, самъ и земельку застановлявъ—знаю, що у ёго теперь тилько тыхъ и пятакывъ, що у тебе въ скрыни завалялыся.

Приська ажъ пидскочыла:

— А жалованне?

— Яке тамъ жалуванне? де-бъ воно взялося и за вищо-бъ ёму давали те жалуванне? Тыкне колы пысаръ по ласци якого гривенька на конхветы—ото тоби и весь заробитовъ. Я такы думавъ, що винъ хочъ карбованцивъ п'ять заробляе, колы, якъ роспытався...

— Даныло, хйба це такъ? Що це Трохымъ каже?—перелякалася Приська.

— Вольному воля—хай плеще, що на языкъ набреде!—муркнувъ Даныло и, щобъ скинчыты цю непрямну розмову, пидвися зъ колодки, на якій вси сьдили.

— Та ты, хлопче, не тикай,—спынывъ ёго братъ. Ты не сова—сонце тоби очей не коле—не заплющай ихъ, колы опынвися надъ прирвою. Того не бійся, що Присьци мои речи не до вподобы,—однаково колысь не мынется ихъ чуты. Дякуй мени, що клопочуся про тебе та пособляю доброю порадою... Упады краще оце въ ноги свойй жинци, зменьшыся передъ нею, признайся, яки у тебе достаткы, на вищо надіи... Покажы їи свои непотружени, молоди руки, скажы їй: „отакъ, такъ, жинко, праца своеи тоби не шкодію, не будешъ ты у мене ни голодна, ни холодна, не будешъ до вику и быта, а за гроши выбачай: не поводылыся вони у батькивъ нашихъ, не заведемо и мы ихъ“... Вона у тебе, хвалыты Бога, молода, пры здоровью, розумна; не схоче вона твоеи та й своеи погыбели: дасть ще тоби допомогу. Чы такъ, Присько?

— Чы вы смієтеся зъ мене, чы дратуєте? Даныло! чого-бо ты мовчышь, чого ничого не кажешъ?—запыталася Приська, и голосъ їи затремтивъ.

— Не сердься, Присько! Я тоби не ворогъ, я тоби дійсну правду кажу,—ставъ заспокоюваты Приську Трохымъ.

— Яку правду?—скыпила ще лужче Приська.

— Не сердься, не крычы, щобъ бува села не сполохаты,—видповивъ їй спокійно Трохымъ.

— Яку правду?—запытала вдруге Приська.

— Поспытайся у Даныла, хай винъ тоби, якъ на сповиди, признається,—мовивъ Трохымъ.

— Яку правду?—звернулася молодыця до Даныла.

— Ходимъ у хату!—одризавъ Даныло и побигъ у двиръ, немовъ за нымъ гналася нечыста сыла.

— Що це сёгодні Трохымъ плескавъ? Чого винъ напався?—запытала занеспокоена Приська Даныла въ хати.

— А хыба я знаю, чого винъ напався?—видмигся Даныло.

— Присикався.. присикався...—дыувалася молодыця.

— Неначе я самъ не знаю, що хата не обставлена, що часъ вже ораты. Пиду днівъ на чотыри и выорю,—мовывъ Даныло, абы перепыныты розмову и думкы Присьчыны про грошы.

— Самъ?—ажъ злякалася Приська.

— Якъ-то самъ? Коривъ та коней запряжу,—хотивъ по-жартуваты Даныло.

— Соби землю оратынешъ?—запытала Приська, не звернувши й увагы на той жартъ.

— Соби-жъ,—прызнався несмиливо Даныло.

— Господарюватынешъ?—сплеснула руками молодыця.

— Та ни... поспившыся заспокоить ии Даныло.—Яке тамъ господарство? То такъ...

— А я вже злякалася,—ажъ перевела духъ Приська.—Думала, що Трохымъ тоби чисто паморокы забывъ.. Та й вредный же винъ! Коли-бъ Господь вже швидче помигъ намъ видризнятыся! Скильки у тебе всёго грошей? Може можно було-бъ и зразу поставыты де хату, щобъ подали видъ ёго?

— Стелысь, Присько,—позихнувъ Даныло замисть видповиди.

— Солоха казала: сотъ на шистъ назбиравъ. Назбиравъ?..—допытувалася Приська.

— Треба попрохаты, щобъ збудылы завтра раненько, бо спизнюся у волюсть,—схопывся Даныло та утикъ зъ хаты.

Перестоявъ винъ у синяхъ трохы, повернувся..

— Якъ що сотъ на шистъ йе...—почала изнову рахуватысь Приська, якъ тилькы побачыла чоловіка на порози.

— Стелы, Присько.. прямо й очей не росплющу,—поспившыся Даныло перепыныты ии рахуновъ и мыттю, нашвыдку

роздягнувшисьъ, сховався видъ живчынныхъ допытувань пидъ рядно.

Приська погасила незабаромъ свитло и мицно заснула. Даныло-жь довго ще не спавъ. Ще ни разочку не доводилося ёму буты у такому становыщи, ни разочку не доводилося брехаты та видбрихуватысь,—адже Приська призвела ёго до того; вона налякала ёго выразомъ очей своихъ, тмы плямамы, що повиступалы у неи на выду, пидъ впливомъ сёгодняшнѣи розмовы зъ Трохымомъ, голосомъ, речамы, и винъ повиненъ бувъ колы не брехаты самому, то у всякимъ рази пидтримуваты Солошыны брехни... Голова ёго не звыкла ни до якихъ клопотивъ не звыкла гараздъ и думаты, а теперъ ось думкы несподивано-негадано налетилы звидкильсь и посилы їи, немовъ та чорна галчъ вербу на негоду. Що робиты? Що прырозумиты? Братъ правду казавъ: грошей, причъ тыхъ, що зисталося може у Приськы, не було; зима наблыжалася, а ни хлеба, ни топылыва прыпасеного тежь не було. Можна було-бъ, правда, перебуты цю зиму, щобъ дешевше, у Трохымовій хати, такъ Приська не схоче; мигъ-бы Трохымъ позычыты ёму и хлеба—не схоче Приська того хлеба йисты, а може не схоче й Трохымъ позычыты, якъ-що Даныло не послухае ёго та не визьмется до господарства: нарощне не позычыть, щобъ показаты Присьци, не гаявши часу, яке-то дѣйсне горе на масть. Але якъ-же ёму слухатыся Трохыма, якъ господарюваты, колы живци й натявнуты про те не можна? Нарешти, можна було-бъ найнятыся ще въ экономію, и Даныло охоче зробивъ-бы це зразу, такъ якъ-же ёго прызнатыся Присьци, що ёму тамъ платытумуть не бильше нѣкыты карбованцивъ? Багацько де-чого мигъ-бы ще Даныло прырозумиты, бо чымало засобивъ мае молода та робоча людыва перебуты зиму, але вси ти засобы здавалыся ёму не пидхожымы, не здатнымы. Йедыною втихою Данылови зоставалася думка, що беда хочъ и йде десь, хочъ и наблыжаеця, та не постукалася ще—ничого їй заздалегидъ видчыннаты ворота; йедыною надією було,—що саме жыття перемеле, якъ добри жорна, той кукиль, що вырись на ёго ныви помижь пшеницы, а Трохымъ та люде

навчати, якъ изъ такого борошна смашный хлибъ пекты,—якъ жыты.

Одже на свитанку и та втиха та надія звыклы: беда наблызлася швидко, нижь мигъ сподиватысь Даныло.

Домаха ничого не знала про суперечку помижь братамы и свитомъ стала будыты Приську.

— Вставай, Присько: я вже затопыла,—погукала вона на ятривку.

— Не варытому ничого,—видповила Приська.

Домаха пересыдила трохы та постукалася изнову.

— Вставай, Присько, бо швидко вытоплю,—погукала вона.

— Не варытому ничого,—видповила вдруге Приська, про те Домаха не заспокоилася и ще втретте погукала на неи.

Приська нахынула спидныцю и выбигла у сины.

— Чого ты прысикалася до мене? Я-жь тоби вже двичи казала, що не варытому ничого.

— Я думала, що то ты зъ просонку такъ кажешь,—засміялася Домаха.—Якъ-же ты будешь весь день безъ йижы?

— Бога рады! не сыдытому голодна черезъ те, що у вашій печи не топытому. Хай Трохымъ не дума, що мы безъ ёго допомогы пропадемо, хай не командуе, не замышля намы,—не дурниши мы за ёго! Спасыби и такъ за ласку—повикъ не забуду, що тры тыжни топыла у вашій хати,—мовыла Приська.

— Та що це тоби сталося? Сонъ прыснывся паганый, чы не выспалася?—засміялася Домаха.

— Поспытайсь свого чоловика, що винъ намъ вчора казавъ, якъ Даныла проты мене направлявъ.

— И до выку не повірю, щобъ Трохымъ Даныла проты тебе направлявъ. Може завважывъ що-небудь?—мовыла Домаха.

— Ото-жь хай бильшь не завважае, хай до насъ не мишається, хай краще до своєї хаты доглядається, за своєю симькою назырае, свое смиття вымитае.

Домаха образылася.

— Трохымови нема чого до своєї хаты доглядатысь:—у ёго жинка не ледача городянка,—мовыла вона.

Приська образылася й соби.

Слово за словомъ, докирь за докоромъ, и почалася суперечка. Трохима не було дома. Даныло побоявся потыкаться до молодыць, и ятривкы посварылыся навспрявжкы.

— Иды зразу, та купи мени топылва, тилько не соломы,— звелила Приська Данылови, повернувшисьъ зъ синей.—Заразомъ купишь мени ще де-чого, бо я сама вашого села не знаю, а Домашныхъ дитей не хочу посылати...

— Добре!—видповивъ Даныло, але такимъ голосомъ, немовъ три дни не йивъ.

— Зайдешъ ще й у крамницю та купишь мени сахарю,— додала Приська.

— Зайду,—протягъ изнову Даныло.

— Поспишайся-жъ, бо спизнышся у волость!—нагадала Приська.

Одначе Даныло не дуже спспивався: на топылво, сахаръ та те „де-що“, що загадала купиты Приська, треба було грошей, а якъ ихъ добути у Приськы, якъ признатися, що у ёго й шага немає?

— Дай мени грошей!—нарешти зважывся винъ вымыты.—Пры мени немає, а до волосты далеко,—додавъ винъ немовъ и байдуже; але молодыця видразу спостерегла щось непевне у ёго словахъ.

— Нема-жъ и у мене грошей,—збрехала вона и пыльно подывылася у вичи Данылови.

Даныло почервонивъ.

— Чого ты такъ почервонивъ? Мабуть Трохимъ вчора правду сказавъ? Мабуть у тебе ніякихъ грошей немає?—началася Приська на ёго.

— Якъ-то немає? На вищо-бъ я брехавъ? Тамъ мени одынъ чоловікъ выненъ,—видмовывъ Даныло, та ухопывши шапку, мерщій побигъ зъ хаты.

— Хто винъ такой той чоловікъ? скільки повывавъ?—запыталася Приська ёго навздогинъ.

кольно-анекдотическихъ произведеній, при желаніи, можно было бы набрать порядочное количество, и изъ этихъ лоскутковъ составляется вѣдь значительная часть нашей литературной продукціи за послѣднее время, — можно, конечно, вообразить, что за мозаика получается при этомъ! Въ числѣ персонажей г. Франка есть нѣкто Галай («Лесышына челядь»), который вамъ «въ одній хвыли и коломыйкы задробыть, и думкы затягне, и весильной, и зъ псавтыри та гласивъ церковныхъ... и *абы вамъ одну спиванку змивъ скинчыты*». Если бы намъ предложили однимъ словомъ охарактеризовать нашихъ лоскутниковъ, найти для нихъ общее собирательное имя, то лучшаго мы бы, кажется, не въ состояніи были придумать, какъ—Галай. Этотъ беззаботный на счетъ осмысленности своихъ поступковъ пѣвецъ, до самозабвенія отдающійся процессу пѣнія, не ищущій въ немъ ни связи, ни смысла, является самымъ подходящимъ символомъ для изображенія всей лоскутной части нашей литературы; это—лучшее отраженіе того хаотическаго состоянія литературы, которое произведено обиліемъ неумѣлыхъ, протоколно-анекдотическихъ миниатюръ. Какъ и Галай, наши протоколисты отличаются весьма большою разносторонностью и затрагиваютъ множество самыхъ разнообразныхъ темъ, касаются самыхъ различныхъ сюжетовъ, но захватываютъ ихъ поразительно не глубоко, не умѣютъ отдѣлать и докончить ни одного изъ нихъ. Какъ и Галай, они не останавливаются на внутреннемъ смыслѣ затронутой темы, не проникаютъ дальше поверхностнаго изображенія чисто внѣшняго факта, не видятъ въ большинствѣ случаевъ ничего, кромѣ занимательнаго сюжета. Какъ и у Галая, у нихъ нѣтъ общаго руководящаго принципа который бы объединялъ разрозненные факты въ одно цѣлое, освѣщалъ ихъ съ точки зрѣнія цѣльнаго, опредѣленнаго міросозерцанія и служилъ Ариадниной нитью въ лабиринтѣ мелкихъ фактовъ, отрывочныхъ наблюденій, не продуманныхъ, а припятыхъ въ большинствѣ случаевъ на вѣру, съ чужого голоса, идей. Вѣдь писатель, обладающій такой руководящею нитью, какова бы она ни была, если начинаетъ, скажемъ, «коломыйку», то онъ знаетъ что поетъ именно «коломыйку», а

не «думку» и не «зъ псавтыри» или «гласивъ церковныхъ»; точно также специалистъ по части «гласивъ церковныхъ» тягетъ болѣе или менѣе послѣдовательно свою линію и не сбивается на «колomyйку». А у насъ между тѣмъ возможны такія чисто овидіевы превращенія, когда «чесный до фанатизму, по выраженію г. Хоткевича, оборонецъ и захыстныкъ красы» способенъ унизиться до порнографіи, представитель и поклонникъ искусства дойти до отрицанія всякаго искусства, а лоскутникъ завладѣть литературой и наполнить ее обрывками протоколно-апекдотическихъ произведеній. Не удивительно поэтому, что и литература наша въ значительной своей части напоминаетъ хаотическое, лишенное цѣлостности, осмысленности и пониманія пѣніе Галаа, не достигающее даже тѣхъ минимальныхъ требованій, какія къ нему можно было бы предъявить...

Отмѣчая пока только факты, мы не будемъ касаться сейчасъ причинъ, вызвавшихъ эту раздробленность, лоскутность значительной части нашей повѣйшей литературы: случайность темъ, несовершенства обработки, мелочность и узость кругозора и тому подобныя недостатки; тѣмъ болѣе, что мы надѣемся посвятить этому вопросу нѣсколько строкъ ниже, при подведеніи итоговъ. Сейчасъ мы скажемъ больше—что тѣ же недостатки обнаруживаются, къ сожалѣнію, не только въ произведеніяхъ нашихъ миниатюристовъ, но въ одинаковой степени свойственны и болѣе значительнымъ по размѣрамъ произведеніямъ. Беспомощность авторовъ, ихъ поразительное неумѣніе сладить съ сюжетомъ, ихъ наивныя, явно тенденціозныя приемы съ цѣлью замаскировать свою беспомощность—отличаютъ и произведенія съ претензіями на исчерпывающую полноту, на всестороннее изображеніе нашей жизни. Для примѣра мы остановимся на трехъ произведеніяхъ болѣе крупнаго калибра, принадлежащихъ различнымъ авторамъ, и попробуемъ схарактеризовать ихъ отличительныя черты какъ въ отношеніи содержанія, такъ и внѣшнихъ приемовъ. Два изъ избранныхъ нами авторовъ, г.г. Лукіяновичъ и Яцкѣвъ—не новички въ литературѣ, такъ какъ каждый изъ нихъ издалъ уже по нѣсколько книжекъ своихъ произведеній; пмя третьяго—г. Пидеши мы встрѣчаемъ въ первый разъ.

Сергій Ефремовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Українськи запыси Порфирія Мартиновича.

Жырыло Сайко́.

(Продолженіе ¹⁾).

П о д а р у н ч а́.

Казка.

Якъ бувъ соби критъ
Та горобецъ;
И то не зъ простыхъ бувъ молодець.
Критъ накротывъ кочку земли,—
Горобецъ прылетивъ,
Тай сивъ.
Критъ заворухнувся,—
Горобецъ испугнувся.
«А чого ты, горобче, добрый молодче, злякався?»

¹⁾ См. Киев. Стар. 1904 г., № 4.

Я зъ тобою хочу побрататця».

„Такъ я-жь, хочъ и побратаемось,—

Такъ не могу ничего робыть“.

„Такъ я навчу.

Ты горобецъ,

Добрый молодець,

По велькыхъ хазяинахъ по токахъ литаешъ

И вси стижкы въ багачивъ знаешъ;

Я могу накротыть велькый ланъ,

А ты можешъ у хазяинивъ жыта достать,

Та будемъ соби хлибъ на зиму пахать“.—

Поеднались.

Критъ вырывъ ланъ превелькый!

Такый, якъ одъ мене та до васъ,

А одъ васъ та до мене.

Горобецъ, добрый молодець, натягавъ жыта колоскивъ

Одъ току зъ багачивъ.

Навымыналы воны соби зерна

Й посіялы жыто.

И зародывъ имъ Богъ жыта,—

Одъ кореня до верха колосья!!

Шо нигде такой и не родыть,

Якъ имъ Богъ зародывъ!

— „Ану, горобче-молодче!

Треба намъ ёго зибрать“,

— „Такъ я не вмю!“

«А я навчу!

Я буду зъ кореня пидкусювать,

А ты крыламы беры,

Та въ скырты клады!

Критъ изжавъ,—

Горобецъ, добрый молодець, у скырту склавъ.

А ну, горобче-молодче!

Треба намъ ёго змолотыты!“

— «Такъ я не вмю!“

— «А я навчу!»

Ты горобецъ, добрый молодець,

У тебе й крыла е!

А въ мене нись добрый!
 Я могу зчыщать ривненко,
 А ты можешь крыламы змитать гарненко.
 А ну, горобче-молодче, ёго й молотыть.
 Ты, горобець-молодець, зь крыламы?
 Леты на скырту
 И тягны первый колосоць.
 И несы ёго на тикъ.
 Буду я вылуцувать и въ ворохъ класты,
 А ты солому беры,
 Та въ скырты клады“.
 Давъ имъ Богъ: прыбралы хлибъ.
 Ве-лы-кый ворохъ жыта прыбралы!
 — «А шо горобче-молодче?»
 — «А шо, кротику-братику?»
 «А давай дилытьця!
 Богъ намъ зародывъ хлибъ,—
 Буде на всю зиму».
 — «Тай давай!»
 Зачавъ критъ дилыть:
 Тому зерно
 Й тому зерно:
 Тому зерно
 Й тому зерно:
 Тому зерно
 Й тому зерно!..
 Роздилылысь пополамъ.
 Одна зернына лышня.
 Завелы между собою споръ:
 Кому та зернына?!
 Горобець каже: „мени,—
 Я бильше трудывси,
 То мени!“
 А критъ каже: «я тебе вчывъ!
 Я бильше трудывсь!
 Нехай мени!»
 — «А-а, ни-ни, кротику-братику!
 Ты безъ мене ничого не зробывъ-бы,

Хоть ты мене й учывъ!
 Земля безъ кореня не редыть,—
 А якъ я насинья доставъ,
 То й земля народыла».
 Зачалы между собою споръ впять
 И зачалы бытыця!
 Горобецъ крота подужае.
 Скубне, тай полетыть у гору,
 А той скаче,
 Тай не достане.
 «Ну, постой, горобче-молодче!
 По-жа-луй!
 Въ тебе крыла е,
 То ты можешъ скубыть!..
 Не такъ, горобче-молодче!
 А зывай ты свое царство летюче,
 А я свое пише,
 Которе слидуе!»
 Созвавъ критъ свое царство:
 Зай-ци!..
 Лы-сы-ци!..
 Вов-кы!..
 Вед-ме-ди!..
 Ов-ра-хы!..
 Мы-ши!..
 Й тхо-ри!..
 И все пише, которе слидуе.
 Созвавъ горобецъ,
 Добрый молодець
 Усе царство летюче:
 Гу-сы!..
 Й ку-ры!..
 Кач-кы!..
 Й ын-ды-кы!..
 Кга-вы!..
 Й со-ро-кы!..
 Шуль-пи-кы!..
 Й кибь-ци!..

Як-тру-бы!..
 Ї ор-лы!..
 И все летюче,
 Що слидує
 Усе царство!
 И зачалы воны бытьця!
 Ї воюватця!
 И воскрыкнувъ горобець,
 Добрый молодець!
 „Эть, стой, кротіку-братіку!
 Не все мое царство!“
 — «А кого жь у тебе немає?»
 «Ше немає въ мене попугайла летючого!»
 --- Стунай, горобець,
 Добрый молодець,
 Шукай попугайла летючого».

Якъ полетивъ горобець,
 Добрый молодець,
 На ынше царство,
 На девъяте государство,—
 И найшовъ попугайла!
 — «Эй, здоровъ, брате попугайле!»
 — А здоровъ, здоровъ, горобче,
 Добрый молодець!
 А шо мени скажешь, горобче?!»
 Э-эй, брате попугайле!
 Пропало наше летюче царство!»
 — «Черезъ що?»
 «А черезъ те пропало,
 Що я зъ кротомъ побратавсь,
 И побратавшысь робылы хлибъ у купи.
 И вродывъ намъ Богъ хлибъ велькый,—
 Одъ кореня до верхá колосья,
 Шо нигде такый и не родыть,
 Якъ намъ Богъ давъ.
 И ёго вбрали.
 До роздилкы дило,—
 И завельсь за 'дно зерно дратьця!
 И критъ свое ынше царство собравъ,

А я свое летюче;
 И винъ побиждае!»
 --- «Веды, горобче-молодче!»
 Горобецъ, добрый молодець, якъ пиднявся вгору!
 Попугайло за нымъ!
 --- «Веды, горобче-молодче!»
 Горобецъ, добрый молодець, указавъ попугайлу:
 «Дывыся, попугайле!
 Яка сыла коло хлиба лежить кругомъ!»
 Летыть горобецъ,—
 Попугайло вгору беретьця!
 Летыть горобецъ,
 Добрый молодець,
 Попугайло вгору беретьця!
 Прилетивъ горобецъ.
 «А ну, кротику,
 Братнику!
 Бере-жыся», говорыть,—
 «Попугайло летыть».
 Якъ розигнався зъ горы попугайло,
 Якъ ударывъ пише царство грудмы,—
 Зробывъ вулицю!
 Выбывъ.
 Пиднявся у гору впять.
 Якъ ударывъ навхрестъ,—
 И другу вулицю зробывъ!
 Розбиглося все пише царство:
 Зайци въ степь...
 Лысыци въ яры...
 Вовкы въ лись...
 Ведмеди тожь!..
 Тхоры,
 Оврахы
 Й мышы
 Заточылысь у землю...
 Критъ тоже й соби закרותывсь...
 Горобецъ,
 Добрый молодець,

Скомандувавъ свое летюче царство:
 «Пожить мой труда!»
 Росхваталы хлѣбъ по зерныни.
 Зоставсь понугайло безъ крыль на току.
 Выйшовъ понугайло на стовпový шляхъ
 И сивъ на могыли.
 Йиде багачъ одъ чумакивъ: ¹⁾
 — «Здоровъ, понугайло!»
 — «Здоровъ, багачу!»
 «А чого ты, брате, сидишь тутъ?»
 — «Э-э-эй, брате!..
 Крыль нема!..
 Якъ бы мене хто взявъ,
 Та выгодувавъ,
 Поки въ мене крыла поростуть,—
 Я бъ тому у ве-лы-кій прыгоди бъ ставъ»!
 Багачъ и подумавъ:
 «У мене стада;
 У мене й гурта;
 У мене двадцять ыбаривъ хлѣба;
 Сто двадцять скиртъ у степу стоить немолоченого;
 У мене сумы много;
 У мене й чумака сорокъ визъ;
 Невже я не выгодоую ёго,
 Поки крыла поростуть?
 Сидай, понугайло»!
 Сивъ понугайло.
 Везе багачъ.
 Прывизъ до дому,
 Уклькавъ ёго въ горныци;
 Посадывъ за стиль.
 Прыказавъ пару скота вбить
 И зварить
 Та понугайла накормить.
 Перешамнувъ понугайло
 И багачеви дякуе.
 «Копай же, багачу, погрибъ на мене
 Посередъ двору великый;

¹⁾ Йиздывъ у степъ чумакивъ своихъ провидувать.

И заццты мене.
Тилько вижно пусты;
И годуї мене,
Ажь поки крыла поростуть;
Тоди я тоби у велькій прыгоди стану.»
Заставывъ багачъ робочыхъ.
Вырылы ёму погрибъ.
И посадывъ ёго въ погрибъ
И заццтывъ,
Тилько вижно пустывъ.
Почалы ёго годувать.
Було въ багача два млыны греблёвыхъ,
А два витряныхъ;
Зачавъ безперестанно молотъ и пекты,
Попугайла годувать.
Выгодувавъ дванадцять ынбаривъ хлеба!
Пытаецця:
«Нема крыль?»
«Нема».
Було въ ёго сумы много;
Почавъ хлибъ купувать.
И молотныкивъ наймать.
Вымолотывъ сто двадцять скыртъ
И выгодувавъ.
Ставъ ёго впяты пытать:
«Нема крыль?»
«Нема».
Зачавъ гурта бытъ
И варытъ,—
Попугайлу носытъ.
Выгодувавъ гурта.
— «Нема крыль?»
«Нема».
Зачавъ отары ризать.
Выризавъ,
Выгодувавъ.
«Нема крыль?»
«Нема».
Зачавъ стада продавать,—
Выпродавъ.
Хлиба купывъ,—

Погодувавъ.
«Нема крыль?»
«Нема».
Прыйшли чумаки зъ дороги.
Попродавъ силъ,
Купивъ хлиба,—
Выгодувавъ.
«Нема крыль?»
«Нема!»
Повбывавъ волы;
Поваривъ
И погодувавъ.
«Нема крыль?»
«Нема».
Було въ ёго земли много,—
Выпродавъ,
Та все хлибъ купувавъ.
Та попугайла годувавъ.
«Нема крыль?»
«Нема».
Попродавъ ынбары,—
Накупивъ хлиба,
Та все попугайла годувавъ...
«Нема крыль?»
«Нема».
Попродавъ дываны,
Сьтильци,
Шахвы...
Попродавъ горныци,
Та все хлибъ купувавъ,
Та попугайла годувавъ.
«Нема крыль?»
«Нема».
Узявъ жинку за руку,
Повивъ у слободу.
Нанима їи до мужыга обременну.
Мужыкъ опасуетьця наннимать:
«Шожъ»,—каже, я їи найму;
Шо вона буде робыть?
Наймимъ, диты!
Хоть буде ложки мыть,

Та хату вымете.
 Шо жъ тобі дать за неї?»
 «У годъ тельци и корова».
 «Иды въ загонъ: беры».
 Налыгавъ и повивъ.
 Убывъ тельцю;
 Зжарывъ и понисъ.
 «Нема крыль?»
 «Нема.»
 Убывъ и корову
 Половыну зжарывъ и понисъ.
 «Нема крыль?»
 «Нема».
 Понисъ и посьлидню половыну.
 «Оце жъ нжъ, та вже й нема».
 «А нема?»
 „Нема“, —говорыть.
 „Ну, а въ мене крыла е“.
 „Ну, й слава Богу!
 Шо хочъ, у мене ничего нема,
 Абы въ тебе хочъ крыла булы!“
 „Беры жъ ты, багачу, заступъ,
 Та дкопуй погрибъ.“
 Багачъ одрывъ погрибъ.
 Ажъ земля кругомъ пореналась!
 Такой гладкый!
 Утушкувавъ ёго!
 Попугайло вылизъ зъ погребя,
 Якъ стрепенувсь!..
 Якъ полетивъ!..
 Ажъ пидъ хмары!..
 Зоставсь багачъ;
 Дывивсь, дывивсь,—
 Ажъ покы не выдно стало!
 Сыдыть багачъ:
 Слуха—колы шумить!
 Колы сида коло багача въ двори!
 „А що ты, каже, багачу зажурывся?
 „Та вже жъ, каже, попугайле!
 И не весельвсь
 И не смутывсь!“

„А йды жь ты, каже, багачу въ слободу;
 Та не йды жь ты до багатого мужыка,
 А йды до бидного;
 У ёго була парка коровокъ,
 Та одна згинула;
 Та вырбывъ винъ ии на реминь
 И высить вона въ ёго пидъ повиткою,
 А на посльидню корову робыть буркунецъ,—
 Буде одныєю издыть.
 То ты въ ёго попросы ту шкуру,
 То винъ позычыть,
 Бо винъ горе зна“.
 Пиншовъ багачъ.
 Напавъ на того мужыка бидного.
 Прыйшовъ пидъ повитку;
 Глядь!—шкура высить вычынена.
 „Эй, брате!
 Позычь мени цю шкуру!
 Я колысь, якъ розжывусь,
 То я тобі вдвое оддамъ!“
 „Тай визьмы!
 Оддасы,—спасыби,
 А не 'ддасы,—Богъ зь тобою!“
 Изьнявъ ту шкуру.
 Каже понугайло:
 «Перепусты ии на двое;
 Въ тебе булы стада й гурга,—
 Ты можешъ вузды робыть;
 Робы на мене вузду зь одныи половынкы».
 Зробывъ вузду.
 «А плеты малахай зь другои половынкы!
 Та до-о-брый малахай!
 Шобъ и нужално реминне було!
 Беры-жь ту вузду,
 Та йды на край села;
 Та не йды до цыгана,
 А пды до нашого коваля,—
 То винъ тобі повірыть наборъ зробыть удыла».
 Прыходе 'дъ коваля.
 «Надивай вузду й занузлуй.
 А беры малахай!...

А сѣдай», говорить, «на мене»!..
 Сивъ винъ на ёго.
 «А якъ теперь тебе несты?
 Чы по-пидь небесамы?
 Чы поверхъ древа?
 Чы поверхъ травы?»
 Багачъ подумавъ:
 «Понесе по-пидь небесамы, —
 Перелякаюсь, упаду, — вбьюсь!..
 Понесе поверхъ травы, — —
 Объ дерево вбьюсь!
 Несы поверхъ древа».
 Якъ стре-не-нувсь!..
 Якъ знявсь!
 Якъ полетивъ на ынше царство,
 На девъяте государство! —
 Тай спустывсь.
 «Оце-жь», каже, «моя первая сестра живе.
 Веды мене въ двиръ
 И бый мене!.. И мучь! И пещы!..
 Стильки сылы маешь, —
 Стильки й бый!
 А я стиликы сылы маю, —
 Буду крычать.
 И заче сестра гласъ мій
 И буде бигты, крычать,
 Руку ламать!
 И буде тебе просыть,
 Даватыме тоби й панство,
 Й царство!
 И даватыме тоби дванадцять ынваривъ срибра й
 злата!
 То ты не беры,
 А просы въ неп срибный ключыкъ,
 Золотый верчыкъ» ¹⁾.
 Веде багачъ понугайла въ двиръ

¹⁾ Замочокъ.

Бѣ ёго!

Пече!..

Стилькы сылы можетъ — бѣ!..

А той крычыть стилькы сылы можетъ.

Послужанка зачула гласъ попугайливъ.

«Нани» — говорыть:

«Послушайте!

Братъ попугайло живый есть!»!

«Де винъ», говорыть, «узився!»?

Его й на съвити живого нема!»!

«Послушайте, нани!

Скоро въ двори буде!»!

Побачыла нани, шо вже въ двирь укынувъ черезъ
ворота.

Бижыть!..

Крычыть!

Руки ломыть!

«За шо ты, лыха лычно, зъ мого брата зну-
щаєсья?»

— «Якъ-же мени зъ ёго не знущатыця!»?

Булы въ мене стада,

Й гурта,

Й отары,

Дванадцять ынбаривъ хлеба

И сто двадцять скыртъ у поли!

Було въ мене сумы много!

Та я все позбувавъ,

Та твого брата попугайла годувавъ.

Шо схочу, те й зроблю!

Хоть убью, —

Хоть повисю!

«Нажъ тоби панство

Й царство!

И дванадцять ынбаривъ срибра й злата,

Тилькы нусты мого брата попугайла».

— «Не хочу панства

И царства

Ни срибра, ни злата!

Дай мени срибный ключыкъ,
 Золотый верчыкъ,—
 Такъ пуцу!
 «Хочь ты ёго й повись, то не 'ддамь».
 Пишла въ хату.
 Выйшлы зъ двору.
 «Чортъ-батька зна, якъ ты й бывъ!
 Шо ты мене жаліешъ?
 Я-жь тебе не жаливъ,
 Якъ усе твое добро переивъ!
 Не жалий и ты мене!
 Такъ бьешь, шо й сестра не ожалилася!..
 Ты мене бый стики сылы маешъ,
 Стики мочи маешъ!
 Не наскудь!
 А я стики сылы маю
 Стики мочи
 Буду крычать.
 Давай иты до середульшон».
 Прыйшлы до середульшон.
 «Бый-же, та не погань!
 Шобъ сестра ожалилася на мене».
 Зачавъ винъ ёго быть,
 Стики сылы мае,
 А той крычыть!..
 Почула послужанка
 «Нани»,—говорыть:
 «Послушайте!
 Вашъ братъ попугайло жывый е»!
 — «Де винъ узявся?!
 Ёго й на свити нема»!
 «Ни, послушайте!
 Скоро въ двори буде»!
 Черекынувъ багачъ попугайла черезъ ворота,
 Топче ногами..
 Пече ёго,
 Бье ёго,
 Стики сыла мае,

Стики мочи має,—

Стики й поре!..

А той стики мочи має,

Стики й крычыть!..

Выскочыла пани.

Крычыть...

Руки ломыть!..

«За що ты, лыха лычыно, зъ мого брата попугайла
знущаєшься?»

— «Якъ-же мени зъ ёго не знущатьця?»

Булы въ мене стада

Й гурга,

Дванадцять ынбаривъ хлеба,

Сто двадцять скыртъ у степену хлеба!

Було въ мене сумы много,—

Та я все позбувавъ,

Та твого брата попугайла годувавъ!

Шо схочу,—те й зроблю зъ нымъ!

Хочъ убью,—хоть повисю!»!

— «На тобі й панство,

Й царство!

Дванадцять ынбаривъ срибра й злата,—

Тилькы пусты мого брата попугайла».

«Не хочю я панства

Й царства,

Ни срибра, ни злата!

Дай минни срибный ключыкъ,

Золотый верчыкъ,

Такъ пустю!»!

«Хочъ ты ёго й повись»!

Пишла й не оглядаєтьця.

Выйшлы за ворота.

И каже ёму попугайло:

«Ду-у-р-ны-й ты», говорыть:

«Пропало наше дило!

Шо ты мене жалієшь?!

Ты бый мене лучче!

Изробы ты отъ що:

Якъ идемъ мы до меньшой,
То ты вже бый мене
Та не погань!
Шобъ не такъ, якъ тамъ бывъ!
Та якъ даватиме вона тоби панство
И царство,
И дванадцять ынбаривъ срибра и злата,
Не беры!
А просы срибный ключыкъ,
Золотый верчыкъ,
И одно те робы, шо бый мене.
И буде вона тебе просыть у хату
Покушать и 'дпочыть
И речи поговорыть,—
Ты йды.
И буде вона тоби пытки и нандки давать
И буде тебе шпиртомъ напувать.
Ну ты гляды-ы!
Шобъ ты ии прысылувавъ выпыть до себе!
Та вже и я прысылую,—
И одъ мене выпье.
То мы по чарци выпьемъ,
А вона значыть дьви.
Буде вона и вдруге частувать;
Та все-жъ такы, шобъ прысылувавъ.
Частуватыме мене,
Прысылую и я.
Буде вона и втрете частувать,—
То шо-бъ ты прысылувавъ выпыть;
Да вже и я прысылую.
Мы выпьемъ по тры,
А вона значыть шисыть.
Тоди посидаемъ обидать.
Ты ижъ,—поки наисысь.
И я тебе штовхну,
А ты шобъ догадавсь:
Прыкыньсь пьянымъ;
Перекынь мене черезъ стіль,

Топчы мене ногамы!..
Бый мыскы,
Й полумыскы,
Чаркы,
Й пляшкы.
На голови мени!..
То вона тоди змылується.
Буде тебе цилувать
И за руки хватать!
И одасць тобі срибный ключыкъ;
Золотый верчыкъ;
Надине тобі ёго на шыю
И захне за пазуху».
Дійшли до ворить.
Перекинувъ ёго черезъ ворота.
По-о-ре!
Послужанка зачула глась:
«Послухайте, пани!
Вашъ братъ понугайло жывый есть»!
«Де винъ у свити взявся?!
Ёго й жывого на свити нема»!
Винъ ёго топче ногамы!
Бье пужалномъ по голови.
Угядила пани.
Бижыть!..
Крычыть!..
Руки ломыть!..
«За що ты, зла лычно, зъ мого брата понугайла
такъ знуцаєшься?»
— «Якъ-же мени зъ ёго не знуцатьця?!
Булы въ мене стада,
Й гурта!
Булы въ мене й отары!
Було въ мене дванадцять ынбаривъ хлеба;
Було въ мене сто двадцять скърть хлеба въ стену,
Було въ мене сумы много,
Та я все позбувавъ,
Та твого брата понугайла годувавъ!

Шо схочу,— те и зрблю!
 Хочь убью,
 Хочь повисю»!
 Зачавъ ёго бы-ы-ты!..
 Ногамы мисыть!..
 Той, стики сылы мае, крычыть!
 Просыть вона ихъ у хатку.
 Закрычыть пани на послужанку:
 «Заразь стиль наповныть пыткамы
 Й найдкамы»!
 Посажала ихъ за стиль,
 Зачала частувать;
 Зачала багачеви шпирту давать.
 «Прошу-жь покорно, выпыть соби;
 Якъ ты своему братови рада,
 То выпьенъ до дна».
 Могла вона выпыть.
 Выпывъ и багачъ.
 Дае брату.
 Братъ одвищае:
 «Якъ ты рада братови,
 То выпьенъ до дна».
 Могла вона выпыть.
 Каже: «просю-жь покорно;
 За 'дню не закусюють,
 А выпыйте й по другій».
 Одвища багачъ:
 «Из-воль-те»!
 Стала багача частувать.
 «Якъ ты рада братови,
 То выпьенъ до дна!»
 Могла вона выпыть.
 Выпывъ и братъ.
 Выпылы такимъ родомъ и по третій.
 «Прошу-жь покорно обидать».
 Обидавъ багачъ,—поки нанвсь.
 Штовхнувъ попугайло багача;
 Той прыкынувсь пьянымъ!

Штовхнувъ понугайла въ потылицю,
 Хватнувъ за волосья!..
 Перекинувъ черезъ стили!..
 Ногами то-о-пче!..
 Зачавъ ему на голови быть полумыскы,
 Пляш-кы
 Ї чаркы!
 Сестри жалко стало.
 Стала вона багача цилувать.
 За руки хватае.
 «На тоби срибный ключыкъ,
 Золотый верчыкъ,
 Тилькы не знуцайся зъ мого брата понугайла!»
 Надила вона ёму на шыю
 И захнула за пазуху.
 «Иды ты, багачу, на ынше царство
 На десяте государство!
 Де ты соби внодобаешъ,—
 У якимъ прысадыя хороше
 И степъ шобъ добрый.
 Скажы соби:
 Срибный ключыкъ повернысь,
 Золотый верчыкъ одимкнысь,—
 Стане тоби велике багатство».
 Зійшовъ багачъ на одного царя царство.
 Степъ добрый,
 Сады хороши;
 Ставы добри.
 Выйшовъ винъ на крижъ,
 Сивъ коло саду надъ ставомъ.
 Знявъ верчыкъ,
 Поставивъ мижъ колиньмы.
 «Срибный ключыкъ, поверныся,
 Золотый верчыкъ одимкныся!»
 Срибный ключыкъ повернувся,
 Золотый верчыкъ одимкнувся.
 Якъ запумлять дома-а!..
 Пидь самымъ золотомъ:

Дванадцять выбаривъ изъ сребромъ и златомъ!
 Якъ зашумилы гурта
 Й ста-да-а!
 Й черидкы свине-е-й!..
 Люды розсыпнулысь по царстви косыть
 И жать
 И весь хлибъ прыбирать! .
 Уставшы зъ верчыкомъ,
 Пишовъ у золоти дома,
 У ныжнихъ домахъ печетьця й варытьця,
 Въ середнихъ домахъ—ниткамы й наидкамы стиль
 наповняетьця!
 Въ самыхъ вышихъ тилько прогуляеть ¹⁾.
 Дывытьця въ викно скильки стада й гурта степу за-
 сягли.
 Прыиздыть нарошный одъ царя зъ пакетомъ.
 Розначатавъ пакетъ. Прочытавъ.
 Пыше царь:
 «Шо ты таке?!
 Де ты взялось?!
 По моимъ царстви росполенився зъ стадами,
 Зъ гуртамы,
 Зъ косарямы,
 Зъ женьцямы?!
 Якъ ты не зйдешъ по добрій воли,
 Тагъ я те все выбью
 Й въ ставахъ вытоплю».

Однысуде багачъ царю,
 Шо: «я радъ-бы зйты,—
 Не могу зибрать!
 Царь, роздывывшысь у пакетъ ёго, однысуде:
 «Подаруй мени те,
 Шо въ твоен жинкы е,—

¹⁾ Ото значить у ныжнѣму этажи, у середнѣму этажи и у верхнѣму.

Я тобі найду таку бабку, що збере».
А багачь того й не знавъ,
Шо якъ одвивъ винъ свою жинку наймать до чоло-
вика обременну,
Такъ вона, у наймахъ бувши,
Родыла сына Ивася,
Такого, шо ни здумать, ни згадать.
А хйба тилькы въ казыци сказать:
По поясъ у срибли
А по поясъ у злати;
На грудяхъ звизда,
А на потылицы мисяць.
И рисъ винъ не по днямъ, а по часамъ,—
Не по часамъ, а по минутамъ!
Багачь, роздывывишысь у пакеть,
«Шо-жь у моеи жинкы е?!
Всёго-жь я ришывся!...
Хйба тилькы шуба дорога осталась
Ну, хай соби бере шубу!
Абы тилькы жинка моя зосталась!»!
Однысуе царю:
«Нехай тобі те,
Шо въ моеи жинкы е,
Ну тилькы шобъ жинка моя».
Прывздыть царь;
Прывозе бабку.
Стае бабка зъ колясы:
«А дава-а-й, багачу, верчыкъ!
А сида-а-й, багачу!»!
Поставыла мижъ колынымы верчыкъ.
Якъ крыкне!..
Якъ свысне!..
Такъ и зашумило у верчыкъ усе!
Якъ було въ верчыку все,
Такъ и внять стало на мисти!
«Срибный ключыкъ повернысь,
Золотый верчыкъ замкнысь»!
Надила ёму на шыю

Ї запхнула за пазуху.
 Иды-жь, багачу!
 Де ты внодобаешь соби,
 Сядешь,
 Упьять буде тоби те,
 Шо й туть було!
 Пишовь багачь.
 Стикы не йшовь,
 Прыйшовь у свое царство
 И сивь на своему двoryщи.
 Изьнявь верчыкъ,
 Поставывь мижь колинмы:
 «Срибный ключыкъ повернысь,
 Золотый верчыкъ одимкнысь».
 Якъ зашуми-и-ло!...
 Шо тамь було; те й туть е!
 Осидлавь коня
 Ї поихавь по царстви своему оглядать стада й гурта.
 «Чьи стада?»
 — «Ивана багача».
 «Чьи гурта?»
 — «Ивана багача».
 «Чьи отары?»
 — «Ивана багача».
 «Чьи косари?»
 — «Ивана багача».
 «Чьи женьци?»
 — «Ивана багача».
 «Це все мое», говорыть.
 Иде назадь до греблѣвого млына.
 Зостривае того чоловика,
 Котрому жинку свою нанявь.
 Той чоловикъ пада на колина,
 И здыймае шапку.
 Багачь здоровкаетьця:
 «А шо?» каже:
 «Моя жинка й доси у тебе служыть?»
 «У мене: та вже дви недели наверхь году;

Куды-жь вона пидеть?!»

«Поганай-же до дому,

Та одсылай жинку вь мой дома».

Той чоловік уподовишь кони!.. (бѣе)

Прыбигь до двора!

Уихавшы вь двирь, заразь засыла жинку!

«Ступай! Ото твого чоловіка дома!»

Бере маты сына за руку,

Йдуть до горниць.

Сынъ и каже:

«Мамо», говорить,

«Я вже теперь не вашъ,

Я вже подарований царю».

— «Почимъ-же ты, сынокъ, знаешь?»

«Такъ мени, мамо, Богъ давъ».

«Ну, що-жь, сынокъ», говорить,

«Не вже то твого отца дома?!»

Увійшы вь ныжни дома—

Печетьця й варытьця.

Увійшы вь середни—

Пыткамы й наидкамы столы наповняютьця.

У вышнихъ домахъ прохоложаютьця.

Дывлятьця вь викно:

Побачылы батька...

Сынъ и каже:

«Схвойте-жь мене, мамо,

Якъ увійде батько, то будете пытать:

«Шо царю подарувавъ?»

Зачыныла сына вь кимнату.

Прыходять батько.

«Оттеперь я, жено, бага-а-ть!!

Не такый, якъ тоди бувъ!!

Панство й царство я маю!!

И дванадцять ынбаривъ срибра й злата!!»

— «Не рада я твоему панствови

Й царствови!..

Шо ты подарувавъ царю?!»

«Подарувавъ», каже: «ну, не знаю що:

И тебе, жено, не подарувавъ.
 — «Ось, шо ты, старый, подарувавъ!»
 Одчыныла кимнату: выходыть сынъ—
 И горныци осяялы!!
 Якъ ухватылысь за сына,
 Та въ плачь обое!
 «Сыну-жь мій, сыну!
 Я-жь подарувавъ, та й самъ не знавъ шо!»
 Сюды-туды, розважывъ сынъ батька й матирь.
 Сочынылы трехдневне гулянья!
 Пьють-гуляють,
 Шыръ пидіймають
 До трѣхъ сутокъ!
 Трети суткы кинчають,
 Говорыть Ивась:
 «Готовте мени, тату, одиванья».
 — «Яке-жь тоби одиванья, сыну?»
 «Скуйте мени симъ паръ черевыкивъ зализныхъ;
 Скуйте мени семеро хлѣба зализныхъ;
 Скуйте мени симъ паръ ципкивъ зализныхъ,
 Скуйте мени симъ паръ голокъ зализныхъ,
 Пиду до царя на службу».
 Прыказавъ багачъ ковалямъ,
 Шообъ поробылы те, шо сынъ загадавъ.
 Батько й маты въ плачь!
 Винь, — сюды-туды, — обцилувавъ ихъ, розважа:
 «Я хочъ и пиду, а таки не покину васъ;
 Прослужу, тай прыйду!
 Попроцався сынъ;
 Пишовъ служыть царю.
 Пишовъ на ынше царство,
 На десяте государство,
 Черезъ трыдевять земель!
 Зійшовъ на перве царство:
 Такой гадъ та черенахы лизуть!
 Такой гадъ та черенахы,
 Шо не можна й ногою ступыть!..
 Симъ паръ ципкивъ побывъ,

А такы перейшовъ.

Зійшовъ на друге царство:

Таки гвиздки та голкы!

Гвиздки та голкы!

Убувъ зализни черевыкы.

Симъ паръ черевыкивъ вытонтавъ,

А такы перейшовъ.

Зійшовъ на трете царство:

Таке сонлыве!..

Та дримлыве!

Таке сонлыве!..

Та дримлыве!

Симъ паръ голокъ выломавъ, пидшыраючы очи,

А такы перейшовъ.

Зійшовъ на четверте царство!

Такий холодъ

Та голоды!..

Такий холодъ

Та голоды!

Семеро хлиба зъивъ зализныхъ,

А такы перейшовъ

Зійшовъ на царя царство.

Доходять до хаткы.

Сыдыть послужанка на кганкахъ.

«Слыхомъ слыхаты!

Подарунча въ вичи выдаты!

Чы по воли,

Чы по неволи?!»

— Ни, добрый молодець николы не ходыть по неволи,

А все по воли!»

— «Идыть-же въ хату покушаты,

Перебратьця,

Перебратьця,

Одпочыть

И речи поговорыть».

Напоила вона его, накормыла.

Роскынула перыны,

Спать положыла.

Злигъ Подарунча на руку:

«Вы по всякъ часъ у мого батюшки царя на дворци
буваете,

Вси ти порядкы знаете,—

Повыньви-бъ и мени сказать».

— «Я по всякъ часъ у дворци не буваю

И тыхъ порядкивъ не знаю;

Не могу и вамъ сказать;

А есть у мене сестра старша:

По всякъ часъ на дворци бувае,

Вси обряды знае,

Мусыть и вамъ сказать».

Подякувавъ и пишовъ.

Диходыть до другой хаткы.

Выбигае послужанка на кранкы;

Впъять такъ-же:

«Слыхомъ слыхаты!

Подарунча въ вичи выдаты!

Чы по воли, чы по неволи?»

— «Ни, добрый молодець николи не ходе по неволи,

А все по воли».

«Идить-же у хату,—покушать.

Перепратьця,

Перебраться,

Одпочыть

И речи поговорыть».

Роскынула перыны: положила ёго спать.

Злигъ винъ на ликоть:

«Вы по всякъ часъ у мого батюшки царя буваете,

Вси порядкы знаете,—

Моглы-бъ и мени розсказать».

— «Шо-жь, мій голубочокъ!

Не по всякъ часъ я въ батюшки на дворци буваю

И всихъ тихъ порядкивъ не знаю,

Не могу й вамъ сказать,

А е въ насъ бабунка старушка;

По всякъ часъ на дворци бувае,

Вси ти порядкы знае,

Отга можетъ вамъ исказать».
Подякувавъ винъ и лишовъ.
Доходять до третей хаткы.
Выходять бабушка старушка на кганкы:
«Шлыхомъ шлыхаты!
Подарунча ввичи выдаты!
Чы по воли, чы по неволи?»
— «Ни, бабусю,
Добрый молодець никола не ходе по неволи,
А ще все по воли!»
Пожалуйте, дытя, въ хатку,
Перепратьця
Й перебратьци,
Покушать, одпочыть
И речи поговорыть».
Напоила ёго, накормыла.
Перыну роскынула
И подарунча положила.
Лигъ винъ на ликоть.
«Шо-жь, бабусю!
Якъ тутъ діетьця-ведетьця у мого батюшкы царя?
Вы по всякъ часъ на дворци буваеце,
Повыньни й мени сказать».
— «Такъ, шыночку!
По всякъ часъ на дворци буваю
И вси обряды знаю
И тоби, моя дытыно скажу.
У твого батюшкы царя
Есть дочерей симдесять симъ
Ище й одна.
Иды-жь ты, сыночку, на жовту косу коло моря,
А на тій коси шелюгъ великый,
Та ты въ шелюзи й сядь.
Сыдитыменшь часъ,
Сыдитыменшь другый;
На третій часъ поверне,
Прылетять симдесять симъ дочерей

И таки вродлыви,
Такъ берегъ и осяють!
Поскыдають воны вбраньячка,
Побредуть у море на жовту косу
И попырынають по трычи,
Уберутьця й полетять.
Ну, шобъ ты, дытыно, сидивъ;
Не кнувсь до ихъ.
Сьдитымешъ ты часъ
Сьдитымешъ и другый
И выконаешъ ямку пидъ кущемъ,
На третій часъ стане повертатъ,—
Прылетять одна.
Не тилькы косу,
Й берегъ осяе!
И ты, сыночку, терны.
Вона розберетьця
И побреде на жовту косу въ море.
И гляды-жь, сынокъ:
Не пропусты.
Якъ первый разъ пирне вона въ воду,
Шобъ ты усьнивъ ухватать ии вбраньячко;
Сховай въ ямку,
Тай насядь.
То вона обмыетьця
Й выбредетьця!
Побачить, шо нема вбранья,
То вона й закрычыть:
«Якъ хто зъ старыкивъ пошутывъ,
Такъ отецъ ридный!—
Тилко не шутить,
Вернить!»
Побижыть другый разъ.
Пирне; обмыетьця, выбреде,
Нема вбраньячка.
«Якъ хто зъ жонатыхъ пошутывъ.
Такъ братикъ ридный!—
Вернить,

Не шутить!
Побреде и третій разъ:
Выбреде.
«Ахъ! Якъ хто зъ холостыхъ,
Такъ вирна моя дружина,
Тилько вернить,
Не шутить!»
Ты й отдай вбраньячко.
Вона уберетьця
И тоди вже нисля того скаже,
Що тобі треба робить».
Пишовъ винъ на жовту косу.
Вже тамъ такъ и було,
Якъ ему сказано.
Выйшовъ Подарунча зъ-за куща:
«Нанночко!
Возьміть озьде ваше вбранья».
Вона прыбигла,
«Обернисьця, другъ, покы я уберусь».
Убралася,
Забигла до ёго спереду;
Поцілувала;
И вродлива така вона,
Що їи кращои и въ свити нема!
Взяла вона ёго за руку;
Сила на берези:
«Сыды-жь ты тутъ, другъ мій,
А я полечу,
Та прышлю тобі срибный човныкъ,
Золоте веселечко.
Сядешъ ты у човнычокъ:
И хочъ яка буде погода
И валы котыть,
И нестыме винъ тебе у море;
Не бійсь!
Прыплыве човныкъ до залізныхъ ворить.
И вдарыть нискомъ у залізни ворота.
Ворота одчынятьця,

Ланцюгы стрепенутьця,
 Уси дзвоны заревуть
 И царя батюшку пробудять.
 Прышлыве човнычокъ до берега,
 И злизешъ ты зъ човныка.
 Буде стежка.
 Будеть ясно и тыхо,
 Шо нигде й витрець не дмухне.
 Затопытьця въ симдесять симъ хатъ
 Въ усихъ разомъ;
 Дымъ зъ верхивъ такъ и слонятыметьця по всій де-
 ревни

И такъ туманомъ на море и покотыть.
 И перестане курить у всихъ хаткахъ,
 Такъ, якъ сокырою одруба.
 Де визьметьця хмарка,
 Заступыть сонце
 И схопытьця сылна бура,
 Ажъ дерева затрищать.
 Оттоди въ мойй хати затопытьця.
 И ты замичай,
 Шобъ та на мои покои полавъ!
 У мене буде дымъ стовномъ;
 Шо хочъ яка бури,
 По никуды въ бикъ не зибъе,
 Стоятыме, не схыбнетьця;
 Шобъ ты на ти покои йшовъ».
 Прыходыть винъ до кганкивъ.
 Вискакуе вона зъ хаты;
 Бере ёго пидъ руку;
 Веде въ хату.
 Напоила,
 Накормыла;
 Роскынула перыны,
 Положила ёго на спочывокъ.
 «Гляды-жъ ты, каже», «Иване!
 Бо скоро одъ батюшки й слугы по тебе прыбыжать
 Не давайсь имъ на рукахъ несты тебе!

Бо дадуть табаки понюхать
 То тоди погублять!»¹⁾
 Тутъ пидь викно бижать симдесять симь слугъ.
 „Иваня!
 Ступай до батюшки!“
 Убравсь; выйшовъ винь.
 „Веливъ тебе батюшка на рукахъ несты“.
 — „Вонъ, свини!
 У васъ не стане й нигъ по мене ходыть,
 Не тилькы мене на рукахъ носыть!“
 Слугы самы между собою й кажутъ:
 „Тай цурь ёму;
 Нехай самъ иде;
 Намъ ше й лучче“.
 Идетъ у батюшчынь двирь.
 Стоить батюшка на кранкахъ.
 „Заразь мое Подарунча на рукахъ у покои несты!“
 Кынулысь до ёго на руки брать,
 Винь до ихъ зъ кулаками:
 „Вонъ, свини!
 Я стики царствъ перейшовъ,
 Та ниhto мене на рукахъ не носывъ,
 А тутъ я й самъ до батюшки дїйду!“
 Входыть въ покои;
 Цилуютьця,
 Мылуютьця,
 Гуляють цилый день до вечера!
 У вечери крыкнувъ батюшка:
 „Есть у мене дочерей симдесять симь!
 До которой любля на рукахъ однести!“
 Кынулысь слугы до ёго,
 А винь до нихъ!
 „Вонъ, свини!
 Я стики царствъ перейшовъ,
 Та ниhto мене на рукахъ не носывъ,

¹⁾ Царь—винь бувъ не хрещений, а вона була хрыщена водою и духомъ.

А тутъ я вже на стару кватирю й такъ дійду!
 Въ васъ не стане нигъ и ходыть по мене,
 Не тилько на рукахъ носыть!“
 Выйшли слугы за двирь:
 „Одъ сучый сынъ!
 Де винъ узивсь!?
 Якъ бы ёго пидговорыть!?
 А въ насъ батюшка строгый!
 Шобъ ёму голову батюшка знявъ“.
 Прийшли до царя:
 „Отъ, батюшка!
 Подарунча зъ мамы пыло та гуляло,
 Та вамъ и правды не сказало!
 — „Якъ“, говорыть, „слуги?“
 „Та такъ!
 Якъ выйшовъ за двирь,
 Тай каже намъ:
 Я якъ-бы схотивъ добро батюсци зробыть,
 Такъ я-бъ у ёго въ двори таку крыницю выкопавъ
до свита,
 Шо луччон-бъ воды не було-бъ и по всимъ царству!
 Одна-бъ цямрына була-бъ золотá,
 А 'дна срибна
 И срибный звидъ,
 Золоте цеберечко
 — „Завернуть ёго заразы сюды!“
 Догналы.
 „Иваня!
 Вернысь до батюшки!“
 — „Зачимъ, батюшка, требуете?“
 „Якъ-же мени тебе не требовать?!
 Шо ты въ мене пывъ-гулявъ,
 Та мени й правды не сказавъ!
 Та чор-зна кому—слугамъ моимъ говорывъ,
 Шо якъ-бы я схотивъ добро зробыть,
 То таку крыницю выкопавъ-бы,
 Шо й у царстви луччон воды не було-бъ;
 Одна цямрына срибна,

Друга золота;

Срібный звидь.

И золоте цеберечко“.

— „Якъ-же можна, тату.

Шо-бъ за 'одну ничъ отаке мигъ-бы одиный чоловікъ
зробить!?”

„Ну, гляды, сынку!

Тоби день,—мени ничъ,

Тоби голова зъ плить!“

Пишовъ одъ царя.

Иде й плаче.

„Отъ колы вже пронавъ“!..

Якъ угледила у викно вона,

Шо винъ плаче,

Бижыть, цилує!

„Зачимъ ты, серденько, плачешъ?“

— „Якъ-же мини не плакать,

Шо мени тилько до завтрёго й жыть!“

„А, Боже мій!...

Та кажы скорій,

Не мучъ мене,

Шо тамъ тоби батюшка казавъ?“

Хватыла ёго пидъ плече,

Увела въ хату.

Посадыла въ кинци столу:

„Кажы серденько, шо тамъ таке?“

„Пидговорылы слугы,

Шо я могу за 'дну ничъ до свита выкопать таку крыныцю,

Шо й у всимъ царстви нема такой!

Шо-бъ срібна и золота цямрына,

Срібный звидь, золоте цеберечко!“

„Це мени, серденько, й за вухомъ не свербыты!

Шо тоби батюшка не загадає,—не журыся!

Иды до мене,—я тоби все зроблю!

А то ты мене якъ ножемъ пробываешы!

Сидай—вечеряй, та лигай спаты“.

Силы, повечерялы; роскынула перыну: положила—пры-
спала.

Встала тыхесенько, такъ якъ у глупу ничь;
 Хватыла книгу: выйшла на кганкы.
 Якъ крыкне!
 Якъ свысне!
 „Слугы мои мыли!
 Слугы мои любі!
 Станьте передо мною,
 Якъ лись передь травою!
 Глядять-же!
 Шобъ була у двори крыныця выконана,
 Шобъ луччою и въ царстви не було!
 Шобъ була одна цямрына золота, одна срибна,
 Срибный звидь и золоте цеберечко!“
 Якъ налынулы!
 Той коша,
 Той джерела пуска,
 Той серебрять!
 Той золотыть,
 Другый тоже кладе цямрыну,
 Третій звидь становыть
 И цеберечко виша.
 Такъ якъ переказавъ,—
 Такъ воны й зробылы!
 Вона раненько встала,
 Снідать зготовыла;
 Позбудыла;
 Наполнила,
 Накормыла;
 На свитаньни дала ёму топорецъ
 И чотыри гвоздыкы.
 „Иды-жь ты до крыныци,
 Тай ходы кругомъ,
 Тай стукай обухомъ,
 Нибы майструешъ.
 Якъ выйде батюшка на кганкы,
 Забый гвоздь на схидь соньця на зрубови,
 Й другый на захидъ,
 А ти на тыхъ вутлахъ,—будто навхрестъ,

Такъ якъ и хрестъ положений,—
Бо й тобі достанетьця воды тыи ныть“.
Выйшовъ батюшка на кганкы;
Той бѣ гвозди навхрестъ.
Крычыть батюшка!
„Слугы мои люби!
Слугы мои мыли!
Несить мое подарунча на рукахъ!“
Слугы кынулысь до ёго:
Винъ до ихъ зъ сокирою
„Вонъ, свини!
Въ васъ не стане и нигъ по мене, ходыть,
Не то мене на рукахъ носыть!
Я й самъ до батюшки зійду!“
Любуе батюшка въ сынови,
Шо винъ сповнывъ свое дило.
Пьють, гуляють,
Пырь пидіймають.
Бере ёго батюшка за руку,
Веде до крыныци;
Любуе въ крыныци,
Любуе въ зрубови.
И въ своди
И въ цебри.
Пьють гуляють до вечора.
У вечери крыкнувъ батюшка на слугы:
„Есть у мене дочерей симдесять симь!
Однесить на рукахъ до которой любля!“
„Тату! я ще младъ, зелень до дивокъ;
Мени треба вчытыця робыть.
Я онъ стики царствивъ перейшовъ,
Та не оддыхавъ и доси.
Пиду на стару кватырю, — хочь оддыхну“.
„Слугы мои люби!
Слугы мои мыли!
Однесить подарунча на рукахъ на стару кватырю!
Тилькы слугы до ёго,
А винъ зъ сокырою до ихъ!

„Вонъ, свини!

Въ васъ не стане й нигъ до мене ходыть,
Не тилькы мене на рукахъ носыть!“

Выйшы слугы за двирь,

„А, та й беда“, кажутъ „изъ цимъ подарунчамъ!
Улыкае, шо не стане нигъ ходыть!

Давай ёго пидскаржымъ ще не такъ;

А въ насъ батюшка строгый!

Оцёго винъ не може зробыть,

Шо мы ёго пидскаржымъ!“

Ускочылы до батюшки слугы:

„Зъ вамы, батюшка, подарунча ныло та гуляло,

Та вамъ и правды не сказало,

А намъ казавъ отъ шо,

Якъ выйшовъ за двирь:

Я-бъ, каже, якъ бы хотивъ добро батюсьци зробыть,

То поставывъ-бы за 'дну нить ограду золоту;

У тій огради посадывъ-бы садъ

И всяку овощъ, шо въ свити е!

И до свита зацвите и одцвитетьця!

А якъ сонце зйде, усяка овощъ поспіе!

И на снідання самои первой овоци понисъ-бы ба-
тюсьци въ кошыку“.

— „Заразъ завернить ёго до мене“!

Завернулы.

„Зачимъ, батюшка?“

— „Шо-жь, сынку!

Ты пывъ зо мною й гулявъ

Та мени й правды не сказавъ!?”

А чор-зна кому, слугамъ, за дворомъ говорывъ,

Шо, якъ-бы, мовъ, хотивъ добро зробыть батюсьци.

То зробывъ-бы кругомъ двору ограду золоту ажъ до
горныць!

А въ тій огради садъ насадывъ: шо е въ свити
разна овощъ;

До свита зацвите й отцвитетьця,

А якъ сонце зйде,—поспіе

И ты мени внесешъ у кошыку на сніданья“.

— „Не можно, батюшка, цёго зробить!

Одно дерево росте годъ п'ять,

Та й то не розцвитае!..

Шобъ за одну ничъ усяка овощъ прынялася и за-
цвила?!“

„Ну, гляды, сынку!

Тоби день, мени ничъ,—

Тоби голова зъ пличъ.

Ты казавъ, шо крыныци не могу зробить,

А про те зробивъ?!“

Ступай!“

Иде винъ и плаче.

Углядила ёго вона у викно,

Шо винъ гирко плаче,—

Бижыть,

Крычыть:

Зачимъ ты, серденько, такъ побываєшься?!

— „Якъ-же мени не побыватця?!“

Тилько до свита й жыть мени!“..

„Не журысь!“

Хватыла ёго нидъ плече;

Ввела въ хату.

Посадыла на дзыклыку.

Кажы, серденько, шо тамъ таке?!“

Яке тамъ тоби гирке слово сказано?!“

— „Пидговорылы слугы, шо я могу ограду зробить
ажъ до горныць...“

У тій огради понасажать ризной всякои овощи, яка
въ свити есть...“

Шобъ цвила вона до свита.

А якъ сонце зйде,

Шобъ самой первой прынести въ коньку батюсьци
на сьниданья».

«Це въ мене, серденько, й за вухомъ оттутъ не
свербыть.»

Сидай,— нумъ вечерять!»!

Повечерялы.

Роскынула перыну;

Положыла й прыспала.

Встала потыхесенько глулои ночи;

Взяла квыгу и выйшла на кганкы

Розгорнула книгу.

Якъ крикне!

Якъ свисне!

«Станьте слугы передо мною.

Якъ лисъ передь травою!

Глядять!

Шобъ вы зробылы батюсьци ограду

Ажъ до самыхъ ворить!

А въ тій огради садъ насадить,

Разной овощи, що въ свити е,

Шо-бъ той садъ до свита одцвивсь,

И якъ сонце зійде—шобъ овоць постала».

Воны якъ заходылысь!...

Той кона,

Той золотыть,

А той кладе ограду,

А той садъ садить,

А ти цввить чипляють,

Други отрусюють,

Та разну овоць навишують,

Що е въ свити!

Якъ я це переказавъ,

Такъ це дило зробылы.

Избудыла ёго раненько!

Напоила, накормыла;

Дала ему копыкъ:

«Иды-жь ты у садъ.

Вырвы овощи,

Та котори червыви,

Выкыдай за ограду».

Сонечко зійшло.

Выйшовъ батюшка на кганкы,

Якъ брыкне на свои слугы!

«Слугы мои мыли, слугы мои любил!

Заразь мени подарунча зъ овощу на рукахъ у гор-
ныци внести!

Кынулысь до ёго: «вонъ свыни!

Въ васъ не стане и нигъ по мене ходыть,

Не то мене на рукахъ носыть»!

Нарвавъ первой овощи и несе батюсьци на сниданья.

Любується батюшка въ сыну.
 Любується въ саду и въ ёго овощи.
 Любується въ ёго крыныци, и въ зводи и въ цебри.
 Пьють, гуляють,
 Пырь пидіймають до вечера:
 Вечери крыкнувъ батько:
 «Есть у мене дочерей симдесять симъ!
 Однести ёго на рукахъ до которои любля».
 «Тату! Я младъ зеленъ по дивкамъ!
 Треба вчытыця робыть!
 Я скилькы царствивъ перейшовъ,
 Тай доси не 'ддыхавъ!
 Тай у васъ ставъ,
 То мени, тато, покою не дававъ!
 Пиду на стару кватырю,—оддыхну».
 «Слугы мои мыли, слугы мои любил!
 Однести мое подарунча на рукахъ на стару кват-
 тырю».

Кынулысь слугы до ёго,
 А винъ до ихъ съ кулакомъ;
 «Вонъ, свынн!
 Въ васъ не стане нигъ по мене й ходыть,
 Не тилько мене на рукахъ носыть»!
 Выйшли слугы.
 «Ну, беда съ цымъ подарунчамъ!
 Прыйдетыця пропадать!
 Шо не пидговоримъ, то все й зроби!
 А ходимъ ще пидговоримо,—
 Цёго вже не зроби.
 Ввійшли до царя:
 «Батюшка!
 Отъ у васъ подарунча пыло-гуляло,
 Та вамъ и правды не сказало,
 А выйшовъ за двиръ, то намъ говоривъ:
 Я якъ-бы, каже, схотивъ добро зробыть батюсьци,
 Такъ поставивъ-бы у тій огради монастырь такый,
 Шо ни де такого нема!
 Поставивъ-бы й дзвиницю!
 Шо буде само въ монастыри правытыця
 Й чытатыця,
 Шо слидуе,

А на дзвіныцы само буде дзвоньтыця!
Одъ монастыря изроблю помистъ ажъ до горныць,
И сонце зійде,
Увесь садъ зацвите
И ризни птахи защебечуть,
А йтymesь батюшка до монастыря,
Сами дзвоны ревтумуть».
«Завернуть его сюды!
Шо-жь ты, сыну, пивъ-гулявъ,
Та мени й правды не сказавъ,
Та, абы кому,--слугамъ!
Ты казавъ, шо якъ-бы зхотивъ мени добро зробыть,
То въ оградѣ-бѣ поставивъ монастырь и дзвіныцю,
А 'дъ манастыря помистъ ажъ до горныць!
Ну, гляды, сыну!
Тоби день,—мени ничъ!
Тоби голова зъ пличъ!
Ты говоривъ, шо крыныци не зробышъ,
А проте зробывъ!
Ты казавъ, шо й саду не насадышъ,
А проте насадивъ,—
То зробышъ и манастырь»!
Иде винъ и плаче.
Побачыла вона у викно, шо винъ плаче,
Бижыть,
Крычыть,
Руки ломыть!
«Зачимъ ты, серденько, такъ журысься»?!
«Якъ-же мени не журытьця,
Якъ мени тилькы до свита жыть»!
Бере вона его пидъ руку, веде въ хату:
«Нумъ сидать вечерять;
Це мени й за вухомъ не свербыть».
Повечерялы. Лягли спать.
Встала въ пивничъ,
Взяла книгу;
Выйшла на кганкы.
Якъ крыкне!
Якъ свисне!

«Слугы мои любі!

Слугы мои мыли!

Станьте передо мною,

Якъ лисъ передъ травою!

Глядять:

Шобъ-бъ вы зробылы у батюшки въ оградѣ мана-
стырь

И дзвиницю;

Шобъ у монастыри само правылось

И чыталось;

На дзвиници шобъ сами дзвоны дзвонили.

И 'дъ дзвиници шобъ бувъ помистъ изроблений

Ажъ до батюшчыныхъ покоивъ.

Якъ до монастыря йты, —

Шобъ увесь садъ зацвивъ якъ снигъ

И шобъ ризни птахи въ саду щебетали».

Якъ заходились!

Той ставе!

Той верхы зводять!

Той дзвиницю зачынае!

Другый уже дзвоны чипляе!

Ти тоже птахи наганяють!

Други тоже цвиты чипляють!

А ти помистъ кинчають!

Дило зроблено!

Избудыла вона подарунча раненько;

Дала ёму топорецъ и два гвозди:

«Иды-жь ты до монастыря

И ходы по помосту съ кинця въ кинецъ.

Якъ выйде батюшка на кганкы,

То забый гвоздь на схидъ сонця

И на западъ сонця».

Выйшовъ батюшка на кганкы:

Якъ крыкне на слугы!

«Слугы мои любі, слугы мои мыли!

Несить мое подарунча на рукахъ»!

Слугы кинулись до ёго:

«Во-о-нъ, свини!

У васъ не стане й нигъ по мене ходыть,
Не то мене на рукахъ носыть»!

Любуетьця царь усимъ:

Любуетьця въ ёго крыныци

И въ зводи й цебру;

Любуетьця въ сади

И въ огради;

Любуетьця въ манастыри и дзвиньци;

Любуетьця въ цвѣтови и въ птыци.

Пьють, гуляють,

Пыръ пидіймають

До вечера.

«Есть у мене дочерей симдесять симъ;

До которой любля однести подарунча на рукахъ».

«Батюшка! Я ще молодъ-зелень до дивокъ!

Треба вчытьця робыть!

Я стики царствивъ пройшовъ, та ниде не 'ддыхавъ

И до васъ прыйшовъ, — нема покою!

Дайте мени покой, — пиду хочъ на стару кватырю».

«На рукахъ однести подарунча».

Кынулысь до ёго.

«Вонъ, свыни!

Въ васъ не стане нигъ по мене ходыть,

Не то мене на рукахъ носыть»!

— «Ну, беда намъ зъ цымъ подарунчамъ!..

Прыйдетця пропадаты!..

Не дай Богъ стики ёго на рукахъ носыть,

Якъ ще до ёго й ходыть»!

Выйшы за двиръ:

«Дайте ище разъ пидговорымъ!

Цёго вже не може зробыть»!

Та назадъ до царя!

«Отъ батюшка!

Зъ вами подарунча пыло та гуляло,

Та вамъ и правды не сказало!

А намъ выйшло за двиръ, тай хвалытьця:

Я якъ-бы хотивъ батюсьци добро зробыть,

То е въ батюшки лисъ

Сорокъ версть довжыни,
А сорокъ версть шырыни!
То я могу той лись выполоть
И засіять конопли;
Уродяць конопли,—
Я ихъ могу выбрать
И помолотыть,
И помочыть,
И вытягать,
И помнять,
И потипать,
И попрясты,
И невидь выплесты,
И куть моря закънуть,
И батюсьци рыбки на сніданья враньци прывести!
«Заразь завернуть мени ёго»!
Догналы слугы Ивася.
«Вернысь до батюшкы».
«Шо-жь ты, сыну»?!
Пывъ—гулявъ,
Та мени й правды не сказавъ!?
Та абы-кому,—слугамъ?!
Ты казавъ, шо я могу добро батюсьци зробыть.
Есть у батюшкы лись
Сорокъ версть довжыни
Й шырыни,
То я ёго выполю
Й складу,
Й насію конопель,
Й выберу конопли,
Й помочу,
Й вытягаю,
Й потипаю,
Й помну,
Попряду,
Й невидь выплету,
Й куть моря закъну.
Батюсьци рыбки на сніданья вытягну“.

— „Неможна, батюшка, цёго зробить!
 Одного дуба буде до свита зь корнемъ тягты,
 А не ввесь лись сполоты!!“
 „Ну, гляды, сыну!
 Тоби день, мени ничь;
 Тоби голова зь пличь!“
 Пишовъ винъ плачучы:
 „Отъ колы я пропавъ!
 Отдѣго вже й вона не може отгадать“!..
 Углядила, шо йде винъ плачучы,—
 Бижыть,
 Цилуе,
 Мылуе.
 „Зачимъ ты, серденько, такъ гирко плачешь?“
 — „Якъ же мени, сердце, не плакать,
 Шо мени тилькы до свита й жыть!“
 „Кажы скорыше,
 Що тамъ таке?
 Чимъ тебе обидылы?!“
 „Та якъ-же, каже,
 „Пидскаржылы слугы,
 Шо я могу сорокъ версть шырыни,
 Сорокъ версть довжыни
 Лису выполоты!..
 Выполовшы, посіять конопель!
 Шобъ выбрать
 И помолотыть...
 Потипать
 И попрясты...
 Сплесты невидь
 И куть моря закынуть,
 Батюсыци рыбки на сніданья пійматы!“
 „Це мени, серденько, и за вухомъ не свербыты!
 Нумъ вечерять, та лигать спать“.
 Встала вночи потыхесеньку.
 Взяла книгу,
 Выйшла,
 Розгорнула,

Якъ крыкне!
Якъ свысне!
„Слугы мои мыли!
Слугы мои любі!
Стать передо мною
Якъ лисъ передъ травою!
Глядять-же,
Шобъ вы вышололы въ батюнки лисъ.
Сорокъ версть довжныи
И шырыни!
И насіять конопель!
Выбрать
И помозачыть!
Помочыть
И вытягты!
Потипать
И помнять!
Попрясты
И невидъ выплесты!
И куть моря закынуть, —
Батюсьци рыбки на сніданья піймать!
Якъ налынули..
Якъ тьма!..
Имъ и по дубку не стало..
Спололы й склалы въ кушы!
Той заходе, — коноплы типа!..
А зъ другого краю заходе, — вытяга!
Той симъя обмына!
А зъ другого краю заходыть, — мочыть!..
А той бере вытяга!..
А той бере, типа!
А ти берутъ, мнуть;
А ти прядуть!
А ти невидъ плетуть!
А ти вже затыгають куть моря!
Повный невидъ рыбы нагналы.
Збудыла ёго раненько.
Дала ёму найстарший цыганьськый молоть

И два пѣколы залізныхъ:

„Иды-жь;

Та не злякайсь нечыстои сылы.

Бо й ты тоже лыцарь.

Якъ тягтымуть невидь

То ты визьмысь за 'дно крыло,

Та пидтягнешь.

Пѣкиль забьешь,

Тай обмотаешь (невидь);

Та идешь и до другого крыла;

Бо пивни якъ заснивають,

То воны втечуть,

Те крыло й самъ вытягнешь потроху,

Поки розвыднытыя“.

Вытягъ невидь на сухе;

Узявъ соби рыбки стики треба ёму,

А ту вывернувъ у воду;

А невидь роскынувъ на берези.

Прыйшовъ до неи.

Бижать слугы:

Несы, Ивана, батюсьци рыбки на блюдыци“!

Понись.

Изжарылы й поилы.

Пьютъ, гуляють,

Пырь пидіймають

До вечера.

У вечери скрыкнувъ царь:

„Слугы мои мыли!

Слугы мои люби!

Есть у мене дочерей симдесять симь!

Возьмити однести подарунча

До которой любля!“

— Батюшка!

Дайте-жь мени оддыхнуть хоть одну ничь.

Отколы я прыйшовъ, то мени й покою не було!“

— „Ну, пожалуй!

Ступай оддыхать.

Есть у мене дочерей симдесять симь

И ище й одна!“

(Отъ ажъ колы сказавъ, шо сямдесять сямъ.

Ище й одна!)

„Готовся завтра къ винцю.

Годи тобі вчытьця робить“.

Иде винъ и сьміетьця.

Якъ здума,—то й засміетьця.

Вглядила вона въ викно, шо винъ веселый:

Бижить ёму назустрічь,

„Шо тобі, сердце, такъ прыйшлось,

Шо ты веселый?“

— „Казавъ батюшка,— „завтра до ^бвинця готовы-
тысь“.—

„Кого-жъ винъ тобі назначывъ брать?“

— „Та я никого не хочу, окрімъ тебе.—

„Ә ни, сердце!

Винъ такъ зроби,

Шо ты мене не признаешъ“.

Каже: „ни, признаю“.

И заспорылыся вони за те саме

Шо: „не признаешъ“.

— „Обчимъ-же я тебе не признаю?“

„Обтымъ не признаешъ,

Шо намъ батько дастъ мазки усимъ однакови“,

На одынъ выдъ уся.

Потимъ ты мене й не признаешъ.

Прыбравшы такъ,

Винъ насъ поведе въ манастыръ,

Поставить у кругъ,

И тебе вхне въ середыну,

А самъ стане зъ боку

И буде дывытьця.

И ты будешъ признавать де твоя.

И шобъ тры раза на одну вказавъ,

А не вгадаешъ,

Тоби день,—ему ничъ,

Тоби голова зъ плить“.

— „Такъ ты-жъ скажи, серденько,

Шобъ я вгадавъ

„Якъ буде первый разъ весты

И вхне тебе въ середыну,

То ты будешъ по головамъ дывытьця:

Голова до головы перепускатымешъ (очыма),

То якъ прійдешь противъ мене,
 То въ мене муха злетѣть посередь головы;
 Облѣтѣть тричы вкругъ головы
 И сяде впьять на голову.
 А въ друге винъ дастъ унять друге лице
 И друге вбранья.
 И впьять ты мене не познаешь.
 Якъ ухне тебе въ середины.
 То ты дывыся по ногахъ:
 Черевыкъ черезъ черевыкъ перепускай;
 Якъ прійдешь противъ мене,
 То въ мене съ черевычка выбижыть мышка
 И обижыть тричы вкругъ черевыка;
 Нихто того не побаче,
 Тилькы ты побачышь.
 То впьять же поведе до дому
 И дастъ намъ трете лице
 И трете вбранья.
 Впьять-же ты не познаешь.
 Якъ ухне тебе въ середины.
 То ты будешь плече черезъ плече перепускать,
 Плече черезъ плече;
 То я зъ видъ правого плеча выпустю сокола,
 Нихто не вглядѣть
 А ты вглядѣшь.
 Отенерь нумъ лигать спать,
 Та не забувай, шо я тоби розказала“.
 Встали раненько.
 Зготовыла вона страву,—
 Поснидали.
 Бижать слугы:
 „Ступай, Иван; батюшка клыче“.
 Прыйшовъ Иваня.
 Зывае батюшка симдесять симъ дочерей
 Ище й одну;
 Бере ихъ у горницю,
 Дае имъ усимъ однакое лице
 И однакое гарне вбранья на всихъ.
 Веде въ монастырь,
 Становыть у кругъ,
 Утыгае въ середины Иваню,

Стає самъ збоку:
 „Пизнавай, сынокъ, де твоя“.
 Стоять уси,
 Якъ одна маты народыла.
 Ивана перепускає голову черезъ голову,
 Голову черезъ голову,
 Голову черезъ голову;
 Прыйшовъ проты неи:
 Взлетила муха середъ головы
 И облетила кругъ головы трычи.
 „Оце, батюшка, моя“.
 — „Беры: веды инъ въ домъ“.
 Прыйшли въ домъ,
 Давъ имъ друге лыце
 И друге вбранья зелене.
 Повивъ у манастырь,
 Поставывъ у кружокъ:
 „Пизнавай сыну: де твоя?
 Угадаешъ,—твоя буде,
 Не вгадаешъ,—
 Тоби день, мени ничъ,
 Тоби голова зъ плить“.
 Винъ перепускає нога черезъ ногу,
 Нога черезъ ногу;
 Прыйшовъ проты неи;
 Выбигла мышка зъ черевыка,
 Нихто й не вглядивъ, — тилькы винъ
 „Оце, батюшка, моя“.
 „Ну, беры,—веды въ домъ“.
 Прыйшли вси въ домъ.
 Дає царь трете лыце
 И червоне вбранья на всихъ.
 Увивъ у манастырь;
 Поставывъ у кружокъ;
 Упхнувъ ёго въ середьну,
 „Угадай, де твоя?
 Угадаешъ,—твоя,
 Не вгадаешъ,
 Тоби день,—мени ничъ,
 Тоби голова зъ плить“.
 Винъ якъ узавъ перепускати плече черезъ плече!

Обійшовъ кругомъ
 Не пустыла сокола спидь плеча.
 „А де, сынку, твоя“?
 — „Та постой“, каже;
 „Ще не признавъ“.—
 „Ну, признавай“.
 Обійшовъ и другый разъ:
 Перепуска плече черезъ плече;
 Такъ уже перепуска!
 Обійшовъ до краю,—
 Не пустыла сокола.
 Ставъ—дума.
 «А де, сынокъ, твоя»?
 — «Не признавъ ще».—
 «Признавай»!
 Винь перепуска плече черезъ плече, —
 Трусытьця!
 «Отъ пропавъ»!
 Обійшовъ одъ краю до краю,—
 Не пускае сокола.
 Стоить, побилить якъ стина.
 «А що, сынокъ! Де твоя»?
 — «Нехай идуть съ кружка до дому!
 Я скажу на ходу де моя».
 Пустылись иты въ дверы.
 Вона все огынае, все огынае!..
 З-заду, да з-заду!
 Доходять до дверей;
 Пустыла зъ пидь правого плеча сокола.
 Винь доганяе,—хватае,
 «Оце, тату, буде моя».
 — «Ну, бѣры, тай веды, якъ твоя».
 Прийшли до дому
 Розибравъ;
 Тоди упознавъ, що вона.
 Заразъ призвавъ священника зъ другои слободы;
 Перевинчавъ ихъ священникъ у манастыри;
 Отгулялы весилья.

Зоставля царь ихъ у себе на жительство.
 Живуть вони собі недилю;
 Живуть и другу.
 Вона ему й каже:
 «Просыся у батька на Жовту косу
 На куть моря;
 Хай поставыть тоби хатку,
 То мы будемъ тамъ мешкать.
 И помивийся ему неведомъ рыбу ловыть,
 Жадного ранку на сниданья носыть».
 Любується царь у сыну
 И въ ёго крыныци
 И въ цебру, и въ зводу:
 Радуетця въ ёго огради, и въ саду,
 И въ манастири, и въ дзвныци.
 Просытьця сынъ на Жовту косу
 На куть моря
 Поставыть хатку,—тамъ мешкать,
 Неведомъ рыбку ловыть
 И царю на сниданья доставлять.
 Царь зъ радистю згодыся.
 Якъ узявъ ту хатку ставыть,
 То п'ять мисяцивъ ставыть!
 «Шо якъ-бы тоби, сынокъ, оцю хатку становыть?
 Ты-бъ ин за 'дну ничъ поставыть;
 Ну якъ я—такъ п'ять мисяцивъ ставлю!»
 Выславъ ихъ туды мешкать;
 Приручывъ ёму два косякы коней глядять
 И шобъ ловывъ неведомъ рыбку для жадного ранку.
 Живуть вони й стараютьця:
 На жаденъ ранокъ завжде рыба е.
 Що ранку слугы прыбигають
 И Иваню звицають,
 Шобъ нись батюсьци рыбки на сниданья.
 Ходє разъ Ивана по двору
 Й гирько заплакавъ!
 Жинка въ викно вглядяла:
 Вхватила пидъ плече:

Ввела въ хату,
 Зачала пытать:
 «Признайся, другъ Иваню,
 Чого ты такъ гирко, заллакавъ»?
 Ивась не признаетьця.
 Вона ще дужче за ёго беретьця.
 Винъ и признавсь:
 Есть у мене отецъ и маты;
 Та тилько далеко!
 Видсиль не выдаты!»
 — «Ты-бъ мени й давно такъ сказавъ!
 То вже треба одъ злыхъ духивъ утикаты!
 Прыжены, Иваню, коней,
 Та зажены въ загинъ;
 Та беры стару кобылицю,
 Та веды ихъ до конюшни,
 Та дай имъ корму,
 Та поготовъ на ихъ зброю, —
 Будемо у вечери втикаты».
 Прыготовыла харчи,
 А винъ посидлавъ кобылицы.
 Увъязали харчъ въ торокы.
 Клыкнула ёго въ хату:
 „Цлюй у табатырку“.
 Наплювали винъ и вона.
 Поставылы табатырку на викно.
 Замкнулы двери;
 Силы й поихалы.
 Идуть цилу ничъ.
 Уже й сонце сходе.
 Прыбигають слугы —
 Двери заперти.
 Озываютця пидъ викно:
 „Ива-ня!
 Несы батюсьци рыбки на блюде“.
 — „Заразь-заразь“¹⁾!

¹⁾ Отвѣтъ изъ табатырки рассказчикъ выговаривалъ такимъ тоненькимъ и инекшнымъ голосомъ, какъ въ кукольномъ театрѣ го-

Побиглы слугы.
 Ждуть ждуть,—нема!
 Кричать царь:
 «Якъ вы будылы?!
 Винь цілу ничь бовтавсь у води,
 То спыть дужо!
 Чомъ вы ёго не збудылы!»?
 Прыбигають слугы втрете:
 «Ива-ня»!
 — «Чо-го-о»?
 «Несы батюсьци ры-бкы на блюде»!
 «Заразь-заразь»!
 Ждуть-ждуть,—не дчыня.
 Давай быть двери!
 Увійшли въ хату;
 Шукають, нема!
 Шукають на печи!..
 Шукають по пидь кроватью!
 Шукають у комени!
 Шукають скризь!—Нема!
 Сталы середь хаты:
 „Ива-ня“!
 А воно въ табатырци:
 „Чо-го-о“?
 „Несы батюсьци ры́бки на блюдыци“!
 — «Заразь-заразь»!
 Ажъ табатырка ходеромъ ходыть!
 Вглядили та табатырку схватылы,
 Тай побиглы до царя.
 „Нема Йвася, нема й жинкы, втекли!
 А озываеця тилькы табатырка на вики“!
 — „Летить же, — доганяйте ихъ“!
 А Ивась зъ женою далеко вже булы!
 Сонце спидь обидь,—

ворять вмѣсто куколъ посредствомъ пищика. Даже еще болѣе тоненькимъ и миниатюрнымъ голосомъ, если можно такъ выразиться, и притомъ выговаривалъ скоро.

Глядь!—летить!..

Перекинула вона кони полынемъ,

А сама пшеницею,

А Йвася зробыла женцемъ

И дала ёму серпъ у руки:

„Ходы-жь ты кругъ пшеницы;

Та не рижъ,

А все нибы прымиряеся жать“.

Добігають симдесять симъ:

„А здоровъ тоби, женче!

Чы ты не бачывъ:

Не ихалы чоловікъ та жинка“?

— „Ни“, каже, „бачывъ“.

Каже „тоди якъ оцю пшеницю сівъ“.

„Ге-ге! Куды намъ ихъ догнать!?”

Колы сівъ,

А теперь уже треба жать“!

Вернулись.

Полынь ставъ конемъ,

Пшениця молодыцею,

А жнець ставъ молодець—

Силы й поихалы.

Прыбігають слугы до цари

„Гонылысь-гонылысь,—не догнали!”

Тилькы й найшлы женьця.—

Почынавъ жать пшеницю.

Такъ мы ёго спыталы:

Чы не бачывъ, шобъ ихавъ чоловікъ та жинка па-
рою киньмы?

Каже—бачывъ, поихалы.

Давно?

Винъ сказавъ:

Якъ пшеницю сівъ.

Куды-жь намъ ихъ догнать

Якъ уже почына жать“?!

— „А-аї, дурни вы, слугы!

Було-бъ женьця звязать,

А пшеницю вырвать

Ото сами воны й булы!

Бижить же!

Якъ застанете,—ёго зв'язкить.

А ишеници вырвить“.

Прыбиглы.

Женця тепёръ и ишеници не стало.

Летить у погонь ще.

А Ивась зъ жинкою далеко вже вѣхалы

Оглянутси,—бижать!

Зробылась вона крыныцею.

А кони вербама:

Ёго зробыла ченцемъ.

И дала ёму компаньцю.

Шобъ винъ вкругъ крыныци обкопувавъ.

Прыбигають слугы:

„Здоровъ тоби, ченче!

Шо ты робышь“?

„Та хочу крыныцю подчыныть;

Зрубъ погнывъ“.

„Чы ты не бачывъ,—

Не ихалы чоловикъ та жинка“?

— „Ни“, каже, „бачывъ“?

— „А давно-жъ ты ихъ бачывъ“?

— „Якъ цю крыныцю робывъ изнову,

То ихалы чоловикъ та жинка“.

— „Ә-ә—ге-е!..

Годи намъ ихъ доганять!

Колы цю крыныцю робывъ.

А теперъ уже и зрубъ погнывъ“!

Вернулисьь.

Прыихалы до царя.

„Не найшлы мы женця,

Нема й ишеници,

А гналыся въ погонь.

Та найшлы тилькы ченця

Коло крыныци:

Мы ёго спыталы:

Чы не бачывъ, якъ ихавъ чоловикъ изъ жинкою?

И сказавъ — бачывъ.

А давно?

Тоди якъ крыныцю робывъ уновъ.

Такъ годи-жъ намъ ихъ доганяты“!

Царь сказавъ:

А-хъ, дураки вы, слугы!

Годи вже васъ посылаты!

Треба самому политаты!

Було-бъ вамъ ченьця звязаты,

Та 'дну зрубину зорваты;

Та вербы по гылоцци зломаты!

О-то саме воны й булы“!

Якъ зьявсь!

Якъ полетивъ самъ!..

Ивась зъ жоною добираютьця вже до моря.

Оглянутьця, — летыть самъ!

Воны пошвыдче къ морю,

Пошвыдче къ морю!

Добиглы.

Сталы кони землею,

А вона вуткою,

А винъ селезнемъ

И поплывъ у море.

Царь роспалывсь!

Угнавсь!

Хотивъ ихъ на води похвататы;

Воны стали у воду пирьнаты.

Якъ ухватила вона ёго за ногы!

Винъ уже до того,

Шо ставъ потопаты!

Якъ вырвався на берегъ!

Зачавъ землю рубаты

И зачавъ ихъ кони пожыраты!

„А-ай шаслыви жъ вы;

Шо я въ другой разъ не полетивъ!

Я-бъ васъ не солячы поивъ“!

Переплывшы черезъ море,

Винъ ставъ молодцемъ, —

Вона молодыцею,
 И пішли по сухопуттю.
 Зійшли на батькове царство.
 Углядили батькови дома пидь самымъ золотомъ.
 „Дывись, жéно:
 То мого батька дома.
 Чы ты бачышгъ“?
 — „Бачу“.
 „Слава Тоби Господы,
 Шо мы вырвались зъ нечыстого царствá.
 Мижь хрещений мырь“!
 Идутъ дальше.
 Находятъ гурга
 „Чьи гурга“?
 „Ивана багача“.
 Находятъ отары.
 „Чьи отары“?
 — „Ивана багача“.
 Находятъ косаривъ.
 „Чьи косари“?
 — „Ивана багача“.
 Находятъ женъцивъ.
 „Чьи женъци“?
 — „Ивана багача“.
 „Оце, жинко, все мого отця“.
 „Слава Тоби, Господы!
 Ну шо-жъ, чоловиче.
 Якъ прыйдемъ до твого батька,
 То ты мене й забудешгъ“.
 — «Ни, не забуду».
 — «Ни, забудешгъ».
 — «Ни, не забуду».
 «Ни, забудешгъ».
 — «Ни, не забуду».
 Дійшли до двора.
 Коло двора на горби великый молочакъ.
 Посидали въ молочапи.
 «А нарядю я тебе салдатомъ,
 Пиденгъ ты до свого отця:
 Чы тебе пизнають отакъ»?
 Нарядыла ёго.

Винъ приходить у домъ.
 «Здрастуйте, старычокъ поштенный!»
 — «Здрастуй, служывый». —
 «Дайте воды напытыця».
 — «А встань лышь; стара,
 Та дай салдатови поноисты;
 Винъ може исты хоче,
 Та пыть просе».
 Стара встала,
 Найшла варенычкывъ,
 Найшла й сметанкы.
 Посадыла ёго вкннци столу.
 Сама лягла на полу.
 Старый сыдыть, пыше вкннци столу.
 Салдаты нагривсь;
 Розстебнувсь и нахылывсь, —
 Исть соби;
 Пазуха розгорнулася.
 Стара й взглядила звизду на грудяхъ;
 Схопылася.
 Ходы по хаты;
 Руку ломе:
 «Охъ!.. Охъ! О-о-хъ!
 О-о-хъ! О-о-о-хъ!
 Ста-рый!
 Ста-ры-й!
 Ста-ры-ы-й!..
 Иды лышь у сыны» ¹⁾)...
 — «Та чого ты тамъ розстогналася?»
 Выйшовъ у сыны.
 «Ста-рень-кый, ды-высь!..
 Оце наша ды-тына прыйшла,
 А ты й не ба-чышь!
 Ось иды, лышень, по-ды-вы-ся!
 Я й звизду на грудяхъ взглядила!»
 Старый пидходе до столу.
 Якъ ухопытыця за голову!..
 Якъ закрычатъ обоє!..
 Сыны якъ прыскочыть до ихъ!..

¹⁾ Слова старой рассказчицы выговаривались тихимъ и отчасти какъ-бы страдальческимъ голосомъ.

Обцизувавъ ихъ!..
 Облобызувавъ!
 И розбакавъ!
 Розібрали ёго.
 Найшли на ёго вбравня дороге,—
 Перебрали.
 Засыла багачъ лысты:
 По панахъ,
 По князяхъ,
 По понахъ—
 Припахать на пырь!
 Прийшовъ гость дорогой,
 Сынъ явився!
 Зачагы тры днѣ пыть и гулять.
 Зачагы Йвася сватать.
 Найшли ёму паночку,
 Посваталы.
 Зачагы свадьбу гулять.
 Найшли стару бабку,—
 Такъ виспа морду й зрѣла!—
 Самы ямки!
 Та проты неи «штрипухы» не було,—
 Панської стравы заготовыты.
 Зачагы поратгця:
 Та борошно сіе,
 Та дижу мисыть!—
 Вона тилькы порядокъ дае.
 Досталось главній «штрипуси»
 Побигты воды прынести.
 Повенъ двирь!
 Музыка грае!
 Стала вона за дворомъ воду брать,
 Гляне въ колодызъ на тинь,—
 Ажъ нема крацои й у сьвити людны,
 Якъ та тинь у колодызи!
 То була тинь Ивасевои жинкы.
 Вона сьдила въ молочади, сьдила.—
 Пишла подывытыця на весилья.
 Дійшла до двору;
 Ничого неvyдко за стиною!
 Такъ вона взяла,

Тай злила на вербу,
 Шо надъ колодяземъ росла,
 Тай дывытьця зъ тои вербы въ двирть.
 «Штряпуха» углядившы гарну тинь въ колодязи,
 Подумала, шо то ии.
 Набрала воды въ видра;
 Якъ прыбжыть передь музыки,
 Якъ хряпне видра объ землю!
 Якъ пиде танцюваты!
 «Отъ, чорты ёго батька зна,
 Яка я красавиця,—
 Тилькы-бъ мене за молодого замижь и браты»!
 Повыбигали паны—
 Регочуть!
 «Што ты, бабусю, робышь?!
 Образумся!
 Иды въ свое дило!
 Годи вже тоби дурить».
 Насылу отакувалы бабу!
 Пишла въ свое дило.
 Молоди сыдятъ,
 Княжють за столомъ.
 А Ивасева жинка звыла два голубы на верби,
 Тай послала въ хату.
 Улетили въ хату голубы,
 Тай литають поверхъ головъ;
 То ва шахви,
 То на груби сядуть,
 Та все буркотять:
 «Казавъ не забуду,
 Тай забудь!
 Казавъ не забуду
 Тай забудь ¹⁾!
 А Ивась сыдивь-сыдивь,
 Тай задумавсь.
 «Що це я роблю?!
 У мене-жь жинка не така, якъ це»!
 Якъ здумавъ свою жену,—

¹⁾ Эти слова рассказчикъ выговаривалъ глухимъ и тихимъ голосомъ и нараспѣвъ, подобіе того, какъ голубы гудуть.

(Прыйшло по мысли),
Якъ скочывъ черезъ стѣлы!
Та зъ хаты!
Выбигъ за двирь!
Тамъ уже жинка ёго піймала
Та въ молочаци й отакувала.
Паны й князи зъ двора розбигаютьца!
Батько й маты тужить!
«Розбылось весилья
Й потерялы свое сокровище»!
А Ивась зъ женою идуть,
За ручки побравысь;
Ввійшы въ двирь,
А зъ двора въ домъ:
«Здрастуйте, тато и мамо!
Ось де моя жена»!
Батько и маты зрадли,
Панивъ завертають.
И вгяты початыи пырь продовжають.
Съ того часу стали жыть поживать.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Михаиль Петровичъ Старицкій.

(Памяти товарища).

Такъ недавно, 16-го апрѣля, провели мы до могилы дорогого товарища, Михаила Петровича Старицкаго. Зная о давней тяжелой болѣзни покойнаго, о тѣхъ ужасныхъ сердечныхъ припадкахъ, которыми онъ страдалъ и которые такъ усилились въ послѣднее время, можно было опасаться скораго рокового конца; но въ то же время можно было еще надѣяться, что сильный отъ природы организмъ снова, — какъ это много разъ бывало, — поборетъ жестокіе приступы болѣзни; наступившая, наконецъ, весна, дѣйствительно, какъ бы оживила силы М. П—ча, — но это оживленіе оказалось похожимъ на послѣднюю вспышку угасающей лампы... Послѣ нѣкотораго улучшенія, наступило такое ухудшеніе дѣятельности сердца, что никакія чрезвычайныя медицинскія мѣры уже не дѣйствовали, и 14-го апрѣля Михаилъ Петровичъ скончался, среди своей семьи, на рукахъ нѣжно любимой и нѣжно любящей дочери Людмилы.

Мы опустили дорогого товарища въ могилу, но образъ его остался живымъ передъ нашими мысленными очами. Живъ его образъ и живо все то, что онъ сдѣлалъ для Украины.

Конечно, если вообще вѣрно, что не надъ свѣжей могилой произносить судъ всѣхъ дѣлъ умершаго, то тѣмъ болѣе это можно сказать въ настоящемъ случаѣ. Дѣятельность М. П. Старицкаго

такъ обширна и многообразна, что лишь будущій изслѣдователь можетъ вполне оцѣнить ее и разобраться въ ней.

Но все же и въ ближайшее время на страницахъ «К. Ст.» долженъ появиться хотя общій обзоръ жизни и труда такого крупнаго дѣятеля, какимъ былъ Михайль Петровичъ. Если эту задачу беру на себя именно я, то это объясняется тѣмъ, что мнѣ не только хочется сдѣлать общее опредѣленіе дѣятельности М. Петровича, но также сообщить тѣ біографическія свѣдѣнія о немъ, которыя могутъ быть мнѣ извѣстны за многіе годы (за цѣлый 40-лѣтній періодъ!) нашей близкой, *товарищеской* дружбы. Я не могу иначе выразиться, такъ какъ, помимо той симпатіи, которую возбуждала во всѣхъ, знавшихъ М. П.—ча, свѣтлая личность его,—самая дружба моя съ М. П. возникла на почвѣ литературной и впродолженіе всего указанного времени была тѣсно скрѣплена именно товариществомъ, т. е. тѣснымъ общеніемъ нашихъ писательскихъ интересовъ, которые одинаково занимали, волновали наши души и были неразрывно связаны съ нашимъ посильнымъ литературнымъ трудомъ. Сама жизнь складывалась такъ, что постоянно сближала насъ, если даже случалось, что обстоятельства бросали насъ въ разныя стороны. Поэтому мой очеркъ дѣятельности М. П. неизбежно будетъ переплетенъ моими личными воспоминаніями.

Судьбѣ угодно было, чтобы мнѣ стало извѣстно имя М. П., какъ своеобразнаго поэта, еще раньше моего знакомства съ нимъ. М. П. былъ товарищемъ моихъ братьевъ,—родного, М. П. Драгоманова, и двоюроднаго, Н. М. Шульженка,—по полтавской гимназій. Не помню, кѣмъ именно изъ нихъ, были однажды привезены на каникулы, въ нашъ родной полтавскій Гадячъ, стихи, о которыхъ братья говорили, что они написаны ихъ товарищемъ, Старицкимъ. Привезенное стихотвореніе, читавшееся на память, было юмористическаго характера, касалось какой то гимназической злобы дня, благодаря чему, б. м., и приобрѣло особую популярность. О товарищѣ Старицкомъ братья добавляли, что онъ и вообще «пишетъ стихи». Эти, какъ шутливыя, такъ и серьезные,

пробы М. П.—ча сочинялись на русскомъ языкѣ, что вполне естественно, такъ какъ память и воображеніе тогдашнихъ гимназистовъ, въ томъ числѣ и полтавскихъ, были всецѣло заполнены русской поэзіей, въ образцахъ писателей Пушкинскаго періода.

Въ этой сферѣ и началось авторство М. П.; на эти струны откликнулись впервые его поэтическое вдохновеніе и способности поэта-стихотворца.

Повидимому, лишь поступивши въ харьковскій университетъ, въ особенности перебравшись въ Кіевъ, М. П. воспринялъ, какъ тогда говорили, «украинофильское» вліяніе, которое освѣтило извѣстной сознательной идеей съ дѣтства пріобрѣтенное въ полтавскихъ селахъ ¹⁾ знаніе украинскаго языка, возбудило желаніе писать именно на этомъ языкѣ;—и этому желанію, этому страстному влеченію поэтическая муза Мих. Петровича осталась вѣрною уже навсегда, до когда его жизни.

Мое первое личное знакомство съ М. П. Старицкимъ произошло уже въ этотъ, совершенно опредѣлившійся періодъ его украинскаго авторства. Это было въ Кіевѣ, весною 1865 г.

Я была ученицей уже предпоследняго класса, кіевского «Образцоваго пансіона для благородныхъ дѣвицъ» ²⁾, и такъ какъ мой братъ, Мих. П. Драгомановъ, былъ уже тогда женатъ (и быть даже у насъ учителемъ), то меня отпускали изъ моего полузакрытаго заведенія къ нему въ гости, по праздникамъ. Конечно, такіе отпуска къ брату и его женѣ, которая тоже очень меня любила, были для меня двойнымъ праздникомъ!

У брата и его жены бывало очень много знакомыхъ, товарищей брата и др. Однажды явился въ эту скромную, но радужную квартиру, на тогдашней Жапдармской улицѣ ³⁾, и М. П.

1) М. П. Старицкій родился въ селѣ Клищинцяхъ, золотононскаго уѣзда, а потомъ жилъ въ кременчугскомъ уѣздѣ.

2) Частное заведеніе, среднее между институтомъ и позднѣйшими гимназіями.

3) Теперешняя Маріинско-Благовѣщенская.

Старицкій. Мнѣ онъ показался «пріѣзжимъ»; во всякомъ случаѣ весною 1865-го года я видѣла его первый разъ. Его эффе́ктная фигура сразу обращала на себя вниманіе, къ тому же онъ былъ въ очень красивомъ украинскомъ нарядѣ (роскопно вышитой сорочкѣ, жупанѣ и пр.).

Михаиль Петровичъ принесъ моему брату показать свои украинскіе переводы. Читать ихъ перешли въ кабинетъ. Привлеченная необычайной декламаціей, я тоже проникла въ кабинетъ... По окончаніи чтенія, гость и хозяинъ что-то говорили; я слушала, — конечно, молча, сидя въ сторонкѣ. — А вамъ нравятся эти стихи? — спросилъ меня М. П. Старицкій. — Да, отвѣтила я, — они такіе необыкновенные. — Оба Михайлы Петровичи разсмѣялись. Между тѣмъ, стихи Лермонтова, Мицкевича, Байрона — *по украински*, въ *тогдашнее* время, могли показаться «необыкновенными» не только юной «пансіонеркѣ», но и представителю болѣе серьезной публики, болѣе знакомой съ литературой. Послѣ этого, когда М. П. Старицкій приносилъ свои пробы, онъ шутя приглашалъ и меня: — «хотите послушать „необыкновенные“ стихи»?..

М. П. Старицкій бывалъ у Драгомановыхъ часто, такъ какъ онъ поселился въ Кіевѣ, съ женой, тоже скоро подружившейся съ семьей моего брата; Софія Вит. Старицкая оказалась моей товаркой, такъ какъ одно время она тоже была въ нашемъ «Образцовомъ пансіонѣ» — и осталась для меня «Соней Лисенко»¹⁾.

Въ 1866 году Старицкіе поселились уже въ одномъ домѣ съ моимъ братомъ, гдѣ остались и на другую зиму — 1867-го и 68-го годовъ. Обѣ квартиры соединены были даже однимъ внутреннимъ ходомъ, такъ что сообщеніе между ними было востоянное, — иногда нельзя было даже разобрать, кто къ кому приходилъ, такъ какъ гости Старицкихъ переходили къ намъ, а наши переходили къ Старицкимъ. Во флигелѣ, — того же двора Войцеховскаго на Жандармской улицѣ, — жилъ также, въ зимній сезонъ 1866-го и 67-го года, Н. В. Лисенко. Такъ какъ у Драгоmano-

¹⁾ Софія Витальевна вышла замужъ очень рано, 16-ти лѣтъ.

выхъ было фортепяно, то компанія собиралась больше у нихъ. Этому фортепяно было много работы!.. Много на немъ играли, много подъ его акомпаниментъ пѣли!.. По этому поводу у меня невольно встаетъ въ памяти одно забавное обстоятельство: подъ это фортепяно, подъ его звуки пѣлась цѣлая шутовская «опера», текстъ которой касался тогдашней литературной, календарно-издательской злобы дня, а музыкальные мотивы были подобраны къ нему изъ итальянскихъ оперъ, очень популярныхъ тогда въ Кіевѣ, такъ какъ едва ли не впервые гостила тогда въ Кіевѣ цѣлый сезонъ итальянская оперная труппа. Я не знаю, кто именно былъ творцемъ этого юмористическаго текста (на русскомъ языкѣ), но въ Кіевѣ приписывали его обитателямъ дома Войцеховскаго; «опера» была очень остроумна и приобрѣла очень большую популярность далеко за предѣлами Жандармской улицы: ее пѣли не только на Новомъ Строеніи, но и въ салонахъ Липокъ; по крайней мѣрѣ, нѣсколько времени спустя, мнѣ пришлось слышать ее (уже на Волини) отъ пріѣзжаго изъ Кіева свѣтскаго гостя, Вл. М. Юзefовича.

Фортепяно Драгомановыхъ служило въ зиму 1866-го и 67-го года и для первой большой работы Н. В. Лисенка, когда онъ приходилъ изъ своего флигеля къ Драгомановымъ работать надъ переложеніемъ на ноты мотивовъ перваго своего сборника «Украинскихъ писень». На столѣ въ гостинной Драгомановыхъ Лисенко писалъ, а на фортепяно пробовалъ, дополнялъ свою работу. М. П. Старицкій тоже иногда присаживался къ фортепяно. Онъ обладалъ хорошимъ слухомъ, тонкимъ пониманіемъ музыки, обладалъ также нѣкоторой «любительской» техникой и могъ подбирать акомпаниментъ къ нравившимся ему пѣснямъ и романсамъ. Изъ русскихъ романсовъ онъ особенно любилъ и часто пѣлъ у насъ «Не отходи отъ меня»; пѣжная, пѣвучая мелодія этого извѣстнаго (особенно тогда) романа навсегда осталась въ моей памяти неразрывно связанной съ образомъ Мих. Петровича.

Пѣніе, музыка не только не мѣшали, а какъ бы способствовали литературнымъ начинаніямъ дружескаго кружка, ютив-

шагося во дворѣ Войцеховскаго. Будущіе біографы будутъ разбираться, кто изъ друзей оказывалъ на другого больше вліянія... Трудъ едва ли исполнимый въ точности! Они взаимно одушевляли и дополняли одинъ другого. Можетъ быть, у М. П. Драгоманова было больше трезвой идейности, меньше украинско-лирической экспансивности; въ семьѣ М. П. С. былъ въ бѣльшемъ ходу народный языкъ, бѣльше соблюдался, такъ сказать, виѣшний украинскій декорумъ (не даромъ мнѣ помнятся до сихъ поръ жупаны М. П. Старицкаго и бѣлыя свиточки, кожушанки его, жены); Н. В. Лисенко чаровалъ всѣхъ пѣснями. Но и М. П. Драгомановъ не хуже зналъ и не меньше любилъ родную, органически близкую ему украинскую рѣчь и пѣсню, заботясь о томъ, чтобы занятія ими принимали плодотворныя и по возможности научныя формы. Въ свою очередь на него, живо увлеченнаго общимъ теченіемъ русской жизни, общимъ направленіемъ передовой русской мысли, не могла не оказывать конкретнаго, заплоняющаго душу вліянія та, если можно такъ выразиться, стихійная сила и сфера «украинщины», съ которыми онъ постоянно соприкасался при указанномъ близкомъ общеніи съ семьей М. П. Старицкаго и Н. В.—чемъ Лисенкомъ.

Да, можно съ увѣренностью сказать одно: этотъ періодъ, прожитый въ такомъ близкомъ общеніи тремя друзьями-полтавцами, оставившими такой большой слѣдъ въ культурной исторіи Украины, имѣлъ большое значеніе для нихъ и для ихъ дѣла.

М. П. Драгомановъ настоялъ, чтобы сборникъ «Украинскихъ писень» былъ взятъ Н. В. Лисенкомъ, при отъѣздѣ его за границу (въ Лейпцигскую консерваторію),—для непремѣннаго изданія его возможно лучше тамъ. Съ М. П. Старицкимъ обсуждались сообща планы новыхъ литературныхъ работъ.—Невольно приходитъ на память образъ еще одного близкаго къ М. П. Драгоманову лица, стихійно-украинскаго земляка изъ Гадяча, И. Я. Рудченка, жившаго тоже въ эти годы въ домѣ Войцеховскаго и приготовившаго подъ руководствомъ М. П. Драгоманова систематическіе сборники укр. сказокъ и чумацкихъ пѣсень.

Весною 1868-го года М. П. Старицкій былъ особенно занятъ дополнительными переводами сказокъ Андерсена — и по поводу ихъ втянулъ въ укр. писательство и меня. Я была тогда уже «на свободѣ», такъ какъ еще въ 66-мъ году окончила свое ученіе; нѣкоторое время я прожила у матери, въ Гадячѣ, (въ нашемъ чудномъ Драгомановскомъ дворѣ!), теперь же, съ зимы 1867-го года, я снова жила въ Кіевѣ, въ семьѣ брата, дополняя свое образованіе разными мудрыми книжками, которыя тогдашняя «передовая» дѣвица должна была прочесть. О писательствѣ, признаться, я тогда совершенно не думала. Моей первой литературной работой (весною 1868-го г.) была случайная компиляція одной французской статьи, которую мнѣ указалъ въ *Revue des deux Mondes* братъ; онъ же и пристроилъ мой фельетонъ въ «Петерб. Вѣдом.». Несказанна была моя радость, когда я увидѣла свою работу въ печати и даже получила за нее отъ редакціи «П. В.» гонораръ! Мое торжество, конечно, сдѣлалось извѣстно обитателямъ другой половины дома. Но тутъ М. П. Старицкій, какъ я сказала, занятый тогда переводами сказокъ Андерсена для изданія цѣлаго сборника ихъ, «напалъ» на меня, чтобы я тоже попробовала переводить, хотя бы того же Андерсена, по-украински. Сколько я ни отговаривалась, что я не смогу хорошо сдѣлать этой работы (такъ необычной и трудной казалась она для меня!), М. П. Старицкій очень ободрялъ меня, увѣрялъ, что въ укр. языкъ для меня родной, что я такъ хорошо говорю на немъ, и наконецъ, чтобы вѣрнѣе занять меня указываемой работой, купилъ и подарилъ мнѣ томикъ, въ красивомъ переплетѣ, сказокъ Андерсена на французскомъ языкѣ, увѣряя, что мнѣ гораздо легче будетъ переводить съ языка чужого, чѣмъ если бы я попробовала переводить съ русскаго. Двѣ сказки, наконецъ переведенныя мною изъ подаренной книжки, привели М. П. Старицкаго въ восхищеніе. Послѣ я убѣдилась, что если М. Петровичу нравилось чье-либо писанье, то всегда нравилось чрезвычайно!.. Это объясняется какъ увлекающейся натурой его, такъ въ добавокъ тѣмъ страстнымъ желаніемъ, которое онъ всегда имѣлъ, чтобы увеличился кругъ пишущихъ по-украински.

Увы! моимъ переводамъ съ Андерсена не суждено было увидѣть свѣтъ... Лѣтомъ 1868-го года, по выходѣ замужъ, я уѣхала на Волинь и хотя тамъ, ободренная похвалами М. П. Старицкаго, продолжала переводить изъ подаренной имъ книжки и перевела 10 сказокъ, но злая судьба жестоко пошутила надо мной: когда я въ первый же разъ на Рождество ѣхала «въ гости» изъ волинскаго Звягеля въ Кіевъ и везла свои переводы, чтобы показать ихъ М. П. Старицкому и брату,—я потеряла ихъ, выронивши изъ своихъ вещей въ дорогѣ, гдѣ-то на шоссе подъ Кіевомъ, подъ самыми «Триумфальными воротами»!... (Желѣзной дороги вѣдь тогда еще не было и приходилось долгій путь ѣхать на лошадахъ). За вторичный переводъ сказокъ Андерсена мнѣ уже какъ-то трудно было заставить себя взяться,—и, спустя нѣсколько лѣтъ, лишь хорошенькія иллюстраціи въ красной съ золотомъ книжкѣ стали любимыми картинками моихъ дѣтей.

Михаиль же Петровичъ Старицкій, хотя тоже уѣзжалъ изъ Кіева, купивши имѣніе въ Подоліи, по выбранныя имъ сказки Андерсена перевелъ и, послѣ того какъ нѣкоторыя изъ нихъ печатались въ галицкой «Правдѣ», издалъ ихъ въ Кіевѣ, съ картинками кіевскаго художника Мурашка.

Это было въ 1873 г., когда М. П. Старицкій былъ уже извѣстенъ въ литературномъ кругу—и стихотворными переводами, и драматическими пробами. Всё, что онъ успѣлъ напечатать, включая и сказки Андерсена, было замѣчено не только своими, но и врагами, которые тоже усмотрѣли въ М. П. Старицкомъ крупнаго работника, выступившаго на убогой тогда нивѣ украинской литературы, и не преминули направить въ него свои колючія критическія стрѣлы. Допускаю, впрочемъ, что критики враждебнаго лагеря,—безотносительно къ тому, что считали себя стоящими «на стражѣ», обязанными обляять всякаго вновь выступающаго украинскаго писателя,—были въ значительной долѣ искренни въ своихъ недоумѣніяхъ и порицаніяхъ того, что выходило изъ подъ пера М. П. Старицкаго. Его переводы, самая тенденція въ выборѣ ихъ, а также языкъ переводовъ, были слишкомъ смѣлы, какъ говорили критики—«дерзки». Въ самомъ дѣлѣ, братъ, *тогда*

для переводовъ по-украински—стихи Лермонтова, Байрона, художественныя сказки европейской знаменитости! Это ли не дерзость? Притомъ употреблять не простой языкъ, которымъ говорить «малороссъ-простолюдинъ», а употреблять какіе то неологизмы, «скованные» нарочито! Да вѣдь это не только смѣшная претензія, это просто преступленіе!—Такъ думали, совсѣмъ искренно, многіе,—и чужіе, и даже «свои»...

Да, при появленіи въ свѣтъ переведенныхъ М. П. Старицкимъ стихотвореній и сказокъ Андерсена, чужіе—ругались, насмѣхались, не щадя автора, свои—огорчались, тоже высказывая неодобреніе... Мнѣ живо помнится, какъ, вскорѣ послѣ выхода въ 1873 г. сказокъ Андерсена въ переводѣ М. П. Старицкаго, мнѣ пришлось, въ одинъ изъ моихъ пріѣздовъ въ Кіевъ, слышать въ тѣсномъ кругу почитателей украинской литературы рѣзкое порицаніе перевода Старицкаго, именно за «кованныя» слова. Предположено было выразить М. П. Старицкому совершенно определенное неодобреніе и заявленіе, что «такъ нельзя», что его литературныя новаторства *вредны* для нашей литературы, такъ какъ открываютъ ей ложный путь!

Между тѣмъ, путь, по которому пошелъ М. П. Старицкій въ своихъ сочиненіяхъ и переводахъ, былъ логически неизбеженъ. Потребность въ расширеніи рамокъ нашей литературы назрѣла. Еще Кулишъ въ Запискахъ о Ю. Руси высказалъ болѣе широкое понятіе о національности, національномъ творествѣ, выводя его изъ тѣсныхъ предѣловъ *простонародности* и называя поэтовъ-писателей продолжателями кобзарей и лирниковъ въ дѣлѣ народнаго самосознанія и творчества. Признакомъ *національной* литературы Кулишъ считалъ извѣстныя общія характерныя черты, духъ творчества, а не строго ограниченныя формы творчества и его выраженія. Соотвѣтственно такому взгляду, долженъ былъ отойти въ область пережитаго—тотъ періодъ, когда наши старые писатели, какъ Метлинскій, Забѣла и др., старались писать только въ народномъ стилѣ, какъ бы поддѣлываясь подъ складъ народной пѣсни, начиная съ пѣсеннаго размѣра стиха и кончая отдѣльными «чисто народными» выраженіями и словами. Отдавши

значительную дань творчеству пѣсеннаго типа (включительно до сочиненія думъ, — какъ можно думать, лишь выданныхъ за народные, кобзарскія). Кулишъ, чѣмъ дальше, все больше пробуетъ иные мотивы, такъ сказать — поэзіи интеллигентной, вводя также и неологизмы (которые мы встрѣчаемъ уже въ его переводѣ Іовá).

Старицкій пошелъ по новому пути гораздо рѣшительнѣе — и, какъ слѣдуетъ думать, не потому, чтобы ему не давалось творчество въ народномъ духѣ: среди его болѣе давнихъ/ стихотворныхъ опытовъ находимъ, напр., слѣдующее прекрасное стихотвореніе, написанное размѣромъ и складомъ народной пѣсни:

Охъ, и де ты, зиронько,
Та вечерняя?
Охъ, и де ты, дивчыно,
Щыро-вирная?
Чы кому зорять теперь
Ясни оченькы
У садочку пышному
Середь ноченькы?
Чы кому всмихаються
Пышны вустонькы?
Чы гаптують рученькы
Били рученькы? и т. д.

Очевидно, что въ этомъ же родѣ Михайль Петровичъ могъ бы написать и многія другія стихотворенія («Увѣрю васъ, что этотъ родъ даже гораздо легче», — не разъ говорилъ онъ); но Михайль Петровичъ умышленно желалъ брать другія темы и другія формы творчества, имѣя цѣлью способствовать выведенію украинской литературы на болѣе широкій путь. Отсюда прежде всего являлось намѣреніе дать украинской литературѣ, въ видѣ переводовъ, образцы избранныхъ произведеній лучшихъ европейскихъ поэтовъ. Соответственно такой тенденціи Михаила Петровича, долженъ былъ, — сравнительно съ приведеннымъ его стихотвореніемъ въ народномъ стилѣ, — получить новыя особенності и

языкъ послѣдующихъ его сочиненій, въ особенности переводовъ, дѣлалась именно языкомъ *литературнымъ*. Это было,—какъ бываетъ во всѣхъ литературахъ,—явленіемъ совершенно логическимъ, законнымъ; но,—странное дѣло,—то, что являлось естественнымъ и законнымъ въ литературахъ иныхъ, казалось очень страшной, неумѣстной, почти преступной ересью для *нашей* литературы! Совершенно забывалось положеніе, что всякій народный языкъ не есть ничто неподвижное, окаменѣлое, что формы языка мѣняются, развиваются, что сообразно тому, какъ расширяется кругъ понятій, расширяется и кругъ ихъ выраженія словомъ; забывалось, что такимъ образомъ и создается языкъ литературный.

Затѣмъ, точно не хотѣли помнить наши критики, что нигдѣ литературный языкъ не являлся сразу готовымъ, какъ Паллада изъ головы Зевса, что вездѣ онъ *создавался* постепенно и что писателямъ, трудившимся въ другихъ литературахъ надъ *выработкой* литературнаго языка, ихъ дѣятельность вмѣнялась имъ не въ вину, а, напротивъ, въ заслугу. Забывалось также, что лишь время, продолжительность употребленія неологизмовъ литературныхъ, давая имъ право существованія въ литературѣ, заставляетъ читателей постепенно даже забыть то, что данныя выраженія и слова были въ свое время «скованы»; забывалось, что многія слова въ русскомъ литературномъ языкѣ, если внимательнѣе вслушаться въ нихъ, представляютъ собою не болѣе какъ переводы иностранныхъ выраженій съ помощью славянизмовъ, при чемъ всѣ эти «междометія», «возникновенія», «сверхъестественности» даже гораздо дальше отъ *народнаго* русскаго языка, чѣмъ предлагавшіеся неологизмы въ литературѣ украинской отъ народнаго языка украинскаго. Въ самомъ дѣлѣ, что ужъ такое ужасное, несообразное съ формами и корнями нашего народнаго языка представляли собою слова, вводившіеся М. П. Старицкимъ?! Это были въ сущности очень простыя, вовсе не громоздкія (по сравненію съ приведенными словами, къ которымъ у насъ привыкли еще съ Ломоносовскаго періода) производныя отъ вѣрныхъ словъ языка народнаго, напр. прилагательныя отъ

употребляемыхъ нашимъ народомъ существительныхъ, произведенныя совершенно по тому же типу, какъ производить ихъ народъ.

Я приведу одно стихотвореніе М. П. Старицкаго (оригинальное), въ своемъ родѣ «историческое», такъ какъ изъ-за него тоже шелъ споръ,—теперь малопонятный...

В е ч е р ь.

(Посвящ. О. П. Д—вій).

Уже за маева червони
 На спочывъ сонце порына,
 Темніе сыця пелена,
 Туманомъ крые оболони
 И вечирь землю обнима;
 За нимъ ось лыне ничь сама
 И сіе скризь чудови зори
 На неомирянимъ простори...
 О пышно-дывна! Лынь хутчій,
 Зь своимъ дыханнямъ пестовльвымъ,
 Зь своимъ утомомъ чаривльвымъ
 И тыху лагоду навій
 Нужденумъ душамъ сыротльвымъ,
 Та сердце стомлене у-край
 Мовъ ненька та заколыхай!

Пожалуй, теперешній читатель и любитель украинской литературы будетъ даже недоумѣвать, что же такое особенно смѣлое по части языка, неологизмовъ представляетъ собою это стихотвореніе? Казалось бы, ничего особеннаго: есть въ нашемъ народномъ языкѣ «пестощи», «пестыты», «чары», «чаруваты», почему не быть словамъ «пестовльвый», «чаривльвый», съ флексіями, совершенно естественными и обычными въ украинской народной рѣчи.—Но такъ можетъ казаться теперь; а тогда (стихотвореніе принадлежитъ къ первому періоду писательства Михаила Петровича), оно казалось для многихъ просто еретическимъ. «Ковальство», «невозможное ковальство!»—говорили объ этомъ и подобныхъ ему стихотвореніяхъ чужіе и свои. Этого

осужденія было достаточно, чтобы стихотвореніе потеряло въ глазахъ критиковъ все свое достоинство проникнутаго поэзіей лирическаго произведенія, какимъ оно могло быть съ удовольствіемъ отмѣчено въ любой литературѣ. Но это могло быть въ другой литературѣ,—у насъ же тогда о подобныхъ стихотвореніяхъ говорили: намъ не нужна «литературщина»! Цѣнился только «щиро-народній» стиль, «щиро-народній» лексиконъ.

М. П. Старицкій очень огорчался насмѣшками, упреками чужихъ и своихъ, но твердо пелъ по своему пути,—дѣйствительно, новаторскому.

Кромѣ области стихотворной,—лирической и иной,—Михаила Петровича съ давнихъ поръ занимала мысль о нашей драматической литературѣ, о ея бѣдности, о необходимости ея пополненія. Дѣйствительно, весь нашъ драматическій репертуаръ исчерпывался тогда нѣсколькими пьесами, которыя можно было перечестъ по пальцамъ. Если затѣвался любительскій украинскій спектакль, который иногда устраивала въ Кіевѣ молодежь,—что можно было поставить?.. Если не «Нат.-Полтавку», то «Назара Стодолю», «Гаркушу», «Черноморскій побыть»... (Пьесы Квитки¹) не были популярны въ Кіевѣ). Оставался еще «Москаль-Чаривныкъ» и нѣсколько другихъ одноактныхъ водевилей (изъ которыхъ предпочтительнѣе прочихъ былъ—«Кумъ-Мирошныкъ»...). Очень естественно поэтому, что М. П. Старицкій, большой любитель театра, желалъ приложить свой трудъ къ пополненію такого убогаго репертуара. Еще въ 60-ые годы составилъ онъ планъ драмы (называвшейся «Панське болото»), изъ жизни смѣшаннаго круга, народнаго и интеллигентнаго, на тему явившагося тогда народничества, имѣвшаго свои свѣтлыя, но и свои темныя стороны. Михаилъ Петровичъ говорилъ мнѣ, что основная фабула драмы (неудачно окончившагося романа панича-народника съ сельской дивчиной) взята была имъ изъ близкаго ему панскаго круга. Кромѣ того, также еще въ 60-тые годы, Михаилъ Петровичъ началъ писать либретто оперы «Гаркуша» (къ музыкѣ Н. В. Ли-

¹) Шельменко-деньщикъ, Щыра любовь.

сенка). Но опера была, повидимому, слишкомъ большимъ предпріятіемъ, особенно если приходилось имѣть въ виду для оперы украинской лишь любительскія силы. Для этихъ силъ, группировавшихся въ Кіевѣ вокругъ Н. В. Лисенка и М. П. Старицкаго, признана была, конечно, болѣе подходящей—оперета. Первой такой оперетой, съ обработкой текста М. П. Старицкимъ (на сюжетъ Кухаренка), съ музыкой Лисенка, явились «Чорноморці». Первыхъ постановокъ этой пьесы любителями—я не видала.

Затѣмъ, болѣе обширнымъ драмат. трудомъ М. П. Стар—го явился текстъ «музыкальной комедіи» «Риздвяна ничъ», съ музыкальными номерами Лисенка. «Риздвяна ничъ», какъ пьеса совсѣмъ новая, должна была обратить на себя большое вниманіе. Уже пробный спектакль (съ представленіемъ всего 2-хъ дѣйствій пьесы), а затѣмъ репетиціи въ частной квартирѣ друзей Лисенка и Старицкихъ, г-жъ Линдфорсъ, живо интересовали весь нашъ украинскій литературно-артистическій кругъ и музыканты, и не музыканты ходили посмотрѣть, послушать новую пьесу, высказывая свои соображенія. Самъ же М. П. Старицкій былъ просто поглощенъ репетиціями. Но самая постановка «Риздвяной ночи» на большой сценѣ въ оперномъ театрѣ подняла интересъ къ ней до чрезвычайной степени. Къ первому представленію «Риздвяной ночи» явилось много пріѣзжихъ приверженцевъ изъ «провинціи»; пріѣхали и мы съ мужемъ изъ Волыни.

Спектакль этотъ былъ какимъ-то національнымъ торжествомъ. Пріемъ пьесы публикой былъ восторженный—и пьеса того заслуживала. Кромѣ совершенно новыхъ музыкальныхъ номеровъ, чаровавшихъ насъ красотой мелодіи, кромѣ сценичности и разнообразія содержанія текста,—сценъ комическихъ, чередовавшихся съ серьезными, изъ которыхъ особенное впечатлѣніе производила сцена (цѣлое дѣйствіе) съ запорожцемъ Пацокомъ, превращеннымъ Старицкимъ въ идейнаго патріота,—кромѣ всего этого, очень хорошо было и самое исполненіе этой «музыкальной комедіи» ¹⁾. Мнѣ

¹⁾ Названіе это вполне соответствовало, такъ какъ музыка входила въ пьесу лишь отдѣльными номерами; въ остальномъ это была бытовая пьеса.

приходилось видѣть потомъ «Риздвяну ничъ» уже въ видѣ оперы, исполнявшейся оперной труппой (въ Харьковѣ, въ 80-хъ годахъ, и недавно—въ Кіевѣ), но я не видѣла въ оперномъ исполненіи и тѣни того, что дали намъ любители, исполнявшіе впервые «Риздвяну ничъ» въ кіевскомъ театрѣ, въ видѣ музыкальной комедіи. Исполнители наши были превосходны,—начиная съ очаровательной красавицы, какой должна была быть, по мысли Гоголя, Оксана и какую, дѣйствительно, была Ольга Александровна Лисенко, исполнявшая эту роль. Оксана плѣняла своимъ прелестнымъ голосомъ и прелестной—соотвѣтственно роли, то граціозно-кокетливой, то нѣжно-грустной манерой. *Такой* Оксаны я больше не видала!.. Вакула, А. А. Русовъ, пѣлъ съ большимъ одушевленіемъ и рѣдкою характерностью; Солоха (Липская) и особенно дьякъ (Матвѣевъ) были неподобны въ своей типичности, безъ малѣйшей шаржировки. Даже второстепенныя лица, «наикрацый парубокъ» Грыцько (Ор. Ив. Левицкій), дивчата,—какъ много внесли они той этнографической вѣрности тона, костюмовъ, того одушевленія, смысла, которые столько придали красоты пьесъ-комедіи (и чего, увы, почти всегда не хватаетъ при исполненіи пьесъ оперными труппами!..).

Я не была на репетиціяхъ «Риздвяной ночи» и не знаю, насколько превосходное исполненіе любителями «Риздвяной ночи» было обязано ревностному режисёрству М. П. Старицкаго, но до сихъ поръ помнится мнѣ мастерская постановка этого спектакля. Вечеръ первой художественно прекрасной постановки «Риздвяной ночи», вмѣстѣ съ чарующимъ впечатлѣніемъ музыки пьесы, остается однимъ изъ лучшихъ воспоминаній моей жизни, хотя я не принимала участія ни въ постановкѣ, ни въ исполненіи пьесы, была простою зрительницею. Я представляю себѣ, какой слѣдъ оставили въ душѣ исполнителей и близко стоявшихъ къ дѣлу первыхъ представленій «Ризд. ночи», заставлявшихъ залу опернаго театра, переполненную зрителями, гремѣть отъ рукоплесканій!

Да, рукоплесканія были восторженныя, такъ какъ пьеса была прекрасна, превосходно исполнена и будила наши лучшія уюванія!..

Слѣдующей пьесой М. П. Старицкаго, тоже на тему изъ Гоголя, долженъ былъ явиться «Сорочынскій ярмарокъ»; но задумавши оперу, Михаилъ Петровичъ издать въ слѣдующемъ 75-мъ году лишь свой украинскій переводъ этой повѣсти. Вообще переводы вновь заняли его мысль: еще раньше издаетъ онъ «Байки Крылова», собравши свои давніе переводы и дополнивши новыми, до объема цѣлой книжки.

Между тѣмъ, приближалась турецко-славянская война, съ ея прологомъ, герцеговинскимъ возстаніемъ, возбуждившимъ симпатію и посильную поддержку кievскихъ украинцевъ. Отчасти подъ влияніемъ этого движенія, М. П. Старицкій подготовилъ къ печати цѣлый сборникъ своихъ переводовъ «Сербскихъ народныхъ думъ и писень», предназначивъ чистую выручку «на пользу братьевъ-славянъ», какъ это было потомъ обозначено на обложкѣ книжки при печатаніи.

Пробы перевода этихъ пѣсень были сдѣланы М. П.—чемъ давно—еще въ 60-тыхъ годахъ; мнѣ кажется, эта работа была по началу отраженіемъ того своеобразнаго славянофильскаго вѣянія, которое обусловило существованіе извѣстнаго «славянскаго братства» въ Кіевѣ, съ такими участниками въ его организации, какъ Шевченко, Кулишъ и Костомаровъ: участіе ихъ въ кievскомъ «славянскомъ братствѣ» было фатально для нихъ, по идея этого украинско-славянскаго единенія, отличавшагося отъ получившей право гражданства московско-славянофильской тенденціи, оставила свой слѣдъ.

Какъ бы тамъ ни было, еще въ 65-мъ г. были напечатаны въ галицкой «Правдѣ» первые украинскіе переводы Старицкаго сербскихъ думъ; за другими, указанными выше, работами, переводы сербскихъ думъ были потомъ Старицкимъ оставлены; событія же, оживившія вниманіе и симпатію къ «братамъ-славянамъ», снова возвращаютъ Михаила Петровича къ переводу сербскихъ думъ. Какъ-то, зимой 75—76-го года, М. П. Старицкій, всегда искавній дружеской «порады», принесъ показать М. П. Д.—ву уже цѣлую тетрадь своихъ переводовъ сербскихъ думъ, приготовленную для цензуры. Я тоже присутствовала при чтеніи,—

но уже не въ качествѣ молчаливой слушательницы, а, будучи уже пріятельски знакомой съ авторомъ, рѣшалась дѣлать свои замѣчанія относительно перевода. М. П. Старицкому мои замѣчанія показались стоящими вниманія и даже на столько, что онъ оставилъ мнѣ тетрадь переводовъ для болѣе внимательнаго просмотра самой, съ правомъ сдѣлать отмѣтки въ тетради. Случилось такъ, что мои отмѣтки,—впрочемъ не особенно многочисленныя,—были всѣ приняты М. П. Старицкимъ къ свѣдѣнію. Съ тѣхъ поръ,—безъ хвастовства могу это сказать,—онъ до странности довѣрчиво относился къ моимъ совѣтамъ: какъ онъ не разъ говорилъ, онъ былъ увѣренъ, что именно я могу съ надлежащимъ вниманіемъ отнестись къ его работѣ и дать надлежащій совѣтъ;—поэтому Михайлъ Петровичъ до конца жизни, если только представлялся къ тому случай, показывалъ мнѣ свои наброски, даже серьезныя работы, и я рѣшительно не помню случая, когда бы онъ отказался сдѣлать ту поправку выраженія, стиха или даже какой нибудь частности плана, какую я ему дружески совѣтовала сдѣлать. Конечно, это легко объясняется нашимъ единомысліемъ въ основныхъ интересахъ, а также и тѣмъ, что относительно нашихъ литературныхъ задачъ, пріемовъ и языка мы тоже были сходны во мнѣніяхъ.

Относительно украинскаго языка еще одно обстоятельство обусловило единеніе нашихъ взглядовъ, свѣдѣній и ихъ примѣненія въ литературной работѣ: наше, такъ сказать, органическое знакомство съ украинскимъ языкомъ, то, которое пріобрѣтается съ дѣтства, было основано на природномъ, одинаково намъ близкомъ нарѣчій лѣвобережномъ, такъ какъ и Михайлъ Павловичъ, и я были родомъ изъ Полтавщины; но, по волѣ судьбы, мы близко жили также и съ нарѣчіемъ правобережнымъ: М. П. Старицкій, живя въ Подольщинѣ (въ купленномъ имъ имѣніи, въ селѣ Кордешивкѣ), а я—на Воляни. Мы обое были обрадованы, встрѣтивши, вопреки поверхностнымъ толкамъ, и на Правобережьи тотъ же прекрасный украинскій языкъ; нѣкоторыя мелкія діалектическія отличія, старья формы, еще сохранившіяся на правомъ берегу Днѣпра (и не встрѣчаемыя уже въ рѣчи полтавскаго люда), даже правились

намъ. Отсюда происходило, что въ то время, какъ при чтеніи сочиненій Михайла Петровича нѣкоторые земляки-полтавцы находили странными, новыми для своего слуха, вводимыя имъ подольскія слова,—меня они не удивляли и я даже часто, въ замѣнъ полтавскаго, предлагала Михайлу Петровичу волынское выраженіе, если оно, напр., лучше укладывалось въ стихъ (или же просто потому, что оно мнѣ больше нравилось). Михайлъ Петровичъ охотно принималъ такіе «волынизмы», говоря: «да, да, чудесно! такъ говорятъ и у насъ въ Подольщинѣ!»

Таковы были основы нашего литературнаго единенія. Къ этому прибавлю,—впрочемъ, я сказала объ этомъ прежде всего,—у насъ были одинаковыя мнѣнія о задачахъ украинскаго литератора. Мы обое видѣли эту задачу въ расширеніи рамокъ нашей литературы по содержанію; мы обое были за тотъ принципъ отчужденности формы, который многіе презрительно называли «ковальствомъ» и который мы считали законнымъ, даже необходимымъ.

Лѣтомъ 1876 г. книжка «Сербскихъ думъ» въ переводѣ Старицкаго вышла въ Кіевѣ, съ посвященіемъ М. П. Драгоманову, «моему щирому другови и товаришови», какъ напечаталъ авторъ-переводчикъ на заглавномъ листкѣ.

Мнѣ М. П. Старицкій прислалъ на Волынь экземпляръ «Сербскихъ думъ» въ роскошномъ переплетѣ, съ такимъ автографомъ:

Нехай згадається въ симъ слови
 Зъ-давенъ прыхыльный вамъ пійть,
 Не зрадивъ винъ святій любви
 И порываннямъ давнихъ литъ.
 Колысь байдужымы перстамы
 Перегортаючы лыстки,
 Вы спогадаєте и самы
 Свой колышніи гадкы,
 Давно промучени хвылышы
 Рожевыхъ образивъ и мрій....
 Такъ часомъ писни гукъ єдиный
 Зрыває згадокъ цилый рій!...

«Сербські думи» были, по моему мнѣнію, замѣчательнымъ приобрѣтеніемъ украинской литературы. Въ виду того, что изда- ніе это давно сдѣлалось библиографической рѣдкостью, я приведу отрывокъ «Думъ», чтобы можно было хотя отчасти судить какъ самыхъ думахъ, такъ и о стилѣ ихъ перевода:

1. *Дивчина Косовка* (стр. 167).

Рано встала дивчина Косовка,
 Раннимъ ранкомъ у святу недилію,
 У недилію до схидъ сонця встала;
 Засукала рукава биленьки,
 Засукала ажъ до билыхъ локтивъ:
 Билый хлѣбъ несе вона на плечахъ,
 А въ рукахъ двѣ золоти коновкы:
 У одній—холодная водыця,
 У другій—выпо червоне, добре.
 Отъ, иде зъ тымъ на Косове ривне;
 Боёвыщемъ молоденька бродить,
 Боёвыщемъ пречесного князя,
 Розглядає по крови юваківъ;
 Де падыба юнака живого,
 Умыва холодною водою,
 Напува ёго выномъ червонымъ,
 Нагодує потимъ хлѣбомъ билымъ... и т. д.

Повидимому, языкъ перевода вполне соотвѣтствуетъ эпиче- скому народному складу думъ, но критики все же указывали «ковальство»: слова—«боёвыще», «потужный», «судци» (слово чисто народное.).

Нѣсколько времени спустя послѣ изданія «Сербскихъ думъ», М. П. Старицкій пріѣхалъ неожиданно къ намъ на Волынь, въ нашъ тихій городокъ Звягель. Пріѣздъ такого гостя былъ большою радостью для насъ, хозяевъ. Случилось, что мы тогда-же вмѣстѣ съ М. П. прочли въ «Отеч. Запискахъ» повѣсть какого-то новаго, впервые выступавшаго автора, Котелянскаго, подъ загла-

віемъ «Чиншевики». Повѣсть, сюжетъ которой былъ взятъ изъ народнаго быта юго-западнаго края¹⁾, была очень талантливо написана; Михаилу Петровичу и мнѣ она понравилась настолько, что мы рѣшили сейчасъ же перевести её по украински. Михаилъ Петровичъ взялъ половину главъ, другую половину взяла я. Въ нѣскольکو дней,—во всякомъ случаѣ очень скоро,—переводъ былъ готовъ. Мы послали его во Львовъ, для напечатанія въ одномъ сборникѣ, который издавали Франко и Павликъ. Но увы! увидѣло свѣтъ только мое предисловіе о положеніи чиншевого вопроса въ юго-западномъ краѣ (да и это предисловіе принадлежало собственно не мнѣ, такъ какъ написано было со словъ моего мужа,— являясь лишь въ моей, такъ сказать, редакціи. Что же касается до перевода самой повѣсти, то его постигла очень печальная, даже можно сказать, трагическая участь: по словамъ г. Франка, переводъ былъ сожженъ (sic!) австрійскою прокураторіей, воздвигшей гоненіе на нашихъ редакторовъ (за какое-то раньше выпущенное изданіе) и будто бы конфисковавшей всѣ рукописи, какія оказались въ редакціи, въ томъ числѣ и нашъ злополучный, повернувшійся подъ руку переводъ Чиншевикова! Кто могъ этого ожидать, разъ повѣсть была въ подлинникѣ напечатана у насъ въ журналѣ? Непонятное явленіе!...

До сихъ поръ жаль мнѣ этого перевода, сдѣланнаго въ сотрудничествѣ съ М. П. Старицкимъ. Мнѣ кажется, что переводъ прибавилъ бы интересную вещь къ нашей беллетристикѣ. Да что было дѣлать?... «Щось погане перейшло дорогу» этой повѣсти...

Талантливый авторъ «Чиншевикова», Котелянскій, вскорѣ умеръ. Повѣсть его отдѣльно не издавалась; намъ тоже—браться вновь за переводъ «Чиншевикова» уже какъ-то не было охоты...

Время было унылое и вмѣстѣ неспокойное. Къ этому времени относятся нѣкоторыя оригинальныя стихотворенія Михаила Петровича, которыя частью были напечатаны въ Галиціи, частью исчезли куда-то. Помню сюжетъ одного изъ этихъ стихотвореній,

¹⁾ Котелянскій, родомъ еврей, былъ тоже оттуда и, повидимому, хорошо зналъ мѣстную жизнь.

изображавшаго горькое состояніе души несчастнаго борца, отдавшаго свою молодую жизнь, какъ онъ думалъ, для блага народа, и выдающаго, какъ эта самая народная толпа, жадная до зрѣлищъ, бѣжить смотрѣть на позорище, на его гибель. Можетъ быть это стихотвореніе было напечатано,—я этого не знаю, читала его въ рукописи.

Въ 1881 году вышелъ въ Кіевѣ сборникъ стихотвореній Михаила Петровича Старицкаго («Зъ давнёго зшытку. Писни и думы»), гдѣ помѣщены были между прочимъ его переводы съ Байрона, Мицкевича, Сырокомли, Гейпе. Въ томъ-же, 81-мъ, году вышелъ альманахъ Луна, изданный А. Я. Конисскимъ, гдѣ тоже были помѣщены стихотворенія Михаила Петровича Старицкаго и водевилъ «Якъ ковбаса та чарка».

Большое огорченіе ждало М. П. Старицкаго при появленіи рецензій на эти изданія. Критики враждебнаго лагеря осыпали его упрёками въ «дерзости», а также злыми насмѣшками; критики «своего» лагеря говорили сдержаннѣе, но тоже высказывали очень горькія, неприятныя вещи. Вотъ что, между прочимъ, писалъ самъ Костомаровъ, въ Вѣстн. Европы, въ статьѣ «Задачи украинофильства» (рецензія на сборникъ Луна): «Лучше оставить всѣхъ Байроновъ, Мицкевичей etc. въ покоѣ и не прибѣгать къ насильственной ковкѣ словъ и выраженій, которыя народу непонятны, да и самыя произведенія, ради которыхъ они куются, простолюдину непонятны и пока не нужны». («Вѣстникъ Европы», 1882 г. I).

Если такъ говорилъ критикъ *своего* лагеря, любитель украинской литературы и, такъ сказать, товарищъ по перу, самъ нѣкогда писавшій по украински,—то можно себѣ представить, что, и въ какомъ тонѣ, писали критики враждебные!..

Но увѣренія въ «неужности пока» европейскихъ авторовъ для нашего народа не убѣждали Михаила Петровича: въ томъ же 1882-мъ году вышелъ въ Кіевѣ его переводъ—Гамлета Шекспировскаго. Это была дерзость выше мѣры, особенно въ виду предисловія переводчика, въ которомъ онъ говорилъ, что взялъ для перевода именно Гамлета—какъ для того, чтобы дать украинской

литературѣ одно изъ лучшихъ произведешій великаго драматурга, такъ и потому, что желалъ бы способствовать выработкѣ нашего литературнаго языка, которая скорѣе всего можетъ быть достигаема посредствомъ переводовъ лучшихъ образцовъ.

Къ своей задачѣ переводчика Михаилъ Петровичъ отнесся въ высшей степени добросовѣстно: онъ познакомился съ лучшими переводами Гамлета французскими и нѣмецкими; желая достигнуть возможной близости перевода къ подлиннику, онъ подробно проштудировалъ англійскій текстъ (съ помощью г-жи О. П. Цвѣтковской, родомъ англичанки) и провѣрилъ по оригиналу свой переводъ построчно. Переводъ вышелъ очень близкимъ и очень удачнымъ. Въ видѣ образца стиха и стиля этого перевода Михаила Петровича, приведу хотя небольшой отрывокъ, для того, чтобы современный читатель имѣлъ понятіе объ этомъ украинскомъ Гамлетѣ, также сдѣлавшемся давно уже библиографической рѣдкостью. Беру отрывокъ изъ перваго-же дѣйствія, изъ обращенія Гамлета къ тѣни отца:

Крыйте насъ, святы небесни сылы!
 Хтобъ не бувъ ты—духъ благый, чи клятый,
 Чи пахучи повивання зъ неба
 Ты несешъ, чи бури чадни зъ некла,
 Чи зъ благымъ замиромъ, а чи зъ лютымъ,
 Твоя постать такъ прывабно-дывна,
 Що зъ тобою говорыты мушу.—
 Тебе клычу: батьку мій, Гамлете,
 И корѳлю найяснишый данськый!
 Озовыся до мепе, благаю!
 О, не дай въ слипѳти погыбаты! и т. д.

Казалось бы,—ничего достойнаго порицанія и смѣха нѣтъ въ этомъ стилѣ, въ этихъ словахъ, но критики находили поводъ и для порицанія, и для смѣха. Кто-то пустилъ въ ходъ выдумку, что знаменитый монологъ Гамлета ¹⁾, который читается по рус-

1) „To be, or not to be“...

скому тексту «быть, или не быть, вотъ въ чемъ вопросъ»,—у Старицкаго переведенъ будто-бы такъ: «буты, чи не буты, ось въ чимь закавыка». (Помнится, что и Д. Мордовецъ печатно повторилъ эту злую выдумку). Между тѣмъ, въ переводѣ Старицкаго этотъ монологъ начинается такъ:

Жыты, чи не жыты?

Ось въ чимь ричь. Бо щобъ йе благородпишь,—

Чи прыйматы и каминня й стрилы

Одъ лыхой-нависной доли,

Чи повстаты на те море тугы

Й тымъ повстаннямъ покинчыть все разомъ?

Вмерты—спомъ заспуты й бильшь ничего... и. т. д.

Вообще, въ переводѣ Старицкаго не только не было «закавыкъ», а напротивъ очень тонко были переданы даже отбѣнки то рѣчей возвышенныхъ, то нѣжныхъ, то витѣватыхъ, сообразно подлиннику, отбѣнившему этими различіями слога характерность рѣчи различныхъ персонажей. При литературной невыработанности украинскаго языка, весь этотъ трудъ Старицкаго былъ трудомъ огромнымъ и заслуживалъ полного признанія. Въмѣсто того посыпались враждебныя издѣвательства, повторявшіяся, какъ забавныя остроты, и своими...

Михаила Петровича очень раздражало также отношеніе къ его труду, въ который онъ вложилъ такъ много своей души. Въ нашихъ дружескихъ бесѣдахъ онъ зачастую горько сѣтовалъ на долю украинскаго писателя вообще и на свою въ частности...

Въ то время я могла назвать себя товарищемъ его также и въ этомъ отношеніи, такъ какъ въ это же время, въ началѣ 80-хъ годовъ, вышли мои «Переклады зъ Гоголя»¹⁾ и «Украинськимъ дитямъ», гдѣ были переводы Лермонтовскаго Мцыри и другихъ стихотво-

¹⁾ Гдѣ я изложила, въ предисловіи, всѣ свои „ковальскіе“ принципы и взгляды, которыми я хотѣла подѣлиться со всѣми, кто занимается переводами на украинскій языкъ.

реній. Критика приняла мои переводы совершенно такъ, какъ труды Старицкаго: говорила, что Гоголя мнѣ лучше «оставить въ покоѣ», указывала у меня «кованныя» слова,—а этого уже было достаточно для рѣзкаго осужденія! Такія слова какъ «зрадливый», «турботный» и т. п. ставились мнѣ въ тяжкую вину, причемъ критики, съ разгону и по невѣжеству, приписывали моей ковкѣ и слова *народныя*, которыя для критиковъ были новы (напр. «струмокъ», «змарнилый», «збагнуты»). Всё такъ-же, какъ было съ Старицкимъ!.. Даже такъ и устанвилось, что насъ бранили вмѣстѣ: если, печатно или устно, упрекали въ «ковальствѣ» Старицкаго, то почти всегда вспоминали и меня, если же бранили Пчилку, то ужъ непременно приводилось имя наибольшаго «коваля», Старицкаго...

Не скажу, чтобы такое отношеніе критики—окрыляло... Было больно и горько!.. Не разъ являлась, въ минуту отчаянія, мысль:—да ужъ не бросить ли это украинское писательство?.. Богъ съ нимъ!.. Но минута отчаянія проходила и снова оживала вѣра въ дѣло украинской литературы, оживала неубиваемая любовь къ пей...

Да, одинаковость направленія и одинаковость нашей злой участи (по отношенію къ намъ критики) еще больше скрѣпляла нашу дружбу съ Михаиломъ Петровичемъ; мы были настоящими товарищами!..

Зимой 81 и 82-го года мы снова встрѣтились въ Кіевѣ, какъ осѣдлые въ немъ жители: Старицкіе переѣхали на зиму изъ Подольщины въ Кіевъ—по своимъ соображеніямъ, я изъ Волыни для обученія старшихъ дѣтей. Мы видались часто, тѣмъ болѣе, что къ этому времени относятся наши интенсивныя занятія *русско-украинскимъ* словаремъ, затѣяннымъ особо отъ «большаго» словаря, *украинско-русскаго*, надъ которымъ много лицъ (урывками и мы) трудилось въ продолженіе, пожалуй, пѣсколькихъ десятилѣтій. Словарь же русско-малорусскій, какъ подручникъ собственно для переводчиковъ, рѣшено было сдѣлать скоро и не мудрствуя лукаво, при томъ безъ зависимости изданія отъ какихъ бы то ни было академій. Мысль эта, возникшая вообще въ

нашемъ тѣсномъ кружкѣ, очень занимала Михаила Петровича Старицкаго и меня, но особенно энергично взялся за ея осуществленіе М. Ф. Комаровъ, который и вооружилъ себя и насъ всевозможными словарями, источниками и вообще всѣмъ матеріаломъ, при помощи котораго долженъ былъ возникнуть русско-украинскій словарь. Кромѣ насъ, главныхъ участниковъ—Комарова съ женой, Старицкаго и меня,—въ составленіи словаря принимали участіе еще нѣкоторыя лица (Лукьяновъ, Сукачевъ,—не считая случайныхъ участниковъ, ихъ единичныхъ приходовъ). Собирались «словарювать» (какъ мы шути говорили) то у Комаровыхъ, то у Старицкихъ, то у меня. Славныя это были собранія! Хотя у насъ бывали и ожесточенные споры, точно въ ипой академической комиссіи,—но въ общемъ отрадно вспомнить наши занятія, которымъ мы отдавались, можно сказать, всѣмъ сердцемъ. Намъ казалось, что словарь нашъ будетъ служить такую важную службу! (Впослѣдствіи М. Ф. Комаровъ издалъ его приложивши еще много своего единичнаго труда).

Въ то-же время М. П. Старицкій объявилъ объ изданіи имъ большого альманаха «Рада». Опять какъ-то такъ само собою вышло, что я стала помощницей Михаила Петровича въ этомъ дѣлѣ; раньше, лѣтомъ 81 г, мы вдвоемъ подавали прошеніе о разрѣшеніи намъ издавать въ Кіевѣ журналъ «Раду», по получили отвѣтъ, что ходатайство наше не подлежитъ удовлетворенію. На выходъ же альманаха были надежды. Получались рукописи, масса стихотвореній и мелкихъ вещицъ, которыя надо было разобрать и т. д. Михаилъ Петровичъ и я совершенно сходились во мнѣніи, что даже не особенно удачныя вещицы начинающихъ авторовъ слѣдуетъ помѣстить, съ нѣкоторыми нѣизбѣжными поправками. Конечно, были вещи совершенно безнадежныя (въ родѣ одного стихотворенія неизвѣстнаго автора: «Охъ, зацвилю мое сердце снимъ пустоцвитомъ!»); но въ иныхъ вещицахъ, пожалуй, не особенно искусныхъ, какъ первыя пробы, все же была «жыва душа», и потому исключать ихъ было жаль. Поэтому Михаилъ Петровичъ, давая имъ нѣкоторую редакторскую поправку, помѣщалъ ихъ въ сборникъ. «Рада» разрослась до огромныхъ раз-

мѣровъ. Изъ стихотвореній писателей извѣстныхъ вошли въ неё сочиненія Щоголева, Кулиша, Гринченка; капитальными прозаическими померами Рады были «Мыкола Джеря» Нечуя, «Повія Мирного и драма Старицкаго «Не судылось»¹⁾.

Драма «Не судылось» была той самой пьесой, которая прежде называлась «Панське болото» и которой планъ и отдѣльныя сцены были написаны Михаиломъ Петровичемъ давно. Теперь онъ непремѣнно хотѣлъ совсѣмъ отдѣлать драму, такъ какъ, по его мнѣнію, въ сборникѣ должна была быть, кромѣ стиховъ и повѣстей, большая драматическая пьеса. Осенью 81-го года она была готова. Прежде чѣмъ «выпустить изъ рукъ» этотъ многолѣтній лелѣянный трудъ, Михаилъ Петровичъ читалъ её отдѣльно разнымъ лицамъ, которыхъ мнѣніямъ онъ вѣрилъ (Конисскому, Комарову, мнѣ). Пьеса всѣмъ намъ очень нравилась.

Въ это время пріѣхала въ Кіевъ русско-украинская труппа, подъ дирекціей Ашкаренка, съ Кропивницкимъ—на первыхъ роляхъ (тогда онъ могъ играть и удалця Гаркушу, и Стецька, вообще самыя разнообразныя роли). Помнится, А. Я. Конисскій, зпавшій Кропивницкаго еще раньше, когда онъ изъ посредственнаго русскаго актера сдѣлался выдающимся артистомъ украинскимъ, очень хлопоталъ, чтобы «свои» поддержали пріѣхавшую труппу Ашкаренка. Но эти хлопоты оказались даже излишни, такъ какъ талантъ Кропивницкаго былъ сразу замѣченъ, да и вся вообще украинская труппа скоро привлекла къ себѣ симпатіи публики. Спектакли посѣщались очень усердно. Михаилъ Петровичъ Старицкій восхищался игрой Кропивницкаго, ходилъ за кулисы, вообще свелъ съ нимъ, а затѣмъ и съ другими артистами, близкое знакомство. Старицкіе, жившіе вообще очень открыто, оказывали новымъ пріятелямъ-артистамъ самое широкое и самое радушное гостепрїимство.

Видався постоянно съ артистами, Михаилъ Петровичъ, конечно, сообщилъ имъ о своей драмѣ, даже устроилъ, такъ сказать,

¹⁾ Для сцены эта драма впоследствии была разрѣшена подъ заглавіемъ—„Не такъ склалось, якъ жадалось“.

парадное чтеніе своей драмы, въ своей квартирѣ, при многихъ гостяхъ, совѣтовался даже съ артистами относительно постановки ея въ будущемъ на сценѣ.

На гѣто 82-го года артисты уѣхали. Нашя Рада печаталась, но довольно медленно. Михаилъ Петровичъ очень раздражался, что къ осени 82-го года была готова лишь половина листовъ сборника,—въ томъ числѣ и его драма,—остальное же было еще въ печати, такъ какъ матерьяла, разрѣшеннаго цензурой, было очень много и управиться съ нимъ было трудно.

Между тѣмъ, съ наступленіемъ осенняго театральнаго сезона того-же 1882 года наши артисты опять пріѣхали въ Кіевъ, причемъ были встрѣчены такъ-же дружественно своими пріятелями. Какъ вдругъ распространяется слухъ, что Кропивницкій привѣзъ пьесу подъ названіемъ «Доки сонце зійде, роса очи вишеть», что онъ читалъ еѣ нѣкоторымъ, и что пьеса имѣеть такой же сюжетъ, какъ помѣщаемая въ Радѣ драма Старицкаго «Не судылось». М. П. Старицкій, прослушавши драму Кропивницкаго, тоже въ «прилюдномъ» чтеніи, убѣдился въ этомъ и былъ очень огорченъ... Узнавши, что Кропивницкій желаетъ даже скоро поставить свою пьесу на сценѣ, Михаилъ Петровичъ горько шутилъ:—Да, Кроп. можетъ при этомъ назвать свою пьесу—«Доки Старыцькый надрукуе, Кропывныцькый поставыть на сцени»... Это дѣйствительно такъ и вышло: пьеса Кроп. появилась *на сцену* раньше выхода «Рады» изъ типографіи¹⁾.

Но незлобивость Михаила Петровича взяла верхъ и скоро онъ уже говорилъ: Ну, что-жъ! пусть К. ставитъ... пусть будетъ и его пьеса на тотъ же сюжетъ!.. Чорная кошка, пробѣжавшая (по поводу драмы) между Старицкимъ и Кропивницкимъ, не испортила, въ виду такого взгляда, отношеній обоихъ писателей; дружба ихъ продолжалась и въ этомъ сезонѣ (зимой 82 и 83-го года). Кропивницкій и Садовскій жили тогда въ томъ же дворѣ,

¹⁾ Рада съ драмою „Не судылось“ вышла изъ типографіи въ свѣтъ весной 83 года, а драма Кроп. „Доки сонце“ была поставлена мѣсяцемъ или двумя раньше.

гдѣ квартировали Старицкіе, и были ихъ ежедневными гостями. Всѣ трое (Михаилъ Петровичъ и артисты) были уже на «ты», взаимно называли себя побратимами,—однимъ словомъ, дружба была самая тѣсная.

Результатомъ этого единенія, идейнаго и личнаго, было то, что Михаилъ Петровичъ согласился стать антрепренёромъ той же украинской труппы. Для этого онъ, по окончаніи зимняго сезона, ликвидировалъ свои дѣла, продалши имѣніе въ Подольщицѣ, и на осень 83-го года нанялъ въ Одессѣ театр, гдѣ долженъ былъ играть Кропивницкій и др. Кончилось владычество «хозяевъ», антрепренёровъ Ашкаренка, Савина,—теперь должна была быть «братерська спилка».

Но М. П. Старицкаго ждало печальное разочарованіе и не менѣе печальное положеніе: завоевавшій положеніе, пріобрѣвшій извѣстность на югѣ артистъ Кропивницкій покинулъ Старицкаго; ушли также Садовскій и Запьяковецкая. Всѣ они составили отдѣльную труппу подъ руководствомъ Кропивницкаго...

Старицкій остался въ дорогомъ одесскомъ театрѣ, съ остальными артистами, но безъ первыхъ силъ!.. Но возврата назадъ уже не было, иначе пришлось бы нести еще большіе убытки, платить неустойки—и за театръ и остальнымъ артистамъ. Съ большимъ трудомъ замѣщены были ампула оставившихъ—и потянулась для М. П. Старицкаго обычная, тягостная жизнь непрактичныхъ антрепренёровъ. Масса потерь, непріятностей, хлопотъ! Къ этому надо прибавить—безпрерывные переѣзды, неизбѣжную неправильность жизни, всякія случайности; не замедлили явиться для Михаила Петровича и болѣзни,—то воспаленіе легкихъ въ Варшавѣ, то ревматизмъ въ Харьковѣ, особенно опасный для Михаила Петровича, какъ рецидивъ старой болѣзни, навсегда отразившейся у него хроническимъ страданіемъ сердца.

При всѣхъ невгодахъ и хлопотахъ, «антрепренёру» надо было усиленно заботиться также о репертуарѣ. Пьесъ украинскихъ было всё таки мало; прибавились пьесы Кропивницкаго, но, разумѣется, онъ ставилъ ихъ «у себя». Значить, надо было всѣми силами находить другія пьесы. А разрѣшеніе пьесы дра-

матическою цензурою—была такая трудная и, во всякомъ случаѣ, неизбежно медлительная вещь!... Этимъ объясняется усиленное разыскиваніе Михаиломъ Петровичемъ пьесъ, существовавшихъ въ какомъ бы то ни было видѣ. Поставлены были на сценѣ нѣкоторыя очень старыя пьесы, можетъ быть еще никогда не издавшія сцены; онѣ были слабыя, но все же шли теперь, хотя разь-другой... Разнообразіе всё-же занимало публику нѣкоторое время. Не всегда и болѣе новыя пьесы были пригодны для постановки на сценѣ, хотя и были разрѣшены драматической цензурой: онѣ бывали иногда очень не отдѣланы, или казались Михаилу Петровичу несценичными. Что было дѣлать съ ними?

Къ этому-то періоду и относятся многочисленныя передѣлки Михаила Петровича пьесъ, до тѣхъ поръ не играныхъ. Работа эта требовала отъ него въ сущности такого-же труда, какой нуженъ, чтобъ написать оригинальную пьесу: хотя по афишамъ значилось, что пьеса написана Старицкимъ—въ сотрудничествѣ съ другимъ авторомъ, но на самомъ дѣлѣ Михайль Петровичъ работалъ надъ пьесой одинъ, и когда подавалъ рукопись въ цензуру, то отъ прежней композиціи оставалось очень немного,—лишь имя прежняго автора, да общій мотивъ (и тотъ иногда сильно измѣненный). Однако Михайль Петровичъ оставлялъ на афишѣ также имя автора прежняго. Въ такомъ видѣ давались «За двома зайцами»—ком. Старицкаго и Левицкаго, «Круты та не перекрутуй»—Стар. и Мирного, «За друга»—Стар. и Потапенка.

Работа передѣлокъ уже извѣстныхъ сюжетовъ была благодарною: написавши пьесу на общій мотивъ, напр. на извѣстный пѣсенный мотивъ «Ой не ходы Грыцю» (на который была написана также пьеса Александровымъ), или взявши сюжетъ изъ повѣсти, послужившей автору ея также для драмат. пьесы (Ничь видь Ив. Купала), Михайль Петровичъ навлекалъ на себя неприятности: хотя въ пьесахъ его, написанныхъ на общій сюжетъ, не было ни одной сцены похожей на сцены другихъ авторовъ, писавшихъ на тотъ-же сюжетъ, но авторы иногда были недовольны за общность сюжета, или хотя бы мотива,—и за то,

что пьесы Старицкаго шли на сценѣ, а ихъ пьесы не шли... Возникали непріятныя пререкапія.

Есть одна пьеса, сильно подправленная М. П. Старицкимъ, но дававшаяся все-таки подъ именемъ написавшаго её автора, у котораго Михайль Петровичъ и не думалъ отнимать его имени, а только, желая большаго успѣха автору и пьесѣ, сдѣлалъ пьесу, по своему мнѣнію, болѣе сценичною. Авторъ же, имѣя о своей пьесѣ другое мнѣніе, вообще будучи не доволенъ измѣненіемъ ея, настаивалъ, чтобы пьесу давали въ его редакціи,—или не ставили его имени на афишѣ. Пьесу ¹⁾ сняли тогда съ репертуара совсѣмъ... и она для сцены умерла. Трудъ первоначальный автора и трудъ Михаила Петровича оказался напраснымъ.

Но и помимо всякаго рода непріятностей, неизбежно связанныхъ съ литературной работой на общія темы, можно вообще пожалѣть, что судьба столкнула М. П. Старицкаго съ чисто литературной карьеры (имѣвшей свои непріятности, но всё же дававшей возможность болѣе спокойной, зрѣлой работы) на дорогу «антрепренёрства»,—съ его лихорадочной, «скрутной» атмосферой, съ его спѣшкой и необходимостью для антрепренёра-автора ставить на первомъ планѣ интересы сцены, при томъ *своей* сцены, т. е. своихъ главныхъ артистовъ, припоразвливаясь къ ихъ средствамъ и желаніямъ...

Всё это, по моему мнѣнію, отразилось на авторской дѣятельности Михаила Петровича за этотъ періодъ его антрепренёрства: въ пьесахъ этого времени замѣчается спѣшность, неотдѣланность работы, случайность темъ, пестрота сценъ, въ угоду «зрителю» и проч....

Мнѣ кажется, что пьесы Михаила Петровича этого періода вообще значительно уступаютъ написаннымъ раньше и позже его антрепренёрства.

Кочевая жизнь оторвала Старицкихъ отъ Кіева. Съ Михайломъ Петровичемъ мы видались рѣдко, и о многихъ его пьесахъ приходилось узнавать лишь изъ газетъ. Если же онъ и бы-

1) Также разрѣшенную къ представленію и въ передѣлкѣ.

валъ въ Кіевѣ, то лишь проѣздомъ, или вообще на очень короткое время, всегда озабоченный, «засмыканный», куда-то спѣшащій, одолѣваемый телеграммами, письмами, приходившими и сюда изъ безпокойной сферы...

Въ 1893-мъ году Михаиль Петровичъ наконецъ ушелъ отъ антрепризы и поселился снова въ Кіевѣ. Вернулся онъ разстроенный душой и тѣломъ ¹⁾, но жизнь среди семейной обстановки, вообще при лучшихъ условіяхъ жизни въ Кіевѣ, который Михаиль Петровичъ всегда такъ любилъ (казалось, онъ любилъ самый воздухъ кіевскій!), скоро подѣйствовала на него благоприятно. Онъ отдохнулъ отъ прежней суетоки, вернулся къ болѣе спокойной литературной работѣ, къ темамъ, которыя ему нравились сами по себѣ. Теперь онъ занялся своими драмат. сочиненіями, безотносительно къ скорѣйшей постановкѣ ихъ на сценѣ и къ другимъ обстоятельствамъ, связаннымъ съ этимъ.

Но такъ какъ судьба, хотя и бывающая милостивою къ инымъ антрепренерамъ, кромѣ убытковъ ничего не дала Михаилу Петровичу, то приходилось всё-же думать о заработкѣ; литературнымъ трудомъ, который бы могъ дать такой заработокъ, явились романы и повѣсти Михаила Петровича на русскомъ языкѣ, которые онъ помѣщалъ большею частью въ московской, а иногда кіевской газетѣ. Слѣдуетъ отмѣтить, что хотя этимъ своимъ сочиненіямъ, даже романамъ, Михаиль Петровичъ придавалъ гораздо меньшее значеніе, чѣмъ своимъ сочиненіямъ украинскимъ, но относился къ нимъ всё же очень внимательно, всегда тщательно составляя для нихъ планъ, знакомясь съ источниками, относящимися къ тому времени и къ тѣмъ историческимъ лицамъ, которыя онъ бралъ для своего романа. Содержаніе для всѣхъ своихъ романовъ онъ бралъ изъ исторіи Украины. Да, это была всегда—наша прошлая жизнь: времена козачины, гайдамачины; дѣйствующими лицами были всё тѣ же герои «козацкихъ часивъ», козацкой среды... Иногда Михаиль Петровичъ какъ будто не хо-

¹⁾ Онъ пріѣхалъ (съ дочерью Людмилой) изъ Одессы—совершенно больной.

тѣль помнить, что пишеть для русской газеты—и главы романа его пестрѣли множествомъ украинскихъ словъ...

Романы изъ исторіи Украины Михайль Петровичъ писалъ въ сотрудничествѣ своей дочери, Людмилы. Михайль Петровичъ чрезвычайно любилъ её и цѣнилъ ея способности; въ области творчества у нихъ было большое общеніе. Отъ отца Людмила Михайловна унаслѣдовала поэтическій даръ. Михайль Петровичъ былъ этимъ очень счастливъ; помню, съ какимъ наслажденіемъ декламировалъ онъ ея первый большой трудъ,—сразу сдѣлавшій ея имя извѣстнымъ среди молодыхъ нашихъ писателей,—драматическій этюдъ «Сафо».

Да, въ 1890-ые годы вообще опредѣлились наши литературные потомки: въ Кіевѣ подобрался цѣлый кружокъ молодыхъ писателей украинскихъ; кромѣ Людмилы Старицкой, въ немъ были—Михайло Обачный, Самійлепко, Славинскій, Степешко, Тимченко, Леся Украинка и другіе. Устраивались маленькія литературныя собранія, на которыхъ молодые авторы читали свои произведенія,—переводы и оригинальные опыты. М. П. Старицкій, А. Я. Конисскій, я и нѣкоторые другіе представители стараго поколѣнія бывали также на этихъ чтеніяхъ. Нужно сказать правду, что мы къ нимъ и они къ намъ относились съ одинаковымъ уваженіемъ. Они насъ приглашали и мы съ радостью шли къ нимъ. Не смотря на то, что они,—какъ это было вполнѣ естественно,—могли пойти дальше насъ, могли быть и талантливѣе стариковъ, мы не смотрѣли на нихъ, какъ на «соперниковъ», которые, молъ, насъ «пидвѣрнуть пидь когось», а отъ души радовались ихъ успѣхамъ и желали всячески поддержать ихъ.

М. П. Старицкій просто увлекался сочиненіями молодыхъ авторовъ. Вообще слѣдуетъ отмѣтить,—если ужъ зашла рѣчь о возможности «соперничества»,-- что это чувство, вражда къ могущему превзойти тебя товарищу, эта, какъ французы называютъ, *jalousie de métier* (къ сожалѣнію, свойственная многимъ самымъ лучшимъ людямъ, дѣятелямъ всѣхъ сферъ).—это чувство было совершенно чуждо М. П. Старицкому. Я никогда не видѣла, чтобы кто-нибудь такъ сердечно относился именно къ лю-

дямъ одного съ нимъ дѣла, какъ Михайль Петровичъ! Каждому,—старому, или начинающему писателю нашему,—онъ радовался, готовъ былъ всячески придти на помощь его начинаніямъ, удѣляя ему свое время, совѣтъ,—все, что могъ.

Поэтому, легко представить себѣ, что и къ появившемуся кружку нашихъ молодыхъ писателей Михайль Петровичъ отнёсъ съ большимъ вниманіемъ и любовью. Онъ восторгался ихъ стихами, пропагандировалъ ихъ, читая другимъ, какъ бы хвалясь ими, у себя и на вечеринкахъ; однимъ словомъ, былъ по отношенію къ начинающимъ писателямъ-преемникамъ искреннимъ другомъ.

При этомъ Михайль Петровичъ справедливо говорилъ (безъ торечи, напротивъ, съ ограднымъ чувствомъ):—Отжежъ такы, дожны мы, що есть у насъ наслідныкы,—справа паша не пропала!—Пожалуй, Михайль Петровичъ могъ не только радоваться, но даже въ извѣстномъ смыслѣ торжествовать, указывая на сочиненія «дѣтей»: тѣ принципы, которые онъ проводилъ въ литературѣ, за которые столько терній и «ганьбы» упало на его голову, были совершенно приняты новыми литераторами: они переводили Данте, Гейне, В. Гюго, Аду Негри, Надсона,—и уже никто изъ своихъ людей не говорилъ имъ, что такіе авторы «пока не нужны» нашему народу; они брали не одинъ только народный нѣсенный складъ стиха, а употребляли разнообразныя его формы: гекзаметръ, сонетъ, *gondo*, давая иногда куплету самое изысканное расположеніе; знаменитое «ковальство» совершенно перестало быть пугаломъ и пріобрѣло въ сочиненіяхъ молодыхъ писателей широкое право гражданства.

— «Посмотрите,—говорилъ мнѣ бывало Михайль Петровичъ,—всѣ наши слова, за которыя насъ такъ ругали, теперь вошли въ употребленіе: вотъ—*мрія*, *темрява*, *сутинь*, *прывабный*, *знадливый*, и т. д. и т. д.! И—ничего... А новые писатели даже не думаютъ, что эти слова были когда-то проклятые, «кованые»... Дѣ, имъ, молодымъ, лучше теперь,—стежка протерта... Ну, и слава Богу!»!

А молодые съ трудомъ вѣрили, когда имъ передавали исторію въкоторыхъ словъ: такъ напр., удивлялись, почему же пельзя было-бы сказать—«байдужый», «байдужисть»? Приходилось давать имъ «историческую» справку о томъ, какъ Костомаровъ писалъ, что сковать и употреблять слово «байдужисть» всё равно что говорить по-русски—«всѣнипочемность»... Молодые писатели пожимали плечами...

Tempora mutantur!

Принятіе молодыми писателями принциповъ, которымъ служилъ Михаилъ Петровичъ, реабилитировало его, очищало его имя отъ старыхъ упрековъ,—по крайней мѣрѣ, въ кругу сочувствующихъ дѣлу украинской литературы.

Забывались «гапєбныя» слова «ковальство», «коваль»; укрѣплялось сознаніе большихъ литературныхъ заслугъ Михаила Петровича.

Вспомнили, что трудится Михаилъ Петровичъ давно—и въ 1894-мъ году устроили его тридцатилѣтній юбилей. Этотъ юбилей былъ отпразднованъ въ тѣсномъ товарищескомъ кругу,—б. м. черезчуръ тѣсномъ: рѣшено было отпраздновать юбилей исключительно въ кругу товарищей, слѣдовательно безъ участія дамъ ¹⁾. Я не знаю, почему именно къ этому празднику, тридцатилѣтнюю литературную дѣятельности Михаила Петровича, приложенъ былъ архаическій принципъ Запорожской Сѣчи... М. б. это—вышло случайно, но многія давнія знакомыя Мих. Петровича, много лѣтъ уважавшія его, были очень огорчены, лишившись возможности принять участіе въ чествованіи уважаемаго дѣятеля; въ особенно-же неприятномъ положеніи, очутилась—я, такъ какъ, зная о времени юбилея Михаила Петровича, но не зная о слишкомъ частномъ характерѣ устройства его, я собственно для юбилея Мих. Петровича и пріѣхала въ Кієвъ!... Пожалуй, благодаря личному заявленію Михаила Петровича, я могла бы попасть на его юбилей, но добиваться исключенія только для себя было-бы не-кстати

¹⁾ Гостьями были только дамы изъ семьи юбиляра,—его жена и дочери.

и неловко по отношенію къ другимъ дамамъ,—и я осталась въ квартирѣ Старицкихъ, у которыхъ остановилась. Мое личное поздравленіе Михаила Петровича въ день его «свята» было во всякомъ случаѣ принесено.

Поздно возвратились Старицкіе. Они всё были очень довольны вечеромъ, оживленно рассказывали о сердечномъ, дружескомъ характерѣ юбилея. На пальцѣ Михаила Петровича сіялъ брильянтовый перстень, поднесенный ему на память отъ друзей. Свѣтло сіяли также глаза Михаила Петровича.—онъ былъ очень счастливъ въ этотъ вечеръ!

Какъ я сказала, отдохнувшей душой погрузился Михаилъ Петровичъ снова въ свои задушевные работы, для которыхъ онъ постоянно удѣлялъ время отъ занятій, дававшихъ ему заработокъ. Около этого времени и въ слѣдующіе годы были имъ написаны такія выдающіяся вещи, какъ Зимовый вечеръ, Въ темряви, Таланъ, Маруся Богуславка, Осада Буши, Легенда, Останція ничь, Чаривный сонъ, Кресть жизни и много стихотвореній, переводныхъ и оригинальныхъ.

Кромѣ писательства, Михаилъ Петровичъ выступаетъ во 2-ой половинѣ 90-хъ годовъ еще въ одной сферѣ дѣятельности,—какъ ревностный членъ «Кіевского литературно-артистическаго общества» (гдѣ Михаилъ Петровичъ скоро сдѣлался членомъ правленія и членомъ почетнымъ). Въ 1890-ые годы въ общество это вступило довольно много нашихъ членовъ и, благодаря вообще интенсивной дѣятельности общества въ это время, явилась возможность устраивать также и наши украинскіе вечера. Мы устраивали роковины Шевченка, юбилейные вечера ¹⁾,—цѣликомъ украинскіе,—а также старались къ программѣ вечеровъ въ честь русскихъ и иностранныхъ писателей прибавлять номера украинскіе, въ видѣ переводовъ стихотвореній и текстовъ къ музыкѣ. Много писалось, переводилось нарочно для этихъ вечеровъ. М. П. Старицкій тоже далъ для этихъ вечеровъ немало стихотвореній, участвуя также и въ качествѣ чтеца. Декламаторъ онъ былъ пре-

¹⁾ Стороженка, Котляревскаго, Кропивницкаго и др.

восходный и всегда имѣлъ на эстрадѣ очень большой успѣхъ у публики. Читалъ онъ какъ свои стихотворенія, такъ и чужія, — Шевченка, Кулиша, Леси Украинки и др. Своимъ чтеніемъ Мих. Петровичъ умѣлъ придавать двойную прелесть стихамъ!

Желая въ области искусства отдавать должное высокому таланту, Михаилъ Петровичъ участвовалъ также въ юбилейныхъ вечерахъ Пушкина и Мицкевича.

За Мицкевича намъ съ Мих. П.—чемъ пришлось даже въ извѣстномъ смыслѣ «пострадать», такъ какъ нѣкоторые наши галицкіе литераторы очень разсердились на меня и М. П.—ча за устройство юбилейнаго вечера Мицкевича въ Кіевск. литературно-артистич. Обществѣ. Мы же рѣшили, что поступали правильно, заботясь о юбилеѣ Мицкевича: прежде всего, положеніе поляковъ въ Галиціи и у насъ—совершенно различно; кромѣ того, такой огромный талантъ, какъ Мицкевича, должно ставить выше партійныхъ соображеній, тѣмъ болѣе, что въ своей писательской дѣятельности М.—чь былъ «рыцаремъ безъ страха и упрека»: наконецъ, слѣдуетъ же руководствоваться и тѣмъ принципомъ, что тотъ, кто любитъ свое родное слово, долженъ уважать и чужое.

Возвращаясь къ Михаилу Петровичу. Если въ 90-ые годы слава его, какъ достойнаго дѣятеля украинской литературы, укрьпилась и возросла въ кругу старыхъ и молодыхъ товарищей, если извѣстность его возросла также и въ публикѣ, то это все-таки не исключало, конечно, возможности нападковъ на него въ лагерѣ, враждебномъ вообще украинской литературѣ. Травля продолжалась упорно и злобно, причиняя Михаилу Петровичу большое огорченіе. Повторялось все то-же, включительно до пресловутой «закавыкы» (несмотря на то, что Михаилъ Петровичъ помѣстилъ, наконецъ, замѣтку-справку, съ цитатой изъ его Гамлета, доказывавшей, что «закавыка» есть наглое измышленіе). Нападки продолжались. Оставалось лишь вооружиться спокойствіемъ и терпѣніемъ.

Но появилось такое обвиненіе, котораго стерпѣть Мих. П.—чь уже не могъ: его обвиняли въ похищеніи чужихъ пьесъ, при утайкѣ имени ихъ авторовъ, и даже просто въ плутовствѣ,

подтасовкѣ каталоговъ и другихъ документовъ, съ цѣлью полученія неслѣдовавшаго ему гонорара. Мих. Петровичъ рѣшилъ тогда, что ему остается обратиться въ судъ.

Кіевскому окружному суду не отказались дать свои письменныя и личныя показанія многія лица, знавшія близко писательскую дѣятельность М. П.—ча. Главный интересъ всѣхъ свидѣтельскихъ показаній вращался около піесы М. П. Старицкаго «Не судилось» (по сценѣ—«Не такъ склалось, якъ жадалось»), такъ какъ газетная клевета указывала на нее, какъ на заимствованную у г. Кропивницкаго. На судѣ выяснилось, что никоимъ образомъ нельзя заподозрить Старицкаго въ заимствованіи у Кропивницкаго, уже по одному тому, что его піеса была извѣстна въ рукописи далеко раньше появленія піесы Кропивницкаго¹⁾.

Дѣло это, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, въ концѣ концовъ разсмотрѣно было Сенатомъ, котерый нашель всѣ измышленія инкриминированной замѣтки—клеветою, умысленными навістами, порочащими честь Старицкаго.

Послѣ рѣшенія Сената и передачи имъ дѣла въ харьковскую судебную палату, оно кончилось—миромъ: авторъ за мѣтки *отказался* отъ тѣхъ обидныхъ для Старицкаго положеній, которыя въ ней были высказаны (пункты отказа были напечатаны въ газетахъ); Старицкій такую мировую подписалъ, такъ какъ для него главное было не въ какой-либо «карѣ», а именно лишь въ томъ, чтобы снять съ своего имени тѣнь, брошенную рецензентомъ.

Это и было достигнуто. Разъ рецензентъ взялъ назадъ то, что Старицкій считалъ обиднымъ для своей чести, то это было.

¹⁾ Равнымъ образомъ, нѣтъ никакихъ основаній предполагать и обратное заимствованіе, т. к. изученіе обѣихъ піесъ ясно показываетъ, что разработка сюжетовъ у авторовъ совершенно самостоятельна: самый-же сюжетъ настолько распространенъ въ жизни, что оба автора, независимо другъ отъ друга, могли избрать его темой для своихъ драмъ. *Ред.*

пожалуй, даже болѣе важно, чѣмъ выигрышь дѣла еще въ одной судебной инстанціи. Замѣчательно, что послѣ мировой — у Мих. Петровича, дѣйствительно, исчезло даже враждебное чувство къ своему бывшему противнику, вовлеченному, какъ думаль теперь Мих. Петровичъ, въ заблужденіе другими лицами.

Такимъ образомъ, благополучно окончилось это дѣло, стоившее Мих. Петровичу такъ много волненій. А здоровье Мих. Петровича было не въ такомъ состояніи, чтобы онъ могъ легко переносить волненія: сердечная болѣзнь сдѣлала большіе успѣхи за послѣдніе годы: сердцебиенія, вообще неправильности пульса, а затѣмъ сильное ослабленіе, продолжительное лежаніе — совсѣмъ одолгъвали М. Петровича.

Такъ какъ волненіе, неизбежное при выступленіи на эстрадѣ, было очень вредно для Мих. Петровича, то онъ въ послѣдніе годы пересталъ выступать передъ публикой на вечерахъ литер.-аргистич. Общества. Послѣдній разъ читалъ онъ публично въ Кіевѣ, на моемъ юбилеѣ, въ литературномъ отдѣленіи. М. Петровичъ прочелъ цѣлый мой рассказъ «Била кыцька». Читая вещь прозаическую, и при томъ сидя, онъ могъ чувствовать себя спокойнѣе; впрочемъ, могло быть и то, что, рѣшивши выступить съ этимъ чтеніемъ несмотря на нездоровье, Мих. Петровичъ приносилъ нѣкоторую жертву, ради того, что хотѣлъ «попановать» стараго товарища.

Это чтеніе было послѣднимъ въ Кіевѣ, а вообще послѣдній разъ въ жизни М. П. Старицкій читалъ публично на торжествѣ открытія памятника Котляревскаго въ Полтавѣ: въ театрѣ, въ литературномъ отдѣленіи торжественнаго утра въ честь Котляревскаго. Мих. Петровичъ прочиталъ большой отрывокъ изъ Энеиды (сборы и посѣщеніе Энеемъ, вмѣстѣ съ «товариществомъ», цари Латина) и нѣсколько своихъ прекрасныхъ, идейныхъ стихотвореній. Публика самое появленіе и чтеніе Мих. Петровича принимала восторженно.

Никто не думалъ, видя подбодрившагося, такъ свѣтло настроеннаго Михаила Петровича, «что это было въ послѣдній разъ»!..

Что касается до литературной работы, то Мих. Петровичъ не переставалъ заниматься ею, несмотря на свой недугъ, и въ послѣдніе годы: какъ только его «отпускало», онъ сейчасъ-же принимался за писанье; часто писалъ лёжа, карандашомъ, но все-таки писалъ.—при чемъ сила его воображенія была удивительна: онъ по прежнему могъ создавать цѣлыя сложныя картины и яркіе образы. Въ послѣдній годъ его жизни написалъ имъ новый романъ и большая историческая поэма изъ временъ казаччины; написалъ текстъ либретто для полной оперы «Утоплена» и переведена пьеса Роза Бернть (Гауптмана); написаны также новыя лирическія стихотворенія. Въ этотъ же «послѣдній» годъ М. Петровичъ собралъ и пересмотрѣлъ, всѣ свои прежнія стихотворенія, печатавшіяся особо въ его сборникахъ, или въ журналахъ и альманахахъ; съ добавкою новыхъ, и даже самыхъ послѣднихъ, составила большая книжка, совершенно готовая теперь для изданія: подавать ее въ цензуру и выпускать въ свѣтъ М. Петровичъ предоставилъ другому лицу, купившему у него право изданія.

Пересматривая матеріалы для этого полнаго собранія своихъ стихотвореній, М. Петровичъ говорилъ:—да, да, пора приготовляться въ «далеку дорогу»!..

Въ послѣднее лѣто, проведенное въ кіевской Дарницѣ, въ ея прекрасномъ бору, мысль М. Петровича, повидимому, часто отрѣпалась уже отъ міра сего, погружаясь на лонѣ природы въ слишкомъ спокойное созерцаніе ея величія, въ какое то надземное единеніе и съ нею и съ тѣми силами, которыхъ постоянно искалъ мысленный взоръ. Выраженіемъ такого состоянія души и мысли служитъ слѣдующее прекрасное стихотвореніе М. Петровича, написанное послѣднимъ лѣтомъ, тамъ же въ Дарницѣ, въ ея бору:

Якъ урочи́сто тутъ, замовкь вельчичный бяръ,
Неначе храмъ по молитовнымъ спиви;
Въ вечерню мду появсь ёго сумный убиръ,
У помергы таемно-полохлыви...

И тихо, тихо скризь... Задумани стоять,
 Мовь велетни часивь баечныхъ, хвои,
 У лавы ривно скризь шыкована ихъ рать,
 Готова стать до боротьбы лыхои.—
 Такъ, лементу не чуть, кативь людськыхъ нема,
 А лагода ласкаво віе всюды...
 Смолыстхъ нахоцивь кадыло тутъ пройма
 Знеможени, натруженіи груди...
 И впала смерть—не смерть, безчумый сонъ—не сонъ,
 А забуття злетило до истоты;
 Але у тыши тій не згукы похороць,
 Не стогоны безрадной скорботы,—
 А чуется яснишь велька таиша...
 Якыйсь чудовый спивъ у безвисти луна...
 Бажається збагнуть, обнять неосяжнѣ,
 Проглянуты въ конечне счастья мыра...
 И щось могутнее охоплюе мене,
 И на души у Правду стыгне вира!

Дарницкій боръ, смолистое вѣянiе котораго считали такимъ полезнымъ для затрудненнаго дыханiя Михайла Петровича, дѣйствительно, поправилъ въ значительной мѣрѣ его здоровье. Онъ смогъ даже предпринять въ августѣ прошлаго года поѣздку въ Полтаву, на открытіе памятника Котляревскому.

Дочь Михайла Петровича, Людмила, хотя очень желала «повезты Тата» на это торжество, но опасалась, какъ бы эта поѣздка не была ему вредна, какъ бы самыя торжества не слишкомъ утомили его. Однако оказалось, что путь къ такой интересной цѣли и самыя торжества ничуть не утомили, а, наоборотъ, поднявши духъ, приобщивши Михайла Петровича снова къ «житейскому волненію», какъ-будто укрѣпили и тѣло его. Бодрый и веселый встрѣтился Михайль Петровичъ въ Полтавѣ съ многочисленными прiятелями и товарищами, прiѣхавшими со всѣхъ сторонъ на праздникъ; онъ принялъ даже участіе въ хлопотахъ одного изъ

устроителей торжества, Н. А. Дмитриева, — ѣздил хлопотать, по поводу известнаго «чтенія прївѣтствій», къ городскому головѣ и еще къ кому-то, наконецъ принялъ и личное участіе въ программѣ торжествъ, о которомъ я уже говорила.

Живо вспоминается мнѣ величественная фигура Михаила Петровича, какъ онъ, еще въ первое утро торжествъ, выдѣляясь изъ многочисленной толпы, стоялъ у самаго помоста, гдѣ происходило молебствіе, по окончаніи котораго упалъ покровъ и появился ярко облитый свѣтомъ памятникъ нашего «батъка», нашего славнаго земляка Котляревскаго! Для одной этой минуты стоило прїѣхать... Михаилъ Петровичъ сіялъ, глядя на памятникъ, въ лице поэта.

Сама родная земля полтавская какъ будто оживляла Михаила Петровича и въ слѣдующіе дни. Онъ точно помолодѣлъ: ѣздилъ, ходилъ по Полтавѣ, полной воспоминаній... Радовала его также встрѣча съ родными (съ семьей Булюбашъ, у которой онъ прожилъ «полтавскіе дни», съ Старицкими, — къ одному изъ нихъ Михаилъ Петровичъ отправился съ дочерью Людмилой погостить въ миргородскій уѣздъ).

На томъ портретѣ, гдѣ М. П. снялся въ Полтавѣ въ группѣ съ молодыми писателями (именно по просьбѣ ихъ, такъ какъ въ этомъ была особая идея), хорошо запечатлѣлось то веселое, свѣтлое настроеніе, въ которомъ былъ Михаилъ Петровичъ, живя въ Полтавѣ.

Хорошее состояніе здоровья Михаила Петровича продолжалось нѣкоторое время и по возвращеніи въ Кіевъ. Но осень съ ея непогодами и зима — снова уложили Михаила Петровича въ постель. Болѣзнь проявилась опять; «отпустивши» на время, давши прожить «просвиту годыну», она какъ бы съ тѣмъ большею силою вступила въ свои жестокія права. А тутъ еще случилась тяжелая болѣзнь жены Михаила Петровича; онъ очень тревожился, огорчался — и разболѣлся въ конецъ. На другомъ праздникѣ нашемъ, юбилеѣ Лисенка и нашей пѣсни, Михаилъ Петровичъ уже не могъ присутствовать, — онъ лежалъ тяжело боль-

ной; на товарищескомъ ужинѣ, послѣ юбилейнаго представленія «Ряздв. ночи», мы заочно пили за здоровье автора ея текста!..

Къ веспѣ стало совѣтъ худо. Михаилъ Петровичъ почти не вставалъ съ своего дивана. Сердечные припадки, боли, бессонныя ночи одолѣвали его. А сознание было полное, творческая мысль работала, хотя и провидя скорый конецъ...

Вотъ послѣднее стихотвореніе, которое онъ еще самъ далъ переписать съ листочка, написаннаго карандашемъ: оно уже обвѣяно смертными грѣзами... Ему видятся умерщія—мать и др.

Не спытсѣ... Зновъ чорніи думы
 Обсилы, мовъ галычъ, мене;
 Зновъ постать блида середъ стумы
 Сонъ зъ вій моихъ млявхъ жеце...
 Та постать немовъ-бы знаѣма,
 Зрынае изъ мрійной млы:
 Въ облыччи и смутокъ, и втома
 Тяжкымы знакамы ляглы...

Я чую поржавлени струны
 Щось давне, забуте брелять.
 Стари одчынѣются трупы
 И мергвыхъ здѣймається рать.
 Ихъ образы вѣются коломъ
 Надъ лижкомъ, надъ темнымъ столомъ...
 И чується въ тыши покволомъ
 Немовъ похороинный псаломъ:
 «Безчасне жытейськее море,
 Негодь вопо повне та бурь,
 Якъ мыра незважене горе...
 Не журь ёго, цеце, не журь!
 Багато довидався випъ муки,
 Напився докирлывхъ слизь...
 Пора-жь и зложыть ёму руки:
 Свій тягаръ уже випъ довизь...
 Поглянь—ёго серце холодне,
 Спышытыся може що-мыть...
 Прыймы-жь свого сына на лоно

И будемъ Владыку молить:
 Пробачь, Хрысте-Боже, рабови
 И вильни й невилни выны,
 Та зъ ласкы, зъ святои любви,
 Прыимы у осели ясни;
 Впокій ёго душу у счастья
 Нового зъ святымы буття,
 Де нѣсть ни страждаць, ни напасты,
 А есть безконечне жыття!»

Зновъ тыша, и стума, и мука...

Заснуты—пѣякъ не засну...

А сердце такъ болисно стуча,

Немовъ забываютъ труну...

Скорбнымъ предвидѣніямъ суждено было скоро сбыться...

Однако, къ Свѣтлому празднику Михаилъ Петровичъ какъ бы заставилъ себя встать. Когда на самый Великдень, на первый день, мы съ мужемъ пошли провѣдать Старицкихъ, то застали Михаила Петровича въ столовой, съ гостями (былъ Н. В. Лисенко и три сестры—урожденныя Оконоръ). Это и былъ послѣдній разъ, что я видѣла Михаила Петровича на ногахъ. Онъ казался страшно похудавшимъ, но былъ довольно бодръ, имѣлъ праздничный видъ. Онъ цѣлый вечеръ сидѣлъ съ нами, много говорилъ о событіяхъ войны, которыя его очень занимали, и о разныхъ другихъ вещахъ, даже шутить. Дочь Людмила разливала чай: Михаилъ Петровичъ нѣкоторое время любовался ею, потомъ вдругъ сказать—«славна дытына!» и, взявши, поцѣловалъ ея руку.

Прощаясь съ нами, Михаилъ Петровичъ просилъ меня удѣлить на праздникахъ время и придти прочитатъ съ нимъ его переводъ пьесы Гауптмана (Роза Берптъ), который онъ сдѣлалъ передъ праздниками.

Но читать намъ больше не пришлось... На другой же день повторился съ Михаиломъ Петровичемъ такой ужасный сердечный припадокъ съ продолжительнымъ обморокомъ,—что всѣ послѣдующіе дни были только искусственнымъ продолженіемъ жи-

зни, при посредствѣ экстренныхъ медицинскихъ мѣръ... Пульсъ, дыханіе были совсѣмъ плохи.

Лишь сознаніе оставалось,—сознаніе близкой смерти: скорбно-спокойно говорилъ Михаилъ Петровичъ жепѣ и дѣтямъ:—«Да, это была послѣдняя отерочка... Вырыскиванія, лекарства, какъ это все далеко отошло!.. Наступаетъ параличъ сердца»...

И сердце, дѣйствительно, перестало биться: въ то же утро, 14-го апрѣля, Михаилъ Петровичъ скончался. Печальная вѣсть распространилась; друзья собрались въ домѣ на панихиду. Невыразимо скорбное чувство испытывали мы, глядя на эти закрывшіеся глаза и навѣки сомкнувшіеся уста! Не хотѣлось вѣрить, что дорогой другъ уже не отъ нашего міра: онъ лежалъ въ гробу какъ-бы не пораженный смертью,—спокойный, торжественно-величавый, съ просвѣтлённой улыбкой; казалось, что онъ лишь уснулъ и ему грезится что-то лучшее, свѣтлое... Только ужасное смертное ложе,—покрытое вѣнками, сіявшими своею страшною красотою, повитою траурными лентами съ печальными привѣтами,—говорило, что другъ нашъ спитъ сномъ, отъ котораго нѣтъ пробужденія...

На другой день тяжелая крышка гроба закрылась и мы провели его въ церковь Благовѣщенія, а оттуда на Байкову гору, гдѣ и опустили Михаила Петровича въ могилу, на новомъ кладбищѣ, близъ церкви. Съ могильнаго мѣста видѣтъ Кіевъ.

Похороны Михаила Петровича были величавы. Гробъ все время несла молодежь на рукахъ. Впереди подвигался катафалкъ, весь покрытый вѣнками; развѣвались ихъ ленты: «коханому Татови и другови», «Одъ украинськихъ писателівъ», «отъ Литерат. Общества», «одъ Кіевскои Старини», «одъ студентивъ-украинцивъ», «одъ артистивъ» и т. д. и т. д. нѣсколько десятковъ вѣнковъ. Иные вѣнки къ похоронамъ не посіѣли (изъ заграничя, изъ Черноморіи),—они будутъ положены, когда будетъ вполне устроена могила.

Огромная толпа провожала гробъ до могилы. У этой раскритой могилы сказаны были людьми старыми и молодыми теплыя рѣчи.

Мнѣ кажется, что лучшими словами были тѣ, которыя, послѣ отиѣванія, неожиданно раздались еще въ церкви, — они исчерпывали все: отецъ Михаилъ Вишневецкій, священникъ церкви Благовѣщенія, сказалъ надъ гробомъ Михаила Петровича Старицкаго: — «Исторія дастъ судъ надъ всѣми дѣлами его, судъ истинный. Онъ любилъ родную, любилъ родное слово, страдалъ за это, но любилъ; этимъ словомъ онъ будилъ самыя святыя, добрыя чувства въ ближнихъ своихъ».

Это составляетъ сущность того, что можно сказать надъ гробомъ М. П. Старицкаго. Слово отца Михаила произвело большое впечатлѣніе на толпу присутствовавшихъ.

Да, родное слово Михаилъ Петровичъ любилъ горячею, вѣрною любовью — отъ молодыхъ лѣтъ, когда онъ слагалъ этимъ словомъ первыя свои пѣсни, и до послѣднихъ дней жизни, когда, уже слабѣющей рукой, продолжалъ чертить слова всё той же дорогой рѣчи, сливавшейся въ его душѣ съ самыми дорогими образами.

Литературное наслѣдіе, оставленное Михаиломъ Петровичемъ въ этомъ дорогомъ ему украинскомъ словѣ, очень велико и разнообразно. Не считая настоящей моментъ подходящимъ для подробнаго критическаго разбора сочиненій Михаила Петровича, укажу лишь на главнѣйшіе мотивы, проникавшіе его творчество, и на тѣ размѣры, которые приняло у него изображеніе украинской жизни.

Основнымъ мотивомъ, одухотворявшимъ наилучшія сочиненія Михаила Петровича, была патріотическая идея; для ея воплощенія находилъ онъ темы какъ въ прошлой, такъ и въ настоящей жизни родины; формами же выраженія этой идеи были и мелкое стихотвореніе, и обширное прозаическое произведеніе. Влеченію выражать эту идею подчинялись какъ оригинальныя сочиненія М. П — ча, такъ и его выборъ многихъ переводовъ.

Не загромождая указанія на этотъ мотивъ творчества Михаила Петровича отрывочными цитатами, хотя бы и прекрасныхъ мѣстъ изъ его стихотвореній и драмат. произведеній, изъ которыхъ можно было бы взять не мало яркихъ мѣстъ, монологовъ

и пр.,—я, для цѣльности впечатлѣнія, приведу полностью хотя одно стихотвореніе, блестящее конкретнымъ, импозантнымъ образомъ героини-патріотки, блестящее также и формою,—можно сказать, мастерскимъ стихомъ:

Дочка Гебала.

Якъ що доля велить полягты за свій край
 Въ несподивану ранню могылу,
 Ты, мій батьку святой, серце скорбне втрымай:
 Смерть моя дасть одвагу и силу!
 Въ нетремтучій руди поведы мене самъ
 На майданъ, до кативъ, до сокыры,
 И безъ жалю, безъ слизъ, похылюся я тамъ.
 Зъ серцемъ повнымъ надій та выры:
 Що одужа народъ, не знесе бильгъ ярма
 И розправить патружени груди,
 Що на ридній земли зныкне, щезне питьма,
 Сонце правды засяе повсюды:
 И на вильныхъ поляхъ, въ ныву власну ратай
 Кыне зерна добирного жыта,
 И красуня дочка той збере урожай,
 Не даючи напасныку мыта.
 Васъ, дибровы, гаи, у одежи рясній
 Не побачу я въ счасну годину,
 Але кривый народъ, въ свой думци яспій,
 Помыяне и мою домовыну...
 Задавы-жъ, батьку мій, ту слёзу на очахъ,
 За край ридный прыймы мою плату:
 Подывысь,—я самá, знеповажывши страхъ,
 Смило йду зъ яснымъ окомъ на страту!

Герои и героини, одушевленные горячей идеей патріотизма, являются также во многихъ драмат. пьесахъ Михаила Петровича; изъ этихъ пьесъ въ особенности отличаются Богданъ Хмельницкій, Маруся Богуславка, Осада Буни, какъ бы и написанныя соб-

ственно для проведенія идеи горячей любви къ родинѣ и безза-
вѣтнаго служенія ея благу, какихъ бы жертвъ ни требовало
это служеніе.

Отсюда является понятнымъ то обстоятельство, о которомъ
я упоминала вскользь, что и въ передѣлкѣ полу-фантастическаго,
полубытового сюжета, въ текстѣ музыкальной комедіи «Ризд-
ничъ», Старицкій изъ безразличной къ высокой идеѣ патріотизма,
легендарно-комической фигуры характерника Пацока (по Гого-
левскому сюжету лишь глотающаго вареники) дѣлаетъ убѣжден-
наго патріота, скорбящаго, горячо негодующаго на то, что въ
поколѣніи, смѣнившемъ запорожцевъ, угасаетъ вѣрность преж-
нимъ патріотическимъ традиціямъ.

Принципъ вообще вѣрности развѣ воспринятой высокой идеѣ
послужилъ Старицкому мотивомъ для слѣдующаго прекраснаго
стихотворенія:

Потайни ученюкы.

„Всякая вина простится, вина-же
противъ Духа Свята не простится
во вѣки“.

Мы тамъ были... Ёго розпьялы,

А мы дывылыся здали,

Та обережно, знай, мовчали

И въ глыбни души ховали

Свои незважени жалі.

До насъ прысикалысь словами:

«Повыпно, й вы тій-жь руки,—

Адже-жь были ёго друзямы?»

Мы видцуралыся клятьбамы,—

И пивень крыкнувъ здалекі.

Воны замучылы Мессію...

Усе простывъ винъ ворогамъ:

Винъ душоубу, лыходію

Въ раю зустрітысь давъ надію...

Та чи простывъ-же винъ друзямы?

Идея народничества, — любви къ родному темному люду, — одушевлявшая нашего автора, отразилась во многихъ его стихотвореніяхъ; она же руководила имъ при созданіи многихъ симпатичныхъ типовъ и картинъ изъ жизни народной, явившихся въ его драматическихъ произведеніяхъ. Среди типовъ народныхъ Старицкій выводитъ въ своихъ пьесахъ не только людей обыденной жизни, но ищетъ выдающихся представителей, одушевленныхъ идеей гражданскаго служенія той средѣ, которой они принадлежатъ (таковы, наприм., рѣзко очерченный Старицкимъ Юрко Довбушъ и герой пьесы «У темряви»).

Вообще идея человѣчности, «святое чувство» гуманнаго отношенія къ близкимъ людямъ вошла даже въ самую первую драматическую пробу М. П. Старицкаго (Черноморци), передѣлку сюжета Кухаренка: въ то время, какъ въ пьесѣ Кухаренка ¹⁾ герой женится на несчастной брошенной имъ дѣвушкѣ только благодаря тому, что его обманули въ пьяномъ видѣ, при чемъ онъ принялъ её за другую, моложе и красивѣе ея, — у Старицкаго старый козакъ *сознательно* возвращается къ прежней своей милій, изъ-за проснушагося совѣстливаго чувства къ преданной ему женщинѣ, съ которой онъ собирался поступить несправедливо.

Не ограничиваясь сферою жизни народной, Старицкій вводитъ въ свои произведенія типы изъ сферы интеллигентной. Въ этомъ отношеніи уже первая его оригинальная пьеса „Не судылось“ („Не такъ склалось“) открывала цѣлую новую эпоху въ украинской драматической литературѣ, такъ какъ въ пьесѣ этой, на ряду съ типами народными, — тоже съ новыми, своеобразными ихъ отбѣнками, — выведены были типы „панскаго гнѣзда“, съ его какъ старыми, такъ и самыми передовыми представителями; переплетеніе отношеній всѣхъ этихъ дѣйствующихъ лицъ пьесы дало интереснѣйшую картину, необыкновенно художественно отдѣланную авторомъ.

Пьесы Старицкаго „Таланъ“, „Крестъ жизни“ написаны уже исключительно изъ жизни интеллигенціи, самыхъ разнообразныхъ круговъ ея, — артистическаго, дѣловаго, свѣтскаго и т. д.

¹⁾ Черноморскій побѣтъ.

Такимъ образомъ, пьесами Старицкаго наша драма была рѣшительно выведена изъ стараго, тѣснаго круга этнографическаго, съ его полуанекдотическимъ характеромъ темъ.

Въ самой *техникѣ* построения драмы Старицкій является авторомъ очень умѣлымъ: пьесы его отличаются интереснымъ развитіемъ дѣйствія, разнообразіемъ сцещъ, а также большой живостью діалога,—кромѣ его характерности.

Говоря о формѣ, должно признать, что не менѣе искуснымъ техникомъ является Старицкій и какъ поэтъ-стихотворецъ. Онъ является въ своихъ стихотвореніяхъ вообще хорошимъ стилистомъ, свободно владѣющимъ при томъ самымъ разнообразнымъ стихомъ.

Въ частности, въ *техникѣ* слова, мы видѣли, каково было участіе Старицкаго въ этой области литературной работы: въ дѣлѣ созиданія литературнаго украинскаго языка онъ сдѣлалъ *огромный вкладъ*; теперь уже совершенно излишне было бы „оправдывать“ Старицкаго за его смѣлое новаторство,—напротивъ, теперь можно считать признанною его великую *заслугу* въ этой области.

Молодые ораторы, украинскіе писатели, говорившіе надъ гробомъ Михаила Петровича, называли его своимъ учителемъ. Да, онъ былъ ихъ учителемъ, онъ указывалъ новые пути и содержаніемъ, и формою того, что написано имъ за долгіе годы его неуклонной литературной дѣятельности. Въ молодости Михаилъ Петровичъ, какъ писатель *украинскій*, опередилъ свое время и за расширеніе вообще рамокъ нашей литературы былъ иногда неодобряемъ даже своими, но за то новое поколѣніе поняло эту роль *идущаго впереди* и дало Михаилу Петровичу почетное названіе—учителя.

Вотъ кого мы потеряли въ Михаилѣ Петровичѣ Старицкомъ! Жаль, невыразимо жаль, что жестокая болѣзнь, развившаяся вслѣдствіе многихъ неблагоприятныхъ условій, перервала эту дорогую жизнь, которая могла бы еще долго не только радовать всѣхъ близкихъ, но и служить на великое благо родинѣ.

Но если ужъ суждено было этой жизни прекратиться, то пусть близкіе и почитатели покойнаго поэта найдутъ свѣтлую долю утѣшенія въ томъ, что человекъ сдѣлавшій такъ много—не

умираетъ совсѣмъ,—продолжая жить въ своемъ дѣлѣ и въ благодарной памяти оставшихся. Когда углубишься во всю духовную дѣятельность Михаила Петровича, то какъ будто физически чувствуешь, что живъ духъ его среди насъ!

И хочется сказать, глядя на портретъ его, не безнадежное „прощай“ для вѣчной разлуки, а живое „спасыби“ за всё сдѣланное впродолженіе цѣлой жизни для дорогой Украины, за всё то, что съ успѣхами ея свяжетъ на вѣки имя Михаила Петровича Старицкаго.

О. Пчила.

Кіевъ, 25 апрѣля 1904 г.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Письмо митрополита кievскаго Варлаама Ясинскаго къ Петру I о переяславско́мъ епископствѣ. „Царю царствующихъ и господарю государствующихъ Богу въ Троицѣ святой славимому и поклоняемому буди честь, слава, поклоненіе и благодареніе. Яко изъ древле чрезъ многія войны въ Малой Росіи разоренное и запустѣлое епископство Переяславское, нынѣ за благополучныя благочестивѣйшія вашего царскаго пресвѣтлаго величества державы, по милостивому вашему монаршескому государскому указу, ко помощи престолу близъ сущему Митрополити Кіевскія и моей немощной старости, есть отновлено; о чемъ я, недостойный богомолецъ, чрезъ многое время въ немощи моей старческой, многократно вашему царскому пресвѣтлому величеству, молитвеннымъ моимъ дерзахъ стужати челобитьемъ; по небесномъ же премилосердномъ царю и вашему царскому пресвѣтлому величеству благодарствую всепокорственню я немощный престарѣлый богомолецъ, за толикое милосердіе, яко по вашему премилостивому монаршескому изволенію, и на немощь мою старческую призрѣнію, изъявленномъ грамотнѣ благословительномъ отъ святаго и блаженнаго памяти архинастыря нашего великаго господина Киръ Адриана, архіепископа московскаго и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха; при многоиздивительномъ богоугодномъ попеченіи и ктиторствѣ вашего царскаго пресвѣтлаго величества, войскъ запорожскихъ обонхъ сторонъ Дяѣира Гетмана и славнаго чина святаго апостола Андрея кавалера благочестиваго Іоанна Степановича Мазепы. Поставлень есть здѣ въ епископа Переяславскаго не инъ кто развѣ ближній мой въ духу святомъ сынъ и постриженецъ, вѣдый немощь мою старческую и обыкльй мнѣ

помоществовати, яко́ же и могій обновленіе того переяславскаго престола тицаніемъ своимъ воздвигнути, боголюбивый игумень монастыря Святомихайловскаго Золотоверховаго Кіевскаго, Захарій Корниловичъ. То убо егда и самъ готовляшеся путемъ симъ зпнимъ шествовати къ царствующему великому граду Москвѣ воздаянія ради благодарствія достодолжнаго вашему царскому пресвѣтлому величеству за толикое благодѣяніе и моленія ради о утвержденіи крѣпостію монаршескою того постановленія его на то Переяславское епископство, обновляемое ко помощи митрополіи Кіевскія и моей дозѣла изнемогающей крайней старости ко пособствованію: и се отъ вашего царского пресвѣтлаго величества премногомощная грамота, писанная въ нынѣшнемъ 1701 году генваря 3 дня подана есть недостоинству моему того-жъ мѣсяца дня 15; въ ней же написано предостойнѣйшій монаршескій милостивый вашего царскаго пресвѣтлаго величества указъ; новопоставленному сему епископу переяславскому Захарію, якожь и отъ Черняговскія епархіи новгородскому архимандриту Димитрію, писателю житіи святыхъ книгъ церкви святой благопотребныхъ, еще недоконченыхъ, приѣзжати ко Москвѣ ради избранія въ Сибирскія митрополиты. Сицевому многочисленному вашего царского величества монаршескому указу, всемиренно повинуюся, отпущано ко престолу благодати вашего царского пресвѣтлаго величества съ препокорственнѣйшимъ поклоненіемъ и челобитьемъ сего новопоставленнаго епископа Захарію, молитвуя, да сподобится пріяти монаршескую милость и благодать обрящетъ во благовременную помощь; а въ помощь двойственную и ко обновленію того Переяславскаго епископства по многостолѣтномъ запустеніи и ко пособствованію моей крайней старости кончащейся, да возвращенъ будетъ всякъ по милосердномъ вашего царского пресвѣтлаго величества прирѣшію для той двогубой зѣло нужной потребности и обновленія ради епископства и обветшалой ради моей митрополитанской старости; о семъ всепокорственно старческимъ моимъ слезнымъ моленіемъ челоь бью; дерзая же прилагати моленіе и о писателю книгъ житіи святыхъ новгородцкомъ архимандритѣ Димитріи, яко и того здѣ возвращеніе на докончаніе тѣхъ книгъ церкви святой многополезныхъ зѣло есть благопотребно, съ повторяемымъ стократнымъ моимъ челобитьемъ подъ монаршескія вашего царского пресвѣтлаго величества стоны препокорственно припадаю. Писася въ отчествѣ вашего царскаго пресвѣтлаго величества въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, при церкви престольной митрополитанской святыя Софіи Пре-

мудрости Божія, въ лѣто отъ Рождества Христова 1701, мѣсяца генваря 29. Вашего царского пресвѣтлаго величества премилостивѣйшаго нашего великаго государя всегдашній богомолецъ вижайшій рабъ и подножіе недостойный митрополитъ кievскій Варлаамъ старецъ¹⁾.

Къ исторіи оспопрививанія въ Малороссіи. Печатаемый документъ найденъ въ г. Глуховѣ, черниговской губ., П. Я. Литвиновой на базарѣ, гдѣ въ него была завернута какая-то мелкая покупка. Очевидно, онъ попалъ къ торговкѣ изъ дѣлъ, проданныхъ какимъ-нибудь учрежденіемъ. Конецъ документа пропалъ, но и въ томъ видѣ, какъ документъ доставленъ редакціи—онъ представляетъ несомнѣнный бытовой интересъ. Оспопрививаніе въ Россіи завоевывало себѣ мѣсто, какъ извѣстно, чрезвычайно туго. Правительству приходилось нерѣдко приобѣгать даже къ насильственнымъ мѣрамъ, прежде чѣмъ населеніе сознало пользу оспопрививанія. Печатаемый нами документъ содержитъ въ себѣ одну изъ мѣръ, которыми правительство пользовалось при введеніи оспопрививанія—объясненіе пользы его съ церковной кафедры при посредствѣ духовенства.

„1812 года Генваря 2 дня. По Указу Его Императорскаго Величества учрежденный въ городѣ Глуховѣ о прививаніи оспы Комитетъ слушалъ присланные въ оный при предписаніи Господина Черниговскаго Гражданскаго Губернатора въ копіяхъ записку, Высочайше одобренную въ 3-й день Маія прошлаго 1811 года, и предписаніе господина министра полиціи 25 тогожь Маія къ господину губернатору постѣдовавшее, въ которомъ между прочимъ предположено: 1-е, поелику поясненіе пользы народу отъ прививанія коровьей оспы происходящей возложено было еще въ 1804 году на духовенство, что и донынѣ исполняется, то о семъ излишне и вновь повторить, вмѣня въ особую обязанность пастирямъ духовнымъ, дабы они всемѣрно старались преклонять прихожанъ своихъ къ принятію сего спасительнаго средства, сравнивали въ приличныхъ и убѣдительныхъ выраженіяхъ дѣйствіе оспы натуральной съ оспою коровьею. Злу первой противу полагали благодѣянія второй, и даже подъ опасеніемъ гнѣва Божія впе-

¹⁾ Москов. Арх. Мин. Юст. Дѣло Кіевскаго Повытѣя, кн. 39, лл. 83 - 84.

ряли бы имъ мысль, что неупотреблять истинныхъ извѣстныхъ уже предохранительныхъ и цѣлебныхъ пособій въ свою или ближнихъ своихъ пользу, по одному предразсудку, упрямству или небреженію, значить отягощать совѣсть свою тяжкимъ преступленіемъ, сопряженнымъ нерѣдко съ самимъ челоуѣкоубійствомъ.—Къ вѣщему же достиженію въ ономъ успѣха со стороны духовенства и въ томъ наипаче разсужденіи, что примѣръ часто болѣе дѣйствуетъ на убѣжденіе челоуѣка, нежели и самое благоразумное увѣщаніе, небезполезно учредить чтобъ тѣ дѣти, а особливо по деревнямъ, укоихъ привита была коровья оспа, по совершенномъ выздоровленіи приводимы были въ праздникъ или воскресный день, смотря поудобности мѣстнаго разстоянія и въ самую хорошую лѣтнюю погоду, въ церковь для слушанія Божественной литургии, конхъ и ставить въ переды на особомъ, отъ священника имъ назначенномъ мѣстѣ. Обязанность священника присемъ случаѣ должна состоять въ томъ, чтобъ онъ по окончаніи Богослуженія, для подражанія другимъ и для увѣренія въ безопасности и пользѣ прививанія коровьей оспы, объявлялъ имена выздоровѣвшихъ, равно упоминалъ бы, со свойственнымъ пастирю духовному увѣщаніемъ, и отъхъ конъ (ежели гдѣ къ несчастію случится) потеряли небреженію своему семеннаго челоуѣка отъ натуральной оспы. 2-е. Комитетамъ же поставить въ непремѣнную обязанность приведенія въ извѣстность повсемѣстнаго въ каждой губерніи числа малолѣтнихъ дѣтей, у конхъ не было еще оспы, и веденіе имъ правильного щета, попеченіе, чтобы вездѣ знающими людьми прививаема была всѣмъ дѣтямъ безъ изыятія коровья оспа, снабденіе прививателей свѣжею оспенною матеріею, и самоудобнѣйшими для сего дѣла инструментами, и наставленіе отъ медицинскихъ чиновниковъ желающимъ научиться основательному прививанію. 3-е. Возложивъ посему на комитеты о распространеніи повсюду прививанія коровьей оспы и предостави благоразумію и усердію къ общему добру членовъ ихъ, предписано употреблять на сей конецъ всевозможныя по мѣстному усмотрѣнію средства, и принимать дѣятельнѣйшія мѣры, для свидѣнія же правительства о успѣхѣ всеобщаго прививанія постановить такъ же правиломъ, чтобъ Губернскіе Комитеты, получая полугодовыя вѣдомости изъ Комитетовъ уѣздныхъ, по присланному образцу,...

На этомъ мѣстѣ рукопись оторвана.

Сообщила П. Я. Литвинова.

Опытъ составленія топографическаго описанія Кіевскаго намѣстничества въ концѣ XVIII в. Въ концѣ XVIII в. императрица Екатерина II поручила нѣкому бригадиру Соймонову составить лично для нея топографическое описаніе всѣхъ намѣстничествъ. Нуждаясь въ матеріалахъ для подобныхъ описавій, Соймоновъ обратился за содѣйствіемъ къ генераль-губернаторамъ, а эти послѣдніе—къ подчиненнымъ имъ свѣтскимъ и духовнымъ властямъ. Ниже мы помѣщаемъ два письма Румянцева и м. Самуила (Миславскаго), какими они обмѣнялись по этому поводу.

Письмо Румянцева къ м. Самуилу: „Преосвященный Господинъ-Святѣйшаго Правительствующаго Синода членъ, архіепископъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій, Мой Милостивый Архипастыр! Ея Императорское Величество высочайше указать соизволила господину бригадиру Соймонову сочинить для собственнаго Ея употребленія топографическое описаніе каждаго намѣстничества порознь, всемплостивѣйше позволяя ему, если о которомъ онъ достаточнаго свѣдѣнія имѣть не будетъ, изтребовать оное отъ генераль-губернаторовъ; и вслѣдствіе того сочинилъ онъ нѣкоторые запросы, кои при письмѣ ко мнѣ сообщили съ тѣмъ, что, какъ собраніе таковыхъ извѣстій по многочисленности предметовъ, въ оныхъ заключающихся, требуетъ довольно времени,—то просилъ о скорѣйшемъ доставленіи на первый случай хотя тѣхъ, кои безъ дальнѣйшихъ справокъ я имѣть могу, ибо въ полученіи оныхъ крайняя надобность теперь настоитъ, оставляя увѣдомленіе о прочихъ на предъдущее время. И потому господамъ губернаторамъ здѣшнихъ губерній препоручилъ возложить собраніе сихъ извѣстій, по усмотрѣнію ихъ, на нѣкоторыхъ изъ членовъ присудственныхъ мѣстъ или на обывателей, ученіемъ или упражненіемъ въ таковыхъ дѣлахъ знаніе приобрѣтшихъ, съ тѣмъ, чтобы прилежнѣйше они стараніе въ самоскорѣйшемъ того произведеніи въ дѣйствіе употребили; а всѣмъ городovýmъ магистратамъ, земскимъ исправникамъ и городничимъ и до кого сіе принадлежать можетъ, предписать, дабы они въ поданіи надобныхъ извѣстій пособствовали; а землемѣры, кои всѣ чинъ положенія своего уѣзда знать должны, тоже съ своей стороны надобными описаніями пособствовали. И какъ во многихъ пунктахъ могутъ быть потребны объясненія и отъ духовныхъ правленій, то чтобы и со стороны тѣхъ тоже благоволено, покорно прошу вашего преосвященства онымъ въ наствѣ вашей находящимся предписать, для

чего и копию плана сего топографическаго описанія отъ помянутаго господина Соймонова присланнаго при семь сообщаю¹⁾. Пребывающій съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ вашего преосвященства покорнѣйшій слуга Румянцевъ-Задунайскій.

1884 года, 3 апрѣля. Вишеньки²⁾.

Митр. Самуилъ выразилъ полную готовность помочь этому доброму начинанію, о чемъ ясно свидѣтельствуеть его *отвѣтъ Румянцеву*: «Высокосіятеельнѣйшій графъ, генераль-фельдмаршалъ, милостивый государь! По содержанію всепочтеннѣйшаго вашего сіятельства письма относительно къ собранію извѣстій, для сочиненія топографическаго описанія потребныхъ, имѣю честь донести, что какъ монастырскимъ настоятелямъ, такъ и духовнымъ правленіямъ изъ консисторій указами предписано, дабы они доставленіемъ таковыхъ свѣдѣній, кому слѣдуетъ, всемѣрно и безъ всякаго отлагательства споспѣшествовали.

Въ прочемъ съ моимъ къ вашего сіятельства особѣ высокопочтеніемъ, искреннѣйшею преданностію и молитвами пребуду и есмь вашего сіятельства“...³⁾

1784 года, апрѣля 15 дня. Кіевъ.

В. Д—скій.

О приглашеніи на службу въ Грузію чиновниковъ изъ Малороссіи. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1818 г. намѣстникъ Кавказа, извѣстный генераль А. Ермоловъ, обратился къ малороссійскому генераль-губернатору князю Репнину съ просьбою содѣйствовать ему въ приглашеніи чиновниковъ на службу въ Грузію. «Верховнаго грузинскаго правительства казенная экспедиція, имѣя большой недостатокъ въ чиновникахъ, которые могли бы съ желаемымъ успѣхомъ по части счетной и губернскаго казначей мѣста бухгалтера и столоначальниковъ, просить содѣйствія моего на счетъ приглашенія ихъ изъ російскихъ губерній. Уважая здѣсь существенную нужду въ сихъ людяхъ, и при томъ, не надѣясь, чтобы по общему вызову правительства можно было когда либо имѣть здѣсь хорошихъ людей въ достаточномъ количествѣ, такъ какъ доселѣ сколько ни являлось ихъ изъ разныхъ губерній, всѣ они были или совершенно неспособные къ

¹⁾ Къ сожалѣнію, самаго этого плана намъ не удалось найти

²⁾ Арх. Кіев. Дух. Конс. 1784 г. № 759.

³⁾ *ibid* (копія)

статскимъ дѣламъ, или дурного поведенія, а здѣшнее начальство, не смотря на крайній въ нихъ недостатокъ, принуждено было многихъ выслать обратно въ Россію; сіе обстоятельство вынуждаетъ меня безпокоить ваше сіятельство покорнѣйшею моею просьбою принять на себя трудъ, сколько для пользы службы, а не менѣе и въ особенное мнѣ одолженіе приказать склонить къ отъѣзду сюда на службу, по крайней мѣрѣ, отъ пяти до шести человѣкъ, если нельзя болѣе, изъ чиновниковъ, служащихъ въ черниговской и полтавской казенныхъ палатахъ, но такихъ, кои бы здѣсь могли быть употреблены съ пользою. Я не сомнѣваюсь, чтобы въ губерніяхъ сихъ, давно уже образованныхъ, нельзя было найти столько людей, хотя молодыхъ, но при похвальномъ поведеніи общающихся хорошіе успѣхи. Каждый изъ согласившихся сюда отправиться можетъ, при самомъ отправленіи, на основаніи существующаго постановленія получить слѣдующій чинъ, прогоны и впередъ за треть годовое жалованье. Сіе послѣднее назначается здѣсь бухгалтеру или столоначальнику по 350 р., а помощникамъ ихъ по 200 р. серебромъ, сверхъ того, по способностямъ и усердію могутъ надѣяться и другихъ отличныхъ награжденій, а временемъ занятія высшихъ мѣстъ.

Для лучшаго убѣжденія хорошихъ людей къ поѣздкѣ сюда, не излишнимъ считаю присовокупить, что описанія многихъ въ разсужденіи климата и другихъ неудобствъ не должны ихъ останавливать потому, что всѣ слухи, которые выходятъ въ публику о невыгодахъ здѣшняго края, есть совершенно ложные и распускаются одними и тѣми же людьми, которые отсюда, по негодности ихъ, высланы обратно въ Россію. Въ разсужденіе содержанія не будутъ они также имѣть никакого неудобства, потому что жизненные припасы здѣсь несравненно дешевле многихъ російскихъ губерній, не говоря уже о столицахъ; а жалованье, выдаваемое имъ серебромъ, достаточно даже и для семейнаго человѣка, поелику за серебряный рубль даютъ мѣдныхъ три, а асигнаціями, которыя въ совершенномъ уже употребленіи, по четыре рубля и болѣе. Сверхъ того, всякій чиновникъ, служащій здѣсь, имѣетъ по отводу обывательскую квартиру безъ платы за постой денегъ. Зная давно правила вашего сіятельства и постоянное желаніе быть всегда полезнымъ службѣ и отечеству, я совершенно увѣренъ, что вы, милостивый государь, не откажете принять въ дѣлѣ семь живѣйшаго участія, по крайней мѣрѣ изъ уваженія къ краю, сколько благословенному по климату своему, столько же бѣдному хорошими

чиновниками. Въ заключеніе сего, я долгомъ поставляю покорнѣйше просить ваше с-во, если кто изъ таковыхъ чиновниковъ изъявитъ желаніе ѣхать сюда, то приказать немедленно ихъ отправить въ Тифлисъ, выдавъ каждому на счетъ здѣшней казенной экспедиціи прогонныя по чину деньги и третное жалованье, разсчитывая оное на серебро, какъ значить выше: бухгалтеру или столоначальнику изъ 350 р., а помощникамъ ихъ 200 рублеваго въ годъ оклада, и объ успѣхахъ по сему предмету не оставьте меня вашимъ увѣдомленіемъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Алексѣй Ермоловъ.

Кн. Репнинъ исполнилъ желаніе Ермолова и оповѣстилъ всѣ подвѣдомственныя ему учрежденія съ приглашеніемъ отправиться въ Грузію. Нашлось 23 человекъ, которые и были отправлены въ Грузію на условіяхъ, о которыхъ сказано въ письмѣ Ермолова.

Нѣсколько позже Ермоловъ вошелъ съ ходатайствомъ къ министру юстиціи Д. И. Лобанову-Ростовскому о разрѣшеніи въ законодательномъ порядкѣ всѣмъ уволеннымъ изъ духовныхъ училищъ ученикамъ, если они пожелаютъ ѣхать на службу въ Грузію, выдавать, сверхъ прогонныхъ денегъ, одновременно отъ 200 р. до 300 р. ассигнаціями. Эти недоучившіеся юноши должны были поступать въ качествѣ канцелярскихъ служителей. Ходатайство было уважено, о чемъ и послѣдовалъ указъ сената 1 марта 1820 года. (Архивъ полт. губ. правленія, по описи № 113, 1818 года).

И. Ф. Павловскій.

Ходатайство о бѣдной вдовѣ Василевской, родственницѣ св. Θεодосія Угличскаго. Черниговскій прокуроръ Георгій Бажановъ обратился въ 1818 г. съ слѣдующимъ письмомъ къ малороссійскому генераль-губернатору князю Н. Г. Репину:

«Бѣдная вдова, надворная совѣтница Василевская на восьмомъ десяткѣ лѣтъ своихъ, борясь съ немощами и нищетою, прибѣгаетъ къ вашему с-ству съ нижайшею просьбою объ исходатайствованіи ей отъ щедротъ монаршихъ маленькаго подаенія за долговременную службу мужа ея. Будучи здѣшнимъ уроженцемъ, я помню еще въ малолѣтствѣ, что домъ Василевскихъ былъ нѣкогда изъ лучшихъ и добрые хозяева въ нихъ отличались ласками и гостепримствомъ. Но, по времени, игра судьбы разными несчастными стеченіями и пожарами все

въ немъ истребила и оставила хозяйку въ глубокой старости, на болѣзненномъ одрѣ. умирать съ голоду. Смерть ей тѣмъ страшнѣе, что она имѣла маленькіе долги и боится умирать съ непокойною совѣстью, ибо она совершенная христіанка, а сверхъ того и ближайшая родственница покойному черниговскому архіерею Θεодосію Углицкому коего мощи здѣсь въ Борисоглѣбской церкви почиваютъ. Изобразивъ передъ вашимъ сіятельствомъ въ короткихъ словахъ горестное положеніе безпомощной женщины, я не стану уже утруждать просьбами за ея, увѣренъ будучи несомнѣнно, что она найдетъ наилучшаго ходатая въ собственномъ вашемъ сердцѣ.

Съ глубочайшимъ высокопочитаньемъ и душевною преданностью вѣчно пребуду вашего сія-ва всенижайшій слуга Георгій Бажановъ.

Декабрь 21, 1818 г. Черниговъ.

На этомъ письмѣ, на верху, такая помята: «При первой поѣздкѣ въ Черниговъ, взять съ собою и припомнить князю, котораго мысль, чтобы сдѣлать для Василевской подписку». (Арх. полт. губ. правленія 1818 г. по описи № 157, л. 336).

И. Ф. Павловскій.

Матеріалы для исторіи Кіевской Духовной Академіи (1800—1802 г.)¹⁾. Великому Господину, Высокопреосвященнѣйшему Гавріилу, Митрополиту Кіевскому и Галицкому и Кіево-Печерскія Лавры Священно-Архимандриту Академическаго Правленія Докладъ.

Указомъ Его Императорскаго Величества изъ Кіевской Духовной Дикастеріи сего августа 22 въ сіе Правленіе насланнымъ, по резолюціи Вашего Высокопреосвященства между прочимъ велѣно: „на мѣсто отправленнаго въ Новороссійскую семинарію низшаго класса грамматики учителя соборнаго іеромонаха Іоанникія представить Вашему Высокопреосвященству на утверженіе кандидата“. Къ исполненію чего Академическое Правленіе приступая, а притомъ разсуждая 1-е, что въ высшемъ краснорѣчій учителя не имѣется; ибо по утвержденію Вашимъ Высокопреосвященствомъ сего года іюня 1 дня сего Правленія докладу, высшее краснорѣчіе до окончанія только года препоручено латинской и россійской риторикіи учителю Никитѣ Соко-

¹⁾ См. Кіев. Стар. № 4, отд. II, стр. 6—13.

ловскому; которое онъ, оставаясь при риторикѣ преподавалъ, но по важности сихъ обоихъ классовъ нужно опредѣлить порознь учителей и 2-е, классъ географическій и историческій, въ разсужденіи обширности своей, какъ преподавать одному учителю съ окончаніемъ ежегодно курса не совмѣстно, такъ и для учащихся проходить оный обременительно; равно и ариѳметическій классъ ради облегченія памяти юныхъ и лучшаго утвержденія нужнымъ почитается распространить, и оба оные классы такъ, какъ и математическіе къ латинскимъ классамъ привязать, съ тѣмъ чтобы учителя ординарные ради лучшаго и исправнѣйшаго упражненія своихъ учениковъ по онымъ классамъ постепенно руководствовали легчайшимъ и способнѣйшимъ порядкомъ, и ученики бы съ окончаніемъ классовъ выходили свѣдущими въ сихъ предметахъ (не возбраняя притомъ и студентамъ высшихъ классовъ, если кто или ради повторенія или, и вновь начавъ, возымѣетъ надобность онымъ предметамъ обучаться); ежели же изъ ординарныхъ учителей кто на первый нынѣ случай окажется не свѣдущимъ въ сихъ знаніяхъ: то на мѣсто его препоручить оные экстраординарному. 3-е, ради изученія исправному при службѣ Божіей пѣнію (о чемъ и въ указѣ Св. Синода упомянуто) не безнужно открыть классъ нотнаго пѣнія. И 4-е, наконецъ, что при семъ распоряженіи слѣдуетъ поручить должности учительскія и прибывшимъ изъ московскаго университета студентамъ Михаилу Пиннячевскому и Даніилу Домонтову, полагаетъ мнѣніе:

I.

Быть учителями: 1) Священной богословіи Кіево-Братскаго училищнаго монастыря архимандриту Иринею. 2) Философіи—префекту Академіи соборному іеромонаху Іакинѳу. 3) Высшаго краснорѣчія и высшаго французскаго класса—Никитѣ Соколовскому. 4) Еврейскаго и нижняго нѣмецкаго—Григорію Шехновскому. 5) Латинской и російской риторики, также домашней и сельской экономіи—Дмитрію Ивановичу. 6) Поэзіи и высшаго класса чистой математики—Михаилу Пиннячевскому. 7) Высшаго грамматическаго класса и высшаго греческаго класса—іерею Стефану Семяновскому. 8) Средняго класса грамматики, средняго ариѳметики и втораго географіи—іеродіакону Серафиму. 9) Нижняго класса грамматики, нижняго греческаго, нижняго ариѳметическаго и перваго географическаго—Каллистрату Соколовскому. 10) Смѣшенной математики—іерею Трофиму Ляшкову. 11) Высшаго нѣмецкаго—Самуилу Храпканову. 12) Нижняго класса чистой ма-

тематики и рисовальнаго искусства—Тимоѣю Максимовскому. 13) Польскаго языка и третьяго класса географіи и высшаго ариѳметики—Игнату Главцкому. 14) Нижняго французскаго и четвертаго географическаго—Даніилу Домантову. 15) Нотнаго пѣнія—Георгію Барановичу.

II.

Географію раздѣлить на четыре класса, ариѳметику на три, чистую математику по прежнему на два, изъ которыхъ математики классъ второй двухгодичнымъ долженъ оканчиваться курсомъ, такъ какъ приспособленный къ классу риторики, что обстоятельнѣе видѣть можно въ учиненномъ о семъ особомъ росписаніи.

III.

Нотнаго пѣнія классъ вновь открыть и быть три раза въ недѣлю во вторникъ, четвертокъ и субботу въ 6 часу пополудни, которое время прежде было назначено ради Академическаго собранія.

IV.

Какъ въ духовныхъ Академіяхъ проходящіе учительскія должности, а паче по ординарнымъ классамъ, непременно должны изучиться и священной богословіи, о чемъ и въ спискахъ ежегодно въ Святѣйшій Синодъ посылаемыхъ отмѣчается; изъ отправленныхъ же было въ университетъ студентовъ для ученія Даніилъ Домантовъ только окончилъ классъ философіи, для чего ему Домантову и вступить въ классъ Богословіи, но между тѣмъ быть ему и экстраординарнымъ учителемъ. Что все, а равно и учиненное о порядкѣ времени и жалованьѣ учителямъ особое росписаніе, Академическое правленіе, представляя на благоусмотрѣніе Вашему Высокопреосвященству, ожидаетъ на то Архипастырской резолюціи. Вашего Высокопреосвященства нижайшіе послушники: Академіи ректоръ, Кіево-Николаевскій архимандритъ Теофилактъ, Кіево-Братскаго училищнаго монастыря архимандритъ и богословіи учитель Иринеѣ. Академіи префектъ учитель философіи соборный іеромонахъ Іакинфъ.

1800 года августа 31 дня.

На семь докладѣ резолюціи митрополита Гавріила послѣдовала такая: „Быть по сему. Причемъ утверждаетъ здѣсь приложенное порядка преподаванія ученіе и опредѣленное жалованья росписаніе.

Росписаніе въ дополненіе сдѣланнаго 1799 г. росписанія: 1) въ какіе часы каждаго дня и какимъ наукамъ обучаться; 2) въ географическомъ съ исторією и математическихъ классахъ чему именно въ якомъ обучаться; 3) какихъ классовъ ученикамъ какимъ другимъ наукамъ и языкамъ обучаться; 4) сколько кому въ годъ жалованья. Учено 1800 г. августа 31 дня.

I.

Въ какіе часы именно каждаго дня и какимъ обучать наукамъ.

Въ понедѣльникъ, среду и пятокъ.

По утру—въ 8 и 9 часу французскому языку въ обоихъ классахъ, въ 10 и 11 Латинскимъ классамъ, кромѣ высшаго краснорѣчія. По полудни—во 2 часу ариметикѣ, чистой и смѣшенной математикѣ во всѣхъ классахъ, въ 3 часу еврейскому языку и польскому и рисовальному искусству, въ 4 и 5 часу нѣмецкому языку въ обоихъ классахъ.

Во вторникъ и четвертокъ.

По утру въ 8 и 9 часу греческому языку въ обоихъ классахъ въ 10 и 11 латинскимъ классамъ кромѣ высшаго краснорѣчія. По полудни во 2 часу всѣмъ географическимъ классамъ, въ 3 и 4 высшему краснорѣчию, въ 5—сельской и домашней экономіи, въ 6—нотному пѣнію.

Въ субботу.

Въ 10 и 11 часу быть собранію, въ прочіе жъ часы такъ, какъ во вторникъ.

II.

Въ географическомъ съ исторією классахъ чему именно обучать:

Въ первомъ классѣ:

Преподавать введеніе въ географію какъ то: названіе географіи, положеніе земли, названіе круговъ, раздѣленіе земли на ея части, раздѣленіе частей по государствамъ, познаніе океана, горъ, озеръ и главнѣйшихъ рѣкъ и раздѣленіе познанія предѣловъ Россійскаго государства, пространства, морей, горъ, озеръ и рѣкъ и раздѣленіе онаго по губерніямъ.

Познаніе объ исторіи вообще, о раздѣленіи времени по періодамъ, или эпохамъ, библейскую исторію вообще; какое государство съ котораго началось времени, кто его основатель или первый государь и родословное исчисленіе російскихъ государей.

Во второмъ классѣ:

Преподавать главное раздѣленіе всѣхъ государствъ, какъ то по провинціямъ или округамъ; какая въ нихъ господствующая и какая терпимая вѣра; какой столичный городъ и въ немъ число жителей, какъ титулуютъ государя, сколько во всемъ государствѣ жителей и воинской силы, какія горы, рѣки и озера,—познаніе о качествахъ земли и произведеніяхъ російскаго государства и раздѣленіе по уѣздамъ.

Первую часть всемірной исторіи, то есть исторію древнюю, также Россійской исторіи три періода.

Въ третьемъ классѣ:

Первую часть всеобщаго землеописанія по городамъ и мѣстамъ съ описаніями, къ нимъ принадлежащими, также объ обитателяхъ російскаго государства, о внутреннемъ его устроеніи, описаніе уѣздовъ и другихъ мѣстъ, помѣщенныхъ въ пространномъ землеописаніи російскаго государства.

Вторую часть всемірной исторіи, то есть первую часть новой исторіи, и російской исторіи четвертый и пятый періодъ,—чѣмъ російская исторія и оканчивается.

Въ четвертомъ классѣ.

Вторую часть всеобщаго землеописанія по городамъ съ описаніями имъ принадлежащими и математическую географію.

Послѣднюю часть всемірной исторіи, то есть второй томъ новой исторіи.

Въ математическихъ классахъ.

1) Въ нижнемъ ариѳметики классѣ преподавать начала ариѳметики о числахъ, о четырехъ правилахъ исчисленія, то есть сложеніи, вычитаніи, множеніи и дѣленіи.

2) Въ среднемъ классѣ правила именованныхъ чисель, дробей простыхъ и десятичныхъ, квадратовъ и кубическихъ чисель.

3) Въ высшемъ классѣ правила ариѳметическихъ и геометрическихъ пропорцій, прогрессій, также логариѳмовъ и правила тройное, товарищества и прочія.

Чистой математики:

4) Въ нижнемъ классѣ изъ геометріи лонгиометрію и планиметрію; изъ алгебры: начальныя дѣйствія, также о дробяхъ и квадратахъ.

5) Въ высшемъ классѣ.

Перваго года изъ геометріи: штереометрію,—чѣмъ оканчивается вся геометрія. Изъ алгебры: о изобрѣтеніи и приведеніи уравненій при рѣшеніи задачъ, къ пропорціи и прогрессіи принадлежащихъ, и теоретическія правила тригонометріи, заключаемыя въ трехъ главахъ.

6) Втораго года изъ алгебры: конструкцію до окончанія всей алгебры; а изъ тригонометріи отъ практическихъ задачъ до окончанія всей тригонометріи.

Въ классѣ смѣшенной математики.

Перваго года архитектуру гражданскую и военную, также изъ первой части механику и гидростатику.

Втораго года аерометрію, гидравлику, оптику, катоптрику, диоптрику и перспективу.

Третьяго года вторую часть, то есть тригонометрію сферическую, начала астрономіи, географію, гидрографію, игномонику и хронологію.

III.

Какихъ классовъ ученикамъ какимъ другимъ наукамъ и языкамъ обучаться.

Нижняго грамматическаго класса ученикамъ обучаться польскому языку, яко въ сей и другихъ сосѣдственныхъ къ ней губерніяхъ употребляемому, ариметикѣ, географіи и исторіи.

Средняго грамматическаго класса ученикамъ продолжать польскій языкъ, ариметику, географію и исторію.

Высшаго грамматическаго класса ученикамъ продолжать ариметику и географію и начинать нѣмецкій или французскій языкъ по ихъ способности.

Поэзи ученикамъ продолжать географію, исторію, начатые ими языки и обучаться чистой математикѣ, и священно и церковно-служительскимъ дѣтямъ безъ исключенія начать греческій языкъ.

Въ риторикѣ ученикамъ продолжать начатые языки и обучаться чистой математикѣ, а священно и церковнослужительскимъ дѣтямъ всѣмъ продолжать греческій языкъ.

Студентамъ философіи обучаться смѣшенной математикѣ, а священно и церковнослужительскимъ дѣтямъ продолжать греческій и еврейскій языки.

Богословіи студентамъ продолжать смѣшенную математику, также и начатые языки.

Въ классѣ высшаго краснорѣчія обучаться всѣмъ студентамъ философіи и богословія; снмъ же студентамъ въ особенные часы, въ 1 пунктѣ показанные, обучаться сельской и домашней экономіи.

Рисовальному искусству обучаться по произволенію учениковъ всѣхъ классовъ имѣющихъ къ оному и способность по правиламъ.

Нотному пѣнію обучаться всѣмъ священно и церковно-служительскимъ дѣтямъ и желающимъ вступить въ священническую и церковно-служительскую должность.

IV.

Сколько кому и за что изъ учителей получать жалованье: Богословіи учителю триста пятьдесятъ рублей, префекту и философіи учителю триста рублей, высшаго краснорѣчія двѣсти рублей, латинской и російской риторики двѣсти руб., латинской и російской поэзій сто восемьдесятъ рублей, высшаго класса грамматики сто пятьдесятъ руб., среднего класса грамматики сто тридцать рублей, нижняго класса грамматики сто десять рублей. Экстраординарнымъ Французскаго высшаго класса нынѣшнему учителю 200 р., а впредь будущему 150 р., нижняго класса 100 р., греческаго высшаго класса 150 руб., нижняго класса—100 рублей, нѣмецкаго высшаго класса—150 руб., нижняго класса—100 р., еврейскаго—100 р., польскаго—80 руб., смѣшенной математики—100 руб., высшаго чистой математики—80 р., нижняго чистой математики—70 р., ариѳметики высшаго класса—50 р., среднего класса 40 р., нижняго класса—30 рублей. Географіи съ исторіею четвертаго класса—50 рублей, третьяго класса—40 р., втораго класса—30 р., перваго класса—30 рублей; экономіи—50 рублей, рисовальнаго искусства—30 р., нотнаго пѣнія—30 рублей.

Акадѣміи ректоръ Кіево-Николаевскій архимандритъ и кавалеръ Теофилактъ. Кіево-Братскаго училищнаго монастыря архимандритъ и священнои богословіи учитель Ириней Фальковскій. Акадѣміи префектъ философіи учитель соборный іеромонахъ Іакинѣвъ.

Къ выше приведеннымъ докладамъ правленія Кіевской Духовной Акадѣміи считаю не излишнимъ присовокупить, что это правленіе

2 сентября 1802 г. докладывало кievскому митрополиту Гаврилу (Банулеско) о разрѣшеніи преподавать воспитанникамъ Академіи «начала врачебной науки и открыть особый французскій классъ для способнѣйшаго и удобнѣйшаго приобрѣтенія способности говорить по-французски, въ которомъ бы (классѣ) можно имѣть навыкъ разговоровъ и занимать учениковъ единственно оными, съ показаніемъ свойства французскаго языка и исправленіемъ выговора». Для преподаванія „первоначальныхъ правилъ врачебной науки“ и для обученія разговорному французскому языку правленіе академіи предназначило по четыре урока въ недѣлю. Преподавателемъ разговорнаго французскаго языка назначался природный французъ Компаніонъ съ назначеніемъ жалованья по 150 рублей въ годъ. Касательно жалованья преподавателю „врачебной науки“—въ докладѣ ничего не сказано. Докладъ правленія подписали: ректоръ академіи, Кіево-Николаевскій архимандритъ Θεοφιλαктъ; Кіево-Братскаго монастыря архимандритъ и богословія учитель Иривей; академіи префектъ, философіи учитель соборный іеромонахъ Іакинѣвъ.

На докладѣ резолюція послѣдовала такая: «4 сентября 1802 года—Быть посему».

Докладъ хранится въ бібліотекѣ Кіево-Софійскаго собора.

Прот. Петръ Орловскій.

На юбилейный даръ Н. В. Лисенку. Въ дополненіе къ раньше присланному въ нашу редакцію 6995 руб. 18 к. (см. № 4), вновь поступило: 1) отъ Правленія Литературно-Артистическаго Общества (выручка съ концерта 19-го декабря 1903 года)—403 р. 61 коп.; 2) И. И. Гудзовенко—5 р.; 3) Ю. И. Тиховскаго—10 р.; всего вмѣстѣ съ прежними 7413 р. 79 коп., изъ которыхъ 1021 р. 40 к. предназначены на изданіе сочиненій Н. В. Лисенка, 286 руб.—въ билетѣ дворянскаго съ выигрышами займа, а 6016 р. 39 коп. на приобрѣтеніе дачи. Сверхъ того, имѣется на музыкальную школу имени Н. В. Лисенка 219 р. 49 к., изъ которыхъ въ прошлый мѣсяць поступило 5 р. отъ семинаристовъ Новобугской Учительской Семинаріи.

Текущія извѣстія.

Похороны М. П. Старицкаго. 14-го апрѣля скончался въ Кіевѣ извѣстный украинскій писатель Михайлъ Петровичъ Старицкій, памяти котораго мы посвящаемъ въ настоящей книгѣ журнала особую статью, принадлежащую перу нашей уважаемой сотрудницы Олены Пчилки. На другой день послѣ смерти его, въ мѣстныхъ газетахъ появились объявленія о времени похоронъ и некрологи. Изъ разныхъ городовъ стали получаться телеграммы, то на имя вдовы покойнаго, та на адресъ нашей редакціи, съ выраженіями чувства горести объ утратѣ горячаго украинскаго патриота и щираго работника на полѣ украинской литературы. 16-го апрѣля въ 1 часъ дня назначенъ былъ выносъ тѣла изъ квартиры въ ближайшую церковь, а затѣмъ, послѣ отпѣванія въ церкви, похороны на Байковомъ кладбищѣ. Ко времени выноса тѣла изъ дому явилось очень много друзей и почитателей покойнаго, такъ-что по улицѣ былъ очень затрудненъ проѣздъ. Вѣнковъ, возложенныхъ на гробъ, оказалось такое большое количество, что ихъ нельзя было помѣстить на катафалкѣ и пришлось послать за специальной колесницей. Въ пути отъ квартиры до церкви и отъ церкви до кладбища, кромѣ специальнаго церковнаго хора, пѣлъ еще хоръ земляковъ-любителей, состоявшій преимущественно изъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній. Въ церкви, во время отпѣванія, произнесъ краткое надгробное слово священникъ М. И. Вишневецкій, который прекрасно отмѣтилъ выдающіяся заслуги покойнаго предъ родиной, какъ писателя, который тѣмъ болѣе долженъ быть цѣнимъ нами, что онъ въ своей работѣ для пользы народа неустанно шель своей дорогой, хотя немало горя испыталъ на этомъ пути; современная критика въ достаточной степени оцѣнила уже его труды, но правдивый судъ исторіи дастъ впереди еще болѣе полную и справедливую оцѣнку его дѣятельности.

Отъ церкви до самаго кладбища гробъ несли на рукахъ студенты разныхъ учебныхъ заведеній. На кладбищѣ, послѣ того какъ пропѣта была «вѣчная память», произнесъ первую рѣчь Л. А. Куперникъ, который, высказавъ сожалѣніе, что не владѣетъ украинскимъ языкомъ и потому не можетъ говорить рѣчью, родною для покойника, отмѣтилъ тотъ фактъ, что М. П. Старицкій принадлежалъ къ числу благородныхъ дѣятелей, сохранившихъ въ себѣ лучшіе идеалы и завѣты 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Онъ всегда былъ однимъ изъ борцовъ за

слово, и если не легко живется вообще русскому писателю, то ему, какъ украинскому писателю, жилось еще тяжеле. Не взирая на это, онъ всегда неуклонно шелъ по этому тернистому пути. Не смотря на свое дворянское, благородное, происхождение, а можетъ быть именно благодаря ему, Михаилъ Петровичъ возлюбилъ простой народъ и, считая *слово* органомъ просвѣщенія, отдалъ всѣ свои силы для труда надъ роднымъ словомъ. Заслуги его предъ родной литературой такъ велики, что имя его будетъ жить до тѣхъ поръ, пока жива будетъ украинская рѣчь.—Слѣдовавшее затѣмъ слово сказано было по-украински М. М. Стешенкомъ. „Дорогый батьку, незабутный вчителю!—такъ началъ ораторъ. Въ останній разъ прыйшли мы до тебе зложиты поклоннѣ; въ останній разъ прыйшли мы сказаты тобі прощальне свое слово. И невыразный жаль обгортае насъ пры думци, що за хвылыну въ отсій темній и холодній домовини навикы заховани будуть твои найкращи почуття, найлипши думы и порыванья. Та не мы одни плачемо теперъ за тобою,—плаче вся наша матирь Украина и луна ии тяжкый стогнѣ по степахъ нашої краины, по вильныхъ Карпатахъ Галичынѣ, и шумлывыхъ гаяхъ зеленой Буковины. Плаче наша матирь, бо згубыла свого щырого сына, того сына, що будывъ въ насъ „любовь до обездоленого люду“, що просывъ насъ „не тратыть и хвылыны, поки ще стогне темный братъ“. И нашъ небижчыкъ, справди, не тратывъ марно часу, доказомъ чого служыть вся его литературна діяльність. За тую працю ему прынесли вже свою подяку Украина и своими творами винѣ зложывъ уже соби нерукотворный памятникъ“.—Было сказано затѣмъ краткое и прочувствованное слово Н. В. Лисенкомъ, который былъ почти всю жизнь связанъ съ покойнымъ не только узами родства, но и постоянными совмѣстными съ нимъ работами. „Дорогый брате и друже Михайле! Важко мени стояты надъ твоею домовиною и бачыты, що мы заразъ навикы розлучымося зъ тобою. Але знаю, хочъ ты тиломъ вмеръ, такъ заслугы твои невмырущи. Те дило, якому ты честно служывъ, росте, и ты не мало втишывся-бъ, колы-бъ побачывъ, якъ несла тебе на своихъ раменахъ отся вся молодежь, що видала шану твоимъ думкамъ и твой праці и що понесе и въ жытти виру въ те дило, якому служывъ и видавъ сылы й ты, брате Михайле“.

Было еще прочитано А. Коваленкомъ стихотвореніе, было произнесено еще нѣсколько рѣчей, и гробъ опущенъ былъ въ могилу; слышались удары земли о крышку гроба— и скрылся на вѣки отъ

насъ милый, симпатичный облик покойнаго, почтеннаго работника на вивѣ родной намъ литературы, честнаго гражданина, добраго товарища. Миръ праху твоему, дорогой сердцу Михаилъ Петровичъ!

Засѣданіе Московской музыкально-этнографической коммисіи, посвященное украинской музыкѣ. 7-го апрѣля состоялось въ Москвѣ соединенное засѣданіе музыкально-этнографической коммисіи и этнографическаго отдѣла Императорскаго Общества естествознанія, антропологін и географін, въ которомъ интеллигентная часть Москвы имѣла случай познакомиться съ украинской народной музыкой. Секретарь коммисіи Е. Э. Линева прочитала докладъ подъ заглавіемъ «Малорусскія народныя пѣсни и ихъ собиратели. По поводу лѣтней поѣздки съ музыкально-этнографической цѣлью». Г-жа Линева осталась вообще довольна своей поѣздой и вынесла прекрасное впечатлѣніе отъ слышанныхъ ею пѣсень. По ея словамъ, когда она наводила предварительныя справки въ Полтавѣ, ей приходилось слышать довольно пессимистическія мнѣнія о теперешнихъ украинскихъ пѣсняхъ: онѣ будто бы, портятся, вымираютъ. Однако дѣйствительность разубѣдила ее въ томъ, когда она прибыла въ одно изъ глухихъ селъ Полтавщины: она нашла здѣсь чистые, живые образцы народнаго творчества. Передавъ слушателямъ свои впечатлѣнія отъ пѣсень въ связи съ украинской природой, докладчица сообщила затѣмъ теоретическія данныя объ украинскомъ музыкальномъ творествѣ, какъ-то: дѣленіе пѣсень по родамъ (веснянки, петривки и т. д.), музыкальное строеніе малорусской пѣсни и ея отличіе отъ великорусской. Въ послѣднемъ случаѣ докладчица сослалась на мнѣніе Н. В. Лисенка, который между прочимъ ставитъ въ связь особенности малорусской и великорусской пѣсни съ національнымъ складомъ и характеромъ малорусскаго и великорусскаго народа. Находя вполне вѣрнымъ сопоставленіе характера малоросса съ его пѣсней, г-жа Линева не можетъ согласиться съ подобнымъ же объясненіемъ почтеннаго композитора по отношенію къ великорусской пѣснѣ. Въ заключеніе г-жа Линева упомянула о бандуристахъ и лирникахъ, которые особенно ее интересовали. Для записи кобзарскихъ думъ, также какъ и для всѣхъ другихъ пѣсень, докладчица примѣняла фонографъ. Это представляло нѣкоторыя затрудненія, т. к. слѣпые пѣвцы, не видя трубы фонографа, не могли надлежащимъ образомъ направлять свои звуки. Поэтому г-жа Линева

обыкновенно ставила фонографъ на полъ, направляя трубу немного вверхъ. Съ особенной симпатіей отзывается г-жа Линева о самихъ бандуристахъ, объ ихъ кроткомъ характерѣ, честности и безкорыстіи.

Докладъ былъ иллюстрированъ исполненіемъ нѣсколькихъ нѣсень изъ записи г-жи Линевои, а также одной (свадебной), записанной Н. А. Явчукомъ; пѣлъ женскій хоръ подъ управленіемъ г-жи Линевои. Кроме того Н. Г. Филянскій исполнилъ нѣсколько духовныхъ стиховъ съ аккомпаниментомъ лиры. Къ сожалѣнію только, не явился общавшій свое участіе В. М. Шевченко, который долженъ былъ спѣть нѣсколько козацкихъ думъ съ аккомпаниментомъ бандуры и кроме того дирижировать мужскимъ любительскимъ хоромъ, составившимся изъ учащихся въ Москвѣ малороссовъ.

Публика, состоявшая главнымъ образомъ изъ уроженцевъ Малороссіи, сопровождала исполненіе музыкальныхъ номеровъ горячими знаками одобренія.

Концерты крестьянскаго Охматовскаго хора. Извѣстный крестьянскій хоръ с. Охматова (кіевской губ.), подъ управленіемъ П. Д. Демущаго, въ настоящее время предпринялъ устройство цѣлаго ряда концертовъ въ разныхъ городахъ, и между прочимъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ побывалъ въ Кіевѣ. Здѣсь хоръ, въ составѣ около 70 человекъ, главнымъ образомъ дѣтскаго возраста, прогостилъ 4 дня; помѣстившись въ свободныхъ залахъ Народнаго дома Кіевскаго Общества Грамотности. Въ Кіевѣ Охматовскій хоръ далъ два концерта, изъ которыхъ первый состоялся въ залѣ Купеческаго собранія съ благотворительной цѣлью и потому цѣны назначены были обычныя для такихъ случаевъ, слѣдовательно—концертъ разсчитанъ былъ на публику изъ болѣе состоятельныхъ классовъ; другой же концертъ данъ былъ въ театрѣ Кіевскаго Общества Грамотности, которымъ овъ и былъ устроенъ, съ любезнаго согласія руководителя хора и самихъ крестьянъ, и носилъ характеръ вполнѣ народнаго концерта, такъ какъ цѣны были назначены самыя дешевыя. На первомъ концертѣ публики было не особенно много, второй же прошелъ почти при полномъ сборѣ и привѣтствованъ былъ публикой съ большимъ одушевленіемъ.

Исторія зарожденія хора, личность его организатора и манера пѣнья настолько любопытны, что слѣдуетъ сказать по этому поводу нѣсколько словъ. Докторъ Порфирій Даниловичъ Демущій, помѣщикъ

Таращанскаго уѣзда, Кіевской губ., лѣтъ 15—20 назадъ принимавшій дѣятельное участіе въ любительскомъ хорѣ Н. В. Лисенка, организовалъ въ с. Охматовѣ того же уѣзда нѣсколько лѣтъ тому назадъ хоръ изъ мѣстныхъ крестьянъ численностью до 180 человекъ, состоящій изъ дѣтей, дѣвушекъ и хлопцевъ. Обученіе идетъ не по нотамъ, а съ голоса. Репертуаръ состоитъ изъ пѣсенъ религіознаго, историческаго и бытового содержанія. Въ виду того, что хористы по національности украинцы, пѣсни преимущественно украинскія. П. Д. Демущій смотритъ на дѣло организаціи народнаго хора исключительно съ идейной точки зрѣнія. Онъ желаетъ поддержать и укрѣпить въ народномъ обиходѣ прекрасныя народныя пѣсни, вытѣсняемая солдатскими, фабричными и просто кабацкими.

Книгоиздательство „Викъ“. Какъ видно изъ каталога изданій, вышедшаго недавно въ Кіевѣ подъ заглавіемъ «Викъ», дѣло это находится въ хорошихъ рукахъ.

Вниманію публики предлагается пока 22 тома произведеній украинскихъ писателей и 35 названій народныхъ книгъ. Какъ видно изъ первой, изданной въ 1894 г., брошюры «У тиснои бабы» Ол. Кониськаго, работа издательства идетъ уже 10 лѣтъ. Первые годы дѣятельности были мало интенсивны и ограничивались исключительно изданіемъ народныхъ листовокъ. Въ 1899 году появилась первая книга для интеллигентныхъ читателей. Иванъ Левицькій т. I, а въ слѣдующемъ году—«Викъ», т. I, послѣ чего книгоиздательство быстро выросло и уже въ прошломъ году выпустило 8 томовъ для интеллигенціи и 11 брошюръ для народа. Принявъ во вниманіе трудность изданія украинскихъ книгъ и то обстоятельство, что всѣ рукописи посылаются въ Петербургъ, въ главное управленіе по дѣламъ печати, нужно отдать должное энергіи и работоспособности книгоиздательства «Викъ». Судя по качеству изданныхъ первыхъ томовъ многихъ авторовъ, надо предположить, что фирма «Викъ» широко разовьетъ свою дѣятельность и дастъ украинской интеллигенціи и народу лучшія произведенія украинскаго слова, въ чемъ ощущается у насъ насущная потребность. До сихъ поръ всѣ вышедшія книги изданы прекрасно, и цѣны на нихъ ниже среднихъ рыночныхъ цѣнъ, даже сравнительно съ русскими изданіями. Это много говорить въ пользу книгоиздательства, такъ какъ

обыкновенно однимъ изъ препятствій на пути къ распространенію украинскихъ книгъ стояла ихъ дороговизна.

Школа имени И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. Школу эту предположено было выстроить на склонѣ Николаевской горы, фасадомъ по Николаевской улицѣ, ниже того мѣста, гдѣ стоитъ домъ, нѣкогда принадлежавшій «батьковин украинскон литературы», т. е. тамъ, гдѣ проектировался «Ивановъ Гай». Не будучи вполнѣ увѣрено въ надежности этого мѣста съ технической стороны, гор. управление командировало для изслѣдованія его своихъ специалистовъ — инженера и архитектора, которые при поверхностномъ ознакомленіи вынесли также впечатлѣніе, что строить тамъ капитальное двухэтажное зданіе рисковано. Съ окончательнымъ выводомъ они предпочли воздержаться до болѣе тщательнаго изслѣдованія почвенныхъ условій путемъ буренія, до окончанія котораго остается открытымъ вопросъ о постройкѣ школы имени Котляревскаго, а слѣдовательно и другой вопросъ объ отводѣ въ этомъ мѣстѣ участка земли для постройки зданія подъ пріютъ-ясли, проектируемый Подольскимъ участковымъ попечительствомъ. Между прочимъ, мы слышали, что городская управа разсчитываетъ при постройкѣ школы имени Котляревскаго на отпускъ губернской земской управой въ кредитъ всего необходимаго строительнаго матеріала.

Къ съѣзду славянскихъ филологовъ и историковъ. Лица, намѣченные къ приглашенію участвовать въ съѣздѣ славянскихъ филологовъ и историковъ, получили недавно слѣдующее официальное извѣщеніе.

«Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ имѣетъ честь сообщить Вамъ, что осуществленіе Съѣзда славянскихъ филологовъ и историковъ въ предположенный ранѣе срокъ (съ 31 августа [13 сент.] по 10 сент. [23 сент.] 1904 г.), въ виду войны найдено неудобнымъ. О времени созыва Съѣзда въ будущемъ Отдѣленіе русскаго языка и словесности извѣститъ Васъ въ свое время.

Доклады, которые могли бы быть Вами предложены Съѣзду, Отдѣленіе проситъ Васъ прислать по его адресу для напечатанія. Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности *А. Веселовскій*. Предсѣдатель Организационной Коммисіи *А. Пытинъ*.

Предполагаемый съѣздъ украинскихъ актеровъ. Въ виду того, что дѣло украинской сцены развивается съ каждымъ годомъ все шире и шире, способствуя организаціи многихъ мелкихъ труппъ, разбѣжающихся по разнымъ городамъ, особенно въ лѣтнее время, положеніе артистовъ этихъ труппъ требуетъ большаго урегулированія ихъ правъ и взаимныхъ отношеній съ антрепренерами. Какъ слышно, въ 1905 году великимъ постомъ предполагено созвать въ Харьковѣ съѣздъ украинскихъ актеровъ для выясненія ихъ нуждъ и установленія извѣстныхъ нормъ въ ихъ правовомъ положеніи.

Юбилейная выставка Харьковскаго Университета. Недавно отпечатана программа юбилейной выставки, устраиваемой въ 1905 г. при Харьковскомъ университетѣ, по случаю его столѣтія. Программа разослана профессорамъ Харьковскаго университета и разнымъ лицамъ, могущимъ оказать содѣйствіе для устройства выставки. Въ настоящее время отъ нѣкоторыхъ лицъ и учреждений постушаютъ разные предметы для выставки, а кромѣ того, организаторы выставки получили отъ многихъ лицъ обѣщаніе доставить портреты, рукописи и вещи. Такъ, извѣстный собиратель эстамповъ, гравюръ и рукописей П. Я. Дашковъ обѣщавъ прислать для выставки разные рисунки и рукописи, относящіяся къ г. Харькову, Харьковскому университету, его профессорамъ и питомцамъ. Всѣ, кому извѣстны рѣдкая полнота и цѣнность коллекцій П. Я. Дашкова, легко поймутъ, что его содѣйствіе имѣетъ громадное значеніе для удачнаго выполненія выставочной комиссіей ея задачи.

Музей Харьковскаго университета. Какъ извѣстно читателямъ «Кіевской Старины», Харьковскій Университетъ возбудилъ ходатайство передъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ ассигнованіи суммы въ 200 т. руб. на постройку зданія для музея историко-филологическаго факультета. По слухамъ, этотъ проектъ былъ встрѣченъ весьма сочувственно Министерствомъ, и вопросъ о просимой суммѣ долженъ былъ разрѣшиться вполне удовлетворительно въ мартѣ. Но началась русско-японская война, вслѣдствіе чего, какъ извѣстно, были сокращены расходы всѣхъ вѣдомствъ, а это отразилось на судьбѣ будущаго музейскаго зданія. Въ настоящее время въ Харь

ковскомъ Университетѣ получено уже извѣщеніе, что предположенная постройка музея не можетъ состояться, такъ какъ г. Министръ Финансовъ затрудняется ассигновать необходимую для этого сумму вслѣдствіе большихъ расходовъ казны на военные нужды. Поэтому г.г. Министръ Финансовъ и управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, не касаясь ни размѣровъ испрашиваемой университетомъ суммы, ни сопряженныхъ съ устройствомъ музеевъ постоянныхъ расходовъ, полагаютъ необходимымъ отложить постройку означеннаго зданія до болѣе удобнаго времени.

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

Общее собраніе „Научоваго Товариства имени Шевченка во Львовѣ“. 22-го марта состоялось общее собраніе (загальни сборы) „Научоваго Товар. имени Шевченка“. На этотъ разъ общее собраніе представляло особенный интересъ, въ виду обсуждения проектовъ измѣненія существующаго устава. Такихъ проектовъ представлено было два, изъ которыхъ одинъ доложенъ былъ д-ромъ Днистринскимъ, а другой д-ромъ Франкомъ. Первый касался измѣненія существующаго устава, главнымъ образомъ, въ смыслѣ созданія особаго „совѣта“ (рады) для завѣдыванія ходомъ научныхъ работъ „Товариства“. Этотъ „совѣтъ“ долженъ состоять только изъ дѣйствительныхъ членовъ секцій и представлять собою особый органъ, единственно компетентный въ рѣшеніи вопросовъ научныхъ и въ распредѣленіи фондовъ «Товариства», предназначаемыхъ на научныя цѣли. Въ настоящее же время всѣми этими дѣлами завѣдываетъ «выдиль», въ составъ котораго могутъ входить и члены, не работающіе на полѣ науки, а потому, по мнѣнію проекта, не могущіе какъ слѣдуетъ дѣлать распредѣленія фондовъ на научныя предпріятія Общества; новый-же органъ „рада“, отъ котораго «выдиль» долженъ находиться въ зависимости, будетъ исполнѣ отвѣчать этимъ условіямъ. Второй проектъ, доложенный, какъ сказано, д-ромъ Франкомъ, оставляетъ въ существѣ безъ измѣненій старый уставъ и только вводитъ нѣкоторыя мелкія дополненія. Единственно крупнымъ измѣненіемъ въ этомъ проектѣ является предложеніе, чтобы отдѣлы наукъ юридическихъ и медицинскихъ были совершенно исключены изъ дѣятельности «Научоваго Товариства». Дебаты по поводу внесенныхъ проектовъ тянулись очень долго и закончились побѣдой

второго проекта; въ которомъ только не было принято предложеніе объ исключеніи изъ области дѣятельности «Товарыства» наукъ юридическихъ и медицинскихъ.

Въ этомъ же общемъ собраніи избраны въ почетные члены Н. В. Лисенко—за его заслуги въ области разработки родной музыки, д-ръ И. Франко—за его научныя работы, и проф. Громницкій—за многолѣтніе труды въ администраціи Общества.

Русинскій національный театръ во Львовѣ. Какъ извѣстно, въ Галичинѣ въ текущемъ году идутъ усиленные сборы пожертвованій среди русиновъ на созданіе во Львовѣ своего національнаго театра. Планъ и фасадъ зданія разработанъ извѣстной вѣнской фирмой «Гелмеръ и К^о». Судя по рисунку будущаго театра, который напечатанъ въ „Дили“, зданіе будетъ очень величественное. Польская газета «Przegląd» отзывается о немъ такъ: «зданіе выдержано въ строгомъ бароковомъ стилѣ и стоитъ на возвышеніи нѣсколькихъ метровъ отъ улицы, вслѣдствіе чего не производитъ впечатлѣнія зданія тяжелаго и вросшаго въ землю, какъ это, къ сожалѣнію, случилось съ польскимъ театромъ во Львовѣ“. Мы сообщили уже краткія свѣдѣнія объ этомъ національномъ предпріятіи русиновъ (см. № 1-ый); теперь добавимъ, что на приобрѣтенномъ подѣ театръ мѣстѣ уже начаты предварительныя работы, и, вѣроятно, не въ далекомъ будущемъ мы увидимъ во Львовѣ новый знакъ подъема и роста національнаго самосознанія русиновъ, которымъ, вслѣдъ за храмомъ искусства, придется добыть себѣ еще и самостоятельный храмъ науки, т. е. русинскій университетъ.

Львовскій университетскій споръ. Верховный имперскій судъ въ Вѣнѣ разбираетъ споръ львовскихъ русинскихъ студентовъ съ львовскимъ университетскимъ сенатомъ и министерствомъ просвѣщенія. Студенты хотѣли, чтобы имъ давались легитимациі на родномъ языкѣ и чтобы позволено было при имматрикуляціи давать присягу по-русински. Университетскій сенатъ отвергъ ихъ просьбу, ссылаясь на министерское распоряженіе 1879 года, признающее официальнымъ языкомъ львовскаго университета языкъ польскій. Когда студенты обратились съ жалобой въ министерство, то послѣднее стало на точку зрѣнія сената. Теперь дѣло было передано на разрѣшеніе верховнаго

суда. Представитель студентовъ, адвокатъ Крыжановскій, доказывалъ, что университетскій сенатъ нарушаетъ права студентовъ, признанныя § XIX основныхъ законовъ. Представитель министерства защищалъ практику университета указаніемъ на то, что легитимация и имматрикуляція—внутренніе, чисто университетскіе акты, и студенты въ нихъ являются по отношенію къ университетскимъ властямъ не „стороной“, а подчиненными. Верховный судъ призналъ практику сената законной. Такимъ образомъ, процессъ проигранъ русинами.

БИБЛІОГРАФІЯ.

М. Комаровъ.—Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. Библиографическій указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Шевченка. Одесса, 1903, ст. 140+4 нецм.

Въ одной изъ предыдущихъ книжекъ «Кіевской Старины» ¹⁾ мы уже отмѣтили появленіе книжки М. Комарова и сообщили послѣдныя замѣчанія по поводу нея. Съ тѣхъ поръ въ русской періодической литературѣ появилось нѣсколько отзывовъ объ упомянутой книжкѣ, не дающихъ однако много новаго матеріала. За то во львовскомъ историческомъ журналѣ—«Занисках Наукового Товариства ім. Шевченка», кн. LVII (стр. 31—42, отд. Библіогр.) появилась обширная, солидная рецензія извѣстнаго галицкаго ученаго Пвана Франка, содержащая много указаній на неточности и пропуски въ указателѣ г. Комарова. Въ виду того, что упомянутый галицкій журналъ мало распространенъ среди нашей публики, мы позволяемъ себѣ въ нижеслѣдующихъ строкахъ передать въ переводѣ рецензію г. Франка, исключивъ тѣ немногія замѣчанія, которыя были уже помѣщены нами въ «Кіевской Старинѣ».

Въ отношеніи метода собранія матеріала г. Комаровъ, вѣроятно, не совсѣмъ уяснилъ себѣ, что собственно въ такомъ сборникѣ намъ нужно. Очевидно, въ библиографіи произведеній Шевченка должны всегда и вездѣ на первомъ мѣстѣ стоять произведенія Шевченка, а не что иное; поэтому, когда рѣчь идетъ о произведеніяхъ Шевченка, печатавшихся въ сборникахъ или періодическихъ изданіяхъ, то подѣ

¹⁾ Февраль, текущаго года.

даннымъ № будетъ стоять произведеніе, одно или болѣе, помѣщенное въ данной книжкѣ, а затѣмъ, въ скобкахъ, обстоятельное заглавіе книжки или періодическаго изданія, съ обозначеніемъ номеровъ и страницъ, гдѣ напечатаны данныя произведенія Шевченка или статьи о немъ. Между тѣмъ у г. Комарова почти всюду такія указанія сдѣланы совершенно наоборотъ; напр. отд. IV, № 4: «*Народное Чтеніе* 1859, № 2, 3 и 4 и *Русская Бесѣда* 1859 г. № 3. Нѣсколько пьесъ Шевченка съ русскимъ переводомъ». Что же это такое? «Народное Чтеніе» и «Русская Бесѣда»—одна книжка? А если не одна, то почему они фигурируютъ подь однимъ №? И какія произведенія Шевченка помѣщены въ нихъ? Кто сдѣлалъ переводъ на русскій языкъ? Такъ же точно необстоятельно и нераціонально составлены въ томъ самомъ отдѣлѣ №№ 6, 15, 19, 21, 22, 23, 26, 27, 29, 30, 34, 36, 37, 41 (опять 2 отдѣльныя изданія подь однимъ №!), 44, 45 (два изданія подь однимъ №!). Въ отд. VI, гдѣ говорится о письмахъ Шевченка, сейчасъ же подь № 1 читаемъ «С.-Петербургскія Вѣдомости 1860, № 66». И только всего! Весь ли этотъ номеръ газеты посвященъ письмамъ Шевченка, или ихъ тамъ 10, 20, или только одно, кому и когда написаны—Богъ вѣсть! Вообще весь этотъ отдѣлъ составленъ нераціонально: вмѣсто того, чтобы дать намъ систематически и хронологически составленный указатель къ письмамъ Шевченка, авторъ дать намъ указатель изданій, гдѣ были напечатаны письма. Нераціонально составленныхъ №№ найдется очень много и въ другихъ отдѣлахъ, и мы еще вернемся къ нимъ, пересматривая спеціально отдѣлы за отдѣломъ.

Второй недостатокъ книжки г. Комарова—это ея неполнота. Правда, авторъ въ предисловіи оправдывается, что многія изданія, въ особенности галицкія, были ему недоступны. Но это слѣдуетъ сказать не только о галицкихъ, а также о варшавскихъ, пражскихъ, вѣнскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и т. п. Ниже мы дадимъ нѣкоторые дополненія къ указателю г. Комарова, насколько позволяютъ доступные для насъ въ данный моментъ матеріалы, но напередъ заявляемъ, что такихъ дополненій можно и слѣдовало бы сдѣлать гораздо больше.

Третій недостатокъ—неточность въ передачѣ заглавій статей. Это, быть можетъ, наиболѣе тяжкая вина въ библиографіи, а такое явленіе, къ сожалѣнію, является весьма частымъ въ трудѣ г. Комарова. Авторъ заявляетъ въ предисловіи, что онъ большую часть наиме-

нованій книгъ описаль, имѣя ихъ въ рукахъ,—и дѣйствительно, слѣдуетъ признать, что большая ихъ часть, не говоря о тѣхъ неточностяхъ, которые являются слѣдствіемъ ошибочнаго метода автора, представлена довольно обстоятельно. Что же касается недоступныхъ ему изданій, то г. Комаровъ говоритъ, что онъ «долженъ былъ довольствоваться свѣдѣніями, помѣщенными въ библиографическихъ трудахъ В. Межова и другихъ, въ каталогахъ, рецензіяхъ, оглавленіяхъ, литературныхъ извѣстіяхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и т. п. источникахъ». Дѣйствительно, можемъ пожалѣть, что г. Комарову пришлось работать надъ своей библиографіей среди такихъ неблагоприятныхъ условий, но фактъ фактомъ, что на точности ея это отразилось весьма сильно. Возьмемъ хотя бы всѣ изданія и статьи польскія, нѣмецкія или вообще напечатанныя латинскимъ шрифтомъ: получается впечатлѣніе, будто г. Комаровъ не имѣлъ ни одного изъ тѣхъ изданій въ рукахъ, такъ какъ почти всѣ заголовки переданы съ ошибками. Напр. III, 38 содержитъ двѣ ошибки: Ijsusowa вм. Isusowa і Schewchenka вм. Szewczenka; кромѣ того пропущено здѣсь, быть можетъ по нѣкоторымъ соображеніямъ, «z uwahamy M. Drahomanowa»; пропущенъ обязательный въ женевскихъ нефранцузскихъ изданіяхъ французскій заголовокъ вверху, наконецъ мѣсто печати обозначено «Ž» вм. Ženewa. Отд. IV, 16 «Sioło» названо неправильно «львовскій малорусскій журналъ» и не дается точнаго его заглавія. Отд. VIII, № 49. Studium przez L. Sowiński—вм. Sowińskiego; № 51—małorusskich вм. małoruskich; № 52 Z małorusskiego spolzyl вм. spolszczył; № 54,—z małorusskiego... Naemnica; № 55 не сообщено, что и гдѣ переводилъ изъ Шевченка Грудзинскій; № 55—не говорится, что и въ какихъ №№ Gazety Naddniestrzańskiej перевелъ Л. Солецкій; эта газета ошибочно названа «Доробыцкая» вм. «Дрогобыцкая». Еще больше ошибокъ въ чешскихъ заголовкахъ: № 60 «Въ журналахъ Obàsech života и Kvetach за 1866 г. нѣсколько піесъ Т. Шевченка». Что это за «Obasech»? Вѣроятно Ohlasech? Да и эти Ohlasy života—не одно и то же, что Květy. И какія произведенія, кто переводилъ ихъ? № 61 - Ševcenky вм. Ševčenky, přeležil вм. přeložil; № 62, 64 chaljuna (?), ilustrovav (sic!). Въ нѣмецкихъ и французскихъ заглавіяхъ та же бѣда: № 76 Schafftshenko вм. Schafftshenko; № 77 Shewczenko вм. Schewtschenko; № 78 Leipziger Theater und intelligene blatt вм. Theater — und Intelligenz — Blatt; № 82 Gustav Karpelesa вм. Karpeles, Geschihte вм. Geschichte; № 84

Chevtshenko вм. Cheutchenko и т. п. Такія ошибки или недосмотры (сюда причислить надо VI, 2 р. 1870 вм. 1840) дѣлають желательной основательную передѣлку и болѣе удовлетворительную корректуру. Переходимъ теперь къ специальнымъ замѣчаніямъ, дополненіямъ и поправкамъ въ различныхъ отдѣлахъ. Отдѣлъ III (отд. I—предисловіе, а II—биографія III—ка, также нумерація несоотвѣтствующая), № 1. Не дается ни формата, ни числа страницъ эпохальнаго перваго изданія «Кобзаря». № 6. О лейпцигскомъ изданіи Гебгарда г. Комаровъ говоритъ такъ, что ясно вполнѣ, что онъ никогда не видѣлъ его, и даже допускаетъ, по поводу этого изданія, весьма грубую ошибку, помѣщая въ отд. VIII, № 76 то же самое изданіе среди переводовъ изъ Шевченка на нѣмецкій языкъ,—свѣдѣніе совершенно фантастическое. Потому сообщая здѣсь точное описаніе этой книжечки. На обложкѣ вверху нѣмецкій заголовокъ: Neue Gedichte von Puschkin und Schafftschenko, а далѣе русскій: Новыя стихотворенія Пушкина и Шавченки (а не: А. Пушкина и Т. Шевченка—какъ у г. Комарова). Внизу: Лейпцигъ. Вольфгангъ Гергардъ. Leipzig, Wolfgang Gerhard, 1859. На послѣдней нумерованной страницѣ: Наумбургъ, въ типографіи Г. Пеца. Naumburg, Druk von G. Pätz. Страницъ нумерованныхъ не 48, какъ говоритъ г. Комаровъ, а 43, но далѣе илуть еще 2 ненумерованныхъ, гдѣ помѣщены два стихотворенія Пушкина, и послѣдняя, гдѣ обозначено мѣсто печати. Зачисливъ сюда и заглавную страницу, тоже ненумерованную, получимъ въ самомъ дѣлѣ 48 страницъ. Въ книжечкѣ на стр. 1—6 помѣщены стихотворенія Пушкина: «Молитва», «Цапли» и «Посланіе Аркадію Гавриловичу Родзянкѣ». Со стр. 7 начинаются произведенія Шевченка, вплоть до стр. 34; а именно: «Кавказъ», «Холодный яръ», «Думка» (Якъ умру, то поховайте), «Розрыта могыла», «Думка» (За думою дума), «И мертвымъ и живымъ и ненарожденнымъ землякамъ моимъ въ Украини и не въ Украини, мое дружное посланіе»,—какъ видимъ порядокъ не тотъ, что у г. Комарова. Подъ каждымъ заглавіемъ подпись: Шевченко. Къ заголовку «Кавказъ» додано интересное примѣчаніе: «Слѣдующія стихотворенія были намъ присланы на малороссійскомъ языкѣ, съ примѣчаніемъ, что стихи Шевченка—выраженіе всеобщихъ, накупѣвшихъ слезъ (: не) онъ плачетъ о Украйнѣ—она сама плачетъ его голосомъ. Примѣч. редактора».

Остальную часть книжечки заполняютъ снова стихотворенія Пушкина: «В. Л. Пушкину», «Цензору», «Льву Сергѣевичу Пушкину» и «На смерть тетушки Анны Львовны Пушкиной».

№ 16. Букварь Шевченка — не описанъ ни форматъ, ни число страницъ; № 20. Не дается ни описанія, ни обстоятельнаго заглавія литографированнаго факсимиле посланія Шевченка къ Шафарыку; заглавіе г. Комарова «Еретикъ Иванъ Гусь», совершенно фантастическое. Весьма необстоятельно также описаніе подь № 34, первая часть маленькаго женеваго «Кобзаря» 1878 г. Въ дѣйствительности на обложкѣ слѣдующее заглавіе: „Кобзарь Тараса Шевченка (.) Частина перша (.) Женева (.) Печатня „Громади“. Видали Кузьма і „Сірко“. На второй страницѣ посвященіе. Нашимъ землякамъ на Украинѣ на роковини Шевченка 26 лютого 1878 року Кузьма і Сірко“. На стр. III—V напечатанъ указъ 16 мая 1876 года, а далѣе стр. VIII—XXI популярная библиографійка и характеристика Шевченка, подписанная „С— о. Лютого 26, 1878 року“. Подь этимъ криптонимомъ скрывается Хв. Вовгъ. Далѣе идутъ слѣдующія стихотворенія Шевченка: „Мені однаково“ (начинается на стр. 23 и по 24), „Сон“ (25—58), „Як би то ти Богдане паний“ (59), „Могила Богданова“ (60—62), „Бували войны“ (63—64), „І виріє я на чуживі“ (65—68), „Чигирин“ (68—73), „Кавказ“ (74—84), „Ляхам“ (85—87), „Якось то йду я у ночі“ (87—88), „Мій Боже Милий, знову лихо!“ (89), „Світе ясний“ (90), „У Вильні городі преславнім“ (91—95), „Гимн черничий“ (97—98), „Зацвіла в долині“ (98—100), „Ликері“ (101—102), „Як би ви знали паничі“ (103—107), „До мертвих і живих і т. д.“ (108—124), „Заповіт“ (125—126). Добавлена еще страница (I—II) „Заголовки“. Подь № 36 такъ же точно необстоятельно помѣщено г. Комаровымъ упоминаніе о второмъ томикѣ этого „Кобзаря“: не указано, что онъ былъ изданъ въ такомъ же точно миниатюрномъ форматѣ, какъ и первый, не сообщается ни число страницъ, ни содержаніе. Къ сожалѣнію, этого томика не имѣю подь руками.

Добавлю еще описаніе изданія „Марія“, у г. Комарова № 38, такъ какъ въ его указателѣ находимъ кое-что фантастическое и вообще необстоятельное. Заглавіе изданія слѣдующее: *Marija maty Isusowa, wirszy Tarasa Szewczenka z uwahamy M. Drahomanowa. Żenewa 1882.* На стр. 3—7 находится предисловіе *Wid Wydawcia* съ подписью *M. Drahomanow.* Поэма Шевченка идетъ отъ стр. 1—39; на многихъ стр. внизу dodаны языковыя и предметныя поясненія. Отъ стр. 41—66 идутъ *Uwahu* тоже подписанныя *M. Drahomanow* съ датой: *Pysano w misti Żenewi w wilnij storoni Szwajcaryji.* Слѣдовало-бы дать болѣе

обстоятельно и содержаніе стереотипнаго женеваго изданія 1890 г. (у г. Ком. № 52).

Относительно отд. IV замѣтимъ вообще, что о журн. *Siofo* (№ 16 и 18 г. Комарова) болѣе обстоятельныя данныя имѣются въ библиографіи Левицкаго, и отсюда же слѣдуетъ пополнить свѣдѣнія о произведеніяхъ Шевченка, печатавшихся въ галицко-русскихъ читанкахъ (у Комарова №№ 19, 21, 22, 23, 26, 27, 29, 39), въ Антологіи (34), въ Календаряхъ (36, 37). Совсѣмъ неудовлетворительно описаніе подъ № 40 „Додатокъ до „Батьковщины“; не указанъ ни годъ, ни мѣсяць изданія, упомянуты лишь №№ 7 и 8, гдѣ были помѣщены псалмы, а не упомянуто № 9, гдѣ были другія произведенія Шевченка (Левицкій, № 3159). Подъ № 41 нестатіи собраны во-едино „Батьківщина“ 1889 г. и „Бібліотека для молодежи“ 1889, хотя это не только два особыхъ изданія, но и выходили въ разныхъ городахъ, одно во Львовѣ, другое въ Черновцахъ.

Въ отд. V соединены подъ № 2 два изданія русской поэмы Шевченка „Тризна“, которая напечатана была сначала въ журналѣ „Маякъ“ подъ заглавіемъ „Безталанный“, а затѣмъ, въ томъ же году вышла отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ „Тризна“; не дано описанія этой брошюры. Между №№ 9 и 10 приведенъ совершенно излишній заголовокъ „Неизданныя произведенія Т. Шевченка на русскомъ языкѣ“.

Въ отд. VI подъ № 5 не говорится, къ какому времени относятся письма Щепкина къ Шевченку; такъ же точно необстоятельны №№ 6, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 16, 17, 18, 19 и др. Подъ № 11 соединены двѣ разныхъ статьи, а именно: „Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому (1853—1857). Сообщилъ М. Г—овъ“ „Кіевс. Стар.“ 1883, январь, стр. 161—176; мартъ, стр. 611—622 и апрѣль, 853—866) и статья: „Восемь писемъ Тараса Григорьевича Шевченка къ разнымъ лицамъ, сообщилъ С. Пономаревъ (тамъ-же, февраль, 401—408). Слѣдовательно, все то, что сообщаетъ г. Комаровъ подъ этимъ № своего указателя—совершенно фантастично: статьи „Шестнадцать писемъ Т. Шевченка В. Г. и Я. Тарновскимъ и къ Брониславу Залескому“ въ „Кіев. Старинѣ“ *нѣтъ*. Въ томъ же отдѣлѣ № 15 совершенно излишній: это не письмо Шевченка, а „Замѣтка М. К. Чалаго по поводу одного письма Т. Ш. къ М. Щепкину“, значить ему мѣсто въ отд. XIV. Съ перепечатками г. Комаровъ не выдерживаетъ системы. Разъ онъ ихъ считаетъ за отдѣльныя изданія и помѣщаетъ подъ отдѣль-

ными номерами, какъ и слѣдуетъ въ библиографич. указателѣ, то опять при *aditio princeps* отмѣчаетъ: это письмо было перепечатано тамъ-то и тамъ-то. Сравни № 11-а, хотя указаніе невѣрное, такъ какъ письма, собранныя авторомъ подъ этимъ №, составляютъ довольно солидную книжку и не могли быть перепечатаны въ двухъ №№ „Зорі“. Наоборотъ, если бы авторъ заглянулъ въ „Зорю“ за упомянутый годъ, то убѣдился бы, что въ № 6 напечатано изъ статьи Пономарева лишь 5 писемъ, и то въ сокращенномъ видѣ (ст. 95—96), а въ № 8 приведено лишь нѣсколько выписокъ изъ писемъ Шевченка къ Залѣ-скому подъ загл. „До біографіи Шевченка“ (стр. 131—132); такимъ образомъ это статейка, которой скорѣй мѣсто въ отд. XIV, чѣмъ здѣсь. Зато подъ № 21 приводится „Лист Шевченка до редактора „Народ. Чтенія“, напечатанный въ „Правдѣ“ 1899 г. безъ обозначенія, что это письмо было напечатано раньше много разъ. Собраны вмѣстѣ перепечатки писемъ Шевченка въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ подъ №№ 23, 36, 38; при № 43 не отмѣчено, что записочка къ Герцену была впервые напечатана М. Драгомановымъ въ „Товариші“ (у г. Комарова № 19), а оттуда перепечатана въ „Правдѣ“ 1899, т. II, стр. 381 (у г. Комарова пропущено).

Въ отд. VIII (переводы произведеній Шевченка) отмѣчу неточности въ № 4 (лирическія пьесы—какія?), 14 (переводы изъ Шевченка Изгоева и Икорскаго, Донъ, 1870—почему оба переводчика подъ однимъ №? Что переведено?), № 17 (и мелкія пьесы—какія?), № 22 (не дано ни описанія книжки, ни числа страницъ, гдѣ помѣщены переводы Шевченка), № 29, 31 (три лирическія пьесы—какія?), №№ 35, 37, 38, 40, 41. Совсѣмъ бесполезенъ № 7: „Нѣсколько переводовъ изъ Т. Шевченка К. М. Станюковича—„Сѣверный цвѣтокъ“, 1861 г.“. Ну, кто будетъ знать, гдѣ выходилъ этотъ „Сѣверный цвѣтокъ“ и что въ немъ передано изъ Шевченка? Такъ же точно не имѣетъ цѣны и № 8: „Стихотворенія М. М.—ва. М. 1862 (помѣщены и переводы изъ „Кобзаря“ Т. III). Подъ № 15 не указано, какія стихотворенія Шевченка вошли въ „Поэзію Славянъ“ Гербеля; подъ № 16 также не говорится, что перевелъ изъ Шевченка г. Мизко въ „Донъ“ 1871 г. Подъ № 5 подъ общимъ заглавіемъ „Переводы изъ Т. Шевченка за 1860 г.“ (будто было когда-либо такое изданіе?) собрано 4 періодическихъ изданія, гдѣ были помѣщены переводы какихъ-то стихотвореній Шевченка, о которыхъ однако библиографъ не сообщаетъ никакихъ подробностей. Не знаю, на сколько подходит къ этому отдѣлу

№ 20 „Въ ночь на Рождество“. Передѣлка и переводъ съ малоросійскаго („Назаръ Стодоля“ Т. Шевченка), но уже ни въ какомъ случаѣ не мѣсто здѣсь № 32 „Галя и Назаръ“ или „Добромъ за зло“. Повѣсть заимствованная изъ соч. Т. Шевченка („Назаръ Стодоля“), такъ какъ это не переводъ. Такія вещи лучше было отнести къ отд. XII, давъ ему болѣе широкое заглавіе: „Передѣлки изъ сочиненій Шевченка“.

Библиографія переводовъ стихотвореній Шевченка на чешскій языкъ необстоятельна въ первыхъ 6 №№; о № 60 я уже упоминалъ. Подъ № 61 не упоминается, какія стихотворенія Шевченка перевелъ Дурдикъ, не сообщается № Poesie svĕtova, сдѣлана ошибка въ названіи города: Praga, а по чешски Praha. Такъ же точно необстоятеленъ № 63. Не лучше обстоитъ съ библиографіей переводовъ на другіе славянскіе языки. № 72 въ „Вилѣ“ 1868 „переводъ нѣсколькихъ пьесъ“ — какихъ? № 73 совсѣмъ загадоченъ: „Свобода, болгарскій журналъ подъ редакціей Каравелова за 1870 годъ“, гдѣ выходилъ этотъ журналъ и какое отношеніе его къ библиографіи Шевченка—не вѣдомо. По всей вѣроятности тамъ были помѣщены переводы изъ Шевченка самого редактора Любена Каравелова. Не имѣя названнаго журнала подъ руками, не могу сказать о немъ ничего болѣе опредѣленнаго, замѣчу лишь, что въ первомъ томѣ собранія сочиненій Л. Каравелова (сочиненія на Любена Каравеловъ томъ первый. Стихотворенія. Подъ редакціята на З. Стояновъ. Руссе, 1886) помѣщены слѣд. переводы Л. Каравелова изъ Шевченка: 1869 г. „Учете се, брате мои“ (окончаніе Посланія, стр. 1—2), 1870 г. „Защо ми са черни вѣжди“ (стр. 16) и „Родила е мене мама“ (стр. 21), 1871 г. „Иванъ Хусъ“ (стр. 22), „Тече вода въ синію море“ (стр. 30).

Среди переводовъ на нѣмецкій языкъ также много ошибокъ. Прежде всего № 76 надо упразднить; въ слѣдствіе непонятаго нѣмецкаго заглавія на обложкѣ изданія Гебгарда г. Комаровъ думаетъ, что тамъ имѣются также нѣмецкіе переводы стихотвореній Шевченка, чего на дѣлѣ нѣтъ. О переводѣ „Катерины“ въ брюссельской La Societé Nouvelle проф. Енса см. М. Драгомановъ, „Листочки до вѣнка на могилу Шевченка“. Цѣлый рядъ стихотвореній Шевченка напечатанъ въ переводѣ на нѣмецкій яз. въ вѣнскомъ изданіи— „Die Dioskuren, Jahrbuch des österreichischen Beamtenvereins“. Хорошій переводъ „Кавказа“ на нѣмецк. яз. помѣстилъ Waldemar Kawerau въ 1878 г. въ лейпцигскомъ Magazin für die Literatur des Auslandes; глухое из-

вѣстіе объ этомъ переводѣ приводитъ г. Комаровъ въ отд. XIV подъ № 187, не зная, что именно помѣстилъ тамъ Каверая.

Почему отд. IX носить заглавіе „Переводы прозаическихъ произведеній Т. Шевченка, писанныхъ имъ по русски, на языкъ малорусскій“—почему лишь на малорусскій? А вотъ, напр. автобіографія была переведена на польскій яз. (въ книгѣ Sam. Smiles, Prawda i pgrasa (self help), изданной во Львовѣ 1871,—то это уже не относится къ бібліографіи Шевченка? Такъ же точно безъ надобности сузилъ авторъ объемъ отд. XII „Драматическія передѣлки произведеній Т. Шевченка“. Почему лишь драматическія? А если драма Шевченка передѣлана въ повѣсть, то куда отнести эту передѣлку? Или къ переводамъ, какъ это сдѣлалъ г. Комаровъ?

Не совсѣмъ хорошо сдѣлалъ г. Комаровъ, соединивши воедино въ отд. XIV, подъ загл. „Сводъ статей о Т. Шевченкѣ и его произведеніяхъ“, кромѣ прозаическихъ работъ, также стихотворенія въ честь Шевченка; для нихъ можно было завести отдѣльную рубрику, или присоединить ихъ къ отд. XI, которому можно бы было дать болѣе общее заглавіе: Шевченко и его жизнь въ произведеніяхъ искусства (поэзіи, живописи, скульптуры).

Наиболѣе богатый содержаніемъ отд. XIV также не можетъ претендовать ни на полноту, ни на обстоятельность. Совершенно не обстоятельны № 106 (Голось № 42—а что въ немъ?), 112 (Отечеств. Зап. 1869, № 3), 114 (Сынъ Отечества № 67), 120 (Донъ № 61—63), 143—Revue des deux mondes 1874, не обозначено ничто, ни въ какомъ № печаталось; рѣчь, очевидно, идетъ о статьѣ г-жи E. Durand; неостоятеленъ также № 198; статья Драгоманова въ „Громаді“ имѣетъ заглавіе „Шевченко, українофіли і соціалізм“ и помѣщена въ „Громаді“ т. IV. Безъ надобности повторено указаніе на мою статью въ „Свѣті“ (№ 240 и 265). И здѣсь, какъ и въ предыдущихъ отдѣлахъ, авторъ даетъ подъ однимъ № не одну, а по нѣсколько работъ. Такъ, подъ № 42 „Некрологи“—изъ пяти различныхъ изданій въ № 46 упомянуто „По поводу концертовъ въ память Т. Шевченка“ в 7 различныхъ изданіяхъ; подъ № 28, кромѣ статьи Бѣлозерскаго, помѣщены стихотворенія пяти поэтовъ и рѣчи двухъ „и другихъ“ особъ. Это матеріалъ для какого-либо изслѣдованія, но ничуть не научная бібліографія.

Какъ уже сказано, этотъ отдѣлъ, хотя наиболѣе богатый, имѣетъ и наиболѣе пропусковъ. Понятно, что тутъ вина автора не велика:

Шевченко имѣеть уже такую обширную литературу, что ее не понять одному человѣку... Здѣсь нуженъ трудъ многихъ рукъ, участія людей, которые имѣють доступъ въ обширныя бібліотеки. Въ надеждѣ, что когда-либо все же будетъ собрана полная бібліографія Шевченка, я предлагаю здѣсь нѣкоторыя дополненія къ труду г. Комарова. Итакъ: въ отд. III, подъ 1891 г. надо добавить: „Кобзар, книжочка для дѣтей, ціна 20 кр. Накладомъ Руського тов. педагогічного. З друкарні Наук. тов. ім. Шевченка, Львів, 1891, 16° стор. 64“. За заглавной страницей помѣщенъ портретъ Шевченка, затѣмъ на стр. 5—8 статья Тарасъ Шевченко, далѣе стр. 9—63—текстъ съ добавленіемъ поясненій внизу, а на послѣдней нумерованной страницѣ содержаніе.

Далѣе, въ отд. IV надо добавить упоминаніе о томъ, что стихотв. Шевченка „Садокъ вишневый коло хаты“ перепечатавъ латинск. литерами Богданъ Залѣскій въ примѣчаніи къ своему стихотворенію *Mogiła Tarasowa* (B. Zaleski, *Pisma* tom. IV. Lwów, 1877, стр. 104). Не безынтересны слова того же Залѣскаго, который говоритъ (*loc. cit.*), что „od Bronisława i od śp. Edwarda Zeligowskiego dostałem kilka zeszytów poematów i pieśni Szewczenki nigdzie podobno nie drukowanych“. Къ отд. VII г. Комарова о рисункахъ Шевченка отмѣчаю изъ того же мѣста у Залѣскаго еще слѣд.: *Sp Konstanty Swidzinski na kilka dni przed skoneм przysłał mi takōż miły upominek po Szewczenke: oryginalną akwarellę Smierci Bohdana Chmielnickiego i szkic olówkiem godów kozackich*“. Къ отд. VIII добавитъ переводъ „Марія“ на русскій языкъ М. Драгоманова подъ заг. „Marie, poème de Chevtchenko, traduction russe“. Марія, поэма Т. Гр. Шевченка съ переднимъ словомъ и замѣчаніями М. Драгоманова. Переводъ съ украинскаго. Женева, типографія „Громады“, 1885, мая 8-го, стр. VIII+47. Изданіе имѣеть на 3-хъ стринницахъ обложки „Отъ издателя“, зат. на стр. III—VIII. Предисловіе, затѣмъ текстъ (дословный переводъ), стр. 1—27, и наконецъ „Замѣчанія на поэму Шевченка Марія“, на стр. 29—47. Къ отд. XI слѣдуетъ добавитъ портретъ Шевченка, гравюра съ котораго, довольно неважная, была напечатана вмѣстѣ съ краткой біографіей въ польскомъ журналѣ для дѣтей *Dzwonek* 1872 г., № 8, стр. 123. Тамъ же на стр. 123—124 и 139—141 помѣщенъ польскій переводъ „Катерины“—польскаго поэта П. Ленартовича. Наконецъ, къ отд. XIV, подъ 1859 г. добавитъ статью „Z Ukrainy“, напечатанную въ „*Wiadomościach Polskich*“ въ Парижѣ, гдѣ приведенъ извѣстный анекдотъ о Шевченкѣ съ зернами пшеницы. Подъ

1861 г. слѣдуетъ добавить рядъ статей, помѣщенныхъ въ польскихъ журналахъ, начиная съ „Biblioteki Warszawskiej“ и львовскаго „Dziennika Literackiego“ по поводу изданія изслѣдованія Л. Совиньскаго и перевода „Гайдамакивъ“. Со статьей „Dzienn. Liter.“ связана полемика Бudevоли 1862 г. (у Ком. № 58). Эта статья имѣла заглавіе: M. W. Ruch umysłowo-polityczny na Rusi. Szewczenko—Sulima (Dz. Liter. 1861, № 69). Сулима былъ полякъ родомъ изъ Украины, напечатавшій въ брѹссельскомъ изданіи „Le Nord“, а затѣмъ и отдѣльной брѹшюрой статью Lettres d'un Oukrainien sur la Bosnie russe, Leipzig, 1861). Подъ тѣмъ же 1862 годомъ слѣдовало упомянуть о стихотвор. О. Федьковича „Слѣвацка добранѣчь на скѣнь Тараса Шевченка“, напечатанномъ въ изданіи его стихотвор. (Львовъ, 1862), стр. 28—29 и перепечатанномъ въ новомъ полномъ изданіи его сочиненій (Львѣв, 1900, т. I). Подъ 1863 г. слѣдуетъ добавить статью Kwestya rusińska въ № 3 Tygodnika Poznańskiego, гдѣ упомянуто о похоронахъ Шевченка и впечатлѣніи ихъ на украинскій народъ. Что-то объ этомъ было и въ газетѣ Dziennik Poznański. Подъ 1862 г. слѣдуетъ упомянуть о брошюркѣ „М. В. Р. Сонное видѣнье або разговоръ духѣвъ о польскѣй и русскѣй справѣ, оповѣдь въ стихахъ. Львовъ, типомъ Института Ставропигійскаго, 1862“, гдѣ въ добавленіи, на стр. 97—106 помѣщено „Гдещо про оукраинського слѣвака Тараса Григоровича Шевченка“, а на стр. 106—108 перепечатано стихотв. Конисскаго на смерть Шевченка. Подъ 1863 г. надо добавить статейку „О поезіи Шевченка“, напечатанную въ календарѣ „Черемшлянинъ“. Подъ 1865 г. слѣдуетъ добавить, что статья Гвидона Батталіи „Taras Szewczenko, poeta ukraiński“ напечатана первоначально въ журн. Tygodnik naukowy, Lwów, 1865, № 22. Подъ 1866 г. слѣд. добавить важный трудъ: Bronisław Zaleski, Wignaięcy polscy w Orenburgu (Rocznik Towarzystwa Historyczno-literackiego w Paryżu, rok 1866, стр. 75—107), гдѣ упомянуть и Шевченко и приводится много свѣдѣній о его оренбургскихъ знакомыхъ. Подъ тѣмъ же годомъ къ № 88 у Ком. слѣдуетъ добавить, что стих. «Перебенді», помѣщ. въ № 9 «Русалки» не называется «В роковини смерти Т. Шевченка», а «Памяти великихъ», а заглавіе подъ № 89—«Пяті роковини Т. Шевченка у Відни». Наконецъ, замѣчу, что подъ 1884 г., № 299 у г. Комарова опять безъ надобности измѣнено имя автора статьи: не Sulim, а Sulima, и статья его „Szewczenko na wygnaniu

i Bronisław Zaleski“ дѣйствительно была помѣщена въ т. IV „Prze-
glądu powszechnego“ въ Краковѣ.

На этихъ деталяхъ я прекращаю свои замѣчанія на книжку г. Комарова. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что авторъ, особенно въ новѣйшее время, собиралъ матеріалъ обстоятельно. Его книжка, хотя и далека еще отъ того, чтобы быть полной и вездѣ обстоятельной библиографіей Шевченка, все же важна тѣмъ, что показала намъ впервые литературу, относящуюся къ нашему поэту, въ ея полномъ объемѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ дала возможность опредѣлить тѣ дезидераты, которые нужны для ея (литературы) полного собранія. Желательно было бы, чтобы и сама книжка и эта рецензія¹⁾ нашли отголосокъ у всѣхъ тѣхъ, кто можетъ такъ или иначе способствовать исправленію ошибокъ или заполненію ея пропусковъ».

На этомъ кончается рецензія г. Франка. Съ своей стороны укажемъ для лицъ, интересующихся книжкой г. Комарова, что отзывы о ней, кромѣ г. В. въ «Літерат.-Науковом Вістнику» 1903, кн. XI Хр. стр. 142—143 и нашего въ «Кіев. Стар.», февраль тек. года, стр. 77—80, даны были еще въ «Русской Мысли», 1903, кн. XII, стр. 420, въ «Южныхъ Запискахъ», 1904, № 2, стр. 33 (рецензентъ Р—рь), въ «Журналъ для всѣхъ», 1904, № 2 (реценз. А. Лотоцкій), и въ газетѣ «Вѣстникъ Юга» (№ намъ точно неизвѣстенъ, но не раньше № 559 въ концѣ минувшаго года).

В. Д.

Д. Кулида.—Збирникъ творивъ, 1 книга. Стор. 11+123. Кременчикъ, 1903. Ціна 40 коп.

А. З.—Молоди порываєня. Стор. 32. Къивь, 1904.

Федь Подолякъ.—Осіяни квітєть. Сор. 32. Одесса, 1903. Ціна 20 коп.

Великій грѣхъ лежитъ на нашей съ вами душѣ, читатель: мы просмотрѣли колоссальной важности событіе въ украинской литературѣ. Въ августѣ мѣсяцѣ 1901 г. исполнилось десятилѣтіе литературной дѣятельности г. Кулиды... Но позвольте, скажете вы,—кто же такой г. Кулида? Каюсь, до выхода въ свѣтъ «Збирника творивъ» я тоже не зналъ, кто такой г. Кулида, и только теперь узналъ, что это писатель, хотя раньше и не печатавшійся почти, но отпраздновавшій

уже десятилітні своєї літературної діяльності, и что это послѣднее обстоятельство собственно и заставило его предпринять изданіе своихъ произведеній. Эти и другія не менѣ интересные свѣдѣнія о себѣ авторъ со скромностью истинно гениальнаго челоуѣка сообщаетъ въ предисловіи «до *першого* выдання Збирника творивъ». Хорошенько же запомнимъ августъ мѣсяць 1891 г., послужившій начальнымъ пунктомъ літературной діяльності г. Кулиды, ибо въ другой разъ уже не будемъ имѣть права отговариваться незнаніемъ.

Но если мы съ вами, читатель, проявили весьма непохвальную забывчивость по отношенію къ г. Кулидѣ, то г. Кулида, напротивъ, о насъ хорошо помнитъ и даже преисполненъ сознаніемъ нѣкотораго долга. «Вже пора,—говорить онъ въ предисловіи,—підвесты підсумокъ и *приставити (sic) громади разумокъ* въ мой десятилітній літературній діяльності, яка бъ вона не була» (предисловіе, стр. III). Въ этомъ убѣжденіи Кулида и приступилъ къ *первому* изданію своихъ произведеній, надѣясь, и не безъ основанія, что за нимъ не замедлятъ послѣдовать и дальнѣйшія.

Тернистый однако путь пришлось пройти г. Кулидѣ въ его десятилітней літературной діяльності, какъ узнаемъ изъ того же предисловія. Судьбѣ угодно было испытать нашего автора, наславъ на него рецензентовъ. Первая его книжка, «Вирши», изданная въ 1898 г. встрѣтила на страницахъ «Кіевской Старины» такую оцѣнку, что скромному автору «соромно й людямъ сказати»; тоже самое повторилъ рецензентъ и одного неназваннаго авторомъ львовскаго изданія по поводу какъ этой, такъ и слѣдующей книжки г. Кулиды. Краснѣя за неблаговоспитанныхъ рецензентовъ, мы однако должны отмѣтить, въ видахъ безпристрастія, что и авторъ въ долгу не остается и оплачиваетъ рецензентамъ съ лихвой и въ стихахъ, и въ прозѣ. Напущенія свои произведенія и вспоминая съ горечью о незаслуженныхъ нападкахъ со стороны рецензентовъ, г. Кулида между прочимъ говорить:

Та васъ стрили *зліи люди*,
 Сталы доприкаты,
 Що вы, нібы, не письменни,
 Сталы намовляты,
 Що вы нібы-то безглузди,
 Боси и не вмйти...

и заканчиваетъ затѣмъ надеждой, что правда все-таки восторжествуетъ.

И тимъ заздрисныкамъ гыдкымъ
Соромно всимъ стане,
Що дурне ихъ доприкання.
Якъ бурьянъ, завьяне (стр. 8—9).

И ковы «заздрисныкывъ гыдкыхъ», дѣйствительно ни мало не повредили автору, по крайней мѣрѣ, въ одномъ отношеніи: «але не глядоче (sic) на «надруковану крытыку»—съ достоинствомъ отмѣчаетъ г. Кулида,—мои книжки въ 1-мъ выданніи довго не лежалы: «Вирши» булы роспродани за годъ, а «Козаче слово»—за три мѣсяца» (предисл. стр. IV). Правда, разошедшееся за три мѣсяца «Козаче слово» на обложкѣ настоящей книги значится еще существующимъ въ продажѣ, но это, можетъ быть, недосмотръ, а можетъ быть, авторомъ выпущено уже и второе изданіе. Во всякомъ случаѣ на «дурне доприкання» рецензентовъ авторъ имѣетъ основаніе не обращать равно никакого вниманія... Съ сожалѣніемъ отмѣтимъ еще, что «Збирныкъ творивъ» не заключаетъ въ себѣ полного «счета» предъявленнаго читателямъ г. Кулидой: нѣкоторыя произведенія авторъ счелъ за лучшее исключить—«не затымъ,—скромно заявляетъ онъ,—що вони не до ладу напысани,—не до ладу напысаныхъ писень и думъ найдеться (а въ кого тилькы не находыться?) и въ симъ збирныку мо не мало,—а затымъ, що вони мени не понаравылись» (предисл. стр. IV). Весьма интересно было бы узнать, чѣмъ именно онѣ не «понаравылись» автору, который, какъ показываетъ содержаніе настоящей книжки, относится къ своимъ думамъ въ общемъ весьма снисходительно, но боясь быть сопричисленнымъ къ «заздрисныкамъ гыдкымъ», удержимся отъ вопросовъ и удовольствуемся лаконическимъ объясненіемъ г. Кулиды.

Переходя къ обзорѣ счету, представленнаго намъ г. Кулидой, мы съ сокрушеніемъ должны сознаться, что этотъ счетъ намъ рѣшительно «не понаравылся», хотя увѣряемъ при этомъ, что ни малѣйшей зависти къ скромному автору не чувствуемъ. Убогое содержаніе, большею частью позаимствованное, блѣдное изложеніе, шаблонныя приемы, неправильный языкъ—таковъ активъ г. Кулиды и, конечно, едва ли это блѣдное достояніе можетъ подавать кому-нибудь поводъ къ зависти. Авторъ намъ, конечно, въ правѣ не повѣрять и отпраздновать въ единственномъ числѣ еще и слѣдующее десятилѣтіе своей литера-

турной дѣятельности; не повѣрять, можетъ быть, и читатель и на расхватъ раскупить лежащій предъ нами «Збирныкъ творивъ»; но хотя бы даже г. Кулидѣ при жизни и монументъ былъ воздвигнуть, то и тогда мы бы ему не позавидовали...

Если г. Кулида имѣетъ повади себя цѣлое десятилѣтіе литературной дѣятельности, то авторъ «Молодыхъ порыванъ», скромно укрывшійся подъ инициалами А. З.,—очевидно начинающій писатель, но несомнѣнно того же геніальнаго пошиба. Когда по истеченіи перваго десятилѣтія литературной дѣятельности, онъ предъявить обществу свой счетъ, то въ этомъ счетѣ будетъ записана одна крупная заслуга—открытіе, надъ которымъ до сихъ поръ напрасно ломало голову челоѣчество. Г-нь А. З. блистательно разрѣшилъ вопросъ о *perpetuum mobile* и, какъ всѣ геніальныя открытія, рѣшеніе это въ высшей степени просто: *perpetuum mobile* есть, ни болѣе ни менѣе, какъ дворникъ, подметающій улицу!.. Сомнѣвающихся и не вѣрящихъ просимъ прочитатъ стихотвореніе, находящееся на стр. 3—4 «Молодыхъ порыванъ». Къ сожалѣнію, авторъ, обезсмертившій себя геніальнымъ открытіемъ въ области механики, не успѣлъ усвоить правилъ версификаціи, и потому стихи его весьма хромаютъ по части размѣра, да и съ римами онъ не въ дружественныхъ отношеніяхъ. Что же касается содержанія, то имъ книжка г-на А. З. напоминаетъ старосвѣтскіе альбомы, заполненные трогательными, но увы! безграмотными посвященіями и галантными мадригалами. Доминирующій мотивъ—любовь, и при томъ любовь особенная, выражающаяся въ томъ, что авторъ, по собственному признанію, умѣетъ лишь «не любить, а давить» (стр. 16, 15). Какъ бы то ни было, но за открытіе *perpetuum mobile* указанные маленькіе недочеты поэзіи г. А. З., конечно, ему простятся, и если авторъ когда-нибудь будетъ удостоенъ, какъ выразился Щедринъ, отъ начальства монументомъ, то къ послѣднему навѣрное не заростетъ народная трона....

Г. Оедъ Подолякъ также сдѣлалъ весьма важное открытіе—въ другой, правда, области: имъ найдено вѣрное средство поднятія народной нравственности. Вотъ это открытіе, скрывающееся подъ такимъ, казалось бы, несоотвѣтствующимъ важности предмета заголовкомъ, какъ «Баба».

Ото хытра вража баба—
Якъ вона фиглюе:
Чусе де чаркамы дзвонять.

А дзвонивъ не чуе!
 До церкви йде,—„най Богъ прыме“,—
 Тильки на Велькдень,
 А до коршмы—и частенько:
 Скільки разъ на тыждень.
 До церкви йде—щандыбае,
 А до корчмы просто.
Ото бѣ взяты гараньяка
Та всьпаты зб-сто!

Больше о г-нѣ Ѳедѣ Подолякѣ ничего не имѣемъ сказать, а всѣхъ трехъ поэтовъ еще разъ почтительнѣйше просимъ принять увѣреніе въ совершенномъ отсутствіи у насъ зависти къ ихъ заслугамъ.

С. Е.—мовъ.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. LVII, кн. I; 2) Chronik der Ukrainischen Ševčenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg, 1903, Heft II und III, №№ 14—15; 3) Образование, №№ 1—3; 4) Наблюдатель, № 1; 5) Нива. Ежемѣс. литер. и популярно-научн. приложения, №№ 1—3; 6) Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н., 1903 г., т. VIII, кн. 1—4; 7) Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т.т. 72—74; 8) Зап. Имп. Новор. Ун., 1903 г., т. 95; 9) Уч. Зап. Имп. Юр. Ун., 1904 г., № 1; 10) Варшав. Унив. Изв., 1904 г., № 1; 11) Зап. истор.-фил. факул. Слб. Ун., 1904 г., ч. 73; 12) Филол. Записки, 1904 г., вып. VI; 13) Archiv für Slavische Philologie, 1904, B. 26, H. 1; 14) Revue de linguistique et de philologie comparée, 1903, t. 36 u 1904, t. 37; 15) Mittheilungen des Instituts für Oesterreichische Geschichte, 1904, B. XXV, H. 1; 16) Извѣстія русскаго археол. института въ Константинополѣ, 1903 г., т. VIII, в. 3; 17) Jahreshefte des Oesterreichischen Archäologischen Institutes in Wien, 1903, B. VI, H. 1; 18) Zeitschrift für Ethnologie, 1904, H. 1; 19) Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, 1904, H. 1; 20) Revue des traditions populaires, 1904, t. XIX.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. LVII, кн. 1, р. 1904.

Матеріали до історії Колівищини. Подъ этимъ заглавіемъ опубликованы: вводная статья проф. М. Грушевського и записка кс. Кор-

нелія Срочинського «Oscrucieństwo w Umaniu na Ukrainie». Эта записка извлечена о. Ар. Крижановськимъ изъ базилянскаго архива въ Крестинополѣ; она даетъ нѣкоторыя интересныя данныя для исторіи разгрома Умани Гонтай.

Г. Франко. „Король балагулів“. *Antin Шашкевич і його українські вірші.* Указавъ условія и особенности украинскаго поэтическаго творчества той эпохи, къ которой принадлежалъ А. Шашкевичъ, авторъ даетъ весьма интересную біографію послѣдняго и весьма ярко обрисовываетъ при этомъ его личность. Въмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельность Шашкевича все время разсматривается авторомъ въ связи съ тѣми явленіями общественнаго быта Украины, которыя вліяли на творчество поэта. При чемъ особенно интересна характеристика «балагульства», приведшаго, какъ извѣстно, Шашкевича и др. лицъ къ аресту.

Miscellanea. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщены: Русская сатира на польскую элекцію 1696 г. и Жалоба прихожанъ въ (Черемиськой епархіи) на отобраніе церковныхъ и приходскихъ имуществъ 1848 г.

Въ отдѣлѣ «Наукова хроніка» даны весьма обстоятельные отзывы о слѣдующихъ книгахъ: 1) *Н. Котляревскій.* Н. В. Гоголь. 1902; 1) Памяти Гоголя. Изд. Общ. Нестора лѣт. 1902.

Въ бібліографическомъ отдѣлѣ даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ, относящихся такъ или иначе къ Украинѣ: 1) *Н. Е. Бранденбургъ.* Объ аборигенахъ Кіевскаго края (Труды XI археологич. съѣзда, т. I); 2) *А. А. Спицынъ.* Курганы съ окрашенными костяками (Труды Отд. слав. и рус. арх. Имп. Рус. Арх. Об., т. VI); 3) *А. А. Спицынъ.* Обзоръ нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи въ археологическомъ отношеніи (Тр. Отд. слав. и рус. арх. Имп. Рус. Арх. Об., т. I, II и VI и Зап. Имп. Рус. Арх. Об., т.т. VIII—XI); 4) *А. А. Спицынъ.* Разселеніе древне-русскихъ племенъ по археологическимъ даннымъ (Ж. М. Н. Пр., 1899 г., VIII); 5) *А. А. Шахматовъ.* Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей (тамъ же, IV); 6) *Е. Голубинскій.* Исторія русской церкви. Т. I. М. 1901; 7) *М. Г. Хаманскій.* Экскурсы въ область древнихъ рукописей и старопечатныхъ изданій, XXIII и XXIV (Труды Харьк. Предв. Ком. по устр. XII археол. съѣзд., т. I); 8) *М. Szadawa.* Obszar dawnego powiatu Kamionieckiego (Wisła, 1902); 9) *М. Ясинскій.* Счисленіе суточного времени въ зап. Россіи и въ Польшѣ въ XVI—XVII вв. (Чт. въ Ис. Общ. Нест., XVI, IV); Археологическій сборникъ документовъ, отно-

сящихся къ исторіи Сѣверо-Западной Руси. Вильна. Т. XII, 1900; 11) *Д. Савицкій*. Русскій гомилетъ начала XVIII в. Іоакимъ Богомолевскій. К. 1902 (изъ Труд. Кіевск. Дух. Акад.); 12) *Н. И. Петровъ*. Первый періодъ жизни и научно-философскаго развитія Григорія Савича Сковороды (Тр. К. Д. Ак., 1902 г. XII); 13) *І. Мандельштамъ*. О характерѣ Гоголевскаго стиля. Гельсингфорсъ. 1902; 14) *А. Н. Пытинъ*. Значеніе Гоголя въ созданіи современнаго международнаго положенія русской литературы. Спб. 1902; 15) *М. Комаровъ*. Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. Одесса. 1903; 16) *Swiatłomir*. Львів, 1904; 17) *Ясевичъ-Бородаевская*. Сектанство въ Кіевской губерніи (Жив. Стар., 1903 ч., I); 18) Лубенскій музей *Е. Н. Скаржинской*. В. І. М. 1899; 19) *В. И. Срезневскій*. Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе въ 1900 и 1901 г.г. (Изв. Имп. Ак. Наукъ, 1902 г., XVI, 2); 20) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1897 г. Спб. 1902.

Chronik der Ukrainischen Sevcenko — Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg, 1903, N II, № 14 u N III, № 15.

Кромѣ обычныхъ протоколовъ Общества, его секцій и комиссій въ настоящихъ книжкахъ находимъ сообщеніе о капиталѣ имени Антоны Бонцевскаго (№ 14) и объявленіе о стипендіи изъ этого капитала для студентовъ въ размѣрѣ 153 кр. (№ 15).

Отчетъ объ этнографическихъ экспедиціяхъ (№ 15). Въ 1902 г. этнографическая комиссія Общества получила отъ галицкаго сейма субсидію въ размѣрѣ 1000 кр. специально для собранія матеріаловъ по украинской этнографіи. Эта сумма была распределѣна между нѣсколькими лицами, которыя и совершили экскурсіи для собранія этнографическихъ матеріаловъ. Прежде всего В. Гнатюкъ посѣтилъ украинскія поселенія въ Венгріи и собралъ весьма цѣнные матеріалы по народной словесности. Правда, ему пришлось работать при неблагопріятной обстановкѣ, такъ какъ мѣстная интеллигенція не оказывала никакой поддержки его трудамъ, а венгерскія власти чинили ему различныя притѣсненія. Затѣмъ Тарасевскій записалъ въ окрестностяхъ г. Купянска, Харьковской губ., много сказокъ, но собранный матеріалъ отличается столь ярко выраженнымъ порнографическимъ характеромъ, что не можетъ быть напечатанъ въ изданіяхъ Общества.

Очень важное значеніе имѣеть экскурсія В. Шухевича въ Косивськомъ повѣтѣ; онъ закрѣпилъ на пластинкахъ фонографа различныя народныя мелодіи и изучилъ обычаи, соблюдаемые на Святкахъ. Кромѣ этихъ лицъ, въ собраніи этнографическихъ матеріаловъ приняли участіе также многіе любители изъ молодежи.

Образованіе, №№ 1—3.

И. Гессенъ. Юридическая помощь населенію (№ 1, стр. 95—116). Авторъ въ сжатомъ очеркѣ даетъ свѣдѣнія о состояніи этого вопроса въ Россіи и излагаетъ тѣ мѣры, которыя намѣтили для разрѣшенія его мѣстные комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Остановливаясь попутно на предшествующей дѣятельности земствъ и другихъ учрежденій по оказанію юридической помощи населенію, авторъ касается также Южной Россіи.

А. С. То-ли нужно? (№ 1, стр. 117—134). Статья написана по поводу «Окружнаго посланія преосв. Антонія, еп. волынскаго, къ епархіальному духовенству». Это посланіе было написано преосвящ. Антоніемъ въ 1902 г. по поводу крестьянскихъ волненій на югѣ Россіи, при чемъ онъ отмѣчаетъ, что вліяніе духовенства на населеніе сильно пало и указываетъ различныя недостатки духовныхъ руководителей народа. Но преосв. Антоній не указываетъ мѣры къ исправленію этого зла, хотя и отмѣчаетъ, между прочимъ, несовершенство школъ духовнаго вѣдомства. Недостатки послѣднихъ и возможные мѣры къ устраненію ихъ и составляютъ главную задачу данной статьи.

Л. Клейбортъ. Новые отчеты фабричной инспекціи (№ 1, стр. 14—32). Говоря о положеніи рабочихъ и состояніи рабочаго вопроса въ Россіи, по поводу отчетовъ фабричной инспекціи за 1901 г., авторъ при случаѣ касается также Южной Россіи.

Въ «Хроникѣ мѣстной жизни» помѣщены, между прочимъ, сообщенія о земскихъ собраніяхъ въ Екатеринославѣ и Черниговѣ, о засѣданіяхъ городскихъ думъ въ Елисаветградѣ и Черниговѣ и о безпорядкахъ въ Кіевскихъ университетѣ и политехникумѣ (№ 1), а также о борьбѣ земской школы съ церковно-приходскою въ Мелитополѣ (№ 2).

Въ отдѣлѣ «Критика и библиографія» данъ отзывъ о *Ruthenische Revue. Halbmonatschrift I Jahrgang* (№ 1, стр. 168—169).

Нива. Ежем. литер. и популярно-научн. приложения, № 1—3.

Г. А. Литвинскій. *Отчею мрутъ деревенскія дѣти* (№ 1, стр. 109—103). Авторъ пользуется при изслѣдованіи причинъ большой смертности дѣтей въ деревняхъ также данными, относящимися къ губерніямъ Южной Россіи.

Вл. Чуликиій. *Загадки у русскаго народа* (№ 3, стр. 457—466). Говоря о характерѣ загадокъ, авторъ приводитъ также украинскія загадки.

Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н., 1903 г., т. VIII, кн. 1—4.

В. Н. Перетцъ. *Очерки старинной малорусской поэзіи* (кн. 1, стр. 81—119). Въ настоящихъ очеркахъ авторъ поставилъ себѣ цѣлью собрать въ одно замѣчанія о судьбахъ нѣкоторыхъ малорусскихъ поэтовъ XVIII в. и начала XIX в. и видоизмѣненіяхъ, которыя перетерпѣли ихъ произведенія, вращаясь среди любителей поэзіи (стр. 82). Съ этой точки зрѣнія онъ и разсматриваетъ слѣдующія произведенія украинскіхъ поэтовъ: 1) «Епиникіонъ» 1709, Теофана Прокоповича; 2) вирши Климентія; 3) любовныя пѣсни въ припискахъ 1743—1761 г.; 4) пѣсню козака Климовскаго и 5) псалму Г. С. Сковороды.

И. И. Срезневскій. *Чтенія о древнихъ русскихъ летописяхъ IV—VII* (кн. 1, стр. 120—173)—продолженіе извѣстныхъ чтеній И. И. Срезневскаго «Повѣсти временныхъ лѣтъ»; настоящія чтенія почти не извѣстны ученымъ и опубликованы раньше лишь въ небольшихъ отрывкахъ.

Н. К. Никольскій. *Матеріалы для исторіи древне-русской духовной письменности* (кн. I, стр. 212—232 и кн. II, стр. 52—75)—имѣются также матеріалы, относящіеся къ древней исторіи и къ исторіи древней словесности Южной Руси, а именно: про ложное сказаніе объ освященіи церкви Бориса и Глѣба, посланіе печер. архимандрита Досіея и слово похвальное Григорія, архіел. Кіевскаго и всея Руси.

А. А. Шахматовъ. *Къ исторіи звуковъ русскаго языка* (кн. I, стр. 297—356 и кн. II, стр. 312—346)—окончаніе изслѣдованія, начатаго печатаніемъ въ 1 и 2 книжкахъ „Извѣстій“ за 1902 г.; авторъ разсматриваетъ въ общей связи также звуки малорусскаго языка.

П. И. Житецкій. Къ исторіи литературной русской рѣчи въ XVIII ст. (кн. II, стр. 1—51)—говорится о малорусскомъ вліяніи на образованіе литературной русской рѣчи въ XVIII ст.

В. Н. Перетцъ. Къ характеристикъ общественныхъ отношеній въ Малороссіи XVII в. (кн. II, стр. 159—168)—говорится о погребальной рѣчи о Игнаціи Старушича 1641 г., какъ доказательствѣ того, что малорусское духовенство измѣняло интересамъ народной массы и искажало литературный языкъ.

А. И. Соболевскій. Нѣсколько мыслей о древней русской литературѣ (кн. II, стр. 138—158)—II глава этой статьи написана по поводу брошюры Н. К. Никольскаго „Ближайшія задачи изученія древне-русской книжности, Сб. 1902“, а III глава—по поводу рецензій В. М. Истрина на книгу П. В. Владимірова „Древняя русская литература кievскаго періода“.

М. Г. Халавскій. Матеріалы и замѣтки по исторіи древне-русскаго героическаго эпоса (кн. II, стр. 168—176)—въ I главѣ издано сказаніе о взятіи Царяграда вел. кн. Ольгой.

В. И. Срезневскій. Отчетъ Отдѣленію рус. языка и словесности Имп. Ак. Н. о поѣздкѣ въ олонецкую, вологодскую и пермскую губерніи (кн. II, стр. 222—245, кн. 3, стр. 127—189 и кн. IV, стр. 99—139)—среди описываемыхъ и пріобрѣтенныхъ авторомъ рукописей имѣются такія, которыя представляютъ интересъ для изслѣдователей исторіи и литературы Южной и Западной Руси: 1) сказаніе о рос. святыхъ (кн. 3, стр. 171—115), 2) сборникъ середины XVI вѣка, содержащій зап.-рус. лѣтопись въ отрывкахъ (кн. IV, стр. 100—107).

Ө. Е. Коржъ. Турецкіе элементы въ языкѣ слова о полку Игоревѣ (кн. IV, стр. 1—58)—статья написана по поводу изслѣдованій на ту-же тему П. М. Меліоранскаго (Изв., 1902 г., кн. II); авторъ полемизируетъ съ П. М. Меліоранскимъ по поводу слѣдствъ турецкаго вліянія въ языкѣ Слова о полку Игоревѣ.

Въ отдѣлѣ „Библиографія“ даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ и изданіяхъ: 1) Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. Годы 6 и 7. К. 1901—1902 (кн. I, стр. 385—386, Е. В. Пѣтухова); 2) Статьи, рецензій, замѣтки по вопросамъ рус. языка и словесности, помѣщенные въ Ж. М. Н. Пр. за 1902 г. (кн. I, стр. 390—397, его-же); 3) Польскіе період. изданія по этнографіи за 1900—01 г.г. (кн. IV, стр. 383—400, 5) Улашина).

Сборникъ Отд. рус. и слов. Имп. Ак. Н., 1903 г., т. 72—74.

Отчетъ о первомъ по Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н. присужденіи премій митр. Макарія (т. 73, стр. 1—102)—даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ: 1) *М. И. Михельсонъ*. Русская мысль и рѣчь; 2) *В. Н. Перетцъ*. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы, т. I, ч. 1 и 2; *Н. Шляковъ*. О поученіи Владимира Мономаха.

Записки ист.-фил. факульт. Спб. Ун., 1904 г. ч. 73.

П. Г. Васенко. „Книга Стенная царскаго родбеловія“ и ея значеніе въ древне-русской исторической письменности, ч. I—весьма обстоятельное изслѣдованіе о „Стенной книгѣ“, первыя слова которой, какъ извѣстно, даютъ весьма своеобразное изложеніе древнѣйшей русской исторіи.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Новый нѣмецкій переводъ Шевченка. Въ Черновцахъ появилась нѣмецкая брошюрка въ 36 страницъ подъ заглавіемъ «Schewtschenkos aus gewählte Gedichte». Это есть переводъ нѣсколькихъ стихотвореній Шевченка, сдѣланный проф. С. Шпойнаровскимъ. Изъ предисловія узнаемъ, что переводчикъ задумываетъ издать цѣлый рядъ такихъ брошюръ, чтобы познакомить европейскую публику съ выдающимися произведеніями Шевченка. Переводъ сдѣланъ очень удачно и близко къ подлиннику. Цѣна брошюрки 50 сот.

На дняхъ вышелъ во Львовѣ новѣйшій указатель всѣхъ населенныхъ мѣстностей Галичины и Буковины, при чемъ въ немъ приняты во вниманіе всѣ территориальныя измѣненія послѣдняго времени. Указатель составленъ почтовымъ контролеромъ Яномъ Биго и стоитъ 5 кор.

Въ № 70 львовской газеты «Діло» напечатана коротенькая, но очень сильная и содержательная рѣчь профес. Львовскаго университета К. Студиньского, произнесенная имъ 15 марта въ концертѣ,

устроенномъ въ Станиславовѣ въ память 43-й годовщины смерти Шевченка. Рѣчь эта, озаглавленная «Кобзареві Украины», главнымъ содержаніемъ своимъ имѣетъ очень образное развитіе мысли, что Шевченко соединилъ въ одно духовное цѣлое раздѣленный украинскій народъ, заговоривъ чуднымъ, живимъ словомъ. «Когда въ древности—говоритъ проф. К. Студинскій—персидскій царь Дарій послалъ къ грекамъ пословъ и потребовалъ отъ нихъ, въ знакъ подчиненія, земли и воды,—то въ Афинахъ, по совѣтуThemistocla, рѣшили наказать смертью переводчика за то, что осмѣлился унижить греческій языкъ переводомъ этого варварскаго приказанія. Такъ высоко греки цѣнили свой языкъ. И мы будемъ-же уважать и любить народную рѣчь не потому, что Бандтке назвалъ ее лучшею изъ всѣхъ славянскихъ языковъ, а Мицкевичъ—лучшимъ среди русскихъ нарѣчій; не потому, что Бодянский возвеличиваетъ ее поэтичность и музыкальность и ставитъ наравнѣ съ языкомъ греческимъ и итальянскимъ; не потому, что Коубекъ и Мацѣевскій признали ее лучшею, нежели чешскій языкъ; не потому, что великороссъ Даль (Луганскій) считалъ ее выше великорусской, — но потому, что она *наша, родная*; потому что народъ, не уважающій и не любящій своего языка, не заботящійся и его развитію, не стоитъ того, чтобы быть народомъ.

Въ Краковѣ группа молодыхъ русинскихъ литераторовъ задалась цѣлью издать украинскій альманахъ въ честь извѣстной писательницы Ольги Кобылянской, подъ названіемъ—„За красою“.

Сюда войдутъ новыя произведенія многихъ авторовъ, между которыми пока обращаютъ на себя вниманіе имена И. Франка, О. Маковая, В. Щурата, Б. Лепкого, П. Карманскаго, Н. Кибальчичъ.

Вступительная статья объ О. Кобылянской принадлежитъ извѣстному поэту Б. Лепкому.

Рукописи высылаются (до 1 мая) по слѣдующему адресу: Австрія. Kraków, Univerzytet. Ostap Luckyj.

Историческое извѣстіе объ Украинской думѣ. Въ журналѣ «Pamiętnik literacki, czasopismo kwartalne poświęcone historii i krytyce literatury polskiej, wydawane przez Towarzystwo literackie imienia Adama Mickiewicza», выходящемъ во Львовѣ, начиная съ 1902 года, въ статьѣ А. Брикнера «Z dziejów dawnego teatru polskiego» за тотъ

же 1902 годъ, на стр. 554 находимъ любопытное упоминаніе, что въ 1547 году киеваристъ воеводы троцкаго Яндрухъ (Jędrek) получилъ золотой за пѣніе *русской* (украинской) *думы*.

Въ газетѣ «Die Zeit» съ № 527 начать печатаніемъ разсказъ Ивана Франка «Der Dorn im Fusse». Тема разсказа взята изъ жизни Гуцуловъ.

Новая газета. Съ марта мѣсяца въ Черновцахъ (Буковина) начала выходить два раза въ мѣсяць газета «Хліборобъ», издаваемая «Краевой Радой культуры» подъ редакціей проф. др. Смаль-Стоцкаго. Годичная цѣна всего лишь 2 короны.

Новый журналъ. Съ апрѣля мѣсяца во Львовѣ началъ выходить двухнедѣльный богословскій журналъ „Нива“, являющийся продолженіемъ „Богословскаго Вѣстника“; отличіе заключается въ томъ, что кромѣ церковныхъ вопросовъ обращено вниманіе и на вопросы общественныя. Цѣна 6 коронъ.

СПИСОКЪ Вновь ВЫШЕДШИХЪ КНИГЪ.

Графиня А. Д. Блудова и Острожское братство. Подъ ред. И. П. Хрущова. Сиб. 1903. Ц. 30 к.

Карскій М. А. Зарубежная Русь. Историческая хроника. Сиб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Ключевскій В., проф. Курсъ русской исторіи. Ч. I. М. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

Лоншиновъ А. В. Мирные договоры русскихъ съ греками, заключенные въ X вѣкѣ Одесса. 1904.

Лядскій К. И. Крестьянское землевладѣніе и размѣры его обложенія въ Новомосковскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губ., Новочеркасскъ 1903.

Пантюховъ И. И. д-ръ. Куреневка. Медико-антропологическій очеркъ. К. 1904.

Палеографическіе снимки съ русскихъ грамотъ преимущественно XIV вѣка. *А. И. Соболевскаго и С. Л. Пташицкаго*. Сиб. 1903. Ц. 12 р. 50 к.

Писаренко Н. Коринь. Народня драма въ V діяхъ. Харьковъ. Типогр. В. Романова, Рыбная, № 17. 1904, 8^о, ст. 53. Ц. 35 коп.

Археологическая лѣтопись.

Исслѣдованія и раскопки.

Раскопки у м. Ильинецъ, Липовецк. у. Кіевск. г. Пользуясь любезнымъ приглашеніемъ Н. Е. Бранденбурга и главноуправляющаго Ильинецкимъ имѣніемъ А. И. Шелюжко, мы принимали посильное участіе въ раскопкахъ, производившихся Н. Е. Бранденбургомъ въ окрестностяхъ мѣстечка. Сообщаемъ краткія свѣдѣнія о результатахъ той части раскопокъ, которую намъ пришлось наблюдать.

Въ пяти верстахъ отъ м. Ильинецъ, у с. Паріевки, на покатомъ берегу р. Соба, расположенъ небольшой могильникъ, заключающій въ настоящее время около десяти могильныхъ насыпей. Большая часть ихъ сравнительно незначительной высоты—1,5—3,5 метра, двѣ-же, стоящія поодаль, гораздо большихъ размѣровъ. Одинъ изъ послѣднихъ кургановъ лежитъ въ нижней части береговой покатости, другой—на болѣе возвышенномъ мѣстѣ, невдалекѣ отъ тракта, ведущаго въ мѣстечко. Остальные курганы занимаютъ какъ-бы среднее между ними положеніе. Для раскопокъ было выбрано три кургана изъ этой средней группы, т. е. съ небольшими насыпями. О первоначальной высотѣ кургановъ и объ ихъ формѣ теперь трудно судить, такъ какъ курганы этой группы много лѣтъ какъ распахиваются. Но, основываясь на формѣ большихъ кургановъ, имѣющихся поблизости и еще не тронутыхъ плугомъ, можно думать, что и эти курганы были куполообразные; въ ва-

стоящее-же время они носят характеръ отлогихъ возвышеній, съ одной стороною болѣе высокой, а другой менѣе, что зависитъ отъ площади, на которой они расположены, имѣющей уклонъ къ рѣкѣ. Очень возможно, что нѣкоторыя насыпи разнесены плугами до основанія и теперь незамѣтны на поверхности; на это есть между прочимъ указаніе въ „Археологической картѣ Киевской губ.“ проф. Антоновича, гдѣ сказано, что на поляхъ с. Паріевки, около почтовой дороги, есть 3 группы, въ нихъ 27 кургановъ.

Высота раскопанныхъ кургановъ—1) 1,23—1,5 м., 2) 1,55—2 м. и 3) 3,1—3,5 м.; соотвѣтственныя окружности—66, 85 и 115 м. Раскопки производились колодцами, діаметромъ 6—7 саж., причемъ діаметръ этотъ постепенно сужался до 4-хъ саж.

Первый курганъ не далъ буквально никакихъ результатовъ. Почти то-же самое можно сказать и о третьемъ. Въ первомъ въ сѣв.-вост. части насыпи, почва оказалась состоящей изъ замѣчательно плотной, слежавшейся глины; на глубинѣ 2,85 м. это пятно глины приняло правильныя формы могильной ямы, длиной 3,8 м. и шириной 2,15 м., направленіе ямы на з.-в. с.; углы ея закруглены. Яма шла на глубину 40 стм.; въ разныхъ мѣстахъ ея и на разной глубинѣ встрѣчались куски человѣческихъ костей; въ одномъ мѣстѣ части костей (отъ нижнихъ конечностей) лежали кучкой. Кромѣ костей, встрѣтились, также въ разныхъ частяхъ ямы, уголки и остатки истлѣвшаго дерева; у сѣверной стороны ямы слой истлѣвшаго дерева (дуба) имѣлъ видъ небольшого бруска, длиной до 20-ти стм. Вотъ и все содержимое мѣгильной ямы, по всей вѣроятности ограбленной еще въ древности. Въ насыпи кургана встрѣтилось нѣсколько конскихъ зубовъ, кусокъ угля и довольно значительное количество черепковъ грубой посуды, выдѣланной безъ круга, съ кварцемъ.

Въ насыпяхъ другихъ кургановъ также довольно часто попадались такіе-же черепки; разбросаны они и по полю въ бороздахъ и рывинахъ, вымытыхъ водой. А. И. Шелюшко найденъ здѣсь, наряду съ черепками, и кусочекъ отбивного кремневаго ножика; все это указываетъ на то, что площадь, занятая курганами, и прилегающая къ ней мѣстность, раньше, до насыпки кургановъ, были заняты стоянкой каменнаго вѣка.

Курганъ № 2 заключалъ въ себѣ могилу, также совершенно ограбленную. Уцѣлѣло лишь боковое погребеніе, давшее очень интересныя находки. Устройство центральнои могилы можно возстановить довольно точно. Въ материкѣ ямы не копалось, былъ расчищенъ лишь верхній слой земли и на образовавшейся площадкѣ воздвигнута изъ дубовыхъ брусевъ (15—20 см. діам.) постройка, имѣвшая одну прямую сторону, а остальные закругленныя. Столбы въ нѣкоторыхъ частяхъ вбивались настолько часто, что образовался какъ-бы частоколь, въ другихъ-же частяхъ (особенно въ прямой) столбы закладывались брусьями. Сооруженіе это было покрыто шатрообразной деревянной крышей, шедшей наклонно внизъ отъ прямой стѣнки; у этой послѣдней, сейчасъ-же за ней, внутри могилы, стояли два столба, поддерживавшіе крышу. Сооруженіе имѣло немного вытянутую форму по линіи прямой стѣнки, именно, въ этомъ направленіи, посрединѣ, оно имѣло 6,2 м., въ поперечномъ-же—5,7 м. Какъ уже сказано, внутри могилы ничего не оказалось, даже обломковъ костей,—могила была ограблена и слѣдомъ ограбленія остался подкопъ, ведшій въ могилу съ з.-з.-с. стороны. Подкопъ имѣетъ видъ траншеи, шириной 80 см., устроенъ онъ тогда, когда крыша еще была цѣла, она впоследствии завалилась надъ подкопомъ и образовала въ разрѣзѣ кривую линію истлѣзшаго дерева, опущенную внизъ и снова поднимающуюся. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что у в.-в.-ю. угла склепа, внѣ его, обнаруженъ кругъ обожженной земли, діам. приблизительно 1 м., съ остатками золы, углей и костей животныхъ—повидимому слѣдъ небольшого костра.

На глубинѣ 1,1 ж. отъ вершины кургана, въ насыпи его, обнаружено боковое погребеніе. Находилось оно съ ю.-ю.-з. стороны склепа, непосредственно за прямой его стѣной. Скелетъ лежалъ въ гробу или былъ прикрытъ досками—пока свазать трудно, во всякомъ случаѣ сверху сохранились части досокъ. Направленіе скелета на з.-з.-с., хотя головы и верхней части туловища и не открыто. Ясно обозначались берцовыя восты съ немного раздвинутыми нижними концами; продолженіемъ ихъ служили двѣ бронзовыя античныя кнемиды, быть можетъ скрывающія кости голеней. Кнемиды находились въ положеніи, указывавшемъ на то, что колѣни покойника были

раскинуты. Возлѣ правой кнemiды, въ наклонномъ положеніи стоялъ бронзовый тонкій кругъ, приблиз. 20 см. діам., украшенный по ободку рядомъ штампованныхъ точекъ. Тутъ-же и немного поодаль найдено нѣсколько круглыхъ, выпуклыхъ блестящихъ съ отверстіями посрединѣ, затѣмъ цѣлый рядъ бронзовыхъ узкихъ пластинокъ, покрывавшихъ въ видѣ чешуи б. м. поясъ, трехгранный бронзовый наконечникъ стрѣлы и, немного ниже,—часть желѣзнаго предмета, б. м. меча. Относительно положенія предметовъ, количества ихъ и величины пока можно говорить лишь предположительно, такъ какъ это погребеніе едва только начато отчисткой. Въ виду его интереса, Н. Е. Бранденбургъ въ данномъ случаѣ прибѣгнулъ къ приему, уже не разъ имъ употреблявшемуся и давшему такіе блестящіе результаты. Приемъ этотъ состоитъ въ томъ, что все пространство, заключающее цѣлое погребеніе или какую-нибудь интересную часть его, только слегка отчищается, затѣмъ заключается въ крѣпкую раму, снова присыпается смоченной землей и плотно заколачивается крышкой. Дальнѣйшая, самая трудная работа состоитъ въ подбивкѣ земли подъ рамой и въ пропусканіи туда досокъ, въ свою очередь прикрѣпляющихся къ рамѣ. Когда подъ всей рамой подбиты доски, она переворачивается, временно подбитыя доски снимаются, земля выравнивается, слегка утрамбовывается и тогда-уже доски плотно и наглухо заколачиваются. Такимъ образомъ получается ящикъ, который для большей крѣпости можно еще стянуть желѣзными обручами, заключающій слой земли съ предметами. Разборка его уже производится на мѣстѣ и конечно производится гораздо легче и удобнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь на двѣ могильной ямы; тутъ можно уберечь предметы отъ ломки, что нерѣдко случается и при отчисткѣ и при перевозкѣ, а главное, можно сохранить взаимное расположеніе предметовъ и, такимъ образомъ, дать наглядную картину погребенія. Прекраснымъ доказательствомъ рациональности этого приема служатъ цѣлыя погребенія кочевниковъ, хранящіяся въ Артиллерійскомъ Музеѣ и перевезенныя туда Н. Е. Бранденбургомъ изъ Кіевской губ. Если такое препарированіе цѣлыхъ могилъ требуетъ большихъ хлопотъ и издержекъ и примѣнимо лишь по отношенію къ выдающимся находкамъ, то его удобно можно примѣнять къ частямъ погребеній

или къ отдѣльнымъ предметамъ, вынуть которые на мѣстѣ представляется затруднительнымъ.

Какъ уже упомянуто, такой пріемъ былъ примѣненъ и къ данному погребенію; оно заключено въ ящикъ, довольно внушительныхъ размѣровъ и вѣса, и къ разборкѣ его будетъ приступлено уже на мѣстѣ, въ Артиллерійскомъ Музеѣ,—о результатахъ этой разборки мы сообщимъ своевременно. Добавимъ еще, что съ в.-з.-с. стороны скелета, сейчасъ-же за тѣмъ мѣстомъ, гдѣ должна была приходиться голова, лежала на боку, отверстіемъ къ скелету, большая амфора, фазосскаго типа, раздавленная тяжестью земли.

Что дастъ содержимое этого погребенія—пока неизвѣстно, изъ того-же, что можно было видѣть, большую рѣдкость представляютъ кнемиды. Въ Кіевской губ. (да и вообще въ районѣ Приднѣпровья) извѣстны всего двѣ находки: одна въ Каневскомъ у. (изданная Фундуклеемъ), другая въ Чигиринскомъ—(въ собраніи Б. И. Ханенко).

Что касается опредѣленія эпохи и народности этого погребенія, то слѣдовало бы подождать выясненія полнаго комплекта его инвентаря, хотя и теперь, основываясь на нѣкоторыхъ находкахъ (бронзовая стрѣла и амфора) можно почти утвердительно сказать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ погребеніемъ скифскаго типа. находка античныхъ кнемидъ нисколько этому не противорѣчитъ: при тѣхъ взаимоотношеніяхъ, которыя существовали между скифами и греческими колонистами, легко можно объяснить позаймствованіе и этого вида защитнаго вооруженія, совершенно такъ-же, какъ и признанный фактъ употребленія скифами греческихъ бронзовыхъ шлемовъ. Къ той-же эпохѣ нужно отнести и ограбленныя центральныя погребенія какъ этого, такъ и другихъ кургановъ. Въ 1891 г. проф. Антоновичемъ было раскопано 3 кургана у лежащаго недалеко отъ Паріевки с. Кальника (также въ бассейнѣ р. Соба). Въ курганахъ обнаружены большія деревянные постройки въ видѣ шатра, основанныя на рядахъ толстыхъ дубовыхъ свай,—постройки, повидимому, однородныя съ открытой въ курганѣ № 2. Подъ этими постройками лежали скелеты и при нихъ желѣзные кинжалы, бронзовыя трехгранныя стрѣлы, большія

амфоры, обломки терракотовыхъ сосудовъ, удила—инвентарь несомнѣнно скифскаго погребенія.

Кромѣ вышеописанной группы кургановъ, Н. Е. Бранденбургомъ начатъ пробной раскопкой громадный курганъ, находящійся у самого м. Ильинець, на поляхъ Барбаровской экономіи. Намъ, къ сожалѣнію, не пришлось присутствовать до конца раскопокъ, а потому и свѣдѣнія о нихъ откладываемъ до слѣдующаго раза.

Помимо раскопокъ кургановъ, было осмотрѣно также городище, расположенное на крутой горѣ, у с. Борисовки, въ лѣсу, принадлежащемъ владѣлицѣ Ильинець Е. П. Демидовой княгинѣ Санъ-Донато. Городище прекрасно сохранилось, круглой формы, съ поперечнымъ внутреннимъ валомъ, раздѣляющимъ его на двѣ неравныя части. Кое-гдѣ на площади его замѣтны свѣжія кладочскательскія ямы. При изслѣдованіи стѣнокъ одной изъ нихъ, А. И. Шелюшко было добыто много черепковъ посуды, костей, кусковъ обожженной земли съ одной гладкой поверхностью и шлифованный топорикъ изъ кремнистаго сланца. Характеръ черепковъ (м. п. соединительная ручка двойнаго сосуда) и присутствіе обожженной земли даютъ указанія на до-микенскую культуру. Очень возможно, что площадь поселенія этой эпохи была занята въ болѣе позднее, славянское время, городищемъ. Если фактъ этотъ подтвердится, то для Липовецкаго у. это будетъ первая находка подобнаго рода. Очень желательно, что-бы было произведено систематическое изслѣдованіе городища и прилегающихъ къ нему мѣстностей.

Музеи и собранія древностей.

Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской. I. До сихъ поръ, на страницахъ «Лѣтописи», не было еще почти ничего сказано объ этомъ музеѣ. Между тѣмъ музей Е. Н. Скаржинской заслуживаетъ полнаго вниманія какъ по общей постановкѣ дѣла, такъ и по тѣмъ матеріаламъ, которые въ немъ сосредоточены. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ недавняго посѣщенія музея, мы постараемся дать краткій очеркъ его, выразивъ при этомъ глу-

бокую признательность секретарю музея С. К. Кулжинскому, съ полной готовностью дававшему намъ объясненія и справки.

Характеръ музея—преимущественно мѣстный, въ этомъ его интересъ и значеніе. Началось дѣло собиранія коллекцій, если не ошибаемся, лѣтъ двадцать тому назадъ; понемногу коллекціи расширялись, прибавлялись новые отдѣлы и, благодаря энергіи владѣлицы и ея широкимъ взглядамъ на подобнаго рода дѣло, въ настоящее время образовался настоящій музей, съ музейной обстановкой, съ точной регистраціей предметовъ (последнее, къ сожалѣнію, не всегда практикуется и въ нѣкоторыхъ общественныхъ музеяхъ). Помѣщается музей въ усадьбѣ х. Круглика (версты три отъ станціи Кіево-Полтавской ж. д. Лубны), занимаетъ двѣ большихъ залы и нѣсколько другихъ помѣщеній, но количество предметовъ за послѣднее время такъ возросло, что приходится тѣсниться—нѣтъ возможности выставить все болѣе или менѣе интересное. Просвѣщенные взгляды владѣлицы на такого рода учрежденія выражаются, прежде всего, въ томъ, что ея музей уже и теперь сталъ общественнымъ учрежденіемъ: доступъ въ него открытъ для каждаго, хранителемъ музея даются объясненія, витрины снабжены пояснительными надписями. Посѣтителемъ являються главнымъ образомъ мѣстные жители, и насколько дѣло привилось—можно судить по числу посѣщеній: въ среднемъ, въ мѣсяцъ, ихъ бываетъ до ста, въ нѣкоторые-же мѣсяцы число это поднимается до трехсотъ. Такимъ образомъ, просвѣтительное значеніе музея для мѣстнаго края несомнѣнно. Затѣмъ, имѣя въ виду именно эту цѣль, владѣлица рѣшила оставить навсегда музей въ краѣ и никогда не имѣла намѣренія, какъ о томъ сообщали досужія корреспонденціи, передать его одному изъ столичныхъ музеевъ. Во всякомъ случаѣ, будущность музея можно считать обезпеченной: онъ останется областнымъ музеемъ, т. е., такимъ, въ какихъ давно чувствуется недостатокъ въ нашемъ обширномъ отечествѣ.

По составу, музей можно раздѣлить на три главныя части, составляющія отдѣлы: естественно-историческій, историко-археологическій и этнографическій. Первый не входитъ въ нашу область, будемъ говорить о двухъ послѣднихъ и на этотъ разъ остановимся лишь на чисто археологическомъ отдѣлѣ. Но

прежде нѣсколько словъ о томъ направленіи, въ какомъ ведется комплектованіе всего историко-археологическаго отдѣла. Нужно признать, что большинство частныхъ коллекцій и даже цѣлыхъ музеевъ, въ зависимости отъ вкусовъ владѣльцевъ и непониманія ими научныхъ цѣлей такихъ собраній, состоитъ изъ предметовъ, характеризующихъ какой-ниб. одинъ слой общества, преимущественно слой верхній, низшій-же, масса и все то, что относится къ ея быту, не привлекаетъ къ себѣ вниманія, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ не даетъ ничего такого, что можетъ „украсить“ коллекцію. Въ музей Е. Н. Скаржинской дѣло обстоитъ иначе: здѣсь собирается все, что можетъ послужить къ характеристикѣ быта общества, всѣхъ слоевъ его, въ ту или другую эпоху. Поэтому, рядомъ съ цѣнными, какъ въ художественномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи предметами, мы видимъ въ витринахъ и самыя незатѣйливыя предметы домашняго обихода простаго люда: на нихъ обращено такое-же серьезное вниманіе, они тщательно собираются, если не встрѣчаются цѣлыя, то подбираются и обломки. Это особенно важно по отношенію къ древностямъ историческимъ, ко времени не столь отдаленному, но отъ котораго осталось такъ немного. Для науки нѣтъ ничего не важнаго, не интереснаго и мы съ большимъ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что принципъ этотъ нашелъ себѣ прочное мѣсто въ музей Е. Н. Скаржинской.

Одна изъ большихъ залъ почти исключительно занята памятниками доисторической старины. На ней мы и остановимся. Происходятъ предметы преимущественно изъ Полтавской губ., главнымъ образомъ, изъ Лубенскаго у. Но есть также изъ Подольской, Волинской, Киевской, Черниговской, Харьковской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической, Бессарабской, Области Войска Донскаго, съ Кавказа и даже изъ Люблинской, Радомской, Виленской, Витебской, Смоленской и Тверской губ. Въ большинствѣ случаевъ каждая губернія, изъ вышеприведеннаго длиннаго списка ихъ, представлена очень незначительнымъ числомъ предметовъ, среди-же этихъ послѣднихъ немногіе представляютъ изъ себя характерныя образцы ¹⁾. На нашъ взглядъ,

¹⁾ Здѣсь можно упомянуть о рядѣ сосудовъ изъ раскопокъ кургановъ въ Старобѣльскомъ у. Харьковской г., о нѣсколькихъ брон-

помѣщеніе въ музей, носящій мѣстный, областной характеръ, предметовъ изъ разныхъ другихъ мѣстъ представляется неполнѣ рациональнымъ. Въ виду просвѣтительныхъ и общеобразовательныхъ цѣлей музея, конечно, необходимо дать понятіе и о томъ, въ чемъ выразилась культура прежнихъ эпохъ другихъ областей и даже странъ, чѣмъ она разнится отъ мѣстной. Но для этого нужны болѣе или менѣе образцовые предметы, а за отсутствіемъ оригиналовъ, можно помѣстить копии или рисунки ¹⁾, собираніе-же всего можетъ повести лишь къ загроможденію музея. Вышеуказанное обстоятельство не составляетъ однако недостатка музея,—благодаря ему все-же сохраняются памятники старины, повсюду у насъ уничтожаемой, да и въ общемъ числѣ, какъ уже сказано, значительно преобладающей является старина Полтавской губ.—къ ней мы и переходимъ.

Нѣсколько витринъ занято различными культурными остатками изъ палеолитической стоянки у с. Гонцовъ, Лубенскаго у.; это крупныя отбивныя орудія изъ порфира и гнейсо-гранита и мелкія изъ кремня—острія, ножики, скребки, затѣмъ масса костей мамонтовъ и отчасти сѣвернаго оленя; нѣкоторыя изъ костей обуглены. Стоянка эта открыта въ лесѣ праваго берега р. Удая бывшимъ владѣльцемъ Гонцовъ Г. С. Кирьяковымъ, описана въ трудахъ III-го съѣзда Ѳ. И. Каминскимъ; первоначальная коллекція изъ стоянки поступила въ Лубенскую гимназію. Впослѣдствіи Гонцы перешли къ г-жѣ Скаржинской и предметы, найденные между 1874—80 г.г., поступили уже въ ея музей. Подборъ ихъ значительно пополненъ въ 1891 г., когда, при рытѣхъ ямы для погребя, на днѣ ея, на глубинѣ 3½ арш., былъ обнаруженъ слой, состоявшій изъ золы, углей, массы костей, частью пережженныхъ, мамонта и другихъ животныхъ, а также изъ кремневыхъ орудій и ядрищъ.

Неолитическій періодъ также имѣетъ въ музей многочисленныхъ представителей. Поражаетъ разнообразіемъ коллекція

зовыхъ топорахъ (кельтахъ) и о бронзовомъ идольчикѣ—все изъ Харьковской-же губ. Есть также бронзовый топоръ изъ Херсонской губ.

¹⁾ Для нѣкоторыхъ западно-европейскихъ странъ такіе тишичные предметы сведены и изображены на таблицахъ.

орнаментированныхъ черепковъ съ „Лысой Горы“ (окрестности Лубень), затѣмъ идутъ находки у с. Исачекъ, въ окрестностяхъ с. Клепачей, у с. Песковъ (все Лубенск. у.) и т. д. Есть предметы и изъ погребеній каменнаго вѣка, м. п. на той-же „Лысой Горѣ“¹⁾.

Представителей бронзоваго вѣка, какъ и слѣдовало ожидать,—немного,—есть изящной формы бронзовый топорикъ, найденный между с. Клепачами и х. Александровкой, другой бронзовый топорикъ (кельтъ) изъ Хорольск. у., форма для отливки бронзоваго серпа изъ Кременчугск. у. и нѣкот. другіе.

Довольно многочисленны предметы скифской эпохи. Происходятъ они главнымъ образомъ изъ раскопокъ кургановъ (на „Лысой Горѣ“, на „Старомъ Замкѣ“—возлѣ Лубень), а также и изъ случайныхъ находокъ.

Къ эпохѣ переселенія народовъ относится прекрасный, ажурный бронзовый браслетъ, съ гнѣздами для эмали, найденный въ Лубнахъ; сюда-же могутъ быть отнесены и два другихъ бронзовыхъ браслета, гладкихъ, съ утолщеніями на концахъ; найдены также въ Лубнахъ.

Изъ раскопокъ кургановъ и изъ случайныхъ находокъ происходятъ и предметы славянской эпохи какъ болѣе ранней, такъ и великокняжеской; къ послѣдней относятся и нѣкоторые находки въ г. Лубнахъ. Вообще нужно замѣтить, что все находимое въ Лубнахъ, при рытьѣ земли или даже случайно, находится пріютъ въ витринахъ музея; за этимъ слѣдитъ мѣстный житель—А. А. Лавренко, спасающій такимъ образомъ отъ гибели много цѣнныхъ остатковъ старины.

Мы лишь бѣгло коснулись содержанія археологическаго отдѣла музея,—надѣмся, что интересующіеся дѣломъ скоро будутъ имѣть возможность ознакомиться съ нимъ цѣлкомъ, такъ какъ въ настоящее время совсѣмъ готово подробное его описаніе, а иллюстрирующіе это послѣднее многочисленныя таблицы рисунковъ уже и отпечатаны. Такое описаніе будетъ цѣннымъ экспонатомъ на предстоящемъ Харьковскомъ съѣздѣ и

¹⁾ О раскопкахъ здѣсь кургановъ см. статью Ласкоронскаго, Кіевск. Стар. 1892 г.

отчасти замѣнить оригиналы, такъ какъ, не смотря на всю желательность, снять съ мѣста музей и выставить его на свѣдѣ, дѣйствительно представляется затруднительнымъ.

По ходатайству предсѣдателя херсонской ученой архивной комиссіи Г. Л. Скадовскаго, Императорская археологическая комиссія распорядилась о пополненіи *Херсонскаго археологическаго музея* древностями, найденными въ послѣдніе годы при систематическихъ раскопкахъ развалинъ Херсонесса (у нынѣшняго Севастополя) и Пантикапеи (нынѣ Керчь). Присланная въ Херсонскій музей коллекція пантикапейскихъ древностей состоитъ изъ 110 предметовъ. Между прочимъ въ ней обращаютъ на себя вниманіе золотыя вещи: перстень съ рѣзнымъ гранатомъ, круглыя бляшки, украшавшія одежду; бронзовыя зеркала, браслеты, пряжки, кольца; стеклянная посуда: бальзамаріи, стаканы, ожерелья, амулеты, пуговики; глиняная посуда; терракотовыя статуэткы; лампочки, грузила. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе плохой укупорки, многія вещи пришли въ Херсонъ разбитыми, изломанными, особенно пострадала стеклянная и глиняная посуда и статуэткы. („Югъ“).



ношенія В. къ его Бережовскимъ „подданнымъ“. 1) Послѣ В. остался сынъ Яковъ, который по смерти отца вѣроятно до-

1) Приводимъ здѣсь любопытное рѣшеніе Прилуцкаго полковаго суда по жалобѣ Бережовскаго жителя Верескуненка на зятя сотника Волошина, „п. Матвѣя Федоровича“, который, по взятіи теста въ Сибургъ, властно распорядился урядовою его маестностью: — „Року 1719, мѣс. авг. 20 числа. На урядѣ нашомъ такъ полков., яко и городов. Прилуцкомъ, предъ нами Иваномъ Марковичемъ, судією полк. Прилуцъ., Григоріемъ Николаевичемъ, атам. город., Елстафѣемъ Мойсѣев., войтомъ, Яким. Иван. и Михайломъ Балабою, бурмистрами, жаловался Каленикъ Верескуненко, житель Бережувскій, на п. Матвѣя Федоровича, державцу своего, же якобы онъ не тилко взялъ у его корову за стравлене гарбуза свинкою его, в городъ оногo п. Матвѣя, лечъ еще велѣлъ его старостѣ своему, что за той гарбузъ не попустилъ ему часть огорода, обухомъ, ведучи до двора, при Тимошу Карлу, бити; а другое, якобы за тое, что рикуня (коровница) оногo жъ п. Матвѣя дала ему грудку сира а зложку масла, взялъ у его огородъ с хатою и садомъ, за которій давано таларей 20, поля на шесть недѣль (т. е. $3\frac{1}{2}$ десят.) и другую корову, а до того жита конь полдесяти, гречки $1\frac{1}{2}$ кони, овса $1\frac{1}{2}$ кони, голого жита полчетверика, гороху полчетверика, не взирая на тое, что теща оногo велѣла его налицею, а жинку оногo нагайкою бити по подошвахъ и в холодѣ, за тотъ же сиръ и масло, два днѣ держати его. В чомъ просилъ оній Верескуненко з помянутого п. Матв. Федор. святой справедливости. На такову ю тели жалобу его, зискавши предъ себе п. Матв., питалисма его если взялъ онъ у помянутого Верескуненка за стравлене гарбуза корову или нѣтъ? и чи велѣлъ его старостѣ своему бити обухомъ, а знову, чи забралъ онъ в его за грудку сира и ложку масла огородъ с хатою и садомъ, поля на 6 недѣль, корову другую и пащню, яко вишше виразилося. Теди оній, на питане наше, отвѣтовалъ тое, что корову одну взялъ онъ не за гарбузъ, але за вишшене капусты и прочей огороднни; а що оній Верескуненко повѣдаеть, же якобы велѣлъ оногo обухомъ бити, то тое не есть правда; знову, що тотъ же Верескуненко мовить, же якобы онъ огородъ з хатою и з садомъ, за которій будто давано талар. 20, поля на 6 недѣль, корову другую (проч., какъ сказано Верескуненкомъ више) забралъ, то и тому неправда дѣется, кдыжь того мовить онъ не бралъ, але еще тестъ его Григорій Ивановичъ, бывшій сотникъ Ивашцкій, будучи в дому, забралъ пменно: огородъ з хатою и садомъ, поля на килка недѣль, корову та молоченого жита всего тилко $1\frac{1}{2}$

бывался Бережовки, находя, что село это должно принадлежать ему „за службы“ его отца.

Стороженко былъ однимъ изъ сыновей Иченскаго сотника Андрея С—ка. О немъ сохранилось только слѣд. интересное свѣдѣніе, записанное въ Дневникѣ Я. Марковича, въ апрѣлѣ 1726 г.—„Иваницкій сотникъ Ив. Стороженко первую жену

четверика, а большъ пашнѣ не бралъ, и то не за грудку сира и ложку масла, але що мѣлъ переводню з рикунею ихъ, яка дойво поташловавшы и в оное онучъ и землѣ наклавши, утекла, тое забрато. А поневажъ предреченный Верескуненко здавался на Тимоша Карла, жителя Бережувского, же якобы свѣдомъ онъ, якъ бивъ староста его обухомъ, а на Михаила Менка, жителя тамошнего жъ изсилался, что свѣдомъ, и зсилалисмо на п. Романа Березинского (с. 181), знатн. тов. в., до с. Бережувки для роспитаня людей о томъ побой свѣдомихъ и розисканя о томъ, кто в одного Верескуненка забралъ кгрунта и пашню и за якую вину. Где п. Берез., по самой слушности розискавши, привезлъ до насъ на паперѣ розискъ и в ономъ не явилося того, чтобы по приказу п. Матвѣя,—обухомъ, а по повелѣнію тещи его—налицею по подошвахъ, а жунку его нагайкою тожъ по подошвахъ бито, але живно тое онъ змислялъ. Такожъ и того на п. Матвѣя не показалося, ижъ бы мѣлъ онъ забрати в его кгрунта, *але тещь оною тѣ забралъ кгрунта*, за тое что з рикунею ихъ в дуйвѣ мѣлъ переводню. Судъ прето нашъ полк. Прлц. видячи, что помянутій В—ко неслухне на п. Матвѣя Ф—ча, оболгалъ, зганялъ ему В—ку тое, однакъ поневажъ помянутіе кгрунта у одного В—ка взятіе, в завѣдоване помянутому п. Матвѣю досталися, теда судъ нашъ, респектуюча на убожество мененого В—ка, велѣлъ п. Матвѣю, ижъ бы ему привернулъ поле, тако жъ корови обидвѣ и пашню сколко забрато отдавъ усю. А за тую вину, что оній В—ко мѣлъ з рикунею ихъ переводню, удержалъ при соби оній п. М. огорожд из садкомъ, которимъ волно ему и тестви его за прибутемъ, якъ хотѣти владѣти и жебы вже вишепомянутій В—ко не важился такъ зъ его п. М., яко и тества его и потомковъ ихъ, за тое, що више вразилося, турбовати, *вими положиши таларей 20 и киевизъ ударовъ 50*, декретъ сей при подписаніи руки судейской и при печатехъ такъ судейской, яко и городской Прлц. сторонѣ потребуючой до рукъ видалисмо. В ратушу Прлц. року и дня вышевыраженнихъ. *Звишенованный судя полковой з вишенованім урядомъ рукою власною*. (М. П.) (М. П.) (Съ подлинника).

по причинѣ болѣзни ея постригши въ монахини, женился на другой, но недѣли черезъ самъ умеръ и постриженная тоже“.

Миницкій началъ службу въ генер. к—риі съ 1714 г. и оставался тутъ до смерти Скоропадскаго, когда въ 1722 г. назначенъ былъ Полуботкомъ на урядъ Нѣжинскаго полк. писарства. Назначеніе это было сдѣлано противъ желанія тогдашняго Нѣжинск. плкн—ка Толстого, по интригѣ котораго М. былъ Румянцовымъ въ 1723 г. арестованъ, конечно, какъ сторонникъ Полуботка. Объ этомъ арестѣ самъ М. рассказываетъ такъ: „въ 1723 г., декаврѣя, за бытности г. Румянцова въ М. Россіи, при арестованіи зъ разныхъ полковъ старшины, *преданъ* и я отъ Толстого въ Глуховъ за арестъ, и тамъ 16 мѣс. утѣсненіе претерпѣвши, по наведенной на мене не въ чомъ винѣ, освобоженъ въ мартѣ 1725 г., зъ коллежскимъ пашпортомъ зъ подъ аресту—честно быть въ чину попрежнему“. Но Толстой не желалъ имѣть М. писаремъ въ своемъ полку, п. ч. въ январѣ 1726 г. М. оставилъ „по крайней нуждѣ“ Нѣжинъ и переселился въ Прилуцкій полкъ, такъ какъ „писменнымъ ордеромъ“ плкн—ка Галагана онъ былъ опредѣленъ „на вакансъ въ м. Иваницу править сотнею до указу“. Но Толстой, повидимому, продолжалъ преслѣдовать М., какъ это видно изъ разсказа послѣдняго о дальнѣйшей его судьбѣ—въ жалобѣ поданной Апостолу, въ октябрѣ 1728 г. Сказавъ о полученіи сотничества отъ Галагана, М. продолжаетъ: но Млрс. коллегія „навожденіемъ п—ка Толстого, устремившагося на мене злобою, безвинно изгнала мене отъ сотничества. И я тогда устрашенъ (будучи) коллегіей и злобою Толстого, дабы знову не попасть напрасно въ неволю, заразъ уѣхалъ въ С.-Пбурхъ и тамо чрезъ 9 мѣсяцей живучи, зъ немалымъ коштомъ, убыткомъ и волокитою, получилъ монаршій указъ о опредѣленіи мене попрежнему Иваницкимъ сотникомъ, и сверхъ того указу иностр. дѣлъ коллегія, чрезъ совѣтн. г. П. В. Курбатова, вручила мене 30 юля 1727 г. и приказала г. Наумову, дабы за прибытіемъ его въ Украину, опредѣлено мене сотникомъ въ Иваницю безволокитно... По якому монаршему указу и по писмахъ причинныхъ (т. е. ходатайственныхъ), данъ былъ мнѣ прошл. 1727 г., дек. 20 д., отъ ясн—ти в. до п. плк—ка При-

лудкого указъ о бытіи мнѣ сотникомъ по прежнему, а Григорію Волошину, который былъ козакамъ на тое сотничество подмогоричился, вося отказать... Но г. Наумовъ, за повиданемся въ В. Волочку (по дорогѣ изъ СПб. въ Глуховъ) зъ г. Вельяминовымъ, а зъ означеннымъ Толстымъ нарочно обаячившись, при подмосковной его деревнѣ, гдѣ нынѣ живеть, пакостить мнѣ напрошенный и *поступленною въ Глуховъ каретою* скорумпованный (подкупленный), по тому монаршему и ясн—ти в. указу сотникомъ быть мнѣ не допустилъ"... Случилось это такимъ образомъ: выпросивъ въ нач. 1727 г. въ СПб. „мозаршій указъ“ на сотничество, М. отпраленъ былъ въ Иваницу съ универсаломъ уже повопоставленнаго гетмана, предписывавшаго полковнику „вручить“ М. и „короговъ“. Но не успѣлъ М. еще и водвориться на сотничествѣ, какъ Наумовъ извѣстилъ Апостола, что онъ не находитъ возможнымъ допустить М. къ сотничеству. Апостоль не могъ не подчиниться Наумову ¹⁾, но вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлось Апостолу и показывать публично свою зависимость отъ „министра“; поэтому гетманъ написалъ Галагану, чтобы тотъ негласно отобралъ у М—го гетманскій универсалъ на сотничество, послѣ чего М. разумѣется переставалъ быть сотникомъ. Распоряженіе это сейчасъ же стало извѣстно въ Иваницѣ и М., видя бѣду, бросился добывать „инстанціальныя“ къ гетману письма отъ разныхъ вліятельныхъ лицъ. Главнымъ изъ нихъ былъ Вейсбахъ, который и просилъ (въ янв. 1728 г.) гетмана—помочь М-му, такъ какъ это „человѣкъ состоянія доброго и того сотническаго чина быти достоинъ“. Такую же „инстанцію“ М. представилъ и отъ гетманича Павла, писавшаго 15 янв. 1728 г. отцу: „нарочне сегодня прибылъ ко мнѣ, въ Сорочинцѣ, п. Павелъ М. и плачливе ускаржался въ несносной своей обидѣ (о которой вашей ясн—ти извѣстно уже есть и онъ самъ устне или литералне маеть предъявити) а зверхъ того еще и нынѣ по виданному отъ в.

1) См. данную Наумову, при отпраленіи его въ Малороссію, инструкцію. Исторія Россіи, Соловьева, IV, 1108.

ясн—ти указу, п. плк—къ Прилуцкій, *невѣдомо чего ради*, оному М—му вряду *сотничества Іваницкаго и корогви вручене—на отдаляцію пустиль*, чрезъ что онъ вовсе разорился зъ домоу своимъ, въ томъ просилъ до в. ясн—ти моеѣ за собою инстанціи... Теди я, вѣдаючи зпреди его п. Минѣцкаго зичливую и безподозрительную ку домови нашему добросклонность, *якъ въ часъ аресту надъ нами бывшого явившую*, такъ и нынѣ за бытности его въ Сибурсѣ, отъ п. Петра брата листовне описанную, зъ прошевіемъ на оного респекту послѣдовательнѣй и я прошу в. родит. милости, абы въ претенсіи своей онъ, п. М., милостию в. ясн—ти не былъ занехаеный"... Изъ этого письма не видно, чтобы молодой Апостоль зналъ, что сотничество М—аго „пущено было на отдаляцію“ не Галаганомъ, а тѣмъ самимъ отцомъ, у котораго онъ за него предстательствовалъ... Въ той же жалобѣ, поданной Апостолу въ октябрѣ 1728 г., М. писалъ, что „нѣкоторые Іваничане“, „видя гнѣвъ его ясн—ти на него М. чрезъ отставку отъ сотничества положенный, разверѣпили и великія пакости ему чинять“. Описавъ всѣ свои бѣды, М. просилъ гетмана „висоцеповажнымъ панскимъ унѣверсаломъ утвердить его, зъ врученемъ сотенной корогвы, на томъ Іваницкомъ сотничествѣ“. Но гетманъ долженъ былъ слушать Наумова... Въ то же время городской Іваницкій атаманъ Комаанецъ, будучи личнымъ врагомъ М—го, подбивалъ сотнянь просить гетмана о назначеніи къ нимъ сотникомъ вновь Волошина, который и былъ въ 1728 г. представленъ отъ сотнянь для утвержденія, вмѣстѣ съ двумя „кандидатами“, козаками Иценкомъ и Зодемъ. Но гетманъ никого изъ нихъ не утвердилъ: Волошина—п. ч. ему было запрещено быть сотникомъ, Иценка—„за пьянство и неспособность“, а Зоця—„за глухство и калѣцство“. Сотня оставалась безъ сотника до мая 1729 г., когда повидимому Наумовъ смилостивился надъ М—мъ и Апостоль получилъ возможность утвердить его на сотничьемъ урядѣ. Но для этого нужно было исполнить еще процедуру „выборовъ“ М—аго Іваницкими сотнянями. Представляя въ маѣ 1729 г. эти выборы, въ Глуховѣ, Галаганъ писалъ: „прошу, чтобъ на тотъ урядъ сотничества Іваницкаго, на мѣсто умершого тамош-

товъ (другимъ „кандидатомъ“ былъ указанъ сотенный хоружій Кудра) а именно помянутого М—го опредѣлить, ибо за нимъ до мене отъ сотнянъ подано на писмѣ прошеніе“. Сотняне съ своей стороны представительствовади за М—аго: „понеже мы теперь, безъ совершенного въ мѣстечку нашемъ сотника, въ крайнее приходимъ разореніе за непорядками въ правленіи дѣлъ, и за тымъ что нѣкому въ нуждахъ нашихъ спомоществовать и за нами обстоювать, того ради единогласно всѣмъ обще, товариство и посполство, цѣлою сотнею, просимъ ясн—ти вашей да повелить, ваша панская в—ть, его, п. М—го, *домъ свой и кирунта въ Іваници имѣющою*, (отъ которою мы жадной нѣ въ чомъ не узнавали и не узнаемъ обиди, овшемъ всякое въ нуждахъ нашихъ имѣемъ спомоществованіе и въ росправѣ доволствованіе), ¹⁾ совершеннымъ въ оную сотню или Петра Кудру, хоружого сотенного, утвердить сотникомъ и отдать зъ нихъ одному короговъ, ижъ бы мы бѣдніи и убогіи люде на неусипномъ шляху мешкаючи, болшъ безъ настоящего сотника не приходили въ нищету крайнюю и не терпѣли бъ обидъ отъ переиждихъ особъ и протчихъ, якихъ sustentуемо“... Сочинителемъ этого представительства могъ быть самъ М., конечно искусившійся въ такого рода писаніяхъ.—Получивъ представленіе Галагана 10 мая, гетманъ черезъ два дня уже подписалъ универсалъ, утверждавшій М—го на сотничьемъ урядѣ, указывая, что „атаманна зъ товариствомъ и войты зъ посполствомъ сотнѣ Іваницкой—суплѣвовали до насъ, просячи дабысмо прежде опредѣленного ихъ Іваницкого сотника п. П. М. *по прежнему* на томъ же сотничкомъ урядѣ утвердили, понеже о опредѣленіи его п. М. на томъ Іваницкомъ сотничествѣ и изъ висок. сената въ 1727 г. въ бившую Млрск. коллегію указъ былъ присланъ“.—М. оставался сотникомъ до смерти. Въ мартѣ 1736 г. М. доносилъ генер. к—ріи, что онъ не можетъ идти въ назначенный тогда походъ вслѣдствіе „приключившейся ему, по прибытіи съ первого полскаго походу, по-

1) Сотняне говорятъ, повидимому, о дѣятельности М—аго за время завѣдыванія имъ сотнею въ 1727 г. Собственные «грунта» у М. въ Іваницкой сотнѣ должны указывать, что онъ отсюда былъ и

перечной и на сухой костоломъ (ревматизмъ?) болѣзни, за которую не только на конѣ, но и возкомъ ехать не можетъ“, почему и просилъ отпущка. Умеръ М. не раньше к. 1737 г., такъ какъ въ это время онъ еще судился съ сыномъ Волошина, кажется, за Бережовскія земли. Послѣ П. М—го осталось два сына и двѣ дочери; старшій сынъ Андрей (р. 1724 г.) въ 1772 г. былъ писаремъ Ив—цаго земск. суда, а младшій Иванъ—Кр.-Клд. сотникомъ (с. 240); старшая дочь Марья (р. 1725 г.) была замужемъ за Иченскимъ протопопомъ Петромъ Полянскимъ, а младшая Меланія—была замужемъ сначала за П. Стороженкомъ (с. 218), а потомъ за отст. Нѣж. полк. есауломъ Григоровичемъ. По смерти П. М—го вдова его сама распоряжалась хозяйствомъ и настолько самостоятельно, что даже „скупала“ Иваницкихъ крестьянъ. Она потомъ вышла снова замужъ за подполковн. Петра Ивкова и имѣла отъ него одну дочь, тоже Меланію (р. 1742 г.), бывшую замужемъ за Дем. Якубовичемъ. Вдова П. М—го жила въ х. Ковтуновщинѣ, въ которомъ въ 1772 г. было 29 хатъ, а въ нихъ 90 душъ крест. м. пола. Этотъ хуторъ, повидимому, былъ единственною нажитою М—мъ на сотничествѣ маестностью. Слѣдовавшею на сотничій урядъ Бережовкою М. не владѣлъ, не успѣвъ ее отнять у сына Волошина. Но вообще М. нажилъ на сотничествѣ немалое богатство, что видно хотя бы изъ того приданого, которое было дано за дочерью Меланьей, при выдачѣ ея замужъ (с. 218); кромѣ богатой одежды (напр., одинъ изъ кунтушей „молодой“ стоялъ 85 р.), въ приданое было дано деньгами 700 р. ¹⁾.

Свирскій. Въ „доказательствѣ“ о своемъ дворянствѣ Свирскіе писали, что „предки ихъ во время польскаго владѣнія были шляхта и послѣ подданства Б. Хмельницкаго,—остались въ с. Салогубовкѣ, Роменск. у.“ Такъ писалъ въ 1784 г. Григорій Свирскій, значившійся по списку 1739 г. въ числѣ канцеляристовъ ген. в—ри. Но это показаніе едва ли было согласно съ истинною, такъ какъ въ томъ же спискѣ этотъ Григорій

¹⁾ См. списокъ этого приданого въ Кіевск. Стар. 1901 г., іюнь.

Свирскій показанъ „священническимъ“ сыномъ. Въ этомъ же списокѣ значится и другой к—сть Иванъ Свирскій, съ поясненіемъ что онъ—„посполитого званія человекъ“. Одновременно съ первыми двумя, служилъ въ генер. к—ри и третій к—сть Свирскій, Федоръ; былъ ли онъ ихъ родичемъ—неизвѣстно. Этотъ С—ій началъ службу въ генер. к—ри въ 1733 г. Иваницкое сотничество ему дано по универсалу 24 дек. 1738 г., по чьей-нибудь протекціи, такъ какъ для И—цы это былъ человекъ совсѣмъ чужой. На этомъ урядѣ Св. оставался до 1764 г., когда выбранъ былъ на мѣсто Иваницкаго земскаго судьи. Какъ человекъ „неосѣдлый“ въ И—цѣ, С. очень обижалъ согнаны, наживая себѣ „грунта“.

Какъ наживалъ С. эти „грунта“ объ этомъ рассказывали позже жители с. Ступаковки. Во время составленія наказовъ, въ 1767 г., куренный атаманъ с. Ступаковки, отъ имени своихъ селянъ, писалъ Румянцову: „Въ прошедшихъ годѣхъ наданъ намъ сотникъ въ сотню Иваницкую неосѣдлый Федоръ Свѣрскій, кой нынѣ въ повѣтъ Ив—ій земскимъ судьей выбранъ, и никакихъ грунтовъ и земель въ сотнѣ Ив—ой не имѣющей. И когда завелъ себѣ при сотнѣ Ив—ой жилище, многихъ козакъ поскупявъ грунта знатные, мельницы почти всиловне (насилно) поскупялъ же, сѣнокосы, пахатныя поля, гаи и лѣсные угодыя, а кромѣ того и многихъ въ подданство, подъ видомъ скупли, попривлекалъ. А когда онъ б. сотникъ Св—ій козачими грунтами... удовольился, то дозволилъ тестю своему б. сотнику Монастырскому Ив. Романовичу въ той же сотнѣ Ив—ой, при с. Ступаковкѣ, грунта якуплять, первѣе, почти всиловно, мельницы, зъ землями жилые дворы, сѣнокосы и пахатныя поля а иныя пахатныя поля и всиловно, подбергнувши первѣе козака подъ видомъ скупли въ подданство, деньги вбрасывалъ ¹⁾ и себѣ оныя поля позавдаривалъ (sic). И хотя козаки сотни Ив—ой Ступаковскіе, чувствуя свою обиду, таска-

1) Когда казакъ не хотѣлъ продавать той земли, которую сотникъ или другое начальство хотѣло у него купить, то покупщикъ бросалъ назначенную самими ими плату—въ дворъ невольнаго продавца и считали, что сдѣлка совершилась...

ясь за оными съ нимъ, Ромнвч—мъ, по судамъ, яко то: до учрежденія еще въ М. Россіи земскихъ судовъ, полк. Ирлцкой в—ри, а за учрежденіемъ земскихъ судовъ, по суду з. Ив-нцкомъ и по генер. суду, и по онымъ дѣламъ неоднократные отъ суда генер. въ судъ з. Ив-нцкій указъ выправляли, за свои по суду земскому волокиты, то не точію ничего себѣ въ довольство не получили, но только пришли въ такое бѣдство, что часть отъ часу службы государевой нести не въ состояніи, и процитать себе заледво чимъ могутъ. И ежели уже оныхъ грунтовъ и подлинно намъ доходить по судамъ, то неточію оныхъ не получимъ, но и послѣдняго своего препитанія лишимся. И ежели в. графск. с—ву на моемъ одномъ показаніи увѣрится не возможно, то я изылаюсь въ доказательство на сот. Ив-нцкое правленіе и на прошлогодніе ревизіи—которыми именно, какъ онъ б. сотникъ Св—ій, такъ и тесть его Р—чъ, козаками завладѣли и нынѣ они во владѣніи находятся“ 1)...

По вѣдом. 1778 г. за Сврск. значится 66 хатъ въ м. Иваницѣ, х. Загонѣ и „при мельницахъ, въ собственныхъ его хатахъ“. Св. былъ женатъ на дочери полк. судьи Ив. Романовича и имѣлъ сыновей Петра (въ 1778 г., полк. адъютантъ „новосформированнаго“ компанейского полка), Василя (того же полка „кадегъ“), Алексѣя и Ивана (оба тогда же, „ученіе продолжаютъ“) дочерей: Настасью (м.—б. тов. Фед. Раковичъ) и Ульяну (м. Андрей Горленко).

Села Иваницной сотни.

М. Иваница, слияніе рр. Смоши и Иваницы („около м. Ив—цѣ двѣ рѣки чистіе имѣются: зъ одного боку—Смошъ, а зъ другого—Иваниця, подъ самимъ м—комъ идутъ“, 1740 г. 2).

1) Наказы малор. депутатамъ, 1767 г. Изд. Кіевск. Стар., (Кіевъ, 1889), стр. 243.

2) На тогдашнее обиліе въ Ив—цѣ воды указываетъ количество мельницъ, означ. по вѣд. 1740 г. 1) на р. Смоши, поспол. обыв.—3 и коз. 4, 2) на р. Иваницѣ, коз. и владѣльч.—6, 3) на об. рр. Смоши и Иваницѣ, на устѣ и ниже устья, гдѣ совокупились обѣ рѣчки въ одно мѣсто, коз. и влад.—5 и 4) на перекоевѣ, на тѣхъ же ррчк., коз.—1.

Такое мѣстоположеніе, по его защитности, указываетъ, что поселеніе здѣсь должно было существовать издревле. Послѣ за-пустѣнія древняго поселенія, новое здѣсь основалось только во втор. четв. XVII в., такъ какъ раньше документа Пшездѣцкаго Ив—ца не встрѣчается, а по этому документу („Jwania“) въ ней значится 336 госпд. Съ 1649 г. И—ца была центромъ особой сотни и поѣтому слыла „городкомъ“, въ которомъ, какъ въ центрѣ извѣстной группы поселеній, явились ремесленники, изготовлявшіе необходимые предметы одежды и домашняго обихода (портняге, сапожники, ткачи и т. д.). Въ опис. 1740 г. значится: „съ оногo городка (Ив—цы) въ самихъ посполитыхъ окладу, такъ денежнаго, яко и провянтоваго, нѣогда нѣкимъ не собирано и нѣкуда не отдавано и нынѣ нѣчего, кромѣ кон-систенской дачи и другихъ общенародныхъ повинностей, не собирается и нѣкуда не отдается“. Тутъ же показано въ Ив—цѣ винокурень: козачьихъ—4 (казан. 6 и поспол.—4 (казан. 7). Крест. населеніе Ив—цы оставалось свободнымъ до 1743 г., когда оно было отдано (въ количествѣ 120 двор.) б. тов. Андрею Андр—чу Горленку, „за безвинное разореніе и отнятіе имѣній и претерпѣніе со отцомъ его въ тайной к—риіи ареста“. (См. Русск. Арх. 1875 г., кн. II, „Горленки“). Кр. П. 131 д. А. 148 д. В. 246 д. В. 262 д. и „урядниковъ“ 26 д. 1) Пс. 27 д. Г. 166 д. 173 х. (въ числѣ ихъ мастеровыхъ 30 д. 33 х.) и „скупли“ 17 д. 17 х. (изъ нихъ скуплено „сотничкою“ Ми-ницкою 10 д. 10 х.) Д. Корон. 1 д. 4 х. и Горленка 178 д. 238 х. Пс. 92 д. 136 х. Кз. В. 51 д. Г. 86 д. 93 х. Пс. 32 бд. х. Д. 93 д. 146 х., „почталіоновъ“ 2 д. 5 х.

С. Вережовка, рч. Иваница, существовала уже въ полов. XVII в. и съ XVII же в. вѣроятно уже принадлежала на урядъ Ив—цкихъ сотниковъ, такъ какъ Своропадскимъ была отдана тоже на урядъ сотнику Волошину. По смерти В—на,

1) Урядники показаны слѣд.: «войтъ, комисарь, городничій, бурмистръ, сербскій комисарь, писарь, цехмистры (два), десятникъ, завѣдовцы, ктиторъ, паламаръ».

Б. утверждена была Апостоломъ за сыномъ его—Яковомъ (с. 304) и Миницкій напрасно добивался этого села, какъ урядовой маестности. Добился возвращенія Б. на урядъ только Свирскій, которому она была отдана по универсалу генер. к—ри, въ 1739 г. Въ 1776 г. Б. пожалована была Ив. Александровичу (с. 62). Кр. П. 14 д. А. 67 д. В. 27 д. В. 64 д. („здавна сотникамъ належное“), Пс. 13 д. (изъ нихъ два „нищетніе, въ погребцяхъ (землянкахъ?) живучіе“) Г. 35 д. 36 х. Д. 51 д. 89 х. (Александровича) Пс. 4 д. 18 х. 8 бд. х. Кз. В. 5 д. Г. 10 д. 11 х. Д. 23 д. 47 х.

Х. Верескуны поселены Андр. Горленкомъ въ 1701 г., при верш. рч. Иваницы, между двумя „гребельками“, одной—ок. „Дубняка, надъ яр. Гайдуковымъ“, а другой—Верескуновской, устроенной Иваницкими жителями Верескунами. У Пащ. замѣчено, что хуторъ этотъ иначе называется **Дубовый Гай**; тогда въ немъ показано крест. 10 д. 10 х. и 22 бд. х.

С. Ступаковка, ррч. Иржавецъ и Черномазовщина, поселена въ к. XVII в., такъ какъ въ переп. книгахъ 1666 г. не значится. По универсалу 1715 г. отдана Иченскому стн—ку Андрею Стороженку (с. 217), въ родѣ котораго и осталась. Скупаль здѣсь земли и козаковъ и сотникъ Свирскій (с. 312), во слѣдовъ этой скупили не осталось. Кр. А. 46 д. В. 20 д. В. 59 д. Пс. 6 д. Г. 38 д. 40 х. (сотника Григорія и б. тов. Михаила Стороженковъ) Д. 41 д. 46 х. (Стороженковъ) Пс. 4 д. 7 х. Кз. В. 3 д. Г. 4 д. 5 х. Д. 10 д. 22 х.

С. Городня, рч. Городянка, возникла въ к. перв. пол. XVII в. на мѣстѣ какого то древняго поселенія, слѣды котораго и доннынѣ остаются въ кирпичныхъ фундаментахъ, недавно мѣстною полиціею описанныхъ, въ отвѣтъ на вопросы Московскаго археологическаго общества ¹⁾ Г. уже значится по документу Шездѣц-

¹⁾ Въ 1888 г. Московск. Археолог. Общ. обращалось къ губ. администраціи многихъ губерній съ просьбою дать отвѣтъ на предложенные вопросы—о существующихъ въ данной мѣстности курганахъ и городищахъ. Относительно городищъ около с. Городни отвѣтъ

каго, причемъ въ ней показано 312 госп. и 12 мельничныхъ колесъ. Г. оставалась свободною до 1730 г., когда была отдана на рангъ ген. ес. Мануйловичу. Въ вѣдом. 1740 г. значится: „въ Г. посполитыхъ и ихъ подсусѣдковъ живущихъ двор. было, когда во владѣніе отдано, 33, а нынѣ на лице состоитъ живущ. двор.—25, а козачихъ и ихъ подсусѣдковъ и владѣльцами скупленныхъ—33. Въ одного села, въ самихъ посполитыхъ, складу собирается вгодъ денегъ 11 рубл. и 6 коп., и оной отдавался ас. генер. покойному Мануйловичу, а нынѣ отдается—въ надсмотрѣніи одного села по указу обрѣгающомусь б. тов. Як. Карифцѣ.“ Водяныхъ мельницъ козачьихъ показано: на р. Городнѣ 6 и на рч. Безводовеѣ—одна. Кр. П. 33 д. А. 119 д. В? В. 45. д. („принадлежать до Иваницы“), пс. 14 д. Г. 16 д. 16 х., рангов. ген. ес. Мануйловича Д. (ранговыхъ) 7 д. 9 х. пс. 12 д. 26 х. Кз. В. 54 д. Г. 66 д. Д. 97 д. 191 х.

С. Щуровка, р. Смоль, отдана, въ 1692 г., полковникомъ Дм. Горленкомъ, И. Носу, (с. 31), а въ 1695 г. Щ. ему-же была подтверждена и гетманскимъ универсаломъ. По смерти Носа, сынъ

былъ полученъ слѣд.—„Въ разстояніи отъ с. Г. 1 $\frac{1}{2}$ версты, при х. Булевщпнѣ, находится въ лѣсу площадь мѣрою приблизительно ок. 40 десят., а въ окружности ок. 2 $\frac{1}{2}$ версты, почти круглая; вокругъ городища глубокіе вала и канавы; городище имѣетъ два выѣзда съ южной стороны, т. е. отъ ровной полевой мѣстности; вся эта площадь будетъ ширины примѣрно съ $\frac{1}{2}$ версты; съ южной стороны, отъ ровной мѣстности, ширина канавы или рва—до 5 саж., а вала—до 10 саж.; глубина рва до 3-хъ, а высота вала до 5 саж. Съ другихъ сторонъ высоту вала и рва опредѣлить трудно, такъ какъ они заросли лѣсомъ. Преданіе говоритъ, что на этомъ мѣстѣ былъ городъ, а вокругъ его крѣпость, и какъ со стороны сѣв.-вост. имѣются глубокіе овраги и обрывы, то съ этой стороны насыпанная валомъ крѣпость (говорятъ) была разрушена порохомъ при взятіи города. Нѣкоторые владѣльцы, имѣющіе въ этомъ городищѣ участки, закопали оныя канавы и всподѣ (т. е. внизу) канавы оказался въ большихъ грудахъ кирпичъ въ видѣ фундамента, что и теперь видно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вала находили человѣческія кости и древесный уголь.“ Это поверхностное описаніе городища, во всякомъ случаѣ очень интереснаго, требуетъ мѣстнаго научнаго изслѣдованія

его пасынка, Петръ Бѣлецкій (с. 127), пользуясь малолѣтствомъ внуки полковника, „обманно выправилъ“ у гетмана Скоропадскаго, въ 1720 г., универсалъ на Щ., а когда умеръ П. Бѣлецкій, то такой же универсалъ на Щ. тоже „обманно“ выпросили въ 1734 г. сыновья его. Выпрашивая эти универсалы, Бѣлецкіе, отецъ и сыновья, называли себя кровными наслѣдник ми полковника Носа и въ этомъ заключался ихъ обманъ. Обманъ этотъ открыла невѣстка полковника, вдова его сына Степана, начавъ противъ Бѣлецкихъ въ судѣ дѣло для защиты наслѣдственныхъ правъ своей дочери (с. 34). Судебный споръ вдовы Ст. Носа съ Бѣлецкими за Щ.—тянулся четыре года (1743—47) и кончился въ пользу истицы: Щ. присуждена была внуку полковника Носа, бывшей замужемъ за Троцкимъ (с. 35), въ родъ которыхъ Щ. затѣмъ и перешла. 1) Кр. А. 69 д. В. 29 д. В. 36 д. пс. 11 д. Г. 25 д. 29 х. Д. (разн. владѣній) 37 д. 49 х. пс. 2 д. 4 х. Кз. В. 10 д. Г. 16 д. 16 х., „мельники“ б. тов. Троцкаго—3 д. 3 х. Д. 35 д. 61 х.

С. Ряски, рч. Смольш, существовали уже въ пол. XVII в.; затѣмъ отданы были (Самкомъ?) на урядъ полковнику Чернявскому, послѣ котораго, какъ урлдовою маетностью, Р-ми владѣли послѣдовательно Горленки, Лаз. и Дм., Носъ и Галаганъ, пока это село не выпросилъ у Скоропадскаго извѣстный генералъ Вейсбахъ. Послѣдній ревностно занялся здѣшнимъ хозяйствомъ, причемъ скупалъ земли и у своихъ „подданныхъ“ 2).

1) Въ этомъ процессѣ Бѣлецкіе о полковникѣ Носѣ говорятъ, что когда онъ сирійшолъ зъ Сѣчи запорожской, то по знаемости съ нимъ—бывшій полков. писарь Прилуцкій Семень Раковичъ, по своему усмотрѣнію, одного Носа, бывшего рядовымъ козакомъ, на Анастасіи Раковичевнѣ, своей сестрѣ Бѣлецкой, 1665 г. женилъ, и по жеветѣ, — на всѣхъ добрахъ природного ихъ прадѣда Ивана Бѣлецкаго — онъ, Носъ, отъ одного года чрезъ 44 года жилъ и всѣми добрами корвстувался... Бѣлецкіе старались доказать, что Носъ разжился на имѣніи перваго мужа своей жены—Бѣлецкаго, почему де и Щ. должва принадлежать правнукамъ этого Бѣлецкаго...

2) „Я, Андрей Нестеренко, члню вѣдомо: понеже имѣючи свои лозы з мѣстцемъ обаполь рову Богунового, помежъ панскихъ лозъ,

Вмѣстѣ съ тѣмъ В-хъ подчинилъ себѣ, кромѣ крестьянъ, и Рясковскихъ козаковъ, находя, что они должны считаться приписанными къ „дворцу“ его, для „посылокъ“ ¹⁾. Для извлеченія большихъ доходовъ изъ украинскихъ своихъ маестностей, В-хъ устроилъ здѣсь суконную фабрику.—Послѣ смерти В-ха, Р. отданы были Миниху, который, желая расширить заведенную уже здѣсь фабрику, хотѣлъ было присоединить къ Ряскамъ, путемъ обмѣна, нѣсколько сосѣднихъ сель, и по этому случаю подавалъ на имя императрицы въ 1740 г. слѣд. прошеніе: „Въ пожалованныхъ мнѣ отъ вашего и. величества на Украинѣ маестностяхъ, *по высочайшему в. величества повелѣнію*, заведены суконныя фабрики, и такъ оныя чрезъ прилѣжное мое стараніе, на армію в. величества отданы, а впредь съ наивыщшею пользою

продадемъ графу фонъ Вейсбаху, всемилостивѣйшему *моему державцу*, за сумму денегъ рублей одного копѣекъ сорокъ, якіе денги отъ и. господара Домнѣка Судника првнялъ. Писано въ Раскахъ“.

¹⁾ Когда Прилуцкій полковнѣхъ хотѣлъ было въ 1726 г. выскать съ Расковскихъ козаковъ, наряду съ другими, штрафъ за уклоненіе отъ похода „до крѣпости св. креста“, то Вейсбахъ писалъ Галагану: «известно в. благородію, что за отдачею села Расковъ мнѣ во владѣніе и тамошніе казаки, якихъ человекъ полдесятокъ, въ томъ числѣ съ половину пѣшихъ будетъ, къ дворцевѣ моему для послыки и (приватныхъ только дѣлъ, но и государственныхъ) приключаящихся, приписани, которіе, якъ за прежнихъ державцовъ, едну державскую услугу, нѣчего большъ, отбувалы, подъ сотню не належали, въ походахъ не бувалы, такъ и нынѣ на тую жъ самую повинность, а часомъ и государственную, опредѣлены. Къ тому жъ весьма зубожаліе, отнюдь не имѣють с чего денги дать; а когда денги такіе отъ реченныхъ Расковскихъ козаковы требоватимутся, и дворцевую повинность отбувать будутъ, то въ послѣднее приидуть разореніе, а денегъ не выстатчатъ, потому з оныхъ, яко подъ сотню неналежащихъ, нѣкогда войсковою услуги неотбужающихъ, такихъ денегъ слушне собирать не подлежитъ... И по сему слушному моему мнѣнію пѣшіе и конніе Раскувскіе казаки къ той податѣ денежной причисляться не имѣють, объявляю и остаюсь в. б-дію доброжелательный и ко услуженію готовій. Іоанъ Бернарнтъ Вейсбахъ. З Полтавы. Генвар. 2, 1727 году“.

для арміи оныя быть могутъ; токмо, всемилостивѣйшая государиня, тѣ мои маетности лежатъ въ разныхъ малороссійскихъ полкахъ, яко то: въ Прилуцкомъ, Лубенскомъ, Полтавскомъ, Кіевскомъ и Нѣжинскомъ, и одна отъ другой въ немаломъ разстояніи. Помянутыя жъ фабрики имѣются въ с. Рашкахъ, въ полку Прилуцкомъ находящемся, которое не весьма многолюдно и для употребленія на помянутыя фабрики того села подданныхъ недостаточно, въ чомъ обстоитъ немалая нужда; а ежелибъ зъ другихъ далнихъ маетностей обывателей брать и на оное употреблять, то будетъ имъ немалое отъ того отягощеніе, чего ради имѣлъ я прилѣжное стараніе о присовокупленіи къ тому селу Рашкамъ другихъ лежащихъ вблизи владѣльческихъ маетностей, на промѣнъ—изъ пожалованныхъ мнѣ, имѣющихся оттуда по отдаленіи деревень, хотя оныя числомъ дворовъ и душъ и земель—болѣе тѣхъ владѣльческихъ; по которому моему старанію и учиненъ мною договоръ по добровольному согласію съ в. генер. есауломъ Лисенкомъ въ такой силѣ, чтобъ мнѣ взять отъ него, Л—ка, лежащія по способности къ с. Рашкамъ деревни его, именуемыя Смошу, Боршну и Веркіевку, въ Прилуцк. п. имѣющіяся, а ему, Л—ку, вмѣсто того, отдать маетность мою въ Нѣжинск. п., способную къ маетностямъ его Л—ка, с. Дремайловку. Токмо помянутыя его, Л—ка, маетности отъ в. имп. величества пожалованы ему на его ген. есаула чинъ и для того оныя совершенно укрѣпить я за собою безъ в. величества соизволенія не смѣю“. Поэтому Минихъ просилъ высшее правительство разрѣшить ему произвести указанный промѣнъ. Въ Спбургѣ согласились съ доводами Миниха и изъ „кабинета“ было поручено тогдашнему правителю Малороссіи Кейту—собрать подробныя свѣдѣнія о названныхъ Минихомъ маетностяхъ и „взять у нынѣшнихъ ихъ владѣльцевъ письменное извѣстіе—довольны ли они тою мѣною будутъ“. Но эти экономическіе планы Миниха не сбылись, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ, съ воцареніемъ императрицы Елизаветы, М-хъ былъ сосланъ, причемъ лишился всѣхъ своихъ украинскихъ маетностей... Отобранная при этомъ въ 1742 г. Рясковская суконная фабрика отдана была въ вѣдомство мануфактуръ коллегіи. Но фабрика эта видимо представляла собою очень выгодное имущество, потому что вслѣдъ за-

тѣмъ (въ 1744 г.) Ряски были выпрошены кн. Бор. Гр. Юсуповымъ, причемъ послѣднему „для размноженія тамошней фабрики дано заимообразно изъ казны денегъ, на 10 лѣтъ, 10/г. рубл.“¹⁾ По ревизіи 1795 г. къ Рясковской ф—кѣ было приписано 1495 д. крест.; въ Ряскахъ—1283, въ д. Оникѣвой—107, х.х. Котелевскомъ—26, Тарамсовскомъ (?)—25, Лященковскомъ Кутѣ—13, Н. Греблѣ—3, Солошскомъ—5, Бѣличевскомъ—2 и Мецевскомъ—1. По сенатскому указу, въ 1791 г., Р-ой фабрикѣ было опредѣлено „выставить разныхъ цвѣтовъ суконъ 63840 арш., которые на той фабрикѣ выработывались и въ комиссаріатское вѣдомство въ отдачу производились, а на 1797 г.,—предписано отъ мануфактуръ коллегіи—заготовлять, соображаясь противъ 1796 г., поставки, отчисляя отъ сукна десятую долю, вмѣсто того въ 1½ болѣе готовить каразею“. Кр. П. 41 д. А. 212 д. В. 210 д. В. 214 д., урядниковъ (Вейсбаха) 7 д. Г. 210 д. 220 х. пс. 5 бл. х. Д. (кн. Юсуповой) 373 д. 485 х. пс. 3 д. 10 х. Кз. В. 20 д. Г. 13 д. 14 х. („во владѣніи фельдмарш. гр. ф. Миниха“). Д. 19 д. 50 х.

Д. Оникѣвка, рч. Смошь, выселокъ изъ Рясокъ, нач. XVIII в.; по вѣд. 1729 г.,—„селце О—ка къ Ряскамъ прилегающая, на войсковой, а не на купленной землѣ осаживаемая“. Кр. В. 9 д. В. 8 д. Г. ? Д. (кн. Юсуповой), 18 д. 24 х. Кз. В. вѣтъ. Д. 1 д. 2 х.

Сребрянская сотня занимала побережья сродняго Лисогора и его притоковъ: Галки, Березовицы и Тростянца. Въ округѣ сотни находился и незначительный притокъ Удая—Утка. Въ 1763 г. составъ Сребр. сотни измѣнился вслѣдствіе отдѣленія отъ нея нѣсколькихъ сель при образованіи Второй Варвинской сотни.

Сребрянскіе сотники. Данило Тимченко, 1672. Иванъ Бовченскій, 1672. Иванъ Вѣлецкій, ок. 1680. Трофимъ Васильевичъ Трощина, 1688—1707. Антонъ Трофимовичъ Трощина, 1710—729.

¹⁾ Изъ рукописи. свѣд. о суконныхъ фабрикахъ въ Малороссійск. губ., въ 1797 г.

Николай Антонович Троцина, 1739—755. Осипъ Масло, 1755—773. Александръ Чеснокъ, 1773. Андрей Яковлевичъ Кисель, 1779—781.

Вълецкій былъ сынъ правобережнаго выходца Ивана Бълецкаго, женившася на Настасьѣ Раковичевнѣ, сестрѣ полк. писаря Семена Раковича (с. 29). По смерти этого Бълецкаго, на вдовѣ его женился будущій полковникъ Носъ. Мы уже видѣли (с. 30), что это былъ человекъ умѣвшій годить власнымъ людямъ, за что и получалъ отъ нихъ разныя милости. Вѣроятно, что Носъ сумѣлъ пристроить этого своего пасынка на Сребрянское сотничество. Близкое свойство Бълецкаго съ Носомъ было причиною, что послѣдній сталъ называться *Носенкомъ*. Внуки этого сотника, при судебномъ спорѣ съ невѣсткою Носа за Щуровку (с. 316), рассказывали, что Носъ, женившись на ихъ прабабкѣ Раковичевнѣ, „присталъ ко всему имѣнію“ прадѣда ихъ, Бълецкаго, и поселился въ домѣ ихъ „прадѣдизномъ“, и дѣдъ ихъ съ малолѣтства своего въ Носовой опеки обрѣтался, и по женитбѣ своей, неотдѣленно съ нимъ, Носомъ, въ отческомъ своемъ домѣ, до произвсжденія въ чинъ полковничества Носа, жилъ; а въ службѣ войсковой дѣдъ ихъ, первѣе, въ числѣ значковаго товариства, потомъ въ чину *сотничества Сребрянскаго* былъ. И Носъ видя его, дѣда, постоянно, приказалъ называться (ему) *Носенкомъ*.“ Когда именно Б. былъ сотникомъ—неизвѣстно, но вѣроятно еще при Самойловичѣ, такъ какъ съ 1688 г. сотниками здѣсь были уже Троцины. Б. оставилъ одного сына Петра, бывшаго полк. сотникомъ, который уже иначе и не писался какъ *Носенкомъ* (с. 127).

Троцины происходятъ изъ Прилуцкаго м. Переволочны. Въ пол. XVII в. здѣсь жилъ козакъ Василій, у котораго было два сына: Трофимъ и Стенанъ. Старшій, Трофимъ выдвинулся изъ рядоваго козачества благодаря хорошему голосу сына своего Антона, за который послѣдняго взяли въ Москву, въ пѣвчіе къ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. По предстательству сына пѣвчаго, отецъ въ 1688 г. получилъ сотничій урядъ въ Сребномъ и, кромѣ того, право заселить слободою *селще* Охоньки. Сотникомъ Трофимъ оставался до 1707 г., когда повышенъ

былъ на урядъ полк. судьи. Трофимъ и братъ его Степанъ, повидимому, не имѣли особаго прозвища, такъ какъ въ актахъ писались по имени отца—Васильевичами. Такъ братья названы, только по имени отца, въ „декретѣ“ Прилуцк. п. суда 1703 г., разрѣшившемъ споръ ихъ за отцовскую мельницу въ м. Переволочной. Въ народѣ Трофимъ слылъ подъ именемъ *Троця* (малорос. форма имени Трофимъ). Въ Мазепину измѣну этотъ Троць не пошелъ за своимъ полковникомъ и, казалось, былъ обезпеченъ отъ навѣтовъ на „измѣну“, тѣмъ болѣе, что онъ вскорѣ затѣмъ оставилъ и службу, по старости. Но кто-то донесъ на Троця, что и онъ не чуждъ былъ „измѣны“. Старика вытребовали въ СПБ., какъ объ этомъ говоритъ сынъ его, въ одномъ прошеніи 1718 г.,—„отецъ мой неправеднымъ удачьемъ (доносомъ) ненавистныхъ людей взятъ былъ по указу въ СПБ., гдѣ при своей старости и остатной на здоровьи слабости, претружденный на дорожѣ будучи, скончилъ животъ свой...“ Въ этомъ прошеніи сынъ Троця Антонъ подписался уже *Троиминою* и прозвище это было засимъ усвоено потомками „Трофима Васильева“. Антонъ Тр. оставилъ Москву—или по случаю потери голоса или по другой причинѣ. Возвратившись на родину, онъ поступилъ канцеляристомъ въ генер. к—рію и здѣсь такъ понаторѣлъ въ письменныхъ дѣлахъ, что вскорѣ сталъ однимъ изъ замѣтныхъ дѣльцовъ въ гетманщинѣ. Изъ ген. в—ріи Тр. безъ труда получилъ сотничій урядъ въ Сребномъ. Вскорѣ послѣ этого—Прилуцк. полковникомъ назначенъ былъ Галаганъ, пожелавшій сразу подчинить себѣ старшину полка и поставить ее въ полную свою зависимость. При этомъ Тр. явился однимъ изъ первыхъ протестантовъ противъ Галагановскаго самоволія, за что и подвергался преслѣдованіямъ отъ новаго полковника (с. 39). Апостоль пользовался этими отношеніями Тр. съ Галаганомъ и поручалъ первому нѣкоторый надзоръ надъ дѣйствіями полковника, когда тотъ старался, помимо гетмана, добыть себѣ царскую грамоту на захваченныя маетности (с. 42). Сотниковаль Тр. до 1739 г., когда за старостью былъ уволенъ, при чемъ вмѣсто его Сребрянскимъ сотникомъ былъ назначенъ его сынъ. Получивъ отъ отца Охоньки, Тр. самъ поселилъ Карниловку, тоже на старомъ *селницѣ*. Кромѣ того,

Тр. нажилъ немало разнаго рода грунтовъ и водяныхъ мельницъ. Но эти достатки были причиною только большихъ несогласій Ант. Тр. съ сыномъ его Николаемъ, начавшихся изъ за второй женитьбы отца: овдовѣвъ послѣ первой жены, отъ которой остался одинъ сынъ и нѣсколько дочерей, Тр. женился въ другой разъ (на женщинѣ „простого стану“), уже будучи повидимому глубокимъ старикомъ. Женитьба эта сыну, конечно, была неприятна, а когда у старика-отца родились новые дѣти, то Николай, боясь потерять богатое наслѣдство, сталъ понемногу его захватывать самовольно и тѣмъ вызвалъ со стороны отца крутую мѣру—„отчужденія“ сына отъ наслѣдства. Объ этихъ своихъ отношеніяхъ къ сыну Тр. подробно говоритъ въ своемъ любопытномъ завѣщаніи, (написанномъ въ 1741 г.), отрывки котораго мы здѣсь приводимъ.—„Разсмотря отверстима очима доволное продолженіе по волю Божіей въ жизни моей, такожь и нынѣ состоящую глубину мою старость... и понеже чрезъ показанное житіе мое въ тонкость могъ усмотрѣть вѣка сего непостоянность, въ коемъ между прочимъ и сіе, что многихъ отцевъ дѣти, еще не погребши тѣлесъ родителей своихъ, заразь за поосталіе отческіе движиміе и недвижиміе добра въ великіе позви и ростирки входятъ и едни другихъ въ крайнее разореніе приводятъ... Къ тому же, тѣ же чада, слѣдую непостоянству вѣка сего... безъ благословенія родительскіе дѣла движиміе забирають а недвижиміе разоряють, и во владѣніе себѣ привлекають, что я на себѣ самомъ отъ сина моего Николиц, сотника Сребрянского, узнаю, который Бога не боясь, людей не срамлясь, забивши синовную должность, великіе мнѣ противности и укоризни дѣлаеть насилнимъ забратемъ въ обиду мою собственного имѣнія, которое я не зъ дѣдизни, не зъ отчизни имѣю, но власнимъ моимъ трудомъ набитие; а иніе—отца моего, а его Николи дѣда, въ разнихъ владѣлцовъ—пооткупование¹⁾... О якихъ сина моего Николи противностяхъ не единожды въ Прилуцк. п. к—рію билъ я челомъ. Я же, по своей отческой милости, покаместъ

1) Откупленные вѣроятно изъ полъ залога, сдѣланнаго для займа денегъ.

онъ, Никола, билъ послушенъ, по должности моей отческой, опредѣлилъ ему на доволствие слѣдующіе речи: напродъ, язь его оженилъ, далъ ему Николѣ 200 рублей битихъ, далъ ему воловъ 10, коровъ 10 зъ телятами и изъ бугаемъ сивимъ, кобилъ 10, зъ лошатами и изъ дригантомъ, овецъ 200, барановъ 20, козъ 20. *Уручивши ему урядъ сотничества Сребр—ю*, далъ ему своихъ верховихъ коней 4, якие били куповани по 200 золотихъ и по 150, зъ кулбаками кримскими и зо всѣмъ порядкомъ, якъ на коня сѣсти; шаблю оправную, турецкое желѣзко доброе, за которую далемъ 30 рубл., а паски (перевязъ) до той шаблѣ срѣбные самъ уже дѣламъ; рондовъ два пуклястихъ, а третий рондъ штучками отливанными срѣбными насажованный, суто злоцѣстий, межи штучками—пуклями срѣбными бѣлими пересажований. Самъ онъ Никола, потай мене, взялъ кулбаку: ввесь ленкъ сафьяномъ покритий суто срѣбромъ зъ ташками гафтованными, а по древцю бляшками срѣбными сутозлоцѣстими оббитий; до тоей же кулбаки платъ кармазиновый, срѣбромъ гафтованный, якую онъ, Микола, совсѣмъ потай мене взялъ: Флинтъ двѣ тульской работи, добрихъ, за которіе далемъ 10 рубл.; паръ двѣ пѣстолетовъ добрихъ, шленской работи, ему далемъ, а паръ двѣ пѣстолетовъ шведскихъ; самъ потай мене взялъ: ручницу и мушкетъ сѣчевой, давной работи. Далемъ млинъ зъ ступниковъ на рч. Сребранци, въ Загайкахъ (хуторъ) стоячій, зъ винницею и изъ хуторомъ и изъ двома садами, за которой 100 р., ему жъ Николѣ, далемъ "... Засимъ слѣдуетъ перечень другихъ хуторовъ, „грунтовъ“ и мельницъ, отданныхъ старымъ Тр. сыну.—Затѣмъ завѣщатель продолжаетъ: „Хотя же я, по своему отеческому милосердию, не токмо то, якъ зъ вещей показанныхъ далъ ему, но и еще, усугубляя дачей, зъ моихъ недвижимостей хотѣлъ дати, да и то, что я при старости лѣтъ моихъ труждаюсь и удобвозможными образи набиваю, некому иному якъ, по смерти моей, Миколи хотѣлъ леговать, но понеже онъ, Микола, забивъ страхъ Божий и должность синовскую и не отдаючи мнѣ послушенства належитого, дѣбра мои пустошить и что толко ему понадобится и женѣ его, не прося мене, сами собою берутъ; людей моихъ (съ которыхъ немалая мнѣ полза) разгонитъ и разоряетъ и до полусмерти бьетъ...

Для чего сына моего Миколу отъ дачи всѣхъ моихъ добръ, за силу права малороссійскаго въ кн. Статути, розд. 8, артик. 7 напечатанно, *отчуждаю*, а доволствоватся бѣ ему, Миколѣ, вишепоказанною отъ мене дачею. А чтобъ по смерти моей Никола, сынъ мой, и дочери мои, которые всѣ уже отъ мене такъ грошми, яко конми, товаромъ (скотомъ), овцами и пчелми отдѣлени и отвѣнени... теперъ, зъ нинѣшнею моею женою и испложенными зъ нею моими дѣтми, раздору и помѣшателства не имѣли и не чинили, зъ доброй моей памяти и совершенного розума моего тако чиню... Напродъ, душу мою грѣшную Господу Богу вручаю, тѣло жъ мое грѣшное землѣ по христіанску предати, а въ которой церкви положенъ буду, на тую церковь 100 золот. дати, а особно на три сорокоуста священниковѣ тоей церкви по 3 р. дати; млинь Переволочанскій и лугъ прозиваемый отческій—туда жъ прилучити и гай прозиваемый Прилуцкій—продать, и всѣ тие гроши за мою душу на помяновенне, до монастырей Киевскихъ: на обитель св. Софійскую—60 р., на обит. св. Печерскую—60 р., на Видубицкій м—ръ—20 р., на св. Пустинскій Николскій м—ръ 20 р... на Густинскій м—ръ 20 р., на Деймановскій м—ръ 10 р., на всѣ три церкви Сребранскіе по 40 золот. дати, жебы по два сорокоуста отправили. Дворъ мой въ мѣстѣ Срѣбномъ, въ которомъ я живу, и огороди около его покушленіе и сади и луги... такожъ броваръ и воскобойня (слѣдуетъ перечень разныхъ угодій) все тое женѣ моей зъ дѣтми моими, зъ нею спложенными, ей вовся вручаю. Такожъ маестности мои *Охонки* и *Карпиловку* женѣ моей зъ дѣтми моими¹⁾... Такимъ образомъ, главныя свои имѣнія Тр. отдавалъ второбрачной женѣ и малолѣтнимъ своимъ отъ нея рожденнымъ дѣтямъ. Николай Тр. видѣлъ, что богат-

1) Подпись: «Сей тестаментъ остатной волѣ моей сочинень 1741 года, апр. 26 д., писанъ моею власною рукою, який своею жъ рукою и закрепляю. Антонъ Троцина, абшитованный естникъ Сребранскій». Тестаментъ этотъ у насъ имѣется въ коив, писанной съ ошибками. Ошибкою же объясняемъ и названіе отца Ант. Тр-ны—Прокошіемъ, а не Трофимомъ, какъ онъ называется въ другихъ актахъ.

ства отца отъ него ускользають и это обстоятельство еще болѣе обострило его отношенія къ отцу. А старый Тр. хорошо понималъ, что—какъ только онъ умретъ, то вдовѣ его не сдобровать и поэтому рѣшилъ найти ей съ дѣтьми—какогонибудь надежнаго защитника, который, послѣ его смерти, сталъ бы въ роль опекуна этой семьи. Такого защитника онъ нашелъ въ лицѣ одного изъ дядей тогдашняго фаворита Ал. Разумовскаго, Стрешенца, который хотя жилъ въ Лемешкахъ (Козел. у.), но владѣлъ сосѣдними съ Оховьками с. Смошью. Это былъ одинъ изъ братьевъ старухи Разумовской, писавшійся Денисомъ Демьяновичемъ, а прозывавшійся—и *Демешкомъ*, и *Стрешенцомъ*. Выбралъ Тр. этого Стрешенца, въ опекуны, за годъ до смерти, а умеръ онъ 6 мая 1749 г., имѣя отъ роду ок. 85 лѣтъ. Въ этотъ моментъ у него—отъ второй жены—былъ только трехлѣтній сынъ, да жена оставалась еще беременною... Стрешенецъ жилъ около Козельца и, повидимому, мало зналъ что дѣлается въ Прилуччинѣ. А между тѣмъ у Троцинъ вотъ что дѣлалось. Со дня смерти стараго Тр., сынъ его Николай проявилъ ужасную жестокость—прежде всего—по отношенію къ роднымъ своей мачихи, ея матери и сестрѣ, желая чрезъ нихъ добиться—гдѣ вдова спрятала мужнины деньги. Подробную картину этихъ насилій, представляющую любопытный матеріалъ для исторіи тогдашнихъ нравовъ и общественности, нарисовалъ, со словъ потерпѣвшихъ, самъ Стрешенецъ—въ своемъ обращеніи къ мѣстной старшинѣ за защитой семьи старика Тр-ны отъ ужасныхъ насилій его старшаго сына. Вотъ что писалъ по этому случаю Стрешенецъ: „Какъ только умеръ Антонъ Тр., то того же часу сынъ его Николай, не ожидая погребенія отца, наѣхалъ въ дворъ покойнаго и приказалъ в. тов. Вязловецкому взять мать вдовы умершаго и сестру ея родную и—забивши „въ ручныя и ножныя сѣрнички“—отвести въ свой хуторъ Загайки. А вдову покойнаго, свою мачиху, не допустивъ ее и проводить тѣло мужа умершаго, велѣлъ содержать подъ крѣпкимъ карауломъ. Исполняя приказъ, Вязловецкій „содралъ“ съ первыхъ двухъ—матери и сестры—одежду и въ такомъ видѣ погналъ ихъ, рядомъ съ своей лошадыю, пѣшихъ, погоняя палкою, чтобъ не отставали.. А пригнавши мать

и сестру вдовы—въ хуторъ, и послѣднюю съ нихъ одежду снялъ, отыскивая въ ней деньги, причемъ нашель всего 2 коп., а одежду себѣ забралъ „за труда“. А потомъ приѣзжалъ въ Загайки и самъ Николай Тр., и здѣсь—вмѣстѣ съ Вязловскимъ—нещадно били этихъ женщинъ плетью по голому тѣлу и „по брюху“, допрашивая о вещахъ и деньгахъ покойнаго Ант. Тр. Послѣ этихъ пытокъ надъ несчастными, Николай велѣлъ вмѣсто „скрыпицъ“, „залить ихъ въ желѣзные кандалы“, отъ которыхъ вскорѣ „въ ногахъ черви у нихъ уплодились“. Когда же эти двѣ женщины просили сотника, чтобъ онъ помилосердствовалъ и приказалъ хотя бы нѣмного ослабить кандалы, то онъ отвѣчалъ: „до тѣхъ поръ буду васъ мучить, пока васъ живыхъ черви не съѣдятъ“... Не довольствуясь же и этими мученіями, сотникъ велѣлъ обѣихъ женщинъ привести въ сот. к—рію и здѣсь приказывалъ согласнику своему, городовому атаману Осипу Маслу (который уже много людей „всмерть поубивалъ“) — въ базарные дни—публично привязывать обѣихъ женщинъ голыми „къ драбинѣ“, а потомъ—бить ихъ по спинѣ и по брюху, отъ самыхъ ногъ до шеи, пока не укажутъ—гдѣ спрятано имущество умершаго отца. А сотникъ, находясь тутъ же, при этомъ грозилъ: „хотя, говорить, и замучу васъ до смерти, то у меня будетъ чѣмъ заплатить поголовщину“. Отъ такого бою—случалось—отливали ихъ водою... Послѣ этихъ мученій посадили бѣдныхъ въ тюрьму, и не позволялъ сотникъ подавать имъ и милостыни, которую приносили добрые люди колодникамъ. Кромѣ того, сотникъ взялъ изъ Карпиловки и родную тетку мачихи, которую тоже забили въ ручья и ножныя „скрыпицы“ и допрашивали потомъ о скрытомъ имуществѣ отца. А мачиху содержалъ сотникъ подъ карауломъ и морилъ вмѣстѣ съ малолѣтнимъ ея сыномъ—нестерпимымъ голодомъ; грозилъ онъ расправиться и съ мачихою также какъ и съ ея родными, отъ чего пока удерживался, зная, что мачиха „осталась отъ мужа ея непраздною“. А какъ та родила дитя, то сотникъ началъ измышлять средства—какъ бы мачиху замучить въ смерть... И служителей умершаго отца сотникъ также нещадно разными пытками мучилъ, допрашивая объ отцовскихъ деньгахъ, а другимъ людямъ немалыя награды обѣщаетъ, чтобы показывали на мачиху—что не отъ отца его рожала она дѣтей... чтобы тѣмъ

вдову и дѣтей ея наслѣдства лишить. Видимо, что сотникъ желаетъ замучить всѣхъ родныхъ своей мачихи, „чтобы некому было искать за убійство ея съ дѣтьми, когда ихъ не станутъ“... Разказавъ объ этихъ мученіяхъ вдовы стараго Тр—ны и ея родныхъ, Стрешенецъ говоритъ, что такъ какъ умершій Тр. просилъ его, Стр—ца, быть опекуномъ надъ второю семьею, то онъ боясь, чтобы ему „за силу правъ малороссійскихъ, яко опекуну, не быть въ отвѣтъ“, просить полк. к—рію—освободить вдову съ ея дѣтьми и родными—изъ „подъ-секвестру“, привести ихъ въ полк. к—рію и какое имъ чинено было мученіе,—вчинить тѣмъ боямъ обдукцію („осмотръ“), ибо и по криминальнымъ дѣламъ такихъ пытокъ не бываетъ! Притомъ же ему, сотнику, допрашивать вдову и ея родныхъ—за отческія добра—не точію не слѣдовало, но и дѣла до оставшихся послѣ умершаго отца добръ, ему, сотнику, нѣтъ, потому что покойникъ testamentальнымъ своимъ завѣщаніемъ, за многія его, сотника Николая, отцу противности, отъ движимыхъ и недвижимыхъ своихъ имѣній—отдалилъ и леговалъ ихъ женѣ своей Аннѣ Андреевнѣ и „дѣтемъ зъ нею сложеннымъ“... Прося полков. старшину взять подъ свою защиту вдову стараго, заслуженнаго сотника и ея родню, Стр—ць добавлялъ, что самъ онъ въ это время „отъѣзжаетъ“ въ Москву и потому поручаетъ „ходить“ по этому дѣлу сыну своему Григорію. Просьба эта подана была Стр—цемъ 26 августа, а черезъ мѣсяць послѣ этого, передъ тою же старшиною, предстательствовала сестра Стретенца—Наталья Рязумовская, но уже за Николая Тр., причемъ писала слѣдующее: „сего числа (25 сент. 1749 г.) просилъ меня сотникъ Сребранскій Николай Тр., яко по смерти отца его Антона остались движиміе и недвижиміе имущества, которыми владѣть ему по наслѣдству должно; а нынѣ де мачиха его Николая, яко чрезъ письмо брата моего Дениса взята въ опеку в. тов. Иваномъ Шнуркомъ, гдѣ и нынѣ содержится въ домѣ его в. тов—ща, и упователно, что захочетъ (мачиха) оного сотника отъ всего имѣнія отдалить напрасно. Того ради, благородій вашихъ, прилѣжне прошу, ежели помянутого сотника Тр—ны будетъ по тому писанному отъ брата моего писму реченой Шнурокъ братъ въ опеку имущества, то тому пожаловать не вѣрять и учинить въ силу в. генер. к—рін

указу, въ чемъ я на васъ, моихъ благодѣтелей, надежна¹⁾. 1)
 Отсюда видно, что по письму Стрешенца старшина, для защиты
 семьи стараго Тр—ны, назначила ей особаго опекуна въ лицѣ
 очень бойкаго человѣка, Ивана Шнурка, будущаго полк. писаря
 (с. 65). Этотъ опекунъ дѣйствительно защитилъ вдову стараго
 Тр—ны, п. ч. молодой Тр—на вслѣдъ за назначеніемъ Шнурка
 поѣхалъ въ Глуховъ и, выхлопотавъ тамъ какой-то „указъ“,
 вышелъ ходъ еще и къ матери Разумовскаго, чтобы вы-
 просить у нее приведенное письмо къ той же старшинѣ, къ
 которой за мѣсяцъ передъ тѣмъ писалъ Стрешенецъ противъ
 молодаго Тр—ны. Повидимому, Тр.-сынъ не придавалъ осо-
 бага значенія завѣщанію отца, почему и просилъ ген. к—рію
 выдѣлить ему часть изъ отцовскихъ имѣній въ собственность, а
 другую, назначивъ для малолѣтнихъ дѣтей умершаго, отдать
 ему—вмѣстѣ съ этими дѣтьми—въ опеку. Что было сдѣлано ген.
 к—ріей по этому прошенію—не знаемъ, но вопросъ скоро очень
 упростился смертью второбрачныхъ дѣтей стараго Тр—ны, при-
 чемъ вдова—по рѣшеніямъ полк. и генер. судовъ—получила
 только вдовью часть въ пожизненное владѣніе, какъ то слѣдо-
 вало по Литовск. статуту. Такимъ образомъ, духовное завѣщаніе
 стараго Тр—ны объ отдахѣ Охонекъ и Карпиловки его второй
 женѣ и объ „отчужденіи“ сына Николая отъ наслѣдства вообще—
 не было исполнено... Но и вдовья часть мачихи скоро перешла
 къ сыну умершаго Тр. потому, что мачиха и послѣ смерти
 мужа стала рождать дѣтей... Сначала, черезъ годъ послѣ смерти
 мужа, она родила дитя, которое однакожь успѣла скрыть, а въ
 1754 г. вдова снова родила—двухъ близнецовъ, рожденіе кото-
 рыхъ Н. Тр. выслѣдилъ такъ тщательно, что не только мачихѣ
 пришлось сознаться въ своемъ грѣхѣ, но и отецъ этихъ близне-
 цовъ былъ обнаруженъ. Отцомъ ихъ оказался Охоньковскій
 „подданный“ Авраменко, рассказавшій, что, во время бытности
 его служителемъ у вдовы Тр—ны, случилось разъ, что пріѣхалъ
 къ послѣдней ея дядя; причемъ, угощаясь съ племянницею „го-

1) Подпись: «благородій вашихъ, моихъ благодѣтелей, доброже-
 лательная Наталія Разумовская. Съ Адамовки, сент. 25 д., 1749».

рѣлкою“, гость позвалъ и Авраменка въ хату, чтобъ угостить и его; а когда всѣ трое напились пьяными, то, погасивъ „свѣчу“, положились спать, причѣмъ дядя велѣлъ и ему Авраменку тутъ же лечь; а ночью—„сотничка Ганна привудила его учинить съ нею скверное похотѣніе“... Доказанный „грѣхъ“ мачихи лишилъ ее и полученной было вдовьей части, послѣ чего все наслѣдство Ант. Тр. уже безпрепятственно перешло къ тому его сыну, котораго онъ такъ сильно желалъ лишиться этого наслѣдства.—Николай Тр. оставался сотникомъ до 1755 г., когда былъ уволенъ въ отставку. Причинъ отставки мы не знаемъ, но очень можетъ быть, что одною изъ нихъ было то противо-дѣйствіе, которое онъ оказывалъ гетманской сестрѣ и ея мужу (Будлянскимъ) при приведеніи въ извѣстность всего того что принадлежало къ отданному имъ м. Сребному (см. ниже). Н. Тр. еще и въ 1772 г. жилъ на покоѣ въ своихъ Охонькахъ. По ревизіи 1764 г., за нимъ было записано слѣд. количество посполитскихъ „хатъ“ (дворовъ): въ с. Карпиловкѣ—150, Охонькахъ—92, х. Загайкахъ—13, Юрковцахъ—16, Никоновкѣ—8, Алексинцахъ—2 и Грицовкѣ—7, итого всѣхъ хатъ 288; считая въ дворѣ по 3 души, всѣхъ крест. въ этихъ маетностяхъ было до 900 душъ. У Н. Тр. было три сына: Фаддей (р. 1742), Якимъ (р. 1743) и Григорій. Послѣдній умеръ раньше отца. Фаддей былъ сотникомъ Второварвинскимъ, а Якимъ служилъ въ армейскихъ полкахъ и въ 1772 г. жилъ отставнымъ корнетомъ въ с. Карпиловкѣ; онъ женатъ былъ на Аннѣ Афанасьевнѣ Костенецкой, за которою дано было въ приданное въ г. Кролевцѣ—4, въ с. Фесевкѣ—21 и въ с. Веревкѣ—18 хатъ.

Масло назначенъ былъ сотникомъ въ 1755 г., изъ городовыхъ атамановъ, и пробылъ на сотничествѣ до 1774 г., когда назначенъ былъ сначала исправлять должность подсудка Ива-ницкаго земскаго суда, а въ 1778 г. „произведенъ настоящимъ подсудкомъ“. По ревизіи 1764 г., за нимъ числилось 34 хаты „подсосѣдковъ и служителей“. (См. ниже х. *Касяновъ*). Характеристику Масла представилъ Стрешенецъ въ своемъ прошеніи о защитѣ вдовы Ант. Тр. (с. 327), говоря, что этотъ сотникъ, будучи еще городовымъ атаманомъ, *много людей въ смерть поубивалъ*... Женатъ М. былъ на дочери б. т. Василя Мартоса, Ксе-

ни и имѣлъ одного сына Матвѣя, который въ 1778 г. „въ регулярной службѣ поручикомъ находился“.

Чеснокозъ получилъ сотничество послѣ службы въ компанейскомъ полку.

Села Сребрянской сотни.

„Городокъ“ Сребное, ррч. Лисогоръ и Сребрянка, возникъ повидимому на *селищѣ* древнерусскаго городка *Серебряного*, упомянутаго лѣтописью въ 1174 г. Нахождение Ср. при слияніи двухъ рѣчекъ и *на горѣ*—служить указаніемъ, что поселеніе здѣсь могло существовать и въ XII в. Отновлено Ср. въ перв. пол. XVII в., и по документу Пшездѣцкаго въ немъ числилось уже 1830 „господар.“, при чемъ тутъ же показано 11 вод. мельн. По свѣдѣн. 1654 г. въ Ср. было—1228 домохоз., но по описи 1666 г. поспол. дворовъ въ Ср. показано только 113; если здѣсь было и козаковъ столько же, то слѣд. Среб-ское населеніе уже въ нач. втор. пол. XVII в. сильно умалилось и разумѣется прежде всего отъ выселеній, при движеніи въ это время цѣлыхъ массъ на востокъ, въ *слободы*. Но козаковъ въ Ср., повидимому, вообще было гораздо меньше, чѣмъ посполитыхъ; такъ слѣдуетъ думать потому, что въ 1718 г. ихъ было здѣсь всего 25 двор., а посполитыхъ—322 дв., т. е. послѣднихъ—въ 13-ть разъ больше. Такое количественное отношеніе „товариства“ къ „посполству“—обращаетъ на себя вниманіе п., ч. въ другихъ „сотенныхъ городкахъ“, хотя бы того же Прилуцк. полка, такого явленія не встрѣчается. 1) Полагаемъ, что преобладаніе въ Ср. посполитаго населенія зависѣло отъ выгоды тѣхъ экономическихъ условій, въ которыхъ оно находилось, такъ какъ никакихъ внѣшнихъ препятствій къ переходу его въ козачество тутъ не было: посполство было вполне свободно, а слѣдовательно безъ особыхъ затрудненій могло переписываться въ козачество, если бы при этомъ была какая-нибудь выгода, но этой выгоды не было п., ч. посполитые, пользуясь одинаковыми съ козаками экономическими выгодами жительства въ Сребномъ, въ то-же время были свободны отъ *походовъ*. Экономическія же выгоды

1) Ср. цифры населенія въ 1718 г. въ Монастырщѣ, Ичвѣ, Колядинѣ, Иваницѣ, Жоравкѣ и Варѣ.

Сребрянскаго обывателя, повидимому, заключались въ особомъ развитіи въ мѣстечкѣ ремесленной промышленности, на что указываетъ существованіе ядѣсь еще и въ 1731 г. *пяти цеховъ*: ткацкаго, кравецкаго, ковальскаго, шаповальскаго и рѣзницкаго ¹⁾. Видно, что Ср. было настоящимъ «мѣстомъ», т. е. торговымъ центромъ.—Черезъ девять лѣтъ населеніе Сребнаго значительно уменьшается и уменьшается конечно отъ выселеній, такъ какъ въ ревизской книгѣ за 1740 г. показано, что съ 1736 г. по 1740 г. изъ Ср. «сошло» 57 домохозяевъ. По этой-же книгѣ въ Ср. показано: школь—3 и шпиталей—2, (въ нихъ «старцовъ з милостини жіючихъ» 7 челов.) и шинковъ—8, въ которыхъ шинковали мѣстные крестьяне, кромѣ шинкарки «Ганны перехристкы». Въ это время Ср—ское посполство, кромѣ обычныхъ повинностей въ пользу ратуши, обложено было, по распоряженію Апостола, наравнѣ съ другими поселеніями, денежною „дачею“, какъ замѣчено при ревизіи 1740 г.—„съ оныхъ посполитыхъ собирается ежегодно съ 1732 г., для заплаты полков. чиновникамъ и сотеннымъ служителямъ и на канц—іе расходы, 65 р. 90¹/₄ коп., которіе денги отдаются въ полк. к—рію нарочно для того опредѣл. зн. тов. Матвѣю Федорову“. При раздачѣ грузинамъ въ 40-хъ г. г. крестьянъ въ гетманщинѣ, въ Сребномъ ихъ было роздано до 200

¹⁾ Эти цехи указаны въ рев. книгѣ 1731 г., при перечнѣ *цехмистровъ*, въ ряду «старшины и служителей посполитаго чина, вольныхъ отъ дачи» (т. е. отъ всякаго рода повинностей). Вотъ эти—старшина и служитель: «войтъ мѣскій, бурмистръ, завѣдовцы (два), ктиторъ мѣскій, ктиторъ другій мѣскій, ктиторъ спаскій, ктиторъ подгурскій, другій подгурскій, ктиторъ подолскій, ктиторъ другій подолскій, надсмотрщикъ овчарныхъ заводовъ, десятники: мѣскій, побочіевскій, долгоулицкій, крижній, загайковскіе (2), подулскіе (6), комиссаръ, сторожъ плечовій, чередники (восемь), овчари (3), почтарскій атаманъ, почтари (2), дѣдъ ратушній, дякъ мѣскій, паламаръ мѣскій, школьникъ одинъ, городничій, дякъ подолскій, паламаръ подолскій». Названія ктиторовъ указываютъ, что въ Ср. было три церкви: мѣская, т. е. центральная, подгорная и подольская, а названія «десятниковъ» вѣроятно указываютъ тогдашніе «кутки» въ мѣстечкѣ.

дворовъ. Тогда явились здѣсь Чолокаевы, Жеваховы, Эрстовы, Орбеліани, Жержадзіевы, Ларадзіевы, Тумановы, Бедауровы... 1) Всѣ эти лица, за рѣдкими лишь исключеніями, титулуясь *князьями*, представляли изъ себя бѣдняковъ, улучшавшихъ свое положеніе между прочимъ и браками съ дочерьми козацкой старшины. Послѣ этой роздачи, въ Ср. оставалось еще посполитыхъ свободныхъ около 150 двор., которые и были выпрошены у новаго гетмана сестрою его Агафѣей, бывшей замужемъ за Власомъ Климовичемъ (позже—Будлянскимъ). Отданы были эти крестьяне Будлянскимъ въ „вѣчное владѣніе“ и „со всѣми угодыми“, причемъ разумѣлись какъ угоды еще незанятыя, такъ и находившіяся во владѣніи Сребрянскаго посольства. Точно опредѣлить отданныя Б—имъ „угоды“ было тѣмъ труднѣе, что подъ ихъ именемъ новые владѣльцы разумѣли всѣ тѣ земли, которыми *неправильно* владѣли казаки, разумѣя тутъ и старшину, и рядовое козачество. Видя трудность разрѣшенія вопроса—какія именно земли *неправильно захвачены* казаками, Б—іе обратились къ гетману, чтобы онъ своимъ властнымъ словомъ разрѣшилъ этотъ вопросъ. Разумовскій не нашелъ однакоже возможнымъ рѣшать этотъ вопросъ административнымъ путемъ, а предложилъ Б—имъ съ просьбою своею обратиться въ судъ. Кромѣ розысканія земель, Б—имъ предстояло произвести розысканіе еще и тѣхъ крестьянъ, которые въ послѣднее время переписались въ казаки. Желая помочь сестрѣ въ этихъ розыскахъ, гетманъ предложилъ Прл-цкому

1) По вѣд. 1753 г. въ Сребномъ показаны слѣд. владѣнія грузинъ: князя Жердана Жержавцова—25 дв., 1 бд. х.; кн. Мирвела Туманова—15 дв., 3 бд. х.; дворянина Сехніа Ларадзева—11 дв.; малолѣтнихъ княз. Ивана и Стефана Эрстовыхъ—9 дв.; дворян. Павла Гогобедова—8 дв.; двор. Герасима Аввакова—6 дв.; кн. Семена Чалакаева—16 дв., 5 бд. х.; двор. Камгрелидзева—9 дв.; кн. Эрста Жевахова—8 дв.; кн. Андрея Арбеліанова—9 дв.; кн. Петра Чалакаева—15 дв., 4 бд. х.; кн. Христины Чалакаевой и сина ея Филипа Чалакаева—21 дв., 2 бд. х.; дв. Ивана Бедаурова—1 дв.; кн. Иосифа Эрстова—21 дв., 3 бд. х. Всѣ эти «дворы» даны были по указу 1743 г.

плк-ку слѣд.: „Сестра наша, б. тов. Вл. Климовича жена Агафія Григорьевна, доношеніемъ намъ представляя о завладѣніи въ новонаданной отъ насъ ей Агафіи зъ онимъ мужемъ ея—во вѣчное владѣніе—маетности въ мѣст. Сребномъ, разнаго званія владѣльцами и родовыми козаками, скуплею и безъ скупли, посполитихъ дворовъ и принадлежащихъ издревле къ оному мѣстечку Сребному многихъ угодій, такожь о вписавшихся съ посполитихъ въ козаки, которіе донинѣ на свободной посполитской землѣ живутъ и посполитскими владѣють грунтами, просила нашего разсмотрѣнія. А по справкѣ нашей генер. к—ріи явилось: яко по данному отъ насъ оной сестрѣ нашей Агафіи съ мужемъ еи... унѣверсалу,—опредѣлено имъ въ вѣчное владѣніе означ. мѣст. Срѣбное (въ которомъ по ревиз. 1751 г., за раздачею грузинскимъ князьямъ и дворянамъ, посполитскихъ свободныхъ дворовъ, съ бездворными хатами 137 показано) съ принадлежащими къ нимъ грунтами, пустовскими и посполитскими плечами и угодіями и всѣми принадлежностями. Того ради предлагаемъ вамъ оной сестрѣ нашей... объявить, что она до кого именно зъ вишенписанныхъ владѣльцовъ и козаковъ—о завладѣніи въ объявленномъ м. Срѣбномъ посполитскихъ дворовъ и принадлежностей—имѣетъ претенсію, подала бы въ полк. к—рію зъ имени на всякого показаннемъ исковое прошеніе, а за подачею учинить по онимъ отъ оной полк. к—ріи надлежащие слѣдствия безпродолжительно, и по слѣдствіямъ буде явится—что хто чѣмъ изъ тамо имѣющихся бившихъ свободныхъ посполитскихъ дворовъ грунтовъ либо какихъ другихъ угодій, куплею послѣ апретительнаго о некуплѣ мужичихъ дворовъ 1742 г. указа, и другимъ образомъ неправильно завладѣль, тѣмъ въ таковы владѣнія онихъ грунтовъ и угодій посполитскихъ по силѣ указовъ и малороссійскихъ правъ отказать и отдать, засилу предписаннаго нашего унѣверсала, сестрѣ нашей Агафіи зъ мужемъ еи, въ безпрепятственное ихъ владѣніе. А что принадлежитъ до имѣющихся тамо козаковъ, кои и до дачи онаго м—ка оному Власу К—чу въ козачомъ званіи состояли, тѣ бесспорно козаковать должны“. (30 окт. 1752 г.). Но для того, чтобы обратиться въ судъ, Б—имъ нужно было путемъ разспросовъ сначала розыскать, какъ посполитыхъ, переписавшихся въ козаки

или „скупленных“, такъ и всѣ тѣ „грунта“, которые не принадлежали козакамъ. Производить эти розыски было тѣмъ труднѣе, что тогдашній Ср—ій сотникъ самъ захватилъ достаточно посполитскихъ земель и потому Б—имъ помогать не могъ. Какія приходилось встрѣчать новымъ владѣльцамъ при этихъ розыскахъ препятствія—показываетъ слѣдующее обращеніе Будлянскаго въ полк. Прилуцк. судъ. „Августа 1 сего года отправленъ былъ отъ мене повѣренный мой, *бывшій полк. Прилуцк. суда писарь*, Денисъ Тихоновичъ въ жалованную мнѣ отъ е. ясн—ти маетность м. Срѣбное... ради разбору принадлежащихъ мнѣ дачахъ къ той маетности, пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель, то въ томъ случаи тамошніе Сребранскіе посполитіе жители (*кои именуютъ себе козаками*) Леско да Иванъ Ляценки, зъ шестью человекъ, *подсудками своими*, въ царинѣ тамошней Сребр., зовемой Подолской, дабы съ оной не пропустить, приуготовивъ себе нарочито къ разбою, зъ дручемъ, на оного моего повѣренного Тихоновича, зъ будущими съ нимъ приказчикомъ моимъ Сребр. Вас. Петровымъ да Яремою Андреевскимъ служителемъ, да шафаремъ Ив. Горѣздру, безъ всякой ихъ винности, напавъ гвалтомъ, первѣе, Горѣздру одинъ съ нихъ разбойниковъ—болшимъ друкомъ какъ вдарилъ по шею, то отъ оного удара тотъ Г—ра впалъ на землю. И въ томъ разѣ будущіе всѣ тѣ гвалтовники оного Г—ру на землѣ лежачого нещадно дручемъ уже безчувственного били чрезъ многое время, и ростягши на тѣ друки—руки и ноги его, кости ламали и по немъ ногами скакали, намѣревая вовсе умертвить, какъ при томъ и согласовали его Г—ру всмерть убить; отъ такого тиранского бою тотъ шафаръ едва живъ остался. Наконецъ же, чая, что онъ уже неживъ, снявши съ него свиту, въ ровъ затагли. Показанного жъ Андрѣевского тоже били дручемъ и вгнали въ болото, кой всилу утеклъ. А приказчикъ—въ стоячую въ царинѣ будку свирлся, которого и тамъ дручемъ сторчъ били и виволокши оттудова, велѣли ему, дабы оной присягль предъ ними, ибо де ежели не присягнетъ, то всмерть имѣють убить, *чтобъ уже болше по полямъ и по подворкамъ Сребрянскимъ не пздилъ*, и велѣли ему, въ достовѣріе той присяги, предъ ними землю исти, руки ихъ, ноги и груди—цѣловать, кой

приказчикъ по ихъ повелѣнію то и чинилъ. Егда же Андр—ій отъ тѣхъ разбойниковъ убѣжалъ, а приказчикъ присягою отъ смертнаго убійства себе спаслъ, то повѣреннаго моего Тихоновича такъ убито, что привезено уже безъ рѣчи, нечувствительнаго: голова вся побитая, кровь ротомъ и носомъ лиющаяся, котораго уже исповѣдать ни засакрементовать было невозможно, кой на другой день и умре. О якихъ разбойническихъ забойствахъ тогда жъ отъ приказчика моего Сребрянскаго въ сотенной Сребр. к—ріи протестовано, по которому и обдукція съ немалою понаравкою надъ однимъ только Горѣздрю учинена; и яко о смертномъ убійствѣ—она, Сребр. к—рія, дѣйствовать должна была безъ упущенія, но по злобѣ на мене отъ Сребр. сотника и сотенной старшины, имѣя споръ за неважное ими завладѣніе жалованныхъ тамо земель и друг. грунтовъ, о которыхъ и слѣдствіе (производится?) въ силѣ... гетм. гр. К. Г. Разумовскаго... ордера, повѣренному моему Тихоновичу, и обдукціи не учинено; тѣхъ же убійцовъ хотя и взято было на томъ горячомъ учинку въ секвестръ, но оныхъ прежде учиненія слѣдствія, отпущено "... За симъ-Б—ій просить полк. судъ, чтобы слѣдствіе надъ „разбойниками“ произведено было, помимо сотника Сребр. и тамошней старшины, какъ лицъ заинтересованныхъ въ спорѣ его за Сребр. земли 1).

Изъ описаннаго здѣсь случая видно, что розьски посполитыхъ, вписавшихся въ козаки и „скупленныхъ“, а также— „грунтовъ“, принадлежавшихъ всѣмъ этимъ посполитымъ, вызывали кровавыя столкновенія, кончившіяся, впрочемъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, побѣдою гетманскаго зятя...

Устраивая въ Ср. хозяйство, Б—іе основали тутъ, между прочимъ, и небольшую суконную фабрику, но исключительно для собственныхъ нуждъ. Когда въ 1797 г. мануфактуръ коллегія запросила владѣльцевъ—сколько ихъ Ср—ая фабрика можетъ поставить сукна на армію, то управляющій фабрикою отвѣчалъ,

1) Прошеніе писано 1 окт. 1755 г. и подписано: «Бунч. тов. Власъ Буляцкій. По повелѣнію его п. моего Вл. Б—аго дому его писарь Иванъ Кучеровъ руку приложилъ».

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXV.

1901 г.

ОКТЯБРЬ.



К І Е В Ъ.

Типо-литографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Алц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица, № 6.

1901.

Дозволено цензурою. Київ, 17 сентября 1901 года.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

въ 1902 году

(21-й годъ изданія)

будеть издаваться по прежней программѣ и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ. Журналъ выходитъ книгами, въ 12 и болѣе листовъ, въ началѣ каждаго мѣсяца, заключаая въ себѣ статьи, представляющія изслѣдованія по исторіи, литературѣ и этнографіи юга Россіи, а равно цѣнные матеріалы, касающіеся той же области; сверхъ того, будутъ печататься русскія и малорусскія беллетристическія произведенія, а также біографическія извѣстія о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ, касающихся юга Россіи.

Подписная цѣна 10 руб. въ годъ съ доставкою и пересылкою, а на мѣстѣ—8 руб. 50 коп.; за-границу—12 руб. Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціей. Отдѣльныя книги журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“ (Маринско-Благовѣщенская, № 60), въ книжной торговлѣ редакціи „Кіевская Старина“ (Безаковская, № 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжной торговлѣ „Кіевской Старины“.

Издатель К. М. Гамалѣй.

Редакторъ В. П. Науменко.

Къ біографіи Андрея Николаевича Муравьева и письма его къ протоіерею Петру Гавриловичу Лебединцеву.

Андрей Николаевичъ Муравьевъ, извѣстный своимъ паломничествомъ въ святую землю, знакомъ и Кіеву, какъ ктиторъ Андреевской церкви и предсѣдатель Кіево-Владимірскаго Братства. Рьяный онъ былъ поборникъ церковной старины и буквы церковныхъ канонѳвъ; вотъ почему, отъ нечего дѣлать въ Кіевѣ, исправно посѣщаль церкви и строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы не было какихъ пропусковъ въ богослуженіи, а чуть что не такъ, писалъ длинныя посланія митрополиту или, за отсутствіемъ его, викарію. Держась такого направленія даже въ болѣзненномъ состояніи, послѣ совершенія надъ нимъ елеосвященія, за два дня до смерти, онъ не могъ удержаться, чтобы не сказать: „правильно совершено елеосвященіе“. Эта приверженность его къ буквѣ проглядываетъ и въ одномъ изъ писемъ къ Петру Гавриловичу Лебединцеву по вопросу о церковномъ судѣ, которымъ послѣдній всецѣло былъ поглощенъ, будучи глубокимъ знаткомъ сущности церковныхъ канонѳвъ. Въ разговорѣ съ протоіереемъ Андреевской церкви П. Ѳ. Подвысоцкимъ, Андрей Николаевичъ однажды высказалъ тревогу, что эти два лица—Петръ Гавриловичъ и Назарій Антоновичъ Ѳаворовъ—своимъ умомъ и лоскомъ повліяютъ на весь комитетъ по реформѣ церковнаго суда, не исключая и самого предсѣдателя, преосвященнаго Макарія, архіепископа Литовскаго.

Интересныя свѣдѣнія о Муравьевѣ имѣются въ одной черновой Петра Гавриловича, текстъ которой дословно приведу. Въ Историческомъ Вѣстникѣ г. Лѣсковъ, воспроизводя нѣкоторыя черты изъ жизни извѣстнаго духовнаго писателя, покойнаго А. Н. Муравьева, обвинилъ покойнаго митрополита Арсенія въ мщеніи Муравьеву даже надъ его гробомъ, который яко-бы, по капризу митрополита, оставался непреданнымъ землѣ нѣсколько дней. Стоявъ близко къ этому дѣлу, считаю нужнымъ снять тяжкое обвиненіе съ памяти м. Арсенія. Ослабѣвъ окончательно по возвращеніи изъ путешествія на Афонъ, А. Н., не смотря на трудность болѣзненнаго своего состоянія и намеки близкихъ о приближающейся кончинѣ, не дѣлалъ никакого распоряженія ни о своемъ имуществѣ, ни о собранной святынь, ни о погребеніи. Совершеніе елеосвященія надъ нимъ исполнено преосвященнымъ Филаретомъ, при моемъ участіи, не по вызову больного, а по убѣжденію протоіерея П. Ѳ. Подвысоцкаго и его супруги. Больной все читалъ надежду выздоровѣть и жить, а потому никакого гроба въ подвалѣ Андреевской церкви онъ самъ себѣ не приготовлялъ и даже желанія быть погребеннымъ не высказывалъ. Послѣ кончины А. Н., послѣдовавшей 18 августа, въ 5 часовъ пополудни, въ тотъ же вечеръ явились въ его домъ, въ числѣ друзей покойнаго, и высшія мѣстныя власти, и въ это время, послѣ панихиды, князь Дундуковъ-Корсаковъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы могила для погребенія А. Н. была приготовлена въ подвальномъ этажѣ Андреевской церкви, о благоустройствѣ и благолѣпіи которой покойникъ такъ много заботился и въ которой онъ постоянно молился, будучи ближайшимъ ея сосѣдомъ. Настоятелю церкви предоставлено было отъ имени друзей и племянницы покойнаго только пригласить высокопреосвященнаго митрополита Арсенія для участія въ его отпѣваніи, которое назначено было на 3-ій день. Владыка охотно изъявилъ согласіе служить заупокойную литургію въ Андреевской церкви и совершить чинъ погребенія, но затѣмъ, узнавъ отъ о. протоіерея, что могила для покойника готовится подъ Андреевской

церковью, отиѣнилъ распоряженіе о приготовленіи могилы для покойника въ избранномъ высшею гражданскою властію мѣстѣ и послалъ его же, протоіерея, доложить кому слѣдуетъ, что онъ не считаетъ себя въ правѣ дозволить погребеніе тамъ А. Н. Муравьева безъ Высочайшаго соизволенія, такъ какъ эта церковь сооружена императрицею Елисаветою Петровной и состоитъ въ особомъ вниманіи Высочайшихъ Особъ при посѣщеніи Кіева. Цѣлый день былъ употребленъ на обмѣнъ писемъ по сему предмету, въ которыхъ высшая свѣтская власть считала излишнимъ испрашивать Высочайшее соизволеніе, принимая на себя отвѣтственность, а митрополитъ отказывалъ, признавая и себя отвѣтственнымъ въ семь дѣлѣ, и только вечеромъ второго дня была послана телеграмма министру Двора Адлербергу. Въ виду встрѣченнаго затрудненія было предлагаемо—похоронить тѣло А. Н. М. при Десятинной церкви, тоже сосѣдней съ домомъ покойника, а протоіерей сей церкви съ готовностію изъяснилъ согласіе даже уступить ему приготовленную здѣсь для себя съ разрѣшенія Св. Синода могилу, но это предложеніе не было принято. Между тѣмъ вынось тѣла въ Андреевскую церковь былъ сдѣланъ въ тотъ же вечеръ преосвященнымъ Филаретомъ соборнѣ. Въ 10 часовъ утра слѣдующаго дня прибылъ въ Андреевскую церковь для совершенія литургіи и самъ высокопреосвященный митрополитъ Арсеній, но объявилъ, что по окончаніи отпѣванія гробъ съ тѣломъ покойника будетъ оставаться непогребеннымъ въ церкви до полученія ожидавшагося Высочайшаго разрѣшенія. Литургія и отпѣваніе совершены съ подобающимъ благолѣпіемъ, какого могъ только желать покойникъ, произнесены надъ гробомъ болѣе или менѣе соотвѣтственныя заслугамъ покойнаго рѣчи и возглашена ему вѣчная память, и по отдачѣ послѣдняго цѣлованія гробъ закрытъ, но оставленъ здѣсь же впредь до распоряженія о погребеніи, подъ отвѣтственностію настоятеля церкви.

Спустя сутки послѣ отпѣванія, получено Высочайшее разрѣшеніе, и тогда 22 августа совершилось перенесеніе гроба А. Н. Муравьева изъ верхней Андреевской церкви въ подваль-

ный этажъ, гдѣ тѣло предано землѣ, послѣ панихиды, совершенной преосвященнымъ Филаретомъ, въ присутствіи высшихъ свѣтскихъ властей и другихъ друзей покойнаго. Это-то замедленіе въ преданіи тѣла А. Н. М. землѣ, возникшее вслѣдствіе сомнѣнія митрополита, что отвѣтственность его за нарушеніе закона не можетъ покрываться распоряженіемъ высшей свѣтской власти, г. Лѣсковъ считаетъ мщеніемъ мертвому со стороны м. Арсенія. Такое тяжкое обвиненіе не слѣдовало бросать легко, не справившись точно тамъ, гдѣ слѣдовало. Еще менѣе правды въ томъ, будто митрополитъ Арсеній въ проѣздъ по епархіи, обѣдая у помѣщика Молодецкаго съ ксендзами, заставилъ духовенство ждать себя у воротъ вмѣстѣ съ жидами. Ничего подобнаго не было, а напротивъ извѣстно, что почти никто изъ предмѣстниковъ м. Арсенія не былъ доступнѣе его для всѣхъ, въ особенности для духовенства. Лѣсковъ затрудненія въ преданіи землѣ тѣла Муравьева ставитъ въ связь съ обѣдомъ, но между обстоятельствами погребенія А. Н. Муравьева и обѣдомъ митрополита Арсенія у помѣщика Молодецкаго не могло быть связи и по самой отдаленности этихъ случаевъ: митрополитъ былъ у Молодецкаго въ 1861 г., а погребеніе А. Н. М. происходило въ 1874 г. Въ эти 14 лѣтъ много и много еще разъ приходилось Андрею Николаевичу быть гостемъ у митрополита Арсенія, а митрополиту дѣлать для него всякихъ одолженій, не исключая и денежныхъ.

За оберъ-прокурорскій столъ въ Св. Синодѣ А. Н. Муравьевъ назначенъ въ чинѣ не кол. совѣтника, а кол. ассесора,—чиномъ кол. совѣтника онъ пожалованъ только въ 1838 г., черезъ два года по выbytіи изъ Св. Синода. Состоя въ такомъ невысокомъ чинѣ, едва-ли А. Н. могъ мечтать о томъ, чтобы быть преемникомъ оберъ-прокурора Св. Синода Нечаева; тѣмъ не менѣе, онъ не разъ высказывалъ, что графъ Протасовъ мѣстомъ оберъ-прокурорскимъ въ Св. Синодѣ обязанъ его содѣйствію, но отплатилъ ему неблагодарностью, удаливъ его потомъ отъ службы въ Св. Синодѣ, причемъ для большей наглядности дѣлалъ движеніе колѣномъ впередъ. Когда собственно оказано

было содѣйствіе А. Н. М. графу Протасову—при порученіи-ли исправленія оберъ-прокурорской должности за отсутствіемъ Нечаева, или при утвержденіи его въ этой должности, разъясненій не было. Не менѣе, если не болѣе, считаль А. М. Муравьевъ и московскаго митрополита Иннокентія обязаннымъ личному своему участию въ доставленіи ему московской кафедры и также не признаваль его особенно благодарнымъ за сію великую услугу. Услуга эта будто состояла въ томъ, что А. Н. по смерти московскаго митрополита Филарета, чрезъ одну изъ статсъ-дамъ довелъ до свѣдѣнія покойной Императрицы Маріи Александровны о желаніи покойнаго митрополита, чтобы преемникомъ его былъ преосвященный Иннокентій, архіепископъ камчатскій, послѣдствіемъ чего яко-бы было появленіе архіепископа Иннокентія въ числѣ 3-хъ кандидатовъ на московскую митрополию, вторымъ же оказался бывшій первымъ—преосвященный Димитрій, архіепископъ Херсонскій. Такъ ли это было, точно не извѣстно. Но что преосвященный Иннокентій и не помышляль о занятіи московской митрополичьей кафедры, сидя въ Николаевскѣ на Амурѣ, и что А. Н. Муравьеву извѣстно было о желаніи митрополита Филарета видѣть своимъ преемникомъ преосвященнаго московскаго Иннокентія, это намъ было извѣстно почти за полгода до кончины преосвященнаго Филарета отъ самаго А. Н. М. Пользуясь особеннымъ расположеніемъ московскаго владыки, съ 1842 г. Андрей Николаевичъ занималь его квартиру на С.-Петербургскомъ Троицкомъ Подворьѣ, что на Фонтанкѣ у Аничкина моста, куда многіе ѣздили на всенощныя и на вечернюю духовную бесѣду. Такъ продолжалось около 15 лѣтъ, во все время по удаленіи обоихъ Филаретовъ—Московскаго и Кіевскаго отъ присутствія въ Св. Синодѣ, устроенномъ графомъ Протасовымъ. Проводя въ Петербургѣ зимніе сезоны, Андрей Николаевичъ на лѣто пріѣзжалъ въ Кіевъ на свою нагорную усадьбу, близъ Андреевской церкви, гдѣ, кромѣ дома, отдававшася въ наймы, выстроена была сохраняющаяся и нынѣ русская изба съ богатымъ видомъ на кіевскія окрестности. Въ этой 2-хъ-этажной избѣ, съ галлереею вокругъ, проводиль А. Н. лѣто среди бла-

гоуханія окружающаго ее сада; въ ней принималъ посѣтителей; ее удостоили посѣщеніемъ своимъ въ числѣ Высочайшихъ Особъ Августѣйшаго Дома и нынѣ царствующій Государь Императоръ съ Августѣйшею Супругой. 1) Въ 1857 г., послѣ весенняго прибытія Андрея Николаевича изъ Петербурга, случилось и мнѣ быть въ этой избѣ. Посѣтителей было не болѣе 3—4-хъ лицъ духовнаго чина, и притомъ такихъ, съ которыми хозяинъ могъ быть откровеннымъ въ бесѣдѣ о церковныхъ дѣлахъ. Разговоръ начался съ разспросовъ о здоровьѣ московскаго первосвятителя, съ которымъ обыкновенно А. Н. видѣлся при проѣздѣ чрезъ Москву. Сообщивъ, что въ здоровьѣ его не замѣтно особеннаго ослабленія, А. Н. высказалъ сожалѣніе свое о также близкомъ ему преосвященномъ камчатскомъ Иннокентіѣ, намѣреваемомся оставить свое мѣсто по болѣзни. Въ поясненіе сего онъ прочелъ намъ только-что полученное отъ него письмо изъ Николаевска, въ которомъ преосвященный Иннокентій писалъ: „Зрѣніе мое ослабѣваетъ, и я думаю проситься на покой въ Москву“. Одинъ изъ насъ, болѣе любопытный и болѣе близкій къ А. Н., спросилъ при этомъ: правда ли, что московскій владыка готовить въ преемники себѣ преосвященнаго Филовея, тверскаго архіепископа, бывшаго своего викарія? На вопросъ этотъ А. Н. не затруднился отвѣтить, что онъ самъ спрашивалъ преосвященнаго митрополита Филарета, бывши у него недавно теперъ, но владыка сказалъ на это: „и не думалъ никогда объ этомъ, а вотъ ужъ если-бы потребовалось когда мое мнѣніе о моемъ преемникѣ, то я скорѣе указалъ бы на преосвященнаго камчатскаго“. Въ концѣ октября А. Н. уѣхалъ обратно въ Петербургъ, и почти чрезъ мѣсяцъ послѣ сего стало извѣстно о кончинѣ московскаго первосвятителя, послѣдовавшей 19 ноября. Когда получено было затѣмъ извѣстіе о назначеніи преосвященнаго Иннокентія преемникомъ м. Филарета, никого изъ насъ не удивило это назначеніе. Близкія къ Муравьеву лица

1) Импер. Александръ II.

полагали даже, что митрополитъ Иннокентій по слабости зрѣнія откажется отъ присутствія въ Св. Синодѣ, такъ что А. Н. М. останется по прежнему жить въ его покояхъ на подворьѣ, но еще А. Н. не успѣлъ собраться къ выѣзду изъ Петербурга на лѣтній сезонъ въ Кіевъ, какъ на подворьи было получено отъ м. Иннокентія на пути изъ Иркутска распоряженіе очистить для него митрополичьи покои. Вслѣдствіе этого распоряженія А. Н. М. долженъ былъ переселиться въ Кіевъ со всѣмъ своимъ багажемъ и распоститься окончательно съ Петербургомъ, въ которомъ онъ, при своихъ ограниченныхъ средствахъ, не могъ имѣть комфорта большой квартиры. Съ грустью совершилъ онъ этотъ переѣздъ, простившись навсегда съ Петербургомъ. Въ проѣздъ чрезъ Москву не могъ видѣться съ м. Иннокентіемъ, который еще и къ половинѣ мая не достигъ Москвы. А. Н. утѣшался по крайней мѣрѣ мыслию повліять на церковныя дѣла чрезъ м. Иннокентія, но этого не случилось, такъ какъ новый московскій владыка оставилъ безъ отвѣта посланные ему совѣты—тѣмъ болѣе, что по слабости зрѣнія не могъ уже ни писать, ни читать. Не успѣвши въ этомъ, А. Н. утѣшенъ былъ однако тѣмъ, что митрополитъ Иннокентій оказалъ изъ суммъ московской каѳедры пособіе на изданіе писемъ митрополита Филарета. Скучно было А. Н. доживать свой вѣкъ въ Кіевѣ, среди немногочисленнаго здѣшняго общества, безъ особенныхъ занятій. Еще болѣе отяготѣла надъ нимъ эта скука, когда оскудѣли средства къ жизни привычной. Оставалось продать усадьбу барскую и домъ съ избой, содержать которыхъ не могъ. Но не смотря на выгодныя предложенія со стороны разныхъ лицъ, онъ не могъ ни на чемъ остановиться окончательно, въ особенности онъ не могъ примириться съ тѣмъ, чтобы домъ его достался не графу и не князю. Скуку свою А. Н. развлекалъ повременнымъ инспектированіемъ церковей и монастырей г. Кіева и рѣзкими посланіями кіевскимъ духовнымъ властямъ, не такъ уже внимательнымъ къ нѣкогда сильному его слову. Путешествіе на Аѳонъ весной 1874 г. нѣсколько оживило знаменитаго паломника, но затѣмъ послѣдо-

валь постепенный упадокъ силъ, который привелъ его къ смерти въ наступившее лѣто“.

Въ письмѣ къ Петру Гавриловичу генеральша Исакова жаловалась на запустѣніе могилы Муравьева. По этому поводу протоіерей Андреевской церкви Павелъ Ѳеодоровичъ Подвысоцкій отъ 19 сентября 1892 г. въ отвѣтномъ письмѣ на имя Петра Гавриловича сообщаетъ весьма интересныя подробности, съ которыми слѣдуетъ по тексту самаго отвѣта. „На присланное Вами письмо Ея Превосходительства г. Исаковой долгомъ считаю отвѣчать. Вашему Высоко-Преподобію извѣстно, что могила, въ которой покоится въ Бозѣ почившій Андрей Николаевичъ Муравьевъ, устроена въ притворѣ подземнаго Сергіевскаго храма; извѣстны также и всѣ тѣ обстоятельства, при которыхъ совершилось такое устройство. Андреевская церковь достойнымъ образомъ почтила память своего многозаботливаго ктитора, открывши праху его мѣсто покоя подъ сводами своего святилища,—такой чести удостоиваются рѣдкіе изъ мірянъ. Кромѣ того, на церковныя средства притворъ тотъ оштукатуренъ, выбѣленъ и полъ въ немъ устланъ чугунными плитами: все, такимъ образомъ, приведено въ благообразный видъ. Не лишнимъ считаю присовокупить, что расходы при погребеніи А. Н. привяла на себя всецѣло племянница покойнаго Александра Николаевича Демидова, урожденная Муравьева, племянникъ же—Владиміръ Сергѣевичъ Муравьевъ, унаслѣдовавшій потомъ все достояніе его—движимое и недвижимое—прислалъ съ своей стороны только небольшую плиту чернаго мрамора, съ подобающею надписью, которая вдѣлана въ стѣну при могилѣ. Бѣлаго мрамора плита, покрывающая могилу, заказана капитаномъ Семеновымъ на средства, собранныя имъ по подпискѣ между знакомыми покойника въ Петербургѣ. Двѣ иконы—Покрова Божіей Матери и преподобнаго Сергія Радонежскаго, поставленныя въ усыпальницѣ, пожертвованы Св. Владимірскимъ братствомъ,—лампады къ нимъ даны отъ церкви, масло же для освѣщенія, по мѣрѣ возможности, выдается изъ церкви. Никакихъ фондовъ или вкладовъ на такъ называемую „неугасимую

лампаду“ ни отъ кого и никогда не было. Въ минувшій періодъ времени съ 1874 г., усыпальницу разновременно посѣтили друзья Андрея Николаевича, нынѣ почившіе: начальникъ военно-учебныхъ заведеній, генераль- адъютантъ Исаковъ и Помпей Николаевичъ Батюшковъ съ супругой. Сказанные высокіе посѣтители входили въ усыпальницу съ молитвой и оставляли ее съ благодарностію, не заявляя претензій и упрековъ за то, что тамъ хранились нѣкоторые хозяйственные предметы, напри- мѣръ—метлы, щетки, песокъ, которымъ нѣтъ мѣста, при крайне тѣсномъ устройствѣ церковнаго зданія. Не оскорбляя доброй памяти почившаго, воздавая должную справедливость заботамъ Андрея Николаевича о благоустройствѣ Андреевскаго храма, сохраняя объ немъ неизмѣнную молитвенную память и въ цер- кви, и дома,—я долженъ, сказать по іерейской совѣсти и то, что покойникъ остался въ долгу у церкви 1200 р. По его уси- ленному ходатайству, при содѣйствіи Помпея Николаевича Ба- тюшкова, съ Высочайшаго разрѣшенія, было ассигновано 37 тысячъ на укрѣпленіе горы, на которой высится храмъ, и на обновленіе самаго храма къ предстоящему столѣтнему юбилею его въ 1867 г. Какъ предсѣдатель церковно-строительнаго ко- митета, А. Н. взялъ изъ строительной суммы означенныя деньги. По смерти его, капитанъ Семеновъ вручилъ мнѣ собственно- ручную росписку А. Н. съ обозначеніемъ на ней числа, мѣсяца, года и количества взятой, въ три приема, суммы, съ такою же собственно-ручною надписью: „обязуюсь возратить“. И, ко- нечно, возвратилъ бы. Росписку эту я предъявилъ наслѣднику; онъ просилъ меня дать ему этотъ документъ для предъявленія сонаслѣдникамъ и съ обѣщаніемъ—отдать слѣдующее церкви, но, къ сожалѣнію, такое обѣщаніе сказалось только на словахъ... Послѣ двукратнаго напоминанія и просьбы—возратить по край- ней мѣрѣ росписку „на память“, отвѣта не послѣдовало. По смерти наслѣдника, съ такою же просьбою я обратился къ его супругѣ, но въ отвѣтъ на справедливую и самую вѣжливую просьбу получилъ дерзкое и укоризненное посланіе.

Извините Ваше Высокопреподобіе, что я обезпокоилъ Васъ подробностями дѣла, касающагося заслугъ и достоинствъ упоминаемаго лица и моихъ личныхъ къ нему отношеній, изъ-за которыхъ я считаю себя нравственно-обязаннымъ—хранить молитвенную память о почившемъ и надлежащимъ образомъ оберегать мѣсто его покоя. Послѣ моей смерти, незнающими Муравьева, усыпальница его можетъ быть обращена въ складъ дровъ, или найдется ей подобное, хозяйственное приложеніе. Этимъ я предупреждалъ и наслѣдниковъ, убѣждая ихъ гарантировать неприкосновенность усыпальницы хотя бы возвращеніемъ въ церковь сказаннаго долга. Благоусмотрѣнію Вашего Высокопреподобія предоставляю—письмо это отослать г. Исаковой, для убѣжденія Ея Превосходительства въ несправедливости тѣхъ укоръ, претензій и проч., коими она, по моему адресу, осыпала могилу своего друга, А. Н. Муравьева“.

Петръ Гавриловичъ письма о. протоіерея не отправилъ г-жѣ Исаковой, а, по всей вѣроятности, отъ себя написалъ ей что слѣдуетъ.

Очень мало сохранилось писемъ А. Н. Муравьева къ П. Г. Лебединцеву; иныя писалъ кто-то другой, а онъ только подписывалъ, другія—онъ самъ, но въ высшей степени неразборчивымъ, чисто женскимъ почеркомъ.

1.

Посылаю Вашему Высокопреподобію одинъ экземпляръ изданныхъ мною писемъ митрополита Филарета для Софійской Библіотеки и прошу Васъ напечатать въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ о появленіи въ свѣтъ этой книги, которую можно приобрести въ моемъ домѣ. Цѣна за экземпляръ 2 р. 50 к.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи

А. Муравьевъ.

1869 г., 4 августа.

2. 1).

Многоуважаемый Петръ Гавриловичъ!

Извините, что беспокою Васъ просьбою: сдѣлайте милость— доставьте прилагаемое письмо Сушкову, котораго я потерялъ изъ виду съ тѣхъ поръ, какъ онъ перешелъ изъ духовнаго вѣдомства. Въ канцеляріи оберъ-прокурора должны знать, гдѣ онъ служить и обрѣтается. Вы этимъ очень обяжете искренно уважающаго Васъ.

А. Муравьевъ.

1870 г. 18 сентября. Кіевъ.

3.

Милостивый Государь, Петръ Гавриловичъ!

Приношу Вамъ благодарность за обрѣтеніе Сушкова и доставленіе ему моего письма. Я совершенно согласенъ съ Вами, что его предположенія объ устройствѣ церковномъ совершенно несбыточны, о чемъ я къ нему и написалъ. Но признаюсь, я нахожу еще болѣе несбыточнымъ въ смыслѣ православія, а не протестантства, новыя предположенія о судопроизводствѣ церковномъ, по примѣру гражданскаго, мимо мѣстныхъ властей, т. е. мимо Епископа, которому, по всѣмъ древнимъ канонамъ, принадлежитъ ближайшій судъ надъ пресвитерами и даже мимо Синода. Что же это будетъ за управление церковное, гдѣ архіереи обратятся только въ рукополагательныя машины? Даже у лютеранъ больше имѣютъ вліянія ихъ суперъ-интенденты. Вы говорите, что когда оторвана одна половина зданія, неудобно оставлять другую въ прежнемъ видѣ, закрывши брешь рогожею.

1) Это второе письмо, какъ и нѣкоторыя другія, адресовано въ Петербургъ, по случаю пребыванія тамъ П. Г., въ качествѣ члена комитета по реформѣ дух. суда.

Это однако случилось на дняхъ на дворѣ Софійскомъ съ пристройкою теплаго собора, коей часть—сажени въ три—обрушилась въ погребъ, о чемъ я и прежде предостерегалъ, что тутъ опасно строить. Однако теперь хотять дополнить эту пустоту и не подкопать для сего основаніе храма,—что теперь хотять сдѣлать при новомъ судопроизводствѣ, опрокинувъ все древнее Апостольское основаніе церкви. На сихъ дняхъ мы объ этомъ бесѣдовали съ Владыкою, такъ какъ я, будучи теперь избранъ предсѣдателемъ братства, бываю у него часто по дѣламъ. Весьма благоразумно онъ мнѣ сказалъ: „Билюстинъ поднялъ вопросъ о духовномъ образованіи, и обрадовалось бѣлое духовенство. Что же вышло изъ улучшенія ихъ быта по образованію? Половина ихъ дѣтей остаются безъ духовнаго образованія и съ нихъ же требуютъ безпрестанно деньги для параллельныхъ школъ, а если суды будутъ мимо епископовъ, то могутъ повторяться такіа же случаи, какъ въ Полоцкѣ, гдѣ одинъ заслуженный протоіерей былъ посаженъ мировымъ судьей въ тюрьму за отлучку, и тогда можетъ быть пожалѣютъ и о судѣ архіереевъ“. А знаете ли, что мнѣ и самому очень грустно! До насъ доходятъ слухи, что наши кіевскіе депутаты болѣе другихъ хлопочуть объ устраненіи Епархіальнаго суда. Не дай Богъ, чтобы это была правда, а меня извините за искреннее слово, которое долгомъ почелъ Вамъ свазать для очищенія моей совѣсти и по тому уваженію, которое къ Вамъ имѣю и съ которымъ остаюсь.

Вашъ покорный слуга А. Муравьевъ.

1870 г. 29 окт., Кіевъ.

4.

Ваше Высокопреподобіе!

Благодарю за привѣтъ въ день моего Ангела! У насъ служеніе было торжественное и праздникъ какъ праздникъ. У Васъ же въ Софійскомъ холодно, потому что нижнюю церковь все укрѣпляютъ, но горящихъ углей на главу Вашу не сып-

люте, потому что никто Васъ не обвиняетъ въ осадѣѣ угла. Прочтите мою записку объ обновленіи собора въ древнемъ его видѣ, которую здѣсь я подаль Императрицѣ и на дняхъ посылаю Владыкѣ,—прочтите ее и поддержите. Не сѣтуйте и за сказанное о судахъ церковныхъ: лучше предупредить о молвѣ, чтобы взять предосторожность. Говорятъ, что преосвященный Макарій отстаиваетъ судъ Епископскій—и, слава Богу, чтобы у насъ не было сперва лютеранской поповщины, а потомъ раскольничьей безпоповщины, которая заставитъ бѣжать православныхъ изъ мнимаго православія. Князь С. Н. Урусовъ, бывшій оберъ-прокуроръ, сказалъ однажды своему камердинеру: „слышалъ-ли ты, что у насъ архіереи будутъ женаты?“—а тотъ съ ужасомъ возразилъ: „что Вы это, князь? да я подъ благословеніе къ нимъ не подойду“. Въ этомъ случаѣ и я раздѣляю мнѣніе княжескаго камердинера. Простите, не хочу многоглагольствовать и съ чувствомъ уваженія остаюсь душевно Вамъ преданный.

А. Муравьевъ.

1870 г. 5 декабря. Кіевъ.

5.

Благодарю Васъ, почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ, за Вашъ праздничный привѣтъ съ новолѣтіемъ, которое мы здѣсь справляемъ весьма смиренно и провинціально, не такъ, какъ Вы—столичные жители. Нѣтъ у насъ великихъ новостей, подобно Вашимъ, а такъ кое-чѣмъ перебываемся. Вотъ напримѣръ, весь Бахчисарайскій дворецъ перенесенъ на упокои въ Михайловскій, и въ мавританскомъ весьма нелѣпомъ вкусѣ раззолочены потолки трехъ пріемныхъ залъ, а по стѣнамъ тщедушныя, также раззолоченныя пилястры,—однимъ словомъ смѣсь французскаго съ нѣмецкимъ. Потѣха сія обошлась въ 2500 цѣлкахей, а контроль консисторіи могъ бы спросить: изъ какихъ доходовъ такая нелѣпость, когда всѣ церкви совершенно грязныя? Нашъ

братъ провинціалъ, однако православный, не могъ также не изумиться при погребеніи Голубцевой, ¹⁾ когда во время отпѣванія въ самой церкви тотчасъ по евангеліи, когда ожидаемъ разрѣшительной молитвы усопшему, вошелъ промѣжду черныхъ ризъ инспекторъ классовъ въ мундирѣ и произнесъ похвальное слово, хотя и краснорѣчивое, но вовсе неумѣстное въ присутствіи двухъ архіереевъ. Мнѣ показалось, что я въ нѣмецкой кирхѣ и потому вышелъ... Еще у насъ печальная новость: В. И. Бутовичъ совсѣмъ умираетъ отъ водяной; сегодня соборовали, и это было очень умилительно по его христіанскому расположенію. О Братствѣ скажу, что Демидовъ соглашается наконецъ устроить пріютъ для евреевъ, коихъ много къ намъ прибываетъ, а протоколы наши можете читать въ Вашихъ Вѣдомостяхъ. Кто будетъ головой, не знаемъ, лишь бы съ головой, а я покамѣстъ гласный—безгласный. Вотъ Вамъ и все. О Софійскомъ скажу, что до половины обновлять невозможно, и если Вы не двинете изъ Питера, то здѣсь ничего и не будетъ; инициатива должна быть отъ Владыки, а не свѣше. Маевскій же замолкъ съ моимъ описаніемъ дворца и не печатаетъ; спросите его. Пути у насъ непроходимы отъ свѣжныхъ ухабовъ. Простите, заболтался,—вѣрно, отъ ухабовъ. Прошу свидѣтельствовать мое почтеніе Владыкѣ и не забывайте искренно Васъ уважающаго.

А. Муравьевъ.

1871 г. 15 генваря. Кіевъ.

6.

Ваше Высокопреподобіе.

Еврей, присланный Вами, принять, и надобно стараться окрестить его въ будущую субботу, чтобы спасти его отъ гоненій, а между тѣмъ вмѣстѣ съ нимъ можно бы окрестить и проживающаго у насъ еврейскаго мальчика Лейбу Аріева, ибо оказывается, что мой кучеръ, служившій у помѣщика с. Заво-

¹⁾ Начальница Института благородн. дѣвицъ.

ричь, Козелецкаго уѣзда, лично зналъ и сего мальчика, и его родителей, которые тамъ давно живутъ, и свидѣтельствуеть, что нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія о его личности, а при нашихъ разспросахъ въ этомъ селѣ у мѣстнаго священника можетъ быть огласка, и родители будутъ его требовать. Итакъ рѣшите милостиво обоихъ крестить.

Многоуважающій Васъ А. Муравьевъ.

Годъ не обозначенъ. 16 марта.

7.

Я писалъ прокурору о штундистахъ, но отвѣта не имѣю, — вѣроятно лукавить. Но вотъ что и меня возмутило: вчера наконецъ окрестили нашего еврея и уже приготовлено было ему метрическое свидѣтельство, какъ вдругъ остановились его выдать на томъ основаніи, что онъ не умѣлъ отвѣчать, сколько церквей въ Шполѣ. Я и самъ стоялъ тамъ съ полкомъ, но не знаю ихъ числа, а между тѣмъ есть о немъ свидѣтельство отъ мѣстнаго священника. Но вотъ что еще возмутительнѣй: не знаю, на какомъ основаніи діаконъ Крыжановскій пришелъ къ нашему смотрителю и потребовалъ отъ него три рубля братскихъ денегъ за крещеніе: 1 р. священнику, 1 р. за воду и 1 р. за свѣчи. Кажется, онъ не имѣетъ права назначать сумму, да и смотритель не казначей, слѣдовало ко мнѣ обратиться. Пожалуйста замѣтьте ему это, чтобы впредь не позволялъ себѣ такихъ вольностей. Вчера я былъ у Васъ и очень сожалѣю, что не засталъ. Простите, остаюсь преданный Вамъ.

А. Муравьевъ.

1873 г. 31 мая.

8.

Ваше Высокопреподобіе!

Весьма намъ грустно было вчера быть на экзаменѣ въ нашемъ пріютѣ, однимъ лишь мірянамъ, ибо ни одинъ изъ ду-

ховныхъ не явился къ испытанію, хотя это было условлено прежде и даже опредѣлено протоколомъ. Можетъ ли быть успѣхъ и поощреніе мальчикамъ при такомъ равнодушіи духовномъ? Не мудрено, что митрополитъ хочетъ закрыть школу и посадить въ ней штундистовъ. Всѣ вдругъ разсѣялись: кто въ Голосѣевъ, кто въ Лавру, кто село купилъ, какъ ключарь,— даже и приходскій протоіерей жену поаялъ на базаръ, однимъ словомъ священникъ и левитъ мимо иде, и остались одни лишь смиренные самаряне—міряне. Вотъ и дѣлайте дѣла! Я гнѣвный, притомъ и въ душѣ не прощаю такое равнодушіе и лѣнь. Душевно уважающій и горько ропщущій.

А. Муравьевъ.

9.

Сдѣлайте милость, пришлите мнѣ сегодня утромъ всѣ номера за генварь м. „Современныхъ Извѣстій“, ибо отъ И. И. Красовскаго получилъ письмо, чтобы я ему въ нихъ открылъ всѣ его добродѣтели и къ обѣду непременно ему доставилъ оныя,—у него онѣ пропали.

А. Муравьевъ.

10.

Благоволите сходить на всеобщую въ четыре съ половиною часа въ Академію, гдѣ я вчера насладился впервые пасхальнымъ напѣвомъ, безъ нотъ и безъ пропусковъ,—а пѣло всего шесть человѣкъ на хорахъ и пять на клиросахъ. Итакъ дѣло не въ числѣ и не въ средствахъ, а въ порядкѣ и усердіи. Пусть ваши соборяне-пѣвчіе даже безъ мальчиковъ сему получатся пѣнію. Будь въ Академіи Θεоктистъ (ректоръ семинаріи) вмѣсто Филарета, то было-бъ то же, что у другихъ. Аще бы сами себе судихомъ, не были міромъ осуждены быхомъ.

А. Муравьевъ.

11.

Нельзя ли, Ваше Высокопреподобіе, оказать милость и принять въ духовное училище сироту дѣвицу ¹⁾, о коей просить княгиня Витгенштейнъ, тѣмъ болѣе, что и всѣ ея бумаги еще у Васъ. Много тѣмъ сдѣлаете и ей, и мнѣ.

А. Муравьевъ.

Сообщ. І. Г.



¹⁾ Людмила Левитская, дочь сельскаго священника с. Старостинецъ, Волынской губерніи.

П. А. КУЛИШЪ.

(*Біографическій очеркъ*). ¹⁾

LVIII.

Въ своей домашней жизни Кулишъ былъ образцомъ необычайнаго трудолюбія во всѣхъ отношеніяхъ: «въ свободное время отъ литературнаго занятія онъ ради гимнастики работаетъ пилкой, топоромъ, садовничьимъ ножомъ», писала одной родственницѣ Ганна Барвинокъ—„а прежде онъ и самъ пахаль, и сосѣди и родственники бывало приѣзжаютъ смотрѣть на его посѣвы и учиться работать“, а между тѣмъ въ припискѣ въ одному письму онъ сообщалъ: „у меня столько на рукахъ всякаго дѣла книжнаго, что мнѣ не до переписки, а бѣдная Сашуня изнемогаетъ подъ своимъ бременемъ жизни. Я ей не помощникъ: и не умѣю, и силъ не хватаетъ“. Въ другомъ письмѣ онъ говорилъ: „если бы не то да другое, то мы бы съ Сашей и теперь были бы еще студентами, дѣлающими забаву изъ нашей богатой поэзіи нищеты“. Въ одномъ письмѣ къ галицкому писателю Павлику онъ говоритъ: „Отъ бы то зробывъ хороше дило и той, хто позби-

¹⁾ См. «Кіевск. Стар.» № 9.

равъ бы мои лысты не рады мого я, а за-для того, про що се жъ писано“; и дальше: „хочбы люде про мою память говорылы ще гиршъ, нижъ теперенькы се роблять,—Живый на небесѣхъ посмѣется имъ и поругается имъ“.

Какъ ни тяжело было Кулишу въ настоящую минуту, какъ ни были сгущены тучи на его горизонтѣ, но онъ не переставалъ мечтать о продажѣ хутора, о поѣздкѣ въ столицу и даже за границу; однако на него находили также сомнѣнія: „Здѣсь мы живемъ роскошно, какъ царь и царица,—шутить онъ,—а чтобы быть нищими работниками въ Варшавѣ, въ Москвѣ и Петербургѣ, куда мнѣ ѣхать необходимо, намъ нужно не менѣе двухъ тысячъ рублей“. Вообще переноситься мыслями въ будущее и думать о пользѣ и благѣ грядущихъ поколѣній—было въ натурѣ Кулиша, и это выражалось у него подчасъ въ очень самоувѣренной формѣ: „А я пишу и думаю, что послѣ меня люди настолько поумнѣють, чтобы этимъ воспользоваться“. Онъ впрочемъ не особенно заботился о скоромъ появленіи въ печати своихъ произведеній, говоря: „Не въ томъ дѣло, чтобы напечатать, а въ томъ, чтобы написать. Высказавшись, я торжествую, какъ священнослужитель правды“.

Отсюда мы чаще всего встрѣчаемъ у Кулиша крайне оптимистическій взглядъ на жизнь, который всегда бралъ у него верхъ надъ временными приступами пессимизма: „Жизнь“—говорилъ онъ—„сама по себѣ счастье, въ какой бы формѣ ни ощущать ее. Сашуня все охаетъ, что я много на себя взялъ, а я только здоровѣе и веселѣе прежняго. О здоровьѣ впрочемъ думайте, т. е. о сопротивленіи всему, что вліяетъ на продолженіе нашей жизни“. Взглядъ на свое собственное положеніе онъ высказалъ однажды въ письмѣ ко мнѣ въ слѣдующихъ строкахъ: „Судьба сыграла со мной жестокосердую шутку завистливаго рока. Вѣриѣе сказать, сыграли ее безсердечные люди, имя которымъ легионъ. Они выдержали меня на островѣ Патмосѣ такъ долго, что меня начало пугать забвеніе иностранныхъ языковъ. Но я не сидѣлъ безъ работы: плугъ, топоръ, пила, всѣ столярные инструменты и перо были моими вѣрными товарищами. Только

краски да кисть измѣнили мнѣ, или я измѣнилъ имъ въ этой неблагопріятной для извѣстныхъ искусствъ пустынь... Переработавъ на островѣ Патмосѣ три уже давно непечатанные тома „Исторіи воссоединенія Руси“, я заготовилъ, такъ сказать, живописныя картины для остальныхъ шести томовъ этой книги, и теперь жду болѣе сноснаго сезона, чтобы совершить рабочее странствованіе по архивнымъ и библіотечнымъ городамъ—Варшавѣ, Петербургу и Москвѣ. Эти благословенные всячески культурою города научили меня на трехъ томахъ искусству облекать мои картоны въ доконченныя картины для остальныхъ шести томовъ. Надѣюсь, что благосклонныя доселѣ ко мнѣ Парки не перерѣжутъ нити жизни моей слишкомъ торопливо“. По прежнему, девизомъ Кулиша было: „жить пока живетъ, учиться и учить тому, что дается“,—въ этомъ—прибавлялъ онъ—„и все наше утѣшеніе“. Одной изъ своихъ родственницъ Кулишъ, передавая свои планы, писалъ: „Сашуня тоскуетъ уже, что мало осталось для нихъ (плановъ) времени, а я даю ей слово ждать, пока насытится око зрѣти и ухо слышати. Но такъ какъ они не насытятся никогда, а дни моей дѣятельности, можно сказать, сочтены, то вы всѣ помиосердуйте надъ затворникомъ, дайте ему дохнуть широкою жизнью, и не для кого какъ для вашихъ милыхъ чадъ поработать въ охотку на поприщѣ науки и литературы“.

Чрезвычайно любопытно, что потребность дѣятельности Кулиша и его свѣтлыя надежды на осуществленіе завѣтныхъ желаній и плановъ какъ будто совершенно не находились ни въ малѣйшей зависимости отъ окружающихъ его внѣшнихъ обстоятельствъ и даже отъ условій возможности—черта, заслуживающая особеннаго вниманія. Годъ проходитъ за годомъ, дѣйствительность безжалостно разрушаетъ всѣ мечты, старость даетъ себя знать ослабленіемъ организма (хотя Кулишъ сравнительно мало тяготился бременемъ, утѣшая себя отзывами врачей, находившихъ его силы физическія и душевныя замѣчательно сохранившимися для столь преклоннаго возраста), наконецъ безчисленныя и разностороннія неудачи положительно преслѣдуютъ

его, а онъ все больше зарывается въ свои книги и постоянно задумываетъ все новые, и притомъ обширные и значительные литературные планы и предпріятія и не перестаетъ смотрѣть на будущее, какъ на несмѣтную казну, какъ на какую-то нескончаемую перспективу продолжительной и плодотворной работы, какъ будто впереди онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи цѣлую вѣчность. Только священное пламя идеализма, безспорно, могло дать силы Кулишу на старости лѣтъ, послѣ того какъ сгорѣлъ его рукописный переводъ Библии, потребовавший многихъ лѣтъ упорнаго труда, вновь работать надъ тѣмъ же самымъ дѣломъ и, кромѣ собственной научно-литературной дѣятельности, посвящать такъ много энергіи на дѣятельность переводчика. Едва-ли можно отказать въ признаніи колоссальнаго трудолюбія и самаго чистаго, высокаго идеализма человѣку, которому съ оттѣнкомъ нѣкотораго недоумѣнія изумлялся даже такой почтенный и даровитый труженикъ науки, какимъ былъ его другъ Костомаровъ,—что онъ на 64 году жизни принялся за переводъ на малорусскій языкъ сочиненій Шекспира и отдавался труду переводчика съ двойнымъ наслажденіемъ, какъ эстетикъ и какъ беззаветный любитель родного слова. „Что касается меня“—писалъ намъ однажды Кулишъ,—„то, зная, какъ мудро было, даже Пушкину переводить Мицкевича и наоборотъ (ихъ языки извѣстны мнѣ оба, какъ мой родной), я вижу въ переводахъ наилучшую пробу языка относительно его ловкости, живописности, гармонія. Сверхъ переведенныхъ уже порусски (или какъ говорятъ одни, по украински, а другіе—по малороссійски) тринадцати драмъ Шекспира, Байронова „Донъ-Жуана“ и „Чайльдъ Гарольда“, Шиллерова „Вильгельма Телля“ (о которомъ смѣю думать, что это величайшее литературное произведеніе нашего вѣка),—готовлю сборникъ лирическихъ произведеній, заимствованныхъ у Гёте, Шекспира, Байрона, Гейне, подъ заглавіемъ „Повичена Кобза“ (одно изъ писемъ ко мнѣ конца 1894 г.).

Но, конечно, невзгоды все же не могли не отражаться до извѣстной степени, и даже замѣтно, на его характеръ и настро-

еніи. «Въ іюлѣ 1890 г.»—говоритъ г. Конисскій—«по просьбѣ одного нашего общаго знакомаго галицкаго русина, я вмѣстѣ съ В. Н. Волкъ-Карачевскимъ и съ взрослыми дѣтьми его навѣстилъ Кулиша въ его хуторѣ. Кулишъ встрѣтилъ насъ очень любезно; о прежнемъ, конечно, каждый изъ насъ старался ни словомъ не вспоминать... Увы! передо мною уже не было прежняго Кулиша! Это былъ худой, согбенный старикъ!.. Весьма тщательно старался онъ скрыть свое недовольство жизненными неудачами и людьми, но оно прорывалось цѣлой струей, когда зашла рѣчь о галичанахъ, о полякѣ-арендаторѣ и о сосѣдяхъ-крестьянахъ, затѣявшихъ съ нимъ процессъ въ судѣ. Кромѣ перемѣны физической, я замѣтилъ тогда въ Кулишѣ и значительную духовно-нравственную: упадокъ памяти, недовѣріе къ людямъ и удрученность.

Я имѣлъ порученіе пригласить его къ участию, во-первыхъ, въ издаваемомъ Барвинскимъ журналѣ „Правда“ и въ предстоявшемъ тогда изданіи „Записокъ Науковаго Товариства імени Шевченка“. Послѣ нѣкотораго колебанія и высказаннаго имъ еще разъ недовѣрія къ галичанамъ, онъ согласился на просьбу о сотрудничествѣ“. Но послѣ были недоразумѣнія: Кулишъ былъ недоволенъ помѣщеніемъ въ „Правдѣ“ перевода „Донъ Жуана“. Впрочемъ, это уже мы можемъ оставить въ сторонѣ. Для насъ важно здѣсь то, что лицамъ, равнѣ знавшимъ Кулиша, были замѣтны слѣды совершавшихся въ немъ перемѣнъ.

Замѣчательно также, что, несмотря на все разнообразіе своей литературной дѣятельности, перо Кулиша служило всегда одной идеѣ—благу родной Украйны.

LIX.

Между тѣмъ пререканія съ Обществомъ Исторіи и Древностей продолжались, хотя и въ само́й деликатной формѣ: Ку-

лишь хотѣлъ возвратить присланный ему пакетъ съ возраженіями, но былъ удержанъ мыслью о томъ, что такой поступокъ, заслуженный однимъ членомъ Общества, могъ бы несправедливо оскорбить другихъ членовъ, имѣвшихъ, съ своей стороны, полныя права на уваженіе. Онъ утѣшалъ себя надеждой, что „между знатоками польско-русскаго былого найдется человѣкъ два-три такихъ, которые „уразумѣютъ истину, и истина освободитъ ихъ отъ Карповщины“. „Если бы я не былъ въ этомъ увѣренъ“ — продолжалъ Кулишъ, — „то пересталъ бы и трудиться надъ исторіей русскаго воссоединенія“. Зато онъ включилъ своего новаго противника Карпова въ написанную еще раньше поэму „Кулишъ у Пекли“, напечатаніе которой отдѣльной брошюрой встрѣтило величайшія затрудненія со стороны обѣихъ столичныхъ цензуръ. На этотъ разъ затрудненія касались впрочемъ отнюдь не содержанія поэмы, но исключительно правописанія, такъ какъ настаивая на такъ называемой „кулишевкѣ“, Кулишъ рѣшительно не соглашался ни на какіе компромиссы. Преписательства шли о разныхъ способахъ начертанія буквъ *e* и *i* въ малороссійскомъ текстѣ, и мнѣ, какъ посреднику, со стороны, признаюсь, казались очень незначительными и даже микроскопическими. 1) Тѣмъ не менѣе, обѣ стороны оказались неуступчивыми до-нельзя, и дѣло не уладилось. Такія же затрудненія потомъ возникли вновь по поводу стихотворнаго сборника „Дзвѣнь“ и его продолженія подъ заглавіемъ „Сокровище благихъ“. Послѣ неудачи въ столичныхъ цензурахъ съ „Царемъ Наливаемъ“ и „Кулишомъ у Пекли“, Кулишъ представилъ „Дзвѣнь“ 2) въ кievскую цензуру, гдѣ по-

1) Вотъ любопытное поясненіе Кулиша. «Для незнакомыхъ съ языкомъ малорусскимъ, такъ называемымъ украинскимъ» послѣ согласныхъ буквъ — *и*, *і*, *й* произносятся вѣскольکو мягче великорусскаго *ы*; буква *e* какъ обратное *в*; буквы *ê*, *û*, *î*, *ô* — какъ *і*; буква *ь* и послѣ согласныхъ — *і* и послѣ гласныхъ и въ началѣ слова произносятся, какъ *и* и *і*; буква же *е* — какъ общерусское *ь* или *е*»

2) Эти произведенія казались Кулишу лучшими созданіями его пера, какъ видно изъ одного письма къ В. Н. Волкъ-Карачевскому, но онъ какъ будто и самъ сознавалъ свое увлеченіе, прибавляя, что, мо-

вторилась, однако, прежняя исторія: цензора сожалѣли о томъ, что не могутъ пропустить, но такое сожалѣніе, конечно, не могло удовлетворить автора. „Что касается собственно меня“—продолжаетъ Кулишъ,—„то я долженъ всячески искать новыхъ путей къ обнародованію выработаннаго мною воззрѣнія на Малорусчину, *долженъ* ради чести родного мнѣ старорусскаго элемента, испорченнаго Татарами, Литвою, Польшей и уродуемаго нынѣ людьми, которые „не вѣдаютъ, что творять“, думая тѣмъ службу приносить Богу“. Такъ же трудно было напечатать „Дзвонъ“ и въ Львовѣ, такъ что онъ увидѣлъ свѣтъ уже въ Женевѣ, о чемъ Кулишъ очень сожалѣлъ. Когда, по предложенію Вольфа, онъ взялъ на себя издать по-русски его книжку „Родные отголоски“, но изданіе не состоялось за смертію предпринимателя, и Кулишъ задумалъ уже собственное вышеупомянутое изданіе подъ заглавіемъ „Позичена Кобза“,—то онъ съ грустью писалъ намъ: „Въ объясненіе сихъ стихотвореній моихъ, я долженъ съ горечью сообщить вамъ, что жалуясь въ нихъ на гоненія не только великоруссовъ, но и полякоруссовъ, alias ¹⁾—галичанъ, которые, по политическому фанатизму относительно меня, годились бы въ сотрудники развѣ Каткову съ его преемниками“. Нѣкоторое время Кулишъ предлагалъ мнѣ издать отъ себя его поэмѣ „Кулишъ у пекли“ и продолжать изданіе начатаго печатаніемъ во Львовѣ перваго тома украино-русскаго перевода „Шекспировыхъ Творивъ“, также недозволеннаго нашей цензурой. „Нельзя ли вамъ поискать дороги къ дозволенію“? спрашивалъ меня Кулишъ, совершенно наивно, не представляя себѣ размѣровъ недоувѣрія, съ какимъ относилась цензура ко всякому труду, связанному съ его именемъ“. Всѣ великорусскіе переводы „величайшаго изъ сыновъ человѣческихъ“, какъ называлъ Шекспира Бокль, забывая о божественномъ Сынѣ Человѣческомъ Иисусѣ, не выдерживаютъ сравненія съ моимъ“—писалъ Кулишъ,—„не

жетъ быть, онъ потому ихъ ставитъ такъ высоко, что „мы особенно любимъ послѣднія произведенія, какъ и послѣднихъ дѣтей“.

1) Т. е. иначе.

потому, что онъ мой, а потому, что нашъ малороссійскій языкъ имѣеть больше грамматическихъ формъ и способенъ къ ковкѣ въ высшей степени. Переводъ Шекспира доведенъ мною до половины. Остальная половина могла бы быть переведена во время печатанія первой. Послѣдняя изъ переведенныхъ мною драмъ его, „Гамлетъ“ окончена въ 35 дней, и я пріостановилъ эту мою работу единственно потому, что въ Ганциной пустынѣ не могъ пользоваться изданіемъ Британскаго и Германскаго Шекспировыхъ Обществъ“.

Между тѣмъ цензура запретила, какъ было сказано выше, также и большую повѣсть Кулиша „Владимірія“ или „Искра Любви“, за которую авторомъ уже былъ полученъ авансомъ гонораръ изъ редакціи „Нови“,—обстоятельство, поставившее въ немалое затрудненіе Кулиша, какъ намъ извѣстно не пользовавшагося въ послѣдніе годы матеріальнымъ достаткомъ. Повѣсть была потомъ предложена... въ „Гражданинъ“ кн. Мещерскаго, гдѣ была безцеремонно заброшена и затеряна, какъ о томъ уже рассказано въ статьѣ кн. Шаховскаго о Кулишѣ въ „Русскомъ Обзорѣніи“, ¹⁾ о чемъ еще будетъ упомянуто ниже. Нѣкоторыя же другія рукописи Кулиша поступили около этого времени въ редакцію «Русскаго Обзорѣнія», и полученный за нихъ авансъ значительно поправилъ, конечно на самое короткое время, отчаянныя денежныя обстоятельства Кулиша. „Наши денежныя обстоятельства таковы“—писалъ онъ,—„что послѣ продолжительнаго албанія умственной пищи, я выписываю теперь газеты и журналы на четырехъ языкахъ. Недостаетъ только итальянской да испанской новѣйшей прессы. По-шведски я началъ было учиться ради письменныхъ фоліантовъ Карла XII, открытыхъ въ Стокгольмѣ, но надѣялся на Костомарова, которому слѣдовало бы историческое сокровище явить русскому міру“.

1) См. «Русское Обзорѣніе», 1891, III, стр. 222—223.

LX.

Несмотря на недовольство Кулиша галичанами, онъ продолжалъ дѣятельныя сношенія съ уважаемыми представителями этой націи. Въ числѣ послѣднихъ особеннымъ расположеніемъ его пользовался М. И. Павликъ (редакторъ журнала „Народъ“), заслужившій его симпатію статьей объ отношеніяхъ Кулиша къ великому польскому поэту Крашевскому. Въ первомъ письмѣ Кулишъ привѣтствовалъ своего новаго корреспондента: „Вельми втишаюсь правдою, що выявляється міжъ Русинами, ще й за мого життя, — не такъ самою правдою, якъ добрымъ розумомъ, котрого не знаходивъ я міжъ галицькыми письменниками“. Ему онъ выразилъ готовность дополнить и провѣрить сообщаемыя имъ въ статьѣ свѣдѣнія о своихъ отношеніяхъ къ Крашевскому и спѣшилъ подѣлиться съ нимъ своими историческими убѣжденіями: „Одирвавши Русиновъ одъ насъ у козако-татарське лыхолиття“, писалъ онъ, — „Ляхы поперероблювали ихъ такъ, що велький руський свить ваши пысьменныкы вважають за якусь Кытайщину и выроблюють изъ ёго соби на забавку клаптыкъ пидъ польскою назвою Украина. Хто на Русь позира зъ выщого погляду, цинуючы перевагу руського духу надъ антируською, той у нихъ москаль (зновъ назва польска!..) Тымъ и ворогують протывъ мене дома такъ само, якъ и въ Львови. За те, що я шукаю правды въ исторіи такъ, якъ прыродолюбци шукалы іи въ науци прыродознання, мене оглашають мало не чорнокныжникомъ. Сміюсь я съ сѣго“. „Мене перше вважали за майстра ридного слова, а теперъ и въ Львови и въ Кыиви пропечаталы, що я тилько псую ридну мову“... „Москва поборола татаръ, Новгородъ, Исковъ, Польшу съ Лытвою, шведа и козацтво, — чымъ? Перевагою руського духу надъ антируськымъ, а не лукавствомъ, якъ насъ вчывъ Костомара! Не выдержала бь вона тысячолитнѣи боротьбы зъ вичамаы, республыкамаы, королямаы, императорамаы“.

Павликъ съ большимъ интересомъ освѣдомлялся о судьбѣ книги „Шекспировы Творы“, которая, какъ видно изъ отвѣта

ему Кулиша, могла быть въ складѣ или въ типографіи имени Шевченка, или у нѣкоего Алоизія Юркевича, жившаго въ Ульмѣ, такъ что Кулишъ самъ не могъ опредѣлить, находилась ли она въ этомъ послѣднемъ городѣ, или во Львовѣ. Также неизвѣстно было самому автору мѣстонахождение экземпляровъ другихъ его сочиненій, напр. „Магомета и Хадиджи“... На всѣ эти книги Кулишъ далъ полную довѣренность Павлику. Ему же было поручено печатаніе „Дзвона“ и „Товитовыхъ Словесъ“, по относительно печатанія перваго труда, какъ мы знаемъ, встрѣтились затрудненія и въ Львовѣ: „Колы-бъ не проклятуци іезуиты, мы бы „Дзвона“ печатали въ „Славній Коломыи!“ Павликъ, однако, расходился съ Кулишемъ по вопросу о роли образованнаго класса въ облегченіи тягостей, лежащихъ на долю простого народа. Съ своей строго демократической точки зрѣнія онъ обвинилъ пановъ, т. е. высшія сословія населенія, въ непростительномъ жестокосердіи: Кулишъ, напротивъ, заявляя себя противникомъ бюрократіи, скептически относился, съ другой стороны, и къ симпатичной утопіи добровольнаго служенія интересамъ народа со стороны образованнаго класса въ томъ видѣ, какъ это считалъ необходимымъ Павликъ. Но во всякомъ случаѣ эти теоретическія разногласія не мѣшали взаимной пріязни обоихъ корреспондентовъ, а Кулишъ тѣмъ болѣе цѣнилъ дружбу Павлика, что, кромѣ его и профессора Огоновскаго и Златоверхаго, у него не осталось истинно преданныхъ людей въ Галиціи, тогда какъ ему часто приходилось волноваться изъ-за того, что одинъ изъ его знакомыхъ безъ разрѣшенія автора напечаталъ въ „Правдѣ“ переводъ первой пѣсни „Донъ-Жуана“, а нѣкто г. Барвинскій даже прислалъ ему по уговору два экземпляра „Чорной Рады“, напечатанной имъ вторымъ изданіемъ въ Галиціи; у него же оставались переводы „Псалтыри“ и „Іова“.

О газетѣ, издаваемой Павликомъ, Кулишъ былъ самаго хорошаго мнѣнія и отзывался о ней съ восторгомъ, говоря: „мы тутъ и не знали, що въ Галичинѣ е така розумна газета“. Сочувствуя этому, Кулишъ готовъ былъ всячески оказывать ей поддержку и назначилъ для этой цѣли выручку со всѣхъ своихъ

трудоу, печатавшихся за границей. Въ своемъ горячемъ сочувствіи къ редактору Кулишъ доходилъ до братскаго участія во всѣхъ его дѣлахъ и нуждахъ и отъ души жалѣлъ о болѣзни, постигшей какъ его, такъ и другого своего лучшаго друга въ Галиціи, Михаила Златоверхаго. Съ трогательнымъ выраженіемъ задушевной преданности онъ уговариваетъ своего друга (Павлика) воздержаться отъ ночной работы и больше заботиться о здоровьѣ. „Дуже сумую: намъ николи недужаты“. Зато собственнымъ здоровьемъ Кулишъ не можетъ нахвалиться; предостерегая своего пріятеля, онъ говоритъ: „Такъ погубивъ себе не одинъ уже въ моихъ пріятельв-здоровякивъ, а я, хвалыты Бога мылосерднаго, частенько й забуваю свои старощи, и колыбъ иноди прыпала нужда, высидивъ бы за розумовою працею 18 годынъ у суткы такъ, якъ и зъ-молоду“. На основаніи этихъ соображеній, находясь самъ чуть не въ нищетѣ, Кулишъ умолялъ Павлика не отказывать себѣ ни въ чемъ необходимомъ для лѣченія и даже предлагалъ было ему для этой цѣли воспользоваться выручкой отъ продажи его собственныхъ сочиненій: „Оце жъ надруковавши, що продате примирныкивъ, такъ и купуйте соби найздоровшого мятва и найздоровшого вина, стомаха рады и гиркого мени вашого занепаду“.

Если такъ горячо принималъ къ сердцу Кулишъ недуги и нужды сравнительно мало знакомаго ему Павлика, то легко понять, какимъ горемъ для него было несчастіе, постигшее его давняго друга и шурина В. М. Бѣлозерскаго, котораго въ томъ же 1893 г. разбилъ параличъ. Это событіе, прискорбное само по себѣ, огорчало Кулиша еще и тѣмъ, что оно помѣшало Бѣлозерскому осуществить только-что задуманный имъ, особенно симпатичный Кулишу, планъ написать воспоминанія о прошломъ и, главнымъ образомъ о временахъ изданія „Основы“.

Но не одинъ Павликъ интересовался воспоминаніями Кулиша и Бѣлозерскаго; нельзя нѣ упомянуть здѣсь, что интересъ къ дѣятелямъ новѣйшей малорусской литературы, столь незначительный въ нашемъ обществѣ, буквально почти не подозрѣвающимъ существованія многихъ позднѣйшихъ малороссійскихъ писателей,

стоитъ несравненно выше въ Галиціи. Нагляднымъ доказательствомъ могли бы служить письма къ Кулишу профессора русской литературы во Львовѣ Омеляна Огоновскаго, который, составляя свою исторію русской литературы, подробно останавливался и на позднѣйшихъ дѣятеляхъ малорусской литературы, для чего множество свѣдѣній получилъ отъ Кулиша, и это въ то время, когда профессора русской литературы въ русскихъ университетахъ въ большинствѣ случаевъ считаютъ для себя эту область чуждою и необязательною. Понятно поэтому, что представителямъ науки въ Галиціи въ большинствѣ случаевъ, благодаря большей близости интересовъ, гораздо яснѣе значеніе дѣятельности Кулиша, нежели нашимъ ученымъ и литераторамъ, для которыхъ часто по всѣмъ условіямъ внѣшнимъ, т. е. официальнымъ, и внутреннимъ, т. е. племеннымъ, невольно этотъ отдѣлъ малорусской литературы остается за чертой ихъ изученій, и это даже независимо отъ несходства во взглядахъ съ Кулишомъ, котораго Огоновскій называетъ „провиднымъ патриотивъ—письменникивъ украинськихъ въ 60 рокахъ“, о немъ же онъ говоритъ дальше: „а теперь молодшому поколінію помагае не разъ радю и умнымъ своимъ словомъ“. Онъ же сообщалъ однажды Кулишу: „про васъ згадуе редакція „Правды“, яко про свиточа, що вказавъ тому авторови Данилу Медовнику стежку до правдивои освіти“. „Хуторная поезія“ и другіе стихотворные сборники и историческіе труды Кулиша встрѣтили, несомнѣнно, гораздо больше участія и интереса въ Галиціи, нежели у насъ. Тотъ же Огоновскій писалъ Кулишу. „Я справди дивуюся вашій непрестанній и хосенній праці на ныви нашої литературы: де-яки ваши стыхотворы суть минн справди понутру. Вашъ духъ все еще свижий и молодой; дай Боже, щобъ вы ще много литъ булы свиточемъ въ нашій словесній святыни!“.

LXI.

Въ концѣ 1893 г. Кулишъ больше чѣмъ когда-либо считалъ близкою къ осуществленію свою поѣздку въ обѣ столицы и въ

Варшаву и соединялъ съ этой мечтой обширныя научныя упованія, приче́мъ, повидимому, средства для задуманнаго предпріятія дали ему присланный авансомъ гонораръ за его статьи и повѣсти, напечатанныя въ „Русскомъ Обозрѣніи“. Онъ писалъ тогда Павлику, что ему предлагаютъ переработать всѣ девять томовъ „Исторіи Возсоединенія Руси“.

Поѣздка, одна́ко, снова не состоялась. Послѣдующіе годы жизни Кулиша были опять поглоще́ны переводомъ Библии, для чего ему приходилось съ большими трудностями разыскивать и выписывать такія дорогія изданія, какъ Оксфордская Библия. Составляя планы печатанія этихъ трудовъ, Кулишъ просилъ обыкновенно Павлика назначить цѣну подороже, на томъ основаніи, что имущихъ не удержатъ лишніе десятки крейцеровъ, а бѣднымъ онъ поручалъ раздавать свои труды даромъ, какъ это предполагалось и потомъ дѣлалось съ книгой „Товитовы Словеса“. По окончаніи перевода первой книги Библии, Кулишъ предполагалъ послать ее на просмотръ Златоверхому, но все-таки долженъ былъ признаться: „тутъ бы и 16 Золотоверхихъ не были въ мене безъ дила, та не дорослы мы до Оксфордынь“. Поэтому Кулишъ принялъ намѣреніе съ особеннымъ тщаніемъ заботиться о здоровьѣ и остерегаться малѣйшей простуды: „Доростемо и мы до такого апостольства, коли того дослужымо въ щербатой доли, чы въ Господа Бога. Та бережимо свое здоровье. Я й съ хаты не выходжу, якъ закашляю, саджаючы новыи гаёкъ. Писля насъ и будуть люды, такъ не мы. Тягаръ же нашой жызни треба буде комусь нести“. Эти идеи онъ часто высказывалъ Павлику: „Пріятелю Михайлу Ивановичу, не сумуйте, а радуйтесь, що вамъ дано натуру не ослячу, не собачу, не вовчу й не лысичу, якъ пребагатѣмъ вашимъ пысьмакамъ.. На долю я николи не нарикавъ. Журбою поля не перейдемо, а перейдемо веселымъ духомъ, яка бъ гыдота не куёвдылась навкругы насъ“. О своихъ литературныхъ врагахъ онъ говорилъ: „За мене говорытиме мое компоуванне, а за ныхъ—ихъ крытыкуванне, таке, якъ того Огоновського, що Золотоверхый документово зробывъ неукомъ“.

Одновременно съ сближеніемъ Кулиша съ Павликомъ въ нѣкоторыхъ галицкихъ органахъ являлись волновавшія его нападки, особенно въ „Зорѣ“; ¹⁾ съ другой стороны расположеннымъ къ нему органомъ былъ польскій „Крај“. Все это происходило въ 1893 г., когда началось первое знакомство и вскорѣ заочное дружеское сближеніе Кулиша съ кн. Н. Вл. Шаховскимъ, разсказавшимъ о своихъ отношеніяхъ къ нашему писателю въ „Русскомъ Обзорѣни“, въ статьѣ, появившейся тотчасъ послѣ его смерти. Кн. Шаховской первоначально обратился къ Кулишу съ просьбой сообщить воспоминанія о Гиляровѣ-Платоновѣ, и хотя не только переписки, но даже воспоминаній у Кулиша не оказалось (письма сгорѣли во время пожара), но кн. Шаховской заинтересовалъ маститаго писателя и своей симпатіей въ его дѣятельности и собственными литературными работами. Черезъ князя Шаховскаго Кулишъ дѣлалъ попытки выручить извѣстную намъ рукопись „Владимірію“ у кн. Мещерскаго; ему же онъ подарилъ потомъ этотъ трудъ въ полное распоряженіе, назвавъ его „крестнымъ отцомъ Владимірію“.

LXII.

Въ 1894 г. Кулиша посѣтила тяжелая форма инфлюэнцы, отъ которой, по его словамъ, онъ спасся лишь благодаря неуныннымъ попеченіемъ и самоотверженному уходу своей жены. Въ этомъ году скончался одинъ изъ лучшихъ галицкихъ пріятелей Кулиша, Злотоверхій. Но ни огорченіе, ни болѣзнь не могли надолго прервать кипучей дѣятельности. Въ своихъ письмахъ къ Павлику онъ постоянно извѣщаетъ то о томъ, что онъ дошелъ въ переводѣ Библіи до Исаи пророка, то до премудрости сына Сирахова, и во всѣ эти переводы одинокій, почти не признан-

¹⁾ Кулишъ просилъ насъ вступить за него въ полемику съ „Зорей“, но для этого необходима была полная увѣренность въ правотѣ его дѣла.

ный труженникъ умѣлъ влагать всю душу, добиваясь возможнаго совершенства въ своей работѣ. Переводя пророковъ, онъ въ это время постоянно исправлялъ и совершенствовалъ уже оконченныя переводы Моисеева пятикнижія. „Вже сежду на стysi 20 XXXIII главы „Чисел“, и не знаю, колы перестану сам себе поправляты въ пидлажуванню нашої мовы пидъ вельчезну поэму“. Понятно, что Кулишъ, благодаря такому отношенію къ своимъ трудамъ, все больше зарывался въ нихъ и, не рѣдко нуждался въ дружескомъ сотрудничествѣ нѣкоторыхъ своихъ корреспондентовъ, обращался къ нимъ свободно съ разными просьбами и порученіями, принявъ въ послѣднее время нѣсколько оригинальную привычку посылать коротенькія письма, написанныя карандашемъ съ помѣткой сверху: „телеграмма“. Работа кипѣла, перспектива массы еще неисполненныхъ и казавшихся необходимыми и неотложными трудовъ побуждала дорожить всякой минутой, а тутъ еще совѣстливое отношеніе къ каждому принятому на себя дѣлу, въ свою очередь, какъ мы говорили, заставляло возвращаться вновь уже къ тому, что было кончено: „Вже готови три главы четвертой книги Моисеевой, та не важусь печатати, докиль не дійду до Апокалипсоваго амина“. Мало того: вслѣдствіе потери кн. Мещерскимъ обширнаго труда „Владимірія (или „Искра Любви“) приходилось возстановлять утраченное по сохранившейся черновой рукописи, причемъ многое нельзя было иначе дополнить, какъ по памяти, такъ какъ черновыя при перепискѣ всегда подвергались у Кулиша тщательной и капитальной переработкѣ (онъ особенно жалѣлъ о потерѣ наиболее удачно изложеннаго въ утраченной редакціи обращенія іезуита въ отечественное православіе).

Въ концѣ 1894 г. Кулишъ былъ обрадованъ назначеніемъ цензоромъ въ Москвѣ кн. Ник. Вл. Шаховскаго. ¹⁾ „Я вижу хорошее

¹⁾ Въ князѣ Шаховскомъ Кулишъ надѣялся и желалъ видѣть самостоятельнаго и просвѣщеннаго дѣятеля цензуры; ему онъ писалъ: «Будьте на своемъ посту силою, а не орудіемъ силъ... Это вамъ завѣщаетъ человекъ, который, при всемъ ничтожествѣ происхожденія, своего имущества и первоначальнаго образованія, былъ силою». («Русское Обозрѣніе», 1897, III, стр. 227).

предзнаменованіе“—писалъ намъ онъ по этому поводу—„въ назначеніи такихъ личностей на мѣста деспотовъ мысли и слова, которые присвоили себѣ право швырять намъ въ глаза наши рукописи, даже не взглянувъ на нихъ“. Но зато на „кункаторскую процедуру“ не только русскихъ издателей и содержателей типографій, но и заграничныхъ Кулишу случалось нерѣдко жаловаться, при чемъ особенно сердило его то, что небольшую брошюру „Дзвінъ“ печатали въ Женевѣ цѣлыхъ полтора года. ¹⁾

Съ другой стороны онъ самъ является по неволѣ кункаторомъ относительно задуманной поѣздки въ Варшаву. „Я съ трудомъ существую и среди своихъ роцъ“—откровенно сознался онъ въ письмѣ къ одной родственницѣ, „которая довожу до возможнаго совершенства, а что со мной будетъ въ дорогѣ? Да и ѣхать куда бы то ни было не хочется страшно! ²⁾

LXIII.

Признаки старости начали наконецъ сказываться во многомъ, „Онъ усиленно работаетъ“, писала о мужѣ Александра Михайловна: „Исторіи уже шесть томовъ, но нервы слабы! Онъ часто уединяется и сильный запахъ папиросъ съ усиліемъ выносить“.

¹⁾ Изъ исторіи нашихъ личныхъ отношеній къ Кулишу мы должны здѣсь отмѣтить, что Кулишъ, принимая всегда участіе въ моихъ литературныхъ работахъ, писалъ намъ по поводу напечатанной въ «Русскомъ Богатствѣ» нашей статьи: „Одна изъ женъ декабристовъ“: „вступительныя строки къ декабристѣ насъ растрогали: и мы такіе же мученики, особенно моя Александрѣ Михайловна“.

²⁾ О предполагаемой поѣздкѣ въ Варшаву Кулишъ писалъ въ концѣ 1893 г. „Рано весной мы должны ѣхать въ Варшаву, гдѣ я доведу до возможной документальности „Исторію Воссоединенія Руси“. Это значить, что три печатные тома книги явятся вновь обработанными, а шесть рукописныхъ, далеко не dokonченыхъ въ смыслѣ исторической живописи и только подмалѣваныхъ, получать полноту и dokonченность при посредствѣ архивовъ и библіотекъ“.

Послѣдніе два года нашего писателя прошли въ таковой же бодрой и энергической работѣ, какъ и вся его жизнь. Онъ весь былъ погруженъ въ переводъ Библии, для чего выписывалъ дорогія заграничныя изданія. Совершенно углубившись въ этотъ трудъ, онъ шутилъ, говоря, что проводитъ время въ самомъ высокомъ и избранномъ обществѣ: съ Моисеемъ, Исаіей, Іереміей, которыхъ, прибавлялъ онъ, «*мушу* учить по нашему глаголати».

О переводческой дѣятельности Кулиша и о его личномъ характерѣ одно изъ коротко знавшихъ его лицъ сообщаетъ слѣдующее.

„Занимаясь переводомъ Библии, Кулишъ въ то же время изучалъ еврейскій языкъ, чтобы завѣсть переводомъ Ветхаго Завѣта прямо съ еврейскаго подлинника. Первый свой переводъ Кулишъ сдѣлалъ не съ еврейскаго текста, а съ разныхъ европейскихъ переводовъ, но придерживался, главнымъ образомъ, англійскаго перевода, какъ самаго близкаго къ еврейскому тексту. Этотъ первый опытъ перевода Библии Кулиша сгорѣлъ во время пожара въ его домѣ на хуторѣ Могроновкѣ. Только одно „Пятикнижіе“ Моисея было напечатано во Львовѣ, какъ приложение или „додатокъ“ къ журналу „Правда“. Проживая въ своемъ хуторѣ, Кулишъ вторично переводилъ Библию уже прямо съ еврейскаго текста, но не успѣлъ окончить его. Переводъ Новаго Завѣта Кулиша и Пулюя давно уже напечатанъ въ Галиціи“.

„Натура Кулиша была слишкомъ нервная и въ высшей степени сложная, а поэтому склонная къ энтузіазму и крайнимъ увлеченіямъ въ ту или въ другую сторону. Однажды въ разговорѣ со мною онъ началъ проводить ту мысль, что только, „культура и культурность“ должны быть мѣриломъ всего: и исторіи, и поэзіи, и жизни. Съ этимъ, конечно, мнѣ нельзя было не согласиться, такъ какъ разговоръ шелъ о культурѣ и культурности въ общемъ смыслѣ. Много, много лѣтъ спустя, изъ слѣдующихъ произведеній Кулиша я только понималъ, къ чему клонился тогдашній разговоръ. Кулишъ пустилъ въ ходъ это мѣрило и принялся „ѣсть этою лопатою“ и поэзію Шевченка, и исторію

Украины, Польши и т. д. Но дѣло въ томъ, что культуру и культурность всякій понимаетъ по своему: демократъ мѣряетъ ее на свой аршинъ, аристократъ мѣряетъ на совсѣмъ иную мѣрку, а клерикалъ понимаетъ ее еще иначе. Культура оказывается понятіемъ растяжимымъ, и Кулишъ растянулъ это „мѣрило“ по своему. Какъ человѣкъ съ высокимъ врожденнымъ эстетическимъ чувствомъ, онъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ отвернулся отъ простацкой демократической козацкой Украины, прежде имъ опоэтизированной, и направилъ свои симпатіи къ аристократіи, началъ выхвалять польскихъ магнатовъ, заимствовавшихъ изъ Европы больше внѣшнія черты культуры, чѣмъ ее содержаніе; началъ даже выхвалять московскихъ бояръ, которые никогда никакой культуры не внесли и сами туго заимствовали ее отъ другихъ. Проживая въ своемъ хуторѣ, въ глуши, Кулишъ могъ и не знать, что по „Румянцевской Описи“ теперь оказалось, что въ Старой Малороссіи, въ области наприм. черниговскаго полка, было школъ больше, чѣмъ въ той же чертѣ въ теперешней Украинѣ, что при церкви были „шпитали“ и лазареты, учреждаемые приходами, и что все это: и школы, и шпитали, и лазареты, учрежденные приходами, впоследствии, подъ влияніемъ культуры на некультурную, по мнѣнію Кулиша; Украину, куда-то исчезли, словно сквозь землю провалились, и тамъ надолго воцарилась пустота и полная некультурность“.

„Кулишъ могъ въ своей Мотроновкѣ и не знать и „Разсказовъ иностранца“ („Записки Юста Юля, датскаго посла, бывшаго въ Россіи отъ 1709 г. до 1711 г. „Вѣстникъ Европы“, 1893 г. мартъ). Датскій посланникъ Юстъ Юль, пробывъ два года и при дворѣ Петра Великаго, возвращался чрезъ Украину и Польшу на родину и описываетъ тогдашнюю козацкую Украину совсѣмъ не въ такомъ некультурномъ видѣ, въ какомъ ее представлялъ себѣ Кулишъ, называя козаковъ разбойниками, хищниками и т. п. некультурными эпитетами. Юстъ Юль нашелъ, что „жители козацкой Украины благоденствуютъ и живутъ припѣваючи... Козаки продаютъ и покупаютъ разные товары, занимаются ремеслами и чѣмъ хотятъ—промышляютъ... Козаки

ходятъ въ церковь съ молитвенниками въ рукахъ... тогда какъ москвиты, даже бояре, неграмотны и даже не знаютъ начатковъ вѣры, какіе въ Даніи знаютъ дѣти... Королевецъ городъ большой и красивый. Улицы въ нихъ прекрасныя, какихъ въ Россіи я нигдѣ не видывалъ; дома прекрасныя, прочныя, опрятныя, выступаютъ на улицу, какъ въ Даніи, а не стоятъ въ глубинѣ дворовъ, какъ въ Россіи... Все населеніе козацкой Украйны отличается большою вѣжливостью и опрятностью, всѣ одѣваются чисто и чисто содержатъ дома и т. д. 1) Кажется, Кулиша, какъ эстетика, слишкомъ соблазнялъ внѣшній блескъ, внѣшняя культурность старыхъ польскихъ пановъ. Эту культуру дѣйствительно несли паны на Украйну обѣими руками и распространяли ее среди украинскихъ магнатовъ помѣщиковъ“.

LXIV.

2 февраля 1897 года Кулиша не стало. 2) О его послѣдней болѣзни его вдова сообщила намъ слѣдующее: „Мѣсяца за три до золотой свадьбы было получено письмо отъ В. В. Тарновскаго, въ которомъ онъ усиленно просилъ пріѣхать къ нему въ Качановку и отдохнуть. Онъ предлагалъ прислать карету, разставить лошадей по дорогѣ, чтобы не было задержекъ, и пожить вмѣстѣ на условіи полной свободы, т. е. чтобы мы ни въ чемъ не были стѣснены относительно своихъ занятій и привычекъ, обѣда, чая“ и т. п. Говоря объ этомъ съ женой, Павтелеймонъ Александровичъ фантазировалъ, что попросить двѣ кареты, чтобы ѣхать въ Зарогъ, заберетъ тамъ сестру жены съ ея дочерьми и тогда они вмѣстѣ двинутся въ Качановку. Это было для него большое путешествіе, потому что послѣдніе два года,

1) Такое же свидѣтельство о культурѣ старой Малороссіи XVII в. можно найти въ путевыхъ запискахъ Павла Алеппскаго.

2) Отмѣтимъ здѣсь, что всего за недѣлю до смерти Кулишъ имѣлъ утѣшеніе отпраздновать свою золотую свадьбу.

занявшись Библией, онъ отказался даже отъ посѣщенія находившагося всего въ восьми верстахъ отъ хутора брата жены, Олимпія Михайловича, и даже шуткой называлъ этотъ хуторъ Америкой. Въ день золотой свадьбы всѣ предположенія также остались безъ исполненія. Онъ ограничился только письмомъ къ В. В. Тарновскому и остался праздновать свой юбилей дома. Къ этому дню потребовались покупки въ городѣ. Александра Михайловна, все не расположенная оставлять его одного, рѣшилась выѣхать на самое короткое время, тѣмъ болѣе, что онъ обыкновенно ждалъ ее нетерпѣливо и часто выходилъ къ ней на встрѣчу, иногда встрѣчая ее еще въ городѣ (за 5 версть отъ ихъ хутора). Но въ этотъ разъ она возвратилась; онъ встрѣтилъ ее, очень обрадованный, у порога, но черезъ нѣсколько минутъ сталъ жаловаться на ощущеніе холода въ конечностяхъ и при этомъ вложилъ руки въ печурку, чего прежде никогда не дѣлалъ, и хотя продолжалъ заниматься, но часто подходилъ къ камину грѣться. Жена укрывала его ноги и плечи пледомъ и платкомъ, потому что въ эту зиму было очень холодно. Она уже прежде просила его перейти въ болѣе теплую комнату, но онъ не согласился, говоря, что тамъ тѣсно и негдѣ разложить книгъ, и продолжалъ усиленно работать въ перчаткахъ.

Они пообѣдали весело, причемъ Александра Михайловна, поздравляя его, вспомнила о началѣ ихъ знакомства и сказала: „Какая я была умная, что въ 15 лѣтъ умѣла оцѣнить и отличить тебя отъ всѣхъ другихъ!“... Послѣ обѣда онъ продолжалъ чувствовать холодъ и часовъ въ восемь легъ въ постель. Жена была при немъ неотлучно. Онъ припоминалъ нѣкогда мѣста изъ Библии и говорилъ громко и отчетливо; А. М-на съ радостью, прислушиваясь, думала: „вотъ недалеко весна, и онъ опять будетъ крѣпокъ и веселъ“. Онъ просилъ раньше ложиться и самъ заснулъ.

Иногда, еще задолго до болѣзни, говоря о своемъ желаніи окончить переводъ Библии, онъ прибавлялъ; „Тогда скажу: „Господи, нынѣ отпускаеши раба своего съ миромъ!“ Когда онъ начиналъ говорить о смерти, жена его убѣгала, и онъ потомъ

ей говорилъ: „Ты хочешь, чтобы я прожилъ Маѳусаиловъ вѣкъ!“¹⁾

Ночь прошла покойно; лишь по временамъ онъ вздрагивалъ, какъ будто желая что-то сказать во снѣ. Тутъ А. М. не могла выдержать и послала за докторомъ въ городъ, но его не застали дома, и онъ пріѣхалъ на хуторъ только на другой день. Между тѣмъ П. А. былъ все время въ ознобѣ. Докторъ подвергъ самому внимательному изслѣдованію и, наконецъ, сообщилъ женѣ объ упадкѣ дѣятельности сердца и велѣлъ перевести его въ болѣе теплую комнату, находя кабинетъ холоднымъ. П. А. продолжалъ заниматься, сидя въ креслѣ, несмотря на то, что былъ уже четвертый день болѣзни. На слѣдующій день докторъ пріѣхалъ опять и констатировалъ воспаленіе легкихъ, успокаивая А. М.—ну тѣмъ, что болѣзнь излѣчимая. Въ этотъ день П. А. еще держалъ корректуру, присланную изъ-за границы, но на шестой день болѣзни онъ уже не вставалъ съ постели. На седьмой день, чувствуя себя лучше, хотѣлъ встать, но жена уговорила его не рисковать. Потомъ онъ показавъ глазами на грифельную доску, висѣвшую напротивъ на стѣнѣ; на этой доскѣ онъ часто писалъ ночью, но такъ какъ доска тяжела, то жена подала ему листъ бумаги и карандашъ; хотѣлъ писать и не могъ... Онъ поднялъ руку и писалъ нѣкоторое время въ воздухъ, но вдругъ рука упала—и многотрудная жизнь кончилась (2 февраля 1897 г. въ 8 ч. вечера). Вдова его была въ такомъ отчаяніи, что не надѣялась его пережить; ее едва могли привести въ себя сочувственные телеграммы, изъ которыхъ одна (на малороссійскомъ языкѣ за двадцатью подписями) особенно тронула ее: „Поминая незабвеннаго земляка, привѣтствуемъ Ганну Барвинокъ за то, что она всю жизнь отдала тому, кто навѣки останется въ памяти всѣхъ сыновъ въ родной

1) Онъ назначалъ себѣ мѣсто, гдѣ его должны были похоронить: это былъ кругъ въ саду, обставленный кленами и другими деревьями. Черезъ два года тамъ нашелъ себѣ мѣсто упокоенія и другой патриотъ В. М. Бѣлозерскій.

Украинѣ. Да будетъ, какъ перо, легка земля надъ дорогимъ покойникомъ!“¹⁾

Хоронили Кулиша по козацкому обычаю. Везли гробъ двѣ пары воловъ цугомъ, въ траурныхъ попонахъ; на каждой „излучинѣ“ (по двѣ версты) до цѣрки читали Евангеліе сопровождавшіе прахъ два священника поочередно. Въ гробъ положили смушевую шапку, бумаги съ карандашемъ. На гробъ положили вѣнокъ изъ барвинокъ.²⁾

LXIII.

Оканчивая нашъ обзоръ жизни Кулиша, мы еще разъ должны напомнить, что мы отнюдь не имѣли въ виду дать полный обзоръ общественнаго и литературнаго значенія его дѣятельности. Но, можетъ быть, спросятъ, чѣмъ же оправдывается такой обширный очеркъ однихъ біографическихъ фактовъ и такое сочувственное отношеніе къ изображаемому лицу? Отвѣчаемъ на это, что мы видимъ и цѣнимъ въ Кулишѣ не только талантливаго человѣка, но прежде всего и больше всего человѣка идеи, а это качество даетъ ему, по нашему мнѣнію, большія права на вниманіе, какъ качества рѣдкія и въ высокой степени цѣнныя. Мы цѣнимъ въ Кулишѣ безкорыстнаго подвижника умственнаго труда, согрѣтаго пламенной любовью къ родинѣ—труда самоотверженнаго, неустаннаго и не ослабѣвавшаго буквально до самаго дня смерти.

Жизнь Кулиша продолжалась восемьдесятъ лѣтъ, но никогда не была для него праздникомъ, да и не могла быть имъ по той простой причинѣ, что онъ болѣлъ сердцемъ за другихъ, а такіе люди, если ихъ даже представить себѣ баловнями судьбы,—

1) Въ годъ смерти Кулиша въ Женевѣ вышла стихотворная брошюра, посвященная его памяти: „Щирі слези“.

2) „Русское Обозрѣніе“, 1897, III, стр. 192.

счастливыми въ обыденномъ, опошленномъ значеніи слова никогда быть не могутъ.

Вся литературная дѣятельность Кулиша,—котораго, конечно, не безъ основанія упрекали за неоднократную перемѣну направленій,—была строго послѣдовательной и безусловно выдержанной въ томъ смыслѣ, что всѣ предпринимаемые имъ труды неуклонно преслѣдовали одну цѣль—изученіе прошлаго родины и благо земляковъ. Если при этомъ нѣкоторые взгляды его съ теченіемъ времени мѣнялись, то искренность была несомнѣнна, и даже враги признають, что онъ ничего не говорилъ несогласнаго съ убѣжденіемъ.

Люди, лично знавшіе Кулиша, прозвали его „горячимъ“, и въ этомъ словѣ дѣйствительно заключается сжатая, но чрезвычайно мѣткая его характеристика.

При всѣхъ своихъ увлеченіяхъ, даже въ годы преобладанія въ человѣкѣ положительности и холоднаго разсудка, Кулишъ представляетъ въ нашихъ глазахъ типъ чрезвычайно симпатичный и даже трогательный, типъ энтузіаста съ живой и отзывчивой душой. Въ силу этого Кулишъ, независимый и увѣренный въ себѣ, имѣя, при своихъ блестящихъ дарованіяхъ и почтенной эрудиціи, преимущественно во всемъ, касающемся горячо любимой Украины, несомнѣнные данныя, чтобы занять болѣе или менѣе замѣтное, если не оффиціальное, то общественное положеніе, уже давнымъ давно заявившій себя съ весьма выгодной стороны какъ писатель, редакторъ и лекторъ, ничего лично для себя не искалъ и доживалъ свой вѣкъ въ кругу близкихъ родныхъ и въ обществѣ любимыхъ книгъ, съ болѣе нежели легкимъ багажемъ вещественныхъ благъ, безъ всякихъ помысловъ даже о томъ, чтобы поправить свои матеріальныя дѣла скорѣйшимъ изданіемъ своихъ трудовъ. Вообще, въ силу особенностей своей чрезвычайно впечатлительной и подвижной натуры, покойный не могъ замкнуться въ строго опредѣленные рамки, посвятивъ себя на всю жизнь однажды избранной карьерѣ. Натура эта была чрезвычайно живая и всего менѣе поддающаяся внѣшнему режиму, что, конечно, признаеть каждый, кто такъ или иначе

сколько-нибудь знакомъ съ личностью Кулиша. Поэтому едва-ли съ его именемъ сольется въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ какая-нибудь спеціальная нарицательная кличка, но онъ непременно будетъ признанъ патриотомъ-публицистомъ, писателемъ съ своей собственной, вполне оригинальной и ему только принадлежащей фізіономіей. Самая слабая память не затруднится сохранить о немъ ясное представленіе и не смѣшаетъ его ни съ какимъ инымъ виднымъ литературнымъ и общественнымъ дѣятелемъ.

Кулишъ прежде всего была личность въ высшей степени самобытная, яркая историческая фигура, ни для чего шаблоннаго не созданная, и слѣдовательно не способная къ шаблонному устройству своей жизни. Природа, щедро одарившая его вообще, особенно надѣлила его способностью горячо и сильно чувствовать и всѣмъ сердцемъ отзываться на нужды ближняго. Отсюда вытекаютъ всѣ главные свойства его характера. Это была натура всесторонне художественная, начиная отъ страстной любви къ природѣ, преимущественно украинской, и къ искусствамъ, и кончая удивительной способностью ко всякому, какъ умственному, такъ и физическому труду. Достаточно сказать, что этотъ человѣкъ, получившій почетную извѣстность какъ литераторъ и общественный дѣятель, также превосходно рисовалъ масляными красками, сепіей, тушью и карандашомъ, и въ молодости даже мечталъ посвятить себя живописи. Кромѣ того, онъ занимался гальванопластикой, переплетнымъ мастерствомъ, работалъ на столярномъ верстакѣ, дѣлалъ складные шкафы и кресла, любилъ и основательно зналъ сельское хозяйство, всегда былъ въ работѣ и при всѣхъ жизненныхъ испытаніяхъ умѣлъ не только сохранять бодрость, но даже быть или хотя бы казаться всегда веселымъ. Образъ жизни велъ строго умѣренный и правильный. Бесѣда его, благодаря природному краснорѣчію и никогда не оставлявшему его внутреннему воодушевленію, при живомъ разностороннемъ интересѣ ко всему въ мірѣ отвлеченной мысли и искусства, говорить, была чрезвычайно увлекательна.

Но главное все-таки было то, что Кулишъ „горячъ“ былъ сердцемъ: онъ любилъ людей, но не однихъ, впрочемъ, людей, а также всевозможныхъ животныхъ (собакъ, лошадей, коровъ, кошекъ, всякихъ птицъ), растенія (цвѣты) и проч. Самая его неутомимая любознательность была не только потребностью ума, но еще больше сердца, постоянно побуждавшаго его безъ колебанья и раздумья всѣ свои силы нести на алтарь любви къ вѣчно дорогой Украинѣ, а въ послѣдніе годы также и къ Галиціи. Въ обхожденіи Кулиша, говорятъ, было столько задушевной простоты и сердечности, что за ними въ непринужденной бесѣдѣ забывался извѣстный писатель и общественный дѣятель, память котораго вскорѣ послѣ его кончины сочувственно чувствовалась въ Петербургѣ вмѣстѣ съ памятью другихъ незабвенныхъ украинскихъ патріотовъ, друзей Кулиша—Костомарова и Шевченка. Съ простыми хуторскими крестьянами Кулишъ обходился въ высшей степени гуманно и привѣтливо, а дѣти крестьянскія свободно прибѣгали къ нему ласкаться, называя его просто „дидусь“. Когда же послѣ его смерти вдова его была, можно сказать, засыпана множествомъ сочувственныхъ писемъ и телеграммъ съ разныхъ концовъ Россіи и изъ-за границы, хуторскіе крестьяне были не мало смущены тѣмъ, что они позволяли себѣ запросто обращаться съ добрымъ „паномъ“, совсѣмъ не подозревая того, что этотъ панъ такой важный человѣкъ. Но трогательнѣе всего было прощаніе съ умершимъ „паномъ“ хуторскихъ дѣтей, которыя неутѣшно рыдали по немъ, какъ по самомъ добромъ и близкомъ человѣкѣ.

Наконецъ знаменательно и то, что послѣ похоронъ Кулиша сложилась даже легенда между окрестными крестьянами, будто онъ похороненъ былъ въ золотой гробъ.

Дѣтей Кулишъ всегда любилъ особенно, но собственныхъ дѣтей у него не было. Зато онъ всю жизнь въ полномъ смыслѣ слова шель объ руку съ своимъ другомъ-женой, его вѣрной спутницей, товарищемъ во всѣхъ житейскихъ испытаніяхъ. Не красна была ихъ жизнь, вся сплошь состоявшая изъ борьбы съ нуждой и лишеніями, простиравшимися до того, что, какъ мы

знаемъ, въ послѣдніе годы, уже въ преклонномъ возрастѣ,—отнюдь не по увлеченію идеями графа Толстого, котораго, къ слову сказать, онъ почему-то не любилъ и мало читалъ,—онъ долженъ былъ самъ пахать на волахъ и исполнять другія полевья работы, при чемъ и здѣсь, какъ во всемъ, былъ мастеромъ дѣла. Ничего отраднаго не сулило Кулишу будущее; но въ своей чистой совѣсти, въ своемъ любящемъ сердцѣ и неустанной одушевленной дѣятельности, благодаря также преданной подругѣ жизни, онъ умѣлъ находить чистое и отрадное удовлетвореніе, которое прочнѣе и выше счастья многихъ обезпеченныхъ людей. И какъ жилъ Кулишъ, до послѣднихъ дней создавая себѣ все новые планы и работая для исполненія ихъ, какъ говорится, „не покладая рукъ“, какъ будто бы ему суждена была вѣчная дѣятельность,—такъ точно ужъ на смертномъ одрѣ, за нѣсколько часовъ до рокового конца, онъ долго что-то оживленно говорилъ и, когда языкъ уже совершенно отказался ему повиноваться, онъ все еще не могъ разстаться съ привычной работой мысли и что-то писалъ рукой въ воздухѣ, какъ ратникъ, умирающій на полѣ битвы.

Въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ я находился въ постоянныхъ письменныхъ сношеніяхъ съ покойнымъ Кулишомъ и имѣлъ возможность близко, хотя и заочно, познакомиться съ его живой и въ самой старости кипучей натурой. Случалось иногда, что Кулишъ просилъ достать ему какую-нибудь рѣдкую книгу, рѣдкое изданіе библи (напр. одно дорогое изданіе Оксфордскаго общества), уладить его недоразумѣнія съ цензурой. При этомъ всегда бросалось въ глаза то обстоятельство, что онъ *непрерывно* хотѣлъ получить желаемое, по его мнѣнію, *наилучшее* изданіе, готовъ былъ скорѣе *отказаться* отъ печатанія своихъ малороссійскихъ произведеній, нежели *отступить* на *юту* отъ „кулишовки“ и подчиниться правописанію по Котляревскому и проч. Для Кулиша было священно все, что по его убѣжденію, должно было предстать передъ нимъ въ извѣстномъ, имъ излюбленномъ, видѣ, такъ что онъ не согласенъ былъ поступиться даже тѣмъ или инымъ изображеніемъ какой-нибудь

гласной малороссійскаго языка, къ немалому удивленію и отчасти досадѣ цензурнаго вѣдомства. Такъ во всемъ настойчиво проявлялась и говорила о себѣ его оригинальная личность.

Общественная и литературная дѣятельность Кулиша, въ силу объясненныхъ нами особенностей его натуры, отличалась странностью, вслѣдствіе чего онъ имѣлъ съ одной стороны преданныхъ друзей и почитателей, съ другой—ожесточенныхъ враговъ, которые готовы были метать на него громы. Подвести итогъ этой богатой внутреннимъ содержаніемъ жизни и всесторонне освѣтить ее съ полнымъ историческимъ безпристрастіемъ—задача будущаго. Найдутся, вѣроятно, и теперь, когда смерть должна была бы все примирить, такіе суровые критики, которые станутъ, быть можетъ, упрекать его въ излишнихъ увлеченіяхъ; но вѣтъ настоящей жизни безъ увлеченій, а того, что это была личность замѣчательно живая, яркая и благородная, оригинальная въ лучшемъ значеніи слова—этого, конечно, никто отрицать не станетъ, а также и того, что это былъ человѣкъ идеи и даже фанатикъ украинской народности, если отдѣлить отъ этого слова его невыгодный оттѣнокъ, удерживая лишь обозначаемую имъ высшую степень преданности идеѣ. Кулишъ былъ изъ тѣхъ людей, которые имѣютъ яркій обликъ и даютъ окраску всему, съ чѣмъ соприкасаются; самая слабая память ни съ кѣмъ другимъ его смѣшать не можетъ. Такіе люди невольно возбуждаютъ удивленіе и заслуживаютъ благодарной памяти въ потомствѣ.

Вл. Шенрокъ.



Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.

(Продолженіе) ¹⁾.

36. Бѣлорусскіе купцы, обокраденные на ярмаркѣ въ Полтавѣ.

День 14 сентября былъ когда-то для Полтавы не только храмовымъ праздникомъ въ мѣстномъ монастырѣ, но и временемъ значительной ярмарки, на которую съѣзжались купцы со всей Украины, и кромѣ того привозились товары изъ окрестныхъ странъ: изъ Великороссіи, Литвы, Польши и Крыма. Такъ было и въ 1690 году. Пріѣхали съ товарами изъ далекаго Глуска, ²⁾ „изъ панства Литовского“, два молодыхъ купца, Иванъ Дещенко и Севастіанъ Вовчковичъ и остановились „на господи“ въ домѣ мѣщанина Мартына Бражника. Цѣлый день они „бавылись торговымъ диломъ“, а вечеромъ вернулись домой, сосчитали выручку, заперли ее въ „скрыньку“, которая хранилась на одномъ изъ воевъ, прикованная „ланцухомъ“ (цѣпью), сдѣлали обычный нарядъ между своею „челядью“ на счетъ ночной охраны воевъ съ товарами, а потомъ сѣли на „прысьпу“ и стали бесѣдовать съ „госпбдаремъ“. Сначала они „бесидовали словесно“, а потомъ Мартынъ вынесъ „пляшку зъ горилкою“ и предложилъ купцамъ подкрѣпить силы послѣ дневныхъ трудовъ. Купцы слегка подкрѣпились, а затѣмъ съ своей стороны сочли долгомъ учтивости пригласить любезнаго и гостепріимнаго „господаря“ „до двору братского святовоскресенского на учту“.

¹⁾ См. Кіевск. Стар. 1901 г. № 9.

²⁾ Глускъ—нынѣ мѣстечко Бобруйскаго у. Мивской губ.

Братскіе дома, имѣвшіеся при каждомъ приходскомъ братствѣ, въ обыкновенное время имѣли совсѣмъ другое назначеніе: здѣсь происходили сходки братчиковъ для обсужденія братскихъ дѣлъ, здѣсь хранилось братское имущество, въ братскихъ домахъ обыкновенно совершался братскій и духовный судъ, наконецъ здѣсь же нерѣдко происходили и засѣданія полковаго суда, если дѣло касалось духовныхъ лицъ и въ составѣ суда участвовало городское духовенство. Но въ дни великихъ праздниковъ, когда братчики совершали „канунъ“ и варили медь, братскіе дома и даже дворы временно обращались какъ бы въ общедоступные рестораны, куда и самыя почтенныя лица не считали зазорнымъ и самимъ зайти, и пріятелей пригласить „на учту“, такъ какъ выручка отъ продажи канунныхъ напитковъ составляла главный доходъ, на счетъ котораго братчики украшали свои храмы, содержали школы и „шпитали“ и творили другія дѣла милосердія. Такимъ кануннымъ днемъ былъ и праздникъ Воздвиженія, и вотъ почему литовскіе купцы пригласили Мартына Бражника „на учту“ не въ корчму или шинокъ, а на „братерскій“ воскресенскій дворъ, находившійся въ предмѣстьи города, неподалеку отъ дома Бражника.

Долго они тамъ „забавлялись“ за пивомъ да медами, но купеческой осторожности не забывали, и вотъ одинъ изъ купцовъ, Иванъ Дещенко отлучился на минуту „до господы“, чтобы навѣдаться, исправно ли „челядь“ оберегаетъ возы съ товарами, а другой остался съ Мартыномъ „на зазванной учтѣ“. Пришелъ Иванъ на дворъ и „засталъ челядь свою зъ Мартыныхою Бражничкою бесидующихъ у хати надъ горилкою“: оказалось, что когда хозяева ушли со двора, сердобольная „господарка“ зазвала къ себѣ „челядь купецкую“ тоже „на учту“,—нужно же было и бѣднымъ челядникамъ подкрѣпить силы послѣ дневныхъ трудовъ, да еще въ такое „свято“, чтобы они бодрѣ стерегли хозяйское добро. Купецъ слегка пожурилъ челядниковъ за то, что всѣ забрались въ хату и никого не оставили на дворѣ, и пошелъ самъ осмотрѣть возы. Тамъ онъ засталъ „тулючогося межи возами“ хозяйскаго сына Ивана, молодого парубка, и спросилъ его: „А дя чога ты межи возами подъ часъ смерканя туляешься?“ Тотъ почти шепотомъ отвѣтилъ:

— „Та це я передь отцемъ своимъ Мартыномъ крыюся, щобъ мене не бывъ, бо винъ на мене теперь гнивлывый, не видаю за що“.

Купецъ успокоилъ Ивана Бражниченка, что его отецъ теперь съ ними „на учтѣ въ дому братерскимъ“ и нескоро домой вернется, да и воротится навѣрное въ такомъ состояніи, что не будетъ въ силахъ драться. Поговоривъ еще съ Иваномъ и найдя свои возы, повидимому, въ цѣлости, купецъ снова отправился „на бесиду тую“, на братскій дворъ. Но едва онъ вышелъ на улицу, какъ его будто толкнуло что-то: онъ вспомнилъ, что не осмотрѣлъ денежной „скрынъки“. Онъ поспѣшно вернулся, подошелъ къ возу — и ахнулъ: „скрынъка“, въ которой хранилось полтора ста таларовъ битыхъ и чеховъ, „скупныхъ (общихъ) съ товариствомъ“, оказалась „открученною отъ ланцуха“ и безслѣдно исчезнувшей.

Не помня себя отъ волненія, купецъ „вчинилъ окрикъ и галась на всю улицу“, на который опрометью выбѣжала челядь изъ хаты, сбѣжались сосѣди и многіе ярмарковые люди, ночевавшіе въ сосѣднихъ дворахъ. Пошли разспросы, толки и оханья. Прибѣжалъ и другой купецъ съ братскаго двора, перепуганный и взволнованный не меньше своего товарища. Онъ, однако, тотчасъ сообразилъ, что слѣдуетъ дѣлать въ такихъ случаяхъ: по его предложенію, всѣ присутствовавшіе „стали заразъ шукаты въ двори Мартыновимъ и коло двора слиду, куда бъ тая украденная скрынъка могла буты вынесенною зъ воза“, и когда вошли съ огнемъ „у стайню“ Мартынову, то увидѣли тамъ „на затылку вынятую тынну“ (часть плетня), а за нею нашли разбитую „порожнюю скрынъку“. Это былъ важный слѣдъ, и его немедленно слѣдовало предъявить уряду. И хотя было уже близко къ полуночи, оба купца, „не бавячыся“, отправились въ ратушу, велѣли разбудить войта и бурмистровъ, предъявили имъ разбитую „скрынъку“ и занесли „мѣйскому“ уряду жалобу на Ивана Бражниченка и на его мать Мартыныху „за тое, що Мартыныха челядь въ хату заклькала горилкы пыты, а сынъ ей межи возама тулявся и на ёго слиду тая скрынъка украдена зъ гришмы“. Магистратская старшина „справу отложила до утра, нѣмъ (пока) розсвинется“, но купцамъ не терпѣлось, и какъ только „ихъ Богъ освитывъ“ (настало утро), они уже были

у полковника, „оповидали ему шкodu свою“ и „скаржились“ на Мартына Бражника, его жену и сына, обвиняя ихъ въ покражѣ. „Зглгнувшись на ихъ скаргу и плачливый скорбѣ“, полковникъ приказалъ „даты до вязеня“ Ивана Бражниченка „до слушного доводу и до далшой резолюціи“.

Когда узналъ объ этомъ старый Мартынъ, онъ прибѣжалъ къ полковнику и со слезами сталъ умолять „сохранить домъ его чистымъ отъ публіки злодійскои“; въ крайнемъ случаѣ онъ просилъ отдать ему сына на поруки; но купцы „на поруку сына Мартынового не пустили“ и домогались скорого суда надъ нимъ и „скутечнои справедливости“. Ивана отвели таки въ тюрьму. Тогда Мартынъ позвалъ къ себѣ купцовъ, „частувавъ“ ихъ всѣмъ, что было лучшаго въ домѣ, наконецъ вмѣстѣ съ женою упалъ къ ихъ ногамъ и со слезами началъ умолять прекратить дѣло и не позорить сѣдой головы его, — „а я вамъ (божилса онъ) тѣи краденны гроши пивтораста таляривъ верну, бо то зъ безумія сына нашего такъ сталося, що винъ ихъ укравъ,“ — и тутъ же далъ имъ своихъ три таляра, „абы тое злодійство утаилося передъ старшыною“. Купцы согласны были на такую сдѣлку, но требовали, чтобы предварительно имъ были возвращены украденныя деньги, а Мартынъ Бражникъ настаивалъ на томъ, чтобы купцы немедленно сдѣлали передъ старшиной заявленіе о прекращеніи дѣла, и тогда уже получаютъ свои деньги. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, порѣшили на томъ, что Мартынъ снялъ со стѣны образъ, и купцы передъ нимъ „присягу такую учинили, що миль ихъ затаиты злодійство пры собі, никому не оповидаючи.“ Послѣ этого Мартынъ отправился съ ними на свой хуторъ, на урочище Сорокового Ярѣ, близъ города, и тамъ „указалъ ихъ гроши, у чотырохъ мистцяхъ похованыи у терну, у левади свойй“. Вся украденная сумма оказалась сполна налицо. Купцы взяли свои деньги и изъявили готовность, согласно условію, немедленно вмѣстѣ съ Мартыномъ отправиться къ полковнику и заявить, что пропавшія деньги случайно отыскались, и они никого не обвиняютъ въ кражѣ.

Пришли къ полковнику, а у него, по случаю ярмарки, домъ полонъ гостей; была здѣсь вся полковая и городова стар-

шина, много было и „значного войскового товариства“, какъ мѣстнаго, такъ и прїѣзжаго. Всѣмъ уже была извѣстна новость дня—исторія о томъ, какъ „литовскіе“ купцы дерзко обокрадены на Мартыновомъ дворѣ, поэтому, когда эти купцы съ сияющими лицами вошли въ полковничью свѣтлицу, ихъ окружили съ любопытствомъ. А они, отвѣсивъ передъ полковникомъ по низкому поклону и положивъ на столъ мѣшочекъ съ деньгами, сказали:

— Вельможный добродію и вы панове уряде! Презентуемъ передъ вами тое лице злодѣйское—власные наши гроши, якіе у насъ Мартыновъ сынъ покралъ, а онъ, Мартынъ, поховавши на своемъ хутори, теперъ указаль намъ и вернулъ. Просимъ зъ оногo Мартына Бражника, его жоны и сына святой справедливости“.

Это вѣроломство купцовъ такъ ошеломило несчастнаго Мартына, что онъ едва не свалился съ ногъ и долго не могъ промолвить ни слова. Да и было отъ чего потерять голову: вѣдь онъ, довѣрившись купеческой присягѣ, окончательно погубилъ не только сына, но и жену и себя самого. До сихъ поръ было лишь одно подозрѣніе противъ Ивана; но теперь своими признаніями и главное—указаніемъ мѣста, гдѣ были спрятаны украденныя деньги, онъ самъ же вооружилъ противниковъ могущественнымъ орудіемъ—„злодѣйскимъ лицомъ“, которое одно могло повести прямо на „шибеницу“ и вора, и его сообщниковъ. И когда полковникъ спросилъ Мартына, точно ли это тѣ самыя деньги, которыя сынъ его укралъ и спряталъ на его хуторѣ, а „онъ и жона его, выдаючи о томъ схованю, самы ихъ вказалы и до рукъ купцамъ отдады“, — то ни самъ Мартынъ, ни приведенный сюда же изъ тюрьмы сынъ его „одъ того лица злодѣйского не таились“. Тогда полковникъ, „по тому ихъ лицу злодѣйскому видячы неробочое дило“, приказаль, чтобы они къ той суммѣ „краденой“ доложили еще полтораста таларовъ „и во всемъ погодили шкодуючую (потерпѣвшую) сторону безъ откладу“ (немедленно), а судъ объ этомъ „злодѣйствѣ“ былъ отложенъ до другого времени („до увагы нашої“).

Судъ этотъ состоялся черезъ двѣ недѣли. Подъ предсѣдательствомъ полковника, въ немъ участвовали оба полковые асаулы Дорошъ Дмитровичъ и Стефанъ Фиринченко, полковный судья, атаманъ городской, войтъ и два бурмистра. Суду былъ преданъ не одинъ Иванъ Бражниченко, но и его родители. Потерпѣвшіе купцы все еще оставались въ Полтавѣ и лично обвиняли подсудимыхъ. Послѣдніе въ своей винѣ не „таились“, и потому въ производствѣ полного слѣдствія не было надобности. Судъ призналъ Ивана Бражниченка виновнымъ въ кражѣ, а обоихъ родителей въ соучастіи въ ней, выразившемся въ томъ, что они оказывали содѣйствіе преступленію сына „и сами тые украденые гроши сховали“. Опредѣляя затѣмъ мѣру наказанія, судьи приняли, конечно, во вниманіе и то обстоятельство, что этотъ самый Иванъ Бражниченко всего лишь два мѣсяца передъ тѣмъ былъ приговоренъ полковымъ судомъ къ смертной казни за изнасилованіе служанки, сироты Васьки, и только во вниманіе къ слезной просьбѣ его родителей эта кара была замѣнена крупнымъ денежнымъ взыскаіемъ; поэтому къ нему примѣнили 7-й артикуль 14 розд. Статута, трактующей „о важности лица, за що злодій горло тратить“, а къ его родителямъ—статью изъ права Магдебургскаго (на 129 л. книги „Порядокъ“) и приговорили: Ивана Бражниченка къ „шибеницѣ“ (висѣлицѣ), а его отца и мать къ „назначенію члонковъ“¹⁾. Тутъ осужденные и ихъ родственники подняли неистовый плачь и рыданіе, и судьи безъ долгаго колебанія, „за слезнымъ упрошенямъ Мартыновымъ и жоны его, даровали сына ихъ смертелною карністю и ихъ самыхъ назначенямъ члонковъ“, обязавъ ихъ, „абы они, упросившы реченыхъ купцовъ, нагородили имъ вси правные выклады (судебныя издержки), на чимъ бы шкодовалы, отъ мала до велика“. Сверхъ того, „поневажъ немалая шкода“ въ интересахъ правосудія „сталася въ той крадежи отъ реченого Мартыпа, жоны и отъ потомка его“, то въ удовлетвореніе за это „мість Мартынь

1) Т. е. къ отсѣченію ушей или носа, или же одной руки и одной ноги—въ декретѣ не обозначенъ точно этотъ родъ наказанія.

съ худобы своей выну панскую и врядовую плататы, якъ явный и приличный злодій“ (т. е. уличенный „злодійскимъ лицомъ“).

Къ декрету приложенъ „реестрикъ, що взято въ Мартына Бражника за проступство его“; изъ него можно видѣть, во что обошлось ему судейское милосердіе. „Напродъ его милости пану полковнику Теодору Ивановичу Жученку за тую вину панскую достался хуторъ, стоячій на Сорокового Яру, съ хатою, зъ выныцею (винокурнею) изо всеми угодами и съ трома казанами, кромъ збожа (кромъ хлѣба) въ стогахъ будучого и молоченого, а до того взято хату, стоячую за мистомъ (городомъ), зъ дворомъ, и бчоль трыдцятеро и четверо, и дви пари воловъ. Зъ которой отобранои злодійскои выны его милость панъ полковникъ старшины полковій отдаеть дворъ за мистомъ стоячій зъ хатою, а на врьдъ городовый полтавскій (т. е. на долю войта съ бурмистрами) бчоль двадцятеро и четверо и дви пари воловъ. А зверхъ того ясневелможному милостивому добродіеву пану гетманови бчоль тыхъ же пнювъ (пней) десятеро до пасики панскои отставлено“.

Это была не взятка, а законный судейскій доходъ, открыто взимаемый на основаніи одной статьи Магдебургскаго права (книга „Порядокъ“, часть IV, листъ 139), которой малороссійскіе суды давали распространительное толкованіе: „убогшіе выгнатьемъ зъ панства, а богатшіе виною цѣняжною карани мають быти“. Вотъ почему и гетманъ, какъ верховный судья, иногда получалъ принадлежавшую ему часть судейскаго дохода.

37. Кража у курскаго купца на той же ярмаркѣ.

На тотъ же „честнохрестскій ярмарокъ“ полтавскій прибыль въ 1701 г. изъ Курска съ галантерейнымъ товаромъ посадскій человѣкъ Фока Лукьяновъ и сталъ „господою“ во дворѣ значнаго козака Броилка. Не успѣлъ онъ еще и „расташоваться“ съ товаромъ, какъ въ ночь на 12 сентября кто-то укралъ съ воза

35 фунтовъ желтаго шелку, кафтанъ и сагайдакъ съ лукомъ и стрѣлами. На разсвѣтѣ купецъ съ своими „молодцами“ принялся за розыскъ. „Господня“ сосѣдняго двора, выйдя на поднятый ими „галасъ“, нашла среди своего двора три фунта шелку и оповѣстила объ этомъ Фоку; тотъ призналъ шелкъ своимъ. Другой сосѣдъ сообщилъ, что, выйдя ночью на лай собаки, замѣтилъ какого-то „москаля“ (солдата), пробѣжавшаго черезъ его дворъ. Тутъ и Фока вспомнилъ, что видѣлъ наканунѣ великорусскихъ стрѣльцовъ, безъ дѣла шатавшихся по городу; на распросы о нихъ ему отвѣтили, что въ Полтаву нѣсколько дней назадъ пришелъ откуда-то цѣлый „гуртъ москаливъ“, и теперь хозяйки плохо спятъ по ночамъ, дрожа за цѣлость своего „господарства“. Лукьянову лучше было извѣстно, что стрѣльцы были и не на то способны.

— „Гдѣ же они стоятъ „господою?“ допытывался онъ.

Ему объяснили, что добрый человекъ не пуститъ стрѣльца къ себѣ въ „господу“, развѣ мѣщанамъ бурмистры такую бѣду накинуть и то—въ военное время, а эти стрѣльцы пришли сами, безъ своей старшины, и должно быть ночуютъ въ братскомъ „шпиталѣ“; тамъ никому нѣтъ отказа: заплати шелягъ, и ночуй сповойно. А днемъ на что имъ „господа?“ Ходятъ себѣ по городу, а иные и на работу нанимаются.

Лукьяновъ рѣшился поскорѣе разыскать этихъ стрѣльцовъ. Прежде всего онъ обратился въ „шпиталь“. Тамъ, оказалось, точно ночевалъ какой-то „москаль“, которому нечѣмъ было и за ночлегъ заплатить, но съ утра ушелъ къ своимъ товарищамъ, имѣвшимъ „господу“ гдѣ-то на предмѣстьи. Лукьяновъ забѣжалъ въ ратушу, выпросилъ себѣ въ подмогу „миськихъ слугъ“¹⁾ и разыскалъ своихъ земляковъ: тамъ какъ-разъ шла распродажа краденнаго шелку, только что принесеннаго однимъ изъ ихъ товарищей, Васькой стрѣльцомъ. Ваську арестовали, привели въ полковой судъ и, по просьбѣ Лукьянова, подвергли допросу:

1) «Мѣйскіе слуги» — тогдашніе полицейскіе служители при магистратахъ и ратушахъ.

— Видкиль ты есть, чоловіче? зъ кымъ кравь той шовкъ и де его подивавъ?

Васька показаль:

— Отпущено меня изъ Тавани ¹⁾ самъ-другъ съ Филькою товарищемъ моимъ, стрѣльцы мы оба полка стольника и полковника Данилы Никитича Юдина, жильцы сѣвскіе. Пришли мы въ Полтаву и, за вѣдомостью Федора, старосты шпитальнаго, двѣ ночи ночевали въ шпиталѣ, а въ день по людямъ работали. Нынѣшней ночью товарищъ мой не знаю куда и зачѣмъ ходилъ и лишь на разсвѣтѣ вернулся; а днемъ, когда мы пошли съ нимъ по городу, Филька, товарищъ мой, сказалъ мнѣ: „на томъ мѣстѣ, говоритъ, подъ валомъ, въ крапивѣ, лежитъ шелкъ; возьми его себѣ“. И онъ пошелъ по своимъ дѣламъ, а я тотъ шелкъ взялъ,—пять вязокъ всего тамъ было,—пришелъ въ шпиталь и далъ одну вязку Федору, старостѣ, за ночлегъ, а четыре вязки понесъ продавать своимъ землякамъ, пріѣхавшимъ изъ Сѣвска; тамъ меня и взято. Только я этого шелку самъ не воровалъ, развѣ товарищъ укралъ гдѣ“.

Послали за Федоромъ, старостою шпитальнымъ, съ которымъ вмѣстѣ „слуги миськіи“ принесли три пачки шелку, завернутаго въ бумагу. Это былъ возвращенный Федоромъ тотъ самый шелкъ, который далъ ему Васька стрѣлецъ въ уплату за ночлегъ; но обертка на немъ была перепачкана, а въ самомъ шелку оказалось много зеренъ гречихи: „знаты, що у гречци хованый бувъ“. На допросѣ Федоръ такъ оправдывался:

— Не бувъ я, панове, дома: у воскобойни братерскій дило було, тамъ бавывся. А колы прыйшовъ до господы, заразы жона моя мени сказала: „Давъ, мовыть, мени москаль шовку сѣго фунтъ, та безмалъ (едвали) винъ не краденый; треба бъ ёго до ратуши обвистыты“. Я веливъ той шовкъ задѣржаты, покиль

²⁾ *Тавань* — прежній турецкій городъ и крѣпость, потомъ русское укрѣпленіе, въ которомъ съ 1697 г. находился постоянный великорусскій и козацкій гарнизонъ. Нынѣ на мѣстѣ бывшей Тавани лежатъ м. Каховка, Днѣпровскаго у. Таврич. губ.

той москаль зъявится, щобъ ёго разомъ съ тымъ шовкомъ до уряду повести, и ждавъ чымало, тилько ёго не було. А по недовгимъ часи того москаля, не знаю де взявши, купци припрывадылы до двору братерського, до господы моеи, и я, того шовку не таячы, отдавъ слугамъ та и самъ теперъ передъ судомъ станувъ. А Богъ мени свидокъ, що той москаль, злодюга, безъ мене жони мой шовкъ той отдавъ“.

Судъ не повѣрилъ этому объясненію и приказалъ Федора „дати до секвестру“ (подъ арестъ взять), а отобранный у него шелкъ, „що въ гречци десь въ сиряту лежавъ“, оставить на урядѣ въ качествѣ „лица“.

Тутъ „слуги миськіе“ пришли сказать, что видѣли, какъ, послѣ Федороваго ухода, „дивка въ тымъ же двори братерськимъ мчала жмутъ шовку у афедронъ“ (отхожее мѣсто). Судъ немедленно отрядилъ изъ своей среды бурмиистра вмѣстѣ съ слугами, и послѣдніе точно отыскали пачку шелку, „въ соплѣ афедроновъ вывненого“, и принесли на урядъ.

На другой день судъ принялся за продолженіе вчерашнихъ розысковъ. Былъ призванъ снова стрѣлецъ Васька и спрошенъ: „Де бильшь шовку подивавъ?“ Васька „привсел“ (запирался): „Больше, говорить, ничего не знаю, потому не я воровалъ, а товарищъ мой Филька“. Но когда позвали „мистра“ и велѣли „буты ёму готовому“ для производства пытки, а пока что Ваську „дано въ допросъ пидъ канчуку“, онъ сталъ откровеннѣе:

— Того шелку, признался онъ, продалъ я въ лавкахъ вчерашняго дня одной жонкѣ два фунта, по 19 шаговъ, и другой дѣвчинѣ одинъ фунтъ, и еще кому-то четвертый фунтъ, по той же цѣнѣ. Могу я ихъ всѣхъ познать“.

Ваську подъ конвоемъ отвели „до лавокъ“, и онъ точно указалъ Матвїиху „крамарьку, яка купыла пидъ ташою своею у ёго два фунты“, и другую „дивчуну, Яхнову дочку“, а третьяго покупателя Васька не могъ „познать“. Обѣихъ „крамарекъ“ повели „до уряду“, вмѣстѣ съ оказавшимся у нихъ „лицемъ“, краденнымъ шелкомъ. Матвїиха такъ „вымирялась“ (оправдалась):

— Я, панове, ёго пытала: „що то за шовкѣ въ тебе, москалю? Чы не краденый? А москаль: „ни, мовытъ, мій есть власный, я ёго въ Тавани набравъ за борошно“.

„Пры такому лыци“ (уликѣ) Ваську „знову дано пидъ канчуку и повторе пытано: де бильшь шовку подивавъ?“ Онѣ сказаль:

— Даль я того шолку жонѣ Федоровой, старостихѣ шпитальной, восемь фунтовъ до спряту. Федоръ самъ былъ въ свѣтлицѣ, а жена его тотъ шелкѣ въ сѣняхъ шпитальныхъ съ другими какими-то жонками перебирала. Да еще товарищъ мой сказываль мнѣ: „на пустой башнѣ (замковой), въ кулкѣ рогожаномъ, есть что-то шелку“.

Ваську перестали бить и въ сопровожденіи бурмистра, слугъ и потерпѣвшаго Лукьянова, отпустили въ замокъ. Онѣ пришель „до Глухой хвиртки миською“ и сказаль: „здѣсь ищите“. Стали искать, и точно нашли въ „башти“ сагайдакъ съ лукомъ и стрѣлами, который Фока Лукьяновъ призналъ своимъ, но шелку не нашли.

Привели Ваську въ судъ—и въ третій разъ положили „пидъ кїи и не щадячы оного пытано: де шолкѣ подивавъ и каптанъ кому отдавъ?“ Васька подѣ кїями твердилъ:

— Я того шелку не вороваль; Филька, товарищъ мой, о всемъ знаетъ, на немъ и кафтанъ чужой былъ. А я, какъ сперва говориль, кому что даль и сколько продалъ, то же и теперъ говорю. Да и Федоровой женѣ больше одного фунта этого шелку не даваль; а что послѣ на нее наговариваль, того и самъ съ бѣды своей не всномню ничего“.

Услышавъ это, Федоръ староста, „тутъ же стоячы зъ жоною своею“, тоже привлеченною къ суду, оживленно заговориль:

— Ни, панове, и мало винъ, москаль, а ни мени, а ни тежѣ жони мой шовку не даваль до рукъ, а хочѣ и бувъ винъ зъ тымъ шовкомъ у шпытали, лечъ (но) колы сказаль, що дадутъ до ратуша знаты, винъ, москаль (якъ жона моя повидаетъ), покынувшы шовку вязку въ синяхъ передѣ жоною моею, втикъ

заразъ зъ синей; а вона, взявши той шовкъ въ хату, оказала оный передъ людей, яки на той часъ въ домивци мойй булы: киевскій кнѣжынкъ и низжынскій¹⁾; вовы мени, пры одъязди своимъ, и свидѣтельство, пидъ дзвыницею воскресенскою напысавшы, на оказаня моеи невынноты дали, которое свидѣтельство и ныни у паніи полковныковой найдуется“.

Судьи заинтересовались послѣднимъ указаніемъ и послали къ женѣ полковника просить о сообщеніи этого документа, если оны точно у нея имѣется. Но когда документъ былъ доставленъ, судьи съ перваго взгляда убѣдились, „що то пысьмо власной руки пысання сына Федорого, школяра, а информация самого Федора, оже не рука купцивъ тыхъ“. На это Федоръ далъ такое неправдоподобное объясненіе:

— „Зъ купецького свидоцтва росказавъ я сынови своему перепысаты, а купци, що самы пысалы, зъ собою взяли и завезлы“.

Но судьи „не допустылы далій ричей неподобныхъ Федорови шырыты“ и стали „радытысь“ между собою о томъ, какой постановить приговоръ. „Вглянувшы до „Порядку,“ правъ Майдебурскыхъ“, они нашли артыкуль: „хто бы въ себе краденіи ричи albo лупы (добытое грабежемъ) передержувавъ, а того уряду не оповидавъ, такую жъ смертію маеть умерты, якою и самый принципаль“. Такъ какъ Федоръ Шкляръ „въ себе ричи краденіи—шовкъ отъ москаля прынятый—безотповидне державъ“, то и его слѣдовало бы подвергнуть той же „карности“, но „повеже въ первый разъ тое на немъ показалося“, то судъ, освобождая его отъ наказанія, постановилъ: Федоръ и Матвіиха, крамарька, обязаны „шкюдуючую сторону за дви части шкоды поеднаты“, то есть уплатить купцу Лукьянову стоимость двухъ третей похищеннаго и не разысканнаго товара, и „правныи наклады ему нагородыты“. „Дивчыну, Яхнову дочку“, тоже ку-

1) Т. е. книгопродавцы изъ Кіева и Нѣжина, пріѣзжавшіе въ Полтаву на ярмарку. Любопытное указаніе на книжную торговлю того времени.

цившую фунтъ краденаго шелку, отъ всякой отвѣтственности освободить въ виду ея юности и „несовершеннаго еще разуму“. Что же касается „того принципала Васьки“, то хотя право посполитое „велеть его, яко злодія прылычнаго, скараты на шыбеныци“, но такъ какъ „не подѣ нашимъ правомъ сей чоловікъ, а подѣ тымъ же, що и акторская сторона“, поэтому судьи предоставили на волю потерпѣвшему: искать ли ему „въ належномъ судѣ“ на томъ Васькѣ „остатку своей шкыды“, или „на волю его пустыты“.

Фока Лукьяновъ заявилъ, что онъ намѣренъ предать своего „шкодцу“ еще суду сѣвскаго воеводы, и по его требованію Васька снова былъ „данъ до вязеня“. Но купцу скоро пришлось раскаться въ своемъ жестокосердіи: „третьего дня (какъ значитса въ писарской припискѣ къ протоколу) оный Васька въ томъ вязеню животь свой скончилъ“,—вѣроятно отъ тѣхъ „кіевъ“ и „канчуковъ“, которыми въ большомъ количествѣ угощали его при допросахъ,—и отъ тоей же акторской стороны своей zostалъ и погребенъ при церкви Успенія! Пресвятыя Богородицы, у Полтави“.

Почему безвѣстному арестанту выпала такая честь—быть похороненнымъ при соборной церкви—объясняется тѣмъ, что въ то время въ Малороссіи особыхъ кладбищъ вовсе не было и покойниковъ хоронили на погостахъ приходскихъ церквей.

38. Служанна воровна.

У пана Леонтія Черняка, бывшаго полковника полтавскаго, а теперь „значнаго товариша войскового“, въ 1689 г. случилась въ домѣ „шкыда“: украдено денегъ болѣе ста золотыхъ, серебряныя чарки, перстень „щырозлотный“, „баволныця“ (бумажная матерія) и много другихъ вещей. Долго не могли напасть на слѣдъ вора, наконецъ обратили вниманіе на поведеніе бывшей „служебныци, дивкы“ Каськи (Катерины), которая, оставивъ службу въ домѣ Черняка, поселилась у бѣднаго полтавскаго обывателя Лукьяна и видимо сорила деньгами, по-

купаючи собі різні ненужні предмети. По заявленному Чернякомъ підозрѣвію, въ домѣ Лукьяна сдѣляли обыскъ (его „трусилы“) и нашли чересь съ серебряними копейками на сумму около ста золотыхъ и різні „рупески“ (мелкія вещи); то и друге оказалось принадлежащимъ Каськѣ. Їе тотчасъ взяли для допроса, но она убѣжала изъ ратуши; її поймали и немилосердно били кіями, стараючись добитися отъ неї признанія въ краджѣ; но „запам'яталая“ Каська стоически переносила истязанія и упорно отрицала взводимое на неї подозрѣніе, не умѣя, однакже, объяснить, откуда взялись у неї такія большія деньги.

Въ такомъ недостаточно выясненномъ предварительнымъ дознаніемъ положеніи дѣло это поступило на рѣшеніе полковаго суда. Въ качествѣ „лица“ судьямъ „презентованы“ были отобраннныя у Каськи вещи и чересь съ деньгами. Панъ Чернякъ въ короткихъ словахъ изложилъ свою жалобу и тѣ основанія, по которымъ онъ подозрѣваетъ въ краджѣ бывшую свою „служебницю“. Каська попрежнему отрицала свою виновность. Судьи сиросили її:

— Повидай, необачная голову, якымъ бы ты способомъ могла набути тыхъ копієкъ срибныхъ?

Каська, попрежнему „плетучы“, отвѣтила:

— Достала я тыхъ грошей въ Дмитрашка грека, якъ ѡго рабовано въ Зинькови.

Каська намекала на тотъ общезвѣстный фактъ, случившійся двумя годами раньше, когда, послѣ низложенія Самойловича, въ Малороссіи во многихъ мѣстахъ вспыхнулъ мятежь и чернь бросилась грабить богатыхъ и значныхъ. Это смутное время долго потомъ слыло въ народной памяти подъ именемъ „рабованя“, или „рабунковъ“.

Но едва Каська произнесла свое объясненіе, какъ „туть іи заразъ стритывъ словомъ“ панъ Андрей Яковлевичъ, войтъ, участвовавшій въ составѣ суда:

— Обмыльне то мовышь, то не есть правда, знаю о тимъ досконале: Дмитрашко грекъ рокомъ выйшовъ изъ Зинькова не рабованемъ“.

Каська на минуту смутилась, но затѣмъ, тотчасъ оправившись и „повторне плетучь“, повѣдала:

— Самую вамъ правду повидаю, панове: я тыхъ грошей добула въ Зинькови въ Мартына Нестулія, якъ ёго рабовано, бо я въ ёго тоди служыла, а про шкоды пана Леонтія Черняка не видаю, якъ на мене наволикають крадижъ грошей, чарокъ срибныхъ и иныхъ ричей. А копійкы тыи срибныи—то власне Мартыновы Нестуліевы, що я въ ёго пры рабованю добула. О которыхъ копійкахъ казала я и Лукъяныси, що ихъ добула въ Нестулія, пана мого, и Москалеви Андрияшеви поминяла ихъ на чехы, и давъ мени Москаль наддаци золотыхъ пять, а на прозьбы мои личывъ тиі гроши Максимъ Лукъяненко. И дала я ти чехы сто золотыхъ до схованя самій Лукъяныси зъ мисечкомъ, чы то пакъ зъ чересомъ, который тутъ презентовано. Якъ мене бачыте, панове, дуже збытую, бильше вамъ ничего не скажу: тиі гроши копійкы я въ Нестулія достала“.

Судъ рѣшилъ провѣрить это показаніе „запамяталои“ Каськи, не откроется ли новое за нею преступленіе, и приказалъ послать „до старшины Зѣньковской, абы Мартынови Нестуліевы звистылы въ той ему шкодѣ“ и о томъ, что откроется, прислали въ судъ „атестацію“. Черезъ три дня такая атестація была прислана на имя полковаго судьи Петра Будкаго и гласила такъ:

„Мосци пане судя полку Полтавского, зычлывій нашъ прыятелю! За донесеня ведомосты ведлугъ (касательно) тыхъ грошей, которыи найдевы въ той дивкы Каськы, бувшой служебницы Мартыновои Нестуліевои, вашмосци пану покорне дякуемо и въ далшій часъ такимъ же способомъ отслужоваты субмитуемся. Дивка тая Каська, бывшы въ Мартына Нестулія пидъ часъ рабункивъ, вкрала полотна тонкого сувій бильше, мовыть, пятьдесятъ локоть. А о вроши пыталысьмо Мартына Нестулія, чы булы пидъ той часъ въ ёго гроши копійкы, тоди винъ мовыть: „въ той часъ побрано въ мене гроши талары бытыи та чехы, а иныхъ грошей, мовыть, не було“. О тимъ вашмосци пану покорне предложышы и доброго одъ Господа

Бога зычачы здорovia, зостаемъ вашмосци пану во всемъ зычыви: Ома Грыгориевичъ и Иляшъ Павловичъ, сотныкы Зиньковскіи, Павелъ Ващенко, атаманъ городской, Сахно Перепаденко, войтъ зъ бурмистрамы. Зъ Зинькова, іюля 6, року 1689^с.

Слѣдовало бы уличить и снова допросить запаяталую Каську, но она была такъ слаба послѣ „кіевого караня“, что судьи рѣшили оставить ее въ покоѣ, пока она хоть немного „одужаетъ“, а отобранныя у нея деньги признали похищенными у истца и возвратили ему „до рукъ, якъ его власны“. Панъ Леонтій Чернякъ поблагодарилъ судъ и при этомъ „вырекъ“:

— Уже то, панове, на Бога спустывшы, естемъ контеный тымъ правомъ и ти сто золотыхъ даю церкви божественной Спасской полтавской на роботу сницарскую (рѣзную). Але еще мени барзо жалосно на домъ Лукьянивъ и на жону ѣго, що вони, выдаючи про ти гроши, никому не оповищали, такъ врядови и никому иншому. А въ мене шкоды много въ кимнати подіялося черезъ властную запаяталую бувшую служебницу Каську, о чимъ могла бѣ видаты и жона Лукьянова и домыслытыся, що стилько грошей Касци не можно бѣ миты и ризно шафоваты, ризны рупескы соби купуючы, и допускаты жыты ій въ своимъ дому. Прошу и въ тымъ skutечнои справедливосты“.

Судъ призналъ основательной претензію пана Черняка и „выдачы его утрату и неопатрность (неосмотрительность) жоны Лукьяновой, яка допустыла тій зрайци въ дому своимъ жыты и гроши, ти копійкы, въ себе держаты, а никымъ не оповистыла“, примѣнилъ къ данному случаю 13 артыкулъ 14 разд. Статута и присудилъ, чтобы Лукьянъ съ женою удовлетворилъ пана Леонтія за понесенные имъ убытки: „на чимъ ѣго упросятъ, на тымъ и станетъ“. Сверхъ того, Лукьянъ долженъ былъ возвратити истцу стоимость представленныхъ въ судъ въ качествѣ „лица“ „рупесковъ“, такъ какъ предполагалось, что они приобрѣтены Каськой за деньги, похищенные у Черняка. Наконецъ, Лукьянъ же былъ обязанъ заплатити и „вину панскую“, т. е. денежный штрафъ въ пользу полковника.

Между тѣмъ Каскѣ становилось все хуже. Вотъ уже она потребовала духовника и приняла предсмертное напутствіе. Видя, что относительно ея не придется уже постановлять декрета, судьи сдѣлали попытку, нельзя ли добиться отъ нея, по крайней мѣрѣ, какого-либо признанія, и послали „до тоем зрайци“ своего сочлена, бурмистра Петра Юревича, „пытаючи, що бѣ мила еще знаты“. Каска оказалась почти при смерти и была въ силахъ лишь прошептать: „Якъ утывала я зъ ратуша, тоди мымо бигучы, дала Степаныси Шапочныси намысто кораліовое доброе, а на сповиди велила тое намысто взяты отцу протопопи, та и не знаю, чы взявъ ёго отецъ протопопа, чы не взявъ“.

Судъ велѣлъ записать это признаніе, какъ улику противъ Степаныхи.

Къ ночи бѣдной Каски не стало.

39. Неблагодарная „сусида“.

Лѣтомъ 1691 года пришелъ въ полковый судъ „панъ“ Стефанъ Козельскій, „купецъ и мищанынъ“ полтавскій, и такъ жаловался на Мотрю Шкурнычку, „въ дому его у сусидехъ мешкающую“:

— Панове! Тая запамятала Мотря, сусидою въ моимъ дому будучы, вкрала зъ скрыни шість штукъ полотна быцького ¹⁾ и полумысокъ, а и передъ-часы (раньше) худобу мою ліотровала, розносячы розно тютюнъ, рыбу вялую и грибы, для прызыску (прибыли) моего купецкого поскупованыи, а невидомо, где тое все, покравшы, подивала. Пропшу мылостей вашихъ, розкажитъ (прикажете) тую Шкурнычку передъ себе зыйскаты, нехай передъ мылостями вашыми росповистъ, чы видають обоє зъ мужемъ своимъ Логвыномъ Шкурныкомъ о тій крадежи, чы нить.

¹⁾ Особый сортъ полотна, можетъ быть, фабриковавшагося въ г. Бѣчѣ или Бичѣ, въ Краковскомъ воеводствѣ.

Привели Мотрю, и она тотчас повинилась:

— Воля есть ваша, панове, проступыла-мъ пану Козельскому, украла не шість шкукъ полотна быцького, але тилко дви и полумысокъ, и первой одну штуку зъ пулмыскомъ прынесла въ домъ Вуцькы Крысьчыхы и самій же Крысьчыси до рукъ оддала, которую вона взявши, въ кимнату понесла, а выйшовшы зъ кимнаты, высыпала дви кварта горилкы на стиль, и пылы-сьмо вси тры насъ тую горилку: Вуцька Крысьчыха, Настя попада и я. Пидпывши зась той горилкы, Настя попада стала мени мовыты: „пійды, Шкурнычко, и ще мени другую такую штуку полотна прынесы видтиль, где есы сее взяла“. Я, заразь пійшовшы, зъ той жъ скрыни пана Стефановой другую штуку полотна быцького вкрала и прынесла и отдала Васылыси баби, которій попада велила оное до рукъ взяти.

Позвали Вуцьку Крысьчыху и спросили: правда ли, что Мотря приносила къ ней въ домъ краденое полотно и отдала ей одну штуку и полумысокъ, а другую сестрѣ ея, Настѣ попадѣ?

Вуцька энергично это отрицала:

— Неправда есть то, жадныхъ я полотень въ дому моимъ не бачыла.

Но Мотря „злодійка у очи ей мовыла“:

— Чого ся, Крысьчыхо, таишь? Въ тебе штука полотна и полумысокъ, а другая въ подиль сестри твоей досталася. Я, покравшы зъ скрыни пана Козельского, подавала вамъ, за которое все полотно тилко прыходячы тыждень пыла у тебе, и дали-сте мени грошей симнадцять шагивъ. Не тайся, Крысьчыхо, взяли-сьте зъ своею сестрою у мене тое полотно и полумысокъ.

Крысьчыха упорно стояла на своемъ.

Тогда судьи велѣли Мотрю Шкурнычку „на мисти (на рынкѣ) передъ ратушомъ канчуками добре пробыты, роспытуючысь того, чы не зъ злосты якои оную Крысьчыху взятъемъ того полотна и полумыска вона потворяеть“ (клевететь). Но Мотря и подъ канчуками одно твердила:

— Хоть мя до смерти роскажитъ караты, а я одно поведаю, що полотно и полумысокъ въ Крысьчыха.

Тутъ Вувдя (Вуцька тожь) Крысьчыха, видя, „що вже проступку свого втаитысь трудно“, повинилась:

— Що жь, панове, такъ ся тое стало, поступыла-мь значне, взяла краденое тое полотно и полумысокъ у Шкурнычкы. Пйду до дому и заразь усе вамъ поирносю.

И точно, черезъ нѣсколько минутъ она вернулась съ полотномъ и полумыскомъ. Полотно было „пожатое (измятое), плямы рудыи на немъ мокрыи, подобно въ гнои було“.

Судьи спросили Мотрю Шкурнычку: куда она дѣвала остальное полотно, укравши его не двѣ, а четыре штуки, и кому „тютюнь, рыбу вялую и грибы, тако жь крадучы, ношувала“? Но Мотря отвѣтила:

— Воля вамъ, панове, що хотиты надо мною чыныты, тилко, кроме тыхъ двохъ штукъ полотна быцького и полумыска, билше ничего не крада-мь, по самій правди вамъ повідаю.

Судъ постановилъ декретъ: хотя Вуцька Крысьчыха „за свое проступство годна бь була до значного вязеня отдана буты, однакъ мы, на вдовство ей респектуючы по части (отчасти), приказалысьмо декретомъ напымъ“, чтобы она, согласно Статуту (розд. 14, арт. 23), пану Козельскому „покраденое полотно нагородыла и во всемъ перепросыла за свою нестатечность, зъ нагороженямъ вины панской и нашої врядовой“.

Мотря „злодійка“ оставлена безъ всякой кары; ей, очевидно, вмѣнили въ наказаніе битье на площади, какое она претерпѣла при допросѣ. Настю попадыю почему-то вовсе не привлекли къ отвѣту.

40. Переволочанскій „крамарь.“

Въ сотенномъ городкѣ Переволочнѣ проживалъ „крамарь“ Янъ Грекъ. Людей греческой націи было немало въ тогдашней Малороссіи, и въ Нѣжинѣ, какъ извѣстно, существовала много-

численная греческая колонія. Потомки Перизела и Эпаминонда занимались у нас преимущественно торговлей, а иные, роднясь со старшиной, сами проскакивали въ значное козачество и становились родоначальниками извѣстныхъ впослѣдствіи дворянскихъ малороссійскихъ фамилій. Переволочанскій Янъ Грекъ имѣлъ на рынкѣ „крамную комору“ и торговалъ полотномъ. Случилось, что лѣтомъ въ 1691 году какіе-то „замяталыи и Бога не боячися“ люди отбили ночью комору и выкрали много полотень и другихъ «крамныхъ ричей». Виновныхъ не нашли; было лишь подозрѣніе, что это дѣло рукъ какихъ-то „компанійцевъ“, то есть козакъ охотническаго полка, которые ушли затѣмъ въ Полтаву. Отправился туда и Янъ Грекъ и сталъ „чыныты опытъ (розыскъ) въ стороны о своихъ шкодахъ“. Одинъ полтавскій житель Максимъ Костенко какъ-то и говорить ему:

— Есть въ городи нашому шинкаркы, въ якихъ щось за полотно крамное бачывъ я очыма своима.

Грекъ передалъ эти слова уряду. Урядъ допросилъ Максима, по его указанію, послалъ «осавульцивъ миськыхъ» произвести обыскъ у Вуцьки шинкарки. У нея нашли „крамное полотно, покрайное на кошули“. Вуцьку съ этимъ полотномъ, какъ „злодійскимъ лицомъ“, арестовали. Она оправдывалась, что получила его отъ Насти шинкарки. Арестовали и Настю и допросили, откуда взялось у нея это полотно. Настя „вчинила такую отповидь“:

— «Маю отъ Грыцька Кухара килька штукъ крамного полотна въ себе, якее полотно будто винъ купывъ на свою потребу».

Стали разыскивать Грыцька Кухара, но долго его не находили. Тѣмъ временемъ Вуцьку и Настю держали „у вязеню“, а потерпѣвшій Янъ Грекъ не захотѣлъ ожидать конца своей „справы“ и уѣхалъ домой.

Наконецъ „зиськалы“ какъ-то и Грыцька. Онъ точно оказался „компанійцемъ“ охотнаго пѣхотнаго полка пана Петра Кожуховскаго, поэтому при разборѣ его дѣла въ составъ суда былъ приглашенъ находившійся въ Полтавѣ писарь того же

полка Григорій Стефановичъ. На предварительномъ слѣдствіи, какъ впоследствии и на судѣ, Грыцько такъ винился въ своемъ „проступствѣ“:

— Якъ бувъ я у Переволочній, то одного разу, підпивши въ корчми въ товаришемъ моимъ Павломъ, ночной поры пішлисьмо на рынокъ и комору Янову Грекову одбыли. Въ тую комору влизши, Павло, товаришъ мій, выдававъ мени полотна и иншія ричи крамныи, и готовыхъ грошей осьмаковъ чтыри талляры побралысьмо.

Другого „компанійца“ Павла не удалось допросить, такъ какъ онъ, заслышавъ объ арестѣ товарища, „утикъ“ и не былъ разысканъ.

Дѣло пришлось отложить до вызова потерпѣвшаго, а тѣмъ временемъ дано было знать Переволочанскому сотнику, „абы той Янъ Грекъ, яко власный всеи sprawy инстигаторъ, до суду въ Полтаву становывся“. Но отъ сотника получено было увѣдомленіе, что „оный Янъ не хочеть на справу йхаты въ Полтаву, шкodu свою полецивши въ забвеніе, хочъ то немалая есть его шкода“. Это извѣстіе поставило судъ въ немалое затрудненіе. Какъ же быть теперь? Трое подсудимыхъ томится въ тюрьмѣ, а „акторская сторона“ не хочеть „справы своеи попыраты и шкодъ своихъ доходыты!“ И хоть бы дѣло было пустое, а то серьезная „горловая справа“, легко могущая окончиться смертнымъ декретомъ. Полагая, что Янъ Грекъ намѣренъ искать суда на своего „злочинцу“ Грыцька Кухара у его непосредственнаго начальника по „компанійской“ службѣ, снеслись съ полковникомъ Кожуховскимъ; но отъ него былъ полученъ отвѣтъ, что настоящее дѣло онъ признаеть подсуднымъ полковому полтавскому суду и что онъ съ своей стороны послалъ Греку объ этомъ увѣдомленіе. Но упрямый Грекъ и послѣ того продолжалъ отказываться. Вотъ что писали Кожуховскому по этому поводу сотникъ и атаманъ переволочанскіе:

„Мосци пане полковныку охотный, намъ велце найласкавший добродію! Уже повторне призывалысьмо передъ себе Яна Грека, которому въ покраденю ричей крамныхъ одъ товариства полку

вашмосци вчынылася шкода, показовалы-сьмо поважное письмо, присланое одъ вашмосци, абы въ Полтаву на конечную справу, для позысканя права на злочынцивъ, прислухатысь йихавъ; лечь (но) Янъ Грекъ якъ въ первомъ листу отвить до маестрату полтавского вчынывъ, такъ въ едно слово и теперь повторне мовыть: „уже худоба моя потратылася, якои не сподиваюся на злочынцихъ моихъ позысѣбаты, то и пры доконченю ихъ заслуги не хочу zostаваты“,—и на волю вашмосци даетъ, якъ хотя зъ щамы поступыты: уважайте любь (либо) караты по розуму и респекту вашому, любь и безъ карности пустыты, „а я, мовыть, тои втраченои худобы ни по кому не буду доходыты“. О такой его помови, роспытавшы, выпысуемо въ листу нашому, даючы себе на завжды въ поволяны услуги. Зъ Переволочнои, іюля 28, 1691 року. Вашмосци нашому мылостывому пану, найласкавшому добродіеви, найподлійши слугы: Семень Безкровный, наказный сотникъ переволочанскій; Василь Селегедь, атаманъ городской“.

Панъ Кожуховскій передалъ это нисьмо въ полковой судъ, и тотъ на другой же день приступилъ къ „доконченю справы.“

При разборѣ дѣла подсудимые ничего новаго не прибавили къ тому, что было извѣстно уже на предварительномъ слѣдствіи, и судъ приступилъ къ составленію декрета. Весьма любопытно, что уклоненіе потерпѣвшей стороны отъ судебного преслѣдованія своего обидчика существеннымъ образомъ измѣняло степенъ уголовной отвѣтственности подсудимаго, хотя бы виновность его была внѣ сомнѣнія. По Статуту, истецъ въ такихъ случаяхъ терялъ свое исковое право и отвѣтчикъ освобождался отъ суда и наказанія. Малороссійскіе суды, въ общемъ раздѣлявшіе эту частно-уголовную точку зрѣнія на многія изъ преступленій, не признавали однако возможнымъ оставлять явныхъ воровъ безъ наказанія; они лишь не примѣняли къ нимъ тѣхъ суровыхъ каръ, какія предписывались закономъ, не присуждали въ возмѣщенію убытковъ потерпѣвшей сторонѣ, а наказывали ихъ по своему усмотрѣнію. Такъ и въ настоящемъ дѣлѣ судьи постановили приговоръ: „Поневажъ взглядомъ (относительно) тои шкоды инстигатора немає, щобъ того Грыцька Кухара наветь (даже)

назначенемъ члонка было карано, однакъ велилы-сьмо его публице посередь рынку добре кіями быты; тако жъ Вудьку и Настю пынкарокъ, прытомныхъ (прикосновенныхъ) до проступства, канчукамы казалисьмо скараты“.

Въ заключеніе судъ возстановилъ опороченную честь случайно замѣшаннаго въ дѣло бывшаго полтавскаго подасаула Леська, котораго Грыцько Кухарь оговорилъ на слѣдствіи, что далъ ему „баволныцю“ (бумажную ткань, простыню) изъ числа вещей, похищенныхъ у Яна Грека. Леська тотчасъ взяли къ допросу, отобравъ у него „баволныцю“ какъ «лице злодійское». Но Лесько объяснилъ, что онъ, по просьбѣ Грыцька, взялся учить его ружейной стрѣльбѣ, и въ вознагражденіе за эту науку Грыцько обѣщаль уплатить ему полталара и сверхъ того подарилъ „баволныцю“, но вовсе не новую, а даже изорванную, такъ что не было и повода заподозрить, что она краденая. Судьи признали Леська ни въ чемъ невиннымъ, „понеже винъ тую баволныцю не такъ, якъ въ краму выходить, прынявъ до своихъ рукъ, але хожалую (бывшую въ употребленіи) и вже вдовжь була передрана“, а потому „и за лице злодійское не належыть си повернуты“.

41. Народный судъ надъ ворами въ бориспольской ратушѣ.

Переволочанскій „крамарь“ Янъ Грекъ, какъ мы видѣли, преслѣдовалъ судебнымъ порядкомъ свсихъ „шкодцевъ“ только до тѣхъ поръ, пока у него оставалась надежда возратить похищенное или взыскаъть съ виновныхъ понесенные убытки; но какъ только эта надежда была потеряна, онъ рѣшительно отказался участвовать далѣе въ судебномъ процессѣ и откровенно высказалъ суду мотивъ своего отказа: „Уже худоба моя потратылася (т. е. погибла невозвратно), якои не сподиваюся на злочынцяхъ моихъ позысыкаты, то и при доконченю ихъ заслугы не хочу зоставаты“. Таково было въ огромномъ большинствѣ случаевъ отношеніе потерпѣвшихъ къ похитителямъ

ихъ собственности. Когда оказывалось, что воръ успѣлъ безслѣдно сбыть краденое, а съ него самого выскать было нечего, потерпѣвшему оставалось лишь домогаться нравственнаго удовлетворенія, настаивая, чтобы виновный понесъ положенную въ законѣ кару, то есть подвергся повѣшенію, или отсѣченію уха, руки или ноги, а въ самомъ благопріятномъ случаѣ—сѣченію на площади у позорнаго столба и изгнанію изъ города. Чрезмѣрная ли суровость этихъ наказаній сдерживала естественный порывъ мстительности, или же здѣсь проявлялось природное добродушіе людей того времени, но только въ тогдашнихъ судебныхъ актахъ мы не нашли ни одного случая, когда бы потерпѣвшая сторона домогалась на судѣ, чтобы воръ понесъ заслуженное наказаніе. Лит. Статутъ разрѣшалъ выдавать вора, не имѣвшаго чѣмъ вознаградить потерпѣвшаго, „на выроби“ послѣднему, оцѣнивая годовой отработокъ мужчины въ копу грошей, а женщины въ 50 грошей; но мы не можемъ указать ни одного случая, когда бы потерпѣвшіе домогались на судѣ примѣненія и этого закона. Обыкновенно они упорно уклонялись отъ предоставленной имъ закономъ обвинительной роли въ судебномъ процессѣ, если только убѣждались, что съ вора взятки гладки, и такое уклоненіе нерѣдко ставило судъ въ весьма затруднительное положеніе.

Характерный случай въ этомъ родѣ, между прочимъ, произошелъ въ Борисполѣ въ 1686 году.

Поймали на кражѣ трехъ мѣстныхъ „молодыковъ“: Ониська Голивуку, Михайла Збиглаго и Ивана Коротенка и посадили подѣ стражу при ратушѣ. Это была бездомная голь, корчемные завсегдагаи, отъ бездѣлья и пьянства занимавшіеся мелкими кражами. Они не таились въ своей вѣнѣ и откровенно рассказывали, у кого изъ мѣстныхъ обывателей что украли и на какихъ базарахъ и ярмаркахъ сбывали краденое; а между тѣмъ никто изъ потерпѣвшихъ не являлся требовать на нихъ суда и расправы. Это обстоятельство стало наконецъ серьезно озабочивать „мѣйскій“ урядъ. Настоящихъ тюремъ въ то время не было, а имѣлись при ратушахъ небольшія арест-

ныя помѣщенія, рассчитанныя на кратковременное заключеніе подсудимыхъ, при чемъ отопленіе и освѣщеніе этихъ „вѣзницъ“ лежали на обязанности мѣщанъ; они же должны были, по наряду, и стеречь арестантовъ. Понятно, что и въ данномъ случаѣ бориспольскіе мѣщане были крайне недовольны продолжительнымъ заключеніемъ названныхъ „злодивъ“, тѣмъ болѣе, что ему не предвидѣлось конца. И вотъ въ одномъ изъ засѣданій мѣстнаго уряда, которое правильнѣе было бы назвать вѣчевою сходкою, потому что здѣсь присутствовала не только вся сотенная старшина, съ войтомъ, бурмистрами и лавниками, но и всѣ почти „задныи и славетныи персоны“ изъ мѣстныхъ горожанъ, мѣщанъ и козаковъ,—зашла рѣчь о томъ, „яковымъ кшталтомъ (способомъ) тымъ проступнымъ а явнымъ злочинцамъ вчыныты кару“. Тутъ „все едынокушно, такъ товариство (козаки), якъ и мищане изговорылы, мовячы до вряду“:

— Цѣкы тыхъ злочинцивъ держаты сыдячымы, бавыты мищанъ ихъ сторожею и прыклады свичкамы, на кождую ничъ свитачы, тратыты миськи грощи, на которыхъ вже коштывало золотыхъ билшь десятка?

Урядъ объяснилъ собранію, что медленность въ рѣшеніи участи арестантовъ происходитъ единственно оттого, что никто изъ потерѣвшихъ не хочетъ выступить ихъ обвинителемъ, и что урядъ не разъ уже вызывалъ, „абы одозвались ти, въ которыхъ шкоду и крадецтво почынылы оныи злочинци“, однако „а ни едынъ зъ ныхъ на судъ скаргы не уносылы“.

Собраніе долго „радылось едынокушно“, какъ выйти изъ этого затрудненія, и дало такую „пораду едынополвую“, чтобы въ ближайшій пятничный „торгъ“ (базарь), когда въ Борисполь съѣдутся люди со всего „въязду нашего“, вывести „злочинцевъ“ на площадь, выставить у позорнаго столба и велѣть имъ публично виниться въ своихъ преступленіяхъ, авось кто-либо, услышавъ о своей пронажѣ, станетъ просить на виновныхъ суда и наказанія.

Такъ и было сдѣлано. Въ назначенный день „миськи слугы“ привязали подсудимыхъ къ „пренгелю“ и, въ виду сбѣ-

жавшейся на зрѣлище толпы, подвергли допросу: „въ кого зломыслнымъ злодійскимъ способомъ що покрали и кому лѣишкы почынылы“? Арестанты откровенно винулись:

— Вкрали мы у Яцуты кобылу и продали въ Фистови за висимъ золотыхъ; и знову въ Ковбасенка вкрали кожухивъ два и ярмулокъ (шапку), въ викно вытягшы, и продали барзо за малыи гроши на пристани Кыйвскій. Воливъ тры вкрали, Явтуховыхъ два и Пятакового одного,—въ Кыйви продали. Въ Гордія свыту вкрали и пырогы исъ погреба“...

И долго еще перечисляли они разныя „пакости“, какія чинили людямъ. А толпа слушала ихъ признанія, выражала негодованіе, осыпала ихъ бранью, а все-таки никто изъ потерпѣвшихъ не вызывался выступить противъ нихъ съ формальнымъ обвиненіемъ. Тогда судьи велѣли „миському служи волаты по мисту (глашать по городу), абы кождый, кому кривда сталась, впомыналысь (заявляли свои претензіи) и истыгговалы на тыхъ злочынцывъ“, но и эта крайняя мѣра не имѣла успѣха: „а ни едынъ на тыхъ не истыгговаль и на смерть ихъ и на душу не вочовалы“, только раздавались изъ толпы голоса, что слѣдовало бы ихъ „впродѣ добре выбыты и одѣ чсты людскои отлучыты“.

Когда преступниковъ снова привели въ ратушу, гдѣ происходило судебное засѣданіе, сюда съ базара и со всего города подошла многочисленная толпа, заинтересованная рѣшеніемъ ихъ участи. Урядъ снова обратился ко всему собранію съ вопросомъ: какъ же поступить съ этими явными „злодіями“, на которыхъ однако никто изъ потерпѣвшихъ не хочетъ „инстиговать“? „Туть увесь народъ, такъ станы старыи и середній, яко жъ и меншіи, на оныхъ молодыхъ злочынцывъ стали говорыты, абы булы пущени на покаянїе, мовачы: „колы и послї сѣго не покаются, на своихъ головахъ однесуть изгыбель“; однако всѣ были того мнѣнія, что отпустить ихъ безъ всякой кары все-таки не приходится.

Согласно этому народному приговору, судъ постановилъ: подвергнуть виновныхъ публичному сѣченію и затѣмъ изгнать

ихъ съ позоромъ изъ города, при чемъ всѣмъ присутствовавшимъ было объявлено, „абы и еденѣ не тилко изъ прыятеливъ и крвннхъ ихъ не держалы и не прыймовалы въ дома, але и кождому прыказалы, абы сусидѣ сусида перестерегавъ такнхъ зломыслнхъ надъ-звычай престушцивъ и злодіивъ не держаты, але циле (совсѣмъ) и въ уѣзду нашимъ и по селахъ не миты и не прыймоваты“. А для памяти на будущее время судъ велѣлъ „тое ихъ злодіяніе до квыгъ миськыхъ чорныхъ вышаты“¹⁾.

42. Пойманный пчелокрадъ.

Съ незапамятныхъ временъ пчеловодство было любимымъ промысломъ въ Малороссіи. Еще въ половинѣ XVI ст., когда вся нынѣшняя полтавская губернія была незаселенной пустыней, сюда ежегодно, съ наступленіемъ весны, изъ разныхъ мѣстъ стекались тысячи народа главнымъ образомъ ради пчелинаго и охотничьяго промысловъ и оставались здѣсь до глубокой осени. Капевскіе и чаркасскіе мѣщане, считавшіе эти пустыни своими извѣчными „уходами“ и имѣвшіе здѣсь многочисленныя пасѣки, жаловались въ 1552 году, что большая „перекѣза“ чинится имъ въ тѣхъ „уходахъ“ не столько отъ татаръ, „але большъ отъ своихъ козаковъ, которые уставичне тамъ живутъ на мяси, на рыби, на меду, зъ пасикъ, зъ свепетовъ (бортей), и сытять тамъ соби медъ якъ дома“²⁾. Въ концѣ XVII ст., когда край уже былъ довольно густо заселенъ, бортное пчеловодство должно было отойти въ область преданія, но лѣсовъ, луговъ, степныхъ

¹⁾ По Лит. Статуту (разд. XIV, арт. 12), каждый урядъ долженъ былъ вести особыя «чорныя» книги, куда исключительно вписывались жалобы и суд. рѣшенія по дѣламъ о воровствѣ. Въ малор. судахъ «чорными книгами» именовались вообще книги уголовныхъ дѣлъ, которыя велись отдѣльно для дѣлъ гражданскихъ.

²⁾ Архивъ юго-зап. Россія, часть VII, т. I, 103.

пространствъ все еще оставалось много, цѣнность продуктовъ пчеловодства по прежнему, какъ и въ былые вѣка, превосходила цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ, поэтому въ рѣдкомъ хозяйствѣ не было своей пасѣки. Въ мѣстахъ особенно пригодныхъ для пчеловодства находились пасѣки „съ гетманскою пчелою“; ихъ было немало, въ разныхъ полкахъ, и онѣ, кромѣ естественнаго прироста, пополнялись еще тѣми пчелами, какія нерѣдко въ качествѣ судебной „вины“ взыскивались съ провинившихся въ разныхъ уголовныхъ проступкахъ и, за удовлетвореніемъ мѣстной старшины, поступали также и въ пользу гетмана. Тѣмъ же способомъ увеличивали свои пасѣки до весьма значительныхъ размѣровъ полковники и другія старшины. Но самыя многочисленныя пасѣки принадлежали монастырямъ. Помимо того, что монастыри владѣли наиболѣе крупною земельною собственностью, они то и дѣло получали въ даръ отъ разныхъ лицъ именно пасѣки; такъ, на примѣръ, въ 1682 году бывшій полтавскій полковникъ Проконъ Левенецъ „съ побожности своей“ записалъ въ даръ Скельскому монастырю свою пасѣку на рч. Орчику. Это было продолженіемъ обычая благочестивыхъ людей XV—XVI вв. жертвовать въ пользу монастырей „медовую дань“ изъ своихъ имѣній.

При такомъ широкомъ распространеніи пасѣчнаго промысла въ краѣ, пчелокрадство являлось однимъ изъ наиболѣе обычныхъ преступленій. Въ рѣдкихъ случаяхъ крали медъ или воскъ, а чаще всего сами же пасѣчники воровали одинъ у другого пчелы съ ульями и переносили въ свои пасѣки, а чтобы скрыть слѣды преступленія, переговоряли пчелъ въ свои ульи, а краденые ульи сожигали или же уничтожали на нихъ чужія клейма и вырѣзывали свое. Трудно было хозяевамъ уберечься отъ этого воровства, потому что пасѣки въ то время содержались не при усадьбахъ, какъ теперь, а вдали отъ селеній, въ дикихъ лѣсныхъ мѣстахъ, преимущественно вблизи рѣчекъ. Тамъ, подъ защитою земляныхъ укрѣпленій, имѣвшихъ подобіе маленькихъ крѣпостей, пасѣчники безвыходно проводили весну, лѣто и часть осени; тамъ же имѣлись спеціальныя погреба,

куда прятали пчель на зиму,—и въ это время, когда пасѣки оставались безъ должной охраны, онѣ всего чаще и подвергались обкрадыванію.

Такую пасѣку имѣла на р. Голтвѣ козачка-вдова Игнатыха Емчиха, изъ Диканьки, и въ декабрѣ 1690 г. послала сына Олексу навѣдаться, все-ли тамъ благополучно. Пріѣзжаетъ Олекса въ свою пасѣку и видитъ: дверь въ пчелиный погребъ открыта, и тамъ кто то хозяйничаетъ. вмѣсто того, чтобы запереть вора въ погребѣ, растерявшійся Олекса сталъ кричать, хотя и зналъ, что въ этомъ пустынномъ мѣстѣ крикъ его не привлечетъ ничего вниманія. Тогда изъ погреба вылѣзъ воръ, оказавшійся диканскимъ же козакомъ Федоромъ Гриненкомъ, имѣвшимъ по сосѣдству собственную пасѣку. Онъ схватилъ Олексу за горло, повалилъ на землю, вынулъ ножъ изъ ноженъ и, угрожая его заколотъ, грозно потребовалъ:

— Присягайся, вражій сыну, чы не будешь сѣго никому повидаты?

Олекса, конечно, далъ требуемую присягу, но возвратившись домой, рассказалъ обо всемъ матери, а та сейчасъ же побѣжала къ атаману и сотнику и съ плачемъ пожаловалась, что Гриненко краде ея пчелы и хотѣлъ зарѣзать ея сына.

Въ тотъ же день Гриненко былъ схваченъ и представленъ въ сотенный урядъ, гдѣ уже собралось немало „товариства“. Его подвергли допросу, и онъ „добровольне признався, повидаячи“:

— А що жъ, панове, правда то: такъ було, якъ Олекса говорить, и ще-сьмо мовывъ Олекси: „колы, Олексо, могъ бы есы сказаты, що заставъ мене въ погребѣ надъ пчолою, то я не теперь—иншого часу зглажу за тое тебе зъ свита“.

Несмотря на это признаніе, урядъ, „не доймаючи Олекси виры“, послалъ трехъ значныхъ козаковъ на Голтву „тыхъ мистъ глядиты“, гдѣ совершилось преступленіе. Тѣ, возвратившись, донесли, что точно на снѣгу „свижая патолочь есть, де Федоръ Олексу мордовавъ“.

Судъ сотенный протоколировалъ всѣ обстоятельства даннаго дѣла и вмѣстѣ съ копіей этого протокола отправилъ под-

судимаго въ Полтаву; туда же поѣхала и Емчиха съ сыномъ. Допрошенный полковымъ судомъ, Гриненко повторилъ прежнее сознание:

— Воля есть ваша, панове, зо мною що хотиты чыныты. Правда то: заставъ мене Олекса въ погреби пцолянимъ на злодѣйскимъ дили, где милемъ тѣи пцолы выкравшы, на свою корысть обернуты. А якъ я зъ нымъ тамъ нестатечне поступовалемъ, хвалячыся ёго сколоты, зъ того жъ пысьма дыканьского есть мылостямъ вашимъ видно. Тилко прошу мылостей вашихъ надъ собою змылованя: горломъ мя даруйте, покаюся впередъ такихъ своихъ злыхъ поступивъ.

Справившись съ Лит. Статутомъ (разд. XIV, арт. 16), судъ призналъ, что Федоръ Гриненко за свое „злодѣйство“ долженъ подлежать смертной казни. „Мы, однакоъ (продолжаетъ декретъ), того проступцу не тилко горломъ, але и назначенямъ члонка даровалы-сьмо, тилко за проступство ёго значное злодѣйское вына панская маеть быти плачена имъ конечно“.

Интересно, что въ этомъ приговорѣ рѣчь идетъ только о покушеніи Гриненка на кражу пчель, а объ угрозѣ его лишить Олексу жизни нѣтъ и помину.

43. Воровство, приведшее къ убійству.

Пчелокрадъ Гриненко, какъ мы видѣли, грозилъ лишь заколоть Олексу, застигшаго его на кражѣ; но вотъ предъ нами случай, когда пойманные въ лѣсу дровокрады, желая избѣгнуть отвѣтственности за воровство, убили хозяина.

Жила въ Полтавѣ вдова козачка Настя Лесиха Чамариха, имѣвшая молодого сына Степана. Въ февралѣ 1700 года этотъ Степанъ Лесенко вздумалъ навѣдаться въ отцовскій хуторъ, находившійся на рч. Ольшаной, близъ Супруновки. Ждали его къ вечеру домой, а онъ и на другой и на третій день не возвратился. Встревоженная мать послала справиться о немъ въ хуторъ, но его тамъ не оказалось. Стали искать повсюду, и на-

шли въ лѣсу присыпанный снѣгомъ его трупъ съ разрубленной головой. Предстояла трудная задача разыскать убійцу. За это дѣло взялся житель с. Супруновки, значный козакъ Романъ Гояринъ. Онъ обратилъ вниманіе на то, что у нѣкоторыхъ супруновскихъ жителей, не владѣвшихъ лѣсными участками, имѣются однако во дворахъ рубленныя дрова. Взявъ съ собою сельскаго атамана, онъ прежде всего отправился къ двумъ обывателямъ, пользовавшимся въ селѣ дурною репутаціею и еще недавно предъ тѣмъ судившимся за кражу вола, Герасиму Цюцюперденку и Олексѣ Твердохлибенку. Пришли на дворъ къ Герасиму и стали его спрашивать: гдѣ онъ дрова рубилъ?

— Рубавъ, де трапытся,—уклончиво отвѣчалъ тотъ.

— А чи бувъ съ тобою при томъ рубаню и товаришъ твій Олекса?

— Бувъ и Олекса,—признался Герасимъ.

Пришли на дворъ къ Олексѣ и предложили ему вопросъ: въ чемъ лѣсу рубилъ онъ дрова вмѣстѣ съ Герасимомъ? Но Олекса угрюмо отвѣтилъ:

— Я не знаю и не бувъ зъ нимъ.

Тогда потребовалъ панъ Гояринъ, чтобы Олекса шелъ съ нимъ для очной ставки съ Герасимомъ. Олекса сказалъ, что ему нужно зайти въ хату одѣть хожухъ, но пока его ожидали на дворѣ, онъ выскочилъ въ огородъ и скрылся. За нимъ гонялись по всему селу и едва поймали. Послѣ этого Олексу и Герасима связанными отправили въ Полтаву и предали полковому суду, какъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ убійствѣ Степана Лесенка. Обвинительницей ихъ выступила мать убитаго, Настя Лесиха. „По выслуханю“ ея жалобы, судьи спросили обвиняемыхъ:

— Що тому за причина, и чы есть вы прытомныи тому учынку?

Несмотря на отсутствіе прямыхъ уликъ, оба обвиняемые добровольно признались и такъ повѣдали:

— А що жъ, панове, якъ маемо неподобныхъ ричей говорыты, прызнаемся по правди: вже намъ треба умираты. Такъ насъ грихъ поткавъ, наша причина, що мы, два насъ, при-

халы до ёго грунта по дрова безотповидне, и винъ, небожчыкъ Степанъ, заставшы насъ, взявъ бувъ кобылу; въ которого мы просылы, абы вернувъ ей, и не вернувъ, хотивъ до господы взяты зъ собою. Потимъ мы, варуючись, щобъ насъ до права не удавъ, намовывшися межи собою, еденъ за груди ввявъ, то есть Гарасымъ, а другій, Олекса, взявшы сокрыу, обухомъ вдарывъ пидъ ухо; а якъ зспавъ зъ нигъ, такъ тогди разивъ зкилко въ голову обухомъ Гарасымъ затавъ. И взявшы кобылу, одійшлы-сьмо, а ёго на тимъ мистцу покынулы, розуміючы, що умеръ. И не забарывшися, знову оглядили труцу, щобъ, закывшы снигомъ, одъихаты; ажъ винъ, небожчыкъ, звився и сыдивъ, на колоду спершысь. И тамъ вже остріемъ сокрырою повыще потылицы затылы, и на тимъ мистцу зъ свитомъ попрощався, и одъихалы-сьмо ку домамъ, где насъ Богъ въ руки сёму чоловіку (т. е. пану Гоарину) за невынную кровь выдаты рачывъ, въ чимъ будетъ воля, шанове, ваша. Пѣты нашои новисты.

Мать убитаго требовала, „абы забойци декретомъ конечнымъ булы сужени на смерть“.

Такъ какъ убитый Лесенко былъ козакъ, а убійцы принадлежали къ посполитому сословію, то судьи примѣнили къ данному дѣлу 39-й арт. 11-го разд. Лит. Статута, трактующей „о каранню людей простого стану за забытя шляхтича“, и говорили обоихъ обвиненныхъ къ смертной казни, „поручаючи души ихъ суду праведному Божію“.

Ор. Левицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОРОДЯНКА.¹⁾

(Повість.)

ІХ.

— Ось пожди трохи, потерпи! Се оци, хай Богъ простить, кочегуры снигу смутять село, а якъ прыйде весна, якъ потане снигъ та зазеленіе скривъ по степахъ, той твій смутокъ розійдеться, немовъ той туманъ видъ сонця.—Такъ казала часто Домаха, запримитивши, що ятривка починає вдаватися все у більшу тугу. И Приська справди немовъ веселишала: видъ самои весны, видъ того сонечка та тепла молодця, звичайно, не сподивалася ніякои собі допомоги; зате по весни повывнень бувъ повернутись Даныло до-дому, а заразомъ и зминуться їи жыття. Що саме робытыме винъ дали, що прырозумивъ винъ за довгу зиму, куды прыстасуе себе, якои праці шукатыме,— сёго молодця не знала, бо Даныло ни разочку не натякнувъ їи про те; одже їй весь часъ здавалося, що Даныло почуває

¹⁾ См. Кіев. Стар. 1901 г., № 9.

себе не меньше за нею несчастливымъ и тильки терпыть у надіи на краще жыття.

И ось нарешти прыйшла та весела, тепла, а до того и незвычайно рання весна. Одпарувала земля, и заклопоталыся, заворушылыся люде. Домаха по цилыхъ дняхъ не прысидала, хапаючыся то зъ полотномъ, то зъ сорочкамы, поспышаючыся и зъ мазкою и горѣдомъ. Вона здатня була-бъ не йсты, не снаты, абы швыдче все переробыты та за годыны упораты, и Приська тильки дывувадася, де у тому сухому та маленькому тили ятривкы набралося стилькы сылы по весни, де берутся ти весели надіи, що пидтримують охоту до такой нецикавои та некорыстной праці.

На Благовистныка повернувся Даныло.

— Одпикъ зиму? Дався у звакы немецъ? Спробувавъ эконومی?—хотила подратуваты Приська чоловіка.

— Чого обрыдло? А ни крапли:—я звикъ, а немецъ мене полюбывъ,—похвастався Даныло, не розибравшы, куды жинка закъдае.

— Не обрыдло?—ажъ жажнулася Приська.—Такъ може у тебе думка й викуваты по загородамъ, може ты изнову пидешь до нимця?

— Боже упасы! Зъ якои речи?—злякався видразу Даныло жинки.—Я не пиду бильшь до нимця.

— А яка-жь у тебе думка? Що маешь робыты?—запытала его Приська.

— Яка думка? Хто ёго зна яка... всяка спадае.

— Може у волости службытымешъ?

— Та й у волости можно-бъ,—видповивъ знехотя Даныло.

— А може за прыводомъ Трохыма хазяйнуватымешъ?—вывирыала Приська ума.

— Э, Трохымъ—дуже гарный хазяинъ; его, якъ слухатысь...

— Чому-жь ты мени доси не признався, що думаешь хазяйнуваты? Чого я тутъ зиму высидила, чого я марно споди-

валася?—видразу скипила Приська и не дала Данылови и вы-
словытись.

— Та хйба я кажу тоби, що хазяйнуватому?—злякався
изнову Даныло.

— Такъ скажы-жъ хочъ, яки у тебе думкы, щобъ и я
звала,—допытувалася Приська.

— Кажу тоби: всяки думкы спадають; иводи те прыйде въ
голову, другимъ разомъ инше..

— Пойидьмо у городъ: я тоби тамъ гарне мисце знайду—
служытымешъ, зароблятымешъ.

— Звисно, въ городи можно заробыты,—згодывся Даныло.

— Въ городи й платять краще, и робота легша,—умов-
ляла Приська.

— Звисно, въ городи робота не та що тутъ,—згодывся
ще разъ Даныло.

— Такъ пойидьмо!—пидмовляла Приська.

— Оде-жъ незабаромъ тамъ ярмарокъ, можно и пойиха-
ты,—мовывъ Даныло и позихнувъ.

— Можно и пойихаты!—передражныла ёго Приська:—я
знаю, що можно пойихаты; я тебе пытаюся, чы пойидешъ ты?

— А чому жъ не пойихаты?—заспокоювавъ Даныло
жинку.

— Чы добьюся я видъ тебе правды, чы признаешся ты
мени колы небудь, що маешъ на думци. Чого ты таишся видъ
мене, чого ховаешся зъ очей моихъ, якъ стану допытувати?
Невже ты за цилу зиму ничого не прырозумивъ?—напалася
Приська.

— Чому й не прырозумивъ?—немовъ ажъ образывся
Даныло.

— Однаково, зъ тебе путящого господаря не буде!—мо-
вила Приська.

— Який зъ мене господарь, якъ я ще ничого не тямлю,—
згодывся Даныло.

— И охоты нйкои не маешъ,—додала Приська.

— Та й охота-жъ така...—и видповивъ, и не видповивъ Даныло.

— Такъ ты таки надумавъ що небудь?—

— А якъ-же?—Мало я поподумавъ цю зиму? Иноди цилисеньку було ничъ очей не звезду все думаю, якъ-бы краще... у людей порады пытавсь,—видповивъ Даныло.

Приська бильшь не допытувалася. „Надумавъ щось та не хоче загодя хвалытись“—подумала вона сама соби и трохи за-спокоїлась.

Другого дни, тильки на свить заблагословылося, Трохымъ збудывъ Даныла горѡдь ораты. Приська гадала, що Даныло ниде неохоче до плуга, то сердытymesя на брата, що той ёго збудывъ, адже винъ, на дыво, весело схопывся, расправывъ на швыдку волосся, ополоснувся водою и такъ радо побигъ на двиръ, немовъ тамъ сподивалося ёго саме щастя, а не плугъ.

Домаха загадала чоловікамъ выораты насампередъ грядкы на нызy на цыбулю та розсаду, и поки Домаха выйшла зъ хаты, вони були выорати, перекопани, выскорожени и подилени на дви ривни частыны.

Домаха поклыкала Приську, высыпала передъ нею всю свою цыбулю и подылыла на тры ривни частыны.

— Беры одну купку—мовыла вона Присьци,—та не враждуй на мене, що я тоби мало даю! васъ тилькы двойко, а насъ пятирко.

— Т. я й ціей не садытиму! Цуръ їй! Навицо вона мени здалася?—мовыла Приська и хотила вже одгортаты свою купку назадъ до Домашыной.

— Дурненька! Що-бо ты робышь?—спыныла їи Домаха.—Побачышь, якъ ця цыбуля тоби знадобытся.

— Сто карбованцивъ уторгую!

— Тоби зразу карбованци! Пойисте сами молоденькою на сниданне або полудень. Беры-жъ свою цыбулю та ходимъ мерщій,—я тебе навчу, якъ їи и садыты.

Приська пишла вслу за Домахою. Наука, звичайно, була не хытра, и Приська видразу розибрала, якымъ краемъ вты-

каты цибулю у землю; але та цибуля чогось все выпрысала зъ рукъ, рядки выходылы неривно, ноги грузлы мало не до кисточокъ у пухкій земли, и Присьчыннi грядкы засажувалысь не швидко.

— Поспишайся, поспишайся, Присько! пидгоныла ии разъ-у-разъ Домаха, але Приська немовъ и не чула.

— Присько! поспишайся! дывысь, яка хмара находыть!— погукала на неи Домаха.

Приська розправылася, глянула и немовъ скамъянила; але не на чорну, темну та гризну хмару, що пидводылася зъ краевду и посувалася повагомъ напередъ, задывылася молодыця,— щось бильшь цикаве, незвычайне, нижь та хмара, вразыло ии: вона внерше побачыла чоловіка свого на роботн. Браты скинчылы оранку по той бигъ садочка и тилькы-що перейшлы сюды. Трохымъ йшовъ за плугомъ, Даныло погонывъ пару сирыхъ воливъ та коривъ. Сыта, добре выгодувана, тилькы-що напоена скотына йшла повагомъ, рымыгаючи, а ливоручъ, тежь повагомъ, выступавъ Даныло. Накынута поверхъ чумарка ледве трималася на плечахъ; ливу руку заложивъ винъ за сыну по-пидъ чумаркою, а правою разъ-у-разъ махавъ мотузьянымъ батожкомъ. Чорну смушеву шапку видсунувъ винъ ажъ на потылицю, и густа чупрына русявого волосся выбылася зъ-пидъ неи, спустылася мало не до бривъ и незвычайно красыла ёго облыччя.

Винъ не запрымитывъ зразу Приськи, бо вона стояла за терновымъ кущемъ; за те ий добре выдео було ёго. И якый-же винъ веселый сёгодня! Напевне нiяка думка не турбуе ёго: винъ поганяе радо, охоче. Винъ почувае себе вильнымъ, щастливымъ... Та ось винъ вже й писни якоись завивъ... Трохымъ подавъ и свiй гласъ... Немовъ и скотына пишла бадёрнише... Радiють на вербахъ гракы; у садочку щебечуть птахы; спиваютъ дивчата на сели; спиваютъ и Трохымъ та Даныло. Та невже имъ всимъ справи такъ весело?.. Невже Данылови, ии дружьни, може буты весело, за плугомъ йдучы? И чого вони спиваютъ, чому вони радiють? Що прыйшла весна? що треба ора-

ты, копаты, сіяты, садыты... цыбулю? Прыйде літо—воны спиватымуть, облываючысь потомъ, на жнывахъ. Прыйде осінь—радितымуть, выбираючы остацу недойденои цыбули! Необачни, дурни люде! Чы то-жъ жыття?

А Даныло? Чы сподивалася вона ёго колы побачыты такымъ? Ось йде вінъ горбдомъ, и здаеця, наче вінъ увесь вѣтъ тилькы й робывъ, що мирявъ ступинямы цей клаптыкъ земли, наче вінъ прырись до того плуга, до тыхъ круторогыхъ воливъ, половыхъ коривокъ, наче вінъ зльвса до купы зъ тымъ горбдомъ, воламы, тією хатою, що биліе позаду ёго, зъ тією хмарою, що напевне веселыть ёго господарське сердце... Чы такой-жъ то дружыны бажала вона соби, чы такымъ прыходывъ до неи Даныло женихатыся? Одирвало було ёго щось на який часъ видъ батьковської осели, кынуло у ииши обставыны, и вінъ здавався неначе кращимъ за другихъ, розумнишымъ та самостійнишымъ, але повернуло жыття до ридного кррунту, и ось вінъ вже пустывъ глыбоке кориння... Одынъ, два добрыхъ дождя, сонечко та витерь ридного степу—видразу обмылы, высушылы ту блескучу полуду, що тилькы и красыла ёго, и теперь вінъ ничимъ не видризняется видъ тыхъ репаныкывъ-хлиборобивъ, селянъ.

Плугъ спустывся на нывъ, и Даныло угледивъ жинку.

— Боже поможы тоби, жиночко!—гукнувъ вінъ до неи.

— Садовы, садовы побильше цыбули, щобъ було що до хлиба на жныва браты!—мовывъ вінъ весело.

— Взлася таки за розумъ, спасыби Богови, молодыця! Гарно й дывытыся, що ты на градкахъ,—додавъ Трохымъ.—А чы немае у васъ часомъ воды напытыся?—запытавъ вінъ жинокъ.

— Не взяла, забулася,—видмовыла Домаха.

— Може у тебе, Присько, йе?—запытавъ Даныло.

Приська не видповила ничого.

— Присько, говъ! Прокынься! Заснула, чы що?—гукнувъ Даныло й пошпурывъ, жартуючы, у жинку чумаркою, що скынувъ зъ плечей.

Приська видскочыла, немовъ до неї доторкнулося щось гидке та холодне, кинула на землю ту цыбулю, що держала у рукахъ и зъ проклёномъ та слёзаны побигла, скыльки духу черезъ горбъ до хаты.

Ни Трохымъ, ни Домаха ничого не зрозумылы. Трохымъ здвыгнувъ плечыма, та сплюнувъ. Домаха подывылася ятривци у слидъ, похытала головою, та загадала дитямъ позбираты пороссыдану цыбулю, и тыльки Даныло тяжко зитхнувъ: сердце ёго спостерегло гирку правду. Винъ вперше зважывся выслытысь по правды, вперше прызнався, що мае на думци жыва, и вона зненавыдила ёго...

Приська вбигла у хату, сила край столу, обхопыла голову обома рукамы и тяжко замыслылася. Що робыты? Невже покорытыся нещаслывій доли, переробыты себе, перемогты у соби давни порыванна до того вильнишого, веселишого, свитлишого жыття, яке вона вже зазнала, забыты про свои лита молоди, про свою вроду, видчыхнутыся свого щастя, навикы зостатыся на сели? Зарады чого? Зарады родыны, Даныла, селянь? Хай воны не джидуты! Вона покыне цей куринь, покыне це пекло, наплюе на ту славу доброй господарки та покирлывой жинки, що купуется цыною всёго жыття; вона покыне того дурня, що не хоче слухаты іи доброй порады, вона покыне село,—пиде шукаты и знайде таке жыття, яке марытся ій...

А тымъ часомъ хмара насунула блыжче, въ хати стемнило, десь тарахнувъ гримъ. Приська пидвела голову и озбурнула хату. Ныколы не здавалася вона ій такою сумною, якъ теперь. Крывый сволокъ, маненьки, немовъ пидслипувати виконця, стара пичка, крывый стиль, пиль, засланый нерывнымы дошкамы,—все наче соромлыво прохало выбачення за свое истнуванна на билому свити... Ряжнобарве Присьчыне убрання, розвышане по двяшкахъ та кылочкахъ, такъ и прохалося геть-геть зъ цией хатыны на мурованы стины мійськихъ будынкывъ, и тыльки подрана свытына чоловика спокійно лежала, немовъ прыкыпила до куточка, та терпляче сподывалася того часу, колы и вона стане у прыгоди.

Приська схопылася зъ лавы, зирвала зъ першого вилка спидницю, вынула її на пилъ, побигла до другої стінки, по-здіймала и тїи сукни, одимкнула скриню и почала складаты туды свое збижжя. Очи її блищали, краска розлилася по всѣму выду. Вона поверталася жваво, моторно, зъ певністю людины, що потрапила після довгого блукання по заплутаныхъ обмижкахъ на ривный, бытый шляхъ и наближається до бажаної меты.

Хмара насунула ще бльжче, поливъ дощъ. Орачи та Домаха повынни були покинуты городъ та тикаты до-дому.

Домаха забигла спочатку до Приськи.

— Присько! Що це ты прырзумила?—запытала вона ятривку, показуючы рукою на опустили стінки хаты. Чы не надумала ты, сестро, кыдаты насъ?—Охъ! гляды, голубонько: неправдою свить пройдешь та назадъ не вернешся. Мы до тебе зъ щырымъ сердцемъ, мы до тебе зъ прыемнымъ словомъ, а ты, бачъ, зъ такою неправдою! Осоромыты насъ хочешъ? Данылови жыття занастыты? Схаменыся, молодыце, одумайся! Це-жъ и видъ Бога грихъ и видъ людей соромъ!—

— Не вязнить, не умовляйте! не хочу я бильше жыты зъ вами — тай край. Гетьте, одійдите видъ гриха, дайте мени хочъ спокійно вырядытысь у дорогу!—видмовыла Приська.

— У яку дорогу? Куды-жъ та дорога лежыть зъ чоловікової хаты? До прирвы, чы що? Одумайся; благаю тебе, Присько, схаменыся!—умовляла такы її Домаха.—Може ты на мене чого розсердылася, може я тоби якъ не догодыла?

— Ни на кого я не сержуся, одвяжытысь видъ моеї души!—grimнула на неї Приська.

— Та вже-жъ такы зъ доброго дыва закону не ламають, чоловіка та родыны не соромлять. Може тоби що Трохымъ накрыво сказавъ? може Даныло?—допытувала Домаха.

— Нихто мени ничого не заподіявъ,—осточортилы мени ваши злыдни собачи! Одпекла зиму, бо на Даныла все надіялася, а теперъ я вже бачу, чого мени сподиватыся, не хочу дали терпыты!—видказала Приська.

Увійшовъ Даныло... Глянувъ вивъ на жинку, на скрыню, на Домаху, постоявъ мовчы хвылыну бия порогу и метнувся геть зъ хаты.

— А куды ты? Я вже воламъ заложывъ—спынывъ его у синахъ Трохымъ.

— Тамъ... Приська... промыривъ Даныло и побигъ на двирь.

Трохымъ увійшовъ до Приськи. Молодыця вже упакувала свою скрыню и полизла на пичь збираты останне збижжя.

— А де це наша пани-господарка?—запытався Трохымъ. Домаха показала на пичь.

— А куды це ты, Присько, убираешся, чы не до торгу?—запытавъ Трохымъ, зазыраючы за пичь.—Кажы, якыхъ коней запрягаты та у яку скрыню чоловіка пакуваты?

— Не драгуй!—сипнула ёго за рукавъ Домаха.

— Та я и не драгую; навспражкы кажу: колы надумала тикаты, то хай за собою и весь свій скарбъ забирае, а якого ще й дорогшого скарбу, якъ дружына?—мовывъ Трохымъ.

— Кому може й скарбъ, а мени урывокъ на шыю ота дружына,—обизвалася зъ печи Приська.

— Воно тоби туды и дорога: зъ урывкомъ на шыи та на осычню!—розсердывся ображений за брата Трохымъ.—Якого биса ты почала изнову комызытыся? Якои болячки тоби ще треба? Чимъ тоби тутъ незгода? Бѣе тебе хто, лае, роботы надъ-сылу пытае? Злазь мени зразу зъ печи, розпаковууй свое оте... хай-бы воно тоби и погорило... та лагодъ чоловікови обидаты! Злазь, бо якъ поклычу Даныла, то за ногы стягне!

— Хай лышень спробуе!—обизвалася Приська.

— Що тамъ пробуваты? Даныло!—погувавъ Трохымъ.

Засмученый, билый, якъ крейда, Даныло ступывъ де-килькы крокывъ по хаты и прытульвся до пички.

— Тягны жинку зъ печи!—гримнувъ на ёго Трохымъ.

Але Приська вже сама скочыла зъ печи.

— Чы пускаешъ ты, Даныло, свою жинку у мандры? Чы пыгалася вона у тебе дозволу?—запытавъ Трохымъ брата.

— Ни,—видповивъ стыха Даныло.

— Я ёго й пытатъсь не стану. Колю хоче, щобъ я ёму корылася, то хай про мое щастя та мій спокій дбае, а ни, то хай на себе й жаліе...

— Що-жь мени робыты, щобъ тоби догодыты? Я-жь, здається, вже й роблю якъ слидъ; прослужывъ зиму—копійкы на себе не потратывъ; лита дидедемо—свій хлибъ буде,—мовывъ Даныло.

— Не хочу, не хочу я того хлиба!—скупыла изнову Приська.—Не нагадуй мени про той хлибъ: бачыла я, знаю, якъ ёго заробляты! Одпусты мене... одпусты зъ твоєи хаты!

— Не пустыть винъ тебе свить-за-очи. Винъ у церкви прысягався доглядать тебе—не зламае винъ прысягы, не попустыть и тебе до того!—видповивъ за брата Трохымъ.

— Я смерть соби заподію! Я тутъ на вашихъ очахъ загыну! Я утоплюся, повишуся... Я зарижуся!!—крыкнула Приська и кынулася, мовъ несамовыта, до ножа, що лежавъ край столу.

Трохымъ одихнувъ зъ усієи сылы молодыцю видъ столу, и вона онынылася бия Даныла... Даныло ухопывъ іи за руку и прытягъ до себе.

— Приню... голубонько... не сердься!—прошопотывъ винъ кривъ слёзы.

Приська глянула на ёго и гирко заплакала й сама.

Трохымъ взявъ нижь и выйшовъ зъ Домахою зъ хаты.

До самого смерку не видчынялыся Данылови двери. Вже стемнило, якъ нарешти Даныло выйшовъ у сины воды напытыся.

— А що? перешло хочъ трохы? заспокоилася?—запытала ёго Домаха.

— Ни!—видповивъ понуро Даныло:—не слушае, хоче йихаты.—

— И ты, звычайно, пустышь іи; хай иде—гуляе?—запытавъ Трохымъ.

— Якъ-же я ии не пуцу, якъ вона страща, що й смерть соби заподіє?—видмовывъ Даныло.

— Вона така...—завважыла Домаха.

— Вона така, та не такого-бъ на неи чоловіка треба було, якъ Даныло!—мовывъ Трохымъ.

— Ну що-жъ я ий робытиму? Ты гримавъ на неи, Домаха умовляла, я—клянввся, прохавъ.

— Куды-жъ вона мандрує?—запытавъ Трохымъ.

— Проби, каже, на Городець пойду,—видповивъ Даныло.

— А ты-жъ якъ? пойдешъ за нею?

— Чого-бъ я туды потаскався?—Що мени у городи робыты?

— То жъ-то и йе! Хай вже одна голова пропадає, колы така шалена вдалася, а тоби нічого въ городъ таскатысь: розледачієшь, розпустышся, на ка-зна-що переведешся...

— Може вона ще й покаится та повернется?—зитхнула Домаха.

— Покаится, якъ пидъ тычомъ опынится! Я-бъ зъ такой живцемъ шкуру здеръ, а не потуравъ ии прымхамъ... Чого ий не згода? Гультяйства та своводи забажалося! А! прокляте насиня!.. Попалася-бъ вона мени до рукъ!

— И щобт ты ий зробывъ?—перепынула Домаха запальну ричъ чоловіка.—Адже пры тоби була ухапыла нижъ,—чы довго до гриха?

— Хто-жъ ии потарабаныть до того Городця? Хыба ты на своихъ плечахъ потурышь ии цяцьковану скрыню, бо селяне не схотять...

— Не нападайся хочъ на Даныла: винъ за всякъ най-менше выненъ: це винъ, сердешный, твій та Солошынъ грихъ спокутує,—нагадала Домаха про сватавня.

Трохымъ не видмовывъ ничего, закуривъ люльку и прысивъ на порози. Дощъ все дужчавъ. Хмары заволокли все небо; недавнечко маненькы калюжкы злылися вже до купы и затопылы все дворыще мало не до порогу. Трохымъ згадавъ, що у довитци негараздъ прычлнени дверы и пишовъ довидатыся,

чы не вылизла корова... Въ той саме чась щось вѣйвдыло у ворота...

— А кого Богъ несе до нашої господы?—запытавъ Трохымъ.

— Пустить, люде добры, переночуваты!—обизвалася якась жинка.

— Пройизжаючи, чы що?—запытавъ Трохымъ.

— Еге, еге... на городъ йдемо... Пустить, будь ласка, обсушытыся!

— Зайвдзиты!—запрохавъ Трохымъ и самъ завернувъ коня за повидь до своего порогу.

Незабаромъ вкотылася у сини якась нызенька, кругленька, немовъ та горгопка, жинка, а за нею увійшовъ высокій та тонкій, якъ та очеретына, визныця зъ велычезною макитрою у рукахъ.

Домаха вынесла каганецъ у сини.

— Добрый вечеръ вамъ, люде добры! Спасыби, що пустылы до своеи господы!—прывиталася вона прѣмно, та звычайненько, скыдаючи зъ себе безличъ и манесенькыхъ, и велыкыхъ платкивъ, та розвишуючы ихъ по синяхъ. Я—Сохвія Трохымовна Загубынкowa; зъ ярмарку повертаюся; масло купувала, ось макитерку назбирала... А куды мени и поставыты?—запытала вона Домахы.

Домаха хотила спочатку запрохаты и до себе, але передумала и пидморгнула Данылови, щобъ нись макитру у свою хату.

Приська скочыла зразу зъ лавы, утерла слёзы и заклопоталася била самоварю. Гостя була балакуча жинка. Покры настыгъ самоварь, покы Приська наготовыла те, що мала даты попойисты, вона встыгла розсказать, хто вона така, й де живе, и скилькы дочокъ мае.

— А чы не пидвезлы-бъ вы й мене зъ собою?—зважыласа запытаты и Приська.

— Можно, можно,—згодылася Сохвія Трохымовна.—А чы на довго?

— Навикы—видповила Приська и гирко заплакала.

— Чого-жь бо ты? Чого плачешь, молодычко?—затурбувалася дуже мягкосердна Сохвія Трохымовна.

Приська стала ще дужче плакаты.

— Оце горенько, оце лышенько!—заклопоталася перекупка.—Чого-бо ты такъ побываешся.

— Озирнитесь сами, гляньте на оцю пустку, на оци злыдни, та й сами догадаетесь, яке мое жыття тутъ,—видповила кривь слёзы Приська...

— Нанятися хочешь у мисти, чы що?—догадалася перекупка.

— Хочу службыты.

— А чоловік-же пускае тебе?—запытала перекупка.

— Пустыть.

— Чого-жь тоби и плакаты! Хай Господь помогае. Добре господарюваты, якъ йе за чымъ, а якъ немає, то службыты треба. Сама я, спасыби Богови, николы не служыла, и дочокъ не наймала, а знаю, що доброму наймытови скрizzly гарно. Багацько йе панивъ у нашому городи, йе дуже багати:—у пани Куракыной и хаты окреми за-для покоянокъ... Поваръ у неи вже двадцять пять рокивъ служыть, лакей одынъ тежь зъ давнихъ часивъ тамъ.. Якъ не балуватымешся, та слухатымешся, то тамъ тоби буде, якъ у Бога за пазухою,—мовыла Сохвія Трохымовна, дуже задовольнена, що може пособыты нещастливый людныи.

— Такъ вы мене визьмете зъ собою?—зрадила Приська.

— А чому-жь? Кинь добрый—сорокъ верстовъ якосъ перейдемо,—згодылася перекупка.

Приська кынулася ии цилуваты.

— Низавищо, низавищо, голубочко! Абы тоби пощастыло, бо не всякому у городи легко доходытся: йе таки наймычкы, що на мисяць трычи панивъ миняють, йе й паны вередлыви... Я сама не служыла, не знаю, якъ чужымъ людямъ годыты, та вже якъ тоби и тутъ жыття не мае, то запытайся у наймахъ щастя.

— Даныло! погукала Приська на чоловіка.—Я йду зъ ными; вони мени й місце знайдуть,—мовыла вона, якъ тилькы Даныло увійшовъ у хату.

— Не пойдешъ ты нікуды, — видповивъ несподивано Трохымъ за брата.

— Сказала, що пойду—и пойду!—крыкнула Приська.

— А я сказавъ, що не пойдешъ—и не пойдешъ,—видповивъ Трохымъ.—И вамъ, титко, грихъ замижнихъ молодыць зъ селъ въ городъ зволикаты. Якъ-бы я знавъ, що вы хвахторуете...

— Господь зъ тобою? Господь зъ тобою, чоловіче добрый!—замахала на Трохыма перекупка руки.—Зроду-вигу не хвахторувала... Я перекупка... у мене хата своя—йе у мене за чимъ жыты... Господь зъ нею, зъ вашою молодыцею!..

— Вона, бачьте, у насъ не пры своёму уми—немовъ потерялася на весни. Жыла, жыла зиму, а це якыйсь гедзь укусьвъ: „проби, покыну чоловіка“!—мовивъ Трохымъ.

— И покыну. Не схоче ніхто везты, то нишкы пиду... утечу середъ ночи, а не буду тутъ!—обизвалася Приська.

— Не покынешъ и не пидешъ, якъ чоловікъ не пустыть,—стоявъ на своёму Трохымъ.

— У тебе маты, сестра, дядько йе—поспытайся хочъ у ихъ порады,—мовыла Домаха.

— Не треба мени ни батька, ни матери—ни якои родыны!.. Порадылы вже вони мени—утопылы мою голову! Покы й вигу мого, не хочу слухаты нічїей порады... Оце тобі, Даныло, останне мое слово: або пусты мене... пообищай дать былетъ, або... на твоихъ очахъ смерть соби заподію... Ось хрестъ кладу... Присягаюся... не жытиму я тутъ... не жытиму и одного дни!—И вона, кынувшысь навколюшкы передъ иконамы, почала складаты страшну присягу.

— Йидь, йидь! Йидь куды хочешъ!—спынывъ іи безъ краю стурбованый Даныло. Йидь, иды, робы що знаешъ,—я тобі не перечу!—додавъ винъ, сылкуючысь перемогты ти слёзы, що дущылы ёго видъ самого ранку.

— Пфу!—сплюнувъ Трохымъ, переляканный присягою.

— Не знаю я теперъ, чы брать мени зъ собою молодыцю, чы ни? Щобъ бува вы не жалилы на мене?—запытала тежъ перелякана Сохвія Трохымовна.

— Берить іі... берить іі, ледацюгу!.. Хай вона... хай ій!..—не домовывъ Трохымъ.

X.

Приська та Сохвія Трохымовна выйхалы ще до схидь-сонца, але добылыся до города тилькы о-пивночы. У манесенькому будынку перекупкы давно вже вси спалы, и господарка мало не повибывала шыбокъ, цокы доклькалася, та добудылася свого чоловика, Петра Куприяновича. У господи було чепурненько, але дуже тисно и душно. Мало не третю частыну кимнаты займало вельчезне, шыроке лижко, застлане ватынымъ одіяломъ: другу третыну—два поручъ поставленыхъ стола, де вычахалы уготовлени до торгу пряныкы, а останню частыну—деревянии стульци, судныкъ та скрыня. У куточку, била самыхъ дверей, на розистланому ряденци спавъ хлопчыкъ—рокивъ чотырнадцять, помичныкъ-наймытъ Петра Куприяновича. Господарь не сподивався, звычайно, Приськы и выбигъ видчынаты двери неодягнутымъ, але, зогледившы молодыцю, сразу побигъ назадъ, прычепурывся и тоди запрохавъ до господы. Така звычайнисть дуже подобалася молодыци, за те самъ господарь зробывъ на неи непрыемне вражиння: ій чогось и шкода стало ёго, сухого, якъ сухарь, жовтого та немовъ заскубленого, и досадно було слухаты, колы винъ почавъ гриматы на жанку за те, що забарылася у городи, та прогавыла добрый заробитокъ у недилю на торгу.

Присьци постлалы на пуховому лижку; далы ажъ дви здоровыхъ подушкы у головы, але вона за всю ничъ и на хвылыну не звела очей.

Не спалося и Сохвіи Трохымовни. Мягкосердна та безъ краю ймовирна перекупка вже не разъ каялася за свою по-

гану вдачу та охоту пособляты людянь пидъ впливомъ першого вражиння. Доставалося їй за те и видъ чоловіка, доставалося и видъ товарокъ, не разъ платылася вона й кышенею своею, проте не навчылася ще гараздъ кермуваты своимъ серцемъ и потакала ёму. Приська своимы слёзаны, присягою вразыла їи, и тоди вона справи радо хотила їй пособыты, але теперь думкы їи зминылы свій напрямъ: їй стало здаватысь, що вона помылылася у молодыци.

— Не спытса?—запытала вона Приську.

— Не спытса—видповила Приська.

— Може ты вже одумалася та жалкуешъ, що пойхала, то я тоби знайду пидводу,—мовыла перекупка.

— Що це вы тётю?—ажъ схопылася Приська.—Я зъ радощивъ, що нарешти такы добылася города, не можу й заснуты.

— А чоловіка хыба не шкода? Винъ же, здается, жаліе тебе? кохае дуже?

— Що мени зъ того, що винъ жаливъ мене? Яка мени корысть зъ того, що кохае мене? Колы-бъ вы знали, якъ я цю зиму прожыла, колы-бъ бачылы, якъ я мучылася!—почала скаржытысь Приська.

Сохвіи Трохымовни изнову шкода стало їи.

— Та вже добылася свого—прыхала въ городъ, а теперь, гляды, не ледачій, не балуйся, якъ тамъ инши, то може й заспокоишся. Завтра раненько я перекажу Лейби, то винъ тоби зразу мисце знайде. Може навить и до пани Куракыной заступышь, бо въ неи нема покоянкы,—заспокоила Приську Сохвія Трохымовна.

И справи, у дэсятъ годынъ ранку прыбигъ запыханый заклопотаный Лейба и сповыставъ Приську, що мисце вже про неи йе, що винъ бигавъ цылый ранокъ, покы знайшовъ їй таке мисце, и теперь хай вона иде туды зъ нымъ „безпешно наймається“ и „служыть соби зъ Богомъ“.

Приська мыттю одяглася у найкраще убрання и пишла за Лейбою.

Серце їи дуже былося, сама вона зблидла и довгий часъ не зважувалася навить забалакаты до Лейбы, щобъ бува винъ не спостеригъ, якъ страшно їй иты до невидомои пани и якъ боится вона, що не погодытса їй.

— Хто-жь вона така, ота пани?—варешти зверпулася вона до Лейбы.

— Хто вона така? Охъ! Колы-бъ ты тилькы знала, що то за пани! Сто тысячъ мае! Тры маетка, будынокъ якый... срибла, злата скилькы! Це—перша пани у нашому городи—нема надъ неи панивъ! А яка добра! Ой-ой! Навить еврейчыкамъ пособляе... Охъ! що-то за пани!.. Вить дякуватымешъ мени. Абы тилькы ты подобалася имъ, абы ты тилькы зумила догодыты, то будешъ щастлива—побачышь!—казавъ Лейба, все набавляючы та набавляючы ходы.

— А може вони ще й не схотять мене; може я й не вгожу? Мало хыба тутъ крацыхъ за мене наймычокъ йе?—запытала Приська.

— Йе тутъ тихъ наймычокъ, йе, слава Богу... але хыба ты, молодычко, не знаешъ тыхъ городянокъ? Пфу на ихъ, тай годи! Грубиянки, балувани, распутни... Якъ що тамъ трохы не такъ, пани розсердытса, скажутъ тамъ що-небудъ... валають трохы, або-що...—такъ зразу кыдаты... Вельке дило, якъ така именыта пани, якъ ось ця пани Куракына, та налае трохы наймычку? Пфу! вельке цабе наймычка! Абы корыто...

— Э, ни,—перепывила Приська Лейбу,—я тежь неохоча та й нездагна слухаты лайку. Колы справди та пани така сердыта, то Господь зъ нею, зъ їи гришмы!—завважыла Приська.

— Хто тоби сказавъ, шо вона сердыта? Боже храни! Хыба така пани стане лаятысь?—поспишывся Лейба заспокойты Приську.—Ось мы вже й диплы до самого будынку. Дзвоны!

Приська подзвоныла. Дворныкъ видчынывъ хвирточку у воротяхъ и провивъ Лейбу та наймычку до дверей будынка.

Воны пиднялися по високихъ заливныхъ схицяхъ и увійшли у простору, свитлу передь-кимнату, де сидило трое якыхъ-сь жинокъ. Одна зъ нихъ, дуже старенька та немична, у панської сукни, сидила осторонь видь двоухъ останнихъ жинокъ и не прыймала ніякои участи у ихній розмови.

Лейба та Приська сили тежъ окреме.

Незабаромъ вийшла до нихъ молоденька панночка.

Вона наблизылася до старенькой пани, подала їй якыйсь пакунокъ и пять карбованцивъ грошей.

Пани подякувала, сховала грошы у платочокъ и пишла геть. Тоди панночка подала двомъ останнимъ жинкамъ по два карбованця. Жинки низенько уклонилися...

— Коли бъ намъ хочъ у щилочку побачити нашого янгола-заступника та подякувати за іи ласку!—мовыла одна зъ жинокъ, вдруге уклоняючысь паночки.—Вже три роки пособляють вони намъ—пошли имъ Боже щастя, здоровья, пидкрены, захысты ихъ Царыця небесна!—та то ни разочку не довелося їй подякувати. Попрохайте ихъ, панночко наша мылостыва, вийты хочъ на хвильну до насъ.

— Я передамъ пани вашу подяку, але вона не вийде до васъ,—мовыла панночка.

Жинки зитхнули, ще разъ уклонилися и пишли соби геть.

— А ты, молодыце, погоды трохи: до тебе пани вийде, бо вона завжди сама выбирае покоянокъ,—мовыла панночка Присьци. Ты, гадаю, Лейба, на цей разъ догодышь пани: молодычка дуже гарненька,—додала вона пръемно усмихаючысь.

Такъ якъ черезъ пивгодыны вийшла и пани. Се була висока, струнка жинка рокивъ пятьдесяты. На неи була темна шовкова сукня, поверхъ неи накынута прозора намитка. На грудяхъ, на руци на пальцяхъ—блыцало самоцвитне каминня. Пани надійшла до молодыци и пыльно зазырнула їй у вичи.

Приська густо почервонила пидъ тымъ суворымъ поглядомъ и мымоволи опустила очи.

— Я тебе найму,—мовыла трохи згодомъ пани.—Ось мои умовы: висимъ варбованцивъ на мисяць, особлыва кимната; чорной роботы не пытаю. (За для цёго маю иншыхъ наймитивъ), за те по двичи роботы не загадую: наймычка у мене повинна знаты свои обовязкы безъ загаду.

Приська не зрозумила пани и подывылася на Лейбу.

— Хыба треба великой наука, щобъ знаты, колы вашою мылосты воды податы, або лижко уготуваты? О! будьте певни—я знаю, кого до васъ прыводыты. Се не ривня нашимъ городянкамъ; ця молодычка знае свои обовязкы!—поспишывсь вкынуть и свое слово Лейба.

— Я не до тебе балакаю,—спышыла ёго строго пани.—Якъ що ты здатня на таки умовы, то прыходь сёгодня,—звернулася пани до Приськи.

— Я прыйду,—видповила стыха та несмильво Приська..

— Бачыла ты колы такую пани? Бачыла таки кимнаты? Ой—ой! Ты зазырала у дверы? Бачыла якы дзеркала? Що то за пани, що то за пани!! А добра яка! Сёгодня тилькы тры жинкы було, а иноди тамъ бильше десятка наберется, а всимъ вона пособляе, всимъ надиле,—не стыхавъ Лейба выхваляты пани, идучы зъ Приською до Сохвиі Трохымовны, видъ котрой винъ мавъ полчыты за Приську карбованця.

Приська бачыла и кимнаты, и дзеркала и саму пани, але все це зробыло на неи далеко не таке вражиння, якъ на Лейбу. Холодомъ, на ии поглядъ, вѣяло и видъ того величезного будынку, и видъ кимнать, и видъ пани, и видъ того обережно заверченого у билый папиръ пакунка, що подала панна старенькѣй пани, и видъ тыхъ грошей... Молоденька панночка тилькы и подобалася їй.

У вечери молодыця перейхала до пани и оселылася у маленькѣй хатыни поручъ зъ кимнатою самою пани.

Почалося якесь чудне жыття: вставала пани у обидню пору, лягала передъ свитомъ, и вси наймыты, не вважаючы на те, що дила було небагацько, не знали ни въ день, ни въ ночи спокую.

По кам'яныхъ схиццяхъ, убранныхъ квітками та аксамитовыми кылымамы, не спынялись бигаты взадъ и впередъ похмури, сердыти, та потомлени люде. Дзвонкы не стыхалы... Здавалося, що у цѣму величезному будынку живе безличъ людей, котрымъ за-для ихъ великыхъ та нагайныхъ справъ потребна безличъ служокъ та помичыкывъ... Сами наймыты добре розумилы, що до послугъ одынокои, литнѣи вже пани досыть було-бъ однѣи, двоохъ живокъ, и ци безперестанни дзвонкы, ця зайва биганына навыпередкы иноди сердыла, навить ображала ихъ, проте гарни харчы, добра платня робылы свое дило: люде звыкалы до становыща попыхачивъ и потроху навчалыся догождаты прымхамъ вередлывои господаркы. Помижъ служкамы було де-скилькы такыхъ, що жылы у пани вже багато рокывъ и встыглы прыняты и ходѹ и мову пани до вподобы, бильшысть же заступыла сюды недавнечко и почувала себе, немовъ на чужбыни. Приська тежъ довгый часъ не могла звыкнуты. Нова посада цилкомъ видповидала бажаннямъ молодыци: и харчъ, и платня, и робота задовольнялы їи; сама пани видносылась тежъ дуже мылостыво до новой покоянкы, проте Приська все чогось остерегалася, що хвылыны сподивалася якоись непрыемности, лякалася кожного дзвонька и увиходыла несмыливо у кимнату пани.

Мынувъ мисяць и другый благополучно. Пани за весь цей часъ змыныла тилькы одного наймыта—дворныка, сиравди гиркого пьяныцю. Приська почала вже трохы звыкаты, але... не лехко вгадаты, зъ якои стороны насунуть хмары та заснують ясне небо, а ще труднише видгадаты, яки думкы обсядуть вередлыву господиню, та яки перемины скоятся пидъ впливомъ тыхъ думокъ.

Разъ якось прокынулася пани ранише, нижъ завжды, и згадала ще лежучы у постели, що вона вже два мисяци гараздъ не порядкувала у своїй господи, покладаючысь на нову свою хазайку молоденьку, панночку Марусю, и що черезъ те панна немовъ западто запышалася. Вчора вона, напрыкладъ увійшла, не поспытавшысь дозволу, у їи кимнату, позавчора

завела першу ричь про театр, а у той понедилокъ одважылася пораять и такы примусыла прочытаты якусь кныжку, у якій пидкреслыла червонымъ олывцемъ найдикавиши, на іи, панночки, поглядь, мисця...

— Треба ій трохи утерты носа, треба показаты, що дипломъ шостого класа гымнази не дае ще права бути у мойй господи чымсь значнишымъ, нижь звычайна наймычка,—поклала соби пани и почала одягатися.

О першій годыни подалы снідання. Пани напылася чаю и пишла по хазайству. Се траплялося дуже ридко и ще ридше кинчалось благополучно: по більшій часті пани, оглядаючы кухню, мыскы, горшкы, вимнаты, квиткы—зваходыла яки-небудь хыбы и прогонуыла вынுவатого. На цей же разь пани не знайшла ниде ни одніей смитыны и не мала, на вельку іи досаду, ничого зауважыты панночки Маруси, котра, не думаючы не гадаючы про ту гризну хмару, що вже наблыжалась, йшла соби байдуже за своєю господаркою, та выхвалялася тымы квиткамы, що такъ пышно зацвилы зь іи легкой руки.

Такъ вернулыся вони изнову до обиденного столу.

— Снідання холодне!—мовыла пани, видпыхаючы видь себе тарилку зь яешнею.

— Прохололо, покы вы ходылы,—нагадала панна.—Може зведыте свижои уготovyты?

— Не треба!—одризала пани.—Пидтяниты оти гардыны надь викнами. Вы, здається, знарошне залышуете мене сонця,—мовыла вона через хвылыну.

— Вчора вы сами звелилы ихъ попустыты,—мовыла панна.

— Николы я цёго не казала. Вамъ завжды щось учувається... Прыслухайтеса, прохаю вась, краще до моихъ ричей... Я вамъ вь останній разь *велю* (пани пидкреслыла це слово) пидняты ци гардыны и не попускаты ихъ безь мого дозволу. Муруся поставыла стульчыкъ, вскочыла на ёго и почала пидтягаты шнурь; одначе у тому, якъ панночка взяла стулець, якъ

скочыла на ёго, якъ розмотала шнуръ,—господыни уявилася зяевага. Чоло іі нахмурылося ще дужче, тонкі губы склепылыся щільніше.

— Не здатні вы і до такой дрыбныці, панно Маріе: вы пидтяглы мало не до самой сцели! пунустить, будьте ласкаві,—процідыла вона кривъ зубы.

Маруся пунустыла такъ, якъ на палець.

— Ныжче!—мовыла нетерпячэ пани.

Маруся пунустыла ще ныжче.

— Ныжче, кажу вамъ, ныжче!—мовыла, ледве стрымуючы себе пани.—Ныжче!—вже крыкнула вона й кывнула рукою на Приську, що саме увыходыла у кимнату.

— Присько! пунусты шнуръ, бо панночка не розуміе нічога; у неі то театръ, то кнжкы въ голові, а не іі обовязкы,—звернула пани до покоянкы.

Панночка стрыбнула зъ стульця, всмихнула до Приськы і передала ій шнуръ; але молодыця ненарокомъ выпустыла ёго зъ рукъ, і гардына спустылася до краю.

— Дурна, божевильна! Сыдоре, Трохыме, Марто, Мыкыто! йдыть сюды, пособить гардыну пидняты, бо ці дві дуркы нічога ій вдвохъ не вдіють,—гукнула, вкрай распалывшыся пани.

Маруся зачэрвонілася, на очахъ выступылы слёзы.

— Визьміть свое слово назадъ!—мовыла вона трымтэчымъ голасомъ.

Пани зыркнула звысока на панну, усмихнула і одійшла до викна, біля котрого поралася мало не вся двірня.

— Визьміть свое слово назадъ!—мовыла вдруге панна—а, ні..., то... то... я тежъ вылаю і васъ прылюдно.

— Выведіть геть звидсіль цю божевильну!—звернула пани до наймытивъ, показуючы на стурбованну панну.—Я дарую ти грошы, що вона забрала у мене впередъ,—додала вона пышаво.

Цей спогадъ про грошы, що Маруся взяла на лыкі хворому батькови і не мала спроможности оддаты пани назадъ,

пшыгнувъ їй у сердце, немовъ гострымъ ножемъ: вона залылася гиркымы слёзамы и выбигла геть.

Зъ цёго часу Приська ще дужче стала остерегатыся пани, ще дужче боятыся за себе, дарма що обовязкы покоянкы выконувала вона завжды безъ загаду и добре.

Пролынуло ще тыжднивъ зъ двое; наступивъ день именинъ пани. Пани ридко кого одвидувала и сама не любыла прыйматы до себе гостей, але за-для именинъ не шводи́ла ни грошей, ни клопотивъ и вже кожного року справляла ихъ на славу. Прыйиздыло до неї у цей день завжды безличъ панивъ, одержувала вона безличъ картокъ, лыстивъ та телеграмъ, але дійсно святкувавъ сей день тилькы невеличкый гуртокъ имениныхъ гостей. Баронъ, баронесса, старый полковникъ, яка-сь глухенька пани зъ дорослою дочкою, великый, всимъ у повити видомый панъ Таранецкый, та веридный племянникъ пани Куракыной, Сергій, складалы собою те маленьке коло, що тилькы и пидтрымывало трохы у городцяхъ значно злынявшу та привъявшу квитку арыстократызма и захыщала їи скилькы мога видъ соковытого плебейського бурьяну, що посидавъ кгрунтъ, та роскоринався останними часамы все дужче та дужче...

Першою прыйихала баронесса; за нею їи чоловікъ, а трохы згодомъ и останні гости.

Пани Куракына радо привитала дорогыхъ гостей и запрохала ихъ по звичаю до голубой кимнаты, прызначеної за-для блызькыхъ гостей. Баронесса сила на канапи и, стягаючы рукавычкы, зъ першого-жъ слова, почала скаржытыся на духоту, на сонце, на городъ, театръ, наймытивъ та лытературу. Вси, причъ племянника пани, котрый тилькы и марывъ про те, якъ-бы швыдче утекты видъ титкы-дукаркы, та глухенькой пани, що нышкомъ личыла, скилькы саме коштуе убрання именинныци, прыйнялы звичайно участь у розмови и цылкомъ погожувалыся зъ баронессою. Балачка йшла тыхо, рывно, неначе десь у куточку сядивъ капельмейстеръ та выстукувавъ ломачкою, щобъ бува хто не поспышывся зъ своимъ словомъ напередъ, або не забарывся зъ видповидью.

Але ось на порози в'язаввся новий, несподиваний гість.

Се бувъ високий, литній вже панъ. Ривне сыве волосся, гладенько зачисане назадъ, падало довгими пасмами ажъ на комиръ старенького, але чыстого сюртука.

Въ одній руци державъ винъ складений цылиндръ, а у другій ципокъ, на котрый йдучы опирався. Услідъ за нимъ йшла русява панночка, рокивъ пятнадцаты. На неи була коротенька, біла мушлынова сукня, перетягнута на тонкому стани голубымъ поясомъ; роспуцене по плечахъ волосся було перевязано тежъ голубою стёжкою, а на головци прышпылена біла квітка. Въ рукахъ вона держала десяткивъ зо-два перевязаныхъ білою стёжкою трояндъ.

Старый панъ поступився напередъ, уклонився до всихъ гостей и пошкандыбавъ, разъ-у-разъ налягаючы на ципокъ, до господаркы. Панночка уклонилася тежъ усимъ и подала їй троянды.

— Витаю васъ, шановно добродійко, зъ днемъ именинъ и прохаю wybачення, що спизнився трохы, але,—сами видаете,— посада, прызначени годины за-для пращи.. Я, жипка моя, диты— вси мы щиро дякуемо вамъ и вамъ, шановныи добродійкы (гість уклонився до баронессы та глухенькой пани) за ту допомогу, що подали мой сямь за часы моеи хворобы. Запевняю васъ що...

— Дуже дякую, пане, за ваше... за вашы троянды, панно!— перепынула раптомъ пани Куракына ричъ гистя и поступылася до дверей, що вель у другу кимнату. Гість та панночка послыдкували за господаркою, и черезъ хвыльну баронесса бачыла своимы очима, якъ лакей провивъ ихъ до передвѣи. Проте це їи не заспокоило:

— Зъ якои речы? Кто давъ ёму право? Увійты у цю кимнату! Втеребенытысь у гуртокъ незнаемыхъ и зовсимъ неривныхъ соби людей. Ни, ни, наша поважана господарка не вмѣ зовсимъ муштруваты наймытивъ! Мій Михайло не впустывъ бы и до вику такого гостя у мою кимнату.

Але жъ це той самый вчитель, про котрого вы такъ клопоталыся та котрому збирали грошы,—завважывъ племянникъ пани Куракыной.

— Велька рижныця: пособыты людзны, чы прыняты іі до свого гурту!—мовыла баронесса.

— Та вже жь мабудь це дуже поважна людзны, колы вы прынялы стількы турботь за-для неі,—не подавався Сергій.

— Якъ-то поважный? Зь якоі речі? Звидкіль це вы взяли? Вы завжды драгуєте мене, Сергій, але мени теперь зовсімь не до жартивъ. Сёго вчытеля я не знаю, але винь колысь заведу-жавъ, симья ёго бидувала, и я назбирала за-для ёго сто карбо-ванцивъ...

— И винь прыйшовъ теперь подякуваты вамт,—додавъ Сергій.

— У цю кимнату!!! Зрозумійте, Бога рады, що се зь ёго боку нахабно, неввичливо, незвычайно!—роslалылася навсправжкы ба-ронесса.

А тымъ часомъ сама господарка мало не плакала: вона не чула баронессыныхъ ричей, але сердце вищувало ій безличъ не-примныхъ наслидкивъ видъ цёго несподиваного вынадку зь вчытелемъ.

— Хто впусывъ ёго? Хто зважывся провесты ёго до тіей кимнаты?—допытывалася розлютована пани своихъ наймытивъ.

— Я!—обизвалася нарешти Приська. Лакей одлучывся на хвылыну, а винь саме увійшовъ, я й провела ёго до васъ.

— Божевильна! прышелепувата! Не бачыла хыба, кого ты проводышь? Зь глузду зъйыхала, опалила?—накынулася на неі пани.

— Чого вы лааетесь? Хыба я знала?—образылася молодыця.

— А! такъ ты ще балакаты, змагатыся? Геть! геть зь моеі госпды! Щобъ твоеі и духу не було у моёму двори!—гримнула на неі пани и побигла заспокоюваты баронессу, котра доводиыла Сергіеві, що не всякому примемно сыдаты поручъ зь якымсь вчытелемъ, котрого недавнечко выритувано видъ голодноі смерты.

ХІ.

Приська побигла шукаты пидводы, щобъ перевезты свою скрыню до Сохвіи Трохымовны.

— Эй! Чуешъ? Слухай сюды! Гапко! Марье! Степаныдо! Молодычко, якъ тамъ тебе прозываютъ? Постій трохи, пожди!— гукнувъ хтось биля крамныць.

Приська обернулася: за нею бигъ Лейба.

— Це жъ, здається, тая молодычка, що я до Куракыной водывъ! Ну, що? Якъ тобі? Якъ живеться? Може обрыдло вже? Куды ты йдешъ?—запытавъ іи Лейба.

— Пидволы шукаты, щобъ перевизъ мою скрыню до Сохвіи Трохымовны; я вже тамъ розсчиталася...

— Навищо тобі та Сохвія Трохымовна, навищо тобі на той белебень забыватися? ходимъ—я тебе зразу найму.

— До кого?—запытала Приська.

— До кого? Побачышъ до кого: поганой посады тобі не дамъ. Ходимъ! Це таки паны... що дай Боже тобі и повикъ у такыхъ службыты... Це тобі не тая горда та пышава пани Куракына...

— А вы жъ іи выхвалялы!—нагадала Приська.

— Чому жъ мени не выхваляты, якъ твоя родычка схотила тебе туды наняты?—мовывъ Лейба.

— Яка родычка?—запыталася Приська.

— Сохвія Трохымовна.

— Вона мени не родычка.

— Не родычка?—здывувався и немовъ ажъ зрадивъ Лейба.— А скільки вони взяли зъ тебе за те, що ты нанялася до тіи пани?—запытавъ винъ.

— Ничого. Вернула іи того карбованця, що вона дала вамъ, та за пидводу заплатыла...

— Теперь не взяла, то визьме,—мовывъ зъ певністю Лейба. Ты, не вирь Сохвіи Трохымовны... Ты молода, мисця не знаешъ, а тутъ всяки паны бувають.—Ты, якъ тобі чого треба, до мене звертайся—я тебе повсякъ часъ найму. Ходимъ!

— Яка жъ у тыхъ панивъ плата?—запыталася Приська.

— Почуешъ сама. Може воны й бильше тоби дадутъ, нижъ всимъ платать, може и ти сами грошы, але ты на ту плату не звертай увагы: схочешъ, то матымешъ тамъ заробитокъ добрый.

— Звидкиля?—здывувалася Приська.

— Розумна будешъ, то побачышъ!—видмовывъ Лейба.—
Ходимъ!

— Що жъ воно за паны?—допытувалася задикавлена ричамы Лейбы молодыця.—Може я ще й не погожуся туды?

— Не погодышся?—перепытавъ Лейба.. Хыба я не знаю, якимъ панамъ якихъ наймычокъ постачаты? Овва! Ты мене спытай, що у тому будынку сёгодня на обидъ варять, я й те знаю!

— А може й я не схочу?—сказала молодыця.

— Ты не схочешъ до панивъ Боголюбовыхъ? Таки речы я вперше на своёму вику видъ наймычки чую. Ой—ой! Хотивъ бы я побачыть ту покоянку, що не схотила бъ тамъ службыты!—засміявся Лейба.

Приська пишла. Пани була не дома: вона выйхала зъ дитьмы на все лито, и наймавъ покоянку самъ панъ.

Це бувъ огрядный, трохи сывый вже панъ. Винъ зробывъ досыть гарне вражиння на молодыцю и тыхымъ голосомъ, и ричамы, и обихидлывистью..

На плату та де-яки обставыны жыття у господи панивъ Боголюбовыхъ було, зввычайно, гирше, нижъ у пани Куракыной, за те наймыты почувалы себе далеко вильнише, нижъ тамъ, и працювалы до схочу.

Покоюнці окремой хатыны тутъ не давалы, але Присьци вже обрыдло сыдючи насамоти у закапелку пани Куракыной, и вона охоче оселылася у просторій, свитлій кухни зъ гладкою куховаркою Тытьяною, жинкою рокивъ пьятдесяты, та безкраю балакучымъ дворныкомъ—москалемъ Степаномъ.

Наймытамъ мало було роботы. Приська прыбырала вранци горныци, чыстыла одягу та чоботы и, вырядывшы пана до сѣду, де винъ займавъ якусь посаду, йшла пособляты куховарци. По

обиди Тытьяна лягала спочываты, Степанъ ходывъ зъ дорученямы пана, або за покупками, а Приська гуляла за воритьмы, або вытягала свои шыткы.

Такъ проходывъ довгый та нудный день; за те у-вечери починачося дїйсне жыття.

Тытьяна надъ усе любила гостей. Не вважаючы на те, що ридко який ранокъ верталася вона зъ торгу, не посварывшысь зъ кимъ-небудь, мала вона прыятелывъ безличъ и помижъ служкы, и помижъ прыкащыкы та перекупкы. Стравы тежъ николы за-для гостей не бракувало, бо Тытьяна наготовляла їи утрое бильше, ніжъ потрибно було панамъ та ихъ двирни; здачы вона тежъ зродѣ-вику не мала звычайо виддаваты и про кошть мяса та масла никому не казала. Пры такыхъ умовахъ що-денни бенкеты доходывыся їй, звычайно, на дыво легко.

Що вечора збиралыся до неї гости. Иноди хто прыносывъ зъ собою и пляшку горилкы, але Тытьяна того не любила, бо боялася, щобъ Степанъ не напывся та не побывъ їи, и приймала до складчыны тилькы ласоцы та церковне выно.

Наибильшой цикавости за-для Приськы додавалы цимъ бенкетамъ не такъ ти дешеви та немицни вына, не такъ ти ласоцы, якъ незвычайно гостри, весели оповидання Степана та самої Тытьяны.

Степанъ за пѣять рокивъ свого слугованья у Варшави за денщыка поручыкови Петрову набачывся и людей, и свиту, наслухався и правды, и брехни и мавъ що оповидаты. Тытьяна не выходыла у своихъ оповиданняхъ за межы мїйского торгу, але жъ и їй не бракувало николы цикавыхъ новынъ. Вона все знала, все чула и вмила добре розказаты про жыття миськыхъ панивъ.

Сама Приська не приймала участи у тыхъ бѣсидахъ: вона не мала чого ни додаты, ни зауважыты до невныхъ ричей Тытьяны, Степана та ихъ гостей. Вона тилькы слухала, але слухала пыльно, бо розмова доторкалася цикавыхъ ричей. И яке то справди цикаве жыття було у городи, порывняючы до хлиборобського! Никому не спадало и на думку гудыты ёго. Тытьяна

судыла то ту, то иншу наймычку, то одну, то другу господиню, але жь чы осудыла вона хочь разь саме жыття наймычкы, чы помъянувъ хто добрымъ словомъ становыще сельской господаркы? Иноди бесиды ци робылыся завадто бучнымы: часто починали жаргуваты, пустуваты и разь якось молоденька перекупка, Галька, зважылася заспиваты...

— Не такъ бо голосно—панъ гниватымутся!—спыныла ии Приська, щильно прычыняючы двери зъ кухни.

— Панъ? здывувалася Тытьяна.—Якъ разь! Панъ оце бь и самъ прыбигъ сюды, якъ бы знавъ, що у насъ така вродыва гостя. Осъ пиды-бо навмысне, Галько, за чымъ-небудь до пана.

— Ще що выгадають?—зареготалася Галька,—Пидить сами.

— Шкодà! Панъ такыхъ гладкыхъ, якъ Тытьяна, не любыть. Ёму щобъ и зростомъ высоченька и станомъ тонесенька, щобъ и губы повни, и очи голуби,—обизвався Степанъ.

— И неправда!—зальылася на всю хату Галька; у Санькы очи булы кари.

— Кари, кари,—пидтрымала ии Тытьяна. Отъ зъ кымъ пороскошувала я: николы було у кухни не прыбыраю. Загадаю Саньци—вона вразь и перемые и вымете... Ажъ шкודה дивчыны... Вона вже мала и замижъ йты.

Ой горе, лыхо, лыхо:

Полюбывъ я ковалыху,

Мавъ за себе ии браты

Та прыйшлося кумивъ зваты—

заспывала Галька.

— Цытьте-бо!—спыныла ии вдруге Приська:—панъ щось пышуть.

— Яка памъ корысть зъ того,—що панъ пыше? Спыше, та намъ не прочыта, а мы осъ якъ заспываемъ, то й винъ по-слуха.

Ой горе, лыхо, лыхо,

Полюбывъ я ковалыху...

заспивавъ и соби Степанъ, прысуваючысь блыжче до Приськи. Тытьяни здалося, нібы навить винъ идморгнувъ молодыця...

— Навидайся лышень до пана! Може вже часть и лижко перестылаты, а ты тутъ вытрышки справляешъ!—весподивано накынулася Тытьяна на Приську.

Приська глянула здывовано на куховарку, хотила нагадаты ій, що панъ самъ дзвонить, якъ чого треба, але роздумала и пишла до пана.

Панъ сидивъ за велькымъ столомъ и выводивъ щось перомъ по билому блескучому паперу. Якъ тильки увійшла молодыця, винъ знявъ окуляры, одкынувся на спынку стульця и ставъ прыдвлятыся до неи. Приська переслала лижко, прыставыла кругленькый столыкъ до ёго, наготовыла воду и надійшла блыжче до пана, щобъ взыты на велькому столи свичку; панъ прытягнувъ іи до себе и мицво поцилувавъ въ губы.

Молодыця спалахнула, якъ жаръ, хотила було щось ёму сказаты, але панъ, немовъ то и не винъ, немовъ ничего й не було, вже складавъ кныжки на полицы.

Якъ виднестыся до того поцилуунка?—думала сама соби молодыця.—Жартъ це?—звычка безкраю ласкавого пана? Пожаливъ винъ іи, якъ батько дочку, чы....?—Але Приська не хотила навить и думаты щось погане про свого пана. Вона швыдко выйшла зъ покоивъ и повернулася до кухни. Гостей вже тамъ не було, и Тытьяна лаялася зъ Степаномъ.

— Чого це ты такъ розчервонилася? Улучывъ хто поныци?—покынула вона Степана, та напалася на Приську.

— Хто бь мене бывъ?—запыталася Приська, мымоволи опускаючы до долу очи.

— Чого ты вовкомъ дывышся? Чого одвергаешся?—не стыхала Тытьяна...

— Чого вы прычепылыся? Вынна я, що краска на выду заграла?—обизвалася Приська.

— Уже я даремно не прычеплюся! Я тебе наскрызъ бачу! Знаю я тыхъ молодыць, що чоловикивъ кыдають! Трывай, трывай: пани прыйдуть,—все розскажу.

— Що я заподіяла? Що вы розкажете?—запыталася молодыця мало не зъ плачемъ.—Чого вони напалися?

— Плюньте на оту гладку тетерю. Знаю я, чого вона лютуе, та не pomoжеться!—обизвався Степанъ.

Сихъ сливъ було досыть, щобъ вкрай роздратоваты куховарку. Вона вже не разъ примичала, що Степанъ накыдае окомъ на Приську, але тилькы теперь впевнылася, що парубокъ не жартуе.

— Знаю я й не пытаючысь тебе, чого ты така червона! Не дурно такъ довго лижко панови перестылала.—Знаю я ёго норovy!—Пожды, волоцюго никчемный, розкажу я й про тебе, якъ ты и сино и овесь у шынку переводышь! Не довго справлятьмешъ вытришки зъ цією банькатою совою,—обохъ выжену! Я тутъ дванадцять рокивъ служу,—мени пани швыдче виры поймутъ, мое право буде!—лютовала Тытьяна.

Приська спочатку видповідала їй, змагалася, але згодомъ, вповнывшись, що куховарка й не слухае їи, замовкла и заснула.

На другый день прыйехала пани. Се була вродлыва, але дуже пышава жинка рокивъ трыдцять пята. Панъ зустривъ їи и дитей на порози, розцилувавъ, роспытавъ про дорогу, здоровья и все це тыхенько та ласкаво. Пани видповідала нервово, въ голоси їи почувалася досада: вона пидставыла знехотя свою щоку панови до поцилунка и подалася зразу до своей кимнаты. Бонна одвела дитей у прызначену їмъ кимпату; панъ пишовъ до себе, и симья зразу розчалылася на тры зовсимъ окреми, самостійни частыны. Пани прыймала своихъ гостей, панъ, повернувшись зъ суду, йшовъ до своихъ знаёмыхъ, або зачынявся у своёмu кабинети; диты бачылы вчытеливъ та бонну, и нихто никому не завважавъ, нихто никому не перечывъ жыты по свой охоти. Въ кухенни порядкы тежъ не мишався нихто, и Тытьяна знала, що казала, якъ обещалася выгнаты Приську зъ двору. Не выгнала вона та не допекла до краю тилькы зарады тіеи прыхыльности пана до молодыци, що зъ кожнымъ днемъ побильшувалася. Тытьяна николи не перечыла панови и не змагалася зъ ёго полюбовныцямы: за це їй перепадало не мало; на

сей же разъ вона здатня була и сама заплатиты Присьци, абы вона виднослася прѣемнише до пана и тымъ одвернула видъ себе сердце Степана. Але молодыця не подавалася ни на уместлыви слова пана, ни на умовляння Тытьяны „буты веселенькою“ та „не дывытыся на пана вовкомъ“.

Такъ пролынувъ мисяць. Разъ якось зибралася пани пойихаты до знаёмыхъ. Панъ провивъ жинку ажъ до брычки, помигъ їй систы, обгорнувъ ноги теплымъ платкомъ, поцилувавъ затягнуту у рукавычку руку и повернувся у сины.

Тамъ стояла Приська. Панъ обнявъ и прошепотивъ їй щось.

Приська почервонила, одипхнула видъ себе пана и выбигла на двирь. Тытьяны не було дома, а Степанъ гулявъ на воротахъ зъ сусидськымъ кучеромъ. Приська надійшла до нихъ. Черезъ яку хвылыну сусидського кучера поклыкалы, и Приська та Степанъ зосталыся вдвохъ. На двори було тыхо, зоряно, людей вешталося по вулицы багацько. Приська задывылася, забалакалася и не прымытыла, якъ повзъ ихъ пройшла Тытьяна.

— Гей, ты, Присько! Чого ты швендяешъ тамъ, по вулицы? Пыталася ты дозволу гуляты?—grimнувъ несподивано у видччене викпо панъ.

Приська схопылася, метнулася у кухню, але тамъ їи сподивалася вже Тытьяна.

Чого вона їй тилькы не наказала, якыхъ призыщъ не надавала? Обурена ревностию та пересердыамъ куховарка не памъятала гараздъ, що каже, и Приська зрозумила тилькы, що вже їй тутъ жыття не буде, що треба добуваты другого мисця та тиваты звидциль.

Одже Присьци не довелося дотягты тутъ останнёго тыждня.

Панъ зважывся пожартуваты зъ молодыцею ще разъ.

Приська не стерпила.

— Якъ же вамъ пане, не грихъ, та не соромъ мене чыпаты? У васъ и жинка и диты йе,—мовыла вона. Панъ засміявся и хотивъ їи ущипнуты.

— Не вязниты!—grimнула на ёго молодыця.

Пань погодывъ трохы, покы молодыця пересердытса, и въ ту хвылыну, колы вона найменьше цѣго сподивалася, ущипнувъ їи.

Ображена, безъ краю роздосадована Приська, штовхнула пана у груди.

— Пфу!—плюнувъ панъ зъ такою огыдою, немовъ то передъ нымъ стояла не Приська, не вродлыва молодыця, а якась потороча...

— А що? диждалася? Заплювали очи?—почала дратуваты Тытьяна молодыцю.—Думаешъ—я не бачыла? Я весь часъ пидъ дверыма простояла, все чула.

— Колы чулы, то й не брешить, бо я и вамъ очи заплюю!—скыпила Приська.

— А ну, а ну, спробуй!—взялася у боки Тытьяна!—Наблызся лышень!

— Що це за галасъ! Кто тутъ крычыты!—убигла пани въ кухню.

— Розсчытайте мене, пани! спасыби вамъ за хлибъ-за силь! прослужыла дванадцять рокивъ та мабуть вже обрыдла, що вы мене на поталу останній волоцюзи видаете. Служыла я у васъ дванадцять рокивъ, служыла-бъ и покы вику мого, та...—заголосыла на всю хату Тытьяна.

— Ахъ, Боже мій! Що таке? У чимъ ричъ? Чого вы плачете?—схопылася пани за голову.—Не мучьте мене,—у мене голова болыть. Що тутъ скоилося?

— Розсчытайте мене, панійко, безъ гнива безъ клопоту, шукайте соби иншой куховаркы. Не можу я дали терпнты, не можу дали зносыты!—заголосыла изнову Тытьяна.

Пани здавыла ще дужче голову рукамы. И де та правда на Божому свити? Вона и такъ сѣгодня нещасна: стилькы перемучылася, стилькы попоплакала, покы вырядыла за-кордонъ молоденького ликаря, що такъ добре вмивъ пользуваты їи видъ якоись незвычайной хворобы, а тутъ ще ци кухнянськи турботы...

— Розсчытуйтесь, що хочете робить, тилькы не гвалтуйте, не турбуйте мене!—ажъ попрохала пани.

— Це-жь вона, це-жь все черезъ неи. Поки не було ии, то й все благополучно було, а теперь жыття никому немає... Роботы зъ неи не пытай, сама за неи все робы, а вона тебе ще й лае—поскаржылася Тытьяна на Приську.

— Я свое дило роблю, ще й вамъ пособляю,—обизвалася Приська.

— Ся Приська,—справди нездатня никуды покоянка,—обизвався на дверяхъ панъ.

Молодыця, наче ужалена, круто повернулася всимъ станомъ до пана и глянула на ёго: винъ бувъ спокойный, якъ и завжды.

— Ничогисенько не хоче робыты!—пидтрымала пана Тытьяна.

— Чого-жь вы мовчали доси? Кто васъ прыневолювавъ терпеты нездатню наймычку? Чому вы мени доси не сказали, що вона не хоче робыты?—запытала зъ видчаемъ пани Тытьяну.—Чого вы сами не прогналы ии доси, колы вона вамъ не довподобы?—звернулася вона до пана, все дужче та дужче стыскуючи свою голову.—Скільки вамъ слидь грошей?—запытала вона Приську.

— Тры карбованци,—видповила Приська.

Пани кынула ий тры карбованця на стиль, и незабаромъ молодыця мусыла податысь зновъ до Сохви Трохымовны.

ХП.

Сохви Трохымовна ажъ рукамы сплеснула, якъ побачыла Приську та ии хвурмана на своёму подвиррю.

— И тамъ не выбула?—запыталася вона докирлыво.

— Снагы не постачыло дотягнуты и сёго тыжня до мисяця. У тией пани наймычокъ за собакъ мають, а у цихъ и того гирише,—поскаржылася молодыця.

— Вередлыва-бо ты, якъ бачу, та балувана дуже. Теперь не знаю, що зъ тобою робыты, куды тебе и диты. Ту хату,

що через сини, займають кватирантки, а у мойй кимнати, сама бачышь, тисно. Не можу я тебе пустыты, нема у мене кутка про тебе,—мовыла Сохвія Трохымовна, и не дывлячысь на Приську.

Молодыця не знала, що робыты: куды вона подинется, до кого звернетя, де перебуде той часъ, покы Степанъ знайде йй лке прыстановыще? Лейба перестривавъ ии на дорози, радывъ ййхаты до паныча якогось, обицявъ по симъ карбованцивъ на мисяць,—але вона побоялася, не схотила. Чы то-жъ йй ночуваты середъ вулицы, чы стукатыся у двери до незнаёмыхъ людей?

— Перебуду-бо я у васъ хочъ одынъ день,—попрохала вона несмылво.

— Тисно у мене, сама бачышь, а чоловикови сёгодня ще йй прыныкы пекты...

— Мени абы хочъ переночуваты,—попрохала Приська.

Сохвіи Трохымовни стало шкода молодыцы.

— Внось скрыню—ничого робыты, тилькы памъятай, що це въ остатній разъ.

— Я задурно не схочу..., я заплачу вамъ, сколько звелыте... у мене йе грошы,—поспишылася заспокоиты Сохвію Трохымовну видразу повеселивши Приська.

— Звычайно: даровани шматкы тилькы старцямъ не вадять. Та я-бъ не схотила ни грошей твоихъ, ни платы, абы ты тилькы не зайиздыла до мене,—мовыла перекупка, все скося та непрывитно поглядаючы на молодыцю.

— Ой, чогось-то вы мене, титусе, та й не злюбылы!—зитхнула Приська.—Може вамъ що набалакано про мене?

— Ничого я не чула про тебе, а сама бачу, що не буде добра зъ тебе, по правди тоби кажу. Побачыла було я, якъ ты на сели жывешъ, пожалила, зглянулася на твои слёзы, привезла въ городъ, а теперь же и каюся,—мовыла Сохвія Трохымовна, скыдаючы верхню спидныцю.

— Чому?—здывувалася Приська.—Хыба я що погане заподіяла? Вы гниваетесь на мене, що я оце Боголюбовыхъ по-

кынула, а колы-бъ вы тилькы знали черезъ вицо, то ще-бъ и похвалылы мене.

— Ничого я, молодычко, прыкрого про тыхъ панивъ не чула, а знаю, що выбувають тамъ наймычкы и роки, не то тыждни. Тытьяна вже тамъ, гляды, чы не дванадцять рокивъ прожыла; Санька бильше року була и служыла-бъ тамъ и доси, якъ-бы не іи грихъ.

— То-жъ то й горе! Я вамъ розскажу про Саньку,—мо-выла Приська.

— Добре, добре, розскажешъ колысь, а теперь мени ни-колы: треба бигты у лѣхъ та нособыты доньци сыръ покрыв-камы перемираты; накупыла вчора пивъ-пуда та не продала й половыны. Не дай Господы, якъ ще й завтра не продамъ!—заклопоталася перекупа.

Приська залышылася сама у хати. Довго просыдила вона самитня бия виконця, встыгла вже чымало передуматы и прыгадаты, вже й смеркаты почало, вже-бъ вона выпыла охоче й склянку чаю, а хазяивъ все не було.

Нарешти, якъ смеркло вже чысто, прыйшовъ Петро Курьяновычъ зъ своимъ наймытомъ. Виць у питьми не спостеригъ Приськы и, гадаючы, що самъ зъ хлопцемъ въ хати, почавъ гриматы, та лаяты, та прокlynаты всихъ, почынаючы зъ жинкы, що чорты десь розносылы у таку пору, колы треба свитло свитыть, та хлопця, що не зумивъ роспродаты праныкывъ, и кинчаючы спасенныкымы, що, говіючы, шводили шага на его макивныкы выкнуты. Колы-жъ винъ чыркнувъ сирныка, та угледивъ молодыцю, то ще дужче посатанивъ и хочъ прывитався до гости, але такъ вызвирывся на неи та іи скрыню, що молодыця мала вже тикаты зъ хаты.

— И самоварю доси нема! Прокляте жыття! Цилый день выстоишь на тій куряви, або на морози, а прыйдешъ до-дому, никому й нагодуваты. Бижы мени зразу по Сохвію, де вона сыдыть? Скажы, щобъ чаю мени дала—я й не обидавъ доси!—звернувся хазяинъ до хлопця.

— Воны у лёху сыръ миряють. Дайте мени самоварь, я сама настановлю,—обизвалася Приська.

Петро Куприяновичъ видразу помьягчавъ.

— Хай хлопецъ настановить,—мовывъ винъ.—Гей, ты!—моторвише!—гримнувъ винъ на наймыта и сивъ крутыты цыгарку.

Незабаромъ прыйшла и Сохвія Трохымовна зъ донькою. Вона була сердыта не меньше за чоловіка, бо сыръ почавъ снадиты, одначе не давала собі воли, не лаялася, а навпаки бильше мовчала та нышеомъ зитхала.

Донька—высока, голубоока, струнка та проворна, якъ вьюнъ дивчынка рокивъ пятнадцаты—жваво налагодыла що слидъ до чаю, вытягла зъ скрыни вязку бублыкивъ, достала зъ судныка десятокъ чорствыхъ пряныкивъ, подала самоварь, набыла сахарю и, доручывшы все господарство матери, нахмынула платокъ.

— Куды ты?—запытавъ строго батько.

— Пиде до Катри—пособыть сестри ракивъ перебираты, бо вона не роспродала вчора.

— Хай имъ чортъ, тымъ самымъ ракамъ! Блызькый свить ажъ на Олійныци бигты! Хай сыдыть дома!—мовывъ Петро Куприяновичъ.

— Катерына сама не управытса,—обизвалася Дунька.

— Управытса!—не подавався хазяинъ.

— Якъ то можно сказаты „управытса“? Нахмынулы-бъ оце тоби четверо дитей манесеньыхъ та звелилы за ничъ визъ ракивъ перебаты—чы управывся-бъ ты? Колы Дуньку не пускаешъ, то я сама пиду, а ты, якъ хочъ, такъ и управляйся безъ мене,—мовыла Сохвія Трохымовна.

— И управлюся,—одризавъ Петро Куприяновичъ.

Сохвія Трохымовна вырвала зъ Дувчыныхъ рукъ платокъ и, не допывши и блюдця чаю, побигла. Приська выпыла одну сялянку и подякувала. Петро Куприяновичъ выпывъ зо тры, тоди поклыкавъ наймыта, звеливъ ёму швыдче пыты чай та вносять дрова. О десятой годыны затопылы пичъ. Петро Ку-

прыяновычъ, слабый на ногы та на груды, дуже стомлений, ледве ходывъ. Безъ Сохвіи Трохымовны ёму прыйшлося скрут-но; конькы, куколкы та пивныкы, що выроблявъ винъ, выхо-дылы, чогось неривнымы та кривобокымы, маковныкы занадто велыкымы.

— Кыдай все у помыйныцю! Хай вона задавытса! У цекли краще, на каторзи легше, ніжъ отуты!—крыкнувъ винъ, выры-ваючы зъ рукъ хлопця вже выроблени прыныкы.

— Таточку, таточку!—спыныла его перелякана Дунька.— Погодите краще, не печить сёгодня, хай маты завтра.

— Маты завтра? А йстынешъ ты що завтра? А поди-нешся ты куды завтра, якъ оцю хатыну банеъ продать? Що ты скажешъ, якъ опынышся безъ прыстановыща? Батько, ска-жешъ, ледачывъ? Про те забудешся, що батько пятнадцать рокивъ въ клуби за повара одпикъ, здоровья тамъ загубывъ, прыныкы пять рокивъ тыривъ на торгъ, покы васъ выгодувавъ та грунтъ прыдбавъ? Те все забудетса, а памятатымете тилькы мою лайку!—казавъ Петро Купрыяновычъ, выбываючы зъ усіей сылы важке тисто объ стиль.

Дунька знала добре вдачу свого батька и мовчала. Швыд-ко-не швыдко, але нарешти попеклыся прыныкы. Петро Ку-прыяновычъ повыймавъ ихъ зъ печи и нишовъ у сини спаты.

Дунька хотила помостыты Присьци и на сей разъ на лижку, але молодыця не схотила и лягла поручъ зъ Дунькою доли.

Натомлени дивчына та наймытъ живо заснулы. Петро Купрыяновычъ довго ще кашлявъ та зитхавъ, а Приська воро-чалася до самого свиту зъ боку на бикъ: розмова Петра Ку-прыяновыча, его речи не йшлы у неи зъ думкы. Чы то справди жыття сіей симъи таке сутужве, чы то тилькы Петро Купрыя-новычъ зъ пересерди скажытса на ёго? Якъ подывытса на цю кимнату, на обставыны, на-одягу, на зйижу, та прыривныты до сільского жыття, то и въ годову не прыйде нікому спыта-тса: чы Трохымови, Данылови, Максымови, чы оцёму бидо-лашнёму Петру Купрыяновычу легше та краще на свити жы-

вется? А адже не солодко й ёму хлибъ доходьтца, не дуже мицно стоить та госпѣда, збудована на пряныкахъ та макивныкахъ! Хыба може винъ бреше, або Сохвія Трохымовна переводыть грошы марно?

Мынавъ день, другый, а Степанъ все не сповищавъ молодыцю про мисце, и Приська жыла у Сохвіи Трохымовны. Перекупца, довидавшысь зъ певныхъ джерель, що про Приську ще не ходыть худой славы, видразу зминыла свои видносныи до неи и стала поводитысь краще, але вона и доси не роспыталася їи, черезъ вищо вона покынула и Буражыну, и Боголюбовыхъ, що їй тамъ було не до вподобы, бо не мала на бачкы вильного часу. Приська їи бачыла тилькы на хвыднуна дви, за обидомъ, або у вечори. Сохвія Трохымовна вставала у-досвита, вытопляла пичъ пры свитли и потимъ мало не до пивъ-дни сыдила била рундучкыи. По обиди вона перемывала масло, перебирала крашанкы, солыла сыръ, важыла, миряла, бигала на пораду до иныхъ перекупокъ, йиздыла по селахъ, купувала щось, продавала и не сыдила николы дома. Дунька пособляла то матери, то замижній сестри, перекунци рыбы та ракыи, перебирала, прала, шыла, доглядала господарства, навидувалася до кватырантокъ—одно слово крутылася тежъ увесь день, якъ муха у окропи. Приська сыдила за шыткыи та прыдывлялася до всёго, и зауважыла вона немало цыкавого. Насампередь кынулося їй у вичи тѣ, що тутъ дуже велыке значиння додавали грошамъ-копійкамъ. На тыхъ копійкахъ, що прыносыла Сохвія Трохымовна та Петро Купрыяновичъ зъ торгу, будовалось все жыття всіем симы, але-жъ... то не булы ти „готови копійкы“, про котри марыла молодыця—ци копійкы доходылысь перекупцамъ ще тяжче, ніжъ хлибъ селявынови, прынаймни вымагали видъ ныхъ далеко бильше турботъ, клопотыи та пыльнування, колы не працы, и Приська побожылася сама соби, що й до выку не буде перекупкою.

— Недобрый борщъ сёгодня,—мовывъ якъ-то Петро Купрыяновичъ.

— Недобрий торгъ бувъ,—видповила Сохвія Трохимовна.— Уторгувала всёго двадцать копійекъ, купыла хлѣба та до хлѣба, а мнѣся тилькы хвунтъ взяла.

— Отъ сѣгодня я пообидавъ усмакъ,—мовывъ другимъ разомъ Петро Куприяновичъ.

— Бо добре масло продала,—видмовыла Сохвія Трохимовна. Ни, така непевнисть, така залежнисть людыны видъ тиен щоденной копійкы, була не до вподобы Присьци—становыще жинкы мійского наймыта або хочъ и самой наймычки здавалося далеко брацымъ.

У пятницю раненько прыбигъ Степанъ до Приськи. Винъ сповистывъ їи, що вже найшовъ гарну посаду и звеливъ їй, щобъ вона выходыла сѣгодня у обидню пору до крамныць, звидкиль вже винъ поведе їи до панивъ Рыбалкиныхъ. Тилькы-що молодыци хотила похвалытыся Сохвіи Трохимовни та простяглася до лѣху, колы видчынылыся ворота и вйихавъ якыйсъ возокъ. Приська глянула и ажъ злякалась: то прыйихавъ дядько Максимъ.

— Хвалыты Бога, такы утрапывъ! Здорово, Присько, чы призвала?—звернувся винъ до небогы.

— А якъ-же! Ще-бъ не признала?—мовыла молодыца и, чы то зъ переляку, чы зъ несподиванкы, цмокнула ёго въ руку.

Скучыла, мабуть; обрыдли чужи люде, зрадила родычови!—промайнуло у голови дядька.

— Се ты въ гости прыйшла, чы може тутъ служишь?—запытався Максимъ, сѣдаючи на стульци.

— Ни... такъ...,—вагалася молодыца.

— Мабуть мѣсце утеряла?—догадався дядько.

— Оце четвертый день безъ мѣсця,—мовыла, увиходячы та витаючысь до Максима, Сохвія Трохимовна.

— Гм...—мовывъ про себе Максимъ. Робыты мабуть не схотила? Годыты роботою не вмила?

— За роботу мене нихто не лаявъ,—видповила молодыца.

— Такъ чого-жь ты розсчиталася?

— Трохы ти пань булы не до вподобы, а трохы и я на нихъ не потрапыла.

— Хыба воно въ городи наймытъ до панивъ прыстановляется, а не до роботы? Вже колы-бъ робыла гараздъ та знала свое дило, то и катови догодыла-бъ. Ледачила мабутъ и тутъ у холодочку таеъ само, якъ и на сонци?—допытуався Максимъ.

— Ни, таы це правда, за роботу ии никто не осудить: гарна зъ неи покоянка,—заступылася за молодыцю Сохвiя Трохымовна.

— Вона вамъ бреше, а вы ий виру ймете. До гарного робитныка нiякий господарь не прысыкается,—мовывъ зъ певнистью дядько.

— Балакайте!—скыпила молодыця. Спробувалы-бъ у пани Куракыной або у того Боголюбова, хай винъ сказытся, выбуты!

— Що-жъ тоби тамъ за лыхо було? Хай вже на сели тебе жныва, харчы, та недостаткы зайидалы, а тутъ-же и кумеди, и театры, и музыкы, и мяса, и все, чого такъ твоя ненажерлыва душа бажала. Чого ты, напрыкладъ, оту першу пани покынула.

— Я не кыдала,—вона мене сама прогнала,—видповила Приська.

— Завищо?

— Якъ я вамъ розскажу завищо? Розсердылася, тай прогнала.

— То-бъ то дала у потылицю та дрючкомъ зъ двору, якъ собаку? Розумна пани: бачыть, що собака покынула свiй двиръ та блукае по чужыхъ закуткахъ, та й прышанувала, якъ слидъ.

— Се вы и въ городъ за тымъ прыйихалы, щобъ драгваты мене?—розсердылася Приська.

— Про те, чого я въ городъ забывся, и тоби розскажу потимъ, а теперъ ты мени скажы ще, черезъ вищо ты у другыхъ панивъ не схотила служыты?—запытався Максимъ.

— Черезъ те, що панъ хотивъ мене зробыты своею полюбовныцею!—одризала Приська и одвернула до зикна.

— И пань той не дурный: бачить, що молодыця покынула свого чоловіка, законъ поламала...

— Тётю!—заступиться хочъ вы за мене; чого вони нападаются на мене?—заплакала Приська.

— Ты не плачь, а скажи мени краще: що ты думала, якъ тикала въ городъ, яки у тебе думкы были? Вже-жъ ты замрылася служыты; а служыты—треба годыты, а вожному якъ годыты, то треба и душу и тило занастыты. На селя ты-бъ жыла, якъ Богъ, та вси люде велать, а тутъ „плыгаты-мешъ, враже, якъ пань скаже“, бо у городи скилькы будынкы—стылькы и звичаивъ, скилькы панивъ—стылькы й обычаивъ. Пойидьмо, дочко, до-дому, то краще буде! Маты за тобою побывається, сестра тежъ... немовъ ии хто зъ помыйныци умывъ: соромно ий передъ сусидами за тебе; Трохымъ—сердытся та лае тебе. Зайхавъ до Даныла—винъ и хату обмазавъ, и хлибець звизъ, кабана купывъ,—все тебе сподивається.

— Хай не сподивається!—перепынула дядькову ричъ Приська.—Хай краще самъ иде въ городъ та служыты...

— Хай-же ты того й не диждешъ!—розгнывався Максимъ.—Чоловикъ тилькы идо за розумъ взявся; до роботы кынувся, на господарську стежку вышовъ, а вона ёго у мандры тягне... Збирайся краще ты та пойидьмо безъ сваркы.

— Я не пойиду.

— А може-бъ ты й справи йихала до-дому?—обизвалася Сохвѣя Трохымовна.—Тоби, серденько, щось нещастыть: который день вже сыдышь, та й доси не знайдешъ мисця.

— Вже йе!—мовыла Приська.

— Хто-жъ тоби знайшовъ?—здывувалася перекупца.

— Степанъ.

— Ось бачъ! Вже якыйсь и порадыкъ Степанъ знайшовся,—пидхопывъ Максимъ.

— Знаёмый дворникъ—бильше ничего,—мовыла Приська.

— Та воно такъ завжды буває: спочатку познаёмлятыся, потимъ служать ввупи, а потимъ и злыгаются. Гляды, Присько! не було у нашому роду непуцящихъ молодыць, не попустымо

и тебе волочытыся: прочую—то не подарую!—погрозывся Максимъ.

Приська образылася.

— Поки ще я ничего такого не заподіяла, то й не дорикайте,—мовыла вона.

— И тикай до-дому, поки нечыста сыла до гриха не призвела. Шкодю, що не потягъ хочъ сыломиць Даныла до тебе. Казавъ ёму: „Йидьмо, тебе жинка говынна послухаты“. Не скотивъ: „своею волею пишла“, каже, „то своею хай я вертаеця“, а самъ сердешный тильки що не плаче. Йидьмо, Присько! Скільки тутъ не служытымешъ—чужымъ поныха-чемъ помрешъ, а на семи будешъ сама соби господынею,—пораевъ ще разъ Максимъ.

— Не буду я и тутъ поныхаемъ. Не умовляйте мене, бо не пойду; скажить и Данылови, щобъ не сподивався,—видповила молодыця, напыдаючи на голову платокъ.

— Куды-жь ты?—запыталыся у одынъ голосъ Максимъ та Сохвія Трохымовна.

— Свить-за-очи,—буркнула Приська въ синяхъ.

— Не вернется?—запытавъ трохи згодомъ Максимъ перекупы.

— Пovyнна-бъ повернутыся: ось-же и скрыннi и одежда,—мовыла Сохвія Трохымовна.

— Не повернется; ажъ поки я не пойду звидциль. Ховатыметя видъ мене, якъ вивця видъ вовна, а не прыйде и попрощатыся... Пропала молодыця на выи... Я такы гадавъ, що вона вже опамьяталася та поваялася, та й прыйхавъ за нею, колы-жь воно не тее... Ну, хай-же бильше не сподиваетя мене, хай пропадае черезъ свою дурну голову!—мовывъ Максимъ и пишовъ напуваты коня.

Черезъ часъ мисця винъ выйхавъ зъ двору, а Сохвія Трохымовна побигла изнову до лёху важыты масло.

Л. Яновская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣчательный кладъ велико-княжеской эпохи.

Въ „Археологической Лѣтописи“ за январь н. г., перечисляя случайныя находки прошлаго года, мы вскользь упомянули о замѣчательномъ кладѣ княжеской эпохи и дали обѣщаніе познакомить читателей съ его содержаніемъ впоследствии. Теперь исполняемъ данное обѣщаніе, благодаря любезности Б. И. Ханенко, владѣльца этого художественнаго сокровища, предоставившаго намъ возможность подробно ознакомиться съ кладомъ. Найденъ кладъ, по всей вѣроятности, осенью прошлаго года; гдѣ найденъ и при какихъ обстоятельствахъ—прежній владѣлецъ клада отказался указать; но, судя по характеру предметовъ и по ихъ богатству, скорѣе всего можно думать, что онъ найденъ въ Кіевѣ.¹⁾ Почва Кіева дала уже очень много цѣнныхъ находокъ княжеской эпохи,²⁾ казалось-бы, что трудно ожидать новаго, но кладъ, о которомъ рѣчь, затмилъ собой всѣ предыдущіе: никогда еще въ одномъ мѣстѣ не было найдено такой массы предметовъ, представляющихъ верхъ техники того періода. Матеріалъ предметовъ—главнымъ образомъ золото и притомъ золото въ художественной обработкѣ; лишь незначительная часть предметовъ

1) Есть однако факты, указывающіе на городище «Дѣвнцу», возлѣ с. Сахновка, Каневск. у., какъ на мѣсто находки клада.

2) Находки эти послужили главнымъ матеріаломъ для капитальной работы проф. Кондакова—„Русскіе клады“ (т. I, Спб. 1896 г.), хотя почтенный ученый использовалъ и не весь имѣвшійся матеріалъ.

сдѣлана изъ серебра. Но, несомнѣнно, главную цѣнность клада составляетъ цѣлый рядъ предметовъ, украшенныхъ изображеніями, исполненными перегородчатой эмалью: въ кладѣ оказались почти всѣ типы извѣстныхъ до сихъ поръ предметовъ подобнаго рода.

Составляютъ кладъ почти исключительно предметы личного убора и затѣмъ монетные знаки. Среди послѣднихъ есть и византійская монета, опредѣляющая болѣе или менѣе точно эпоху клада, ¹⁾ именно:

1) Золотая византійская монета императора Мануила I Комнена (1143—1180), въ видѣ чашечки съ изображеніемъ на одной сторонѣ Спасителя по грудь, а на другой—Богоматери, вѣнчающей императора (фигуры въ ростъ).

Такимъ образомъ, кладъ можетъ быть отнесенъ ко второй половинѣ XII ст. или даже скорѣе къ концу его,—къ той эпохѣ, когда мѣстное ювелирное искусство достигло высокой степени совершенства, давая чудные образцы сканного дѣла и, въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія,—перегородчатыхъ эмалей. Не опасаясь впасть въ ошибку, можно утверждать, что и весь настоящій кладъ—работа южно-русскихъ мастеровъ.

Остальные монетные знаки—мѣстные:

2) Золотой брусочекъ, которому сплющиваніемъ придана четырехгранная форма, одинъ конецъ его закругленъ, другой обрубленъ; длина 3 см., ширин. 0,8 см., толщ. 0,6 см., вѣсъ 20 граммовъ. Очень возможно, что это часть золотой монетной гривны; въ 1899 г., въ усадьбѣ Л. И. Бродского, по Екатерининской ул., было найдено два подобныхъ-же предмета, но имѣвшихъ видъ цилиндрическихъ палочекъ; ³⁾ вѣсъ одной изъ нихъ (меньшей), сохранившейся цѣлой,—95 грам., вѣсъ другой, съ обрубленнымъ концомъ,—141 грам. Повидимому въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло лишь съ небольшой частью гривны—остальная заразъ или по частямъ отрублена.

1) По словамъ первоначальнаго владѣльца клада въ немъ находилась и другая византійская монета, къ сожалѣнію затерявшаяся.

2) См. Кіевск. Стар., октябрь 1899 г.

3) Восемь серебряныхъ шестиугольныхъ монетныхъ гривенъ, вѣсомъ: 1) 160 $\frac{1}{2}$ грам., 2) 159 гр., 3) 158 $\frac{1}{2}$ гр., 4) 157 гр., 5) 156 $\frac{1}{2}$ гр., 6) 154 гр., 7) 149 $\frac{1}{2}$ гр. и 8) 147 гр.; сравнительно небольшой вѣсъ послѣдней гривны объясняется тѣмъ, что одинъ изъ концовъ ея немного обрубленъ; никакихъ надарапанныхъ или нарѣзанныхъ знаковъ на нижнихъ поверхностяхъ гривенъ не замѣтно.

Всѣ остальные предметы, какъ уже сказано, представляютъ изъ себя различнаго рода украшенія и, какъ можно судить, украшенія преимущественно женскія. Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ:

4) Золотая княжеская діадема, состоящая изъ 9 пластинокъ. Изъ нихъ, семь имѣютъ видъ кіотцевъ, длиной: 6 боковыхъ—5,4 стм., и средній—5,7 стм., шириной 4 стм.; по краямъ кіотцевъ помѣщены 2 трапецевидныя пластинки высотой 2,7 стм. и шириной 1,5—2,9 стм. Въ вершинахъ кіотцевъ и въ углахъ, образуемыхъ вырѣзами верхнихъ частей, припаяны крючечки, на которыхъ укрѣпленъ жемчугъ. У основанія каждаго кіотца имѣется по двѣ петельки, служившія для подвѣшиванія жемчужныхъ пронизей или какихъ-ниб. другихъ привѣсокъ, спускавшихся на лобъ. Къ краямъ пластинокъ придѣланы узкіе ободки съ отверстиями, въ которыя пропускались нитки, соединявшія отдѣльныя пластинки діадемы въ одно цѣлое, но исподней подпайки нѣтъ, такъ что діадема помѣщалась на головѣ, приврѣпленной къ какой-ниб. матеріи, скорѣе всего, къ парчевому головному убору.

Каждая пластинка украшена разноцвѣтной перегородчатой эмалью. Цвѣта эмали: бѣлый, синій, зеленый, бирюзовый, желтый и кирпично-красный. Сохранность эмали не на всѣхъ пластинкахъ одинакова: на однихъ она нисколько не пострадала отъ времени, сохранила цвѣтъ и блескъ, на другихъ-же сильно потускнѣла, иногда совершенно измѣнивъ первоначальную окраску.

Центральный кіотець занятъ пояснымъ изображеніемъ мужской фигуры, одѣтой въ синее платье, съ оплечьемъ и лоорономъ, украшенными разноцвѣтной эмалью, изображающей цвѣтные камни; на головѣ высокая корона желтаго цвѣта; руки

разставлены въ стороны и въ каждой изъ нихъ по скипетру или знамени, состоящему изъ ручки и укрѣпленнаго на концѣ ея четырехугольника; на четырехугольникахъ по крещатой лиліи, ручки богато орнаментированы разноцвѣтной эмалью. Фигура помѣщена на шарѣ, по бокамъ котораго, какъ-бы поддерживая его, очень пестрой эмалью изображены два грифона, занимающіе и всю нижнюю часть пластинки; фигуры грифоновъ очель неуклюжи—длинные, на короткихъ ногахъ. Композиція эта должна изображать Александра Македонскаго, поднимающагося на небо на колесницѣ, влекомой двумя грифонами, согласно средневѣковой легендѣ.

Извѣстно нѣсколько подобныхъ композицій. Укажемъ напр. на барельефъ, вставленный въ стѣну собора св. Марка въ Венеціи,—здѣсь еще ясно виденъ раковинообразный передокъ колесницы и два колеса ея; барельефъ этотъ, имѣющій аналогию со скульптурными произведеніями Персіи, а также съ греческими сюжетами, нужно отнести къ произведеніямъ византійскаго искусства. Затѣмъ, тотъ-же сюжетъ повторяетъ одинъ рельефъ Дмитровскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ (построенъ въ концѣ XII ст.); композиція изображенія здѣсь очень близко подходит къ нашей, съ той лишь разницей, что фигура Александра помѣщена не на кругѣ, а на четырехугольникѣ, въ которомъ сплелись хвосты грифоновъ, и въ рукахъ у него, на палкахъ, согласно первоначальной композиціи, помѣщено по животному (въ барельефѣ собора св. Марка—зайцы).

Остальные шесть кіотцевъ украшены одинаковымъ орнаментомъ: посрединѣ кругъ съ орнаментальнымъ крестомъ двухъ рисунковъ, по четыремъ сторонамъ круга—четыреугольники, причемъ, верхніе снабжены еще исходящими отъ нихъ тремя стилизованными вѣтвями, а нижніе—такими-же двумя.

Трапѣцевидныя боковыя пластинки украшены такими-же какъ и на кіотцахъ кругами, немного лишь большихъ размѣровъ, и 5-ью треугольничками: четырьмя по угламъ и по одному съ боковъ.

Среди кладовъ княжеской эпохи подобнаго рода діадема встрѣтилась второй разъ. Первая находилась въ кладѣ, открытой въ 1889 году въ Кіевѣ, по Троицкому переулку, въ усадьбѣ Гребеновскаго (хранится въ Эрмитажѣ). Состоитъ она изъ такихъ-же семи кіотцевъ и двухъ придатковъ по бокамъ; но на кіотцахъ, перегородчатой эмалью, изображены Деисусъ (Спаситель, Божія Матерь, Іоаннъ Предтеча, архангелы Гавриилъ и Михаилъ и апостолы Петръ и Павелъ).¹⁾

Другой видъ украшенія собственно головы, украшенія, довольно распространеннаго и извѣстнаго по прежнимъ находкамъ, составляетъ:

5) Золотая головная повязка, состоящая изъ 18-ти дужекъ или лоточковъ, имѣющихъ въ поперечникѣ 2,8 см. Каждая изъ нихъ снабжена съ одной стороны двумя петельками, ширина каждаго 0,95 см. Два лоточка, помѣщавшіеся въ повязкѣ по краямъ, имѣютъ сплошные полукруглые щитки съ овальными камнями по срединѣ и съ петельками, въ которыя продѣвались нитки жемчуга вокругъ камней.

Спускаясь ниже, мы имѣемъ въ кладѣ:

6) Четыре золотыхъ проволочныхъ височныхъ кольца, не представляющихъ никакого интереса въ художественномъ отношеніи.

Но за то для ушей есть цѣлая серія роскошныхъ украшеній, въ видѣ серегъ продѣвавшихся въ ухо и въ видѣ ушныхъ подвѣсокъ, именно:

7) Одиннадцать золотыхъ серегъ кіевского типа (на проволоку по 3 шарика). Изъ нихъ, шарики двухъ сплошь усыяны мелкой зернью, у одной зернь обведено кружечками, у 3-хъ—шарики покрыты только кружечками, у 3-хъ шарики украшены разводами, исполненными сканью и образующими концентрическіе кружки и кресты, у одной—шарики полуажурные и у одной—ажурные.

¹⁾ Издана Н. Кондаковымъ, Русскіе клады, табл. VІІІ.

8) Золотая серьга, состоящая изъ проволочнаго кольца съ надѣтой на него круглой гладкой бусиной.

9) Двѣ золотыя ушныя подвѣски (колты), украшенныя перегородчатой эмалью. Подвѣски, полныя внутри, состоятъ изъ двухъ, немного выгнутыхъ, почти круглыхъ, пластинокъ, принадлежащихъ къ круговому ободку. Края пластинокъ немного выдаются надъ ободкомъ; такимъ образомъ, получились кругомъ подвѣсокъ желобки, въ которыхъ помѣщены петельки; въ эти петельки продѣвались нити или проволочки съ нанизаннымъ жемчугомъ и кораллами. Въ верхней части подвѣски имѣютъ полукруглые вырѣзы, надъ которыми на шарнирахъ укрѣплены проволочныя дужки, служившія для подвѣшивания. Высота подвѣсокъ—5,2 см., ширина 6,2 см., толщина посрединѣ 1,4; вѣсъ 41½ и 43 грамма.

Эмалевыя изображенія, покрывающія обѣ стороны подвѣсокъ, совершенно тождественны какъ на одной, такъ и на другой подвѣскѣ. Лицевыя щитки заняты двумя птицами сиринами, онѣ въ круглыхъ сарадинскихъ шапочкахъ, головы окружены нимбами; посрединѣ птицъ—круглая розетка. Середину оборотныхъ щитковъ занимаетъ кружокъ съ вписаннымъ въ него орнаментальнымъ крестомъ; по сторонамъ круга—два сегмента съ вѣтками аканфа; внизу, подъ кругомъ, городчатый треугольникъ.

Эмаль въ общемъ сохранилась превосходно, не потерявъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже блеска, за то въ другихъ краски немного выцвѣли. Лица сириновъ блѣдно-тѣлеснаго цвѣта; шапочки—бѣлыя, орнаментированныя кружкомъ посрединѣ и сегментами по бокамъ—кирпично-краснаго цвѣта; нимбы—зеленыя съ краснымъ ободкомъ; такой-же красной линіей обведены и всѣ контуры, за исключеніемъ крыльевъ: опереніе—пестрое. Орнаменты оборотныхъ сторонъ также обведены кирпично-краснымъ ободкомъ; въ кружкахъ по зеленому фону, вписанъ синій крестикъ, въ него—бѣлый, затѣмъ идетъ красный, фонъ, на немъ центальный бѣлый крестикъ изъ крещатыхъ лилій (вриновъ), концы (цвѣтки) лилій зеленые, въ срединѣ крестика—зеленый кружокъ. Въ сегментахъ, по синему фону,—бѣлыя

вѣтки съ красными цвѣтами у завитковъ. Треугольній отрѣзокъ состоитъ изъ городковъ краснаго, зеленаго и бѣлаго цвѣта.

Точно такія-же подвѣски, лишь съ разницей въ цвѣтахъ эмали, находились въ кладѣ, найденномъ въ 1887 г., въ Михайловскомъ монастырѣ (теперь въ Эрмитажѣ).¹⁾

10) Двѣ серебряныя ушныя подвѣски. Состоятъ изъ двухъ спаянныхъ выпуклыхъ кружковъ; по ободку припаяно по 13-ти полыхъ шариковъ (сохранилось по 12-ти). Верхнія части сръзаны и здѣсь на шарнирахъ прикрѣплены проволочныя дужки. Поперечникъ серегъ—5 стм., поперечникъ среднихъ щитковъ, безъ шариковъ—3,5 стм., толщина посрединѣ 1,5 стм. Щитки украшены одинаковымъ рисункомъ: посредствомъ штампа на каждомъ помѣщено по двѣ птицы съ обернутыми другъ къ другу головами; между головами спускается внизъ крещатая лилія. Птицы и лиліи воспроизведены выпуклымъ штампомъ, углубленія между и вокругъ нихъ, составляющія фонъ, заполнены чернью.

Аналогичныя серьги, съ тѣмъ-же мотивомъ рисунка, были найдены въ 1887—8 г. при раскопкахъ городища Старой Рязани; отличаются онѣ лишь болѣе крупными размѣрами и еще тѣмъ, что тамъ шарики не припаяны, а нанизаны на проволоку, которая прикрѣплена къ ободку серегъ петельками. Очевидно, что этотъ типъ серегъ образовался изъ первоначальной замкообразной подвѣски, ободокъ которой былъ украшенъ ниткой жемчуга. Жемчугъ былъ затѣмъ замѣненъ нанизанными серебряными бусами (какъ на рязанскихъ экземплярахъ), впоследствии-же бусы прямо припаявались къ ободку.

По своей грубости, данныя подвѣски рѣзко отличаются отъ остального состава клада (кромѣ браслетовъ, о которыхъ ниже).

Затѣмъ слѣдуютъ украшенія шеи:

11) Золотая шейная подвязка, состоящая изъ 50-ти штампованныхъ полуцилиндриковъ съ припаянными донышками. По-

¹⁾ Изданы Н. Кондаковымъ, Русскіе клады, табл. VI.

лудцилиндрики украшены тремя рядами штампованных рубчи-
ковъ; длина 2,2 см., шир. 0,6 см. Каждый изъ полуцилиндри-
ковъ снабженъ 4-мя отверстиями, въ которые пропускались
нити.—У двухъ изъ нихъ сбоку придѣланы плетенныя изъ тон-
кой проволоки цѣпочки, дл. 4,5 см., у одной изъ цѣпочекъ на
концѣ небольшое колечко, у двухъ другихъ,—также сбоку,—пе-
тельки, въ которыя продѣвались колечки, и такимъ образомъ
соединялись концы повязки. Въ виду того, что цѣпочекъ съ во-
лечками и петелекъ имѣется по парѣ, повязка по всей вѣроят-
ности, раздѣлялась на двѣ части, по 25 полуцилиндриковъ на
каждой.

12) Электроновая шейная гривна изъ пластинки, скручен-
ной продольной частью спиралью; концы сходятъ въ круглую
проволоку, кончики которой расплющены и завернуты трубоч-
ками; длина въ развернутомъ видѣ 44 см., вѣсъ 135 граммовъ.

13) Такая же шейная гривна, но золотая; здѣсь скрученъ
продольной рѣдкой спиралью золотой четырехгранный прутъ; длина
42¹/₂ см., вѣсъ 177 грам.

14) Золотая шейная гривна, состоящая изъ пластинки, тол-
щиной въ 1 мм., шириной посрединѣ 1,5 см. и къ концамъ
постепенно суживающейся; пластинка свернута густой спи-
ралью такимъ образомъ, что образуетъ трубку, діаметромъ по-
срединѣ 1,7 см., къ концамъ суживающуюся и заканчиваю-
щуюся сплошной проволокой; длина 52,3 см., вѣсъ 207¹/₂ грам.
Этотъ типъ гривны встрѣчается впервые.

Особенно богаты и разнообразны украшенія для груди.
Выдающийся интересъ представляютъ четыре образка—Спаси-
теля, Богоматери, Юанна Предтечи и архангела, составляющие
Денсусъ:

15) Золотой образокъ съ эмалевымъ изображеніемъ Спаси-
теля. Образокъ круглый, раздѣленъ припаянными золотыми про-
волочками, иммитирующими снѣгъ, на 4 концентрическихъ круга.
Первый, крайній, кругъ имѣетъ видъ узкаго лоточка съ петель-
ками—предназначался для нивки мелкаго жемчуга; слѣдующій,
болѣе широкій, заполненъ крупной зернью и въ промежуткахъ

мелкой; эти два круга раздѣлены на 8 частей восемью шести-
 граничными щитками, съ гнѣздами, въ которыхъ помѣщены зе-
 ленныя и красныя овальныя стекла; щитки эти немного выдаются
 за края образва. Третій кругъ—такого-же рода какъ и первый
 и также служилъ для помѣщенія жемчуга, но уже въ формѣ
 сплошной круговой низки. По краю четвертаго круга идетъ не-
 большой ободокъ, немного загнутый; загибъ придерживаетъ встав-
 ленный центральный кружокъ, на которомъ и помѣщено изобра-
 жение Спасителя. Вверху, на шарнирахъ, укрѣплено четырех-
 угольное ушко, лицевая часть котораго представляетъ изъ себя
 гнѣздо съ почти круглымъ камнемъ или стекломъ. Диаметръ
 образка—6 см., края щитковъ выдаются еще на 3 мм.; диаметръ
 центрального кружка съ изображеніемъ—3,5 см. Вѣсъ—36 грам.

Изображеніе Спасителя почти поясное, лицо очень ши-
 рокое, съ небольшой раздвоенной бородой, голова въ нимбѣ;
 по бокамъ шеи—Гс.—Хс. Правая рука—благословляющая,
 лѣвая скрыта подъ гиматіемъ и поддерживаетъ помѣщенное
 сверху евангеліе. Эмаль сохранилась въ общемъ хорошо, у шеи
 немного выкрошилась. Цвѣта ея также неособенно потускнѣли.
 Лицо—густо-розоваго цвѣта, нимбъ—зеленый, раздѣленный тремя
 бѣлыми полосками съ синими ромбиками посрединѣ каждой;
 нимбъ и раздѣленія его обведены кирпично-красной полоской.
 Нижняя одежда (хитонъ)—зеленаго цвѣта, съ красными пору-
 чами и красной наплечной полосой, верхняя (гиматій), закры-
 вающая лѣвую часть тѣла,—синяя; евангеліе бѣлое, съ крас-
 нымъ крестикомъ посрединѣ и съ зелеными кружками по угламъ,
 обрѣзъ евангелія, обращенный внутрь,—краснаго цвѣта.

16) Золотой образокъ съ эмалевымъ изображеніемъ Іоанна
 Предтечи. Величина и конструкція совершенно такая-же какъ
 и у предыдущаго.

Изображеніе Іоанна также почти поясное; голова въ нимбѣ,
 лицо съ длинной бородой, оно обращено немного вправо, туда-же
 направлена и приподнятая правая рука—по направленію къ
 Спасителю; лѣвая рука покоится на груди; съ правой стороны
 головы надпись ІѠ. Вѣсъ 36 граммовъ. Эмаль сильно окислилась,

такъ что, напр., нимбъ, бывшій первоначально зеленаго цвѣта, принялъ грязно-желтый оттѣнокъ, онъ также обведенъ кирпично-красными ободками; нижняя одежда зеленая, верхняя—синяя.

17) Золотой образокъ съ эмалевымъ изображеніемъ Богоматери. Образокъ такого-же устройства, какъ и предыдущіе, но немного меньше—діаметръ его 5,3 см., кромѣ того, два крайніе кружка раздѣлены не 8-ю щитками съ камнями, а всего лишь 6-ю.

Вся фигура Богоматери имѣетъ направленіе въ лѣвую сторону: сюда немного наклонена голова, сюда-же направлена и приподнятая лѣвая рука; правая на груди; по бокамъ головы—*ѿр—ѿѿ*. Вѣсъ 26 $\frac{1}{2}$ граммовъ.

Эмаль потускнѣла, нимбъ и одежды повидимому такихъ-же цвѣтовъ, какъ и на образкѣ Іоанна Предтечи; у нижней одежды поручи кирпично-краснаго цвѣта.

18) Золотой образокъ съ изображеніемъ архангела. Величина и конструкція такія-же какъ и образка Богоматери.

Голова архангела въ нимбѣ, лицо круглое, молодое, обрамленное длинными вьющимися волосами; глаза обращены вправо, въ лѣвой рукѣ архангелъ держитъ скипетръ, въ правой—державу. Вѣсъ 28 $\frac{1}{2}$ граммовъ.

Эмаль—очень хорошей сохранности; нимбъ—бирюзово-зеленый, обведенъ красной линіей; одежда синяя, оплечье и лооронъ—бѣлые, украшенные синими и красными ромбиками и зелеными треугольниками; держава бѣлая, въ красномъ кружкѣ, посрединѣ ея синій крестикъ.

При помѣщеніи на груди, образки раздѣлялись бусами. Въ кладѣ ихъ найдено нѣсколько видовъ; къ данному назначенію болѣе всего подходятъ нижеслѣдующіе два:

19) Восемь золотыхъ боченкообразныхъ бусъ, дл. 2,6 см., толщ. 1,5 см. Бусы гладкія, но имѣютъ 4 продольныхъ желобка и одинъ поперечный вокругъ бусы, посрединѣ ея; желобки образованы припайкой тонкихъ золотыхъ нитей и предназначены для низокъ мелкаго жемчуга, для этой-же цѣли въ нихъ

помѣщены петельки. Украшенные жемчугомъ, эти бусы имѣютъ очень изящный видъ.

20) Четыре золотыхъ круглыхъ бусы, діам. 2 смт. Бусы ажурные, исполнены сканью, имитирующей зернь. На трехъ изъ нихъ, въ четырехъ кружкахъ—кресты, съ полушариками въ углахъ, кружки и кресты—изъ крупной зерни; пространство между ними занято четырьмя парами птицъ съ распущенными крыльями, птицы помѣщены одна подъ другой и соприкасаются головами; птицы исполнены мелкой зернью. На одной, въ кружкахъ,—четыре пары животныхъ съ головами, повернутыми назадъ—мелкая зернь; пространство между кружками раздѣлено линиями изъ крупной зерни, образующими кресты. Бусы этого рода встрѣтились среди кладовъ княжеской эпохи впервые. Своей массивностью они выдаются среди другихъ типовъ бусъ и отчасти напоминаютъ капители византійскихъ построекъ.

Роскошью отличается и другое нагрудное украшеніе:

21) Золотая цѣпь, состоящая изъ 20-ти звеньевъ, украшенныхъ перегородчатой эмалью. Звенья имѣютъ видъ крестовидныхъ пластинокъ, 2,75 смт. шириной и длиной. Пластины немного выгнуты и снизу подпаяны гладкими золотыми пластинками, такъ что общая толщина ихъ равна 3 мм. Каждое звено соединено съ другимъ шарнирами, въ которыхъ продѣвалась проволока, снабженная по концамъ жемчужинами. Цѣпь по всей вѣроятности была раздѣлена по двѣ части, по 10-ти звеньевъ въ каждой, которая соединялись посредствомъ сохранившихся двухъ цѣпочекъ и двухъ колечекъ,—совершенно такъ же, какъ и въ шейной цѣпи или повязкѣ (№ 11). Каждая пластинка занята эмалевымъ изображеніемъ или орнаментального креста (16 звеньевъ), кресты четырехъ видовъ, или птицы (голубя). Цвѣта эмали: бѣлый, зеленый, синий и кирпично-красный. Сохранилась эмаль въ общемъ хорошо, хотя цвѣта ея потускнѣли.

Прошлой зимой, въ собраніе М. П. Боткина въ Петербургѣ, поступилъ другой экземпляръ такой цѣпи—есть полное основаніе предполагать что и онъ происходитъ изъ настоящаго

клада. Совершенно такая-же цѣпь найдена въ Кіевѣ, въ 1827 г., въ усадьбѣ Августиновича по Львовской ул.¹⁾

Еще одно нагрудное украшеніе, имѣвшее видъ ожерелья и предназначавшееся для верхней части груди, составляли, какъ можно предполагать, слѣдующіе предметы:

22) Шесть золотыхъ крещатыхъ лилій съ ушками для привѣшиванія. Лилии исполнены штампомъ, снизу подпаяны пластинками; длина 4,2 стм. Подобныя украшенія встрѣчены уже нѣсколько разъ, напр. въ кладѣ въ усадьбѣ Лѣскова, на углу Десятинной ул., на Княжей Горѣ, и т. д.

23) Золотой медальонъ, состоящій изъ круглой пластинки, діам. 3,9 стм., обведенной рубчатымъ жгутикомъ; середину медальона занимаетъ большой овальный граненый горный хрусталь въ гнѣздѣ изъ такого-же жгутика; по четыремъ сторонамъ его, въ гнѣздахъ, два треугольныхъ и два круглыхъ камня. Медальонъ этотъ—пока единичная находка.

24) Десять золотыхъ рубчатыхъ боченкообразныхъ бусъ; длина 2,2—2,5 стм., толщина посрединѣ 1,2—1,9 стм.

Кромѣ золотыхъ, въ кладѣ имѣется еще:

25) Шестнадцать круглыхъ сердоликовыхъ бусъ, діам. 0,7—1 стм.; онѣ, по всей вѣроятности, также входили въ составъ 1-го или 3-го нагруднаго украшенія.

Особнякомъ отъ другихъ предметовъ клада, отличающихся тонкостью и изяществомъ работы, стоятъ два браслета, массивныхъ, грубой, такъ сказать, кузнечной работы:

26) Серебряный браслетъ изъ сплющенной толстой проволоки; концы утоньшены и заложены одинъ за другой; толщина проволоки посрединѣ 0,8 стм., діам. отверстія 6,5 стм.

27) Серебряный браслетъ, витой изъ двухъ проволокъ и также сплющенный; концы не сходятся и заканчиваются львинными головками; толщина браслета 0,8 стм., діам. отверстія 6,3 стм.

¹⁾ Издана Н. Кондаковымъ, Русскіе клады, табл. X.

Кромѣ перечисленнаго, въ кладѣ имѣются еще кусочки тонкаго листового золота, четырехугольныя маленькія стекляныя пластинки, круглая тонкая перламутровая бусина, четыре перламутровыхъ рѣзныхъ крестика (велич. 1,9—2,1—2,3 см.), вѣроятно прикрѣпленныхъ въ концѣ жемчужныхъ пронизей, и, наконецъ, много жемчуга и отчасти коралловъ, осыпавшихся отъ украшеній.

Присутствіе въ кладѣ діадемы, значительное количество предметовъ, украшенныхъ эмалью, и вообще богатствоклада, даютъ основаніе сдѣлать предположеніе, что настоящій кладъ принадлежалъ кому-нибудь изъ княжеской семьи.

Н. Вѣляшевскій.



КНЯЖА КРЫНЫЦЯ.

Сцени зъ XVII вику у 4-хъ дїяхъ и 7-мы одминахъ.

ДІЕ ВИ ЛЮДЕ:

Князь Романъ Четвертынський,—старый, немощный дидь, володарь замку „Княжа Крыныця“.

Ядвыга,—ёго дочка.

Тереза,—покоёва панна.

Крыштофъ Корецькый,—ротмыстръ татарьскои корогвы гетмана Калыновського.

Панъ Вацлавъ,—маршалокъ .

Панъ Юліанъ,—пидчашій . . . } князя Четвертынського.

Панъ Казимиръ,—пидскарбій }

Янъ Дембинський,—капитанъ затыжного немецкого регименту Крейца.

Дитрыхъ,—сержантъ у ёго компаніи.

Даныло Татарчукъ,—запорожець, сотныкъ надвирной сотни князя Четвертынського.

Марко Метелыця,—побратымъ ёго, обыдва емиссары Хмельныцького.

Щербаченко,—осауль Даныла.

Онысымъ }

Павло . . . } Дыгтяренкы,—браты, диды-селяне.

1 }
2 } парубки.
3 }

1 }
2 } запорожци, немолоди люде.

Грыцько,—коваль

Селянынъ.

Надвирный козакъ.

Селяне, надвирни козаки, 2 нимци, пахолкы.

Діється у замку Княжа Крывця и у околици ёго у квітню
1648 року, въ Брацлавщини.

Д І Я І.

(Недзя. Поляна у лиску, у глыбни выдко лись, поле, яры. Ядвыга сидыть идъ деревомъ).

Я в а І.

Ядвыга и Даныло.

Ядвыга. Ой втомылась... та й биглы-жь! ну добре хочъ усихъ козакивъ покынули и Терезу... а Яна не мае ще, хочъ вже мабутъ ёе швидня (*крычыть по-за кинъ*) Даныло!—а ты доси зъ киньмы водышся! чомъ не вяжешъ?

Даныло (*зправа зз-за сцены*). Заразь, панночко. Не можно було доси, бо дуже гналы, та знову гнидий укачався-бъ и сидло поломивъ, якъ ото, що безъ мене йиздылы.

Ядвыга. Та вяжы отуть на горбочку до сухого береста (*сказуе направо*).

Даныло. Щобъ муха бѣла, чы що?

Ядвыга. То звидцы буде выдко, якъ урвуться.

Даныло. Съ чумбуривь щобъ урвалысь! Хыба дыки кони?

Ядвыга. Балакай, робы що кажу (*на бикъ*). Бида зъ дурнымъ хлопомъ! Янъ и не побачыть, де я (*поглядае направо*).

Добре, що хочь послухавъ (*зправа Даныло зупиняється підъ деревомъ осторонь видъ Ядвыги*).

Я в а II.

Ядвыга. А козакивъ твоихъ усихъ розгубылы?

Даныло. Та въ насъ у усій сотни и жадного козака не мае, щобъ за ясною панвою вгався, якъ панна Соколомъ поиде.

Ядвыга. А ты жъ того Змійчукомъ перейнявъ.

Даныло (*зорда*). То то Змійчукъ!

Ядвыга. Тоби, здається, чымало дававъ за ёго небижчыкъ панъ ловчий; чому не продавъ?

Даныло. Бо не продажный.

Ядвыга. Чому такъ?

Даныло (*усмихається*). Бо крадений.

Ядвыга. Молодой ще? Видюлы винъ въ тебе и де ты ёго взявъ? Щось ты брехавъ, та я вже й забула (*сміється*).

Даныло (*усмихається*). Чого-жъ я маю брехаты? Собака нехай бреше. Якъ ще змалку мене підъ Переяславомъ узято Крымцями, то усе бувъ у неволи въ Ахметъ-бея коло табуна, а якъ побылы торикъ орду козаки на Тавани, то я на ёму-жъ такы й утикъ зъ табуна. Добрый кинь! И нащо мени ёго продаваты? Зъ ласкы пана й ясною панны, досыть маю, що служу.

Ядвыга. Служышь добре, колы роззява. Отъ на тымъ тыжни піймавъ коваля, що пана ловчого вбывъ, та такъ добре пыльнувавъ, що й самъ на тымъ хутори выпвся, и козаки повпывалысь, и той утикъ (*сміється*). Добри варгови! Якъ розгнивався панъ князь, казавъ, що тебе замість коваля повисе, та вже я почала просыты за тебе, що ты мене порятувавъ, ябъ Сокиль мене носывъ, але хтивъ панъ князь хочъ зо сто батогивъ тоби даты, та я такы впрохала.

Даныло (*уклоняється*). Спасыби, панночко ясна, добре сердце панна мае (*дывиться у-право, выймае пистоля зъ-за пояса, олядае панниву*).

Ядвыга. А чога се ты на пистоли дывышся?

Даныло (*поглядае у право*). Бижить щось сюды... конемъ бижить... хутко... и не зъ нашихъ козакивъ, бо Чорнымъ Яромъ... Може, панночко, на коней сядемо?

Ядвыга. Де, де бижить? Не бачу (*устае, пидходить до Даныла*).

Даныло. Чорнымъ Яромъ (*вказуе пистолемъ*).

Ядвыга (*сміється*). Якъ то ты бачышь? кризь лись?

Даныло. Гавы переполошылысь, онде выдко... а онъ те-перь тамъ (*вказуе пистолемъ*) ось и зъ лису выбигъ (*ховае пистоль*); одынъ тилькы... и не татарынъ... на сирому кони, мабуть чы не панъ Янъ зъ Оративки... Добрый кинь... просто до насъ подався... Ото жене, тежъ коня не жалуе.

Ядвыга (*жваво*). А добрый йиздець справди?

Даныло. Бачылы мы й краццыхъ.

Ядвыга. Брешешъ, де вони крацци?

Даныло. У Сичи-бъ на ёго й не дывылысь.

Ядвыга (*незадоволена*). Колы-жъ ты тамъ бувъ, що кажешъ?

Даныло (*понуру*). Хочь и не бувъ, то видъ такихъ чувъ, що бувалы.

Ядвыга (*на бикъ*). Цёго дурня й не переслухаешъ (*го-лосно*). Але й снека яка... у лощыни вода бижить,—хутко пры-несы, козаче (*вказуе у ливо, Даныло видходить у-право*).

Я в а ІІІ.

Ядвыга (*ходить по сиени зворушена*). Янъ, Янъ йиде... чы добру-жъ звистку несе? Ой Маты Божа! И любыть мене татѣ, и верую нымъ якъ схочу, але боюсь... Якъ не добувъ ничога видъ князя Яремы, то що тоди... що тато скаже? До Четвертынської свататысь? бидный шляхтычъ! худопъхолокъ!

Голось Яна (*зъ правого боку по за кономъ*). Визьмы коня, хлопче!

Голось Даныла. Немае часу, пане.

Голосъ Яна. Коня визьмы заразь, та выводы, вражый сыну, бо шаблюю якъ потягну!

Голосъ Даныла. Ова! злякавь! Гляды щобъ самому...

Голосъ Яна. Тривай, пся кровь! (*бренькитъ шавель по-за кономъ*).

Ядвыга. Маты Божа! Лиц! Назадъ, проклятый! (*бизьитъ у-право, черезъ хвылыну ворочается*).

Ява IV.

(*Ядвыга зправа держытъ за руку Яна, у его въ руци вломана шавля, черезъ хвылыну зправа Даныло, шавля въ пыхви, у руци порожня кабакова пляшка, осторонь йде у-ливо*).

Ядвыга. Не поранывъ тебе, Ясю? (*до Даныла*). Здуривъ, проклятый лугарь, чы що? Киньмы тебе звелю розирваты. (*Даныло зупыняется*).

Даныло (*понуру*). Хыба я крипакъ усякому пидпанку ко-ней водыты?

Янъ (*кыдается до нѣго*). Але й зухвальство въ хлопа!

Ядвыга (*удержуе ёго*). Ясю, тыхо! (*до Даныла*). Геть звидцы, гайдамако! Де козакивъ розгубывъ? Заразь знайды и панну Терезу знайды, щобъ сюды йхалы!

Даныло. Та воны й сами слидомъ прыйдуть, а то якъ же воно панна сама востанется..

Ядвыга (*пидходьтъ до ёго, тупае*). То сыды жъ тутъ и чекай, а якъ прыйдуть, веды на пана пидчашого пасику—розуміешъ? (*выбывае зъ руки пляшку*). Панъ Янъ зо мною пойде, коня панського онъ-де ловы. Чекай, скажу князеви, буде тоби, ватажво! (*Даныло понуру видходьтъ у-право*).

Ява V.

Ядвыга и Янъ.

Янъ (*вкладае шавлю у пыхву*). Де це узався такой татарывъ? Одынъ зъ панною?

Я двыга. То сотныкъ новый въ пана князя. Выйхалы мы сѣгодня зъ замку: панна Тереза зо мною и надвирныхъ десять; та я якъ пустыла Сокола у ходъ, то вси взаду позоставалсь... А панъ Сокола одразу пизнавъ?..—Тилькы видъ цѣго вже не втечешъ, справи що татарынь, Татарчукомъ ёго й дражнють... Ой, та й перелякалась я! Ледве стою.

Я нъ. Зовсимъ вызовець. Небезпешно зъ нымъ панни.

Я двыга. Ни, пане, слухняный хлопъ и смырный; якъ сказаты що, мыттю зробить... Сокола мени такъ выйиздывъ, що голосу слухае. Чы не впывся сѣгодня зранку, що такый скажений, бо николы зъ нымъ того не було, щобъ навить гнивалась я на ёго.

Я нъ. Звиды-жъ винъ узався?

Я двыга. Та оціеи весны... на полюванні було, якъ зъ соколамы пойхалы. Чувъ и панъ навить, що Сокиль мене носывъ, мало не вбывъ у лиси, десь винъ тоди узався на воронимъ, перейнявъ, спынувъ коня, то князь ёго сотныкомъ узавъ.

Я нъ. То заразъ замистъ Демка?—памьятаю.

Я двыга (*сумно*). Не згадуй краще про того бидного хлопа. Винъ мене того самого равку просывъ, щобъ не йихала я Соколомъ: ще винъ неукъ, казавъ, панночко, не сыла буде держаты, то-жъ полювання! А я нымъ вже килькы разъ йиздыла. Ще тутъ панъ Грохоцькый бувъ молодой, почавъ зъ мене сміятсь, а я розсердылась, пойхала такы, а другого дни каже мени Тереза, що звеливъ тато доты старого нагаямы быты, докы живой буде... Вирышь, Ясю, що я два дни плакала! А тато злякався, та вже щобъ мене перепросыты, самъ прыйшовъ, каже: нехай, доню, того вже на тимъ свити Господь помылуе, а той, що тебе вызволивъ, нехай тоби служыть; винъ, каже, й самъ просытсь: зъ неволи, каже, утикъ, тамъ и вырись.

Я нъ. У неволи, каже, бувъ змалеу... а шаблю такъ бьется! Шкода, що пистоли zostалсь у ольстри.

Я двыга. А ну ёго, ще тато довидався бъ, що мы тутъ бачылись. Та щожъ пачъ мени доси не розскаже, що у Лубняхъ?

Янъ. Якъ Бога вохамъ! то черезъ того божевильного хлопа. Панно Ядвыго, полковныкъ я!

Ядвыга (*радисно*). Невже!?

Янъ (*поважно*). Переяславського козацького полку! (*Жваво*) Дуже привитавъ мене князь воевода: власной, казавъ, корогвы отакому блазневи не дамъ, але осьъ погы що лыстъ пану до пана комисара Зацвнлиховського: якъ побудешъ кильвы часу, побачу, чы по батькови пишовъ.

Ядвыга. Мабуть, чувъ князь Ярема, якъ панъ торикъ зъ татарвою воювався.

Янъ. Може й такъ (*сміється*). А може й те воно, що казавъ и князь воевода и панъ Мыколай, що не буде у тимъ полку багато морокы полковныкуваты, бо якъ прыйде Хмель, то уси козакы до ёго пидуть.

Ядвыга. А панъ такы полковныкъ?

Янъ. Ниде правды диты (*обоє сміються*).

Ядвыга (*протягає руку для поцилунку*). Оце-жъ пану полковныкови (*Янъ стає на коліно, цилує руку; Ядвыга раптомъ нахыляється, цилує его*). А оце Ясю Дембинському (*уныкає, бижыть у право; Янъ за нею*). На коней, на коней, пане полковныку! (*обоє видходять у-право*).

Я в а VI.

Черезъ хвилыну зправа Даныло обертається, дывитьсѧ у слидъ понуро.

Даныло. Пойихалы на пасику... И той разъ, казавъ осаулъ, на тій пасици до вечера ии чекалы... (*тупає*). И князь ничого не знає (*усмихається*). Що жъ, Даныло, пиды укловысь князеви та й скажы... або за нымы бижы слидомъ.. за тымъ тебе й выправывъ Хмель зъ Сичи, щобъ ты добре доглядавъ, до кого панна Четвертынська у лисокъ выйизжає... Ну, колыбъ я зустривъ десь того вражого ляха... у ночи! (*замыслений*). Панночка не скаже, добра вона... и ляхъ мовчатыме, а якъ ни... разъ маты родыла! (*Стоить понуро, зправа зъ глыбыны*

сцены зъ-за деревъ Марко вдаряе рукою по плечу. Розмова—
Даныло понуро, Марко весело).

Я в а VII.

Даныло и Марко.

Марко. А оглядайсь, козаче, бо на аркани будешь...
Здоровъ!

Даныло. Здоровъ, брате.

Марко. Чого се биглы такъ зъ панною неначе видъ та-
тарвы? Добре, що хочъ не далеко бувъ я отутъ. А чый то си-
рий, що ты ловывъ?

Даныло (*неохоче*). Дембинського, що зъ Оративкы.

Марко. То зъ нымъ вона й пойихала, а сюды не по-
верпутся?

Даныло. Мабуть, що ни.

Марко. Гараздъ, бо маю тоби щось казаты. А ничого у
замку не чуты?

Даныло. А на сели мабуть бильше.

Марко. Эге-жь.

Даныло. А вже-жь.

Марко. А чого се я до тебе прыбигъ?

Даныло. Скажешъ.

Марко. Тютюнь йе? Давай (*набывае мольку*). Оце бида,
брате, й тютюну вже нема и меду вже не дае жыдъ набиргъ,
каже: самому нема за що купуваты.

Даныло. Дурный винъ низовцямъ набиргъ даваты, воны
вже Хмель зъ Сичи пиднявся.

Марко. Та якъ бы то тилькы пиднявся, а то вже й ля-
хивъ побывъ.

Даныло (*жваво*). Гетьманивъ.

Марко. Ну, цыхъ то може ще колысь побье, а молодого
Потоцького.

Даныло. А побывъ и зъ гусарами?

Марко. Побывъ геть, до ногы выризалы.

Д а н ы л о. То добре! А на сели та по хуторахъ якъ воно?

М а р к о. Та де-яки хочъ и заразы: ѣе тутъ такихъ, що вже лучалось имъ спысамы ораты. Сотъ изъ пять вже й спысы мають, бо якъ застукавъ отой вражый ловчый Грыцька коваля, та винъ теперь у лиси вузню постановывъ, ниhto ѣе не знае де, та ѣе куде тамъ. Якъ бы пиднятысь, то, кажуть, и килькы тысячъ може бъ знайшлося парубкивъ по хуторахъ, такъ треба початы.

Д а н ы л о. Не можна теперь. Козаки вже мои, але нимцивъ у замку regimentъ, то не здержимо.

М а р к о. Щось ты, брате, смутный пеначе... Ну ёго къ бисовому батькови изъ замкомъ, треба почынаты! Не визьмешъ, то загономъ пидемъ по селахъ, або до Хмеля. Вже правда, що ѣе мени остогыдло у сираку вельчатысь та по городахъ ховатысь. Збирай надвирныхъ, та товариства тутъ ѣе вже чоловика зъ десять, та може ще яка сотня охочекомонныхъ буде, та ѣе гайда! А хто пишый, то нехай Хмель чекае.

Д а н ы л о. Якъ сюды насъ Хмель выправывъ, то треба сыдиты.

М а р к о. Про мене, Семене, абы я Иванъ *(дывитья у-ливо)*. А чога се Дигтяренкы сюды йдутъ? Уси зибралысь зъ хлопцями.

Д а н ы л о. То бувай... *(хоче йты)*.

М а р к о. Тривай, нема чога тикаты; нехай побачышь старого Оныська. Певне, що винъ тутъ полковныкуваты буде завзятый старый и поважають ёго у оwoлыци дуже. А що, папиръ добувъ?

Д а н ы л о *(выймае велькый папиръ, дае)*. А ось вже зъ тыждень тягаю. Якъ пылы зъ немецкымъ копытаномъ, то вкравъ у ёго. Гляды тилькы, якъ прыйде колы панъ-отець на раду... бо Богъ его святой знае, що тамъ напысано.

М а р к о *(розкрывае папиръ, дывитья)*. Не прыйде, боится старый, и людямы переказуе, щобъ мене не слухалы... Бачъ, ще ѣе добре якъ напысано, и печать ѣе *(ховае)*; а якъ треба буде прочытаты, то вже ѣе я буду пысьменный.

Я в а Ш.

(*Тижъ, злива увиходять Онысымъ, Павло и килькы парубкивъ*).

Марко. Добрыдень, панове громадо, зъ недилею васъ!

Голосъ. Спасыби... будьте й вы здорови, добрыдень...
поздоровъ Боже!

Марко. А добра, я бачу, озымына цѣго року!

Онысымъ. А ничего, хвалыты Бога.

Марко. Буде коло чого працюваты, та чы буде кому?

Онысымъ. Абы було коло чого, то буде й кому.

Марко. То добре; а якъ йе кому робыты, нема чого часу гаяты.

Онысымъ. Якъ дасы добру раду, козаче, то може хто й послухае.

Марко. Не треба, диду, рады даваты, а треба рады збираты.

Онысымъ. А то хто зъ тобою, козаче?

Марко. Козакъ щырый.

Онысымъ. Що козакывъ на аркани на панськый двиръ тягае?

Марко. Годи, диду! винъ Грыцька піймавъ, та винъ ёго й пустывъ а то высивъ бы й теперь Грыцько на майдани. (*До усихъ*). Огаманы—товарыство! не есть це сотныкъ надвирный, а есть це побратымъ мій вирный Даныло Татарчукъ, стеблѣвського курия товаришь, и того винъ теперь у замку лихамъ служыть, що якъ прыйде часъ, то й надвирни козаки до насъ прыйдуть, та зъ нами будутъ.

Голосъ. Спасыби добродію... щырый козакъ!.. запорожець!.. Ото добре!

Онысымъ (*до Даныла*). Просты, голубе! (*До всихъ*). Та що жъ, браття, довго ще намъ чекаты? Оце йдемо до церкви, помолымось та й гайда!

Даныло. До церкви йдете? Хыба Беркови хто грошы видавъ?

Павло. Ба ни; казалы, прыбигъ Берко сёгодня до панотця у ранци та й виддавъ ключы, каже, що грихъ ёму церкву Божу на оранди держаты, тымъ-то й служба сёгодня йе.

Марко (*голосно*). Панове козацтво, чы еказаты вамъ, що таке у свити Божому робытця, що вже й жыды про Бога згадалы?

Голосъ. Кажить... кажить, дядьку...

Марко. А те робытця, що вже высыпався Хмель зъ мишка, наробывъ ляхамъ шкоды, вже лежать ляхы выщирывшы зубы, жовтой водыци напывшысь, и йидять ихъ собаки и сирй вовкы (*пидыймае у-гору папиръ*). А оце вамъ, панове громадо, видъ пана гетмана славного вйська запорозького нyzового унйверсалы!

Голосъ. Щасты Боже... Невже?... Довго чекалы! Знову вильнымы козакамы будёмъ... Нехай жыве Богданъ Хмельныцькый, гетманъ запорожськый, на погыбель ляхамъ!

Марко. Якъ зъ церкви выйдемо, то въ старого Макогона у клуни оце вамъ и прочытаю.

Голосъ. Господы!.. Ще й пысьменный! Слава тоби Боже!

Онисымъ (*выходить напередъ уклоняется запорожцямъ*). Вельке вамъ спасыби, паны браття, за добру звыстку; не гайте теперъ часу, щобъ довелось и мени старому хочъ доты дожыты, колы князеви и кодлу ёго виддячу.

Павло. Гляды, брате, не квапця!

Онисымъ (*зъ мивомъ*). Що кажешъ, схаменысь! Добре тоби обережно ходыты, що твоихъ сынивъ на поли не повбывано, та зъ дочкою того не було, що зъ моею Олесею (*видвертається*). Ну, гараздъ: нема сына въ князя, але дочка йе... то вже моя буде (*Даныло здригається*).

Марко (*смiється*). А на що вона тоби старому?—подаруй. молодшымъ.

Онисымъ. Э, ни, моя буде... Кажуть, татары зъ Хмелемъ йдутъ. Щобъ тилькы давъ Господь старого собаку живцемъ узаты, щобъ и винъ побачывъ, яеъ дочку ёго на аркани поведуть, та побусурманять, щобъ и на цимъ и тымъ свити

спасення їй не було, а тоди вже... тоди можно буде й на ясного пана мылостывця червону сорочку надиты.

Голосъ. Добре, диду! що такъ, то такъ... треба швидче братысь. Та вже скоро, мабуть!

Даныло (*гостро*). Ну годи! Якъ до церкви йты, то йдуть, бо надйидуть сюды надвирни... не уси вони безпешни. Прощавайте!.. онъ чы не йидуть... щаслыво! (*уси помалу вклоняются Данылови и видходятъ у-право; Марко и Онысымъ попереду усихъ*).

Я в а ІХ.

Даныло (*дывытся у слидъ*). Боже жъ мій, Боже! Панно, зоре моя!

Я в а X.

Даныло и Марко. (*Зправа Марко, у руци видломаный кинецъ шабли*).

Марко (*крычыть направо по-за сцену*). Идуть самы, въ мене тутъ кинь ѳе у лиси приввязанный. (*До Даныла, показуючы шаблю*). А що воно за знакъ, брате?

Даныло. Шабля— не що.

Марко. Се й я, скажемъ, бачу, що не коса, але може скажешъ, якъ їи вломано?

Даныло. Дембинського се шабля.

Марко. Що не твоя, и те бачу, але не того мени треба. Вже будь ласкавъ, скажы, якъ ото їи перебыто? (*водыть рукою по лезу*). Дрова, може скажешъ, рубалы?

Даныло. Бывся винъ зо мною тутъ.

Марко. И це добре знаты: онде якъ траву вытолочылы! Та не того я до тебе повернувся.

Даныло. То якого-жъ дидька?

Марко. Оце вже спасыби, брате ридный, за щыру правду! Выдно, давно те було, явъ на Тавани шаблями минялсь,

братамы стали, поручь рубалысь, усяке лыхо й усе добре бачылы, а теперь навить важко тоби й слово щыре до побратыма промовыты (*сердыто*). Що туть наробывъ? Що то, жарты тоби, що на шляхтыча шаблю выйнявъ? Пизналы тебе, може? То на що пустывъ жывого?

Д а н ы л о. Панна була отуть та обороныла, промижь шабель такъ и кынулася.

М а р к о. То обохъ було зарубаты.

Д а н ы л о. Кого!? сказывся!? за що жь ии бидну, чымъ вона вынна?

М а р к о (*пауза, поглядае на ея по воли*). Чымъ, кажешъ вынна?.. Такъ... Чуешъ, брате Даныло, чудный ты сёгодня, ляхивъ жалуешъ... Але не забувай, голубе, що якъ пизналы, хто ты такый, то не твоя тилькы голова ляже, а й товариства чымало; та й люде ти, що оце до церкви пишлы, то може ще сёгодня ихъ нимци на майдани вырижуть. Теперь або тоби тикаты, або заразь за спысы братысь... а мовчышь, то бувай здоровъ! (*хоче йти*).

Д а н ы л о. Тривай, брате... Усе йиднаково, мавъ тоби сказаты... Просты мене! Мабуть гришныкъ я великый, чы може батько въ мене такый, бо й не знаю, хто винъ бувъ, що покаравъ мене такъ Господь... Не пизнають мене! Хочь бы й жылы тягнулы, не буде того, щобъ я тоби зрадывъ и товариству. Але покохавъ я панну и не могу теперь звидцы йты.

М а р к о. Ото божевильный! То оце, може, й бився за неи?! То мерщій тикай до обову. Чы хочешъ подывытысь, чы висока шыбеныця въ князя?

Д а н ы л о. Не бійсь, мовчатымутъ, бо сами воны, мабуть, видь князя ховаются, а якъ ни—байдуже: не могу я ии Дигтиренкови покынуты!

М а р к о. Добре, добре... дуже цикаво, а що зъ того дали буде? Кажы!

Д а н ы л о. Багато говорыты, та нема чого слухаты.

М а р к о. Мабуть, скоро старостивъ будешъ до князя засылаты? Мене попросышь?

Д а н ы л о. А скоро вже, мабуть, підемо з старостами, и чымало ихъ буде, и весилля зробимо гучве, щобъ багато такъ впылысь, щобъ не повставалы... Не смійся тилькы, брате, зъ мого лыха.

М а р к о (*поважно*). Ни, це вже, бачу, не жарты тоби. Але що жъ дали робытимешъ?

Д а н ы л о. Поможешъ мени—у зымивныкъ завезу до старого Кажана.

М а р к о. Такъ, и вже й самъ оселю заведешъ, вивчаремъ зробышся, а товариство славне и Сичъ-маты то нехай и такъ будуть, а за Марка то й гадкы немає!

Д а н ы л о. Не гнивайся, брате! Богъ ёго святой знае, яке ще пиво буде зъ того хмелю. Але не на те я ии бидну рятувавъ, щобъ Оныськови на помсту, а татарви на ганьбу виддаты. Теперь тебе маю просыты: якъ щырый ты мени побратымъ, перекажы братчыкамъ, що якъ будемъ замку добуваты, щобъ за мною йшлы; вже буду знаты, кудою весты, щобъ я ии узавъ, а не хто другой.

М а р к о. Та чомъ не сказаты, стари товаришы—не зрадыть... Ой, Даныло, Даныло!—тебе жъ за куриноного мало не обралы, тилькы що до Крыму зъ Хмелемъ тебе понесло, якъ вмеръ Покотыло... Та що тоби казаты! Не поможе... бачывъ я вже, чымало ковакивъ добрыхъ (*махае рукою*)... Мабуть ще мало лыха у свити, то Господь ще бабу сотворывъ... Ну, гараздъ... Усе зроблю, якъ хочешъ... Якъ бы не ты, сидивъ-бы я доси у Лубнахъ на пали, та выглядавъ, звидкы витерь віе... Не бійсь вже, визьме облызня Онысько.

Д а н ы л о. Спасыби, брате... Отъ и надвирни и ляшка зъ нмы... Вельке тоби спасыби... Ну, бувай (*видходыть у-право*).

М а р к о. Бувай! (*поглядае у слидъ*). Гей, и казавъ я тоби Даныло, якъ ще зъ Сичы выйизжалы та Змійчукъ спиткнувся,—вернысь брате! Не послухавъ! (*Махае рукою, видходыть у улыбыну сцены за дерева*).

Д І Я ІІ.

Оджина перша.

Понеділокъ. Замкове подвір'я. Наливо чоло палацу; велики двери. Передъ дверима ганокъ, на ёму лавы, верты кылымамы. Сходци на сцену. Зправа въ глыбни вежа; коло дверей деревяный ослинъ. Въ глыбни сцены высокій шанецъ, по котрому колы-не-колы проходыть вартовый нимецъ, зъ-за палацу видходыть за вежу и знову назадъ. На авансцени зъ правого боку садокъ.

На ослони, коло вежи, Рамберъ и Даныло зъ кубкамы у рукахъ; промижъ нмы на ослони джанъ. Розмовляючы пьютъ, налять люльки, изъ дверей палацу колы-не-колы выбигають пахолкы и бижать або у-право, промижъ садкомъ и вежою, або у-ливо по-за палаць.

Я в а І.

Даныло и Рамберъ.

Рамберъ. А ну бо, пане сотныку, пьешъ, та не веселый. Медъ добрый, пиймо. Чы до пава каштеляна у обозъ хочется? Тамъ теперъ наша гусарыя, мабутъ, добру венгжыну тягне!

Даныло. Отакъ бы я той венгжыны нанывся, якъ и ты, пане Жылю.

Рамберъ. А кажешъ ни? То тильки отутъ у замку панцернымы кирпу деруть, а якъ табору запорозьского добувати треба, то й мени нызько вклоянтся, а якъ языка треба, або йсты нема чого у обози, то не бійсь, воны тоди й сотныка Даныла братомъ назовуть. Бувъ и зъ нмы пидъ Кумейкамы, та й де я не бувъ!

Даныло. А вписля?

Рамберъ (*сміється*). Ну, то вже друга ричъ... Кречовского полковныка чыгырынського знаешъ?

Даныло. Чувъ.

Рамберъ. То вже два роки, якъ ото Мустафа-ага до Тясмыну прыходывъ, то винъ зъ походу повернувся, дуже смі-
явся: „закимъ, повидае, на татарву йшли, то ще добре було, а
якъ до-дому поверталысь, то такъ закурылы попереду панцерни
товарыши, що й продыхнуты не можно було (*сміются*). Ще за
це слово зъ паномъ Оджывольськымъ шаблямы былысь.

Даныло. Ну, не такъ воно й легко проты гусары у
поли.

Рамберъ (*усмихається*). А ты звидкы знаєшь?

Даныло. А хыба я не чувъ? (*нѣ*).

Рамберъ. А я то й самъ такы бачывъ и тилькы те
тоби скажу, що якъ здуріе Хмель та скаже гетманамъ, що
ось вамъ поле и на цимъ поли завтра у-ранци васъ чекатыму,
то погана буде ёго справа; але на війни не такъ робытся; ты,
мабуть, того не чувъ, пане Даныло, бидный невольныку, тилькы
й знаєшь, що за панною пахоломъ йяздыты... Пыймо! (*сміет-
ся; ньють*).

Даныло. Але-жъ не може того буты, щобъ не побылы
гетьманы Хмеля.

Рамберъ. Хто те може знаты! Отъ якъ-бы гетьманомъ
короннымъ, та не панъ Мыколай Потоцькый, а панъ Жыль
Рамберъ, то було-бъ запорозцямъ, що до новыхъ виныкывъ
памъяталы бъ.

Даныло (*усмихається*). Який ты, бачу, хытрый на голову.

Рамберъ. А такый, що немає у свити а ни замку та-
кого высового, а ни панны такой гордой, щобъ не узавъ,
колы схочу!

Даныло (*неймовирно*). То вже теревени!

Рамберъ (*поважно, крутить вуса*). Не вирышь? Моло-
дый ще ты, козаче. Може колы трапытся тоби у Кагори бу-
ваты, то спытай, хто такый Жыль Рамберъ, то й мала дытына
тоби скаже, що бувъ тамъ такый аркебузьерь, що уси кули
видъ ёго видвертало, а усихъ дивчатъ привертало!

Даныло. То ты й характерныкъ?

Рамберъ. Характерныкъ?.. а вже-жъ; ось бачышь (*выймае ладанку*): якъ оце носыты, усяка дивка тебе покохае, тилькы схочешъ.

Даныло (*хутко бере, дывытса*). Усяка, кажешъ... и шляхтянка?

Рамберъ. Хочъ королева.

Даныло. А шо... пане Жылю... якъ бы за ци чары... га?

Рамберъ. То ты бъ шо давъ, чы шо?

Даныло (*выймае зъ-за халавы кинджалъ увесь у самошитахъ, дае Рамберови*). А ось хочъ бы й цѣго запоясныка.

Рамберъ. Sacrebleu! та чы видаешъ, пане Даныло, щобъ за ци каминня далы жыды у Амстердамы?

Даныло. Це, скажемъ, шо не знаю, бо тамъ не бувъ, але такъ миркую, шо не носывъ бы Ора-бей переконськый чортъ-зна чого за поясомъ; ще подывысь, якъ загартованый. А якъ скажешъ, шо не вартъ минятсы, то ще пистолы въ мене йе турецькы у срибли и бьютъ добре.

Рамберъ. Ma foi! та й бравый ты кавалеръ, пане сотныку! (*поглядае на ёго*)... Беры соби за кинджалъ... Пыймо! (*нальвае кубкы*). Отъ меду вже немає... Здравье пана!

Даныло. Здравье пава! (*пьютъ*).

Рамберъ. Добрый ты жовниръ, козаче (*здіймае зъ шыи другу ладанку*). Чекай лышень, буде ще тоби видъ мене добра памятка, оце ще носы (*дае Данылови*).

Даныло. А шо се?

Рамберъ. А се не грихъ и носыты. Бернардынъ святый колысь напысавъ мени у Рыми и чытавъ, шо напысано: hoc est meum corpus. Не розуміешъ?

Даныло. Ни. (*Зправа чуты сурму*).

Рамберъ. Значыть „оце мое тило“, и якъ це носыты, усяка куля мынае; вже литъ мало не трыдцять, якъ не здіймавъ, и ось якъ бачышь спысомъ тилькы добре у биеъ загородылы, ще у Ла-Рошели, та ото якъ Байранъ-Казы до замку идступавъ, то вже рокивъ изъ пять, то стрилою (*вказуе плече*).

Ну, бывало часомъ, що де-не-де шкуру латалы, то то жарты; а щобъ кулею, то николы.

Даныло (*дывиться на ладанку*). Не помога, выходыть, проты зализа?

Рамберъ. А протє беры, кажу, тоби згодытєся (*смієтєся*). Добрый ты кавалеръ и молодшый за мене, то згодятєся тоби обыдва.

Я в а П.

(*Зправа Дмитрыхъ*).

Дитрыхъ. Панє копытанє, ротмыстръ до пана князя видъ гетьмана.

Рамберъ. Diable! Може на ганку прийматы буде? (*до Дмитрыха*). Бижы до пана Вацлава. (*Дитрыхъ бижыть у палацъ, пахолъ входыть зправа*).

Рамберъ (*до пахола*). А ну швыдко, хлопче, забирай кубкы, та у ту бапту, що коло брамы. (*Пахолъ бере кубкы и джбанъ, бижыть у-право; до Даныла*). Прыходъ незабаромъ до брамы, та ще выпьемо; Гильфельдъ повиненъ скоро буты. (*Бижыть у-право, Даныло выходыть на авансцену, надиває обыдвє ладанкы*

Я в а Ш.

Даныло (*одынъ*). Ну, може й грихъ воно, що бернардынъ вражый пысавъ, але нехай Богъ простыть (*здыймає шапку пидносыть руку, опускає*). Ни, не треба... ще пропадутъ чары... Нехай!

Я в а IV.

(*На ганокъ выходыть зъ палацу князь Романъ, Ядвына пиддержує ёго, за нымы Янъ и маршалокъ, позаду два пахолы. Князь сидає на лаву. Ядвына стає коло ёго, други позаду, пахолы коло одвиркивъ*).

Князь. Гей, Даныло, поставь тамъ кого за баштою, щобъ сюдою не вешталысь (*Даныло уклоняется, видходыть у-право*). Оце, пане Яне, прыйхавъ до мене ротмыстръ зъ лыстомъ видь гетьмана, панъ Крыштофъ Корецькый, та я казавъ, щобъ сюды вель просто. Може, сёгодні й побенькетуемъ, панове, бо я просывъ пана каштеляна, щобъ мени давъ звистку заразь, якъ буде выкторыя, а вже якъ буде вертатысь, то щобъ Княжою Крынцы не мынавъ. (*Входыть зправа Корецькый, за нимъ Рамбергъ, стае коло сходцивъ; князь махае Рамберови, той видходыть у-право; Корецькый входыть на ганокъ, виддае лыста*).

Корецькый. Видь пана воеводы черныговського лысть (*видступае*).

Князь. Памыятаю добре пана Крыштофа (*сидает, розпечатуе лыста*). Видь пана Мартына лысть, а панъ гетьманъ коронный ничого мене й не пыше?

Корецькый. Вельке нещастя зъ паномъ гетманомъ короннымъ.

Князь. Що-жь тамъ, Маты Божа? (*тре очи*). Отъ не бачу, старый; чытай Ясю!

Янъ (*бере лыста, чытае*). Мосци князю, мій пане й брате! Видь начала тепрогит лучается, що середь пшевыци буває кукиль, и мылосердіе Боже попуцае нещастю людському. И теперь попустывъ Господь, що хлопське лукавство й зухвальство ще доси не есть покарано, а навить може теперь надъ геі publicaе гоноромъ згнуцатысь, бо видномо намъ учынылось, що лыцарсьтву Речи Посполытой пидъ Жовтымы Водамы видь татаръ и харцызивъ запорозькыхъ прыйшлося быты повоёвану...

Князь. Маты Пресвята!

Ядвыга. Ой Боже!

Янъ (*чытае далі*) ...и навить самъ панъ Потоцькый junior або вбытый есть, або captivus, бо ніякои звистки доси не маемо. И за-для того по старому прыятельству и знаючы добре, що вашмосць завжды бувъ de re publica meritis, и теперь уси панцерни корогвы и драгонію до пана гетьмана ко-

роннаго у обозъ приславъ, то й я зъ суплыкацією до пана обертаюсь, що хоча й numero et virtute лицарства Речи Посполитій дуже contentus, але пам'ятаючи, що Mars duplex буває, прошю якъ найскорійше до васъ у обозъ реґиментъ Крейца прислати, у якимъ реґименти вашої мосци, мабуть, потреби не має. И якъ буде вашої мосци ласка, то прислати ёго зъ особливимъ вашої мосци листомъ, щобъ отой реґиментъ до власного мого полку мавъ пристати, бо якъ сами вашмосць повинни добре знати, велики нелади въ мене завжди зъ паномъ гетьманомъ короннимъ бувають. Чоломъ бью вашій княжескій мосци. Зъ обозу пидъ Черкасами, сёго року Божого тысяча шістьсотъ сорокъ восьмого, квітня 23-го. Вашої мосци слуга Мартынъ Калыновський, воевода черныговський, гетьманъ польный (*уклоняется, виддає листъ князеві*).

Князь (*успає*). То за грихи нашы кара Божа! Пане Вацлаве, панъ Крейць у замку?

Маршалокъ. На передзамчу, вашмосць. Сёгодні пана Рамбера компанія у замку.

Князь. Якъ буде пана ласка, треба, щобъ хто заразъ по пана Крейца побигъ. Нехай бере Майделя, Костку, Гильфельда и Валля, щобъ заразъ у походъ збиралысь; чого буде треба, нехай панъ зробить и до пана пидскарбія обернется. Рамберова компанія у замку буде, а козаки на передзамчу; (*маха рукою, маршалокъ уклоняется, видходить у палацъ до Корецького*). А пана Крыштофа маю просыгы, щобъ листъ видъ мене узявъ до пана воеводы (*Корецький уклоняется*). Пиду до покою... Велике нещастя!.. Ядвыго, панъ ротмыстръ чоловікъ подорожній, то вже приймай! Нехай выбачить бидну шляхецьку хату (*Корецький уклоняется*); хлиба-соли нехай не цурається; може й панъ Янъ буде ласкавий, та тобі поможе (*уклоны; князь видходить у палацъ, спыраючысь на пахола, дрыгый пахолъ ззаду*).

Я в а VI.

Тижъ, безъ князя ѱ нахоливъ.

Янъ. И що то ёго мосць выгадавъ! Одынъ региментъ zostався, та й той посылае?

Ядвыга. А ще жъ йидна компанія zostается и козаки.

Янъ. Бійся Бога, панно! нехай пожалуе панъ князь себе и панну: яка жъ на тихъ хлопивъ надія?—ще й сотныкомъ той, що...

Ядвыга (*показуе на мылахъ, щобъ мовчавъ; весело*). Але й лыцарь панъ молодой полковныкъ! Коли пану такъ небезпешно у Бняжій Крынци, то нехай у Оративку йиде, або у Переяславъ. Чы уси таки и у вйску, пане Крыштофъ?

Янъ (*зъ запаломъ*). Панъ Крыштофъ старый жовниръ, ёму не соромъ буде правду казаты.

Корецькый. А панъ де полковныкомъ?

Янъ. У Переяславськимъ полку.

Корецькый (*уклоняется*). Не знаю, якъ воно на Заднипровьи, бо князь Ярема великый воинъ, але що въ насъ робытся, то якъ бы мене слытавъ ёго мосць, то те бь саме по-видавъ, що й панъ полковныкъ.

Ядвыга (*весело*). Маешъ пане помичъ у пани Крыштофови, але може якъ пана ротмыстра почастью зъ дороги, то панъ повеселишае. Приходьте, панове, згодомъ до покою (*видходять у палацъ; Янъ и Корецькый уклоняются*).

Я в а VII.

Янъ и Корецькый.

Янъ. А якый, пане ротмыстру, шумог у вйську?

Корецькый. А то якъ у кого: йе, що бенькетують вже недели зо дви у Черкасахъ та похваляються, що запорожцивъ нагаямы поженуть, а шабли у табори покынуть... а йе й инши.

Я нъ. А за Хмельницького що чуты?

Корецькый (*понура*). А якъ панъ хоче те знаты, то нехай по усихъ усюдахъ пытае, тилькы не у нашому обози. Вирышь, пане, що ничого не знаемо? Хочъ бы йидного доброго шпыга послаты, такъ ни! Жалуе, бачъ, панъ гетьманъ дукатамы, усе по языка посилае, кони тилькы помучылы й людей, та усе гусарыю, бо якъ пиде легка корогва, то вrostичъ идуть до Хмеля вляти хлопы. А якъ спіймаешъ языка—та ще спіймай ёго запорожця панцернымы—то отакъ, якъ на тымъ тыжни, усю шкуру зъ харпыза злупылы, а винъ свое бреше, що двадцять тысячь козакивъ у Хмеля, и Тугай-бей перекопськый, и билгородци сорокъ тысячь орды, и хана самого отъ-отъ чекають. Та якъ почувы це въ насъ, то зъ каневського й чыгырынського полку вже й йидного козака у обози не мае... А прыбигъ бувъ до гетьмана вйть зъ Кленовой, та просивъ, щобъ заступывся, плакавъ, що татаре ёго жинку узялы и хату спалылы, та цылый день ходывъ по обози, а у-ночи счезъ. Колы на другый день звидты жъ саме жыдъ прыйхавъ; ёго пытаты—а винъ божится, що татаръ и не було, а за того войта казавъ, що не було ёго на сели вже зъ тыждень; чы не до Хмеля йиздывъ. Послалы туды заразъ корогву панцерну, та якъ оточылы ии хлопы саме на гребли, то зъ тои корогвы повернулысь позавчора у обозъ тры товаришы та пьятнадцять шереговыхъ... Отъ що, пане, у вйську робытся.

Я нъ. Якъ бы на мене, то пйшовъ бы заразъ зъ панцернымы на запорожцивъ! Не сыдивъ бы у Черкасахъ, докы уси хлопы пидймутся!

Корецькый (*понура*). Такъ и хоче панъ Мартынъ, та що зробышь? Якъ що скаже, то заразъ панъ гетманъ коронный: „колы ксёндзъ, каже, у парафіи, то викарый мовчы!“—а самъ бенькетуе, вже ажъ опухъ. (*Стыха*). А у середу опивночы волоськои корогвы вартови огненный мечъ бачылы на неби и одрубаны головы.

Я нъ (*тежъ стыха*). А у якій сторони?

Корецькый (*маха рукою*). Надъ обозомъ просто.

Я н ъ (*хыта головою*). Ходимъ! панна до покою просыла.
(*видходятъ у палацъ*).

Ява VІІІ.

(*Зправа входятъ Рамбергъ и Даныло*).

Рамбергъ. Нема чого журытысь, пане Даныло. Така наша доля жовнирська, що не вгадаешъ, де лучче. Перве дило, що венгжину у обози вже мабуть усю выпылы, то будуть наши молодци може ще й водычку пыты; а що здобутысь, то зъ запорожца хыба якъ зъ святого турецького; а що на печи лежаты докучыло, то ще побачышь, що може й намъ не прийдется... Пивтораста чоловика зъ твоими пьяныцями, та сей замокъ и предзамковья бороныты!.. Чекай, якъ зберуть хлопы добрый загинь, то буде й намъ чубъ мокрый. То поставъ заразъ вартовыхъ по валахъ, та нехай добре гармать пыльнують, щобъ не поворожывъ коло ихъ якый чортяка. А я вже у замку буду (*иде у башту, на порози обертається*). Теперь, пане сотныку, якый медъ тутъ у замку йе та плахты, то тилькы намъ зъ тобою! (*сміється, иде у башту. Колы почынае говорыты, здалеки чуты, якъ на предзамку бють у тулумбасъ, потимъ у другый, тихше, у третій ще тихше*).

Ява ІХ.

Даныло (*иденъ, потимъ осаулъ*). Радіе немецъ, биды не чые... Радивъ бы й я, ще й не такъ... та покаравъ мене Господь за грихы (*зправа осаулъ*).

Осаулъ. А що, нимци сёгодні йдуть?

Даныло. Може й сёгодні.

Осаулъ. Тилькы шкода, пане отамане, що не мы будемъ у замку. Переказувавъ Марко, що якъ будуть за спысы братысь, то комусь треба коло замку гасло даты, щобъ зъ насъ тутъ кого не застуканы. Бильше за тебе боится.

Даныло. А гасло яке?

Осауль. Гукнуты треба, що въ Макогона на гармани горыть.

Даныло. Добре. Казавъ усимъ?

Осауль. Казавъ.

Даныло. То йды заразы, вартowychъ розведы, та щобъ добре брамы пыльнували и по валахъ, щобъ не подався який дидько у обозъ, якъ замокъ оточымо.

Осауль. Гараздъ! Добре це знаемо (*видходять обыдва управо*).

Ява X.

(*Зъ палацу выходыть Ядвыга, за нею Янъ*).

Ядвыга. Якъ мае панъ Янъ отакъ коло мене сумуваты, то нехай хочъ и заразы до Переяславу йиде, а не то що у-завтра.

Янъ. Не хоче павна вируты, що сердце болыть отакъ ии помынуты: ще пидіймутся хлопы, то що буде?

Ядвыга (*замыслена*). Не бійсь за мене, Ясю! Ничого хлопы замку не вдіють; пойидешъ до князя Яремы, лыцарськои славы добудешъ, тоди вже й татови можно буде вкленытысь.

Янъ (*вдаряя по шаблѣ*). Ну, нехай же стережутся козаки и хлопы, буде имъ!

Ядвыга. Жаль мени ихъ дуже, Ясю; не на такую бъ вѣйну я тебе выправыла. Хочъ и не дивоче це дило, але дай мени, Ясю, слово лыцарське, що не будешъ ты зъ хлопамы того выробляты, що я бачыла, якъ ще малою була... Не дай Боже, щобъ прыйшлося ще разъ побачыты! (*здрѣається*).

Янъ. Дуже добре сердце въ панны и не знае вона, що то за народъ клятый!

Ядвыга (*незадоволена*). Отакъ уси кажутъ, а чого вони косы берутъ, чого йдутъ на погыбель свою, чого имъ треба? Нихто того сказаты не може, а скылькы пытала! Нызовци, оти гультаи, мабутъ и имъ спокую не дають. Хочъ бы у Крымъ ихъ вагналы чы що, то й тыхо було бъ!

Янъ. Але тоди не бувъ бы я полковныкомъ!

Я двыга (*сміється*). Справди! то чого жъ, пане, смутный ходышь? Подывввся бъ хочъ на пана Рамбера, ото кавалерь! Походь—то добре ёму, нема походу—ще краще; хочъ бы ёго сёгодня побачыты, може бъ посміялась.

Я нъ (*поглядае на Ядвыгу*). Не кохае никого панъ Рамберъ, то ёму й легко.

Я двыга. Ото такъ! Ще мабутъ бильше видъ пана!

Я нъ. Кого жъ то такъ?

Я двыга Я й пытала ёго колысь, то казавъ, що завжды зъ якою панною размовляе, то у неи й закоханий (*обоє сміються*).

Я нъ. Бувь бы й я веселый, щобъ хочъ заразъ мени зъ паномъ Рамберомъ долею поминятысь.

Я двыга. Що бъ вже бувь вусъ сывый у пана, та нимцивъ компанія, та палашъ пры боци и бильшь ничего у свити?

Я нъ. (*зъ запаломъ*). Що бъ зъ тобою, панно моя, зостатысь, тебе бороныты, голову зложыты.

Я двыга (*незадоволена видступае*). Та що то справди? Ще наврочыть панъ!.. Неначе безъ пана и вйсьеа тутъ немає?.. А що панъ Крыштофъ ничего пану не казавъ за нашу гусарыю, якъ имъ у обози?

Я нъ. Ничого, не объ тимъ ричъ була.

Я двыга. Тереза усе по покояхъ якъ на варти ходыть, мабутъ, хоче ротмистра побачыты, щобъ пану Станиславу яку звистку дати.

Я нъ. Щасливый панъ Станиславъ, а я якъ пойду, то чы буде хто за мною журытысь?

Я двыга. Не знаю.

Я нъ. А я такы знаю йидву пану у замку, що може хочъ трохы посумуе.

Я двыга. Хто жъ то?.. Ніякъ не вгадаю..

Я нъ (*пидступае стыха*). А сказаты панни?

Я двыга (*видступае*). Тато йдуть! (*На кланокъ выходыть князь, спыраючысь на пахола, сидае на лаву; пахолъ стае коло одвирка*).

Ява ХІ.

Тижъ и князь.

Князь. А що панъ Крыштофъ?

Янъ. Втомывся дуже, заразъ пійшовъ видпочыты, просывь що якъ буде вашмосци ласка, щобъ сёгодня у вечери рушаты дозволили холодкомъ, бо пихоти легше.

Князь. Добрый жовниръ, себе не жалуе. Якъ бы не лита та не подагра, то й я бъ...

Ядвыга (*сміється*). Та куды вже вамъ, татуню! Огъ выгадали на старисты!

Князь (*поглядае на Яна*). Не зъ мене бъ треба сміятись, доню, а зъ иншыхъ кавалеривъ, що зъ соколамы гасаты та зъ паннамы спиваты добре знають, а якъ треба у поле выйты, то тоди тилькы на коня сидають, якъ посполыте рушення мылостывый панъ король обявыть и вже безъ инфаміи вдома сидиты не можна.

Янъ (*ступае крокъ упередъ*). Дозволь мосци князю слово сказаты (*князь кывае*). Сёгодня мавъ вашмосци сказаты, що позавчора повернувся я зъ Лубенъ, що дуже мене тамъ привитавъ князь воевода й давъ мени лысть до пана комысара війська запорожського, а панъ Мыколай полкъ мени давъ козацькый и взавтра мени треба до Переяславу йхаты.

Князь (*устае, обіймае Яна*). Просты мене, Ясю, старого! то мене пана Мартына лысть вразывъ; просты (*усмихається*), мосци полковныку! я жъ тебе завжды якъ сына любывъ и щыро за тебе радый (*весело*). Тенерь треба венгжыны выпыты до пана полковныка за выкторію надъ ворогамы и за ту панну, що винъ мабутъ скоро у Оративку приведе (*плеще у долони, пахолъ стае передъ нымъ*). До пидчашого, щобъ венгжыны столитнён заразы! (*пахолъ бижыть у палацъ*).

Янъ (*зворушений*). Панъ князь мени завжды бувъ мылостывецъ, то маю надію, що й якъ свататысь буду, то допоможе.

Князь. Зъ дорогою душею; самъ сватомъ пойиду.

Янъ. По смерть буду вдячный пану добродію и слово даю, що не соромъ буде вашмосци за мене сватомъ буты, бо хочъ бідный я шляхтычъ, але ось війна почалась—або старостою буду, або зъ війська не повернусь.

Ядвыга. Бійся Бога, пане Яне, що выгадуешь!

Князь. Ничого, доню, не вдіешъ; такий и батько пана бувъ, завзятый старый... Колысь мы зъ нымъ... э, чого згадуваты! не вернется... А за тебе хочъ у Варшаву пойиду до сенаторської дочки.

Янъ. Недалечко мосци князю й йихаты прыйдется.

Князь (*сміється*). Добре, що зухъ такий молодой полковныкъ часу не гаявъ; мени старому то ще краще (*зъ палуцу пахоль несе кубокъ на блюди, за нымъ підчашій зъ пляшкою, на канку наливае кубокъ, пахоль підносить до князя, князь устает, підіймае кубокъ*). Здоровье пана полковныка! (*Янъ уклоняется*).

З а в и с а.

Д І Я ІІ.

Одмина друга.

(Вивторокъ уранци. Лаштунки ти жъ сами. Даныло сыдыть на ослони коло башты зправа, входятъ осауль).

Я в а І.

Даныло. Не выходывъ ще князь. Нехай хлопци коней коло брамы на поводи тримають,—може скоро пойидемъ.

Осауль. На підйиздъ, мабутъ, посылае?

Даныло. Мабутъ (*усмихається*). Багато довидається. Хыба Дембинський схоче пойихаты, то той може що побачыть.

Осауль. Якъ козамъ рогы правлять... Та й зъ цимы чого чекаты? Хочъ заравъ до гарматъ: вже нимци не почують.

Д а н ы л о. Якъ Марко скаже та Онисько,—винъ тутъ полковникомъ. Гайда до брамы! (*осаулъ видходыть направо*). Ой скоро вже почнетъся... и що зъ того буде!? Що ёго робыты!? (*замыслывся*).

Ява II.

(*Ядвигла выходыть на кланокъ, обертається, говорыть у сини; Даныло устае, здѣймае шапку*).

Ядвигла. А панъ Янъ ще спыть?

Г о л о с ь (*зъ синей*). Ни, сыдять зъ паномъ княземъ у дальнимъ покои.

Ядвигла (*на бижъ*). Ото добре, пане Яне: обцявсья зрання на кранку чекаты, у садокъ питы. (*Голосно*). Не треба ничого казаты, а нехай панна Тереза у садокъ прыйде, тилькы не сюдою (*обертається, Даныло уклоняється*). Добрыдень, пане сотнику, а йдите лышень вашець сюды... блыжче, блыжче (*Даныло пидходыть до схидцивъ*). Ядвигла (*жартовливо суворо*). Я ще й не бачыла вацпана зъ позавчорашнего, може й сѣгодня сердытый, може й на мене заразъ шаблю выймешь?... кажы, чого мовчышь?... Ну!

Д а н ы л о. Грихъ, ясна панно, такъ казаты... Щыро я служу... и служывъ бы панни докы свита сонця.

Ядвигла. Отакъ щыро панамъ служышь, що зъ шаблюю выдаешся?

Д а н ы л о. Адже сама ясна панна казала мени по воду бигты... Зустрився той панъ... вылаявъ мене, зъ шаблюю вынудся... Я жъ панни слуга, а не пана Дембинського.

Ядвигла. Ачъ гоноровытый якый! Гляды, козаче, якъ не будешъ шыю гнуты, то зломаешъ хутко! (*не жартуючы*). Щаслывый ты дуже, що гниватысь довго не можу, а якъ бы хочъ заразъ пишла, та пану князеви за тебе сказала, що бъ тобі було?... кажы!...

Д а н ы л о (*мовчыть, усе дывытья на неѣ*).

Я двыга (*тупае*). Чомъ языка не ровъяжешъ!? Кажы за-разъ, отъ упартый!

Даныло (*спокойно*). Повисылы бѣ мабутъ, чы що.

Я двыга (*сплеснувши руками*). Чы ты такы божевильный, чы вже зранку п'яный! Повисылы бѣ, каже, и байдуже ёму! (*поважно*). Тоби воно дурному може й байдуже, а мени шкода було бѣ тебе, бо вирный слуга и добрый, и ще за те тебе люблю, що видъ смерти мене порятувавъ.

Даныло (*берется за ладанку*). Що? що кажешъ, панно моя?!... Що порятувавъ, то...

Я двыга. Не розуміешъ? люблю тебе, що служишъ добре...

Даныло (*хапае за руки хутко*). Панно, ясочео моя, люблю тебе, згину за тебе... покохай мене... увесь свить и Сичь...

Я двыга (*сыжуется вырватися*). Що? що? Збожеволивъ хлопъ мерзевый, цыганъ, прыблуда!

Даныло. Не хлопъ... не цыганъ... козакъ запорозькый...

Я двыга. Бунтаръ, гайдамака! Рятуйте! (*Даныло пускае ии, вона бижыть у палацъ*).

Даныло (*мовчыть, дали скажено*). Збрехавъ нимецъ про-клятый, зрадывъ!.. Що жъ теперь?!.. (*видскакуе на середъ сиены, гука*). Въ Макогона горыть! (*бижыть направо, за кономъ ёго голосъ*). На коней! (*Килько голосивъ за кономъ*). Въ Макогона горыть! (*Тупотять кони, свыстятъ и гукають на коней*).

Ява III.

(*Зъ баиты выбига Рамбергъ; зъ палацу, зъ-за палацу и зправа, зъ-за саду выбигаютъ пахолы и килькы нимцивъ*).

Рамбергъ (*хапае пахола за комиръ*). Halt! (*уси зупы-няются*). Sacrebleu! ты гукавъ? Де горыть?

Пахолъ (*переляканный*). Не знаю, пане!

Рамбергъ (*трусить ёго*). Чого жъ гвалтуешъ? mille diables!

Пахолъ. То козаки гукалы.

Рамберъ. Яки козаки, сапайле!?

Пахолъ. Пана сотныкя козаки; булы отуть воло брамы, падалы на коней тай подались на передзамча.

Рамберъ (*пускае пахола, бижыть на шанецъ, пахолы зтыха гомонять промижъ себе по куткакъ, нимци видходять управо*). Ну, ще якъ тамъ, то ничего (*на шаницы*)... Де жъ воно горыть?... Скачуть черезъ майданъ... сотныкъ шаблюю маха... Пойихалы за схызмацьку церьву, сховались.. Ничого не бачу... Що воно таке?.. (*здымае плечыма*). Якъ повернется сотныкъ, то будемъ знаты.. а про те покы що (*гука*). Гей Дитрыхъ?

Дитрыхъ (*выходыть зъ башты*). Нег!

Рамберъ. Брамү зачыныты и десять чоловика зъ мушке-тамы (*зходыть зъ шаниця, гука до вартowego, що на шаницы*). Маеъ-Найль!

Нимецъ (*выходыть зъ-за палацу на шаницы*). Нег!

Рамберъ (*на подвирьы*). Якъ що побачынгъ, що горыть, чы що, то гукны заразъ (*йде до башты, сидае на ослонци*). Щось сёгодня спозарання гвалтують, чы не буде чого.

Ява VI.

Тижъ, Янъ, дам Ядвына.

Янъ (*выбигае зъ палацу безъ шапки, зъ шаблюю у руци, поглянувши навкругъ, гука скажено*). Де Даныло? сотныкъ де?

Пахолъ. Ось заразъ побигъ зъ брамы и козаки зъ нымъ, пане.

Янъ. Коня! (*тупае*). Мыттю! (*пахолъ бижыть управо*). Пистоли варазъ мени!... у покою! (*маха рукою на другого пахола, той бижыть у палацъ, зъ палацу выбигае Ядвына*).

Ядвыга. Ясю, куды? Ясю! (*пидбигае, хапае за руку*). Куды побигъ!?

Янъ (*зворушений*). Панна ще пытае!? Та за тымъ гультьемъ, хлопомъ зухвалымъ.

Ядвыга (*хутко*). Не треба, не треба, покыны!

Янъ (*видступае, Ядвыга усе держыць за руку*). Якъ то!? Щобъ отакъ ёго пустыты!

Ядвыга (*хутко*). Боюсь, боюсь... нехай хто другой... козакы... та ни, не треба... Побигъ и не вернется... Нехай соби... Тилькы ты, Ясю... ну на що тоби!?

Янъ (*скажэно*) Ни, я не послухаю (*ука*). Коня!

Пахолъ (*выбиае зправа, вказуе рукою направо*). Заразь сидляють, пане, тилькы браму нимци зачынылы й вартують.

Ядвыга (*до Рамбера*). Пане Рамберъ!

Рамберъ (*зъ того часу, якъ выбыла Ядвыга, стоить, трыма капелюхъ у руци; на ёе слово уклоняется*). Слуга панны.

Ядвыга (*хутко*). Зъ брамы никого не пускаты, а надто пана Яна, чые панъ?

Рамберъ (*уклоняется, овичлыво*). Якъ ясна панна скаже, то й самого князя навить не выпустю.

Янъ (*хоче йты до Рамбера*). То панъ копытанъ...

Ядвыга (*держыць за руку, перепынае*). То я прыказала и моя воля, а панъ Янъ мене заразь мае до покою проводыты.

Рамберъ. Пане, то соромъ дали пручатысь, не по кавалерсьви.

Ядвыга. И справди що такъ... пане Яне?

Янъ (*сердыто*). Панно, вже я разъ того вухвала проклятого выпустывъ, а теперь мени панна зновъ прыказуе ёго пустыты!? Та що-жь я, не шляхтычъ—чы що!? Колы у мене передъ очима отакъ надъ панною згнуцаются!

Ядвыга (*ласкаво*). Ясю, не прыказую тоби, а попросыты можно? можно пана Яна просыты? Першый разъ тилькы (*кладе руки на плечи ёму, дыбытса у очи*).

Янъ (*понуру*). Панна добре видае, що усима може верховодыты.

Пахолъ (*выбиае зъ палацу, ука на другога*). Панъ князь хоче на кганокъ выйты—пытаецся, що то за гвалтъ (*бизытсь назадъ у палацъ, другой пахолъ зъ подвирья за нымъ*).

Ядвыга. Иды, Ясю, до тата. Хутко, та не турбуй ихъ: вони теперь невдужають, не можно имъ казаты за того хлопа

поганого, не вартъ винъ того, щобъ въ-за ёго тато гнивались, та знову-бъ захорували... Иды, Ясю, я тебе тутъ почекаю (*Янъ по-нуро йде у палацъ, ховає шаблю у пыху*). Иды хутко (*на бикъ*). Слава Богу, заспокоила Яна, боялась дуже, щобъ винъ на того гайдамаку самъ не кнується... Така звирюка!... Козакъ за-порозькый, каже. (*Голосно*). Пане Рамберъ! (*зворушена, ходыть по сцени; Рамберъ пидходить, уклоняется, ходыть поручъ*).

Рамберъ. Слуга ясної панны.

Ядвыга (*усмихається*). А видає, панъ, хто ёго прыятель великый, панъ сотныкъ? Запорожець—отъ що!

Рамберъ. Я ще якъ уздривъ, то одразу побачывъ, що жовниръ.

Ядвыга (*дычується*). То то пану й байдуже?!

Рамберъ. А що жъ? Бывся я зъ запорожцями не разъ—добри жовниры и до бытвы, и до усёго.

Ядвыга. А я то ще не бачыла запорожцивъ, але той Даныло... Ни, не могу, скажу такы пану, що то за зухвальство... Повирышь, пане, щобъ у мене козакъ закохався и декларацью навить зробывъ?

Рамберъ. То не слипый, выходыть, запорожець.

Ядвыга. Панъ навить жартуе! (*сердыто*). Щобъ отакъ мени хлопъ смилыво въ вичи признався!

Рамберъ. Панно, то не козакъ бидный выненъ, а краса панны (*на бикъ*). Diable! ото встругнувъ сотныкъ!

Ядвыга. Бо-зна-що панъ розказуе!... Пану абы жартуваты! (*сміється*).

Вартовый (*на шанци*). Горыть!

Рамберъ. Горыть такы! (*бизыть на шанецъ*).

Ядвыга. А де горыть?

Рамберъ (*на шанци*). Шынкарева хата!... та то ничого витру немає и людей йе коло шынку (*на кланокъ выходыть князь, стыраючысь на Яна; позаду пахолъ*).

У.

Князь. Чого тутъ гвалтувалы? Горыть десь, чы що?

Рамберъ. Въ шинкаря горыть... а ось и въ Берка... и школа жыдивська... и гарманъ пана ловчого... *Topperre de Dieu!* (тупае).

Янъ (бѣжыть на шанецъ). Справди... усюды горыть... що жъ воно?

Рамберъ. А панъ не чуе ничего? (назва) Стриляють коло будынку пана ловчого.

Князь. Що каже панъ копытанъ?

Рамберъ. Хлопы пиднялись, пане князю.

Князь (хытається, Ядвига пидтримуе ёго). Не може быть!.. А надвирни?!

Рамберъ. Мабуть зрадылы... бо помижъ хлопствомъ видно коло шынку червони жупаны.

Князь (берется за голову). Ще сёго треба!

Ядвига. Татуню заспокойтесь! (до Рамбера). Пане Жылю... се ничего? Обороните замокъ? справди?

Рамберъ (уклоняется). Ясна панно, брама зачынена, компанія у замку, хочъ и зубаста хлопы, а стинъ не вгрызуть.

Князь. Нещастя, нещастя!... Ой, тяжко меня. (Хытається. Ядвига и пахолъ пидтримують его, Янъ бѣжыть зъ шанця).

Рамберъ. Идите до покою, мосци князю! вже усе буде, якъ слидъ (Янъ и Ядвига вѣдуть князя у палацъ, пахолъ позаду).

Ява VI.

Рамберъ (иденъ на шанци). Мабуть уся сотня зрадыла... Погане дило!... Дитрыхъ!

Дитрыхъ (выходыть зъ вѣжи). Нieg!

Рамберъ. Люде не обидалы?

Дитрыхъ. Ще ни, пане копытане.

Рамберъ. Нехай швидче пойдять... роздай порохъ и вули... поклычъ повы що тихъ, що на брами,—ще йе часъ. (Дитрыхъ видходыть управо, зъ палацу выходыть пидскарбій, стае на канку).

Пидскарбій. Пане Жылю! а що, пидуть хлопки на замокъ?

Рамберъ. Якъ захтятъ, то пидуть.

Пидскарбій. А воно намъ безпечно? Якъ наше діло?
(на танокъ виходить Янъ).

Рамберъ. А ничего. Днівъ зо-тры ще будемъ живи...
Diable!

Янъ (*зостро*). То жартуе панъ комендантъ!

Рамберъ. Добри жарты!

Янъ (*зъ инимомъ*). Та що жъ панъ заразъ отутъ казавъ,
колы панна Ядвыга пытала?

Рамберъ (*спокойно*). А на що кваптысь? хыба то що по-
може; я такъ миркую, що усимъ колысь треба вмыраты, але не
треба напередъ знаты, колы воно буде. На що жъ було ясно-
вельможну панну лякаты, колы ще тры дни, кажу, маемо.

Янъ. Чого-жъ то тры дни!? а дали!?

Рамберъ. А йды, пане, сюды на часъ (*Янъ бижыть на
оалъ*). Бачышь, пане, якъ захтятъ хлопы заразъ замку добуваты,
то приймено ихъ добре—у друге не полизуть; але бачыть панъ
добре отого щовба, що выще шынку?

Янъ. Ну, дали!?

Рамберъ. А дали отъ-що. Сёгодня хлопы розибьють шынкы
и выпьють усю горилву. Взавтра, або ввавтра у-ночи, на тымъ
щовби вже будутъ покопани шанци и гарматы туды повытя-
гають; писля того, у четвергъ, розибьють башту, що на кутку,
и замкову браму, а у пятныцю що тутъ буде робытысь, то
уже мени байдуже буде, тай тоби, мабутъ, пане. Розуміеш?

Янъ. А у замку немає гармать?!

Рамберъ. Йе гакывныци маненьки, по дви у башти, а ве-
лыки гарматы уси по валахъ на передзамчу, але то вже не
Жыль Рамберъ такъ добре выгадавъ. Якъ-бы учора, колы пійшовъ
регіментъ, та зробывъ мене князь комендантомъ, якъ панъ важе,
то булы-бъ отутъ ци гарматы, або въ кожнои хочъ по доброму
цвяху сыдило-бъ; то була-бъ друга ричъ.

Пидскарбій (*тымъ часомъ стоявъ на подвирьы, слушаю-
чы, иде у палацъ на бикъ*). Чекайте-жъ отутъ, панове, до пят-

выци, кому те до вподобы, а я сёгодня у-ночы до Кыва, вже добре знаю, кудю звидцы выбратысь (*видходьць у палац*).

Янъ (*сумно*). Що-жь робыты теперь?

Рамберъ. Що робыты? Венгжывы вышыты, и моимъ овечкамъ по гарцю доброму даты—менче хлопамъ зостанется; тильки не треба имъ лёху видчынаты, бо перешьются, тай дурно ихъ хлопы порижуть, а такъ ще на останне добре пограемось. Жовнирська доля—не до вподобы, молодой пане полковнику?

Янъ (*зворушений*). Пане Жылю! не боюсь я смерти, бо шляхтычъ... але не знае панъ и никто не знае, що кохаю я щыро панну Ядвигу, що позавчора тильки я зъ нею заручывся.

Рамберъ. *Sacrebleu!*. Шкода панны, та що-жь... бува й такъ! (*пазва*) *Ma vie*, е способъ, тильки це пана дило!

Янъ. Кажы, хочъ у вогонь заразь!!

Рамберъ. Сёгодня не пйдуть хлопы на замокъ, бо имъ дила багато: жывивъ ризаты, раду збыраты, та горилку пыты. Якъ у-ночи не уси вартови пьяни будуть, то може зъ хуторянъ хто буде на варты, що пана никола навить и не бачылы. Одягнется панъ у хлопську одужу, тай у-ночи може якось зъ замку проберется, а тамъ просто до обозу.

Янъ (*кыдается, обіймае Рамбера*).

Рамберъ. Тильки панъ це може зробыты, другихъ заразь признають, а пахолы—то зрадыть, сучи сыны. Панъ визьме кинджаль и пистоли; якъ добуде коня, то до Черкась не такъ воно й далеко.

Янъ. А вже-жь недалеко!... Йидно, що боюсь: отакъ панну у замку покынуты; панъ князь щось заслабъ.

Рамберъ. *Ma foi!* Объ тимъ не турбуйся, пане: слово жовнирське пану за тры дни... не бильше, бо тоди мени за мого камарада пана Даныла соромъ буде, якъ винъ до пятныци замку не визьме.

Янъ. Хлопъ мерзены! Колы-бъ винъ мени у руки тильки понався!

Рамберъ. Э, пане, чого доброго жовнира лаяты!... Ну, нехай, це вже ваше дило... Але якъ зустринетесь може сёгодня

у ночи, то не забувай, пане, шапку взняты, та ще й чуба треба буде по козацькы выголыты (*сміється*).

Янъ. Ну, годи... Пиду велююся панни и ёго мосци (*хоче йты*).

Рамберъ (*зупиняе его*). Якъ хоче панъ мене послухаты, то ничого панни казаты не треба, бо якъ не схоже пана пустыты, и мени прыкаже, то й я тоди пану не дамъ утекты, хочъ-бы й звязаты мусьвъ. А сёгодня ще до пивночи хочъ звидцы на аркани пана спустымо; а якъ вбють, то хыба не одынъ чортъ сёгодня, чы у четвергъ? Жывцемъ тилькы не треба даватысь.

Янъ. То маю-жь слово пана копытана (*стыскае руку*).

Зависа.

Ө. Пильченко.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Изъ прошлаго Полтавщины. 1) *Несостоявшийся проектъ въ 1805 г. о назначеніи жалованья городскому духовенству въ Малороссіи.* Городской голова Архангельска, Поповъ, внесъ въ 1805 г. въ думу предложеніе о назначеніи мѣстному городскому духовенству опредѣленнаго жалованья, освободивъ его отъ обычныхъ хожденій по домамъ съ крестомъ и молитвою передъ праздниками Рождества и Пасхи. Дума признала, что обычай такого хожденія противорѣчитъ увазу 1724 г. и, кромѣ того, «отнимаетъ къ духовнымъ уваженіе, ибо многіе дома иногда святины съ подобающимъ благоговѣніемъ не пріемлютъ и священниковъ съ должною честію не пускаютъ подъ разными предлогами»; поэтому дума согласилась съ предложеніемъ головы и ассигновала: соборному причту 500 рублей въ годъ жалованья, а причтамъ остальныхъ городскихъ церквей отъ 250 до 100 руб. По донесеніи объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ и по докладѣ послѣдняго императору Александру I, архангельскимъ военнымъ губернаторомъ Форстенемъ былъ полученъ, въ сентябрѣ 1805 г., слѣдующій Высочайшій рескриптъ: «Объявите градской думѣ и всѣмъ, участвовавшимъ въ семъ положеніи гражданамъ, что, пріемля съ искреннимъ участіемъ каждый оныи общественнаго къ церкви уваженія и взирая съ удовольствіемъ на всѣ тѣ случаи, гдѣ духовенству оказывается достоюлжное вниманіе и преграждаются поводы, могущіе подвергнуть его какому-либо и самоналѣйшему въ народѣ нареканію, я по всѣмъ симъ отношеніямъ признаю поступокъ архангельскаго градскаго общества весьма похвальнымъ и заслуживающимъ особенную мою при-

знательность и благоволеніе. Такимъ образомъ мѣра, принятая городской думой Архангельска, была Высочайше одобрена и поощрена, какъ образецъ, достойный всеобщаго подражанія; поэтому со стороны министерства внутр. дѣлъ, а равно и св. Синода, были повсемѣстно разосланы указы относительно предложенія городскимъ обществамъ послѣдовать примѣру Архангельска и назначить духовенству постоянное жалованье взамѣнъ предпраздничнаго хожденія его по домамъ прихожанъ.

Получивъ такой указъ, малороссійскій генералъ-губернаторъ князь А. Б. Куракинъ немедленно оновѣстилъ о томъ всѣ городскія думы ввѣренныхъ ему полтавской и черниговской губерній и предложилъ обсудить данный вопросъ и донести ему, какое послѣдуетъ о немъ постановленіе.

Результаты этого предложенія по полтавской губерніи были таковы. Въ восьми городахъ (въ Переяславѣ, Прилуцкѣ, Золотоношѣ, Лохвицѣ, Пирятинѣ, Глинскѣ, Кобелякѣ и Константиноградѣ) думы не признали нужнымъ назначить своему духовенству постоянное жалованье, находя существующій обычай хожденія по домамъ съ крестомъ и молитвою вполне умѣстнымъ и удержаніе его на будущее время весьма желательнымъ. Такъ, обыватели Кобеляка въ собраніи, созванномъ городничимъ, высказались, что они «очень довольны благопріемъ и добрымъ поведеніемъ духовенства и считаютъ для себя пріятнымъ временемъ посѣщеніе ихъ въ домахъ по праздникамъ приходскими священниками, которые съ подобающимъ благоговѣніемъ, имѣя при себѣ крестъ, обходятъ своихъ прихожанъ. Самобѣднѣйшій хозяинъ вынуждаетъ себѣ въ немалую обиду, если приходскій священникъ въ определенное праздничное время не посѣтитъ со святыней его дома». Прилуцкіе граждане также находили существующій обычай хожденія съ молитвою и крестомъ весьма хорошимъ, особенно въ праздникъ Богоявленія, «ибо вода (читаемъ въ ихъ постановленіи) освящается, по положенію церковному, не только къ одному только ея въ питье употребленію, но и для освященія домовъ». Пирятинцы отзывались, что они «за удовольствіе считаютъ» посѣщеніе ихъ домовъ духовными. Такъ же мотивировали свой отказъ и другія городскія думы. Роменская дума сначала отклонила отъ себя созваніе гражданъ для обсужденія предложеннаго вопроса и предложила это сдѣлать полиціи, но послѣдняя не рѣшилась на это, не имѣя предписанія начальства. Завязалась переписка. Князь Куракинъ пред-

писалъ думѣ созвать собраніе, находи, что «положеніе сіе (т. е. назначеніе жалованья) должно быть основано на добровольномъ согласіи общества, а потому полиціи не нужно». Послѣ этого вопросъ о жалованьѣ духовенству рѣшенъ думой въ утвердительномъ смѣслѣ, для чего постановлено обложить городскихъ жителей небольшимъ налогомъ (по 23—24 коп. съ души, различно по приходамъ) и деньги эти вносить «квиторамъ» (церковнымъ старостамъ). Подобное же постановленіе состоялось и въ Хоролѣ, гдѣ прихожане были обложены налогомъ по 20 коп. съ двора. Какъ былъ рѣшенъ этотъ вопросъ въ остальныхъ шести уѣздныхъ городахъ—неизвѣстно, такъ какъ донесеній отъ нихъ не получено, или же они не сохранились въ дѣлѣ. Подобную же участь имѣло правительственное предложеніе и въ черниговской губ. Пять городовъ (Черниговъ, Козелецъ, Глуховъ, Ковотопъ и Городня) совершенно его отвергли по тѣмъ же соображеніямъ, что и въ полтавской губ. Лишь въ двухъ городахъ ¹⁾ состоялись постановленія о сборѣ въ жалованье духовенству—въ одномъ по 20 к., въ другомъ по 40 коп. съ души. Жители Стародуба также постановили сдѣлать сборъ въ пользу городского духовенства, но не въ формѣ опредѣленнаго налога, а въ видѣ добровольныхъ приношеній, чтобы каждый домохозяинъ вносилъ ту именно сумму, какую онъ платилъ духовенству при посѣщеніяхъ его дома, и собранныя такимъ способомъ деньги были распределены между причтами. Достоинно замѣчанія, что въ Стародубѣ въ то время было 16 церквей. Остальные городскія думы не сообщили своихъ рѣшеній. ²⁾

Вообще можно сказать, что предложенная мѣра замѣнить добротными подаваніями духовенству опредѣленнымъ жалованьемъ не встрѣтила сочувствія въ Малороссіи и потому не имѣла никакого успѣха; даже и въ тѣхъ немногихъ городахъ, гдѣ состоялись постановленія о налогахъ въ пользу духовенства, эти постановленія остались мертвой буквой. Въ то время приходское духовенство въ Малороссіи было еще выборнымъ, а матеріальное его обезпеченіе, равно какъ и вообще правовыя отношенія причта и прихожанъ опредѣлялись путемъ свободнаго договора. Этими отношеніями, выработанными исторіей и общимъ строемъ жизни страны, обѣ стороны были

¹⁾ Въ какихъ именно—объ этомъ въ дѣлѣ нѣтъ точныхъ свѣдѣній.

²⁾ Извлечено изъ архива Полт. Губ. Правленія; дѣло по описи № 273.

еще и въ началѣ XIX в. совершенно довольны и не видѣли нужды въ чемъ-либо измѣнять ихъ.

2. *Объ открытіи ртутной руды.* Помѣщикъ Константиноградскаго повѣта, майоръ Бѣлуха-Кохановскій, увѣдомилъ въ 1805 году полтавскаго губернатора Муханова о находкѣ въ его имѣніи мальчиками-пастухами ртути. Не повѣривъ сначала мальчикамъ, самъ Бѣлуха пошелъ осматривать эти мѣста и дѣйствительно добылъ ртуть, которую и представилъ губернатору. Губернаторъ Мухановъ донесъ объ этомъ князю Куракину, которому и представилъ этотъ кусокъ ртути, „сіе новоизобрѣтенное ископаемое“, какъ выразился въ своемъ рапортѣ губернаторъ. Кн. Куракинъ послалъ эту ртуть, съ донесеніемъ, министру внутреннихъ дѣлъ, который поручилъ изслѣдованіе ея одному „изъ извѣстнѣйшихъ химиковъ“ (фамплія въ дѣлѣ не упоминается). О результатѣ этого изслѣдованія министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ кн. Куракина.

Сообщаемъ въ подлинникѣ результаты изслѣдованія, какъ это помѣщено въ бумагѣ министра. „По разслѣдованіи, читаемъ въ ней, оказалось: 1) что ртуть по всѣмъ пробамъ оказалась чистою и ни съ какимъ другимъ металломъ не смѣшанная; 2) что земля по наружному виду показываетъ находящуюся въ ней ртуть, какъ въ природномъ ея видѣ, такъ и въ соединеніи съ сѣрною и соляною кислотами; она нерѣдко также въ ртутной рудѣ бываетъ соединена съ сѣрою, которой, однакоже въ семъ случаѣ не было примѣчено ни малѣйшихъ слѣдовъ; на раскаленныхъ угляхъ показывало ртутный паръ, но по причинѣ слишкомъ малаго количества ртутной руды, нельзя, было ни посредствомъ огня, ни посредствомъ раствора, опредѣлить количества ртути, содержащей въ оной.“

Этимъ исчерпывается все дѣло объ этой находкѣ. Судя по этому увѣдомленію министра, необходимы были дальнѣйшія изслѣдованія, но производились-ли они на мѣстѣ, изъ дѣла не видно. Имѣніе Бѣлухи-Кохановскаго давно перешло въ другія руки и обработки въ ней руды не было никогда. (Архивъ Полт. Губ. Правленія, дѣло по описи № 260).

3. *О минеральныхъ водахъ, открытыхъ въ Константиноградскомъ повѣтѣ.* Въ 1804 году въ имѣніи жены капитана С. Н. Ковалевской, въ селеніи Надеждовѣ (Константиноградскаго уѣзда) вода въ нѣсколь-

нихъ колодцахъ оказалась негодною для питья, изъ чего помѣщица заключила, что эта вода—минеральная, очень полезная при излѣченіи скорбута, о чемъ и донесла полтавскому губернатору. Помимо этого, въ томъ же донесеніи Ковалевская сообщаетъ, что въ имѣніи ея есть и глина, очень удобная для валянья суконъ, вполне замѣняющая мыло. Губернаторъ сообщилъ объ этомъ кн. Куракину, который сейчасъ предписалъ доставить эту воду въ Полтаву, во врачебную управу для изслѣдованія. Химическій анализъ, за отказомъ завѣдывавшаго въ то время большой Лубенской казенной аптекой и ботаническимъ садомъ, Штаубе, поручень былъ завѣдывавшему только что открытой, по инициативѣ того же Куракина, первой аптекой въ Полтавѣ, провизору Ивану Сессу. Сессъ произвелъ химическій анализъ присланной воды, надалъ въ имѣніе Ковалевской и нашелъ въ составѣ воды примѣси глауберовой соли, сѣрнокислой извести, углекислой магнезін, горькой соли и проч. Но кн. Куракинъ не удовольствовался этимъ и отправилъ нѣсколько бутылокъ воды для изслѣдованія въ Харьковскій университетъ, гдѣ оно было поручено адъюнкту Гизе. Послѣдній счелъ необходимымъ побывать на мѣстѣ, куда и направился, пробывъ въ Надеждовкѣ довольно долго. Изслѣдованіе его сошлось съ анализомъ Сесса; онъ нашелъ тѣже примѣси, сообщивъ, что вода эта полезна при лѣченіи желудка и головныхъ болей. Заинтересованный этимъ кн. Куракинъ счелъ нужнымъ лично отправиться въ имѣніе Ковалевской и въ имѣніе С. М. Кочубея (по р. Орели), гдѣ открылась такая же минеральная вода. Вслѣдъ за открытіемъ воды въ имѣніи Кочубея, открылась вода съ тѣми же свойствами и у сосѣда Ковалевской, въ имѣніи отставнаго маіора Кулина. Наплывъ больныхъ въ Надеждовку, владѣлица которой продавала уже воду на сторону, по 2 к. за кварту и позволяла даже вывозить ее бочками, видимо, смутилъ маіора Кулина, который, не желая нарушить своего покоя, велѣлъ засыпать колодезь. Лѣченіе же у Ковалевской больныхъ продолжалось и количество ихъ все увеличивалось. Пользованіе этой водой, отъ которой многіе якобы излѣчивались, сдѣлалось извѣстнымъ далеко за предѣлами Полтавщины. Одесскій вольнопрактикующій врачъ, нѣкто Новакъ, нарочно прибылъ въ имѣніе Ковалевской, производилъ изслѣдованія и донесъ генераль-губернатору о десяти случаяхъ исцѣленія этой водой отъ болѣзней. Характерно, что этотъ врачъ Новакъ никогда не былъ въ Одессѣ врачомъ, какъ онъ подписался на своемъ донесеніи. Кн. Куракинъ, желая сдѣлать его врачомъ

въ Надеждинскомъ курортѣ, обратился съ запросомъ о немъ въ Одессу, откуда увѣдомили, что такого врача въ Одессѣ нѣтъ и не было.

Наилувъ больныхъ и усиѣшность ихъ лѣченія обратила вниманіе константиноградскаго маршала (увѣд. предводителя), видимо, слѣдившаго за ходомъ этого дѣла, и онъ донесъ кн. Куракину, что вода эта производитъ „чудныя дѣйствія.“ Дѣйствительно, въ дѣлѣ находимъ многочисленный списокъ больныхъ, получившихъ исцѣленіе отъ пользованія этой водой, главнымъ образомъ, больныхъ желудкомъ, ревматизмомъ, головными болями, одышкой и проч. Эти свѣдѣнія заставили кн. Куракина отпривать донесеніе обо всемъ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ. Послана была для изслѣдованія и вода. Изслѣдованіе въ Петербургѣ затянулось и результаты его сдѣлались извѣстны только въ 1808 г., о чемъ кн. Куракинъ, бывший тогда уже министромъ внутреннихъ дѣлъ, и увѣдомилъ своего преемника по управленію Малороссійской губерніей, кн. Лобанова-Ростовскаго. Воду эту Медицинскій совѣтъ нашелъ полезною, похожею по свойствамъ своимъ, на Зейдшицкія воды въ Богеміи. Министръ вн. дѣлъ поэтому разрѣшилъ устроить въ Надеждовѣ курортъ для лѣченія этой водой и приступить къ необходимымъ постройкамъ. (Кочубей уже, какъ видно изъ бумаги министра, приступилъ къ нимъ); кромѣ того, разрѣшено было назначить особаго доктора при этихъ водахъ, съ правами коронной службы. Продавать же воду на сторону, какъ это дѣлала Ковалевская, было запрещено. Долго ли просуществовалъ этотъ курортъ—неизвѣстно. Одно лишь можемъ сказать, что въ настоящее время никакого курорта въ константиногр. у. нѣтъ, не сохранилось и преданія о томъ, что онъ когда-то былъ.

Въ этомъ же дѣлѣ есть замѣтка Пиленка, служившаго въ то время на Луганскомъ заводѣ. Этотъ Пиленко, обозрѣвая горы по правой сторонѣ р. Орели, замѣтилъ такую же глину, какая была найдена въ имѣніи Ковалевской, для чего и рылъ небольшія копанки, которыя, какъ онъ доносилъ объ этомъ, скоро наполнялись соленовато-горькою водою, похожею на воду, открытую у Ковалевской и Кочубея. Изъ этихъ данныхъ (а рылъ онъ эти копанки въ разныхъ мѣстахъ) Пиленко и дѣлаетъ выводъ, что такую воду можно найти во многихъ мѣстахъ. Эта замѣтка Пиленка заставляетъ предположить, что вода въ имѣніяхъ Ковалевской и Кочубея едва ли была вполне цѣлебной; на нее въ первое время набросились больные, а затѣмъ

наплывъ мало-по-малу сокращался, пока совсѣмъ перестали ею пользоваться. Что касается глины, то Пиленко, сообщившій, что такой глины много въ разныхъ мѣстахъ уѣзда, былъ правъ; это былъ мергель, т. е. глина съ примѣсью извести. (Арх. Полт. Губ. Правл. дѣло № 233).

И. Фр. Павловскій.

Одинъ изъ колоколовъ новгородсѣверскаго спасскаго монастыря. (*Къ исторіи литейнаго искусства въ старой Малороссіи*). Исторія колокола видна изъ слѣдующихъ на немъ надписей. *На одной сторонѣ*: «Сей звонъ дѣлалъ в Новгородку Сѣверскомъ Иванъ Андриевичъ, людвисаръ (литейщикъ) новгородски». Подъ этою подписью гербъ Мазены съ инициалами: I. M. G. V. E. Ц. П. В. З. и стихи:

Иоанъ, гетманъ славный на Бжию хвалу,
Полагаетъ надежду и всю свою славу,
Возгласить в сей еще звунъ о его славъ,
А придатокъ немалый будетъ к вѣчной хвали.

На другой сторонѣ: Гербъ архимандрита Михаила Лежайскаго, съ инициалами: M. L. A. M. B. C. H. C., и стихи:

Вѣртъ (?) от Симеона гетьманпча данимъ
Колоколь Спсу zostалъ зепсованимъ,
В звонѣхъ же Спсу хвалу добре быти
Нововотщался звонъ тежь переробити.

Вверху этихъ надписей, изображеніе Спасителя и кругомъ слова: «краснѣйши добротою паче сыновъ челоувѣческихъ царь славы Гдъ».

Кругомъ всего колокола надпись: «Року 1698, мца октоврія дня 15, за державу благочестивого нашего гдра цра и велико'о князя Петра Алексеевича, Великія и Малыя Россіи Самодержца, и при счастливымъ владѣніи ясневелможного его милости пана Иоана Стефановича Мазены, гетмана войска его прскаго прсвѣтлого величества запорозкаго. Израдну же обители свтой всемлстиваго Спса новгородзкаго строителю архимандриту суцу тогда Михаилу Лежайскому».

Кромѣ колоколовъ, въ старой Малороссіи были и пушки. Въ артиллерійск. музеѣ, въ С.-Петербургѣ, хранится пищаль (вѣсъ 23

пуда 30 фунт.) съ такою надписью на казенной части: «За счастливого регимента ясновелможной (sic) милости пана Ивана Мазены, гетмана войскъ его царского пресвѣтлого величества запорожского, выдита сія армата въ Глуховѣ до города Бенетона (т. е. Конотона), року 1697. Каризъ Иосифовичъ дѣлатель». Въ Брянскомъ арсеналѣ имѣется мортира, вѣсомъ въ 50 пуд., съ слѣд. надписью на дульной части орудія: «За царства пресвѣтлѣйшого и великодержавнѣйшого государя царя, великого князя Петра Алексѣевича всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, стараніемъ же и коштомъ ясновелможного его милости пана Иоана Мазены, гетмана съ войскомъ запорожскимъ». На казенной части: «лилъ сей можчеръ ¹⁾ Каризъ Иосифовичъ, людвисаръ глуховски, року 1698». (См. «Обзоръ коллекцій артиллерійскаго отдѣла Московск. политехнич. выставки 1872 года». Сиб. 1872, 16^о, стр. 29, 44).

Письмо А. И. Чепы къ В. Г. Полетикѣ. «Милостивый государь Василій Григорьевичъ! Вы имѣете здравомысла. Поздравляю васъ, себя и благомыслящихъ соотечественниковъ нашихъ. Кто не порадуется, видя такого молодого человѣка, подающаго великіе о себѣ надежды?—О ежели бы у насъ было побольше здравомысловъ!

Возвращаю вамъ его труды. Благодарю вамъ за пріятныя минуты, доставленные мнѣ чтеніемъ оныхъ. Простите мнѣ, что я умедлилъ возвращеніемъ. Я не могъ лишить моихъ пріятелей удовольствія, чтобы не сообщить имъ сего сочиненія для прочтенія.

Уже двѣ части маія прошло, а я не собрался выѣхать въ мой хуторъ въ роменскомъ повѣтѣ. По приѣздѣ моемъ туда, надѣюсь найти (въ) Роменской почтовой конторѣ, у г. Палажченкова, ваше писаніе ко мнѣ и еще какіе-нибудь изъ книгъ и изъ бумагъ вашихъ.

Честъ имѣю быть съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и душевною преданностью навсегда вамъ, милостивому государю моему, покорнѣйшимъ слугою Андрѣянъ Чепы.

Мая 19 д., 1810 года. Чепурковка». (Съ подлинника).

Кого разумѣетъ здѣсь Чепы подъ именемъ *здравомысла*—не догадываемся.—Въ это время Чепы жилъ, повидимому, въ отставкѣ въ пиря-

¹⁾ См. у Линде: „Moździerz—rodzay działa krótkiego, ale średnicy obszerney do rzucania bomb i różnych kul ognistych».

тинской деревнѣ своего тестя, мичмана Плевковскаго, Ченурковѣ. 1) — Здѣсь же, для біографіи Чены, сообщаемъ два свѣдѣнія. *Первое.* Подъ конецъ своей службы у Румянцова, Чена занимался и частными дѣлами послѣдняго; онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ юрисконсульта по имѣніямъ Румянцова и давалъ свое заключеніе, напр., по вопросамъ о возбужденіи судебныхъ процессовъ изъ-за имѣній Румянцова. Положеніе Чены, среди персонала разныхъ управляющихъ Румянцова — видно изъ слѣд. письма одного изъ послѣднихъ (Подлужскаго), писаннаго къ Ченѣ въ іюль 1792 г. — «Какъ я вамъ, любезный другъ мой, усердно преданъ, такъ и скажу правду, что въ Тоналѣ и во Внуковичахъ не нашолъ (ничего?) къ лучшей ползѣ господской. Потщимся хотя мало чемъ отслужить нашему великому хлебодару. А что вы просили отлучиться въ вашъ домъ, въ семь васъ я не оправдаю. Я будучи при сущей моей семьѣ, желаю толко случая приказаніе его с — ва вездѣ исполнять волю его, а вы другаго со мною расположенія...» (*Орфографія подлинника*).

Второе. Въ бумагахъ М. О. Судьбенка, поступившихъ въ Университетъ св. Владиміра, находится, между прочимъ, такая замѣтка о Ченѣ: «Ст. сов. Чена, служившій въ канцеляріи Румянцова по гражданской части, человекъ начитанный, достигшій — посредствомъ упражненія — искусства писать превосходно и даже опередившій свое время. Человекъ тяжелый и вялый, отъ котораго трудно было добыть что-нибудь для свѣдѣнія. Онъ дожилъ свой вѣкъ въ деревнѣ, въ полтавской губерніи и былъ не единожды пріяемаемъ малороссійскимъ генер.-губернаторомъ (кн. Репнинымъ) въ правители канцеляріи, но безъ успѣха».

Письмо гр. П. А. Румянцова къ Г. Я. Макарову. «Государь мой Гаврила Яковлевичъ! Получа сіе, пришлите сюда въ скоромъ времени находящихся въ Дѣвицѣ (село прилудк. у.) моихъ музыкантовъ съ ихъ инструментами, гузаровъ двухъ, на ихъ лошадяхъ, съ уборомъ, птичника, егеря, поварскаго мальчика Петра Письярева и два цука лошадей чалыхъ и разношерстныхъ, съ надлежащимъ числомъ кучеровъ и фореиторовъ.

1) См. „Извѣст. Таврич. Учен. Архивн. Комиссіи“, № 22, *Ордера кн. Пл. Ал. Зубова*.

Евграфа Украинцова пошлите въ Парафѣевку, приказавъ ему осмотрѣть тамъ всѣ мои вещи и уборы, также разные принасы и прочее, и ко мнѣ прислать всему тому реестръ съ прописаніемъ, въ какомъ состояніи что онъ найдетъ и причинъ, отъ чего что испортилось и не годится.

Изъ письма вашего вижу я, что вы не выдали жалованья и по сіе время моимъ людямъ въ Дѣвницѣ находящимся, и какъ у васъ мои деньги есть, то вы и можете употребить ихъ на то, и мнѣ послѣ дать знать, что кому выдано будетъ. Все прописанное въ семъ прошу васъ неукоснительно исполнить. Вашъ охотный слуга *Г. Румянцевъ-Задунайскій*.

10 декабря, 1783 года. Вишеньки». (*Съ подлинника. Собственно-ручная только подпись*).

Г. Я. Макаровъ завѣдывалъ борзенскими и прилуцкими имѣніями гр. Румянцева. Женатъ онъ былъ на дочери Н. Н. Матониса (владѣльца нѣжинскаго села Липова-Рога) Натальѣ Николаевнѣ. Позже Г. Я. М.—въ былъ прилуцкимъ предводителемъ дворянства. Сынъ Г. Я. Макарова—Яковъ Гавриловичъ въ полов. XIX в. былъ предсѣдателемъ черниговской палаты гражданскаго суда.¹⁾

Что значитъ слово „гомель?“ При описи батуринскихъ дворовъ ген. обознаго Ивана Ломиковскаго (послѣ его взмѣны), замѣчено: «въ городѣ, въ замку, бывалъ третій дворъ Ломиковскаго, на которомъ былъ гомель каменной, а чинѣ разобрать, а но сказкѣ дворника—съ погреба каменнова а в замку—з гомеля, кирпичъ сломали и свозили—госпожа Кочубѣиха къ себѣ на дворъ, и строила себѣ будинки, да мѣщанинъ Клименко, краморникъ, избудовалъ себѣ изъ того кирпича свѣтлицу». (Опись относится къ 1726 г.).

Для исторіи компанейскихъ полковъ. Компанейскими, иначе сердюцкими и охотницкими, полками въ гетманщинѣ назывались полки, набравшіеся изъ охотниковъ, за плату; они были конные и

¹⁾ См. о немъ „Ежегодникъ коллегии П. Галагана на 1901 годъ“, стр 98.

нѣхотные. Начало ихъ относится ко времени Дорошенка и Многогрѣшнаго. Нѣкоторыя о нихъ свѣдѣнія за перв. половину XVIII в. приводимъ здѣсь.

Въ 1722 г., генеральная старшина въ отвѣтъ на запросъ малороссійской коллегіи объ этихъ полкахъ, писала: «сердюковъ за бывшихъ гетмановъ, для службы государевой, было пять полковъ; компанѣйцевъ—такожь пять полковъ; а были оные полки одинъ противъ другого комплектомъ неравны; однакъ ниже шестисотного числа козаковъ въ оныхъ полкахъ не было; которымъ давано окладу денежнаго, съ арендовыхъ войсковыхъ грошей, въ годъ, компанѣйцамъ: одному рядовому человѣку по 4 рубля; а кто съ молодкомъ служить, такимъ по 6 рублей, опрочъ мѣсячнаго оброку; а мѣсячнаго оброку въ лѣтнихъ мѣсяцахъ, давалось имъ каждому, по 8 гривенъ, а въ зимнихъ, сверхъ того, придавано на овесъ для ихъ же коней, по 2 гривны и поболшъ, смотря по продажѣ овса; якое мѣсячное давалось имъ съ людей посполитыхъ, на которыхъ были имъ квартиры оупредѣлены. А сердюкамъ на всѣ зимніе и лѣтніе мѣсяцы, равно по 8 гривенъ, а въ годъ по 2 рубля и по кунтушу суконному. Старшинѣ тоже ихъ компанейской и сердюцкой былъ окладъ денежный, каждому по ихъ чинамъ, погодно и помѣсячно; да имъ же были вездѣ по полкахъ, въ Малой Россіи, для довольствія самыхъ и коней оупредѣлены квартиры».

Назначеніе этихъ полковъ гетманъ Апостоль, въ 1728 г., такъ оупредѣлилъ: «охочекомонные и охотенѣхотные полки содержались въ Малой Россіи, для употребленія во всякихъ войсковыхъ окаяіяхъ; ибо, покамѣсть козаки городовые в реестровые съ полковъ выберутся отъ домовъ своихъ въ походъ, они, охотницкіе, всегда готовы на скорые поѣздки, ради добытія языка, для первой стражи и, въ часъ баталіи, первый фронтъ противъ непріятели, выдержуютъ. Сверхъ того, сердюки всегда ходили при генеральной артиллеріи и при гетманахъ, а компанѣйцы, когда походу нѣтъ, посылались въ мѣста пограничныя далныя или форпосты».

Начадо компанейскимъ полкамъ положено было козацкою вольницею вслѣдъ за Андрусовскимъ заговоромъ, когда заднѣпровская Малороссія отдана была Польшѣ: въ это время такіе удалцы, какъ Палій, Самусь и друг. собирали около себя «компанію», рядъ искаателей приключеній, съ которою отбивали татарскіе набѣги или грабили польскую шляхту. Уже при Самойловичѣ были охотницкіе

полки, изъ которыхъ надъ однимъ начальствовалъ извѣстный Новицкій. ¹⁾ При Мазенѣ компанейскіе полки были въ особенной чести и, по свидѣтельству современника, состояли изъ однихъ поляковъ. ²⁾ Мазепа, уходя къ Карлу XII, защиту Батурина поручилъ сердюцкому полковнику Чечелю и есаулу иѣмцу Кёнигсеку; сопротивленіе ихъ Меншикову—извѣстно. Послѣ Мазены, на компанейскіе полки русское правительство смотрѣло подозрительно и указомъ 14 іюля 1726 года было повелѣно: «компанейскихъ трехъ полковъ наличныхъ людей скасовать въ два полка и быть нынѣ по 600 человекъ въ полку, а впредь, смотря по нуждѣ, учинить по 1000 человекъ... А сердюцкому полку, кои служили во время походовъ, при гетманѣ—не быть, понеже за ними нынѣ въ Малой Россіи никакой службы нѣтъ». ³⁾

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Ходатайство кіевскихъ гражданъ о выселеніи изъ Кіева евреевъ (1830 г.)*. Его Высочайшему повелѣнію, господину генералъ-лейтенанту, сенатору, кіевскому военному губернатору, управляющему гражданской частью и кавалеру, Борису Яковлевичу Княжнину 2-му. Кіевскихъ жителей гражданъ, купцовъ и мѣщанъ ниже-подписанныхъ прошеніе:

Волею Всемилостивѣйшаго Государя Императора послѣдовало благоволеніе переселять постоянное жительство евреевъ изъ сей древней столицы, какъ противное правамъ и привелегіямъ въ разные времена городу Кіеву дарованнымъ. Каковую волю Монархъ благоволилъ имяннымъ указомъ предмѣстнику Вашего Превосходительства, господину кіевскому военному губернатору и кавалеру Желтухину, исполнить, постановляя въ ономъ, «что евреямъ неминуемо воспретать жительство въ Кіевѣ, яко вредное не только для города, но и для самой казны». Въ исполненіи онаго Высочайшаго постановленія, военный губернаторъ предписалъ губернскому правленію 1827 года декабря 2 дня. «1-е) Безослабно евреевъ иногородныхъ, имѣющихъ жительство по паспортамъ, совершенно черезъ 6 мѣщей

¹⁾ Акты Зап. Рос., V, 134 и друг.

²⁾ Соловьевъ, XIV, 317.

³⁾ Арх. генер. к—ри, по черниг. оп. № 3817.

вывести изъ Кіева со дня полученія указа. 2-е) Записанныхъ въ Кіевѣ купцовъ и мѣщанъ, неимѣющихъ въ городѣ Кіевѣ недвижности, обязавъ ихъ подписами о немедленной перепискѣ въ мѣста имъ дозволенные, вывести чрезъ одинъ годъ. 3-е) Имѣющимъ дома чрезъ 1 годъ, воспретивъ имъ всякую промышленность, дозволя прожитіе единственно для продажи оныхъ, удалить чрезъ два года, за непродажею же недвижности чрезъ три м-цы (каковой срокъ уже и окончился) продать съ аукціона и вырученные деньги обратить въ пользу хозяевъ».

Но какъ, за отсутствіемъ г. предмѣстника В. В., Высочайшая Монаршая воля оставалась не во всей силѣ соблюдена, и евреи своимъ непостоянствомъ въ нарушеніи всероссійскихъ купеческихъ постановленій, непрестанно вредя, удручаютъ христіанъ, лишая всѣхъ средствъ и способа разноскою товаровъ и прочимъ, постоянному промыслу съ ущербомъ казнѣ; о чемъ мы прибѣгали подъ защиту господина кіевскаго гражданскаго губернатора и кавалера, и г. губернскаго прокурора, съ прошеніями еще въ ноябрѣ м-цѣ истекшаго 1829 года, прося не лишитъ насъ Монаршей милости, повелѣтъ исполнить точность Высочайшаго указа. Но неудостоявшись получить на то никакой резолюціи, и притомъ, видя не только ни воспрещеніе жительства евреевъ въ Кіевѣ, ни прекращеніе торговли, ниже самой продажи имѣній; но изъ за того еще и въ ново открываемые лавки и пріезди цѣлыми семействами на жительство; а во время бывшихъ прошедшаго генваря сего 1830 года въ Кіевѣ контрактовъ, въ противность волѣ Монаршей, и въ отмѣну силы указа, допущена торговля, не только вѣрителямъ купцовъ 1-й и 2-й гильдій, но даже и самимъ иногороднымъ 3-й гильдіи евреямъ кушамъ и мѣщанамъ въ открытыхъ лавкахъ и разноска товаровъ.

Отягченные неповинными обстоятельствами, вынужденными заставленны при самихъ первыхъ порахъ утруждать Вашего Высочайшего покровительства, покорно прося принять угнѣтенныхъ подъ Ваше покровительство, дать мѣсто ослабляемой справедливости и повелѣтъ исполненіемъ указа оправдать сущее желаніе монаршей волн». (Слѣдуютъ подписи бургомистра Михайла Гоцаенка, именитаго гражданина Климента Терновскаго и др. (41) купцовъ, гражданъ, мѣщанъ).

Просителямъ чрезъ полиціймейстера объявлено, что надлежащія по сему дѣлу распоряженія сдѣланы прежде подачи ими прошенія.

2) *Прекращеніе переселенія евреевъ въ Сибирь.* Въ 1837 году Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ поселеніе евреевъ въ Сибири рѣшительно и навсегда прекратить; впредь поселеніе производить въ новороссійскихъ и, буде можно, въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, и въ мѣстахъ, гдѣ имъ дозволено имѣть постоянную осѣдлость. Партіи евреевъ, направившихся въ Тобольскую губернію, или Омскую область, находящихся въ пути, или распродавшихъ имущество, — обратить въ Херсонскую губернію для водворенія въ тамошнихъ еврейскихъ колоніяхъ, съ дарованіемъ всѣхъ льготъ, ожидавшихъ ихъ въ Сибири, согласно правиламъ 20 ноября 1836 г. Изъ дѣла видно, что въ юго-западномъ краѣ не оказалось ни одного еврея, собиравшагося переселиться въ Сибирь, а потому Высочайшее повелѣніе не могло быть исполнено мѣстными губернаторами.

3) *Мѣры къ упорядоченію торговли и расчетовъ евреевъ съ христіанами.* По требованію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, осенью 1845 г. городничимъ, обще съ исправниками и стряпчими Кіевской губерніи, кіевскимъ военнымъ губернаторомъ предписано всемѣрно наблюдать: а) дабы еврей, при расчетахъ съ сельскими обывателями по торговлѣ, или какимъ-либо обязательствамъ, не производили платежей съ начисленіемъ на каждый рубль серебромъ по 50 коп. ассигнаціями лежа, считая рубль серебромъ въ 4 р. ассигн., а 25 коп. серебромъ въ 1 рубль ассигн.; между тѣмъ какъ сами принимаютъ монету не иначе какъ по установленному курсу, т. е. 1 р. сербр. за 3 р. 50 к. ассигн.

б) Чтобъ въ городахъ и мѣстечкахъ не учотреблялись въ торговлѣ незаконные вѣсы и не допускались перекуны, коими преимущественно занимаются евреи, между тѣмъ какъ мѣстная полиція не обращаетъ на это должнаго вниманія.

4) *Овруцкій археологъ 1840 г.* Въ январѣ 1840 года адвокатъ овруцкаго уѣзднаго суда Иванъ Загоровскій, освѣдомившись, что предводители и мѣстные полиціи, по требованію генералъ-губернатора, озабочены собраніемъ описаній памятниковъ стариннаго зодчества на Волыни, сообщилъ предводителю дворянства, что братъ его, адвоката Загоровскаго, приводя въ устройство архивъ овруцкаго Базиліанскаго монастыря, между прочими документами отыскалъ лос-

кутокъ бумаги начала XV столѣтія, на коемъ польскими буквами было изображено:

«Обручи, мисто ветике, оборонное, опалисадованы, отъ непамятныхъ литъ неприятелими зруйноване, осажене на около рогатынами, шарпетынама, гаковницами и другою бронею. Въ немъ княжечихъ в паньскихъ домовъ 400. Въ томъ мисти находятся Васильевская золотOVERХая церковь».

Баснословятъ, прибавляетъ отъ себя Загоровскій, «что предъ дверьми этой церкви была пещера, имѣющая комуникацію съ кievскими пещерами, въ коихъ почиваютъ мощи святыхъ богоугодниковъ»...

Сообщ. А. Мёрдеръ.

Къ исторіи старыхъ обычаевъ, братствъ и колядь на Волыни. Волын. Епарх. Вѣдомости 1901 года въ статьѣ «Высокопреосв. Модестъ, архіеи. волынскій и житомирскій (по поводу 50-тилѣтняго юбилея, 1849—1899)» сообщаютъ нѣсколько резолюцій Высокопреосвященнаго по поводу мѣстныхъ обычаевъ. Резолюціи эти относятся къ 1890—1891 годамъ.

Одинъ священникъ просилъ о перемѣщеніи на другой приходъ въ виду того, что крестьянинъ Д. съ своей женой не допускалъ его съ погребальною процессіей въ новоустроенную церковь, а просилъ раньше совершить бракъ. На этого крестьянина священникъ подалъ жалобу въ судъ. Высокопр. Модестъ писалъ: «Священникъ затѣялъ нехорошее дѣло. Будучи образованнымъ, онъ не вѣшалъ пужнымъ свизойти къ немощи необразованныхъ, напередъ не объяснилъ имъ, въ чемъ тутъ дѣло... И развѣ дѣло хорошее, чтобы священникъ судилъ своихъ прихожанъ за такое желаніе, чтобы прежде было въ церкви радостное молитвословіе, а потомъ печальное? Откуда штунда, откуда ненависть къ духовному вастырю, какъ не отсюда,—отъ неумѣнія священника поставить себя предъ прихожанами на духовной высотѣ мудрости, снисхожденія и даже защиты. Нужно поправить дѣло. По волеу желанію и желанію самаго священника, выраженному лично мнѣ, Духовная Консисторія снесетъ съ судебнымъ слѣдователемъ о прекращеніи дѣла».

Нѣкоторые изъ молодыхъ священниковъ, по неопытности своей, не слѣдовали давно установившимся обычаямъ въ приходѣ, и даже

старались (безъ всякихъ резонныхъ основаній) искоренить ихъ, чѣмъ вызывали недовольство, а иногда и беспорядки со стороны прихожанъ. Въ этихъ случаяхъ Владыка требовалъ обстоятельнаго распроса и провѣрки этихъ обычаевъ. По поводу доклада священника «объ упраздненіи заведенныхъ крестьянами разныхъ праздниковъ, не имѣющихъ ничего общаго съ церковностью», было поручено благочинному разслѣдовать путемъ распроса прихожанъ: 1) Когда и по какому случаю завелись обычаи праздновать не въ одни храмовые праздники, но и въ дни, избранные прихожанами? 2) правда ли, что будто только по желанію помѣщиковъ, неужели поляковъ? не эти ли помѣщики, наоборотъ, истребляли праздники? 3) не дѣйствительными ли причинами праздниковъ—бывшія въ этомъ приходѣ старыя церкви съ бывшими другими храмовыми праздниками, чѣмъ теперь? 4) не служатъ ли основаніемъ для праздниковъ чудотворныя или хвалебныя иконы, или лица святыхъ, которымъ по древнему преданію прихожане оказываютъ уваженіе?... Указываемые дни праздновались во всей Руси изъ древности. Зачѣмъ же уничтожать вѣру и усердіе къ храму при нынѣшнемъ вообще оскудѣніи благочестія? Бѣда только, что будто пьянствуетъ народъ. Но, во 1-хъ, проповѣдь постоянная равно или поздно возымѣетъ свою силу; во 2-хъ, развѣ у священниковъ въ храмовые дни не бываетъ гостей и угощеній; а главное,—священникъ, желающій уменьшить пьянство, пусть вмѣсто корчмы дастъ народу что-либо другое, напр., пусть послѣ обѣда соберетъ въ какой-либо домъ прихожанъ и показываетъ имъ священныя изображенія и объясняетъ священную исторію, догматы символа вѣры, заповѣди и проч. Взять у народа праздникъ подъ видомъ упраздненія пьянства и не дать ему взамѣнъ этого ничего, этимъ не только не уменьшится пьянство, но быть можетъ заведется штунда... Въ народѣ часто лучше сохраняется преданіе о древнихъ обычаяхъ православной церкви на Волыни, чѣмъ у священниковъ, переселяющихся съ мѣста на мѣсто. Волынское православіе содержится тысячу лѣтъ, и народъ его сохранилъ,—нужно это помнить, чтобы поправкою не испортить чего».

Такое же внушеніе дѣлаетъ высокопр. Модестъ и другому священнику «за то, что онъ, будучи неопытнымъ, и недавно состоя на приходѣ, безъ совѣта благочиннаго самовольно измѣняетъ древніе обычаи братчиковъ приносить и дѣлать свѣчи изъ желтаго воска.. Священникъ долженъ подробно описать обычай братства. Если что у него худо, то можно исправить безъ нарушенія общаго обычая

и нужно выработать правила. Священникъ требуетъ поддержать его авторитетъ предъ прихожанами. Какъ же поддержать, если онъ неправильно дѣлаетъ, раздражаетъ прихожанъ, уничтожаетъ обычаи и требуетъ, чтобы братчиковъ было не столько, сколько хотять прихожане, а сколько священникъ безъ основанія хочетъ назначить. Братчикамъ должны быть всѣ прихожане».

Съ осторожностью относился Владыка къ ходатайствамъ о запрещеніи нѣкоторыхъ обычаевъ (свадебныхъ) и разныхъ пѣсенъ. «Истреблять посредствомъ полиціи мѣстные обычаи, писалъ онъ, неудобно; иначе можетъ зародиться какая либо секта. Духовенство обязано въ поученіяхъ изъ слова Божія и постепенно безъ насилія увѣщевать оставить грубые обычаи и вводить вмѣстѣ съ тѣмъ святыя. Если допустить полицію въ среду внутренней жизни крестьянъ, то сельскія власти и полиція могутъ вмѣшаться въ обычаи и жизнь духовенства и выставить на видъ всѣ недостатки и неприглядные обычаи духовенства. А кто поручится, что этого нѣтъ!».

Въ числѣ неблаговидныхъ поступковъ прихожанами и даже священниками отмѣчалось пѣніе колядь, а иной разъ просили и совершенно воспретить колядовать во время Рождественскихъ праздниковъ въ виду возникающихъ беспорядковъ. По этому поводу давались слѣдующія разъясненія: «По изданному въ Холмѣ Богогласнику не воспрещается, а дозволяется пѣть въ домахъ (но не въ церкви) коляды по древнему обычаю. Запретить колядовать невозможно, такъ какъ это вкоренилось въ народѣ,—а что беспорядки есть, въ этомъ виновато само духовенство, что выпускало изъ рукъ управленіе коляда^{ми}... А потому: 1) поручить младшему священнику (собора) Г., чтобы онъ созвалъ въ церковь прихожанъ и сказалъ отъ моего имени, чтобы они вмѣстѣ съ священникомъ избрали колядниковъ, извѣстныхъ трезвостью и честностью, и чтобы начальникомъ надъ коляда^{ми} назначенъ былъ по общему согласію, одобренному священникомъ Г., такой человекъ, который бы, отличаясь трезвостью, честностью и влияніемъ на прихожанъ, могъ сдерживать ихъ буйства. 2) Объявить прихожанамъ, что по древнему обычаю колядованіе есть свидѣтельство, что колядующіе есть православные русскіе люди, а не поляки,—поэтому всякія польскія коляды воспрещаются рѣшительно. Если кто будетъ колядовать по-польски, то гражданское начальство подвергнетъ взысканію, и священникъ Г. пусть за этимъ слѣдитъ, а отвѣчаетъ за это предводитель колядниковъ. 3) Кроме того, объявить прихожа-

Томъ 75.—Октябрь, 1901.

намъ, что колядовать взято отъ дьячковъ. Только дьяки имѣли право колядовать. Это по-русски значитъ Христа славить. А для облегченія поручить братчикамъ помочь въ этомъ ему (дьячку) съ тѣмъ, чтобы половина дохода непременно была отдаваема въ церковь. Вообще священнику Г. поручается разъяснить прихожанамъ и колядникамъ и наставить ихъ, чтобы они не вели себя худо».

На рапортѣ священника Н. объ уничтоженіи, при посредствѣ гражданской власти, существующихъ въ народѣ разныхъ суевѣрій и обычаевъ послѣдовала такая резолюція: «Всякіе обычаи, существующіе въ Малороссіи, религіозные или домашніе, возникли не случайно, а на почвѣ исторической. Эти обычаи въ народѣ существуютъ и въ Великороссіи. Уничтожать обычаи зря и безъ разбору опасно, а необходимо исторически разслѣдовать сперва ихъ начальное происхожденіе и значеніе вообще и въ частяхъ. А потому, прежде разсмотрѣнія этого рапорта, предписать чрезъ благочиннаго священнику Н., чтобы онъ, прочитавши всѣ ученыя сочиненія, въ которыхъ описываются обычаи, пѣсни и обряды религіозные и домашніе на Волыни и въ Малороссіи, объяснилъ бы: 1) откуда произошли обычаи, о которыхъ говорить въ рапортѣ, въ его приходѣ; 2) имѣютъ ли эти обычаи связь съ обычаями прочихъ приходовъ Волыни и съ древнею народною жизнью; 3) кто изъ его предшественниковъ по настоятельству въ приходѣ, или изъ прежнихъ малорусскихъ ученыхъ хвалилъ или осуждалъ эти обычаи, или заботился объ ихъ перемѣнѣ; 4) кто и по какому случаю выдумалъ коляды; 5) не имѣютъ ли коляды какого либо отношенія ко времени борьбы народа за православіе и къ состоянію духовнаго образованія въ то время, когда онѣ составлялись; 6) какъ смотрятъ ученые на обычай колядъ въ Малороссіи,—пусть приведетъ свидѣтельства ученыхъ; 7) пусть узнаетъ, есть ли теперь обычай колядовать въ Холмской православной епархіи, и если есть, то почему допущены и какой взглядъ имѣли издатели колядъ въ наше время съ разрѣшенія духовной цензуры въ Холмѣ? По представленіи обстоятельныхъ отвѣтовъ на указанные пункты, будетъ разсмотрѣнъ и его рапортъ». (Волын. Епарх. Вѣд. за 1901 г., №№ 3, 4 и 9).

По поводу рецензіи на книгу Б. Д. Гринченка „Литература украинскаго фольклора“. (Письмо въ редакцію). Въ IX вынгѣ «Кіев-

ской Старины» за п. г. помѣщена рецензія г. Шугурова на мою книгу «Литература украинскаго фольклора». Прошу позволенія у многоуважаемой редакціи сдѣлать два-три замѣчанія въ видахъ возстановленія истины.

Указывая мои промахи, рецензентъ обвиняетъ меня въ сокрытіи точнаго заголовка одной книги (№ 635 указателя) и въ измѣненіи его у другой (№ 653) и говоритъ что, въ библиографическихъ указателяхъ нужно приводить заглавія точно. Смѣю увѣрить многоуважаемаго рецензента, что я не рѣшился-бы взяться за составленіе хотя-бы и «Опыта библиографическаго указателя», не будучи знакомъ съ столь элементарной для каждаго библиографа истиной, какъ необходимость точнаго приведенія заглавій. Если въ отмѣченныхъ случаяхъ и является неточность, то это произошло помимо моего желанія и независимо отъ меня: я, какъ это иногда приходится дѣлать библиографамъ, выписалъ эти заголовки изъ чужихъ библиографическихъ списковъ, такъ какъ самихъ книгъ не видѣлъ. Совершенно устранить всякое пользованіе чужими библиографическими отмѣтками и вносить въ списокъ только тѣ изданія, которыя удастся видѣть своими глазами, не возможно а потому приходится мириться съ возможностью въ такихъ случаяхъ и нѣкоторыхъ неточностей.

Насколько вообще трудно избѣгать ошибокъ при библиографической работѣ, показываетъ примѣръ приведеннаго въ рецензіи списка тѣхъ сочиненій, которыхъ рецензентъ у меня не нашелъ. При сравненіи его съ моимъ указателемъ выходитъ, что № 21 (Шипацкій), 23 (Замѣтки о пов.), 31 (Млр. чумаки), 36 (Суев. об.), 40 (Сч. Соломонъ), 41 (Дешко) 55 (Rawita)—значатся у меня (послѣднее, правда, не вполнѣ) подъ №№ 234, 300, 304, 417, 435, 478, 1179, при чемъ «Этнографическій Сборникъ», выпускъ шестой, вышелъ не въ 1863 г. какъ указано въ рецензіи, а въ 1864, какъ значится на самой книгѣ

Еще два слова по поводу писанокъ. Народный орнаментъ, конечно, не входитъ въ область фольклора,—вотъ почему мною совершенно сознательно не включены въ указатель всѣ перечисленные г. рецензентомъ сборники снимковъ съ писанокъ. Я вводилъ въ свою книгу только такіа статьи о писанкахъ, въ которыхъ находится что-либо касающееся фольклора (празднованія, обычаи, обряды, легенды и пр.). А такъ какъ въ указатель включались и программы фольклора, то мною внесены въ него и тѣ двѣ программы для собранія писанокъ, о которыхъ упоминаетъ г. рецензентъ: въ нихъ

говорится о собраніи относящагося къ писанкамъ фольклорнаго матеріала (напр., въ программѣ Музея г-жи Скаржинской на стр. 5—6 объ обычаяхъ, обрядахъ, преданіяхъ, сказкахъ, пѣсняхъ, поговоркахъ и пр.).

Въ заключеніе приношу мою искреннюю благодарность многоуважаемому рецензенту за его цѣнные дополненія и указанія мнѣ ошибокъ.

В. Гринченко.

Текущія извѣстія.

Памятникъ на могилѣ Е. П. Гребенки. Въ настоящее время выполнено уже постановленіе Пирятинскаго земскаго собранія отъ 30 сентября 1900 г. относительно постановки памятника на могилѣ Е. П. Гребенки. Поставленъ красивый ажурный чугунный крестъ на высокому пьедесталѣ. Весь памятникъ имѣетъ пять аршинъ высоты. Могила огорожена желѣзной рѣшеткой. На пьедесталѣ сдѣланы слѣдующія надписи: „Евгеній Павловичъ Гребенка, род. въ х. Убѣжищѣ 21 января 1812 г., ум. въ г. С.-Петербургѣ 3 декабря 1848 г.“ и „Незабвенному земляку Пирятинское земство 30 сентября 1900 г.“ Въ засѣданіи Пирятинскаго земскаго собранія 10 сентября 1901 г., по предложенію гласнаго Н. В. Стороженка, сдѣлано постановленіе о наименованіи Убѣжищенскаго начальнаго народнаго училища, находящагося всего въ нѣсколькихъ сажняхъ отъ могилы покойнаго писателя, «Училищемъ въ память Е. П. Гребенки» и о постановкѣ въ классной комнатѣ училища его портрета, каковой и переданъ для этой цѣли родственниками Е. П. Портретъ этотъ — копія съ извѣстнаго портрета кисти талантливаго портретиста Аполлона Моврицаго.

Могила Г. А. Мачтета. Со дня смерти Мачтета, каждый день на Аутское кладбище приходятъ многія лица осмотрѣть могилу покойнаго писателя. Надъ могилой Г. А. Мачтета возвышается (на аршинъ отъ земли) удлинненный четырехугольникъ,

со всѣхъ сторонъ обложенный камнями. На этомъ земляномъ возвышеніи лежатъ вѣнки изъ зелени и изъ живыхъ цвѣтовъ, принесенные сюда почитателями покойнаго писателя. Предъ могилой стоитъ деревянный крестъ, выкрашенный бѣлой краской. На крестѣ—желѣзная табличка, на которой написано: «Григорій Александровичъ Мачтетъ родился въ ноябрѣ 1850 года, скончался 13 августа 1901 г.». Крестъ на могилѣ Мачтета украшенъ вѣнками изъ искусственныхъ цвѣтовъ. (Од. Л. № 232).

Памятникъ на могилѣ И. П. Котляревскаго. 1-го сентября приступлено къ устройству каменной ограды вокругъ памятника надъ могилою извѣстнаго малорусскаго поэта И. П. Котляревскаго, на старомъ Полтавскомъ кладбищѣ; послѣ того будетъ поставленъ крестъ на самомъ памятникѣ, изготовленный въ земскомъ ремесленномъ (бывшемъ Дегиревскомъ) училищѣ по проекту художника А. К. Малова. На устройство этого памятника еще въ 1894 году губернскимъ земствомъ ассигновано 1000 р. и вчернѣ онъ былъ поставленъ на могилѣ осенью 1896 г., затѣмъ, вслѣдствіе неудовлетворительности постановки на кирпичномъ фундаментѣ, осенью 1898 г. этотъ послѣдній замѣненъ гранитомъ. Самый памятникъ, изъ чернаго мрамора, изготовлялся въ Табурищенской мастерской (Александрійскаго уѣзда, Херсонской губ.) г. Певнаго, по проекту мѣстнаго художника В. А. Волкова; бронзовый барельефъ для этого памятника изготовленъ въ мастерской земскаго ремесленнаго училища по оригиналу художника-скульптора Л. В. Позена. На устройство этого памятника до сего времени израсходовано 1136 руб. 19 коп. На немъ находятся слѣдующія надписи:

На лицевой сторонѣ:

«Будешь, батьку, пануваты,
Поки живуть люде;
Поки сонце зъ неба сяе
Тебе не забудуть».

На боковой:

«Іван Котляревський, перший український народній поет».

На другой боковой:

«Родився року Божого 1769, почивъ 1838».
«Коштомъ Полтавського губернського земства».

Высота всего памятника отъ основанія до 3-хъ сажень.

Примыкающая къ могилѣ поэта часть упраздненнаго кладбища распланирована осенью 1899 г. и тогда-же обнесена деревянной оградой. Деревясныя насажденія предположено здѣсь произвести ближайшей весной.

Это уже третій по времени сооруженія памятникъ И. П. Котляревскому: первый былъ сооруженъ въ 1839 г. другомъ покойнаго поэта П. С. Стеблинъ-Каминскимъ († въ 1856 г.) на собственный его счетъ, а второй, взамятъ предыдущаго, пришедшаго въ ветхость, въ 1869 г. бывшими друзьями и почитателями поэта, во главѣ которыхъ стоялъ извѣстный всей Полтавѣ (уже умершій) педагогъ С. П. Стеблинъ-Каминскій.

Чествованіе памяти М. В. Остроградскаго. 12 сентября въ Полтавѣ торжественно было отпраздновано столѣтіе со дня рожденія извѣстнаго талантливаго математика, нашего земляка, М. В. Остроградскаго. Родился онъ въ Кобелякс. у. Полт. губ.

Сочувственную критико-біографич. статью Остроградскому посвятилъ П. Быковъ въ № 248 «Биржевыхъ Вѣдомостей».

Коллекція В. В. Тарновскаго. Обширная коллекція украинско-козацкихъ древностей покойнаго В. В. Тарновскаго, завѣщанная имъ Черниговскому земству, до сихъ поръ хранилась въ зданіи Кіевского музея древностей и искусствъ, въ виду того, что устройство помѣщенія для земскаго музея въ Черниговѣ не было еще закончено. Въ настоящее время названное помѣщеніе готово, при чемъ земскій музей будетъ находиться въ бывшемъ зданіи сиротскаго суда, которое для этой цѣли соотвѣтственнымъ образомъ приспособлено. Мысль объ устройствѣ музея въ Мазепинскомъ домѣ не осуществлялась, такъ какъ земству не удалось пріобрѣсти этого дома. Устроивъ помѣщеніе для музея, Черниговское земство рѣшило безотлагательно перевезти въ Черниговъ изъ Кіева богатую коллекцію покойнаго В. В. Тарновскаго (обширный архивъ послѣдняго еще раньше перевезенъ въ Черниговъ). Въ настоящее время коллекція по описи слана правленіемъ Кіевского музея древностей и искусствъ уполномоченному Черниговскаго губернскаго земства г. Артюху, который спеціально для этого пріѣзжалъ въ Кіевъ. (Кіевл. № 265).

Портреты малороссійскихъ гетмановъ и полковниковъ. Отъ художника С. А. Мазараки уже поступили въ Кіевскій музей древностей и искусствъ 30 портретовъ малороссійскихъ гетмановъ и полковниковъ, исполненныхъ имъ для музея по заказу Н. А. Терещенко. Портреты исполнены по лучшимъ современнымъ портретамъ и гравюрамъ. Всѣ они будутъ заключены въ изящныя рамы, заказанныя также на средства Н. А. Терещенко. (Кіевлянинъ, № 236).

Фонетическая Коммиссія. При петербургскомъ университетѣ образованна особая фонетическая коммиссія для изученія звуковыхъ особенностей русскихъ нарѣчій. (Югъ, № 1018).

Новое художественное изданіе. Въ январѣ будущаго (1902) г. выйдетъ въ свѣтъ первый томъ предпринятаго редакціей журн. «Міръ Искусствъ» иллюстрированнаго изданія «Русская живопись въ XVIII в.». Весь этотъ трудъ будетъ состоять изъ трехъ томовъ. Первый—посвящается произведеніямъ Д. Г. Левицкаго, второй—портретистамъ 2-ой половины XVIII столѣтія (Рокотову, Антропову, Дрожжину, Шебанову, Аргуновымъ, Щукину и др.) и третій—В. Л. Боровиковскому

Въ виду того, что произведенія всѣхъ названныхъ живописцевъ составляютъ въ большинствѣ случаевъ частную собственность, редакція обращается ко всѣмъ владѣльцамъ картинъ и портретовъ упомянутыхъ мастеровъ съ просьбою сообщить редакціи (С.-Петербургъ, Фонтанка 11) объ имѣющихся у нихъ произведеніяхъ. Статьи о художникахъ будутъ написаны В. П. Горленко и А. Н. Бенуа. Цѣль изданія—собрать разрозненный и столь мало изслѣдованный матеріалъ о замѣчательныхъ русскихъ художникахъ, а также дать хорошіе снимки съ ихъ произведеній. (С.-Петербург. Вѣдомости).

Чествованіе А. А. Русова. 30 августа въ Полтавѣ торжественно чествовался 25-лѣтній юбилей статистической дѣятельности заслуженнаго общественнаго дѣятеля Александра Александровича Русова. Чествованіе происходило слѣдующимъ образомъ. 30 августа, въ часъ дня, депутація статистиковъ, во главѣ съ членомъ управы В. Я. Головной, отравились на квартиру юбиляра и, принеся ему хлѣбъ-соль, пригласила его въ помѣщеніе управы, гдѣ онъ былъ встрѣченъ при входѣ представителемъ губернской управы—заступающимъ

мѣсто предсѣдателя А. П. Волковымъ, который привѣтствовалъ юбиляра и поднесъ супругѣ его—С. Ф. Русовой букетъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Прослѣдовавъ въ залъ губернскихъ земскихъ собраній, юбиляръ занялъ мѣсто за столомъ, живописно декорированнымъ цвѣтами и задрапированнымъ малорусскими рушниками, а многочисленныя сослуживцы, друзья и почитатели чествуемаго заняли мѣста на стульяхъ. Первымъ произнесъ привѣтствіе заступающій мѣсто предсѣдателя губернской управы А. П. Волковъ отъ имени губернской земской управы. Затѣмъ слѣдовали: адресъ отъ сослуживцевъ-статистиковъ, адресъ отъ полтавцевъ на малорусскомъ языкѣ, прочитанный небезызвѣстнымъ въ малорусской литературѣ писателемъ Панасомъ Мирнымъ, поднесшимъ также юбиляру роскошный альбомъ видовъ и портретовъ дѣятелей Малороссіи. Отъ полтавскаго сельскохозяйственнаго Общества привѣтствіе произнесъ президентъ этого Общества Д. К. Квитка. Уполномоченный по сельско-хозяйственной части въ Полтавской губ. П. М. Дубровскій передалъ юбиляру, какъ члену редакціи газета „Хуторянинъ“, привѣтствіе отъ имени редакціи и вручилъ ему номеръ газеты отъ 30 августа, посвященный юбилею. По прочтеніи адреса отъ статистической комиссіи при петербургскомъ Императорскомъ вольно-экономическомъ Обществѣ и привѣтственной телеграммы отъ юридическаго факультета Императорскаго харьковскаго университета, заступающимъ мѣсто полтавскаго городского головы М. И. Сосновскимъ произнесено было привѣтствіе отъ имени полтавской городской управы. Далѣе слѣдовали адреса отъ иногороднихъ статистическихъ учреждений, отъ статистиковъ херсонскихъ, черниговскихъ, харьковскихъ, московскихъ, самарскихъ, саратовскихъ, оловецкихъ, кишиневскихъ. Послѣ привѣтствія, произнесеннаго извѣстнымъ писателемъ Вл. Г. Короленко отъ имени редакціи „Русскаго Богатства“, прочтаны были привѣтственныя телеграммы и письма отъ учреждений и отдѣльныхъ лицъ: отъ херсонской губ. зем. управы, отъ елисаветградской уѣзд. зем. управы, отъ правленія харьковской общественной бібліотеки, отъ Общества изданія дешевыхъ книгъ, отъ профессоровъ: А. Фортунатова, Горбъ-Ромашкевича и В. Левитскаго, отъ извѣстнаго писателя Д. Мордовцева, отъ малорусскихъ артистовъ: Кропивницкаго, Заньковецкой, Карпенко-Караго, Садовскаго и Саксаганскаго и отъ нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Чтеніе привѣтственныхъ телеграммъ, за ихъ многочисленностью, было прервано въ 3¹/₂ ч. дня и окончаніе отложено до вечера.

Вечеромъ состоялся въ честь А. А. Русова вокально-музыкальный вечеръ, въ которомъ принялъ, между прочимъ, участіе малорусскій поэтъ Галайда, превосходно исполняющій на бандурѣ старыя малорусскія думы и пѣсни. Послѣ концерта состоялся, длившійся до 4 часовъ утра, ужинъ, на которомъ было не менѣе 200 лицъ, и за которымъ произнесено много рѣчей и тостовъ, въ прозѣ и стихахъ, на русскомъ и малорусскомъ языкахъ. Многіе ораторы говорили, между прочимъ, что это не статистическій праздникъ, а праздникъ русской интеллигенціи.

Сочувственныя статьи, посвященныя А. А. Русову, помѣстили газеты: «Одесскій Листокъ» № 229, «Южный Край» № 7126, «Югъ» №№ 1003 и 1010, «Хуторянивъ» №№ 35 и 37, «Харьк. Губ. Вѣд.» № 228.

Словарь къ произведеніямъ Шевченка. На засѣданіи «Языковой Комисіи Товариства ім. Шевченка» во Львовѣ, 18 мая постановлено составить словари къ произведеніямъ Т. Г. Шевченка и Маркіана Шашкевича. Предложили свои услуги для этой работы др. Коцовскій и др. Студинскій. Подобный словарь къ произведеніямъ Котляревскаго въ настоящее время уже готовится.

Вечеръ въ память М. П. Драгоманова. 13 іюля во Львовѣ, въ залѣ гостиницы «Beile uce», устроенъ былъ львовской украинской молодежью вечеръ въ память М. П. Драгоманова, съ участіемъ хора, на которомъ, послѣ реферата, говорились рѣчи, декламировали. Вечеръ открылся народнымъ гимномъ, а закончился пѣніемъ «Не пора, не пора». Наиболѣе интересной частью вечера былъ рефератъ г. Цавлика о Драгомановѣ, въ которомъ референтъ сравнивалъ послѣдняго съ Шевченкомъ, указывая причины, почему культъ Драгоманова не привился у насъ такъ, какъ культъ Шевченка; отмѣтилъ, чему русины могутъ научиться у Драгоманова. (Лит.-Наук. Вістникъ, кн. VIII).

Гоголевскій альбомъ. Къ предстоящей въ февралѣ 1902 года пятидесятилѣтней годовщинѣ со дня смерти Николая Васильевича Гоголя (1808—1852) полтавскій фотографъ-художникъ І. Ц. Хмѣлевскій готовитъ художественный т. н. «Гоголевскій альбомъ». Въ этотъ роскошный сборникъ гелиографуръ войдетъ все, представляющее извѣст-

ный интересъ и относящееся къ жизни и личности великаго писателя; такъ напр., въ альбомѣ будутъ помѣщены портреты Гоголя въ разныхъ возрастахъ. Затѣмъ въ альбомѣ войдутъ копіи собственноручныхъ акварельныхъ и карандашныхъ рисунковъ и набросковъ перомъ Н. В. Гоголя, портреты его матери, сестеръ, нѣкоторыхъ друзей и группы родственниковъ; виды родового имѣнія Гоголя, Яновщины, гдѣ есть уголки, какъ напр., аллея и прудъ, которые сохранились со времени Ник. Вас. почти безъ измѣненія, снимки нѣкоторыхъ предметовъ, принадлежавшихъ Н. В. Гоголю, и т. п. Хотя коллекція снимковъ, сдѣланныхъ г. Хмѣлевскимъ въ Яновщинѣ и окрестностяхъ, довольно значительна, но для пополненія ея онъ намѣренъ предпринять поѣздку, совмѣстно съ сотрудникомъ «Новаго времени» В. П. Горленко, въ Миргородъ, Сорочинцы, Яреськи, Кибенцы и Нѣжинъ.

Защита церкви. Интересный эпизодъ сообщаетъ кременчугскій интеллигентъ въ VI кв. Литерат.-Научнаго Вистника. Въ большомъ м. Власовкѣ, на берегу Дѣбира, съ незапамятныхъ временъ стояла церковь, сооруженная, какъ говорятъ, еще запорожцами, фундаторами и первыми поселенцами м. Власовки. Парафіане очень любили свою церковь и еще 10 лѣтъ тому назадъ издержали не малую сумму на ея обновленіе и «благолѣпіе». Но въ послѣднее время сосѣдніе хуторяне повели агитацію противъ этого памятника славной старины и добивались, чтобы Консисторія перенесла церковь на другое мѣсто, п. ч. имъ далеко ходить въ Власовку. Подавъ тайно отъ Власовцевъ прошеніе, они своего добились—и церковь была назначена къ сносу. Сколько ни просили, сколько ни молили Власовцы (подавали даже прошеніе объ этомъ), ничего не вышло. Тогда всѣ прихожане постановили не отдавать никому и никогда своей святыни, и въ день, назначенный для разборки церкви, всѣ собрались возлѣ нея. Бабы, дѣвчата и дѣти наполнили погостъ («цвѣтаре») и заперли изнутри «брану»; мужчины окружали погостъ плотной стѣной, и полиція ничего не могла сдѣлать. Администрація пошла на уступки и дала Власовцамъ еще двѣ недѣли срока.

Тѣмъ временемъ Власовцы выбрали одного уважаемаго всѣми казака и отравили его въ Москву и Петербургъ, въ Синодъ. Делегатъ взялъ съ собой прошеніе, въ которомъ Власовцы умоляютъ оставить имъ церковь, въ которую ходили еще ихъ отцы и дѣды, и гдѣ

сохранилось много вещей, цѣнныхъ для археологій и исторіи мѣстности, какъ кресты, евангелія, иконы и т. п. Говорятъ, что делегату удалось въ Москвѣ видѣть графиню Уварову—предсѣдателя Императ. Москов. Археолог. Общества—и послѣдняя дала отъ Комиссіи «по сохраненію старинныхъ памятниковъ» письмо къ оберъ-прокурору Св. Синода. Добрался посолъ и въ Петербургъ, побывалъ и у оберъ-прокурора, подробно все рассказалъ и получилъ обѣщаніе, что церкви не будутъ разрушать до рѣшенія дѣла въ Синодѣ. Веселый и счастливый возвращается денутать на родну!.. А тѣмъ временемъ двухнедѣльный срокъ истекъ, и администрація приступила къ исполненію прежняго распоряженія. Но какъ только явилось начальство въ село, во всѣхъ церквахъ раздались набаты, и народъ сталъ собираться къ церкви. Опять повторилась та же сцена, что и двѣ недѣли тому назадъ. Интересно, что на помощь Власовцамъ понашло много народа изъ Кіевщины и Херсонщины и общими силами стали защищать козацкую церковь. Ничего не могла подѣлать ни мѣстная полиція, ни уговоры благочиннаго, пристава и писаря. «Не дамо руйноваты церкви, ажъ пока не прійде зъ Петербурга нашъ ходокъ!»—кричала толпа. И вотъ именно въ этотъ моментъ является посолъ изъ Петербурга съ радостной вѣстью. Какое, однако, послѣдуетъ рѣшеніе Синода, еще неизвѣстно, но тѣмъ временемъ Власовцы отстояли дорогую для себя святыню.

Выборы галицкихъ пословъ въ сеймъ. На состоявшихся въ концѣ августа выборахъ въ Галиціи галицкіе русины, сравнительно съ прежнимъ числомъ, понесли урочъ: избрано всего лишь 13. Изъ прежнихъ вновь избраны: Остаичукъ, др. Олесницкій, Барвинскій, Мандычевскій и Охримовичъ; новые: свящ. Богачевскій, др. Король, Ант. Старухъ, др. Могиальницкій, Гурикъ, Глиджукъ, Барабашъ и свящ. Мазикѣвичъ. Но и это незначительное число пословъ фактически еще меньше, т. к. Мандычевскій и Охримовичъ врядъ-ли будутъ отстаивать интересы русиновъ. (Дѣло, ч. 190).

Къ кустарному съѣзду въ Полтавѣ. На предстоящемъ въ Полтавѣ съѣздѣ дѣятелей по кустарной промышленности между прочими будутъ представлены доклады: А. М. Киселя—«На что должно быть обращено главное вниманіе при мѣропріятіяхъ для развитія и

совершенствованія мѣстныхъ кустарныхъ промысловъ», секретаря Кіевского сельско-хозяйственнаго Общества г. Осадчаго— «Кустарные промыслы въ области развитія капиталистическаго земледѣлія», секретаря Зѣньковской уѣздной земской управы г. Ярошевича— «Важнѣйшія нужды кустарныхъ промысловъ Зѣньковского уѣзда» и «Соціальное положеніе кустарей» (жилищная обстановка, питаніе, продолжительность рабочаго времени, высота заработной платы, чувство солидарности—артели, спилки и т. д.), и І. А. Чурилу— «О состояніи кустарныхъ промысловъ въ Харьковскомъ уѣздѣ въ 1898 году».

Такимъ образомъ, число вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію предстоящаго съѣзда дѣятелей по кустарнымъ промысламъ постепенно растетъ, а вмѣстѣ съ этимъ растетъ и значеніе самаго съѣзда. Кромѣ этого, большой интересъ будетъ представлять собою выставка купленныхъ издѣлій, на которой, между прочимъ, будутъ экспонироваться земледѣльческія орудія и машины,—издѣлія кустарей Прилукскаго уѣзда, коллекція глиняной посуды изъ Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи, саножныя издѣлія изъ Смѣлы, и изъ Полѣсья— модели подвозныхъ матеріаловъ изъ дерева.

Для привлеченія къ участию въ съѣздѣ кустарей-крестьянъ организаціоннымъ комитетомъ приняты должныя мѣры, при чемъ, какъ было уже сообщено, ассигнована денежная сумма для того, чтобы каждому кустарю, прибывшему на съѣздъ, было обезпечено бесплатное помѣщеніе на одномъ изъ мѣстныхъ постоянныхъ дворовъ и ежедневное содержаніе въ размѣрѣ 25—30 к. въ день на человѣка.



БИБЛОГРАФІЯ.

Земляки (достопамятные уроженцы Черниговской земли). С. Пономарева. Черниговъ. 1898.

Болѣе 15-ти лѣтъ тому назадъ намъ пришлось слышать, что извѣстный своими многими библиографическими трудами С. И. Пономаревъ занимается составленіемъ библиографическаго словаря замѣчательныхъ уроженцевъ Малороссіи, послѣ чего мы не имѣли вѣстей о томъ, какъ именно въ теченіе истекшихъ вслѣдъ затѣмъ лѣтъ подвигалась эта работа. Краткія свѣдѣнія объ этомъ даетъ маленькая брошюрка, названіе которой мы выписали и о которой, придерживаясь поговорки: „лучше поздно, чѣмъ никогда“, мы нашли нужнымъ дать хоть запоздалое извѣстіе, такъ какъ, представляя собою оттискъ изъ мало распространеннаго изданія „Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ и будучи отпечатана въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, не поступававшихъ въ продажу, она остается неизвѣстною нашимъ библиографамъ.

Брошюрка эта составляетъ относящееся къ Черниговской губерніи сжатое извлеченіе изъ упомянутаго словаря, который въ цѣломъ составѣ обнимаетъ уроженцевъ Черниговской, Полтавской, Кіевской, Волынской и Подольской губерній и въ которомъ, какъ говоритъ авторъ, онъ старался помѣстить всѣхъ тѣхъ уроженцевъ этого края, „въ комъ горѣла Божія искра, кто подвигомъ добрымъ подвизался и о комъ осталась въ обществѣ въ какомъ-нибудь отношеніи выдающаяся память“. Въ этомъ словарѣ, какъ объясняетъ онъ далѣе, онъ заботился узнать мѣсто рожденія, сословіе, родъ занятій,

время смерти и тѣ источники, откуда можно получить подробныя свѣдѣнія о данномъ лицѣ.

Опубликованное извлеченіе изъ словаря состоитъ изъ перечня фамилій достопамятныхъ уроженцевъ Черниговской губерніи, разделеннаго на двѣ части. Въ первой части эти уроженцы перечислены по сану и званію и расположены въ такомъ порядкѣ: прежде всѣхъ указанъ основатель монашества св. Антоній Печерскій, затѣмъ — первые иноки изъ князей (Никола Святоша и Игорь), мученики (кн. Михаилъ и бояринъ Θεодоръ), одна инокиня — игуменья (преп. Евфросинія, княжна Суздальская); дальше слѣдуютъ: митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты — настоятели Кіево-Печерской Лавры, придворные духовники и проповѣдники, ректоры, протопресвитеры и кафедральные протоіерей, гетманы, полковники малороссійскихъ полковъ, члены государственнаго совѣта, министры, сенаторы, генералы, адмиралы, попечители учебныхъ округовъ, профессора, писатели и журналисты, композиторы, артисты, художники, паломники и путешественники, общественные дѣятели на различныхъ поприщахъ, издатели, пчеловоды, наконецъ — козаки (которыхъ указано два: Мойсей Осьмакъ и Андрей Шуть). — Во второй части перечня тѣ же самыя лица распределены по уѣздамъ, по мѣсту рожденія, а въ концѣ перечислены тѣ, точное мѣсто рожденія которыхъ (городъ или уѣздъ) автору неизвѣстно. Особую группу въ спискѣ составляютъ лица, происходящія изъ Черниговскихъ дворянъ, но родившіяся въ другихъ губерніяхъ, причемъ не совсѣмъ понятно, почему именно это сдѣлано только по отношенію дворянъ, а если жена священника, или купчиха, мѣщанка, крестьянка Черниговской губерніи, для разрѣшенія отъ бремени, отиравится въ Кіевъ или Москву, чтобъ пользоваться пособіемъ лучшихъ акушеровъ, или по какой бы то ни было причинѣ во время рожденія ребенка будетъ находиться внѣ своей губерніи, то рожденные ею дѣти, по системѣ автора, уже не будутъ принадлежать Черниговской губерніи.

Означенный двойной списокъ фамилій опубликованъ, повидимому, съ той цѣлью, чтобъ вызвать появленіе поправокъ и дополненій, какъ объ этомъ можно заключать изъ слѣдующихъ словъ автора: «Съ любовью къ родинѣ, пишущій эти строки влнается читателямъ на всѣ четыре стороны и проситъ поправокъ и дополненій къ настоящему труду».

Находя очень симпатичную мысль составить біографическій словарь замѣчательныхъ малороссовъ, мы сожалѣемъ, что авторъ въ своемъ трудѣ не охватилъ весь южно-русскій край, а ограничился пятью названными губерніями, исключивъ губерніи Харьковскую, Херсонскую, Екатеринославскую и Черноморскую. Затѣмъ, если уже составлять біографическій словарь, то, кромѣ указанія мѣста и года рожденія, сословія, рода занятій и времени смерти лицъ, вносимыхъ въ словарь, было бы желательно въ этомъ словарѣ имѣть и какія нибудь свѣдѣнія о томъ, какъ именно каждое изъ этихъ лицъ, по выраженію автора, „подвигомъ добрымъ подвизался“, какія дѣла творилъ, разумѣется—въ объемѣ, соотвѣтствующемъ значенію каждая; указаній только же на *родъ* занятій въ этомъ отношеніи слишкомъ недостаточно.

Что касается до желательныхъ автору поправокъ и дополненій къ его труду, то ихъ очень трудно дѣлать вслѣдствіе чрезвычайной краткости опубликованнаго авторомъ извлеченія, представляющаго собою перечень фамилій безъ обозначенія не только именъ, но даже инициаловъ именъ (за немногими исключеніями), почему относительно многихъ помѣщенныхъ въ этомъ перечнѣ фамилій нельзя съ увѣренностью сказать, о комъ именно идетъ рѣчь.

Не находя поэтому возможнымъ сдѣлать обстоятельныя поправки и дополненія, ограничимся немногими замѣчаніями.

Достопамятные *Лашкевичи* у автора значатся только въ одномъ Мглинскомъ уѣздѣ; въ другой же части списка („по сану и званію“) Лашкевичи указаны въ числѣ писателей и журналистовъ, а одинъ Лашкевичъ—въ числѣ общественныхъ дѣателей. Какихъ именно Лашкевичей Мглинскаго уѣзда разумѣлъ авторъ, представляется неизвѣстнымъ. Изъ уроженцевъ этого уѣзда мы знали только одного Лашкевича, которому принадлежитъ два или три стихотворенія, напечатанныхъ въ журналѣ „Русская Рѣчь“, и который занималъ скромную должность акцизнаго надзирателя. Но едва-ли этого Лашкевича могъ имѣть въ виду авторъ. Гораздо больше соотвѣтствовало указаннмъ имъ условіямъ и по нашему мнѣнію необходимо подлежалъ внесенію въ словарь бывшій редакторъ-издатель Кіевской Старины Александръ Степановичъ Лашкевичъ, который принадлежалъ къ дворянамъ Новозыбковскаго уѣзда и былъ уроженцемъ села Брахлово, названнаго уѣзда, гдѣ и довольно долго служилъ, какъ это

было въ свое время разсказано въ Кіевской Старинѣ. 1) Весьма вѣроятно, что въ числѣ упомянутыхъ писателей и журналистовъ авторъ разумѣлъ и А. С. Лашкевича, но, не имѣя въ виду свѣдѣній, опубликованныхъ въ Кіевской Старинѣ, неправильно, считалъ его уроженцемъ Млиинскаго уѣзда, съ которымъ у покойнаго Александра Степановича не было ничего общаго.

Въ числѣ уроженцевъ г. Нѣжина и его уѣзда авторомъ указанъ только одинъ *Конисскій*, и такъ какъ въ другой части перечня никакого Конисскаго между писателями не значится, а указанъ Конисскій только въ спискѣ архіепископовъ и епископовъ, то представляется несомнѣннымъ, что подъ упомянутымъ уроженцемъ г. Нѣжина авторъ разумѣлъ архіепископа могилевскаго Георгія Конисскаго и слѣдовательно пропустилъ въ своемъ словарѣ недавно умершаго писателя Александра Яковлевича Конисскаго, который, также какъ и Георгій Конисскій, былъ уроженцемъ г. Нѣжина, какъ это видно изъ помѣщеннаго въ Кіевской Старинѣ 2) некролога его.

Кромѣ того, мы замѣтили въ трудѣ С. И. Пономарева слѣдующіе пропуски. Изъ бывшихъ министровъ не указанъ извѣстный Дмитрій Прокофьевичъ *Трощинскій*, который былъ уроженцемъ Глухова. 3) Кромѣ Трощинскаго, приведенный авторомъ списокъ высшихъ сановниковъ и генераловъ, военныхъ и статскихъ, изъ уроженцевъ Черниговской губерніи, можно было дополнить еще очень многими лицами. Но не будучи увѣрены въ томъ, считалъ ли авторъ высокое положеніе по сану или чину само по себѣ достаточнымъ основаніемъ для внесенія извѣстнаго лица въ свой словарь (хотя помѣщеніе въ которыхъ фамилій дѣлаетъ такое предположеніе болѣе чѣмъ вѣроятнымъ) не станемъ перечислять всѣхъ этихъ лицъ.

Изъ профессоровъ и писателей авторомъ не указаны слѣдующіе: бывший профессоръ университета св. Владимира, докторъ ботаники Илья Григорьевичъ *Борцовъ*, который происходилъ изъ дворянъ

1) 1889 г. № 12.

2) 1901 г. № 1.

3) См. „Словарь достопамятныхъ людей русской земли“ Вантышъ-Каменскаго, ч. V, стр. 150—156, — „Опытъ біографій генераль-прокуроровъ и мнистровъ юстиціи“ Иванова, стр. 127—136, и предисловіе Попова къ запискѣ Трощинскаго объ учрежденіи министровъ, въ Сборникѣ Русскаго Историч. Общества, т. III, стр. 1—162.

Черниговской губерніи, хотя родился внѣ ея; 1) бывший профессоръ Нѣжинскаго лицей, магистръ государственнаго права Михайлъ Дмитріевичъ *Затыркевичъ*, уроженецъ Сосницкаго уѣзда; 2)—бывшій профессоръ петербургской медико-хирургической академіи Иванъ Гавриловичъ *Карпинскій*, уроженецъ Новгородсѣверскаго уѣзда;—магистръ политической экономіи, доцентъ Московскаго университета Владиміръ Александровичъ *Косинскій*, уроженецъ Глуховскаго уѣзда; магистръ русской исторіи, авторъ «Исторіи Тверскаго княжества», удостоенной Уваровской преміи, Владиміръ Степановичъ *Борзакосскій*, изъ дворянъ Черниговской губерніи; 3)—авторъ сочиненія «Міръ реальный и міръ идеальный» Иванъ Яковлевичъ *Быковъ*, уроженецъ Стародубскаго уѣзда;—авторъ разныхъ педагогическихъ статей Николай Θεодосьевичъ *Левицкій*, сынъ священника Черниговской губерніи, 4)—и авторъ разныхъ сочиненій для дѣтскаго чтенія, одно изъ которыхъ было премировано фребелевскимъ обществомъ, Ананій Гавриловичъ *Лякида* или *Лякидэ*, 5) уроженцемъ г. Новгородсѣверска. Наконецъ, въ число Конотоускихъ уроженцевъ нужно было бы помѣстить и почтеннаго автора труда, о которомъ мы говоримъ, чего по своей скромности онъ не сдѣлалъ, указавъ только одного Пономарева—пчеловода.

Приведенный авторомъ списокъ художниковъ мы можемъ дополнить указаніемъ на слѣдующихъ лицъ: уроженца м. Ични, Борзенскаго уѣзда, Виктора Михайловича *Резамова*, написавшаго много

¹⁾ Биографическія свѣдѣнія объ немъ имѣются въ Биографическомъ словарѣ профессоровъ университета св. Владиміра, стр. 63—70.

²⁾ См. биографическій очеркъ его, написанный А. Сребницкимъ, въ изданіи Гербеля „Лицей вн. Безбородко“, 2-ое изданіе стр. 259—260, и некрологъ его въ газетѣ „Жизнь и Искусство“ 1894 г. № 213.

³⁾ Краткія биографическія свѣдѣнія объ немъ имѣются въ „Словарѣ русскихъ писателей“ Венгерова, томъ V, стр. 172—176.

⁴⁾ См. „Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей“ Д. Языкова, выпускъ 5, стр. 98—99, и статью И. Каманина: „Памяти одного Кіевскаго педагога“, въ Кіевской Старинѣ 1885 г., № 6, стр. 357—363.

⁵⁾ Подъ своими сочиненіями онъ подписывался „Лякидэ“, какъ называли его и въ некрологахъ (умеръ въ 1895 г.), но въ спискахъ Новгородсѣверской гимназіи, въ которой онъ воспитывался, какъ онъ самъ, такъ и воспитавшіеся тамъ же братья его, а равно отецъ ихъ, служившій надзирателемъ той же гимназіи, — писались всегда «Лякида»

малороссійскихъ видовъ, ¹⁾ уроженцевъ г. Нѣжина Николая Семеновича *Самокиша* и Филиппа Антоновича *Чирку* ²⁾ и уроженца г. Чернигова Ивана Григорьевича *Рашиевского*.

Изъ музыкальныхъ дѣятелей, по нашему мнѣнію, заслуживали быть упомянутыми не указанные авторомъ Гавріилъ Андреевичъ *Рачинскій*, скрипачъ и отчасти композиторъ, уроженецъ г. Новгородсѣверска, ³⁾— Александръ Ивановичъ *Рубецъ*, бывшій профессоръ петербургской консерваторіи и устроитель музыкальной школы въ г. Стародубѣ, собиратель и издатель мотивовъ малорусскихъ пѣсень, композиторъ и авторъ разныхъ сочиненій, касающихся музыки, происходящій изъ дворянъ Стародубскаго уѣзда, но родившійся въ г. Чугуевѣ, Харьковской губерніи, гдѣ въ это время находился его отецъ, служившій въ военной службѣ, ⁴⁾—и бывшій оперный дирижеръ въ Кіевѣ и Одессѣ *Велинскій* (имени и отчества не помнимъ), сынъ Велинскаго, который въ спискѣ г. Пономарева значится въ числѣ высшихъ са-новниковъ.

Съ другой стороны, относительно нѣкоторыхъ внесенныхъ въ списокъ фамилій намъ кажется сомнительнымъ, чтобъ они были уроженцами Черниговской губ. Но, не имѣя возможности, за необозначеніемъ имени, утверждать, что авторъ дѣйствительно разумѣлъ тѣхъ, а не иныхъ лицъ, и не зная, чѣмъ именно онъ устанавливаетъ ихъ мѣсто рожденія, не рѣшаемся возражать, а упомянемъ только объ одномъ случаѣ, о которомъ мы можемъ говорить съ увѣренностью. Въ числѣ достопамятныхъ уроженцевъ Суражскаго уѣзда имъ указанъ *Листовскій*, который въ спискѣ по сану и званію, значится писателемъ. Очевидно, рѣчь идетъ о бывшемъ Суражскомъ уѣздномъ предводителѣ дворянства Иванѣ Степановичѣ Листовскомъ, которому принадлежатъ разные литературные труды. Но этотъ И. С. Листовскій былъ уроженцемъ не Суражскаго уѣзда, а Оренбургской губерніи и,

¹⁾ О нѣкоторыхъ изъ нихъ мы говорили въ Кіевской Старинѣ 1893 г. № 2, стр. 375.

²⁾ Краткія біографическія свѣдѣнія о всѣхъ трехъ названныхъ художникахъ можно найти въ изданіи Булгакова «Наши художники»

³⁾ См. некрологъ его въ Москвитянинѣ 1843 г., № 11, и статью „Г. А. Рачинскій, знаменитый скрипачъ, біографическій очеркъ“ Э. Ситченка въ Черниг. Губ. Вѣдомостяхъ 1849 г. №№ 47 и 48.

⁴⁾ Въ спискѣ г. Пономарева указанъ одинъ Рубецъ, который значится профессоромъ университета; такого лица мы не знаемъ.

если не ошибаемся, происходитъ отъ польской фамиліи; обитателемъ же Суражскаго уѣзда и мѣстнымъ предводителемъ дворянства онъ сдѣлался только потому, что женился на правнучкѣ графа Завадовскаго, имѣвшей большое имѣніе въ Суражскомъ уѣздѣ. Уроженцами этого уѣзда были только дѣти И. С. Листовскаго, но изъ нихъ никто не подходитъ подъ тѣ условія, при которыхъ авторъ считалъ нужнымъ вносить тѣхъ или иныхъ лицъ въ свой словарь, а другихъ Листовскихъ не только въ Суражскомъ уѣздѣ, но и вообще въ Черниговской губерніи не бывало.

Въ заключеніе, отвѣчая желанію автора, укажемъ неизвѣстныя ему мѣста рожденія нѣкоторыхъ лицъ. Въ послѣдней части списка по мѣсту рожденія, подъ рубрикой: «неизвѣстныхъ мнѣ мѣстъ» у него значатся между прочимъ *Андреевскій* и *Чалый*, а въ спискѣ по сану и званію Андреевскій (съ обозначеніемъ, въ видѣ исключенія, инициаловъ имени: «Ст. С.») указанъ подъ той рубрикой, гдѣ перечислены губернаторы, а Чалый значится въ числѣ писателей. Очевидно, въ первомъ случаѣ надо разумѣть Степана Семеновича Андреевскаго, который былъ первымъ директоромъ петербургской медико-хирургической академіи, а затѣмъ занималъ должность астраханскаго губернатора и который былъ уроженцемъ Нѣжинскаго уѣзда, 1) а во второмъ—Михаила Корнѣевича Чалаго, который самъ указалъ мѣсто своего рожденія (г. Новгородсѣверскі) въ своихъ воспоминаніяхъ, помѣщенныхъ въ *Кіевской Старинѣ* 2), а раньше того оно было указано въ краткой біографіи его, написанной А. Сребнидкимъ и напечатанной въ книгѣ Гербеля «Лицей кн. Безбородко». 3) Кромѣ того, авторомъ не указано мѣсто рожденія недавно скончавшагося Степана Даниловича *Носа*, который былъ уроженцемъ Конотопскаго уѣзда. 4)

Усматриваемая изъ изложеннаго неосвѣдомленность почтеннаго автора относительно свѣдѣній, давно опубликованныхъ въ такихъ

1) См. *Исторію медицинскихъ школъ въ Россіи* Чистовича, стр. 181 и *Энциклопедическій Словарь* Брокгауза и Ефрона, т. I стр. 757.

2) См. *Кіевскую Старину* 1889 г. № 1.

3) Изданіе 2-ое, стр. 223—225.

4) См. „*Очеркъ жизни и дѣятельности С. Д. Носа*“ Г. Коваленко въ *Кіевской Старинѣ* 1901 г., № 9.

изданіяхъ, какъ Киевская Старина (объ А. С. Лашкевичѣ и М. К. Чаломѣ), Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона (о С. С. Андреевскомѣ), Словарь русскихъ писателей Венгерова (о В. С. Борзаконскомѣ) и вышедшее подъ заглавіемъ «Лицей вн. Безбородко» собраніе жизнеописаній директоровъ, профессоровъ и замѣчательнѣйшихъ воспитанниковъ единственнаго въ Черниговской губерніи высшаго учебнаго заведенія (о томъ-же М. К. Чаломѣ и М. Д. Затыркевичѣ), — даетъ возможность заключать, что, составляя свой біографическій словарь, авторъ не пользовался самыми необходимыми для его труда пособиями. Казалось бы, вмѣсто того, чтобъ обращаться къ читающей публикѣ съ просьбою о поправкахъ и дополненіяхъ къ одной части труда, касающейся Черниговской губерніи, естественноѣе было заглянуть въ означенныя изданія для необходимыхъ и многихъ исправленій и дополненій по всѣмъ частямъ этого труда. Но авторъ занимается своей работой въ уѣздномъ городѣ, не имѣющемъ библіотекъ, пользуясь для нея только своей собственной библіотекой, въ которой могутъ отсутствовать многія изданія, чѣмъ, повидимому, и нужно объяснить незнакомство его съ упомянутыми свѣдѣніями. Если это такъ, объ этомъ нельзя сожалѣть, особенно по отношеніямъ къ Киевской Старинѣ, ибо въ настоящее время невозможно указать другое изданіе, которое заключало бы въ себѣ, такъ много біографическихъ свѣдѣній о замѣчательныхъ малороссахъ, какъ Киевская Старина, почему біографическій словарь, составленный безъ ознакомленія съ содержаніемъ этого журнала, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть полнымъ.

Пожелаемъ однако автору, не смотря на указанныя неблагопріятныя условія, на сколько возможно успѣшно окончить свой трудъ.

Н. Шугуровъ.

Гр. Алексѣй Вобринскій. Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы. Томъ третій. Дневники аскопокъ 1889—1897 г.г. Спб. 1901, in 4°, XII+174 стр. + XXI табл. + 2 карты.

Настоящимъ томомъ гр. Вобринскій заканчиваетъ свое цѣнное изданіе. Матеріалъ, помѣщенный въ немъ, въ большинствѣ случаевъ является продолженіемъ и дополненіемъ содержанія двухъ предыду-

щихъ томовъ, въ зависимости отъ продолженія раскопокъ и поступленія въ Смѣлянское собраніе новыхъ находокъ. Наряду съ дневниками своихъ личныхъ раскопокъ, гр. Бобринскій счелъ умѣстнымъ присоединить и дневники раскопокъ другихъ лицъ. Мотивомъ для этого послужило или поступленіе предметовъ изъ такихъ раскопокъ въ собраніе графа, или близость районовъ, гдѣ производились раскопки. Помѣщеніе такихъ дневниковъ можно только приветствовать, они представляютъ самый цѣнный результатъ каждой раскопки—не всегда, однако, это принимается во вниманіе и мы вполнѣ присоединяемся къ сожалѣнію, высказанному графомъ (стр. 62), по поводу того, что, напр., часть коллекціи г. Мазаракви, происходящая изъ его раскопокъ въ Роменскомъ у. и поступившая въ Смѣлянское собраніе, была представлена *«безъ описанія раскопокъ и безъ общанныхъ изслѣдователемъ дневниковъ»*,—такія раскопки превращаются въ поговю за предметами и здѣсь научныя цѣли отходятъ на задній планъ...

Дневникамъ раскопокъ предшествуетъ вступленіе, гдѣ гр. Бобринскій распредѣляетъ на эпохи древности средняго Приднѣпровья; давая краткія характеристики каждой и высказывая desiderata по отношенію къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ той или другой изъ нихъ.

Древнѣйшій періодъ раздѣляется графомъ на каменный вѣкъ—палеолитическая эпоха и на каменно-бронзовую эпоху—енеолитическую по западно-европейской терминологіи. Мы не можемъ согласиться съ такой группировкой, такъ какъ не видимъ здѣсь еще одной эпохи, богатой по оставленнымъ ею памятникамъ, тянувшейся несомнѣнно очень продолжительное время и прошедшей черезъ нѣсколько фазъ своего развитія,—говоримъ о неолитической эпохѣ, долженствующей занять среднее мѣсто среди двухъ предыдущихъ.

Совершенно умѣстно для слѣдующей за неолитомъ эпохи взято гр. Бобринскимъ названіе енеолитической эпохи, когда въ каменную индустрію, продолжающую еще жить и занимать преобладающее положеніе, начинаетъ проникать металлъ. Эпоха эта, благодаря раскопкамъ и открытіямъ послѣдняго времени, начинаетъ мало-по-малу очерчиваться яснѣе, пріобрѣтая право на самостоятельное положеніе. Гр. Бобринскій опредѣляетъ ее какъ эпоху «каменно-бронзовую»,—не будетъ-ли правильнѣе для древностей средняго Приднѣпровья, назвать ее каменно-мѣдной? Къ этой эпохѣ относятся курганы со скорченными и окрашенными костяками. А. А. Слицынъ, давшій подробную характеристику этихъ кургановъ, совершенно справедливо

указываетъ на то пренебреженіе, въ какомъ они находились и отчасти находятся и теперь у нашихъ археологовъ—раскопки ихъ велись и ведутся съ непозволительной небрежностью, нѣтъ подробнаго изученія инвентаря могилъ, не сдѣлано анализа встрѣчающихся металлическихъ издѣлій—и очень возможно, что большинство послѣднихъ окажется не бронзовыми, какъ ихъ обыкновенно опредѣляютъ, а мѣдными; по крайней мѣрѣ форма нѣкоторыхъ изъ нихъ прямо указываетъ на мѣдь. Сюда же гр. Бобринскимъ относится и недавно открытая у насъ до-микенская культура; а, какъ извѣстно, всѣ найденныя здѣсь металлическіе предметы изготовлены исключительно изъ мѣди.

Мы намѣренно остановились на вопросѣ о названіяхъ, такъ какъ вопросъ этотъ имѣетъ отношеніе къ переходу къ слѣдующей доисторической эпохѣ, какой, по аналогіи, должна быть бронзовая. Гр. Бобринскій, вслѣдъ за проф. Антоновичемъ, отрицаетъ присутствіе ея у насъ. Не вѣрнѣе-ли будетъ, если не признавать, то занять, такъ сказать, выжидательное положеніе въ данномъ вопросѣ? Самъ авторъ не отрицаетъ, что находки бронзовыхъ орудій довольно многочисленны, извѣстно нѣсколько кладовъ ихъ, встрѣчаются и литейныя формы и даже, благодаря раскопкамъ автора, мы имѣемъ, повидимому, погребеніе бронзового вѣка (у с. Теклино, возлѣ Смѣлы). Все это указываетъ скорѣе на существованіе, хотя-бы и непродолжительное бронзового періода, чѣмъ на отсутствіе его.

Конецъ енеолитической эпохи датируется VП—VI в. до Р. X. Слѣдующій затѣмъ довольно длинный періодъ—VI—II до Р. X. и даже позже—періодъ скифо-сарматскій, подраздѣляемый на староскифскій и ново-скифскій. Главная характеристическая черта его, по мнѣнію гр. Бобринскаго, вліяніе греческой культуры и отсутствіе предметовъ, которые можно было бы отнести къ римскому времени. Приводимыя основанія вполне убѣдительны, а потому и принимаемое нѣкоторыми подраздѣленіе этой эпохи на скифскую—съ греческимъ вліяніемъ, и сарматскую—съ римскимъ, должно быть оставлено.

Послѣ значительнаго перерыва, съ III по VI в. по Р. X. слѣдуетъ эпоха переселенія народовъ, характеризуемая предметами т. н. готскаго типа,—эпоха мало еще у насъ изученная.

Благодаря послѣднимъ открытіямъ кургановъ и полей погребенія съ предметами, носщими признаки римскаго вліянія и съ римскими монетами, отчасти можетъ быть заполненъ и тотъ перерывъ,

о которомъ только-что упомянуто,—объ этомъ говоритъ вскользь и самъ авторъ (сюда можетъ быть отнесенъ разрытый графомъ курганъ № CCCXLV у с. Ковалихи на лѣвомъ берегу р. Ташлыка). Переходомъ отъ доисторическаго времени къ историческому служить славянская эпоха—VI—IX в., съ славянскими могилами и могилами кочевниковъ. Эти послѣднія частью входятъ уже въ историческое—княжеское время, представителями котораго являются главнымъ образомъ предметы съ городищъ и случайныя находки, зачастую въ видѣ цѣнныхъ кладовъ.

Переходя къ «Дневникамъ», нужно отмѣтить ихъ тщательность. Здѣсь опредѣляется положеніе могильника или кургана, даются размѣры послѣднихъ, отмѣчаются всѣ открытія и въ концѣ дневниковъ раскопокъ каждой группы приводятся «соображенія», гдѣ сводятся всѣ наблюденія, отмѣняются болѣе интересные факты и дается опредѣленіе эпохи. Эти «соображенія» очень оживляютъ по необходимости сухое изложеніе дневниковъ и освѣщаютъ даваемый послѣдними сырой матеріалъ.

Какъ можно будетъ видѣть изъ слѣдующаго краткаго резюме этой части труда гр. Бобринскаго, преобладающіе типы погребеній въ данной части Кіевской губ. (гл. обр. бассейвъ р. Тясмина) относятся къ енеолитической и скифо-сарматской эпохамъ.

Первая глава заключаетъ дневники раскопокъ кургановъ между р. Серебрянкою и Ирдынемъ, которыя или являются продолженіемъ прежнихъ раскопокъ, или обнимаютъ собой новыя группы. Раскопки производились въ 6-ти группахъ и вскрыто болѣе 50-ти насыпей. Преобладаютъ погребенія неоскифской эпохи, хотя встрѣчены и енеолитическія. При описаніи инвентаря этихъ послѣднихъ, авторъ почти постоянно употребляетъ выраженіе «отточенные кремни», такъ что можно думать, что это шлифованныя орудія; на самомъ-же дѣлѣ, судя по описаніямъ орудій, ихъ можно скорѣе отнести къ отбивнымъ. Большинство скифскихъ кургановъ оказалось уже ограбленнымъ въ древности, такъ напр. въ Староселецкомъ могильникѣ, изъ 39-ти изслѣдованныхъ кургановъ, нетронутаго не оказалось ни одного.

Что ограбленія производились спустя непродолжительное время послѣ погребенія, на это указываетъ фактъ, констатированный въ одномъ изъ кургановъ этой группы: здѣсь трупъ былъ вынутъ изъ могилы, ограбленъ и снова брошенъ въ могилу въ то время, когда кости были еще связаны мышцами. Въ группѣ у с. Теклино,

кромѣ скифскихъ могилъ, обнаружено еще, какъ о томъ мы уже упомянули, погребеніе, которое по всѣмъ даннымъ относится къ бронзовому вѣку. Здѣсь, полъ небольшой могильной насыпью (курганъ снесенъ для постройки хаты), на уровнѣ грунта, оказался остовъ повидимому молодой женщины. Кости потревожены, скелеть головой на югъ. При костяхъ находилась глиняная посуда, большой шейный бронзовый обручъ, съ прекрасной патиной, концы его свернуты въ большіе спиралевидные щитки, два бронзовыхъ щитка такой-же конструкціи, глиняная пряслица и небольшой кусокъ гранита, одна сторона котораго сглажена. Подобные этому обручи, но меньшихъ размѣровъ, въ формѣ браслетовъ, встрѣчены въ Венгріи и Богеміи, а также и въ Сямбирской губ. Кромѣ кургановъ, было обследовано у с. Старосельчца и большое городище, давшее предметы различныхъ эпохъ, начиная отъ древнѣйшихъ и кончая IX—XII в. христіанской эры.

Во второй главѣ—дневники раскопокъ 4-хъ кургановъ на правомъ берегу р. Серебрянки; всѣ встрѣченныя погребенія—энеолитическія, но въ насыпяхъ кургановъ обнаружены погребенія и позднѣйшія, относящіяся даже къ римскому времени, судя по находкѣ части бронзовой фибулы. Повутно гр. Бобринскій перечисляетъ здѣсь всѣ фибулы, выѣющіяся въ его собраніи и происходящія почти исключительно изъ случайныхъ находокъ; фибулы относятся ко времени отъ I в. до р. X. и до V в. по Р. X., болѣе древнихъ фибулъ, такъ частыхъ въ Зап. Европѣ, въ Европ. Россіи, по словамъ автора, до сихъ поръ не встрѣчалось.

Далѣе идутъ курганы на лѣвомъ берегу р. Тасмина; разрыты ихъ до 30-ти. Погребенія энеолитическія, неоскифскія и, въ одномъ случаѣ—съ римскимъ влияніемъ. Обнаружены здѣсь (на лѣвомъ берегу р. Ташлыка, у с. Ковалихи) и слѣды древняго поселенія, просуществовавшаго начиная съ энеолитической эпохи до конца скифской и даже позже. Въ концѣ главы помѣщена вводная статья о свастикѣ. Въ вопросѣ о свастинѣ гр. Бобринскій останавливается на теоріи проф. Steinen'a, которую повидимому раздѣляетъ; по ней, основнымъ мотивомъ орнаментики первобытныхъ племенъ индогерманской расы служитъ картина наступающей весны, въ смыслѣ общаго воскресенія силъ природы, борьбы свѣта съ мракомъ, и т. д. Вѣстниками весны являются птицы, особенно аисты, которые и ведутъ борьбу съ пресмыкающимися, главнымъ образомъ со змѣями. По теоріи ученаго профессора первобытнѣйшій человѣкъ взялъ для мотивовъ своей орна-

ментаціи этихъ добрыхъ и злыхъ животныхъ и путемъ схематизаціи превратилъ ихъ въ разные виды геометрическаго орнамента. Проф. Steinen и даетъ рядъ такихъ послѣдовательныхъ превращеній: стоящая или сидящая птица обращается въ зигзагъ, летящій аистъ—въ свастику, гнѣздо—въ четырехъугольникъ (есть еще гнѣздо съ маткою и гнѣздо съ яйцами), ползущая змѣя—въ зигзагообразную линію. Теорія эта представляется намъ совсѣмъ не серьезной, если не сказать больше. Вѣдь всѣмъ извѣстно, что первобытный художникъ былъ въ высокой степени реалистомъ,—схематизаціи и стилизаціи являются уже продуктомъ дальнѣйшаго и продолжительнаго развитія изобразительнаго искусства, геометрической-же орнаментъ, которымъ преимущественно украшены издѣлія первобытнаго человѣка, возникъ конечно не изъ аистовъ, гнѣздъ и змѣй, а имѣетъ свое основаніе въ ритмѣ—основѣ всѣхъ вообще искусствъ.

Курганы близъ Гуляй-Города занимаютъ четвертую главу; раскопки здѣсь производились въ трехъ могильникахъ и въ городкѣ надъ берегомъ Тясмина; расколано около 40 кургановъ. Погребенія относятся къ скифской и болѣе поздней эпохѣ.

Въ послѣдующихъ главахъ даются свѣдѣнія о продолженіи изслѣдованія стоянки каменнаго вѣка подъ Юрьевой горой, подробно описанной въ I-мъ томѣ труда автора, о раскопкахъ кургановъ на правомъ берегу р. Тясмина (въ курганѣ съ енеолитическомъ погребеніемъ вѣроятно по ошибкѣ проникли древніе грабители и оставили тамъ деревянный ломъ и лубочное ведро), о раскопкахъ кургановъ въ окрестностяхъ Шпола (раскопки Ю. Ф. Абаза—посуда до—микенской культуры) и о раскопкахъ близъ г. Звенигородки (раскопки Самоквасова у с. Рыжановки).

Двѣ предпослѣднія обширныя главы посвящены: одна—курганамъ Роменскаго у., другая—дневникамъ Е. А. Зноско-Боровскаго.

Нагорный берегъ Сулы, съ массой расположенныхъ тамъ некрополей, давно уже привлекалъ изслѣдователей. Курганы заключаютъ погребенія скифскаго типа; большинство могилъ разграбленно въ древности, рѣдкия-же, оставшіяся нетронутыми, вознаграждаютъ труды изслѣдователей цѣнными находками. Гр. Бобринскій собралъ изъ разныхъ источниковъ свѣдѣнія о произведенныхъ здѣсь раскопкахъ (напр. Самоквасова и Кибальчича), но главное мѣсто удѣлилъ раскопкамъ С. А. Мазараки, приводя его дневники, а въ случаяхъ, гдѣ таковыя не были представлены,—описывая предметы.

Дневники Е. А. Зноско-Боровскаго обнимают преимущественно курганы Каневского у. (103 кургана). Они указывают на ту любовь, съ какою Е. А. Зноско-Боровскій (нынѣ покойный) относился къ дѣлу; въ нихъ отмѣчена каждая мелочь (особенно въ дневникахъ болѣе поздняго времени)—все это говорить за то, что при раскопкахъ имѣлись въ виду лишь научныя, а не меркантильныя цѣли. Покойный до конца былъ послѣдовательнымъ и все свое богатое собраніе завѣщалъ Кіевскому музею древностей и искусствъ, куда оно уже и поступило. Опубликованіе дневниковъ является лучшимъ почтеніемъ памяти покойнаго. Открытія Е. А. Зноско-Боровскимъ погребенія относятся къ енеолитической и скифской (преимущественно) эпохамъ; онѣ дали много интересныхъ наблюдений и находокъ; встрѣтились также и погребенія качевниковъ, особенно цѣнно одно изъ нихъ (у с. Ковалей), сохранившее полное вооруженіе воина—кочевника. Кромѣ Каневского у., Зноско-Боровскимъ вскрыто два кургана въ Золотоношскомъ у. Полтавской губ., оба оказались очень интересными, относясь одинъ къ енеолитической эпохѣ, другой—къ скифской.

Конецъ труда гр. Бобринскаго занимаютъ перечни предметовъ изъ случайныхъ находокъ. Особого вниманія заслуживаетъ кладъ, найденный въ 1893 г. у с. Хацки. Почти всѣ предметы сдѣланы изъ изъкопробнаго серебра в состоят изъ пряжекъ, бляхъ, привѣсковъ и т. п., относящихся къ разряду т. н. готскихъ издѣлій (IV—VII в. по Р. X.).

Таково вкратцѣ содержаніе этого тома раскопокъ близъ м. Смѣлы. Содержаніе довольно разнообразное, но составленное съ соблюденіемъ всѣхъ условій, требуемыхъ отъ научнаго труда. Не довольствуясь изложеніемъ фактовъ, гр. Бобринскій въ нужныхъ случаяхъ ихъ объединяетъ, проводитъ параллели, особенно цѣнныя въ такого рода изслѣдованіяхъ. Обширное знакомство автора, помимо русской, съ западно-европейской литературой предмета, еще болѣе увеличиваетъ цѣнность работы и лишь остается пожалѣть, что настоящій томъ является послѣднимъ.

Съ внѣшней стороны изданіе не оставляетъ желать лучшаго; помѣщенные въ текстъ многочисленныя рисунки, а также таблицы въ концѣ книги, исполнены, за немногими исключеніями, вполне удовлетворительно, нѣкоторые-же изъ нихъ даже иллюминированы красками и золотомъ.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 9; 2) Русская Старина, № 9; 3) Историческій Вѣстникъ, № 9; 4) Вѣстникъ Всемирной Исторіи, № 9; 5) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 9; 6) Вѣстникъ Европы, № 9; 7) Русская Мысль, № 9; 8) Научное Обзорѣніе, № 9; 9) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 8 и 9; 10) Przewodnik naukowy i literacki, № 9; 11) Bibliot. Warszaw. № 9; 12) Литер.-Науков. Вѣстникъ, № 9; 13) Кіевск. Универс. Изв., № 6—8; 14) Книжки Восхода, № 8 и 15) Миръ Божій, №№ 8 и 9.

Русскій Архивъ, № 9.

Изъ воспоминаній Д. В. Бартечева (Укрощеніе Еврейскаго погрома въ городѣ Борзнѣ) (стр. 44—48).

Сообщаются подробности еврейскаго погрома въ нѣкоторыхъ пунктахъ Черниговской губ., въ томъ числѣ и въ Борзнѣ, очевидцемъ котораго былъ авторъ.

Замѣчательная надгробная надпись (стр. 127—128).

Приведена надпись на латинск. языкѣ, находящаяся въ «приворной» церкви Скоропадскихъ въ с. Дунайцѣ, Глуховск. у. Надпись эта—эпитафія гласитъ о томъ, что здѣсь покоится Анна Михайловна Скоропадская, внучатая племянница гетмана Скоропадскаго, бывшая замужемъ за генер.-аншефомъ Юріемъ Григорьевичемъ Ливеномъ (р. 1695, ум. 1763), скончавшаяся въ 1840 г. на первомъ году брачной жизни.

Историческій Вѣстникъ, № 9.

Записки Н. И. Мамаева (Продолженіе). Часть вторая. Гл. XXV—XXVIII (стр. 784—827).

Авторъ „Записокъ“ рассказываетъ о своемъ прибытіи въ 1838 г. въ Кіевъ въ качествѣ адъютанта волынскаго губернатора Маслова; объ отъѣздѣ, послѣ осмотра лаврскихъ пещеръ, къ мѣсту назначенія; о житомірскихъ впечатлѣніяхъ, въ особенности рѣзкихъ для автора, благодаря великорусскому происхожденію его и полному незнакомству съ малорусскимъ и польскимъ народомъ и его обычаями; сообщаетъ о дѣятельности администраціи и своей лично въ разыски-

ваніи и арестѣ наиболѣе опасныхъ дѣятелей польской партіи; описываетъ отдѣльные пункты, какъ-то Овручъ, съ его достопримѣчательностями, Острогъ, Дубно, Кременецъ, Почаевскую Лавру.

Н. А. Крыловъ. Кадеты сороковыхъ годовъ. (Личныя воспоминанія) (стр. 943—967).

Авторъ, товарищъ по корпусу братьевъ Жемчужниковыхъ, сообщаетъ любопытныя біографич. данныя о нихъ.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 9

И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ. О смѣшанномъ характерѣ всѣхъ языковъ (стр. 13—24).

Небольшая статья (вступительная лекція, читанная въ С.-Петербур. университетѣ), въ которой авторъ въ общихъ чертахъ говоритъ о смѣшеніи всевозможныхъ группъ языковъ, въ томъ числѣ и славянскихъ. Въ настоящее время замѣчается, по словамъ автора, взаимное вліяніе польской языковой области и области малорусской; русскаго литературнаго языка и разныхъ говоровъ, какъ великорусскихъ, такъ и малорусскихъ, равно какъ и языка польскаго во всемъ его разнообразіи. Отраженія иноплеменныхъ особенностей на основномъ фонѣ языковаго строя и состава (лингвистически смѣшанныя области) можно видѣть, между прочимъ, въ областяхъ великорусской, малорусской, болгарской и др.

Въ отдѣлѣ «Критика и бібліографія» (стр. 222—223) данъ весьма сочувственный отзывъ о книгѣ «К. Харламовичъ. Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII в. Казань 1898».

Русская Мысль, № 9.

Павелъ Матвѣевъ. Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ въ приказѣ Малой Россіи и его отношенія къ дѣламъ и людямъ этого края (стр. 46—75). Статья эта, начатая въ № 8-мъ, освѣщаетъ личность Артамона Матвѣева, какъ очень популярнаго челоука въ Малороссіи въ качествѣ «неотступнаго защитника и усерднаго ходатая за Украину», когда онъ былъ начальникомъ приваза Малой Россіи (съ 1669 года). Особенно характерно въ этомъ случаѣ его поведеніе въ дѣлѣ, затѣянномъ Ординъ-Нащокинымъ, о подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху. Насколько Ординъ-Нащокинъ являлся упрямымъ предслѣдователемъ этой мысли, настолько Артамонъ Матвѣевъ при-

держивался політики умиротворяючої и умѣль ублажать представителѣй малоросійскаго духовенства, какъ въ этомъ вопросѣ, такъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ.

Въ бібліографическомъ отдѣлѣ помѣщеніи краткіе отзывы о книгахъ: 1) *Яворскій «Очерки по исторіи русской народной словесности» т. I. Львовъ, 1901 г.*; 2) *Тупиковъ «Страсти Христовы въ западно-русскомъ спискѣ XVII в.»*. Спб. 1901 г.

Научное Обзорніе. № 9.

И. Стещенко. Иванъ Петровичъ Котляревскій (Историко-литературный очеркъ) (стр. 81—105).

Въ настоящей части своего очерка авторъ задался цѣлью выяснитъ соціальный смыслъ произведеній И. П. Котляревскаго съ опредѣленіемъ ихъ общественнаго значенія. По опредѣленію автора, нашъ поэтъ является феодальнымъ мелкимъ землевладѣльцемъ-дворяниномъ, выросшимъ на почвѣ крѣпостничества и мирившимся съ послѣднимъ, но не мирившимся съ угнетеніемъ козаковъ, личная свобода которыхъ, соединенная съ землевладѣніемъ, освящалась при томъ феодализмомъ. Вообще же классовый характеръ личности К—го: «идеологъ мелкаго землевладѣнія», а объективность содержанія Энеиды можно прямо толковать «въ смыслѣ идеализаціи козачества и порицанія враждебныхъ ему группъ общества... Нужно сказать, что эти мысли автора слишкомъ темны, а доказательства не убѣдительны.

Труды Кіевской Духовной Академіи, № 8.

А. Бѣлгородскій. Кіевскій митрополитъ Герооѣй Малицкій (1796—1799 гг.) (Окончаніе.) (стр. 470—528).

Въ послѣдней, пятой, главѣ своего труда авторъ разсматриваетъ дѣятельность митр. Герооѣя по отношенію къ Кіевской духовной Академіи. Въ качествѣ прибавленія къ этой главѣ авторъ присоединилъ еще нѣсколько страницъ возстановленія Кіево-Братскаго монастыря, упраздненнаго, какъ извѣстно, Высочайшимъ указомъ 1786 года.

Літературно-Науковий Вістник, № 9.

Наш альбом. Ритми, I—VI, Лесі Украинки. — Буркутські станси, I—IV, I. Франка. — Із віршів Якіма Сугиги, I—IV (стр. 233—240).

Из оповідань Ол. Гавриша. I. Дядько Яким. II. Верба (стр. 241—255).

Первое — слабый психологический набросокъ, второе — сказка (тема заимствована) о происхождении вербы изъ „вередливои“ бабы. *З давнього минулого.* Про Олександра Яковлевича Конисского, Дмитра Марковича (стр. 256—260).

Воспоминанія о покойномъ, относящіяся къ 1862 году, — во времени пребывания А. Я. Конисскаго въ Вологдѣ.

Вирід. Оповідання Осипа Шпитка (далі) (стр. 261—286).

Художественное произведение на чисто психологической основѣ: выясненіе духовнаго міра субъекта, именуемаго, съ общественной точки зрѣнія, „выродомъ“, а на самомъ дѣлѣ обладающаго не малымъ духовнымъ богатствомъ.

Арсен Яворенко, драма В. Гринченка (конецъ буде) (стр. 287—305).

Современная драма, отражающая общественныя явленія нашего времени. Главный герой — инженеръ Арсенъ Яворенко, посвятившій себя на служеніе общественному благу — въ частности поднятію материальнаго и духовнаго быта крестьянъ своего и окрестныхъ сель.

Образки. I. Хочу докучити тобі, Марти ** (стр. 306—308).

II. Смутна пісня, Надії Кибальчич (308—312).

Послѣднее — картинка изъ сельской жизни: грустная судьба сельской учительницы, не имѣющей ни откуда поддержки и не видающей когда-бы то ни было выхода изъ своего положенія.

Трицять від ста, опов. Матильди Серао (конецъ буде) (стр. 313—351).

Из оповідань Анатоля Франса: III Король пѣе (352—357).

Из переспівів Павла Грабовською. Ілля Муромецъ (великоруська біліна) (далі буде) (стр. 358—360).

Прекрасный переводъ былины объ Ильѣ Муромцѣ съ сохраненіемъ ритма подлинника.

З остатніх десятиліть XIX в., Івана Франка (конецъ) (стр. 112—132).

Прекрасная, интересная, обстоятельная статья, представляющая критико-историческій очеркъ культурнаго развитія украинско-русскаго народа въ теченіе послѣднихъ трехъ десятилѣтій. Авторъ

указываетъ на наиболѣе выдающіеся моменты въ этомъ развитіи; на наиболѣе крупныя силы, способствовавшія послѣднему.

Будучність імнагий, уваги проф. д-ра Фрідріха Паульзена (стр. 153—160) (конецъ буде).

Авторъ высказываетъ твердое убѣжденіе, что современный типъ германскихъ и другихъ классическихъ гимназій необходимо долженъ претвориться въ гуманитарную школу безъ древнихъ языковъ.

Хроніка и бібліографія (стр. 30—40).

Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 6—8.

№ 6. *А. С. Грушевскій*. Очеркъ исторіи Турово-Пинскаго княжества X—XIII вв. (съ генеалогич. табл. и картою). Сочиненіе, удостоенное ист.-филологич. факультетомъ золотой медали (стр. 1—78).

Авторъ раздѣлилъ свой трудъ на три части. Въ первой говоритъ о территоріи и населеніи Турово-Пинской области; во второй—даетъ очеркъ исторіи этого княжества и, наконецъ, въ послѣдней касается нѣкоторыхъ фактовъ внутренней исторіи, какъ то: сильно развитое общественное самосознаніе въ Турово-Пинскомъ княжествѣ (походы на Туровъ 1157 г. и 1160), взаимныя отношенія Турова и Пинска, а также сообщаетъ свѣдѣнія относительно Туровской епископіи.

Означенный трудъ, свидѣтельствующій о немалой эрудиціи и усидчивости автора, явится полезнымъ дополненіемъ къ цѣлой серіи областныхъ монографій, рассматривающихъ судьбы отдѣльныхъ русскихъ земель и княжествъ.

№№ 7 и 8. *В. А. Чаговецъ*. Жизнь и сочиненія преподобнаго Θεодосія. Сочиненіе, удостоенное ист.-филол. факультет. золотой медали (стр. 1—70, 71—121).

Авторъ въ данномъ трудѣ талантливо и живо рассматриваетъ и разрѣшаетъ вопросы о жизни и литературной дѣятельности преп. Θεодосія. Къ труду привлечены списки произведеній, вновь открытыхъ авторомъ.

№ 7. *М. В. Довнар-Запольскій*. Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонахъ. (Продолженіе) (стр. 413—485).

Продолженіе 4-й главы—о косвенныхъ налогахъ. Въ данной части авторъ рассматриваетъ данныя о внутреннихъ таможенныхъ и

торговыхъ пошлинахъ съ мельницъ (мельничное право), заводовъ для производства спиртныхъ напитковъ; скарбовые доходы отъ акцизовъ и монополій.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Сочиненія Г. Θ. Квитки-Основьяненка. Вышло изъ печати второе изданіе III и IV томовъ сочиненій украинскаго писателя Г. Θ. Квитки-Основьяненка, издаваемыхъ харьковскимъ уѣзднымъ земствомъ. Первое изданіе разошлось безъ остатка. Въ сравнительно большомъ количествѣ сочиненія выписываются въ Кіевской и Черниговской губерніяхъ, вообще же спросъ на произведенія Квитки идетъ со всѣхъ сторонъ, гдѣ только пребываютъ малороссы. Складъ изданія находится въ харьковской уѣздной земской управѣ, которая выручаемая отъ продажи сочиненій деньги обращаетъ въ капиталъ, предвѣщаемый на нужды училища имени писателя въ с. Основѣ. Училище это лучшее въ Харьковскомъ уѣздѣ. (Х. Губ. Вѣд. № 226)

Въ № 5159 газ. „Одесскія Новости“ помѣщена была статья, посвященная 70-лѣтію со дня рожденія извѣстнаго писателя Д. Л. Мордовцева, въ которой характеризуется его литературная дѣятельность. Газета напоминаетъ о его огромной популярности, называетъ его горячимъ и искреннимъ „украинофиломъ“, защитникомъ украинской народности отъ нападокъ шовинистовъ, честнымъ просвѣщеннымъ писателемъ.

Предполагаемое періодическое изданіе. Проживающій въ Петербургѣ г. Короненко обратился въ главное управленіе по дѣламъ печати съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему издавать въ городѣ Холмѣ, Люблинской губерніи, еженедѣльникъ для народа, въ религіозно-общественномъ направленіи на малороссійскомъ языкѣ. (Kurjer Warszawski).

Въ т. XIV (Serya II) „Rozprawy Akademii Umiejętności Wydział Historyczno-filozoficzny (39 т. общаго собранія) помѣщены два важныхъ изслѣдованія.

1) *F. Piekosiński. Statut litewski. Część I* (стр. 61—130), въ которомъ авторъ въ хронологическомъ порядкѣ даетъ обзоръ всѣхъ привилеевъ королевскихъ, начиная съ 1387 г., легшихъ затѣмъ въ основу т. наз. Литовскаго статута; послѣдній имѣлъ три редакціи: 1529, 1564 и 1588 (напечат. на русск. яз. въ Вильнѣ въ томъ же году у Мамонича). Кромѣ того, для земли Волынской и княжества Кіевскаго оказалась потребность издать особую редакцію (собственно вторая редакція, съ опущеніемъ отдѣла о военныхъ дѣлахъ и различными поправками, признанными сеймиками); но эта редакція такъ никогда и не была напечатана. Въ дальнѣйшей части своего труда авторъ общаетъ произвести сравненіе содержанія отдѣльныхъ редакцій статута для опредѣленія развитія и измѣненій различныхъ правовыхъ институцій.

2) Того же автора— „*Wiece, sejmiki, sejmy i przywileje ziemskie w Polsce wieków średnich*“ (стр. 171—251).

Приводя, въ хронологическомъ порядкѣ, данныя о вѣчахъ, сеймахъ и сеймикахъ, авторъ иногда даетъ указаніе на участіе въ послѣднихъ и русскаго элемента, т. напр., въ 1436 г. на съѣздѣ между Вишней и Рогатычами утверждена конфедерація земель русскихъ, а именно: львовской, подольской, перемышльской, санецкой, галицкой, холмской и белзской; въ 1438 (и въ 1453 привилей) на вольномъ сеймѣ король (Владисл. III Ягеллончикъ) издалъ привилей, въ которомъ, между прочимъ, заявлялъ, что не допуститъ, чтобы какая нибудь изъ земель—Литва, Русь, Подолія и Молдавщина—были отняты отъ Короны Польской; въ 1452 г. было четыре съѣзда—3 земскихъ и сенаторскій (вольный), на которыхъ рѣшался вопросъ объ отобраніи Луцка и всей Подоліи отъ Литвы,—назначено было даже „рушеніе“ земель сандомірской, любельской и русской на Луцкъ; въ 1456 г. на генеральномъ сеймѣ въ Корчинѣ подтверждены: привилей слободъ для русскихъ земянь и земскій привилей для земель краковской, сандомірской, любельской, львовской, перемышльской и русской; въ 1465 г.—во Львовѣ сеймъ земель русскихъ (Руси и Подоліи) по частному дѣлу; такой же—въ 1477 въ Красноставѣ, наконецъ въ 1496 г. на піотрковскомъ вольномъ сеймѣ, при участіи духовенства, земянь и депутатовъ отъ земянь установлены были пункты для земскихъ (повѣтовыхъ) сеймиковъ, какъ то: холмскій—въ Грубешовѣ, белзскій—въ Буску, перемышльскій—въ Мосцисквѣ,

подольскій—въ Каменцѣ, саноцкій—въ Саноцкѣ, львовскій—въ Вишнѣ,
галицкій—въ Тереховѣ.

Въ т. VI, кн. 1. „Извѣстій Отдѣл. Русск. яз. и Словесности
Императ. Акад. Наукъ“ за 1901 г. помѣщена статья А. И. Соболев-
скаго „Чудо св. Климента, папы Римскаго“. Древне-русское „слово“
(домонгольскаго періода) стр. 1—8.

Судя по тексту, видно, что святой близокъ автору кievлянину;
по его словамъ—самъ Господь привелъ святого въ „нашу русскую
страну“, къ своимъ „врагамъ и отступникамъ“. Слово, какъ видно,
было произнесено или прочитано надъ мощами Климента.

Въ №№ 204 и 205 газ. „Дѣло“ помѣщена статья о. Юсифа
Ганкевича „За руски старинности и згадка за исторію нашихъ сто-
рѣвъ“, въ которой авторъ даетъ рядъ фактовъ, историко-бытового
характера, интересныхъ для исторіи древн. Звенигорода (галицкаго),
Саратова и др. смежныхъ пунктовъ.

Въ № 249 газ. „Кіевская Газета“ помѣщена интересная за-
мѣтка, которую и заимствуемъ отсюда. „Въ серединѣ прошлаго (1900)
года вышелъ (въ Кіевѣ) сборникъ украинскихъ стихотвореній подъ
названіемъ „Викъ“. Въ этотъ сборникъ, имѣвшій задачей предста-
вить образцы украинской поэзіи за истекшее (въ 1898 г.) столѣтіе
существованія художественной украинской литературы, вошли про-
изведенія лучшихъ украинскихъ писателей отъ Котляревскаго до
нашихъ дней. Очень добросовѣстно и талантливо составленный, въ
полномъ смыслѣ слова художественно изданный и сравнительно не-
дорогой, сборникъ этотъ имѣлъ такой успѣхъ въ публикѣ, что въ
настоящее время ужъ совершенно разошелся (отпечатанъ онъ былъ
въ 1600 экз.). Необычайный успѣхъ стихотворнаго сборника „Викъ“,
показавшій, что въ нашемъ обществѣ существуетъ большой спросъ
на серьезно составленную, изящно изданную, хоть и дорогую украин-
скую книгу, побудилъ редакцію названнаго сборника продолжить
свою въ высшей степени интересную и полезную работу.

Въ настоящее время, какъ мы знаемъ изъ самыхъ достовѣр-
ныхъ источниковъ, воплотѣ готовы къ печати дозволенные цензурою
два слѣдующихъ тома сборника „Викъ“. Эти два тома „Вика“, каж-

дый въ 25—30 листовъ печати, будутъ содержать въ себѣ лучшіе образцы украинской прозаической литературы, начиная отъ Г. Квитки-Основьяненко до нашихъ дней. Въ первый томъ войдутъ произведенія украинскихъ авторовъ отъ Квитки до Франка (включительно), а второй отъ Гринченка до нашихъ дней. Произведеніямъ каждаго писателя предпосылается біографія съ характеристикой литературной фізіономіи автора. Настоящіе два тома „Вика“ имѣютъ быть исполнены столь же изящно, какъ и первый томъ. Нужно надѣяться, что публика, встрѣтившая такъ благосклонно первый томъ „Вика“, столь же сочувственно отнесется и къ дальнѣйшей работѣ симпатичной редакціи. вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя сомнѣваться и въ томъ, что большинство публики, открывшей много очень интереснаго и новаго для себя въ первомъ томѣ „Вика“, найдетъ не менѣе интереснаго и въ дальнѣйшихъ томахъ этого изданія. Отъ души желаемъ самаго широкаго успѣха этому новому изданію.

Идя на встрѣчу все возрастающему спросу на совершенно разошедшійся первый томъ „Вика“, редакція этого сборника приготовила уже второе изданіе его. Въ этомъ новомъ изданіи содержаніе настоящаго сборника будетъ значительно переработано и дополнено, будутъ также расширены біографіи писателей и приложена руководящая вступительная статья“.

Въ № 1002 газ. „Югъ“ священникомъ Антономъ Гриневичемъ данъ весьма сочувственный отзывъ о брошюрѣ „Думы кобзарьски. Видано подъ доглядомъ Б. Гринченка у Чернигови, 1897“. По сообщенію рецензента, книжка эта очень нравится народу.

Въ № 1301 нѣкто Н. Г. помѣстилъ интересную статью подъ заглавіемъ „Современная Галиція“, составленную на основаніи книги Л. Василевскаго, подъ тѣмъ же заглавіемъ.

Статья даетъ наглядное представленіе о постепенномъ культурномъ ростѣ нашихъ заграничныхъ собратьевъ.

Въ № 182 вѣнской газеты „Arbeiter Zeitung“ помѣщенъ переводъ разсказа В. Стефаника „Сыня книжечка“.

Американскій журналъ „The literary Digest“, vol. XXIII, № 9 помѣстилъ статью подъ заглавіемъ „Cooperative industry legalized in

Russia“, въ которой знакомить американскихъ читателей съ земледѣльческими артелями Н. В. Левитскаго. Статья страдаетъ крупнымъ недостаткомъ: она ложно освѣщаетъ самую суть—значеніе артелей въ Россіи.

Англійская писательница Дорота Джирардъ (Dorothea Gerard) издала въ настоящемъ году въ Нью-Йоркѣ повѣсть «The supreme Crime» (Величайшее злодѣяніе), интересную тѣмъ, что тема взята изъ жизни малорусскаго духовенства въ Галиціи.

Книга „Дешевая бібліотека“. № 321. Е. П. Гребенка. Записки студента. Повѣсть. Путевыя записки зайца. Спб. Изд. А. С. Суворина. 1900“,—допущена въ ученич. бібліотеки низшихъ и среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

Книга К. Харламповичъ. „Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка. Казань, 1898“,—рекомендована для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, какъ всѣхъ вообще, такъ и въ особенности находящихся въ западномъ краѣ.

Археологическая летопись.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

Свѣдѣнія объ археологическихъ раскопкахъ въ Харьковской губерніи. Харьковская губернія въ археологическомъ отношеніи изслѣдована чрезвычайно мало: у многихъ вслѣдствіе этого сложилось убѣжденіе, что археологи не соберутъ здѣсь сколько-нибудь замѣчательной жатвы. И однако дѣйствительность теперь уже опровергла эти скептическія предположенія и оправдала наоборотъ надежды глубокаго знатока русской археологіи, проф. В. Б. Антоновича, который настойчиво рекомендовалъ устроить археологическій съѣздъ въ Харьковѣ, чтобы изслѣдовать по части вещественныхъ памятниковъ степную полосу, находящуюся между бассейнами Днѣпра и Дона.

Раскопки Верхнесалтовскаго могильника въ Волчанскомъ уѣздѣ, открытаго учителемъ мѣстнаго народнаго училища В. А. Бабенкомъ, съ успѣхомъ и послѣ отъѣзда комиссіи продолжалъ членъ ея А. М. Покровскій.

Замѣчу только, что Верхнесалтовскому могильнику, какъ мнѣ кажется, придется сыграть видную роль въ русской археологіи. Это, повидимому, обширный некрополь, надъ которымъ придется еще поработать и впослѣдствіи.

Закончивъ свои изысканія въ сѣверномъ теченіи р. Донца, въ Волчанскомъ уѣздѣ, А. М. Покровскій переѣхалъ, согласно общему плану экскурсіи, въ Зміевской уѣздѣ, чтобы изслѣдовать болѣе южное теченіе того же Донца—въ особенности курга-

ны съ каменными бабами. Тамъ онъ раскопалъ 4 кургана въ дачахъ сел. Раздольнаго, изъ нихъ 2 съ каменными бабами и 2 безъ бабъ. Большой курганъ съ каменною бабою оказался наиболѣе интереснымъ. Въ немъ, на разныхъ уровняхъ, было найдено 7 погребеній, изъ коихъ самыя глубокія были съ окрашенными костяками (одно изъ нихъ находилось даже ниже уровня желтой глины). Одно изъ погребеній—по всей вѣроятности скиѣское—дало бронзовое золоченое зеркало, пару золотыхъ массивныхъ колець, золотыя бляшки и спирали (последними вѣроятно, была обшита одежда), ожерелье изъ сердоликовыхъ бусъ и два глиняныхъ сосуда. 2 другіе кургана дали 6 погребеній съ окрашенными костяками и въ скорченномъ положеніи; они бѣдны предметами и относятся къ концу каменнаго вѣка. Другой курганъ съ каменною бабою оказался совершенно пустымъ. Каменная баба была пожертвована комитету мѣстными землевладѣльцами М. П. и А. В. Вагговуть, за что приносимъ имъ искреннюю благодарность.

Е. П. Трефилевъ производилъ раскопки въ Куянскомъ уѣздѣ. Въ сл. Нижней Дуванкѣ онъ раскопалъ 13 кургановъ; нѣкоторые изъ нихъ оказались принадлежащими къ каменному вѣку и въ нихъ найдены были грубые сосуды и черепа; въ другихъ заключались бронзовые предметы и украшенія, янтарныя, кораловыя и сердоликовыя бусы; погребеніе здѣсь совершалось въ мѣловой почвѣ, а одно было отыскано въ ладѣ. Въ с. Сватовой Лучкѣ было разрыто 9 кургановъ, изъ коихъ два кочевническихъ, остальные—каменнаго вѣка, а одинъ съ золотыми предметами, украшенными жемчугомъ и камнями, съ каменной плитой и сосудами.

В. А. Городцовъ со своимъ помощникомъ студентомъ г. Большаковымъ производилъ обширныя раскопки въ Изюмскомъ уѣздѣ, на нижнемъ теченіи Донца въ предѣлахъ харьковской губерніи. Первый опытъ раскопокъ былъ произведенъ имъ въ сел. Николаевкѣ, въ 12 верстахъ отъ Славянска, гдѣ разрыто 4 кургана съ 9-ю погребеніями. Изъ послѣднихъ, 3 принадлежали кочевникамъ и сопровождались похоронами цѣлаго коня или его частей. Вещей въ нихъ было немного—2 цѣльныхъ глиняныхъ горшечка, 1 бронзовое ведро, двое желѣзныхъ удиль, нѣсколько мелкихъ желѣзныхъ, бронзовыхъ и се-

ребриныхъ вещицъ и костяныхъ орнаментированныхъ пластинокъ, служившихъ оправой сѣдла или колчана. Самое богатое изъ этихъ погребеній вмѣстѣ съ деревяннымъ ладьевиднымъ гробомъ доставлено въ музей Императорскаго харьковскаго университета и разобрано уже на мѣстѣ. При костяхъ найденъ желѣзный мечъ, кольчуга, остатки одежды и обуви и т. п. Эта находка представляетъ большой интересъ въ силу, такъ сказать, ея наглядности. Въ настоящее время музеи не останавливаются передъ огромными затратами для приобрѣтенія подобныхъ предметовъ и если найденный въ Изюмскомъ уѣздѣ гробъ съ воиномъ останется въ Харьковѣ (что крайне желательно), то онъ безъ сомнѣнія составитъ одну изъ достопримѣчательностей харьковскаго университета. Другія погребенія относятся частію къ скиѣскому, частію къ неолитическому періоду.

Слѣдующимъ пунктомъ изысканій В. А. Городцова была Селимовка—тамъ имъ было раскопано 9 кургановъ съ 41 погребеніемъ, изъ коихъ 38 оказались неолитическими и скиѣскими и 3 кочевническими. Среди этихъ кургановъ былъ одинъ съ каменною бабою (подлѣ д. Черногоровки). Въ немъ найдено было 7 погребеній очень ранняго времени, такъ какъ костяки имѣли скорченное положеніе, а 2 изъ нихъ находились въ особыхъ пещерахъ, выкопанныхъ въ бокахъ ямъ. Одно изъ кочевническихъ погребеній было повидимому очень богато, но къ сожалѣнію разграблено: оно сопровождалось похоронами коня и атрибутами начальнической власти (навершьемъ каменной булавки), а также обильными остатками желѣза и мѣдной окиси на костяхъ коня. Очень богатымъ оказалось также одно изъ скиѣскихъ погребеній, въ которомъ найдены мѣдный литой котелъ на тонкой высокой ножкѣ, вѣсомъ около 20 ф., и 322 золотыя вещицы (мелкія бляшки и т. п.). Оригинальны могилы въ формѣ пещеръ. Оригинальна и керамика. Отправлены были съ этихъ раскопокъ въ Харьковъ и 2 каменныхъ бабы. Горячее содѣйствіе въ раскопкахъ оказывалъ земскій начальникъ 5-го участка Изюмскаго уѣзда Вл. Митр. Купчиновъ, за что отъ имени комитета приношу ему глубокую благодарность.

Далѣе В. А. Городцовъ изслѣдовалъ районъ къ востоку отъ г. Славянска до устья р. Бахмутки. Раскопано было здѣсь 24 кургана и открыто въ нихъ 70 погребеній; два изъ этихъ

кургановъ были съ каменными бабами. Первый курганъ съ каменною бабою у сел. Закотнаго далъ 2 скиѣскихъ погребенія; такія же погребенія найдены и въ двухъ смежныхъ съ нимъ курганахъ меньшихъ размѣровъ, тогда какъ второй курганъ съ каменною бабою у с. Ямполья содержалъ 2 скиѣскихъ и одно кочевническое погребеніе. Три кургана были раскопаны у сел. Райгородка, гдѣ священникомъ состоитъ о. Василій Сибѣивцевъ, открывшій и ислѣдовавшій стоянки каменнаго вѣка на песчаныхъ буграхъ подлѣ Райгородка и оказавшій серьезныя услуги мѣстной археологіи. Въ настоящее время онъ намѣренъ ислѣдовать такія же стоянки между Райгородкомъ, Лиманомъ, Поповкой и Ямполемъ.

Ислѣдованіемъ стоянокъ и мастерскихъ каменнаго вѣка по р. Донцу въ окрестностяхъ с. Кочетка, въ Зміевскомъ уѣздѣ, заняты были пишущій эти строки, а также В. Е. Данилевичъ и П. П. Ефименко. Послѣднему удалось собрать довольно значительную коллекцію разнообразныхъ предметовъ—кремневыхъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ стрѣлокъ, кремневыхъ ножей, пряслицы и т. п. Коллекція эта будетъ демонстрироваться на выставкѣ.

Не можемъ не высказать по этому поводу своего пожеланія, чтобы возможно большее число лицъ занялось розысками кремневыхъ стрѣлъ и орудій на песчаныхъ буграхъ, расположенныхъ по р. Днѣпру и Донцу съ ихъ притоками. Здѣсь не нужны никакія затраты—а только внимательные поиски, въ особенности послѣ вѣтра, который выдуваетъ эти предметы на поверхность почвы.

Проф. Дм. Ив. Вагалъй.

Отъ Комиссіи при Нѣжинскомъ Историко-Филологическомъ Обществѣ для собиранія, въ предѣлахъ Черниговской губерніи, археологическаго и этнографическаго матеріаловъ къ XII археологическому съѣзду. Комиссія съ благодарностью приняла предложеніе одного изъ своихъ членовъ, преподавателя Глуховской гимназіи А. Н. Малинки, —составить этнографическій альбомъ Черниговщины, т. е. собраніе фотографическихъ снимковъ, рисунковъ и плановъ, изображающихъ бытовую сторону народонаселенія Черниговской губерніи. Въ виду того значенія, какое долженъ получить на съѣздѣ проектируемый А. Н. Ма-

линкою альбомъ, вышеозначенная комиссія постановила: кромѣ общихъ программъ, по которымъ Нѣжинское Историко-Филологическое Общество собираетъ свѣдѣнія для съѣзда и которыя въ настоящее время имѣются на рукахъ у сотрудниковъ Общества по принятой на себя послѣднимъ задачѣ, опубликовать и подробную программу проектируемаго А. Н. Малинкою альбома. Программа эта слѣдующая:

А. Жилье. Видъ села, хутора (лѣтомъ, зимою). Улица. Дворъ зажиточнаго и бѣднаго селянина. Хата снаружи и внутри; планъ ея. Надворныя постройки (наружный и внутреннй видъ): амбаръ, клуня, сарай, хлѣвъ, омшаникъ... Шпитали, лавочки, шинки, чайныя... Изгородь: заборъ, частоколь, плетень и его узоры; ворота, калитка, перелазъ; засовъ, завертка...

Б. Типы малоросса. (въ одиночку и группами): дѣвочка, мальчикъ; паробокъ, дивка; чоловикъ, жинка, дидь, баба. Типъ старшины, писаря, приказчика, помѣщика, псаломщика, священника. Типъ пастуха, сторожа, дурачка, нищаго, лирника, кобзаря. Цыганъ и его семья; евреи, „кацапы“, „лытвыны“...

В. Религіозная сторона. Сельская церковь; погость. Процессіи (водосвятіе, маккавей, окропленіе скота, освященіе плодовъ, пасхи, дома...). Уничтоженіе священникомъ „закрутокъ“. Родины и крестбины; вѣнчаніе, свадьба и ритуальныя въ ней предметы (коровай, вильце...); смерть, похороны, кладбище. „На богомолье“, „на постройку церкви“... и т. п.

Г. Отдыхъ: игры и забавы. Праздникъ въ деревнѣ. „На колодкахъ“, возлѣ шинка; хороводы, плясы, вечерницы, музыка, качели. Игры: въ карты, въ мячъ, пацѣ, кремъяхи, катанье яицъ.... Дѣтскія игрушки (куклы, коники-свистушки, дудка...). Купанье. „Коза“, вертепъ, звѣзда, колядники. Ив. Купало (кукла, скаканіе черезъ огонь, крапиву) и т. д.

Д. Трудъ. Разныя виды его и орудія, напр. 1) *Земледѣліе:* пахотьба, посѣвъ, жнива, коповозъ, молотьба; мельница— „жорна“, ступа, олійница, витрякъ, водяная; приготовленіе хлѣба, продажа его на базарѣ. 2) *Сѣнокосъ* (характерныя сцены). 3) *Скотоводство:* стадо въ полѣ, возвращеніе его домой, на скотномъ дворѣ, доеніе коровъ; приготовленіе молочныхъ продуктовъ; стрижка овецъ (ихъ мойка); выдѣлка шерсти и кожи. 4) *Огородничество:* баштаны, арбузы на базарѣ; работы на план-

таціяхъ; пенька, ленъ и ихъ выдѣлка... 5) *Садоводство*: прививка, снимка фруктовъ, продажа ихъ... 6) *Ткачество*. 7) *Пчеловодство*: пасѣка, роеніе, добыча меду... 8) *Лѣсоводство*: рубка дерева, ручное приготовленіе бревенъ, дровъ, досокъ; дерев. издѣлія (дубки, кошели, коновки...); постройка избы, продажа дерева (склады)... 9) *Приготовленія изъ глины*: добыча ея, выдѣлка кирпича, обжигъ горшковъ и др. глиняныхъ издѣлій; горшечникъ въ селѣ; продажа глиняной посуды на базарѣ. 10) *Грaбарство*. 11) *Мойка бѣлья*. 12) *Носка воды*: коромысло, бовкунъ, ведра, колодець, криница. 13) *Рыболовство*. 14) *Кузнечество* (ковка лошади, видъ кузницы). 15) *Школа*: занятія, премѣна, экзаменъ. 16) *Волостное правленіе*: сходка, судъ, приѣздъ начальства. 17) *Лѣченіе*: ворожка надъ больнымъ, больница въ селѣ; приемъ больныхъ. 18) *Торговля*: ярмарка, базаръ (характерн. сцены), лавочка, бродячіе торговцы (тряпичники, щетинники...). 19) *Способы передвиженія*: по сушѣ (на лошадяхъ верхомъ, въ позовкѣ, на саняхъ), по водѣ (лодка, паромъ...)

Е. Пища, питье, куреніе и ихъ принадлежности.

Ж. Одежда, обувь. Одежда будничн. и праздничн., спереди и сзади; старинная и теперешняя, стариковъ и молодежи, лѣтняя и зимняя; ея названія; украшенія, вышивки, рисунки плахтъ. Сапоги, лапти, черевки...

Комиссія просить о содѣйствіи въ выполненіи намѣченнаго альбома, присовокупляя, что:

1) На фотографическихъ снимкахъ не требуется ретушевки, точно также какъ не нужно наклеивать ихъ на картонъ.

2) Фотографическіе снимки, особенно снимки группъ или сценъ, не должны быть слишкомъ мелки.

3) Требуется обозначить при каждомъ снимкѣ, рисункѣ или планѣ: а) мѣстность, гдѣ находится предметъ или происходитъ сцена; б) мѣстное названіе предмета или сцены; в) время, когда предметъ былъ снятъ, срисованъ или спланированъ.

4) Фотографическіе снимки, рисунки и планы желательно имѣть въ двухъ экземплярахъ, такъ какъ и альбомовъ проектируется составить два,—одинъ для Харьковскаго съѣзда, а другой для Историческаго Музея при Черниговской Губернской Архивной Комиссіи.

5) Не мѣшаетъ иногда подробно описать ту или иную характерную сторону снимаемаго или срисовываемаго предмета, поскольку она имѣетъ этнографическое значеніе.

6) Общество проситъ доставлять ему фотографическіе снимки, рисунки и планы исподволь, начиная со времени полученія сей публикаціи; послѣдній срокъ доставленія матеріала для альбома — 1-ое мая 1902 года.

Предсѣдатель Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Общества проф. А. Добіашъ.

Эта программа этнографическаго альбома Черниговской губерніи, проектируемаго Нѣжинскимъ Историко-Филологическимъ Обществомъ, нынѣ отчасти разослана, отчасти продолжается разсылаться по Черниговской губерніи. Г.г. фотографовъ-спеціалистовъ, фотографовъ-любителей и рисовальщиковъ, которые пожелали бы оказать содѣйствіе Обществу по составленію альбома и не получили еще программъ, просятъ вытребовать таковыя отъ Предсѣдателя Общества. Не нужно особенно останавливаться надъ выборомъ подлежащихъ фотографированію предметовъ, руководясь, быть можетъ, тѣмъ, что, пожалуй, другой сотрудникъ займется фотографированіемъ того же предмета: если и окажутся въ альбомѣ повторенія, то это не въ ущербъ основательности альбома. Всякую хотя бы и единичную помощь въ дѣлѣ доставленія матеріала для альбома Общество приметъ съ благодарностью. Тѣхъ же лицъ, которые пожелали бы заняться этимъ дѣломъ болѣе систематически, просятъ увѣдомить о такомъ ихъ желаніи Предсѣдателя Общества, дабы самое Общество имѣло возможность выдать имъ необходимыя въ иныхъ случаяхъ удостовѣренія въ ихъ сотрудничествѣ по составленію альбома.

Ученыя общества.

Въ послѣднемъ засѣданіи *Общества Изслѣдователей Волины*, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ волинскаго губернатора Дунина-Борковскаго, рассмотрѣнъ былъ вопросъ о печатаніи „Трудовъ“ общества. Изъ заявленій предсѣдателей отдѣльныхъ секцій общества выяснилось, что къ напечатанію

готовы: по этнографической секціи—рѣчь О. А. Фотинскаго о значеніи сохраненія памятниковъ поэтического творчества народа и другихъ бытовыхъ особенностей его и программа для собиранія свѣдѣній о народныхъ вѣрованіяхъ и суевѣріяхъ, выработанная членами секціи; по экономической секціи—докладъ Бердычевскаго о пчеловодствѣ въ Волынской губерніи, программа для собиранія свѣдѣній о крестьянскомъ землевладѣніи въ той же губерніи, затѣмъ рѣчь и открытое письмо предсѣдателя секціи къ волынскимъ землевладѣльцамъ съ приглашеніемъ ихъ принять участіе въ работѣ общества по ознакомленію съ роднымъ краемъ. Наконецъ, по исторической секціи предполагается напечатать рефераты Я. В. Яроцкаго: „Доисторическіе памятники Волыни, ихъ изученіе и desiderata въ этомъ отношеніи“. Н. П. Авенаріуса: „Башня великаго князя Владиміра Васильевича въ Каменцѣ-Литовскомъ“. Совѣтъ общества постановилъ приступить къ печатанію этого матеріала, предпославъ первому тому „Трудовъ“ статью о возникновеніи и задачахъ общества. („Кіевл.“).

Исслѣдованія и раскопки.

Предсѣдателемъ исторической секціи Общества Исслѣдователей Волыни Я. В. Яроцкимъ въ концѣ іюля и началѣ августа была совершена экскурсія въ г. Овручъ и Овручскій уѣздъ. Наблюденія касались замковой горы въ г. Овручѣ и ряда песчаныхъ бугровъ или выдмъ, полоса которыхъ тянется на сѣв. и вост. отъ Овруча до с. Бондарей и Збранокъ. Бугры эти уже давно извѣстны, какъ бывшія мѣста стоянокъ человѣка каменнаго вѣка. Хорошій подборъ орудій былъ собранъ тамъ К. А. Ставровскимъ и хранится теперь главнымъ образомъ въ Музеѣ университета св. Владиміра, частью въ Городецкомъ Музеѣ Волынской губ. барона Ф. Р. Штейнгель, а также и въ другихъ частныхъ собраніяхъ.

Я. В. Яроцкимъ были произведены раскопки бугра у с. Толкачей, позволившія убѣдиться, что и здѣсь была стоянка; бугоръ этотъ носитъ названіе „Цыганской горы“.

У с. Рѣвичей, на востокъ отъ нихъ, Я. В. Яроцкій раскопалъ также 24 кургана изъ находящагося тамъ могильника. Погребенія оказались древянскаго типа, имѣютъ много аналогичнаго съ житомирскимъ могильникомъ, хотя также и нѣкоторыя особенности. При костякахъ найдены слѣды гробовъ, затѣмъ, бусы, желѣзные ножи и обручи, височныя кольца.

Въ мартѣ мѣсяцѣ текущаго года въ г. *Каменецъ-Подольскій*, на Губернаторской улицѣ, противъ Армянскаго костела образовался *провалъ*. Желая изслѣдовать этотъ провалъ, Городская Управа поручила Члену-Секретарю Подольскаго Епархіальнаго Историко-Статистическаго Комитета Священнику Евфимію Сѣдинскому произвести изслѣдованіе провала.

О. Е. Сѣдинскій, по окончаніи изысканій, представилъ управѣ докладъ слѣдующаго содержанія.

По порученію Управы я наблюдалъ за раскопкой на мѣстѣ провала на Губернаторской улицѣ противъ Армянскаго Костела, при чемъ оказалось слѣдующее: на мѣстѣ провала со стороны Губернаторскаго сада обнаружилась широкая стѣна, возлѣ которой земля и глина со стороны Армянскаго костела унесена куда то водою въ глубь. Такъ какъ по изслѣдованіи стѣны со стороны провала оказалось, что на глубинѣ около сажня стѣна оканчивалась и подъ ней были скважины, то было сдѣлано предположеніе, что земля унесена подъ стѣну и что, слѣдовательно по другую сторону стѣны должны быть какіе нибудь подвалы и ходы, куда вода забирала землю. Развѣдочная раскопка за стѣнкой показала, что на этомъ мѣстѣ былъ домъ и отъ него уцѣлѣлъ фундаментъ въ видѣ вышеуказанной стѣны и кромѣ того обнаружилась поперечная стѣнка, идущая перпендикулярно первоначально найденной стѣнкѣ. На стѣнкахъ найдена штукатурка,—это показало, что тамъ было подвальное жилое помѣщеніе. Какой то еврей старикъ говорилъ при посѣщеніи мѣста провала, что онъ еще помнитъ, что тамъ, гдѣ оказалась стѣнка, была каменная ограда усадьбы, примыкавшая къ теперешней усадьбѣ г-жи Камышанской, такъ что улица въ томъ мѣстѣ раньше была болѣе узкой. Такъ какъ во время раскопки на мѣстѣ бывшаго дома пошелъ дождь и набѣжавшая въ провалъ вода чрезъ нѣкоторое время ушла, продѣлавъ небольшое

отверстіе въ землѣ съ противоположной раскопкамъ стороны, т. е. со стороны Армянскаго костела, то раскопку стали производить по слѣду продѣланной водою дыры. Здѣсь, на глубинѣ около 2 саж. отъ поверхности того мѣста, найденъ былъ провалившійся сводъ какого то хода или подвала; дальнѣйшая раскопка того мѣста открыла ходъ подъ сводомъ по направленію къ костелу, черезъ дорогу. Сводъ, оказалось, идетъ недалеко, не болѣе $1\frac{1}{2}$ саж. отъ мѣста провала, далѣе на протяженіи $2\frac{3}{4}$ саж. шла выемка въ глинѣ безъ свода и какихъ бы то ни было подиоръ. Выемка эта представляетъ видъ куполообразной комнаты въ $2\frac{3}{4}$ саж. длины и въ $1\frac{1}{3}$ саж. ширины. Высота камеры посрединѣ 1 саж., впрочемъ, высота раньше была несомнѣнно, большая, но теперь, при осмотрѣ, комната эта оказалась занесенною землею при помощи воды. Никакихъ вещей или чего другого, указывавшаго на время производства этой подземной камеры и каменнаго свода, не найдено. Видно только, что этотъ ходъ выкопанъ не сверху (такъ какъ надъ нимъ оказалась цѣлина глины), а съ боку, именно со стороны Губернаторскаго сада. Такъ какъ подземный ходъ съ этой стороны, т. е. со стороны сада, загроможденъ обваломъ, при чемъ раскопку подъ стѣнной нельзя было сдѣлать, такъ какъ она давала трещины, и при томъ не предвидѣлось археологическаго интереса, то раскопка на этомъ и прекратилась.

Случайныя находки.

На Трехсвятительской ул. въ г. Кіевѣ, въ усадьбѣ Б. А. Орлова, 10-го сентября найденъ цѣнный кладъ велико-княжеской эпохи. Подробное описаніе его откладываемъ до слѣдующаго нумера.

Въ верстѣ отъ с. Лепесовки, ямпольской волости, кременецкаго уѣзда, на лѣвомъ побережьи р. Горыни, крестьянинъ Рудичъ, 16-го августа, при вспахѣ поля подъ озимь, наткнулся на погребеніе въ каменной кистѣ, сложенной изъ плитъ известняка. Тонкими плитами были обложены бока и дно, болѣе-же толстая служила крышкой. Въ кистѣ, надъ которой была нава-

лена куча камней, находились части двухъ скелетовъ взрослыхъ людей и одного ребенка и черепки трехъ сосудовъ. Киста была устроена на глубинѣ 2-хъ аршинъ. Крестьянинъ ограничился лишь тѣмъ, что забралъ къ себѣ домой камни, наваленные поверхъ кисты, и сравнялъ поле. Мѣстное сельское начальство, узнавъ о находкѣ, немедленно довело объ этомъ до свѣдѣнія пристава 3-го стана кременецкаго уѣзда А. К. Мимохода, который сейчасъ-же отправился на мѣсто нахождения кисты, произвелъ осторожно раскопку, нашелъ, кромѣ указанныхъ выше предметовъ, еще два кремневыхъ шлифованныхъ клина, кусокъ топора и кремневого ножа, и весьма обстоятельно описалъ результаты произведенной имъ раскопки въ донесеніи мѣстному статистическому комитету. Благодаря внимательному отношенію къ дѣлу со стороны г. Мимохода, интересное въ научномъ смыслѣ погребеніе каменнаго вѣка не исчезло безслѣдно, подобно многимъ другимъ остаткамъ погребенія въ каменныхъ ящикахъ, вѣроятно, весьма часто разрушаемыхъ крестьянскимъ плугомъ. Предметы, найденные въ кистѣ, поступили въ мѣстный статистическій комитетъ. Черепки сосудовъ темно-сѣраго цвѣта, снабжены чешуйчатымъ вдавленнымъ орнаментомъ, преимущественно возлѣ шейки. Дно и горлышко сосудовъ—небольшихъ размѣровъ, при значительной ширинѣ средней части. Судя по сообщенію, поступившему въ комитетъ, одинъ изъ череповъ лежалъ въ южной, другой въ сѣверной части кисты.

—

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о случайныхъ находкахъ, помѣщеннымъ въ „Лѣтописи“ за мартъ, приводимъ нѣкоторыя новыя, касающіяся Волынской губ. и любезно сообщенныя намъ Я. В. Яроцкимъ.

Въ *Старой Котельнѣ, Житомирск. у.*, по дорогѣ въ м. Ивницю, крестьянинъ, работая въ полѣ, нашелъ глиняный горшокъ съ польскими серебрянными монетами; часть ихъ была расхищена, удалось-же собрать 521 шт.

Въ *с. Велицкѣ, Ковельск. у.*, въ саду помѣщика Лады-Лобаржевскаго, выкопанъ кладъ изъ ста серебрянныхъ монетъ.

Въ *г. Острогѣ*, въ предмѣстьи Видеръ-Нидеръ, въ усадьбѣ Квасцевской, былъ отрытъ скелетъ и при немъ найдены, между прочимъ, два кремневыхъ топорика.

Въ текущемъ году, въ мѣстный музей поступило еще нѣсколько предметовъ изъ случайныхъ находокъ:

1) Найденный въ м. Искорости, въ углубленіи скалы, на берегу Уши, желѣзнодорожными рабочими небольшой горшечекъ, сдѣланный безъ гончарнаго круга изъ глины съ значительной примѣсью зеренъ кварца и украшенный вдавленнымъ орнаментомъ около шейки черточками въ видѣ запятыхъ.

2) Небольшое кремневое долото, найденное въ окрестностяхъ Житомира.

3) Нѣсколько каменныхъ орудій изъ разныхъ мѣстъ Овручскаго уѣзда (большое кремневое долото, молотъ-топоръ съ просверленнымъ отверстіемъ, нѣсколько кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ и т. п.).

4) Серебряный аграфъ съ двумя ушками съ противоположныхъ сторонъ, въ оправу котораго вставлена полу-чечевица толстаго стекла. Стекло удерживается каймой довольно крупныхъ зубцовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга такой же формы и величинны вырѣзками. Вдоль края, кругомъ оправы, тянется шнуровой орнаментъ; основаніе cadaго ушка имѣетъ шаровидную форму. На задней плоской сторонѣ оправы нацарапанъ четырехугольный, почти равносторонній крестъ, возлѣ котораго лѣстница и два копыа, а на верху дощечка съ обычной надписью. Найденъ этотъ предметъ на городищѣ возлѣ с. Несоловъ, Новоградволинскаго уѣзда.



что у нихъ „вырабатывается фабричнаго сукна простого 500 арш., кое употребляется на дворовыхъ служителей и по экономіямъ Б—ихъ“.

Кр. П. 113 д. А. В. 332. В. 373 д. Г. 201 д. 204 х.
„мастеровыхъ“ 18 д. 18 х. пс. 11 бд. х. Д. 411 д. 539 х. 1).
пс. 22 д. 37 х. Кз. В. 25 д. Г. 21 д. 27 х. Д. 32 д. 60 х.

С. Побочеевка, по переписн. книгамъ 1666 г., показана отдѣльнымъ поселеніемъ (14 хоз.), но затѣмъ въ вѣдомостяхъ XVIII в. вовсе не показывается, вѣроятно потому, что П. причислялась къ Сребному, какъ одинъ изъ его „фольварковъ“. Въ *Спискахъ насел. мѣстъ Полт. губ.*, *Побочеевка* показана отдѣльнымъ поселеніемъ, но такимъ же отд. поселеніемъ показанъ тамъ и *Подоль*, составляющій одно изъ Сребрянскихъ предмѣстій („фольварковъ“).

С. Грицовка, р. Лисогоръ, возникла во втор. полов. XVII в. и сначала „прислушала“ Сребр. ратушѣ; Мазеюю отдана была Афанасію Мокіевскому, „яко своему племяннику“ 2), который въ это время былъ городовымъ атаманомъ въ Сребномъ. По отобраніи отъ Мокіевского, Гр. въ 1710 г. отдана Андрею Себастьяновичу, въ то время полк. писарю; а послѣ его смерти, Гр. перешла къ тремъ его сыновьямъ, Ивану, Василию и Матвѣю. По малолѣтству двухъ послѣднихъ, старшій, Иванъ, захватилъ большую часть отцовскихъ имѣній, въ томъ числѣ и Гр., и владѣлъ ими, не дѣлясь съ братьями, лѣтъ двадцать. При этомъ Ив. С—чъ былъ настолько суровымъ державцею, что сама

1) Означ. кр—не были слѣд. владѣльцевъ: Мих. Будлянскаго, 295 д., 380 х., кн. Баранова, 15—20, сек.-м. Туманова, 29—38, майора Шульгина, 15—20, плквн. Жевахова, 3—6, сек.-м. Ченцова, 4—4, капит. Гогибѣдова, 7—7, груз. княгини Саакадзевою, 12—20; подпоруч. Кирилова, 6—8, кн. Орбеліани, 11—20, прап. Ник. Бажанова, 3—3, гв. серж. Сем. Дубровскаго, 6—7 и в. т. Никиты Скоробогатаго, 5—6. (*Перв. цифра указы. дворы, а вторая хаты*).

2) Слѣдств. о маенн. Прилудк. полка. Родство Мазены съ Мокіевскимъ тѣмъ вѣроятнѣе, что мать Мазены родомъ была Мокіевская.

мать его писала, что онъ „бываль своихъ подданныхъ кѣими безъ всякой пощадѣ“. Вслѣдъ за учрежденіемъ Млрск. коллегіи, нѣсколько Гриц—хъ крестьянъ, происходившихъ изъ козаковъ, обратились туда съ просьбою—вернуть ихъ въ козачество. Одинъ изъ этихъ крестьянъ, Степанъ Быховець, писалъ въ 1727 г. въ ген. к—рію: „будетъ тому нѣсколько годъ, якъ я въ с. Гр., маетности б. т. Ив. С—ча, сталъ жить и всякіе подданническія повинности отбывалъ даже до сего времени; а нынѣ, когда я пожелалъ отбывать козацкую повинность съ своего грунта козацкого для того, что дѣдъ мой и отецъ козаквали и въ „компутахъ“ (козацкіе списки) полк. Прлцкихъ записаны, то жена С—ча, извѣстася о томъ, (мужъ ея отсутствовалъ въ Гилянскомъ походѣ), приказала людямъ своимъ—меня и сыновъ моихъ бить, которые въ томъ бою мене съ сынами окровавили, а женѣ моей голову разбили; да сверхъ того бою, взяла она, Себастіановичка, у меня изъ скота: товару рога-таго—9, овецъ—24 и коня одного“. Взаключеніе, Быховець просилъ „принять его въ козацкій компуть“. Ген. к—рія наведя справку по ревизіи 1723 г., что Быховець записанъ въ числѣ посполитыхъ, въ этой просьбѣ ему отказала. Тогда Быховець обратился въ коллегію, жалуясь, что ген. к—рія отказала ему въ козачествѣ, не справившись со старыми компутами. По справкѣ съ послѣдними, дѣйствительно оказалось, что отецъ Степана Быховца, Иванъ, значился *атаманомъ* въ с. Молькахъ, а братъ его, Петръ, рядовымъ козакомъ. Въ силу этой справки, коллегія, признавъ за Быховцомъ право на козачество, послала Прлцк. плк—ку указъ о выключеніи его изъ подданства съ тѣмъ, чтобы владѣлецъ „впредь до него въ подданническихъ повинностяхъ не интересовался“. Кромѣ того, въ указѣ значилось, чтобы Галаганъ распорядился о возвращеніи Быховцу отнятаго у него женою С—ча скота. Добившись этого указа, Быховець отъ всякаго, „послушенства“, разумѣется, отказался. По этому случаю младшій Себастіановичъ, Матвѣй, (служившій въ это время въ ген. к—ріи) жаловался только что поставленному гетману: „изъ посполитыхъ селянъ с. Грицовки, Леско Цигуренко, Юско Мирошникъ и Давидъ Романченко, наполнясь какимъ-то легкомысліемъ и стремясь выбиться изъ

крестьянства въ козачество, отказались отъ послушанія, а между тѣмъ продолжаютъ жить на мужицкихъ грунтахъ. До сего жъ году, того жъ сельца Гр—ки житель Степанъ Быховець, смотри на реченныхъ самовольниковъ, изстари мужикомъ будучи, билъ челомъ передъ симъ въ генер. к—рію, также желая попасть въ козаки; а потомъ, повинившись, въ ту же г. к—рію подалъ мировое челобитье, выразивши именно, что онъ останется попрежнему, какъ и былъ, мужикомъ. Когда жъ повернулся тотъ Быховець изъ Глухова въ домъ свой, и тамъ хотѣли его „скарать“ (наказать) за тое, что не хотѣлъ послушенствовать, то онъ, заупрямившись, снова пріѣхалъ въ Глуховъ, и, мимо ген. к—ри, билъ челомъ о своемъ козачествѣ въ бывшую коллегію, гдѣ безъ всякаго розыску и допросу моего, написано того Быховца въ козаки“... Поэтому С—чь просилъ произвести слѣдствіе, какъ о козачествѣ Цигуренка и другихъ, такъ и о бояхъ, нанесенныхъ Быховцомъ людямъ С—чей. По этой просьбѣ посланы были въ Грицовку полк. ес. Панкевичъ и б. т. Прокоповичъ, при чемъ изъ произведеннаго ими слѣдствія оказалось, что Б—ць считаетъ себя козакомъ потому, что отецъ его козаковалъ въ сосѣднемъ с. Молькахъ, да и братъ его меньшій Петръ записанъ въ компутѣ; а онъ, Степ. Б—ць, передъ дорогимъ годомъ, женившись въ Харитоновкѣ, „прислушалъ до ратуши Ср—ой“ п., ч. Харитоновка принадлежит той ратушѣ. А оттуда Б—ца перезвалъ въ Гр—ку бывший тамошній державца Мокіевскій, и поставилъ его надъ своею маестностію „господаремъ“, и господаровалъ онъ, Б—ць, у Мокіевского шесть лѣтъ. Живя же въ Гр—кѣ, Б—ць купилъ себѣ грунтъ у тамошнихъ посполитыхъ Дробковъ“... Спрошены были Дробки—чей грунтъ продали они Быховцу?—Тотъ грунтъ, гдѣ живетъ теперь Быховець, отвѣчали Дробки, называется Походнящина и былъ тотъ грунтъ козацкій, какъ говорилъ имъ отецъ, купившій его лѣтъ около ста назадъ. Распрошены были слѣдователями и тѣ люди, которыхъ побилъ Б—ць.—Войтъ Грицовскій Василенко объ этомъ рассказывалъ такъ: получивъ приказъ „паней“ о высылкѣ на панщину шести подводъ, пошелъ я и до Б—ца, чтобъ и его подвода была, но Б—ць отвѣчалъ: „не пойду я на панщину, бо я те-

перъ босый, чоботъ нема“!—А когда я донесъ объ этомъ паней, то она велѣла взять за то у Б—ца двое коней; а когда привели тѣхъ коней во дворъ, то пани приказала для коней взять у Б—ца еще и сѣна. За сѣномъ послали старосту, верхомъ на Быховцовомъ конѣ, но какъ только тотъ пріѣхалъ къ Б—цу, то послѣдній своего коня отнял, а самого старосту, взявъ за волосы, ударилъ о-земь и билъ его кулаками, сколько хотѣлъ... Вернувшись во дворъ, староста крикнулъ паней: „ты посылаешь насъ грабить людей, а насъ за то бьютъ“!—Тогда пани приказала старостѣ, идти къ Б—цу уже съ людьми, чтобъ позвать его самого во дворъ, а если не пойдетъ, то привести силою. Пошли снова къ Б—цу, но тотъ, вмѣстѣ съ сыновьями, встрѣтилъ посланныхъ цѣпами... И избилъ Б—цы послѣднихъ такъ, что старостѣ и еще одному—разбили головы, третьему—перебили руку, да и остальнымъ досталось... Хотѣли было слѣдователи спросить и самого Б—ца, но тотъ только крикнулъ: „не слушаю я васъ! мы еще обождемъ счастливого вѣтру“!—На другой день снова былъ позванъ Б—цъ и на этотъ разъ разсказалъ: какъ пришли панскіе люди ко мнѣ во дворъ, чтобы „пограбить“¹⁾, то я грабежа не далъ и оттого случилась драка съ моими дѣтьми. А когда Хуторненко ударилъ мою жену палкою по головѣ и я увидѣлъ, что она упала, облитая кровью, такъ я крикнулъ дѣтямъ—гнать панскихъ людей изъ двора! При этомъ мы и били людей, выгоняя ихъ на улицу“. Къ этому Б—цъ добавилъ, что во время этой драки у него еще не было указа коллегіи о козачествѣ.—А потомъ была и другая драка, послѣ полученія уже указа о козачествѣ, когда присы-

1) Слово «грабить» употреблено здѣсь въ смыслѣ насильно взять—въ подлежащемъ «грабежу» дворѣ—какую нибудь вещь изъ домашней рухляди, въ залогъ исполненія того или другаго требованія властей. Сельскіе урядники въ Малороссіи и теперь, посылая «гонителей» (нѣчто вродѣ помощниковъ сборщиковъ податей) взыскивать съ крестьянъ подати, приказываютъ имъ, въ случаѣ неплатежа, «пограбить» недоимщиковъ, т. е. взять у нихъ какую-нибудь одежду или что другое, чтобы тѣмъ заставить скорѣе заплатить подати.

лалъ уже самъ Иванъ С—чъ, вернувшійся изъ Гилянскаго похода, звать его, Б—ца, во дворъ. Показавъ указъ о козачествѣ, онъ, Б—цъ, посланному отвѣчалъ: „не пойду я къ твоему пану! есть у меня панъ полковникъ, а твоего пана я не слушаю“!— За такой отвѣтъ С—чъ послалъ старосту съ войтомъ въ „череду“ (стадо)—„пограбить“ пару Быховцовыхъ воловъ. Услыхавъ объ этомъ, Б—цъ побѣждалъ, съ однимъ изъ сосѣдей, къ стаду и, заставъ тамъ войта, билъ его цѣпомъ по плечамъ, но билъ немного потому, что отпросила войта дочь Б—ца говоря: „не бей, тату! человекъ этотъ передъ нами ничѣмъ повиненъ“!—Въ такомъ видѣ слѣдствіе представлено было гетману съ заключеніемъ, что всѣмъ просителямъ, кромѣ Б—ца, слѣдуетъ въ козачествѣ отказать; Б—ца же, признавъ козакомъ, наказать за то, что пересталъ слушать своихъ пановъ прежде полученія указа изъ коллегіи. Это заключеніе слѣдователей гетманъ утвердилъ.—Но только что кончили С—чи дѣло съ крестьянами, искавшими козачества, какъ началось у нихъ въ Грицовкѣ другое дѣло: на этотъ разъ уже со всѣми остальными крестьянами. Грицовское посольство, надѣявшееся было, наряду со всѣми, что Глуховская коллегія облегчитъ панскія „работизны“ и не дождавшись этихъ облегченій, рѣшило обратиться за послѣдними къ новому гетману. Въ октябрѣ 1728 г. Грицовская „громзда“ писала въ своемъ прошеніи къ Апостолу слѣдующее: „мы, Грицовскіе подданные п. Ив. С—ча, доносимъ в. ясн—ти о причиняемыхъ намъ отъ него такихъ обидахъ: въ сѣнокосное время держать онъ насъ на своихъ сѣнокосахъ недѣль по семь, и притомъ на нашихъ харчахъ, а какъ не станеть у насъ харчей, то выпрашиваемъ хлѣбъ по сосѣднимъ хатамъ п., ч. панскіе дозорцы домой за хлѣбомъ не пускаютъ ходить. Въ „жнивѣ“ накидаетъ панъ на каждую семью сжать копь по 10, 15 и по 20, одной ржи, кромѣ яроваго хлѣба. А когда попросимъ панскихъ дозорцовъ, чтобы и намъ дали хоть малость времени накосить сѣна и нажать хлѣбъ на своемъ полѣ, то дозорцы отвѣчаютъ: „намъ дѣла нѣтъ до вашего хлѣба, пусть онъ хоть погниеть, лишь бы панское было собрано“! А староста панскій грозить, что если онъ хоть годъ проживеть у пана, то всѣхъ насъ поровняетъ—и богатыхъ, и бѣдныхъ“... Каж-

дый годъ сгоняютъ насъ орать панскія поля своими плугами; весною—на недѣлю, и въ петровку—на недѣлю. А какъ настанеть зима, то отдаетъ панъ для „годовли“ на дворъ—по коню или—по двое рогатаго скота. А случится, что волкъ съѣстъ эту скотину—или воръ украдетъ, то панъ беретъ за такую скотину вдвое. У многихъ крестьянъ порубилъ панъ лѣса; такъ, у Прохоренка онъ срубилъ лѣсокъ за то, что поповъ гусь ходилъ на панское гумно и что того гуся Прохоренко позволилъ попу взять съ гумна; а срубленный лѣсъ стоилъ золотыхъ сорокъ. Сторожей ежедневно трехъ высылаемъ: двухъ въ панскіе дворы, а третьяго въ шинокъ, къ жиду. А какъ жидъ сбѣжалъ изъ шинка, такъ за недоставшую водку заплатили мы, селяне, и при этомъ платили и тѣ, которые и въ шинкѣ никогда не бывали... А въ этомъ году, въ февралѣ, когда выгнали насъ на панщину, сѣно возить, такъ староста приказалъ, чтобы днемъ возили панское сѣно, а ночью—чужое. И набрали мы ночью у Србр—кой жительки Калинки—сѣна на всѣ подводы и привезли то сѣно въ панскій дворъ... А Калинка нашла свое сѣно по слѣду и пожаловалась нашему пану, который, будто ничего не зная, созвалъ насъ всѣхъ и приказалъ присягать, что именно привозили то (краденое) сѣно на его дворъ. И не присягали потому только, что одинъ хлопецъ видѣлъ, какъ везли мы Калинкино сѣно на панскій дворъ, и рассказалъ объ этомъ. А за то сѣно Калинка взяла одного коня у Жаданенка, а другого—у Шибѣки, и работала она тѣми лошадьми семь недѣль, пока за то сѣно мы не заплатили ей"... Во всѣхъ этихъ фактахъ, болѣе или менѣе удостовѣренныхъ слѣдователями, гетманъ не нашелъ вины С—ча, почему и распорядился, чтобы Прлцк. плк-къ вызвавъ Грицовскихъ „возмутителей“ въ Прилуку, сначала бы ихъ „по приличію“ наказалъ, а потомъ—приказалъ бы имъ во всемъ слушать С—чей. Посланному за „возмутителями“—сот. хорушему—Грицовцы отвѣчали, что не поѣдутъ и не поѣхали. Тогда плк-къ послалъ въ Гр-ку, въ другой разъ, зн. тов. Донца, уже съ козаками, приказавъ Донцу только прочесть передъ Грицовцами гетманскій приказъ, не требуя ихъ въ Прилуку. Но и это порученіе не могло быть исполнено. Ставъ квартирою у С—чей, Донецъ послалъ за крестьянами, чтобъ тѣ

шли въ панскій дворъ для выслушанія гетманскаго приказа, но крестьяне не пошли, а собравшись „громадою“ и вооружившись цѣпами, стали ждать что дальше будетъ Донецъ дѣлать... Тотъ пошелъ самъ къ громадѣ и прочелъ ей гетманское рѣшеніе.—„Не будемъ слушать С—ча“, отвѣчали крестьяне, „пока не услышимъ о томъ приказа отъ самага гетмана“! Вернувшись на квартиру, Донецъ приказалъ войту, чтобы тотъ распорядился дать его козакамъ харчей и сѣна. Войтъ не послушалъ. Тогда Донецъ послалъ своего козака взять сѣна изъ ближайшаго двора, но тамъ хозяинъ встрѣтилъ посланнаго съ вилами въ рукахъ. Донецъ приказалъ—этого крестьянина „забить въ колодки“; но только что успѣли его взять, какъ громада подошла къ панскому двору и потребовала освобожденія арестованнаго, а когда Донецъ въ томъ отказалъ, то громада направилась къ священнику за позволеніемъ—ударить набать, („благословитесь гвалтъ въ дзвони бити“). Разбуженный священникъ (дѣло было уже ночью) сталъ было людей успокоевать, но народъ ничего не слушая, пошелъ къ церкви и началъ „гвалтъ бити“... Услыхавъ набать, Грицовскій атаманъ прибѣжалъ къ церкви и встрѣтилъ тамъ „громаду мужиковъ съ цѣпами и вилами“, часть которой побѣжала къ панскому двору. Увидавъ атамана, крестьяне послали его къ Донцу, чтобы тотъ немедленно освободилъ взятаго крестьянина. Донецъ отказалъ и атаману. Послѣ этого, толпа сама подошла къ панскому двору и требуя освобожденія забитаго въ колодки, кричала, что хоть цѣлую сотню пришлютъ изъ Прилуки, то они не позволяютъ взять арестованнаго изъ села. Видя расходившуюся толпу, Донецъ отпустилъ взятаго крестьянина, а самъ успѣшилъ ухъхать изъ Грицовки... Свѣдѣній о томъ, чѣмъ кончился протестъ Грицовскихъ крестьянъ—въ архивныхъ бумагахъ мы не нашли, но конечно гетманскій приказъ былъ исполненъ, и Грицовцы стали по прежнему отдавать С—чамъ „надлежащее послушаніе“...

Кр. А. 65 д. В. 42 д. В. 69 д. пс. 1 д. Г. 41 д. 51 х. Д. 91 д. 157 х. (б. т. Лысенка и Матв. и Ив. Себастьяновичей) пс. 3 д. 8 х. Кз. В. 31 д. Г. 22 д. 29 х. (въ составѣ коз. насел. показаны „старцы з милостыни живучіе“—9 женщ.) Д. 17 д. 38 х.

С. Березовка (Березовица), р. Лисогоръ, оставалась свободно до нач. XVIII в.; затѣмъ, отдана была во владѣніе Прилуцкому протспону Михаилу Трифоновскому такимъ порядкомъ: въ 1710 г., Тр., будучи тогда Сребрянскимъ „намѣстникомъ“, выпросилъ у Скоропадскаго универсалъ на десять человекъ, посаженныхъ имъ здѣсь подсосѣяковъ, и на трехъ человекъ, „на своихъ мужичихъ грунтахъ, жіючихъ“; затѣмъ, въ 1716 г., Тр. выпросилъ у гетмана другой универсалъ—*на половину* Березовки. Наконецъ, въ 1725 г., будучи въ Москвѣ, Тр. выпросилъ у Скоропадскаго универсалъ, „по инстанціи“ (по ходатайству) Меншикова, на все село и на всѣ грунта“. Тогда же Меншиковъ помогъ Тр—му получить на Б. и царскую грамоту. Отъ Тр. Б. перешла къ его сыновьямъ ¹⁾. Кр. П. 54 д. А. 129 д. В. 103 д. Г. 47 д. 50 х. (съ 1736 по 1740 г. „сошло“ 22 дв.) Д. 60 д. 100 х. пс. 19 д. 31 х. Кз. В. 68 д. Г. 112 д. 139 х. пс. 3 бд. х. Д. 110 д. 232 х.

Х. Березовицкій, „законниконъ Густынскихъ“, возникъ на землѣ подаренной, въ 1697 г., Густынск. м—рю Ив. В. Себастьяновичемъ, который потомъ и самъ постригся въ этомъ м—рѣ (с. 63). По ревиз. 1729 г., здѣсь показано 18 хатъ, а по ревиз. 1731 г.—19 х., причемъ видно, что х. Б. находился въ вѣдѣніи „намѣстника“ *Деймановскаго скитжа*.

¹⁾ Въ бумагахъ Акад. Худож. объ остаткахъ старины въ церквяхъ Полтавск. губ., относительно Березовки имѣется свѣдѣніе, записанное въ 1887 г., что настоящая здѣшняя церковь построена въ 1754 г. и, по преданію старожиловъ, первоначально имѣла *три главы въ рядъ, отъ востока къ западу*, и что въ 1838 г., при починкѣ церкви, двѣ крайнія главы были сняты, а на средней—верхъ измѣненъ. Это свѣдѣніе очень важно въ томъ отношеніи, что значить и въ лѣвобережной Малороссіи, въ XVIII и нач. XIX в.в., церкви были съ тремя главами въ рядъ, т. е. имѣли ту же архитектуру что и на правомъ берегу Днѣпра. Рисунки старинныхъ правобережныхъ церквей, *съ тремя главами въ рядъ*, сохранены Де-ля-Флизомъ, въ его альбомахъ изображеній тѣхъ селъ Кіевск. губ., которыя населены были государственными крестьянами. (Де-ля-Флизи былъ врачомъ Кіевск. палаты госуд. имуществъ). Одинъ изъ такихъ альбомовъ Де-ля-Флиза имѣется въ наш. б—кѣ.

С. Алексинцы, р. Лисогоръ, извѣстны съ полов. XVII в., и находились „подъ вѣдѣніемъ Сребр—ой сотни“ (генер. слѣдств.) до 1730 г., когда отданы на рангъ генер. обозн. Лисогвбу; по смерти Л—ба, оставались свободными до 1752 г., когда, вмѣстѣ съ Скибенцами и Яцинами, отданы гетм. Разумовскимъ, въ 1752 г., генер. ес. Якубовичу, „во вѣчное и спокойное владѣніе, за отправленныя службы“ Послѣ Я—ча, Я—цами владѣла его вдова, которая распредѣляя въ 1763 г. между сыновьями мужнины имѣнія, А. отдала старшему сыну, Александру, Прлцк. плк—ку. Кз. П. 38 д. А. 83 д. В. 52 д. В. 87 д. Г. 18 д. 20 х. (съ 1736 по 1740 г. „сошло“ 26 д.). Д. 48 д. 69 х. пс. 2 л. 6 х. Кр. В. 28 д. Г. 26 д. 27 х. Д. 36 д. 60 х.

С. Довгалевка, р. Лисогоръ, извѣстна съ полов. XVII в. и находилась „подъ вѣдѣніемъ Сребр. сотни“ (генер. слѣдств.) до 1738 г., когда А. Румянцовымъ отдана на рангъ плк—ку Семену Полозову, правившему тогда въ Глуховѣ должность генер. подскарбія, а затѣмъ—Разумовскимъ, по универсалу 1751 г., отдана вдовѣ б. тов. Ивана Савича, Настасьѣ Степановнѣ, рожд. Забѣла. По ревизіи 1729 г., *вмѣстѣ* съ Довгалевою (безъ раздѣленія населенія), показана и „*деревня Касяновка*“. По ревиз. 1731 г. Касяновки уже нѣтъ, а по ревиз. 1740 г. она значится отдѣльнымъ поселеніемъ. Кр. П. 17 х. А. 26 д. В. 21 д. В. 35 д. пс. коз. 4 д. Г. 16 д. 17 х. Д. 27 д. 40 х. (Будлянск.—5 д., в. тов. Заруднаго—15 д. и Ос. Масла—7 д.) пс. 1 д. 2 х. Кз. 38 д. Г. 41 д. 47 х. Д. 60 д. 106 х., „пушкарей“ 1 д. 2 х.

Д. Касяновка, р. Лисогоръ, возникла, повидимому, изъ Довгале夫скаго выселка (см. выше). По ревиз. 1740 г. здѣсь показано крест. Осипа Масла—6 д. 7 х., Трофима Масла—4 д. 9 х., в. тов. Заруднаго—9 д. 14 х. пс. 1 д. 3 х., а по вѣд. 1780 г.—10 л. 16 х. 1 бл. х. (подсудка земск. Иванцк. Осипа и Сребр. сотеннаго атамана Трофима—Масловъ). Кромѣ крест., въ 1780 г. показанъ и 1 дв. коз. съ 3-мя хат.

С. Юрковцы, р. Галка, извѣстны съ полов. XVII в., и находились „подъ вѣдѣніемъ Сребр. сотни“ (генер. слѣдств.) до

1751 г., когда Разумовскимъ были отданы плк-ву второго компанейскаго полка Василю Чесноку, отъ котораго перешли въ сыну его Степану. Кр. А. 28 д. В. 11 д. В. 49 д. пс. ков. 4 д. Г. 10 д. 10 х. пс. 1 д. 1 х. Д. корон. 5 д. 9 х. влад. 23 д. 24 х. (б. тов. Затыркевича, б. тов. Чеснока и Ос. Масла) Пс. 5 д. 12 х. Кз. В. 38 д. Г. 63 д. 69 х. пс. 2 д. 2 бд. х. Д. 80 д. 137 х. Значительное умаленіе крестьянъ за время 1729—1740 г.г., какъ видно, произошло не столько отъ ухода ихъ, сколько отъ переписки въ козаки, что видно изъ количества послѣднихъ въ 1740 г.

С. Влотница, рчч. Лисогоръ, Евтушокъ, Лобачовщина и Перемешня, извѣстна съ полов. XVII в. и находилась „подъ вѣдѣніемъ Сребр. сотни“ (*генер. слдств.*) до 1738 г., когда отдана была вмѣстѣ съ Довгалевкою, Сем. Полозову. Затѣмъ, Разумовскимъ, въ 1751 г., отдано ген. подск. Мих. Скоропадскому, послѣ котораго перешла къ сыну его Петру (см. ниже—*Васьковцы*). Кр. П. 15 д. А. 54 д. В. 20 д. В. 60 д. пс. ков. 16 д. Г. 14 д. 14 х. („шинкъ, въ немъ живетъ жидъ“). Д. 36 д. 51 х. пс. 23 д. 31 х. 36 бд. х. (У Пац. показаны слѣд. владѣльцы: наслѣдники ум. ротм. Петра Скоропадскаго—36 д. 51 х., в. тов. Ив. Затыркевичъ—8 д. 12 х., б. товар. Андрей и Иванъ Мазараки—14 д. 18 х., а большинство бд. хатъ (29) принадлежали четыремъ значк. тов. Ковдратенкамъ). Кз. В. 39 д. Г. 74 д. 88 х. пс. 22 бд. х. Д. 65 д. 133 х. Въ Б., какъ и въ Довгалевкѣ, замѣтно тоже сильное уменьшеніе крестьянъ въ пол. XVIII в. и увеличеніе козачьяго населенія.

С. Васьковцы, рч. Тростянецъ, извѣстны съ полов. XVII в.; Мазепою отданы, ок. 1700 г., кн. Юрію Четвертинскому¹⁾, на одной изъ дочерей котораго женился М. В. Скоропадскій (племянникъ гетмана); въ приданое онъ получилъ, между прочимъ, и В—цы, которыя затѣмъ достались сыну его Петру. Послѣ Петра Ск. В—цы унаслѣдовала единственная его дочь Прасковья (мужъ

¹⁾ См. Истор. Вѣстн. 1880 г., августъ, 721.

ген.-лейт. Ив. Неплюевъ). Вслѣдствіе бездѣтства, Пр. Н—ва В. и Блотницу заложила мужу и продала майору Чоглокову. Послѣ ея смерти, въ мартѣ 1796 г., двоюродные ея братья, Михаилъ и Петръ Яковлевичи Скоропадскіе, просили мѣстный судъ—В. и Б—цу отдать имъ, какъ наслѣдникамъ умершей, чтò судомъ и было исполнено. Послѣ этого противъ Скоропадскихъ начали судебный споръ: Неплюевъ, какъ залогодержатель, и Чоглоковъ, какъ покущикъ. Дѣло рѣшено было въ пользу Скоропадскихъ, причемъ Чоглоковъ потерялъ свои права, пропустивъ „трегодичную давность, узаконенную 52-мъ арт. [розд. 11“.

Кр. П. 38 д. А. 85 д. В. 44 д. В. 53 д. Г. 46 д. 69 х. Д. 117 д. 160 х. Пс. 5 д. 12 х. Кз. В. 33 д. Г. 57 д. 64 х. пс. 2 бд. х. Д. 46 д. 82 х.

С. Никоновка, „небольшой протокъ“ (Пащ.), извѣстна съ полов. XVII в. и находилась „подъ вѣдѣніемъ Сребр. сотни“ (генер. слѣдствіе) до к. XVIII в. 1). Такимъ образомъ Н. принадлежитъ къ числу тѣхъ *родкихъ* сель, которыя избѣжали частнаго владѣнія. Вѣроятно были какія-нибудь экономическія условія мѣстности, не представлявшія выгодъ для искателей маестностей. Кр. П. 24 д. А. 59 д. В. 22 д. В. 34 д. Пс. 1 д. Г. 13 д. 13 х. (съ 1736 по 1740 г. „сошло“ 11 двор.) Д. „коронныхъ“ 3 д. 4 х. 2) и владѣльч. 14 д. 17 х. Пс. 1 бд. х. Кр—не принадлежали Будлянскому, Маслу (Осипу?) и М. Шкляревичу. Кз. В. 31 д. Г. 41 д. 43 х. Пс. 2 бд. х. Д. 59 д. 109 х. 3).

1) Въ свѣдѣн. Акад. Худож. объ остаткахъ старины въ церквахъ Полт. губ., относительно Никоновки замѣчено, что *первая церковь* здѣсь построена въ 1723 г., и затѣмъ она перестраивалась въ 1794, и 1823 г.г., и что при передѣлкѣ церкви въ 1823 г., двѣ крайнія главы сняты, такъ какъ дотога церковь имѣла *три главы съ рядъ*, съ востока на западъ. См. выше с. Березовку.

2) «Коронными» были записаны тѣ изъ первоначальныхъ крестьянъ, которые и въ это время оставались еще свободными.

3) Рядомъ съ Никоновкою, по описямъ 1666 г., значится село *Брежуновка* съ 29-ю дворами. Село это затѣмъ ни въ XVII, ни въ XVIII в.в.—не встрѣчается, почему можно думать, что оно исчезло

С. Сокиренцы, р. Утва, извѣстны съ перв. пол. XVII в., приче́мъ по документу Пшездѣцкаго въ этомъ селѣ (Siekierzyna) считалось 128 хоз. и 12 мельницъ. До 1716 г. С. находились въ „послушаніи“ Сребр. ратуши, а затѣмъ Скоропадскимъ отданы Галагану, конечно, по выбору послѣдняго, такъ какъ С. представляли собою богатую маетность, имѣя до 150 крест. двор. Получивъ универсалъ на С., Галаганъ немедленно принялся за устройство тамошняго своего хозяйства, приче́мъ, не довольствуясь Сокиринскими землями, сталъ захватывать и сосѣднія, Васьковчанскія и Калюжинскія. Владѣльцы послѣднихъ пожаловались гетману, который послалъ на мѣсто, для разслѣдованія этихъ жалобъ, одного изъ довѣренныхъ своихъ канцеляристовъ. Послѣдній въ любопытномъ своемъ донесеніи нарисовалъ любопытную картину экономическихъ отношеній Галагана къ своимъ сосѣдямъ. ¹⁾

¹⁾ Помѣщаемъ здѣсь полностью это любопытное донесеніе одного изъ самыхъ способныхъ канцеляристовъ гетманской к-рин, Степ. Максимовича, бывшаго впоследствии Стародубскимъ полк. писаремъ. — «Я невелможный, всемилостивѣйшій мой пане единый и добродѣю. Любо исправленный двоякого заводу между Васкувцями, подданными освѣщеного его м. князя Четвертенского, и Сокѣрѣнцями, маетности его м. п. полк-ка Прилуцк., и между п. Гавр. Милорадовича и менениимъ п. полк-комъ—розвскъ, черезъ нарочного, Иванцкаго сторожа, подъ високое велможности вашей разсужденіе носилаю, и хочай з документалного вѣри годнихъ стариковъ признати ясно показуется, же п. полк-къ Прилуцк., по одержаню села Сокѣринець, теперь на сѣнокосномъ яру, на державцю Калюжинского (Милорадовича) належномъ, вновь небувалую заспалъ греблю, и на горѣ в давномъ Степановомъ дубняку—поставилъ одну только хату, и замисливъ, отнявши тотъ дубнякъ, завести себѣ хуторъ, гдѣ уже и теперь пригнано болше тысячи полковничихъ овецокъ и болше ста волувъ; и для годувлѣ того немалого числа статку (скота), не тилко жителей Иванцкихъ и подданныхъ своихъ Сокиринцовъ—ихъ здавна владѣемий степъ—велѣвъ до своего хутора новоостроячогося покосить, але и чужихъ людей, Васкувчанъ, на тую жъ полковничую потребу, отъ продковъ ихъ заживаеме поля, покосено. Однакъ и я видячи в серцу утаенний на п. полк-ка жалъ людзкий, же за осроженемся (осторожностью?) и пострахомъ своимъ на нихъ (?) хоць (sic) яке бѣднимъ людямъ насилство чинится, то при тяжкомъ своемъ стеваніи, терпятъ, и не смѣють ему доносити, бо если хто з якимъ жалемъ до п. полк-ка о обидѣ своей,

Главнымъ исполнителемъ тѣхъ насилій, которыя сразу проявилъ Г—нъ при веденіи Сокиринскаго своего хозяйства, былъ Сокиринскій староста Матвѣй Пятакъ, который самовласно расправлялся въ этой маестности не только съ „подданными“, но даже и козаками, причѣмъ жалобъ Пятакъ, повидимому, не боялся, пользуясь силою своего патрона. ¹⁾ С. старый Галаганъ выбралъ—изъ мно-

отъ него учиненной, и появится, тебѣ, безъ помилованія, заразъ з очей велятъ вонъ вигнати и *в награжденіе*—в шю албо кіями бѣдного человекѣ бити. Доношу в. панск. в-ти, вгдижъ минѣ и сами убѣденіе (sic) люде на документъ дѣючихся в полку Прилуцк. кривди и віоленціи, публѣчне, при комиссарахъ зо мною будучихъ, доносили, которіе для вѣроятія велм. в. на особливомъ папѣру вираженіе, а о святую справедливость ревне (рыдая) до велм. в. воляючіе, посылаю. Такъ же, подъ чьсь тоей комиссіи, стисненіе люде доносили да и самъ отчасти поразумѣваю, что, велм. ваша, когда п. полк-ови того недостроячогося хутора—не прикажетъ знести, то не толко з п. Милорад. за сѣножать не буде покою и Стефанъ—отнимемъ дубняка—будетъ обидимъ, лечъ и околичнихъ люде давніе сѣнокоси велятъ насилно косити и в свою область приинмати. Кгди жъ не з чого иншого взъ Васкувчанами заводъ стался, поневажъ отъ килка десять лѣтъ владѣміе (якъ его ж подданіе и полчане з розиску признали) поля сего времени покоспвъ, где прежніе полковники тамъ не мало не кошували (прочъ займъ на власть полковничюю належныхъ), и до того Васкувского стелу Сокѣринцѣ згода не интересуются, лечъ цѣле всѣ желаютъ, по давнему сумѣжю своихъ пуль (полей), безъ предѣлу граничного, заживати, для якого и виредъ крѣности слушне миѣ здається чтобы на помянутій нашъ розискъ сторонамъ, Васкувцямъ и Сокѣринцямъ, приказалъ, в-тъ ваша, поважний свой видати унѣверсалъ, чтобы они, за поводомъ полковничимъ (пока будетъ держати Сокѣринцѣ) не дерзали зъ Васкувчанами жадного вщивати заводу, якого они не желали и не желаютъ; а на очищеніе сѣножати п. Милрд-ча и дубаны Степановой, жебы тамъ гребля была роскидана и хата разобрана, якъ будетъ увага в-ти в., чи указомъ своимъ панскимъ п. пль-ву Прлцк. будетъ пригрожено, чилп—варочний хто для роскидани греблѣ и хати пришлется. О томъ всемъ в. писк. в-ти по должности моеи донесши, всемплостивому мя навсегда вручаю респектови. Ваш. писк. в-ти должний и найнижший слуга и подножокъ Стефанъ Максимовичъ. З Иванцѣ, сентевр. 9, року 1717». (Съ подлинника).

¹⁾ Приводимъ здѣсь документъ, указывающій, что на Пятака нельзя было получить «належитой управы» въ мѣстномъ судѣ, а нужно

гихъ своихъ маетностей—для резиденціи. Тутъ онъ построилъ церковь, въ которой вѣроятно былъ и похороненъ, а надъ гро-

было обращаться въ генер. судъ, рѣшеніе котораго Пятакъ тоже не спѣшалъ исполнять... «Року 1721, мѣс. юля 13 д. Любо былъ указъ ясн-го добродѣя его мил. и. гетм. и. судіи полковому Прилуцкому, абы Михайла Онопріенка, т-ша сотнѣ Срб—й, жит. Сокиринского, зъ Матвіемъ Пятакомъ, старостою Сокир., котрій Михаила самоволно, не маючи надъ нимъ, якъ надъ козакомъ, власти, важилъ ся тиранско вязати, бити, на остатокъ, взявши между двома конми (?), зъ Сокиринецъ до Срѣбного вестн,—въ Прилуцѣ, при певныхъ свѣдителяхъ того всего заводу свѣдомихъ, росправилъ, и по тому всему и по слухному свѣдѣтельству, приказалъ всю Михайлову утрату, которую онъ такъ въ Прилуцѣ, яко и тутъ, въ Глуховѣ, доходячи права, мѣстѣ, Матвій Пятакъ ему нагородилъ и за такое дерзновеніе, же самъ себѣ смѣлъ справедливость чинить, былъ скаранъ. Однакъ Михайло, *не получивши въ суду полковомъ належитой управы* и въ утратѣ своего здоровья и имѣнія—укоментована, мусѣлъ знову зъ суплѣкою удатися до ясн-го е. м. и. гетмана, просячи себѣ зъ Пятака святой справедливости, котрій, когда указомъ рейм—имъ призванъ былъ въ Глуховъ и питанъ былъ передъ судомъ в. енералнымъ, если онъ Михайла билъ и визалъ, якъ жалобливый доносить, чого онъ, Пятакъ, не таячися, повинился тому, якъ и въ декретѣ полковомъ Прилуцкомъ виражено, же по доношеню певныхъ свѣдителей, учинилъ себе быти виннимъ, почому судъ в. енералний вѣдаючи Матвія быти винного, за такое его дерзновеніе, же козака, ему не подвласного, важилъ ся вязати до дуба, бити и мордовати, тутъ въ Глуховѣ арматнимъ сваралъ вязенемъ, и приказалъ, абы всю—Михайла переиросивши—утрату пополнилъ, якую Михайло, въ Прилуцѣ и въ Глуховѣ чреязъ килка, разъ правуючись, маеть, такъ же и за увѣчче, отъ Матвія понесенное, нагородилъ, и впередъ, абы такъ Матвій надъ Михайломъ за нагороду не мстился, и Михайло Матвіеву за свои побой не домовлялъ, и жадного бѣ заводу между собою не вщинали. Цовагою суду в. енералного варуетъ и караньямъ непоблажнимъ и подъ зарукою ста зол. на заводъ вщинающого, грозно приказуетъ и упоминаеть, на томъ при притасненю печати, власною рукою подписался Его ц. пресв. величества Войска Запор. бунчучный енералний Яковъ Лизогубъ». — Потомъ, «року 1722 февр. 20, суилѣковалъ до е. мил. и. полковника Чернѣговского, на тотъ часъ наказного гетмана, Михайла Онопріенко, козака сотнѣ Срб—ой, житель Сокиринскій, на Матвія Пятака, господара двору е. мил. и. полковника Прилуцкого, прекладаючи жалобу свою за побите одъ оного Пятака понесенное и за неотданне ему

бомъ его сына Григорія, похороненнаго въ этой церкви, и теперь сохраняется сочиненный сосѣдомъ „эпитафiонъ“¹⁾.

Кр. П. 32 д. А. 141 д. В. 150 д. В. 139 д. Г. 100 д. 104 х.

(Въ числѣ владѣльческихъ служителей названы: войтъ, комисарь, тесля (Павло Грамастика), колесникъ, бондарь, лѣсничій, шкляръ и др.) Обозначены: школа, шпиталь („старци з милостини живучіе“—2 м. и 1 ж.) и шинокъ владѣльческій, въ немъ живетъ Павло Короленко“). Д. 166 д. 238 х. пс. 3 д. 5 х. Кз. В. 59 д. Г. 48 д. 50 х. Д. 79 д. 131 х.

С. Охоньки, рч. Утка, поселены на старомъ *селищѣ*, въ в. XVII в., Сребр. сотникомъ Трофимомъ Васильевымъ (Троциною), какъ говоритъ объ этомъ сынъ его Антонъ въ своемъ завѣщаніи, при перечисленіи своихъ маетностей: „Охонки, которія я еще служачи вел. государ. царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, просилъ ея величества (sic) позволить покойному отцу моему Прокопию (sic) Васильевичу, сотникомъ Сребранскимъ будущому, *впустить лежачое селище* Охонки осадити людьми и владѣти ими, на якое село отецъ мой и грамоту монаршую получилъ“²⁾... О дальнѣйшей судьбѣ Охонекъ сказано выше (с. 325—330). Кр. А. 113 д. В. 63 д. В. 70 д. Г. 44 д. 47 х. Д. 80 д. 100 х. Кз. В. нтъ. Г. нтъ. Д. 1 д. 3 х.

20 тал. грошей, по которой сунцлѣйцѣ писалъ е. мил. п. полковникъ Чернѣговскій до мене, о учинене между ними справедливости. А когда за прибытьемъ Пятака предъ мене, вычитавъ ему тотъ листь, tedy оній не хотачи входить въ турбацѣю, отдалъ Михайлу, на урадѣ нашомъ, грошей таларей двадцать и за побите зъ нимъ погодившися, дали на томъ между собою слово, же южъ въ предіиіе часи неповинны еденъ другою турбовати, подъ виною више описанною тою обваровали. Якую ихъ згуду велѣлемъ про далшую память записати. Року и дня вижей положенного. Михайло Григорьевичъ, обозний полковий Прилуцкій». (*Съ подлинника*).

¹⁾ К. Стар., 1883 г., ноябрь, 462.

²⁾ Ср. Генер. слѣдствіе о маети. Прилуцк. полка, откуда видно, что Охоньки Троцина выпросилъ «въ первыхъ годахъ» гетманства Мазепы. Въ ревизіи 1740 г. сказано, что грамота на О—ки Тр—нѣ дана въ 1696 г.

С. Деймановка, р. Лисогоръ, извѣстна съ пол. XVII в. По универсалу 1665 г., Брюховецкій отдалъ Густынск. м—рю войсковыя „мѣрочки“ съ здѣшней водяной мельницы: „З побожности всего Войска Запор., млинъ еъ с. Д—цѣ, на рецѣ Лисогорцѣ, в двома колами мучними, а третимъ коломъ ступнимъ, прозываемыхъ мелниковъ Хвеска а другого мелника Костѣ, коло конецъ греблѣ, обывателей с. Д—ки, въ одной клѣтце будучихъ и виставленныхъ ихъ коштомъ, велебн. о. Авксентію из братнею...надалемъ, абы з того млина припадаючихъ двоухъ мѣрочекъ на Войско, опрочъ мелниковъ трете, спокойне собѣ одбирали и заживали“. А по универсалу 1670 г., Многогрѣшный отдалъ м—рю и все село: „монастиреви Густ—му, ва суштаментъ, с. Д—ку конферовалисмо, абы теды вшелякое належитое в того села помененного послушенство отдавали“... Получивъ Д—ку, монахи сейчасъ же начали, всякими средствами, подчинять себя и Д—скихъ козаковъ. Мѣстный полковникъ мирволилъ въ этомъ отношеніи м—рю, какъ это видно изъ „листа“ Лаз. Горленка, 1680-го года; сказавъ объ универсалѣ 1670 г., полковникъ пишетъ: „еднакъ мы запобѣгаючи того, же нашего сколко у томъ селѣ знайдется товариства козаковъ, Войску служащихъ, и абы онымъ яка не дѣялася кривда, из отцемъ игуменоавъ розговорили, а *которые з доброй воли своей за Третьякова полковництва откинувшися з реестра нашего, сами доброволне м—реви оповидалися служити, тихъ теды мы южъ оставивши отъ своего послушенства и из реестру втерши, под монастирское начало подали, що южъ теперъ жаденъ таковый болше не чинячи себе козакомъ, належного пилнуеть послушанія*“ 1)... Кр. П. 21 д. А. 63 д. В. 44 д. В. 51 д. Г. 33 д. 34 х. Д. 55 д. 70 х. Кз. В. 22 д. Г. 17 д. 17 х. Д. 23 д. 32 х.

Въ Д—кѣ находился „Деймановскій скитокъ“, хотя и принадлежавшій къ Густынскому м—рю, но имѣвшій особаго своего „намѣстника“. При этомъ скиткѣ существовали двѣ довольно значительныя ярмарки (въ *десятую пятницу* и 2-го іюля).

1) Всѣ три документа, въ подлинникахъ, въ Кіевск. центр. арх., въ бум. Густынск. м—ря.

С. Харитоновка, рч. Галка, известна съ пол. XVII в. и находилась „подъ вѣдѣніемъ Сребр. сотни“ (Генер. слѣдств.)¹⁾ до 1730 г., когда отдана была на рангъ ген. обозн. Ливогубу. Въ к. XVIII в. X. принадлежала Андрею Милорадовичу, но какъ она ему досталась—намъ неизвѣстно. Бр. 36 д. А. 75 д. В. 58 д. В. 104 д. ис. 1 х. Г. 56 д. 68 х. („школа, въ ней живетъ дякъ“, „шинкъ владѣльч., въ немъ живетъ жидъ“, „шинкъ тожъ владѣльч., въ немъ живетъ Самойло Мартиненко“. „Шпитала“ нѣтъ, но есть три „старца, з милостивни живучіе“). Д. 48 д. 98 х. (влад. майора Андр. Милорадовича) ис. 3 д. 10 х. Кз. В. 29 д. Г. 29 д. 33 х. Д. 41 д. 71 х. Разительная убыль—за время съ 1729 г. по 1740 г.—объясняется тѣмъ, что съ 1729 г. по 1745 г., „сошло и померло“—49 двор., какъ замѣчено при повѣркѣ крестьянскаго населенія агентами „коммиссіи экономіи“, въ 1745 г.

С. Карпиловка, рч. Галка, основана ок. 1710 г., на старомъ *селницѣ*, какъ рассказываетъ Антонъ Трощина, въ своемъ завѣщаніи; сказавъ какъ возникли Охоньки (с. 351), Тр. говорить: „а Карпиловку, то жъ *пустое селнице*, въ покойного Іоана Носа, плк—ка Прлцк., осадить позволенія упросилъ, на шо и унѣверсалъ его полковничій у мене имѣется; а когда вже люде стали въ томъ селѣ збиратися, то уже потомъ и пок. гетм. Ив. Скр—ій тое село К., за мои службы и многіе походи, унѣверсаломъ мнѣ во владѣніе, зо всѣми землями, ствердилъ; а потомъ пок. гетм. Д. П. Ап—ль, смотря на мои вѣрніе и многолѣтніе войсковіе службы, тое же с. К. своимъ унѣверсаломъ мнѣ зволилъ подтвердить; якое, *же тѣмъ людемъ не било отъ мене тяжести*, доволними людьми било и осѣло“, но сынъ его Николай, добавляетъ завѣщатель, „чрезъ немилостивіе свои побои—людей разогналъ“... Послѣ смерти Ант. Тр., К. перешла къ его наслѣдникамъ.

¹⁾ Находимъ не лишнимъ замѣтить вообще, что означенія:—«подъ вѣдѣніемъ сотни» и «ратушныя» —тождественны.

Кр. А. 80 д. В. 46 д. В. 80 л. Г. 77 д. 80 х. Д. 125 л.
180 х. Кз. нѣтъ.

С. Слободжа Новицкаго, рч. Березовица (Пащ.), „на собственныхъ Новицкаго грунтахъ осажженная“, какъ замѣчено въ ревизск. книгѣ 1740 г. Поселеніе Слб—ки должно быть отнесено къ нач. XVIII в. Кр. А. не показана. В. 40 д. В. 56 д. Г. 26 д. 28 х. Д. 58 д. 86 х. 5 бд. х. (влад. б. тов. Григорія Новицкаго). Кз. нѣтъ. Црк. Покрова Богородицы. Свщ. Григорій Андреевскій.

Варвинская сотня была расположена отъ Удая на востокъ, приче́мъ нѣсколько ея селъ находилось на этой рѣкѣ и ея притоку Лисогорѣ, а остальные—возникли въ ярахъ, при незначительныхъ ручьяхъ, изъ чего видно, что эти поселенія явились позже другихъ, когда берега рѣкѣ и рѣчекъ здѣсь были уже заняты. Варвинская сотня ок. 1760 г. была раздѣлена на двѣ, приче́мъ въ *первую Варвинскую* сотню попали села: Иваковцы, Озеряны, Дегтяри, Брагинцы, Леляки, Гнѣдинцы, Остаповка, Богдавы и Свѣтличное, а во *вторую Варвинскую*: Васьковцы, Гурбинцы, Олексинцы, Грицовка, Харитоновка, Никоновка, Деймановка, Оробьи, Савинцы и Игнатовка. Отсюда видно, что при образованіи двухъ В—хъ сотенъ, къ нимъ присоединена была и часть Сребрянской.

Варвинскіе сотники. Михаилъ Раковичъ, 1672. Иванъ Андреевъ, 1672. Ярема Моренець, ок. 1680. Федоръ Ивановичъ Ляшко-Тарновскій, 1689—1693. Петръ (Григорій?) Патока, 1710. Михаилъ Федоровичъ Тарновскій, 1714—1729. Матвѣй Андреевичъ Себастьяновичъ, 1731—1735. Дмитрій Конисскій. 1736—1753. Андрей Варановскій, 1757—1763. Послѣ раздѣленія Варвинской сотни на двѣ, въ *первой* сотнѣ сотникомъ былъ Осипъ Жила, 1763—1781, а во *второй* сотнѣ: Ивапъ Даниловичъ Тарновскій, ок. 1763. Фаддей Николаевичъ Троцина, 1772, и Яковъ Магеровскій, 1773—1781 г.

Тарновскіе желаютъ вести свой родъ отъ извѣстнаго вел. гетмана Литовскаго Яна Тарновскаго, но *никакихъ данныхъ для этого нѣтъ.* Вѣрнѣе, что Т—скіе были такими же правобережными выходцами, какъ и множество другихъ, приче́мъ на

правобережное ихъ происхожденіе можетъ указывать и прозваніе *Ляшковъ*, которое носили первые изъ извѣстныхъ намъ Тарновскихъ. Въ „листѣ“ Прлцк. плк—ка Лаз. Горленка читаемъ: „респектуючи на разныя заслуги п. *Ивана Ляшка*, тов. наш. войск., теди въ награду оныхъ позволилисмо ему изъ уряду нашего владѣти сѣножатью панскою (т. е. оставшеюся послѣ поляковъ) окопаною, прозываемою *Жидовскою*, подѣ с. *Гнѣдинцами*“. Упоминаемый здѣсь *Иванъ* былъ отцомъ *Василія* и *Федора*, которые тоже прозывались *Ляшками*, какъ видно изъ слѣд. постановленія Прлцк. полк. суда 1700 г.—„Передь нами, Дм. Горл., плк. Прлцк., Григ. Чернявск., обознымъ, и проч. ставши очевисто панѣ *Татіана Дмитріева*, сотничка *Батуринская*, съ п. *Федоровою Ляшковою*, обыватк. *Варвинскою*, ятровою своею (первого мужа своего небожчика *Василія Ляшка*, братовою), чинила оповѣдъ, ижъ мѣючи dorosлого сына своего *Степана*, съ небожчик. *Вас. Ляшкомъ* спложенного, мѣла росправу предъ судомъ войск. енер. въ *Батуринѣ*, зъ п. *Федоровою Ляшковою*, ятровою своею, доходячи (отыскивая) у нея на предреченного сына своего добръ отцовскихъ: такъ полов. камня мучного въ млинѣ на р. *Удаѣ*, на греблѣ мѣской *Варвинской* стоячомъ, спадаючого, чрезъ самую себе, вже по смерти мужа *Радьковѣ Оробіовскому*, полчанину нашему, за 40 талерей заставленного (заложенного), а небожчикомъ *Федоромъ Ляшкомъ*, дѣверомъ ей, а дядкомъ *Степановымъ*, одплаченного... Гдѣ судъ енер. повагою своею судовою, взглядомъ сына dorosлого п. сотниковой, спложеннымъ зъ небожч. *В. Лшк.*, позволивши одплатити оныя дѣбра отцевскіе, наказаль (постановиль), абы п. *Федоровая Лшк—ая* 40 тал., данныхъ *Радьковѣ* небожчик. *Федоромъ*, мужемъ ей, отъ неи сотниковой принявши, уступила половину камня сыновѣ ей въ млинѣ своемъ, будущога на него отцевѣ дѣдизнымъ правомъ спадаючого... За прибутемъ теди зъ *Прилуки*, обѣдвѣ стороны, п. *Дмитріева*, сотн. *Бат.*, и п. *Федоровая Лшк.*, по такому судовому наказанію, вѣчную и святобливую приняли себѣ згоду“... Изъ этого акта видно, что у *Ивана Ляшка* было два сына *Василій* и *Федоръ*. О первомъ извѣстно, что онъ былъ женатъ на дочери *Прилуцк. мѣщ. Леонтія Бугаенка* и умеръ молодымъ, оставивъ сына *Степана* и вдова его *Татіана* замужемъ за *Василіемъ* *Ляш*

ринск. Дм. Нестеренка. Младшій братъ Василія, Федоръ получилъ Варвинское сотничество при Дм. Горленкѣ, и съ этого времени сталъ писаться Тарновскимъ, какъ видно изъ слѣд. универс. Мазепы, 1691 г.—„п. *Федоръ Тарновскій*, сотникъ Варв—ій, мѣючи свой отчистый млинъ на р. Удаю, просиль насъ на тотъ млинъ подтверждателного нашего унѣверсалу, за которымъ бы могль всѣ приходячіе пожитки (яко то и часть войсковую) спокойно заживати. Теды мы ласкою нашею оного окриваючи, ствержаемъ тотъ млинъ его отчистій, и позволяемъ съ того млина его всѣ розмѣровіе пожитки отбирати“... Однакожъ новое прозвище Федоръ не сразу усвоилъ п., ч. вдова его, какъ выше видно, продолжала называться „Ляшковою“.—У Федора Т. былъ одинъ сынъ *Михаиль*, которому Носъ, ставъ полковникомъ, отдалъ въ 1709 г. с. Гнѣдинцы, гдѣ Т—скіе, повидимому, впервые поселились, выйдя изъ-за Днѣпра. Въ 1714 г. *Михаиль Т.* назначенъ Варвинскимъ сотникомъ, причемъ Скоропадскій подтвердилъ ему Гнѣдинцы. По смерти *Михайла Т.*, имѣнія его были утверждены въ 1731 г., Апостоломъ за его вдовою Софьей Даниловной, вѣроятно по несовершеннолѣтію сыновей ея, Данила и Андрея. Послѣдній должно быть скоро умеръ т.-к. о немъ никакихъ извѣстій не осталось, а Данило—не занималъ никакого особаго уряда, а только состоялъ въ ряду бунч. товарищей. Умеръ онъ рано, оставивъ двухъ сыновей Петра (р. 1736) и Ивана (р. 1738) и дочь Марью, бывшую замужемъ за б. тов. Петромъ Войцеховичемъ. Оба эти сына служили сотниками: Петръ—Журавскимъ, а Иванъ—Второварвинскимъ. Иванъ Т. отличился въ турецкой войнѣ и за это былъ назначенъ Гадяцкимъ полковникомъ, послѣ Крыжановскаго. У этого Ивана Т. было три сына: Иванъ (р. 1765), *Михаиль* и Петръ (а. 1776). Первые два изъ нихъ уже въ 1776 г., т. е. въ дѣтскомъ еще возрастѣ, имѣли чины капитановъ „польскихъ королевскихъ войскъ“. Чины эти разумѣется были куплены и куплены съ цѣлю обезпечить себѣ будущее русское дворянство ¹⁾... Тарновскіе не разжились на урядахъ; у нихъ было въ

¹⁾ Этотъ способъ «побилитаціи» у малороссійской старшины—сталъ практиковаться во втор. пол. XVIII в. въ предвѣдѣніи «дворянства»... См. Киевск. Стар., 1895 г., май, 241.

Гнѣдинцахъ по нѣскольکو десятковъ „хатъ“ да въ Варвѣ хатъ по четыре, по пять. Варвинскіе „подданные“ составляли конечно „скуплю“, но, какъ видимъ, оч. незначительную.

Себастіановичъ Матвѣй былъ однимъ изъ сыновей Андрея С. (с. 64), по смерти котораго старшій сынъ Иванъ былъ уже бунч. тов., а младшіе, Матвѣй и Василій, были еще «недорослыми». Пользуясь такимъ положеніемъ семьи, старшій братъ захватилъ главную отцовскую маетность Грицовку въ свое исключительное владѣніе, причемъ суровымъ своимъ обращеніемъ съ тамошними «подданными» возбудилъ послѣднихъ къ «бунтамъ» (с. 341). На захватъ Гр—ки мать пожаловалась въ Глуховъ, гдѣ въ это время средній сынъ Матвѣй былъ уже канцеляристомъ въ генер. к—ріи; поэтому онъ могъ помогать матери, какъ писаніемъ жалобъ, такъ и личными ходатайствами у Глуховскихъ властей. Высланные изъ Глухова чиновники, провѣривъ жалобы вдовы и присоединившихся къ ней младшихъ сыновей, удостовѣрили правильность этихъ жалобъ, вслѣдствіе чего Иванъ С. долженъ былъ дать (въ окт. 1728 г.) слѣд. подписку: «ассекуруюсь въ томъ, же що я противъ матки своей и братьевъ обидливого прежними часи показавъ, въ томъ милости и помилованія одъ оной матки, яко синъ, просить повиненъ есмь, и що заборовъ надъ волю родителки моей на мнѣ, зъ добръ нашихъ отческихъ, является, тое въ волю и разсмотрѣніе паней родителки моей полагаю, и якъ matka наша въ добрахъ нашихъ распорядить насъ и роздѣлить, при людяхъ достойныхъ, то тою часткою въ добрахъ, одъ матки моей удѣленною, долженъ доволствоватися»... Но черезъ полгода послѣ этого, мать снова жаловалась гетману, что сынъ ея Иванъ, «зъ многихъ лѣтъ своихъ оставши непокоривимъ, исполненія по писму своему не чинить, но еще повернувшись зъ Глухова, другимъ селцемъ прадѣдизнымъ, Игнатовкою, завладѣлъ и нынѣ владѣеть, да къ тому въ слободцѣ Брагинцахъ, по смерти мужа моего другимъ разомъ купленною (см. ниже с. *Брагинцы*), килканадцять человекъ и болшую часть грунту того купленного Брагинского—до хутора Мормизовского, самовластне собою завладѣнного, принялъ во владѣніе, а за хуторъ Мормизовскій, зъ прилеглими до него грунтами, часть половинную денегъ, зъ ре-

чонымъ сыномъ моимъ, я положила»... Младшіе братья поддерживали эти жалобы, особенно когда Матвѣй былъ назначенъ изъ генер. к—ри сотникомъ въ Варву. Но Иванъ не уступалъ и—семейная распря продолжалась безъ конца. Еще и въ 1734 г. Матвѣй и Василий С—чи жаловались Шаховскому, что братья ихъ Иванъ—Брагинскія земли присоединяетъ до хутора своего Мармизовскаго, а между тѣмъ, какъ изъ Брагинскихъ земель ему слѣдуетъ только четвертая часть, почему младшіе братья просили Шаховскаго приказать—раздѣлить Брагинцы между ними на четыре части, при чемъ четвертая часть назначалась матери, „для препитанія до смерти“... Для довершенія путаницы въ семейной распрѣ С—чей, въ это время мать перешла на сторону старшаго сына и уже стала жаловаться, что младшіе ея сыновья, Матвѣй и Василий, завладѣвъ почти всеѣмъ отцовскимъ имѣніемъ, обижаютъ какъ ее, мать, такъ и старшаго своего брата Ивана... Глуховскія власти поручили, въ маѣ 1735 г., полк. судѣ Ягельницкому „съ товарищи“,—раздѣлить „дѣдизные и прадедизные грунты С—чей, между ними на четыре части“, при чемъ четвертая часть должна была быть отдѣлена для матери. Чѣмъ было сдѣлано по этому распоряженію—не знаемъ, но въ 1736 г. вдова Василия С—ча (Агафья „Горленковна“) жаловалась въ Глуховѣ, что Иванъ С. отнялъ у нея завѣщанную ей мужемъ часть Брагинцовъ, изъ чего можно заключить, что раздѣлъ былъ произведенъ. Вслѣдъ за Василиемъ, умеръ и Матвѣй С—чъ, оставивъ вдову съ двумя сыновьями Иваномъ и Матвѣемъ. Вдова Матвѣя Андр—ча вышла потомъ вторично замужъ, за «грузина» Орбеліана, отъ котораго имѣла сына Владиміра (р. 1748). Послѣ смерти Матвѣя С., имѣнія братьевъ С—чей показываются въ ревизіяхъ за Иваномъ и вдовою Матвѣя, а потомъ—за сыновьями послѣдняго; но мать послѣднихъ часть этого имѣнія успѣла передать сыну своему отъ втораго брака (см. ниже сл. *Мармизовка*).

Барановскій Андрей былъ отрѣшенъ отъ Бахмацкаго сотничества за пьянство и насилия (Оп. Ст. Млрс., II, 172), но это не помѣшало ему получить Варвинское сотничество, куда онъ былъ назначенъ въ 1757 г. Характеръ его дѣятельности и здѣсь не измѣнился, какъ видно изъ слѣд. любопытнаго при-

мѣра. Вдова шинкаря прежняго Варвинскаго сотника Конисскаго—жаловалась, лѣтомъ 1758 г., въ полк. к—рію, что ея мужъ Никита Кравченко, по подозрѣнію въ пріобрѣтеніи завѣдомоукраденыхъ вещей, былъ арестованъ, но затѣмъ взятъ на поруки вдовою сотника Конисскаго, до рѣшенія дѣла; а какъ пріѣхалъ новый сотникъ Барановскій, то немедленно приказалъ снова арестовать Кравченка, вмѣстѣ съ другимъ человѣкомъ, у котораго Кр—ко покупалъ краденныя вещи. А потомъ Б. приказалъ обоимъ ихъ «распрашивать въ сотенномъ правленіи, не отправляя, какъ должно, въ полковой судъ». Засимъ жалобщица продолжаетъ: «и по приказу сотника Б., два асаульца привязали мужа моего къ драбинѣ, обнаженнаго, при чемъ находились: самъ сотникъ, есауль сотенный Нагнуйный, лисецъ Ив. Рубанъ и еще два козака—стойчика; и стали бить два асаульца мужа моего по голому тѣлу, въ двѣ плети, безъ всякаго пощадѣнія... Били такъ безчеловѣчно и съ такимъ сотника немилосердіемъ, что онъ асаульчиковъ къ тому принуждалъ угрозами, потому что послѣдніе, видя безъ мѣри текущую кровь и тѣло весьма израненное, устрашились было продолжать истязаніе... И просилъ мой мужъ, при томъ немилосердномъ бою, помиловать его хотя малымъ облегченіемъ и позволить ему исповѣдываться у священника... Но и того онъ, сотникъ, не приказалъ учинить. И уже, егда подъ тѣмъ боемъ мужъ мой омертвѣлъ и при кончинѣ найдовался, то въ ту пору сотникъ приказалъ перестать его бить; и тогда только его отвязали, но сняли съ драбины почти уже мертваго. Послѣ этого отвели его въ холодную хату, чтобы онъ претерпѣлъ еще большее страданіе. И хотѣла я пойти тогда къ мужу, но караулніи, за приказъ сотника, меня не допустили. И тако мой мужъ съ того безмѣрнаго бою, съ приказу и мщенія его сотника учиненнаго, будучи вовсе зраненъ, такъ что и черви въ ранахъ были и весьма билъ тѣломъ опухлой, пятого дни безъ исповѣди и умре, надъ которымъ и обдукціи («осмотра») должной никимъ не учинено, по единой той страсти, что онъ, сотникъ, въ томъ убійствѣ причиною»... Къ этому жена замученнаго добавляла, что Б. вымещалъ на ея мужѣ свою ссору съ сотничкою Конисскою, у которой Кравченко былъ шинкаремъ.—По этой жалобѣ Б. пред-

ставилъ полк. суду любопытное объясненіе. Не отвергая послѣдствій причиненнаго имъ Кравченку истязанія, Б. отвѣчалъ: 1) что «онъ не своеволенствомъ тѣхъ воровъ, Кравченка и его товарища, въ сотенной Варвинской к—рїи допрашивалъ, но по учиненному отъ сотенной старшины, атамана Безчѣпного и хоружого Кваса, опредѣленію (якое онъ, сотникъ, своимъ опредѣленіемъ только дополнилъ); 2) что не отправлены же тѣ воры въ судъ полковой затѣмъ, что, какъ объяснено выше, сотенная старшина опредѣленіе учинила—допросить ихъ на мѣстѣ, причемъ онъ, сотникъ, не знаетъ такого ордера, чтобы въ сотенномъ правленіи нельзя было воровъ допрашивать, и 3) что же касается того, что при допросѣ—Кравченка привязывали къ драбинѣ, то онъ, сотникъ, вины въ томъ не ощущаетъ потому, что онъ предварительно освѣдомлялся у асаула сотенного и у асаульцовъ—какъ у нихъ напередъ того дѣлалось, и ему объявили, что всегда чинятъ де было допросы на драбинахъ, чему и онъ, Б., не прекословилъ»... Затѣмъ относительно истязаній, Б. говоритъ, что въ жалобѣ вдовы много несправды, такъ какъ Кравченко «самъ совершенно съ драбины злѣвъ и—надѣлъ рубашку; а послѣ, къ вечеру уже, приходилъ стойческій атаманъ, докладывая, что воръ Никита проситъ де, чтобъ онъ сискалъ ему пона, но онъ де не пошолъ затѣмъ, что онъ, Никита, передъ тѣмъ шилъ горѣлку, почему и отказалъ... А онъ воръ, упросясь (изъ холодной) въ другую хату, парился на печкѣ, и отъ горячести черви его напали, по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ плетми шкура была збита. Егда же воровка Гапка (жена Кравченка), а паче панѣ сотникова Кониская—начали просить объ отпускѣ его, вора, въ госпду, къ лучшему его присмотру, то я его и отдалъ на паліоръ (пароль?) панѣ сотниковой; и тамъ жена его, воровка Гапка, егда его вора Никиту вложила въ горячей купель (въ ванну), то онъ, шинкаръ, въ томъ купелѣ умлѣвши, окончалъ жизнь свою»... Далѣе Б. говоритъ, что по этимъ причинамъ онъ не признаетъ за собою никакой вины, и заключаетъ свое объясненіе просьбою: «вышеписанную мою невинность милостиво разсмотрѣвъ, мене отъ волокити и народнаго убійствомъ поношенія—освободить. Объ истици же воровкѣ Гапкѣ—чтобъ она задержана была подъ себвестромъ—учинить опредѣленіе, ибо

мнѣ съ оною, дондеже она себе не виправитъ отъ воровства, стать къ суду зазрително и не приходится». Въ этомъ объясненіи сотника важнѣе всего вопросъ—имѣлъ ли онъ право производить допросъ обвиняемаго въ сотенномъ правленіи или же—это право принадлежало только полк. суду?—Практика судебная, насколько извѣстно, указывала, что «распросъ» обвиняемыхъ—равнявшійся пыткѣ—производился тѣмъ судомъ, который рѣшалъ дѣло, а слѣд. сотникъ не имѣлъ права пытать подсудимаго. Но производу урядниковъ въ старой Малороссіи было такое широкое поле, что сотники, подобные Б—му, на практикѣ могли замучивать людей почти безнаказанно, особенно если имѣли какую нибудь поддержку выше. Мы уже видѣли, что Б. замучивалъ людей до смерти, будучи передъ тѣмъ сотникомъ въ Бахмачѣ, причемъ былъ отрѣшенъ отъ сотничества однакоже не за это, а главнымъ образомъ—за пьянство, и что это отрѣшеніе не помѣшало Б—му черезъ пять лѣтъ снова получить другую сотню въ управленіе... Случай съ Кравченкомъ тоже не имѣлъ особыхъ для Б. послѣдствій, такъ такъ онъ и послѣ этого оставался сотникомъ въ Варвѣ еще пять лѣтъ...

Села Варвинской сотни.

М. Варва, слияніе Удая и Варвицы, въ тарифахъ 1628 г. названа „новооселымъ“ поселеніемъ, въ которомъ тогда было „дымовъ“—10 и „огородниковъ“—20,¹⁾ а при спорѣ Московскаго правительства съ Польшею за „Путивльскій рубежъ“ (въ 1638 г.), было выяснено, что Варва, Журавка и друг. сосѣдніе „городки“ были „поставлены“ польскими и литовскими людьми до „перемірныхъ лѣтъ“, т. е. до 1618 г.²⁾ Изъ этихъ фактовъ видно, что В. поселена въ нач. XVII в. Мѣсто для поселенія было выбрано удобное п., ч. по документу Пшездѣцкаго въ В. значитъ 2037 господар., т. е. немногимъ меньше, чѣмъ было въ главномъ

1) Zródła Dziejowe, XX, 86. Въ 1624 г. Проскура спорилъ съ Іерем. Вишневецкимъ за своихъ вр—нѣ, бѣжавшихъ изъ его села Мохнача (Сквииск. у.) въ Варву. Т. ж., XXI, 336.

2) Дворц. Разряды, II, 883 Переписка между Россією и Польшею, Б. Каменск., изд. Моск. О. Ист. и Др., III, 303.

городъ Вишневецчины, Лубнахъ (2646 госп.). По этому же документу, тамъ же значится болѣе 20-ти водян. мельницъ, удобство устройства которыхъ здѣсь вѣроятно и привлекло первыхъ насельниковъ Варвы.—По реестрамъ 1649 г.—показано двѣ Варвинскихъ сотни, а по описи 1654 г. (А. Ю. З. Р., X, 294) въ В. означено 978 коз. и „мѣщ.“. По переписн. книг. 1666 г., въ В. показано „мѣщанъ“ 77 двор., причеиъ въ числѣ ихъ находилось: сапожниковъ—5, кушнеровъ—2, кузнецовъ—3 мельниковъ—10 дв.

До 1743 г. посполитое населеніе В. оставалось свободнымъ, а въ этомъ году 22 двора отдачи были грузинамъ; затѣмъ, въ 1745 г. В—ское посполство было повѣрено сравнительно съ ревизіей 1729 г., и оказалось, что изъ записанныхъ въ этомъ послѣднемъ году 124-хъ дв. посполитыхъ, въ 1745 г. осталось только 27 дв. ¹⁾ да прибыло новыхъ—18 дв., а за отдачею изъ числа послѣднихъ грузинамъ 6-ти дв., всего въ 1745 г. явилось свободныхъ 39 д., которые и были отданы Разумовскимъ, въ 1762 г., одному изъ своихъ дядей, Федору Демешку.

Кр. П. 77 р. А. 165 д. В. 79 д. ²⁾ В. 124 д. Г. 38 д. 38 х.
 (въ этомъ числѣ ремесленниковъ 14 дв.) и „скупля“ 9 д. 10 х.
Д. 45 д. 60 х. пс. 45 д. 78 х., „коронныхъ“ 2 д. 7 х. Кв. В.
85 д. Г. 90 д. 99 х. пс. 29 д. 30 х. Д. 144 д. 264 х. пс.
3 д. 5 х.

Отдача В—вы Демешку показываетъ, что эта маетность считалась выгодною. Универсаль данъ былъ слѣд.: „б. т. Федоръ

¹⁾ Убыль показана слѣд.: скуплено по купчимъ—3 дв., безъ купчихъ—11 дв., неправильно записано—2 дв., вписалось въ козаки—10 дв., «сошло, померло и оустѣло»—48 дв., грузинамъ отдано—16.— (Грузинамъ всего отдано 22 дв., такъ какъ кромѣ 16-ти старыхъ двор., имъ отдачи еще 6-ть дв. изъ новопробылыхъ).

²⁾ Эта цифра слагается изъ слѣдующихъ: 1) «Городъ В. з передѣлѣемъ»—51 дв.; 2) «вольные сотницкіе» (подсосѣдки или «скупля») —5 дв.; 3) «вольные поповскіе з протчипми»—13 дв. и 4) «Слободка Сага з атаманскими людьми»—10 дв. Слободка принадлежала Петру Носенку.

Демяновичъ, поданнымъ намъ доношеніемъ, представляя предковъ своихъ, дѣда и отца, и его самого, многіе значала 1712 года... ронячие, войсковые службы, и что де за оніе, хотя и жаловано ему, Д—чу, половиу селца, т. е. 18 двориковъ п. Нѣж., въ сотнѣ Прохорской, точію де зъ тихъ 18 двор. не толко, по его характеру, себе содержать, но и службы войсковой отправлять, противъ прочихъ своей братѣ, бунч. товарищей, онъ, Федоръ Д—чь, не въ состояніи находится, просилъ о награжденіи его... изъ свободныхъ войск. пѣспол. дворовъ нашего разсмотренія. И мы, респектуя на оніе... войсковіе службы, опредѣляемъ ему б. т. Ф. Д—чу, для лутшого дому его снабдѣнія и себе съ наслѣдниками исправленія къ войсковой службѣ, въ полку Прлцк. мѣст. Варву, въ которомъ, по ревизіи 1751 г., 40 дв. свободныхъ посп. числилось, со всѣми къ нему принадлежащими грунтами и другими посполитскими угодіи, въ вѣчное и потомственное ему и наслѣдникамъ его владѣніе, кромѣ живущихъ въ томъ м. Варвѣ козакѣ и ихъ козачихъ грунтовъ и угодій“... 1) Въ этомъ универсалѣ неупомянуты кр—скіе дворы, отданные по указу 1743 г., „грузинамъ“, но эта отдача универсаломъ Демешку не была отмѣнена: изъ грузинъ въ В. получили крестьянъ Орбеліаны, которые тамъ и позже находились.

Нѣкоторыя свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи В. даетъ ревизія 1740 г., изъ которой видно, что здѣсь, кромѣ указаннаго количества дворовъ козакѣ и крестьянъ, было еще 39 двор. „свободно жиючихъ“, принадлежавшихъ старшинѣ, духовенству и разнаго рода „служителямъ.“ 2) Въ В. было двѣ школы (конечно,

1) Федоръ Демяновичъ, иначе—*Демешко*, или *Стрешинецъ*, былъ родной братъ матери гетмана; этихъ братьевъ было четыре: Федоръ, Герасимъ, Денисъ и Андрей; первые три—въ 1742 г.—были «награждены» чинами бунчук. товарищей, а Федоръ еще въ 1746 г. получилъ половиу с. Мал. Загоровки, о которой и говорится въ приведенномъ универсалѣ Разумовскаго.

2) Такіе «свободно жиючіе» находились въ каждомъ селѣ, но число ихъ не всегда показывается точно. Въ числѣ «свободныхъ» въ Варвѣ между прочими показанъ: «бандурвиста кн. Никиты Юр. Трубецкого, Ив. Афанасенко». Въ ревизіи м. Варвы 1731 г., въ числѣ «старшины и служителей мужичого званія волныхъ» названы между

по числу двухъ церквей, изъ которыхъ одна называлась „рынковою“; былъ тутъ одинъ „шпиталь“, а въ немъ—11 „старцовъ“. Въ В. было 4 шинка, изъ которыхъ 2 принадлежали сотнику Дм. Конисскому, а 2—зн. тов. Степ. Кисловичу; въ нихъ торговали виномъ мѣстные кр—ве.—В. окружена была „фольварками“ и хуторами. Изъ первыхъ названы: 1) б. тов. Данила Тарновскаго, надъ рч. Варвицею; 2) зн. тов. Григорія Васильева; 3) намѣстника Варвинскаго Семиона Галабудскаго; 4) „попа рынового“ Мойсея Иванова; „попа рынового“ Григорія Иванова и зн. тов. Степ. Кисловича. Во всѣхъ этихъ „фольваркахъ“ жило большею частью по одному „наемному“. Изъ хуторовъ, значительнѣйшимъ былъ—б. тов. Дан. Тарновскаго, „на долину Калиновицъ“, гдѣ была и мельница, на рч. Варвицѣ; по описи 1780 г. этотъ хуторъ является уже *дер. Калиновицею*, съ 15 дв. и 31 х.

Д. Леяки, Удай, по универсалу 1716 г. отданы, за какое то отличіе, „при шведскомъ наступленіи,“ значк. тов. Матвѣю Кисловичу, послѣ смерти котораго Л. перешли во владѣніе его вдовы и сыновей, Степана, Осипа и Павла. Но по универсалу 1713 г., гетманъ Апостоль отобралъ у Кисловичей 10 двор. для вдовы Варвинск. сотника Михайла Тарновскаго. ¹⁾ Кр. А. 8 д. В. 28 д. В. 18 д. Г. 5 д. 5 х. Д. 15 д. 23 х. пс. 2 бд. х. Кз. В. 25 д. Г. 25 д. 27 д. Д. 36 д. 76 х.

С. Дегтяри, Удайскаго залива, возникли въ пол. XVII в. и принадлежали къ числу ратушныхъ селъ. Ставъ полковникомъ, Галаганъ облюбовалъ себѣ въ числѣ прочихъ маестностей и Дегтяри, причемъ для присвоенія этого села, сталъ скупать тутъ грунта и садить на нихъ—*какъ будто особую слободу*, которая

прочимъ два «ковшика» (напр., «ковшикъ» Матвій Кракъ). Не были ли это тѣ «служители», на обязанности которыхъ лежалъ сборъ на вод. мельницахъ той части помола, которая «шла на Войско»? (Помоль отбирался «ковшемъ»).

¹⁾ Дворы эти по ревиз. 1740 за Тарновскимъ не показаны, но значатся за ними («за вдовою Дан. Тарновскаго») по вѣдом. 1753 г. А между тѣмъ за Кисловичами по ревиз. 1740 г. значится всего *пять* дворовъ. Дворы Тарн—хъ пропущены видимо по ошибкѣ.

уже въ 1729 г. заключала въ себѣ 48 дв.; въ ревизіи этого года кр-ское населеніе Д—ей записано такъ: „посполитыхъ до ра-туши належныхъ—5 дворовъ“ и—„въ томъ же селѣ, слободка п. полковника Игнатія Галагана—48 дворовъ“. Въ дѣйстви-тельности никакой особой „слободки“ тутъ не было, а были скупленные кр—скіе и козацьи дворы съ поселенными на нихъ подсосѣдками. „Скуплю грунтовъ“ въ Д. Галаганъ началъ уже съ 1716 г. и скупалъ здѣсь, какъ козацьи, такъ и кр—скіе дворы, безразлично. Для образца „скупли“, приводимъ двѣ та-кихъ купчихъ. „Я, Агафья Коваленкова, чиню вѣдомо симъ моимъ писаннемъ, что продала гай (лѣсъ) въ с. Д—хъ, п. пол-ковнику Прилуцкому, за гроши, за полчварта золотыхъ (3¹/₂ зо-лот.=70 коп.), а тотъ гай, она, Ковалиха, имѣеть съ того еще времени, какъ были вольные гай; и дала она мировѣ за той гай—сало и десять кварть горѣлки; и волно обладать его мил. п. пле—ку тѣмъ гаемъ, какъ своимъ собственнымъ“. (1733 г.) Дру-гая купчая показываетъ, какъ скупались козацьи дворы: „мы, нижеименование, чинимъ вѣдомо симъ нашимъ писаннемъ, что хотя покойные отцы наши, а по нихъ и мы, козацко, а не посполито служащи, воинскую повинность до сихъ временъ от-бывали, однако жъ теперь, до крайняго убожества и скудости пришедши и не будучи въ силахъ впредь службы козачей от-бывать, продали мы его м. п. Игн. Г—ну, пле—ку Прлцк., дво-ровую землю нашу, на которой хаты наши построены, гдѣ мы продолжая жить, обязываемся служить п. полковнику *посполито*, а не козацко, и всякія повинности отбывать, и на будущее время не повинны уже будемъ ссылаться на нашъ козацкій чинъ, чего ради и сіе наше писаніе до рукъ его мил. п. плк—ка Прлцк. выдаемъ“. ¹⁾ При ревизіи 1740 г.—относительно Д—рей—прямо было указано, что здѣшніе посполитые свободные дворы (ихъ было всего четыре) „скуплены“ плк—комъ Галаганомъ въ 1736 г., а „слободка Дегтяровка“ и здѣсь показана отдѣльно, но въ вѣд. 1753 г. ни о какой уже „слободѣ“ не упоминается, а значитъ

¹⁾ Подписано: „Манджуренко, Кирикъ Гриценко, жителя Дегтя-ревскіе“. Обѣ купчія пзъ Румянц. описи.

Галагановское село Д—ри. Кр. П. 2 д. А. 12 д. В. 20 д. В. 5 д.
и въ „слободѣ“ Г—на, 48 д. Г. „скупленныхъ“ Г—номъ 4 д. 4 х.
и въ „слободѣ Дехтяровской“—39 д. 39 х. Д. 53 д. 73 х. (кол. ас.
Галагана). Кз. В. 26 д. Г. 18 д. 20 х. Д. 47 д. 58 х. пс. 2 д. 2 х.

С. Иванковцы, Удай, извѣстны съ пол. XVII в.; принадлежали къ числу ратушныхъ сель, но затѣмъ кр—не были скуплены Галаганомъ, какъ это видно изъ слѣд. замѣтки агентовъ комиссіи экономіи (1745 г.) „оное село по перечневой вѣдомости показано въ свободныхъ, а по свидѣтельству явилось во владѣніи Прлцк. пль—ка Галагана, а почему—крѣпостей и отвѣту не прислано“.

Кр. П. 18 д. А. 28 д. В. 7 д. В. 13 д. („до ратуши на-
лежащихъ“). Г. 2 д. 2 х. 1) „скупил“ 1 д. 1 х. Д. 21 д. 25 х.
Кз. В. 58 д. Г. 51 д. 53 х. пс. Галагана 7 д. 7 х. Д. 80 д. 148 х.

С. Гурбинцы, Лисогорь, извѣстны съ пол. XVII в.; Самойловичемъ отданы, въ 1674 г., тогдашнему полк. обозн. Вас. Себастьяновичу (с. 57), отъ котораго перешли къ его наслѣдникамъ; сначала Г. владѣлъ сынъ Василія—Григорій, а потомъ сынъ Григорія—Иванъ, своеручно подписавшій вѣд. о Г—цахъ въ 1731 г. У сыновей Андрея—въ Г. были только подсосѣдки. Во втор. пол. XVIII в. главнымъ владѣльцемъ Г. является кол. ас. Богданъ Брежинскій, женатый на Евдокіи Ивановнѣ Себастьяновичъ; повиdimому, это была дочь Ивана Григорьевича. Кр. П. 10 д. А. 96 д. В. 56 д. В.? 2 пс. 2 д. Г. 20 д. 20 х. (за 1737—740 г. г.

1) Въ цифрахъ нѣтъ ошибки, а между тѣмъ и по ревиз. 1731 г. значится кр—нѣ 14 двор. Развѣ—разошлись было, не желая подчиняться Галагану...

2) Въ спискѣ „козачого званія служителей, свободно живучихъ“, приложенномъ къ ревизіи 1740 г., показаны между прочимъ, вслѣдъ за компанейцами (квартировавшими по селахъ) „отставные сербы“, числомъ 6; такіе же сербы показываются и въ другихъ селахъ Прлцк. полка, иногда съ добавленіемъ—«изъ гусаровъ». Это были сербы, пзъ числа вызванныхъ въ Россію при Аннѣ Іоанновнѣ. См. Ввств. Евр. 1870 г., іюнь, статья Нила Цопова, 603.

„сошло“—23 хов.) пс. 8 д. 8 х. Д. 97 д. 131 х; изъ нихъ 89 д. 118 х.—Брежинскаго, а 8 д. 13 х.—Мойсея (Матвѣя Матвѣевича?) Себастьяновича. Кз. В. 28 д. Г. 24 д. 25 х. и „скупленныхъ“ Ив. Андр. С—чемъ до 1740 г.—5 д. 8 х.¹⁾ Д. 37 д. 73 х.²⁾

Д. Игнатовка, Лисогоръ, отдана Самойловичемъ, вмѣстѣ съ Гурбинцами, Вас. С—чу, отъ котораго перешла къ сыну его Андрею, а потомъ къ дѣтямъ послѣдняго, долго между собою спорившимъ за отцовское наслѣдство (с. 357). Кр. П. 3 д. А. 29 д. В. 21 д. В. 19 д. (б. т. Ив. Андр. С—ча). Г. 7 д. 7 х. (его же); въ 1739 г. „сошло“ 6 д. Д. 12 д. 13 х.; изъ нихъ 6 д.—б. т. Лысенка³⁾ и 6 д. „поле. судьи“ Мойсея (Матвѣя?) С—ча. Кз. В. 16 ц. Г. 12 д. 13 х. Д. 22 д. 38 х.

С. Оробьевка (Воробьи), „ключъ Довжикъ Грузскій“ (1740 г.)⁴⁾, извѣстна съ полов. XVII в.; до 1732 г. „урислушала“ Варв. ратушѣ, а въ этомъ году отдана на рангъ ген.

1) Объ этой «скуплѣ» въ ревиз. 1740 г. находятся такіа отмѣтки: 1) «Никита, Остапъ и Федоръ Омелченки, на одномъ дворѣ, иорознь хатами живутъ, козаки зъ дѣда и отца, были въ походахъ, а сего 1740 г. продавши дворъ къ хатами, живутъ подъ б. т. Ив. С—чемъ». 2) «Ив. Подгорній зъ дѣда и отца козакъ и былъ въ походахъ..., а въ 1739 г. продавши дворъ съ хатами б. т. Ив. С—чу, сталъ за нимъ жить и нынѣ живеть» и т. д.

2) Въ Полтавск. губ. есть и друг. село Гурбинцы—на р. Удаѣ.

3) Повидимому, это былъ зять Ив. Андр. С—ча. Въ «Спискахъ Черниг. двор.» 1783 г. (Черниговъ, 1890) означена вдова б. т. Осипа Лысенка, Марфа (стр. 167), за которою въ числѣ ея „родовитыхъ“ имѣній показаны с.с. Грицковка (600 д. м. и ж.) и Игнатовка (33 д. м. и ж.). Отсюда можно заключить, что имѣнія Ив. Андр. С—го унаслѣдованы его дочерью Марфою, бывшей замужемъ за б. т. Осип. Федор. Лысенкомъ (с. 261).

4) У Пашенка—*рѣчка Точеная*. Повидимому, это послѣднее названіе присвоено рѣчкѣ по прозвищу мѣстныхъ жителей *Точеныхъ*, которымъ въ 1780 г. принадлежалъ сосѣдній съ Воробьями—«Хуторъ Точеный». Прозвище *Точеныхъ* въ Воробьевкѣ—значится и по переписн. книгамъ 1666 г.

судьѣ Лысенку, всего съ 3-мя крест. двор. Во втор. полов. XVIII в. часть кр—нѣ была скуплена, а остальные, повидимому, были записаны на гетмана. Кр. П. 10 д. А 5 д. В. 6 д. В. 7 д. пс. 1 д. Г. 3 д. 3 х. Д. 8 д. 14 х. (гр. А. Разумовск.—2 д. 4 х., кол. ас. Брежинскаго—3 д. 4 х., „плк—цы“ Тарновской—1 д. 1 х.; „сотнички“ Конисской—1 д. 3 х., кол. ас. Галагана—1 д. 2 х.) пс. 2 д. 4 х. („поповскихъ“). Кз. В. 44 д. Г. 51 д. 56 х. Д. 55 д. 140 х.

С. Савинцы, „въ ярахъ и на скосогорахъ, по об. стор. рч. „Руды“ (Пащ.), извѣстны съ пол. XVII в.; сначала кр—не были «ратушными», при чемъ „по силѣ присланной въ 1733 г. изъ коллегіи ностранной грамоты“, они б. опредѣлены „для возки къ Батурианской маестности овцамъ сѣна“. По ревиз. 1740 г. С. значатся „описнымъ на ея величество“, что не помѣшало „скуплѣ“ здѣшнихъ кр—нѣ во втор. пол. XVIII в. Кр. П. 21 д. А. 59 д. В. 17 д. В. 30 д. пс. 1 д. Г. 14 д. 14 х. („описныхъ на ея величество“) пс. 3 д. 3 х. Д. 22 д. 35 х. пс. 8 д. 12 х. (гр. К. Разум.—5 д. 11 х., плк—цы Тарновской—8 д. 14 х., сотника Магеровскаго—4 д. 6 х. и друг. 4 д. 5 х. подсосѣдки—„поповскіе и разночинческіе“). Кз. В. 41 д. Г. 58 д. 67 х. Д. 95 д. 162 х.

С. Брагинцы (Брагинецъ), „на раздольи и въ ярахъ, чрезъ оное село протекаетъ неболш. рч. Козинка“ (Пащ.), возникли на старомъ „селищѣ“, которое три брата Брагинца, Игнатъ, Максимъ и Илья, купили у Гер. Вишневецкаго, за 7 тыс. („золотыхъ?“) Когда, послѣ изгнанія поляковъ, купленные Брагинцами земли позавхватывали сосѣди, то дѣти покупателей обратились—съ жалобою на захватъ—въ генер. судъ, который рѣшеніемъ 1671 г., отцовское „селище“—возвратилъ имъ. Но земли, повидимому, было много, почему оно подверглось новымъ захватамъ со стороны сосѣднихъ жителей с. с. Озерянъ, Воробьевъ и друг. У послѣднихъ земли эти куплены были Андреемъ С—чемъ, который посадилъ тутъ „слободку“ названную—по имени первыхъ владѣльцевъ—*Брагинцевъ*. Въ этой слободкѣ въ 1718 г. было уже 25 дворовъ и церковь. Послѣ смерти Андрея С., Бр—ми владѣла его вдова съ сыновьями, пока не явилась въ Глуховѣ

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-я.

I. ПИСЬМА ПРОФ. УНИВ. СВ. ВЛАД. ПРОТ. Н. А. ФАВОРОВА КЪ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВУ.	169—199
II. КНЯЖА КРЫНЦЯ. Сцены зъ XVII вѣку у 4-хъ дѣтъ и 7-ми одинагъ. <i>Ө. Пильченка (Окончаніе)</i>	200—232
III. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. (<i>Продолженіе</i>). <i>Өр. Левицкаго.</i>	233—255
IV. ГОРОДЯНКА. Повесть. (<i>Продолженіе</i>). <i>Л. Яновской.</i>	256—302
V. ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ВВЕДЕНІЮ ПОЛОЖЕНІЙ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. ВЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБ. (Къ 40-лѣтію со дня освобожденія крестьянъ). (<i>Окончаніе</i>). <i>Ник. Василенка</i>	303—327

ОТДѢЛЪ II-ой.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. <i>А. Мёрдеръ</i> ; б) Изъ прошлаго Полтавщины. Сообщ. <i>И. Фр. Павловскій</i> ; в) Къ исторіи Котельвы; г) Для исторіи перяславской бунды, при епископѣ Іовѣ Базилевичѣ. (1771 г.); д) Одинъ изъ борзенскихъ предводителей дворянства; е) Для исторіи церковнаго прихода	65—83
Тенуція извѣстїя	83—94
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Волинскій историко-археологическій сборникъ. Выпускъ II. <i>Өр. Левицкаго</i> ; б) Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. Съ 1 окт. 1900 г. по 1 окт. 1901 г. III; в) Корифей украинской сцены. <i>В. Д.</i> ; г) <i>Миховскій</i> . Сатавиньска помста. Драма въ 4 дѣтъ. <i>В. Д.</i> ; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; г) Извѣстїя о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.	95—135
Археологическая лѣтапись	138—152
III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Пралудскій полкъ. <i>Ал. Лазаревскаго</i> . Листъ 24-й и 25-й	369—400

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫИ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXV.

1901 г.

НОЯБРЬ.



КІЕВЪ

Типо-литографія Императорскаго Университета Св. Владимира.
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица, № 6.

1901.

Дозволено цензурою. Київъ, 18 октября 1901 года.

„Кіевская Старина“

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

въ 1902 году

(21-й годъ изданія)

будеть издаваться по прежней программѣ и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ. Журналъ выходитъ книгами, въ 12 и болѣе листовъ, въ началѣ каждаго мѣсяца, заключаая въ себѣ статьи, представляющія изслѣдованія по исторіи, литературѣ и этнографіи юга Россіи, а равно цѣнные матеріалы, касающіеся той же области; сверхъ того, будутъ печататься русскія и малорусскія беллетристическія произведенія, а также библиографическія извѣстія о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ, касающихся юга Россіи.

Подписная цѣна 10 руб. въ годъ съ доставкою и пересылкою, а на мѣстѣ—8 руб. 50 коп.; за-границу—12 руб. Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціей. Отдѣльныя книги журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“ (Маріинско-Благовѣщенская, № 60), въ книжной торговлѣ редакціи „Кіевская Старина“ (Безаковская, № 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжной торговлѣ „Кіевской Старины“.

Издатель К. М. Гамалѣй.

Редакторъ В. П. Науменко.

Письма профессора Университета св. Владимира протоіерей Назарія Антоновича Фаворова къ протоіерю Петру Гавриловичу Лебединцеву.

Многія изъ печатаемыхъ ниже писемъ Н. А. Фаворова интересны, какъ говоряція о комитетѣ по реформѣ церковнаго суда, созванномъ въ Петербургѣ, куда по разнымъ обстоятельствамъ не могъ онъ, въ качествѣ члена его, такъ исправно ѣздить, какъ П. Г. Лебединцевъ, и посѣщать засѣданія, число которыхъ было 74. Считаю нужнымъ сказать объ этомъ комитетѣ нѣсколько словъ.

Отъ 14 генваря 1870 г. объявлено извѣстіе о Высочайше утвержденномъ комитетѣ по реформѣ духовнаго суда и о назначеніи членовъ. Обыкновенно въ разные комитеты при Синодѣ назначаются лица изъ столичнаго духовенства. Д. Г. Лебединцевъ ¹⁾ посовѣтовалъ предложить графу Толстому, чтобы назначить также двухъ московскихъ и двухъ кievскихъ представителей духовенства, причемъ указалъ на Петра Гавриловича Лебединцева, какъ практика, и Назарія Антоновича Фаворова, какъ теоретика. Съ нимъ согласились, но сказали, что за кievскихъ вся нравственная отвѣтственность падаетъ на него.

¹⁾ Старшій братъ П. Г. Лебединцева, занимавшій очень видный постъ въ Петербургѣ.

Кіевскіе депутаты вполне оправдали оказанное имъ высокое довѣріе. Въ началѣ февраля 1870 г. Петръ Гавриловичъ послалъ Данилу Гавриловичу свою брошюру о церковномъ судѣ въ 17 вѣкѣ. Тотъ тотчасъ отослалъ ее юрисконсульту при оберъ-прокурорѣ св. Синода Василию Аванасіевичу Степанову, а отъ сего послѣдняго она была препровождена къ оберъ-прокурору Д. А. Толстому. Графъ Толстой возвратилъ ее чрезъ два дня при слѣдующей запискѣ: „Возвращаемая у сего брошюра протоіерея Лебединцева обѣщаетъ въ немъ полезнаго сотрудника нашего комитета“. Отъ 2 сентября 1870 г. юрисконсультъ послалъ Петру Гавриловичу слѣдующее приглашеніе: „По порученію Его Преосвященства, господина председателя комитета, Высочайше учрежденнаго для преобразованія духовно-судебной части, имѣю честь обратиться къ Вашему Высокопреподобію пожаловать въ С.-Петербургъ для засѣданій въ означенномъ комитетѣ“. Такое самое приглашеніе, очевидно, получилъ и Н. А. Фаворовъ. Когда именно выѣхали они изъ Кіева, не знаю. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ комитетѣ былъ не архіепископъ Макарій, а П. Г. Лебединцевъ; противникомъ же его былъ профессоръ московской д. Академіи А. Ѳ. Лавровъ, получившій отъ своихъ сотоварищей по комитету прозвание „обскурантиссимуса“ и пріобрѣвшій не совсѣмъ завидную извѣстность книгою „Предполагаемая реформа духовнаго суда“, изданной Н. Елагинымъ и имѣвшей значеніе призыва къ возстанію противъ предпринятой реформы, а также своими московскими апологіями, помѣщенными въ Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Эти апологіи несостоятельны и испещрены не деликатными, грубыми выраженіями по адресу противниковъ. Онъ представлялъ принятое въ свѣтскомъ судѣ начало отдѣленія судебной власти отъ административной—непримѣнимымъ къ суду духовному, основываясь на такихъ мѣстахъ священнаго писанія, смыслъ которыхъ ясенъ для всякаго, только не для Лаврова. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о поражающей массѣ злоупотребленій, какія допускаются въ духовныхъ слѣдствіяхъ, дознаніяхъ и благочинническихъ отзывахъ.

А между тѣмъ удивительныя вещи, въ видѣ дифирамбовъ, писались въ Москвѣ (юньская книжка „Русскаго Обзорѣнія“ за 1896 г.) про Лаврова—о его дѣятельности въ комитетѣ, которою онъ будто оказалъ великую услугу православноѣ церкви. Въ апрѣлѣ м. 1874 г., по случаю представленія всеподданнѣйшаго доклада о закрытіи комитета, графъ Толстой потребовалъ къ себѣ отзывы архіереевъ на проектъ, почему-либо особенно замѣчательные. Посылая эти отзывы, В. А. Степановъ въ запискѣ написалъ, что кievскимъ протоіереемъ Лебединцевымъ написана основательная статья, еще ненапечатанная, въ которой выставляется вся нелѣпность сочиненій Лаврова. Статья эта оставлена графомъ у себя. Что сдѣлано съ нею, не знаю; знаю только, что въ 60 и 62 номерахъ „Голоса“ за 1872 г. помѣщена статья Петра Гавриловича безъ подписи—о степени судебной власти епископа, передѣланная, впрочемъ, Барсовымъ, по порученію В. А. Степанова. Въ первой книжкѣ „Православнаго Обзорѣнія“ за 1872 г. помѣщена статья противъ мудрованій Лаврова подъ инициалами Л. Б. Кажется мнѣ, что эти буквы означаютъ—Лебединцевъ-Барсовъ. Архіерейскіе отзывы, по словамъ „Голоса“, написаны не только въ тенденціозномъ духѣ книги Елагина, но и ея мыслями, и ея языкомъ. Предполагавшаяся реформа церковнаго суда, клонившаяся не къ умаленію до крайней степени судебныхъ правъ архіерейской власти, а къ восстановленію праваго суда, какимъ пользуются всѣ прочія сословія Русскаго государства, отложена.

Н. А. Фаворовъ предчувствовалъ, что изъ этой реформы ничего не выйдетъ, но П. Г. Лебединцевъ до послѣдняго времени своей жизни не терялъ надежды: „пройдутъ годы, а все-таки будетъ такъ, какъ мы рѣшили“—говорилъ онъ.

Свящ. Іоаннъ Гордіевскій.

1.

Любезнѣйшій Петръ Гавриловичъ! 1).

Вчера вечеромъ, въ 6 часовъ, я хотѣлъ было зайти къ Вамъ, но такъ усталъ послѣ служенія, что долженъ былъ отложить визитъ свой до другого времени. Здоровы еще Вы? Что-то Васъ не видно было въ прошлое воскресенье. Не совсѣмъ здоровилось и мнѣ во всѣ послѣдніе дни; съ субботы я не былъ и у Маріи Николаевны 2). Каково ей живется въ новомъ положеніи? Если увидите съ нею на этихъ дняхъ до воскресенія, то пожалуйста передайте отъ меня ей поклонъ, съ извиненіемъ, что я никакъ не могъ навѣстить ее, частію по нездоровью, частію и по крайнему недосугу. Посылаю Вамъ слово при погребеніи общаго нашего друга 3). Я самъ не совсѣмъ доволенъ этимъ словомъ: некогда было написать что-нибудь подѣльнѣе; да какъ то и состояніе души было у меня въ то время нехорошее. Признаюсь, мнѣ не хотѣлось много говорить о покойномъ: образъ его стоялъ предо мною и слова какъ-то замирали на устахъ моихъ. Ну, что есть, то пусть и останется въ память его! Въ уваженіе желанія М. Николаевны, напечатайте написанное. Я хотѣлъ было назвать это рѣчью, да названіе это нейдетъ къ содержанію; не совсѣмъ идетъ и „слово“, но ужъ такъ и быть, пусть будетъ „слово“. До свиданія.

Вашъ преданный Н. Фаворовъ.

3 марта 1867 г.

2.

Сейчасъ получилъ я письмо ваше, мой добрый и глубокоуважаемый Петръ Гавриловичъ. Чтобъ отвѣчать на него сколько-

1) Письма печатаются съ пропусками нѣкоторыхъ мѣстъ, гдѣ идетъ рѣчь о дѣлахъ чисто личнаго характера.

2) Ключарева.

3) Тайный совѣтникъ Алексѣй Кирилловичъ Ключаревъ.

нибудь посолднѣе, нужно нѣсколько подумать и всмотрѣться въ дѣло. Въ концѣ этой же недѣли, или, по крайней мѣрѣ, не позже 1 декабря, я снова буду писать къ Вамъ и надѣюсь поговорить съ Вами подробнѣе и обстоятельнѣе, а теперь तो-роплюсь, главнымъ образомъ, поблагодарить Васъ за сообщенія ваши, а еще больше и даже несравненно больше за тонъ и духъ, въ какихъ они сдѣланы, ограничиваясь затѣмъ кое-какими увѣдомленіями о вещахъ изъ обыденнаго быта нашего. О соборѣ мнѣ наговорили сначала много ужастей, но, кажется, ужастя эти созданы воображеніемъ. Я не былъ еще въ Софійскомъ, но меня завѣрялъ Михаилъ Михайловичъ ¹⁾, что шумъ поднять совершенно изъ пустяковъ. Онъ говоритъ по этому поводу почти тоже, что и Вы пишете, и даже просилъ меня передать Вамъ его завѣреніе, въ предупрежденіе всякихъ смущеній съ Вашей стороны. На дняхъ я общалъ, однако-жъ, быть въ Софіи, повидѣтъ пресловутую трещину, повидѣтся съ г. Иконниковымъ ²⁾ и съ соборянами, для того, чтобы точнѣе передать Вамъ все дѣло. Митрополитъ, при первомъ слухѣ, можетъ быть и вспылить, какъ это бываетъ съ нимъ, но потомъ, какъ видно, успокоился. Когда при мнѣ зашла у него съ кѣмъ-то рѣчь объ этомъ, то я не замѣтилъ въ немъ и тѣни какого-нибудь неудовольствія на Васъ. О комиссіи я еще хорошенько не знаю, но теперь поразвѣдаю, хоть напередъ увѣренъ, что серьезнаго во всемъ дѣлѣ ничего не окажется. Завтра, т. е. 24 ноября, Кіевъ ожидаетъ къ себѣ Государыню Императрицу, въ 10 часовъ утра. Дворецъ для нея отдѣланъ и уже освященъ, но жить въ немъ едва-ли еще можно: холодно и сыро. Зданіе вышло очень пригожее, внутренность расположена и отдѣлана безъ петербургской роскоши, но красиво и, можно сказать, мило. Мнѣ думалось и чувствовалось въ немъ гораздо свѣтлѣе, приятнѣе и веселѣе, чѣмъ, помните, въ московскомъ дворцѣ. Высокая Гостыя пробудетъ у насъ, говорятъ,

1) Хижняковъ, секретарь консисторіи.

2) Губернскій архитекторъ.

до четверга. Вслѣдъ за Государыней и митрополитъ собирается отправиться въ Петербургъ. Вѣроятно, Вы увидите съ нимъ 1 или 2 декабря. При новыхъ разговорахъ съ нимъ касательно дѣлъ нашего комитета, я, въ виду несообразныхъ предположеній о главныхъ пунктахъ судоустройства, выразился отъ лица насъ обоихъ такъ: ужъ лучше, по нашему мнѣнію, оставить дѣло *statu quo*, чѣмъ улучшать его такимъ образомъ. Оказывается, что и Вы, хотя и по иному нѣсколько поводу, высказались буквально такъ-же. Митрополитъ взялъ у меня записку Лаврова о судоустройствѣ: я ее передалъ ему съ моими примѣчаніями на поляхъ, не измѣнивъ въ нихъ ровно ничего. Не знаю, смотрѣли-ли Вы мои замѣчанія. Впрочемъ Вы и такъ знаете мнѣнія мои. На всякій случай я повторяю одно изъ нихъ касательно предсѣдательства архіерея въ судѣ. Буквально не помню своего примѣчанія, но мысль выражена такая: „Говорятъ все объ „участіи“ архіерея въ судѣ: это слово двусмысленно. По духу и ученію церкви, полнота правъ принадлежитъ въ частной церкви епископу; и такъ говорить объ его „участіи“ въ судѣ значить заранѣе низводить его на степень низшую. Отсюда-то и всѣ споры... Дѣло не въ томъ, принадлежитъ ли епископу право суда въ его церкви (это внѣ спора), а—какъ устроить судъ такъ, чтобы, не нарушая правъ епископа, создать достаточно самостоятельный судъ безъ непосредственнаго участія архіерея“... Не ясно что-то выходитъ, но Вы знаете, въ чемъ дѣло. Митрополитъ же не возвратилъ мнѣ записки, но—возвратить непременно до отъѣзда. Съ Михаиломъ Александровичемъ ¹⁾ я думалъ видѣться у Николая Дмитриевича ²⁾, къ которому онъ обѣщаль придти 15-го числа обѣдать, но его не было. Не заболѣлъ-ли? Я буду у него, какъ по собственному желанію, такъ и по Вашему совѣту, чтѣ и передалъ ему. Рукопись, о которой упоминаете, не тождественна съ софійскою рукописью

1) Максимовичъ М. А., первый ректоръ Кіевск. Университета, проживавшій тогда зимою въ Кіевѣ.

2) Иванышевъ.

о вольностяхъ малороссійскихъ. У меня остался перечень статей, составляющихъ содержаніе послѣдней; можетъ быть, я пришлю его Вамъ. О. Августинъ неохотно принимаетъ назначеніе въ Вильну и даже готовъ, кажется, и отказываться. По крайней мѣрѣ, такъ онъ говоритъ. Да, кажется, дѣйствительно назначаемое ему мѣсто не по немъ, не по его характеру. Преосвященный Макарій лучше бы сдѣлалъ, если-бы постарался предоставить это мѣсто о. Іустину. Тотъ хотя и недавно на службѣ, но уже не молодъ и, главное, человѣкъ практическій. Въ свое время я совершенно упустилъ изъ виду Іустина, не то высказалъ бы мнѣніе въ его пользу. Къ этому письму я намѣренъ приложить письмо къ Сашѣ ¹⁾, если успѣю написать такое. Пожалуйста, потрудитесь передать ему. Онъ перемѣнилъ квартиру, но не написалъ мнѣ, гдѣ и у кого нанялъ новую, такъ что я не могу адресовать письмо прямо на его имя. Спасибо, сто разъ спасибо Вамъ за дорогое для меня участіе Ваше въ его положеніи. Хотя я немножко легче вздохнулъ послѣ того, какъ объяснилось дѣло, столько встревожившее меня, но все-таки мнѣ тяжело. Недавно я получилъ, вмѣстѣ съ письмомъ отъ Саши, письмо и отъ г-жи Головинской. Пишетъ и умно, и хорошо, въ собственномъ значеніи этого слова, такъ что разумнѣе и искреннѣе не написала-бы мнѣ дочь моя. Говорю безъ всякаго пристрастія. Но тѣмъ не менѣе, что-жъ изъ этого, или что за тѣмъ? Я отвѣчаю и прошу прямо рѣшить мои недомыслія. Что касается Вашихъ совѣтовъ Сашѣ, то они совершенно справедливы и практичны. Пожалуйста, не оставляйте и на будущее время внушать ему здравыя понятія о практической жизни, особенно касательно училища и приготовленія къ нему. Повѣрьте, и одно участіе, когда оно такъ просто и искренне, какъ Ваше, весьма много значить для молодого человѣка. Получилъ ли Саша билетъ? Сію минуту вспомнилъ о фотографическомъ снимкѣ моей фізіономіи. Что она? Вѣрно

¹⁾ Сынъ Н. А. Фаворова.

плоха, хуже даже оригинала. Профессоръ Славатинскій убѣдительно просить, нельзя-ли узнать, почему на представленіе къ ординатурѣ доселѣ не отвѣчаютъ. Разумѣется, наводитъ справки объ этомъ въ министерствѣ было бы уже черезчуръ. Но нѣтъ-ли какихъ слуховъ, особенно по поводу его сочиненія. Напишите хоть да, хоть нѣтъ, только не промолчите. Прошу кланяться, первѣе всего Давиду Гавриловичу (дай Богъ ему всего добраго), потомъ доброму о. протоіерею Прохору Карповичу, затѣмъ Василю Аванасіевичу и наконецъ—кому знаете. Ваши поклоны раздамъ аккуратно по принадлежности. Анна Степановна усердно благодарить за память и просить къ моему поклону Вамъ приложить и ея. А мой поклонъ—до земли.

Искренно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

Ноября 23, 1870 г.

3.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

На этотъ разъ я намѣренъ поговорить съ Вами прежде всего о дѣлахъ комитетскихъ. Комитетъ постановилъ: „не учреждать прокурорскаго надзора въ судахъ духовныхъ“. Было ли собраніе голосовъ по этому предмету, или рѣшили огуломъ, такъ что не осталось мѣста для меньшинства? Вы не написали ничего объ этомъ. Но какъ бы ни было,—очевидно, что Вы и нѣкоторые другіе не согласны на такое опредѣленіе. Съ своей стороны, и я противъ него. Что бы ни говорили, а прокуратура—существенный элементъ въ нашемъ судопроизводствѣ. Если указываютъ на примѣръ англійскаго судопроизводства безъ прокуроровъ, то или забываютъ при этомъ, что въ Англии общины всегда имѣютъ у себя опытнаго юриста (на собственномъ, конечно, содержаніи), съ которымъ совѣтуются во всѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ требуются особая юридическія свѣдѣнія. Такой адвокатъ вполне замѣняетъ прокурора, хотя

онъ и не отъ правительства. Подробнѣе объ этомъ я наведу справки чрезъ Николая Дмитриевича, у котораго должны быть подъ рукою источники относящихся сюда свѣдѣній. Дальше, что и у насъ будто-бы прокуратура—только временное учрежденіе, въ этомъ я позволяю себѣ усомниться, тѣмъ болѣе, что совсѣмъ въ противоположномъ духѣ говорится на счетъ этого въ общихъ соображеніяхъ о судоустройствѣ. Да если бы и въ самомъ дѣлѣ въ общихъ судахъ нашихъ учреждений это признано было не необходимымъ, то и затѣмъ въ судахъ духовныхъ оно существенно нужно, потому что здѣсь въ судьи избираются не юристы. Епископъ не можетъ замѣнять прокурора съ одной стороны потому, что епископъ не есть непремѣнный юристъ (а сущность прокурорства и состоитъ въ спеціальности юридическихъ свѣдѣній и опытности), съ другой—по самому отношенію, въ которомъ онъ поставляется къ суду, протесты его должны имѣть совсѣмъ не то значеніе, какое имѣютъ прокурорскіе. Напротивъ, это-то отношеніе и предполагаетъ въ судахъ нашихъ (какъ они проектируются комитетомъ), болѣе чѣмъ гдѣ либо, прокурорскій институтъ, какъ необходимый средній терминъ. Наконецъ, главный мотивъ, который ясно, кажется, не высказанъ членами, оспаривающими прокуратуру, но пойманъ Вами, такъ сказать, на-лету,—главный мотивъ отрицанія прокуратуры въ духовныхъ судахъ крайне несостоятеленъ и даже не совсѣмъ мораленъ. Не изъ-за чего, говорятъ, учреждать судъ духовный въ полной организаціи, потому-де, что дѣлъ въ этомъ судѣ, требующихъ серьезнаго разбирательства, очень мало. Но если-бы и одно лицо въ годъ потребовало для себя суда вполне праваго, то развѣ можно отказать ему въ полномъ удовлетвореніи такого требованія! Нѣтъ, если судъ духовный долженъ быть особенный, то онъ долженъ имѣть и всѣ гарантіи суда правильнаго и безошибочнаго, не говорю уже—безпристрастнаго. Да о чемъ же иначе и хлопотать бы нашему комитету? Если разсуждать въ такомъ духѣ о судебной части въ духовенствѣ, то гораздо лучше оставить все въ прежнемъ порядкѣ, потому что всѣ перемѣны въ этомъ судѣ, безъ введе-

нія въ него прочныхъ гарантій справедливости, могутъ остаться совершенно бесполезными, какъ бы онѣ ни оказались благоразумными и отвѣчающими современнымъ потребностямъ судебного благоустройства. Читая о дружномъ отрицаніи прокуратуры, я думалъ, что когда дойдетъ дѣло до опредѣленія положенія и обязанностей секретаря, то ему придадутъ, въ нѣкоторой мѣрѣ, значеніе прокурорское, хотя не по правамъ, но, по крайней мѣрѣ, по роду и свойствамъ наблюденія за теченіемъ дѣлъ въ духовномъ судѣ. Хотя и это было-бы нѣчто неестественное и ненормальное, но, въ видахъ какого-нибудь контроля судебныхъ дѣлъ нашихъ, слѣдовало ожидать подобнаго установленія. Однако жъ читаю дальше совсѣмъ не то: „Опредѣленіе секретаря зависитъ отъ предсѣдателя суда“. Если бы секретарь имѣлъ значеніе только дѣлопроизводителя, то съ такимъ постановленіемъ легко было-бы согласиться; но безъ прокурора секретарь въ новомъ духовномъ судѣ останется прежнимъ секретаремъ, съ тѣмъ еще преимуществомъ для него и вредомъ для духовной юстиціи, что онъ можетъ сообщая съ предсѣдателемъ задерживать и дѣлать по своимъ расчетамъ гораздо больше того, что дѣлалось такимъ образомъ прежде. Не такъ ли? По крайней мѣрѣ, трудно видѣть въ проектированной комитетомъ комбинаціи какое-нибудь улучшеніе суда духовнаго. Итакъ я положительно на сторонѣ Вашей, и если Вы не образовали особаго мнѣнія меньшинства, то я желалъ-бы, по крайней мѣрѣ, чтобы въ протоколѣ не было сказано, будто комитетъ единогласно призналъ прокуратуру ненужною. Вы написали, что мнѣ высланъ будетъ протоколъ; такового я не получалъ еще, а если получу, то, вѣроятно, выскажу на поляхъ его свое мнѣніе. Касательно дѣлъ бракоразводныхъ, я, пожалуй, тоже не прочь былъ-бы подвергнуть этотъ вопросъ новому обсужденію, но, мнѣ кажется, заявлять теперь, безъ достаточнаго къ тому повода, мнѣніе, противоположное прежде высказанному, не совсѣмъ удобно. Сдѣлать это не иначе можно, какъ подвергнувъ сомнѣнію заявленное въ комитетѣ полномочіе наше—пересматривать все судопроизводство и судоустройство,

не стѣсняясь никакими предварительными постановленіями. Помните, мы и прежде слегка выразили недоумѣніе по этому предмету, но тогда намъ сказали, что такое недоумѣніе неумѣстно. Теперь, когда оказывается, что при составленіи военнаго суднаго устава заравѣ признаны были тѣ границы военной подсудности, которыя опредѣлены общими судебными уставами 1867 г., то недоумѣніе наше является не совсѣмъ неумѣстнымъ, и его можно будетъ снова заявить, когда представится къ тому случай, именно—при пересмотрѣ всѣхъ комитетскихъ опредѣленій, какой предполагается комитетомъ въ концѣ своихъ засѣданій. Но если разсматривать дѣло не съ этой точки зрѣнія, а такъ, какъ оно представляется по самому существу дѣла, то я не нахожу пока основанія и побужденій къ измѣненію прежняго мнѣнія своего о немъ. Записки Александра Θεодоровича я еще не читалъ, времени не достаетъ; можетъ быть, когда прочту и углублюсь въ суть вещи, то приду къ другимъ мыслямъ, которыя въ такомъ случаѣ немедленно и сообщу Вамъ. Вы, можетъ быть, подумаете, что, говоря о недостаткѣ времени, я употребляю только обыкновенную отговорку. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ у меня теперь очень мало досуга. Посудите сами: въ понедѣльникъ двѣ лекціи, во вторникъ двѣ, въ среду—двѣ, въ четвергъ—одна, въ пятницу—двѣ; прибавьте къ этому соеѣты и экзамены, потомъ кое-какія посѣщенія, а еще важнѣе—и гораздо важнѣе—разныя домашнія дѣла, и Вы согласитесь, что не одна лѣнь или нерасположеніе (хотя не отрицаюсь и отъ ихъ вліянія) не позволяютъ мнѣ быть во всемъ аккуратнымъ. Вотъ и теперь думалъ исписать цѣлые листы къ Вамъ, а выходитъ, что необходимо ограничиться четвертушками. Сѣлъ я за письмо въ 6 часовъ, но только успѣлъ написать странички двѣ, какъ потребовали на экзамень. Возвратился въ 9-ть часовъ. Теперь уже 10-ть, а надобно подготовиться къ завтрашнимъ лекціямъ. Впрочемъ, хочется еще поговорить съ Вами, и буду говорить, пока говорится. Сегодня, послѣ лекцій, я былъ у Павла Θεодоровича ¹⁾,

1) Протоіерей Подвысоцкій.

гдѣ первовозлежащимъ былъ преосвященный Александръ. Тамъ встрѣтился съ о. Филаретомъ, которому передалъ Вашъ поклонъ и отъ котораго принялъ порученіе передать Вамъ взаимное почтеніе. Тамъ же завелъ рѣчь съ Дмитріемъ Аванасіевичемъ ¹⁾ о трещинахъ соборныхъ. Новаго отъ него ничего не узналъ; трещины есть, потому что были, и тѣ-же есть, какія были, и архитекторы то-же свидѣлствуютъ; все это, какъ видите, по старому. Но новымъ мнѣ показалось то, какъ говорилъ Д. А. объ этомъ. Онъ просто назвалъ заявленіе о мнимой опасности интригою, и это безъ всякаго съ моей стороны вызова на подобную откровенность. Тутъ же былъ ключарь, конечно, не слышавшій нашего разговора. Я кончилъ его тѣмъ, что выразилъ желаніе поближе ознакомиться съ дѣлымъ происшествіемъ при первомъ посѣщеніи въ слѣдующіе дни консисторіи. Николай Яковлевичъ ²⁾ что-то выглядываетъ серьезнѣе прежняго. Я ему передалъ, что смоленскій кафедральный протоіерей просится въ монашество и можетъ поступить на ректорство, но ему самому предоставилъ подумать о смоленской вакансіи. По просьбѣ Степана Ивановича ³⁾, я, при прощаніи съ митрополитомъ, попросилъ у него позволенія для редакціи напечатать каталогъ рукописей Софійской бібліотеки, но не получилъ рѣшительнаго отвѣта, что и предвидѣлъ и предсказывалъ Степану Ивановичу. Если найдете нужнымъ, поговорите объ этомъ сами. Вѣроятно, митрополитъ теперь уже въ Петербургъ или около Петербурга; говорятъ, впрочемъ, что въ прошлую субботу метель помѣшала поѣзду прибыть въ Курскъ въ свое время, и потому немудрено, если путешествіе митрополита нѣсколько замедлится. Онъ вызвался передать мой поклонъ Вамъ: если не исполнить произвольнаго обѣщанія, поручаю Вамъ потребовать должнаго. Надѣюсь, Вы не преминете сообщить мнѣ, если при свиданіи и разговорахъ съ нимъ услышите что-нибудь, что не

1) Протоіерей Ждановъ.

2) Ключарь протоіерей Оглоблинъ.

3) Пономаревъ.

мѣшаетъ знать и мнѣ, хотя особеннаго чего-нибудь, конечно, не предвидится. Просиль кланяться Вамъ Николай Дмитриевичъ ¹⁾ и поблагодарить за Вашу поклонъ. А знаете ли, его обокрали, да порядочно, по меньшей мѣрѣ на 800 р. Утащили знаменитую ильковую шубу, шинели, столовое серебро и нѣсколько денегъ. Смастерилъ это собственный его лакей, оставшись одинъ въ комнатахъ въ ту пору, когда баринъ пошелъ внизъ чай пить. Поднявшись на верхъ послѣ чаю, Н. Д. засталъ лакея въ комнатахъ и, потомъ, ничего не подозрѣвая, отпустилъ его на покой, а тотъ успѣшилъ убраться изъ дому и уже, конечно, не возвратился. Бумаги его остались. Полицейскій чинъ разыскиваетъ похитителя и похищенное; но кievская полиція на многое находчива, только меньше всего на то, чтобы находить уворованное. Вчера я обѣдалъ у Николая Дмитриевича; съ отчаянія обѣдъ былъ отличный, лучше обыкновеннаго, но за то, увы, 6-го декабря именины не будутъ праздноваться, развѣ отыщется украденное. Но ждать обѣда подѣ такимъ условіемъ—чуть ли не то-же, что остаться безъ обѣда навсегда. У Михаила Александровича еще не былъ, все собираюсь. Случайно нигдѣ не приходилось его видѣть. Возвратилась въ Кіевъ М. Н. Ключарева. Сегодня была у меня, но не застала дома. Остановилась на нашей улицѣ, въ новооткрытой гостинницѣ „Одесса“, кажется, въ домѣ Фрейганга, и думаетъ пробыть здѣсь зиму. Завтра надѣюсь побывать у ней. Г. П. Галаганъ хочетъ снова поселиться въ Кіевѣ и покупаетъ домъ. Я встрѣтился съ нимъ на публичной лекціи Ренненкампа (читаетъ по субботамъ о городскомъ новомъ устройствѣ, всѣхъ 3 лекціи). Кажется, онъ уже уѣхалъ, но съ тѣмъ, чтобы къ 15 дек. совсѣмъ переселиться въ Кіевъ. Въ Липкахъ я ни у кого не былъ. Ригельмана въ Кіевѣ нѣтъ; проживаетъ, говорятъ, въ Москвѣ. У Михаила Владиміровича ²⁾ я какъ то стѣсняюсь бывать. Онъ теперь тоже домовладѣлецъ, ибо купилъ собственный домъ на улицѣ (не помню, какъ Вы ее прозвали, Екатери-

¹⁾ Иванишевъ.

²⁾ Юзефовичъ.

ненскою, или Елисаветскою) Липской,—чей былъ онъ, не помню. Говорить, заплатилъ 10 тысячъ, и очень доволенъ. На дняхъ онъ былъ у меня. Соберусь ли къ нему въ пятницу, не знаю. Я писалъ Вамъ о порученіи Славатинскаго: беру назадъ мою просьбу. Онъ узналъ, что ему нужно. У насъ нѣсколько дней уже хорошая санная дорога, погода хорошая, средняя температура 2. А недѣли двѣ послѣ моего приѣзда сюда стояла чуть не лѣтняя погода. Не будь ненастья въ душѣ моей, я былъ бы отъ нея, послѣ петербургскихъ прелестей погоды, въ восторгѣ. Къ прискорбію, въ городѣ много дѣтей болѣютъ скарлатиною. Болѣзнь эта забралась и въ Институтъ, и первая больная оказалась въ тотъ самый день, когда тамъ была Государыня. Ея Величество осталась очень довольна Институтомъ и хотѣла навѣстить больную Голубцову, но ее удержали, изъ опасеній потрясенія больной. Вообще и всѣмъ Кіевомъ Государыня осталась, говорятъ, довольна и, вѣрно, на слѣдующій годъ приѣдетъ во дворецъ, который Ей тоже понравился, а садъ съ видами изъ него—особенно.

Преискренній поклонъ мой—Даніилу Гавриловичу. Прошу свидѣтельствовать мое почтеніе Василию Аванасьевичу; Прохору Карповичу, какъ увидите, поклонитесь. Будьте здоровы и благополучны.

Искренно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

Кіевъ, ноября 30, 1870 г.

4.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Такъ какъ скоро 17-е и затѣмъ 21 декабря, то я сиѣшу поздравить дорогихъ имянинниковъ и пожелать имъ отъ всей души здоровья и счастья. Письмо мое, по расчету почтоваго времени, должно прійти по назначенію своему какъ разъ къ 17-му, а можетъ быть, по случаю нерѣдкихъ теперь замедленій поѣздовъ, и самаго 17-го, и такъ прошу Даніила Гавриловича

считать меня въ числѣ личныхъ поздравителей его и налить за обѣдомъ лишнюю рюмочку, разумѣется не съ тѣмъ, чтобы она стояла нетронутою, а чтобы выпита была именинникомъ въ такомъ смыслѣ, какъ будто бы я ее выпилъ. До 21-го еще далеко, но что такое время для духовныхъ дѣйствій нашихъ? Для тѣлесныхъ оно много значить; вотъ, напримѣръ, написать другое письмо къ Илинскому—это, полагаю, едва ли окажется удобнымъ, а заранѣе перенестись въ него мыслию и потомъ, когда оно наступитъ, душою быть тамъ, гдѣ хочешь, это столько-же легко, сколько выпить за здоровье добраго и уважаемаго друга. И такъ, не забудьте и Вы, любезный Петръ Гавриловичъ, въ оный понедѣльникъ, въ положенное время, совершить тотъ же знаменательный обрядъ, объ исполненіи котораго прошу прежде Данила Гавриловича. Затѣмъ паки и паки, будьте здоровы, спокойны и счастливы на многія лѣта! Сейчасъ я намѣренъ пойти къ Павлу Феодоровичу и принести ему два поздравленія, одно отъ себя, а другое отъ васъ; потому что въ вашей записной книжкѣ, которую вы забыли въ Кіевѣ, значится, между прочимъ: 12 декабря П. Ф. именинникъ. Анну Степановну не поздравлялъ отъ васъ 9 декабря, а поздравлю, если буду живъ и останусь въ Кіевѣ, 3-го февраля. О. Филарету, не бывшему дома 1 декаб., передалъ ваши благожеланія 3-го, вечеромъ, когда мы вдвоемъ отпраздновали, вмѣсто праздника, скромное, но пріятное поприздноство. Что касается Николая Дмитріевича то слышали ли вы, что съ нимъ случилось еще послѣ того приключенія, о которомъ я писалъ вамъ? 3-го декабря утромъ нашли брата его, добраго Александра Дмитріевича (царство ему небесное) задушеннымъ въ собственныхъ его комнатахъ и, притомъ, запертымъ со всѣхъ сторонъ. На шею него затаянуть былъ шнурокъ отъ его же халата. Потомъ усмотрѣно, что ему, безъ сомнѣнія, предварительно нанесенъ былъ сильный ударъ въ затылокъ. Можно догадываться, что злодѣяніе сдѣлано тѣмъ же мошенникомъ—лакемъ, который прежде обокралъ Н. Д., но доселѣ не отысканъ. Можетъ быть и вѣроятно, участвовали въ этомъ и другіе. У покойнаго заграбили немного, потому что

многого и не было; похищено 45 р. деньгами да кое-какое платье. Николай Д. сильно пораженъ этимъ несчастіемъ, такъ что когда я пріѣхалъ къ нему на другой день утромъ, то онъ долго ничего говорить не могъ. Потомъ, впрочемъ, мало по малу началъ оживляться и входить въ свой обычный тонъ, но только по наружности. Въ субботу, 5-го, я погребалъ покойнаго съ о. о. Даникевичемъ и Смирновымъ. Завтра поѣду къ Н. Д., чтобы не нарушать заведеннаго порядка. Признаюсь, и на меня произвело страшное впечатлѣніе это событіе, ужасное и само по себѣ, а—тѣмъ болѣе—при близости ко мнѣ лицъ, надъ которыми оно разразилось. Извѣстіе ваше о Палисадовѣ меня удивило. Неужели въ самомъ дѣлѣ онъ не утвержденъ изъ-за того обстоятельства, о которомъ вы пишете? если такъ, то нельзя не опасаться за всякія мелочи. Порученія ваши всѣ исполню на слѣдующихъ двѣхъ, и хотя на будущей недѣлѣ едва ли успѣю написать что нибудь къ вамъ, но во всякомъ случаѣ не замедлю новымъ письмомъ моимъ. Комитетъ нашъ или, лучше, предсѣдатель его надѣется кончить все къ великому посту? Это было-бы не худо; но мнѣ что-то представляется это не совсѣмъ вѣроятнымъ. Развѣ поможетъ дѣлу то, что Вы собираетесь не одинъ, а два раза въ недѣлю. На этотъ разъ я не вхожу ни въ какія разсужденія о предметахъ комитетскихъ, потому что спѣшу окончить письмо мое къ сроку, чтобы не опоздать отправкою его. Помогай Вамъ Богъ стоять за правое, по крайнему разумѣнію нашему. Митрополитъ предъ отъѣздомъ возвратилъ мнѣ записку Лаврова, которую я давалъ ему, и сдѣлалъ нѣкоторыя замѣтки противъ моихъ замѣчаній. Одна изъ этихъ замѣтокъ такова: „А такое лукавство въ священникѣ неизвинительно“. Къ несчастію или, можетъ быть, и къ счастью я недавно только прочиталъ эти замѣтки, потому что записка долго пролежала у о. Филарета, которому она отдана была (запечатанною) для передачи мнѣ. Странно, предъ кѣмъ бы я лукавилъ; предъ самимъ собою? Вѣдь замѣтки писаны были для себя. Тамъ же въ одномъ мѣстѣ замѣчено митрополитомъ, что я недовольно знаю людей. Это справедливо, особенно послѣ того,

какъ я рѣшился дать Владыкѣ, по его просьбѣ, записку съ домашними замѣтками моими. Прощайте пока. Желаю Вамъ всего наилучшаго. Пишите пожалуйста по прежнему.

Искренно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

12 декабря 1870 г.

5.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Сегодня день вашего Ангела. Еще разъ поздравляю Васъ съ вашимъ праздникомъ. Надѣюсь, что Вы проводите его отлично. Дай Богъ, чтобы праздникъ этотъ повторился для Васъ еще столько же, сколько повторялся онъ въ вашей жизни до настоящаго дня. Вѣроятно, Вы будете читать эти строки 25-го или около этого числа декабря; такъ примите же вмѣстѣ съ Данииломъ Г. поздравленіе мое и съ праздникомъ Рождества Христова, да за одно уже и съ приближающимся новымъ годомъ. Кажется, теперь у комитета нашего вакація. Отдохните отъ трудовъ. Судя по послѣднимъ сообщеніямъ вашимъ, вамъ приходится, по нѣкоторымъ вопросамъ, оставаться не только въ меньшинствѣ, но и въ одиочествѣ. Значить, Вы прали противу рожна, и хотя, конечно, не сокрушили его, но по крайней мѣрѣ и не отступили. Запасайтесь теперь новыми силами. Что до моего мнѣнія по означеннымъ вопросамъ, то, по одному изъ нихъ, я рѣшительно—съ Вами, а по другому—рѣшительно противъ Васъ, если только я правильно понялъ самый этотъ вопросъ. То есть, о проступкахъ по должностямъ, хотя бы и не административнымъ, судить естественно начальство, если оно само не предастъ суду отвѣтчика, или обвиняемый, въ болѣе важныхъ случаяхъ, не потребуетъ для себя суда. Я удивляюсь, какимъ образомъ Вы оказались одинокимъ при защитѣ такого положенія. Но не меньше удивляюсь и вашему утвержденію по другому вопросу. Вы какъ будто признаете необходимымъ, чтобы всякая жалоба на духовное лицо поступала сначала къ духовному

начальству, а потомъ уже начальство, по усмотрѣнію, препровождало-бы жалобу въ подлежащій судъ. Такъ ли я понимаю предложенный на голосованіе вопросъ: необходимо ли по каждому проступку духовнаго лица возбужденіе судебного дѣла духовнымъ начальствомъ? Если такъ, то, повторяю, я противъ положительнаго отвѣта на него. Сомнѣваюсь, впрочемъ, чтобы вопросъ имѣлъ означенный смыслъ; но съ другой стороны не могу приискать для него и другого смысла. Безъ протокола трудно угадывать настоящее значеніе разныхъ дебатовъ. Не объясните ли мнѣ подробнѣе, въ чемъ дѣло? Писчаго матеріала у Васъ теперь, какъ говорите сами, много; во времени недостатка также не должно быть теперь; а лѣнность, думаю, родилась гораздо позже Васъ. Потрудитесь же написать мнѣ на полный листъ. Кстати, прошу Васъ оказать снисхожденіе къ моимъ бѣднымъ глазамъ. У Васъ шрифтъ микроскопическій, а у меня нѣтъ микроскопа. Прибавилъ увеличительное стекло,—не помогаетъ. Нельзя ли писать покрупнѣе.. Николаю Д. я передалъ вашъ поклонъ съ сочувствіемъ его несчастію. Онъ просилъ меня благодарить Васъ искренно. Передалъ я ему также о предложеніи графа Уварова объ учрежденіи въ Кіевѣ археологическаго общества: мысль эта очень понравилась Н. Дмитріевичу, и онъ съ своей стороны готовъ принять живое участіе въ дѣлѣ; порывается даже написать Вамъ объ этомъ, хотя такой подвигъ съ его стороны нѣсколько сомнителенъ. Жаль, что съ Михаиломъ Александровичемъ я еще не говорилъ объ этомъ. Хилъетъ бѣдный. Отъ описанія Кіева, по собственнымъ словамъ его, онъ рѣшительно отказывается. Но занятія по археологической части, какъ не срочныя и не требующія систематическаго изложенія, будутъ для него, думаю, гораздо сподручнѣе. На праздникахъ увижусь съ нимъ и побесѣдую. Идея о восстановленіи Софійскаго Собора въ первоначальномъ видѣ принадлежитъ самому Владыкѣ и вызвана въ немъ опасеніемъ за прочность построекъ. Комитетъ по собору имѣетъ порученіе составить въ этомъ смыслѣ записку. Не лучше ли повременить, по крайней мѣрѣ, съ такою запискою? Вы можете лично склонить къ этому митрополита.

Когда возвратитесь, увидите все сами, и тогда распорядитесь по усмотрѣнію. Анна Степановна проситъ передать Вамъ усердный поклонъ ея и поздравленіе съ Ангеломъ и праздниками. Даніилу Гавриловичу усерднѣйше кланяюсь.

Искренно преданный Вамъ Н. Фаворовъ

21 декабря 1870 года.

6.

Что это Вы замолчали, любезный Петръ Гавриловичъ! Последнее письмо Ваше было отъ 12 декабря, а сегодня 29-ое; и такъ третью недѣлю я не имѣю отъ Васъ ни слова. Надѣюсь, впрочемъ, что это какая нибудь случайность и что Вы, во первыхъ, здоровы, во вторыхъ—не залѣнились продолжать корреспонденцію нашу. Вы писали, что преосвященный Макарій рассчитываетъ кончить комитетскія занятія къ великому посту: чтоже, насколько этотъ расчетъ оказывается вѣрнымъ? Вамъ понятво, почему мнѣ нужно знать это. Вѣдь я обѣщаль къ концу засѣданій комитета явиться въ Петербургъ, а теперь начинаю уже подумывать объ исполненіи своего обѣщанія. Удобнѣе всего для меня было-бы сдѣлать это предъ масляницею, но не будетъ-ли это или уже поздно, или, пожалуй, еще рано. Подъ часъ и то приходитъ мнѣ въ голову, нужна ли собственная моя явка въ комитетъ; это, кажется, грѣшная мысль. Надобно исполнить то, что требуетъ порядокъ дѣла, хотя-бы такое требованіе касалось только соблюденія одной формы. И такъ, я не хочу произвольно отказываться отъ поѣздки, но желаль бы поѣхать на срокъ возможно короткій. Увѣдомьте меня пожалуйста, когда, по Вашему мнѣнію, благовременнѣе было-бы отправиться къ Вамъ. У насъ такая зима, какихъ я не помню въ Кіевѣ. Съ послѣднихъ чиселъ ноября начались мятели и порядочные морозы. Теперь на улицахъ столько снѣгу, что по дорогѣ образовались почти сплошные ухабы, чуть не по аршину глубины. Предъ праздникомъ заходилъ ко мнѣ Димитрій Аѳанасіевичъ и принесть

мнѣ отъ Вашего имени 25 р. Какое назначеніе этихъ денегъ, онъ объяснить мнѣ не могъ. И я не могу догадаться, по какому случаю и съ какою цѣлю эти деньги вручены мнѣ Вами. Буду хранить ихъ, пока не скажете, какое дать имъ употребленіе. О. Августинъ, кажется, отправился уже къ своему посту; по крайней мѣрѣ, онъ собирался выѣхать еще вчера. Не знаю, откажется ли онъ на новомъ мѣстѣ службы отъ нѣкоторыхъ оригинальностей въ манерахъ; если нѣтъ, то можно опасаться, что его слишкомъ скоро сдѣлаютъ архіереємъ. Что у Васъ слышно объ адресѣ извѣстнаго Московскаго кружка? Дѣло—относительно уже давнее, но все таки интересное. Недавно я прочиталъ объ немъ въ одной нѣмецкой Zeitung, а въ русскихъ цейтунгахъ доселѣ ни полслова. Сущность адреса, кажется, я знаю, равно и лицъ, подписавшихъ его; но—судьба этихъ лицъ? Удивительно, что такіе серьезные люди прорвались такъ неблагоразумно. Но, вѣрно, дѣло было не такое легкомысленное, какъ толкуютъ его. Еще—съ новымъ годомъ Васъ, Данила Гавриловича, нераздѣльно, хотя и неслиянно. Мой сердечный Вамъ привѣтъ, по выраженію извѣстныхъ Вамъ особъ, но только не по ихъ смыслу, а по буквальному значенію самыхъ словъ.

Искренно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

29 декабря 1870 года.

7.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ

Вы рѣшили одно мое недоумѣніе, но возбудили другое. Какъ? Вы безусловно отвергаете умѣстность и нужду учрежденія въ духовномъ вѣдомствѣ низшей судебной инстанціи? Кажется, Вы не были прежде противъ этого учрежденія, даже, наоборотъ, одинъ изъ первыхъ заявили потребность ближайшаго и простѣйшаго суда для духовенства; а теперь учрежденіе такого рода называете нелѣпностію. Положимъ, мнѣнія, по долгомъ и

внимательномъ обсужденіи дѣла, могутъ измѣниться, и что сначала казалось правильнымъ и нужнымъ, то потомъ можетъ оказаться и неправильнымъ и даже нелѣпымъ; но я не вижу основанія для перемѣны вашего мнѣнія въ настоящемъ случаѣ. Трудно заочно спорить, однако-жъ поспорю съ Вами немножко. Вы опираетесь на то, что всѣ проступки духовныхъ лицъ, подвѣдомые духовному суду, суть проступки должности, слѣдовательно, по общему положенію, не подлежатъ мировому суду. Но если проводить строго этотъ взглядъ, то мы должны отказаться отъ всякаго суда и остаться при одной администраціи, то есть, при прежнемъ порядкѣ дѣлъ, который въ сущности былъ весь административный, хотя въ немъ и производился судъ. При такомъ взглядѣ нечего и говорить объ отдѣленіи судебной власти отъ административной въ духовномъ вѣдомствѣ. Вѣдомство это состоитъ изъ должностныхъ лицъ, а такъ какъ особаго суда для должностныхъ лицъ не полагается, то не требуется такой и для духовенства. Если же это не такъ—вообще, то почему же такъ по отношенію къ одному низшему суду, мировому или немировому, какъ угодно назовите его? Сейчасъ я прочиталъ журналъ 19-го засѣданія и нашелъ въ немъ раскрытіе только что высказанной мною въ общихъ чертахъ мысли (стр. 9—11). Поэтому не хочу распространяться о томъ же. Прибавлю одно, что напрасно совершенно сливаютъ проступки противъ благоповеденія съ проступками противъ званія, а званіе не то-же—что должность. Напримѣръ, дворянинъ поступаетъ противъ требованій своего званія. Значитъ ли это, что онъ поступаетъ противъ должности? Точно также и духовный можетъ поступать противъ своего званія (противъ „сана“, какъ выражаются, но, думаю, не совсѣмъ правильно), не нарушая еще тѣмъ самымъ прямыхъ обязанностей по своей должности. Правда, въ другихъ званіяхъ подобныя проступки не подлежатъ никакимъ взысканіямъ и судятся только нравственно, а въ духовномъ подвергаются оффиціальному суду и наказаніямъ; но потому-то, между прочимъ, и требуется особый судъ для духовенства, похожій на сословный. Итакъ, я признаю различіе между

проступками противъ должности и другими въ духовныхъ лицахъ, и думаю, что это различіе должно быть принято во вниманіе при опредѣленіи подсудности духовному суду, т. е. низшей инстанціи духовнаго суда. Проступками противъ должности я почитаю проступки противъ административныхъ и священноцерковно-служительскихъ должностей, а проступки противъ благоповеденія составляютъ особую категорію. При этомъ нахожу вполне основательнымъ обвиненіе или взысканіе по первымъ предоставить административной власти, а по послѣднимъ вчинаніе дѣла—истцу и судѣ, а рѣшеніе его (до извѣстныхъ степеней наказанія) низшей судебной инстанціи. Кажется, нигилизма тутъ нѣтъ никакого и нелѣпости тоже не видится, хотя Вы *implicite* приписываете, конечно, и мнѣ вмѣстѣ съ другими извѣстную долю перваго, а въ послѣдней обзываете меня прямо. Вотъ если-бы уже существовалъ духовный низшій судъ, я бы и привлекъ Васъ сейчасъ же къ этому суду; а теперь приходится проглотить обиду, потому-что Благочинному жаловаться на Васъ не приходится, а выше подниматься тяжело. Видите ли, Вы фактически довазываете, что у насъ долженъ быть мировой судъ. Пусть этотъ третейскій судъ, въ лицѣ Данила Гавриловича, рѣшитъ, кто изъ насъ долженъ вкусить грязи. Вы готовите особое мнѣніе... и надѣетесь на успѣхъ. Не знаю, право, желать ли Вамъ исполненія Вашего желанія. По совѣсти, я немножко боюсь такого успѣха. Дѣло въ томъ, что начала, изъ которыхъ Вы выходите, отзываются ультра-консерватизмомъ и, если не ошибаюсь, способны породить реакціонное движеніе, котораго мнѣ не хочется. Конечно, я могу заблуждаться касательно Вашихъ тенденцій и представлять себѣ цѣль Вашего противодѣйствія учрежденію духовныхъ судей неправильно; но пока не увижу, что предположенія Ваши нисколько не солидарны съ намѣреніемъ удержать все въ *statu quo*, до тѣхъ поръ не могу успокоиться. Я недавно писалъ къ Вамъ, именно 29 декабря, и, признаюсь, не думалъ посылать новаго письма въ догонку за прежнимъ; но Вы раздражили меня. За то прошу Васъ поскорѣе отвѣчать мнѣ, хоть-бы однимъ письмомъ на два. За Вами

и такъ есть маленькая недоимка по корреспонденці нашей, но ужъ Богъ Васъ проститъ за этотъ грѣшокъ; впредь не грѣшите. Николай Яковлевичъ приготовилъ уже мнѣ какое-то порученіе къ Вамъ, кажется—мѣрку для ризъ или иконъ,—я не распросилъ его, потому что вовсе еще не собираюсь въ дорогу. Все это побуждаетъ меня еще разъ просить Васъ о скорѣйшемъ увѣдомленіи. Алексѣй Михайловичъ ¹⁾ въ Кіевѣ: свѣжъ и бодръ и даже порядочно толстъ. Онъ заходилъ ко мнѣ, а я еще не былъ у него. Безъ сомнѣнія, онъ кланялся-бы, еслибы зналъ, что я пишу. Пусть же... кланяется. Данилу Гавриловичу—обычный дружескій поклонъ мой съ приложеніемъ благодарности за поздравленіе. Анна Степановна благодаритъ Васъ и проситъ кланяться. А я, хотя и не преклоняюсь предъ вашимъ мнѣніемъ, низенько кланяюсь Вамъ лично и есмь

Душевно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

2 генваря 1871 г.

8.

Вчера, т. е. 14 генваря, получилъ я послѣднее письмо ваше, любезный другъ Петръ Гавриловичъ, и чтобъ не замедлить по какимъ нибудь непредвидѣннымъ обстоятельствамъ отвѣтомъ на него, спѣшу хоть коротенько отвѣтить Вамъ сегодня же. Совѣтъ вашъ касательно моей поѣздки въ Питеръ принимаю въполнѣ. Думаю и я, что не поздно будетъ отправиться къ Вамъ на 2-й недѣлѣ поста; боюсь даже, не будетъ ли и это еще рано. Къ тому времени, можетъ быть, и дороги нѣсколько поправятся, а теперъ и про Кіево-Курскую дорогу рассказываютъ и пишутъ довольно неутѣшительнаго. При томъ же, мнѣ что-то все нездоровится; а какъ потецлѣетъ, можетъ быть, и оживу немножко. Въ случаѣ неожиданнаго замедленія или,

¹⁾ Протоіерей Колосовъ.

пожалуй, и ускоренія хода дѣлъ комитетскихъ, пожалуйста потрудитесь снова увѣдомить меня на счетъ благовременности моей поѣздки. У Васъ пошло уже дѣло на комиссія: можетъ быть, это и къ лучшему. Такъ какъ Вы принадлежите къ кругу лицъ, которыя должны обсудить вопросъ о подсудности церковной, то я вздумалъ препроводить къ Вамъ и мое мнѣніе по этому вопросу. Прилагаю его на особомъ листкѣ при этомъ письмѣ. Сдѣлайте изъ него какое хотите употребленіе, кромѣ того, какое вѣкогда П. Д. Юркевичъ призналъ полезнымъ сдѣлать изъ записокъ, адресованныхъ къ нему по случаю публичныхъ его лекцій. Я сдѣлалъ прилагаемыя замѣтки на праздникахъ, когда удосужился прочесть и протоколы, и записку А. Θεодоровича. Кажется, это мое окончательное мнѣніе по вопросу о подсудности. Конечно, я могу согласиться и съ другимъ мнѣніемъ по тому же предмету, но только уступая соображеніямъ практическимъ, а не измѣняя убѣжденію своему по существу дѣла. Что до преній о прокурорскомъ институтѣ, то трудно предвидѣть удовлетворительный исходъ ихъ. Я на сторонѣ настоящей, подлинной прокуратуры; только одно затрудненіе вижу, именно—финансовое. Полное судоустройство наше потребуетъ большихъ расходовъ, едва-ли возможныхъ теперь у насъ.... Въ Кіевѣ теперь городскіе выборы. Гласные отъ всѣхъ трехъ разрядовъ уже выбраны. И я—гласный, хотя и не былъ на выборахъ. Согласился принять это званіе потому, что хочется содѣйствовать, по возможности, выбору въ головы Г. П. Галагана, который, по моему мнѣнію, единственное лицо, способное теперь занять этотъ постъ и принести пользу городу. Выборъ головы будетъ, кажется, дней чрезъ 7 или 8-мъ. Я только случайно видѣлся съ Григоріемъ Павловичемъ и сказалъ ему то, что Вы мнѣ передали; но на дняхъ обѣщаль быть и буду у него, и исполню—что слѣдуетъ. 13-го числа мы похоронили начальницу Института. Похороны были торжественны и не безъ умиленности. Съ Высочайшаго разрѣшенія, отиѣвали въ Институтской церкви, а похоронили покойную въ Лаврѣ, около дальнихъ пещеръ. Неизвѣстно еще, кто займетъ ея мѣсто. Князь

говорилъ, что Государыня имѣеть въ виду достойную для этого особу, при чемъ съ грустнымъ неудовольствіемъ замѣтила, что еще при жизни покойницы уже сотни стали домогаться ея мѣста. Кажется, больше не о чемъ на этотъ разъ писать Вамъ. Развѣ прибавить, что насъ совершенно завалило снѣгомъ. Удивительный годъ! Что будетъ съ нашимъ Подоломъ, если начнетъ таять дружно? Не только повторится 1845 годъ, но, пожалуй, и съ удвоеннымъ количествомъ воды. Надобно желать, чтобы весна наступила помаленьку, а не вдругъ. Что у Васъ въ Петербургѣ? Данилу Гавриловичу преусердный поклонъ, съ благодарностію за правый третейскій судъ. При случаѣ поклонитесь Василию Леонтьевичу и поблагодарите отъ меня за присылку протоколовъ. До свиданія!

Искренно преданный протоіерей Н. Фаворовъ.

15 генваря 1871 г.

9.

Я предполагалъ, любезный другъ Петръ Гавриловичъ, выѣхать къ Вамъ въ воскресеніе, 14 февраля, но, кажется, долженъ буду измѣнить это предположеніе. Настоящая недѣля порядочно утомила меня, такъ что потребуется день-другой для отдыха. И такъ, по всей вѣроятности я выѣду 16 февраля. Поэтому и пишу Вамъ до отъѣзда, хотя прежде и не думалъ писать къ Вамъ, въ надеждѣ лично бесѣдовать съ Вами въ то время, въ какое, по расчету, дойдетъ до Васъ письмо это. Чтобы не ограничиться однимъ этимъ увѣдомленіемъ, передамъ Вамъ кое-какія новости наши, хотя и не зѣло интересныя. Городскимъ головою, какъ я уже, кажется, сообщалъ Вамъ, избранъ у насъ не Галаганъ, а Демидовъ. Предъ выборами Николай Яковлевичъ ¹⁾ вздумалъ произнести рѣчь, въ которой склонялъ избира-

1) Прот. Оглоблинъ.

телей къ выбору человѣка богатаго, кого именно, разумѣлось уже само собою. Признаюсь, мнѣ непріятно было слушать такое увѣщаніе. Во первыхъ, съ какой стати было говорить Н. Я? Если бы онъ служилъ молебень, то могъ-бы, конечно, сказать что нибудь въ качествѣ пастыря,—это не было бы неумѣстнымъ; но онъ не служилъ, а говорилъ—какъ гласный... Съ другой стороны, благоразумно ли было говорить публично въ пользу мнѣнія и желанія одной партіи, прикрывая партійскія стремленія авторитетомъ священническаго слова? Думаю, что онъ не вѣдалъ, что творилъ, но все-таки и досадно, и больно. Конечно, и безъ этой рѣчи выборъ былъ-бы тотъ же, потому что на сторонѣ Демидова составилаь преобладающая по числу партіи, но вмѣшиваться въ такое дѣло и показывать открыто свое сочувствіе ему—недостойно благоразумнаго и честнаго человѣка, особенно священника. Шульгинъ отдѣлалъ оратора въ „Кіевлянинѣ“, но потомъ, по требованію его, напечаталъ самую рѣчь, съ примѣчаніемъ... Въ печати кое-что, кажется, выпущено и смягчено, но все-таки тенденція оратора очевидна. На завтра новый голова объявилъ собраніе, въ 11-ть часовъ, для избранія членовъ управы; а завтра, извѣстно, день пріобщенія, и вотъ нѣкоторые просятъ уранить Богослуженіе, чтобы не опоздать на выборы, а того и смѣнуть не могли, что не время для пріобщенія св. таинъ должно быть сообразовано съ произвольно назначеннымъ временемъ выборовъ, а—наоборотъ. Начало—не слишкомъ много обѣщающее и благоразумія и солидности... Записка Ваша, вѣроятно, уже не будетъ ко мнѣ послана. Прочитаю ее у Васъ и съ Вами. Давилу Гавриловичу усерднѣйшій поклонъ мой. Заранѣе прошу извиненія, что снова долженъ пасть на его шею. Пусть духовникъ избавить его за это отъ всякой епитиміи... довольно и одной этой за всѣ вольныя и невольныя прегрѣшенія его. Затѣмъ—спасайтесь!

Искренно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

12 февраля 1871 года.

10.

Христосъ Воскресе!

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Каково Вы встрѣтили и проводили свѣтлый праздникъ въ вѣчно празднующемъ по плоти и разучившемся праздновать по духу Питерѣ? Вѣрно, до-сыта наѣздились въ каретѣ и на ванькахъ въ первые дни праздника. А мы, по обычаю, тихо и, слава Богу, благополучно праздновали и еще продолжаемъ праздновать Пасху красную. Погода у насъ стояла большею частію хорошая; оффиціальныя поздравленія не тяготили, потому что ихъ немного, а частые визиты, разумѣется, въ волѣ каждаго. Жаль, что такъ быстро пролетѣли эти прекрасные дни. Теперь подступаетъ другого рода время: скоро—сезонъ экзаменовъ, тяжелый для меня сезонъ, впрочемъ не тяжелѣе времени комитетовъ, въ которое и Вы снова вступаете. Чѣмъ-то разрѣшится, наконецъ, комитетъ нашъ? Надѣюсь, что Вы, по прежнему, не оставите извѣщать меня о ходѣ родовъ комитетскихъ до послѣдняго процесса ихъ. Съ своей стороны желаю прилежно слѣдить за комитетскимъ дѣломъ и буду неопустительно писать къ Вамъ. На слѣдующей недѣлѣ, можетъ быть, набросаю отвѣтъ на записанные вами вопросы. А теперь пока позвольте поговорить съ Вами кое-о-чемъ другомъ. На прошлой недѣлѣ я получилъ письмо отъ князя Ширинскаго-Шихматова слѣдующаго содержания. У него въ Соловьевкѣ есть лицо, которое, какъ видно, порядочно насаливаетъ ему: это тамошній діаконъ. Онъ былъ прежде сельскимъ писаремъ и, вѣрно, усвоилъ себѣ писарскія замашки. Теперь же, хотя и оставилъ тотъ постъ, однако-же пребываетъ большею частію въ волостномъ правленіи и тамъ мутитъ и сбиваетъ съ толку крестьянъ въ отношеніи къ помѣщику, такъ что крестьяне, арендующіе у князя землю, оказываются постоянно не въ ладу съ управляющимъ князя. О подробностяхъ не знаю, князь не пишетъ объ

нихъ, но говорить, что уже не первый управляющій отказывается завѣдывать его дѣлами единственно изъ-за смуть, возбуждаемыхъ діакономъ. Въ такомъ положеніи князь обращается ко мнѣ съ горячею просьбою дать ему совѣтъ, что дѣлать. На дняхъ я отвѣчалъ ему, чтобъ онъ написалъ о дѣлѣ къ митрополиту, а съ своей стороны общалъ, что напишу къ Вамъ и попрошу Васъ лично переговорить о томъ же съ митрополитомъ. Я не предполагаю преувеличеній въ жалобѣ князя, тѣмъ болѣе, что онъ ссылается на мѣснаго священника, на благочиннаго и другихъ священниковъ, которые могутъ конфиденціально засвидѣтельствовать, что за личность такая соловьевскій діаконъ. Поэтому не благоволите ли въ самомъ дѣлѣ переговорить съ митрополитомъ о мѣрахъ къ улаженію непріятностей? Можетъ быть, митрополиту достаточно будетъ неофициально сдѣлать чрезъ благочиннаго внушеніе діакону, или что-нибудь другое. Во всякомъ случаѣ я желалъ бы, чтобы не оставлена была безъ вниманія совершенно справедливая, какъ полагаю, жалоба князя. Вѣроятно, и Вы будете того же мнѣнія и не откажетесь сдѣлать, что можно, для общаго добраго знакомаго нашего. Рядомъ съ этою серьезною просьбою примите отъ меня другую, которую хотя нельзя назвать серьезною, но, можетъ быть, несправедливо было-бы счесть и пустою. Дѣло въ томъ, что отъ меня не оказалось поздравленія Владыкѣ съ свѣтлымъ праздникомъ. Телеграмма отъ Университета была послана по обычаю въ субботу, но за подписью одного ректора. И отвѣтъ, разумѣется, полученъ на имя одного ректора. Не знаю, что подумалъ Владыка о моемъ безмолвіи: не почелъ ли онъ это грубостію или чѣмъ нибудь въ родѣ этого? А между тѣмъ дѣло было такъ. Въ субботу, въ 8 часовъ, я составилъ телеграмму и послалъ секретарю, съ тѣмъ, чтобы она подписана была, кромѣ меня, ректоромъ и отправлена по адресу. Мнѣ отвѣчали, что телеграмма уже отправлена. Полагая, что ректоръ на этотъ разъ поспѣшилъ самъ составить депешу, такъ какъ я немножко запоздалъ, и что подъ поздравленіемъ, по обычаю, подписано и мое имя, я успокоился. Но не дальше

какъ вчера ректоръ передалъ мнѣ, что до 1-го дня Пасхи онъ не зналъ о моемъ возвращеніи и потому-то отъ своего имени только и послалъ поздравленіе. Вотъ какаѣ вышла штука. Право, мнѣ какъ-то совѣстно и неловко. Если-бы я раньше узналъ объ этомъ, я написалъ бы самъ митрополиту, но до вчерашняго дня намъ не случилось съ ректоромъ лично поговорить, и я оставался въ невѣдѣніи, а теперь писать къ Владыкѣ уже поздно. Съ Михаиломъ Александровичемъ видѣлся: болѣе бѣдняга крѣпко ногою. О юбилеѣ говорили; на дняхъ предложу декану историко-филологическаго факультета принять на себя починъ дѣла. О результатахъ увѣдомлю. Теперь же пока—будьте здоровы и счастливы. Данилу Гавриловичу, вмѣсто всякихъ поклоновъ и благожеланій, братски-христіанское Христось Воскресе!

Душевно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

2 апр. 1871 года.

11.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Въ ожиданіи отвѣта на первое письмо мое, я положить было отсрочить и свое второе письмо до времени исполненія ожиданія моего. Но потомъ раздумалъ, припомнивши изреченіе, которое въ древнія времена не разъ служило темою риторическихъ сочиненій нашихъ: мщеніе есть страсть низкая и вредная. Впрочемъ, я намѣренъ на этотъ разъ больше спрашивать Васъ, чѣмъ сообщать Вамъ свое. Если Вы получили письмо мое отъ субботы пасхальной недѣли, то могли-ли Вы что-нибудь сдѣлать по нему? Видѣлись-ли Вы съ Владыкою и имѣли-ли возможность поговорить съ нимъ, о чемъ я просилъ Васъ? Не писалъ-ли къ Вамъ Ширинскій-Шихматовъ, какъ онъ намѣревался сдѣлать это еще прежде, чѣмъ написалъ ко мнѣ? Я продолжаю любить это семейство и потому желалъ-бы оказать ему

хоть маленькую услугу, лишь-бы не въ обиду справедливости. Сколько засѣданій комитета было на Фоминой недѣлѣ и о чемъ теперь идутъ дебаты? Есть ли надежда на окончаніе комитетской работы къ концу мая? О Кіевѣ, о кіевскихъ дѣлахъ говорить почти нечего. У насъ въ Университетѣ недавно были выборы ректора. Шары влялись скупо: высшее число было 22 изъ 41, затѣмъ одному 20, двумъ 18, тремъ 17, потомъ двумъ 14, остальнымъ ниже. 14 досталось и на мою долю. Высшее число получилъ Бунге, который, впрочемъ, сначала просилъ позволенія подумать и потомъ согласился принять ректуру. Было нѣсколько засѣданій и въ Думѣ; на послѣднемъ изъ нихъ былъ и я. Рѣчь шла, между прочимъ, о застройкѣ бѣльшей части университетской площади. Большинствомъ вопросъ рѣшенъ положительно. Между отрицательными наиболѣе жалкимъ оказался А. Н. Муравьевъ. Къ концу засѣданія не обошлось безъ маленькаго скандала, состоявшаго изъ столкновенія А. Н. Муравьева съ головою, при чемъ правда была на сторонѣ перваго. Вчера прибылъ къ вамъ Великій Князь Николай Николаевичъ, а сегодня выѣзжаетъ, если уже не выѣхалъ. Съ новою начальницею Института я познакомился, но—сойдемся-ли, это пока неизвѣстно. Оригинальнаго въ ней довольно, но мнѣ кажется, у ней не достаетъ только такта, а умъ, свѣдѣнія и усердіе есть. Къ числу выбывающихъ изъ Института прибавляется и Шульгинъ, подавшій прошеніе объ увольненіи.

Прилагаю свое мнѣніе объ устройствѣ низшей судебной инстанціи въ д. вѣдомствѣ. Большая часть записанныхъ Вами для меня вопросовъ сведены у меня въ одно. Не отвѣчаю только на вопросы о прокуратурѣ и окружномъ судѣ. На послѣдній, признаюсь, не знаю, что сказать. Боюсь ошибиться. О прокуратурѣ можно-бы высказаться положительно, но лѣнь больше писать. Что сказано мною о мировомъ духовномъ судѣ, сказано искренно. Я не хотѣлъ распространяться, хотя нѣкоторые пункты можно-бы выяснитъ обстоятельно. Нѣтъ побужденій къ расширенію слова. Дѣло, кажется, само по себѣ ясно. Притомъ, я только заявляю свое мнѣніе, но не препираюсь съ

другими. Доводы Барсова и заявленія Сабурова, по моему мнѣнію, или недоразумѣнія, или натяжки. Барсовъ, кажется, недоразумѣваетъ, а Сабуровъ натягиваетъ. Пишите же, пожалуйста, что у Васъ оказывается дальше. Я загроможденъ разными дѣлами и, право, не много имѣю свободнаго времени. Сверхъ чаянія, лекціи идутъ правильно во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Прибавьте къ этому разнородныя засѣданія и, что гораздо важнѣе, домашнія хлопоты. Въ Петербургѣ я по цѣлымъ днямъ домосѣдовалъ, а здѣсь постоянно бѣгаю или ѣзжу. Къ счастью, конь мой еще не подалъ въ отставку. Отъ чего умеръ о. Серафимовичъ? Даніилу Гавриловичу братскій поклонъ. Будьте здоровы.

Искренно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

11 апр. 1871 года.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КНЯЖА КРЫНЫЦЯ.¹⁾

Сцени зъ XVII вику у 4-хъ дїяхъ и 7-мы одминахъ.

Д І Я І І І.

Одмина перша.

(Середа уранци. Покой у палаца; въ глыбни сцени по середни двери у каплицю; зъ обохъ бокавъ дверей два велькихъ портрета лыцаривъ у стародавнїй зброи. Наливо—двери, кудю йты до покоивъ Ядвыгы, на право—у свны, на вганокъ и до ворить. Злива коло муру вельке кресло князя).

Я в а І.

(Зъ каплицы выходять Ядвыга и Тереза).

Ядвыга. Скажы пану Рамберу, що не хочу прыйматы, не хочу й слухаты и нехай мене не турбуе. И безъ ёго тяжко (*Тереза видходить управо*). Маты Божа! напосилысь уси на мене: и маршалокъ, и Рамберъ... Що панна скаже, якъ панна звелыть! А що я бидна зроблю!... Тато выпрае, Яна немає (*втырае очи*). Теперь ще возакъ отой: самъ-на-самъ, каже, зъ панною маю говорыты. Щей Рамберъ каже: треба прыйняты. Неначе вси умовылысь не даваты мени спокою.

¹⁾ См. Киев. Стар. 1901 г., № 10.

Тереза (*зправа*). Панно, пытае Рамберъ, чы можно ёму сюды звывытысь.

Ядвыга. Нехай иде. (*Сідае на кресло. Тереза відчыняе дзвері направа, Рамберъ входыць, укланяецца, выходыць на сярэдзину сцены, Тереза стае поручъ зъ кресломъ*).

Я в а П.

Ядвыга, Тереза, Рамберъ.

Ядвыга. Чого пану?

Рамберъ. Ясна панна не хоче дозволыты, щобъ сотныца передъ іі очи прывелы?

Ядвыга. Панъ Жыль добре бачыць, яке въ мене горе й несчастя, и не хоче мени навить спокою даты. Щобъ я зъ тымъ нывозцемъ, харцызомъ гаворыла—та ніколы въ світы!... И боюсь, и соромъ...

Рамберъ. То воля ясной панны, але повиненъ я панні сказаты, що не було-бъ тутъ біды ніякой. Знаю я пана Даныла, то добрый лыцаръ, тількы що не пляхтычъ, якъ скажемъ, и я.

Ядвыга (*насмыхаецца*). Я й забула, що то пана Жыли товаришъ и прыцель (*юстро*). Кряще-бы панъ отакъ прыйшовъ спытаты мене перше, ніжъ пана Яна зъ замку на смерць выправляты (*вытырае очи*).

Рамберъ. Ма віе!.. Выбачайте, ясна панно... Але якъ-же панна мени доси віры не йме! Кажу-жъ пани, що якъ-бы узялы хлопы пана Яна, то вже доси-бъ ёго голову вартовымъ паказалы.

Ядвыга (*здрымаецца*). Панъ жалю не мае, що отакъ прыходыць менае катуваты.

Рамберъ. Ясной панні воля на мене гниватысь, але я панні не тількы палашемъ повиненъ служыты, але, якъ треба, то й порадою доброю. Хочъ и вельке панні горе, але найгиршого панна не знае: ще тількы сёгодня и взавтра замку держатысь.

Ядвыга. Що панъ каже!

Рамберъ. Взавтра хлопъ зъ гармать браму розибьють. Довы зможемо, будемъ у проломахъ бытысь, але не багато насъ,—до вечора тилькы стане. Не пустывъ-бы я пана Яна зъ замку, колы-бъ не треба було помочи. (*Ядвыга схиляе голову на руку*). Тымъ то й казавъ я ясвй панни, хочъ и гнивается панна на мене, що таки треба ій Даныла прыйняты; перве, що може козака выкупъ визьмутъ,—налякаты можно, що увесь скарбець зъ малои башты у Рось покыдаемо; друге, ще хто ёго знае, объ чимъ ричъ буде,—може хочъ якый день отакъ протягнемо, а на вйни часомъ и те дуже добре. Панъ Янъ, може, доскаче.

Ядвыга (*ширко*). Доскаче! чы жывый винь!?

Рамберъ. И объ тимъ ясна панна навить може у Тартчука довидатысь, а зо мною не хоче вивъ говорыты.

Ядвыга (*навза*). Нехай уведуть! (*Рамберъ уклоняется, видходить управо*)... Тяжко мени, Терезо! Якъ-бы не тато, не люде уси, що у замку, краще-бъ мени смерть у вичи побачыты, ніжъ того козака. (*Зправа Даныло безъ зброи, за поясомъ маленький перначъ; поручъ Рамберъ, позаду Дмитрыхъ и два нимци. Рамберъ и Даныло выходятъ на середыну сцены, други стають коло дверей. Даныло уклоняется, говорыть съ навзама*).

Я в а Ш.

Ядвыга. Що скаже панъ сотныкъ... чы отаманъ... чы гетьманъ?

Даныло (*понуру*). Щырый слуга панны до вику.

Ядвыга. Зъ чымъ прыйшовъ слуга щырый?

Даныло (*пидіймае голову*). То йидній панни маю базаты.

Ядвыга. Пане Жылю!?

Рамберъ (*уклоняется*). Воля ясной панны.

Ядвыга (*махае рукою*). Нехай выйдуть уси! (*Рамберъ махае рукою Дмитрыху, той зъ нимцимаы иде у прави двери, Тереза за нею, Рамберъ у ливи*).

Я в а І V.

Ядвиги и Даныло.

Ядвига. Що-жъ скаже панъ слуга щырый?

Даныло (*ступає на крокъ ближче*). Панночко, прости мене, не гнивайся на мене, слухай мене, слухай, що-бъ нещастя велького не було: рятувати тебе прыйшовъ...

Ядвига. Може до Рамбера у компанію просытысь хочешъ, зрадныку, щобъ и нимци пишы за тобою, якъ надвирни?

Даныло. Панно, бидна моя, не гнивайся! Не ймешъ мени виры, насчасному, але нехай мене гримъ побье, нехай мене товариство проклене, нехай мене на галери турецькій у кайданы закують, колы я до тебе зъ нещырымъ сердцемъ прыйшовъ.

Ядвига (*устає*). Козаче, зрадывъ ты мени и князю... та нехай тебе Господь помылуе; скажы тилькы правду, колы тебе спытаю.

Даныло. Панно, зоре моя, славу и счастья видамъ за тебе! Чого хочешъ?

Ядвига. Зъ шляхты хто бувъ на передзамчу... кого узялы... що зробылы?

Даныло (*сумно*). Панно... усихъ учора... Вони-жъ сами вынни,—то війна, панночко.

Ядвига. А сёгодня... у ночи... никого не узялы?

Даныло. Та ще йидного.

Ядвига (*скрытує*). Вбылы?

Даныло (*усмихається*). Ни, живой ще панъ пидскарбій, здається въ Овсыма старого у курени сидыть (*Ядвиги хапается за кресло, опускается на ёго, мовчыть, дывытся на Даныла*).

Даныло (*дали*). Вирь мени, панно, нема чого мени брехаты. Та якъ-бы й не узялы ёго, якъ-бы й до обозу прыбигъ, то не поспіє вже помичъ. Ще й не знайшылы у замку кого крапцого выправыты! Не до Черкасъ побигъ панъ Казымыръ,—на Кыйивськымъ шляху ёго Дигтяренкови хлопци спіймалы за рич-

кою... Панно, тилькы я тебе вызволыты можу; слухай мене, панночко!

Ядвыга (*тыхымъ голосомъ*). Спасыби тобі, козаче, за щыру правду, колы й теперь мени не зрадывъ. Кажы чого хочешъ?

Даныло (*ступае на крокъ, пада навколшкы*). Панно, счастья мое! выйды до брамы сёгодня у-ночи, тивай зо мною (*порушення Ядвыты*) сердце мое! Слухай мене... Рятую тебе, бо смерть тобі, гирше смерти... Визьмутъ замокъ взавтра у-вечори... и безъ мене визьмутъ... Старый Дигтяренко полковныкомъ... на ради плакавъ, просывъ, щобъ тебе ёму виддалы за сынивъ ёго и дочку: татарви хоче виддаты, щобъ побусурманылы, душу твою згубылы... Панно, зоре моя, глянь на Бога, на мене несчастного глянь! (*устае хутко, Ядвыта тежъ*). Щыро тебе кохаю!... Не хлопъ я бидный, лыцаръ я славный по усёму Нызу, скарбы въ мене скрызъ по степахъ позакопувани, коня крацого и въ Тугай-бея немае. Панно, зглянься на мене!...

Ядвыга (*стыха*). Спасыби тобі, козаче, за усе добре: що не давъ мени зъ коня вбытысь, що служывъ мени вирно, що зрадывъ мени и тату (*усмихається*), що кохаешъ мене такъ щыро, що турбуешся, щобъ татары мене не узялы. Але не бійсь, козаче... не визьме мене твій Дигтяренко... (*иде до ливыхъ дверей, обертається*). Якъ будешъ взавтра зъ гармать браму розбываты, то я на брами стану (*видходыть уливо*).

Я в а ІV.

Даныло, потимъ Рамбергъ.

Даныло. Що-жъ теперь?... безъ мене визьмутъ замокъ (*взявшысь за голову*) Самому до обозу лядського бигты, козакамъ зрадыты? И часу немае!... Господы, хочъ-бы гримъ твій побывъ мене! (*злива Рамбергъ*).

Рамбергъ. Ходимъ, пане парламентаръ.

Даныло (*мовчыть, поглядае на ёго*).

Рамбергъ. Ходимъ.

Даныло. Чекай Жылю... и нимци твои, и ты за гроши служить?

Рамберъ. А то-бъ дурно?

Даныло. Жылю, чуешь... Я богатый... сичовыекъ я... та гувну тильки у курени, то чымало вытрусать въ чересивъ товариши... Усе твое буде—здай замокъ... тильки панну мени жыву видай, та въ мене службы.

Рамберъ (*видступае*). Diable!

Даныло (*пидходять*). Жылю, самъ розуміешь,—довго замку держатысь неможно... Шкода тебе, Жылю!

Рамберъ (*здвѣнае плечыма*). Воно-бъ и ничего, тильки шкода, що строку регыменту не вышло. Хыба пиды та спытай пана полковныка Крейца у гетьманскимъ обози; винъ князеви служить, а я у ёго у регыменти.

Даныло (*зъ тивомъ*). Жартуешь?

Рамберъ (*усмихається*). Ба ни; а то ще князя спытай, може не схоче мене у замку держаты,—тоди гараздъ.

Даныло (*призно*). Взавтра штурмъ буде!

Рамберъ. Чомъ не заразъ?

Даныло. Якъ брали Кодакъ зъ Сулымою, я самъ бачывъ, якъ Маріона на спысы пиднялы!

Рамберъ. Товариши зъ нымъ булы, добрый бувъ жовниръ небижчыкъ.

Даныло. Добрый бувъ жовниръ и пропавъ ни-за цапову душу!

Рамберъ. Pardieu! може хто й за Жыля Рамбера колысь отакъ казатыме. Ходимъ, пане парламентаръ (*иде у-право Даныло за нымъ*).

Зависа.

Д І Я ІІІ.

Оджина друга.

(Середа у-вечори. Лаштунки тижь сами. На сцени не має свитла; двери у каплицю видчывени; звидты дуже свитытсья. Чути подзвннѣ.

По сцени ходыть маршалокъ, зправа входыть пидчашій.

Пидчашій. Що, вже усе зробылы, пане Вацлаве?

Маршалокъ. А вже... однеслы князя у каплицю и чытають.

Пидчашій. Заразь и панахыда?

Маршалокъ. По капелана вже я пославъ, и панна Ядвыга заразъ прыйде.

Пидчашій. Казалы, що довидалась ясновельможна панна въ сотныка за пана Казимира.

Маршалокъ. Чувъ и я, що спіймалы, а пана Яна ни.

Пидчашій. А панъ Жыль дуже лаетсья?

Маршалокъ. Та тому абы лаятысь, а якъ на мене, то добре що спіймалы псяюху. Чы то жъ не соромъ, пане Юліане? Що жъ тоди справди нимцямъ та пахоламъ вирыты, колы старый шляхтычъ попередъ усьихъ зъ замку тикае!? Нехай провирють хлопы вражого сына на дуби—та й гараздъ!

Пидчашій. Не дуже й гараздъ, пане Вацлаве. Якъ пишовъ сѣгодня звидцы Татарчукъ, якъ кынулысь, що й справди немае пана Казимира, якъ Рамберови сказалы, то на вси заставки почавъ лаятысь. Я, каже, цей ноци усьихъ вартовыхъ килька разъ обходывъ, нихто не спавъ, и воно-жъ мисячно: черезъ валы нійкый собака не перелизе, щобъ не побачылы. А якъ йе тутъ яки бисови потайныкы, то мени ихъ треба знаты, а не якому дидькови, колы я у замку комендантъ. Якъ насыплють, каже, козака чортовому сыну жару въ халявы, то кудю пишовъ, тудю й ихъ приведе, матери ёго стонадцять... У каплицю й не прыйде,—нехай, каже, выбачыть ясна панна;

усе ходыть та стукае у замку та по баштахъ, по пидъ валамы дывытса. Вже цилый день отаеъ.

Маршалокъ. И справди що не гараздъ. Йидень, може, йе ще у замку, що того потайныку знае, та пиды спытайся ёго (*вказуе на двери каплицы*).

Пидчашій. Сёгодня зъ нимцивъ ниhto й лягаты не буде, до самого ранку уси по валахъ стоятымутъ. Мало тилькы людей до стобиса.

Маршалокъ. Э, ничего, пане Юліане, може й мы ще зъ паномъ не забулы якимъ кинцемъ мушкета до себе триматы (*усмихається*). Якосъ може взавтра до вечора продержымось. (*Злива Ядвыга и Тереза; маршалокъ и пидчашій укланяются*).

Я в а П.

Ядвыга. Зробылы все, якъ я просыла, пане Вацлаве?

Маршалокъ. Усе зроблено, панно Ядвыго, тилькы ще отця Антонья немае.

Ядвыга (*пидходить до кресла; пада на кресло*). Пане Вацлаве! пане Юліане! вы жъ мене змалку зналы, на рукахъ носылы! Кажить же мени, кажить, за що мени доля така, за що мене Господь покаравъ!.. Тато померлы... Хлопы на замокъ йдутъ... и йидна я, йидна zostалась у свити Божому!.. (*плаче*).

Маршалокъ. Панно Ядвыго, то грихъ панни передъ Богомъ; Ёго то воля, що покыкавъ до себе князя Романа; може того, що дуже вже тяжко було ёму на старисть дывытсь, що теперь робытса; а мени зъ паномъ Юліаномъ то ще тяжче, що плаче панна, а объ тимъ не думае, що йе ще въ неи вирни слугы стары.

Ядвыга (*устае, кыдається на груди маршалку*). Пане Вацлаве, то не я, то горе мое плакало (*плаче, прыпавшы до плеча*).

Маршалокъ (*пиддержуе и*). Панно Ядвыго! Вирь старому: прыведе помичъ Дембинський, будемъ жывы!

Ядвыга (*плаче*). Ой, Боже жъ мій, хочъ бы знала я, де винъ теперъ.

Маршалокъ. Якъ не у обози, то скоро дойде... Не дастся такий хлопамъ у рубы; помолытись тилькы треба Матери Божій и святому Яну.

Ядвыга (*пидходить до Терезы, спырается на плече, тырае очи*). Ходимъ, Терезо, до тата... (*пидходятъ до дверей, обертаятся*)... До капелана, щобъ заразы тилькы... Йдить хочъ сами (*видходять зъ Терезою у каплицю; та зачыняе двери; на сцени темно, маршалокъ и пидчашій видходять хутко у-право*).

Я в а П.

(*Лива стинка видсувается на бикъ; тамъ пидскарбій звязаный, безъ жупана; за нымъ Онысымъ, Павло и килка селянъ зъ косами и спысами. По одному выходять на сцену. Куна проты дверей каплицы*).

Пидскарбій. Полковнику, ты жъ прысягався?!

Онысымъ. Не забудь, не бійсь, ляше, ничого... (*выходить тымъ часомъ Даныло, за нымъ 1 и 2 запорозьци*).

Даныло (*стыха до запорозьцивъ*). За мною, браття! (*видходить у-ливо*).

Пидскарбій. Дывись, полковнику, правду тоби казавъ: варты немає, нихто не знае ходу; (*вказуе у-право*) до брамы тудою треба йти (*зъ хода показується осаулъ, за нымъ по одному надвирни, товплять ся на сцени*).

Онысымъ. Андрію, Петро! у кутокъ цёго ляха: я ёму прысягався, що винъ живой буде (*два парубкы ведуть пидскарбія въ кутокъ, стають передъ нымъ*). А де жъ Даныло? (*поглядае навкругы*). Винъ тутъ повиненъ ходы знаты (*Тереза видчыняе двери*).

Тереза. Маты Божа!?! (*бизжить назадъ*). Панно Ядвыго! (*Онысымъ, Павло, килько селянъ кыдаются за нею*).

Осауль (*раптомъ зачынае двери, чуты прыглушенный галасъ*). Не туды, хлопци, за мною! И на подвирья не выходьте, докы вси у синяхъ не зберемось (*безъ шуму бижыть у-право, за нымъ надвирни; до кинця дѣи надвирни по одному перебігають зъ хода у-право*).

Ява ІV.

(*Зъ капльци Онысымъ и Павло выводять Ядвыгу за руки, за ными парубкы*).

Ядвыга (*бьется*). Рятуйте, хто въ Бога вируе! Рамберъ!, люде! рятуйте мене!

Онысымъ (*веде до потайныку*). Хлопци, якъ я казавъ, до куриня! Глядитъ же мени!

Ядвыга. Маты Божа, то вбійте жъ мене, не мучте мене!

Онысымъ. Не просы дарма! (*передае Ядвыгу козакамъ у потайныкъ, ти уводять, и зъ потайныку знову перебігають черезъ сиену надвирни; пидходять до дверей капльци, дывытсья туды, стае на порози, вытырае очи*). Пане мій мыльй, пане мій любий! Не давъ мени Господь старому счастья, щобъ ты свого хлопа вирного въ вичи побачывъ! Спы жъ, пане, спокійненько колы мене чуешъ! Догляне твій хлопъ твою дочку еднуную ще враще, якъ ты моихъ дитей доглядавъ!

Вартовый немецъ (*зправа зъ-за сцены, здалека. Wer da? (стриляе)*).

Голосъ осаула. Гайда! на браму! (*стриляють, тупотять, галасъ за сценою, Онысымъ зъ другымы бижыть у-право*).

Завеса.

Д І Я І V.

Однина перша.

(Середа, за півничч. Майданъ у козацькимъ обози передъ Онысьмовымъ куринемъ. Зъ правого боку великый куринь, вхидъ завншаний рядномъ. Ливоручъ берегъ рачы. Въ глыбини сцены таборъ, возы, коло ихъ саморобни наметы зъ рядна, курени зъ очерету и гилля. Напереду сцены догорае огныще, злива сцена освитлена пожежею).

Я в а І.

Коло огныща 2 запорожци и 3 парубкы.

1 парубокъ. А горыть замокъ! Якъ у день видно.

1 запорожець. Горитыме до ранку.

2 запорожець. Бодай бы ти бисови хлопци згорили, що підналылы!

2 парубокъ. Хыба воно ваше горыть, дядьку, чы що?

2 запорожець. Ото дурень! Було бь тамъ чымало нашого, якъ бы не таки розумни, якъ ты... Тилькы що имъ браму видблы, якъ ускочылы зъ Маркомъ до замку, такъ заразы и палыты по усьихъ усюдахъ, вражи сыны... Мало що й повыносылы... А якъ бы пошукаты по покояхъ, та у стини добре постукаты... *(махаетъ рукою)*. Отакъ зъ дурнями звязься!

3 парубокъ *(до 1-го запорожца)*. А куды звидцы, дядьку?

1 запорожець. А тоби що?

3 парубокъ. Та цикаво.

1 запорожець. Вже полюбылось замкивъ добуваты?

3 парубокъ. А вже-жъ! *(сміється)*.

1 запорожець *(насмихается)*. Ото велькововинь! Чекай, ще побачышь, почимъ кившь лыха *(пауза)*.

1 парубокъ *(прислухается справа)*. Ото, якъ вовкъ вые!

1 запорожець *(тежъ)*. Ни... це не вовкъ.

1 парубокъ *(пауза)*. Та й не собака, здається.

1 запорожець. Вовкулака.

3 парубокъ. Святый Боже! я николи не чувъ!

1 запорожець. Не приходилось.

1 парубокъ. Чого жъ се винъ?

1 запорожець. Чого?.. Адаже былся сёгодня... ляхивъ, нимцивъ выризали... та й зъ нашихъ, хто вже дуже гришний.

3 парубокъ. Не дай Боже теперь у лиси! (*поглядае у-право*).

1 запорожець. Що ще тутъ? Отъ якъ-бы у Волощыни!

2 парубокъ. А що жъ тамъ дядку? тежъ вовкулакъ?

1 запорожець (*стыха*). Учыри, отъ що!

2 парубокъ. А вы сами, дядку, бачылы?

1 запорожець. Цуръ дурня! Бодай ты колы побачывъ, хочъ отакъ якъ Чупрына.

2 запорожець. Ото бь довидався!

3 парубокъ. А розкажить, дядку.

1 запорожець. Та не годытся... проты ночи.

1 парубокъ. А ну бо, дядку Мыколо!

1 запорожець. Ну нехай... (*оглядается*). Вогонь горыть и люде хрещени... Ого ще, якъ Сагайдакъ старый пидъ Тягинь ходывъ у Волощыну, то бувъ нашого жъ такы куриня тытаревського козакъ Иванъ Чупрына, що теперь осауломъ, якъ що на тимъ тыжню ёго не вбыто... Та мабутъ побачымось, бо якъ ёго й вбьешъ? Такой козарюга, куды хочъ его.

2 запорожець. Эге жь!

1 запорожець. То ото було разъ за Сочавою, каже ему куринный чогось до обозу побигты, а воно у ночи, отъ хочъ якъ й теперь.

2 запорожець. Ни, не такъ було.

1 запорожець. Справди що не такъ, бо таке робылось, що страхъ... нахмарыло, гримъ и блискавка, а дощю немає... А стали мы саме у лиси... у кинци... ще Сафаръ-агу выглядали, що потимъ пидъ Хотыномъ вбытый.

2 запорожець. Це такъ було.

1 за порожецъ. Сталы ото, сховалысь у лиси, у поле выглядаемъ, вогню палыты не можно... А витерь ажъ гилля ламае... у лиси щось гуде, та стогне, та часомъ плаче (*стыха*)... неначе та панна, що сюды сёгодня привелы (*вказуе на куринь*).

1 парубокъ. Сердешна!—просыла, щобъ вбылы.

2 парубокъ. Эге, вбывъ бы; старый Дигтяренко казавъ, щобъ ии якъ ова стереглы.

1 за порожецъ. Такъ треба було ото Иванови до обозу. Сиде на коня, але пидходить до ёго старый волохъ, що въ насъ за калауза бувъ, та й пытае: „Ты самъ, козаче, пойдешъ?“ А той: „И безъ тебе, каже, втраплю“. Той соби й пишовъ, а винъ пойхавъ... колы ранкомъ вертается, каже, що ему було.

3 парубокъ. Побачывъ!?

1 за порожецъ. Йиду, каже, лоцныю, що разъ то блыскавка, выдно якъ у день... И прыйшлося зъ лоцныны саме выйизжаты, де тры шляхы лисомъ розходятся.. и хреста немае,—звисно бусурмены!

2 за порожецъ. Ще, здается, у тій лоцныны того-жъ саме ранку васюрынци чамбуль ногайський побылы?

1 за порожецъ. Ни, то зъ билгородської орды татары булы... такы жъ Сафаръ-ага мабутъ ихъ тоди напередъ выправывъ. То йиду, каже, а кинь якъ жахнется... бо воно часомъ и кони ту нечысть бачуть... те бувае. Винъ якъ подыввся, а воно зъ земли й вылазять.. и пидіймається.

1 парубокъ. Що жъ воно? яке?

1 за порожецъ (*стыха*). Голе, казавъ, сыне, очи горять, губы червони.. и кровь зъ губивъ бижыть!.. ажъ на грудяхъ запеклась. Якъ не завые: ала-ла! той у ходъ; та ще ёго счастья, що кинь у ёго тоди добрый бувъ, буланый. Якъ подався, каже, по дорози, а воно верхомъ по деревахъ, та навпереймы бижыть, ажъ гилля ламае! Мало, каже, не спіймавъ, тилькы шанку ухонывъ; такы втиєть видъ ёго.

3 парубокъ. Господы!—ото жъ бува!

1 за порожецъ. Та й лаявъ того волоха Чупрына, якъ прыбигъ у-ранци. Чомъ ты мени, каже, такой сякый сыну не

казавъ, що таке місце? А той: „эге, каже, отакъ скажы: то що воно мени потимъ зробить?”

3 парубокъ. Боявся выходыть самъ?

2 запорожець. Отакый-бы вражый сынъ боявся! Не хтивъ сказаты, та й годи. Тымъ-то й багато тои нечисти у Волощыни, що усякый волохъ якъ помре, то заразы уперемъ робытса.

1 запорожець. Якъ усяка кыивська жинка видьмою.

3 парубокъ. Невже?

1 запорожець. А чого жъ ихъ тамъ такъ багато, хочъ и таке святе мисто и печеры?

3 парубокъ. А вы дядьку и у Кыви бувалы?

1 запорожець. Ще й не разъ.

2 запорожець. Бреше, не слухай.

1 запорожець. Брехали твого батька сыны.

2 запорожець. Кѡлы жъ ты бувъ: тоди саме якъ и я, якъ старого Сагайдака ховалы?

1 запорожець. А забувъ, якъ пидъ Кумейкамы лейстровыкы чортови зъ лису выхопылысь, що нашому куриню у обозъ не можно було вернутысь, а гусарыя якъ поперла, то куды мы пишлы?

2 запорожець. Та хто куды вrostичъ... тымъ то й живыхъ наибильше у нашому курини zostалось.

1 запорожець. Эге, хто куды, а я такы у Кыви опынввся; цилый рикъ бувъ за рыбалку у Межыгорськимъ, годувалы святы ченци и переховалы и грихы замольвъ... може хочъ зъ половины.

2 запорожець. На цереву було бъ даты... тоди чымало зъ того гусарына здобувся.

1 запорожець. А вже жъ було бъ даты, то й добре булѡбъ... Кѡлы бачъ, якъ прыйшовъ, то закопавъ усе пидъ дубомъ надъ Десною, а якъ у монастыри бувъ, то й забувся якось... И шкода, бо уси ти грошы такъ по шинкахъ и позоставалысь у Кыви, якъ пишовъ зъ монастыря (*зправа Даныло и Марко*).

Я в а П.

Д а н ы л о. Добра ничь, панове товариство!

В а р т о в и (*устають, парубкы здїймають брыли й шапки*).

Добра ничь, пане отамане!

Д а н ы л о. Годи вже вартуваты, втомылысь мабуть сёгодня, гайда лягаты, вже други будуть на варти (*запорозьци, 1 и 3-ій парубкы беруть зброю и помалу видходять у-право по-за куринь*).

2 парубокъ. Не можно, пане отамане; казавъ панъ полковныкъ, щобъ до ранку видъ цёго куриня не рыпалысь, по-виль вони съ цвынтаря повернутся.

Д а н ы л о (*пидходить до ёю, кризно*). Трясця твой матери и зъ полковныкомъ твоимъ, Я видъ Хмеля тутъ, никому чуты не можно, обь чимъ мени треба у бранкы довидатысь! Геть звидцы, гайда!

2 паробовъ (*видходять у-право, на бикъ*). Ого лыха годына, хыба заразы до старого бигты?

Д а н ы л о (*до Марка*). Зъ товариства хто живый?

М а р к о. Шпакъ та Потребенька, та ще оцихъ двое (*вказуе направо*); хочъ и не нашего куриня, а добри козаки; ще й ихъ беры, якъ хочешъ, я вже казавъ имъ; та вони за-для того й на варти тутъ булы... гляды тилькы, брате, щобъ киямы тебе не быто.

Д а н ы л о. Годи обь тимъ... а ти двое вже зибралысь?

М а р к о. Шпакъ кони сидлае, а Потребенька зъ твоимъ перначемъ побигъ до обозу, щобъ панни того гнидого узаты. Божывся, що на горилку й дывытысь не буде... А Хмеля якъ побачу, то що казаты?

Д а н ы л о. Замокъ, скажешъ, узялы, загинъ добрый приведешъ... та й я незабаромъ... кажу жъ тобі, тилькы у той зимивныкъ, що за Самарою, та й до війська.

М а р к о. Ну, ще туды будешъ, може, квапытысь, а звидты? (*реюче; Даныло пидходить да куриня, пидіймле рядно*).

Д а н ы л о. Панночко!.. чортякы ще й звязали! (*выймае кынджалъ, кыдається въ куринь*).

М а р к о. Щобъ такого лыцаря, та баба... (*маха рукою*).
Хочъ и гарна жъ, продова дочка! (*видходять у-право*).

Я в а Ш.

Даныло выводять зъ куриня Ядвыгу, зривае зъ рукъ вирёвку.

Д а н ы л о. Панно, сердце мое, не бійсь ничего... заразь пойдемъ зъ сичовыками у степъ широкий... ни ляхъ не знайде, ни татарынъ. Служывъ я тоби вирно, якъ собака теперь буду служыты, у очи дывытысь (*Ядвыга мовчыть, поглядае на ёю*). (*Пауза*). Панночко, счастья мое, не гнивайся, промовъ хочъ слово... Рятую тебе. Заразь тикаты треба, бо зъ ясыремъ до Крыму поведуть... не помыле Онысько; у неволи бусурменськый пропадешъ и душу занастышь.

Я д в ы г а (*видступае стыха*). Даныло! йидна я тутъ, кого мени просыты!.. Кохаешъ мене, кажешъ... Може, добре въ тебе сердце, то порятуй мене.

Д а н ы л о (*ступае до неи*). Панночко, заразь на коней!

Я д в ы г а (*видступае, протягае руку*). Козаче, не ты хыба выненъ, що я теперь у неволи? На що прыйшовъ ты сюды, на що порятувавъ мене, на що зрадывъ мене? Що я тоби зробыла? що я Оныськови зробыла? чимъ я кого скрывдыла?—якъ маешъ сердце и совисть, то вбый мене (*пада навколмишки*).

Д а н ы л о. Панно! Господы! (*хоче пидняты*).

Я д в ы г а (*выривае руку, видступае знову на колинахъ*). Убый мене, козаче, на цимъ мисти убый, бо у Крымъ жыва не пиду и зъ тобою не пиду... Або кривыцю глыбоку знайду, або скелю високу, то сама себе занашащу... Убый мене заразь, козаче, змылуйся, то за все тебе прощу... и за зраду твою, и за батька мертвого, и за смерть свою; душу мою порятуй, козаче добрый, то на тимъ свити за тебе мотытысь буду... Ой Боже, Боже, несчастна я! (*закрываетъ лице руками*).

Даныло (*сумно*). Серденько мое, що робышь зо мною? Жыття й душу виддавъ бы за тебе!

Ядвыга (*протягае руки*). Якъ маешъ трохи жалю, козаче, дай ножа, дай заразы!

Даныло (*усмихається*). То такъ... бильше мене боишся, якъ гриха?

Ядвыга (*схылывшы голову*). Простыть Господь мыло-сердный...

Даныло (*дывиться на огоньце*). Панно ясна... не плачь, не гнивайся, и Бога не гниви: не пидешъ зо мною, а ни до Крыму—пидешъ, куды схочешъ.

Ядвыга (*поглядае на ёго*).

Даныло (*дывиться на огоньце*). До Лубень хочешъ... чы до обозу коронного?

Ядвыга (*хоче устаты*). Що кажешъ, що? Даныло?

Даныло (*дывиться на огоньце*). До Лубень, кажу, чы до обозу коронного хочешъ? Не гай часу.

Ядвыга. Маты Божа! (*хытається, пада*).

Даныло (*кыдається, пиддержуе, ставшы на коліно*)
Зомлила бидна! (*дывиться, цилуе, гука по-за кинь*). Марку!

Ява IV.

Зправа Марко и 2 запорозьци.

Марко. Хыба це довго? вже й Потебенька прыбигъ (*виддае Данылови перначъ*).

Даныло (*до запорозьцивъ*). Берить панну браття (*козакы несуть Ядвыну у-право у слидь*). Не дуже гнидого затягайте, бо быты буде (*до Марка*). По-надъ ричкою надвирни вартують, тудюк зъ обозу й выбырайся; ось перначъ (*виддае перначъ*).

Марко. А ты жъ що?

Даныло. До лядського обозу бижы... перву корогву якъ зустринешъ, виддай панну, вона вже тебе оборонить... Чекай, може ще не послухають іи вражи ляхы... Змійчува беры, та

якъ побачышъ, що тоби лихо, промовъ тилькы ёму на вушко: орда!—то й куля не дожене.

Марко. Отавои!.. Ну гараздъ, якъ на мене, ще воно й враще... Тилькы я бъ казавъ, що треба й тоби йхаты, бо якъ прыйде у ранци Онысько, то гвалту наробить.

Даныло. Боюсь я ёго, що винъ Онысько!.. А йхаты не можно мени... Не зрадь тилькы, щобъ панну довизъ!

Марко (*сердыто*). Оце бачу, що таки божевильный, колы побратымови не вирешъ.

Даныло. Просты брате... Не гай часу... гнатысь не будуть, бо я тутъ на варти... Гайда! (*маха рукою, Марко видходить у право, у слидъ*); везы обережно!

Ява V.

Даныло, потимъ Онысымъ.

Даныло (*ходить по сцени*). Тяжко... Йе тоби, Даныло, и слава, и воля, та немає щастя... (*выймае ладанкы, дывытсья*). Одуривъ нимецъ проклятый... Ни, може й не все брехавъ... Кулею ёго сегодня вбыто... Може це, Даныло, доля твоя щербатая... Оце Маркови видамъ, нехай здоровъ носыть, а цей.. ни, не кыну... нехай буде... Тилькы вже годи по замкахъ бавытсья, взавтра до товариства, та у перву лаву... може дастъ Господь мылосердный смерть козацьку (*зправа зъ глыбыны сцени вбигае Онысымъ, Даныло стае коло входу у куринь*).

Онысымъ (*неспокойно*). Отамане, що се ты, на що вартовыхъ прогнавъ?

Даныло. Чого, диду, турбуешся, я самъ на варти.

Онысымъ (*тупае*). На що прогнавъ, пытаю!

Даныло. Диду, не твого полву я козакъ, щобъ мавъ тебе слухаты.

Онысымъ (*зъ тивомъ*). Геть звидцы!

Даныло. Чого сердышся старый? Сидай, та будемъ вартуваты.

Оннысымъ. Геть звидцы!—пусты у вуринь!

Даныло. Не йды, диду... спыть ляшка... на що тоби?

Оннысымъ. Геть, кажу тоби, вражий сыну, бо звязаты звелю!

Даныло (*стрымуючысь*). Чого гвалтуешъ диду?.. Иды, тоби кажу, не треба.

Оннысымъ (*скажено*). То не пустышь!?

Даныло (*пауза, дывытся на ёго, нескоро*). Та йды, про мене (*дае дорогу, Оннысымъ кыдається у куринь, Даныло, выхотывши кинджалъ за нымъ*).

Оннысымъ (*зъ куриня*). Зрада! (*чуты якъ пада Оннысько, потимъ тихо*).

Зависа.

Д І Я І V.

Одмина друга.

(Четвергъ у-ранци. Лаштункы твжъ сами. Ливоручъ товпа селянъ, праворучъ невеличка купа надвирнихъ козакпвъ. Мижъ нымъ коваль зъ спысомъ. Въ глыбнии сцены Павло безъ шапки зъ перначемъ идъ бунчукомъ. Передъ нымъ на авансцени звязаный Даныло. Коло его 2 парубкы. Конецъ рады. Галась).

Я в а І.

Коваль. Люде хрещени! козацтво! хыба можно такъ?

Голосы (*змиа*). Годи, годи! Постановылы.. за що старого бидного вбывъ?.. Зрадныкъ... закопаты... ще й мовчыть!.. Выкупъ, мабуть, узявъ за ляшку... пошукаты отуть треба.. Гаспыдъ.. закопаты, закопаты!.. Старого й диты за насъ голову зложылы!

Коваль (*сылується перекрычаты*). Панове громадо! Нехай нывове вйсько судыть.

Селянынъ (*злива крычить*). Панове громадо, ото Грыцько репетуе, що винъ ёго въ аркану пустывъ!

Коваль (*крычить*). Не вирьте, козацтво, иродови! Це винъ такъ, що его Даныло нагаемъ бывъ на гребли, ще на Вельк-день, та то жъ ёму князь звеливъ.

Селянынъ (*крычить*). А хочъ бы й такъ! Наймытъ панськый, та вильныхъ козакивъ быты! Де винъ узався на нашу голову!?

Надвирный козакъ (*зправа*). Закозакувався, вражий сыну! Якъ бы не панъ отаманъ, то й доси бъ уси вы гречко-сіи... (*галасъ злива*).

Павло (*надивае шапку, пидіймае перначъ*). Ради кинецъ!

Гоминъ (*злива*). Ради кинецъ! законаты зъ Онысымомъ! (*зправа вбгають Марко и 4 запорозьци, кыдаются до Даныла, видныхають парубкивъ. Марко выхопывши кынджалъ риже вирёвку*).

Я в а П.

Тижъ, Марко и запорозьци.

Марко. Панове громадо! товариство! що се!?

Галасъ (*злива*). Де цей узався!? Ачъ якый!.. Чого пры-бигъ!? Геть звидцы!

Павло (*выступае напередъ и пидіймае перначъ*). Тыхо! (*уси мовчатъ*). Геть звидцы, козаче! У-ночи сёгодня побратымъ твій полковныка вбывъ, и оце на ради вильными голосами его судылы, и сёгодня, по старому звичаю, его живого зъ полковны-комъ закопаяють... Иды соби.

Марко (*выхопывши шаблю*). Товариство, рятуйте! Хто въ Бога вируе, за шабли! (*Запорозьци, надвирни и Грыцько оточають Даныла, де-котри берутся за шабли й рушныи; гвалтъ и галасъ злива*).

Даныло (*хапае за руки Марка*). Брате! збожеволивъ! (*до товны*). Тыхо! (*пидходить до селянъ, трымаючи Марка за*

праву руку). Отаманы-товарыство, гришныѣ я велыкы, и следь мене караты! Позвольте тилькы панове зъ побратымомъ попрощатись.

Павло. Добре.

Гоминъ (*злива*). Гараздъ... нехай.

Даныло (*рукою дае знакъ козакамъ видступиты у-право*). Идить хлопци! (*выводить Марка на авансцену, увесь часъ тихый юминъ на сцени*).

Марко. Брате, що то...

Даныло (*перепыла*). Мовчы! Зъ панною що зробывъ, що вже повернувся? кажы заразы!

Марко. Та зъ тобою що тутъ?

Даныло (*тупае*). Що зробывъ? кажы, не катуй!

Марко. Та ничего, Боже жъ мій! Мыли зо тры тилькы пробиглы, у-ранци ляхивъ зустрілы на Корсунськимъ шляху... Корецькый ротмыстръ и Дембинськый панъ. Виддалы та й сюды.

Даныло (*хутко*). Сюды йдуть?—то гукны заразы на козакывъ.

Марко (*перепынае*). Та ни бо! Бачывъ я добре... Кинныхъ ихъ килька сотъ; жадной цилои корогвы нема. Зъ легкыхъ де-хто, та гусары трохи, та рейтарывъ. Кони потомлени, стріламы покаличени, пораненыхъ багато, до сидель ихъ вязано... десь ихъ добре побылы... Ротмыстръ спытавъ мене тилькы за замокъ та за князя, та рукою махнувъ, та й подались на Кывськый шляхъ... Мы сюды, а тутъ у брамы Щербаченко... бижить зъ майдану, плаче та лається... Убывъ, каже, собаку старого... судылы на ради.

Даныло. Спасыби, брате, за послідню службу.

Марко (*стыха*). Трывай брате, не можно такъ; щепишь насъ товариства и надвирни за тобою...

Даныло. Грихъ тобі, брате: доволи, що вже на мени кривъ хрыстьянска. Та подывысь, що зъ сотни лышылось: Рамберъ добре бывся (*усмихається*); та й байдуже мени!..

Марко. То тобі байдуже... а мени?.. Брате, не кыдавъ я тебе ни въ степу, ни въ мори,—памьятаешъ?..

Д а н ы л о (*усмихається*). А то жь?

М а р к о. Брате Даныло! (*вытирає чоло, глухо*). Погана тобі смерть... не козацька... Якъ хочешъ, вызволю (*трохи видступає, килька разъ тыхо вдаряє кинцемъ шабли по землі*).

Д а н ы л о. Спасыби, брате ридный, оце гараздъ. Не такъ тильки, щобъ ще тебе отуть у пенъ не зарубалы... Тривай! (*выймає 2 ладанки, видчеплює йидну*). Оце тобі: це видъ кули носы (*виддає, дывится на другу*), а це... нехай вже зо мною у землю пиде (*усмихається*),—не помага воно... Слухай брате, сидай на Змійчука; нехай твій буде, бережы. Заразъ мене въ майдану поведуть, мабуть, до церкви; янчарка въ тебе добра, та й стрилецъ ты не абы який, а на мене вже теперъ срибнои кули не треба. Гляды, щобъ добре влучывъ, бо вылаю (*усмихається*).

М а р к о (*ховає шаблю, обіймає Даныла*). Брате мій ридный!

Д а н ы л о (*обіймає его, дали видводитьъ руки*). Не плачь, Марку брате! разъ маты родыла. На тимъ свити побачымось, розскажешъ мени тамъ, чы йе ще Ляхы на Вераини, чы стоить славне Запорожжя... Бижы хутко, беры коня. (*Марко бижыть у-право*).

Д а н ы л о (*уклоняється запорозцямъ*). Панове товариство! Простить мене, якъ скривдывъ кого... Якъ повернется хто зъ васъ до Сичи—зброя въ мене дорога, въ осавула: визьмитъ, та на церкву Божу виддайте, щобъ за мене гришного молылысь.

1 з а п о р о ж е ц ь (*до селянъ*). Панове громадо, треба намъ теперъ до Хмеля вертатысь. Здорови бувайте! Скажемо товариству, що добре насъ прыймалы, хлибомъ силлю привиталы и найкращого лыцаря у сыру землю закопалы (*видходить у-право, за нымъ дружи запорозци и килька надвирныхъ*).

2 з а п о р о ж е ц ь (*одвертається*). Щобъ вамъ и дитямъ вашимъ!.. Ярема на васъ! (*видходить за другыми*).

П а в л о. Ведить до церкви! (*килька селянъ пидходять до Даныла*).

Д а н ы л о. Не треба вязаты, пиду й такъ! (Ступае килька крокивъ у-право, селяне за нымъ; дывытця пыльно за сцену, кывае; звидты выстрилъ,—Даныло пада).

Г о л о с ы. Ловы, ловы! (де хто бижыть у-право, де-хто до Даныла).

Ө. Пильченко.

З а в и с а.



Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.

(Продолженіе) ¹⁾.

44. Кража въ чумацкой дорогѣ.

Среди необозримыхъ Запорожскихъ степей, по извѣчному Муравскому «шляху», въ августѣ 1690 года медленно двигалась чумацкая валка, возвращавшаяся съ солью изъ Перекопа. То были козаки изъ Сокологорской сотни, ²⁾ полтавскаго полка, въ свободное отъ походовъ время занимавшіеся чумацкимъ промысломъ. У передней „мажи“ шелъ „ватягъ“, или отаманъ, а за нимъ безконечною линіею тянулись воловьи и конные возы „товарыства“. Всѣ чумаки были вооружены, потому что въ безлюдной степи имъ на каждомъ шагѣ грозила опасность со стороны шнырявшихъ здѣсь ногайцевъ. Впрочемъ, пока путь шелъ че-

¹⁾ См. Кіевск. Стар. 1901 г. № 10.

²⁾ Соколоюрка, бывшій сотенный городокъ—нынѣ м. Соколка, кобел. у., на р. Ворсклѣ.

резь запорожскія паланки, чумацкая валка могла себя чувствовать сравнительно безопасной: въ каждомъ зимовникѣ, расположенномъ обыкновенно на берегу рѣки, въ уединенной балкѣ, или у вырытаго колодца, она находила защиту и пристанище, а если было нужно, то и провозатыхъ. Хозяинъ зимовника, запорожскій козакъ, обыкновенно былъ и шинкаремъ; безопасность „ватагъ“ чумацкихъ была для него не только долгомъ, но и источникомъ прибыли: онъ хорошо зналъ, что слава добраго зимовника распространяется по всей Украинѣ. Но перешагнувъ у Конскихъ-Водъ границу запорожскихъ владѣній, чумацъ мазалъ свою рубашку и одежду дегтемъ изъ предосторожности отъ „чумы и гадины“, заряжалъ „рушницю“, добывалъ изъ воза „спыса“, а на груди, на ремешкѣ, вѣшалъ „гаманъ“, въ которомъ хранился „ярлыкъ“. Въ Ногайской степи уже ни селъ, ни зимовниковъ не было; хорошо еще, если трава уродила и вода въ полевыхъ рѣчкахъ не повысыхала, а то уже не у кого достать ни корму, ни водою. Отъ запорожской границы до самой Перекопской „башты“ не увидать уже чумаки ничего, кромѣ табуновъ или стадъ татарскихъ, весь годъ блуждающихъ съ чабанами, такими же дикими, какъ и ихъ лошади. Въ голой степи, вдали отъ аула, ногайцы не боялись никого, и для нихъ зарѣзать двухъ-трехъ ватажанъ, отнять скотину или хлѣбъ считалось молодецествомъ. А сколько обмановъ на соляныхъ озерахъ, сколько прижимокъ и вымогательствъ въ „баштѣ“ отъ всякаго рода дыздарей, имановъ, каймакановъ и другихъ ханскихъ чиновниковъ! ¹⁾

Но наша „ватага“ сокологорцевъ благополучно миновала уже всѣ эти мытарства. „Повернувши“ отъ Молочныхъ-Водъ, ²⁾ она „проставала ку домивкамъ“ и уже вступила снова на территорию Коша Запорожскаго. Но нерадостный видъ имѣлъ теперь

¹⁾ Скальковскій, Исторія Новой сѣчп, т. 6, стр. 133—134.

²⁾ *Молочная*, или *Молочныя-Воды*, рч. въ Таврич. губ., течеть на границѣ Мелитоп. и Бердянскаго уѣздовъ.

этотъ «степь широкій, край веселый». Въ томъ году лѣто выпало дождливое, и когда наши чумаки шли въ Крымъ, ихъ круторогіе волы буквально тонули въ буйной степной травѣ; но въ іюлѣ прилетѣла отъ Азовскаго моря саранча и въ двѣ недѣли превратила цвѣтущую степь въ безотрадную пустыню. А новыя полчища все еще продолжали нестись съ юга, закрывая солнцемъ и наводя ужасъ на все живущее. Отъ ихъ гниющихъ труповъ появился моръ—сначала на скотѣ, а потомъ и на людяхъ, и когда наши чумаки стали приближаться къ р. Самари, встрѣчные запорожцы сообщали имъ тревожныя вѣсти, что Самарскій монастырь, а равно и оба новостроенные московскіе городки на Самари, Новобогородицкѣ и Сергіевѣ, на половину или и совсѣмъ опустѣли отъ мора, и воевода тамошній князь Ржевскій «тѣи жъ смертнои не уйшовъ плягы». Слыша эти нерадостныя вѣсти, чумаки обильнѣе смазывали дегтемъ свои сорочки и усерднѣе подгоняли круторогихъ, поспѣвая къ недалекииъ уже предѣламъ родного края. Вдали уже синѣла гора Калитва, надъ Орелью, а тамъ рукой подать и до Сокологорки.

Но тутъ встрѣтилась неожиданная задержка. Одинъ изъ «товариства», сокологорскій козакъ Васылъ Башлаенко заявилъ всей «ватазѣ и старшому», что у него случилась пропажа: украдено изъ воза «убранье (платье) синее и грошей талярей девять». Что тутъ было дѣлать? Не помочь товарищу въ бѣдѣ считалось у чумаковъ однимъ изъ самыхъ позорныхъ поступковъ; съ другой стороны, нельзя было оставить безъ разслѣдованія происшедшую кражу, иначе—подозрѣніе могло падать на каждаго изъ «товариства». И вотъ «ватагъ, по звичаю, товариство зъ ватагою спынявъ и у всехъ возахъ струсывъ», т. е. сдѣлалъ обыскъ, причемъ у молодого козака Кирика Дмитренка «вытрусили» въ возу поличное,—«штаны тилько Васылеви, що зъ гришмы булы», а остального платья и денегъ не нашли. «Ватагъ» немедленно подвергъ Кирика допросу, и тотъ «при товариству при всемъ, у ватази, заразъ ся признавъ»:

— А що жъ, мои ласкавіи панове, въ убраня гроши я вынявъ и въ прыкмети (въ замѣченномъ мѣстѣ), подле шляху, на Кильчени ¹⁾ въ бурьянъ кинувъ.

„Ватагъ“ призналъ необходимымъ провѣрить это показаніе и, взявъ съ собою нѣкоторыхъ изъ „товарыства“, отправился на Кильчень и велѣлъ Кирику указать „тую прыкмету“; но послѣдній такъ былъ взволнованъ страхомъ ожидавшей его кары, что никакъ не могъ указать мѣста, куда онъ припряталъ украденное, и сколько ни искали всѣ по бурьянамъ, ничего не нашли. Случись подобное дѣло въ глубокой степи, вдали отъ поселенныхъ мѣстъ, ватагъ, пользовавшійся въ пути почти диктаторскою властью, обязанъ былъ произнести формальный приговоръ и подвергнуть провинившагося должному наказанію; но завтра вся валка должна вступить въ предѣлы своего полка, и всѣ полномочія атамана должны окончиться; етому же провинившійся и потерпѣвшій были односельцами. Поэтому ватагъ „не прикрылъ ихъ декретомъ“, а ограничился тѣмъ, что отобралъ у Кирика Дмитренка коня съ возомъ и солью „и въ рушницею“ въ качествѣ „вины“, предоставивъ Башлаенку судиться съ нимъ дома, передъ сотеннымъ урядомъ, а „лице“, т. е. отысканное у Кирика платье, обязался самъ представить сотнику.

Спустя нѣсколько дней по возвращеніи домой, Василь Башлаенко предъявилъ сокологорскому сотенному уряду жалобу на Башлаенка о кражѣ. Онъ не добивался наказанія для провинившагося и впередъ заявилъ, что если Башлаенко „все мои утраты нагородить, то отъ мене вольнымъ станеть, а вины панской не заступую, и овшемъ (напротивъ) повинень будетъ Кирикъ платити за свое проступство, якъ явный злодій“. Дѣло было настолько безспорное, что присутствующій на судѣ отецъ Кирика, „старый Дмитро, не вдаючися въ жадную контроверсію“, немедленно изъявилъ готовность удовлетворить истца и тутъ же, на урядѣ, „во всемъ его погодилъ“. На судѣ предсѣдательствовалъ

¹⁾ *Кильчень*—рѣчка въ теперешнемъ новомосковскомъ у., правый притокъ Самари.

въ это время бурмистръ полтавскій Олекса Рымарь, присланный отъ полковника въ Сокологорку для какой-то судебной ревизіи. Онъ согласился на мировую потерпѣвшаго съ Кирикомъ и здѣсь же отобралъ отъ Дмитра „вину панскую за тотъ крадижъ его сына при явномъ лицу“: воловъ три, яловиць двѣ и „яловка“ (молодого бычка). Протоколь по данному дѣло былъ вписанъ „до книгъ мѣскихъ сокологорскихъ“, а засвидѣтельствованная копія его была взята Олексой Рымаремъ для предъявленія полковому суду, которому принадлежало право окончательнаго рѣшенія настоящаго дѣла. Послѣдній, принявъ во вниманіе молодость Кирика Дмитренка, „даровалъ его назначенямъ члонку, якъ явнаго злодія“, а велѣлъ его „скарати виною панскою и вradoвою“, которая впередъ была взыскана.

45. Попытка утаить деньги, взятыя на храненіе.

Осенью 1698 года супруновскій шинкаръ Петро Максименко ходилъ по селу Гуджуламъ, что близъ Полтавы, и правилъ долги, „за напой урослы“, такъ какъ въ то время шинковые напитки рѣдко продавались на наличныя деньги, а больше въ долгъ („наборгъ“), и лучшимъ временемъ для сбора этихъ долговъ была осень. Обошелъ Максименко много дворовъ и собралъ немало денегъ, но это стоило ему большого труда, такъ какъ въ рѣдкомъ дворѣ ему не приходилось браниться съ хозяевами, отказывавшимися платить или оспаривавшими сумму долга, записанную углемъ на стѣнкѣ его шинковаго дома. Желая отдохнуть и подкрѣпить силы, зашелъ онъ къ мѣстному шинкарю Ничипору Юрченку, потребовалъ конву меду и сѣлъ пить съ хозяиномъ. Вскорѣ „въ той же компаніи згодився“ давній пріятель Максименка, мѣстный козакъ Иванъ Безсусидненко, любившій ежедневно навѣщать шинковый домъ въ видахъ неожиданной встрѣчи съ друзьями. По этому поводу была потребована другая конва, за нею и третья. Между тѣмъ наступилъ вечеръ, и хотя до Супруновки было рукой подать, но

Максименко чувствовалъ себя охмелѣвшимъ и не рѣшился ѣхать домой „пѣночи“, а согласился принять радушное приглашеніе хозяина переочевать у него. Послѣ этого пріятели пили еще немалое время, а затѣмъ окончательно охмелѣвшій Максименко вынулъ изъ-за пазухи „тхорыкъ“ (родъ кошелька) съ деньгами и, отдавая его Безсусидненку, сказалъ:

— Брате Иване! Чомусь на мене люде ропотять. Пріймы ты въ мене, пидпылого, ти гроши и заховай, щобъ въ мене ихъ хто не выдравъ пѣночи.

Безсусидненко и Юрченко взяли эти деньги и тотчасъ уложили гостя спать на лавѣ, и хотя къ комнатѣ долго еще продолжался шумъ и гамъ пьянствовавшихъ здѣсь посѣтителей, но Максименко былъ привыченъ къ подобному шуму и спалъ какъ убитый.

Проснувшись поутру, онъ обратился къ хозяину съ просьбой возвратитъ взятыя на сохраненіе деньги,—тотъ притворился, что не понимаетъ даже, о какихъ онъ деньгахъ говорить. Побѣждалъ къ Безсусидненку—тотъ такъ же „ротился и клялся“, будто не бралъ отъ него никакихъ денегъ. Тутъ несчастный Максименко взвылъ благимъ матомъ: пропала немалая сумма, сорокъ золотыхъ, а главное—это были деньги чужія, такъ какъ онъ состоялъ лишь наемнымъ шинкаремъ у значнаго козака Романа Гоарина, въ Супруновѣ, и въ его пользу собиралъ долги въ Гуджулахъ. Явился сельскій атаманъ, собрались старые козаки изъ числа мѣстныхъ жителей, судили-рядили, а дѣла рѣшить не могли, такъ какъ Юрченко и Безсусидненко упорно стояли на своемъ и клятвенно утверждали, что не брали отъ Максименка на храненіе никакихъ денегъ и вовсе не видѣли у него таковыхъ. Наконецъ имъ удалось отвести отъ себя подозрѣніе и свалить его на нѣкоего Процыка, извѣстнаго пьяницу, наканунѣ дольше всѣхъ остававшагося въ шинкѣ Юрченка и даже заночевавшаго подъ столомъ, въ одной хатѣ съ потерѣвшимъ. Несчастный Процыкъ съ похмелья рѣшительно ничего не помнилъ, что происходило наканунѣ, тѣмъ не менѣе на него „зложили злодійство“, посадили въ колоду, боемъ хотѣли выму-

чить отъ него сознаніе въ кражѣ, наконецъ взяли его веревкой за шею и хотѣли вести въ Полтаву, на судъ къ полковнику. Но въ эту минуту пріѣхалъ въ Гуджулы „самъ акторъ той шкоды“, панъ Романъ Гояринъ,—и дѣло приняло другое теченіе.

Этотъ „панъ“ Гояринъ представляетъ собою интересную, хотя и загадочную личность. Онъ не занималъ никакого уряда, и мы ничего не знаемъ ни о его происхожденіи, ни объ уровнѣ его образованія; но изъ всего видно, что это былъ очень умный человѣкъ, вѣроятно не лишенный и школьнаго образованія, а главное—одаренный выдающимися судебнo-слѣдовательскими способностями. Мы уже имѣли случай видѣть, какъ онъ, дѣйствуя безъ всякаго оффиціального полномочія, проявилъ эти способности въ постороннемъ для него дѣлѣ—объ убійствѣ Степана Лесенка ¹⁾).

Такою же слѣдовательскую опытность обнаружилъ Гояринъ и въ настоящемъ случаѣ, близко касавшемся его личныхъ интересовъ. Онъ сразу же разгадалъ, что пьяный Процыкъ не причастенъ воровству, и тотчасъ настоялъ на его освобожденіи. Затѣмъ онъ разслѣдовалъ, кто именно изъ жителей с. Гуджуловъ находился въ шинкѣ Юрченка въ тотъ вечеръ, когда тамъ пьянствовалъ Максименко,—и ему удалось отыскать между ними троихъ важныхъ свидѣтелей, которые почему-то не рѣшались уличить Юрченка и Безсусидненка при разслѣдованіи дѣла, произведенномъ атаманомъ и громадою. Заручившись этими данными, Гояринъ обратился за судомъ къ владѣльцу с. Гуджуловъ, полтавскому полковому судѣ Петру Буцкому, находившемуся въ то время въ своей „маетности“. И Буцкій не отправилъ истца въ Полтаву, въ полковой судъ, а немедленно открылъ судебное засѣданіе въ своемъ домѣ, допустивъ къ участію въ немъ „многихъ особъ“, очевидно изъ числа мѣстныхъ жителей. Это—единственный извѣстный намъ случай, что полковой судья су-

¹⁾ См. выше очеркъ подъ № 43.

дять безъ участія полковой и магистратской старшины и, притомъ, не въ ратушѣ, обычномъ мѣстѣ засѣданій полковаго суда, а у себя въ имѣніи.

Гояринъ, въ качествѣ главнаго истца, выступилъ съ открытымъ обвиненіемъ Юрченка и Безсусидненка въ утайкѣ взятыхъ ими „до спряту“ денегъ у Максименка и „на доводъ своеи справы“ ставилъ трехъ свидѣтелей. Первымъ изъ нихъ допрошенъ былъ житель с. Гуджуловъ Сидоръ Зинычъ. Онъ такъ показалъ:

— Бачывъ я, панове, тое, що Максименко, вынявши гроши зъ пазухы своеи у тхорыку, давъ Ивану Безсусидному до спряту. Безсусидный и Нычыпоръ Юрченко заразъ пишли у сини и личылы оны гроши.

— Неправда то есть, панове,—возражали обвиняемые: присягою и клятвою себе заслоняемъ, що не знаемъ и не видаемъ о тыхъ грошихъ; а колы бъ тое на насъ мило перевестыся, то мы самы на себе мылосты не просымъ и горло свое ставымъ.

Тогда истецъ, „на досконалый доводъ тои жъ справы“, поставилъ еще двухъ „свидеовъ“, Ивана Петренка и Дыныса Сергиенка, которые „у очи“ стали говорить обвиняемымъ:

— Шкодѣ билшъ и людей добрыхъ турбоваты! Не тайтеса: у васъ гроши—верните, бо Максименко, пиднылый будучы, давъ вамъ зъ тхорыкомъ гроши до спряту, акіи взявши, и личылы-сте въ синяхъ.

Послѣ этого судъ, „уважаючи тое“, что хотя обвиняемые и продолжали упорно отрицать приписываемое имъ преступленіе, „але же (такъ какъ) при трѣхъ или двоухъ свѣдителяхъ всякъ глаголь станеть“, призналъ Юрченка и Безсусидненка виновными въ утайкѣ денегъ и, „давши ихъ до вязеня, велѣлъ ихъ дома и худобу арештовати“.

Приговоръ этотъ подлежалъ немедленному исполненію, такъ что истецъ, вмѣстѣ съ атаманомъ и понятыми, прямо изъ суда отправился описывать имущество обвиняемыхъ. И когда пришли въ домъ Безсусидненка, то его жена, убѣдившись, что

запирательство мужа не привело ни къ чему, и желая выгородить себя, призналась предъ всѣми:

— А що жъ, панове, въ мене ты гроши не були: въ Ивана воны и теперъ за пазухою вси есть.

Гояринъ тотчасъ вернулся въ судѣ и потребоваль, чтобы Иванъ Безсусидненко былъ подвергнутъ допросу и обыску. Когда послѣднему предложили добровольно возвратить полученные отъ Максименка деньги, онъ продолжалъ увѣрять:

— Немашъ у мене жадныхъ грошій, кромъ пята золотыхъ.

Но когда его „велено струснути“ (обыскать), за пазухою у него нашли въ цѣлости сорокъ золотыхъ, только не въ „тхорику“, а въ валытци“. Тутъ только Безсусидненко, „будучи покованый лицемъ“, пересталъ запираться и сказалъ:

— Гроши твои, пане Романе; а тхорыка я тогди жъ покынувъ на улыци, щобъ хто взявъ, а гришмы миль-сьмо зъ Нычыпоромъ подилытыся,—въ тимъ наша вына.

Послѣ этого судъ приступилъ къ составленію окончательнаго декрета. Въ законѣ не оказалось параграфа, прямо относящагося къ случаямъ, подобнымъ настоящему, поэтому пришлось по аналогіи примѣнить 7-й арт. 14-го разд. Статута, предписывающій казнить смертью „приличного злодія“, укравшаго на сумму болѣе четырехъ копъ ¹⁾. Хотя въ данномъ случаѣ не было прямой кражи, а была лишь попытка утаить чужія деньги, но (продолжаетъ декретъ) „поневажъ онии злочинци зывали имя Божое надаремно и сталися кривоприсяжцями, бо за свидоцвомъ трѣхъ особъ мусилы тыи гроши лицемъ шкодуючому вернуты“,—то судъ, уволивъ ихъ „отъ горловой карности“, объявилъ ихъ „безецными“, т. е. лишенными чести, въ силу чего они, согласно праву Магдебургскому ²⁾, „до каждого такъ достоинства, яко жъ и свидоцтва не мають быти приу-

¹⁾ Литовская копа равнялась двумъ золотымъ и 15-ти грошамъ; слѣдствательно, сорокъ золотыхъ составляло 16 копъ.

²⁾ Jus Municipale, изд. Щербича, 1581 г., артык. IV, п. 7 и 8.

щоны". Сверхъ того, они обязаны были уплатить суду „звычайную вину“ и „все утраты шккодуючому нагородити“.

46. Раскаившійся воръ-утайщикъ.

У полтавскаго мѣщанина Стефана Бутка, зятя извѣстнаго въ то время богатаго „кушца“ Стефана Козельскаго, лѣтомъ 1699 года случилась покража: изъ его „коморы“ (лавки), стоявшей на рынку, кѣмъ-то была похищена значительная сумма 596 золотыхъ. Огорченный этой потерей, Бутко просилъ и родныхъ, и пріятелей, и всѣхъ „добрыхъ людей“ помочь ему въ розыскѣ украденныхъ денегъ, но и самые энергичные розыски не привели ни къ чему: ни вора, ни денегъ не отыскивалось. Такъ прошло около мѣсяца. Бутко никакъ не могъ примириться съ постигшимъ его несчастьемъ и продолжалъ „журиться“. Но вотъ однажды, раннимъ утромъ, вышла его жена въ сѣни и увидѣла на полу какой-то свертокъ; развязала—тамъ оказались деньги 92 талара ¹⁾, очевидно кѣмъ-то брошенные въ оконце. Скоро послѣ этого объявился и похититель.

Былъ у Бутка въ Полтавѣ шинокъ, куда часто заходилъ „на пидпытокъ“ его сосѣдъ Якимъ, „Пороховниковъ зять“. Это былъ бѣдный ремесленникъ, какъ и его тесть, занимавшійся выдѣлкой пороха. Однажды онъ засидѣлся въ шинкѣ дольше обыкновеннаго и, увидя зашедшаго сюда хозяина, сталъ униженно просить его выпить съ нимъ меду, обѣщая за то сообщить ему нѣчто очень важное. Заинтересованный этимъ общаніемъ, Бутко присѣлъ къ подвыпившему гостю и велѣлъ подать конву съ медомъ. Якимъ находился въ какомъ-то возбужденномъ состояніи, былъ необыкновенно говорливъ, безъ всякаго повода пустился увѣрять Бутка въ своей необыкновенной якобы преданности и расположеніи къ нему, и всѣ эти изліянія неожиданно закончилъ слѣдующимъ признаніемъ:

1) Таларъ равнялся тремъ золотымъ.

— Знай, брате, що твоимъ грошимъ, за які журышся, я есть прытомнымъ. Бо въ той часъ, якъ ты, маючы утрату, спрошувавъ людей для розыску шкоды, и я на прошеніе твое пишовъ и тѣи гроши у сини на комори знайшовъ и въ пазуху зъ мишкомъ вложывъ, а прыніспы, въ госпѣди свой сховавъ у землю и накрывъ бочкою. А не за довгымъ часомъ моя сестра и сусидка Марья товкы порохъ, и метучы сини, знайшлы пидъ бочкою тѣи гроши. Сестра жъ взяла соби золотыхъ десять, а сусида нивсорока золотыхъ. Я, узнавшы про тое, поотбиравъ отъ ныхъ тѣи гроши, хочай не вси, и вже по розныхъ мистцяхъ ховавъ. И стало мени нудно вельмы, и не знавъ, где ся зъ нымы подиты,—выкнувъ въ сини тоби оконцемъ, где двери отчыняють.

Разумѣется, Бутко не замедлил на другой же день представить откровеннаго Якима въ полковый судъ и „просить на него святой справедливости“. На допросѣ судебномъ Якимъ не отрекся отъ своихъ словъ и повторилъ прежнее „самохотное“ признаніе:

— Гроши подъ синомъ въ комори я взявши, въ дому своимъ сховавъ и доброволне признаю, що Степанови прытомніи гроши, мною не краденны, тилко найденны и схованы въ дому моимъ, подкынувъ я у Степанови сини, до которыхъ и теперь, якъ насамоти, виннымъ ставаю себе Степанови, чого недостаесть ёго суммы, оплачоватыся, пока мого здоровья и худобы станеть.

Судъ, вмѣсто декрета, велѣлъ прочесть въ слухъ 7-й арт. 14-го разд. Статута, гласящій: „каждый злодій, зъ лицемъ приведеный и правомъ переконовый при лыци его, которое бы стѣяло вышей чотырохъ копъ грошій, маеть быти горломъ каранъ“, и затѣмъ выдалъ обвиняемаго „на волю шкодуючой сторонѣ“, предоставляя ей „какъ хотиты зъ злодіемъ поступыты“. Степанъ Бутко заявилъ, что онъ „не инстигуесть шкодцу своего на смерть“, а жаеать, чтобы Якимъ выплачивалъ ему недостающіе 320 золотыхъ, истраченны имъ изъ общей суммы 596 золотыхъ. Судъ объявилъ Якима „вольнымъ отъ смерти“

и обязалъ его „во всемъ погодити“ истца. Здѣсь же, на судѣ, сдѣлана была разцѣнка убогаго имущества отвѣтчика, которое должно было поступить на пополненіе „утраты“ Бутковой: хата съ дворомъ была оцѣнена въ 8 копей, конь въ 10 таляровъ, двадцать смушковъ въ 10 золотыхъ, полкаменя пороху въ 10 копей, три плахты съ полотномъ въ 5 золотыхъ, поясъ шелковый въ ту же цѣну. Недоставало еще около 200 золотыхъ, но Бутко согласился, чтобы Якимъ выплачивалъ ему эту сумму по мѣрѣ своего заработка.

47. Возстановленіе опороченной чести.

Одну изъ многочисленныхъ категорій судебныхъ дѣлъ въ старой Малороссіи составляли дѣла „о заданю ущипливыхъ словъ“, „о желженю въ доткливости чести“, т. е. о поношеніи, клеветѣ и диффамаци. Здѣсь, на ряду съ серьезными обвиненіями, встрѣчается много и мелочныхъ претензій, нерѣдко возникавшихъ изъ-за такихъ же маловажныхъ обидъ, какъ и та, изъ-за которой поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Но какъ въ повѣсти Гоголя неправильно было бы видѣть лишь забавный фарсъ, комическое изображеніе чрезмѣрной обидчивости или страсти къ тяжбамъ, такъ и въ старинныхъ тяжбахъ о безчестьи ясно сказывается вовсе не мелкое сутяжничество, а сознательная заботливость людей того вѣка—безъ различія ихъ званія и общественнаго положенія—объ охранѣ чести, объ огражденіи добраго имени отъ малѣйшаго нареканія. Такая заботливость вообще свойственна характеру малоросса, который какъ огня боится худой о себѣ славы, „людской поговирки“. Ему совершенно чужда и непонятна мысль пословицы: брань на воротѣ не виснетъ,—напротивъ, его больно задѣваетъ малѣйшее оскорбительное слово, пустая слетня, и онъ готовъ отважиться на крайнія средства; чтобы очиститься отъ несправедливаго нареканія и возстановить опороченную честь. Въ XVI—XVII вв. среди южно-русскаго дворянства

правобережной Малороссіи, знакомаго съ рыцарскими понятіями о чести, дѣла объ оскорбленіи весьма часто разрѣшались формальными поединками, запрещенными (и то не безусловно) лишь третьей редакціей Лит. Статута. Въ козацкой Малороссіи дуэль не практиковалась, но общественное мнѣніе требовало, чтобы всякій, кто считалъ себя невинно обезчещеннымъ или опороченнымъ, непременно обращался въ судъ, приговоръ котораго одинъ имѣлъ силу возстановить его доброе имя. Кто этого не дѣлалъ, тотъ создавалъ для себя крайне опасный прецедентъ, которымъ могъ безнаказанно воспользоваться любой изъ его недруговъ. Предполагалось, что только тотъ терпѣливо сносилъ безчестье, чья репутація была не совсѣмъ безупречна. Поэтому, едва заводилась въ шинкѣ, на „бѣседи“ или въ иномъ публичномъ мѣстѣ ссора и кто-либо „публиковалъ“ другого воромъ, прелюбодѣемъ или „наволикавъ“ на него иной безчестный поступокъ, обиженный тотчасъ обращался въ судъ съ жалобой за клевету и съ требованіемъ, чтобы клеветникъ доказалъ свои слова. Часто обидчикъ, одумавшись или протрезвившись, спѣшилъ примириться съ обиженнымъ и просилъ у него прощенія при свидѣтеляхъ; но потерпѣвшій не могъ удовлетвориться этимъ: соглашаясь на мировую, онъ все-таки требовалъ, чтобы „угода“ и „помиркованье“ непременно были заявлены передъ урядомъ и записаны въ судебныя книги. И судъ въ такихъ случаяхъ, по просьбѣ невинно опороченнаго, постановлялъ декретъ, въ которомъ „приписовалъ ему задность (честь), якъ и передъ тымъ цютливымъ zostавалъ“, и выдавалъ ему форменную копію этого декрета; а чтобы кто иной не посмѣлъ вновь вводить на него ту же напраслину, ссылаясь на то, что первый клеветникъ остался безнаказаннымъ, судъ въ томъ же декретѣ налагалъ денежную „заруку“ (штрафъ) на всякаго, „хто мѣлъ бы тоє поновити“. Если же обидчикъ не успѣвалъ до суда примириться съ обиженнымъ или же упорно стоялъ на своемъ, судъ требовалъ отъ него доказательствъ, заслушивалъ его свидѣтелей, и когда его обвиненія не подтверждались, объявлялъ его „потварцею“ (клеветникомъ), присуждалъ къ вы-

полненію позорнаго обряда „ревокаціи“, взыскивалъ „вину“ и „навязку“ въ пользу потерпѣвшаго, съ возвратомъ понесенныхъ имъ по веденію дѣла издержекъ, а иногда подвергалъ виновнаго и тюремному заключенію. Въ дѣлахъ о поношеніи женской чести, сверхъ всего этого, практиковался еще (какъ мы не разъ упоминали) обычай, въ силу котораго невинно оклеветанная имѣла право, въ судебномъ присутствіи, бить по щекамъ своего клеветника.

Была, однако, категорія лицъ, которыхъ можно было безнаказанно поносить и злословить всякому, а они не имѣли права обращаться къ судебной защитѣ. Это были, прежде всего, неисправимые воры, которыхъ судъ съ позоромъ изгонялъ изъ мѣста ихъ жительства и „одъ чести людской отлучалъ“ ¹⁾, а равно и тѣ, кого онъ за мошенничество и ложную клятву, увольняя „одъ горловой карности“, объявлялъ „безецными“, т. е. лишенными чести ²⁾; во-вторыхъ, приговоренные къ смертной казни, но помилованные судомъ по просьбѣ потерпѣвшихъ или по ходатайству „зацныхъ людей“; въ-третьихъ, потерпѣвшіе наказаніе у позорнаго столба, „дехованные на тѣлѣ“, т. е. подвергшіеся отсѣченію руки, ноги, уха, подвергшіеся пыткамъ и вообще побывавшіе „въ катовскихъ рукахъ“; захваченные на „мерзкомъ учинкѣ“ и подвергшіеся обрѣзанію полъ платья; уличенные въ воровствѣ, хотя бы они успѣли примириться съ потерпѣвшимъ и тѣмъ избѣгли положеннаго въ законѣ наказанія; уличенные въ лжесвидѣтельствѣ, ложной присягѣ и т. под. ³⁾. Всѣ такіа лица, по выраженію Магдеб. права, „терпятъ змазу на славѣ и почтливости и право свое втратили“, именно—они

¹⁾ Для примѣра укажемъ на такой приговоръ въ очеркѣ № 41.

²⁾ Такой приговоръ см. въ очеркѣ № 45.

³⁾ Магдеб. право къ этой же категоріи „безецныхъ“ причисляетъ, сверхъ того, незаконнорожденных („бенкартовъ“), ростовщиковъ („лыхварей“), шулеровъ („костыровъ“), опекуновъ-расточителей и др.; но въ практикѣ козацкихъ судовъ мы не нашли указаній на то, чтобы такіа лица почитались лишенными чести.

не могли быть свидѣтелями въ судѣ, не имѣли права занимать общественныхъ должностей, лишались права „довести присягою своей невинности“ въ тѣхъ случаяхъ, когда это дозволялось закономъ; „таковымъ жаденъ отповѣдати не повиненъ“ (въ судѣ), но они „всякому обязаны справляться“, кто бы ихъ въ чемъ-либо обвинялъ ¹⁾. Какъ видимъ, положеніе подобныхъ лицъ было въ высшей степени тяжелое. Это нужно принимать въ соображеніе для правильной оцѣнки того безпримѣрнаго милосердія, съ какимъ малороссійскіе суды сплошь и рядомъ освобождали приговоренныхъ отъ смертной казни и другихъ суровыхъ наказаній. Очевидно, потому и освобождали, что помилованный преступникъ все равно не оставался безнаказаннымъ: надъ нимъ до конца его жизни тяготѣлъ позоръ лишенія чести, тѣмъ болѣе ужасный, что онъ передавался по наслѣдству и его потомкамъ, ибо, по смыслу Магдеб. права, „срамота предковъ простирается до третьяго поколѣнія“ ²⁾. О степени тяжести этого позора краснорѣчиво говорятъ такіе факты, какъ домогательства невинныхъ супруговъ относительно расторженія ихъ брачнаго союза съ мужьями или женами, опозорившими себя и семью совершеніемъ преступнаго дѣянія. Вспомнимъ, на примѣръ, съ какою страстною мольбою обратилась къ суду жена бывшаго кишиньскаго атамана Раецкаго: „Мылостивіи панове! И я, и сыны мои слезне просымо, абы одъ такого збрудня зостала-мъ свободна, бо винъ мене, при моій старости, до вичной ганьбы и неславы прививъ“ ³⁾. Или припомнимъ отвѣтъ бориспольскаго козака Лукьяна Лихолапа на вопросъ судей: согласенъ ли онъ продолжать брачный союзъ съ женою, хотя и обвиненною въ незначительной кражѣ, но получившей прощеніе отъ потерпѣвшей стороны и потому „дарованной жадною карностью“?—„Пане вряде! Я не хочу еѣ мѣти собѣ за жону, кды вона съ тыхъ злыхъ речий выводу не дасть (не

¹⁾ Jus Municipale, изд. Щербича 1581 г., арт. IV.

²⁾ Тамъ же, арт. IV, п. 5,

³⁾ См. выше, очеркъ № 29.

оправдается): болше неславы не хочу на собѣ носыты“¹⁾). И судѣ, вопреки всякому писанному закону, расторгаль браки въ такихъ случаяхъ, а чтобы преступленіе виновной стороны не падало и малѣйшею тѣнью на репутацію певиннаго мужа или жены, выдаваль имъ особое письменное удостовѣреніе, въ родѣ того, какое истребоваль себѣ Лихолапъ: „Якъ до сего часу Лукьянъ Лихолапъ цнотливимъ былъ, и теперъ цнота (честь) его ни въ чомъ не нарушена; якъ зацнымъ передъ тымъ былъ, и теперъ зацный. А хто бъ мѣлъ важитися ему на цноту (посягать на его доброе имя), на собѣ самъ понесеть“. Очевидно, даже разводъ не вполне гарантиоваль невиновнаго супруга отъ возможныхъ нареканій, и требовался особый документъ для огражденія его чести. Тѣмъ болѣе необходимъ былъ такой документъ лицамъ, привлекавшимся къ суду хотя бы по самымъ маловажнымъ дѣламъ. Миѣніе толпы не могло точно разбирать, за какія именно преступленія законъ караль лишеніемъ чести, и готово было предавать позору чуть не всякаго, кто вообще подвергался суду, хотя бы и не былъ осужденъ. „Ты—нецнота: тебе въ чорныхъ книгахъ написано“!—это была найболѣе обычная форма диффамациі. „Чорными книгами“, по Статуту (разд. XIV, арт. 12), именовались особыя актовыя книги въ судахъ, куда для памяти вносились спеціально „справы злодійскія“, т. е. дѣла о воровствѣ. Въ актахъ малороссійскихъ судовъ такія „справы“ не выдѣлялись изъ числа другихъ уголовныхъ дѣлъ и на ряду съ ними вносились въ однѣ книги. Отсюда, вѣроятно, возникло ошибочное представленіе, будто всякая судимость сопровождалась внесеніемъ въ „чорныя книги“ и, слѣдовательно, влекла за собою лишеніе чести.

Въ предыдущихъ очеркахъ разсѣяны многочисленныя фактическія подтвержденія высказаннымъ здѣсь положеніямъ; въ доцолненіе приведемъ еще нѣсколько характерныхъ процессовъ.

1) Очеркъ № 14.

Нѣкій Павло Жукъ, полтавскій „шевецъ“ (сапожникъ), имѣлъ за что-то злобу на хорунжаго Кузьму Воскобойниченка и „не шануючи“ нимало его старшинскаго званія, поносилъ его все-народно въ іюль 1689 г. среди базарной площади, „подъ часъ торгу“, обзывалъ „злодіємъ“, а когда вели на казнь осужденнаго вора, то Павло Жукъ, завидѣвъ среди старшины пана хорунжаго, кричалъ ему: „И ты такой же розбойныкъ!“ Хотя всѣ видѣли, что „шевецъ“ былъ въ это время пьянъ, но Воскобойниченко не могъ простить публично нанесеннаго ему поруганія и позвалъ Жука въ судъ.

— Мылостывыи панове! жаловался онъ при разборѣ дѣла: великое желженя одержавъ я на слави мойй. Прошу васъ, нехай оный Жукъ того злодійства мени доводитъ, а я о своимъ цнотливомъ мешканю дамъ слушный выводъ.

Судьи приказали „шевцеви на тую желживость отповидаты“; но что онъ могъ отвѣтити, когда у него болѣла голова съ похмелья и онъ плохо понималъ событія вчерашняго дня?

— А що жъ, панове,—винился онъ,—пьяный то я бувшы, пащековавъ на цнотливого чоловіка. Моя въ тимъ вына.

Судъ, „прыхляючися до рады товарьскои“, примѣнилъ къ данному случаю 28-й артыкулъ 3-го разд. Статута, относящійся собственно къ опороченію женской чести и чьей-либо законнорожденности, и приговорилъ Жука къ уплатѣ пану хорунжему „навязки“ сорока копъ грошей и къ „ревокаціи“. Обрядъ ревокаціи состоялъ въ томъ, что клеветникъ былъ обязанъ здѣсь же, въ судебномъ присутствіи „тую примовку очистити и тыми словами отмовити: „що я на тебе менывъ, яко бы ты бувъ злодій, то на тебе я брехавъ якъ песъ“. Когда Павло Жукъ выполнилъ этотъ обрядъ, судъ обязалъ его еще разъ „перепросити пана хорунжаго и нагородити ему вси правные выклады (судебныя издержки)“, уплативъ сверхъ того „вину панскую“.

Такъ не дешево обошлась Жуку „примовка на зацную персону“.

Впрочемъ, тогдашній судъ одинаково оберегалъ честь и доброе имя всякаго.

Въ ноябрѣ того же 1689 года жаловался въ полтавскомъ полковомъ судѣ обыватель села Мачохъ, Остапъ Кгуліянь:

— Панове, мію неменшое zeljenя (не малое безчестье) отъ Василя Слынченка въ доткливости чести моеи: задаеть мени злодійство, одъ чого рачъ мя Пане Боже варовати!

Судьи спросили Слынченка:

— Якъ бы ты могъ злодійство Остапови прыректы?

Слынченко не растерялся и смѣло отвѣтилъ:

— Не тилько я скажу злодійство Остапови, але мію людей зацныхъ старынныхъ: Грыцуна Росошенка, въ Мачохъ, Петра Золоченка,—тыи могутъ посвидчыты, що Остапъ есть злодій.

Названные свидѣтели оказались на лице,—ихъ очевидно привезъ съ собою отвѣтчикъ,—и судъ, „обязавши впередъ ихъ сумненьямъ и боязню Божю, абы по самій истыни сказали о злостехъ Остаповыхъ“, подвергъ допросу. Но каково было негодованіе Слынченка, когда первый изъ нихъ, Грыцунъ, „зацная персона“, показалъ такъ:

— Варуй Боже, панове, не знаю я о найменшихъ злостехъ Остаповыхъ. А то вамъ правдыве повідаю: Слынченко Василь дававъ мени таляра, абы я на Остапа злодійство наволикавъ, то я того таляра, варуй Боже, не бравъ. Оче (въ глаза) тое Васылеви мовлю.

Позвали другого „свидка“, Петра Золоченка, но и онъ показалъ то же:

— Варуй того Боже, на Остапа я ничего не знаю, а тое одъ тебе, Васылю, чувъ, що ты Грыцунови дававъ таляра, щобъ винъ на Остапа злодійство наволикавъ.

Слынченко все еще не сдавался и, обращаясь къ истцу, сказалъ:

— Уже ты, Остапе, въ чорныхъ кыгахъ злодіемъ напысанъ.

Судъ велѣлъ „въ чорныхъ кыгахъ шукаты, и не знайдено тои справы, бо и немашь“. Тогда судъ призналъ Василя Слын-

ченка „за власного потварцу“ (настоящимъ клеветникомъ) и примѣнилъ къ нему 109 арт. 4-го разд. Статута, гдѣ сказано, что „потварца“ за первымъ, вторымъ и третьимъ разомъ обязанъ заплатить невинно оклеветанному вины шесть копѣ грошей, а за четвертымъ разомъ ему должны быть вырваны ноздри, и онъ, какъ безчестный человѣкъ, не можетъ впредь свидѣтельствовать на судѣ. Такъ какъ Слышченко впервые былъ изобличенъ въ клеветѣ, то его присудили только къ тому, чтобы онъ испросилъ прощенье у Остапа, вознаградилъ его за судебныя издержки и заплатилъ „нанскую вину“.

Конечно, теперь Остапъ (и всякій другой) могъ съ полнымъ правомъ колотъ глаза Слышченку, что онъ „въ черныхъ книгахъ потварцею написанъ“.

А вотъ интересный процессъ о безчестьи, возникшій изъ гражданскаго иска.

Кобеляцкій житель Романъ Петличный продалъ Герасиму Пивовару часть своего лѣса надъ р. Ворсклой. На границѣ обоихъ участковъ росъ дубъ, который былъ затѣмъ срубленъ Петличнымъ, а Пивоваръ предъявилъ къ нему искъ, обвиняя, что онъ „того клейненого и проданого дуба, нестаетне зрубавшы, ку своему пожиткови прывлащилъ“. Это крайне оскорбило Романа Петличнаго, „старинную и заднюю персону“. Явившись въ сотенный судъ, онъ „прекладалъ жаль немалый“, что „при старости своей“ терпитъ столь тяжкое безславіе, и просилъ произвести тщательное разслѣдованіе относительно того, кому именно принадлежало срубленное дерево. Сотникъ Андрей Хилецкій и прочая старшина, близко принимая къ сердцу огорченіе почтеннаго старца, немедленно отрядили четырехъ „вѣры годныхъ“ людей, мѣстныхъ козаковъ, „и при нихъ, за-для лѣншой певности, чужосторонниного человѣка“ Дмитра запорожца, козака куреня Каневского. Посланные осмотрѣли пень срубленнаго дуба и пришли къ рѣшительному заключенію, что онъ стоялъ на части, принадлежащей Петличному. Основываясь на этомъ, сотенный судъ призналъ Романа Петличнаго правымъ и приказалъ Пиво-

вару „во всемъ его погодити, правные наклады нагородити и честь оного удостоити“. Герасимъ Пивоваръ, убѣдившись, что онъ легкомысленно опорочилъ невиннаго человѣка, испросилъ у Петличнаго прощеніе, отдалъ ему, въ удовлетвореніе за убытки, у него же купленный лѣсъ и въ видахъ полного восстановленія его чести выдалъ ему такую записъ: „Я Герасимъ Пивоваръ, житель кобеляцкій, чиню вѣдомо: которую шкodu мѣлъ Романъ Петличный въ зрубаню въ своемъ лѣсѣ дерева, теда о томъ изъ нимъ вѣчне примирье взявши, и сіе мое письмо даю, варуючы того, ижбы (чтобы) жаденъ якъ зъ товариства, такъ и зъ посполства не мѣлъ никто ему, Романови Петличному, нѣчого зректи, або тежъ домовити и на честь наганити. А мѣлъ бы хто не уважене що прикре ему въ томъ домовити, таковый поднадаеть срокгой карности на здоровью, яко тежъ и заруки выполнить: на пана полковника полтавского таларей двадцать, а на врьдъ нашъ мѣскій кобеляцкій девять таларовъ; задля чого тежъ и сіе мое письмо ему, Петличному, даю, съ подписомъ руки писарской и съ притисненемъ печати городовои. Року 1691, декабря 17 дня.

Послѣдняя угроза была бы умѣстна въ судебномъ декретѣ, а не въ частной записи; но такъ какъ самая записъ была составлена въ судебномъ присутствіи и утверждена урядомъ, то заключающуюся въ ней угрозу нужно было понимать, какъ исходившую отъ сотеннаго уряда.

Еще одно характерное дѣло о безчестьи, происходившее въ томъ же Кобелякѣ, въ октябрѣ 1682 года.

Священникъ никольской церкви о. Михайло обозвалъ своего ктитора Ивана Хведчуна „злodiемъ“. А надо знать, что въ ктиторы избирались люди безусловно честные, пользовавшіеся общимъ почетомъ и уваженіемъ. Опорочить такое лице—значило нанести ему смертельную обиду. Такъ какъ духовную особу нельзя было позвать въ свѣтскій судъ, то Хведчуну, если онъ не хотѣлъ сносить безчестье, оставалось ѣхать въ Кіевъ къ митрополиту и у него просить суда. Хведчунъ такъ и поступилъ. Въ то время, за отсутствіемъ митрополита, администраторомъ

кіевской митрополіи былъ черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ, по распоряженію котораго былъ присланъ въ Кобелякъ іеромонахъ Амвросій „на инквѣзицію“ по жалобѣ Хведчуна. Онъ открылъ формальное засѣданіе „духовного суда“ при участіи мѣстнаго протопопа Павла Заславскаго и священниковъ—спасскаго Деяна Филиповича и покровскаго Іосифа Василевича. А кобеляцкій сотенный урядъ: „для прислуханія той sprawy суду духовного“, назначилъ 16 человекъ „своихъ товариства, людей зацныхъ“, въ томъ числѣ ктиторовъ: пречистскаго, михайловскаго, пятницкаго и церкви Рождества Богородицы. Священникъ о. Михайло брался доказать, что Иванъ—„злодій“, но не доказалъ. Духовный судъ призналъ, что „самъ отецъ Михайло во всей винѣ зостаеть, якую на Ивана зринулъ“, а „за такое ущипливое слово, ижъ овъ Ивана злодіємъ называлъ, повинень о. Михайло ктитора своего во всемъ, якъ пристойть, погодити и годнымъ учинити, вернувши ему вси правныи выклады“. Со словъ присутствовавшихъ на судѣ свѣтскихъ делегатовъ это рѣшеніе немедленно было записано въ сотенномъ урядѣ, скрѣплено подписями и приложеніемъ городской печати и выдано Ивану Хведчуну въ удостовѣреніе его полной реабилитаціи. Впослѣдствіи онъ внесъ эту запись „задля певной виры и правного попертя“ (судебнаго доказательства) въ актовыя книги полтавскаго полковаго суда.

48. Запорожець съ отнушеннымъ ухомъ.

Если Хведчунъ и ему подобные были готовы искать суда у самого гетмана, истратить на это хотя бы все состояніе, лишь бы добиться возстановленія опороченной чести, то каково было положеніе козака славнаго войска Запорожскаго, котораго опорочили не на словахъ, „задавши ему злодійство“ или другой „злый учинокъ“, а замятали на тѣлѣ, какъ обычно клеймили въ то время воровъ и разбойниковъ,—отняли ухо! Такое несчастье постигло въ февралѣ 1683 года запорожца Якова Гу-

сака, товариша сотни Иванининой. Въ ту пору сотня эта зимовала въ полтавскомъ полку. Якову Гусаку пришлось квартировать въ Диканькѣ, гдѣ онъ часто пьянствовалъ и однажды затѣялъ въ шипекѣ ссору съ мѣстнымъ жителемъ Василиемъ Вовкомъ, который въ дракѣ откусилъ ему ухо. На судѣ Вовкъ чистосердечно каялся въ томъ, что „за наущеніемъ бисовскимъ“, будучи пьянымъ, „зъ запальчивости гниву“, причинилъ Гусаку такой непоправимый изъянъ. Судъ присудилъ ему „еднати“ потерпѣвшаго, и Вовкъ не отказывался предложить ему какую угодно „нагороду“. Но чѣмъ можно вознаградить человѣка за отнятое ухо? Дѣло было не въ томъ, что потеря такого виднаго члена безобразила козака или что ему не за что было завернуть своего „оселедця“, а въ томъ: какъ онъ покажется безухимъ на славномъ Запорожьѣ? Тамъ все „товариство“ навѣрное заподозритъ, что онъ „збучся“ уха за дурныя дѣла, и потребуетъ его удаленія изъ Сѣчи, чтобы онъ не чинилъ безславія всему войску. И всюду, куда бы онъ ни удалился, его ждетъ позоръ и отчужденіе, ибо преступники съ тою цѣлью и карались „назначеніемъ члонковъ“, чтобы всѣ ихъ остерегались, какъ людей явно безчестныхъ, способныхъ на все дурное. Какъ же ему оградить себя отъ этого ужаснаго подозрѣнія? Какъ доказать добрымъ людямъ, что не отъ руки палача лишился онъ уха, а потерялъ его въ пьяной ссорѣ? И вотъ Гусакъ потребовалъ, чтобы виновникъ его злосчастія выхлопоталъ для него такое урядовое „письмо“, которое онъ могъ бы предъявить въ Сѣчи и вездѣ въ удостовѣреніе своей неопороченной чести и для огражденія отъ несправедливаго подозрѣнія. Исполняя это требованіе, Василь Вовкъ явился въ засѣданіе полковаго суда съ такою просьбою:

— Панове маистрате полтавскій! Поневажъ то я, за наущеніемъ бисовскимъ, выкочывъ бувъ (провинился) Яковови Гусакови, товаришови сотни Иванныной козаковъ запорожскихъ, а то въ подшлости, зъ наважденія бисовского, а до того зъ запальчивости гниву, оному ухо зубами откусывъ, що зъ суду вашого декретомъ прыкрыто и велено мени Гусака една-

ты, я того, варуй Боже и не одмовляюся: повинень буду, якъ змогу, еднаты. А що бѣлшая ричъ, абы Яковъ одъ товариства войска Запорозского безчестя и наруганя и въ потомны часы не поносывъ, прошу—рачте мылость ваша ему, Якову, пысьмо врьдовне даты“.

Судъ призналъ просьбу Вовка заслуживающей уваженія и постановилъ: „Выдачы мы склонность (покорность, раскаяніе) Васылеву Вовкову и помиркованя межи обома сторонамы, выдаемъ сие пысьмо врьдовне Яковови Гусакови для имовирности, ижъ (что) онъ той члонокъ втерявъ презъ выступокъ Васыливъ, за нестатокъ и злость не отъ кого иншого, тилко одъ власного Васыля Вовка, и тое шкодыгы Якову не міеть на слави его такъ на самомъ славномъ Запорожу, яко тежъ на поляхъ и где-колвекъ (гдѣ бы то ни было) въ станахъ козацкихъ и при войскахъ, везде, абы оному наганы на честь не роблено и добрій слави его не нарикано, але и овшемъ при стародавній братерскій любви яко зацного товариша хозано, на що для лишной виры и певности и задля увиреня каждому, хотячому о томъ видаты, сие наше пысьмо выдаемъ и тутъ въ книги мѣскіе полтавскіе велилысьмо впысаты. Діялось въ Полтави, въ дому судовомъ, 1683 року, фѣвраля 28 дня“.

Кромѣ полковой старшины и войта, удостовѣреніе это скрѣпили своими подписями участвовавшіе въ составѣ суда представители Запорожья, въ то время находившіеся въ Полтавѣ: Иванына, „сотникъ товариства войска Запорожского“, непосредственный начальникъ Якова Гусака; Матій, писарь куреня Щербинина, и рядовые запорожцы: Миско Брижаха, Грицко Мсвчаненко, Иванъ Шульга и Петрикъ изъ куреня Васюрина ¹⁾.

¹⁾ Текстъ этого документа напечатанъ въ апрѣльской книгѣ «Кіев. Старинны» 1890 г. изъ полт. актовъ книгъ, находящейся въ Музеѣ В. В. Тарновскаго, но мы нашли этотъ же документъ въ болѣе исправной редакціи въ другой актовъ книгѣ, принадлежащей А. М. Лазаревскому.

49. Сынъ, ложно опорочившій отца и брата.

Не диво, когда чужіе люди, ссорясь между собою, по злобѣ вводи́ли одинъ на друго́го небывалыя преступленія. А вотъ предъ нами случай, что сынъ „задалъ злодѣйство“ родному отцу, брату и зятю, и самъ вызвался быть на судѣ ихъ участникомъ.

Такимъ „опаснымъ удавцею“ (ложнымъ обвинителемъ) оказался старосанжаровскій обыватель Стецько Мосуренко—человѣкъ, по отзыву мѣстнаго сотника, нрава крайне дерзкаго и задорнаго. Поссорившись за что-то съ родней, онъ сталъ разглашать, что его отецъ Антонъ Мосуръ, братъ Миско и зять Василь „много шкодять людемъ въ крадежахъ“: у такого-то они украли „демишь“, у иного „чересло“ и тому подобныя хозяйственныя мелочи. Нашлись потерпѣвшіе, которые, основываясь на показаніяхъ Стецька, привлекли его родичей къ суду, и послѣдніе были приговорены къ вознагражденію жалобщиковъ и къ уплатѣ судебной „вины“. Считая себя невинно опозоренными, Антонъ Мосуръ, его сынъ Миско и зять пришли въ полковый судъ и „плачливе просили святой справедливости“:

— Милостыи панове! Опачне (ложно) той Стецько наволыкъ на насъ безчестя, яко бы мы милье бути шкодцями людемъ въ крадежахъ. Але мы дамо слушний выводъ о своимъ мешканю; тилко, презъ ласку вашу панскую, нехай бы зослана була въ Старый-Санжаровъ якая зацная персона для прислухана тоеи справы.

Судъ „изволилъ на ихъ жаданя“ и послалъ своего делегата козака Миска, а полковникъ полтавскій Федоръ Жученко, сверхъ того, велѣлъ написать старосанжаровскому сотнику, чтобы онъ принялъ особое участіе въ этомъ явно несправедливомъ дѣлѣ и побудилъ Стецька Мосуренка взять назадъ свое обвиненіе, испросить у отца, брата и зятя прощеніе и „честь онымъ нагородити“.

Но Стецько пренебрегъ внушеніемъ сотника, и слѣдствіе было произведено. О результатахъ его козакъ Миско такъ доложилъ полковому суду:

— Панове! За опачнымъ вданямъ Степановымъ, неслухне обвинено було Антона старого и сына его и зятя.

При этомъ онъ представилъ „атестацію одъ старшины старосанжаровской“ въ формѣ нижеслѣдующаго письма сотника къ полковнику:

„Мосци пане полковнику полтавскій, мій милостывій добродію! На розказаня ваше панское, заразъ Степана Мосуренка призвавши передъ себе, вычитали вашъ поважный листъ, ижбы (чтобы) погодывъ отца и брата и зятя, наклады правныи поворочавши, и честь онымъ нагородывъ, который Мосуренко, не слушаючи важного вашего письма, еще идетъ молестовати (утруждать) вашу мудрую голову. Змылуйся, добродію, такому плутови не повирай, бо винъ якийсь характерныкъ: много нашимъ жителемъ пакости почынывъ черезъ свою неуважную губу. Все люде ёго якъ недоброго оббигають: хочъ за малную (малую) справу, то заразъ до суду енералного вдается. О которомъ вашій панскій милости ознаймывшы, застаю вашности пану найподлійшымъ слугою Никифоръ Мазанъ, сотвыкъ наказный старосанжаровскій. Року 1690, мая 8 дня“.

Въ письмо была вложена особая „цедулка“, въ которой собственно и заключалось донесеніе о результатахъ разлѣдовація дѣла. Здѣсь стояло: „Милостывій добродію! У першомъ ихъ заводи передъ нами Стецько подвоивъ соби мову: перше казавъ—„у Цопенка лемишь потай узялы“, а Цопенко мовыть: „въ мене чересло, а не лемишь пропавъ“; ажно наопосли вже ставъ мовыты: „у Васька Бовы лемишь узялы“. То першоё его обмыльное слово. Цопенко казавъ (обѣщаль) Мосуру передъ правомъ ревиковаты“ (взять назадъ обвиненіе).

Судъ призналъ Стецька Мосуренка виновнымъ въ томъ, что онъ „на отца своего, на зятя и на роженого брата наволыкъ велькое безчестя и привывъ ихъ до утраты“, а потому декретомъ постановилъ, „абы оный опачный вдавца“ выполнилъ

обрядъ „ревокаціи“, „упросилъ и во всемъ погодилъ“ невинно опороченныхъ родственниковъ, возвратилъ понесенные ими „правные выклады“ и заплатилъ „вину панскую и врядовую“.

50. Ссора между родственниками.

Въ октябрѣ 1694 года богатая полтавская мѣщанка Цыганчучка выдавала замужъ дочь. Свадьба была пышная и „бучная“ и продолжалась цѣлую недѣлю. Въ числѣ ежедневныхъ гостей бывалъ тамъ родственникъ невѣсты, сынъ бывшаго полтавскаго войта Лукьянъ Максимовичъ и его „швагеръ“ (братъ жены) Андрей Ваценко. Несмотря на близкое родство, оба они были въ давней ссорѣ другъ съ другомъ, и сколько ни старались родственники примирить ихъ, ничего изъ этого не выходило. Лишь на третій день свадьбы, среди ночного пира, сильно охмелѣвшій Ваценко неожиданно загорѣлся желаніемъ выпить мировую съ „швагромъ“, но его уже не было среди гостей: незадолго передъ тѣмъ Лукьянъ, тоже изрядно пьяный, незамѣтно удалился. Тогда Ваценко изъявилъ намѣреніе отправиться къ Лукьяну въ домъ. Напрасно его отговаривали отъ этого, указывая на позднюю ночную пору; Ваценко не послушался и, пригласивъ себѣ въ спутники двухъ тоже не вполне тверезыхъ пріятелей, отправился мириться къ Лукьяну.

Результатомъ этого несвоевременнаго визита было то, что Лукьянъ на другой день пришелъ въ полковый судъ и заявилъ такую жалобу:

— Милостыивый пане уряде! Будучи мени вчорашнёго вечера у Цыганчучкы на весилю, одколь южь лизно прышедши до господы моеи, положылемся спаты. Ажь опивночи Андрій Ваценко, швагеръ мій, знаты въ неприязни и особлывого гниву, якый винъ на мене здавна маєть, прийшовъ зъ Щербаченкомъ и зъ Иваномъ Дрыждженкомъ до господы моеи, и жаднымъ одозвомъ а ни словомъ мене не звистывшы, яка була ёму до мене потреба, почавъ першъ мене Дрыждженко клыкаты: „вставай,

мовыть, Лукьяне, одчиняй намъ"! Я жъ, панове, самъ не одмовлявся до ныхъ, бо бувъ пидпылый, а госпоdynя (т. е. жена) моя одказала имъ: „Для чого, мовыть, вставаты? И Лукьяна самого дома не маешъ; не намагайтесь"! Потимъ зачувъ я, що и Щербаченко тамъ же бувъ, бо виконьцею кимнатною трусячы такъ, що мало онои изъ зависокъ не позрывавъ, тежъ будувъ мене. Про те я и до ёго не обзывався, а госпоdynя моя знову нарикала имъ, що такъ неслушно середъ ночи чынять галасы; правди, и не ганыла имъ. Ажъ въ той часъ заразъ не видаю хто зъ ныхъ, знаты, обухомъ по тому викну кимнатному почавъ быты, що ажъ оконныци шмать зъ середины вылупылося и въ оболони и една шыба не осталася, кримъ самыхъ рямы; а потимъ и до остатку тую жъ оконныцю хтось побывъ, де и мене, лежаюго на постели, скрызъ тое жъ викно кимнатное мало не обезвичывъ. Того вже я не могучы билшъ терпITY, а обизывшыся до ныхъ, ставъ пытаты: „для якои миры и одъ кого неслушная такъ надъ домоу моимъ вщынается руина середъ ночи"? Ажъ Ваценко тогди обизывався прстывъ мене яростно: „Отъ пизнаешъ, одъ кого, бо ще достанется и тоби"! Выдачи ёго, Ваценка, що не въ добрый мысли противъ мене, и не маючы общого (сторонняго) чоловика, кымъ бы можно мени освидчытыся, тилко самымъ Богомъ и ёго жъ, Ваценковымъ, товариствомъ свидчывся я, що такая негідность и розореня домивци мой одъ Ваценка строится. А до того Ваценко и на здорovia мое чынывъ похвалкы, повидаючы: „маю тебе самого и жону твою обухамы трепаты, не тилко твои викна быты". Що мылостямъ вашимъ освидчаючы, прошу зъ ёго, Ваценка, въ тій мири святой справедливосты".

Спросили свидѣтеля или, точыѣе, участника этого происшествія, Ивана Дрыждженка, какъ происходило дѣло. Онъ далъ показаніе:

— Правда, панове, булы-сьмо вкупи зъ Ваценкомъ на весилю у Цыганчучкы, тилко вкупи зъ Лукьяномъ не сѣдили, одкиль вже й надто пизво одишедшы, прыйшлы-сьмо зъ нымъ же, Ваценкомъ, и до двору Лукьянового. Я, правди, тилко що

клявавъ Лукьяна, щобъ вставъ; таеже и Щербаченко хочъ трусывъ оконницею, але не учынивъ жадной шкоды. А Ваценко—чого, не видаю: чы зъ жарту, або зъ гниву,—взявши у выростка школьного (подростка—школяра) обухъ, почавъ быты по оконници, зъ якои за первымъ ударомъ и шмать середины одетивъ, а потимъ и оболону (раму) всю на дризкы побывъ. Лукьянъ зась тогда, обизвавшыся зъ кимнаты, мовывъ: „для чого вы такъ домови моему чыныте збытки, и хто власный злый сынъ тому есть дйця“? и свидчывся намы. А Ваценко на Лукьяна зъ фурією одказувавъ: „не тилко, мовыть, оболону твою одну выбывъ, и вси ще повыбываю, а самого тебе, овакый сыне, забью“. А такъ, по тимъ ростырку, розійшлисьмося по домахъ. Тое, панове, що знаю и видаю, по истынній правди, пидъ присягою Божою, и мылостямъ вашимъ повидаю“.

Спросили и „сторону прыпозваную“, т. е. отвѣтчика: „Для якои прычыны такъ важывся на чужый домъ ночью порою найты и квалтъ стриты“? Ваценко отвѣтилъ:

— Панове! Жадного на Лукьяна ренкору (злопамятства) не милемъ, тилко за любовь прыйшодемъ бувъ зъ людмы до ёго дому; а поневажъ такъ ся стало, що, за жартъ того не прыймуючы, теперь мене позываетъ и хочеть худобы позбавыты, гребай вже ёго песь, сякого овакого сына! Нехай позываетъ: скоро выдхнеть тое, що батько ёго, бувшы войтомъ, надравъ зъ миста! А я ёго за тое перепрошу: вына мой въ тимъ.

Судьи поспѣшили унять забывшагося отвѣтчика. „Знаты“, замѣтили они, „що на те и походитъ, якъ Дрыждженкове обьявило свидоцтво, колы ты и передъ судомъ Лукьяна ганышь, яко ся не годыть и слушаючымъ брыдко“.

Затѣмъ судъ призналъ нужнымъ послать изъ своей среды бурмистровъ Семена Иляшенка и Олексу Рымара для осмотра поврежденій, причиненныхъ Ваценкомъ дому жалобщика. По возвращеніи посланные доложили суду:

— Такъ есть, панове: виено кимнатное зъ улыци выбыто и виконыця на прахъ побыта, а въ оболони и одной шыбы (стекла) немашь, тилко сами ряма“.

Въ это время Лукьянъ Максимовичъ, въ опроверженіе оскорбительныхъ для памяти его отца словъ, произнесенныхъ на судѣ „запаяталымъ“ Ваценкомъ, „презентовалъ“ суду документъ съ просьбою о прочтеніи его вслухъ всѣмъ присутствующимъ. Это была „квитанція“, выданная „мѣйскимъ“ урядомъ его отцу въ 1688 г., когда онъ оставилъ войтовскую должность. Мѣщане удостовѣряли, что бывший войтъ Максимъ Попенко представилъ имъ „слушный рахунокъ“ (правильный отчетъ) по своей должности. Квитанція была посвидѣтельствована бывшимъ тогда полковникомъ Ѳедоромъ Жученкомъ, снабжена двумя печатями, полковою и „мѣйскою“, и внесена въ актовыя книги.

Судьи признали Ваценку подлежащимъ наказанію „за найстя домовое (нападеніе на домъ), за квалтъ поры ночной и за безчестя на Лукьяна“ и выписали изъ Статута 1-й артыкуль 11-го раздѣла, по которому виновный въ первыхъ двухъ проступкахъ долженъ подвергнуться штрафу въ 12 рублей грошей и сверхъ того „седѣня утерпѣти дванадцять недѣль у вязеню“. Но принимая во вниманіе родственныя отношенія тяжущихся и то обстоятельство, что Ваценко совершилъ проступокъ въ пьяномъ состояніи, судъ освободилъ его отъ положеннаго въ законѣ наказанія, съ тѣмъ, однако, чтобы онъ „пана Лукьяна, яко ображеного, во всемъ поедналъ, шкodu оправиль и правные наклады (судебныя издержки) отъ мала до велика поворочалъ и конечно нагородиль, при заплаченю вины панской и врядовой“. А если бы Ваценко или, по его подговору, кто-либо иной впредь „важился“ Лукьяну „якый квалтъ або безчестя задавати“, въ такомъ случаѣ виновный долженъ уплатить „вину“—пану полковнику полтавскому 100 таларовъ и на урядъ мѣйскій 50 таларовъ.

51. Споръ изъ-за наслѣдства.

Старосанжаровскій козакъ Гаврило Саранда, умирая (въ 1693 г.), завѣщалъ замужней дочери своей Параскѣ Гонтарихѣ

почти все свое состояніе—и млынки, и гаи, и сады, и нивы, и проч., а единственному сыну Максиму и зятю, старосанжаровскому священнику о. Григорію, оставилъ очень мало. Считая себя обиженными, оба они явились въ полтавскій полковный судъ и занесли жалобу:

— Ласкавыи панове! Небожчыкъ отецъ нашъ Гаврыло Саранда, передъ кончиною живота своего распоряжаючи тѣстаментомъ набытые (пріобрѣтенныя) добра свои, мало що на нашу сторону зъ тыхъ добръ лекговавъ (завѣщаль), а все Парасци, сестри нашій старшій а дочки свой, отъазавъ, въ чомъ намъ діется немалая кривда одъ сестры. Просымо въ томъ у мылостей вашихъ слушнои справедливости.

Позванная Параска явилась въ судъ со свидѣтелями, присутствовавшими при составленіи отцемъ ея „духовныци“ (завѣщанію), и такъ показала:

— Мои ласкавыи панове! Небожчыкъ славной памяти отецъ нашъ Саранда, споряжаючи тѣстаментъ, уразывся на мого брата а своего сына Максима за лотерство (негодайство), що винъ есть немирный (безмѣрный) пьяныця и зъ запалчивости гниву духовныцю отцевскую подравъ, и подравшы, у пичъ вкынувъ и спалывъ. А отцу Григорію, зятєви своему, небожчыкъ зъ тыхъ миръ ничего зъ добръ своихъ не лекговавъ, що отецъ Григорій зъ небожчыкомъ черезъ три roky, ажъ до кончины ёго, гнивь міючы, колы небожчыкъ и кончався, и въ той часъ на очи не явввся и прощения, подлугъ заховалости (обычая, долга) хрыстіянскои, не учынивъ зъ родычомъ.

Свидѣтели подтвердили, что Максимъ Саранденко, узнавши, что отецъ тѣстаментомъ завѣщаль ему меньше, чѣмъ старшей сестрѣ, въ ярости „тую отцевскую духовныцю подравъ и спалывъ“, а о. Григорій до смерти тестя оставался съ нимъ въ ссорѣ.

Судъ постановилъ: „поневажъ Максимъ Саранденко, такъ малоумный, зъ пьянства, легче поважывшы родительское распоряженя, шарпаты и палыты отцевскій тѣстаментъ важывся, наказуемъ декретомъ, абы въ потомныи часы якъ оный Максимъ,

такъ и отецъ Григорій, сестры своей Параскы за вышписаныи добра не важылыся турбоваты, подь зарукою ста таларовъ, що вѣчне варуемъ и для твердости стороны позваной сей нашъ декретъ, зъ подпысомъ руки нашои полковнычои и зъ прытисненіемъ печати полковои, выдати росказуемъ“.

Помимо исключительныхъ обстоятельствъ даннаго случая, рѣшеніе полковаго суда вообще не противорѣчило существовавшему въ Малороссіи обычаю, въ силу котораго родители были въ правѣ распорядиться остающимся послѣ нихъ имуществомъ по своему усмотрѣнію, не стѣсняясь предписаніями Лит. Статута или Магдебурскаго права.

52. Мировая при участіи суда.

Въ числѣ многихъ патріархальныхъ обычаевъ старой Малороссіи слѣдуетъ отмѣтить такъ называемую „угоду“, „помиркованье“ или „добровольное прощеніе“. Это не была теперешняя мировая, когда тяжущіяся стороны по взаимному соглашенію прекращаютъ тяжбу на извѣстныхъ, точно выговоренныхъ условіяхъ. „Угода“ состояла въ томъ, что примирившіеся шли въ судъ и заявляли о своемъ намѣреніи больше не ссориться и жить въ прежней любви и согласіи. Судъ принималъ это къ свѣдѣнію, налагалъ денежную „заруку“ на того, кто первый нарушитъ „угоду“, и все это для памяти записывалъ въ актовья книги. Иногда „угодѣ“ предшествовала судебная тяжба, но часто ея вовсе не было, а просто люди враждовали между собою и потомъ приходили въ судъ и заявляли о состоявшемся примиреніи.

Вотъ для примѣра—„угода и прощеніе добровольное промежь“ двумя полтавскими „паніями“. Пани Целагея Яковыха Тавдитнычка и невѣстка пана Андрея Будянскаго Педка (Теодора) Грицыха жили въ близкомъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ и постоянно ссорились изъ-за разныхъ пустяковъ. Въ іюлѣ 1688 года пришли онѣ обѣ въ полковный судъ и заявили:

— Панове! По неуважныхъ пбсварахъ нашихъ сусидскихъ, прыйшлысьмо теперь зобополне до вичистой угоды, хотячы въ першій любви сусидскій жыты и пбсваровъ промезъ собою по-нехавшы одъ сего часу. Просымо, панове, нехай то буде видно милостямъ вашимъ и задля ствержена можетъ быты вписыано въ кныгы мискіи полтавскіи.

Судъ сдѣлалъ постановленіе: „Слышачи тую добровольную угоду, варуемъ и твердою зарукою ствержаемъ: колы бь отъ сего часу найменшіи ущипливїи слова мила узнаты пани Яковыха отъ панїи Грицыхы, такъ тежъ и пани Грицыхы отъ панїи Яковыхы, повинна будетъ сторона, протывная сїй угоди добровольной, вины войсковои платыты до скарбу войскового тысячу золотыхъ, а особлыве пану полковныкови полтавскому сто таляровъ, на що для памяти и въ потомныи часы велилысьмо угоду сію въ кныги мѣскіи вписыаты“.

Послѣ этого обѣ панїи должны были всѣми мѣрами сдерживать свои языки, такъ какъ малѣйшее „ущипливое слово“ обошло бы для нихъ слишкомъ дорого.

А вотъ „згода и поеднаня честного отца Григорїя Горуновича, пресвитера переволочанского, съ паномъ сотникомъ переволочанскимъ Иваномъ Ковальчукомъ за посваръ“, состоявшаяся въ іюлѣ 1699 года. Этой „згодѣ“ предшествовала продолжительная „контроверсія“ между обоими почтенными лицами, „въ якій контроверсіи вчынылося побытыя и головы пробытыя и волосовъ вырваня, а тое побытыя и турбація сталася за дориканя и оболжена отцемъ Горуновичемъ Ивану Ковальчуку“. Теперь обѣ стороны заявили полтавскому полковому суду, что „взялы межи собою прощеніе вѣчное“, и просили судъ, „абы тое было на врядѣ записомъ обваровано, щобъ одъ сего часу едынъ другому не чынывъ перехвалокъ якъ въ словахъ безчестныхъ, такъ и въ дили на здоровья, а не тилко черезъ себе, але и черезъ иныхъ людей. А мила бь одъ якои руки початкомъ статьи вражда и посваръ, або побытыя, любо похвалка

(угроза), таковая сторона будетъ повинна платыты—честный отецъ Горуновичъ на преосвященнаго его милость отца архыпастыря (митрополита) талярей сто, а Ковальчукъ на пана полковника талярей сто вины“.

Судъ „ствердилъ помиркованя сеи згоды“ и для памяти велѣлъ все это записать въ книги.

Ор. Левицкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ГОРОДЯНКА.¹⁾

(Повість.)

ХІІІ.

По пятницяхъ у панивъ Рыбалкыныхъ не варылы николы обидаты. Диты нышпорылы цилый день по закуткахъ, шукаючы по полицяхъ та судныкахъ якои зйижи, але даремно, бо, причъ жытнёго хлиба та вчорашнёи картопли, не знаходылы ничего. Самъ панъ Рыбалкынъ не мавъ тежъ у ци дни свого снадання и не прыходывъ зъ суду ажъ до вечирнёго чая.

Кожна копійка, кожна краплина масла, булкъ—все сберегалося для тихъ бенкетивъ, що завелыся зъ того часу, якъ старша дочка, Катруся, скинчыла gymназію.

Легко сказаты: доросла дочка! Шо зъ нею робыты, вуды подиты, якымъ чыномъ збутыся їи, поки не змарнила? Видома ричъ, що безъ порады та допомогы добрыхъ людей, ничего самъ не вдіешъ. „А де найкраще зибраты тихъ людей та запобигты ихъ ласкы, якъ не у себе за зеленымъ столыбомъ, або доброю

¹⁾ См. «Кіевск. Стар.» № 10.

вечерею?—доводыла пани Рыбалкына своёму чоловікови, колы винь иноди було зважытсья запытаты своеи жинкы: „навищо збуватыхся такъ швидко своеи дытны та неволыты іи замыжь, и чы не краще було-бъ, якъ-бы іи подержаты рикъ-другый дома, абы вона встыгла прыдывытыся до людей, до жыття, та выробыла самостійни поглядды?“

— Ни, ни! Не згадуй мени, не важы про ту самостійнысть!—сыдыть вона вже й такъ мени у печинкахъ. Хыба, думаешъ, Катруся дивувала-бъ доси, колы-бъ не ота проклята самостійнысть іи? Мало я муки та горя прийму, покы вытягну іи куды-небудь въ гости, або умовлю выйты до людей? Або оци кныжки! Навищо вони здалыся, на якый кинець та безличъ вныжокъ?—пытала зъ одчаемъ пани своего чоловіка.

— Кныжки, певна ричъ, пидуть ій на корысть,—заспокоювавъ панъ жинку.

— На яку корысть? Що ій дадутъ ти кныжки, причъ тыхъ идей, що тилькы голову забываютъ та молоде чоло зморшкамы нивечать? Скинчыла gymназію—и досыть науки: ніяка освита не дасть щастя. Я сама жинка и краще за тебе розумію, що дійсно потрибно за-для щастя жиночого. Едынымъ бажаннемъ, едыною метою панночки йе и буде—думка збудуваты, яко мога швидко, свое гнзедчко.

— Не легка ричъ збудуваты те гнзедчко!—завважавъ панъ.—Спочатку треба ще чавчытыся, якъ будуваты ёго, потимъ якъ пидтримуваты ёго, якъ захыщаты видъ недобрыхъ вплививъ, якъ прыстасуваты ёго до умовъ сучасного жыття,—це цила наука...

— Наука? Яка тамъ наука?—дивувалася пани.—Господь надилывъ кожну жинку особнымъ инстынктомъ, и того инстынѣту завжды досыть за-для будивли своего гнзда. Ніяка наука, ніякы кныжки не замянять жинци того Божого дару...

Колы доходило до инстынѣту, панъ Рыбалкынъ завжды пассувавъ. Того особлывого инстынѣту, що замяняе жинци на протязи всѣго жыття и досвидъ, и науку, и принципы—того инстынѣту панъ Рыбалкынъ віякымъ чыномъ не мигъ зро-

зумиты, але винъ бувавъ не разъ свидкомъ, якъ жинка ёго, колы обступала ихъ злыгодни, покладалася на голось того инстинкту, якъ выпростовувалася, дякуючы ёму, зъ мицныхъ тететь,—и вже не суперечывъ.

— Робы якъ знаешъ: може ты й справди краще за мене розуміешъ у цихъ жиночыхъ справахъ? Колы справди ци пятницы неодминно потрібны за-для щастя нашої донькы, то я не перечу: хай збираються люде. Тилькы чы не можна було-бъ у ци дни не залышаты насъ безъ обиду?—пытався несмиливо панъ.

Робыты у одынъ день и обидъ и вечерю—ричь, звычайно, неможлива пры тихъ достаткахъ, яки мала пани Рыбалкына. Диты та чоловикъ повинни були поступытыся однимъ обидомъ на тыждень, и пятницы справлялися що-разу.

Приська нагодылася саме у пятницю. Уже була обидня пора, колы молодыця увійшла у кухню, але пичъ ще не топылася. Пани розхрыстана, нечисана, въ якихъ-сь патынкахъ на босу ногу, прыймала рахунокъ видъ куховаркы.

У кухни стоявъ гармыдерь; видъ повной, мало не черезъ верхъ, помыйницы йшовъ негарный духъ; неповымываеи горшки, сковороды та мыскы валялися пидъ лавою. У великому кошыку лежали прынесенени зъ торгу покупки, и пани, вытягнувшы звид-тиль шматокъ яловычыны, нахнула ёго на безминъ.

— Скільки хвунтовъ купыла?—запыталася вона, прыдвляючысь до безмина.

— Пятнадцять—видмовыла куховарка, прыдвляючысь и соби до безмина.

— Брешешъ! тутъ тилькы чотырнадцять: хыба я не бачу? Злодійко! Що-дня крадешъ! Вчора за крапанкы грывеныкъ показала, а вонъ висимъ копіёкъ коштувалы, сёгодні хотила за хвунтъ мьса украсты.

— Спытайтеся Гавны,—вона бачыла, якъ я вчора й крапанкы купувала, скільки сёгодні й ризныкови заплатыла,—мовыла куховарка.

— Що мени до тієї Ганни? Твоя Ганна така-жъ сама злодійка, якъ и ты! Все вы однакови!—закрычала пани.—А за рыбу скільки дала?—звернулася вона изнову до куховарки.

— П'ятдесятъ копійекъ.

— П'ятдесятъ копійекъ? Ахъ, ты-жъ, калико остогыдла! Ця рыба и трыдцаты копійекъ не коштуе. Такъ це панъ служытыме за-для того, щобъ я ёго заробитокъ, злодійко, на поталу виддавала? Шкода, не надійся! не подарую я тобі ціей краджкы!—запышу десять копійекъ за мясо, двадцять за рыбу, та дви за крашанкы. Про мене хочъ сразу и розсчотъ беры, а грошей пановыхъ я даруваты не стану.

Куховарха опустыла очи до-долу. Весь іи скаличеный станъ зигнувся ще дужче, немовъ хтось несподивано кынувъ на плечы ій п'ятыпудовый лантухъ. Легко сказаты: беры розсчотъ! А що потимъ робыты? Куды подитыся горбатій накритця зъ малою дытыною на рукахъ?

Господь зъ вами! Запысуйте, колы гриха не боитеся,—видповила куховарка, утыраючы слёзыну на щочи.

А рыночку хто розбывъ?—накынулася изнову на неї пани.

Дытына... якось упустыла... ненарокомъ,—мовыла куховарка стуляючы, не знать для чого, черепья до купы.

— Такъ я годую твою дытыну для того, щобъ вона мени шкоду робыла? Маты краде, дытына бье... Ни, якъ хочъ соби, а я прыпышу ще шість копійекъ...

— Рыночка, панійко, коштуе чотыры копійкы. Вы самы іи й купувалы,—несмыливо нагадала куховарка.

— На ярмарку чотыры, а теперь шість,—одризала пани и чоркнула у свой книжечци ще шість копійекъ.

Приська стояла не въ тыхъ не въ сыхъ. Де-кількы разивъ перебигала думка утекты заздалегидъ зъ цёго пекла, алежь... не дурно Степанъ шукавъ ій такъ довго мисця та выбиравъ найкраще. Винъ-бы не порадывъ ій цихъ панивъ, колыбъ не певень бувъ, що тутъ ій буде гарно. Лейби—абы куды-небудь наймычку вперты хочъ на одынъ день та выдурыты кар-

бованця за свои клопоты, а Степанови яка корысть обманюваты іі? Въ кухни, правда, нечепурно та неохайно; сама пани.. якась чудна та недобра,—але може справди и куховарка лукава, може вона краде, якъ и Тытьяни, та не доглядае панського добра? До того: куды мае вона теперь и тикаты? До Сохвіи Трохымовны вона не вернется, поке ажъ не пойиде звидитль дядько Максимъ, а бильше нема ій прыстановыща.

— Ты хочешъ нанятись?—звернулася нарешти' пани до Приськи. Покоянка повинна у мене прыбираты горныци, шыты, праты—одно слово робыты все, що загадаю. Плата—чотыры варбовавци на мисяць.

— А чай та сахаръ?—запытала молодыця.

— О! чай та сахаръ—зайви прымхы за-для наймычкы,—видповила пани.—Колы ты справди така роскишна та ласа до чаю, то купуй за свій кошть.

— Плата мала, до того безъ сахарю та чаю... Скрызь покоянки берутъ не меньше пяты карбованцивъ.

— Ну и службы „скрызь“. Чого-жь ты до мене прятёпалася, я тебе не знаю и не кыкала. Зпоконъ вику платыла я по чотыры карбованця, чаю та сахарю никола не давала и рады тебе своихъ порядкывъ не зминю!—розсердылася пани.

Молодыця повагалася трохы, подумала-подумала, але згадала дядька Максима, Сохвію Трохымовну и ришуче скынула платокъ та заходылася прыбираты горныци. Горныци здывувалы молодыцю ще дужче, нижъ кухня. Корридоръ роздилявъ вповоджъ увесь будынокъ на дви половыны, и здавалося, що у кожній половыни жыуть люде зовсимъ несхожи ни звычаймы, ни по-требамы, а ни достаткамы. На схидній половыни, де була гостынна та столова, убрання горныць було пышне, навить роскишне: цинни лампы, дзеркало, аксамытови канапы та стульци господаривъ; на захидній-же, де жыла симья Рыбалкыныхъ, навить у кабинети пана, бракувало стульцивъ, подушокъ, покривли на лижкахъ и другихъ найголовнишихъ за-для кожної людны ричей. Що пятныци захидни кимнаты замыкалься на замокъ, и пани мала багато турботъ черезъ ныхъ зъ Катрусю,

що наче навмысне що хвылыны видчыняла дзвері то въ дитську, то въ спальну кимнату и божылася, що поклыче туды гостей.

На цей разъ у тыхъ кимнатахъ було ще неохайнише, ніжъ завжды, бо горнышнои не було, и все було запущене та непомыте.

Самій пани було не меньше клопоту за Приську. Вона выймала посудъ, бигала то у лѣхъ, то у лѣдовню, лагодыла одягу, важыла та одмиряла куховарци—одно слово бигала не прысидаючы; проте ци клопоты та биганына не пособылы ій розважытысь видъ одніен думкы, що засила ій у голову, немовъ той гострый цвяшокъ у дубову дошку, и не давало весь часъ спокою. Наймычкы зверталыся до неі то за тымъ, то за иншымъ, диты тежъ разъ-у-разъ лизлы у вичи; вона давала всимъ порядокъ, гримала на дитей, але думка: якымъ чиномъ та якымъ робомъ здобуты соби такыи кылымъ, якъ у пани Лыстовськой, не покидала іи ни на хвылыну.

Кылымъ коштуе не меньше видъ двадцаты карбованцивъ, а у кышени зисталося всѣго симъ, и на ныхъ треба прожыты ще десять день!

— Не дасть, не дасть, проклятый крамаръ у набиръ,—клопоталася сама соби пани.—Не дасть, не повірыть, бо вже набрала чымало,—зитхала вона, пораючысь бия судака. Лышталася ій едыная надія—надія на той самыи жиночыи инстинктъ, що вызволявъ іи стількы разивъ зъ лыхои прыгоды. Питы хыба, спробуваты?

Пани накынула ротонду и майнула въ городъ. Не дали, якъ черезъ пивъ-годыны вона повернулася, а за нею прынесли зъ крамныци кылымъ, ще кращый, ніжъ навить той, що бажала соби пани здобуты.

— Мамо! що ты робышь? Опомьятуйся! Де ты визьмешъ грошей, щобъ оплатытыся по крамныцахъ? Мыколи чобить бракуе, ни въ чимъ ходыты у гимназію; батько ходыты у дра-ному пальти, у мене сорочки пуцящои немае, сама ты боси-сенька!—навищо тоби той кылымъ? Чы то-жъ не соромно було тоби прохаты крамаривъ, уклонятыся, божытыся та прысяга-

тыся имъ, що завтра-послязавтра принесешъ грошы, колы сама знаешъ, що то неправда?—напалася на матирь Катруся.

— Грубіяню невячна! геть въ очей моихъ!—крыкнула не своимъ голосомъ пани.—За-для кого пнуса я, якъ не за-для тебе, божевильна! Хыба я могу запрохаты Мыколу Михайловича, або Васыля Мыколаевича на злынялый кылымъ? Чы зважуся я показаты тебе людямъ у полатаній сукни? Хыба хто зверне увагу на тебе, задрипанку? Хыба ты не будешъ тоди останнёю помижъ панночками?—Але Катруся вже не чула останнихъ ричей,—вона побигла до своей кимнаты и тамъ дала волю слёзамъ. О! якъ боляче щемило їй сердце, якъ тяжко было на души!

Цей кылымъ, ци сукни шовкови, куплени коштомъ брехни, ци пляшкы дорогого, неоплаченого ще въ тамъ-того року, вына,—въ кожній склянци того вына, въ кожному шматочку ласои зйижи гости ковтають краплыны крови, здоровья, навить доброй славы ии безталанного батька.

Невже все жыття, все счастья ии залежыть видъ цихъ выпроханныхъ кылымивъ, видъ цёго выдуреного оксамыту, видъ цёго вына, за-для чого доводится старенькому та недужому батькови такъ гирко працюваты, зальшуваты меньшихъ бративъ та сестеръ безъ найголовнійшихъ потребъ?

— Изнову плачешъ? Подывысь на себе въ дзеркало! Навищо ты походышь? Черезъ яку годыну прыйдуть гости, и якъ ты выйдешъ до нихъ? якъ покажешся на очи людямъ?—мовыла стурбовано пани, увиходячы у кимнату своей доньки.—Ты изнову розпустыла карсетъ?—додала вона въ жахомъ угледивши на стульци розпоротый по всяхъ зшыткахъ карсетъ.

— Вы такъ зашылы ёго, що мени никуды було и дыхаты,—видмовыла утыраючы слёзы панночка.—Я не хочу шнуроватися.

— Изнову свавольство!—скыпила пани.—Изнову перечышь мени! Я не могу бачыты твого стану, колы ты не зашнуруешся, якъ слидъ. Я не хочу, щобъ мою дочку перекупкою прозывалы!

Пани ухопыла голку та нитку и знову зашыла карсетъ.

А тымъ часомъ почало вже смеркаты. Зъ хвылыны на хвылыну можно було сподиватысь гостей. Пани кынулася до другихъ дитей: треба було ихъ ще порозчисуваты, поумываты, и Приська надывувалася вволю, дывлючысь, якъ пани спокійно, зъ легкымъ сердцемъ, натягала на чорни сорочки своихъ дитокъ новомодни сукни, на боси ноженята—дороги полусапожки. „Колы немає спроможности одягтыся гараздъ видъ самои сорочки,—чому не початы зъ верхней одягы? Колы немає снагы задовольныты и себе й людей заразомъ,—чому не запобигты попередъ людскои хвалы“?—завжды казала було пани Рыбалкына Катри. Катруся никола не погожувалася зъ тмы доводамы, а Присьци немовъ ажъ шкода стало дитей. Мымоволи прыгадалася їй теперь ньенька, сестра, ятривка—вси селяне, що пидъ заплатаною свытыною малы завжды билу, якъ снигъ, тенетку, що дбалы насампередъ про шматокъ хлиба, що потрачали свои лита та здоровья за-для справы найпотрибнишихъ у жытти ричей,—и вперше запытала себе: за-для чого побываються та гирко такъ працюють таки недужи паны, якъ оцей панъ Рыбалкинъ, напрыкладъ, колы диты та симья можуть ходыты и голодни и голи?

О девятій годыни почалы зйиздытыся гости, а черезъ нивъ-годыны вже зибралысь уси.

Чоловкы понудылыся трохы, але ось вынесли карты, и воны оточылы зелени столыки, незабаромъ одирвалыся одъ земли и подынулы вкупи зъ дымомъ цыгарокъ, подынулы думкамы... подынулы... выбачайте, далеби не знаю, у яки земли, у яки страны, чы на яки зирки лынуть думкамы освичени люде, за картамы сядючи!.. Хай я краще поведу васъ до жинокъ—до круглого столыка, навколо якого розмистылыся по канапи та стульцяхъ паніи та дви панночкы. У нихъ вже почалася жвава розмова про боляче, пекуче пытанне—про наймычокъ. На превельке счастья мое мени не доведется спысуваты тїей розмовы, бо це пытання, хочъ и не легке, тутъ розришалось по-простому: вси погожувалыся, що наймычкы останними часамы по-

гиршалы, що потреби ихъ шыршають, що працю свою вони цинять дуже високо, и тилькы одна частына того пытання—чы слідъ наймычку вчыты грамоти, чы не слідъ?—счыныла маленьку незгуду, бо панны обурылыся проты пани Рыбалкыной и стали въ одынъ голосъ доводыты, що наймычокъ повинно вчыты грамоти. Пани Рыбалкына, зввычайно, мала що имъ видказаты, бо ни у кого напевне не перебувало стилькы наймычокъ, якъ у неи, ни у кого не було стилькы досвиду у цій справи, ни хто не мавъ такого великого жиновцького инстинкту, якимъ надилывъ іи Господь,—але на цей разъ вона сперечалася неохоче и все поглядала занеспокоена чимъ-сь у бивъ...

По хати ходывъ взадъ та впередъ вже годушу Мыкола Михайловичъ—молодой парубокъ и завжды прыемній гисть у господаривъ, де йе доросла донька. Винъ очевыдячки страшенно нудывся та сумувавъ, але-жъ чы вгадаты кому, що діється у серци ёго? Може кучеряву голивоньку ёго посилы думкы про гирку недолу робитныка на цукроварни, може серденько его нетерпляче трипається видъ шырого бажання пособыты тому сиromаси? Але хто ручатыметя, що того смутку, того жалю не навіяла непряемна звистка, що облюбована посада, зарады котрой зменьшався та уклонявся винъ не разъ, зарады котрой встыгъ поступытыся и де-якымы принципами, дисталася не ёму, а комусь иншому? А може то винъ досадуе, що Катруся доси не выходыть до гостей? Якъ знать? Може винъ въ ци сами хвылыны складае въ мысли свою промову про кохання и здатень теперь виддаты Катруси свое закохане серце? Може винъ хоче попрохаты теперь саме у неи соби доли? А вона наче навмысне гае часъ у свойй кимнати? Необачна, нерозумна та невдячна дытына! Погукаты на неи—нарочыто барытыметя; то-бъ то терпеты та сподиватыся іи мовчкы? А що якъ Мыкола Михайловичъ розсердытся, пойде и николы вже не навернетя до ныхъ? Вона, Катруся, зневажае, дратуе ёго, вона такы дочекается, що вси панычи одвернутя видъ неи. О! будь вона проклята та самосгійнисть живоча!! Слава Богу—ось на-решти й Катруся йде! Але пани глянула на доньку, и весела

ухмилка раптомъ зчезла зъ їи облыччя; пани закусила губу и нервово посунулася до бильця канапы: Катруся напьяла на себе чорну сукню, що такъ не лычыла їи худенькому стану, зачисала гладесенько свое роскишне волосся и замисть того, щобъ розважаты Мыколу Мыхайловыча, протїскалася ажъ у самый куточокъ и сила побила панночокъ. Треба було маты незвычайну миць, незвычайни нервы, щобъ знесты мовчкы ту левучу досаду, що обурыла Рыбалкыну, якъ побачыла вона свою доньку,—але пани вытримала себе до кинця вечера. Вона жартувала, сміялася, безперестанно зверталася то до панночокъ, то до паній, видбула вечерю, и никто, причъ Катруся, не спостеригъ, що діялося у серци господаркы.

— Подобався тобі, Приська, нашъ сѣгодняшній бенкетъ?— запытала панночка покоянку, колы розйхались гости.

— А якъ же!—видповила молодыця.—Такъ весело було! А надто вже наша пани булы балакучи та весели.

— Не ймы виры, молодыця, тому смиху: ти ухмилки не въ веселощивъ, а зъ досады, той смихъ не для своей души, а за-для чужыхъ людей. Кылымы, шовкы, оксамыты, веселоши, ухмилки—все про людей, а про себе—чорный хлибъ, чорна тенетка та чорни, якъ осинни хмары, думкы,—мовыла панночка, пидкреслюючи кожны слово.

Приська гараздъ не зрзумила цихъ сумныхъ речей, але запамьятала ихъ мывоволи добре. Може колысь и спадутся на думку вони їй!

XIV.

Гасъ догорявъ, и маленька кухнянська лампа почала мывотиты. Приська що хвылыны пидтягала гнить и прокынала ни у чимъ неповынну лампу. Иасупроты неи сыдивъ Степанъ.

— Ну якъ ёго служыты тутъ?—поскаржылася молодыця Степанови, пидтягаючи зъ сердцемъ трохы не весь гнить у маленькїй лампи.

— Це гирше за село! Гасу у дю мыгалку шкода отій поторочи! И де ваша совість, Степане Павловичу, що вы мене у таке пекло вперлы?

— Не докоряйте мени: ій-же Богу, я шукавъ вамъ скрызъ мисця, и оце, на мій поглядъ, було найкраще зъ тыхъ, що траплялися: тутъ прынайми хочъ яка-небудь воля йе. Вчора, напрыкладъ, пани выйшла, побачыла мене и ни словечка не сказала, а инша-бъ зразу поригъ показала.

— Онъ яка воля!—засміялася молодыця.—Хай ій всячына! На такой воли швидко захлянешъ. Я-бъ здатня краще васъ никола не бачыты, абы голодній та у темряви не сыдыты.

— Цѣму горю пособыты легко; зъ-за такой дрибныци не варто и клопотатыся: дайте мени пляшку—я заразъ прынесу гасу,—мовывъ Степанъ и, ухопывши зъ выкна якусь пляшку, метнувся зъ хаты.

Приська обиперлася объ стиль и почала луваты насиння. Въ кухни стало тыхо та сумно...

Пани пойхала зъ усією симбею до кого-сь въ гости и замкнула горныци; куховарка хропла вже видъ самого смерку на печи... Чорни тараканы повывлазылы зъ усихъ закутыивъ и пишы гуляты на простори. Каганецъ ледве блыкавъ.

Приська кыдала въ ротъ насиння и такъ хутко розлузувала ихъ, такъ якось нетерпляче видкыдала лущынна геть, що здавалося, нибы-то молодыця не йистъ того насиння, а все шукае тіей насинны, де повинна лежаты замість зернынкы видновидъ на пытання, що вже не разъ спадало ій на думку и непокоило іи. Чась вже зрозумиты свои видносны до Степана. Парубокъ кохае іи, разъ-у-разъ стежыть за нею, нанався у якого-сь поганенького полупанка, абы буты поблызу, била неи. А вона?—вона не кохае ёго. Серце іи ще ни разочку не тѣхнуло, не обиввалося на ёго ласкави речи; щоденна розмова зъ нымъ тилькы розважае іи. Але вона чуе, що вже якась нытка заснувалася мижъ нымъ, що вона вже звязала, зъєднала ихъ до кушы, що вона перша не схоче перерваты іи и що ій навить шкода буде, якъ та нытка увирвется, або перегорыть.

Ось вона вже третій місяць товчеться у цѣму пекли, що-равку, що-вечора збирається покынуты, а прыйде Степанъ, умовить її, пообица незабаромъ знайти иншу посаду—и вона терпить, не зважується зробити ёму наперекиръ. Що воно за знакъ? Приська долузала останню насиньну, пидвелася зъ досадою зъ лавы и струсыла у помыйницю душпывня зъ попередныка: певной видповиди на свое питання вона не знайшла. Степанъ прынись, кримъ гасу, пляшечку горилкы, булку та оселедця. Приська налыла въ каганецъ гасу, очыстыла оселедця, наризала булку, стала вечераты, и сумный настрій почавъ потроху зныкаты.

— Вы не вынуватьте мене за це місце: я шукавъ вамъ саме-найкращыхъ панивъ, та лучшихъ за Рыбалкыныхъ не знайшовъ ниде,—казавъ Степанъ, зайидаючи оселедцемъ чарку горилкы.—Самъ я теперъ у такому пекли, що, повирыте, иводи и пообидаты никола... Зрѣду-вику не бувъ водовозомъ, а теперъ довелось и воду возыты.

— Яка-жь вамъ неволя?—здывувалася Приська.—Кыдайте—тай край!

— Охота гиршъ неволи, якъ-то кажутъ. Неволи немае, та охота велика буты побилы васъ. У мене и думкы немае кыдаты хазяина, и колы-бъ винъ, гаспидській, догадався мени ще яву спокуту нахынуты, то й тобъ я перенись зарады васъ, а вы ось тилькы й думаете про те, якъ-бы видъ мене дали.

— Правда,—згодылася Приська.

— Отъ бачыте!—мовывъ зъ докоромъ Степанъ.—Хыба вамъ мое обчество недовподобы?

— Чому? Причь васъ у мене немае ни одной знаёмой души въ городи; про те, колы-бъ лучылося гарне місце за сто верстовъ видъ васъ, то я не вагаючысь поихала-бъ туды,—засміялась молодыця.

Степанъ тяжко зитхнувъ и налывъ чарку.

— За ваше здоровья! Хай Господь посыла вамъ и счастья, и здоровье, и лучшихъ за мене сусидивъ!—мовывъ винъ, пере-

хыляючы собі у ротъ чарку.—А собі я вже ничего у Бога не прохаю, причь смерти,—додавъ винъ наливаючы другу чарку.

— Хай Господь васъ підкрепыть у вашому гори!—ехидно усмихнулася молодыця, прыгублюючы чарку.

— Наврядъ: моему горю вже й Господь не пособить. Пропаца я людына, на вики пропаца! Ни сна, ни спокою, ни счастья, ни надіи... За ваше здоровья!

— Чы не багацько часомъ буде?—спынула Приська и одставыла пляшку зъ горилкою дали.

— Ни, не багато! Щобъ залыть мое горе, не постачыть горилки и у всёму городи. Нищо вже не зличыть цёго горя, хыба тилькы одно, едыне слово зъ вашихъ усть...

— Яке-жь то слово?—запытала Приська.

— Вы сами добре знаете,—зитхнувъ Степанъ.

— Ни, не знаю.

— Ни, знаете.

— Ни, не знаю.

— Объ закладъ, що знаете!—мовывъ Степанъ, прётягаючы свою руку.

— Добре, объ закладъ!—ударыла Приська его по руци.

— Объ закладъ на вашъ поцилунокъ!

— Добре, бо я не знаю.

Не встыгла молодыця и вымовыты своей згоды, якъ цупки руки Степана вже обвлысы кругъ ии стану, палки поцилункы покрылы и губы и щокы молодыци.

— Вы не выгралы, не сміете цилуваты!—крычала Приська, бигаючы по хати та затуляючы свій выдъ то попередныкомъ, то долонямы.

— Выгравъ, выгравъ: вы давно знаете те слово, вы давно знаете, що я васъ кохаю,—шопотивъ Степанъ, одрываючы Присьчыны руки одъ выду й покрываючы ёго ще палкиштымы поцилунками.

— Не выгралы, не сміете,—крычала молодыця.

— Выгравъ, выгравъ,—уперто казавъ парубокъ, мицно прыгортаючы до своего сердца молодыцю.

Горбата куховарка прокынулася и звела голову. Степанъ одскачывъ видъ Приськи и сивъ на свое мисце. Приська червона, важко дыхаючи, стояла била печи та вытирала попередныкомъ видъ писля немовъ непрямныхъ та образливыхъ поцилункивъ.

— Вы, колы хочете, вдруге не сикайтеся зъ поцилунками вашымы, бо я або очи заплюю, або по морди дамъ,—мовыла Приська суворо.

— Выбачьте на цей разъ!—попрохавъ пошепки Степанъ.— Колы бъ вы знали тильки, якъ я васъ кохаю... колы-бъ вы были на моёму мисци!.. Йй-Богу я—якъ дурный... Ну, дайте мени и по морди, колы я заробывъ, а тильки не гнивайтесь на мене... Ударьте нарочыто!

— Балакайте! Що вы ще не куштували! У мене рука замашна: разъ, ще у генеральшы, одынъ панычъ добре опикся.

— И якъ вамъ не грихъ ривняты мене до паныча якогось? Я васъ видъ щырого сердца, а той панычъ... Эхъ! що вже и казаты? Закохався я въ васъ такъ, що хочъ у Сибирь за васъ здатенъ питы...

— Велька мени корысть зъ вашого Сибиру? Пошукайте краще мени мисця...

— Далеби не знайду кращого,—видмовлявся Степанъ.

— Годи, годи брехаты. На цій самій вулицы, у пани Штейнмильхъ бракуе покояны.

— У пани Штейнмильхъ? Хай вона лусне та сама пани! У неи и собака не вдержытсся! Хыба я ии не знаю.

— Годи, годи! Я знаю, чого вона вамъ недовподобы: немае за-для васъ мисця поблызу?—зареготалася Приська.

— Правда, я не таюся: не хочу я розризнытсся зъ вами, не хочу кыдаты васъ поміжъ чужыхъ людей. Хыба я не знаю, якъ тяжко жыты на самоти одынокій, безъ порады та допомоги добрыхъ людей?

— Въ городи та самотній? Оце выгадалы! Мало тутъ людей!

— Ось вы въ городи вже більшь пивроку, а чы багацько траплялося вамъ такихъ щырыхъ та прыхильныхъ людей до васъ, якъ я?—запытавъ Степанъ.

— Де-бъ я тыхъ людей и знаходыла, якъ все по такихъ недолюдкахъ служу? У пани Штейнмильхъ, вси кажуть, дуже добре. Оця куховарка служыла тамъ колысь,—такъ не нахвалятса. „Колы-бъ, каже, мени не оця дытына, то я бъ у неи до смерти була“.

— А вы вирите ій?

— Не тилькы вона це каже; я чула и видъ другихъ,—мовыла Присьба.

— Брешуть вони вси. Я тыхъ панивъ знаю якъ облупленыхъ. Не вирите никому!—скыпивъ Степанъ.

— Може колы тамъ кочергы покоштувалы? Ха—ха—ха! Щось похоже на те!—засміялася молодыця.—Не дуже-то надійтеса й на оцю Рыбалкыну: прышануе и вона васъ колысь, бо вчора вже щось натакала, що „хлебъ дуже сходыть черезъ зайвыхъ гостей“. Тобъ-то я вамъ окрайци іи хлеба прыбе-ригаю...

— Мени вона ничего не скаже,—побачыте!—мовывъ Степанъ.

— Буде колысь и вамъ и мени. Я вже розибрала добре, яка вона на масть.

— Николы у свити не скаже вона ни вамъ, ни мени ничего: якъ-бы хотила вылаяты, то вже-бъ вылаяла доси. Вона до мене прыхильна...

Такъ похвалывся Степанъ, та не въ добрый часъ: розчынылися двери, и на порози несподивано, негадано зъявылася пани Рыбалкына, а за нею слидкувала мовчазна, понура, немовъ у чымъ-сь вынувата, симья. Пани програла у цей вечиръ тры карбованця, стратыла сорокъ копійкъ на звощыка черезъ дощъ, и жиночый инстинкты видразу показавъ ій, що найбільше вынуватымъ бувъ у цій прыгоди ниhto иншый, якъ Степанъ, що прыходывъ що-вечера обидаты та зныщуваты іи.

— Ось якъ ты хаты стережешь!—накынулася вона на Приську.—Москаливъ навела, краденымы булками шануешь... А гасу де взяла?

— Мамо!—сипнула Катруся веньку за рукавъ.

— Чого „мамо“? Чого „мамо“? Батько працую, а якась волоцюга москаливъ ёго хлибомъ годуе?

— Це не ваша булка—я купыла іи за свои грошы. И горилку, и оселедецъ и гасъ—все я купыла!—скыпила Приська.

— За свои грошы? А грошы де взяла? Зъ куховаркою злыгалася? И ты така сама злодійка, якъ вси, и тебе треба на шыбеныцю!

— Давайте мени розсчотъ! Вы не сміете мене злодійкою называты!—вы не спостерегли, не бачылы! Тягнить вже шкуру зъ отіей несчастной калыкы, а зъ мене не пожывытеса,—не хочу я у васъ службыты!

— Михайло Семеновычъ! Катерыно Михайловно! Де вы? Куды вы поховалыся? Чого вы покынули мене саму зъ цією волоцюгою та москалемъ!—погукала пани на чоловіка та доньку, котри теперь, якъ и завжды, поховалыся по своихъ куткахъ, абы не бачыты, не чуты, якъ пани знуцаетса зъ наймычкы.

— Розсчотъ мени давайте!—мовыла вдруге молодыця.

— Погодить-бо трохы!—прошопотивъ надъ самымъ іи вухомъ Степанъ.

Приська глянула здывована на парубка. Винъ прохавъ іи звесты мовчкы образу, змовчаты та стерпиты цій паскудній пани! Ій стало ще досаднише.

— Зразу дайте мени розсчотъ!—мовыла вона втрете.

— Який тобі розсчотъ? Що я тобі вынна? Може ты мене обикрала? Може доведетса ще тягатысь зъ тобою по судахъ?—мовыла пани.

— Трусить мою скрыню, передывитса все—я ничего вашого не займала. А мени дайте розсчотъ!—мовыла Приська, одчыняючи свою скрыню.

— Годи! не клопочить себе и не турбуйте пани! хай завтра помиркуете,—ставъ изнову умовляты Степанъ молодыцю.— А васъ, пани, прохаю выбачыты за те, що зайшовъ безъ дозволу. Будьте певни, що Приська за ци два мисяци, що прослужыла у васъ, и крыхты вашого хлиба мени не дала. Нацпаки, ось куховарка не дастъ збрехаткы, де-килько разивъ я прыносывъ вечеряты. Мы бачыте, зъ молодыцею трохы сваты, трохы родычы,—звернувся Степанъ до пани.

Але ци промова Степана ни до чого не довела: пани домагалася, щобъ роздратована наймычка не стерпила, покынула ии середъ ночи и тымъ залышылася права шукаты зъ неи запрацёваныхъ симъ карбованцивъ, а Приська, ще дужче роздратована ёго улестливими речамы, мало не вылаяла ёго.

— Розсчотъ мени давайте!—уперто казала вона, хутко складаючи свое збижжя въ скрыню.—Хай вамъ инши дурни слухать, а я злодійкою николи не була и не хочу слухаты такыхъ образливыхъ ричей!

— Розсчота тоби ніякого не дамъ, бо ты служышь помисично, и ще не скинчывся третій мисяць. Хочешъ—кыдай, та тилькы не сподивайся грошей!—видповила пани и подалася у горныци.

— Ось заспокойтеся!—ій-же Богу, воно це все перейде,—ставъ изнову казаты Степанъ.

— А вы замистъ того, щобъ заступытыся за мене, ще умовляете мене терпиты таку образу? Хыба вы не чулы, що вона мени казала, якъ вона лаяла?—мовыла докирдыво Приська.

— Чого иноди не трапляется у наймахъ? И насварятся, и дадають...

— И попобють! А ты терпы та знось мовчкы, бо ты наймычка?—передразныла Приська Степана.—Шкодъ, не на таку наскочылы! Идить собі зъ Богомъ! Коли-бъ я знала вашу телячу вдачу, то я-бъ васъ и до свого порогу не допустыла.—Идить! я зачынятому двери та лягатыму спать.

Степанъ взявъ мовчкы шалку и ставъ прощатыся.

— Прощайте, прощайте! Идуть собі зъ Богомъ до тыхъ плохенькихъ городянокъ, що здатни и бійку и лайку зноситы. А мене завтра, що витру у поли, не знайдете!—мовыла Приська зачыняючи двери.

XV.

Добре тому рыбалци, що самъ зробить собі човныкъ, забье паклею щилочки, залье ихъ смолою, прыробить легеньки весельца! Добре ёму плысты по морю, бо винъ знае по зоряхъ, куды швядче прямуваты, якъ здійметься хвыля! Горе-жъ тому бидоласи, що сивъ у чужый човенъ: ще й одъ берега не одбився, а вже винъ воды повенъ. Влйихавъ винъ насередъ моря, на простирь... скрызъ вильно... Винъ прямуе все дали и певенъ, що знае дорогу. Але ось... почався витерь, захвлювало море, крвнуло човныкомъ его разъ, вдруге—и винъ вже не знае, де винъ, що зъ нимъ буде?

Отакъ само и Приська: сила вона у хысткый та латаный човныкъ миськой наймычки тай поплыла... Здалеку, зъ села ий здавалося, що городъ весь сяе и вона не заблудытся тамъ; але ось вже далеко бильшь пивъ-року, а вона ниякъ не прыстане туды, куды рвалася душею. Вона пожынула пани Рыбалкыну, а нанялася до Штейнмильхъ, але хыба це нове мисце заспокоить ий! Якый десятокъ грунтивъ видризнявъ панивъ Рыбалкыныхъ видъ Штейнмильхъ, а здавалося, нобы-то безодня, цила прирва лежала помижъ цимы двома будынками. Зъ першого-жъ погляду на кухню, на молоду червоновыду пани, Приська впевнылася, що ий доведеться на цей разъ службыты въ зовсимъ новыхъ умовахъ. Все, почынаючи зъ кухни, лёху, коморы—до останнихъ закапелочкывъ въ горныцяхъ, було вымыте, выскребане, блещало, сяло... Семеро дитокъ, дуже схожихъ мижъ собою, булы тежъ одягнены чыстенько, порозчисувани гладенько, поумывани, вышаровани.

Пани держала одну тилькы наймычку, и Приська спочатку думала, що не управится, але незабаромъ побачыла, що, дякуючы заведенымъ порядкамъ, їй тутъ ще легше, ніжъ навить у пани Куракиной. Зразу все йшло гарно: всяка праця, всяка дрибныця мала свій часъ, свое місце; кожна копійка йшла на прызначене дило; кожене слово—до речи.

Панъ Штейнмильхъ—ще зовсимъ молодой, пры здоровью, чоловікъ—ходывъ що-дня на службу, и поки винъ повернется, вся справа повинна була быты скинчена. Скидаючы у передній свое пальто, панъ знавъ, що, поки винъ дійде до столовой, ёму вже насыплють у полумысокъ смачного борщу. Прокыдаючысь писля спочывку, винъ такъ само певенъ бувъ, що самоваръ вже кипить на столи. Напывшись чаю та погомонившы трохи зъ дитьми, винъ простувавъ въ кабинетъ, де вже лежала уготовлена ёму одяга та била сорочка за-для клуба. Прыйде винъ зъ клуба—ёго зустрине жинка у калоти и теплыхъ черевыхъ. Вона вже спала, але винъ збудывъ їи дзвонкомъ; вона не хоче полохаты наймычку середъ ночи и йде видчыняты двери сама, але ниякихъ докоривъ, ниякого серця не выдко на їи спокійному облычю.

Въ мисти вси знали добре пани Штейнмильхъ. Крамари виталы їй охотнише, ніжъ другихъ паній, а давалы їй крамъ завжды гарный, бо вона николи не брала у набирь; старци тежъ смилыво протягалы до неи руку, бо знали, що пани завжды дасть копійку. Ниякихъ непорозуминь, ниякихъ сварокъ ни зъ знаёммы, ни зъ наймычками не выходило у неи николи, и панъ Штейнмильхъ мигъ справди хвалытсыя у клуби, що жыття ёго—наче та течія прозорои ричкы у крутыхъ берегахъ. Ричка така не розливаеця по весни, не затоплюе несподивано сусидськихъ хатъ, не заносыть бурлывымы хвлямы чужыхъ достаткывъ, не потопляе у безодній прирви необачныхъ пловцивъ. Табъ и жыття ёго никому не вадыть, а до того винъ спокійный за свое добре имя, за свій спокій.

Тепло, свитло та безпешно жылося Присьци зъ цією панією, але-жь... нудно..., рятуй Маты Божа, язь нудно!! Молодыця

довгий часъ не йняла виры, що люде можуть такъ жыты въ городи, та все сподивалася якоись змины. Даремна надія! Пани Штеймильхъ надъ усе боялася тыхъ зминъ. Мыналы годины, дни, тыжни; скризь навкругы, тилькы черезъ тынъ, ворушылося жыття—але той тынъ обсадыла невсыпуща господарка колючымъ терномъ, зашиарувала у ёму кожу розщилынку, и жадна хвеля загального жыття не переходыла черезъ ёго, жаденъ смихъ, чы стогинъ не полохавъ спокою ии гнизда. Жыты у такому городи, де стилькы людеѣ, веселошывъ, де стилькы цикавыхъ ричей, маты достаткы и замуруватыся у крихотному будынку, задовольнытыся обовязкамы до самой симы, не вызырнуты николы зъ своего гнизда, не згадаты николы, що йе ще на свити люде, причъ чоловика та дитей! Ни, цёго Приська, не розумила. Вона бачыла гирке жыття селянъ, бачыла, що иноди люде за своимъ горемъ та за слёзамы не добачалы выразокъ на чужому тили, бачыла и матерей и господарокъ такыхъ, що й спалы та бачылы, якъ бы завдовольныты свою семью, нагодуваты дитей,—але такыхъ людей, такыхъ господарокъ, якъ ця пани, вона не бачыла ще николы. Кому вона потрібна ця пани, причъ своихъ дитей, и хто ий причъ ныхъ? Одынока, зайва, непотрібна ни для кого людына... Чы прожыла-бъ вона такъ на сели? Охъ, ни! Не попустылы-бъ сусиды ии до жыття такого. Постукавсь-бы до ней сусида у лыху прыгоду, запрохавъ-бы иншимъ разомъ до себе на весилля, вытяглы-бъ ии на яку пораду, що хвильны нагадувалы-бъ ий, що вона людына, а не тилькы матирь, що вона сусида, а не тилькы жинка своего чоловика, и вона зрозумила-бъ, що мае громадски обовязкы и видповидна за счастья другихъ. Якъ настане девята годына вечера, такъ пани посылае Приську зачынять ворота, а въ девять зъ половыною прыходыть гасыты въ кухни свитло. Молодыця повинна була лягаты зразу, якъ звельтъ пани, и це ии коженъ разъ страшенно сёрдыло. Вона лягала, але довго ще поверталася зъ боку на бикъ, довго не змежувала очей: зануда, страшенна зануда, немовъ та гадюка, вылася бияя серця и не давала ий спаты. Поки дни булы довши, поки сонечко трохы ранише схоплювалося, молодыця мала пры-

найми яку вильну хвильну, щобъ одвести душу на торгу зъ перекупками та наймычками; поки сонечко довше стояло на краєвиди, поки була година та приходывъ до ворить Степанъ—и молодиця хочъ трохи задовольняла у коротенькій розмови зъ нимъ свою потребу побачытысь зъ прыхильною людью, переказаты ёму що-небудь, поскаржытысь, або похвалытысь; а якъ заволиклося, похмурылося небо, якъ пишли дощи та замисылася грязюка,—то задрипани та поцидтыкувани перекупкы пересталы цикавытысь миськымы новынами, Степанъ не схотивъ мокяуты на дощи, вечоры немовъ загубыты край,—и молодиця почала ще дужче нудытыся.

Писля Семена пани накынула Присьци нову працю: шыты рушныкы та сорочки. Сыдыть сама соби молодиця за шыткамы; у горныцахъ тыхо; мыготыть свитло маненькой лампы. Скребется десь за скрынею мыша, а у неи на серци ще дужче скребется досада. Досадно їй на себе, досадно и на ридь свій. Вона рада, що вони вже не досаждають їй, вона рада, що не одвидують їи, але-жъ їй и образливо и досадно, що вси забулы їй, проклялы, а може ще й радіють, думаючи, що вона доси загынула тутъ. Осинній витерь выводе сумну писню у комини, то-рохтять у шыбкы велькы краплыны холодного дощу, добрый хазяинъ не выгнавъ-бы и собаки зъ двору, а вона побигла-бъ оце, побигла-бъ звидциль... Куды? Куды небудь, до кого-небудь, абы розважытысь, абы побалакаты, розказаты, що діется на серци, абы почуты хочъ едыне слово спочуття.

Разъ якось, у субботу, Приська погасыла свитло ще рачише и зъ досады хотила заснуть. Але сонъ їи не бравъ: внерше за весь часъ жыття по наймахъ, зъявылося їй выразно пытання: що вона знайшла у городи?

„Замість того, щобъ корытыся неньци та дядьови—мушу корытысь чужымъ людямъ. Замість сільськихъ звычаивъ—пынна догождаты прымхамъ господинь. Я дывувалася зъ селянъ, що вони, такъ гирко працюючи, дывлятыся на коженъ шматокъ хлиба, якъ на вельку мылость Божу, але чы не такъ само и я дывлюся теперь на той ласый шматокъ, що удилле мени госпо-

дарка по ласци видь своихъ достаткывъ? Чы не голодувала я у пани Рыбалкыной и чы не повинна я дякувати пани Штейнмильхъ, що вона мене добре годуе? Чы хотила я жыты колы келейныцею и чы думала, що буду одынока въ велькому городи, що не матыму гуртѹчка ривныхъ соби людей?—И невже воно и завжды буде такъ? Ни, то я не вмю счастья шукаты: хыба я не бачу що-дни веселыхъ, задовольненыхъ пѹдругъ—горнышныхъ та куховарокъ? Ни, можно знайти инше жыття, можно здобуты и счастья, и волю,—треба тилькы вшиты шукаты якъ слидъ. Годи нудытыся у пани Штейнмильхъ! Шукатыму соби мисця по всѹму городу, сподиватымуся мисяць и другый, а поки що поверну и тутешне жыття на веселишу стежку. Що, напрыкладъ, завадыть цій пани, якъ прйде Степанъ колы-небудъ. Вона добре вже знае, що й у наймычокъ йе знаѹми, або родычы, що наймычка бильше, нижъ хто иншый, бажае одвесты душу. Черезъ вищо-жъ вона забороняе жывій людныи наблызытысь до кухни? Вона знае напевне, що я та Степанъ не обикрадемо ии, що мы не заведемо гвалту, або бйкы, що-жъ ий до того, колы у мене посыдыть зъ вечора гистъ? Хай-же не выгадуе! „Пиду повлычу ёго до себе, тай край!“—надумала молодыця, и ця смилыва думка такъ опанувала ии, а бажання побачыты били себе блызьку людныу такъ охопыла ии, що вона опамьяталася вже били Степановой кухни.

— Увйты, чы ни?—запытала себе Приська.—Увйду!.. зважылася и видчыныла трохы двери. Зъ кухни понисся регить та гоминь. Приська застыдылася, скочыла зъ рундука и мерщій сховалася за рижокъ, бо видъ конюшни йшовъ хтось зъ лыхтаремъ. На превельку радистъ Приськи то бувъ Степанъ.

— Степане!—обизвалася нышкомъ Приська.

— Присько?—запытавъ здывованный Степанъ.—Це ты? Що трапылося?

Приська не знала що видповидати: ий и соромно було и досадно на себе за свй вчынокъ.

Степанъ погасывъ лыхтарь и обережно, манывцями, повивъ молодыцю до конюшни. Въ конюшни пидъ стинкою, зроблена була лава, на якій у литку спавъ кучерь; теперъ тамъ

лежали хомуты. Степанъ поскыдавъ ихъ до-долу и посадивъ туды Приську.

— Я прійшла до тебе, Степане, (Степанъ умовывъ їм явось недавно казаты ёму „ты“), щобъ ты мени десь ивше мисце знайшовъ. Не постачае вже снагы моеи терпиты. Повирышь!—рада мыши, колы де заскребется, собаки, якъ обивзется... Така туга обняла та така досада... Думала я, думала, тай надумала оце питы до тебе... Не сподивався?

— Не думавъ, не сподивався такого счастья. Якый я радый, колы-бъ ты знала! Сыдивъ я оце въ кухни, сыдивъ... слухаю однимъ вухомъ, що Дунька плеще, а думкы все билия тебе... Вчора я стоявъ на дощи, стоявъ, вызыравъ тебе—не йдешъ. Пиду, думаю, въ кухню. Вже намирывся бувъ пльгнуты черезъ тынъ, та проклятый Бровко такой галась счынывъ, що я ледве зъ душею втикъ, и чумарку порвавъ.

— Я чула, якъ Бровко гвалтувався,—засміялася Приська.

— Та-то й не вышла провесты!

— Хыба-жъ я знала, що то ты шматуешъ по тынахъ чумарку?—засміялася изнову Приська.

— Щей глузуе! Небись, колы-бъ хто до любви прійшовъ, то серцемъ почувла-бъ та выбигла-бъ на зустрічь. Правда?

— Про те вже не знаю: чы вищувало-бъ мени сердце, хто собакъ гвалтуе?

— Ты жъ кохала кого-небудь. Кохала?—запытався Степанъ, присовуючысь блыжче до молодойци.

— Ни, не кохала,—видмовила Приська и зареготалася.

— Брешешъ!—не йнявъ виры Степанъ.

— Не знаю, що-то и за кохання?

— Брешешъ, їй-же Богу, брешешъ! Ты мабудь и теперь кого-сь кохаешъ.

— Може,—видповила лукаво Приська.

— Ни такы, безъ жартивъ, Присько, признайся мени по правди!—попрохавъ Степанъ.

— Ій-Богу, никого не кохала. И самъ подумай: въ кого-бъ я мала закохатися? Та й на лыхои годины те кохання зда-

лося? Любисенько можно и безъ ёго на свити прожыты. Безъ людей не можно обійтыся: оце сёгодня, напрыкладъ, якъ задо-салувала я самитня, то й карбованця не пошкодила-бъ, абы побалакаты зъ кымъ. А кохання... навищо воно мени здалося? Онъ у мене десь на сели и чоловікъ йе...,—додала вона и тяжко зитхнула.

— Годи плескаты нисенитвыцю!—однаково не повирю. Безъ кохання не прожыве жадна людыва, а тымъ паче нашъ братъ—наймытъ. Яки веселоци, яки радоци йе у ёго? Одне—заборонене, на друге—грошей не постачае, на третге—часу не мае, на четверте—розуму не хвата; тилькы кохання и не заборонено, не вымагае ни велькыхъ грошей, ни велького ро-зуму. Я ось по соби знаю: якъ гирко не доводится мени иноди, а колы-бъ ты мене хочъ крихотку кохала, то я бъ на гору й каминь цокотывъ... Ты, бачъ, мовчышъ, наче и не про тебе ричъ моя, наче и не чуешъ? Такъ скажы-жъ мени: чымъ я тоби не до мысли? Старый я, поганий, чы дурный?—запытався стурбовано Степанъ.

— Хыба я колы казала, що ты старый, поганий, або дурный?—видповила пошепки молодыця.—Отъ-же, бачышъ, сама прыйшла до тебе.

— Прышла, бо никуды було бильше йты,—зитхнувъ Степанъ.—А колы-бъ мала кого иншого, то й не згадала-бъ про мене; чы такъ?

— Авже-жъ такъ,—засміялася Приська,—але смихъ ии, якъ здалося Степанови, вже не бувъ такой байдужый та весе-лый, якъ завжды.

— Недобра ты! Навищо ты дратуешъ мене, чому николы правды не скажешъ? Жартуешъ, кепкуешъ зъ мене, а колы-бъ ты тилькы знала, що діется зъ моимъ сердцемъ, якъ облываеця воно кривью видъ тыхъ жартивъ!—мовывъ зъ докоромъ Степанъ и похыливъ свою голову.

Въ конюшни стало тыхо та сумно. Приська хотила початы розмову, та не знала, що казаты. Степанъ сидивъ замысленый та зажуреный,—треба було заспокоиты та розважыты ёго. Йй

невнятно шлода стало ёго, ии сердце тежъ защемило, забылося пидъ впливомъ Степановыхъ ричей; ий гарно, ий любо було сыдигы била ёго, слухаты ёго речи про коханья, дывытысь на ёго... Може то и вона вже кохае ёго?

— Пиду я до-дому, бо пани доси кынулася мене,—пидвѣлася молодыця. Степанъ ухопывъ ии за руку.

— Посыдь ще трохи,—попрохавъ винь Приську такъ чуло, що Присьци и въ думку не сталося змагатысь зъ нимъ. Вона сила изнову.

— Сыдю я оде та й думаю: чымъ я Бога прогнивывъ, що такый нещасный?—почавъ трохи згодомъ Степанъ.—Тилькы и прохаю у Ёго, тилькы и молюсь Ёму Мылосердному, щобъ... Та що тобі казаты?—перебывъ винь самъ себе... Навищо тобі це казаты? Щобъ сміялася потимъ зъ мене, щобъ знущалася зъ коханья мого? Колы-бъ я хочъ знавъ, що ты мене не ненавдышь...

— Хыба я тебе ненавдыю?—обизвалася Приська.

— Колы-бъ я знавъ, що я тобі не осоружный, не брыдкый!—мовывъ палко Степанъ.

— Николи не бувъ ты мени осоружнымъ, а останними часами ты...

— Що? що? останними часами?—перехопывъ Степанъ ричъ молодыци, стыскуючи ии руки у своихъ рукахъ.—Ну! Домовляй! Що ты хотила казаты?

— Ты мени подобасшся,—видповила стыха Приська.

Степанъ кынувся, якъ несамовытый, цилуваты ии руки, ии выдь.

— Коханко, любко моя!—шопотивъ винь, все палкише, все мицнише прыгортаючи молодыцю до своихъ грудей.

И Приська не видбывалася видъ нѣго. Щось незвычайне робылося теперь зъ нею. Вона чула, якъ кожне слово парубка досягае теплою хвылею до самого сердца, якъ умливае воно, якъ замирае, якъ сподивається пестошывъ Степана. На хвыльнку промайнуло, немовъ зъ-за тѣмной хмары выпурнуло, облыччя

Давылове... Якимъ блицимъ, невыразнимъ та поганимъ здався
Присьци чоловікъ іи, якъ що поривняты ёго зъ Степаномъ!

— Степане!—погукавъ хтось зъ кухни.

Приська выбигла зъ конюшни и нышкомъ по-пидъ тыномъ
пробралася до ворить, а Степанъ пишовъ у кухню.

XVI.

Зъ цёго вечора Степанъ ставъ ходыты що-дня до Приськы.
Спочатку молодыця прырозумила выйматы коженъ разъ зимню
ряму у викни и впускала парубка зъ вулицы. Одначе пани не-
забаромъ примитыла, що папиръ на викни занадто довго не
высыхае, и прыбыла ряму добрымы гвоздкамы. Довелося запо-
бигты ласкы Бровка. Не одынъ хвунть яловычыны та хлеба
перетаскавъ Степанъ, покы такы прывчывъ до себе сердытого
Бровка. За те Приська наче на свить народылася. Куды поди-
лыся той сумъ та зануда? Неначе и кухня посвитлишала, ве-
мовъ и сама пани покращала! Цилый день працювала моло-
дыця жваво, моторно, а ничку коротала зъ коханцемъ. Чы
глыбоко закохалася вона—объ тимъ не пытала себе молодыця.
Тяжка самитнисть, потреба маты близьку людыну кынулы и
сперше у обіймы парубка; трохы згодомъ зворушылося у
серци справжне спочуття, а ще згодомъ затлилася й искорка
коханя.

Перейшла осинь зъ іи негодамы та туманамы. Насталы
Риздвяни Святкы. Пани Штейнмильхъ йиздыла визитуваты
знаёмыхъ. Била господо іи тежъ разъ-у-разъ спынялся сани.
Приська радила, що варешти хочъ Святкы розворушаты трохы
вудне жыття госпodynи, та даремно: пышни пани у оксамы-
товыхъ шубахъ вылазылы зъ саней зъ такымы проклёнамы, а
чепурни, ажъ вылощени паны такъ хутко надивалы калошы у
передній, що Приська тилькы дывувалася.

— Ну що це за гости?—розказувала вона Степанови:—
прыйде, посыдыть на кинци дзыглыка пивъ-хвылыны, покор-

чутся, поверещать, вибы-то щось цикаве оповидае, та й тикае наче зъ пекла, зъ проклёномъ та досадою на всихъ тыхъ, кого доводятся зъ Святками здоровыты.

Невеликый гуртокъ Присьчныхъ знаёмыхъ—одна покоянка, та одна замижня пара (кучеръ Спырыдонъ, та жинка ёго Настя) почувалы себе тежъ у гостяхъ не такъ весело, якъ хотилося Присьци, и хочъ молодыця не шкодила грошей, шануючы гостей, але-жъ святошний настрій не прыходывъ.

— Веселише, далеко веселише на сели Святками, нижъ у городи!—казала Приська гостямъ.

— Куды и ривняты!—пидтрымавъ ии Спырыдонъ:—Мы ось бильшь пятнадцаты рокивъ якъ зъ села, а доси не забулысь колядуваты та щедруваты.—А ну, Насте, прыгадай: „Що на нашимъ двори“,—почавъ Спырыдонъ.

— Этъ! выгадавъ!—спынула его Настя.

— Я вже до города звыкъ, якъ рыба до воды, а Святками душею лыну на село; ий-Богу, правда!—сказавъ Спырыдонъ.—Ходыть и въ городи по вулыци молодъ, вештается и тутъ багацько народу, та все не те, все не такъ, якъ на сели: тутъ молодъ ходыть окроме, або у пари, и дышется тоби такъ на всихъ, немовъ то Святкы тилькы про ёго самого, немовъ та друга парка, що йде поодаля, вже й виры иншой, и звичаи мае не ти. А на сели—куды выйшовъ одынъ, тамъ вже и вси; що выгадавъ одынъ—пидтрымалы вси. На вулыци; на выгони, пидъ млыномъ—скривъ гурты та гурточкы однолиткивъ... Куды не глянь, куды не зайды, хочъ у найбиднишу хату, скривъ—Святкы на уми, Святкы—на языци.

— Не вмiють въ городи святкуваты! Сами пьяныци тилькы и веселять городянь. Ось гляньте у викно—яку нызку полыцейськи назбиралы? Матинко! ажъ симъ душъ!—зареготалася Приська, показуючы гостямъ на пьяныць, що заганялы полыцейськи до полыци.

— Безличъ клопотивъ, велика втрата, а веселошывъ вiякыхъ,—зитхнула Настя.

Не меньше за Настю зитхалы та скаржылыся на Святкы и паны. Зануда жывцемъ йила, якъ иржа точыла мало не всихъ, а найпаче тыхъ, що звычайно тыпылыся картамы. Партнёривъ пана Штейнмильхъ тежъ кудысь понесла лыхая годына. Днивъ зо тры винъ повыненъ бувъ граты зъ мало знаёмымы людмы, а на другый день—Водохрещи—и ти не прыйшлы. Пишовъ панъ у клубъ, посидивъ до одынядцатой годыны, продывывся газеты и мусывъ до-дому вертатысь.

Ничъ була чудова, тыха, зоряна! Панъ йшовъ повагомъ, не поспышаючысь, глыбоко замысленый, опанованый нагайнымъ пытаннемъ: куды подитыся, чимъ заповныты цей довгый ще вечиръ, або ничъ? Пани напевне й на крокъ не видступытыся видъ заведеныхъ порядкывъ: вона поклала вже дитей спаты, лягла сама и не схоче сыдыты зъ нымъ... Чытаты? Осточортило ще въ университети чытаты, тай, здаеця, цыкавыхъ кныжокъ немає... „Доведетя пронудытыся годынъ зъ чотыры, поки прыпаде охота лягты спаты. Хыба погуляты ще?“ Панъ пройшовъ повзъ рундукъ свого помешкання и завернувъ за вуголь. У ту-жъ саму хвылыну хтось пробигъ повзъ ёго и пмыгнувъ на тынъ. Панъ набавывъ ходу, дигнавъ того чоловика и ухопывъ за чумарку въ ту хвылыну, колы той мавъ вже пмыгаты у двиръ. Степанъ рванувся, вырвався, кывувся скылькы духу тикаты, и покы збиглыся городови, зныкъ зъ очей пана.

Ця прыгода не пройшла безъ наслыдкывъ: пани стала на-видуватысь въ кухню, и Степанъ ставъ обережншымъ. Иноды проходывъ цылый тыждень, и Прыська не могла поставыты каганця на вывни и тымъ сповыстыты парубка, що пани вже спыты и можно йты безпечно. Нарешты, трапылося якось, що пани занедужала на пропасныцю. Прыська зрадила, що пани не встае зъ лыжка, и першого-жъ вечора подала знакъ Степанови. Але марно просыдила вона до другихъ пывнывъ,—Степанъ не прыйшовъ. — Прыська поставыла каганецъ и на другый, и на третій день, але Степанъ все не прыходывъ. Нарешты, на пятый день, просыдившы до першыхъ пывнывъ,

молодыця не вытримала, нахнула на голову легенький платочокъ и побигла въ самій сукни до Степана, щобъ збудыты ёго, якъ що винъ спыть, або хочъ довидатысь, черезъ вищо винъ не ходыть до неі? Двери въ кухни Степановій булы не защепути, на столи горило свитло, але тамъ спала сама куховарка: ни Степана, ни горнышноі—Дуньки въ хати не було. Приська видразу прыгадала вчорапне пытання крамаркы: якою родычкою доводытся Дунька Степанови, що винъ ій конхветы куцуе?—и зрозумила все..

Невыразна, пекуча рвія обурыла сердце іи. Не памьятаючы гараздъ себе, кынулася вона шукаты зрадныкывъ по чужому подвирью: вона то пидбигала до конюшни и сипала важкый замокъ, то забигала по килькы разъ въ сарай и нышпорыла у пильми по всіхъ закуточкахъ, то верталася изнову до кухни,—проклятого зрадныка и ёго коханки виде не було. Звасылена, зморена, зъ проклёномъ на вустахъ, зъ мукою у сердце, зъ твердымъ намиромъ помстытыся обомъ злодіямъ, що вкралы й пошматували іи сердце, подалася вона до-дому; але тутъ сподивалася іи нова прыгода: двери кухенни булы замкнени зъ середныи. Приська догадалася, що це пани простежыла іи и замкнула двери своеи господоы вже навикы за-для неі; проте все-жъ такы зважылася злегенькыа постукаты. Нихто не обизвався—пани поклала соби залышыты непорядну наймычку середъ ноци на вулицы. Куды подытыся, що робыты? Поблызу—ни одніей знаёмой людныи, та й якъ ёго прызнатыся людямъ, що передъ нею замкнулы двери, що іи не пускають у хату, якъ останню злодійку? А що вона зробыла кому-небудь, вчыныла зле? Хыба вона не выконала тыхъ обовязкывъ, за які ій платылы, хыба вона не скынчыла свого дила? Вона негараздъ робыла, що пдгай зъ хаты выйшла, але-жъ хыба не сама пани прымусыла іи таытысь?

Приська прысила на рундуку и гиро заплакала. Вся вона тремтила видъ холоду, голову здавыло, немовъ у тыскахъ, сердце невыразно болыло.

— Куды йты? що робыты?—пытала у-десяте сама себе молодыця, схопывши обома руками свою поныклу голову. Ставь зриватысь дрыбный снигъ, подыхнувъ холодный витерь,—Приська затремтила ще дужче, схопылася зъ рундука и зъ видчаемъ людыны, що вже немає зъ чого выбираты, по стукалася скилькы сылы, въ двери. Загвалтувалыся собаки; сторожь сусиднёи крамныци забывъ у клепало. Приська злякалася, прытаилася на рундуку, обгорпулася мицвише платочкомъ и, зкорчывшысь яко мога бильше, наче задубла на мисьци. На свитанку витерь повернувъ зъ теплого краю, видразу потеплишало, и пишло на одлыгу. Весь городъ поняло густымъ туманомъ, и сумно выглядалы зъ ёго сири миськи будынкы. Щильно позачынены виконныци та двери, зализни дахы, перемешаны зъ грязюкою навкругы снигъ—все це нагадало молодыци самыхъ господаривъ тыхъ будынкивъ: камьяни сердца—якъ оти муровани стины; холодный розумъ—якъ оти зализни дахы зимнёю добою; таки-жь нечысти думкы, прыкрыти гарнымы словамы—якъ ота глыбока грязюка, прыпорошена бильмъ, непорочнымъ снигомъ. Никому, никому зъ тыхъ людей, що отамъ мицно сылять теперь, немає дила до одынокои жинкы, що мерзне всю ничъ на рундуку, и колы-бъ вона зважылася достукатыся до кого-небудь, розказаты по-правди про свою прыгоду, колы-бъ, облываючысь кривавымы слёзамы, роскраяла свои груди и показала наболиле сердце, то й тоди не знайшла-бъ спочуття. На вищо справди мала и скаржытыся вона? На зраду? О! це звычайна занадто ричь! Чы може на те, що ии выгналы зъ двору, що середь ночи залышылы прыстановыща? Вильно-жь було ий кыдаты хату зарады такой недозволенои за-для наймычкы прымхы, якъ коханья?.. Сама, кругомъ сама вышна...

Ось сонечко пробылося першымъ, несмильвымъ проминямъ. Десь недалечко хтось покнувъ на коня,—селяне зйиздытася вже до торгу. По городу пронисся неясный гоминь. Ворота сусиднёго дворыща рыпнули,—дворныкъ выйхавъ по воду. Приська скочыла зъ рундука и сховалася за крамныцею.

Небагацько часу вже зисталося подождаты, помы лани Штейнмильхъ прокынется та видимкне двери, але теперь кожна хвыльна додае Присьци пекельной муки. Незабаромъ повыходять знаѣми куховаркы, стануть пытаты, допыгуватись іи... Що вона имъ скаже?

А по вулицы стали все частіше та частіше проходыты люде. Вже й Устя побигла,—вона зарани кыда лишко, щобъ першій зибраты новыны. О! Приська стала-бъ ій доброю здобычю, якъ-бы попалась на очы! Вона задовольныла-бъ своею прыгодою всехъ перекупокъ, всехъ куховарокъ, додала-бъ смаку на цилый день городянкамъ, имья іи стало-бъ видоме всимъ, навить де-якымъ господаркамъ. Приська знала все це и ховалася, немовъ те немичне ягнятко видъ хыжыхъ очей лютого вовка. Але ось выплыла, наче той корабль зъ туману, куховарка Тытьяна; зъ усихъ дворивъ высыпалы дворныкы счыщаты пишоходы, наблыжаеця и господарка тіей крамнычкы, де прытаилася Приська,—краще кризь землю провалытись, нижь терпнты цю муку. „Господы! напуты мене! Царыце небесна, крый мене своимъ покровомъ!“—шопотила молодыця, посуваючысь тыхесенько по-пидъ тыномъ геть видъ крамныци.

Нарешти видчынылыся двери, и пани Штейнмильхъ, свижа, бадёрна, якъ и завжды, выйшла на вулицю. Якъ ридній матери зрадила ій молодыця и кынулася до дверей, щобъ проскочыть у хату.

— Погулай трохы: я прыведу наймычку и тоди дамъ тобі розсчотъ,—мовыла спокійно, безъ гнива, безъ серця, пани и повернула не поспышаючысь ключъ у дверяхъ.

Приська побигла до крамныци.

— Де мени кватырю знайти?—запытала вона у крамаркы.

— Хыба розсчыталася?—здывувалася крамарка.

— Розсчыталася,—видповила молодыця, не попадаючы зубомъ на зубъ.

— Ай-ай-ай! Така хороша пани, а ты розсчыталася! У тебе пропасныця, нездужаешъ, вся тремтышь? И у самій сукни?—здывувалася изнову крамарка.

— Дайте мени Бога рады яку ганчирку на плечы: пави пишла до торгу та замкнула кухню,—попрохала Приська.

Крамарка подала їй платокъ.

— Найохотнише наймають кватырю вси служкы у Палагеи Тыхоновны, але ты зовсимъ слаба, тамъ тоби буде неспокойно. Може у тебе хто знаёмый ѡе, то краще перебудь тамъ, погы одужаешъ,—порадыла крамарка.

Приська перебрала въ памъяты всихъ своихъ знаёмыхъ. Ни, нема такихъ людей. До Сохвіи Трохымовны вона вже не звернется, бо знае, якъ вона судыла їи за Степана, до другои знаёмой перекупкы не варто, бо тамъ и сынъ пьяныця, и зять непуцящый.

— До тебе-жъ часто Настя приходыла,—нагадала крамарка.

Приська замыслылася: не хотилося їй клопотаты чужыхъ людей.

— Ни, мовыла вона, мени якъ-бы на кватырю.

— Идить, тетю, до Палагеи Тыхоновны!—обизвалася якась шустра, гостроноса дивчына у вельчезныхъ калошахъ на босу ногу.—Весь городъ обїйдить, то кращои кватыри не знайдете. Моя сестра тамъ завжды сыдыть.

— И Палагея Тыхоновна не дорого бере,—мовыла крамарка обережно.

Приська подякувала за пораду и побигла до-дому, бо пани Штейнмильхъ саме повернулася зъ торгу.

XVII.

Палагея Тыхоновна мала тилькы маленький грунтыкъ на шпыли, проте жыття їи було цилкомъ забезпечене. Маленькы дви хатыны черезъ сны николы не пустувалы. Въ одній вона сама жыла и прыймала до себеи ноги „благородныхъ“ кватыранокъ, а вси куточки другои булы завжды позастановлювани скрыпъками наймычокъ, що перебувалы тутъ той часъ, поки

трапаться місце. Невельчка плата — п'ятдесят копійек на місяць за кутокъ, обихидлива, приемле та балакуча Палагея Тыхоновна, а найдужче та безмежна воля, що давала господарка своимъ кватиранкамъ, прынажувала наймычокъ до цихъ разъ-у-разъ мокрыхъ та цвильхъ куткивъ дужче, ніжъ сухи та простори хаты другихъ мищанокъ.

— Хвалыты Бога, хаты мои николи не пустують: одна виходыть, а на ін місце дви виходыть. А черезъ вищо? Черезъ те, що я ихъ не спыняю, не грызу имъ головы, якъ тамъ инши. „Гуляйте“, кажу имъ, „дивчата та молодычкы, поки гуляється! Не шкодйте грошей—однаково усихъ дирокъ не полатаете, а на старисть ничимъ буде спогадаты молоди лита. Навищо те каяття, якъ нема вороття? Сама я була колысь молодю—сама знаю тіи дивоцькіи прыгоды“!—казала було Палагея Тыхоновна пидъ чаркою.

— Чого похнююлася?—Чого нись повисыла?—нападется було иноди на яку кватиранку, що сыдыть замыслена.

— Грошы вытратыла!—несмыльво обизвется кватиранка.

— А видчынай скрыню. Та у тебе тутъ ще добра на місяць. Оце-жь платокъ такый, що за ёго и карбованця можно взяты, а це сукня.. За оцей настильныкъ я тобі сама п'ятдесят копійек дамъ. Дать?

Дивка радо выдавала у пивъ-цины свій настильныкъ, абы не йты до торгу, де ін напевне высміють товаркы, и зъ подякою прыймала видъ Палагеи Тыхоновны полтынныка. Колы-жь у тій скрынци не було вже ничого цикавого, Палагея Тыхоновна и тоди тежъ ставала у прыгоди, бо знала завжды, у якихъ панивъ бракуе наймычкы, и посылала „голодранку“ службыты.

— Якимъ це витромъ занесло тебе до мене?—здывувалася Палагея Тыхоновна, зустричаючы Приську на дверяхъ.—Ты-жь, здається, завжды кватирувала у Сохвіи? Посварылася зъ нею, чы вона тебе не схотила?

Не сварылася я зъ нею, и не запытувала ін, чы схоче вона мене взяты, а пораялы мени люде до вась, я и прыйи-

хала,—видповила Приська, не дывлючыся у вичи новаи господары.

Палагея Тыхоновна пыльно подывылася на молодыцю: вона ій не вяла вары.

— Не хочеш правды вазаты—я і не допытуюся. Чы люде пораялы, чы сама схотила—мени однаково. А скількы-жъ у тебе грошей?—запыталася вона, озыраючы іі невелику скрыню.

— Симнадцять карбованцывъ,—видповила Приська, высыпаючы на долоню тры золотыхъ та срибла трохы.

— На першыя часъ буде зъ тебе; видпочынешъ спокійно,—мовыла значно прывитнише хазяйка.—Сідай, выпьешъ чаю, бо ты щось зблidlа дуже. Не спала, чы змерзла?

— Не спала: зубы болилы,—збрехала Приська.

— Поцарь ихъ чаемъ та полизь на пичь, то воны і пройдуць. А я побіжу на часыну до кумы...,—мовыла Палагея Тыхоновна.

Приська напылася чаю усмакъ и, якъ тилькы хазяйка выйшла зъ хаты, полизла на пичь.

Незабаромъ попрокыдалыся и кватыранкы. Повставалы воны хмури та невесели. Машка прыгадала учорашню суперечку зъ булошныкомъ Яковомъ и напалася зъ просоння на Варку за те, що вона прытягла вчора пьяного Якова на кватырю. Варка видповила ій ще гостришою лайкою и стала доводыты, що сама Машка упылася дужче за Якова. Машка спорылася, здавалася на Гашку; Гашка умовляла Варку мовчаты, Варка гримала на Гашку... Тилькы Санька не прыймала ніякои участы у цій суперечци и лежала соби нышкомъ, укрыта зъ головою, та все думала одну думу: якъ уберегты свое імья дивоцьке видъ виковишнѣи плямы, якъ збутыся того сорому, що ось-ось незабаромъ покрые іі голову. Вже висимъ мисяцывъ и вранди и увечери, и лягаючы спать и прокыдаючыся, клала ця симнадцятылитня дывчына на терезы грихъ та соромъ дивоцькый и доси не могла спостерегты, на який бикъ коромысло дужче нахыляется. Кого бильше остерегатыся? Кого бильше боятыся? Хто дужче покарае: Богъ, чы люде?

— Прыберы къ бису свое манаття!—крыкнула Варка, шпурляючи ногою Гашкынъ платокъ.

— Не шпурлайся!—обизвалася Гашка, обережно згортаючи платокъ,

— Не шпурлайся!—передражнила Варка.—Я-бъ тебе доси трычы пошпурыла зъ хаты, якъ-бы моя воля! обирванко, голодранко!

— Хочъ и голодранка та не злодійка: значкивъ зъ панськихъ напирныкивъ не выплутую,—видмовыла Гашка.

— Ты бачыла, що я выплутую? Ты докажешъ? Присягнешъ?—накынулася на неи Варка.

— Бачыла, докажу, присягну,—мовыла спокійно Гашка,—ось и теперь на твоєму напирныку А. В.

— Попалася!—зареготалася Машка.

— У чимъ попалася? Чого ты сѣбаєшся, божевильна, патлата?—кынулася до неи Варка.

— Хай и божевильна, хай и патлата, та все не така, якъ ты,—показала языкъ Машка.

— Яка? яка я?—наступыла Варка.

Машка тилькы й сподивала цѣго пытання: вона майнула до дверей, ухопылася за клямку, щобъ швидче утекты якъ розсатаніе Варка, и почала по пальцяхъ личыты вси ти прызвыща, що поскладалы про Варку куховаркы. Очи и блестылы, чорни пасмы курчавого волосся розпатлалыся, послутувалыся и пиднялыся высокою коныцею на голови... Вона стояла на порози у одній сорочци, трымтила вся видъ холоду, але не сынялася ни на хвылынну реготатысь та сыпаты образлывымы прызвыщами на свою товарку.

Варка крыкнула на неи разъ, вдруге, и ухопыла качалку. Машка видчыныла двери и мало не стукнулася лобомъ зъ Приською, що прыбигла довидатысь, що-то за галасъ зчынывся помижъ кватыранкамы.

Подругы-ворогы видразу стыхлы и кынулысь оправляты себе та свои лижка. Вси ци дивчата булы видоми добре Присьци, але вона насылу прызнала ихъ теперь. Чы це-жь та

сама Санька, що, якъ казала Тытьяна, набрала видъ пана Боголюбова „копыцю“ грошей? Що прыневолило їи оселитися тутъ? Де їи грошы? Невже це та сама Гашка, що на Покрову купыла пальто за пятнадцять карбованцивъ, а зимою йиздыла зъ панією Рыбалыною по крамныцяхъ? Чы то-жь та пышава Варка, що „трехрублёвыхъ“ наймычокъ не прызнае й за подругъ? Або ця Машка! Що трапылося имъ, що звело ихъ сюды до купы, зривняло й достаткы и становыще ихъ? Приська дывылася на обирвану Гашку, на люту Варку, на розпатлану Машку и не знала, якъ забалакаты до нихъ.

Дивчата тежь не розумилы, яке лыхо прытаскало молодыцю до ихъ гурту, и поглядалы скоса на неи.

Тымъ часомъ Варка внесла самоваръ, выняла зъ скрыни сахаръ, бублыкы, заварыла чай и запрохала Приську до чаю. Санька налыла соби чайныкъ и поклыкала Машку. Тилькы Гашка не рушыла зъ своей маненькои скрынькы та сумво поглядала на подругъ: у неи не було ни сахарю, ни чаю... Напылыся вси. Санька покляла на свій чайныкъ грудочку сахару и передала ёго Гашци. Голодна дивка допалася до чаю и хотила окропомъ залыты свій голодъ. Вона напывала склянку за склянкою и пыла ёго мало не зовсимъ безъ сахарю. У Приськы заболело сердце, дывлячысь, зъ якою заздристью Гашка позырае на бублыкы.

— Ты-бъ зъ булкою чай пыла, а то тилькы утруновъ попечешъ,—мовыла Приська у надїи, що Варка, у котрой тилькы й zostалыся бублыкы та булкы, подасть хочъ шматочокъ голоднїй Гашци.

— Де-бъ у неи взялася та булка? Вона вже й такъ ось третїй день чужымы недойидкамы харчуется,—мовыла Варка зъ огыдою.

— На тоби, Гашко, пять копїекъ та купы соби булку,—мовыла Приська, подаючи Гашци грошы.

Гашка застыдалася и не хотила брать.

— Ты-жь мени ихъ виддасы, якъ забагатїешъ; це я тоби у позыку даю,—умовляла Приська.

Гашка повагалася ще трохи, але нарешти взяла грошы и незабаромъ прынесла просту паляныцю.

— Чы не хоче хто гаряченькои палянычкы?—запытала вона подругъ, одрижуючы соби окраецъ.

Нихто не схотивъ. Тоди вона завернула обережно остацу паляныци у платочокъ, поклала ѳи у скрыню, замкнула и почала ѳисты одризаный шматокъ. И якъ-же смачно ѳила вона! якъ обережно збирала крыхты зъ спидныци! Приська тилькы дывылася... Чы не видъ такыхъ самыхъ паляныць утекла вона зъ села? Чы не таки сами паляныци загналы може и Гашку въ городъ?

— Чужымъ хлибомъ, немовъ той старецъ, животіешъ!—обивалася изнову Варка, скинчывшы лидводыты свои бровы.

— Мовчы вже! Бо ѳи у тебе не дуже-то брящыть: прыйде Дмитро, то ничимъ буде ѳи прышануваты,—мовыла Машка.

— А це що?—ткнула Варка пидъ самый нисъ Машци срибнымъ карбованцемъ.

— Людкы! Рятуйте! Це-жъ вона, ѳи-же Богу, изнову... Вельчезна подулка, що перелетела черезъ всю хату и улучыла Машци у самый видъ, не дала ѳи домовыты.

Машка ухопыла подушку и пошпурыла нею у Варку, але Варка видскочыла, и подушка гепнула до-долу.

— Гараздъ, що не улучыла, а тобъ я додала тоби сывякивъ до тыхъ, що Якивъ вчора наробывъ. Тягны до торгу оставню сорочку, бо якъ прыйде Якивъ, а не буде горилкы, то винъ изнову накладе,—мовыла Варка.

— Хмба-то винъ мене за горилку вчора бывъ?—здывувалася Машка.

— А то-жъ за вищо?—запытала Варка.

— То винъ мене прыревнувавъ.

— Прыревнувавъ?! — зареготалася Варка. — Подывысь у воду на свою вроду, та тоди ѳи скажы, чы варто тебе ревнуваты?—додала вона, хутко натыраючы щокы червонымъ палиромъ зъ конхветы.

— Та вже-жъ у Машкы Якивъ гороху не молотывъ,—на-
тякнула на Варчыне ряботыне значно повеселившя писля спи-
дання Гашка.

— Ось цытьте!—спыныла Санька,—наче у шынку! И якъ
вамъ не соромно?—

— Сховай лышень ты свій соромъ дивоцькый, поважана
пани Боголюбова,—белькнула Варка.

— Образа улучыла ии у саме серце. Санька зблidlа, якъ
крейда, и упала на лижку, залываючысь слёзамы.

Варка сама побачыла, що переборщыла, образывшы завжды
тыху, звычайну та прыемну подругу, але не схотила попрохаты
выбачення, а хутко одяглася и подалася въ городъ. Машка та
Гашка заспокоилися, почалы розчисурагысь, а тымъ часомъ
розпытывагысь Приську про ии жыття, та розказывагы про себе,
Воны розбалакалыся, забулы про Варку та недавню суперечку,
и тилькы Санька ще довго не стыхала плакаты.

Бидна дивчына гадала, що ще никто не дизнався про ии
соромъ, про ии грихъ, що вона поворовкамы та попередныкомъ
добре захыстылася видъ людськыхъ наговоривъ, а теперь годи
вже думаты про терезы, годи молыты Бога, щобъ Винъ не по-
пустывъ ии дыгынци народытыся живою: Варка единымъ сло-
вомъ пхнула ии у ту безодню прирву, звидкиль ий не буде вже
ныколы вороття. Приська дывылася, якъ Санька убывалася, якъ
облывала гиркымы подушку, и трохы не заплакала й сама. Горе
цей дивчыны нагадало ий ии власне горе, муку цей останней нич-
кы... Чы не сподываеця и ии така сама доля? Чы далеко ще той
часъ, колы и ий, якъ оце теперь Санци, яка небудь Варка кыне
у вичи гирке, образыве, але правдыве, слово? „Ни“, заспокоила
вона сама себе: сама вона вынва у свий прыгоди, а я не по-
пущу себе до того. Не грала-бъ музыка, не гулялы-бъ люде,
не було-бъ отыхъ крамыць, отыхъ роскышныхъ будывливъ,
якъ-бы вси булы у городи такы безталанни, якъ Санька...

XVIII.

Приська не знала вдачы та звычайв̄ кватыраногъ Палагеи Тыхоновны и дуже здывувалася, колы побачыла у вечери, якъ вони спильно та весело клопочутся бия застланого билимъ настильныкомъ столу. Наготовлялыся чаркы, пляшкы, склянки та тарилкы. Варка зъ завирченымъ у папирь чубомъ, намащена якоюсь мазью, прыймала видъ Палагеи Тыхоновны ножи та вылки, що та одличувала кватырацкамъ у позыку; червона, запыхана одъ биганыны Машка ризала булкы; Санька поралася бия оселедцив̄; Гашка вытырала помисть. Ніякои згадки, ніякого натяку про ранишню сварку,—неначе то поралося чотыры ридни сестры, сподиваючысь якогось всимъ однаково любьязного гостя.

— Кого вы сподиваетесь?—запытала Приська Варкы.

— Особлыво никого: такъ, де-яки знаёми прыйдуть,—видповила Варка такимъ самымъ голосомъ, якимъ колысь пани Рыбалкына де-кому зъ знаёмыхъ казала, сподиваючысь именного гостя.

— Може й у тебе йе гарни знаёмы, то запросы на вечирь,—порадыла Палагея Тыхоновна Присьци.

— Ни, у мене нема такихъ знаёмыхъ,—видказала Приська.

— У монашкы пошылася, чы що? Не выгадуй не звать чого—однаково ништо тоби не повірыть. Не соромся та поклычь, кого знаешъ. Подывысь на Машку—якъ прытанцёвуе! Неначе оти оселедци та булкы зъ неба уналы! Чы ба, якъ радіе, а вона-жъ сёгодні останню спиднычыну понесла до торгу. Машво! годи танцюваты: закаблуку побьешъ,—зареготалася Палагея Тыхоновна.

— Беры ихъ морока!—гуркнула Машка и загупотила босымы ногами...

Палагея Тыхоновна не втерпила: надійшла до Машкы и вщипнула їи.

— Люблю я такихъ дивчатъ! Отъ зъ кымъ жыты весело! А все-жъ такы завтра потягну тебе до Рейтаркы,—часъ вже й нанятись. Тилькы чы выбудешъ тамъ?

— Ого! ще якъ! Въ якому пекли не доводилося служыты—скрызъ выбувала,—заспокоила Машка Палагею Тыхоновну.

— Мисяця...,—додала Варка...

— Ни, у тїеи... якъ іи... забулася, ажъ два мисяци выбула,—похвасталася Машка.

— Ото-жъ й у Рейтаркы треба выбутъ не меньше двоухъ мисяцизъ,—звѣлила Палагея Тыхоновна.

— Выбуду!—мовыла Машка и побигла до Гашкыной мыскы мыть ногы... Тилькы объ одынадцятїй годыни вечера стали збиратыся гости. Першымъ прыйшовъ прыкащыкъ залізной крамныци, Дмитро. Це бувъ молодой, огрядный парубокъ. Зъ першого погляду винъ робывъ на всихъ прыемне вражиння, але досыть було мовыты ёму одно словечко, досыть зробыты одынъ крокъ по хати—и вражиння те пропадало. Винъ ступавъ такъ обережно, повертався такъ нешвыдко, робывъ таки маленьки ступни, що робылося нудно, дывлячысь на ёго, и такъ и хотилося гукнуты: „проворнишь!“ Балакавъ винъ тыхесенько, тониесенько, незвычайно швыдко й ковтавъ слова. Ривный голосокъ ёго прыхочувавъ и дитей и дорослыхъ до сну, а оповидання ёго не малы николы ни початку, ни кинця. Винъ увїйшовъ у хату, поздоровкався до знаёмыхъ дивчатъ, поклавъ на столи паунокъ горихивъ и надїйшовъ знаёмытысь до Приськы.

— Мы почасты знаёми—вы булы якось у крамныци.—

— Була разъ,—мовыла Приська.

— Дмитро повернувся обережно, щобъ бува не зачепыть якого стульця, або не наступыть на вищо небудь, пройшовъ хату и сивъ у куточку, бия столу. Варка сила поручъ, хотила щось любенько запытаты свого кавалера, але замистъ того несподивано смачно позихнула.

Машка глянула на неи и зареготалася на всю хату. Варка хотила спыныты подругу, але не вытримала сама и тежъ засмїялася. Дмитро, не зрозумившы, що то винъ самъ прызвивъ до смиху, усмихнувся и соби.—Цёго було досыть, щобъ довесты Машку до краю... Вона почала такъ смїятися, що вже ни Гашка, ни Санька, ни Приська не малы снагы перебороты и

себе... У Машки вже дьлыся слёзы, вона качалася на лижку, ойкала, хапалася за боки и, глянувши на Варку, почынала ще дужче сміятись.

На счастья їи, щось протупотило повзъ викно. Машка серцемъ почула, що то йде їи коханецъ, булочныкъ Якивъ, стыхла, утерла слёзы и выбигла ёму назустричь. Це була людына зовсимъ иншой вдачы, нижь Дмитро. На ёму була проста чумарка, трохи де-не-де прыпорошена борошномъ, велики прости чоботы, чорный картузь. Самъ винъ бувъ зросту невеличкого, на облыччя трохи блидый, але незвычайно веселый. Винъ увальывъ въ хату, гараздъ не обтрусывшы снигу, и мицно стыснувшы всимъ дамамъ, навить незнаемій ему Присьци, руку, звеливъ Машци подавать самоваръ.

Видразу вси заворушылыся, стульця прысунулыся до столу, всимъ стало весело, любо та гарно.

Самъ Якивъ не любывъ ничего оповидаты, а ще дужче не любывъ слухаты... Винъ любывъ, щобъ вси балакалы, пыталы, роспытувалыся, але коротенько, весело та жваво, и радый бувъ завжды, колы мавъ що особо цикаве але прыемне переказаты.

— Олександро Мартыновно!—звернувся винъ до Саньки:—прынясь вамъ прыемну новыну: сёгодня прыбуде до васъ Сергій.

— Санько! чуешъ?—зрадила Машка.—Сергій твій прыйде! Санька густо почервонила.

— Чы прыйде—хай прыходыть,—мовыла вона стыха.

— Хыба то вамъ справди такъ равнодушно?—протягъ то-нисенько Дмитро, звертаючыся до Саньки.

— А тоби, яке дило „равнодушно“, чы „неравнодушно“ Саньци? Радій, що Варвара Памхвыловна до тебе сёгодня „неравнодушна“,—одризавъ ёму Якивъ.—Та яки вы сёгодня, Варваро Памхвыловна, антересни! Машка! щобъ ты мени завжды такъ чубъ завывала.

Ха—ха—ха!—зареготалася Машка.—И выгада!

— Йй не до лыця чубъ,—обизвалася Варка.

— Колы ій чубъ не до лыця, то намъ горилка до лыця. Представляй, Дмитро, свою чарку!—мовывъ Якивъ, наливаючы у свою чарку горилку, настоену на померанцовыхъ шкуркахъ.

— Самоваръ закипывъ,—сповистыла Гашка.

— Подавай!—скомандувала Варка.

Гашка побигла.

Становыще поыхача у такыхъ самыхъ наймытивъ, якъ и вона, ни крапли не турбовало и не ображало Гашку. Слухняна, гарной та тихой вдачы дивчына радо пособляла кожному и николи не видмовлялась подилытыся и гришмы, колы мала ихъ. „Гашка—вивця“, „Гашка—дурна“,—казалы товаркы, про те ридко яка не корыстувалася чимъ-небудь видъ тіеи вивци. Немало горя прыйняла вже дивчына черезъ те ймовирне та жалистлыве сердце, черезъ ту памяць, що пропускала, якъ решето воду, всяке лыхо, що чынылы ій недобри люде, и затрымувала тилькы золотый писокъ ихъ гарныхъ вчынкывъ.

Дійшла вона до сучасного становыща „голодной обирванкы“ черезъ пани Рыбалкыну. Колы Гашка нанялася до цихъ панывъ, у неи було трыдцять карбованцивъ запрацёваныхъ за чотыры роки грошей. Пани довидалася, що у дивчыны поводятся грошы, и прырозумила, якъ скорыстуватись ными. Вона умовыла Гашку купыты новомодне пальто, шовковый платокъ, полусапожкы на пуговкахъ, и колы дурна дивка послухалася тіеи порады та одяглася якъ павычъ, пани стала возыть іи по городу, по крамныцахъ, та выхвалятыся предъ знаёмымы убраннямъ своеи покойкы. Але, звычайно, не надовго постачыло пани ціеи забавкы:—вона розсчытала за вищо-сь Гашку и, будимъ-то забувшысь про умовы, заплатыла ій тилькы по тры карбованця на мисяць, замисть чотырѣхъ. А тымъ часомъ склалася вже про Гашку недобра слава. До заможныхъ панывъ вона була нездатня, а бидниши остерегалыся найматы покойнку, що носыть новомоднѣ пальто та спидныци „колоколомъ“. Гашка оселылася на кватыри у Палагеи Тыхоновны, пройидала сперше грошы пани Рыбалкыной, потимъ одягу и теперь сподивалася, голодна, обидрана, родычей зъ села, що обищалы взяты іи до дому.

— Будемо зразу чай пыть, а потимъ закусымо!—мовыла Машка, запарючы чай.—Гашко! попрохай у Палагеи Тыхоновны блюдцывь! Варко, нарижь ще кранзолій!.. Гашка побигла, а Варка не рушыла зъ мисця. Машка налыла всимъ чай и, впевнывшысь, що Варка хоче сёгодня буты „барыней“, заходьлася сама порядкувати биля столу. Ій було незвычайно весело: Яківъ прыйшовъ тверезымъ, не даявъ, не гримавъ на неи, и цёго було досыть, щобъ осчастыты Машку на весь вечерь. Вона стала незабаромъ „душею обчества“, „царыцею бала“; до неи зверталысь, до неи балабалаы вси, и навить Дмитро, на превельку досаду Варкы, „разъ одпустывъ ій комплимента“.

— Машко! спивай!—звеливъ Яківъ.

Машка одькнулася на спынку стульця и ту-жь мыть завела „выхожу одыняъ я на дорогу“.

— Весь самоварь вытече—поки ты свою писню доведешъ до краю,—спыныла и Варка.

Справди вода залыла вже всю пидставку пидъ самоваромъ.

— Отака голова!—зареготалася Машка.

— Молодисть!—зауважывъ тонисенько Дмитро.

— Хто-бъ казавъ: „молодисть“! Вамъ мабудь и самымъ ще двадцяты рокивъ немає,—мовыла Машка.

— Торикъ перейшовъ призовъ,—не канхвуйте!

— Такъ мы зъ вами однолиткы!—зрадила Машка.

— Дуже прыемно це зъ вашихъ усть чуты: у одному роци родытыся—це все одно, що пориднытыся,—мовывъ Дмитро зъ незвычайно прыемною ухмилкою.

— Ахъ! якъ це гарно! Скільки-жь це у мене родычивъ! Теперь завжды пытатымусь кавалеривъ: скільки вамъ рокивъ?—пидхопыла Машка.

— А я иншихъ родычивъ и не бажаю: я задоволенный такою родычвою, якъ вы,—протягъ Дмитро.

— Комплыментъ, комплыментъ!—забыла Машка у долони:—Чуешъ, Варко?

— Варка давно вже чула, бачыла все и кусала нервово губы. На ии погляды Машка трымала себе гыдко, а зъ боку

Дмытра було досыть „неделикатно„ розкыдаты свои комплыменты навколо.

— Чого ты такъ врычышь? Наче вси поглухлы,—мовыла зъ сердцемъ Варка.

Машка прытыхла.

— Сергій прыйшовъ!—оповыстыла Гашка.

Санька, що сыдила весь часъ мовчки за своею склянкою чаю, пидвелася була и знову зразу сила.—Чого винъ прыйшовъ?—запытала сама себе Санька. Невже винъ выбачывъ ий все те, що вона наробыла, и прыйшовъ, щобъ скинчыты давно початый романъ весиллямы? Чы то може бажання помстытыся за зраду ии прывело Сергія сюды? Якъ зустриты, якъ витаты ёго: за прыхыльну людыну, чы може за клятого ворога?

А Сергій, якъ на те, щось дуже довго обтрушувавъ у сняхъ сныгъ зъ чобитъ. Ёму, сыну порядной семьи, було и боляче и страшно заходыты сюды, шукаты Саньку, свою кохану, заручену дивчыну, помижъ п'яныхъ людей. Вже все колысь було на поготови, щобъ одружытыся зъ нею; батько—бондаръ и маты—перекупка здатни были прыняты Саньку до себе за невестку, Сергій безъ миры кохавъ ии, и треба було-жь ёму одлучытыся зъ города на мисяць, а ий нанятыся до Боголюбовыхъ? Сергій, довидавшысь видъ Тытьяны про свое лыхо, трохи не наложывъ бувъ на себе рукъ, и батько поспышывсь одвезты ёго до свого брата ажъ за трыста версты. Недавнечко винъ повернувся, и хто-сь белькнувъ ёму, що Саньку оговорено, оббрыхано. Винъ ухватывся за ту звистку и прыбигъ теперь до Саньки зъ надією порозумитыся зъ марно опороченою дивчыною та выпрохаты у неи выбачення за те, що винъ, не довидавшысь видъ неи самой правды, покынувъ бувъ ии колысь.

Але обставыны за-для такой розмовы были непидхожи.

— Охота вамъ сыдиты у такій духоти? На двори така чудова годына, зоряно... Я нарочыто зайшовъ до васъ, Олександро Марковна; чы не погуляете вы трохи?—звернувся винъ несмыливо до Саньки.

Санька змынылася на выду: „чы не надумавъ винъ мене вбыты?—промайнуло у неи въ голови.

— Я щось нездужаю,—видмовыла вона стыха.

— Мы недалечко... разивъ зо-два пройдемся по цій вулиці... Ничъ така гарна, зоряна... Одягнится гарно,—попрохавъ Сергій.

Санька глянула ёму у вичи. Ни, очи душогуба не можуть такъ дывытысь: скількы ласкы, прохання и щырого кохання видбывається у очахъ Сергія!—Санька нахмынула платокъ и смилыво попростувала за Сергіємъ.

— Ось и я до васъ. Чы приймете до гурту?—запытала Палагея Тыхоновна.

Машка схопылася зъ свого стульця и пидставыла ёго хазяйци.

Гашка метнулася у сини розогриваты самоваръ.

— Все до пары, якъ голубочки, тилькы Приська одынока,—мовыла Палагея Тыхоновна, здоровкаючысь до гостей.

— Значыть, не охота паруватыся, бо за парюю не буває остановкы: де одынъ—тамъ може буты и двое,—мовывъ Якивъ.

— Або и трое...—додавъ тыхесенько Дмитро, усмихаючысь.

— Э, то вже ка-зна що, якъ трое. Спробувавъ я бувъ колысь кохаты вдвохъ зъ однимъ парубкомъ молодыцю тай навикы зарикся.

— Зъ кымъ це такъ?—кого,—зацикавылася Машка.

— Багацько будешъ знать — постарієшся, — засміявся Якивъ.

— Голубчыку, Якове, розкажи-бо. Ось на чарочку ще, та тилькы розкажи!—попрохала безъ краю зацикавлена Машка.

— Та розкажи вже!—пидтрымала ии и Палагея Тыхоновна.

— А хто твоимъ кумпаніономъ у сердешнихъ дилахъ бувъ?—запытався Дмитро.

— Хыба не знаєшь хто? Степанъ Гуля,—мовывъ Якивъ. Приська раптомъ почервонила и почала чого-сь шукаты пидъ столомъ.

— Степанъ Гуля. Зъ нымъ мы вдвохъ Боголюбову куховарку, Тытьяну, кохалы: одынъ вечиръ винъ йде до неи на

бенкетъ, а другой—я. Вона насъ шануе и поить й годуе... И такъ ходылы мы до неѣ мало не два мѣсяца, покы якось не упылыся та не завелы при й суперечкы за чергу...

— Ха-ха-ха!—засміялася видъ усѣго сердца Машка:—отъ мабудъ досталосѣ вамъ?

— Було намъ. Степанъ такы якось вырвався зъ ѣи рукъ та втикъ, а мени чысто чуба обирвала...

— Ха—ха—ха! Отъ була кумедія. Шкода, що мене тамъ не було... Тымъ-то у тебе и чубъ ридкый, що Тытьяна переполовыныла,—сміялася Машка.

Приська наче у смоли кыпила. Серце ѣи розрывалосѣ видъ оповиди Якова, слѣзы душылы ѣи; ѣи хотилося крыкнути Машци: чого ты смієшся, навижена?—хыба тоби не прыкро, не досадно слухаты Якова? Хыба въ тебе не болыть сердце, не шкода того коханнѣ, що ты виддаешъ цѣму зрадныкови? Вона прыгадала Дуньку, Степана—и спогады, одынъ сумнишыи, образлывышыи другого, опанувалы нею и все яскравише доводылы, що Степанъ вже не разъ дурывъ ѣи. А Якывъ все не стыхавъ и, пидбадѣреный Машкою та Палагеею Тыхоновною, оповидавъ про свого „компаніона у сердешныхъ дилахъ“, додаючи, звычайно, до дѣйсной правды добру частыну властныхъ выгадокъ.

— Не дуже-то, Якове Семеновычу, розпускайте свого языка,—обизваласѣ Варка. Де-вому дуже непрыемно слухаты ваши речи,—додала вона, ехыдно pozyраючи на Приську.

— Такъ, такъ!—зрадила Машка:—я бачыла колысь Приську зъ Степаномъ. Поздоровляемо, поздоровляемо!—забыла вона у долони.

— Нема зъ чимъ: мало зъ кымъ я не ходыла?—видповила Приська, наче зовсимъ байдуже.

— Неудачный выборъ вашего сердца,—протягъ Дмитро.

— И чого тамъ неудачный? Я бачыла Степана: гарный парубокъ,—обизваласѣ Палагея Тыхоновна...

— Молодець парубокъ! Не вирьте Дмитрови, це винъ зъ задрощивъ каже. Степанъ—парубокъ надъ парубками, и завтра, не буду Яковымъ Перепелыцею, колы не прытягну ѣго сюды,—звернувся зовсимъ вже осоловилый Якывъ до Приськи.

— Безпреминно приведи,—пораяла Палагея Тыхоновна...

— Чого вы до мене присикалыся зъ Степаномъ?—розсердылася Приська.

— Сердытся, сердытся,—видно що правда! Поздоровляемо, поздоровляемо! Теперь вже мы знаемо, кого ты кохаешъ!—зацокотила Машка и хотила зъ радощивъ поцилуваты Приську.

— Неправда, неправда! — видипхнула ии Приська видь себе:—николы я ёго... „не кохала“!—хотила крыкнуты Приська, але запнулася на цёму слови: языкъ не повернувся на таку неправду. Вона выбигла у сины и прыпала головою до стинкы, ледве стрымуючы себе, щобъ не заголосыты.

— Делькатна—зауважывъ Дмитро.

— Кумедіанткв!—кынула зъ огыдою Варка.

— Дурна та плакса!—мовыла Машка, присуваючысь блыжче до Якова.

— А ты, гляды мени, Машко, николы не плачь!—погрозывсь Яковъ на Машку.

— Я?—зареготалася дивка, мовъ не знать яке чудне щось мовывъ ий кавалеръ.

Л. Яновская.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Первые шаги по введенію Положеній 19 февраля 1861 года въ Черниговской губернии.

(Къ 40-лѣтію со дня освобожденія крестьянъ).

(Окончаніе ¹).

IX.

Какъ по великороссійскому, такъ и по малороссійскому положенію, земля, назначенная „для обезпеченія быта крестьянъ и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщиками“ отводилась въ постоянное пользованіе каждаго сельскаго общества ²). Послѣднее составляли, за небольшими исключеніями, строго опредѣленными въ законѣ, всѣ крестьяне, записанные за помѣщикомъ въ одномъ селеніи по послѣдней 10-й ревизіи ³).

¹) См. Кіев. Ст., мартъ, апрѣль.

²) Великороссійское Положеніе ст. 5. Малороссійское Положеніе ст. 5.

³) Великор. Полож. ст. 6—8. Малор. Полож. ст. 6—7.

Размѣръ надѣла крестьянъ опредѣлялся не вездѣ одинаково, а по мѣстностямъ. Въ этомъ отношеніи полтавская губернія была раздѣлена на двѣ мѣстности, черниговская на три, харьковская на четыре ¹⁾. Въ каждой мѣстности полагалось два надѣла—высшій и низшій, въ предѣлахъ которыхъ и могло колебаться добровольное соглашеніе крестьянъ съ помѣщиками. Этимъ добровольнымъ соглашеніемъ преимущественно и долженъ былъ опредѣляться размѣръ надѣла ²⁾. Низшій надѣлъ составлялъ половину высшаго ³⁾.

Высшій душевой надѣлъ полевой и усадебной земли для 1-ой мѣстности черниговской губ., заключавшей въ себѣ конотопскій уѣздъ, части борзенскаго и нѣжинскаго и часть уѣзда козелецкаго былъ опредѣленъ въ $2\frac{3}{4}$ дес.; для второй мѣстности—части уѣздовъ борзенскаго и нѣжинскаго, части козелецкаго уѣзда, уѣздовъ глуховскаго, кролевецкаго, городнянскаго, сосницкаго, новгородсѣверскаго, стародубскаго, черниговскаго и остерскаго—въ 4 десятины и, наконецъ, для уѣздовъ мглинскаго, суражскаго и новозыбковскаго—въ $4\frac{1}{2}$ десятины ⁴⁾. Если бы оказалось, что количество земли, находившееся въ пользованіи крестьянъ до введенія въ дѣйствіе Положеній, превышало высшій размѣръ надѣла, то помѣщикъ имѣлъ право отобрать у крестьянъ излишекъ земли въ свое пользованіе ⁵⁾; но если-бы количество земли у крестьянъ было менѣе положеннаго для данной мѣстности низшаго надѣла, то, по великороссійскому положенію, помѣщикъ долженъ былъ или прирѣзать часть земли до нормы, или же, не прирѣзая ея, по добровольному соглашенію съ крестьянами, уменьшить соотвѣтственно платежи и повинности ⁶⁾; по

1) Великор. Полож. ст. 9—15. Малор. Полож. ст. 8—9.

2) Великор. Полож. ст. 9. Малор. Полож. ст. 8.

3) Великор. Полож. ст. 16. Малор. Полож. ст. 10.

4) Приложение къ 9 ст. Мѣстнаго Полож. для губерній малороссійскихъ.

5) Великор. Полож. ст. 18. Малор. Пол. ст. 12.

6) Великор. Полож. ст. 19.

малороссійскому положенію, онъ обязанъ былъ прирѣзать землю во всякомъ случаѣ ¹⁾. Прирѣзка это отмѣнялась, впрочемъ, если во владѣніи помѣщика оставалось не болѣе одной трети всѣхъ удобныхъ земель ²⁾.

Земля, поступавшая во владѣніе общества, носила названіе мірской, въ Малороссіи—громадской земли ³⁾. Право на пользованія ею имѣли только крестьяне, принадлежавшіе къ извѣстному обществу; разъ крестьянинъ выходилъ изъ общества, онъ терялъ право на пользованіе мірской землей ⁴⁾.

По великороссійскому положенію, только усадебная земля находилась въ постоянномъ пользованіи семейства и переходила по наслѣдству, согласно обычному праву наслѣдованія ⁵⁾. Мірская же полевая земля оставалась въ общинномъ пользованіи крестьянъ и подвергалась передѣламъ ⁶⁾. Впрочемъ, крестьянскому обществу не запрещалось перейти отъ общиннаго пользованія землей къ подворному, раздѣливъ разъ на всегда землю на участки между наличными домохозяевами, съ правами перехода этихъ участковъ по наслѣдству ⁷⁾. Выморочные участки поступали въ такомъ случаѣ въ распоряженіе общества ⁸⁾.

Нѣсколько иной порядокъ былъ въ Малороссіи. Здѣсь общиннаго пользованія, по положенію 1861 г., не существовало. Хотя мірская земля была предоставлена въ пользованіе цѣлаго общества, но она не передѣлялась. Каждое крестьянское семейство сохраняло въ своемъ потомственномъ владѣніи усадьбу, полевые, сѣнокосные и лѣсные участки, которыми оно

¹⁾ Малор. Полож. ст. 13.

²⁾ Великор. Полож. ст. 20, 22 Малор. Полож. ст. 13.

³⁾ Великорос. Полож. ст. 98. Малор. Полож. ст. 92.

⁴⁾ Великор. Полож. ст. 99. Малор. Полож. ст. 99.

⁵⁾ Великор. Полож. ст. 110.

⁶⁾ Тамъ-же ст. 113.

⁷⁾ Тамъ-же ст. 115.

⁸⁾ Тамъ-же ст. 117.

владѣло до изданія Положенія 1861 г. 1). Участки эти переходили по наслѣдству 2). Мало того: домохозяинъ, какъ остающійся въ обществѣ, такъ и выходящій изъ него, имѣлъ право, при жизни своей, передать свой участокъ ближайшему наслѣднику 3) или лицу усыновленному изъ родственниковъ или постороннихъ 4), и только выморочные участки поступали въ распоряженіе общества 5). Впрочемъ, семейные участки не поглощали всей мірской земли. Часть ея, не входившая въ составъ семейныхъ участковъ, оставалась въ пользованіи общества, и на нее распространялись всѣ правила пользованія мірской землей: она оставалась въ общемъ и нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ крестьянъ, распоряженіе его принадлежало сельскому обществу; крестьянинъ, выходящій изъ состава его, терялъ право на пользованіе этой мірскою землей 6).

Семейные участки не были безграничными. Для каждой мѣстности былъ установленъ высшій размѣръ *пѣшаго* полевого участка 7),—для первой мѣстности—въ 4 десятины, для второй—въ 6 дес. и для третьей—въ 7 десятинъ 8). Земля, превышавшая высшій размѣръ пѣшаго участка, считалась добавочнымъ участкомъ. Къ числу послѣднихъ принадлежали и крестьянскія левады, находившіяся внѣ селеній 9).

Понятіе пѣшаго участка на первыхъ порахъ вызывало недоразумѣніе, и предводитель дворянства нѣжинскаго уѣзда обратился въ Черниговское Губернское Присутствіе съ просьбой разъяснить: „что значитъ выраженіе: пѣшій полевой участокъ,

1) Малорос. Полож. ст. 36 и слѣд.

2) Малор. Полож. ст. 93 и слѣд.

3) Малорос. Полож. ст. 94.

4) Тамъ-же ст. 95.

5) Тамъ-же ст. 97.

6) Тамъ-же ст. 98—99.

7) Тамъ же ст. 38 Приложение къ ст. 9-й.

8) Приложение къ ст. 9 Малорос. Положенія.

9) Малорос. Полож. ст. 39.

и что разумѣть подъ словомъ дворъ, хозяйство, семейство?" Словами Г. П. Галагана Присутствіе отвѣтило на этотъ вопросъ такимъ образомъ: „По силѣ статьи 36 мѣстнаго Положенія, оставляются въ пользованіи каждаго крестьянскаго семейства всѣхъ родовъ угодія, въ томъ числѣ, въ какомъ каждое семейство ими пользовалось; слѣдовательно, пѣшимъ участкомъ считается, за исключеніемъ усадебъ, всякое количество земли, хотя бы самое малое и въ настоящее время въ пользованіи крестьянина находящееся, если оно не превышаетъ опредѣленнаго высшаго размѣра пѣшаго участка. Земля, превышающая эту опредѣленную высшую пропорцію, отчисляется по силѣ 39 ст., къ участку добавочному, предоставленному въ пользованіе крестьянъ совершенно на особыхъ правилахъ. Для большаго уразумѣнія этихъ статей, можно привести примѣръ: для нѣжинскаго уѣзда высшій размѣръ пѣшаго участка есть 4 десятины; слѣдовательно, крестьянинъ, имѣющій 1½ или 2 десятины полевой земли, имѣетъ въ пользованіи пѣшій участокъ, а другой крестьянинъ, имѣющій 5½ десятинъ полевой земли, пользуется пѣшимъ участкомъ высшаго размѣра и полутора десятинами добавочнаго. При отмѣнѣ тяглой барщины за добавочные участки, взываніе повинности опредѣляется въ ст. 236 мѣстнаго Положенія.

Дворъ, хозяйство или семейство, по отношенію надѣла или повинности, есть отвѣтственная хозяйственная единица. Дворъ или хозяйство, заключающіе въ себѣ двѣ и болѣе избъ, но своего семейства, находятся нераздѣльными въ отношеніи ихъ хозяйства и не должны быть раздѣлены и въ отношеніи повинности и надѣла. Также точно и наоборотъ: два женатыхъ сына при отцѣ, хотя бы жили въ одной избѣ, но имѣя отдѣльныя хозяйства, должны, по надѣлу и повинностямъ, считаться двумя отдѣльными дворами¹⁾.

За-пользованіе отведенною въ надѣлъ землею крестьяне обязаны были отбывать повинности, которыя раздѣлялись на

1) Журналъ Губернскаго Присутствія № 7, 13 апрѣля 1861 г.

денежная (оброкъ) и издѣльная (барщина) ¹⁾. Повинности эти разнились по мѣстностямъ. Въ губерніяхъ малороссійскихъ за усадьбу полагалась ежегодная плата по 5 р. 10 к. съ десятины; оброкъ въ черниговской губерніи платили—въ первой мѣстности 2 р. 50 к., во второй—1 р. 60 коп., въ третьей—1 р. 40 коп. съ десятины ²⁾. Издѣльная повинность (барщина) отбывалась только мужскимъ населеніемъ ³⁾. Этимъ малороссійскія губерніи отличались отъ великороссійскихъ, гдѣ къ отбыванію барщины привлекалось и женское населеніе ⁴⁾. Размѣръ издѣльной повинности въ черниговской губерніи опредѣлялись такъ: за десятину пѣшаго и добавочнаго полеваго участка въ первой мѣстности мужское населеніе должно было работать 21 день въ году; во второй мѣстности—14, въ третьей—12 дней ⁵⁾. Три пятыхъ рабочихъ дней крестьяне обязаны были отбывать лѣтомъ, а двѣ пятыхъ—зимой ⁶⁾.

Въ отношеніи обезпеченія исправнаго отбыванія повинностей крестьянами мы встрѣчаемъ существенную разницу между малороссійскимъ и великороссійскимъ положеніемъ, и можетъ быть это именно, на ряду съ величиной оброка и барщины, и побуждало малорусскихъ помѣщиковъ стремиться къ введенію въ своихъ имѣніяхъ великороссійскаго положенія.

Разница эта обуславливалась преобладающими формами крестьянскаго землевладѣнія, введенными Положеніями 19 февраля, общинной—въ Великороссіи, и подворной—въ Малороссіи. При общинномъ землевладѣніи, гдѣ земля считалась собственностью не отдѣльныхъ лицъ, а всего общества, и отвѣтственность за отбываніе съ земли платежей и повинностей въ пользу помѣщика и государства падала на все общество, кото-

1) Малорос. Полож. ст. 165.

2) Тамъ-же ст. 177.

3) Малорос. Положеніе ст. 195.

4) Великорос. Полож. ст. 189 и др.

5) Малорос. Полож. ст. 195.

6) Тамъ-же ст. 197—198.

рое обязывалось при этомъ круговою порукой ¹⁾. Въ Малороссіи, при преобладаніи подворнаго землевладѣнія, „каждый домохозяинъ отвѣчалъ порознь за исправное отбываніе тѣхъ повинностей, въ пользу помѣщика уставленныхъ, которыя причитались съ состоящаго въ его пользованіи участка“ ²⁾. Отвѣтственность всего общества, обязаннаго круговою порукой, распространялась только на такъ наз. упразднившіеся участки, т. е. тѣ, отъ которыхъ крестьяне отказывались или которыя оставались выморочными и поступали, такимъ образомъ, во владѣніе всего общества ³⁾.

Само собой разумѣется, что если смотрѣть съ точки зрѣнія выгодъ помѣщика, то великороссійское положеніе съ его обязательной круговой порукой казалось удобнѣе положенія малороссійскаго. Последнее узаконяло владѣніе подворное и создавало, такимъ образомъ, при недовѣріи помѣщика къ крестьянамъ и ихъ способностямъ вести самостоятельное хозяйство—довольно невыгодную для помѣщика перспективу вѣчныхъ недоимокъ и необходимости, при ихъ взысканіи, имѣть дѣло съ каждымъ отдѣльнымъ домохозяиномъ.

Да и сами „мѣры обезпеченія исправнаго отбыванія“ платежей и повинностей въ Великороссіи были суровѣй, казались энергичнѣй, чѣмъ въ Малороссіи—что также въ нѣкоторой степени не могло не имѣть своей привлекательной стороны для помѣщиковъ.

Въ случаѣ неисправнаго отбыванія платежей и повинностей крестьянами сельское начальство въ Малороссіи, могло, по требованію помѣщика, обратить доходъ съ недвижимаго имущества недоимщика на пополненіе недоимки; отдать недоимщика или кого-нибудь изъ его семьи въ заработки въ сосѣдніе или, при соблюденіи извѣстныхъ условій, даже въ отдаленныя селенія, причемъ отдача крестьянина въ заработки своему по-

¹⁾ Велик. Полож. ст. 245.

²⁾ Малор. Полож. ст. 240.

³⁾ Малор. Полож. ст. 241.

мѣщику, противъ воли крестьянъ и согласія помѣщиковъ, не допускалась. Затѣмъ сельское общество могло опредѣлить недоимщику опекуна; въ самыхъ же крайнихъ случаяхъ продать на пополненіе недоимки часть недвижимости и часть движимаго имущества, принадлежавшаго крестьянину ¹⁾. Если всѣ эти мѣры были исчерпаны, то помѣщику предоставлялось право, съ подлежащаго на то разрѣшенія, отобрать у недоимщика его участокъ, передать его другимъ крестьянамъ, а если желающихъ принять участокъ не находилось, то оставить его и въ своемъ пользованіи ²⁾.

Великороссійское положеніе повторяло въ общемъ тѣ-же мѣры обезпеченія правильнаго отбыванія платежей и повинностей, которыя мы находимъ и въ малороссійскомъ положеніи, значительно расширяло только вліяніе при этомъ помѣщика, по требованію котораго мировой посредникъ долженъ былъ съ своей стороны, помимо общества, принять цѣлый рядъ указанныхъ въ Положеніи мѣръ для взысканія съ крестьянъ недоимокъ ³⁾. Прибавимъ къ этому, что изъ великор. положенія совершенно была исключена статья, запрещавшая отдавать крестьянъ въ заработки помѣщику, должниками котораго оно состояли.

X.

Повинности крестьянъ въ пользу помѣщиковъ раздѣлялись на денежную—оброкъ, и затѣмъ издѣльную—барщину.

Денежная повинность не вызывала особыхъ недоразумѣній. Она была точно опредѣлена въ законѣ, который устанавливалъ различіе ея по мѣстностямъ. Какъ уже сказано было выше, черниговская губернія дѣлилась въ этомъ отношеніи на три мѣст-

¹⁾ Малор. Полож. ст. 253.

²⁾ Тамъ-же стр. 254—258.

³⁾ Великор. Полож. ст. 261—263.

ности. Въ законѣ эти мѣстности были точно указаны ¹⁾, за исключеніемъ борзенскаго, нѣжинскаго и козелецкаго уѣздовъ, гдѣ „точное разграниченіе первой и второй мѣстности черниговской губерніи возлагалось на Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе, которое обязано было немедленно же сообщить о сдѣланномъ имъ разграниченіи министерству внутреннихъ дѣлъ“ ²⁾.

Уже въ первомъ засѣданіи Присутствія 16 марта 1861 г. А. И. Лизогубъ возбудилъ вопросъ о необходимости собрать нѣкоторыя положительныя данныя для проведенія черты, которая раздѣлила бы названные выше три уѣзда на двѣ мѣстности. Въ то время предстояли уѣздныя дворянскія собранія, и Присутствіе постановило, поэтому, обратиться къ уѣзднымъ предводителямъ дворянства, чтобы они „о заключеніяхъ, которыя имъ можно будетъ вывести изъ частныхъ мнѣній означенныхъ собраній, сообщили начальнику губерніи, для руководства при соображеніяхъ объ этомъ предметѣ въ Губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіи“ ³⁾.

Въ засѣданіи Присутствія 11 мая были прочитаны представленія предводителей о проведеніи черты ⁴⁾, при чемъ предводитель козелецкаго уѣзда представилъ въ подлинникѣ постановленіе дворянскаго собранія по этому поводу, предводители же нѣжинскій и борзенскій сообщили только описаніе разграничительной черты, намѣченной дворянскимъ собраніемъ ⁵⁾. Обстоятельный докладъ по этому поводу сдѣлалъ въ засѣданіи 14 мая Г. П. Галаганъ, который подвергъ основательной критикѣ всѣ предположенія уѣздныхъ дворянскихъ собраній. Губернское Присутствіе вполне согласилось съ проектомъ раз-

1) Приложение къ 9-й ст. Малорос. Положенія.

2) Малорос. Полож. ст. 9.

3) Журналъ Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія № 1, 16 марта 1861 г.

4) Журналъ № 9, 11 мая.

5) Журналъ № 14, 14 мая.

дѣленія на мѣстности, предложеннымъ Галаганомъ для уѣздовъ козелецкаго и нѣжинскаго. Что же касается уѣзда борзенскаго, то вслѣдствіе заявленій борзенскаго помѣщика В. О. Подвысоцкаго, проведеніе черты чрезъ этотъ уѣздъ было возложено на мировой съѣздъ, который для этой цѣли созывался изъ мировыхъ посредниковъ борзенскаго и нѣжинскаго уѣздовъ, съ участіемъ въ немъ одного члена отъ правительства. Въ козелецкомъ уѣздѣ рѣшено было Присутствіемъ строго придерживатьсѣя черты, назначенной въ Положеніи, причемъ село Мостище отнесли ко 2-й мѣстности, потому что большая часть полей его находилась во 2-й мѣстности. Въ нѣжинскомъ уѣздѣ разграничительная черта шла отъ границы козелецкаго уѣзда по р. Остру до впаденія въ нее р. Смолянки, потомъ вверхъ по этой рѣчкѣ до границъ дачъ нѣжинской и веркиевской; далѣе, оставляя село Малую Кошелевку въ 1-й мѣстности, черта шла къ хутору Комашинскому и границѣ борзенскаго уѣзда ¹⁾. Въ засѣданіи 18 августа было заслушано постановленіе борзенскаго мирового съѣзда относительно проведенія чертъ въ этомъ уѣздѣ, и тогда же всѣ постановленія Присутствія въ этомъ отношеніи были представлены въ министерство ²⁾.

Вмѣстѣ съ этимъ было представлено ходатайство Присутствія о введеніи въ черниговской губерніи четвертой мѣстности, которая была бы среднею между первою и второю, оброкъ въ которыхъ разнился на 99 коп., между 2 р. 50 коп. для первой и 1 р. 60 коп.—для второй мѣстности. Вопросъ о введеніи четвертой четвертой мѣстности былъ возбужденъ козелецкимъ дворянствомъ и поддержанъ въ Присутствіи П. А. Васильчиковымъ, согласно докладу котораго оброкъ для четвертой полосы устанавливался въ 2 р., высшій же надѣлъ въ $3\frac{1}{4}$ дес. на душу. Въ четвертую мѣстность должны были входить сѣверныя части уѣздовъ нѣжинскаго, борзенскаго и козелецкаго и южная часть остерскаго уѣзда по лѣвую сторону р. Десны ³⁾.

¹⁾ Журналъ № 14, 14 мая.

²⁾ Журналъ № 36, 18 августа.

³⁾ Журналъ № 30, 2 августа 1861 г.

Больше затрудненій представляла собой издѣльная повинность, или барщина. Она опредѣлялась рабочими днями съ пѣшаго семейнаго участка ¹⁾ и разнилась также по мѣстностямъ. Въ первой мѣстности черниговской губерніи за десятину пѣшаго и добавочнаго участка полагался 21 день, во второй—14, въ третьей—12 ²⁾. Дни эти раздѣлялись на лѣтніе и зимніе, причеиъ $\frac{3}{5}$ этихъ дней должно было приходиться на лѣтнее полугодіе, а $\frac{2}{5}$ —на зимнее. Ближайшее опредѣленіе сроковъ лѣтняго и зимнаго полугодій возлагалось на Губернское Присутствіе ³⁾. На Губернское Присутствіе возлагалось также и составленіе *урочнаго положенія* ⁴⁾.

Подъ именемъ урочнаго положенія разумѣлись правила, которыя вырабатывались Губернскимъ Присутствіемъ и опредѣляли количество работы, которое въ теченіе дня должно было быть исполнено, въ счетъ повинности, работникомъ ⁵⁾.

Урочное положеніе утверждалось губернаторомъ и вводилось въ губерніи, въ виды опыта, на три года, примѣнялось оно не обязательно, но только тогда, когда этого требовали помѣщикъ или крестьяне ⁶⁾.

Въ урочное положеніе вносились только такія работы, которыя, по своему свойству, могли быть точно опредѣлены и требовали почти всегда одного и того же труда, какъ напр. роскидка вывезеннаго въ поле навоза, посѣвъ и уборка хлѣбовъ, уборка сѣна, табаку, молотьба хлѣба, стрижка овецъ и др. Количество работы, принимаемой за отдѣльный урокъ, опредѣлялось на основаніи существующаго въ мѣстномъ хозяйствѣ обычая ⁷⁾.

1) Малор. Полож. ст. 193.

2) Тамъ-же ст. 195.

3) Тамъ-же ст. 197, 198.

4) Тамъ-же ст. 212.

5) Тамъ-же ст. 212.

6) Малор. Полож. ст. 213.

7) Приложеніе къ 212 ст. Малор. Полож.

Всѣ работы, не поименованныя въ урочномъ положеніи, производились безъ уроковъ, при чемъ рабочій день, безъ отдыха, полагался лѣтомъ въ 12 ч., зимой въ 9 часовъ 1). Если бы помѣщикъ удержалъ крестьянина на работѣ лишній день противъ положеннаго, то онъ долженъ былъ заплатить крестьянину двойную стоимость рабочаго дня, причемъ оцѣнка рабочихъ дней возлагалась также на Губернское Присутствіе 2).

Губернскому Присутствію предстояло такимъ образомъ, опредѣлить въ ближайшемъ будущемъ лѣтнее и зимнее полугодія, выработать урочное положеніе и произвести оцѣнку рабочаго дня въ разныхъ мѣстностяхъ черниговской губерніи.

Вопросы эти были подняты уже въ третьемъ засѣданіи Присутствія, 27 марта. Составленіе урочныхъ положеній было отложено до тѣхъ поръ, пока Присутствіе будетъ въ полномъ составѣ, и съѣдутся всѣ члены. Чтобы облегчить и ускорить оцѣнку зимнихъ и лѣтнихъ дней было рѣшено немедленно-же обратиться за указаніями къ уѣзднымъ предводителямъ дворянства и просить ихъ доставить свои соображенія, между прочимъ, и о томъ, „съ какихъ дней въ году можно въ каждомъ уѣздѣ считать начало лѣтняго полугодія?“ 3). Оцѣнку рабочихъ дней предположено было включить въ урочное положеніе 4).

Къ 24 мая въ Присутствіе поступили отзывы всѣхъ уже предводителей дворянства по этимъ вопросамъ. Разработку и составленіе по нимъ доклада взялъ на себя П. А. Васильчиковъ 5).

Въ засѣданіи 13 іюня составленіе проекта урочнаго положенія было поручено П. А. Васильчикову, И. Г. Есимонтовскому и А. И. Лизогубу 6). Вѣроятно, при составленіи этой комиссіи имѣлось въ виду, что первый былъ хорошо знакомъ съ южными уѣздами черниговской губ., И. Г. Есимонтовскій—съ сѣверными, а А. И. Лизогубъ—съ средними.

1) Малор. Полож. 214—215.

2) Тамъ-же ст. 218.

3) Журналъ № 3, 27 марта 1861 г.

4) Тамъ-же № 4, 31 марта.

5) Тамъ-же № 14, 24 мая.

6) Тамъ-же № 22, 13 іюня.

15 іюля П. А. Васильчиковъ прочелъ уже въ Присутствіи составленные имъ доклады объ оцѣнкѣ рабочихъ дней, о срокѣ лѣтняго полугодія для крестьянскихъ работъ и объ урочномъ положеніи ¹⁾. 19 іюля, въ присутствіи архіепископа черниговскаго Филарета, былъ составленъ списокъ праздничныхъ дней, въ которыя крестьяне не могли быть требуемы на работы ²⁾, а въ засѣданіи 2 августа обсуждались подробно доклады П. А. Васильчикова о срокахъ лѣтняго полугодія и объ оцѣнкѣ рабочаго дня въ черниговской губерніи ³⁾.

Согласно циркуляру министерства внутреннихъ дѣлъ, подъ именемъ полугодія разумѣлось не время, въ которое производились полевая работы, а въ буквальномъ смыслѣ 6 мѣсяцевъ: лѣтнее и зимнее полугодія были, такимъ образомъ, равны.

Установить однообразный срокъ начала полугодій для всей черниговской губерніи, по мнѣнію П. А. Васильчикова, было невозможно. Этому мѣшала обширность губерніи и ея значительное протяженіе съ сѣвера на югъ, въ слѣдствіе чего въ южныхъ уѣздахъ полевая работы начинаются раньше, нежели въ сѣверныхъ. Въ отзывахъ предводителей дворянства также не было единства въ отношеніи начала лѣтняго полугодія, предлагались самыя разнообразныя сроки, колебавшіеся между 25 марта и 1 мая; особенно много разнообразныхъ сроковъ предлагалось предводителями среднихъ уѣздовъ черниговской губерніи.

П. А. Васильчиковъ предложилъ, и Губернское Присутствіе съ нимъ согласилось установить 4 срока начала лѣтняго полугодія: 1-е апрѣля для уѣздовъ конотопскаго, борзенскаго, нѣжинскаго, козелецкаго и остерскаго; 10-е апрѣля—для уѣздовъ: черниговскаго, городницкаго, сосницкаго, кролевецкаго, глуховскаго и новгородсѣверскаго; 15 апрѣля—для новозыбковскаго и стародубскаго; 13 апрѣля—для мглинскаго и суражскаго ⁴⁾.

1) Тамъ-же № 24, 15 іюля.

2) Тамъ-же № 25, 19 іюля.

3) Тамъ-же № 30, 2 августа.

4) Тамъ-же № 30, 2 августа.

Труднѣе было произвести оцѣнку рабочаго дня.

Предводители дворянства сообщили Присутствію самыя гадательныя свѣдѣнія, какъ и они сами откровенно въ этомъ признавались. Ихъ оцѣнка рабочаго дня, по замѣчанію П. А. Васильчикова, была ниже дѣйствительности. Большинство предводителей оцѣнивало лѣтній пѣшій мужской рабочій день въ 25 коп.

Оцѣнку рабочаго дня, произведенную предводителями дворянства отдѣльныхъ уѣздовъ, можно видѣть изъ слѣдующей таблички.

№ по порядку.	У Ѣ З Д Ы.	Лѣтніе дни.			Зимніе дни.			Продовольствіе.
		Конный рабочій.	Пѣшій мущина.	Женщина.	Конный рабочій.	Пѣшій мущина.	Женщина.	
		коп.	коп.	коп.	коп.	коп.	коп.	
1	Стародубскій . . .	35—55	20—25 <small>40 сѣнокосъ</small>	— ¹⁾	—	10—12	—	—
2	Новозыбковскій . .	—	30—40	15—25	—	15—20	10—12	Собств.
3	Суражскій	25—35	20—30	10—15	20—30	15—20	6—10	—
4	Мглинскій	50—60	25—40	15—20	30—40	15—20	12—15	Собств.
5	Городницкій	—	25—75 ²⁾	—	—	15—50	—	—
6	Сосницкій	—	20—25	—	—	15—18	—	—
7	Новгородсѣверскій.	—	20—30 <small>40 сѣнокосъ</small>	—	—	17—25	—	—
8	Глуховскій	—	20—25	—	—	15—20	—	Собств.
9	Кролевецкій	—	20—25	—	—	15—20	—	—
10	Черниговскій ³⁾ . . .	—	25	—	—	12 ^{1/2}	—	Собств.
11	Ковелецкій	—	20—25	—	—	10—15	—	Собств.
12	Остерскій ⁴⁾	—	15—25	—	—	15—20	—	—
13	Нѣжинскій	—	20—30	—	—	12—17	—	—
14	Борзенскій	—	25—30	—	—	10—15	—	—
15	Конотопскій ⁵⁾ . . .	—	25	—	—	15	—	—

1) См. стр. 317.

„Правильной наемной цѣны, говорилъ въ своемъ докладѣ П. А. Васильчиковъ, при повсемѣстномъ господствѣ издѣльной повинности, не могло сложиться въ черниговской губерніи. Наемка рабочихъ была скорѣе случайностью, чѣмъ постояннымъ явленіемъ, получившимъ у насъ право гражданства. Конечно, могли быть отдѣльныя мѣстности, въ которыхъ при большомъ развитіи

1) Тире, стоящее въ отдѣльныхъ графахъ, означаетъ, что свѣдѣній предводителями дворянства не сообщено.

2) Такую, повидимому, высокую оцѣнку рабочаго дня предводитель дворянства объяснялъ «общимъ распространеніемъ между крестьянами обычая издѣльнаго арендованія земли (или, вѣрнѣе, издѣльной уборки полей и сѣнокосовъ), которое они вообще предпочитаютъ наемкѣ за деньги, промышленнымъ значеніемъ части городничькаго уѣзда, выгодными заработками, кои сосѣдство Днѣпра доставляетъ судорабочимъ и, наконецъ, настоящимъ уменьшеніемъ крестьянской повинности, влекущимъ за собою повышение заработной платы».

3) 7 іюля черниговскій предводитель дворянства прислалъ новое отношеніе, въ которомъ указывалъ, что цифры 25 коп. для лѣтняго и 12¹/₂ коп. для зимняго полугодія показаны имъ гадательно. «Теперь же, когда владѣльцы поставлены въ необходимость прিবѣгнуть къ найму рабочихъ, вслѣдствіе недостаточности и неудовлетворительности крестьянской повинности, цифры заработной платы оказались гораздо выше предполагаемой, а именно: въ лѣтній періодъ: съ 10 апрѣля по 1 іюля—45 коп., съ 1 іюля по 1 августа—50 коп., съ 1 августа по 10 октября—40 коп., а въ зимній періодъ работы—30 коп.».

4) Остерскій предводитель дворянства показалъ собственно такую оцѣнку рабочаго дня: косарю—25 к., жнецу—20—25 коп., гребцу—15 коп., молотильнику—15—20 коп., городильнику 15 коп.. При распределеніи оцѣнки по полугодіямъ мы взяли крайнія цифры платы (15—25 к.) для лѣтняго полугодія, плату-же молотильщику отнесли къ зимнему полугодію.

5) Кромѣ лѣтнихъ и зимнихъ дней конотопскій предводитель оцѣнилъ весенніе и осенніе дни въ 20 копѣекъ.

промышленности заводской, случаи наемки могли встрѣчаться чаще, чѣмъ въ другихъ, и гдѣ, поэтому, можно, основываясь на большинствѣ фактовъ, опредѣлить и приблизительную среднюю стоимость рабочаго дня; но и тутъ стоимость опредѣляется, сколько мнѣ извѣстно, или большимъ или меньшимъ малоземлемъ сосѣднихъ селеній козаковъ или государственныхъ крестьянъ, вслѣдствіе чего въ селеніяхъ, весьма близко отстоящихъ другъ отъ друга, уровень наемной цѣны можетъ быть далеко неодинаковый; или сосѣдствомъ съ болѣе развитымъ въ промышленномъ отношеніи великороссійскимъ народонаселеніемъ. Между тѣмъ при настоящей реформѣ, опредѣленіе наемнаго труда должно необходимо подвергнуться влиянію совершенно новыхъ условій, которыя должны необходимо вести въ результатѣ къ совершенному измѣненію существовавшихъ доселѣ наемныхъ цѣнъ. Вліяніе это уже и теперь проявляется въ замѣтномъ повышеніи цѣны ¹⁾ на наемную работу, обусловливаемымъ стремленіемъ помѣщиковъ замѣнить наймомъ ту часть повинности которой они лишились, или которая неохотно и нерадиво исполняется крестьянами. Конечно, со временемъ, особенно при переходѣ крестьянъ на оброкъ, требованіе наемной платы помѣщиками будетъ, вѣроятно, встрѣчено предложеніемъ оной крестьянами; тогда водворится повсемѣстно вольнонаемный трудъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сложится опредѣленная нормальная цѣна рабочему дню; нужно также предполагать, что цѣна эта будетъ умѣренная, и что во всякомъ случаѣ она болѣе чѣмъ окупится превосходствомъ вольнонаемной работы предъ повинностной. Такого результата нельзя не желать, но едва-ли можно надѣяться, что мы скоро его достигнемъ, при непривычѣ крестьянъ нашихъ съ производительному употребленію своего времени, они едва-ли въ первые дни употребятъ съ пользой для себя то количество времени, которое остается у нихъ теперь свободнымъ, между тѣмъ

1) Такъ въ настоящее время (1861 г.) въ южной части козлецкаго уѣзда поденная плата косарю обходится вмѣстѣ съ продовольствіемъ до 40 и болѣе коп. сер.

запросъ на рабочихъ со стороны помѣщиковъ и теперь (1861 г.), уже значительный, вѣроятно, послѣ введенія уставныхъ грамотъ еще болѣе увеличится. И то и другое явленіе, т. е. нерасположеніе крестьянъ итти въ заработки и требованіе на рабочихъ со стороны помѣщиковъ, объясняются весьма легко: помѣщики, вслѣдствіе новаго положенія, лишась, по крайней мѣрѣ, половины своихъ рабочихъ средствъ, должны естественно прибѣгать къ вольному найму для поддержки своихъ хозяйствъ; хозяйственные же условія быта крестьянъ остаются неизмѣнными; они продолжаютъ и будутъ продолжать пользоваться тѣми-же источниками сравнительнаго благосостоянія, какъ и прежде, и потому потребность итти въ заработки можетъ развиваться въ нихъ только тогда, когда ихъ побудитъ къ этому или нужда (вслѣдствіе напр., неурожая) или когда возвысится общій уровень ихъ жизненныхъ потребностей. Изъ этого слѣдуетъ, что если и было возможно до сихъ поръ опредѣлить, съ приблизительною точностью, установившуюся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оцѣнку рабочаго дня, то эта оцѣнка ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принята какъ указаніе для будущаго, въ которомъ цѣна рабочаго дня должна будетъ опредѣлиться совершенно новыми условіями, и непременно въ теченіе первыхъ лѣтъ значительно возвыситься“.

Разсматривая свѣдѣнія объ оцѣнкѣ рабочаго дня, доставленныя уѣздными предводителями дворянства, П. А. Васильчиковъ находилъ эту оцѣнку значительно ниже дѣйствительности. „Очень можетъ быть, говоритъ онъ въ своемъ докладѣ, что многимъ помѣщикамъ южныхъ уѣздовъ удавалось нанять рабочихъ въ лѣтнее время за 25 и даже за 20 коп. серебромъ, но едва ли можно при оцѣнкѣ рабочаго дня основываться единственно на такихъ примѣрахъ денежнаго найма“. Для своихъ соображеній П. А. Васильчиковъ принялъ во вниманіе дневной заработокъ крестьянина, если онъ берется жать съ извѣстнаго снопа. Послѣднее было очень распространено въ южныхъ уѣздахъ черниговской губерніи. Оказалось, что заработокъ крестьянина въ этомъ случаѣ значительно выше указаннаго предводителями дворянства

П. А. Васильчиковъ предложилъ установить для черниговской губерніи нѣсколько видовъ оцѣнки рабочаго дня.

Въ первую группу вошли уѣзды: остерскій, козелецкій, нѣжинскій, борзенскій и конотопскій.

Для лѣтнихъ періодовъ здѣсь была установлена такая оцѣнка рабочаго дня:

съ 1-го апрѣля по 15 іюля. . . .	25 коп.
„ 15 іюня по 1 іюля. . . .	40 „
„ 1 іюля по 15 августа. . . .	60 „
„ 15 августа по 1 октября. . . .	30 „

Для зимняго полугодія съ 1 октября по 1 апрѣля—17 коп.

Во вторую группу вошли уѣзды глуховской, крелевецкій, новгородсѣверскій, сосницкій, черниговскій и городницкій.

Для нихъ лѣтнее полугодіе было оцѣнено такимъ образомъ:

съ 10 апрѣля по 29 іюня. . . .	25 коп.
„ 29 іюня по 10 іюля. . . .	40 „
„ 10 іюля по 25 августа. . . .	50 „
„ 25 августа по 10 октября. . . .	30 „

Въ зимнее полугодіе съ 10 октября по 10 апрѣля рабочій день оцѣнивался въ 20 коп.

Для уѣздовъ стародубскаго и новозыбковскаго—въ лѣтній періодъ.

съ 15 апрѣля по 29 іюля. . . .	30 коп.
„ 29 іюня по 15 іюля. . . .	40 „
„ 15 іюля по 25 августа. . . .	50 „
„ 25 августа по 15 октября. . . .	35 „

Въ зимнее полугодіе съ 15 октября по 15 апрѣля—20 коп.

Наконецъ, въ лѣтній періодъ для уѣздовъ суражскаго и мглинскаго рабочій день оцѣнивался:

съ 23 апрѣля по 29 іюня. . . .	30 коп.
„ 29 іюня по 20 іюля. . . .	40 „
„ 20 іюля по 25 августа. . . .	50 „
„ 25 августа по 23 октября. . . .	35 „

Въ зимнее полугодіе съ 23 октября по 23 апрѣля—20 коп.

Губернское Присутствіе цѣликомъ приняло оцѣнку рабочаго дня предложенную П. А. Васильчиковымъ, хотя она значительно превышала оцѣнку произведенную уѣздными предводителями дворянства. ¹⁾

Оцѣнку эту рѣшили внести въ урочное положеніе.

Къ сожалѣнію, къ журналамъ Губернскаго Присутствія не приложено урочное положеніе. Изъ журналовъ мы знаемъ только, что 4 августа въ Губернскомъ Присутствіи читанъ былъ проэктъ урочнаго положенія, предпочтительно для южныхъ уѣздовъ (остерскаго, козелецкаго, нѣжинскаго, борвенскаго, и конотопскаго), составленный П. А. Васильчиковымъ“. Присутствіе постановило, въ виду важности предмета, проэктъ этотъ подвергнуть обсужденію въ слѣдующемъ засѣданіи. ²⁾

8 августа былъ читанъ проэктъ урочнаго положенія, должно быть, уже въ цѣломъ видѣ, такъ какъ въ журналахъ говорится, что онъ составленъ П. А. Васильчиковымъ, А. И. Лизогубомъ и И. Г. Есимонтовскимъ. Проэктъ рѣшили отпечатать, раздать членамъ и обсудить въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданіи. ³⁾ 16 августа былъ прочитанъ проэктъ урочнаго положенія для тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ вводилось великороссійское положеніе. Рѣшено обсудить его вторично въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій. ⁴⁾ 29 августа, наконецъ, проэктъ, былъ утвержденъ, ⁵⁾ отпечатанъ и разосланъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства, мировымъ посредникамъ, земскимъ полиціямъ и волостямъ правленія. ⁶⁾

¹⁾ Журналъ № 30, 2 августа. 1861 г.

²⁾ Журналъ № 31, 4 августа.

³⁾ Тамъ-же № 32; 8 августа

⁴⁾ Тамъ-же № 35, 16 августа.

⁵⁾ Журналъ № 39, 29 августа.

⁶⁾ Тамъ-же № 41, 8 августа.

XI.

До сихъ поръ рѣчь шла объ имѣніяхъ великопомѣстныхъ. Владѣльцы же тѣхъ имѣній за которыми по 10 ревизіи числилось менѣе 21 души мужескаго пола, и которые при этомъ или вовсе не имѣли въ своемъ владѣніи удобной земли или имѣли ее менѣе опредѣленнаго количества, 1) назывались мелкомѣстными. 2) Для ихъ имѣній были изданы особыя „Дополнительныя правила“, которыя нѣсколько видоизмѣняли Положеніе, изданное вообще для крестьянъ различныхъ мѣстностей. Такъ, напр., крестьяне, не надѣленные землей до изданія Положенія 1861 г., не получали надѣла³⁾; помѣщики не обязаны были увеличивать крестьянскаго надѣла; 4) отмѣнялась вовсе круговая порука для мелкопомѣстныхъ владѣній; 5) крестьянамъ, не надѣленнымъ землею, разрѣшалось переселяться на казенныя земли, при чемъ имъ давался цѣлый рядъ льготъ⁶⁾; по желанію помѣщика, при соблюденіи имъ извѣстныхъ условій, крестьяне, жившіе на его землѣ, могли быть обращены въ государственные поселане⁷⁾; въ извѣстныхъ случаяхъ помѣщикамъ, которые были признаны особо нуждающимися, выдавалось денежное пособіе отъ казны.⁸⁾

1) «Въ губерніяхъ малороссійскихъ менѣе количества, равняющагося 60 душевымъ надѣламъ высшаго размѣра, для каждой мѣстности установленнаго». (Дополнит. правила объ устройствѣ въ мелкомъ имѣніяхъ, ст. 1-я).

2) Дополнительныя правила объ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ въ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, и о пособіи имъ владѣльцамъ, ст. 1.

3) Тамъ-же ст. 3.

4) Тамъ-же ст. 4.

5) Тамъ-же ст. 7.

6) Тамъ-же ст. 8.

7) Тамъ-же ст. 10.

8) Тамъ-же ст. 13 и слѣд.

При рѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ, въ особенности же при опредѣленіи льготъ и денежныхъ пособій, Губернскому Присутствію была предоставлена широкая свобода и, поѣтому, дѣла объ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ занимаютъ видное мѣсто въ дѣятельности Черниговскаго Губернскаго Присутствія за первое время.

Въ маѣ 1861 г. помѣщица нѣжинскаго уѣзда Анна Мехедина обратилась въ Присутствіе съ прошеніемъ о призваніи ея имѣнія мелкопомѣстнымъ. Случай этотъ интересенъ для характеристики домогательства помѣщиковъ, съ которыми приходилось имѣть дѣло Губернскому Присутствію. У Мехединой было въ нѣжинскомъ уѣздѣ 112 десятинъ земли, при которой по 10 ревизіи значилось 26 дворовыхъ и 24 крестьянина. Изъ этихъ 24 душъ двѣ души „изъ вниманія къ малоземелью“ были переписаны казенной палатой въ чужое владѣніе; осталось, такимъ образомъ, 22 души. Если бы этого количества душъ оказалось много для того, чтобы признать имѣніе малоземельнымъ, то г-жа Мехедина выражала желаніе „четырехъ душъ крестьянъ, ея самою поименованныхъ, обратить въ государственные поселане“.

Присутствіе, конечно, отказало Мехединой въ ея домогательствѣ, на томъ основаніи, что „ея имѣніе, по числу душъ, ни подѣ какимъ видомъ не можетъ быть сочтено мелкопомѣстнымъ; уменьшать же число душъ обращеніемъ нѣкоторыхъ крестьянъ въ государственные поселане просительница не властна такъ какъ вмѣстѣ съ отмѣною крѣпостного права, отмѣнено также право, помѣщикамъ принадлежавшее, располагать личностями крестьянъ¹⁾).

Помѣщица глуховскаго уѣзда Е. М. Косенкова изъявила желаніе передать семь душъ принадлежавшихъ ей крестьянъ въ вѣдомство министерства государств. имуществъ, съ цѣлью получить за это опредѣленное вознагражденіе. Губернское Присутствіе нашло, что она имѣетъ на это всѣ права, но затруд-

1) Журналь № 14, 24 мая.

нилось исполнить просьбу г-жи Косенковой, такъ какъ не былъ указанъ порядокъ, какимъ образомъ бывшіе крѣпостные могли переходить въ казенное вѣдомство. Присутствіе рѣшило обратиться предварительно въ министерство за соотвѣтствующими указа-ніями ¹⁾. Министерство нашло, что на Губернскомъ Присутствіи лежитъ „разсмотрѣніе ходатайствъ о приѣмѣ въ казну мелкопомѣстныхъ имѣній, повѣрка свѣдѣній о количествѣ земли и числѣ душъ въ таковыхъ имѣніяхъ и составленіе разсчета о размѣрѣ слѣдуемаго владѣльцамъ вознагражденія“. Дальнѣйшее же направленіе дѣла должно было зависѣть отъ министерства ²⁾.

Мелкопомѣстныхъ имѣній въ черниговской губерніи было очень много, и они доставляли не мало дѣла Губернскому Присутствію, особенно въ виду тѣхъ недомолвокъ, которыя на каждомъ шагу, какъ мы говорили выше, попадались въ Положеніи 19 февраля. Губернское Присутствіе прежде всего занялось собраніемъ свѣдѣній о числѣ мелкопомѣстныхъ имѣній ³⁾ и запросило объ этомъ предводителей дворянства ⁴⁾, занялось затѣмъ составленіемъ особаго образца уставныхъ грамотъ для этихъ имѣній ⁵⁾; ему приходилось также рѣшать цѣлый рядъ чисто практическихъ вопросовъ, возникавшихъ при примѣненіи Положенія въ различныхъ мѣстностяхъ черниговской губерніи. Нѣкоторые изъ подобныхъ практическихъ вопросовъ мы видѣли выше. Особенно часто возникали они на почвѣ признанія отдѣльныхъ имѣній мелкопомѣстными.

Положеніе мелкопомѣстныхъ имѣній было дѣйствительно очень незавиднымъ, разъ приходилось крестьянъ надѣлять землею, и помѣщики всѣми силами стремились воспользоваться тѣми льготами, которыя сулило имъ Положеніе 19 февраля. Для признанія имѣнія мелкопомѣстнымъ требовалось, помимо всякихъ

1) Журналъ, № 13, 22 мая.

2) Журналы № 23, 13 іюля.

3) Тамъ же № 1, 16 марта.

4) Тамъ же № 5 и 6, 11 и 12 апрѣля.

5) Тамъ же № 7, 13 апрѣля.

другихъ условій, и то, чтобы въ имѣніи было не болѣе 21 души крестьянъ, а тутъ случилось, что было 22, 23, 24 крестьянина. Владѣльцы подобныхъ имѣній обращались въ Губернское Присутствіе и употребляли всѣ ухищренія, чтобы побудить его признать ихъ имѣнія мелкопомѣстными. Присутствіе первоначально рѣшительно отклоняло подобныя ходатайства, но затѣмъ, пользуясь разъясненіемъ министерства по дѣлу Косенковой, о которомъ мы говорили выше, разъясненіемъ, предоставившимъ Губернскому Присутствію значительную свободу дѣйствій, стало принимать ходатайства, разсматривать ихъ и нѣкоторыя даже изрѣдка удовлетворять. Вдова войскового товарища П. М. Малахова ходатайствовала о причисленіи имѣнія ея, состоящаго изъ 24 душъ, къ числу мелкопомѣстныхъ. П. М. Малахова заявляла, что 4 души крестьянъ принадлежатъ собственно не ей, а ея сыну, доказывала, что она имѣетъ въ виду не собственныя выгоды, такъ какъ не проситъ у казны вознагражденія, а интересъ собственно крестьянъ, которые получаютъ больше выгодъ, если имѣніе ея будетъ причислено къ разряду мелкопомѣстныхъ. Присутствіе попросило заключенія мирового посредника по поводу просьбы П. М. Малаховой¹⁾.

Ходатайствовала о признаніи своего имѣнія мелкопомѣстнымъ и помѣщица новгородсѣверскаго уѣзда Е. П. Сидоренко на томъ основаніи, что дворовые люди, безъ которыхъ по ревизіи числилось бы за нею менѣе 21 души, отпущены ею на волю до обнаруженія Положенія 1861 г. Присутствіе отказало Е. П. Сидоренко въ ея просьбѣ, такъ какъ, по Положенію, мелкопомѣстнымъ признавался тотъ, за кѣмъ по 10 ревизіи числилось менѣе 21 души, при чемъ дворовые изъ числа ихъ не исключались²⁾.

Изъ того-же источника исходило и ходатайство дворянки глуховскаго уѣзда г-жи Нарбутъ.

¹⁾ Журналъ № 31, 4 августа 1861 г.

²⁾ Тамъ-же, № 31, 4 августа 1861 г.

По 10 ревизіи, за отсутствіемъ сыновей изъ дому, г-жа Нарбутъ, по ея словамъ, записала за собою 8 душъ крестьянъ и 11 душъ дворовыхъ умершаго мужа своего при х. Ловрѣ; кромѣ того у нея при томъ же хуторѣ имѣлось 10 собственныхъ крестьянъ изъ села Княжичъ для отбыванія рекрутской повинности, такимъ образомъ, у г-жи Нарбутъ образовалось 29 душъ. Она хатайствовала теперь о раздѣленіи крестьянъ на двѣ части между ею и ея сыновьями и о признаніи ея имѣніи поэтому, мелкопомѣстнымъ. Губернское Присутствіе, отказало въ подобномъ хатайствѣ, такъ какъ оно „не можетъ входить въ разбирательство бывшихъ правъ владѣнія крестьянами, вышедшими изъ крѣпостной зависимости“¹⁾.

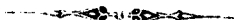
На этомъ мы заканчиваемъ обзоръ дѣятельности Черниговскаго Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія. Мы не только не исчерпали этой дѣятельности,—мы коснулись только маленькой частицы ея въ 1861 г., оставивъ въ сторонѣ устройство судьбы дворовыхъ людей и ихъ отношеній къ помѣщикамъ, вопросъ о выкупѣ и много другихъ вопросовъ, по которымъ приходилось высказываться Присутствію, при примѣненіи на мѣстѣ Положенія 19 февраля 1861 г. Познакомившись съ журналами Присутствія за одинъ только 1861 г., мы прямо скажемъ, что безъ изученія дѣятельности Губернскихъ Присутствій реформа 1861 г. и ея дальнѣйшія практическія послѣдствія въ отдѣльных мѣстностяхъ не можетъ быть въ достаточной степени понята и объяснена. Желательно, поэтому, чтобы кто-нибудь подробнѣ занялся изученіемъ не только журналовъ, но и архива Черниговскаго Губернскаго Присутствія²⁾ и познакомилъ бы насъ болѣе осно-

1) Журналъ № 35, 1 августа.

2) Въ 1892 году бывший тогда черниговскимъ губернаторомъ А. К. Анастасьевъ предоставлялъ мнѣ полную возможность и даже совѣтовалъ ознакомиться съ архивомъ Губернскаго Присутствія для истории крестьянской реформы въ черниговской губерніи.

вательно съ исторіей реформы 1861 г. въ черниговской губерніи. Мы не преслѣдовали этой цѣли. Намъ только хотѣлось, по поводу исполнившагося 40-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ, помянуть добрымъ словомъ учрежденіе, на долю котораго досталось тяжелое, но великое дѣло—осуществлять на практикѣ Положенія 19 февраля 1861 г.

Ник. Василенко.



Онъ изъявлялъ готовность открыть двери архивовъ, гдѣ хранятся дѣла, относящіяся къ этой реформѣ, каждому, желающему серьезно заняться ими. Къ сожалѣнію, кратковременное пребываніе мое въ Черниговѣ для занятій въ архивахъ съ другими цѣлями, не позволили мнѣ воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ. Архивъ Губернскаго Присутствія остался мнѣ неизвѣстнымъ. Не встрѣтилось бы, думаю, и теперь, послѣ отъѣзда изъ Чернигова и смерти А. К. Анастасьева, препятствій къ осмотру этого архива и къ занятіямъ въ немъ для всякаго, кто пожелалъ бы тамъ работать.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. *Проектъ учрежденія „Транспортныхъ воловыхъ почтъ“*. Въ январѣ 1841 гола „помѣщикъ Подольской губерніи, Балтскаго уѣзда, Фадѣй Каѣтановъ сынъ Янишовскій и дворянинъ Осипъ Николаевъ сынъ Криницкій, помѣщикъ Бессарабской области, Аккерманскаго уѣзда“, подали Кіевскому военному, Подольскому и Волынскому генералъ-губернатору, сенатору и кавалеру Дмитрію Гавриловичу Бибикову прошеніе:

«Испытывая, подобно всѣмъ, всѣхъ возможныхъ неудобствъ въ перевозѣ тяжелыхъ произведеній по сельскимъ или торговымъ занятіямъ, мы устремили вниманіе наше на этотъ важный недостатокъ торговыхъ сношеній и, проходя чрезъ всѣ возможные соображенія, успѣли открыть въ учрежденіи тяжелыхъ, транспортныхъ, *воловыхъ почтъ* въ цѣлой Имперіи средство легкое и простое къ отвращенію этого недостатка.

Углубляясь въ эту систему тяжелыхъ сообщеній, мы убѣдились въ ея чрезвычайной важности и потому, изложивъ ее въ особомъ проектѣ, который приедемъ смѣлость подвергнуть вниманію Вашего Высокопревосходительства, мы ввѣряемъ ее поличенію Вашему, какъ владѣ, принадлежащій отечеству.

Но, съ другой стороны, полагая весьма справедливымъ, чтобы хотя миллионная частица ея общенародной пользы упала на долю изобрѣтателей, мы покорнѣйше просимъ В. В. принять на себя трудъ исходатайствовать для насъ исключительное дозволеніе завести и содержать такіа почты въ предѣлахъ цѣлой Имперіи въ те-

ченіе 20 лѣтъ, изъ коихъ первыя десять лѣтъ мы посвятимъ безчисленнымъ трудамъ обзаведенія этого исполнскаго проекта, а въ послѣднія десять лѣтъ надѣемся собрать плоды нашихъ неуспѣшныхъ стараній и наслаждаться ими съ благодарностью.

Послѣ полученія привилегіи мы займемся тотчасъ написаніемъ условій для акціонеровъ и съ того уже времени посвятимъ себя исключительно долгу ускорить исполненіемъ предположеніе наше^е.

ПРОЕКТЪ

учрежденія тяжелыхъ сообщений въ Россійской имперіи посредствомъ тяжелыхъ транспортныхъ почтъ.

Предположеніе это заключается въ томъ, чтобы, на подобіе легкихъ почтъ, устроить тяжелыя транспортныя почты, станціями, по большимъ дорогамъ и ихъ отраслямъ.

Цѣль есть та, чтобы доставить торговлѣ и промышленникамъ самыя вѣрные способы перевозить свои произведенія во всѣ концы пространнаго Россійскаго государства дешево, безопасно и въ определенное время.

Соображая эту цѣль съ безчисленными затрудненіями, коимъ подвержена теперь отправка товаровъ и вазенныхъ тяжестей посредствомъ извозчиковъ и чумаковъ, которые не представляютъ никогда никакой вѣрности, невозможно не признать ей чрезвычайной важности.

Для движенія тяжелыхъ транспортовъ предпочитаемъ воловую силу всѣмъ прочимъ потому, что движеніе вола вѣрно и ровно, какъ судоходное движеніе по рѣкамъ и каналамъ; сверхъ того волъ есть дешевле лошади; содержаніе его и упряжь проще, складъ крѣпиче, вещество во всѣхъ отношеніяхъ полезнѣе; въ старости его—за говядину, сало, кожу, рога, ноги—выручаются большія деньги. Онъ есть драгоценнымъ животнымъ нашего государства; умножать его значитъ способствовать умноженію всеобщаго богатства. По этимъ причинамъ мы преимущественно и почти исключительно избираемъ воловъ для движенія нашихъ почтъ; но, чтобы не разорвать продолженія (continuité) системы и не нарушить безостановочнаго ея хода, мы употреблять будемъ силу лошадиную, верблюжью, водяныя коммуникаціи и тому подобное, тамъ, гдѣ представится необходимость.

Новый этотъ способъ сообщеній есть такъ простъ, что онъ кажется вовсе не новый, однако-жъ подобнаго заведенія въ мірѣ не бывало и теперь нѣтъ. Это есть настоящее яйцо Колумба, которое мы въ нашу очередь поставили на остромъ его концѣ.—Онъ простъ тѣмъ лучше. Каждая система тѣмъ лучше, чѣмъ проще и легче къ исполненію. Наше предположеніе, представляя безчисленныя пользы и выгоды на предбудущее время, теперь не останавливаетъ никого невѣрностію умственныхъ исчисленій или заключеній, и не ужасаетъ непреоборимыми препятствіями въ приведеніи его въ исполненіе. Онъ не заключаетъ въ себѣ никакой гипотезы, а представляетъ просто убѣдительную истину.

Устройство этой системы будетъ такъ-же просто, какъ ея изобрѣтеніе: начиная отъ главнаго какого либо торговаго мѣста, учредятся по главнымъ направленіямъ торговли почтовые станціи въ разстояніи 15 до 30 верстъ, болѣе или менѣе, смотря по мѣстнымъ удобствамъ. На каждой станціи содержаться будетъ нужное количество воловъ или лошадей, воевъ, саней, которые, смотря по успѣху, будутъ прибавляться. При возахъ будетъ нужное число почталіоновъ, а транспорты сопровождаться верховыми приставами отъ станціи до станціи безотступно. Станціи будутъ состоять подъ распорядженіемъ смотрителей, которые подчинятся управленію удѣльныхъ и главныхъ конторъ, установленныхъ въ приличномъ разстояніи по главнымъ пунктамъ почтовыхъ сообщеній. Удѣльныя и главныя конторы, а даже и самыя станціи, если надобность окажется, будутъ имѣть право тяжести принимать и отпускать. Движеніе почтъ взадъ и впередъ будетъ безпрерывное; слѣдственно и ихъ отправленія—такія-же. Пріемъ и отпускъ тяжестей и товаровъ производиться будетъ на общихъ правилахъ, присвоенныхъ транспортнымъ экспедиціямъ, съ тою разительною разницею, что товары и тяжести отправляться будутъ ежечасно, безостановочно, и достигать будутъ своего назначенія въ опредѣленные сроки. Платежъ же за извозъ взиматься будетъ не прежде, а послѣ доставки при отпускѣ тяжестей или товаровъ. Такихъ выгодъ не представляетъ ни одно изъ существующихъ экспедиціонныхъ заведеній.

Этотъ платежъ за извозъ опредѣлится самъ собою; общимъ правиломъ будутъ существующія мѣстныя цѣны, которыя постараемся понизить, сколько возможность позволитъ.

Вотъ главная черта устройства нашихъ почтъ; подробности его соберутся въ особомъ уставѣ, который составитъ тогда, когда въ немъ встрѣтится надобность.

Большая часть безчисленныхъ богатствъ пространной Россійской Имперіи лежатъ еще неприкосновенна торговлѣ и промышленности въ нѣдрѣ ея земель, или въ неопредѣленной отдаленности. Одна только хорошая система сообщеній можетъ ихъ открыть, добыть и отдать въ руки народнаго промысла.

Желѣзныя дороги на необозримомъ пространствѣ нашего государства—есть мечта. Водяныя комуникаціи, которыя создаются вѣками, стоятъ огромныхъ издержекъ, а въ суровомъ нашемъ климатѣ лежатъ ежегодно нѣсколько мѣсяцевъ омертвѣлыя подъ льдомъ, зависятъ отъ положенія мѣстъ количества и направленія водъ и другихъ обстоятельствъ. Напротивъ того, систему, которую мы предлагаемъ, можно легко, безъ затрудненія, устроить такъ по цѣлой Россіи, что она будетъ протекать по ней во всѣхъ направленіяхъ и дать ея торговлѣ движеніе ровное и постоянное во всѣ ея концы. Система эта есть всеобщая, легкая, вѣрная, простая; устройство ея не будетъ стоить ничего государству, ибо издержкою для него есть то только, что оно принуждено заплатить чужимъ краямъ. Оно имѣетъ и ту отличительную черту совершенства, что вмѣсто истощенія силы, приводящей ее въ дѣйствіе, оно будетъ ее умножать съ чрезвычайною выгодой для поселянъ и для цѣлаго государства, т. е. чѣмъ болѣе воли требоваться будутъ, тѣмъ болѣе количество ихъ умножаться, а порода ихъ улучшаться будетъ: важное условіе всеобщаго благосостоянія.

Наша система сообщеній можетъ съ удивительною быстротою распространиться по цѣлой Имперіи и поставить ее наравнѣ съ улучшенными средствами сообщеній прочихъ европейскихъ государствъ: дабы Россія и въ этомъ отношеніи не оставалась назади. Кромѣ того, она тотчасъ дастъ нѣкоторую защиту торговлѣ нашей противъ подрыва на востокъ и противъ австрійскому (?) пароходному плаванію на Дунай и Черномъ морѣ. Внутри государства она, на подобіе артерій, которыя отъ сердца сообщаютъ жизнь и силу всѣмъ членамъ тѣла человѣческаго, протекать и оживлять будетъ всѣ его части. Тогда крестьянинъ не будетъ изнуряться доставкою господскихъ продуктовъ въ отдаленныя мѣста и не будетъ лишаться того сокровища, которое у него есть драгоцѣннѣе всего—т. е. времени. Тогда куонецъ, фабрикантъ и промышленникъ, отправляя свои товары и произведенія безопасно, вѣрно, ежечасно, рассчитывать будутъ пространства и срокъ съ математическою вѣрностію. Тогда капиталы получаютъ го-

раздо скорѣйшій оборотъ; дѣйствіе ихъ умножится многократно; товары и другія произведенія переходить будутъ шибко съ рукъ въ руки; а теперь, напротивъ, извощакъ или чумахъ, обманывая всѣ рацеты промышленника, охлаждаетъ его рвеніе, пріостанавливаетъ успѣхи кредита и уменьшаетъ обороты капиталовъ. Тогда внутренняя русская торговля, отъ которой зависятъ сила и благосостояніе государства, гордо подниметъ главу свою и, укрѣпляя младенческія свои силы неусынными трудами, получитъ твердую самостоятельность, независимую отъ вѣнскихъ переворотовъ. Система ваша можетъ сдѣлаться всеобщей для цѣлаго государства, а будучи соотвѣтственно естественнымъ его способамъ и силамъ, заключить въ себѣ прочность, вѣрность и долгоденствіе.

И, наконецъ, чтобы возложить на ее вѣнецъ, прибавимъ то, что правительство найдетъ въ ней средство перевозить дешево и шибко свои заготовленія амуницій, провіантъ, орудія, а на случай надобности даже войска, съ одного конца государства въ другой, за извѣстную цѣну и въ опредѣленное время*.

Генераль-губернаторъ призналъ проектъ недостаточно обстоятельнымъ, почему таковой подшитъ «въ дѣлу».

Сообщ. А. Мёрдеръ.

Изъ прошлаго Полтавщины. I. *Первое дворянское собраніе.*

Полтавская губернія открыта въ 1802 г. 28 февраля, когда повелѣно изъ бывшей Малороссійской губерніи составить двѣ губерніи: Полтавскую и Черниговскую. Первымъ генераль-губернаторомъ былъ кн. А. Б. Куракинъ. Это былъ богатый и знатный вельможа, весьма ласковый въ обращеніи, доступный и, надо сказать, очень много сдѣлавшій для Полтавы и для губерніи вообще. При немъ было создано 27 іюня 1802 г. первое собраніе дворянъ Полтавской губерніи. Въ Архивѣ Губернскаго правленія намъ удалось найти инструкцію, или, какъ она названа въ дѣлѣ: «Обрядъ выборамъ малороссійской полтавской губерніи благороднаго дворянства въ городѣ Полтавѣ». Этотъ любопытный документъ, состоящій изъ 9-ти параграфовъ, регламентируетъ довольно подробно всѣ дѣянія дворянства. Наканунѣ дня выборовъ, т. е. 26 іюня, необходимо было доставить губернатору списки прибывшихъ въ Полтаву дворянъ. Въ день выборовъ, въ 8 часовъ

утра всѣ дворяне должны были явиться въ квартиру генераль-губернатора, гдѣ полтавскій губернаторъ (имъ былъ тайный совѣтникъ Солнцевъ) вручаетъ губернскому маршалу (т. е. предводителю) вѣдомость о селеніяхъ по новому расчисленію «въ каждый повѣтъ приписанныхъ». Церемоніймейстеры затѣмъ разставляютъ въ залѣ всѣхъ дворянъ, группируя ихъ по уѣздамъ, а посреди ихъ долженъ былъ помѣститься губернской предводитель. Когда всѣ займутъ назначенныя мѣста, то губернской предводитель отправляетъ двухъ уѣздныхъ предводителей, по своему выбору, доложить князю, что дворяне ждутъ его прибытія. Немедленно выходитъ князь, сопровождаемый губернаторомъ и другими властями. Принявъ списокъ прибывшихъ дворянъ, губернской предводитель, какъ сказано въ § 4, представляетъ князю, по силѣ Высочайшаго учрежденія для почести его отъ каждаго повѣта по одному молодому дворянину, составлявшихъ уже съ этого момента свиту свѣтлѣйшаго князя. Указавъ причину ихъ созыва, генераль-губернаторъ приглашаетъ всѣхъ отправиться въ Соборъ, благовѣсть въ которомъ начался въ 8 ч. утра. Въ соборѣ опять разставляютъ дворянъ группами по уѣздамъ и даютъ знать князю, по прибытіи котораго только начинается литургія. Литургія оканчивается и по приказанію князя губернской прокуроръ всходитъ на первую ступень амвона и читаетъ Высочайшій указъ о созывѣ дворянъ Полтавской губерніи. Затѣмъ—молебень, по окончаніи котораго губернской стряпчій читаетъ изъ Высочайшаго учрежденія статьи, приличныя къ выбору—64, 66 и 67, по окончаніи чего дворянъ приводятъ къ присягѣ, текстъ которой читаетъ не духовное лицо, какъ нынѣ, а секретарь дворянства. Послѣ этого дворяне приглашаются пожаловать 28 іюня въ 8 часовъ утра, въ залу собранія для назначенныхъ выборовъ, а приглашенные къ столу, отираются въ домъ генераль-губернатора». Надо сказать, что кн. Куракинъ жилъ необыкновенно роскошно и очень часто давалъ роскошные обѣды.

Очень интересенъ въ этомъ «Обрядѣ» 9-й пунктъ. По возвращеніи изъ церкви, «губернской маршалъ съ двумя повѣтовыми маршалами и двумя депутатами предстанутъ къ господину генераль-губернатору съ испрошеніемъ позволенія назначить отъ нихъ депутатовъ для принесенія всеподданнической благодарности Его Императорскому Величеству за высоко-монаршія милости, дворянству дарованныя, и подаетъ при этомъ списокъ депутатовъ; по чему—читаетъ далѣе,—генераль-губернаторъ обнадеживаетъ ихъ, что о семъ не оста-

вить донести Государю. Но желаніе дворянъ не исполнилось. 28 іюля того же года кн. Куракинъ получилъ слѣдующее письмо отъ императора Александра. «Усмотрѣвъ изъ донесенія вашего о желаніи малороссійскаго полтавскаго дворянства отпривить ко мнѣ депутацію для принесенія благодарности за установленіе ихъ выборовъ на общемъ всѣхъ губерній положеніи, Я поручаю вамъ изъяснить имъ за сіе мою признательность и въ то же время объявить имъ, что, бывъ увѣренъ въ благонамѣренности ихъ в усердіи, исполненіе желанія ихъ я считаю для нихъ отяготительнымъ, а для себя излишнимъ. Пребываю вамъ благосклонный Александръ».

Собраніе дворянъ быдо открыто рѣчью генераль-губернатора. Избирали въ этомъ первомъ собраніи только уѣздныхъ предводителей и на другія должности, а губерскимъ остался тотъ же Чарнышъ, избранный незадолго до открытія губерніи; не избирали и членовъ въ Генеральный Судъ, незадолго предъ тѣмъ избранныхъ, хотя этого и желалъ В. В. Капнистъ, но кн. Куракинъ не согласился на переизбраніе ихъ, и эта мѣра была одобрена Государемъ. Губ. маршалъ Чарнышъ, по ходатайству князя, за особые труды, понесенные при созывѣ дворянства, былъ награжденъ чиномъ Коллежскаго Совѣтника. Помимо избранія предводителей, въ кругъ занятій дворянства входило избраніе и на другія должности,—подкоморія, подкоморія вознаго, хорунжого, земскаго вознаго, депутатовъ въ нижніе земскіе суды, и въ засѣдатели (числомъ 3). Первое собраніе дворянъ продолжалось довольно долго. По этому «Обряду» никто изъ дворянъ не имѣлъ права оставить городъ до разрѣшенія генераль-губернатора, который только 3 іюля отпривилъ бумагу губерскому маршалу, разрѣшающую дворянамъ разѣзжаться по домамъ. (Архивъ Полт. Губ. Правл. Дѣло № 128).

II. О шелковичномъ заводѣ и казенномъ садѣ въ Константиноградскомъ уѣздѣ въ 1800—1805 и. Въ 1800 году, а быть можетъ нѣсколько ранѣе, Высочайшею властью было одобрено разведеніе на югѣ Россіи винограда и шелковичныхъ червей для выработки шелка. Рѣшено было все это устроить въ Слободско-Украинской и Екатеринославской губерніяхъ. Въ составъ послѣдней входилъ тогда и Константиноградскій уѣздъ. Но это было поручено, видимо, итальянцу графу де-Парма, носившему по должности званіе инспектора надъ шелководствомъ въ

Слободско-Украинской и Екатеринославской губерніяхъ». Необходимыя для шелка тутовыя деревья разводились въ казенномъ саду въ Константиноградѣ, а заводъ былъ устроенъ въ селѣ Новыя-Водолаги. Въ 1802 г. князь Куракинъ, бывши въ Константиноградѣ при открытіи присутственныхъ мѣстъ, посѣтилъ этотъ казенный садъ, найденный имъ въ большомъ безпорядкѣ. Графа де-Парма въ это время не было въ Константиноградѣ. Узнавъ объ осмотрѣ кн. Куракинымъ казеннаго сада, графъ пишетъ ему письмо (9 Авг. 1802 г.), въ которомъ слѣдуетъ оправдаться предъ княземъ относительно дурного состоянія сада. «По новому штату, пишетъ онъ, третій годъ назадъ все приняло другой видъ во всемъ шелководствѣ и отдается на пользу жителямъ; я дожидаю со дня на день сего повелѣнія, но третій же тому годъ, какъ все посему остается въ томъ садѣ безъ всякой должной помощи; къ тому и я не могу на сіе употреблять ни одного человѣка въ умноженіи всего къ должному обработыванію его;—гдѣ 16 тысячъ прекрасныхъ шелковицъ, изъ коего числа не успѣвшимъ собственнымъ моимъ бдѣніемъ насажено 8600 деревьевъ, изъ коего жъ сада я получалъ самой лучшей итальянскій шелкъ, прекрасный виноградъ, собственно жъ моимъ трудомъ въ изобиліи насажденный;—но теперь напоследокъ, по изъясненнымъ причинамъ, безъ должной помощи къ тому,—сарай въ прошломъ году сгорѣлъ, виноградъ погибъ, фруктовыя также и туковыя деревья погибають». При этомъ письмѣ графъ представилъ князю два сорта шелка, выработаннаго на заводѣ.

Князь Куракинъ, очень заботливо относившійся къ нуждамъ губерніи, написалъ письмо графу, гдѣ благодарить его за вниманіе къ нему (начало письма графа наполнено многими любезностями по адресу Куракина) и просить его представить соображенія относительно улучшенія казеннаго сада и шелководства. Графъ де-Парма не замедлилъ исполнить предписанія кн. Куракина и въ длинномъ письмѣ отъ 25 октября 1802 г. указалъ на необходимость увеличить число рабочихъ въ саду, огородить этотъ садъ, устроить сарай, пригласить пять садовниковъ, двухъ сторожей. Всѣ соображенія графа были одобрены генераль-губернаторомъ, предписавшимъ губернскому управленію выдать ему денежное пособіе.

Въ этомъ дѣлѣ имѣются свѣдѣнія о количествѣ деревьевъ за 1804 и 1805 годы.

Въ 1804 году было старыхъ шелковичныхъ деревьевъ 5657, вновь посажено 145, осталось нерассаженными 1360 дер.; въ продолженіе 1804 г. посажено прежнихъ лѣтъ сѣянцовъ 1800, изъ которыхъ возшло 730.

Въ 1805 году было старыхъ деревьевъ 5107, вновь рассажено 1800, нерассаженныхъ сѣянцовъ 2869. Въ теченіе же этого года рассажено отводковъ 60. Изъ сѣмянъ же возшло 5805 д.

Этимъ заканчивается дѣло о шелководствѣ въ началѣ прошлаго вѣка. (Архивъ Полт. Губ. Правленія. Дѣло № 140).

III. Актъ въ полтавскомъ народномъ училищѣ 27 іюня 1803 г.

При первомъ Малороссійскомъ генераль-губернаторѣ князѣ Куракинѣ впервые стали чествовать въ Полтавѣ день годовщины Полтавской викторіи. Наванувъ отправлялась панихида на Шведской могилѣ, а въ самый день торжества—праздничное богослуженіе въ кафедральномъ соборѣ и молебствіе, что совершается и нынѣ. Князь Куракинъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы запечатлѣть въ памяти мѣстъ наго общества день полтавскаго боя. Такъ, первое дворянское собраніе созвано имъ на 27 іюня 1802 г.; черезъ два года въ тотъ же день былъ заложенъ памятникъ полтавской битвы (Петровская колонна); 27-го іюня были открыты въ Полтавѣ: богоугодное заведеніе, домъ для воспитанія дворянъ и т. под. Этотъ же день былъ избранъ въ 1803 г. и для торжественнаго акта въ полтавскомъ народномъ училищѣ, учрежденномъ въ 1799 г. Это былъ первый выпускъ училища, нарочито обставленный особенною торжественностью. Въ присутствіи всѣхъ властей и высшаго мѣстнаго общества, ученикамъ произведенъ былъ публичный экзамень, затѣмъ имъ раздавали награды—книги и похвальные листы. Лучшіе изъ учениковъ читали рѣчи, а учитель Павелъ Тиссаревскій прочелъ собственнаго сочиненія стихотвореніе, посвященное историческому событію, годовщина котораго въ тотъ день праздновалась. По счастью, въ канцелярскомъ дѣлѣ Полт. Губ. Правленія сохранился полный текстъ этого произведенія мѣстной патриотической музы, который здѣсь и приводимъ.

Среди собора нынѣ освященна,
Среди сердечныхъ алтарей,
Стоитъ могила возвышенна,
Въ которой глѣбеть прахъ мужей,

Что градъ Полтаву защищали,
 И Карловъ мечъ пренебрегали,
 Сражаясь, проливали кровь,
 Чтобъ Россамъ счастье доставить,
 Предъ цѣлымъ свѣтомъ ихъ прославить,
 Отечеству явить любовь.
 Сей холмъ, мнѣ кажется, дымится
 И издаеть то стонъ, то ревъ.
 Тамъ въ черной и густой мглѣ зрится
 Орломъ разодранъ шведскій левъ.
 Межъ лаврами на небосклонѣ
 Великій Петръ съ мечомъ, въ коронѣ;
 Стоя торжественно, онъ зреть,
 Что благодарная Россія
 Его труды, дѣла златыя,
 Не забывая, вѣчно чтить.

Сообщ. И. Фр. Павловскій.

Къ исторіи Котельвы. Котельва была однимъ изъ сотенныхъ «городковъ» гадацкаго полка, но во время нашествія шведовъ на Полтавщину, ахтырскій полковникъ Федоръ Осиповъ, согласившись съ котельвинскимъ атаманомъ, „выправилъ ордеръ у Меншикова“ о присоединеніи Котельвы къ ахтырскому полку. „Ордеръ“ Меншикова былъ закрѣпленъ „царскимъ указомъ“. Послѣ изгнанія шведовъ, Скоропадскій просилъ царя (въ іюль 1709 г.) о возвращеніи Котельвы къ гадацкому полку, но получилъ отвѣтъ, что „царского указу“ о присоединеніи Котельвы къ ахтырскому полку „отмѣнить уже невозможно“. Несмотря на такой отвѣтъ, гадацкій полковникъ Чарнышъ хотѣлъ было силою вернуть Котельву, но гетманъ получилъ новый указъ царя, „чтобъ тотъ полковникъ гадацкой въ томѣстечко вступаться впредь не дерзалъ“. ¹⁾ Несмотря однакожь на эти указы, преемникъ Чарныша, Мах. Милорадовичъ, пригласивъ себя въ помощь полтавскаго полковника Черняка, пробовалъ было

¹⁾ См. Опис. Харьковск. Епархіи, архіеп. Филарета, III, 93, и Матеріалы военно-учен. арх. гл. штаба, I, 679.

еще разъ *силою* же вернуть Котельву. Несомнѣнно, что населеніе послѣдней было при этомъ на его сторонѣ. Любопытную картину этой попытки описываетъ ахтырскій полковникъ Осиповъ, въ своемъ, приводимомъ ниже, донесеніи кievскому губернатору кн. Голицыну.

«Доношеніе г. сенатору і кievской губерніи губернатору князю Петру Алексѣевичу Голицыну. В прошломъ августѣ месяце, нынѣшняго 1720 году, господа полковники полтавскій Иванъ Чернякъ (и) гадяцкій Михайло Милорадовичъ, з старшиною и с полчани своими, в многолюдствіи будучи у розиску при господину столнику Щербачеву в полку моемъ, между Ахтырки и Котелви, для розиску спорныхъ земель, чого я подлинно не свѣдомъ, токмо о семъ извѣстенъ, что ездили оніе полковники по шляхахъ и по степахъ (съ?) чанбулами и знаменами, с бубнами и с тренбами, болше не иного чого, токмо завдаючи людемъ страхи и приводя в сумнѣвіе, провозглашая, якобы о отнятїи Котелвы и прочая, по киселевой границѣ. ¹⁾ Тутъ же писалъ ко мнѣ полку моего котелевскій сотникъ Василій Смаковскій, что г. полковникъ гадяцкій, вс старшиною своею при немъ будучою и с козаками, сего августа подѣ 25 число, мѣючи ночную квартиру в котелевскихъ подваркахъ, и назавтрѣ вехавши трвумфалне в городъ, и заехалъ к нему сотнику на дворъ, а козаки полку его по по всему городу розехавшись, гласили публичне, дабы мешчане до него гадяцкого полковника ішли и приносили жалобы на старшинъ своихъ. В тое число, з тамошнихъ жителей Ярема Коротий, Луцикъ Бакуменко (и) Иванъ Лола, пришедши у дворъ сотницкій, от легкомыслия своего, учали на сотника ускаржатись, и онъ сотникъ хотя ихъ упинить, изсидаль из двора, и за то помянутой гадяцкій полковникъ его сотника всячески ругаль, бранилъ и порывался бить, и то повидимому, знать нарочне, того ради в городъ заездилъ, прибираючи в полученіи своего желанія всякихъ способовъ, або слышачи отъ него полковника такие похвалки и обнадежене, в тую надѣю и другіе с котелевцовъ, такие ж легкомыслинки, Василь Субота, под тотже шумъ, на рынку, дублячне старшинъ учали ругать, и яко то народъ простий, легко о себѣ тое вмѣнявши, чуть не учинили бунту до забойства. С тихъ заводчиковъ зимани два человекъ Ярема Коротий да

¹⁾ Разумѣется граница, проведенная въ 1638 г. между Московскимъ государствомъ и Польшею, кievск. воеводою Адамомъ Киселемъ.

Василь Субота, сидять за карауломъ, а два человекъ, Луцки Багуменко (и) Иванъ Лола, к гадацкому полковнику было ушли, а ныне явились, да тутъ же посажены за караулъ, а вышписанный Субота из караулу ушолъ. Тамже оние господа полковники полтавскій і гадацкій, з многими старшинами и полчани, у мельници моеї купленой Синолицовской ставши, невѣдомо з якого умислу, заочно ругая мене всячески і людей моихъ тамъ мешкающихъ страдая убійствомъ и спаленемъ, и набѣгши на дворець многолюдно гвалтомъ з великими галасами, порвали бит Ивана Василенка, который тамъ былъ для допросу в продаже, з маткою своею, тѣхъ тамъ в Синолицовце мнѣ млиновъ, и бивъ еле жива, потащили до полтавского полковника, забивъ у колодки, держали за карауломъ. В моемъ же и в жителей тамошнихъ гумнахъ, з кого что было звезено сѣна и прочего збожя, и по лукахъ сѣна, много потравили, а болше конми побили, і рощу якая где тамъ була лучшая, въ нень велѣли рубать и палить, и пустошить унѣвецъ. Свиней, гусей и прочного много побили, а на вгородахъ жадной огороднини нѣчого нѣгде нѣ оставили, зовсѣмъ все повиривали і спустошили, и в покупленыхъ моихъ лѣсахъ понасѣкали грани сами собою, невѣдомо для чего, с которою жалобою дозѣратель мой тамошній ходилъ до г. полковника гадацкого, просячи дабы приказалъ козаковъ унять отъ таковыхъ шкодъ, но оный полковникъ не слухавъ того, учалъ его жалобника бранить, ругать и порвался до шаблѣ, хотѣлъ рубать, заледво оный ушолъ. А полтавскій полковникъ явственно похвалялся тамошнихъ моихъ людей разогнать и жыле випалить, и зовсѣмъ мене в тамошней житі разорить, невѣдомо якимъ умисломъ, о якомъ ихъ разорении прошу у царского величества милостивой обороны. Брегадиръ Осиповъ».

Для исторіи переяславской бурсы, при епископѣ Іовѣ Базилевичѣ. (1771 г.). Четыре сына бубновскаго священника Росинскаго—обратились, въ 1771 г., къ тогдашнему епископу переяславскому Іову съ такою просбою: „Мы всѣ четыре родные братія, епархіи в. преосвященства, протопонія золотоносной, м. Бубнова, преображ. священника Іоанна Росинскаго сыны, трое, совершенно обучаемся въ семинаріи в. пр-ва латинского языка, первой—школы риторики, другой синтаксисы, третьей інфимы, а четвертой къ вступленію въ училище

себе только еще изготовляетъ, и для толкаго числа насъ обучающихся, исключая малолетнихъ муж. и ж. пола имѣющихся дѣтей въ домѣ, едва ли отецъ снабдитъ въ ученіи нужнымъ спомоществованіемъ и прокормитъ можетъ, а чтобъ къ прожитію намъ и квартиру здѣсь нанять, за которую неминуемо надобно, за четырехъ, заплатить двенадцать рублей, слѣдоватиметь ему прійти въ крайное разореніе и скудость, что напередки и нужнымъ насъ снабдивать явится не въ состояніи. Для того в. пр-ва низайше просимъ, взглядомъ толкаго насъ числа, *жить точію намъ въ бурсѣ, а на отческихъ харчахъ*, повелѣть и о томъ учинить опредѣленіе". (Подписъ: Григорій, Феодоръ, Василь, Стефанъ Росѣнскіи).

На этомъ прошеніи «положена» такая собственноручная резолюція: *«Учинить префекту справку с каталогами и с учителями, какова прописанныи ученики понятія и надежды, и подъ симъ подписавъ, представить. Октября 25 дня, 1771 юда. Іовъ епископъ переяславскій»*.

Засимъ слѣдуютъ отвѣты „учителей“:

1) «Преосвященнѣйшій владыко! Прописанный в доношеніи ученикъ школы риторики Григорій Росѣнскій в ученіи успѣха не совсѣмъ надежнаго. Префектъ Петръ Базилевичъ».

2) «Ученикъ грамматики Феодоръ Росѣнскій, по причинѣ тупости, успѣха малонадежнаго. Учитель грамматики Василь Росѣнскій».

3) «Ученикъ школы аналогіи Василь Росѣнскій успѣха хорошаго. Григорій Шашацкій».

„Представить сихъ учениковъ намъ. Окт. 26 дня, 1771 юда. Іовъ Е. П.“

Засимъ, должно быть по „представленіи учениковъ, слѣлана другая резолюція епископомъ: *«По прошенію, жить в бурсахъ до разсмотренія дозволяется, только отъ себе кормитись. Октября 26 дня, 1771 юда. Іовъ епископъ переяславскій»*».

Въ два дня епископъ разрѣшилъ просьбу бѣдняковъ и, какъ видно, разрѣшилъ благосердно, такъ какъ отзывы о двухъ просветелихъ даны неблагопріятные.—Іовъ Базилевичъ, епископъ переяславскій и бориспольскій, былъ уроженецъ харьковской слободы Боромли, и учился въ харьковскомъ коллегіумѣ, въ которомъ былъ потомъ и ректоромъ. Переяславскимъ епископомъ онъ назначенъ въ окт. 1770 г., и оставался на этомъ епископствѣ до смерти, въ маѣ 1776 г. Послѣ умер-

шаго денегъ осталось *«всею пять денегъ»*.. Отсюда характеръ епископа *Иова*—какъ будто—еще виднѣе. При этомъ еп. *Иовъ*, повидному, былъ человекъ любознательный, слѣдившій за общественною жизнью. Поздравляя своего сосѣда *Акима Сулиму*, съ прїѣздомъ изъ Сиб. въ Переяславщину, *Иовъ*, въ маѣ, 1773 г., ему пишетъ: „за доставленіе на сей годъ петербургскихъ и лейпцигскихъ вѣдомостей, покорно благодарю. Я теперь на вѣдомости богатъ и другимъ служить могу, ибо в г. Бантыщъ-Каменскій оныя жъ доставилъ“. (*«Сулим. Арх.»*, 114).

Одинъ изъ борзенскихъ предводителей дворянства. *Письмо М. А. Имшенецкаго къ Гр. П. Галагану. 1864 г.* Авторъ приводимаго здѣсь письма занималъ должность борзенскаго уѣзднаго предводителя дворянства трехлѣтіе—1866—869 г. г., послѣ хорошо нанятаго и теперъ борзенцамъ *Константина Алексѣевича Гамалѣя*, бывшаго у нихъ предводителемъ *девять трехлѣтій*. *М. А. И*—цкѣй былъ человекъ съ небольшими средствами, но пользовался большою извѣстностью за свое радушіе и готовность прійти на помощь каждому ближнему. Старые „цаны“, впрочемъ, на него немного коснулись за разныя его „новшества, къ числу которыхъ относилось и зародавшееся было у *М. А. И.* желаніе заняться книжною торговлею.—„*М. г. Григорій Павловичъ*. Обращаюсь къ вамъ съ полною увѣренностью, что вы удостоите мое письмо отвѣтомъ, узнавъ о моемъ дѣлѣ, которое, какъ мнѣ кажется, вполнѣ соответствуетъ вашему просвѣщенному уму и знанію потребностей края (гдѣ вамъ предстоитъ такая важная и полезная дѣятельность ¹⁾). Мое дѣло заключается вотъ въ чемъ. Кіевъ, а вмѣстѣ и весь южный край, весьма нуждается въ честной книжной торговлѣ. Вамъ должно быть хорошо извѣстно—какъ мало соответствуетъ насущнымъ потребностямъ образованія такой книгопродавецъ, какъ *Литовъ* и *К^о*. Проживъ два года на своемъ хозяйствѣ, я пожелалъ попытать себя въ другой общеплезной дѣятельности, и началъ на мысль устроить въ Кіевѣ книжный магазинъ, съ кабинет-

¹⁾ *Г. П. Галаганъ* въ это время былъ вице-предсѣдателемъ временной кіевской комиссіи, учрежденной для приведенія въ порядокъ крестьянскаго дѣла въ юго-западн. краѣ. См. статью г. *Воропонова*: „Страница крестьянскаго дѣла на юго-западѣ“, *Вѣстн. Евр.* 1901 г., июль.

томъ для чтенія, поставивъ себѣ цѣлю—содѣйствовать русскому образованію продажей хорошихъ и полезныхъ книгъ по петербургскимъ цѣнамъ, съ самой развѣ небольшой надбавкой, въ исключительныхъ случаяхъ, и доставленіемъ чтенія за самую умѣренную плату въ магазинѣ.

Капиталь у меня небольшой, и потому мнѣ необходимо покровительство и содѣйствіе людей просвѣщенныхъ и вліятельныхъ. Позвольте мнѣ надѣяться, что вы, многоуважаемый Г. П., не прогнѣваетесь, если я обращусь къ Вамъ съ просьбой, быть можетъ неумѣстной, но къ которой я былъ приведенъ случайно. Книгопродавецъ Кожанчиковъ, отсвѣтывая мнѣ начинать книжную торговлю въ Киевѣ, между прочимъ, сказалъ, что вы предлагали ему *даровое* помѣщеніе въ своемъ домѣ, но что онъ отказался.—Я же, съ своей стороны, считалъ бы дѣло свое упроченнымъ, если бы такое предложеніе было мнѣ сдѣлано, хоть на первое время, т. е. на годъ или на два: тогда я увѣренъ, честная торговля моя внушила бы довѣріе обществу, приобрѣла бы постоянныхъ покупателей и, вѣроятно, привлекла бы ко мнѣ въ компанію небольшіе капиталы другихъ. Усерднѣйше прошу васъ, Г. П., не отказать мнѣ въ скоромъ отвѣтѣ, личномъ или черезъ кого либо изъ моихъ знакомыхъ: я останусь душевно вамъ благодаренъ.

Во всякомъ случаѣ, я, входя здѣсь въ условія съ книгопродавцами и издателями, вмѣстѣ съ этимъ посылаю прошеніе къ кievскому гражд. губернатору о дозolenіи мнѣ открыть книжный магазинъ и кабинетъ для чтенія: не откажите въ возможномъ, съ Вашей стороны, содѣйствіи предъ властями, которыя будучи въ настоящее время отвлечены болѣе важными дѣлами, могутъ забыть о моемъ.

Зная Васъ по образу Вашей общественной дѣятельности и Вашимъ мнѣніямъ, которыя мнѣ удавалось слышать, я былъ бы также весьма вамъ признателенъ за всякій совѣтъ, какой было бы угодно Вамъ подать мнѣ при начатіи дѣла новаго, но тѣмъ не менѣе необходимо нужнаго въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ и несомнѣнно полезнаго въ краѣ, находящемся подъ вліяніемъ враждебной общественной силы (?). Еще разъ выражая надежду на Ваше доброе вниманіе, имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью Вашъ, м. г., покорный слуга Михаилъ Имшенецкій. С.-Петербургъ. 4 января, 1864 года. (*Съ подлинника*).

Какой отвѣтъ былъ полученъ на это письмо М. А. И—деицъ, мы не знаемъ, во книжной торговли онъ не отарывалъ.—Считаемъ не лишнимъ здѣсь добавить, что М. А. И. воспитаніе получилъ въ калетскомъ корпусѣ. Умеръ онъ въ 70-хъ годахъ, отъ чахотки. Жилъ М. А. И. въ глухомъ своемъ хуторѣ Майорщинѣ, между с. Ядугами и Десною.

Для исторіи церковнаго прихода. *Налогъ въ пользу кіевскаго митрополита съ церквей его епархіи.* Приводимыя здѣсь свѣдѣнія о денежныхъ налогахъ: 1) за назначеніе священниковъ и діаконовъ на приходы, 2) за грамоты на заложеніе и освященіе церквей и 3) за антиминсы, сообщаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ интересныя данныя какъ о времени постройки церквей въ нѣкоторыхъ лѣвобережныхъ городахъ и селахъ, такъ и о дѣлѣжѣ приходскихъ доходовъ между наличными священниками.

«Великому господи ну ясне въ Богу преосвященнѣйшему кырѣ Арсенію Могиланскому, Божіею милостію православному архіепископу, митрополиту кіевскому, галицкому и Малыя Россіи. Доношеніе.

Въ каедральной вашего ясне въ Богу преосвященства конторѣ, декабря отъ 19 минувшаго 1769 года по нижеписанное число февраля 1770 года, собрано денегъ.

1. Отъ новорукоположенныхъ іереевъ и діаконовъ.

766 года, сентября 20. Діакона Максима Павловскаго протопопін Зѣнковской, мѣстечка Куземина, къ церкви Троицкой, при коей дворовъ 109, во іерея, на половинные доходы, за викарія. Съ оныхъ дворовъ за половину, отъ двора по 20 коп., и того 10 р. 90 к.

769 года декабря 20. Михайла Шеляревскаго къ церкви кіево-богословскаго дѣввчего монастыря, во іерея, нынѣ въ помощь тестю, а по смерти, за настоятеля, за состоящіе подъ тѣмъ монастыремъ приходскіе дворы 14, отъ двора по 20 коп., и того 2 р. 80 к.

Того жъ. Іакова Левѣцкаго протопопін верхнокіевской, къ верхнокіевской Троицкой церкви, при коей дворовъ 32, во діакона, отъ двора по 5 коп., итого 1 р. 60 к.

770 года, генваря 6. Іоанна Гривовецкаго протопопін кіево-подолской, къ церкви кіевоподолской Воведенской, при коей дворовъ

222, во іерея, нынѣ въ помощь тестю его Іоанну Камѣнскому, а по выbytіи его Камѣнскаго съ прихода, на половинную его часть парохіа за настоятеля; съ оныхъ дворовъ за половину слѣдовало взять 22 р. 20 к., но по резолюціи вашего ясне въ Богу пресвященства оставлено.

Того же. Михайла Яновскаго, протопоіи Кобеляцкой, села Лучокъ, къ церквѣ Крестовоздвиженской, при коей дворовъ 31, во діакона, на третью часть доходовъ съ оныхъ, за третью часть дворовъ, отъ двора по 20 к., итого 2 р. 6²/₄ к.

12 генваря. Нестора Яновскаго, протопоіи Ичанской, села Гайворона, къ церкви Покровской, при коей дворовъ 132, во іерея, на половинную часть доходовъ, съ оныхъ дворовъ за половину 66, отъ двора по 20 коп., итого 3 р. 20 к.

18 генваря. Никита Зорича, протопоіи Нѣжинской, села Лукашовки, къ церкви Рождества Христова, при коей дворовъ 44, во іерея, за настоятеля, отъ двора по 20 к., итого 8 р. 80 к.

22 генваря. Василя Пѣрскаго, протопоіи Полтавской, села Диванки, къ церкви Златоустовской, при коей дворовъ 132, во іерея, на половинную часть доходовъ, съ оныхъ дворовъ за половину, отъ двора по 20 коп. итого 13 р. 20 к.

24.—Антоня Андрѣевскаго, протопоіи Ичанской, села Великаго Самбора, къ церкви Николаевской, при коей дворовъ 104, во іерея, въ помощь отцу, за викарія, за половинную часть дворовъ, 52, отъ двора по 20 коп., итого 10 р. 40 к.

25. Іоакима Лукяновича протопоіи Ширятинской, села Кохновки, къ церкви Николаевской, при коей дворовъ 74, во іерея, въ помощь тестю его, на половинные доходы, съ оныхъ дворовъ за половину 37 отъ двора по 20 коп., итого 7 р. 40 к.

II. За выданные на заложеніе и освященіе церковей грамматы.

1769 г., декабря 21. На освященіе протопоіи прилудкой, села Березовки новоустроенной, на урочищѣ Комаровки, Николаевской церкви, при коей дворовъ 100, отъ двора по 5 коп., итого 5 р.

22. На освященіе протопоіи Миргородской въ селѣ Аврамовки новоустроенной Вознесенской церкви, при коей дворовъ 86, отъ двора по 5 к., итого 4 р. 30 к.

1770 г. генваря 8. На освященіе протопопіи Козелецкой, въ гор. Козельцѣ, каменной Рождества Богородицы церкви, съ тремя предѣлами, при коей церкви дворовъ 195, отъ двора по 5 к., итого 9 р. 75 к.

20. На заложеніе протопопіи Зѣнковской въ селѣ Пѣрвахъ, на мѣсто обветшалои, вновь Николаевской церкви, при коей дворовъ 165, отъ двора по 5 коп. итого 8 р. 25 к.

23. На освященіе протопопіи Гадацкой, въ селѣ Липовки, ново-здѣланной Михайловской церкви, при коей дворовъ 111, отъ двора по 5 коп., итого 5 р. 55 к. Того жъ. На освященіе протопопіи Лубенской, въ деревнѣ Галицѣ новоустроенной Рождества Христова, при коей дворовъ 71, отъ двора по 5 к., итого 3 р. 55 к.

Февраля 4. На заложеніе протопопіи Нѣжинской, въ селѣ Малой Кашелювки, Успенской церкви, при коей дворовъ 23, отъ двора по 5 к., итого 1 р. 15 к.

III. За выданные святыя антиминсы.

1769 года, декабря 21. Протопопіи Прилуцкой, села Березовки, въ новоустроенную на урочищѣ Комаровки Николаевскую церковь, полотняный, 2 р. 50 к.

22. Протопопіи Миргородской, села Аврамовки, въ новоустроенную Вознесенскую церковь, полотняный, 2 р. 50 к. — По резолюціи в. ясне въ Богу преосвященства оставлено.

1770 г., генваря 8. Протопопіи Козелецкой, г. Козельца, въ церковь Рождества Богородицы и въ предѣльные два храмы, три, матеріальные, 12 рубл.

23. Протопопіи Лубенской, дер. Галицы, въ новоустроенную Рождества Христова церковь, полотняный, 2 р. 50 к.

Всѣхъ вышепронисанныхъ въ собраніи въ казнѣ, в. ясне въ Богу преосвященства, имѣется денегъ 126 р. 91³/₄ к.

О якихъ денгахъ, понеже резолюцію в. ясне въ Богу преосвященства ноября 8 д. 758 года состоявшекъ, велѣно представлять в. ясне въ Богу пр—ву помѣсячно или понеделно, а безъ того и резолюціи в. я. въ е. пр—ва такихъ денегъ въ приходъ не записывать, того ради в. я. въ Б. пр—ва, просимъ о принятіи въ казну в. я. въ Б. пр—ва оныхъ денегъ резолюціи. Вашего и. въ Б. пр—ва всеняжай-

шія послушники каедральный писарь іеромонахъ Іеремія. Архидіаконъ Іларіонъ. Крестовый іеромонахъ Орестъ.

1770 года. февраля „ “ д.

Резолюція митрополита. „ 1770 года, феврал. 6 д. № 16. Записать в приходъ“. (Съ подлинника).

Текущія извѣстія.

30-лѣтіе ученой дѣятельности профессора Ник. Ильича Стороженка. Въ октябрѣ исполнилось 30 лѣтъ служенія наукъ и университетской жизни извѣстнаго ученаго, профессора Московскаго университета *Николая Ильича Стороженка*. Въ ближайшей книжкѣ нашего журнала мы считаемъ себя обязанными болѣе подробно сказать объ этомъ ученомъ, посвящавшемъ свои труды для разработки вопросовъ, входящихъ въ кругъ задачъ нашего изданія, и принимавшемъ постоянное участіе въ судьбахъ „Кіевской Старины“, внося въ нее свое цѣнное сотрудничество. Теперь-же отмѣнимъ только, что Н. И. Стороженку посвящена маленькая, но очень прочувствованная замѣтка въ газетѣ „Восходъ“, вспоминающей по поводу его юбилея лекцію о Паркерѣ, статью о Донъ-Кихотѣ, помѣщенную въ сборникѣ въ пользу голодающихъ евреевъ (Помощь), гдѣ такъ ярко высказались его гуманые взгляды по вопросамъ о національной терпимости.

Памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Заказанный П. М. Певному постаментъ для памятника малорусскому поэту И. П. Котляревскому въ большей его части уже готовъ и предстоящей зимой въ составленномъ видѣ будетъ перевезенъ изъ Кременчуга, гдѣ онъ изготовляется, въ Полтаву. Будущей весной предполагается совершить закладку памятника на Протопоповской улицѣ, а къ осени того же года памятникъ будетъ совершенно установленъ и открытъ. Постаментъ, состоящій изъ четырехъ частей, будетъ сработанъ изъ гранита по утвержденному думой проекту, по условію съ г. Певнымъ, за 8000 руб. (Полт. Г. В.).

Интересная лекція о Гоголѣ. Въ годовомъ засѣданіи воронежскаго медицинскаго общества 13 октября предсѣдатель д-ръ Баженовъ прочелъ докладъ о болѣзни и смерти Гоголя съ медицинскою точкою зрѣнія. Изъ наслѣдственныхъ прецедентовъ болѣзни отмѣченъ молодой возрастъ (14 лѣтъ) матери Гоголя, его неврастенизмъ въ дѣтствѣ и др. Докладчикъ опредѣлилъ болѣзнь Гоголя, какъ форму періодическаго психоза,—какъ періодическую меланхолію, подтвердивъ это цитатами изъ руководства по психіатріи Корсакова и параллельными цитатами изъ писемъ Гоголя, гдѣ онъ передаетъ свои болѣзненные ощущенія. Однимъ изъ симптомовъ болѣзни Гоголя, на-ряду съ мистицизмомъ, было и воздержаніе отъ пищи. Обезсиленнаго отъ голоданія Гоголя врачи начали ошибочно лѣчить тѣмъ, что стали ставить ему пиявки и вызывать кровотеченіе. Это и было причиною смерти писателя.

Гоголевская выставка. Студенты академіи художествъ, ованчивающіе курсъ въ 50-лѣтнюю годовщину со дня смерти Н. В. Гоголя, рѣшили ознаменовать свой «Гоголевскій» выпускъ устройствомъ художественной выставки картинъ, исключительно относящихся къ жизни покойнаго писателя. На выставкѣ будутъ въ большомъ количествѣ собраны фотографическіе виды тѣхъ мѣстъ, гдѣ жилъ и работалъ Гоголь; будутъ выставлены также фотографіи «Диваньки». (Южанинъ № 246).

Домъ Квитки въ Основѣ. Попечительство о народной трезвости Харьковскаго уѣзда существующій домъ Квитки на Основѣ предполагаетъ приспособить для театра и давать въ немъ любительскіе спектакли, при чемъ имѣется въ виду привести его въ болѣе или менѣе приличное состояніе для означенной цѣли. (Южный Край, № 7169).

50-лѣтіе смерти К. Т. Соленика. 7-го октября исполнилась 50-тая годовщина смерти „знаменитѣйшаго“, какъ значитса на могильномъ крестѣ, украинскаго актера Соленика. Каризъ Трофимовичъ Соленикъ, украинскій Мартыновъ, умеръ отъ чахотки 7-го октября 1851 года, на сороковомъ году отъ рожденія. Игралъ онъ на сценѣ роля Мартынова, игралъ со Щенкинымъ въ Высочайшемъ присутствіи.

Его приглашали на петербургскую сцену, но онъ нигдѣ, вромѣ Харькова, не хотѣлъ играть. Въ Харьковѣ онъ и умеръ. Похороненъ на городскомъ кладбищѣ рядомъ съ актеромъ Дранше и актрисой Микульской. На могильномъ крестѣ, на одной сторонѣ, имя того, кто подъ нимъ похороненъ, а на другой—слѣдующіе стихи:

Дывыся зъ неба Соленыче
 Якъ криво сердце чоловіче:
 Якъ ты колысь на свити живъ
 Та щиро публицы служивъ.
 Такъ публыка тобі живому
 Квитки кыдала, якъ солону;
 А вмеръ, артысте—небораче,
 То и байдуже!—никто не баче,
 Що прахъ лежить твій безъ хреста...
 Щора, бачъ, гулькнула не та:
 Теперъ вже стала Украина
 Холодна буцнямъ домовына.

(Южный край, № 7164).

Желательно было бы имѣть болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о состояніи могилы этого несправедливо забытаго, для своего времени выдающагося актера, о которомъ Гоголь отзывался, какъ о замѣчательномъ комическомъ талантѣ.

Самый несчастный народъ. Подъ такимъ заглавіемъ напечатано въ «Галичанинѣ» обширное письмо, за подписью Угророссъ. Это письмо рисуетъ мрачными красками тяжелое, положеніе русскаго народа въ Венгріи, находящагося въ прямой зависимости отъ мадьяръ.

Угрорусскій народъ,—по словамъ автора письма,—самый забытый, самый темный и самый бѣдный народъ во всей Венгріи. Онъ не имѣетъ своей интеллигенціи и своихъ представителей. Какъ духовенство, такъ и народные учителя назначаются правительствомъ, вслѣдствіе чего они совершенно лишены самостоятельности. Но главное зло,—по мнѣнію автора,—заключается въ томъ, что угророссъ не имѣютъ своихъ національныхъ вождей, отчего у нихъ и отсутству-
 етъ какая бы то ни было организація въ народномъ дѣлѣ.

Далѣе, авторъ говоритъ, что угророссъ вовсе не имѣютъ своихъ національныхъ школъ, такъ какъ даже сельскія народныя школы

подвержены мадьяризації. Священники въ селахъ говорятъ не «по-простаціи» (т. е. по-русски), а „по-пански“ (т. е. по-мадьярски).

Русскія епархіальныя власти въ сношеніяхъ съ духовенствомъ пользуются мадьярскимъ языкомъ. Мадьяризація проводится не только посредствомъ школы, но также и посредствомъ церкви. Хотя изъ Рима уже нѣсколько разъ приходило запрещеніе относительно службы въ русскихъ церквахъ на мадьярскомъ языкѣ, но опубликовать это запрещеніе не позволяется.

Русскія дѣти мадьяризируются въ школахъ насильственно: училищный инспекторъ ничего не требуетъ отъ учителей, кромѣ того, чтобы они хорошо преподавали мадьярскій языкъ; если же инспекторъ замѣтитъ, что какойнибудь учитель преподаетъ по-русски, то на послѣдняго взводится какое бы то ни было обвиненіе, — хотя бы даже въ выдуманномъ преступленіи, — и учитель, а вмѣстѣ съ нимъ и священникъ, въ приходѣ котораго совершилось такое «преступленіе», подвергаются преслѣдованіямъ.

Всякое культурное начинаніе угророссовъ встрѣчается мадьярскимъ правительствомъ съ такою же враждебностью, какъ и русскій языкъ. У угророссовъ существуетъ только одно русское общество, занимающееся просвѣщеніемъ русскаго народа въ русско-народномъ духѣ, и этому обществу мадьярское правительство и мадьярская печать на каждомъ шагѣ ставятъ всевозможныя препятствія. Мадьярская печать нападаетъ на это общество, какъ на ненавистническое, сепаратистическое, и, такимъ образомъ, запугиваетъ тѣхъ, кто хотѣлъ бы записаться въ члены общества.

«Вотъ какъ печально наше положеніе, — заканчиваетъ Угророссъ свое письмо. — и главная причина такого положенія заключается въ томъ, что народъ нашъ — темень и необразованъ, и что у насъ нѣтъ самостоятельнаго мѣщанства, а интеллигенція наша, состоящая изъ учителей, священниковъ и чиновниковъ, всецѣло зависитъ отъ правительства. Будь у насъ русское кушечество, русскіе врачи, адвокаты, помѣщики и промышленники, — наша угро-русская народность не была бы такъ притѣсняема и съ ними считались бы и правительство, и мадьяризаторы».

Авторъ въ заключеніе вызываетъ къ русскимъ патриотамъ, убѣждая ихъ позаботиться о матеріальномъ улучшеніи положенія угрорусскаго народа, вслѣдъ за которымъ должно наступить и культурно-политическое улучшеніе.

„Вѣче“ студентовъ-русиновъ въ Львовскомъ университетѣ. Давно уже русины въ Галиціи добиваются основанія отдѣльнаго университета для русиновъ, съ преподаваніемъ на родномъ языкѣ. Въ послѣднее время этотъ вопросъ возбуждался неоднократно русинскими послами и въ рейхсратѣ, и въ мѣстномъ сеймѣ; въ 1899 г. митингомъ русинской учащейся молодежи рѣшено было представить въ министерство народнаго просвѣщенія петицію объ основаніи русинскаго университета; подробно мотивированныя петиціи о томъ же посланы были въ министерство и научно-просвѣтительными украинскими обществами—«Товариствомъ імени Шевченка», «Просьвитою» и «Народною Радою». Новымъ шагомъ въ этомъ направленіи является «вѣче» (митингъ) студентовъ-русиновъ, состоявшееся въ первый разъ въ стѣнахъ Львовскаго университета 25 сентября (8 октября) настоящаго года при участіи почти всѣхъ студентовъ-русиновъ (въ томъ числѣ было также и нѣсколько студентокъ) и профессоровъ г.г. Грушевскаго, Двѣстранскаго и Студинскаго.

Студенты Косевичъ и Комаринскій, изложивъ въ своихъ рефератахъ, исторію вопроса объ отдѣльномъ русинскомъ университетѣ, особенное вниманіе обратили на юридическую и фактическую мотивировку своихъ требованій, подтверждая ее ссылками на австрійскіе законы и выясняя, что дѣйствительное положеніе дѣлъ не соответствуетъ юридическому. По закону преподаваніе во Львовскомъ университетѣ должно производиться на обоихъ мѣстныхъ языкахъ—польскомъ и украинско-русскомъ, но на дѣлѣ утракизмъ существуетъ почти только номинально. Русинамъ едва удалось, да и то съ невѣроятными усиліями, добиться нѣсколькихъ кафедръ съ преподаваніемъ на родномъ языкѣ. Между тѣмъ число русиновъ въ Львовскомъ университетѣ доходитъ до 600, т. е., почти вдвое превышаетъ число студентовъ Черновецкаго университета; русины состоятъ профессорами въ другихъ университетахъ Австріи; научное движеніе выработало уже приемы и терминологію. Эти мотивы побуждаютъ референтовъ придти къ заключенію, что русины въ правѣ требовать для себя стдѣльнаго университета, а пока стрематься къ возможно полному проведенію утракивистической системы въ существующемъ уже Львовскомъ университетѣ. Послѣ обсужденія рефератовъ, во время котораго особенно настойчиво повторялась и подчеркивалась мысль, что русины въ послѣдній разъ добиваются осуществленія своихъ національныхъ правъ мирными способами, единогласно принята была

слѣдующая резолюція: «Принимая во вниманіе 1) количество украинско-русского народа въ Галиціи, 2) число студентовъ-русиновъ въ Львовскомъ университетѣ, 3) артикулъ XIX основныхъ законовъ Австрійской имперіи, обезпечивающій каждому народу просвѣщеніе на родномъ языкѣ, и 4) утраквистическій въ силу закона характеръ Львовскаго университета,—вѣче украинско-русской учащейся молодежи требуетъ основанія всѣхъ кафедръ съ преподаваніемъ на украинскомъ языкѣ». Резолюція представлена въ совѣтъ университета и министру народнаго просвѣщенія. («Дѣло», №№ 216 и 221).

Ходатайство о малорусскихъ народныхъ изданіяхъ. Въ общемъ собраніи Харьковскаго Общества Грамотности, состоявшемся 7-го октября, правленіе доложило о томъ, что, обсудивъ въ своихъ засѣданіяхъ вопросы, переданные ему общимъ собраніемъ 29 апрѣля, оно постановило: 1) возбудить ходатайство о допущеніи всѣхъ изданій харьковскаго издательскаго комитета при О-вѣ грам. въ школьныя и народныя бібліотеки всѣхъ вѣдомствъ и о примѣненіи къ рукописямъ на малорусскомъ языкѣ общецензурныхъ правилъ безъ тѣхъ ограниченій, которыя существуютъ въ настоящее время. Соответствующая бумага уже составлена и будетъ вскорѣ отиравлена по назначенію; 2) что касается допущенія въ школахъ извѣстнаго раіона учебниковъ на малорусскомъ языкѣ, то правленіе большинствомъ (13 голосовъ противъ 3) высказалось за несвоевременность такого ходатайства и отклонило его.

Брошюры на народномъ языкѣ по вопросу коопераціи. Недавно закончившій свои занятія полтавскій кустарный сѣздъ, по почину извѣстнаго организатора артелей Н. В. Левитскаго, призналъ желательнымъ придти на помощь кооперативному движенію въ народѣ посредствомъ изданія популярныхъ брошюръ на мѣстномъ народномъ языкѣ по вопросу коопераціи, для ознакомленія съ ними мѣстнаго населенія.

Опера „Галька“ на малорусской сценѣ. Товарищество малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Ярошенка ставило въ Николаевѣ извѣстную оперу Монюшко «Галька» въ переводѣ на украинскій языкъ. („Южанинъ“, № 250).

Чтенія для народа въ Коломыѣ. Въ Коломыѣ (въ Галиціи), благодаря дѣятельности мѣстной украинской интеллигенціи, въ настоящемъ году ведутся постоянныя популярныя чтенія для народа. Состоялись уже чтенія: 1) проф. Макарушки «Про Тараса Шевченка», 2) Л. Посацького «Про великого кнѣзьскаго князя Ярослава Мудраго», 3) проф. Масляка „Про давних греков і римлян“ (рядъ лекцій изъ древней исторіи) и 4) проф. Білика „Вода і її складові части“. „Дѣло“, № 224 и 233).

Предполагаемый журналъ «Рілля». Статистикъ черниговскаго губернскаго земства М. В. Яворскій вошелъ съ ходатайствомъ въ главное управленіе по дѣламъ печати о разрѣшеніи ему издавать въ городѣ Черниговѣ сельско-хозяйственный журналъ на малорусскомъ языкѣ подъ заглавіемъ «Рілля». (Русск. Вѣдом., № 271).

Лекціи Д. Эварницкаго по археологіи. Д. И. Эварницкій намѣренъ прочесть въ Петербургѣ рядъ публичныхъ лекцій, посвященныхъ курганнымъ раскопкамъ на югѣ Россіи. (Южан., № 252).

Народный спектакль подъ руководствомъ М. Л. Кропивницкаго. Въ «Полтав. Губ. Вѣд.» (№ 227) напечатана корреспонденція А. Влаконулова, которую мы, въ виду ея интереса, перепечатаваемъ цѣликомъ. Въ Лохвицкомъ уѣздѣ недавно произошло знаменательное артистическое событіе: 7 октября нашъ извѣстный артистъ М. Л. Кропивницкій выступилъ руководителемъ спектакля, устроеннаго крестьянскою молодежью въ с. Познявахъ на домашнемъ театрѣ г. г. Русиновыхъ. Шла драма Кропивницкаго „Невольникъ“ и «Прихожа» (лакейская) Гоголя, въ переводѣ на малороссійскій языкъ В. Ф. Русинова. Послѣ спектакля М. Л. Кропивницкій, по требованію публики, вышелъ на сцену и прочелъ разсказъ Стороженка и нѣсколько стихотвореній Шевченка. Удивительное чтеніе Кропивницкаго глубоко растрогало его непосредственныхъ слушателей, устроившихъ ему шумную овацію. На репетиціи „Невольника“ крестьянская молодежь и народныя учителя, принимавшіе участіе въ пьесѣ, жадно слѣдили за указаніями, даваемыми Кропивницкимъ. И съ какимъ мастерствомъ онъ ихъ давалъ! Видя знаменитаго малорусскаго артиста, окруженнаго крестьянами, въ деревенскомъ театрѣ, намъ невольно пришло

въ голову, что обширной и плодотворной артистической дѣятельности нашего народнаго актера раскрылась здѣсь новая арена, столь его достойная,—воспитателя и руководителя нарождающихся народныхъ труппъ въ деревнѣ.

То тутъ, то тамъ эти труппы возникаютъ, имѣя единственною цѣлью разумныя развлеченія; въ городахъ и селахъ строятся народные дома. Базалось бы, кому, какъ не М. Л. Кропивницкому должно принадлежать артистическое руководство въ народныхъ домахъ народными спектаклями и художественнымъ чтеніемъ прозы и стиховъ. Средства для этого могутъ быть созданы на соединенныя ассигнованія комитетовъ трезвости и земства. Кропивницкій, руководя народными домами въ нашей мѣстности, самъ игралъ бы на народныхъ сценахъ и, несомнѣнно, создалъ бы въ народѣ цѣлую школу театральнаго искусства и чтенія. Кропивницкій захватываетъ создаваемые имъ типы такъ глубоко, налагаетъ на нихъ такую массу красокъ, что видѣвшимъ его актерамъ рѣшительно невозможно не подражать ему. Какъ бы ни былъ талантливъ артистъ, какъ бы самостоятельно ни трактовалъ свою роль, но въ исполненіи у него неизмѣнно окажется хоть частичка Кропивницкаго. О непосредственныхъ исполнителяхъ—крестьянахъ и говорить нечего: тутъ вліяніе чудной игры Кропивницкаго совсѣмъ неопѣненно.

Если народному театру дѣйствительно принадлежитъ серьезная роль, не только какъ разумнаго развлечения, но и воспитывающая и облагораживающая, то пора подумать о правильной и художественной постановкѣ дѣла. Задачу эту должны взять на себя наши народные дома, особенно въ уѣздныхъ городахъ и селахъ, и руководство ими должно принадлежать никому иному, какъ нашему несравненному народному артисту М. Л. Кропивницкому.

Дѣло по поводу увѣчья М. Шевченка. Въ свое время мы сообщали о печальномъ случаѣ съ внучатымъ племянникомъ Т. Г. Шевченка, М. Шевченкомъ, который во время работъ въ слесарной мастерской Фальць-Фейнъ потерялъ руку. Дѣло это, какъ сообщаетъ «Югъ», недавно разбиралось въ окружномъ судѣ, и С. Б. Фальць-Фейнъ признана виновной въ томъ, что въ мастерской не было необходимаго досмотра за учениками, а потому судъ приговорилъ Фальць-Фейнъ къ ежегодной уплатѣ М. Шевченку 225 рублей пожизненно.

Картина А. Н. Волкова „Петръ Великій въ темницѣ у Полуботка“ воспроизведена фототипіей въ октябрьскомъ № «Журнала для всѣхъ» текущаго года. Рисунокъ снабженъ обстоятельной замѣткой В. Строева, который, на основаніи изслѣдованія А. М. Лазаревского (Рус. Арх. 1880 г.), излагаетъ истинную біографію Полуботка и характеръ его политической дѣятельности.

Къ 300-лѣтнему юбилею Кіевской Духовной Академіи. Въ 1915 г. исполняется 300 лѣтъ съ того времени, когда была основана Богоявленская Братская школа, которая впоследствии была переименована сначала въ коллегію, потомъ въ академію, наконецъ, въ духовную академію. Ректоръ академіи, преосвященный Димитрій, озабоченный достойнымъ празднованіемъ рѣдкаго юбилея *almae matris*, вошелъ въ совѣтъ академіи съ слѣдующими предложеніями: 1) Кіевская духовная академія доселѣ еще не имѣетъ надлежащей полной исторіи за истекшее время ея существованія. Труды по исторіи академіи преосвященнаго Макарія и В. Аскоченскаго, какъ вышедшіе около 50 лѣтъ тому назадъ, устарѣли, а работы послѣдняго времени, при всѣхъ достоинствахъ ихъ, ни каждая въ отдѣльности, ни даже въ своей совокупности, не обнимаютъ исторіи академіи во все время ея существованія и не изображаютъ жизни ея во всѣхъ отношеніяхъ. Въ виду предстоящаго юбилея, настоятъ потребность составить надлежащую полную исторію академіи. Для успѣха въ этой работѣ необходимо сперва издать акты по исторіи академіи, при томъ всѣ, напечатать неизданные еще матеріалы, переиздать, по провѣркѣ, напечатанныя уже рукописи. 2) Кіевская духовная академія ежегодно 31 декабря, въ день кончины фундатора братской школы, митрополита кіевскаго Петра Могилы, совершаетъ молитвенное поминовеніе основателей и благотворителей академіи и всѣхъ въ ней учившихъ и учившихся, имена которыхъ записаны въ хранящемся при церкви синодикѣ. Въ виду несовершенства этого синодика (въ немъ стоятъ только одни имена безъ указанія, кому принадлежатъ они), преосвященный Димитрій предложилъ составить новый, болѣе совершенный синодикъ, и именно въ двухъ видахъ: подробный, въ видѣ біографическаго словаря, въ которомъ были бы помѣщены краткія жизнеописанія вѣчно памятныхъ академіи и поминаемыхъ ею лицъ, и въ которомъ могли бы находить нѣкоторое удовлетвореніе, пока будетъ составлена полная исторія академіи, интересующіеся ея трехсотлѣт-

нимъ прошлымъ, в краткій, въ которомъ стояли бы только имена умершихъ, а въ особыхъ графахъ фамилій ихъ и время кончины, и который употреблялся бы при церковномъ богослуженіи. Первый представлялъ бы собой синодикъ ученый, академическій, а второй—синодикъ церковный, богослужебный. На проектируемыя изданія преосвященный Димитрій пожертвовалъ изъ собственныхъ средствъ 3,000 р. Совѣтъ академіи отнесся къ проекту преосвященнаго Димитрія вполне сочувственно и, по его же предложенію, для осуществленія его проекта, назначилъ комиссію изъ профессоровъ академіи Н. И. Петрова, С. Т. Голубева и сваящ. Ф. И. Титова, уже давно работающихъ въ области западно-русской исторіи. (С.-Петербург. Вѣд. 271).

Цѣнный даръ библиотекѣ Кіевскаго университета. Библиотека университета св. Владиміра обогатилась новымъ цѣннымъ даромъ. Извѣстный изслѣдователь исторіи Малороссіи, авторъ многихъ цѣнныхъ изслѣдованій въ этой области, А. М. Лазаревскій, изъявилъ желаніе подарить университету свою библиотеку. Собраніе А. М. Лазаревскаго представляетъ особенный интересъ для Кіева, такъ какъ главную часть его составляютъ сочиненія, имѣющія отношеніе къ прошлому Малороссіи. Особенно цѣнны составленные А. М. Лазаревскимъ «сборники», въ которыхъ собраны многочисленныя статьи по исторіи Малороссіи, печатавшіяся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ теченіе болѣе сорока лѣтъ А. М. Лазаревскій, съ рѣдкой настойчивостью и трудомъ, собиралъ подобнаго рода статьи, вырѣзывалъ ихъ изъ журналовъ и другихъ изданій, переплетая въ отдѣльные томы. Большая часть этихъ «сборниковъ» переплетены въ своеобразные переплеты, представляющіе старинныя узорчатые ситцы и ткани. Такихъ «сборниковъ» въ собраніи А. М. Лазаревскаго имѣется болѣе ста. Жертвуемая А. М. Лазаревскимъ библиотека не будетъ слита съ остальными книгами университетской библиотеки, а будетъ храниться въ особыхъ шкафахъ. Пользованіе книгами изъ этого рѣдкаго и цѣннаго собранія будетъ ограничено тѣмъ, что книги не будутъ выдаваться на домъ, а будетъ предоставлено ими пользоваться желающимъ исключительно въ помѣщеніи библиотеки университета. Этимъ устраняется возможность случайной утраты статей, представляющихъ въ настоящее время библиографическую рѣдкость. (С.-Петербургск. Вѣд. № 282).

Почетный отзывъ. 19 октября въ торжественномъ собраніи отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ былъ прочитанъ ординарнымъ академикомъ А. Н. Веселовскимъ отчетъ о четырнадцатомъ присужденіи премій имени А. С. Пушкина.

На премію представлялось между прочимъ сочиненіе И. Стешенка: „Поэзія И. П. Котляревскаго. Къ столѣтнему юбилею его «Энеиды»: 1) И. П. Котляревскій и Осиповъ, 2) Котляревскій въ свѣтѣ критики“. Рецензія этого труда поручена была проф. А. Е. Крымскому. Указавъ на достоинства и недостатки книги г. Стешенка, рецензентъ ходатайствовалъ предъ отдѣленіемъ о награжденіи его труда половинной преміей.

По постановленію соединеннаго собранія отдѣленія русскаго языка и словесности и разряда изящной словесности, трудъ г. Стешенка награжденъ *почетнымъ отзывомъ*, а рецензенту его труда г. А. Е. Крымскому выдана установленная пушкинская золотая медаль.

А. В. Старчевскій. (*Некроль*). 7-го октября скончался старѣйшій представитель современной русской журналистики Альбертъ Викентьевичъ Старчевскій, на 84 году отъ роду.

Покойный происходилъ изъ дворянъ Волынской губерніи, переселившихся туда въ половинѣ XVIII вѣка изъ Польскаго королевства. Родился онъ 29-го апрѣля 1818 года въ деревнѣ Ивкахъ, близъ Богуславля, Киевской губерніи. Послѣ первоначальнаго домашняго воспитанія А. В. учился въ кошеватской парафіальной школѣ, у униатскаго священника, въ каневскомъ повѣтовомъ училищѣ отцовъ базилианъ и въ первой кievской гимназіи. Нигдѣ курса онъ не окончилъ но настолько былъ пріученъ къ работѣ, что самостоятельно подготовился къ поступленію на юридическій факультетъ университета св. Владиміра. Оттуда перешелъ въ с.-петербургскій университетъ.

Русской журналистикой покойный сталъ заниматься въ 1843 г., сдѣлавшись сотрудникомъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» по исторической критикѣ и славянской этнографіи и филологіи. Покойный редактировалъ „Сынъ Отечества“ 1856—1877 г.г., съ 1879 г. по 1881 г. редактировалъ газету Современность, осенью 1881 года — «Улей», съ 1882 г. по 1883 г. — „Эхо“, съ 1883 г. по 1885 г. — «Родину», преобразовавъ ее въ еженедѣльную газету.

Въ 1891 г. имъ предпринять «Русскій объяснительный словарь, заключающій въ себѣ непонятныя слова русскаго книжнаго, общественнаго и народнаго языка и областныхъ его говоровъ, а также малорусскаго, южно-русскаго и бѣлорусскаго нарѣчій».



БИБЛІОГРАФІЯ.

Волинскій историко-археологическій сборникъ. Выпускъ второй. Изданіе Распорядительнаго Комитета Волинскаго Церковно-Археологическаго Общества. Житомиръ, 1900. in 8^o стр. 287.

Пять лѣтъ назадъ, въ 1896 г., вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ настоящаго Сборника, и нашъ журналъ сочувственно привѣтствовалъ это изданіе, посвященное исторіи и археологіи Волины, отмѣтилъ цѣнныя научныя статьи и матеріалы, вошедшіе въ его составъ, но при этомъ выразилъ неодобреніе по поводу того, что среди нихъ нашли мѣсто и пресловутые «Документы, относящіеся къ древней исторіи Почаевскаго монастыря», критикѣ которыхъ были посвящены особыя статьи въ нашемъ журналѣ. Вновь вышедшій выпускъ Сборника мы привѣтствуемъ тѣмъ охотнѣе, что научный характеръ выдержанъ въ немъ строже, а по своему содержанію онъ представляется во всѣхъ отношеніяхъ богаче, разнообразнѣе и интереснѣе перваго выпуска.

Главными работниками при составленіи настоящаго выпуска были тѣ же лица, которыя участвовали и въ редакціи прежняго, именно: протоіерей Н. Н. Трипольскій и О. А. Фотинскій; къ нимъ присоединился еще кievскій ученый М. П. Истомина.

О. Трипольскому принадлежитъ подробное описаніе въ высшей степени цѣнной рукописи — Евангелія 1571 года въ переводѣ на южно-русскій языкъ. Еще въ 1876 г. П. И. Житецкій, оканчивая печатаніе знаменитой Пересопницкой рукописи, получивъ изъ Житомира отъ о. Николая Трипольскаго краткое сообщеніе объ имѣю-

щомся у него рукописномъ Евангеліи 1571 г. на малорусскомъ языкѣ, вмѣстѣ съ выпискою изъ него небольшого отрывка. Основываясь на этой выпискѣ, г. Житецкій высказалъ предположеніе, что это—копія Пересопницкаго Евангелія, но при этомъ выразилъ пожеланіе, чтобы о. Трипольскій не замедлялъ подробно описать хранящуюся у него рукопись, и тогда получится возможность высказать о ней болѣе опредѣленное заключеніе. 1) Это пожеланіе владѣлецъ рукописи привелъ въ исполненіе лишь въ настоящее время. Въ очень обстоятельной статьѣ онъ сообщилъ исторію рукописи, насколько можно ее возстановить по имѣющимся въ ней надписямъ и замѣткамъ, представилъ подробное ея описаніе и помѣстилъ обширныя (на 52 страницахъ) выписки ея текста. Оказывается, что переводчикомъ (или переписчикомъ) этого замѣчательнаго Евангелія былъ нѣкто „Петръ, многогрѣшный рабъ Божій“, предпринявшій въ 1571 г. этотъ благочестивый трудъ «Богу ку чти, а посполитому люду къ доброму вырозумѣванію», или (какъ онъ выразился въ другомъ мѣстѣ) „къ доброй науцѣ“. Мѣсто, гдѣ трудился переводчикъ, въ рукописи не обозначено, но по нѣкоторымъ даннымъ можно заключать, что во второй половинѣ XVIII ст. Евангеліе это принадлежало Владимиро-Волинской Ильинской церкви, почему авторъ и даетъ ему наименованіе «Волинскаго Евангелія». Конечно, отсюда нельзя еще выводить категорическаго утвержденія, что оно написано именно въ г. Владимирѣ, а не въ другомъ мѣстѣ Волини, но почтенный авторъ усиливается доказать, что «многогрѣшный Петръ» былъ не кто иной, какъ тотъ безымянный «дьякъ» Ильинской церкви, которому извѣстный брацлавскій каштелявъ Василій Загоровскій, 2) въ своемъ завѣщаніи 1577 года, вмѣняетъ въ обязанность, «абы онъ книги, якихъ церковь цилне потребуеть, въ доброго зводу уставичне писалъ». Отсюда, конечно, нельзя еще заключать, что ильинскій дьякъ именно и былъ переводчикомъ „Волинскаго“ Евангелія. Но прослѣдимъ дальнѣйшую судьбу этой драгоценной рукописи. Въ пятидесятыхъ годахъ XIX ст. ея владѣлъ владимирово-волинскій соборный протоіерей Севастіанъ Коссовичъ, вѣроятно отыскавшій ее въ одномъ изъ церковныхъ архивовъ; отъ него она досталась его сыну, бывшему въ 1860-хъ годахъ

1) Описаніе Пересопницкой рукописи XVI в., стр. 78.

2) О. Трипольскій ошибочно титудуетъ его „княземъ“; фамилія Загоровскихъ всконн принадлежала къ числу земянскихъ, а не княжескихъ родовъ.

учителемъ Житомирской гимназіи, а послѣ смерти послѣдняго пошла въ руки евреевъ-старьевщиковъ, отъ которыхъ совершенно случайно и была приобрѣтена настоящимъ ея владѣльцемъ, протоіереемъ Н. Трипольскимъ, въ 1875 г.

По своему составу, Волинское Евангеліе представляетъ обычное четвероевангеліе (тетръ), съ раздѣленіемъ на главы и зачала и указаніемъ церковныхъ чтеній, приуроченныхъ къ тому или другому празднику или воскреснымъ днямъ, изъ чего слѣдуетъ заключать, что оно, какъ и однородное съ нимъ Пересопницкое Евангеліе, предназначалось не только для домашняго чтенія, но и для употребленія въ церкви, во время богослуженій.

Выше мы замѣтили, что ученый изслѣдователь Пересопницкаго Евангелія, основываясь на сообщенномъ ему краткомъ отрывкѣ изъ Волинскаго Евангелія, призналъ его не болѣе какъ копіей Пересопницкаго. Теперь о. Трипольскій, подвергнувъ тексты обоихъ Евангелій подробному сличенію, пришелъ къ другому выводу, именно — что при значительной близости этихъ текстовъ въ отношеніи языка, между ними замѣчается извѣстная разница, дающая основаніе утверждать, что текстъ Волинскаго Евангелія представляетъ во многихъ отношеніяхъ оригинальную редакцію. Съ этимъ заключеніемъ, вѣроятно, согласится всякій, кто внимательно прочтаетъ параллельно напечатанныя о. Трипольскимъ цѣлыя главы изъ обоихъ Евангелій. Во всякомъ случаѣ теперь, съ обнаруженіемъ текста Волинскаго Евангелія, возможно всестороннее научное его изслѣдованіе, чѣмъ, конечно, и не преминутъ воспользоваться ученые специалисты. А за почтеннымъ о. протоіереемъ Трипольскимъ навсегда останется заслуга перваго открытія ученому міру этой драгоценной рукописи, сохраненія ея отъ угрожавшей ей гибели въ рукахъ невѣжественныхъ людей и, наконецъ, перваго научнаго ея описанія. Остается выразить пожеланіе, чтобы поскорѣе дождалась такого описанія и еще одна волинская рукопись того же рода, именно — южно-русскій переводъ Новаго Завѣта, слѣданный въ 1581 г. волинскимъ дворяниномъ Валентиномъ Негалевскимъ. Рукопись эта хранится въ одномъ изъ кievскихъ монастырей, и еще недавно, во время послѣдняго Археологическаго Съѣзда, ее можно было видѣть на археологической выставкѣ.

Въ томъ же Сборникѣ имѣется и другая статья о. Трипольскаго: «Историческія свѣдѣнія о городѣ Житомирѣ, Волинской губерніи». Къ сожалѣнію, мы лишены возможности высказать объ этой работѣ

столь же благопріятный отзывъ, какъ о первомъ трудѣ того же автора. Мы хорошо понимаемъ, что составить мало-мальски полную и обстоятельную исторію столь древняго города, какъ Житомиръ,—задача величайшей трудности, требующая обширной эрудиціи и массы кропотливыхъ изысканій, не всегда и возможныхъ въ провинціальномъ городѣ; поэтому заранѣе оговариваемся, что къ разбираемой статьѣ не станемъ предъявлять строгихъ требованій. Ктому же авторъ самъ предупреждаетъ, что онъ «не задавался цѣлью писать подробную, обстоятельную исторію города Житомира», а желалъ только сгруппировать и въ болѣе или менѣе послѣдовательномъ порядкѣ изложить то, что относительно этой исторіи имѣлось у него подъ руками въ видѣ разбросанномъ. Пусть и такъ. Авторъ имѣетъ право отмежевать себѣ тѣ или другія границы, представить не полную исторію города, а лишь извѣстную сторону его прошедшей жизни, въ ту или другую эпоху, ограничиться лишь извѣстнаго рода матеріалами. Но какъ бы онъ ни суживалъ свою задачу, онъ не можетъ не знать или намѣренно игнорировать установившіеся уже въ наукѣ факты и положенія, касающіеся избраннаго имъ предмета; ему нельзя обойтись безъ предварительнаго ознакомленія съ лучшими, т. е. наиболѣе полными и достовѣрными источниками,—въ противномъ случаѣ онъ рискуетъ на каждомъ шагѣ впасть въ грубыя ошибки, повторять давно опровергнутыя басни и напрасно ломать голову надъ тѣмъ, что давно уже открыто и съ точностью выяснено. Нѣчто подобное случилось и съ нашимъ почтеннымъ авторомъ. Сколько можно судить по его ссылкамъ и цитатамъ, авторъ сдѣлалъ выписки изъ давно забытыхъ статей польскихъ историковъ: Прусиновскаго *Żytomierz pod względem historycznym*, напечатанной въ *Gazet — ъ Polsk — ой* за 1864 годъ, Крашевскаго *Wieczory Wołyńskie*, изд. 1859 г., изъ книги Балинскаго и Липинскаго *Starożytna Polska*, изд. 1844 г., да къ нимъ присоединилъ: «Волинскія записки» Степана Руссова, изд. 1809 г. (чистый хламъ) и «Историч. очерки Волини» Крушинскаго,—и на основаніи этихъ скудныхъ и больно уже устарѣвшихъ матеріаловъ задумалъ составить очеркъ исторіи Житомира ab ovo и до нашихъ дней. Ни одинъ изъ болѣе новыхъ русскихъ или польскихъ историковъ, ни одно изъ капитальныхъ изданій историческихъ актовъ, во множествѣ появившихся съ 1860-хъ годовъ, не цитируются авторомъ, за исключеніемъ единственной (и то, видимо, случайной) цитаты изъ *Zródła dziejowe* и двухъ-трехъ Описей актовыхъ книгъ Кіев. Центр.

Архива. Не удивительно, что, руководствуясь такими устарѣлыми и малоцѣнными источниками, авторъ на каждомъ шагу дѣлаетъ промахи. Такъ, въ первыхъ же строкахъ своей статьи онъ съ полною вѣрою повторяетъ старую сказку о походѣ Гедимина на Кіевъ въ 1320—21 гг. и завоеванія Житомира, совсѣмъ игнорируя изысканія объ этомъ проф. Антоновича, Дашкевича и др. историковъ. Зато, съ другой стороны, авторъ умалчиваетъ о такомъ крупномъ фактѣ въ исторіи Житомира, какъ полное его разореніе Менглигиреемъ въ 1481 г., послѣ чего городъ долго не могъ оправиться. Перечень первыхъ намѣстниковъ и старость Житомирскихъ неполный и невѣрный. Вообще историч. свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о Житомирѣ за XVI в., крайне блѣдны и сбивчивы. Это происходитъ оттого, что онъ съ чужого голоса повторяетъ отрывочныя извѣстія, почерпнутыя изъ скудныхъ источниковъ. А если бы онъ обратился къ первоисточникамъ и просмотрѣлъ хотя бы подлинныя люстраціи Житомира 1471, 1545, 1552 и др. годовъ, давно изданныя въ Архивѣ Юго-зап. Россіи ч. VII т. 1 и 2, пли у г. Яблоновскаго, онъ нашелъ бы тамъ живыя и крайне интересныя подробности о Житомирѣ тѣхъ временъ, съ подробнымъ описаніемъ замка и его вооруженія, числовымъ перечнемъ жителей—землянъ, бояръ и мѣщанъ, съ яркимъ изображеніемъ ихъ бѣдственной жизни подъ вѣчнымъ страхомъ татарскаго вторженія и т. под. Тогда автору не нужно было бы ломиться въ открытую дверь и гипотетически рѣшать такія задачи, для рѣшенія коихъ люстраціи дали бы ему точныя указанія. Такъ, напримѣръ, его очень интересуетъ вопросъ: были ли въ Житомирѣ въ XVI в. православныя церкви и монастыри? Скудные и тощія источники, какими авторъ располагаетъ, не даютъ на это отвѣта, и ему не остается ничего другого, какъ строить гипотезы: „Трудно предположить, чтобы такой благоустроенный и многолюдный городъ, какимъ былъ Житомиръ въ XV и XVI вѣкахъ, не имѣлъ въ себѣ храма, въ которомъ бы могло совершаться богослуженіе—одно изъ важныхъ условій, удовлетворяющихъ высшей потребности человѣческаго духа“... и проч. Чувствуя однако крайнюю нужду подѣржить это благочестивое соображеніе хоть какимъ-нибудь подобіемъ историческаго свидѣтельства, авторъ, какъ утопающій за бритву, хватается за такой подозрительный документъ, на который въ другихъ случаяхъ онъ и самъ совѣстится ссылаться. „На основаніи нѣкоторыхъ рукописныхъ документовъ XVII—XVIII вв. „во градѣ Жити-мирно“, т. е. въ Житомирѣ, уже

въ XIII и XIV в. существовали монастыри женскій и два мужескихъ и изъ этихъ послѣднихъ одинъ— „греческимъ обрадіемъ целемъ“ (?!)— не только православный, но собственно греческій монастырь“. Читатель, конечно, въ нелюбимѣнн: что это за «нѣкоторые рукописные документы XVII—XVIII вв.», повѣствующіе о событіяхъ XIII—XIV вв. такимъ страннымъ нарѣчіемъ? Поможемъ ему догадаться: это пресловутая „Почадовская Лѣтопись“, о которой въ свое время въ нашемъ журналѣ даны были отзывы, какъ о грубомъ и невѣжественномъ фальсификатѣ. 1) Вспомнивъ объ этомъ, о Трипольскій скромно оговаривается далѣе: «Достоверность этихъ документовъ и сообщаемыхъ ими историческихъ извѣстій о древнѣйшихъ событіяхъ на Волинн пока не признана нашей литературной критикой, а потому мы и замалчиваемъ ихъ до поры до времени; но тѣмъ не менѣе остаемся при глубокомъ убѣжденіи, что въ г. Житомирѣ съ древнѣйшихъ временъ существовали православные монастыри и храмы». Подчеркнутыя нами въ этой цитатѣ выраженія какъ-будто указываютъ на то, что почтенный протоіерей еще не потерялъ надежды доказать достоверность Почадовской лѣтописи... Суетная эта нужда! Суетна и ссылка въ данномъ случаѣ на эту лѣтопись, ибо мы безъ того достоверно знаемъ, что православныя церкви и монастырь точно существовали въ Житомирѣ въ половинѣ XVI в., а можетъ быть и раньше, и свидѣтельство объ этомъ почерпаемъ изъ тѣхъ же люстрацій 1545 и 1552 гг.: тамъ имѣются прямыя указанія на то, что въ Житомирѣ въ то время былъ монастырь Успенскій и церкви: св. Николая, св. Спаса и Рождества Богородицы. Есть тамъ упоминанія и о католическихъ костелахъ, относительно которыхъ нашъ авторъ категорически утверждаетъ, будто ихъ вовсе не было въ Житомирѣ раньше XVIII вѣка: названныя люстраціи, напротивъ, упоминаютъ о костелахъ Матки Божой и св. Миколая, но поясняютъ, что оба они „запустѣли отъ 80 лѣтъ“, т. е. со времени Менглигиреева разоренія. Нашъ авторъ, правда, кое-что черпаетъ и изъ этихъ люстрацій, но не прямо, а изъ третьихъ рукъ, и потому иные факты приводятся имъ въ изуродованномъ видѣ. Такъ онъ говоритъ, будто люстрація Житом. замка въ 1545 г. была произведена «епископомъ Луцкимъ

1) См. двѣ статьи г. Волянца, въ „Кіев. Старинѣ“ 1896 г. октябрь и 1898 г. апрѣль.

Григорієм Фальчевскимъ и дворяниномъ королевскимъ *Леономъ Потоцкимъ*, на самомъ же дѣлѣ ее производили *Юрій* Фальчевскій, *бискупъ* Луцкій и Берестейскій, и *Левъ Потпій* «дьякъ его королевской милости». — „Изъ этой переписи или такъ называемой *метрики* (пишетъ о. Трипольскій) прежде всего мы узнаемъ, что житомирскіе мѣщане *всѣ подати платили Кієво-печерскому монастырю*“. А въ подлинной люстраціи сказано: «семь слугъ замковыхъ, ... которые земли господарскія подѣ собою мають, зъ тыхъ дѣй земель дани дають на монастырь Пречистои Печерской до Кієва»; да и люстраціи никогда не назывались «метриками»: онѣ лишь вносились люстраторами всякій разъ въ *метрики* литовскую, а впоследствии въ коронную.

Встрѣчаются въ статьѣ о. Трипольскаго и нѣкоторыя странности, въ родѣ слѣдующей. Рассказываетъ онъ, что въ 1766 г. въ Житомирѣ былъ учрежденъ римско-католическій монастырь и при немъ община сестеръ милосердія, такъ называемыхъ шаритокъ, на обязанности которыхъ было призрѣніе и воспитаніе подкидышей, сиротъ и дѣтей недостаточныхъ родителей. «По видимому (замѣчаетъ авторъ), житомирскія сестры милосердія стояли на высотѣ своего призванія и исполняли свое дѣло безукоризненно и съ самоотверженіемъ, *въ духѣ православія и русской народности*» (?!), но потомъ оказалось, что онѣ воспитывали дѣтей въ католическомъ духѣ и крестили подкидышей по латинскому обряду. Да какъ же иначе, когда шаритки сами были католичками и община ихъ состояла при католич. монастырѣ? Какимъ же образомъ онѣ могли бы воспитывать призрѣваемыхъ ими дѣтей „въ духѣ православія и русской народности?“

Въ концѣ статьи своей о. Трипольскій приводитъ подробное описаніе г. Житомира въ половинѣ XIX ст., заимствованное изъ книги Крашевскаго *Wieczory Wołyńskie*, изд. 1859 г. Это наиболѣе интересная часть статьи, и если бы авторъ выбралъ изъ польскихъ изданій побольше такихъ мемуаровъ о Житомирѣ, предпославъ имъ краткій историческій очеркъ въ родѣ, напримѣръ, того, какой помещенъ въ XIV томѣ *Słownika Geograficznego*, то его трудъ имѣлъ бы большую цѣну.

Другимъ ближайшимъ сотрудникомъ при составленіи 2-го выпуска «Волинскаго Историко-Археологическаго Сборника» является О. А. Фотинскій. Этотъ безкорыстный труженникъ, занимающій скромное положеніе преподавателя въ епархіальномъ женскомъ училищѣ

въ Житомирѣ, своими учеными изслѣдованіями, археологическими экскурсіями и работами по описанію предметовъ, хранящихся въ Вол. Епарх. Древлехранилищѣ, давно уже приобрѣлъ почетную извѣстность, какъ даровитый, усердный и крайне полезный дѣятель на поприщѣ научной разработки родной ему Волынской старины. Всѣ его работы отличаются вполне научнымъ характеромъ, основательнымъ изученіемъ предмета и значительнымъ литературнымъ дарованіемъ. Тѣми же достоинствами замечательны и двѣ новыя его статьи, помѣщенные въ Сборникѣ.

Первая изъ нихъ: «Побратимство и чинъ братотворенія». Если не ошибаемся, эта самая работа была доложена авторомъ въ качествѣ реферата на послѣднемъ Археолог. Съѣздѣ. Главныя положенія ея таковы. Обрядъ братотворенія явился лишь церковною санкціею народнаго обычая, свойственнаго всѣмъ народамъ древности. Впервые чинъ братотворенія составленъ въ греческой церкви, вѣроятно, въ VII—VIII вв. Перенесенный въ русскую церковь, этотъ чинъ, первоначально очень краткій, постепенно видоизмѣнялся и пополнялся какъ въ содержаніи молитвословій, такъ и въ обрядности, все болѣе приближаясь по формѣ къ таинству брака. Такъ, побратимовъ ставили въ церкви предъ налоемъ, давали имъ зажженные свѣчи, іерей связывалъ имъ руки поясомъ, водилъ вокругъ налоя при пѣніи церковныхъ пѣсней, приобщалъ св. дарами, заставлялъ ихъ цѣловать другъ друга и вкушать вина изъ одной чаши. Это сходство въ обрядности чиновъ братотворенія и таинства брака обуславливалось тождествомъ лежащей въ основѣ того и другого акта идеи—полнаго духовнаго единенія. Въ одномъ изъ волынскихъ рукописныхъ требниковъ (1403 г.) есть указаніе и на то, что побратимы мѣнялись крестами, какъ то практиковалось въ обычной формѣ побратимства запорожцевъ. Несмотря на то, что восточною церковью побратимство было окончательно запрещено еще въ XIII ст. («ибо оно нерѣдко приводило къ тяжкимъ грѣхамъ»..), на Руси широко распространившійся обычай оказался сильнѣе закона, и чинъ братотворенія продолжалъ переписываться и въ позднѣйшіе вѣка, а въ XVII ст. не рѣдко включался и въ печатные требники (наприм., въ Кіевскій требникъ 1652 г.) Очевидно, мѣстная духовная власть сама находилась въ колебаніи, какъ ей относиться къ глубоко укоренившемуся народному обычаю. Въ бібліотекѣ Общества Нестора-лѣтописца хранится рукописный чинъ братотворенія, писанный въ XVII ст. гдѣ-то въ Кіевщинѣ или Черниговщинѣ, а въ Поминникѣ церкви с. Смедыня, Ковельскаго у., встрѣчаемъ любопытное прошеніе: «помяны, Господи, кумы и побра-

тѣмъ». До настоящаго времени обычай побратимства, съ церковнымъ освященіемъ, сохранился по мѣстамъ въ юго-славянскихъ земляхъ, въ Малороссіи же отголоски этого обычая удержались кое-гдѣ въ видѣ такъ называемаго «еднанья». Авторъ приводитъ не вполне опредѣленные указанія и на то, что побратимство считалось духовнымъ родствомъ и въ извѣстныхъ случаяхъ служило препятствіемъ къ браку; быть можетъ, оно сопровождалось извѣстными юридическими правоотношеніями между побратимами и ихъ родственниками. Южно-русскія церковныя братства возникали изъ пныхъ побужденій и потому требовали много церковнаго чина, отличавшагося крайнею простотою и бѣдностію ритуала; но въ началѣ XIX ст. вступленіе въ братство (у униатовъ) сопровождалось чиновослѣдованіемъ, отчасти заимствованнымъ изъ чина братотворенія.

Къ этому интересному изслѣдованію мы можемъ лишь добавить, что въ Луцкой актовой книгѣ 1572 г. намъ встрѣтился документъ, какъ будто подтверждающій догадку почтеннаго автора о томъ, что побратимство, освященное церковнымъ обрядомъ, ставило побратимовъ въ извѣстныя юридическія правоотношенія. Землянинъ Станиславъ Хрустацкій жаловался въ луцкомъ судѣ 27 янв. 1572 г., что его «*церковный братъ*» п. Янъ Незнавскій, не задолго предъ тѣмъ умершій, завѣщалъ ему разныя вещи въ уплату слѣдуемаго долга, но землянинъ Дмитро Яловыцкій (очевидно, близкій родственникъ умершаго) отказался ему показать завѣщаніе и выдать завѣщанное. 1) Этотъ же самый терминъ «*церковный братъ*» встрѣтился намъ и въ одной актовой книгѣ полтавскаго полкового суда конца XVII в. Въ апрѣлѣ 1683 г. полтавскій козакъ Ганонъ Карновичъ заявилъ предъ урядомъ, что умершій въ Сѣчи козакъ Леско Буть, приходившійся ему «*братомъ церковнымъ названнымъ*», передъ смертію передалъ ему свою волю относительно распоряженія оставшимся въ Полтавѣ домомъ и имуществомъ, и урядъ утвердилъ это распоряженіе такъ, какъ бы оно было выражено въ формѣ письменнаго завѣщанія. Наконецъ напомнимъ, что въ нашемъ журналѣ (1887 г., № 10) былъ напечатанъ формальный актъ побратимства 1801 года, внесенный въ метрическую книгу с. Протопоповки, александрійскаго у., херс. губ., изъ чего можно заключить, что древній обычай братотворенія не исчезъ совершенно еще въ началѣ XIX ст.

Не менѣе интересенъ и другой очеркъ г. Фотинскаго въ ново-вышедшемъ Сборникѣ: «Обыкновенные люди старой Волини. Изъ се-

1) Актовая книга № 2046, л. 55.

мейной хроникі двухъ поколѣній дворянъ Загоровскихъ, во второй половинѣ XVI в.». По нашему глубокому убѣжденію, подобныя бытовые очерки, умѣло и сколько-нибудь талантливо составленныя, должны быть цѣнными выше иныхъ историческихъ дисертацій, снабженныхъ огромнымъ ученымъ арсеналомъ, но сухо и безжизненно трактующихъ о предметахъ хотя бы и первостепенной важности. Ничто такъ не вводитъ читателя непосредственно въ жизнь отдаленнаго прошлаго, какъ живое изображеніе тогдашнихъ людей, съ ихъ повседневымъ бытомъ, мелочными житейскими заботами и интересами. Нужды нѣтъ, что это были обыкновенные, заурядные люди, не возвышавшіеся надъ среднимъ уровнемъ своихъ современниковъ, что въ ихъ жизни не было ни громкихъ дѣяній, ни особенно интересныхъ приключеній; но нужно помнить, что такіе обыкновенные люди являются типическими представителями своей эпохи и что они въ своей совокупности и дѣлали собственно исторію своей родины, независимо отъ талантовъ и энергій отдѣльныхъ руководителей и отъ задавленной, обезличенной народной массы. Но чтобы съ успѣхомъ писать такіе очерки, для этого, кромѣ природнаго таланта, требуется обширное, всестороннее знакомство съ историческою эпохою и предварительное необыкновенно кропотливое изученіе мелкихъ архивныхъ документовъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности не представляетъ интереса, но въ общей совокупности, подъ рукою мастера, они, подобно мозаичскимъ камешкамъ, даютъ живыя, рельефныя изображенія. У г. Фотинскаго имѣются всѣ данныя, чтобы быть такимъ историческимъ живописцемъ: и талантъ, и основательное знаніе исторіи родной ему Волыни, и необыкновенное трудолюбіе. Чтобы составить понятіе о томъ, какой громадный матеріалъ нужно было ему переработать, прежде чѣмъ написать настоящій очеркъ, достаточно одного бѣлаго взгляда на его подстрочныя цитаты: это все ссылки на безчисленные акты и документы самой мелкой цѣны и содержанія, въ родѣ кунчихъ, продажныхъ, заставныхъ записей, дѣлчихъ, вѣновныхъ листовъ, жалобъ, декретовъ и т. д. Часть этихъ матеріаловъ г. Фотинскій нашель у себя подъ руками, въ бібліотекѣ Вол. епарх. Древлехранилища, но огромное большинство ихъ хранится въ актовыхъ книгахъ Кіев. Центр. Архива, и такъ какъ авторъ былъ лишенъ возможности работать въ самомъ Архивѣ, то ему оставалось главнымъ образомъ пользоваться печатными Описями актовыхъ книгъ, гдѣ обозначено лишь вкратцѣ содержаніе актовъ, но не

приводятся подробности, нерѣдко весьма характерныя. Сверхъ того, интересовавшіе автора матеріалы о Загоровскихъ имѣются не въ однихъ Луцкихъ актовыхъ книгахъ, Описи которыхъ отчасти изданы, но и въ книгахъ Владимирскихъ, Кременецкихъ и др., коихъ описи еще не опубликованы. Мы лично давно заинтересованы исторіей рода Загоровскихъ и въ теченіе многолѣтнихъ занятій въ Кіев. Центр. Архивѣ успѣли сконпирь огромный матеріалъ, сличая который съ очеркомъ г. Фотинскаго, приходимъ къ заключенію, что многіе факты и подробности изъ жизни его героевъ остаются ему еще неизвѣстными. Говоримъ объ этомъ отнюдь не въ осужденіе работы симпатичнаго намъ автора, и безъ того полной и прекрасной, а съ цѣлью лишь показать читателямъ, какое безпредѣльное богатство для бытовой исторіи заключается въ актовыхъ книгахъ, и вмѣстѣ поскорбѣть о томъ, что такъ мало работниковъ, которые желали бы трудиться надъ этимъ богатымъ матеріаломъ. Что же касается г. Фотинскаго, то, повторяемъ, ему дѣлаетъ еще бѣльшую честь то обстоятельство, что онъ лишенный возможности пользоваться сплона имѣющимся налицо матеріаломъ, сумѣлъ однако нарисовать въ высшей степени живые и рельефные портреты волынскихъ землянъ XVI в. Лично мы не согласились бы съ нимъ въ одномъ лишь пунктѣ: почему онъ полагаетъ, что епископъ Феодосій Лозовскій изрекъ извѣстный декретъ по дѣлу между двумя женами Вас. Загоровскаго, будучи подкуленъ княжною Чорторыйскою? Въдъ та „таинственная педула“, которую ея повѣренный вручилъ суду открыто, на глазахъ у противной стороны и многочисленныхъ свидѣтелей, навѣрное заключала въ себѣ, какъ и заявлялось при этомъ, какія-то выписки изъ церковныхъ канонѡвъ, а отнюдь не взятку или посулу, какъ склоненъ подозрѣвать авторъ. Мы согласны съ нимъ, что епископъ Лозовскій былъ такой человѣкъ, котораго не трудно было подкупить, но умный повѣренный ни въ какомъ случаѣ не сдѣлалъ бы такого промаха, что бы открыто, на судѣ, поднести взятку предсѣдателю, а не вручить ему ее келейно. Да и приговоръ духовнаго суда былъ такого рода, что любой епископъ того времени могъ произнести его безъ всякаго подкупа, по искреннему убѣжденію. Лучшимъ подтвержденіемъ этому служить то обстоятельство, что декретъ Лозовскаго хотя и былъ противной стороною опротестованъ, но никакимъ судомъ внослѣдствіи не былъ отмѣненъ, и обѣ жены Загоровскаго такъ и жизнь свою

окончили, нося его фамилію и пользуясь сопряженными съ этимъ правами.

Еще одно мелкое замѣчаніе: зачѣмъ почтенный авторъ фамилін князей Чорторыйскихъ и Потѣя пишетъ въ позднѣйшей онолаченной формѣ: «Чарторыйскіе», «Ипатій Поцѣй?» Имѣя дѣло съ подлинными историческими актами, онъ вѣдь хорошо знаетъ, какъ эти фамиліи писались въ XVI—XVII ст. Нѣтъ нужды и намъ измѣнять на польскій ладъ эти (и другіи) фамиліи, разъ мы ведемъ рѣчь о людяхъ тѣхъ вѣковъ, а не объ ихъ онолаченныхъ потомкахъ.

Въ томъ же Сборникѣ имѣется статья М. П. Истомина: «Наброски по иконографіи Волинскаго Древлехранилища въ г. Житомирѣ». Это тоже извлеченіе изъ реферата, читаннаго авторомъ на XI Археологическомъ Съѣздѣ въ Кіевѣ, только тамъ была рѣчь вообще о Волинской иконографіи, а въ настоящей статьѣ—исключительно о тѣхъ старинныхъ иконахъ, которыя собраны въ Древлехранилищѣ. Среди нихъ изслѣдователь различаетъ два типа: 1) сравнительно очень небольшой отдѣлъ, представляющій композиціи, сдѣланныя по византійскимъ образцамъ, и 2) значительно большій, съ яснымъ оттѣнкомъ западнаго вліянія композицій, въ духѣ мастеровъ отчасти итальянскихъ, но главнымъ образомъ нѣмецкихъ и даже фламандскихъ школъ живописи. Наряду съ этимъ встрѣчаются нерѣдко изображенія переходнаго типа, композиція которыхъ въ своей основѣ византійская, но техническое исполненіе носитъ уже на себѣ слѣды западнаго вліянія. Въ заключеніе изслѣдователь указываетъ на крупный иконографическій пробѣлъ Древлехранилища—бѣдность изображеній съ ясно выраженнымъ народнымъ колоритомъ. Только двѣ иконы Богоматери—одна съ изображеніемъ строителя иконы, «ткача Яна Вербскаго» съ женою и дочерью, и другая, съ изображеніемъ колѣнопреклоненнаго пана, даютъ нѣкоторый матеріалъ для исторіи народнаго костюма. Сюда же можетъ быть отнесена серебряная привѣска (изъ г. Ковля) съ изображеніемъ вола и надписью: «Року 1711 было барзо дыхало. Пріими офѣру, Чистая Дѣво Мати, вола срибного, ратуи остатокъ быдла у людей и у мене бидного». И это все. Между тѣмъ, судя по личнымъ наблюденіямъ автора при обзорѣниі церкви на Волини, народная струя здѣсь весьма сильно и рельефно пробивается въ трактовкѣ многихъ иконографическихъ сюжетовъ, напр. въ изображеніяхъ св. великомученицы Варвары и особенно въ картинахъ

Страшнаго суда.—Въ виду спеціального сюжета статьи, касающагося такой сравнительно мало еще изслѣдованной области, какъ иконографія, мы воздерживаемся отъ оцѣнки наблюденій г. Истомина, но признаемъ справедливымъ отдать ему должную честь, какъ первому изслѣдователю въ области западно-русской иконографіи. Къ сожалѣнію, у насъ такъ еще велика область предметовъ, научно пока неизслѣдованныхъ, что мы должны съ благодарностью привѣтствовать каждое начинаніе въ этомъ дѣлѣ. Много ли намъ извѣстно, наприкладъ, о томъ, что въ сущности представляетъ собою старинная малороссійская архитектура нашихъ храмовъ, со дня на день исчезающая и повсемѣстно замѣняемая до тошноты однообразнымъ казеннымъ фасонамъ? Что это за стиль, подъ какимъ онъ вліяніемъ образовался? Есть у насъ на Волыни и въ Подоліи древніе замки и другіе памятники старинной архитектуры: но кто научно занимается ихъ изученіемъ? А наша дивная церковная музыка, такъ сильно захватывающая насъ въ хоровыхъ переложеніяхъ Турчанинова и Бортовянскаго и въ безыскусственномъ исполненіи кіево-печерскихъ монаховъ! Она ещѣ 30 назадъ была жива и въ нашихъ селахъ, въ устахъ старинныхъ дьячковъ, но съ учрежденіемъ псаломщичества умолкли навѣки ихъ оригинальные напѣвы и смѣнились невѣжественнымъ возлогласіемъ. Къ счастью, древность передала намъ богатый запасъ старопечатныхъ и болѣе древнихъ рукописныхъ терминологіевъ, гдѣ южно-русскіе напѣвы увѣковѣчены нотными знаками. Кто же у насъ занимается изученіемъ всего этого? Кто въ состояніи объяснить: откуда пришли къ намъ эти чудные, якобы греческіе и болгарскіе распѣвы, когда ни въ современной Греціи и Болгаріи, ни на христіанскомъ востоцѣ, ни въ какомъ иномъ мѣстѣ христіанскаго міра нѣтъ ничего сколько нибудь похожаго на наши чудныя церковныя мелодіи? А если эти напѣвы сложились у насъ же дома, то какъ велико было участіе въ ихъ образованіи народной музыки сравнительно съ иноземнымъ вліяніемъ, и какимъ именно? Всѣ эти интересныя задачи, столь важныя въ дѣлѣ историческаго изученія нашей культуры, еще ждутъ рѣшенія.

Въ заключительномъ отдѣлѣ Сборника, названномъ *Miscelanea*, помѣщены документы и другіе матеріалы, относящіеся къ исторіи монастырей: Загоровскаго, Дерманскаго, Луцкаго Крестовоздвиженскаго братства и одинъ документъ (по забывчивости издателей не датированный), относящійся къ исторіи церкви с. Подборецъ, дуб. у.,

и бывшаго здѣсь уніатскаго женскаго монастыря. Историческій интересъ этихъ матеріаловъ различной цѣнности, но худо то, что всѣ они напечатаны съ такимъ обиліемъ грубыхъ опечатокъ, что для исправленія ихъ пришлось прибавить четыре съ лишнимъ страницы поправокъ.

Оканчивая оцѣнку Волинскаго Сборника, мы по справедливости должны признать это изданіе цѣннымъ, полезнымъ, вносящимъ немалую лепту въ сокровищницу научнаго изученія исторіи Волыни. Отмѣченные нами кое-какіе недочеты и промахи не ослабляютъ этого приговора, ибо не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. А духовенству Волинской, какъ и Подольской, губ. надо отдать полную справедливость, что оно стремится дѣлать и, что можетъ, дѣлаетъ для изученія края. И въ Житомирѣ, и въ Каменцѣ давно учреждены епархіальныя древлехранялища, куда постоянно стекаются всякаго рода остатки старины, которые безъ этого были бы обречены на гибель. Вокругъ этихъ хранящихъ естественно группируются лица, съ усердіемъ и любовью работающія на пользу родной исторіи, учреждаются изданія, гдѣ печатаются не одни матеріалы, во и по временамъ очень цѣнныя изслѣдованія и даже капитальные труды, въ родѣ недавно вышедшаго Историческаго описанія приходоу и церквей Подольской губ. И съ любовью оглядываясь съ высоты Кіевскихъ горъ на эти пока еще немногочисленные кружки усердныхъ работниковъ, невольно переводишь взоръ на востокъ и сѣверъ, въ даль степного Заднѣпровья, и спрашиваешь: а что же дѣлается тамъ, въ предѣлахъ древняго Черниговскаго княжества и Сѣверской земли, а равно и тамъ, на берегахъ Ворсклы, „де Шведъ полигъ головою“? Учреждаются ли и тамъ епархіальныя древлехранялища, собираются ли и изучаются памятники старины? Организируются ли церковно-археологическія общества, какъ на Волыни, или историко-статистическіе комитеты, какъ въ Каменцѣ? Увы! Нѣтъ тамъ ни древлехранящихъ, ни обществъ, ни комитетовъ, и кромѣ жиденскихъ Епарх. Вѣдомостей, ничего другаго не издается. А казалось бы, и образованныхъ людей въ Полтавѣ и Черниговѣ ни чуть не меньше, чѣмъ въ Каменцѣ или Житомирѣ, и собирать и изучать имъ было бы что. За чѣмъ же остановка? За инициативой: нѣтъ энергичныхъ и преданныхъ дѣлу людей, а то бы дѣло сразу закинуло... Признаемся, грустно и стыдно намъ становится за нашихъ лѣвобережныхъ земляковъ, и чѣмъ съ болѣе горячимъ сочувствіемъ мы привѣтствуемъ правобереж-

ныхъ труженниковъ на поприщѣ разработкѣ дорогой намъ всѣмъ исторіи родного края.

Ор. Левицкій.

Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. Съ 1 октября 1900 г. по 1 октября 1901 г. подъ редакціей директора коллегіи А. И. Степовича, годъ 6-й.

1901-й годъ для Коллегіи юбилейный (Коллегія прожила 30 лѣтъ), а потому и матеріаловъ въ Ежегодникѣ этого года значительно больше, чѣмъ въ предшествовавшіе годы. Изъ такихъ матеріаловъ особенно любопытенъ рассказъ о зарожденіи Ежегодника. Мысль такого изданія, съ оплачиваемою полнотною платою авторамъ, принадлежитъ нынѣшнему директору Коллегіи, который предполагалъ еще, кромѣ Ежегодника, «выпускать ученые и литературныя работы преподавателей отдѣльными книгами». Мысль эта была одобрена почетною попечительницею, которая скоро скончалась и не успѣла назначить особой суммы для выполненія этой задачи. Изъ Ежегодника не видно, какъ относится теперь правленіе и совѣтъ Коллегіи къ этому изданію; составитель же записки рассказываетъ, что хотя арендаторъ одного изъ имѣній Коллегіи Н. А. Степунинъ «внесъ на этотъ предметъ 1000 р. (въ качествѣ дара?)», но «рѣшеніе вопроса въ указанномъ смыслѣ» можетъ быть только тогда, «когда сама Коллегія найдетъ для этого средства». Цитатами изъ «Русской Школы», «Русскаго Богатства», «Ж. М. Пр. Просвѣщенія», «Новаго Времени» доказывается необходимость существованія «Ежегодника», занявшаго въ литературѣ опредѣленное мѣсто.

Неофициальная часть въ отчетномъ году состоитъ: 1) изъ статей гг. Александровскаго, Альдингера и Степовича, 2) матеріаловъ.

Въ отдѣлѣ «Матеріалы» напечатано: 1) Свѣдѣнія о лицахъ, окончившихъ курсъ въ Коллегіи за время 1875—1900 г. Свѣдѣнія эти довольно скудны и—что хуже всего—не лишены ошибокъ; для примѣра хотя бы взять бывшаго воспитанника Коллегіи, а теперь члена ея совѣта А. С. Турчанинова, который въ одномъ мѣстѣ названъ чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ (стр. 34), а въ другомъ — совѣтникомъ губернскаго правленія (стр. 134).

2) Два списка — одинъ окончившихъ Коллегію по выпускамъ, а другой — всѣхъ учившихся въ прошедшій 30-лѣтній періодъ. Первый списокъ составленъ правильно, потому что въ канцеляріи Коллегіи есть за каждый годъ «Дѣло» о выпускныхъ воспитанникахъ; второй же страдаетъ погрѣшностями. 3) Списокъ всѣхъ служившихъ въ Коллегіи за время 1871—1901 г., а также свѣдѣнія о директорахъ и воспитателяхъ; въ этихъ свѣдѣніяхъ ничего новаго не приведено—все уже было печатаемо въ прежнихъ Ежегодникахъ. Единственная новинка—это подробная, и на этотъ разъ спокойная, біографія бывшаго директора Коллегіи Н. С. Шафранова. 4) За то совершенною новинкою, хотя и мало понятною, является «Опись книгъ и другихъ предметовъ, находящихся въ Музеѣ Коллегіи Павла Галагана». Что это за музей, когда онъ возникъ, каково его назначеніе, мы никакъ не могли уловить ни изъ «описи книгъ», ни изъ перечня «предметовъ по ручному труду» (напр.: совокъ, пестикъ, топорыше и др.).

Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщены: 1) письмо Г. П. Галагана къ дядѣ его о дворянскихъ выборахъ въ 1848 г. въ Черниговѣ, съ примѣчаніями А. М. Лазаревского; 2) двѣ записки 1869 г. по вопросу объ устройствѣ Коллегіи, и 3) Изъ первыхъ лѣтъ жизни Коллегіи.

Въ своемъ письмѣ Г. П. Галаганъ рассказываетъ о выборахъ въ губернскіе предводители Н. П. Бороздины, вмѣсто бывшаго Я. И. Борковскаго, на котораго были недовольны дворяне за то, что онъ сдалъ подряды на проводимое шоссе не имъ, а жидамъ. Записки по вопросу объ устройствѣ Коллегіи наполнены предположеніями, какова должна быть Коллегія—среднее или высшее учебное заведеніе, съ *тьюторами* или безъ нихъ. Третья замѣтка пытается объяснить нѣкоторыя измѣненія въ Коллегіи послѣ смѣны перваго учебно-воспитательнаго персонала; но написана она безъ особенной колоритности, а потому слабо выясняетъ существо дѣла.

Что касается денежныхъ ресурсовъ Коллегіи, то она въ этомъ отношеніи находится въ блпстательномъ положеніи, имѣя въ 1900 г. дохода 143,966 р., а расходу 72,585 р., при чемъ оны имѣнія дали въ 1900 г. 59,140 р., при расходѣ въ 21,058 р. Имѣетъ Коллегія и свою дачу въ г. Козельцѣ—Покорщину, содержаніе которой обшлось въ 1356 р. Дачею владѣетъ въ учебномъ округѣ единственная Коллегія, а потому очень бы интересно было знать, сколько тамъ прожи-

ваєть лѣтомъ воспитанниковъ, какъ обставлена ихъ жизнь, занятія. Къ сожалѣнію, Ежегодникъ ни словомъ не обмолвился по этому вопросу.

Ежегодникъ снабженъ фотографическими снимками видовъ имѣній Коллегіи, а на первой страницѣ приведенъ краткій некрологъ безвременно сошедшаго въ могилу воспитателя В. С. Рыбинскаго.

III.

Корифеи украинской сцены (съ 8 портретами). *Кіевъ, 1901 г., стр. 1—191, in 16°. Цѣна 65 коп.*

Исторія украинскаго театра, какъ извѣстно, очень слабо пока разработана. Въ то время какъ область исторіи, этнографіи, изящной литературы, археологіи въ послѣднія 2—3 десятилѣтія обогатилась огромнымъ количествомъ матеріала, въ значительномъ большинствѣ еще не обработаннаго научно, исторія украинскаго театра, первыя основы котораго относятся еще къ XVII столѣтію, не имѣеть и донынѣ ни одного болѣе или менѣе солиднаго историческаго очерка, не обладаетъ никакими готовыми матеріалами, вслѣдствіе чего и не удивительно, что всякому, у кого явилась-бы счастливая мысль заняться этимъ вопросомъ, пришлось-бы утонуть въ необозримомъ морѣ журнальной, газетной и книжной литературы за весь періодъ существованія украинскаго театра. Если и являются попытки коснуться данной области, то онѣ ограничиваются опредѣленной, небольшой темой (напр. „О малорусской драмѣ“ Катранова, Одесса 1898 г.), или касаются совершенно частныхъ случаевъ изъ театральнаго жизни. Донынѣ, какъ наиболѣе полный, сравнительно съ широкими задачами, очеркъ, можно указать на недавно вышедшую въ Черниговѣ (въ 1900 г.) книжку Б. Д. Гринченка „Народный театр“, въ которой авторъ, руководствуясь сообщеніями, устными и письменными, различныхъ лицъ, а также нѣкоторыми извѣстіями объ украинскихъ спектакляхъ изъ газетъ и журналовъ, даетъ рядъ интересныхъ картинъ, свидѣтельствующихъ объ отношеніи народа къ спектаклямъ, и въ заключеніе предлагаетъ читателю рядъ пьесъ, какія, по мнѣнію автора, наиболѣе удобны для народной сцены, а какія нѣтъ.

Но и въ очеркѣ г. Гринченка темой взята узкая область — интересъ зрителей изъ народа къ извѣстнымъ пьесамъ и затѣмъ достоинства или недостатки пьесъ въ примѣненіи къ народному театру...

Разсматриваемая нами книга выгодно отличается отъ упомянутыхъ выше тѣмъ, что въ ней впервые данъ, хотя и краткій, но дѣльный историческій очеркъ судебъ украинскаго театра отъ первыхъ шаговъ его развитія въ XVII ст. до 1901 г., — судебъ, нерѣдко поучительныхъ и достойныхъ удивленія. Авторъ очерка, въ зависимости отъ матеріала, естественно болѣе подробно и ярко освѣщаетъ исторію театра въ послѣдніи три десятилѣтія, какъ возрожденнаго и поставленнаго на прочную основу нынѣ дѣйствующими на томъ же иприщѣ «корифеями»: М. П. Старицкимъ, М. Л. Кропивницкимъ, Н. В. Лисенкомъ, М. К. Заньковецкой, И. К., Н. К. и А. К. Тобилевичами (Карпенко-Карый, Садовскій, Саксаганскій). Очеркъ имѣетъ еще большую цѣну благодаря тому, что, помимо данныхъ литературы, авторъ, какъ мы слышали, обращался за болѣе точными свѣдѣніями лично къ главнымъ дѣятелямъ, и этимъ путемъ достигъ въ своей статьѣ возможной полноты, сообщая нерѣдко любопытные эпизоды, о которыхъ люди новаго поколѣнія, пожалуй, могутъ сказать: «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!»

За исторической статьей слѣдуютъ 8 критико-біографическихъ очерковъ, посвященныхъ упомянутымъ выше «корифеямъ», съ добавленіемъ еще г-жи Затиркевичъ-Карпинской. Всѣ очерки написаны тепло, задушевно. Очерки эти, по видимому, составлены не однимъ лицомъ, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ разница стила, способа изложенія и т. п. Біографическій очеркъ, посвященный Н. В. Лисенку, написанъ несомнѣнно лицомъ, хорошо знающимъ украинскую музыку и искреннимъ любителемъ ея.

Вообще же книга издана изящно, на хорошей бумагѣ. Портреты 8 дѣятелей «корифеевъ» исполнены художественно.

В. Д.

Сатаныньська помста. Драма въ 4 дѣйств. (3 нотамъ для спививъ). Соч. Г. И. Михновскаго. Муз. І. Т. Бѣлавина и др. У Черкассахъ, 1898. Друкарня В. В. Колодочки, стр. 56+19.

Три года тому назадъ нѣкій Г. Михновскій напечаталъ отдѣльной книжечкой, очень мало распространенной, драму — жестокою

драму!... По крайней мѣрѣ все то, что должно сопровождать драму, находится на-лицо въ огромномъ изобиліи: три убійства (четвертое не удалось), измѣна, ядъ, кинжалъ, злобная ревность и проч. Однако изъ драмы г. Михновскаго можно бы состряпать веселый водевиль, озаглавивъ, наприимѣръ: «Кумедни полтавци», або «Чи буває такее на свити?». Есть забавный водевиль г. Самійленка: «Драма безъ горилки», гдѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, старый украинскій литераторъ, патриотъ Гавкунъ, поучаетъ молодыхъ, какъ надо писать истинную драму. «Не можна підняты завису й зразу спиваты, а треба напрыкладъ такъ: зависа підіймається; якыйсь часъ на сцени мовчати. Дали одинъ каже: «А чы не заспиваты намъ, Иване, бо на души неначе чорты горохъ молотять?» А другій ёму видказуе: «Справди, треба заспиваты, Петре, бо й у мене на серци не мовъ собаки загрызлысь». «То й заспиваймо,—каже Петро: тоди нашу тугу наче лызень злыже». Отъ и втнутъ веселой писни... Танци тежъ зручно треба вводити и мотивуваты кожный разъ. Напрыкладъ такъ: маты сыдыть пряде, а дочка сыдыть плаче, бо вырядыла мылого въ далеку дорогу. Маты каже: «Зажурылась ты, доню, рвется твое серденько зъ тугы. Ось ударъ лызень гопака—заразъ на души полегшае». Отъ дочка и потанцюе, и т. д..

Но г. Михновскій превзошелъ даже Гавкуна. Прежде всего, у него поднимають занавѣсъ и сразу поютъ «засвыстали козаченькы». Но паробку Мыкитѣ она не нравится: «Катъ батька зна, що вы робите! И затыгли якусь похоронну! Невже жъ мы кого хоронимо, чы въ походъ збираемось? Отъ ну-те лучше вжарьте такой, щобъ ажъ жыжкы затрусилысь!» Но козакъ, по совѣту дѣда Охрима, поютъ все же «Закувала та сыза зозуля». Тутъ появляется на сцену парубокъ Панасъ; онъ изнываетъ отъ злобной ревности къ Марусѣ, которая промѣняла его на Грицька, и тяжело клянетъ своего соперника. Этотъ монологъ, конечно, подслушалъ Омелько, дидъ-знахарь—не простой знахарь, а чортовъ братъ, который не можетъ даже слышать имени Божьяго: оно для него «страшне, та й чортяка цѣго не любить». Панасъ обращается къ дѣду за помощью. Дѣдъ весьма охотно берется оказать одолженіе, совѣтуетъ Панасу не бояться чорта—«чортяга зла тому не робить, хто его самъ хоче зробить», и тутъ же приходитъ въ восторгъ отъ своего успѣха: «ище одного затыгъ у пекло!». На другой день Панасъ являється къ знахарю въ хату. Въ хатѣ послѣд-
 наго «по стинамъ порозвишувани пучкы сухого зилля. На прыпичку
 Томъ 75.—Ноябрь, 1901.

китъ. Посередъ—камень, на йому черепъ и мертва гадюка. Темно. Гримъ и молнія» Дальше слѣдуетъ такая восхитительная картина, которую можно достаточно оцѣнить только въ оригиналѣ.

Картина первая.

Омелько. (Торжественно). Ну, цыть! Приготовся. Сразу явятся той... той, кого вси боятся.

Панась. Дидусю, мени страшно!

Омелько. Не бійся, я казавъ тоби, що сатана зла тому не робе, хто ёго хоче самъ зробить. Ну, цыть... я чую... чую, що винъ ось близько... чую, чую—ось винъ йде.

(Спива) О ты, круторогий,
Явись передъ нами,
Явись, покажися,
Отъ зла не вернися.

Картина вторая.

(Чуты страшный гримъ. Блещуть (!) молнія. Задня стина хаты рушится. Видни горы. На скели стоять сатана. Все небо красне). Появляется сатана. Онъ оказывается особой съ высшими вкусами, и иначе какъ по-русски не говорить:

Сатана (спива). Зачѣмъ зовешь меня народъ?
Народъ бо грѣшный суетливый.
Зачѣмъ я нуженъ вамъ—скажи,
Открой всю правду, расскажи!»

Слѣдуетъ объясненіе Панаса съ сатаной; но прежде чѣмъ рѣшиться на послѣднее, Панась долженъ былъ проговорить «въ бигъ» получасовой монологъ о своемъ великомъ грѣхѣ—продать чорту душу. Что въ теченіе этого времени долженъ дѣлать сатана—авторъ не указываетъ. Наконецъ, сатана бросаетъ Панасу ножъ, со словами, свидѣтельствующими о весьма плохомъ поэтическомъ его талантѣ:

«Вотъ на тебѣ ножъ!
Ты имъ врага поразишь.
Смотри же, душа моя
Твоя душа—моя: ха-ха-ха-ха!

Съ громомъ и молніей проваливается).

Далѣе, дѣло совершенно ясно: Панасъ беретъ сатанинскій ножъ, подкарауливаетъ на свиданіи влюбленныхъ и закалываетъ, самъ же принимаетъ ядъ и умираетъ. Была попытка заколотъ еще и знахаря, да его, какъ брата сатаны, не беретъ ножъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ то, что *volens-nolens*—надо назвать содержаніемъ «драмы» г. Михновскаго. Есть еще много перловъ и помимо главныхъ дѣйствующихъ лицъ, въ родѣ дьяка Стратилата, но сколько бы мы еще ни открывали новыхъ достоинствъ пьесы, того, что было до сихъ поръ отмѣчено, достаточно вполне для созданія безсмертной славы и нашему автору и его драмѣ.

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера рассмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ № 10; 2) Русская старина № 10; 3) Историческій Вѣстникъ № 10; 4) Вѣстникъ Всемирн. Исторіи № 10; 5) Журналъ Министерства Народн. Просв. № 10; 6) Вѣстникъ Европы № 10; 7) Русская Мысль № 10; 8) Научное Обзорѣніе № 10; 9) Труды Кіевск. Духовн. Академіи № 10; 10) Міръ Божій № 10; 11) Книжки Восхода № 9; 12) Кіевск. Универс. Извѣстія № 9 и 10; 13) Ученныя Записки Императ. Казан. Универс. № 9; 14) Варшавскія Универс. Извѣстія № 5; 15) Русск. Филолог. Вѣстн. № 3—4; 16) Земскій Сборникъ Черниг. губ. № 9; 17) Извѣст. Общ. Археолог., Исторіи и Этнографіи при Императ. Казан. Универс. Т. XVII, вып. 4; 18) Литерат. Научный Вестникъ № 10; 19) Biblioteka Warszaw. № 10; 20) Wisła № 5; 21) Kwartalnik Historyczny № 2—3; 22) Przewodnik naukowy i literacki, № 10; 23) Slovansky Přehled, № 1.

Русскій Архивъ № 10.

Изъ замѣтокъ кн. П. А. Вяземскаго. Сообщ. гр. С. Д. Шереметевымъ (стр. 254—256). На поляхъ книги «Письма митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. (Муравьеву) 1832—1867 г. Кіевъ 1869 г.» сдѣлано княземъ П. А. Вяземскимъ нѣсколько замѣтокъ подтверждающихъ ту характеристику А. Н. Муравьева, которая видна изъ статьи о немъ, помѣщенной у насъ въ № 10 текущаго

года. Вотъ для образчика одно такое замѣчаніе князя П. А. Вяземскаго: «Муравьевъ такъ и просится въ церковные оберъ-полицеймейстеры».

Въ «Указатель къ дневнику Храповицкаго» (стр. 287), по поводу плаванія по Днѣпру Екатерины 2-ой, есть примѣчаніе о томъ, какъ, по свидѣтельству М. А. Максимовича, воспоминаніе объ этомъ плаваніи долго сохранялось въ народной памяти, послуживъ даже къ созданію народной поговорки: «якъ царица Днѣпромъ ишла да гришмы сычала». «Съ другой стороны—прибавлено въ примѣчаніи—озлобленный Шевченко писалъ:

Якъ тая царица
Злая вовчыца,
Лютый воронъ (sic) Украины».

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что намъ извѣстны тѣ мѣста въ стихотвореніяхъ Шевченка, гдѣ онъ говоритъ объ Императрицѣ Екатеринѣ 2-ой, но такихъ строчекъ мы тамъ не встрѣчали.

Русская Старина № 10.

На стр. 206-ой напечатано «Высочайшее повелѣніе министру финансовъ 4-го мая 1816 года», касающееся улучшенія быта крестьянъ въ Новороссіи. «Флигель-адъютантъ Киселевъ, по возвращеніи изъ Новороссійскаго края, донесъ мнѣ между прочимъ: 1) что казенные лѣса ежегодно болѣе и болѣе истребляются; 2) что недостатокъ въ мѣдной монетѣ крайне ощутителенъ: у откупщиковъ вымѣнаваютъ ее, плата отъ 15-ти до 25-ти копѣекъ съ рубля, а въ Бессарабіи по 40 копѣекъ; 3) что при весьма маломъ заселеніи Новороссійскаго края, казенные крестьяне нуждаются землею отъ приумноженія жителей, отъ сосѣднихъ помѣщиковъ и отъ нарѣзки казною земель въ такой отдаленности отъ селеній, что крестьяне обрабатывать ее не въ состояніи, для чего и нужно или сдѣлать новый раздѣлъ по числу наличныхъ душъ, или расселить крестьянъ по удобности земель. Я повелѣваю вамъ обратить вниманіе на предметы сіи и о мѣрахъ исправленія доносить мнѣ черезъ комитетъ министровъ».

Историческій Вѣстникъ № 10.

Въ «Запискахъ Н. И. Мамаева» (стр. 46—72) разсказывается о времени его служенія въ качествѣ адъютанта при Волынскомъ гу-

бернаторъ Лашваревъ въ 1839 году, при чемъ встрѣчаются интересныя страницы: объ арестъ Прушанскаго, одного изъ сообщниковъ Конарскаго, о правителѣ канцеляріи генералъ-губернатора Цисаревъ, о секретныхъ суммахъ, а также объ обвиненіи самого Мамаева въ участіи въ тайномъ обществѣ Конарскаго.

Памяти академикомъ М. И. Сухожимова и И. Н. Жданова, статья *В. Е. Рудакова* (стр. 195—208), сообщаетъ краткія біографическія свѣдѣнія и библиографическія указанія объ ученыхъ трудахъ недавно скончавшихся нашихъ академикомъ.

Въ столицѣ Галицкой Руси, статья *Г. А. Воробьева* (стр. 283—313), больше общаетъ стоящими въ скобкахъ словами: «историко-археологическіе очерки Львова», чѣмъ даетъ въ дѣйствительности. Это есть передача бѣглыхъ впечатлѣній при осмотрѣ города, съ крохотными справками изъ исторіи того или другого храма или зданія.

Журналъ Мин. Народн. Просвѣщ. № 10.

Въ отдѣлѣ *Критики и библиографіи* напечатана обширная статья *М. Довнаръ-Запольскаго* по поводу книги *Матвѣя Любискаго*: „Спорные вопросы въ исторіи литовско-русскаго сейма“ Москв. 1901 г. (стр. 454—498).

В. Латышевъ. «*Къ церковной археологіи Херсониса*» (стр. 15—22). Въ статьѣ этой идетъ рѣчь объ интересномъ памятникѣ византійской эпохи (обломокъ мраморной плиты съ изображеніемъ хожденія Спасителя по водамъ), найденномъ въ 1896 году въ Херсонисѣ и первоначально описанномъ *В. Латышевымъ* въ 23 выпускѣ «*Материаловъ по археологіи Россіи*». Теперь авторъ, пользуясь извѣстіями о другомъ аналогичномъ памятникѣ, описанномъ французскимъ археологомъ *Е. Мишон'омъ*, исправляетъ нѣкоторыя неточности, ввершіяся въ его первоначальное описаніе.

Русская Мысль № 10.

Н. И. Стороженко. „По поводу тридцатилѣтія его научно-литературной дѣятельности“—статья *П. Кошана*. Авторъ указываетъ на заслуги *Н. И. Стороженка*, какъ ученаго, который всегда является поборникомъ прекраснѣйшихъ идеаловъ нашего времени, который всегда оказывается отзывчивымъ на все служащее добрымъ просвѣтительнымъ дѣламъ. Главная заслуга *Н. И. Стороженка*, какъ уче-

наго, состоитъ въ томъ, что онъ всё свои изслѣдованія въ области изучаемаго художественнаго творенія умѣетъ сочетать съ живой вѣрой въ прогрессъ. Болѣе всего останавливается авторъ статьи на значеніи работъ Н. И. Стороженка по изученію Шекспира и предшествовавшей ему драмы. (стр. 105—118).

Въ *Библиографич. отдѣлѣ* данъ коротенькій отзывъ о книгѣ *Гринченка*: «Каталогъ музея украинскихъ древностей Н. В. Тарновскаго. Т. I. Черниговъ 1900 г.».

Научное Обзорѣніе № 10.

И. Стещенко. Иванъ Петровичъ Котляревскій (стр. 93—114).
Окончаніе.

На основаніи разбора произведеній Котляревскаго, авторъ характеризуетъ его какъ идеолога козачества и частной козацкой собственности, открыто высказывавшаго симпатіи къ угнетенной крѣпостной массѣ лишь въ первый періодъ своей дѣятельности. Выводы г. Стещенко о значеніи дѣятельности Котляревскаго выражаются въ слѣдующихъ заключительныхъ словахъ его труда: «Съ своими типическими воззрѣніями К—скій стоитъ на рубежѣ двухъ эпохъ исторіи Украины: онъ заканчиваетъ козацкій періодъ послѣдней, имъ же и идеализированный, и открываетъ собою идеализацію крѣпостного населенія, которой начинается другой періодъ развитія нашего общества. Въ этомъ смыслѣ роль его въ упомянутый періодъ ровно такова, какъ и роль Шевченка, закончившаго собою крѣпостной періодъ: оба они отражаютъ въ своей поэзіи основныя теченія эпохи въ самомъ высокомъ смыслѣ и, если не по таланту, то по общественному своему значенію являются почти одинаково великими» (стр. 110). Къ сожалѣнію положенія, доказательства и выводы г. Стещенко страдаютъ искусственностью и натанутостью, а «классовая психика» Котляревскаго не достаточно выяснена.

Въ приложеніи напечатаны документы, относящіеся къ Котляревскому, извлеченные г. Стещенко изъ архива Полтавскаго губернскаго земства: 1) дѣло объ опредѣленіи надзирателемъ полтавскаго дома воспитанія бѣдныхъ капитана Котляревскаго; 2) дѣло о удостоеніи къ награжденію орденомъ знакомъ надзирателя Котляревскаго и попечителя Сементовскаго, и 3) дѣло о смерти попечителя Полтавскаго богоугоднаго заведенія Левицкаго и объ опредѣленіи на

мѣсто его попечителемъ маіора Котляревскаго. Всѣ три «дѣла» содержатъ 28 документовъ о служебной дѣятельности Котляревскаго.

—

Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 9—10.

М. Владимірскій-Будановъ. Рецензія на сочиненіе *М. Н. Ясинскаго*: «Главный Литовскій Трибуналъ» (вып. I. Происхожденіе Главн. Литовскаго Трибунала). Сочиненіе *М. Ясинскаго* въ этой статьѣ рецензируется, какъ представленное для полученія степени магистра уголовного права (№ 9, стр. 1—26).

М. Довнаръ-Запольскій. «Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонахъ» (продолженіе: № 9, стр. 487—582; № 10, стр. 583—665). Въ № 9 заканчивается 4-ая глава—о косвенныхъ налогахъ. Здѣсь авторъ сначала разсматриваетъ скорбовые доходы отъ монополій (воскъ, соль и лѣсные товары), а затѣмъ обращается къ виѣшнимъ таможеннымъ пошлинамъ—тарифы на разные товары, къ льготамъ и привилеямъ населенія по платежу мытъ, къ устройству и управленію таможенъ, и, наконецъ, опредѣляетъ таможенные доходы. Въ № 10-мъ помѣщена 5-ая глава—о монетныхъ регаліяхъ, 6-ая глава—о земскихъ податяхъ и повинностяхъ. Такъ какъ вопросъ о земскихъ повинностяхъ и податяхъ очень сложный и разбивается на много отдѣльныхъ разновидностей, то авторъ прежде всего разсматриваетъ происхожденіе и развитіе земскаго обложенія, въ связи съ отличіями въ дѣлѣ повинностнаго обложенія разныхъ сословій. Для этого разсматриваются авторомъ сначала формы служилаго землевладѣнія, а затѣмъ уже отношеніе различныхъ элементовъ общества къ земскому землевладѣнію и земской службѣ.

В. Чаговецъ. *Жизнь и сочиненія преподобнаго Θεодосія* (продолженіе, № 10, стр. 123—149). Разсмотрѣвъ въ первой части своего труда (№ 7 и 8) извѣстное поученіе о казняхъ Божіихъ, приписываемое Θεодосію, и выяснивъ тѣ источники, на основаніи которыхъ составлено это поученіе, авторъ устанавливаетъ теперь свое окончательное сужденіе по вопросу о принадлежности поученія Θεодосію. Оказывается, что это поученіе, состоящее изъ трехъ частей, не представляетъ самостоятельнаго изложенія ни въ одной изъ нихъ, а только кѣмъ-то сведены три эти части въ одно слово. Г. Чаговецъ, на основаніи многихъ, очень вѣскихъ, доводовъ, приходитъ къ заключенію, высказывавшемуся раньше съ колебаніями, что съ такъ назы-

ваемыя поученіемъ о князяхъ Божіихъ има преп. Θεодосія не можетъ быть связываемо. Равнымъ образомъ, отрицается г. Чаговцомъ и авторство Θεодосія въ другомъ приписываемомъ ему словѣ: «поученіе о чашахъ тропарныхъ».

Въ отдѣлѣ *«Критика и бібліографія»* въ № 9-омъ напечатанъ «Критико-бібліографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію» проф. Т. Флоринскаго. Въ этой части «Обзора» даются отзывы: 1) о «Научно-литературномъ сборникѣ. Періодическ. издан. Галицко-русской матицы, подъ редакціей Б. А. Дѣляцкаго. 1901 г. Т. I. кн. 1-ая. Львовъ». 2) «Славянскій вѣкъ. Редакт. д-ръ Д. Н. Вергунъ, 2-ой голъ изданія, 1900—1901, № 1—24. Вѣна» (стр. 47—000).

Ученыя Записки Императорск. Казанск. Университета, № 9.

А. Архамельскій. Образованіе и литература въ Московскомъ Государствѣ въ кон. XV—XVII в.в. (Продолженіе, стр. 79—126). Статья посвящена обзору трудовъ Памвы Берныды, и особенно его *Лексикона*, а также рассмотрѣнію полемиической литературы съ католиками—въ общемъ очеркѣ—и съ болѣе подробнымъ указаніемъ содержанія *Апокризиса* Христофора Филалета.

Русскій Филологическ. Вѣстн. № 3—4.

А. Ветуховъ «Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народнаго врачеванія, основанные на вѣрѣ въ силу слова. Изъ исторіи мысли». (Продолженіе, стр. 169—234). Авторъ иллюстрируетъ свои положенія и украинскими матеріалами по этнографіи, обнародованными въ печатныхъ трудахъ.

В. Д. Залозецкій «Объясненіе въ «Словѣ о полку Игоревѣ» (Отрывокъ изъ обширнаго изслѣдованія о Словѣ). Статья эта, свидѣтельствующая о томъ, что авторъ очень обстоятельно изучилъ текстъ «Слова о полку Игоревѣ» въ связи съ лѣтописью, однако-же служитъ доказательствомъ и того, что въ области изученія нашего знаменитаго памятника старины не окончился еще періодъ мудрствованія. Автору хочется объяснить извѣстное мѣсто въ словѣ, начинающееся словами: «Рекъ Боянъ...», при чемъ онъ останавливается на толкованіи того, о какомъ Боянѣ тутъ идетъ рѣчь. Правду говоря, изъ всѣхъ разсужденій автора мы вынесли такое впечатлѣніе,

что бывшее до сих поръ яснымъ въ этомъ отрывкѣ осталось для насъ яснымъ и послѣ прочтенія данной статьи, а въ одномъ пунктѣ даже затемнилось (не видимъ никакихъ основаній считать, что слова *рекѣ Боянъ* подразумѣваютъ самого пѣвца «Слова»), а что было темно—то и остается таковымъ. Поэтому, когда мы читаемъ въ началѣ статьи В. Залозецкаго, что «авторъ (Слова) позволилъ себѣ сдѣлать въ словахъ: *рекѣ Боянъ* такую эволюцію мысли, о которой толкователямъ не могло и присниться»,—то послѣ прочтенія всей статьи приходимъ къ убѣжденію, что, вѣроятно, нашему автору его толкованія *только приснились*. Надо отмѣтить еще, что В. Залозецкій—священникъ въ Галичинѣ—пишетъ по русски такимъ вычурнымъ языкомъ и съ такими неправильностями, что въ современной намъ русской журналистикѣ какъ-то странно встрѣчать подобный стиль. Но что кажется намъ совсѣмъ уже страннымъ,—такъ это заключительныя строки въ статьѣ. Дѣло въ томъ, что онъ старается, по его собственному выраженію, «развѣять туманы, висѣвшіе надъ этимъ темнѣйшимъ мѣстомъ», и въ то-же время, въ концѣ концовъ, говорить: «какъ малороссъ, галичанинъ, въ той австрійской планетѣ, гдѣ не живутъ настоящимъ (?), а дышутъ только прошедшимъ (?), я не могу скрыть тайнаго желанія, чтобы какъ не объяснился еще вполне этотъ нашъ словесный Китай (авторъ разумѣетъ «Слово о полку Игоревѣ») въ продолженіе цѣлаго вѣка, такъ-же бы онъ и не объяснился и дальше и служилъ долго *миражемъ для фантазій, ристалищемъ для русскаго духа* (?).—Странное желаніе для ученаго—скажемъ мы отъ себя—и не менѣе странная политика звучитъ въ этихъ словахъ современнаго Галичанина! (стр. 250—274).

Въ отдѣлѣ *библіографіи* помѣщенъ отзывъ о книгѣ В. И. Перетца: «Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы» (стр. 296—299).

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 9.

Въ приложеніи: Н. П. Василенко. Экстрактъ изъ указовъ, инструкцій и-учрежденій. (Продолженіе, стр. 129—160).

Літературно-Науковий Вістникъ, кн. 10 (октябрь).

Содержаніе:

Нашъ альбомъ: Изъ поэзій Сергія Цавленка, Сильвестра Яричевського, С. Грушенка.

Чужа жінка, оповідання Петра Шелеста.

Вирід, оповідання Осипа Шнитка (далі).

Арсен Яворенко, драма Бориса Грінченка (кінець).

Тридцять від ста, оповідання Матильди Сервао (кінець).

Із оповідань Мультиатулі (Про притчу, Галапаси, Налісники з салом, Провидінне, Матвія глава XIX, Із ідей).

Із переслівів Павла Грабовського: «Илья Муромець» (великоруська билина).

Сервітути и розмежованне ґрунтів на правобережній Україні—Ф. І. Немоловського (кінець буде).

Вудучність гимназій—уваги проф. Фрідріха Паульзена.

Уваги на сучасні теми: І. Заборона «Л. Н. Вістняка» в Росії. Ів. Франка. ІІ. Про нашу літературну мову—А. Кримського. ІІІ. Московська ластівка на Галицькій Русі—Ів. Франка.

Хроніка і бібліографія.

„Biblioteka Warszawska“, № 10.

А. Brückner. Bogurodzica Rozwiązanie zagadki (стр. 80—106).

Изслѣдуя вопросъ о происхожденіи польской религиозной пѣсни въ честь Богородицы, авторъ касается семейныхъ отношеній между венгерскимъ королевскимъ домомъ и галицкими князьями въ XIII в. и отмѣчаетъ заслуги д-ра Франка по изученію старинной письменности.

St. Zdziarski (154—166) даєть хронологію внѣшескихъ произведеній Богдана Залѣскаго (до 1829 г.). Въ 1824 г. Залѣскій началъ писать поэму о Косинскомъ, но уничтожилъ рукопись въ 1825 г. Такая же судьба постигла начатые въ это время поэмы о „Даміанѣ, кв. Вишневецкомъ“ и „Сирыкъ, или походъ въ чайкахъ на Стамбулъ“. Сохранился лишь отрывокъ этой послѣдней поэмы („Чайки“), напечатанный въ 1826 г. Въ 1826 г. задумалъ Залѣскій историческую повѣсть о гетманѣ Дорошенкѣ; въ слѣдующемъ году—очеркъ исторіи Украины, но за недостаткомъ источниковъ дѣло ограничилось только приступомъ къ работѣ. Въ 1829 г.—новый планъ поэмы о „Великомъ Конашевичѣ, славномъ Даниловичѣ и отуреченномъ Б. Хмельницкомъ“ постигла та же участь.

Wiśła, № 5.

Stan. Zdziarski. Skarby tatrzańskie. Авторъ приводитъ выдержки изъ стариннаго сборника (ягеллонской бібліотеки въ Краковѣ)

заклинаній, употребляемыхъ карпатскими горами для отысканія кладовъ и металловъ.

Изъ „Курьера Варш.“ (№ 216) перепечатано описаніе посвященнаго Татрамъ музея имени Халубинскаго въ Закопаномъ. По словамъ З. Вейберга, музей находится въ жалкомъ видѣ по недостатку средствъ и отсутствію интереса къ дѣлу.

Библиографическія замѣтки: Въ ст. Е. Изопольскаго *Рожесіа astronomiczne* (Atheneum I. I. Kraszewskiego 1843 г. IV, 77—83) приведены собранныя въ Украинѣ свѣдѣнія о народныхъ понятіяхъ по астрономіи, космогоніи и метеорологіи.

Вышла въ свѣтъ книга Генр. Wiercieńskiego: *Opis statystyczny gubernii Lubelskiej* (до 500 стр., съ картами и таблицами).

Kwartalnik historyczny. Вып. II и III.

Д-ръ Генр. Улашинъ въ вып. II далъ отчетъ о работахъ д-ра Я. Талько-Гринцевича: „Бъ изученію курганнаго міра Украины“ и статьяхъ д-ра Вл. Деметрыкевича „бронзовыя доисторическія короны“ и Археологическія изысканія въ теребовельскомъ округѣ восточ. Галичины“ (статьи напечатаны въ IV т. издаваемыхъ Крак. акад. наукъ *Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne*, 1900 г.).

Д-ръ Ант. Прохаска въ очеркѣ изъ исторіи Владислава Варнскаго (*W obronie społeczeństwa*, вып. III) даетъ живую картину положенія партій въ Галичинѣ въ 143)—1440 гг., борьбы съ гусситствомъ и рокоша Спитка изъ Мельштына.

A. Brückner далъ отчетъ о новѣйшихъ изданіяхъ общества Шевченка во Львовѣ, а г. Сигма—о мемуарахъ Эад. Бобровскаго (2-й томъ почти исключительно посвященъ исторіи крестьянской реформы въ юго-западномъ краѣ).

Przewodnik naukowy i literacki № 10.

Dyonizy Zaleski. Korespondencya Józefa Bohdana Zaleskiego (продолженіе, отъ 20 мая 1862 г. по 19 февр. 1863 г.).

D-r Bronisław Łosiński. Z teki Maur. Kraińskiego (окончаніе)—матеріалы для исторіи выкупной операціи и отмѣны сервитутовъ въ Галичинѣ въ 1648 и 1649 гг.

Wł. Lenkiewicz—начало интересной статьи: „Участіе Россіи въ Карловицкомъ трактатѣ“.

Slowanski Přehled № 1 (4-й годъ изданія; начало года считается съ октябрьскаго номера). На стр. 51 сообщаются краткія извѣстія о выходѣ галицкихъ пословъ изъ сейма и о причинахъ ихъ выхода, а также о ходатайствѣ въ Россіи издавать два малорусскихъ журнала— „Промынь“, подъ редакціей И. Левицкаго, и „Днипръ“, подъ редакціей Рябошапки. Тутъ же дается извѣстіе и о томъ, что малорусскій переводъ Библии, сдѣланный П. Кулишомъ не до конца, а завершанный И. Нечуемъ-Левицкимъ, вслѣдствіе неразрѣшенія издавать его въ Россіи, переданъ, для изданія Лондонскому Библейскому Обществу.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ «Одесск. Листкѣ» (№ 259) помѣщена небольшая статья П. Гросуль-Толстого подъ заглавіемъ: «Запорожцы въ с. Слободзеѣ», въ которой разсказана очень кратко исторія Антона Головатого и устройство временнаго коша запорожцевъ въ с. Слободзеѣ, откуда они въ 1792 году двинулись на жительство въ Черноморію. Считаемо нужнымъ сдѣлать маленькую поправку въ статью автора: мѣстная церковь въ с. Слободзеѣ названа имъ Іоанно-Богословской, между тѣмъ какъ она именуется Архангело-Михайловской.

Въ «Одесскихъ Новостяхъ» (Вечернее приложеніе, № 5426) данъ отзывъ, не волиѣ одобрительный, о брошюрѣ «Выговщина. Историче оповіданія. Написавъ П. О. Кулишъ. Съ портретомъ Выговскаго. Ц. 2 к.». Брошюра эта издана въ 1901 г. Благотворительнымъ Обществомъ изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ въ Петербургѣ.

Въ «Полт. Губерн. Вѣдом.» (№ 219) помѣщена интересная статья Л. П.: «Современные бандуристы и лирники въ Полтавской губерніи». Оставлена она на основаніи сообщеній корреспондентовъ Полтавскаго губернскаго статистическаго комитета.

Въ газ. «Волянь» (№ 224) помѣщена статья, знакомящая русскую публику съ ученымъ обществомъ имени Шевченка во Львовѣ. Разсказавъ кратко исторію возникновенія Общества, авторъ сооб-

щаєть далѣ свѣдѣніа о преобразованіи «Общества» на новыхъ началахъ въ 1892 году и о томъ положеніи, въ которомъ оно теперь находится.

На дняхъ вышелъ въ свѣтъ сборникъ піесъ для пѣнія А. Д. Вигдана—«Лысты в Кубани», вмѣщающій въ себѣ 9 слѣдующихъ малорусскихъ піесъ: для альты, меццо-сопрано, баритона, тенора и баса: «Ой, пішла я у яръ за водою», «На стриванніа», «На вищо, Боже, очя чорни?», «Ой, чому ты не литаеш?», «На чоли твоємъ високомъ», «На улыци не весело», «Туманъ, туманъ долиною», «Ой, у луг, у луг потягну я», «Ой, чи е що в свити краще?». Цѣна сборника 1 р. 50 к. (Кубан. Вѣд. № 226).

«Русскія Вѣдомости» въ № 285 помѣстили сочувственный отзывъ о послѣднихъ изданіяхъ Петербургскаго Общества изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ.

Въ № 229 той же газеты помѣщена рецензіа на недавно вышедшую книжку г. Гринченка «Литература украинскаго фольклора».

Въ № 1340 «Приднѣпровскаго Края» напечатана рецензіа на извѣстную книгу галицко-украинскаго писателя Ивана Франка: «Въ поті чола», появившуюся въ настоящее время въ русскомъ переводѣ.

Въ газетѣ «La Fronde», издаваемой женщинами въ Парижѣ, помѣщенъ очень интересный фельетонъ подъ заглавіемъ: «La poésie populaire des Petits Russiens» какого-то H. Z. Ariel'я. Сначала авторъ указываетъ географическое положеніе Украины, Польши и Подолія, которое способствовало ея несчастіямъ. Теперь—эта страна «soumise à toutes les miseres, que lui impose le système gouvernemental, est appelée souvent Ruthénie». Затѣмъ онъ переходитъ къ свидѣтельствамъ древнихъ, Прокোпа и Теофилакта, которые называютъ славянъ «танцующими и поющими». Описываетъ онъ далѣ, какъ малороссъ любитъ пѣть и какъ ни одну минуту онъ не молчитъ и поетъ свои пѣсни. По фразѣ—«сколько разъ мнѣ приходилось встрѣчать этихъ ночныхъ пастуховъ въ своихъ chemises flottantes» — можно заключить, что авторъ былъ въ Украинѣ лично, что, впрочемъ, не мѣшаетъ говорить, что раса эта теперь «presque éteinte», и назы-

вать насъ въ 18 в. «с'étaient des barbares, ils ne sont plus». Говоря о народныхъ пѣсняхъ, авторъ выражается такъ: «Подолія, Волынь, Украина, и въ особенности Украина,—это колыбель сказокъ и пѣсень народныхъ, которыя рождаются, вращаются, часто варьироваются, переходя изъ устъ въ уста, однако почти не утрачивая своего первобытнаго характера». Говоря о языкѣ, авторъ замѣчаетъ: «Малорусскій языкъ, можетъ быть самый нѣжный среди всѣхъ славянскихъ языковъ, есть языкъ лирики по преимуществу. Эта черта отразилась не только въ пѣсняхъ, но и въ обиходномъ языкѣ украинцевъ. Народъ говоритъ часто, какъ поэтъ, не зная этого, не ища поэтическихъ фразъ. Пораженные этой оригинальной красотой, вы скажете себѣ: но вѣдь это словно строфы изъ восточной поэмы, или—это словно мѣсто, взятое изъ Библіи».

Въ заключеніе авторъ приводитъ нѣсколько извѣстныхъ малорусскихъ изреченій, ругательствъ, поговорокъ, благословеній и нѣсколько пѣсень народныхъ, при чемъ описываетъ ритуаль свадьбы, впрочемъ очень поверхностно, и передаетъ содержаніе пѣсень: «Les adieux», «Le fleur de cerisier», «Dans la steppe» «Au bord du Yatringue» (?) и «Bayda». Въ концѣ концовъ авторъ говоритъ: не смотря на то, что украинецъ имѣетъ много пѣсень юмористическихъ и характеръ имѣетъ веселый,—поэзія его проникнута печалью, отсюда происходитъ эта монотонность, почти всегда минорная».

Въ № 7152 и 7158 газеты «Южный Край» проф. Н. О. Сумцовъ помѣстилъ продолженіе своихъ «Этнографическихъ экскурсій». Въ № 7152 онъ сообщаетъ свѣдѣнія о большой слободѣ Котельвѣ, актыр-скаго уѣзда. Статья исключительно передаетъ впечатлѣнія автора отъ внѣшняго вида селенія и его жителей, но о главномъ, т. е. о матеріалахъ этнографическаго и бытового характера, добытыхъ тамъ, совсѣмъ ничего не сказано. Въ № 7158 идетъ рѣчь объ упадкѣ традиціоннаго нравственнаго порядка среди малорусскаго населенія, на основаніи наблюденій автора надъ фактами въ жизни населенія актырскаго уѣзда. Причины такого упадка авторъ видитъ въ измѣнившихся въ послѣднія десятилѣтія условіяхъ экономическихъ, повлекшихъ за собою исчезновеніе нѣкоторыхъ промысловъ, оказывавшихъ вліяніе на нравственную дисциплину въ массѣ. Къ таковымъ промысламъ онъ относитъ: чумачество, пчеловодство, выдѣлка плахтъ и ковровъ (коцарство), кустарное производство восковыхъ свѣчей.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Арсеній еромонахъ. Святий рокъ. Книжочка ювілейна, мѣстить въ собѣ пояснене ювілею и потрібни молитвы. Жовква, 1901. Печатня оо. Василянъ, ст. 96, 32°. Ціна 15 коп.

Бажаньскій Порфирій. Руско-народна музикальна опера. У Львовѣ, 1900. Зъ друкарнѣ Наук. Тов. ім. Шевченка, ст. 106+84 нотъ, 8°.

Барановскій Мечислав. Педагогіка для семинарий учительскихъ і учителів шкѣл народних. Видане 4-е, значно розширене і доповнене. (Видане Тов. «Руска Школа» в Чернівцях, ч. 7). Чернівці, 1901. З друкарні тов. «Руска Рада». Ст. 102, 8°. Ціна 1 кор.

Вибір з поем Олександра Кониського. З портретом. (Видане Руского Товариства Педагогічного, ч. 87). У Львові, 1901. З друкарні Науков. Товар. ім. Шевченка, ст. 36. Ціна 30 сот. (Помѣщено 26 стихотвореній).

Врабель Михайль. Угро-руски народни сиѣванки. Томъ I. Сиѣванки Марамороски. Будапешть, 1901. Печатня Общества «Франклинъ», ст. 320, 8°. Ц. 45 кор.

Гартманъ, В. Г. Польскія и литовскія старинныя монеты 1506—1795. Ихъ цѣна и степенъ рѣдкости. Сызрань, 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Гнатюк Владимир. Словаки чи Русини? (Відбитка з XLII т. Записок). З друкарні Науков. Товар. ім. Шевченка, Львів, 1901, 82 стр. Ц. 80 сот.

Gudź Myszaił. Piśń o złobi anarchisty Lucheniego dokonanej na Austrijskiej Cisarewi Jęłysawetі w Genewi dnia 10 Weresńia 1898 r. Lwіw, 1900. 12, 8°.

Веспенко С. С. Подъ яснымъ небомъ Малороссіи. Путевыя замѣтки и наблюденія. Москва, 1901, in 8°, стр. 49.

Эремійчук Денис, свящ. Жите, муки, смерть і історія перенесеня мощів св. Івана Сучавского. (Народна бібліотека для духовної освіти, ч. I). Чернівці, 1901. Накладом Товариства «Руска Бесіда». З друкарні Тов. «Руска Рада», ст. 32, 8°. Ціна 40 сот.

Заїрня М. Абрагам Лінкольн. Оповіданє про його житє (Виданнє Товариства «Просвіта», ч. 250). Львів, 1901. 3 друк. Н. Т. ім. Шевченка, стр. 50. Ц. 30 сот.

Задера Гр. Петро кравець. Виршованє оповиданнє. (Посвята любій сестри). Ростовъ на Дону, 1901. Товарищ. «Печатня С. Яковлева», стр. 1—16. Цина 10 коп.

Заклинський Роман. Спомини про Федьковича. У Львові, 1901. (Відбитки з II—III кн. «Літерат.-Наук. Вістника»). Ст. 32.

Zakopane i Fatry. Kalendarz tatrzański, rocznik I. Krótki przewodnik po Zakopanem i Tatrach. 2 k. 40 h.

Закшевський В. Всесвітня істория для висших клас середних віків. З 2-го польского виданя переложив з дозволу автора Олександр Барвинській. У Львові, 1901 Ціна 2 к. 40 г.

Zaleski D. Korespondencya Bohdana Zaleskiego. T II. 4 k.

Записки Наук. Тов. ім. Шевченка, т. XLII. Наклад. Н. Тов. ім. Шевченка. Львів. 1901. Ціна 3 кор. Зміст: 1) Критична аналіза т. зван. Тукидидової Археології,—І. Колача; 2) Причинки до історії рекруччини в Галичині при кінці XVIII і до половини XIX ст.—М. Зубрицького; 3) Словаки чи русини. В. Гнатюка; 4) Miscellanea; 5) Наук. Хроніка.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка, т. XLIII. Наклад. Н. Тов. ім. Шевченка. Львів, 1901. Ціна 3 кор. Зміст: 1) О. П. Стороженко, причинки до характеристики його творів, нарис Ів. Стешенко; 2) З кореспонденції Дениса Зубрицького (р.р. 1840—1853) подав. др. Кирпю Студинський; 3) Miscellanea а) привилеї М. Миколаєва над Дністром—подав. М. Мочульський, б) Хлопська комісія—подав І. Кобылецкий; 4) Наукова хроніка; 5) Бібліогр., рецензії.

Заревич Федір. Твори. Т. I. Хлопська дитина. (Белетристична Бібліотека, ч. 30). У Львові, 1901. Накладом Укр.-Руської Видавничої Спілки. З друкарні Наук. Товариства ім. Шевченка. Ст. 150, 8°. Ціна 1. 80 кор.

Звіт Діреції ц. к. імназії в Перемишлі за рік шкільний 1900—1901. Наклад. Наукового Фонду. В Перемишлі, 1901. З печатни Н. Джулинського, стр. 1—33, 1—44.

Звіт Діреції ц. к. імназії в Коломі за рік 1900—1901. Наклад. Науков. Фонду. В Коломі, 1901. З друк. Мих. Бьдоуса, стр. 87.

Звіт Дирекції ц. к. академічної гімназії у Львові за рік шкільний 1900—1901. У Львові, 1901. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. 8°. Стр. 48+60.

Зиневичь С. Е. За кровь(?), добро и кривду людску... Драма въ пяти актахъ. Каменецъ-Подольскъ, 1901. Типо-латогр. Л. Ландвигера, стр. 1—64. Ц. 75 коп.

Зробекъ Яковъ, свящ. Исторія руско-католицької церкви на Русі вѣдъ первѣстныхъ апостольскихъ часѣвъ до 1104 року. Жовква, 1901. Печатня оо. Васпліанъ, стр. 58, 8°.

Зубрицький Михайло. Причинки до історії рекрутчини в Галичині прѣ кінці XVІІ і до половини ХІХ ст. Матеріали і замітки. Львів, 1901. З друкарні Н. Т. ім Шевченка, ст. 18, Ц. 20 сот. (Відбитки з ХІІ т. Записок).

Катренко Олександр. Пан Природа і иньші нарисы. (Белетристична Бібліотека, ч. 34). Накладом укр.-руської Видавничої Спільки. Львів, 1901, стр. 104, 8°. Ціна 1. 40 к. Зміст: 1) Пан Природа, 2) Завірюха, 3) Мандрівник, 4) Дві сестри, 5) Мати й син, 6) Петро Кислий, 7) Лісовий діл.

Класяко І. Aneksya w dawnej Polsce (Unia Polski z Litwą), tłumaczył za zezwoleniem autora K. Scipio z przedmową K. Tarnowskiego 1 k. 50 hal.

Копач Іван. Критична аналіза т. зв. Тукидидової Археології. Львів 1901. З друкарні Н. Т. ім. Шевченка. (Відбитка з ХІІ т. Записок). Ст. 20. Ціна 20 сот.

Копко. Бібліотека музикальна. Ч. 4 и 5. Часть шкільна. Школа народна. Ч. І и П. Перемишль, 1901 (2 книги). Друкарня М. Джулинського, стр. 18 и 18°.

Короленко П. П. Предки кубанскихъ козаковъ на Днѣпрѣ и на Днѣстрѣ. Подъ редакц. дѣйствит. члена С. В. Руденко. Изданіе Кубанскаго Областного Статистич. Комитета. Екатеринбургъ, 1901, Типогр. И. Ф. Бойко, стр. 1—70+1—203.

Косичъ А. И. Г. Бердичевъ и Бердичевскій уѣздъ. (По поводу Бердичевской сельско-хоз. и промышл. выставки 15 авг. 1901 г.). Статистическій очеркъ въ сельско-хозяйственномъ, бытовомъ и другихъ отношеніяхъ. Кіевъ, 1901, стр. 1—43. (Оттискъ изъ газеты «Кіевлянинъ»).

Крушельницький Антін. Семчишин. Чернівці, 1901 З друкарні тов. „Руска Рада“, стр. 76, 8°.

Томъ 75.—Ноябрь, 1901.

Крушельницький Антін. Серце. (Видавництво акад. товариства „Молода Україна“, ч. 5). Чернівці, 1901. З друк. тов. «Руска Рада». Ст. 160, 8°. Ціна 1 кор. Зміст: 1) Серце, 2) Передь відбідом, 3) Останній раз, 4) Грішниця, 5) Слюбна жінка, 6) Слухай свого пана, 7) У переддень, 8) На порозі жита, 9) У родичів, 10) Перший день, 11) На авдиенці, 12) У п'їтмі ночі, 13) Нерви.

Кулиш П. О. Выговщина (зъ портретомъ Выговського). Историчне оповидання. Изд. Благоворит. Общ. Изданія Общеполезн. и дешевыхъ книгъ. № 11. СПб., 1901, стр. 1—26. Ц. 2 к. (вслен. 5 к.)

Левицький Из. Повнсти й оповиданя. Т. Ш. Нахаба. Навижена. (Съ портретомъ). Стр. 470. Кієвъ, 1901. Цѣна 1 р. 50 к., на велен. бум. 2 р.

Левицький Ярослав. Львівска духовна семинарія в літах 1897—1901. Львів, 1901. Накладом А. Хойнацкого. З друк. В. Шайховского, стр. 58, 8°. Ц. 19 сот. (Одбитка з «Руслана»).

Лепкий Богдан. Щаслива година. (Заходом К. Студинського). Львів, 1901. Накладом А. Хойнацкого. З друкарні В. А. Шайховского. Ст. 48. Ціна 2 кор. Зміст: 1) Щаслива година, 2) Звичайна історія, 3) Мечь, 4) Глух, 5) Барометр, 6) В лісі, 7) На сокивскім, 8) В коршмі.

Лернеръ О. М. Евреи въ Новороссійскомъ краѣ. Историческіе очерки по даннымъ азъ архива бывшаго новороссійскаго ген.-губернатора. Стр. 238. Одесса.

Листъ пастирскій. Высокопреосвящ. Андрея Шептицкаго, митропол. галицкаго до вѣрнихъ Архіепархіи. Жовква, 1901. Печатня оо. Василянъ, 36°. Ц. 15 с.

Листъ пастирскій. Высокопреосвящ. Андрея Шептицкаго, митрополита галицкаго до всечесного священства Архіеп. Львовської. Жовква 1901. Печатня оо. Василянъ, 30°, Ц. 15 сот.

Листъ пастирскій Высокопреосвящ. Андрея Шептицкаго, митропол. галицк. до рускои интеллигенціи. Жовква, 1901. Печатня оо. Василянъ, ст. 48. Ц. 15 сот.

Марко Вовчокъ. Оповиданя. П. Інститутка. (Вид «Руского Педагогічного Товариства», ч. 81). У Львові, 1901. З друк. Н. Т. ім. Шевченка, 58, Ц. 50 сот.

Методика науки в школі народній. Часть П. Наука наглядна. Написав Микола Гавришук. (Видавнне тов. «Руска Школа» в Чернівцях. ч. 6). Чернівці, 1901. З друкарні тов. «Руска Рада». Ст. 116 8°.

Михайловский Мик. і його значіне в російській літературі. Відчит. М. Кареева (Відб. з Ш кн. «Літ.-Наук. Вісти.»). Ст. 18.

Млака Данило (Ізидор Воробкевич). Над Прутом. Збірник поезій. (Белетристична Бібліотека, ч. 37). У Львові, 1901. Накладом укр.-руської Видавничої Спільки. З друк. Н. Тов. ім. Шевченка. Ст. 132, 8°. Ціна 1. 60 кор.

Молебень ко Пресвятій Богородици. Перемишль, 1901. Зъ печатнѣ Н. Джулинського, ст. 20, 32°. Ціна 6 сот.

Мурава Марко. Горить. Оповідане. (Видавництво Товариства «Просвіта», ч. 254) Коштом і заходом Товар. «Просвіта». Львів, 1901. З друк. Н. Т. ім. Шевченка, ст. 64, 8°. Ціна 40 сот.

О любовь. I. Листъ пастирскій Высокопреосвящ. Андрея Шенгцакого, Митропол. галицк. до вѣрныхъ енархів Станиславовскои. Жовква, 1901. Печатня оо. Василянъ, 56°. Ц. 20 сот.

О покаянію. VП. Листъ пастирскій Высокопреосвящ. Андрея Шенгцакого, Митропол. галицк. до вѣрныхъ своихъ енархій. Жовква, 1901. Печатня оо. Василянъ, 52. Ц. 20 сот.

Перельминъ, Н. И. Черевички. Повѣсть изъ малороссійскаго быта для дѣтей (съ 21 рис.). М. 1901. Ц. 20 к.

Покарана лож. Комедійка в I актї Олени Кучальскої. Черевів О. Макарушка. (Видане Руского Педагогічного Товариства, ч. 88). У Львові, 1901. З друкарни Науков. Товариства ім. Шевченка, ст. 20. Ціна 20 сот.

Русиновъ В. Прыхожа. Сцена в 1 діи. Переклавъ и переробивъ зъ сочиненія Н. В. Гоголя: «Лакейская». Къ представленію дозволено 23 марта 1901 г. Полтава, тип. Л. Фришберга, 1901, стр. 1—14. Ціна 5 коп.

Руська історична бібліотека. Видає Наукове Товариство ім. Шевченка. Т. XXI. Розвідки про селянство на Україні Руси в XV—XVIII в. Частина I. У Львові, 1901. Накладом Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. IV+174, 8°. Ціна 2 корони. Зміст: 1) Вступне слово редакції, 2) Начерк історії селянської верстви в правобічній Україні XV—XVIII в. Івана Новицького, 3) Про правне та економічне становище селян XVIII в.—Володимира Антоновича. 4) Показчик імен особових і географічних.

Рутковскій Ө. В. Нечыста сыля. Малорусскій фарсь въ 4 дѣйствіяхъ. К.-Подольскъ, 1901. Т.-лит. Ландвигѣра, 1901, 1—67. Ц. 50 коп.

Савенко А. И. Великая церковь Кієво-Печерской лавры. Кієвъ, 1901, стр. 1—41. (Оттискъ изъ газ. «Кієвлянинъ»).

Сежанюк Йван (Марко Черемшина). Карби. Новелі із гуцульського житя. (Видавництво акад. Товар. «Молода Україна»). Чернівці, 1901. З друкарні Товар. «Руска Рада», стр. 142, 8°. Ціна 80 сот. Зміст: 1) Карби, 2) Дід, 3) Раз мати родила, 4) Св. Николай в гарті, 5) Хіба даруймо воду, 6) Грушка, 7) Лік, 8) Злодія зловляла, 9) Бабни хід, 10) Зведениця, 11) Основина, 12) Вільмо, 13) Горнець, 14) Чічка, 15) На боже.

Слободівна Марія. (Видавництво акад. Товар. «Молода Україна», ч. 4). 1) І хто ж вона була? 2) Прощане, 3) Хвилі туги, 4) Поезія її молодих літ, 5) Шгукя. Чернівці, 1901. З друкарні тов. «Руска Рада». Ціна 1 кор.

Smoleński Władysław. Piśma. T. III. (Z dziejów wewnętrznych Polski za panowania Stanisława Augusta.—Sprawa wł ściańska w Polsce wieku XVIII.—Szk. ly historyczne w Polsce (głównie kierunki w pog. ładach na przeszłość i insze). Krakow, 1901.

Старосольський В. Реформа пахотної торгівлі в австрійськiм законодавстві. У Львові, 1901. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка, стр. 1—29, ц. 30 сот. (Відбитка з часопису правничої і економічної, т. II).

Стехъ Володимиръ. Вѣнецъ набожныхъ иѣсней. Накладомъ церкви оо. Василянъ въ Уляшконцахъ. Жовква, 1901. Печатня оо. Василянъ, стр. 80, 16°, ціна 50 сот.

Стешенко И. Степови мотивы. Кієвъ, 1901, стр. 1—65, ц. 30 коп.

Стешенко Іванъ Ол. П. Стороженко. Причинки до характеристики його творчости. Львів, 1901. З друкарні Наук. тов. ім. Шевченка, стр. 1—46, ціна 40 сот. (Відбитки СХІІІ т. Записок).

Студинський Кирило. З кореспонденції Дениса Зубрицького. (Р.р. 1840—1853.) У Львові, 1901. Наклад. Н. Товар. ім. Шевченка стр. 66, ц. 55 сот. (Відбитка ХІІ т. Записок).

Тивариш. Ілюстрований календарь на 1902 рік. У Львові, 1901. Ціна 1 кор.

Толстой Л. Фр. Казки. (Видане Руского педагогічн. Товарищества, ч. 86). У Львові, 1901. З друкарні Науков. Товариства ім. Шевченка, ст. 44, ціна 40 сот. Зміст: 1) Божа сила, 2) Казка про Івана—дурака, Семена лицаря, Тараса Черевана і німу сестру Ма-

ляню, про старого чортяку та трьох чортенят; 3) Бог правду видить—та не скоро скаже.

Томашівський С. Маруся Богуславка в українській літературі. Історично-літературний нарис. Наклад. ред. „Літературно-Науков. Вістника». У Львові, 1901. З друкарні науков. Товар. ім. Шевченка, стр. 76, 8^о, ціна 80 сот.

Флямарион Каміль. Небо. Переклад З. Мірної. (Наукова бібліотека, ч. 6). У Львові, 1901. Накл. Укр-Руської Видавничої спілки. З друкарні Н. Т. ім. Шевченка, стр. 136, 8+6 таблиць рисунков, ціна 2. 00 к.

Франко Іван. Про жите і діяльність Олександра Кониського. (Видавництво Тов. «Просвіта», ч. 253). У Львові, 1901, стр. 36, ц. 25.

Франко Іван. Коваль Бассім. Арабська белетристична бібліотека, 31). Львів, 1901. Накладом укр.-руської Видавничої Спілки. З друкарні Ставропигійськ. Інститута. Ст. 4+140, 8^о. Ціна 1.60 кор.

Франко Ів. Въ потѣ лица. Очерки изъ жизни рабочаго люда. Перев. О. Рувимовой и Р. Ольгина съ предисловіємъ и подъ редакціей М. Славинскаго. Стр. VIII+374. Сиб., 1901 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Францевъ В. Обзоръ важѣйшихъ изученій Угорской Руси. Варшава, 1901.

Хроніка українсько-руською Науковою Товариства ім. Шевченка у Львові. Р. 1901. Вип. Ц, ч. 6. Січень-квітень.

Цегельский Лонгин. Русь-Україна і Московщина. Історична розвідка. (Виданне Товариства «Просвіта», ч. 251—2). Львів, 1901. З друк. Н. Т. ім. Шевченка, стр. 96, ц. 60 сот.

Часопись правнична і економічна. Т. II. Правничі і економічні розвідки іст.-філософичної секції Н. Т. ім. Шевченка. У Львові, 1901. Накладом Наук. Т. ім. Шевченка. Ціна 3 кор. Зміст: 1) Др. Станіслав Дністрянський. Австрійське право облигаційне, стр. 1—92. 2) Володимір Старовольський. Реформа пахотної торгівлі в австр. законодавстві. 3) Ярхлов Олесницький. Свобода волі в науді карного права.

Чорний день для галицької шляхти. Промова посла Гв. Дашинського в раді державній ^{13/у} 1901. Львов, 1901. З друкарні «Уділової». Стр. 32, 16^о, ц. 10 сот.

Шевченко Т. Г. Де-що зъ Кобзаря. Изд. Издательск. Комитета Харьковск. Общества распростран. въ народѣ грамотности. № 59. Харьковъ, 1901, стр. 1—135, ц. 8 коп.

Шекспір Уілям. Багацько заласу знечевля. Переклад П. А. Куліша. З передмовою і поясненнями др. Ів. Франка. Белетристична бібліотека ч. 35). У Львові, 1901. Наклад. Укр.-руськ. Видавничої Спілки. Ст. XII+106, 8°. Ціна 1. 60 к.

Шекспір Уілям. Антоній і Клеопатра. Переклад П. А. Куліша. Виданий з передмовою і поясненнями д-ра Ів. Франка. (Белетристична бібліотека ч. 32). У Львові, 1901. Накладом укр.-руської Видавничої Спілки. З друкарні Науков. Товар. ім. Шевченка. Ст. XIV+180, 8°. Ціна 1. 80 кор.

Шематизмъ, всеч. клира гр.-католич. епархії на рокъ Божій 1901. Рочникъ XVI. Станислововъ, 1901. Накладомъ клира епархіального. Печатня оо. Василянъ въ Жовквѣ стр. XXVII+280, 8°.

Шематизмъ, всеч. клира греко-католич. епархій соединенныхъ Перемыской, Самборской и Сяноцкой на рокъ воля Рожд. Хр. 1901. Перемышль, 1901. Зъ печатни Николая Джулинського, стр. LIV+438, 8°.

Шематизмъ всечестного клира гр.-кат. митрополитальной архидієспсії Львовской на рокъ 1901. Львовъ 1901. Изъ типографіи Ставропигійского Института, стр. XX+278, 8°.

Шоробура Стеф. Наши дѣти. Повѣсть зъ народного життя. (Бібліот. для руской молодежи. Вып. XXX. т. LI. Коломыя, 1901. Зъ печатни Л. Мизевича ст. 168, ціна 80 сот.

Щурят В. Вибрані оди Горация. Погляд на жите зі становища поета. Перемышль, 1901. З печатні Н. Джулинського, стр. 34.

Щипавка Гриць. Новомодний сьпіваник. Накладом редакції «Комара» у Львові. Львів, 1901. Друкарня Уділова, стр. 48, 8°, ціна 40 сот.

Щипавка Гриць. Хруніяда. Интерпеляция д-ра Коса і тов. в сираві конфіскати „Новомодного сьпіваника“. У Львові, 1901. Наклад. ред. «Свободи». З друк. Н. Т. ім. Шевч. стр. 32, 16°, ціна 16 сот.

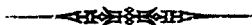
Экономическая и сельско-хозяйственная дѣятельность Полтавскаго земства. Докладъ экономическому совѣту. № 3. (Приложеніе къ журн. „Хуторянинъ“). Изд. Эконом. бюро Полт. Губ. Земства. Полтава, 1901. стр. 1—61.

Яблочков Г. Сільська учителька. Переклав Антін Крушельницький. (Видавництво ак'д. тов. «Молода Україна», ч. 2. Чернівці, 1901. З друкарні Товариства «Руска рада». Стр. 78, 8°. Ціна 50 сот.

Явдоха. Оповідане цікаве для всіх. (Відаве «Рускої Бесіди», в Чернівцях, ч. 161). Чернівці, 1901. З друкарні Товариство «Руска Рада», стр. 44, 8°, ц. 24 сот.

Яворський Андрій. Малий сьпіваньк. (Виданя «Руского педагогічн. Товариства» ч. 32). У Львові, 1901. З друк. Н. Т. ім. Шевч. стр. 26, ціна 20 сот.

Ярошинська Євгенія. Перша квітчка для малих дівчат. У Львові, 1901. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. стр. 22. Ц. 20 сот.



Археологическая летопись.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

8-го октября состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ.

Проф. Д. И. Багалъй доложилъ просьбу, съ которой комитетъ обратился къ харьковской городской думѣ. „Харьковское городское управленіе, говорится въ этой просьбѣ, пригласившее въ Харьковъ на съѣздъ и его почетнаго предсѣдателя Великаго Князя Сергѣя Александровича, конечно, съ своей стороны придетъ на помощь комитету въ матеріальномъ отношеніи и приметъ на себя, по примѣру тѣхъ городскихъ управленій, гдѣ раньше были съѣзды, по крайней мѣрѣ заботу о достойномъ приѣмѣ членовъ съѣзда“. Помощь комитету въ матеріальномъ отношеніи необходима для устройства витринъ для выставокъ: значительная часть археологическихъ и этнографическихъ коллекцій сдѣлается потомъ какъ бы общественной собственностью г. Харькова.

Доложенъ былъ проектъ просьбы, съ которой обратится московскій предварительный комитетъ къ правленію Харьковского университета—о предоставленіи помѣщеній въ зданіи университета для засѣданій съѣзда и для выставокъ при немъ.

Постановлено ходатайствовать о разрѣшеніи воспользоваться для помѣщенія иногороднихъ членовъ съѣзда кромѣ студенческаго общежитія и пансіонами при 1-й и 2-й мужской гимназіи.

Намѣчены предположительно во время сѣзда археологическія экскурсіи—въ Салтово, въ Янковку и на Донецкое городище. Поручено проф. Д. И. Багалію войти отъ имени комитета въ предварительные переговоры по этому поводу съ полезными для даннаго дѣла лицами и учреждениями.

Подготовка каталоговъ выставокъ при сѣздѣ поручена членамъ комитета, принимающимъ участіе въ собираніи предметовъ.

Проф. Е. К. Рѣдинъ доложилъ отвѣты тѣхъ учреждений и лицъ, къ которымъ обращался комитетъ съ просьбой о присылкѣ памятниковъ старины, документовъ, картъ и т. п. для выставокъ при сѣздѣ. Просьбу комитета обѣщали исполнить Императорская публичная бібліотека, С.-Петербургскій артиллерійскій музей, Церковно-археологическій музей при Кіевской духовной академіи, Военно-ученый архивъ главнаго штаба, Архивъ святѣйшаго правительствующаго синода, Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, г-жа Поль, Ю. В. Поповъ, П. В. Гладкій.

Доложена опись проф. Р. И. Шерцля тѣхъ монетъ и предметовъ, хранящихся въ мюнцъ-кабинетѣ Харьковскаго университета, которые могутъ поступить на археологическую выставку при сѣздѣ.

Доложено о пожертвованіи комитету и музею университета: священ. Д. Поповымъ—восьюми бронзовыхъ стрѣлокъ, найденныхъ вблизи Хухры въ песчаныхъ наносахъ; волостнымъ старшиной В. М. Мезинымъ—желѣзнаго кинжала въ мѣдной оправѣ, найденнаго въ с. Минковкѣ, Валковскаго уѣзда.

О множествѣ другихъ пожертвованій и присылокъ, поступившихъ въ лѣтніе мѣсяцы будетъ доложено въ ближайшихъ засѣданіяхъ. За всѣ пожертвованія и присылки комитетъ выражаетъ глубокую благодарность. Ко времени XII археологическаго сѣзда правителемъ канцеляріи черниговскаго губернатора г. Ярыгинымъ готовится трудъ „Черниговская губернія въ ея легендахъ и преданіяхъ въ связи съ историко-археологическимъ описаніемъ мѣстностей губерніи“.

Ученныя общества.

Въ засѣданіи *Историческаго Общества Нестора-Лѣтописца*, 7 октября, В. И. Щербина сообщилъ о результатахъ экскурсіи въ Бердичевскій, Васильковскій и Уманскій уѣзды, совершенной имъ совместно съ А. П. Добровольскимъ, для описанія памятниковъ украинской старины. Всего осмотрѣно 35 пунктовъ. Особенное вниманіе обращено было на старинныя деревянныя церкви,¹⁾ которыхъ сохранилось довольно много; нѣкоторыя изъ нихъ относятся еще къ XVII ст. (двѣ церкви въ с. Синявѣ, Васильк. у., ц. въ с. Погребы, тамъ же, и м. б. ц. с. Красовки, Бердич. у.), другія—къ XVIII в. По формѣ церкви можно раздѣлить на два типа: въ формѣ корабля и крестообразныя; по объему очень невелики: въ среднемъ 9 × 18 аршинъ, но есть и меньшихъ размѣровъ (напр. 7 × 17); куполовъ б. ч. три, но встрѣчаются—однокупольныя и пятикупольныя. Характерную особенность старыхъ церквей составляютъ узкія и низкія входныя двери; иногда на косякѣ вырѣзана надпись, указывающая время построенія церкви и имя строителя (село Вуйна, Бердич. у., и с. Росожки, Уманск. у.). Въ одной церкви (св. Николая, въ Бердичевѣ) имѣется „опасаніе“ (крытая галлерея вокругъ церкви).

Во многихъ церквяхъ сохранились старинныя иконостасы и древнія иконы. Послѣднія, въ большинствѣ случаевъ, реставрированы, обыкновенно очень неумѣло; напр., въ с. Насташкѣ (Васильк. у.) есть икона Покрова съ изображеніемъ какого-то гетмана, который при реставраціи обращенъ въ архіерея. Многія иконы носятъ слѣды католическаго вліянія; встрѣчаются даже скульптурныя изображенія (статуя арх. Михаила въ кладбищенской часовнѣ с. Ольшаницы). Изрѣдка на иконахъ встрѣчаются малорусскіе костюмы (с. Синява, Бердич. у.).²⁾ Въ нѣкоторыхъ церквяхъ сохранились старыя плащаницы (XVIII в.),

¹⁾ Каменная церковь XVIII в. встрѣтилась только въ г. Васильковѣ; это соборъ, по преданію, построенный по плану Растрелли и представляющій большое сходство съ соборною церковью г. Козельца.

старинныя ткани и вышивки (особенно интересенъ питый серебромъ воздухъ въ Бѣлоцерковскомъ соборѣ). Церковная утварь (чаши, кресты) носитъ также отпечатокъ уни. Но въ нѣкоторыхъ церквяхъ сохранилась бѣдная православная утварь—оловянныя чаши и даже деревянныя (с. Чехи, Бердич. у.) и оловянные брачныя вѣнцы.

Во многихъ церквяхъ имѣются старинныя книги XVII и XVIII ст. Большинство ихъ составляютъ изданія Кіево-Печерской лавры, второе мѣсто занимаютъ изданія львовскія и почаевскія; рѣже встрѣчаются изданія черниговскія, уневскія и виленскія. Рукописная книга встрѣтилась всего одна—Минея и часословъ XVIII в. въ с. Чехахъ.

Кромѣ старинныхъ церквей осмотрѣны были и нѣкоторые другіе памятники старины. Въ м. Погребище (Бердичев. у.) осмотрѣна синагога, въ которой хранятся двѣ рукописныя пергаментныя книги; на одной изъ нихъ есть какая-то запись о возстаніи Хмельницкаго; за синагогой—могила убитыхъ во время возстанія. Въ Фастовѣ осмотрѣнъ деревянный костель XVIII в. съ иконою XVII ст., съ которою связана легенда, приуроченная къ эпохѣ возстанія Хмельницкаго; за костеломъ, на возвышенномъ мѣстѣ, господствующемъ надъ долиною р. Унавы, сохранились окопы Палія. Въ Бѣлой-Церкви, во дворѣ Преображенскаго собора, осмотрѣна церковь св. Николая, заключающая въ себѣ остатки начатой Мазепою, но оставшейся недоконченною, каменной церкви. Наконецъ, осмотрѣна была замѣчательная церковь въ с. Росошкахъ, Уманскаго у. Церковь эта построена въ 1763 г. Гонтою, какъ видно изъ надписи на косякѣ входной двери: „Сія церковь сооружена року 1763 за колятора мципана Іоанна К(г)онты, храму св. мученицы Параскевіи за фундаторовъ Іоанна Дѣденка и Антонія Дѣлекатного и всей громады“ (извѣстно, что Росошки—родина Гонты). Въ церкви сохранились старинныя книги (первой половины XVIII в.) и образа; между прочимъ, образъ очень сложной композиціи съ надписью на раскрытой книгѣ: *Fuit homo missus a Deo cui nomen erat Joannes.*

Чтеніе реферата сопровождалось демонстрированіемъ плановъ церквей, фотографическихъ снимковъ съ церквей и иконъ, а также оригинальной иконы XVIII в. изъ с. Синявы, нарисо-

ванной на камбалѣ, пожертвованной въ Музей Общества Нестора Лѣтописца.

Въ засѣданіи *Московского Археологическаго Общества* Ю. В. Готье сдѣлалъ сообщеніе о приведенныхъ имъ лѣтомъ текущаго года въ окрестностяхъ села Каменки, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи, раскопкахъ. Докладчикомъ было произведено изслѣдованіе 4-хъ группъ кургановъ или, по мѣстному названію, могилъ, лежащихъ къ югу отъ города Изюма. Первая группа расположена на плоской возвышенности, ограниченной съ трехъ сторонъ лощинами съ текущими въ нихъ ручьями. Изъ 12 кургановъ этой группы изслѣдовано 8. Вторая группа находится верстахъ въ 3-хъ къ сѣверу отъ предыдущей и расположена ниже, не въ далекомъ разстояніи отъ ручья Каменки, почти у подошвы отлогатаго склона возвышенности, отдѣляющей ручей Каменку отъ Донца. Изъ 13 кургановъ этой группы изслѣдовано 5. Третья группа—самая интересная по своему положенію. Могильникъ расположенъ на землѣ города Изюма, верстахъ въ 2-хъ отъ него къ югу, на мѣловой возвышенности, господствующей надъ городомъ и носящей у мѣстныхъ жителей названіе *Кременца*. Возвышаясь саженъ на 30—35 надъ рѣкою Донцомъ, эта возвышенность составляетъ какъ бы полуостровъ, огибаемый теченіемъ рѣки. Такое положеніе *Кременца* должно было издавна собощить ему стратегическое значеніе. Дѣйствительно, уже въ 1571 году мы находимъ здѣсь сторожевой пикетъ, извѣстный подъ именемъ Изюмскаго или Изюмъ-Курганскаго. Расположенная въ 2-хъ верстахъ къ югу отъ *Кременца*, четвертая изслѣдованная группа находится на возвышенной плоскости. Наименѣе характерная по мѣстоположенію, она оказалась наиболѣе богатою по находкамъ, вслѣдствіе чего были раскопаны всѣ 6, входившихъ въ ея составъ, кургановъ.

Погребенія, найденныя въ курганахъ, можно прежде всего раздѣлить на погребенія въ курганной насыпи и на погребенія подъ курганной насыпью. Самымъ характернымъ случаемъ является погребеніе всадника съ лошадью и нѣсколькими желѣзными предметами. Въ погребеніяхъ, находившихся въ курган-

ныхъ насыпяхъ, костяки лежатъ въ очень различныхъ положеніяхъ. Чаще всего встрѣчается скорченное положеніе (15 случаевъ), въ 4 случаяхъ—вытянутое и въ 1 случаѣ—сидячее. Въ 2—3 случаяхъ встрѣчались слѣды обугливанія костей; окраска костяка замѣчена только 1 разъ. Наконецъ, очень часто замѣчались слѣды колоды, въ которыхъ погребались трупы.

При погребеніи въ материковой почвѣ наблюдается двоякая форма: погребеніе въ ямахъ и въ катакомбахъ. Въ большинствѣ случаевъ, при погребеніяхъ подъ могильною насыпью, находили остатки пищи, которую клали покойникамъ у лица или затылка.

Въ подземныхъ погребеніяхъ окраска костяковъ обнаруживалась очень часто; окраска эта была розоваго цвѣта, за исключеніемъ одного костяка, окрашеннаго въ сѣро-синій цвѣтъ.

Наиболѣе характернымъ явленіемъ представляется способъ погребенія большихъ костяковъ съ головой и рукой, отдѣленными отъ туловища и положенными въ ногахъ. Тѣ же аналогіи можно найти и въ положеніи дѣтскихъ костяковъ. Два дѣтскіе костяка найдены рядомъ съ остатками очень обильной трапезы, поставленной покойнику.

Слѣдуетъ отмѣтить фактъ значительнаго разграбленія могиль; тѣмъ не менѣе, найдено много глиняныхъ сосудовъ разнообразныхъ формъ, размѣровъ и рисунковъ; найдены также бронзовые и костяные предметы: бусы и привѣски хорошей работы, стремяна, мечи и пр. Найденное желѣзное снаряженіе и вооруженіе при погребеніи съ конемъ принадлежитъ, по всему вѣроятію, позднѣйшему времени.

Изслѣдованія и раскопки.

Раскопки Н. Е. Бранденбурга лѣтомъ 1901 г. Н. Е. Бранденбургъ со всегдашней любезной готовностью сообщилъ намъ краткія свѣдѣнія о произведенныхъ имъ раскопкахъ минувшимъ лѣтомъ.

1) *Въ Роменскомъ у. Полтавской губ.* раскопки производились совмѣстно съ В. В. Хвойкой; нѣкоторые изъ кургановъ раска-

нывались сообща, другіе—отдѣльно; для удобства мы даемъ свѣдѣнія о всѣхъ вообще раскопкахъ въ данной мѣстности.

Въ с. *Великихъ Будкахъ*, въ извѣстной группѣ Аксютинцы-Волковцы, на козачьихъ земляхъ разрыто около 10-ти кургановъ. Всѣ, какъ водится, оказались ограбленными, но въ двухъ удалось вновь найти тѣ загадочныя скифскія бунчуки или булавы, назначеніе которыхъ до сихъ поръ не выяснено и которые обыкновенно находятся по 4 вмѣстѣ. То-же повторилось и въ данномъ случаѣ. Въ одномъ изъ этихъ кургановъ (хотя и разграбленномъ), при четырехъ лежавшихъ вмѣстѣ булавахъ, оказались еще два бронзовыя навершья, очень оригинальной формы: вершины ихъ представляютъ изъ себя птичью голову съ большимъ клювомъ, вокругъ которой въ затѣйливомъ сплетеніи размѣщены 2 змѣи, пожирающія животныхъ и голова животного; экземпляры эти весьма рѣдки. Кромѣ того, въ этомъ-же курганѣ найдены: 4 костяныя псаліи, золотое ожерелье изъ шариковъ, образующихъ пирамидки, сердоликовыя бусы въ золотой оправѣ, янтарныя бусы, сургеа moneta и бронзовое зеркало.

Въ другомъ курганѣ также найдены какъ-бы сложенные кучей 4 желѣзныхъ булавы, на которыхъ сверху лежало 5 большихъ бронзовыхъ колокольчиковъ, а сбоку остатки конской уздечки (желѣзныя удила съ костяными усиками и нѣсколько бронзовыхъ наборныхъ бляшекъ). Эта находка вмѣстѣ съ землей перевезена въ Артиллерійскій Музей, гдѣ и будетъ храниться не разъединенною.

Въ одномъ изъ остальныхъ кургановъ, до-чиста разграбленномъ, у сѣверной стѣны склепа найдена греческая амфора, а возлѣ нея сосудъ съ пережженными человѣческими костями.

Въ этой же группѣ было разрыто 3—4 небольшихъ кургана, заключавшихъ погребенія съ однимъ или нѣсколькими скелетами, у которыхъ обыкновенно находились сосудикъ, пряслица, костяной или бронзовый наконечникъ стрѣлы, сѣра.

Кромѣ кургановъ съ погребеніями, раскопано нѣсколько съ сожженіями, также скифской эпохи.

На крестьянскихъ земляхъ с. *Басовки* разрыто нѣсколько кургановъ; ихъ здѣсь довольно много, но всѣ они, повидимому, ограблены; раскопанные не избѣгли той-же участи и въ нихъ,

кромѣ мелкихъ предметовъ, ничего не обнаружено. Среди этой мелочи любопытны большіе бронзовые браслеты, украшенные на концахъ стилизованными головками животныхъ, бусы съ разноцвѣтными вставками, одна серебряная массивная буса въ формѣ шарика, длинная (около 1 фута) бронзовая булавка и привѣски, выпиленные изъ челюсти свиньи (?) съ зубами.

Около с. Плавиницы раскопанъ большой нагорный курганъ (недалеко отъ города Роменъ); и онъ оказался разграбленнымъ. Въ большой могильной ямѣ нашлось лишь немного обломковъ чешуйчатого панциря, удила и кое-какая мелочь. Курганъ ограбленъ подкопомъ.

У того-же села, на лугу, В. Хвойкой раскопано 7 кургановъ, заключавшихъ въ насыпи славянскія погребенія (покойники лежали головами на западъ), а подъ ними, въ грунтѣ, — скифскія.

На поляхъ с. Чебераки расположена группа изъ 40-ка кургановъ, большихъ и меньшихъ. Большіе уже всѣ раскопаны, вскрытые (В. Хвойкой) 4 меньшихъ дали бѣдныя скифскія погребенія. Въ верхнихъ частяхъ нѣкоторыхъ кургановъ и въ этой группѣ оказались позднѣйшія славянскія могилы.

У зашт. г. Глинска, на островѣ, изъ группы въ 20 кургановъ раскопано (В. Хвойкой) 2, гдѣ обнаружены сожженія скифской эпохи; въ одномъ изъ кургановъ найденъ сосудъ; покойники сжигались на мѣстѣ.

Въ Глинскѣ, подъ городищемъ, имѣется еще большой славянскій могильникъ, при прежнихъ раскопкахъ котораго на головахъ покойниковъ были находимы серебряные обручи. При настоящихъ раскопкахъ (В. Хвойки) въ разрытыхъ 2—3 курганахъ при скелетахъ ничего не обнаружено.

2) *Въ Чширинскомъ у. Кіеской губ.* Н. Е. Бранденбургомъ раскопки производились у с. Мокіевки. Здѣсь, частью на крестьянскихъ, частью на владѣльческихъ земляхъ, вскрыты курганы, оказавшіеся какъ скифскими, такъ и со скорченными костяками. Къ сожалѣнію, изъ числа первыхъ, почти всѣ оказались разграбленными; уцѣлѣвшіе же были съ весьма бѣднымъ содержаніемъ, при чемъ скелеты лежали въ большихъ гробовищахъ изъ толстыхъ плахъ, въ видѣ продолговатыхъ срубовъ. Болѣе богатые, разграбленные, курганы заключали слѣды склеповъ. Въ разрытыхъ

курганахъ послѣдней категоріи найдено довольно много остатковъ, брошенныхъ грабителями: копій, удиль, съ бронзовыми и желѣзными усиками, бронзовыхъ стрѣлъ съ обломками древковъ, бронзовыхъ наборныхъ уздечекъ, остатковъ нѣсколькихъ панцирей (чешуйчатыхъ и пластинчатыхъ), бронзовое зеркало съ желѣзной ручкой, желѣзный ножъ съ костяной рукояткой и т. п., а также кое-какая посуда, каменное овальное блюдо и немного терракоты. Интересна терракотовая вазочка (въ черепкахъ) съ изображеніями Аріадны, Діониса и Сатировъ. Выдающуюся находку представляютъ остатки скифскаго скелета съ надѣтымъ на него желѣзнымъ чешуйчатымъ панциремъ, — обстоятельство, дающее возможность ближе ознакомиться съ конструкціей или формой этого вооруженія, которое встрѣчается обыкновенно совершенно разсыпавшимся. Въ виду этого находка была перевезена съ землей и теперь окончательно очищается въ Артиллерійскомъ Музеѣ. Къ сожалѣнію, панцирь оказался сильно поврежденнымъ грабителями (повидимому, новѣйшими), ограбившими находившуюся рядомъ со скелетомъ женскую могилу, равно какъ и упоминаемую мужскую, причемъ скелетъ въ панцирѣ частью оказался раскиданнымъ, вслѣдствіе чего сильно пострадало и самое вооруженіе, сохранившееся лишь отчасти въ негронутомъ видѣ.

3) Послѣдній пунктъ раскопокъ Н. Е. Браденбурга—*м. Ильинцы, Липовецкаго у. Кіевск. г.* Къ тому, что было уже сообщено объ этихъ раскопкахъ (см. „Лѣтопись“ за сентябрь), пока прибавить нечего.

Раскопки В. В. Хвойки летомъ 1901 г. Кромѣ раскопокъ въ Роменскомъ у., о которыхъ говорено выше, В. В. Хвойка, по обыкновенію, произвелъ и въ этомъ году много раскопокъ; сообщаемъ о нихъ, со словъ неутомимаго изслѣдователя, краткія свѣдѣнія.

На этотъ разъ раскопки коснулись и цѣлаго ряда городищъ, правда, раскопки не особенно обширныя, но все-таки давшія возможность опрѣдѣлить ту или другую культуру городищъ.

1) *На городищѣ „Жарище“ у с. Пастерскаго, Чигиринск. у. Кіевск. г.* раскопки продолжались въ юго-западной (меньшей) части этого грандіознаго сооруженія. Здѣсь обнаружены остат-

ки жилищъ и различные предметы скифскаго періода, масса черепковъ отъ сосудовъ полей погребенія (II—IV в. по Р. X.) и предметы готскаго типа эпохи переселенія народовъ. Среди послѣднихъ, снова найдены интересныя фибулы съ звѣринымъ орнаментомъ, браслеты, ушныя привѣски, серебряныя пуговицы, бусы изъ композиціи и различные предметы и инструменты изъ желѣза. Найденъ также опрокинутый глиняный столбъ, пока неопредѣленнаго назначенія, съ вершиной, представляющей изъ себя гладкій кругъ, около $1\frac{1}{2}$ метра діам., на поверхности котораго проведено 7 концентрическихъ бороздокъ; высота столба $1\frac{1}{4}$ метра. Подобнаго рода столбъ былъ уже открытъ раньше на городищѣ у Мотронинскаго монастыря, и, какъ увидимъ ниже, на городищѣ у с. Конончи.

2) *Городище у с. Конончи, Черкасск. у. Киевск. губ.*, входитъ въ цѣпь городищъ, расположенныхъ на берегу Днѣпра и поворачивающихъ затѣмъ по берегу р. Роси. Городище относится къ княжескому періоду, въ чемъ можно было убѣдиться какъ по случайнымъ и не случайнымъ находкамъ крестьянъ, такъ и при нашихъ личныхъ развѣдкахъ.

При раскопкахъ г. Хвойки обнаружены остатки жилищъ—землянокъ, съ разрушившимися печами, причемъ большой интересъ представляетъ двойная печь, имѣющая два устья. Найденные предметы—обычнаго типа XI—XIII ст., ихъ массу дала уже Княжа Гора; здѣсь можно отмѣтить желѣзный ножикъ съ прекрасно орнаментированной костяной ручкой и жерновъ, имѣющій ободокъ—новый типъ.

Какъ уже упомянуто, и здѣсь найденъ глиняный столбикъ, 0, 45 м. высотой и $1\frac{1}{2}$ м. въ діаметръ; особенность его состоитъ въ томъ, что вершина имѣетъ глиняный ободокъ, частью разрушившійся. Къ княжескому періоду относится и открытое тутъ-же кладбище, частью испорченное крестьянами-кладоискателями. Особенность его составляетъ, какъ это повидимому можно установить, обычай класть надъ могилой, или правильнѣе, надъ гробомъ по нѣсколько камней—кругляковъ.

Культура княжеской эпохи является на городищѣ послѣднимъ наслоеніемъ. Но и до нея на данномъ мѣстѣ шла жизнь. Такъ, здѣсь-же открыты остатки жилищъ неолитическаго періода съ керамикой до-микенскаго типа, давшіе различные пищевые

остатки, а также найдены по близости и части двухъ типичныхъ для этой культуры глиняныхъ сооружений¹⁾.

Возлѣ городища, на возвышенномъ плато, расположено нѣсколько кургановъ. Изъ нихъ было раскопано два, и въ одномъ найдено 3 крашенныхъ скелета. Очень любопытенъ фактъ, что въ насыпи этого кургана встрѣчены черепки до-микенскаго типа и раковины—т. е. содержимое т. н. площадокъ и жилищъ до-микенской культуры. Насъ всегда занималъ вопросъ опредѣленія отношенія культуръ съ окрашенными костяками и съ посудой до-микенскаго типа, культуръ, близкихъ по времени. Дѣйствительно, представляется очень интереснымъ установить или связь между ними, или опредѣлить послѣдовательность, въ какомъ слѣдовала одна изъ нихъ за другой. Фактовъ до сихъ поръ было очень немного. Судя-же по характеру культурныхъ остатковъ, можно было предположить большую древность за культурой крашенныхъ скелетовъ. Но данная раскопка кургана какъ-бы говоритъ немного иначе и ставитъ вопросъ въ обратное положеніе. Во всякомъ случаѣ, для окончательнаго рѣшенія, придется подождать еще новыхъ фактовъ.²⁾

3) Продолжались раскопки и на громадномъ городищѣ у с. *Шарки, Васильковск. у. Кіевск. губ.* Кромѣ различныхъ предметовъ княжеской эпохи (много желѣза, остатки стекляныхъ сосудовъ, цениныя плитки, различныя украшенія, серебряная шестиугольная гривна), здѣсь открыты остатки жилищъ и цѣлый некрополь. Некрополь заключалъ въ себѣ какъ сожженія, такъ и погребенія. У послѣднихъ нѣкоторые изъ покойниковъ были обложены по бокамъ пластинами, у другихъ находились кострища, какъ сбоку, такъ и подъ покойниками. Изъ предметовъ, найденныхъ при скелетахъ, можно отмѣтить парчевыя ленты, которыя вѣались на лобъ.

1) Присутствіе послѣднихъ у Конончи было констатировано года два назадъ во время нашихъ развѣдокъ совмѣстно съ В. Н. Доманицкимъ.

2) В. В. Хвойка сообщилъ намъ въ дополненіе къ вышесказанному, что аналогичное явленіе ему пришлось наблюдать года четыре назадъ при раскопкахъ кургановъ у с. Халенья, Кіевск. у.

У сс. Шарки и Ромашки обнаружены кроме того еще и поля погребенія.

4) Небольшія раскопки производились также и на городищѣ у лѣтописнаго с. *Витачева, Киевск. у.*; особенно цѣннаго эти раскопки, какъ и раньше тутъ-же производившіяся, не дали, но городище общааетъ быть очень интереснымъ и потому В. В. Хвойка намѣревается въ слѣдующемъ году приступить здѣсь къ болѣе обширнымъ раскопкамъ.

Вблизи с. Витачева, у с. Черняхова, В. В. Хвойкой закончено изслѣдованіе громаднаго поля погребенія, давшее такіе блестящіе результаты. На этотъ разъ было вскрыто всего нѣсколько погребеній.

5) *Раскопки у с. Чучинки, Киевскаго у.*, вблизи м. Ржижева, нужно признать одними изъ весьма удачныхъ.

Здѣсь, прежде всего, на покатои возвышенности, обнаружены слѣды обширнаго поселенія съ посудой до-миценскаго типа. Найдены остатки до 25-ти жилищъ (не площадокъ), иногда довольно оригинальнаго устройства: жилища имѣли видъ землянокъ, прокопанныхъ въ два уступа; въ одной изъ нихъ были устроены 3 овальныя печи. Жилища дали массу пищевыхъ остатковъ и цѣлую коллекцію чудныхъ издѣлій изъ рога (м. п. лося): топоровъ съ круглыми отверстіями, долотъ, шилъ и 2 рыболовныхъ крючка. Не менѣе, если не болѣе, интересны найденныя тутъ-же многочисленныя черепки отъ крашеныхъ сосудовъ, покрытыя замѣчательными орнаментами; среди орнаментовъ встрѣтилось и изображеніе человѣческой фигуры.

Въ этой-же мѣстности раскопаны и 2 кургана (2 другихъ были раскопаны крестьянами). Курганы оказались скифскими и не разграбленными. Въ каждомъ изъ нихъ найдено по скелету, головой почти на югъ.

Въ первомъ, при скелетѣ найдены: желѣзный чешуйчатый панцырь и, повидимому, принадлежность его, встрѣченная впервые и состоящая изъ желѣзной чешуи и продолговатыхъ пластинокъ, наложенныхъ одна на другую,—все это лежало свернутымъ въ нѣсколько оборотовъ; затѣмъ, желѣзныя копье и и остріе, два жел. ножа—типа бронзовыхъ, жел. молотокъ, 2 жел. удила, около 40 бронзовыхъ стрѣлъ, 2 бронз. шпильки и золотая серьга. Въ ногахъ покойника находилось 2 сосуда.

Во второмъ курганѣ, въ ногахъ—4 сосудица, съ лѣвой стороны желѣзный мечъ, затѣмъ копье, пара жел. удиль и нѣсколько костяныхъ и желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ.

При всѣхъ раскопкахъ В. В. Хвойкой велись подробные дневники, снабженные массой рисунковъ. Этотъ сырой материалъ въ настоящее время тщательно обрабатывается для отчета Императорской Археологической Комиссiи.

Случайныя находки.

Кладъ въ усадьбѣ Б. А. Орлова на Трехсвятительской ул. въ г. Киевѣ. Какъ мы уже сообщали, 10-го сентября, въ глубинѣ усадьбы г. Орлова найденъ цѣнный кладъ велико-княжеской эпохи. Усадьба г. Орлова находится въ юго-западномъ углу древнѣйшаго кievскаго „дѣтинца“, приблизительно въ 50-ти саженьяхъ отъ Трехсвятительской церкви. Въ этомъ году здѣсь воздвигнуть большой 4-хъ-этажный домъ. Выемка земли подъ его фундаментъ не дала никакихъ интересныхъ находокъ, хотя почва и состояла изъ ряда культурныхъ напластованiй. Но при копани ямы для ледника наткнулись на остатки стараго погреба, такъ какъ земля въ этомъ мѣстѣ на значительную глубину оказалась рушеною; въ ней встрѣчались булыжники въ видѣ пращей, куски шифера и шиферныхъ плитъ, черепки отъ сосудовъ, куски кирпича, человѣческія кости и кости животныхъ, а внизу ямы—уголь и зола. На глубинѣ 4½ арш. рабочіе дошли до глинисто-песчанаго материка; когда дно ямы было очищено, то въ немъ была обнаружена небольшая ямка, шедшая еще глубже. Въ этой ямѣ и былъ найденъ сосудъ, заключавшій кладъ. Къ сожалѣнiю, сосудъ былъ разбитъ, но, однако, по сохранившимся частямъ можно возстановить его форму. Онъ имѣетъ видъ горшка, приготовленнаго на гончарномъ кругѣ, съ широкимъ отверстiемъ; высота его 21 см., ширина посрединѣ 20 см., діам. дна 8 см. Съ одной стороны имѣется ушко; верхняя часть орнаментирована; орнаментъ состоитъ изъ параллельныхъ бороздокъ

(около 12) и ряда насѣчекъ пониже. Совершенно въ такомъ же сосудѣ былъ найденъ извѣстный кладъ въ усадьбѣ Есикорскаго. Предметы, составлявшіе кладъ, были положены въ горшокъ завернутыми въ парчевую матерію—остатки ея рабочіе выбросили. Кромѣ того, часть мелкихъ хрупкихъ предметовъ была изломана и поступила къ владѣльцу въ видѣ обломковъ.

Не смотря на то, что Кіевъ далъ уже большое число находокъ княжескаго періода и настоящій кладъ представляетъ значительный интересъ, такъ какъ даетъ нѣсколько новыхъ типовъ предметовъ, еще разъ говорящихъ за то, что въ данную эпоху мѣстное ювелирное дѣло достигло высокой степени развитія, отличаясь какъ совершенствомъизготавливаемыхъ предметовъ, такъ и ихъ разнообразіемъ.

Всѣ предметы клада, какъ и большинство ранѣе найденныхъ кладовъ, представляютъ изъ себя различныя золотыя и серебряныя украшенія.

На первомъ мѣстѣ стоятъ двѣ золотыя ушныя подвѣски (колты). Лицевыя ихъ стороны украшены изображеніями птицъ и растительнымъ орнаментомъ, исполненными замѣчательно художественной, тонкой гравировкой, заполненной чернью. Такого типа подвѣски обыкновенно изготовлялись полыми внутри (для помѣщенія тамъ хлопка, пропитаннаго благовонными маслами), и настоящіе колты также полые и, благодаря этому, найдены довольно сильно помятыми.

Большой интересъ, а также отчасти и новинку, представляетъ ожерелье, въ составъ котораго, по всей вѣроятности, входили слѣдующія находящіяся въ кладѣ предметы: 1) 8 серебряныхъ позолоченныхъ круглыхъ медальоновъ, среднія части которыхъ заняты накладными кружками, украшенными растительнымъ орнаментомъ, исполненнымъ чернью,—такихъ орнаментированныхъ кружковъ сохранилось 4; кружки окружены желобками, въ которые помѣщался жемчугъ; такого рода медальоны встрѣчаются впервые; 2) 9 серебряныхъ позолоченныхъ подвѣсокъ въ формѣ лилій—обычный типъ, и 3) 9 продолговатыхъ серебряныхъ позолоченныхъ бусъ. Остальную часть клада составляли:

Четыре золотыя серьги кievскаго типа съ ажурными шариками.

Часть головного убора, состоящая изъ 9-ти золотыхъ скобочекъ.

Часть шейной повязки, состоящая изъ 4-хъ серебряныхъ полуцилиндричекъ (всѣхъ должно было быть до 20-ти).

Обломки, находившіеся въ кладѣ, составляли въ цѣломъ видѣ различной формы серебряныя вызолоченныя нашивки на матерію—т. н. „дробницы“. Изъ обломковъ удалось сложить одну изъ нихъ, имѣющую видъ креста съ лиліевидными концами.

Рабочій, нашедшій кладъ, передалъ его владѣльцу усадьбы, послѣднимъ-же кладъ въ цѣломъ составѣ пожертвованъ Кіевскому Музею Древностей и Искусствъ, гдѣ онъ въ настоящее время и хранится.

Въ Кіевѣ-же, на Старомъ Городѣ, осенью настоящаго года найдено нѣсколько предметовъ, относящихся къ той-же эпохѣ. Очень возможно, что предметы эти составляютъ лишь часть исчезнувшаго клада.

Это, прежде всего, очень изящной работы серебряная серьга, состоящая изъ проволочнаго кольца, на которомъ висятъ двѣ провизки, имитирующіе нанизанныя на проволоку бусы; каждая изъ провизей состоитъ изъ двухъ боковыхъ гладкихъ шариковъ и средняго ажурнаго.

Затѣмъ, пять дробницъ, въ видѣ золотыхъ розетокъ; три изъ нихъ побольше (діам. 2,3 см.), двѣ поменьше (діам. 1,8 см.). Большія имѣютъ среднее гнѣздо для камня и кругомъ 8 меньшихъ гнѣздъ. У меньшихъ, кругомъ центральнаго, только по 6-ти гнѣздъ; здѣсь, какъ гнѣзда, такъ и фонъ украшены зѣрнью. Дробницы эти по краямъ снабжены дырочками для прикрѣпленія къ матеріи.

Серьга и дробницы поступили въ собраніе Б. И. Ханенко.

Городище Князя Гора за послѣднее время почти совсѣмъ исякло. Встрѣчается еще довольно часто желѣзо, изъ болѣе-же цѣнныхъ въ художественномъ отношеніи предметовъ можно указать лишь на недавно найденную привѣску изъ горнаго хрустала, овальной формы, въ серебряной оправѣ—новый видъ привѣсокъ.

Вблизи Ананьева, въ долинь Тилигула, на глубинѣ 3½ аршинъ, рабочіе наткнулись на человѣческой скелетъ, лежавшій головой на востокъ, ногами на западъ. Судя по длинѣ скелета, покойникъ былъ ростомъ въ 2 аршина, но въ то же время это былъ вполне сформировавшійся человѣкъ; въ каждой челюсти у него по 16 зубовъ. Широкий тазъ показываетъ, что это была женщина. На обѣихъ рукахъ скелета, немного ниже локтей, надѣто было по браслету, каждый изъ нихъ сдѣланъ изъ бронзовой проволоки нѣсколько тоньше гусиного пера; браслеты не спаяны: концы проволоки расплющены и украшены точечнымъ орнаментомъ. Обращаетъ на себя вниманіе малый размѣръ браслетовъ—всего 5 сантиметровъ въ діаметрѣ; такой браслетъ едва найдетъ на дѣтскую руку. Кромѣ браслетовъ, покойница была украшена двумя мѣдными серьгами; какое-то мѣдное украшеніе было у нея и на шеѣ, но вещи эти по невѣжеству рабочихъ потеряны; одинъ изъ браслетовъ они изломали въ куски. Узнавъ о находкѣ, ананьевскій городской голова А. А. Коняхинъ немедленно выѣхалъ и тщательно изслѣдовалъ мѣсто находки. Скелетъ, уцѣлѣвшій браслетъ и обломки другого г. Коняхинъ принесъ въ даръ Херсонскому археологическому музею. („Югъ“).

На поляхъ *д. Самбросовки, Александрійск. у. Херсон. губ.* выоранъ кладъ, состоящій изъ 170 пятаковъ чекана 1761—1787 г.г. Мѣстность эта давно притягивала къ себѣ различныхъ искателей кладовъ, которые ежегодно въ теченіе уже 30—35 лѣтъ ищутъ ихъ въ скалахъ, находящихся на землѣ дер. Самбросовки по теченію р. Ирклея. Въ прежнее время зачастую появлялись разные дряхлые „дѣды“, указывавшіе то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ скалу, гдѣ долженъ былъ находиться кладъ. Находились охотники взрывать скалы, подкапывать ихъ, но все эти поиски до сихъ поръ были безуспѣшны. Послѣ этой находки одинъ изъ крестьянъ ближайшаго хутора рассказалъ, что онъ помнитъ, какъ во времена его дѣтства являлся какой-то дѣдъ разыскивать въ лѣсу криничку, которой тогда уже не существовало, такъ какъ въ нее, по словамъ того дѣда, была опущена запорожцами „паровица“ мѣдныхъ денегъ (Югъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Исторія Русскаго Искусства XVIII—XIX вв.

ВЪ ОЧЕРКАХЪ и КАРТИНАХЪ

(къ предстоящему 200-лѣтію Петербурга)

будеть печататься въ теченіе 1901—1902 г.

въ иллюстрированномъ изданіи **Н. П. Собко.**

„ИСКУССТВО

и

Художественная Промышленность“

со снимками въ фотогравюрахъ и фототипіяхъ, частью въ краскахъ, съ замѣчательнѣйшихъ произведеній Русской школы изъ общественныхъ и частныхъ собраній Имперіи.

Подписная цѣна за 12 выпусковъ съ особыми приложеніями:
безъ доставки 8 руб. съ доставкой и пересылкой 10 руб., за границу 12 руб.

1-й вып. выйдетъ въ ноябрѣ 1901 г.

Подписка принимается въ С.-Петербурѣ: въ Главномъ складѣ художественныхъ изданій **Н. П. Собко** (Почтамтская 13), въ книжн. магаз. Віоле (М. Копюшенная, уг. Невскаго, 26/16); въ *Москвѣ* — у Кнебеля (Петровскія линіи), въ *Кіевѣ* — у Идзиковскаго (Крещатикъ), въ *Одессѣ* — у Свистунова, въ *Харьковѣ* — у Петрова (Университетская горка), въ *Казани* — у А. Дубровина (Гостин. дворъ), въ *Томскѣ* — у Макушина, въ *Варшавѣ* — у Віоле (Сенаторская). въ *Юрьевѣ* — у Карова, въ *Парижѣ* — у Bouveau et Chevillet (rue de la Banque), въ *Лейпцигѣ* — у Hiersemann (Königsstrasse), въ *Берлинѣ* — у Amsler u. Ruthardt (Behrensstrasse), въ *Вьеннѣ* — у Artaria (Kohemarkt).

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

на 1902 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по научнымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертациі, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ повсѣмъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учреждений при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорѣніи преподаванія, распредѣленія лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературныя съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнаруженные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Θ. Мищенко.*

VI годъ изданія.

„ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

(политическая, научная, литературная и торгово-промышленная газета)

ВЫХОДЯЩАЯ ВЪ ОДЕССѢ

въ форматъ большихъ столичныхъ газетъ

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ ВЪ ТЕКСТѢ

(рисунки событій дня, портреты общественныхъ дѣятелей, художниковъ, виды мѣстностей и т. п.).

За пять лѣтъ существованія „Южное Обозрѣніе“ вполне выяснило свою идейную программу и заняло опредѣленное мѣсто въ ряду русскихъ газетъ.

Ставя на первомъ планѣ интересы трудящихся классовъ, мы всегда признавали, что всѣ отдѣльныя племенные и національныя группы, живущія въ Россіи, являются вполне равноправными членами одной великой культурной семьи.

По возможности въ каждомъ № „Южнаго Обозрѣнія“ помѣщается беллетристическое произведеніе (разсказъ, повѣсть, романъ) русскихъ или иностранныхъ авторовъ.

Подписная цѣна на газету „Южное Обозрѣніе“: въ Одессѣ съ дост. на домъ на годъ 6 р., на 6 мѣс.—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—1 р. 80 к., на 1 мѣс.—60 к. На города (съ пер.) на годъ 8 р., на 6 мѣс.—4 р., на 3 мѣс.—2 р., на 1 мѣс.—1 р.

Допускается разсрочка платежа.

Подписка принимается въ Одессѣ въ главной конторѣ газеты „Южное Обозрѣніе“, при типографіи Исаковичъ и Бейленсонъ, Гаванная ул., соб. домъ.

Редакторъ *Н. П. Цакни.*

Издатель *Г. М. Бейленсонъ.*

SLOVANSKY PŘEHLED

(Славянское Обзоріе).

ежемѣсячный всеславянскій журналъ

въ IV-омъ году изданія

будеть издаваться по прежней программѣ. Журналъ выходитъ книжками въ 3 и больше листовъ, въ первую пятницу каждаго мѣсяца (исключая августъ и сентябрь), заключаая въ себѣ статьи и корреспонденціи, касающіяся культурной жизни всѣхъ славянскихъ народовъ, сверхъ того будутъ печататься переводы стихотвореній славянскихъ поэтовъ на чешскомъ языкѣ, библиографическія извѣстія изъ всѣхъ славянскихъ литературъ, свѣдѣнія объ славянскомъ искусствѣ и пр.

Подписная цѣна для Россіи 3 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкою.

Подписка принимается въ конторѣ журнала „Slovansky Pehled“ въ Прягѣ чешской (адресъ: Nakladatelstvi F. Simáček, Praha, Jerusalemská ul. 11).

Издатель Ф. Шимачекъ.

Редакторъ А. Черны.

коллеія, наполнившая надеждами обиженныхъ всей гетманщины.. Въ числѣ ихъ оказалась и Татьяна „Павлиха“, вдова одного изъ тѣхъ Брагинцовъ, которымъ судъ возвратилъ ихъ „селище“, въ 1671 г. Вдова „Павлиха“ пожаловалась въ Глуховъ, что С—чи завладѣли уже разъ присужденными имъ землями и—глуховскія власти поспѣшили (такое было время) удовлетворить обиженную... Брагинскія земли присудили „Павлихѣ“, а между тѣмъ на этихъ земляхъ сидѣло цѣлое село.. Вдова Андрея С. постаралась уладить дѣло миромъ, при чемъ ей пришлось заплатить 2500 золотыхъ. ¹⁾ Но процессъ съ „Павлихою“ сильно отразился

¹⁾ Помѣщаемъ здѣсь рассказъ самой вдовы Андрея С., какъ она началъ с. Брагинцовъ, такъ и о процессѣ за нихъ въ 1723 г., съ «Павлихою». «Покойный мужъ мой Андрей С., по изшествіи в М. Росіи непріятеля шведа, одержавши уряди писарства, а потомъ судейства, полковіе Прилуцкіе, для wsparтя своего господарства покунилъ былъ в многихъ селянъ сотнѣ Варвинской, а именно въ Озерянцовъ, Оробюццовъ, Савинцовъ и в другихъ, разные грунты, на которыхъ за позволенемъ пок. плк-ка Прлцк. Носа, поселилъ хуторъ и слободку Брагинецъ осадилъ, которая потомъ универсаломъ пок. и. гетм. Скор. зостала мнѣ в покойное владѣніе ствержена, и владѣла я оною до смерти мужа моего безъ жадной перепони; когда жъ мужъ мой волею Божею умре, помянутою слободкою владѣла я по 1723 г., безперепонно. А въ томъ году Татьяна Павлиха, жителка Бѣлогорѣльская, била челомъ въ енер. в. к—рію, доносячи, что мужъ мой Андрей С. неслучно якобы покунилъ у тихъ Озерянцовъ и другихъ селинъ—грунта, гди жъ они суть не ихъ, але мужа еи умершого Брагинца, и презентовала декретъ з суду в. енералного, за подписомъ рукъ Ив. Домонтовича и Ив. Самойловича, судей енер—хъ, въ року 1671, мѣс. окт. 9 дня, еи, Павлихи, мужу выданный. И по той еи занесенной на мене жалобѣ, велено з оной енер. к—ріи представить мнѣ—одъ кого достались тие грунта заводцовъ; и я оныхъ Озерянцовъ да и другихъ селянъ, предъ судомъ войск. енер. представляла, и купчіе мнѣ одъ ихъ данные объявляла; но они одъ кого себѣ грунта тие прежде имѣли—слушного доводу не показали, и за тое арматнимъ вязенемъ были карани; а повелено зъ оногъ жъ суду ен., абы я (рука руку знаючи) своихъ заводцовъ смотрела, а грунтовъ оной Татьянѣ Павлисѣ усту-

на Брагинцахъ, такъ какъ послѣдніе засимъ вовсе не показываються въ ревизіи 1729 г. Мы видѣли уже (с. 357), что вдова Андрея С. въ это самое время (лѣто 1729 г.) жаловались, что старшій сынъ ея „*съ слободѣ Брагинцахъ килканадцять челоувка* и болшую часть Брагинского грунту *до хутора Мормизовского*, самовласне собою завладѣннаго, *принялъ во владѣніе*“, изъ чего можно думать, что Брагинское населеніе чуть не все—на время—расходилось... Но критическій моментъ прошелъ и—по ревизіи 1731 г.—въ „слободѣ Брагинцѣ“ значится 68 хоз. „весьма убогихъ и безгрунтовыхъ“, и кромѣ того—„при дворцѣ (усадьбѣ) С—чей—девятъ челоувкъ „зѣ нагороди (за жалованье) живучихъ хатами порознь“ (войтъ, стадникъ, конюшій, шинкаръ, кравецъ, десятникъ, овчаръ, швецъ и коровникъ). Видно, что потревоженное поселеніе не трудно было вновь собрать, при чемъ у вдовы Андрея С—ча ¹⁾ явились „безгрунтовые“ кр—не, т. е. не имѣвшіе полевыхъ земель, а слѣдовательно, всецѣло подчиненные державцѣ... По смерти вдовы Андрея и сына ея Матвѣя, половина Бр—цевъ была захвачена Иваномъ С. и это обстоятельство, какъ видно ниже, оказало замѣтное вліяніе на уменьшеніе здѣшняго населенія. Кр. А. 34 д. В. 25 д. В. не показаны. Г. 35 д. 35 х. (Ивана С—ча и вдовы брата его Матвѣя. За 1737—1740 г.г. „сошло“ 22 двора). Д. 79 д. 124 х. Изъ нихъ 47 дв. б. товв. Ивана и Матвѣя Матвѣевичей С—чей, и 22 дв. „княг. капитанши Ор-

пила. Тилко же, жебы мнѣ чрезъ тое не прийти было въ крайнее разореніе, мусѣла вновь у Тетяни Павлихи за полтретѣ тысячи золотихъ суммы готовои грошей, кромѣ другихъ рѣчей, тие грунти купити, якіе прошлаго 1723 году, августа 1, декретомъ зѣ суду в. ен. въ спокойное мнѣ, зѣ синами, владѣніе ствержени. А въ декретѣ томъ повелѣно, дабы они Озеранцѣ зѣ другими селанами, безъ отреченія и болшой себѣ турбаціи, всѣхъ своихъ грунтовъ, подлугъ ограничена въ декретѣ Домонтовича и Самойловича, судей ен., выраженного, уступили, а сами своихъ заводцовъ глядѣли, любѣ если заводци въ кого кѣтъ, уживанемъ прежнимъ своего грунту контентовались».

1) Брагинская вѣдомость въ ревизіи 1731 г. подписана вдовою: «къ сему вѣдѣвію вмѣсто матки моей Феодори С—чевой, по ея велѣнію, сынъ ея, сотникъ наказный Варвинскій Матфій С—чъ».

беліановой“ (должно быть вдовы единокрвнаго ихъ брата Владиміра Орбеліана). Козаковъ въ Б. не было.

Слоб. Мормизовка, „рѣки нѣтъ никакой“ (Пащ.), поселена Андреемъ С—чемъ на Брагинскихъ земляхъ (см. выше), при чемъ въ 1718 г. здѣсь было уже 10 дв. Затѣмъ М—ка была отсуждена отъ С—чей вмѣстѣ съ Брагинцами, и наслѣдникамъ Андрея С—ча пришлось въ другой разъ покупать Мормизовскія земли (см. Брагинцы). Деньги за эти земли уплатила вдова Андрея С. вмѣстѣ съ сыномъ Иваномъ, что и дало поводъ послѣднему присвоивать себѣ эту слободку, при чемъ онъ перевелъ сюда „килевнадцать“ Брагинскихъ жителей, какъ жаловалась его мать. Но видно, что къ Ивану С. слобожане шли неохотно, п. ч. М—ка въ ревизіяхъ 1729 и 1731 гг. вовсе не показывается, а по ревизіи 1740 г. значится только „фуроръ Мормизовскій“, принадлежащій Ивану С—чу, съ 5-ю хатами подсосѣдковъ. Отсюда видно, что Ив. С—чь не смогъ возстановить прежней слободки. 1) Послѣ смерти Ив. С—ча, М—ка

1) Мы уже видѣли, что сама мать Ив. С—ча свидѣтельствовала о его суровомъ обращеніи съ своими «подданными» (с. 341). Къ этому можно прибавить, что не за одну суровость Ив. С—ча, чуждался его сельскій людъ. Сохранились факты, что «подданные» этого державцы терпѣли еще и отъ развратныхъ его походовъ. Мы уже не разъ упоминали, какъ много «отновлено» было жалобъ вслѣдъ за учрежденіемъ Глуховской коллегіи. Въ числѣ этихъ жалобъ Галаганъ представилъ Полуботку, въ 1723 г., двѣ «суплѣки», одну—отъ Параски Райкувны, дѣвки, а другую—отъ Вивди Демяновны, молодежи, на п. Ивана С—ча, т. войск., что онъ, С—чь, будто зъ одною зъ нихъ, Параскою, вшетечній грѣхъ пополюючи, дитя прижилъ, а другой, на имя Вюдѣ, паненства позбавилъ“. Вѣроятно, что эти жалобы возбуждены были самимъ Галаганомъ, постоянно спорившимъ съ С—чами за Озерянскія земли; но это обстоятельство должно было обратить на нихъ тѣмъ большее вниманіе Глуховскихъ властей. Поэтому, для разслѣдованія жалобъ на С—ча, Полуботокъ послалъ на мѣсто *четыре* своихъ чиновниковъ. Главная жалобщица «Вюдца Демяновна» дала слѣд. показаніе слѣдователямъ: «Дѣется тому третій годъ, одного часу Иванова Себастьяновичева жена была въ Гурбинцахъ, а самъ С—чь пріѣхалъ на Брагинецъ, противъ праздника

перешла во владѣніе наслѣдниковъ Матвѣя С—ча, вдова котораго—какимъ то образомъ—передала эту слободку сыну своему отъ второго брака, Владиміру Орбеліану, за которымъ она показана по вѣд. 1780 г. Кр. В. 10 д. В. нѣтъ. Г. 5 д. 5 х. Д. 35 д. 53 х. (капитана кн. Владиміра Орбеліана).

Обрѣзанія Господня, и на вѣчоръ того дня пришолъ до ея, Вюцки, дворовій же С—човъ овчаръ и сказавъ: ходи до двора, платя прати, старостиха велѣла.—Вюцка по указу и пошла; куда пришовши, сказано ей старостиха (хоу?) С—чъ (ча?), мовячи: уже, небого, плати не пратимешъ; помози скубти курупата да старостисѣ коло печи поратись.—Она задосить тому чинячи, любо припоравшись, хотѣла пойти додому, тилко жъ старостиха не пустила, повѣдаючи, что панъ тебѣ не велѣвъ пускати.—Того жъ часу, уже поздно, вийшла она. Вюцка, в сѣни, води брати, ложки мити, а С—чъ вхопивши ея за руку, скоро повѣвъ в хату пустую, чрезъ сѣни жъ стоячую, где кури, гуси и другая дробина найдовалася, въ которой того жъ часу хтось дверѣ з сѣней завернувъ; и ставъ насяловати до пополненя грѣха, которому коцяй з плачемъ просячиси, далъ би покой, виговорувала, же еще нѣ с кимъ грѣха не мѣла, однакъ С—чъ едно, властю, якъ державца, другое, упевнивши ея замужъ своимъ коштомъ оддати, силою згвалтовалъ. А одпустивши одъ себе, приказалъ старостисѣ, щобъ исти оной Вютцѣ дала. И якъ скоро хотѣла исти, заразъ Василь Макарукъ, на той часъ бувши села его С—вичового Брагинца десятникъ, выликалъ ея жъ Вюцку з хати, и в сѣняхъ, заразъ С—чъ взявши до себе, за дверми сѣнечини, другій разъ пополнилъ грѣхъ, и приказалъ старостѣ своему Хведору Лозицкому до дому Вювдѣ не пускати, але у коморѣ зачинити. Якъ же такъ и було, бо з старостихою в коморѣ жъ и ночовала... Переночовавши жъ, на другій день, когда Вювдя увійшла у хату грѣтися, застала в хатѣ С—ча, которій тожъ похотѣлъ пополнити грѣхъ, тилко жъ чоловікъ села того, Головатій, в хату нагодилса, и намѣренному его дѣлу перешкодиль... Этотъ допросъ производили въ маѣ 1723 г.,—Павель Раковичъ, Якимъ Горленко, Григорій Галенковскій и Илья Александровичъ. Они же произвели дознаніе и по жалобѣ Параски Райковны, тоже подробно разсказавшей о своихъ сношеніяхъ съ Ив. С—чемъ, при чемъ впрочемъ „паненство“ у Райкувны было „позбавлено“—другимъ... Тутъ же „сусѣда“ С—ча, Тацка Прокопиха, „которая будто

Х. Макушиха „протокъ Балабанка“ (Пащ.), поселена во втор. пол. XVIII в., вѣроятно, зятемъ Ив. Себастьяновича, Ос. Лысенкомъ, за которымъ въ 1780 г. здѣсь показано 10 дв. съ 19-ю хатами.

С. Озеряне, „въ ярахъ и на косогорахъ, чрезъ село протекаетъ небольш. рч. Озерянка, на которой мельница“ (Пащ.), возникли не позже полов. XVII в., хотя первая здѣсь церковь строилась только въ 1703 г.—Самойловичемъ О. отданы были тогдашнему Варвинскому сотнику Яремѣ Моренцу, по смерти котораго принадлежали къ числу ратушныхъ селъ, но Галаганъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, сталъ садить тутъ *своихъ* „подданныхъ“. Случилось это такъ, какъ рассказывали мѣстные люди, въ 1724 г.—„Лѣтъ 20 тому назадъ, когда Андрей Себастьяновичъ (с. 63) не имѣлъ еще никакого старшинскаго чина, а держалъ въ Оз—хъ только „аренду“ (корчму или шинокъ), приѣхалъ онъ разъ въ наше село и созвавши всѣхъ селянъ „до аренды“, сталъ просить, чтобъ позволили ему тутъ же, въ селѣ, „занять вольную леваду“, надъ Мамотовымъ ставомъ, для постройки хуторка. При этомъ С—чъ обѣщаль дать намъ за то, на нашу церковь, „золотыхъ десятокъ денегъ“, а церковь въ Оз—хъ была тогда еще не достроена. Получивъ это позволеніе, С. денегъ на церковь не давалъ, да и леваду не долго продержалъ, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ „въ чинъ старшинства случай

въ звездахъ бывала“, рассказала слѣдователямъ, что она давно уже живетъ въ дворѣ у С—чей, „и одного часу, пришовъ С—чъ до еи, Проники, в хату и сказавъ: поиди, мовить, до Ганни, дѣвки швачки, на той часъ в дому его жъ С—човомъ служащей, и скажи, если она позволится зо мною учинити грѣхъ,—по якого веленію, когда той дѣвцѣ Тацка донесла, що панъ требуетъ до посполненя грѣха, отказала: хочай мовить и службу оставлю и з двора поиду, а грѣха чинити з паномъ не хочу. Що якъ донесла ему, С—чу, давъ ей покой“. Интересно, что когда „Параска“ послѣ рожденія дитяти, должна была уйти отъ С—чей, то въ Гурбинцахъ, гдѣ жили С—чи, она услышала отъ одной бабы такое предостереженіе: „Лихо тобѣ, Параско, буде! —чула я одъ самой паней (т. е. отъ жены Ив. С—ча) що если где трафится тебе знайти, велѣла бъ до смерти убити!“..

его повзвалъ“, и, кромѣ того, онъ въ это же время, по сосѣдству въ Брагинцахъ, сталъ „хуторомъ осѣдать“. И запустѣла та левада, пока не насталъ плк-комъ п. Галаганъ. А какъ сталъ Г—нъ плк-комъ, и случилось ему разъ съѣхаться у насъ въ Оз—хъ, въ 1718 г., съ Себастьяновичемъ, бывшимъ тогда уже полк. судьей. И когда пошли мы, селяне, до прѣѣхавшихъ пановъ на поклонъ, то и слышали, какъ п. плк-къ просилъ п. судю—подарить ему ту леваду, которую занялъ онъ у насъ, въ Оз—хъ. Судья согласился, говоря, что хоть Озерянце и позволили ему занять ту леваду, но она ему не нужна и при насъ же сказала: „за вѣдомомъ сихъ же поселянъ, я вашецѣ, добродю, дарую!“ И тогда же п. плк-къ, получивши отъ судьи тотъ „дарунокъ“, оповѣстили намъ, Оз—мъ обывателямъ.—Получивъ леваду, Г—нъ года за три, за четыре, поселилъ тутъ нѣсколько подсосѣдковъ, а потомъ попытался подчинить себѣ и остальныхъ Оз—хъ крестьянъ. Подавъ, въ февралѣ 1722 г., челобитную въ коллегію иностр. дѣлъ о выдачѣ царской грамоты на маетности, которыми Галаганъ владѣлъ по универсалу гетмана, Г—нъ включилъ въ число этихъ маетностей и Оз—не. А когда коллегія спросила Скоропадскаго—дѣйствительно ли принадлежатъ Галагану указанныя въ его челобитной маетности, то гетманъ объ Оз—хъ отвѣчалъ: „Озерянами селомъ—не вѣдаю коимъ образомъ онъ, полковникъ, завладѣлъ и тщится упросить на оное грамоту, ибо на тое село моего универсалу не имѣтъ“. Поэтому въ грамотѣ на Оз. Г—ну было отказано. Въ то же время и вдова Андрея С—ча, пользуясь благоприятными обстоятельствами, по случаю учрежденія въ Глуховѣ коллегіи, въ февралѣ 1724 г., подала правителямъ ген. к—ри такую жалобу: „въ прошломъ 1719 г., п. Галаганъ, завладѣвшій самовольно селомъ Оз—ми, осадилъ слободку на купленномъ при томъ селѣ мужемъ моимъ грунтѣ, а тою слободкою пок. гетм. Скоропадскій владѣтъ мнѣ прива-заль, на что и выдалъ полковнику Галагану три указа, но онъ, плк-къ, по тѣмъ указамъ слободки мнѣ не уступилъ и владѣтьею съ того времени самъ“... Спрошенный по этой жалобѣ, Г—нъ отвѣчалъ: „леваду въ Оз—хъ, а не слободку, покойный судья С—чъ подарилъ мнѣ при многихъ людяхъ Оз—скихъ, которыхъ свидѣтельство, для доказательства, при семъ же при-

лагаю, а я на той левадкѣ позволимъ тамошнимъ же жителямъ Оз—скимъ, не для своего, а ради ихъ пожитковъ, огороды позанимать“. Въ такомъ объясненіи и заключался весь отвѣтъ Галагана, которому, повидимому, неудобно было въ данномъ случаѣ распространяться.. Тутъ Г—нъ—какъ будто отказывается даже отъ права своего и на леваду, несмотря на то, что за два года передъ тѣмъ онъ же просилъ грамоту на все село.— Затѣмъ, когда въ 1727 г. Г—нъ попросилъ было—у новопоставленнаго Апостола—дать ему одно изъ Прилуцкихъ селъ, то гетманъ, отвѣчая отказомъ, замѣтилъ, что во владѣніи Галагана и безъ того уже имѣется болѣе 800 крестьянскихъ дворовъ, указавъ при этомъ и 154 двора въ Оз—хъ. Такимъ образомъ, незамѣтно въ десять лѣтъ Галаганъ подчинилъ себѣ все крестьянское населеніе Оз—нъ, состоявшее изъ 150 дворовъ, безъ всякаго гетманскаго универсала. Не получилъ Галаганъ универсала на Оз. и отъ Апостола, хотя послѣдній, повидимому, уже признавалъ фактъ принадлежности ему этого села. Поэтому Галаганъ снова попробовалъ обратиться непосредственно въ коллегію иностр. дѣлъ за царской грамотою на самовольно захваченныя маестности, при чемъ Оз. называлъ *хуторомъ*; но и на этотъ разъ гетманъ помѣшалъ ему закрѣпить за собою это село. Только въ 1737 г. успѣлъ наконецъ Г—нъ выпросить себѣ на Оз. универсаль, отъ тогдашняго правителя А. И. Румянцева.

Кр. П. 8 д. А. 8 д. Б. 9 д. и „людей п. полковника“ 19 д. В. 135 д. („маестность плк-ка Прлцк. Игн. Г—на“) Г. 99 д. 103 х. Д. 150 д. 252 х. пс. 3 д. 5 х. Кз. Б. 16 д. Г. 8 д. Д. 37 д. 109 х. 1)

1) Сохранились свѣдѣнія о томъ, какъ Галаганъ-сынъ относился въ жалобамъ Озерянскихъ подданныхъ на жестокость обращенія «старость». Свѣдѣнія эти очень любопытны, указывая, что по такимъ жалобамъ могъ быть и *судъ*. Свѣдѣнія эти касаются жалобъ Озерянскихъ кр—нъ (1757 г.) на временнаго своего старосту Корицкаго. При разслѣдованіи этихъ жалобъ, Корицій рассказаль, между прочимъ, и свою прежнюю жизнь, указывающую, что это былъ

С. Гиддицы, „на мѣстѣ низкомъ, при протокаѣ Рудѣ“ (Щац.), возникли во второй пол. XVII в. и „подъ вѣдѣніемъ

одинъ изъ т. наз. *мандрованныхъ дяковъ*. О себѣ К. разсказалъ, что «родился онъ въ м. Яресъкахъ, отъ отца Мартына Ковала, козака, и изучившись грамоти, будетъ тому годовъ до 15-ти, отъ отца отлучась, мандровалъ по разнымъ школамъ; между тѣмъ, въ 1748 г. примандровалъ онъ въ с. Озеряне, гдѣ живши въ тамошней школѣ за поддачого, того жъ году, на дочери посольного Озерянского женился, а на другой годъ тамо, въ Озерянахъ, былъ поставленъ дякомъ. После, не пожелавши тамо дяковать, отлучившись, зъ женою свою, зъ одного села Оз—нѣ, по разнымъ селамъ дяковалъ же. А прошлого 1753 г. онъ, К—ій, паки въ тое село Оз—не на жителство возвратился, и жилъ до 1757 г., въ должности дяковской; при томъ, по требованію старосты Оз—ского, подлежащіе по экономіи дѣла писалъ. Изшедшого же юня 19 д. (1757 г.), отъ г. полковника (Галагана), чрезъ писменный приказъ, велено ему, К—му, за отлучкою помянутого старости, поколь онъ возвратится, тамошнюю экономію въ надсмотреніе принять; такожь, въ мимошедшее лѣто, сѣна укосить и пашню знять съ поля»... По этому распоряженію К—ій хозяйничалъ въ Оз—хѣ до 2 сентября, пока туда не пріѣхалъ Галаганъ, которому по его пріѣздѣ, и разсказано было—какъ убыточно для него хозяйничалъ Корицкій. Разсказали «пану», что К. много сѣнковосовъ отдавалъ, чужимъ людямъ, за деньги, въ свою пользу, плохо и несвоевременно убиралъ хлѣбъ и черезчуръ жестоко наказывалъ крестьянъ, за мнѣныя вхъ провинности. «Демка Брагунца, будучи весьма пьянй, билъ нещадно плѣтѣю и кулаками, такожь и за волоса таскалъ, при войту Шепетенку да шинкарю Семевенку; виновности жъ его, Брагунца, только и било, что, состоя онъ смотрителемъ для обережена отъ воровства травы господской на Лебединцахъ, одного времени, тамъ былъ и оную траву объѣздилъ, где и его, К—го, якожь онъ хотѣлъ туда жъ ради осмотра быть, хотя долго ждалъ, но что онъ тогда записался въ шинку, не дождался, а онъ К., не будши самъ тамо, сказалъ будто и онъ, Брагунецъ, не будъ, и за то далъ къ побой причину. За якой побой, по иску на его нимъ, Брагунцемъ, у господина, уже предъ нимъ самъ и виновился, и за увѣтче, данною отъ себе ему, Брагунцю, саморучною роспискою, обовязался заллатить денегъ рубля и 20 коп.—Федора Кавуна, стадника мирского, виновности не мало предъ нимъ, К—мъ, не было, ибо онъ стадо въ под-

сотнѣ Варвинской“ находились (*Генер. слѣдствіе*) до 1709 г., когда были отданы новымъ плк-вомъ Носомъ, Михаилу Тарнов-

лежащее время, и за вѣдомомъ людскимъ, на пастбу, въ стернь яриную, гонилъ; а что безъ Корицкаго вѣдома, то и дѣла ему до того не было, занапрасно, з одного самоволства и фастаючи, яко би всему онъ начальникъ в селѣ, нещадно билъ плетю и въ колодѣ не токмо его самого, но купно съ нимъ и жену его, чрезъ цѣлый день, держалъ. — Петро Богушенко, самъ не идучи на панщину, просилъ его К—го, дѣвку его, Б—ка, на панщину въ гребцѣ принять; токмо онъ, К., дѣвки не принявши, двома нападами плетю немилостиво, какъ бы скотину, Б. билъ,—да и скотини разсудительный человѣкъ занапрасно такъ увѣтчить не будетъ; и за два рази—поболше 50 разовъ ударилъ, такожь и за волоса довольно волочилъ, отъ котораго увѣтча оной Петро Б. и болѣзновалъ недель болше трохъ; а сверхъ того и похвалки онъ, К., чинилъ—гонить его и на домашнихъ его, потоль пока из-свѣта или з-села—зженеть, якие похвалки онъ, К., и исполнилъ, и з села вигналъ, ибо точію, чрезъ его, К—го, за страхъ онъ, Петро, изъ Оз—нъ перейшолъ и живетъ въ Гурбинцахъ, и тѣмъ онъ, К., господину въ подданствѣ ущербъ издѣлалъ... Разсказаны были и другіе случаи жестокаго обращенія К—го съ подданными. Какъ только эти жалобы принесены были Галагану, Корицкій немедленно бѣжалъ изъ Оз—нъ и, желая избавиться отъ преслѣдованія плк-ка, «записался въ службу компанійскую», когда «команда новонабирающаея перво-охочеконного компанійскаго полку близъ с. Безсалъ (Лохвицк. у.) лагеремъ стояла», причемъ при посредствѣ «полковника того компанейскаго полку, г. Антона Крижановскаго», получилъ отъ генер. к—ріа «ордеръ» къ плк-ву Галагану, — объ освобожденіи отъ ареста жены и имущества его, К—го; но когда К. съ этимъ ордеромъ пріѣхалъ въ Оз—не, сто тамошнимъ старостою плк-ка Галагана взять подъ караулъ и затѣмъ былъ судимъ въ полк. судѣ. Галаганъ искалъ съ К. возмѣщенія убѣтковъ въ хозяйствѣ, но при этомъ К. судили и за его жестокое обращеніе съ «подданными». Полк. судъ разсуждая объ этихъ К—го дѣйствіяхъ, замѣтилъ: «хотя бы жъ чія с тихъ людей была предъ нимъ К—мъ ослушность, то за оную подлежало ему, по давнему обычаю, наказать на то учрежденною самою толкою колодою, а не боемъ, понеже таковой чтобъ людей господскихъ бить, власти ему ни отъ кого не давано. Въ концѣ концовъ, судъ присудилъ, чтобы К.

скому, а когда послѣдній въ 1714 г. былъ поставленъ Варвинскимъ сотникомъ, то Скоропадскій подтвердилъ ему Г. на урядѣ. Однакожъ и по смерти Михайла Т. Г—цы остались во владѣніи его наслѣдниковъ. Кр. А. 21 д. Б. 57 д. В. 65 д. Г. 26 д. 26 х. (Данила и Андрея Михайловичей Т—хъ. За 1737—1740 г.г. „сошло“ 18 двор.) Д. 50 д. 92 х. пс. 11 д. 24 х. (б. тов. Петра Дан. Т.—32 д. 57 х. и вдовы Ив. Дан. Т.—18 д. 35 х.) в. тов. Бѣлоцерковца—5 д. 9 х.) Кз. Б. 37 д. Г. 50 д. 55 х. пс. 3 д. 3 х. Д. 68 д. 158 х.

С. Свѣтличное, „родники“, образовалось изъ хуторовъ, возникшихъ здѣсь въ к. XVII в., при чемъ значительнѣйшимъ былъ тутъ Варвинск. хуторъ козака *Свѣтличнаго*. Затѣмъ Св. было отдано плк-комъ Стороженкомъ полков. писарю Патоку, который и владѣлъ имъ до смерти (*Генер. слѣдствіе*). Въ 1719 г. Св. отдано Скоропадскимъ „маршалку“ своего двора, Андрею Кондзеровскому, при чемъ въ универсалѣ сказано: „мѣючи взглядъ на его, п. К—го, которій при боку нашему отъ начала гетманства нашего жъ вѣрніе и радителніе свои ронилъ услуги и потомъ домовѣ нашему присвоився“.. Последнее выраженіе значитъ, что К—ій женился на одной изъ сестеръ гетманши Скоропадской. Послѣ Андр. К—го, Св. перешло къ двумъ его сыновьямъ, в. товарищц. Якову и Петру К—имъ, которые и владѣли этою маестностью вмѣстѣ. Петръ К—ій женатъ былъ на дочери Дан. Мих. Тарновскаго, Марьѣ, и оставилъ четырехъ сыновей и пять дочерей. Кр. А. 21 д. Б. 29 д. В. 25 д. Г. 3 д. 3 х. 1) (за три года „сошло“ 9 дв.) Д. 50 д. 66 х. (Як. и Петра Кондзеровскихъ) пс. 13 д. 24 х. Кз. Б. 38 д. Г. 32 д. 37 х. Д. 43 д. 78 х. Показанные въ Св., въ 1780 г., подсосѣдки принадлежали Ладинскому м-рю, за которымъ уже въ 1729 г. показана „подъ с. Свѣтличнымъ

всѣхъ обиженныхъ вознаградила согласно статуту. Какъ приведено было это рѣшеніе въ исполненіе относительно крестьянъ—не видно.

1) Эта цифра представляется ошибочною (что нибудь пропущено) п. ч. по вѣд. 1753 г. въ Св. показано 25 д. и 30 х.

слободка монастыря двичого Ладинскаго“, съ 12 дв. По ревиз. 1740 г. слободка эта не показывается, а по вѣд. 1780 г. она сливается уже съ селомъ.

С. Остаповка, рч. Варвица, возникла во втор. пол. XVII в., и до 1740 г. значилась ратушнымъ, а затѣмъ показывается селомъ просто „свободнымъ“.

Кр. А. 11 д. Б. 10 д. В. ? Г. 4 д. 4 х. ратушныхъ. Д. 10 д. 17 х. (кол. ас. Галагана), ис. 35 д. 47 х. 19 бд. х. Кв. Б. 30 д. Г. 28 д. 29 х. Д. 28 д. 72 х. У Пашенка показаны слѣд. владѣльцы: кол. ас. Галаганъ—10 дв. 17 х., писарь генер. суда (Василій Высоцкій)—19 бд. х., сотникъ Жила—1 д. 3 х. и пдс. 7 д. 14 х. Владѣльцы эти явились, полагать должно, вслѣдствіе безхозяйнаго положенія О—ки, почему Галаганъ (Григорій?) имѣлъ возможность скупить всѣхъ *крестьянъ*, а Высоцкій могъ закупить здѣсь „грунтовъ“ и заселить ихъ подсосѣдками, которыхъ въ О—кѣ, по свѣд. 1779 г., за нимъ считалось 149 „малороссійскихъ душъ“. У Высоцкаго тутъ, поблизу была ранговая маетность, м. Куренка, посѣщая которую онъ, конечно, и могъ высмотрѣть удобства Остаповки для поселенія въ ней своихъ подсосѣдковъ.¹⁾

Журавская сотня заключала въ себѣ только пять селъ, расположенныхъ по лѣвому берегу Удая, за исключеніемъ с. Ладина, земли котораго находились на правомъ берегу Удая.

Журавскіе сотники. Федоръ Вульба, 1689. Матвій Выченко, 1672. Степанъ Левченко, 1683. Демьянъ Якубовичъ, 1711—1712. Михаилъ Ягельницкій, 1717—1728. Федоръ Тарасовичъ, 1729—1753. Петръ Даниловичъ Тарновскій, ок. 1760. Иванъ Яновскій, 1763. Иванъ Степановичъ Лукомскій, 1770—1781.

Якубовичъ Демьянъ. Якубовичи производятъ свой родъ отъ Федора Якубовича, бывшаго при Хмельницкомъ Чигирин-

¹⁾ Занимая урядъ писаря ген. суда, Высоцкій былъ очень вліятельнымъ лицомъ въ Глуховѣ. Онъ былъ женатъ на дочери Сосницк. протопопа Федора Полторацкаго, Марьѣ, и имѣлъ четырехъ сыновей и шесть дочерей. По свѣд. 1779 г., за В. числилось крестьянъ: въ Куренкѣ—115, х. Матюшовкѣ—38, с. Уздицѣ—48 и Остаповкѣ—149 «душъ».

скимъ полковникомъ, но въ доказательство этого происхожденія не представляютъ ни документовъ, ни другихъ какихъ либо свѣдѣній о томъ, что сотникъ Журавскій Демьянъ Я. былъ сыномъ этого полковника; дѣлается только ссылка на Рубановъ лѣтописецъ М. Россіи, гдѣ указанъ Федоръ Я. ¹⁾ Вѣрнѣе, что Дем. Я. былъ челоѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, вышедшій въ люди только блигодаря своей женитьбѣ на одной изъ сестеръ жены Скоропадскаго, которая ставъ гетманшею, помогла зятѣмъ своимъ получить войсковые уряды и маестности. При этомъ и Д. Я. получилъ Журавское сотничество, а затѣмъ, въ 1712 г.— двѣ маестности, Мокіевку и Кулешовку. Сотничество Я—ча продолжалось очень не долго; весьма вѣроятно, что Я. не по своей волѣ оставилъ этотъ завидный для людей его положенія урядъ; можно догадываться, что Я., пользуясь своимъ свойствомъ съ гетманомъ, злоупотреблялъ своею властью; на это злоупотребленіе указываетъ напр., тотъ фактъ, что черезъ два года послѣ назначенія Я. сотникомъ, онъ 65 дв. козаковъ с. Антоновки фактически обратилъ въ своихъ крестьянъ (см. ниже с. Антоновку.) Оставивъ сотничество, Д. Я. умеръ въ безличномъ чинѣ бунч. товар. Единственный сынъ его, Яковъ, начиналъ службу тоже въ этомъ чинѣ, но затѣмъ, по какой-то протекціи, былъ поставленъ прямо на урядъ генер. есаульства. Женатъ онъ былъ на дочери *бриадира* Дунина, бракъ съ которою для того времени былъ явленіемъ малообычнымъ. Службы Я—ча перечислены въ слѣд. универсалѣ Разумовскаго: „Объявляемъ... асаулъ в. генер. г. Як—чъ подалъ намъ доношеніе, представляя о службахъ своихъ, которіе де онъ первѣе, въ рангѣ бунч. товарищей обрѣтаясь, по указу... ..Петра Первого императора... ..съ прочіими бунч. тов—ми, въ низовомъ корпусѣ, тако жъ и въ Полскомъ, Кримскомъ, Днѣстровскомъ и Хотѣнскомъ походахъ, а потомъ пожалованъ будучи въ чинъ асаульства генер., внутрь государства по разнымъ комиссіямъ... А за овіе никакого себѣ не имѣеть награжденія, и просилъ о награжденіи... ..деревнями изъ свободныхъ войсковыхъ дворовъ, нашего разсмотрѣнія. И мы, гетманъ, призирая на его, ас. ген. г. Я—ча, вѣрно отправле-

¹⁾ Дѣло Полтавск. двор. собр. о дворянствѣ Якубовичей, № 41.

ніе службы, по данной намъ отъ ея и. величества власти, опредѣляемъ ему а. г. г. Я., изъ чего бѣ онъ и напередъ къ отправленію, по своему характеру, вѣрнихъ службъ къ снабдѣнію билъ въ состояніи, въ вѣчное владѣніе... село Алексинцѣ... село Яцини... и село Скибинцѣ, въ коихъ по ревизіи 1751 г. посполитихъ свободнихъ дворовъ и зъ бездворными хатами 44 показано, со всѣми принадлежащими къ онимъ селалъ грунтами и угодіями“... Универсалъ этотъ подписанъ 2 мая 1752 г., какъ разъ въ то время, когда новый гетманъ собирался начать объѣздъ „малороссійскихъ полковъ“, при чемъ изъ генер. старшины бралъ съ собою: С. Кочубея, Безбородка и Якубовича (Марк., II, 304). Можно поэтому думать, что Я. выпросилъ себѣ приведенный универсалъ, воспользовавшись благопріятнымъ моментомъ.—Умеръ Я., повидимому, ок. 1758 г. (Марк. II, 354), оставивъ пять сыновей, Александра, Демьяна, Григорія, Андрея и Александра 2-го, и дочерей Анну и Катерину. Одинъ изъ этихъ сыновей былъ крестникомъ императрицы Елисаветы ¹⁾; очень можетъ быть, что это обстоятельство было причиною, что старшій изъ сыновей, Александръ, попалъ въ *пажи*. (Дневн. Ханенка, 327 и 454). Почти всѣ Я—чи служили сначала въ великорусскихъ полкахъ: Демьянъ—прапорщикомъ, Андрей—гв. капраломъ и Александръ 2-й—подпоручикомъ. Григорій сначала оставался дома и числился войск. товар., но потомъ тоже поступилъ въ великорусскій полкъ, и въ 1784 г. дослужился до чина подпортьика. Позже, старшіе его братья Демьянъ и Андрей—перемѣнили великорусскіе чины на мѣстные: Демьянъ сначала получилъ урядъ полк. хоружаго, а потомъ, въ 1781 г., произведенъ былъ въ отставку бунч. товар., а Андрей въ 1774 г. получилъ бунч. товар., а въ 1776 г. былъ выбранъ, въ Прилуку, земскимъ судьей. Дочери Як. Як—ча были замужемъ: Анна за гусарск. капитаномъ Вас. Терлецкимъ, а Катерина—за полк-комъ Ильею Яковл. Лизогубомъ (съ 1767 г. ²⁾). Яковъ Як—чъ оставилъ наслѣдство небольшое,

¹⁾ Повидимому, Андрей былъ крестникомъ императрицы, крестившей его въ 1744 г. (См. Зап. Марк., II, 214).

²⁾ Выходъ замужъ Катер. Яковл. Як—чъ за Ильею Лизогуба, въ 1761 г., отмѣченъ у Марк. (II, 373), причемъ у него записано, что

причемъ, умирая, предоставилъ его въ полное распоряженіе женѣ своей, желая конечно поставить сыновей въ зависимость отъ матери; но послѣдняя уже въ 1763 г. подѣлила это наслѣдство между сыновьями, назначивъ: Александру старшему—Мокіевку и Кулешовку, Григорію—Яцины, Скибинцы и Антоновку, Андрею—х. Артополотскій и Александру меньшему—слоб. Артополотскую (при уроч. Росоховатомъ). Къ составу Якубовичевскаго наслѣдства принадлежало также и село Богданы, въ раздѣлѣ матери неуказанное, конечно, потому, что она оставляла его себѣ въ досмертное пользованіе. Тутъ же не указаны и крестьяне, „скупленные“ въ Жоравкѣ. Богданское и Жоравское имѣніе было подѣлено сыновьями Якова по смерти ихъ матери. Хотя въ наслѣдствѣ Як. Як—ча указано нѣсколько сель, но крестьянское населеніе въ нихъ было очень невелико и богатыми людьми Якубовичи не были.

Ягельницкій Михаилъ—человѣкъ совсѣмъ неизвѣстнаго происхожденія; онъ потомства не оставилъ, а потому и некому о немъ было говорить. Я. назначенъ былъ сотникомъ вѣроятно послѣ Якубовича и оставался на этомъ урядѣ, пока небылъ поставленъ полк. судьей, при Апостолѣ, въ 1728 г. На открывшійся послѣ Я. сотничій урядъ явилось нѣсколько кандидатовъ, какъ писалъ объ этомъ Носенко, въ Москву, къ Галагану (с. 130), въ декабрѣ 1728 г.,—„въ сотнѣ Журавской, слава Богу, чтирохъ сотниковъ уже имѣемъ: еденъ Горкуша, другіи Левенець, третій Федоръ Тарасенко, а четвертый Марко Антоновскій (т. е. изъ с. Антоновки); и дѣло сотенное еще Горкуша править, а Левенець, зъ суплѣкою Журавчанъ, хочай и ездилъ до Глухова, толко жъ оному отказано, а Тарасенко—по святахъ,—з суплѣкою Журавчанъ, хочеть еще в Глуховъ ехати“. Изъ этихъ четырехъ кандидатовъ, какъ видно, успѣлъ въ своихъ исканіяхъ Тарасенко, происходившій изъ людей мелкихъ, но умѣвшій продержаться на урядѣ болѣе 20-ти лѣтъ.

Села Журавской сотни.

М. Журавка, слияніе Удая и Журавки, существовала уже въ 1618 г., какъ это видно изъ спора одного изъ за-днѣпров-эта самая К. Як., семь лѣтъ передъ тѣмъ (1754 г.), была уже разсговорена за Александра Лысенка. (П, 321). О ней см. выше, стр. 249.

скихъ владѣльцевъ съ Іер. Вишневецкимъ, за бѣжавшихъ изъ с. Козловки въ Журавку крестьянъ (Zródła Dz., XXI, 233). При спорѣ Московскаго правительства съ Польшею за „Путивльскій рубежъ“, оказалось, что Журавка, какъ и Варва (с. 361), „поставлены были Польскими и Литовскими людьми до перемирныхъ лѣтъ“, т. е. до 1618 г. Такимъ образомъ, Ж. поселена въ самомъ началѣ XVII в. По документу Шведскаго, въ Ж. показано 474 госп. и мельницъ. Въ пол. XVII в. Ж.—въ числѣ сотенныхъ центровъ—не показывается, но по описи 1666 г. значится мѣстечкомъ съ 44 дв. мѣщанъ, изъ которыхъ 10 хозяевъ были настолько зажиточны, что для полевыхъ работъ имѣли по три пары быковъ. ¹⁾ Въ началѣ XVIII в. Журавскіе вк-не „прислухали до ратуши“, причемъ Демьянъ Якубовичъ, повидимому, не трогалъ ихъ; сталъ ихъ „скупать“ сынъ Демьяна—Яковъ Як—чъ, который за три года (1736—38 гг.) скупилъ здѣсь 25 двор. изъ общаго количества 62-хъ, какъ объ этомъ точно говоритъ ревизія 1740 г. Черезъ 13 лѣтъ, въ 1753 г., у Якова Якубовича въ Ж. было 62 двора и 8 бд. хатъ, а свободныхъ посполитыхъ здѣсь оставалось только 11 дв. и 2 бд. х. Кромѣ

¹⁾ Нѣкоторыя черты изъ юридическаго быта Ж—ки, во втор. полов. XVII в., даетъ слѣдующій актъ 1683 г. «Передо мною Стефаномъ Левченкомъ, сотникомъ Жоравскимъ, Матвѣемъ Тараномъ, атаманомъ городовымъ, Васкомъ Влодомъ, войтомъ на тотъ часъ бывшимъ, и при бытности Яна Жабровскаго, сотника пѣхотного, (т. е. компанейскаго), зъ мѣщанъ, Гапона Кочерженка и иныхъ людей записныхъ и вѣри годныхъ при томъ было не мало. Ставши предъ насъ Кондратъ Марченко, ктиторъ церкви Жоравской, и мовить теми слови: пане вrade и вся лаво засѣлая, ижъ вознаю явне и доброволне, щомъ продалъ славетне урожоному пану Иану, арендару Жоравскому, лѣсъ свой власный, стоячий въ Сокуліомъ, подле Киселева лѣса, за сумму певную сполна за 40 золотихъ. Тутъ тежъ и я, Григорій Матвѣевичъ, упрохалемъ вradу вишь писанного, на тотъ часъ застаючого, жеби то было въ семь же записѣ записано, щомъ продалъ пану Иану лози на ставу Жоравскомъ, за два талара, на що подаемъ пану Иану сей нашъ записъ, ижъ не повиннисмо сами въ тотъ лѣсъ, яко тежъ и лози, втручатся, грошми откладать, яко тежъ потомки наши, жадний съ кривныхъ нашихъ, вѣчными часи».

того, по вѣд. 1753 г. въ Ж. оказывается и много другихъ владѣльцевъ, у которыхъ было по одному, по два—двора, разумѣется, подсосѣдковъ; крупнѣйшій изъ этихъ владѣльцевъ былъ Журавскій сотникъ Тарасовичъ (17 дв. и 2 бд. х.). Тутъ же записаны и два грузина: Данило Агіяновъ и Михайло Бедауровъ, за которыми значится *по одному двору*, полученныхъ ими значить въ 1743 г.

Кр. П. 44 д. А. 153 д. Б. 110 д. В. 103 д. (пс. 12 козачьихъ) Г. 37 д. 37 х. свободн. и 25 д. 29 х. „скупля“ Якова Якубовича—Д. 25 д. 30 х. 4 бд. х. (сыновой Якова Якубовича) пс. 43 д. 57 х. и 18 бд. х. Кз. Б. 89 д. Г. 115 д. 131 х. пс. 21 д. 21 х. ¹⁾ Д. 144 д. 279 х. 11 бд. х. пс. 2 д. 2 х. По Рум. описи, Ж. „лежитъ на ровномъ мѣстѣ, имѣетъ земляной городокъ, коего валъ отъ неподчинки осыпался; изъ города двое воротъ: Прилуцкіе и Лохвицкіе“.

С. Ладинь, Удай, упоминается уже въ 1619 г., когда былъ отданъ Раиною Вишневецкою Ладинскому м—рю (Густ. лѣт., 56). За этимъ м—ремъ Л. и остался. Кр. А. 191 д. Б. 131 д. В. 96 д. Г. 68 д. 71 х. Д. 123 д. 152 х. пс. 1 д. 1 х. Кз. Б. 6 д. Г. 6 д. 7 х. Д. 6 д. 10 х.

С.с. Мокіевка и Кулешовка, Удай, оба села возникли въ полов. XVII в. и оба затѣмъ имѣли одинаковую судьбу. М. и К. принадлежали сначала къ числу ратушныхъ селъ, а затѣмъ, въ 1712 г., отданы Скоропадскимъ Демьяну Якубовичу, вслѣдъ за назначеніемъ его Журавскимъ сотникомъ. При отдачѣ этихъ селъ Я—чу, въ М. было: 32 дв. и въ К. 24 дв. крест. Черезъ пять лѣтъ населеніе это умалилось болѣе чѣмъ *вдвое*. По случаю этого умаленія вдова Дем. Я—ча жаловалась, въ 1726 г. въ ген. к—рію, на излишній постоя, причемъ, указавъ на прежнее населеніе М. и К., вдова продолжаетъ: „и тогда положено было имъ давать порцію компанейцамъ—на полтора человѣка; теперешнихъ же

¹⁾ Изъ этихъ подсосѣдковъ 5 дв. принадлежали отставн. серж. Черниговск. пѣхотн. полка Якову Передѣлову, который значить тоже могъ производить «скуплю» и притомъ *козаковъ*.

время, есть только въ М. и въ К. *всего 15 человекъ*, и то со-всѣмъ обнищавшихъ, не имѣющихъ ни грунтовъ, ни тяголь („ни тежь жаднаго тягла“), и этимъ 15-ти человекамъ положено теперь давать, на пять компанейцовъ,—30 копъ... Поэтому, мизерные люди готовятся разойтись, не имѣя возможности вынести такой налогъ по малолюдству и великому своему убожеству“... Для проверки жалобы на трудность положенія кр-нѣ, ген. в-рія послала на мѣсто своего к-риста, Ладинскаго, который донесъ, что въ М. оказалось 12 хозяевъ, а въ К. осталось всего 5 хозяевъ, изъ прежнихъ 18-ти, и что остальное населеніе этихъ маестностей, „за трудностью податей, разошлось по разнымъ селамъ“. Донося объ этомъ, Ладинскій добавлялъ: „за такимъ малолюдствомъ въ тѣхъ селлахъ, въ вистаченю компанейскихъ порцій и другихъ повинностей, великая трудность узнается.. Къ тому жъ и отъ компанейцовъ—остальные люди въ оныхъ селлахъ не малую поносятъ трудность, же набѣгши въ село, бѣютъ ихъ и увѣчатъ напрасно; и отъ многихъ трудностей—и всѣ хотятъ позосталіе жилци прочь розійтиса“... Изъ этого донесенія можно видѣть, что умаленіе населенія въ М. и К. произошло еще до увеличенія компанейскихъ порцій, и явилось значитъ слѣдствіемъ не постоевъ компанейцевъ, а отъ тяжести налоговъ самага державцы Дем. Я—ча, который несомнѣнно былъ тяжелымъ державцею.

Мокіевка. Кр. П. 1) 16 д. А. 32 д. Б. 10 д. В. 13 д. (подданства б. т. Як. Якубовича“) пс. коз. 6 д. Г. 12. д. 12 х. Д. подсосѣдк. 20 д. 32 х. (тяглыхъ кр-нѣ вовсе не показано), Кз. Б. нѣтъ Г. 18 д. 22 х. пс. 6 д. 6 х. Д. 12 д. 37 х.

Кулешовка. Кр. П. 7 д. А. 24. Б. 14 д. В. 6 д. („подданство б. т. Якова Яснополскаго“) Коз. пс. 1 д. Г. 9 д. 9 х.

1) Хотя въ переписн. книгахъ 1666 г., село, слѣдующее за Антоновкою и предшествующее Кулешовкѣ, названо *Мойсеевкою*, но нѣтъ сомнѣній, что это ошибка переписчика и что при этомъ разумѣлась сосѣдняя съ Кулешовкою—*Мокіевка*.

(Якубовича). Д. 14 д. 19 х. Кз. Б. нѣтъ Г. 19 д. 18 х. и „скупленыхъ“ Якубовичемъ 5 д. 5 х. Д. 24 д. 41 х. 1 бд. х.

Въ этихъ цифрахъ обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе козаковъ—въ *старыхъ селахъ*—въ 1718 г. и затѣмъ появленіе ихъ въ 1740 г., и притомъ въ такомъ числѣ, которое никакъ не можетъ указывать, что это были *новопришельцы*... Поэтому можно полагать, что Д. Я—чъ, ставъ сотникомъ и получивъ въ свое владѣніе М и К., сразу подчинилъ своей власти козацке населеніе этихъ сель, какъ это онъ сдѣлалъ въ с. Антоновкѣ, и что послѣ отставки Я—ча отъ сотеннаго уряда, здѣшніе козаки возстановили свои права при помощи Глуховской коллегіи... Отмѣтка въ ревизіи 1729 г. о принадлежности Кулешовскихъ крестьянъ б. т. Якову Яснопольскому является простою опискою вм. б. т. *Якова* Якубовича, который показалъ Кулешовскимъ державцею какъ въ ревизіи 1731 г., такъ и въ ревизіи 1740 г.

С. Антоновка, Удай, извѣстна съ пол. XVII в., и уже въ 1666 г. заключала въ себѣ однихъ крестьянъ—55 дв.; сначала, принадлежала къ числу ратушныхъ сель, а при Мазепѣ—перешла во владѣніе Свѣчекъ. Въ ревизск. книгѣ 1740 г., отмѣчено, что А., по царской грамотѣ 1694 г., укрѣплена за старшимъ сыномъ Лубенскаго плк-ка Лук. Свѣчки—Василіемъ, но въ тоже время по завѣщанію Лук. Свѣчки, умершата въ 1699 г., А. назначена сыну его Василю (К. Стар. 1882 г., № 7, стр. 255). По ревизіи 1729 г. значится въ „подданствѣ“ б. тов. Ильи Александровича, (жена-таго на дочери Василя Свѣчки, Домникии), но черезъ два года, въ 1731 г., А. находилась во владѣніи сына Василя—Ивана, а отъ Ивана перешла къ сыну его Алексю, за которымъ Антоновскіе кр—не показаны по ревизіи 1740 г. Въ исторіи А—ки обращаетъ на себя вниманіе судьба тамошнихъ козаковъ, которыхъ въ 1713 г. здѣсь было 63 дв. и о которыхъ въ ревизіи 1713 г. замѣчено: „козаки, которіи нѣгди не бували у войску и не буюють, толко робятъ панщину сотникови своему“. Сотникомъ въ это время былъ какъ извѣстно (с. 379) Д. Якубовичъ, который, значитъ, за два года своего сотничества успѣлъ подчинить себѣ всѣхъ козаковъ цѣлаго села. Это примѣръ исключительный, указывающій какъ на энергію Я—ча, такъ и на благоприятныя для него усло-

вія, заключавшіся въ его свойствѣ съ гетманомъ. Но Я—чь пробыль сотникомъ не долго, и съ уходомъ его—Антоновскіе козаки освободились отъ „панщины“. Но вслѣдъ затѣмъ, тѣ же козаки попали еще въ худшія условія, когда державцею сталъ Иванъ Свѣчка. Это видно изъ слѣд. письма гетмана Апостола, писаннаго въ 1732 г. къ ген. хоружему Горленку: „Мой ласкавій пріятелю, пане хор. енер. Пишешь, вмѣ, въ листѣ своемъ изъ Прилуки, что слѣдоваль о козацствѣ Антоновцовъ, которыхъ бунч. тов. Иванъ Свѣчка подвергаетъ въ подданство неналежне и не малые имъ дѣлаеть обиды и грабитъ у нихъ статки (разный скотъ). И по разсмотрѣннн вмѣ довелось (оказалось), дабы означенные козаки, по силѣ указа, были козаками и впредъ п. Свѣчка оныхъ не притягалъ бы себѣ въ подданство и жадныхъ имъ не чинилъ обидъ, и не интересовался бы до нихъ; а заграбленныя у нихъ статки возвратилъ бы, указомъ нашимъ вмѣ ему прекладалъ (предлагалъ). Однако онъ нашему указу противнымъ явился, въ чемъ требуешь, вмѣ, отъ насъ резолюціи, якъ би съ нимъ, Свѣчкою, поступить. Затѣмъ предлагаемъ в. милости: понеже п. Свѣчка, неслушне *тѣхъ козаковъ въ подданство себѣ привернулъ* и статки у нихъ неналежне позабравши, не возвращаетъ и, *надъ указъ нашъ, ажъ по сее время у себе удержуетъ, того ради, пошили, вмѣ, отъ себе кого исправного, абы столю жъ, сколю би моглъ стоять заграбленный козацкій статокъ, забрано было у него, Свѣчки, и тотъ грабежъ поотдавай, вмѣ, напрасно отъ него пограбленный, козакамъ, которые потомъ не мѣють оному Свѣчкѣ грабежа того ворочать, поколъ власнихъ ихъ скотинъ и что позабиралъ—не возвратитъ...* 1) Это странное распоряженіе гетмана, указывающее на полное безсиліе его власти, едва ли могло быть исполнено, потому что требовало насилія, противъ котораго Свѣчка несомнѣнно отвѣчалъ бы тѣмъ же... Кр. П. 55 д. А. 91 д. Б 56 д. В. 37 д. пс. ков. 14 д. Г. 16 д. 16. х. Д. 34 д. 42 х. бд. 2 х. (Лубенск. плк-ка Степана Максимовича) Кз. Б. 128 д. Г. 164 д. 218 х. пс. 32 д. 32 х. Д. 122 д. 281 х. Какимъ образомъ А. перешла отъ Свѣчекъ къ Максимовичу—не знаемъ.

1) Киевск. Стар. 1882 г., августъ, 256.

Прилуцкіе монастыри.

Густынскій Троицкій монастырь основанъ былъ по „желанію“ ревнителя православія кн. Михайла Михайловича Вишневецкаго, ¹⁾, который въ 1612 г. писалъ намѣстникамъ своихъ украинскихъ маестностей: „отець Аванасій, игумень монастыря Межигорского, зъ отцемъ Исаиею Печерскимъ, имѣя тое намѣреніе, *ведлугъ желанія моего*, дабы тамъ монастырѣ строили въ маестностяхъ моихъ, где бы имъ пожелалось, обѣщая имъ подлугъ приличности подати и устроити, а такъ не отмѣнно повась(?) желаю и приказую, чтобъ по должности христіанской онимъ во всемъ помощи были, инако не чиня“. (Року 1612, іюня 2 д. ²⁾). Затѣмъ, изъ письма кн. М. В—аго къ одному изъ своихъ намѣстниковъ, кн. Лыко, отъ 2 марта 1614 г. ³⁾, видно, что въ это время Густынскій монастырь уже существовалъ, и что кн. В. просилъ кн. Лыко „ограничить“ тѣ земли, которыя будутъ отведены м—рю. Исполняя этотъ приказъ, кн. Лыко актомъ 5 мая 1615 г. „ограничилъ“ монастырскія земли, при чемъ говоритъ, что „*островъ Густыня, на которомъ церковь св. Троицы заложена и монастырь фундуется*, увесь—монастыреви быти и належати маеть“.— Устроился Г. м—рь при вдовѣ кн. М. В—аго, Раинѣ, которая, повидимому, отличалась особою религіозностью и очень покровительствовала „своимъ монастырямъ, которые суть на Украинѣ, за Днѣпромъ, подъ Прилукою, еденъ Густынскій, а

1) «Густынская лѣтопись» основаніе м—ря относитъ къ 1600 г., приписывая это событіе какому-то Афонскимъ выходцамъ. Но это *преданіе* никакимъ другими данными не подтверждается и, повидимому, родилось изъ одного желанія связать исторію м—ри съ Афономъ...

2) Изъ Румянц. описи. Этотъ документъ, сколько мы знаемъ, до сихъ поръ напечатанъ не былъ.

3) Въ копіи этого акта, приложенной къ Рум. описи, *дата* другая, имено—1 мая. Въ этой копіи текстъ письма сообщается съ поновленіемъ языка, сравнит. съ напечатаннымъ при *Лѣтоп. Густ. м—ря*. (Напр., вм. «жебы они своимъ ся контентуючы, в чужое не вчеповали»—«чтобъ они своимъ доволствуясь, въ чужое не вступали»).

другій—Подгорскій“. Объ этомъ свидѣтельствуеъ актъ Раины 1619 г.—Въ этотъ моментъ игуменомъ обоихъ монастырей былъ Исаія Копинскій, который собственно былъ и устройтеlemъ ихъ („которые и передъ тымъ во владѣ и опецѣ своей мѣлъ (и) которымъ онъ (Исаія) и початкомъ былъ“). По смерти Раины В., обстоятельства нѣсколько измѣнились, такъ какъ хозяиномъ за-Днѣпровской Украины сталъ ея несовершеннолѣтній сынъ Іеремія, тѣ это время уже принявшій католичество.—Впрочемъ, опекуны его, дядя Юрій и Константинъ, вновь устроеннымъ здѣсь м—рямъ покровительствовали. Вступивъ въ самостоятельное распоряженіе своею за-Днѣпровскою Вишневецкиною, Іеремія относился къ Г—му м—рю довольно благосклонно, какъ это видно изъ двухъ его „привиліевъ“ 1636 г. (см. ниже, *лѣтопись*). Измѣнились отношенія В. къ этимъ м—рямъ послѣ того, какъ во время возстанія Острианицы и Гуни, Мгарскіе монахи заподозрѣны были въ единомысліи съ козаками. Суровое разслѣдованіе со стороны Іереміи заподозрѣннаго преступленія Мгарскихъ монаховъ—сильно напугало и Густынскихъ монаховъ, которые еще болѣе встревожились, когда послѣ усмиренія возстанія Острианицы и Гуни и послѣ жестокаго наказанія ихъ соратниковъ, на Украинѣ распространились слухи о томъ, что „король Польскій и папы радные, и лядкіе арцибискупы приговорили на соймѣ, чтобъ въ Литовской землѣ православной христіанской вѣрѣ не быть, и христіанскія церкви превратить въ костелы лядкіе, и книги русскія и *монастыри вывести*“... Объ этихъ слухахъ сообщалъ Г—му игумену не кто иной, какъ самъ Исаія Копинскій ¹⁾). Можетъ быть, подъ впечатлѣніемъ этихъ слуховъ, Г—ій игумень обратился къ Іереміи В. съ просьбою—подтвердить м—рю его имѣнія, полученныя отъ отца и матери Іереміи. На эту просьбу В. отвѣтилъ отказомъ, прибавивъ впрочемъ: „а мнѣ цо о васъ,—жійте до ласки моей!“ Съ одной стороны, этотъ отвѣтъ, а съ другой—насиліе поляковъ надъ Мгарскими монахами, за заподозрѣнное сношеніе съ козаками, до того растревожили Г—скихъ монаховъ, что они

¹⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, III, 5.

рѣшили совсѣмъ покинуть свой монастырь и—вмѣстѣ съ игуменомъ своимъ Василиемъ—бѣжали въ Путивль, подъ защиту Московскаго царя. По прибытіи ихъ въ Путивль, Г—скіе монахи были тамъ приняты очень милостиво, причемъ изъ Москвы сдѣлано было распоряженіе помѣстить ихъ въ Бѣлевскомъ преображ. м—рѣ. Но это мѣсто почему то Густынцамъ не понравилось, и они, чрезъ строителя своего Иринарха (игум. Василій умеръ вслѣдъ за прибытіемъ въ Путивль), выхлопотали себѣ другое—Нижегородскій Дудинъ монастырь, куда и были тогда же отправлены ¹⁾. Отсюда Густынцы на родину, повидимому, не возвращались, и Г—скій м—рь, послѣ своего заустѣнія въ 1638 г., возобновленъ былъ уже другими. „Густынская лѣтопись“ говоритъ, что послѣ ухода игум. Василя съ братіей, этимъ м—ремъ хотѣли было завладѣть Лубенскіе „барнадины“, но Мгарскій игуменъ—отправилъ въ Густыню трехъ своихъ монаховъ съ послушниками, которые и не позволили „барнадинамъ“ завладѣть „спустошалымъ мѣстцемъ“. Къ этимъ монахамъ присоединился какой то старецъ Сильвестръ Губаревичъ, „спасавшійся“ поблизу „на послушаніи“, и всѣ они вмѣстѣ—рѣшили возстановить Густыню. Петръ Могила, къ которому ново-Густынцы обратились за игуменомъ, назначилъ имъ Илію Торскаго, которому Г—скій м—рь и обязанъ своимъ возстановленіемъ, послѣ годичнаго заустѣнія.

Рядъ Густынскихъ игуменовъ, по монаст. лѣтописи, открывається Іосафомъ, который считается первымъ игуменомъ. Лѣтонись говоритъ, что по указанію этого игумена былъ приглашенъ

¹⁾ Архивныя свѣдѣнія объ уходѣ Г—скихъ монаховъ въ Московскіе предѣлы приведены К. Невоструевымъ въ его статьѣ „О началѣ Алатырскаго Кіево-Николаевск. м—ря“, Вѣстн. Зап. Россіи, Говорскаго, 1865—66 г., кн. 8, отд. 2, стр. 129—142. Изъ этихъ свѣдѣній и видно, что для Густынскихъ монаховъ былъ назначенъ Московскимъ правительствомъ Нижегородск. Дудинъ м—рь, «куда всѣ они, со своимъ имуществомъ, и были отправлены, на казенный счетъ, до Калуги сухимъ путемъ, а отселѣ (16 сент.) водою до мѣста». (Стр. 133). Всѣхъ монаховъ ушло изъ Густыни «66 челов. и 11 челов. крест. съ жен. и дѣтьми». (Т. ж., стр. 132).

братією изъ Кіева Исаія Копинскій... Извѣстіе объ игуменствѣ Іоасафа основано, повидимому, на одномъ преданіи, хотя могло случиться, что онъ и жилъ въ Густынѣ до основанія здѣсь м—ря, „спасаясь въ пустынѣ“, какъ это нерѣдко случалось во времена запустѣнія лѣвобережной Украины, при чемъ бывало, что монастыри возникали на такихъ мѣстахъ, уже раньше облюбованныхъ подобными „пустынниками“. Но во всякомъ случаѣ первымъ устройтеlemъ Густыни былъ Исаія, который затѣмъ, по устройствѣ м—ря, въ немъ постоянно не жилъ, а лишь по временамъ наѣзжалъ. Въ его отсутствіе монастыремъ завѣдывали намѣстники, имена которыхъ монастырская память сохраняетъ до сихъ поръ ¹⁾. Послѣ Копинскаго, болѣе извѣстнымъ игуменомъ былъ Василій, бѣжавшій съ своими монахами въ Московское государство. (См. выше). Послѣ Василя игуменствовалъ, какъ видно выше, Илія Торскій, которымъ и начинается нижеслѣдующій, уже достовѣрный, рядъ игуменовъ.

Илія Торскій, 1639—1644. Евфимій Войниловичъ, 1645—1652. Іона Воршенскій, 1652—1655. Іосифъ Федоровичъ Товстущичъ, 1655—1665. Авксентій Якимовичъ, 1665—1695. Прокопій Каличанскій, 1696—1697. Яковъ Адамовичъ Ждановичъ, 1698—1701. Іовъ Мартыновичъ, 1703—1710. Іоаникій Теодоровичъ, 1710—1715. Варлаамъ Леницкій, 1716. Іосифъ Гугуревичъ, 1717—1721. Діонисій Мартыновичъ, 1722. Леонтій Злотницкій, 1723—1725. Клеона Сѣлать, 1725—1727. Гавріилъ Леопольскій, 1727—1739. Мельхиседекъ Богдановичъ, 1748. Пахомій Витвицкій, 1751—1756. Митрофанъ Горленко, 1757—1758. Іосифъ Миткевичъ, 1761—1763. Кириллъ, 1763—1781 ²⁾.

¹⁾ См. книжку архимандр. Нектарія—«Святотроицкій Густынскій монастырь». (Лубны, 1892).

²⁾ Списокъ этотъ составленъ нами на основаніи брошюры архм. Нектарія и архивныхъ свѣдѣній. Интересно, что м—ръ не знаетъ своихъ позднѣйшихъ игуменовъ: Мельхиседека Богдановича и Митрофана Горленка, которыхъ въ списокѣ архм. Нектарія—нѣтъ. Помѣщая на основаніи этого списка, въ числѣ игуменовъ, *Іосифа „Дудуревича“*, мы его называемъ *Гугуревичемъ*, какъ и слѣдуетъ (см. с. 399). (Это прозвище встарину писалось съ помощію *лат. g*, которую затѣмъ, позже, неправильно читаютъ, какъ *русск. д*).

Дальнѣйшую исторію м—ря мы сообщаемъ въ формѣ отдѣльных фактовъ, которые выбраны были Г—скими монахами изъ своего оффиціального архива, при составленіи описи м—ря, въ 1765 г., для Румянцовскихъ чиновниковъ. Упомянувъ о преданіи по которому основаніе м—ря относится къ 1600 г., эта *актовая лѣтопись* сообщаетъ засимъ содержаніе извѣстныхъ уже печатно документовъ кн. Михаила и Раины В—хъ и намѣстника ихъ кн. Лыко, 1612—1619 г.г., а затѣмъ продолжаетъ, начиная съ 1629 г., слѣдующій перечень, который располагаемъ здѣсь хронологически. (У монаховъ хронологія не соблюдена. См. Полт. Еп. Вѣд., 1886 г., №№ 6—7).

— 1629 г., октовр. 22 д. Выпись въ замку Прилуцкого видана чрезъ игумена о. Феодосія, в которой запрещено Прилучанамъ в грунта монастырскіе втрусатись.

— 1636 г., мая 16 д. Виданъ привилей чрезъ игм. о. Ирнарха, отъ благочест. кн. Іеремѣя Корибута Вишневецкого, позволяючій монастырю всипати греблю на Удаю (где нынѣ зовется сага), на которомъ уже и млинъ былъ поставленъ, о 2-хъ колахъ.

— 1636 г., дек. 13 д. Виданъ привилей чрезъ о. игм. Ирнарха, отъ кн. Іерем. Кор. Вишн—го, при томъ млинѣ ступи побудовати.

— 1636 г. Первозбудованній мнстръ Густынской, со всею покрасою и лѣптою, погорѣлъ, на первомъ мѣстцу, где нынѣ садъ называется Николскій.

— Въ томъ же 1636 г., игм. Ирнархъ на семь другомъ мѣстцу, где нынѣ Густынской м—рь стоитъ, первый сдѣлалъ ограду ровомъ, и церковь теплую Успенія Богоматере, и при ней трапезу з келарнею и протчіими потребностями, также и келии,—по обимъ сторонамъ м—ря, и колоколню незгорѣвшую з первого м—ря, перенеслъ и поставилъ.

— Въ 1638 году, наставшей междуусобной брани ляховъ зъ козаками, игм. Ирнархъ зъ братіей послышавши, что игумена Мгарского Баллистрата з братією взяли было ляхи на страченіе, имѣя подозрѣніе будто они козакамъ порохъ поддаютъ, забравъ все имѣніе церковное и монастырское, бежали въ Московщину, до Путивля, отъ которыхъ на пути все имѣніе впалось

в лядскіе и жидовскіе руки, и сами инніе пострадали отъ ляховъ, а инніе разбежались, оставя впускѣ м—рѣ, в которомъ болѣе года никтоже живяше отъ челоувѣкъ, и уже римстіи законницы барнадины, с многолюдствомъ и колесницами, пришли было разгробовати до основанія все зданіе въ ономъ м—рѣ, аще бы Мгарскій игумень предреченный не прислалъ братіи и послушниковъ в защищеніе.

— Такоже ставшойся руины м—рю Густинскому, никто бѣ помагаѣй, но граждане Прилуцкіе и окрестніе жители устремившися к разоренію и расхищенію грунтовъ монастырскихъ, и кромѣ движимыхъ имѣній, дуброву монастырскую в границѣ монастырской, состоящую отъ Прилуки по Хаенкову долину и до Твердоустовой гребелки, зрубали безъ остатка, сплошъ, и тую землю пахатную и сѣнокосную завладѣли, и первіе село Половая, потомъ деревня Левки—селились.

— После же предпомянутой руины ставшойся монастырю Густинскому, въ 1639 г., іюня 8-го, преосвщ. мтр—тъ Кіевскій Петръ Могила грамотою повелѣлъ поставленному отъ себя игумену блгч—му Іліи Торскому расточенную собирать братію.

— Въ томъ же 1639 году, самъ преосвщ. мтр—тъ Петръ Могила въ Густинскомъ м—рѣ крестъ водрузилъ и благословилъ дѣлать церковь болшую во имя св. жвнч. Троицы, и отиде. Умножающейся братіи, начаша разомъ ограду дѣлати болшую въ защищеніе: устрашиша бо ихъ тогда варвари.

— В томъ же 1639 г., іюля 22 д., блжн. о. игум. Ілія Торскій отъ висланнихъ княжихъ испросилъ оборонній листъ.

— 1639 г., сент. 17 д., привилей отъ кв. Іерем. Кориб. В—ого, запрещающій мѣщанамъ Прлцкимъ и протчимъ его подданнымъ—жадныхъ би обидѣ в пустошенню лѣса и ловляхъ рыбнихъ, м—ревѣ не дѣлали, и о протчемъ, въ защищеніе м—ревѣ блж. о. игм. Ілія Торскій виправилъ.

— В 1641 г., блжн. о. игум. Ілія Торскій посилалъ моленіе до г—ря Молдавского Ію Василіе, прося ялмужной (милостиви) на сооруженіе церкви болшой, иже даде неточію денгами, но аппаратами и ина вся потребная, и грамоту 1641 г., мая 13 д., в три года приходитъ инокомъ з Г—го м—ря, по 400 золотихъ.

— Въ 1642 г., іюля 21 д., блж. о. Ілія Торскій поддавшись подъ високо монаршую милость блж. государя и в. кн. Михаила Феодоровича, получилъ жалованіе и грамоту жалованную—въ Москву приездить за жалованіемъ, пятого или шестого года. По изшествіи же о. игумена въ 1645 г., авг. мѣс., бывшіе игумены іермн. Ефимій Войнѣловичъ, іерсхмн. Іона Івановичъ Боршенскій, іермн. Іосифъ Феодоровичъ и іермн. Авксентій Якимовичъ, по той грамотѣ, ѣздили въ Москву и получали жалованье.

— И в жизни своей блж. о. игм. Ілія Торскій, в предявленного жалованя, сооружилъ церковь деревяную, болшую, прекрасную, во имя св. Жвнч. Троици (которая стояла 30 лѣтъ) и полатъ для общого всѣхъ приходоу спрату, собираемого з м—скихъ угодій и подаемого отъ христілюбцовъ, и прочая благолѣпная зданія устроилъ.

— 1643 г., окт. 29 д., видано право отъ кн. Іер. В—ого, на млинъ на великой греблѣ стоячій, Івану Шкуратовичу, (а) синъ его Тимошъ Шк—чъ, при продажѣ оноу млина м—рю, вручилъ.

— В 1644 г., дек. 5 д., господарь Молдавскій писалъ до о. игум. Іліи Т—го, о посилки ялмужной.

— 1647 г., мая 1 д. Привалей отъ кн. Іер. Крб. В—ого, подтвердителній, в млинѣ Максима мельника, на Удаю стоячомъ, подъ м—ремъ, на велик. греблѣ, на двѣ колы, одно мучное, другое ступное, блж. о. игм. Евфимій Войниловичъ виправилъ ¹⁾.

1) Этотъ актъ, сохранившійся въ Рум. оп., приводимъ здѣсь— «Іеремія Михаилъ Корибуть князь на Вышневу. — Імѣя приэрвѣніе на чернцовъ монастыра Густынского, а хотя и тож имѣти, дабы тамъ барзѣй хвала Божія за предковъ святаы памяти, тутъ же и князятъ ихъ мціовъ р. р. (т. е. п. п.) родителей моихъ, отпраляема была, почему пред тимъ былъ далъ тимъ чернцамъ Густинскимъ, в млинахъ на рѣцѣ Удаю, под мнтіремъ ихъ будучимъ, которій Максимъ мельникъ держитъ колъ двѣ, одно мучное, другое ступное, конхъ они уже заживали, такъ и нѣ потвержаю тотъ листъ мой прежній и даю имъ в посессію тѣ кола вѣчными часи, однакъ

— 1648 г., іюня 17 д. Універсалъ отъ гтм. Б. Хм., приказуючій сотнику и атаману Прлцк.—поймали бы своеволцовъ и поварали, которіи м—ръ разграбовали и чернцовъ окрутне мордовавши, били, а инихъ в смерть побили, тотъ же игм. виправиль.

— 1648 г., іюня 17 д. Універсалъ отъ гтм. Б. Хм.,—нихто бы в добрахъ м—скихъ жаднихъ кривдъ не чиниль, тотъ же игм. Ефимій виправиль.

— 1648 г. іюля 2 д. Універсаломъ гетм. Б. Хмелницкій запретиль, дабы подданныхъ монастирскихъ в козаки непринимано, лѣсовъ сѣножатей и пасѣкъ непустошено.

— 1649 г. 8 окт. Універсалъ отъ гетмана Богд. Хмелницкого, приказуючій плквнику Прлцк., чтобъ козаковъ и селянъ Мацѣвскихъ смирилъ, которіе непослушни м—рю, игум. Ефимій виправиль.

— 1655 г., мая 15 д., ун. отъ г. Б. Хм., приказуючій селянамъ Боршенскимъ, Валковскимъ и Половянскимъ греблю м—скую гатити, безъ отмови и спору, виправ. о. игум. Іосифъ.

— 1655 г., 15 д., ун. отъ гтм. Б. Хм., позволяючій зъ млина Шкуратишеного мѣрочку на арендаровъ належащую, м—рю отбѣрать, випр. тотъ-же игум. Іосифъ.

— 1655 г., мая 16, село Половую монастирю надалъ гтм. Б. Хм. въ подданство и універсаломъ ствердилъ.

— 1655 г., іюля 15 д., універсалъ отъ гтм. Б. Хм.—нѣхто би въ грунтахъ м—скихъ отъ княжатъ Вишневецкихъ поданныхъ, утѣсеній и обидъ не дѣлалъ, виправиль о. игм. Іосифъ Феодоровичъ.

— 1655 г., іюля 22 д., універсалъ отъ гетмановой Богдановой Хмелницеой Анни, приказуючій обывателемъ Прилуцкимъ въ грунта би до м—ря отъ княжатъ В—хъ наданіе и універсаломъ молжонка его гетмана Хм—аго конфѣрмованніе, не втруча-

тѣ обои кола по отбытіи аренды пана подсудка Кіевского, охранить и пожитковъ за (зѣ?) ихъ заживать имѣють, а для болшей уваги и певности, даю сей листъ мой з подписомъ руки моеи и притисненемъ печати. Даяч в Прилуцѣ, 1 мая 1647. (Видимо—переводъ съ польскаго).

лись и жаднихъ бы перешкодъ нечинили, подъ виною тысячи таларей до скарбу войск. и подъ суровимъ каранемъ, тотъ же игм. Іосифъ виправиль.

— 1657 г., апр. 16. О деревнѣ Левкахъ гтм. Хм. велѣлъ зслѣдовать и висланние ивслѣдовавъ, отдали оную деревню Левки въ монастирское владѣніе, и писменно ствердили.

— 1659 г., сент. 13 д., унѣверсаль отъ гтм. Івана Безпалого, оборонній, чтобъ м—ревѣ отъ войск. людей кривдъ не било нанесенныхъ, иг. Іосифъ виправиль.

— 1659 г., дек. 17 д. Хвеско Терешенко, плк—къ Прлцк., надалъ изъ риболовній на р. Удаи, Демковскій, з села Високого.

— 1660 г., февраля 25. Селцомъ Половою зъ Левками, да мелницею Скурашевою (Скуратовою?), да деревнею Мацѣвкою, з двома мелницямы, блчтивѣйшій государь царь и в. кн. Алексѣй Михайловичъ, Густинскаго м—ря игумена Іосифа з братією жаловаль, и жалованную видалъ грамоту.

— 1660 г., сент. 11., писаніе отъ ближн. бояр. Алексѣя Никитича Трубецкого, намѣстн. Каз., оберегателное м—рю, никто би з военныхъ людей жаднихъ обидъ м—ревѣ не дерзаль наносити, игм. Іосифъ виправиль.

— 1671 г., іюля 1 д., унѣверс. отъ гт. Дем. Игнатовича, позволяючій м—ревѣ на своей греблѣ, зовомой Великой, на Удаи, имѣющійся млинъ побудовати и з оногo мѣрочки, на войско належачіе, до м—ря отбирать, игм. Авксентій виправиль.

1671 г., іюля 1 д. ун. отъ гтм. Дем. Игнат. до плк—ка Прилуцк. писанній, абы приказаль селамъ Боршной, Дѣдовцямъ, Деймаиовцѣ, Харитоновцямъ, Валковцямъ и Сокиринцямъ м—скіе греблѣ, якъ прійде время, гатити, о. игм. Авксентій Як—чъ виправиль.

— 1671 г., сент. 19 д., писаніе врядовое отъ плк-ка Прилуцковго Семена Третьяка на куплевній млинъ в Прокка Капустенка, (которій млинъ достался ему Прокку Капустенку отъ отчима его бездѣтного Максима мельника, в котор. млинѣ вн. Іер. Корибутъ В—ій подалъ м—рю еще въ 1647 г., мая 1 д., двѣ колѣ, одно мучное, другое ступное), на Удаи, стоячомъ на Велик. Греблѣ м—ской, з двома колами мучными и з двома ступными и фалюшами, тотъ-же игм. Авксентій виправиль.

— 1671 г., сент. 19 д., писаніе врядовое отъ плв—ка Прлцк. Семена Третьака, на купленній млинъ в Тимоша Шкура-ратовича, на Удаи, на греблѣ Великой стоячій, в двома колами мучными и третимъ ступнимъ и фалюшами, въ которомъ часть войск. м—рю отъ гетм. Б. Хм. в 1655 г., мая 15 д. надана, т. же игм. Авксентій виправиль.

— 1671 г., ноябра мѣс., построенная игм. Торскимъ цер-ковъ деревянная во имя Живонач. Троицы и полатъ, и половина всего зданія монастырскаго—погорѣло, за игумена Авксентія Якимовича, которій игуменомъ былъ 30 л.

— 1673 г., 5 марта. Въ Дмитра Хвиленка, зъ с. Високого, и синовъ его, купиль о. игм. Авксентій изъ риболовній на р. Удаи, противъ Демченка, узъ липу Демченкову.

— 1674 г., 10 іюня. Росписка данная отъ священник. Васковскихъ Даніила и Алексѣя Острицкихъ, взаімну грунтува ихъ, состоящего за Велик. гребл. надъ Удаемъ, подъ горою, за ниву м—скую на поляхъ Валковскихъ обрѣтающуюся, на уро-чищѣ Гавриловой горѣ.

— 1674—1676 г. Блжн. о. игм. Авксентій, зъ соборными старцами, умолилъ г. гетм. Іоанна Самойловича—каменную цер-ковъ во имя св. Живнч. Троицы уфундовати, которій началъ здати 1674 г., іюня 8 д., а довершилъ въ 1676 г. августа 1. (*„По лѣтописцу“*).

— 1676 г., 19 апр. Унѣв. от гт. Ів. Самойловича—нале-житое послушенство попрежнему м—рю отдавали би подданіе жители Мацѣвскіе и впредь не бунтовались бы, тотъ же игм. Авксентій виправиль.

— 1680 г., 10 марта. Листъ отъ нак. полк. Лаз. Гор-ленка, приказуючій атаману Боршенскому, чтобъ по унѣверса-ламъ гетманскимъ неотмѣнно гатиль греблѣ м—скіе, т. же игм. Авксентій виправиль.

— 1681 г., 29 іюля. Унѣверс. отъ гетм. Ів. Самойловича, запрещающій, подъ часъ ярмарку при м—рѣ, горѣлками привоз-ными шинковать, тотъ же Авксентій виправиль.

— 1683 г., 12 марта. Подтвердительная грамота на гра-моту 1642 г., іюля 21 д., пожалована отъ блчст. государей ца-

рей и вв. кн. Іоанна и Петра Алексѣвичей, игмну Авксентію Якимовичу.

— 1686 году, 20 февраля. Боршенскіе и Валковскіе жители стали было въ м—скую границу вдиратися, о чемъ плѣ-въ Прилуцкій Лазарь Горленко, зъ старшиною полковою, вчинилъ розискъ и декретомъ своимъ на томъ спорѣ границу м—рю попережнему утвердилъ.

— 1687 г., 10 окт. Ун. отъ гетм. Ів. Мазепы, повелѣвающій селянамъ Боршной, Дѣдовецъ, Харитоновки, Васковецъ и Сокиринецъ греблѣ м—скіе гатити попережнему, т. же игм. Авксентій виправилъ.

— 1688 г., 24 мая. Унѣверсаль отъ гтм. Ів. Мазепы не-
позволяющій навознихъ горѣлокъ шинковати во время ярмарковъ при м—рѣ бывающихъ, тотъ же игм. Авксентій виправилъ.

— 1689 г., 29 марта. По челобитію Г—го м—ря игм. Авксентія зъ братією, отъ блчст. государей царей и вв. кн. Іоанна Алексѣвича, Петра Алексѣвича и в. госуд. благов. царевни и в. к—ны Софіи Алексѣвны, грамотою повелѣно было гетману Мазепѣ—объ отнятой землѣ козаками и мѣщанами Прилуцкими, наданой м—рю отъ княжатъ Вишневецкихъ, и о прочемъ розискать, но какъ гетманъ Мазепа недоброхотъ м—рю явился, потомъ зменникъ, для того при монастырѣ тая грамота осталась.

— Другую церковь каменную во имя Усп. Богоматере и при ней трапезу, келарню и другую трапезу малую, зъ сѣнми, каменніе жъ, и ліохъ и поварню, и хлѣбню, каменніе жъ, для со-
держанія варива огородного и хлѣба, сооружилъ гетманъ Мазепа.

— Двѣ брами каменніе и на одной церковь во имя св. ап. Петра и Павла, на другой церк. свят. Х—ва Николая и ограду каменную, покрытую череницею, и ліохъ полатнической, каменній, сооружилъ плк-къ Прилуцк. Дим. Горленко.

— 1709 г., 23 генв. Унѣв. отъ гетм. Ів. Скороп. виданъ оборонній м—рю.

— 1710 г. 3 іюля. Унѣверсаломъ гтм. Іоаннъ Скоропад-
скій запретилъ такожъ подданныхъ монастырскихъ, дабы въ ко-
вацтво не пріймовано и кто въ козаки вписался, всѣхъ тѣхъ
выключить.

— 1710 г., 9 окт. Унѣв. отъ гетм. Ів. Скороп. виданъ, увольняющей млины м—скіе отъ провентовой дачи.

— 1715 г., 12 мая. Унѣв. отъ гетм. Ів. Скороп., запрещающей шинкарамъ подъ часъ ярмарковъ при м—рѣ бываемыхъ, навозныхъ горѣлокъ шинковати, виправилъ о. игм. Іоаникій Теодоровичъ.

— 1716 г., 25 генв. Унѣв. отъ гетм. Ів. Скороп., повелѣвающей по прежнему жителямъ сель Боршной, Дѣдовецъ, Харитоновки, Васковецъ и Сокирѣвецъ, греблѣ м—скіе гатити, виправ. игум. Варлаамъ Ленѣцкій.

— 1719 г. Колоколню каменную в церквою во имя в. муч. Варвары, коштомъ монастырскимъ, за игум. о. Іосифа Гугуревича заложено и оltарь было довершено, а колоколня розвалилась в 1724 г., и поднесъ стоитъ розвалена колоколня, а оltарь вѣдлости, в крайне обетшалою кришкою.

— 1734 г. На мѣстце обетшалою прежней поварнѣ каменной и розвалившейся, вновь построена поварня и отъ води ограда, каменніе, монастырскимъ коштомъ, за игумена Гавріила Ліеполского.

— 1741 г. Келій всѣхъ въ м—рѣ прежними игуменами было построено 31, но в 1741 г. (?) игм. о. Леонтій Злотнѣцкій келій 14 розломаль, а на тое мѣсто точію 4 кел. поставилъ.

— 1754 г. Ограду каменную на валу (где прежняя Горленкомъ устроена была и въ обетшалости розвалилась) о. архм. Пахомій Вѣтвицкій вновь здѣлаль, и записаль въ поминникъ, что оной огради вкругъ здѣлаль саженой троаршиннихъ 262, своимъ коштомъ, которую дѣлать началъ 1754 г., апр. 11 д., а окончилъ 1756 г., сент. 7 д.

— 1754 г. Каменную ограду подвышилъ о. архимандритъ Пахомій Вѣтвицкій.

— 1763 г., 12 ноября. Унѣв. отъ гетм. гр. Кирилла Разумовскаго, потвердителній виданъ на прежніе унѣверсали гетманскіе; запрещающей во время ярмарковъ бываемыхъ при м—рѣ Густ. и свитку Деймановскомъ, на м—скихъ земляхъ, никому никакихъ шинковъ заводити и не имѣть.

Изъ приведенной *лѣтописи* видна вполне общественная дѣятельность Г—скихъ игуменовъ, заботившихся, главнымъ обра-

зомъ, о матеріальномъ преуспѣянїи своего монастыря. Интересныя черты той же общественной дѣятельности двухъ замѣтнѣйшихъ игуменовъ—Торскаго и Якимовича—сохранились въ ихъ духовныхъ завѣщанїяхъ ¹⁾. Изъ завѣщанїя Торскаго видно, что онъ принадлежалъ еще къ старому типу монаховъ, „спасавшихся“ по внутреннему влеченїю къ этому „спасенїю“. Говоря о томъ, что всѣ свои средства онъ употребилъ на м—рь, который засталъ въ полномъ запустѣнїи, („гроша скарбу, што было, з худости моей, тутъ все расточилемъ, на сырий корень заставши“), Торскїй указываетъ, что все его имущество заключается въ книгахъ („такъ словенскихъ, яко и полскихъ“) и отчасти въ одеждѣ („сукнѣ“); и то и другое Т. завѣщаетъ монастырю, а затѣмъ обращается къ братїи съ практическими завѣтами: прежде всего, онъ совѣтуетъ братїи, избрать по смерти его, „старшого“ непременно изъ *своихъ* („не избираючи зъ иныхъ оградъ старшого“), чтобы „мѣстце святое въ запустѣнїе не пришло“. Другой совѣтъ состоитъ въ томъ, чтобы братїя выпросила у митрополита „благословенный листъ“ „въ сохраненїе св. мѣстца отъ сопротивныхъ“, и, наконецъ, игумень завѣщаетъ своимъ инокамъ—елико возможно домогаться отъ „князя“ (т. е. Іеремїя В.) „абы могль въ напотомные часы привилеемъ своимъ тое св. мѣстце и живущихъ на немъ—обваровати отъ шпелякого преслѣдованя и утиску, противенства“, причемъ просить, чтобы князь и потомкамъ своимъ рекомендовалъ исполнять ту его волю. Потомъ, хорошо зная слабыя стороны монашескаго житья, Торскїй завѣщаетъ, чтобы братїя „зралъ и збѣговъ свовольныхъ“ не творила, и чтобы „гомоновъ и раздоровъ не чинила“, а также, чтобы противъ игумена своего,—„любо въ очи, а барзей заочи,—турбацій покутныхъ (т. е. требующихъ показанїя) не дерзала чинить“. Отсюда, между прочимъ, видно, что уже и при Торскомъ монахи, скучая утомительнымъ однообразїемъ своей жизни, разнообразили послѣднюю разными дразгами, интригами противъ игумена, и, наконецъ,—бѣгствомъ („збѣгами“) изъ монастыря... Въ заключенїе Торскїй заповѣдаетъ

1) Налечатаны въ прилож. къ «Густынск. лѣтописи».

При настоящемъ номерѣ разсылается
„Каталогъ малорусскихъ книгъ и нотъ
книжнаго и музыкальнаго магазина
Леона Идзиковскаго“.



КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМЪСЯЧНИ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXV.

1901 г.

ДЕКАБРЬ.



КІЕВЪ.

Типо-литографія Императорскаго Университета Св. Владимира
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица, № 6.

1901

Дозволено цензурою. Київ, 14 ноября 1901 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. ДѢЛО О СУЕВѢРІИ СВЯЩЕННИКА (1805 г.). Прот. В. Липковскаго.	829—345
II. ПИСЬМА ПРОФ. УНИВ. СВ. ВЛАД. ПРОТ. Н. А. ФАВОРОВА КЪ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВУ.	346—374
III. ГОРОДЯНКА. Повесть. (Окончаніе). Л. Яновской.	375—423
IV. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. (Окончаніе) Ор. Левицкаго.	424—471
V. О ПРОИСХОЖДЕНІИ СЛОВА «КАЦАПЪ» Н. М.	472—477
VI. НИКОЛАЙ ИЛЬИЧЪ СТОРОЖЕНКО.	477—484
VII. Н. В. ШУГУРОВЪ. Некрологъ.	485—490

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Письмо Н. В. Шугурова А. Л.; б) Еще нѣсколько словъ о „парубоцкихъ громадахъ“ (атаманствахъ) г. Маякъ, Херсон. губ. П. П. П.; в) Мелочи изъ архивовъ вѣсточно-западнаго края. Сообщ. Ал. Мирдеръ; г) Объ участіи въ полтавской битвѣ. Н. Фр. Павловскаго; д) Изъ архива Полтавщины. Сообщ. Н. Фр. Павловскаго; е) Куда исчезъ домикъ въ Полтавѣ, въ который Петръ Великій ступалъ послѣ Полтавской побѣды? Н. В.	153—172
Текущія извѣстія	172—178
II. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Древности, труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Н. В.; б) В. Русновъ: 1) Прихожа Сидя въ I діи и 2) Несподивана галена. Драма въ II діяхъ. В. Д.; в) Матеріалы для исторіи экономическаго, юридическаго и общественнаго быта Старой Малороссіи, изд. подъ ред. Н. П. Василенка; г) Обзоръ журналовъ текущаго года; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ	179—192
Археологическая лѣтопись.	193—214
III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. Ал. Лазаревскаго. Листы 26-й и 27-й.	401—426

Дѣло о суевѣрїи священника (1805 г.)

Это „дѣло“, заимствованное нами изъ архива бывшаго липовецкаго духовнаго правленія, интересно не столько по своему существу, сколько потому, что въ немъ отчасти раскрывается исторія одной изъ знаменитыхъ нѣкогда мѣстно чтимыхъ иконъ въ бывшемъ мѣстечкѣ Босовкѣ, липовецкаго уѣзда.

Во второй половинѣ 18-го столѣтія жилъ въ с. Панскомъ-Мостѣ, липовецкаго уѣзда, нѣкій шляхтичъ по имени Стефанъ Бошковскій. Онъ здѣсь имѣлъ свой домъ и вмѣстѣ съ братомъ своимъ служилъ сначала при мѣстной экономіи. Но между своими односельцами онъ отличался большою по тому времени образованностью и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторою прикосновенностью къ „духовной породѣ“, такъ какъ обучался въ уманскихъ училищахъ „по классъ реторики“ и женатъ былъ на дочери священнической. Вѣроятно, онъ также былъ усерденъ къ храму Божію и знакомъ съ церковнымъ уставомъ. Однимъ словомъ, когда помѣщикъ и крестьяне с. Панскаго-Моста устроили, наконецъ, у себя въ 1784 году церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы и озаботились прїисканіемъ для нея „побожнѣго ксенза“, то выборъ ихъ палъ на Стефана Бошковскаго, который и рукоположенъ былъ къ этой церкви во священники въ 1788 году уніатскимъ епископомъ Стефаномъ Левинскимъ. Но не посчастливилось новорукоположенному іерею на своей „парафіи“. Въ 1792 г. дотла сгорѣла Панско-мостьянская церковь, а прихожане

по своей Сѣдности не могли сразу стянуться на постройку новой церкви. Отецъ Стефанъ остался, такимъ образомъ, іереемъ безъ церкви и только иногда совершалъ богослуженіе въ панской каплицѣ¹⁾. Но вотъ въ 1794 году совершилось воссоединеніе униатовъ въ предѣлахъ нынѣшняго липовецкаго уѣзда, и о. Стефанъ Бошковскій, уступая общему теченію, тоже подалъ прошеніе о присоединеніи его „на благочестіе“. Сдѣлавшись православнымъ священникомъ, онъ уже не могъ, конечно, служить въ католической панской каплицѣ и остался священникомъ не только совсѣмъ безъ церкви, но и безъ средствъ для существованія, такъ какъ помѣщикъ с. Панскаго-Моста Карлъ Сарнецкій отобралъ у Бошковскаго и уничтожалъ документъ на большую половину церковной земли съ тѣмъ, конечно, намѣреніемъ, чтобы современемъ упразднить самостоятельный приходъ въ с. Панскомъ-Мостѣ, а церковную землю присоединить къ своимъ „добрамъ“, что ему въ послѣдствіи и удалось. Пятигорское духовное правленіе, въ вѣдѣніе котораго перешла почти половина нынѣшняго липовецкаго уѣзда послѣ уничтоженія униі, присоединило с. Панскій-Мостъ къ ближайшему приходу мѣстечка Босовки и вмѣстѣ съ тѣмъ назначило священника Бошковскаго, какъ безприходнаго (безъ церкви), десятоначальникомъ на Босовскій округъ.

Въ новомъ своемъ чинѣ и положеніи Бошковскій нашелъ полное вознагражденіе за свои приходскія невзгоды. Во первыхъ, десятоначальничество, тогда только что учрежденное въ нашихъ краяхъ (переименованное вскорѣ въ благочинничество), кромѣ почета, давало и немалыя матеріальныя выгоды. Затѣмъ, приходъ въ м. Босовкѣ въ то время былъ однимъ изъ очень завид-

1) Почти всѣ болѣе или менѣе «вельможные» паны того времени устраивали при своихъ домахъ каплицы, въ родѣ домовыхъ церквей, въ которыхъ католическимъ и униатскимъ духовенствомъ совершалось иногда «набоженство», вѣроятно, на подвижныхъ антиминсахъ. Нѣкоторые же паны при своихъ каплицахъ содержали и отдѣльных ксензовъ или униатскихъ священниковъ.

ныхъ: кромѣ другихъ выгодъ, тамъ была знаменитая новоявленная чудотворная икона—Спаситель плачущій, которая привлекала къ себѣ множество богомольцевъ, особенно въ лѣтнее время. Настоятель же босовскій, іерей Романъ Тышевичъ, былъ чловѣкъ очень немощный, сильно преданный „пьянственной страсти“, такъ что даже въ такіе праздники, какъ Новый годъ, Крещеніе, не въ состояніи былъ иногда совершать богослуженіе.¹⁾ При такомъ настоятелѣ Бошковскій былъ, конечно, полноправнымъ распорядителемъ въ Босовскомъ приходѣ и пожиналъ въ немъ обильную жатву.

Наконецъ, въ другомъ ближайшемъ къ Панскому-Мосту селѣ Купіеватой настоятельствоваъ въ то время также очень сподручный для Бошковскаго іерей Никита Швабичъ. Онъ очень мало интересовался приходомъ, а велъ въ обширныхъ размѣрахъ чумачку, часто по полгода и болѣе отлучался отъ своего прихода, ѣздилъ, вѣроятно, по своимъ чумацкимъ дѣламъ не только въ Кіевъ, но и въ Харьковъ и даже въ Петербургъ, а приходскія требы у него исполнялъ Бошковскій, какъ ближайшій сосѣдъ. Однимъ словомъ, Бошковскій подъ крыломъ пятигорскаго духовнаго Правленія благодушествоваъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Но вотъ въ 1797 году пятигорское духовное правленіе было упразднено и весь Босовскій округъ перечисленъ былъ въ вѣдѣніе липовецкаго духовнаго правленія, которымъ тогда правилъ большой формалистъ, протоіерей Никифоръ Топольскій. Подъ карающую руку его скоро попалъ и босовскій десктоначальникъ Стефанъ Бошковскій. Въ началѣ 1798 года Бошковскій до того увлекся своимъ чиномъ, что самовольно удалилъ отъ прихода престарѣлаго священника с. Охримовой Іоанна Даровскаго за его будто-бы пьянство и нерадѣніе о церкви, а на его мѣсто назначилъ безмѣстнаго молдавскаго рукоположенца Данила Левицкаго, который по приглашенію Романа Тышевича служилъ „при чудовнои иконѣ Босовской“, и былъ, конечно,

¹⁾ Все это обнаружилось въ произведенномъ надъ нимъ слѣдствіи въ 1800 г.

большой помѣхой для Бошковскаго. Когда Даровскій занесъ жалобу на это протоіерею Топольскому, то онъ нарядилъ строгое слѣдствіе надъ Бошковскимъ, результатомъ чего было то, что Бошковскій не только удаленъ былъ отъ десятонаачальнической должности за превышеніе власти, но даже совсѣмъ выселенъ изъ Босовскаго округа и перемѣщенъ на священническое мѣсто въ Дашевскій округъ въ м. Кальникъ. Но родныя хлѣбныя мѣста—Цанскій-Мостъ, Купіевата, Босовка—все-таки сильно тянули его къ себѣ, и онъ часто ради нихъ оставлялъ свой пустынный въ то время Кальникъ и отлучался въ Цанскій-Мостъ, гдѣ у него былъ собственный домъ, а оттуда уже оказывалъ услуги въ исполненіи требъ своимъ бывшимъ сосѣдямъ о. Роману Тышевичу и Никитѣ Швабичу. Бошковскій, естественно, не могъ простить „президенту“ липовецкаго духовнаго правленія, протоіерею Никифору Топольскому своего уничиженія, и въ 1803 г. вмѣстѣ съ бывшими своими подчиненными—цыбулевскимъ священникомъ Іоанномъ Шумовскимъ и копуднянскимъ Θεодосіемъ Вороновичемъ—возбудилъ противъ Топольскаго громкое дѣло „о взяточничествѣ и притѣсненіи имъ повѣтоваго духовенства и прочемъ“, разбиравшееся сначала уманскимъ, а потомъ сквирскимъ протоіереями.¹⁾

Естественно, что и липовецкое духовное правленіе зорко слѣдило черезъ своихъ клеветовъ за своимъ противникомъ Бошковскимъ и искало только удобнаго случая, чтобы и его подвести „подъ криминалъ“. Отвѣтомъ, конечно, на это желаніе духовнаго правленія былъ слѣдующій рапортъ части Дашевской благочиннаго іерея Θεодора Левицкаго отъ 3 января 1805 года: „Указомъ Е. И. В. изъ онаго Духовнаго Правленія, отъ 14 мѣсяца ноября истекшаго 1804 года подъ № 1035-мъ составившимся, строжайше предписано, чтобъ священно- и церковно-служители не отлучались ни подъ какимъ видомъ отъ своихъ приходовъ предъ наступающими высокаторжественными и высокопраздн-

1) По разслѣдованіи дѣло это оказалось дутымъ, въ всё обвиненіи противъ Топольскаго бездоказательными.

ственными днями и не оставляли священнослуженія, съ взятою отъ нихъ на двѣ руки подпискою. Сверхъ того, и пунктъ благочиннической инструкціи 36-й статьи запрещаетъ, чтобъ всѣ священно- и церковно-служители безъ вѣдома начальническаго болѣе пятнадцати верстъ, и то на краткое время, не отлучались-бы и церковей своихъ не оставляли. А священникъ с. Кальника Стефанъ Бошковскій, съ котораго и подписка на двѣ руки взята, и зная благочиннической инструкціи не примѣчающей, съ прошедшаго 1804 года декабря мѣсяца послѣднихъ числъ, какъ-бы по болѣзни нѣкакой, къ лѣкарю выѣхалъ въ с. Купіевату, а мнѣ донесено, что въ тамошнемъ селеніи умеръ порядоченъ богатой хозяинъ; по этой затѣмъ причинѣ оставилъ въ новый-годъ богослуженія и молебствіе въ приходской церкви, а единственно спѣшилъ для своего корыстолюбія, объ чемъ за таковой проступокъ первѣйшимъ моимъ долгомъ оному Духовному правленію благопочтено рапортуя“.

Священникъ Бошковскій, вызванный въ присутствіе Духовнаго правленія 23 января 1805 года, „противу рапорта благочиннаго іерея Теодора Левицкаго спрашиванъ и въ отвѣтъ показалъ: истекшаго 1804 года 31 декабря подлинно онъ отлучался въ м. Босовку, по причинѣ болѣзни своей, на поклоненіе святымъ чудотворнымъ иконамъ, гдѣ и должное богослуженіе по причинѣ тяжелой тамошняго священника Тышевича болѣзни отправлялъ, о чемъ засвидѣтельствуютъ тамошніе священно-церковно-служители. А отголь въ Монастырище къ лѣкарю и въ Панскій-Мостъ для осмотра оставшагося тамо его дома ѣздилъ. Въ Копіеватой же онъ, священникъ Бошковскій, при погребеніи Копіеватскаго жителя богатыря не былъ и за корыстолюбіемъ онъ туда не ѣздилъ. Въ разсужденіи каковой своей отлучки онъ, священникъ Бошковскій, дабы церковь Кальнинская не оставалась безъ должнаго въ ней священно-служенія, приглашалъ м. Дашева священника на діаконскомъ мѣстѣ состоящаго Юсіфа Новоборскаго, который и отправлялъ довлѣемое богослуженіе“. Священникъ Новоборскій показалъ, что онъ дѣйствительно, по просьбѣ священника Бошковскаго, отправлялъ въ Кальникской

церкви богослуженіе и молебствіе на новый 1805 годъ. Съ другой стороны, причтъ м. Босовки удостовѣрилъ, что въ этотъ-же день священникъ Бошковскій отправлялъ богослуженіе въ Босовской церкви по случаю болѣзни священника Тышевича. Съ Бошковскаго, поэтому, въ правленіи взяли лишь подписку въ томъ, что онъ „обязывается впредь быть къ своему начальству послушенъ и почителенъ; а ежели бы послѣ сего оказался въ томъ или другомъ какомъ порокѣ изобличеннымъ, то подвергаетъ себя строжайшему законному сужденію“. Этими инцидентъ съ Бошковскимъ былъ бы и исчерпанъ—по къ дѣлу примѣшалось... суевѣріе священника Бошковскаго: поклоненіе его непризнанной официально чудотворной иконѣ.

Въ то время въ Россіи были еще въ силѣ правила Духовнаго Регламента, и правительство, какъ свѣтское, такъ и духовное, строго пр. слѣдовало суевѣрія, къ которымъ относилось все выходящее изъ рамокъ обыденной церковной жизни. Первый пунктъ инструкціи благочиннымъ 1797 г. гласилъ: „какъ въ своемъ приходѣ и по всѣмъ вѣдомства вашего церквамъ прилежно вамъ смотрѣть, не дѣлаются ли гдѣ суевѣрія, а имянно: 1-е, не проявляется ли, и то для самаго пребиточества, каковыхъ при иконахъ святыхъ, при кладязяхъ и источникахъ ложныхъ чудесъ; 2-е, не является ли несвидѣтельствованныхъ тѣлесъ, не разглашается ли къ почитанію ихъ за мощи истинныхъ святыхъ; 3-е, не являются ли гдѣ кликуши и притворно-юродцы и босые, такожь и съ колдунами и прочая каковыя бы не были церквѣ святой и высочайшимъ указамъ противныя суевѣрія“. Въ силу этой инструкціи благочинные обязательно каждое полугодіе „репортовали“ духовному правленію, что въ ихъ благочиніи „при иконахъ, кладязяхъ и источникахъ никакихъ чудесъ не было, кликушъ, притворно-юродцевъ, босыхъ и колдуновъ не проявилось“. Этою же инструкціею всѣмъ священникамъ наистрожайше подтверждалось, что „ежели гдѣ усмотрѣно будетъ ими суевѣріе, немедленно доносить благочинному“. А тутъ вдругъ самъ священникъ ѣдетъ на поклоненіе иконѣ, начальству (будто-бы) совершенно неизвѣстной, надѣется получить чудесное исцѣленіе

отъ иконы, которая офіціально еще не признана чудотворною, слѣдовательно и не можетъ творить истинныхъ чудесъ. Значить, такой священникъ поддерживаеъ суевѣріе—обвиненіе по тому времени очень серьезное. Посему духовное правленіе, „слушавъ отвѣтъ священника с. Кальника Стефана Бошковскаго... опредѣлили: хотя священникъ Бошковій и учинилъ признаніе, что онъ безъ вѣдома своего благочиннаго отлучался въ м. Босовку, Панскій-Мостъ и Монастырище и противу сего обовязанъ подпискою, но поелику изъ онаго его отвѣта открываеъся, что въ Босовкѣ существуютъ каковыя-то чудотворныя иконы, къ коимъ онъ для поклоненія яко-бы по болѣзни ѣздилъ, о чемъ Правленіе сіе свѣдѣнія не имѣетъ, для того учинить слѣдующее: 1-е, поелику прибавленія общанія архіерейскаго, 22 января 1716 года изданнаго, въ 6-мъ и Духовнаго Регламенты части 2-й въ 8-мъ пунктахъ повелѣно: „смотреъть, дабы никто святыхъ иконъ не боготворилъ нимъ ложнымъ чудесъ не вымышлялъ“, на основаніи благочиннической инструкціи 2-й статьи предписать части Босовской благочинному іерею Корнилію Леоновичу указомъ, чтобы онъ, съѣхавъ безъ замедленія въ м. Босовку и достовѣрно выправясь отъ тамошнихъ священно и церковно-служителей и почтеннѣйшихъ старожилыхъ прихожанъ, какая въ ихъ церквѣ имѣется чудотворная икона, или оною только Бошковскій считаеътъ, и если точно и они считають ее таковою, то какое н ней изображеніе, какъ давно оная проявилась, какимъ образомъ^а свидѣтельствована ли духовнымъ начальствомъ, имѣется-ль на то какой письменной видъ“ и проч. Благочинный Леоновичъ, который также аккуратно по полугодіямъ доносилъ правленію, что въ его округѣ никакихъ чудесъ не происходитъ и все обстоить благополучно, получивъ столь грозное предписаніе духовнаго правленія, смутился. Долго онъ не отвѣчалъ на это предписаніе и думалъ, повидимому, совсѣмъ отмолчаться; наконецъ, на третичный „настрожайшій открытый указъ“ отъ 5 августа 1805 г. онъ донесъ правленію, что „о показанной Бошковскимъ иконѣ онъ допрашивалъ тамошній причтъ и почтеннѣйшихъ прихожанъ, отъ коихъ явилось слѣдующее: что прошло тому назадъ годовъ

съ 14 или и болѣе, какъ въ домѣ босовскаго жителя Ивана Хоменка въ воскресный день, во время пѣнія литургіи, на иконѣ Спасителя будто-бы какимъ-то чудовищнымъ образомъ явились бѣліи смуглы (полосы), съ которыхъ спадали капли даже на лаву (скамью), о чемъ увѣдомився бывшій тамошній священникъ и представившійся уже Алексѣй Тышевичъ, съ бывшимъ священникомъ с. Панскаго-Мосту Стефаномъ Бошковскимъ и босовскими прихожанами оную икону торжественно проводили въ церковь Босовскую. А какъ сіе происшествіе случилось во время бывшаго въ тотъ день въ Босовкѣ ярмарка, то и народъ вдругъ началъ притекать въ Босовскую церковь, и нѣкоторые изъ больныхъ получили исцѣленіе, о чемъ по представленію къ мѣ слѣдовало въ униатскую въ ту пору существующую консисторію было изъ оной изслѣдованіе, и поелику она Консисто́рія вышепрописанную икону не признала за чудотворную и почитать ее таковою не почитаютъ“. При этомъ благочинный Леоновичъ препроводилъ въ правленіе слѣдующій, относящійся къ этой иконѣ, актъ униатской комиссіи на польскомъ языкѣ. „1793 года, сентября 8 дня. По порученію превелебнаго Кирилла Сѣроцинскаго, пробоща Тегіевскаго, комиссія изъ Яна Кучоровскаго, дзекана Голованевскаго, и ксенза Симеона Квятковскаго, пароха Соколовскаго, чинили инквизицію о проявившемся въ м. Босовкѣ образѣ Иисуса, на которомъ появились капли, какъ бы слезы надавшіе на землю, который образъ нынѣ находится въ церкви Босовской, при лѣвой сторонѣ въ кіотѣ (въ олтаржику) Матери Божіей. По приводѣ къ присягѣ явившихся свидѣтелей узнали: еще около 1758 года икона эта находилась въ домѣ Ивана Бурмистра и была написана иначе: кромѣ лика Спасителя было на ней еще двѣ персоны Матери Божіей и св. Николая. Иногда, по показанію свидѣтелей, съ очей Спасителя такъ обильно текли слезы, что падали даже на лаву, что видѣли многіе въ домѣ Бурмистра. По смерти его, когда жена его Катерина обѣднѣла, около 1768 г. продала эту икону Павлу Сычу. А когда у Павла Сыча случился пожаръ и сгорѣла хата, то икона эта хотя осталась, но такъ была закурена и заокончена дымомъ, что едва

можно было на ней разобрать ликъ Спасителя. Въ 1782 году маляръ Михаилъ Словачевскій въ м. Босовеѣ дѣлалъ для Босовской церкви кіотъ (олтаржикъ) св. Варвары. Этотъ маляръ, по просьбѣ Павла Сыча, счистилъ только икону до старыхъ фарбъ (красокъ) и грунту безъ всякихъ другихъ измѣненій, оставивъ на ней только ликъ Спасителя, и въ такомъ видѣ возвратилъ ее опять Павлу Сычу, который образъ и освященъ былъ парохомъ Алексѣемъ Тышевичемъ. Наконецъ, въ 1793 году, 29 мая, въ недѣлю предъ Вознесеніемъ Господнимъ, въ домѣ Ивана Хоменка, въ которомъ жилъ (коморовалъ) тогда Павелъ Сычъ, утромъ икона была совсѣмъ сухая, какою видѣлъ ее одинъ изъ свидѣтелей, идучи въ церковь; передъ херувимской пѣсней съ глазъ Спасителя полились капли черезъ все лицо, столь обильныя, что падали на лаву и даже на землю. Когда объ этомъ сообщили въ церковь, гдѣ въ то время еще шло служеніе, то священники Бошковскій и Тышевичъ и множество народа пошли къ хатѣ Ивана Хоменка и, взявши тотъ образъ при пѣвнѣи догматика „Кто тебе не улажитъ“ проводили его въ Босовскую церковь и поставили въ кіотъ Божіей Матери, и кромѣ акафистовъ и молебновъ никакого набоженства при немъ не отправляли. Тымко Бурлака житель цыбулевскій, 30 лѣтъ, за присягой показалъ, что лѣтъ 10 страдалъ „злою хоробой“, а пришедши въ Босовку, въ хату Ивана Хоменка, тотчасъ выздоровѣлъ. Меланка, Нечынора Чекаленка, босовскаго жителя, жена, 48 лѣтъ, за присягой показала, что имѣла сына Феодора, лѣтъ 12 болѣвшаго на ноги. Сначала онъ на новыя мѣсяцы страдалъ, а потомъ стоналъ и кричалъ и жаловался, что ему совсѣмъ ноги корчить. За приведеніемъ же его въ Босовскую церковь и отправленіемъ предъ тѣмъ образомъ Спасителя акафиста и водосвятія ея сынъ тотчасъ же выздоровѣлъ. Ярина, Гаврила Воровитаго, изъ с. Верхнячки, жена, 38 лѣтъ, за присягой показала, что болѣла на ноги 16 недѣль и такъ жила подъ колѣнами стянуло, что не могла ходить, а съ помощью мужа поднималась. Будучи же приведена въ Босовку, по отправленіи службы Божіей и акафиста предъ новоявленнымъ обра-

вомъ, выздоровѣла. Евфимія, Петра Гныды, изъ с. Верхнячки, жена 27 лѣтъ, за присягой донесла, что терпя болѣзнь (нудность) сердца, впала въ тяжкую хворобу, такъ что едва выносила мучительные пароксизмы; а привезенная въ церковь Босовскую, по отправленіи акафиста предъ тѣмъ образомъ Спасителя, тотчасъ выздоровѣла. Постановили: образовавшіеся на образѣ Спасителя, по поновленіи его маляремъ Михаиломъ Словачевскимъ съ закоптѣлаго, бѣлые слѣды отъ капель спадавшихъ до земли въ домѣ Ивана Хоменка отъ короны или діадемы, а за тѣмъ отъ главы, считать натуральными и на кровавые (?) не похожими. А что касается „ласкъ“ (чудесъ) въ болѣзняхъ, то „Право Сар. 3 Сап. 33 д. 5“ признаетъ кобитъ (женщинъ) къ свидѣтельству не правоспособными, и только одинъ остается свидѣтель Тымко Бурлака; свидѣтельство же одного non constat. И какъ владѣлецъ иконы Павло Сычъ подарилъ эту икону на вѣчность Босовской церкви, то онъ долженъ тотчасъ нанять маляра и задѣлать бѣлые смуги на иконѣ. А въ церкви поставить ее подале въ стѣнѣ, никакихъ служеній предъ нею не отпирать и за чудовную ее не считать“.

Нельзя не сказать, что постановленіе уніатской духовной комиссіи отличается благоразумною осторожностью. Быть можетъ, здѣсь имѣло мѣсто соображеніе, что данная икона «хлопская», появившаяся въ хатѣ мужика и обновленная православнымъ иконописцемъ,¹⁾ а вѣрнѣе то, что и уніатскіе дзеканы находились подъ давленіемъ правительственнаго распоряженія объ искорененіи суевѣрій; какъ бы то ни было, они предпочли поставить дѣло такъ, чтобы въ ихъ районѣ никакихъ чудесъ не было, и чтобы все обстояло благополучно. Но, несмотря на строгое запрещеніе уніатской духовной комиссіи, Босовская „чудовная икона“ продолжала привлекать къ себѣ многихъ богомольцевъ,

1) Родъ священника Словачевскаго, изъ котораго происходилъ вѣроятно и этотъ маляръ Мих. Словачевскій, славился въ прошломъ вѣкѣ въ Линовецкомъ уѣздѣ при господствѣ уніи сильною приверженностью къ православію.

и ей предстояло еще предстать на судъ православнаго духовнаго начальства.

Неизвѣстно, задѣлывалъ-ли маляръ Михаилъ Словачевскій, по приказанію уніатской духовной комиссіи, „бѣлы смуги“ на чудотворной босовской иконѣ Спасителя, или нѣтъ, но эти смуги были на иконѣ и во время производства слѣдствія надъ священникомъ Бошковскимъ по поводу его „сueвѣрія“: Липовецкое духовное правленіе, сдѣлавъ строгій выговоръ босовской части благочинному Корнилію Леоновичу за то, что онъ, во первыхъ, такъ долго не отвѣчалъ на запросъ правленія объ иконѣ; во вторыхъ, „въ противность узаконеніямъ и инструкціи благочиннической, не доносилъ въ духовную команду о чинимыхъ въ м. Босовкѣ сueвѣріяхъ и стеченіи народа, чего ему, яко вблизи Босовки, въ м. Охрѣмовой живущему, нельзя было не знать“, предписало ему немедленно „сѣхать на грунтъ въ м. Босовку“ и отереть „бѣлы смуги“ на иконѣ Спасителя, а также отвѣтить „по присяжной должности и христіанской совѣсти“: стекается-ли народъ къ этой иконѣ и когда? Отправляются-ли нарочитыя служенія предъ этой иконой и какія? На первый пунктъ правленскаго предписанія благочинный Леоновичъ, въ рапортѣ отъ 26 октября, 1805 года, отвѣтилъ: „Омовеніе оной иконы и отертіе нижеподписавшимся благочиннымъ бывало неоднократно, то во исполненіе предписанія липовецкаго протоіерея г-на Топольскаго, то въ любопытство, что это за матерьялъ, которымъ она облита но оный съ нея не стирается; ибо измывалъ икону чистою водою и истиралъ чистымъ платкомъ, да и неоднократно; но какъ жадною мѣрою ее водою измыть не можно, ибо по измовеніи окажется чистою, а когда высохнетъ опять станутъ бѣліи смуги, то и по сѣ поры оніи на иконѣ имѣются. Но сіе (дѣлалось) безъ удивленія благочиннаго и безъ объявленія народу того за чудо, ибо онъ, благочинный, совершенно вѣдалъ и признаетъ, что таковыи на оной иконѣ смуги учинены натуральнымъ способомъ, почему благочинный прихожанамъ и священнику во время чинимыхъ посѣщеній оной церкви, въ числѣ прочихъ полуценныхъ (потрескавшихся) иконъ, и оную, признанную однимъ кальницкимъ священникомъ Стефаномъ Бош-

ковскимъ единственно для оправданія себя въ преступленіи за чудотворную, починить словесно предлагалъ, но за неимѣніемъ искуснаго живописца по сѣ поры не починены“. Касательно же стеченія народа въ Босовскую церковь и отправленія служеній предъ чудотворной иконой Спасителя благочинный Леоновичъ уклончиво отвѣтилъ, что ему „по просьбѣ босовскаго священника Романа Тышевича, довелось служить въ Босовской церкви два раза: одинъ разъ въ воскресный день, но не во время ярмарку, на коемъ служеніи былъ г. Пряжевскій, бывшій липовецкимъ земскимъ исправникомъ, а другой разъ во время чинямаго имъ, священникомъ Тышевичемъ, за умершихъ обѣда; но въ тѣ времена благочиннымъ не усмотрѣно ни людей стороннихъ, ни молебствій какихъ нибудь предъ оной иконой отпращиваемыхъ“.

Хотя въ этомъ своемъ отвѣтѣ благочинный Леоновичъ, по-видимому, старается попасть въ тонъ липовецкаго духовнаго правленія и явно осуждаетъ священника Бошковскаго, но правленіе не только не удовлетворилось отвѣтомъ благочиннаго, но даже заподозрило и его въ недобросовѣстности и въ стремленіи замаскировать и скрыть случившееся въ его округѣ „суевѣріе“. По крайней мѣрѣ, помимо сообщеній благочиннаго Леоновича, правленіе предписало благочиннымъ—части Лукашевской Фалалею Крыжановскому и части оратовской Стефану Яремовскому „безъ всякаго продолженія времени, съѣхавъ на грунтъ въ м. Босовку, учинить обстоятельное, по самой справедливости и присяжной должности изслѣдованіе: 1-е, стекается ли народъ на поклоненіе славимой чудотворною иконѣ? Изъ какихъ мѣстъ, то есть изъ смежныхъ ли только селеній и мѣстечекъ, или и изъ другихъ уѣздовъ и губерній? 2-е, таковое стеканіе народа когда именно бываетъ и сколько разъ въ годъ? И тѣ люди при-текающіе какого суть исповѣданія: одного ли православнаго, или и иновѣрнаго? 3-е, приходятъ ли для того жители с. Охрѣмовой? 4-е, бываетъ ли отправляемо во времена прихода народа богослуженіе и другія церемоніи и какія именно, и кѣмъ оныя отпращиваются? 5-е, ежели все сіе отпращивается, то благочинный іерей Леоновичъ свѣдуецъ ли о томъ, и что онъ

при посѣщеніи церкви по сему случаю дѣлалъ,—не чинилъ ли запрещеній тому? 6-е, въ какомъ разстояніи с. Охрѣмово отъ Босовки, и часто ли благочинный Леоновичъ бываетъ въ Босовкѣ?—и въ прочихъ обстоятельствахъ, сіе дѣло въ ясность привести могущихъ, наблюдая при томъ, чтобы ничего такового изъ виду не упустить, и чтобы при такомъ изслѣдованіи показывали сущую правду, и такое изслѣдованіе съ поминаемою иконою прислать съ нарочнымъ къ разсмотрѣнію въ сіе правленіе.“ Но и на такое грозное предписаніе правленія благочинные Олалей Крыжановскій и Стефанъ Яремовскій, рапортомъ отъ 31 октября 1805 года, отвѣтили кратко и также довольно уклончиво: „Во исполненіе указовъ онаго правленія, мы съѣхали въ м. Босовку и за присягою взяли показанія отъ тамошнихъ жителей объ иконѣ Спасительной, славимой въ церквѣ Михайловской, при чемъ свидѣтели спрашиваны показали: 1-е, что стекается въ м. Босовку въ воскресные дни народъ наиболѣе на ярмарку и въ нѣкоторые праздники лѣтнею порою изъ смежныхъ селеній липовецкаго и уманскаго уѣздовъ и Подольской губерніи; 2-е, стекается народъ только православнаго исповѣданія; 3-е, жители с. Охрѣмовой, какъ въ близкомъ разстояніи, частѣе бываютъ; 4-е, во время воскресныхъ и праздничныхъ дней богослуженіе бывало отправляемо въ церкви по чиноположенію предъ намѣстными и славимою иконою приходскими и пріѣзжими священниками; 5-е, благочинный Леоновичъ хотя и свѣдуещъ о стеченіи народа, однако при посѣщеніяхъ церкви не чинилъ запрещеній. При семъ и славимую икону черезъ нарочнаго въ липовецкое духовное правленіе благопочтеннѣйше препровождаемъ.“ Очевидно, и этимъ рапортомъ стороннихъ благочинныхъ духовное правленіе не могло удовлетвориться и вызвало наконецъ въ свое присутствіе для допроса самого босовскаго настоятеля Романа Тышевича, который 1805 года, 22 ноября, „о находящейся въ босовской церквѣ иконѣ, объявленной за чудотворную, показалъ: что она икона Спасителя, будучи прежде босовскаго жителя Павла Сыча, уже умершаго, собственная, стояла въ избѣ на приличномъ мѣстѣ, а отъ кого ему доста-

лась—неизвѣстно. И въ 1793 году, лѣтнаго времени, когда увидѣли домашніе его, Сыча, на той иконѣ смуглы, съ головы якобы тепшіе, то, давъ о томъ знать прежде сосѣдамъ своимъ, а послѣ и ему, Тышевичу, объявили оную икону за чудотворную, какова мнѣнія и всѣ зрители были.¹⁾ По сему, за донесеніемъ о такомъ признаніи бывшему уніатскому дзекану Кириллу Сѣроцинскому, по повелѣнію онаго Сѣроцинскаго, взята оная икона, бывъ препровождена съ процессією церковнымъ клиромъ въ Босовскую церковь, гдѣ она находилась, будучи поставлена на стѣнѣ, близъ намѣстной св. Николая иконы до сего времени. Какія-жъ затѣмъ послѣдствія были объ оной иконѣ, хотя онъ Тышевичъ совершенно помнитъ не можетъ, однако о всемъ томъ пространно объяснено въ декретѣ бывшаго уніатскаго духовнаго начальства, который благочиннымъ іереемъ Леоновичемъ представленъ въ духовное правленіе, и оная икона есть та самая, которую протоіерей Топольскій велѣлъ отереть. Благочинный же іерей Леоновичъ съ священникомъ с. Попудней Θεодосіемъ Вороновичемъ съѣздилъ для того предъ прибытіемъ слѣдователей (благочинныхъ Крыжановскаго и Яремовскаго) за нѣсколько недѣль, и въ то время оная икона съ прочими таковыми и цѣлымъ иконостасомъ находилась на хорахъ церковныхъ, куда все то снесено лѣтнаго сего года времени въ разсужденіи производимой церквѣ починки. Въ теченіи-жъ времени, по перенесеніи этой иконы въ церковь, люди нѣкоторые, а паче непросвѣщенные хотя почитали оную икону за чудотворную, однако нарочитыхъ какихъ либо моленій въ честь тоя иконы онъ, Тышевичъ, не отправлялъ, и отправлять таковыя ни отъ кого прошенъ не былъ, и сборовъ народа на поклоненіе той иконѣ нарочитыхъ никогда не бывало. Просимые же приходящими людьми разнаго званія во время ярмарковъ,—коихъ въ Босовкѣ черезъ годъ бываетъ не болѣе двадцати,—какъ молебны, такъ водосвященія и акафисты отправлялъ онъ, Тышевичъ, всегда среди церкви, а не передъ

¹⁾ Романъ Тышевичъ былъ въ то время при отцѣ своемъ Алексѣѣ Тышевичѣ пономаремъ въ м. Босовкѣ.

иконою какою-либо. Наконецъ, хотя нельзя, чтобы благочинный іерей Леоновичъ не слышалъ отъ людей о произношеніи помянутой иконы чудотворною, однако никогда о томъ даже не спрашивалъ. Почему же м. Кальника священникъ Стефанъ Бошковскій назвалъ оную икону прямо чудотворною и еще во множественномъ числѣ, онъ, Тышевичъ, не знаетъ, и болѣе въ Босовской церкви иконъ, коимъ бы особливая святость хотя-бъ отъ простолюдиновъ была причитаема, нѣтъ, а развѣ онъ, Бошковскій, подражая непросвѣщеннымъ простолюдинамъ, сіе объявилъ“.

Неизвѣстно, какое направленіе приняло бы далѣе это дѣло, но какъ разъ въ это время (въ концѣ ноября 1805 года) священникъ Стефанъ Бошковскій умеръ, и духовному правленію уже не было интереса продолжать дѣло о его суевѣріи. Суевѣріе священника Бошковскаго предано было суду Божію, а священникъ Романъ Тышевичъ, получивъ изъ духовнаго правленія чудовную икону Спасителя, благополучно возвратился съ нею въ свой приходъ и недѣли черезъ двѣ послѣ этого также отошелъ въ вѣчность.

Грустное впечатлѣніе производитъ на читателя это дѣло, начатое по личнымъ счетамъ и веденное съ удивительной изворотливостью. Съ одной стороны, благочинный Леоновичъ и сторонніе благочинные, какъ только дойдетъ дѣло до почитанія народомъ босовской иконы, стараются скрыть, затупевать дѣйствительность отъ грознаго начальственнаго взора своей „духовной команды“, а босовскій настоятель Тышевичъ, въ угоду, конечно, этой командѣ, прямо показалъ въ присутствіи духовнаго правленія, „что нарочитыхъ моленій въ честь той иконы онъ, Тышевичъ, не отправлялъ, и отправлять таковыя ни отъ кого прошенъ не былъ, и сборовъ народа на поклоненіе той иконѣ нарочитыхъ никогда не бывало“.. и что „только священникъ Бошковскій, подражая непросвѣщеннымъ простолюдинамъ сіе объявилъ“. Съ другой стороны, духовное правленіе усердно, хотя и тщетно, старается узнать „сущую правду“ о чтимой иконѣ, чтобы нагляднѣе доказать суевѣріе священника Бошковскаго и покрывательство благочиннаго Леоновича. Но такъ это было только на бу-

магѣ, въ перепискѣ по „духовной командѣ“; дѣйствительность же текла своимъ особымъ русломъ. Уже и въ самомъ „дѣлѣ“ проскальзываютъ ясныя указанія, что эта плачущая икона Спасителя привлекала къ себѣ большое стеченіе народа, и ею интересовались очень многіе, не изъ однихъ только „непросвѣщенныхъ простолюдиновъ“. Такъ, кромѣ уніатской комиссіи, пятигорское духовное правленіе свидѣтельствовало эту икону и велѣло поставить ее въ церкви на прежнемъ мѣстѣ. Благочинный Леоновичъ, какъ самъ сознается, неоднократно старался обмыть „бѣлыи смуги“ на ней „въ любопытство“, какъ онъ выражается, „но безъ удивленія и безъ объявленія народу то за чудо“. Наконецъ, самъ протоіерей Топольскій имѣлъ непосредственныя свѣдѣнія объ этой иконѣ, ибо еще въ 1799 году, какъ напоминаетъ ему въ своемъ объясненіи благочинный Леоновичъ, онъ, протоіерей, проѣзжая черезъ Босовку, „ревизовалъ оную церковь, и спрашиваясь объ иконѣ тамошнихъ прихожанъ, самъ отиралъ ее перстомъ своимъ, омоченнымъ водою, при чемъ были и засвидѣлствуютъ босовскіи прихожане“. Безъ сомнѣнія, протоіерей зналъ и о многолюдномъ стеченіи богомольцевъ на поклоненіе этой иконѣ, и о томъ благоговѣніи, какимъ она пользовалась, и даже онъ самъ, конечно, изъ уваженія къ чудотворной иконѣ босовской, не разъ совершалъ богослуженіе въ босовской церкви, хотя Босовка отъ Липовца находится въ 80 верстахъ. Босовскіе же прихожане всѣ показывали слѣдователямъ, что стеченія народа къ чудотворной босовской иконѣ бывали круглый годъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, особенно въ праздники Рождества Іоанна Предтечи и Петра и Павла.¹⁾ Что эти стеченія народа были очень многолюдны, видно уже изъ того, что при босовской церкви, кромѣ постоянного причта, всегда проживали и безмѣстные священники. Такъ, въ дѣлѣ о молдавскихъ рукоположенцахъ за 1797 годъ, одинъ изъ нихъ,

¹⁾ Замѣчательно, что и сторонніе благочинные въ донесеніи духовному правленію старались замаскировать причину стеченія въ Босовку народа и писали, что народъ собирается только на ярмарку.

Даніилъ Левицкій, показанъ состоящимъ при „чудовнои иконѣ босовской“; и по свидѣтельству босовскихъ прихожанъ, служеніе въ ихъ церкви совершалось не только приходскими, но и пріѣзжими священниками. Очевидно, стеченіе народа въ босовскую церковь было очень большое не только изъ ближайшихъ, но и изъ отдаленныхъ мѣстъ. Плачущая икона Спасителя привлекала къ себѣ многихъ поклонниковъ.

О чемъ же плакала эта икона? Отчего на ней слѣды слезъ такъ прочно держались, что ни время, ни нарочитыя обмыванія не могли ихъ уничтожить? Тайна этихъ слезъ босовской святыни не замедлила открыться тою безпримѣрною участію, какая постигла м. Босовку въ 1842 году. Польскій мятежь 1831 года былъ для м. Босовки роковымъ. По усмиреніи мятежа, Босовка была конфискована и отдана въ распоряженіе военнаго вѣдомства, для устройства военнаго поселенія. За сопротивленіе же, оказанное военнымъ властямъ при заведеніи военныхъ поселеній, мѣстечко Босовка въ 1842 году обречена была на совершенное уничтоженіе съ лица земли. Всѣ евреи этого мѣстечка переселены были частію въ м. Сарны, частію въ м. Соколовку. Всѣ крестьяне переселены были въ м. Соколовку. Церковь босовская была разобрана, все ея имущество тоже отдано было въ соколовскую церковь, и по тому мѣсту, гдѣ было цвѣтущее мѣстечко, знаменитое своими ярмарками и своею святынею, прошелъ плугъ земледѣльца... Только въ 1860-хъ годахъ аборигенамъ м. Босовки позволено было вернуться на свое старое пепелище. Они образовали уже не мѣстечко, а скромную деревню—Босовку, устроили въ ней церковь, приписанную къ с. Угловатой, и только года три тому назадъ въ Босовеѣ открытъ самостоятельный приходъ. А бывшая святыня босовской церкви—плачущая икона Спасителя—вмѣстѣ съ другимъ церковнымъ имуществомъ навсегда осталась въ церкви м. Соколовки, гдѣ она находится и по сіе время. Но на новомъ мѣстѣ она уже утратила свое прежнее обаяніе, и къ ней давно уже заросла народная тропа...

Протоіерей В. Липковскій.

Письма профессора Университета св. Владиміра протоіерея Назарія Антоновича Оаворова къ протоіерею Петру Гавриловичу Лебединцеву.

(О кончаніе 1).

12.

Вчера, то есть 3 мая, получилъ я отъ Васъ третье послѣ Пасхи письмо; стало быть Вы перегнали меня однимъ письмомъ. Но тѣмъ не менѣе я считаю за Вами небольшой должокъ: до сихъ поръ Вы ни однимъ словомъ не отвѣтили мнѣ на двѣ просьбы, изложенныя въ первомъ письмѣ моемъ къ Вамъ. Позвольте напомнить, по крайней мѣрѣ, объ одной изъ нихъ, именно по дѣлу князя Ширинскаго. Потрудитесь пожалуйста сказать слова два по этому предмету, чтобы я зналъ, что отвѣчать князю, въ случаѣ, если бы онъ снова написалъ мнѣ что-нибудь по тому же дѣлу своему. Судя по числу засѣданій комитета, можно думать, что Вы рѣшились покончить дѣло къ іюню. Дай Богъ! Только не вѣрится какъ-то въ подобный успѣхъ: слишкомъ недалеко еще уѣхали Вы отъ начала, а, вѣрнѣе сказать, почти еще и не подвинулись съ мѣста, хотя, конечно, начинается уже

1) См. Кіев. Ст., № 11.

и припориванье. Не ожидалъ я вмѣшательства свыше, хотя дѣло, по которому вмѣшиваются, весьма неважно, и я, съ своей стороны, какъ прежде не стоялъ, такъ и теперь не вижу побужденія стоять за него,—тѣмъ не меньше чувствовать давленіе совѣй неприятно. Кто этотъ одинъ на котораго особенно... ..Думаю, что Вы употребили третье лицо вмѣсто перваго. Но кто бы ни былъ это, во всякомъ случаѣ особенно неприятно слышать именно о гнѣвѣ на одного, ибо это значить дѣйствовать въ разбивку. Впрочемъ, никакихъ дальнѣйшихъ слѣдствій, по всей вѣроятности, не будетъ изъ этого: разумѣю слѣдствія въ сферѣ комитетской дѣятельности, а о другихъ и думать не хочу.

Я прошлую недѣлю почти всю провелъ въ экзаменахъ, съ викаріемъ и безъ онаго. Безъ неприятностей, по обыкновенію, не обошлось, но писать объ нихъ не хочется, хотя кое-что изъ нашихъ соотношеній (не приберу другого термина) сдѣлалось предметомъ городской молвы. Въ Институтѣ петербургскій ре-визоръ, тайный совѣтникъ Колесовъ. Что выйдетъ изъ этой ре-визіи, угадать еще трудно. Начальница—довольно странное лицо. Говорять, она умна и очень хорошо образована; но дѣйствуетъ совершенно безтактно. Изъ Института разбѣгаются. Можетъ быть, со временемъ все поуляжется. Перваго мая былъ пирогъ у ключаря, отъ котораго (т. е. пирога, а не ключаря) и я вкушала. Погода была не великолѣпная. И вообще весна у насъ не роскошная; нѣсколько дней уже стоятъ порядочные холода съ дождями. Вчера въ особенности много дождя выпало. Воображаю, что у васъ тамъ дѣлается. Кончайте пожалуйста все, чтобы осенью не пришлось, по крайней мѣрѣ, отказываться отъ новой прогулки въ Питеръ. Cholera у васъ, кажется, затихла, а оспа не появлялась. Последней бояться и у насъ. Прививаніе въ ходу. И моимъ дѣтямъ привита оспа недавно. Но мнѣ кажется, больше бояться нужно холеры. Дай Богъ чтобы не было ни того, ни другого. Ист.-фил. факультетъ проголосовалъ представленіе въ совѣтъ о юбилеѣ М. А.; ¹⁾ но прошлый разъ совѣтъ не со-

¹⁾ М. А. Максимовичъ.

стоялся; авось состоится на нынѣшней недѣлѣ. Что послѣдуетъ, увѣдомлю. Данилу Гавриловичу усердно челомъ бы.

Истинно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

4 мая 1871 года.

13.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Письмо Ваше я получилъ 25 сентября. Въ него вложено было письмо Ваше къ сестрѣ, которое я долженъ былъ передать тотчасъ же, но, по непростительной забывчивости, до настоящаго часа не передалъ. Поэтому прежде всего умоляю Васъ извинить меня за такую разсѣянность. Впередъ надѣюсь быть совершенно исправнымъ, если буду имѣть какія-бы то ни было порученія отъ Васъ. Между тѣмъ сейчасъ же отправляю письмо по назначенію и съ откровеннымъ объясненіемъ въ своей оплошности. Засѣданія комитета, безъ сомнѣнія, уже начались и, я надѣюсь, Вы не оставите меня безъ извѣстій объ ихъ ходѣ. Какъ видно, въ мнѣніяхъ своихъ не очень тверды и постоянны многіе изъ членовъ комитета. Да это и понятно. Вѣдь правду сказать, едва ли кто изъ насъ говорилъ и говоритъ со всею искренностью и по одному сознанию того, что и какъ лучше бы сдѣлать. Нѣкоторые, я полагаю, имѣютъ опредѣленный взглядъ на дѣло, но не выговариваютъ всего, что думаютъ. Другіе переходятъ отъ одного мнѣнія къ другому, повидимому, въ силу большаго и большаго уясненія себѣ предмета, а на самомъ дѣлѣ, просто, по немнѣнію опредѣленнаго взгляда на цѣлое дѣло. Иные, наконецъ, привязанность къ рутинѣ считаютъ за убѣжденіе и ратуютъ не за то, что дѣйствительно сознаютъ вѣрнымъ и правымъ, а за то, къ чему привыкли. Что-жъ изъ этого выйдетъ? Право, я прихожу къ мысли, какъ-бы не вышло чтонибудь похуже прежняго. Починивать старое вообще не совсѣмъ безопасная работа; а комитету приходится завѣяться именно такою работою. Компро-

миссы являются какою-то неизбежною; а изъ нихъ рѣдко когда выходитъ что-нибудь доброе, и то развѣ на время. Извините меня за такой скептицизмъ, если, впрочемъ, Вы сами не раздѣляете его въ душѣ. За всѣмъ тѣмъ, однако-жъ, повторяю мою просьбу извѣщать мнѣ по прежнему обо всемъ, что у Васъ дѣлается и будетъ дѣлаться. Вызовъ преосвященнаго Димитрія меня радуетъ: дай Богъ ему кафедру московскую. Что бы ни говорили, а эта личность едва ли не наиболѣе свѣтлая въ нашей духовной сферѣ. Увижусь ли я съ нимъ въ Кіевѣ, не знаю; но во всякомъ случаѣ спутникомъ его въ столицу, по всей вѣроятности, не буду. Это, впрочемъ, еще далеко впереди. Завтра, т. е. 29 сентября, у насъ будетъ освященіе церкви въ Галагановской коллегіи; освящать будетъ митрополитъ; участвовать буду, между прочимъ, и я. Открытіе Коллегіи будетъ 1 октября, о чемъ, впрочемъ, Вы вѣроятно узнаете раньше прочтенія этого письма изъ газетъ. Коллегія отдѣлана очень хорошо, я осматривалъ ее. Особенно мнѣ понравилась библіотека, не по содержанию ея, котораго я не знаю, а по отдѣлкѣ и размѣщенію шкаповъ и другихъ принадлежностей. Да и вообще все паружное въ заведеніи очень хорошо: свѣтло, чисто, комфортабельно и отчасти даже роскошно. Дай Богъ, что-бы внутреннее оказалось соотвѣтственно хорошимъ. Мой усерднѣйшій поклонъ Даніилу Гавриловичу. Поѣздка за границу, очевидно, принесла ему пользу и—слава Богу. Надѣюсь, что съ уменьшеніемъ его по объему, онъ не сократится въ добрыхъ чувствахъ и расположеніи къ старымъ товарищамъ и, между другими, ко мнѣ. Я весьма радъ былъ бы снова увидѣться съ нимъ и пожить вмѣстѣ; но будетъ ли это, Богъ вѣсть. Кто-то недавно спрашивалъ меня, кто теперь профессоромъ богословія въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Я и самъ желалъ бы знать объ этомъ. Не забудьте сообщить, когда будете писать. Будьте здоровы и во всемъ благоуспѣшны.

Искренно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

28 сент. 1871 года.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ.

Прочитавши письмо Ваше отъ 30 сентября, я задалъ себѣ вопросъ: кончить ли когда-нибудь комитетъ нашъ свою работу? Одно только представляется основаніе для положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, именно, что все на свѣтѣ имѣетъ свой конецъ, слѣдовательно и проч. Но при этомъ остается еще недоумѣніе, въ чемъ будетъ состоять окончаніе нашего дѣла. Можетъ быть, мы, не наполнивши бочки Данаидъ, закупоримъ ее, какъ наполненную, и сдадимъ съ рукъ. Я думаю, что такъ случится. Да, въ нашей бочкѣ дырки со всѣхъ сторонъ. Вотъ кажется, налили по меньшей мѣрѣ до половины или даже чуть не до верха, но на другой день хватъ—въ бочкѣ ни капли: все вытекло. Такова неизбѣжная участь всего, что дѣлается безъ твердыхъ основныхъ началъ. Въ „Голосъ“ полагаютъ, что если-бы въ комитетъ пригласили такихъ профессоровъ, какъ Сергіевскій и Горчаковъ, то „музыка пошла-бъ не та“. Можетъ быть не та, да только едва ли для ушей было бы легче. Не лица виноваты, и не дѣло само по себѣ трудно: обстоятельства—вотъ самое главное, какъ объясняла старая барыня, вышедшая за лакея замужъ, приговаривая: обстоятельства всего сильнѣе на свѣтѣ. Какъ бы не случилось и съ нашимъ дѣломъ того же, что со старою барынею. Кромѣ шутокъ, я не предвижу сколько нибудь счастливаго исхода комитетскихъ работъ. Приходится утѣшаться однимъ русскимъ „авось“. Пока имъ и буду утѣшаться: авось будетъ лучше! О преосвященномъ Димитріи я никому ничего не говорилъ, и, оказалось, хорошо сдѣлалъ. Изъ сего можно видѣть, между прочимъ, что мнѣ довольно безопасно передавать слухи, хотя бы они были и не совсѣмъ вѣрны. Кто же будетъ профессоромъ богословія въ С.-П. университетѣ? Горчаковъ требуетъ доктора для богословской кафедры, вѣроятно потому, что онъ самъ сдѣлается докторомъ. Предложеніе его, само по себѣ, резонно, но въ его устахъ оно показалось мнѣ какъ-то недели-

катно. Назначеніе о. Александра въ Ташкентъ снимаетъ титулъ ташкентскаго съ о. Филарета, которому я уже передалъ Вашъ поклонъ. Въ нашей Академіи недавно, именно 3 числа, былъ актъ. Рѣчь читалъ Вороновъ. Кажется, дѣльная; только ораторъ слѣшилъ и говорилъ тихо: многого—нельзя было разслушать. Отчетъ читалъ Терновскій. Послѣ длинной рѣчи—длинный отчетъ и, какъ всѣ отчеты, сухой, оказался публикѣ не подѣ силу: попросили окончить поскорѣе. Публики было немного. Вообще, какъ-то шло все довольно вяло. Веселѣе стало за завтракомъ у о. Филарета, гдѣ какъ будто больше явилось и публики. Въ числѣ публики былъ и М. П. Погодинъ. Онъ и теперь здѣсь и самъ недавно, именно 4-го числа, собиралъ около себя публику. Въ залѣ первой гимназіи, отъ 7-ми до 10-ти вечера собравшіеся по приглашенію слушали его драму: „Петръ Великій“, написанную имъ, по его собственному заявленію, сорокъ лѣтъ назадъ, читанную нѣкогда Пушкину и Жуковскому и благословленную ими, но цензурою не допущенную въ свѣтъ. Драма умная (я также былъ въ числѣ приглашенныхъ): въ этомъ ея достоинство, но въ томъ же, можетъ быть, и ея недостатокъ. Во всякомъ случаѣ—вещь довольно замѣчательная. Но—довольно. Глубокій поклонъ Данилу Гавриловичу. Прошу кланяться и Василию Аеанасіевичу.

Искренно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

6 октября 1871 года.

15.

Любезный другъ, Петръ Гавриловичъ!

Послѣднее письмо Ваше я получилъ въ то самое время, какъ отправилъ свое письмо къ Вамъ. Я хотѣлъ было возвратитъ посланнаго на почту, чтобы исполнить написанное, сообразно съ содержаніемъ Вашего письма, но такъ-какъ ничего существеннаго не могъ прибавить къ тому, что говорилось въ отправленномъ письмѣ, то и не сдѣлалъ этого. И теперь я не имѣю

сказать ничего новаго относительно извѣстнаго предмета. Вѣроятно, такъ уже суждено, чтобы мнѣ остаться за штатомъ комитета. Все сложилось у меня противъ поѣздки въ Петербургъ: и занятія по должности, и состояніе моего здоровья, и домашнія обстоятельства. Думаю, что теперь моя поѣздка была-бы лишнею, если бы для меня и открылась возможность ѣхать. И такъ, я посижу дома, а Вы пожалуйста не оставляйте меня безъ свѣдѣній о комитетскихъ новостяхъ. Кланяется Вамъ Николай Дмитріевичъ и поручаетъ мнѣ попросить Васъ о маленькомъ одолженіи для него. Имъ подано еще отъ 15 іюля текущаго года прошеніе въ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія о высылкѣ ему новаго аттестата о службѣ, такъ какъ аттестатъ былъ украденъ у него вмѣстѣ съ другими вещами; но до сихъ поръ прошеніе его остается безъ удовлетворенія. Нельзя ли какъ нибудь, хоть черезъ А. Е. Ильинскаго, разузнать, отъ чего это происходитъ, и вмѣстѣ напомнить о высылкѣ аттестата. Хотя дѣло это, говоритъ Н. Д., не срочное, но все-таки нужное, въ особенности потому, что пожалуй безъ аттестата не захотятъ съ новаго года выдавать пенсіи. Въ Кіевѣ новаго ничего, кажется, нѣтъ. Государь Императоръ былъ у насъ 25-го на самое короткое время. Государыню ожидаютъ въ ноябрѣ.

Кто-то напечаталъ въ газетахъ, что въ Кіевской Академіи готовится цѣлый рядъ диспутовъ на докторскую степенъ и что докторанты, изъ уваженія къ своему ректору, представляютъ ему первому, хотя это и противъ очереди, защищать докторскую свою диссертацию. Не знаю, сколько явится докторантовъ здѣсь впослѣдствіи, а теперь есть пока одинъ Скворцовъ. Что-же касается до уважительнаго предоставленія ректору защищать первому свою диссертацию, то ужъ не злая ли это выдумка? По крайней мѣрѣ, для него самого это оказалось такою же новостію, какъ и для другихъ. Усердный поклонъ Даниилу Гавриловичу. Всего лучшаго желаю Вамъ.

Преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

28 октября 1871 года.

16.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Сегодня я отправилъ письмо къ Вамъ, сегодня же пишу и другое, чтобы отправить его завтра. Дѣло въ томъ, что мнѣ представляется не невозможнымъ побывать и въ Петербургѣ, если еще не совсѣмъ ушло время пополнить моимъ голосомъ мнѣніе правой, по моему мнѣнію, сторонѣ и если дѣйствительно къ Рождеству можетъ окончиться все комитетское дѣло. Объ этомъ я и спѣшу заявить Вамъ: Не могу сказать рѣшительно, что непременно приѣду въ половинѣ ноября, но условно обѣщаю сдѣлать это. Здоровье мое дѣйствительно, а не въ шутку, какъ можетъ представляться Вамъ, скверно; кромѣ того, много обстоятельствъ, которыхъ, при всей моей откровенности съ Вами, я не въ состояніи сообщить Вамъ, мѣшаютъ мнѣ распорядиться собою свободно. Итакъ, если подобныя препятствія—не то что исчезнутъ, но, по крайней мѣрѣ, не будутъ очень сильны, я могу около 15-го ноября сняться съ якоря и поплыть къ норду. Впрочемъ, я не замедлю еще писать къ Вамъ до того времени. Надѣюсь и отъ Васъ получить извѣстіе, которое можетъ или побудить меня къ рѣшимости, или отклонить отъ ней. Отчего это письмо Ваше, помѣченное 23 октября, получено мною только 29-го? Не па долгихъ же оно тянулось отъ Питера до Кіева. Или Вы, написавъ, даете время просохнуть и высвѣжиться написанному, пока не отправите на почту? Заключая письмо Ваше, Вы сказали съ вопросительнымъ знакомъ: *до свиданія*. Я желалъ бы окончить мое письмо тѣмъ же словомъ безъ вопросительнаго знака, но боюсь, чтобы другой кто или другое что не поставили этого знака. Во всякомъ случаѣ, въ Петербургѣ-ли, въ Кіевѣ-ли, желаю видѣть Васъ въ совершенномъ здоровьи, въ мирѣ, благодущіи и радости. Какъ поживаетъ Давидъ Гавриловичъ? На долго ли помогли ему заграничныя воды? Обычный

мой дружескій поклонъ ему, съ желаніемъ всякаго добра. Прошу покорно кланяться и В. Аванасьевичу.

Душевно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

29 окт. 1871 года.

17.

Что мнѣ отвѣчать Вамъ, мой добрый другъ Петръ Гавриловичъ! Мнѣ такъ тяжело, что и выразить это трудно. Ъхать нужно, Вы говорите; а я едва могу двигаться отъ тоски и горя ¹⁾. Какъ желалось бы мнѣ теперь лично поговорить съ Вами? Но въ состояніи ли я буду ѡхать въ Петербургъ, не знаю. Не знаю также, что отвѣчать Василю Аванасьевичу. Благодарю Васъ отъ всего сердца за ваше сочувствіе и прошу не оставлять меня дружескими совѣтами и помощію въ моемъ несчастномъ положеніи. Прежде я хоть по временамъ забывался и способенъ былъ интересоваться другимъ, а теперь одно чувство давить и душить меня. Ничто нейдетъ въ голову. Боже мой! прояснится ли когда нибудь жизнь моя! Не вида никакого средства поворотить обстоятельство къ лучшему я принужденъ предоставить все ходу самого дѣла. Если найду въ себѣ силы ѡхать, то поѣду въ половинѣ мѣсяца, а если нѣтъ, то увѣдомлю Васъ. Прощайте пока, любезный другъ мой. И голова и руки плохо служать. Данилу Гавриловичу мой искренній поклонъ. Отъ него, конечно, не скроется мое горе, и я надѣюсь, что и онъ сочувствуетъ несчастію свего стараго товарища. Будьте здоровы, и не дай Богъ Вамъ испытать и похожаго чего нибудь на мое горе.

Всею душою преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

9 ноября 1871 года.

1) Горе это—чисто семейнаго характера, почему эти строки мы опускаемъ.

18.

Съ новымъ годомъ,

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Дай Богъ, чтобы хорошее старое продолжалось для Васъ и въ новомъ году, а все новое въ немъ было не только не хуже, но и лучше стараго. Къ числу благожеланій моихъ Вамъ позвольте приобщить и то, чтобы комитетъ нашъ разрѣшился, наконецъ, отъ своего бремени и чтобы плодъ его не оказался ни мертво-рожденнымъ, ни какимъ нибудь калѣкою отъ чрева матеряго. За исключеніемъ этого послѣдняго благожеланія, всѣ другія обращаю также и въ такой же мѣрѣ къ Даніилу Гавриловичу, какъ и къ Вамъ самимъ. Я возвратился домой въ день Вашихъ именинъ, которыя, надѣюсь, Вы провели и отпраздновали такъ-же хорошо, какъ отпразднованы были именины Даніила Гавриловича. Соборъ вашъ не освященъ. Преосвященный викарій не захотѣлъ освящать по неполности иконостаса, т. е. за недостаткомъ извѣстныхъ иконъ. Кажется, это—одинъ предлогъ, подъ которымъ ему можно было служить въ праздникъ у себя въ теплой домашней церкви. О дѣлахъ комитетскихъ не переставайте сообщать мнѣ, прошу Васъ, все, что сколько нибудь серьезно. Касательно письма москвичей, по которому Вы лоскъ хотѣли положить (кого или что, не припомню), я еще не собралъ свѣдѣній. Да пусть ихъ пишутъ, что хотятъ; лишь дѣло бы шло своимъ законнымъ порядкомъ. Поклонитесь, пожалуйста, отъ меня Василию Аѳанасьевичу. Затѣмъ, желая Вамъ, купно съ Даніиломъ Гавриловичемъ, благоденственнаго и мирнаго житія, во всемъ благопоспѣшенія, на враги же побѣды и одолѣнія, прошу не забывать

душевно преданнаго Вамъ Н. Фаворова.

29 декабря 1871 года.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Радуюсь, что комитетъ нашъ *vivit*. А я проболѣлъ около трехъ недѣль, и хотя въ постели не лежалъ, но не могъ выходить изъ своего кабинета до 6 февраля. И теперь еще не вполнѣ *valeo*. Вѣроятно морозы наши, продержавшіеся съ конца января до настоящаго времени, имѣли на меня неблагоприятное вліяніе. У Васъ, по крайней мѣрѣ въ комитетѣ, вѣроятно не холодно, а по обыкновенію жарко. Чья статья помѣщена была въ Голосѣ (№ 29) о проектахъ комитета? Писаль, очевидно, знающій дѣло и писалъ въ пользу нашей секціи. Можно думать, что она принадлежитъ кому нибудь изъ нашихъ, или составлена по свѣдѣніямъ изъ первыхъ рукъ. Но „Голосъ“ подвергся карѣ: какъ-бы не послѣдовало, откуда слѣдуетъ или не слѣдуетъ, предостереженій и нашему большинству! Что сказать Вамъ о Кіевѣ? 6 февр. у насъ были три торжества разнородныя: освятили теплый соборъ, открывали памятникъ Бобринскому и служили въ университетской церкви панихиду по Милютинѣ. Я былъ только на послѣдней, т. е. я служилъ ее, вышедши въ первый разъ изъ своего заточенія. Другихъ торжествъ не видѣлъ, потому что долженъ былъ скорѣе возвратиться домой. Свѣдѣнія о нихъ вы, безъ сомнѣнія, имѣете изъ другихъ писемъ и газетъ. Теперь у насъ продолжаются еще контракты, отсроченные до 20 февраля. Говорятъ, даютъ концерты, маскарады и т. д. Значитъ, кое-кто веселится. Собираются дать обѣдъ генералъ-губернатору; вчера приносили ко мнѣ листъ для подписки, но не застали меня дома; принесутъ ли въ другой разъ, не знаю; не буду жалѣть, если и не придется вынуть изъ кармана рублей 12 или 14, тѣмъ больше, что въ карманы теперь простираютъ руки непрерывно то съ той, то съ другой благодѣющей или признательнолюбивой стороны. Чтобъ исполнить Ваше порученіе по предмету сборовъ острожскаго братства, надобно повидаваться съ Галаганомъ и Ригельманомъ. Съ первымъ я недавно

видѣлся, а о второмъ не знаю, въ Кіевѣ ли онъ. Постараюсь побывать у нихъ, когда окрѣпну побольше. Вчера былъ, послѣ долгаго небыванія, у Н. Д. Иванишева. Онъ просилъ кланяться Вамъ. Аттестата своего не получилъ онъ доселѣ. Что бы это значило? Не освѣдомитесь ли еще разъ? Прошу передать мой обычный дружескій поклонъ доброму Данилу Гавриловичу. Какъ мнѣ ни тяжело бывало ѣздить въ Петербургъ, но о пребываніи тамъ въ дружеской средѣ нашей я всегда вспоминаю съ особеннымъ удовольствіемъ. Будьте здоровы и во всемъ благоуспѣшны.

Истинно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

14 февр. 1872 года.

20.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Я такъ замолчался, что даже не помню, когда въ послѣдній разъ писалъ къ Вамъ. Извините. На это были причины, о которыхъ теперь говорить не время и не кстати. Обстоятельства, кажется, поворачиваютъ къ лучшему, и во мнѣ воскресаетъ участіе къ тому, что совсѣмъ перестало было интересоваться меня. Благоволите сообщать мнѣ по прежнему о движеніи комитетскаго дѣла, если оно не перестало еще двигаться. А, можетъ быть, Вы уже у цѣли? Тѣмъ любопытнѣе знать, чѣмъ все разрѣшилось. Какой это „разумнѣйшій изъ членовъ“ С. сказалъ, что двойни комитета пригодятся? Значить, все къ лучшему. Такой оптимизмъ въ людяхъ, qui sedent in purpuri et lavem tenent, сколько неожиданъ, столько же и успокоителенъ; по крайней мѣрѣ, онъ лучше московскаго пессимизма. Статьи о духовно-судебной реформѣ въ „Православномъ Обзорѣніи“ я не читалъ доселѣ, а писать что-нибудь для печати не только по этому, но и по какому бы-то ни было предмету, въ настоящее время для меня вещь невозможная. У насъ въ Кіевѣ къ числу наиболѣе интересныхъ новостей принадлежатъ, конечно, академическія защиты доктор-

скихъ диссертаций. Одна таковая уже была, другая предстоитъ въ близкомъ будущемъ. На послѣдней надѣюсь быть; на первой я не былъ и, кажется, къ лучшему. Не обошлось безъ кое-какихъ скандаловъ. Непріятнѣе всего, что и въ небольшой академической семьѣ существуютъ не маленькія интриги. Кажется, и о. Филаретъ готовится къ подвигу докторства, но не говоритъ объ этомъ ни слова. Да я, впрочемъ, и не спрашивалъ его объ этихъ вещахъ. Видѣлся недавно съ Н. Дмитріевичемъ и передаю Вамъ поклонъ его; а объ его аттестатѣ не будете ли имѣть случая напомнить снова? Любезнѣйшему Данилу Гавриловичу, при дружескомъ поклонѣ, всевозможныя благожеланія, прежде же и паче всего желаніе здоровья. А Вамъ самимъ—здравія, долгоденствія, во всемъ благопоспѣшенія, на враги же побѣды и одолѣнія.

Истинно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

16 марта 1872 года.

21.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Письмо Ваше отъ 30 марта я получилъ 4 апрѣля; а сегодня, т. е. 8 апр., получилъ и пакетъ съ „проектомъ девяти“. Кажется, дѣло подходитъ къ концу. Развѣ исторія съ объяснительными записками затянетъ его? За апологіею Лаврова я еще не посылалъ, потому что опять проболѣлъ сряду двѣ недѣли и завтра только, если Богъ дастъ, выгляну на свѣтъ Божій послѣ 14-дневнаго заключенія своего въ кабинетѣ. То, что Вы рассказываете о маневрахъ Лаврова, мнѣ вполне понятно. Можно уважать чужія убѣжденія, самыя противныя нашимъ собственнымъ, но едва ли по убѣжденію только дѣйствуетъ тотъ, кто хитритъ и лицемѣритъ для проведенія своихъ мыслей. Но Богъ съ ними—съ подобными мужами науки. Можетъ быть, дѣло сдѣлается не такъ, какъ хочется тому или другому, въ виду

любимыхъ идеаловъ, а какъ слѣдуетъ ему сдѣлаться, въ силу закона усовершенности. По крайней мѣрѣ, у меня есть такая надежда. Проектъ нашъ я прочиталъ тотчасъ же по полученіи его и тотчасъ же его и подписалъ. Измѣненій въ немъ противъ прежняго я не замѣтилъ, кромѣ исключенія изъ вѣдѣнія духовныхъ судей такого рода дѣлъ, за которыя виновные подвергаются наказанію со внесеніемъ этого въ послужной списокъ. Но какимъ образомъ изъ проекта восьми онъ сдѣлался проектомъ девяти? Кто присоединился къ нашему толку? Кажется, вы не писали мнѣ ничего объ этомъ. Девять—число знаменательное: можетъ быть, оно значить что нибудь и въ нашемъ дѣлѣ. Возвращеніе проекта по необходимости отлагаю до 10-го числа, т. е. до страстного понедѣльника. У насъ въ Кіевѣ ничего новаго, кажется, нѣтъ. Погода въ послѣднихъ числахъ марта стояла великолѣпная. Н. Дмитриевичъ получилъ, наконецъ, свой аттестатъ и просилъ меня ~~благодарить~~ Васъ за содѣйствіе высылкѣ его, т. е. аттестата. Возвращайтесь поскорѣе въ Кіевъ. Если засѣданія комитета продлятся еще нѣсколько недѣль послѣ Пасхи, то вы дѣйствительно приготовите проектъ какъ разъ къ политехнической выставкѣ московской. Тамъ онъ могъ бы привлечь къ себѣ вниманіе очень многихъ, если бы экспоненты присоединили къ произведенію своему правдивую исторію его выработки. Прощайте однако-жь,—боюсь заболтаться. Мой обычный искренній поклонъ Д. Гавриловичу. Можетъ быть,—въ другой разъ до праздника я не соберусь написать къ Вамъ, въ такомъ случаѣ примите заранѣе мое душевное поздравленіе и самыя искреннія благожеланія. Василию Аванасьевичу также мой почтительный поклонъ. При свиданіи съ о. Прохоромъ и дѣтьми его, свидѣтельствуйте имъ отъ меня всегдашнее почтеніе и память.

Искренно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

8 апр. 1872 года.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Долго не получая письма отъ Васъ, я началъ было уже подумывать, не получу ли, вмѣсто письменнаго, личнаго привѣта Вашего; впрочемъ долго не останавливался на этой мысли, возвращаясь къ моему прежнему убѣжденію, что всему на свѣтѣ есть конецъ, кромѣ комитетовъ. Теперь, вопреки даже Вашему собственному чаянію, я полагаю, что не видать Вамъ Кіева не только въ маѣ, но, можетъ быть, и іюлѣ текущаго года. А май нашъ хорошъ, только уже черезчуръ зноенъ. Будущность нашего проекта, кажется, не очень свѣтла. Дѣло, впрочемъ, не въ томъ, какъ взглянуть на его положенія, но какъ посмотреть, или уже и смотреть, на полагающихъ. Старинная привычка, сильная особенно въ извѣстной ~~судѣ~~ ^{судѣ}, привычка бить, не мнѣнія а думающихъ, можетъ и теперь проявиться въ прежней силѣ своей. Не знаю, впрочемъ, какъ Васъ, а меня это не много беспокоитъ, можетъ быть потому главнымъ образомъ, что у меня были, да и теперь еще есть такія огорченія, въ сравненіи съ которыми все другое является уже пустякомъ. Какъ отнесся нашъ митрополитъ къ проекту? Вѣрно, Вы не разъ имѣли съ нимъ разговоръ объ этомъ предметѣ. А Лавровъ продолжаетъ бросать молніи и громы на враговъ своихъ, которые, по нему, враги церкви, или даже вообще враги Креста Христова. Прочиталъ я вторую апологію его и могу пока сказать объ ней одно: безвкусица страшная, заносчивость старообрядческая и нетерпимость ультра-монтайтская. Я лучше думалъ о немъ, хотя и никогда не сходилса съ нимъ. Что-то въ третьей апологіи! Но довольно пока о петербургскомъ, теперь нѣсколько словъ о кіевскомъ. Недавно былъ у меня экзаменъ въ Университетѣ. Я приготовился къ нему нравственно, рѣшившись напередъ воздерживаться отъ всякихъ преній. Однако-жъ и въ настоящій разъ не вполнѣ удалось мнѣ это. Не было возможности молчать. Студенты мои отвѣчали очень порядочно. Изъ 13 человекъ,

спрошенныхъ при викаріѣ, ни одинъ не оказался слабымъ. Самъ викарій ¹⁾, при прощаніи, отозвался мнѣ объ отвѣтахъ ихъ весьма благопріятно; но я думаю, что прошлогодняя исторія легко можетъ повториться, если къ тому представится поводъ; потому что, повторяю, для меня не было возможности промолчать на всѣ возраженія... И хотя я не сказала ничего рѣзкаго, однако-жъ по городу сейчасъ пошли анекдоты. Не въ одномъ уже мѣстѣ меня спрашивали, правда ли... то-то и то-то. Сущность вотъ въ чемъ? Студентъ отвѣчалъ, по нравственному богословію, о дѣлахъ христіанскаго милосердія и, во-первыхъ, о нищелюбіи съ христіанской точки зрѣнія. Преосвященный оставиваетъ его и говоритъ, что это „вовсе не церковное, а ваше философское ученіе. По ученію церкви, нищихъ между христіанами не должно быть“.—А что-жъ дѣлать, когда они есть?— „Очень просто, продолжаетъ онъ: сдѣлать, чтобъ ихъ не было. Теперь у насъ все поглощается причтами церковными: имъ и земля дается, и жалованье, и доходы; а они еще вопіютъ, что плохо обезпечены. Представьте же, что все это, что идетъ на священниковъ и причетниковъ, обращено на помощь бѣднымъ: тогда, вѣрно, не оказалось-бы нищихъ. Вѣдь по меньшей мѣрѣ, 15 милліоновъ было-бы сбережено... Священники же сами должны помогать другимъ, а для этого они должны быть избираемы изъ зажиточныхъ поселянъ и проч. Вы знаете эту теорію?“ Студентъ, конечно, молчалъ; но можно ли было молчать мнѣ во все время развитія этой теоріи? Сначала я дѣйствительно хотѣла ограничиться только тѣмъ замѣчаніемъ, что ученіе о христіанскомъ милосердіи и проектъ экономическаго устройства церкви и общества—вещи совершенно разныя и что въ нравственномъ богословіи, по моему мнѣнію, не должно быть мѣста для подобныхъ, да и ни для какихъ, проектовъ. Сказавъ это, я не думала продолжать пренія. Но одинъ изъ членовъ экзаменаціоннаго комитета успѣшилъ выразить родъ благоговѣнія въ возвышенному взгляду на дѣло его преосвященства и тутъ-же

1) Епископъ Порфирій.

замѣтилъ, какъ деруть въ церквахъ даже за мѣсто для могилы съ самыхъ бѣдныхъ людей. Тогда я вступился въ рѣчь и, указавъ прежде, что доходы за кладбищенскія мѣста вовсе не идутъ въ карманы священниковъ (что не должно быть неизвѣстно епископу), перешелъ затѣмъ и къ нѣкоторымъ другимъ пунктамъ разсужденія викарія. Такъ какъ онъ продолжалъ настаивать на выборѣ священниковъ изъ мужиковъ полуграмотныхъ и въ основаніе своего сужденія полагалъ ученіе Апостола Павла, то я попросилъ себѣ Библію и, отыскавши въ посланіи къ Тимоѳею извѣстное мѣсто о качествахъ, какія долженъ имѣть пастырь, я прочиталъ громко и раздѣльно это мѣсто, ударивъ на слово „учительну“ (подобаетъ быти) и окончивъ безъ всякаго умысла словомъ: „не сварливу“. На этомъ и прекратились разсужденія наши. Какъ видите, я вовсе не хотѣлъ узвѣить преосвященнаго; но студенты, вѣроятно, поняли дѣло нѣсколько иначе, и совершенно истинный случай разсказывается по городу въ такомъ смыслѣ, какого онъ не имѣлъ. Говорятъ, что я, долго не отвѣчая ничего викарію, взялъ, наконецъ, Библію и прочиталъ: „подобаетъ епископу быти не... сварливу“ и что будто-бы этимъ и прекращены были разсужденія. Миѣ повторилъ этотъ разсказъ, между прочимъ, и А. Н. Муравьевъ... Въ суббѣту будетъ еще экзамень въ женской гимназій, но—авось все окончится благополучно. На диспутѣ В. О. Пѣвницкаго я опять не былъ по болѣзни. Въ „Кіевлянинѣ“ на другой день были помѣщены рядомъ двѣ статейки объ этомъ диспутѣ радикально противоположнаго характера: въ одной хвалится докторантъ и унижается оппонентъ его Лашкаревъ; въ другой—наоборотъ. Каждому очевидно, что заявленія эти изъ двухъ враждебныхъ лагерей; но скандалъ порядочный. Отецъ Филаретъ печатаетъ „объ Іовѣ“. Скоро, должно быть, и онъ будетъ диспутировать. Я прочиталъ напечатанную часть его сочиненія и нахожу ее весьма дѣльною, съ характеромъ дѣйствительно ученаго труда. Исторія съ В. Н. Полисадовымъ—печальна. Миѣ жаль его. Но что это такое? Развѣ за нимъ водился этотъ грѣхъ. Не слышно было. Ужъ не съ горя ли? Первое мая праздновалось въ софійскомъ по обычаю.

Викарій не служилъ по нездоровью; преосвященный Александръ заступилъ его мѣсто. А теплаго собора я доселѣ не видалъ. Приѣзжайте поскорѣе, съ Вами посмотрю. Даніилу Гавриловичу обычный братскій мой поклонъ. Будьте здоровы, покойны, счастливы и не забывайте

Душевно преданнаго Вамъ Н. Фаворова.

Годъ пропущенъ, но, очевидно, писалось въ маѣ 1872 года.

23.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Итакъ у Васъ пошло на мировую: помогай Вамъ Богъ въ этомъ дѣлѣ! Можно только опасаться, что пойдутъ опять безконечныя трактаціи и чего добраго доведутъ до новаго раскола. Мысль преосвященнаго Макарія не новая. То, что говоритъ онъ теперь о судьяхъ, какъ уполномоченныхъ архіереемъ, высказано было при самомъ началѣ разсужденій объ отдѣленіи администраціи отъ суда, и мнѣніе это внесено было въ протоколъ. Но тогда преосв. Макарій рѣшительно отвергалъ такой способъ соглашенія канонѡвъ съ современными требованіями судоустройства. Я помню это потому, что указанный способъ предложенъ былъ мною. Почему-же теперь онъ находитъ правильнымъ то, противъ чего такъ рѣзко высказался во время оно? Впрочемъ, какъ-бы то ни было, настоящее мнѣніе пр. Макарія очень полезно для дѣла, и хорошо, что онъ высказалъ его не въ видѣ уступки, а какъ раціональное и нисколько непротиворѣчащее канонамъ начало. Учрежденная изъ 5-ти членѡвъ комиссія можетъ съ незначительными измѣненіями проектировать то-же самое, что уже проектировано было 9-ю членами. Не знаю только, исполнѣ ли удачно для этого составлена комиссія. Гг. Неклюдовъ и Сабуровъ не будутъ ли тормозить Вашего дѣла? Съ особеннымъ интересомъ буду ожидать Вашихъ дальнѣйшихъ увѣдомленій, въ которыхъ, надѣюсь, Вы не откажете мнѣ. А я

заболѣлъ было не на шутку. Угрожала горячка, но вовремя помогли. Нѣсколько дней однако-жъ пролежалъ не вставая, а потомъ просидѣлъ взаперти цѣлыхъ двѣ недѣли, и теперь только начинаю выходить на воздухъ. Въ консисторію, дѣйствительно, слѣдовало бы ходить, и я бы дѣлалъ это охотно и не безъ интереса, но, кажется, еще долгою придется ограничивать мнѣ свои выходы посѣщеніями Университета и женской Гимназіи. Съ Н. Дмитріевичемъ не видѣлся уже цѣлый мѣсяцъ. Если увижусь 8-го числа, то передамъ ему Вашъ поклонъ и прочее, что слѣдуетъ. О. ректору Филарету вчера я кланялся отъ Васъ и пересказалъ рѣчи о немъ митрополита Исидора. Вѣроятно, у насъ скоро откроется серія диспутовъ на докторскія степени въ Академіи. О. ректоръ окончилъ печатаніе своей диссертациі и въ концѣ этого или началъ будущаго мѣсяца надѣется выступить на защиту ея. Затѣмъ докторантами явятся: Малышевскій, Моспѣховъ, о. Сильвестръ и, наконецъ, Щеголевъ.

Благодарю Васъ за доброе желаніе, высказанное въ заключеніи письма Вашего; только осуществленіе его очень трудно. Даніилу Гавриловичу мой дружескій и братскій поклонъ. Прошу засвидѣтельствовать мое уваженіе Василию Аѳанасьевичу. Когда увидите съ о. Прохоромъ и Николаемъ Прохоровичемъ, прошу также не забыть передать имъ мое душевное почтеніе. Будьте здоровы, счастливы, благоуспѣшны, паче же—въ дѣлахъ комитетскихъ.

Искренно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

Окт. 4. 1872 года.

24.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Душевно благодарю Васъ и Даніила Гавриловича за поздравленія и благожеланія. Письмо Ваше я получилъ 14 окт., оно уже ве застало у меня небольшого кружка поздравителей;

почтальонъ принесъ его, когда я былъ уже на всенощной; но я принялъ его за Ваше вечернее посѣщеніе вмѣсто утренняго визита и съ удовольствіемъ побесѣдовалъ съ Вами заочно. А лично когда придется бесѣдовать съ Вами? Какъ ни близокъ, кажется, конецъ комитетскимъ разсужденіямъ, но все мнѣ кажется, что Вы будете праздновать день своего ангела въ Питерѣ, и развѣ 1873 годъ разрѣшить, наконецъ, проблемы, заданныя 1870 годомъ.

Диву дался я, читая статью изъ Московскихъ Вѣдомостей объ устройствѣ духовнаго суда. Говорится въ ней такъ положительно и съ такою увѣренностію обо всѣхъ пунктахъ, что многіе сочли ее чуть не официальнымъ извѣстіемъ объ окончательныхъ результатахъ комитетскихъ работъ. Между тѣмъ въ ней микстура такого противнаго вкуса, что при чтеніи позывало не разъ на рвоту. То идеи Лаврова о величественномъ соборѣ іерарховъ въ древней столицѣ православія, объ отдѣленіи судилищъ для монаховъ и проч., то—начало отдѣленія суда отъ администраціи въ видѣ окружныхъ судовъ, но—подъ предсѣдательствомъ митрополита, вѣроятно, титулярнаго, хотя титулярный митрополитъ былъ-бы тоже, что титулярный генераль-губернаторъ... И нѣсколько другихъ подобныхъ комбинацій... Кто сочинилъ такую великолѣпную нелѣпицу? Воображаю, какъ происходили диспуты въ комитетѣ между Любимовымъ и Неклюдовымъ и каково было положеніе предсѣдателя. Что-жь? Это самый естественный плодъ влиятельнаго направленія. О. ректоръ Академіи просилъ благодарить Васъ за поклонъ. Онъ самъ хотѣлъ писать къ Вамъ съ поднесеніемъ Вамъ докторской диссертациі своей, и вѣрно напишетъ. Онъ предполагалъ скоро приступить къ защитѣ диссертациі; но митрополитъ хочетъ, кажется, оттянуть срокъ диспута, чтобы самому не быть на немъ, а для этого представилъ недоумѣніе, кто будетъ предсѣдательствовать въ ученomъ собраніи, когда ректоръ явится докторантомъ. Думаетъ спрашивать объ этомъ Св. Синодъ. Ректоръ вообще опасается, какъ-бы разсужденіе его не признали еретическимъ. Но въ такомъ случаѣ въ духовной литературѣ нашей

подлежитъ остракизму все, что хотя сколько нибудь будетъ походить на научные приемы въ изслѣдованіяхъ.

Усерднѣйшій поклонъ мой Данилу Гавриловичу. Я еще не совсѣмъ поправился.

Искренно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

16 октября 1872 года.

25.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Прежде всего, отъ души благодарю Васъ за дружеское поздравленіе, которое пришло какъ разъ къ тому времени, когда собрался ко мнѣ кружокъ добрыхъ знакомыхъ и поджидалъ моего возвращенія съ лекцій. Павелъ Феодоровичъ какъ-то поймалъ на лету письмо Ваше и передалъ его мнѣ при самомъ входѣ моемъ въ свой домъ, такъ что Вы нѣкоторымъ образомъ поздравили меня первымъ. Прошу Васъ передать мою теплую благодарность и Данилу Гавриловичу за память, равно и мой дружескій поклонъ ему. Теперь о комитетскомъ дѣлѣ. Телеграмму Вашу я получилъ вечеромъ (16-го числа), по возвращенія изъ совѣта. При взглядѣ на поданный мнѣ кувертъ, я сильно испугался. Я подумалъ, что это не отъ Васъ, а если и отъ Васъ то съ какимъ нибудь горькимъ извѣстіемъ. Нѣтъ нужды объяснять Вамъ, чего я боюсь изъ Петербурга. Потомъ, прочитавши телеграмму, я успокоился на этотъ счетъ, но за то пришелъ въ сильное раздумье о томъ, что значить ваше приглашеніе и какъ мнѣ отвѣчать на него: словомъ или дѣломъ? Я готовъ былъ и на первый отвѣтъ, но то былъ-бы для меня отвѣтъ рискованный, отъ котораго польза представлялась очень сомнительною, а вредъ очевидный, потому что я нездоровъ и обязанъ выполнять разныя діетическіе и лѣчебныя предписанія. И такъ, я положилъ отвѣчать на телеграмму телеграммой, которую и отправилъ въ субботу въ полдень. Догадываюсь, если не вполнѣ, то отчасти,

къ чему пригодилось-бы мое присутствіе, и весьма жалѣю, что не могу присоединить своего голоса къ голосу Вашему и другихъ; но что-же дѣлать? Говорю по чистой совѣсти, что не могъ и не могу теперь двинуться изъ дома. Не сердитесь на меня и попросите другихъ не сердиться. А въ доказательство, что извиняете мое невольное домождство, извѣстите меня, въ чемъ именно дѣло и какъ вообще продолжаетъ итти комитетская работа. Хотя я теперь уже эксъ-членъ комитета, но дѣло его не меньше прежняго интересуетъ меня. Пожа луйста, не прекращайте Вашихъ бюллетеней. У насъ на дняхъ былъ принцъ Ольденбургскій. Въ день моихъ именинъ онъ посѣтилъ Фундуклеевскую гимназію, гдѣ пробылъ около трехъ часовъ, а такъ какъ въ этотъ день и мой урокъ въ гимназіи, то и мнѣ необходимо было быть тамъ. Принцъ заходилъ и въ мой классъ, во время самаго преподаванія, но случилось это предъ самымъ окончаніемъ урока, минутъ за 5 до колокольчика, почему я и недолго ораторствовалъ въ его присутствіи. Гимназію остался, по его собственному отзыву, очень доволенъ и Надеждѣ Ивановнѣ¹⁾ наговорилъ очень много лестнаго, помирился, кажется, и съ А. Ивановичемъ.²⁾ За то для начальницы института пріѣздъ его оказался неблагоприятнымъ: ей приказано немедленно подать въ отставку, и должность начальницы поручена уже классной дамѣ Сенаторской. Вызовутъ ли нашего митрополита? А о преосвященномъ викаріѣ нашемъ не слышно-ли чего нибудь въ Питерѣ? Вѣдь говорили, что онъ хотѣлъ просить себѣ увольненія. Будьте здоровы и благополучны во всемъ, особенно въ дѣлахъ комитетскихъ. Да когда будете писать ко мнѣ, не забудьте упомянуть и о томъ, всѣ ли письма мои получаютъ Вами. Вѣдь Вы пишете большею частію такъ, какъ будто ничего не получали отъ меня.

Искренно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

19 октября (годъ не обозначенъ).

1) Н. И. Полякова — начальница Фундукл. Женск. Гимназіи.

2) Андр. Иван. Линиченко — начальникъ гимназіи, который одно время былъ почему-то въ немилости у принца Ольденбургскаго.

„Что молчиши, друже, и не глаголеши?“ Или у Васъ такъ много дѣла по комитету, что не остается свободнаго времени для необходимой переписки? Или Вы дожидаетесь поры, когда можно написать о какихънибудь опредѣленныхъ результатахъ комитетскихъ работъ? Или, не достаётъ просто охоты для недѣловой переписки? Или наконецъ, чего Боже сохрани, здоровье Ваше не совсѣмъ въ порядкѣ? Желалъ-бы я, чтобъ изъ всѣхъ этихъ предположеній вѣрнымъ оказалось второе, и надѣюсь, что это дѣйствительно такъ и что скоро я получу отъ Васъ небезинтересныя свѣдѣнія объ окончательныхъ работахъ комитетскихъ. Но во всякомъ случаѣ не молчите такъ упорно, какъ въ послѣднее время, если только Вы здоровы. Я собираюсь теперь писать къ Вамъ, не дождавшись письма Вашего, почти единственно потому, что наскучило молчать. Ничего скольконибудь интереснаго сообщить Вамъ не могу, потому что такового не имѣется ни у меня, ни вокругъ меня. Прилагаю только записочку Николая Дмитриевича, который, поручая мнѣ передать Вамъ его почтительный поклонъ, поручаетъ вмѣстѣ просить Васъ о покупкѣ книжки, заглавіе которой означено на прилагаемомъ доскутѣ. Если Вы исполните его просьбу, то Вашъ долгъ на немъ возрастетъ, но за то, при раскладѣ, получите большій процентъ благодарности. Кстати и моя къ Вамъ просьба по книжному же дѣлу. Я имѣю билетъ изъ книжнаго магазина Исакова на полученіе 2-го и 3-го тома исторіи Бестужева-Рюмина, но не знаю, выслали ли эти томы, или хотя одинъ изъ нихъ: въ газетахъ я не встрѣчалъ объявленія объ этомъ, а, можетъ быть, и просмотрѣлъ. Вы сами, кажется, имѣете такой-же билетъ; такъ ежели 2-й томъ книги вышелъ, потрудитесь, пожалуйста, уведомить меня объ этомъ. Пора-бы уже и всему сочиненію Рюмина показаться на свѣтъ Божій, гдѣ за него напередъ заплачено, не то подписка на него будетъ нечестною спекуляціею со стороны автора на карманы покупателей. О вызовѣ митрополита у насъ

до сихъ поръ нѣтъ никакого извѣстія. Графъ возвратился въ Петербургъ, кажется, 29 октября и, вѣроятно, теперь уже состоялось что нибудь по этому предмету. Кажется, я уже писалъ Вамъ, что защищеніе докторской диссертациі о. Филаретомъ отсрочено по тому поводу, что митрополитъ выразилъ нѣкоторое недоумѣніе касательно этого дѣла. Теперь я достовѣрно узналъ, что онъ послалъ представленіе въ Синодъ такого содержанія, что ректору Академіи неприлично въ той-же Академіи диспутировать на ученую степень, такъ какъ онъ поставляется чрезъ это въ зависимость отъ своихъ подчиненныхъ. А что—дѣло о Янышевѣ? Любопытно, чѣмъ оно разрѣшится. Прошу передать мой обычный братскій поклонъ Д. Гавриловичу. При свиданіи съ В. Аванасьевичемъ, прошу также свидѣтельствовать ему мое уваженіе. Collegam vale et bene vive, non male.

Душевно преданный Вамъ Н. Оаворовъ.

8 ноября 1872 года.

27.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Съ 16 ноября по настоящее число у Васъ состоялось, вѣроятно, три засѣданія, въ которыхъ комитетъ критически разбиралъ свое собственное произведеніе. Можно-бы предположить, что этотъ трудъ оконченъ; но по обыкновеннымъ категоріямъ нельзя судить о дѣйствіяхъ комитета; къ нему не прилагается, кажется, и та аксіома, что все, имѣющее начало, имѣетъ конецъ: начало онъ имѣлъ, а будетъ ли имѣть конецъ,—неизвѣстно. Между тѣмъ пора бы Вамъ домой; вѣдь 1873 годъ уже на дворѣ: неужели Вы встрѣтите его въ Петербургѣ? Нашъ Владыка получилъ уже неофициальное приглашеніе въ Петербургъ и, говорятъ, собирается выѣхать 7 декабря. Помнится, и въ прошломъ году онъ въ то же время выѣхалъ изъ Кіева. Можетъ быть, Вамъ нужно-бы извѣстіе поточнѣе объ его выѣздѣ, чтобы, по

прошлогоднему, не прогуливаться даромъ на встрѣчу поѣздамъ безъ искомаго содержанія, но самъ я не спрашивалъ митрополита о днѣ и часѣ его отъѣзда, а отложить письмо къ Вамъ до полученія точныхъ справокъ о семъ не хочется. Да, по всей вѣроятности, Вы знаете или узнаете и безъ того объ этомъ. Впрочемъ, если я освѣдомлюсь, что выѣздъ его будетъ не 7-го, а въ какой нибудь другой день, то я не замедлю увѣдомить Васъ. О. Филаретъ, должно-быть, отправилъ уже къ Вамъ свою диссертацию, и Вы, можетъ быть, уже проштудировали ее. Докторскій диспутъ его предполагается 15 декабря. Если митрополитъ, дѣлая извѣстное представленіе въ Синодъ по поводу эгого диспута, имѣлъ въ виду уклониться отъ присутствія на диспутѣ, то онъ достигъ своей цѣли. Самъ о. Филаретъ не только не желалъ возбуждать вопроса о мѣстѣ своего диспута, но рѣшился протестовать, если-бы его заставили отправляться въ другую Академію за пріобрѣтеніемъ докторской степени. Погода у насъ чисто весенняя. Въ садахъ у многихъ расцвѣли сирень и желтая акація. Я въ своемъ саду не былъ съ августа, а, вѣроятно и у меня тамъ что нибудь расцвѣло, или распустилось по крайней мѣрѣ. Самъ-то я не цвѣту, а, можно сказать, распускаюсь... Пріѣзжайте поскорѣй, уже и конь Вашъ скучаетъ по Васъ. Прежній импровизованный кучеръ мой оказался презлостнымъ пьяницею, такъ что не могъ не только ѣздить, но даже кормить и поить Вашего вороного. Я долженъ былъ вручить сію обязанность кухаркѣ, подъ собственнымъ надзоромъ, пока не прогналъ неисправимаго автомедона и не прискалъ на его мѣсто другого. Въ отчаяніи отъ беспорядковъ, я уже хотѣлъ обратиться къ Павлу Θεодоровичу съ просьбою, чтобъ онъ взялъ у меня коня, чтобы кормить и поить его на мой счетъ, такъ какъ у него кучеромъ человѣкъ надежный, бывшій прежде у меня и очень хорошо служившій; но судьба послала мнѣ, кажется, порядочнаго человѣка, и я—успокоился. Данилу Говриловичу низжайшій поклонъ и другимъ знакомымъ?

Искренно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

1 декабря 1872 года.

28.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Близко 17, недалеко и 21 декабря. Думаю, что настоящее письмо мое получитъ Вами или 17, или наканунѣ этого числа, поэтому прошу Васъ передать мои искреннія чувства благожеланія дорогому имениннику: да приложатся ему дни на дни, безъ ущербъ его силъ и съ умноженіемъ его благополучія. Затѣмъ и сами примите отъ меня такія-же благожеланія, по исполненіи 53 лѣтъ Вашей жизни, потому что помню изреченіе: „Senectus ipsa morbus est“, по десятка три-четыре лѣтъ дай Богъ прожить Вамъ еще на пользу церкви и славу отечества! Я и не думалъ, чтобы Вы могли до праздника возвратиться во-свои, но предполагалъ, что, по крайней мѣрѣ, на праздникъ придете домой. Теперь же, судя по ходу Вашего дѣла, начинаю сомнѣваться, чтобы у Васъ кончилось все и въ новому году. Какъ-бы не пришлось Вамъ досидѣть въ Пултерѣ и до поста, чтобы потомъ въ св. Кіевѣ, во дни покаянія, принести и исповѣдь во грѣхахъ комитетскаго мудрствованія, съ выполненіемъ подобающей за то эпитиміи. Поспѣшите оставить Вавилонъ, пока не исполнилась мѣра его беззаконій. Цѣлуютъ Вы сущіе во Иерусалимѣ. О. Филаретъ никакъ не можетъ добраться до каѳедры докторантской. Чуть было не напечатали уже объявленія объ его диспутѣ, имѣющемъ быть 15 сего декабря, но на протоколѣ совѣтскомъ по этому дѣлу митрополитъ написалъ, что диссертация докторанта, по мыслямъ и по тону ея, не соотвѣтствуетъ важности предмета и что, поэтому, онъ затрудняется разрѣшить ея защищеніе. Дѣло опять пошло въ Синодъ, который, думаю, поставленъ будетъ такимъ представленіемъ въ нѣкоторое затрудненіе. Митрополитъ нашъ, на мой взглядъ, выразилъ въ настоящемъ случаѣ такую мнительность, которая идетъ въ разрѣзъ съ научными требованіями богословскаго образованія. Что-то скажетъ Синодъ? Мнѣ нужна валежитъ печатать новымъ изданіемъ мои издѣлія; но у насъ порядочной бумаги нѣтъ. Я уже хотѣлъ

было просить Васъ закупить нѣсколько стопъ въ Петербургѣ, въ томъ расчетѣ, что это выгодно было-бы и для Вашихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей; но—провозъ и хлопоты, вѣроятно, будутъ стоить недешево; поэтому рѣшаюсь войти въ сдѣлку съ какоюнибудь типографіею. Съ митрополитомъ я простился 7-го вечеромъ. Кажется, онъ въ хорошемъ расположеніи духа отправлялся въ путь. Когда Вы его встрѣтили? Должно быть 11-го утромъ.

Примите еще разъ мои искреннія благожеланія, какъ по случаю приближающагося дня Вашего Ангела, такъ и независимо отъ этого. Прошу кланяться общимъ знакомымъ.

Искренно преданный Вамъ Н. Оаворовъ.

13 декабря 1872 года.

29.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Хотя старѣй годъ еще не кончился, но пока дойдетъ до Васъ письмо мое—улетятъ послѣдніе дни 1872 лѣта по Р. Хр. и наступитъ 1873 г.; и такъ—съ новымъ годомъ! Недавно былъ Вашъ собственный новый годъ: вѣрно, Вы получили искренно-дружескій привѣтъ мой въ то время; теперь повторяю Вамъ мои благожеланія, прибавляя къ нимъ одно, чтобы поскорѣе можно было возвратиться Вамъ къ старымъ друзьямъ Вашимъ!

Пора, пора кончиться комитету! Чтобы изъ него вышло что-нибудь доброе, надобно, чтобы онъ умеръ благовременно; иначе, какъ залежавшееся зерно, онъ не дастъ никакого ростка въ будущемъ. Можетъ быть, онъ уже и скончался? Дай Богъ! Составляйте-же поскорѣе эпитафію ему, въ видѣ объяснительной, или исправительной, или какой-бы тамъ ни было записки, и съ похоронъ поскорѣй домой. А, можетъ быть, Вы уже и въ дорогѣ? Нѣтъ, впрочемъ: это невѣроятно. Думаю, что Вы еще довольно посидите у моря и въ новомъ году. Письмо мое не только заста-

нетъ Васъ тамъ, но, пожалуй, не будетъ и послѣднимъ, что, однако-жь, крайне нежелательно. Прошу Васъ поздравить отъ меня Данила Гавриловича съ новымъ годомъ. Ихъ комиссія, кажется, покончила свои занятія: остается ожидать трудившимся крестовъ и звѣздъ; дай Богъ и Данилу Гавриловичу украситься звѣздою! Затѣмъ надобно пожелать и можно ожидать того-же и для труженниковъ нашего комитета.

Изъ особенностей кievскихъ вотъ что мнѣ извѣстно: недавно въ Лаврѣ былъ порядочный пожаръ, а въ Университетѣ—маленькій скандалъ, о которомъ разглашать однако-жь не слѣдуетъ. Лѣкаръ П. защищалъ диссертацию на степень доктора медицины. Когда Вальтеръ началъ возражать, раздались свистки. Факультетъ, посовѣтовавшись, объявилъ публикѣ чрезъ декана, чтобъ она оставила залу. Послушались. Но когда факультетъ, послѣ закрытаго засѣданія, появился на корридорѣ передъ залою, тутъ снова раздались свистки. Профессоръ Томса схватилъ за руку одного студента, который свисталъ у него подъ носомъ; потомъ замѣченъ былъ и другой. Дѣло судилось Университетскимъ судомъ, которымъ и постановили, а совѣтомъ потомъ утверждено: исключить изъ Университета на годъ означенныхъ студентовъ (Ч. и Л.) По городу разнеслись слухи съ прибавленіями: вѣрно и въ Петербургъ сообщено не безъ прибавленій. Но дѣло было, какъ я сказала. Sic! Вы что-то опять замолчали. Если будете писать, не сообщите ли, какой оборотъ принимаетъ или приняло дѣло о Филарета. Н. Д. получилъ книжку и просилъ благодарить Васъ. Онъ что-то не совсѣмъ здоровъ. Андрей Николаевичъ¹⁾ давно болѣетъ; поправляется, но медленно. Передайте, пожалуйста, при случаѣ мои поклоны В. Аванасьевичу и о. Прохору Карповичу. Будьте здоровы, благодущны и счастливы.

Искренно преданный Вамъ Н. Фаворовъ.

28 декабря 1872 года.

1) А. Н. Муравьевъ.

Любезный другъ Петръ Гавриловичъ!

Позвольте пожаловаться Вамъ на Васъ самихъ. Формируя хоръ для собора, Вы похитили у меня одного мальчика, который еще до праздниковъ Рождественскихъ приглашенъ мною пѣть на лѣвомъ клиросѣ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ за извѣстное вознагражденіе. Мальчикъ этотъ Кальницкій—изъ Софійскаго училища. Я былъ доволенъ имъ, и онъ, кажется, охотно посѣщала Университетскую церковь. Не знаю—почему, только г. Турчинскій съ видимымъ неудовольствіемъ далъ ему позволеніе ходить къ намъ. Если отъ него и теперь зависитъ выборъ мальчиковъ для формируемаго Вами хора, то мнѣ неволью думается, что онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы взять мальчика изъ нашего хора. Повторяю, что причины къ тому поступку я не могу объяснить, потому что для мальчика не только не вредно, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и полезно ходить къ намъ. Какъ бы то ни было, впрочемъ, я покорнѣйше прошу Васъ возвратить мнѣ моего пѣвчаго, который, конечно, по невѣдѣнію—похищенъ Вами у меня. Вы легко обойдетесь безъ него, а для меня подобныя похищенія—сущее разореніе. На этой недѣлѣ я два раза былъ у Васъ, но не засталъ Васъ дома. Петербургъ, видно, развратилъ Васъ и отучилъ отъ степеннаго домосѣдства. Надѣюсь, впрочемъ, когда нибудь захватить Васъ врасплохъ. А пока примите искреннее чувство благожеланія душевно преданнаго Вамъ

Н. Оаворова.

10 февраля 1873 года.



ГОРОДЯНКА.

(Повість.)

(Окончаніе ¹⁾).



ХІХ.

Не мало часу перейшло, покы Приська звыкла до тыхъ порядкивъ, що завела у своїй господи Палагея Тыхоновна. Кватыранкы минялыся мало не що-дня; минялыся въ залежности видъ того и гости. Ридко яка зъ жинокъ, або дивокъ корыстувалася вильнымъ часомъ, щобъ обипратыся, облататыся та полагодыты свою одягу: бильшисть, ослобонившысь видъ господарьского ока, неначе уцывалася волею и, не шкодіючи ни грошей, ни здоровья, потрачала весь вильный часть на безперестанну гульню. Нихто зъ нихъ не мигъ сказаты напевне, чы надовго, чы ни протягнется цей часть воли, нихто не знавъ, чы завтра, чы через мисяць найдется мисце, а тымъ паче, яке жыття та яки умовы незабаромъ сподиваються ихъ? „Може завтра доведется иты у наймы—треба нагулятысь“, „може доведется служыть у

¹⁾ См. «Кіевск. Стар.» № 11.

такому пекли, що и до храму Божого не виврвусь, то пороскошную хочъ теперь“,—думалы та казалы кватыранкы Палагеи Тыхоновны, и Приська незабаромъ впевнылася, що то не дурный розумъ, а гиркый досвидъ навчывъ дивчатъ-наймычокъ, такъ миркуваты. Чы знае вона сама, чого сподивается вона на ранокъ, куды потягне ии Лейба, або Палагея Тыхоновна? Дякуючы тому, що въ неи йе на цей разъ прыпасени грошы, вона може перєбираты, „вередуваты“ та повагомъ шукаты такого мисця, що видновидало-бъ ии бажаннямъ. А що, коли-бъ це у неи не було ни шага за душею, а ни повной скрыни? Чы не повинна бъ и вона була заплющты очи та иты, куды голодъ та недостаткы поведуть на налыгачи?

Приська просыдила вже не тыждень и не два на кватыри. За цей часъ Гашка встыгла повернутысь на село, Машка—згоиты ти сынякы, що поробывъ ий Якивъ, та зйтыся изнову зъ нимъ; Варка—ванятыся у отель; Санька изйшла кривью лисля шанобы якоись знахоркы (та виддала Богови душу; и тилькы Приська зустричала та выржамала то пышавыхъ, то плохенькихъ, але однаково безталанныхъ, кватыранокъ Палагеи Тыхоновны и все неначе чого-сь сподивалася.

И справди, не дурно вызырала вона, наперекиръ и розуму, и добрый воли, такъ часто у виконце: вона сподивалася, якъ великого свята, Степана до себе. Попадысь винъ ий на очи у ту страшну ничъ—вона-бъ люто покарала ёго за зраду; прыйды винъ ранйше,—вона просыла-бъ зъ проклёномъ ёго, але теперь... теперь, черезъ добрый мисяць жыття помижь кватыранокъ Палагеи Тыхоновны, багацько зминылася и вона сама. Вона пересвидчылася, що кохання, ця чыста, дорогъ перлына за для неи, мало не скрызъ вже загыжена, заплямована людмы; що люде навить забулы про великый коштъ ии и прыдають значиння тилькы тйй оправи, у яку майстеръ виравыть ии; що люде и не шукають тйей перлыны, а завдовольняются натѣмисць намыстынкамы зъ рижнобарвого скла, що знаходять випадково по дорози свого жыття та нанызують на одну вызку; що даремно вымагае вона видъ Степана того чыстого и едыного на весь

винъ кохання, яке зазнало їм властне серце, бо винъ навіть не може й уявити його собі... Скільки перетерпили на їм очахъ інші дівчата та молодьци, скільки гори прийняла Машка! Чы не повинна и вона стерпѣти та выбачити своєму коханцеві, коли не хоче залишитыся останнѣм краплины счастья та загу-быти навикы надію на спивпочуття? А до того, що знае вона певного про зраду Степана? Може винъ пишовъ тоди зъ Дунькою у садъ на гуляння, може запрохали ихъ у гости, може навіть вони нарізно й вийшли зъ кухни? Ничого вона не знае, ничого не чула, причъ де-кількохъ сливъ видъ крамаркы, и коли-бъ оце винъ прыйшовъ тилькы та побожывся їй, що не-выненъ, вона радо повирыла-бъ, або примусыла себе повирыты ёму. Абы винъ прыйшовъ, абы покаявся, абы зарикся дурыты їм та проказавъ їй словечко ласкаве—и вона простыть ёму зраду, загоить якъ небудь ти уразкы, що поробывъ винъ, необачный, на серци їм... Але винъ не прыходывъ. Приська вызы-рала, ходыла не разъ на ту вулицю, де служывъ винъ, розпы-тувала про ёго,—нихто не мигъ ничого сказаты про видносныи ёго до Дунькы, ни разочку не довелося и їй зустріти ёго. Молодыци стало все частіше здаватися, що вона даремно покы-нула Степана та надала собі стількы муки,—що винъ кохае їм, якъ и ранійше, и тымъ и очей не каже никуды, що сумуе разъ-у-разъ самотный.

И озъ нарешти, вертаючыся якось зъ городу, Приська спит-кала ихъ обохъ. Степанъ ишовъ похмурый та сумный, а Дунька щось весело ёму цокотила. Приська одвернулася и хотила обмынуты ихъ, але Дунька немовъ оступылася и штовхнула їм у бикъ. Приська повернулася и плюнула Дуньци у вичи. Дунька спалахнула и замирылася, щобъ вдаритъ Приську, але Степанъ спостеригъ завчасу їм замиръ и спынивъ за руку

Дунька ще дужче скыпила:

— Чого ты мене держышь? Пусты мене... або наклады їй самъ... Иды... бижы... дожены їм зразу, провчы їм, якъ плюва-тыся!—напалася вона на Степана.

— Добре, добре,—заспокоювавъ Степанъ, не выпускаючи одначе ія руки зъ своихъ рукъ...

— Сёгодні-жъ наклады! Зразу иды; а не схочешъ, то я намовлю парубкивъ, щобъ и тоби ребра поличылы!

— Сёгодні-жъ и пиду,—мовивъ Степанъ.

— Щобъ безпреминно сёгодні!—приказала Дунька.

— И пиду,—мовивъ Степанъ,—стежучы очыма, у який край подалася молодыця.

И справди, годыны черезъ дви Степанъ майнувъ до Приськы, але, звычайно, не зъ тымъ замиромъ, щобъ выконаты бажання Дуньчыне.

Винъ нагодывся саме у той часъ, колы Приська найменше сподивалася ёго. У кимнати кватыранокъ було чы-мало гостей. Все сидылы по парахъ та весело гомонылы, и тилькы Приська прымоствалася въ сторонци одъ столу на свойй скрынни та сумувала сама соби.

— Присько!—до тебе гистъ прйшовъ та не насмылтся увійты сюды; прохае, щобъ ты у сины выйшла,—погукала на молодыцю Палагея Тыхоновна.

Приська выйшла...

Не будемо оповидаты, якъ склалася помижъ Приською та Степаномъ згода, не станемо и пересказуваты, якъ выправдывся зрадныкъ,—загублене та знову знайдене счастья мылійше за те, що не зныкало николы, и закохани колысь серця та розризнени на який часъ зможуть порозумитыся. Степанъ не брехавъ, колы прысягавсь у цей вечиръ, що ненавидыть Дуньку: безъ краю рослутня та уйдлыва дивка вже остогыдла ёму; винъ казавъ щыру правду Присьци, колы обнимаючи станъ іи та покрываючи іи выдъ поцилункамы, божывся, що вона ёму наймылиша за всехъ у той часъ. Що до Приськы, то вона тилькы й бажала ціей прысягы, тилькы и сподивалася цихъ ричей, щобъ изнову повиртыты парубкови та виддаты ёму серце свое.

Степанъ ставъ ходыты що-вечора. Спочатку винъ трывавъ себе далеко краще за всехъ кавалеривъ, не вымагавъ выдъ Приськы грошей и не встрывавъ у гущу пьяныхъ гостей; але

пройшовъ який часъ, и Присьци стало здаватися, що коханець їй починає нудитися та все раніше поспішається до-дому. Трохи перегадомъ вона стала добавляти до спильной складчыны и свою пайку горилки на долю Степанову. Черезъ це, трошки згодомъ поличывшы невеличку остачу своихъ грошей, вона мусыла признатися самій соби, що більшисть їй zostалася у шынку; а ще черезъ який часъ вже попрохала Степана, щобъ шукавъ їй підхоже місце.

— Я тобі зразу поражу місце: наймайся до Берчыхы,— пораявъ їй Степанъ.

— До жыдивкы?—здыувалася Приська.

— То що, якъ до жыдивкы? Ниде, колы хочешъ знать правду, наймытови не буде такъ добре, якъ у жыдивъ.

— Смієшся, чы що?

— А ни-же, не сміюся; я самъ служывъ колысь у жыдивъ,— мовывъ Степанъ.

— Тай оскому набывъ?—засміялася Приська.

— Чого ты смієшся? Далеби, не жартую: такы насправжкы кажу тобі, наймыся до Берчыхы,—стоявъ на своєму Степанъ.

— Та що це тобі спалося на думку у жыдивьскы наймычкы мене посылать? Саме прызвыще: „жыдивьська наймычка“ мене зъ свиту зжене.

— Цилуй, колы такъ, Штейнмихельшени замкы, а у мене не пытай порады!—розсердывся Степанъ.

— Чого ты розсердывся? Невже жъ такы справи мени до Берчыхы йты?—все дужче та дужче дывувалася Приська.

— А чому тобі до Берчыхы й не йты?—перечытавъ иі Степанъ.—Хыба може роботы боишся? Не звыкла?

— Роботы я николы не боялася, за роботу мене ни хто не ляявъ; роботы я здатня, якъ виль, абы мени за те було добре,— видмовыла Приська.

— Краще тобі ни де не буде, якъ у Берчыхы: харчъ добра...

— Зъ перцемъ,—додала Приська, жаргуючы.

— До перцю можно звыкнути. Плата гарна: чотыры карбованци...

— Прямо, що гарна! На чотыры карбованци и не одягнешся.

— Наймайся до Куракыной,—изнову розсердився Степанъ.

— Не пиду я до Куракыной, не пиду и до Берчыхы! Годи мени голову влопотаты та нисенитныцю плескаты; пошукай мени краце мисця, щобъ намъ буты поблышу, та щобъ намъ було вильно бачытысь,—мовыла Приська.

— Ото-жъ саме таке й мисце у Берчыхы: я недалечко, а ничка уся за-для наймычокъ—у неи вильно; куды схоче-туды иде, що хоче-те й робыть...

— Одчепыся зъ своею Берчыхою: хай мени пообища и золоту труну справыты, то не пиду я до неи!—розсердылася Приська.

— Тёгю! чы чуєте, що мени Степанъ рае? Щобъ я нанялася до Берчыхы. Чы то-жъ можно отаке прырозумиты? Та невже я остання тутъ, у городи?—звернулася вона до Палагеи Тыхоновны, що забигла за чимъ-сь у хатыню кватыранокъ.

— Степанъ тоби на льхо не порае, а я тоби скажу такъ: нема тутъ, у городи, помижъ вамы, наймычкамы, њни першыхъ, ни останнихъ; вси накуштуетесь рижныхъ борщивъ. За свѣй вѣкъ спробуете и паньской и жыдивськой ласкы,—видповила й Палагея Тыхоновна трохы суворо, бо молодыця не згодылася й продаты сёгодня платка.

— Не куштувала я жыдивського борщу тай не куштуватому николы!—одризала молодыця.

— Вже-жъ и я не шматуватому бильшь николы одежныы по чужыхъ перелазыхъ! Наймайся, куды знаешъ, робы, якъ хочешъ, та тилькы не враждуй на мене, якъ що може я трохы й забуду тебе... Не ручуся за себе, не поручуся и за тебе: хто ёго зна, чы довго сумуватымемъ мы одынь за однымъ, та чы не звыкнемо жыты наризно? Хыба-бъ я забуду, що до тебе треба йты, хыба-бъ я пишовъ зъ тѣю Дунькою гуляты тоди, якъ-бы ты не була у тѣи скаженои пани, та якъ-бы мени було вильно ходыты до тебе? Раю тоби видъ щырого сердца на корысть намъ обомъ, а проте твоя воля!—мовывъ Степанъ. Приська тяжко замыслылася.

— А призвыща, а поговорь!—ажъ скривнула Приська и спалахнула, немовъ хто вже кинувъ їй образлыве це призвыще у вичи.

— А призвыща? а поговорь?—передражнивъ їи Степань.— Сказано, того людського поговору страшно! Пристане винъ до тебе? Злыняешъ видъ ёго? Робы, якъ знаешъ, а моя воля, щобъ ты нанялася до Берчыхы!—додавъ винъ и подавсь, не попрощавшысь зъ Приською, до дверей.

Усю ничку не спала Приська та все миркувала сама собі, чы послухатись Степанової порады, чы ни? Цилисенський день уявляла вона себе у становщи жыдывської наймычки и не знаходила у собі снагы попустыты себе до того.

— А що? найшла мисце?—запытався їи другого вечора Степань.—А я вже знайшовъ собі: пойду до одного пана ажъ на хутирь,—додавъ винъ, не дждавшысь видповиди видъ Приськы.

— Ажъ на хутирь?—жахнулася молодыця.

— А що мени таке? Однаково, до кого-бъ ты не нанялася,—мени ходу туды не буде, бо у яку собаку не пошпурь, то хочъ у Рыбалкыну, хочъ у Куракыну влучышь, а до Берчыхы ты не хочешъ.—

— Може и наймуся,—обизвалася и сама злякалася свого голосу Приська.

— Тоди буде инша ричъ: тоди я не пойду,—мовывъ Степань.

— Я наймуся... тилькы мабутъ, Степане, не выбуду я тамъ довго,—мовыла Приська.

— Ось хрестъ кладу тобі, що выбудешъ!—перехрестывся и видразу повеселишавъ Степань.

XX.

„Роботы“, якъ казала Берчыха, „у мене небагацько: встань раненько вытопы, насвитанку—сомоваръ наставъ, у снідання—корявку здій, передъ обидомъ—горныци прыберы, у обидъ—ди-

тей нагодуй, після обидь—тенетки поперы, надъ вечирь—воды наносы, у вечери—вечерю выдай, постиль перестелы, у кухни прыберы, коривци синця заложы, а тамъ вже хочъ и руки складь: Симья, на мову Берчыхы, тежъ невеличка: хазяинъ та хазяйка, хазяинивъ батько та хазяйчына сестра, шестеро хазяйськихъ дитей, та двое хазяйчыныхъ племянныкивъ. Про те, невважаючи на такі чудови умовы, Приська хотила покынуты Берчыху у той-же самый день.

— Хай Богъ мылуе!—такого мени зроду-вику не траплялося чуты, щобъ мой наймычци та надъ сылу була робота! То тобі, молодычко, зразу такъ здалося, то тобі уявилось, що у мене скрутно: оговтаешся, звикнешъ, то спатимешъ цилый день на печи, бо все переробышь въ одинъ разъ, и тобі зовсімъ ничого буде робыты.—Такъ стала умовляты Приську Берчыха.

— Ни, не буду я у васъ!—видмагалася Приська.

— Якъ-то не будешъ? Степанъ мени ручывся за тебе, а ты покынешъ? Коли-бъ я знала, що ты така недобра, то я бъ и не наймала тебе... Господь зъ тобою! А теперь черезъ тебе я всихъ гарныхъ наймычокъ утеряла и не можу одпустыты тебе... Ну, прохаю тебе: побудь хочъ зъ мисяць, роздывысь краще, спробуй, а тоди вже и кыдай,—попрохала Берчыха.

— Далеби не можу!—надъ сылу мени робота, тай не звикну я,—видмагалася все Приська.

— Коли не можешъ мисяця выбуты, то хочъ черезъ ярмарокъ перебудь,—попросила її Берчыха. Приська здалася бильше на волю Степана, нижъ на прохання Берчыхы, и зосталася на якый-сь тамъ часъ. Але перебигло непрымитно де-килько день, и Приська зрозумила, чого Степанъ такъ домагався видъ неи, щобъ вона нанялася сюды: ни де, справди, не було имъ такъ вильно, якъ тутъ.

Берчыха наймала сами руки, платыла за нихъ и вымагала багацько роботы, але їй зовсімъ не було дила до того, кому ти руки належать и що то за людына въ її хати живе. Руки най-

мычки повинни були бути дужими, проворними та зученими до праці,—а про решту вона николи й не пыталася.

Берко та Берчыха зпозаравку ишли до крамничкы, сестра Берчыхы сидала до машыны плесты панчохи, хазяинивъ батько выходывъ тежъ куды-сь. Диты та племянныки зоставалыся на доглядъ старшой дочкы, Рухли, та Приськы, а молодыця дывувалася, якъ добре трымалы себе диты у видносынахъ до наймычокъ. Вони вмилы такъ само, якъ и Берчыха, вымагаты роботы, знали, скільки родына платыть и за яку працю, зате-жъ розумилы межи своихъ правъ и николи не допускали себе до незвычайности, николи не мовылы якого неввичлывого слова.

Приська ходыла сама до торгу, и ниhto зъ товарокъ та перекупокъ якый часъ не знали, де вона служыть. Це ии захыстыло на першый часъ видъ тыхъ прызвыщъ, що Дунька напевне не забарылася-бъ прытулыты до неи, колы-бъ дозналася правды. До стравы Приська тежъ звыкла, тымъ паче, що Берчыха не забороняла ий варыты соби наризно, колы Рухля прыправыть свій обидъ не до смаку молодыци. Одно, до чого не постачало снаги у Приськы звыкнуты—це каторжна, безперестанна праця.

Молодыця пылася скільки мога, прынаровлялася, хытрувала такъ, щобъ заразомъ два дила роботы, вставала зарани, не прысидала цилый день, а проте ранищъ десяти годынь вечора не могла скорыстуватыся тиею волею, якою Берчыха надияляла своихъ наймычокъ. Зате зъ цёго часу наймычка вильна була роботы, що ий спадется на думку—йты куды хоче, гуляты хочъ и до свиту. Лигаючы спать, Берчыха замыкалася добрымъ замкомъ видъ кухни, а кухню кыдала на волю „самостійной хазяйки“,—якъ казала Берчыха,—прохаючы ии тилькы погасыты свитло та замкнуты зъ околыци двери, якъ що прыйде охота погуляты.

Ридко якый вечеръ не прыходывъ Степанъ. Иноди вишь зоставався у Приськы, а иноди заходывъ тилькы за нею та вивъ до знаёмыхъ, або и у садъ—на музыку. Спочатку зваёми, музыка та театръ немовъ наче пидбадёрювалы молодыцю, и вона

охотнице бралася на другый день до работы, адже не перейшло и мисяця, якъ мицный та спокійный сонъ ставъ їй здаватись мылишымъ за гостей, за музыку та инши веселоши,—яона утомлася.

Степанъ не хотивъ того знаты, не вирывъ Присьци и вымагавъ, щобъ вона ходыла зъ нымъ; Берчыха тымъ паче не хотила того знаты та вымагала видъ наймычкы работы—и молодыця незабаромъ зблidla, змарнила знесыллася. Мынавъ день, прыходывъ другый—Приська зустричала схидъ сонця, проводыла захидъ ёго неваче у снi. Якъ перебигло дванадцять мисяцивъ цїен каторжнои пради, якъ протягла вона трыста шістьдесять пять вильныхъ ничокъ мало не зовсимъ безъ сну,—Приська не хотила про це згадуваты...

Зибрався якось великый торгъ, и навезлы незвычайно багацько цыбули. Рухля купыла ажъ пять винкивъ и звелила Присци однести до-дому. Приська скынула ихъ соби на плечы, ступыла де-килькы крокивъ и трохи не крыкнула: щось неваче увирвалося у середыни, и гострый биль пронявъ наскризь ливый бикъ. Приська перестояла трохи и рушыла була знову иты, але друга, ще гостриша, колика переняла їй духъ. Вона скынула цыбулю додолу и прысила на нишоходи, вызыраючы, чы не надїйде яка знаёма людына, щобъ пособыла донести цыбулю до дому. Якъ на те молодыцю мыналы все незнаёми люде. Приська озырнулася ще разъ и стала скыдаты цыбулю изнову на плечы.

— Присько! сестрычко! голубочко!—крыкнувъ хтось несподивано надъ самымъ їи вухомъ, и тужъ мыть чыи-сь руки оточылы їи шыю, чыи-сь губы прыпалы до їи выду.—Охъ Господы, яка я рада! Видъ самисинького свитанку шукаемо мы тебе по городу... Гараздъ, що хочъ теперь здыбала тебе, а то малы вже и до дому йихаты... Де ты теперь служишь? Та якъ-же ты змарнила, сестрычко!—перепынула свою ричъ Мелашка, и горячи слёзы полылыся зъ їи тилькы-що веселыхъ та свитлыхъ очей.—Голубоньво моя, сестрычко, скажы мени, яке тоби горе, що тоби сталося, що ты зблidla та постарилася такъ?—допытувала Ме-

лашка, пыльно та жалистливо прыглядаючысь до знесыленой красуни-сестри.

— Пропасныця змучыла; четвертый мисяць трусуть,—вид-брехалася Приська.

— Дай-же мени цыбулю—я тоби донесу,—мовыла Мелашка и перекынула вси п'ять винкивъ, наче ту пирьину, на свои дебелы плечы. Ходимъ! Або ни: я збигаю до воза—тамъ и Трохымъ и Даныло. Отъ зрадіють! Може и ты пидешъ до ныхъ.

— Мене саме це трусуть—не могу йты,—збрехала вдруге Приська.

— Посыдь-же, сестрычко, колы такъ, тутъ, а мы зразу прійдемо вси до тебе,—мовыла Мелашка, кладучы цыбулю на пипоходы, и ту-жъ мыть зныкла помижъ людей, возивъ та товару.

Приська не гаяла часу: тилькы зныкла сестра, вона кынулася навтикача видъ торгу, сестры та чоловика. Манивцямъ, чужымъ перелазамъ та по-за крамныцямъ добигла вона до знаёмой крамаркы и, покынувши тамъ цыбулю, побигла до-дому.

— Що тоби трапылася? Що тоби таке? Де цыбуля?—запытала перелякана Рухля.—На тоби лыця немае! Може вкравъ хто цыбулю?

Приська замість видповиди заголосыла. Нагодывся Степанъ, ставъ допытуваты. Рухля, диты тежъ обступылы наймычку та допытувалы—никому ничего не видповидала вона. Добру годыну простоялы вси надъ нею—тай не прочулы а ни словечка. Тай що мала вона имъ сказаты? Чы варто, чы гоже було раскрываты свою душу, признаватыся, на яки думкы та спогады навела ии сёгодняшня зустричъ зъ сестрою? Чы зрозуміють вони ти пекельни муки, що вытрымала вона видъ самой думкы, що сестра та чоловикъ можуть довидатысь, де вона служыть, прійты у жыдивській двиръ та здыбаты ии зъ полюбовныкомъ? Ни, не варто видаваты ци перлыны—слёзы гирького каяття на глумъ жыдивци та Степанови.—

Вона немовъ прокынулася теперъ писля довгого-довгого сну; вона немовъ выпьялася на высокый шпыль, немовъ глянула

прозорыми очыма навкругы и вперше побачыла те болото, де зав'язла вона. А Мелашка, свижа, якъ квиткы умыти росюю, здорова, певна у соби и у людяхъ, стояла наче жыва передъ очыма и прохала сестру повернутись на село. Повернутись на село? Для чого, для кого? Навики заросла вже стежка до риднои осели; едина тоненька павутынка—спочуття до родыны—давно вже увирвалася, а тутъ, у городи, висталася хочъ крихотна надія на краще жыття.

Довго плакала та ламала руки зъ одчаю Приська.—Степанови обрыдло дывытысь на неи, и винъ пишовъ до шынку, де „зъ досады“ добре напивсь.

О-пивночи прокынулася Приська. Свитло горило, на столи лежавъ замокъ зъ ключемъ, а на лави мицно спавъ Степанъ.

— Степане, Степане! вставай та мерщій замкны конюшню, бо ось и ключъ и замокъ на столи!—сипнула ёго за рукавъ молодця.

— Геть, чортова квысля!—гримнувъ на неи Степанъ и повернувся на другый бикъ.

— Степане, Степаночку, встань-бо! прокыньсь!—прохала ёго Приська.

— Иды къ бису!—лаявся Степанъ.

— Степане, коней покрадутъ...

— Геть!—видыхнувъ ии Степанъ.

— Степане, прокыньсь! Степане, коней повыводять. Иды замкны конюшню! Степане, голубчыку, розбуркайся-бо!—прохала та будыла Приська.

Але Степанъ лаявся, штовхався, кричавъ, перевертався на другый бикъ и не хотивъ знать ни коней, ни конюшни.

Приська взяла ключъ та замокъ и хотила вже йты у сусудськый двиръ замыкаты конюшню, колы щось застугонило пидъ викномъ, и незабаромъ убигла куховарка тыхъ панивъ, де служывъ Степанъ.

— Степанъ тутъ?—запытала вона.

— Онъ спыть!—показала Приська на лаву.

— Збуды ёго!—звелила куховарка.

— Я вже будыла та ничого не вдію, не прокыдається,—мовыла Приська.

— Я ёго, ледачого пьянюгу, зразу збужу! Я ёму покажу, якъ по ночахъ таскатыся! Черезъ ёго, проклятого, и мени немае спокою. Вставай!—крыкнула куховарка надъ самымъ вухомъ Степана и штовхнула ёго зъ усіей силы у бикъ.

Степанъ повернувся и, не росплющуючы очей, улучывъ куховарци замашнымъ кулакомъ у груди.

— А! щобъ ты, пьянюго непуцящий, отутъ на мисти одубъ! щобъ тебе правцемъ поставыло!—Буды ёго!—накынулася розлютована куховарка на Приську.

— Та я-жъ будыла.

— Буды, жыдивьска потаскухо! Колы закывала до себе та напоила, то сама и видшвидай!—крыкнула изнову куховарка.

— Я ёго не напувала,—видмовыла, ледве стримуючы слёзы, Приська.

— А мени яке дило, чы то ты, чы яка инша потаскуха напоила ёго? Не хочешъ будыты, то самъ панъ розбудыты ёго!—гримнула ще разъ куховарка и звыкла у синяхъ.

Не встыгла молодыця проковтнуты одніей образы, якъ вже самъ панъ кынувся до неї зъ кулакамы.

— Де той пьянюга? Куды ты ёго заховала?—налетивъ винь, немовъ та шулика, на Приську.

— Онъ спыть на лави,—перелякалася, ажъ затремтила вона.

Панъ пидбигъ до Степана и вразъ выбывъ хмилъ зъ головы. Стапанъ схопывся и кынувся, якъ несамовытый, зъ хаты.

— А тебе я провчу колысь! Тоби я тежъ накладу колысь, жыдивьскыи попыхачъ!—налаявъ ще разъ панъ Приську.

Все стерпила, все знесла нышкомъ Приська, але на цёму не скинчылося: черезъ часъ повернувся Степанъ и сповистывъ Приську, шо панъ вже прынявъ видъ ёго зброю и прогнавъ геть зъ двору.

У молодыци пидкосылыся ноги видъ такои звисты.

— Що-жъ ты теперъ робытымешъ?—запытала вона Степана.

— Пересыжу на кватыри, поки місце трапиться,—мовивъ винъ байдуже.

Приська тяжко зитхнула. Легко сказати: „пересыжу на кватыри“; хыба вона не знае тыхъ кватыръ, хыба не вида вона, яку кватырю винъ уподоба? Чы за-для того вона стільки перетерпила, стільки перемучылася, щобъ диждаты побачыты Степана пидъ тынню? „Розипьется, распустытся, розледачіе вврай—и що я робытому тоди зъ дытною на рукахъ?“—журылася нышкомъ Приська.

— Погашу свитло, бо такъ не засну,—мовивъ трохи перегодомъ Степанъ, занудывшысь дывлячысь на Приську, якъ вона чумавіе.

— Гасы,—видповила Приська.

Степанъ буркнувъ щось собі пидъ нисъ, дмухнувъ на свитло и полизъ на пичъ спаты, а Приська немовъ прыкыпила до лавы й не рушыла зъ неи ажъ до свитанку.

Якъ тилькы Берчыха выйшла до кухни уранци, Приська попрохала у неи порады.

Берчыха мыттю прырозумила, якъ пособыты горю.

— Хай Степанъ живе у насъ до которого часу: винъ мене не обьясть и кутка не завалыть, а щобъ ёму не прыкоро було жыты безъ усякого дила, мы купымо поганеньку конячку,—хай винъ заробыть и хазяинови яку копійку, и самъ матыме прыстановыще та харчъ, и тоби буде спокійнише,—мовыла Берчыха.

Одначе ця щыра, розумна та корыстна за-для всихъ, на мову Берчыхы, порада не дуже-то прыйшла по серцю молодыци: ій прыкоро було навить и уявить собі, що Степанъ іи стане жыдивськымъ поныхачемъ „за харчъ“.

— Ни,—мовыла вона—хай и краще платытому вамъ за кутокъ по варбованцю на мисяць, а харчуватыметься винъ у кумы,—попрохала Приська.

— Боже упасы! Щобъ я брала зъ тебе грошы? Щобъ я вывертала зъ тебе за Степана? Та ты мени платы удесятеро бильше, то я не схочу твоихъ грошей. Якъ-то можно? хыба я

не знаю, яки твои грошы? Хыба въ мене жалю не мае? Ни, коли ты жаліешъ Степана, а я шкодию твоихъ грошей, то хай же буде ни по твоему, ни по моему; мы умовимся зъ тобою такъ: незабаромъ будутъ наши Святкы, до мене прыйдутъ здалека родичы—треба прыбраты, прычечуриты скривзь, и звычайно я беру поденныхъ. Теперъ я поденныхъ не визьму: ты, молодычко, нивароку тоби, проворна, роботяща, управышся сама—и мы будемо квитъ.—Приська подумала трохи и згодылася.

XXI.

Степанъ не знавъ тай не дуже цікавився знаты, на якихъ умовахъ зистався винъ у Берчыхы. Роботы зъ ёго ништо ніякои не вымагавъ, кума Настя харчувала не зле, у кышени поводылося трохи грошей, и жылося-бъ ёму не погано, якъ-бы Приська меньше до работы прыпадала та бильше часу ёму удиляла.

— Крутышся, якъ муха у окропи, николи не прысядешъ, не побалакаешъ! зануда бере, дывлячысь на тебе,—скаржывся Степанъ, потягаючысь та позихаючы на всю хату.

— А ты мени пособы трохи, той мени буде бильше вильного часу,—видмовляла Приська.

— У чимъ-же я тоби пособлятому? Нема мени пидхожого дила. Якъ-бы це кони... або якъ-бы це у панивъ, та я за лакея,—позихавъ Степанъ.

— Корова йе,—нагадувала Приська.

— Хыба що корова!—позихавъ изнову Степанъ, и хочъ и погожувався, що доглядъ за коровою дило пидхоже за-для ёго, не йшовъ пораты ии, бо памьятавъ, що це задурно, що жыдивка не выкыше ёму и шага за ёго працю. Такъ само невелика охота розбирала ёго и носыты воду, або дрова, вычыщаты била порогу та ходыты зъ дорученнямы. Приська мовчала який часъ, терпила та тилькы дывылася, якъ винъ, мовъ непрыкаядннй, вештається зъ угла у вуголь, але коли побачыла, що таке жыття ёму до вподобы и що винъ не дуже-то турбуется про мисце,

стала докоряты та вымовляты ёму. Степанъ немовъ и схаменився, почавъ доглядаты коровы; але-жь той доглядъ дався у знакы молодыци: зъ самого ранку починавъ Степанъ прокльнаты и долю свою, и Берчыху, и їи корову, та сваржытысь, що ёго зробылы „жыдивськымъ попыхачемъ“, що потуряють имъ, якъ якимъ крепакомъ. Молодыца доводыла ёму, що то винъ їй пособляе и робыть не Берчыси, а їй, що їй, хворій теперь, надъ сылу праця, и що винъ повиненъ самъ попыльнуваты про те, щобъ вона не пидвередылася або не знесылылася вкрай.

— Тоби-жь гирше буде, якъ я занедужаю та доведеться тоби харчуваты и меня и дытыну. На твой-же голови окошытся моя хвороба,—доводыла ёму Приська.

Степанъ гараздъ не розумивъ, зъ якои речи хвороба полюбовныци або и їи дытына надасть ёму клопотивъ, бо не почувавъ за собою ніякихъ обовязкывъ и николы не бачывъ, щобъ навить дукари-паны бралы на себе таки незвычайни турботы, проте не зважувався до котрого часу высловлюваты свои неясни думкы, и хочъ зъ проклёномъ та пересердымъ, а йшовъ такы до коровы. Повагомъ вытягавъ винъ два [цебра воды, повагомъ, мало не по одній стеблыни, набиравъ у сараи сина, повагомъ напувавъ, злегенька вычыщавъ стійло и, скинчывши цю працю, обовязково прокльнавъ свою долю—долю „жыдивьского попыхача“.

— Чомъ-же ты соби мисця не шукаешъ? Чого свитомъ нудышь, чого мени голову отымы проклёнами забываешъ. За тры тыжни можно було-бъ мисця знайты и заробыты хочъ на крестыны дытыни. Незабаромъ у тебе буде дытына; чы розуміешъ ты, що ты будешъ батькомъ, що у насъ буде зайвий йидецъ, зайва душа на рукахъ?—нагадувала ёму Приська.

— А це-жь черезъ кого я мисця не шукаю, якъ не черезъ тебе та того зайвого йидця? Пиду звидциль, то ты и одного дня не выдержышь! Кыдай Берчыху, наймайся до кого иншого, де не стыльки роботы, то я заспокоюсь и зразу наймуся,—видпо видавъ Степанъ, и Приська вирыла ёму та тилькы зитхала: „до

кого иде вона теперъ, хто схоче держаты іи теперъ, причъ Берчыхы?”

Перейшлы жыдивськы святкы.—Якось видбула Приська гостей та родычивъ хазайськыхъ и, хочъ доводилося и до низнёи ночи разъ-у-разъ робыты, хочъ выпадали частенько и таки деньки, що вона не мала часу гараздъ и попойисты, але вона мовчала, бо бачыла, що недавня воля прызвела іи до гирком неволи слугуваты тому, хто схоче іи держаты, годыты тому, хто хочъ не жене іи вагитной проты Свята зъ двору.

Диждалы Вельководныхъ Святокъ. Берчыха не перечеыла наймычкамъ видбуваты ихъ по закону, и Приська не шеодила ни пради, ни грошей своихъ, абы наготовыть всёго, що слидъ, та задовольныты Степана. Степанъ захопывся тежъ святочнымы турботамы и, сподиваючысь гостей, вычыстывъ навить частыну дворыща. Приська ледве волочыла ноги, почувала себе дуже погано, але ни однимъ словечкомъ не натякнула про те Степанови, щобъ не турбоваты ёго и щобъ не обрыднуты ёму жалючысь на хвористъ.

У велькодну субботу вона уготовыла стиль, прычепурыла все, а у вечери дала Степанови билу сорочку, повязала ёму шыю своимъ шовковымъ платкомъ и вырядыла до церкви святить Паску.

Народу стовпылося у церкви сыла. Степанъ не мигъ молытыся; винъ облюбовавъ соби мистечко и почавъ роздывлятыся навколо. Недалечко видъ ёго стояло двое дивчатъ. Вони зразу спостерегли ёго, и одна напевне и прызнала ёго, бо кожень разъ, колы винъ хочъ ненарокомъ повертався до неи, вона схылялася до своей сусидкы, шопотыла ій щось на вухо, штовхала іи, щобъ та обернулася та глянула на парубка, и почынала реготатысь, затуляючысь биденькымъ платочкомъ. Довго прыдывлявся Степанъ до іи облыччя, довго ламавъ голову, що то за статурна та очевыдячкы безъ краю весела дивка, и нарэшти такы прызнавъ,—то була Дунька. Степанъ усмихнувся и, колы Дунька повернулася до ёго, уклонився ій. Дунька засміялася и кывнула і ёму головою.

— Ось зъ кымъ насампередъ похрыстосуюся!—подумавъ самъ собі Степанъ и посунувся на крокъ ближче до дивоужъ.— Покрацала вона за цей часъ! Ачъ якъ очыма поводити! Бидова дивка! Гараздъ, що незлопам'ятна: инша-бъ и очи выдрапала за те, що я такъ, зъ доброго дыва, покынувъ ив, а вона щей усмихається!—думавъ дали Степанъ, все дывлячысь на неи.

— Идить швыдче до-дому!—сипнувъ ёго несподивано якый-сь хлопчыкъ.

— Чого?

— Не знаю: маты та Берчыха мене послалы по васъ,—видповивъ малый.

— Ось дослухаю службы, посвячу паску, тоди и прыйду,—мовывъ Степанъ, не зводячы очей зъ Дунькы, що вже покынула свою подругу та наблыжалася потроху до ёго.

— Я зостануся била паскы, а вы йдить,—не подавався хлопець.

— Та я не знаю, хто ты й такый? Може це ты помылвся, може то не мене клычуть?—запытався Степанъ, посту-паючысь ближче до Дунькы.

— Та ни-бо, васъ клычуть маты. Я васъ знаю, вы дядько Степанъ, а моя маты Горошыха-бублійныця,—трохы не заплакавъ хлопець. Маты та Берчыха велилы, щобъ вы зразу йшлы,—до-давъ винъ и сипнувъ Степана изнову за рукавъ.

Ничого було д'яты: видъ уйдлывого хлопця н'якымъ чыномъ не можно було одв'язатися; люде тежъ примытылы, що Степана клычуть до-дому,—треба було йты. Степанъ зитхнувъ тяжко, штовхнувъ зъ пересердя малого и повернувъ до дверей.

— До своей милои поспиаешся?—кынула ёму Дунька, наблызвывшысь.

— Млосно стало!—збрехавъ Степанъ.

— Мени тежъ душно; ходимъ погуляемо вдвохъ по цвин-тарю,—мовыла вона, йихыдно усмихаючысь.

— У мене тутъ, поблызу, маленьке дило йе;—ты гуляй, а я заразъ справлюся и черезъ хвылынку повернуся назадъ.—

— На мое й складається!—зареготалася дивка.—Я-жъ бо кажу «за Приською скучывъ», а винъ ще одбрихуется... Дежъ такъ? Добру году не бачывъ! ха-ха-ха!

— Зовсимъ я и въ думци не мавъ йты до Приськи; я й забувсь про неи,—видмагався Степанъ.

— Колы такъ, то я тебе и не видпущу видъ себе. Яви теперь дила, у такой день? Годи, не выгадуй. Сядемо отуть та побалакаемо, якъ колысь балакалы,—мовыла Дунька и потягла Степана за собою до лавочки.

Степанъ сивъ била неи.

— А що вже навчыла тебе Приська по-жидивськи балакаты? А кучери вже повылыся видъ часынку?—почала сразу глузуваты Дунька.—Та яка вона прутка стала, твоя Приська: бигла я колысь зъ нею навыпередкы, тай не нагнала... А хороша яка! Пидъ очыма сынякы у гадюку завтовшкы, очы позавалювалыся,—хочъ выважуй, на выду зморшкывъ за симъ пьятныць не переличышь—одно слово красуня на увесь повить!—сміялася Дунька.

Степанъ тежъ усмихався, тежъ жартувавъ та пидтрымувавъ Дуньчыны выгадки, але не подавъ и выду, що ти выгадки та жарты глыбоко бороздятъ ёго серце, що слова ии сійють у тыхъ борознахъ якесь недобре насиння, що зъ того насиння вже почынае выростаты досада и що та досада окошытся, звычайно, не на Дуньци, на цій веселій цокотуси, що риже ёму правду у вичи, а на тій, що привела ёго до такого сорому, до Дуньчыного посмиху та глуму.—

А тымъ часомъ дочытали до Христа, и радистный спивъ „Хрыстось Воскресе“ пролунавъ побила церкви.

Степанъ знявъ шапку и похрыстосувався зъ Дунькою.

Рушыла процессія, высыпавъ народъ зъ храму; Степанъ та Дунька прытаиыся за деревомъ.

Посвятылы паскы, народъ посупувъ широкою хвылею зъ цвынтаря; завязавъ вже и Степанову паску хлопецъ та повисъ до-дому, а Степанъ та Дунька все стоялы на мисти, бо гараздъ и не зналы, куды имъ йты.

— Идемъ до Палаген Тыхоновны ровгоелятыся,—пряду-мала Дунька.

— Добре!—радо згодывся Степанъ и пишовъ услидъ за Дунькою.

Дуньку привитала Палагея Тыхоновна добре, бо це була одна зъ тыхъ любязныхъ їй дивчатъ, що николи не журылася и збувала їй поцинно одягу. Степанови вона тежъ не пошкодила даты зайвон чаркы, бо то бувъ Дуньчинъ кавалеръ, до того на кватыри саме проживала найщыриша подруга Дуньчына, Одарка, а вона була запаслыва дивчына и на гостре словечко, и на мидну горилочку... Часъ-другий не забарывся перебиты у такому веселому гурти, та ще за чаркою. Степанъ не спостеригъ, якъ пидбылося сонечко, и поплентавъ до-дому вже такъ якъ у пизне снідання.

А тамъ ёго давно сподивалыся, давно вызырали й у окна, и за воритымы: Господь пославъ ёму дочечку.

XXII.

„Непроханный гистъ—кажуть—гиршъ за татарына“. Колы-бъ тилькы крихотна Галя вишла зазыраты у вичи та дослухатыся до речей тыхъ людей, що вешталыся биля їи ночовъ, вона-бъ спостерегла гирку правду ціей прыказкы у першу-жъ хвылышу свого жыття и не дывылася-бъ такъ байдуже своимы яснымы оченятамы на похмурого батька, заплакану неньку та бабу, що, купаючы їи, зитхнула и мовыла до Приськы зъ жалемъ: „одже не навмыруще—жытыме на грихъ“. Нихто не прохавъ їи, нихто не клякавъ, не уготовывъ їй мистечка на „шырокому“ билому свиги, и коженъ може запытаты їи зъ докоромъ: навщо ты прыйшла? Прыйшла непрохана, небажанна—не враждуй-же на людей за лыхе слово, не прокльнай кривныхъ, що породылы тебе та не дали права жыты; склепы свои устопыка, не роздывляйся навколо: свить шырокий и великый, але тоби одмигъ шляхъ—шляхъ, що зборознылы глыбокымы

коліямы та засадылы колючымъ терномъ таки сами безбилетни, бевталанни непрохани гости, якъ и ты! Берчыха перша показала той шляхъ: Галына колыска мулыда ій очи. Вона перетерпила чотыры дни Святъ, а на пятый розсчитала Приську.

— Не враждуй на мене, молодычко,—казала вона, доручаючы Присьци остацу заробленыхъ грошей—тры карбованци:—самій шкода тебе, такъ не могу я тебе держаты, бо хазяинъ мій страсть не любить дытячого лементу.

— И що вамъ та дытына заважыть?—запыталася сумно Приська.

— Багацько не заважыть, а видъ работы хазяйськой руки виднине. А колы вже справди тоби нікуды подитыся, та колы, хай Богъ мылуе, тоби крайнисть у мене служыты, то я вже такъ, щобъ люде не казалы: „слка така Берчыха наймычку прогнала“—найму тебе и на дали, тилькы, звычайно, чотырѣхъ карбованцивъ не дамъ.

— А скількы-жъ дасте?—запытала Приська.

— Скількы я тоби дамъ? Два карбованця на мисяць—то красна цина за-для наймычки зъ маленькою дытыною.

— Тобъ-то наполовину? А роботы-жъ якъ, тежъ меньше удвое буде?—

— Робота за тобою буде та, щой була, нема чого змянаты, нема чого зменьшуваты: йсты варыть що Божого дни треба, праты треба, корову доглядаты треба..

— Такъ вы хотилы, щобъ я ту саму роботу та робыла вамъ у нивъ-цины?—запытала Приська зъ докоромъ.

— Хыба я тебе сылую, хыба я домагаюся, щобъ ты у мене служыла? Якъ не хочешъ, то й Богъ зъ тобою! Я хотила якъ краще, бачу, що ты така нещасна, що у тебе маленька дытынка на рукахъ, що тоби нікуды подитыся, ну я й...

— Хотила зъ тебе останню шкуру здерты?—перехопыла стурбована молодыця ричъ Берчыхы.—Тоби мало, що я у тебе здоровья перевела, що я тоби бильше року, якъ вилъ, робыла, мало, що я тоби, якъ кому й путнѣму, корылася, мало, що за той кутокъ, що занявъ Степанъ, кривавымъ потомъ видробляла?

Тоби цѣго мало? Ты хотила ще моимъ горемъ, моимъ грихомъ скорыстуватися?—хотила по два карбованци на мисяць спокуты наложыты? А! будь ты проклята! Будьте вы вси прокляты, пъявы ненажердливы!—закрычала Приська, не пам'ятаючи себе зъ досады та горя.

— Цыть, цыть! Чого ты крычышь? Цурь тоби, пекъ тоби! Якъ-бы я знала, що ты така сердыта, то я-бъ до тебе и не балакала! Иды соби зъ Богомъ, иды!—

— Не бійсь,—не виставуся! Швидче сама кыпуся зъ кручы и дытynu задавлю, а вже не понущу вдруге жыдивци выварюваты зъ себе воду!—видмовыла Приська, пеленаючи Галю.

— Не зарикайся, молодыце, якъ-то люде кажуть: не ручыся, бо куры и на весыля та не хотять, та сылюю тягнуты! Нихто тебе не кыкавъ до жыдивъ, сама прийшла своею волею, прослужыла бильше року, получыла вси грошы до кошійкы... Робота—не важка, симья невелычка.

— Годи!—одризала Приська.—Прощайте!

— Прощай! Иды соби зъ Богомъ! Я не знала, що ты така сердыта,—мовыла Берчыха и заццинула за наймычкою двери.

Приська перейхала на кватырю—велику та сумну хатыну у пидвали. Степанъ пособывъ ий перевезтыся, розыкласты та розвышаты збижжя и зразу подався шукаты соби мисця. На ничъ винъ не вернувся, и Приська, не дождавшысь ёго до обидъ и на другой день, заперла хату и ишла зъ Галею до Насти поспытатись порады, за вищо зачепыты руки та якои працы шукаты теперь? У Насти було ще дви мищанкы у гостяхъ, и вси жинкы пораялы въ одынъ голосъ зробытыся прачкою. Приська послухалася тией порады, и колы прыйшовъ у вечери Степанъ похвалытыся, що вже найшовъ соби мисце, молодыця похвалылася й соби, що Настя та дви мищанкы пообищалыся постачаты ий сорочки. Степанъ значно повеселишавъ, прочувшы таку прыемну звистку, и побигъ зразу за горилкою та оселедцями, щобъ спрыснуты щастлыве за-для обохъ ихъ новосидля.

— Жытымешъ тенера: я матыму шить карбованцивъ на мисяць, ты—зароблятымешъ удвое бильше, бо перешъ ты швидко и гарно; матымешъ грошы на хлибъ и на силь,—радивъ Степанъ.

— Ты-то матымешь, а я ще зразу не зароблю ничего: поки-то городяне довидаются про мене, та поки-то впеvнятся, що я не покраду сорочокъ, або не перенивечу ихъ!—журьлася Приська.

— Выгадки! Я ось якъ пиду та оповищу знаёмыхъ панивъ, то тебе у одиvнь день закъдають сорочками. Про те не журься, що работы не буде; абы охота,—мовивъ Степанъ.

— Э, ни, не важы такъ: Настя казала, щобъ я и не на-дїялася и не думала у цѣму мисяци работы знайти. Доведеться мабуть цей мисяць на готови грошы жыты.

— То що?—жывы на готови!—згодывся Степанъ.

— У мене-жь тилькы тры карбованця,—нагадала Приська. Степанъ промовчавъ.

— Хыба може ты выпросышь у хазяина впередъ та дасы мени трохы?—запытала несмиливо Приська.

Степанъ изнову промовчавъ.

— Скажы хазяинови, що тоби дуже потрібни грошы.

— Якый чортъ дастъ мени грошей впередъ? Де я тоби у лыхой годины знайду такого дурня, щобъ такъ и пойнявъ мени виры? Перебувай якъ хочъ цей мисяць: продай що-небудь, або, про мене, на подевщыву ходы!—пораявъ Степанъ.

— Зъ маленькою дытною?—нагадала Приська.

— Чы зъ дытною, чы безъ дытны—якъ знаешь!—розсердывся Степанъ:—а тилькы зъ мене не потягнешь ничого, бо мени панъ до кинця мисяця не копійкы не дастъ.

— Якъ-же я жытиму?—запытала Приська.

— Якось та жытымешь! Постачыть того дрантя на мисяць!—видповивъ Степанъ, показуючы на Присьчыну скрыню.

— Тобъ-то мени одежыну вже продаваты?—здывувалася и наче ажъ злякалася Приська.

— Тобъ-то мени вишатысь, абы ты тїей одежы не продавала?—передражнивъ ии Степанъ и ухонывся за шапку.

— Куды-жь ты?—спыныла ёго Приська.

— Не знаешь хыба куды? До хазяина,—видповивъ Степанъ и пишовъ зъ хаты, навить не допывши пляшкы.

Боляче стыскалося Присьчыне серце; сумно та гьрко стало їй на души. Щось непевне свитылося у очахъ коханця; чудный винь бувъ самъ у цей вечерь и чудни та не щьри булы ёго речи. Чы не надумавъ-то винь * же зрадыты та покынуты їи?

На другый вечерь Степанъ ~~де~~ прыйшовъ, третій—тежъ не прыходывъ; четвертого днѣ забигъ на хвыльну, взявъ дви бильхъ сорочки та чумарку и зъ того часу не казавъ очей бильше тыжня. А Приська тымъ часомъ потратыла грошы на дрова та мыло, продала одынъ платокъ, щобъ забезпечыты хочъ карбованцемъ свою хазайку—дуже побожну, але ще бильшь, неймовирну крамарку, продала и два вышываныхъ рушныка на свои потреби и налагодыла ще де-яку одягу, щобъ несты до торгу,—колы прыйшла Настя и прынесла першый бунть чорныхъ сорочокъ. Приська заходылася того-жъ дви бильныхъ, не пошкодыла ни мыла, ни рукъ, и сорочки выйшы, якъ снигъ, били. Вона однесла ти сорочки и повернулася щастлыва та завдовольнена зъ карбованцемъ у кышени. У синяхъ сподывався їи Степанъ. Винь прыйшовъ одвидаты їи та Галю, а заразомъ попрохаты „у позыку“ двадцять пьять кошѣекъ, до того днѣ, покы скинчыты ёму мислицъ та хазяинъ выдасть грошы. Молодыця хотила спочатку видмогтыся, бо видъ Степана душыло горилкою, але якось не зважылася збрехаты и подала ёму четвертака. Степанъ поцилувавъ їи, подякувавъ и зновъ немовъ кризь землю провалывся ажъ на висимъ день. Даремно росытувалася Приська всихъ, де шукаты Степана, даремно шукала ёго и Настя,—нихто не знавъ, де винь нанявся, хочъ не разъ и бачылы ёго люде то у крамныцахъ, то на вулицѣ.

Роботы у Приськы побильшало, одначе заробитка постачало тилькы на дрова та на харчъ. Нарешти прыйхалы якось паны, зупынылыся у отели недалечко видъ Приськы и якось послали до неи чы-малый бунть сорочокъ. Молодыця не забарылася упораты ёго, и черезъ килькы день одержала бильшь трѣхъ карбованцивъ. Такой значный заробитокъ забезпечывъ-бы молодыцю на довгий часъ и заспоковивъ-бы напевне и хазайку, що все скося поглядала на кватыранку та мало не що-дня.

вымагала въ ней грошы,—але ѿ знову сподивався вже у синяхъ Степанъ зъ такимъ самымъ проханнемъ „позычты“ грошей, якъ и першый разъ. Приська видмовыла ёму и збрехала, що не мае й шага за душею. Степанъ не погыривъ и вымагавъ спочатку обережно та, звичайно полтывника, а колы Приська побожылася, що въ ней нема про ёго грошей, то почавъ гриматы, лаятысь и слово за словомъ признався, що знае весь Присьчинъ заробитокъ и що не прыйшовъ-бы и теперь прохаты „на свою необхідымсть“, якъ-бы напевне не знавъ, що у неѣ йе три карбованци.

— Навищо-жъ тобі грошы?—нарешти запыталася Приська безъ краю здывована, а почасты и задовольнена тымъ, що Степанъ такы стежыть за ценою и знае жыття ѿ, хочъ и не мае часу одвидать свою сямью.

— Треба, дуже треба! Дай, прохаю тебе! Це-жъ у пдычку!—попрохавъ Степанъ.

— Скажы: на вищо?—допытувала Приська.

— Й-Богу треба! Ось бачъ—побожывся! Велике слово—й-Богу!—перехрестывся парубокъ.

— Не дамъ.—Далеби, не дамъ, доки не скажешъ!—забожылася и соби Приська.

— Уздечку украдено,—збрехавъ Степанъ.

Приська выиняла грошы.

— Дай мени карбованця, бо може за полтывника щей не куплю,—попрохавъ Степанъ.

— А виддасы?—запытала Приська.

— Якъ достану у хазяина—зразу виддамъ.

— Гляды-жъ, Степане, не збрешы!—мени дуже скрутно, я тилькы и заспоковалася трохы цымы трѣма карбованцями. До кинця твого мисаця зостається ще шість день, а у мене, якъ розплачуся зъ хазяйкою, залышится всѣго шістьдесять копѣекъ. Памытай-же, Степаньку, це, не надѣйся на мій заробитокъ та верны мени мои грошы тай своихъ дай трохы Гали на сорочечкы.

— Того-жъ дни, якъ достану и прынесу,—заспоковъ Степанъ Приську и, заховавши выдуренного карбованця у кышеню, побигъ до дому.

Не забарылыся перебігты ти шість день. Наступивъ и той вечеръ, колы Степанъ повиненъ бувъ прынести грошы. Якъ на те, у Приськи за цей часъ не було слыве ніякого заробитку, и ци грошы Степанови тилькы й давали надію молодыци. Смеркомъ забигла була Настя и похвалылася, що вже довидалася, де саме служыть Степанъ, и що колы треба, то вона може и забигты до ёго. Приська попрохала іи переказаты Степанови, щобъ винъ неодминно зайшовъ до неи цей вечеръ та прынесъ грошѣй, и думаючи, що парубокъ прыде, потратыла останнёго золотого ёму на вечерю. И ось парешти диждала вона вечера, диждала ноци, а писля першыхъ пивнивъ постукався и винъ. Винъ прышовъ, але... краще бувъ-бы й не прыходывъ! Червоний, распатланий, пьяный, винъ ускочывъ въ хату, пройшовъ непевною ходою до ночовокъ, вывернувъ зъ ихъ постырани сорочки, перекинувъ по дорози ослинець, сивъ мовчы на лаву и, назбиравшы по усихъ кышеняхъ де скилькы-сь тамъ мидякывъ, пошпурывъ нымы у Приську.

— На, собако, дався!.. Зайила мое жыття! На... будь ты проклята... лопай! Бильше не дамъ... не дамъ! Пропадай ты зъ своею дытвиною... Це не моя дочка... Чуешъ? Не моя! Хай Настя не бреше, хай не прыходить вдруге до мене!.. Це не моя дочка!.. Я знать іи не хочу!—grimнувъ Степанъ.

— Степане, Степаньку! Господъ зъ тобою! Що-бо ты кажешъ?—злякалася Приська.

— Мовчы, а то бытуму! Убью, проклята, и тебе, и іи, и Настю—щобъ не було!—крыкывъ ще дужче Степанъ.

— Степаньку! Лягай, серденько, та спочынь!—стала благаты ёго молодыца.

— Убью! прожену! Чоловикъ прогнавъ, и я прожену жыдивсьеку наймычку! Вонъ!—закрычавъ винъ якъ несамовытый.

Спочынь, Степаньку! Ось я тоби вже и лишко уготовыла!—благала Приська, сылкуючысь звесты Степана зъ лавы та провесты до застланой постели.

— Ты думаешъ, я пьяный? Брешешъ, собако: я не пьяный... Теперъ я все чысто зрозумивъ... Ты буда мени паморокы

забыла... я не розумивъ ничего, а теперъ я все, все бачу... Я людына ще молода... саме у пори, у сыли... Дунька за мене зразу замижъ пиде... пиде, бо сама казала: сватай—пиду. А ты—жыдивська наймычка... тебе чоловікъ прогнавъ, и я прожену. Вонъ!—закрычавъ винъ знову.

Пьяне облыччя ёго прыйняло страшный выразъ, налыты кривью банькы выкотылыся наверхъ; мицно стысненый кулакъ падавъ разъ-повзъ-разъ зъ усей сылы на стиль и ось пиднявся вже надъ Присьеюю.

Приська выхопыла зъ колыскы Галю и выбигла зъ хаты.

Степанъ кынувся за нею навздогинъ и вже бильше не вертався.

Навыкы перервався звязокъ зъ цёго часу мижъ Приською та Степаномъ: ниякымъ вузломъ не звязаты погнавшой выткы, ниякымъ карукомъ не зклеиты трухлявой деревыны; ни любысткомъ, ни хытромами, ни розумомъ не зйидваты и перетливши сердёнька.

Степанъ видчыхнувся видъ Приськы, а вона зненавидыла ёго, якъ зрадныка, якъ непуцящого батька своей дытны, якъ пьяныцю, якъ безсовистну людыну.

Галя, сама Галя зисталась молодмиц, и зате якъ покохала вона, самотня, опорочена, бидна, маты, свою крихотку. Скильки счастья, веселощивъ, скильки жыття додавала ии колыска цёму сумному кутку у пидвалю, и скильки думокъ, надій, жаху та клопотивъ додавала вона свой неньци!..

— Гу-гу... гу!.. — загуде манесенька Галя, сылкуючысь ухопыты выпростаннымы зъ повывача рученятамы краечокъ червоного платка, що высыть на колысци.

— Гу-гу-гу! Крихотко, комашечко!—видповидае зразу маты, кыда сорочки, бижыть до колыскы, прыпадае до своей одыначкы. — Дочечко моя, рыбонько моя, счастья мое! Що-то буде зъ тобою? Яка-то доля чекае тебе? Чы доживу я, щобъ побачыты тебе велькою, чы захыщу тебе видъ недобрыхъ людей? Покынувъ насъ батько—зальшылыся мы самитни на билому свити! Не покыдай-же хочъ ты, моя крапелько, своей несчастливои матери!

Жывы мая дытыночко, мая донечко! жывы, та будь счастливиша за свою матирь!

XXIII.

Промывувъ рикъ. Рикъ тяжкои праці, незабезпеченого жыття не може промайнути блескучымъ метеоромъ,—винъ тягнется, жалъ, дуже довго. Коженъ день, иноди навить хвыльна, такого року видбывається глыбокымы зморшкамы на выду, кыда пасму сывого волосся у чорни кучеры, витається тяжкымъ стогиномъ, провожається якъ небажанный гистъ.

Тяжко дався цей рикъ и молодыци нашій: непевный заробтокъ прачкы, звязано, и дотого маленькою дытыною, далеко не забезпечавъ жыття. Сотни бунтивъ чорныхъ сорочокъ проходили черезъ іи руки, але не давали спроможности одикласты и шага про случай якои прыгоды. Лито та осинь пройшыли ще не дуже сутужно, бо доци постачалы воду, а сонечко сушыло сорочки. Зате зъ першымъ-же морозомъ праця *поважчала* удвое. Доводылося спускаться по слизькій гори до ричкы по воду, носыты ту воду мало не до обидь, полоскаты сорочки у крыжаній води и потимъ пьастыся на гору зъ важкымъ бунтомъ мерзлыхъ сорочокъ. До того, довга зимня сушка на морози вымагала велького горища, або сарая, а до Присьыной хаты давалася тилькы маленька повитка. Молодыця розвишувала холодни, мерзли сорочки по всій своїй хаты и тымъ додавала своїй господи ще больше вохкосты та цвили.

Намерзла та наморена, вона лягала на вохке лижко билия цвилыхъ стинокъ и вставала, наче після якои хворобы, отуманила, слаба та блида. При такихъ умовахъ не забарылася одвидаты Приську и нахабна гостя бидности—проп...сныця. Мицно ухопыла вона молодыцю у свои пазири, и якъ не змагалася Приська зъ нею, якъ не выкурювала іи зъ своеи господы,—вона такы добылася своего и знесылыла Приську. Праця прачкы стала

здаватися їй надъ-силу, сорочки стали виходити не такими билыми, якъ спочатку, и роботы видразу поменьшало.

— Паны не задовольнени на цей разъ вашимъ праттямъ, — казала одна покоянка.

— Панычъ не схотили надити тїей сорочки, що вы прынесли, — казала друга.

— Не прыходьте за сорочками, — мы соби ишу прачку знайшли, — казала третя.

Приська видмагалася то тымъ, то сымъ, звертала все то на мыло, то на воду, але незабаромъ повинна була соби прызнатися, що вона вже не здатня працювати такъ, якъ спочатку працювала, и що не даремно нарикають на неи люде. Цогиршала харчи, похолоднишало въ хати, але Приська не звертала ни на вищо увагы и може не зводилася-бъ по килько день и зъ лижка, колы-бъ не люта хазяйка, що разъ-у-разъ нагадувала їй про завьнувачени грошы та пидганяла до праці.

— Не ливуйся, не нивечы сорочокъ, докладай рукъ! — товкла мало не що дня гладка крамарка: — не лягай, бо пропасныця того не любить: ходы, вештайся, працію, не звертай на неи увагы, то вона покыне швидче, — радыла вона.

И якъ тяжко було Присьци слухаты ту пораду, якъ боличе зводиться хворій зъ лижка та вештаться зъ пухлыми погамы зарады крамарчыного спокою! Вона прыступала до ночовъ, почынала праты, але якъ тильки хазяйка выходила зъ хаты, изнову падала на лижко, брала Галю пидъ боки и, укывшысь теплымъ кылымомъ, пролежувала мало не до вечора. У вечери їй становилось легше; вона трохи бадёрнишала и хапалася скинчыты за ничъ роспочати сорочки.

Зридка одвидували їи знаєми товаркы, але то були таки-жъ сами безпрыютни, таки сами безпомични живкы, якъ и вона. Одна людьца, що хочъ трохи пособляла їй, засылаючи иноди середущу доньку доглядаты Галю, це була Настя, але-жъ и та не могла дати їй доброи порады та прырозумиты, якъ запобигты тому лхови, що насувало темною хмарою и вже заволожло небо надъ головою немичной молодьци.

— Я-бъ нанялася на твоему мисти,—казала Настя иноди Присіци.

— Хто-жъ мене найме зъ малою дыткою, причъ якои небудь Берчыкы, або Рыбалкыной, шо тилькы и шукають та-кыхъ безталанныхъ наймычокъ, якъ я? Тай який буде доглядъ Гали у чужыхъ людей? Мало хыба згорбатило, покрывило та послицло тыхъ дитей по панськыхъ кухняхъ? Мало ихъ гнєе шо року?—видповидала Приська.

— Виддай кому небудь Галю,—радыла изнову Настя.

— А вы виддалы-бъ хочъ одного зъ вашихъ дитей на чужи руки, чужый доглядъ та чужу руку?—пыталася Приська.

— Йидь до дому, Присько, вернися на село! —зважылася нарешти якось Настя, пидъ впливомъ розмовы своеи зъ Спырыдономъ, пораяты молодыци.

— Повернутысь на село?—перепытала Приська, схоплючысь зъ лижка.—Краще кынутысь зъ кручы, краще утопытысь, краще загынуты де небудь пидъ-тыню, нижъ вернутысь на село, циты на зустрічъ глуму, докорамъ та знущенямъ селянь. Мало я горя прыняла видъ ныхъ, мало досаждалы, мало сміялысь зъ мене? А тоди я ще невынна була, я не заподіяла ще тоди никому ничого худого, на мойй души не було ніякого гриха, я не осоромыла никого,—я тилькы не хотила корытыся имъ, я шукала иншого жыття, я лынула до иншой пради. Шо-жъ то вони скажуть теперь мени? Якъ глузуватимуть зъ мене, якъ радитимуть, шо я спиткнулася, шо не дійшла до бажаной меты! Тай куды я теперь пиду? До кого? До матери, щобъ выплакала надъ волюскою внуку свои стари очи? До Мелашкы, щобъ осоромыты иі? До дядька Максима, щобъ давъ вилкомъ по голови? чы може иты до чоловика та выховуваты на его хлибови „жырову дытну“, слухаты докору, зносыты може й бійку? О! ни, найлюташа, найгирша смерть краща за таке жыття!.. Ось дасть Бигъ, пройде хвороба, покыне пропасныця—и все буде добре та гараздъ,—додала вона, трохы заспокоившысь.

— Не покыне тебе сплоха пропасныця,—зиткнула Настя: тоби треба килько день и зъ хаты не выходыты, до ричкы не

наблизжатыся, а ты мало не що дня полощешся у весняній воді. Ось вже и кашель напавъ тебе...

— Я и сама знаю, що колы-бъ я перепочыла хочъ тыждень, колы-бъ оти сумни думкы, що разъ-у-разъ обгортають мою голову на самоти, покынули мене хочъ на короткый часъ, то я-бъ видразу поздоровишала.

— Переходъ на килько день до мене,—запрохала и Настя.

— Тисно у васъ... видмоглася була Приська.

— Ничого—якось помистимося. Ходимъ!..

Приська не знала, якъ и дякувати Насті за таку ласку. Симья Насті та Спырыдона, ихъ крихотна хатына, ихъ диткы, тыхе, спокійне та запезначене, якъ здавалося їй, жыття—це саме й була та мета, до якои такъ лыпула душею и серцемъ Приська, яку завжды уавляла вона соби. Чоловикъ служыть, заробляе грошы, прыносить ихъ до дому, виддае жипци, а жипка доглядае дитокъ, годуе, обшырае, обшывае ихъ и ще прыберигае кошійку и про гостей и про яку прыгоду. Вона не разъ була у Насті въ гостяхъ, бачыла, якъ гарно жывуть Спырыдонъ та Настя, якъ кохають та жаліють одно одного; бачыла, що диткы завжды обути, одягнени, що поводывся инколы и ласмй шматокъ про гостя, що жыття забезпечене и лыне безъ усякыхъ турботъ, дарма що напевне, колы и воны тикалы зъ села въ городъ, колы кыдалы батькывську оселю, то селяне знуцалыся зъ ныхъ такъ само, якъ и зъ ней, и казалы, що воны „пропадутъ“.

„Ни“,—думала Приська, идучы до Насті:—„не городъ выненъ у мой прыгоди, а безталання мое. Не пропадала-бъ я отакъ, не роскыдала-бъ здоровья, не зананастыла-бъ свого вику, якъ-бы не Степанъ. Перевела бильшь трѣхъ рокивъ у городи, а що я бачыла, чымъ скорыстувалася, чымъ можу похвалытися, причъ горя, досады, то пради. Оце може одляже трохы видъ сердца. Подывлюся хочъ на чуже счастья, прожыву хочъ килько день зъ людмы, що не знаютъ горя“.

Назустричь Насті та Присьци высыпалы вси диты; старшенькый хлопчукъ рокивъ шести выбигъ ажъ на вулицю. Винъ махавъ ручеятамы, скакавъ босонижъ по калюжци и, ще

здалека показуючы жинкамъ медяного пряныка, крычавъ на всю вулицю.

— Тато прыйшлы, тато прыйшлы!

— Настя набавыла ходу.

— Хыба тато давно не бувъ, що ты такъ зрадивъ?—запыталася Приська хлопчыка.

— Давно: бильше тыждня, — видповила Настя замість хлопця.

— Не пускають, чы піколы?—здивувалася Приська.

— Ніколы: робота не важка, а одлучитись не можно, бо не вгадаешъ, колы панъ або пани велять запрягати,—мовила Настя.

— Ажъ на тры дни прыйшовъ!—сповистывъ Спырыдонъ, здорываючыся зъ жинкою та Приською.

— Невже? обманюешъ!—зрадила Настя.

— Кажу тобі на тры дни. Бачъ, яка цяцька? це черезъ неі мени святки,—мовывъ Спырыдонъ, показуючы перевязану руку.

— Що-жъ то таке?—злякалася Настя.

— Пусте,—кипъ трохи поносывъ. Сёгодня, диты, будемо увесь день гуляты!—звернувся вишь до дитокъ, що оточылы ёго коломъ.

— Все тры дни гулятымемъ: намъ зъ вами не було цей рикъ святокъ, то хай хочъ ци дни одсвяткуемо!

— Невже не булы на святкахъ дома?

— Ни одного денька; саме панськи визиты—пиколы було й на хвыльну забигты до-дому. Та мы до цёго вже звиклы; мы знаемо, що симья—не про насъ. Осъ симнадцять рокывъ, якъ ожепывся, а не запамьятаю и одного дня такого, щобъ вильно було нагулятыся дома, роздывытыся гараздъ, побалакаты зъ дитымы, жинкою... Прыбижу на який часъ, перекинуся словечкомъ, ухлоплю чысту сорочку—тай знову мерцій „до дому“. Вы спытайте мене, яки у мене диты—чы путящи, чы розумни, чы дурни, то я вамъ и не скажу: знаю, скільки якому рокывъ, якъ звуть, а бильше й не пытайте. Огакъ само

знають и воны мене. Знають, що йе батько, бо приносять грошы та гостынци, бачуть, що иноди приходить до ихъ якыйсь чоловікъ, що воны повинни называты ёго „таткомъ“, а що-то воно за людына, якои виры та якои вдачы,—то й не знатымуть... Иноди прямо и забудешъ, що въ тебе симья йе, що ты не самитній на свити... Хай Настя радіе, що въ неи такой дурный чоловікъ, а то инший бы на моёму мисти черезъ саму зануду розледащивъ та завивъ соби яку кралю,—пожартувавъ Спырыдонъ.

— А може инша жинка ще-бъ швидче за тебе занудылася, вызыраючы свого чоловіка по цилыхъ мисяцяхъ?—засміялася Настя.

— И то правда,—згодывся Спырыдонъ.—Счастлиа наше, що мы обое дурни та доси кохаемося, а до того й натрапылы на пана плохого: держыть мене, ледачого, ажъ чотырнадцять рокивъ, не боится моеи смерти та дае грошы впередъ. Оце-жъ на тоби зразу 10 карбованцивъ: взявъ впередъ, бо знаю, що диты обирвалыся,—мовивъ Спырыдонъ, доручаючы жинци грошы.

— Впередъ тай впередъ, а що буде дали? — витхнула Настя.

— Що робыты? Не пропылы, не прогулялы—наследныка хрестылы, теплу одягу справылы. Пошле Господь ще одного йидця, то мы ще визьмемъ впередъ, а одробымо може на тому свити!—пожартувавъ Спырыдонъ, але Присьци здалося, що середъ того жарту винъ тяжко витхнувъ.—Ну, дитвора, колы готови, то ходимы!—звернувся винъ до старшенькыхъ дитей, приймаючы видъ Насти найменьшого девятимислячного хлопчыка.

— Готови, готови!—обизвалося въ одынъ голосъ трое дитокъ, спишно кинчаючы свое убрання.

— Може-бъ ты, Присько, и не йшла зъ нами, бо Спырыдонъ ходытыме довго: ажъ поки не покаже дитямъ всёго города та не приморыть всехъ,—мовыла Настя.

— Ни, я пиду зъ вами,—видповила Приська.

— Куды-жъ мы пидемо?—запыталася Настя Спырыдона, замыкаючы хату.

— Скризь, скризь идемо?—видповила меньшенька дивчинка зазыраючы любому татови у вичи.

— Скризь, скризь идемо!—пидтримавъ доньку батько и подавсь прямо до найголовнишой вулицы города.

Довгенько попоходылы вони по городу; надывылысь диты на усяки дыва, що выглядалы зъ викоуъ у крампыцяхъ; де-якихъ цацёкъ купивъ Спырыдонъ имъ на играшки. Вже надъ вечерь поверпулысь вони до-дому, потомлени, а особлыво Приська, бо хвористъ ии давала такы себе зпать.

Напылысь вони чаю. Меньшеньки диты заразы-же послулы, а Лызька та Мыкола пылы у свий кутокъ гратысь новымы цацканы.

— Моя лялька буде „барынею“, я—ии горнышна, а ты—кучерь. Добре?—запыталася Лызька Мыколу.

— Добре!—згодывся Мыкола.

— Кучерь, запрягай!—скомаандувала дивчинка, та такъ гризно, що Приська не втерпила, щобъ не засмятыся.

— Ачь яка строга горнышна!

— О! зъ неи буде бидова горнышна,—обизвалася Настя.

— Не пожаліе й батька: посадыть на козла пидъ доць, якъ звелять паны,—додавъ Спырыдонъ.—А зъ тебе, що буде?—звернувся вивъ до старшенькой, Варкы.

— Незабаромъ побачымо, що буде: пислязавтрёго треба весты у наймы,—видповила Настя.

— Отъ тоби й на! Тобъ-то вже до чужыхъ людей иты, свое гнздо выдаты?—зитхнувъ Спырыдонъ.

— А докы-жь ий сыдыты? Вже дванадцатый годочокъ наступывъ,—хай иде заробляе.

— Може ты, Варко, не хочешъ иты у наймы, то я тебе не сылую; хай краще босонижъ стрыбатымешъ та знатымешъ, що дома?—запытавсь Спырыдонъ, пыльно заглядаючы у вичи доньци.

— Я не хочу ходыты босонижъ—я наймуся!—видмовыла Варка.

— Такъ ты хочешъ, чы не хочешъ службыты?—запытавъ ии вдруге Спырыдонъ.

— Хочу! Абы не были,—видмовыла дивчына.

— Таке и выгада! хто-бъ же тебе бывъ?—хотила заспокоиты ии Настя.

— А ты й певна, що ии не бытмуть?—запытавъ Спырыдонъ жинкы.—Ты краще навчы дочку, що ий робыты, якъ бытмуть. Що ты, Варко, робытимешъ, якъ тебе якый катъ лясне?—звернувся винъ до Варкы.

— Покину, скажы, та прйду до батька,—навчыла дочку Настя.

— Я покину, а воны мени заслуженыхъ грошей не дадутъ,—нагадала Варка.

— Ха-ха-ха!—засміявъ Спырыдонъ.—Хто мигъ-бы й подуматы, що оця маленька голивка вже стилькы передумала, що дванадцятылитня дивчынка такъ добре жыття наймычкы знае? Правда твоя, дочко, якъ покинешъ, то тилькы сама соби лыха наробышь: и за сынякы не помстышся, и грошы пропадутъ, а ты робы такъ, якъ я колысь зробывъ: давъ мени олынъ панъ у пыку, а я прычынивъ дверы, щобъ свідкы не нагодылыся, та тоди й наклавъ ёму здачы.

— Схаменыся! Верзе таке, щой купы не держытся. Иды Варко, до дитей, не сыды тутъ,—розсердылася Настя. И що тоби за охота дытynu такому навчаты?—звернулася Настя до чоловика, якъ одійшла Варка. Никола батькивскои порады не дасть: все жартуе та, немовъ той ворогъ, на лыхо настановля.

— Бо такы я и йе ворогъ своимъ дитямъ, — зитхнувъ Спырыдонъ:—бо якъ-бы я думавъ бильше про дитей, то не покинувъ-бы села, своеи хаты, своеи земли, сыдили-бъ диты на свойй батькивщыни, у свойй симъи, биля своихъ кривныхъ та не сподивалыся-бъ змалечку стусанивъ видъ чужыхъ людей.

Настя стала заспокоюваты чоловика: довго щось доводыла, у чымъ-сь впевняла, але Присъка вже не слухала ии.

Те, що вона бачыла, чула сёгодня, а найбильше остання ричъ Спырыдонова дуже вразылы ии. Вона, покинута полюбов-

ныця, йшла видпочыты та заспокоитысь до счастливыхъ людей у счастливу симью, подывытыся хочъ на счастья, на чужи достаткы, колы не зумила выпрохаты у Бога соби такой доли, а натомиць наслухалася гиркыхъ речей, побачыла, якимъ коштомъ здобувае Спырыдонъ ти малесенькы достаткы, що здаются далеко бильшымы черезъ ту полуду, що вміе Настя, якъ и вси городянкы, имъ додаваты.

Вона не висталася у Насти ночуваты, бо разъ—темно було, а вдруге—натомылася и бажала, якъ мога швидче, добратысь до свого лижка...

XXIV.

Черезъ килько день занегодылося, пишовъ великый, холодный дощъ, а Присьци, якъ на те, принесли багацько сорочокъ. Думала молодыця, думала, лежучы пидъ кылымомъ зъ перевязаною мокрымъ платочкомъ головою, чы однести назадъ ци сорочки, чы праты,—тай зважылася такы нарешти питы зъ нымы на ричку. Такъ-сякъ дотяглася вона туды, пополоскала, позвьязувала и стала пхастыся на гору, але черезъ який десятокъ крокивъ побачыла, що не дійде до дому, скинула зъ плечей важкый бунтъ и сила на дорози.

На счастья иі йхавъ хвурманъ. Приська поклыкала ёго, сторжылася, поклала сорочки, сила сама и пойхала; але дойизжаючи вже до-дому, згадала, що не мае чимъ заплатыты хвурманови и гирько заплакала, уявляючи соби зарани ту лайку, що доведется ий выслухаты видъ ёго. Одже хвурманъ не мавъ и думкы лаяты иі: побачывши, що жинка такъ побывається, винъ не тилькы подарувавъ ий того гывенька, що молодыця повинна була заплатыты ёму, а ще пишовъ до хазайкы та порадывъ звернуты увагу на недужу кватыранку.

И хазайка на лыхо Присьци, зъ того часу стала пыльнуваты иі: ни одного дни не пропускала, щобъ не забигты послытатыся про здорovia та заразомъ нагадаты и про грошы.

Нарешти здалося їй якось, що Присьци немынуча смерть. Якъ на те у той самий день Приська понесла до торгу свій найкращий платокъ, и хазяйчына наймычка бачыла, якъ вона продала ёго и куныла на выручени грошы сахарю, чаю, булky та килько аршынъ бiлого каленкору.

— Про смерть сама клопочется, напевне вже знае, що незабаромъ помре,—мовыла наймычка хазяйци, и хазяйка мыттю побигла до кватыранкы.

— Прыйшла до тебе, галочко, зъ останнимъ своимъ словомъ: щобъ ты выбиралася зъ моеи господы. Куды знаешъ—туды и йды, а мени держаты тебе вже надъ сылу. Терпила, терпила, а ты совість загубыла: и грошей не платышь, и сыдышь на мойй шыи, немовъ той лышай на дереви. Вашои сестры—що ряскы на ставку; всихъ у свою господу однаково не втовпышь. Иды, серденько, Господь зъ тобою, куды знаешъ; у тебе-жъ и чоловікъ десь йе, а мени вже обрыдло правыты зъ тебе та выпрохуваты свои кривни грошы, немовъ ти бублkyкы пидъ монастыремъ... Сёгодня ты платокъ продала, свилько-сь грошей уторгувала,—ось, якъ-бы ты була совистна, то давно-бъ такъ и мени оплатылася, а то все дожыдаешся заробитку, а ёго нема тай може вже й не буде.

— Буде, Меланья Семеновна, їй Богу буде! заждить тилькы тришечкы, поки хочъ потепліе,—попрохала Приська.

— Ни, серденько, не ждатыму бильше. Мени гарни кватыранты трапляются; шукай соби иншого пристановыща. Грошы, що слидъ мени за ци два останни тыждни, я тоби подарую за спасення души, а за ти два хочъ заплаты, хочъ кыдай скрыню у застанову,—мовыла хазяйка.

— Меланья Семеновна, тётю моя риднесенька, не женить мене, заждить трохы! Я-бъ давно продала що-небудь та запла тыла вамъ, якъ бы зисталося що пугне у скрыни. Оце-жъ тилькы и мого богатства, що подушкы та перына; колы хочете, то берить ихъ, попрохала Приська.

— За перыну дадутъ карбованцивъ цыать—кынула, немовъ байдуже їй до того, Меланья Семеновна.

— Продайте, визмить собі грошы, тилькы не женить мене, хвору, зъ вашою господы!—попрохала Приська.

Хазяйка не видповила ничого и пишла собі геть; але черезъ яку годывну прыбигла якась цокотуха перекупка, заверещала, накрычала Присьци повну голову, покынула їй карбованця, ткнула сплишно тры карбованци хазяйчынїй наймычди, що дожыдалася їи у синяхъ, ухопыла перыну и потаскала їи.

Лягла у вечери Приська на свое лижко—не засне нїякъ. Забрала вона всю одягу, що була у скрыни й на поверси, підостлала собі у бовы и якось заснула. Прокынулася на свитанку. Болять намудени боки, болять груди, кашель душыть, у голови шумыть...

— Не встану сёгодня,—пролежу увесь день. Гараздъ, що хазяйци оплатылася, праття не нанесли и карбованецъ ѳе у кышени; сповїйно лежатыму, покы хочъ голова перестане боли-ты,—поклала собі молодыця.

А тымъ часомъ крамарка-хазяйка держала пораду зъ своею наймычкою, якъ позбутыся тїей напасты—недужою кватыранкы.

— Проженить їи, тай край!—радыла вирна служба Меланьи Семеновны, висока та ривна, якъ ломака, чорна, якъ цыганка, дуже литня вже дивка.

— Не можно: не дозволяютъ выгониты недужою кватыранкы,—журылася Меланья Семеновна, одлежующысь у пуховыхъ перынахъ.

— Хыба-жь вы їи на вулицю выженете? Можно їи перевезты до Хвеськы—у неи однаково теперь пустуе хата, бо померъ кватырантъ,—порадыла наймычка. Меланья Семеновна замыслылася трохи: вона добре знала ту хату за городомъ, де вже не одна наймычка й не одинъ наймытъ скынчылы свои дни; вона уявила теперь собі „Хвесьчынъ лёхъ“, уявила собі недужу кватыранку и запытала себе: чы-то буде грихъ видъ Бога перевезты туды молодыцю, чы Господу Мылосердному байдуже до такихъ дрибвыць?

— Выгоднише Хвесьци заплатыты якого полтыпныка и хвурмана за свїй коштъ наняты, нижь потимъ ховаты їи, та ще й клопотатыся зъ дытною їи,—порахувала наймычка.

— Робы якъ знаешь,—здалася Меланья Семеновна и „про всякъ случай“ звелила запалыты зайву лампадку били божныци.

Наймычка перегадыла трохы, вырядыла крамарку до крамыцы и постукалася до Приськи. Приська схопылася, накынула спидныцю, хотила мыгтю видчыныты дверы, але поточылася и трохы не упала.

— Охъ, Господы! невже я зовсимъ знесылылася, невже я ще дужче заслабла? Слава-жъ тоби, Царыце Небесна, що хочъ хазяйци ничого не вынна,—ажъ перехрестылася вона.

— Присько, що ты тамъ робышь? Спышь чы що доси?—погукала вдруге наймычка.

— Млосно стало... ледве до дверей дышла,—мовыла Приська, впускаючы у свою хату наймычку. „Саме Хвесьчына кватыранка“,—подумала сама соби наймычка, угледившы блиду Приську и ии неохайне лижко.

— Оце прыйшла до тебе—мовыла вона трохы перегадомъ—сказать тоби, щобъ ты выбыралася сёгодня, бо новыи кватырантъ перейде.

— Я-жъ вже оплатылася,—видповила спокійно Приська, певна, що наймычка ще не знае того.

— Знаю, що, спасыби Богови, перыною оплатылася, а проте ось Меланья Семеновна послалы мене до тебе,—мовыла наймычка.

— Одужаю трохы, то перейду,—зитхнула Приська,—а теперъ я и головы не звезду и ногамы не володію—заслабла чысто.

— Неодминно, щобъ сёгодня перейшла!—хазяйка тоби на хвурмана дасть,—не спынялася наймычка.

— Та я теперъ и до хвурмана не дйду, и зъ кганку не зйду: ось посыдила трохы, тай то вже голова завернулася. Тай куды-бъ оце я пойхала, куды-бъ мене той хвурманъ повизъ?—мовыла, изнову прыпадаючы головою до подушки, Приська.

— У Хвеськы пусте хата.

— У Хвеськы?—схопылася Приська:—у ии „лѣхъ“ йихаты? Не пойду я туды.

— Пойдешъ, якъ никуды буде бильшъ йихаты,—мовыла наймычка.

— И до вѣку не повезу у той „лѣхъ“ своєї дытны. Хай Меланья Семеновна жене мене й лае, а я не пойду теперъ никуды.

— Булы таки и ранишъ за тебе, що не хотили выйиздыты зъ кватыры, а проте такы выйихалы,—выдмовыла наймычка.

— А я не выйиду: я оплатылася, нездужаю и жытуму, поки зможу знайти соби яке инше пристановище.

— Того довго сподиватися, а полиція не забарытся вывесты тебе звидциль. Я ось йиду зразу, пошукаю городского,—прырозумила наймычка налякаты Приську и пидвелась зъ стульця.

— Рятуйте!—крыкнула не своимъ голосомъ справди перелякана Приська и збудыла Галю. Дытна заплакала.

— Галыночко! Дытно моя!—заголосыла и соби Приська, прыпадаючи до доньки.—Куды намъ теперъ подитися, що намъ робыты у цѣму великому городи?—

— Не голоса!—сшылыла їи наймычка.—Упаковуй краще свое добро тай выйизды завчасу, поки хазайка не повернулася зъ крамныци та не поклыкала городского.

— Хай вертається, хай иде, хай клыче, кого хоче—я не пиду у Хвесъчынъ лѣхъ, не понесу туды своєї дытны!—видповила твердо Приська, мицно прыгортаючи до своихъ грудей еднынй и останній скарбъ, що додававъ їй ще звагы змагатыся зъ жыттямъ—свою манесеньку Галю.

— Знатымешъ-же ты!—посварылася на Приську наймычка, выходячы геть зъ хаты.

— „Симья-не про насъ, сады—не про насъ, грошы—не про насъ!.. А що-жъ про насъ, наймытивъ у цѣму величезному городи?“—запытала себе Приська, намагаючыся звязаты докупы шматкы якыхъ-сь думокъ, гадокъ та спогадивъ, що посилы їи распалену хворобою голову.

„Такъ“, прыгадала вона „темни, неметени вулицы... праця... зневага... та Хвесъчынъ лѣхъ!“.

XXV.

Киньць квітня. Весняне сонечко поцсувало вже довгу працю зими: білий непорочный снігъ не вытрымавъ ёго пекучого погляду—роставъ и побигъ ричечками та струмочками сповищаты людей про свою прыгоду... Завеленивъ шырокий степъ. Залунала у чыстому, прозорому повітрю писня жайворонка... Прылетили гусы зъ далекого краю... Обизвався вже разъ десь у гаю соловейко...

По дорози йиде повозка. Конячка тупа помаленьку, залышучы на вохкій земли слідъ неpidкованыхъ копытивъ. Вона низько похылыла свою голову, заплющыла очи, але не видъ втомы похнюпылася вона такъ и не зъ образы, що визныця стибнувъ ии недавнечко батижкомъ,—вона марыть про пахущу траву, ночный пастовень та свижий водопій у ставку.

Худа, блида, зморена жинка, що сыдыть на повозци тежъ у солодкій дримоти. На облыччю ии не выдно ни сумныхъ думокъ, ни турботъ. Вона зводить зридка ви, и тоди глыбоко запали очи ии дывляться спокійно на били, легеньки якъ подыхъ, хмаркы, на далекий блакить прозорого неба... На рукахъ ии спыть маленька дытына. Це Приська, писля лыхой городяньской доли, верталася на село.

Визныця звертається иноди до жинкы зъ якымъ небудь пытаннямъ, але бильшъ мовчыть. Весна, властыва господня кожного створиння, опанувала своими чарами й ёго серцемъ. Не хотилося ни думаты, ни згадуваты, ни балакаты... Такъ гарно, такъ невымовно гарно було сыдыты спокійно, купатыся у золотому проминню сонечка, вбираты у себе свиже повітря весны!!

Ось поривнялыся зъ якою-сь економією. „А вже весна, а вже весна“—несподивано оголосыла весняночка поле. Приська стрепенулася и повернула голову назустрічъ писни.

Надъ самымъ шляхомъ простяглыся плантаціи тютюну, и десяткы зъ тры дывчатъ у рижнобарвыхъ карсеткахъ, білыхъ

сорочкахъ садылы розсаду. Весело та жваво йшла робота у великому гурти пидъ доглядомъ старенького „табашныка“—Приська задывылася на дивчатъ.

— Помагай-би! Боже поможы!—звернувся визныця, Максимъ, до строкивцивъ.

— Спасыби!—видповили въ одынъ голосъ дивчата.

— Здорови, тату!—прывитала Максима якась дивчына, перестрибнувши черезъ канаву.

— Здорова!—хыба вже нанялася?—здывувався Максимъ.

— Вчора заступыла. Маты довго не пускалы, а я такы видпрохалася,—мовыла дивка.

— Кортило нанятись?

— А вже-жь! тутъ такъ весело: разъ-у-разъ у гурти—не счуешся, якъ и день зйде... Це мабутъ вы, титко, того лыста прислалы?—звернулася дивчына до Приськи.

— Якого лыста?—здывувалася молодыця.

— Отъ и не дала вража дивчына збрехаты!—засміявся Максимъ. Я хотивъ, щобъ ты думала, нибы-то я випадково нагодився у городи та потрапивъ до тебе, ажъ воно, якъ то кажуть: „брехнею свить пройдешь та назадъ не вернешся“..

— Пысавъ вамъ хто про мене, чы що?—запыталася Приська.

— Спырыдонъ сповистывъ насъ про тебе. Такого жалю намъ надавъ своимъ лыстомъ... У кинци прыпысавъ, щобъ и не хвалылыся и не признавалыся тоби про той лыстъ, а мы, бачъ, якъ уволылы ёго волю!—

Приська засміялася.

— Ажъ теперь, якъ засміялыся, пизнала я васъ,—зрадила дивчына:—вы титка Приська.

— Вона сама,—мовыла молодыця.—А ты-жь чья будешъ?

— Це-жь моя хрещеныця, Харытына; невже забулася? Вона надалечко видъ вашои хаты и живе—друга хата видъ выгону,—нагадавъ Максимъ.

— Невже це та сама Харытына, що, здається, ще такъ недавнечко пасла гусей за царыною?—здывувалася молодыця.

— Вона сама,—видповивъ Максимъ. Приська прыдывлялася до дивчыны и не йняла виры своимъ очамъ. Колы встыгла вона такъ выросты? На якыхъ харчахъ набралася дивчына того дебелого тила. Яка праця додала до іи молодого лыченька стилькы колёру?

— А дытынка якъ мицно сныть!—мовыла Харытына, обережно оправляючы платочокъ на Галыній голивци.—Хлопчыкъ чы дивчынка? Приська спалахнула: „почынається!“—почынаються прыкри пытанна! Незабаромъ пидуть сварка, докоры...—промаинуло у іи въ голови. Мыттю прыгадала вона, якъ колысь маты ціей Харытыны прылюдно соромыла іи за глевки пырогы, якъ навить ци сама Харытына дратувала іи вкупи зъ иншымы дитьмы та дражныла прызвыщемъ „городянки“, и сердце изнову боляче защемило... Чого-жь сподиватыся ій, осоромленій, зныщевній, хворій душею и тиломъ, теперь на сели? Чого вона йиде туды? Навищо послухалася дядька?

— Дивчына Галя—нарешти видповила зъ пересердымъ Приська.—Рушаймо, дядьку!—звернулася вона до Максима.

— Тривайте, тату!—типрр!... слынына дивчына коня.—У мене десь канхветыкъ бувъ—парубокъ давъ. Ось знайшла. Нате, дайте Гальци. Прощайте!—додала вона и мыттю опынылася били подругъ.

Повозка рушыла дали.

— Зайидьмо може до мене?—перепочынешъ трохы,—запытався Максимъ, дойхавшы до перехрестя двоухъ доригъ.

— Поганяйте до матери: я ще не дуже втомылася,—видмовыла молодыца и зайшлася сухымъ короткымъ кашлемъ.

— Про мене, якъ знаешъ—абы не дуже втомылася за дорогу.

— Дойиду якось: ще на дорози не помру,—мовыла стыха Приська, прытскууючы руку до хворыхъ, втомленихъ кашлемъ грудей.

— Запакувала ты себе, якъ сама знала,—зитхнувъ Максимъ.

— Не згадуйте, дядечку! не нагадуйте!... Якъ тутъ гарно, весело, ясно, просторо!... Не згадуйте мени про те, що недавно було,—немовъ попрохала молодыца.

— Дывысь ты, якъ мицно Галька спыць—и не прокыдалася за всю дорогу. Мени наче вона ажъ покращала за цей часъ; засмалылася трохи на сонечку; не така блида,—обизвався трохи згодомъ Максимъ.

— Цвила вона у мене якъсь,—зитхнула Приська.

— Поправытсья: тыжднивъ черезъ два, гляды, и не признаешъ своей донькы. Тамъ баба вже й и колыску повисыла, а Санька ніякъ че диждетсья, щобъ ии колыхаты.

— Дядечку!—звернулася стурбована молодиця до Максима.—Скажить мени, дядечку, по щырїй правди, чого мени сподиватыся тамъ... на сели? Чы мене витатымутъ тамъ за родыну, а чы може за останню...—Молодиця не домовыла и вытерла слёзы.

— Выгада таке-сяке-ніяке тай турбуе себе даремно! Ты-жъ йидешъ до ридной матери, а якъ-же риднїй матери и витать тебе, якъ не за ридну дочку?

— Скільки горя, скільки клопотывъ, сорому прынялы вони черезъ мене!—нагадала Приська.

— Матери було горе, тоби удвое, а про соромъ... такъ то, мовлявъ, „и за свою пазуху не ручыся“. Велькый свитъ та слызькы дороги: той, дывысь, тамъ пидсковзнувсь, той—тамъ спиткнувсь, одынъ—зъ горы упаде, другый—у болото улучыть, и не намъ, гришнымъ, караты свого брата!—видмовывъ Максимъ.

— Якъ прыгадаю я иноди, якъ селяне знущалыся зъ мене, якъ вони докорялы мени, якъ дорикалы, такъ ажъ холодный пить выстуцать,—мовыла сумно Приська.

— Дорикалы та допикалы, доки можчо було тебе ще на шляхъ справыты. Самъ я не разъ здатенъ бувъ хочъ и попобыты тебе за оти выгады та норовы, що призвели такы тебе нарешти до горя. А теперь, колы ты вже й сама довидалася почимъ кившь лыха та стилькы горя прыняла, ниhto тоби и прыкрого слова не мовыть. Вже, здаетсья, ни передъ кымъ ты такъ не вынувата, якъ передъ чоловікомъ, а проте и винъ на тебе серця не мае: уготовывъ тоби хату, топыла, хлеба, сподиваетсья тебе, якъ жинкы, якъ господаркы.

— Не пойду я до Даныла. Навищо здалася я ёму хвора, сумна... невірна дружина? Винъ може и выбачывъ мени, може й справди здатень прыйняты до себе за жинку, але не буде мени тамъ жытця черезъ самого Трохыма. Не забуде винъ мени мого гриха, не змылуется и надъ Галею...

— Що-жь Галя? Чымъ воно вынне? Чы вона кому що за-подіяла? Знайдется и про неи кутокъ та шматокъ хлиба, а вы-росте, дастъ Бигъ, то шей допомогы тому дастъ, хто їи выгодуе. Я самъ такый, що взявъ-бы їи зъ охотою. Це тоби не городъ, де на одынъ кутокъ—десять охотныкывъ, на одынъ шматокъ—десять ротивъ. Не повыненъ-бы и Трохымъ тоби дорикаты за Галею...

— Охъ ни, не кажить! Знаю я ёго—немылосердный винъ на такихъ, якъ я; зненавыдыть винъ навикы и Галею,—мовыла Приська.

— Про Галею не клопочыся—не загыне вона на сели. Абы Господь допомигъ тоби одужаты, а те все гараздъ буде... Чы пытала ты ликарывъ, яке тоби лыхо та чымъ пособыты, що ты ось кривью кашляешъ.

— Була въ мене пропасныця. Чотыры мисяци мучыла, и ногы попухлы; ходыла до ликаря,—давъ чого-сь, звеливъ застуды остерегатыся; такъ хыба-жь убережешся, якъ и воды никому податы.

— Сказано, въ городи людей обмаль,—вкынувъ немовъ про себе Максымъ.

— Всякому свое дило, своя робота, свое горе.

— Що до горя та роботы, такъ того добра и на сели до-сыть, а проте не залышать у насъ одыноку та шей хвору жинку безъ допомогы. Хай прыйдемо до-дому, я до тебе зразу бабу Катрю приведу,—вона тебе выпользуе.

— Наврядъ. Люде кажуть, що въ мене вже печинкы тліють...

Максымъ стѣбнувъ конячку и не видповивъ ничого.

Сталы вйиздыты въ село.

Галя прокынулася, выпростала рученята зъ-пидъ ненлыч-ной литнячей и потяглася до гилочки черешни. Максымъ спы-

нывъ коня, скочывъ зъ повозкы, зломывъ гилочку и подавъ їи дытны.

— На, бався, скільки хочешъ! це тоби не городська забавка, грошей не коштуе. Незабаромъ наспіють и ягідкы про тебе—найисся уволю.

Приська усмихнулася.

— Чого ты смієшся?—запытавъ Максимъ.

— Дивно мени, якъ оце вы до Гали промовляли. Нибы-то и справди ягідкы наспіють про Галю. У городи та дитвора без-таланна на вищо не гляне—все не про нихъ, все про кого-сь иншого, а тутъ ось на дорози забавку знайшлы.

— Приривняла! У городи и сонце не про всіхъ однакове: багатшому бильше и свиту й тепла, а биднишому вже йменьшенько надиле. Ось напрыкладъ, чы часто воно у твою хатну зазырало?

— Не дуже... А ѡе й такы куткы, де воно и зовсимъ не буае,—мовыла Приська, прыгадуючы зъ жахомъ холодну, вохку, темну хату—Хвесьчынъ лѣхъ.

— То-жъ то, бачъ, и ѡе! Якого вже тамъ и добра сподиватыся, якъ, мовлявъ, сонечко тай то не всіхъ однаково гріе? И схотилося-жъ тоби йхаты туды! А все черезъ дурный розумъ, черезъ ту волю,—мовывъ Максимъ.

— Ни, не кажить, дядечку, такъ, не нарикайте на мене: выбирае и скотына помижъ травою найсмачнишу пашу, шукае й людына, де краще; не зъ дурного ума пишла и я у городъ шукаты кращого жыття.

— Тай багацько-жъ побачыла тамъ добра!—гирко усмихнувся Максимъ.

— А багацько... багацько, бильшь навить нижъ сподивалася,—мовыла стыха молодиця.

— Чы не у жывивъ часомъ?—не втерпивъ Максимъ, щобъ не нагадаты.

— Одгадалы—мовыла спокійно Приська. У Берчыкы мени найвильнише було; у неи служачы, я найбильше прыдывылася до городу, и скільки тамъ добра, колы-бъ вы знали!

Максымъ глянувъ на небогу.

Ни, вона не сміялася. Облыччя її було сумне, суворе, у очахъ видбывался якись тяжки, невесели думкы.

— Багацько... багацько тамъ добра!—мовыла вдруге молодця:—кныгарни, театры, музыка, вволю свита, тепла... счастья, жыття, достаткывъ... все, чого душа забажае, все йе у городи. Ни, не зъ дурного то розуму, дядечку, тивають люде зъ села.

Максымъ скыпывъ.

— Ты такы своеи спиваешъ! Не покинула и доси порывивъ! Сама душа у тили, а ще не каешся...

— Чого-жь мени каються? Чы людныи невилно шукаты соби крацого жыття? Хыба-жь я вынна, що робоча людывна тамъ, у тому городи, де навколо така роскышъ, де люде роскыдають стилькы грошей на прымкы, не може здобути зайвой копійкы про хворобу, не може забезпечыты себе найсутяжнишою працею видъ голоднои смерти пидъ тыномъ? Хыба то моя вынна, що все, чымъ красуется городъ, що найдужче вабыть людей, вымагае або тыхъ проклятыхъ грошей, котрыхъ у нашего брата—наймыта завжды обмаль, або здоровья, котре намъ ще дорожче за грошы, або хочъ вильного часу, котрого у насъ и зовсимъ нема? Хыба мени снадалося на думку, колы я було хожу по городу зъ покійною генеральшею, що лыхтари свитять тилькы по тыхъ вулицяхъ, де паны гуляють, що каминемъ мостять тилькы тамъ, де заможни люде йиздять, а що по тыхъ закуткахъ та вуличкахъ, де тысячы робочыхъ людей у глупу ничъ зъ вагою на плечахъ ходять,—грязюка по колина, темрява и у день, и у ночи...

— Ачъ, чого схотила! Щобъ лыхтаръ и передъ її викномъ стрымивъ! Ха-ха-ха! Не пагано й прырозумила!—засміявся Максымъ.—Ни, галочко, то тилькы на сели мы—„люде“, а у городи мы—„попыхачы“, „робитныкы“, „чужи наймыты“,—додав винъ зъ певнистю.

— „Люде!“—несподивано зареготалася и соби Приська.—Галько, чуешъ? Якъ прыйдемо на село, то зъ насъ будуть люде!!—звернула она до донькы...

Максымъ образыся.

— Чого ты смієшся? Що тобі дивного въ моихъ речахъ?—
запытавъ винъ небогы.

— Люде! Якъ мы и на сели люде? Темни, полатани... голдни... Ни, дядьку, мы и на сели тилькы робоча терпяча скотына... Але на сели маемо хочъ едыне счастья—громаду такыхъ же безталанныхъ, темныхъ, якъ и мы, сусидивъ; маемо добро—батькивський кутокъ про смерть... и спасыби вамъ, мій батько ридный, що взяли мене до-дому... помираты!—мовыла стурбовано Приська и тыхо заплакала.

Максымъ стѣбнувъ коня и одвернувся видъ небогы.

Перебиглы двое гонивъ, и возокъ вйихавъ въ добре знаёме Присьци село. Ось вже зъявылася и низенька похыла, але била, ажъ блескуча хата ии ненькы.

— Дядечку! то-жъ здається Трохымивъ кинъ стоить била ясель?—запыталася перелякана молодыця.

— Ни, ни—заспокойвъ ии Максымъ—то Данылова; винъ видкупывъ ии у брата. Ачъ, вражий сынъ якъ посишывся до тебе—и насъ попередывъ! А онъ-де и Мелашчыны коривкы—и вона нагодылася.

— Хыба вона замижжю?—запытала Приська.

— Уже другой рикъ. Вона навмысне въ городъ йиздыла запрохуваты тебе на весилля и десь такы зустріла тебе, та, на жалъ, загубыла помижъ возивъ та людей.

Приська прыгадала, якъ ховалася вона зъ цыбулею видъ сестры, и почервонила.

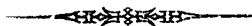
— Ось мы и прййихалы,—мовывъ весело Максымъ, видчыняючы ворота.—Не бійсь, небого, никого... не клопочыся—никто тебе тутъ не осудыть, не додасть зайвого горя... Трохымъ, правда, немилосердный на тебе за Даныла, такъ винъ далеко и не навернется напевне сюды, а про другихъ людей не турбуйсь—буде тобі тутъ добре!

Назустрічъ молодыци высыпала вся родына, вси блыжни сусиды. Вси обступылы воза, радо привиталы Приську, и на

очахъ молодыць заблестила дорогоцянна перлына-слёза жало та щырого спочуття до горя недужои, безталанной сестры.

Приська не дожыла и до осени. Вова вмерла пры повній пам'яты у своїй хати, заспокоена родыною та селянамы, и едыне іи було прохання до матери, сестры та Максима передъ смертю—це не пускаты Галю никома зъ села.

Л. Яновская.



Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.

(Окончаніе) ¹⁾.

53. Колдовство и чародѣйство.

Вопросъ о колдовствѣ въ правобережной Малороссіи весьма обстоятельно изслѣдованъ въ извѣстномъ трудѣ проф. В. Б. Антоновича, составленномъ на основаніи обширнаго актоваго матеріала, извлеченнаго изъ книгъ кіевскаго Центрального Архива. Тамъ же указано существенное различіе во взглядахъ на колдовство въ Западной Европѣ, до конца XVIII ст., и въ Малороссіи. Тотъ жестокій характеръ, какой имѣли на Западѣ процессы о колдовствѣ, предавшіе пламени тысячи невинныхъ жертвъ, выработался вслѣдствіе распространившейся повсюду и пустившей глубокіе корни въ общественномъ сознаніи вѣры въ непосредственное участіе злого духа во всѣхъ отправленіяхъ человѣческой жизни. На колдуновъ и чародѣевъ смотрѣли, какъ на слугъ діавола, вступившихъ съ нимъ въ близкія сношенія и проявившихъ его силу ко вреду людей. Чтобы обезопасить себя отъ этого вреда, общество, руководимое членами священной инквизиціи, усердно стремится къ тому, чтобы открыть точные признаки, по которымъ можно было бы распознать слугъ злого духа, обличить ихъ дѣйствія и истребить ихъ самихъ. И вотъ во всей Европѣ, начиная съ XIII вѣка, запылали костры, усердно раздуваемые фанатизмомъ инквизиторовъ и суевѣрной публикой, и пламя ихъ, нѣсколько лишь ослабѣвшее подъ вліяніемъ реформаціи, потухло только въ исходѣ XVIII ст., подѣ

¹⁾ См. Кіевск. Стар. 1901 г. № 11.

вліяніемъ широко развившагося на новыхъ началахъ европейскаго просвѣщенія. Последнее аутодафе совершилось— въ Австріи въ 1766 г., въ Испаніи 1781 г., въ Швейцаріи въ 1782 г., а въ Польшѣ лишь въ 1793 году.

Казалось бы, что тотъ же взглядъ на колдовство и то же безпощадное отношеніе къ чародѣямъ должны были бы существовать и въ Южной Руси, такъ долго находившейся подъ культурнымъ вліяніемъ Польши и заимствовавшей отъ нея порядокъ судопроизводства, основныя юридическія понятія и множество отдѣльныхъ закоположеній, вошедшихъ въ законодательство края какъ при передѣлкахъ Литовскаго Статута и дополненіяхъ его сеймовыми постановленіями, такъ и при устройствѣ городского управленія на основаніи перешедшаго черезъ польскую редакцію Магдебургскаго права. Между тѣмъ оказывается, что фанатическій взглядъ на чародѣйство и примѣненіе къ нему приемовъ выработаннаго инквизиціонными судами процесса не переходили этнографической границы, до которой простиралось католическое населеніе Рѣчи-Посполитой, и хотя въ Магдебургскомъ правѣ прямо предписывалось подвергать чародѣевъ казни чрезъ сожженіе, но даже магистратскіе суды правобережной Малороссіи почти никогда не примѣняли этой безчеловѣчной кары, обыкновенно замѣняя ее уплатою штрафа въ пользу церкви, духовною епитимією или же предоставляя обвиняемымъ оправдаться очистительною присягою. Причина этой мягкости судебныхъ приговоровъ, по мнѣнію проф. Антоновича, лежала „не столько въ гуманномъ настроеніи судей, сколько въ отсутствіи въ Малороссіи тѣхъ демонологическихъ понятій, которыя вызывали на Западѣ жестокое преслѣдованіе колдуновъ. Допуская возможность чародѣйнаго, таинственнаго вліянія на бытовыя, повседневныя обстоятельства жизни, народный взглядъ не искалъ начала этихъ вліяній въ сношеніяхъ съ злымъ духомъ; демонологія не только не была развита, какъ сводъ стройно развитой системы представленій, но, до самаго конца XVIII ст., насколько можно судить по процессамъ, совсѣмъ не существовала въ народномъ воображеніи, даже въ видѣ неяснаго зародыша. Народ-

ный взглядъ на чародѣйство былъ не демонологическій, а исключительнo пантеистическій. Допуская существованіе въ природѣ силъ и законовъ, невѣдомыхъ массѣ людей, народъ полагалъ, что многіе изъ этихъ законовъ извѣстны личностямъ, тѣмъ или другимъ образомъ успѣвшимъ проникнуть или узнать ихъ. Само по себѣ обладаніе тайною природы не представлялось, такимъ образомъ, дѣломъ грѣховнымъ, противнымъ ученію религіи. Если вчинялся искъ, то судьи не преслѣдовали обвиняемаго за самый фактъ обладанія или употребленія таинственнаго средства, а старались опредѣлить, употреблено ли оно было въ пользу, или во вредъ другому лицу, и только во второмъ случаѣ, рассматривая дѣло съ точки зрѣнія гражданскаго иска, соразмѣряли наказаніе со степенью причиненнаго вреда. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, когда мѣстность была поражена эпидемическою болѣзнію, настроеніе населенія становилось тревожнымъ, и панической страхъ побуждалъ прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ по отношенію къ мнимымъ чародѣямъ“ 1).

Всѣ эти положенія могутъ быть цѣликомъ примѣнены и къ лѣвобережной Малороссіи, чего и слѣдовало, конечно, ожидать въ виду однородности населенія обѣихъ сторонъ Днѣпра. Имѣя подъ руками лишь нѣсколько актовыхъ книгъ малороссійскихъ судовъ XVII вѣка, мы не могли собрать такого же обширнаго матеріала, какимъ располагалъ проф. Антоновичъ для исторіи колдовства въ правобережной Малороссіи въ XVIII ст.; но и тѣ немногочисленные процессы о чародѣйствѣ, какіе намъ удалось разыскать, представляютъ совершенно однородную картину и народныхъ вѣрованій въ таинственныя силы природы, и отношенія суда къ предполагаемымъ обладателямъ этихъ тайнъ— „чаровникамъ и чаровницамъ“. Болѣе полныя изъ этихъ процессовъ мы перескажемъ ниже, въ формѣ отдѣльныхъ очерковъ, а здѣсь передадимъ лишь тѣ, о которыхъ не сохранилось подробностей.

1) Труды этнографическо-статистич. экспедиціи въ западно-русскій край. Югозападный отдѣлъ, томъ I, стр. 327 и 336.

Въ 1684 г. въ Кишинькѣ нѣкая Мотря Лисовчиха обвинялась въ томъ, что „посродку ночи чаровала домъ Иваннышынь Язловеджышынь, нагая зъ замкомъ у волоси вплетеннымъ ходячы, и поймалъ еи Корній Язловедженко подъ своею хатою“. По приговору полковаго суда, „взято за тое проступство у Лисовчихи одного коня, а пару воловъ сынамъ еи вернено“.

Въ 1690 г. нѣкто Тишко Матвievъ, изъ с. Озаровки, вмѣстѣ съ тестемъ своимъ явился въ Стародубскій магистратъ и заявиль такую жалобу на своего односельца Ярмолу Чернобай: „Оный Чернобай, въ часъ моего весилья, обовязовалъ мене по сорочци портнянкою невѣдать для чого, и отъ того часу, черезъ два южъ роки, не маю жадного зъ моею жоною сполкованя и мѣти не могу. А тое мнѣ сталося въ клѣтѣ, подъ часъ вѣнчаня. А на завтрее самъ онъ тую ниточку отвязалъ, потомъ изгубиль (потерялъ) оную, а говорить Чернобай теперь: „колы бѣ, правѣ, тая ниточка була, я бы-мъ помогъ тобѣ“. Приговоръ суда по этой жалобѣ неизвѣстенъ.

Въ томъ же 1690 г. козакъ Маячской сотни Иванъ Червоный жаловался, что его односелицы Антоныха и Маларка безчестятъ жену его, „задаючи ей неслухный доводъ о мечтахъ бѣсовскихъ“, т. е. распускають слухъ, будто она чаровница. Полтавскій полковой судъ послалъ въ Маячку бурмистра Петра Юревича и двухъ козаковъ, чтобы они совмѣстно съ сотникомъ Иваномъ Керебердою произвели слѣдствие, кому и какой вредъ причинила Червоныха своимъ чарованьемъ. Въ присутствіи всей мѣстной старшины, „товариства и мѣщанъ маяцкихъ“, слѣдователи опрашивали „мирянъ всихъ: кому якая шкода и укrywжєня було отъ Ивановои жоны Червоного, або колы-бѣ на неи якый настоятель ¹⁾ бувъ?“—„Тогди жадець духъ призвавъ, що не миємъ жадного ущербу отъ жоны Червоного“. На основаціи этого отчета полковый судъ, согласно 105 арт. 14 разд. Статута,

¹⁾ Неточный переводъ юридическаго термина instigator—обвинитель, обыкновенно въ то время употреблявшася въ латинской формѣ.

привялзъ Антоныху и Маларку „хвалшывымы свидѣами“ и велѣлъ имъ, „упросивши Ивана Червоного и жону его, нагородити имъ всѣ правныя выклады“.

Если въ извѣстной мѣстности появлялся моръ, благодушное отношеніе суда и населенія къ чародѣямъ рѣзко измѣнилось.

Осенью 1652 года въ г. Борисполѣ, въ переяславскомъ полку, была какая-то эпидемія. Кто-то распустилъ слухъ, что болѣзнь пасылають бабы-чаровницы. Съ особенною настойчивостью молва указывала на пѣкую Овдінху Трасчиху, и сотникъ Антопъ Гарасименко, посовѣтовавшись съ войтомъ и другими урядниками, рѣшился арестовать еѣ. Когда посланные отъ уряда Василь Волочай, Павло Галисненко и Матвѣй Шульга пришли въ хату къ Тращихѣ и объявили, по какому дѣлу имъ приказано арестовать ея, она сказала:

— Возьмитъ же, панове, и Путятыху, бо вона старшая наша есть: вона дивкою рядытся и въ косахъ ходыть, молодую чынытся, по дворахъ ходыть и двory надыхае: якъ явый двиръ натхне, то вси вымрутъ.

Взяли, конечно, и Путятыху и обѣихъ въ ожиданіи суда посадили въ заключеніе.

Спустя нѣсколько дней въ ратушу, во время судебного присутствія, пришли многіе изъ мѣстныхъ козаковъ и мѣщанъ и заявили:

— Пане уряде! Велькая кривда намъ діется одъ тыхъ незбожныхъ и запамяталыхъ боязни Божой билогловѣ (женщинѣ) Трасихи и Путятыхи, що вони намъ згубили отцивъ, матокъ, бративъ, сестеръ, дитокъ, та и намъ самымъ одъ ихъ досталося. Просымо, абы вашности рачили (изволили), ведлугъ святой сираведливости и ихъ учинкивъ, билшь ихъ у вязеню не триматы, але по заслужи карность имъ даты.

Урядъ изъявилъ готовность немедленно учинить судъ надъ обвиняемыми, если есть желающіе выступить въ роли обвинителей и представить улики. Желающіе оказались. Первымъ выступилъ Харько Якубенко и далъ такое показаніе относительно Овдінхи Трасихи:

— Еднаго часу, передъ святою Покровою, йшовъ я на торгъ, на мисто, а за мною шла Тращиха; такъ я слытавъ еи: чи уймется моръ до Покровы? Вона мовыла: „ни“, и далій мовыла до мене: „выходь съ того кутка, де мешкаешъ, бо коли не выйдешъ, то вымрешъ“.

Другой свидѣтель Овсій Ованка показалъ такъ:

— Молотывъ я въ гумни жыто, ажъ прѣйшла до мене Тращиха. Я тоди жыто у михъ сыпавъ, а вона мовыла до мене: „Йовсію, выкинь зъ миха тры зерна жытнхъ, тоди въ дому твоимъ ничого не станется лыхого, вси будутъ жыви“. И меду, и воску, и муки просыла; медъ и вискъ взяла, а муки не взяла: „не треба, мовыть, намъ такой муки—на тую ричъ не згожа“.

Третьимъ свидѣтелемъ оказался мѣстный „орендаръ“ Кирило Давидовичъ, давшій такое показаніе:

— Овдіиха мовыла мени: „Пане орендарю, выходь зъ миста на Иваньковскую улыцю, то будешъ жывъ во всею челядью“.

Вѣроятно, Тращиха на судѣ отрицала приписываемыя ей слова, поэтому ее подвергли пытѣ, и „на квестіи“ она признала все, что показывали свидѣтели. Другая обвиняемая, Путятыха, очевидно совсѣмъ слабоумная,—не даромъ она рядилась молодою,—безъ пытки, „добровольно“ винилась во всемъ, чего отъ нея спрашивали, но ея показаніе не занесено въ протоколь. Она же „добровольно“ показала:

— И Васылыха попадья така, якъ и я.

То же показала и Тращиха о «вынычкѣ» (женѣ винокура):

— Такая есть вынычка, якъ и я.

Какъ ни были ничтожны улики, по судьи, очевидно подаваясь настроенію встревоженной толпы, приговорили Тращиху къ сожженію. И когда она „стояла на остатнімъ ступню“¹⁾,

1) Техническое выраженіе, заимствованное изъ обряда смертной казни чрезъ повѣшеніе. Осужденнаго вводили на висѣлицу по лѣстницѣ, и когда онъ стоялъ уже на послѣдней ступени („на остатнімъ ступню“), его еще разъ спрашивали, подтверждаетъ ли онъ прежнія

що вона, ись чіенсь науки, ирвала собачую и кошачую шерсть и палыла, не знаю задля чого“.

Тутъ выступила жена Бридуненка и дополнила жалобу его: — Милостывыи панове! То еще не все оповидавъ мужъ мій. Власне черезъ ты чары немалый часъ винъ въ великыхъ пострахахъ бувъ: нибы одъ челяды своен у полю утикавъ до болота и все зъ себе скидавъ, и чувъ голосъ одъ того прывыдинія, неначе говорылы: „быймо, быймо овакого сына; нехай каже, де гроши поховавъ!“ И просывся Якивъ отъ оногo прывыдинія, сыдячы въ багни, мовячы: „Не залазьтеся души моеи: вывезу вамъ гроши золотыхъ сто зъ дому и розсыплю передъ вами, и подилытеса соби“. А вони повидаютъ: „Ни вже, овакий сыну, не увійдешъ одъ нашихъ рукъ живъ!“

Услышавъ этотъ рассказъ, присутствовавшіе выразили изумленіе, иные же замѣтили, что Яковъ, когда „на ёго находыло“, продѣлывалъ и не такія „чудасіи“.

Тѣмъ временемъ сотникъ распорядился, чтобы бывшая наймычка Бридуненка Приська была приведена, и когда она предстала предъ судомъ, ей задали вопросъ:

— Чы було тое такъ, якъ Ганна Кривая на тебе признаеть?

Приська „безъ усякого замолчани стала признаватися“:

— Що жъ, панове, було тое: ирвала-мъ собачую шерсть и кошечую и палыла; а на тое злое дило учила мене Ющыха Гузіенкова, що служыла на той часъ мамкою у Якова Бридуненка, и казала мени той попилъ и у страву (въ кушанье) сыпаты, тилько жъ я не сыпала, и не знаю, задля чого. А вона мени такъ говорыла: „Я, мовыть, тое чыныла, якъ зъ Ромашкомъ позывалася, и якъ той попилъ розсыпала, а Ромашко уступывъ, то заразы и люде Ромашкови стали лаяты, и право, мовыть, позыскала“. Тилько, панове, моеи речи“.

Позвали Ющыху и спросили:

— Чи було тое, якъ дивка на тебе визнаеть?

— Ото, панове,—показывала Ющыха,—якъ була на мене оказія, що я була байстрия прывела, то Семеныха Лытвыныха

навчила мене на тое дило, абы-мъ кыдала кишку на собаку и ирвала зъ ныхъ шерсть и палыла, то, мовыть, не будутъ на тебе люде ничого говорыты.

Спросили затѣмъ Ющыху:

— А чи не вчыла тебе Лытвыныха, щобъ ты мила и Якову Бридуненку що чыныты?

— Ни, отвѣчала Ющыха:—на тое Лытовка ничого не учыла.

— Задля чого жъ ты дивку на тое злое дило учыла?

— Задля того-мъ учыла, що Бридунка дивци выслугы не заплатыла, а дивка на нюю плакала; съ тыхъ миръ я дивку на тое учыла.

Тутъ Ющыху прервала Приська и, обращаясь къ ней, сказала:

— Спалывшы того попилу, я отъ Якова Бридуненка одышла до Перехрыста, а ты у Якова осталася и попилъ въ мене той узяла. Я жъ не знаю, де ты ёго задила.

На это Ющыха ничого не отвѣтила, можетъ быть потому, что въ это время ввели Семеныху Литвиныху, или Литовку. Это была извѣстная всему Санжарову „баба-пупоризка“, далеко еще не старая женщина, своимъ привѣтливымъ видомъ и ласковымъ выраженіемъ глазъ менѣе всего напоминавшая злую колдунью. Она прворно подошла къ урядникамъ, чинно поклонилась и застыла съ выраженіемъ почтительной готовности. Ее спросили, учила ли она чарамъ Ющыху Гузійку.

— А такъ, мылостывши панове,—начала Литовка,—якъ Ющыха прышла, выбачайте, байстрия, а я у ней бабою була, то й учыла де-чому, жалуючы ей, щобъ не було на ней поговору. Та вы, ласкавыи панове—заговорила Литовка другимъ тономъ, приблизившись къ судьямъ—не турбуйтеся: коды дозвольте, я хочъ заразъ пиднимаюся Бридуненкови мешканя поправыты: буду старатыся, щобъ Якивъ знову зъ жоною своею полкудски мешкавъ, якъ и спочатку.

Но въ отвѣтъ на это услужливое предложеніе послѣдовалъ приказъ сотника взять Литовку, вмѣстѣ съ Ющыхой и Приськой, „до туремного вязыня.“ Дѣло было слишкомъ важно и подле-

жалю компетенціи высшаго суда; а въ такихъ случаяхъ на обязанности сотеннаго суда лежало лишь производство предварительнаго слѣдствія, или „инквизиціи,“ и снятіе показаній сторонъ и свидѣтелей, затѣмъ подлинный протоколъ подписывался членами суда, скрѣплялся „звѣлою мѣскою“ печатью и вручался истцу для представленія, въ зверхнѣйшій судъ,“ т. е. въ полковый. Туда же подъ конвоемъ были отправлены и подсудимыя.

Недѣлю спустя былъ назначенъ разборъ того же дѣла въ полтавскомъ полковомъ судѣ. Сюда прибылъ истецъ Яковъ Бридуненко съ своими свидѣтелями и, вмѣсто устной жалобы, „презентовалъ выведенную атестацію,“ т. е. слѣдственный протоколъ ново-санжаровскаго сотеннаго суда. Какъ бы ни была подробна и обстоятельна такая „атестація“, полковый судъ обыкновенно допрашивалъ вторично подсудимыхъ и свидѣтелей и вообще, въ чемъ требовалось, дополнялъ слѣдствіе. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, „хотячи познати явніе знаки и слушныя доводы“ преступленія, судъ велѣлъ сначала „передъ собою къ конечной отповѣди статьи“ Семенихъ Литвинихъ и задалъ ей вопросы:

— Для чого ты, препомнивши боязнь Божую, велила такіи чары діяти и мешканя Бридуненкови и жони его цсоваты, и зъ чіеи направи и якимъ способомъ, якого часу? Що за слова до тыхъ чаривъ своихъ примовляты, оныи справуючы, казала? Одъ кого ты сама навчылася?

— А що жъ, панове,—отвѣчала Литовка: то вѣрва, що я жалуючы Танны, мамки, щобъ на ен не було одъ людей пого, вору, що байстрия привела, учыла мамку, тилько не на тое, щобъ шерсть собачую и кошечую ирвала и палыла, а на тое, абы вона замокъ, замкнувши, у воду укынула въ яке судно и тією водою умывалася рано, якъ маеть сонце сходыты, и такъ примовляла: „Якъ сей замокъ замненъ есть, такъ людей, котры на мене злость якую будуть говорыты, языкъ и ричъ и мову абы замкнуло“, и тією водою трычи умыватыся велила. А тіей ричи, про зопсованя мешканя Бридуненкови, не видаю; однакъ могу:

панове, о тое постараться, щобъ ёму и жони ёго мешканя поправыты.

При послѣднихъ словахъ судьи, значительно переглянулись. Бѣдной старухѣ и на мысль не приходило, какъ много вредила она себѣ этой ненужной услужливостью. Больше не стали ее и допрашивать. Мѣсто ея заступила Приська.

— Панове! начала она: якъ первой говорыла-мъ, такъ и теперь говору, що за заведеную заслугу мою Бридуненкомъ учыла мене Ганна Гузійка, мамка бувшая Бридуненкова, на тое, абы-мъ, кишку взявшы, на собаку кыдала и, шерсть зъ обохъ бестій рвучы, говорыла тыя слова: „Въ якій згоди песь съ кишкою жывуть, такъ нехай и Якивъ Бридуненко зъ жоною своею мешкаеть,“—поневажъ мени не заплатылы. Тую жъ шерсть палыла и мала у страву сыпаты Бридуненкови, бо мене и на тое учыла тая жъ мамка, тилько жъ, панове, не сыпала, а той попилъ взяла въ мене тая жъ мамка. А колы вона зъ Ромашкомъ, Гарячого зятемъ, управовала (судилась) за посваръ, а власне за такый, що ёго господня (жена) мамку назвала нецнотю, бо вона байстрия прывела, а мамка й соби на Ромашку такъ же отказала, що «и ты, прави, такыхъ же байстрия навела, якъ и я», то сыпала передъ урядомъ тыхъ бестій попилъ, а скоро Ромашко зъ невидомосты уступывъ ногою въ той попилъ, и вси люде тамошніи стали якъ-бы за мамкою блажыты, а Ромашка ганыты; и такъ мамка позыскавши право на Ромашкови, похвалылася мени, що тое чыныла. А того я не видаю, де вона остатокъ того попелу подила. А тое чынылося такъ рыкъ назадъ, объ сямъ же часи.

Судъ пожелалъ допросить затѣмъ свидѣтельницу, швачку Ганну Кривую, благодаря которой раскрыто было данное дѣло. Ее спросили: какъ она узнала о томъ, что наймичка Приська чаровала своихъ хозяевъ? Ганна объяснила:

— Тогда, панове, сыдила-мъ я на колоди, у двори Яковоямъ, ажъ Приська, взявшы у хати кишку, несеть до коморы и кынула ей на пса, и такъ говорытъ: „дидчая собака не беретъ кишкы!“. Затымъ, піймавши пса, рвала шерсть и понесла

у хату, а кишка тежъ за нею у хату побигла. Тамъ Приська шерсть спалывшы, попилъ у вузлыкъ завязала и заховала.

Снова спросили Приську:

— Чи такъ тое було? И де ты заховала попилъ?

Она отвѣтила:

— Було тое, панове, все, якъ Ганна мовить, а заховала-мъ я той попилъ у синяхъ, за коминъ; а навчыла мене мамка на тое.

Допрашивали и бывшую мамку Ющыху. Ее считали болѣе другихъ виновной, такъ какъ она собственно учила глупую Приську чаровать во вредъ хозяевамъ, да и въ показаніяхъ она зямятно путала, поэтому ее не просто допрашивали, а съ пристрастіемъ: по словамъ протокола, ее «давано подъ килька-кротную карность»; но она осталась при прежнемъ показаніи.

Слѣдствіе было окончено. Судьи признали вполнѣ доказаннымъ, что Яковъ Бридуненко былъ жертвою злостнаго чарованія: и то, что онъ «до забутя ума» приходилъ, и что «зъ жоною своею не бытковавъ» (не имѣлъ общенія)—все это «ѣму ся поводило черезъ чары». Непосредственной виновницей этого чародѣянія была наймичка Приська, но она дѣйствовала по наученію и подговору со стороны бывшей мамки Ющыхи, которую слѣдуетъ считать болѣе виновной въ данномъ преступленіи. Но главной виновницей должна быть признана Литвиныха. Она научила чародѣйству Ющыху, а отъ той уже научилась и Приська; она и на судѣ хвалилась, что можетъ «поправити мешканя» Бридуненку, а слѣдовательно, можетъ его всякому и «зопсовати»; наконецъ она же, Литвиныха, «будучи власною чародѣйницею», учила другихъ «богомерзкимъ дѣламъ чаровницкимъ», какъ нужно «примовляти» надъ брошеннымъ въ воду замкомъ, чѣмъ «якъ бы радыла, абы каждому чоловику ричъ и мову замкнуло». Справившись съ «правами Майдебурскими», судьи нашли въ книгѣ «Порядокъ», въ артыкулахъ 14 и 22, указаніе, что «чаровники и всѣ, котории ся отъ чорнокнижства а зъ гусла обходять, кды ся покаже, же (что) таковыхъ речий иного училь, албо кому грозиль, а тому, которому грожоно,

зъ того що злого пригодило, таковый кождый маеть срокгою смертельною карностью быти каранъ, то есть огнемъ спаленъ». «Заповѣгаючи тому, абы ся промежь народомъ христіанскимъ такая злость, якая есть противко Пану Богу, не множила и овшемъ была заповѣдана», судъ постановилъ декретъ, по которому Семеныха Литвиныха, какъ «власная чародѣйница», и съ нею Ющиха и Приська, «яко послушаючи тыхъ еи богомерзкихъ учений», тою же «огнею карностью мають згинути».

Но этимъ суровымъ приговоромъ оказался недовольнымъ самъ же истецъ Яковъ Бридуненко. Онъ заявилъ, что «даруетъ горломъ» преступницъ и только желаетъ, чтобы онѣ «въ городѣ Новомъ-Санджаровѣ не мешкали вѣчне». Судъ охотно удовлетворилъ его желанію и постановилъ новый приговоръ: «абы ты чаровници зъ мѣста били шворками выгнани и стали чуждыми отъ всѣхъ ихъ набытковъ», т. е. подверглись позорному изгнанію изъ родного города и были лишены имущественныхъ правъ, а «наклады правни и вина панская и врьдовая» были взысканы съ ихъ «худобы».

Опозореннымъ изгнанницамъ, конечно, предстояла очень печальная будущность; но если принять во вниманіе условія времени, то нужно признать, что полковый полтавскій судъ осудилъ ихъ довольно еще милостиво: судись онѣ въ другомъ мѣстѣ, хотя-бы въ самой культурной странѣ тогдашней Европы, имъ навѣрное не сносить бы голову.

55. Порча вещей посредствомъ колдовства.

Впрочемъ, и изъ козацкихъ судовъ чаровницы не всегда благополучно уносили головы. Дѣйствовавшее въ малороссійскихъ судахъ Магдебургское право обычно требовало казни чаровницамъ, но примѣненіе этого суроваго закона зависѣло отъ обстоятельствъ. Санджаровскія чаровницы обвинялись въ причиненіи чарами вреда здоровью и даже жизни человѣческой, и тѣмъ не менѣе судьи нашли возможнымъ замѣнить для нихъ смертную

казнь другимъ, менѣе жестокимъ наказаніемъ; а въ это же время решетиловская чаровница Гапка Пасьчиха, обвинявшаяся лишь въ порчѣ малоцѣнныхъ вещей, поплатилась за это головой.

Существуетъ и теперь въ малорусскомъ простонародьи суевѣрное мнѣніе, будто знахари, посредствомъ чаръ, могутъ причинять непоправимую порчу вещамъ людей, почему-либо имъ непріятныхъ. Стоитъ, напримѣръ, чѣмъ-нибудь разсердить знахаря, и онъ „поробить“ такъ, что ваше платье окажется все въ дырахъ, холстъ, питки, пряжа разлѣзутся въ куски, словно гнилые, корова перестанетъ давать молоко, куры нести яйца и т. под. Въ настоящее время иной хитрой крестьянкѣ не безвыгодно самой распустить о себѣ слухи, что она можетъ это дѣлать, и тогда сосѣдки станутъ ее бояться и будутъ уступать ей въ мелочахъ, чтобы не возбудить ея гнѣва. Но въ старину подобная репутація была въ высшей степени опасной, ибо легко могла привести къ костру или къ плахѣ. И тѣмъ не менѣе никогда не было недостатка въ легкомысленныхъ людяхъ, которые сами большею частію поддерживали или даже распускали о себѣ столь опасную славу.

Такой легкомысленной женщиной была обывательница сотеннаго города Решетиловки, козачка Гапка Пасьчиха, можетъ быть отдаленная прабабка знаменитаго впоследствии князя Паскевича, тоже, какъ извѣстно, уроженца Подтащины. Въ апрѣлѣ 1690 года по ея дѣлу спеціально былъ созванъ мѣстный сотенный судъ подъ предсѣдательствомъ сотника Есифа Завадовскаго, несомнѣннаго предка извѣстнаго впоследствии вельможи. Жалобщикомъ выступилъ мѣстный городской писарь Григорій Марковичъ. Онъ жаловался, что Гапка Пасьчиха, бывши у него въ домѣ на «беседи» и за что-то на него разсердившись, „перехвалялася“, что его дорогіе жупаны не долго ему послужатъ,—и точно „вскорѣ затымъ злая похвалка ея оправдалася“: его платье изъ дорогихъ суконъ и аксамитовъ „завсимъ зопсовалоса“—вѣроятно, моль испортила. Удивительнѣе всего, что позванная къ допросу Пасьчиха и не думала отрекаться отъ приписываемаго ей „злого учинку“, котораго, конечно, не со-

вершала; напротивъ, она признала себя „причиною до вопсованя платя“ и „заразь передъ врьдомъ и передъ всимъ мыромъ (т. е. присутствовавшей на судѣ публикой), постокротне даючы руку писареви“, просила у него прощенія, говоря:

— Отъ тоби рука моя, що уже бильше не будешъ въ той втрати шкодоваты; я тоби поражу, що твое платя не буде бильше терятися, и сама на себе покладаю декретъ: колы-бъ мило еще терятися (портитися), то вольно тоби въ той часъ и мистру (палачу) до рукъ мене даты и смертелною карностю караты“.

Конечно, наивная женщина этимъ самымъ давала суду достаточный поводъ подвергнуть ее такой „карности“ немедленно, не ожидая повторенія проступка; но панъ Марковичъ былъ человекъ милосердный: онъ заявилъ суду, что готовъ простить подсудимую, и лишь просилъ, чтобы ее торжественное обѣщаніе болѣе не вредить ему было занесено въ протоколъ и выдана ему формальная съ него копія. Судья согласился съ этимъ, говоря: „и мы тожь сей разъ не настоємо на еи душу“, и ограничились строгимъ „наказомъ оной злой жинци“, что если и впредь она станетъ вредить своими чарами „не токмо писареви, але и всякому человекъ, зъ нею знаючомуся“, то ее ни въ какомъ случаѣ „не минеть“ тотъ смертный декретъ, который она сама на себя наложила. Пасьчиха влялась, что навсегда „поперестанеть того злого дила“, и ее съ миромъ отпустили, а писарю выдали копію судебного протокола.

Но не прошло съ тѣхъ поръ и двухъ недѣль, какъ Пасьчиха поссорилась съ сосѣдкою Палажкою Гришковною и по своему обычаю пригрозила ей бѣдой, а у той, какъ на зло, бѣлье, полотно и пряжа истлѣли,—вѣроятно отъ сырости. Въ это время прибыли въ Решетиловку полтавскій полковой судья Петръ Будкій и значный товарищъ полтавскій Василій Бунчученко, присланные полковникомъ „для слупныхъ инквѣзицій правныхъ“, т. е. для какихъ-то судебныхъ разслѣдованій. Подъ своимъ предсѣдательствомъ, вмѣстѣ съ участіемъ мѣстнаго сотника, атамана городского и войта съ бурмистрами, они открыли нѣчто въ родѣ отдѣленія полкового суда и стали разбирать дѣла. Сюда прибѣ-

жала Палажка Гришковна съ мужемъ и занесла „плачливую скаргу“ на Гапку Пасьчиху, при чемъ „и слухное лице передъ судьями повладыла“: испорченное сукно, полотно и „сорочки въ дѣбраи“, „а плачучи мовила“:

— Мои ласковыи панове! Тое злое дило учыныла мени опая не боячаяся Бога Гапка за тое, що намиткы еи у мене покрадено, а вона того жъ часу перехвалылася на мене, мовячы: „Ото жъ я тоби вчыню, що до смерти плакаты будешъ!“ И разъ же, на другой день по перехвальци, одчыныла-мъ я скрыню—ажъ десять моткивъ пряжи такъ потерани (испорчены), що ажъ въ пичъ мусила-мъ повкыдаты, а сама при великимъ плачу востала-мъ.

— А есть же въ тебе свидкы, кымъ ты оныи потераныи миткы освидчала?—спросили судьи.

Такимъ „свидкомъ“ оказался заранѣе приглашенный Палажкою въ судъ „зацный и вѣры годный“ человекъ Микита Василенко. Онъ показалъ:

— Окомъ своимъ видилемъ, що моткы вельмы поповани, на порохъ.

Когда на другой день возобновилось засѣданіе суда, явились новые обвинители Гапки. Козакъ Василь Неводничій занесъ „плачливую скаргу свою на тую жъ безедную чародѣйницу“ также „о потераню плата“ и сверхъ того о порчѣ коровъ относительно „дѣйва“.

— Тилко разъ—плакался онъ—въ моимъ дому побувала, а одъ того часу сталыся мени незносныи упадки.

Наконецъ, мѣстный священникъ прислалъ „цедулку“ (записку) слѣдующаго содержанія: „Року 1690, априля 23, въ день св. мученика Георгія, прыходыла мя просити Гапка Пасьчиха, которая мни поповала плата, и мовыть: „просты мя въ томъ, отче, що я тоби учыныла, але отъ сего часу болше въ томъ шкоды тоби не будетъ, на що и слово и руку подаю пры людехъ зацныхъ, съ которыми теперь тебе и прошу: съ Хведоромъ Гулаченкомъ, Хведоромъ Сидыною, Иляшемъ Стрильпыкомъ и зъ мужемъ моимъ Паскомъ, а вже болше тоби шкоды

не будетъ". Що для памяти собѣ и записалемъ, року и дня вышъ писаного".

Въ виду столькихъ обвиненій, а главное—въ виду того обстоятельства, что незадолго предъ тѣмъ Пасьчиха условно была помилована по однородному дѣлу, судъ имѣлъ основаніе признать ее крайне вредною и неисправимою чаровницей и, не производя дальнѣйшаго слѣдствія, приговорилъ ее, на основаніи извѣстныхъ уже намъ артыкуловъ Магдебургскаго права, къ смертной казни. Никто не пожалѣлъ несчастной, никто и слова не замолвилъ о смягченіи суроваго приговора. Не видно даже, чтобы и мужъ пытался ходатайствовать о ея помилованіи: можетъ быть, и ему надобла легкомысленная жена, пустыми похвалками" безразсудно вооружившая противъ себя значительную часть односельцевъ.

56. Полтавскіе школяры.

Въ старой Малороссіи, какъ извѣстно, существовали многочисленныя приходскія школы. Ревизскія полковыя книги первой половины XVIII ст. даютъ довольно точныя свѣдѣнія объ ихъ числѣ; въ 1740—48 гг. такихъ школъ было: въ нѣжинскомъ полку 217, въ лубенскомъ—172, въ черниговскомъ—154, въ переяславскомъ—119, въ полтавскомъ 98, и проч. ¹⁾ Вообще можно сказать, что при каждой городской и сельской церкви существовала и школа; а такъ какъ въ старину приходы въ Малороссіи были малолюднѣе нынѣшнихъ, то приходится заключить, что пропорціональное отношеніе тогдашнихъ школъ къ числу населенія едва ли не было болѣе благопріятнымъ, чѣмъ такое же отношеніе нынѣшнихъ земскихъ и даже церковно-приходскихъ училищъ.

¹⁾ См. «Статистическія свѣдѣнія объ украинскихъ народныхъ школахъ и госпиталяхъ» А. Лазаревскаго, Основа, 1862 г., май.

Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ столь же точными данными относительно того, что собственно представляли собою старинныя малороссійскія школы. Извѣстно, что въ каждомъ приходѣ существовалъ церковно-общественный домъ, именовавшійся „школою“, но, по указанію ревизскихъ книгъ, въ немъ жили дьяки мѣстные и «прихожіе»; а въ вѣдомости о приходскихъ школахъ г. Прилуки (1765 г.) мы находимъ именныя списки «молодиковъ и школьниковъ, при школѣ живущихъ», при чемъ оказывается, что въ четырехъ прилуцкихъ школахъ ихъ жило 18 человекъ, а по возрасту они распредѣлялись такъ: шесть изъ нихъ имѣли отъ 12 до 20 лѣтъ, четыре—отъ 20 до 30 и ~~восемь~~—отъ 30 до 39 лѣтъ ¹⁾ Спрашивается: какіе же это были школьники, достигшіе столь почтеннаго возраста? Въ то же время имѣются несомнѣнные свидѣтельства о томъ, что въ „школахъ“ жили и обучались безпріютныя сироты и дѣти бѣдняковъ, нерѣдко занимавшія впослѣдствіи видныя общественныя положенія. Когда въ 1692 г. къ границамъ полтавскаго полка подступилъ съ ордой и запорожцами извѣстный претендентъ на гетманскую булаву Петрикъ, то Мазепа приказалъ составить и послать ему отъ имени полтавцевъ укорительное письмо, въ которомъ говорилось между прочимъ: „Всѣ мы знаемъ, же (что) батько твій жебракъ (нищій) есть, въ городѣ нашомъ въ Полтавѣ въ шпиталѣ мешкалъ, а ты, въ школѣ межи нищими валяючися и по-подъ окнами нашими ходячи, округками ви-кормился“ ²⁾. А извѣстно, что Петрикъ въ полтавской школѣ не только вскормился, но и „выполѣровался“ (образовался) настолько, что могъ потомъ занять видную должность старшаго канцеляриста въ генеральной канцеляріи. Наконецъ, „школа“ служила пріютомъ для такъ называемыхъ „мандрованныхъ (странствующихъ) дьяковъ“ и „волочащихся чернцовъ“ въ родѣ извѣстнаго стихотворца конца XVII ст. монаха Климентія,

1) См. Архивные отрывки для исторіи Полт. епархіи, А. Лазаревского, вып. I, Полтава, 1887 г. стр. 57—60.

2) Лѣтопись Сам. Величка, т. III, стр. 114.

который въ одной изъ своихъ виршей приводитъ о ней пословицу: „Школа—всякимъ страннымъ домъ есть вольный.“¹⁾ Итакъ, что же собственно представляла собою старинная украинская „школа“: жилище церковниковъ, страннопріимный домъ, или родъ бурсы для сиротъ и дѣтей бѣдняковъ? Кто же въ ней училъ и кто учился?

Чтобы хоть немного разобраться въ этомъ туманѣ разнообразныхъ представлений, расскажем одно слѣдственное дѣло, производившееся въ 1699 году въ полтавскомъ полковомъ судѣ.

Въ половинѣ сентября, „по розѣзду ярмарку полтавского“, какой-то Манецъ и его жена, „Безручкова невестка“, представили уряду найденную ими за городомъ, „на рецѣ Рогозной“, близъ Ворсклы, шкатулку „одомкненую, порожнюю“, въ которой оказались какія-то тетради. Разсмотрѣвъ ихъ, урядъ сразу же опредѣлилъ, что это были „школярскіи письма“ (писанія), и по надписямъ на тетрадяхъ «позналъ», что онѣ принадлежали «выросткамъ» успенской соборной школы Хвесьву и Грыцьку. За ними тотчасъ послали «до школы» и предъявили имъ шкатулку «и письма». Хвесько и Грыцько «призналися до шкатулки, же (что) ихъ власная», наканунѣ у нихъ кѣмъ-то украденная, но при этомъ заявили, что въ ней были не однѣ тетради, но и значительная сумма денегъ. Такъ какъ они не могли указать похитителя, то урядъ велѣлъ имъ „межи собою въ школѣ чинити опитъ и розискъ о той шкодѣ, на комъ бы выявитися мѣло.“ Объ этомъ же было сообщено и „пану *дидакалу*“ успенской школы, каковымъ былъ въ то время „дьякъ рынокои святопречистскои“ (она же соборная) церкви Власъ Марченко, въ томъ же году перешедшій на должность „городового писаря.“ Школьники быстро разыскали виновнаго: въ тотъ же день „подзоръ (подозрѣніе) вказался на Омелька Иванчу, вравца“, о которомъ одинъ нищій, жившій въ шпиталѣ, въ одномъ дворѣ съ школой, далъ показаніе, что „бачывъ ёго, якъ учора

¹⁾ Основа, 1861 г. январь, стр. 173.

у вечеръ подъ полою шкатулку нись“; кромѣ того оказалось, что Омелько „той ночи не ночоваль въ школѣ, але десь инде“. Его тотчасъ привели въ судъ и подвергли допросу. Въ кражѣ онъ не сознавался, а на вопросъ: почему не почеваль въ школѣ и гдѣ провелъ ночь?—„отказаль, що у паламаря ночоваль, а не каже, для якихъ мѣрь.“ Судъ велѣлъ его „за сторожу до приказу дати.“ Тамъ онъ очутился въ компаніи съ какимъ-то Савкою Ивановичемъ, „за долги посаженнымъ,“ пустился съ нимъ въ откровенную бесѣду и неосторожно признался, что онъ точно укралъ шкатулку вмѣстѣ съ другимъ школьникомъ. Савка немедленно передалъ его рѣчи уряду.

Поставленный вторично на допросъ, Омелько не сталъ болѣе заператься и сказалъ:

— Я зъ Андриемъ Степаненкомъ, выросткомъ школьнымъ, тую шкатулку, зъ вечера зъ коморки школьной взявши, повеслы на Подоль, и тамъ одомкнувши, чехи въ калюжу зарылы, а шкатулку зъ паперомъ и зъ мыломъ у воду вкынули.

Послѣдовалъ приказъ привести „того Андрія, зъ которымъ Омелько гроши падчелывъ“. Его „забытали: чи такъ есть, якъ Омелько признается?“ Онъ не сталъ заператься. Одно лишь возбуждало недоумѣніе: потерпѣвшіе утверждали, что въ шкатулкѣ находились не одни чехи, но и „копійки“ (серебряная монета), а Омелько заявлялъ, что онъ „тилко о чеховой монетѣ вѣдалъ, а о копійкахъ не зналъ“. Но Андрій разъяснилъ это недоумѣніе, признавшись:

— О чехахъ обыдва знаемъ, а копійки зъ мисечкомъ я самъ, потай товариша, въ писокъ зарывъ, и Омелько не знавъ.

Оба „шкодци признавали и на другихъ двоухъ выростковъ“:

— Кирило, поддячій, и Юхимъ Дяченко о томъ знали, якъ шкатулку зъ коморы мы крали, тилко жъ о томъ несвидоми, де мы гроши задили.

Судъ не придавъ значенія этому оговору и не привлекъ Кирилла и Юхима къ слѣдствію. Ему предстояло еще разыскать украденныя деньги. Одному изъ бурмистровъ Олексѣ Рымарю было поручено вмѣстѣ съ понятыми и въ сопровожденіи Омелька

и Андрія отправиться на Подоль, „на тое мѣстце, где гроши сховани булы, для зысканя шкоды.“ Обвиняемые указали это мѣсто, и тамъ найдены были чехи, „у хустѣ завязаные“, а въ другомъ мѣстѣ былъ вырытъ въ песку „мѣшечокъ съ копѣйками“. То и другое вручено было уряду. Обоихъ „злодивъ“ приказано было отправить въ заключеніе, а урядъ занялся учетомъ денегъ, припрятанныхъ ворами. При разнообразіи тогдашней монеты и частыхъ колебаніяхъ курса, это было дѣло далеко не легкое; не всякій могъ его выполнить. Судьи „упросили людей добрыхъ и вѣры годныхъ, абы заразъ, якъ скоро подано на урядѣ тую сумму, перелѣчили въ дому судовомъ, чи много всеи будетъ найдоватися послѣ рукъ злодѣйскихъ“. Пану Кондрату, „крамарю, изъ Грицкомъ, Тлустого зятемъ“, поручено было сосчитать „копѣйки“, а пану Захарію Важничому—чехи. Первые два „налѣчили копѣюкъ сто золотыхъ и тридцять талярей“, и послѣдній „налѣчилъ чехами“ тоже сто золотыхъ и тридцять таляровъ, а всего оказалось денегъ 380 золотыхъ; ¹⁾ между тѣмъ потерпѣвшіе заявили раньше, что въ шкатулкѣ у нихъ хранилось „полчварта ста (350) золотыхъ“. Это возбудило въ судьяхъ нѣкоторое недоумѣніе, а вслѣдъ затѣмъ возникло и другое: потерпѣвшіе „суть нищіе и убогіе—а въ рукахъ ихъ такая знатная сумма оперлася“. Ихъ спросили: „где и отколь тіи гроши вамъ въ руки пришли?“ Хвесько отвѣтилъ:

— Складаюся тутейшими мищанами, що презъ килка лить диты людскіе учачи, чехъ до чеха збиравъ и зобравъ сто золотыхъ и десять талярей. То—моя родная праця (заработокъ).

А Грыцько представилъ такое объясненіе:

— У мене отецъ можный (состоятельный), до Коломыи ходытъ, и мене дома приставлювавъ силу торговаты. Одно жъ самъ зобравъ, а другое въ отца взявъ, и пойшовъ по городахъ вандруючи. А знайшовшися зъ сымъ Хвеськомъ, скупылысь до

¹⁾ Талеръ заключалъ въ то время 3 золотыхъ, а коша— $3\frac{1}{4}$ золотыхъ.

гурту и милы коня зъ возомъ и куфу горилкы купывшы, на еденъ грошъ за товарыша торговаты.

Урядъ, повидимому, не вполне удовлетворился этими объясненіями и рѣшилъ удержать деньги до окончанія дѣла, но затѣмъ, уступая настойчивымъ просьбамъ потерпѣвшихъ, выдалъ имъ всего 9 копъ (т. е. $29\frac{1}{4}$ золотыхъ), а остальную сумму велѣлъ опечатать въ присутствіи счетчиковъ и „взялъ урядовне до рукъ своихъ“ для храненія.

Осторожность уряда, отказавшаго въ выдачѣ всей суммы, была далеко не напрасной: на другой день Хвесько и Грыцько внезапно скрылись изъ города. „Познавши по утецѣ, що и се люде неробочіе,“ урядъ пожалѣлъ, что поддался ихъ „фортелю“ и далъ имъ 9 копъ на дорогу, и велѣлъ „всю справу о сихъ вкраденыхъ и перекраденыхъ грошехъ выписати и на далшую память и лучное повѣреня до книгъ мѣскихъ подати.“

Лишь спустя три мѣсяца объявился подлинный владѣлецъ этихъ денегъ: изъ Кіева прибылъ печерскій іеромонахъ Сила Жураховскій и предъявилъ удостовѣреніе въ томъ, что означенныя деньги были украдены у соборнаго старца и проповѣдника, кіевопечерскаго іеромонаха Аванасія Миславскаго ¹⁾. Ему онѣ и были выданы подъ „квитанцію“ о Жураховскаго.

—

Итакъ, что же мы узнаемъ о полтавской усупенской школѣ изъ этого документа?

„Дидакаломъ“ школы состоялъ дьякъ мѣстной церкви. Подъ его начальствомъ находились жившіе въ школѣ „выростки школьні,“ или, какъ ихъ именовали въ XVIII ст., „молодыки“; съ ними же жилъ и помощникъ дьяка—„поддѣчій“. Въ данномъ слѣдственномъ дѣлѣ упоминаются шесть человекъ этихъ „выростковъ“, но ихъ, конечно, было больше. Они не были учениками въ школѣ, но сами промышляли учительствомъ. Многие

1) Бывшаго впоследствии (1710—1714 г.) архимандритомъ Печерскаго монастыря.

изъ нихъ, если не всѣ, были люди прихожіе, странствующие; пока проживали въ школѣ—учили „людскихъ дѣтей“, а надоѣдало это занятіе—уходили дальше или принимались за другое ремесло. Одинъ изъ такихъ „выростковъ“ ссылается на свидѣтельство полтавскихъ мѣщанъ, что онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ обучалъ ихъ дѣтей и заработалъ этимъ значительную сумму; другой рассказываетъ о себѣ, что сначала помогалъ отцу торговать солью, потомъ отправился „вандровать по городахъ,“ какъ это было тогда въ обычаѣ у молодыхъ людей, еще не избравшихъ опредѣленной профессіи. Случайно забрелъ онъ въ Полтаву и пріютился въ успенской школѣ; но ему, очевидно, не нравилось учительское и дьяковское ремесло, и онъ задумалъ бросить его и заняться шинкованьемъ по ярмаркамъ. Вообще же это была „нищая, убогая“ братія, способная даже на воровство, и если у кого изъ нихъ оказывались сколько-нибудь значительныя деньги, то это возбуждало недобрый подозрѣніи. Учились ли и сами чему-нибудь эти „выростки школьніи“, проживая въ школѣ,—трудно сказать; если и учились, то развѣ дьячковскому искусству подъ руководствомъ „дидакакала“, который, конечно, былъ опытнымъ псаломщикомъ.

Сопоставляя эти данныя съ другими свѣдѣніями, какія вообще имѣются о старинной приходской школѣ въ Малороссіи, мы представляемъ ее организацію въ такомъ видѣ: это была вольная артель особаго рода ремесленниковъ, владѣвшихъ кое-какимъ школьнымъ образованіемъ и промышлявшихъ дьячковствомъ и учительствомъ. Обыкновенно ими бывали молодые люди, еще не избравшіе для себя опредѣленной профессіи и, по обычаю того вѣка, странствовавшіе „для повиданія болѣе свѣта и ученія и людского обхожденія“¹⁾. Одни изъ нихъ въ послѣдствіи становились настоящими причетниками и даже священниками, другіе переходили на писарскія должности или занимались торговлею,

1) См. автобіографію Ильи Турчиновскаго, одного изъ такихъ странствователей первой четверти XVIII ст., помѣщенную въ Кіевской Старинѣ 1885 года, февраль.

третьи уходили на Запорожье и т. д. Прихожане предоставляли этимъ странствующимъ пѣснопѣвцамъ и педагогамъ („мандрованнымъ дякамъ и бакалярамъ“) даровой пріютъ въ церковномъ домѣ (въ „школѣ“), но требовали, чтобы за это они „услужовали церкви Божіей“ на клиросѣ. Въ этомъ смыслѣ Климентій говорить въ одной изъ виршей:

И причетниками тежъ школяри ся именуютъ,
Поневажъ церкви святой щире услугуютъ.

Сверхъ того, школяры обязаны были заниматься обученіемъ дѣтей, за что ихъ родители давали имъ особое вознагражденіе согласно условію, а церковные ктиторы собирали въ ихъ пользу съ прихожанъ подаванія деньгами и приносами. 1) Кромѣ школяровъ-учителей, въ „школѣ“ жили и обучались и настоящіе „школьники“—сироты и дѣти бѣдняковъ, призрѣваемыя церковнымъ братствомъ. Обученіе приходящихъ учениковъ происходило и въ самой школѣ, но, въ виду многолюдства постоянныхъ ея обитателей и тѣсноты помѣщенія, могло совершаться и въ домахъ родителей.

Этотъ своеобразный типъ школы со странствующими учителями и вмѣстѣ церковниками, какъ и многія другія культурныя приобрѣтенія Малороссіи, цѣликомъ былъ заимствованъ съ Запада: нѣмецкіе *vagi scholares*, бакханты и польскіе *gubały*—это буквально наши „мандрованные дяки и бакаляры“, со всѣми ихъ типическими чертами, пороками и слабостями. Но этотъ типъ привился повсемѣстно въ Малороссіи и исчезъ только потому, что измѣнившіеся въ ней въ концѣ XVIII в. гражданскіе порядки сдѣлали невозможнымъ его дальнѣйшее существованіе. Государственная перепись 1782 года, прикрѣпивъ всѣхъ и cadaго къ опредѣленному мѣстожителству и

1) Въ ктиторскихъ реестрахъ Кіево-Подольской Борисоглѣбской церкви за 1693—1699 гг., сохранившихся въ ея архивѣ, есть записи такихъ подаваній „выросткамъ въ школу“. Проф. Н. И. Петрова «Кіевская Академія во второй половинѣ XVIII в.», стр. 122.

роду занятій, отняла разомъ и у посполитыхъ право перехода отъ одного пана къ другому, и у бакаляровъ возможность перекочевывать изъ одной школы въ другую. Но этимъ самымъ былъ нанесенъ смертный ударъ и народной малороссійской школѣ.

57. Кіевскіе студенты.

Когда, бывало, студенты Кіево-Могилянской коллегіи предпринимаютъ по ночамъ опустошительные набѣги на обывательскіе огороды или воруютъ дрова и съѣстные припасы, никто не ставилъ имъ этого въ большой грѣхъ и не находилъ въ ихъ мародерствѣ ничего возмутительнаго, ибо всякому было извѣстно, что большинство учащейся молодежи состояло изъ бѣдняковъ, терпѣвшихъ и голодъ, и холодъ, и всякую нужду. Тогдашній стихотворецъ Климентій составилъ даже особую виршу: „О школярахъ, дрова крадущихъ“, гдѣ говорится:

Приповість есть въ школяривъ: „не вкравъ, але доставъ“,
А ты, Боже, за дрова гриха имъ не поставъ»¹⁾

Но случалось, что студенты не ограничивались такими сравнительно невинными шалостями и затѣвали съ кіевскими мѣщанами настоящую войну, вступали съ ними въ кровопролитныя схватки, открыто грабили ихъ добро и наводили трепеть на членовъ магистрата. Конечно, они подражали въ этихъ случаяхъ своимъ коллегамъ—студентамъ католическихъ школъ, въ особенности питомцамъ іезуитскихъ коллегій, безчинства коихъ нерѣдко достигали размѣровъ настоящаго общественнаго бѣдствія для тѣхъ городовъ, гдѣ коллегіи существовали. Было бы ошибочно полагать, что подобныя безчинства обуславливались слабостью школьной дисциплины, бесиліемъ начальствующихъ лицъ совладать съ разнузданностью учащихся; напротивъ,

¹⁾ Основа, 1861 года, январь, стр. 173.

съ такимъ орудіемъ въ рукахъ, какъ розги и вообще жезловія тѣлесныя наказанія, тогдашняя школьная власть была въ состояніи обуздывать самыя дикія природы и предотвращать малѣйшее своеволие, и мы видимъ, что ученики, напримѣръ, піарскихъ школъ никогда не дозволяли себѣ такихъ безчинствъ, какія почти ежедневно творили іезуитскіе коллегіаты. Слѣдовательно, эти безчинства совершались если не прямо по наущенію воспитателей, то во всякомъ случаѣ не наперекоръ ихъ воли и тайному желанію. И дѣйствительно, іезуитскіе студенты обыкновенно громили православныя или протестантскія школы и святыни, еврейскія синагоги, или же терроризовали магистраты въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе вели съ орденомъ тяжбы за захватъ городскихъ земель, привлеченіе мѣщанъ подъ свою юрисдикцію и т. под., но не было случаевъ, чтобы студенты бунтовали противъ своего начальства.

Въ кievской коллегіи также господствовала строгая дисциплина. Кромѣ префекта, за поведеніемъ студентовъ наблюдала цѣлая фаланга его помощниковъ изъ среды самихъ учащихся: цензоры, сеніоры, директоры, инспекторы и т. под. Для усмиренія строптивыхъ употреблялись: стояніе на колѣняхъ, „пали“ (битье линейками по ладонямъ), розги, публичное сѣченіе подъ звонъ школьнаго колокольчика и наконецъ позорное изгнаніе изъ коллегіи. При такихъ строгостяхъ, казалось, были немислимы студенческія безчинства. И дѣйствительно, почти до конца XVII ст. ихъ и не было. Коллегія переживала очень трудное время; лишенная матеріальныхъ средствъ, она еще въ 1671 году открыто ко всѣмъ обращалась съ трогательнымъ воззваніемъ „о поратунокъ милостынею“, и надо полагать, что ближайшую помощь ей могли оказать прежде всего кievскіе мѣщане, коихъ дѣти здѣсь же учились. Къ тому же, въ этотъ періодъ число учащихся въ коллегіи едва ли превосходило 200—250 человекъ. За проступки внѣ школы студенты не только отвѣчали передъ префектомъ и ректоромъ, но и могли быть привлечены къ суду магистратскому или полковому, а въ крайнемъ случаѣ противъ

нихъ могла выступить и власть воеводы, какъ коменданта кіевской крѣпости.

Но къ концу восьмидесятихъ годовъ XVII ст. положеніе коллегіи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ измѣнилось. Съ открытіемъ богословскаго класса число студентовъ значительно возросло и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличился между ними процентъ великовозрастныхъ. Существовавшая еще со временъ Петра Могилы „конгрегація“ студентовъ (духовное братство), преслѣдовавшая цѣли нравственно-религіознаго ихъ усовершенствованія, пріобрѣла теперь болѣе совершенную организацію, съ выборными префектами и вице-префектами изъ студентовъ, и немало содѣйствовала ихъ сплоченности, развитію въ нихъ чувства товарищеской солидарности, благодаря чему въ затѣянную немногими буянами исторію легко втягивалась вся корпорація. Преподаваніе философскихъ и богословскихъ наукъ фактически приравнивало кіевскую коллегію къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, каковыми были академія Краковская, іезуитская Виленская и др., а одной изъ отличительныхъ привилегій этихъ заведеній было право собственнаго академическаго суда и независимости учащихся отъ гражданскихъ и военныхъ властей. Такое право, вмѣстѣ съ титуломъ „академіи“, было нѣкогда признано и за кіевской коллегіей извѣстными Гадяцкими пактами, но не получило осуществленія потому, что и самые эти пакты не были осуществлены. Теперь обладаніе этимъ правомъ сдѣлалось предметомъ пламенныхъ желаній и учащихся, и учащихся. Тѣ и другіе все чаще начинаютъ титуловать свое училище „академіей“ и въ одинаковой мѣрѣ тяготеютъ судебною и административною зависимостью отъ мѣстныхъ властей. Въ особенности несносною и унизительною представлялась студентамъ подчиненность мѣстному магистрату, возбуждавшая въ нихъ чувство глухой вражды не къ однимъ магистратскимъ урядникамъ, но и ко всѣмъ кіевскимъ мѣщанамъ. Конечно, это страшное чувство могло зародиться на почвѣ тѣхъ столкновеній, какія коллегіатская молодежь имѣла безпрестанно съ бурмистрами, исполнявшими полицейскія функціи; но въ немъ слышится и

другой мотивъ—высокомѣрное отношеніе къ мѣщанству, какъ сословію непривилегированному. Отношеніе это, свойственное тогдашней шляхетской молодежи, учившейся въ іезуитскихъ школахъ, было совершенною нелѣпностью въ кievской коллегіи, питомцы которой въ огромномъ большинствѣ были дѣти тѣхъ же мѣщанъ, козаковъ и даже посполитыхъ. Противъ этихъ шляхетскихъ тенденцій должны были вопить самыя стѣны коллегіи, какъ учрежденія, взлелѣяннаго кievскимъ братствомъ, первоначальное ядро котораго, безъ сомнѣнія, составляли кievскіе мѣщане. Но, въ противоположность другимъ братскимъ училищамъ—львовскому, виленскому, луцкому,—съ кievской коллегіей произошла странная метаморфоза: продолжая до конца XVII ст. носить имя „*братскихъ школъ*“, она въ дѣйствительности давно перестала быть *братскимъ* училищемъ, ибо и самое братство кievское едва ли не со времени еще Петра Могилы фактически прекратило свое существованіе. Какъ и почему оно исчезло—это вопросъ, выходящій изъ рамокъ настоящаго очерка; но фактъ несомнѣнный, что во второй половинѣ XVII ст. въ Кіевѣ не было уже братства, а въ основанной имъ школѣ скоро заглохли и его лучшіе завѣты и преданія. Теперь коллегія находилась исключительно въ вѣдѣніи лицъ монашествующихъ, подчиненныхъ митрополиту; но ихъ чувства и настроеніе были уже не тѣ, какими воодушевлялись ея первые ректоры и преподаватели, „душею и рукою“ вписывавшіеся въ братскій реестръ и въ союзъ съ представителями всѣхъ сословій кievскаго воеводства клявшіеся „единъ за всѣхъ и всѣ за единого стояти, духомъ любви горячей связавшеся“. И среди высшаго южно-русскаго духовенства многое уже было забыто изъ того, что выработано было въ эпоху борьбы съ унией и въ качествѣ руководящихъ принциповъ церковной политики. внесено въ актъ кievскаго собора 1621 года¹⁾. Въмѣсто предписаннаго тамъ братолюбія, незлобія, терпѣливаго перенесенія обидъ отъ младшихъ,

1) Имѣемъ въ виду известное «Совѣтованіе о благочестіи», изд. въ Памятникахъ Кіев. Коммиссіи, т. 1.

нестязательности и проч., митрополиты и игумены кіевскихъ монастырей конца XVII ст. только и дѣлали, что враждовали съ мѣщанами за земли, шинки и перевозки. Такой, на примѣръ, митрополитъ, какъ Гедеонъ Четвертянскій, типъ гордаго, надменнаго прелата, и подъ клобукомъ не забывавшаго о своемъ княжескомъ титулѣ,—какъ мало онъ напоминалъ кроткаго, благосерднаго Іова Борецкаго! Стоитъ лишь вспомнить, путемъ какихъ жестокихъ насилій поверсталъ онъ козаковъ Моровской сотни въ крестьянъ своего кафедральнаго монастыря. Его преемникъ Варлаамъ Ясинскій, бывшій ректоръ кіевской коллегіи, несомнѣнно обладалъ многими достоинствами; однако кіевскіе мѣщане горько жаловались на него не только за земли и перевозки, но и за то, что онъ, въ противность вѣковѣчнымъ обычаямъ, самовольно назначалъ въ городскія церкви священниковъ помимо воли и избранія прихожанъ, отлучалъ мѣщанъ отъ церкви за малыя вины, по оговорамъ, и т. под. Вѣдь это какъ разъ тѣ проявленія шляхетскаго самовластія, за которыя православные столь рѣзко и единодушно порицали Ипатія Потѣя и другихъ архіереевъ-уніатовъ. Вообще нельзя не отмѣтить странной аномалии, что демократическіе принципы, подъ знаменемъ коихъ православіе одолѣло унію, пользовались въ бессословной Малороссіи наименьшимъ кредитомъ именно въ средѣ высшаго духовенства, а слѣдовательно и въ управляемой имъ кіевской коллегіи. Не отсюда ли происходило и то, что козацкая старшина, здѣсь воспитывавшаяся, такъ легко отрѣшалась отъ преданій эпохи Хмельницкаго и проникалась шляхетскими тенденціями?

Такова была почва, на которой къ концу XVII ст. выросло уродливое явленіе—грубыя безчинства кіевскихъ студентовъ и ихъ нерѣдко кровавыя столкновенія съ мѣщанами.

Впервые подобныя безчинства въ рѣзкой формѣ произошли въ іюнѣ 1690 года. Въ одной изъ послѣдующихъ жалобъ магистратъ вспоминаетъ, что въ то время „студенты многое воровство въ нижнемъ городѣ Кіевѣ дѣлали: мѣщанъ въ ночи и въ день имая по улицахъ и зъ дворовъ беручи, забивали смертно и

плате съ нихъ снимали, а иныхъ мѣщанъ, поймавъ и приволокъ въ бурсу или въ школы, били розгами, плетями и кіями, и въ желѣза оковывали, о чемъ въ книгахъ нашихъ майстратовыхъ лѣта 7198 (1690), іюня 11 числа, записано¹⁾ Къ сожалѣнію, книги кіевского магистрата всѣ погибли, и мы не знаемъ, чѣмъ окончилось дѣло объ этихъ насиліяхъ; но, безъ сомнѣнія, мѣщане не остались въ долгу и за нихъ, конечно, вступился и кіевскій полковникъ съ козаками, и воевода съ ратными людьми. Это, вѣроятно, и побудило ректора Іоасафа Кроковскаго, при содѣйствіи митрополита Варлаама Ясинскаго и гетмана Мазепы, испросить (въ январѣ 1694 года) жалованную грамоту царскую, въ которой предписывалось: великороссійскимъ всякихъ чиновъ ратнымъ людямъ разныхъ полковъ, и кіевского и иныхъ полковъ полковникамъ и козакамъ, и кіевскому войту и мѣщанамъ, никакихъ ректору и учителямъ и ученикамъ, въ школахъ будущимъ, обидъ и утѣсненія не чинить, подъ угрозою царской опалы и двойного взыскаія за обиды, а начальству коллегіи вмѣнялось въ обязанность „вспокойныхъ и вражды творящихъ учениковъ унимать и смирять и ни до какова своевольства ихъ не допускать, и таковыхъ въ собраніе ученическое не принимать“. Хотя въ текстѣ грамоты нѣтъ прямого указанія на изъятіе коллегіи изъ административной и судебной подчиненности городскимъ властямъ, но вся коллегіатская корпорація почему-то толковала эту грамоту въ такомъ именно смыслѣ, что отнынѣ коллегіи предоставлялось право самоуправленія и собственнаго суда надъ учащимися, а магистратскіе и воинскіе чины не имѣли-де власти ни судить ихъ, ни даже подвергать предварительному аресту. Такая привилегія приравнивала коллегію къ заграничнымъ академіямъ и университетамъ и сулила студентамъ относительную базнаказанность: въ крайнемъ случаѣ префектъ могъ приговорить ихъ къ розгамъ и за такіе проступки, за какіе магистратъ приговаривалъ къ висѣлицѣ.

1) Сборникъ историч. матеріаловъ, извлеченныхъ изъ актовыхъ книгъ Кіев. Центр. Архива И. Каманинымъ, вып. I, стр. 48.

Можетъ быть, въ расчетъ на эту безнаказанность, студенты въ томъ же 1694 году учинили грандіозное буйство, при чемъ одного мѣщанина, сапожнаго мастера Григорія Ополоника „смертно саблю порубили, и отъ тѣхъ ранъ тотъ человекъ умеръ“. „Да они-жъ, студенты (жаловались мѣщане), многожды находя на сторожу, которая по вся ноци оберегаетъ на рынку торговыхъ лавокъ, убивали ихъ смертно и тѣхъ сторожей отъ лавокъ въ рядовъ отгоняли, а въ лавкахъ невѣдомо якіе воры животы наши выкрадали, отъ чего намъ великая учинилася обида. Тѣ жъ студенты поврали зъ двора половинками сукно у мѣщанина нашего Филиппа Серебреника, а у иныхъ мѣщанъ покрали зъ дворовъ вино, медъ и съѣстные харчи: муку, масло, пшено; такожде и животину всякую зъ дворовъ зводили и, убивъ, зъ того себѣ кормъ имѣли; да дрова и дерево хоромное зъ дворовъ мѣщанскихъ беручи и стѣны градскіе на дрова разбираючи, въ школу и въ бурсу по сту человекъ и болѣе носили и всякое воровство дѣлали. А тое покраденное сукно и всякіе краденные мѣщанскіе съѣстные харчи и дрова аще и были найдены у студентовъ, но изъ нихъ не машь намъ ниякои управы.“¹⁾

Этотъ припѣвъ: „нѣтъ на студентовъ управы“—тянется съ этихъ поръ непрерывною нотою въ теченіе долгаго времени.

Съ умноженіемъ числа учащихся въ коллегіи, имѣвшаяся при ней бурса уже не могла вмѣстить всѣхъ бѣдняковъ, поэтому митрополитъ Варлаамъ Ясинскій велѣлъ размѣстить ихъ по приходскимъ „школамъ“, существовавшимъ при кіево-подольскихъ церквяхъ. Собственно говоря, это было нарушеніемъ права прихожанъ, содержавшихъ школы совсѣмъ для другихъ надобностей, но они не протестовали противъ распоряженія митрополита, пока призрѣваемые ими студенты не обратили школьныхъ домовъ въ своего рода разбойничьи вертепы. Вотъ что писалъ по этому поводу московскій патріархъ Адріанъ митрополиту Ясинскому отъ 26 апрѣля 1699 года: „Доносиша нашей мѣрности кіевскіе

¹⁾ Тамъ же, стр. 49.

граждане, яко при храмѣхъ Господнихъ ихъ приходскихъ живутъ поющіи и малыхъ дѣтей учащіи дьяки, а храмины имъ строятъ прихожане; и съ тѣми де церковными дьяки въ тѣхъ храминахъ велиши ты жити вмѣстѣ студентомъ, пришельцомъ изъ польскихъ городовъ, которые хотятъ учиться въ школѣ (т. е. въ коллегіи) мудростныхъ наукъ языкомъ латинскимъ, и они де, студенты, живучи постойкою, многая сотворяютъ бѣдства и безчинства странная, а тѣхъ дьяковъ и малыхъ дѣтей, учащихся словенскаго нашего языка письменъ, бьютъ и бранятъ, и мѣщанъ, идущихъ къ церкви на пѣніе въ ноцахъ, бьютъ и увѣчатъ и безчестятъ женъ и дѣтей, и ради ихъ, студентовъ, плутовства и досадительныхъ обидъ къ церковникомъ, иногда въ церквахъ и пѣнія не бываетъ, а управы де на нихъ сыскати негдѣ. Да они де, студенты, многочисленно собрався, въ ноцахъ ходя по мѣщанскимъ дворамъ, крадутъ дрова, запасъ и всякія вещи, и отъ того де имъ великая обида и разореніе чинится, а унять ихъ отъ того некому. И ты... студентомъ, когда они творятъ пакости людямъ, въ церковныхъ жилищахъ жити не вели, зане могутъ быти при школахъ въ особныхъ домѣхъ и у мѣщанъ стояти, гдѣ кому придется¹⁾

Въ декабрѣ того же 1699 года войтъ Дмитрій Полоцкій доносилъ воеводѣ князю Петру Ивановичу Хованскому, что студенты толпами по ночамъ растаскиваютъ бревна изъ городскихъ стѣнъ, какими тогда былъ обнесенъ Подоль. Воевода приказалъ произвести осмотръ разоренныхъ стѣнъ и учинить допросъ стрѣльцамъ, стоявшимъ на караулѣ въ нижнемъ городѣ. Въ подьяческомъ актѣ осмотра значилось: «отъ Крещатицкой башни до Глѣбоборисовскихъ воротъ съ городской стѣны, съ тарасовъ, снято 23 бревна, да срублено 8 зубцовъ, да изъ башни мосты

¹⁾ Киевская Старина, 1885 г., сентябрь, стр. 142. Патріаршій наказъ не былъ исполненъ митрополитомъ; кievскіе мѣщане и въ 1741 году напрасно добивались удаленія студентовъ изъ приходскихъ школъ. См. статью Д. Вышневекаго въ янв. книгѣ Киевской Старины 1896 года.

и у дверей два бревна и съ цѣпью выломано». А караульные стрѣльцы дали такую сказку: „стояли-де они у Крещатицкихъ воротъ и въ иныхъ мѣstechъ, и студенты-де не по одну ночь приходили къ городской стѣнѣ челоуѣкъ по 20 и по 30, и съ городской стѣны снявъ бревна, пошли къ себѣ въ школы, а по окличкѣ голосу они имъ, караульнымъ, не отдали, для чего одинъ по нихъ, студентахъ, изъ пищали выстрѣлилъ; а поймать ихъ невозможно, что приходятъ многояудствомъ.“¹⁾

А въ январѣ 1700 года студенты учинили настоящій погромъ.

Дѣло началось съ пустяковъ. Вечеромъ, 29 января, студенты встрѣтили на Подолѣ прїѣхавшаго изъ Хвостова еврея Беню Абрамова и стали его бить. Спасаясь, еврей забѣжалъ во дворъ ратуши и сталъ кричать, чтобъ его оборонили. Выбѣжавшіе на крикъ магистратскіе служители отняли еврея и задержали нѣсколько челоуѣкъ студентовъ. Бывшій въ ратушѣ бурмистръ Гордѣй Минцовъ приказалъ было арестовать ихъ до разслѣдованія дѣла, но затѣмъ отпустилъ, по ихъ просьбѣ. Когда студенты узнали, что ихъ товарищи подверглись хотя и временному аресту изъ-за какого-то „невѣрнаго жидовина“, они рѣшили прежде всего жестоко отомстить послѣднему. Развѣдавъ, что онъ остановился въ одномъ мѣщанскомъ дворѣ, они ночью нагрянули туда, перерыли весь домъ и дворъ, грозя убить еврея, но онъ успѣлъ скрыться. Тогда студенты пограбили его лошадь и изъ саней кое-какія „подорожнія“ вещи. Чтобы досадить и магистрату, вступившемуся за еврея, студенты зашли въ ратушный шинокъ, избили оказавшагося тамъ мѣщанина Стецька Карпенка, отняли у него два рубля денегъ и сняли кожухъ, поясъ и шапку. На утро прибѣжали въ ратушу Бенья и Карпенко съ жалобами. Въ то время войтъ Дмитрій Полоцкій былъ въ Москвѣ.

¹⁾ Документъ Моск. Архива Мин. Юстиціи, д. Прав. Сената, вк. № 5, 1732 г., листы 129—134. Пользуемся спискомъ, слѣданнымъ проф. С. Т. Голубевымъ и любезно предоставленнымъ редакціи «Кіев. Старини».

Правившій его должность бурмистръ Гордѣй Минцовъ, посовѣтовавшись съ товарищами, послалъ къ ректору, игумену Прокшію Колачинскому, и префекту, іеромонаху Иннокентію Понцовскому, „который студентами владѣетъ“, магистратскихъ урядниковъ съ почтительною просьбою наказать виновныхъ студентовъ, вернуть ими пограбленное и принять мѣры, чтобы „впредь въ городѣ такого злодѣянія и грабежу пріѣзжимъ людямъ и мѣщанамъ студенты не дѣлали, понеже всякій пріѣзжій съ польской стороны чловѣкъ или жидъ, понесши въ Кіевѣ отъ студентовъ или отъ иныхъ майстрату ненадежныхъ людей якую обиду, нашихъ мѣщанъ въ польскихъ городахъ грабить и забираетъ“. Ректоръ не далъ на это никакого отвѣта, сославшись на то, что это дѣло префекта, а послѣдній отвѣтилъ такъ: «не токмо жиду не вернемо коня, але и всихъ васъ, мищанъ, будемо, розложивши, рузками (розгами) бити», въ доказательство чего онъ и крестъ поцѣловаль.

Въ тотъ же день, вечеромъ, студенты снова подстерегли на улицѣ еврея Беню и хотѣли „смертно убить“, но онъ убѣждалъ во дворъ кіевскаго полковника Константина Мокіевскаго, „господарь“ котораго Савва Можневскій «сховаль его въ коморѣ». Студенты большою толпою ворвались въ дворъ, долго искали несчастнаго Беню и, не найдя, „похвалялися самого господаря розками бити“. Въ сумерки Савва тайкомъ привелъ еврея въ ратушу, чтобъ его студенты на смерть не убили, и Бенья провелъ ночь въ ратушѣ, подъ охраною.

Утромъ, 31 января, бурмистры послали своихъ урядниковъ въ верхній городъ къ воеводѣ съ докладомъ, что студенты великое «воровство» въ городѣ дѣлаютъ, а префектъ не хочетъ „дать съ нихъ никакой управы“, и съ просьбой вступить въ это дѣло. Тогда князь Хованскій послалъ къ ректору и префекту подъячаго приказной палаты Давида Фатѣева, да и бурмистрамъ велѣлъ послать съ нимъ своихъ людей; при этомъ посольствѣ ходилъ и потерпѣвшій Бенья съ другимъ евреемъ Рафаломъ, толмачемъ войсковымъ. Ректоръ приказалъ отдать пограбленное. Студенты отдали еврею лошадь, а мѣщанину Карпенку вернули

только кожухъ и четыре гроша денегъ. Но лишь только посланцы вышли за монастырскія ворота, какъ со двора высыпало въ погоню за ними около сорока человекъ студентовъ съ кіями и принялись бить еврея Беню. Подьячій и магистратскіе урядники едва успѣли укрыться въ ратушѣ. Черезъ нѣкоторое время прибрелъ туда тяжело избитый и „кровью сплывучій“ Бенья; голова его пробита была до кости, и онъ жаловался, что съ него сорвали кошелекъ съ четырьмя рублями.

Когда воевода узналъ о новомъ „воровствѣ студентскомъ“, онъ послалъ въ коллегію капитана Титова со стрѣльцами съ требованіемъ, чтобы „тѣхъ воровъ студентовъ“ прислали въ приказную избу; но ректоръ и префектъ „тѣмъ посыльщикамъ не сказались“. Возвращаясь ни съ чѣмъ, посланные встрѣтили на улицѣ студента, на котораго имъ указали, какъ на участника въ нанесеніи еврею побоевъ; его немедленно арестовали. Тотчасъ на выручку товарища выбѣжали изъ коллегіи человекъ двѣсти студентовъ и стали отбивать его; но стрѣльцы справились съ молодежью, схватили изъ ея среды шесть человекъ и подъ конвоемъ повели въ верхній городъ. Вдругъ съ колокольни Братскаго монастыря раздался набатный звонъ, и со всѣхъ концовъ Подола стали сбѣгаться толпы студентовъ съ саблями, пистолетами, дубинами и другимъ оружіемъ. Они бросились въ погоню за стрѣльцами, гнались за ними „до взвоза“ (нынѣшняго Андреевскаго спуска), многихъ между ними ранили, но товарищей не отбили, потому что капитанъ со стрѣльцами успѣли скрыться въ верхнюю крѣпость. Поворотивъ назадъ, толпы студентовъ разсыпались по улицамъ Подола, хватали встрѣчныхъ стрѣльцовъ, служилыхъ людей, мѣщанъ, били всѣхъ немилосердно; у извозчиковъ, стоявшихъ на рыночной площади, отняли лошадей и увели въ бурсу, а ихъ самихъ избивали; потомъ повернули въ торговые ряды и стали громить лавки, бить мѣщанъ-торговцевъ и уничтожать товары. „А мы, сироты ваши (жаловались царю бурмистры и другіе магистратскіе урядники), бояся, чтобъ и намъ убійства и разоренія всему городу не было, заперлися и сидѣли въ ратушѣ, а наипаче для того, что на

рынку и по всѣхъ улицахъ студенты служивыхъ людей и мѣщанъ имаю бьютъ, а въ Братскомъ въ большой колоколъ безперестанно бьютъ на сполохъ". Стоявшій на подольской заставѣ капитанъ Аристъ Фанидзинъ, слышавъ набатъ, поспѣшилъ къ Братскому монастырю, чтобы узнать о причинѣ тревоги, но здѣсь за нимъ погнались студенты, и онъ едва успѣлъ вскочить въ ратушу. Сюда же поминутно прибѣгали избитые и раненные стрѣльцы и сказывали, что студенты царскихъ ратныхъ людей и мѣщанъ „убиваютъ смертно“. Опасаясь, какъ бы студенты не раснесли и ратуши, бурмистры и лавники упросили капитана Фанидзина отправиться къ воеводѣ, донести ему „о студентскихъ бунтахъ“ и просить отъ имени магистрата о вооруженной защитѣ. Храбрый капитанъ отважился пробраться въ верхній городъ, но не прямымъ, а окольнымъ путемъ, черезъ Кожемяцкія ворота. Скоро послѣ этого воевода прислалъ на ратушный дворъ большой отрядъ стрѣльцовъ, оберегая хранившуюся тамъ казну и „бороня“ бурмистровъ и лавниковъ, „чтобы студенты майстрату и всего города не разорили и ихъ не позабывали“. Теперь только магистратскіе урядники вышли изъ осады и въ полномъ составѣ отправились съ жалобою къ князю Хованскому, при чемъ сообщили ему, „что и въ то время, якъ ратные люди зъ верхняго города на ратушу въ большомъ числѣ на оборону нижняго города и всѣхъ мѣщанъ ишли, то безперестанно студенты на сполохъ въ болшой колоколъ били и въ то время наготовились весь нижній городъ разорити, а когда бъ не были присланы ратные люди, тогда бы студенты весь нижній городъ разорили и всѣхъ мѣщанъ позабывали“.

Когда прекратился погромъ, со всѣхъ сторонъ потянулись „битые и грабленные“, чтобы занести жалобы и „записать бои и грабежи“,—мѣщане въ магистратъ, а „служивые“ въ приказную палату. Князь Хованскій снесся съ митрополитомъ, и оба они послали въ коллегію приказъ, чтобы ректоръ и префектъ „про бои ратныхъ людей и про набатъ сыскали“ и велѣли вернуть отнятыхъ у извозчиковъ лошадей. Послѣднія немедленно были возвращены, а относительно сыска ректоръ съ префектомъ

отвѣтили: „мы ратныхъ людей и въ набать бить не велѣли, а кто такъ чинилъ—не вѣдаемъ“. Судя по этому отвѣту, трудно было рассчитывать на то, чтобы начальство коллегіи произвело какое-либо разслѣдованіе и подвергло виновныхъ студентовъ заслуженному наказанію; о томъ же можно заключить и изъ жалобы магистрата, посланной царю тотчасъ послѣ событій 29—31 генваря. Подробно и въ живыхъ краскахъ описавъ все происшедшее, члены магистрата такъ оканчиваютъ свою челобитную: „и нынѣ такое жъ воровство не переставая студенты мѣщанамъ дѣлаютъ, да и на насъ, сиротъ вашихъ, всѣхъ бурмистровъ и урядниковъ, похваляются смертнымъ убійствомъ и всего города разореніемъ. Милосердный великій государь! Пожалуй насъ, сиротъ своихъ, по премногой своей царской милости: вели, государь, тѣмъ своевольнымъ студентомъ дати по розыску наказаніе, и впредь вели своимъ боярамъ и воеводамъ насъ, сиротъ вашихъ, отъ такого убійства и разоренія студентскаго оберегать, чтобъ намъ отъ нихъ въ конецъ не разориться“¹⁾.

Такъ какъ донесенія кіевскаго воеводы во всемъ подтверждали челобитную мѣщанъ, то въ царской жалованной грамотѣ, данной въ началѣ 1700 г. кіевскому магистрату на маестности и на всѣ права и вольности,²⁾ сдѣлано было слѣдующее прибавленіе: „буде имъ, мѣщанамъ, отъ студентовъ впредь какія обиды чиниться будутъ и, приходя на дворы ихъ, учнутъ что имать насильствомъ,—и ихъ имая, имъ, мѣщанамъ, кіевскихъ полковъ съ служилыми людьми приводить въ приказную избу, и будущимъ въ Кіевѣ бояромъ и воеводомъ тѣхъ студентовъ принимать и противъ ихъ (мѣщанъ) челобитья розыскивая, указъ чинить по Уложению и по новоуказнымъ статьямъ, до

¹⁾ Жалоба мѣщанъ напечатана г. Каманинымъ въ его «Сборникѣ историч. матеріаловъ» вып. I, стр. 42—50. Донесеніе воеводы о безчинствахъ студентовъ — въ цитированномъ выше документѣ Архива Мин. Юстиціи.

²⁾ Для исходатайствованія такой грамоты кіевскій войтъ Дмитрій Полоцкій еще въ концѣ 1699 г. отправился въ Москву.

чего доведется“. Такимъ образомъ, если начальство кievской коллегіи почему-то было убѣждено, будто грамотой 1694 года ему даровано было исключительное право суда надъ учащимися, то теперь оно несомнѣнно лишалось этой привилегіи: настоящей грамотой магистрату предоставлялось право арестовывать буйныхъ студентовъ при помощи великороссійскихъ ратныхъ людей и передавать на судъ воеводѣ, который будетъ судить и наказывать виновныхъ не по мѣстному, а по болѣе строгому—великороссійскому праву.

Когда войтъ Полоцкій вернулся въ Кіевъ съ новопожалованной грамотой и объявилъ ее мѣщанамъ, вся коллегія, а съ нею и высшія духовныя власти впали въ уныніе и въ превеликое огорченіе. Митрополитъ Варлаамъ Ясивскій, незадолго предъ тѣмъ получившій, по жалобѣ войта, отъ патріарха Адріана отеческое внушеніе не отнимать у мѣщанъ земель, не нарушать ихъ исконаго права выбора приходскаго духовенства и не подвергать ихъ за малыя вины анаемѣ, былъ сугубо огорченъ новымъ торжествомъ тѣхъ же мѣщанъ и униженіемъ любимаго его дѣтища—коллегіи. Не будучи въ состояніи примириться съ новымъ порядкомъ, въ силу котораго ненавистные ему мѣщане станутъ „за караулъ брать“ благородную „молодь“ и отдавать на судъ московскимъ приказнымъ, онъ послалъ царю Петру челобитную, въ которой желалъ представить генварское событіе въ иномъ освѣщеніи и между прочимъ писалъ: „Братскаго училища дѣтямъ учинилося разореніе, къ чему подвели кievскіе мѣщане ратныхъ государевыхъ людей, и тѣ училище разорили и взяли въ приказъ семь человекъ учениковъ“, о чемъ просилъ учинить надлежащій розыскъ. „А что мѣщане получили себѣ пожалованную грамоту, чтобъ тѣхъ учениковъ за караулъ брать, и то мнѣ слезно и учителемъ учинился болѣзненный случай“. Ссылаясь затѣмъ на грамоту 1694 года, якобы освобождающую студентовъ коллегіи отъ подчиненія городскимъ властямъ, митрополитъ ходатайствовалъ о пожалованіи коллегіи новой грамоты, „чтобъ виннымъ школьнымъ ученикамъ наказаніе чинить въ

школахъ“ и чтобы магистратскія и приказныя власти не имѣли никакого къ нимъ касательства ¹⁾).

Эта челобитная не имѣла успѣха. Между тѣмъ столкновенія студентовъ съ мѣщанами хотя и продолжались, но уже не достигали прежнихъ безобразныхъ размѣровъ—можетъ быть именно потому, что мѣщане съ помощью стрѣльцовъ безъ стѣсненія хватили буяновъ „за карауль“ и тѣмъ предотвращали дальнѣйшія безчинства, а въ приказной избѣ, вѣроятно, мало церемонились съ учеными людьми. Съ этимъ позоромъ и униженіемъ никакъ не могла примириться коллегіатская молодежь, среди которой были вѣдь и сыновья полковниковъ, обозныхъ и другихъ старшинъ. Много разъ студенты и даже профессора умоляли митрополита избавить коллегію отъ этого „неудобноносимаго ига“, но что могъ онъ предпринять въ виду неуспѣха первой попытки? Лишь послѣ того, какъ бывшій питомецъ и впоследствии преподаватель и префектъ кіевской коллегіи, рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій занялъ высокій постъ мѣстоблюстителя патриаршаго престола, Ясинскій рѣшился прибѣгнуть къ его ходатайству и въ іюнѣ 1701 года послалъ ему письмо такого содержанія: „били-де челомъ ему, Варлааму, кіевскихъ братскихъ школъ учителя, что кіевскій войтъ и мѣщане великую обиду имъ чинятъ противу крѣпостныхъ великаго государя грамотъ, данныхъ имъ, привлекая себѣ власть и волю взять студента въ ратушную тюрьму, не извѣщая власти духовной, ректору и префекту, какъ было изъ вачала того училища, но еще изъ своей тюрьмы отдають въ верхній городъ къ генералу ²⁾, который тѣмъ хвалится, что имѣетъ власть сажать въ тюрьму студентовъ, каково иго и работа есть неудобноносно“. Поэтому Ясинскій „всеусердно“ просилъ Стефана Яворскаго, дабы онъ былъ „ходатаемъ къ великому государю въ подаваніи полномощной грамоты и крѣпости, чтобъ тѣмъ училищамъ не

1) Документъ Моск. Архива Мян. Юстиціи.

2) Кіевскій воевода въ то время былъ переименованъ въ генераль-губернатора.

имѣли отнынѣ мѣщане и генераль-губернаторъ надъ студентами власти и воли, а какой студентъ провинится, чтобы искать управы въ надлежащемъ судѣ и правѣ: школъ братскихъ кіевскихъ у ректора и префекта, какъ было и прежде изначала“. Къ этому письму Варлаамъ Ясинскій приложилъ и подлинное прошеніе учителей и учениковъ коллегіи слѣдующаго содержанія ¹⁾: „Академія ихъ Кіево-Могилянская, отъ прежняго своего основанія будучи равными привилегіями, какъ обыкновенно инымъ академіямъ во всѣхъ государствахъ иноземческихъ право свобода имѣти, утверждена, нынѣ несвободна есть, но подъ игомъ тяжелой обиды пребывающая, и просятъ его, митрополита, слезно о помощи отъ мѣщанъ кіевскихъ, которые-де прошлаго году, ставъ за одного невѣрнаго жидовина, привели на ихъ школы служилыхъ людей и много сдѣлали кровопролитія, а иныхъ, какъ злодѣевъ, взявъ въ приказную избу, въ цѣпи посадили; а и окромѣ того, мѣщане дерзаютъ многожды не къ праву школьному и его, митрополита, начальству, но въ тюрьму ратушную студентовъ берутъ и отстуду безъ всякаго разсмотрѣнія отдаютъ въ верхній городъ, какъ нынѣ, въ Свѣтлую недѣлю, ихъ, студентовъ, много раненыхъ и битыхъ было отъ мѣщанъ нещадно; и били-де челомъ они о управѣ въ верхнемъ городѣ генералу, надѣясь, что онъ дастъ имъ на нихъ (мѣщанъ) управу такую, какъ и надъ ними (студентами) даетъ. И онъ, генераль, посланныхъ ихъ старцевъ обезчестя, сказалъ, что онъ не имѣетъ власти надъ мѣщанами, а надъ школами-де власть онъ и студентовъ въ тюрьму брать имѣетъ. О чемъ найпокорно его, митрополита, просятъ, чтобъ онъ своимъ челобитьемъ къ великому государю потщался объ нихъ умоли о освобожденіи ихъ отъ плѣненія и отъ безчинства и дерзости мѣщанъ кіевскихъ, а въ чемъ ихъ, студентовъ, случится вина, судъ бы былъ въ академіи“. Подъ этимъ прошеніемъ подписались: „Его царского

¹⁾ Къ сожалѣнію, какъ это прошеніе, такъ и приведенныя выше челобитную и письмо Ясинскаго мы имѣемъ не въ подлинномъ текстѣ, а въ приказномъ экстрактѣ, по документу Архива Мин. Юстиціи.

пресвѣтлаго величества академіи кіевской префектъ и школь учитель наукъ философскихъ и богословскихъ, іеромонахъ Иннокентій Поповскій именемъ и прочихъ всѣхъ учащихъ, отцевъ учителей и профессоровъ.—Его царскаго пресвѣтлаго величества стольникъ Николай Зотовъ, во академіи кіевской учащійся ¹⁾.—Григорій Новицкій, префектъ конгрегаціи.—Семень Мировичъ, вице-префектъ, намѣстникъ префекту, полковниченко череясловскій.—Семень Лизогубъ, полковниченко черниговскій.—Семень, Василій, Павель, полковниченки прилуцкіе ²⁾.—Яковъ Лисица; Григорій Голубъ, именемъ и прочихъ всѣхъ учащихъ во академіи кіевской“.

Въ этомъ прошеніи, помимо подписей студентовъ, нарочито выбранныхъ изъ представителей малорусской и даже великорусской знати, весьма любопытна ссылка просителей на какія-то исконныя права коллегіи, которыми она, наравнѣ съ иностранными академіями, пользовалась якобы съ самаго основанія своего.

Царь Петръ уважилъ ходатайство Яворскаго и слезную просьбу кіевскаго митрополита; грамотою отъ 26 сентября 1701 года, онъ утвердилъ прежнюю грамоту 1694 года, представивъ ректору и префекту коллегіи судъ надъ студентами, но съ такимъ добавленіемъ, что если они виновнымъ студентамъ „управы чинить не учнутъ“, то обиженные могутъ входить съ жалобами на ректора и префекта къ митрополиту; если же и митрополитъ не захотѣлъ бы дать надлежащаго удовлетворенія; въ такихъ случаяхъ виновные студенты подвергаются суду кіевскаго генераль-губернатора на общемъ основаніи, но послѣднему при этомъ вмѣнялась въ обязанность особенная осмотрительность, чтобы и права коллегіи не были нарушены, и „государевымъ дѣ-

¹⁾ Изъ другого документа, помѣщеннаго въ сент. кн. «Кіевской Старины» 1893 г., мы знаемъ, что въ августѣ 1700 г., по царскому дозволенію, отпущенъ былъ въ Кіевъ, «въ академію, для наукъ свободныхъ», сынъ думнаго дѣяка, стольникъ Коновъ Никитичъ Зотовъ. Не былъ ли Николай Зотовъ его братомъ?

²⁾ Т. е. сыновья Дмитрія Горлеака, тогдашняго прилуцкаго полковника.

ламъ неуправленія“ не послѣдовало, «и студентамъ къ невоздержанію ихъ потачки не было».

Эта мѣра, конечно, не сразу умиротворила буйное студенчество. Посѣтившій въ томъ же 1701 году Кіевъ московскій священникъ Іоаннъ Лукьяновъ вынесъ такое впечатлѣніе о студентахъ и ихъ отношеніяхъ къ мѣщанамъ: „Въ Кіевѣ школьниковъ очень много, да и воруютъ много: попущено имъ отъ митрополита. Когда имъ кто понадокучить, пришедши ночью, да и укукошатъ хозяина-то, а съ двора корову или овцу сволокутъ. Нѣтъ на нихъ суда; скаречно сильно; попущено воровать пуще московскихъ солдатъ. А вечеръ пришелъ, то пошли по избамъ псалмы пѣть да хлѣба просить; даютъ имъ всячиною, и хлѣбомъ и деньгами, а иные имъ даютъ убоясь“.

Лукьяновъ, конечно, не самъ выдумалъ, будто студентамъ «попущено отъ митрополита», а слышалъ это отъ кіевлянъ. Дѣйствительно, никогда коллегіаты такъ не безчинствовали, какъ въ управленіе Варлаама Ясинскаго. Бывали у нихъ и впоследствии столкновенія съ мѣщанами, но такого погрома, какой они учинили въ 1700 году, больше не бывало.

58. Цыганы и евреи.

Хотя Литовскій Статутъ 1588 года предписывалъ поголовное изгнаніе изъ предѣловъ государства всѣхъ цыганъ, какъ праздныхъ и вредныхъ людей, живущихъ обманомъ и кражей, и угрожалъ крупнымъ штрафомъ за передержательство ихъ, тѣмъ не менѣе цыганы благополучно проживали въ польско-литовскомъ государствѣ, кочуя по всѣмъ его областямъ. Въ гетманщинѣ жилось имъ привольнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Общая свобода передвиженія вполне благопріятствовала ихъ привычкѣ къ кочевой жизни, а малороссійская простота и довѣрчивость отрывали широкое поле цыганской ворожбѣ и хитростямъ. Любимымъ занятіемъ цыганъ и тогда было кузнечество и лошадиный промыселъ, въ связи съ чѣмъ находились и наиболѣе обычные ихъ преступленія—фабрикація фальшивой монеты и коноврадство.

Въ октябрѣ 1684 г., во время ярмарки, въ Кобелякѣ были пойманы „миндзари“¹⁾ цыганы, фабриковавшіе мѣдные чеши и пускавшіе ихъ въ оборотъ при помощи „переводчиковъ“, мѣстныхъ шинкаровъ. Ихъ, вмѣстѣ съ переводчиками, отправили подъ конвоемъ въ Полтаву, въ полковой судъ. Чѣмъ окончилось это дѣло—не извѣстно; по Лит. Статуту, фальшивомонетчики подлежали смертной казни чрезъ сожженіе.

А вотъ случай ковокрадства.

Весною 1657 г. группа „прочанъ“²⁾ ночевала подъ с. Шаповаловкою, близъ Борзны, пустивъ спутанныхъ коней „на попасъ“. Къ утру исчезли лошади. Стали искать по „слѣду“; слѣдъ привелъ въ березникъ, по другую сторону Борзны, гдѣ и были накрыты три цыгана съ уворованными лошадьми. Ихъ привели къ сотнику, который произвелъ разслѣдованіе, и затѣмъ дѣло поступило въ нѣжинскій полковой судъ. Несмотря на явныя улики, цыганы, оказавшіеся извѣстными „волоцюгами ярмарковыми“, „не знали до учинку“ и утверждали, будто отъ нихъ отобраны ихъ собственныя лошади. Судъ, согласно Статуту, велѣлъ потерпѣвшимъ „поприсягнути“ своихъ „виноватцовъ“: одинъ долженъ былъ присягою подтвердить, что „не такъ его коня спутано, якъ онъ былъ спутанъ его путомъ“, а другой—что „не его уже путомъ коня его спутано“. Послѣ совершенія присяги, цыганы отданы были „на квестію“; два изъ нихъ признались въ кражѣ, а третьяго сколько ни мучили, ничего отъ него не добились. Тѣмъ не менѣе судъ приговорилъ всѣхъ трехъ къ висѣлицѣ.

Любопытно, что въ тотъ же самый день нѣжинскій судъ рассмотрѣлъ однородное дѣло „о украденъе коня зъ ночлѣгу“ нѣкимъ Степаномъ Якубенкомъ, но послѣдній понесъ „вольнѣйшее каранье“: онъ былъ подвергнутъ отрѣзанью уха и позорному изгнанію изъ города. Очевидно, судъ не оказалъ по-

1) Польское *minczarz*, нѣм. *münzer*, монетчикъ.

2) *Прочане*—переселенцы, «идущіе на слободы».

щады цыганамъ потому, что это племя вообще пользовалось дурною славою въ Малороссіи.

У тогдашняго стихотворца Климентія есть вирша: „О цыганахъ и жидахъ“, начинающаяся такъ:

Цыгане та жида едни еднимъ равни,
Поневажъ вельми тие люде есть злонарни,
Бо въ ныхъ только есть правды, якъ въ шелягу сребра...
Збытечны людямъ чинять опуканства...

Повойный П. А. Кулишъ, напечатавшій эту виршу, предполагалъ, что она относится къ польской Украинѣ, такъ какъ-де евреямъ не было доступу въ козацкую Украину до временъ Екатерины II. Дѣйствительно, при жизни Богдана Хмельницкаго никто изъ нихъ не осмѣливался и показываться въ козацкомъ краѣ, а тѣ изъ евреевъ, которые не успѣли бѣжать отсюда, подверглись истребленію или же приняли крещеніе ¹⁾. Проѣзжавшій въ это время чрезъ Малороссію Павелъ Алеппскій раточаетъ похвалы свирѣпости, съ какою козаки искореняли іудеевъ, и восхищается тѣмъ, что въ краѣ не осталось ни единой души изъ людей этого „гнуснаго народа“. Но не прошло и четверти вѣка послѣ Хмельницкаго, какъ евреи снова стали исподоволь появляться въ козацкой странѣ. Прежняя народная ненависть и злоба къ нимъ, видимо, была забыта, и евреи, разѣзжая по ярмаркамъ, не только сознаютъ себя въ полной безопасности, но иные прямо ведутъ себя дерзко, вызываяще по отношенію къ мѣстному населенію. Вотъ, для примѣра, характерная запись въ полтавской актовѣ книгѣ 1684 года—если не ошибаемся, первое по времени документальное свидѣтельство и пребыванія евреевъ въ гетманщинѣ: „На ярмарку тутейшомъ о Воздвиженіи честнаго креста Господня, жидъ Ицикъ менуе-

¹⁾ Многіе изъ такихъ «перехрыстовъ» сдѣлались родоначальниками старшинскихъ (впослѣдствіи дворянскихъ) фамилій въ Малороссіи.

мый, в Прилуки мешканецъ, од суботи до понеделка (13—15 сент.) з многими особами духовними и свѣцкими диспутуючись, значне хулил вѣру нашу христіанскую; а потомъ, вприсившись до Трохима, обывателя полтавского, перегонити горѣлку, посеред ночи в хату уйшол до молодицѣ, хотячи ее згвалтовати (изнасиловать), еднакъ тотъ Трохимъ, вже ведле (подлѣ) своей жоны жидка того зловивши, оповѣстилъ врядови“. Какъ же поступилъ урядъ съ дерзкимъ евреемъ? „За тое проступство (отмѣчено въ протоколѣ) взято в того жидка коня з возомъ и з горѣлкою до двора полковничого“. Можетъ быть, съ Ицдыкомъ такъ милостиво было поступлено потому, что тогдашній полтавскій полковникъ Павелъ Герцикъ самъ былъ сыномъ крещенаго еврея, торговавшего въ Полтавѣ иголками и шпильками.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что уже въ 1680-хъ годахъ евреи свободно проживали (хотя и въ маломъ количествѣ) въ Малороссіи, развѣзжали по ярмаркамъ и торговали водкою. Въ роли осѣдлыхъ корчмарей и шинкаровъ они пока еще не выступаютъ.

Но вотъ предъ нами процессъ о евреяхъ, занимавшихся болѣе предосудительнымъ промысломъ. Дѣло происходило въ Стародубѣ, въ ноябрѣ 1690 года. Незадолго предъ тѣмъ поселился здѣсь еврей Ирша Якубовичъ, „захожій“ изъ м. Народичъ, Овручскаго повѣта. Кромѣ двухъ сыновей, при немъ проживали „два жидки молодыхъ“ Израиль и Гаврило, которые, „постерегиши, звать, по немъ шкодливые христіанскому жытыю поступки, отверглися злого ихъ еврейского невѣрья“, приняли крещеніе и были переименованы въ Романа и Михайла. Желая свести какіе-то счеты съ прежними единовѣрцами, эти неофиты выступили въ полковомъ судѣ обвинителями Ирши въ томъ, что онъ, „жывучы межи христіянами, маеть такихъ злочынцовъ, которые, крадучы въ людей конѣ и рѣчы иншыѣ, потаеменно продають ему“. При этомъ они назвали нѣкоего Петра Кондратенка, какъ одного изъ такихъ „жидовскихъ переводниковъ“. Онъ оказался выходцемъ изъ Стеблева, что близъ Корсуня. Его и еврея Иршу съ

двумя сыновьями тотчасъ разыскали и привели въ судъ. Всѣ они, конечно, отрицали вводимыя на нихъ преступленія, но когда Кондратенку пригрозили сѣченіемъ, онъ сталъ виниться и такъ показалъ:

— Жыдъ Ирша Якубовичъ зъ сынами своими подмовили мене на переводню—красты имъ кони, которыхъ южъ я, на розныхъ мисцехъ, въ розныхъ людей укравши зъ десятеро, безцинне (задешево) попродадемъ жыдамъ помененымъ.

Слыша это сознание, выкресты Романъ и Михайло прибавили:

— Въ того жъ злочынца Петра жыдъ Ирша не тылко краденые куповавъ кони, але и казаны горилчаные такіе жъ краденые покупывъ.

Кондратенко, „за погрозкою постронковою“, долженъ былъ сознаться, что укралъ казаны у нѣкоей Хвайхи и продалъ евреямъ.

Старый Ирша „ни до чого не признался“, говоря:

— Не знаю того и не видаю; хйба мій сынъ якый безъ видома мого вчынывъ тое.

А обвинители все не унимались. Выкрестъ Михайло рассказалъ слѣдующее:

— Въ семь же року 1690, о праздниці Вознесенія Господня, йидучи мы зъ Мошкомъ Иршовичомъ, жыдомъ, зъ Почеповского ярмарку, стали на ночлигъ подъ Почепомъ, подля горы Бабынои, де при початку ночи противко цегельни ставши, покилководне Иршовичъ ходывъ подъ ночлижыкы для крадижки коней, але вертався, бо брехали собаки; потимъ, пойшедшы подъ туманъ, ранкомъ, украли двое коней, зъ которыхъ одного позналъ Заруцкій, а другого Мошко мни отдавъ, а я того коня проминавъ на діоготь. А старый Ирша на самый празныкъ Рождества Богородици, въ Яремы, такого жъ злодія, купывъ четверо коней и попродавъ рознымъ людямъ на сторону.

Романъ рассказалъ еще худшее о другомъ сынѣ Якубовича, Коцелѣ Иршовичѣ:

— Еднаго разу оный Копель, звырвшися мни, яко жыдови такому жъ на тотъ часъ будучому, повывавъ: „Я, прави, и братъ мій слипый, та жыдокъ докторчикъ, который мешкавъ въ городи Коропови, згубилисмо за Христиновкою, за рикою Ушею,¹⁾ чоловика именовъ Микиту, купца кіевскаго, которому перше зъ огрутою въ ротъ улили калишокъ горилкы, потымъ оного возками задавили до смерти“.

Такъ какъ обвиняемые отрицали всѣ эти факты, то въ виду предстоявшаго слѣдствія полковой судъ велѣлъ арестовать Кондратенка и обоихъ Иршовичей, а съ ихъ отца взялъ подписку въ томъ, что по всѣмъ означеннымъ обвиненіямъ онъ обязанъ „усправедливится въ доводами певными, где належатиметь“. Къ сожалѣнію, дальнѣйшій ходъ этого дѣла не извѣстенъ.

Судя по даннымъ этого документа (и другимъ), можно полагать, что евреи раньше всего стали проникать изъ Бѣлоруссіи и Кіевскаго Полѣсья именно въ сѣверную Украину и что къ концу XVII ст. ихъ было здѣсь больше, чѣмъ въ южныхъ полкахъ. Промышляли они здѣсь перепродажей лошадей по ярмаркамъ, торговали дегтемъ, а нѣкоторые изъ нихъ слыли „докторчиками“, т. е. занимались врачевствомъ. Послѣднее не удивительно, если вспомнимъ, что на Волыни еще во второй половинѣ XVI ст. было немало ученыхъ докторовъ евреевъ, практиковавшихъ среди мѣстныхъ магнатовъ и шляхты; много было евреевъ и между тамошними „балверами“ (фельдшерами). Проникая въ сѣверную Украину, евреи скоро начали арендовать панскіе шинки и корчмы, а попутно съ этимъ занимались вонокрадствомъ, устройствомъ воровскихъ притоновъ и сбытомъ краденнаго. Скоро послѣ того ихъ стали обвинять и въ тайныхъ убійствахъ. Неудивительно, что именно въ сѣверной Малороссіи евреи возбудили противъ себя всеобщее неудовольствіе, и не далѣе какъ въ 1704 г. въ черниговскомъ полку про-

1) Христиновка—нынѣ дер. Овручскаго у., при впаденіи рч. Норуни въ Ушу.

изошелъ настоящій еврейскій погромъ, не распрострачившійся на другіе полки лишь благодаря принятымъ Мазепою предохранительнымъ мѣрамъ.¹⁾ А въ гетманство Скоропадскаго и Апостола издается уже рядъ универсаловъ о повсемѣстномъ изгнаніи іудеевъ изъ предѣловъ Малороссіи, и только въ царствованіе Екатерины II они снова пріобрѣли здѣсь право гражданства.

Ор. Левицкій.



¹⁾ См. очеркъ Н. И. Костомарова „Жадотрепаніе въ началѣ XVIII ст.“, въ Кіевской Старинѣ 1883 г., кн. 1 и 3.

О происхожденіи слова „кацапъ“.

Въ № 301 (1 ноября 1901 г.) газеты „Русское Слово“ напечатана замѣтка Д. И. Эварницкаго: «Что значитъ слово „кацапъ“?».

Указавъ на неудачныя, по его мнѣнію, объясненія Н. И. Костомарова (кацапъ=цапъ, т. е. козелъ) и А. И. Бородая (кацапъ=каты-цапъ, т. е. палачъ-козелъ), г. Эварницкій пишетъ далѣе:

„Занимаясь въ Архивѣ министерства юстиціи въ Москвѣ, я нашелъ нѣсколько малороссійскихъ документовъ половины XVIII вѣка, въ которыхъ слово „кацапъ“ писалось не съ буквою и, а съ буквою с, т. е. не „кацапъ“, а „касапъ“. Обратившись затѣмъ отъ архивныхъ документовъ къ языку туземцевъ Средней Азіи, я узналъ, что у сартовъ есть слово „касабъ“ или „касапъ“, что въ букввальномъ смыслѣ значитъ „мясникъ“ и въ переносномъ—„живодеръ“. Отсюда я и вывожу заключеніе, что теперешнее словъ „кацапъ“ вовсе не русскаго, а восточнаго, правдоподобно—татарскаго происхожденія, какъ слова: деньгá (по-татарски—„тенгá“), хомуть („хамуть“) сундукъ („сандукъ“) и другія, которыя, однако, считаются у насъ за давностью чисто русскими. Иди далѣе, я допускаю, что первоначально кличкою „касапъ“ обзывали русскіе татаръ въ смыслѣ „насильниковъ“, „притѣснителей“, „живодеровъ“; потомъ это слово настолько акклиматизировалось на Руси, что стало считаться чисто мѣст-

нымъ и прикладываться уже къ самимъ русскимъ въ томъ же бранномъ смыслѣ, какъ другое татарское слово „харцызъ“ (разбойникъ) акклиматизировалось у простого малороссійскаго населенія и употребляется въ смыслѣ разбойника или злодѣя вообще. Отъ великороссовъ слово „кацапъ“ могло быть занесено къ малороссамъ въ эпоху великороссійской боярщины на Украинѣ, въ XVII вѣкѣ, послѣ гетмана Богдана Хмельницкаго. По крайней мѣрѣ, такое объясненіе не заставляетъ насъ ни отбрасывать слова, ни вставлять новаго, а лишь допускаетъ замѣну буквы *ц* буквою *с*, да и то оправдываемую архивными документами“.

По поводу этой догадки г. Эварницкаго слѣдуетъ замѣтить, что слово *casap* (=перс. *hasap*, т. е. *lanio*, раздираю; по-арабски—*kassab*), въ значеніи мясникъ, *macellarius*, отмѣчено уже въ куманскомъ, т. е. въ половецкомъ, словарѣ и слѣдовательно употреблялось половцами побережья Чернаго моря, а можетъ быть и венгерцами еще до 1303 г. 1). Въ таранчинскомъ, крымскомъ, османскомъ, азербеджанскомъ нарѣчіяхъ и въ чагатайскомъ книжномъ языкѣ также существуетъ слово *кассап* (въ крым. и осм. — въ формахъ *касап* и *хасап*) въ значеніи мясникъ, а въ османскомъ—и въ переносномъ смыслѣ (*адам кассабы*—лютый человекъ, деспотъ; *кассап одму*—мошенникъ, шельма; буквально—сынъ мясника). Въ переведенной трюцкими и луцкими караимами книгѣ прор. Давіила встрѣчается слово *кассапчы* въ значеніи палачъ. У крымскихъ татаръ слово *кассап* (=хэссап) даже вошло въ поговорку о мясникѣ и козлѣ: мясникъ хлопочетъ лишь о салѣ, а для козла дѣло идетъ о жизни. 2).

Что касается перехода въ живомъ говорѣ звука *с* въ *ц* (*касап*, *кассап*, и „кацапъ“), то примѣровъ тому можно найти

1) См. Com. Géza Kuun, Codex cumanicus (Budapestini, 1880), 101, 267, 323.

2) В. Радловъ. Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. Т. II, Спб., 1895—99), 349, 358, 1686 и указатель арабской транскрипціи).

немало. Прямую параллель можно указать хотя бы въ словѣ „харцызъ“, на которое ссылается г. Эварницкій и которое донныѣ употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи. Соответствующее нашему „харцызъ“ слово въ крымскомъ и османскомъ нарѣчіяхъ звучитъ *хырсыз* (тоже въ значеніи воръ, разбойникъ), съ несомнѣннымъ *с*, чтò отчасти подтверждается и транскрипціей въ текстахъ араб., осман. и греч. Если же сопоставлять наше слово „харцызъ“ съ крымскимъ и османскимъ *карарсыз* и *харарсыз* (въ знач. непостоянный, безпокойный), то въ приставкѣ *сыз* (=безъ) звукъ *с* тоже не подлежитъ сомнѣнію. ¹⁾

Такимъ образомъ, чтобы найти созвучія для малорусскаго слова „кацапъ“ въ тюркскихъ нарѣчіяхъ, нѣтъ нужды обращаться непременно къ языку туркменъ-сартовъ: слово это, въ прямомъ и переносномъ значеніи своемъ, получило, повидимому, съ давней поры, распространеніе и у другихъ тюрковъ, находившихся въ культурномъ взаимодействіи съ южной Русью, именно у половцевъ, османлисовъ или малоазійскихъ сельджуковъ, крымскихъ татаръ, а также у литовскихъ караимовъ, выходцевъ изъ Крыма, усвоившихъ языкъ послѣдняго.

Догадка г. Эварницкаго о странствованіяхъ слова „кассапъ“ отъ татаръ въ Великую Россію, а оттуда въ Малую, конечно, мало убѣдительна и не можетъ быть принята. Во всякомъ случаѣ желательно, чтобы г. Эварницкій опубликовалъ выдержки изъ архивныхъ документовъ, на которые ссылается въ своей замѣткѣ.

По поводу соображеній г. Эварницкаго г. Г. Б. въ газетѣ „Кіевлянинъ“ (№ 308—7 ноября 1901 г.) предлагаетъ свою догадку.

„Мнѣ кажется—пишетъ г. Г. Б.—болѣе вѣроятнымъ, что слово „кацапъ“ (а не касабъ)—еврейскаго корня. На талмудическомъ языкѣ глаголь „кацебъ“ означаетъ буквально—*рѣзать* (трак. бецца, л. ii), а въ переносномъ—*опредѣлять*. Отсюда

1) В. Радловъ. Опытъ, II, 158 и 1720 сл.

употребляемое и въ настоящее время у евреевъ слово „кацабъ“ означаетъ: рѣзникъ-мясопромышленникъ, въ отличіе отъ „шо-хетъ“—рѣзника, занимающагося исключительно убоемъ скота по еврейскому религиозному обряду.

Можно допустить, что сказанное слово перешло въ русскій языкъ уже въ старину отъ занимавшихся скотоводствомъ полонцевъ-куманъ, среди которыхъ, какъ полагаютъ ученые, были и іудеи, чѣмъ и объясняется присутствіе въ куманскомъ словарѣ нѣкоторыхъ еврейскихъ словъ, какъ, напр. *тобра* (законъ) и др.¹

Эта догадка возбуждаетъ большія сомнѣнія.

Совершенно вѣрно, что глаголь *казав*, и производныя причастія и прилагательныя, встрѣчается въ древне-еврейскомъ и притомъ не только въ языкѣ талмуда, но и въ библіи (1 кн. царствъ, VI, 25; II кн. царствъ, VI, 7; Пѣснь пѣсней—IV, 2) въ значеніи рѣзать, распредѣлять. Произносить это слово можно и *казав*, и *казабъ*, такъ какъ въ текстахъ безъ пунктуаціи разница между еврейскими *b* и *w* исчезаетъ. Въ подобныхъ случаяхъ сефарды произносятъ *b*, а ашкенази (почти всѣ русскіе евреи) произносятъ *w*. Въ талмудѣ (тракт. Беца, 11, 25 et pas.) слово *казов* употребляется въ значеніи мясника, разрѣзывающаго и распредѣляющаго части животныхъ по сортамъ. Въ этомъ значеніи слово перешло и въ еврейскій жаргонъ, на которомъ мясникъ именуется *казов*, но произносится *казев* (подобно древнееврейскому *ганов*, воръ, которое произносится *ганев*, и т. п.). Слово *казев* у современныхъ русскихъ евреевъ означаетъ рѣзника низшаго ранга, въ отличіе отъ шохета, который послѣ ритуальнаго зарѣза животнаго не прикасается уже къ тушѣ. Ремесло *казов'а* или *казев'а* не пользуется особымъ почетомъ въ еврейскихъ народныхъ понятіяхъ; такъ, на жаргонѣ есть поговорка: когда *казев* отошелъ отъ колоды (для разрубиванія мяса), подбѣгаетъ собака¹).

¹) За сообщеніе этихъ подробностей о еврейскомъ *казов'ѣ* приношу благодарность А. Цейтлину. Слова *казав*, *казав*, *каза* и *казав*—см. въ евр. словарѣ Фишера, изд. 1827 г., 441, 783 и 785.

Такимъ образомъ, созвучіе словъ и общность обозначаемыхъ ими понятій и въ данномъ случаѣ неоспоримы. Но г. Г. Б. ничѣмъ не установилъ отношеніе талмудическаго *kasow* къ соотвѣтственнымъ персидскимъ и тюркскимъ словамъ; между тѣмъ переходъ нѣкоторыхъ персидскихъ и тюркскихъ словъ въ арамейскій языкъ и затѣмъ въ талмудъ едва-ли подлежитъ сомнѣнію. 1) Тѣмъ менѣе можно считать доказаннымъ позаимствованіе куманскаго *kasop* отъ талмудистовъ-евреевъ. Приводимое г. Г. Б. въ видѣ аналогіи др. евр. слово *torah* въ значеніи законъ въ куманскомъ словарѣ и глоссахъ не встрѣчается 2). Вообще, вліяніе языка талмуда на куманское нарѣчіе донныѣ, сколько извѣстно, никѣмъ не установлено; о ближайшихъ связяхъ половцевъ съ евреями также молчатъ изданные пока источники. Исторія термина *casow* въ древнееврейской письменности требовала-бы ближайшаго изслѣдованія, такъ какъ простая созвучность словъ, очевидно, недостаточна для догадокъ, подобныхъ высказанной г. Г. Б. 3). Поэтому, до представленія дальнѣйшихъ доказательствъ, теорія позаимствованія малорусскаго „кацапъ“ у евреевъ при посредствѣ половцевъ должна быть признана произвольною. Если полагаться на созвучія, то едва-ли не правдоподобнѣе всего искать ближайшую для насъ родину этого браннаго слова у крымскихъ и ногайскихъ татаръ.

Въ языкѣ нерѣдко сохраняются драгоцѣнные слѣды пережитыхъ моментовъ исторіи и культурныхъ отношеній народовъ.

1) Géza Kun, op. c., LXIX.

2) Есть, правда, въ томъ же значеніи формы *torä*, *törä* и *toura* (исправленное другой рукой въ *törä*. Ср. еврейскій выговоръ *тойра*). Однако, ученый издатель половецкаго словаря гр. Геза Кунъ призналъ возможнымъ сопоставить эти куманскія формы съ казанскимъ *türä*, судья, и съ чагатайскимъ *törä*, законъ, но не съ евр. *torah*.

3) Такъ, напр., въ венгерскомъ тоже встрѣчается глаголь *kasabol* (чит. *касабол*) въ значеніи раздѣлывать свиную тушу, рѣзать, рубить на части, но оно происходитъ отъ славянской косы (венгер. *kasza*).

Но при обсужденіи судьбы словъ и связанныхъ съ ними понятій и явленій недостаточно простыхъ созвучій: необходимо прослѣдить исторію словъ по помяткамъ письменности и въ живыхъ говорахъ, и лишь при этомъ условіи возможно рассчитывать на прочные результаты. Любителямъ созвучій слѣдуетъ вспомнить хотя-бы печальную участь работъ покойнаго дилетанта филолога Платона Лукашевича, многочисленные корнесловы котораго не принесли пользы наукѣ, ибо ничего не уяснили.

Н. М.



Николай Ильичъ Стороженко

(по поводу 30-тилѣтїя его профессорской дѣятельности).

Въ октябрѣ мѣсяцѣ текущаго года окончилось тридцатилѣтіе профессорской дѣятельности извѣстнаго русскаго ученаго, профессора московскаго университета, Николая Ильича Стороженка, одного изъ лучшихъ шекспиристовъ не только у насъ въ Россіи, но и въ Англіи, гдѣ онъ былъ избранъ вице-президентомъ „Новаго Шекспировскаго Общества“. Занимая каеэдру всеобщей литературы, Н. И. Стороженко главныя свои работы посвятилъ изученію и разработкѣ вопросовъ, связанныхъ съ разнообразными литературными теченіями въ жизни западно-европейскихъ народовъ, и въ то-же время, будучи уроженцемъ Малороссіи, онъ удѣлялъ свои немногіе досуги талантливому освѣщенію нѣкоторыхъ фактовъ изъ жизни своей родины, по преимуществу дѣлясь плодами своихъ изслѣдованій съ нашимъ изданіемъ. Это послѣднее не только даетъ намъ право, но и обязываетъ насъ посвятить имени уважаемаго нашего сотрудника нѣсколько страницъ въ настоящей книжкѣ „Кіевской Старины“.

Н. И. Стороженко, принадлежа къ старинному козацкому роду, внесенному давно уже въ родословныя дворянскія книги нѣсколькихъ малорусскихъ губерній, родился 30 мая 1836 года въ полтавской губерніи, въ прилуцкомъ уѣздѣ. Воспитаніе свое получилъ онъ въ кіевской I-ой гимназій, а затѣмъ въ москов-

скомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ курсъ по историко-филологическому факультету. Не можемъ не отмѣтить здѣсь того факта, что занятія его въ студенческой періодъ направлены были, если не исключительно, то во всякомъ случаѣ въ значительной долѣ, на изученіе исторіи Малороссіи и малорусской этнографіи. Свидѣтельствуемъ объ этомъ не только то, что первой его печатной работой, еще на студенческой скамьѣ, считается разборъ извѣстнаго малорусскаго литературнаго сборника, издавнаго въ Саратовѣ Костомаровымъ и Мордовцевымъ, помѣщенный въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1859 года, но и тѣ отрывочныя свѣдѣнія изъ его переписки въ 50-хъ г. съ двоюроднымъ братомъ В. А. Стороженкомъ, которыя имѣются у насъ въ рукахъ. Такъ, въ письмѣ отъ 3 марта 1857 года онъ пишетъ: „Въ минуты досуга и свѣтлаго настроенія я продолжаю заниматься исторіею Малороссіи и усилъ состряпать статейку по поводу изданія Кулиша „Записки о Южной Руси;“ хочу отдать ее въ „Русскій Вѣстникъ“, но не знаю, примутъ-ли. „Мѣсяць спустя, отираившись въ Петербургъ, онъ сообщаетъ своему корреспонденту слѣдующія интересныя строки въ письмѣ отъ 7-го апрѣля: „Петербургъ полонъ искушеній. Захотѣлось-бы побывать вездѣ, а это стоитъ много, а самое главное—тамъ есть хорошій польскій книжный магазинъ Вольфа, до котораго я хочу добратъся. Въ послѣднее время вышло множество любопытныхъ вещей, касающихся исторіи Малороссіи, и чтобъ прибрѣсть ихъ, нужно истратить до 100 руб. серебр., потому что польскія изданія очень дороги въ Петербургъ... Мнѣ обѣщали дать кое-что за мой разборъ Кулиша“. Нѣтъ у насъ свѣдѣній о томъ, была-ли напечатана эта статья гдѣ нибудь,—но въ Русскомъ Вѣстникѣ 1857 года мы ее не нашли. Что увлеченіе Н. И. Стороженка своей родной исторіей и всѣмъ, связывавшимъ его съ родиной, не прекращалось въ годы его студенческой жизни, видно еще и изъ слѣдующаго письма къ тому-же В. А. Стороженку, писаннаго изъ Петербурга 24 іюня 1861 года. „Въ Петербургѣ я познакомился со многими малороссами на концертѣ, данномъ въ пользу семейства

Шевченка; видѣлъ Алексѣя Петровича Стороженка,¹⁾ но по своему странному характеру не подошелъ къ нему. Если поѣду осенью, то непременно познакомлюсь и поклонюсь отъ Васъ. Теперь легко это сдѣлать. Онъ бываетъ на вечерахъ у Черненка,²⁾ устроенныхъ въ пользу семейства Шевченка съ платой за входъ по 50 к. Вечера эти имѣютъ исключительно національный характеръ; тамъ говорятъ исключительно по-малороссійски, Чумачевскій и Артемовскій поютъ малороссійскія пѣсни, словомъ—это авангардъ возрождающейся Малороссіи. Въ Москвѣ есть тоже подобныя собранія и называются *громадой*, но въ нихъ принимаетъ участіе только молодежь. Цѣль этой громады весьма похвальная: она хочетъ издавать книги для народа на малороссійскомъ языкѣ, но по сию пору не издала ничего.“

Окончивъ Московскій университетъ, Николай Ильичъ посвятилъ себя педагогической дѣятельности, состоя преподавателемъ въ гимназіи и въ военномъ училищѣ. Въ этотъ періодъ онъ впервые заявилъ себя, какъ ученый, занявшійся изученіемъ Шекспира, результатомъ чего были публичныя лекціи, прочитанныя имъ въ Москвѣ въ 1864 году. Начиная съ этого времени, молодой ученый отдается главнымъ образомъ изученію великаго англійскаго драматурга и эпохи, современной ему, равно и предшествовавшей. Для этихъ занятій онъ проводитъ два года за границей, преимущественно въ Англій. Плодомъ этихъ изученій былъ цѣлый рядъ его печатныхъ работъ, изъ которыхъ магистерская диссертация подъ заглавіемъ: „Предшественники Шекспира“, напечатанная въ 1872 году, доставила ему всеобщую извѣстность и открыла для него кафедру по исторіи все-

1) Извѣстный малорусскій беллетристъ—Олекса Стороженко.

2) Ѳеодоръ Ивановичъ Черненко группировалъ вокругъ себя малороссовъ, жившихъ въ Петербургѣ. Къ нему, наиримѣръ, направлены были всѣ письма художника Г. Н. Честаховскаго, описывавшія въ 1861 году проводы гроба Т. Шевченка изъ Петербурга на Украину, похороны поэта подлѣ Канева и устройство его могилы. (См. Киевс. Стар. 1898 г. № 2).

общей литературы въ Московскомъ университетѣ. Съ этихъ поръ Николай Ильичъ Стороженко непрерывно работаетъ, какъ ученый специалистъ, надъ вопросами всеобщей литературы, и одновременно ведетъ чтеніе лекцій въ университетѣ, позднѣе—на высшихъ женскихъ курсахъ, въ театральномъ училищѣ; затѣмъ принимаетъ онъ на себя предсѣдательство въ литературно-театральномъ комитетѣ и въ обществѣ любителей россійской словесности; наконецъ, беретъ онъ на себя обязанность бібліотекаря въ Румянцевскомъ музеѣ. Во всей этой дѣятельности своей Николай Ильичъ успѣваетъ заслужить всеобщее уваженіе къ себѣ, такъ какъ на каѳедрѣ, въ роли профессора и талантливаго лектора публичныхъ лекцій, онъ привлекаетъ вниманіе слушателей богатымъ содержаніемъ лекцій и блистательнымъ изложеніемъ ихъ; какъ авторъ многочисленныхъ статей, интересныхъ и поучительныхъ по самымъ темамъ своимъ, онъ обнаруживаетъ въ нихъ стремленіе къ освѣщенію лучшихъ сторонъ въ человѣкѣ (Философія Донъ-Кихота; Апостолъ гуманности и свободы—Теодоръ Паркеръ; Поезія міровой скорби,—и др.), и тѣмъ, естественно, вызываетъ въ обществѣ чувства высокой благодарности; какъ предсѣдатель въ обществѣ любителей россійской словесности, онъ заботится объ интересномъ содержаніи засѣданій его и устраиваетъ ихъ открытыми для публики; наконецъ, какъ бібліотекарь въ Румянцевскомъ музеѣ, онъ тщательно пополняетъ бібліотеку и по собственной инициативѣ устраиваетъ возможность публикѣ пользоваться особымъ научно-популярнымъ отдѣломъ въ читальномъ залѣ. Однимъ словомъ, Николай Ильичъ Стороженко сдѣлался для Москвы однимъ изъ популярнѣйшихъ гражданъ ея, и казалось-бы, въ силу этого, могъ сознать себя совершенно оторваннымъ отъ родной ему Малороссіи. Однако не заглохли въ немъ тѣ юношескія увлеченія своимъ роднымъ краемъ, которыя нами были уже указаны, а отозвались они и въ зрѣлые годы его жизни, сохранились и до настоящаго времени. Лучшимъ доказательствомъ этого служить, помимо всего прочаго, его сочувственное отношеніе къ нашему изданію, достиженію цѣлей и задачъ котораго онъ, по мѣрѣ возможности, всегда помогаль

своимъ, очень цѣннымъ для насъ, сотрудничествомъ. Отвлекаемый своими специальными занятіями по всеобщей литературѣ далеко въ сторону отъ сюжетовъ, связанныхъ съ жизнью Малороссіи, онъ, однако-же, находилъ возможнымъ удѣлять немногіе досужные свои часы освѣщенію интересныхъ страницъ въ жизни того поэта, въ которомъ, какъ фокусъ, сосредоточены до сихъ поръ всѣ основные лучи новой украинской поэзіи: Шевченко въ малорусской литературѣ, подобно Шекспиру въ англійской, сталъ для Н. И. Стороженка главнымъ предметомъ его изученія. Результатами этихъ своихъ изученій онъ и дѣлился по преимуществу съ „Кіевской Стариной“.

Первой статьёй, открывшей сотрудничество Н. И. Стороженка въ „Кіевской Старинѣ“, была очень интересная его работа: „Первые четыре года ссылки Шевченка“ (1888 г. № 10), написанная въ дополненіе свѣдѣній, сообщенныхъ въ книгѣ М. Чалаго: „Жизнь и произведенія Шевченка“, и составленная по письмамъ поэта къ кн. В. Н. Репниной и по разсказамъ Ѳ. М. Лазаревскаго. Этой статьёй Н. И. Стороженко нѣсколько приподнял ту завѣсу, за которой почти скрыты были тяжкіе для Шевченка годы его ссылки, тѣмъ болѣе, что переписка съ кн. Репниной считалась безвозвратно потерянной. Продолженіе разработки этого періода ссылки поэта пришлось Н. И. Стороженку сдѣлать на основаніи любопытнѣйшаго матеріала, ставшаго для него доступнымъ благодаря разрѣшенію Министра Внутреннихъ дѣлъ И. Н. Дурново,—это „Дѣло о художникѣ Шевченкѣ“, хранящееся въ архивѣ департамента полиціи. Первая статья Н. И. Стороженка, составленная по этимъ документамъ, помѣщена была въ „Кіевской Старинѣ“ 1893 г. № 3 подъ заглавіемъ: „Новые матеріалы для біографіи Шевченка“, и подъ тѣмъ-же заглавіемъ вторая статья въ 1898 г. № 3. Уже самое указаніе того источника, откуда взяты были матеріалы для этихъ двухъ статей, служить свидѣтельствомъ, насколько цѣнны были тѣ немногія страницы, которыя составили богатый вкладъ въ сокровищницу біографическихъ данныхъ изъ жизни поэта.

Сверхъ этихъ основныхъ матеріаловъ по изученію Шевченка, Н. И. Стороженко сообщилъ въ нашъ журналъ найденное имъ въ томъ-же дѣлѣ стихотвореніе: „Славянамъ“, которое онъ считалъ принадлежащимъ перу Шевченка (напечатано въ 1897 г. № 10), но которое возбудило у другихъ ученыхъ сомнѣніе въ авторствѣ Шевченка, вслѣдствіе чего Ник. Ильичъ прислалъ пояснительную замѣтку свою, гдѣ онъ отчасти соглашается съ тѣмъ, что въ этомъ стихотвореніи, можетъ быть, большая доля авторства принадлежитъ Костомарову, но часть его возможна и въ творествѣ Шевченка (напеч. въ 1899 г. № 12).

Есть и еще одна маленька замѣтка, присланная Николаемъ Ильичемъ въ „Кіевскую Старину“ (1894 г. № 2), — по поводу стихотворенія „Свячена вода“ А. И. Псіоль. Стихотвореніе это, не бывшее раньше извѣстнымъ въ печати, часто вспоминалось Шевченкомъ въ ссылкѣ, о чемъ онъ и писалъ къ друзьямъ, прося прислать ему эти стихи. Тутъ-же сдѣлана авторомъ замѣтки поправка къ изданію „Кобзаря“ Шевченка 1889 г., въ которомъ было напечатано стихотв. „До сестры“ приписанное Шевченку; на основаніи достовѣрныхъ данныхъ, Николай Ильичъ указалъ, что это стихотвореніе принадлежитъ перу той-же А. И. Псіоль, вслѣдствіе чего въ послѣдующихъ изданіяхъ „Кобзаря“ оно уже выброшено.

Вотъ тѣ, повидимому немногіе, но очень цѣнные матеріалы, которые сообщены были Н. И. Стороженкомъ нашему изданію; за сотрудничество это редакция не можетъ не выразить ему своей глубочайшей признательности, тѣмъ болѣе, что она освѣдомлена о томъ, какъ дорога Николаю Ильичу каждая минута для его спеціальныхъ занятій. Такая отзывчивость его къ дѣламъ и задачамъ, преслѣдуемымъ нашимъ изданіемъ, объясняется, конечно, тѣмъ, что онъ, многолѣтній москвичъ, не прерывалъ связей съ родной и дорогой ему Украиной. Имѣя помѣстье въ Лохвицкомъ уѣздѣ, въ с. Мормизовкѣ, Николай Ильичъ почти ежегодно лѣтніе мѣсяцы проводилъ на родинѣ, интересуясь всѣмъ тѣмъ, что составляетъ характерныя черты въ ея жизни, и слѣдя постоянно за литературнымъ движеніемъ въ малорусской пись-

менности: намъ извѣстенъ фактъ, что одному изъ кіевскихъ книгопродавцевъ имъ поручено высылать ему всѣ книжныя новости по части южнорусской письменности. Надѣясь въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ „Кіевской Старины“ подѣлиться съ читателями тѣми свѣдѣніями, которыя касаются времени пребыванія его минувшимъ лѣтомъ у себя на родинѣ, мы теперь закончимъ нашу замѣтку о немъ пожеланіемъ глубокоуважаемому юбиляру сохранить на много лѣтъ силы, здоровье и бодрость духа для трудовъ своихъ на пользу общественную и для блага его родины.



Н. В. ШУГУРОВЪ.

(Некрологъ).

6 ноября скончался въ г. Нѣжинѣ отъ паралича сердца одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ нашего журнала, Николай Васильевичъ Шугуровъ. Покойный родился въ 1843 г., въ Черниговской губерніи. Учился Н. В. въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, по окончаніи курса въ которой въ 1861 г. поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго университета. Въ Москву влекла покойнаго громкая слава Московскаго университета того времени, а выборъ факультета, по словамъ Н. В-ча, былъ обусловленъ чистою случайностью: въ IV классѣ гимназіи ему предстояло избрать для изученія латинскій языкъ или законовѣдѣніе; онъ избралъ послѣднее, а для поступленія въ университетъ требовался экзамень изъ латыни. Кое-какъ Н. В. приготовился къ экзамену. Но поступающихъ на историко-фолологическій факультетъ, къ которому тяготѣли симпатіи Шугурова, экзаменовалъ Леонтьевъ, и экзаменовалъ сравнительно строго, а будущихъ юристовъ экзаменовалъ другой профессоръ, и экзаменовалъ легко. Это и рѣшило выборъ факультета Ш-вымъ.

Окончаніе Н. В. университетскаго курса совпало съ введеніемъ новыхъ судебныхъ учрежденій, которымъ Ш-въ и посвятилъ свои силы до послѣдней минуты. Послѣ непродолжительной службы въ Москвѣ и Петербургѣ, Н. В. назначенъ былъ товарищемъ

прокурора въ Симбирскѣ, а скоро потомъ получилъ назначеніе товарищемъ предсѣдателя Одесскаго окружного суда. Съ этого времени Н. В. не покидалъ Юга Россіи. Но и въ Одессѣ Н. В. оставался не долго. Ладить съ властью имущими онъ не умѣлъ, постоять за свои интересы тоже, и его, вскорѣ по закрытіи отдѣленія, въ которомъ онъ предсѣдательствовалъ, назначили на ту-же должность въ глухой Стародубъ. Тяжело жилось покойному, по его словамъ, въ первые годы на новомъ мѣстѣ. Но мало по малу онъ свыкся съ новыми условіями и сумѣлъ внести свѣтлый лучъ въ захолустную жизнь. Н. В. и въ глуши не отсталъ отъ культурной жизни: онъ съ любовью отдается чтенію по интересующимъ его вопросамъ искусства, изучаетъ прошлое своей родины, которую онъ горячо любилъ. Его поэгическая натура выразилась въ рядѣ стихотвореній, часть которыхъ была издана, безъ его вѣдома, въ видѣ сборника подъ псевдонимомъ Майскаго ¹⁾. Но будучи эстетикомъ, Ш-въ не сторонился и отъ жизни съ ея не-эстетическими мелочами и дрязгами. Его мягкая любвеобильная натура, несмотря на кажущуюся его нелюдимость, искала сближенія съ людьми. Въ Стародубѣ ему удалось найти людей, близкихъ по настроенію; онъ сошелся съ А. С. Лашкевичемъ, кн. Н. Д. Долгоруковымъ, С. А. Сребдольскимъ, проф. Сиб. консерваторіи А. Н. Рубцомъ. Въ скучную, монотонную жизнь уѣзднаго города онъ вноситъ оживленіе, являясь устройтелемъ литературныхъ вечеровъ, чтеній и т. п.

На ряду съ этимъ Н. В. отдавалъ много времени и своимъ служебнымъ занятіямъ. Его трудолюбіе, строгая логичность, стремленіе доисаться истины, рѣдкая наблюдательность сдѣлали изъ него превосходнаго юриста-практика. Умѣнье въ немногихъ словахъ изложить суть дѣла и полная объективность придавали особую цѣну его заключительнымъ рѣчамъ. Въ 1887 г. Н. В. былъ назначенъ членомъ Кіевской судебной палаты; здѣсь его способности и познанія были оцѣнены по достоинству. Сверхъ

¹⁾ Думы и пѣсни Н. В. Майскаго Сиб. 1882.

прямыхъ служебныхъ обязанностей, на него возлагается рядъ порученій по обревизованію судебныхъ учреждений, и Н. В. всегда умѣлъ съ честью справиться съ этими, иногда очень нелегкими, задачами. „Большею частью, говоритъ Н. Г. Тальбергъ, эти порученія вызывались жалобами и донесеніями о тѣхъ или иныхъ безпорядкахъ въ судебной дѣятельности. При исполненіи такихъ порученій, нерѣдко очень щекотливыхъ, необходимы большая осторожность и тактъ. Строгий въ случаяхъ дѣйствительной виновности, чуткій къ нарушенію достоинства и авторитета судебной власти, Н. В. Шугуровъ умѣлъ вникать въ сущность событія и въ обстоятельства, окружавшія или обусловливавшія послѣднее, и вносилъ въ свои изслѣдованія доброе сердце“.

„Его отчеты писались такъ, что читались съ большимъ удовольствіемъ, а талантливья, живья, полныя наблюдательности и остроумія характеристики лицъ и положеній давали такія обстоятельныя и художественныя картины жизни суда, что иногда прямо просились въ беллетристическое произведеніе... Лица, которыхъ непосредственно близко касались эти изслѣдованія, были многимъ обязаны Н. В. Шугурову“. (Кіевлянинъ, 1901, № 312).

Съ переѣздомъ III—ва въ Кіевъ начинается новая полоса и въ его литературной дѣятельности. Въ 1888 г. близкій знакомый его еще по Стародубу, покойный А. С. Лашкевичъ, взялъ на себя изданіе „Кіевской Старины“. Н. В. вошелъ въ составъ кружка, сгруппировавшагося вокругъ журнала, и до самой смерти принималъ въ „Кіевской Старинѣ“ дѣятельное участіе. Рядъ статей, замѣтокъ и рецензій покойнаго, напечатанныхъ въ „Кіевской Старинѣ“ въ теченіе 1889—1901 г., носитъ на себѣ отпечатокъ его характерныхъ особенностей. Малорусская этнографія, малорусское искусство, біографіи выдающихся дѣятелей въ сферѣ культурной жизни Малороссіи—вотъ области, къ которымъ относятся работы Н. В. Тщательность въ изслѣдованіи, прекрасная литературная обработка отличаютъ эти работы. Самой крупной изъ нихъ была біографія И. О. Тимковскаго (К. Ст. 1891, кн. 8, 9, 10), о которой историкъ Харьковскаго университета отзывался какъ о „чрезвычайно“

важной монографіи“ (проф. Д. И. Багал'їй. Опытъ исторіи Харьковскаго университета, ч. I стр. 3).

За нѣсколько лѣтъ передъ смертью Н. В. принялъ мѣсто предсѣдателя Нѣжинскаго окружного суда. Но и переселившись въ Нѣжинъ, онъ не порвалъ связи съ Кіевомъ, гдѣ у него оставалось много друзей. Смерть застигла его неожиданно, среди работы. Похороны его привлекли множество народа изъ всѣхъ слоевъ нѣжинскаго общества; на гробъ его было возложено нѣсколько вѣнковъ. Рѣчей на могилѣ не было, но одинъ изъ сослуживцевъ покойнаго произнесъ у раскрытой могилы прочувствованное стихотвореніе.

Н. В. оставилъ цѣнную бібліотеку, а также, будучи знатокомъ живописи, собралъ прекрасную коллекцію рисунковъ и картинъ изъ малорусской жизни.

Неожиданная кончина Н. В. Шугурова является тяжелой утратой для общества, такъ нуждающагося въ носителяхъ чистыхъ и свѣтлыхъ взглядовъ на жизнь, чувствительнымъ ударомъ для судебного міра, гдѣ такъ необходимы честные и талантливые работники, и горестнымъ событіемъ для нашей редакціи, такъ сжившейся за 14 лѣтъ совмѣстной работы съ своимъ неоцѣненнымъ сотрудникомъ.

—

Считаемъ нелишнимъ помѣстить здѣсь перечень статей, одновременно напечатанныхъ покойнымъ, тѣмъ болѣе, что значительная часть изъ нихъ была подписана только инициалами, и, слѣдовательно, авторство ихъ можетъ въ недалекомъ будущемъ забыться послѣдующими поколѣніями.

статьи и замѣтки.

К. А. Трутовскій и его картины и рисунки изъ малорусскаго быта (89, V—VI).

Илья Ивановичъ Квитка (90, III).

Илья Ѳеодоровичъ Тимковскій (91, VIII—X).

Отзывъ гр. А. К. Разумовскаго по поводу неурожая (91, XII).

Неосуществившееся изданіе малорусскаго альбома (93, II).

К. А. Трутовскій (некрологъ) (93, IV).

Къ воспоминаніямъ объ Ае. Вас. Марковичъ (93, V).

По поводу одного стихотворенія Шевченка (93, VIII).

Предписаніе кн. Репнина по поводу холеры 1830 года (93, X).

Андріюлли и Матейко, какъ авторы рисунковъ и картинъ изъ малорусскаго быта (94, I).

О рисункахъ Шевченка (94, II).

Предисловіе къ воспоминаніямъ Ег. Фед. Тимковскаго (94, III).

Картины изъ малорусскаго быта на кievскихъ выставкахъ (94, III).

Живописная Украина. Указатель рисунковъ изъ малорусскаго быта за 1894 г. (95, II).

Изъ воспоминаній, изданныхъ не для публики (95, V).

Поднесеніе черниговскимъ дворянствомъ малорос. ген.-губернатору кн. Куракину золотой вазы (95, VI).

О малорусской одѣ П. Данилевскаго (95, VII—VIII).

Воспоминаніе о Тимковскихъ (98, XI).

Свѣдѣнія по вопросу о мѣстѣ погребенія Т. Г. Шевченка и первомъ посмертномъ изданіи его сочиненій (99, II).

Гумацскій и Мицкевичъ (99, III).

Еще изъ воспоминаній О. М. Лазаревскаго о Т. Г. Шевченкѣ (99, IV).

Изъ воспоминаній М. М. Лазаревскаго о Т. Г. Шевченкѣ (99, VI).

Памяти В. В. Гарновскаго (99, VII).

Къ портрету Ил. О. Тимковскаго (99, XII).

Изъ воспоминаній В. Я. Карташевской о Т. Г. Шевченкѣ (900, II).

Рецензіи на слѣд. изданія.

Часопись правнича 1889, кн. I—IV (89, XI).

Булгаковъ. Иллюстрированная исторія книгопечатанія (90, VII).

Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи В. П. Тарновскаго (93, VI).

Горленко В. В. Шевченко живописецъ и граверъ (ibid).

Рѣдинъ. Харьковъ, какъ центръ художественнаго образования юга Россіи (94, V).

Русскіе художники. И. Е. Рѣпинъ (95, IV).

Новыя народныя иллюстрированныя изданія повѣстей Гоголя (95, VI).

Провідникъ по виставі краевій у Львові (95, VII—VIII).

Powszechna wystawa we Lwowie w r. 1894 (ibid).

Album du Monde Illustré. La Russie et les russes (95, IX).

Цѣсни кубанскихъ козаковъ, вып. I—IV (97, VII—VIII).

Очерки Малороссіи (приходская бібліотека, ред. Шемякина, т. V) (ibid).

Верещагинъ В. А. Русскія иллюстрированныя изданія XVIII и XIX ст. 1720—1820 (98, VII—VIII).

Рѣпинъ И. Е. Альбомъ картинъ и рисунковъ (98, X).

Иллюстрированный путеводитель по юго-зап. жел. дорогамъ (98, XII).

Новые художественные журналы (99, I).

Черниговская памятка (99, VI).

Изъ украинской старины. Рисунки акад. Васильковскаго и Самокиша (900, VI).

Galicja w obrazach (900, VI).

Шрамченко Н. А. Воспоминанія и стихотворенія (901, IV).

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Письмо Н. В. Шугурова. Поминая такъ неожиданно утраченнаго нами Николая Васильевича, сообщаемъ здѣсь двѣ-три черты изъ его общественной дѣятельности. Дѣятельность эта выражалась двояко: какъ судьи и какъ литератора. Почти вся литературная дѣятельность Н. В. исходила изъ его родинолюбія. Все, что касалось его родины и, особенно, что касалось этнографическихъ особенностей послѣдней, всегда вызывало въ Н. В. особое вниманіе, особую исключительность, и всегда онъ старался при этомъ закрѣпить печатью то или другое вновь имъ встрѣченное явленіе изъ старой или новой жизни этой родины.—Вотъ поэтому Н. В. былъ однимъ изъ неизмѣнно усердныхъ сотрудниковъ «Кіевской Старины», въ которой онъ видѣлъ *книгу для записки*—на память грядущему времени—всякаго интереснаго факта изъ исторіи дорогой ему родины.

Возвращаясь въ этомъ году съ каникулъ въ Нѣжинъ, Н. В. захватилъ къ намъ, въ нашъ хуторъ, и прожилъ здѣсь съ недѣлю, наполняя время то переглядываніемъ тѣхъ или другихъ книгъ и бумагъ, то—прогулками по-саду, при чемъ все это онъ дѣлалъ съ свойственной ему *тихостью*, исходившею изъ всегдашняго желанія—никого не обезпечить, никому не помѣшать... На этотъ разъ онъ заинтересовался только что полученною книжкою—*Литература украинскаго фольклора*, появленію которой особенно радовался, видя тутъ попытку—*перечня всею, что было напечатано по южно-русской этнографіи*. Тутъ же завидя Н. В. и дополненіями книжки г. Гринченка, которая затѣмъ и перенесъ на страницы «Кіевск. Стар.»¹⁾

¹⁾ Въ сентябрьской книжкѣ.
Томъ 75.—Декабрь, 1901.

Затѣмъ, черезъ мѣсяцъ, мы посѣтили Николая Васильевича въ Нѣжинѣ, откуда еще раньше условились побывать на могилѣ два года назадъ умершаго нѣжинскаго земца В. Я. Макарова, котораго оба мы и любили и уважали за его нелицепріятную общественную дѣятельность. Посѣтивъ могилу В. Я. Макарова въ его родномъ селѣ Липовомъ-Рогѣ, мы тутъ-же заѣхали въ домъ его дочери Е. В. Разгоновой, гдѣ застали гостившую вдову старшаго брата В. Я. Макарова—Николая Яковлевича. Извѣстно, что подъ именемъ послѣдняго покойный Кулишъ печаталъ свои писанія во время наложеннаго на него послѣ 1847 г. запрета. (Такимъ образомъ „Николай М.“ явился, напр., авторомъ «Записокъ о жизни Н. В. Гоголя»). Н. Я. Макаровъ близко былъ причастенъ къ кружку «Основы», зная о чемъ, Н. В. давно искалъ встрѣчи съ его вдовою, чтобы узнать—не осталось-ли послѣ Н. Я. Макарова какихъ-нибудь интересныхъ бумагъ. — При совмѣстномъ нашемъ посѣщеніи Липова-Рога, Н. В. этого не успѣлъ сдѣлать, но сдѣлалъ это позже. По этому случаю онъ и напisałъ это *послѣднее* къ вамъ письмо, которое мы находимъ умѣстнымъ теперь же напечатать, желая на фактъ показать—какъ непрестанно Николай Васильевичъ заботился о сохраненіи и обнародованіи всѣхъ тѣхъ бумагъ, которыя заключали въ себѣ тотъ или другой матеріалъ для исторіи нѣжно любимой имъ родины.

«Мн—ув. А. М.! Бывши у меня, вы высказали готовность попытаться достать для меня статью Стасова о Штерибергѣ или тотъ номеръ журнала, въ которомъ она была помѣщена, для чего спрашивали, когда именно она была напечатана. Огьскавъ у себя отмѣтку объ этомъ, сообщаю, что статья эта была помѣщена въ *Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ* 1887 г., № 5. Если добудете, буду вамъ очень благодаренъ.

Когда я былъ съ вами въ Липовомъ Рогѣ, вы такъ заторопили меня съ возвращеніемъ (въ Нѣжинѣ), что я не успѣлъ разспросить кой о чемъ Ольгу Платоновну (вдову Н. Я. Макарова). Побывавши тамъ еще разъ, я освѣдомился, что у О. П. имѣется большая масса писемъ къ Ник. Як. Макарову отъ Кулиша и Вас. (Мих.) Вязоверскаго, а въ меньшемъ количествѣ имѣются письма Шевченка, Тургенева и разныхъ другихъ лицъ... Я совѣтовалъ ей сообщить письма «Кіевск. Старинѣ» для напечатанія, на что она высказала опасеніе, что въ письмахъ, можетъ быть, есть вещи, неудобныя для опубликованія, а ихъ могутъ пропечатать, какъ это сдѣлали съ письмами

Тургенева. При этомъ я узналъ, что имѣющееся въ одномъ изъ писемъ Тургенева выраженіе: «когда-то я находилъ ее красивою, а теперь»... относится къ NN.... Я убѣждалъ (О. П.), что если бы подобныя вещи были въ письмахъ, то «Кіевск. Старина» исключить ихъ. Она долго отпѣкивалась, говоря, что самой ей нѣтъ времени перечитать письма, такъ какъ ихъ слишкомъ много, да и трудно разбирать нѣкоторыя изъ нихъ, а на другихъ трудно положиться,—а въ концѣ концовъ высказала, что, если бы я взялъ на себя трудъ перечитать всѣ письма, выбрать то, что можетъ быть интересно для печати, и исключить то, что не слѣдуетъ опубликовывать, то мнѣ она пожалуй довѣрила бы. Я выразилъ готовность это сдѣлать, и она обѣщала, по возвращеніи въ Петербургъ, прислать мнѣ письма. Будьте здоровы. Н. Ш.

P. S. Написалъ на брошюрку С. И. Пономарева рецензію, которая вышла болѣе пространною, чѣмъ сама брошюрка.¹⁾—8 сентября, 1901. ²⁾ (Нѣжинъ).

Въ поясненіе къ началу этого письма, находимъ не лишнимъ сказать, что Н. В. старался пріобрѣтать—по книжной части—по возможности все, что относилось къ Малороссіи и къ *искусству* вообще. По части Малороссіи, кромѣ книгъ, Н. В. ревностно собиралъ брошюры, журнальныя статьи, рисунки (изъ разныхъ изданій), однимъ словомъ все печатное, такъ или иначе касавшееся родины. Поэтому малорусская бібліотека Николая Васильевича заслуживаетъ вниманія. Онъ все собирался рѣшить вопросъ—что сдѣлать съ своимъ книжнымъ достояніемъ послѣ смерти, но, кажется, вопросъ этотъ остался нерѣшеннымъ, и бібліотека Н. В. можетъ разсѣяться, какъ разсѣялись и другія такія собранія.. Осталось послѣ Н. В. и небольшое собраніе картинъ, почти исключительно посвященныхъ Малороссіи, на природу которой любилъ онъ смотрѣть и на картинѣ, у себя въ кабинетѣ, и посѣщая для того разные уголки Черниговщины, Полтавщины и далѣе. Въ послѣднія свои судейскія канпулы Н. В., въ сообществѣ двухъ пріятелей, посѣтилъ двѣпровскіе пороги, которые давно желалъ видѣть.

А. Л.

8 ноября.

¹⁾ Напечатана въ октябрьской книжкѣ К. Стар.

²⁾ Сколько мы знаемъ, Н. В. не успѣлъ получить писемъ отъ О. П. Макаровой.

Еще нѣсколько словъ о „парубочныхъ громадахъ“ (атаманствахъ) г. Маякъ, Херсон. губ. Въ прежней моей замѣткѣ объ „атаманствахъ“¹⁾ вкралась одна ошибка, а именно: тамъ было сказано, что „парни“²⁾ каждаго кутка составляютъ отдѣльное „атаманство“. Это не вѣрно. По точнымъ свѣдѣнiямъ въ настоящее время всѣхъ „атаманствъ“ въ Маякахъ три—1) „Куркула“—сюда относятся „кавказьки парни“, они же и „пидкручныкы“; 2) „Спрнычкы“—вторые „кавказьки“ („пидкручныкы“) и „плоськiн“; 3) „Донське“—исключительно изъ „донськихъ парнивъ“. Каждое „атаманство“ имѣетъ своего „атамана“, „пидатамана“ и „писаря“. „Атаманомъ“ избирается человекъ, выдѣляющійся изъ общей массы: честный, справедливый, скромный, считающійся умнымъ и разсудительнымъ, вообще человекъ, который могъ бы примѣромъ своимъ оказывать облагораживающее влiенiе на парней. Кромѣ того, „атаманъ“ долженъ имѣть еще и имущественный деизъ для гарантiи на случай растраты имъ денегъ „атаманства“. Избравши „парня“ „атаманомъ“, увѣдомляютъ объ этомъ его отца. Раньше, когда въ Маякахъ жили пришлые парни, съ ихъ родителей брали росписки въ томъ, что они отвѣчаютъ своимъ имуществомъ за растрату сыномъ денегъ „атаманства“. Но теперь не берутъ росписокъ: и безъ нихъ „парни“ знаютъ, что избранный ими „атаманъ“ надеженъ.

„Пидатаманомъ“ избираютъ исполнѣ соответствующаго помощника, а „писаремъ“—человѣка грамотнаго. Всѣ три лица („атаманъ“, „пидатаманъ“ и „писарь“) избираются сходкой „парней“. Избираются они на годъ. По истеченiи года они должны давать отчетъ въ веденiи денежныхъ расходовъ. „Атаманъ“, выбывающій по какимъ-либо уважительнымъ причинамъ, замѣняется другимъ, чаще всего „пидатаманомъ“; въ этомъ случаѣ взаимнѣ послѣдняго выбираютъ другого изъ среды парней. Общимъ рѣшенiемъ голосовъ „атаманъ“ и вся остальная администрацiя можетъ быть увольняема до срока и замѣняема новой. „Атаманъ“ пользуется авторитетомъ между „парнями“. Его приказанiя и распоряженiя, если въ нихъ нѣтъ злоупотребленiй, должны быть исполняемы всѣми членами „атаманства“. „Атаманъ“

¹⁾ К. С. 1901 г. за июль и августъ, Документы, извѣстiя и замѣтки.

²⁾ Въ Маякахъ „парубки“ наз. „парнями“; также говорятъ не „атаманъ“, а „атаманъ“.

разбираетъ распрю между „парнями“ и, если нужно, прибѣгаетъ къ наказаніямъ. Наказанія заключаются въ пощечинахъ, а иногда бываютъ и посерьезнѣй, но никогда не переходятъ въ безчеловѣчные побои. По правамъ и дѣятельности „пидатаманъ“ является помощникомъ атамана. „Писарь“ не имѣетъ особенныхъ правъ, но все же занимаетъ привилегированное положеніе.

Въ „атаманство“ должны входить всѣ „парни“; къ пеноступающимъ всегда и вездѣ относятся враждебно, стараются повредить имъ; поймавъ, напр., стоящаго съ „дивчиною“ парня, не входящаго въ составъ „атаманства“, бьютъ его или же причиняютъ ему другія непріятности.

Каждый членъ „атаманства“ долженъ вносить ежегодно по 1 руб. въ кассу „атаманства“. Деньги эти большею частію идутъ на украшеніе церкви: дѣлаютъ хоругви и т. под. Впрочемъ, въ одномъ изъ „атаманствъ“, при дурномъ личномъ составѣ, собранныя деньги пропиваются.

Кромѣ этого сбора, собираютъ еще по 10—15 коп. въ мѣсяць на „чогъ“ — танцы подъ звуки музыки: кларнетъ, бубень, скрипка. Эти взносы, впрочемъ, не обязательны. Недостающую сумму денегъ для какой-либо покупи въ церковь пополняютъ въ праздникъ Рождества сборомъ съ „колядокъ“, во время которыхъ „парни“ наряжаются въ военные костюмы, придѣлываютъ погоны, ленты черезъ плечо, небольшие цилиндрическія шапки, мечи, и ходятъ со звѣздой. Во время „колядки“ заливаетъ „береза“, имѣющей въ отличіе отъ другихъ булавку и медаль и крестъ. Деньги и калачи беретъ „михоноша“.

Отношенія между „атаманствами“ большею частію враждебны. Въ прежнее время нерѣдко устраивались довольно серьезныя драки, даже съ косами, колыями. Теперь, впрочемъ, „Куркули“ и „Донськи“ въ мирныхъ отношеніяхъ.

Власть „атаманства“ распространяется и на „дивчатъ“: „дивчина“ одного „атаманства“ не имѣетъ права пригласить къ себѣ „парня“ изъ другого „атаманства“ безъ вѣдома и разрѣшенія своего атамана. Въ противномъ случаѣ ей, и прежде всего „парню“, грозятъ побои. Члены же „атаманства“ пользуются свободнымъ доступомъ къ своимъ „дивчатамъ“. Иногда устраиваются „складки“: „парни“ заботятся о вышивкѣ, а „дивчата“ — о закускѣ. Въ настоящее время¹⁾

¹⁾ Запись относится къ августу—сентябрю тек. года. Можетъ быть теперь уже есть «атаманы».

„атаманства“ остались безъ „атамановъ“. (Изъ одного—„атаманъ“ былъ вслѣдствіе женитьбы).

Нѣкоторые изъ „парнивъ“ думаютъ, что со временемъ „атаманства“ выведутся совершенно.

По словамъ одного мѣстнаго мѣщанина И. И. Миловидова, лѣтъ 50-ти, который лѣтъ 20 тому назадъ, „а може и больше“, самъ принадлежалъ въ атаманству и даже былъ въ составѣ его администраціи, въ прежнее время „атамана“ избирали на годъ. Когда избирали кого либо „атаманомъ“, онъ ставилъ могоарычъ на свои деньги. Если избранный соглашался быть „атаманомъ“, давали знать отцу, чтобы тотъ зналъ о деньгахъ „атаманства“, на случай ухода сына. Избирали подачей голосовъ—одни отходили направо, другіе налѣво; избирался атаманомъ кандидатъ стороны, оказавшейся болѣе многочисленной. Обязанности „атамана“ заключались въ томъ, чтобы держать „парнивъ“ *въ порядкѣ*: когда крестный ходъ—„атаманъ“ долженъ созвать „парнивъ“ для несенія хоругвей и т. п.; онъ же организуеъ на Рождество хожденіе съ „колядою“, при чемъ собранныя деньги тратятся на церковь. „Атаманъ“ охраняетъ границы „атаманства“. Было прежде на весь городъ 2 „атаманства“. Вступать въ „атаманство“ обязательно для всѣхъ, иначе теряешь право гулять съ „двучатами“. Если поймаютъ съ „двучиною“ парня, не вступившаго въ „атаманство“, то нобьютъ или выкупаютъ въ колодцѣ. Власть „атамана“ была неограничена: его должны во всемъ слушать, послушниковъ онъ могъ даже бить. Если „атаманъ“ оказывался не годнымъ для дѣла: не имѣлъ вліянія на парней, не держалъ ихъ въ строгости, не могъ управлять,—то его смѣняли новымъ. Раньше „атаманы“ имѣли большое вліяніе на парней: ихъ слушались, уважали, и парни были не такъ балованы. „Атаманства“ пользовались довѣріемъ: разъ священникъ повѣрилъ атаманству 15 руб. на цѣлый годъ (у нихъ не хватило денегъ на покунку церковной утвари).

По словамъ Миловидова подобныя „атаманства“ существуютъ также въ г. Одессѣ по настоящее время на сл. Романовкѣ, Кривой Балкѣ и Молдаванкѣ.

П. П. П.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Попытка учредить въ Балтѣ коммерческое собраніе и городскую общественную бібліотеку.* Въ 1841 году балтскіе купцы Кондратовъ, Циквинъ и елисаветградскій купеческій сынъ Савельевъ подали балтскому полиціймейстеру слѣдующее прошеніе.

„Движимые любовью къ просвѣщенію и чувствомъ искренняго желанія доставить здѣшнему купеческому обществу, посредствомъ чтенія журналовъ и газетъ, полезныя свѣдѣнія, относящіяся до ихъ промысловъ, и ознакомить съ учеными пособіями торговли, чрезъ совѣты опытныхъ, умныхъ и просвѣщенныхъ гражданъ развить въ немъ охоту къ образованію и любознательности и, наконецъ, соединивъ всѣхъ, донинѣ разрозненныхъ, въ одинъ пріятельскій кругъ, доставить скромное, пріятное и полезное препровожденіе времени.

Съ этою благонамѣренною цѣлью, одобренныя почетнѣйшими изъ гражданъ и изъявленіемъ участія всего общества, безъ всякихъ корыстолюбивыхъ видовъ, но, напротивъ, съ собственнымъ пожертвованіемъ, мы рѣшились открыть въ городѣ Балтѣ «коммерческое собраніе», постановивъ для него слѣдующія основныя правила:

1) Коммерческое собраніе имѣетъ пожертвованными и получаетъ издаваемые въ 1841 году:—Воскресное чтеніе, С.-Петербургское и Кіевское; журналы—Библіотеку для чтенія, Русскій Вѣстникъ, Сынъ Отечества, Экономъ и Репертуаръ русскаго театра; газеты—Коммерческую газету, Сѣверную Пчелу, С.-Петербургскія Вѣдомости и Одесскій Вѣстникъ.

Эта обильная пища для ума, души и сердца съ 8 ч. утра до 10 пополудни ежедневно предлагается желающимъ для чтенія въ собраніи и, по истеченіи по полученіи журнала мѣсяца, а газеты—недѣли,—на домъ, но не болѣе, какъ на 4 и на 2 дня.

2) Коммерческое собраніе, какъ заведеніе, учреждаемое съ благороднѣйшею цѣлю распространенія общепользныхъ свѣдѣній и доставленія пріятнаго развлеченія почетнѣйшимъ изъ гражданъ; не принимаетъ никого безъ билета, не въ приличномъ, а кольми паче не въ трезвомъ видѣ, во избѣжаніе чего не содержатъ никакихъ совершенно наиптковъ.

3) К. собр. не ограничивается токмо купеческимъ сословіемъ, напротивъ, съ радостію принимаетъ и господъ дворянъ, кои удостоиваются своимъ участіемъ и посѣщеніями, соблюдаютъ, впрочемъ, общія правила и не стѣсняя собою свободы другихъ.

4) За то, чтобы какъ собственностію пользоваться такимъ огромнымъ (по Балтѣ) запасомъ пріятнаго, полезнаго и необходимаго чтенія, назначается самая умѣренная, почти ничтожная, плата, а именно: за голъ 5 р., полгода 3 р. и мѣсяць 1 рубль серебромъ. Второй и послѣдній абонементъ принимается только отъ иногороднихъ, временно проживающихъ въ Балтѣ.

5) Сумма, собираемая коммерческимъ собраніемъ, употребляется на наемъ дома, необходимой прислуги и на отопливаніе и освѣщеніе, а затѣмъ на остающіяся деньги, по выбору членовъ, будутъ выписываться еще журналы или полезнѣйшія книги, что все вмѣстѣ навсегда остается собственностію города и служить началомъ и основаніемъ общественной библіотеки.

6) Для сохраненія и соблюденія порядка—въ первое собраніе наберутся директоры, о которыхъ своевременно будетъ объявлено градской полиціи, въ вѣдѣніе и покровительство коей поступаетъ заведеніе.

О столь полезномъ предпріятіи, доводя до свѣдѣнія Вашего Высокоблагородія, всепокорнѣйше просимъ не оставить Вашимъ ходатайствомъ объ утвержденіи онаго у высшаго начальства, а до того, прививъ въ свое вѣдѣніе и удостовѣвъ Вашего участія, позволять начать предварительное образованіе онаго.

Генераль-Губернаторъ предложилъ Губернатору поступить подобно узаконеніямъ: если на учрежденіе или воспрещеніе подобнаго рода обществъ и нѣтъ положительнаго закона, то, съ другой стороны, всякое закономъ неутвержденное общество подвергается уничтоженію и запрещенію, когда признано полиціею безполезнымъ, или правила его противными общему благу или частнымъ пользамъ.

Какъ было исполнено это указаніе, изъ дѣла не видно.

2) *Способъ противъ распространенія нелѣпныхъ слуховъ.* Въ 1844 году, В—скій Губернаторъ, въ письмѣ на имя Главнаго Начальника края, представилъ, что, въ виду учащающагося распространенія нелѣпныхъ слуховъ, онъ полагалъ бы полезнымъ лвиць, подобные слухи распускающихъ, когда они низшаго состоянія, высылать по этапу, на собственномъ содержаніи, въ тѣ мѣста, гдѣ, по ихъ словамъ, случилось происшествіе, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ несправедливости слуховъ, слѣдовали тѣмъ же порядкомъ обратно, и лично

объяснили объ оказавшемся. Лицъ привилегированныхъ состояній, подозрѣваемыхъ въ томъ же,—высылать на почтовыхъ.

Проектъ подшить къ дѣлу.

2) *Затрудненія въ Подольской губерніи, при обмѣнѣ обращающейся иностранной и польской билонной монеты на русскую.* 16 октября 1844 года воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе, коимъ назначенъ двухлѣтній срокъ для сбыта жителями балтійскихъ и западныхъ губерній оставшейся у нихъ на рукахъ иностранной и польской билонной монеты.

По этому поводу Подольскій Губернаторъ въ 1846 г. доноситъ Главному Начальнику края, что, хотя количество подобной монеты въ обращеніи въ губерніи и уменьшается, тѣмъ не менѣе еще весьма распространены монеты Царства Польскаго прежняго чекана, съ изображеніемъ блаженной памяти Государя Императора Александра I, а изрѣдка попадаются монеты бывшихъ Королевства Польскаго и Герцогства Варшавскаго (въ 30 и 15 коп.), австрійскіе дванцигеры, прусскіе гульдены и баварскіе.

Предѣльнымъ срокомъ для пріема сихъ денегъ казначействами назначено 1 мая 1847 года.

Между тѣмъ, много польской монеты оказалось по краямъ обрѣзанной. Въ одной Подольской губерніи, къ совершенному смущенію уѣздныхъ казначеевъ, подобной монеты обнаружено до 70.000 шт. Евреи, конечно, не упустили случая извлечь изъ сего выгоду и за обмѣнъ сколько нибудь потертыхъ денегъ брали со золота отъ 2-хъ до 3-хъ копѣекъ.

По заключенію Губернатора, при недостаточной ясности правилъ, теряютъ не одни мѣняющіе, теряетъ и казна, ибо на плательщикахъ, особенно изъ податныхъ, должна неизбѣжно накопиться недомка.

Подольская казенная палата отпустила комиссіонерству дѣйствующей арміи подобной монеты на 28,123 р. сер., изъ коихъ 18979, однако, признаны Кіевскою Палатою негодною къ обращенію. Воспослѣдовавшее разъясненіе Министерства Финансовъ значительно облегчило населеніе, такъ какъ монетамъ съ изображеніемъ Императора Александра I, въ одинъ, два и пять золотыхъ (неиспорченнымъ), присвоивалось обращеніе наравнѣ съ русскіею, ибо чекана они русскіе.

Испорченную монету разрѣшено обмѣнивать, но со взыскаіемъ довѣса.

4) *Отзывъ предводителя объ одной дворянской семьѣ и ея отношеніяхъ къ крестьянамъ.* Въ 1844 году махновскій уѣздный Предводитель дворянства доносилъ Главному Начальнику края, что крестьяне селенія Пиковцы, владѣнія помѣщницы З., жалуются на то, что владѣлица, «вромѣ претерпѣваемаго ими отъ нея жестокаго обращенія, поводомъ каковаго съ числа 10 семействъ осталось на ея части три семьи, а прочія находятся въ бѣгахъ» — не предоставляетъ имъ положенныхъ законныхъ участковъ пахатной земли, при чемъ они «употребляются по цѣлымъ недѣлямъ въ барщину, но за переработанные дни денежной платы, ниже какимъ другимъ образомъ, удовлетворенія не получаютъ. Дѣлаетъ на нихъ *налоги прятъ* по 6 мотковъ, на что не даетъ имъ нужной пеньки и выбираетъ въ годъ по 18 штукъ курей и 20 яицъ, но какъ таковыхъ по бѣдному ихъ состоянію они (крестьяне) не имѣютъ, то воруютъ у сосѣдей, удовлетворяя требованія З-ой, опасаясь наказанія за неотдачу опредѣленнаго налога».

З., въ случаѣ какой либо, хотя и малѣйшей пронажи, «въ ту же минуту дѣлаетъ какую то ворожбу на ситѣ», «совокупно съ мужемъ, и, по какимъ то на этомъ ситѣ примѣчаніямъ, наказываетъ всѣхъ вообще, какъ дворовыхъ, такъ жительствовавшихъ на селѣ крестьянъ безъ пощады».

Къ вышесказанному предводитель дворянства присовокупилъ, что суируги ежедневно бываютъ въ нетрезвомъ видѣ. Сдѣлавъ г-ну и г-жѣ З-камъ внушеніе, онъ обязалъ ихъ подписками измѣнить обращеніе съ крѣпостными.

Сообщ. Алексѣй Мёрдеръ.

Объ иллюстраціяхъ полтавской битвы. Въ 1895 г. мы выпустили въ свѣтъ вторымъ изданіемъ нашу работу: «Полтавская битва и ея памятники», въ которой помѣстили и нѣсколько рисунковъ. Съ того времени, интересуясь всѣмъ, что относится къ этому событію, имѣвшему столь громадное историческое значеніе, мы собирали гравюры какъ самой битвы, такъ и всего, что можетъ относиться къ ней.

Такимъ образомъ, составила у насъ коллекція въ сто слишкомъ гравюръ, включая сюда портреты полководцевъ, воиновъ вообще, снимки съ медалей, памятниковъ и т. п. Достаточное количество собранныхъ гравюръ даетъ возможность опредѣлить, какія именно моменты битвы возможно иллюстрировать, что мы и постараемся сдѣлать въ настоящей замѣткѣ. Съ другой стороны, замѣтка эта будетъ и просьбой во всемъ, кто имѣетъ что-либо относящееся до полтавской битвы, подѣлиться съ нами, что особенно интересно въ виду приближающагося двухсотлѣтія полтавской битвы.

Полтавскому сраженію, какъ извѣстно, предшествовала почти трехмѣсячная осада города. Гарнизонъ и жители Полтавы, предводимые славнымъ своимъ комендантомъ Келлинымъ, храбро выдерживали натиски шведовъ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ гравюры, изображающей хотя бы одинъ моментъ этой славной осады, кромѣ плохого рисунка, помѣщеннаго въ исторіи Петра В.—Ламбина (издана въ сороковыхъ годахъ). Также нѣтъ портрета и Келлина, и всѣ наши поиски оказались тщетными. Нѣтъ ли его портрета гдѣ либо въ Азовѣ, куда Келлинъ былъ назначенъ тотчасъ послѣ полтавской битвы, такъ какъ Петръ В. предвидѣлъ, въ силу бѣгства Карлъ XII въ Турцію, войну съ послѣдней? Гравюръ же, изображающихъ полтавское сраженіе, достаточно. Но прежде упомянемъ о двухъ гравюрахъ, изображающихъ двухъ славныхъ противниковъ передъ боемъ. Одна рисуетъ Петра В. объѣзжающимъ войска свои передъ сраженіемъ, когда онъ убѣждалъ постоять за славу родины: „А о Петръ вѣдайте, что ему жизнь не дорога... etc. (есть и народная картинка), а другая Карла, убѣждающаго ничего не готовить: „все припасено у москвитянъ“... Гравюры, изображающія самое сраженіе, возможно подраздѣлить на три категоріи: 1) гравюры современныя, 2) гравюры художниковъ и, наконецъ, 3) гравюры живописцевъ или просто маляровъ, сильно распространенныя въ XVIII столѣтіи. Изъ современныхъ гравюръ уважемъ прежде всего на гравюру Петра Дени младшаго, сдѣланную по заказу самого Петра. Она имѣетъ такую надпись: «Изображеніе преславной баталіи между войскъ россійскихъ и свейскихъ въ присутствіи высокой команды надъ Россійскими войсками Его Царскаго Величества Всероссійскаго Петра Перваго, надъ свейскими Его Королевскаго Величества Карла XII, учинившейся неподалеко отъ

Полтавы, іюня въ 27 день, 1709 года». Эта гравюра и послужила образцомъ для работъ многихъ другихъ художниковъ, и ее можно встрѣтить подъ названіями: «Полтавская битва, начало сраженія», или просто: «Полтавская битва». Ее скопировалъ и художникъ конца XVIII стол. Балабинъ и, по просьбѣ полтавскаго обывателя Руденка, награвировалъ ее на мѣди, но прибавилъ только вверху молящагося св. Самсона Страннопріимца, празднуемаго, какъ извѣстно, 27 іюня, т. е. въ день полтавской битвы. Картина эта была вставлена въ первый, по времени, памятникъ полтавской битвы, сооруженный тѣмъ же Руденкомъ и служившій съ конца XVIII в. единственнымъ «трофеємъ и украшеніемъ Полтавы», какъ выражались путешественники того времени. Когда памятникъ былъ разрушенъ, то картину эту поставили въ воскресенскомъ храмѣ въ Полтавѣ, сооруженномъ тѣмъ же Руденкомъ, гдѣ она находится и нынѣ. Другая современная картина, гдѣ рѣзко выдѣляется Петръ на своемъ конѣ, Лизеттѣ, принадлежитъ извѣстному граверу Пикару. Долго думало, что ее гравировалъ Шконебекъ, но еще Ровинскій замѣтилъ, что Шконебекъ не могъ ее гравировать, такъ какъ онъ скончался въ 1705 году. Эти двѣ картины и представляютъ собой два типа современныхъ картинъ, послужившихъ образцами для другихъ. Имъ отчасти воспользовался знаменитый французскій художникъ Натъе (р. 1685 † 1776), который и начинаетъ собою рядъ художниковъ, бравшихъ сюжетомъ полтавскую битву. Это и будетъ вторая категория картинъ полтавской битвы. Слѣды хронологически, второй картиной будетъ извѣстная мозаичная картина Ломоносова, законченная имъ незадолго до своей кончины, въ 1764 г. Картина эта долго хранилась въ Академіи художествъ, но нынѣ, въ реставрированномъ видѣ, помещена въ Императорскомъ Обществѣ поощренія художествъ. Какъ Ломоносовъ, такъ за нимъ и Шебуевъ, профессоръ и ректоръ Академіи художествъ (р. 1777 † 1855) изобразили не общій видъ сраженія, а, главнымъ образомъ, Петра В. Картина Шебуева написана въ 1807 г. Въ 1844 г. она принесена въ даръ Императоромъ Николаемъ I полтавскому кадетскому корпусу, гдѣ находится и въ настоящее время. Если къ перечисленнымъ картинамъ прибавимъ сцены изъ полтавской битвы Каразина (всѣхъ 4) и большую картину художника, извѣстнаго баталиста, Коцебу († 1889) то эгимъ и исчерпываются всѣ картины, принадлежащія кисти художниковъ. Последняя картина, надо прибавить, изображаетъ послѣдній моментъ сраженія.

Остаются еще картины, принадлежащія не художникамъ, а просто живописцамъ. Онѣ относятся къ XVIII вѣку. Первою по времени будетъ картина, поднесенная Теофаномъ Прокоповичемъ Петру Великому при проѣздѣ послѣдняго, вскорѣ послѣ полтавской битвы, черезъ Кіевъ. Картину эту или, быть можетъ, копію ея нѣсколько лѣтъ назадъ нашли въ рухлядой Тихвинскаго монастыря, Новгородской епархіи. Найдена она въ разорванномъ видѣ; ее кое-какъ склеили, и настоятель этого монастыря принесъ ее въ даръ городу Полтавѣ (хранится въ городской думѣ). Кто рисовалъ ее, неизвѣстно. Другая картина находится въ Полтавскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ. Внизу этой картины надпись:

Се образъ начертанъ премудраго героя
 Что ради подданныхъ лишилъ себя покоя
 Къ утѣхѣ Россовъ всѣхъ; но кто онъ былъ таковъ,
 Гласить народъ и флотъ, художества и войски
 Гражданскіе труды и подвиги геройски.

Картина эта хранится въ покояхъ настоятеля, въ такъ наз. Екатерининскомъ залѣ. Залъ этотъ украшенъ многими картинами, что было сдѣлано къ пріѣзду въ Полтаву Императрицы Екатерины II, въ 1787 г., отчего онъ и названъ Екатерининскимъ.

Эти двѣ картины рѣзко отличаются по исполненію отъ картинъ художниковъ. На нихъ изображенъ Петръ В., поипрающій, что было въ обычаѣ того времени, непремѣнно льва. Кто писалъ эту картину, точно неизвѣстно. Можно предполагать, что работа эта принадлежитъ иконописцу села Борисовки, Курской губ. Петръ В., возвращаясь послѣ полтавской битвы въ Петербургъ, захватилъ въ имѣніе своего славнаго сподвижника В. П. Шереметева, Борисовку, которому подарилъ образъ Тихвинской Божіей Матери, во имя коей былъ основанъ женскій монастырь. При монастырѣ, по мысли Петра, основана была школа живописи, которой занимались сначала монахи, а затѣмъ и жители села. Работы ихъ были сильно распространены въ концѣ XVIII в. на югѣ Россіи, и возможно, что эта картина и принадлежитъ кисти художника изъ с. Борисовки. Всѣ перечисленные нами картины рисуютъ намъ полтавское сраженіе или самого Петра, какъ главнаго его участника. Но въ коллекціи нашей есть картины, изображающія другіе моменты боя. Такъ, есть прекрасный снимокъ съ картины, полученный нами изъ Стокгольмскаго королевскаго му-

зая, рисующій тотъ моментъ, когда русская кавалерія загнала неприятеля въ лѣсъ, гдѣ дѣйствовалъ, главнымъ образомъ, Меньшиковъ. Изъ того же музея мы имѣемъ снимокъ Карла XII, когда подъ нимъ разбиты носилки и окружающіе убѣждаютъ его сѣсть на лошадь и спастись... Тотъ же рѣшающій сраженіе моментъ, когда Петръ ринулся въ битву со своими преображенцами, также изображенъ художникомъ, но кѣмъ, неизвѣстно. Таковы главныя гравюры, рисующія сраженіе 1709 г.

Послѣ битвы Петръ В., упоенный побѣдой, какъ извѣстно, не сразу началъ преслѣдованіе бѣжавшаго съ поля битвы Карла XII. Только къ вечеру отправлены были отряды въ погоню за неприятелемъ. Самъ же Петръ, послѣ сраженія, принесъ благодарственное молебствіе за дарованную побѣду, что и изображено на картинѣ Животовскаго. А затѣмъ Петръ объѣзжалъ войска, благодарилъ ихъ за вѣрную службу. Сюжетъ этотъ взялъ для своей картины Коранъ д'Ашъ (псевдонимъ). Изображенію же отдыха Петра В. послѣ боя и обѣда въ шатрѣ, подаренномъ ему персидскимъ шахомъ, посвятили картины три художника, изобразившіе, впрочемъ, различные моменты. Одна изъ нихъ, помѣщенная во французскомъ изданіи 1813 г., изображаетъ Петра, сидящимъ за столомъ и бесѣдующимъ съ Реншильдомъ. Но гравюра эта мало удачна: ни Петръ, ни Реншильдъ не отличаются сходствомъ съ оригиналами, да и костюмы и лица не тѣ—все напоминаетъ нѣмецкое, чужеземное... Другая гравюра изображаетъ Петра В., вручающаго шпагу Реншильду, а третья—Петръ подымаетъ бокалъ за своихъ учителей—шведовъ. Послѣдняя гравюра принадлежитъ Н. А. Кошелеву.

И. Фр. Павловскій.

Изъ прошлаго Полтавщины. *Объ открытіи въ Малороссіи торфа, каменнаго угля, жереля и алебаstra.* 1 ноября 1801 года товарищъ Главнаго Судьи Новороссійской Онекунской Конторы Бригонци отправилъ на имя императора Александра I донесеніе объ открытіи имъ въ Новгородъ-Сѣверскомъ повѣтѣ, при казенномъ селѣ Радичевѣ, торфа (или, какъ тогда называли его, турфа). Торфъ,

о мнѣнію Бригонци, можетъ вполне замѣнить, какъ топливо, дрова на селитряныхъ, винокуренныхъ и пивоваренныхъ заводахъ. Помимо этого, торфъ послѣ перегонки даетъ очень полезную жидкость при выдѣлкѣ кожъ, а зола можетъ служить хорошимъ удобреніемъ для полей. Площадь, занимаемая вновь открытымъ торфомъ, простиралась на нѣсколько верстъ; толщина его доходила до двухъ аршинъ. Это донесеніе министръ внутреннихъ дѣлъ В. П. Кочубей передалъ на разсмотрѣніе Экспедиціи Государственнаго хозяйства. Экспедиція, разсмотрѣвъ его, представила министру обширный докладъ. Ея мнѣніе о пользѣ введенія торфа было таково: Въ Россіи, по роду устройства жилищъ и по образу жизни крестьянъ, употребленіе торфа не можетъ быть столь выгодно, какъ за границей, уже потому, что во многихъ губерніяхъ крестьянскія избы безъ трубъ; да и нагрѣть торфъ, по причинѣ его толщины, трудно; необходимы особаго рода обжигательныя печи. Съ большею пользою торфъ можетъ быть употребленъ, какъ топливо, на кирпичныхъ и винокуренныхъ заводахъ. Помимо этого, заготовка торфа совпадаетъ съ временемъ занятій хлѣбопашествомъ, а это отвлечетъ населеніе отъ занятій послѣднимъ. Доставать же торфъ на земляхъ осушенныхъ неудобно, такъ какъ, по снятіи его, останется песчаный или глинистый грунтъ, мало годный для произрастанія дравъ. При этомъ приводится, какъ примѣръ, Голландія, гдѣ обрабатывавшіе торфъ должны внести достаточный залогъ, проценты съ котораго шли на уплату казенныхъ и др. повинностей. Въ заключеніе Экспедиція считаетъ очень полезнымъ сдѣлать опыты обработки торфа, и если по цѣнѣ онъ окажется дешевле дровъ, то ввести его, въ видахъ сбереженія лѣсовъ, въ употребленіе. Этотъ отзывъ Экспедиціи, какъ и копію донесенія Бригонци, министръ препроводилъ малороссійскому генералъ губернатору кн. Куракину.

«Нельзя не видѣть съ одной стороны,—писалъ министръ,—пользы, ожидаемой отъ сего открытія турфа, съ другой —неудобствъ, съ симъ сопряженныхъ и описанныхъ Экспедиціею въ его мнѣніи. Я не могу сдѣлать изъ всѣхъ сихъ предположеній, какъ то, чтобъ предать оныя мѣстному соображенію вашего сіятельства».

Кн. Куракинъ, поблагодаривъ министра за довѣріе, высказываетъ свой взглядъ на это открытіе. «На счетъ открытія сего (т. е. торфа) въ Новгородъ-Сѣверскомъ повѣтъ, гдѣ изобилуетъ лѣсъ, долженъ сказать, что введеніе его въ употребленію не обѣщаетъ того успѣха, котораго бы можно было желать. Извѣстенъ сей турфъ и въ

Глуховскомъ повѣтѣ, въ дачахъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ, который не разрабатывается, потому что дровъ довольно, а всякое новое признается затруднительнымъ. Обыватели здѣшніе, какъ и вашему сіятельству не безъизвѣстно, не весьма пристрастны къ новымъ открытіямъ, а потому и уваженіе къ изобрѣтеніямъ отъ нихъ еще отдалено. Если бы турфъ отыскался въ южной полосѣ Малороссіи (по безлѣсью оной) и тамъ, гдѣ тростнякъ дрова не замѣняетъ, могъ бы онъ быть почтенъ даромъ природы, и нужда, конечно, ввела бы его въ употребленіе; а посему, когда бы къ отысканію мѣсть, гдѣ произрастаетъ турфъ, былъ присланъ человекъ, къ такому открытію способный, можно вѣрно бы надѣяться, что труды его тщетными не останутся, о чемъ по усердію моему къ здѣшнему краю позвольте мнѣ вашего сіятельства просить. Между тѣмъ, извѣстно мнѣ, что природа и другимъ горючимъ веществомъ край сей наградила. По рѣчкѣ Орели есть ясныя доказательства существованія въ окрестностяхъ ея землянаго угля, къ отысканію котораго и былъ присланъ чиновникъ, но входя въ препорученіе поверхностно только, не удовлетворилъ тому намѣренію, съ каковымъ онъ былъ посланъ, и не нашедъ въ избыткѣ сего полезнаго природы произведенія, заключилъ, что угля нѣтъ, и оставилъ безъ дальнѣйшаго изысканія. И такъ, если бы содѣйствіемъ вашего сіятельства, изъ Луганскихъ заводовъ былъ присланъ чиновникъ съ какимъ-либо поощреніемъ, конечно преуспѣлъ бы въ открытіи сего угля.»

Въ ожиданіи прибытія такого чиновника, кн. Куракинъ энергично принялся за изслѣдованіе торфа, каменнаго угля и др. Онъ прежде всего потребовалъ отъ черниговскаго губернатора барона Френздорфа увѣдомленія, дѣйствительно ли есть торфъ въ Новгородъ-Сѣверскомъ повѣтѣ. Губернаторъ не замедлилъ отвѣтомъ. Оказывается, какъ писалъ Френздорфъ, еще въ 1800 г. генераль-прокуроръ П. Х. Оболяниновъ требовалъ свѣдѣнія относительно употребленія торфа въ Черниговской губерніи, и тогда, по собраніи отъ городничихъ, земскихъ судовъ, свѣдѣній, оказалось, что мѣсть, гдѣ находили бы торфъ, очень немного, а гдѣ же онъ и встрѣчается, то населеніе его не умѣетъ обрабатывать. Что касается открытаго Бригонці торфа въ Новгородъ-Сѣверскомъ повѣтѣ, то губернаторъ сообщалъ, что тамъ «мѣста лѣсныя, турфу въ отысканіи по тому повѣту и въ употребленіи нѣтъ.»

Такой отвѣтъ не удовлетворилъ князя, и онъ предписалъ, чтобы мѣсто, гдѣ найденъ Бригонци торфъ, нижнимъ земскимъ судомъ (исполнявшимъ, какъ извѣстно, полицейскія обязанности) непременно было отыскано; въ противномъ случаѣ «подастъ онъ начальству о себѣ мысль, что состояніе повѣта ему не вовсе извѣстно, а сіе составляетъ первую обязанность земской полиціи.»

Торфъ, конечно, нашелся именно, тамъ, гдѣ его видѣлъ и Бригонци, но жители не пользовались имъ, такъ какъ у нихъ слишкомъ много лѣса, который и продавался ими на сторону. Кн. Куракинъ предписалъ губернатору внушить всѣмъ жителямъ пользу употребленія торфа, что губернаторъ и сдѣлалъ, освѣстивъ объ этомъ всѣ повѣты ввѣренной ему губерніи.

Желаніе князя Куракина о присылкѣ чиновника для изслѣдованія южной Малороссіи, было исполнено. Правленіе Луганскаго завода назначило бергъ-гешворена Ильина, который въ августѣ мѣсяцѣ 1804 года и производилъ розысканія въ константиноградскомъ и кобелякскомъ повѣтахъ.

Розысканія Ильина увѣичались успѣхомъ, главнымъ образомъ, относительно торфа, который имъ былъ найденъ въ Маячскихъ дачахъ (наилучшій, по его мнѣнію), въ Царичанскихъ и Китайгородскихъ дачахъ. Что же касается каменнаго угля, которымъ особенно интересовался кн. Куракинъ, то Ильинъ высказалъ только предположеніе, что, можетъ быть, въ этихъ мѣстахъ и есть каменный уголь, но для этого, по замѣчанію Ильина, нужны еще изслѣдованія. О результатѣ изысканій Ильина князь Куракинъ увѣдомилъ министра внутр. дѣлъ. „Унованіе мое, пишетъ князь, на примѣчаніяхъ основывавшееся, что въ Малороссіи можетъ быть и каменный уголь, получило нѣкоторое событіе.“

Князь Куракинъ благодарилъ Правленіе Луганскаго завода за присылку чиновника Ильина и выхлопоталъ ему награду,—годовой окладъ жалованья (180 р. ассиг.). Въ слѣдующемъ 1805 г. изысканіе продолжалось; вмѣсто Ильина, правленіе Луганскаго завода командировало бергъ-гешворена Пиленка, который не нашелъ въ константиноградскомъ повѣтѣ каменнаго угля, но за то указалъ много мѣстъ, изобилующихъ торфомъ. Такъ, торфъ открытъ имъ по р. Орели при с. Чернетчинѣ и Орчикѣ, по рѣкѣ Берестовой въ дачахъ Параскѣвской, Берестовенской, Лебязьинской, Николаевской, Завалинской. Въ Ста-

Томъ 75. — Декабра, 1901.

рѣшѣнъ онъ открылъ камень мергель, который можно употреблять на постройки, а при р. Орели—алебастръ, находившійся въ разнѣ цвѣтной глинѣ.

Помимо этого, хорошій торфъ былъ открытъ и въ Лубенскомъ повѣтѣ, гдѣ кн. Куракинъ желалъ открыть торфяной заводъ, для чего испросилъ правительственный заемъ г. Лубнамъ въ 4.000 рублей. Дѣломъ этимъ долженъ былъ завѣдывать земскій комиссаръ лубенскаго повѣта Николай Кулябка, которому поручено было наблюдать и за обработкой торфа въ имѣнннхъ гр. Разумовскаго, около Батурина.

Въ Лубенскомъ повѣтѣ торфъ былъ найденъ, главнымъ образомъ, въ селѣ Пескахъ, при р. Удаѣ, гдѣ и предполагалось устроить заводъ. Но для этой цѣли необходимо было приобрести эти земли, всего 16 дес. 430 квадр. сажень, у кз. крестьянъ и у сосѣда, мѣщанина Сушка, 1 дес. 265 саж. Но оказалось, что купить эти земли нельзя было, такъ какъ онѣ были отданы крестьянамъ, въ силу высочайшаго повелѣння, съ уплатою оброка по $55\frac{3}{4}$ коп. съ десятины. Куракинъ думалъ имъ предоставить другія казенныя земли, но такихъ по близости не оказалось. Сами же крестьяне готовы были промѣнять эти земли на что либо лучшее; получали они съ десятины сѣнокоса въ то время 2 р. 50 к.; мѣщанинъ же Сушко съ своего участка имѣлъ всего 5 р. дохода.

Когда не удалось Куракину переселить крестьянъ села Песокъ (ихъ было 17 человекъ муж. пола и 20 женскаго, по ревизии 1796 года), то онъ рѣшилъ купить для нихъ землю гдѣ-либо недалеко. Нѣкто Лозовецкнй, жившнй недалеко отъ Песковъ, уступалъ 15 десятинъ по 11 р. за десятину, но сдѣлка эта не состоялась. Въ началѣ 1808 г. Куракинъ переѣхалъ въ Петербургъ, занявъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Заводъ, такимъ образомъ, и не былъ открытъ. Изъ 4 тысячъ, ассигнованныхъ на его устройство, 296 р. $21\frac{1}{4}$ к. издержаны на расходы по изысканнямъ Ильина и Пиленка, а остальные 3703 р. $78\frac{3}{4}$ к., какъ не требовавшиса долгое время, изъ расходовъ исключены. Такимъ образомъ, главной причиной, почему не былъ открытъ заводъ, была невозможность приобрести торфяныя земли отъ крестьянъ.

Много лѣтъ спустя опять былъ поднятъ вопросъ объ устройствѣ въ Полтавской губерннн торфянаго завода. Это было при генералъ-губернаторѣ Н. А. Долгорукомъ (1840—1847.) Кн. Долгоруковъ потребовалъ мнѣння по этому предмету отъ управляющаго полтавской

той Государственныхъ имуществъ. Мнѣніе управляющаго окончано убѣдило въ невозможности строить заводъ. Всѣ болота, гдѣ были торфъ, служатъ, по мнѣнію управляющаго, резервуарами къ Берестовой, Орчика, Орели и Сулы «и полезны въ этомъ снабженіемъ воды этимъ рѣкамъ и испареніями своими, увлажняющими поля, къ нимъ прилегающія.» «Я полагаю, писалъ управляющій палатой, что настоящая польза отъ сихъ болотъ гораздо благонадежнѣе, нежели разработка на нихъ торфа, черезъ которую если обнажится поверхность сихъ мѣстъ, то источники могутъ засориться, вода изсякнетъ и рѣки лишены будутъ нѣкоторой части своихъ запасовъ. Вода же въ Полтавской губерніи во всѣхъ отношеніяхъ нужнѣе топлива.»

Такова исторія устройства торфянаго завода, о которомъ такъ много хлопоталъ кн. Куракинъ; по его мысли, заводъ этотъ долженъ былъ служить населенію школой обработки торфа. Разрабатывался ли въ другихъ мѣстахъ торфъ—объ этомъ въ дѣлѣ нѣтъ свѣдѣній, хотя инструкция, составленная съ этой цѣлью, была разслана губернаторами Черниговской и Полтавской губерніи. Замѣтимъ, что инструкция эта была позаимствована отъ бригадира Степана Θεодоровича Толстого, въ имѣніи котораго, въ Орловской губерніи, въ Карачевскомъ уѣздѣ, производилась обработка торфа.

(Архивъ Полтав. Губ. Правленія, по описи № 173, 1803 года.)

Сообщ. И. Фр. Павловскій.

Куда исчезъ домикъ въ Полтавѣ, въ которомъ Петръ Великій отдыхалъ послѣ Полтавской побѣды? Въ настоящее время въ Полтавѣ на мѣстѣ этого домика стоитъ памятникъ съ такой надписью: «Здѣсь Петръ Великій отдыхалъ по трудамъ своимъ. Благодарѣн! Мѣсто свято есть!» Самый домикъ сломанъ.

По поводу этого авторъ путевыхъ замѣтокъ о Полтавѣ говоритъ слѣдующее: мнѣ весьма не нравится, что допустили сломать домъ, въ которомъ жилъ онъ (т. е. Петра) и который, кажется, само Провидѣніе берегло; нѣсколько десятковъ лѣтъ находился онъ безъ крыши и время не посмѣло коснуться къ нему разрушительнымъ перстомъ своимъ: дубовыя бревна, изъ которыхъ срублены стѣны, повывѣ еще сохраняютъ первоначальную свою крѣпость и

свѣжестъ. Срубъ сей перевезенъ въ деревню г. Магденкомъ, который предлагалъ неоднократно городу купить его! Домъ сей состоялъ изъ трехъ весьма узкихъ проходныхъ комнатъ, въ которыхъ примыкали находившіяся во дворѣ баня и кухня. Петръ, услышавъ однажды плачь младенца, который былъ дѣдомъ нынѣшнему Магденку, приказалъ его подать къ себѣ. Взявъ на руки и покачавъ, повелѣлъ влкъ выростеть, сказать ему, что царь его нянчелъ и для того онъ долженъ служить ему усердиѣ». ¹⁾

Н. В.

Текущія извѣстія.

Къ 50-лѣтію со дня смерти Гоголя. Гоголевская коммиссія, образовавшаяся при историко-филологическомъ институтѣ въ Нѣжинѣ, готовитъ ко дню пятидесятилѣтія со дня смерти Н. В. Гоголя сборникъ, посвященный его памяти. Въ составъ сборника войдутъ: 1) неизданное одно изъ послѣднихъ писемъ Гоголя, именно къ И. Барановскому; 2) обзоръ критической литературы о Гоголѣ, главнымъ образомъ за послѣднія десятилѣтія, что составитъ продолженіе бібліографическаго труда Горожанскаго; 3) подробный каталогъ выставки, устраиваемой въ стѣнахъ института гоголевскою коммиссіей; каталогу предпосылаются двѣ объяснительныхъ статьи—о портретахъ Гоголя и о роли произведеній его въ народной книжкѣ и картинкѣ; 4) матеріалы для біографіи Гоголя, находящіяся въ архивѣ гимназій высшихъ наукъ, принадлежащемъ институту, и 5) можетъ-быть, обзоръ изданий переложений Гоголя на малорусское нарѣчіе, появившихся преимущественно въ Галиціи и Буковинѣ. Сборникъ иллюстрируется фототипіями съ неизвѣстныхъ до сихъ поръ портретовъ лицъ, имѣвшихъ то или другое отношеніе къ Гоголю, портретами Гоголя, снимками съ его почерка и найденнаго въ архивѣ института ученическаго рисунка Гоголя. („Русск. Вѣдомости“, № 301).

¹⁾ Отечеств. записки П. Свиньина, 1830 г., ч. 42, стр. 7—8.

Усиленіе средствъ С.—Петербургскаго общества изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ. На общемъ собраніи одесскаго отдѣла „общества помощи въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ“, закрытаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, рѣшено капиталъ отдѣла (въ суммѣ 1100 руб.) передать С.—Петербургскому Обществу изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ. („Одесскій Листокъ“, № 273.)

Портретъ Ольриджа, писанный Т. Шевченкомъ. Въ картинной галлерей „Новаго театра“ въ Сиб. обращаетъ на себя вниманіе портретъ знаменитаго трагика Ольриджа, писанный украинскимъ поэтомъ Тарасомъ Шевченкомъ и посвященный извѣстному русскому артисту Щепкину. („Одесскій Листокъ“, № 277).

Памятникъ Е. П. Гребенкѣ. На могилѣ писателя Е. П. Гребенки на-дняхъ поставленъ ирритинскимъ земствомъ въ хуторѣ „Убѣждаще“, родинѣ Е. П., памятникъ—чугунный крестъ красивой ажурной работы, на высококомъ пьедесталѣ („Одесскій Листокъ“, № 277).

Извѣстіе о переводѣ Новаго Завѣта на малорусскій языкъ. Въ газетахъ напечатано извѣстіе, что „законченъ переводъ священныхъ книгъ Новаго Завѣта на малороссійское нарѣчіе. Переводъ уже разсматривался въ академіи Наукъ и отпривленъ для одобренія въ Св. Синодъ“ („Южанинъ“ 277). Въ такой формѣ извѣстіе это болѣе чѣмъ темно. Какъ извѣстно, существуютъ два перевода Новаго Завѣта на украинскій языкъ: одинъ принадлежитъ Морачевскому, другой Кулишу и Полюю. Первый переводъ былъ одобренъ Академіей Наукъ еще въ началѣ 60-хъ годовъ, но до сихъ поръ не напечатанъ; переводъ же Кулиша и Полюя въ первый разъ напечатанъ во Львовѣ въ 1880 г. Слѣдовательно, сообщеніе о томъ, что переводъ Новаго За-вѣта на украинскій языкъ законченъ, не можетъ, повидимому, относиться ни къ одному изъ указанныхъ переводовъ.

Пѣсенная Комиссія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества приступила къ снаряженію экспедицій для записыванія пѣсенъ непосредственно съ голосовъ народа, озабочиваясь сохраненіемъ живущихъ еще въ народѣ остатковъ его пѣсеннаго творчества.

Въ виду этого, для обезпеченія успѣха предполагаемыхъ экспедицій, Пѣсенная Комиссія обращается къ разнымъ лицамъ съ просьбою отвѣтить на прилагаемомъ при письмѣ вопросномъ листѣ возможно подробнѣе на всѣ помѣщенные въ немъ вопросы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду высокаго научно-этнографическаго и художественнаго значенія, которое можетъ имѣть удачно собранный пѣсенный матеріалъ, Пѣсенная Комиссія проситъ указать, какія мѣры должно считать наиболѣе цѣлесообразными для достиженія лучшаго успѣха предпринятому дѣлу въ данной мѣстности независимо отъ предложенныхъ вопросовъ. Отвѣты проситъ присылать не позже наступленія зимы на имя дѣлопроизводителя комиссіи Владаслава Ивановича Гоффа, въ С.-Петербургъ. Инженерная, 4.

Вопросный листъ заключаетъ въ себѣ слѣдующіе 17 вопросовъ:

- 1) Сохранились-ли въ вашей мѣстности старинныя народныя пѣсни, былины или духовные стихи? 2) Если да, то какіе именно, т. е. духовные стихи, былины, или бытовыя? 3) Не можете-ли назвать тѣ духовные стихи, которые поются въ вашей мѣстности? 4) Не можете-ли назвать былины, которыя поются въ вашей мѣстности? 5) Сохранились-ли у васъ свадебные обряды, сопровождаемые пѣснями и причитаніями? 6) Сохранились-ли у васъ причитанія рекрутскія и похоронныя? 7) Сохранились-ли у васъ хороводы и гулянья, сопровождаемые пѣснями троицкими, семицкими или ивановскими? 8) Сохранились-ли у васъ игры святочные и масленичныя, сопровождаемыя пѣснями? 9) Сохранились-ли у васъ плясовыя пѣсни? 10) Сохранились-ли въ народѣ старинныя музыкальныя инструменты и какіе именно? 11) Не можете-ли указать мѣстности (села или деревни), въ которыхъ наиболѣе сохранились пѣсни, съ обозначеніемъ, какой именно родъ пѣсенъ преобладаетъ въ каждомъ изъ нихъ? 12) Не можете-ли назвать лицъ изъ мѣстныхъ старожиловъ, помнящихъ старинныя пѣсни, былины или духовные стихи, и сообщите ихъ мѣсто жительства? 13) Сохранились-ли въ деревняхъ зимнія посидѣлки, сопровождаемыя пѣснями бытовыми, протяжными? 14) Въ виду командированія Пѣсенною Комиссіею Императорскаго Русскаго Географическаго Общества экспедицій для записыванія пѣсенъ, не можете ли сообщить, когда въ вашей мѣстности можно надѣяться собрать болѣе матеріала въ теченіе лѣтнаго періода? 15) Не можете-ли сообщить тексты нѣкоторыхъ пѣсенъ, былинь или духовныхъ

стиховъ, для предварительнаго съ ними ознакомленія? 16) Не можете-ли назвать лицъ изъ мѣстной интеллигенціи, которыя могли-бы оказать содѣйствіе по собиранію пѣсеннаго матеріала, и сообщите ихъ мѣсто жительства? 17) Не можете-ли представить какія либо соображенія, исходящія изъ условій вашей мѣстности, для навлечшаго успѣха предпринятаго Пѣсенною Комиссіей дѣла? („Югъ“, № 1048).

Къ 30-лѣтнему юбилею М. Л. Кропивницкаго. Въ настоящемъ году исполняется 30-лѣтіе литературной дѣятельности М. Л. Кропивницкаго, такъ какъ первое его печатное произведеніе появилось въ 1871 г. въ „Новороссійскомъ Телеграфѣ“. По этому поводу „Одесскій Листокъ“ такъ характеризуетъ произведенія юбиляра: „Прекрасный малорусскій языкъ его сочиненій, яркая образность слога, изобилующая массой мѣткихъ народныхъ выраженій, поговорокъ и оборотовъ—все это достоинства, которыя очень хорошо извѣстны многочисленнымъ почитателямъ М. Л. Кропивницкаго; его талантъ авторскій, его художественная игра—по прежнему прекрасны и по прежнему трогаютъ душу“ („Одесскій Листокъ“, № 276).

Какъ сообщаетъ та-же газета (№ 281), юбилей будетъ отпразднованъ въ Кіевѣ, куда трупъ г. Кропивницкаго переѣдетъ въ декабрѣ. Какъ мы слышали, г. Кропивницкій имѣетъ намѣреніе ознаменовать 30-лѣтіе своего служенія родному искусству *основаніемъ украинскыхъ драматическихъ классовъ.

Полтавскій съѣздъ дѣятелей по кустарной промышленности, по докладу г-жи О. П. Косачъ „О народномъ украинскомъ искусствѣ въ кустарныхъ издѣліяхъ“, постановилъ слѣдующую резолюцію: а) просить земскія управы малорусскихъ губерній, чтобы онѣ рекомендовали профессиональнымъ школамъ заботиться о сохраненіи національнаго стили въ своихъ издѣліяхъ; в) просить предстоящее Полтавское губернское земское собраніе объ установленіи постоянныхъ хоть небольшихъ премій для выдачи тѣмъ лицамъ изъ народа, которыя представляютъ въ профессиональныя школы или иныя учрежденія лучшія работы въ народномъ украинскомъ стилѣ („Хуторянинъ“, № 45). По докладу г. Сластіонова: „О поднятіи художественнаго элемента въ кустарномъ производствѣ“ съѣздъ, между прочимъ,

высказался о желательности, чтобы земства⁴ озаботились собираніемъ образцовъ мѣстнаго орнамента во всѣхъ его видахъ для использова- нія тѣми учебными мастерскими, которыя имѣютъ цѣлью улучшеніе и развитіе застарнаго производства“. („Хуторянинъ“, № 45). Какъ видно изъ напечатанной въ предыдущемъ номерѣ Хуторянина статьи г-жи Селиховой Полтавская ремесленная школа уже работаетъ въ направленіи, указанномъ докладами г-жи Косачъ и г. Сластіонова: при производствѣ портьеръ, занавѣсей, ковриковъ, скатертей и т. п. примѣняется старинный украинскій геометрическій орнаментъ.

Григорій Врецьона (некрологъ). 20 октября скончался во Львовѣ одинъ изъ старѣйшихъ галицкихъ педагоговъ, всю жизнь отдавшій на служеніе школьному дѣлу, извѣстный и въ мѣстной педагогической литературѣ многочисленными трудами—Григорій Врецьона. Покойный родился 8 октября 1839 года; окончивши педагогическіе курсы въ 1862 г., Врецьона въ продолженіе 15 лѣтъ былъ народнымъ учителемъ, а затѣмъ въ 1877 году получилъ мѣсто старшаго учителя въ Львовской учительской семинаріи, гдѣ и пробылъ до послѣднихъ дней своей жизни. Покойный состоялъ сотрудникомъ какъ спеціально-педагогическихъ, такъ общаго характера изданій (Ластовка, Голос Народній, Газета шкільна, Зоря, Письма з Просвіти, Слово, Діло и др.); съ 1879 по 1890 былъ редакторомъ педагогическаго журнала «Шкільна часопись», составилъ нѣсколько учебниковъ, писалъ беллетристическіе рассказы. Кромѣ чисто литера- турной дѣятельности, Врецьона принималъ всегда самое живое участіе во всѣхъ галицкихъ обществахъ національнаго направленія. Смерть этого неуспянаго труженика на пользу родного народа вызвала повсемѣстно въ Галичинѣ искреннее сожалѣніе по поводу тяжелой утраты.

Къ постановкѣ памятника И. П. Котляревскому. По просьбѣ городской управы архитекторъ А. И. Ширшовъ, составлявшій проектъ постамента для памятника И. П. Котляревскому, отправился на дняхъ въ Кременчугъ для осмотра производимыхъ г-нъ Певнымъ работъ по изготовленію изъ гранита названнаго постамента. Кромѣ мастерской, гдѣ строится постаментъ, А. И. Ширшовъ посѣтилъ также карьеръ, въ которомъ выламываются гранитныя глыбы, изъ коихъ высѣкаются

отдѣльныя его части. Карьеръ находится въ 15 верстахъ отъ г. Кременчуга на противоположномъ берегу рѣки Днѣпра; тамъ помѣщается также мастерская. Работами по устройству пьедестала для памятника занимаются ежедневно до 20 специальныхъ рабочихъ. По отзыву А. И. Ширшова, работы находятся въ слѣдующемъ положеніи: ступени для постамента, нижняя часть его, такъ называемая, ступенная площадка, имѣющая приблизительно до 5 арш. въ діаметрѣ и $1\frac{1}{2}$ арш. высотой, а также верхняя самая сложная часть постамента уже совершенно готова. Неоконченной, хотя уже вчернѣ выкованной, осталась только средняя часть пьедестала. Всѣ отдѣльныя части сработаны тщательно, вполнѣ правильно и совершенно соотвѣтствуютъ проектнымъ шаблонамъ.

Перевозка пьедестала изъ Кременчуга въ Полтаву, какъ уже сообщалось въ «П. Г. В.», предполагается предстоящей зимой, а установка его на мѣстѣ начнется съ весны будущаго года.

Нѣкоторыми изъ представителей мѣстнаго городского управленія вновь поднятъ уже разрѣшенный вопросъ о мѣстѣ для памятника Котляревскому. Признавая Протопоповскій бульваръ крайне неудобнымъ во всѣхъ отношеніяхъ для постановки тамъ памятника, лица эти предлагаютъ мѣсто для памятника въ одномъ изъ двухъ скверовъ, устраиваемыхъ противъ зданій для просвѣтительныхъ цѣлей, а именно: въ томъ, который находится посреди квартала, нѣсколько правѣй отъ зданія для театральныхъ представленій. Поднятый вопросъ будетъ внесенъ на разсмотрѣніе думы въ предстоящей на-дняхъ сессіи. Что же касается второго сквера, уже огороженнаго и даже насаженнаго, то здѣсь, какъ мы слышали, предполагается поставить бюстъ Н. В. Гоголя. (П. Г. В., № 234).

Страничка изъ жизни коллегіи Павла Галагана. «Придѣлр. Кр.» вспоминаетъ издававшійся 20 лѣтъ тому назадъ ученической журналь въ Кіевской коллегіи Павла Галагана.

Директоръ коллегіи былъ въ это время И. И. Ничипоренко, человѣкъ независимаго и твердаго характера, отъ всей души отдавшійся педагогическому дѣлу. Онъ заботился о серьезномъ образованіи учениковъ и большую бібліотеку коллегіи отдалъ въ ихъ завѣдываніе, что значительно содѣйствовало развитію въ воспитанникахъ любви къ чтенію. Въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ ученики при-

ступили къ различнымъ предпріятіямъ. Тѣснымъ кружкомъ товарищей сейчасъ же сталъ издаваться журналъ «Слово», втайнѣ не только отъ начальства, но даже и отъ другихъ учениковъ. Содержаніе журнала составляли—стихи, повѣсти, критическія статьи и театральныя рецензіи. Журналъ носилъ серьезный характеръ и не заключалъ никакихъ выходокъ противъ начальства, учителей или товарищей. Въ это же время потихоньку отъ начальства образовалось среди учениковъ историко-литературное общество, гдѣ читались и обсуждались рефераты самаго разнообразнаго содержанія: тутъ были и философскія разсужденія о свободѣ воли, и научныя компіляціи, наиримѣрь, о кожаныхъ деньгахъ въ древности, были темы и политико-экономическаго характера и литературно-критическія,—наиримѣрь, о Тургеневѣ; читались иногда и переводныя вещи, наиримѣрь, переводы стихотвореній Ришпена. Директоръ, конечно, скоро узналъ объ этихъ ученическихъ засѣданіяхъ, но не запретилъ ихъ, а потребовалъ только, чтобы они происходили въ присутствіи его самого или воспитателей. Это требованіе не охладило жара участниковъ собраній. Директоръ и воспитатели держали себя чрезвычайно тактично, просто, принимали участіе въ собраніяхъ, какъ собесѣдники. Поэтому присутствіе начальства на засѣданіяхъ нисколько не измѣнило дѣла. Всѣ относились къ обсужденію вопросовъ серьезно, много готовились къ преніямъ; одинъ рефератъ иногда обсуждался на нѣсколькихъ засѣданіяхъ, затягивавшихся изрѣдка до часа ночи. Всѣ эти занятія, продолжавшіяся въ теченіе всего курса, не только не мѣшали ученію, но даже помогали ему. Считалось позорнымъ готовиться къ урокамъ по литературѣ и исторіи по однимъ учебникамъ.

Этнографическій отдѣлъ въ Кіевскомъ музеѣ древностей и искусствъ. На ряду съ отдѣломъ археологическимъ и отдѣломъ искусствъ въ Кіевскомъ музеѣ древностей и искусствъ рѣшено организовать отдѣлъ этнографическій. Для помѣщенія послѣдняго изъ 6 залъ верхняго этажа зданія музея будетъ отведено два крайнихъ зала съ прилегающимъ къ нимъ небольшимъ корридоромъ. (Кіевлян.).

БИБЛИОГРАФІЯ.

Древности, труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, изданные подъ редакціей В. К. Трутовскаго, секретаря Общества. Т. XIX, вып. 1 и 2. Москва, 1901 г.

Согласно съ новой программой этого изданія, настоящіе два выпуска XIX-го тома распадаются на нѣсколько отдѣловъ. Прежде всего идутъ оригинальныя статьи; среди помѣщенныхъ, относящихся къ древностямъ южной Россіи не имѣется. Затѣмъ слѣдуютъ протоколы засѣданій Общества за 1899—1901 г., протоколы Комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ за 1899—1900 г., археологическая хроника, ученія общества в учрежденія, некрологи. Къ сожалѣнію, на этотъ разъ отсутствуетъ еще одинъ отдѣлъ, входящій въ программу изданія,—библіографія.

Въ качествѣ приложеній къ протоколамъ помѣщено нѣсколько статей, имѣющихъ прямое отношеніе къ южно-русской старинѣ. Именно: отчетъ о засѣданіи Кіевскаго отдѣленія Предварительнаго Комитета XI Съѣзда (вып. 1), отчетъ по XI Археологическому Съѣзду въ Кіевѣ гр. П. С. Уваровой (вып. 2) и наконецъ докладъ ея же—«Архитектурныя памятники юго-западнаго края», на которомъ мы считаемъ долгомъ остановиться подольше.

Послѣ Кіевскаго съѣзда гр. Уварова совершила небольшую экскурсію по юго-западному краю (славнымъ обр. по Волынѣ) и отчасти по Черниговской губерніи. Въ этомъ докладѣ гр. Уварова, какъ она говоритъ, дѣлятся тѣми впечатлѣніями, какія вынесла изъ поѣздки.

Главное вниманіе привлекаютъ памятники церковной старины, какъ архитектурные, такъ и вещественные—другихъ вѣдъ памятниковъ очень и очень немного. Первую часть доклада занимаютъ указанія на встрѣченные остатки старины въ той или другой мѣстности. Гораздо интересна вторая часть, гдѣ гр. Уварова касается давно уже наболѣвшаго вопроса объ искаженіи и уничтоженіи церковной старины. Мы позволяемъ себѣ сдѣлать здѣсь болѣе или менѣе обширныя выдержки изъ доклада, касающіяся принципиальной и фактической сторонъ дѣла.

Но сначала—небольшое отступленіе. Упомянувъ о томъ, что въ нашемъ краѣ сохранились преимущественно памятники XVII и XVIII ст., гр. Уварова замѣчаетъ, что памятники эти носятъ иноземное вліяніе и не успѣли или не сумѣли «выработаться въ болѣе обычные и знакомыя намъ формы церковнаго зодчества». Здѣсь не совсѣмъ ясно, какія формы подразумѣваетъ гр. Уварова. Совершенно справедливо, что въ южно-русской церковной архитектурѣ западное вліяніе играло довольно видную роль. Но вліяніе это коснулось главнымъ образомъ каменныхъ церквей, было, затѣмъ, не слѣпымъ позавимствованіемъ, а, вопреки только что приведенному мнѣнію, развилось на мѣстѣ въ опредѣленныя формы, носящія всѣ признаки самостоятельнаго стиля; образчиковъ такой южно-русской архитектуры, образчиковъ иногда довольно совершенныхъ (особенно конца XVII ст.), сохранилось еще достаточно какъ въ самомъ Кіевѣ, такъ и въ другихъ городахъ. Бѣда лишь въ томъ, что до сихъ поръ эти памятники не привлекали къ себѣ изслѣдованій специалистовъ и остаются не описанными и не изученными. Если же взять деревянныя церкви, то здѣсь иноземное вліяніе почти не имѣло мѣста,—своеобразный типъ этихъ церквей возникъ и развился самостоятельно.

Основной вопросъ, какой ставить гр. Уварова,—что дѣлать съ этими памятниками, носящими иноземное вліяніе или требующими реставраціи? Что дѣлать, «чтобы не лишить мѣстность, если не древнихъ, то, по крайней мѣрѣ, историческихъ памятниковъ»? Въ концѣ доклада гр. Уварова намѣчаетъ рядъ мѣропріятій, но передъ останавливается на особомъ направленіи въ извѣстной средѣ, направленіи, къ слову сказать дѣйствующемъ уже десятки лѣтъ и состоящемъ въ томъ, чтобы «*нельзя уничтожать и не признавать* того, что казалось возможнымъ нашимъ отцамъ и дѣдамъ». Гр. Уварова называетъ это направленіе «необъяснимымъ». Намъ кажется, что объ-

ясненіе возможно: съ одной стороны, изъ за предвзятыхъ цѣлей, — полное пренебреженіе къ историческимъ традиціямъ, и, благодаря этому, и къ остаткамъ старины, съ другой — невѣжество и усердіе не по разуму.

О томъ, какъ «дѣйствуетъ» это направленіе, гр. Уварова къ старымъ фактамъ, коихъ нѣсть числа, прибавляетъ еще нѣсколько, замѣченныхъ во время ея поѣздокъ, именно:

«Въ г. Острогѣ древній храмъ Богоявленія, кн. Острожскихъ, возстановили... совершенно невозможно».

Въ с. Зимно имѣется древній Крестовоздвиженскій мужской монастырь. «Нынѣ монастырь этотъ обращенъ въ женскій и новоназначенныя игуменни, одна предъ другой, желая, вѣроятно, выслужиться предъ обуревающимъ насъ за послѣднее время какимъ-то особымъ направленіемъ, строятъ, перестраиваютъ»... Здѣсь уродуется церковь Успенія, одну изъ древнихъ башенъ стѣны, съ цѣлью превратить ее въ ворота, превратили въ «совершенную ветхость», есть сильное желаніе уничтожить существующій и весьма прочный иконостасъ Евкатерининскихъ временъ.

Въ с. Низкиничяхъ «вдовѣ Адама Киселя было дозволено воздвигнуть мужу въ церкви родного села памятникъ, а нынѣшнее духовенство требовало его уничтоженія»...

«Въ у. городѣ Козельцѣ, черниг. губ., и селеніи Лемеха, расноженномъ въ 7 верстахъ отъ того же города и родинѣ гр. Разумовскихъ, воздвигнуты Растрелли великолѣпные храмы, разукрашенные, какъ то и подобало подобнымъ постройкамъ, великолѣпными и весьма стильными иконостасами въ стилѣ рококо, разукрашенными рѣзными рельефными головками и цѣлыми фигурами ангеловъ и херувимовъ. Мѣстное духовенство находитъ *необходимымъ* уничтожить эти изображенія — какъ *неправославныя* и весьма желательнымъ замѣну великолѣпныхъ Елизаветинскихъ иконостасовъ болѣе доступными ихъ пониманію простыми гостинно-дворскими. Въ Козельцѣ претензія духовенства удерживаются свѣтскими членами церковнаго поочетельства, но въ Лемехѣ священникъ уже вошелъ по этому вопросу въ сдѣлку съ кievскимъ мастеромъ и новый иконостасъ заказанъ».

Повторяемъ, только что приведенные факты буквально тонуть въ массѣ имъ подобныхъ. Что касается причинъ такихъ печальныхъ явленій, то онѣ относятся къ разряду какъ общихъ такъ и частныхъ. Первыя — малый интересъ въ массѣ и остаткамъ прошлаго,

непониманіе послѣднихъ, вторыя—малоподвижность, зачастую даже и сознательная тѣхъ учреждений и обществъ, отъ которыхъ зависитъ и въ задачи которыхъ входитъ сохраненіе намятниковъ старины.

Но примириться съ такимъ положеніемъ нельзя и гр. Уварова, такъ горячо всегда ратующая противъ невѣжества въ данномъ отношеніи, заключаетъ свой докладъ слѣдующимъ призывомъ:

«Что же дѣлать и какъ быть съ этимъ вопросомъ? Какъ сохранить юго-западному краю его послѣдніе, если не древніе, то историческіе памятники, и какъ выработать *modus vivendi* для ихъ реставраціи?

«Для разрѣшенія перваго вопроса существуютъ два условія: во-первыхъ—чтобы мы *еще* болѣе полюбили и изучили исторію своей страны и свое родное и дали себѣ слово стоять на стражѣ нашихъ памятниковъ и во-вторыхъ—чтобы существующіи археологическія и историческія общества взяли за прсмотръ и сохраненіе этихъ памятниковъ и, слотавши свои пожеланія и усилія, наконецъ, выработали и достигли такого положенія, при которомъ подобный прсмотръ и сохраненіе оказались бы возможными.

«Только при такомъ просвѣщенномъ участіи лучшихъ силъ страны оважется возможнымъ предупредить своевольное уничтоженіе историческихъ могилъ, подобно могиламъ Кочубея и Искры, уничтоженныхъ монахами Кіево-Печерской Лавры за послѣдніе годы въ городѣ, гдѣ имѣются два ученыхъ общества.

«Представится возможность, вскрывая древнія могилы храмосоздателей, не разорять ихъ, не перемѣшивать и не выносить кости, не грабить ихъ безвозвратно, какъ то сдѣлано въ Мстиславомъ храмѣ при вскрытіи могилъ князей».

И снова идетъ рядъ фактовъ, въ родѣ напр. того, «что въ началѣ нашего столѣтія сторожа Мстиславова храма, находящагося тогда въ рукахъ православнаго духовенства, 30 лѣтъ употребляли храмовую икону Божіей Матери *вмѣсто постели*»...

Что касается реставраціи, то гр. Уварова замѣчаетъ, что «хотя первое высказанное мною пожеланіе послужило бы главнымъ рычагомъ и при разработкѣ этого послѣдняго вопроса, но все таки же въ этомъ дѣлѣ главнымъ образомъ должны помочь намъ какъ архитекторы, такъ и тѣ учрежденія, которыя ихъ воспитываютъ».

Нѣтъ сомнѣнія, что высказываемыя гр. Уваровой пожеланія еще долго останутся лишь пожеланіями, что еще долго всѣмъ, кому

дорога родная старина, придется «мучаться», какъ выражается графиня, вопросомъ о возмутительномъ отношеніи къ этой старинѣ, пока же остается одно—возможно чаще предавать гласности въ точномъ смыслѣ варварское обращеніе съ остатками прошлаго—вѣдь и капля долбитъ камень...

Н В.

В. Русиновъ. 1) Прыхожа. *Сцена въ 1 дѣи. Переклавъ и переробывъ зъ сочиненія Н. В. Гоголя „Лакейская“.* Полтава, 1901, стр. 1—14. Ц. 5 к. 2) Несподивана халена. *Драма въ II дѣяхъ. Посвята шановному М. Л. Бротивницкому.* Полтава, 1901, стр. 1—44. Ц. 15 к.

Въ первой изъ упомянутыхъ брошюръ г. Русиновъ сдѣлалъ попытку перевести на украинскій языкъ извѣстную живую театральную сценку Н. В. Гоголя «Лакейская», и надо признать, попытка его, по нашему мнѣнію, оказалась довольно удачной. Читателя на первый разъ можетъ нѣсколько смутить упоминаніе на обложкѣ «и переробывъ»; однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что авторъ собственно почти ничего не «переробывалъ», а придерживался, насколько возможно только было, самымъ добросовѣстнымъ образомъ оригинала. Количество отступленій отъ текста и не особенно удачныхъ переводовъ настолько незначительно, что мы ихъ легко можемъ здѣсь всѣ отмѣтить. Наиболѣе крупнымъ отступленіемъ является нѣсколько видозмѣненный, въ интересахъ сценичности, конецъ. У Гоголя пѣса заканчивается тирадой дворецкаго о собственномъ краснорѣчїи, и послѣднія слова ея: «Да не угодно ли вамъ пожаловать въ мою комнату? (Аннушка идетъ, Лаврентій за нею). У г. Русинова вмѣсто послѣдней фразы вставлена иная, довольно неумѣстная: «А все жъ такы и завсегда зъ моимъ зъ удовольствіемъ...». Затѣмъ вбѣгаетъ Иванъ, и происходитъ слѣдующая сцена:

Дворецкый. Чого тобі тутъ треба?

Иванъ. Панъ йдуть... Одчынать. (Пишовъ одчынать).

Анна Газрыловна. Оце та-акъ!... Куды жъ мени?

Дворецкый. До жингы до моеи (Ганна хоче йти въ ти жъ двери).

Иванъ. Ни, черезъ залу, черезъ залу... (Ганна хутенько пишла).

Входить панъ, за нимъ Иванъ; дворецкый кланяется. (Иванъ знимя шубу). Этой сцены у Гоголя нѣтъ совершенно.

Далѣе, на стр. 13, князь Брюховецкій почему-то передѣланъ въ Булкина; на стр. 7 мороженное—замѣнено «вареною» и добавлены: «чай, кохвій, щыколатъ».

Все это, конечно, мелочи, отъ которыхъ переводъ, въ общемъ довольно удовлетворительный, не теряетъ своихъ достоинствъ.

Пьеса дозволена драматическою цензурою къ представленію, и, надо думать, найдетъ себѣ мѣсто на театральной малорусской сценѣ.

Зато вторая, самостоятельная, пьеса того же автора далеко уступаетъ во всѣхъ отношеніяхъ переводной. Какъ извѣстно, трудно вообще умѣстить какую-бы то ни было драму даже въ 3 дѣйствія, въ виду того, что необходимо достаточно выяснитъ психологію, мотивы, побужденія героевъ пьесы, обрисовать обстановку, среди которой постепенно должна развиваться драма, пока прійдетъ къ развязкѣ, и т. п. Между тѣмъ авторъ, выведи на сцену 22 дѣйствующихъ лица, не считая «народа», рѣшилъ представить драму въ 2 дѣйствіяхъ. Отсюда естественнымъ слѣдствіемъ является то, что характеры дѣйствующихъ лицъ оказались въ достаточной мѣрѣ непонятными, невыясненными; поступки часто не мотивированы, а если и есть послѣднее, то возбуждаетъ сомнѣніе, достаточно ли мотивъ основателенъ; да и вообще весь драматизмъ опъдется на шаткихъ основаніяхъ. Сущность пьесы въ томъ, что экономическій приказчикъ, намѣтивъ себѣ въ жертву дивчину Одарку, возлюбленную парубка Романа, посредствомъ подкупа кухарки Тетяны и другихъ средствъ, взводитъ на Романа ни на чемъ не основанное обвиненіе въ томъ, что онъ обворовалъ контору. Одарка, повѣривъ слухамъ о преступленіи Романа, подъ вліяніемъ насмѣшекъ подругъ, вдругъ нашла исходъ: «присягается», что пойдетъ въ «черницы», чтобы молиться за грѣшную душу Романа. Немного спустя оказывается, что Романъ не могъ обворовать конторы, такъ какъ не былъ даже въ ту ночь въ экономическомъ дворѣ. Романъ является съ объясненіемъ къ Одаркѣ; но послѣдняя ему въ отвѣтъ говоритъ слѣдующія слова: «Просты мене, парубче! Не пам'ятай худою (sic)! ...Забудь на-вики... Такъ мабуть судылось!» и т. п.—и зомлила! На этомъ кончается драма. Къ числу недостатковъ можно также отнести шаржъ (напр., 9 сцена 1 дѣйствія, нѣкоторые рѣшавки Хомя), неправильности языка: «зазначавъ мене медомъ», а главное—отсутствие жизненности и интереса въ пьесѣ. Вообще драма, также дозволенная

драматической цензурой къ представлѣнію, врядъ ли будетъ имѣть успѣхъ на сценѣ.

В. Д.

Матеріалы для исторіи экономическаго, юридическаго и общественнаго быта Старой Малороссіи, издаваемые подъ ред. Н. П. Василенка. Вып. 1-й Генеральное слѣдствіе о маестностяхъ Нѣжинскаго полка 1729—1730 г. Стр. XXX+IX+417. Черниговъ, 1901.

«Генеральное слѣдствіе о маестностяхъ», произведенное въ 1729—30 г. по всѣмъ полкамъ лѣвобережной Украйны, помимо чисто фискальныхъ соображеній, имѣло своей цѣлью ограниченіе непомернаго роста монастырскаго землевладѣнія, возвращеніе «урядомъ» неправильно розданныхъ въ частное владѣніе земель и вообще упорядоченіе запутанныхъ земельныхъ отношеній. Лѣтомъ 1729 г. по полкамъ были командированы канцеляристы для собираніи свѣдѣній о времени основанія каждаго села и о его владѣльцахъ, при чемъ послѣдніе должны были съ своей стороны представить въ полковыя канцеляріи тѣ документы (универсалы, грамоты), на которыхъ опиралось ихъ право владѣнія. Записанныя отъ старожиловъ свѣдѣнія и представленныя владѣльцами документы были обработаны въ полковыхъ канцеляріяхъ и составили такъ называемыя книги генеральнаго слѣдствія о маестностяхъ.

Первый выпускъ «Матеріаловъ для исторіи экономическаго, юридическаго и общественнаго быта Старой Малороссіи», издаваемыхъ при «Земскомъ Сборникѣ Черниговской губерніи» подъ редакціей Н. П. Василенка, содержитъ данныя по нѣжинскому полку. Какъ узнаемъ изъ предисловія редактора, книга издана по современной рукописи (копіи), находящейся въ Коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ. По отзыву такихъ компетентныхъ изслѣдователей украинской старины, какъ А. М. Лазаревскій и В. А. Мякотинъ, свѣдѣнія генеральнаго слѣдствія являются въ высшей степени важнымъ историческимъ матеріаломъ. Отличаясь точностью и обстоятельностью, при отсутствіи къ тому же другихъ источниковъ, свѣдѣнія эти особенно представляются цѣнными для исторіи землевладѣнія на Украйнѣ.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера рассмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ № 11; 2) Русская старина № 11; 3) Историческій Вѣстникъ № 11; 4) Вѣстникъ Всемирн. Исторіи № 10 и 11; 5) Журналъ Министерства Народн. Просв. № 11; 6) Вѣстникъ Европы № 11; 7) Русская Мысль № 11; 8) Миръ Божій № 11; 9) Книжки Восхода № 10; 10) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета № 10; 11) Литературно-Научный Вѣстникъ № 11; 12) Biblioteka Warszawska, № 11; 13) Варшавскія Универс. Изв. № 6.

Русская Старина № 11.

Лернеръ Николай. Нѣсколько новыхъ словъ о пребываніи Гоголя въ Одессѣ въ 1850—51 г.г. (Стр. 323—326).

Со словъ г. Деменитру, бывшаго во время посѣщенія Гоголемъ Одессы студентомъ Ришельевскаго лицея, авторъ передаетъ нѣсколько небезынтересныхъ подробностей изъ жизни великаго писателя въ Одессѣ.

Михаилъ Васильевичъ Остроградскій подъ надзоромъ полиціи (стр. 341—342).

Приводятся два документа. (Отношеніе гр. Дибича главно-командующему въ Петербургѣ гр. Толстому и отвѣтное письмо послѣдняго), указывающія, что гениальный математикъ находился во какой-то неизвѣстной причинѣ подъ надзоромъ полиціи. Впрочемъ, какъ видно изъ отвѣтнаго письма гр. Толстого, «въ образѣ жизни сего Остроградскаго не замѣчено ничего предосудительнаго» и его только имѣли „секретно на замѣчаніи“ (стр. 342).

Историческій Вѣстникъ, кн. 11, (ноябрь).

Записки Н. И. Мамаева (продолженіе), стр. 428—480.

Авторъ, служившій въ Житомирѣ въ половинѣ прошлаго столѣтія, сообщаетъ въ своихъ мемуарахъ много интересныхъ бытовыхъ подробностей изъ жизни мѣстнаго общества 30-хъ и 40-хъ годовъ.

Вѣстникъ Всемирной Исторіи, № 10 и 11.

Караскевичъ С. Въ былые годы (№ 10, стр. 130—158).

Въ разсказѣ изъ временъ послѣдняго польскаго повстанія авторъ касается между прочимъ отношеній украинской и польской интелли-

тендіи. Впрочемъ отношенія эти въ разсказѣ далеко не выяснены и многое представляется читателю непонятнымъ.

Русская Мысль № 11.

Вл. Калашъ «Обрывки прошлаго III. Крѣпостные театры и балеты XIX в.» (стр. 144—). Здѣсь даются выдержки изъ извѣстныхъ путешествій въ Малороссію кн. Шаликова.

Въ *библиографическомъ отдѣлѣ* помѣщены краткія рецензіи о слѣдующихъ книгахъ: 1) *П. И. Житецкій* «Энеида Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея въ связи съ обзоромъ малорусской литературы XVIII в.» (стр. 350); 2) *Т. Флоринскій* «Малорусскій языкъ и украинско-рускій литературный сепартизмъ» (стр. 352); 3) *В. Дядловъ*. «Кіевскій Владиірскій Соборъ и его художественные творцы» (стр. 355).

Літературно-науковий Вістник кн. 11.

Содержаніе:

Наш альбом: поезіи Шелудька, Гриневичевої; М. В. (125—132).

З принципа, оповіданне Охріма Варнака (133—154).

Виріл, оповіданне Осина Шпитка (далі) (155—188).

Візник, з нотаток мисливцл. М. Корчинського (189—195).

Перед досвѣтом, драма Ст. Вакано (196—234).

Поручник Густль, новелл. Шніцлера (235—251).

Із П. Якубовича: Перед совѣтом (252).

Зі споминів засланого без суду, Миколи Ковалевського (52—68).

Сервітуті і розмежоване ґрунтів на правобережній Україні, Ф. Немоловскаго (далі) (69—87).

Новини нашої літератури: ідеальний батько, оповідане Л. Яновської. В. Л-ка (88—94).

Уваги на сучасні теми. IV. Справа українсько-руського університету у Львові, Вол. Гнатюка V. «Славянскіи начала» д. Вергуна, Ів. Франка. II. Національна школа та «сердечное попеченіе», Л. С. К-а, VII. Доступність освіти в Россіи, Вол. Дорошенка (95—108).

Микола Ковалський (з портретом) М. П. (109—110).

Хроніка і бібліографія (14—22).

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 5 люблянскаго журнала «Dom in Svet» напечатана статья «Ob Taras—Ševčenkovem grobu. Za Štiridesetletnico pesnicove Smrti—Spisal Baida Kazak». Цитаты изъ стихотвореній Шевченка приведены въ оригиналѣ. Къ статьѣ приложенъ портретъ поэта, видъ могилы, хаты на могилѣ и общій видъ Шевченковой горы.

Въ №-рахъ 11—13 вѣнскаго журнала «X—Strahlen», издаваемого Сембратовичемъ, напечатана обстоятельная статья по поводу извѣстнаго запрещенія украинской литературы закономъ 1876 г. Статья озаглавлена «Eine proscribierte Nationalliteratur».

Въ «Южномъ Краѣ» (№№ 7178 и 7194) печатается продолженіе очерковъ проф. Сумцова: „Изъ этнографическихъ экскурсій“. Указанныя номера содержатъ описаніе ярмарки въ Боромлѣ, Харьковской губерніи, и «стариннаго шляха Сагайдака».

Сборникъ въ честь проф. Н. И. Стороженка выйдетъ въ концѣ ноября. Чествованіе маститаго юбиляра предполагается 2 декабря. (СПБ. Бѣд. № 303).

Однимъ изъ житомирскихъ почитателей Мачтета получено,—по словамъ «Волини»,—отъ вдовы Мачтетъ право издать отдѣльной книжкой фельетоны, которые покойный писатель печаталъ подъ псевдонимомъ «Черноморъ» въ «Волини». Доходъ отъ изданія предполагается употребить на какое-либо доброе дѣло имени Мачтета. На-дняхъ фельетоны будутъ отправлены въ цензуру, а въ свѣтъ появятся, вѣроятно, не позже Рождества. (Б. В. 300).

Въ «Одесскомъ Листкѣ» (№ 283) помѣщена замѣтка по поводу извѣстной пьесы г. Карпенка-Караго «Хазяинъ». Усматривая въ этой комедіи «новую струю малороссійской литературы», газета даетъ о ней слѣдующій отзывъ: „Автору удалось создать нѣчто оригинальное и коснуться новыхъ сферъ бытового уклада деревни, затронуть соціально-экономическія отношенія народной жизни“.

Въ № 284 вечерняго изданія «Одесскаго Листка» помѣщены портреты украинскихъ артистовъ г. г. Кропивницкаго, Заньковецкой, Садовскаго и Саксаганскаго. Та-же газета въ цѣломъ рядѣ театральныхъ рецензій отмѣчаетъ прекрасную игру, образцовый ансамбль и художественный репертуаръ гостящей въ настоящее время въ Одессѣ труппы М. Л. Кропивницкаго.

Въ фельетонѣ «Полтавск. Губ. Вѣд. № 237 описывается поѣздка участниковъ Полтавскаго Кустарнаго съѣзда въ Миргородъ. Грустное впечатлѣніе произвели издѣлія художественно-промышленнаго Училища Н. В. Гоголя. Въ статьѣ говорится: среди издѣлій нѣтъ ни одного, которое хоть напоминало-бы тѣ рисунки, которыми восторгался директоръ школы, а за нимъ и всѣ мы. Все здѣсь находящееся, отъ изразцовъ для печей, горшковъ и кончая гигантомъ иконостасомъ, нисколько не оригинально, не особенно изящно, а главное не особенно дешево; во всѣхъ издѣліяхъ сквозятъ одни и тѣ же тоны и формы; разница между рисунками и издѣліями учениковъ невообразимо громадная, ужъ не говоря о томъ, что о національномъ характерѣ стиля нѣтъ и помину.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Адріян. — Аграрный процесъ у Добростанахъ (Наукова бібліотека, ч. 9). Вид. укр.-руської Вид. Спілки. У Львові, 1901. Стр. 82. Ціна 1 кор.

Алфировъ. — Особенности творчества Гоголя и значеніе его поэзіи для русскаго самосознанія. Москва, 1901. Цѣна 30 коп.

Барвінський В. — Дослѣди з поля статистики (Літ.-Наукова Бібліотека, ч. 17). Накладом укр.-руської Видавничої Спілки. У Львові, 1901. Стр. 56. Ціна 20 сот.

Барвінський Ол. — Огляд історіи укр.-руської літератури до кінця XVIII ст. У Львові, 1901. Стр. 68. Ціна 40 сот.

Вергунъ Д. Н. — Червоно-русскіе отзвуки. Изданіе «Литературнаго кружка» при галицко-русскомъ студенческомъ обществѣ «Другъ». Львовъ, 1901.

Волькенберг В.—Нови побожныи пѣсни Отпустныи до Пресвятых Дѣвы Маріи. Перемышль, 1901. Стр. 32. Ціна 24 сот.

Галль Янь.—12 українських писень для мишаного хору, з проводом фортепяна. Київ, 1901. Ціна 60 коп.

Грушевський М.—Ясновельможный свать. Оповідання. Харьковъ, 1901. Стр. 32. Ціна 3 к.

Гузар Е.—Практичний проповідник для катехетів. Ч. I. У Львові, 1901. Стр. 76. Ціна 1 кор.

Доброскокъ. Хамъ, оповідання. Харьковъ, 1901. Стр. 32. Ціна 3 коп.

Довнаръ-Запольскій М.—Государственное хозяйство великаго княжества Литовскаго при Ягеллонахъ. Т. I. Київъ, 1901. Цѣна 4 руб.

Зайберт А.—Стінна мана Австро-Угорщини, переложена на руську мову О. Поповичем.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. XLIV. Зміст: 1) Паницьке чудо, в Корсуні—Ів. Франка; 2) Знадоби для пізнання угорсько-руських говорів,—Ів. Верхратського; 3) Miscellanea: а) Лист Степана Баторя до Калги з р. 1577, подав М. Грушевський; б) Чуб і чуприна, замітка для историків, малярів і акторів (з рисунком), подав З; в) Микола Савич, біогр. замітка Ол. Маркевича; 4) Наукова хроніка: Проби біографій и оцінки діяльності П. Кулиша,—Ів. Стешенка. 5) Бібліографія. У Львові, 1901. Стр. 14+113+224+9+28+51. Ціна 3 кор.

Катаевъ И.—Богданъ Хмельницькій, гетманъ Малороссіи, Москва, 1901. Стр. 96. Цѣна 15 коп.

Квитка-Основьяненко.—Перекотышполе. Оповідання. Харьковъ, 1901. Стр. 48. Ціна 4 коп.

Комарь М.—Оповідання про Богдана Хмельницького, якъ вызвольвѣ винъ Украинну видъ неволи польськов. Выд. «Благотворит. Общества», № 12. СПб., 1901. Стр. 80. Ціна 8 коп. на кращому папери—15 коп.

Кониській Ол.—Тарас Шевченко-Грушівський, хроніка його життя. Томъ П. Збірник фильельогачної секції Наук. Товариства ім. Шевченка, т. IV. У Львові, 1901. Стр. VIII+398+26. Ціна 4 кор.

Копач. Ів.—Будучність гимназій (уваги пр. Паульсена). Відбитка з «Л.-Н. Вістника». У Львові, 1901. Стр. 50. Ціна 1 кор.

Короленко В.—Ліс шумить. (Полиська легенда). Переклав Маслов—стовіз (Літ.-Наукова Бібліотека, ч. 18) Накладом укр.-руської Видавничої Спілки. у Львові, 1901. Стр. 40. Ціна 20 сот.

Кравчинський С. М (С. Степняк).—Підземна Росія. Переклав з російської мови Е. Косевич. (Наукова Бібліотека, ч. 8. Накладом укр.-руської Видавничої Спілки. Львів, 1901. Стр. XVI+248. Ціна 3 корони.

Кримський А.—Пальмове гілля. Екзотичні поезії (1898—1901). Белстритняна Бібліотека, ч. 40). Видання укр.-руської Видавничої спілки. У Львові, 1901. Стр. VІІ+152. Ціна 2 корони.

Левицький Ів. Ем.—Прикарпатська Русь вь ХІХ вѣкѣ вь біографіяхъ и портретахъ еи дѣятелей, съ узглядненьемъ замѣчательныхъ людей, которыхъ 1772 р. заставъ при жизни. Томъ І, вып. 4. Львовъ, 1901. Стр. 169—214.

Левицький Ів. Ем.—Александръ Борвѣньскій вь історіи культурнаго двженія руского народа на Прикарпатю. Біографічно-історичный очеркъ (Перепечатка зъ «Прикарпатской Руси») Львовъ, 1901. Стр. 52. Ціна 1 кор.

Допатинський Л.—Перед і за кулісами та други оповідання. У Львові, 1901. Стр. 122. Ціна 1 кор.

Допатинський Л.—Перлы, шутки та выгадки. У Львові, 1901. Стр. 100. Ціна 1 кор.

Любавскій М.—Литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга о событіяхъ смутнаго времени. Москва, 1901. Ц. 30 коп.

Ляскоронскій В. Г. Гильомъ Левассеръ-де-Бонланъ и его историко-географическіе труды относительно Южной Россіи. I. Описаніе Украины. II. Карты Украины. Кіевъ, 1901. Цѣна 4 руб.

О Ювилею. Листъ настоярскій Высокопреосвящ. Андрея Шептицькаго. Жовква, 1901. Стр. 36. Ціна 15 сот.

Перетцъ В. Н.—Замѣтки и матеріалы для історіи пісни вь Россіи. I—VІІІ. Сиб., 1901. Ц. 75 коп.

Прозора Ом.—Мудрый монах і царь Микола II. історична поема. Посвящается Петру Кропоткину, Вып. 1. 1901. Ціна 15 центів (американських).

Ратунокъ для нашего селянства. Коломыл, 1901. Стор. 30.

Разунки для шкіл народних. Части I, II, III, IV. У Львові, 1901.

Русско-народни колыбельни пльни. Собравъ пзъ усть женщинъ М. Бѣлоусъ. Коломыл, 1901, Стор. 48.

Спис слів до вправ латинських. Штайнера-Шайндлера для першої класи. Перевів Р. Цеглинський. Львів, 1901. Стор. 112.

Сроковський К.—Оповідання (белетристична бібліотека, ч. 39). Вид. укр.-руської Вид. Спілки. У Львові, 1901. Стор. 102. Ціна 1 кор. 40 сот.

Старыцький М. П.—Якъ ковбаса та чарка, то мнеться й сварка. Комедія въ 1 дії. Зъ старої події. Київъ, 1902. Ціна 30 к.

Студинський Кирило.—Котляревський і Артемовський. Відповідь д. Ів. Стешенкови, Львів, 1901. Стор. 53. Ціна 40 сот.

Трызна Яцковський М.—Віршы в переклади. Ровно, 1901. Стор. 34.

Франко Ів.—Паницьке чудо в Корсуні. Причинок до історії староруської легенди. Відбитка з XLIV т. «Записок». У Львові, 1900. Стор. 14. Ціна 15 сот.

Франко Ів.—Сім казок (белетристична бібліотека, ч. 36). Накладом укр.-руської. Вид. Спілки. Стор. 92. Ціна 1 кор. 40 сот.

Хроніка українсько-руського Наукового Товариства імени Шевченка у Львові. Вип. III, ч. 7 у Львові, 1901. Стор. 17. Ціна 30 сот.

Чаговецъ В. А. Преподобный Феодосій Печерській, его жизнь и сочиненія. Историко-литературный очеркъ. Київъ, 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Шевченко Тарасъ. Повисти. Томъ I-й (Наймичка, Безщасний Варнакъ), стор. 232. Томъ II (Капитанша, Музыка, Бягыня), Стор. 241. У Києві, 1901. Ціна важного тому 35 коп., на вращому папері 75 коп. Зъ портретами автора.

Шекспир Уіліям.—Ромено та Джульета. Переклад Куліша з Передмовою та поясненнями Франка (Белетристична бібліотека, ч. 38). Вид. укр.-руської Вид. Спілки. У Львові, 1901. Стор. XVI+132. Ціна 1 кор, 80 сот.

Шентицький А.—Пояснене обрядовъ при посвященю цереві. Жовква, 1901. Стор. 42. Ціна 18 сот.

Штайнер і Шайндлер.—Вправи латинські для першої класи. Перевів Р. Цеглинський. У Львові, 1901. Стор. 72. Ціна 1 к. 50 сот.

Щурат В.—Зарваниця. Перемышль, 1902. Стор. 16. Ціна 20 с.

Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

Дѣятельность Комиссіи при Полтавскомъ губернска. статист. комитетѣ по подготовительнымъ работамъ къ XII-му археолог. съѣзду. Нельзя сказать, чтобы дѣятельность Комиссіи за истекающій годъ носила характеръ энергичной и богатой результатами работы. Причины этого явленія: относительная новизна дѣла, малое число лицъ, обладающихъ и подготовкой и досугомъ, незначительность средствъ и, наконецъ, нѣкоторыя тормазы со стороны исполнительнаго органа комиссіи. Однако, не смотря на эти неблагоприятныя обстоятельства, Комиссія успѣла кое-что сдѣлать и, такимъ образомъ, начало для систематическаго изученія прошлаго Полтавщины положено.

Сообразно двумъ основнымъ задачамъ предстоящаго съѣзда—изученія различныхъ областей въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ—и работа Комиссіи велась въ этихъ двухъ направленіяхъ,

Что касается перваго, то здѣсь можно отмѣтить слѣдующее.

Еще раньше, статистическимъ Бюро губ. земства было собрано путемъ опросныхъ листовъ довольно значительное количество свѣдѣній, касающихся различныхъ памятниковъ старины губерніи. Свѣдѣнія эти въ настоящее время систематизируются членами Комиссіи и составятъ довольно значительный матеріалъ для археологической карты.

Путемъ развѣдокъ на мѣстѣ, Комиссія собрала описанія и фотографіи цѣлаго ряда круглыхъ городищъ по нагорнымъ берегамъ р. Ворсклы и Псла, а также нѣкоторыхъ укрѣпленій другого рода.

Историческія древности также обратили на себя вниманіе Комиссіи: о нихъ собирались свѣдѣнія у частныхъ лицъ, владеющихъ коллекціями или отдѣльными предметами, регистрировались и памятники церковной старины, находящіеся въ различныхъ пунктахъ губерніи. Изъ наиболее интересныхъ церквей въ этомъ отношеніи можно указать: Николаевскую въ с. Великихъ Будицахъ, Зѣньков. у., гдѣ есть старинный колоколь и икона, „поновленная до 1705 года“; Гадачскій соборъ со старинною скрынею орѣховаго дерева съ перламутровыми, костяными и деревянными инкрустаціями; Сенчанскую старую церковь съ иконою, на каторой художникъ (начала 18 в.) изобразилъ фигуры въ костюмахъ того времени, Біевецкую (Лубенскаго у.), съ иконостасомъ изъ Красногорскаго монастыря; Бобрикскую съ книгами 17 в. изъ Быстрикского монастыря; Леприкскую, гдѣ хранятся льняные тканые подризники съ прекрасными узорами (Гадачскаго у.) и т. д. Что касается церковной старины г. Полтавы, то все, болѣе выдающееся, описано и сфотографировано О. И. Левицкимъ и нами во время командировокъ отъ Комиссіи при Обществѣ Нестора Лѣтописца для описанія памятниковъ украинской старины.

Этнографическія изслѣдованія губерніи составляли, собственно, главную цѣль дѣятельности Комиссіи. Нужно замѣтить, что для Полтавской губерніи почва въ этомъ отношеніи была уже подготовлена довольно многочисленными работами статистическаго Бюро земства, касавшимися главнымъ образомъ экономическаго положенія населенія. Съ этнографическими цѣлями Комиссіей была организована экскурсія, хотя и носившая развѣдочный характеръ, но результатомъ которой явилось много цѣннаго фактическаго матеріала. Совершилъ экскурсію М. А. Русовъ, которому было поручено, какъ одна изъ главныхъ цѣлей экскурсіи, собраніе свѣдѣній о дѣтскихъ играхъ и забавахъ. Задачу эту можно считать выполненной вполнѣ удовлетворительно: записано около 130 дѣтскихъ игръ, забавъ, развлеченій

и занятій—въ большинствѣ случаевъ непосредственно отъ самихъ дѣтей въ у.у. Зѣньковскомъ, Гадячскомъ, Лубенскомъ, Лохвицкомъ и Миргородскомъ. Большая часть изъ нихъ первый разъ отмѣчена и записана, многія изъ нихъ крайне сложны и интересны и представляютъ прекрасный и новый матеріалъ для изученія жизни дѣтей и для сравнительной этнографіи. Наибольше заслуживаютъ вниманія игры пастуховъ и пастушковъ, которыя у нихъ имѣютъ мѣсто во время пастбы скота. Кромѣ того, интересны дѣтскія поговорки, системы и способы счета во время игръ и дѣтскія хороводныя пѣсни.

Попутно, при изученіи игръ, завязывались самыя дружескія отношенія съ играющими и благодаря этому являлась возможность записать и весеннія игры и зимнія развлечения, а также понемногу собирать коллекцію игрушекъ и описывать тѣ изъ послѣднихъ, которыя нельзя было достать на мѣстѣ. Многіе изъ живущихъ постоянно въ селахъ любезно согласились собрать коллекціи игрушекъ и дѣтскихъ издѣлій и доставить въ комиссію или въ Полтавскій музей. Пока можно сказать, что, сверхъ ожиданія, игрушки оказались очень разнообразными и остроумными. Большая часть игрушекъ дѣлается самими дѣтьми, меньшая—взрослыми, купившія же почти отсутствуютъ. Матерьяломъ служитъ дерево (верба, осина, береза), камышь, трава, огурцы, дыни, кавуны, соевѣтія подсолнуховъ, картошка, обломки желѣза и глина. Дѣвочки дѣлаютъ себѣ куклы—«ляльки» изъ тряпочекъ, рисуютъ углемъ глаза, носъ и ротъ и украшаютъ ихъ ожерельями изъ травъ и дикихъ ягодъ. Музыкальные инструменты оказались тоже очень интересными и разнообразными и вполнѣ оправдали распространенное мнѣніе о музыкальности украинскаго народа.

Очень важную роль при изслѣдованіи игралъ стереоскопическій фотографическій аппаратъ, при помощи котораго фотографировались виды поселеній, дворовъ, отдѣльныя постройки, зданія, хаты и внутренняя обстановка жилыхъ помѣщеній. Что касается до типа построекъ сельскаго населенія, то поскольку можно судить теперь, послѣ обслѣдованія центральныхъ уѣздовъ и восточныхъ Гадячскаго и Зѣньковскаго,—отмѣтилось довольно ярко два типа поселеній и построекъ. Первый типъ, наибольшее

старинный, характеризуется болѣе глубокимъ расположеніемъ хаты во дворѣ, центростремительнымъ и скученнымъ планомъ дворовыхъ построекъ и изобиліемъ загородекъ и плетней—этотъ типъ наиболѣе часто встрѣчается въ сѣверной части Зѣньковского у., лѣсной Лубенщинѣ и Лохвицкомъ уѣздѣ. Второй—съ болѣе центробѣжнымъ расположеніемъ построекъ, болѣе открытою на улицу хатю съ колонками (піддашками) преобладаетъ въ степныхъ и южныхъ уѣздахъ. Кромѣ этихъ типовъ, въ различныхъ мѣстахъ есть видоизмѣненія и отклоненія, которыя будутъ указаны своевременно. Расположеніе поселеній, общій планъ ихъ—тоже имѣетъ свои различія; наиболѣе старинный типъ кругового поселенія и беспорядочный—характерно выступаетъ во многихъ лѣсныхъ частяхъ Зѣньковского, Лубенскаго и Гадячскаго уѣздовъ, и типъ линейнаго распространенія слободъ—въ степныхъ частяхъ уѣздовъ и по селеніямъ большихъ дорогъ и шляховъ. Много вліяетъ въ этомъ направленіи расположеніе сель по балкамъ, долинамъ и берегамъ рѣкъ—здѣсь направленіе главной улицы опредѣлено линіей балки или долины. Что касается внутренней обстановки жилищъ, то можно констатировать удивительную устойчивость типа по всѣмъ упомянутымъ уѣздамъ и только новыя хаты съ грубою вмѣсто печи не имѣютъ обычнаго вида. Фотографическіе снимки, сдѣланные въ разныхъ пунктахъ, дадутъ возможность наглядно уяснить эту разницу, на которую здѣсь кратко указывается; эта разница въ матерьяльной культурѣ и внѣшней обстановкѣ показываетъ эволюцію ея въ связи съ волнами колонизаціи Полтавщины и постепеннаго удаленія отъ метрополи (Кіевской губ. и юга Черниговской).

Между прочимъ, фотографировались и мѣстные костюмы: праздничный и будничныи, женскій и мужской.

Одну изъ задачъ Комиссіи по этнографіи составляетъ этнографическій альбомъ Полтавской губерніи. Матеріала для альбома уже и теперь набралось достаточно. Прежде всего, хорошій подборъ фотографій имѣется въ Естественно-историческомъ музеѣ губернскаго земства, затѣмъ, серія фотографій получена благодаря вышеупомянутой экскурсіи М. А. Русова; наконецъ, для той-же цѣли Комиссія обратилась съ возваніемъ къ фотографамъ-любителямъ и уже послѣдовали отклики.

До съѣзда осталось уже сравнительно немного времени. Пожелаемъ-же Комиссiи какъ продолжать начатыя изслѣдованiя, такъ и успѣшно ихъ закончить, чтобы на съѣздѣ Полтавская губернiя не осталась позади другихъ. ¹⁾

Ученыя общества.

27 октября, подъ предсѣдательствомъ проф. С. Ѳ. Платонова, состоялось засѣданiе членовъ отдѣленiя археологiи русской и славянской *Императорскаго русскаго археологическаго общества*. Предметами занятiй служили доклады: графа А. А. Бобринскаго:—«Кiевскiя миниатюры XI вѣка и портретъ князя Ярополка Изяславича по псалтыри Егберта, архiепископа Трирскаго» и А. Л. Погодина—«Происхожденiе русскаго слова глазъ». Темою доклада графа А. А. Бобринскаго послужили рукописи, недавно лишь изданныя за границей подъ названiемъ «Кодекса Гертруды», королевы венгерской. Открыты рукописи въ музеѣ небольшого городка Италiи—Чивидала, близъ Триеста. Почеркъ—конца X и начала XI столѣтiя. На одной изъ миниатюръ подпись славянская «Ярополкъ». По изслѣдованiи рукописей, онѣ признаны принадлежавшими Гертрудѣ, бывшей замужемъ за русскимъ княземъ, сыномъ Ярослава, Изяславомъ. За сiна своего Ярополка, называемаго ею Петромъ, она, какъ показываютъ рукописи, часто молилась. Имя Петръ приписывается Ярополку, какъ строителю храма св. Петра и Павла. Миниатюры, имѣющихъ отношенiе къ русской исторiи,—5; высказана желательность изданiя ихъ въ краскахъ. Референтъ, на основанiи данныхъ рукописи, пришелъ къ важному историческому заключенiю, что Ярополкъ былъ старшимъ сыномъ Изяслава, что Гертруда разошлась съ мужемъ и что остальные извѣстные въ лѣтописяхъ сыновья Изяслава—отъ другой жены. Лѣтопись же называетъ Ярополка младшимъ изъ сыновей. Стар-

¹⁾ Нѣкоторыя свѣдѣнiя для настоящей замѣтки заимствованы изъ «Полтавскихъ Губ. Вѣдомостей».

шинство Ярополка и объясняетъ его стремленіе сѣсть на княжескій столъ и борьбу съ братьями. („Спб. Вѣд.“).

Въ *Екатеринодарь*, 27 сентября, въ присутствіи гр. П. С. Уваровой, состоялось засѣданіе мѣстнаго подготовительнаго комитета по участію Кубанской области въ предстоящемъ археологическомъ сѣздѣ. Причина созыва этого комитета, состоящаго изъ членовъ Общества любителей изученія Кубанской области, членовъ Кубанскаго областного статистическаго комитета и нѣсколькихъ стороннихъ лицъ, объясняется желаніемъ прибывшей въ *Екатеринодарь* предсѣдательницы Имп. Московскаго археологическаго общества гр. Уваровой на мѣстѣ ознакомиться какъ съ тѣмъ, что уже сдѣлано членами комитета для предстоящаго сѣзда, такъ равно и съ тѣми предметами для выставки, которые уже имѣются въ распоряженіи или въ виду у комитета. Засѣданіе открылось сообщеніемъ предсѣдателя В. М. Сысоева о томъ, кѣмъ изъ лицъ обѣщано что-либо подготовить для сѣзда и что именно сдѣлано. Послѣ этого сообщенія гр. Уварова замѣтила, что изъ осмогрѣнныхъ уже ею въ *Екатеринодарѣ* предметовъ старины лишь очень немного можетъ представить интересъ для сѣзда, такъ какъ всѣ остальные предметы достаточно извѣстны и потому не представляютъ интереса для спеціалистовъ. Вслѣдъ затѣмъ присутствующіе обмѣнялись сообщеніями о томъ, гдѣ бы на Кубани можно было еще найти интересныя древности. Такъ, сообщено было, между прочимъ, о томъ, что у потомковъ Антона Головатаго имѣются интересныя вещи изъ запорожской старины, доставшіяся имъ отъ предка; сообщено было также о томъ, что въ нѣкоторыхъ церквахъ Черноморіи, напр., въ станицахъ Анапской и Благовѣщенской, имѣются относящіяся ко времени Запорожья предметы, доставшіяся имъ послѣ разрушенія стараго екатеринодарскаго войскового собора (иконы, части иконостаса и т. п.).

П. П. Короленко заявилъ о томъ, что у наследниковъ генерала И. Д. Попко сохраняются интересные предметы запорожской старины („Куб. Вѣд.“).

27 октября состоялось годовичное собраніе *Общества Историографа Лѣтописца*, на которомъ былъ прочтенъ отчетъ о составѣ и дѣятельности Общества за послѣдній годъ (29-ый существованія Общества). Всѣхъ членовъ состояло 145, въ томъ числѣ 21 почетныхъ; засѣданій было 14, на нихъ доложено 28 рефератовъ по литературѣ, исторіи и археологіи; предсѣдательствовалъ въ Обществѣ Н. П. Дашкевичъ, товарищемъ предсѣдателя состоялъ А. М. Лазаревскій.

22 ноября, въ засѣданіи *Комиссіи по описанію и изданію памятниковъ украинской старины*, было постановлено приступить къ систематизаціи и разборкѣ поступившаго матеріала для предполагаемаго изданія. Затѣмъ, были доложены краткія свѣдѣнія объ экскурсіяхъ этого года: В. И. Щербины, И. М. Каманина и Н. Ф. Бѣляшевскаго, причемъ постановлено сдѣлать нѣкоторыя дополнительные съемки памятниковъ церковной старины. Н. Ф. Бѣляшевскій сообщилъ о работахъ С. П. Яремича и Е. М. Кузьмина, изъ которыхъ первымъ изготовленъ альбомъ рисунковъ надглавныхъ желѣзныхъ крестовъ XVII—XVIII в.в. кievскихъ церквей, а вторымъ—подготавливается альбомъ фотографій съ памятниковъ старины. Конецъ засѣданія былъ посвященъ разбору поступившихъ отъ разныхъ лицъ сообщеній, касающихся мѣстныхъ древностей и остатковъ старины.

Измѣдованія и раскопки.

Раскопки В. Е. Гезе въ Каневскомъ уѣздѣ, Киевской губ. Въ настоящемъ году, отъ конца апрѣля до первыхъ чиселъ ноября, В. Е. Гезе производились раскопки въ сс. Сахновкѣ и Набутовѣ, Каневскаго уѣзда.

Въ послѣднемъ раскопывалось славянское городище съ некрополемъ, давшимъ довольно много археологическаго матеріала въ видѣ хорошей сохранности череповъ, многіе изъ которыхъ добыты изъ земли вмѣстѣ съ приставшими къ нимъ украшеніями, позволяющими опредѣлить съ точностью ихъ на-

значение и самое расположение, а также значительнаго количества предметов обихода и въ особенности туалета. Къ послѣднимъ, главнымъ образомъ, относятся по-истинѣ великолѣпныя ожерелья изъ крупныхъ янтарныхъ, каменныхъ и топазовыхъ бусъ. Независимо отъ высокаго достоинства послѣднихъ въ смыслѣ выдѣлки, величины и сохранности, научная цѣнность ихъ, какъ и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, значительно возрастаетъ благодаря тому обстоятельству, что г. Гезе примѣнилъ къ своимъ находкамъ весьма удачный приемъ, введенный въ археологическую практику Н. Е. Бранденбургомъ,—именно, добываніе предметовъ изъ земли нетронутыми, путемъ вырѣзыванія окружающей ихъ части почвы, въ которой положеніе предмета или отдѣльныхъ частей находки сохраняется въ неприкосновенности. Примѣненіе этого приема, вообще крайне желательное во всѣхъ случаяхъ, когда къ тому представляется возможность, позволяетъ, напр., въ данномъ случаѣ видѣть порядокъ, въ какомъ были расположены разнородныя бусы ожерелья, а на черепахъ—порядокъ размѣщенія мелкихъ украшеній и самыхъ матерій отъ повязокъ. Значительное количество погребеній и то обстоятельство, что городище осталось болѣе или менѣе нетронутымъ, придаютъ этой раскопкѣ большой интересъ.

Въ с. Сахновкѣ первоначально была подвергнута изслѣдованію извѣстная „Дѣвичь-гора“. Къ сожалѣнію, хищническія раскопки мѣстныхъ владоискателей до такой степени изуродовали эту гору, что сдѣланныя на нее немалыя затраты труда и средствъ остались безуспѣшными; отыскано было нѣсколько остатковъ жилищъ - землянокъ великокняжескаго періода съ весьма бѣднымъ инвентаремъ, заключавшимся въ кое-какихъ предметахъ обихода и украшеній, да въ самой насыпи нѣсколько десятковъ желѣзныхъ предметовъ и различныхъ бусъ—и только. Почти подъ конецъ, впрочемъ, удалось найти часть вызолоченной бляшки съ изображеніемъ фигуры святаго и въ одномъ изъ жилищъ—верхнюю часть небольшого мѣднаго колокола съ характернымъ петлеобразнымъ ухомъ, представляющаго полную аналогію съ колоколомъ Десятиной церкви. Жилища

были расположены по склонамъ горы, почти по срединѣ ея, и, обыкновенно, имѣли видъ круглой глиняной площадки, надъ которой возвышался глиняный очагъ, въ одномъ случаѣ найденный почти цѣльнымъ; иногда вглубь площадки (пола) была прорыта яма около 1—1½ м. глубиной, служившая, м. б., кладовой для запасовъ и хозяйственныхъ предметовъ, такъ какъ на двѣ одной изъ нихъ найденъ большой желѣзный топоръ, а въ двухъ другихъ—цѣлые маленькіе влады изъ серебряныхъ и бронзовыхъ колецъ, серегъ и др. украшеній, большею частью сильно поврежденныхъ. По части керамики найдено нѣсколько сосудовъ великокняжеской эпохи, но цѣльные попадались рѣдко. Изъ мѣдныхъ предметовъ слѣдуетъ упомянуть еще о двухъ сосудахъ (котлахъ), одинъ изъ которыхъ отличается довольно большими размѣрами; сосуды эти, повидимому, составляли необходимую принадлежность хозяйства, такъ какъ въ большей части землянокъ находились если не куски, то дужки отъ подобныхъ котловъ.

Въ началѣ іюля, параллельно съ раскопками на „Дѣвичь-горѣ“, г. Гезе предпринялъ раскопки группы кургановъ, находящейся въ урочищѣ «Бабица», въ 3—4 верстахъ отъ с. Сахановки. Урочище это находится на возвышенности, спускающейся довольно крутымъ склономъ къ берегу р. Роси и продолжающейся почти до половины пути въ м. Корсунъ; указанная мѣстность на всемъ своемъ протяженіи усѣяна курганами, представляющими почти неисчерпаемый археологическій матеріалъ. Въ урочищѣ «Бабица» расположено всего 11 кургановъ, два изъ которыхъ раскопаны были уже раньше тѣми-же хищниками изъ мѣстныхъ крестьянъ, нашедшими въ нихъ бронзовые и желѣзные предметы скифскаго періода; остальные 9 раскопаны нынѣшнимъ лѣтомъ. Всѣ вообще курганы были невелики и невысоки, благодаря ежегодному распаханію; высота самаго большаго не превышала 2½ м., а окружность 20—25 м. Форма ихъ, на сколько можно было судить по болѣе уцѣлѣвшимъ, куполообразная. На основаніи рассказовъ о предметахъ, найденныхъ въ раскопанныхъ грабителями курганахъ, всѣ они по-

силы ясно выраженный скифскій характеръ. Исслѣдованія, къ которымъ было приступлено, подтвердили это, заставивъ отнести раскопанные курганы къ т. н. позднѣйшей скифской эпохѣ, на которую указывалъ общій характеръ найденныхъ предметовъ (трехгранныя бронзовыя стрѣлки, желѣзные ножи скифскаго типа съ костяныя ручками, бронзовыя зеркала, остатки желѣзныхъ чешуекъ отъ панцыри, фрагменты большихъ амфоръ красной глины и сосуда съ гладкой поверхностью изъ сѣро-зеленоватой, черной и свѣтло-красной глины). Преобладающимъ типомъ погребеній было погребеніе въ землѣ, причемъ, однако-же, скелеты оказывались почти всегда въ безпорядкѣ, что указывало на ограбленіе, по большей части еще въ древности. Покойники лежали на деревянной подстилкѣ или обкладывались по двѣ стороны досками, какъ это имѣло мѣсто въ двухъ случаяхъ. Могильныя ямы находились подъ уровнемъ земли, въ материкѣ, и за однимъ исключеніемъ, не отличались большой глубиной (въ среднемъ она равнялась $1\frac{1}{2}$ —2 м.); состояли онѣ изъ твердыхъ стѣнокъ, выкопанныхъ въ лесѣ.

Исключеніе представляли два склепа, или, точнѣе, навѣса, соединенные съ сожженіемъ. Одно изъ такихъ погребеній, найденное въ маленькомъ, едва возвышающемся надъ уровнемъ земли курганѣ, представляло слѣдующую картину: по снятіи верхняго слоя земли обнаружился два пятна, раздѣленные между собою разстояніемъ въ 1 м. 20 стм. Въ одной изъ ямъ найдены истлѣвшіе остатки толстыхъ брусевъ, поддерживавшихъ навѣсъ, который шелъ наклонно отъ N къ S, какъ это можно было видѣть по уцѣлѣвшимъ въ разрѣзѣ слѣдамъ бревенъ; на разстояніи $1\frac{1}{2}$ м. отъ нихъ лежала куча угля. На двѣ другой ямы оказались слѣды деревянной подстилки изъ бревенъ или досокъ, идущихъ параллельно по обѣ стороны; между ними, на желтой глинѣ, лежала довольно большая куча пережженныхъ до состоянія кальцинаціи костей, повидимому, отъ цѣлаго скелета, а далѣе, на томъ-же уровнѣ, стояла на подставкѣ круглая мисочка красной глины съ загнутыми внутрь краями. Въ наполнявшей яму землѣ найдены, кромѣ того, фрагменты большой красной амфоры.

Обстановка второго сожженія дала возможность составить болѣе ясное представленіе о способѣ постройки навѣса и общемъ расположеніи могилы въ другомъ большомъ и наилучше сохранившемся курганѣ.

Большая, $3\frac{1}{2}$ м. въ длину. 3 м. въ ширину и около $4\frac{1}{2}$ м. въ глубину (отъ уровня земли), яма была обставлена со всѣхъ четырехъ сторонъ громадными дубовыми столбами, врытыми въ глубокія ямки; на этихъ столбахъ покоился наклонный навѣсъ, болѣе высокая сторона котораго (2 м. 25 стм.) находилась съ юга и крышка котораго почти вездѣ сохранилась. Непосредственно подъ ней лежалъ толстый слой до красна выжженной глины, подъ которымъ находился громадный слой крупнаго угля, мѣстами доходившій въ толщину до 1 м. 20 стм. Вся яма была наполнена углемъ, пепломъ и кусками отвердѣвшей отъ огня глины. На днѣ ея, по расчисткѣ земли, найдено нѣсколько обугленныхъ костей въ крайнѣ фрагментарномъ состояніи и желѣзное кольцо отъ сбруи. Но за то въ противоположной, восточной сторонѣ ямы оказалась находка, превзошедшая самую смѣлую ожиданія.

Въ мелкой, порошкообразной глинѣ, окружавшей и наполнявшей одну изъ ямокъ, найдена свернутая врозь концами шейная гривна изъ толстой золотой проволоки, а вслѣдъ за ней—широкая золотая діадема, также м. б. вслѣдствіе жара свернутая въ трубку и вся покрытая рельефными штампованными изображеніями человѣческихъ фигуръ.

Діадема, сдѣланная изъ тонкой золотой бляхи самой высокой пробы, имѣетъ въ длину 36 стм. и въ ширину около 10-ти. На ней изображено 10 фигуръ. На первомъ планѣ сидитъ въ широкомъ креслѣ женщина въ повязкѣ, изъ-подъ которой падаютъ складки вуаля; въ одной рукѣ она держитъ сосудъ въ видѣ кувшинчика, изъ котораго, повидимому, собирается наливать въ рогъ, находящійся въ лѣвой рукѣ колѣнопреклоненнаго передъ нею мужчины, типичнаго скифа, съ усами и бородой, въ широкомъ плащѣ. Въ правой рукѣ у него что-то въ родѣ меча, упирающагося концомъ въ землю (рельефъ не вполнѣ

ясенъ), а сбоку колчанъ или налучье съ виднѣющимся изъ него лукомъ. За нимъ, почти касаясь его плеча своимъ инструментомъ, также стоитъ на колѣняхъ человекъ, играющій на чемъ-то въ родѣ арфы. Далѣе, направо — двѣ женскія фигуры разливаютъ вино; одна въ высоко поднятой лѣвой рукѣ держитъ кувшинчикъ, а въ правой рогъ, въ который другая наливаетъ вино изъ желобчатой амфоры съ узкимъ дномъ и двумя ручками; между ними стоитъ широкой, низкій сосудъ въ видѣ холодильника, откуда выглядываютъ горлышки еще трехъ сосудовъ. Налѣво—мальчикъ, стоящій за кресломъ главной женской фигуры; онъ держитъ, вѣроятно, опахало, которое однако-же неясно, благодаря находящимся на этой высотѣ двумъ рядамъ мелкихъ отверстій для пришиванія, идущимъ вокругъ трехъ сторонъ дидеми; что эта фигура—фигура мальчика, должно судить по тому, что онъ одинъ изображенъ стоящимъ, тогда какъ всѣ остальные представлены сидящими или колѣнопреклоненными. За мальчикомъ два скифа, обнявшись, пьютъ изъ одного рога; лица перваго нельзя разобрать, такъ какъ бляха въ этомъ мѣстѣ измялась, но ясно видна верхняя часть его туловища съ согнутой, принимающей рогъ рукой и висящій сбоку колчанъ. Второй виднѣе прекрасно. Наконецъ, послѣдняя группа—жрецъ съ мечомъ въ рукѣ готовится поразить барана, котораго ведетъ или держитъ колѣнопреклонный-же прислужникъ.

Что именно изображаетъ данная сцена, трудно сказать: пиръ-ли это по случаю возвращенія побѣдителей, свадебное-ли торжество или совершеніе какого-либо другого обряда, все это можно предположить только гипотетически. Работа фигуръ грубая, избличающая руку мѣстнаго мастера-варвара, подражавшаго, конечно, греческимъ образцамъ; но именно это обстоятельство придаетъ находкѣ наибольшую силу и значеніе, такъ какъ она представляетъ единственный образецъ подобнаго характера;—фигуры скифовъ Куль-Обской и Никопольской вазъ по своей художественной работѣ, будучи чисто-греческими произведеніями, не имѣютъ съ ней ничего общаго. Самая компози-

ція, совершенно новая, является оригинальнымъ замысломъ мѣстнаго художника; изъ встрѣчавшихся доселѣ группъ, на данной повязкѣ имѣется лишь одна, именно, группа двухъ пьющихъ скифовъ, трактованная, впрочемъ, совершенно самостоятельно. На Куль-Обской бляшкѣ, напримѣръ, будущіе побратимы пьютъ изъ стакана, обратясь профилемъ другъ къ другу; здѣсь обѣ фигуры представлены почти en face, по крайней мѣрѣ лѣвая фигура, и ясно видна лежащая у нея на плечѣ и обнимающая ее рука другой,—кромѣ того, она держитъ рогъ, изъ котораго они пьютъ или собираются пить. Аксессуары, постановка фигуръ, выраженіе лицъ,—словомъ все, проникнуто однимъ и тѣмъ же духомъ и отъ всей картины вѣтъ безпримѣсной, древней, грубой Скифией. Внизу вся сцена окаймлена тремя рядами выпуклыхъ параллельныхъ линій, образующихъ посрединѣ діадемы тройной зубчикъ; ниже ихъ—орнаментъ изъ двойныхъ шариковъ.

Настоящая находка представляетъ изъ себя во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательное открытіе, и въ высшей степени желательно, чтобы авторъ этого открытія возможно скорѣе познакомилъ съ нимъ ученый міръ, путемъ изданія его детальнаго описанія и facsimile.

—

Глыба земли, заключавшая въ себѣ содержимое погребенія одного изъ кургановъ, раскопанныхъ Н. Е. Бранденбургомъ у м. Ильинецъ, Липовецк. у. (см. «Лѣтопись», октябрь, н. г.), въ настоящее время уже разобрана въ Артиллерійскомъ Музеѣ. Разборъ показалъ, что и въ данномъ случаѣ погребеніе было нарушено грабителями, такъ какъ нетронутой оказалась лишь нижняя часть скелета. Внутри двухъ бронзовыхъ кнемидъ найдены части берцовыхъ костей и значительное количество кусковъ кожи, служившей по всей вѣроятности подбивкой поножей. Большая бронзовая бляха оказалась не круглой, а имѣла въ верхней части вырѣзъ, съ немного загнутыми наружу краями; вырѣзъ безъ сомнѣнія предназначался для шеи, а вся бляха служила защитой для верхней части груди. Кромѣ того,

при разборкѣ найдены еще 4 небольшія круглыя бляшки, такъ что всѣхъ ихъ будетъ 7, и затѣмъ 3 желѣзныхъ копья.

Музеи и собранія древностей.

Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской. II. ¹⁾ Въ настоящей, второй замѣткѣ о музеѣ Е. Н. Скаржинской предполагалось дать рядъ свѣдѣній о памятникахъ исторической старины, хотя-бы въ краткомъ видѣ. Для этого нужно было еще разъ съѣздить въ х. Кругликъ; но мы не располагали свободнымъ временемъ и теперь приходится ограничиться лишь самымъ поверхностнымъ обзоромъ на основаніи впечатлѣній, вынесенныхъ изъ первой поѣздки.

При комплектованіи и этого отдѣла, въ полной силѣ дѣйствуетъ основной принципъ: не гоняться за показными вещами, собирать все, характеризующее внѣшній бытъ прошлаго.

Къ велико-княжеской эпохѣ въ этомъ отдѣлѣ относится сравнительно немного предметовъ. Почти всѣ они найдены въ „Валахъ“ въ г. Лубнахъ; это бусы, привѣски (м. п. изъ лапидаріи — лазули), пряслицы, грузила, наконечники стрѣлъ и т. п. Обращаетъ на себя вниманіе сравнительно большихъ размѣровъ костяной кружокъ, украшенный кружковымъ орнаментомъ — обычнымъ для костяныхъ издѣлій. Въ кружкѣ два отверстія; найденъ онъ въ Лубнахъ; назначеніе пока не опредѣлено — б. м. это крышка отъ сосуда. ²⁾

Памятники козацкой старины, какъ извѣстно, съ каждымъ годомъ встрѣчаются все рѣже и рѣже. Къ сожалѣнію, въ прежнее время, когда ихъ можно еще было собирать — любителей-коллекціонеровъ было очень немного, изъ крупныхъ вѣдь можно указать лишь на одного В. В. Тарновскаго, да и дѣятельность его относится къ послѣднимъ 25—30-ти годамъ. Если-же обра-

¹⁾ См. «Лѣтопись», сентябрь н. г.

²⁾ Совершенно такой-же кружокъ имѣется въ собраніи Б. И. Ханенко.

тяться еще къ болѣе раннему времени, то мы должны констатировать полное отсутствіе коллекціонеровъ малорусской старины. Правда, въ помѣщичьихъ домахъ хранилась старина: хранились портреты и оружіе, кое-какіе предметы (преимущественно носящіе художественный характеръ) домашняго обихода; коллекцій-же въ настоящемъ значеніи этого слова не существовало. И это тѣмъ удивительнѣе, что съ конца XVIII стол., среди малорусской интеллигенціи, главнымъ образомъ въ помѣщичьей средѣ, пробудился и пустилъ глубокіе корни интересъ къ прошлому своей родины: начали собирать различнаго рода матеріалы—лѣтописи, оффиціальныя и частныя документы, записки, воспоминанія и т. п., но памятники вещественной старины не привлекали къ себѣ вниманія. Время, затѣмъ, сдѣлало свое дѣло и теперь буквально приходится подбирать крохи.

Въ музеѣ Е. Н. Скаржинской собрано уже и собрано по мелочамъ довольно много предметовъ этой эпохи.

Почти цѣлую витрину занимаютъ находки въ г. Лубнахъ и окрестностяхъ: украшенія, принадлежности костюма (пуговицы, «чаки»—подковки), чарочки, ковшикъ и цѣлая серія глиняной и стеклянной посуды, какъ цѣлой, такъ и въ фрагментахъ, иногда датированной (напр., орнаментированный кувшинъ, въ которомъ находились копѣечки Петра I). Особенно интересна поливная посуда, дающая намъ образцы стариннаго малорусскаго народнаго орнамента—цѣлая, еще не початая область для изслѣдованія. Въ настоящее время музеи начинаютъ собирать современную малорусскую расписную посуду,—тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія старинная посуда и въ этомъ отношеніи музею Е. Н. Скаржинской посчастливилось: здѣсь имѣется, помимо фрагментовъ, нѣсколько цѣлыхъ расписныхъ мисокъ изъ г. Лубенъ конца XVIII ст.

Изъ находокъ другихъ мѣстъ можно указать на хут. Войниху, Лубенск. у.,—мѣсто битвы Наливайка съ поляками; здѣсь найдены люльки, походная чернильница, мѣдный котелокъ, наконечникъ копья—несомнѣнные остатки военнаго обоза.

Въ отдѣльной витринѣ размѣщенъ рядъ изразцовъ, образующихъ довольно большую коллекцію. Происхожденіе ихъ—главн. обр. Полтавская губ., но есть и изъ Кіевской губ.,

и изъ другихъ мѣсть. Изразцы раздѣляются на глазурованные и безъ поливы. Такъ-же, какъ и расписная посуда, они даютъ прекрасный матеріалъ для исторіи нашего орнамента, матеріалъ разнообразный, но, увы, мало собранный и почти совсѣмъ незатронутый изученіемъ.

Комната, гдѣ помѣщаются историческіе памятники старины, увѣшана различными портретами; среди другихъ, здѣсь есть и малорусскіе—гл. об. фамилные портреты семейства Родзянкоѣ.

Но главное содержаніе отдѣла составляетъ церковная старина, и, какъ это ни странно, но частный музей Е. Н. Скаржинской является единственнымъ хранилищемъ для нея въ Полтавской епархіи. Всѣмъ прекрасно извѣстно въ какомъ положеніи находится у насъ эта старина. Само духовенство отчасти сознало необходимость хотя чѣмъ ниб. помочь горю и вотъ, по различнымъ епархіямъ юга, устраиваются церковно-археологическіе музеи и древнехранилища; молятъ лишь Полтавская епархія, имѣя полную возможность къ устройству такого учрежденія...

Музей Е. Н. Скаржинской отчасти восполняетъ этотъ пробѣлъ: собраніе церковной старины ведется энергично и предметы уже исчисляются сотнями. Тутъ мы имѣемъ полный иконостасъ изъ Петро-Павловской ц. г. Хорола, устроенный сотникомъ Гереміею Родзянко, царскія врата изъ соборной и Покровской церкви того-же города, сѣверныя и южныя алтарныя двери изъ с. Шишаковъ, Хорольск. у. и с. Овсюковъ, Лубенск. у. рядъ помѣстныхъ иконъ, рѣзные аналои, иконы на деревѣ и холстѣ, картины религіознаго содержанія, рѣзныя фігуры, антимины, плащаницы, церковную утварь, облаченія (представляющія въ большинствѣ случаевъ чудные образцы шитья), кованые желѣзные кресты съ церковныхъ главъ и т. д. Многіе изъ вышперечисленныхъ предметовъ отличаются художественнымъ исполненіемъ, всѣ носятъ мѣстный колоритъ, выражающійся иногда въ оригинальной трактовкѣ. Слѣдуетъ еще упомянуть о большомъ мѣдномъ кувшинѣ, покрытомъ орнаментомъ; кувшинъ этотъ былъ въ семействѣ Скаржинскихъ до начала XVIII ст. и служилъ для

освященія воды. Церковный отдѣлъ въ настоящее время настолько разросся, что помѣщенія не хватаетъ и много интересныхъ предметовъ не можетъ быть какъ слѣдуетъ выставлено для обозрѣнія публики.

При собираніи свѣдѣній о памятникахъ старины, а также и при устройствѣ или при пополненіи коллекцій очень часто ставятся опредѣленные грани, напр., собирать по такой-то годъ и т. п. Намъ кажется, что система эта не выдерживаетъ критики: наша жизнь такъ полна всякаго рода пережитками, какъ въ духовной сферѣ (особенно), такъ и въ матеріальной, что дѣлать ограниченія въ этомъ отношеніи не представляется раціональнымъ: это значитъ сознательно сужать картину, лишать эту картину жизненной послѣдовательности. Возьмемъ, напр. первую половину прошлаго, XIX ст. Она, или по крайней мѣрѣ значительная часть ея, въ отношеніи матеріальной стороны жизни такъ тѣсно связана съ XVIII вѣкомъ, что отдѣлять ее нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. Не говоря уже о народѣ, до послѣдняго времени жившемъ еще цѣликомъ завѣтами старины, но это относится и къ болѣе интеллигентному классу того времени. Вотъ почему намъ кажется, что уже давно пора включить въ программу музеевъ, особенно музеевъ областныхъ, съ болѣе широкими задачами, и собираніе предметовъ, относящихся ко всей первой половинѣ прошлаго столѣтія. Въ этомъ отношеніи музей Е. Н. Скаржинской можетъ служить примѣромъ. Здѣсь есть уже цѣлый отдѣлъ, т. н. «панскій», гдѣ собранъ рядъ предметовъ помѣщичьяго быта крѣпостного періода.

Послѣдній отдѣлъ помѣщается въ нижней обширной залѣ, посвященной этнографіи. Предметовъ народнаго быта здѣсь масса. Большинство коллекцій, какъ и слѣдовало ожидать, относится къ быту малороссовъ; нѣкоторыя изъ нихъ (напр., коллекціи писанокъ, посуды) отличаются замѣчательнымъ подборомъ и полнотой; часть предметовъ можно уже смѣло отнести къ ряду старины (напр. килимы, шитые рушники и др.). Но болѣе подробный обзоръ этнографическаго отдѣла не входитъ въ нашу задачу, да и завелъ-бы насъ слишкомъ далеко, а потому на

этомъ мы и заканчиваемъ настоящую замѣтку, отъ всей души, пожелавъ музею Е. Н. Скаржинской дальнѣйшаго развитія.

Въ г. *Полтавѣ*, въ первыхъ числахъ октября, состоялось открытіе помѣщеній библіотеки и *музея*. Эти учрежденія занимаютъ отдѣльное зданіе въ ряду другихъ, имѣющихъ спеціальныя просвѣтительныя цѣли (театръ и народная аудиторія, чайная бесплатная читальня). Библіотека и музей снабжены паро-водянымъ отопленіемъ, освѣщаются электричествомъ. Переходъ Естественно-историческаго музея полтавскаго земства въ новое обширное и удобное помѣщеніе является вполне своевременнымъ. Прежнее помѣщеніе (въ подвальномъ этажѣ губернскаго земской управы) совершенно не удовлетворяло требованіямъ: мало мѣста, мало свѣта, не было возможности ни помѣстить все прибывавшіе предметы различныхъ отдѣловъ, ни выставить какъ слѣдуетъ для обзора. При размѣщеніи коллекцій въ новомъ зданіи, предметы будутъ разставляться по извѣстной системѣ, выработанной завѣдующимъ музеемъ М. А. Олеховскимъ. Система эта преслѣдуетъ обще-образовательныя цѣли и облегчаетъ знакомство съ естественными богатствами, населеніемъ и исторіей Полтавской губерніи.

Извѣстное *Смѣлянское собраніе древностей* председателя Имп. Археологической Комиссіи гр. А. А. Бобринскаго приносится владѣльцемъ въ даръ *Кіевскому музею древностей и искусствъ*.

Коллекціи, входяція въ составъ собранія, подбирались въ теченіе многихъ лѣтъ. Предметы ихъ составляющіе, происходятъ какъ изъ многочисленныхъ раскопокъ гр. Бобринскаго и нѣкоторыхъ другихъ лицъ (напр. С. А. Мазараки), такъ и изъ случайныхъ находокъ. Обнимаютъ они громадный періодъ времени, начиная съ каменнаго вѣка и кончая княжеской эпохой, и даютъ, такимъ образомъ, характеристику внѣшней стороны жизни всѣхъ тѣхъ народностей, какія послѣдовательно занимали среднее Поднѣпровье.

Пока въ музей передана лично гр. Бобринскимъ часть собранія, обнимающая главн. обр. каменный вѣкъ. Состоитъ этотъ отдѣлъ изъ различныхъ издѣлій изъ камня, кремня, кости и рога. Среди каменныхъ и кремневыхъ, которыхъ всего 1066, преобладаютъ кремневые—ихъ 950. Костяныхъ предметовъ 109. Нѣкоторые экземпляры какъ каменныхъ, такъ и костяныхъ орудій отличаются рѣдкостью.

Кромѣ каменнаго вѣка, поступили въ музей предметы изъ янтаря, олова, стекла и глины, затѣмъ коллекція пряслищъ и наконецъ каменные издѣлія (метательные камни и точилки) скифской эпохи.

Всего изъ собранія гр. Бобринскаго переданъ въ музей 1431 экземпляръ.

—

Проф. И. А. Линниченко передалъ *въ Киевскій музей древностей и искусствъ* содержимое одного изъ раскопанныхъ имъ кургановъ между с.с. Великія Будки и Аксютинцы. Курганъ заключалъ въ себѣ женское погребеніе скифской эпохи съ довольно богатымъ инвентаремъ. Тутъ находились: золотое ожерелье, состоящее изъ 6-ти лунницъ, 12-ти подвѣсокъ, заканчивающихся пирамидками изъ шариковъ и около 100 круглыхъ золотыхъ бусинъ. Другое ожерелье составлено изъ каменныхъ бусъ — сердоликовыхъ, ониксовыхъ, топазовыхъ и бусъ изъ композиціи. Къ разряду украшеній относятся также 7 крупныхъ золотыхъ серегъ, бронзовые ножны или налечные и желѣзные, обложенные золотомъ, ручные браслеты, 4 бронз. шпильки и, какъ необходимая принадлежность туалета—два бронзовыхъ зеркала, изъ которыхъ одно украшено рельефными изображеніями женщины и грифона. Очень много предметовъ относится къ конской сбруѣ: бронзовые налобники, удила, пряжки, и т. п. Кромѣ того, здѣсь-же найдено конусовидное навершье отъ бунчука съ принадлежащими ему 26-ью бронзовыми колокольчиками.

—

Изъ послѣднихъ поступленій въ *Киевскій церковно-археологическій музей* можно отмѣтить громаднхъ размѣровъ (высота

около аршина, окружность около 2-хъ сажень) чугунный котель, исполнявшій, повидимому, роль колокола, такъ какъ въ верхней части (если котель опрокинуть вверхъ дномъ), не вполнѣ вышедшей при отливкѣ, продѣланы два отверстія для подвѣшиванія. Этотъ котель - колоколь переданъ изъ Мотронинскаго монастыря. Среди окрестнаго населенія существуетъ преданіе, что во времена гайдамачины били въ этотъ колоколь, сзывая гайдамаковъ „святые ножи“.

Другое поступленіе—коллекція раскольниковыхъ предметовъ (главнымъ обр. иконъ) изъ Новозыбковскаго у. Черниговск. г., пожертвованная В. Н. Фальковскимъ. Всѣхъ предметовъ 106 и между ними есть весьма рѣдкіе экземпляры (напр. евангеліе XVI в., нѣсколько древнихъ иконъ и т. п.).

Херсонскому археологическому музею принесены въ даръ: отъ команды землечерпательницы „Нева“ № 5, небольшой глиняный двуухій кувшинъ, поднятый со дна Днѣпра въ Збурьевскомъ гирлѣ; отъ волостного писаря Кисляковской волости Р. Малопурина—глиняная урна изъ развалинъ Ольвіи, съ греческой надписью, вытисненной на шейкѣ: ΝΟССΟ | ΟΡΟΕ | ΣΙΛΑ.

Отъ кр. с. Кардашкинъ Г. Устименка поступило серповидное кремневое орудіе, выоранное вблизи названнаго села. („Югъ“).

Разныя извѣстія.

Въ Петербургъ К. Е. Думбергомъ привезенъ *замѣчательный саркофагъ*, найденный при раскопкахъ въ г. Керчи и вѣсящій слишкомъ 120 пудовъ. Саркофагъ этотъ, принадлежащій ко II вѣку до Р. Х., превосходно сохранился, благодаря чему получается возможность ознакомиться съ рѣдкими, находящимися на внутренней стѣнкѣ его восковыми изображеніями. Вмѣстѣ съ саркофагомъ, К. Е. Думбергомъ привезено еще нѣсколько не менѣ цѣнныхъ вещей, найденныхъ тоже при раскопкахъ въ Керчи—большею частью по склонамъ горы Митридата, гдѣ

имъ открыть цѣлый древній городъ, относящійся къ римской эпохѣ.

—

Въ № 274 «Харьк. Губ. Вѣд.» А. Т. дѣлится своими путевыми впечатлѣніями, вынесенными изъ поѣздки по хуторамъ и селамъ побережій Ворсклы и Мерла въ у.у. Зѣньковскомъ, Богодуховскомъ и Ахтырскомъ; здѣсь отмѣчаются попутно и нѣкоторые встрѣченные памятники старины. У с. Бѣльска, Зѣньковск. у., расположены два городища на возвышенномъ берегу Ворсклы.

«Въ низинахъ кругомъ городищъ—болота, которыя вмѣстѣ съ прилежащими къ нимъ суходолами опоясываютъ—съ востока Ворскла, а съ запада—притокъ Псла, Сухая Грунь. Всю эту мѣстность непрерывнымъ кольцемъ, растягиваясь въ длину по направленію съ N на Z, обхватываетъ высокой насыпной валь вмѣстѣ съ сопутствующимъ ему ровомъ рѣзной глубины. Если взять во вниманіе, что отъ Бѣльска тянутся—на югъ Опошнянское городище, а на сѣверъ—Скельское, Немѣровское и два Кукуевыхъ, то за описываемымъ уголкомъ Поворскля нельзя не признать большого научнаго значенія».

Въ с. Пархомовкѣ, центрѣ экономій Харитоненка, г. А. Т. описываетъ кое-какую церковную старину и останавливается на мѣстномъ костюмѣ. «Въ костюмахъ исчезли, хотя и неокончательно, бѣлый очипокъ, плахта съ запаской; за то существуютъ еще намитка, чоботы сапьянци, кисныкъ въ косѣ, дукаты и проч., а также старинныя пѣсни и обычаи свадьбы и похоронъ. Къ слову о похоронахъ отмѣчу особенность пархомовскаго кладбища. Изъ давнихъ лѣтъ помнится мнѣ, что на этомъ кладбищѣ рыли могилу для умершей матушки, жены или тещи мѣстнаго священника—точно не упомяну. Рыть могилу пришлось на мѣстѣ старой могилы. Былъ открытъ скелетъ, а въ его головахъ, бутылъ съ окрашенной въ свѣтло-шафранный цвѣтъ горилкою. Гробокопатели тутъ-же, съ разными прибаутками по адресу усопшихъ, этотъ нектаръ и осушили. Въ разговорахъ съ пархомовцами-стариками объ этомъ, я узналъ, что

вообще на ихъ владбищѣ въ старыхъ могилахъ попадаются скелеты и при нихъ «горилка»; теперь это наблюдается какъ рѣдкость, а лѣтъ 30 назадъ былъ даже специалистъ по части отысканія этой услады сердца. Его звали Мусій Ткаченко; онъ умѣлъ лучше другихъ распознавать, гдѣ хранится такой кладъ, почему мѣстные поклонники могильной горилки и имѣли его у себя за руководителя“.

—

Въ № 7192 „Южнаго Края“, въ корреспонденціи изъ ст. Усть-Медвѣдицкой, сообщается о рядѣ находокъ древностей въ хуторѣ Орловскомъ, на полуостровѣ «Осадномъ» въ двухъ верстахъ отъ хутора и возлѣ хутора Горина.

—

Въ объявленіи на подписку на газету «Югъ» въ 1902 г. сообщается, что подписчики получаютъ бесплатную премію—иллюстрированное изданіе «Древности и клады Херсонской губерніи».



братіи блюсти монастырское имущество: „што стратили были наши ащтецессоры, то ся вендзою (нуждою) моею—съ братіями—тяжкою, заледво долгимъ часомъ отшукано паки до монастыря святого, такъ село, кгрунты, млыны и проч., прошу вась, отцы и братія, да бысте нѣякимъ своихъ нераденіемъ и незгодою паки не утратили“! Въ этомъ послѣднемъ предсмертномъ зовѣ выразилась завѣтная цѣль всякаго хозяйливаго игумена—собирать, а не расточать „кгрунты и млины“. Завѣщаніе Торскаго написано въ 1645 г. Другое такое же завѣщаніе,—Авксентія Якимовича,—писано ровно черезъ полвѣка, т. е. въ 1695 г. Въ этомъ писаніи тѣ же завѣты и тѣ же ихъ мотивы: совѣтъ выбрать преемника изъ *своихъ* („чужіе не знаютъ нашихъ порядковъ“), причемъ завѣщатель прибавляетъ совѣтъ—тотчасъ послѣ его смерти, просить митрополита и гетмана, „жебы того права не касовано: на волное обираніе игумена“, (т. е. чтобы монастырь не былъ лишень права свободного выбора себѣ игумена). Слѣдовательно, въ к. XVII в. монастыри были уже ограничиваемы въ томъ правѣ, которое за полвѣка передъ тѣмъ, повидимому, никакому ограниченію еще не подвергалось. Затѣмъ, игумень завѣщаетъ братіи повиноваться игуменской власти и „мѣти згоду и любовь межи собою“, а въ заключеніе—тотъ же, что и у Торскаго—завѣтъ: беречь монастырскія имѣнія: „фундуши благоч. княз. Вишневецкихъ и гетманские унѣверсали на села и млины, и царские грамоты, также и записи на лѣси и поля, щосмо прикупили, въ добромъ опатренію (смотрѣніи) и схованію мѣйте; а поля и стножати на сторону, чужимъ людемъ, хотя бы и зъ десятина (т. е. за десятую часть дохода въ пользу хозяина) не давайте, бо въ насъ бывали и бувають такие икономи, же за подарки и по знаемости, даютъ монастырскіе кгрунта, а потимъ за отмѣною частихъ икономовъ, въ забвеніе тые приходятъ поля, и люде ихъ присвояють, же зтрудна упоминатися потреба“. Значительное накопленіе монастырскихъ имѣній къ к. XVII в., сравнительно съ полов. XVII в., даетъ основаніе позднѣйшему игумену—распространиться относительно будущаго распоряженія

этими имѣніями, при чемъ этотъ пунктъ завѣщанія является центральнымъ... Отсюда видно, что уже въ к. XVII в. главная забота собравшейся для богомоленія общины сосредоточивается въ накопленіи „сель, грунтовъ и млиновъ“... Земныя блага настолько затемняютъ небесныя, что за бѣгство монастырскаго крестьянина въ чужую маетность (бѣгство это умаляетъ числомъ—рскихъ работниковъ) игумень Гавріиль Леопольскій приказываетъ своимъ „экономамъ“ бить возвращеннаго крестьянина, у себя на задворку, „шелепами“, до тѣхъ поръ, пока этотъ крестьянинъ „по томъ бою и умре“.... (с. 178). Такое обращеніе монастырей къ земнымъ благамъ порождаетъ въ нихъ и игуменовъ новаго типа, уже нескрывающихъ своего влеченія къ прелестямъ міра. Вотъ одинъ тому примѣръ. Въ 1750 г., „бывшій“ игумень Густынскаго м-ря Мельхиседекъ Богдановичъ былъ посланъ Кіевскимъ митрополитомъ въ Варшаву, на „будущій тогда въ Варшавѣ сеймъ“, причемъ для охраны Мельхиседека въ пути митрополитомъ былъ нанятъ одинъ изъ Кіевскихъ рейтаровъ, Мизиковъ: рейтаръ ѣхалъ передъ игуменомъ, на своей лошади, верхомъ и кромѣ того исполнялъ всякія ему услуги.—Кромѣ рейтара, Богдановича, ѣхавшаго на своихъ лошадяхъ, сопровождало еще и трое его слугъ, въ числѣ которыхъ былъ и „писарь“. Въ такой обстановкѣ случилось разъ путешественнику пріѣхать въ одно село, на ночлегъ, гдѣ ставши въ корчмѣ, Б-чь встрѣтилъ „едного полскаго ксенза, едучаго путемъ, и сталъ почивать его водкой и вишнякомъ, и гулялъ съ нимъ ксензомъ довольно; а по отъѣздѣ же онаго ксенза, началъ гулять Б—чь съ хозяиномъ той корчмы, и гулялъ съ нимъ якъ-бы за полночь“... Находясь въ это время на дворѣ, Б-чь замѣтилъ, что у лошадей его нѣтъ сѣна, и за это, тутъ же, набросился на своихъ спавшихъ уже слугъ. Одинъ изъ нихъ, проснувшись отъ ударовъ Б-ча, вскочилъ и убѣжалъ заворота. Тогда Б. послалъ мальчика за рейтаромъ, чтобы тотъ всталъ и шелъ бы искать бѣжавшаго. Около разбуженнаго рейтара лежалъ и „писарь“, который услыхавъ приказъ Б-ча, сталъ совѣтовать рейтару не ходить: „ты знаешь, сказалъ онъ Мизикову, жестокии обычаи его мосци: albo окальчитъ, albo до смерти

убьетъ!—Рейтаръ послушалъ „писаря“ и попросилъ мальчика сказать Б-чу, что онъ, рейтаръ, утомившись, крѣпко спитъ. Получивъ этотъ отвѣтъ, Б-чъ бросился къ рейтару и ударивъ его спящаго „дубиною“, закричалъ: „научу я тебе, скурвій сыне, слушать!“ И сталъ бить засимъ Б-чъ рейтара, пока не освободилъ послѣдняго хозяинъ корчмы.... Рейтаръ выбѣжалъ заворота, и сталъ ждать пока Б. успокоится.... Часа черезъ два онъ вернулся въ корчму, но Б., какъ будто его поджидалъ п., ч. сейчасъ позвалъ его въ свою комнату, гдѣ на столѣ уже лежали „флинта“ и „шабля“, вынутыя Б-чемъ изъ его „спальни дорожной“ (коляски). Увидѣвъ рейтара, Б. схватилъ „обнаженную шаблю“ и бросился на него, крича: „я тебе, жиде, скурвій сине, москалю, порубаю на кавалки!“ И засимъ Б., если не „порубалъ“ Мизикова, то опять сильно побилъ.... Тѣмъ же послѣдній доѣхалъ съ Б-чемъ до Варшавы, но вернувшись оттуда въ Кіевъ, подалъ митрополиту подробную жалобу на побои Б-ча, а митрополитъ жалобу эту передалъ на судъ консисторіи. Консисторія внимательно разобрала жалобу и допросивъ бывшихъ въ пути слугъ Б-ча, признала послѣдняго виновнымъ и приговорила на основаніи розд. 12, арт. 3 лит. стат., взыскать съ обидчика „6 рубл. грошей навязки“. Этотъ случай столкновенія бывшего игумена съ рейтаромъ—очень мелкій самъ по себѣ—хорошо рисуетъ Б-ча, который, какъ видно въ монахи вовсе не годился, что не помѣшало ему однакоже жъ быть однимъ изъ Г-скихъ игуменовъ....

Изъ той же *лѣтописи* видно, какія богатыя маетности нажилъ себѣ монастырь уже въ XVII в. Позже онъ прибрѣталъ только разныя „грунты“ и „млины“, для округленія старыхъ своихъ маетностей¹⁾. Всѣ эти имѣнія давали м-рю доходы конечно немалые, хотя монахи постоянно жаловались на крайнюю свою скудость, которая де позволяла имъ питаться только „вялою рыбкою“, а „свѣжую—они мало и видали“... Такъ

1) Въ книжкѣ архим. Нектарія перечислены эти отдѣльныя прибрѣтенія м-ря (за XVIII в.), отчасти пожертвованіями религіозныхъ людей, а отчасти—покупкою.

говорили сами Г—скіе монахи, когда получили въ 1738 г. приказъ Кіевскаго митрополита—отослать *пятнадцать рублей* въ Глуховъ, на содержаніе засѣдавшаго тамъ въ комиссіи „перевода правъ“ архимандрита Мигалевича. („Права“, Кистяковск., пред., 13). Получивъ этотъ приказъ, тогдашній игумень Леопольскій передалъ его на разрѣшеніе „соборныхъ старцевъ“, которые при этомъ и составили любопытный отвѣтъ. Описавъ подробно свою *скудость*, которая позволяла де братіи питаться лишь „вялою рыбкою“, п. ч. свѣжую они рѣдко и видятъ, „старцы“ просятъ игумена донести объ этомъ митрополиту и просить его, чтобы „денегъ 15-ти рублей отъ ихъ монастыря давать не повелѣно“...¹⁾ Въ этомъ характерномъ документѣ мо-

1) Приводимъ здѣсь полностью этотъ любопытный документъ. „Высоце и Богу превелебнѣйшему гиду его милости отцу Гавріилу Леопольскому, игумену монастыря Троецкого Густинского, покорнѣйшее доношеніе.

Всеповажимъ указомъ великаго гідна нашего ясне в Богу преосвященнѣйшаго киръ Рафаила Заборовскаго, архіепископа Кіевскаго, Галицкаго и Малія Россіи, зъ священнои духовнои архіепископії Кіевскои консисторіи, прошедшаго 1738 года, декабри 31 дня, вашею высокопревелебностію полученнѣмъ, повелено, дабы зъ монастыря Троецкого Густинскаго денегъ рублей пятьпадцять на прокормленіе архимандрита Софронія Мигалевича, началника Гамалѣвскаго. зъ его служителями, обрѣтающагося нынѣ в Глуховѣ, з общества при переводѣ и сводѣ книгъ правнихъ, дать и оніе денгы к ему, архимандриту Мигалевичу, отослать въ Глуховъ, которій всеповажнѣй его архипастырскои святинѣ з духовнои консисторіи указъ мы всенижайше слушали.—А понеже такихъ денегъ пятнадцати рублей *нѣ откуда взять*, ибо и сами нужду терпимъ, а что прежднихъ годовъ зъ ярмарковъ подъ м-ремъ Густинскимъ собирающихся, нѣкоторые приходцы до м-ра и были взимани, то и тѣи уже не отгелерь по указу в скарбъ войсковои доправляютъ. Такожъ намъ и самимъ не зацо для вседневнаго препитанія покупать, яко то: соли, олѣи, рыбы вялой (ибо свѣжой мало и видаемъ) для братіи и трудниковъ м-скихъ весьма нужда крайная состоитъ, а прежде сего бывало хочай бз скотини что продастся, и за тое до м-ра потребности самовужніе исправляются, а нынѣ и скотину, лошади и воли избрани, и (а) остатніе позаписывани. К тому

нахи между прочимъ говорятъ, что хотя съ монастырскихъ ярмарокъ они и получали „нѣкоторыя *приходы*“, но и тѣ де отбираетъ у нихъ войсковою скарбѣ. Здѣсь рѣчь идетъ, повидимому, о тѣхъ сборахъ, которые отданы были въ 30-хъ г.г. XVIII в. на откупъ (Кіевск. Стар. 1885 г., май, 9.), но разумѣется, что эти сборы сравнительно были незначительны, а ярмарочныхъ доходовъ м-ря никакъ нельзя было называть „приходами“, какъ это видно изъ свѣдѣній, представленныхъ самими монахами, въ 1765 г., Румянцовскимъ чиновникамъ, при описи своего м-ря. Говоря о доходахъ съ ярмарокъ, монахи писали, что у нихъ четыре раза бываетъ особый сборъ людей, а именно: въ са-

же м-рь нашъ Г-скій, яко то церкви Божіе, такожь келіи, в которыхъ пребываемъ, и прочее весьма обветшалое и требуетъ подчинки, въ чемъ не малая нужда настоять, а хочай и имѣются при м-ру вотчины, *однакъ в онихъ людей мало zostалось*, ибо въ государевнѣ службѣ повислани. Того ради, черезъ сіе наше всенижайшее доношевіе, покорнѣйше вашего преподобія просимъ: соблаговолѣте до архимандрита нашего с прошеніемъ писать, дабы такихъ денегъ рублей 15-ты з м-ра нашего помянутому архимандриту Мигалевичу давать не повелено, о семъ и вторично вашей висоце в Богу превелебности покорнѣйше просимъ. Вашей висоце в Богу превелебности всенижайшіе слуги: монастыря Густыяскаго намѣстникъ іеромонахъ Михаилъ Даниловъ. Іером. Θεодосій, духовникъ. Іером. Силуанъ. Іером. Мелетій. Іером. Тимофей, эконокъ. Іером. Варлаамъ, еклезіархъ. Іеродіаконъ Корнилій, шафаръ. За монаха Іоана, эконома дворецкого, неграмотного, по его прошенію, Григорій Афанасіевъ подписался». На эту просьбу Г-скихъ монаховъ отъ митрополита получемъ былъ только новый указъ—требуемыя деньги Мигалевичу отослать безъ замедленія. Указаніе монаховъ, что «скотина, лошади и волы выдраны (т. е. забраты), а остальные позаписованы», имѣетъ въ виду тогдашнее правительственное распоряженіе, по случаю войны съ Турціей,—«о высылкѣ изъ малороссійскихъ полковъ и друг., мѣстъ до 35000 паръ воловъ для арміи». (Опись выс. указ. и повелѣн., хранящ. въ сенатск. арх., Баранова, т. II, № 6451). Лошади въ эту войну тоже требовались съ обывателей, *по одной отъ 120 дворовъ*. Брали въ эту войну и «мужиковъ пѣшихъ». (Зап. Марк., II, 16 и 21).

момъ м-рѣ два раза, на Троицу и на Успеніе Б-цы, и въ Демановскомъ скитку—тоже два раза (с. 352), причѣмъ „пріѣзжающіе торговые люди, по позволенію, торгуютъ при тѣхъ сборахъ своими промыслами, и платятъ за то м-рю отъ тяжолога, воза по 4 коп. Кромѣ того, на этихъ ярмаркахъ м-рь получалъ доходъ еще: за продаваемыя свѣчи и ладанъ, отъ кошельковаго сбора и за постройку торговыхъ будокъ.“ Всего собиралось, по словамъ монаховъ, на этихъ ярмаркахъ—по 600 р. „а иногда поменьше“. Конечно, цифра 600 р. далеко не была преувеличена, а слѣд. ярмарочный доходъ у монастыря былъ немалый. Особенно большая ярмарка бывала въ м-рѣ на Троицу, въ престольный праздникъ главнаго м-скаго храма. Въ этотъ день народу собиралось въ Густыню многое множество, при чемъ наѣзжало сюда, на „храмъ“, много и окрестныхъ „пановъ“. Въ архивныхъ бумагахъ мы нашли свѣдѣнія о трехъ любопытныхъ ярмарочныхъ эпизодахъ въ Г-скомъ м-рѣ, случившихся въ срединѣ XVIII в.—Первый эпизодъ хотя прямо и не относится къ м-ской жизни, но рисуетъ картину троицкаго въ Густынѣ сборища людей, причѣмъ на фонѣ этой картины живо видѣляются тогдашніе большіе „паны“ въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. На Троицу собиралось въ м-рѣ, кромѣ простаго народа, много и окрестной старшины, большой и малой, причѣмъ она размѣщалась, съ своими экипажами и прислугою, въ монастырскомъ саду; здѣсь „паны“, ставили свои „наметы“, въ которыхъ и помѣщались. Такъ было на Троицу и въ 1734 г. На этотъ разъ пріѣхали на „храмъ“ въ м-рь, между прочими, полковница Елена Антоновна „Галаганша“ и жена б. тов. Степана Тарновскаго, Агафья Степановна. Обѣ эти „паніи“ занимали общественное положеніе далеко неравное. Полковница и по рангу мужа и по богатству, конечно, должна была первенствовать среди монастырскихъ гостей. Тарновская же, и по скромному чину мужа и по его довольно ограниченнымъ достаткамъ, стояла гораздо ниже. Но за то Тарновская была родовитая „пани“: это была дочь генер. есаула Бутовича, внука Черниговскаго полковника Якова Кондратьевича Лизогуба и тетка тогдашняго генер. обознаго Якова Ефимовича Лизогуба...

А полковница „Галаганша“, по происхожденію, была дочь Кіевскаго мѣщанина Тадрины, хотя человекѣка и замѣтнаго, но все же только мѣщанина; при этомъ, и первый мужъ ея былъ только Кіевскій бурмистръ. Значить, по родовитости Тарновская стояла цѣлою головою выше своей полковницы. А если къ этому прибавить, что Агафья Степановна по характеру видимо походила на свою энергическую сестру Ульяну¹⁾, то и получится въ результатѣ, что, встрѣтившись на пути съ Галаганшею, Тарновская—едва ли могла уступить ей дорогу.. Такъ оно и случилось въ Густынѣ, на Троицу, въ 1734 г., на виду у многочисленнаго народнаго сборища. Дѣло въ томъ, что какъ только кончилась въ этотъ день обѣдня, тогдашній игумень Леопольскій поспѣшилъ послать своего келейника къ полковницѣ—просить ее въ игуменскія кельи, конечно, на учту“. Случилось, что полковница стояла „своимъ обозомъ“ недалеко отъ такого же „обоза“ Тарновской. Кромѣ полковницы, конечно приглашены были игуменомъ и другія почетныя лица, но въ число ихъ Тарновская не попала: вѣроятно, игумень зналъ, что „Галаганша“ съ Тарновскою встрѣчаться не желала.. Приглашенная игуменомъ полковница и направилась къ его кельямъ, въ сопровожденіи цѣлой „компаніи“, тоже приглашенныхъ игуменомъ лицъ. Но при этомъ „компанія“ должна была проходить по дорогѣ—какъ разъ мимо „обоза“ Тарновской.. Последняя воспользовалась хорошимъ случаемъ публично сконфузить вельможную панию... Сдѣлать это было легко: стоило только поставить свою „колясу“ и лошадей на дорогѣ, по которой должна была идти „компанія“ съ полковницей во главѣ. Тарновская такъ и сдѣлала, какъ только замѣтила послѣднюю.—Увидѣвъ заставленную дорогу, игуменскій посланецъ приказалъ было служителямъ Тарновской—„дать дорогу“, но тѣ стояли на мѣстѣ, и—принуждена была „пани полковниковая съ компаніей“ обходить колясу Тарновской—„бурьяномъ и ямами“... На возвратномъ пути, когда полковница шла отъ игумена въ свой „наметъ“,

1) Жену Гадацкаго полковника Михаила Милорадовича. См. о ней Кіевск. Стар. 1882 г., мартъ, 485.

повторилась та же исторія: снова полковница должна была „обходить не только „колясу“ Тарновской, но „и ея служителей“. Несомнѣнно, жена полковника была сильно оскорблена и притомъ предъ толпою народа... На это оскорбленіе она жаловалась (вѣроятно Глуховскимъ властямъ); произведено было разслѣдованіе, при чемъ допрошены были и монахи. По ихъ показаніямъ нами и рассказанъ здѣсь этотъ эпизодъ, въ свое время бывшій предметомъ живѣйшихъ толковъ въ Прилуччинѣ, которая, не любя Галагановъ, радовалась, что ихъ спесь была нѣсколько припужена, и при томъ такъ „всенародно“¹⁾.

Рассказанный эпизодъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, о томъ многолюдствѣ, которое собиралось на Густынскія ярмарки. Народу собиралось такъ много, что для наблюденія за порядкомъ на ярмаркѣ назначался изъ монаховъ особый надзиратель, носившій названіе „базарнаго“.—Говоря выше объ источникахъ ярмарочныхъ доходовъ, монахи почему то не упоминаютъ о доходѣ отъ продажи водки. Дѣло въ томъ, что Г-скій м-рь еще у Самойловича выпросилъ запрещеніе торговли на своихъ ярмаркахъ „привозными горѣлками“, а поэтому на ярмаркахъ продавалась только монастырская водка. Однакожь этою водкою торговали „наѣзжіе люди“, которые при этомъ помѣщались въ „будкахъ“, нарочно для того монастыремъ приготавливавшихся. Торговали водкою въ этихъ будкахъ преимущественно Прилучкіе мѣщане, причемъ торгъ водкою былъ такъ выгоденъ, что имъ не брезгала и аристократія этого мѣщанства. Такъ, на троицкой ярмаркѣ 1757 г. торговали водкою—въ монастырскихъ „будкахъ“—жена и дочь Прилучкаго войта. По поводу ихъ и случился на этой ярмаркѣ характерный эпизодъ, рисующій отношеніе монаховъ

¹⁾ Интересно, что обстоятельства приведеннаго здѣсь случая сохранялись въ семейныхъ преданіяхъ Галагановъ и Тарновскихъ—до нашего времени: намъ не разъ приходилось слышать отъ покойнаго В. В. Тарновскаго († 1899 г.) этотъ рассказъ—какъ его прабабка «утерла носъ» полковницѣ „Галаганшѣ“... Случай, значить, былъ для того времени чрезвычайный, если память о немъ удержалась и черезъ 150 лѣтъ....

къ „ярмарковому“ народу. Дѣло началось съ того, что сидѣвшую въ одной изъ „будокъ“ „войтовну“ чѣмъ то обидѣла жена Прилуцкаго мѣщанина Тарасѣвича; та пожаловалась матери, мать—мужу-войту, а послѣдній *базарному* монаху Афанасію, который тутъ же распорядился обидчицу посадить въ „тюрьму“. Послѣ этого мужъ арестованной сталъ просить *базарнаго*—освободить его жену, указывая, что если жена его и обидѣла „войтовну“, то онѣ расудятся своимъ судомъ въ Прилуцкѣ. Но на эту просьбу „*базарный*“ отвѣчалъ такимъ ударомъ Тарасѣвича „въ щоку“, что тотъ „не устоялъ на ногахъ и повалился на землю“... А вслѣдъ затѣмъ „*базарный*“ приказалъ привести сюда и жену Тарасѣвича и тутъ же распорядился—„бить ее плетью нещадно“. Не удовлетворившись этимъ, „*базарный*“ приказалъ—„на одни издѣвки“—„положить мужа на женѣ“ и тоже „бить плетью безмилосердно“. Поруганный Тарасѣвичъ отправился въ Прилуцкую ратушу и просилъ прежде всего описать „боевые знаки“ на немъ и на женѣ, при чемъ у послѣдней оказалось „правой ноги стегно весьма побито и синюкриваво и опухло, колѣна оба повбиваны“ и проч. Съ этимъ „свидѣтельствомъ“ Тарасѣвичъ обратился къ Г-скому игумену (Митрофану Горленку), прося у него суда съ „*базарнымъ*“-обидчикомъ; но „оной Афанасій, не удовольясь тѣмъ увѣщаньемъ и безчестіемъ, за призывомъ его къ игумену, при намѣстнику тамошнему и друг. монахахъ, сталъ еще бранить Тарасѣвича „сучимъ сыномъ, шельмою и каналією“... Видя, что у игумена никакого суда добиться нельзя, Т-чъ обратился въ полковую к-рію, но послѣдняя могла только повторить у того же игумена свою просьбу „учинить Т-чу справедливость“, на что игумень отвѣчалъ, что такъ какъ онъ „того чинить не позволялъ, то и вступаться въ это дѣло не станетъ“. Послѣ этого Т-чъ поѣхалъ жаловаться въ Кіевъ, къ самому митрополиту, который жалобу его передалъ въ консисторію. Въ консисторіи такія дѣла не залеживались, если жалобщикъ былъ умѣль и щедръ. Въ к. января 1758 г. было предписано изъ Кіева Г-скому игумену произвести по жалобѣ Т-ча слѣдствіе, а въ апрѣлѣ получило отъ него, въ консисторіи, донесеніе, что „Прилуцк. мѣщанинъ Тарасѣвичъ и іеромонахъ Афанасій“,

„не входя въ бѣдшую контрoверсію, по любви христіанской и снисхожденію, примирились“....¹⁾

Еще болѣе разительный случай монашескаго самоуправія произошелъ въ Густынѣ, на успенской ярмаркѣ, въ 1763 г., съ рабочими Рясковской суконной фабрики (с. 319), которыхъ монахи не хотѣли пустить въ м-рь прежде, чѣмъ тѣ не заплатятъ „ярмарочныхъ взятковъ“. Дѣло въ томъ, что монахи уставляли разные съ наѣзжаго люда сборы, а въ томъ числѣ, повидимому, установили плату и за проѣздъ черезъ плотину въ м-рь, причемъ плата эта собиралась тутъ же на „греблѣ“, „учрежденнымъ на то карауломъ“. Рясковскіе рабочіе отъ взноса требуемой платы отказались конечно потому, что знали объ отмѣнѣ гетманомъ подобныхъ незаконныхъ сборовъ²⁾. Однакожъ монахи не уступали, а когда рабочіе хотѣли силою пройти въ м-рь, то началась свалка, которая кончилась тѣмъ, что монахи десять человекъ рабочихъ задержали и—пока—посадили въ свою монастырскую „тюрьму“. Понимая однакожъ, что къ крестьянамъ кн. Юсупова нужно относиться осторожниѣе, чѣмъ къ какимъ нибудь Прилуцкимъ мѣщанамъ, монахи въ тотъ же день извѣстили Рясковскую „контору“, требуя прибытія въ м-рь „правителя фабрики для разсмотрѣнія того гвалту, людьми его учиненнаго“. Управитель не замедлилъ прибыть въ м-рь, впрочемъ съ цѣлымъ отрядомъ, вооруженнымъ „списами желѣзными и дубьемъ нарочитымъ“. Такъ писали Г-скіе монахи 17-го августа въ Прилуцк. полк. к-рію, говоря далѣе, что „правитель фабрики“, сопровождаемый своими рабочими, началъ съ того, что „отломалъ брамніе ворота“, „поотбивалъ турми и людей своихъ выпустилъ“; а потомъ Рясковцы начали де безчеловѣчно бить монашествующихъ и мирскихъ послушниковъ смертнымъ боемъ, „на каковой гвалтъ какъ выбѣгъ съ келіи о. игумень, чтобъ тое усмирить, то и самого игумена били и голову до

¹⁾ Кіевск. Стар. 1899 г., апр., II, 12. (Изъ бумагъ Кіевск. дух. консист.).

²⁾ См., между прочимъ, универсалъ Разумовскаго 1751 г. по поводу неправильно требованной Максаковскимъ м-ремъ платы за перевозъ. Кіевск. Стар. 1901 г., февр., II, 74.

крови розбили, а послушниковъ четырехъ до смерти прибили, и таѣй гвалтъ и разбой учинили, что опасно изъ м-ря монастырскимъ людямъ и выйти".—Такимъ образомъ монахи показывали видъ какъ бы побѣжденныхъ, а въ дѣйствительности—они не только превозмогли въ свалкѣ съ Рясковцами, но успѣли еще захватить изъ нихъ нѣсколькихъ, которыхъ и посадили въ ту же свою тюрьму. Извѣщая объ этомъ арестѣ фабричныхъ полк. к-рію, монахи писали, что арестованныхъ конечно слѣдовало бы немедленно отослать въ Прилуку, но сдѣлать это имъ показалось „сумнительно, чтобъ на пути товарищи ихъ не отбили и дабы отъ оныхъ разбойниковъ не послѣдовало ночью нападенія, понеже слышно, что совѣтуютъ напасти на м-рь и отбить своихъ людей, которіе поймани въ ономъ гвалтъ“.... Поэтому монахи просили Прилуцкое начальство „для ихъ защищенія, безъ усвоенія прислать пристойную команду и опредѣлить кого для освидѣтельствованія на о. игумену и послушникахъ боевыхъ знаковъ“. Случившееся столкновение съ Рясковскими фабричными монахи описывали не полно и не точно. Точнѣе это столкновение описано въ гетманскомъ универсалѣ, который явился отвѣтомъ на жалобу Рясковской администраціи за насилія монаховъ. Въ этомъ универсалѣ гетманъ писалъ (Прилуцк. полк. к-рію): „Суконной Ряшковской фабрики директоръ Иванъ Деде поданіемъ намъ доношеніемъ представилъ: когда де съ фабричныхъ оной фабрики работниковъ и съ подданныхъ Ряшевскихъ нѣкоторое число отлучились въ Густынскій м-рь, ради исправленія своихъ надобностей, ибо де того числа въ ономъ м-рѣ ярмарокъ и великій зборъ бываетъ, то учрежденній на гребль отъ монастыря караулъ востребовалъ въ нихъ неподлежащихъ ярмарковихъ, указами отступенныхъ, взятковъ, и какъ оніе Ряшковскіе обиватели платитъ не похотѣли, то законники де, за тотъ неплатежъ, первѣе, немилостиво ихъ били, о якомъ де бои имѣется въ полк. Прилуцк. к-рію обдукція, и ограбили денегъ 25 рубл., свитокъ 5, шапокъ 23, лошадей 8, телегъ 5, биковъ приведенныхъ къ продажѣ 6; опосля жъ де, взявъ съ нихъ 10 человекъ, посадили въ тюрьму, а въ Ряшковскую контору прислали сообщеніе, показуя починенія якобы отъ оныхъ посаженныхъ въ тюрьму работниковъ, купечеству и другому народу, обиди и разоренія; и

какъ де потомъ Ряшковской фабрики директоръ поѣхалъ въ м-рѣ ради удовольствія обидимыхъ и освобожденія невинныхъ людей, коихъ началъ било и освобождать, то де законники пьяніе, заперши воротѣ, намѣревали безъ всякаго уваженія съ нимъ директоромъ поступить, по ихъ самоволству, безчеловѣчно; однакъ де онъ бѣжалъ, опасиваясь смертнаго убійства, а оніе де законники, разбросавъ находящійся отъ м-ря въ полторы версты, на р. Удаи, мостъ, дабы Ряшковскихъ жителей въ дома не выпустить, въ своихъ монашескихъ одѣяніяхъ и клобукахъ, пьяніе, бѣгая зъ болшими жертвами (жердями) по ярмарку, Ряшковскихъ обывателей и фабричныхъ работниковъ сискуючи, немилосердо били, и порознь отводили въ тюрьмы; и тѣхъ де за-братихъ оной игумень, забивши въ болшіе скрипицы, при своемъ писмѣ отправилъ въ полк. Прлцк. к-рію зъ жалобами, будто бы оніе разбили м-рѣ. А полковая де к-рія, безъ всякаго о томъ изслѣдованія, посадила онихъ въ острогъ, и хотя де отъ конторы Ряшковской фабрики управитель княгини Юсуповой Василей Щербачевъ съ прошеніемъ объ освобожденіи оныхъ работниковъ (обращался въ полк. к-рію?), беручи ихъ на свои поруки, съ тѣмъ, что за востребованіемъ будутъ представлены, но оніе де и по тому не отпущены, чрезъ якой де заборъ фабричныхъ работниковъ и людей Ряшковскихъ г-жѣ ихъ следуетъ обида и убитокъ. И просилъ объ отпуске тѣхъ содержащихся въ остроге работниковъ и людей Ряшковскихъ, за роспискою въ томъ, что оніе по востребованіи будутъ представлены, и о изслѣдованіи о дерзостныхъ Г-скихъ законниковъ поступкахъ нашего разсмотренія. Сего ради полк. Прлцк. к-ріи приказываетъ: оніе Ряшковской сук. фабрики работники и жителѣ Ряшковскіе—къ и почему забрати и содержатся при полк. Прлцк. к-ріи въ остроге? и найдена ль уже по следствію тѣхъ людей какова вина? прислать къ намъ репортъ въ самой скорости, а между тѣмъ буди объ нихъ въ той к-ріи какое имѣется кримѣнальное дѣло, по коему и содержатся, то оное по указамъ и правамъ рѣшить въ самой же скорости. Что жъ при томъ въ ономъ доношеніи упоминается, яко, во время того Г-свогo ярмонку, нѣкоторые въ монастырѣ взимаются збори, къ недопущенію де которыхъ отъ полк. Прл. к-ріи не наблюдается

и команди козачей, въ силѣ ордера нашего, для воздержанія при томъ ярмонке между народомъ случающихся дракъ и беспоконствъ, не опредѣляется, а сами *де монахи* изъ подданными своими—держатъ ночніе обходы, съ крайнимъ безстыдствомъ по шинкамъ, по шалашамъ и другимъ таковымъ мѣстамъ ходятъ, гдѣ всякое безчиніе дѣлается, и въ случае поимки кого на худихъ учинкахъ, сами монахи *судъ и расправу производятъ*, то подлѣно ль и для чего сіе отъ плк. Прл. к-ріи допущено, прислать же къ намъ репортъ, а въпредъ оной плк. к-ріи, во время тамошнего ярмонку, чинить добріе учрежденія, въ силѣ нашихъ ордеровъ, неотмѣно“. („1763 г., сент. 12 д. Батуричь“. Подпись гетмана ¹⁾).

Приведенный универсалъ Разумовскаго свидѣтельствуесть, что Густыняскіе монахи въ своихъ столкновеніяхъ съ окрестнымъ народомъ, „сами *судъ и расправу производили*.“ Монашеское самоуправіе проявлялось въ такихъ размѣрахъ, что для него потребовалось устройство въ м-рѣ даже „тюрьмы“... И это не былъ какой нибудь *карцеръ* для провинившихся монаховъ, а была настоящая тюрьма, въ которую можно было заключить не одинъ десятокъ напр. Рясковскихъ крестьянъ. Нѣтъ сомнѣнія, что самоуправное заключеніе монахами тѣхъ или другихъ лицъ изъ народа—въ *свою* тюрьму, производило на народъ то впечатлѣніе, которое заставляло его видѣть въ „законникахъ“ не „богомольцовъ“, а тѣхъ же „державцевъ“, которые, владѣя крестьянами, уже по одному этому рѣзко расходились съ народомъ въ своихъ интересахъ... Въ этомъ заключалась главная причина неприязни у народа къ тогдашнимъ монахамъ, которую мы видимъ и по отношенію къ Г-скому м-рю. Повидимому, неприязнь народа къ монахамъ началась съ тѣхъ поръ, какъ послѣдніе стали владѣть крестьянами... Въ этомъ отношеніи замѣчательный фактъ сохранила приведенная выше *актовая лѣтопись* м-ря, указывающая, что когда лѣтомъ 1648 г. первыя побѣды Хмельницкаго взволновали по Украинѣ народъ, то онъ бросившись уничтожать своихъ притѣснителей—„пановъ“, тутъ же заодно „*разработалъ*“ и Г-скій м-рь, причемъ „*черниовъ окрутне*

¹⁾ Съ подлинника наш. б-ки.

мордовавши, били, (а) иных и въ смерть убили". (с. 395). Несомнѣнно, что народъ въ этомъ случаѣ мстилъ монахамъ за то ихъ „державство“, тяготу котораго онъ одинаково терпѣлъ какъ отъ чужихъ, польскихъ „пановъ“, такъ и отъ этихъ своихъ монаховъ.—На этомъ мы и заканчиваемъ наши далеко не полныя свѣдѣнія о Густынскомъ м-рѣ, который владѣя къ к. XVIII в. болѣе чѣмъ *тремя тысячами крестьянъ*¹⁾, былъ однимъ изъ богатѣйшихъ монастырей въ южной Малороссіи.

Ладинскій покровскій монастырь основанъ одновременно съ Густынскимъ м-ремъ, тѣмъ же кн. Мих. Вишневецкимъ, причемъ этотъ м-рь сначала былъ мужскимъ и назывался *Подгорскимъ*. Тотъ же кн. Лыко отвелъ въ 1615 г. этому м-рю „грунтъ, такъ на робене хлѣба, яко и на сѣножати, также и на ставки и на млинъ належачій“, причемъ границы этого грунта были указаны слѣд. „отъ Подицъ идучи, отъ Погребцовъ, отъ р. Удая до дороги мѣской, отъ Подицъ дорогою до могилы Робленое, отъ могилы до вершины руды Боршное, оттуль до острова, котораго зовуть Березовымъ колкомъ (лѣскомъ), оттуль до Сокулки рѣчки, а Сокуллею рѣчкою до р. Удая, а Удаемъ знову до Погребцувъ, изъ островомъ, который противъ м ря, за Удаемъ рѣкою“. (Густынск. лѣтоп., 55). Въ 1619 г. даръ кн. М. В-аго былъ подтвержденъ его вдовою, при чемъ изъ этого акта видно, что Л-ій м-рь былъ уже женскимъ и что первою въ немъ игуменіей была сестра Исаи Копинскаго, *Александра*. Подтверждая Л-ому м-рю право на отведенный грунтъ, Раина В. дала м-рю и село Ладинъ. Интересно, что Л-скіе крестьяне тогда же обратились къ Исаи Копинскому съ просьбою опредѣлить ихъ отношенія къ м-рю, и Копинскій далъ имъ подробное и постановлене— „кто зъ нихъ и якую повинность на церковь Божию давати и чинити будетъ повиненъ“. (Густ. лѣт., 57). Изъ послѣдующей исторіи Л-го м-ря извѣстно, что въ 1638 г. Ладинскія монахини, съ своей игуменьей *Елисаветой Летинской*, бѣжали вслѣдъ за Густынцами (с. 390) въ Путивль, [въ числѣ 53-хъ „сестеръ“ и 16 человекъ „служекъ и пѣвцовъ“²⁾].

1) См. въ книжкѣ архим. Нектарія, стр. 81, подробный перечень монастырскихъ имѣній.

2) Статья К. Невоструева «О началѣ Кіево-Алатырскаго монастыря». Вѣсти Зап. Россіи за 1865/66 г., кн. 8, стр. 132.

Уходя изъ м-ря, Ладинскія монахини забрали съ собою 20 воевъ разнаго имущества, но оно на дорогѣ было у нихъ отнято поляками ¹⁾. Изъ Путивля Ладинскія монахини переведены были, въ сентябрѣ того же 1738 г., въ г. Алатырь, въ тамошній Никольскій дѣвичій м-рь, а прежнія монахини переведены были въ другое мѣсто; но, какъ видно, старыя монахини не хотѣли уступить новымъ, и игуменія Елисавета хлопотала постройку новаго, тамъ же, для себя м-ря, существующаго и понынѣ подъ названіемъ *Кіевскаго никольскаго новодѣвичьяго* ²⁾. Кто устроилъ Ладинскій м-рь послѣ его запустѣнія въ 1638 г.—неизвѣстно. Знаемъ только, что въ 1657 г. игуменей здѣсь была Серафима „Зебровска“. (Лѣтоп. Густ. м-ря, стр. 58). Изъ игуменій XVIII в. извѣстна *Александра Ивановна*, присланная сюда изъ Нѣжина въ 1743 г. ³⁾. Она управляла м-ремъ болѣе 20-лѣтъ, и построила въ 1763 г. каменную св. покровскую церковь, взамятъъ деревянной, сгорѣвшей въ 1735 г., при общемъ пожарѣ монастырскихъ зданій. (Лѣт. Густ. м-ря, 67 и слѣд.) Другихъ свѣдѣній о Ладинскомъ м-рѣ розыскать мы не могли, хотя вѣроятно ихъ немало есть, хотя бы въ архивѣ Кіевск. духовной консисторіи.

Итогъ населенія Прилуцкаго полка въ 1780 г. При описаніи селъ мы указывали численность въ нихъ только крестьянъ и козаковъ. Все остальное населеніе селъ, (правда, очень незначительное) нами опускалось или по недостатку этихъ цифръ въ ревизскихъ книгахъ или изъ опасенія приводить цифры неточныя ⁴⁾. Обстоятельную цифру всего населенія—въ каждой

¹⁾ Любопытная опись отнятаго у монахинъ имущества приведена почти полностью въ статьѣ Невоструева; изъ этой описи видно, что Ладинскій м-рь имѣлъ богатые сосуды, достаточно книгъ (въ числѣ ихъ: «книга Іоасафа царевича печатная, новая», «житія святыхъ, польскіе, печатные» (Patericon?) и друг. На половину почти книги были *писанныя*. Въ числѣ домашнихъ вещей въ описи показанъ «зыггарь мосажовый», т. е. мѣльные часы (zegar). (Невоструевъ почему то это слово перевелъ словомъ вертель).

²⁾ См. у Строева, «Списки іерарховъ и настоятел. м-рей», (Сиб. 1877), стр. 987.

³⁾ Ср. у Строева, стр. 930.

⁴⁾ Въ ревизской книгѣ за 1740 г., послѣ переписи посполитаго населенія, показывается отдѣльно «духовный чинъ» и мѣстная

населенной мѣстности—мы нашли только въ вѣдомости 1780 г., когда по распоряженію Румянцева собраны были—болѣе или менѣе вѣрныя—свѣдѣнія о населеніи, для раздѣленія бывшей гетманщины на намѣстничества. Вѣдомость эта особенно цѣнна въ томъ отношеніи, что въ ней приведенъ точный списокъ *хуторовъ*, съ показаніемъ въ послѣднихъ населенія по сословіямъ. Относительно возникновенія хуторовъ въ Прилуцкомъ полку слѣдуетъ замѣтить, что до полов. XVIII в. ихъ здѣсь почти не было, за исключеніемъ развѣ такихъ пустырей, какой представляла собою Гнилицкая степь (с. 193—196). Въ ревизской книгѣ 1740 г.—хуторовъ, за исключеніемъ Рудовскихъ, показано не болѣе десяти, а по вѣдом. 1780 г. ихъ значится уже болѣе *четырехсотъ*, причемъ въ хуторахъ показано: *козаковъ*: 60 дв., 130 х. и 16 бд. х.; *крестьянъ*: 143 дв., 164 х. и 713 бд. х., и *подсосѣдковъ* (коз. и кр.): 306 дв., 527 х. и 337 бд. х. Такимъ образомъ хуторское населеніе состояло главнымъ образомъ изъ крестьянъ и подсосѣдковъ, т. е. изъ элемента несвободнаго, изъ чего можно сдѣлать заключеніе, что хутора стали селиться тогда, когда державцы получили большую надъ крестьянами власть, съ помощью которой стали расселять ихъ и въ сель. Въ экономическомъ отношеніи хутора эти представляли значительныя выгоды, особенно для развитія скотоводства, и державцы поснѣшили ихъ заводить, какъ только къ тому представилась возможность.

Помѣщая засимъ таблицу населенія Прилуцкаго полка, составленную нами на основаніи вѣдомости 1780 г., мы должны объяснить, что въ графѣ „хаты“, мы выдѣлили *бездворныя хаты* изъ общаго ихъ количества съ цѣлю дать нѣкоторый матеріалъ для заключенія объ экономическомъ положеніи населенія, такъ какъ въ бездворныхъ хатахъ жило то населеніе, которое не имѣло своего хозяйства и зарабатывало хлѣбъ главнымъ образомъ „закономъ“. Въ цифрахъ приведенныхъ въ видѣ дроби, верхняя цифра обозначаетъ количество хатъ *въ дворахъ*, а нижняя—*бездворныя* хаты. Цифры хатъ, показанныя въ видѣ цѣлыхъ чиселъ, обозначаютъ хаты *въ дворахъ*.

сельская администрація, но безъ указанія числа *дворовъ и хатъ*, почему эти свѣдѣнія и не даютъ надлежащаго матеріала для опредѣленія численности населенія.

Населеніе полка въ 1780 г.	Дворяне и шляхетство.		Разочин-цы.	Духовен-ство.	Церковни-ки.	К О З А К И.		КРЕСТЬЯНЕ.		Подсѣлки коза-чьи и посполитсе.	
	Дворяне и шляхетство.	Разочин-цы.				Духовен-ство.	Церковни-ки.	Дворы.	Хаты.	Дворы.	Хаты.
1. Полковая (городъ 1, селъ 22, слободокъ 5 и деревень 8)	52	65	45	51	—	443	884—11	1735	2433—269	459	662—213
Хутора (97)	2	1	—	—	—	3	5—7	71	80—513	41	78—23
Всего . . .	54	66	45	51	—	446	889—18	1806	2513—782	500	740—236
2. Переволочанская (мѣст. 1, селъ 12, дер. 3).	4	24	26	22	—	454	963—17	583	789—8	138	200—77
Хутора (20)	—	—	—	—	—	2	8	—	—	4	10—6
Всего . . .	4	24	26	22	—	456	971—17	583	789—8	142	210—83
3. Монастырицкая (мѣст. 1, селъ 9, дер. 4).	10	20	14	17	—	201	384	612	899	109	197—24
Хутора (30)	1	—	—	—	—	2	9—8	—	0—66	4	9—49
Всего . . .	11	20	14	17	—	203	393—8	612	899—66	113	206—73
4. Ичонская (мѣст. 1, селъ 9, слоб. 1, дер. 1).	13	43	22	23	—	639	1110	976	1257	198	355—8
Хутора (40)	—	—	—	—	—	6	13	—	—	64	86—18
Всего . . .	13	43	22	23	—	645	1123	976	1257	262	441—26

Населеніе полка въ 1780 г.		Дворяне и шляхетство.	Разночин-цы.	Духовен-ство.	Церковныя.	К О З А К И.		КРЕСТЬЯНЕ.		Подсѣлки коза-чьи и посполитск.		
						Дворы.	Хаты.	Дворы.	Хаты.	Дворы.	Хаты.	
С О Т Н И.												
5. Красноколядинская (мѣст. 1, селъ 10, слоб. 2). Хутора (59)		16 1	29 —	18 —	26 —		415 11	998 36	634 22	901—87 28—131	112 7	202—133 1—84
Всего		17	29	18	26		426	1044	656	929—218	119	203—217
6. Голенская (селъ 10, слоб. 3, дерев. 2). Хутора (22)		6 —	23 —	16 —	19 —		331 3	822—8 5	847 50	1264—19 56—3	102 —	191—87 0—41
Всего		6	23	16	19		334	827—8	897	1320—22	102	191—128
7. Иваницкая (мѣст. 1, селъ 5) Хутора (17)		8 2	16 2	9 —	16 —		276 4	517 9	706 —	944 —	121 59	201—8 102—23
Всего		10	18	9	16		280	526	706	944	180	203—31
8. Сребрянская (мѣст. 1, селъ 8, дер. 1) Хутора (58)		22 —	26 —	20 —	16 —		429 23	809 37—1	1001 —	1387—6 —	85 57	132—36 101—27
Всего		22	26	20	16		452	846—1	1001	1387—6	142	233—63

Населеніе полка въ 1780 г.	К О З А К И.		КРЕСТЬЯНЕ.		Подсослѣди коза- чьи в нсполнитсѣ.	
	Дв ры.	Хаты.	Дворы.	Хаты.	Дворы.	Хаты.
СОТНИ						
9 Первая Варвинская (<i>мель 1, селъ 8, слоб. 1, дерв. 2</i>)	13	43	16	18	483	964
<i>Хутора (44)</i>	—	—	—	—	4	4
<i>Всего</i>	13	43	16	18	487	968
10 Вторая Варвинская (<i>селъ 9, дерев. 1</i>)	4	23	18	13	431	805
<i>Хутора (15)</i>	—	—	—	—	2	4
<i>Всего</i>	4	23	18	13	433	809
11 Журавская (мель 1, селъ 2, дер. 1)	10	34	6	9	299	638
<i>Хутора (2)</i>	—	—	—	—	—	—
<i>Всего</i>	10	34	6	9	299	638
Всего въ полку	164	349	210	230	4461	934-52
					73	91-18
					8392	11763-1150
					100	157-18
					1877	2963-969

Всего хатъ 23350—2171=25921

Примѣчаніе. Вслѣдствіе техническихъ затрудненій цифра въ графѣ хатъ, гдѣ есть бездворныя хаты, показана здѣсь не въ видѣ дроби, какъ сказано въ текстѣ, на стр. 416-й, а въ двухъ цифрахъ, раздѣленныхъ чертою, причежь первая цифра обозначаетъ количество хатъ въ дворахъ, а вторая — бездворныя хаты. Одинарная цифра хатъ — указываетъ хаты въ дворахъ.

Добавки и поправки. Стр. 2. Огрызки изъ Литовской метрики, о которыхъ говорится въ примѣч. 2, напечатаны въ *Чтеніяхъ въ Общ. Нестора. т. XIV.*

Стр. 29. Болѣе подробныя свѣдѣнія о происхожденіи Носа см. ниже, стр. 317 и 321.

Стр. 54. Болѣе подробныя свѣдѣнія о полковникѣ Ал. Якубовичѣ см. ниже, стр. 381.

Стр. 60. Изъ акта 1689 г. видно, что полк. судьей былъ не Тарасъ Кондратенко, а *Кондратъ Тарасовичъ* См. стр. 147.

Стр. 63. Ив. Шнурчевскій былъ писаремъ до 1775 г., а Иванъ Ягельницкій имѣлъ только *чинъ* полк. писаря, а на урядѣ полк. писарства вовсе не былъ.

Т. ж. Григорій Ивановичъ Себастьяновичъ имѣлъ одного сына Ивана, который въ 1731 г. писался бунч. товарищемъ и владѣлъ Гурбинцами. Повидимому, онъ умеръ бездѣтнымъ. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ Иваномъ Андреевичемъ С—чемъ, о которомъ говорится на стр. 357.

Стр. 66. Шнурчевскій оставался полк. писаремъ до 1775 г., когда былъ Румянцовымъ уволенъ по настоячивому о томъ ходатайству своего полковника Якубовича, который писалъ по этому поводу Румянцову слѣд.—, Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь. Не сочтите, в. с-во, чтобъ прозба моя о перемѣни писаря полкового Шнурчевского простиралась по какимъ моимъ к нему партикулярнымъ недоброхотствамъ, но единственно к защищенію всѣхъ тѣхъ отъ в. с-ва учрежденій, кои толко могутъ составлять въ полку доброй порядокъ, ибо сей старой ябедникъ разсверипивши, не толь дѣлаетъ во всѣхъ указныхъ дѣлахъ замишательство и вводитъ заразу въ полку, по древнему своему обыкновенію, то и въ интересахъ в. с-ва ¹⁾, по отлучкы моей въ Казанской походъ, держалъ отъ чрезвычайной своей необузданности дѣлать великіе препоны, в чемъ зсилаюсь на Ивана Яковлевича г. Селецкого. А о вишшенрописанномъ за несказанную

1) Т. е. въ дѣлахъ, касавшихся имѣній Румянцова, которыя были и въ Прилуцкомъ полку.

милость почту, когда, в. с-во, изволите приказать виизслѣдовать. И что застарѣлое въ необузданности состояніе его не подаетъ ни малѣйшей надежды къ исправленію его жизни когда либо, а тѣмъ болѣе крайняя неспособность къ дѣламъ, по его должности, служить единственно къ чувствительному безпокойству, то всѣ сіи резоны убѣдили меня искать високой милости отъ в. с-ва о избавленіи меня и полку моего отъ такова челоуѣка, которой всему обществу въ тягость. Всенижайше прошу в. с-ва перемѣнить его съ какимъ заблагоразсудитъ изволите чиномъ, толко удалить отъ писарской и всѣхъ полковихъ чиновъ должности, для возстановленія въ полку моемъ спокойства. А какъ сего податель хоружій полковій Галѣнковскій заслугами отца его в семь полку, и самымъ нимъ продолженными довольно, оправдаетъ свое достоинство къ награжденію, то повергая его въ високую в. с-ва милость, низайше прошу объ опредѣленіи его на то мѣсто полковимъ писаремъ, въ чемъ на високую в. с-ва милость полагаясь, зъ особливимъ високопочитаніемъ по жизнь мою пребуду в. с-ва, мил. государя, всенижайшимъ случаяю Александръ Якубовичъ“. („Ч. 4 февраля = 775 = году. Прилука“¹⁾).

1) Съ подлинника. Къ этому письму приложена еще и слѣд. «цедула»: «коль скоро получилъ повѣренность отъ Ивана Яковлевича (Селецкого) о дѣлахъ в. с-ва Парафѣевскихъ, то старался, сколько силъ моихъ, доказать мою услугу. Теперь еще смѣжние Буличовскимъ грунтамъ многие помѣщики и разночинци продають грунта, съ которыми кому приказано будетъ вступать въ торгъ, в. с-ва низайше прошу чрезъ сего подателя резолюціею.—Еще в. с-ва низайше прошу о исключеніи с полку писаря Шнурчевского, какъ по високой милости и обѣщать миѣ изволили». Эта цедула (т. е. особая, «доувѣрительная» записка) указываетъ, что Якубовичъ занимался частію дѣлами Румянцева. Онъ здѣсь говоритъ о покункѣ для Румянцева земель по сосѣдству съ с. Парафѣевскою (с. 232) и спрашиваетъ—кому Р-въ поручить эту покунку. Буличовскіе грунта (т. е. земли Иченскихъ «разночинцовъ» Буличей) какъ видно, были куплены для Румянцева передъ тѣмъ.—Не надѣясь на свое личное ходатайство объ увольненіи Шнурчевскаго и объ опредѣленіи вмѣсто его—Галенковскаго. Якубовичъ одновременно писалъ еще и къ П. Завальскому

Г. ж. Свѣдѣніе о Галенковскомъ должно быть закончено такъ: (послѣ словъ полк. хоружимъ)—а въ 1775 г. полков. писаремъ.

Г. ж. Въ списокъ полк. есауловъ долженъ быть включенъ *Степанъ Григорьевичъ Черныяскій, ок. 1700 г.*, на дочери котораго (вторымъ бракомъ) былъ женатъ Романъ Березинскій (см. стр. 181.)

Стр. 67. За Молчана ходатайствоваль (въ мартѣ 1709 г.) Меншиковъ. См. Матер. военно-учен. арх. главн. штаба, I, 572.

Стр. 73. При обзорѣи рѣкъ Прилудскаго полка слѣдуетъ имѣть въ виду: 1) статью Ник. Маркевича, „*Рѣки Полтавской губернии*“, напечатанную въ XI-й книгѣ *Записокъ Русск. Геогр. Общества* (стр. 337—461); здѣсь показаны рѣчки, названій которыхъ мы нигдѣ не встрѣчали, напр., *Бабуся* (у с. Мал. Дѣвицы), *Дубогрызовка* (у с. Ольшаной), *Борлова* (у с. Березовки) и друг. Ко всѣмъ этимъ названіямъ нужно относиться съ осторожностью.... 2) „*Описаніе рѣкъ Черниговскаго намѣстничества*“, составленное по приказанію императрицы Екатерины II. (Записки Черниг. Статист. Комитет., II), въ которомъ указаны нѣсколько мелкихъ рѣчекъ Удайскаго бассейна, у насъ не упомянутыхъ, какъ напр. рч. *Сухой Ярокъ*—притокъ рч. Линовицы.. При названіи рѣчекъ, послѣднія часто называются по имени тѣхъ селъ, около которыхъ онѣ текутъ; напр., рч. *Степановка* около с. *Степановки* (с. 210); видимо, что это названіе присвоено рѣчкѣ

вѣдывавшему въ это время канцеляріей Румянцова: «М. г. Петръ Васильевичъ Подагель сего хоружій полковій Галенковскій, бывшій въ Каванской экспедиціи и раненой, отправленъ отъ меня съ прозбою къ его с-ву о награжденіи его чиномъ полкового писаря въ полкъ Прилудскій, на мѣсто нынѣшняго Шнурчевскаго, которій, какъ мнѣ, такъ и всему полку, чрезъ свои невстовые дѣла, въ тягость.—Я почтая васъ, м. г-ря, искони моимъ милостивцемъ, осмѣливаюсь трудить всепокорнѣйшею моею прозбою о учиненіи ему, Галѣнковскому, въ полученіи милостивой резолюціи *многочестнаго вашего вспоможенія*, за что вѣчною моею благодарностію вамъ, м. г-рю, обязанъ буду, пребывая навсегда зъ должнымъ почтеніемъ вамъ, м. г-рю, всепокорнѣйшіа слуга Якубовичъ.» (1775 году, февраля 4 ч. Прилука.)»

вслѣдствіе ея безыменности. Но въ этомъ описаніи есть и цѣнныя указанія—о „вершинахъ“ нѣкоторыхъ рѣчекъ, (напр. Смоши, Лисогора и проч.), слѣды которыхъ теперь совершенно исчезли.

Стр. 85. О другихъ случаяхъ расположенія малорусскаго духовенства помогать Яну-Казимиру, при его походѣ на лѣвый берегъ Днѣпра, въ 1664 г., см. у *Эйнгорна*, „Сношенія малорос. духов. съ моск. правит. въ царств. Алексѣя Михайловича.“

Стр. 94. Опущенъ войтъ „*Васко Леновицкій*“, 1668 г., о котор. см. Акты Ю. и З. Р., VII, 16.

Стр. 99. По странной случайности мы упустили изъ виду цифру Прилудскаго населенія въ 1666 г., имѣющуюся въ „Переписныхъ книгахъ“. Всѣхъ „мѣщанъ“ въ 1666 г. показано 268 дв., т. е. менѣе половины того количества дворовъ посполитыхъ, которое показано въ 1713 г. (569.) Изъ числа 268 дв. выдѣлены: 1) „сапожники“—37 дв., 2) „кушнеры и портные“—49 и 3) „кузнецы“—17 д. Всѣхъ ремесленниковъ—103 д. Мельниковъ показано 16 дв., но мельницъ (водяныхъ) около Прилуки показано всего четыре: Федоры Ворончихи, Саввы Чорного, полковника Лазаря Горленка и Василя Галенка, отца будущ. полк. писаря (с. 64).

Стр. 112. Сотникъ Лукомскій былъ не Степанъ Степановичъ, а Степанъ Васильевичъ. Послѣ Андрея Гуленка сотникомъ былъ *Навель Гуленко*, подписавшійся на вѣдом. 1760 г.

Стр. 127—128. Свѣдѣнія о Бѣлецкихъ-Носенкахъ слѣдуетъ исправить такъ: „онъ (Бѣлецкій) умеръ рано, оставивъ сына Петра, который писался Носенкомъ, п. ч. уже и отецъ его Ив. Бѣлецкій, живя у отчима, усвоилъ себѣ прозвище послѣдняго. Вскорѣ Петръ сталъ виднымъ въ Прилуччинѣ чело-вѣкомъ“ и т. д. Такимъ образомъ въ этой поправкѣ слѣдуетъ исключить Федора Носенка, свѣдѣніе о которомъ внесено сюда ошибочно.

Стр. 133. Срываемыя „наметки“ съ женщинъ, *находящихся на полевыхъ работахъ*—можетъ возбудить сомнѣніе у тѣхъ, кто еще помнитъ этотъ старинный головной женскій уборъ, надѣвавшійся обыкновенно только въ праздники, да и то только при посѣщеніи церкви. Но недавно умершій С. Д. Носъ (+1900) свидѣтельствуетъ (Кіевск. Стар. 1901 г., янв., II, 1.) со словъ

стариковъ, что, „когда-то“ женщины носили наметки и въ будни. Это извѣстіе очень вѣроятно, такъ какъ „наметка“ несомнѣнно есть пережитокъ того времени, когда женщина должна была закрывать свое лицо...

Стр. 168. Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о поселеніи евреевъ въ лѣвобережной Малороссіи см. статью о евреяхъ И. М. Каманина, въ Чтен. въ общ. Нестора, V, 37—53.

Стр. 175. Уже въ 1781 г. въ *Радьковкѣ* была церковь, Вознесенія Г-ня, и при ней священникъ, Петръ Новосельскій. (Прилуцк. метрич. книги.)

Стр. 177. Кажется, *prochi* вѣрнѣе перевести словомъ *порохъ*. См. у Линде, *proch.*

Стр. 188. Упомятая объ остаткахъ этого *каменнаго моста*, Маркевичъ („Рѣки Полтавск. губ.“, стр. 375) относитъ постройку его къ новѣйшему времени...

Стр. 191. Народная память о *Держижкраѣ* сохранялась еще недавно. См. Маркевича „Рѣки Полт. губ.“, стр. 375.

Стр. 198. Въ с. Обичевѣ, въ 1781 г.,—церковь архистр. Михаила и при ней два священника: Иванъ Трофимовскій и Михаилъ Нелговскій.

Стр. 204. Въ Монастырищѣ, въ 1781 г., церкви: 1) архистр. Михаила и при ней свящ. Антонъ Соханскій и Михаилъ Демидовъ и 2) Рождества Б-цы и при ней свящ. Михаилъ Данилевскій.

Стр. 205. Какъ „мѣстечко“, имѣвшее и „фольваркъ“, Галица упоминается уже въ актѣ 1634 г. См. Кіевск. Стар. 1896 г., мартъ, 343.

Стр. 207. Въ с. Галицѣ, въ 1781 г., церковь Воскресенія Христова и свящ. Алексѣй Щербицкій.

Стр. 209. Въ с. Петровкѣ, въ 1781 г., церк. прор. Ильи и свящ. Григорій Сущкевичъ.

Стр. 210. Въ с. Сальномъ, въ 1781 г., церк. Андрея первозв. и свящ. Симеонъ Бодянскій (? въ рукоп. не ясно.)

Стр. 219. Въ ряду Стороженковъ—*Григорій, сотн. Ивашицкій*, 1716 г., (№ 3)—показалъ ошибочно, такъ какъ это былъ не Стороженко, а Волошинъ, о которомъ см. стр. 304.

Т. ж. Жену Михаила Стороженка (№ 10) звали Марфою.

Стр. 273. Замѣтки Андрея Полетики (примѣч.) напечатаны въ Киевск. Ст. 1901 г., июнь.

Стр. 280. Интересное преданіе, связывающее возникновеніе Гайворона съ извѣстнымъ полковникомъ Хмельницкаго Нечаемъ, см. *Земск. Сборн. Черниг. губ.*, 1901 г., августъ, 41.

Стр. 314. Послѣ отрѣшенія Волошина отъ сотничества, Бережовка не была у него отобрана, вслѣдствіе „особливаго гетманского (Скоропадскаго) респекта, ради сватовства (свойства?) зъ его (Волошина) домогъ“. Такъ значитъ въ „Генер. слѣдств. Прлцк. полка“.

Стр. 315. О находящемся около с. Городни—городищъ и его остаткахъ упоминаетъ и Маркевичъ. („Рѣки Полт. губ.“ стр. 369).

Стр. 354. Варвинскій сотникъ Патока вѣроятно былъ родственникомъ Захарія Петровича Патоки, „писаря изъ Лубенъ“, который былъ сосланъ въ 1721 г., въ Соловецкій м-рь. См. Киевск. Стар. 1882 г., сент., 405.

Стр. 373. Въ семейн. архивѣ Далагановъ (въ с. Сокиренцахъ) сохраняется слѣд. документъ объ Озерянахъ. „Р. 1723, дек. 10 дня. При бытности уряду нашего мѣскаго Варвинского, при мнѣ Марку Михайлову, сотнику наказному, Семену Бездѣпчомъ, атам. город., Варвинскими, ниже именованные люде таковое о селѣ Озерянахъ доброволне учинили сознати, ижъ помянутое село в давнихъ часовъ належало до сотнѣ Варвинской, такъ якъ и протчии села свободнии тугейшой сотнѣ, а въ подданствѣ оное нѣкому не било, кромѣ тилко за гетманства Ив. Самойловича—кревному его гетманскому, сотникови на тотъ часъ будущому Варвинскому, прозываемому Моренцеви (Еремѣю), на время надано било въ послушенство, и любо в томъ селѣ прежнихъ лѣтъ доволное било число посполитихъ людей, однакъ по неважъ зостаеъ осѣдлостію на пробитомъ шляху, то мало не всѣ люде, отъ тяжестѣ имъ дѣючойся, врознь поросходилися, и толко осталось било тамъ посполитихъ людей вусѣмъ чловѣка. В то время, чому уже отъ вишписанного року дѣтеся осмий годъ, досталося оное село Озеряне во владѣніе его м. п. Игн. Кгалагану... И когда зостало оное во владѣніи полковникомъ, од того времени чрезъ сие осмъ годъ, посходилися з разнихъ

полевоѣ в тоѣ село на житло нѣсколко человекѣ"... Очевидно, что этимъ свидѣтельствомъ Галаганъ хотѣлъ доказать, что большинство тогдашняго населенія с. Озерянъ поселено уже *имъ*, на своихъ „грунтахъ“. Это же свидѣтельство указываетъ, что большая часть 135-ти крест. двор., показанныхъ въ Озерянахъ по ревизіи 1729 г., заселено въ какіе нибудь *пять-шесть мѣтъ*, такъ какъ въ 1723 г. здѣсь было лишь „нѣсколко человекѣ“, что можетъ указывать самое большее десятка на два, на три—человекѣ.

Изъ этого же акта, между прочимъ, видимъ что сотникъ Еремѣй Моренецъ былъ „кревный“ (т. е. кровный родственникъ) гетм. Самойловича. Объ этомъ родствѣ намъ встрѣтились такія свѣдѣнія. Въ „Спискахъ дворянъ Н. Сѣверск. Намѣстн.“ 1788 г., (рукопись наш. б-ки) значится родъ *Яремовыхъ—Самойловичей*, причемъ родоначальникомъ его указанъ протопопъ „Тимофей, родной братъ гетм. Самойловича“. У Тимофея показанъ сынъ Яковъ, а у Якова—сынъ *Еремѣй сотникъ*. Сыномъ послѣдняго показанъ (въ 1788 г.) „Иванъ Яремѣевъ сынъ Яремовъ Самойловичъ“, 66 л., имѣвшій чинъ полк. писаря, а жительство въ г. Конотопѣ, въ „уѣздѣ“ котораго за нимъ было записано „по послѣдней ревизіи об. пола 120 душъ“. Въ спискахъ двор. Конотопск. уѣз. 1783 г., (въ книжкѣ „Списки Черниг. дворянъ 1783 г.“) никакихъ ни Яремовыхъ, ни Самойловичей однакожь не значится... Но тѣмъ не менѣе свѣдѣніе о „родномъ братѣ“ гетм. Самойловича—протопопѣ Тимофее—слѣдуетъ считать вѣрнымъ, такъ какъ основано оно видимо на семейномъ преданіи, которое едва ли могло ошибаться въ подобномъ фактѣ... Въ перечисленіи потомства „протопопа Тимофея“ видится какая то не точность, такъ какъ Иванъ, родившійся въ 1722 г., едва ли могъ быть сыномъ нашего „Яремы Моренца“ (с. 373).

Стр. 379. Въ спискѣ Журавскихъ сотниковъ неупомянуть сотникъ *Иванъ Кисель*, котораго называютъ этимъ чиномъ сыновья полк. обознаго Якова Киселя (с. 59) бунч. товар. Федоръ и Андрей, въ своемъ доказательствѣ дворянства (Дѣло Полт. двор. арх., № 624), говоря, что прадѣдъ ихъ Иванъ былъ сотникомъ Журавскимъ, дѣдъ Дмитрій—войск. товарищ., а отецъ Яковъ—полк. обознымъ. По этому указанію Ив. Кисель могъ быть сотникомъ въ в. XVII в.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Исторія Русскаго Искусства XVIII—XIX вв.

ВЪ ОЧЕРКАХЪ и КАРТИНАХЪ

(къ предстоящему 200-лѣтію Петербурга)

будетъ печататься въ теченіе 1901—1902 г.

въ иллюстрированномъ изданіи **Н. П. Собко.**

„ИСКУССТВО

и

Художественная Промышленность“

со снимками въ фотогравюрахъ и фототипіяхъ, частью въ краскахъ, съ замѣчательнѣйшихъ произведеній Русской школы изъ общественныхъ и частныхъ собраній Имперіи.

Подписная цѣна за 12 выпусковъ съ особыми приложеніями: безъ доставки 8 руб., съ доставкой и пересылкой 10 руб., за границу 12 руб.

1-й вып. выйдетъ въ ноябрѣ 1901 г.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ *Главномъ складѣ художественныхъ изданій Н. П. Собко (Почтамтская 13)*, въ книжн. магаз. *Віоле (М. Конюшенная, уг. Невскаго, 26/16)*; въ *Москвѣ*—у *Кнебеля (Петровскія линіи)*, въ *Кіевѣ*—у *Идзиковскаго (Крещатикъ)*, въ *Одессѣ*—у *Свистунова*, въ *Харьковѣ*—у *Петрова (Университетская горка)*, въ *Казани*—у *А. Дубровина (Гостин. дворъ)*, въ *Томскѣ*—у *Макушина*, въ *Варшавѣ*—у *Віоле (Сенаторская)*, въ *Юрьевѣ*—у *Карова*, въ *Парижѣ*—у *Boyveau et Chevillet (rue de la Banque)*, въ *Лейпцигѣ*—у *Hiersemann (Königsstrasse)*, въ *Берлинѣ*—у *Amsler u. Ruthardt (Behrensstrasse)*, въ *Вильнѣ*—у *Artaria (Kohemarkt)*.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

на 1902 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по научнымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертациі, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя въ Россіи и за границей; о книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорѣнью коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ө. Мищенко.*

VI ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

(политическая, научная, литературная и торгово-промышленная газета)

ВЫХОДЯЩАЯ ВЪ ОДЕССѢ

въ форматъ большихъ столичныхъ газетъ

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ ВЪ ТЕКСТѢ

(рисунки событій дня, портреты общественныхъ дѣятелей, художниковъ, виды мѣстностей и т. п.).

За пять лѣтъ существованія „Южное Обозрѣніе“ вполне выяснило свою идейную программу и заняло опредѣленное мѣсто въ ряду русскихъ газетъ.

Ставя на первомъ планѣ интересы трудящихся классовъ, мы всегда признавали, что всѣ отдѣльныя племенные и національныя группы, живущія въ Россіи, являются вполне равноправными членами одной великой культурной семьи.

По возможности въ каждомъ № „Южнаго Обозрѣнія“ помѣщается беллетристическое произведеніе (разсказъ, повѣсть, романъ) русскихъ или иностранныхъ авторовъ.

Подписная цѣна на газету „Южное Обозрѣніе“: въ Одессѣ съ дост. на домъ на годъ 6 р., на 6 мѣс.—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—1 р. 80 к., на 1 мѣс.—60 к. На города (съ пер.) на годъ 8 р., на 6 мѣс.—4 р., на 3 мѣс.—2 р., на 1 мѣс.—1 р.

Допускается разсрочка платежа.

Подписка принимается въ Одессѣ въ главной конторѣ газеты „Южное Обозрѣніе“, при типографіи Исаковичъ и Бейленсонъ, Гаванная ул., соб. домъ.

Редакторъ *Н. П. Цакни.*

Издатель *Г. М. Бейленсонъ.*

SLOVANSKY PŘEHLED

(Славянское Обозрѣніе).

ежемѣсячный всеславянскій журналъ

въ IV-омъ году изданія

будеть издаваться по прежней программѣ. Журналъ выходитъ книжками въ 3 и больше листовъ, въ первую пятницу каждаго мѣсяца (исключая августъ и сентябрь), заключающа въ себѣ статьи и корреспонденціи, касающіяся культурной жизни всѣхъ славянскихъ народовъ; сверхъ того будутъ печататься переводы стихотвореній славянскихъ поэтовъ на чешскомъ языкѣ, библиографическія извѣстія изъ всѣхъ славянскихъ литературъ, свѣдѣнія объ славянскомъ искусствѣ и пр.

Подписная цѣна для Россіи 3 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкою.

Подписка принимается въ конторѣ журнала „Slovansky Přehled“ въ Прагѣ чешской (адресъ: Nakladatelství F. Šimáček, Praha, Jerusalemská ul. 11).

Издатель Ф. Шимачекъ.

Редакторъ А. Черны.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 Г.
на газету

„КІЕВЛЯНИНЪ“

Литературная и политическая газета юго-западнаго края.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ.

(Годъ изданія 38-й).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой:	Безъ доставки и пересылки:
на 1 годъ 12 р. — к.	на 1 годъ 10 р. — к.
« 6 мѣс. 7 р. — к.	« 6 мѣс. 6 р. — к.
« 3 « 4 р. 50 к.	« 3 « 3 р. — к.
« 1 « 1 р. 50 к.	« 1 « 1 р. — к.

Годовые подписчики, желающіе воспользоваться разсрочкой, вносятъ къ 1-му января—5 руб., къ 1 му апрѣля—4 руб., къ 1-му іюля—3 р. Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1 числа каждаго мѣсяца, и не далѣе, какъ до конца года.

Подписка и объявленія принимаются въ Главной конторѣ: Караваевская (Шулявская) ул., 5, ежедневно отъ 10 до 8 ч., а также въ отдѣленіи конторы «Кіевлянина» (книжный магазинъ Н. Я. Оглоблина, въ Кіевѣ). Иногороднихъ просятъ адресоваться въ Главную Контору «Кіевлянина».

1—3

ОБЪ ИЗДАНИИ

К І Е В С К И Х Ъ

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1902 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ у верситетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстійхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
 2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
 3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
 4. Обзорнія преподаванія по полугодіямъ.
 5. Программы, конспекты и библиографическіе указатели для учащихся.
 6. Библиографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студенческой ея отдѣлъ.
 7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству в состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
 8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
 9. Годичные отчеты по Университету.
 10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
 11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаци.
 12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.
 13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полныя курсы преподавателей.
 14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
 15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.
- Указанныя статьи расиредряются на двѣ части—1) официальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неофициальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библиографическимъ*, посвященнымъ критическому обзорнью выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающей въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели бібліотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1902 году будетъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ.

Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки **шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ**, а съ пересылкой **семь рублей**. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб. сер.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещатику, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ В. Иконниковъ.

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

НОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

КОЛЛЕКЦИОНЕРЪ

предназначенный служитъ интересамъ собирателей всякаго рода коллекцій.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1. Иллюстрированный обзоръ новостей.
2. Статьи научнаго и пракческаго содержанія, имѣющія отношеніе къ предметамъ, составляющимъ объектъ коллектированія. Описаніе музеевъ, замѣчательныхъ коллекцій и т. п. (съ иллюстраціями).
3. Фельетонъ. Мелкія статьи, анекдоты, біографіи пзвѣстныхъ коллекціонеровъ.
4. Фальсификаціи и поддѣлки. Описаніе различнаго рода поддѣлокъ, съ цѣлью предостеречь коллекціонеровъ отъ обмана.
5. Библіографія. Обзоръ новыхъ книгъ и каталоговъ, предназначенныхъ для коллекціонеровъ.

6. Почтовый ящикъ. Вопросы подписчиковъ и отвѣты по нимъ редакціи.
7. Объявленія.
8. Приложенія. Различные каталоги и спеціальныя сочиненія, которыя редакція отъ времени до времени выдаетъ своимъ подписчикамъ въ видѣ бесплатнаго приложенія къ журналу.

Поставивъ себѣ задачей создать для русскихъ собирателей объединяющій ихъ органъ печати, настоятельная потребность въ которомъ чувствуется уже давно, редакція будетъ стремиться къ возможной разносторонности, отведеніемъ постоянныхъ отдѣловъ для всѣхъ наиболѣе важныхъ отраслей коллектированія.

Иллюстраціи статей будутъ отведено широкое мѣсто.

Въ спеціальныхъ объявленіяхъ будетъ дано мѣсто спросу и предложенію и организованъ удобный обмѣнъ объектовъ коллектированія между собирателями.

Въ портфель редакціи уже имѣется богатый запасъ матеріала. Въ ряду приложеній въ первую очередь намѣчены руководства по собиранію картинъ, фарфора, естественно-историческихъ коллекцій и т. д.

Журналъ будетъ выходить 2 раза въ мѣсяцъ.

Первый номеръ выйдетъ 1 декабря

Подписная цѣна въ годъ 2 р. 50 к. съ доставкой и пересылкою.

Съ требованіями обращаться въ г. Псковъ, въ контору журнала
«КОЛЛЕКЦИОНЕРЪ».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ.

В С ъ М ъ,

кто хочет слѣдить за многообразными проявленіями русской жизни и желаетъ знать своевременно всѣ русскія новости, но, за недостаткомъ времени, не имѣетъ возможности читать ежедневныя газеты, можно рекомендовать подписаться на

ЖИВОПИСНУЮ РОССИЮ

иллюстрированный еженедѣльный вѣстникъ отечественной, исторіи, культуры, государственной, общественной и экономической жизни

Россіи, издаваемый Товариществомъ М. О. Вольфъ, подъ редакціей
П. М. Ольхина,

Дѣйствительнаго Члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

„Живописная Россія“ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, изъ которыхъ каждый является, по своей программѣ и содержанію, самостоятельнымъ органомъ печати. Первый отдѣлъ, *богато и художественно иллюстрированный*, посвященъ отчизновѣднію въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. — Второй отдѣлъ — *«Временникъ живописной Россіи»* — является *серьезной еженедѣльной газетой*, имѣющей цѣлью дать интеллигентному читателю въ живомъ и исключительно фактическомъ изложеніи точное и правдивое изображеніе того, какъ живетъ Россія въ настоящемъ.

Оба отдѣла «Живописной Россіи», занимающіе, какъ по новизнѣ своей программы, такъ и по средствамъ ея достиженія, совершенно обособленное положеніе въ семьѣ русской печати, даютъ читателю возможность обогатить свои познанія необходимымъ для каждаго русскаго человѣка изученіемъ родины въ ея прошломъ и настоящемъ и слѣдить, съ небольшою затратой времени, за текущей государственной, общественной, экономической и умственной жизнью Россіи.

„ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ“ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Такимъ образомъ, каждый подписчикъ получить въ теченіе года:

52 №№ интереснаго иллюстрированнаго журнала и 52 №№ «Временника живописной Россіи».

Подписная цѣна «Живописной Россіи» на годъ съ доставкой и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи 5 р. За границу на годъ 8 рублей. Допускается разсрочка платежа, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 рублей; остальные же деньги могутъ высылаться черезъ каждые два мѣсяца по 1 рублю.

Совмѣстная подписная цѣна «Живописной Россіи» съ двухнедѣльными иллюстрированными журналами: „Новый Миръ“ со „Всемирной Лѣтописью“ на веленовой бумагѣ и «Мозаика», съ приложеніемъ «Картинойгалереи Императорскаго Эрмитажа», «Оружейной Палаты». 12 книжекъ ежемѣсячнаго журнала «Литературные Вечера» для семейнаго чтенія и 12 изящно переплетенныхъ книгъ «Библіотеки Русскихъ и Иностраныхъ Писателей», состоящей изъ собранія сочиненій В. Г. Бенедиктова въ 2 переплетенныхъ томахъ, собранія со-

чипеній Адама Мицкевича въ 4 переплетенныхъ томахъ и 6-ти (1—6) переплетенныхъ томовъ собранія сочиненій Д. И. Стахѣва, — съ дост. 14 рублей. — Тѣ-же изданія, но съ «Новымъ Мiромъ» и «Всемирной и перес. Лѣтописью» на слоновой бумагѣ (вмѣсто веленовой) — на годъ 18 р. — Допускается разсрочка: при подпискѣ не менѣе 2 р. и ежемѣсячно не менѣе 1 р. — до уплаты всей подписной суммы.

Отдѣльные №№ «Живописной Россіи» продаются по 15 к., съ перес. по 20 к. (можно почтовыми марками).

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ: С.-Петербургъ, Гостинный дворъ, 18, и Москва, Кузнецкій Мостъ, 12, а также во всѣхъ прочихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 л., д. 5—7.

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 Г.

(Третій годъ изданія) на

ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

Ежемѣсячный журналъ

Новой литературы и исторической науки.

Направленіе нашего изданія и его задачи въ достаточной степени выяснились за первые два года.

Полонивъ составъ нашей редакціи новыми выдающимися представителями современной мысли, мы расширяемъ нашу программу, вслѣдствіе чего нами будетъ *отведено значительное мѣсто*, на ряду съ исторіей, в *вопросамъ современности*.

Въ приложеніи мы дадимъ на будущій годъ «Исторію новой русской литературы», совершенно новое изслѣдованіе въ этой области М. Н. Мазаева, и будетъ продолжена изданіемъ: «Библиотека избранныхъ сочиненій по исторіи народовъ» — «Исторія Китая» проф. Роберта Дугласа и «Исторія Финляндіи» за новѣйшій періодъ этой страны Н. К. Ядрышева, а также «Сборникъ иностранныхъ историческихъ романовъ» — «Анджело Борджіа», историч. ром. извѣстн. нѣмецкаго писателя Мейера.

Въ журналѣ будутъ печататься беллетристическія произведенія Жеромскаго, Ожешко, К. Тетмайера, Якововскаго, Стриндберга, Югання Ахо, Гябриеля д'Аннунцио и мн. др.

Въ области искусства наше изданіе дастъ цѣлый рядъ статей по вопросамъ искусства П. Ге, и цѣлый рядъ снимковъ съ художественныхъ произведеній.

Съ декабря и января начнутся печатаніемъ романы изъ современной жизни: ставислава Пшибышевскаго—«Сыны земли» и «По новому» М. В. Головинскаго.

Первая книга за 1902 г. выйдетъ въ декабрѣ настоящаго года.

Подписная цѣна на годъ (съ декабря по декабрь) съ доставкой и пересылкой 6 р.; на полгода 3 р. и за границу 9 р.

Контора и редакція на Милліонной ул. д. 34. С.-Петербургъ.

Редакторъ-издатель С. Сухонинъ.

1—3

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на

ХУТОРЯНИНЪ,

ежегодное изданіе, посвященное интересамъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, промышленности и торговли.

Органъ Полтавскаго Общества сельскаго хозяйства.

на 1902 годъ.

ПРОГРАММА: 1) Правительственныя распоряженія и извѣстія. 2) Дѣятельность мѣстныхъ сельскохозйств. обществъ, ихъ отдѣловъ и отдѣленій. 3) Статьи по сельскому хозяйству, промышленности и торговлѣ, экономическія и техническія. 4) Хроника, сельскохозйственное обозрѣніе и корреспонденціи. 5) Сельскохозйственная и экономическая дѣятельность земскихъ учреждений. 6) Библиографія и обзоръ сельскохозйствен. и экономической литературы. 7) С.-х. фельетонъ. 8) Смѣсь и мелкія извѣстія. 9) Вопросы и отвѣты. 10) Торговья извѣстія. 11) Обозрѣнія и извѣстія о погодѣ. 12) Объявленія.

Задачи газеты: 1) Распространять въ общедоступной формѣ с.-х. знанія примѣнительно къ потребностямъ сельскихъ хозяевъ Полтавской и сосѣднихъ съ нею губерній. 2) Служить органомъ для взаимнаго общенія сельскихъ хозяевъ и с.-х. обществъ Полтавской губерніи. 3) Доставлять населенію своевременныя свѣдѣнія о главнѣйшихъ мѣропріятіяхъ и начинаніяхъ правительства, земствъ и с.-х. обществъ въ области народнаго хозяйства.

«Хуторянинъ» допущенъ въ безплатныя библіотеки-читальни и въ библіотеки сельско-хозяйств. учебн. заведений М. З. и Г. И.

Подписная цѣна: на годъ съ пересылкой—2 р., на полгода—1 р.

Плата за объявленія: за одну строку цетита въ концѣ текста 8 коп., впереди—вдвое.

Подписка принимается: въ г. Полтавѣ—въ конторѣ и редакціи «Хуторянина», при Обществѣ сельскаго хозяйства; 2) Въ С.-Петербургѣ—въ отд. конторы «Хуторянина» при с.-х. книжн. магазинѣ жур. «Деревня», уг. Б. Морской и Кириича. пер., д. 3—13; 3) Въ Кременчугѣ—въ Кременчугскомъ отдѣлѣ Полт. Общ. сельск. хоз. и Товариществѣ сельскихъ хозяевъ; 4) Въ г. Прилукахъ—при Обществѣ сельскихъ хозяевъ; 5) Во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Полтавской губ. при Земскихъ Управахъ; 6) въ г. Херсонѣ при Губернской Земской Управѣ и 7) Въ Кіевѣ—книж. магаз. «Кіевск. Старины» Беляковская, 14.

1-2

НА 1902 ГОДЪ (Ш-й ГОДЪ)

Открыта подписка на ежемѣсячный научно-литературный журналъ

КАВКАЗСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

«Кавказскій Вѣстникъ» даетъ ежегодно около 3,000 страницъ оригинальныхъ и переводныхъ статей съ арм., груз., татарск., арабск., и съ европ. яз.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для городскихъ подписчиковъ: на годъ 9 р.—на полгода 5 р.

Для иногороднихъ: на годъ 10 р.—на полгода 6 р.

Разсрочка допускается для учебныхъ заведеній и учащихся, подписывающихся непосредственно въ конторѣ журнала. Книжнымъ магазинамъ ком. ск. 10%.

Адресъ Редакціи и Конторы: Тифльсь, Тургеневская, 11. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, въ конторѣ журнала и въ отдѣленіи конторы: Тифльсь, Голов. пр. № 1. (Книжный магаз. Хаддекель).

Въ числѣ рукописей, имѣющихся въ Редакціи,

находятся слѣдующія:

«Пастыръ», повѣсть А. Казбека, съ груз.—«Со всѣхъ сторонъ», повѣсть Арбоели, съ груз.—«Честь», романъ Ширванзаде, съ арм.—

«Зѣница ока», О. Шапиръ.—«Стихотворенія» Ов. Туманьянца, съ арм.—«Дитя страданья», романъ Аларкона, събси.—«Мать и сынъ», драм. этюдъ кн. Ил. Г. Чапчавадзе, съ груз.—«Мемуары» кн. Андроникова (1811 г.).—«Максъ Мюллеръ», Бердяева.—«Воспоминанія» офицера генеральнаго штаба, С. Кишмишева.—«Обычное право у казаковъ», А. Передѣльскаго.—«Турецкій театр», Эр. Росси, съ итал.—«Вахтангъ VI и Петръ Великій», В. Романовскаго.—«Обычное семейное право у армянъ», Самуельяна.—«Вліяніе Византіи на грузинское законодательство», Н. Тавдгпридзе.—«Азіатская академія», проекты Кера в Гр. Уварова.—«Мемуары» Л. Исарлова.—«Матеріалы» для исторіи Эчміадзинскаго патріаршаго престола.—«Очерки по вѣрнопостному праву и вѣр. реформѣ въ Грузіи. А. Кишидзе.—«Григорій Нарекскій, этюдъ А. Чобаньяна.—«Елсаветпольская губернія», впечатлѣнія и воспоминанія, І. Сегаль.—Письма и записки нѣкоторыхъ кавказскихъ дѣятелей, а также Ренана, Монасана, В. Гюго, Шопенгауера и др.

Полный экземпляръ «Кавказскаго Вѣстника» за 1900 годъ можно получить въ конторѣ журнала за 11 р.; за 1901 г.—10 р.

Годовые подписчики получаютъ въ 1902 г. приложеніемъ къ «Кавказскому Вѣстнику» романъ М. С. Хатисовой «По новому пути».

Редакторъ-Издатель *В. Д. Коргановъ*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ“,

ВЪ 1902 ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой по городской почтѣ: на годъ 16 р., на 6 мѣс. 9 р., на 3 мѣс. 4 р. 50 к., на 1 м. 1 р. 80 к.—Съ казенными приб. на годъ 18 р., на 6 мѣс. 10 р.

Съ пересылкою иногородн.: на годъ 17 р., на 6 мѣс. 10 р., на 3 мѣс. 5 р. 50 к., на 1 мѣс. 2 р.—Съ казенными приб. на годъ 19 р., на 6 мѣс. 11 р.

За границу: на годъ 26 р., на 6 мѣс. 14 р., на 3 м. 8 р., на 1 мѣс. 3 р.—Съ казен. приб. на годъ 28 р., на 6 мѣс. 16 р.

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ черезъ гг. вазначеевъ (по особому съ ними соглашенію); для частныхъ же лицъ, обращающихся прямо въ контору редакціи: 7 руб. при подпискѣ, 5 руб. въ концѣ марта и 5 руб. 1 августа.

Для духовныхъ лицъ, воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, преподавателей народныхъ училищъ и всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а равно для общественныхъ библіотекъ и читаленъ подписная цѣна: 12 руб. въ годъ или по 1 руб. въ мѣсяцъ (исключительно черезъ контору „СНБ. Вѣдомостей“). Подписчикамъ, не внесшимъ въ срокъ подписныхъ денегъ, высылка газетъ прекращается.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, Швалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелле (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровская линія, № 61.

Иногородные адресуютъ: С. Петербургъ, Швалерная, 26.

Редакторъ-издатель князь Э. Э. Ухтомскій.

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1902 годъ

(5 - й годъ изданія)

на ежедневную научно-литературную, политическую и экономическую газету

Приднѣпровскій Край.

издаваемую въ г. Екатеринославѣ М. С. Конныловымъ подъ редакціей М. К. Левке при новомъ составѣ сотрудниковъ.

Новая редакція ставитъ своею задачею детальную разработку и наивозможно полное освѣщеніе вопросовъ, нуждъ и интересовъ мѣстнаго края при широкомъ въ то же время вниманіи къ современной русской и иностранной общественно-государственной жизни.

Въ газетѣ примутъ участіе: П. Алмазовъ (псевдонимъ), Е. М. Вабецкій, М. В. Барро, проф. О. Д. Ватюшковъ, В. В. Беренштамъ, В. В. Брусанинъ, Н. В. Быковъ, М. Варшавскій, А. Вергежскій (псевдонимъ), С. И. Гальперинъ, В. К. Гауэръ, Я. С. Гуровичъ, И. А. Данилинъ, Демянскій (псевдонимъ), К. И. Диксонъ, Е. I. Дмитріева, Н. П. Дружининъ, Е. С. Жолковъ, Е. А. Звягинцевъ, Н. Зенченко, Д. А. Каулавъ, В. В. Ковдратъевъ, П. А. Конскій, В. Я. Конышъ-Михайловъ, Н. С. Корвинъ-Круковскій, П. А. Корецкій, Н. И. Коробко, Е. П. Корчагина, М. А. Кроль, проф. В. Д. Кузьманъ-Каравьевъ, проф. В. В. Курыловъ, Н. Г. Кулябко-Корецкій, Д. А. Левинъ, Н. В. Левитскій, М. К. Лемке, проф. И. В. Лучицкій, Е. Н. Любичъ, Е. П. Лѣткова (псевдонимъ), В. Н. Малантовичъ, Ф. Мандрыкинъ (псевдонимъ), П. Г. Мижуревъ, В. Я. Муриновъ. Вс. И. Немировичъ-Данченко, М. И. Носалевичъ, А. Б. Петрищевъ, прив.-доц. В. Н. Перетцъ, К. М. Пономаревъ, М. Г. Пожуровскій, И. М. Радецкій, Д. А. Ребининъ, Г. Д. Рынцзювскій, П. А. Сергѣенко, В. Ю. Скалонъ, А. С. Скляръ, М. А. Славинскій, К. М. Ставюковичъ, В. А. Стамулъ (псевдонимъ), Стрѣла (псевдонимъ), Н. Д. Телешовъ, В. О. Тотоміандъ, Л. И. Фаяткинъ, А. О. Цеткинъ, Н. А. Шышло, Е. К. Щенетальникова и нѣкоторые другіе, кромѣ многихъ другихъ постоянныхъ корреспондентовъ изъ различныхъ пунктовъ Екатеринбургской и сосѣднихъ губерній.

Подписная цѣна понижается и теперь: на годъ для подписчиковъ г. Екатеринослава 8 руб., для иногороднихъ 10 руб.

Открыта подписка на 1902 годъ на журналъ

„Новый Міръ“

иллюстрированный двухнедѣльный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки искусства и прикладныхъ знаній.

За четырнадцать рублей въ 1902 г. каждый подписчикъ «Новаго Міра» получитъ съ доставкой и пересылкой: 24 №№ интереснаго, богато иллюстрированнаго литературно-художественнаго журнала «Новый Міръ» въ форматѣ лучшихъ наибольш. европейскихъ иллюстрацій, съ приложеніемъ.

24 №№ иллюстрированного двухдѣльнаго обзора текущей жизни—политической и общественной, п. н. «Всемирная Лѣтопись» — въ форматѣ «Новаго Мира».

№ 24 №№ особаго иллюстрированного журнала прикладныхъ знаній и новѣйшихъ изобрѣтеній, п. н. «Мозаика», вмѣщающаго въ себя 16 отдѣловъ, представляющихъ собою какъ бы 16 самостоятельныхъ журналовъ.

52 №№ еженедѣльнаго журнала «Живописная Россія», иллюстрированного вѣстника отчизновѣдѣнія, исторіи, культуры, государственной, общественной и экономической жизни Россіи, съ приложеніемъ.

52 №№ еженедѣльнаго обзора текущей русской жизни, п. н., «Временникъ живописной Россіи», представляющаго собою полную еженедѣльную газету.

12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированного журнала романовъ, повѣстей, разсказовъ, историческихъ очерковъ и пр. для семейнаго чтенія, п. н. «Литературные вечера».

Великолѣпныя бесплатныя преміи, состоящія изъ 12 изящно переплетенныхъ книгъ «Библиотеки русскихъ и иностранныхъ писателей», въ составъ которыхъ войдутъ 3 собранія сочиненій, а именно: Собраніе сочиненій В. Г. Бенедиктова въ 2 изящно перепл. том. Съ біогр. сост. Я. П. Полонскаго; собраніе сочиненій Адама Мицкевича въ 4 изящно перепл. том. Въ перев. русск. пис. подъ ред. П. Н. Полевого и 6 изящно переплетенныхъ томовъ (т. т. 1—6) сочиненій «Д. И. Стахѣва», автора извѣстныхъ романовъ «Духа не угашайте», «Горы золота», «Неугасающій свѣтъ» и мн. др. Все собр. соч. Стахѣва будетъ состоять изъ 12 томовъ, изъ которыхъ послѣдніе 6 будутъ выданы подписчикамъ 1903 года.

Кромѣ того, независимо отъ всѣхъ перечисленныхъ изданій, гг. подписчики «Новаго Мира» будутъ получать въ теченіе 1902 г. бесплатно два новыя художественныя изданія въ большомъ форматѣ p-folio, предпріятыя Товариществомъ М. О. Вольфъ: 1) Картинная Галлерей Императорскаго Эрмитажа 150—200 иллюстрацій съ объяснительнымъ текстомъ и 2) «Оружейная палата въ Москвѣ» 150—200 иллюстрацій съ объяснительнымъ текстомъ.

Годовая подписная цѣна «Новаго Мира» на веленовой бумагѣ, со всѣми объявленными приложеніями и бесплатными преміями съ доставкой и пересылкою въ Россію—14 р.

Съ пересылкой за границу—24 р.

Гг. подписчики, желающіе получать «Новый Миръ» на слоновой бумагѣ, уплачиваютъ за годовое изданіе журнала съ упомянутыми приложениями, вмѣсто 14—18 рублей; съ пересылкой за границу, вмѣсто 24 р.—28 рублем.

Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ не менѣе 2 р. и ежемѣсячно не менѣе 1 р., съ тѣмъ, чтобы вся подписная сумма была уплачена полностью не позже 1 декабря 1902 г. Гг. подписчикамъ съ разсрочкой одна изъ объявленныхъ премій (12 переплетенныхъ книгъ «Библиотеки Русскихъ и Иностранныхъ Писателей») будетъ выслана по уплатѣ послѣдняго взноса.

При высылкѣ денегъ почтовымъ переводомъ, покорнѣе просить обозначать на отрѣзномъ купонѣ послѣдняго (а не отдѣльнымъ письмомъ)—подробный и четкій адресъ, а также на что именно предназначаются высылаемые деньги.

Гг. подписчикамъ, уже имѣющимъ указанныя три собранія сочиненій (Бенедиктова, Мицкевича и Стахѣва), предоставляется получить, взаменъ ихъ, на выборъ: или 12 изящно переплетенныхъ томовъ собранія сочиненій М. Н. Загоскина, автора романовъ: «Юрій Милославскій», «Аскольдова Могила», «Врынскій лѣсъ» и др., или же 12 изящно переплетенныхъ томовъ собранія сочиненій Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, автора «Послѣднихъ дней земной жизни Спасителя», «Жизни св. ап. Павла», «Акаѳистовъ» и др. богословскихъ сочиненій.—О выборѣ премій редакція покорнѣе просить заявить по возможности, при самой подпискѣ.

Гг. подписчики, желающіе получить при «Новомъ Мирѣ» въ теченіе одного 1902 года, кромѣ 2 перепл. т. т. соч. Бенедиктова, 4 перепл. т. т. соч. Мицкевича и 6 перепл. т. т. соч. Стахѣва, также 12 перепл. т. т. Загоскина или же 12 перепл. т. т. соч. Иннокентія, доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ «Новаго Мира» за одно какое-либо собраніе (Загоскина или Иннокентія) 6 рублей, за оба (Загоскина и Иннокентія) 12 рублей.

Подписка на «Новый Миръ» принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ: въ С.-Петербургѣ, Гостинный Дворъ, 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, 12, а также во всѣхъ прочихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16-я линія д, 5—7.

1 15 КОП.
ТРИ МѢС.

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

1 15 КОП.
ТРИ МѢС.

Р. четыре иллюстрирован. журнала. **Р.**

Второе изданіе „Биржевыхъ Вѣдомостей” и

Самостоятельный въ своихъ сужденіяхъ, чуждый тенденціознаго извращенія фактовъ и безусловно независимый органъ печати. Ярko освѣщая всѣ явленія общественной жизни, имѣя огромную сѣть корреспондентовъ, эта газета при всей своей твердости и неуклонности, справедливая и безпристрастная уже много лѣтъ является, несомнѣнно,

наиболѣе полнымъ

ВЫРАЗИТЕЛЕМЪ НУЖДЪ ПРОВИНЦІИ

Главные отдѣлы газеты, а въ особенности передовой, политическій, съ театра военныхъ дѣйствій, столичной и провинціальной общественной жизни

СЪ ЕЖЕДНЕВНЫМИ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

телеграммъ корреспонденцій и пр.,— по своей полнотѣ и свѣжести совершенно отвѣчаютъ подобнымъ же отдѣламъ другихъ большихъ столичныхъ газетъ. Въ ней нѣтъ ненужныхъ, несвязанныхъ, случайныхъ замѣтокъ, а ихъ замѣняетъ

живое слово.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЕ ЖУРНАЛЫ

- 1) „Новая Иллюстрація”,
 - 2) „Огонекъ”
- и двухнедельные журналы
- 3) Здрaвіе семьи,
 - 4) Общедоступныя моды.

Въ предстоящемъ году будутъ напечатаны.

„Русская темень“ „Прерванный сонъ”,
большой большой
бытовой романъ бытовой романъ
Вас. Ив. Немировича-Дамченко. I. I. Ясинскаго.

„Петровскіе дни“, историческ. романъ въ двухъ частяхъ изъ эпохи Императрицы Екатерины Велик. **6** повѣстей и
гр. Е. А. Самсa. **6** разсказовъ

ПРЕМИРОВАННЫХЪ

на литературномъ конкурсѣ

и мн. др.

Главная контора „Биржевыхъ Вѣдомостей”: С.-Петербургъ, Мѣщанская, 25.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА второго изданія „Биржевыхъ Вѣдомостей”, вмѣстѣ съ журналами и съ пересылкою: на годъ 4 руб. 60 коп., на 6 мѣсяцевъ—2 руб. 30 коп., на три мѣсяца 1 руб. 15 коп., на 1 мѣсяць—40 к.

Почтовые и гербовыя марки въ уплату не принимаются.

Въ 1901 году болѣе 100,000 подписчиковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1902 годъ.

(33-й годъ изданія).

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ со многими приложеніямъ

„НИВА“.

Гг. подписчики «Нивы» получаютъ въ теченіе 1902 года:

52 №№ художественно-литературнаго жунала «Нива», заключающаго въ себѣ въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ.

Первые 12 томовъ полнаго собранія сочиненій Н. С. Лѣскова, отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ, съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ, составленнымъ Р. И. Семеновскимъ. Остальные томы сочиненій Лѣскова, значительно дополненные произведеніями, не вошедшими въ прежнія изданія или еще вовсе не напечатанными, подписчики получаютъ въ 1903 году. Въ первые 12 томовъ войдутъ романы: Соборяне.—Обойденные.—Островитяне.—Некуда. Разказы: Запечатлѣнный ангель.—Одному.—Кадетскій монастырь.—Русскій демократъ въ Польшѣ.—Инженеры-безсребренники.—Косой лѣвша.—Очарованный странникъ.—Шерамуръ.—На краю свѣта и мн. др.

12 томовъ полнаго собранія сочиненій В. А. Жуковскаго, расширеннаго формата, въ 2 столбца, отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ поэта. Въ эти 12 томовъ, которые будутъ изданы подъ редакціею знатока Жуковскаго, профессора А. С. Архангельскаго, —войдутъ лирическія стихотворенія, баллады, повѣсти въ стихахъ, сказки посланія, мелкія стихотворенія, прозаическія произведенія, дневникъ и письма: Людмила.—Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ.—Овсяный кисель.—Шильонскій узникъ.—Поликратовъ перстень.—Кубокъ.—Спящая царевна.—Война мышей и лягушекъ.—Сказка о царѣ Берендѣе.—Ночной смотръ.—Сельское кладбище.—Орлеанская дѣва.—Ундина.—Наль и Дамаянти.—Рустемъ и Зорабъ.—Одиссея и мн. друг., равно какъ и цѣлый рядъ еще невзданныхъ поэтическихъ произведеній знаменитаго писателя.

12 книгъ «Ежемѣсячныхъ литературныхъ приложений», содержащихъ романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя и критическія статьи и проч.—современныхъ авторовъ.

12 №№ «Парижскихъ модъ», выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ по фасонамъ лучшихъ мастеровъ.

12 листовъ руководѣльныхъ и вышивныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ естественную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

«Стѣнной календарь» на 1902 годъ, отпечатанный красками.

Подписная цѣна на годовое изданіе со всѣми приложениями: безъ доставки: 1) въ С.-Петербургѣ—5 р. 50 к., 2) въ Москвѣ въ конт. Н. Н. Печковской (Петровск. линія)—6 р. 25 к., 3) въ Одессѣ въ кн. маг. «Образованіе» (Ришельевск., № 12)—6 руб. 50 коп. Съ доставкой въ С.-Петербургѣ—6 р. 50 коп. Съ пересылкой во всѣ мѣстности Россіи 7 руб. За границу—10 руб.

Требованія просятъ адресовать: въ С.-Петербургѣ, въ Главную Контору журнала «Нива» (А. Ф. Марксу), Малая Морская, д. № 22.

1—2

Открыта подписка на 1902 годъ

(XX годъ изданія)

на ежедневную политическую, экономическую, и литературную газета

„ЮЖНАЯ РОССІЯ“

(бывш. „Южанинъ“).

Являясь выразителемъ интересовъ южной окраины Россіи, газета свое главное вниманіе обращаетъ на всестороннюю разработку экономическихъ и культурно-общественныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью избраннаго ею района.

Въ виду исключительныхъ условій, въ которыхъ находится сельское хозяйство на югѣ Россіи, газета отводитъ особое мѣсто статьямъ, освѣщающимъ различныя детали этой отрасли отечественной промышленности.

Редакція газеты направляетъ всѣ свои средства къ своевременному и возможно полному сообщенію читателямъ извѣстій о событіяхъ, останавливающихъ на себѣ въ данный моментъ вниманіе всего цивилизованнаго міра.

Газета издается по слѣдующей программѣ:

- 1) Оффиціальный отдѣлъ.
- 2) Руководящія статьи по экономическимъ, политическимъ земскимъ, сельско-хозяйственнымъ и юридическимъ вопросамъ.
- 3) Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и «Россійскаго Телеграфнаго Агентства».
- 4) Земскій отдѣлъ.
- 5) Провинціальная жизнь.
- 6) Хроника.
- 7) Наша печать.
- 8) Мѣстная хроника.
- 9) Письма въ редакцію.
- 10) Фельетоны общественные, научные, критическіе и литературные.

11) Театръ и музыка.

12) Наука, искусство и литература.

13) Судебная хроника.

14) Корреспонденціи.

15) Иностранныя извѣстія.

16) Заграничная жизнь.

17) Спортъ, смѣсь и шахматы.

18) Торговыя свѣдѣнія (по телеграфу и телефону).

19) Справочный листокъ.

20) Объявленія.

Форматъ газеты нѣсколько увеличенъ.

Условія подписки на газету «Южная Россія»:

Съ доставкой на домъ въ городъ и пересылк. иногородн. въ годъ 8 руб.

Безъ доставки и пересылки 7 руб.

За границу къ подписной иногородней платѣ прибавляется по 50 коп. въ мѣсяцъ. Подписка принимается только съ 1-го и 15-го чиселъ мѣсяца и не можетъ переходить черезъ январь 1903 г.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы, если объ этомъ будетъ заявлено при подпискѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: въ два срока: съ доставкою: къ 1-му января—4 р. 50 к. и къ 1-му мая—3 р. 50 к. безъ доставки: къ 1-му января—4 р. и къ 1-му мая—3 р.; въ три срока: съ доставк.: къ 1-му января—3 р., къ 1-му апрѣля—3 р. и къ 1-му іюня—2 р.; безъ доставки: къ 1-му января—3 р., къ 1-му апрѣля—2 р. и къ 1-му іюня—2 р.

Подписка принимается: въ г. Николаевѣ (Херс. губ.): въ конторѣ «Южной Россіи», уг. Соборной и Спасской и въ конторѣ объявленій Л. А. Каменера, уг. Спасской и Рождественской, д. Циглера.

Въ г. Кременчугѣ: у А. М. Михилевича, Большая-Мѣщанская, д. № 68 (противъ торговыхъ банъ Сандомирскаго).

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ въ конторахъ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К^о.

Редакторъ-издатель С. П. Юрицынъ.

1—3

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1902 годъ

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и рассказы; 4) Жизниопесанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе рассказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и рассказы иностраннныя, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполне обеспеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналь, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка д. № 145.

1—3

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА 75-го:

ОКТАБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ, 1901 г.

Книга первая — октябрь.

ОТДѢЛЪ I.

- † I. КЪ БИОГРАФІИ А. Н. МУРАВЬЕВА И ПИСЬМА ЕГО
КЪ ПРОТ. П. Г. ЛЕВЕДИНЦЕВУ. Сообщ. **Г. Г.** 1—17
- † II. П. А. КУЛИШЪ. Биографическій очеркъ. (*Окончаніе*).
В. Шенрока. 18—44
- † III. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО
ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. (*Продолженіе*). Ор. **Ле-**
вицкаго 45—76
- † IV. ГОРОДЯНКА. Повесть. **Л. Яновской.** (*Продолженіе*). 77—119
- † V. ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ КЛАДЪ ВЕЛИКО-КНЯЖЕСКОЙ
ЭПОХИ. **Н. Вѣляшевскаго.** 120—132
- † VI. КНЯЖА КРЫНЫЦЯ. Спены зъ XVII вѣку у 4-хъ дѣяхъ
и 7-мъ одмиахъ. **Ө. Пильченка.** 133—168

ОТДѢЛЪ II.

- † I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Изъ прошлаго
Полтавщины. Сообщ. **И. Фр. Павловскій**; б) Одинъ изъ
колоколовъ новгородсѣверскаго спасскаго монастыря; в)
Письмо А. И. Чены къ В. Г. Полетикѣ; г) Письмо гр. П.
А. Румянцова къ Г. Я. Макарову; д) Что значить слово
«гомель?»; е) Для исторіи компанейскихъ полковъ; ж) Ме-
лочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **Ал. Мёр-**

дѣръ; з) Къ исторіи старыхъ обычаевъ, братствъ и колядъ на Волини; и) По поводу рецензіи на книгу Б. Д. Гринченка «Литература украинскаго фольклора». (Письмо въ редакцію).	
В. Гринченка.	1—20
Текуція извѣстія	20—28
+II. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Земляки (достопамятные уроженцы Черниговской земли). Н. Шугурова ; б) Гр. Алексѣй Бобринскій. Курганы и случайныя археологическія находки близъ м. Смѣлы. Н. Б. ; в) Обзоръ журналовъ текущаго года; г) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.	29—52
Археологическая лѣтопись	53—64
+III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. Ал. Лазаревскаго. Листы 22-й и 23 й	337—368

Книга вторая — ноябрь.

ОТДѢЛЪ I-я.

+I. ПИСЬМА ПРОФ. УНИВ. СВ. ВЛАД. ПРОТ. Н. А. ФАВОРОВА КЪ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВУ.	169—199
+II. КНЯЖА КРЫНЫЦЯ. Спешы зъ XVII вѣку у 4-хъ дѣяхъ и 7-мы одминахъ. Ө. Пильченка (<i>Окончаніе</i>)	200—232
+III. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. (<i>Продолженіе</i>). Ор. Левицкаго.	233—255
+IV. ГОРОДЯНКА. Повесть. (<i>Продолженіе</i>). Л. Яновской.	256—302
+V. ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ВВЕДЕНІЮ ПОЛОЖЕНІЙ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. ВЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБ. (Къ 40-лѣтію со дня освобожденія крестьянъ). (<i>Окончаніе</i>). Ник. Василенка	303—327

ОТДѢЛЪ II-ой.

+I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. А. Мёрдѣръ ; б) Изъ прошлаго Полтавщины. Сообщ. И. Фр. Павловскій ; в) Къ исторіи Котельвы; г) Для исторіи переяславской буреы, при епископѣ Іовѣ Базилевичѣ. (1771 г.); д) Одинъ изъ борзенскихъ предводителей дворянства; е) Для исторіи церковнаго пригода	65—83
Текуція извѣстія	83—94

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Волинскій историко-археологическій сборникъ. Выпускъ II. Ор. Левицкаго; б) Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. Съ 1 окт. 1900 г. по 1 окт. 1901 г. III.; в) Корифей украинской сцены. В. Д.; г) Михновскій. Сатанинська помста. Драма въ 4 діяхъ. В. Д.; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; г) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.	95 — 135 138 — 152
+ III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Правучкій полкъ. Ал. Лазаревскаго. Листъ 24-й и 25-й	369 — 400

Книга третья—декабрь.

ОТДѢЛЪ I.

+ I. ДѢЛО О СУЕВѢРІИ СВЯЩЕННИКА (1805 г.). Прот. В. Липковскаго.	329 — 345
+ II. ПИСЬМА ПРОФ. УНИВ. СВ. ВЛАД. ПРОТ. Н. А. ФАВОРОВА КЪ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВУ.	346 — 374
+ III. ГОРОДЯНКА. Новость. (Окончаніе). Л. Яновской.	375 — 423
+ IV. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. (Окончаніе) Ор. Левицкаго.	424—471
+ V. О ПРОИСХОЖДЕНІИ СЛОВА «КАЦАНЪ» Н. М.	472—477
+ VI. НИКОЛАЙ ИЛЬИЧЪ СТОРОЖЕНКО.	477—484
+ VII. Н. В. ШУГУРОВЪ. Некрологъ.	485—490

ОТДѢЛЪ II.

+ I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Письмо Н. В. Шугурова А. Л.; б) Еще нѣсколько словъ о „парубоцкихъ громадахъ“ (атаманствахъ) г. Маякъ, Херсон. губ. II. П. П.; в) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. Ал. Мёрдеръ; г) Объ иллюстраціяхъ полтавской битвы. И. Фр. Павловскаго; д) Изъ прошлаго Полтавщины. Сообщ. И. Фр. Павловскій; е) Куда исчезъ домикъ въ Полтавѣ, въ которомъ Петръ Великій отдыхалъ послѣ Полтавской побѣды? Н. В.	153 — 172 172—178
---	----------------------

← П. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Древности, труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Н. В.; б) В. Русановъ: 1) Прихожа Сцена въ I діи и 2) Несподивана халепя. Драма въ II діяхъ. В. Д.; в) Матеріалы для исторіи экономическаго, юридическаго и общественнаго быта Старой Малороссіи, изд. подъ ред. Н. П. Василенка; г) Обзоръ журналовъ текущаго года; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ	179—192
Археологическая лѣтопись.	193—214
← Ш. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилудкій полкъ. Ал. Лазаревскаго. Листы 26-й и 27-й.	401—426